СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

АНТОЛОГИЯ
СВЯТООТЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ

2-е издание

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
И ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
2011

УДК 27-29
ББК 86.372-574
С 59

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

ИС10-10-0745

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том I

Агиология — Богопочитание

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
И ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
2011

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

История появления на свет «Сокровищницы духовной мудрости» издателям удалось узнать непосредственно от составителей сборника. В 1973 году над созданием книги начали работать протоиерей Михаил Нейгум (†2001) вместе со своим однокурсником Георгием Пономаревым (ныне архиепископ Венский и Будапештский Павел), а затем к ним присоединились иеромонах Ростислав (Оборотов) (†1982) и протоиерей Иоанн Киевский. Будучи студентами Московской Духовной Академии и Семинарии, они в течение семи лет делали выписки из творений святых отцов, пользуясь фондами академической библиотеки. Всего было выбрано более шестидесяти тысяч цитат. Это был кропотливый подвижнический труд: цитаты выписывались на карточки, затем систематизировались по разделам.

В 80-е годы собранный материал удалось подготовить в машинописном варианте, но в полном объеме антология до сих пор так и не была выпущена в свет. Сокращенный однотомный сборник, в котором цитаты расположены по дням богослужебного годичного круга, подготовленный протоиереем Михаилом Нейгумом, был издан в 2000 году издательствами «Русь» и Троице-Сергиевой Лавры.

В нынешнем издании читателю предлагается исправленный и выверенный по первоисточникам первоначальный вариант «Сокровищницы духовной мудрости».

Издание не имеет аналогов по богатству материала и удобству пользования и может послужить прекрасным пособием в первую очередь проповеднику, но думается, что и для любого человека станет книгой духовных советов. Желаем нашим читателям духовного преуспеяния и спасения души.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всякому земному сокровищу присуще исчезать, рассеиваться и гибнуть. Где богатства, некогда хранившиеся в сокровищницах египетских фараонов, персидских царей, римских и византийских императоров? Где сокровища Соломона, Креза и им подобных? Земные богатства — субстанция текучая, изменчивая, преходящая и тленная, как и земная красота. По словам святого Василия Великого, «свойство богатства — текучесть. Быстрее потока протекает оно мимо владеющих им и обыкновенно переменяет их одно за другим. Как река, стремящаяся с высоты, приближается к стоящим на берегу, но вдруг коснулась и в ту же минуту удалилась: так и выгоды богатства весьма быстро появляются и ускользают, имея обычай переходить от одного к другому. Это поле сегодня принадлежит одному, завтра будет принадлежать другому, а через несколько времени еще новому владельцу... И золото, постоянно утекая из рук владеющего им, переходит к другому, а от другого к третьему. Скорее можешь удержать воду, сжатую в руке, нежели надолго сохранить у себя богатство. Посему прекрасно сказано: богатство аще течет, не прилагайте сердца. Не пристращайся к нему душею своею, но извлекай из него пользу; не люби его чрез меру, и как одному из благ не дивись ему, но употребляй его в служение как орудие»[1].

[1] Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Ч. 1. М., 1991. С. 335—336.

Упование на земные богатства подобно желанию утолить жажду в знойный полдень соленой водой. И тем не менее значительная часть человечества упорно стремится утолить духовную жажду этой соленой водой, испытывая муки при каждом глотке, но теша себя безумной надеждой на то, что следующий глоток, может быть, принесет облегчение.

Редко осознаем мы, что Сам Господь претерпел позорнейшую и мучительнейшую смерть на Кресте, чтобы мы смогли осуществить такое предуготовление и достойными гражданами Горнего Иерусалима войти в Царство Небесное. А для этого Он и заповедовал нам: *Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут. Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше* (Мф. 6, 19—21). И среди этих небесных сокровищ, которые, по заповеди Господней, мы должны собирать, одними из наиболее ценных являются сокровища святоотеческой мудрости.

Священное Писание и творения святых отцов являются основой всего православного миросозерцания и всего православного жития. Как сказал некогда преосвященный Филарет (Гумилевский): «Церковь Христова есть царство истины и святости, основанное Христом Господом и силою Святаго Духа, действующего чрез избранных своих, всегда живое в членах своих... а высокая честь быть избранными орудиями Духа Божия предоставлена отцам Церкви»[1]. Поэтому в сочинениях святых отцов обретается если не все, то, по крайней мере, многое из того, что жизненно необходимо для каждого православного человека. Не случайно святитель Игнатий писал: «Учение святых Отцов Восточной Церк-

[1] *Архиепископ Филарет (Гумилевский).* Историческое учение об отцах Церкви. Т. 1. М., 1996. С. 4.

ви — верно: оно — учение Святаго Духа. Умоляю вас: держитесь этого учения! Оно будет руководить вас к блаженной вечности»[1]. В них встречаются и возвышеннейшие полеты преисполненной благодати богословской мысли, воспаряющие к самым вершинам Боговедения, и глубокие нравственные назидания, позволяющие нам ориентироваться в сложных перипетиях земного жития, и руководственные начала для той духовной брани, которая неотделима от этого земного жития.

Святые отцы жили и творили в самые различные эпохи и в самых различных странах. От святого Игнатия Богоносца, который жил в I — начале II в. в Сирии и которого, по Преданию, еще малюткой держал на руках Сам Господь, до святителя Игнатия Брянчанинова, почти нашего современника, протекло два тысячелетия, сменилось много поколений, но, читая творения этих двух святых отцов, забываешь о времени — они кажутся написанными людьми одной эпохи. Изысканный эллин по рождению и воспитанию, святитель Григорий Богослов должен был бы, если мыслить только в категориях земного бытия, отделен непроходимой пропастью от почти незнакомого с эллинской культурой и языком копта преподобного Антония Великого или сирийца аввы Исаака Сирина. Однако, одинаково водимые здесь, на земле, Духом Святым и сподобившиеся после своей блаженной кончины быть гражданами Небесного Иерусалима и причисленными «к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах» (Евр. 12, 23), они все являются как бы современниками. Более того, они суть наши современники, и довольно часто куда более близки нам, чем те, которые живут с нами в одном и том же «хронологическом разрезе», но которые по духу столь далеки от нас, сколь далеки были, например, от преподобного Макария Египетского, подвизающегося в Скиту, александрийцы

[1] Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 4. СПб., 1886. С. 507.

IV в., заполняющие ипподромы, проводящие жизнь в пирах и пустых утехах и поклоняющиеся языческим богам. Будучи как бы нашими современниками, святые отцы выводят нас из круговорота суетного времени и делают причастниками того времени, которое нераздельно сопряжено с вечностью, устремлено к ней и увенчивается ею. Если наша греховная и немощная мысль удостаивается хоть чуть-чуть соприкоснуться с мыслью святоотеческой, то радость обретения и смысла человеческой жизни, и смысла всего бытия своим осиянием наполняет душу. Тогда ***имамы сокровище сие в скудельных сосудех*** (2 Кор. 4, 7), и это для того, чтобы «в действовании нашем ничего нашего не было видно, чтобы ничто наше не бросалось в глаза, а все было относимо к силе Божией»[1].

Великую силу имеет святоотеческое слово. Святитель Игнатий (Брянчанинов) отмечал, что все писания святых отцов составлены по внушению или под влиянием Святаго Духа и что руководствующийся ими, без сомнения, имеет руководителем Святаго Духа. «Усвой себе мысли и дух святых отцов чтением их писаний... Как единомысленный и единодушный святым отцам, ты спасешься»[2], — писал он.

«...Чтение отеческих писаний окружает дух стеною, очищает совесть, изгоняет низкие страсти, насаждает добродетель, делает помысл возвышенным, не допускает погружаться в неожиданные обстоятельства, ставит выше диавольских стрел, переселяет на самое небо, освобождает душу от уз тела, дает легкие крылья и все хорошее, что кто бы ни назвал, поселяет в душе слушателей»[3], — утверждает святитель Иоанн Златоуст.

---

[1] Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Толкование Посланий Апостола Павла. Второе Послание к Коринфянам. М., 1998. С. 143.

[2] Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 1. СПб., 1905. С. 112—113.

[3] Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 12: Рус. пер. СПб., 1906. С. 310.

Жизнь по учению святых отцов открывает для нас путь к смирению, которое вместе со страхом Господним есть «начало премудрости» (Пс. 110, 10). Это смирение, в том числе — и смирение ума, не только просвещает нашу душу и тело, но и созидает постепенно в нас тот «верующий разум». Он был присущ всем отцам Церкви, которые и должны здесь быть нашими ориентирами. А поэтому, «проникнувшись искренне и глубоко духом церковным, воспринявши его в благодатных дарах, живущих в Церкви: в молитве, в богослужении, в таинствах, в вероучении и в жизневоплощении всей этой совокупности церковного сознания и ощущения, станем вполне способными к правильному восприятию и усвоению и той глубокой мудрости, которой полны святоотеческие творения»[1].

Сидоров А. И.,
профессор Московской Духовной Академии,
доктор церковной истории

[1] *Кожевников В. А.* Мысли об изучении святоотеческих творений//Творения священномученика Киприана, епископа Карфагенского. М., 1999, С. 695—696.

ВВЕДЕНИЕ

...Как пчелы приготовляют свои соты из многих и различных веществ, но придают им один вкус, так и мы будем пользоваться и медом отцов, собранным в различное время, но содержащим одну и ту же благодать и одно духовное учение (свт. Иоанн Златоуст, 50, 844)[1].

***

Если на случайную дорогу, не изведанную делом, едва ли кто решится вступить без верного проводника, если в море никто не пустится без искусного кормчего, если за какую-нибудь науку или искусство никто не возьмется без знающего дела учителя, — то кто дерзнет приступить к изучению делом искусства искусств и науки наук, вступить на таинственную стезю, ведущую к Богу, и пуститься в беспредельное море... Поистине таковый, кто бы он ни был, прельщает себя, и прежде вступления на путь уже заблудился, как незаконно подвизающийся: как напротив, и шага не сделав, достиг конца тот, кто подчиняет себя отеческим уставам. Ибо откуда иначе имеем мы узнать, как ополчиться против плоти или как вооружиться против страстей и бесов? Как без них <отцов> научимся отличать доброе от недоброго, когда к добродетелям прицепляются

[1] Здесь и далее первая цифра обозначает номер книги в списке творений святых отцов (см. раздел «Источники»), а вторая цифра — номер страницы в книге. — *Прим. ред.*

худые страсти и всегда стоят некако при дверях их? Как без них умудримся обуздывать чувства телесные и, как струны на гуслях, согласно настраивать силы душевные? Особенно же как без них можно будет нам различать гласы, откровения, внушения, видения божественные и козни, прелести и призраки бесовские? Одним словом, как сподобимся достигнуть единения с Богом и научимся богодейственным священнодействиям и таинствам без посвящения в них тайноводителем истинным и просвещенным (патр. Каллист и ин. Игнатий, 89, 349).

***

Внимай же всякий чтению, потому что словеса святых суть словеса Божии, а не человеческие; влагай их в сердце и блюди добре, потому что словеса Божии суть словеса жизни, и тот, кто имеет их в себе и хранит, имеет живот вечный (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 283).

***

<Одни святые> отцы с намерением писали просто, соображаясь со временем и людьми, к которым писали... <Другие писали высоко>, ибо ежели бы все писали просто, то никто из высоких (ученых) не получил бы пользы, и считал бы написанное за ничто по простоте слова; но также и из простых никто не получил бы пользы, если бы все писали высоко, потому что не понимал бы силы сказанного (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 109—111).

***

Господь наш в Священных книгах раскрыл жизнь (святых), чтобы не только, слушая в них, мы похваляли, но

чтобы и поревновали подражать их жизни (свт. Иоанн Златоуст, 50, 348).

***

...Мы хотим предостеречь читателя как этих собеседований, так и прежних писаний, чтобы, если по качеству своего состояния и намерения или по общему житию, может быть, что-нибудь в них почтет невозможным и суровым, судил бы о них не по мерке своей способности, а по достоинству и совершенству говорящих, прежде понял их ревность и намерение, по которому они, истинно умерши для этой мирской жизни, не связывались никаким пристрастием к плотским родителям, никакими узами мирских дел. Потом должны обратить внимание и на качество тех мест, в которых они пребывали, потому что, находясь в обширнейшей пустыне, отделившись от сообщения со всеми смертными и через это получив просвещение чувств, они созерцают и высказывают то, что неопытным и неученым покажется, может быть, невозможным. Впрочем, если кто захочет произнести истинное мнение об этом, может ли быть исполнено, пусть пожелает испытать на деле, поспешит прежде предпринять их намерение с подобным усердием и образом жизни и тогда наконец поймет, что то, что казалось выше способности человека, не только возможно, но и весьма приятно (прп. Иоанн Кассиан, 57, 166).

***

...Бывает, что сегодня тот же (святой) о том же деле говорит одно, а завтра другое, и это не есть разногла-

сие, если только слушатель имеет ведение или опытность. И опять один говорит одно, а другой другое о том же самом изречении Писания Божественного, ибо часто и то и другое внушила Божественная благодать сообразно с временем и состоянием людей (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 107).

***

Святые, если говорят о естественной вещи, то по рассмотрению, т. е. по ведению естественному, от видения существующих творений, происходящего вследствие чистоты ума, говорят с полнейшей точностью о намерении Божием и испытывают Писания (Ин. 5, 39)... Когда же превыше естества представляется чувственная или умственная вещь, или написанное изречение, то святые познают его по прозрению или по откровению, если дается им ведение о сем от Святаго Духа. Если же и не дается, но для пользы остается им это неоткрытым, то они не стыдятся сказать истину и сознаться в человеческой немощи, говоря: не знаю, Бог ведает... (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 108).

***

...Беседа и знакомство со святыми сообщает святость (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 112).

***

Писания отцов соединяются все в Евангелии; все клонятся к тому, чтоб научить нас точному исполнению заповеданий Господа нашего Иисуса Христа; всех их и ис-

точник и конец — святое Евангелие (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 113).

***

Чтение писаний отеческих — родитель и царь всех добродетелей (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 113).

***

Чтение отеческих писаний, по умалении духоносных наставников, сделалось главным руководителем для желающих спастись и даже достигнуть христианского совершенства (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 113).

***

...Книги святых отцов подобны богатому собранию врачебных средств: в нем душа может приискать для каждого из своих недугов спасительное врачевство (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 113).

***

Книги святых отцов... подобны зеркалу: смотрясь в них внимательно и часто, душа может увидеть все свои недостатки (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 113).

***

Каждый избери себе чтение отцов, соответствующее своему образу жизни... Каждый, в каком бы звании ни был, почерпай обильное наставление в писаниях отцов (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 114).

***

В чтении отеческих писаний нужно наблюсти постепенность, и никак не читать их поспешно (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 51).

***

...Если мы действительно хотим самим делом достигнуть истинного совершенства добродетелей, то должны вверяться тем учителям и руководителям, которые не суесловным рассуждением бредят о нем, но делом и опытом понимая, могут и нас научить, направить к нему и верно указать и путь к достижению его, и которые свидетельствовали, что они достигли его больше верою, нежели заслугами трудов. Приобретенная ими чистота сердца доставляла им ту особенно пользу, что сознавали, что они более и более удручаются грехами. Потому сокрушение о грехах столько каждый день умножалось в них, сколько чистота сердца усовершалась; и они непрестанно от искреннего сердца воздыхали, потому что сознавали, что они никак не могут избежать нечистоты и срама грехов, которые запятнали их через многоразличные помыслы. И потому объявляли, что они надеются получить награды в будущей жизни не по заслугам трудов, а по милосердию Господа, не присвояя себе никакого преимущества по сравнению с другими из-за такой осмотрительности сердца; потому что эту самую (осмотрительность) они приписывали не своей тщательности, а благодати Божией; не обольщают себя высоким мнением о себе при виде нерадения низших и холодных (людей), а больше рассматривают тех, о которых знали, что они действительно не имели греха, и в Царстве Небесном уже наслаждаются вечным

блаженством, — приобретали постоянное смирение и таким образом этим рассматриванием вместе избегали падения от возношения, и всегда находили то, к чему стремились или о чем сетовали, понимали, что при препятствии от тяжести плоти они сами собой не могут достигнуть желаемой чистоты сердца (прп. Иоанн Кассиан, 57, 151).

А

АГИОЛОГИЯ

Святым называется тот, кто чист от зла и грехов (прп. Антоний Великий, 85, 91).

***

Когда пересказываем жития прославившихся благочестием, прежде всего Владыку прославляем в рабах Его (свт. Василий Великий, 8, 241).

***

Мы ублажаем святых и желаем себе их венцов, но не хотим подражать их подвигам. Или думаете, что так удостоились они венцов, без трудов и скорбей, чего вам бы хотелось? (прп. Ефрем Сирин, 30, 71).

***

...Бог даровал <святым> царство Свое и еще дал им большую славу вместе со святыми Ангелами всегда в радости взирать на Него (прп. Ефрем Сирин, 30, 300).

***

Святые подлинно достойны похвалы, славы, всегда блаженны; Ангелы и человеки ублажают их, потому что любовь Божию предпочли они целому миру (прп. Ефрем Сирин, 30, 300).

***

...Праведные и святые, сотворившие волю Святого Бога, в тот час, когда приидет Господь, воссияют неизглаголанным светом спасительной славы (прп. Ефрем Сирин, 30, 313).

***

Подобие Ангелов носят на себе святые в Церкви и, как граждане небесные, служат Богу среди земнородных. В неутомимой борьбе преодолевают они плотские похоти, и тело свое по воле Господа своего соделывают сосудом святыни. Душевные силы направляют они к духовным созерцаниям и соделываются обителью Бога всяческих, чтобы в них почивал Он (прп. Ефрем Сирин, 33, 394).

***

Ради человеков снизошла благодать Его <Божия> в обитель праведных, чтобы всем разделить спасительные дары Его, какие сообщает Он рабам Своим. На путь жизни привела любовь Его таинников своих. Святые достигли обетований среди обуреваний плоти. Блюли они истину, хранили порядок, исполняли должное и во имя истины упокоились в пристани от житейских коловратностей. Вослед их текла глумящаяся мысль моя, и увидел я смерть,

которая уже давно умерщвлена и стала как бы ничто (прп. Ефрем Сирин, 33, 395).

***

Та вера, какую святые вмещали в членах своих, и из гробов их обнаруживается во все времена. Та любовь к истине, какую при жизни хранили они во плоти своей, и из гробов их просиявает на пользу людям. Источником жизни служат тела почивших святых, и мир — свидетель тех исцелений, какие совершаются от них повсюду. Если же смерть почивших праведников производит уже ныне такие чудеса, то во сколько крат больше будет их слава, в какую облекутся они в день Воскресения! Благословен, Кто по любви к святым Своим соделал, что одержали они победу в борьбе с плотию и прекрасному странствию своему положили конец в пристани жизни. Благословен, Кто даровал им благодать — пребыть во истине во время жизни и дал силу вспомоществовать людям по смерти своей! Благословен Тот, Чья любовь обильно изливается на смертных и Кто по милости к человеческому роду оживотворяет его новою жизнью! Благословен, Кто в умерших являет живым силу величия Своего и призывает живых к благодати — стать присными Его! Благословен Всеоживитель, Который являет всем великое могущество любви Своей, и твари никак не могут объять богатство щедрот Его! Благословен Милосердый, Который по благости Своей животворит недостойных и нетленную жизнь дает мертвецам! Благословен, Кто все устрояет, все обновляет, всем правит, Кто всякому являет всю силу Премудрости Своей в живых и в мертвых! Благословен Господь, Которого рабы почивают сном, между тем как прославляет Он память их! (прп. Ефрем Сирин, 33, 397).

***

<Святые> — это врачи, неусыпно пекущиеся о нашем здравии; потому что в себе имеют врачевство жизни, цельбу души и тела, духовное врачевство, исцеляющее и душу и тело (прп. Ефрем Сирин, 34, 55).

***

Кто видел целые сонмы питающихся одной славою. Ризы их — свет, лица — сияние, постоянно поглощают и источают они полноту благодати Божией. В устах у них — источник мудрости, в мыслях — мир, в ведении — истина, в исследованиях — страх, в славословии — любовь (прп. Ефрем Сирин, 34, 400).

***

Святый же есть тот, кто освятил и совершенно очистил внутреннего человека (прп. Макарий Египетский, 66, 416).

***

При святых рабах Божиих еще ныне пребывают Ангелы, и святые духи их окружают и охраняют (прп. Макарий Египетский, 85, 269).

***

Человек не иначе делается сыном Божиим, как только, когда делается святым (свт. Григорий Нисский, 21, 109).

***

Когда мы вознамерились совершить первое торжество при мощах <сорока мучеников> и поместить ковчег во

святилище храма, мать моя (она ради Бога собирала и учреждала и этот праздник) приказала мне прибыть для участия в происходившем; но я находился далеко, был еще молод, принадлежал к числу мирян, и как обыкновенно бывает в делах, не терпящих отлагательства, будучи занят, по неразумению принял с неудовольствием этот зов и даже в душе упрекал мать свою за то, что она не отложила этого праздника до другого времени. Однако зов этот, отвлекший меня от моих занятий, привлек сюда, и я прибыл в селение за день до собрания. И вот, в то время, когда совершалось всенощное бдение в саду, где находились мощи святых, в честь которых совершали псалмопения, мне, спавшему поблизости в одной комнате, представилось во сне такое видение. Мне казалось, будто я хочу войти в сад, где совершалось всенощное бдение; в то время, когда я находился близ дверей, показалось множество воинов, сидевших у входа; все они вдруг встали и устремились на меня с угрозою и не допускали до входа. Я получил бы и удары, если бы не упросил их один, как казалось, более человеколюбивый. Когда сон оставил меня и мне пришло на мысль мое прегрешение против зова, я понял, к чему относилось это страшное видение воинов. Многими слезами оплакал свое неразумение и пролил горькие слезы над самой ракой мощей, чтобы Бог явился милостивым ко мне, а святые воины даровали прощение. Я сказал это, чтобы убедиться нам, что мученики, так послужившие нашей Церкви и соделавшиеся ее украшением, живы пред Богом, суть Его копьеносцы и приближенные (свт. Григорий Нисский, 25, 253).

***

Я могу указать... восемь причин всякого рода и вида бедствий святых... Первая состоит в том, что Бог попуска-

ет им терпеть беды, чтобы они вследствие величия своих заслуг и чудес не впадали скоро в гордость. Вторая в том, чтобы другие на думали о них больше, чем свойственно человеческой природе, и не полагали, будто они боги, а не люди. Третья — чтобы сила Божия являлась могущественной, побеждающей и умножающей проповедь чрез людей слабых и связываемых узами. Четвертая — чтобы яснее обнаруживалось терпение их самих, как людей, которые служат Богу не из-за награды, а являют такое благомыслие, что и после великих бедствий обнаруживают чистую любовь к Нему. Пятая — чтобы мы любомудрствовали о воскресении... Шестая (причина) в том, чтобы все подвергающиеся несчастиям, имели достаточное утешение и облегчение, взирая на них и помня о случившихся с ними бедствиях. Седьмая — чтобы, когда мы призываем вас (подражать) добродетели их и каждому из вас говорим: «подражай Павлу, соревнуй Петру», вы, по причине чрезмерной высоты заслуг, не подумали, что они были людьми иной природы, и не отказались боязливо от подражания. Восьмая — чтобы, когда нужно ублажать и сожалеть, мы знали, кого нужно почитать блаженным, а кого жалким и несчастным (свт. Иоанн Златоуст, 46, 13—14).

***

...Надобно удивляться святым не потому, что они были так благочестивы и любомудры во время сильной скорби, но потому, что, и по прошествии бури и с наступлением тишины, продолжали быть одинаково скромными и старательными (свт. Иоанн Златоуст, 46, 336).

***

...Будем подражать святым, которые ни скорбями не были побеждаемы, ни от покоя не расслабевали, что бы-

вает теперь со многими из нас, как с легкими ладьями, которые от всякого напора волн заливаются водою и тонут (свт. Иоанн Златоуст, 46, 337).

***

Памятниками святых служат не могилы, гробницы, столбы и надписи, но добрые дела, ревность по вере и чистая пред Богом совесть (свт. Иоанн Златоуст, 46, 644).

***

Как взирающий на солнце не делает этого светила более светлым, но освещает собственные глаза свои, — так точно и почитающий мученика не его делает более славным, но сам от него приобретает просвещающее благословение (свт. Иоанн Златоуст, 46, 747).

***

...Бог в имени святых, как на медном столбе, полагает напоминание и урок добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 47, 141).

***

...Когда вспомним о святых, то, если мы в беспечности — пробуждаемся, если в бесстрашии — устрашаемся (свт. Иоанн Златоуст, 47, 141).

***

...Святые, пламенея любовью ко Господу и вознося священные песни, даже не чувствовали своих скорбей,

но всецело предавались молитве... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 162).

***

У святых не одни только слова, наставления и увещания, но и весь вообще образ жизни бывает для внимательных достаточным уроком любомудрия (свт. Иоанн Златоуст, 47, 185).

***

...Воспоминание о святых обыкновенно избавляет от смятения в душе, происходящего от злых и нечистых духов и непристойных помыслов (свт. Иоанн Златоуст, 47, 243).

***

Таков обычай святых: если они сделают что-нибудь худое, то торжественно это показывают, каждый день стонут и делают открытым для всех; если же что-нибудь благородное и великое, то скрывают это и предают забвению (свт. Иоанн Златоуст, 47, 313).

***

Многое могут сделать ноги святых, входя в дом, они освящают самый помост, вносят сокровище бесчисленных благ, исправляют расслабленную природу, утоляют голод, приносят многий достаток (свт. Иоанн Златоуст, 47, 344).

***

Благодать святых мужей не исчезает с их смертью, не слабеет с их кончиною, не разрешается в землю (свт. Иоанн Златоуст, 47, 863).

***

Чествуются мученики, пострадавшие за Христа — воздается поклонение Христу, Который пострадал за всех (свт. Иоанн Златоуст, 47, 896).

***

Для того благодать Духа и описала для нас жизнь и деятельность всех святых... чтобы, узнав, как они, будучи одного с нами естества, совершили всякую добродетель, мы не ленились подвизаться в ней (свт. Иоанн Златоуст, 48, 89).

***

Таковы души святых: они восстают прежде, чем упадут, и прежде, чем дойдут до греха, удерживают себя, потому что трезвенны и непрестанно бодрствуют (свт. Иоанн Златоуст, 48, 841).

***

Души святых таковы, что они и страждущим сочувствуют и счастливым не завидуют, но радуются, веселятся, утешаются, видя получающих благодеяния... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 498).

***

Праведники называются опорой царей, потому что они сами себя поставляют царями, или лучше сказать — поставлены царями над тем, что от Бога, для того, чтобы царствовать над страстями и сохранить (дарованный человеку) царственный образ (свт. Иоанн Златоуст, 49, 729).

***

Со святостью Бог соединил великолепие, потому что нет ничего великолепнее святого, — ни пророк, ни священник, ни царь не может сравниться с ним, потому что во святых почивает Бог, как Святой. Потому-то Он ставит их не пред лицем Своим, как исповедников, а принимает в собственное святилище и делает Своими сожителями и общниками Своей славы и царства (свт. Иоанн Златоуст, 49, 927).

***

Древние назывались именем святых, когда не служили идолам, не творили блуда, не прелюбодействовали, а мы делаемся святыми не только чрез воздержание от пороков, но и чрез приобретение высших совершенств. И сначала мы получаем этот дар от самого наития Святаго Духа, а потом и чрез собственную жизнь... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 92).

***

...Души святых исполнены кротости и человеколюбия как к своим, так и к чужим; они жалеют даже бессловесных (свт. Иоанн Златоуст, 53, 832).

***

Свят тот, кто чист, а чист не тот, кто не творит только блуда, но кто чужд вместе и сребролюбия, и зависти, и надменности, и тщеславия... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 596).

***

Бог вселенной не стыдится называться Богом троих человек <Авраама, Исаака и Иакова> — и справедливо, потому что святые равняются не только этому миру, но бесчисленному множеству их: *лучше бо един творяй волю Господа, нежели тысяща грешник* (ср.: Сир. 16, 3) (свт. Иоанн Златоуст, 56, 199).

***

Не освобождение только от грехов делает святым, но также присутствие Духа и богатство добрых дел (свт. Иоанн Златоуст, 56, 883).

***

...Верх святости и совершенства состоит не в совершении чудес, но в чистоте любви. И справедливо. Ибо чудеса должны прекратиться и уничтожиться, а любовь всегда останется. Посему-то отцы наши никогда... не желали творить чудес; даже и тогда, когда имели эту благодать Святаго Духа, они не желали обнаруживать ее, разве только в случае крайней и неизбежной необходимости (прп. авва Нестерой, 57, 441).

***

Хорошо мученикам благочестия воздавать честь приношениями, что ты и сделал, но лучше служить им пре-

спеянием в том, что они совершали. Посему тем самым, кому принес ты в дар украшение, плодопринеси и добрые нравы (прп. Исидор Пелусиот, 61, 122).

***

Святые были благи и человеколюбивы, благоутробны и милосердны, оказавшись одинаковое имеющими ко всему роду расположение любви, силою коей чрез всю жизнь верно сохраняя наилучшее из всех благ, разумею смирение, сию хранительницу благ и разрушительницу противоположного им зла, они пребыли неуловимыми для всех тяготящих нас искушений, как произвольных, кои от нас, так и непроизвольных, кои не от нас, восстания первых подавляя воздержанием, а приражения вторых отражая терпением (прп. Максим Исповедник, 87, 288).

***

Души святых... при всем том, что соединены еще с телом в мире сем, соединяются с благодатию Святаго Духа — обновляются, изменяются на лучшее и воскресают от мысленной смерти; потом, по разлучении с телом, отходят в славу и светлосиянный свет невечерний; тела же их не сподобляются еще сего, но остаются во гробах и в тлении. Имеют и они сделаться нетленными во время общего воскресения, когда и вся эта видимая и чувственная тварь сделается нетленною и соединится с небесным и невидимым (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 382—383).

***

Все святые суть воистину члены Христа Бога и, как члены, сочетаны с Ним, и соединены с телом Его, так что Христос есть Глава, а все, от начала до последнего дня,

святые — члены Его, и все они в совокупности составляют единое тело и как бы, так сказать, одного человека. Иные из них состоят в чине рук, делающих даже доселе, которые, исполняя всесвятую волю Его, претворяют недостойных в достойных, и представляют их Ему; иные — в чине рамен тела Христова, которые друг друга тяготы носят или, возложив на себя обретенное овча погибшее, блуждавшее там и здесь, в горах и пропастях, приносят ко Христу, и так исполняют закон Его; иные — в чине груди, которые источают для жаждущих и алчущих правды Божией чистейшую воду премудрости и разума, т. е. научают их Слову Божию и преподают им мысленный хлеб, который вкушают святые Ангелы, т. е. истинное богословие, как наперсники Христовы, возлюбленные Ему; иные — в чине сердца, которые в лоне своем любовью вмещают всех людей, приемлют внутрь себя дух спасения и служат хранилищем неизреченных и сокровенных Тайн Христовых; иные — в чине чресл, которые имеют в себе родительную божественных помышлений, таинственного богословия силу, и словом учения своего в сердца людей всевают семя благочестия; иные, наконец, — в чине костей и ног, которые являют мужество и терпение в искушениях, подобно Иову, и пребывают неподвижными в стоянии своем в добре, не уклоняются от налегающей тяготы, но охотно принимают ее и бодренно несут до конца. Таким-то образом стройно составляется тело Церкви Христовой из всех от века святых Его, бывает цело и всесовершенно, да будут едино все сыны Божии, перворожденные, на небесах написанные (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 383—384).

***

...Когда откроются книги совести святых, тогда воссияет в них Христос и Бог наш, обитающий теперь в них

сокровенно, и святые сделаются подобными Ему, Богу Вышнему (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 412).

***

Когда кто поживет богоугодно при православном мудровании и облагодатствуется и прославится Богом благодатию Святаго Духа, тогда ему бывает похвала и ублажение от всей Церкви верных и от всех учителей ее (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 17).

***

Человек тогда бывает свят, когда уклоняется от зла и творит благо, не потому, чтобы освящаем был добрыми делами, ибо от дел закона не оправдится ни одна душа, а потому, что чрез делание добрых дел приусвояется и приуподобляется Святому Богу (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 18).

***

Души святые бывают свободны от тщеславия. Будучи украшены пресветлою и царскою ризою Всесвятаго Духа и преисполнены преимущею славою Божиею, они не только не заботятся о славе человеческой, но и когда окружают ею их люди, никакого совершенно не обращают на нее внимания (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 135—136).

***

Воистину, *дивен Бог во святых Своих* (Пс. 67, 36). Потому что, когда кто-нибудь обдумает превосходящие ес-

тество борения мучеников, как, будучи в немощи плоти, они посрамили сильного во зле, как, как бы не ощущая страдания и раны, они телом боролись с огнем, мечом, с различными и губительными обликами мучений, терпением оказывая сопротивление; и в то время как тела крошились и рвались суставы и дробились кости, они верно соблюдали исповедание Христа здравое и неразоренное и неповрежденное и непоколебимое, вследствие чего им и была благодатно дарована премудрость Духа и гигантская сила; или когда кто представит себе терпение преподобных, как они, как бы будучи бесплотными, выносили длительные пощения, бдения и иные разновидные злострадания тела, и притом добровольно, в борьбе против лукавых страстей, против различных видов греха, во внутренней и в нас самих сущей невидимой брани против начал, против властей, против духов зла, до конца противоставившись им, и внешнего человека истощая и умерщвляя, внутреннего же обновляя и обожествляя, благодаря чему им благодатно были дарованы дар исцеления и действие силами, так что, когда кто рассудит и подумает о том, насколько это превосходит наше естество, то удивляется и прославляет Бога, давшего им таковую благодать и силу, ибо хотя они и имели благое произволение, но без Божией силы не возмогли бы стать выше естества, и сущие в теле — одолеть бесплотного врага (свт. Григорий Палама, 26, 248).

***

Христова Церковь, почитая и после смерти тех, которые истинно о Бозе жили, каждый день года творит память святых, преставившихся в этот день отсюда и отшедших из этой смертной жизни, представляя ради нашей

пользы житие каждого из них и их кончины, умер ли святой своею смертью или же закончил свою жизнь мученическою кончиной. Ныне же, после Пятидесятницы, всех собирая вместе, она общий воссылает им гимн не только потому, что все они взаимно связаны друг с другом и, согласно Владычней молитве, представляют одно: *Даждь им,* обращается Господь в Евангелии к Своему Отцу, *да и все едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут во истине* (ср.: Ин. 17, 20).

Итак, не только по сей причине общий им всем гимн приносит Божия Церковь, но еще и потому, что имеет заботу в течение Святой Четыредесятницы и следующей за ней Пятидесятницы все дела Божии объявить и воспеть. Итак, после того, как все было возвещено, как вы знаете, именно: как весь этот мир в начале был сотворен Богом; как Адам был извергнут из рая и от Бога; как был призван древний народ; как и он, согрешив, был отвергнут от близости к Богу; как Единородный Сын Божий, приклонив небеса, ради нас сошел и ради нас совершал невиданные вещи, и научил спасительному пути, страдал и умер за нас, был погребен, как человек, и как Бог воскрес тридневен, и на небеса, откуда и сошел, затем с плотию вознесся, и севши одесную Отца, послал оттуда Всесвятаго Духа. Итак, после того, как все это воспела Божия Церковь, ныне и остальное присовокупляя и вместе объявляя, именно: какие великие и сколь многочисленные плоды для вечной жизни собрало пришествие Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и сила Всесвятаго Духа, — <Церковь> творит память Всех Святых вместе и всем гимн и честь воздает сегодня... Братия, святых Божиих каким образом почтим? — Если в подражание им очистим себя от всякой скверны плоти и духа и отступим от зла, как, наконец, чрез воздержание от зла побудимся к их свято-

сти; если удержим язык наш от клятвы и клятвопреступлений, от пустословия и брани, и уста наши — от лжи и доносов, и таким образом принесем им хвалу. Если же мы не очищаем себя так, то справедливо каждый из нас услышит от них сказанное Богом грешникам: как это ты дерзаешь запоминать и произносить языком самые имена святых и рассказывать их жития, исполненные добродетели и чистоты, в то время как сам ты возненавидел добродетельный образ жизни и отринул чистоту от твоей души и тела?! *Аще видел еси татя, текл еси с ним, и с прелюбодеем участие твое полагал еси. Уста твоя умножиша злобу, и язык твой сплеташе льщения* (коварства)*: седя на брата твоего клеветал еси, и на сына матере твоея полагал еси соблазн* (Пс. 49, 18—20). Ни Бог, ни святые Божии не принимают хваления от таких уст, братие, ибо если всякий из нас, когда испачкает руку пометом, не допускает себе пользоваться ею, прежде чем не вымоет ее, — то примет ли Бог приносимое от нечистых тела и уст, если сначала мы не очистим себя? Потому что грех, коварство, зависть, ненависть, алчность, предательство, постыдные помыслы и слова и, последующие за ними, грязные дела гораздо отвратительнее помета. Но как очиститься от них снова тому, кто впал в это? — Покаянием, исповедью, деланием добра, прилежною молитвою к Богу.

Итак, когда в празднуемых памятях святых мы бываем праздны от наших работ и занятий, пусть наше занятие состоит в том, чтобы отступить и стать свободными от грехов и скверны, в которые кто впал. Если же и тогда (в праздники святых) мы балагурим во вред нашей душе и относимся равнодушно к празднику и пьянствуем, как можем, в то время как оскверняем день, говорить, что празднуем святых! Но не так будем праздновать, братия, молю, но представим и мы тела и души наши угодными Богу

именно в эти праздничные дни, чтобы по молитвам святых и самим стать участниками славы и радости оной нескончаемой, что да будет и нам всем улучить благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому подобает слава со Безначальным Его Отцем и Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков (свт. Григорий Палама, 26, 254).

АД

Содержи в памяти геенну, чтобы ненавистны были тебе дела, влекущие в оную (прп. авва Исаия, 60, 92).

***

Все ли пойдут в одну муку, или мучения различны? Разные есть роды мучений, как слышали мы в Евангелии. Есть *тьма кромешная* (Мф. 8, 12); *геенна огненная* (Мф. 5, 22) — иное место мучений; *скрежет зубов* (Мф. 13, 42) — также особое место; *червь неусыпающий* (Мк. 9, 48) — в ином месте; *озеро огненное* (Апок. 19, 20); *тартар* (2 Петр. 2, 4); *огонь неугасающий* (Мк. 9, 43); *преисподняя* (Фил. 2, 10); *пагуба* (Мф. 7, 13); *дальнейшие страны земли* (Еф. 4, 9); ад, где пребывают грешники, и дно адово — самое мучительное место. На сии-то мучения распределены будут несчастные, каждый по мере грехов своих, или более тяжких, или более сносных... (прп. Ефрем Сирин, 31, 333).

***

Желающие совершенно избежать вечной геенны, в которой мучатся грешники, и улучить вечное Царство, здесь

постоянно терпят геенские скорби по причине искушений, наводимых лукавым. И если до конца терпят, с верою ожидая Господней милости, то по благодати избавляются от искушений и скорбей, удостаиваются внутреннего общения со Святым Духом, а там избавятся вечной геенны и наследуют вечное Царство Господне (прп. Ефрем Сирин, 31, 529).

***

Бог не нам, но диаволу и ангелам его назначил мучения, мы же сами великими своими пороками делаем себя наследниками страшных сих мук; и что угрожало лютому змию, то будем добровольно терпеть мы, человеки (прп. Ефрем Сирин, 32, 81).

***

...Ад есть нескончаемое мучение, есть непроницаемая светом тьма, и безотрадная геенна, есть неусыпающий червь, немолчный плач, непрестанный скрежет, неисцельная скорбь, есть нелицеприятный судия, беспощадные служители, есть горький и вечный плач (прп. Ефрем Сирин, 32, 245).

***

И геенною и прочими мучениями угрожает Господь не напрасно и только тем, которые преступают Его заповеди, поработились плотским страстям и делают всякое диавольское дело, свергли с себя страх Божий, и нимало не ожидают будущего. Таковые будут преданы сказанным выше мучениям (прп. Ефрем Сирин, 32, 263—264).

***

Как же мы избежим огня вечного, тьмы кромешной, скрежета зубов, червя неусыпающего и всех прочих объявленных мучений, иждивая дни свои в покое и роскоши, в лености, в расслаблении, в нерадении и соизволяя на неуместные, суетные, нечистые и гнусные помыслы? Как избежим вечного плача, проводя все время жизни своей во всегдашнем смехе и равнодушии? (прп. Ефрем Сирин, 32, 264).

***

Огонь угрожает, Господи, членам моим, но во мне, Избавитель мой, сокрыта примиряющая Кровь Твоя, геенна ожидает меня на мучение; но тесно соединено со мной Животворящее Тело Твое. Я облечен в ризу Духа Святаго и не опалюсь. Когда восшумит река огненная, угрожая отмщением, тогда угаснет во мне огнь, как скоро приразится к нему воня Плоти и Крови Твоей (прп. Ефрем Сирин, 33, 236).

***

Здешний огонь, как ни силен, вместе с пламенем издает и свет, а тамошний огонь <адский> поядает и вместе он — страшная тьма и ночь (прп. Ефрем Сирин, 34, 63).

***

Ад — есть тьма неведения, покрывающая разумную тварь после потери ею созерцания Бога (авва Евагрий, 85, 600).

***

...Сошедши во ад, где никто не может исповедаться (Пс. 6, 6) и откуда уже никто не освободит нас... уже будет необходимо в стеснении и глубоком мраке и при полном отсутствии утешителей терпеть бесконечное наказание и быть несожигаемою пищею для всепожирающего пламени (свт. Иоанн Златоуст, 45, 164).

***

Самая угроза геенною, не менее обетования Царства Небесного, показывает Божие человеколюбие. Если бы Он не угрожал геенною, то не скоро можно было бы достигнуть небесных благ. Одно обетование благ не достаточно для побуждения к добродетели, если не имеющих усердия к ней не поощряет и страх наказания (свт. Иоанн Златоуст, 45, 171).

***

...Геенны мы должны бояться и страшиться не ради того неугасимого огня, страшных наказаний и нескончаемых мучений, но потому, что оскорбляем столь благого Господа и становимся недостойными Его благоволения, как и в Царство спешить надобно нам из любви к Нему, дабы наслаждаться Его благодатию (свт. Иоанн Златоуст, 48, 223).

***

Не напрасно Бог угрожает нам геенною и через это делает ее несомненною, но чтобы страхом сделать нас лучшими (свт. Иоанн Златоуст, 49, 141).

...Не будем отвергать <веры в геенну>, чтобы нам не впасть в нее, — ведь неверующий делается более беспечным, а беспечный непременно попадет в нее... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 589).

***

Если кто не верит, что есть геенна, тот, видя халдейскую пещь, пусть через настоящее уверится в будущем и убоится не пещи нищеты, но пещи греха. Грех есть пламень и мучение, а нищета — роса и прохлада. В греховной пещи предстоит диавол, а в пещи нищеты — Ангелы, отражающие пламень (свт. Иоанн Златоуст, 51, 50).

***

Как сосланные в рудники отдаются под власть людей немилостивых и не могут видеть никого из своих домашних и друзей, а только видят своих надзирателей, так будет и тогда, и еще не так, а несравненно хуже. Здесь еще можно прибегнуть к царю и умолить его, и таким образом снять с осужденного оковы; а там это уже невозможно (свт. Иоанн Златоуст, 51, 458).

***

Если никакое слово не может выразить и тех лютых страданий, какие терпят люди, сжигаемые здесь, то тем более неизобразимы страдания мучимых там <в аду>. Здесь, по крайней мере, все страдание оканчивается в несколько минут, а там палимый грешник вечно горит, но не сгорает (свт. Иоанн Златоуст, 51, 458).

***

Умоляю вас, сокрушимся сердцем, слыша слово о геенне. Поистине нет ничего сладостнее этой беседы, по тому самому, что нет ничего горше самой геенны. Но как же, спросишь ты, может быть сладостна беседа о геенне? Потому именно, что не сладко низринуться в геенну; а напоминания о ней, кажущиеся несносными, предохраняют нас от этого бедствия. Кроме того, они доставляют нам и другую еще усладу — приучают наш дух к сосредоточенности, делают нас более благоговейными, возносят ум наш горе́, воскрыляют наши мысли, прогоняют злое ополчение похотей, осаждающих нас, и таким образом врачуют нашу душу (свт. Иоанн Златоуст, 51, 460).

***

Диавол для того убеждает некоторых думать, что нет геенны, чтобы ввергнуть в нее. Напротив, Бог угрожает геенною и ее приготовил, чтобы мы, зная о ней, так жили, чтобы не впасть в геенну (свт. Иоанн Златоуст, 52, 786).

***

Спрашиваешь, где и в каком месте будет геенна? Но что тебе до этого за дело? Нужно знать, что она есть, а не то, где и в каком месте скрывается... Писание <об этом> не говорит. По моему мнению, где-нибудь вне всего этого мира. Как царские темницы и рудокопни бывают вдали, так и геенна будет где-нибудь вне этой вселенной (свт. Иоанн Златоуст, 53, 850).

***

Мы для того непрестанно напоминаем о геенне, чтобы подвигнуть вас к Царству, чтобы, умягчивши страхом серд-

це ваше, расположить к делам, достойным Царства (свт. Иоанн Златоуст, 55, 274).

***

Если бы мы постоянно помышляли о геенне, то не скоро низринулись бы в нее. Для этого-то Бог и угрожает наказанием. Если бы размышление о геенне не приносило нам великой пользы, то Бог и не угрожал бы ею, но так как память о ней может способствовать надлежащему исполнению великих дел, то Он, как бы некоторое спасительное лекарство, посеял в наших душах грозную мысль о ней (свт. Иоанн Златоуст, 55, 584).

***

И Христос постоянно беседовал о геенне, потому что хотя это опечаливает слушателя, однако и приносит ему величайшую пользу (свт. Иоанн Златоуст, 55, 586).

***

Ад же внизу, как и следовало ожидать, отдав мертвеца <Лазаря>, стал вопиять: кто это, пробуждающий Своим голосом мертвых из гробов, как будто спящих? Кто это, нарушающий древний закон смерти? Кто это, возбудивший мертвецов Своею проповедью о воскресении? Кто это, приучающий погребенных возвращаться к жизни? Кто это, столь легко вырывающий у меня мою добычу? Кто это, смущающий моих давнишних мертвецов своим зовом? Выпадает из моих рук, — вижу я, — скипетр владычества над людьми, узы смерти теряют уже свою силу... Надо мною торжествует победу четырехдневный труп, ликующий среди живых в погребальном уборе. Меня будут попирать ногами, после того как убежал от меня мертвец. В самом

деле, кто теперь будет бояться меня, побежденного уже смердевшим мертвецом и сделавшегося как бы сторожем мертвецов, отдаваемых мне под заклад на время? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 994).

***

...Он <Бог> для того уготовал и самую геенну, чтобы страх мучений и тяжесть наказания направляли нас к Царству (свт. Иоанн Златоуст, 56, 552).

***

Не думай... что если геенна называется огнем, то она похожа на обыкновенный огонь, этот последний, что захватит, сожжет и перестанет, а тот однажды захваченное постоянно жжет и никогда не перестает (свт. Иоанн Златоуст, 56, 692).

***

...Если не по другой какой-нибудь причине, то уже по той мы достойны будем геенны, что боимся геенны более, чем Бога (свт. Иоанн Златоуст, 56, 697).

***

Мы находимся в таком бедственном положении, что, не будь страха геенны, мы, пожалуй, и не подумали бы совершить что-нибудь доброе (свт. Иоанн Златоуст, 56, 697).

***

...Мучимые в геенне поражаются бичом любви! И как горько и жестоко это мучение любви! Ибо ощутившие, что они погрешили против любви, терпят мучение вящшее

всякого приводящего в страх мучения... Неуместна человеку такая мысль, что грешники в геенне лишаются любви Божией... Любовь силою своею действует двояко: она мучит грешников... и веселит собою соблюдших долг свой. И вот... геенское мучение есть раскаяние (прп. Исаак Сирин, 59, 83—84).

***

...<Грешник> душею же будет терзаться и раздираться сердцем, безмерно и бесконечно, взирая на славу святых, вожделеваясь и лишенным себя оной видя на вечные веки (прп. Феодор Студит, 88, 183).

***

Ад и тамошние муки всяк представляет так, как желает, но каковы они, никто решительно не знает (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 57).

***

Как бесполезен, как безотраден будет тот, конца не имеющий плач!.. Там в обличенных и осужденных, при отъятии всякой благой надежды и при отчаянии во спасении, невольное обличение и грызение совести плачем будет безмерно увеличивать належащую муку (свт. Григорий Палама, 89, 274).

***

Преисподние темницы представляют странное и страшное уничтожение жизни, при сохранении жизни (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 125).

***

Человек... отчуждивший себя от Бога во времени, стяжавший все богопротивные свойства, добровольно отвергший усвоение Богу, естественно отходит по кончине своей в страну, обреченную в жилище существ, отверженных Богом... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 232).

****

Однажды авва Макарий, ходя по пустыне, нашел лежащий на земле череп человеческий. Когда авва прикоснулся к нему палкой, череп издал голос. Старец сказал ему: «Кто ты?» Череп ответил: «Я был жрецом идолопоклонников, которые жили в этих местах. Когда ты, авва Макарий, имеющий в себе Святаго Духа, умилосердясь над теми, кто находится в вечной муке, молишься о них, они получают некоторое утешение». Старец спросил: «В чем состоит это утешение?» Череп ответил: «Сколько отстоит небо от земли, на столько огня под ногами нашими и над нашими головами. Мы стоим посреди огня, и никто из нас не видит лица другого. Но когда ты помолишься о нас, то каждый несколько видит лицо другого. Вот в чем наша отрада». Тогда старец, обливаясь слезами, сказал: «Горе тому дню, в который родился человек!» К этому старец присовокупил: «Есть ли мука, более тяжкая этой?» Череп отвечал: «Ниже нас мука больше». Старец спросил: «Кто в ней?» Череп отвечал: «Нам, неведавшим Бога, оказывается хотя некоторое милосердие, но те, которые познали Бога и отреклись от Него и не исполняли воли Его, находятся ниже нас». После этой беседы старец зарыл череп в землю (93, 153).

***

У некоторого игумена под руководством в монастыре было двадцать иноков. Один из них был ленив, не соблюдал постов, неумеренно пил и особенно был невоздержан на язык. Старец игумен постоянно уговаривал его, чтоб исправился, и даже умолял его об этом. «Брат, — говорил он ему, — позаботься о своей душе, ведь ты не бессмертный, а потому муки не миновать тебе, если не опомнишься». Инок же наперекор шел старцу, нимало не обращал внимания на его слова и в таком небрежении скончался. Сильно загрустил сострадательный старец о душе его и стал молиться: «Господи, Иисусе Христе, истинный Бог наш, покажи мне, где теперь душа инока?» И часто просил он об этом Бога, и наконец был услышан. Однажды напал на него какой-то ужас, и увидел он реку огненную и множество людей в ней, опаляемых огнем и громко стонавших. К величайшему огорчению, между этими страждущими он увидел и умершего в небрежении ученика своего, находившегося по самую выю в пламени.

«Не ради ли того, чтоб ты избежал этой муки, я умолял тебя, — воскликнул тогда игумен, — чтоб ты хоть сколько-нибудь попекся о душе твоей, чадо мое? Видишь ли теперь, до чего ты довел себя?» — «О, отче, — ответил инок, — Слава Богу за то еще, что по твоим молитвам получила отраду хотя голова моя!» — Сим видение окончилось (103, 261).

АНГЕЛЫ

Два ангела с человеком: один добрый, а другой злой... «Каким образом... я могу узнать действия их, когда оба ангела живут со мною?» Слушай... и разумей. Добрый Ангел тих и скромен, кроток и мирен. Поэтому когда вой-

дет он в твое сердце, постоянно будет внушать тебе справедливость, целомудрие, чистоту, ласковость, снисходительность, любовь и благочестие. Когда все это взойдет на твое сердце, знай, что добрый Ангел с тобою: верь этому Ангелу и следуй делам его. Послушай и о действиях ангела злого. Первее всего он злобен, гневлив и безрассуден; и действия его злы и развращают рабов Божиих. Поэтому, когда войдет он в твое сердце, из действий его разумей, что это ангел злой... Когда приступит к тебе гнев или досада, знай, что он в тебе; также когда взойдет на сердце твое пожелание многих дел, разных и роскошных яств и питий, чужих жен, гордость, хвастовство, надменность и тому подобное, тогда знай, что с тобою злой ангел. Поэтому ты, зная его дела, удаляйся от него и не верь ему, потому что дела его злы и несвойственны рабам Божиим. Таковы действия того и другого Ангела. Разумей их, верь Ангелу доброму и удаляйся от ангела злого, потому что внушение его во всяком деле злое. Ибо если кто будет человек верующий, но войдет в его сердце помысл злого ангела, то муж или жена непременно согрешат. Если бы опять муж и жена были злыми людьми и помыслят в сердце своем дела Ангела доброго, то необходимо они сделают что-нибудь доброе. Итак, видишь, что хорошо следовать Ангелу доброму. Если посему будешь повиноваться ему и делать его дела, то будешь жить с Богом, равно как и все, которые будут следовать его делам, будут жить с Богом (Св. Ерм, 90, 188).

***

Ангел имеет от Бога власть, если ум и не хочет, умиротворить его и побудить принять себя, а демон не может

этого сделать; но когда видит, что ум готов его принять, тогда является попущением Божиим; если же нет, то удаляется, гонимый Ангелом, охраняющим человека от святого крещения, потому что ум не предает своего самовластия (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 76).

***

...Девять чинов (Ангелов) имеют наименования, сообразные их природе и деятельности, и называются бесплотными, потому что невещественны; умными, ибо они суть умы, и воинствами, поскольку суть *служебнии дуси* (Евр. 1, 14) Царя всяческих. И опять иные имена имеют они общие и особенные, т. е. называются Силами и Ангелами: первое есть собственное название одного чина, но по деятельности своей все девять чинов называются Силами, ибо все могут приводить в исполнение Божественную волю. Ангелы есть также собственное имя одного из чинов — первого от нас и девятого от Страшного Престола, по деятельности же все называются Ангелами (вестниками), как возвещающие людям Божественные повеления (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 76).

***

Занятие Ангелов — славословить Бога. Для всего Небесного воинства одно дело — воссылать славу Создателю (свт. Василий Великий, 5, 212).

***

Если имеешь в душе дела, достойные ангельского хранения, и обитает в тебе ум, обогащенный умозрениями

истины, то по богатству неоцененных дел добродетели Бог необходимо приставит к тебе стражей и хранителей и оградит тебя охранением Ангелов. Смотри же, какова природа Ангелов! Один Ангел равняется целому воинству и многочисленному ополчению. Итак, в величии твоего хранителя Господь дарует тебе ополчение, а в крепости Ангела как бы ограждает тебя отовсюду его защитою (свт. Василий Великий, 5, 254).

***

Ангелы не терпят изменения. Нет между ними ни отрока, ни юноши, ни старца, но в каком состоянии сотворены в начале, в том они остаются и состав их сохраняется чистым и неизменным (свт. Василий Великий, 5, 272).

***

Не огражденные словом и ангельской силою преданы неразумным движениям и от умножающегося в них зловония греха делаются способными услаждаться свиным пиром, более и более взмешивают греховную тину и валяются в ней (свт. Василий Великий, 6, 163).

***

<Ангелы> приходят посещать нас не по своей воле и власти. Ибо главная и сообразная с естеством цель их жизни — погружать взор свой в красоту Божию и непрестанно славить Бога. Обращение же с нами, человеками, и попечение о нас есть некоторое побочное для них дело (свт. Василий Великий, 6, 214).

***

...Служебные духи имеют бытие по воле Отца, приводятся в бытие действом Сына и совершаются в бытии присутствием Духа. Совершение же Ангелов — святыня и пребывание в святыне (свт. Василий Великий, 7, 244).

***

...Небесные силы не по природе святы, иначе они не имели бы никакой разности со Святым Духом. Напротив того, они, по мере превосходства одной пред другой, имеют от Духа известную меру святыни. Как в понятие прижигания входит понятие огня, однако же иное есть прижигаемое вещество, и иное есть огонь, так и в Небесных силах... сущность их составляет воздушный, если можно так сказать, дух или невещественный огонь, по написанному: *Творяй Ангелы Своя духи и слуги Своя огнь палящ* (Евр. 1, 7); почему они ограничены местом и бывают видимы, являясь святым в образе собственных своих тел; но святыня, будучи вне сущности, дает им совершенство через общение Духа. Сохраняют же достоинство свое пребыванием в добре, как имеющие свободу в избрании и никогда не теряющие непрестанного стремления к истинно благому. Посему, если отнимем мысленно Духа, расстроятся ангельские лики, истребятся архангельские начальства: все придет в смешение, жизнь их сделается незаконнообразною, бесчинною, неопределенною (свт. Василий Великий, 7, 245).

***

У Ангелов нет ни ссоры, ни любопрения, ни недоразумения; каждый пользуется собственностью всех, и все

вмещают в себе всецелые совершенства, потому что ангельское богатство есть не какое-нибудь ограниченное вещество, которое нужно рассекать, когда требуется разделить его многим, но невещественное стяжание и богатство разумения. И посему-то совершенство их, во всяком пребывая всецелым, всех делает равно богатыми, производя то, что собственное обладание у них несомненно и бесспорно (свт. Василий Великий, 7, 359).

***

На небесах хотя все, будучи служебными духами, нетленны и бессмертны, однако Бог не благоволил, чтоб все состояли в одном чине; напротив того, установлено, чтоб и у божественных и у нетленных служителей были начала, власти и преимущества (прп. Ефрем Сирин, 30, 225).

***

...Ангелы, Архангелы, Престолы, Господства, Начала, Власти, Светлости, Восхождения, умные Силы или Умы — природы чистые, беспримесные, непреклонные или неудобопреклонные ко злу, непрестанно ликовствующие окрест первой Причины. Сии природы, как воспел бы о них иной, или от первой Причины озаряются чистейшим озарением, или, по мере естества и чина, иным способом приемлют иное озарение; они так вообразили и запечатлели в себе благо, что сделались вторичными светами, и посредством излияний и передаяний первого Света могут просвещать других; они — служители Божией воли, сильны как по естественной своей, так и по приобретенной ими крепости, все обходят, всем и везде с готовностью предстают по усердию к служению и по легкости естества. Сии Умы

прияли каждый одну какую-либо часть вселенной или приставлены к одному чему-нибудь в мире, как ведомо сие было все Устроившему и Распределившему, и они все ведут к одному концу, по мановению Зиждителя всяческих, песнословят Божие величие, созерцают вечную славу, и притом вечно, не для того, чтобы прославился Бог (нет ничего, что можно было бы приложить к Исполненному, Который и для других есть податель благ), но чтобы не переставали получать благодеяния даже первые по Богу природы (свт. Григорий Богослов, 14, 50).

***

Силы, окружающие Бога, и служебные духи — суть вторые светы, отблески Света первого (свт. Григорий Богослов, 15, 143).

***

Светы, вторичные после Троицы, имеющей царственную славу, суть светозарные, невидимые Ангелы... Они просты, духовны, проникнуты светом... Желал бы я сказать, что они вовсе не одолимы злом, но удержу слишком борзо несущегося коня, стянув браздами ума. Из них одни предстоят Великому Богу, другие своим содействием поддерживают целый мир, и каждому дано особое начальство от Царя иметь под надзором людей, города и целые народы, и даже распоряжать словесными жертвами земнородных. На что решится дух мой? В трепет приходит ум, приступая к небесным красотам; стало передо мною темное облако, и недоумеваю, простирать ли вперед или остановить мне слово. Вот путник пришел к крутобереговой реке и хочет ее перейти, но вдруг поколебалась мысль; он

медлит своей переправой, долго борется в сердце, стоя на берегу; то необходимостью вложена в него смелость, то страх связал решимость; не раз заносил он ногу свою в воду и не раз отступал назад; однако же после всей борьбы нужда победила страх. Так и я, приближаясь к невидимому Божеству, с одной стороны, о тех, которые предстоят чистому Всецарю и преисполнены светом, боюсь сказать, что и они доступны греху, дабы через сие и многим не проложить путь к пороку; а с другой стороны, опасаюсь изобразить в песни моей неизменяемую доброту[1], так как вижу совратившегося князя злобы. Ибо Благому несвойственно было насаждать в нас злое свойство и в тех, кого любит, возбуждать мятеж и ненависть. Нельзя также предположить, чтобы зло равномощно было добру и имело особенную природу, или впоследствии происшедшую, или безначальную, как Сам Царь. Но когда недоумевал я о сем, вложил мне Бог следующую мысль. Первое чистое естество Божества всегда неизменно и никогда не бывает вместо единого многим. Ибо есть ли что-нибудь совершеннее Божества, во что могло бы Оно уклониться? А множественность есть уклонение существа от себя самого. Второе место занимают великие служители высочайшего Света, столько же близкие к первообразной Доброте, сколько эфир к солнцу. А в третьих следуем мы — воздух. И одно Божие естество неизменно; ангельское же естество неудобопреклонно ко греху; а мы, третий род, удобопреклонны, и чем дальше от Бога, тем ближе к греху. Посему самый первый светоносец, превознесшись высоко, когда, отличенный преимущественною славою, возмечтал о царственной чести Великого Бога, — погубил свою светозарность, с

[1] Доброта *(церк.-слав.)* — красота, совершенство.

бесчестием ниспал сюда и, захотев быть богом, стал тьмою. Хотя и легок он по природе, однако ж низринулся до земли. С тех пор преследует он ненавистью тех, которые водятся благоразумием, и, раздраженный своею утратою, преграждает всем небесный путь, не хочет, чтобы Божия тварь приближалась к Божеству, от которого он отпал, но пожелал, чтобы и люди участвовали с ним в грехе и омрачении. И сей завистник изринул из рая вожделевших иметь равную Божией славу. Так он за превозношение низринут со своего небесного круга, но ниспал не один. И поелику погубила его дерзость, то увлек с собою в падение многих, именно всех, кого научил греху, как злоумышленник, склонивший к измене царское воинство, увлек — из зависти к богомудрому сонму Царюющего в горних и из желания царствовать над многими злыми. С тех пор явились во множестве надземные злобы, демоны, последователи злого царя-человекоубийцы, немощные, темные, зловещие призраки ночи, лжецы, дерзкие, наставники во грехах, бродяги, винопийцы, смехотворцы, смехолюбцы, прорицатели, двуречивые, любители ссор, кровопийцы, преисподние, скрывающиеся, бесстыдные, учители волшебства. Они, приходя, манят к себе и ненавидят тех, кто им отдается. Они вместе и ночь и свет, чтобы уловлять то явно, то обманом. Таково это воинство, таков и вождь! (свт. Григорий Богослов, 15, 235—238).

***

После же Троицы — светозарные, невидимые Ангелы. Они свободно ходят окрест Великого Престола, потому что суть умы быстродвижимые, пламень и Божественные духи, скоро переносящиеся по воздуху. Они усердно служат высоким велениям. У них нет супружеств, ни скорбей, ни

забот, ни страшного и преступного мятежа страстей. Их не разделяют друг от друга ни члены, ни обители. Все они единомысленны друг с другом, и каждый тождественен сам с собою. Одно естество, одна мысль, одна любовь окрест Великого Царя — Бога. Они не ищут увеселения ни в детях, ни в супругах, ни в том, чтобы для них нести сладостные труды; не вожделенно им богатство, не вожделенны и те помышления на злое, какие смертным приносит земля. Они не сеют, не плавают по морям в угождение необузданному чреву — этому исходищу греха. У всех у них одна совершеннейшая пища — насыщать ум величием Божиим и в Светлой Троице почерпать безмерный Свет. Одинокую жизнь проводят сии чистые служители чистого Бога. Они просты, духовны, проникнуты светом, не от плоти ведут начало (потому что всякая плоть, едва сгустеет, как уже и разрушается) и не входят в плоти, но пребывают какими созданы. Для них в девстве готов путь богоподобия, ведущий к Богу, согласный с намерениями Бессмертного, Который премудро правит кормилом великого мира... (свт. Григорий Богослов, 16, 50).

***

Вся разумная тварь делится на естество бесплотное и на облеченное телом. Бесплотное естество есть ангельское, а другой вид естества — мы, люди. Посему первое духовно, как отрещенное от бременящего тела (разумею же тело это грубое и к земле тяготеющее), проходит горний жребий, по легкости и удобоподвижности естества пребывая в странах легких и эфирных. А другое, по сродству нашего тела с оземленевшим, по необходимости получило в удел как бы некий отстой грязи, жизнь земную. Не знаю, что

устрояла этим Божия воля, то ли, чтобы всю тварь сблизить между собою, чтобы и дольний жребий не был безучастным в небесных высотах, и небо не вовсе было безучастно в том, что на земле, но вследствие образования человеческого естества из обоих стихий происходило некое общение усматриваемого в той и другой стихии, так как духовная часть души, которая, по видимому, есть нечто сродное и одноплеменное с небесными силами, обитает в земных телах, и оземленевшая сия плоть, при изменении тленных и восхищении праведных, вместе с душею переселится в небесную область. Ибо *восхищени будем,* как говорит Апостол, *на облацех в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господем будем* (1 Сол. 4, 17). Поэтому сие или иное что устрояла сим Божия премудрость — все разумное естество, по двоякой сей жизни делится на части, и естество бесплотное прияло в свой жребий небесное блаженство, а другое, по причине плоти, обитает на земле по сродству с нею. Хотя вожделение прекрасного и доброго равномерно всуществлено в том и другом естестве, и Правитель вселенной в обоих соделал равными самоуправление, самовластие и свободу от всякой необходимости, чтобы все одаренное словом и разумением распоряжалось собою по самозаконному некоему произволу; однако же жизнь горняя во всем хранит себя чистою от порока, и с нею несовместно ничто представляющееся противоположным, всякое же страстное движение и расположение, которым подвержен род человеческий, приводит в кружение жизнь дольнюю. Посему житие святых Сил на небесах богодухновенное слово признает не имеющим примеси порока и чистым от всякой греховной скверны. Все же, что умышлением худого и отступлением

от доброго превращается в зло, подобно какому-то отстою или грязи, стекается в эту обыкновенную жизнь; и оскверняется человеческий род, находя в этой тьме препятствие к тому, чтобы усматривать Божественный свет истины. Посему если высшая жизнь бесстрастна и чиста, а земная бедственная жизнь погружена во всякие страсти и злострадания, то явно, что горнее житие, как чистое от всякого худого, преуспевает в благой воле Божией; ибо где нет зла, там по всей необходимости добро (свт. Григорий Нисский, 18, 436).

***

Есть Ангелы и Архангелы, Престолы, Господства, Начала и Власти; но не одни эти сонмы существуют на небесах, а бесконечные полчища и неисчислимые племена, которых не может изобразить никакое слово (свт. Иоанн Златоуст, 45, 525).

***

...Ангелы не нуждаются <в сотворенном>, потому что они существовали уже раньше сотворения мира. Что они действительно старше мира — послушай, что Бог говорит Иову: ***егда сотворены быша звезды, восхвалиша мя гласом велиим вси Ангели Мои*** (Иов. 38, 7) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 509).

***

Все же Небесные чины назвал <святой Давид> Ангелами и Силами: Ангелами, как служащих повелениям Божиим и возвещающих слова Божии; Силами же, как спо-

собных исполнять Его приказания и как получивших от Творца власть над природой (свт. Иоанн Златоуст, 49, 738).

***

Ангелы не только защищают, но и руководят верующих, чтобы они не преткнулись (свт. Иоанн Златоуст, 49, 908).

***

Разумей также под Ангелами богоносных мужей, которые имеют ведение о Боге, охраняют и руководят нас во всех путях, т. е. в жизни, дабы мы не преткнулись о камень претыкания и камень соблазна (свт. Иоанн Златоуст, 49, 908).

***

Бог повелел, чтобы вышние силы служили пребывающему долу по причине достоинства образа, которым облечен этот последний <т. е. человек> (свт. Иоанн Златоуст, 49, 908).

***

...Что же означают крылья <у Ангелов>? Высоту и превосходство этих сил. Так и Гавриил представляется летящим и нисходящим с небес, чтобы ты познал его быстроту и легкость (свт. Иоанн Златоуст, 50, 77).

***

...Высшим знаком достоинства Серафимов служит то, что они стоят вокруг Престола, а он находится посреди их (свт. Иоанн Златоуст, 50, 425).

***

Херувим означает не что иное, как полную мудрость. Вот почему Херувимы полны глаз: спина, голова, крылья, ноги, грудь — все наполнено глаз, потому что премудрость смотрит всюду, имеет повсюду отверстое око (свт. Иоанн Златоуст, 50, 751).

***

Подобно тому... как все светила Бог сотворил зараз, так и Ангелов с Архангелами Он сотворил зараз, а их так много, что они превосходят всякое число... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 774).

***

Прославлять Ангелов — наш долг. Они, воспевая Творца, обнаруживают милость Его и благорасположение к людям (свт. Иоанн Златоуст, 52, 971).

***

Ангелы всюду здесь присутствуют, и особенно в доме Божием предстоят Царю, и все исполнено этих бесплотных сил (свт. Иоанн Златоуст, 56, 142).

***

Изменению подлежат и самые вышние силы; это ясно показали на себе те, которые, по растлению воли своей, ниспали из числа их. Посему и тех, которые пребывают доселе в том же состоянии блаженства, в каком были сотворены, нельзя почитать по природе своей неизменными, потому только, что они подобно другим не уклонились в противную сторону. Ибо иное значит иметь неизменную природу и иное — приобрести качество неизменяемости собственным старанием и силою добродетели, при содействии благодати неизменяемого Бога (авва Феодор, 57, 278).

***

Никто из верных не сомневается, что прежде сотворения этой видимой твари Бог сотворил духовные и Небесные силы, которые, зная, что они из ничтожества сотворены для такой славы блаженства по благости Творца, воссылают Ему всегдашнее благодарение и непрестанно занимаются прославлением Его (прп. авва Серен, 57, 309).

***

Если столько силен бес, что может, и когда не хочет человек, преклонять его и перетягивать на свою волю, по причине выступления его из истинного своего по естеству чина, то сколь более силен Ангел, в определенное время прияв повеление от Бога, все расположение человека перевести на лучшее? (прп. Иоанн Карпафский, 87, 94).

***

Ангелы, будучи служителями любви и мира, радуются о нашем покаянии и преуспеянии в добродетели, почему стараются наполнять нас духовными созерцаниями и содействуют нам во всяком добре (свт. Феодор Едесский, 87, 323).

***

Ангелы, сии бестелесные существа, не пребывают без преуспеяния, но всегда приемлют славу к славе и разум к разуму (прп. Иоанн Лествичник, 58, 203).

***

...Естеству ангельскому свойственно не грешить, потому что Ангелы сильны крепостью и облечены в божественное одеяние Духа Святаго, без Коего невозможно не грешить (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 301).

***

Если бы не было <при человеке> Ангела Господа Вседержителя, охраняющего его, не избежать бы ему бесовских наветов и сетей смертных (прп. Никита Стифат, 89, 108).

***

...Душа и Ангелы, будучи бестелесными, не ограничены местом, но и они не вездесущи, ибо не содержат в себе все, но и сами также нуждаются в Содержащем. Следо-

вательно, и они находятся в Содержащем и Объемлющем все, и в отвечающем им порядке установлены в своих пределах, хотя душа и содержит тело, с которым сотворена, и находится во всем теле, и не заключена в какое-либо место, и не как обладаемая, но является как обхватывающая и содержащая тело, имея и это качество по образу Божию (свт. Григорий Палама, 26, 202).

***

...Небесное воеводство бесплотных Ангелов, которое и было первым создано, первое и потерпело недуг отступничества от Бога. Но те из Ангелов, которые пребыли выше этого недуга, те являются светом, и всегда исполняются светом, и сами становятся все время все более и более светящимися, блаженно пользуясь врожденным изменением (т. е. свойственной их естеству способностью к изменению), и в радости ликуя близ Первого Света, взирая на Него, непосредственно от Него сами просвещаемые, воспевая непрестанный Источник Света и ниспосылая, как служители Света, светотворящую благодать для тех, кто менее совершен в светопросвещаемости (свт. Григорий Палама, 26, 224).

***

По смотрению Божию являются духи только во время крайней нужды, с целью спасения и исправления человеков... (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 18).

***

Имейте обращение к святому Ангелу-хранителю вашему, и он будет вразумлять вас во всяком случае, это

надежнейший руководитель (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 245).

***

Можно думать (и я так думаю), что душа и Ангел — духовны по естеству, но облечены тонким эфирным телом, а чтобы они по естеству были тело, так думать нельзя (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 187).

***

Ангелы, соблюдшие свой чин, свободны и пасть, но не захотят этого по причине обилия благ, вкушенных ими от покорности воле Божией (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 110).

****

В 1885 году из Петрограда в Москву шел курьерский поезд. Стрелочник вышел навстречу, чтобы перевести стрелку и направить поезд на свободный путь. Смотрит, уже виднеется дымок и слышен свисток паровоза. Неожиданно он оглядывается назад и видит, что навстречу поезду бежит его трехлетний сынишка и что-то держит в руках. Бросить стрелку и бежать к сыну поздно. Что же делать? А поезд между тем приближается и через несколько минут, если он не переведет стрелку, пролетит на другой, занятый путь, и произойдет крушение с сотнями человеческих жертв. Тогда стрелочник всем сердцем воззвал к Богу: «Да будет воля Твоя святая», — перекрестился, закрыл глаза и повернул стрелку. Через несколько секунд поезд промчался по полотну, где только что бежал его

маленький сын. Когда поезд скрылся из вида, стрелочник бросился к сыну, не думая найти его живым. И что же он видит: мальчик, сложив ручки на груди, лежит на шпалах. «Сын мой, ты жив?» — «Я жив, жив», — весело ответил он, поднялся на ножки и ручками продолжал держать вороненка. В глазах его не было и следа страха. Отец спросил его: «Как же ты догадался лечь?» — «Какой-то светлый, красивый, добрый юноша с крыльями склонился надо мною и пригнул меня к земле», — ответил мальчик. Стрелочник понял, что, когда он воззвал ко Господу, Ангел Божий чудесно спас его ребенка (105, 144).

***

Преподобный авва Исаия рассказывал об одном великом старце, что прежде вступления в безмолвие видел он в исступлении некоего юношу, у которого лицо сияло паче солнца и который, взяв его за руку, сказал: «Иди, тебе предлежит борьба» — и ввел его в зрелище, исполненное людей, с одной стороны — облаченных в белые одежды, а с другой — в черные. «Когда вывел он меня на место борьбы, я увидел пред собою человека-эфиопа, страшного и высокого, которого голова досязала облаков. Державший меня Ангел-хранитель мой сказал мне: «С этим ты должен бороться». Увидев такое страшилище, я в испуге начал весь трепетать и просить хранителя моего избавить меня от сей беды, говоря: «Кто из имеющих смертное человеческое естество может бороться с ним?» Ангел Божий сказал мне: «Можешь, вступи только в борьбу со всем рвением, ибо, коль скоро ты схватишься с ним, я помогу тебе и доставлю тебе победный венец». И действительно, как только мы схватились и начали бороть друг друга, Ангел

Божий подошел и помог мне одолеть эфиопа. Тогда все черные эфиопы с ропотом и бранью исчезли, а хор Ангелов восхвалил Помогавшего мне и Даровавшего мне победу (100, 87).

***

«Что ты стоишь здесь и плачешь?» — спросил однажды преподобный Нифонт юношу, который стоял в дверях одного дома и плакал. «Я, — отвечал юноша, — Ангел, посланный Богом на сохранение человека, который пребывает уже несколько дней в сем непотребном доме, стою здесь потому, что не могу приблизиться к грешнику, плачу оттого, что теряю надежду привести его на путь покаяния» (103, 692).

***

Иеродиакон Серапион Глинский просил Господа показать ему Ангела-хранителя... Однажды во время молитвы подвижнику предстал крылатый юноша и, сказав: «Ты молишь Бога показать твоего Ангела-хранителя — вот я», — стал невидим (92, 198).

***

Авва Леонтий, настоятель киновии святого отца нашего Феодосия, рассказывал нам: «Однажды в воскресный день я пришел в церковь для приобщения Святых Таин. Войдя в храм, я увидел Ангела, стоящего по правую сторону престола. Пораженный ужасом, я удалился в свою келью. И был глас ко мне: «с тех пор, как освящен этот престол, мне заповедано неотлучно находиться при нем» (99, 9).

***

Святой Иоанн Молчальник возымел желание видеть, как разлучается душа от тела, и, когда просил о сем Бога, был восхищен умом во святый Вифлеем и увидел на паперти церкви мужа-странника святого, который лежал и умирал. Душа его была принимаема Ангелами и возносима с песнопениями и благоуханием на небо. Святой Иоанн искал увидеть своими очами, что это так, встав тотчас, ушел в Вифлеем и нашел, что в этот самый час преставился этот человек (102, 17).

АНТИХРИСТ

Велик подвиг, братия, в те времена, особенно для верных, когда самим змием с великою властию совершаемы будут знамения и чудеса, когда в страшных призраках покажет он себя подобным Богу, будет летать по воздуху, и все бесы подобно ангелам вознесутся пред мучителем. Ибо с крепостью возопиет, изменяя свой вид и безмерно устрашая всех людей. Кто тогда, братия, окажется огражденным, непоколебимым, имеющим в душе верный знак — святое пришествие Единородного Сына, Бога нашего, как скоро увидит сию неизреченную скорбь, отовсюду приходящую на всякую душу; потому что совершенно ниоткуда нет у нее ни на земле, ни на море никакого утешения, ни покоя — как скоро увидит, что весь мир в смятении, что каждый бежит укрыться в горах, и одни умирают от голода, другие истаявают, как воск, от жажды, и нет милующего; как скоро увидит, что всякое лицо проливает слезы и с сильным желанием спрашивает: «Есть ли где на земле слово Божие?» — и слышит в ответ: «Нигде». Кто перенесет дни сии, кто стерпит невыносимую скорбь, как скоро

увидит смешение народов, которые от концов земли идут увидеть мучителя, и многие поклоняются мучителю, с трепетом взывая: «Ты — наш спаситель». Море мятется, земля иссыхает, небеса не дождят, растения увядают, и все живущие на востоке земли от великого страха бегут на запад, а также живущие на западе солнца с трепетом бегут на восток. Бесстыдный же, приняв тогда власть, пошлет бесов во все концы смело проповедовать: «Великий царь явился во славе, идите и видите его». У кого же будет такая адамантовая душа, чтобы мужественно перенести ему все соблазны? ...Жестоким к человеческому роду окажется сей скверный змий, и еще более злобы будет иметь на святых, которые могут преодолеть его мечтательные чудеса. Ибо много найдется тогда людей, благоугодивших Богу, которым в горах и местах пустынных можно будет спастись многими молитвами и невыносимым плачем. Ибо Святый Бог, видя их несказанные слезы и искреннюю веру, умилосердится над ними, как нежный отец, и соблюдет их там, где они укроются; между тем как всескверный змий не перестанет отыскивать святых и на земле, и на море, рассуждая, что уже воцарился он на земле и все ему подчинены... У кого есть слезы и сокрушение, да просит Господа, чтобы избавиться нам от скорби, какая приидет на землю, чтобы вовсе не видеть сего зверя и не слышать страхований его... Мужественная нужна будет душа, которая бы могла сохранить жизнь свою среди соблазнов. Ибо если человек окажется хоть несколько беспечным, то легко подвергнется нападениям и будет пленен знамениями змия лукавого и хитрого. И таковый не найдет себе пощады на Суде, там откроется, что добровольно поверил он мучителю.

...Такой способ употребит мучитель, что все должны будут носить на себе печать зверя, когда во время свое, т. е. при исполнении времен, придет он обольстить всех знамениями, и в таком только случае можно им будет покупать себе снеди и все потребное; и поставит надзирателей исполнять его повеления. Заметьте, братия мои, чрезмерную злокозненность зверя и ухищрения его лукавства, каким образом начинает он с чрева, чтобы человек, когда приведен будет в крайность недостатком пищи, вынужден будет принять печать его, т. е. злочестивые начертания, не на каком-либо члене тела, но на правой руке, а также на челе, чтобы человеку не было уже возможности правою рукою напечатлеть крестное знамение и также на челе назнаменовать святое имя Господа или славный и Честный Крест Христа и Спасителя нашего. Ибо знает несчастный, что напечатленный крест Господень разрушает всю силу его... Делает же сие бессильный, боясь и трепеща святой силы Спасителя нашего. Ибо если кто не будет запечатлен печатью зверя, то не пленится и мечтательными его знамениями. Притом и Господь не отступает от таковых, но просвещает и привлекает их к Себе... Поелику Спаситель, вознамерившись спасти человеческий род, родился от Девы и в образе человеческом попрал врага святою силою Божества Своего, то и он умыслил восприять образ Его пришествия и прельстить нас. Господь наш на светоносных облаках, подобно страшной молнии, придет на землю, но не так придет враг, потому что он отступник. Действительно, от осквернённой девы родится его орудие: но сие не значит, что он воплотится. Приидет же всескверный, как тать, в таком образе, чтобы прельстить всех, придет смиренный, кроткий, ненавистник, как скажет о себе, неправды, отвращающийся идолов, предпочи-

тающий благочестие, добрый, нищелюбивый, в высокой степени благообразный, постоянный, ко всем ласковый, уважающий особенно народ иудейский, потому что иудеи будут ожидать его пришествия. А при всем этом с великою властию совершит он знамения и чудеса, и страхования и примет хитрые меры всем угодить, чтобы в скором времени полюбил его народ... Поэтому, когда многие сословия и народы увидят такие добродетели и силы, все вдруг возымеют одну мысль и с великою радостью провозгласят его царем, говоря друг другу: «Найдется ли еще человек столько добрый и правдивый?» И скоро утвердится царство его, и в гневе поразит он трех великих царей. Потом вознесется сердцем и изрыгнет горечь свою этот змий, смятет вселенную, подвигнет концы ее, всех притеснит и станет осквернять души, не благоговение уже в себе показывая, но при всяком случае поступая как человек суровый, жестокий, гневливый, раздражительный, стремительный, беспорядочный, страшный, отвратительный, ненавистный, мерзкий, лютый, губительный, бесстыдный, который старается весь род человеческий низринуть в пучину нечестия <...>

Тогда сильно восплачет и воздохнет всякая душа; тогда все увидят, что несказанная скорбь гнетет их день и ночь, и нигде не найдут пищи, чтобы утолить голод... Все же, поверившие лютому зверю и принявшие на себя печать его, приступят к нему вдруг и с болезнью скажут: «Дай нам есть и пить, потому что мы все истаяваем, томимые голодом, и отгони от нас ядоносных зверей». И этот бедный, не имея к тому средств, с великою жестокостью даст ответ, говоря: «Откуда, люди, дам вам есть и пить? Небо не хочет дать земле дождя, и земля также вовсе не дает ни жатвы, ни плодов». Народы, слыша это, восплачут и прольют слезы, не имея утешения в скорби; напротив того,

другая неизреченная скорбь приложится к их скорби, а именно: что так поспешно поверили мучителю.

<...> Но прежде нежели будет сие, Господь, по милосердию Своему, пошлет Илию Фесвитянина и Еноха, чтобы они возвестили человеческому роду богочестие, дерзновенно проповедали всем благоведение, научили не верить мучителю из страха, вопия и говоря: «Это лесть, о человеки! Никто да не верит ей нисколько, никто да не повинуется богоборцу, никто из вас да не приходит в страх, потому что он скоро будет приведен в бездействие. Вот Святой Господь идет с неба судить всех поверивших знамениям его». Впрочем, немногие тогда захотят послушать и поверить сей проповеди Пророков. Спаситель же делает сие, чтобы показать неизреченное Свое человеколюбие, потому что и в это время не оставляет род человеческий без проповеди, да будут все безответными на Суде.

Многие из святых, какие только найдутся тогда, в пришествие осквернённого, реками будут проливать слезы к Святому Богу, чтобы избавиться им от змия, с великою поспешностью побегут в пустыни... И будет им сие даровано от Бога; благодать Его отведет их в определенные для сего места, и спасутся, укрываясь в пропастях и пещерах, не видя знамений и страхований антихристовых, потому что имеющим ведение без труда сделается известным пришествие антихриста. А кто имеет ум на дела житейские и любит земное, тому не будет сие ясно, ибо привязанный всегда к делам житейским, хотя и услышит, не будет верить и погнушается тем, кто говорит. А святые укрепятся, потому что отринули всякое попечение о сей жизни.

<...> Восплачут великим плачем все церкви Христовы, потому что не будет священнослужения и приношения. По исполнении же трех с половиной лет власти и действий

нечистого, и когда исполнятся все соблазны всей земли, придет, наконец, по сказанному, Господь, подобно молнии, блещущей с неба, придет Святый, Пречистый, Страшный и Славный Бог наш с несравненною славою...

Мучитель со всеми демонами, связанный Ангелами, также все принявшие печать его, все нечестивые и грешники, связанные будут приведены пред судилище. И Царь даст на них приговор вечного осуждения в огнь неугасимый. Все же не принявшие печать антихриста и все скрывавшиеся в пещерах возвеселятся с Женихом в вечном и небесном чертоге со всеми святыми в беспредельные веки... (прп. Ефрем Сирин, 31, 376—389).

***

Злочестивый и грозный тать <антихрист> придет прежде, во время свое, с намерением похитить, заклать и погубить избранное стадо истинного Пастыря. Он примет вид истинного пастыря, чтобы обольстить овец стада, но хорошо знающие святый глас истинного Пастыря тотчас узнают обманщика, потому что голос злочестивого нимало не походит на голос истинного Пастыря и язвителен; голос татя притворен и вскоре делается известным, каков он... И скажет скверный: «Повелеваю тебе <гора>, переходи сейчас сюда через море». И в глазах зрителей гора пойдет, нимало не подвигнувшись со своих оснований. Ибо, что в начале творения водрузил и поставил Всевышний Бог, над тем не будет иметь власть этот всескверный, но станет обольщать мир чародейными мечтаниями... Еще змий сей простpет руки и соберет множество пресмыкающихся и птиц. Подобным образом ступит на бездну и пойдет по ней, как по суше, представляя все это мечтательно. И мно-

гие поверят и прославят его как крепкого бога. Но кто имеет в себе Бога, у тех светлы будут сердечные очи, и искреннею верою в точности увидят они и узнают его (прп. Ефрем Сирин, 32, 137—140).

***

Подобно тому как диавол пал от гордости, так и тот, кто будет орудием его <антихрист>, будет напитан гордостью (свт. Иоанн Златоуст, 55, 575).

***

<Апостол> называет <антихриста> человеком беззакония, потому что он совершит тысячи беззаконий и побудит других к совершению их. А сыном погибели называет его потому, что и он сам погибнет. Кто же он будет? Ужели сатана? Нет, но человек некий, который восприимет всю его силу (ἐνέργειαν)... Он не будет приводить к идолослужению, а будет богопротивником (ἀντίθεος), отвергнет всех богов и велит поклоняться себе вместо Бога и будет восседать в храме Божием, не в Иерусалимском только, но и повсюду в церквах. *Показующу,* говорит Апостол, *себе, яко бог есть* (2 Сол. 2, 4). Не сказал, что он будет называть себя богом, но что он будет стараться показать себя богом. Он совершит великие дела и покажет чудесные знамения (свт. Иоанн Златоуст, 55, 592).

***

Антихрист придет на погибель человеческую, чтобы наносить людям обиды. В самом деле, чего он не сделает в то время? Все приведет в смятение и в замешательство

как посредством своих повелений, так и посредством страха. Он будет страшен во всех отношениях — и своею властью, и жестокостью, и беззаконными повелениями. Но не бойся: он будет иметь силу... только над погибающими. И Илия тогда придет, чтобы поддержать верующих (свт. Иоанн Златоуст, 55, 600).

***

...Не сам диавол сделается человеком подобно тому, как вочеловечился Господь — да не будет! Но родится человек от блудодеяния и примет на себя все действо сатаны. Ибо Бог, предвидя будущее развращение его воли, попустит диаволу поселиться в нем (прп. Иоанн Дамаскин, 44, 266).

***

Отступление нового Израиля от Спасителя к концу времен примет обширное развитие... а потом, как последствие и плод отступления, ***откроется человек беззакония, сын погибели*** (2 Сол. 2, 3), который дерзнет назвать себя обетованным Мессиею... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 222).

***

Не странно, что чудеса антихриста будут приняты беспрекословно и с восторгом отступниками от христианства, врагами истины, врагами Бога... Достойно глубокого внимания и плача то, что чудеса и деяния антихриста приведут в затруднение самих избранников Божиих (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 296).

***

Явит себя антихрист кротким, милостивым, исполненным любви, исполненным всякой добродетели: признают его таким, и покорятся ему по причине возвышеннейшей его добродетели те, которые признают правдою падшую человеческую правду, и не отреклись от нее для правды Евангелия (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 297).

***

Знамения антихриста преимущественно будут являться в воздушном слое: в этом слое преимущественно господствует сатана (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 298).

***

Водящиеся духом антихриста отвергают Христа, приняли антихриста духом своим, вступили в общение с ним, подчинились и поклонились ему в духе, признав его своим богом (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 308).

***

Антихрист будет логичным, справедливым, естественным последствием общего нравственного и духовного направления человеков (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 309).

АНТРОПОЛОГИЯ

Не на гнев создал нас Бог, но для (получения) спасения, чтобы мы, насладившись Его благами, были благодарны и благомыслящи в отношении к Благодетелю (сщмч. Петр Дамаскин, 72, 19).

***

...Человек на... сирийском языке называется огнем, сходно с природою. Ибо от одного человека произошел весь мир, как от одной свечи можно зажечь сколько угодно других, и та первая от этого не оскудеет. По смешению же языков иной (язык) производит слово «человек» от забвения, которое свойственно человеку, другой — от других его свойств, а эллинский производит слово «человек» от взирания наверх (ἀνὼ ἀθρεῖν). Но естество его есть собственно слово, потому и называется он словесным, ибо один только человек обладает этим свойством, по иным же своим названиям он имеет себе соименников между другими творениями (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 126).

***

Да познает разумный человек, что он бессмертен, и да возненавидит всякую срамную похоть, которая бывает для людей причиною смерти (прп. Антоний Великий, 85, 65).

***

Для чего создан человек? Для того, чтобы, познавая творения Божии, он зрел Самого Бога и прославлял Создавшего их для человека; ум, любовью к Богу прилепленный (боголюбец и боголюбезный), есть невидимое благо, от Бога даруемое достойным за добрую жизнь (прп. Антоний Великий, 85, 72—73).

***

Образом Божиим бывает человек, когда живет право и богоугодно, а этому быть невозможно, если не отстанет

человек от всего страстного. У кого ум боголюбив, тот искусен во всем, что спасительно для души, и во всяком благоговеинстве, требуемом от него. Боголюбивый муж не укоряет никого другого, потому что знает, что и сам согрешает, и это есть признак души спасающейся (прп. Антоний Великий, 85, 79).

***

(Настоящий) человек есть тот, кто понял, что такое тело — именно, что оно тленно и маловременно. Таковый и душу понимает (как следует) — именно, что она божественна и бессмертна и, будучи вдуновением Бога, соединена с телом для испытания и восхождения к богоподобию. Понявший же душу как следует, живет право и богоугодно, не доверяя и не поблажая телу. Созерцая Бога умом своим, он зрит умно и вечные блага, даруемые Богом душе (прп. Антоний Великий, 85, 85).

***

Для человека создал Бог небо, украшаемое звездами, для человека создал Он землю — и люди возделывают ее для себя. Не чувствующие такого Божия промышления несмысленны душою (прп. Антоний Великий, 85, 86).

***

Человек, как сотворенный из ничего, по природе смертен; но, по причине подобия Сущему, если бы сохранил оное устремление к Нему ума своего, мог замедлить в себе естественное тление и пребыл бы нетленным... (свт. Афанасий Великий, 1, 196).

***

Бог не только сотворил нас из ничего, но, по благодати Слова, даровал нам и жизнь по Богу (свт. Афанасий Великий, 1, 197).

***

<Господь> творит <людей> по образу и подобию Своему, чтобы при такой благодати, представляя себе Образ, разумею же Отчее Слово, могли приобретать понятие о Самом Отце и, познавая Творца, жить... подлинно блаженною жизнию (свт. Афанасий Великий, 1, 205).

***

<Познай себя>... земного по природе, но дело Божиих рук, много уступающего бессловесным в силе, но поставленного властелином над бессловесными и неодушевленными тварями, умаленного в том, чем снабдила природа, но по превосходству разума способного возноситься в самое небо (свт. Василий Великий, 5, 86).

***

Зиждитель человека, Бог, создал его <человека> простым по образу Своему, Который спасает сердца; но впоследствии, опутав его <сердце> плотскими страстями, мы сделали из него сердце многовидное и многоличное, растлив его боговидность, простоту и единообразность (свт. Василий Великий, 5, 241).

***

...Подлинно это избыток несмыслености и скотского неразумия, если созданный по образу Творца не сознает

первоначального своего устройства, не хочет уразуметь всего Божия о нем Домостроительства и по оному заключать о собственном своем достоинстве, но до того забывает все это, что, отвергнув образ Небесного, восприемлет образ перстного (свт. Василий Великий, 5, 314).

***

Если не помнишь первоначального своего происхождения, то составь понятие о своем достоинстве по возданной за тебя цене. Посмотри, что дано взамен тебе и познай, чего ты стоишь. Ты куплен многоценною Кровию Христовою: не будь же рабом греха; уразумей себе цену, чтобы не уподобиться *скотом несмысленным* (Пс. 48, 13) (свт. Василий Великий, 5, 315).

***

Мы, люди, введены в мир сей как бы в общее училище: нам, получившим ум, имеющим глаза для наблюдения, повелено, как бы по некоторым письменам, по устройству и управлению вселенной познавать Бога (свт. Василий Великий, 6, 107).

***

Четвероногие смотрят в землю и потуплены к чреву, а у человека взор обращен к небу, чтобы он не предавался чреву и плотским страстям, но имел всецелое стремление к Горнему шествию (свт. Василий Великий, 8, 42).

***

...От природы в нас есть вожделение прекрасного, хотя по большей части одному то, а другому другое кажется прекрасным... (свт. Василий Великий, 9, 83).

***

...По природе всякий человек и со всеми равночестен, и преимущества наши не в роде, не в избытке имения, не в устройстве тела, но в преимущественном страхе Божием (свт. Василий Великий, 11, 209).

***

Надобно знать, что поелику человек двойствен, то есть состоит из души и тела, то и чувства имеет двоякие. Есть пять чувств душевных и пять чувств телесных; душевные у мудрецов называются силами души и суть следующие: ум, разум, мнение, воображение и чувствование; телесные же чувства суть: зрение, обоняние, слух, вкус и осязание. Отсюда происходят двоякие их добродетели и двоякие пороки (прп. Ефрем Сирин, 32, 385).

***

Что же такое образ Божий? — Это невидимость, бессмертие, свобода, а также владычественность, сила чадорождения, назидательность... Образ Божий имеет всяческий человек, потому что ***нераскаянна дарования Божия*** (Рим. 11, 29) (прп. Ефрем Сирин, 32, 395).

***

Что такое подобие Божие? — Подобие Божие имеет в себе человек соразмерно с добродетелью, делами богоименитыми и богоподражательными, т. е. соразмерно с тем, что человеколюбиво расположен к однородным, милосердствует, милует и любит подобных себе рабов, оказывает всякое сердоболие и сострадание... Подобие Божие имеют редкие и то одни добродетельные и святые, сколько воз-

можно человеку подражающие в благости Богу (прп. Ефрем Сирин, 32, 395).

***

Бог создал человека свободным, почтив его умом и мудростию и положив пред очами его жизнь и смерть, так что если пожелает по свободе идти путем жизни, то будет жить вечно, если же по злому произволению пойдет путем смерти, то вечно будет мучиться (прп. Ефрем Сирин, 32, 396).

***

Господь всяческих сотворил меня совершенным и соделал орудием славы Своей, чтобы я служил Ему и святил имя Его, а я, несчастный, соделал члены свои орудиями греха и творил ими неправду. Увы мне, потому что будет Он судить меня! (прп. Ефрем Сирин, 33, 204).

***

Ты сотворил меня, Господи, наименовал меня образом Твоим по благости Твоей, создал меня по подобию Твоему. Ты научил меня знать путь в обитель жизни и показал мне путь в геенну. Лукавый, по зависти своей, поставил мне скрытные засады, совлек меня с пути Твоего, и погряз я в мерзостях (прп. Ефрем Сирин, 33, 233).

***

В двух мирах рождается человек, две носят его утробы — матернее чрево и гроб; матернее чрево рождает его на труд и болезнь, а гроб — на суд и воздаяние. И один

мир преходит, другой пребывает вечно. Блажен, кто умудрился! (прп. Ефрем Сирин, 33, 240).

***

Любовь Твоя, Боже, подвигла Тебя, по благости Твоей, сотворить меня из персти. Ты украсил меня небесными Твоими красотами, а я забыл Тебя, послушался сатаны и из великого вожделенного блаженства ниспал в бездну зловония и в греховную тину. Горе мне! Не умел я оценить славы своей, и вот блюдусь для тьмы кромешной (прп. Ефрем Сирин, 33, 260).

***

Даруй нам, Господи наш, принести Тебе три избранные дара. Даруй нам, Господи наш, воскурить пред Тобою три благоуханных кадила.

Даруй нам, Господи наш, возжечь Тебе три ясногорящие светильника: дух, душу и тело — сии три дара Единой Троице.

Дух посвятим Отцу, душу посвятим Сыну, тело посвятим Духу Святому, Который вновь восставит его из праха.

Отче, освяти Себе дух наш! Сыне, освяти Себе душу нашу! Душе Святый, освяти Себе тело наше, изнемогающее от язв!

Даруй нам, Господи наш, возрадоваться о Тебе, и Ты возрадуйся о нас в последний день. Хвала Тебе от духа, тела и души! А нам щедроты Твои! (прп. Ефрем Сирин, 33, 308).

***

Хвала Всеблагому, Который по любви Своей открыл славу Свою сынам человеческим! Из персти создал Он

бессловесное естество и украсил его душой, обладательницей сокровищ.

Перстные уста соделал способными величать Его, чтобы вся тварь воспевала Ему хвалу (прп. Ефрем Сирин, 33, 316).

***

Благословен Сотворивший нас орудиями славы Своей и вложивший славословие в недостойные уста наши! Хвала щедротам Его, потому что перстных соделал служителями Ангелов, чтобы всякую ночь и во всякое время воспевали они святое имя Его! (прп. Ефрем Сирин, 33, 317).

***

Как велик и славен Адам при сотворении своем! Как велико уничижение его в час смерти его! Да возвеличит его Воскресение Твое!

Устроением своим явил он мудрость Творца своего, а разрушением своим показал злобу коварного. Да посрамится же лукавый обновлением Адама!

Прекрасен и велик человек в сотворении своем, уничижен в кончине своей. В жизни своей как бы значит он что-то, а в смерти он — как бы ничто. Возвеличь его Ты, Господи, который судишь и осуждаешь, испытуешь и оправдываешь.

Человек — Божие подобие, а смерть его — смерть бессловесных. Да возвеличится, Господи, образ наш!

В мире человек имеет дар слова, а в шеоле безмолвен; да обновятся песнопения его! (прп. Ефрем Сирин, 33, 493).

***

Вполне совершенными сотворил Ты <Господи> нас, без меры повредили мы сами себя (прп. Ефрем Сирин, 34, 32).

***

Творец создал людей, чтобы на Него взирали и Ему уподоблялись, и чтобы, как Сам Он содержит в порядке тварь Свою, так и они подчиняли порядку дела свои (прп. Ефрем Сирин, 34, 312).

***

Не ради рая был создан человек, а, напротив того, сам был виною насаждения рая (прп. Ефрем Сирин, 34, 377).

***

Добрый человек есть как бы мысль Божия и ум, изыскивающий тайное, есть пророк для тех, кои нуждаются в нем (прп. Ефрем Сирин, 37, 341).

***

Сотворивший человека вначале сделал его свободным, ограничив его только одним законом заповеди; соделал и богатым среди сладостей рая, а вместе с ним благоволил даровать сии преимущества и всему роду человеческому в одном первом семени. Тогда свобода и богатство заключались единственно в соблюдении заповеди, а истинная бедность и рабство — в преступлении оной. Но с того времени, как появились зависть и раздоры, как началось

коварное владычество змия, непрестанно и неприметно привлекающего нас к злу лакомою приманкою удовольствия и вооружающего дерзких людей против слабых, — с того времени расторглось родство между людьми, отчуждение их друг от друга выразилось в различных наименованиях званий, и любостяжание, призвав и закон на помощь своей власти, заставило позабыть о благородстве естества человеческого (свт. Григорий Богослов, 13, 29).

***

Каждый из нас получил бытие не для одного себя, но и для всех, которые имеют с ним одну природу и произведены одним Творцом и для одних целей (свт. Григорий Богослов, 13, 271).

***

У всех высоких... одно отечество — Горний Иерусалим, в котором сокрыто житие наше. У всех один род, и если угодно смотреть на дольнее — это персть, а если на высшее — это дыхание, которого стали мы причастниками, которое заповедано нам хранить и с которым должно предстать на суд и дать отчет в соблюдении горнего нашего благородства и образа. Посему всякий благороден, кто соблюл сие дыхание добродетелью и стремлением к Первообразу, и всякий не благороден, кто осквернил оное пороком и принял на себя чуждый образ — образ змия (свт. Григорий Богослов, 14, 176).

***

Художническое Слово созидает живое существо, в котором приведены в единство невидимая и видимая приро-

ды; созидает, говорю, человека и из сотворенного уже вещества взяв тело, а от Себя вложив жизнь (что в Слове Божием известно под именем разумной души и образа Божия), творит как бы некоторый второй мир, в малом великий; поставляет на земле иного ангела, из разных природ составленного поклонника, зрителя видимой твари, таинника твари умосозерцаемой; царя над тем, что на земле, подчиненного Горнему царству, земного и небесного, временного и бессмертного, видимого и умосозерцаемого, ангела, который занимает середину между величием и низостью, один и тот же есть дух и плоть — дух ради благодати, плоть ради превозношения, дух, чтобы пребывать и прославлять Благодетеля, плоть, чтобы страдать и, страдая, припоминать и поучаться, сколько ущедрен он величием, творит живое существо, здесь предуготовляемое и преселяемое в иной мир, и (что составляет конец тайны) чрез стремление к Богу достигающее обожения. Ибо умеренный здесь свет истины служит для меня к тому, чтобы видеть и сносить светлость Божию, достойную Того, Кто связует и разрешает и опять совокупит превосходнейшим образом (свт. Григорий Богослов, 14, 242).

***

Было время, когда высокое Слово Ума, следуя великому Уму Отца, водрузило несуществовавший дотоле мир. Оно рекло, и совершилось все, что было Ему угодно. Но когда все это — земля, небо и море — составило мир, нужен стал зритель Премудрости — матери всего — и благоговейный царь земной. Тогда Слово рекло: «пространное небо населяют уже чистые и присноживущие служители, непорочные умы, добрые Ангелы, песнословцы, неумолчно воспевающие Мою славу. Но земля украшается одними

неразумными животными. Потому угодно Мне создать такой род тварей, в котором бы заключалось то и другое, род тварей, средних между смертными и бессмертными, разумного человека, который бы увеселялся Моими делами, был мудрым таинником небесного, великим владыкою земли, новым ангелом из персти, песнословцем Моего могущества и Моего ума». Так рекло Слово, и, взяв часть новосозданної земли, бессмертными руками составило мой образ и уделило ему Своей жизни, потому что послало в него Дух, который есть струя невидимого Божества. Так из персти и дыхания создан человек — образ Бессмертного; потому что в обоих царствует естество ума. Посему, как земля, привязан я к здешней жизни, и как частица Божественного, ношу в груди любовь к жизни будущей. Так сопряжен был первородный человек; а впоследствии тело берется от плотей, душа же примешивается недоведомым образом, привходя совне в перстный состав, как знает сие Соединивший, Который вначале вдохнул ее и сопряг образ Свой с землею. А иный, пришедши на помощь моей песни, смело и следуя многим, присовокупит и следующее рассуждение. Как тело, первоначально растворенное в нас из персти, сделалось впоследствии потоком человеческих тел и от первозданного корня не прекращается, в одном человеке заключая других, так и душа, вдохнутая Богом, с сего времени сопривходит в образуемый состав человека, рождается вновь из первоначального семени, уделяемая многим, и в смертных членах сохраняя постоянный образ. Посему-то душа получает в удел умное господство. Но как в тонких трубах и сильное дыхание, даже весьма искусного человека, производит звуки слабые и нестройные, а когда даны ему в руки трубы широкого размера, тогда изливают они совершеннейший звук, так и душа, оказы-

вающаяся бессильною в немощном составе, проявляется в составе укрепившемся и обнаруживает тогда весь ум. Но поелику нетленный Сын создал... человека с тем, чтобы он приобрел новую славу и, изменив в себе земное в последние дни, как бог, шествовал отсюда к Богу, то и не предоставил его собственной свободе и не связал его совершенно, но, вложив закон в его природу и напечатлев в сердце добрые наклонности, поставил среди вечноцветущего рая, хотя в таком равновесии между добром и злом, что он мог по собственному выбору склониться к тому или другому, однако же чистым от греха и чуждым всякой двуличности. А рай, по моему рассуждению, есть небесная жизнь. В нем-то поставил Бог человека, чтобы он был неослабным делателем Божиих словес. Запретил же ему употребление одного растения, которое было совершеннее других, заключая в себе силу к полному различению добра и зла. Ибо совершенное хорошо для преуспевших, а не для начинающих. Последним оно столько же обременительно, сколько совершенная пища младенцу. Но когда, по ухищрению завистливого человекоубийцы, вняв убедительности женского слова, человек вкусил преждевременно сладкого плода и облекся в кожаные ризы — тяжелую плоть, и стал трупоносцем, потому что смертию Христос положил предел греху; тогда исшел он из рая на землю, из которой был взят, и получил в удел многотрудную жизнь; а к драгоценному растению приставил Бог хранителем Свою пламенеющую ревность, чтобы какой Адам, подобно прежнему, не взошел внутрь преждевременно, и прежде нежели бежал пожирающей снеди сладкого древа, находясь еще во зле, не приблизился к древу жизни. Как увлеченный бурными волнами мореходец отнесен назад и потом, или отдав парус на волю легчайшему веянию, или с трудом на вес-

лах, пускается снова в плавание, так и мы, далеко отплывшие от великого Бога, опять не без труда совершаем вожделенное плавание.

И этот новонасажденный грех к злосчастным людям перешел от прародителя... (свт. Григорий Богослов, 15, 242–245).

***

Если будешь много о себе думать, то напомню тебе, откуда пришел ты в жизнь, чем был прежде, чем — когда лежал в матерней утробе и чем будешь впоследствии, а именно: прахом и снедью червей; потому что принесешь с собою к мертвецам не более, как и самый немощный. А если будешь низко о себе думать, то напомню тебе, что ты Христова тварь, Христово дыхание, Христова честная часть, а потому вместе небесный и земной, приснопамятное творение — созданный бог, чрез Христовы страдания шествующий в нетленную славу. Посему не угождай плоти, чтобы не полюбить до излишества настоящую жизнь. Но старайся сооружать прекраснейший храм; потому что человек есть храм Великого Бога. И тот сооружает себя в сей храм, кто отрешается от земли и непрестанно шествует к небу. И сей-то храм советую тебе охранять так, чтобы он благоухал от всех твоих дел и слов, чтобы всегда пребывал в нем Бог, чтобы он всегда был совершен, и притом существенно, а не наружно. Не раскрашенный, разноцветный и блещущий поддельными красотами корабль веди по морскому хребту, но крепко сколоченный гвоздями, удобный для плавания, искусно оснащенный руками художника и быстро движущийся по водам (свт. Григорий Богослов, 15, 256).

***

Посмотри на жалкий человеческий род; тогда и сам скажешь с <Гомером> стихотворцем: «Нет ничего немощнее человека». Я плод истекшего семени; с болезнями родила меня мать, и воскормлен я с великими и тяжелыми трудами. Сперва матерь носила меня в объятиях — сладостный труд! а потом не без болезненных воплей сошел я на землю; потом стал ходить по земле как четвероногий, пока не поднялся на колеблющиеся ступни, поддерживаемый чужими руками. Со временем в намеках немотствующего голоса проблеснул мой ум. А потом уже под руководством других я выплакал себе слово. В двадцать лет собрался я с силами, но прежде сего, как подвизавшийся на поприще, встретил много поражений. Иное остается при мне, другое для меня погибло, а над иным (да будет известно тебе, душа моя) будешь еще трудиться, проходя жизнь, — это стремление во всем тебе противное, этот дикий поток, это волнующееся море, то здесь, то там вскипающее от непрестанных порывов ветра. Часто обуреваюсь собственным своим безрассудством, а оное навел на меня противник нашей жизни — демон (свт. Григорий Богослов, 15, 265—266).

***

Во мне двоякая природа. Тело сотворено из земли, потому и преклонно к свойственной ей персти. А душа есть Божие дыхание и всегда желает иметь лучшую участь пренебесных (свт. Григорий Богослов, 15, 270).

***

Смертные человеки, порождение истекшей влаги, ничтожные, вы, которые, живя смертью, надмеваетесь сует-

ным! Долго ли вам, оставаясь игралищем ложных и наяву представляющихся сновидений, и играя ими, блуждать на земле без цели (свт. Григорий Богослов, 15, 321).

***

Бог-Слово, как совершеннейший Художник, разлучив... природы и премудро сопрягая тварь, создает и меня — живое существо, сложенное из обеих природ, сочетая воедино и слово и бессловие, т. е. невидимую душу, в которой ношу я образ Всевышнего Бога, и видимое (νοητον) тело. Таково смешение этой досточестной твари, которую можно назвать новым миром, в мире малом — миром великим. И как Сам Он преисполнен света и добра, то и мне даровал несколько добра; восхотел же, чтоб оно было моим делом. А для сего показал мне тогда же границы той и другой жизни и определил их словом, придал в помощь твари закон, поставил меня самопроизвольным делателем добра, чтобы борьбою и подвигом приобрел я венец; потому что для меня это лучше, чем жить свободным от ограничений (свт. Григорий Богослов, 16, 124).

***

Высоко достоинство человека. Смотри, каковы небо, земля, солнце и луна, и не в них благоволил успокоиться Господь, а только в человеке. Поэтому человек драгоценнее всех тварей, даже, осмелюсь сказать, не только видимых, но и невидимых тварей, т. е. служебных духов. Ибо об Архангелах Михаиле и Гавриилe не сказал Бог: ***сотворим по образу и подобию Нашему*** (Быт. 1, 26), но сказал об умной человеческой сущности, разумею бессмертную душу (прп. Макарий Египетский, 66, 121).

***

Природа наша удобоприемлема и для добра, и для зла, и для Божией благодати, и для сопротивной силы (прп. Макарий Египетский, 66, 122).

***

Познай, человек, свое благородство и достоинство, как драгоценен ты, брат Христов, друг Царев, невеста Небесного Жениха (прп. Макарий Египетский, 66, 207).

***

Неестественно было начальнику <человеку> явиться прежде подначальных <животных и прочих>, но после того, как уготовано сперва владение, следовало показать и царя. Посему, когда Творец вселенной как бы царский некий чертог устроил имущему царствовать, и это были — самая земля, острова, море и наподобие крыши сведенное над ними небо; тогда в царские эти чертоги собрано было всякого рода богатство; богатством же называю всю тварь, все растения и прозябения, все, что чувствует, дышит, имеет душу. Если же к богатству причислить надобно и вещества, какие только по какой-либо доброцветности в глазах человеческих признаны драгоценными, например: золото и серебро, и те из камней, которые любезны людям, то обилие всего этого как бы в царских некиих сокровищницах, сокрыв в недрах земли, потом уже показывает в мире человека, будущего, заключающихся в нем чудес, частью зрителя, а частью владыку, чтобы при наслаждении приобрел он познание о Подателе, а по красоте и величию видимого исследовал неизреченное и превышающее разум могущество Сотворшего. Посему-то человек

введен последним в творение, не потому что, как нестоющий, отринут на самый конец, но потому что вместе с началом бытия должен был стать царем подчиненных (свт. Григорий Нисский, 18, 84).

***

...Богатый и щедрый Угоститель естества нашего, всякого рода красотами убрав это жилище <землю>, уготовив этот великий и всем снабженный пир, потом уже вводит человека, вменив ему в занятие не приобретать то, чего еще нет, но наслаждаться тем, что уже есть. Поэтому в основании устройства полагает в человеке сугубое начало, смешав с земным божественное, чтобы ради того и другого иметь ему наслаждение, какое сродно и свойственно тому и другому, наслаждаясь и Богом по естеству божественному, и земными благами по однородному с ними чувству (свт. Григорий Нисский, 18, 85).

***

Устрояется солнце и никакого не предшествует совета, так же и небо, хотя нет ничего ему равного в сотворенном, и такое чудо созидается единым речением; о том же, из чего и как, и о чем-либо подобном, не сказано ни слова. Так и все, взятое порознь: эфир, звезды, наполняющий средину воздух, море, земля, животные, растения — все приводится в бытие словом. К одному только устроению человека Творец вселенной приступает как бы с рассмотрительностью, чтобы и вещество приуготовить для сего состава, и образ его уподобить первообразной некоей красоте, и предназначить цель, для которой будет он существовать, и создать естество, соответственное ему, прилич-

ное его деятельности, пригодное для предположенной цели (свт. Григорий Нисский, 18, 87).

***

Как в этой жизни художники дают вид орудию соответственно его потребности, так наилучший Художник создал наше естество, как некий сосуд, пригодный для царственной деятельности и по душевным преимуществам, и по самому телесному виду, устроив его таким, каким нужно быть для царствования. Ибо душа прямо показывает в себе царственность, и возвышенность, и великую далекость от грубой низости тем самым, что она, не подчиняясь, свободно, полновластно располагает своими желаниями. А это кому иному свойственно, кроме царя? И сверх того, соделаться образом Естества всем владычествующего — не иное что значит, как при самом создании немедленно стать естеством царственным. Ибо, как по человеческому обычаю, приготовляющие изображения державных и черты лица снимают верно, и облачением в порфиру показывают царское достоинство, и изображение называется обыкновенно царем, так и человеческое естество, поскольку приуготовлялось для начальствования над другими, по причине подобия Царю вселенной, выставлялось как бы некиим одушевленным изображением, то общие с Первообразом имело и достоинство и имя; но не в порфиру было облечено, не скипетром и диадемою показывало свой сан (сего нет и у Первообраза), а вместо багряницы облачено добродетелью, что царственнее всех одежд, вместо скипетра утверждено блаженством бессмертия, вместо царской диадемы украшено венцом правды, так что в точности уподобляясь красоте Первообраза, всем доказывало царский свой сан (свт. Григорий Нисский, 18, 87).

***

Наш Зиждитель, как бы наложением некоторых красок, т. е. добродетелями, расцветил изображение до подобия с собственною Своею лепотою, чтобы в нас показать собственное Свое начальство. Многовидны и различны сии как бы краски изображения, которыми живописуется истинный образ: это не румянец, не белизна, не какое-либо смешение сих цветов одного с другим, не черный какой-либо очерк, изображающий брови и глаза, не какое-либо сраствореиие красок, оттеняющее углубленные черты, и не что-либо подобное всему тому, что искусственно произведено руками живописцев, но вместо всего этого — чистота, бесстрастие, блаженство, отчуждение от всего худого; и все с сим однородное, чем изображается в человеке подобие Божеству. Такими цветами Творец собственного Своего образа живописал наше естество. Если же отыщешь и другие черты, которыми обозначается Божественная лепота, то найдешь, что и оных подобие в нашем образе сохраняется в точности (свт. Григорий Нисский, 18, 89).

***

Божественная красота <человека> не во внешних чертах, не в приятном складе лица и не какою-либо доброцветностью сияет, но усматривается в невыразимом блаженстве добродетели (свт. Григорий Нисский, 18, 89).

***

По естественному виду души <человек> питается; с растительною же силою соединена чувствительная, по природе своей занимающая середину между умопредстав-

ляемою и вещественною сущностью, в такой мере грубейшая первой, в какой она чище последней. Потом с тем, что есть тонкого и светоносного в естестве чувствующем, совершается некое освоение и срастворение умопредставляемой сущности, чтобы человек составлен был из сих трех естеств. Так подобное сему познали мы от Апостола, когда говорил он Ефесянам, желая им, *да сохранится всесовершенная благодать и тела, и души, и духа в пришествие Господне* (ср.: 1 Сол. 5, 23), и питательную часть называя телом, чувствующее означая словом — душа, а умопредставляемое словом — дух (свт. Григорий Нисский, 18, 99).

***

Апостол знает три различные произволения <в человеке> и именует плотским то, которое занимается чревом и его услаждениями; душевным, которое в середине между добродетелью и пороком, возвышается над пороком, но не вполне причастно добродетели; и духовным, которое имеет в виду совершенство жития по Богу (свт. Григорий Нисский, 18, 100).

***

Если Писание говорит, что человек создан был последним после всего одушевленного, не иное что означается сим, как то, что Законодатель любомудрствует о душе нашей по необходимой некоей последовательности в порядке, в окончательном усматривая совершенное. Ибо в словесном заключается и прочее, а в чувственном есть, без сомнения, и естественное, последнее же усматривается только вещественным. Посему природа естественным обра-

зом, как бы по степеням, разумею отличительные свойства жизни, делает восхождение от малого к совершенному (свт. Григорий Нисский, 18, 101).

***

Образ, пока не имеет недостатка ни в чем представляемом в Первообразе, в собственном смысле есть образ; но как скоро лишается в чем-либо подобия с Первообразом, в этом самом не есть уже образ. Посему, так как одним из свойств, усматриваемых в Божием естестве, есть непостижимость сущности, то по всей необходимости и образ в этом имеет сходство с Первообразом. Если бы естество образа оказалось постижимым, а Первообраз был выше постижения, то сия противоположность усматриваемых свойств обличила бы погрешительность образа. Но как не подлежит познанию естество нашего ума, созданного по образу Сотворшего, то имеет он точное сходство с превыше Сущим, непознаваемостью своею отличая непостижимое свое естество (свт. Григорий Нисский, 18, 109).

***

Как низко и недостойно естественного величия человека представляли о нем иные из язычников, величая, как они думали, естество человеческое сравнением его с этим миром! Ибо они говорили: человек есть малый мир, состоящий из одних и тех же со вселенною стихий. Но громким сим наименованием воздавая такую похвалу человеческой природе, сами того не заметили, что почтили человека свойствами комара и мыши; потому что и в них растворение четырех стихий, почему какая-либо большая или меньшая часть каждой из них непременно усматривается в

одушевленном, а не из них неестественно и составиться чему-либо одаренному чувством. Посему что важного в этом — почитать человека образом и подобием мира; когда и небо преходит и земля изменяется, и все, что в них содержится, переходит прехождением содержащего? Но в чем же по церковному учению состоит человеческое величие? Не в подобии тварному миру, но в том, чтобы быть по образу естества Сотворшего (свт. Григорий Нисский, 18, 136).

***

Бог по естеству Своему есть всякое то благо, какое только можно объять мыслью, или лучше сказать, будучи выше всякого блага и мыслимого и постигаемого, Он творит человека не почему-либо иному, а только потому, что благ. Будучи же таковым и поэтому приступив к созиданию человеческого естества, не в половину показал могущество благости, дав нечто из того, что у Него есть, и поскупившись в сем общении. Напротив того, совершенный вид благости в Боге состоит в том, что приводит человека из небытия в бытие и соделывает его не скудным в благах. Поскольку же подробный список благ велик и обозначить их числом неудобно, то Божие слово, в кратком изречении совокупив все блага, обозначило их, сказав, что человек создан по образу Божию. Ибо это значит то же, что и сказать: соделал естество человеческое причастным всякого блага; потому что если Божество есть полнота благ, а человек — Его образ, то значит, образ в том и имеет подобие Первообразу, что исполнен всякого блага. Следовательно, в нас есть представление всего прекрасного, всякая добродетель и мудрость, все, что только есть

умопредставляемого о наилучшем. Одним из числа всего необходимого есть и сие — быть свободным, не подчиняться какому-либо естественному владычеству, но иметь самовластную по своему усмотрению решимость; потому что добродетель есть нечто неподвластное и добровольное, принужденное же и невольное не может быть добродетелью (свт. Григорий Нисский, 18, 140).

***

В ком не померкла красота, теми ясно подтверждается верность сказанного, что человек сотворен как Божие подобие (свт. Григорий Нисский, 18, 153).

***

По образу сотворен человек — это всецелое естество, эта Богоподобная тварь; и по образу сотворена всемогущею Премудростью, не часть целого, но вся в совокупности полнота естества (свт. Григорий Нисский, 18, 165).

***

...Знал Ведающий все и прежде бытия вещей, сообъяв ведением, в каком числе будет род человеческий, происшедший от каждого. Но поелику проразумел в нас наклонность к худшему и то, что, добровольно утратив равночестие с Ангелами, человек приблизится к общению с низшим, то примешал по сему нечто к собственному Своему образу от бессловесной твари. Ибо в Божественном и блаженном естестве нет различия мужского и женского пола. Но перенося на человека отличительное свойство бессловесного устроения, не соответственно высоте твари, дарует нашему роду способ размножения. Не тогда, как

сотворил человека по образу, сообщил ему силу *раститься и множиться*, но когда уже произвел различение сие, мужское и женское, тогда говорит: *раститеся и множитеся и наполните землю* (Быт. 1, 28). Ибо подобное сему свойственно естеству не божественному, но бессловесному, как дает разуметь история, повествуя, что прежде сказано это Богом о бессловесных. Почему, если бы прежде, нежели придано естеству разделение на мужеский и женский пол, Бог сим словом дал человеку способность *растится*, то не имели бы мы нужды в таком способе рождения, каким рождаются бессловесные. Посему, проразумев Своим предведением, что полнота человеческого рода войдет в жизнь рождением, какое свойственнее животным, в известном порядке и в связности правящий всем Бог, поскольку вообще для человечества такой способ рождения необходимым соделывала наклонность нашей природы к униженному, какую прежде ее появления предведал Тот, Кто будущее видит наравне с настоящим, посему самому предусмотрел и соразмерное устроению человеков время, чтобы появлению определенного числа душ соответствовало и продолжение времени, и тогда остановилось текучее движение времени, когда прекратится в нем распространение человеческого рода. А когда кончится сей способ размножения людей, с окончанием его кончится и время, и таким образом совершится обновление вселенной, и за изменением целого последует и переход человечества от тленного и земного к бесстрастному и вечному (свт. Григорий Нисский, 18, 165).

***

...Хотя точному устройству нашего тела учит каждый сам себя, имея учителем собственное свое естество в том,

что он видит, живет и чувствует; однако же можно познать в точности все и тому, кто возьмет книги <древние>, в которых изложена история всего этого, трудолюбиво составленная мудрыми в подобном сему. Одни из них через рассечение тел изучали, какое положение имеет в нас каждый член; а другие примечали и объясняли, на что именно сотворена всякая часть тела, так что трудолюбивыми почерпается отсюда достаточное ведение человеческого устроения. Но если кто потребует учительницею во всем этом иметь Церковь, чтобы ни для чего не было нужды в постороннем голосе (ибо, как говорит Господь, — вот закон для духовных овец — не слушать им *чуждаго гласа*), то кратко изложим учение и об этом.

В естестве тела приметили мы три цели, для которых устроен в нас каждый член в отдельности. Одно устроено, чтобы жить, другое, чтобы жить хорошо, и иное приспособлено к потомственному преемству. Посему все таковое, без чего не может состояться в нас человеческая жизнь, приметили мы в трех частях: в голове, сердце и печени. А что служит некоторым добавлением к сим благам, по щедрости естества, и чем даруется человеку возможность жить хорошо, то составляют орудия чувств. Таковые орудия не существенны для жизни, потому что нередко, и при недостатке некоторых из них, человек тем не менее сохраняет жизнь; но без деятельности их человеку невозможно наслаждаться приятностями жизни. Третья же цель относится к последующему и к преемству.

Но кроме сих членов и другие некоторые служат к пребыванию всех вообще членов и составляют собою соответственное каждому члену дополнение; таковы: желудок и легкие; легкие дыханием воспламеняют огонь в сердце, а желудок вмещает во внутренностях пищу. Посему, при

таком разделении нашего устроения можно в точности уразуметь, что жизненная сила не однообразно и не одним каким-либо членом приводится в нас в действие; но что естество, уделив многим частям средства к устроению нашего состава, необходимым делает, чтобы каждый член вносил свою дань в пользу целого. Почему члены, которые естеством хитро устроены для безопасности и красоты жизни, и многочисленны, и между собой имеют великую разность. Но думаю, что надлежит нам прежде кратко, только подробнее, раскрыть первые начала того, что служит к образованию жизни...

Итак, видим три управляющие жизненные силы, из которых одна согревает все теплотой, другая согретое напоявает влагою, чтобы равносилием качества противоположностей живое существо соблюдалось в середине, и влажность не была попаляема переизбытком теплоты, и теплота не угашалась преобладанием охлаждающего. Третья же сила содержит собою в некоей близости и стройности разъединенные суставы, сопрягая их своими связками и всем сообщая самодвижную и произвольную силу, при недостатке которой член этот делается отдельным и омертвевшим, лишившись произвольного дыхания. Прежде же всего более достойна примечания художественность естества нашего в самом создании тела.

Поелику жесткое и упорное не принимает в себя действительности чувств, как можно видеть в костях у нас и в земных растениях, в которых примечаем некоторый вид жизни в том, что растут и питаются, чувства же, напротив того, не приняло в себя упорство их: то для чувственных деятельностей должно было изготовить как бы воску подобный, некий снаряд, который мог бы отпечатлевать на себе ощутительные оттиски и не сливал их по пере-

избытку влажности (потому что на влажном не удерживается отпечатленное) и не противился отпечатлению по чрезмерной отверделости (потому что неуступчивое не оставляет на себе знаков отпечатленного), но занимал середину между мягкостью и твердостью, чтобы живое существо не лишено было прекраснейшего из естественных действий, разумею, движение чувствительное. Поскольку же мягкое и уступчивое, не имея никакой деятельности, свойственной вещам твердым, было бы, без сомнения, недвижимо, нечленообразно, подобно морскому киселю, то естество примешало посему к телу твердость костей и соединило их между собою неотъемлемою соразмерностью, сблизив и скрепив связями из жил, потом обложило их плотню, доступною чувствам, менее же чувствительною и тверже сложенною на поверхности. На сии-то твердые по природе кости, как на некоторые подпирающие здание столбы, возложило всю тяжесть тела и не одну нераздельную кость вложило в целый состав. Человек оставался бы недвижимым и бездейственным, если бы имел такое устройство, подобно какому-то дереву, держась на одном месте, потому что не мог бы производить движения вперед перестановкою ног, ни пользоваться в жизни услужливостью рук. Теперь же этим примышлением искусно устроила природа, что орудие сие и подвижно, и деятельно, с произвольным дыханием, проходящим по жилам, вложив в тело и стремление к движениям, и силу для них. Отсюда разнообразная, многосторонняя, ко всякому примышлению пригодная услужливость рук. Отсюда поворотливость шеи, наклонения и всякие движения головы, деятельность челюсти, разведенное и соединенное с тем вместе наклонение бровей; и движения прочих членов производятся, как бы в машине какой, сжатием и растяжением известных

жил. Проходящая же по ним сила имеет какое-то самодвижное стремление, в каждом из них действуя произвольным дыханием по особому смотрению естества. А корнем и началом всех движений в жилах оказывается облекающая собою головной мозг волокнистая плева.

...Что мозг головной весьма много способствует жизни, ясно открывается это из противоположных случаев. Ибо если потерпит кто какое-либо уязвление или разрыв мозговой плевы, за сим немедленно последует смерть, потому что естество и на мгновение не в силах устоять против этого уязвления, подобно тому, как если станешь выламывать основание, то целое здание с этой частью придет в потрясение. А что при своем повреждении сопровождается явною гибелью целого живого существа, в том (нельзя не признаться) главным образом заключается причина жизни. Поскольку же у прекративших жизнь с угашением вложенной в естество теплоты омертвевшее охладевает, то посему и в теплоте усматриваем причину жизни. Ибо за утратою чего следует омертвение, о том, по всей необходимости, должно признать, что присутствием этого держится жизнь в живом существе. А как бы некоторый источник и начало таковой силы примечаем в сердце, из которого, подобные свирелям, одна из другой многоветвисто исходящие трубки по всему телу разливают как бы огненное теплое дыхание.

И как непременно должно, чтобы естество доставляло теплоте некую пищу, потому что огонь не может поддерживаться сам собою, не будучи питаем чем-либо для сего пригодным, то посему печенью, как бы источником каким доставляемые потоки крови вместе с теплым дыханием идут повсюду в теле так неразрывно, что, по взаимном одних с другим разобщении, происшедшее страдание по-

губило бы самое естество. Да вразумит сие не наблюдающих равенства, научая самим естеством, что любостяжание есть тлетворная некая болезнь. Но поскольку одно Божество ни в чем не имеет нужды, человеческое же убожество к поддержанию своему нуждается во внешнем, то трем оным силам, которыми, как сказали мы, устрояется все тело, природа доставляет отвне притекающее вещество, вводя разными путями соответственное каждой силе. Ибо источнику крови, т. е. печени, природа предоставила снабжение посредством пищи. Что непрестанно доставляется пищею, то делает, что из печени изливаются потоки крови, подобно тому, как снег на горах свойственною ему влажностью увеличивает подгорные источники, через всю высоту горы влагу свою сгнетая до нижних жил.

Воздух же в предсердечии входит туда через находящуюся близ него часть внутренности, которая называется легкими и есть приемник воздуха, и посредством лежащей в них бьющейся жилы, простирающейся до рта, вдыханиями втягивает в себя внешний воздух. Ими посередине разделенное сердце, в подражание деятельности присно-движного огня, само непрерывно движимое и подобно тому, что производят в кузницах мехи, и втягивает в себя воздух из прилежащих легких, и наполняя происшедшие от расширения пустоты, и раздувая, что есть огненного в нем самом, выдыхает в прилежащие бьющиеся жилы. И не прекращает сего действия, как втягивая внешний воздух в собственные свои пустоты расширением оных, так выделяя от себя в бьющиеся жилы сжатием. Сие-то, кажется мне, и делается в нас причиною самодвижного дыхания. Ибо часто ум занят чем-либо другим или совершенно покоится, отрешившись от тела во сне, но вдыхание воздуха не прекращается без всякого содействия в том нашего произ-

воления. Ибо, думаю, поскольку сердце, будучи соединено с легкими и связано с ними заднею своею частью, своими расширениями и сжатиями приводит с собою в движение внутренности, то втягивание воздуха и дыхание производится легкими. Ибо легкие, будучи чем-то редким — исполненным скважин сосудом, и все пустоты в себе имея отверстыми при основании бьющейся жилы, когда сдавлены и сжаты, остававшийся во впадинах воздух по необходимости с силою извергают, а когда расширены и отверсты, втягивают внешний воздух в промежуток, сделавшийся пустым от притягивания. И вот причина сего непроизвольного дыхания — невозможность, чтобы огнистое в нас сделалось неподвижным. А поскольку теплоте свойственна деятельность в движении, начало же теплоты приметили мы в сердце, то непрестанное движение в этом члене производит непрерывное побуждение к выходу и вдыхание воздуха легкими. Почему, когда огненное напряжено сверхъестественно, дыхание палимых горячечным жаром делается учащенным, как будто бы сердце спешит сокрытый в нем пламень угасить новым воздухом.

Но поскольку естество наше есть что-то скудное, и для собственного своего поддержания имея во всем нужду, бедно до того, что нет у него не только собственного своего воздуха, но и дыхания, возбуждающего теплоту, то для сохранения живого существа непрестанно привносится что-либо отвне. Да и пища, поддерживающая телесный состав, у него приобретенная; почему яствами и питиями наполняет нуждающееся тело, вложив в него, когда оно в недостатке, некую притягивающую, а когда в преизбытке — отталкивающую силу, и при этом сердечный огонь оказывает естеству немалое содействие. Поскольку из жизненных членов, по сказанной выше причине, самый глав-

ный есть сердце, теплым дыханием оживотворяющий каждый из прочих членов, то Зиждитель наш соделал, что все оно действенно по производительности силы, так что ни одна часть его не остается без действия и без пользы в домостроительстве целого. Поэтому сердце, опускаясь от легких и непрестанным движением притянув к себе внутренности, расширяет проходы для втягивания внешнего воздуха, а поднимаясь опять вверх, способствует выдыханию того воздуха, который внутри. Передними же своими частями состоя в связи с влагалищем верхнего желудка, согревает его и приводит в движение для собственных его деятельностей, возбуждая не к втягиванию воздуха, но к принятию сообразной пищи, потому что близки между собою входы для дыхания и для пищи; идя вдоль один против другого, вверху в равной мере сближены, так что отверстиями сходятся друг с другом и в одних устах оканчиваются оба сии прохода, из которых одним входит в нас пища, другим дыхание. Но в глубине не везде сохраняется взаимная связь этой пары проходов, потому что сердце, помещаясь в середине между основаниями того и другого, дает силы одному для дыхания, а другому для питания. Огонь обычно ищет вещество для горения. Это же по необходимости происходит и с пищеприемником. Ибо в какой мере разгорячается соседственною теплотою, в такой же сильнее привлекает питающее теплоту; а такое побуждение называем позывом на пищу.

Если телесный сосуд, в который слагается пища, примет в себя достаточное количество вещества, то и в сем случае деятельность огня не успокаивается, но как в плавильне производит какой-то сплавок вещества и, разложив и перемешав что было твердо, как бы из тигля какого переливает в следующие далее проходы. Потом, отделив

более грубое от чистого, как бы водопроводами какими препровождает истонченное во врата печени. А густой отсев пищи отбрасывает в более широкие желудочные проходы и, несколько времени круговращая по оным разными оборотами, задерживает пищу во внутренностях, чтобы легко извергаемая по прямому проходу не возбуждала тотчас позыва на пищу в живом существе, и человек по естеству бессловесных не принужден был никогда не оставлять такой работы. Поскольку же и печени наиболее потребно содействие теплоты для обращения соков в кровь, а от сердца по положению отстоит она далеко (ибо, думаю, будучи неким началом и корнем жизненной силы, не может она утесняться другим началом), то чтобы отдаленность теплотворной сущности не повредила сколько-нибудь всему Домостроительству, волокнистый проход (у сведущих в этом называется он бьющейся жилой), приняв в себя разгоряченное дыхание, из сердца переносит в печень, где, закрыв несколько отверстия его входом влаг и теплотою приведя жидкость в кипение, отлагает во влажном нечто из огненного сродства и огненным цветом окрасив кровь. Потом, два некие водопровода, из которых каждый, подобно трубе, содержит в себе один дыхание, а другой кровь, чтобы то и другое удобно пролагало себе путь, начавшись в печени, жидкое, сопровождаемое и облегчаемое движением теплоты, многочастно рассеивают по всему телу, во всякой его части делясь на тысячи начал и ветвей сих проходов.

Два же начала жизненных сил, слившись между собою, сообщая повсюду телу одно теплоту, другое влажность, как бы необходимую некую дань из своей собственности приносят правительственной силе жизненного домостроительства. А это есть сила, открывающаяся в

мозговой оболочке и в головном мозгу; от нее всякое движение составов, всякое сжатие мышц, всякое произвольное дыхание, передаваемое каждой части порознь; и сие показывает земное наше изваяние, подобно какой-то машине, приводимое в действие и движение. Что есть самого чистого в теплом и самого тонкого во влажном, то, будучи соединено той и другою силою в некую смесь и сраствореніе, питает и поддерживает испареніями головной мозг. А что выходит из мозга, будучи им до высшей степени чистоты утончено, то укрепляет объемлющую головной мозг плеву, которая, наподобие свирели, простираясь сверху вниз, по ряду позвонков проводя и себя и лежащий в ней мозжечок, оканчивается в основании спинного позвонка. Головной мозг всем связям костей и сочленений, и началам мышц, подобно какому-то всаднику, дает от себя побуждение и силу в каждом движении и при каждой остановке. Посему-то, кажется мне, и удостоен он более надежного охранения, обнесенный вокруг и в голове двоякою оградою костей, и в позвонках, выдающимися шипами и разнообразными снаружи переплетениями, что охраняет его от всякой возможности что-либо потерпеть, потому что окружен надежной стражею.

Подобным образом может иной заключить и о сердце, что оно, подобно какому-либо дому, приведенному в безопасность твердынями, также отовсюду защищено, укрепленное костяными ограждениями. Ибо сзади проходит спинной позвонок, с обеих сторон обезопашенный лопатками; в каждом боку опоясывающее положение ребер делает середину нимало не подверженною страданиям отвне; а спереди выдается грудь и пара ключиц, чтобы сердце отовсюду было безопасно и охранено от внешних приражений...

Кости, хрящи, кровеносные бьющиеся жилы, волокна, связки, плоть, кожа, туки, волосы, железы, ногти, глаза, ноздри, уши — все сему подобное и сверх того тысячи других суставов, отличающихся друг от друга разными свойствами, питаются одним родом пищи соответственно своему естеству, так что пища, приблизившись к каждому из членов, в то и изменяется, к чему близка, делаясь свойственною и сродною с качеством сего члена. Если будет в глазу, то сраствoрится с этим зрительным членом и, как свойственно разностям глазных покровов, уделится каждому. Если приливается к слуховым суставам, смешивается с естеством слуха; вошедши в губу, делается губой; в костях отвердевает, в мозжечке размягчается, приходит в напряжение в жилах и растягивается с поверхностями, переходит в ногти, утончается в соответственных испарениях до того, что производит из себя волосы. Если проходит путями извилистыми, то порождает волосы вьющиеся и курчавые, а если прохождение волосородных испарений совершается путями прямыми, то и волосы производит долгие и прямые.

Но слово наше далеко уклонилось от предложенного, углубляясь в дела естества и предприемля описать, как и из чего составилось в нас все служащее, как к тому, чтобы жить, так и к тому, чтобы жить хорошо, и к тому, что еще кроме сего примечено было нами по первому разделению. Ибо предположено было нами доказать, что осеменяющая причина нашего состава есть и не душа бестелесная, и не тело неодушевленное, но что первоначально из одушевленных и живых тел рождается живое одушевленное существо. Человеческое же естество, восприняв его, подобно некоей кормилице, само питает его собственными своими силами; оно же питается в обеих своих частях, и в каж-

дой части, соответственно оной, явно возрастает. Ибо при сем художественном и многоискусном образовании естества тотчас обнаруживается сопряженная с ним сила души, хотя вначале оказывающаяся слабою, но впоследствии просиявающая вместе с усовершением орудия подобно тому, как можно сие увидеть у ваятелей... Ибо утверждаем, что естество, художнически все обрабатывающее из однородного вещества, приняв в себя часть, взятую от человека, создает изваяния. Но как за постепенным обрабатыванием камня последовал вид, сначала слабый, а по окончании дела совершеннейший, так и в изваянии орудия вид души, соответственной предположенному, проявляется в несовершенном несовершенный и в совершенном совершенный.

Но он был бы совершенен и в самом начале, если бы естество не было повреждено грехом. Потому-то общение с рождением страстным и скотским сделало, что не вдруг в твари просиявает Божий образ, но каким-то путем и последовательно, по вещественным и животным более свойствам души, ведет человека к совершенству. Подобное учение излагает и великий Апостол в Послании к Коринфянам, говоря: ***егда бех младенец, яко младенец глаголах, яко младенец смышлях; егда же бых муж, отвергох младенческая*** (1 Кор. 13, 11); не потому, что в мужа входит другая душа, кроме умопредставляемой в отроке, и отвергается младенческое разумение, а появляется мужеское, но потому, что та же душа, в младенце несовершенная, в муже оказывается совершенною.

Как о том, что рождается и растет, говорим, что оно живет, так и о всяком существе, которое причастно жизни и естественного движения, никто не скажет, что оно неодушевленно, хотя и невозможно утверждать, что подоб-

ная жизнь причастна совершенной души. Ибо являющаяся в растениях душевная некая деятельность не достигает до движений чувства. Опять и в бессловесных, с приращением оказывающая себя душевная некая сила также не достигает совершенства, потому что не вмещает в себе дара слова и разумения. Посему говорим, что душа человеческая есть душа истинная и совершенная, дающая познавать себя всякою деятельностью. Если же что иное причастно жизни, то называем сие одушевленным по привычке выражаться неточно, не потому что в этом есть совершенная душа, но потому что приметны в этом некоторые части душевной деятельности, которые, как познаем по Моисееву таинственному сказанию о бытии человека, появились и в нем оттого, что освоился с страстным. Посему-то и Павел желающим слушать, советуя достигать совершенства, предлагает и способ, как улучить желаемое, говоря, что должно совлечься *ветхаго человека* и облечься *в новаго, обновляемаго по образу Создавшаго* (Кол. 3, 9—10). Но да возвратимся и все к той боговидной благодати, с которой вначале сотворил Бог человека, сказав: *сотворим человека по образу Нашему и по подобию* (Быт. 1, 26). Ему слава и держава во веки веков! (свт. Григорий Нисский, 18, 203—222).

***

Так как природа человеческая в суждении о добре обманом введена в заблуждение, то <и> в произволении нашем произошла наклонность к противному. Жизнь человеческая преобладается всем худым, потому что смерть тысячами путей вмешалась в природу; всякий вид греха делается как бы каким путем к нам смерти (свт. Григорий Нисский, 18, 423).

***

...<Имел человек до грехопадения> тьмочисленные качества, которых никто не возможет представить словом... разумею равночестие с Ангелами, дерзновение пред Богом, созерцание премирных благ, возможность и нам украситься неизреченною лепотою блаженного Естества, показывая в себе Божественный образ, сияющий красотою души. На место же этого появились в нас лукавый рой страданий, злое гнездо огорчений (свт. Григорий Нисский, 19, 306).

***

...Человеческое естество, будучи образом превысшего блаженства, и само отличается доброю лепотою, когда показывает на себе самом изображение блаженных черт (свт. Григорий Нисский, 19, 363).

***

Как преемством принадлежащего каждому роду продолжается естество живых существ, так что по закону природы рожденное есть то же с родившим, так и от человека рождается человек, от страстного страстный, от грешника грешник. Посему в рождающихся некоторым образом составляется грех, вместе и рождаемый, и возрастающий, и оканчивающийся пределом жизни (свт. Григорий Нисский, 19, 446).

***

Сколько понимаем, человек первоначально не имел недостатка ни в одном из божественных благ; делом его было только хранить, а не приобретать сии блага. Но

злоумышление врагов соделало его лишившимся того, что имел, не сохранившим того доброго жребия, какой дан ему Богом в самом естестве (свт. Григорий Нисский, 20, 47).

***

Естество человеческое цвело первоначально, пока было в раю, напояемо водою оного источника и зеленело, когда вместо листьев украшал его стебель бессмертия. Но поскольку зима преслушания иссушила корень, то цвет опал и разложился в землю, человек утратил лепоту бессмертия по охлаждении любви к Богу, от умножившихся беззаконий иссохла зелень добродетелей, а от сего сопротивными духами воздвигнуто в нас множество различных страстей, от которых постигают душу гибельные крушения (свт. Григорий Нисский, 20, 132).

***

Поскольку естество в нас двояко, одно тонко, духовно и легко, а другое дебело, вещественно и тяжело, то по всей необходимости в каждом из них есть стремление, с другим несогласное и особенное, потому что духовное и легкое имеет свое парение к горнему, а тяжелое и вещественное всегда клонится и несется к дольнему. Посему, так как движения их естественно противоположны, невозможно преодолевать одному из них, пока не изнемогло другое в естественном своем стремлении. Занимающие же середину между ними, свободная наша сила и произволение, от себя сообщают и крепость естеству слабеющему, и расслабление усиливающемуся. Ибо на которой стороне будут, той и доставят победу над другою стороною (свт. Григорий Нисский, 20, 298).

***

Человек, усиленный Божиим благословением, велик был по достоинству, потому что поставлен был царствовать над землею и над всем, что на ней; имел прекрасный вид, потому что соделался образом лепоты первообразной; бесстрастен был по естеству, потому что был подобием Бесстрастного; исполнен же дерзновения, лицом к лицу наслаждаясь самым Богоявлением, сие же в противнике разжигало страсть зависти, а невозможно ему было каким-либо усилием и по принуждению произвести, что хотелось, потому что сила Божия благословения превозмогала его принуждение, то ухищряется <диавол> поэтому сделать человека отступником от укрепляющей его силы, чтобы стал он удобоуловимый для его злокозненности. И как в светильнике, когда светильня объята огнем, если кто, не имея сил погасить пламя дуновением, примешивает к маслу воду, то этою выдумкою ослабит пламень, так и сопротивник, обманом примешав к человеческому произволению порок, сделал, что стало угасать и ослабевать благословение, с оскудением которого по необходимости входит противоположное. Противополагается же как жизни — смерть, силе — немощь, так благословению — проклятие, дерзновению — стыд и всякому благу — разумеемое противоположно. Посему-то теперь, когда оное начало послужило поводами к такому концу, человечество видим среди настоящих зол (свт. Григорий Нисский, 21, 24).

***

...Никто да не спрашивает: ужели Бог, предвидя человеческое бедствие, какое постигнет людей по неблагоразумию, приступил к созданию, тогда как человеку, может

быть, было бы полезнее не приходить лучше в бытие, нежели пребывать во зле <...>

<То,> что человечество уклонится от добра, не не знал сего Тот, Кто все содержит силою прозорливости и наравне с прошедшим видит будущее. Но как видел Он уклонение, так разумел и воззвание человека снова к добру. Посему, что было лучше? Вовсе ли не приводить в бытие нашего рода, так как предвидел, что в будущем погрешит против прекрасного, или, приведя в бытие, и заболевший наш род снова воззвать в первоначальную благодать? По причине же телесных страданий, необходимо постигающих нас по скоротечности естества, именовать Бога творцом зол или вовсе не признавать Его создателем человека, чтобы не мог быть почитаем виновником того, что причиняет нам мучение, — это знак крайнего малодушия в оценивающих добро и зло чувством, которые не знают, что по естеству добро только то, чего не касается чувство, а зло — одно только отчуждение от добра. Различать же добро и зло по трудам и удовольствиям свойственно естеству бессловесному; у бессловесных уразумение истинно хорошего не имеет места, потому что не причастны они ума и мысли. А что человек есть прекрасное Божие дело и приведен в бытие для более еще прекрасного, это явно не только из сказанного, но и из тысячи других свидетельств, которых множество по их бесчисленности прейдем молчанием (свт. Григорий Нисский, 21, 25, 33).

***

Нужно прежде быть человеком, а затем уже называться именем, принадлежащим сему естеству (свт. Григорий Нисский, 24, 228).

***

Словесное сие и разумное животное — человек — есть дело и подобие Божеского и чистого естества... *по образу Божию сотвори его* (Быт. 1, 27). Итак... в человеке страстность и поврежденность не по природе и не соединена с его существом первоначально: потому что невозможно было бы сказать о нем, что он создан по образу (Божию), если бы отображенная красота была противоположна красоте первообразной. Но страсть привзошла в него впоследствии, после сотворения, и вошла таким образом: он был образом и подобием, как сказано, Силы, царствующей над всем существующим, а потому и в своей свободной воле имел подобие со свободновластвующим над всем, не подчиняясь никакой внешней необходимости, но сам по своему собственному усмотрению действуя, как кажется ему лучше и произвольно избирая что ему угодно; (посему и) то несчастие, которое терпит теперь человечество, навлек он сам по своей воле, увлекшись лестью, сам стал виновником сего зла, а не у Бога обрел оное: ибо Бог не сотворил смерти, но некоторым образом творцом и создателем зла соделался сам человек. Солнечный свет хотя доступен для всех, кто имеет способность видеть, однако же, если кто захочет, может, закрыв глаза, не ощущать его, не потому чтобы солнце куда-нибудь удалялось и таким образом наводило тьму, но потому, что человек, закрыв свои веки, заградил глазу доступ лучей, ибо, так как зрительная сила по закрытии глаз не может быть бездейственной, то необходимо, что действие зрения будет действием, производящим тьму в человеке вследствие его добровольного ослепления. Как тот, кто, строя себе дом, не сделал окна для входа в оный света отвне, по необходимости будет жить во тьме, заградив добровольно доступ

лучам света, так и первый человек на земле, или лучше тот, кто породил зло в человеке, имел во власти повсюду окружающее его доброе и благое по природе, но сам по себе добровольно измыслил противное природе, положив первый опыт зла самопроизвольным удалением от добродетели; ибо зла, не зависящего от воли, имеющего свое самостоятельное бытие, во всей природе существ нет никакого: *всякое создание Божие добро, и ничтоже отметно* (1 Тим. 4, 4), *вся елика сотвори* Бог — *добра зело* (Быт. 1, 31). Но когда указанным путем на погибель вошла в жизнь человеческую привычка ко греху и от малого начала проистекло необъятное зло в человеке, и боговидная оная красота души, созданная по подобию первообразной, как какое железо, покрылась ржавчиной греха, тогда уже не могла более сохраниться в целости красота принадлежащего душе по природе образа, но изменилась в гнусный вид греха. Таким образом человек, это великое и драгоценное создание, как назван он в Писании, лишившись собственного достоинства, подобно тем, которые, по неосторожности попав в тину и загрязнив лицо свое, не узнаются даже знакомыми, — упав в тину греха, потерял образ нетленного Бога и чрез грех облекся в образ тленный и перстный, который Писание советует отложить, омывшись чистою жизнью, как бы какой водою (1 Кор. 15, 49), чтобы по отъятии земной оболочки опять воссияла красота души. Сложить же чуждое — значит опять возвратиться к свойственному ему и естественному состоянию, чего не иначе можно достигнуть, как, соделавшись опять таковым, каковым был сотворен вначале. Ибо не наше дело и не силою человеческою достигается подобие Божеству, но оно есть великий дар Бога, Который вместе с первым рождением тотчас же дает естеству нашему Свое подобие; человеческому труду предстоит только

очистить наросшую от греха нечистоту и извести на свет сокрытую в душе красоту (свт. Григорий Нисский, 24, 341—344).

***

Разум есть поистине божественное и священное дело Божие, превосходное стяжание, не отъинуды <извне> привзошедшее, но с самою природою человека соединенное, драгоценнейший дар, нисшедший в него от Зиждителя. Посему и говорится, что человек создан по подобию Божию (Быт. 1, 26). Им он и отличается от прочих животных и этим особенно богоподобным преимуществом запечатлевается, впрочем, имея очень много общего с животными. Ибо форма глаз и состав всего тела, как наружный вид его, так и то, что скрыто внутри, не дают особого преимущества человеку, поелику мы видим, что и обитающие на земле и в воде, и летающие по воздуху, и вообще все животные имеют то же самое. Но разум делает человека владыкой всего и служит признаком его счастья. Что Бог имеет изобильно, то даровал нам в малой мере, чтобы мы прежде всего устремляли взор свой к Нему, познавали Разум, подающий разум, и служили бы Тому, Кто так прекрасно украсил нас собственным совершенством. Посредством разума мы, будучи слабы телом, делаемся сильнее сильных, все порабощаем себе и заставляем служить нашим нуждам (свт. Григорий Нисский, 24, 474).

***

Зиждитель всего, восхотев сотворить человека, привел его в бытие не как презренное животное, но как существо, честью превосходящее всех, и назначил его царем под-

небесной твари. Имея это в виду, создав его мудрым и боговидным, украсив многими дарами, ужели с той мыслью привел его в бытие, чтобы родившись он разрушился и подвергся совершенной гибели? Но это была бы пустая цель (создания), и такого рода намерение было бы крайне недостойно приписывать Богу. Ибо в таком случае Он уподобился бы детям, тщательно строящим домики и скоро разрушающим построенное ими, так как их рассудок не имеет в виду никакой полезной цели. Но учение веры говорит нам совершенно противное — что Бог сотворил первозданного бессмертным; когда же произошло преступление и грех, то в наказание за прегрешение лишил его бессмертия; потом Источник благости, преизобилующий человеколюбием, сжалившись над делом рук Своих, украшенным мудростью и знанием, благоволил вновь восстановить нас в прежнее состояние.

Это и истинно и достойно понятия о Боге, ибо здесь приписывается Ему вместе с благостию и сила. Выказывать же безучастие и жестокость к подначальным и подвластным несвойственно даже людям добрым и лучшим (свт. Григорий Нисский, 25, 66—67).

***

Наше естество Богом первоначально было создано как бы некиим сосудом, способным к восприятию совершенства; когда же чрез обольщение врага душ наших влилось в нас зло, то добру не стало места. По сей причине, дабы не увековечилось, поселившись в нас, зло, по определению мудрого Провидения, сосуд на время разрушается смертью, чтобы по истечении зла преобразовалось человеческое естество и чистое от зла восстановилось к первоначальной

жизни. Ибо в этом состоит Воскресение, восстановление природы нашей в первоначальное состояние. Итак, если невозможно претворение природы в лучшее состояние без Воскресения, без предварительной же смерти Воскресение не может быть, то смерть есть благо, будучи для нас началом и путем изменения к лучшему (свт. Григорий Нисский, 25, 405).

***

Люди делаются лучшими, когда приближаются к Богу (авва Евагрий, 85, 606).

***

<Бог> для того и создал нас и привел в бытие, чтобы сделать участниками вечных благ, чтобы даровать Царство Небесное, а не для того, чтобы ввергнуть в геенну и предать огню... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 11).

***

Одарив человека бесчисленными благами, <Бог> поставил это малое и немощное существо владыкою над таким множеством творений, сделав его на земле тем же, что Сам Он на небесах (свт. Иоанн Златоуст, 45, 169).

***

Когда сотворен был весь этот мир и устроено все необходимое для нашего наслаждения и употребления, то Бог создал человека, для которого и сотворил мир (свт. Иоанн Златоуст, 45, 307).

***

...Такое различие между человеком и Богом, какое между брением и скудельником, или лучше сказать, не такое различие, но гораздо большее. У брения и скудельника одно естество... Если же человек кажется лучше и благообразнее брения, то это различие произошло не от разности в существе их, но от мудрости Художника, так как (в сущности) ты ничем не отличаешься от брения. Если же не веришь, то пусть убедят тебя могилы и гробницы: подошедши к гробам предков, ты убедишься, что это действительно так (свт. Иоанн Златоуст, 45, 509—510).

***

...Хотя бы кто был праведен, хотя бы был тысячу раз праведен и достиг до самой вершины, так что отрешился от грехов, он не может быть чист от скверны... он — человек (свт. Иоанн Златоуст, 45, 863).

***

...Не может ни один человек быть столь злым, чтобы не иметь какого-нибудь, хотя малого, добра (свт. Иоанн Златоуст, 45, 864).

***

Бог почтил человека, во-первых, тем, что сотворил по образу (Своему); во-вторых, тем, что дал нам начальство не в награду за труды, но как чистый дар Своего человеколюбия; в-третьих, тем, что это начальство сделал для нас прирожденным (свт. Иоанн Златоуст, 46, 99).

***

Не вини же Бога за тленность твоего тела, но за это еще более благоговей перед Ним и удивляйся Его премудрости и промышлению: премудрости, что в таком тленном теле Он мог выказать такую гармонию; промышлению, что сделал тело тленным для блага души, дабы смирить гордость и низложить высокоумие ее (свт. Иоанн Златоуст, 46, 138).

***

Человек — не тот, кто имеет только руки и ноги человеческие, и не тот, кто имеет только разум, но кто с ревностью упражняется в благочестии и добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 46, 262).

***

...Бог сотворил человека не для того, чтобы он погиб, но чтобы шествовал к нетлению, так что и тогда, когда Он допустил смерть, допустил ее с тою мыслию, чтобы ты вразумлялся этим наказанием и, сделавшись лучшим, мог опять достигать бессмертия (свт. Иоанн Златоуст, 46, 479).

***

Познай истинное богатство и оставь эту надменную и пустую гордость; размысли о тленности своей природы. Ты — земля и пыль, пепел и прах, дым и тень, трава и цвет травный (свт. Иоанн Златоуст, 47, 53).

***

Людьми называть должно не тех, которые на площади, а вас, которые в церкви, не тех беспечных, а вас —

усердных; не тех, которые пристрастились к житейскому, а вас, которые житейскому предпочитаете духовное (свт. Иоанн Златоуст, 47, 101).

***

Человек, по-нашему, не тот, кто только питается хлебом, но кто, преимущественно пред этою пищею, вкушает Божественные и духовные слова (свт. Иоанн Златоуст, 47, 103).

***

В чем состоит достоинство человека? Не в богатстве, так чтобы тебе бояться бедности; не в телесном здоровье, так чтобы страшиться болезни; не во мнении народном, так чтобы смотреть на худую молву; не в жизни пустой и бесцельной, так чтобы для тебя была страшна смерть... но в точном соблюдении истинного учения и в добродетельной жизни (свт. Иоанн Златоуст, 47, 477).

***

Пока имел <человек> дерзновение пред Богом, дотоле страшен был и зверям; а когда пал, то сам стал бояться и последних из сорабов своих (свт. Иоанн Златоуст, 48, 70).

***

Так как жизнь райская доставляла человеку полное наслаждение, сообщая и удовольствие от созерцания и приятность от вкушения, то, чтобы человек от чрезмерного покоя не развратился, ***мнозей бо злобе,*** сказано, ***научила праздность*** (Сир. 33, 28), (Бог) повелел ему ***делати и хранити*** рай (Быт. 2, 15) (свт. Иоанн Златоуст, 48, 111).

***

...Какая нужна была мудрость <Адаму>, чтобы дать имена стольким породам птиц, гадов, зверей, скотов и прочих бессловесных... и притом имена собственные и соответствующие каждой породе (свт. Иоанн Златоуст, 48, 115—116).

***

И нарече Адам имена всем скотом, и всем птицам небесным, и всем зверем земным (Быт. 2, 20). Отсюда уже усматривай... свободу воли и превосходство разума его, и не говори, будто он не знал, что хорошо и что худо (свт. Иоанн Златоуст, 48, 116).

***

...Как велика сила того вдуновения и как велика мудрость, которою Господь одарил бестелесную душу, составив из двух сущностей столь чудное и разумное животное и бестелесную сущность души, как прекрасного художника, соединив с телом, как орудием (свт. Иоанн Златоуст, 48, 116).

***

Не вкушение от древа <познания добра и зла> открыло им <прародителям> глаза: они видели и до вкушения. Но так как это вкушение служило выражением преслушания и нарушения данной от Бога заповеди, а за эту вину они лишились потом облекавшей их славы, сделавшись недостойными столь великой чести... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 133).

***

Многие любители споров дерзают говорить, что Адам после уже вкушения от древа получил способность различать добро и зло. Думать так было бы крайне безумно... Как Он <Бог> давал и заповедь тому, кто не знал, что преступление (ее) зло? Это не так; напротив, он ясно знал это. Поэтому изначала (Бог) создал это животное (человека) самовластным... Что он сделался смертным за преступление, это видно и из самой заповеди, и из последующих событий. Послушай, что сама жена говорила змею: *от плода древа, еже посреде рая, рече Бог, да не ясте от него, да не умрете* (Быт. 3, 3). Значит, до вкушения они были бессмертны: иначе Бог, и после вкушения, не навел бы на них смерть в виде наказания (свт. Иоанн Златоуст, 48, 134—135).

***

Он <Бог> сделал и направил все так, чтобы созданное Им разумное животное <человек> пользовалось всею честью и ни в чем не уступало по жизни Ангелам, но и в теле приобрело бы их бесстрастие (свт. Иоанн Златоуст, 48, 137).

***

Рече, сказано, *Бог: в оньже аще день снесте от него* <древа>, *смертию умрете* (ср.: Быт. 2, 17); а оказывается, что они после преслушания и вкушения жили еще много лет... Хотя они (Адам и Ева) прожили много лет, но с той уже минуты, как услышали: *земля еси и в землю отыдеши* (Быт. 3, 19), — они получили смертный приго-

вор, сделались смертными и, можно сказать, умерли (свт. Иоанн Златоуст, 48, 153).

***

Так как... человек обнаружил великую невоздержность по отношению к данной заповеди и сделался смертным, то чтобы он не осмелился прикасаться к этому дереву <жизни>, постоянно поддерживающему жизнь, и не грешил бесконечно, лучше ему быть изгнанным отсюда <из рая>. Так изгнание из рая есть дело скорее попечительности Божией о человеке, нежели гнева (свт. Иоанн Златоуст, 48, 159).

***

Звероподобен бывает человек, предавшийся злу. Насколько велико и почтенно (по своей природе) это разумное существо, особенно когда устремляется на делание добра, настолько же оно походит по жестокости на лютых зверей, когда уклоняется ко злу. Впавши в дикость их, это кроткое и разумное существо далеко даже превосходит и их лютостью (свт. Иоанн Златоуст, 48, 168).

***

...В нашу природу вложено познание того, что должны мы делать и чего не должны... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 177).

***

Бог всяческих, как Сам имел власть над всем и видимым, и невидимым, будучи Создателем всего, так и, создав

это разумное существо (человека), восхотел, чтобы оно имело власть над всем видимым. Потому Он даровал ему и душу, чтобы он был и бессмертным навсегда. Когда же (человек) по беспечности пал и преступил данную ему заповедь, (Бог) по Своему человеколюбию и тогда не отвратился совершенно от него, но, лишив его бессмертия и осудив на смерть, оставил его с тою же почти самою властью (свт. Иоанн Златоуст, 48, 190).

***

Не то, что мы имеем вид человеческий — и глаза, и нос, и уста, и ланиты, и прочие члены, не это отличает человека: это члены телесные. Человеком мы назовем того, кто сохраняет образ человека. В чем же состоит образ человека? В том, чтобы быть разумным... Но и этого мало: чтобы быть человеком, надобно еще быть добродетельным, убегать пороков, побеждать нечистые страсти и исполнять заповеди Господни (свт. Иоанн Златоуст, 48, 219).

***

...Божественное Писание называет человеком того только, кто творит добродетель, а прочих не считает даже существующими, называя их то плотью, то землею (свт. Иоанн Златоуст, 48, 220).

***

Если бы это <стремление к добру и злу> было не в нашей воле и не во власти нашей души, если бы Господь создал нашу природу не свободною, то всем людям, как имеющим одинаковую природу и одинаковые страсти, над-

лежало бы быть или злыми, или добродетельными. А когда мы видим, что имеющие одну с нами природу и обуреваемые такими же страстями испытывают однако не одно и то же, но твердым умом направляют свою природу, преодолевают беспорядочные движения, обуздывают вожделения, побеждают гнев, избегают зависти, истребляют ненависть, презирают страсть к богатству, меньше заботятся о (земной) славе, не дорожат благополучием настоящей жизни, но твердо стремятся к истинной славе и похвалу от Бога предпочитают всему видимому, — то не ясно ли, что они своими усилиями могут совершать это при помощи вышней благодати и что мы по своей беспечности губим свое спасение, сами себя лишая небесного благоволения? (свт. Иоанн Златоуст, 48, 224).

***

Мы для того ведь и созданы разумными и столько возвышены над бессловесными, чтобы возносили к Создателю всяческих непрестанные хвалы и славословия (свт. Иоанн Златоуст, 48, 267).

***

Человеческая природа не любит оставаться в своих границах, но всегда ищет большего и стремится к высшему. Это-то особенно и губит людей, что они не хотят знать границ своей природы, но всегда желают большего и мечтают о том, что выше их (свт. Иоанн Златоуст, 48, 314).

***

При самом сотворении человека вложено в него и познание того, что он должен делать, дабы, показав свое

благомыслие упражнением в подвигах добродетели в настоящей жизни, как бы в некоторой школе борьбы, получил за добрые подвиги награды, — потрудившись краткое время, удостоился бы венцов в веке нескончаемом... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 576).

***

Каждый из нас имеет лежащее в самой природе познание о добродетели; и если кто не хочет по небрежности погубить благородство своей природы, то никогда не лишится этого (свт. Иоанн Златоуст, 48, 714).

***

...Нет никакой пользы от преимуществ природы <человека>, если они не сопровождаются совершенствами воли, так как только качества воли привлекают или похвалу, или укоризну (свт. Иоанн Златоуст, 48, 716).

***

...В том и состоит отличие наше от бессловесных и превосходство наше над зверями, что мы видим порок и добродетель, знаем зло и не не знаем добра (свт. Иоанн Златоуст, 48, 758).

***

...Сотворил Он <Господь> наше тело таким <смертным> для того, чтобы сделать нас лучшими и благоразумнейшими, и более покорными Ему, от чего зависит все наше спасение (свт. Иоанн Златоуст, 48, 780).

***

Для того Бог и сотворил из всех животных только одного человека с прямым станом и утвердил глаза его в верхней части тела, чтобы научить его и самою внешностью, что он должен взирать в высоту. Только одно это животное устроено таким образом, а все прочие смотрят вниз и обращены к земле; человек же обращен к небу, чтобы он смотрел туда, о том любомудрствовал, о том помышлял и имел острое зрение души (свт. Иоанн Златоуст, 49, 372).

***

Мы имеем руки для того, чтобы помогать себе и другим обижаемым, чтобы истреблять беззакония, быть пристанищем и защитою притесняемым (свт. Иоанн Златоуст, 49, 517).

***

Человек бывает хуже зверя. Тот прямо обнаруживает свое зверство, а этот скрывает свою злобу под видом кротости, и потому часто бывает трудно остеречься его (свт. Иоанн Златоуст, 49, 550).

***

...Каждое из бессловесных животных имеет один какой-нибудь недостаток: волк хищен, змей коварен, аспид ядовит, а у злого человека не так. Человек часто имеет не один недостаток, но бывает и хищен, и коварен, и ядовит, соединяя в душе своей страсти животных (свт. Иоанн Златоуст, 49, 561).

***

Легче было создать небеса и иные твари, чем человека, не только по причине души, но и тела, потому что Бог вложил великое совершенство в каждый член человека (свт. Иоанн Златоуст, 50, 230).

***

Того, что человек одарен телом, еще недостаточно для обнаружения меры его человечности; но нужно, чтобы душа его открыла, что он действительно человек (свт. Иоанн Златоуст, 50, 342—343).

***

...Живое существо, т. е. человек, двойственно, состоит из двух естеств, чувственного и духовного, т. е. из души и тела, и имеет сродство как с небом, так и с землею. Духовным естеством своим он имеет общение с высшими силами, а чувственным соприкасается с земными предметами, составляя собою некоторую связь тесную между тем и другим творением (свт. Иоанн Златоуст, 50, 473).

***

Тысячи тысяч Ангелов и тысячи Архангелов сотворил Бог и не нуждался в советнике и помощнике, а, творя одного человека из земли, совещается, рассуждает, делает совет (свт. Иоанн Златоуст, 50, 774).

***

Мы не для того сотворены, чтобы есть, пить и одеваться, но чтобы угодить Богу и получить будущие блага (свт. Иоанн Златоуст, 51, 253).

***

Бог дал нам и дар слова, и руки, и ноги, и крепость телесную, и ум, и разумение, чтобы все это употребляли мы для собственного нашего спасения и для пользы ближнего (свт. Иоанн Златоуст, 52, 45).

***

Наша природа создана Творцом так, что имеет разные нужды, а сама для себя недостаточна; поэтому Бог и устроил так, чтобы нужды, происходящие отсюда, исправляемы были пользою, проистекающей из общежития (свт. Иоанн Златоуст, 52, 125).

***

...Смертным наше естество стало вопреки природе, и Воскресением нам возвращается то, что свойственно нашей природе. Потому-то оно и есть воскресение, восстановление, что поврежденное грехом и падшее создание восстанавливает оправданием (свт. Иоанн Златоуст, 52, 847).

***

...Человек есть существо, но он может сделаться и ангелом, и зверем (свт. Иоанн Златоуст, 53, 293).

***

...Бог сотворил человека с достаточными силами избирать добродетель и избегать зла (свт. Иоанн Златоуст, 53, 533).

***

Не странно ли, что небеса возвещают славу Божию, а ты <человек>, для которого и небеса славят Бога, совершаешь такие дела, что через тебя хулится сотворивший тебя Бог? (свт. Иоанн Златоуст, 53, 728).

***

...Бог из одного Адама произрастил весь род (человеческий), поставив его чрез то в совершенную невозможность разъединиться или разделиться (свт. Иоанн Златоуст, 55, 166).

***

Бог дал нам тело из земли для того, чтобы мы и его возвели на небо, а не для того, чтобы чрез него и душу низвели в землю... «Я сотворил, — говорит Он <Господь>, — прекрасное тело, даю тебе власть создать нечто лучшее, сделать прекрасною душу... Я создал змия, чтобы ругаться над ним, т. е. диавола... Ругайся над ним и ты, если хочешь: можешь связать его, как птичку. Я воссияваю солнце на злых и благих, подражай и ты, — раздавай свои стяжания и добрым, и злым. Я, будучи оскорбляем, терплю и благотворю оскорбляющим Меня; подражай и ты, — ты можешь сделать это. Я благодетельствую не ради воздаяния; подражай и ты, и делай добро не ради воздаяния и не ради награды. Я возжег светила на небе; зажги и ты светила блистательнее этих, ты можешь сделать это, — просвети заблудших. Дать познать Меня — большее благодеяние, нежели доставить возможность видеть солнце. Ты не можешь сотворить человека, но можешь сделать его

праведным и благоугодным Богу. Я сотворил существо, ты укрась намерение. Смотри, как Я люблю тебя, и что Я дал тебе силу даже в более важных делах». Видите, возлюбленные, как мы почтены, и между тем некоторые несмысленные и неблагодарные говорят: для чего мы одарены свободною волею? Если бы у нас не было свободной воли, то все, о чем мы говорили и в чем можем подражать Богу, не могло бы составлять для нас предмета подражания. «Я управляю, — говорит Он, — Ангелами; и ты — чрез Начаток <Христа>. Я восседаю на Царском Престоле, и ты совосседаешь Мне чрез Начаток... Тебе покланяются Херувимы и Серафимы, и все Ангельские силы, Начала, Власти, Престолы, Господства, — чрез Начаток». Не порицай тела, которое сподобилось такой чести, пред которым трепещут даже Бесплотные силы (свт. Иоанн Златоуст, 55, 735—736).

***

Для того Бог создал нас из двух сущностей, чтобы, когда ты вознесешься гордынею, тебя смирила бы и удержала низость плоти, а когда помыслишь что-либо низкое и недостойное данной тебе от Бога чести, благородство души возвело бы тебя до соревнования Небесным силам (свт. Иоанн Златоуст, 56, 529).

***

Если благоугождать Богу, значит быть человеком, то чем другим, как не зверем, будет тот, кто не хочет даже слышать о том, чтобы это выполнить. Подумай же, каково это нечестие, когда в то время, как Христос желает сделать нас — людей — равными ангелам, сами мы низвер-

гаем себя с человеческого достоинства в звериное (свт. Иоанн Златоуст, 56, 707).

***

...Горние силы, стоящие в близости Бога, желают проникнуть в нашу славу, которой мы наслаждаемся ради того смешения (Боговоплощения), и находят нашу участь выше всякого желания (свт. Иоанн Златоуст, 56, 790).

***

Тот только истинный человек, кто сохраняет образ, не омрачает богоданной красоты (свт. Иоанн Златоуст, 56, 1008).

***

Как Божество царствует над всем, так и человек над тем, что на земле. Посему, сохраняя в себе право обладания, имеет он Царский образ (прп. Исидор Пелусиот, 62, 150).

***

Для того и сотворены мы по образу Божию, чтобы сохранять черты оных свойств и отличным житием взирающим на нас представлять в себе ясные признаки богоподобия (прп. Нил Синайский, 70, 158).

***

Один человек — это чудное живое существо, создан руками Божиими, украшен невещественными перстами; и

вдунута в него разумная душа (прп. Нил Синайский, 71, 106).

***

Мы, созданные по образу Божию, не будем бесчестить своего Первообраза, но сделаем образ свой чистым и славным, достойным Первообраза. Ибо если обесчестивший изображение царя видимого и подобострастного нам бывает наказан, то что должны потерпеть мы, пренебрегающие в себе Божественный образ и возвращающие... образ нечистым? (прп. авва Дорофей, 29, 195).

***

Бог, приводя в бытие разумное и умное существо по высочайшей благости Своей, сообщил сим тварям четыре Божественные свойства, их содержащие, охраняющие и спасающие: бытие, приснобытие, благость и премудрость. Из них два первых даровал существу, а два последних — нравственной способности: существу — бытие и приснобытие, а нравственной способности — благость и премудрость, дабы тварь соделывалась тем по причастию, что Он Сам есть по существу. Посему и сказано, что человек сотворен по образу и по подобию Божию: сотворен по образу, — яко сущий — Сущего, яко присносущий — Присносущего, хотя и не безначально, впрочем, бесконечно; сотворен по подобию, яко благий — Благого, яко премудрый — Премудрого, тем бывая по благодати, чем Бог есть по естеству. По образу Божию есть всякое существо разумное, по подобию же одни добрые и мудрые (прп. Максим Исповедник, 87, 199—200).

***

В естество человеческое чрез чувственность так укоренилась сила неразумного животолюбия или животности, что многие не чем иным почитают человека, как плотью, имеющей способность только к наслаждению настоящею жизнью (прп. Максим Исповедник, 87, 282).

***

Бог и человеческое естество создал причастным всякого блага, могущим мысленно созерцать ликования Ангелов славы, Господств, Силы, Начала, Власти, Свет неприступный, Славу пресветлую (прп. авва Филимон, 87, 367).

***

Бог для того ввел нас в мир, чтобы мы, благоугождая ему добрыми делами, соделывались наследниками Царствия Небесного (прп. Феодор Студит, 88, 25).

***

Трудно прививается доброе к естеству человеческому; напротив, злое очень удобоприемлемо для него (прп. Феодор Студит, 88, 303).

***

Бог в начале, когда создал человека, создал его святым, бесстрастным и безгрешным, по образу и подобию Своему, и человек точно был тогда подобен Богу, создавшему его. Ибо Святой, Безгрешный и Бесстрастный Бог и творения творит святые, бесстрастные и безгрешные (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 28).

***

Люди для того рождаются в мир сей, чтобы прославлять и благодарить Бога, зная, что всякое добро от Него. И опять, по труде и подвиге, подъятых в сем месте озлобления, на которое родились, умирают по определению Божию, чтоб упокоиться от трудов с надеждою, что некогда имеют воскреснуть и жить жизнью непрестающею, без всякой печали и лишений (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 49).

***

Люди для того и рождаются на свет, чтобы прославлять Бога, так как они суть мыслящие и разумные существа. Они одни из всех видимых тварей могут познавать, величать и благодарить Творца Бога. Рассматривая тварь, они дивятся Творцу и, познав Его величие, недомыслимое и беспредельное, поклоняются Ему, чтут Его и благоговеинствуют пред Ним; а при этом стараются жить во истине и правоте, как благоугодно Богу, представляя боговедение истинным свидетелем богоугодной жизни и благочестия, и наоборот, богоугодную жизнь и благочестие свидетелями боговедения (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 51—52).

***

Человек создан состоящим из двух естеств, мысленного и чувственного, души и тела. Почему потребовалось для него и двоякое врачевство, после того, как он впал в великую болезнь после великого здравия, какое имел прежде. Болезнь есть потеря здравия, и возболевший по преступлении человек возболел естеством. Болезнь же, в

естество внедрившаяся и ставшая естественною, непременяема, как естество. Суди теперь, сколь великая потребна сила, чтобы применить больное естество в здравое, когда это есть то же, что поставить его выше естества, как оно есть в нем, в настоящем своем состоянии? Для указания сего-то и дано нам Богодухновенное Писание, которое есть для нас врачебная наука (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 66).

***

Чтоб уврачевать больное человеческое естество и восстановить в нем истинное, свойственное ему по первоначальному его устроению здравие, для сего потребна сверхъестественная и пресущественная сила. Какая же эта сверхъестественная и пресущественная сила, могущая возвратить нам первоначальное здравие? Это есть Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, Который, чтоб уврачевать подобное подобным, благоволил воспринять человеческое естество здравое. И вот, когда кто верою прилепляется ко Христу, тогда Христос сочетавается с ним и Божеством и здравым человечеством, и чрез такое единение восстановляет в нем первоначальное истинное здравие (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 67).

***

...Как... масти, сложенные из разных ароматов, приготовляют руки миротворцев <варящих миро> из разных специй, делая едино благоуханное вещество, так и тебя создали руки Божии и премудро сгармонировали с духовными видами мира духовного, т. е. с дарами Животворящего Духа. И надлежит тебе благоухать вонею разума и

премудрости, чтобы слушающие словеса учения твоего были облагоухаемы в чувствах души твоей и радовались радостью духовною (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 337—338).

***

В начале Всеблагий Бог, желая сделать, чтобы благое было делом и собственно нашим, даровал прародителям нашим самовластие (а чрез них и всем нам), чтобы они исполняли заповеди Божии не с печалью, или по необходимости, но по охотному произволению, с радостью и усердием, от любви к Богу, и соблюдали их со всем вниманием, дабы потом было сочтено, что они стяжавают добродетели собственными своими трудами, принося их Владыке Богу как собственные дары, и посредством их стараясь достигнуть совершенного образа и подобия Божия и приблизиться к неприступному Богу, не быв пожжены и не умерши (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 34).

***

О, человече! Ты почтен от Бога паче всех других тварей достоинством разума, которым властвуешь и царствуешь над ними; почему надлежит тебе то, что выше тебя, уразумевать из того, что есть собственно в тебе самом, из того, что есть в тебе образ Божий, коим был ты удостоен (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 97).

***

Бог вначале создал человека царем всего земного, и не только земного, но и того, что находится под кровом не-

бесным: ибо и солнце, и луна, и звезды созданы для человека (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 143—144).

***

Вот что есть человек — животное смертное и бессмертное, видимое и невидимое, чувственное и мысленное, способное видеть видимое творение и познавать мысленное (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 558).

***

Бог от начала сотворил два мира, видимый и невидимый, и царя над видимым, который носит в себе характеристические черты обоих миров — одного в своей видимой части, а другого в части мысленной — в душе и теле (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 558).

***

Не по органическому устроению тела человек есть образ Божий, но по мысленному естеству ума, не описуемого телом, долу тяготеющим. Ибо как Божественное естество вне всякой твари суще, не описуется, как не определимое и не телесное, не качественное, не осязаемое, не количественное, невидимое, бессмертное, необъемлемое и отнюдь нами не разумеемое, так и данное от Него нам мысленное естество, как неописуемое, нетелесно есть, невидимо, неосязаемо, необъемлемо, и есть образ бессмертной и присносущной Его славы (прп. Никита Стифат, 89, 145).

***

Триипостасно Божество, в Отце, Сыне и Духе Святом поклоняемое. Тричастным зрится и созданный Им образ —

человек, душою, умом и словом поклоняющийся Самому, создавшему все из несущих, Богу. Что Богу по существу совечно и единосущно, сие и образу Его по естеству соестественно и единосущно. По сим чертам усматривается, что есть в нас по образу, и по ним я есмь образ Божий, хотя срастворен с брением и прахом.

Ино — образ Божий, и ино — то, что усматривается в образе. Образ Божий — душа мысленная, ум и слово — единое и нераздельное естество; а усматриваемое в сем образе есть начальственность (самостоятельность), владычественность (независимость) и самовластность (свобода). Также — ино слава ума, ино достоинство его, — ино то, что по образу, и ино то, что по подобию. Слава ума есть возношение горе́, приснодвижность к высшему, острозоркость, чистота, разумность, мудрость, бессмертие. Достоинство ума есть словесность, самостоятельность, владычественность, самовластие. То, что по образу, есть — иметь душу с умом и словом, личную, единосущную и нераздельную. Ум и слово принадлежат душе нетелесной, бессмертной, божественной, мысленной, и все они единосущны, совечны, нераздельны между собою и разделены быть не могут. То, что по подобию, есть — праведность, истинность, благоутробие, сострадание и человеколюбие. В ком сии качества в действии суть и постоянно пребывают, в тех ясно зрится и что по образу, и по подобию (прп. Никита Стифат, 89, 146—147).

***

Вкушать пищу и извергать излишнее, гордо держать голову и лежа спать — естественные принадлежности зверей и скотов, в коих и мы, став чрез преслушание подоб-

ными скотам, от свойственных нам богоданных благ отпали и соделались из разумных скотскими и из божественных зверскими (прп. Григорий Синаит, 89, 181).

***

Человек создан нетленным, каковым и воскреснет, но не непревратным, ни опять превратным, а имеющим силу по желательному расположению превратиться или нет. Желание не сильно сообщить природе совершенной непревратности: она есть почесть будущего непревратного обожения (прп. Григорий Синаит, 89, 181).

***

Если не уведаем, какими нас создал Бог, то не познаем и того, какими нас соделал грех (прп. Григорий Синаит, 89, 189).

***

Когда душа через вдуновение создана была разумною и мысленною, тогда вместе с нею не создал Бог ярости и похоти скотской, но одну силу желательную вложил в нее и мужество к исполнению желаний. Равным образом и тело создав, Он не вложил в него вначале гнева и похоти неразумной, но после уже чрез преслушание оно приняло в себя мертвость, тленность и скотность. Тело, говорят богословы, создано нетленным, каковым и воскреснет, как и душа создана бесстрастною; но как душа имела свободу согрешить, так тело — возможность подвергнуться тлению. И обе они, т. е. душа и тело — растлились и срастворились по естественному закону сочетания их друг с дру-

гом и взаимного влияния, причем душа окачествовалась страстями, паче же бесами, а тело уподобилось скотам несмысленным и погрузилось в тление. Объединившись таким образом, силы обеих их составили единое скотоподобное существо, бессмысленное и неразумное, гневу и похоти работное. Вот как человек ***приложися скотом несмысленным и уподобися им*** всячески, как говорит Писание (Пс. 48, 13) (прп. Григорий Синаит, 89, 194).

***

...Разумное естество, обладающее свободой, является способным к изменению как к лучшему, так и к худшему, по своей воле и само по себе. Если держится воли Божией, то, благодаря ей, непрестанно совершает прогресс, изменение и простирание к лучшему; если же противится воле Божией, то справедливо подпадает тому, что Он его (это естество) оставляет, и оно бедственно падает в худшее состояние (свт. Григорий Палама, 26, 224).

***

Божий дар — непосредственное ведение Бога, Божий дар — совесть, Божий дар — жажда небесной жизни. Три сии составляют дух нашей жизни, влекущей нас горе́. Ты, ум мой, не мой. Бог мне тебя даровал. Не мои и деятельные во мне силы, воля со своею энергией. Не мое чувство, способное услаждаться жизнью и всем окружающим меня. Не мое тело со всеми своими отправлениями и потребностями, условливающими наше телесное благобытие. Все сие Бог даровал. И сам я не свой, а Божий. Дав мне бытие, Бог облек меня сложностью исчисленных сил жизненных

и даровал мне сознание и свободу, законоположил, чтоб я правил всем, сущим во мне, сообразно с достоинством каждой части своего бытия. Во всем этом не поводы к самовосхвалению, а побуждения к сознанию великости и тяготы лежащего на нас с тобой долга и к страху ожидающего нас ответа на вопрос: что вы с собой и из себя сделали? (прп. Никодим Святогорец, 68, 142—143).

***

Человек тот, кто познал свое значение, свое состояние, свое назначение (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 286).

***

Поведается Божественным Откровением, что первый человек создан Богом из ничего, создан в красоте духовного изящества, создан бессмертным, чуждым зла (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 98).

***

Образ Троицы-Бога — троица-человек. Три лица в троице-человеке — три силы его духа, которыми проявляется существование духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 129).

***

Красота подобия восстановляется Духом, как и образ при крещении. Она развивается, усовершается исполнением Евангельских заповедей (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 134).

***

До падения человека тело его было бессмертно, чуждо недугам... дебелости и тяжести... Облаченный в такое тело... человек был способен к чувственному видению духов, к разряду которых он принадлежал душой, был способен к общению с ними, к тому боговидению и общению с Богом, которые сродни святым духам (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 134).

***

Дух, или словесная сила, есть высшая способность души человеческой, которою она отличается от души животных, называемых по неимению этой способности бессловесными (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 361).

***

Человек в творении назначен быть в общении с Богом, чтобы жить в Нем и блаженствовать (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 64—65).

АПОЛОГЕТИКА

Нам нет дела и до тех, кои заняты идолами и жертвенною кровью, не потому, будто мы сочувствуем погибели помешанных на идолах, но потому, что их болезнь превышает средства нашего врачевания (свт. Григорий Нисский, 23, 84).

***

...Думаю, надлежит молчать защитнику благочестия перед тем, кто открыто вопиет о своем нечестии; так и по

отношению к одержимым раком лечение остается недействительным, потому что болезнь пересиливает искусство <врачевания> (свт. Григорий Нисский, 23, 85).

***

Мне кажется, что вступившим на путь борьбы оружием слова против врагов истины прилично вооружаться только против тех лживых мнений, кои хоть сколько-нибудь подкреплены вероятностью, а не сквернить слово мертвыми и уже смердящими его мнениями (свт. Григорий Нисский, 23, 95).

***

Как плотный Голиаф, потрясая пред израильтянами тяжелым тем копьем, не навел никакого страха на мужа пастыря, не упражнявшегося в военном искусстве, с которым схватившись, лишается в борьбе головы, вопреки своей надежде; таким же точно образом и наш Голиаф, предводитель иноплеменного знания <противник истины>, простирая на противников клевету, как бы какой взятый за рукоятку и обнаженный меч, и вместе сверкая новоизощренными софизмами, нам, людям простым, не показался страшным и неодолимым, как имел он возможность хвастаться при отсутствии противников; но нашел, что и мы из стада Господня неприготовленные воители и невыучившиеся препираться словами, и не считающие ущербом не выучиться сему, бросили в него простое и грубоватое слово истины. Итак, поелику и тот упомянутый пастырь, низвергший пращею иноплеменника, когда пробит был камнем шлем и от силы вержения прошел вовнутрь, не то сделал пределом своего мужества, чтобы смотреть на пад-

шего противника, но, набежав и овладев головою противника, победоносно возвращается к своим, велеречивую эту голову унося в стан единоплеменников; посему и нам, взирая на сей пример, прилично не разнеживаться... но сколько можно более подражать мужеству Давида и, подобно ему, после первого поражения наступить на лежащего, дабы сей враг истины явился в особенности лишенным головы, потому что у отрешившегося от веры отсечена голова еще более, чем у (того) иноплеменника. Поелику ***глава всякому мужу Христос***, как говорит Апостол (1 Кор. 11, 3), а мужем совершенно справедливо называться верующему, ибо Христос не есть глава неверующих, то конечно отсеченный от спасающей веры, подобно Голиафу, обезглавлен своим собственным мечом, который изощрил против истины, будучи отделен от истинной главы. Теперь наше дело уже не отсекать от него голову, но показать отсеченную (свт. Григорий Нисский, 23, 266—267).

***

Мы спросим противников: есть ли Бог? Если они скажут, что нет, то мы не будем и отвечать, потому что как безумные, так и говорящие, что нет Бога, не стоят ответа (свт. Иоанн Златоуст, 46, 287).

***

...Если к тебе, правоверующему и хорошо поступающему, приступают иные с трудами и вопросами, то не смущайся: таков обычай у людей дурных, явно уступая над собою верх по жизни, прибегают они к исследованию Божественного, чтобы привести сим в затруднение живущих хорошо и лишить их свободы говорить. Но им, раз-

мыслив, что погрешающие в явном недостойны вероятия, когда говорят о представляющемся неявным, надлежало бы прежде упорядочить жизнь свою и тогда уже приступать к вопросам о непостижимом (свт. Иоанн Златоуст, 47, 140).

***

Это опасное предубеждение — не исследовав правильно предметов, не нашедши верной причины делать предположение, определения о свойстве какой-либо вещи и из рассмотрения своей слабости делать догадку, а не на основании состояния и качества самой науки или опыта других произносить мнение. Ибо, если кто, не умея плавать и зная, что вода не может поднимать тяжесть его тела, по опыту своего неумения захочет утверждать, что вовсе никто, имеющий тяжелую плоть, не может поддерживаться жидкою стихиею, то поэтому нельзя еще считать истинным его мнение, которое он высказал по своему опыту, тогда как это не только не невозможно, но и очень легко делается другими; это доказывается самым верным образом и несомненною верностью очевидцев (прп. авва Серен, 57, 282).

***

Крайне осуждаю твое неразумие за то, что о божественной вере судишь и отзываешься не по тому, какова она сама в себе, осуждаешь же ее по лукавству некоторых <нечестивых>... Почему не хвалишь ее по преуспевающим, а чернишь по склонным к падениям? И не представляешь ли себе, что найден тобою благоприличный предлог к лености, именно же ради их не можешь приступить к божественному любомудрию? Если же неугодно тебе составить

свой приговор, приняв во внимание людей прославившихся, то исследуй дело само в себе и увидишь его достойным стольких похвал, что и самые витиеватые окажутся не в силах, если бы потребовалось сложить похвальное слово нашей вере. Она выше того, что в состоянии кто-либо выразить словом. Если же и дела не исследуешь, и не по тем, которые благоискусны, будешь судить о нем, но осмелишься осуждать по тем, которые погрешают, то поступишь и несправедливо, и неосновательно. Но если, одобряя вещь, вознегодуешь на пользующихся ею недолжным образом, то приобретешь славу человека благомыслящего и благоразумного за то, что проступки погрешающих не обращаешь в вину делу божественному и справедливому, и признаешь, что не останется без наказания безумие приступающих к нему незаконно (прп. Исидор Пелусиот, 63, 357—358).

***

Не тот, кто говорит положительно, но тот, кто спрашивает и решение предоставляет суду слушателей, вопросом своим делает доказательство более значительным и сильным. Ибо утверждающих что-либо решительно многие обвиняют в самоуверенности, а спрашивающих почитают далекими от опрометчивости и с удовольствием увенчивают тем, что всегда принимают и подтверждают сказанное. А решив однажды, стыдятся отвергать, что сами присудили (прп. Исидор Пелусиот, 63, 375).

***

Поелику убеждение зависит не столько от того, кто говорит, хотя бы привел он в действие всю силу и все

искусство витийства, сколько от того, кто слушает, то позволительно порицать не говорящего превосходно, но не убеждающего, а того, кто не захотел убедиться самыми сильными доводами (прп. Исидор Пелусиот, 63, 464).

***

Когда по разорении непрочных оснований неверия останется он <противник> ни при чем, тогда и свои основания предложите, а дотоле не выставляйте их, а только его разоряйте. И все молитесь. Бог поможет, и просветится душа его (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 78, 141).

Б

БДЕНИЕ

Бдения совершай с рассуждением, не отказывая телу в необходимом покое, но со смирением и разумно проходи благочестивый подвиг, чтобы от излишнего бдения не помрачилась душа твоя и вовсе не оставила начатого поприща (прп. авва Исаия, 60, 25—26).

***

Многоспание утучняет сердце, бдение же в меру — утончает его (прп. авва Исаия, 85, 349).

***

Праведные, проводившие ночи во бдениях, живы и по смерти (прп. Ефрем Сирин, 33, 317).

***

Бдение, отягощавшее вежди твои, своим мановением оправдает тебя на Суде (прп. Ефрем Сирин, 34, 297).

***

Проводи ночь в молитвенном труде, и душа твоя вскоре обретет утешение (авва Евагрий, 85, 608).

***

Как огонь растопляет воск, так добрые бдения — злые помыслы (авва Евагрий, 85, 610).

***

Монах снолюбивый впадает во всякое зло, а любящий бдение воспарит как птица (авва Евагрий, 85, 610).

***

Во время бдений не предавайся повестям пустым и не отвергай словес духовных, потому что Бог назирает сердце твое и не обезвинит тебя в грехе твоем (авва Евагрий, 85, 610).

***

...Бдение напечатлевает в нас боголюбивые помыслы, производит в нас отвращение от мирской суетности и научает отдалять от себя вредное (прп. Нил Синайский, 70, 271).

***

Огнем бдения обращаем в пепел богатство диавола, сожигая его, как терния, потому что обогащается он в продолжение дня нашими падениями, вот почему негодует

и рыкает на нас вселукавый, когда видит, что проводим время в бдении, и с любовью и тщательностью предаемся оному (прп. Нил Синайский, 70, 271).

***

Величайшее благо есть бдение для решившихся стрясти с себя сон — этого соседа смерти, и тем больше, что Сам Владыка пребывал во бдении и усвоял Себе оное в Домостроительстве по плоти, как говорит и <апостол> Лука, что Иисус *бе об нощь в молитве Божии* (Лк. 6, 12), научая нас самим делом последовать стопам Учителя. Поэтому и сказал <Христос>: *бдите и молитеся, да не внидете в напасть* (Мф. 26, 41). Также Павел и Сила, не незная выгод бдения, *въ полунощи* славили *Бога* (ср.: Деян. 16, 25). И Давид говорит: *бдех и бых яко птица особящаяся на зде* (Пс. 101, 8); то есть окрыленная, не по земле влекущаяся, но пребывающая на *зде*, и на высоте добродетели (прп. Нил Синайский, 70, 273—274).

***

Почти делание бдения, чтобы найти тебе утешение, близким к душе твоей (прп. Исаак Сирин, 59, 279).

***

Бодрственное око очищает ум, а долгий сон ожесточает душу (прп. Иоанн Лествичник, 58, 139).

***

Бдение есть погашение плотских разжжений, избавление от сновидений, исполнение очей слезами, умягчение сердца, хранение помыслов... укрощение злых духов, обуз-

дание языка, прогнание мечтаний (прп. Иоанн Лествичник, 58, 139).

***

Боголюбивый монах, когда гласит молитвенная труба, говорит: «Слава Богу, слава Богу!», а ленивый говорит: «Увы, увы!» (прп. Иоанн Лествичник, 58, 139).

***

Бдительный инок есть ловец помыслов, могущий удобно их усматривать и уловлять в тишине ночи (прп. Иоанн Лествичник, 58, 139).

***

Приготовление трапезы обнаруживает чревоугодников, а молитвенный подвиг показывает боголюбивых: первые, увидевши трапезу, радуются, а последние сетуют (прп. Иоанн Лествичник, 58, 139).

***

Многий сон есть неправедный сожитель, похищающий у ленивых половину жизни, или еще больше (прп. Иоанн Лествичник, 58, 140).

***

Мучительный дух сонливости есть коварный друг: часто, когда мы пресыщены, он удаляется, а во время поста, во время алчбы и жажды, сильно на нас нападает (прп. Иоанн Лествичник, 58, 140).

Купец считает свой прибыток по прошествии дня; а духовный подвижник по совершении псалмопения (прп. Иоанн Лествичник, 58, 140).

***

Излишество сна — причина забвения, бдение же очищает память (прп. Иоанн Лествичник, 58, 140).

***

Совершаем бдения и поем псалмы — для того, чтоб не распложались злые помыслы и ум наш не блуждал туда и сюда (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 300).

БЕДНОСТЬ

Бедность обыкновенно более спасает душу, а богатство для многих служит к тому препятствием; бедность находит всякий, а богатство не в нашей <воле> (сщмч. Петр Дамаскин, 72, 142).

***

Знай, что скудость в вещах приближает тебя к Богу (прп. авва Исаия, 60, 206).

***

Нищета, при истинном самодовольстве, для целомудренных предпочтительнее всякого наслаждения (свт. Василий Великий, 5, 112).

***

Мы, бедные, отличаемся от богатых — свободою от забот: наслаждаясь сном, смеемся над их бессонными ночами, не зная беспокойств и будучи свободны, смеемся над тем, что они всегда связаны и озабочены (свт. Василий Великий, 5, 190).

***

...Беден не тот, кто ничего не имеет, но тот, кто желает многого... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 799).

***

Бедность — великое стяжание для тех, которые мудро переносят ее; это сокровище некрадомое, жезл несокрушимый, приобретение неоскудеваемое, убежище безопасное (свт. Иоанн Златоуст, 46, 41).

***

Одолеть бедного не так легко, как богатого, потому что последний со всех сторон представляет к этому случаи как диаволу, так и коварным людям и бывает рабом всех, по великому множеству дел (свт. Иоанн Златоуст, 46, 41).

***

...Бедность нисколько не служит препятствием к гостеприимству... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 190).

***

...Бедный, как человек свободный... есть лев, дышащий огнем, имеет душу отважную и, отрешившись от все-

го, легко делает все, что может принести пользу церквам, хотя бы нужно было обличить, хотя бы укорить, хотя бы потерпеть множество бедствий для Христа... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 197).

***

...Бедному бедность не может быть препятствием к милостыне по причине его душевного богатства (свт. Иоанн Златоуст, 47, 342).

***

...Бедный, свободный от роскоши, невоздержания и беспечности, употребляя все время на рукоделия и праведные труды... от этого <приобретает> в душе великое любомудрие... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 366).

***

Бедный, почивающий в недрах Авраама, удостоился похвалы не за то, что был беден, но за то, что с благодарением переносил бедность (свт. Иоанн Златоуст, 47, 366).

***

...Бедность — не добро, но доброе пользование бедностью — добро (свт. Иоанн Златоуст, 47, 366).

***

...Если ты мужественно переносишь <бедность>, благодаря Господа, то этот предмет послужил для тебя поводом и случаем к получению венцов; а если ты за нее

хулишь Создателя и осуждаешь Промысл Его, то ты употребил ее во зло (свт. Иоанн Златоуст, 47, 366).

***

Бедность — безопасное прибежище, тихая пристань, всегдашнее спокойствие, неомрачаемая опасностями радость, чистое удовольствие, жизнь невозмутимая и безмятежная, благополучие ненарушимое, источник мудрости, узда надменности, свобода от наказания, корень смирения (свт. Иоанн Златоуст, 47, 431).

***

Удовольствие и безопасность, добрую славу и телесное здоровье, чистоту души, благие надежды и нерасположение ко греху найдешь больше у бедных, чем у богатых (свт. Иоанн Златоуст, 48, 830).

***

...Если Бог оставляет некоторых <людей> в бедности и нищете, то оставляет для того, чтобы исправить душу их и сделать ее более любомудрою (свт. Иоанн Златоуст, 49, 32).

***

...Бедность есть мать любомудрия, и это каждый день открывается на опыте. Сколько бедных гораздо благоразумнее и мудрее богатых, и даже здоровее телом, так как бедность правильно устрояет их тело и душу (свт. Иоанн Златоуст, 49, 32).

***

Бедность для многих кажется злом, но на самом деле она не такова, а напротив, если кто внимателен и любомудр, она служит даже к истреблению зла (свт. Иоанн Златоуст, 50, 435).

***

...Если бы бедность была злом, то все бедные должны бы быть злыми; если же многие из бедных достигли небес, то, следовательно, бедность — не зло (свт. Иоанн Златоуст, 50, 435).

***

Не будем унывать по причине бедности, но будем искать того богатства, которое состоит в добрых делах, и убегать той бедности, которая вводит нас в грех (свт. Иоанн Златоуст, 51, 97).

***

Богатый пусть не думает о себе много, а бедный пусть не унывает, как подающий мало, потому что часто бедный подает и больше богатого. Вследствие бедности не следует считать себя несчастными, так как она дает нам возможность более удобно подавать милостыню (свт. Иоанн Златоуст, 53, 747).

***

Бедность, если угодно, может доставить нам гораздо больше <чем богатство> поводов к удовольствию. Почему? Потому что она свободна от забот, ненависти, вражды,

зависти, браней и бесчисленных зол (свт. Иоанн Златоуст, 56, 25).

***

Добрый христианин обнаруживается более в бедности, нежели в богатстве. Почему? Потому что в бедности он становится негорделивее, целомудреннее, честнее, смиреннее, благоразумнее, а в богатстве встречает множество к тому препятствий (свт. Иоанн Златоуст, 56, 25).

***

...Будем всегда искать бедности, она — великое благо. Но, скажешь, она делает человека уничиженным и жалким? Это нам и нужно, потому что приносит нам великую пользу (свт. Иоанн Златоуст, 56, 159).

***

О том ли ты скорбишь, что стоишь на пути, ведущем к добродетели? Разве ты не знаешь, что бедность доставляет нам великое дерзновение (свт. Иоанн Златоуст, 56, 160).

***

Убойтесь все те из вас, кто обижает бедных. Вы имеете и силу, и богатство, и деньги, и благосклонность судей; но те имеют оружие, которое сильнее всего этого, — стоны и рыдания, и самые обиды, которые они терпят, потому что все это привлекает помощь с небес. Эти оружия разоряют дома, разрушают основания, уничтожают города, губят целые народы. Так велико у Бога попечение об обидимых (свт. Иоанн Златоуст, 56, 599).

***

Когда ты окажешься в бедности, вспомни о случившемся с <Иовом>, и ты тотчас воспрянешь и бросишь всякую мысль об унынии (свт. Иоанн Златоуст, 56, 641).

***

Если видишь бедного, не проходи мимо, а тотчас подумай, каким бы ты был, если бы был тем бедным, чего бы ты не хотел, чтобы все тебе делали? (свт. Иоанн Златоуст, 56, 130).

***

Если печалит бедность, то уничижается Божие законоположение, в котором сказано: ***блажени нищи духом, яко тех есть Царство Небесное*** (Мф. 5, 3). Посему если не держимся Божия законоположения, то, как очевидно, не пожелаем и бедности, а если бедность приемлем с благодарностью, то покоряемся предписаниям закона (прп. Исидор Пелусиот, 61, 214).

***

...Знать надлежит относительно скудости во всем, что Бог праведно наложил ее на нас, как временное наказание, и потому претерпевать ее с благодарением <должно>, да привлечем на себя благоутробие, милость и попечение Божие. ***Егоже бо любит Господь наказует*** (Евр. 12, 6), да смирится наказательною скудостью и далек будет от гордости... (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 71—72).

***

Преступление Адамово последовало не от другого чего, как от того, что он имел все блага в изобилии без труда.

Почему Бог за преступление определил нам в поте лица своего снедать хлеб свой, пока умрем. Если же для настоящей жизни на всех людей наложена скудость, как естественное временное наказание, то всеми неправдами усиливающийся убежать из-под него попадет под вечное наказание. Потому что избежать скудости в настоящей жизни едва ли возможно без хищения, неправды и лихоимства; к тому же счастье и богатство естественно порождают гордость, источник всякого греха, а гордого, стремглав низвергши долу, берет в свою власть срамота, т. е. начинают господствовать над ним плотские страсти — порождения его неразумия и растления в нем здравого смысла (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 72).

***

Бог соделался для нас бедным человеком; должен и ты, верующий в Него, быть подобным Ему, бедным (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 189).

***

...Те, которые не связаны многоиманием, а довольствуются тем одним, что необходимо для поддержания жизни, нередко же и в этом терпят недостаток, — никакого не встречают препятствия, когда восхотят шествовать путем тесным и прискорбным: им нужно только приложить доброе произволение, чтоб тесное шествие их было богоугодным шествием, и продолжать его с терпением и благодарением, — и праведный Бог введет их в Царство Свое вечное и утешит всеблаженным в оном покоем (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 194).

***

Того ради Господь благоволил восприять лицо каждого бедного и каждому бедному Себя уподобил, чтоб никто

из верующих в Него не возносился над братом своим, но чтоб каждый, видя в брате своем Бога своего, почитал себя меньшим и худшим брата своего, как есть меньше Сотворшего его, и как Сего, принимал его и чтил, и в помощь ему готов был истощить все имение свое, как Христос и Бог наш истощил Кровь Свою для спасения нашего (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 549).

***

Услышьте и возвеселитесь, вы, бедные и убогие! — ибо по причине сего, вы — братья Богу; и хотя бы независимо от вашей воли вы были бедны и убоги, но тем, что будете терпеть и благодарить (Бога), вы сделаете себе это благо добровольным. Услышьте, вы, богатые! — и возлюбите блаженнейшую бедность, дабы вам стать наследниками и братьями Христу, и <тем> более родными, чем поневоле бедствующие: ибо и Он добровольно ради нас бедствовал (свт. Григорий Палама, 26, 52).

БЕДСТВИЯ

Пребудьте в терпении и не давайте расслабляться сердцам своим во время бедствий ваших, но воздавайте за них благодарения, чтобы получить воздаяние от Господа (прп. Антоний Великий, 85, 53).

***

Из случающихся же с нами бедствий иные постигают в наказание за грехи, другие для исправления нравственности в искушаемых, а иные для истребления безнадежных, как было с фараоном (свт. Василий Великий, 6, 24).

***

Никто не трудись над разысканием причин явлений горестных: для чего засухи, для чего дожди, для чего удары грома, для чего град? Это для нас, имеющих нераскаянное сердце, и не прежде обращающихся, разве когда бываем <поражаемы> (свт. Василий Великий, 6, 272).

***

Голод, засухи, дожди — суть общие какие-то язвы для целых городов и народов, которыми наказывается зло, преступившее меру (свт. Василий Великий, 8, 126).

***

Каждое бедствие мудрый и благий Владыка посылает нам к нашей же пользе (свт. Василий Великий, 8, 126).

***

Богатство отнимает <Бог> у тех, которые употребляют его худо <если они не безнадежны для спасения>, и тем сокрушает орудие их неправды (свт. Василий Великий, 8, 126).

***

Как огонь в плавильне испытывает золото и серебро, так в напастях изведываются души смертных, имея помощником Господа (прп. Ефрем Сирин, 30, 517).

***

Великое благодарение трудам на суше, опасностям на море и тем страхам, которыми я спасен! Они, поставив

меня выше всего коловратного, явным образом обратили к Горнему (свт. Григорий Богослов, 17, 38).

***

Особенно же не будет для нас трудно с терпением переносить бедствия и стать выше многих во время скорби, если размыслим, что обещали мы Богу и чего надеялись, когда вступали в любомудренную жизнь. Богатства ли? Веселостей ли? Благоденствия ли в сей жизни? Или противного сему: скорбей, злостраданий, тесноты, того, чтобы все переносить, все терпеть в уповании будущих благ? Знаю, что сего, а не первого ожидали мы. Поэтому боюсь, не нарушаем ли заветов своих с Богом, когда одно иметь домогаемся, а другого надеемся. Не будем же отказываться от своей купли, понесем одно, чтобы сподобиться другого. Нам причинили скорбь ненавистники? А мы соблюдем душу от раболепства страстям. Через сие одержим верх над оскорбившим (свт. Григорий Богослов, 17, 314).

***

...Землетрясение, как глашатай, предвозвещающий всем гнев Божий, предварительно произошло, чтобы мы, от страха сделавшись лучшими, отклонили от себя наказание на деле (свт. Иоанн Златоуст, 45, 849).

***

...Наказание от Бога есть то же, что и лекарство от врача, отсечение и прижигание. Как огонь чрез многократное прикосновение прижигает рану и останавливает ее развитие и как железо отсекает гнилость, причиняя боль,

но доставляя пользу, так и голод, и моровые язвы, и все кажущиеся бедствия насылаются на душу вместо железа и огня, чтобы остановить, как это бывает с телами, развитие ее болезней и сделать ее лучшею (свт. Иоанн Златоуст, 45, 852).

***

Устрашил тебя человек? Прибегни к Вышнему Владыке — и не потерпишь никакого зла. Так избавлялись от бедствий древние, не только мужчины, но и женщины (свт. Иоанн Златоуст, 46, 46).

***

<Богу> предоставим время прекращения бедствий, а сами будем только молиться, сами будем жить благочестиво, потому что наше дело — обратиться к добродетели, а прекратить бедствия — дело Божие (свт. Иоанн Златоуст, 46, 62).

***

...Владыка всех, держа в руке Своей вселенную, потрясает землю <землетрясениями> не для того, чтобы ниспровергнуть ее, но чтобы обратить ко спасению живущих беспорядочно (свт. Иоанн Златоуст, 46, 769).

***

<Господь>, как Премудрый и Провидящий, не в начале и при первом случае избавляет от бедствий, но когда усилятся все меры врагов и когда делами доказано будет терпение подвижников Его... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 160).

***

Если будем в состоянии с благодарностью переносить приключающиеся бедствия, то изгладим немалую часть грехов наших (свт. Иоанн Златоуст, 47, 164).

***

...Бедствия у всех людей происходят от них самих, от собственной их вины, когда они своими делами и поступками сами отвергают добро и сами себя подвергают наказаниям (свт. Иоанн Златоуст, 49, 278).

***

Когда ты подвергнешься какому-нибудь неожиданному бедствию, не падай духом, но тотчас восстань и прибегни к безмятежной пристани, несокрушимой защите, к помощи Божией (свт. Иоанн Златоуст, 49, 339—340).

***

Он <Бог> для того попустил тебе подвергнуться бедствию, чтобы ты призвал Его. Но многие тогда особенно и падают и теряют бывшее у них благочестие, между тем как следовало бы поступать напротив (свт. Иоанн Златоуст, 49, 340).

***

Ни бедность, ни болезнь, ни самое главное из всех бедствий — смерть не могут повредить подвергшемуся им, когда спасена душа; равно как и от самой жизни не полу-

чишь ничего доброго, когда душа растлилась и погибла (свт. Иоанн Златоуст, 49, 340).

***

Бог попускает умножаться бедствиям не для того, чтобы потопить нас, но чтобы сделать нас более опытными и яснее показать Свою силу (свт. Иоанн Златоуст, 49, 384).

***

Праведных бедствия постигают для их исправления и возбуждения их любомудрия, а грешных, как неисцелимо больных, для наказаний и мучения (свт. Иоанн Златоуст, 49, 493).

***

Бедствия, когда окружают нас со всех сторон, заставляют быть бдительными; и если мы внимательны, то не терпим от них никакого вреда (свт. Иоанн Златоуст, 49, 496).

***

...Возлюбленный, когда видишь умножающиеся бедствия, не унывай, но еще более ободряйся. Бог попускает им быть для того, чтобы прогнать твою беспечность, чтобы пробудить тебя от сна (свт. Иоанн Златоуст, 49, 496).

***

Хотя бы иной и освободился от всех бедствий и притеснений, тем не менее если он находится вдали от помо-

щи Божией, то это хуже всяких бедствий (свт. Иоанн Златоуст, 50, 253).

***

Хотя бы мы были окружены, как бы мраком, бедствиями и искушениями и прочим подобным, однако добродетель милостыни в состоянии разогнать весь этот мрак... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 356).

***

...Когда Бог налагает на человека бедствия, то или за грехи, или для упражнения его добродетели в божественных подвигах (свт. Иоанн Златоуст, 50, 924).

***

Все величайшие бедствия, удручающие всю вселенную, произошли от гордости (свт. Иоанн Златоуст, 51, 150).

***

Если будешь великодушно переносить постигшее тебя бедствие — от всего избавишься (свт. Иоанн Златоуст, 54, 230).

***

Мы должны не только не роптать в настоящих бедствиях, но и воздавать Богу величайшую благодарность за них ради благ будущих (свт. Иоанн Златоуст, 56, 267).

***

Человек духовный, хотя бы нападали на него бесчисленные бедствия, не колеблется и не уловляется ни одним из них... Пусть нападают на него бедность, болезнь, обиды, злословия, клеветы, раны, всякого рода наказания, всякого рода насмешки, поношения и оскорбления; но так как он живет вне мира и свободен от телесных страстей, то он над всем <этим> будет смеяться (свт. Иоанн Златоуст, 56, 281).

***

Трезвая и бодрствующая душа показывает свое благородство не только тогда, когда дела идут успешно, но и в случае злоключений воздает одинаковую благодарность Богу, нисколько не ослабевая вследствие перемены обстоятельств (свт. Иоанн Златоуст, 56, 511).

***

Бог силен прекратить все бедствия, но пока не увидит совершившегося обращения, не прекращает скорбей (свт. Иоанн Златоуст, 56, 620).

***

Когда ты увидишь, что какой-нибудь праведный муж отличается великими добродетелями и терпит бесчисленные бедствия, не удивляйся, наоборот, нужно было бы удивляться, если бы диавол, получая множество ударов, стал молчать и спокойно переносить раны (свт. Иоанн Златоуст, 56, 640).

Когда случится с тобою какое-нибудь горе, подай скорее милостыню, возблагодари за то, что оно случилось, и ты увидишь, какая найдет на тебя радость (свт. Иоанн Златоуст, 56, 665).

***

Постигающие нас бедствия мы видим, а тех оскорблений, которые мы ежедневно наносим Господу, не видим, почему и приходим в смущение; между тем если бы мы точно сосчитали наши грехи в течение хотя бы одного дня, то хорошо узнали бы, каких зол достойны мы (свт. Иоанн Златоуст, 56, 681).

***

Для того диавол и наводит бесчисленные беды, чтобы ввергнуть тебя в бездну <хулы>; и если видит, что ты хулишь Бога, легко умножает и делает более тяжкой твою скорбь, чтобы ты от огорчения потерял терпение; а если видит, что ты переносишь мужественно, и чем более усиливается страдание, тем более благодаришь Бога, то тотчас же отстает, чувствуя, что уже напрасно и бесцельно строит козни (свт. Иоанн Златоуст, 56, 730).

***

Претерпевая бедствия, будем радоваться, потому что это отплата за грехи (свт. Иоанн Златоуст, 56, 846).

***

Праведники подвергаются бедствиям для доказательства добродетели и совершенного очищения (свт. Иоанн Златоуст, 56, 1121).

***

Мы не можем признать бедствия существенным злом: ибо многим они споспешествуют ко благу и служат источником вечных радостей. Таким образом... все, что ни делают к озлоблению нашему враги наши, или кто бы то ни был другой, не должно быть почитаемо злом; ибо эти озлобления не тем бывают, чем считает их причиняющий оные в раздражении сердца, но чем признает их чувство переносящего. Следовательно, если нанесена будет и смерть святому мужу, не должно думать, чтобы этим нанесено было ему действительное зло, а только нечто среднее, что для грешника хотя и составляет зло, но для праведника покой и избавление от зол. ***Смерть бо мужу*** праведному ***покой, егоже путь сокровен есть*** (Иов. 3, 23). Муж праведный чрез смерть ничего не теряет и ничего особенного не терпит, но что должно было приключиться ему по требованию природы, тому он подвергается по злобе врага не без награды в вечной жизни; и тот долг, который по непременному закону каждый должен отдать смерти, он отдает, приобретая притом обильнейший плод за свое страдание и мзду великого воздаяния (авва Феодор, 57, 266).

***

Никто из бедствующих да не падает духом, но да привьет к себе семя добротолюбия, и непременно прославится, или здесь, или там (прп. Исидор Пелусиот, 61, 314).

***

Благоискусному надлежит быть выше бедствий. А сие последует, если рассудок сделается наибольшим над страстями, и ему предоставлено будет, как кормчему, взять в руки кормило и править. Если же кормчий потонет, то

постигнет самое страшное крушение, так как страсти возьмут верх и рассудок погрузится на самое дно моря (прп. Исидор Пелусиот, 63, 194).

***

...Душа, угнетенная бедами, покаянием восходит к Богу и спасается (прп. Иоанн Лествичник, 58, 212).

***

Благоразумный, помышляя о врачебности судеб Божиих, с благодарением сносит приключающиеся ему по ним бедствия, никого другого не почитая виновным в них, кроме грехов своих, а неразумный, когда грешит и наказываем за то бывает, виновниками зол своих почитает или Бога, или людей, не разумевая премудрого о сем Божия промышления (прп. Максим Исповедник, 87, 186).

***

...Сами бедствия приносят пользу с верою стойко переносящим их: для погашения грехов, для упражнения, для испытания, для реального постижения бедственности этой жизни, для пламенного побуждения духовной жажды и постоянного искания оного, во веки пребывающего, усыновления и Искупления и воистину новой жизни и блаженства (свт. Григорий Палама, 26, 170).

***

Во время напастей не ищи помощи человеческой, не трать драгоценного времени, не истощай сил души твоей на искание этой бессильной помощи. Ожидай помощи от

Бога: по Его мановению, в свое время, придут люди и помогут тебе (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 548).

***

Когда посылаются бедствия — это милость Божия: ибо чрез них дается возможность избавиться от вечного наказания (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 108).

****

Некогда за грехи восхотел Бог истребить город Устюг. Блаженному Прокопию было об этом открыто, и он, придя в храм, поведал об этом причту и народу: «Покайтесь, братия, в своих грехах, чтобы получить от Бога милость. Если вы не покаетесь, все погибнете от огня и града!» Люди не поверили блаженному и рассуждали так: «Человек этот юрод и разумно никогда не говорил. Зачем слушать его?» Святой же не переставал увещать их. На третий день он уже ходил по всему городу и со слезами убеждал всех позаботиться об отвращении гнева Божия. Жители и тут не послушали Прокопия. Тогда он пришел на паперть храма Пресвятой Богородицы и со многими слезами молил Бога о помиловании. Через неделю, в полдень, вдруг внезапно нашло на город необыкновенное облако, и днем сделалось темно, как ночью. Видя это страшное явление, люди, недоумевая, восклицали: «Что же это такое?» И вот беспрестанно стали бороздить небо молнии, раздавались ужасные раскаты грома, колебалась земля, воздух сделался удушлив. Тут только народ вспомнил слова блаженного Прокопия о грозящей городу гибели. Тотчас же все бросились в соборный храм Пресвятой Богородицы и со слезами стали просить Господа о помиловании, вмес-

те с народом молился и блаженный. Молитва была услышана: тучи отошли, во время всеобщей молитвы от иконы Владычицы истекло миро, воздух очистился. Тучи же собрались над лесом, и выпал град подобно камню, который сокрушил деревья, а молния попалила их. Из людей же никто не пострадал, сохранился и домашний скот (103, 811—812).

БЕЗБОЖИЕ

Кто в мысли своей не дает места бытию Божию, говоря, что Бога нет, тот, став вне Сущего, растлил собственное свое бытие (свт. Григорий Нисский, 19, 145).

***

Как удаляющийся от света не вредит нисколько свету, а самому себе весьма много, погружаясь во мрак, так и привыкший пренебрегать Всемогущею силою, ей не вредит нисколько, а самому себе причиняет крайний вред (свт. Иоанн Златоуст, 45, 5).

***

Тенью смерти ты, не погрешая, можешь назвать идолослужение и дела безбожия, потому что они закрывают для нас истинную жизнь (свт. Иоанн Златоуст, 49, 772).

***

...Только безумному свойственно не допускать премудрости Божией и не знать, что Бог всем управляет справед-

ливо, устраивает правильно, совершает с пользою, хотя бы мы временно и не знали причин происходящего (свт. Иоанн Златоуст, 49, 911).

***

Кои попрали Сына Божия и Кровь Завета вменили ни во что, подумав, что нет ни смерти, ни Воскресения, ни Суда, ни воздаяния, <те> отторглись от братского во Святом Духе общения, лишились самого Духа Святаго и блуждают туда и сюда, по стремнинам и пропастям своих сластолюбивых похотей (прп. Феодор Студит, 88, 260).

***

Жить же неразумною и скотоподобною жизнью неведущих Бога подобно тому, как если бы жить среди мертвых (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 59).

***

Те же, которые совершенно удалены от Него <Бога> и не взыскали Его, или не соединились с Ним и не избавились от рабства страстям и смерти, цари ли то, князья или вельможи, хотя бы они думали и полагали, что утешаются, радуются и наслаждаются благами, но они никогда не будут обладать тою совершенно неизреченною и неизъяснимою радостью, которую имеют рабы Христовы, свободные от всех неуместных пожеланий удовольствий и славы. Ее никогда не познает, не поймет и не увидит никто из тех, которые преискренно и горячо не прилепились ко Христу и в неизреченном соединении не растворились с Ним (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 77).

***

...Вечное пятно позора и проклятия останется на тех, кои иждивают труд и время на гибель вере, на терзание сердец верующих и на развращение умов в Отечестве (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 149).

БЕЗМОЛВИЕ

Безмолвие, как начало очищения души, без труда укрепляет произволяющего ко всем заповедям (сщмч. Петр Дамаскин, 72, 26).

***

Безмолвие выше всего, и без него мы не можем очиститься и познать нашу немощь и козни демонов. Но и силу и Промысл Божий не успеем познать из читаемых и воспеваемых (нами) Божественных слов, ибо все мы люди имеем нужду в таком упразднении, или отчасти, или вполне, и без него никому невозможно достигнуть духовного познания и смиренномудрия, чрез которые познает произволяющий тайны, сокровенные в Божественных Писаниях и во всех творениях (сщмч. Петр Дамаскин, 72, 26).

***

...Человек безмолвствующий должен хранить себя, чтоб ни одного слова не услышать неполезного ему, потому что это губит труд его (прп. авва Исаия, 85, 428).

***

Люби лучше молчать, чем говорить, ибо молчание собирает, а многоглаголание расточает (прп. авва Исаия, 85, 468).

***

Безмолвие служит для души началом очищения, когда ни язык не произносит чего-либо человеческого, ни глаза не заняты рассматриванием доброцветности и соразмерности в телах, ни слух не расслабляет душевного напряжения слушанием песен, сложенных для удовольствия, или разговорами людей шутливых и смехотворных, что обыкновенно всего более ослабляет душевные силы (свт. Василий Великий, 10, 10).

***

Ум, не рассеиваясь по внешним предметам и не развлекаясь миром под влиянием чувств, входит в самого себя, а от себя восходит к мысли о Боге... (свт. Василий Великий, 10, 10).

***

Если возлюбишь безмолвие, то совершишь плавание в тишине (прп. Ефрем Сирин, 30, 161).

***

Сокровище собирает себе на небо, <тот> кто любит безмолвие в любви (прп. Ефрем Сирин, 30, 200).

***

Возлюбим безмолвие, чтобы иметь чистое сердце и чтобы вверенный нам храм соблюлся неосквернённым от греховного растления (прп. Ефрем Сирин, 31, 102).

***

Будем стремиться к безмолвию, чтобы, видя свои прегрешения, постоянно нам смиряться и не воспитывать в

себе подобного ядовитым животным помысла самомнения или лукавства (прп. Ефрем Сирин, 31, 102).

***

В какой мере удаляется кто от безмолвия, в такой грубеет у него ум (прп. Ефрем Сирин, 31, 193).

***

Кто любит развлечения и ненавидит безмолвие, тот много потерпит скорбей; а безмолвствующий в смиренномудрии возвеселится о Господе (прп. Ефрем Сирин, 31, 294).

***

Весь подвиг <иноков> в том, чтобы безмолвствовать внутренно и отречься истинных мятежей, волнения помыслов и сопротивных сил. Иначе напрасно будет отречение и видимое удаление с места. Ибо вот истинное отречение — внутренно пребывать в мире и тишине (прп. Ефрем Сирин, 32, 33).

***

Приобрети безмолвие, как крепкую стену, потому что безмолвие поставит тебя выше страстей. Ты будешь вести брань сверху, а они снизу (прп. Ефрем Сирин, 32, 100).

***

Безмолвие, сопряженное со страхом Божиим, есть огненная колесница, которая приобретших его возносит на небеса (прп. Ефрем Сирин, 32, 100).

***

Лучше кусок хлеба с солью в безмолвии и на свободе от забот, нежели предложение многих снедей при развлечениях и заботах (прп. Ефрем Сирин, 32, 101).

***

Избегай беседы о мирском, чтобы ум твой не возмущался и правило безмолвия твоего не было нарушено (авва Евагрий, 85, 636).

***

Владей... безмолвием, как крепкою стеною, потому что безмолвие делает тебя выше страстей; ты воюешь сверху, а они снизу. Владей безмолвием страха Божия, и все стрелы врага не повредят тебе; безмолвие, сопряженное со страхом Божиим, есть огненная колесница... О, безмолвие, преуспеяние монахов, лестница на небо, путь Небесного Царства, мать раскаяния, зеркало грехов, показывающее человеку прегрешения его. О, безмолвие, не задерживающее слез, родительница кротости, сожительница смирения; о, безмолвие, сопряженное со страхом Божиим, — просветитель ума, соглядатай помышлений и помощник в сомнении; о, безмолвие, родительница всякого блага, основание поста и помеха для прожорливости, досуг для молитвы и чтения, тишина помышлений и ясная пристань; о, безмолвие, беззаботность души, полезное ярмо и бремя легкое, дающее отдых и носящее носящего тебя, радость души и сердца, узда для глаз, слуха и языка; о, безмолвие, уничтожение хвастливости и враг бесстыдства, темница страстей, помощник всякой добродетели, защитник бедности, страна Божия, приносящая добрые плоды, стена и крепость жела-

ющим подвизаться для Небесного Царства (свт. Иоанн Златоуст, 56, 450).

***

Безмолвствовать по наружности, а мысленно мешаться в житейские ухищрения и мятежи — это и чувство наполняет омрачением, и прежние труды обращает в ничто, и страстям пролагает путь к победе, а воина заставляет бросить щит (прп. Исидор Пелусиот, 61, 18).

***

Безмолвие есть отсечение зла (прп. Марк Подвижник, 67, 31).

***

Невозможно безмолвствовать умом без тела, ни разорить средостения <страстей> без безмолвия и молитвы (прп. Марк Подвижник, 67, 31).

***

Блажен, кто ради Бога пребывает в безмолвии, и один ест хлеб свой, потому что всегда он беседует с Богом (прп. Исаак Сирин, 59, 52).

***

Ты же, если намерен держаться безмолвия, будь подобен Херувимам, которые не заботятся ни о чем житейском (прп. Исаак Сирин, 59, 66).

***

Безмолвие есть начало очищения души (прп. Исаак Сирин, 59, 99).

***

Когда же придет человек в безмолвие, тогда душа может различать страсти и разумно изведывать свою мудрость (прп. Исаак Сирин, 59, 100).

***

Безмолвие умерщвляет внешние чувства и возбуждает внутренние движения (прп. Исаак Сирин, 59, 101).

***

Если человек в начале своего безмолвия не ощущает силы... созерцаний, по причине парения ума своего, то да не приходит в уныние и да не оставляет тишины безмолвной жизни своей (прп. Исаак Сирин, 59, 109).

***

...Хранение уст заставляет совесть воспрянуть к Богу... (прп. Исаак Сирин, 59, 148).

***

Всякий человек, который опытом не изведал продолжительного безмолвия, пусть не ожидает сам собою узнать что-либо большее о благах подвижничества, хотя он и велик, и мудр, и учителен, и имеет много заслуг (прп. Исаак Сирин, 59, 174).

Если любишь безмолвие — матерь покаяния, то с удовольствием возлюби и малый телесный вред, и укоризны, и обиды, какие польются на тебя за безмолвие (прп. Исаак Сирин, 59, 179).

***

Приверженность к безмолвию — есть непрестанное ожидание смерти (прп. Исаак Сирин, 59, 179).

***

Если любишь покаяние, возлюби и безмолвие. Ибо вне безмолвия покаяние не достигает совершенства (прп. Исаак Сирин, 59, 179).

***

Если желаешь в краткие дни свои обрести жизнь нетленную, то с рассудительностью да будет вступление твое на безмолвие (прп. Исаак Сирин, 59, 182).

***

Вследствие обучения безмолвию и продолжительного пребывания в оном, легко и скоро дается каждому внутреннее созерцание, и в изумление приводит их созерцаемым (прп. Исаак Сирин, 59, 213).

***

Бездейственность безмолвия возлюби паче, нежели насыщение алчущих в мире и обращение многих народов к поклонению Богу (прп. Исаак Сирин, 59, 280).

***

Если не безмолвствуешь сердцем, безмолвствуй, по крайней мере, языком (прп. Исаак Сирин, 59, 416).

***

Недугующий душевною страстью и покушающийся на безмолвие подобен тому, кто соскочил с корабля в море и думает безбедно достигнуть берега на доске (прп. Иоанн Лествичник, 58, 218).

***

Безмолвие есть непрерывная служба Богу и предстояние перед Ним (прп. Иоанн Лествичник, 58, 227).

***

Кто еще не познал Бога, тот неспособен к безмолвию, и многим бедам подвергается на сем пути (прп. Иоанн Лествичник, 58, 227).

***

Собеседование полезно только духовное, всем же другим предпочтительнее безмолвие (авва Фалассий, 87, 317).

***

Стяжите безмолвие, не говорю, чтоб вы совсем ничего не говорили, потому что это несовместно с нашей жизнью, но чтоб не говорили о неподобающих вещах (прп. Феодор Студит, 88, 94).

***

Безмолвие есть состояние ума, нестужаемого помыслами, тишина свободы от страстей и отрады душевной, стояние сердца в Боге, нетревожимое и невлаемое, светлое созерцание, ведение Божиих таин, слово премудрости из чистого ума, бездна разумений Божиих, восторжение ума, беседа Божия, неусыпаемое око, молитва умная, беструдный в великих трудах покой и, наконец, единение... с Богом (прп. Никита Стифат, 89, 140).

***

Для сохранения сокровенных сокровищ Духа надобно упразднiться от дел человеческих, избрав безмолвие, которое чистотою сердца и сладостью умиления сильнее распаляя любовь к Богу, разрешает душу от уз чувств, силы ее возводит в естественное им состояние и им возвращает первобытное устроение (прп. Никита Стифат, 89, 160).

***

Истинное безмолвие состоит в усвоившейся сердцу Иисусовой молитве — и некоторые из святых отцов совершили великий подвиг сердечного безмолвия и затвора, окруженные молвою человеческою (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 226).

***

Истинное послушание служит основанием и законною дверью для истинного безмолвия (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 226).

***

Скорби и искушения признаются Священным Писанием и отцами величайшим даром Божиим, служат предуготовительным обучением к безмолвию... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 565).

***

Добродетели, особенно нужные безмолвнику, суть: кроткая покорность Богу, расположение к молчанию, удаление от бесед, даже полезных, но отдаляющих от беседы с Богом и нарушающих безмолвие сердечное (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 138).

***

Как кормчий смотрит на звезды и по ним направляет ход корабля, так и безмолвник должен непрестанно взирать на Бога, Его видеть очами веры и надежды, чтоб сохраниться в постоянстве и терпении (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 141).

***

Юных по духовному возрасту подвижников, хотя бы они были и стары по плоти, хотя бы они отреклись от мира и потому заслуживали имя вдовиц, не должно допускать до безмолвия (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 142).

***

Пища для безмолвников есть благодатное просветительное утешение откровением таинства Креста Христова. Оно — дар свыше, а не познание, свойственное собст-

венно естеству человеческому (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 143).

***

Истинное безмолвие доставляет душе устроение, подобное чистым зеркальным водам: в них видит человек свое состояние и, соразмерно преуспеянию своему, состояние ближних (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 490).

***

Богоугодному жительству в безмолвии должно предшествовать богоугодное жительство в обществе человеческом (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 43).

****

Пришел некогда авва Арсений в одно место, где рос тростник и колебался от ветра. Старец спросил братьев: «Что это за шум?» Говорят ему: «Это шумит тростник». Старец сказал: «Да, если кто пребывает в безмолвии и услышит голос воробья, то сердце его не имеет уже прежнего покоя, — кольми паче трудно иметь его вам, слыша шум сего тростника» (93, 17).

***

Авва Марк спросил авву Арсения: «Почему ты бегаешь от нас?» Старец ответил ему: «Бог видит, что я люблю вас, но не могу быть вместе и с Богом и с людьми. На небе тысячи и миллиарды имеют одну волю, а у людей — воли различны. Поэтому я не могу оставить Бога и быть с людьми» (94, 26).

***

Пришел к авве Арсению один отец и постучался в дверь его. Старец думал, что это его послушник, отворил дверь. Увидев, что это другой, упал на лицо свое. Пришлец говорит ему: «Встань, авва, дай мне облобызать тебя!» Но старец отвечал: «Не встану, пока не уйдешь». И после долгих просьб старец не встал, пока отец не удалился (93, 24).

***

Поведали о некотором брате, приходившем в скит с целью увидеть авву Арсения, следующее: брат этот пришел в скитскую церковь и убедительно просил священнослужителей, чтобы доставили ему возможность видеть старца. Они сказали ему: «Побудь здесь некоторое время, и увидишь его». Брат сказал: «Я не вкушу никакой пищи прежде, нежели увижу его». Тогда служители послали одного из братий проводить странника до кельи старца, которая находилась в весьма дальнем расстоянии от скитской церкви.

Достигши кельи и постучавшись в дверь, они вошли в келью и, приветствовав старца, сели и сидели долго, пребывая в молчании. Наконец скитский брат сказал: «Я ухожу — помолитесь обо мне». Странный брат не осмелился начать разговора со старцем и сказал скитскому: «И я иду с тобой». Они вышли оба вместе, и попросил странный брат скитского брата: «Отведи меня к авве Моисею, который вступил в монашество из разбойников».

Когда они пришли к авве, то он принял их очень приветливо, преподал им мудрое и святое наставление, отпустил, выразив великую любовь... Некто из отцов, услышав это, помолился Богу, говоря: «Господи! открой мне тайну

дела: один убегает всех ради имени Твоего, а другой принимает всех ради Твоего имени».

И вот в видении явились ему два великих корабля на обширных водах. В одном корабле он видел авву Арсения, безмолвно плывущего, и Духа Божия с ним, а в другом авву Моисея, плывущего в обществе Ангелов, которые питали его медом (101, 49).

***

Сказывали об авве Иоанне: пришел он в церковь скита и, услышав там спорящих братьев, возвратился к келии своей, обошел ее три раза и вошел в нее. Некоторые из братьев, видя это, спросили его: почему он поступил так? Авва ответил: «Мой слух был запечатлен словами спора, я прохаживался, чтоб очиститься и уже в безмолвии сердца войти в келью» (101, 294).

***

Святая Мелания спросила преподобную Матрону: «Хочу хранить сердце свое и не могу». Говорит ей преподобная Матрона: «Удивляюсь словам твоим... Не знаешь разве, что небезмолвствующему невозможно стяжать ни одной добродетели? Как можно хранить сердце, когда отверсты двери языка, слуха и очей? Если хочешь и сердце свое сохранить и преуспеть в добродетели, сиди, безмолвствуя, в келии» (100, 61).

БЕСЕДЫ

Предметом бесед твоих да будут благодеяния Всевышнего Бога; этим ты сделаешь себя достойным полу-

чить от Него еще большие блага (прп. Антоний Великий, 85, 104).

***

Возненавидь мирские беседы, чтобы сердце твое узрело Бога (прп. авва Исаия, 60, 91).

***

Когда говоришь с кем-нибудь, говори не много, любви ради и поскорее замолчи (прп. авва Исаия, 85, 432).

***

Когда беседуем о предметах духовных, ничто житейское да не будет в душах наших, ничто земное; но все это да будет удалено, все да будет устранено, чтобы мы могли всецело предаться одному слушанию божественных слов (свт. Иоанн Златоуст, 52, 307).

***

Во время беседы не скрывай того, что нужно и полезно для присутствующих; только приятное излагай прямою речью, а жестокое (строгое) загадочною (прп. Марк Подвижник, 85, 556).

***

Беседа с благоразумными — сладкий источник (прп. Исаак Сирин, 59, 415).

***

Не расслабляй себя беседами, ибо они не допускают тебя преуспевать о Боге (прп. авва Дорофей, 29, 216).

***

Не распространяйся в долгих беседах с тем, кто слушает тебя не с добрым сердцем, чтоб, наскучив ему, не сделаться для него мерзостным... (прп. Никодим Святогорец, 68, 105).

***

Когда нужно тебе говорить, наперед добре рассуди о том, что высказать всходит на сердце твое, прежде чем перейдет то на язык твой, и найдешь, что многое из сего таково, что сему гораздо лучше не исходить из уст твоих. Но при этом знай, что и из того, что высказать кажется тебе делом хорошим, иному лучше остаться похороненным в гробе молчания. Об этом иной раз сам ты узнаешь тотчас по окончании беседы (прп. Никодим Святогорец, 68, 106).

****

Однажды авва Аммон пришел к авве Пимену и спросил его: «Если я приду в келию брата или он придет ко мне по какой-нибудь нужде, позволительно ли беседовать с ним свободно о всех предметах?» Авва Пимен ответил: «Не одобряю такого поведения, потому что юность нуждается в самоохранении». Авва Аммон спросил: «Как поступали старцы в таких случаях?» Авва Пимен ответил: «Старцы, находясь в преуспеянии, не нуждаются в таком самоохранении; они, не имея ничего чуждого в сердце, не имеют его и в устах своих». Опять авва Аммон спросил: «Из чего лучше заимствовать беседу, если случится беседовать с братом: из Писания или из отеческих изречений?» Старец отвечал: «Если не можешь молчать, то говори лучше из отеческих изречений, нежели из Писания. Объясне-

ние Писания сопряжено с великою опасностью для души» (101, 65).

***

Несколько монахов, вышедши из хижин своих, собрались вместе и беседовали о вере, монашеском подвижничестве и о средствах богоугождения. Из числа беседующих два старца увидели Ангелов, которые держали монахов за мантии их и похваляли беседующих о вере Божией; старцы умолчали о видении. В другой раз монахи сошлись на том же месте и начали говорить о некотором брате, впавшем в согрешение. Тогда святые старцы увидели смердящего кабана и, уразумев согрешение свое, открыли прочим о видении Ангелов и о видении кабана (101, 457).

***

Некогда один отшельник пришел из своей пустыни в Египет к авве Пимену. Отшельник начал говорить от Писания о предметах духовных и небесных. Но авва Пимен отвратил от него лицо и не дал ответа. Тот, видя, что старец не говорит с ним, ушел от него с прискорбием и говорит брату, который привел его: «Напрасно предпринял я это путешествие, шел я к старцу ради пользы, а он не хочет и говорить со мной». Брат пошел к авве и говорит: «Авва, для тебя пришел этот муж, столь славный в своей стране, почему ты не говорил с ним?» Старец ответил: «Он *от вышних* и говорит о небесном, а я *от нижних* и говорю о земном (Ин. 8, 23). Если бы он говорил со мною о душевных страстях, я стал бы отвечать ему; а если он говорит о духовном, то я сего не знаю». Вышедши от него, брат сказал отшельнику: «Старец не вдруг говорит от Писания; но если кто говорит с ним о душевных страстях,

тому он отвечает». Сокрушившись в себе, отшельник вошел к старцу и сказал: «Что мне делать, авва? Мною овладевают душевные страсти». Старец, с радостью посмотрев на него, сказал: «Теперь хорошо ты пришел»... Отшельник, получив великое назидание, говорил: «Подлинно, это истинный путь». И возвратился в свою страну, благодаря Бога за то, что удостоил его видеть столь великого святого старца (95, 30).

БЕСНОВАНИЕ

Если бы ты увидел горящим дом своего соседа, то, скажи мне, хотя бы этот сосед был злейшим из всех твоих врагов, не побежал ли бы ты гасить пожар, опасаясь, чтобы огонь, распространяясь далее, не дошел и до твоих дверей? Точно так же рассуждай и о бесноватых: демонское обладание есть жестокий пламень и пожар. Смотри, чтобы демон, пролагая себе дорогу, не занял и твоей души, и когда заметишь его присутствие, с великим усердием прибегни ко Владыке, чтобы демон, увидев душу твою пламенною и бодрствующею, признал твой ум недоступным для себя. Если он увидит тебя рассеянным и беспечным, то скоро вселится в тебя, как в пустое жилище; а если увидит тебя внимательным, бодрствующим и стремящимся к небесам, то не дерзнет даже смотреть на тебя (свт. Иоанн Златоуст, 45, 531).

***

Как от безумных, как от сумасшедших, как от детей не требуют отчета в их действиях, так и от бесноватых; и нет человека столь жестокого, чтобы наказывать за то, что сделано по неведению (свт. Иоанн Златоуст, 53, 365).

***

<Бесноватые, когда бывают схвачены нечистыми духами>, говорят или делают то, чего не знают. Известно, они неодинаково терпят влияние духов. Ибо некоторые так бывают овладеваемы, что нисколько не сознают того, что делают или говорят, а некоторые сознают и после вспоминают. О таком влиянии нечистого духа нельзя думать так, чтобы он, проникая в самое существо души, как бы соединившись с нею и некоторым образом облекшись ею, произносил слова и речи устами страдальца. Никак нельзя верить, чтобы это возможно было для них сделать. Это происходит не чрез какое-либо умаление души, а чрез ослабление тела, когда в тех членах, в которых заключается сила души, нечистый дух, заседая и налагая на них невыносимую, чрезмерную тяжесть, умственные способности ее покрывает густейшим мраком и прерывает чувства. Это, как видим, иногда приключается также от вина и лихорадки или от чрезмерного холода и от других болезней, приключающихся отвне. Чтобы блаженному Иову диавол, получив власть над его плотию, не постарался причинить это, Господь запретил ему, говоря: ***Вот Я предаю его в твои руки, только душу его сбереги*** (ср.: Иов. 2, 6), т. е. только не делай его безумным, расслабив жилище души, овладев рассудком или повредив орган разума, посредством которого ему необходимо противиться тебе; своею тяжестью не подавляй рассудка и мудрости противящегося (прп. авва Серен, 57, 288—289).

***

...Ясно, что нечистые духи не могут иначе проникнуть в тех, телами коих хотят овладеть, если наперед не овладеют их умом и мыслями. Когда лишат их страха и памя-

ти Божией или духовного размышления, то как на обезоруженных, лишенных помощи и охранения Божия, и потому легко побеждаемых, смело нападают, потом устрояют в них жилище, как в предоставленном им владении (прп. авва Серен, 57, 297).

***

...Не должно отвращаться или презирать тех, которые подвергаются разным искушениям или нечистым духам; ибо мы должны твердо верить: во-первых, что никто не подвергается им без попущения Божия; во-вторых, что все, что посылается нам от Бога, кажется ли оно прискорбным в настоящее время или радостным, посылается как от нежнейшего отца и сострадательного врача для нашей пользы. Потому они, подвергаясь им (злым духам и искушениям), как учителям, смиряются, чтобы, переселяясь из этого мира, они переходили в другую жизнь более очищенными или понесли более легкое наказание. По апостолу такие в настоящей жизни бывают предаваемы *сатане во изможднение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа* (1 Кор. 5, 5) (прп. авва Серен, 57, 300).

***

...Святое причащение нашими старцами, помним, не запрещалось <бесноватым>, напротив, они думали, что, если бы возможно было, даже ежедневно надобно преподавать им его. Ибо не должно думать, что по изречению Евангельскому, которое... неверно <прилагают> *не давайте святыни псам* (Мф. 7, 6), — будто Святое причащение поступает в пищу демону, а не в очищение и охра-

нение тела и души. Будучи принято человеком, оно, как пламя пожигающее, прогоняет тогда духа, который в его членах заседает или скрывается. Мы недавно видели, что таким способом был исцелен авва Андроник и многие другие. Ибо враг более и более будет нападать на одержимого им, когда увидит, что он отлучается от небесного врачевства, и тем злее и чаще будет мучить, чем дольше он будет уклоняться от духовного врачевства (прп. авва Серен, 57, 301).

***

...У одержимых бесом сначала и больше иных частей тела подвергается бедствию мозг, ибо этот психический центр бес использует как некий плацдарм, откуда уже, как бы из некоей крепости, он угнетает все тело; а когда бедствует мозг, тогда на нервах и на суставах тела выделяется некий воспалительный процесс, препятствующий нормальной функции, исходящей из психического центра, и на основании этого происходит смятение и разбитость, и бессознательные движения всеми управляемыми волею частями тела и особенно челюстями, как наиболее близкими к первично пострадавшей части (т. е. к мозгу). Вследствие же большой выделяемости влаги, стекающейся к устам через каналы, и по причине близости к мозгу, когда усиленное дыхание не может правильно происходить вследствие нарушенности правильности функций органов, у несчастных появляется пена на устах. Поэтому-то бесноватые испускают пену и скрежещут зубами, страшно ударяющимися друг о друга в безумном возбуждении. Оцепеневает, сохнет же он после сего по причине тяжкого бесовского вреда: ибо как вследствие действия солнечных лучей создающиеся пары, затем, если эта теплота увели-

чивается, ею же, наконец, и уничтожаются, рассеявшись, так происходит и от бесовского вреда: издаваемая влага внутренностей, немного затем, когда это вредное бесовское действие увеличивается, израсходуется, как и вообще свойственная телу влага, и сей бесноватый в результате этого сохнет, т. е. оцепеневает (свт. Григорий Палама, 26, 122).

***

Что касается того, кто не одержим злым духом, хотя и подвергается его внушениям, тот, когда возникнет к обращению — ибо он еще сохраняет власть над собою, — должен молиться и поститься, дабы чрез пост обуздать тело и удержать его восстание, чрез молитву же обездействовать и усыпить предрасположения и возбуждающие страсти помыслы, и таким образом он одержит верх над страстями, в молитве отгоняя сатанинский приступ и издевательство его. Но когда кто не только подвержен диавольскому внушению, но бывает и одержим им и терпит страдания, которые люди не в силах вылечить, ни сам он не может что сделать для своего выздоровления, тогда то самое, что он бы сделал, если бы имел свободный ум, это, совершаемое ради него со стороны... одухотворенных Божественным Духом людей, в величайшей степени будет содействовать для изгнания беса (свт. Григорий Палама, 26, 125).

****

Однажды некоторый пресвитер сидел в церковном притворе и читал Святое Евангелие. Вдруг он почувствовал, что как будто бы какое-то темное и мрачное облако окружило его и, с этим вместе, свет померк в очах его и разум

его помрачился, во всех членах он почувствовал расслабление и стал нем. Пробыл он в этой ужасной болезни девять лет и страдал так, что не мог на одре обратиться со стороны на сторону без помощи. Наконец, родные его, узнав о чудесах преподобного Симеона Столпника, понесли пресвитера к нему. Не доходя до монастыря, где жил преподобный Симеон, они заночевали в пути. Но преподобному во время молитвы было открыто о болезни пресвитера. Он призвал своего ученика, дал ему святой воды и просил поспешить к больному пресвитеру, чтобы окропить его водой и сказать, что грешный Симеон говорит ему следующее: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа, встань и оставь одр твой и прииди к Симеону сам». Ученик все исполнил, и пресвитер тотчас же встал и, пришедши к святому, пал к его ногам. Симеон сказал ему: «Встань и не бойся, если диавол и нанес тебе девятилетнюю скорбь, но зато человеколюбие Божие не забыло тебя и не дало тебе погибнуть до конца. Знай, что диаволу попущено было озлобить тебя за то, что ты бесстрашно и неблагоговейно стоял в святом алтаре, слушал клеветников и оклеветанных лишал Святого причастия, не доискавшись истины. Этим ты печалил Бога и весьма радовал врага, которому и подпал под темную его власть. Но вот теперь, видя, что человеколюбие и щедроты Божии умножились на тебе, тех, кого ты опечалил отлучением, разреши, и как Господь сотворил милость с тобою, так и ты сотвори с ними» (103, 6—7).

***

Брат охотника, открывшего место подвигов святого Петра Афонского, одержим был нечистым духом, который мучил его уже с давнего времени. Но лишь только прибли-

зился страдалец этот к мощам святого Петра, демон вдруг бросил его на землю и с истечением пены и скрежетом зубов говорил громогласно: «Нагий и босый Петр! Разве не довольно тебе пятидесяти трех лет, в которые, живя здесь, ты властвовал над нами? Тогда ты изгнал меня из моего жилища и отлучил от товарищей; что же, не хочешь ли и теперь, будучи уже мертвецом, преследовать меня? — Нет, мертвого-то я не послушаю тебя!»

Охотник и спутники, слыша это от диавола, дивились и трепетали. Через некоторое время они заметили, что мощи святого облистались каким-то небесным светом, и демон вдруг вышел из уст бесноватого в виде черного дыма; при этом страдалец, сильно потрясенный демоном, лежал на земле, как мертвый. Потом он опомнился и попросил присутствующих, чтоб они вместе с ним помолились человеку Божию о совершенном его исцелении (91, 509).

***

Однажды привели к затворнику Лаврентию из Киева одного бесноватого. И не мог затворник отогнать от него беса — очень лют был: дерево, которое десять человек снести не могли, он один брал и забрасывал. Долгое время оставался больной без исцеления. И велел затворник вести его в Печерский монастырь. Тогда бесноватый закричал: «К кому посылаешь меня, не смею я приблизиться к пещере ради святых, положенных в ней. В монастыре тридцать иноков боюсь, а с прочими могу бороться». Ведшим было известно, что он никогда не был в Печерском монастыре и никого там не знал, его спросили: «Кто же те, которых ты боишься?» Бесноватый назвал всех по именам и прибавил,

что эти тридцать одним словом изгонят его. Всего же черноризцев в монастыре было тогда 180. Бесноватому сказали, что хотят затворить его в пещере. Он же ответил: «Что мне за польза бороться с мертвыми? Они теперь имеют у Бога большое дерзновение молиться за своих черноризцев и за приходящих к ним. Но если хотите видеть борьбу мою, ведите меня в монастырь». И начал он говорить по-еврейски, потом по-латински, по-гречески и на всех языках, а прежде никогда и не слышал их. Ведшие его испугались, дивясь изменению языка его. Но прежде вступления в монастырь больной исцелел и стал все понимать.

Вошли в церковь, куда пришел игумен со всею братиею. Исцелившийся не знал игумена и ни одного из тех тридцати, имена которых назвал во время беснования. Его спросили: «Кто исцелил тебя?» Он же, смотря на чудотворную икону Богородицы, сказал им: «С Нею встретили нас святые отцы, тридцать числом, и я исцелел».

Теперь он знал имена всех, а из самих старцев тех не знал ни одного. Все воздали славу Богу и Пречистой Его Матери и блаженным угодникам Его (97, 82).

БЕСПЕЧНОСТЬ

Беспечность наша возбудила гнев Божий — отвратим его усердием и покажем полную перемену. Есть у нас великий помощник — пост... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 81).

***

...От беспечности падает и стоящий... <она> не позволяет избавиться от постигших зол (свт. Иоанн Златоуст, 46, 311).

***

...Благополучие, как бывает... делает людей беспечными... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 163).

***

...Спящему, беспечному и не заботящемуся о своем спасении, ничто не приносит пользы... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 257).

***

...Если мы будем бодрствовать, то и диавол не может повредить нам; если же не станем бодрствовать, а будем беспечными, то и от полезного никогда не получим пользы, но даже потерпим величайший вред. Таково зло — беспечность (свт. Иоанн Златоуст, 47, 257).

***

...Нерадивого, беспечного, не заботящегося о самом себе ничто не сделает лучшим, хотя бы употреблены были тысячи пособий (свт. Иоанн Златоуст, 47, 489).

***

...Беспечность — вот тяжкое зло!.. Как она делает легкое для нас трудным, так старание и внимание делает легким для нас и трудное (свт. Иоанн Златоуст, 48, 113).

***

...Великое зло — беспечность... она лишает нас и тех благ, которыми мы уже пользовались, и подвергает великому стыду (свт. Иоанн Златоуст, 48, 155).

***

...Предавшись беспечности, мы терпим вред и от самых маловажных вещей... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 223).

***

...Если предадимся беспечности, и сами подвергнемся великому наказанию, и другим дадим повод к соблазну (свт. Иоанн Златоуст, 48, 441).

***

Если бы мы немного захотели воспрянуть духом, мы отрясли бы, как прах, все (диавольские) козни; так, когда падаем (в грех), не от насилия его (диавола) терпим это, а от собственной беспечности (свт. Иоанн Златоуст, 48, 650).

***

Как судно, ненагруженное и предоставленное течению буйных ветров, скоро потопляется, так и душа, живущая беспечно, подвергается бесчисленным страстям (свт. Иоанн Златоуст, 49, 57).

***

Когда другой грешит, а ты проходишь мимо, не обличаешь и не скорбишь, то делаешь свою душу более беспечною и склонною к падению, и располагаешь ее весьма часто впадать в те же самые грехи; а тому немало вредишь своею неблаговременною снисходительностью, делая для него отчет в будущем более трудным и в настоящем приучая его к большей беспечности (свт. Иоанн Златоуст, 49, 267).

***

Беспечна природа человеческая и легко увлекается к погибели не от того, что она так создана, а от произвольного нерадения (свт. Иоанн Златоуст, 52, 117).

***

Не столько страшно впасть в глубину зол, сколько — впавши, оставаться в ней; не столько нечестиво впасть в глубину зол, сколько — впавши, оставаться беспечным (свт. Иоанн Златоуст, 53, 229—230).

***

Бывают... частые и неожиданные <смерти>, и однако мы живем, как будто бессмертные... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 116).

***

...Все боятся одного — как бы не сделаться бедным, а как бы не попасть в геенну, о том никто не беспокоится и не трепещет (свт. Иоанн Златоуст, 56, 194—195).

****

Один старец рассказывал, что некий брат желал удалиться в пустыню, но ему не позволяла родная мать. Он не оставлял своего намерения и говорил: «Я хочу спасти душу свою». Мать долго уговаривала его, но, будучи не в силах удержать, наконец отпустила его. Сделавшись монахом, он в беспечности проводил свою жизнь.

Между тем мать его умерла. Чрез несколько времени он сам впал в тяжелую болезнь и в исступлении был восхи-

щен на суд, где встретил мать свою вместе с прочими судимыми. Когда она увидела его, изумилась и сказала: «Что это такое, сын мой? И ты пришел на это место осужденных! Где же слова твои: хочу спасти душу свою?» Смущенный такими словами, он стоял с поникшей головой, не зная, что ответить матери. Вдруг слышит голос: «Возьмите его отсюда. Я послал вас в киновию за другим монахом, соименным этому, из такой-то пустыни». Когда кончилось видение, он пришел в себя и рассказал о нем присутствующим. Для утверждения и удостоверения в словах своих он просил одного брата сходить в ту киновию, о которой слышал, и дознать, не скончался ли там брат, о котором он слышал. Посланный, пришедши (в киновию), нашел точно так. После этого, когда брат восстал от болезни и мог располагать собой, он сделался затворником и сидел, помышляя о своем спасении, каялся и плакал о том, что прежде проводил жизнь в беспечности. Таково было его сокрушение, что многие уговаривали сделать некоторое послабление, дабы не потерпеть какого-нибудь вреда по причине неумеренности плача. Он не хотел на это склониться, говоря: «Если я не снес упрека матери своей, то как могу перенести в Судный День стыд пред Христом и святыми Ангелами?» (101, 470—471).

***

Некий из отцов говорил: «Один труженик был внимателен к себе, и случилось ему немного вознерадеть, но в это время он сказал себе: «Душа! Доколе ты нерадишь о спасении своем? Ужели не боишься Суда Божия? Не предана ли вечным мучениям? Не объята ли ты беспечностью?» Говоря это в себе самом, он подвигся на дело

Божие. Когда он творил молитвословие, пришли демоны и возмущали его. Он же говорит им: «Доколе вы беспокоите меня, ужели вы не довольны нерадением прошедшего времени?» Демоны говорят ему: «Когда ты был в беспечности, и мы были беспечны к тебе; когда ты опять восстал против нас, и мы восстали против тебя». Услышав сие, он еще более подвиг себя на дело Божие и преуспевал благодатию Божиею» (94, 278).

БЕСПРИСТРАСТИЕ

...Беспристрастие к чувственному возбуждает видение мысленного. Под видением же (разумею) здесь не (созерцание) сущего, но страшного, бывающего при смерти и после смерти, о чем беспристрастный научаем бывает благодатию к умерщвлению страстей плачем, чтобы он со временем пришел в кротость помыслов. Ибо от веры страх, и от страха благочестие, т. е. воздержание, терпение, плач, кротость, алчба и жажда правды, т. е. всех добродетелей, милостыня, по блаженствам Господним, беспристрастие и от него умерщвление тела, от многих стенаний и горьких слез покаяния и скорби, чрез которые душа отвергает радость мира и саму пищу от сокрушения, потому что начинает видеть свои согрешения, как песок морской, и это есть начало просвещения души и признак ее здравия. Бывающие же прежде этого, быть может, слезы и будто бы божественные мысли, умиление и тому подобное суть насмешка и тайная хитрость демонов, особенно для живущих посреди людей, или в попечении (о суетном), хотя бы оно было и весьма малое. Ибо невозможно, чтобы преданный чему-либо чувственному победил страсти. Если же кто-либо укажет на древних (святых) мужей, что они имели и

то и другое, то пусть он знает, что они имели, но отнюдь ничего не употребляли по страсти (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 40—41).

***

...Что суетнее того, чему конец тление и прах? Потому беспристрастие и есть умерщвление, однако не ума, но тела, т. е. первых движений его к невоздержности и покою. Ибо желание покоя, хотя бы и весьма малое, есть воля плоти. А душа скорее печалится об этом, если только видит в себе какое-либо духовное делание или ведение... (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 42).

***

Да не будет душа твоя рвом, который иногда источает животворную воду смирения, а иногда иссыхает от зноя славы и возношения; но да будет она источником бесстрастия, всегда изводящим из себя реку нищеты (прп. Иоанн Лествичник, 58, 165).

***

Некоторые из испытующих волю Божию отрешали помысл свой от всякого пристрастия к тому или другому совету души своей, т. е. и к побуждающему на дело, и ко внушающему противное; и ум свой, обнаженный от собственной воли, с горячею молитвою в продолжение предназначенных дней представляли Господу; и достигали познания воли Его или тем, что бестелесный Ум таинственно провещавал нечто их уму, или тем, что одно из оных помышлений совершенно исчезало в душе (прп. Иоанн Лествичник, 58, 196).

***

Когда освободишь ты ум свой от всякого пристрастия к телам, яствам и деньгам, тогда, что ни будешь делать, все то вменится в чистый дар Богу от тебя. И воздано тебе будет за то тем, что откроются очи сердца твоего и ты будешь ясно поучаться в нем законам Божиим, кои слаще меда и сота покажутся умной гортани твоей, по причине издаваемой ими приятности (прп. Илия Екдик, 87, 432).

БЕССТРАСТИЕ

Признак бесстрастия есть то, чтобы во всем пребывать без смущения и без страха, как получившему от Бога благодать *вся мощи* (Фил. 2, 13)... и никакой не иметь заботы о теле, но по мере того, как подвизается, понуждая себя, и достигает в покой навыка, благодарить (за это Бога) и снова предпринимать иное понуждение себя, чтобы постоянно быть в борьбе и побеждать со смирением (сщмч. Петр Дамаскин, 72, 125).

***

Бесстрастие происходит от надежды, ибо надеющийся получить в ином месте вечное богатство легко презирает то, что у него под руками, хотя бы временная жизнь и представляла всякий покой, а если жизнь эта еще прискорбна и многоболезненна, то кто заставит разумного человека предпочитать ее любви к Богу, Который и эту жизнь и ту дает любящим Его, разве только человек тот слеп и вовсе не может видеть, по неверию, худому произволению и привычке ко злу. Если бы он веровал, то просветился бы и, получив чрез твердую веру малый свет

познания, подвизался бы освободиться от злейшей своей привычки. И если бы положил так в душе, то благодать содействовала бы ему и подвизалась бы вместе с ним. Но потому и говорит Господь: *мало есть спасающихся* (Лк. 13, 23), что сладким кажется нам видимое, хотя оно и горько (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 34—35).

***

Необычайное и преславное дело есть бесстрастие, ибо оно может, после того как человек привыкнет побеждать страсти, сделать его подражателем Богу, по мере сил человеческих. Бесстрастный, страдая или терпя нападения от демонов и злых людей, переносит это, как бы не он, а другой кто-либо страдал, подобно святым апостолам и мученикам; и когда его прославляют — не возносится, когда порицают — не скорбит, имея в мысли, что радостное есть благодать Божия и снисхождение превыше его достоинства, а трудное — испытания; и одно дается здесь, по благодати, к утешению, а другое — для смиреномудрия и благой надежды в будущем; и, как не чувствующий при многом чувстве, пребывает он среди прискорбного вследствие рассуждения. Бесстрастие не есть одна какая-либо добродетель, но наименование всех добродетелей. Ибо как один член не есть человек, но многие члены тела в совокупности составляют человека, и то не одни, но вместе с душою, так и бесстрастие есть совокупность многих добродетелей, в которой вместо души обитает Святой Дух, потому что бездушны все так называемые дела духовные, если они не имеют Духа Святаго, от Которого так называемый духовный получил наименование. Если душа не отвергнет страстей, то не снизойдет на нее Святой Дух. Но без этого опять и сия всеобъемлющая добродетель не мо-

жет быть названа бесстрастием; и если, может быть, и случится кому-либо быть таковым, то это более по бесчувствию (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 78—79).

***

Бесстрастие есть та любовь, которую Господь Иисус учил всех иметь (прп. авва Исаия, 60, 145).

***

Бесстрастие не имеет врагов, не боится падения, чуждо неверия, безопасно от возмущений, не имеет пожелания какой-либо вещи (прп. авва Исаия, 60, 145).

***

Не считай себя бесстрастным, пока влечет тебя грех (прп. авва Исаия, 85, 343).

***

...Когда тело твое получит рану, заботишься ты уврачевать ее; так попекись, чтоб оно явилось бесстрастным в Воскресении (прп. авва Исаия, 85, 344).

***

...Кто любит славу человеческую, тому нельзя быть бесстрастным, но ревность и зависть обитают в нем (прп. авва Исаия, 85, 359).

***

...Не те стяжают бесстрастие, кои имеют видимую скорбь, но те, кои пекутся о внутреннем человеке и отсе-

кают свои пожелания: сии приимут венец добродетелей (прп. авва Исаия, 85, 360).

***

...Доколе у кого из сердца исходит осуждение, дотоле он чужд бесстрастия (прп. авва Исаия, 85, 397).

***

...Кто в подражании сам, насколько возможно, достиг бесстрастия Божия естества, тот в душе своей восстановил образ Божий. А кто уподобился Богу указанным способом, тот, без сомнения, приобрел и подобие Божией жизни, постоянно пребывая в вечном блаженстве. Поэтому, если бесстрастием снова восстановляем в себе образ Божий, а уподобление Богу дарует нам непрекращающуюся жизнь, то, вознерадев о всем прочем, употребим попечение свое на то, чтобы душа наша никогда не была обладаема никакой страстью, а мысль наша в приражениях искушений оставалась непреклонною и непоколебимою и чтобы чрез то соделались мы причастниками Божия блаженства (свт. Василий Великий, 9, 56).

***

...Возвратимся к первоначальной благодати, которой отчуждились мы чрез грех, и снова украсим себя по образу Божию, бесстрастием уподобившись Творцу (свт. Василий Великий, 9, 56).

***

Блажен, кто на земле был бесстрастен, как Ангел, чтоб в оный день возрадоваться с Ангелами (прп. Ефрем Сирин, 30, 387).

***

Бесстрастие имеет душа не та, которая не пленяется вещами, но та, которая и при воспоминании о них пребывает невозмущаемою (авва Евагрий, 85, 577).

***

...Постоянное сухоядение с любовью скоро вводят монаха в пристань бесстрастия (авва Евагрий, 85, 588).

***

Порождение бесстрастия — любовь; бесстрастие же есть цвет деятельной жизни, а деятельная жизнь состоит в исполнении заповедей. Блюститель сего исполнения заповедей есть страх Божий, который есть плод правой веры, вера же есть внутреннее благо души... (авва Евагрий, 85, 604).

***

Кто в строгом подчинении держит плоть свою, тот достигнет бесстрастия... (авва Евагрий, 85, 609).

***

Без млека не отдоится дитя, и без бесстрастия не возликует душа (авва Евагрий, 85, 611).

***

Признаки бесстрастия будем определять днем посредством помыслов, а ночью посредством сновидений. Бесстрастие назовем здравием души, а ведение — ее пищею, потому что оно одно обычно сочетавает нас со святыми

силами, так как сочетание с бестелесными возможно только при подобонастроении с ними (авва Евагрий, 85, 613).

***

Совершенное бесстрастие является в душе по преодолении всех противящихся деятельной жизни демонов; несовершенным же бесстрастие называется, когда душа по силе своей, без уступок, однако ж, борется с нападающим на нее бесом (авва Евагрий, 85, 614).

***

Безмолвие есть отсечение всего злого. Если же оно и четыре добродетели: <долготерпение, смиренномудрие, бдение, воздержание> — присоединит к молитве, то нет лучшего пособия и кратчайшего пути к бесстрастию... (прп. Марк Подвижник, 85, 562).

***

Бесстрастие есть не то, чтоб не быть бориму от бесов, ибо в таком случае надлежало бы нам по Апостолу — *изыти из мира* (1 Кор. 5, 10); но то, чтоб когда они борют нас, пребывать неборимыми, подобно тому, как в латы облаченные воители и стрелянию противников подвергаются, и слышат звук от летящих стрел, и видят даже самые стрелы, на них пускаемые, неуязвляемые однако ж бывают ими, по причине твердости воинской одежды своей. Но эти, железом будучи ограждены, не подвергаются уязвлению во время брани; мы же, посредством делания добрых дел, облекшись во всеоружие святого света и в шлем спасения, будем рассеивать темные демонские фаланги: ибо не одно то приносит чистоту, чтоб не делать

более зла, но паче то, чтоб всеусильною ревностью о добре вконец истребить в себе злое (блж. Диадох, 87, 71—72).

***

Бесстрастие не в том одном состоит, чтобы не ощущать страстей, но и в том, чтобы не принимать их в себя (прп. Исаак Сирин, 59, 213).

***

Отсечением своей воли <человек> приобретает беспристрастие, а от беспристрастия приходит, с помощью Божиею, и в совершенное бесстрастие (прп. авва Дорофей, 29, 34).

***

Если увидим или услышим, что кто-нибудь в продолжение немногих лет приобрел высочайшее бесстрастие, верь, что такой шествовал не иным путем, но блаженным <смирением> (прп. Иоанн Лествичник, 58, 169).

***

Прощение грехов многие скоро получили, но бесстрастия никто скоро не приобрел... Для приобретения бесстрастия нужно долгое время, великое усердие, многий труд любви и помощь Божия (прп. Иоанн Лествичник, 58, 214).

***

...Приобретение бесстрастия есть совершенная любовь, т. е. совершенное вселение Бога в тех, которые чрез бесстрастие сделались чистыми сердцем (прп. Иоанн Лествичник, 58, 216).

***

Великолепие тверди суть звезды, а украшение бесстрастия — добродетели, ибо бесстрастие, как я думаю, не иное что есть, как сердечное небо ума, которое все коварства бесов считает за детские игрушки (прп. Иоанн Лествичник, 58, 242).

***

...Истинно бесстрастным называется и есть тот, кто тело свое сделал нетленным, ум возвысил превыше всякой твари, все же чувства покорил уму, а душу свою представил лицу Господню, всегда простираясь к Нему, даже и выше сил своих... Бесстрастие есть воскресение души прежде воскресения тела... (прп. Иоанн Лествичник, 58, 242).

***

...<Бесстрастие> есть совершенное познание Бога, какое мы можем иметь после Ангелов (прп. Иоанн Лествичник, 58, 242).

***

Между бесстрастными один бывает бесстрастнее другого. Ибо иной сильно ненавидит зло, а другой ненасытно обогащается добродетелями (прп. Иоанн Лествичник, 58, 243).

***

Из одного камня не составляется царский венец: так и бесстрастие не совершится, если вознерадим хотя об одной какой-либо добродетели (прп. Иоанн Лествичник, 58, 245).

***

Бесстрастие есть неподвижность души на худое, но ее можно получить только с помощью благодати Христовой (авва Фалассий, 87, 315).

***

Бесстрастию свойственно истинное рассуждение, по коему все делается правою мерою (авва Фалассий, 87, 316).

***

Как весна возбуждает растения к оживлению, так и бесстрастие подвигает ум к познанию Сущего (авва Фалассий, 87, 335).

***

Бесстрастие есть мирное состояние души, в котором она неудободвижна на зло (прп. Максим Исповедник, 87, 182).

***

Если никогда во время молитвы не осаждает ума твоего никакое помышление мирское, то знай, что ты не вне области бесстрастия (прп. Максим Исповедник, 87, 190).

***

В отсутствие предмета страсти не почитай себя имеющим совершенное бесстрастие. Но когда и предмет появится, а ты останешься нетронутым ни им, ни после воспоминанием о нем, тогда знай, что ты вступил в пределы его.

Однако ж и тогда не будь беспечен: ибо хотя долговременная добродетель умерщвляет страсти, но если понебрежешь о ней, то они опять возбудятся (прп. Максим Исповедник, 87, 221).

***

Первое бесстрастие есть совершенное воздержание от злых дел, видимое в новоначальных; второе — совершенное отвержение помыслов о мысленном сосложении на зло, бывающее в тех, кои с разумом проходят путь добродетели; третье — совершенная неподвижность страстного пожелания, имеющее место в тех, которые от видимых вещей восходят к мысленным созерцаниям; четвертое бесстрастие есть совершенное очищение даже от самого простого и голого мечтания, образующееся в тех, которые через ведение и созерцание соделали ум свой чистым и ясным зерцалом Бога. Итак, очистивший себя от страстных дел, и освободившийся от мысленного на них сосложения, и пересекший похотное к ним движение, и соделавший ум свой чистым даже от простого о них помышления, имея сии четыре главные бесстрастия, исходит из области тварей вещественных и вступает в чин существ мысленных... (прп. Максим Исповедник, 87, 277—278).

***

Соделаем святых Ангелов друзьями своими бесстрастною жизнью, чтобы и они во время исхода <нашего> дружелюбно вознесли нас к Владыке (прп. Феодор Студит, 88, 649).

***

Бесстрастием я называю не удаление от греха делом, ибо это есть воздержание; но то, если кто пресек совершенно исхождение из сердца самых помышлений страстных, что называется и чистотою сердца (свт. Феодор Едесский, 87, 334).

***

...Из деятельной жизни произрастает честное бесстрастие... (свт. Феодор Едесский, 87, 351).

***

Дивно будет, если кто, насыщаясь всегда вдоволь яствами, возможет стяжать бесстрастие (свт. Феодор Едесский, 87, 362).

***

Возжелав боготворного бесстрастия, прежде послушанием и смирением взыщи сего желаемого, чтобы, пошедши к нему другою дорогою, не причинить себе напрасных трудов. Бесстрастие же стяжавшим должно почитать не того, кто иногда осаждаем бывает страстями, а иногда мирен и покоен бывает от них, но того, кто непрестанно наслаждается бесстрастием, и когда присущи причины страстей, недвижимым от них пребывает, и когда помышления о них приходят, ничего от того не претерпевает (прп. Феогност, 87, 383).

***

Бесстрастия не желай прежде времени, чтобы не пострадать того же, что пострадал первозданный, незрелого

вкусивший древа познания; но трудясь с терпением во всестороннем воздержании и непрестанной молитве и храня с самопрезрением и крайним смирением деятельные навыки и порядки, примешь после сего во время благоприятное и благодать бесстрастия, сие пристанище упокоения после бурь и тревог. Ибо не обидлив Бог, чтоб для правошествующих отворить, когда должно, дверь бесстрастия (прп. Феогност, 87, 385).

***

Исправляя, как должно, деятельную сторону добродетельной жизни, чрез это одно не можешь ты достигнуть пристани бесстрастия, так чтобы чисто и непарительно мог молиться, если в то же время ума твоего не будут обымать духовные созерцания просветительного ведения и познания Сущего, коими окрыляясь и просвещаясь, стремительно возвышался бы он горе́, в истинной, всецело любовью дышащей молитве, к родственным ему светам вышних невещественных чинов, а от них, сколько доступно, к великому возносился бы Свету, к Трисолнечной Богоначальной Троице (прп. Феогност, 87, 389).

***

Из уст бесстрастия, как соты меда, каплют словеса вечной жизни. Кто убо сподобится к устам оного прикоснуться своими устами, и посреди сосцев его водвориться, и сладкою вонею одежд его облагоухается? — т. е. насладиться плодами добродетелей, ***коих воня паче всех ароматов*** (Песнь Песн. 4, 10—11), известных нам чрез чувства... (прп. Илия Екдик, 87, 429).

***

Не после бегства из Египта, т. е. не после пресечения греха делом и не после прехождения моря, т. е. не после отсечения сочувствия и склонности ко греху, но после пребывания в пустыне, т. е. после претерпения всяких бед, лишений и скорбей, вождь Израиля сподобляется узреть землю обетованную, т. е. бесстрастие, обладающее сильным созерцанием умным (Втор. 34, 1) (прп. Илия Екдик, 87, 433).

***

Бесстрастие установляется памятью Божиею (прп. Илия Екдик, 87, 474).

***

...Возможно достигнуть свободы от страстей, или бесстрастия, тому, кто истинно подвизается, тому, кто получит благодать Божию, возможно возвыситься до состояния бесстрастия душевного и телесного и не только не быть тревожимым страстями тогда, когда беседует или вкушает пищу вместе с женщинами, но даже когда находится среди города, слышит там пение и музыку и видит смеющихся, забавляющихся и пляшущих, не терпит никакого вреда; и что такие люди действительно есть и бывают, о сем свидетельствует всякое писание святых; немало пишется о сем свидетельств также в истории и жизнеописаниях святых. Для... бесстрастия бывает у благочестивых всякое делание подвижническое, всякое лишение произвольное и всесторонняя к себе строгость. Первое дело подвизающихся по Богу есть убежать от мира и от всего, что в мире. Миром я называю настоящую жизнь, т. е. сей временный век.

Под тем же, что в мире, разумею все окружающее нас, что повелевает нам Господь оставить и убежать от того всего, т. е. оставить отца, матерь, братьев, сестер, сродников, друзей, имения, деньги и вообще всякое богатство. Не потому так требуется, чтобы это были вещи запрещенные и вредные, но потому, что, находясь среди их, не можем мы избежать от пристрастия к ним. Одолеваемый похотными сластьми, если не отсечет причин, возбуждающих сласти греховные, и не удалится от них, не может никак освободиться от похотения их.

Когда же отложится он от всего того, что составляет его собственность, тогда долг имеет он отречься и от самой жизни своей, если искренно ревнует о добродетели, а это совершается умерщвлением и совершенным отсечением своей воли (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 381—382).

***

Иное есть бесстрастие души, иное — бесстрастие тела. Бесстрастие души освящает и тело; но бесстрастие тела, одно само по себе, не может полную доставить пользу тому, кто стяжал его (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 398).

***

Святое... бесстрастие есть как венец некий круглый, который окружает святых, заключая их среди себя, отовсюду покрывает их, как шатром, сохраняет их невредимыми не только от всякого греха, но и от всякого злого помысла, делает их неискусимыми и свободными от всех врагов, и даже неприступными для них (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 422).

***

Бесстрастием почитаю я то, когда кто не только удаляется от действования по влечению страстей, но чужд бывает и самой похоти их; и не это только, но когда ум его обнажен от самого помышления о них и свободно возносится превыше небес, как ни захочет, заходя за пределы всего видимого и чувственного, как бы чувства его были совсем закрыты и ум превитал в области вышечувственной, имея однако ж с собою и чувства, как орел имеет свои перья (в выси при себе) (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 562—563).

***

...К свету бесстрастия не приближается страсть, как к солнцу — тень или тьма к свету (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 63).

***

...Вне мира и этих тел нет желания плотской страсти, но некое бесстрастие, которое кто возлюбил, тот чрез эту любовь приобрел жизнь (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 127).

***

Приблизившийся к пределам бесстрастия правые о Боге и естествах вещей творит умозрения, и от красоты тварей, соразмерно со своею чистотою, востекая к Творцу, приемлет светолития Духа. Благие о всех имея мнения, о всех всегда думает он хорошо, всех видит святыми и непорочными, и правое о вещах Божеских и человеческих произносит суждение. Ничего не любит он из вещей мира сего, о коих так рачительны люди, но, совлекшись умом от

всякого мирского чувства, к небесам и к Богу востекает он, чистый от всякой тины земной и свободный от всякого рабства; весь предается мысленным благам Божиим в едином духе и, зря Божескую красоту, любит боголепно пребывать мысленно в божественных местах блаженной славы Божией, в неизреченном молчании и радовании, и изменившись всеми чувствами, как Ангел в вещественном теле невещественно сообращается с людьми (прп. Никита Стифат, 89, 116).

***

Покушение тех, которые прежде времени взыскивают того, что бывает в свое время, и тщатся насильно протесниться в пристань бесстрастия, без должного к тому приготовления, святые отцы назвали умоисступлением (патр. Каллист, 89, 426).

***

Достижение бесстрастия, освящения или, что то же, христианского совершенства, без стяжания умной молитвы невозможно (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 210).

***

В состоянии бесстрастия человек достигает чистой любви, и мысль его начинает постоянно пребывать при Боге и в Боге (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 167).

****

Однажды после беседы авва Антоний вывел авву Аммона и, показав на камень, сказал: «Нанеси оскорбление

этому камню и ударь его». Аммон сделал это. Тогда авва Антоний спросил его: «Дал ли тебе какой ответ, оказал ли тебе какое противодействие этот камень?» Аммон ответил: «Нет». — «Так и ты, — сказал ему авва Антоний, — достигнешь в подобную меру бесстрастия», — что и случилось (101, 63).

***

Однажды авва Исаак сидел у аввы Пимена. В это время раздался голос петуха, и авва Исаак спросил: «Здесь есть петух?» Авва Пимен отвечал ему: «Исаак! Зачем ты принуждаешь меня говорить об этом? Ты и подобные тебе слышат петухов, а тому, кто трезвится, нет дела до них» (101, 321).

***

По разорении скита варварами Пимен с братьями пришел в место, называемое Теренуф, и все семеро остановились на время там, в опустевшем идольском храме, с намерением обсудить избрание места для постоянного жительства. При этом авва Анув сказал авве Пимену: «Сделай милость, ты и братья исполните мою просьбу — в течение этой недели будем жить каждый отдельно в молчании, не сходясь для беседы». Авва Пимен и братья согласились. В храме стояла каменная статуя. Анув, вставая ежедневно рано утром, кидал камни в лицо статуи, а вечером подходил к ней и просил прощения. В субботу братья сошлись вместе. Авва Пимен сказал авве Ануву: «Видел я твои действия, что значат они?»

Старец отвечал: «Когда вы видели, что я кидал камни в лицо статуи, отвечала ли она? рассердилась ли? Когда я просил у нее прощения, смутилась ли? сказала ли: не прощаю? — Нет. Так и мы, семь братьев, если желаем

проводить жительство вместе, будем подобны этой статуе, которая от оскорблений, нанесенных ей, не возмущается гневом, а при смирении, оказываемом пред нею, не тщеславится и не надмевается...» Так и жили братья (101, 322).

***

Брат пришел к авве Макарию Египетскому и говорит: «Авва! дай мне наставление, как спастись?» Старец сказал ему: «Пойди на кладбище и ругай мертвых». Брат пошел к мертвым и ругал их, бросал в них камни. Возвратясь, он сказал о том старцу. Авва спросил его: «Ничего они не говорили тебе?» — «Ничего», — отвечал брат. Старец сказал: «Завтра пойди опять и хвали их». Брат исполнил и это. Старец спросил: «Ничего не ответили они тебе?» — «Нет», — отвечал брат.

Авва Макарий сказал: «Видишь, сколько ты ни поносил их, сколько ни хвалил, они ничего не отвечали тебе; так и ты, если хочешь спастись, — подобно мертвым не думай ни об обидах, ни о славе людской, и можешь спастись» (93, 148).

***

Отшельник авва Сизинний рассказывал: «Однажды ко мне в пещеру, что близ Иордана, пришла сарацинка. Я пел в это время третий час. Войдя в пещеру, она разделась донага и легла передо мной. Я однако не смутился, но продолжал правило со спокойствием и страхом Божиим. Окончив молитву, говорю ей: «Встань, я поговорю с тобою...» Она встала. «Кто ты?» — «Христианка», — говорит она. «Что же, разве ты не знаешь, что за блуд будет наказание?» — «Да, знаю». — «Зачем же ты ищешь

блуда?» — «Я голодна». — «Перестань грешить и приходи ко мне ежедневно. Я буду делиться с тобою тем, что Бог пошлет». С того дня она приходила ко мне ежедневно, и я давал ей пищу до тех пор, пока не ушел из той местности» (99, 163—164).

***

Ученики аввы Виссариона рассказывали, что жизнь его была подобна жизни какой-нибудь воздушной птицы, или рыбы, или земных животных, ибо он все время жизни своей провел без смущения и без забот... Он весь всецело являлся свободным от телесных забот, питаясь надеждою будущего и утвердившись оградою веры. Он, подобно пленнику, терпел то здесь, то там, терпел холод и наготу, опаляем был жаром солнца, всегда находясь на открытом воздухе. Он, как беглец, укрывался на пустынных скалах, и часто любил ходить по обширной и необъятной песчаной стране, как по морю (93, 53—54).

БЕССТРАШИЕ

...Нимало не упадай духом, и не приходи в боязнь, если люди низкие, безбожные и ненавистные поносят тебя за добрую о тебе славу, за доброту нравов твоих и за видимое для всех благочестие (прп. Нил Синайский, 71, 8—9).

***

...Сердце ощутившего любовь сию не может вмещать и выносить ее. Но, по мере качества нашедшей на него любви, усматривается в нем необычайное изменение. И вот ощутительные признаки сей любви: лицо у человека

делается румяным и радостным, и тело его согревается. Отступают от него страх и стыд, и делается он как бы восторженным. Сила, собирающая воедино ум, бежит от него, и бывает он как бы изумленным. Страшную смерть почитает радостию, созерцание ума его никак не допускает какого-либо пресечения (прекращения) в помышлении о небесном. И в отсутствии, не зримый никем, беседует как присутствующий. Ведение и видение его естественные преходят, и не ощущает чувственным образом движения, возбуждаемого в нем предметами; потому что хотя и делает что, но совершенно того не чувствует, так как ум его парит в созерцании, и мысль его всегда как бы беседует с кем другим (прп. Исаак Сирин, 59, 363—364).

****

Рассказывали, что когда авва Иосиф Панефосский был при смерти и у него сидели старцы, то, смотря на дверь, <он> увидел диавола, сидевшего у двери. Подозвав ученика своего, авва сказал: «Подай мне палку, — он думает, что я состарился и не могу одолеть его». Как скоро авва взял палку, старцы увидели, что диавол, как собака, прокрался через дверь — и исчез (93, 115).

***

Шел однажды авва Макарий из скита в Теренуф, и на пути зашел в капище отдохнуть. В капище находились древние языческие мумии. Старец взял одну из них и положил себе под голову, как подушку. Демоны, видя такую смелость его, позавидовали и, желая устрашить его, кликали будто женщину, называя ее по имени: «Такая-то, иди с нами в баню!» А другой демон из-под Макария, как

будто мертвец, отвечал им: «На мне лежит странник, я не могу идти». Но старец не устрашился, а смело ударил труп и сказал: «Восстань, если можешь, ступай во тьму!» Демоны громко закричали: «Победил ты нас!» И со стыдом убежали (93, 145).

***

Однажды старец <отшельник авва Иоанн> совершал прогулку в окрестностях Соха, поблизости от своей пещеры. Вдруг он увидел огромного льва, который приближался к нему. Шли они по очень узкой тропе, лежащей между двух изгородей, которыми поселяне огораживают свои пашни, разводя колючие растения. Тропа была так узка, что едва мог пройти даже один человек, и притом без всякой ноши, да и то небеспрепятственно. Старец и лев приближались друг к другу. Ни старец, ни лев не возвращались, чтобы дать проход. Лев не мог повернуться по крайней тесноте. Увидев, что слуга Божий желает пройти и вовсе не желает вернуться, лев, став на задние лапы, выпрямился и, прижавшись к изгороди с левой стороны от старца, надавил на нее всею тяжестью своего тела, чем образовал небольшое пространство, так что праведник смог пройти, задев слегка спину зверя. После прохода старца лев продолжил свой путь (99, 215).

***

Ужаснейший дракон опустошал соседние местности, и много народу погибло от него. Жители пришли к святому Аммону и молили его, чтобы он изгнал зверя из той местности. Чтобы склонить его к милосердию, принесли с собою мальчика, сына пастуха, который помешался от

испуга при одном взгляде на дракона. Зверь точно отравил его своим дыханием, и он, бесчувственный, весь опухший, был принесен домой. Старец помазал елеем отрока и возвратил ему здоровье. В душе он, конечно, хотел гибели зверя, но поселянам не дал никакого обещания — как бы сознаваясь в своем бессилии помочь им. На другой день, вставши рано, отправился к логовищу зверя и, склонив колена, начал молиться. Зверь стремительно бросился было к нему, уже слышно было его ужасное дыхание, сопровождающееся резким шипением. Бесстрашно взирал на него старец... Обратившись к дракону, он произнес: «Да поразит тебя Христос, Сын Божий, имеющий некогда поразить еще более страшного зверя!» И лишь только он сказал это, как вдруг ужасный дракон, изрыгнув вместе с дыханием ядовитую пену, с треском лопнул посредине. Сбежались соседи и оцепенели от изумления; поднялось нестерпимое зловоние... Поспешили набросать на него огромные груды песку. Авва Аммон стоял тут же, потому что и к мертвому чудовищу не смели приблизиться одни, без святого старца... (96, 55).

БЕССТЫДСТВО

Прежде людей стыдись Ангелов, потому что при нас их много, и устраняй себя от всякого постыдного поступка (прп. Нил Синайский, 70, 247).

***

Входя однажды в селение святой Екатерины, преподобный Дионисий видит бесчинные игры и хороводы девиц и юношей. Огорченный столь явными соблазнами и сата-

нинским торжеством разврата, блаженный приблизился к толпе девиц и кротко говорит: «Для чего вы, будучи девицами, так бесстыдно играете с юношами, поете соблазнительные песни, возбуждающие сладострастие и в вас и в них; забываете, что смерть и Суд Божий близок к вам». Девицы смутились и молчали, кроме одной, которая насмешливо ответила: «Ах вы, лжемонахи! Что тебе за нужда до нас? Знай себя. Сами-то живете вы дурно, а других учите целомудрию».

«Благословен Бог, устрояющий все на пользу! — строго произнес старец. — Чтоб и другие научились скромности, ты будешь примером того, как грозно карает Господь девическое бесстыдство». Сказав это, он удалился. Вслед за тем на несчастную девицу, прежде чем дошла она до дома отца своего, вдруг напал бес: испуская пену, она билась о землю и была в самом жалком положении. Пораженные таким несчастьем, родители ее не знали, что с нею происходит. Тогда одна из подруг несчастной, бывшая свидетельницей ее бесстыдства пред святым старцем, рассказала им о случившемся. Родители отыскали преподобного, припали к ногам его и смиренно просили за свою несчастную дочь.

Незлобивый старец, тронутый слезами родителей, помолился, и исцелилась бесноватая. Она же в благодарность Господу посвятила Ему свое девство и окончила жизнь в покаянии (91, 214—215).

БЕСЧЕСТИЕ

Какое бесчестие может возмутить тех, кои пред лицем Божиим всегда видят грехи свои (прп. авва Исаия, 60, 83).

***

Это еще не добродетель — быть обесчещенным и не чувствовать сего; напротив того, вот добродетель — сознавать сие и презирать ради благочестия (прп. Ефрем Сирин, 30, 174).

***

...Позор и бесчестие является только тогда, когда человек делает то, что запрещает Бог (свт. Иоанн Златоуст, 50, 163).

***

Если кто добр в себе, а его считают худым, то он ничего от того не теряет, оставаясь таким, каким он есть; напротив, кто питает безрассудные, пустые подозрения, подпадает крайней гибели (свт. Иоанн Златоуст, 51, 866).

***

Веруй, что бесчестия и укоризны суть лекарства, врачующие гордость души твоей, и молись об укоряющих тебя, как об истинных врачах (души твоей), будучи уверен, что тот, кто ненавидит бесчестие, — ненавидит смирение, и кто избегает огорчающих его, тот убегает кротости (прп. авва Дорофей, 29, 184).

***

...Не переносить бесчестие — есть дело неверия (прп. авва Дорофей, 29, 250).

***

Не будешь... много лет трудиться для приобретения блаженного покоя в душе, если сначала от всей души

предашь себя терпению бесчестия (прп. Иоанн Лествичник, 58, 43).

***

Небольшой огонь смягчает много воска: часто и малое бесчестие, нанесенное нам, вдруг смягчает, услаждает и истребляет всю свирепость, бесчувствие и ожесточение сердца (прп. Иоанн Лествичник, 58, 47).

***

Во всех случаях, когда бесчестие падает на одних нас, должно молчать (ибо это время духовного приобретения), а когда обвинение касается другого лица, тогда должно говорить в защиту, ради союза любви и ненарушимого мира (прп. Иоанн Лествичник, 58, 58).

***

<Лекарственный> порошок — есть уязвляющее бесчестие, врачующее гнилость возношения (прп. Иоанн Лествичник, 58, 254).

***

Все к бесчестию нашему с нами случающееся, от людей или от демонов, праведным судом Божим, по Его Домостроительству случается к смирению наших душ. Цель у Бога, правителя жизни нашей, та, чтобы мы были всегда смиренны, ***не мудрствовали паче, еже подобает мудрствовати, но мудрствовали в целомудрии*** (ср.: Рим. 12, 3) и не думали о себе много, но на Него взирали и

Его блаженному смирению подражали, ибо Он *кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29), каковыми и нам желает быть Он, претерпевший за нас смерть неправедную и бесчестную (прп. Никита Стифат, 89, 105).

***

...Истинно считающий себя повинным вечной муке, не перенесет ли доблестно не только бесчестие, но и убыток, и болезнь, и всякую, так сказать, превратность и бедствие? Явивший же такое терпение, будучи как бы должником и повинным, он, через более легкое и временное и прекращающееся осуждение, освобождается от воистину оного тяжкого и нестерпимого мучения, ибо на основании этих устремляющихся ныне бедствий воспринимается начало получения Божественной благостыни, как бы долженствующей за терпение (свт. Григорий Палама, 26, 30).

***

Некоторый брат тем более веселился духом, чем более бесчестили его и насмехались над ним. Он говорил: «Бесчестящие нас и насмехающиеся над нами доставляют нам средства к преуспеянию, а похваляющие нас вредят душам нашим» (101, 459).

БЕСЧУВСТВИЕ

Не будем же бесчувственными от того, что Бог теперь не посылает пророка и не предвозвещает наказания... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 85).

***

Нет дня, нет даже часа, в который не видно было бы похорон, — и все напрасно, ничто не трогает нашей бесчувственности (свт. Иоанн Златоуст, 56, 116).

***

...Те, которые очи сердца закрывают толстым покрывалом страстей и, по изречению Спасителя, ***видя не видят и слыша не слышат и не разумеют*** (Мф. 13, 14), те, в тайниках своего сердца, едва усматривают даже большие и главные пороки, а прилогов помыслов, неуловимых, скрытных страстей, которые таким острым жалом уязвляют дух, и пленений души своей не могут видеть ясно, но всегда блуждая постыдными помыслами, не знают и скорби об этом. Когда отвлекаются от созерцания Бога, которое есть единственное благо, то не имеют скорби об этом лишении, потому что, развлекая свой дух приходящими по их желанию помыслами, они вовсе не имеют в виду, — к чему главным образом стремиться или чего всячески желать. Подлинно, эта причина доводит нас до того заблуждения, что мы, совсем не зная, что такое самая безгрешность, думаем, что мы не можем навлекать на себя вовсе никакой вины этими праздными, непостоянными развлечениями помыслов, но приведенные как бы в исступление, как пораженный слепотою глаз, ничего не видим в себе, кроме главных пороков, и считаем нужным избегать только того, что осуждается строгостью и мирских законов; если мы хоть немного сознаем, что в этом невиновны, то думаем, что в нас вовсе нет никакого греха. По близорукости, не видя в себе малых, но многих нечистот, мы вовсе не имеем спасительного сокрушения сердца, если и коснет-

ся нашего чувства горечь печали; не скорбим, будучи подстрекаемы тонким прилогом тщеславия; не плачем о том, что лениво или холодно воссылали молитву, не поставляем в вину того, что во время псалмопения и молитвы мы допустили нечто другое, кроме самой молитвы или псалма. Многое, что постыдно говорить или делать пред людьми, мы не стыдимся воспринимать сердцем и не боимся, что это открыто для взора Божия и противно Ему; даже истечения от скверных сновидений не очищаем обильными излияниями слез; не плачем и о том, что в самом благочестивом деле милостыни, когда услуживаем потребностям братии или доставляем пищу бедным, недоброхотство от скупости помрачает достоинство благотворительности; не думаем, что мы терпим какой-либо вред, когда, оставив память о Боге, помышляем о временном и телесном, так что к нам относится следующее изречение Соломона: ***Били меня, мне не было больно; толкали меня, я не чувствовал*** (Притч. 23, 35) (прп. авва Феона, 57, 591—592).

***

По определению отцов, нечувствие есть умерщвление духовных ощущений, есть невидимая смерть духа человеческого по отношению к духовным предметам, при полном развитии жизни по отношению к предметам вещественным (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 152).

***

Нечувствие насаждается в душу враждебным Богу миром и враждебными Богу падшими ангелами, при содействии нашего произволения. Оно возрастает и укрепляется жизнью по началам мира; оно возрастает и укрепляется от последования своим падшим разуму и воле, от оставления

служения Богу и от небрежного служения Ему (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 153).

***

Нечувствие тем страшно, что обладаемый им не понимает своего бедственного состояния: он обольщен и ослеплен самомнением и самодовольством (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 377).

БЛАГА ЗЕМНЫЕ

...Сну подобны житейские блага, и богатство имеет только призрачный блеск, неверный и маловременный (прп. Антоний Великий, 85, 69).

***

Горе нам, что мы не умеем предпочитать нетленное тленному, и презираем Божественную и страшную правду (прп. авва Исаия, 60, 188).

***

...Невежественные люди и миролюбцы, не зная природы самого добра, часто называют блаженным то, что не имеет никакой цены: богатство, здравие, блистательную жизнь, что все по природе своей не есть добро, потому что не только удобно изменяется в противоположное, но и обладателей своих не может сделать добрыми. Ибо кого сделало справедливым — богатство, или целомудренным — здоровье! Напротив того, каждый из сих даров злоупотребляющему им часто способствует ко греху (свт. Василий Великий, 5, 159).

***

...Кто трудится для тленного, тот подобен виноградарнику, который воспитывает в себе стволы, листья и вьющиеся лозы, но не дает вина, производящего веселие и достойного царских хранилищ (свт. Василий Великий, 6, 164—165).

***

...Все приятности этой жизни подвержены здесь превратностям и приготовляют только вещество вечному огню, а сами скоро проходят... (свт. Василий Великий, 10, 58).

***

Взойди на высоту и увидишь, что все земное низко и ничтожно; а если сойдешь с высоты, то подивишься и малому выбеленному дому (прп. Ефрем Сирин, 31, 112).

***

Ничего нет постоянного в мире сем. Для чего же мучим себя служением миру? Все блага его — сонная мечта, все богатство его для нас — одна тень (прп. Ефрем Сирин, 33, 215).

***

...Видимые блага подвергаются и подвергают нас то тем, то другим превратностям, то возносят вверх, то упадают вниз и кружатся, как в вихре, и прежде, нежели овладеем ими, убегают и удаляются от нас и таким образом играют нами, обманывают нас. Направлено это к тому, чтобы мы, усмотрев их непостоянство и переменчивость, скорее устремились к пристанищу будущей жизни.

В самом деле — что было бы с нами, если б земное наше счастье было постоянно, когда и при непостоянстве его мы столько к нему привязаны? Когда обманчивая приятность и прелесть его держит нас, как рабов, в таких узах, что мы ничего и представить себе не можем лучше и выше настоящего, и это тогда, как мы слышим и верим, что мы сотворены по образу Божию, Который, пребывая на небеси, и нас влечет к Себе (Кол. 1, 15) (Ин. 3, 13; 12, 32) (свт. Григорий Богослов, 13, 22).

***

Для людей одно только благо, и благо прочное — это небесные надежды. Ими дышу я несколько, а к прочим благам чувствую отвращение. И готов предоставить существам однодневным все то, что влачится по земле, отечество и чужую сторону, престолы и сопряженные с ними почести, близких, чужих, благочестивых, порочных, откровенных, скрытных, смотрящих завистливым оком, снедаемых внутренно самоубийственным грехом. Другим уступаю приятности жизни, а сам охотно их избегну (свт. Григорий Богослов, 15, 268—269).

***

...Все здешнее есть ничего не стоящий прах и дым для тех, которые предпочли небесную жизнь (свт. Григорий Богослов, 15, 336).

***

Собирай сокровище для нескончаемого века, а настоящий век оскудевает даже прежде своего конца (свт. Григорий Богослов, 15, 367).

***

...Прочь от меня с ними <благами земными>! Они не спутники мне, потому что поспешаю отселе в другую жизнь, а все эти здешние выгоды погибнут или ныне же, или вместе с непостоянным течением мира (свт. Григорий Богослов, 16, 66).

***

Положим, что имеешь ты у себя <то>, чем обладал осыпанный золотом Гигес, и, безмолвно властвуя, одним обращением перстня приводишь все <это> в движение. Положим, что рекою потечет к тебе золото, что загордишься ты, как лидийский царь, и что сам персидский Кир, величающийся могуществом престолов, сядет ниже тебя. Положим, что... ополчениями возьмешь ты Трою, что народы и города изваяют твой лик из меди, что одним мановением будешь приводить в движение народные собрания, что речи твои удостоятся венцов, что покажешь в судах Демосфенов дух, что Ликург и Солон уступят тебе в законодательстве. Пусть в груди твоей живет Омирова муза; пусть у тебя Платонов язык, который у людей почитается медоточивым, да и действительно таков! Положим, что ты опутываешь всех сильными возражениями, как неизбежными и хитро закинутыми сетями. Положим, что ты все поставишь вверх дном, с Аристотелем или с какими-нибудь новыми Пирронами соплетая понятия в неисходные лабиринты. Положим, что тебя, окрыленного, понесут вверх эти баснословные (что бы они ни значили) Пегас или стрела скифа Авариса. Все это, о чем я сказал, а также блистательное супружество, сибаритский стол и все прочее, чем превозносится наша мысль, доставит ли

тебе столько выгоды, сколько полезно поставить все это ниже себя, а иметь в виду достоинство души, знать: откуда она произошла, к кому и куда должна возвратиться, и какое стремление сообразно в ней с разумом? (свт. Григорий Богослов, 16, 122—123).

***

Что в мире <сем> представляется тебе всего блаженнее и вожделеннее? Конечно, скажешь ты, власть, богатство, слава у людей. Но что жалче этого, если сравнить со свободою христиан? (свт. Иоанн Златоуст, 45, 39).

***

...В настоящей жизни нет блага, кроме одной только добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 46, 800).

***

...<Так как> многие люди предпочитали духовным благам чувственные, то в удел этим благам <Бог> назначил скоротечность и кратковременность, чтобы, отвлекши этим от настоящего, привязать людей крепкою любовью к будущим благам (свт. Иоанн Златоуст, 47, 361).

***

...Слава и могущество... почести и власть — однодневны и кратковременны, умирают скорее людей, обладающих ими; словом, мы видим, что <они> ежедневно гибнут, так же как и тела (человеческие) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 361).

***

Богатство, слава, могущество, любовь <плотская> и все такое по той причине и приятно, что мы чрезмерно любим свою жизнь и, так сказать, пригвождены к настоящей жизни (свт. Иоанн Златоуст, 47, 912).

***

Для того <Господь> даровал нам многое здесь, чтобы, вразумляемые здешними благами, мы твердо надеялись и на тамошние (свт. Иоанн Златоуст, 48, 370).

***

Человеколюбивый Владыка наш, когда увидит, что мы не заботимся о настоящих благах, и их дарует нам с щедростью, и наслаждение благами будущими предуготовляет (свт. Иоанн Златоуст, 48, 385).

***

Тому, кто привязан к настоящему, невозможно и питать в себе любовь к... неизреченным благам <будущим и истинным>: у него пристрастие к настоящему омрачает разум, точно так, как какая-нибудь нечистота залепляет телесные глаза и не позволяет ему видеть, что нужно (свт. Иоанн Златоуст, 48, 385).

***

Тот, Кто обещал в будущем неизреченные блага людям, проводящим здешнюю жизнь в добродетели, Тот не дарует ли тем более благ временных, особенно если мы, стремясь к первым, будем менее желать последних? (свт. Иоанн Златоуст, 48, 510).

***

...Чрез привязанность к временным благам мы и будущих лишаемся, да и настоящими не можем беспорочно наслаждаться (свт. Иоанн Златоуст, 48, 547).

***

...Те в особенности бывают... рабами всего, которые окружены большими благами, и каждый день они самых теней боятся. Отсюда-то происходят коварства, клеветы, сильная зависть и тысячи других зол (свт. Иоанн Златоуст, 48, 547).

***

Те, которые надеются на блага житейские, не лучше птицы, которая, надеясь на пустыню, делается легко уловимою для всех (свт. Иоанн Златоуст, 49, 137).

***

...Не станем удивляться благам настоящим, чтобы удивляться будущим, или лучше — станем удивляться будущим, чтобы не удивляться настоящим (свт. Иоанн Златоуст, 49, 162).

***

Когда мы, владея благами, не чувствуем этого, то Бог исторгает их из рук наших, чтобы то, чего не сделало обладание, сделало лишение (свт. Иоанн Златоуст, 49, 376).

***

...Ищи благ будущих — и получишь настоящие; не ищи видимых — и непременно получишь их (свт. Иоанн Златоуст, 51, 253).

***

Тот, кто презирает земные блага, уже в том самом находит для себя награду, что он свободен от беспокойства, ненависти, клеветы, коварства и зависти (свт. Иоанн Златоуст, 51, 690).

***

Если ты пригвождаешь себя к земле, тогда как тебе предложены блага небесные, то подумай, какое в этом оскорбление для Дарующего их (свт. Иоанн Златоуст, 52, 205).

***

Сладостна настоящая жизнь и заключает в себе много приятного, но не для всех, а только для привязанных к ней. Если же кто посмотрит на небо и увидит тамошние блага, тот скоро станет пренебрегать этою жизнью и ставить ее ни во что. Ведь и телесная красота, пока нет другой — лучшей, возбуждает удивление, а когда явится красота лучшая, прежнею начинают пренебрегать. Так и мы, если станем смотреть на ту красоту и созерцать благолепие тамошнего Царства, — скоро освободимся от настоящих уз, так как привязанность к настоящему действительно есть некоторого рода узы (свт. Иоанн Златоуст, 52, 448—449).

***

...Беззаботный человек нерадением своим губит свою душу. Из-за любви к суетному, земному и временному он лишается наслаждения небесных благ; поставленный от Творца и Бога царем и господином всего, он делается рабом греха из-за мирских страстей (свт. Иоанн Златоуст, 52, 665—666).

***

Если возьмешь здесь, то, без сомнения, получишь тленное, а если подождешь будущего времени, то Господь отдаст тебе нетленное и бессмертное (свт. Иоанн Златоуст, 53, 563).

***

...Мы еще стремимся к настоящему <земным благам> и не помышляем о кознях диавола, который за малое отнимает у нас большее, дает нам грязь, чтобы похитить золото, или правильнее сказать — небо, показывает тень, чтобы отогнать нас от истины, и обольщает сновидениями (таково и есть настоящее богатство), чтобы, при наступлении того дня, мы оказались беднее всех (свт. Иоанн Златоуст, 53, 675).

***

Не будем любить прелестей этого мира, которые, становясь как бы тяжелым бременем для корабля души, потопляют его (свт. Иоанн Златоуст, 53, 910).

***

Все, чем мы наслаждаемся в этой жизни, не наше, и мы не владеем им, как самовластные и господа, но как

поселенцы и пришлые; мы ведемся, куда не желаем и когда не ожидаем — лишаемся существующего, когда будет угодно Господу твари. Поэтому, что принадлежит этой смертной жизни, представляет некоторую непостоянную вещь. Сегодня в славе, наутро — жалок, достоин скорби и помощи; ныне богат и изобилен вещественным богатством, а немного спустя — беден и даже нет в доме хлеба для поддержания жизни (свт. Иоанн Златоуст, 54, 958).

***

...Дым и прах — таковы все блага человеческие... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 156).

***

...Тем мы и прогневляем Бога, что не хотим отстать от земных благ, тогда как нам уготовано небесное блаженство, но, подобно червям, пресмыкаемся из одной земли в другую... и вообще не хотим опомниться и отстать от дел человеческих, но, как бы погрузившись в глубокий сон или одурев от опьянения, увлекаемся мечтами (свт. Иоанн Златоуст, 56, 196).

***

...Когда <Бог> видит, что мы не желаем земных (благ), то позволяет пользоваться ими, потому что тогда мы владеем ими, как свободные и как мужи, а не как дети (свт. Иоанн Златоуст, 56, 206).

***

...Те, которые говорят, что они получили все в настоящем, совершенно всего лишают себя в будущем (свт. Иоанн Златоуст, 56, 630).

***

Ты владелец одной только собственности — благочестия; его не отнимет у тебя наступившая смерть; всего прочего ты лишишься, хотя бы и не хотел; только для поддержания жизни все мы получаем имение, и притом только пользование им; каждый, собравши плоды, уходит, унося из жизни краткую память (свт. Иоанн Златоуст, 56, 980).

***

...Ни великие богатства сего мира, ни власть, ни отличия, сколько бы кто ни превозносился ими, не могут почесться существенным благом, которое заключается в одних добродетелях; они суть <блага земные> нечто среднее между благом и злом; ибо как для правильно употребляющих их по нужде они бывают полезны и пригодны (поелику подают случай к добрым делам и приносят плоды для вечной жизни); так, с другой стороны, для тех, которые во зло употребляют их, они бывают бесполезны и вредны, служа поводом ко греху и смерти (авва Феодор, 57, 264).

***

Превозносишься, сколько видно, красотою и богатством, и презираешь других, у кого этого нет, а не знаешь, что украшен ты травою, которая скоро иссыхает, и удерживаешь у себя имущество, которое подобно воде, напояющей одних за другими и снова утекающей еще к кому-либо иному. Посему на сии неверные имущества смотри, как на тень, дым и ветер, или знай, что доверился ты тени, дыму и ветру (прп. Исидор Пелусиот, 61, 162).

***

Если богатство, красота, сила, слава, владычество и все <видимые> блага скоро увядают и рассеиваются, как дым, то кто будет столько неразумен, чтобы что-либо одно из сказанного ставить в великое и вменять себе в честь? Ибо если и тот, кто имеет все в совокупности, иногда и при жизни, непременно же по смерти, оставляет это и лишается его, то не имеющий всего в совокупности (всему и быть у одного невозможно), не подвергается ли осмеянию, величаясь тенями, сновидениями и неясными призраками? (прп. Исидор Пелусиот, 63, 145).

***

Блаженство поставляй не в обильной трапезе, не в веселом пении, не в текущем отовсюду богатстве, но в довольстве малым, в том, чтобы не иметь недостатка в необходимом: первое делает душу рабою, а последнее — царицей (прп. Исидор Пелусиот, 63, 234).

***

Кто любомудренно рассматривает естество земных вещей, а именно, что оно ничем не лучше, а даже и хуже, речных течений, рассеивающегося в воздухе дыма и бегущей тени, тот и в благополучии никогда не превознесется, и в горестных обстоятельствах не унизится, но при превратности обстоятельств соблюдает сердце свое неизменным; потому что не привязан к земным благам, когда они есть, и не печалится о них, когда их нет (прп. Исидор Пелусиот, 63, 442).

***

...Ничего нет лучше в мире, как не иметь ничего от благ мира сего и ничего не желать лишнего, кроме необ-

ходимо потребного для тела (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 40).

***

Блага <земные> мира сего суть препоны, кои не допускают нас возлюбить Бога и благоугодить Ему (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 40).

***

Потечем же, братия, потечем со всем усердием, пока достигнем нетленного и всегда пребывающего блага, презрев блага мира сего, кои тленны, преходят, как сон, и не имеют в себе ничего постоянного и твердого. Солнце и звезды, небо и земля и все прейдет для тебя, и останешься ты, человек, один с делами своими. Что из того, что видим в мире сем, может принести нам пользу в час нужды смертной, тогда, как отходим мы отселе и переходим в иную жизнь, оставляя мир и все мирское здесь, что и само в скором времени прейдет и ктому не будет? Пусть оно не тотчас еще прейдет, но что пользы от того для нас, когда, переселяясь инуды <в другое место>, оставляем все то здесь? Тело наше остается мертвым в земле, и душа, исшедши из тела, не может уже без него смотреть на здешнее, ни сама быть видима от кого. Там ум ее обращается только на то, что невидимо, никакого более попечения не имея о том, что в мире сем. Она вся бывает тогда в другой жизни, или для Царства Небесного и славы его, или для муки и огня геенского. Одно что-либо из этих двух приемлет она от Бога в вечное наследие, соответственно делам, какие наделала в мире сем (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 42).

***

Горе тому, кто смотрит на скоротечные (блага) сей жизни, как на удержимые, и услаждается ими (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 257).

***

...Честь, удовольствия и богатства мира суть не что иное, как суета и смерть души... (прп. Никодим Святогорец, 68, 30).

БЛАГА ИСТИННЫЕ

Похотение зла есть лишение блага; благо же наше состоит в том, чтоб охотно делать всякое добро, которое угодно Богу всяческих (прп. Антоний Великий, 85, 91).

***

...Есть истинное благо, которое в собственном и первоначальном смысле должно назвать блаженным, и это есть Бог... Подлинно блаженно сие источное добро, к Которому все обращено, Которого все желает, сие неизменяемое естество, сие владычественное достоинство, сия безмятежная жизнь, сие беспечальное состояние, в Котором нет перемен, Которого не касаются превратности; сей присно-текущий источник, сия неоскудевающая благодать, сие неистощимое сокровище (свт. Василий Великий, 5, 159).

***

...Истинное благо удобопостижимо разумом только чрез веру (ибо оно отделено от нас и око не видало его и ухо о нем не слыхало)... (свт. Василий Великий, 5, 165).

***

...Обладания <благами истинными и вечными> достигнуть нам невозможно, если неразвлекаемая и сильная любовь не ведет к исканию оных и не облегчает нужного ради них труда (свт. Василий Великий, 9, 103).

***

Если любишь благое и услаждаешься им, то и оно также содействует и помогает тебе. Но здесь человек приобретает оное только великою любовью и сильным стремлением, потому что оно есть Царство, не имеющее конца. Потому-то что многоценно, то редко; в чем с трудом приобретается успех, то славно и вечно (прп. Ефрем Сирин, 32, 316).

***

Тебя <Господи> должны мы искать вместо всего иного, и кроме Тебя не искать ничего. Ибо кто ищет, и ищет Тебя, тот все находит в Тебе. В Тебе <Господи> богатство для нуждающихся, сердечная радость для скорбящих, врачевство для язвленных, утешение для всех сетующих. Ты — мир на пределах царств и спокойствие внутри их. Ты — полная благословений нива; кто обладает Тобою, тот не истаевает гладом (прп. Ефрем Сирин, 33, 337).

***

Все блага заключены в любви и все вместе (в ней) содержатся, и стражем сокровищницы их является любовь (прп. Ефрем Сирин, 37, 277).

***

...Здешние блага быстро протекают, даются на час и, подобно камешкам в игре, перекидываются с места на место, и переходят то к тем, то к другим; ничего здесь нельзя назвать своим, все или время отнимет, или зависть переведет в чужие руки. Напротив, блага душевные постоянны и прочны, никогда не отойдут и не отпадут от нас, никогда не обманут надежд того, кто им поверил (свт. Григорий Богослов, 13, 21—22).

***

Блажен, кто, вместо всех стяжаний, приобрел Христа, у кого одно стяжание — крест, который и несет он высоко (свт. Григорий Богослов, 15, 273).

***

...Первое из благ — стяжать всегда Бога и чрез приближение и восхождение к Нему делаться Его стяжанием (свт. Григорий Богослов, 17, 301).

***

...Главное для меня из всех благ то, чтобы жизнью моею прославлялось имя Божие (свт. Григорий Нисский, 18, 419).

***

...<Должно искать> того блага, которое во всяком возрасте и во всякое время жизни равно есть благо — такое благо, что и пресыщение им не чается, и сытости в нем не

находится, но и при удовлетворении продолжается вожделение, вместе с наслаждением усиливается пожелание и не ограничивается возрастом любителя; но чем более человек наслаждается сим благом, тем паче с наслаждением возрастает пожелание, а с пожеланием возгорается наслаждение, и во все продолжение жизни всегда бывает прекрасно для обладающих, нимало не изменяясь от непостоянства возрастов и времен; смежает ли кто очи или подъемлет взор, благоденствует или печален, ночь ли проводит или день, — одним словом, всякому в жизни служит таким благом, которое и для впадшего в какое-либо несчастное обстоятельство не делается чем ни есть худшим или лучшим, не умаляется, не увеличивается. Таково, по моему рассуждению, в подлинном смысле благо... Не иным чем кажется оно мне, как делом веры, действительность которой есть для всех общая, равно предлагается желающим, всесильна, постоянно пребывает в жизни. Вот — то благое дело, которое да будет в нас (свт. Григорий Нисский, 19, 239—240).

***

...Не то благо, чем человек питается и увеселяется, но это — мудрость и ведение, так что и иметь о них рачение есть уже благо; а что вожделенно для плоти, то для души — забота и суета (свт. Григорий Нисский, 19, 284).

***

...Порядок требует исследовать, действительно ли нечто есть оный Свет, которым темный этот вертеп естества человеческого не озаряется в настоящей жизни? Или, может быть, пожелание стремится к тому, чего нет и что

непостижимо? Ибо таков ли наш рассудок, чтобы следить ему за искомым естеством? Таково ли значение имен и речений, чтобы передать нам ими достойное понятие о высшем Свете? Как наименую незримое? Как представлю невещественное? Как покажу не имеющее вида? Как постигну то, что не имеет ни величины, ни количества, ни качества, ни очертания, не находится ни в месте, ни во времени, вне всякого ограничения и определенного представления? Чье дело — жизнь и самостоятельность всего представляемого благом? К чему прилагается мыслью всякое высокое понятие и именование: Божество, Царство, Сила, Присносущие, Нетление, Радость, Радование и все высоко мыслимое и сказуемое? Посему, как и при каких помыслах возможно, чтобы такое благо стало доступным взору — было и созерцаемым и невидимым? Всем существам сообщило бытие, а само было присносущим и не имело нужды приведения в бытие?

Но чтобы не утруждал себя напрасно разум, простираясь до пределов беспредельного, прекратим пытливое исследование об естестве превысших благ, так как все подобное сему не может и быть постигнуто; извлечем же ту одну пользу из своих изысканий, что по самой невозможности увидеть искомое, отпечатлеется в нас некое понятие о величии искомого. Но в какой мере, по нашему верованию, благо по естеству своему выше нашего ведения, в такой паче и паче усиливаем в себе плач о благе, с которым мы разлучены и которое так высоко и велико, что даже ведение о нем не может быть вместимо. И сего-то блага, превышающего всякую силу постижения, мы, люди, были некогда причастниками, и в естестве нашем оное превысшее всякого понятия благо было в такой мере, что обладаемое человеком, по самому точному сходству с Первообразом, казалось новым благом, принявшим на себя

образ первого. Ибо что теперь гадательно представляем об оном благе, все то было у человека: нетление и блаженство, самообладание и неподвластность, беспечальная и неозабоченная жизнь, занятие божественным — тем, чтобы взирать на благо и чистым и обнаженным от всякого покрывала разумением. Ибо все сие дает нам в немногих речениях гадательно уразуметь слово о миробытии, говоря, что человек создан по образу Божию, жил в раю и наслаждался насажденным там; а плод оных растений — жизнь, ведение и подобное сему. Если же это было у нас, то как не восстенать о бедствии, сравнительно с тогдашним блаженством сличающему настоящую ныне бедность? (свт. Григорий Нисский, 19, 394—396).

***

...Ублажающий плач <Господь>, кажется, втайне учит душу обращать взор к истинному благу и не погружаться в настоящую прелесть сей жизни. Ибо невозможно как вникающему тщательно в дела прожить без слез, так глубоко погрязшему в житейских удовольствиях думать, что он печален. Подобное сему можно видеть на бессловесных. Хотя жалости достойно устройство их естества... однако же нет у них никакого чувства о своем несчастии, напротив того, и ими проводится жизнь с некоторым удовольствием: конь поднимает вверх голову, вол взрывает пыль, свинья щетинит волосы, молодые псы играют, тельцы прыгают, и всякое животное, как можно видеть, какими-нибудь знаками показывает свое удовольствие. А если было бы у них какое-либо понятие о даре разума, то не проводили бы они в удовольствии своей глупой и бедственной жизни. Так и люди, у которых нет никакого ведения о благах, каких лишилось естество наше, настоящая жизнь препроводится в удовольствии. А кто услажда-

ется настоящим, тому следует не искать лучшего. И кто не ищет, тот и не найдет приобретаемого одними ищущими (свт. Григорий Нисский, 19, 397—398).

***

...Получить желаемое и обрести искомое и стать среди вожделенных нам благ <истинных> — в нашей воле, как скоро захотим сего, и от нашего зависит произволения (свт. Григорий Нисский, 19, 426).

***

...Если нет в благах выше сего — видеть Бога, то соделаться сыном Божиим, без сомнения, выше всякого благополучия (свт. Григорий Нисский, 19, 451).

***

...Кто примыслит для блаженства что-либо больше сего — видеть Бога? Но и это, как составляет конец достигнутого прежде, так делается началом надежды высших благ... начинается взаимное перехождение одного в другого, и Бог бывает в душе, и душа также переселяется в Бога (свт. Григорий Нисский, 20, 155).

***

...Учит Апостол о естестве неизреченных благ, говоря, что оного блага око не познает, хотя бы и непрестанно видело, потому что видит не сколько есть, но сколько можно ему вместить; и ухо не слышит в полной мере означаемого, хотя бы слухом и непрестанно воспринимало слово; и на сердце человеку не всходит, хотя бы чистый сердцем и видел всегда сколько можно, потому что, хотя

вновь постигаемое больше всего постигнутого прежде, однако же оно не определяет собою искомого, но конец обретенного служит началом для восходящих к обретению высшего. И восходящий никогда не останавливается, от одного начала заимствуя другое начало, и начало всегда большего не заканчивается самим собою, потому что пожелание восходящего не останавливается на познанном, но душа, вследствие другого, еще большего пожелания, восходя по порядку к новому высшему, шествует всегда от высшего к высшему до беспредельности (свт. Григорий Нисский, 20, 213).

***

Когда, при взгляде на истинные блага, все <земное> бывает презренно, тогда в недеятельности остается телесное око, потому что душа, став совершеннее, не привлекается тем, что оно показывает, взирая умом на одно то, что выше видимого. Так и слух делается каким-то мертвым и недеятельным, потому что душа бывает занята тем, что выше разума (свт. Григорий Нисский, 20, 270—271).

***

...Благо Божие нераздельно от нашего естества и недалеко где-нибудь отстоит от тех, которые желают искать оное; но есть в каждом, неведомое и сокрытое, когда бывает заглушено заботами и удовольствиями жизни, и опять обретаемое, коль скоро обратим к нему свой разум (свт. Григорий Нисский, 24, 345).

***

Так как всем людям врожденно некоторое естественное отношение к благу, и к нему обращен всякий свободный

выбор, полагающий достижение блага целью всех забот в жизни, то посему неразумение того, в чем состоит подлинное благо, обыкновенно бывает причиною большей части погрешностей; так что если бы для всех было ясным истинное благо, то мы никогда бы не уклонялись от того, в чем благо составляет самую природу, и не стремились бы добровольно, опытом изведать зло, если бы только не прикрывались вещи некоторою обманчивою видимостью блага. Итак, прежде всего в нашем слове размыслим о том, в чем состоит истинное благо, дабы заблуждение относительно сего не было как-нибудь поводом к избранию худшего вместо лучшего. Прежде всего... нужно представить некоторое определение и характеристическое свойство искомого предмета, от чего получило бы несомненность наше понятие о благе. Итак, в чем состоит характеристическое свойство истинного блага? В том, что оно имеет в виду не одно только полезное относительно, что в различное время является то полезным, то бесполезным, что для одного хорошо, а для другого не таково, но то, что и само по себе, по собственной природе есть благо и остается таковым же для всех и всегда... Ибо что есть благо не для всех, не всегда, не само по себе, независимо от внешних обстоятельств, то не может собственно быть почитаемо существенным благом. Так многие поверхностные наблюдатели существующего вообразили, что благо заключается в стихиях мира, но при внимательном исследовании никто не найдет, чтобы в них оказалось благо само по себе, всегда и для всех, ибо в каждой из них с полезным смешано и действие противоположного свойства; например, вода спасительна для живущих в ней, но губительна для земных животных, если погрузятся в нее. Точно так же и воздух для тех, кому природа определила жить в нем,

спасителен, а кому досталась в удел жизнь в воде, оказывается пагубным и губительным, как скоро случится быть в нем кому-либо из животных водных. Так и огонь, приносящий нам в некоторых случаях пользу, гораздо чаще оказывается гибельным. Да и само солнце не всегда, не повсюду и не для всего, что подвергается его действию, оказывается благом; в иных случаях бывает оно и очень вредоносным, когда печет сверх надлежащей меры, иссушает чрезмерно то, что под ним, часто делается причиною болезней, людям с чувствительным зрением причиняет глазную болезнь и, производя гниение влаг, порождает в испорченной гнилости влажных веществ вредные и отвратительные существа (свт. Григорий Нисский, 24, 486—488).

***

...Будем наслаждаться и настоящими благами, если только возлюбим будущие и небесные (свт. Иоанн Златоуст, 45, 122).

***

...Кто предпочитает земное духовному, тот лишится и того и другого, а кто стремится к небесному, тот непременно получит и земное (свт. Иоанн Златоуст, 45, 122).

***

Очи веры, когда видят неизреченные его <Царства Небесного> блага, уже и не примечают благ видимых: таково-то расстояние между теми и другими благами! (свт. Иоанн Златоуст, 48, 239).

***

Хотя бы мы... каждый день <и> предавали себя на смерть, — чего впрочем природа не приемлет... все же и тогда наши страдания не равнялись бы тем благам, которые нас ожидают, и той славе, которая в нас откроется... ***Недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас*** (Рим. 8, 18) (свт. Иоанн Златоуст, 48, 254).

***

Кто не ожидает ничего после настоящей жизни, тот заботится о здешних благах, хотя неразумно, но, по крайней мере, потому, что не ожидает ничего лучшего, а ты, человек, знающий о жизни будущей, о тамошних неизреченных благах... какое можешь получить прощение, какое можешь иметь оправдание? Какому не подвергнешься ты справедливому наказанию, когда все расточаешь здесь на прах, на пепел?.. (свт. Иоанн Златоуст, 49, 242).

***

Будем же... воспламенять в себе любовь к будущим благам, потому что великая слава ожидает праведников, — такая, какой невозможно изобразить словом: они, восприняв нетленные тела по Воскресении, прославятся и будут царствовать вместе со Христом (свт. Иоанн Златоуст, 50, 584).

***

...Чтобы достигнуть настоящих и будущих благ, будем убегать порока и стремиться к добродетели. Таким обра-

зом мы и здесь будем утешаться и будущих удостоимся благ... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 690).

***

...Блага духовные да будут предметом наших особенных забот... Потому что когда есть блага духовные, не бывает никакого вреда от неимения благ телесных (свт. Иоанн Златоуст, 52, 287).

***

Покой и наслаждение на небесах... непрерывны, всегда неизменны и бессмертны: нельзя найти для них ни предела, ни конца (свт. Иоанн Златоуст, 52, 291).

***

...Если ты не уверен в благах будущих, то поверь им на основании настоящих, которые уже получил (свт. Иоанн Златоуст, 53, 585).

***

...Лучшее из всех благ есть памятование о Боге (свт. Иоанн Златоуст, 53, 864).

***

Если же те, которые хотят похитить <земные> житейские вещи, не спят всю ночь и остаются вооруженными, то как же мы, желая приобрести блага, достойные гораздо большего попечения, блага духовные, беспечно спим даже днем и остаемся всегда обнаженными и безоружными? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 835).

***

...Освобождение от зла — первое из благ (свт. Иоанн Златоуст, 55, 926).

***

Ужели не знаешь, что если бы ты взял вселенную в десять раз, и в сто, и в тысячу, и вдвойне столько, то все же она не сравнится и с малою частью небесных благ? (свт. Иоанн Златоуст, 56, 854).

***

Истинное благо от прочих... отличается следующим образом: если оно само по себе добро, а не для чего другого; если само по себе необходимо, а не для другого; если неизменно и всегда бывает добром, постоянно удерживая свое качество, никогда не может переходить в противную сторону; если отнятие или прекращение его не может не причинить совершенную погибель; если противное ему есть просто главное зло и никогда не может переходить в добрую сторону (прп. авва Феона, 57, 550).

***

...Если бы объял кто словом и собрал воедино все в совокупности блаженство людей со времени их происхождения на земле, то не нашел бы оного равным и десятитысячной доле будущих благ. Даже в сравнении с самым малым из них, настоящие блага в большей мере уступают в достоинстве, нежели в какой тень и сновидение далеки от действительности. Лучше же сказать (употреблю более приличное подобие), сколько душа предпочтительнее тела, столько же будущие блага выше настоящих (прп. Исидор Пелусиот, 63, 185—186).

***

Как к видимым нами благам невольно влекут нас телесные чувства, так к благам невидимым обыкновенно руководит нас чувство умное — духовное, когда вкусит божественной благости. Все вожделевает сродного себе: душа, как бестелесная, — небесных благ, а тело, как персть от земли, — земных сладостей. Итак, в состояние опытно вкушать невещественное незаблудно достигнем мы, если трудами утончим перстное тело свое (блж. Диадох, 87, 18—19).

***

Чистым оком веры узревший благолепие будущих благ, охотно повинуется повелению изыти из земли своей, от сродства своего и из дома отчего, оставляя всякое сочувствие и пристрастие к плоти, чувству и всему чувственному и бывая, если случится какое с сей стороны искушение, выше естества, как предпочетший естеству причину его, подобно великому Аврааму, предпочетшему Исааку Бога (Быт. 22, 1)... (прп. Максим Исповедник, 87, 266).

***

...Когда душа наша усладится созерцанием истинного блага, то уже не возвращается ни к одной из страстей, возбуждаемых сластью греховною, но от всякого отвратившись телесного сладострастия, чистою и нескверною мыслью приемлет явление Бога (прп. авва Филимон, 87, 367).

***

Если желаем достигнуть того, что возлюбила душа наша, т. е. благодатных от Бога благ, и, будучи людьми,

соделаться земными ангелами, надлежит нам возлюбить также прискорбность и тесноту телесную, поднимать всякое злострадание и с радостью переносить искушения в уверенности, что они принесут нам всякое добро (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 177).

***

...Верующие во Христа и особенно крещеные младенцами, и не чувствующие в себе действия благодати Божией, не могут возыметь даже малой какой части в неизреченных благах Божиих иным способом, кроме как смирением сердца, несомненною верою и вседушным произволением (посвятить себя на служение Богу), т. е. не иначе, как если станут соблюдать все заповеди Божии, отвергнутся мира и всего, что в мире, вместе и с пожеланиями своими, охотно и с радостью станут нести все труды и претерпевать все искушения, которые неизбежно испытывать на пути добродетели (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 408—409).

***

Если блага, уготованные от Бога любящим Его, коих око не видало, о коих ухо не слыхало и кои на сердце человеку не всходили, — невозможно понять человеческому уму, потому что они выше всех видимых благ; то тем паче недомыслим, выше их есть Бог, уготовавший их. Но те, которые сподобились видеть Его, предстоять Ему и беседовать с Ним, и соделались общниками и сопричастниками Божества Его и славы, всеконечно... выше тех благ, которые уготованы им от Бога, так как они восприняли в себя Самого Господа, уготовавшего такие блага. Что такие люди были и бывают доселе, не говорю после

смерти, но и в настоящей еще жизни, в этом удостоверяет все Божественное Писание, о том свидетельствуют все святые, подтверждая то собственною жизнью... (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 16—17).

***

...Блага мира сего обыкновенно сопровождаются печалями и трудами мучительными и болезненными, а та жизнь, коей живет кто в Боге, беседует с Ним и созерцает неизреченные оные блага, превосходит всякое блаженство и есть выше всякой славы, счастья, радости и утешения, поскольку есть выше всякой чести, всяких утех и всех видимых благ настоящей жизни (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 65).

***

От Бога Отца нашего изливается свет, неприступный для всех грешников, но приступный для праведников, который воссиявает в них и бывает для них радостью неизъяснимою, миром, всякий ум превосходящим, сладостью, наслаждением и веселием в ненасытном насыщении, ныне и в бесконечные века. Скажу кратко (удивляясь и сам всему тому и не имея сил сказать что-либо большее) — неложный и верный Бог еще от настоящей жизни дает верным Своим, как залог, начатки всех тех благ, коих красоты око, омрачаемое страстьми, не видело, о коих и ухо, заткнутое неведением, не слыхало, и на сердце человека не всходило, что уготовал Бог любящим Его.

Так вот что есть сущее (достояние, благо) Отца, о котором я обещал вам сказать, и таким способом, как вы слышали, дает Он его любящим Его и проводящим жизнь на земле так, как бы жили на небесах, и несмотря на то,

что имеют умереть, так суть, как бы были теперь уже прославлены бессмертием, ходят во мраке мира, как бы ходили во дни и в невечернем свете, дышат, как бы вдыхая в себя воздух рая сладости, имея в себе древо жизни и пищу ангелов, хлеб небесный, которым питаясь, все невещественные ангельские чины оживотворяются к бессмертию. Такие небесные человеки, и находясь среди мира и дел мирских, взывают вместе с Павлом воистину: *наше житие на небесех есть* (Флп. 3, 20), — там, где святая Любовь, Которая соединяется с любителями Своими, осиявает их обильно и делает бесстрастными — ангелами воистину (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 419).

***

...Блага <вечные>, как я уверен, верую и говорю, суть Отец, Сын и Дух Святой — Троица Святая. Это источник благ, это жизнь (всего) существующего, это утеха и упокоение, это одеяние и слава, это радость неизъяснимая и спасение всех приобщившихся Его неизреченного осияния и чувствующих, что имеют общение с Ним (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 77).

***

Если желаешь увидеть блага, которые уготовал Бог любящим Его, вселись в пустыню отречения от своей воли... (прп. Никита Стифат, 89, 102).

***

...Что есть благо? Это — воздержание и пост, целомудрие и праведность, милосердие и великодушие, любовь и смирение, лишь при наличии коих мы сможем достойно соучаствовать закланному за нас Агнцу Божиему и тем приять залог бессмертия, который да сохраним с твердой

надеждой на обещанное нам на небе наследие (свт. Григорий Палама, 26, 145—146).

БЛАГОГОВЕНИЕ

Если ты избрал для себя благоговейную жизнь, то трезвись, чтобы лукавый под видом благоговения не внушил тебе чуждого помысла, а именно тщеславия и гордыни (прп. Ефрем Сирин, 30, 459).

***

...Не утрать нелицемерного благоговения... которое состоит в том, чтобы *огребатися от всякаго вида злаго* (ср.: 1 Сол. 5, 21) (прп. Ефрем Сирин, 31, 249).

***

...Благоговение производит мирное состояние, а мирное состояние рождает бесстрастие (прп. Ефрем Сирин, 31, 293—294).

***

Не стыдись хранить благоговение в смиренном сердце, потому что развращающие тебя не принесут тебе пользы в день нужды (прп. Ефрем Сирин, 32, 85).

***

...Нужно благоговеть пред Ним <Творцом> и преклоняться не только потому, что Он сотворил нас или даровал нам душу бестелесную и разумную, и не потому, что создал нас лучше всех других, и не потому, что дал нам господство и власть над всем видимым, но потому, что Сам Он нисколько не нуждается в нас (свт. Иоанн Златоуст, 47, 515).

***

Разве не знаете, кто такой Бог и какими устами надобно призывать Его? Рассуждая о каком-нибудь добродетельном человеке, мы говорим: умой уста твои и тогда вспоминай о нем, а между тем, Имя досточтимое, которое выше всякого имени, Имя чудное по всей земле, слыша которое трепещут демоны, мы всюду произносим безрассудно (свт. Иоанн Златоуст, 53, 96).

***

Дела Божии — это очевидно — должны быть изучаемы и рассматриваемы с величайшим благоговением и вниманием; иначе ни рассмотреть, ни познать их человек не может (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 374).

***

...В церкви Божией должно сохранять всевозможные благоговение и порядок, как для славы Божией, так для собственной душевной пользы... (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 16).

***

Наружное благоговейное предстояние на молитве весьма нужно и весьма полезно для всякого подвизающегося подвигом молитвы, особенно для новоначального, в котором расположение души наиболее сообразуется с положением тела (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 96).

БЛАГОДАРЕНИЕ

...Насколько человек благодарит Бога и подвизается понудить себя из любви к Нему, настолько и Бог прибли-

жается к нему дарованиями Своими и желает успокоить его и сделать, чтобы он предпочитал безмолвие и нестяжание всем царствам земным, кроме воздаяния в будущем (сщмч. Петр Дамаскин, 72, 123).

***

...Все мы, люди, должны всегда благодарить Бога за общие и особенные Его благодеяния, душевные и телесные. Общие суть четыре стихии и все от них происходящее, и все в Божественных Писаниях изложенные чудные и страшные дела Божии. Особенные же — то, что Бог дал каждому человеку: или богатство для милостыни; или бедность для терпения с благодарением; или власть для правосудия и утверждения добродетели... или здоровье для помощи нуждающимся и трудов по Богу; или болезнь для венца за терпение; или знание и силу для приобретения добродетелей; или бессилие и незнание для повиновения в безмолвии, со смирением и удаления от вещей; или невольное лишение вещей для произвольного спасения и помощи тем, которые не могут достигнуть совершенства нестяжания, или хотя милостыни; или покой и благоденствие для того, чтобы добровольно подвизаться и трудиться в добродетелях, так чтобы сделаться бесстрастными и иные души спасти; или искушение и злополучие, чтобы поневоле спастись тем, которые не могут отсекать своих хотений; или опять для совершенства тем, которые могут потерпеть с радостью. Все упомянутое хотя и противно одно другому, но, по мере надобности, *вся добра зело* (Быт. 1, 31), а без надобности не есть добро, но скорее вредит душе и телу. Лучше же всего упомянутого — терпение скорбного. И сподобившийся сего великого дарования

должен благодарить Бога, как наиболее облагодетельствованный: ибо он сделался подражателем Христа и святых Его апостолов, мучеников и преподобных и получил от Бога большую силу и ведение, чтобы произвольно удаляться от сладостного и более желать скорбного, чрез отсечение своих хотений и отвержение мыслей не по Богу, дабы всегда делать и мыслить угодное Богу (сщмч. Петр Дамаскин, 72, 166—168).

***

...Получивший от Бога дар, но неблагодарный, лишается его, потому что сделал себя недостойным Божиего дара, как говорит Василий Великий, ибо благодарение ходатайствует о нас. Но да не будет благодарение (наше), как того фарисея (Лк. 18, 11), осуждающее других и оправдывающее себя, но скорее как более всех находящееся в долгу и по недоумению <неумению> благодарящее и с ужасом рассматривающее неизреченное долготерпение Божие. И не только это, но и удивляться надобно тому, как препетый Бог, ни в чем не имеющий нужды, принимает благодарение от нас, всегда Его прогневляющих и преогорчающих при стольких и при таковых благодеяниях Его, общих и особенных... (сщмч. Петр Дамаскин, 72, 192).

***

Благодарность Богу и добрая жизнь есть угодный Богу плод от человека (прп. Антоний Великий, 85, 74).

***

Если воины хранят верность царю ради того, что от него доставляется им пища, во сколько больше мы должны

стараться, благодаря Бога немолчными устами, непрестанно угождать Ему, все создавшему для человека? (прп. Антоний Великий, 85, 74).

***

Все, что имеешь, считай полученным не от других людей, но от Бога, и Ему воздавай благодарность (прп. авва Исаия, 60, 186—187).

***

Сперва должно благодарить Бога за самое необходимое для ежедневной телесной потребности, а потом употреблять сие (свт. Василий Великий, 7, 363).

***

Прошел ли день? Благодари Даровавшего нам солнце для отправления дневных дел и Давшего огонь освещать ночь и служить для прочих житейских потреб (свт. Василий Великий, 8, 62).

***

Надеваешь хитон — благодари Давшего; облекаешься в плащ — усугуби любовь к Богу, даровавшему нам покровы, пригодные для зимы и лета и сохраняющие жизнь нашу... (свт. Василий Великий, 8, 62).

***

Выказываются и вера наша, и любовь к Богу, когда, не скоро получая <просимое>, пребываем благодарными Ему (свт. Василий Великий, 9, 327).

***

Будем же всегда благодарить Господа, чтобы быть нам достойными сподобиться вечных благ Его... (свт. Василий Великий, 9, 327).

***

Бог, как врач человеческих душ, по свойству болезней соразмеряет достаточную силу врачеваний, чтобы, когда сие нужно, очистить глубоко вошедшую порчу. Ясно сие зная, всегда будем благодарить, хотя испытаем на себе и сильное врачевание, очищаемые от разных видов нерадения (свт. Василий Великий, 9, 391).

***

Душа наша не в состоянии принести Тебе <Господи> столько же великий дар, сколько велик Ты. Да умилостивит Тебя, Господи, чудная смерть Твоя (прп. Ефрем Сирин, 33, 216).

***

Принесите, смертные, благодарение Сыну, избавившему нас от рабства, в каком содержала нас смерть за грехи наши. Он запретил смерти, нисшел в шеол, воздвиг умерших из гробов их. И кто в состоянии воздать Ему за благость Его к нашему смертному роду? (прп. Ефрем Сирин, 33, 502).

***

Что дается от Бога, все то должно принимать с благодарением (свт. Григорий Богослов, 16, 210).

...По Божией благодати благ всякого рода у нас много, для воздаяния же за полученное имеем у себя одно — возможность платить долг Благодетелю молитвою и благодарением. Посему рассуждаю, что если и целую жизнь продолжим свое собеседование с Богом, пребывая в благодарении и молитве, то воздаяние наше будет так же малоценно, как если бы мы не позаботились еще положить и начала исполнению этой обязанности — чем-либо воздать Благодетелю (свт. Григорий Нисский, 18, 386).

***

Сам ты властен только в настоящем, так что если бы и во всякое время не переставал бы благодарить Бога, то едва мог бы возблагодарить за настоящее, не находя никакого способа воздать должное и за будущее, и за прошедшее. А мы столько скудны в должной благодати, что и по мере возможности не бываем признательны, не говорю — целого дня, даже большей части дня не уделяя на богомыслие. Кто распростер для меня землю? Кто промышлением Своим и влажное естество соделал проходимым? Кто устроил мне *небо яко камару* (Ис. 40, 22)? Кто носит передо мною светильник солнца? Кто посылает источники в долину? Кто уготовал русла рекам? Кто отдал мне в услужение бессловесных животных? Кто меня — неодушевленный прах соделал причастником жизни и разумения? Кто сие бренное образовал по подобию образа Божия? Кто омраченный во мне грехом Божий образ снова привел в первоначальную лепоту? Кто меня, изгнанного из рая, удаленного от древа жизни, сокрытого в бездне вещественной жизни, влечет к первобытному блаженству? *Несть разумеваяй* (Рим. 3, 11), говорит Писание. Взирая

на это, должны бы мы были во все продолжение времени жизни бесконечное и непрерывное воздавать благодарение (свт. Григорий Нисский, 18, 387—388).

***

...Усердие в благодарности увеличивает милость Благодетеля к приемлющим благотворения с добрым чувством (свт. Григорий Нисский, 19, 86).

***

Будем же благодарить Господа не только за то, что знаем, но и за то, чего не знаем, потому что Бог благодетельствует нам не только когда мы желаем того, но и когда не желаем (свт. Иоанн Златоуст, 45, 176).

***

Ты лишился имущества? Если... будешь благодарить, то ты приобрел душу и овладел большим сокровищем, снискав у Бога большее благоволение (свт. Иоанн Златоуст, 46, 24).

***

Благодарность — великое сокровище, великое богатство, непобедимое благо и крепкое оружие... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 24).

***

Случилось ли хорошее? Благословляй Бога — и хорошее останется. Случилось ли худое? Благословляй Бога — и худое прекратится (свт. Иоанн Златоуст, 47, 455).

***

Если мы постоянно будем помнить о благодеяниях Божиих, какие Он излил на природу нашу, то и сами будем благодарны, и это послужит для нас сильнейшим побуждением (идти) по пути добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 48, 124).

***

...Если мы... постараемся возносить к Господу благодарения за прежние милости и располагать себя в признательности за последующие, чтобы не оказаться недостойными благодеяний Его, — то будем в состоянии и жизнь вести лучшую, и уберечься от греха (свт. Иоанн Златоуст, 48, 266).

***

...Внимательная и бдительная душа выказывает признательность не тогда только, когда дела идут благоприятно; нет, пусть последует и неблагоприятная перемена обстоятельств — и тогда она возносит к Богу такую же благодарность (свт. Иоанн Златоуст, 48, 266).

***

...Мы не в состоянии достойно возблагодарить <Господа>... Однако ж наш долг приносить посильную благодарность и непрестанно прославлять Господа нашего и словом и добродетельною жизнью (свт. Иоанн Златоуст, 48, 267).

***

<Господь> требует от нас благодарности не потому, чтобы нуждался в нашем прославлении, но чтобы вся

польза обратилась на нас же, и мы сделались достойными больших милостей Его (свт. Иоанн Златоуст, 48, 267).

***

...Будем прилежать к молитве и благодарить не только тогда, когда получаем <просимое>, но и когда не получаем, потому что и неполучение, когда бывает по воле Божией, не менее благотворно, как и получение. Мы ведь не знаем, что нам полезно, в той мере, в какой Бог это знает. Следовательно, получим ли или не получим, мы должны благодарить (свт. Иоанн Златоуст, 48, 321).

***

Каждый день являя всем нам бесчисленные благодеяния, невзирая на то, желаем ли мы их или не желаем, знаем ли их или не знаем, (Бог) не требует от нас ничего другого, кроме признательности к Нему за все дарованное нам, дабы и за это самое снова дать нам еще большее воздаяние (свт. Иоанн Златоуст, 48, 560).

***

Ничто так не приятно Богу, как душа признательная и благодарная (свт. Иоанн Златоуст, 48, 560).

***

Кто наслаждается благоденствием и чувствует благодарность, тот исполняет должное, а кто терпит бедствия и прославляет Бога, тот приготовляет себе воздаяние (свт. Иоанн Златоуст, 49, 109).

***

Если ты лишишься имущества и будешь благодарить, то потеря не может огорчить тебя столько, сколько радует чувство благодарности. Это — тяжкий удар для диавола, это делает душу любомудрою, это научает нас истинному суждению о вещах настоящих (свт. Иоанн Златоуст, 49, 109—110).

***

Если ты не знаешь в точности всех дел Господа своего, то за это... особенно поклоняйся Ему, — за неизреченное Его величие, за непостижимое Его Промышление, за многообразное и премудрое Его попечение (свт. Иоанн Златоуст, 49, 200).

***

Хочешь знать, как нужно выражать благодарность?.. Исповедовать свои согрешения — и значит благодарить Бога; кто исповедует свои грехи, тот показывает этим, что он виновен в бесчисленных грехах и только не получил достойного наказания. Он-то наиболее и благодарит Бога (свт. Иоанн Златоуст, 51, 32).

***

Станем же благодарить за благодеяния, не только нам оказанные, но и другим; таким образом мы в состоянии будем истребить и зависть, и утвердить любовь и сделать ее искреннейшею. Ты уже не в состоянии будешь завидовать тем, за кого благодаришь Господа... Такое благодарение освобождает нас от земли и переселяет на небо и делает из людей ангелов (свт. Иоанн Златоуст, 51, 289).

***

Благодарность ничего Богу не прибавляет, между тем нас приближает к Нему (свт. Иоанн Златоуст, 51, 289).

***

Если мы, вспоминая о благодеяниях людей, большею воспламеняемся к ним любовью, то тем более, непрестанно вспоминая о благодеяниях к нам Господа, будем усердны к заповедям Его (свт. Иоанн Златоуст, 51, 289).

***

Если бы мы имели в себе по тысяче душ, не должны ли были бы положить все души за Господа? Впрочем, и таким образом мы не сделали бы еще ничего достойного Его благодеяний (свт. Иоанн Златоуст, 52, 177).

***

...Будем благодарить Бога и за чувственные блага, но еще гораздо более — за духовные. Этого хочет и Он, и ради этих-то благ дарует и те, привлекая и научая ими несовершенных, как людей еще сильно привязанных к миру (свт. Иоанн Златоуст, 52, 287).

***

Благодарить же должны не только богатые, но и бедные, не здоровые только, но и больные, не одни благоденствующие, но и терпящие напасти. Нет ничего удивительного в благодарении тогда, когда дела наши направляются попутным ветром; но когда бывает сильная буря, корабль опрокидывается и находится в опасности, тогда благодар-

ность служит большим доказательством терпения и признательности (свт. Иоанн Златоуст, 53, 496).

***

Благодарность тогда бывает совершенною, когда мы исполняем то, что служит к славе Божией, и когда избегаем того, от чего мы освободились (свт. Иоанн Златоуст, 53, 728).

***

Хотя бы ты и не понимал причины чего-нибудь, благодари: в том-то и заключается благодарность (свт. Иоанн Златоуст, 55, 159).

***

...Как станет просить о будущем тот, кто не умеет благодарить за прошедшее? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 339).

***

...(Благодарение за прискорбное) происходит от души благородной и сильно преданной Богу. Таковые молитвы приятны Богу, а другим Он не внемлет (свт. Иоанн Златоуст, 55, 339).

***

Если мы за то благодарим, за что другие злословят, от чего приходят в отчаяние, — смотри, какое здесь любомудрие: во-первых, ты возвеселил Бога; во-вторых, посрамил диавола; в-третьих, показал, что случившееся (с тобою) ничто... Если ты благодаришь, то диавол, как не получив-

ший никакого успеха, отступает, а Бог, как приявший честь, в воздаяние награждает тебя большей честью. И не может быть, чтобы человек, благодарящий в несчастии, страдал. Душа его радуется, делая благое, имея чистую совесть, — она услаждается своими похвалами... Нет ничего святее того языка, который в несчастьях благодарит Бога, он, поистине, ничем не отличается от языка мучеников и получает такой же венец, как и тот. Ведь и у него стоит палач, принуждающий отречься от Бога богохульством, стоит диавол, терзающий мучительными мыслями, помрачающий (душу) скорбью. Итак, кто перенес скорбь и благодарил Бога, тот получил венец мученический. Если, например, болит дитя, а (мать) благодарит Бога, это — венец ей. Не хуже ли всякой пытки скорбь ее? Однако же она не заставила ее сказать жестокое слово. Умирает дитя — (мать) опять благодарит (Бога). Она сделалась дщерью Авраама. Хотя она не заклала (дитяти) своею рукою, но она не скорбела, когда брали у нее дар (Божий)... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 426—427).

***

В благодарность Богу должны мы приносить все, что имеем, потому что не имеем столько, сколько должны. Что принесем достойного Тому, Кто выше всякого воздаяния? (прп. Исидор Пелусиот, 63, 334).

***

Благодетелей надлежит прославлять не только за то, что могли сделать, но и за то, что хотели <сделать>, хотя не могли, и что желали, за то свидетельствовать благодарность, а чего не могли, за то не винить. Ибо кто судит

о делах не по намерению, а по окончанию, тот невежественен и не знает сущности дел... (прп. Исидор Пелусиот, 63, 351).

***

...Не станем у Бога требовать отчета в том, что делается, но будем прославлять Его за все (прп. Нил Синайский, 71, 193—194).

***

...Стыдно для нас благословлять Бога при добром и молчать при горестном положении дел... паче должно благодарить, когда злостраждем (прп. Нил Синайский, 71, 205).

***

...Благодарение — есть свидетельство о возлюблении Бога (прп. Феодор Студит, 88, 566).

***

...Сколько потребно для нас дышать воздухом, столько потребно благодарить Бога, в самых искушениях, скорбях и лишениях, каким подвергаемся, идя путем богоугождения (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 74).

***

Кто уврачеван и оздоровел от великой и неисцелимой болезни душевной, по единому Божию призрению, тот радоваться должен и веселиться, и всею душою и всем помышлением своим благодарить Бога, явившего к нему

такую милость и исцелившего его, должен быть кроток и смирен, дивясь явленной ему Богом великой милости, и, преисполнен будучи весь благостью и милосердием, быть всегда к подобострастным себе людям сострадательным и милостивым, никого не презирать, пред всеми вообще быть смиренным, со всякою радостью. Так грешник, силою Христовою избавленный от тяготящих его страстей, должен радоваться и веселиться о спасении Христовом. Если же он, получив такое избавление и исцеление, станет гордиться, то, ведь диавол близ и орудия страстей все еще в нас суть, удалится опять благодать Христова, и диавол, пришедши, возмутит помыслы его и направит его делать телом дела, худшие прежних (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 166).

***

Благодарю Тебя, Владыко, за то, что я страдаю более неправедно. Если же праведно, то да будет мне (это), Христе, во искупление грехов и во очищение от бесчисленных прегрешений моих (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 79—80).

***

Благодарение за те блага, которые восприняты от Бога, делает благоприятным Ему смирение и отсутствие дерзости в отношении тех, которые не имеют того; а надменность в благодарении, как будто бы благодаря своему тщанию и знанию оно пришло, и осуждение тех, которые сего не имеют, — делают благодарение неугодным Богу (свт. Григорий Палама, 26, 24).

***

...Проводник даров Божиих к человеку есть сердце, непрестанно движимое к благодарению... (патр. Каллист и ин. Игнатий, 89, 330).

***

...Уста, всегда благодарящие, приемлют благословение от Бога, и в сердце, пребывающее в благодарении, нисходит внезапно благодать (патр. Каллист и ин. Игнатий, 89, 330).

***

Богу не нужны благодарения твои, но тебе неотложно нужны Божии благодеяния. Приятелище же и хранилище сих благодеяний к тебе есть благодарное сердце (прп. Никодим Святогорец, 68, 229).

***

Всякое благо, какое имеем, и всякое добро, какое делаем, есть Божие и от Бога. Почему на нас лежит долг благодарить Его за все, за всякое благо, от всещедрой десницы Его получаемое, явное ли то или не явное, за всякое доброе деяние, за всякий добрый подвиг и за всякую победу над врагами нашего спасения, как нам и заповедано: *о всем благодарите: сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас* (1 Сол. 5, 18). Позаботься же возгревать в себе чувства благодарения к Богу с первого момента по пробуждении от сна, во весь день, и засыпай со словами благодарения на устах, потому что ты погружен в Божии благодеяния, среди которых есть и сам сон (прп. Никодим Святогорец, 68, 229).

***

...Как же возгреть в себе чувство благодарения Богу и всегда хранить его? — Рассмотри все благодеяния Божии к роду человеческому... и к себе самому, и чаще проходи их мыслью своею и вращай в памяти своей, и если у тебя есть сердце, то не возможешь не возносить к Богу благодарных песней. Образцы сему найдешь в молитвах и в писаниях святых (прп. Никодим Святогорец, 68, 230).

***

Чем же прилично нам изъявить пред Богом свои чувства благодарения Ему? Делай то, что хочет от тебя Бог, окружая тебя Своею щедродательностью. Чего же хочет Бог? Окружая тебя Своими благами, Бог хочет, чтобы ты, видя их, непрестанно вспоминал о Нем... хочет, чтобы ты прилепился к Нему всею любовию, — и прилепись; хочет, чтобы ты ни в чем не отступал от воли Его и всем благоугождать ему старался, — и делай так; хочет, чтобы ты во всем на Него единого полагался, — и положись; хочет, чтобы ты, поминая, как многократно оскорблял Благодетеля своего злыми и срамными делами своими, сокрушался о том, каялся в том, оплакивал то, пока не умиротворишься со своею совестью и не примешь удостоверения, что и Бог простил тебе все, — и делай так (прп. Никодим Святогорец, 68, 231).

***

Между людьми неблагодарность обзывается черною. Какое приберешь слово для обозвания неблагодарности к Богу? Возгревай же всегда в себе чувства благодарения Богу, особенно попекись о сем в храме, во время Литургии, на коей приносится Богу Бескровная Жертва, имену-

емая Евхаристией, что значит благодарение. Не забудь, что здесь ты ничем другим не можешь достойно изъявить благодарение Богу, как полною готовностью все свое и себя самого принести в жертву Богу, во славу всесвятого имени Его (прп. Никодим Святогорец, 68, 231).

***

С благоговейной покорностью воздай славословие суду Божию, и оправдай орудия, избранные Богом для твоего наказания. Мир Христов низойдет в твое сердце (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 176).

***

Слава Богу! Могущественные слова! Во время скорбных обстоятельств, когда обступят и окружат сердце помыслы сомнения, малодушия, неудовольства, ропота, должно принудить себя к частому, неспешному, внимательному повторению слов: Слава Богу! (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 389).

***

Достойно и праведно — созданию непрестанно славословить Тебя, Бога Создателя, извлекшего нас в бытие из ничтожества... украсившего нас красотою, славою Твоего образа и подобия, введшего нас в блаженство и наслаждение рая... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 391).

***

Славословием Бога прогоняются помыслы неверия, малодушия, ропота, хулы, отчаяния, — вводятся помыслы

святые, божественные (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 108).

***

Благодарение Бога имеет свое особенное свойство: рождает и усиливает веру, приближает к Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 285—286).

***

Только тот, кто проводит земную жизнь как странник, по образу мыслей, по сердечному ощущению, по истекающей из них деятельности, может непрестанно славословить и благодарить Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 288).

***

Неизреченное славословие и благодарение Бога объемлет христианина среди лишений и скорбей его, которыми Промысл Божий устраняет его от сочувствия и порабощения греху, которыми он сопричисляется к сонму последователей Христовых (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 291).

***

С креста мы способны исповедовать и славословить Бога; в благополучии земном мы способнее к отвержению Его (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 292).

***

...Благодарением вводится в душу чудное спокойствие, вводится радость, несмотря на то, что отовсюду окружают скорби... (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 96—97).

***

...Благодарю Господа... и за то, что дается, и за то, что не дается (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 109).

****

В Печерском монастыре был черноризец, именем Арефа. Много богатства имел он в своей келии и никогда даже хлеба не подал нищему. Так был скуп, что и себя самого морил голодом. В одну ночь воры обокрали его. Арефа от великой скорби хотел себя погубить и многим докучал обвинениями. Мы все молили его прекратить поиски, но он и слушать не хотел. Старцы утешали его, он же досаждал всем жестокими словами. Через несколько дней впал он в лютый недуг, уже был при конце, но и тут не унимался от ропота и хулы. Господь, всем хотящий спасения, показал больному пришествие Ангелов и полки бесов, и он начал взывать: «Господи, помилуй! Господи, я согрешил! Все то Твое, я больше не ропщу!» Освободившись от болезни, он рассказал нам, что было ему такое видение: «Пришли Ангелы, также и бесы, и начали они состязаться об украденном золоте, и сказали бесы: он не похвалил, а похулил <Бога>, и теперь он наш и нам предан. Ангелы же говорили мне: «О, окаянный человек! Если бы ты поблагодарил Бога за украденное, то вменилось бы тебе, как Иову. Великое дело пред Богом милостыня, но кто благодарит за украденное — делает более; диавол желает довести человека до хулы, а благодарением пострадавший передает все Господу — так это более милостыни». Я стал кричать: «Господи, прости, больше не ропщу», — и бесы исчезли, а Ангелы возрадовались».

С тех пор Арефа всегда славил и благодарил Бога (97, 51—52).

БЛАГОДАТЬ

...Щедро изливающаяся благодать Духа не стесняется никакими пределами; она течет непрестанно, богатит преизбыточно (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 92).

***

<Благодать> дарует способность трезвенною чистотою, непорочною мыслью, чистым словом, непритворною добродетелью уничтожать ядотворную силу греха... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 92).

***

...Мы столько почерпаем от избытка благодати, сколько имеем веры, способной к ее принятию (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 92).

***

Как согрешающие суть должники, ибо прогневляют Бога, так и покрываемые благодатию Его, ради своей немощи и близости к отчаянию, должны более трепетать, как великие должники (сщмч. Петр Дамаскин, 72, 151).

***

Если человек не сделается бесстрастным, то Преблагий Бог не ниспосылает на него Всесвятаго Духа, чтобы он,

по привычке, не был увлекаем страстями и не сделался виновным за нашествие (на него) Святаго Духа и не подпал большему осуждению. Но когда, по навыку к добродетели, он не будет уже иметь никакой дружбы с врагами и не будет увлекаться страстною привычкою, тогда получает благодать и таким образом не подвергается уже осуждению за получение дарования (сщмч. Петр Дамаскин, 72, 161).

***

Все, что Бог дает нам и удерживает от нас, все делает Он для пользы нашей, хотя мы, как дети, и не понимаем этого... Но когда кто-либо долгое время проведет в подвигах и очистит свое тело от большого и малого греха по действию, а потом и душу от всякого желания и всякого вида раздражительности, и привычкою к добру устроит нрав свой, так чтобы отнюдь ничего не делать пятью своими чувствами без хотения ума, и по внутреннему человеку ничему такому не делать снисхождения, и человек будет покорен самому себе, тогда и Бог ради бесстрастия покорит ему все, благодатию Святаго Духа. Прежде должен он покориться закону Божию, и таким образом, как разумный, покорит он себе то, что в его власти, так что ум будет царствовать подобно тому, как он в начале был создан, царством мудрым, целомудрым, мужественным и праведным (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 64).

***

Бог всех руководит действиями Своей благодати. Посему не ленитесь и не унывайте, взывая к Богу день и ночь, чтоб умолить благость Бога Отца ниспослать вам помощь свыше к познанию того, как вам поступать (прп. Антоний Великий, 85, 28).

***

...Вступив в подвиг, старайтесь противостоять духу тщеславия, — противьтесь ему и его преодолевайте. Придет сила Божия, принесет вам помощь и пребудет с вами, и во всякое время будет подавать вам ревность и теплоту, которой ничего нет дороже. Если кто из вас увидит, что он не одарен этой теплотою, пусть постарается взыскать ее, — и она придет к ищущему ее. Она похожа на огонь, который люди, когда желают вскипятить на нем немного елея, раздувают, пока разгорится, и который, разгоревшись, берет свою естественную силу и вскипает, восходя вверх и паля. Равным образом, когда увидите, что души ваши охлаждаются по нерадению и лености, поспешите возбудить их, проливая над ними слезы. Без сомнения, придет тот огонь и соединится с душами вашими, и — приобретшие его воскипят добрыми делами (прп. Антоний Великий, 85, 36).

***

Дай сердце свое в послушание отцам твоим <духовным>, и благодать Божия вселится в тебя (прп. авва Исаия, 85, 464).

***

...В нас пребывает Вышний Господь и ради нас дается благодать, потому что раздающий благодать Господь соделался подобным нам человеком (свт. Афанасий Великий, 2, 232).

***

...Благодать Божия наипаче просияла, действуя в младенцах и в невысоких умом (свт. Василий Великий, 5, 242).

***

Невозможно нам соделаться способными к приятию Божественной благодати, не изгнав из себя порочных страстей, которые овладели нашими душами... И в сосуд, который был занят какой-нибудь зловонной жидкостью, не вымыв его, не наливают мира. Посему должно быть вылито помещавшееся прежде, чтобы могло вместиться вновь вливаемое (свт. Василий Великий, 5, 333).

***

...Благодать Божия не оставляет того, кто усердно сражается и подвизается (прп. Ефрем Сирин, 30, 110).

***

...Обязанность человека призвать благодать, чтобы она, пришедши, просветила его; обязанность человека, очистив себя, домогаться, чтоб благодать обитала в нем и помогала ему... (прп. Ефрем Сирин, 30, 111).

***

...При благодати же успеет <человек> во всякой добродетели, и просвещенный ею в состоянии будет уразуметь разнообразие и благолепие будущего века (прп. Ефрем Сирин, 30, 111).

***

Благодать делается <для человека> стеною и укреплением и охраняет его от века сего для жизни века будущего (прп. Ефрем Сирин, 30, 111).

***

По мере веры и благодать обитает в душе (прп. Ефрем Сирин, 30, 193).

***

Благодать Божия во всякое время часто посещает сердца наши, и если находит себе упокоение, то, вошедши, постоянно обитает в душе (прп. Ефрем Сирин, 30, 315).

***

...Когда благодать... встречает в сердцах наших зловоние нечистых помыслов, и тотчас отступает, не находя себе входа, чтобы вселиться и обитать в нас... и разве только светоносною своею сладостию производит впечатление на сердце, чтобы ощутил человек, что благодать посещала его, но не нашла себе входа, чтобы таким образом, усладившись озарением благодати, взыскал он ее (прп. Ефрем Сирин, 30, 316).

***

Блажен человек, который всегда старается уготовить благодати чистое сердце, чтоб, пришедши, нашла она благоухание добродетелей и святыню души и обитала в нем в век века (прп. Ефрем Сирин, 30, 316).

***

...Благодать не может совершенно отступить от нас, потому что собственным своим милосердием побуждается всех миловать (прп. Ефрем Сирин, 30, 316).

***

...Божественная благодать отверста всем, чтобы каждый наслаждался, сколько хочет: *аще кто жаждет, да пришдет ко Мне и пиет* (Ин. 7, 37) (прп. Ефрем Сирин, 31, 478).

***

Волны благодати и озарения Святаго Духа делаются приятными в сердце, и душа забывает вдруг и земное, и плотские вредные страсти (прп. Ефрем Сирин, 30, 364).

***

...Явление благодати приносит усладу, безмолвие и сокрушение (прп. Ефрем Сирин, 30, 364).

***

...Волны благодати согревают ум и душу... (прп. Ефрем Сирин, 30, 364).

***

Блаженны дела души, которая имеет в себе волны благодати. Она просвещается, услаждается, веселится, наполняется созерцанием и благоуханием (прп. Ефрем Сирин, 30, 365).

***

...Как источник не возбраняет черпать желающему, так и сокровище благодати никому из людей не возбраняет стать его причастником (прп. Ефрем Сирин, 30, 366).

...Благодать Божия приемлет грешника, от души <к Богу> приходящего. Ибо любит видеть слезы, жаждет видеть покаяние... (прп. Ефрем Сирин, 30, 332).

***

...Без благодати Божией человек бессилен к преспеянию в добродетелях (прп. Ефрем Сирин, 31, 212).

***

...Без <благодати> не вступай на путь добродетели, потому что змий злоумышляет против тебя; с нею только приступай к попечению о душе, потому что многие обольщают ум свой подобием добра (прп. Ефрем Сирин, 31, 634).

***

Постарайся иметь Божию благодать, озаряющую твой ум... услуживай ей, как своему хранителю, чтобы, оскорбленная тобою, не оставила тебя... (прп. Ефрем Сирин, 31, 634).

***

Вверься нежной любви <благодати>, потому что она начало всякого стяжания. Ты пока не видишь еще любви ее, потому что младенцы, сосущие млеко, не знают материнской попечительности. Будь долготерпелив, предоставь себя воле ее, и тогда уразумеешь ее благодеяния (прп. Ефрем Сирин, 31, 635).

***

...Многие желают стать ее сынами <благодати>, но надобно не желать только, а готовиться (прп. Ефрем Сирин, 31, 638).

***

...Многие наименовались ее сынами <благодати> по вере, но наследниками ее делаются не многие, по причине своего нерадения (прп. Ефрем Сирин, 31, 638).

***

Не всякий, возмужав, почитает матерь свою; так и благодать, хотя воздоила многих, но редкими бывает чтима. Не всякий разумеет болезни рождающей и труды воспитывающих, так и из нас не многие благодарны за ее благодеяния (прп. Ефрем Сирин, 31, 638).

***

Благодать не много имеет таких наследников, с которыми может вместе радоваться; если живут беспорядочно, она терпит, если нечествуют — отвращается, впрочем, не заключает своего недра, чтобы мы не умерли. Если с неблагодарными <она> такова, то почему боимся ее сообщества? Если к оскорбителям милостива, то почему не возьмем себе в мысль, что на любящих ее изливается она вся? (прп. Ефрем Сирин, 31, 638—639).

***

Не будем впадать в уныние, когда она <благодать> скрывается; не будем нерадивыми искушаемые, когда она вразумляет <искушениями> (прп. Ефрем Сирин, 31, 638).

***

<Благодать> знает, что полезно <нам>, и природа наша известна ей; знает меру каждого и столько дает к наслаждению (прп. Ефрем Сирин, 31, 639).

***

При всяком случае и всеми возможными способами призывает нас к себе благодать Твоя, Господи; милосердие Твое употребляет все побуждения и средства, желая даровать нам жизнь (прп. Ефрем Сирин, 33, 137).

***

Сколько блаженны мы, грешники, потому, что самая благодать восстает на помощь нашу! Если принесем одну каплю слез, она изгладит и уничтожит все рукописание наших долгов (прп. Ефрем Сирин, 33, 212—213).

***

Что от благодати, в том есть радость, есть мир, есть любовь, есть истина (прп. Макарий Египетский, 66, 65).

***

Духовное действие Божией благодати в душе совершается великим долготерпением, премудростью и таинственным смотрением ума, когда и человек с великим терпением подвизается в продолжении времени и целых лет (прп. Макарий Египетский, 66, 72).

***

...Когда благодать овладевает пажитями сердца, тогда царствует она над всеми членами и помыслами: ибо там

ум и все помыслы, и чаяние души (прп. Макарий Египетский, 66, 120).

***

...Имеющие благодать Божию должны... быть смиренномудрыми, исповедовать нищету свою (прп. Макарий Египетский, 66, 123).

***

...Если... имеющие благодать превознесутся и станут надмеваться сердца их, то Господь отъемлет у них благодать Свою... (прп. Макарий Египетский, 66, 123—124).

***

...Огонь сей <благодати> прогоняет бесов, истребляет грех, он есть сила Воскресения, действенность бессмертия, просвещение святых душ, утверждение умных сил (прп. Макарий Египетский, 66, 190).

***

Невещественный и Божественный огонь освещает души и искушает их, как неподдельное золото в горниле, а порок попаляет, как терние и солому... (прп. Макарий Египетский, 66, 190).

***

...Если не явятся свыше небесные облака и благодатные дожди, ни в чем не успеет трудящийся земледелатель (прп. Макарий Египетский, 66, 197).

...Божественная благодать, которая в одно мгновение может человека очистить и сделать совершенным, начинает посещать душу постепенно, чтобы испытать человеческое произволение... (прп. Макарий Египетский, 66, 272—273).

***

Лишаются же благодати и гибнут <люди> по двум причинам: или потому, что не переносят терпеливо постигших скорбей, или потому, что, усладившись греховными удовольствиями, предаются им (прп. Макарий Египетский, 66, 274).

***

Нередко благодать действует в человеке непрестанно, подобно тому, как и глаз в теле. Но вместе пребывает в человеке и грех, и в обольщение вводит ум (прп. Макарий Египетский, 66, 352—353).

***

...Присущая в человеке Божия сила дает место свободе, чтобы обнаружилась воля человека... (прп. Макарий Египетский, 66, 355).

***

Иные в такой мере упокоеваются благодатью Божиею, в какой могут владеть собою и не уступать над собою победы живущему в них греху (прп. Макарий Египетский, 66, 412).

***

...Нисходящая благодать через очищение внутреннего человека и ума совершенно отъемлет покрывало сатаны, наложенное на людей преслушанием, и отревает от души всякую скверну и всякий нечистый помысл с тою целью, чтобы душа сделалась чистою и, прияв собственное свое естество, ясными очами и невозбранно взирала на славу истинного света (прп. Макарий Египетский, 66, 412).

***

...Вкушение Божией сладости выше всякой сытости (прп. Макарий Египетский, 66, 419).

***

В ком благодать пребывает, в том делается как бы чем-то естественным и неотъемлемым; будучи единою, она различными образами, как ей угодно, домостроительствует в человеке к его же пользе (прп. Макарий Египетский, 66, 424).

***

...Ожидающему от Бога приять семя благодати надлежит сперва очистить землю сердца своего, чтобы падшее на нее семя Духа принесло совершенные и обильные плоды (прп. Макарий Египетский, 66, 445).

***

...Благодать требует, чтобы причащающаяся оной душа была благоговейна и благомысленна, чтила благодать и показывала в себе достойные плоды (прп. Макарий Египетский, 66, 456).

***

...Душа, в продолжение времени и многих лет оказывающаяся благоискусною, ничем не преогорчевающая и не оскорбляющая благодать, в самой постепенности находит для себя пособие (прп. Макарий Египетский, 85, 227).

***

...Благодать тайно производит в сердцах любовь свою и горечь превращает в сладость, а жестокосердие — в мягкосердие (прп. Макарий Египетский, 85, 228).

***

...Без благодати никто не может служить Богу, т. е. благоугождать, исполняя во всем волю Божию (прп. Макарий Египетский, 85, 239).

***

...Благодать, как Божественная и небесная, просвещает, руководит, умиряет... все устрояет во благое (прп. Макарий Египетский, 85, 249).

***

...Бывает время, когда благодать сильнее воспламеняет, утешает и упокоивает человека; и бывает время, когда она умаляется и меркнет, как сама она домостроительствует сие на пользу человеку (прп. Макарий Египетский, 85, 259).

***

...Кто достигает совершенной любви, тот делается уже узником и пленником благодати (прп. Макарий Египетский, 85, 266).

***

...Цветущая духом благодать не в ком другом бывает, а только в умертвивших себя греху (свт. Григорий Нисский, 18, 326—327).

***

...Говорят: почему благодать простерлась не на всех, напротив того, иные приступили к учению, немалая же часть остается неприступившею, без сомнения потому, что Бог или не хотел, или не мог, чтобы благодеяние для всех было щедро? А то и другое не освобождает от порицания. Ибо неприлично Богу и не хотеть и не быть в силах делать добро. Посему если вера есть нечто доброе, то почему, спрашивают, благодать не на всех?..

Имеющий власть над вселенною, по преизбытку чести уделенной человеку, предоставил иному и в нашей быть власти, и над этим каждый сам единственный господин. А это есть произволение, нечто не рабственное, но самовластное, состоящее в свободе мысли. Итак, подобное обвинение справедливее возложить на тех, которые не были приведены к вере, а не на Призывавшего к согласию (свт. Григорий Нисский, 21, 77—78).

***

...Когда действует рука Его <Божия>, тогда невозможна безуспешность в чем бы то ни было или, вернее, невозможно не дойти до самой высшей степени блеска и славы, только бы при этом было и должное с нашей стороны (свт. Иоанн Златоуст, 45, 120).

***

...Благодать сделала (людей) из младенцев мужами совершенными (свт. Иоанн Златоуст, 45, 372).

***

...Благодать Духа, когда есть у нас добрые дела и душа орошается великою милостынею, пребывает в нас, как огонь, поддерживаемый елеем, а без нее отступает и удаляется... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 281).

***

Спаситель видел, что человеческая природа изнемогает под игом работы и уклоняется от борьбы по слабости; поэтому Он восполняет недостаток ее силою Духа, чтобы утешить ее, удрученную нашею немощью, и как бы какой уздой укрепляет ее Божественною благодатию, чтобы, восприняв от благодати то, чего не имела по природе, она вышла на борьбу, возбужденная силою Духа (свт. Иоанн Златоуст, 47, 830).

***

Невозможно... ни свидетельствовать мужественно, ни проповедовать ревностно, ни совершить вообще что-либо великое и трудное, если сила Духа Святаго не подкрепит духа свидетеля <мученика> (свт. Иоанн Златоуст, 47, 831).

***

...Благодать Божия сделала бы нас тверже алмаза и совершенно непобедимыми, если бы мы пожелали (свт. Иоанн Златоуст, 48, 23).

***

Благодать (Божия) готова, и ищет, кто бы принял ее с усердием (свт. Иоанн Златоуст, 48, 67).

***

Будем же все мы... всё приписывать высшей благодати, потому что хотя и природа действует, но не своею силою, а повинуясь повелению Создателя (свт. Иоанн Златоуст, 48, 191).

***

Благодать Духа обильна и, изливаясь на всех, не терпит от того никакого в себе уменьшения, а еще более умножается в самом разделении между многими, и чем больше тех, которые приобщаются благодати, тем обильнее становятся и дары ее (свт. Иоанн Златоуст, 48, 490).

***

Благодать Духа ниспосылается в обилии там, где соединяются целомудрие, честность и другие добродетели... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 499).

***

Благодать Всесвятаго Духа не только преподает людям нравственное и догматическое учение, но и прямо научает их тому, как должны воспевать они Творца (свт. Иоанн Златоуст, 49, 739).

***

...Божественная благодать не дается тем, кто не имеет благого произволения... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 792).

***

...Кто сам желает и старается приобрести дары благодати, тому и Бог дарует все, а в ком нет этого желания и

старания, тому не принесет пользы и то, что он имеет, и Бог не сообщит ему даров Своих... Это не значит, что Бог отнимает у него, но что не удостаивает его даров Своих (свт. Иоанн Златоуст, 51, 476).

***

Благодать не истощается и не оскудевает. Этот источник струится беспрестанно, и от полноты его мы можем исцелить и души, и тела наши (свт. Иоанн Златоуст, 51, 689).

***

Благодать изливается на всех... Но те, которые не хотят воспользоваться этим даром, те по справедливости самим себе должны приписывать такое ослепление (свт. Иоанн Златоуст, 52, 58).

***

...Не только наше происхождение из небытия, но и немедленное, по происхождении, научение тому, что должно делать и чего не делать, вложение закона этого в самую природу нашу, внедрение в нас неподкупного судилища совести — все это есть дело величайшей благодати и неизреченного человеколюбия (свт. Иоанн Златоуст, 52, 93).

***

...Получив столь великую благодать и истину, не сделаемся, вследствие самой великости дара, беспечны. Чем большей мы удостоены почести, тем более должны быть и добродетельны (свт. Иоанн Златоуст, 52, 95).

***

Как солнечные лучи светят каждый день и никогда не истощаются, и свет от их излияния на многие предметы не уменьшается, так и еще более сила Духа нисколько не уменьшается от множества приемлющих ее (свт. Иоанн Златоуст, 52, 239).

***

Благодать Духа, когда войдет в душу и утвердится в ней, течет сильнее всякого источника, не прекращается, не истощается и не останавливается (свт. Иоанн Златоуст, 52, 335).

***

Мы были врагами и грешниками, были лишены дара Божия и стали ненавистными Богу; а благодать есть свидетельство примирения, и дар подается не врагам и лицам ненавистным, но друзьям и людям благоугодившим. Поэтому надлежало прежде принестись за нас Жертве, разрушиться вражде во плоти, нам соделаться друзьями Божиими и тогда уже получить этот дар (свт. Иоанн Златоуст, 52, 336).

***

...Благодать распространяется подобно источнику, расположение же приступающих к ней является для нее сосудом, определяет меру, в какой каждый ее получает (свт. Иоанн Златоуст, 52, 757).

***

Такова благодать Духа: она побеждает телесные болезни и создает самую горячую любовь (свт. Иоанн Златоуст, 53, 486—487).

...От благодати зависит и то, чтобы стоять твердо, а не колебаться. А когда услышишь о благодати, не подумай, что будет отвергнута награда за произволение (свт. Иоанн Златоуст, 53, 500).

***

Грех лишил нас настоящей жизни, а явившаяся благодать даровала нам не только настоящую, но и бессмертную, и вечную жизнь (свт. Иоанн Златоуст, 53, 599).

***

...Благодать не только сопутствует тебе в трудах и опасностях, но и содействует в самых легких, по-видимому, делах и во всем оказывает свою помощь... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 668).

***

Кто имеет благодать у Бога, тот не боится никого, хотя бы терпел множество зол не только человека, но самого дьявола (свт. Иоанн Златоуст, 54, 10).

***

Закон если поймает убийцу, то осуждает его на смерть, а если благодать настигнет убийцу, то освящает и оживляет его (свт. Иоанн Златоуст, 54, 527).

***

...Благодать Духа не может излиться на неблагодарного и находящегося во вражде... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 780).

***

Если бы мы все приобщились Духа, как следует приобщиться, то и Небо узрели бы и свое будущее там состояние (свт. Иоанн Златоуст, 55, 17).

***

Как же можно привлечь к себе благодать? Делая угодное Богу, во всем повинуясь Ему (свт. Иоанн Златоуст, 55, 833).

***

...Мы, хотя бы лишились друзей, хотя бы подверглись какому-нибудь другому бедствию, не будем чувствовать никакой скорби, если благодать будет находиться при нас и ограждать нас (свт. Иоанн Златоуст, 55, 833).

***

Когда благодать бывает с нами? — Когда мы не оскорбляем этого благодеяния, когда не пренебрегаем этим даром... Что такое благодать? Отпущение грехов, очищение; оно с нами. Кто же, оскорбляя благодать, может сохранить ее и не лишиться ее? Бог даровал тебе отпущение грехов: как же пребудет с тобою благодать, т. е. благонастроение или действие Духа, если ты не будешь удерживать ее добрыми делами? В этом причина всех благ, чтобы всегда пребывала с нами благодать Духа; она руководит нас ко всему доброму; а когда она отлетает от нас, то мы остаемся покинутыми и погибаем. Не будем удалять ее: а от нас зависит, чтобы она осталась при нас или удалилась. Первое бывает тогда, когда мы заботимся о небес-

ном, а второе тогда, когда о житейском (свт. Иоанн Златоуст, 56, 279).

***

...Душа, преданная миру, не может иметь Духа. Много нужно усердия с нашей стороны, чтобы Он оставался с нами, устроял все наши дела и сохранял нас в безопасности и совершенном мире (свт. Иоанн Златоуст, 56, 279).

***

...Душа, руководимая Божественным Духом, стоит выше всех житейских треволнений, проходит путь, ведущий к небу, быстрее всякого корабля, — потому что паруса ее чисты и наполняются не ветром, а самим Утешителем, — и все расслабляющее и пагубное отвергает от своих помыслов. И как ветер, ударяя в слабо натянутый парус, не может действовать, так и Дух не может пребывать в душе слабой, но требует великого напряжения и усилия (свт. Иоанн Златоуст, 56, 280).

***

Как паутина не может сдержать дуновения ветра, так и душа, преданная миру, и человек душевный никогда не может принять благодати Духа (свт. Иоанн Златоуст, 56, 280).

***

...Благодать иногда даже нерадивых и беспечных посещает тем наитием святым и тем обилием благих помышлений... Она наитствует и недостойных, возбуждает усып-

ленных, просвещает одержимых слепотою неведения и, изливаясь в сердца наши, милостиво обличает и укоряет, чтобы хотя сим образом подвиглись мы восстать от сна беспечности. Иные же в ее сокровенных и неожиданных посещениях исполняются благоуханием духовным, превышающим всякую приятность мастей, составляемых человеческим искусством, так что дух, будучи проникнут сею сладостию, вземлется в некоторое исступление духовное и забывает уже о том, в теле ли он пребывает в то время (прп. авва Даниил, 57, 226).

***

Благодать Божия всегда направляет волю нашу в добрую сторону и вспомоществует во всем так, что иногда и от нас требует или ожидает некоторых усилий; чтобы не дать даров своих беспечным, она выискивает случаи, которыми пробуждает нас от холодной беспечности; чтобы щедрое сообщение даров ее не казалось беспричинным, сообщает их вследствие нашего желания и труда. Впрочем, благодать Божия всегда дается даром, потому что за малые наши усилия воздает нам бессмертием и нескончаемым блаженством с неоценимою щедростью (прп. авва Херемон, 57, 413).

***

...Благодать Божия всегда упражняет произвол человеческий, так что не во всем покровительствует и защищает его, так чтобы не было уже места его собственным усилиям в борьбе с духовными врагами; и это для того, чтобы в случае победы над врагом он исповедовал помощь

Божию себе, а в случае победы врага узнал свою немощь, и таким образом учился полагаться не на свою силу, но на помощь Божию и непрестанно прибегал к своему Покровителю (прп. авва Херемон, 57, 415—416).

***

...Благодать Божия не только отсекает ветви зла, но и самые корни развращенной воли исторгает (прп. авва Феона, 57, 563).

***

Чистым хранящие в себе образ Сотворшего приемлют от Него благодать и творят с Ним чудеса (прп. Исидор Пелусиот, 61, 11).

***

...По какой причине благодать Божия нисходит не на всех? Знай же... сие бывает потому, что она испытывает сперва произволение, а потом нисходит. Ибо, хотя и благодать, но изливается не просто, но, соразмеряясь с приемлющими, истекает в такой мере, в какой найдет вместительным представленный ей сосуд веры. А если бы не требовала она сперва зависящего от нас, то нисходила бы на всех. Но поелику испытывает произволение и потом посещает... то на одних нисходит и пребывает на них, от других же отступает, а на иных не нисходит и первоначально (прп. Исидор Пелусиот, 62, 295).

***

...Если благословит Господь и труд произволения нашего, мы станем все творить без труда, непринужденно и

со сладостью, и от всего получать пользу (прп. Зосима, 87, 129).

***

Всякий, православно крестившийся, получил таинственно благодать. Удостоверяется в сем по мере исполнения заповедей (прп. Марк Подвижник, 67, 37).

***

Благодать Духа одна и неизменна, но действует она в каждом особенно, как хочет (прп. Марк Подвижник, 67, 41).

***

Есть действие благодати, не узнаваемое младенцем (по духовному возрасту), и есть действие злобы (врага), похожее на истину. Хорошо не слишком засматриваться на такие действия, ради возможности обмана, и не проклинать их ради того, что может быть тут истина, но все с надеждою приносить Богу, ибо он знает пользу того и другого (прп. Марк Подвижник, 85, 562).

***

Крестившимся во Христа таинственно дарована уже благодать; но воздействует она (ощутительно) по мере делания заповедей. Хотя благодать сия не перестает помогать нам тайно, но в нашей состоит власти делать или не делать добро по своей воле (прп. Марк Подвижник, 85, 565).

***

...Благодать сокрыта бывает в поучении ближнего; бывает, что иногда она последует за мыслью во время чтения и научает ум своей истине посредством естественного следствия (из той мысли). Итак, если мы не будем скрывать сего таланта в таких и подобных частных случаях даемого (т. е. будем следовать тому, что внушает благодать), то действительно внидем в радость Господа (сподобимся действенной благодати) (прп. Марк Подвижник, 85, 565).

***

Ищущий (чающий получить) действенности Святаго Духа прежде делания заповедей, подобен купленному за деньги рабу, который в то время, как его только что купили, ищет, чтоб вместе с уплатой за него денег подписали ему и свободу (прп. Марк Подвижник, 85, 565).

***

Как дождь, излившись на землю, питает и поддерживает в растениях свойственное им качество: в сладких — сладость, в терпких — терпкость, так и благодать, наитствуя сердца верующих, сподобляет их воздействий своих, сообразно с их добродетелями, сама в себе не изменяясь. Алчущему Христа ради бывает она пищею, жаждущему — сладким питием, зябнущему — одеждою, труждающемуся — успокоением, молящемуся — извещением (что молитва услышана), плачущему — утешением (прп. Марк Подвижник, 85, 570).

***

Как море волнуемое, когда возливают на него елея, обыкновенно стихает, потому что тучность елея препо-

беждает силу воздымающей волны бури, так и душа наша, умащаемая благодатию Святаго Духа, сладостною исполняется тишиною; потому что по слову Пророка: *обаче Богови повинися душе моя* (Пс. 61, 6), — тогда к обрадованию ее пресекается всякое в ней волнение, уступая приосеняющей ее благостыни Духа, и порождаемому тем бесстрастию. Почему, какие бы потрясения ни покушались в ту пору произвести в душе бесы, она пребывает мирствующею в себе и полною всякого радования. Но в такое состояние никто не может прийти, ни пребывать в нем, если не будет непрестанно отрезвлять и услаждать душу свою страхом Божиим; ибо страх Господень приносит подвизающимся некий вид непорочности и чистоты (блж. Диадох, 87, 25).

***

Благодать вначале обыкновенно озаряет душу своим светом с сильным того ощущением, а когда успехи в духовно-христианской жизни подвинутся вперед, тогда она большею частью неведомо для боголюбивой души свои совершает в ней таинства: чтобы после того (по умиротворении души) ввести нас в радовании на стезю божественных созерцаний, как будто бы мы только что призываемы были из неведения в ведение, посреди же подвигов (об умирении души от страстей) блюсти наш помысл нетщеславным. Подобает нам в меру быть ввергаемыми в печаль, как бы мы были оставлены благодатию, да паче смиримся и научимся покорствовать Господним о нас определениям, а потом благовременно входить в радость, благою окрыляясь надеждою... (блж. Диадох, 87, 46).

***

...Прежде крещения благодать совне направляет душу на добро, а сатана гнездится в самых глубинах ее, покушаясь преграждать уму все правые исходы; с того же часа, как возрождаемся в крещении, бес бывает вне, а благодать внутри. Почему и находим, что как древле господствовала над душою прелесть, так по крещении господствует над нею истина. Действует после сего и сатана на душу, как и прежде, а нередко даже горше того, но не как соприсущий благодати: да не будет! а дымя как бы пред умом чрез мокротность тела, приятностью бессловесных сластей. Бывает же сие по попущению Божию, чтоб человек достигал наслаждения добром не иначе, как проходя чрез бурю, огонь и искушение (блж. Диадох, 87, 50).

***

...В тех, кои ревностно преуспевают в ведении, благодать чрез чувства ума и самое тело обвеселяет радованием неизреченным; когда же нерадиво и беспечно течем путем благочестия, то бесы, находя нас такими, пленяют душу нашу чрез чувства телесные, насильственно влеча ее к тому, чего она не хочет... (блж. Диадох, 87, 53).

***

Когда же человек подвигами во все облечется добродетели и особенно в совершенную нестяжательность, тогда благодать все естество его озаряет в глубочайшем некоем чувстве, возгревая в нем теплейшую любовь к Богу; тогда и стрелы бесовские угасают еще вне телесного чувства, так как веяние Духа Святаго сердце пополняет глубоким ми-

ром, огненные же стрелы бесовские погашает, еще когда они несутся по воздуху. Впрочем, и в сию меру достигшего попускает иногда Бог подвергаться злому действию бесов, оставляя тогда ум его неосвященным, чтоб самовластие наше не было совершенно связано узами благодати, не только того ради, что грех должен быть побежден подвигами, но и того, что человеку еще и еще надлежит преуспевать в духовной опытности: ибо что почитается совершенным в обучаемом, то несовершенно в сравнении с богатством обучающего Бога, в ревнующей о преуспеянии любви, хотя бы кто, трудясь над сим преуспеянием, взошел на самый верх показанной Иакову лествицы (блж. Диадох, 87, 59).

***

Два блага подает нам Святая благодать чрез возрождающее нас крещение, из которых одно безмерно превосходит другое. Но одно подает она тотчас, именно — в самой воде обновляет и все черты души, составляющие образ Божий, просветляет, смывая с нас всякую скверну греховную; а другое ожидает произвести в нас вместе с нами: это то, что составляет подобие Божие. Итак, когда ум начнет с великим чувством вкушать блага Всесвятаго Духа, тогда ведать мы должны, что благодать начинает как бы живописать на чертах образа Божия черты богоподобия... святая благодать Божия сначала чрез крещение восстанавливает в человеке черты образа Божия, поставляя его в то состояние, в коем он был, когда был создан; а когда увидит, что мы всем произволением вожделеваем красоты подобия Божия и стоим нагие и небоязненные в ее детелище (мастерской), тогда, добродетель за доброде-

телью расцвечивая в душе и от славы в славу лик ее возводя, придает ей черты подобия Божия, причем чувство показывает, как отображаются в нас черты богоподобия, совершенство же богоподобия узнаем из просвещения благодатного. Ум, преуспевая в некоей мерности и неизреченной гармонии, чувством восприемлет все добродетели; но любви духовной никто не может стяжать, если не просветится Святым Духом, во всей полноте ощутительно. Ибо если ум не приимет от Божественного света совершенного богоподобия, то хотя он все другие добродетели возыметь может, но совершенной любви остается еще непричастным, потому что только тогда, как человек совершенно уподобится Божией добродетели (говорю о вместимом для человека подобии Богу), носит он и подобие Божественной любви. Как когда пишут с кого портрет, самая приятная из красок краска и самонужнейшая из черт черта, будучи приложены к нарисованному лику, делают его, даже до улыбки, совершенно похожим на того, кого живописуют, так и когда Божественная благодать живописует в ком богоподобие, светлая черта любви, будучи приложена, показывает, что черты образа Божия всецело возведены в благолепие богоподобия (блж. Диадох, 87, 62—64).

***

Познавший благоухание огня, сходящего свыше, бегает многолюдных собраний, как пчела — дыма... (прп. Иоанн Лествичник, 58, 100).

***

Живущий не для себя, а для Бога бывает исполняем Божественных даров, которые не всегда явны бывают по

причине угрожающего нападения страстей (прп. Максим Исповедник, 87, 249).

***

Всякий из нас по мере сущей в нем веры стяжевает явное действие Духа, так что всякий сам для себя бывает раздаятелем благодати. Посему никто из благомудрствующих никогда не станет завидовать другому, обилующему благодатями, так как на нем самом лежит стяжать расположение, условливающее приятие Божественных благ (прп. Максим Исповедник, 87, 294).

***

Божество Слова, будучи всегда по благодати соприсуще верующим в Него, заглушает закон греха, сущий во плоти (Рим. 8, 2) (прп. Максим Исповедник, 87, 295).

***

Имеем святых Ангелов помощниками себе в добром, паче же Самого Бога, нам Себя являющего делами правды и нас Себе созидающего во святый храм, свободный от всякой страсти (прп. Максим Исповедник, 87, 299).

***

Как без солнечного света глаз не может воспринимать чувственное, так без духовного света ум человеческий никогда не может воспринять духовного созерцания (прп. Максим Исповедник, 87, 302).

***

Бог именуется и бывает Отцом по благодати только тех, которые о своем благодатном от Бога в духе рождении свидетельствуют добродетельными нравами (прп. Максим Исповедник, 87, 304).

***

Разжженные стрелы демонские одни за другими падают на дом души нашей, но роса Духа, погашая их, направляет на нас воду, текущую в живот вечный (прп. Феодор Студит, 88, 169).

***

...Когда пришел Христос и так тесно соединил в Себе Божество с человечеством, что два сии, крайне расстоящиеся, т. е. Божество и человечество, стали единым лицом, хотя пребывали неслиянными и несмешанными. С того времени человек сделался уже как бы светом, чрез соединение с оным, первым и невечерним светом Божиим и не имеет более нужды ни в каком писаном законе, потому что Божественная благодать Иисуса Христа, пребывающая с ним и в нем, плодоприносит ему благобытие, т. е. любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость и воздержание (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 29).

***

Как чувственный огонь не является в чувственном, если не найдет горючего вещества, так и умный огонь не является в умном, если не найдет вещества заповедей Божиих (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 38).

***

Как душа, разумная и мысленная сила, сочетавает воедино тело, состоящее из многих частей, как-то: плоти, костей, нервов, жил, кожи и прочего, что все дивно связует она собственною силою и содержит добре в полной гармонии, так что они одна другой помогают и одна другую поддерживают, связуемы будучи одною душой, а когда душа выходит из тела, тогда все эти части тела, теряя связь, распадаются и подвергаются истлению; так и благодать Святаго Духа сочетает душу саму с собою Божественною Своею силою и животворит ее, как бы душа души, многие и разные помышления ее и пожелания сводя к единой воле Божией, в чем и состоит истинная ее жизнь, а когда благодать Святаго Духа отделяется от души, тогда все ее помышления и пожелания разливаются и растлеваются. Итак, если возможно, чтобы какое-нибудь тело человека без души стояло в гармонии и своем чине, то возможно, чтоб и душа человека стояла, как должно, в своем чине с отличительными чертами разумности без благодати Святаго Духа. Но то невозможно, а это еще невозможнее (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 45).

***

Как человек, души не имеющий, мертв в порядке мира сего, так и тот, кто не имеет благодати Святаго Духа, мертв в порядке Божием; и никак не возможно, чтобы он имел жительство на небесах (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 46).

***

Пока солнце еще не воссияло и тьма покрывает землю, кто может видеть хорошо вещи? И тот, кто прошел грам-

матику, риторику и философию и обогатился познанием всего сущего, не может без света прочитывать книг, в которых содержатся... <спасительные> учения, а новоначальный, который только приступил к такому учению, что может увидеть без света, или чему может научиться?"— Ничему. Таким же образом и душе всякой потребен сокровенный свет божественного ведения, да видит и познает и постигает силу и значение Божественных словес псаломских. Ибо сей сокровенный свет божественного ведения есть некая мысленная сила — властная, которая окружает и собирает подвижный ум, отбегающий обычно туда и сюда, в то время, когда слушает или читает Божественные оные словеса, и держит его в себе, да внимает тому, что читает или слушает (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 83).

***

...Врачевство от всех вообще немощей — причастие Божественного естества или приятие Божией благодати. Если христианин не примет Божественной благодати и силы, по мере веры своей, то хоть он бдения совершает, хоть спит на голой земле, хоть поет псалмы день и ночь, молится и постится, все же он остается неврачеванным и находится вне части Христовой, как и неверные (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 123).

***

...Как иные... пребывают в беззаботном непомышлении о том, что тело их состоит из многих и разнообразных частей, почему подлежит и недугам многим, и что в союзе и гармонии содержится оно душою, так что, когда бывают здоровы и не чувствуют никакой болезни, величаются тем

(как бы это было не дар Божий, а нечто их собственное), так подобному неправомыслию подвергаются и некоторые из тех, кои сподобились приять Божественную благодать, когда, не внимая себе и не содержа в уме и помышлении сие великое таинство Божественной благодати, ими полученной (и держащей в союзе и гармонии разнообразные помышления и стремления души), склоняются к гордому о себе <мнению> помышлению. За это возгордение они впадают в *суд диаволь* (1 Тим. 3, 6), обнажаются от Божественной благодати и ниспадают в состояние худшее, нежели в каком были до крещения. И только те из них, которые, уразумев, какое великое потерпели они зло, прольют много горьких слез о том, чтоб опять приять Божественную благодать, после многих трудов и потов сподобляются снова сей великой Божией милости (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 139).

***

Как только получит кто благодать, тотчас отвращается от плотских стремлений, начинает ненавидеть мирские похоти и благодатию Божиею становится неподдействен им и мертв для них, отчего Божественные заповеди Христовы исполняет со всякою радостью и усердием, а к какой-либо сласти плотской или к стяжаниям, или к чести и славе не лежит у него душа, как бы он находился вне тела и вне мира... (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 149).

***

Бог невидим и просвещает невидимо, без того, чтоб ты видел то; познается же сие просвещение от действий <человека>, как и Бог невидимый познается от дел Его. Если

находишь себя сокрушенным и смиренным, знай, что ты просвещен, и насколько смиряешься, настолько в тебе есть и света; ибо, как сказали богомудрые отцы, преспеяние души есть преспеяние ее в смирении (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 165).

***

Душа, сподобившаяся Божественного присещения, т. е. Божественного просвещения и тишины, бывает мирна и безмятежна. Погашается же такое просвещение немилосердием, осуждением братии и злопамятством (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 166).

***

В силу веры, прежде всякой другой добродетели, приходит благодать Божия, как основание всякой добродетели, и уже помощью благодати Божией всякая добродетель устанавливается в сердце и бывает действенною, так что всякая добродетель, не от благодати Божией бывающая, вменяется у Бога не в настоящую добродетель, потому что такая добродетель не Божия. Бывает, что и демоны наводят на иных видные добродетели, научая людей казаться целомудренными, милостивыми, кроткими и держа их чрез то в высокоумии и гордости (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 168).

***

Кто не сподобился получить благодать Христову и познать ее умно присущею в душе своей, тот тщетно носит имя христианина, он одинаков с неверными... (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 171).

Невозможно христианину обрести милость у Бога, если не познает благодати <Христовой>. Ибо как Христос не мог творить знамений и чудес для неверов, так не может Он никого из тех помиловать, которые, хотя веруют в Него, но не познали прежде, что благодать Христова, Им и чрез Него подаваемая, она самая и есть милость и спасение (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 172).

***

Благодать Божия удаляется от христианина не по причине только греха, но и по причине непризнания ее, когда не признает кто, что от нее имеет все, что ни имеет (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 201).

***

...Духовный человек, по мере добродетели своей, имеет и благодать Божию, или великую, или малую, или преисполнен есть безмерно благодатию Христовою (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 206).

***

Разумная душа, над коею воцарился Бог, должна опытом познать благодать Божества, которое в ней царствует, и делом являть плоды Всесвятаго Духа, т. е. любовь, радость, мир, долготерпение и прочее. Где царствует Бог, там уже нет места никакому действию работы диаволей, но все обращается на служение Богу (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 251).

***

Без благодати Святаго Духа никому невозможно не грешить, никому невозможно приступить к исполнению святых заповедей и исполнять их, и свергнуть с себя власть и насильство, которое возымели над нами демоны (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 261).

***

Явным же признаком того, что <человек> обнажен от благодати Святаго крещения, служит его собственное признание, что никак не может пресечь и отсечь срамной похотливости своей и не может воздержаться, чтоб не удовлетворять ее срамными делами (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 280).

***

...Как невозможно дому прочно стоять без основания, так душе, верующей во Христа, невозможно явить богоугодное житие, если в нее не вложена будет, как основание, благодать Святаго Духа (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 310).

***

Блага, высшего для нас, т. е. благодати Христовой, духовно сподобляется душа чрез Святое крещение, ибо как только крещается, тотчас воображается в ней Христос. Но как большая часть не знает приемлемой таким образом благодати, особенно из тех, кои крещены малыми детьми, то мало-помалу со временем происходит в них изменение, и в иных совсем гаснет благодать Божия, а в других

остается еще хоть малая ее искра, которая, по великой милости Божией, иногда опять возгорается в них посредством веры, пастырского наставления и руководства. В тех, которые, быв обличаемы и наставляемы, возникнут к вере и упованию спасения, благодать в короткое время опять возгорается и дает ощущать себя в духе. Затем, если кто приложит к сему с радостью и рукояти смиренномудрия и милостыни (смиренномудрия, потому что такая милость не от нас, но от Бога; милостыни, потому что получивший милость всеконечно и сам должен быть милостив), то в нем разгорается великое пламя, которое освещает даже и всех соприкасающихся к нему, — о Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава и держава во веки (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 332).

***

Удостоверение в действенности спасения одно — это духовное чувство благодати Всесвятаго Духа, даруемой от Бога ради веры духовной силе ума. Такую благодать Святаго Духа сподобляются получить во время крещения те, которые веруют во Христа, — иные, чтоб творить знамения и чудеса, большая же часть, чтоб быть неподвижными на зло и легкодвижными на добро и всеусердно, с радостию и веселием проходить богоугодную жизнь. Таков чин у верующих во Христа (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 465).

***

...Всякий, кто непричастен Божеского естества, т. е. не имеет Божественной благодати, плотян есть и не может

благоугодить Богу, потому что помышление плотское вражда на Бога есть, и плоть и кровь Царствия Божия наследити не может (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 466).

***

Благодать Божия беспредельна, всегда с преизбытком изливается и никогда не оскудевает... Впрочем, само собою следует, что в том, кто получил благодать, она или умножается, если он подвизается, или умаляется, если понерадит; и если это нерадение продолжится, то малопомалу она и совсем в нем оскудеет и оставит его совершенно пустым. Оставит, а он долго еще будет думать, что имеет ее. Ибо благодать отходит сокровенно, как сокровенная по существу и таинственная, потому, отходя, не дает ему чувствовать отступления своего, и он не сразу узнает об отступлении ее (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 467).

***

Как светильник, хотя и елеем полон, и фитиль имеет, но если не зажжен огнем, остается весь темным, так и душа, по видимому украшенная всеми добродетелями, если не сделается причастною Света и благодати Святаго Духа, есть еще погашенная и омраченная, и дела ее еще нетверды, ибо надобно, чтоб они были облечены и явлены Светом (Еф. 5, 13). Итак, у кого светильник души еще погашен и темен, для того потребен Божественный свет, который засветил бы в нем светильник души его и научил его обсуждать деяния свои, испрашивать прощения в погрешениях посредством исповедания и исправлять каж-

дочасно, что делает неправого и худого (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 67).

***

...Как огонь, как только найдет дрова, зажигает их естественно, так и благодать Святаго и поклоняемого Духа ищет возгореться в душах наших, чтоб сиять и просвещать сущих в мире и чтоб посредством тех, коих просвещает, направлять стопы многих или чтоб приводить в должный чин жизнь всего народа христианского, да живут богоугодно все христиане, да приближаются к огню Божества и возгораются от Него, или каждый особо, или все вместе, если возможно, и сияют посреде как боги, во благословение и умножение семени Бога Иаковля, чтобы человек благовидный никогда не преставал сиять на земле как свет (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 476).

***

Относительно действа благодати знай, что когда станешь ты воистину иметь себя грешнейшим паче всякого человека, тогда это будет значить, что восприял ты действо благодати. Будь только беспопечителен (о земном) и нестяжателен — и сподобишься сего (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 582).

***

Божественный огонь неудержим, несотворен, невидим, безначален и нематериален, совершенно неизменен, равно как неописуем, неугасим, бессмертен, совершенно неуловим, будучи вне всех тварей: вещественных и невещественных, видимых и невидимых, бестелесных и телесных,

земных и небесных, — вне всех их пребывает он по природе, по сущности и, разумеется, по власти (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 16).

***

Божественный огонь ввергается в души, преизобильно имеющие — главнее всего — милость и прежде этого и вместе с этим веру и дела, ее подтверждающие (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 16).

***

Когда божественный огонь воссияет и прогонит рой страстей и дом души твоей очистит, тогда он смешивается с нею без смешения и соединяется несказанно, существенно, с сущностью ее, весь со всею совершенно, и малопомалу озаряет ее, делает огнем, просвещает, и притом как? — так, как и сказать я не могу. Тогда двое — душа с Творцом делается едино, и в душе пребывает Творец. Один с одною, весь Тот, Кто дланию Своею содержит всю тварь. Не сомневайся, Он весь с Отцем и Духом вмещается в одной душе и душу внутри Себя объемлет (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 18).

***

...Благодать Святаго Духа блюдется исполнением заповедей... (прп. Симеон Новый Богослов, 89, 32).

***

Соделавшийся причастным Божественного Духа — от страстных похотей и сластей избавляется, а от естествен-

ных потребностей телесных не освобождается (прп. Симеон Новый Богослов, 89, 33).

***

Мысленное Солнце, когда воссияет в душе... иссушает сырость страстей, очищая вместе скверноту и зловоние, происходящие от них... (прп. Симеон Новый Богослов, 89, 50).

***

Всякое подвизающихся оставление благодатию бывает обыкновенно за следующие вины: за тщеславие, за осуждение ближнего и надмение добродетелями (прп. Никита Стифат, 89, 94).

***

Когда кто соделается причастником Духа Святаго и наитие Его познает из неизреченного некоего Его в себе действа и благоухания, которое ощутимо обнаружится даже и в теле, тогда в пределах естества пребывать таковый уже не может, но добрым изменением десницы Вышнего изменившись, забывает о пище и сне, презирает все телесное, небрежет о покое плоти и, весь день пребывая в трудах и потах подвижнических, утомления какого-либо или какой-либо потребы естественной не чувствует, ни голода или жажды, ни сна или других нужд естества. Ибо ***любовь Божия*** с радостью неизреченною ***излилась в сердце его*** (ср.: Рим. 5, 5), и он, всю ночь в бодренном бдении проводя, в телесном упражнении умное совершает делание, бессмертною услаждается трапезою из бессмертных произрастаний мысленного рая, в который будучи восхи-

щен, Павел слышал неизреченные глаголы, которые не леть есть <нельзя> слышать человеку, имеющему пристрастие к чувственному (прп. Никита Стифат, 89, 160).

***

Многие с полным усердием возделали нивы свои и семя чистое посеяли на них, посекши наперед терния и волчцы сожегши огнем покаяния. Но как Бог не одождил на них дождя Духа Святаго от сокрушения, то они ничего с них не пожали, ибо они высохли от бездождия и не принесли в себе многоплодного колоса Боговедения. Почему такие, если не с гладом слова Божия, то со скудостью боговедения и с пустыми руками вышли из тела, малым чем из воздаяния запасшись на путевое содержание (прп. Никита Стифат, 89, 170).

***

Не оставляется непричастным благодати Духа никто из уверовавших во Христа и крестившихся, если только он не предал совсем себя в плен всякому действию противного духа и не осквернил веры делами или с нерадением и беспечностью не сжился. Кто же сохранил неугасимым начаток Духа, приятый им в крещении, или угашенный опять возжег делами правды, тому невозможно не приять и исполнения Его (прп. Никита Стифат, 89, 171).

***

Оставление благодати бывает действа ради страстей (услаждения ради страстными движениями), а совершенное ее лишение ради делания грехов. Ибо душа страсте-

любивая и грехолюбивая лишается благодати, отметает ее и вдовеет и чрез то делается жилищем страстей, — чтоб не сказать демонов, в настоящем и в будущем веке (прп. Григорий Синаит, 89, 199).

***

Когда совсем охладеет любовь, тогда невозможно оставаться Божественной благодати и отеческому попечению (свт. Григорий Палама, 26, 17).

***

Одним из подвизающихся благодать сразу же идет навстречу и предоставляет им полное удостоверение в виде задатков, давая им отведать обетованных наград, как бы протягивая к ним человеколюбивую руку и принимая их... к дальнейшим подвигам; других же выжидает конца их подвига, уготовляя им, конечно, венцы за терпение, как и сказал некто из богоносных отцов: одни — прежде трудов, другие же — в течение трудов, а иные же — во исходе (своем из тела) воспринимают священные награды. Бывает же это по всемудрому Божественному Провидению, многообразно устрояющему все, что относится к нам, и распределяющему каждому то, что ему следует и служит на пользу, как в отношении дел добродетели, так и в отношении Таинств веры (свт. Григорий Палама, 26, 208).

***

Если сладости меда никто не может внятно изъяснить словом не вкушавшим его, то кто изъяснит сладость радости и благодати, кои от Бога, не испытавшим ее? — Конечно, никто (свт. Григорий Палама, 89, 280).

***

Кто воздержанием очистит тело свое, а любовью соделает гнев и похотение поводом к добродетелям, молитвою же очищенный ум предстоять Богу научит, тот стяжет и узрит в себе обетованную чистым сердцем благодать... (свт. Григорий Палама, 89, 291).

***

Проявление ее <благодати> открывается по мере ревности каждого быть верным вере, но паче сего помощью и благоволением Господа Иисуса Христа (патр. Каллист и ин. Игнатий, 89, 309).

***

Сын, который не был упражняем (в подъятии трудного), не на пользу себе получает богатство из дома отца своего. Посему Бог сперва искушает и томит, а потом обнаруживает дар благодати (патр. Каллист и ин. Игнатий, 89, 359).

***

...Все истинно духовное производится благодатию Святаго Духа; благодать же сия вселяется только в тех, кои распяли себя в злостраданиях и произвольных лишениях без всякого саможаления, и чрез то соединились с Распеншимся за них Господом Спасителем нашим (прп. Никодим Святогорец, 68, 54).

***

...Для новоначального искание места сердечного, т. е. искание открыть в себе безвременно и преждевременно явственное действие благодати, есть начинание самое оши-

бочное... такое начинание — начинание гордостное, безумное! (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 271).

***

Божественная благодать, осенивши душу, преподает ей духовное ощущение, — и страсти, эти ощущения и влечения плотские и греховные, остаются праздными (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 526).

***

Душа, не возделанная Евангельскими заповедями, и тело, не возделанное трудами благочестия, не способны быть храмом Божественной благодати, храмом Святаго Духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 526).

***

Если же по небрежению и рассеянности впустишь в себя грех... то благодать отступит от тебя, оставит тебя одиноким, обнаженным. Тогда скорбь... сурово наступит на тебя, сотрет тебя печалью, унынием, отчаянием, как содержащего дар Божий без должного благоговения к дару. Поспеши искренним и решительным покаянием возвратить сердцу чистоту, а чистотою дар терпения, потому что он, как дар Духа Святаго, почивает в одних чистых (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 550).

***

Когда благодатное утешение действует при таинственном познании Христа и Его смотрения, тогда христианин не осуждает... <никого>, но пламенеет ко всем тихою, непорочною любовью (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 140).

***

При истинном духовном подвиге благодать Божия, насажденная в нас Святым крещением, начинает исцелять нас мало-помалу от слепоты духа посредством умиления (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 54).

***

Когда... Божественною благодатию начнет очищаться дух человеческий, тогда он постепенно переходит от познания духов к духовному видению их. Это видение совершается умом и сердцем, даруется Духом Святым. Оно естественно уму и сердцу обновленным... (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 59).

***

Сердце, осененное Божественною благодатию, воскресает в духовную жизнь, стяжавает духовное ощущение, неизвестное ему в состоянии падения, в котором словесные ощущения человеческого сердца умерщвлены смешением с ощущениями скотоподобными (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 62).

***

Стяжем благодать Святаго Духа — эту печать, это знамение избрания и спасения: оно необходимо для свободного шествия по воздушному пространству и для получения входа в небесные врата и обители (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 182).

***

Пред утешением, доставляемым Божественною благодатию, ничтожны все радости, все наслаждения мира... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 179).

***

Лишь свергнет человек с себя, как оковы, тело — благодать, как бы стесняемая доселе плотию, развивается обширно и величественно. Она служит залогом и свидетельством для избранника Божия (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 180).

***

...Действием благодати разрешается слепота ума... (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 48).

***

Благодать, когда будет в ком, не показывает чего-либо обычного или чувственного, но тайно научает тому, чего прежде не видел и не воображал никогда (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 65).

***

...Естественно Божественной благодати... — воссоединять ум не только с сердцем и душою, но и с телом, давать им одно правильное стремление к Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 115).

***

Благодать Божия, осенив кающегося, разрушает в нем царство греха, водворяет Царство Божие... (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 440).

***

За несаможаление и несамоугодие только и подаст Господь благодать и преуспеяние. Самих же их не подает, а требует, чтобы их сам человек возымел, как задаток, за

что ему стоит оказать милость (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 78, 188).

***

Благодать действует в нас и для нас чрез наши усилия (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 78, 232).

***

Как только благодать отступит за что-нибудь — враг тотчас тут, и начнет <крутить> вертеть — избави нас Господи (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 170).

***

Сделайте себя теплопроводными, и Господь исполнит вас теплотою Своею (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 47).

***

Благодать сокровенно действует, но нередко она проторгается и в явь, — в святых порывах и делах (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 93).

***

Если будете почаще себя <контролировать>, ходя в порядках христианских, чаще будете испытывать и действие благодати (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 93).

БЛАГОДЕНСТВИЕ

Чтоб не быть тебе в недоумении относительно благоденствия злых людей, знай, что как города содержат палачей не потому, чтоб похваляли их злейшее произволение,

но для того, чтоб посредством их наказывать достойных того; так и Бог попускает злым преобладать в житейском для того, чтоб чрез них наказывать нечестивых. После же их самих предаст Он суду, потому что не Богу служа, а своей собственной злобе раболепно удовлетворяя, причиняли они людям зло (прп. Антоний Великий, 85, 85).

***

Истинно умная душа, смотря на счастье злых и благоденствие недостойных, не возмущается, помышляя о их наслаждениях в сей жизни, как это бывает с людьми безрассудными, ибо такая душа ясно знает и непостоянство счастья, и безвестность пребывания здесь, и маловременность жизни сей, и нелицеприятность суда и верует, что Бог не небрежет о том, что необходимо для ее пропитания (прп. Антоний Великий, 85, 89).

***

Все быстро кружится и переходит, и само себе противоборствует, так что более можно доверять ветру и писанному на воде, нежели благоденствию человеческому, потому что зависть полагает преграду счастью, а милосердие несчастию. И это, по моему рассуждению, премудро и удивительно, потому что скорбь не остается без утешения, а счастье без вразумления (свт. Григорий Богослов, 13, 92).

***

Не очень хвали благополучие здешней жизни, как наученный помышлять о том, что важнее видимого. Смотри, не ведет ли меня трудный путь на высоту, а тебя — удобство пути к стремнине? (свт. Григорий Богослов, 16, 43).

***

Не останавливайся в своем пути, видя, что злые ведут покойную жизнь, и не терзайся сердцем, видя, что добрые изнемогают. Это одна игра жизни; а ты смотри единственно на конец (свт. Григорий Богослов, 16, 92).

***

Когда встречаешь человека, который худ и благоденствует, знай, что он блюдется для конца. А когда видишь доброго в несчастии, разумей, что скорбь служит очищением. Если и немного привлек он на себя нечистоты, то потребны труды стереть ее так, чтобы не осталось ничего годного к сожжению. Или несчастья бывают также, по Божию попущению, искушением и бранью от неприязненного. В этом да уверит тебя победоносный Иов (свт. Григорий Богослов, 16, 119).

***

Во время благополучного плавания наипаче помни о буре (свт. Григорий Богослов, 16, 210).

***

...Если добрые дела наши малочисленны и незначительны, а грехов великое и невыразимое бремя, и при этом еще будем здесь наслаждаться благополучием и не потерпим никакого бедствия, то отойдем отсюда совершенно обнаженными и отчужденными от награды и за добрые дела, как уже восприявшие все здесь... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 816).

***

...Когда ты увидишь, что кто-либо, провождая жизнь в нечестии, не терпит здесь никакого бедствия, не ублажай

его, но плачь и сожалей о нем, как о человеке, который там <за гробом> подвергнется всем бедствиям... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 816).

***

...Если увидишь грешника, предающегося хищению и корыстолюбию и делающего множество зла, и однако благоденствующего, то подумай: он сделал когда-нибудь нечто доброе, и получает здесь блага, чтобы там не требовать награды (свт. Иоанн Златоуст, 45, 866).

***

Мы всегда имеем нужду в Божественном Промышлении, и еще более тогда, когда избавились от бедствий, потому что в это время нам предстоит другая борьба, которая труднее прежней, борьба с леностью и гордостью; и диавол тогда нападет сильнее. Поэтому особенно после избавления от бедствий нам нужна небесная помощь, чтобы нам хорошо пользоваться благоденствием (свт. Иоанн Златоуст, 49, 121).

***

Когда безумный наслаждается благоденствием, одерживает победы над врагами, удостаивается похвал и удивления, тогда он бывает хуже всех. Не ожидая перемены своего состояния, он неблагоразумно пользуется и счастьем, а подвергшись несчастью, не будучи к тому подготовлен, он смущается и теряется (свт. Иоанн Златоуст, 49, 129).

***

Не считай блаженными людей богатых, одерживающих победу над врагами и получающих за это похвалы;

все это — опасные пропасти для невнимательных, увлекающие в самую глубину нечестия (свт. Иоанн Златоуст, 49, 129).

***

...Ничего нет менее полезного для природы человеческой, чем благоденствие и спокойствие (свт. Иоанн Златоуст, 50, 538).

***

Как те, которые много грешат и не хотят покаяться, собирают себе сокровище гнева, так и те, которые здесь не наказываются, а наслаждаются счастьем, подвергнутся большему наказанию (свт. Иоанн Златоуст, 51, 760).

***

Грешников должно оплакивать всегда, особенно же когда они наслаждаются богатством и великим благоденствием, как больных, когда они пресыщаются и упиваются (свт. Иоанн Златоуст, 54, 408).

***

Кто живет покойно и не имеет искушений, тот подвержен двум невыгодам: первая, что не так усердствует к Богу и не от всей души благодарит Его, а вторая, что ум его неизбежно вдается в суетные попечения и заботы (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 74).

БЛАГОРАЗУМИЕ

...В общем употреблении называются благоразумными <те>, которые в житейских делах различают полезное и вредное... (свт. Василий Великий, 5, 311).

***

Всеми поступками должно руководить благоразумие. Ибо без благоразумия и все то, что по видимому прекрасно, от неблаговременности и несоблюдения меры обращается в порок. А когда разум и благоразумие определяют время и меру благ, тогда от употребления их получают удивительную <пользу> выгоду и дающие, и приемлющие сии блага (свт. Василий Великий, 9, 354).

***

Многие кажутся сами себе благоразумными и не могут представить, что мнимое их благоразумие обратится во вред душе их (прп. Ефрем Сирин, 30, 179).

***

Верь, что благоразумие надежнее счастья. Одно есть быстрое течение обстоятельств, а другое — кормило (свт. Григорий Богослов, 16, 208).

***

Дело благоразумия состоит в том, чтоб ту часть души, в которой находится гнев, возбуждать к ведению внутренней брани (авва Евагрий, 85, 634).

***

Если ты будешь благоразумен, то ни зверь, ни человек не только не причинят тебе никакого вреда, но еще принесут весьма великую пользу (свт. Иоанн Златоуст, 49, 550).

***

...Всем людям нужно благоразумие, но особенно облеченным почестями и властью, чтобы, увлекаясь бременем

власти, как бы каким стремлением беспорядочных вод, не свергнуться в пропасть (свт. Иоанн Златоуст, 50, 71).

***

...Кем управляет благоразумие, те, почитая тела свои орудиями оного, не лишены бывают славы за прекрасные дела свои (прп. Исидор Пелусиот, 62, 426).

***

Иные называют благоразумными тех, которые умеют разумно распоряжаться в чувственном, но настоящие благоразумники те, которые владеют своими пожеланиями (прп. Марк Подвижник, 85, 535).

***

...<Благоразумие> почитается другинею мудрости и есть наисильнейшее из ведущих горе́ средств. Ибо в науке добродетелям заключается точное распознание и блага и того, что противно тому; а для этого требуется благоразумие. Под его же руководством опыт и борение с плотию научают, как наилучше делать добро и противиться злу (прп. Феодор, 87, 353).

БЛАГОСТЬ БОЖИЯ

Благ и праведен Бог... и по благости Своей дарует нам всякое благо, когда благоразумно пользуемся им, как праведно полученным, ради благодарения; но если оказываемся неблагодарными, то лишаемся благого по правосудию Божию; так что благость Божия и правда Его по естеству подают нам всякое благо, а за злоупотребление его — вечное мучение (сщмч. Петр Дамаскин, 72, 163).

***

Все доброе и спасительное, соделанное для людей Богом, совершено по благодати и благости, а нами не подано никакой причины к оказанию нам добра. Напротив того, мы пребываем во всяком пороке; Бог же не отступает от собственного Своего естества, но что Он есть, то и творит, так как благому по естеству неестественно было бы соделать что-либо иное, кроме свойственного Ему (свт. Григорий Нисский, 19, 41).

***

Признательному рабу свойственно смотреть на благодеяния, оказанные всем вместе, как на собственные, и пещись и заботиться так, как бы сам был должником за все (свт. Иоанн Златоуст, 45, 161).

***

Заботясь о нашем спасении, Господь являет нам много таких благодеяний, о которых мы и не знаем, — часто избавляет нас от опасностей, и другие оказывает нам милости (свт. Иоанн Златоуст, 48, 266).

***

...<Благодеяния Божии> так многочисленны, что ум наш не в состоянии и исчислить Божии щедроты к нам (свт. Иоанн Златоуст, 48, 268).

***

...Памятование о благодеяниях <Божиих> сильно возбуждает к подвигам добродетели и располагает человека презирать все настоящее, прилепляться к столь великому

Благодетелю и ежедневно выказывать живую любовь к Нему (свт. Иоанн Златоуст, 48, 270).

***

...Сколько бы мы ни старались, мы не можем однако ж изобразить и малейшей части ни тех благ, которые нам уже дарованы (от Бога), ни тех, которые ежедневно ниспосылаются, ни тех, которые еще уготованы нам (в будущей жизни), если мы захотим исполнить Его заповеди (свт. Иоанн Златоуст, 48, 284).

***

Если Он <Бог> благодетельствует недостойным и оказывает человеколюбие к согрешившим, то чего мы не получим, когда отстанем от греха и будем творить добродетель (свт. Иоанн Златоуст, 48, 289).

***

Если будет благоволить к нам Бог, тогда все будет для нас удобно и легко, и ничто не сможет опечалить нас в настоящей жизни, хотя бы и казалось что-нибудь прискорбным (свт. Иоанн Златоуст, 48, 624).

***

Я решительно доказываю, что если бы Бог не требовал отчета <за жизнь>, то Он не был бы благ; а так как Он требует отчета, то — благ... Если бы Он не требовал от нас отчета, то могла ли бы продолжаться жизнь человеческая? Не обратились ли бы мы в диких зверей? Если и теперь, когда тяготеет над нами страх суда и наказания, мы превзошли рыб, пожирая друг друга, взяли перевес над львами и волками, грабя друг друга, то какого смятения и расстройства не исполнилась бы жизнь наша, если бы Он

не требовал от нас отчета и мы были бы убеждены в этом? Что был бы баснословный лабиринт в сравнении с беспорядками в нашем мире? Не увидел ли бы ты бесчисленного множества бесчинств и неурядиц? Кто стал бы, наконец, уважать отца? Кто не оскорбил бы матери? Кто не был бы предан всяким удовольствиям и всяким порокам? А что это так, я постараюсь убедить тебя, представив в пример один только дом... Если бы у кого-нибудь из вас... были рабы и я объявил бы им, что, сколько бы они ни противились власти господ, хотя бы наносили им оскорбления действием, хотя бы расхитили все их имущество, хотя бы все поставили вверх дном и обращались с ними, как враги, (господа) не будут угрожать им, не будут наказывать, не будут мучить и даже не огорчат их неприятным словом, то, как вы думаете, было ли бы это делом благости? Я, напротив, полагаю, что было бы делом крайней жестокости — предавать на поругание не только жену и детей таким неуместным снисхождением, но еще и прежде того допускать до погибели самих виновных. Они ведь сделаются и пьяницами, и развратниками, и бесстыдными, и наглыми, и бессмысленнейшими всех зверей. Это ли, скажи мне, дело благости, чтобы попирать благородство души и губить их и друг друга? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 904).

***

...Ничто нам не доставляет такой пользы, как всегдашнее памятование о благодеяниях Божиих, как общих, так и частных (свт. Иоанн Златоуст, 56, 621).

***

Чем более мы получили благодеяний, тем тяжелее мы примем наказание, если окажемся недостойными благодеяния (свт. Иоанн Златоуст, 56, 800).

***

Мы говорили так много о благости <Божией> не для того, чтобы, уповая на нее, нам дозволять себе все, но чтобы не отчаиваться во грехах, а каяться. Благость Божия ведет тебя к покаянию, а не к большей неправде. Если же ты становишься чрез благость порочным, ты возводишь на нее особенную клевету пред людьми, — потому что многие... обвиняют долготерпение Божие, — так что понесешь наказание за то, что не воспользовался ею на должное. Бог милосерд, но Он и правый Судия: прощая грехи, Он однако каждому воздает по делам его. Он оставляет неправду, уничтожает беззаконие, но Он же и испытывает (свт. Иоанн Златоуст, 56, 832).

***

Высочайшей благости дело есть, что она не только божественные и бестелесные естества мысленных тварей соделала отображениями неизреченной Божеской славы, как способные сообразно с своею приемлемостью воспринимать все недомыслимое благолепие неприступной красоты, но и в тварях чувственных, во многом недостаточествующих пред существами мысленными, отпечатлела явные следы своего величия, могущие ум человеческий, в них углубляющийся, переносить прямо к Богу, восторгая его выше всего видимого, как бы вводя в область верховного блаженства (прп. Максим Исповедник, 87, 271).

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Если снабжаешь кого, давай тайно и избежишь тщеславия (прп. Ефрем Сирин, 31, 626).

***

Если благодетельствуешь ради Бога, то узнаешь и о каждом, чего он достоин (прп. Ефрем Сирин, 31, 627).

***

Если не подаешь нуждающемуся, то не знаешь, что и сам ты человек (прп. Ефрем Сирин, 31, 627).

***

Если так много печется Господь о бедных, когда их обижают, то, конечно же, еще более наградит тебя за них, когда они получат от тебя благодеяния (свт. Григорий Богослов, 13, 42).

***

В человеке всего более божественно то, что он может благотворить (свт. Григорий Богослов, 13, 96).

***

Благотворительность содержит жизнь, она — мать бедствующих, учительница богатых, благая детопитательница, попечительница о старцах, казнохранилище нуждающихся, всеобщее пристанище несчастных, она делит свои заботы всем возрастам и несчастиям (свт. Григорий Нисский, 24, 403).

***

Не все для плоти, поживем несколько и для Бога. Ибо ощущение и услаждение от пищи получает малая часть плоти — гортань, а пища, перегнивши в желудке, наконец извергается. Милосердие же и благотворительность суть

дела, любезные Богу, и если обитают в каком человеке, то обожествляют его и образуют по подобию Всеблагого, чтобы он был образом Первого и Чистого, и всякий ум превосходящего Существа. Какой же конец обещан такой ревности? Здесь добрая надежда и радостное ожидание, а потом, когда, оставив сию скоропреходящую плоть, преоблачимся в нетление, — блаженная жизнь, непрестающая и негибнущая, где уготованы некие дивные и ныне неизвестные наслаждения (свт. Григорий Нисский, 24, 406).

***

...Оказывающий благотворительность должен не жизнь бедного исследовать, но помочь бедности и удовлетворить нужде. Одно оправдание у бедного — недостаток и нужда; ничего больше не спрашивай у него, но если он, хотя бы был порочнее всех, нуждается в необходимой пище, то утолим голод его (свт. Иоанн Златоуст, 45, 807).

***

Ничто столько не уподобляет нас Богу, как благотворительность (свт. Иоанн Златоуст, 51, 392).

***

Благодеяния приносят выгоду и пользу не столько принимающим, сколько подающим, так как доставляют им дерзновение пред Богом (свт. Иоанн Златоуст, 55, 878).

***

Кто благодетельствует другу, тот, без сомнения, делает это не для Бога, а кто — человеку незнакомому, тот делает исключительно для Бога (свт. Иоанн Златоуст, 56, 102).

***

Того, кто хотел оказать благодеяние, но не был в состоянии помочь, не порицай за последствие дела, но почитай за намерение, потому что по естеству подвигнут он был к тому, что сделать надлежало, хотя не достало на то сил и не возмог привести того в исполнение (прп. Исидор Пелусиот, 61, 194).

***

Как в родниках вода, когда ее черпают, источается обильнее и поднимается до большей прежнего высоты, и как сосцы матери не оскудевают, пока питаемый ими не возмужает столько, чтобы мог употреблять твердую пищу, так и исчерпываемое богатство не умаляется, и сосец благотворительности, питающий младенствующих ради Бога, не подвергается истощанию или оскудению, пока не возведет их в действительное совершенство (прп. Исидор Пелусиот, 61, 261).

***

...Неблаговременное всегда прискорбно, и благодеяние, оказанное не вовремя, теряет имя свое, например: один и тот же хлеб голодному сладок и вожделен, а сытому не очень, одно и то же питие жаждущему весьма пригодно, а упившемуся отвратительно. Поэтому какая причина делает, что от одного и того же происходит не одно и то же? Очевидно — благовременность, она подаваемое делает и большим и вожделеннейшим. Посему надлежит не только подавать (это может быть и не важно), но подавать вовремя, ибо это, хотя бы поданное было и мало, делает оное большим, а если велико — обращает в самое великое (прп. Исидор Пелусиот, 62, 210).

***

Одно — благотворить друзьям или благотворившим, или за благотворения воздававшим и вознаграждавшим благотворениями — согласно с разумом; другое — благотворить кому бы то ни было, вовсе не воздававшим добром за добро — человеколюбиво; а третье — благотворить расположенным к нам худо, а иногда и делавшим нам даже вред — выше всякого слова. Многих и благодеяния не делают лучшими, потому что зависть низводит их в толпу, не скажу зверей (и у них <зверей> бывают вознаграждения делающим добро), но демонов, в эту толпу, которая не хочет сделать ничего доброго, и даже препятствует намеревающемуся сделать (прп. Исидор Пелусиот, 63, 222).

***

Кто делает благое и ищет воздаяния, тот служит не Богу, а своей воле (прп. Марк Подвижник, 67, 33).

***

Дающий от имений своих бедным, а скорбей не претерпевающий, надеясь получить за то награду, великую испытывает радость и довольство, и от этого может случиться, что иногда впадет он в тщеславие и тем погубит мзду свою. А тот, кто раздавая имение свое бедным, с благодарностью претерпевает все скорбное и безропотно переносит всякие искушения, которые его преследуют, который чувствует всю горечь и тяготу прискорбностей и однако ж хранит свой помысл твердым и непоколебимым, таковый и здесь, в настоящей жизни, и там, в жизни будущей, великое получит воздаяние, так как он

подражает Страстям Христовым и, терпя, терпит Господа во дни скорбей и искушений, его теснящих (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 195).

***

В благотворительности больше всего отражается свет богоподобия (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 78, 159).

***

Благотворительности не забывайте, и милость Божия осенит вас (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 13).

БЛАГОЧЕСТИЕ

...Благочестие (εὐσέβεια) не есть название одной какой-либо добродетели, но наименование всех заповедей, от слова благочествовать (εὐσέβειν), т. е. хорошо служить (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 16).

***

Убогий, не имеющий сил вредить, не ставится в числе деятельно благочестивых. Но кто может причинить вред и не употребляет силы своей на зло, а щадит уничиженных, по благочестию пред Богом, тот бывает причастником воздаяний благих и по смерти (прп. Антоний Великий, 85, 87).

***

Благочестивая душа знает Бога всяческих, ибо быть благочестивым есть не что иное, как исполнять волю Бо-

жию, а это и значит знать Бога... (прп. Антоний Великий, 85, 90).

***

...Как искусства, так и уразумение благочестия усовершаются чрез постепенные приращения, то вводимым в познание ничем не должно пренебрегать. А кто проходит без внимания первые начатки, как нечто маловажное, тот никогда не достигнет мудрости совершенных (свт. Василий Великий, 7, 198).

***

Когда любовь к благочестию поселится в душе, тогда все виды браней для нее смешны и все терзающие ее за любимый предмет более услаждают, нежели поражают (свт. Василий Великий, 8, 236).

***

...Чем для живущих в страстях наслаждение вожделенно, в том образующимся в благочестии необходимо воздержание (свт. Василий Великий, 9, 115).

***

...Невозможно подвести под одно правило всех находящихся в училище благочестия (свт. Василий Великий, 9, 119).

***

...Выказывайте благочестие менее словом, а более делом, и обнаруживайте любовь свою к Богу более соблю-

дением заповедей Его, нежели удивлением к Законодателю... (свт. Григорий Богослов, 12, 14).

***

Благочестие состоит не в маловажных вещах и в любомудрии, не в угрюмости, но в твердости души и чистоте ума и в искренней наклонности к добру (свт. Григорий Богослов, 13, 278).

***

Не столько дождь, падающий на семена, помогает им прозябать и возрастать, сколько дождь слезный возращает и приводит в зрелость семя благочестия... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 59).

***

...Ни пол, ни слабость телесная, ни возраст и ничто другое подобное не может препятствовать шествующим по пути благочестия, если мужественная готовность, бодрое настроение духа и горячее и пламенное чувство страха Божия вкоренены в душах наших (свт. Иоанн Златоуст, 46, 633).

***

За благочестивых людей сражаются: ангельское войско, сонм пророков, сила апостолов, предстательство мучеников (свт. Иоанн Златоуст, 50, 710).

***

Живущие благочестиво бывают непрестанно гонимы, если не от людей, то от демонов, а это есть тягчайшее гонение (свт. Иоанн Златоуст, 53, 230).

***

Благочестивый не хочет казаться благочестивым и не принимает на себя такого вида, хотя бы ему грозило подвергнуться из-за этого презрению; а обманщик, у которого обман составляет ремесло, представляется весьма благочестивым, так что его трудно распознать. От этого бывает, что тот, кто делает добро людям по-видимому неблагочестивым, попадает на благочестивых, а кто ищет почитаемых благочестивыми, часто попадает на неблагочестивых (свт. Иоанн Златоуст, 55, 231).

***

Как благовонное миро не удерживает благоухания в себе самом, но разливает его далеко и, растворяя им воздух, услаждает чувства близстоящих, так точно благородные и досточтимые мужи не могут скрыть своих доблестей в себе самих, но чрез распространяющуюся о них славу многим приносят пользу, делая их лучшими (свт. Иоанн Златоуст, 55, 483).

***

...Упражнение в благочестии приносит плод и в будущей жизни: и здесь и там доставляет утешение (свт. Иоанн Златоуст, 55, 700).

***

...Спасительная Кровь есть училище для всей вселенной: ничто нас так не наставляет в благочестии, как Кровь Владычня, говорящая истиною как бы языком (свт. Иоанн Златоуст, 55, 910).

***

...Если же случится что-нибудь, наносящее вред благочестию, то, хотя бы пришлось претерпеть тысячи смертей, ни от чего не будем уклоняться (свт. Иоанн Златоуст, 56, 846).

***

Подобно свиньям, попирающим ногами жемчуг, благочестие для грешников омерзительно (свт. Иоанн Златоуст, 56, 1189).

***

Принадлежность звезды — свет, что около ее, а благочестивого и богобоязненного принадлежность — нищета и смирение (прп. Исихий Иерусалимский, 86, 183).

***

Слово есть нечто божественное, но божественнее добродетель и всего божественнее благочестие. Посему, кто украшен словом, делом и верою, тот непревосходим, славен и достоин высочайшего блаженства; а кто скуден в чем-либо из этого, тот в такой степени низок, в какой требует сего мера недостающего (прп. Исидор Пелусиот, 62, 169).

***

Как искусный музыкант, если нет у него лиры, не выкажет своего искусства, так и благочестие, не выказываемое посредством дел, как посредством орудий, представляется мертвым и недейственным не только по суду мирских уче-

ных, но и по словам Божественных Писаний, ибо сказано: ***вера без дел мертва есть*** (Иак. 2, 26) (прп. Исидор Пелусиот, 63, 238).

***

Скорбь по Богу есть неотъемлемая принадлежность благочестия, ибо истинная любовь испытывается противностями (прп. Марк Подвижник, 85, 526).

***

Есть три вида благочестия: первый, чтобы не согрешить, второй — согрешивши, переносить приключающиеся скорби, третий же вид состоит в том, чтобы, если не переносим скорбей, плакать о недостатке терпения. Ибо неисправленное здесь приличными средствами примирения (с Богом) по необходимости навлекает на нас тамошний суд. Разве только Бог, увидев нас плачущих и смирившихся, как Сам Он ведает, всесильною Своею благодатию изгладит грехи наши (прп. Марк Подвижник, 85, 526).

***

Соделаем себя сообразными с правилами благочестия, чтоб уклонившись в страсти, не отпасть от упования (авва Фалассий, 87, 338).

***

Вводимому на путь благочестия не должно руководствоваться одною благостью к исполнению заповедей, но и памятованием о строгости судов Божественной правды

почаще быть возбуждаемому на подвиги, чтоб как любовью вожделевать Божественное, так страхом воздерживаться от худого (прп. Максим Исповедник, 87, 248).

***

Благочестие настоящее состоит не в том только, чтобы не делать зла, но чтобы и не помышлять о нем (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 562).

***

...«В церкви стояла, как кочерга, дома — как деревяшка!» А наружно все же были вы самой благочестивой. Вот это и есть кислое благочестие (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 12).

БЛАЖЕНСТВО

Первое из благодеяний — восхвалять доброе, потому что похвала пролагает путь соревнованию, соревнование — добродетели, а добродетель — блаженству, которое составляет верх желаний, цель всех стремлений любоведца (свт. Григорий Богослов, 13, 267).

***

Блаженство, по моему рассуждению, есть объем всего, что представляется как благо, в котором нет недостатка ни в чем согласном с добрым пожеланием (свт. Григорий Нисский, 19, 362).

***

Высота блаженств одного перед другим приуготовляет к тому, чтобы приблизиться к Самому Богу, истинно бла-

женному и утверждающемуся во всяком блаженстве. Без сомнения же, как к премудрому приближаемся мудростью и к чистому — чистотою, так и Блаженному усвояемся путем блаженства, потому что блаженство есть то, что в подлинном смысле свойственно Богу; почему и поведал Иаков, что Бог *утверждашеся* на такой лествице (Быт. 28, 13). Посему участие в блаженствах не иное что есть, как общение с Божеством, к Которому Господь возводит нас... (свт. Григорий Нисский, 19, 419).

***

Верх всех благ и венец блаженства — быть в состоянии величаться помощью Божиею (свт. Иоанн Златоуст, 49, 396).

***

...Основанием блаженной жизни служит умерщвление страстей, вожделеннее и славнее которого ничто быть не может (прп. Исидор Пелусиот, 62, 258).

***

Осмотри величественную духовную лествицу блаженств Евангельских... на этой лествице скачки невозможны: непременно должно восходить со ступени на ступень (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 523).

БЛИЖНИЙ

Никого не порицайте, никого не осуждайте, не уничижайте ни словом, ни мыслию (прп. авва Исаия, 60, 8).

***

Если позовет тебя брат твой в то время, когда ты занят своим рукоделием, поспеши узнать, чего он желает, и, оставив свое дело, помоги ему (прп. авва Исаия, 60, 15).

***

Если помысл борет тебя уничижить ближнего, помысли, что Бог за сие предаст тебя в руки врагов твоих — и сей помысл отступит от тебя (прп. авва Исаия, 60, 97).

***

Со всеми и во всяком деле должно в точности соблюдать глаголы Господни, ничего не делая по пристрастию (свт. Василий Великий, 7, 401).

***

...При старших молчать, мудрых слушать, к равным иметь любовь, низшим подавать исполненный любви совет (свт. Василий Великий, 9, 53).

***

Крепкий пусть помогает немощным, усердный утешает малодушного, трезвенный возбуждает объятого сном, постоянный подает советы непостоянному, воздержанный вразумляет беспечного и бесчинного (прп. Ефрем Сирин, 30, 123).

***

Если затрудняется делом брат твой, раздели с ним труд, чтобы сподобиться тебе в оный день услышать от Господа: что сделал ты для *единого сих братий Моих меньших*, то

для Меня сделал (ср.: Мф. 25, 40) (прп. Ефрем Сирин, 30, 153).

***

Не искушай брата своего, преследуя его насмешками, чтоб самого не выдали в нужде, ибо написано: *иже раздражает словесы, не спасется* (Притч. 19, 7) (прп. Ефрем Сирин, 30, 160).

***

Оказывай честь брату пред знакомыми его, и будешь почтен пред Господом (прп. Ефрем Сирин, 30, 179).

***

Кто огорчает ближнего, тот возбуждает его к раздражению, а миротворец — блажен, *яко сын Божий наречется* (ср.: Мф. 5, 9) (прп. Ефрем Сирин, 30, 180).

***

Кто смеется над ближним, тот как бы клевещет на него, а клевета ненавистна Богу и людям (прп. Ефрем Сирин, 30, 180).

***

Изреки слово утешения душе нерадивой, и Господь подкрепит сердце твое (прп. Ефрем Сирин, 30, 183).

***

Не обременяй брата своего, ибо если <и> на скота своего возложишь груз не по силам, станет он на половине пути (прп. Ефрем Сирин, 30, 185).

***

Будем утешать друг друга, возлюбленные; будем служить друг другу, поучать друг друга страху Господню, пока не взойдем в пристань жизни (прп. Ефрем Сирин, 30, 188).

***

Избавь брата своего от греха, и тебя избавит Господь в день гнева (прп. Ефрем Сирин, 30, 205).

***

Не нападай на брата своего в день скорби его и к душевной скорби его не прилагай новой скорби (прп. Ефрем Сирин, 30, 208).

***

...Служащий должен служить как Господу, от Которого получит награду, а не как человекам; и тот, кому служит, должен вести себя смиренномудренно, так, как бы служил ему Господь (прп. Ефрем Сирин, 30, 210).

***

Не смейся над огорченным, не радуйся, видя развращающегося, чтобы не прогневался на тебя Господь и не остаться тебе без защиты в день скорби (прп. Ефрем Сирин, 30, 211).

***

Человек невежливый подсматривает за своим соседом, а кто ходит во свете, тот не останавливается мыслию на худом (прп. Ефрем Сирин, 30, 212).

***

Не гнушайся человеком, чтоб не прогневать его Творца (прп. Ефрем Сирин, 30, 375).

***

...Надобно приобрести любовь от чистого сердца ко всем человекам, особенно же к своим по вере, а к противникам и к людям сластолюбивым холодность, и при холодности сей иметь ведение, целомудрие и мир, потому что Апостол говорит: *рабу же Господню не подобает сваритися, но тиху быти ко всем, учительну* <и> *незлобиву*... (2 Тим. 2, 24) (прп. Ефрем Сирин, 31, 225).

***

В благорасположении не будь пристрастен и не возбудишь к себе ненависти (прп. Ефрем Сирин, 31, 630).

***

...Нам должно утешать и увещевать друг друга, особенно во время искушений, чтобы действительно избавиться нам от горького рабства греху и от мучительства диавола... (прп. Ефрем Сирин, 32, 49).

***

...Если заповедано нам полагать душу друг за друга, то кольми паче обязаны мы оказывать друг другу послушание и покорность, чтобы стать подражателями Господу (прп. Ефрем Сирин, 32, 279).

***

Если брат твой гневается на тебя, то гневается на тебя Господь. А если примирился ты с братом своим долу, то

примирился и с Господом твоим горе́. Если восприемлешь брата своего, то восприемлешь и Господа твоего. Итак, примирись с Ним в лице оскорбленных, возвесели Его в лице опечаленных, посети Его в лице больных, напитай Его в лице алчущих. В лице утомленного путника уготовь Ему мягкое ложе, омой ноги Его, посади на первом месте за трапезой своей, преломи хлеб свой и удели Ему, подай Ему и чашу свою. Он оказал уже тебе гораздо большую любовь, почерпнул воду, освятил ее и омыл ею неправду твою, раздробил для тебя Тело Свое и Кровь Свою дал тебе в питие (прп. Ефрем Сирин, 33, 212).

***

Меры Божии уравниваются с нашими мерами: какими здесь меряем друг другу, такими и Великий Бог воздает людям (свт. Григорий Богослов, 15, 346).

***

Чего вовсе не хочешь терпеть от другого, того и сам не желай делать другому (свт. Григорий Богослов, 15, 364).

***

...Судия с одинаковой строгостью требует от нас (попечения о) спасении и нашем и наших ближних (свт. Иоанн Златоуст, 45, 80).

***

Бог создал человека не для того, чтобы он приносил пользу только себе самому, но и многим другим (свт. Иоанн Златоуст, 45, 81).

***

И принесший талант подвергается наказанию не за то, что он пренебрег чем-нибудь собственным, но за то, что не радел о спасении ближних (свт. Иоанн Златоуст, 45, 81).

***

Чем ты сильнее, тем справедливее было бы тебе поддержать слабейшего (свт. Иоанн Златоуст, 45, 254).

***

Если же ты, считая себя сильным, презираешь немощь другого, то ты подвергнешься двойному наказанию, и за то, что ты не предохранил его, и за то, что для предохранения его имел великую силу... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 254).

***

...Если кто хочет благоугодить Ему <Богу>, то пусть печется об этих <словесных> овцах, пусть ищет общей пользы, пусть заботится о своих братьях: нет никакого подвига драгоценнее этого пред Богом (свт. Иоанн Златоуст, 45, 550).

***

...Нет другого такого свидетельства и знака веры и любви ко Христу, как попечение о братьях и заботливость об их спасении (свт. Иоанн Златоуст, 45, 551).

***

...Если даже сам останешься чистым и непорочным, но не умножишь своего таланта и погибающего брата не

обратишь ко спасению, то потерпишь одинаковую с <евангельским> рабом тем участь (свт. Иоанн Златоуст, 45, 690).

***

Хотя бы кто раздал тысячи денег, он сделает не столько, сколько тот, кто спасает душу, отводит от заблуждения и руководит к благочестию (свт. Иоанн Златоуст, 45, 728).

***

Никто не может исправить своих дел, не любя ближнего и не заботясь о его спасении (свт. Иоанн Златоуст, 45, 740).

***

Должно не только предостерегать прежде греха, но и после падения подать руку (свт. Иоанн Златоуст, 45, 743).

***

...Когда увидишь, что кто-либо нуждается во врачевстве для тела или для души, не говори себе: почему не помог ему такой-то и такой-то? Нет, избавь (страждущего) от болезни и не обвиняй других в беспечности. Если бы ты... скажи мне, нашел лежащее золото, то неужели сказал бы себе: почему такой-то и такой-то не подняли его? Напротив, не поспешишь ли унести его прежде других? Так рассуждай и насчет падших братьев и попечение о них почитай находкою сокровища. Ибо, если ты на падшего возлиешь, как бы масло, слово учительное, если обвяжешь его кротостью, если исцелишь терпением, он обогатит тебя более всякого сокровища... Чего не может

сделать ни пост, ни лежание на земле, ни всенощные бдения, ни другое что-либо, то делает спасение брата. Подумай, сколько раз согрешали уста твои, сколько произнесли срамных слов, сколько извергли богохульств, сколько ругательств — и все это ты можешь возместить попечением о падшем, потому что одним этим добрым делом можешь очистить всю эту скверну (свт. Иоанн Златоуст, 45, 748).

***

Какое же будет прощение нам, возлюбленные, и какое оправдание, если злой демон с таким неистовством действует против нас, а мы не окажем и малой части подобного усердия к спасению наших братьев, имея притом Бога своим помощником? (свт. Иоанн Златоуст, 45, 782).

***

...Мы должны непрерывно и постоянно исправлять и дружески вразумлять беспечных братий наших, хотя бы и не было никакой пользы от увещания (свт. Иоанн Златоуст, 45, 785).

***

...Не должно никогда оставлять падших <братьев>, хотя бы мы наперед знали, что они не послушаются нас (свт. Иоанн Златоуст, 45, 785).

***

Велика награда пекущимся о братьях, и весьма велико наказание не заботящимся и небрегущим о их спасении (свт. Иоанн Златоуст, 47, 140).

***

...Никогда также не будем делать ничего такого, что как-нибудь вредит ближнему. Это и увеличивает грех, и более тяжкое приготовляет нам наказание (свт. Иоанн Златоуст, 48, 51).

***

Мой ближний — не столько тот, кто близок ко мне по родству, сколько тот, кто признает со мною того же Отца и имеет общение в той же Трапезе; эта связь крепче родства, равно как и несходство нравов ведет к отчуждению гораздо более, нежели различие по происхождению (свт. Иоанн Златоуст, 49, 516).

***

Нет ничего холоднее христианина, который не заботится о спасении других (свт. Иоанн Златоуст, 53, 197).

***

Предпочитая другого, ты отдаешь честь самому себе, делаясь достойным большей чести; будем же всегда уступать первенство другим (свт. Иоанн Златоуст, 53, 557).

***

Как обижая ближних, мы обижаем себя, так, благодетельствуя им, благотворим себе (свт. Иоанн Златоуст, 55, 343).

***

Поистине великой душе свойственно не думать (о себе) о собственном удовольствии, а заботиться о (спасении) других (свт. Иоанн Златоуст, 55, 420).

***

...Если мы — члены друг друга, то спасение ближнего касается не его только, но всего тела, и бедствие ближнего не ограничивается им одним, но причиняет боль и всему телу (свт. Иоанн Златоуст, 55, 804).

***

...Чего мы хотим получить от Бога, то должны прежде дать ближним, а если мы лишаем этого ближних, то как хотим получить то же от Бога? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 902).

***

Пусть никто... не ставит приятность выше спасения ближнего (свт. Иоанн Златоуст, 56, 194).

***

Человеколюбец Бог наш, желая соединить всех взаимными узами, возлюбленные, вложил в дела человеческие такой закон, что польза одного непременно соединяется с пользой другого (свт. Иоанн Златоуст, 56, 471).

***

Если Христос, будучи Богом, будучи причастником неизреченного Божественного существа, воспринял Крест и потерпел все прочее, свойственное человеку, ради нас и нашего спасения, то чего не обязаны оказать мы в отношении к тем, которые имеют одинаковую с нами природу и суть члены наши, чтобы исхитить их из пасти диавола и привести на путь добродетели? (свт. Иоанн Златоуст, 56, 517).

***

Хочешь исправить брата? Пролей слезы, помолись Богу; сделай ему увещание наедине, дай совет, уговори, покажи любовь к согрешившему, убеди его, что ты напоминаешь ему о грехе не из желания поглумиться, а болезнуя и заботясь о нем; обойми ноги его, облобызай руки, не стыдись, если ты хочешь действительно излечить его. Так часто поступают и врачи, поцелуями и упрашиваниями убеждая капризных больных принять спасительное лекарство. Хотя бы надлежало тебе умереть за вразумление брата, не страшись: это будет для тебя подвигом мученичества (свт. Иоанн Златоуст, 56, 519).

***

Когда ты видишь, что брат твой гибнет, не переставай увещевать его; и хотя бы он поносил тебя, хотя бы оскорблял, хотя бы грозил стать врагом твоим или чем бы то ни было другим угрожал, все переноси мужественно, чтобы достигнуть его спасения. Если он станет врагом тебе, то Бог будет тебе другом и вознаградит тебя в День последнего Суда великими благами. Великое добро — сострадать угнетенным бедностью, но нет другого такого, как освобождать от заблуждения, потому что нет ничего равноценного душе: даже и мир весь не стоит ее (свт. Иоанн Златоуст, 56, 520).

***

Когда нужно исправить брата, не отказывайся, хотя бы приходилось пожертвовать и жизнью. Владыка наш умер за нас, а ты не издашь даже и слова? И какое будешь ты иметь прощение, какое представишь извинение? Как ты предстанешь с дерзновением, скажи мне, пред судилищем Христовым, равнодушно взирая на гибель стольких душ?..

Если бы ты видел, как человека, законно осужденного, ведут на казнь, а ты мог бы освободить его от рук палача, то не сделал ли бы ты всего, чтобы избавить его от казни? Между тем, видя брата своего, влекомого не палачом, а диаволом в ров погибели, не хочешь подать даже и совета, чтобы отнять его у этого жестокого зверя? (свт. Иоанн Златоуст, 56, 522).

***

Тогда-то ты более всего и будешь заботиться о собственной пользе, когда будешь искать ее в том, что полезно для ближнего (свт. Иоанн Златоуст, 56, 545).

***

...Ты, будучи разумным человеком... не подражаешь даже и зверям в своем отношении к единоплеменникам, а обижаешь и пожираешь своего брата. И чем ты в состоянии будешь оправдать себя? Не видишь ли ты пчелы, труды которой вкушают во здравие и цари и простые люди, как ничто не спасает ее от смерти, если она делает зло, а она умирает вместе с жалом. На ее примере научись не огорчать ближних, — потому что мы сами первые принимаем от этого смерть (свт. Иоанн Златоуст, 56, 597).

***

Как обижающий не другим причиняет обиду, а самому себе, так точно и строящий козни ближнему губит себя самого (свт. Иоанн Златоуст, 56, 607).

***

Мы должны так заботиться друг о друге, как заботимся о себе самих, и щадить ближних так же, как и нас Бог (свт. Иоанн Златоуст, 56, 622).

***

Господствовать над собственными страстями далеко не такой подвиг, как победить неистовство других, утишить пылающее гневом сердце, сделать из такой бури такую тишину и наполнить очи, обращенные на <зло>, горячими слезами (свт. Иоанн Златоуст, 56, 740).

***

Насколько было бы тебе лучше самому ослабеть, да других приобресть, чем, пребывая на (горной) высоте, видеть, как погибают братья? (свт. Иоанн Златоуст, 56, 703).

***

Если <ближнего> принимаешь как Христа, не будешь ни роптать, ни стыдиться, а скорее превозносись этим, а если принимаешь не как Христа, то не примешь (свт. Иоанн Златоуст, 56, 1327).

***

Того преимущественно почитай ближним, кто нуждается, и без зова сам собой иди к нему на помощь (прп. Исидор Пелусиот, 63, 29).

***

Плачь о грешнике, когда все ему удается, потому что простирается на него меч правосудия (прп. Нил Синайский, 70, 240).

***

Лучше с благоговением молиться о ближнем, нежели обличать его во всяком согрешении (прп. Марк Подвижник, 67, 20).

***

Хорошо словами пользовать вопрошающих, но лучше содействовать им молитвою и добродетелью, ибо посредством сих последних приносящий себя Богу помогает и ближним, сам сподобляясь помощи (прп. Марк Подвижник, 85, 569).

***

Когда встретишься с ближним своим, принуждай себя оказывать ему честь выше меры его (прп. Исаак Сирин, 59, 303).

***

...Да печется всякий не о том одном, что ему собственно полезно, но и о том, что полезно всем живущим вместе с ним (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 99).

***

Лучше же прикрой падение ближнего, если от этого не будет вреда для других, чтобы не Хаму уподобиться, а Симу и Иафету и благословения сподобиться (свт. Григорий Палама, 89, 289).

***

Воздавай почтение ближнему, как образу Божию, — почтение в душе твоей, невидимое для других, явное лишь для совести твоей (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 127).

***

Храни совесть по отношению к ближнему: не довольствуйся одной благовидностью твоего поведения к ближним (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 371).

***

Увидя недостаток ближнего, умилосердись над ближним твоим: это уд твой! Немощь, которую ты видишь сегодня в нем, завтра может сделаться твоей немощью (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 412).

***

...Всякий православный христианин, если захочет перейти от нерадивой жизни к жизни внимательной, если захочет заняться своим спасением, должен, во-первых, обратить внимание на отношения свои к ближним (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 340).

***

Если хочешь быть верным, ревностным сыном Православной Церкви, то достигай этого исполнением Евангельских заповедей относительно ближнего (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 277).

БЛУД

Четыре вещи возбуждают блуд в теле: излишний сон, излишнее употребление пищи, смех и шутки, и украшение в одеждах (прп. авва Исаия, 60, 51).

***

Если борет тебя блудная страсть, удручай тело свое подвигами, со смирением припадая пред Богом, и обретешь покой (прп. авва Исаия, 60, 97).

***

Если... ощущаешь в себе блудную брань, то непрестанно удручай себя бдением, голодом и жаждою, смиряясь пред всеми (прп. авва Исаия, 60, 210).

***

От пяти страстей усиливается блудная брань: от празднословия, тщеславия, многого сна, от украшения себя одеждами и от пресыщения (прп. авва Исаия, 60, 218).

***

Если терпишь нападки от блуда, держи тело свое непрестанно под прискорбностью в смирении пред Богом, не давая сердцу своему увериться, что прощены тебе грехи твои, и успокоишься (прп. авва Исаия, 85, 352).

***

Если борет тебя блуд, преутруждай себя непрестанным бдением, алчбою и жаждою и смиряйся пред всеми; если чья красота телесная начнет влечь сердце твое или похотение жены, вспомни о зловонии (какое будет во гробе) — и успокойся (прп. авва Исаия, 85, 465).

***

...Дух блуда не ограничивается тем, чтобы подвергнуть бесчестию одного, но тотчас присоединяются товарищи: пиры, пьянство, срамные повести и непотребная женщина, которая <...> распаляет к тому же греху. Ужели мала

эта зараза, маловажно такое распространение зла? (свт. Василий Великий, 5, 167).

***

Блудник, который слагает вину на блудницу, что она побудила его ко греху, не меньшему за это подвергается осуждению (свт. Василий Великий, 8, 147).

***

Если муж, живя с женою и не удовольствовавшись браком, впадет в блуд, то такого признаем блудником и надолго подвергаем духовным наказаниям... (свт. Василий Великий, 11, 42).

***

Блуд — не брак, и даже не начало брака. Посему если возможно, чтоб вступившие в связь блудно, разлучались, то это всего лучше; если же они всемерно желают жить вместе, то пусть понесут наказание, но и получат дозволение, чтоб не было чего худшего (свт. Василий Великий, 11, 43).

***

При распалении плоти не касайся тайных членов, чтобы не произвести сильнейшего распаления (прп. Ефрем Сирин, 30, 168).

***

Кто храм Божий растлит, растлит сего Бог (1 Кор. 3, 17), говорит Божественное Писание. Как псу, усильно противься демону блуда, никак не соглашайся

увлечься таковым помыслом, потому что от искры много будет угольев и от худой мысли умножаются худые пожелания. Старайся истреблять воспоминание о них паче зловония тинного (прп. Ефрем Сирин, 30, 201).

***

В чистоте обитают великий свет и радость, и мир, и терпение, а в блуде обитают печаль, уныние, ненасытный сон и густая тьма (прп. Ефрем Сирин, 30, 202).

***

...Тот, кто незадолго пред тем был... членом Христа, чрез блуд делается членом блуда (прп. Ефрем Сирин, 36, 73).

***

Если во время работы потревожит тебя дух блуда, не ленись простереть руки свои на молитву, и молитва веры противостанет за тебя (прп. Ефрем Сирин, 86, 409).

***

Блудом и прелюбодеянием называется не только грех в рассуждении тела, но и всякий грех, особенно же беззаконие в рассуждении Божества (свт. Григорий Богослов, 14, 229).

***

Блуд есть такой порок, от которого должно бежать более, чем от других. Другие злые виды греха, по-видимому, щадят тело совершающих, и сделанное останавлива-

ется только на том, кого коснулось дело, например, в грабежах терпят вред только ограбленные, в пороке зависти сила страсти обрушивается только на тех, коим завидуют; в клеветах, если им верят, опять опасность только для оклеветанного; в убийствах несчастье убитому; и если кто обратит внимание на последствие всех неправых дел, тот найдет, что неправо поступающие получают прибыль, а вред терпят претерпевающие неправду. Но прелюбодеяние не знает этого разделения, не отделяет дела подвергшегося ему от дела совершившего, но наносит вред обоим вместе, соединяя блудника и блудницу общим союзом осквернения, и обесчестивший тело подвергается одинаково бесчестию с обесчещенным. Убийцы, умерщвляя, случается не умирают вместе с убитыми; осквернивший же плоть и сам сопричастен осквернению (свт. Григорий Нисский, 24, 452).

***

Блудник сам себе вредит, сам себя пронзает стрелою бесчестия. Вор решается на воровство, чтобы питать тело, а блудник заботится об ограблении собственной плоти. Любостяжательного побуждает к хищению мысль о приобретении корысти; блудодеяние же наносит ущерб чистоте тела. Завистливому причиняет страдание слава другого, а блудник сам содевает собственное бесславие. Ибо что бесчестнее бремени блудодеяния? Всякое рабство греху бесславно, ибо бесчестит благородство души; но блудодей есть самый бесславный раб греха, ибо осужденный им выгребать свои нечистоты, он собирает кучи скверн и исправляет нечистую работу. Не гнусно ли ходить около нечистот, тереться около предметов постыдных, иметь тело, не отличающееся от рубища? Ибо какое различие между рубищем и блудодеем? Он отторгается от тела Церкви, разру-

шается ежедневным гниением — греховными удовольствиями, отбрасывается, как ненужное рубище, лежит на попрание всем демонам. На нем диавол отпечатлевает свою гнилость. Внешнее положение блудника не менее дурно, как и внутреннее состояние. От него бегут в домах, отвращаются в собраниях; он оскорбление для сближающихся с ним, предмет презрения для враждебных ему, позор для родственников; его проклинают служители, он печаль родителям, посмешище для домашних, предмет для смеха и разговора соседям; его отвергают при попытках жениться; после брака он подозрительный супруг. Видя блудодеяние матерью такого множества зол, <апостол> Павел заповедует победительное бегство: ***бегайте блудодеяния*** (1 Кор. 6, 18) (свт. Григорий Нисский, 24, 453).

***

Дух блуда в телах невоздержных... (авва Евагрий, 85, 609).

***

Весом вкушай хлеб и мерою пей воду, и дух блуда убежит от тебя (авва Евагрий, 85, 613).

***

Когда кто приобретет некое бесстрастие в похотной части и срамные помыслы сделаются у него холодноватыми, тогда <дух блуда> вводит (в мысли его) мужчин и жен и представляет их играющими между собою, а отшельника делает зрителем их срамных дел и телодвижений. Но это искушение не из числа закосневающих (в уме), потому что внимательная молитва и крайне стеснительная диета с

бдением и упражнением в духовных созерцаниях прогоняют его, как безводное облако. Но бывает, что этот лукавый касается даже и плоти, возбуждая в ней неразумное распаление, и строит тысячи других козней, которые нет нужды обнародовать и предавать письменности. Многопомощно против таких помыслов воскипение гнева, устремленное на демона их, который крайне боится этого гнева, когда он воскипает по поводу помыслов, потому что он этим расстраивает все его замыслы (авва Евагрий, 85, 657).

***

...Всякому известно, что делающая других прелюбодеями <соблазнами>, никогда не может избежать наказания за прелюбодеяние. Ты изощрила меч, ты вооружила десницу, ты вооруженную десницу направила в несчастную душу, как же ты можешь избавиться от наказания за это убийство?.. Ты несчастная и жалкая, приготовив такую гибельную чашу, предложив и подав это зелье, когда тот уже выпил и погиб, думаешь оправдываться тем, что ты не сама выпила, но предложила яд другому? Притом вы настолько тягчайшее в сравнении с теми продавцами яда потерпите наказание, насколько и смерть здесь тяжелее. Вы умерщвляете не тело только, но и душу... не с врагами и не с обидевшими вас, и, не нуждаясь в деньгах, вы так поступаете... шутите чужими душами, находя в смерти других собственное наслаждение (свт. Иоанн Златоуст, 45, 273—274).

***

Блудница любить не умеет, а только коварствует, в ее лобзании — яд, в устах — губительная отрава (свт. Иоанн Златоуст, 46, 165).

***

...Когда ты видишь женщину благообразную, со светлым взором, веселую, с блестящими щеками, с необыкновенною красотою в лице, воспламеняющую твои помыслы и возбуждающую пожелание, то представь, что предмет твоего удивления — земля, что воспламеняет тебя пепел — и душа твоя перестанет неистовствовать. Вскрой кожу лица ее, и тогда ты увидишь все ничтожество ее красоты; не останавливайся на поверхности, но проникай мыслию глубже, — и ты не найдешь ничего больше, кроме костей, нервов и жил. Но недостаточно этого? Представь, что она изменилась, состарилась, заболела, что глаза ее впали, щеки опустились, весь прежний цвет поблек; подумай, чему ты удивляешься, и устыдись своего суждения (свт. Иоанн Златоуст, 50, 476).

***

Не столь велико зло упасть с неба в грязь, сколь велико зло, сделавшись членом Христовым, лишиться божественной почести и стать членом блудодейцы (свт. Иоанн Златоуст, 50, 593).

***

Не думай, что ты чист от греха, когда не совокупился с блудницею; ты пожеланием все уже сделал (свт. Иоанн Златоуст, 51, 79).

***

Кто сделал блуд, будучи священником, тот соответственно своему сану получает величайшее и усиленное наказание (свт. Иоанн Златоуст, 51, 760).

***

Распутство состоит не в совокуплении только с женщиной, но и в том, если мы смотрим бесстыдными глазами (свт. Иоанн Златоуст, 53, 58).

***

Зачем ты сеешь там, где самая нива усиливается погубить плод, где множество причин бесплодия, где прежде рождения совершается убийство, так что ты не только предоставляешь блуднице оставаться блудницею, но и делаешь ее убийцею? Видишь ли, как от пьянства происходит блуд, от блуда прелюбодеяние, от прелюбодеяния убийство, или, правильнее сказать, нечто хуже убийства, я даже не знаю, как и назвать это, так как здесь не умерщвляется рожденное, но самому рождению полагается препятствие. Итак, что же? Не значит ли это, что ты оскорбляешь дар Божий, борешься с божественными законами, стремишься как за благословением за тем, что есть клятва, сокровищницу рождения делаешь сокровищницею убийства; женщину, сотворенную для деторождения, располагаешь к убийству? Ведь порочная женщина, чтобы всегда быть приятною и привлекательною для своих любовников и выманивать от них больше денег, не отказывается и это сделать и тем собирает великий огонь на твою голову, так как хотя решение (на преступление) и принадлежит ей, но главною причиною бываешь ты. Отсюда возникает и идолослужение. Многие женщины, чтобы сделаться приятными, употребляют наговоры, возлияния, любовные снадобья и другие бесчисленные средства. Но, несмотря на столь великий позор убийства и идолослужения, многим это дело представляется безразличным, многим и из тех,

которые имеют собственных жен: здесь-то и бывает наибольшее стечение пороков. Здесь приготовляются врачебные средства не только против плода в утробе блудницы, но и против оскорбленной супруги, здесь бывают тысячи злоумышлений, призывание демонов и вызывание мертвых, отсюда возникают ежедневные ссоры, непримиримая борьба и поминутные столкновения (свт. Иоанн Златоуст, 53, 789).

***

Не обнажай себя, человек, не отвергай от себя всеоружие Духа Святаго, чтобы не сделаться тебе для врагов легко победимым; возьми щит покаяния и отрази стрелы похоти. Сладок блуд, но вреден; тяжко целомудрие, но полезно (свт. Иоанн Златоуст, 53, 900).

***

Блуд находит пособника себе в свойстве тела <...> Где блуд, там обитает диавол (свт. Иоанн Златоуст, 53, 900).

***

Избегай блуда, оскверняющего нашу душу и тело; блуда, удаляющего нас от Бога и от святых; блуда, который уготовляет для нас вечный и неугасимый огонь (свт. Иоанн Златоуст, 53, 917).

***

От блуда все тело становится нечистым, оно оскверняется так, как бы упало в грязный сосуд, наполненный нечистотою (свт. Иоанн Златоуст, 54, 171).

***

Целомудренный, постоянно преодолевая ее <блудную страсть>, как мужественный подвижник, вкушает радость превосходнее и приятнее тысячи подобных наслаждений, всегда восхищается своею победою, спокойною совестью и славными трофеями (свт. Иоанн Златоуст, 54, 382).

***

Безумное зрелище: жена-блудница в городе — (все равно что) война в стенах... она приманка юношей, оселок влечения, пробуждение страсти, барышничество телом, бесполезная торговля, вредное предприятие, удружающее смертью продавщице и покупателю, сеть юности, не скрытая западня. Глаза блудницы — западня для грешников; (она) залог распутства, самопродавщица, порабощающая покупателей, многоглавая львица, зловоние города, язва, распространяющаяся по всем чувствам, удочка для глаз, круговая смерть, рынок убытка, страсть погибели, запах смерти, многогнойная рана... Это язва обитателей, насильница брака, потеря чести, борьба мужей и жен, трапеза, требующая худых издержек, опустошение кошельков, трата имуществ, гибель трудов... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 857).

***

Что есть блудница, как не погибель, не открытое поношение природы... оскорбление души и тела, усладительная язва, убеленный гроб, необузданные и ненавистные уста ада, украшенное преддверие смерти, усладительный яд, дерзкое бесстыдство, побор бесстыдный, красивая гибель, приманка распутства, петля юношей, торгаш собственными членами, глубина погибели, любимое кораблекрушение, общее несчастье всякого греха, дерзкий притон,

учитель всякого беззакония, устроитель вражды к Богу, материал для вечного геенского огня (свт. Иоанн Златоуст, 54, 881).

***

Твой брат соблудил: не поноси его обидными словами, не насмехайся над ним. Ты не доставишь этим нимало пользы слушающему, но решительно повредишь ему... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 126).

***

Блуд делает людей бесчестными, нищими, смешными и презренными у всех <людей>, — делает то, что свойственно делать врагам; а часто он ввергал в болезни и опасности; многие же и погибли от блудниц... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 341).

***

Хотя ты и не прелюбодействуешь, а блудодействуешь, хотя блудница и не имеет мужа, однако же Бог отмщает, так как Он мстит за Себя. Делая это, ты оказываешь презрение... Богу, это видно из того, что от мужа, по крайней мере, скрываешь это, а о Боге, Который видит, и не думаешь (свт. Иоанн Златоуст, 55, 517).

***

Что может быть зловоннее блудодеяния? Если ты не чувствуешь этого в то время, когда грех совершается, то подумай о том по совершении его, и ты увидишь тогда его зловоние, отвратительную нечистоту, скверну и мерзость его (свт. Иоанн Златоуст, 55, 635).

***

Многие из людей, преданных блудницам, не только потерпели от этого вечную и бесконечную смерть, но и здесь, как злые, зло погибли, подвергшись бедствиям от распутных женщин (свт. Иоанн Златоуст, 56, 580).

***

Как сможешь ты войти в церковь после общения с блудницами? Как ты будешь простирать к небу руки, которыми обнимал блудницу? Как сможешь двинуть языком и молиться теми устами, которыми целовал блудницу (свт. Иоанн Златоуст, 56, 682).

***

Если бы это была нечистота телесная, то ты мог бы, как и следует, очищать себя омовением в бане; но так как ты загрязнил и сделал нечистой всю душу, то ищи такого очистительного средства, которое могло бы смыть ее скверну; а если мы не сделаем этого, то, хотя бы исходили все речные источники, мы не в состоянии будем удалить даже и малейшей части этого греха (свт. Иоанн Златоуст, 56, 682).

***

Лучше, конечно, совсем не быть знакомым с этим гнусным грехом; но если уже кто поскользнулся как-нибудь, то пусть употребляет наперед такие средства, которые могут устранить самую сущность греха, обещавшись никогда уже впредь не впадать в этот грех; а если мы, согрешая, хотя и осуждаем совершенный грех, но опять принимаемся за

то же, то нам не будет никакой пользы от очищения (свт. Иоанн Златоуст, 56, 684).

***

Хотя всякое греховное рабство бесславно, бесчестит благородство души, но блудник есть самый бесчестный раб греха, которому приказано последним вычерпывать грязь, собирать нечистоты в кучу, служить грязному делу, валяться в тине удовольствий, заниматься бесстыдством... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 987).

***

...Подвиг предлежит нам против духа блуда, — брань более других продолжительная, постоянная, жестокая, в которой весьма немногие одерживают совершенную победу, и которая, с первого времени зрелости возраста начиная беспокоить, не прекращается до тех пор, пока прежде не будут побеждены прочие страсти. Поскольку нападение бывает двоякое (т. е. на тело и душу), то и сопротивляться надобно двояким оружием. Как в болезни соединение тела и души приобретает ей <душе> силы, так и здесь нельзя иначе одержать победу, как если оба (т. е. тело и душа) вместе будут бороться. Ибо одного телесного поста недостаточно для приобретения или сохранения чистоты целомудрия, если не будет предшествовать сокрушение духа и постоянная молитва против этого нечистого духа, потом продолжительное размышление о Священном Писании, и к этому будет присоединено духовное разумение, также труд и рукоделие, обуздывающее и воззывающее непостоянные блуждения сердца, а прежде всего, если не будет в основание положено истинное смирение, без которого нельзя

победить совершенно никакого порока (прп. Иоанн Кассиан, 57, 73).

***

...Болезнь <блуда> вместе с укрощением тела и сокрушением сердца имеет нужду и в уединении, и удалении от людей, чтобы, по ослаблении гибельной лихорадки похотливого разжжения, можно было прийти в состояние совершенного здоровья. Как большею частью страдающим известною болезнью полезно, чтобы вредная пища и на глаза не приносилась, чтобы по поводу взгляда на нее не родилось у них смертоносное желание, так и для удаления этой болезни (похотливости) весьма полезны покой и уединение, чтобы больная душа, не тревожимая разными образами, восходя к более чистому созерцанию, легче могла совершенно истребить возбуждение похоти (прп. Иоанн Кассиан, 57, 74).

***

Исправление этого порока <блуда> главно зависит от усовершения сердца, из которого, по слову Господа, исходит гной этой болезни: ***из сердца исходят помышления злые, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства*** и прочее (ср.: Мф. 15, 19). Следовательно, сначала надобно очищать сердце, в котором находится источник жизни и смерти, как говорит Соломон: ***всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота*** (Притч. 4, 23). Ибо плоть подчиняется его произволению и власти, и потому с особенным усердием надобно соблюдать строгий пост, чтобы плоть, утучненная обилием пищи, противляясь внушениям души, бесчин-

ствуя, не низвергла своего правителя — духа. Впрочем, если мы всю важность будем поставлять только в укрощении тела, а душа не будет также воздерживаться от прочих пороков и не будет занята божественным размышлением и духовным упражнением, то мы никак не возможем взойти на самый верх истинной непорочности, когда то, что в нас есть главное, будет нарушать чистоту нашего тела. Итак, по словам Господа, нам надлежит *прежде очищать внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность* (ср.: Мф. 23, 26) (прп. Иоанн Кассиан, 57, 74).

***

...Если хотим, по Апостолу (2 Тим. 2, 5), законно подвизаться духовным подвигом, победить этого нечистого духа <блуда> со всем напряжением ума, то должны постараться, надеясь не на свои силы (ибо это невозможно совершить человеческим старанием), но на помощь Божию. Ибо душа необходимо терпит нападения от этой страсти дотоле, пока не сознает, что она ведет войну выше своих сил, и не может одержать победу собственным тщанием и трудом, если не будет подкреплена помощью и защитою Господа (прп. Иоанн Кассиан, 57, 75).

***

...От блудной страсти <рождаются> сквернословие, шутовство, забавы, суесловие... (прп. авва Серапион, 57, 254).

***

...Не должно быть сомнения, что страсть блуда и нечистоты может быть истреблена из наших членов, потому что Апостол повелел отсекать их так же, как и любо-

стяжание, суесловие, смехотворство, пьянство, воровство, которых отсечение удобно (прп. авва Херемон, 57, 384).

***

...Для всякого из нас, всеми силами подвизающегося против духа блуда, единственную победу составляет то, чтобы не ожидать средства от своего старания (прп. авва Херемон, 57, 400).

***

Горе блуднику, оскверняющему брачную ризу! Со стыдом изгоняется <он> из брачного Царского Чертога (прп. Нил Синайский, 70, 254).

***

Демон блуда, подобно жадному молодому псу, обыкновенно не отходит от искушаемого им, хотя не делает ему насилия... В твоей власти и воле или накормить его <демона блуда> непотребным деланием, или с гневом обратить в бегство молитвами, псалмопением, постом, бдениями, возлежанием на голой земле (прп. Нил Синайский, 71, 78).

***

Столп опирается на свое основание — и страсть блудная покоится на пресыщении (прп. Нил Синайский, 86, 251).

***

Если помилуешь противоборца, то будет у тебя враг, и если пощадишь эту страсть <блудную>, то она восстанет на тебя (прп. Нил Синайский, 86, 252).

***

Диавол из зависти воздвигнул на тебя брань. Береги глаза свои и не питайся досыта. Вина употребляй немного, по немощи тела, о которой говоришь. Приобрети же смирение, расторгающее все сети вражии (прп. авва Дорофей, 29, 213).

***

Кто телесными трудами и потами ведет брань с сим соперником <блудным бесом>, тот подобен связавшему врага своего слабым вервием; кто воюет против него воздержанием и бдением, тот подобен обложившему врага своего железными оковами, а кто вооружается смиренномудрием, безгневием и жаждою, тот подобен убившему своего супостата и скрывшему его в песке. Под именем песка разумей смирение, потому что оно не произращает пажити для страстей, но есть земля и пепел (прп. Иоанн Лествичник, 58, 114).

***

...Я ублажаю повседневных скопцов, которые разумом, как ножом, обучились оскоплять себя (прп. Иоанн Лествичник, 58, 115).

***

Не думай низложить беса блуда возражениями и доказательствами, ибо он имеет многие убедительные оправдания, как воюющий против нас с помощью нашего естества (прп. Иоанн Лествичник, 58, 115).

***

Бесчеловечный наш враг и наставник блуда внушает, что Бог человеколюбив и что Он скорое прощение подает

сей страсти, как естественной (прп. Иоанн Лествичник, 58, 118).

***

Кто одним воздержанием покушается утолить сию блудную брань, тот подобен человеку, который думает выплыть из пучины, плавая одной рукою. Совокупи с воздержанием смирение, ибо первое без последнего не приносит пользы (прп. Иоанн Лествичник, 58, 119).

***

Сей бес <блудный> тщательнее всех других наблюдает времена, какие удобнее для уловления нас; и когда видит, что мы не можем помолиться против него телесно, тогда сей нечистый в особенности старается нападать на нас (прп. Иоанн Лествичник, 58, 128).

***

Матерь блуда есть объядение... (прп. Иоанн Лествичник, 58, 183).

***

Предел блуда есть то, когда кто похотствует при виде животных и даже бездушных созданий (прп. Иоанн Лествичник, 58, 243).

***

Когда демоны, отторгнув ум твой от целомудрия, окружают его блудными помыслами, тогда со слезами воззови к Владыке: ***изгонящии мя ныне обыдоша мя; радосте***

моя, избави мя от обышедших мя (Пс. 16, 11; 31, 7) и избавишься.

Тяжел демон блуда и сильно налегает на подвизающихся против сей страсти, наипаче при небрежении об умеренности в пище, и при встречах и беседах с женским полом. Он сначала незаметно уловляет ум поползновенностью на сласть похотную, а потом дверью памяти привходит к безмолвствующему и как тело разжигает, так и представляет уму различные срамные образы и тем вызывает его к соизволению на грех. Если не хочешь, чтоб сие длилось в тебе, восприими пост, труд, бдение и доброе безмолвие с прилежною молитвою (прп. Максим Исповедник, 87, 180).

***

Откармливающий же тело без воздержания в ястии и питии измучен будет духом блуда (свт. Феодор Едесский, 87, 352).

***

Тот, кто принимает срамные помыслы, удерживает их в уме долгое время и сквернится ими, считается блудником, хотя бы не видел никогда лица человеческого (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 235).

***

Многоискусный и многокозненный бес блуда для одних бывает *причиною падения* в ров тинный, для других служит *бичем и жезлом* праведным, для третьих — *испытанием*... Из сих первое усматривается в новоначальных еще, когда они лениво и нерадиво тянут иго подвизания;

второе — в достигших середины преуспеяния в добродетели, когда они коснее простираются к ней; третье — в протянувших уже крыло ума к созерцанию, когда они только что сделали сильный порыв к совершеннейшему бесстрастию. Каждому домостроительно обращается сие свыше на пользу (прп. Никита Стифат, 89, 125).

***

Глубоким рвом тинным почитай мокротную сласть, скверну блуда и печаль о вещественных стяжаниях, коими, будучи отягощаем, страстный ум во глубину отчаяния погружается помыслами своими (прп. Григорий Синаит, 89, 191).

***

Из всех страстей две особенно жестоки и тяжки: блуд и уныние, т. е. леность, когда они овладевают душою и расслабляют ее. Они тесную имеют одна с другою связь и сочетание, оттого с ними трудно бороться и их преодолевать, совсем же победить для нас и невозможно. Первая обилует в вожделетельной силе души, но объемлет обе части естественного нашего состава — и душу и тело, разливая сласть свою по всем членам. Вторая, держа владычественный ум, охватывает, как плющ, всю душу и плоть, и все естество наше делает ленивым, расслабленным, как бы параличом разбитым. Отгоняются они, хотя прежде блаженного бесстрастия не побеждаются вконец, когда душа в молитве получает силу Духа Святаго, которая, подав ей отраду, крепость и глубокий мир, обвеселяет ее в сердце успокоением от тиранства их. Та (блудная страсть) — начало, госпожа и царица сластей, — преимущая сласть сластей и спутница ее леность, наводящая

тристатов фараоновых, суть непобедимая колесница. Чрез них привзошли к нам бедным в жизнь все страсти (прп. Григорий Синаит, 89, 204).

***

...Валяющийся в блуде является общей скверной для Церкви, и посему от такого всем долженствует отвратиться... (свт. Григорий Палама, 26, 64).

***

...Как при пожаре, если желающий погасить его станет как-нибудь пресекать пламя сверху, нисколько не успеет в деле погашения; если же отторгнет вещество горючее, пожар тотчас умалится и стихнет; так и в отношении к блудным страстям, если не иссушить источника помыслов внутри молитвою и смирением, а только постом и умерщвлением тела вооружиться против них, то безуспешно будешь трудиться; если же источник освятишь смирением и молитвою... то сообщишь освящение и внешнему телу. Это же... и Апостольское внушает слово, заповедующее ***препоясать чресла наша истиною*** (ср.: Еф. 6, 4), как и некоему из отцов полюбомудрствовалось, что, когда умозрительная сила укротит похотную, тогда стихают и страсти подчресленные и подчревные (свт. Григорий Палама, 89, 294).

***

Грех блуда имеет то свойство, что соединяет два тела, хотя и незаконно, в одно тело: по этой причине, хотя он прощается немедленно после раскаяния в нем и исповеди его, при непременном условии, чтоб покаявшийся оставил его, но очищение и истрезвление тела и души от блудного

греха требует продолжительного времени, чтобы связь и единение, установившиеся между телами, насадившиеся в сердце, заразившие душу, изветшались и уничтожились (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 288).

***

В Новом Завете этот грех <грех блуда> получил новую тяжесть, потому что тела человеческие получили новое достоинство. Они соделались членами тела Христова, и нарушитель чистоты наносит уже бесчестие Христу, расторгает единение с Ним... Любодей казнится смертью душевною. От впавшего в грех блуда отступает Святый Дух; согрешивший признается впавшим в смертный грех, в грех, отъемлющий спасение, в грех — залог неминуемой погибели и вечного томления во аде, если этот грех не уврачуется благовременно покаянием (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 333).

***

Услаждение блудными помыслами и ощущениями есть блуд сердца и осквернение человека, соделывающие его неспособным к общению с Богом, а блуд тела есть изменение всего человеческого существа от смешения с другим телом, есть совершенное отчуждение от Бога, есть смерть, есть погибель. Чтоб выйти из первого состояния, должно истрезвиться, чтоб выйти из второго, должно воскреснуть, должно снова родиться покаянием (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 334).

***

Тем, которые еще не стяжали истинной сердечной молитвы, вспомоществует (в борьбе с блудным бесом) зло-

страдание в телесной молитве, т. е. воздеяние рук, биение в перси, частое устремление очей к небу, множество воздыханий, частое коленопреклонение (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 341).

***

Уж если положили вы исправно жить, попекитесь не давать хода блудной похоти (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 102).

****

Поведал авва Палладий: «Однажды при встретившейся нужде преподобный авва Даниил пошел в Александрию, взяв и меня с собою. Когда мы входили в город, встретил нас очень юный монах, выходивший из бани, в которой он мылся. Увидев его, старец очень вздохнул и сказал мне: «Очень жаль этого брата! Похулено будет имя Божие из-за него! Но пойдем за ним и увидим, где пребывает он». Мы пошли за ним. Старец отвел его в сторону и сказал ему: «Сын мой! Ты молод и здоров телом, тебе не должно мыться в бане. Поверь мне, сын мой, ты многих соблазняешь, не только мирских, но и монахов». Брат отвечал старцу: ***Аще бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был*** (Гал. 1, 10). Писание говорит: ***Не осуждайте, да не осуждени будете*** (Лк. 6, 37). Тогда старец поклонился ему, сказав: «Прости меня, сын мой, я согрешил как человек». Оставив его, мы пошли. Я сказал старцу: «Авва, не точно ли болен брат и в поступке его нет греха?» Старец вздохнул и, прослезившись, сказал мне: «Да удостоверит тебя в истине само дело: я видел, что более пятидесяти бесов следуют за ним и посыпают его смрадом. Один мурин сидел у него на плечах и целовал его, а

другой мурин малого роста шел перед ним, разжигая его, научая разврату. Многие бесы окружали его и радовались о нем, а святого Ангела я не видел ни близ его, ни вдали; почему я заключаю, что этот брат исполнен некоторой бесовской деятельности. Свидетельствует о жизни его изысканная одежда его и то, что он, будучи молод, так бесстыдно пребывает среди города, в который с осторожностью входят постники и отшельники и стараются скорее уйти из него. Если б он не был сластолюбив и миролюбив, то не входил бы нагой в баню и не смотрел бы бесстыдно на обнажение других. Святые отцы наши Антоний Великий, Пахомий, Аммоний, Серапион и прочие заповедали, чтоб никто из иноков не обнажал тела своего иначе, как по причине великой болезни или нужды. Видим в житиях их, что при встретившейся необходимости обнажиться, чтобы перейти чрез реку, когда не случалось лодки, они, не будучи видимы никем, стыдились сопутствовавшего им святого Ангела и сияющего на них солнца...» Старец замолчал. Мы возвратились в скит. По прошествии немногих дней пришли в скит некоторые братья из Александрии и поведали, что монах, прибывший из Константинополя и живший при храме святого Исидора, пойман на любодеянии с женою епарха и изувечен прислугою. Он проболел три дня и скончался. Событие это послужило в поругание и укоризну всем монахам» (101, 93).

***

Некоторый брат имел брань любодеяния; вставши, он пошел к некоторому старцу и сказал ему о своих помыслах. Старец, сделав ему наставление и утешив, отпустил с

миром. Брат, почувствовав пользу, возвратился в свою келию; но вот опять брань пришла к нему. Он сходил опять к старцу, и таким образом поступал несколько раз. Старец не оскорбил его, но говорил на пользу ему, наставляя его не только не вдаваться в расслабление, но, напротив, приходить к нему каждый раз, когда враг начнет стужать, для обличения врага... Ничто так не противно духу любодеяния, как когда открывают дело его, и ничто не приносит ему такой радости, как когда скрываем приносимые им помыслы (101, 454).

***

Соловецкий старец Наум рассказал: «Однажды привели ко мне женщину, желающую говорить со мною, недолго длилась эта беседа, но страстный помысл напал на меня и не давал мне покоя ни днем ни ночью; целых три месяца мучился я в борьбе с этою лютою страстью. Что ни делал я, ничего не помогало. Однажды, после вечернего правила, вышел я за ограду полежать на снегу <может, это поможет>. На беду заперли ворота, я был в одном подряснике и холод знобил меня до костей, едва дождался я утра и чуть жив добрался до келии, но страсть не утихла. Во время Филиппова поста пошел я к духовнику, со слезами исповедал ему свое горе и, приняв епитимью, с помощью Божией обрел я желанный покой» (104, 163).

***

Однажды диавол воздвиг в многотрудном теле святого Игнатия, нового преподобномученика, такую плотскую брань, что он, сожигаемый адским огнем плотской похоти, пал на землю и долго лежал, как полумертвый, потом,

получив себе малую ослабу, пришел к старцу Акакию и поведал ему свою беду, просил у него утешения; добрый старец утешил его словами Божественными и примерами святых мужей. После сего блаженный подвижник пришел в храм, взял в руки икону Богоматери и, облобызав ее, со слезами просил помощи у Приснодевы. Благодатию Богоматери окружило его некое неизреченное благоухание, и смертоносная брань оставила его (91, 247).

***

Брат имел искушение на блуд и с усилием выдерживал подвиг в течение четырнадцати лет, соблюдая, чтобы самый помысл его не согласовался с похотью. Наконец, он пришел в церковь и открыл дело пред всем народом. Тогда дано было повеление, и все понесли для него труд в продолжение седмицы, молясь Богу — и брань прекратилась (94, 90).

***

Одна сестра пришла к блаженной Матроне и спросила ее: «Что мне делать, меня смущает блудный помысл?» Блаженная отвечала: «Прости мне, я никогда не была борима демоном блуда». Сестра соблазнилась этим, ибо это выше естества, и вышла не простясь. Но, по совету блаженной Феодоры, вернулась и спросила: «Прошу тебя, госпожа моя, объясни мне, как ты никогда не была борима демоном блуда». Блаженная Матрона, улыбнувшись, сказала ей: «С тех пор, как я стала монахиней, не пресыщалась ни хлебом, ни водой, ни сном, и забота о сих трех помыслах, отягощая меня, не попускает мне чувствовать брани блудной» (100, 45).

***

Некоторого брата беспокоил дух любодеяния. Он пошел к весьма опытному старцу просить его молитв, старец согласился. Брат часто приходил с этой просьбой. Господь открыл старцу, что этот монах объят недугом нерадения и услаждается плотскими вожделениями сердца. Увидел старец, что монах этот сидит, а дух любодеяния играет перед ним, принимая различные женские образы, и монах услаждается ими. Ангел же Господень приходил в негодование от такого нерадения, а монах все более услаждался. Когда этот монах снова пришел к старцу, старец сказал: «Ты сам виноват в этой брани, потому что услаждаешься скверными помышлениями. Невозможно отступить от тебя нечистому духу любодеяния по молитве других, молящихся Богу о тебе, если ты сам не возложишь на себя подвига постов, молитв, многих бдений, молясь с плачем, чтобы Господь... послал тебе в помощь благодать Свою, при содействии которой возможно будет тебе противиться греховным помыслам». Молитвы святых не могут принести пользы тем, ко-торые пребывают в нерадении и расслаблении, не помышляя о спасении души. Брат умилился и, по наставлению старца, стал совершать различные подвиги, чем привлек к себе милость Божию, и дух нечистой страсти отступил от него (101, 426).

***

Однажды авва Илия, боримый блудной страстью, изнемог в борьбе и, будучи не в силах победить и погасить плотского разжжения, схватил посох и вышел из пещеры в то время, когда от зноя камни раскалялись, и поспешил, чтобы удовлетворить свою страсть... Вдруг он пришел в восторженное состояние и увидел, что земля разверзлась

и поглотила его. «И вот я вижу, — повествует он, — лежат мертвые тела, согнившие, разложившиеся и испускающие нестерпимое зловоние... Кто-то, сияя святостью, указал мне на тела и сказал: «Это вот тело женщины, а это мужчины. Удовлетворяй как хочешь и сколько хочешь свою страсть... И ради такого удовольствия — смотри, сколько подвигов желаешь ты потерять. Вот из-за какого греха желаете вы лишить себя Царствия Небесного! О бедное человечество! За один час (греховного удовольствия) вы готовы погубить подвиг целой жизни?!» Между тем от сильного зловония я упал на землю. Подойдя ко мне, явившийся мне святой муж поднял меня и укротил во мне брань. И я возвратился в свою келью, принося благодарение Богу» (99, 25—26).

***

В одном из египетских общежитий был юноша, который не мог погасить пламени плотского вожделения никакими воздержаниями, никакими подвигами. Настоятель, желая помочь брату, употребил следующий способ. Повелел одному из братий, мужу суровому и важному, затеять с юношей ссору, осыпать его ругательствами и прийти еще жаловаться на него. Это было исполнено, и свидетели дали показание не в пользу юноши, который, видя несправедливость, начал плакать. Он ежедневно проливал слезы в уединении у ног Христа. И когда старец спросил его о блудных помыслах, юноша ответил: «Отец! Мне житья нет, до блуда ли мне?» (101, 475).

***

Некто пришел в Скит, чтобы стать монахом. При нем был сын-младенец. Когда он достиг юношеского возраста,

демоны начали нападать на него и беспокоить. Он сказал отцу: «Пойду в мир, потому что не могу выдержать плотского вожделения». Отец утешал его, но сын не успокоился. Тогда отец просил его: «Последний раз послушай меня — пойди во внутреннюю пустыню на сорок дней и возьми с собою сорок хлебов, и да будет воля Божия». Юноша ушел в пустыню и проводил там время в подвиге. На двадцатый день увидел он, что некоторое привидение диавольское приближается к нему — оно остановилось близ его в подобии женщины эфиопки неприятнейшей наружности и смердящей; не будучи в состоянии переносить смрад ее, юноша отталкивал ее. Она сказала ему: «Я та, которая представляется сладкою в сердцах людей, но по причине послушания твоего и подвига Бог не позволил мне обольстить тебя, явил тебе зловоние мое». Юноша возблагодарил Бога и возвратился к отцу и сказал, что не хочет больше идти в мир. Отцу тоже было открыто обо всем, и он сказал ему: «Если бы ты пробыл в пустыне все сорок дней, то увидел бы еще более» (101, 477).

***

Был некоторый отшельник в нижнем Египте, пользовавшийся известностью. По действию сатаны некоторая женщина развратного поведения, услышав об отшельнике, сказала юношам, знакомым своим: «Что дадите вы мне, и я низложу отшельника вашего?» Они условились вознаградить ее щедро. Она вышла вечером, как бы сбившись с дороги, пришла к келье отшельника и постучалась. Он вышел, увидев ее, смутился и спросил: как попала она сюда. Женщина заплакала и сказала: «Я сбилась с дороги». Умилосердившись, он ввел ее в сени, но она умоляла его впустить ее в келью, ибо страшилась зверей. Отшель-

ник ввел ее в келью. Тогда диавол начал стрелами вожделения разжигать сердце подвижника. Уразумев действие диавола, он сказал себе: путь врага — тьма, а Сын Божий — свет, и зажег лампаду. Чувствуя, что вожделение растет, сказал себе: так как удовлетворяющие вожделение пойдут в муку, испытай себя, можешь ли выдержать огонь вечный. С этими словами он наставил один из пальцев руки на огонь лампады. Палец начал гореть, но он не чувствовал боли по причине необыкновенного воспламенения плотской страсти и до дневного рассвета сжег все пальцы на руке. Окаянная, наблюдая за этим, пришла в ужас и как бы окаменела. Утром пришли упомянутые знакомые и спросили про женщину. Отшельник сказал, что она спит, но оказалось, что она умерла. Тогда он рассказал о случившемся и, помолившись, воскресил развратницу. Воскресшая покаялась и провела благочестиво остаток жизни своей (101, 483).

***

Авва Пахон поведал: «Вот я, как видишь, старый человек, сорок лет живу в этой келье и пекусь о своем спасении и, несмотря на мои лета, доселе еще подвергаюсь искушениям». И здесь он с клятвою присовокупил: «В продолжение двенадцати лет, после того, как я достиг пятидесяти лет, ни дня ни ночи не проходило, чтобы враг не нападал на меня, я решил лучше умереть, нежели предаться сладострастию плоти. Вышел из келии и пошел по пустыне. Пришел в пещеру, где жила гиена, и целый день пролежал в ней нагой, чтобы звери пожрали меня. С наступлением вечера самец и самка, выходя из пещеры, с ног до головы облизав и обнюхав меня, ушли. Я возвратился в келью. Демон же, переждав несколько дней, опять

восстал на меня еще сильнее прежнего, так что я едва не произнес хулы на Бога. Бес принял вид эфиопской девицы, которую я видел в молодости, когда она летом собирала солому; мне представилось, что она сидит у меня, и до того демон довел меня, что я думал, будто уже согрешил с нею. В исступлении я дал ей пощечину, и она исчезла. Поверь мне, два года не мог я истребить нестерпимого зловония от руки своей. Я стал поэтому унывать еще более и, наконец, в отчаянии пошел скитаться по пустыне. Нашедши аспида, я стал подносить его к своему телу, чтобы он ужалил меня, но все было напрасно. После сего услышал я говоривший моему сердцу голос: «Иди, Пахон, подвизайся. Я для того попустил демону такую власть над тобою, чтобы ты не возмечтал, будто можешь сам победить сего демона, но чтобы, познав свою немощь, никогда не уповал на свое житие, а всегда прибегал к помощи Божией». Успокоенный сим гласом, я возвратился в свою келью. С того времени ощутил я в себе бодрость и, не тревожимый более сею бранью, провожу после борьбы остальные дни своей жизни в мире» (98, 99).

***

Авва Фока рассказывал: «Авва Иаков, перешедши в Скит, сильно был искушаем от демона блуда и, находясь близ опасности, пришел он ко мне и открыл свое состояние. Потом сказал: «Через два дня я уйду в такую-то пещеру, прошу тебя ради Господа никому об этом не сказывай, ни даже отцу моему, но отсчитай сорок дней и по прошествии их сделай милость — приди ко мне и принеси с собою Святое Причастие. Если найдешь меня мертвым — похорони меня, а если живым, то приобщи Святых Таин». Я пообещал, и когда прошло сорок дней,

взяв Святое Причастие, также обыкновенный чистый хлеб и немного вина, я пошел к нему. Приближаясь к пещере, почувствовал я сильный дурной запах, который выходил из пещеры, и сказал себе: почил блаженный. Вошедши в пещеру, нашел его полумертвым, а он, приметив меня, собрал все силы и сделал движение рукой причастить его. Хотел я открыть уста, но они были крепко сжаты, с большим трудом, с помощью ветки разжал ему уста и причастил. От приобщения Святых Таин авва Иаков получил силу. Немного спустя дал я ему несколько крошек обыкновенного хлеба, размочив их в вине, потом еще немного, сколько мог он принять. Таким образом, по благодати Божией, через день он пошел со мною, пришел в свою келью и с того времени при помощи Божией освободился от пагубной страсти блуда» (93, 277).

***

Преподобный Мартиниан стал постником и удалился в пустыню с восемнадцати лет. Прожив в ней двадцать пять лет, он однажды перенес такое искушение от диавола: некоторая блудница, надев на себя нищенскую одежду, пошла на гору, где жил преподобный Мартиниан. Подошедши к келии его, она стала плакать и просить спасти ее от зверей. Преподобный впустил ее и спросил: «Кто ты и зачем пришла сюда?» Блудница ответила: «Ненавидя тебя и всех монахов, а равно и постническое житие, пришла я соблазнить тебя на грех». Преподобный ужаснулся, но, придя в себя, так победил диавола: собрал хвороста, зажег его и, когда он разгорелся, вошел в огонь со словами: «Убогий Мартиниан! Ну что же, если можешь перенести огонь геенский, сотвори грех». Опаленный огнем, вышел

святой из костра и благословил трепещущую блудницу оставить грех и уйти в монастырь. Исцелившись от ран, он отплыл на один остров, где пробыл десять лет. Тут искушение повторилось: во время бури потерпел крушение корабль и одна девица была выброшена в полночь на остров. Преподобный приютил ее, но, опасаясь соблазна, сам бросился в море, говоря: «Не может сено ужиться с огнем». Отнесенный дельфинами на землю, он обошел много стран, постоянно восклицая: «Бегай, Мартиниан, чтобы не постигла тебя напасть!» (103, 484).

***

Один старец рассказал: «Пришлось быть нам в монастыре Пентуклы. Там был старец Конон. Сперва в качестве пресвитера он служил при совершении Таинства крещения, он помазывал и крестил приходивших к нему. Всякий раз, как приходилось ему помазывать женщину, он приходил в смущение и даже по этой причине вознамерился уйти из монастыря. Но тогда явился ему святой Иоанн Креститель и сказал: «Будь тверд и терпи, и я избавлю тебя от этой брани». Однажды пришла к нему для крещения девица-персианка. Она была так прекрасна собой, что пресвитер не решался помазать ее святым елеем. Она прожила два дня...

Между тем пресвитер Конон, взяв свою мантию, удалился со словами: «Я не могу более здесь оставаться». Но едва взошел на холмы, как вдруг встретил его святой Иоанн Креститель и кротко сказал ему: «Возвратись в монастырь, я избавлю тебя от брани». С гневом ответил авва Конон: «Будь уверен, ни за что не вернусь. Ты не раз обещал мне это и не исполнил своего обещания». Тогда

святой Иоанн посадил его на один из холмов, раскрыв его одежды, трижды осенил его крестным знамением. «Поверь мне, пресвитер Конон, — сказал Креститель, — я желал, чтобы ты получил награду за эту брань, но так как ты не захотел, я избавлю тебя от брани, но вместе с тем ты лишаешься и награды за подвиг». Возвратившись назад, пресвитер Конон, помазав елеем, крестил персианку, даже не заметив, что она женщина. После того в течение двенадцати лет пресвитер совершал помазание и крещение без всякого нечистого возбуждения плоти, даже не замечая, что перед ним женщины» (99, 6—7).

***

Ученик некоторого святого старца был борим духом любодеяния, но при помощи благодати Божией мужественно противостоял скверным и нечистым помышлениям сердца своего, очень прилежа посту, молитве и рукоделию. Блаженный старец, видя усиленный подвиг его, сказал ему: «Хочешь, сын мой, я помолюсь Господу, чтобы Он отъял у тебя брань?» Ученик ответил: «Отец, хотя я и тружусь, но вижу и чувствую в себе благой плод: по причине этой брани я пощусь более, и более упражняюсь в бдениях и молитвах. Но молю тебя, помолись Милосердному Господу, чтобы дал мне силу выдержать брань и подвизаться законно». Старец сказал: «Ты верно понял, что этою невидимою бранью с духами посредством терпения совершается вечное спасение твоей души» (101, 424).

***

Поведали братья, что они шли однажды в селение, посланные аввою, и на старшего из них нападал бес до

пяти раз, чтобы ввергнуть его в грех блуда. Брат подвизался против помысла в течение нескольких часов, отражая его молитвою. Когда братья возвратились, лицо искушаемого брата было смущено, он упал в ноги отцу и сказал: «Помолись, авва, я впал в блуд» и рассказал о случившемся. Прозорливый старец увидел на голове брата пять венцов и сказал ему: «Ободрись, венцы свидетельствуют, что ты не был побежден, но победил, не исполнив на деле того, на что влачил тебя помысл» (101, 425).

***

Некоторого брата беспокоила страсть любодеяния: днем и ночью он ощущал в сердце своем как бы жало огненное. Но брат боролся, не уступая помыслам и не соглашаясь с ними. По прошествии многого времени отступила от него страсть, не преодолев его по причине трезвения его. И немедленно воссиял свет в сердце его (101, 475).

***

Один брат был сильно искушаем демонами блуда, ибо четыре демона, преобразясь в вид красивой женщины, в течение двадцати дней усиливались вовлечь его в постыдное смешение. Но так как он мужественно подвизался и остался непобедимым, то Бог, видя его подвиг, даровал ему то, что впредь он уже не имел плотского разжжения (94, 106).

БОГАТСТВО

Блаженны те, которые, имея богатство, чувствуют, что они обогащаются от Господа, ибо кто почувствует это, тот может делать нечто доброе (Св. Ерм, 90, 203).

***

Надобно удаляться от имущества, как от неприятеля, убегать от него, как от разбойника, бояться, как меча и яда для обладающих им (сщмч. Киприан Карфагенский, 65, 174).

***

Богатство и окрадывается и бывает отнимаемо сильнейшими, а добродетель душевная — одна есть стяжание безопасное и некрадомое, и притом такое, которое по смерти спасает стяжателей своих. Тех, кои так рассуждают, не увлекает призрачный блеск богатства и других утех (прп. Антоний Великий, 85, 68).

***

Людям надобно или совсем не приобретать ничего излишнего, или, имея то, быть твердо уверенным, что все житейское по естеству тленно, может быть отнято, потеряно и разрушено, и что потому, когда случится что, не должно малодушествовать (прп. Антоний Великий, 85, 76).

***

Богатство есть слепой руководитель и советник несмысленный. Тот, кто употребляет богатство худо, в свое только удовольствие, губит обуморенную душу свою (прп. Антоний Великий, 85, 76).

***

...И вы, уповающие на неверное богатство, послушайте: вам нужна искупительная цена для изведения ва-

шего на свободу, которую вы утратили, будучи побеждены насилием диавола (свт. Василий Великий, 5, 305).

***

Свойство богатства — текучесть. Быстрее потока протекает оно мимо владеющих им и обыкновенно переменяет их одно за другим (свт. Василий Великий, 5, 335).

***

Не пристращайся к богатству душой своей, но извлекай из него пользу; не люби его чрез меру, и как одному из благ не дивись ему, но употребляй его во служение, как орудие (свт. Василий Великий, 5, 336).

***

Горе и богатым, потому что, имея возможность утешать бедных, силу богатства не употребили на то, для чего получили его (свт. Василий Великий, 6, 70).

***

...Душе богочестивой богатство служит средством делать добро чрез любообщительность, а душе сластолюбивой и плотолюбивой обращается оно в пособие роскоши (свт. Василий Великий, 6, 93).

***

...<Богатство земное> не долго повеселит тебя, потом утечет и исчезнет, но у тебя потребуют строгого в этом отчета (свт. Василий Великий, 8, 78).

***

Если станешь беречь богатство, оно не будет твоим; если станешь расточать, не потеряешь. Ибо ***расточи, даде убогим, правда его пребывает во век*** (Пс. 111, 9) (свт. Василий Великий, 8, 91).

***

Путь узкий и тесный не приемлет тебя, который не сложил с себя бремени богатства... (свт. Василий Великий, 8, 104).

***

...Богатый всего боится — боится дней, как времени судопроизводства; боится вечеров, как удобных ворам; боится ночей, как мучений от забот; боится утреннего времени, как доступа к нему льстецов; боится не только времени, но и места. Его приводят в ужас нападения разбойников, злоумышления воров, клеветы притеснителей, расхищения сильных, злодеяния домашних, любопытство доносчиков... рассуждения соседей, гнилость стен, падение домов, нашествия варваров, коварство сограждан, приговоры судей, потеря того, что имеет, отнятие того, чем владел. О человек, если такова зима обладания, то где же весна наслаждения? (свт. Василий Великий, 8, 345).

***

Ничто не богатее добродетельной нищеты (свт. Василий Великий, 8, 346).

***

...Если погонитесь за роскошью и за тем, чтоб иметь у себя больше других, то труда много, путь ненадежен,

скорбь неутолима и жизнь многопопечительна (прп. Ефрем Сирин, 30, 67).

***

...Кто собирает в свою сокровищницу молитвы и милостыни, тот богатеет в Бога (прп. Ефрем Сирин, 30, 161).

***

Лежащему в позолоченном чертоге какая польза от блеска стен и потолков, когда сам он мучится страстями или когда пожирается его тело, угрызаемое внутри змием? (прп. Ефрем Сирин, 30, 501).

***

Если имеешь у себя богатство, не высоко о себе думай, потому что не избавился ты еще от опасностей и злоумышлений, а потому и наслаждение богатством непрочно (прп. Ефрем Сирин, 30, 513).

***

Если нравится нам изобилие, то легко будем уловлены при скудости (прп. Ефрем Сирин, 31, 626).

***

Если же и богатство у себя имеешь, то собирай себе сокровище на небесах благотворениями (прп. Ефрем Сирин, 32, 87).

***

Чем приятнее временное, тем более увеличивает оно бедствие. Как бережливые, лишившись одной или двух драхм, сетуют, уязвляемые любостяжательностью... так

богатых преследует еще скорбь, напоминающая им о разлуке с богатством. Особливо если кто увидит себя преклонным к старости, оплакивает себя, как связываемый железными оковами или заключенный в темницу, не находя никакого средства отвратить от себя старость, хотя и думает отстранить памятование о смерти свирелями и тимпанами и прочими музыкальными орудиями (прп. Ефрем Сирин, 32, 114).

***

Если есть у кого богатство в руках и достаток, то не полновластный он господин сего, а только приставник, потому что и сам получил сие от другого и опять после него перейдет сие в наследство другому по повелению Создателя. А потому надлежит исповедовать милость Давшего (прп. Ефрем Сирин, 32, 118).

***

Чем более кто богатеет, тем более делается немилосердным и бесчеловечным, и тем паче удерживает руки свои от подаяния милостыни (прп. Ефрем Сирин, 32, 145).

***

Если Богу отдаешь, что дал Он тебе для упражнения, то постыждаешь змия, потому что пренебрег ты суетным и временным наслаждением, которым змий запнул прародителей (прп. Ефрем Сирин, 32, 197).

***

Богатство, которое любили мы, остается позади нас, а неправда предваряет нас у гроба. Блаженны вы, победители, мужественно воспротивившиеся ей! (прп. Ефрем Сирин, 33, 217).

***

Тебя <Господи> ищем мы в молитве, потому что в Тебе заключено все. Тобою да обогатимся, потому что Ты богатство, не изменяющееся от перемены времен (прп. Ефрем Сирин, 33, 337).

***

Не сопровождает человека имущество его в час смерти; все, что приобрел человек, отходит и исчезает при дверях гроба (прп. Ефрем Сирин, 33, 389).

***

Где богатые, которые собирали и запасали сокровища на многие годы? Смерть в одну минуту, в одно мгновение ока поглотила жизнь их (прп. Ефрем Сирин, 33, 489).

***

Не люби земного богатства, чтобы в наследие не получить себе нищеты (прп. Ефрем Сирин, 34, 295).

***

Не приобретай ничего здесь, чтобы не возобладало над тобой высокомерие. Если разумен, то желай и ищи себе нищеты; она обогатит тебя (прп. Ефрем Сирин, 34, 295—296).

***

Не люби украшать внутренность чертога, чтобы наследием твоим не стала тьма кромешная (прп. Ефрем Сирин, 34, 296).

***

Не созидай себе высоких жилищ, чтобы не низойти тебе в бездну (прп. Ефрем Сирин, 34, 296).

***

Богатые! Послушайте сказавшего: *богатство аще течет, не прилагайте сердца* (Пс. 61, 11); знайте, что полагаетесь на вещь непрочную. Надобно облегчить корабль, чтобы легче было плыть. Может быть, отнимешь что-нибудь и у врага тем, что к нему перейдет твое имущество (свт. Григорий Богослов, 14, 211).

***

Желаю также, чтобы ты богател одним Богом, а целый мир почитал всегда наравне с паутинными тканями (свт. Григорий Богослов, 15, 361).

***

Богатство — самый проворный приспешник в худом, потому что при могуществе всего сподручнее сделать зло (свт. Григорий Богослов, 15, 367).

***

Никто не приобретет и не приобретал еще доселе всего, хотя бы и желал; но можно все вдруг презреть и таким образом стать выше всего (свт. Григорий Богослов, 16, 136).

***

Можешь пользоваться своею собственностью, а если не знаешь меры, то знай, что подливаешь яд во все, что

ни имеешь теперь у себя. Все, что приходит к тебе неправедно — огонь для тебя, оно губит с собою и то, к чему присовокуплено. Как не утоляет жажды морская вода и любви — продолжительное зрение на любимый предмет, напротив того, любовь воспламеняется вдвое, так для ненасытных приобретаемое ими делается отравой, которая непрестанно возбуждает в них желание еще большего (свт. Григорий Богослов, 16, 220).

***

Золото изострило меч у людей; золото погубило ненасытимого плавателя в волнах весеннего потока; надежда получить золото разорила и меня — огромную и прекрасную гробницу. Для людей несправедливых — все ниже золота (свт. Григорий Богослов, 16, 398).

***

Какое ты зло, о коварное и немилосердное золото! И на живых и на мертвых заносишь неправедную руку (свт. Григорий Богослов, 16, 398).

***

Что служащее к вещественному наслаждению непременно берется из земли или воды — для всякого это явно. Что со тщанием добывается для чрева и снедей, что признается богатством — это смешение земли и воды, и делается и именуется брением. Жадные до сих бренных удовольствий, наполняя себя ими, никогда не сохраняют полного той пустоты, которая их приемлет в себя. Напротив того, непрестанно наполняемое делается пустым для притекающего вновь (свт. Григорий Нисский, 18, 277).

Вы, сотворенные разумными и имеющими ум, который служит истолкователем и учителем Божественных повелений, не обольщайтесь преходящим. Приобретите то, что никогда не оставляет приобретшего; определите меру пользованию жизнию. Не все ваше, но часть пусть принадлежит и <нуждающимся> любезным Богу. Ибо все принадлежит Богу, общему Отцу. Мы же — как бы братия родные; братьям же всего лучше и справедливее разделять наследство поровну. В противном случае, если один присвоил себе более, чем другой, остальные пусть воспользуются хотя частью. Если же кто захотел бы быть господином всего вообще, лишая братьев части... тот злой тиран, непримиримый варвар, ненавистный зверь, радостно отверзающий пасть только на пищу; таковый суровее даже самых зверей. Ибо и волк допускает волка в еду, и собаки также во множестве терзают один труп; он же, ненасытный, никого из единоутробных не допускает к участию в богатстве. Тебе достаточно умеренного стола; не пускайся в это море необузданного пирования. Ибо тебе угрожает жестокое кораблекрушение, не о подводные камни сокрушающее, но ввергающее в глубочайшую тьму, откуда впавший туда никогда не выйдет (свт. Григорий Нисский, 24, 406).

***

Хорошо богатеть кротостью и любовью (авва Евагрий, 85, 602).

***

Не пожелай иметь богатство для раздаяния бедным. Ибо и это есть лесть лукавого, часто приходящего в видах

тщеславия и ввергающая ум в дела многомятежные (авва Евагрий, 85, 618).

***

Как вещественное богатство умножается тем, что любители его не пренебрегают и малейшими прибылями, так то же и с духовным <богатством> (свт. Иоанн Златоуст, 45, 35).

***

Кто же богат: тот ли, кто терзается из-за малого или кто презирает все? (свт. Иоанн Златоуст, 45, 66).

***

...Кто презирает богатство, тот, простираясь далее, будет легко презирать и смерть... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 369).

***

...Кто занят богатством, есть раб не только богатства, но и славы и почестей настоящей жизни и всего вообще житейского (свт. Иоанн Златоуст, 45, 369).

***

...Кто владел богатством, тому нелегко вырваться из оков его; такое множество недугов объемлет его душу, то есть страстей, которые как бы густое и темное облако, заграждая взоры ума, не попускают взирать на небо, но заставляют преклоняться вниз и смотреть в землю (свт. Иоанн Златоуст, 45, 489).

***

...Богат не тот, кто имеет многое, но тот, кто не нуждается во многом... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 799).

***

Бог попустил тебе иметь больше других не для того, чтобы ты тратил на блудодеяние, и пьянство, и пресыщение, и дорогие одежды, и на другие предметы роскоши, но для того, чтобы ты уделял нуждающимся (свт. Иоанн Златоуст, 45, 805).

***

Где богатство и хищничество, там виден волк; где богатство и свирепость, там вижу льва, а не человека; он погубил свое благородство неблагородством пороков (свт. Иоанн Златоуст, 45, 854).

***

...Богатство — это беглец неблагодарный, раб неверный; наложи на него тысячу цепей — он уйдет и с цепями (свт. Иоанн Златоуст, 46, 33).

***

Не богатство — зло, а любостяжание и сребролюбие (свт. Иоанн Златоуст, 46, 34).

***

Авраам был богат, но не был сребролюбив, потому что не заглядывал в чужой дом, не любопытствовал о чужом

имении, но, выходя (из своего дома), смотрел, нет ли где странника, нет ли где нищего, чтобы помочь нищете и принять путника (свт. Иоанн Златоуст, 46, 34).

***

Богат не тот, кто приобрел много, но тот, кто много роздал (свт. Иоанн Златоуст, 46, 34).

***

Нет ничего обманчивее богатства: оно сегодня с тобою, а завтра против тебя; оно со всех сторон вооружает против тебя завистливые глаза... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 35).

***

<Богатство> — это неприятель, живущий под одним с тобою кровом, это враг домашний (свт. Иоанн Златоуст, 46, 35).

***

Ничто так не возбуждает зависти, как человек богатый, а если еще присоединится гордость, то двойная пропасть открывается перед ним, и все объявляют ему жесточайшую войну (свт. Иоанн Златоуст, 46, 36).

***

Заботящиеся только об украшении своего дома, богатые только внешними благами, нерадят о внутренних благах и не обращают внимания на то, что душа их пуста, нечиста и покрыта паутиной. Но если, презрев внешнее,

они всю свою заботливость обратят на душу свою и будут украшать ее со всех сторон, душа таких людей сделается жилищем Христовым (свт. Иоанн Златоуст, 46, 36).

***

...Только те владеют богатством, которые и употреблением его не дорожат, и наслаждение им презирают (свт. Иоанн Златоуст, 46, 37).

***

...Не будем почитать богатство великим благом: великое благо — не деньги нажить, но стяжать страх Божий и благочестие (свт. Иоанн Златоуст, 46, 38).

***

Богатых... постигают многие болезни, а бедные не впадают в руки врачей (свт. Иоанн Златоуст, 46, 40).

***

Имея надобность во многих лицах, он <богатый> принужден многим льстить и угождать с великим раболепством; бедного же, если он благоразумно ведет себя, не может одолеть и диавол (свт. Иоанн Златоуст, 46, 41).

***

Не будем считать богатство чем-либо великим и не станем думать, будто золото лучше грязи; достоинство вещества зависит не от естественных свойств его, но от нашего мнения о нем (свт. Иоанн Златоуст, 46, 268).

***

...Как нельзя удержать тень, так и житейские предметы: одни из них разрушаются при смерти, а другие еще прежде смерти уплывают быстрее всякого потока (свт. Иоанн Златоуст, 46, 474).

***

...Богатство не приносит никакой пользы имеющему его без благочестия (свт. Иоанн Златоуст, 46, 486).

***

Трать его <богатство> на нужное, когда имеешь его, чтобы, когда лишишься, тебе иметь двоякую пользу — уготованную тебе награду за прекрасную трату и происходящее от презрения любомудрие, которое бывает полезно во время лишения богатства (свт. Иоанн Златоуст, 46, 698).

***

Если ты богат, — подумай, что отдашь отчет: на блудниц истратил ты деньги или на бедных; на тунеядцев и льстецов или на нуждающихся; на распутство или на человеколюбие; на удовольствие, лакомство и пьянство или на вспоможение несчастным? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 7).

***

Таково свойство духовного богатства: оно подобно потокам вод или, лучше, превосходит и их обилие, умножаясь тем более, чем более почерпающих его. Входя в душу

каждого, оно не разделяется и не уменьшается, но принимается каждым всецело и остается постоянно неиждиваемым и никогда не оскудевающим (свт. Иоанн Златоуст, 47, 35).

***

...Я не богатых обвиняю и не богатство осуждаю, а худое употребление богатства, истрачиваемого на распутство (свт. Иоанн Златоуст, 47, 53).

***

Хотя бы и многи и многоценны были приобретения, но если нет могущего распоряжаться ими с добродетелью, то все погибнет и уйдет вместе с ним и может принести приобретателю крайний вред... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 336).

***

...Не богатство денежное, но богатство душевное доставляет нам удобство к милостыне (свт. Иоанн Златоуст, 47, 342).

***

...Если <применить богатство> на хищение, любостяжание и обиды, то ты обратил употребление его к противному, но не богатство причиною этого, а тот, кто употребил богатство в обиду ближним (свт. Иоанн Златоуст, 47, 366).

***

...Богатый, занятый многими заботами, надменный гордостью, происходящей от богатства, преданный лености и

беспечности, не с великою ревностью и не с великим усердием принимает врачевство слушания Писаний... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 366).

***

Богатство, как дикий зверь, если удерживают его — оно убегает, если расточают — остается: *расточи*, говорится в Писании, *даде убогим, правда его пребывает во век* (Пс. 111, 9) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 411).

***

(Богатство) — это неблагодарный раб, неутолимый человекоубийца, неукротимый зверь, скала, обрывистая со всех сторон, подводный камень, непрерывно обуреваемый волнами, море, вздымаемое бесчисленными ветрами, свирепый тиран, властелин жестче всякого варвара, враг непримиримый, неприятель неумолимый, не прекращающий никогда своей вражды к тем, которые владеют им (свт. Иоанн Златоуст, 47, 431).

***

...Богатство, если его запирают и закапывают, бывает свирепее льва и везде наводит страх. А если ты выведешь его из мрака и посеешь в недра бедных, то этот зверь становится овцою, предатель — защитником, подводный камень — пристанью... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 432).

***

Почему тебе, человек, богатство кажется драгоценным? Конечно, по удовольствию, получаемому от трапез?.. Потому что ты можешь отмщать оскорбляющим тебя и быть

для всех страшным? Других причин представить ты не можешь, кроме удовольствия, лести, страха и мщения, потому что обыкновенно богатство отнюдь не делает никого ни мудрее, ни целомудреннее, ни смиреннее, ни благоразумнее; не делает ни добрым, ни человеколюбивым; не ставит выше ни гнева, ни чрева, ни удовольствий; не учит ни умеренности... и никакой другой добродетели не вселяет и не насаждает в душе (свт. Иоанн Златоуст, 47, 483).

***

<Богатство> не только не способно насаждать или возращать что-нибудь доброе, но если даже найдет добро, уже находящееся в человеке, то повреждает, останавливает и иссушает его; а иное и вовсе истребляет и вносит противное тому — безмерное невоздержание, непристойную раздражительность, несправедливый гнев, гордость, надменность, безумие (свт. Иоанн Златоуст, 47, 484).

***

Разве человеколюбивый Господь для того дал тебе много, чтобы ты данное тебе употребил только в свою пользу, остальное же запер в сундуках и кладовых? Нет, не для этого, но для того, чтобы, по апостольскому увещанию, твой избыток восполнял недостатки других (2 Кор. 8, 14) (свт. Иоанн Златоуст, 48, 186).

***

Истинное богатство и неоскудеваемое имение состоит в том, чтобы желать только нужного и надлежащим образом употреблять излишнее. Такой (человек) никогда не может опасаться бедности, не будет терпеть скорбей и испы-

тывать беспокойств, он будет безопасен и от клеветы, свободен от злоумышленников и, вообще сказать, будет жить в невозмутимом мире, наслаждаясь спокойствием и тишиною; и что всего важнее и выше всех благ, такой (человек) получит много милостей Божиих, как верный распорядитель имения своего Господа (свт. Иоанн Златоуст, 48, 409).

***

Постараемся не увеличивать только свое имущество, но и заботиться о справедливости... Что пользы в чужой стороне оставить богатства, а в истинном своем отечестве не иметь и необходимо нужного? (свт. Иоанн Златоуст, 48, 528).

***

...Умножение богатства ничего больше не приносит нам, кроме умножения забот, беспокойств и бессонницы (свт. Иоанн Златоуст, 48, 547).

***

...Юность и сама по себе слаба и удобопреклонна ко злу, а когда получит еще большее богатство, то еще стремительнее увлекается ко всему худому (свт. Иоанн Златоуст, 48, 637).

***

Как огонь, нашедши горючее вещество, производит сильнейшее пламя, так и юность, получив кучу денег, как удобовозгораемое вещество, возжигает такое пламя, что вся душа юноши воспламеняется (свт. Иоанн Златоуст, 48, 637).

***

Отсюда <от богатства> рождаются: роскошь, неуместные удовольствия и бесчисленное множество зол (свт. Иоанн Златоуст, 48, 713).

***

...Если бы все были богаты, то все стали бы жить в праздности, и тогда бы все расстроилось и погибло (свт. Иоанн Златоуст, 48, 826—827).

***

...Богатство для невнимательных служит средством к порокам... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 32).

***

...Кто хвалится вещами житейскими, тот нисколько не отличается от людей, веселящихся во сне (свт. Иоанн Златоуст, 49, 46).

***

...Пусть никто не гоняется за обилием богатства. Отсюда происходит много зол для невнимательных: гордость, леность, зависть, тщеславие и другие гораздо большие (свт. Иоанн Златоуст, 49, 133).

***

Как птица уловляется и детьми, и сетями, и силками, и другими бесчисленными средствами, так и богатый уловляется и друзьями, и врагами. Он живет даже в большей опасности, нежели птица, имея множество людей, которые

ловят его, а прежде всех — свои порочные пожелания; он изгнанник, всегда зависящий от обстоятельств времени; он боится и свирепости палачей, и гнева царя, и коварства от льстецов, и обмана от друзей; когда восстают на него враги, он трепещет больше всех; и когда бывает мир, он опасается козней, потому что не имеет богатства прочного и неотъемлемого. Потому он постоянно скитается... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 137).

***

Есть богатство истинное, есть и ложное. Ложное состоит в имуществе, а истинное — в добрых делах (свт. Иоанн Златоуст, 49, 139).

***

Богатство состоит не в том, чтобы богатеть, а в том, чтобы не желать богатства (свт. Иоанн Златоуст, 49, 563).

***

Богатства, по свойству своему, не только не придают славы обладающим ими, но совершенно уничтожают ее. Тех, которые хвалятся их обилием, все признают людьми жестокими, бесчеловечными, негодными и чуждыми любомудрия (свт. Иоанн Златоуст, 49, 576).

***

...Никогда не будем стремиться к тому, чтобы быть богатыми, но к тому, чтобы только Бог благоволил к нам. При Божием благоволении мы, будучи и бедными, можем быть радостны; когда же Бог гневается, то хотя бы мы

были богатыми и состоятельными, мы все будем томиться от печали (свт. Иоанн Златоуст, 50, 311).

***

Если же бы Он <Бог> даровал каждому богатство, то этим самым Он отнял бы средства к добродетели, а потому Он распределил блага всем не поровну, для того чтобы грехи, которые происходят от любви к богатству, не распространились на всех... Но Бог дал богатство богачу затем, чтобы он утешал скорби бедности (свт. Иоанн Златоуст, 50, 354).

***

Если бы богатство было прямо добром, то и владеющие им должны бы быть добрыми; но если не все богатые добродетельны, а только те, которые хорошо пользуются богатством, то очевидно, что богатство само по себе есть не прямо добро, но некоторое средство к добродетели, занимающее среднее место (свт. Иоанн Златоуст, 50, 435).

***

Кто попрал страсть к богатству, тот всех богаче (свт. Иоанн Златоуст, 51, 51).

***

Раб Христов не будет рабом богатства, но его властелином (свт. Иоанн Златоуст, 51, 98).

***

Богатство обыкновенно само ищет того, кто его бегает и убегает того, кто его ищет; не столько чтит ищущего

его, сколько презирающего; ни над кем так не издевается, как над своими искателями; и не только издевается над ними, но и опутывает их бесчисленными узами (свт. Иоанн Златоуст, 51, 98).

***

Есть люди, которые до того преданы этой тиранической власти <богатства>, что самый вид золота производит над ними особенное действие, и они для шутки говорят, что и для глаз полезно смотреть на золотую монету. Но не шути так, человек! Поистине ничто так не вредит и телесным, и душевным очам, как эта страсть. Пагубная любовь эта погасила светильники неразумных дев и лишила их брачного чертога <...> Что может быть беззаконнее этого взгляда? Что ужаснее? Не о веществе денег говорю я, но о безмерной и необузданной к ним страсти (свт. Иоанн Златоуст, 51, 99).

***

Мы всеми силами стараемся приобрести землю и за несколько десятин земли и домов не только не жалеем денег, но даже проливаем кровь, а для приобретения неба не хотим пожертвовать и самыми избытками, между тем как могли бы купить его за малую цену и, купивши <его>, обладать им вечно. Потому-то мы и подвергнемся крайнему наказанию, если придем туда наги и нищи, и не за свою только бедность <в милостыне> будем терпеть несносные мучения, но и за то особенно, что и других вовлекли в подобное состояние. В самом деле, если язычники увидят, что и мы, сподобившись великих таинств, привязаны к земному, то тем более сами будут прилеплять-ся к нему. Чрез это мы сами собираем сильнейший огонь

на главу нашу. Нам надлежало бы учить их презирать все видимое, а мы вместо того больше всех возбуждаем в них пристрастие к нему. Как же мы можем спастись, когда должны будем подвергнуться истязанию за погибель других? (свт. Иоанн Златоуст, 51, 129).

***

...Кто рабствует богатству — и здесь и там <по смерти> всегда будет в узах, а не имеющий этой страсти и здесь и там будет свободен. Чтобы и нам достигнуть этой свободы, сокрушим тяжкое ярмо сребролюбия и воскрылимся к небу, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 129).

***

Подобно тому, как, видя узника, у которого и шея, и руки, а часто и ноги в железах, ты почитаешь его крайне несчастным, так и, видя богатого, владеющего неисчетными сокровищами, не называй его счастливым, но за то-то самое и считай его самым злополучным. В самом деле, кроме того, что он в узах, при нем находится еще жестокий страж темничный — злое любостяжание, которое не позволяет ему выйти из темницы, но приготовляет для него тысячи новых оков, темниц, дверей и затворов; и, ввергнувши его во внутреннюю темницу, еще заставляет его услаждаться своими узами, так что он не может даже найти и надежды освободиться от зол, его угнетающих. И если ты проникнешь мыслью во внутренность души его, то увидишь ее не только связанною, но и крайне безобразною, осквернennою и наполненною червями (свт. Иоанн Златоуст, 51, 147).

***

...Ничто столько не заставляет любить богатство, как тщеславие (свт. Иоанн Златоуст, 51, 234).

***

...Не закапывай в землю ни золота, ни чего-либо другого тому подобного, потому что сокровище ты собираешь для червя, тли и для воров. Хотя ты и сбережешь его от этих истребителей, но не сохранишь своего сердца от порабощения и прилепления ко всему земному, — потому что где будет сокровище твое, там будет и сердце твое (свт. Иоанн Златоуст, 51, 236—237).

***

Богатство соединяет в себе два противоположных зла: одно сокрушает и омрачает — это есть забота; другое расслабляет — это есть роскошь (свт. Иоанн Златоуст, 51, 467).

***

Если Господь не пощадил для нас Самого Себя, то чего будем достойны мы, когда, дорожа богатством, не щадим души своей, за которую Он не пощадил Себя? (свт. Иоанн Златоуст, 51, 521).

***

...Любовь к богатству превратила и ниспровергла все и истребила истинный страх Божий. Как таран разрушает крепость, так и она ниспровергла души людей (свт. Иоанн Златоуст, 51, 616).

***

Хотя бы мы в остальных отношениях и были добродетельны, богатство истребляет все эти добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 51, 643).

***

...Приращение богатства более и более возжигает пламя страсти и делает богачей беднее прежнего... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 645).

***

...Знай, что не умножением богатства, но истреблением в себе страсти к нему прекращается зло (свт. Иоанн Златоуст, 51, 648).

***

Страсть эта <любовь к богатству> разоряла многие дома, воздвигала жестокие войны и заставляла прекращать жизнь насильственной смертью. Да еще и прежде этих бедствий она помрачает добрые качества души и часто делает человека малодушным, слабым, дерзким, обманщиком, клеветником, хищником, лихоимцем и вообще имеющим в себе все низкие качества (свт. Иоанн Златоуст, 51, 648).

***

Как же можно спастись богатому? Все стяжание свое делая общим для нуждающихся, как поступал Иов, изгоняя из души пристрастие к большему и ни в каком случае не преступая пределов необходимого (свт. Иоанн Златоуст, 51, 751).

Рассуди: что такое золото? Земля и прах... Рассуди и устыдись, как ты прах делаешь своим владыкою... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 880).

***

Любовь к богатству противна <чужда> любви к поучениям (свт. Иоанн Златоуст, 52, 19).

***

Для того-то Бог и не позволяет нам любить богатство и славу, чтобы они не овладевали нами. А когда мы достигнем такого совершенства, то Он и подаст нам их с великою щедростью (свт. Иоанн Златоуст, 52, 33).

***

Не будем думать, будто любовь к богатству сама по себе сильна: вся сила заключается в нашей беспечности (свт. Иоанн Златоуст, 52, 496).

***

...Богатым мы назовем того, кто презирает все настоящее, потому что никто, поистине никто не решится пренебречь этими ничтожными вещами — серебром, золотом и другими призрачными благами, если не имеет любви к большему <небесному>... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 546).

***

Пристрастный к богатству никогда не будет в состоянии пользоваться им; он будет рабом и стражем его, но не господином (свт. Иоанн Златоуст, 52, 597).

***

Кто любит богатство, тот не будет любить даже ближнего, а, между тем, нам заповедано ради Царствия любить самих врагов (свт. Иоанн Златоуст, 52, 597).

***

Пристрастные к богатству часто не признают самой природы. Такой человек ни родства не знает, ни знакомства не помнит, ни возраста не почитает, никого не имеет другом, но ко всем проявляет враждебное расположение, больше же всех — к самому себе, не потому только, что губит душу свою, но и потому, что обременяет себя бесчисленными заботами, трудами и печалями (свт. Иоанн Златоуст, 52, 597).

***

...Душа богатого исполнена всех зол: гордости, тщеславия, бесчисленных пожеланий, гнева, ярости, корыстолюбия, неправды и тому подобного (свт. Иоанн Златоуст, 53, 132).

***

...Над богатыми диаволу нет нужды много трудиться, богатство делает их совершенно готовыми к падению (свт. Иоанн Златоуст, 53, 446).

***

...Скажи мне, почему ты стоишь, с изумлением смотря на богатство и готовый лететь к нему? Что ты видишь в нем удивительного и достойного остановить на себе взоры

твои? <...> Дорогие ли одежды, а в них сладострастная душа, поднятые вверх брови, беготня и волнение? Но неужели все это достойно удивления? Чем эти люди отличаются от нищих, которые пляшут на рынке и играют на свирели? Они, одержимые сильным голодом добродетели, пляшут свою пляску, которая смешнее пляски нищих, когда бегают и кружатся то по роскошным обедам, то по домам непотребных женщин, то в толпе льстецов и тунеядцев. Хотя они и в золото одеты, но особенно жалки потому, что заботятся больше всего о том, что не имеет для них никакого значения. Не смотри на одежды, но раскрой их душу и вглядись, не полна ли она бесчисленных ран, не одета ли в рубище, не одинока ли она и не беззащитна ли? Какая польза в этом безумном пристрастии к внешнему? Гораздо лучше быть бедным, но жить добродетельно, чем быть царем, но порочным. Бедный сам по себе наслаждается всяким душевным удовольствием и, вследствие внутреннего богатства, не чувствует наружной бедности. А царь, наслаждаясь тем, что ему вовсе не прилично, наказывается в том, что в особенности ему должно быть свойственно, и мучится в душе помыслами и совестью, преследующими его и среди удовольствий. Зная это, отвергнем золотые одежды и усвоим себе добродетель и удовольствие, происходящее от добродетели. Таким образом, и здесь и там мы насладимся многою радостью и достигнем обетованных благ... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 522).

***

Богатые в настоящей жизни ничем не отличаются от малых детей, которых беспокоят щенята, так как все лают вокруг них, теребят их и тащат, не только люди, но и

низкие страсти, чревоугодие, пьянство, лесть и всякого рода распутство (свт. Иоанн Златоуст, 53, 562).

***

...Станем презирать имущество, чтобы не быть и нам презренными от Христа; станем пренебрегать богатством, чтобы приобрести его. Если мы будем беречь его здесь, то несомненно погубим и здесь и там, а если будем раздавать его со многою щедростью, то в той и другой жизни насладимся великим благополучием (свт. Иоанн Златоуст, 53, 566).

***

Рабство богатства тяжелее всякого мучения, о чем хорошо знают все те, которые удостоились освободиться от него. Потому, чтобы и вам узнать эту прекрасную свободу, разорвите узы, бегите от сетей, пусть у вас в доме хранится не золото, но то, что дороже бесчисленных богатств — милостыня и человеколюбие. Это дает нам дерзновение перед Богом, а золото покрывает нас великим стыдом и много содействует диаволу влиять на нас (свт. Иоанн Златоуст, 53, 676).

***

Не говори же, почему один богат, несмотря на то, что порочен, а другой беден, несмотря на то, что праведен?.. Праведник не терпит никакого вреда от бедности, напротив, еще более прославляется, а злой человек ведется богатством к мучению, если не переменится, и еще прежде наказания богатство часто бывало для него причиною многих зол и ввергало его в бесчисленные пропасти. Бог

же попускает это, с одной стороны, в знак свободы (человеческой) воли, с другой — для научения прочих не бесноваться и не гоняться за деньгами (свт. Иоанн Златоуст, 54, 293).

***

Богатство имеет только наружность светлую, внутри же исполнено мрака... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 394).

***

...Приобретение богатства соединено с великим бесчестием. Оно душу делает гнусною — а что бесчестнее этого? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 415).

***

Если больной не слушается предписаний врачей — это хуже болезни. А богатство именно это производит, отовсюду воспаляя душу и не позволяя врачам приблизиться к ней (свт. Иоанн Златоуст, 55, 416).

***

...Богатство делает (людей) безумными и бешеными (свт. Иоанн Златоуст, 55, 417).

***

Подлинно, богатство есть терние, которое вовсе не приносит плода, видом безобразно, неприятно в употреблении, уязвляет того, кто дотрагивается до него, и не только само не приносит плодов... но и для желающих стяжать его составляет препятствие. Терние служит пищею для нера-

зумных верблюдов, оно снедь для огня <...> Равным образом и богатство ни на что не бывает полезно, но служит только к тому, чтобы разжигать пещь (геенскую), воспламенять тот день, который будет гореть подобно раскаленной печи; чтобы питать в вас безумные страсти: злопамятство и гнев (свт. Иоанн Златоуст, 55, 593).

***

Если желаешь обогатиться, сделайся бедным <милостынею>. Таковы-то чудные дела Божии. Не хочет Он, чтобы ты был богат вследствие собственных усилий, но по Его милости (свт. Иоанн Златоуст, 55, 694).

***

Чем больше ты будешь богатеть, тем больше будешь рабствовать, если же будешь презирать свойственное рабам, то сделаешься славным в доме Царском (свт. Иоанн Златоуст, 55, 833—834).

***

...То и ужасно, что тот, кто оставляет здесь нажитые им богатства, уходит с бременем сделанных им при своем обогащении грехов. Выгоды от своих богатств он лишается, а от заслуженного благодаря им осуждения не освобождается. Его наследник пожинает плоды его трудов, а наказание несет один только он. Тот, кто не приобретал, пользуется и наслаждается, а кто приобрел... — терпит мучения, получив одну только выгоду — подвергнуться наказанию (свт. Иоанн Златоуст, 55, 946).

***

...Будем расточать богатство на бедных, чтобы истощить тамошний огонь, чтобы погасить его, чтобы там иметь дерзновение (свт. Иоанн Златоуст, 56, 16).

***

...Богатство заключает в себе еще то зло, что неправедно приобретший его, совершая грехи безнаказанно, никогда не перестает совершать их, получает раны неисцельные, и никто <из людей> не налагает на него узды (свт. Иоанн Златоуст, 56, 25).

***

Видишь ли человека любостяжательного и имеющего большое богатство — не устремляй туда око свое: это грязь, дым, дурное испарение, тьма, великая теснота, беспокойное изнурение (свт. Иоанн Златоуст, 56, 156).

***

...Так сильна эта болезнь у многих людей и так велика власть богатства, что многие не могут выносить отречения от него даже на словах... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 161).

***

...Богатство обычно не делает ни более мудрым, ни более воздержанным, ни добрым, ни человеколюбивым; не вводит и не насаждает в душе и никакой другой добродетели. И ты не можешь сказать, что оно вожделенно и желательно для тебя ради какого-либо из этих благ, по-

тому что оно не только не может насаждать и возделывать ни одного из них, а, напротив, даже вредит и мешает им, если найдет их имеющимися уже налицо, а некоторые даже и совсем исторгает и вводит то, что противоположно им... Плененные этим недугом не в состоянии слышать, как их обвиняют и обличают, будучи всецело преданы удовольствию и став через это самое рабами... Потому ли богатство кажется вам желанным и высокоценным, что оно питает в вас тягчайшие страсти, доводя гнев до дела, вздувая пузыри больного честолюбия до громадных размеров и возбуждая к гордости? Потому самому нужно без всякой оглядки бежать от него, что оно поселяет в нашей душе диких и свирепых зверей, чрез которых лишает ее чести... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 555).

***

Тогда как нас ожидают такие блага <небесные>, мы все еще пристращены к настоящим и не помышляем о коварстве диавола, который чрез малое лишает нас великого; дает грязь, чтобы похитить небо; показывает тень, чтобы отвратить от истины, обольщает сновидениями (а ничто иное настоящее богатство), чтобы, когда настанет день, показать нас беднее всех (свт. Иоанн Златоуст, 56, 561).

***

...Любовь к богатству бесконечна, и чем дальше ты будешь идти, тем дальше будешь отстоять от конца, и чем больше будешь желать чужого, тем сильнее будут увеличиваться мучения (свт. Иоанн Златоуст, 56, 564).

***

Бог сделал тебя богатым, чтобы ты помогал нуждающимся, чтобы искуплял свои грехи спасением других; дал тебе деньги не для того, чтобы ты запирал их на свою погибель, а чтобы расточал для своего спасения (свт. Иоанн Златоуст, 56, 564—565).

***

Есть... богач, который грабит все у всех, и есть богач, который отдает свое имущество бедным; один богатеет, собирая, другой — расточая, один сеет землю, другой возделывает небо (свт. Иоанн Златоуст, 56, 672).

***

...Богатство часто может служить ко благу, по слову Апостола, который богатым в настоящем веке заповедует быть щедрыми, общительными, собирающими себе сокровище, долженствующее быть добрым основанием для будущего, чтобы достигнуть истинной жизни (1 Тим. 6, 17—19), и, по Евангелию, оно полезно тем, которые приобретают себе друзей богатством неправедным (т. е. вещественным) (Лк. 16, 9). Но то же самое богатство обращается и во зло, как скоро собирается только для сбережения или для роскоши, а не употребляется в пользу нуждающихся (авва Феодор, 57, 263).

***

Если же надмевает тебя неправедно собранное богатство, то оно скоро изблюется тобою, потому что по природе своей течет и не постоит на месте. А ты возбу-

дишь великий смех, прилепившись к преходящему, как к чему-то постоянному (прп. Исидор Пелусиот, 61, 107).

***

...Если любим богатство и нерадим о благотворительности, то из Божественного Писания известно нам, что такой человек предастся продолжительному горению в огне (прп. Исидор Пелусиот, 61, 196).

***

...Богатый в роскоши яств и виссонной одежде имеет покровом своим геенну и геенский огонь (прп. Исидор Пелусиот, 61, 215).

***

Что имеешь у себя богатство, это справедливо, а что удерживаешь его у себя, это несправедливо. Сделай его общим достоянием, чтобы чрез это сделалось оно твоим, во время нужды став искупительною ценою и умилостивительною жертвою (прп. Исидор Пелусиот, 61, 232).

***

Не богатства... ищи; оно — отец гордыни, родитель презорства, податель сластолюбия, виновник всякого порока; похищает у человека приверженность его к Богу... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 327).

***

По нашему мнению, богатее и могущественнее всех поправшие любовь к богатству, к которым всеми силами

стараемся быть причисленными. Если и многие поклонились, как вавилонскому образу, сему мучителю — богатству, то мы, подражая мужеству трех отроков, хотя бы звуки труб и свирелей и всех музыкальных орудий, носясь по воздуху, оглашали наш слух, и разжигаема была пещь нищеты, не обратим внимания на тимпаны и рога и на всю прочую величавость богатства, но если должно будет впасть и в пещь, изберем бедность, чтобы не поклониться богатству; и любомудрие для нас будет как роса, здесь *посреди шумящая* (ср.: Дан. 3, 50) и доставляющая всякую свободу, и там уготовляющая венцы терпения (прп. Исидор Пелусиот, 63, 166).

***

Если, видя себя утопающим в неправедном богатстве, почитаешь богатым, а любомудрствующих видя борющимися, как с лютым зверем, с нищетою, признаешь несчастными, то знай — то самое, что думаешь о них, в сравнении с ними терпишь ты. А если не чувствуешь сего, это не удивительно, потому что и беснующиеся, в безумии делая то, что они делают, ублажают самих себя, а в подлинном смысле здоровых осмеивают (прп. Исидор Пелусиот, 63, 395).

***

Довольствоваться малым — вот определение богатства; желание большего и большего — вот признак нищеты (прп. Исидор Пелусиот, 63, 440).

***

Богатство, если имеешь, — расточай, а если не имеешь, — не собирай (прп. Нил Синайский, 70, 235).

***

Не веселись при богатстве, потому что заботы о нем всего чаще и против воли отлучают человека от Бога (прп. Нил Синайский, 70, 247).

***

Богатым прежде всего надлежит по заповеди отложить богатство свое, как тяжелую ношу, препятствующую вести истинную во Христе жизнь, а потом взять крест на рамена свои и последовать Христу Господу. Ибо нет возможности, чтоб понес кто-либо то и другое — и богатство и крест (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 194).

***

Горе, душа, собравшим богатства, потому что они возжелают там получить каплю (воды) (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 65).

***

Все... которые откладывают (и копят) богатства, суть нищие и даже хуже всех нищих — ибо нагими, как выброшенная падаль, они (повергаются) в могилы, будучи и в настоящей жизни несчастными и в будущей — странниками (и пришельцами) (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 65).

***

Ты хочешь, душа моя, владеть одеждами и богатством? Послушай, я покажу тебе сейчас вечное богатство. Кайся со слезами, презирай все, будь нищею духом и сердцем, будь нестяжательной в деньгах и странницей в мире, будь

противницей своих противных желаний и, (упокоеваясь) в воле единого Владыки твоего, ревностно последуй стопам Его... возопи и громко воскликни. И Он, обернувшись, милостивым оком взглянет на тебя и даст тебе немного посмотреть на Себя, и, скрывшись от очей твоих, опять оставит тебя. Тогда ты, бедная, горько восплачешь и возрыдаешь, тогда станешь просить (себе) смерти, не вынося скорби и не терпя разлуки с Пресладким Владыкой. Он же, видя тебя в крайней нужде и весьма постоянною в плаче и сетовании, опять внезапно явится и озарит тебя, опять покажет тебе неисчерпаемое богатство — неувядающую славу Отчего лика, и, исполнив радости, возвеселит тебя, как и прежде, и таким образом преисполненною радости оставит тебя. Та же радость, которая бывает от мирских слов и помыслов, мало-помалу оставит тебя и придет к тебе печаль. И так снова, как и прежде, ты горько восплачешь, и возрыдаешь, и взыщешь Его, Виновника веселия, Подателя радости, Который есть прочное и поистине всегда пребывающее богатство (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 66).

***

Чтоб получить истинное, свойственное вам, неотъемлемое достояние, сохраните верность Богу при распоряжении срочно-вверенным. Не обманите себя: не сочтите земного имущества собственностью! (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 235).

БОГОВЕДЕНИЕ

...Божие лицезрение и ведение превосходит силы всех тварей... (свт. Афанасий Великий, 2, 290).

***

...Путь Боговедения — от Единого Духа, чрез Единородного Сына к Единому Отцу (свт. Василий Великий, 7, 257).

***

Кроме Сына и Духа Святаго никто не имеет полноты Его <Бога> ведения. Ибо, если услышим что большее, то не поверим, и если приимем что большее, то возгордимся. Потому справедливо и не говорит и не дает Он большего (прп. Ефрем Сирин, 30, 253—254).

***

...Ведение Бога приобретает с чистым сердцем упражняющийся в чтении Божественных Писаний (прп. Ефрем Сирин, 32, 96).

***

...В то время, как занимаемся сим обозрением <Песни Песней>, должно, как думаю, предать забвению помышления о делах супружеских... и во всем приложить к себе предписания законодателя <Моисея>, как скоро намереваемся приступить к духовной горе Боговедения, где женственный род помыслов с вещественным их заготовлением оставляется дольней жизни; всякая же неразумная мысль, если появится близ таковой горы, как бы камнями какими-то, побивается более твердыми мыслями. Ибо и при этом едва ли стерпим глас сей трубы <Священного Писания>, звучащей нечто великое, необычайное, превышающее силы внемлющих, — глас, усиливаемый самою непроницаемостью мрака, в котором Бог, огнем попаляющий

на такой горе все вещественное (свт. Григорий Нисский, 20, 21).

***

Путь к ведению есть бесстрастие и смирение, без которых никто не узрит Господа (прп. Исихий Иерусалимский, 86, 181).

***

Бог знает Себя из блаженного естества Своего, а создания Свои из Своей Премудрости, с которою и в которой все сотворил; Святые же Силы знают Бога, Сущего превыше всякого причастия, по причастию (Его ведения), а творения Его чрез восприятие сущих в них умных созерцаний (прп. Максим Исповедник, 87, 199).

***

Тому, кто, очищая сердце свое и с корнем исторгая из него грех о Господе, труд прилагает ко стяжанию Божественного ведения, и успевает узреть умом незримое для многих, не должно возноситься из-за того над кем-либо. Что между тварями чище бестелесного и что многоведущее Ангела? Однако ж и он, вознесшись, низвержен с неба, как молния. Его высокоумие вменено ему Богом в нечистоту (прп. Филофей Синайский, 87, 405).

БОГОВИДЕНИЕ

Когда престает в человеке царство греха, тогда является душе Бог и очищает ее вместе с телом. Если же царство греха живет в теле, то не может человек видеть Бога, ибо душа его находится в теле и не имеет места в

ней свет, который есть видение Бога (прп. Антоний Великий, 85, 41).

***

Как тело, вышедшее из матерней утробы несовершенным, не может жить, так душа, исшедшая из тела, не достигнув Боговидения чрез доброе житие, спастись или быть в общении с Богом не может (прп. Антоний Великий, 85, 84).

***

Глаз видит видимое, а ум постигает невидимое. Боголюбивый ум есть свет души. У кого ум боголюбив, тот просвещен сердцем и зрит Бога умом своим (прп. Антоний Великий, 85, 86).

***

Видят ли <Бога> праведные, когда делают доброе? <...> Когда приемлешь странников ради Христа, тогда видишь Христа; когда ради Его упокоеваешь немощных, тогда Его же видишь; когда что бы то ни было делаешь ради Его, тогда Он у тебя перед глазами, и ты созерцаешь Бога. Сказано: *Бог любы есть* (1 Ин. 4, 8). Если имеешь любовь — видишь, Кого имеешь в себе. Как же ты видишь? Слушай опять: радуешься ты, делая добро, услаждаешься, творя дела любви, веселишься, исполняя послушание. Итак, любовь есть радость и веселие, она содействует тебе в добрых делах; ты видишь Бога, содействующего тебе, ибо всякий знает того, кто одно с ним делает дело. Любовь невидима плотским очам, не смотрит на правду и не показывает другому своей святости, но она видима очам

душевным. Радуясь и веселясь о сделанных тобою добрых делах, видишь ты Бога и не отрицайся, что видишь Его... Ужели потому, что не видишь целомудрия, не усматриваешь его и в делах? Так, хотя и не видишь Бога чувственными очами, однако же видишь Его в любви. Ибо всякий, кто делает добро, радуется... (прп. Ефрем Сирин, 32, 165).

***

...Кто все свои душевные силы очистил от всякого вида зла, для того, смело говорю, становится ясным единое по естеству прекрасное, которое есть причина всякой красоты и блага. Ибо как чистый от гноя глаз ясно видит все, что находится на небе, так и душа через нерастление получает способность созерцать оный свет; и истинное девство и стремление к нерастленности ведут к той цели, чтобы при помощи их можно было видеть Бога (свт. Григорий Нисский, 24, 340).

***

...Кто удостоился видеть Самого Бога, тот имеет плодом не другое что, как то самое, что он удостоился видеть Бога. Ибо верх всякой надежды, предел и главную цель всякого желания, Божия благословения, всякого обетования и неизреченных благ, превышающих, как веруем, чувство и разум, составляет то, что возжелал видеть Моисей, чего желали многие пророки и цари, но чего удостаиваются одни чистые сердцем, которые потому самому суть и именуются подлинно блаженными, что они ***Бога узрят*** (Мф. 5, 8) (свт. Григорий Нисский, 24, 394).

***

...Верх блаженства — видение Бога, не так, как Он есть, а насколько Он благоволит дать (свт. Иоанн Златоуст, 49, 871).

***

Если хочешь увидеть святого, освяти самого себя; если хочешь увидеть святого и непорочного, очисти прежде всего самого себя (свт. Иоанн Златоуст, 55, 942).

***

...Из тех, которые самоохотно взяли на себя крест Господень и потекли тесным путем, готовы будучи и душу свою погубить за Живот Вечный, из этих многие видели Бога, и прежде и теперь, как думаю, многие видят Его и всякий может увидеть, если возжелает сего и устремится к сему как должно... (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 340).

***

Если даже плотскими очами мы и не можем Его <Господа> видеть, но — при условии воздержной жизни — мы можем непрестанно созерцать Его очами мысли и не только созерцать Его очами мысли, и не только созерцать, но и собрать оттуда великий плод, потому что самое размышление о Боге является устранением всякого греха, очищением всякого лукавства, отчуждением от всякого зла. Такое созерцание является творческим началом всякой добродетели, родительницей чистоты и бесстрастия, дарователем Вечной Жизни и нескончаемого Царствия. Имея

попечение о таковом сладостном созерцании и устремляя мысленный взор на как бы присутствующего с нами Христа, каждый из нас говорит, как говорил Давид: *Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое: аще востанет на мя брань, на Него аз уповаю* (Пс. 26, 3) (свт. Григорий Палама, 26, 236).

***

...Желая сподобиться Божественного видения и озарения ума, прежде возлюби мирную и безмолвную жизнь и, упраздняясь от всего, познай и себя и Бога. Если будет это, то ничто уже не воспрепятствует тебе, как в тонком веянии ветра *глас хлада тонка* (3 Цар. 19, 12), при внутреннем устроении твоем, чистом и никакою страстью не возмущаемом, умно узреть для всех Невидимого, благовествующего тебе спасение чрез впечатлительнейшее познание Его (прп. Феогност, 87, 379).

***

Ум, очищенный Чашею Христовою, соделывается зрителем духовных видений: он начинает видеть всеобъемлющий, невидимый для плотских умов Промысл Божий... видеть Бога в великих делах Его — в создании и воссоздании мира (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 550).

***

...Кто не внимает хранению ума своего, тот не может быть чист сердцем, тот не сподобится зреть Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 152).

***

Нет никакой пользы видеть Господа телесными очами, когда слепотствует ум, когда вера — эта сила духовного зрения — не действует. Напротив того, когда действует вера, тогда отверзаются Небеса, и зрится Сын одесную Отца, везде сый по Божеству и вся исполняяй, Неописанный (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 273—274).

***

Увидеть Бога, ясно видимого в видимой природе, воздать Ему поклонение, славословие, благодарение предоставлено всем человекам; увидели Его весьма немногие, увидели Его те, которые не отъяли у себя способности к зрению рассеянною, чувственною жизнью... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 290).

БОГОВОПЛОЩЕНИЕ

<Христос> соделался смертным, чтобы мы могли быть бессмертными... (сщмч. Киприан Карфагенский, 65, 368).

***

...Бог-Слово ради нас во всем уподобился нам, кроме греха. Прилично же тем, кои одарены разумом, знать сие разумно, возревновав о том, чтоб самым делом стать свободными (от грехов) силою пришествия Господа к нам (прп. Антоний Великий, 85, 26).

***

Будучи Всемощным и Создателем вселенной, <Господь> в Деве уготовляет в храм Себе тело и усвояет Себе оное

как орудие, в нем давая Себя познавать и в нем обитая (свт. Афанасий Великий, 1, 201).

***

...Когда пришел Он в нашу область и вселился в одно из подобных нашим тел, тогда прекратились, наконец, вражеские злоумышления против людей, уничтожилось тление смерти, издревле над ними превозмогавшее (свт. Афанасий Великий, 1, 202).

***

Слово знало, что тление не иначе могло быть прекращено в людях, как только непременною смертью; умереть же Слову, как бессмертному и Отчему Сыну, было невозможно. Для сего-то самого приемлет Оно на Себя тело, которое бы могло умереть, чтобы, как причастное над всеми Сущаго Слова, довлело оно к смерти за всех, чтобы ради обитающего в нем Слова пребыло нетленным и чтобы, наконец, во всех прекращено было тление благодатию Воскресения (свт. Афанасий Великий, 1, 201—202).

***

...Видя, что тело происходит от единой Девы, без мужа, кто не придет к той мысли, что Явившийся в этом теле есть Творец и Господь прочих тел? (свт. Афанасий Великий, 1, 214).

***

Если вообще ни с чем не сообразно быть Ему в теле, то несообразно пребывать Ему и во вселенной, все озарять и приводить в движение Своим Промышлением, потому

что и вселенная есть тело. А если прилично Слову пребывать в мире и открывать Себя во вселенной, то прилично Ему явиться и в человеческом теле, которое бы Им озарялось и приводимо было в действие, потому что и род человеческий есть часть целого мира. Если же части неприлично соделаться орудием Его к сообщению ведения о Божестве, то гораздо более несообразности — открывать Ему Себя в целом мире (свт. Афанасий Великий, 1, 244).

***

...Господь пришел не показать Себя, но уврачевать и научить страждущих. Ибо явиться только и поразить зрителей — значило бы прийти напоказ. Врачующему же и Научающему свойственно было не просто прийти, но послужить к пользе имеющих нужду в помощи и явиться так, чтобы это было стерпимо для нуждающихся и чем-либо превосходящим потребности страждущих не были приведены в смущение требующие помощи, отчего и Божие пришествие соделалось бы для них бесполезным <...> <Так как> люди не в состоянии были познать Бога, Который правит и владычествует во вселенной, то справедливо в орудие Себе <Господь> берет часть целого — человеческое тело и пребывает в нем, чтобы, когда не могли познать Его в целом, познали хотя <бы> в части <...> Людям по причине сходственного тела и совершенных чрез него Божиих дел скорее и ближе можно познать Отца Его, рассудив, что совершенные Им дела суть не человеческие, но Божии <...>

Слово, когда человечество впало в заблуждение, воссело при нем и явилось человеком, чтобы обуреваемое

человечество спасти Своим управлением и благостию (свт. Афанасий Великий, 1, 246—247).

***

Если же смерть привилась к телу и, как в нем пребывающая, возобладала им, то нужно было и жизни привиться к телу, чтобы, облекшись в жизнь, свергло оно с себя тление (свт. Афанасий Великий, 1, 248).

***

Для того и воплотился <Христос>, как бы на иконе изображая и благочестие и добродетель, чтобы каждый и каждая, взирая на Него, по возможности подражали Первообразу. Ибо для того носит наше тело, чтобы и мы, сколько возможно, подражали Его житию (свт. Василий Великий, 9, 318).

***

<Истинные подвижники> ясно показали жизни человеческой, сколько благ доставило нам Спасителево вочеловечение, потому что расторгнутое и на тысячи частей рассеченное естество человеческое, по мере сил своих, снова приводят в единение и с самим собою и с Богом (свт. Василий Великий, 9, 360).

***

Плоть не уделила себя Божеству, человеческое естество не обременило естества Божеского. Не унизилось Слово союзом с воспринятым, так чтобы утратить, что имело, и

стать тем, чего не имеет. В совершенстве Слово имеет то, чем было, и в совершенстве же имеет воспринятое. Срастворение не сделалось слиянием (прп. Ефрем Сирин, 31, 419).

***

Родила одна Жена без мужа, потому что Рождаемый был чужд тления. Родила Дева, потому что Он источник чистоты; не познав сласти, послужила Она деторождению, потому что произвела Побеждающего страсти (прп. Ефрем Сирин, 31, 421).

***

...<Христос> в Деве облекается плотию, но не от плоти, а от Святаго Духа, потому родился от Девы; ибо Дух разверз утробу, дабы исшел Человек, создавший естество и сообщивший Деве силу возрастить Его, Дух вспомоществовал при рождении Непознавшей мужнего ложа; потому рождение не нарушило печати девства, и Дева пребыла без болезней (прп. Ефрем Сирин, 31, 424).

***

Сын Царствия посылается овладеть градом смерти, и Он нисходит, чтобы водрузить в нем Свое знамение и соделать его памятником Своей победы (прп. Ефрем Сирин, 34, 128).

***

Сын Всемогущего Господа приходит к бедному Адамову роду восставить его от падения возвещением жизни заключенным в гробах (прп. Ефрем Сирин, 34, 128).

***

...Господь, единственный Целитель и Врач, для того и пришел сюда, чтобы уврачевать ныне души верующих от неисцелимых человеческими средствами страданий и очистить от скверны греховной проказы (прп. Ефрем Сирин, 35, 456).

***

...Сущий Бог стал для нас Человеком неизменно и неслиянно, стал чем не был, пребыв чем был, между тем, как естество Его пребыло непреложным и неизменившимся, потому что все возможно Богу, и ничего нет для Него невозможного (прп. Ефрем Сирин, 35, 473).

***

...Господь наш облекся плотью нашею и нас помиловал, чтобы, вопреки ничтожным удовольствиям и чувственной усладе, даровать нам возможность приобретать жизнь праведную (прп. Ефрем Сирин, 36, 29).

***

Для чего Господь наш облекся плотию? Для того, чтобы сама плоть вкусила радость победы и чтобы исполнилась и познала дары благодати. Если бы Бог победил без плоти, то какие бы Ему вменились похвалы? (прп. Ефрем Сирин, 37, 11).

***

...Облеченный тем же оружием, каким враг победил и вверг мир в осуждение, Господь нисшел на битву и во

плоти, принятой от Жены, победил мир, преодолел врага и осудил (прп. Ефрем Сирин, 37, 12).

***

...Господь здравою принял ту природу, здравость которой погибла, дабы человек чрез здравую природу Господа возвратил себе здравость первобытной своей природы (прп. Ефрем Сирин, 37, 12).

***

<Христос> плоть от людей принял, дабы люди могли возвыситься до Его Божества, и явил Божество, чтобы не унижалось Его человечество (прп. Ефрем Сирин, 37, 111).

***

Если бы <Господь> пребыл на Своей высоте, если бы не снисшел к немощи, если бы остался Тем, чем был, соблюдая Себя неприступным и непостижимым, то, может быть, немногие бы последовали за Ним, даже не знаю, последовали ли бы и немногие? (свт. Григорий Богослов, 14, 215).

***

...Почти чревоношение и скачи, если не как Иоанн во чреве, то как Давид при упокоении Кивота; уважь перепись, по которой и ты вписан на небесах; поклоняйся Рождеству, чрез которое освободился ты от уз рождения; воздай честь малому Вифлеему, который опять привел тебя к раю; преклонись пред яслями, чрез которые ты, соделавшийся бессловесным, воспитан Словом (свт. Григорий Богослов, 14, 249).

***

Само Божие Слово, превечное, невидимое, непостижимое, бестелесное, Начало от Начала, Свет от Света, Источник жизни и бессмертия, Отпечаток Первообраза, Печать непереносимая, Образ неизменяемый, Определение и Слово Отца приходит к Своему Образу, носит Плоть ради плоти, соединяется с разумною душою ради моей души, очищая подобное подобным, делается Человеком по всему, кроме греха. Хотя чревоносит Дева, в Которой душа и тело предочищены Духом (ибо надлежало и рождение почтить, и девство предпочесть), однако же Происшедший есть Бог и с воспринятым (человеческим естеством) от Него, единое из двух противоположных — плоти и Духа, из которых Один обожил, другая обожена. О новое смешение! О чудное растворение! Сый начинает бытие, Несозданный созидается, Необъемлемый объемлется чрез разумную душу, посредствующую между Божеством и грубою плотию; Богатящий обнищевает — обнищевает до плоти моей, чтобы мне обогатиться Его Божеством; Исполненный истощается — истощается ненадолго в славе Своей, чтобы мне быть причастником полноты Его. Какое богатство благости! Что это за таинство о мне? Я получил образ Божий и не сохранил Его; Он воспринимает мою плоть, чтобы и образ спасти и плоть обессмертить. Он вступает во второе с нами общение, которое гораздо чуднее первого, поскольку тогда даровал нам лучшее, а теперь восприемлет худшее; но сие боголепнее первого, сие выше для имеющих ум (свт. Григорий Богослов, 15, 161—162).

***

Если кто говорит, что в Деве образовался человек и потом уступил место Богу, то он осужден, ибо это значит

не рождение Бога признавать, но избегать рождения. Если кто вводит двух сынов — одного от Бога и Отца, а другого от Матери, а не одного и того же, то да лишится он всыновления, обещанного право верующим. Ибо хотя два естества — Бог и человек (как в человеке душа и тело), но не два сына, не два Бога (как и здесь не два человека, хотя Павел (2 Кор. 4, 16) наименовал человеком и внешнее и внутреннее в человеке). Кратко сказать: в Спасителе есть иное и иное, потому что не тождественны невидимое с видимым и довременное с тем, что под временем, но не имеет в Нем места иный и иный. Сего да не будет! Ибо то и другое в сращении — и Бог вочеловечился, и человек обожился, или как ни наименовал бы кто сие. Когда же говорю: иное и иное, разумею сие иначе, нежели как должно разуметь о Троице. Там Иный и Иный, чтобы не слить нам Ипостасей, а не иное и иное: ибо Три Ипостаси по Божеству суть едино и тождественны. Если кто говорит, что во Христе Божество, как в пророке, благодатно действовало, а не существенно было сопряжено и сопрягается, то он да не будет иметь в себе лучшего вдохновения, а напротив того, да исполнится противного! Если кто не поклоняется Распятому, то он да будет анафема и да причтется к богоубийцам. Если кто говорит, что Христос стал совершенным чрез дела и что Он или по Крещении, или по Воскресении из мертвых удостоен всыновления (подобно как язычники допускают богов сопричтенных), да будет анафема: ибо то не Бог, что получило начало или преуспевает, или усовершается, хотя и приписывается сие Христу (Лк. 2, 52), относительно к постепенному проявлению. Если кто говорит, что теперь отложена Им плоть, и Божество пребывает обнаженным от тела, а не признает, что с восприятым человечеством и теперь пребывает

Он и придет, то да не узрит таковый славы Его пришествия! Ибо где теперь тело, если не с Воспринявшим оное? Оно не в солнце — как пустословят манихеи, — положено, чтобы прославиться бесславием; оно не разлилось и не разложилось в воздухе, как естество голоса и излияние запаха, и полет неостанавливающейся молнии. Иначе как объяснить то, что Он был осязаем по Воскресении (Ин. 20, 27), и некогда явится тем, которые Его прободали (Ин. 19, 37)? Божество само по себе невидимо. Но, как думаю, Христос придет, хотя с телом, впрочем, таким, каким явился или показался ученикам на горе, когда Божество препобедило плоть. Но как сие говорим в отклонение подозрения, так и следующее пишем в исправление нововведения. Если кто говорит, что плоть сошла с неба, а не от земли и не от нас, да будет он анафема. Ибо слова Писания: ***вторый человек, Господь с небесе,*** и ***яков небесный, тацы же и небесни*** (1 Кор. 15, 47—48), и: ***никтоже взыде на небо, токмо сшедый с небесе Сын Человеческий*** (Ин. 3, 13), и тому подобные, должно разуметь сказанными по причине соединения с небесным; так же, как и сказанное, что все стало Христом (1 Кор. 8, 6) и что Христос вселяется в сердца наши (Еф. 3, 17), относится не к видимому, но к умосозерцаемому в Боге, потому что сраствояются как естества, так и наименования, и переходят одно в другое по закону теснейшего соединения. Если кто понадеялся на человека, не имеющего ума, то он действительно не имеет ума и недостоин быть всецело спасен, ибо невосприятое не уврачевано; но что соединилось с Богом, то и спасается. Если Адам пал одною половиною, то и восприята и спасена одна половина. А если пал всецелый, то со всецелым Рождшимся соединился и всецело спасается. Посему да не завидуют

нам во всесовершенном спасении и да не приписывают Спасителю одних только костей, жил и облика человеческого. Если Он Человек, не имеющий души, то сие говорят и ариане, чтобы приписать страдание Божеству, так как что приводило в движение тело, то и страдало. Если же Он Человек, имеющий душу, то, не имея ума, как мог быть человеком? Человек не есть животное неразумное. И необходимость потребует допустить, при образе и покрове человеческом, душу какого-нибудь коня или вола, или другого животного неразумного. А таково будет и спасаемое. Итак, я обманут самою Истиною и превозношусь, когда почтен другой. Если же Он Человек разумный, а не лишенный ума, то да умолкнут безумствующие. Но говорят: «вместо ума достаточно Божества». Что же мне до этого? Божество с одною плотию еще не человек, а также и с одною душою, или с плотью и душою, но без ума, который преимущественно отличает человека. Итак, чтобы оказать мне совершенное благодеяние, соблюди целого человека и присоедини Божество (свт. Григорий Богослов, 15, 197).

***

Отчее Слово было Бог, но стало нашим Человеком, чтобы, соединившись с земными, соединить с нами Бога. Оно обоюдуединый Бог, постольку Человек, поскольку меня делает из человека богом (свт. Григорий Богослов, 16, 44).

***

Божие Слово, равно как и Отец, от начала было Бог и Творец всяческих, Превысший времени и страданий, и

тела. Когда же человек поражен древом познания, и зависть напала на все наше естество, как удобоуловимое и подвергшееся осуждению, тогда, чтобы низложить превозношение зависти и воссоздать поврежденный образ, Божие Слово рождается для нас, ибо зачинается в чистой Деве и происходит на свет Бог, всецелый Бог и Человек, спасающий всецелого меня, Сын и умосозерцаемый, и видимый (свт. Григорий Богослов, 16, 45).

***

...Сам Бог, в честь мою, соделался совершенным Человеком, чтобы, посредством воспринятого воссоздав дарованное, уничтожить осуждение всецелого греха и чрез Умершего умертвить умертвившего (свт. Григорий Богослов, 16, 45).

***

Что значит рождение Бога от Девы? Как сошлись воедино естества между собою далекие? — Это тайна, но как представляется мне, малым умом измеряющему превысшее ума, очистительный Дух снисшел на Деву, а Слово Само Себе создало в Ней человека, всецелый замен целого умершего человека. Поелику же Бог несоединим с плотью, а душа и ум суть нечто посредствующее, потому что сожительствуют плоти, и потому что — образ Божий: то Божие естество, соединясь со сродным Себе, чрез сие сродное вступило в общение и с дебелостью плоти. Таким образом и Обожившее и Обоженное — Единый Бог. Посему, что же претерпело то и другое? Как я рассуждаю, Одно вступило в общение с дебелым, а другое, как дебелое, при-

общилось моих немощей, кроме немощи греха (свт. Григорий Богослов, 16, 47).

***

Христос, видя, как душепагубный грех поедает в смертном теле все, что Он вложил в него из небесной доли, и как хитрый змий господствует над людьми, — к восстановлению Своего достояния не другим помощникам предоставил врачевать болезнь, потому что слабое врачевство недостаточно в великих страданиях, но истощил ту славу, какую имел Сам Он — небесный и неизменный Образ Небесного. Вместе по человеческим и нечеловеческим законам воплотившись в пречистой утробе неискусомужной Жены (о чудо, невероятное для наиболее немощных!), пришел Он к нам, будучи вместе Бог и смертный, сочетав воедино два естества (из которых одно сокровенно, а другое видимо для людей; одно — Бог, а другое родилось для нас напоследок времен, когда в человеческой утробе соединился с ним Бог), и в обоих естествах пребывая Единым Богом, потому что человек, соединившийся с Божеством, и из Божества человек есть Царь и Христос. Произошло новое соединение, потому что вознерадел я о первом. В первом же я был сподоблен Божия дыхания, а в последнем Христос восприял на Себя мою душу и все мои члены, восприял того Адама, первоначально свободного, который не облекся еще грехом, пока не узнал змия и не вкушал плода и смерти, питал же душу простыми Небесными помыслами, был светлым таинником Бога и божественного. Для сего-то воссоздания пришел в естество человеческое Бог, чтоб, переборов и победив убийцу смертью, за вкушение прияв желчь, за невоздержанность рук — гвозди, за древо — Крест, за землю — возношение на Крест,

обратно возвести Адама к жизни и славе. И распростерши святое тело соответственно концам мира, от всех концов собрал Он человеческий род, совокупил единого человека и заключил в лоне Великого Божества, Агнчею Кровию очистив все нечистоты и отъяв скверну, которая смертным преграждала путь от земли к Небу (свт. Григорий Богослов, 16, 54—56).

***

Вочеловечение Христово есть новое создание меня человека, потому что Бог во плоти пострадал моим страданием. Он вполне воздал за все мои долги... (свт. Григорий Богослов, 16, 343).

***

Беспредельный, неприступный и несозданный Бог по беспредельной и недомыслимой благости Своей оплототворил Себя... как бы умалился в неприступной славе, чтобы можно Ему было войти в единение с видимыми Своими тварями... и возмогли они быть причастными жизни Божества (прп. Макарий Египетский, 66, 27).

***

...<Господь> принял на Себя разумную твою природу и земную плоть сраствори Божественным Своим Духом, чтобы и ты перстный приял в себя небесную душу (прп. Макарий Египетский, 66, 243).

***

...Для того и пришествие и промышление Господне, чтобы нас, порабощенных, повинных и подчинившихся

пороку, освободить и соделать победителями смерти и греха (прп. Макарий Египетский, 85, 248).

***

...Хотя Божественное естество умопредставляется неизменяемым, однако же по снисхождению к немощи естества человеческого изменилось в наш образ и вид. Ибо и там рука Законодателя, вложенная в недро, изменила цвет в противоестественный и, опять быв в недре, возвратила себе собственную природную красоту. И Единородный Бог, Сый в недрах Отчих, Он есть Десница Вышнего; когда явился нам из недр — изменился в подобное нам; когда же, понесши на Себе наши немощи, бывшую у нас и подобно нам изменившую цвет руку возвратил в собственное недро Свое (недро же Десницы — Отец), тогда бесстрастного естества не изменил в страдании, но изменяемое и страстное общением с неизменяемым преложил в бесстрастие (свт. Григорий Нисский, 18, 267).

***

...Не брак соорудил Ему <Христу> Божественную плоть, но Сам Он делается каменосечцем собственной Своей плоти, исписуемой Божественным перстом (свт. Григорий Нисский, 18, 339).

***

...Зачатие Его произошло неподобным обыкновенному рождению способом, напротив того... Он один вступил в эту жизнь новым способом зачатия. Чтобы прийти в бытие, естество Ему не содействовало, а служило... при по-

средстве плоти и крови посетив эту жизнь, от всех... избран Один из девической чистоты. Его осеменение не от четы, зачатие не скверно, рождение без болезней рождения, для Него брачным ложем — сила Вышнего, подобно некоему облаку осеняющая девство; брачным светильником — облистание Духом Святым, ложем — бесстрастие, браком — нерастление (свт. Григорий Нисский, 20, 335).

***

Если спрашиваешь, как Божество соединяется с человечеством, — то смотри, прежде следует тебе спросить: какое сродство у души с плотию? Если же неизвестен способ соединения души твоей с телом, то, конечно, не должно тебе думать, чтобы и то стало доступно твоему постижению. Но как здесь и уверены мы, что душа есть нечто иное с телом, потому что плоть, разъединенная с душою, делается мертвою и бездейственною, и не знаем способа соединения, так и там, хотя признаем, что естество Божеское велелепно отличается от естества смертного и скоротечного, однако же невместимо для нас уразумение способа, каким Божество соединяется с человечеством. Напротив того, что Бог родился в естестве человека — не сомневаемся в этом по причине повествуемых чудес, но отказываемся исследовать — как родился, потому что сие выше доступного помыслам. Ибо веруя, что всякое телесное и умственное бытие осуществлено естеством бесплотным и несозданным, вместе с верою в это не входим в исследование, из чего и как осуществлено. Но принимая, что приведено в бытие, оставляем неизведанным тот способ, каким составилась вселенная, как вовсе несказанный и неизъяснимый.

А кто требует доказательств на то, что Бог явился нам во плоти, тот пусть обратит взор на силу. Ибо и вообще, что есть Бог, на сие едва ли имеет кто другое доказательство при свидетельстве дел. Посему как, взирая на вселенную, рассматривая законы Домостроительства в мире, благодеяния, свыше оказываемые нашей жизни, понимаем, что выше всего есть некая сила, которая творит совершающееся и охраняет существа, так и в рассуждении явившегося нам во плоти Бога достаточным доказательством Божественного пришествия признаем многодейственные чудеса, в описанных делах открыв все, чем отличается естество Божие. Божие дело — оживотворять людей; Божие дело — охранять существа Промыслом; Божие дело — подавать пищу и питие получившим в удел плотскую жизнь; Божие дело — благодетельствовать нуждающемуся; Божие дело — истощенное немощью естество снова возвратить в себя здравием; Божие дело — равно обладать всею тварью: землею, морем, воздухом, надвоздушными пространствами. Божие дело — на все иметь довлеющую силу и, прежде всего, быть сильнее смерти и тления. Посему если бы в сказании о Воплотившемся Боге недоставало чего-либо из этого, то чуждые нашей веры по праву бы отвергали наше таинство. А если все, из чего составляется понятие о Боге, усматривается в сказаниях о Нем, что препятствует вере? (свт. Григорий Нисский, 21, 39—41).

***

...Какая же, говорят, была причина Божеству снизойти до сего уничижения, при котором колеблется вера, недоумевая, точно ли Бог, существо невместимое, недомысли-

мое, неизглаголанное, превышающее всякую славу и всякое величие, соединяется с малоценною оболочкою естества человеческого, так что и высокие Его действия уничтожаются сим соединением с ничтожным? <...>

Если... во Христе столько силы, что в Его власти низложение смерти и вшествие жизни, то почему не волею единою производит желаемое, но околичным путем совершает наше спасение: рождается, воспитывается, испытанием смерти спасает человека? Можно Ему было и не подвергаться сему и спасти нас. На такое замечание людям благомыслящим достаточно сказать в ответ, что больные не предписывают врачам, как ухаживать за ними, и с благодетелями не входят в состязание о роде лечения, не говорят, почему врачующий прикоснулся к страждущему члену и для прекращения болезни придумал такое средство, когда нужно было другое; напротив того, взирая на конец благодеяния, с благодарностью принимают благотворение (свт. Григорий Нисский, 21, 43, 51).

***

...Божественная Десница, сотворившая все сущее, Которая и есть Господь, ***имже вся быша*** и без Которого ничто из сущего не получило бытия, Сама соединенного с Нею чрез сращение человека возвела в собственную высоту, соделав и его тем, чем Сама есть по естеству. Есть же Она Господь и Царь, потому что Христос именуется Царем; сим же Она соделала и человека, ибо как бывший в соединении с Высочайшим <человек> превознесся, так соделался и всем другим: в Бессмертном — бессмертным, во Свете — светом, в Нетленном — нетленным, в Невидимом — невидимым, во Христе — Христом, в Господе — Господом (свт. Григорий Нисский, 23, 21).

***

Мы говорим, что Единородный Бог, чрез Себя изведший все в бытие, одно из того, что произошло чрез Него — человеческое естество, павшее во грех и чрез то подвергшееся истлению смерти, опять чрез Себя же привлек к бессмертной жизни, чрез человека, в которого вселился, восприняв на Себя целую человеческую природу, и Свою животворящую силу примешал к смертному и тленному естеству, и нашу мертвенность чрез сращение с Собою претворил в жизненную благодать и силу. Мы называем тайной Господа по плоти то, что Неизменяемый является в изменяемом, дабы, изменив и превратив на лучшее из худшего, зло, вторгшееся в изменяемую природу, истребить грех от естества, уничтожив оный в Себе Самом... (свт. Григорий Нисский, 23, 24).

***

...Бог, явившийся нам во плоти, по учению благочестивого предания, невещественен, невидим, несложен, был и есть неограничен и беспределен, вездесущ и всю тварь проницает, но в том, что являлось людям, был зрим в человеческом облике (свт. Григорий Нисский, 24, 93).

***

Бог, будучи по существу невещественен, безвиден и бестелесен, по некоему человеколюбивому Домостроительству, на конец исполнения всего, когда зло возросло уже до высшей степени, для истребления греха соединяется с естеством человеческим, подобно солнцу, проникающему в мрачную пещеру и появлением света уничтожающему тьму. Ибо, восприяв в Себя нашу нечистоту, Сам Он не

оскверняется от скверны, но в Себе Самом очищает сию нечистоту (свт. Григорий Нисский, 24, 113—114).

***

...Единородный Бог, будучи Богом по естеству и Владыкою всего, и Царем всей твари, и Творцом всего сущего, и Восстановителем падших, по Своему величайшему человеколюбию, благоволил и падшее грехом естество наше не только не отвергнуть от общения с Собою, но и опять воспринять в жизнь. Сам Он есть жизнь; посему, когда род человеческий был на краю (погибели), когда зло в нас возросло до крайней степени, тогда Он, чтобы не оставить никакого зла не уврачеванным, приемлет примешение к уничиженному естеству нашему и, восприяв человека в Себя и Сам быв в человеке, как говорит к ученикам: *Аз в вас, и вы во Мне* (Ин. 14, 20), чем был Сам, тем соделал и того, с кем соединился. Сам же Он был вечно Превышним; посему превознес и уничиженное, ибо Превознесенный превыше всего не нуждался еще ни в каком возвышении. Слово было Христом и Господом, тем же самым соделывается и присоединенный и воспринятый в Божество (человек); ибо не Тот, Кто есть уже Господь, возводится вторично на господство, но образ раба делается Господом (свт. Григорий Нисский, 24, 184).

***

Как Божество не подверглось тлению, будучи в тленном теле, так и соделалось явным и не изменилось, врачуя изменяемость души нашей. Так во врачебном искусстве занимающийся лечением, хотя прикасается к больному, но сам не делается больным, но исцеляет больного. Да не подумает однако кто-нибудь, превратно понимая изречение

Евангелия, что природа наша во Христе вследствие совершения последовательно, мало-помалу претворялась в более божественную; потому что ***преуспевать возрастом премудрости и благодатию*** (ср.: Лк. 2, 52), это выражение употребляется в повествовании Писания для доказательства того, что Господь истинно воспринял нашу природу, дабы не имело места мнение утверждающих, будто вместо истинного Богоявления явился некоторый призрак, имеющий вид телесного возраста. Посему-то Писание не стыдится повествовать о Нем то, что свойственно нашей природе (упоминая) о ядении, о питии, сне, утомлении, питании и преуспеянии в телесном возрасте, обо всем, что составляет принадлежность нашей природы, кроме влечения ко греху (свт. Григорий Нисский, 25, 466).

***

Будучи Единородным Богом, Он благоволил ради нас сделаться человеком и был ***послушлив даже до смерти*** (Флп. 2, 8), чтобы избавить нас от вечной смерти, носил ***зрак раба*** (Флп. 2, 7) Господь Ангелов, воспринял плоть Бог-Слово и явился человеком Тот, Кто имел один с Отцом вид и одно существо; и претерпел это, чтобы исторгнуть нас из неправедного рабства и выкупить из бесчестия; поэтому перенес страдание плотию Податель нашей жизни; поэтому и был погребен Источник бессмертия, чтобы даровать смертным Вечную Жизнь (свт. Иоанн Златоуст, 46, 894).

***

...По плоти, которую Христос принял, мы родные Ему. Итак, имеем залог Его — на небе, именно тело Его, от

нас заимствованное, и на земле — Духа Святаго, (обитающего) с нами (свт. Иоанн Златоуст, 47, 844).

***

Слава Господня являлась всегда, но слава Божия наиболее явилась тогда, когда Бог принял природу человека и установил ангельское житие на земле, когда Он <претерпел> перенес в воспринятом теле столь много мучений (свт. Иоанн Златоуст, 50, 216).

***

...Не теряя Божества, Он <Господь> стал человеком, и, с другой стороны, не через постепенное преспеяние из человека сделался Богом, но, будучи Словом, Он стал плотью, так что естество Его осталось неизменным по своему бесстрастию (свт. Иоанн Златоуст, 50, 692).

***

И горнее рождение Его <Христа> истинно, и дольнее рождение Его неложно; истинно родился Он, как Бог от Бога, истинно родился Он же, как человек от Девы (свт. Иоанн Златоуст, 50, 693).

***

Что... родила Его <Христа> Дева, это я знаю; и что Бог родил Его без времени, этому верю; но способ Его рождения я научился чествовать молчанием, а не научен исследовать словопрениями (свт. Иоанн Златоуст, 50, 693).

***

Так как люди считают зрение достовернее слуха, и в том, чего не видят, сомневаются, поэтому Бог и благоволил сделать Себя видимым и для глаз посредством тела, чтобы уничтожить сомнение (свт. Иоанн Златоуст, 50, 694).

***

Нисколько не было бы великим, если бы Господь просветил вселенную при помощи одного только Своего Божества, но то удивительно, что чрез Свое тело Он показал бесстрастную и бестелесную славу (свт. Иоанн Златоуст, 50, 703).

***

Сын Безначального Отца, Сын истинный, благоволил назваться Сыном Давидовым, чтобы тебя сделать сыном Божиим, благоволил иметь раба Своим отцом, чтобы тебе, рабу, сделать отцом Владыку (свт. Иоанн Златоуст, 51, 19).

***

Пусть стыдятся те, которые стараются постигнуть сверхъестественное рождение <Христово> (свт. Иоанн Златоуст, 51, 38).

***

Если наше <духовное> рождение надлежит принимать верою, то чего заслуживают люди, испытующие умом рождение Единородного? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 173).

***

...Чрез это именно <Воплощение> все для нас сделано и совершено: и смерть разрушена, и грех отъят, и клятва уничтожена, и бесчисленные блага дарованы нам в жизни. Поэтому Христос и желал так сильно, чтобы веровали в Его Воплощение — этот корень и источник бесчисленных для нас благ (свт. Иоанн Златоуст, 52, 198).

***

Что такое пришествие Христа? — Избавление от рабства, освобождение от прежней нужды, честь усыновления <Богу>, источник отпущения грехов, поистине бессмертная жизнь во всех (свт. Иоанн Златоуст, 52, 951).

***

Для того на землю Он пришел, не покинув неба, и человеком сделался, не перестав быть Богом, чтобы, и по морю плывя, извлекать из глубины греха обуреваемых в житейском море, и обходя селения, города, теснины, стези и ристалища, блуждающих на распутьях, как овец без пастыря, возвратить к Своему стаду (свт. Иоанн Златоуст, 54, 904).

***

...«Я сошел на землю, — не просто смешиваюсь с тобою, а соединяюсь, снедаюсь, раздробляюсь на малые части, чтобы произошло великое растворение, и смешение, и соединение, — потому что соединяемое пребывает в своих пределах, а Я воедино слился с тобою. Я не хочу, чтобы уже было что-то среднее; хочу, чтобы мы оба были одно» (свт. Иоанн Златоуст, 55, 736).

***

...<Господь> никогда не оставлял Престола, хотя тайно от Херувимов снизошел ради меня, чтобы, сделавшись наравне со мною участником моего, удобно даровать природе моей то, что выше природы (свт. Иоанн Златоуст, 55, 923).

***

Из девственной земли Я <Господь> создал первозданного человека, но диавол, захватив его, как враг, ограбил и повредил, надругавшись над Моим образом. И вот теперь Я хочу из девственной земли Сам явиться Новым Адамом, чтобы природа человеческая благовидно ратовала сама за себя и по праву могла торжествовать над своим насильником и чтобы враг был посрамлен как следует (свт. Иоанн Златоуст, 55, 975).

***

...Изначальное и непоколебленное зло уничтожено, отвержение, тяготевшее над всем родом человеческим, снято, сила греха ослабела, власть диавола поколеблена, рай, недоступный для всех, открывается прежде всего человекоубийце и разбойнику; своды Неба отверсты, люди вступили в общение с Ангелами; наша природа вознесена до Царского трона; узы ада стали ненужными, смерть, лишенная своего содержания, осталась только по имени, хоры мучеников и женщины стерли жало ада (свт. Иоанн Златоуст, 56, 796).

***

...<Господь> обитал в человеке, не приняв только образ его, но Он претерпел зачатие и... пребывание в чреве,

рождение, пелены и питание раннего возраста, чтобы всем этим заградить уста тех, кто замышляет отрицать Домостроительство (свт. Иоанн Златоуст, 56, 797).

***

Он <Господь> чрез девственные врата прошел в этот мир, откуда Он никогда не отлучался, сохранив невредимыми заключенные врата невинности; Он носим был во чреве Матери Своей и в то же время Сам носил все (свт. Иоанн Златоуст, 56, 928).

***

...Ложесна, породившие Господа нашего Иисуса Христа, отверз, прошедши чрез них, Сам <Бог-Слово>, зачатый бессеменно, и потом оставил их запечатанными, Сей истинно соделавшийся человеком и истинно Сущий Бог, Единый в обоих естествах, Достопоклоняемый (прп. Исидор Пелусиот, 61, 16).

***

...Так как жена одолжена мужу тем, что бессеменно произошла из ребра его, долг сей уплатила Матерь Господа, воздав Его нам Воплотившегося без семени. Посему не невозможно это для естества, напротив того, как было уже с первосозданными, так совершилось и при Владычнем Домостроительстве, хотя естество рождению сему обязано необычайным (прп. Исидор Пелусиот, 61, 96).

***

...Сущий воистину Богом, соделался воистину Человеком из двух естеств, Единый Божий Сын, не изменив-

ший того, чем был, когда стал тем, что — мы (прп. Исидор Пелусиот, 61, 176).

***

Все, сопутствовавшее сверхъестественному и неизглаголанному рождению, было также сверхъестественно, как-то: служение Ангела, служение неродившегося еще Иоанна, бессеменность зачатия, нерастленность чревоношения; а подобна сему была услуга, оказанная в путеводительстве волхвов звездою, которая не какой-либо обычный избрала путь, но совершала новое чудное течение и тем привела в изумление сведущих в этом мудрых волхвов, убедив их предпринять дальнее путешествие.

Читаемое в Божественном Писании о звезде: ***пришедши ста верху, идеже бе Отроча*** (Мф. 2, 9), — яснее покажет тебе, что сия звезда — благовестница Божественного рождения, не как обычно звездам совершала течение, потому что дальнее отстояние звезд в высоте не соделало бы удобным обретение искомого, напротив того, течение ее было какое-то иное и новое и необычайным своим шествием, как перстом, указывала она и святую пещеру, и в ней досточтимые, вмещавшие в себе Господа, ясли (прп. Исидор Пелусиот, 61, 215).

***

Пришествие Сына Божия во плоти, соделавшееся целебным для грехов человеческих, устрашило всех: и людей, и демонов, одних уверив в пощаде их естества, как вступившего в единение с Богом, а других, понудив отказаться от злоумышления против сего естества, как соделавше-

гося, наконец, безгрешным (прп. Исидор Пелусиот, 61, 244—245).

***

Когда Солнце Правды к облагодетельствованию людей явилось здесь с Неба, тогда именно, как бы в приливе каком, преобразилось все в святость. Что лишено было торжественного благолепия и величаемое именем торжества оскорбляемо было зрелищами порока, то превратилось в божественное и премирное торжество; и люди научились истинным празднеством признавать благочестие, когда наипаче совершается служение добродетелью, как благоговейною священнотаинницею (прп. Исидор Пелусиот, 62, 305).

***

...Приходит на землю Тот, Кто и в естество вложил семена добродетели, и научал законом, и проповедовал чрез пророков. Посему с пришествием Небесного Царя необходимо стало, чтобы узаконены были догматы, приличные Небу, и в Священных Евангелиях, как бы в Царских постановлениях, предписан был образ жизни, соответственный и угодный более Ангелам, нежели людям (прп. Исидор Пелусиот, 62, 438).

***

...Бог, сделавшись ради нас Человеком, освободил человека от мучительства вражия. Ибо Бог низложил всю силу врага, сокрушил самую крепость его, и избавил нас от владычества его, и освободил нас от повиновения и

рабства ему, если только мы сами не захотим согрешать произвольно (прп. авва Дорофей, 29, 22).

***

Рождается Христос Бог и, с приятием плоти, имеющей разумную душу, соделывается Человеком, — Он, даровавший бытие всему сущему из несущего, Которого Дева родив преестественно, не лишилась никакого знамения девства. Ибо как Он Человеком соделался, не изменив естества и не преложив силы, так и родившую Его и Матерью содевает, и сохраняет Девою, в одном и том же на чудо чудом указывая и вместе каждым из них прикрывая другое. Бог Сам по Себе, по естеству Своему, всегда таинственно сокровен, и если выводит иногда Себя из естественной Своей сокровенности, то так, что самым проявлением ее делает ее еще более сокровеннейшею. Так (и в Своем рождении Человеком) Он делает Деву рождающею Матерью, так, что само рождение содевало неразрешимыми узы девства (прп. Максим Исповедник, 87, 248).

***

Человеколюбивый Бог для того соделался человеком, чтобы человеческое естество (т. е. всех людей) собрать к Себе и остановить его от падкости на зло; по коей оно само на себя разделяется и само против себя восстает, никакой не имея остановки, по причине непостоянной подвижности (изменчивости) расположения в отношении к другим (прп. Максим Исповедник, 87, 254).

***

Будем с верою смотреть на таинство Божественного Воплощения и только прославлять без пытливости Того,

Кто благоволил быть сему для нас (прп. Максим Исповедник, 87, 267).

***

Премудрость Божия обнаруживается в том, что Он воистину существенно соделывается человеком; правда — в том, что Он чрез рождение воспринял способное подобно нам страдать естество; всемогущество — в том, что Он страданиями и смертью устроил для нашего естества непрестающую жизнь и неизменное бесстрастие (прп. Максим Исповедник, 87, 284).

***

...Для того и воплотился Сын Божий, Бог-Слово, и соделался человеком, да приемлют как душу благодать Святаго Духа, души тех, кои веруют в Него, яко Бога и Человека, т. е. во Единого Христа из двух естеств, нераздельных и неслиянных, Божества и человечества, и да являются таким образом возрожденными, воссозданными и обновленными чрез Святое крещение и соделываются тем, чем был первый человек прежде преступления, освящаясь благодатью Святаго Духа в уме, совести и во всех чувствах, так чтобы после сего совсем не иметь уже растленной падением жизни, которая могла бы увлекать вожделение души к плотским и мирским похотям (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 79).

***

...Как вначале Бог создал человека, персть взем от земли и вдунув в лицо его дыхание жизни, и бысть совершен человек в душу живу, не тем образом, как обычно рождаются люди, так Он <Христос> же, пришедши вос-

создать его, соделался Человеком совершенным по телу и душе, не по образу человеческого зачатия (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 296—297).

***

Бог, пришедши в мир и соделавшись человеком, принес людям следующие два великих блага — соединил естество Божеское с естеством человеческим, чтобы человек соделался Богом, и в этого Человека, соделавшегося Богом по благодати, таинственно вселялась Пресвятая Троица. Тот же, кто сподобился столь великих даров, как может после сего грешить..? (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 88).

***

...Творец естеств для того и соделался естественно (физически) человеком, чтобы естественно (физически) даровать людям благобытие. Чтобы люди могли получить это благобытие, Он пришел, воплотился, пострадал и умер, чтобы верующие могли возыметь Его, яко нечто естественное... т. е. чтоб были любительны, радостотворны, долготерпеливы, благи, милосерды, верны, кротки, воздержны. Ибо эти именно свойства и составляют благобытие. И горе тому, кто не имеет такого благобытия, которое даруется Христом, потому что в таком случае он лишается того великого блага, для которого единого Бог соделался человеком, умер и воскрес. Сего-то лишается и он (ненастоящий христианин) — как лишаются и те, которые не веруют во Христа, чтобы не сказать, что он становится еще и хуже их (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 328).

***

Как тогда, при сотворении праматери нашей Евы, взял Бог ребро Адамово и создал из него жену, таким же образом и теперь взял Создатель наш и Творец Бог от Богородицы и Приснодевы Марии плоть, как бы закваску некую и некий начаток от замеси (φύραμα) естества нашего и соединив ее со Своим Божеством, Непостижимым и Неприступным, или, лучше сказать, всю Божественную Ипостась Свою соединил существенно с нашим естеством, и это человеческое естество несмесно сочетал со Своим существом и сделал его Своим собственным, так что Сам Творец Адама непреложно и неизменно стал совершенным Человеком. Ибо как из ребра Адамова создал Он жену, так из дщери Адамовой — Приснодевы и Богородицы Марии заимствовал девственную плоть бессеменно и, в нее облекшись, стал Человеком, подобным первозданному Адаму, чтобы совершить такое дело, именно — как Адам чрез преступление заповеди Божией был причиною того, что все люди стали тленны и смертны, так чтоб и Христос, Новый Адам, чрез исполнение всякой правды стал начатком возрождения нашего к нетлению и бессмертию (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 374—375).

***

Так совершился новозаветный союз Бога с человеком: Он принял плоть и даровал Божество. Сам Пресущественный, Преестественный, Бог неслиянно соединился с тленным и бедным естеством и существом нашим человеческим. Зачала Дева и предивно родила о двух естествах — Божестве и человечестве — Единого Сына, совершенного Бога и совершенного Человека, Господа нашего Иисуса

Христа, Который ни девства Матери Своей не нарушил, ни от недр Отца Своего не отлучился (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 394).

***

Человеколюбивый Бог, желая избавить от рабства диавола всех тех, которые благоугодили Ему и прежде Христа и после Христа, которые имеют благоугодить до скончания века, благоволил соделать это Сам, Бог Всесильный и Незлобивый. Того, кого создал собственными Своими невидимыми руками по образу и подобию Своему, восхотел Он восстановить в то состояние, из которого он ниспал; не чрез другого кого, а чрез Себя Самого, соделавшись Человеком, подобным нам во всем, кроме греха, чтоб почтить и прославить паче род человеческий. О, неизреченное человеколюбие и благость! Не только не предал Он вечным мукам нас, преступивших заповедь Его, но какими мы соделались чрез преступление, таким благоволил соделаться и Он, т. е. человеком тленным и смертным — Он, Сый Нетленный и Бессмертный, и явился среди людей с плотию обоженной, а не Единым Божеством. И по какой причине? По той, что пришел ***не да судит мирови, но да спасется Им мир***, как говорит это Сам Он... (Ин. 3, 17; 12, 47). Ибо явление Божества Его бывает судом для тех, кому являемо бывает. И никакая плоть не могла бы снести славы Божества Его, если бы Оно явилось одно без человеческого естества, не быв, т. е. соединено с Ним неизъяснимым образом. Если бы Божество явилось одно, то вся тварь исчезла бы совершенно, потому что тогда все почти были погружены в неверие. Божество же никому никогда не являлось без веры. Но если бы и явилось Оно

иногда кому без нее, то будет страшно и трепетно, ибо в таком случае Оно не просвещает, а сожигает, не животворит, а мучит. И это видно из того, что пострадал блаженный Павел: не просветился он сиянием оного неприступного света, облиставшего его на пути, но омрачился паче и потерял даже естественный свет очей своих и не стал видеть (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 35).

***

Для того Господь наш снизошел с небес, воплотился и сделался человеком, подобным нам во всем, кроме греха, чтоб уничтожить грех, — зачат был и родился, чтоб освятить зачатие и рождение людей, воспитываем был и возрастал мало-помалу, чтоб благословить всякий возраст, — начал проповедовать, соделавшись уже совершенным мужем, тридцатилетним, чтоб научить нас не забегать вперед и не упреждать ни в чем тех, кои больше нас по уму и добродетели... особенно если мы еще молоды и несовершенны рассуждением и добродетелью, сохранил все заповеди Бога и Отца Своего, чтобы... нас, преступников, освободить от осуждения, — соделался рабом, приняв зрак раба, чтоб опять нас, рабов диавола, возвести в господское достоинство и сделать господами и властителями самого диавола, прежнего тирана нашего, что и подтверждают святые, изгоняющие диавола, как слабого и немощного, и слуг его не только в жизни, но и по смерти, — повешен был на Кресте и сделался клятвою... чтоб разрешить всю клятву Адамову, — умер, чтоб умертвить смерть, и воскрес, чтоб уничтожить силу и действо диавола, имевшего власть над нами посредством смерти и греха (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 152).

***

Бог Безначальный, Бесконечный, Неприступный, Неисследимый, Невидимый, Неизреченный, Неприкосновенный, Неосязаемый, Бесстрастный, Неизглаголанный, Который в последние дни явился нам во плоти чрез Сына и познался чрез Духа Святаго, как веруем, подобным нам по всему, кроме греха — сочетавается с душою мысленною ради моей души, чтоб и дух спасти и тело сделать бессмертным... (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 385).

***

Сын Божий для того соделался Сыном Человеческим, чтобы нас, человеков, соделать сынами Божиими, возводя род наш по благодати в то, что Сам Он есть по естеству, рождая нас свыше благодатию Святаго Духа и тотчас вводя нас в Царство Небесное или, лучше сказать, даруя нам иметь сие Небесное Царствие внутри нас (Лк. 17, 21) (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 547).

***

Бог, соделавшись человеком, соединился с людьми и, приобщившись человечества, преподал всем верующим в Него и показывающим веру от дел причастие Божества Своего (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 75).

***

Бог-Слово, быв плотию и совершенным став Человеком, кроме греха, естество наше в Свою принял Ипостась и, яко Бог совершенный, воссоздал его и обожил. Слово же суще первого Ума и Бога, со словесною его соединился частью и ее горе́ воскрылил — мудрствовать и

помышлять о божественном. — Но и огнь суще, существенным и божественным огнем сим раздражительную силу его соделал способною живо противостоять пагубным страстям и враждебным нам бесам. А суще желанием (предметом желанным) всякого словесного естества и упокоением (полным удовлетворением) вожделения, желательную его часть разжег внутреннейшею любовью к причастию оных благ Вечной Жизни. Таким образом всего обновив в Себе человека, из ветхого Он сделал его новым (прп. Никита Стифат, 89, 150).

***

...<Господь> не отдельную часть воспринял от нас, но, восприяв (полное) наше естество, новосотворил (обновил) его, соединившись с Ним по Своей Ипостаси; и таким образом, Он, воистину желающий всем спастись, преклонив Небеса, ради всех сошел (на землю); и чрез дела, слова и страсти, явив весь путь спасения, восшел на Небеса, привлекая туда уверовавших в Него. Итак, не только самому естеству, которое по неразрывному соединению Он имел от нас, но и каждому верующему в Него Он даровал совершенное искупление, которое воистину Он сотворил и творит не переставая, чрез Самого Себя примиряя с Отцом и в силу (Своего) послушания возвращая нас каждого и исцеляя все наше (бывшее в раю) преслушание (свт. Григорий Палама, 26, 57).

***

...Если все исполнено чуда, и то, что из несуществующего пришло в бытие, является божественным и славным делом, то насколько чудеснее и божественнее и еще более долженствует воспеваться нами то, что из разряда тво-

рений стало Богом, и не просто Богом, но тем именно, Что является истинно Богом, и это тогда, когда наше естество и не возмогло и не пожелало сохранить оное достоинство, в котором было создано, и посему справедливо было отвержено в нижайший элемент земли? И до такой степени велико и божественно, неизреченно и непостижимо то, что наше естество стало одно с Богом, и чрез сие нам было даровано возвращение к лучшему состоянию, что и для святых Ангелов и людей и даже для самих пророков, хотя они и зрели действием Духа, оно пребывало воистину непознаваемым, от века сокровенным таинством (свт. Григорий Палама, 26, 137).

***

...С тех пор, как Человеколюбивый к нам, создавший нас Бог, по милосердию Своему, приклонив Небеса, сошел и воспринял от Святой Девы наше естество, Он обновил его... возвел на божественную и небесную высоту (свт. Григорий Палама, 26, 139).

***

...Бог посылает Архангела к Деве, Которую, при соблюдении Ее девства, делает Своею Матерью силою единого Благовещения, потому что если бы Она зачала от семени, то Родившийся не стал бы новый Человек, ни безгрешным бы Он не был, ни Спасителем грешников, ибо движение плоти к детотворению, беспорядочно примешиваясь к установленному Богом замыслу о нас, таким образом овладевает нашими способностями и являет их не совсем свободными от греха. Посему и Давид сказал: ***в беззакониих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя*** (Пс. 50, 7).

Итак, если бы зачатие Божие происходило от семени, то не был бы Он новым Человеком, ни Начальником новой и отнюдь не стареющей жизни; ибо если бы Он был участником ветхой чеканки и наследником оного прародительского греха, Он не смог бы носить в Себе полноту чистого Божества и сделать Свою плоть неиссякаемым источником освящения, как не мог бы и осквернение оных Прародителей смыть преизбытком силы, ни довлеть, для освящения всего сущего, впоследствии. Поэтому не Ангел, не человек, но Сам Господь, воплотившись во чреве Девы и пребыв неизменным Богом, пришел и спас нас (свт. Григорий Палама, 26, 139—140).

***

...Сын Божий стал Человеком для того, чтобы явить на какую высоту Он нас возводит, дабы мы не гордились, как будто своими силами мы — победители; чтобы, будучи Сугубым, воистину быть Посредником, соединяя воедино, посредством каждой (из этих двух природ Богочеловечества Своего), обе части; чтобы разрешить узы греха; чтобы очистить скверну, прибывшую от греха плоти; чтобы явить Божию любовь к нам; чтобы показать, в какую глубину зла мы впали, так что для спасения нашего долженствовало быть Воплощение Божие; чтобы стать примером для нас смирения, которое заключает в себе плоть и страдание и которое является целительным врачевством гордости; чтобы показать, что наше естество было создано добрым от Бога; чтобы стать Начальником и Удостоверителем Воскресения и Вечной Жизни, истребив безнадежие; чтобы, став Сыном Человеческим и став участником смертности, сделать людей сынами Божиими, сделав их

общниками Божественного бессмертия; чтобы показать, насколько естество человеческое преимущественно пред всеми творениями было создано по образу Божиему, ибо настолько у него была близость к Богу, что и стало возможным сойтись ему с Ним во едину Ипостась; чтобы почтить плоть (и то — смертную ее), дабы высокомерные духи не считали себя и не считались бы более достойными чести, чем человек, и боготворили себя по причине бесплотности и кажущегося бессмертия; чтобы сочетать раздельно стоящих, согласно естеству, людей и Бога, Сам по естеству став сугубым Посредником. И что за нужда много говорить, — если бы не воплотилось Божие Слово, тогда ни Отец не явился бы как истинно Отец, ни Сын как истинно Сын, ни Дух Святый, и Сам происходящий от Отца, ни Бог в существе и Ипостасях, но представлялся бы созданию как некая Сила, именно как и говорили безумные древние мудрецы... (свт. Григорий Палама, 26, 162).

***

...Слово Божие не только стало плотью и обитало в нашей среде, видимое на земле и обращаясь среди людей, но также приняло плоть, такую, как у нас, и хотя совершенно чистую, однако смертную и болезненную, и ею, как богомудрою «приманкой», Крестом, поймав началозлобного змия, освободило от него порабощенный весь человеческий род, ибо, когда тиран пал, все тиранствуемое освободилось; и это — именно то, что Сам Господь в Евангелиях говорит: *связан сильный и расхищены сосуды его* (ср.: Мк. 3, 27). Захваченное же Христом было освобождено и

оправдано, и исполнено светом, и обогащено божественными дарами (свт. Григорий Палама, 26, 165).

***

...Наше естество, которое подобно образу жизни рыбы, плавающей в жидкости страстной и полной услаждений жизни, Божие Слово присоединило Самому Себе по Ипостаси, и, божественным и неприступным огнем Своего Божества очистив от всякого страстного состава, сотворило его пламенновидным и участником Божества. Не только же состав, который Он воспринял ради нас, но и каждого из удостоенных общения с Ним, Он обожествляет тем, что делает его участником того огня, который Господь пришел воврещи на землю (свт. Григорий Палама, 26, 219).

***

Родился от Девы Иисус Христос, одно Лице в двух нераздельных и неслитных естествах, Божеском и человеческом. Божеское естество, несмотря на Свою беспредельность, не уничтожало естества человеческого, и человеческое естество, несмотря на свое неслитное существование, нисколько не стесняло беспредельности естества Божественного (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 392).

***

Бог-Слово для принятия человечества заменил действие семени мужеского творческою силою Бога... Для достойного зачатия предуготовлена была и Дева (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 393).

***

Богочеловек зачался от действия Святаго Духа! Слово составило Себе плоть во утробе Пречистой Девы! Бог соделал плоть Свою в самом зачатии ее Божественною, способною к ощущениям единственно духовным и Божественным. Хотя свойства плоти Богочеловека были человеческие, но вместе все они были обоженны, как принадлежащие одному Лицу, Которое Бог и Человек (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 398).

***

Божественное тело Богочеловека зачалось Божественно и родилось Божественно. Дева совершила рождение, будучи во время рождения преисполнена духовной, святейшей радости. Болезни не сопровождали этого рождения, подобно тому, как болезни не сопровождали взятие Евы из Адама (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 403).

БОГОСОЕДИНЕНИЕ

...Много потребно борьбы и тайного, невидимого труда; должно всегда производить испытание помыслов и изнемогшие чувства души нашей непрестанно упражнять в различении доброго и худого и ослабевшие душевные члены возгревать стремлением ума к Богу и тщанием, к Нему всегда прилепляясь умом своим, чтобы при помощи Божией благодати, по апостольскому изречению, *быть в единый дух с Господом* (1 Кор. 6, 17) (прп. Ефрем Сирин, 32, 338).

***

...Некоторым образом тот входит в единение с Богом, кто прилепляется к Нему упованием и делается с Ним едино (свт. Григорий Нисский, 19, 27).

***

...Душа, вступившая в единение с Богом, не имеет сытости в наслаждении, чем обильнее наполняется Услаждающим, тем сильнее действуют в ней пожелания (свт. Григорий Нисский, 20, 27).

***

...Жених водворяется не в запустевшей добродетелями душе, но разве в том, кто... соделается фиалом аромата, источающим благовонные масти; такой, став чашею премудрости, приемлет в себя божественное и чистое вино, от которого в приявшем бывает веселие (свт. Григорий Нисский, 20, 379).

***

Душа, намеревающаяся возлететь к Божеству и прилепиться <ко> Христу, должна изгнать из себя всякий грех, — разумею кражу и хищничество, прелюбодеяние и корыстолюбие, и блуд, и болезнь языка, и все роды прегрешений, как явных, так и тайных, каковы, например: зависть, неверие, злонравие, обман и весь потаенный рой пороков, которые, как и явный род грехов, равно ненавидит Писание и гнушается ими (свт. Григорий Нисский, 24, 267).

***

...Душа не иначе может соединиться с нетленным Богом, как соделавшись и сама сколько возможно чистою чрез целомудрие, чтобы подобным восприять подобное, став как бы зеркалом для чистоты Божией, так чтобы чрез участие в первообразной красоте и чрез отражение ее и самой получить ее вид (свт. Григорий Нисский, 24, 339—340).

***

...Невозможно уму всегда быть с Единым Богом, если не стяжет он следующих трех добродетелей: любви, воздержания и молитвы. Любовь укрощает гнев, воздержание иссушает похоть, а молитва, отрешая ум от всех помышлений, нагим представляет его Самому Богу. Эти три добродетели совмещают в себе все правды, и без них ум не может пребывать с Единым Богом (прп. Максим Исповедник, 87, 143—144).

***

Странное скажу тебе слово, но не дивись. Есть некое сокровенное таинство, между Богом и душою совершающееся. Бывает же сие с теми, которые достигают высших мер совершенной чистоты, любви и веры, когда человек, совершенно изменившись, соединяется с Богом, как свой Ему, непрестанною молитвою и созерцанием. На сей находясь степени, Илия заключает небо на бездождие и небесным огнем попаляет жертву; Моисей пресекает море и воздеянием рук обращает в бегство Амалика; Иона избавляется от кита и глубины морской. Ибо нуждение некое бывает при сем для человеколюбивейшего Бога, в меру

однако ж того, как сие с Его волею согласно. Сподобившийся сего, хотя и плотью обложен, но превзошел меру тления и смертности, как обыкновенный сон приемля смерть, к его утешению пересылающую его к тому, чего всегда чаял он (прп. Феогност, 87, 396).

***

...Прежде всего надлежит сделаться верным и с Богом примириться и содружиться, испросив у Него отпущение всех прежних грехов, словом, делом и помышлением соделанных. Душа, с Богом примирившаяся и содружившаяся, бывает кроткою, смиренною и сокрушенною. Это и служит признаком примирения и содружения с Богом. Ибо Бог обыкновенно эти первые дает дарования верующим, т. е. кротость и смирение. Душу же кроткую и смиренную уже не борют демоны, как прежде, ни сластолюбием, ни сребролюбием, ни славолюбием; и таким образом чрез эти два дарования Христовы душа обретает покой и не бывает смущаема никакими чуждыми и неуместными помыслами. Такая душа и молится как подобает, т. е. со страхом, благоговением и вниманием, а не одними устами. И это невозможно ни для какого человека... если душа каждого из них не соделается причастницею Святаго Духа по мере веры их во Христа (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 80).

***

Потщимся же сохранить Божественные заповеди и очистить сердца свои слезами и покаянием, да узрим Самого Христа — сей Свет Божественный и да стяжем Его еще здесь, в настоящей жизни во Обитателя в нас, да оживотворит Он души наши благодатию Всесвятаго Духа

и да питает их сладостию чаемых благ Царствия Своего (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 180—181).

***

Бог Свет есть и сообщает от светлости Своей тем, с коими соединяется, по мере очищения их. И тогда погасшая лампада души, т. е. омраченный ум, познает, что зажглась и засветилась, потому что объял ее божественный огнь. О, чудо! Человек соединяется с Богом духовно и телесно, потому что душа его при сем не отделяется от ума, ни тело от души. Так как Бог вступает в единение со всем человеком, т. е. с его душою и телом, то и сей соделывается тройственным, как бы триипостасным, по благодати: из тела, души и Божественного Духа, от Коего принял благодать (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 228).

***

...Мы, когда веруем от всей души, всесокрушенно каемся, зачинаем в сердцах своих Бога-Слово, как Дева, имея, т. е. и мы, души свои девственными и чистыми. И как Пресвятую Деву не опалил огнь Божества, так как Она была пренепорочна, так и нас не опаляет он, когда имеем сердца свои чистыми и непорочными, но бывает в нас небесною росою, источником воды живой, потоком Жизни Вечной (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 395—396).

***

Нам, впрочем, надлежит подвизаться об очищении самих себя покаянием и смирением, чтоб соединить с Единым Благим и Преблагим Богом все наши чувства, как одно, и тогда все то, чего не можем мы представить и

изъяснить многими словами, все то зараз познаем и уразумеем, слыша зрением и видя слышанием, научаясь созерцанием и слушая откровением (прп. Симеон Новый Богослов, 74, 476).

***

...Ты, имеющий обитающим внутри себя всего Бога, добре внимай, чтобы не сделать и не сказать чего-либо недостойного святой воли Его; иначе Он тотчас удалится от тебя и ты потеряешь сокровище, сокрытое внутри тебя. Почти Его, сколько можешь, и не вноси внутрь обиталища Его ничего Ему неблагоугодного и чуждого естеству Его, чтоб Он не прогневался на тебя и не убежал, оставя тебя пустым. Не многословь пред Ним и не обращай к Нему прошений без благоговейной собранности. Не помышляй в себе и не говори: «Дай-ка покажу я Ему преобильную теплоту и превеликую ревность любви, да приимет Он доброе мое произволение и да познает, как люблю я Его и чту», потому что прежде, чем подумаешь ты так, Он уже знает помышления твои и ничего нет сокрытого от Него. Не покусись еще удержать Его мысленными руками, ибо Он неухватим, и как только ты дерзнешь ухватить Его или подумаешь только удержать Его — уже не найдешь внутри себя ничего. Он тотчас удалится от тебя и станет неощутим для тебя.

Тогда, если, сокрушаясь, томя и бия себя, станешь ты каяться и плакать много, то не получишь никакой пользы. Истинно так: ибо Он есть радость и не согласен входить в дом, где печалятся и скорбят, как и люботрудная пчела не терпит места, наполненного дымом. Но если благоустроишь себя беспопечением и преданностью в волю Его, то

Он опять обретется внутри тебя. Оставь тогда Владыку своего безмятежно почить в душе твоей, как на одре некоем — и не начинай говорить в себе, что если не стану плакать, то Он отвратится от меня, как от нерадивца и презрителя. Если бы Бог хотел, чтобы ты, достигший совершенства, плакал, как плачет тот, кто еще находится на степени покаяния, то Он виделся бы тебе издали или совсем скрывался бы от тебя, или освещал тебя издали и таким образом давал тебе и раздражал в тебе плач к очищению и благоустроению дома твоего. Но теперь, после покаяния и очищения, какое получил ты посредством слез, Он пришел в тебя, чтобы даровать тебе упокоение от трудов и воздыханий и исполнить тебя радостью и веселием вместо печали. Стой же прямо, не телом, но движениями и устремлениями души твоей. Водвори в себе тихое безмолвие, так как в дом твой идет Царь царствующих. Скажи со строгостью всем придверникам дома твоего, т. е. чувствам своим: «Царь грядет, стойте же добре при дверях, стойте смирно и со страхом великим наблюдайте, чтоб не пришел кто к дверям и не стал стучать и чтоб ничей голос не проходил внутрь ни изблизи, ни издали. Внимайте добре, чтоб кто не обманул вас и не прокрался внутрь тайком — и Царь тотчас опять не оставил нас и спешно не удалился». Так скажи и стой в веселии и радовании души своей, смотря внутрь себя на Неописуемого Владыку своего, благоволившего неописанно описатися в тебе, и созерцай красоту Его, ни с чем не сравнимую. Созерцая же недомыслимо пресвятое лицо Его, неприступное для Ангелов и для Архангелов, и для всех Чинов Небесных, изумляйся, радуйся и духовно скача, веселись, внимая однако ж Ему с благоговением, чтоб услышать, что пове-

лит Он тебе сказать или сделать. Внимай убо тому, что Он говорит тебе. Он не имеет нужды требовать что-либо от рабов Своих для Своего собственного упокоения, как имеют ее земные цари, потому что ни в чем не имеет недостатка, — и если не обогатит наперед рабов Своих, то и не входит в дом их (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 364—366).

***

...Как во Отце, Сыне и Святом Духе поклоняется Единый Бог, без слияния трех Лиц и без разделения единого существа и естества, так опять и человек бывает по благодати богом в Боге, и по душе и по телу, без слияния и разделения; и ни тело не прелагается в душу, ни душа не изменяется в плоть, — и опять, ни Бог не сливается с душою, ни душа не претворяется в Божество. Но Бог пребывает, как есть Бог, и душа опять пребывает так, как есть естество ее, и тело, как создано, персть; и Сам Бог, Который дивно связал сии два — душу и тело и сраствори мысленное и невещественное с перстию, соединяется с сими двумя без слияния, — и я человек бываю по образу и подобию Божию... (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 386).

***

...Такой благодати <чтобы Сам Христос вселился в него> никто не может получить, если прежде не отвергнется себя, как повелел Спаситель, если т. е. не станет работать Господу с полным усердием и не возлюбит Его от всей души. А кто не получил такой благодати, тот пусть не обольщает себя, но да ведает, что он не сподоблялся еще и

не сподобится когда-либо быть соединенным с Богом, с умным чувством, сознанием и созерцанием. Ибо те, которые получили благодать Божию и сделались мужами совершенными и стяжали совершенный духовный возраст в сказанной нами мере, — все соединяются с Богом и видят Его столько, сколько и сами видимы бывают от Него. Бог пребывает в них сознательно, опять и они сознательно пребывают с Богом неразлучно (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 418).

***

...Соединяются с Богом те, которые, очищая чрез покаяние свои души в этом мире и удаляясь от других, делаются монахами (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 92).

***

Благоразумное пощение, приявшее в спутники себе бдение с богомыслием и молитвою, скоро делателя своего приводит к пределам бесстрастия, когда у него при сем и душа в преизбытке смирения будет обливаема слезами и воспламеняема любовью к Богу. Когда же он дойдет до сего, тогда оно вводит его в мир духовный, превосходящий всякий ум свободный, и любовию соединяет с Богом (прп. Никита Стифат, 89, 144—145).

***

Божественный Свет с собою соединяет причастившиеся его души и Своим единством объединяет их в Себе, и Своими совершенствами совершенствует их, в глубины Божии вводит умное око их, и зрителями великих тайн

делает их. Восхоти только крайнюю стяжать чистоту трудами духовными, и самым делом узришь в себе Богу любезное действо сказанного (прп. Никита Стифат, 89, 160).

***

Если естество наше Духом не будет сохранено непорочным или не очищено, как подобает, то воедино тело и дух со Христом быть не может ныне и в будущем возустроении. Ибо всеобъемлющей и всеединящей силе Духа необычно плат ветхости страстей пришивать к новому хитону благодати (прп. Никита Стифат, 89, 205).

***

...Бесстыдно и дерзостно желающий внити к Богу и исповедать Его чисто, и нудящийся стяжать Его в себе, удобно умерщвляем бывает от бесов, если попущено им будет сие. Ибо, дерзко и самонадеянно взыскав того, что не соответствует его состоянию, в гордости нудится он прежде времени достигнуть того. Господь, Милосердый к нам, видя, как скоры мы на высокое, часто не попускает нам впасть в искушение, чтоб каждый, сознав свое высокоумие, сам собою обратился к настоящему действованию прежде, чем сделается поношением и посмехом для бесов и плачем для людей, особенно когда кто взыскивает сего дивного дела с терпением и смирением, с послушанием и вопрошением опытных, чтобы вместо пшеницы не пожать куколь[1], горечи вместо сладости и вместо спасения не найти пагубы (прп. Григорий Синаит, 89, 242).

[1] Куколь — сорная трава.

***

Поелику Бог есть сама благость, само милосердие и бездна благоволения, то кто вступит в единение с Ним, всяко сподобляется милосердия Его. Соединяются же с Ним стяжанием богоподобных добродетелей, сколь сие возможно, и богообщительною молитвою и молением. Но общение чрез добродетели богоподобные делает тщаливого о сем ревнителя способным к принятию божественного единения, однако ж не производит его; молитва же сильная, священнодействуя, совершает простертие человека к Богу и соединение с Ним, по существу своему будучи союзом разумных тварей с Создателем их, когда действо молитвы чрез теплое умиление и сокрушение превзыдет страсти и страстные помыслы. Ибо уму, пока он страстен, невозможно соединиться с Богом. Почему, пока он таков бывает, молясь, не улучает он милости Божией. Но поколику отревает он страстные помыслы, потолику бывает причастен плача и сокрушения. Соответственно же сокрушению и умилению сподобляется он и милостивого утешения и, долгое пребывая время в сих чувствах со смирением, переустроивает, наконец, вожделетельную силу души (свт. Григорий Палама, 89, 324).

***

...Самое совершенное и великое дело, которого только может желать и достигнуть человек, есть сближение с Богом и пребывание в единении с Ним (прп. Никодим Святогорец, 68, 12).

***

Душа, пребывающая в служении Богу, поучается в законе Божием день и ночь, соединяется во един дух с

Господом, роднится с Его законом Святым (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 430).

***

Душа, не возделанная Евангельскими заповедями, и тело, не возделанное трудами благочестия, не способны быть храмом Божественной благодати, храмом Святаго Духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 526).

***

Бог-Троица, при Искуплении образа Своего — человека, дал такую возможность к преуспеянию в усовершении подобия, что подобие обращается в соединение образа с Подлинником, бедной твари с Всесовершенным Творцом ее (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 134—135).

***

Желающие приступить к Господу и присовокупиться к Нему всеблаженным совокуплением на веки, должны начать это святое дело с тщательнейшего изучения Слова Божия, должны начать с изучения Евангелия, в котором сокровен Христос... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 7).

***

Жительство по Евангельским заповедям, молитва в сокрушении духа вводят в соединение с Господом, навершается это соединение Божественною благодатию и причащением Всесвятых Божественных Тела и Крови Христовых (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 134).

***

Есть два пути к тому, чтобы стать едино с Господом: деятельный и созерцательный. Первый для христиан житейских, второй — для оставивших все житейское. В действии ни первый не бывает без второго, ни второй без первого (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 6).

БОГОИСКАНИЕ

Кто с чистым намерением ищет Бога, тот страшится, чтобы не прогневать Его (прп. авва Исаия, 60, 138).

***

Путь к Богу не так далек от нас, как превыше всего Сам Бог; Он не вне нас, но в нас самих... (свт. Афанасий Великий, 1, 165).

***

Взыщи Господа, возлюбленный, всеми силами твоими, чтобы спаслась душа твоя, и порок не водворился в сердце твоем (прп. Ефрем Сирин, 30, 157).

***

Если хочешь прийти к Нему <Христу>, то исполнен Он благ, исполнен милосердия. Для тебя пришел из Отчего недра (прп. Ефрем Сирин, 30, 293).

***

Кто ищет Христа, тот пусть вступает в странническую жизнь и ищет Его, и он действительно найдет Бога в сей

жизни, Бог радостно примет и не оставит его (прп. Ефрем Сирин, 34, 291—292).

***

...В какой мере собираешь ты ум свой к исканию Его <Господа>, в такой и еще в большей мере понуждается Он собственным Своим благоутробием и благостию Своею прийти к тебе и успокоить тебя (прп. Макарий Египетский, 66, 237).

***

Искать же Бога по нужде, когда Он наказывает, значит обращаться к Нему не сердцем, а только по необходимости исповедовать, что Бог Помощник и Избавитель; поступать так свойственно злым и неблагодарным рабам, для которых господин не будет знать милости, видя их вынужденное признание; тем более (поступит так) Бог, который знает лицемерие лукавых и злых людей и ясно предвидит то, что затем последует (свт. Иоанн Златоуст, 49, 840).

***

Кто же ищущий Господа? Тот, кто стремится к справедливости и одобряет правду (свт. Иоанн Златоуст, 50, 298).

***

...Как можно обрести Господа? Вспомни, как отыскивается золото — с великим трудом... Как мы ищем потерянное, так будем искать и Бога (свт. Иоанн Златоуст, 56, 186).

***

Если, желая найти что-нибудь, мы употребляем все меры к тому, чтобы найти желаемое, то не тем ли более касательно Бога нам следует поступать так, как при отыскании чего-нибудь необходимого, или, лучше сказать, не так, а гораздо более? Но так как мы немощны, то ищи Бога по крайней мере так, как ты ищешь своих денег или сына. Не предпринимаешь ли ты для этого путешествий? <...> Искание требует многих забот, особенно касательно Бога, потому что при этом (встречается) много препятствий, много недоразумений, много такого, что поражает наши чувства... если мы закопаем себя в глубину порочных пожеланий и во мрак страстей и дел житейских, то с трудом в состоянии будем взглянуть <в Небо>, с трудом поднять голову (свт. Иоанн Златоуст, 56, 186).

***

Хорошо, всегда от всего упраздняясь, искать Бога, как нам повелено (Пс. 45, 11; 104, 4). Ибо хотя по свойству настоящей жизни, ища Его, мы не можем дойти до предела глубины Божией, но, может быть, и малость некую глубины Его достигнув, узрим Святых Святейшее и Духовных Духовнейшее (прп. Максим Исповедник, 87, 238).

***

Блаженны те, которые от всей души ищут внити во Свет (Христов), презрев все прочее, потому что они, если и не успеют, пока в настоящей находятся жизни, внити в сей Свет, — всячески отыдут отсюда с благими надеждами и внидут в него по мере своей (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 57).

***

Кто же воздерживается от всего и обучает душу свою не кружиться в беспорядке там и сям и не творить ни в чем воли своей, наипаче же в том, что не угодно Богу, но понуждает ее неотступно ходить в заповедях Божиих, с теплою любовию и со столь великим вниманием, как если бы шествовал на высоте воздушной, по какой-нибудь веревке, такой в короткое время обретет Бога, сокрытого в тех Божественных заповедях — Которого как только обретет, так забудет все и станет вне себя и, припадши к Нему, вседушно возжелает зреть Его и только Его Единого. Когда после сего Бог промыслительно скроется от очей его умных, тогда объемлет его скорбное недоумение, и он начинает опять проходить с начала путь заповедей Божиих и тещи им спешнее, сильнее и опасливее, смотря под ноги, ступая обдуманно, жегом бывая воспоминанием, горя любительным желанием и воспламеняясь надеждою опять увидеть Его. Когда же, таким образом долгое время теча и преутрудившись, не возможет достигнуть желаемого и в изнеможении совсем упадет духом, так что и тещи далее уже не станет у него сил, тогда внезапно узрит он Того, Кого искал, достигнет Того, Кто бежал от него, обымет Того, Кого вожделел, — и станет опять весь вне мира и забудет весь этот мир, соединится с Ангелами, обольется светом, вкусит от жизни, сретит бессмертие, исполнится утешительной сладости, взыдет на третье небо, восхитится в рай, услышит неизреченные глаголы, внидет в Чертог Жениха, пройдет до места, где покоится Жених, увидит Его Самого, сделается общником духовного брака, насытится, пия от таинственной чаши и вкушая от тельца упитанного, от Хлеба Животного и от Пития Жизни, от Агнца непорочного и от манны мысленной, и получит все оные блага, на которые не дерзают воззревать и самые Ангелы. Находясь в таком состоянии, он горит как огнь и

просвещается Духом Святым, и еще отселе, из настоящей жизни, провидит таинство обожения своего. Став весь огнем по душе, он и телу передает от стяжанного внутри светлоблистания, подобно тому, как и чувственный огнь передает свое действо железу, — и бывает тогда душа для тела тем, чем Бог стал для души, как говорит богословский глас. Ибо как душе невозможно жить, если не бывает она просвещаема Творцом своим, так и телу невозможно жить, если не получает на то сил от души (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 384).

***

...Не ищи ни славы, ни телесного утешения, ни расположения сродников. Совершенно не озирайся ни направо, ни налево; как начала, лучше же — теча еще усерднее, потщись всегда уловлять Владыку, взяться за Него. И хотя бы тысячи раз Он исчезал и столько же раз являлся тебе, делаясь неуловимым, (только) таким путем Он будет удержан тобою. Десятки тысяч раз, лучше же, доколе ты вообще дышишь, еще усерднее ищи Его и беги к Нему. Ибо Он не оставит тебя и не забудет тебя; но являясь тебе понемногу все более и более и чаще пребывая с тобою, душа, Владыка, когда ты очистишься, наконец, осиянием света, Сам, придя, весь возобитает в тебе и с тобою будет пребывать Тот, Кто мир сотворил, и ты будешь обладать истинным богатством, которого мир не имеет, но (только) — небо и те, которые вписаны там (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 67).

***

...В послушании с вопрошением и смиренномудрием ищущий Бога никогда не потерпит вреда благодатию Христа, всем человекам спастися хотящего. Если же и случает-

ся с таким искушение, то это бывает для испытания и увенчания и сопровождается скорою помощью от Бога, попускающего сие, имиже весть судьбами (прп. Григорий Синаит, 89, 244—245).

***

Ищет же Господа тот, кто всею мыслию и с теплым расположением припадает к Богу, отревая всякое мирское помышление ради уведения Бога и любви, источаемых частою чистою молитвою (Феолипт, митр. Филадельфийский, 89, 182).

***

...Когда вожделеваем мы и ищем Самого Бога, то и в этом деле могут иметь место некие неправости и опущения, и в него могут прокрадываться своего рода льщения нашей к себе любви или нашего самолюбия, так как при этом почасту имеем мы в виду паче собственное наше благо для себя самих, чем волю Божию для Самого Бога, Который благоугождается делами, только во славу Его творимыми, и хочет, чтобы мы Его одного любили, Его одного вожделевали и Ему одному работали (прп. Никодим Святогорец, 68, 37).

***

Ищете Господа? Ищите, но только в себе. Он недалече ни от кого. Близ Господь всем призывающим Его искренно (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 15).

БОГОМЫСЛИЕ

Бога имей пред очами во всяком деле, какое бы ты ни делал (прп. авва Исаия, 85, 314).

***

Кто же дойдет до такого безумия, чтобы осмелиться даже и на мысль что-нибудь взять самому собою, когда для того, чтобы и умом, и словом, и делом направить себя на путь истины, имеет он нужду в путеводстве Святаго и Благаго Духа, а сам слеп и живет во тьме без Солнца Правды — Самого Господа нашего Иисуса Христа, Который Своими заповедями просвещает, как лучами... (свт. Василий Великий, 9, 181).

***

Когда самый ум и душевное расположение всегда заняты мышлением о Боге и стремлением к Нему и представлениями в памяти всего прекрасного... тогда в сообразность любви Божией человек всегда получает совершеннейший успех (прп. Ефрем Сирин, 32, 338).

***

И язык, и ум непрестанно упражняй в Божиих словесах! А Бог, в награду за труды, дает или видеть сколько-нибудь сокровенный в них смысл, или, что еще лучше, приходить в сокрушение при чтении великих заповедей чистого Бога, или, в-третьих, таковыми занятиями отводит Он мысль твою от земного (свт. Григорий Богослов, 16, 48).

***

Если не возмог ты объять помыслов души своей, то как можешь домышляться о Божиих помышлениях и Божием уме? (прп. Макарий Египетский, 66, 98).

***

Ум, не рассеивающийся по внешним предметам и не расплывающийся через чувства по миру, собирается в себя самого, а чрез себя восходит к мысли о Боге и, блистая этою красотою, забывает даже самую природу и не увлекается ни заботою о пище, ни попечением об одежде, но, свободный от земных забот, все свое старание обращает на приобретение вечных благ... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 969).

***

Многое из того, что мы думаем о Боге, не можем выразить словом, и многое, что выражаем словом, не можем представить умом... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 17).

***

Когда приходится тебе помыслить что о Боге, если это низко — возвышай, а если возвышенно — умеряй, не Бога, но себя, потому что небезопасно все то, что преступает меру, какая для нас вместима (прп. Нил Синайский, 70, 237).

***

Когда со временем возможешь искоренить в себе все пагубные и неистовые страсти, тогда посвяти себя умозрению возвышенных понятий (прп. Нил Синайский, 71, 46—47).

***

...Блажен, у кого помышление всегда о Боге, кто удержался от всего мирского и с Ним одним пребывал в беседе ведения своего (прп. Исаак Сирин, 59, 165).

Осиявший ум свой Божественными разумениями, слово приучивший Божественными песньми непрестанно чтить Творца и чувство освятивший непорочными на все взираниями — сей к естественному добру бытия по образу приложил и благобытие по подобию произвольным благонастроением.

Хранит душу свою неосквернённою тот, кто ум свой понуждает помышлять о Едином Боге и Его совершенствах, слово поставляет правым истолкователем и изъяснителем сих совершенств, а чувство научил благочестиво взирать на видимый мир и на все, что в нем, и душе возвещать о величии сокрытого в том разума (прп. Максим Исповедник, 87, 230).

***

...Богомыслие соделается самым неправильным и душевредным, если подвижник, прежде очищения покаянием, не имея точного понятия о учении христианском, позволит себе самовольное размышление... (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 118).

***

Стремись к стяжанию чистой молитвы, соединенной с чувством покаяния и плача, с воспоминанием о смерти, о суде Божием... такая молитва, соединенная с такими воспоминаниями, есть непогрешительное, превосходное, душеполезнейшее богомыслие (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 119).

***

Богомыслие есть в мысли держание какой-либо истины: воплощения, крестной смерти, воскресения, вездесу-

щия и проч. без всякого направления мысли (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 77, 114).

***

Первый способ обучения души частому обращению к Богу есть богомыслие, или благоговейное размышление о божественных свойствах и действиях, — размышление о благости Божией, правосудии, премудрости, всемогуществе, вездесущии, всеведении, — о творении и промышлении, об устроении спасения в Господе Иисусе Христе, — о благодати и Слове Божием, о Святых Таинствах, о Царстве Небесном. О каком из этих предметов ни стань размышлять, размышление это непременно исполнит душу благоговейным чувством к Богу: оно прямо устремляет к Богу все существо человека, и потому есть самое прямое средство к тому, чтобы приучить душу возноситься к Богу (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 78, 36).

***

Для того чтобы ум держался в богомыслии — соберите несколько кратких молитвенных воззваний и твердите их с пониманием и чувством (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 91).

***

Представлять Христа Спасителя Распятого... или как вы проходите всю жизнь Его и молитесь Ему соответственно воспоминаниям, — ничего. Это есть спасительное богомыслие — самая естественная пища души (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 178).

***

Если б кто спросил: как всегда быть с Господом, можно смело отвечать: имей чувство к Господу — и будешь с

Господом... А как чувство иметь? Думается, одно воспоминание о Господе уже приводит в движение чувство к Нему. Если к сему приложить помышление о том, что Он есть и что сделал и делает для нас, то не знаю, чье сердце останется не тронутым. Потому очень праведно святые отцы почитают богомыслие или созерцание свойств и действий Господа ключом молитвы... и молитвы непрестанной. Потому что от сего чувство к Богу оживает... и с Господом соединяет (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 179).

***

Богомыслие — есть углубленное размышление о Домостроительстве спасения, или вообще, или о каком-либо одном предмете, входящем в состав его. Как проснетесь — тотчас обозрите все — от сотворения до второго пришествия, суда и решения участи всех. — Это скоро... И держите молитву, пока уберетесь. — Потом берите один предмет и углубитесь в него, пока он обымет сердце... И в сем объятии творите потом молитву... И так весь день... перемешивайте богомыслие с молитвою... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 209).

БОГОПОЧИТАНИЕ

Чти Господа, и благоуспешны будут пути твои (прп. Ефрем Сирин, 30, 135).

***

Если хочешь быть без печали, старайся угодить Богу (авва Евагрий, 85, 602).

***

Бога тогда преславно почтишь, когда посредством добродетелей отпечатлеешь в душе твоей Его подобие (авва Евагрий, 85, 606).

***

В том-то и состоит истинное с нашей стороны богопочитание, когда мы уповаем на Его Всемогущество, хотя бы видимое для плотских очей и казалось противным (Его обетованиям) (свт. Иоанн Златоуст, 48, 425).

***

...Бога должно чтить не дымом и смрадом, но доброю жизнью, не телесною, а духовною. Не так поступают бесы <идолы> языческие — они даже требуют себе жертв (свт. Иоанн Златоуст, 49, 260).

***

Когда Его <Бога> почитатели проводят лучшую жизнь, когда прославляют Его словами и делами, — тогда Он возвеличивается. Конечно, это не значит, что при этом возрастает Его собственное величие. Но через почитающих Его, через Его великие и разнообразные дела в творении и промышлении, Его величие открывается и неверующим в Него (свт. Иоанн Златоуст, 49, 740).

***

Научимся же быть любомудрыми и почитать Христа, как Сам Он того хочет. Почитаемому приятнее всего та

честь, которой он сам желает, а не та, которую мы признаем лучшею... Так и ты почитай Его тою честию, какую Сам Он заповедал, т. е. истощай богатство свое на бедных. Богу нужны не золотые сосуды, а золотые души (свт. Иоанн Златоуст, 51, 522).

***

Где почитают Бога, там нет ничего худого, а, напротив, где не почитают Его, там нет ничего доброго (свт. Иоанн Златоуст, 53, 179).

***

Если и люди за почтение платят почтением, то не гораздо ли более Бог, Который, впрочем, нередко делает это, и не будучи Сам почитаем? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 186).

***

...Если почтим Единого, т. е. Бога, то все станут почитать нас, а если обесчестим Его грехами своими, то встретим противное тому <бесчестие> (прп. Феодор Студит, 88, 146).

***

...Все люди ищут Бога. Следовательно, быть с Богом — есть норма жизни нашей души. Это так осязательно, что и спорить против этого нельзя... Твари Божии возвещают о Боге. Если есть разумность в устроении вещей, то есть и существо разумное их устроившее. Это неотразимое заключение, силу которого все умы испытывают, не исключая

и тех, которые надуваются не верить... Остается вам уяснить, как вступить в общение с Богом и быть с Ним. — Тут Христос Господь, Который сказал: «Я в Отце, вы во Мне, и Я в вас». — Се цепь, связующая нас с Богом. — Вот и вся система веры (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 77, 161).

***

Помышление о Боге будет дверь, чрез которую входить будет душа в деятельную жизнь. Весь труд теперь должен быть обращен на то, чтобы непрестанно помышлять о Боге или <помышлять, ходить> в присутствии Божием (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 78, 55).

***

Чтобы прилепить мысль к единому, старцы имели обычай навыкать непрерывному произношению коротенькой молитовки, от навыка и частого повторения молитовка эта так навязывалась на язык, что он сам собою повторял ее. Чрез это и мысль прилеплялась к молитве, а через нее и к помышлению о Боге, непрестанному. После навыка молитва связывала память о Боге, а память о Боге молитву; и они взаимно себя поддерживали. Вот и хождение пред Богом (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 78, 56).

***

Нормальное к Богу наше отношение есть — болезненное с сокрушением Ему припадание в сердце, с воззваниями: ***имиже веси судьбами, спаси мя!*** — В руки Господни надо положить себя, да творит в нас и с нами, что

Его святой воле угодно, только бы спас... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 78, 88).

***

Бог везде есть, и все видит, и очи Его светлейшие паче солнца — суть. Память об этом надо внедрить в сердце или слить с сознанием. Когда же душа будет держать сознание о сем, то не может не иметь и страха Божия, и благоговеинства пред Ним, с заботою угодить Ему всем, — и словом, и мыслию, и движением, и делом (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 78, 89).

***

...Кто хочет привязать ум к Богу так, чтобы он неустанно зрел Бога, надобно оживить чувство к Богу. Чувство к Богу нам натурально: оно составляет сущность духа высшей стороны нашего существа. Но по падении дух наш ослаб и подчинился душе; душа же, что Марфа, — вся занята земным и житейским и жить без того не может. Как же быть? — Надо душу свою загубить, чтобы ожил дух, или ожить духом. Так и Господь повелел. Вопрос опять: как? Благодать Божия приходит и возбуждает дух. Дух начинает предъявлять свои требования и томить человека неудовлетворенностью: подай ему Бога... и с Богом его сочетай, тогда он замолчит, имея то, что ему потребно (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 78, 96).

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О СВЯТЫХ ОТЦАХ

СВЯТОЙ АПОСТОЛ ВАРНАВА

Апостол Варнава, по происхождению иудей, из колена Левия, родился на Кипре в начале I века. В юности он вместе с Савлом (будущим апостолом Павлом) учился у знаменитого Гамалиила. Уверовав во Христа, Варнава вошел в число семидесяти апостолов. С 43 по 44 год апостолы Варнава и Павел проповедовали христианство среди язычников в Антиохии, а затем отправились на Кипр и в Малую Азию для проповеди Евангелия (45—56 гг.). Апостол Варнава присутствовал на Апостольском соборе в Иерусалиме. Через некоторое время он совершает еще одно путешествие на остров Кипр вместе со своим родственником святым апостолом Марком. Представляется вероятным, что он проповедовал в Александрии, а затем возвратился на Кипр. За проповедь учения Христова иудеи побили его камнями, и он скончался мученической смертью в 76 году. В 488 году были обретены его нетленные мощи.

От апостола Варнавы до нас дошло одно послание, написанное на греческом языке, состоящее из 22 глав. Послание написано вскоре после разрушения Иерусалима, случившегося в 70 году.

СВЯТОЙ ЕРМ

Святой Ерм в книге «Пастырь» говорит о себе следующее: что он родом грек, жил в Риме, был женат на язычнице. За грехи домашних его постигло тяжелое испытание — из богача он стал бедным. Но, наказывая, Господь вместе с тем и миловал его — на время покаяния Господь поручил его особенному хранению Ангела. Являясь Ерму в виде пастыря, Ангел давал ему наставления, которые тот тщательно исполнял и по повелению того же Ангела записывал для общей пользы. В книге «Пастырь» Ерм пересказывает наставления Ангела с целью исправить заблудших, привести их к покаянию и дать примеры правильного христианского поведения.

Святой Ерм скончался около 100 года. Ориген признает писателя Ерма за того самого Ерма, которого приветствовал святой апостол Павел в Послании к Римлянам (Рим. 16, 14). Церковный историк Евсевий и блаженный Иероним свидетельствуют, что это мнение является древним церковным преданием.

СВЯТИТЕЛЬ КЛИМЕНТ, ЕПИСКОП РИМСКИЙ

Святитель Климент родился в Риме, был язычником. К вере во Христа обращен святым апостолом Петром. Вместе со святым апостолом Павлом святитель Климент разделял труды и опасности апостольского служения во многих странах Средиземноморья. По свидетельству церковного историка Евсевия, святитель Климент управлял Римской церковью с 92 года, в годы правления императора Домициана, до 101 года, в правление императора Траяна. Пастырская заботливость святителя простиралась не на одну Римскую церковь, что видно по его сочинениям. При императоре Траяне святитель был сослан в Херсонес на работы в каменоломнях. Там он укреплял духовно

христиан, сосланных на тяжелые работы, обратил ко Христу многих язычников, за что по повелению императора был утоплен в море. Мощи святителя Климента были взяты из Херсонеса святыми братьями Кириллом и Мефодием для свидетельства об истине Христовой при их проповедническом служении славянским племенам, а часть мощей — святая глава мученика — была принесена на Русь святым равноапостольным князем Владимиром.

С именем святителя Климента связаны два послания к Коринфянам, постановления и правила апостольские, но последние, по мнению исследователей, принадлежат другому автору.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИГНАТИЙ БОГОНОСЕЦ, ЕПИСКОП АНТИОХИЙСКИЙ

Святитель Игнатий был учеником апостола Иоанна Богослова. Есть предание, что Игнатий был одним из тех детей, которых держал на руках Иисус Христос, и поэтому прозван «Богоносец». Игнатий был поставлен апостолами во епископа Антиохийской церкви. Церковный историк Сократ упоминает, что святитель Игнатий ввел в церкви антифонное пение. Он благочестиво управлял церковью в Диоклетианово гонение. В 107 году в Антиохию прибыл гонитель христиан император Траян, который повелел отвезти святителя в оковах в Рим и там предать на растерзание зверям. Святитель Игнатий скончался мученическою смертью 20 декабря 107 года. Его мощи находятся в Риме, в Климентовской церкви.

По пути следования в Рим святитель Игнатий написал пятнадцать посланий к местным церквам: к Ефесянам, Магнезиянам, Траллианам. Из них сохранилось только семь.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПОЛИКАРП, ЕПИСКОП СМИРНСКИЙ

О происхождении священномученика Поликарпа и о первой половине его жизни нет достоверных сведений. Известно, что он был обращен ко Христу из язычества. По словам его ученика святителя Иринея Лионского, святитель Поликарп общался с апостолами и с многими из тех, кто видел Господа. Он был любимым учеником апостола Иоанна Богослова, им же он и был рукоположен во епископа Смирнского. Из собственных слов святителя известно, что он при императоре Антонине Пие прибывает в Рим, где обращает в православие многих последователей ереси Валентина и Маркиона. В 158 году у святителя Поликарпа возникли разногласия с Римским епископом Аникитой по поводу времени празднования Пасхи. Однако он не прервал с ним общения и всячески способствовал сохранению церковного мира. Несколько десятков лет святитель Поликарп управлял Смирнской церковью. В 167 году, в гонение императора Марка Антонина, святителя приговорили к сожжению, но пламя не тронуло святого мужа. Тогда язычники пронзили его мечом.

До нас дошли следующие труды святителя Поликарпа: «Послание к Филиппийцам», «Послание к Афинской церкви», «Учение» и «Ответы» (последние изъясняют некоторые ответы Иисуса Христа).

СВЯТИТЕЛЬ КИПРИАН, ЕПИСКОП КАРФАГЕНСКИЙ

Фасций Цецилий Киприан родился в начале III века в семье богатого сенатора. Киприан стал знаменитым оратором, а также страстным любителем других наук. До 40 лет он был язычником.

В 246 году, по убеждению пресвитера Цецилия, он принял святое крещение и совершенно переменился в жизни: стал строгим подвижником, имущество свое раздавал бедным, много времени посвящал молитве и изучению Священного Писания.

Через два года после крещения он был поставлен во пресвитеры, а еще через год, против своего желания, избран епископом Карфагенским. В гонение императора Декия (250 г.) святитель Киприан скрывался и своими посланиями укреплял слабых в вере. Когда гонение ослабло, святитель стал прилагать все усилия для уврачевания нестроений, вызванных расколами Новата и Фелициссима. В 257 году, в гонение императора Валериана, святитель Киприан был заточен в темницу и через год принял мученическую смерть.

Большая часть сочинений святителя Киприана состоит из писем, остальная из трактатов. Почти все его сочинения написаны по злободневным вопросам и содержат решения церковных недоумений.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПЕТР ДАМАСКИН, АРХИЕПИСКОП АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

Священномученик Петр Дамаскин родился в Александрии. Получив хорошее образование, возглавил Александрийскую огласительную школу, где старался установить строго церковное направление, опровергая аллегории Оригена и его учение о предсуществовании душ. В 300 году вступил в управление Александрийской церковью, став преемником своего учителя, блаженного епископа Феоны. При правлении архиепископа Петра Александрийская церковь, несмотря на гонения, крепла и умножалась. Святитель ревностно совершал богослужения, проповедовал Сло-

во Божие, тайно посещал заключенных в темницах христиан, укрепляя в них веру, помогал вдовам и сиротам. Он осуждал арианство и завещал своей пастве не верить Арию и не принимать его в церковное общение.

В 311 году по приказу императора Максимиана архиепископ был схвачен и осужден на смертную казнь. Темной ночью его обезглавили на том же месте, где ранее был казнен апостол Марк.

Священномученик Петр Дамаскин написал творения о духовной жизни, они содержат учение о душе и ее силах и указывают, как противостоять греху и побеждать его.

ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ ВЕЛИКИЙ

Преподобный Антоний родился в 251 году в Александрии от богатых родителей. После их смерти, на двадцатом году жизни, он, раздав все имущество, поселился в уединенной пещере недалеко от города.

В 285 году, стремясь к совершенному уединению, он переселился на восточный берег Нила, где провел около 20 лет. Слава о его необыкновенных подвигах и чудесах привлекла в пустыню многих ревнителей благочестия. Братия начали селиться около пустынного жилища великого подвижника. Образовалось много иноческих обителей и скитов. Вскоре пустыня заселилась отшельниками, и преподобный Антоний стал наставником и руководителем монахов.

Нередко искали наставлений у преподобного Антония великие подвижники, приходили и образованные язычники-философы, которых преподобный удивлял своею премудростью.

За 85 лет отшельнической жизни преподобный только два раза оставлял пустыню и являлся в Александрию со

словами любви, утешения и вразумления. Так, во время гонения Максимиана он утешал гонимых: одних укреплял на подвиги, за других ходатайствовал перед судьями. Около года провел здесь преподобный Антоний, хотел и сам пострадать за веру, но Господь хранил его, и он возвратился в пустыню. В другой раз он явился в Александрию, когда там появилось лжеучение ариан. Ариане распространили слух, будто преподобный Антоний согласен с их образом мыслей, надеясь одним именем его увлечь многих в ересь. Пришедши в Александрию, преподобный Антоний пред всем народом осудил ложное учение ариан. Слова великого подвижника произвели глубокое впечатление в Александрии. Обличив неправое учение и утвердив в истинной вере маловерных, он удалился в свою любимую пустыню.

Скончался преподобный Антоний 17 января 356 года. Мощи преподобного Антония в 544 году были принесены в Александрию, потом в VII веке в Константинополь, а в XV веке перенесены в церковь св. Иулиана в Арле (Франция).

Преподобный Антоний оставил после себя правила и поучения инокам, постановления, изложение некоторых мыслей и ответы на различные вопросы и письма.

ПРЕПОДОБНЫЙ АББА ИСАИЯ ОТШЕЛЬНИК

Преподобный авва Исаия жил во второй половине IV века. В каком возрасте он избрал монашеский путь и пришел в пустыню, неизвестно. Известно только то, что родители его были люди незнатные и бедные. Местом его подвигов была Скитская пустыня, находившаяся в Нижнем Египте недалеко от Александрии, где монашествующие проводили созерцательную жизнь в глубоком безмолвии.

Преподобный авва Исаия святостию своей жизни заслужил их доверие и любовь. Многие руководствовались его советами и охотно оказывали ему совершенное послушание. Преподобный Исаия за свое смиренное жительство получил благодать глубокого плача.

У него было два ученика — Петр и Елисей. Первому авва Исаия написал назидательное «Слово», а второму — душеполезную повесть. К концу своей жизни, стремясь к глубокому уединению, авва жил отдельно; ученики только навещали его. Преподобный авва Исаия скончался в 370 году.

За свою подвижническую жизнь авва Исаия написал 29 назидательных «Слов», содержащих различные душеполезные наставления; правила для новоначальных монахов, статью «О хранении ума», главы о подвижничестве и безмолвии; сохранились также некоторые отдельные его изречения.

СВЯТИТЕЛЬ АФАНАСИЙ ВЕЛИКИЙ, ЕПИСКОП АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

Святитель Афанасий родился около 297 года в Александрии, где получил хорошее светское образование. Будущий пастырь Александрийской церкви усердно изучал Священное Писание, любил монашество и пустыножителей и не раз посещал преподобного Антония Великого. В 319 году епископом Александром Афанасий был поставлен во диаконы. Вскоре он стал секретарем владыки. В сане диакона будущий святитель принимал участие в работе Первого Вселенского Собора, где опроверг учение пресвитера Ария. После кончины святителя Александра Афана-

сий, против своей воли, был поставлен в 326 году во епископа Александрийского. С этого времени целых 48 лет святитель посвятил тяжелой борьбе с арианами. Несколько раз он был изгоняем и снова возвращаем на свою кафедру. Последним подвигом святителя Афанасия стала его борьба с учением Аполлинария Лаодикийского, которое он опроверг в «Двух книгах против Аполлинария». Святитель Афанасий скончался 2 мая 373 года.

Святитель оставил множество сочинений: догматических, четыре слова против ариан, «О Троице и Святом Духе», Пасхальное письмо, толкование на псалмы и другие.

СВЯТИТЕЛЬ ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ, АРХИЕПИСКОП КЕСАРИИ КАППАДОКИЙСКОЙ

Святитель Василий родился в конце 330 года в Кесарии Каппадокийской в благородной и благочестивой христианской семье. Из их семьи пятеро причислены к лику святых: сам Василий, Макрина — образец аскетической жизни, Григорий, впоследствии епископ Нисский, Петр, епископ Севастийский, праведная Феозва — диаконисса. Под руководством своей бабушки Макрины святитель Василий начал обучение дома, затем изучал основы риторики у своего отца в Неокесарии. Свое образование он продолжал в Каппадокии, Константинополе и, наконец, в Афинах, где встретил Григория Богослова, подружился с ним и всю жизнь оставался верным его другом. Здесь он изучал риторику, философию, математику, медицину и другие науки. Вернувшись в Кесарию, Василий некоторое время работал адвокатом.

В 359 году Василий принимает святое крещение, поставляется в степень чтеца и отправляется изучать иноческую жизнь к пустынникам Сирии, Месопотамии, Палестины и Египта. Затем Василий поселяется в пустыне близ Неокесарии, где вместе со своим другом Григорием Назианзином предается монашеским подвигам, изучает сочинения Оригена и пишет свои первые труды.

В 364 году Василий был посвящен в сан пресвитера и начал проповедовать Слово Божие в Кесарии. В 370 году святой Василий поставлен епископом Кесарийским и в этом сане, не оставляя своего подвижнического образа жизни, ревностно заботился о своем клире, соединяя попечение о бедных с заботами о православии всего Востока. Как богомудрый защитник Православия, святитель Василий силою своего слова выступил против ереси арианства. Император Валент, будучи сторонником арианства, беспощадно отправлял в изгнание всех епископов, противившихся ереси. Святитель Василий написал письма на Запад с просьбами о содействии в борьбе против арианства, сам объехал восточных епископов, убеждая их стоять вместе в деле защиты Православия. В 378 году император Валент умер на войне, и после этого, благодаря заботам святителя Василия, Кессарийская церковь была спасена от арианства. Но силы кесарийского пастыря были подорваны непрестанной борьбой, и в 379 году святитель Василий скончался. Тело его было перенесено крестоносцами во Фландрию, честная глава находится в Афонской лавре святителя Афанасия, а десница святителя хранится в Венеции.

Из трудов святителя Василия Великого до нас дошли: Чин Литургии, девять бесед на Шестоднев, 13 бесед на псалмы, 25 бесед на различные случаи, пять книг против

ариан и одна о Божестве Святаго Духа. Он оставил большое количество проповедей, догматических и нравственных сочинений, толкований и церковных правил.

ПРЕПОДОБНЫЙ ЕФРЕМ СИРИН

Преподобный Ефрем Сирин родился в начале IV века в окрестностях Низибии (Месопотамии) в христианской семье бедных земледельцев. Родители воспитали его в благочестии, но он с детства имел вспыльчивый и раздражительный характер, кроме того, не верил в Промысл Божий и считал, что все в жизни совершается случайно.

Но одно чудесное событие вскоре настолько поразило Ефрема, что он оставил свою прошлую жизнь в миру и удалился на гору Синоджар с отшельниками, где стал учеником святителя Иакова Низибийского. Под его руководством он прожил 14 лет и стяжал христианскую кротость, смирение, покорность Промыслу Божию, дающему силу безропотно переносить различные искушения. Преподобный читал проповеди, обучал детей и вместе со своим учителем присутствовал на Первом Вселенском Соборе в Никее.

В 363 году, после разрушения персами Низибии, он удаляется в Едессу, где занимается толкованием Священного Писания. Вскоре преподобный Ефрем открывает в Едессе училище, из которого впоследствии вышли знаменитые учители Сирийской церкви. Он смело боролся с разного рода еретиками, особенно арианами.

Как бы ни были велики его иноческие подвиги, преподобный Ефрем, считая себя меньшим всех и духовно бедным, уходит в Нитрийскую пустыню. Он был принят там и общался со многими подвижниками. На обратном

пути в Едессу он встретился со святителем Василием Великим, который рукоположил его в диакона.

Всю оставшуюся жизнь преподобный Ефрем провел в уединении, в пещере под Едессой. Скончался он в 373 (или 379) году.

Преподобный Ефрем Сирин оставил после себя много сочинений. Это и толкование Священного Писания — объяснение Пятикнижия Моисея, и молитвы ко Пресвятой Троице, Сыну Божию, Пресвятой Богородице. Он написал песнопения на дни двунадесятых Господних праздников, покаянную молитву, читаемую во время Великого Поста; апологетические произведения, наставления в христианской жизни и многое другое.

СВЯТИТЕЛЬ ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ

Святитель Григорий Богослов родился около 326 года в Арианзе близ Назианза (в Каппадокии), где отец его сначала был градоначальником, а потом епископом. С раннего детства будущий святитель проявил любовь к наукам. Свое образование он получил в Неокесарии у Амфилохия, знаменитого учителя красноречия, затем в Александрии и далее в Афинах, где он подружился со святителем Василием Великим. После завершения учебы святитель Григорий остался в Афинах и стал учителем словесности. Вернувшись к родителям, он в 356 году принимает крещение и с ревностью продолжает изучать Священное Писание. Отличаясь особенною любовию и почтительностью к своим родителям, Григорий, по настоянию отца, принимает сан пресвитера. Однако, тяготясь саном, он удаляется в пустыню к святителю Василию Великому. Внутренне успокоившись и приготовившись к великому служению, он

возвращается в город и с ревностью приступает к пастырскому служению.

В 372 году святитель Василий рукополагает своего друга во епископа города Сасим. Но обстоятельства сложились так, что он не смог управлять сасимскою паствою и возвратился к отцу, который сделал его своим помощником. Святитель Григорий с пастырской любовью проповедовал Слово Божие и посвящал пресвитеров. Он служил больным, утешал бедных, защищал обиженных и несчастных.

После смерти императора Валента (378 г.), получив одобрение святителя Василия Великого, святитель Григорий, по приглашению Антиохийского Собора, возглавил Константинопольскую кафедру. Вся столица Византийской империи в то время была под влиянием ариан, и святителю пришлось служить в небольшой домовой церкви Воскресения. Его проповеди приходили слушать даже еретики, и многие из них впоследствии возвращались в православие.

На Втором Вселенском Соборе в 381 году святитель Григорий Богослов был признан достойным Константинопольской кафедры и председательствовал на Соборе, но некоторые епископы стали оспаривать кафедру у святителя Григория, и он ради сохранения мира в Церкви ушел на покой, назначив себе преемника. Остаток жизни, около восьми лет, он провел в своем родовом имении, где вел строгую подвижническую жизнь и занимался богословскими трудами. До нас дошли следующие сочинения святителя: «Пять слов о Богословии», Слова похвальные, на праздники, защитительные, обличительные, письма догматического и исторического содержания, стихотворения.

Скончался святитель Григорий Богослов в 389 году. В 950 году мощи святителя Григория были перенесены из Назианза в Константинополь, часть их перенесена в Рим.

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКАРИЙ ВЕЛИКИЙ

Преподобный Макарий Великий родился в 300 году в селении Птинапор в Нижнем Египте. В юности он, по желанию родителей, вступил в брак, но вскоре овдовел. После смерти родителей он оставил мир и поселился в келье недалеко от деревни, подвизаясь под руководством опытного старца. Некая девица, впавшая в грех, оклеветала его, но вскоре, после поразивших ее страданий, раскаялась и признала невиновность Макария. После случившегося преподобный Макарий, убегая от славы человеческой, поселился в Скитскую пустыню.

В 340 году он был посвящен во пресвитера и поставлен настоятелем Скитской пустыни. В это же время преподобный Макарий получает от Бога дар пророчества и чудотворений. Перед Богом он достиг такого дерзновения, что по его молитвам Господь воскрешал умерших.

В годы царствования Валента, покровителя ариан, епископом Люцием преподобный Макарий был изгнан из пустыни и сослан в заточение на один из египетских островов, но вскоре снова возвратился на место своих подвигов.

Скончался преподобный Макарий Великий в 390 или в 391 году на 90-м году жизни, прожив в пустыне 60 лет.

Драгоценным наследием духовной мудрости, оставленным преподобным Макарием, стали 50 «Слов», семь наставлений и два послания. Главная тема его бесед — учение о благодати Божией.

СВЯТИТЕЛЬ ГРИГОРИЙ, ЕПИСКОП НИССКИЙ

Святитель Григорий родился около 332 года в Кесарии Каппадокийской в благочестивой семье: дед и бабушка — исповедники, пять братьев — иноки, между ними три епископа, в их числе и Василий Великий, и пять добродетельных сестер. Святитель Григорий получил прекрасное образование, в юности хотел стать ритором. Но Господь устроил его судьбу иначе. После увещеваний своего брата, святителя Василия Великого, он оставил должность наставника красноречия и удалился в пустыню.

Вскоре святитель Василий Великий поставляет Григория в сан пресвитера, а в 372 году — в сан епископа Нисского. В своем служении святитель Григорий был истинным пастырем. Он неутомимо боролся с арианской ересью, а в 381 году принял участие во Втором Вселенском Соборе, где прочитал свое сочинение против Евномия. Ему же приписывают дополнение Никейского Символа относительно учения о Святом Духе.

Однако из-за нападок ариан, против которых он писал много статей, святитель Григорий был лишен сана, провел восемь лет в изгнании, и только при императоре Грациане ему возвратили епископский сан.

В последний раз его имя встречается в документах Константинопольского Собора 394 года. Скончался святитель Григорий после 394 года.

После себя святитель Григорий Нисский оставил многочисленные труды. Наиболее известные из них: «Об устроении человека», «О Шестодневе», «О жизни Моисея-законодателя», сочинения против Евномия, толкование Священного Писания, проповеди и многие другие.

АББА ЕВАГРИЙ ПОНТИЙСКИЙ

Авва Евагрий родился примерно в середине IV века в городе Иворе, в Малой Азии, в семье пресвитера. На его способности обратили внимание жившие в то время великие святители: Василий Великий, Григорий Нисский и Григорий Богослов. Под их руководством он возрастал и развивался в духе познания учения Христова. Святитель Василий поставил Евагрия во чтеца. По преставлении святителя брат последнего, святитель Григорий Нисский, рукоположил Евагрия во диаконы и взял его с собой в Константинополь на Второй Вселенский Собор.

В Константинополе авва Евагрий прославился как искусный обличитель многочисленных в то время еретиков. Вскоре он был вынужден удалиться из столицы и, побыв некоторое время в Иерусалиме, направился в Египет, где подвизался сначала в Нитрийской пустыне, затем в Келлиях и, наконец, в Ските под руководством великих пастырей. Церковный историк Сократ пишет, что Евагрий был учеником обоих Макариев — Египетского и Александрийского. Другой историк, Созомен, отмечает высокую ученость Евагрия, его глубокое знание творений Оригена, Дидима Слепца и других духовных писателей. Кончина аввы Евагрия последовала в 399 году.

Авва Евагрий написал: «Главы о деятельной жизни», сочинение «О восьми порочных помыслах», составил сто молитв и краткие правила к монахам киновитам и другие труды.

На Пятом Вселенском Соборе (553 г.) богословские взгляды аввы Евагрия, касающиеся вопроса христологии, были осуждены, однако его аскетические творения сохранили свое значение для Церкви.

СВЯТИТЕЛЬ ИОАНН ЗЛАТОУСТ, АРХИЕПИСКОП КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ

Святитель Иоанн Златоуст родился, как полагают, в 347 году в Антиохии, в богатой и благочестивой семье. Он рано лишился отца, и его воспитывала мать, которая старалась дать ему хорошее образование. Святитель Иоанн слушал знаменитого риторика Ливания, и тот предрек юноше великое будущее; учился философии у Андрагафия. По окончании учебы он становится адвокатом, но вскоре оставляет службу и принимает крещение. Епископ Мелетий Антиохийский, обратив внимание на усердного юношу, в 370 году поставил его во чтеца. Исполняя обязанности чтеца, святитель Иоанн продолжал усердно заниматься изучением Священного Писания, а после смерти матери удалился в пустыню. После четырехлетней подвижнической жизни он возвратился в Антиохию, и епископ Мелетий посвятил его во диаконы.

В начале 386 года он был рукоположен епископом Флавианом во пресвитеры. С этого времени начинается его проповедническая деятельность. Многие приходили в храм, чтобы послушать его. В своих проповедях святитель Иоанн объяснял Священное Писание, восставал против лжеучителей, восхвалял подвиги святых, смело обличал пороки как простых людей, так и сильных мира сего. За эти проповеди его прозвали Златоустом. Однако его обличения настроили против него знатных людей, его обвинили в оскорблении императрицы Евдоксии и изгнали из города. Но по требованию народа, после сильного землетрясения, его вернули в Константинополь, где он продолжил свое проповедничество. Через три года его вновь удаляют с кафедры и из города. Святитель был отправлен в Никею, а затем в Кукуз (Армения), где пробыл два года.

14 сентября 407 года по пути в Абхазию святитель Иоанн Златоуст, причастившись Святых Таин, скончался со словами: «Слава Богу за все».

Святитель Иоанн Златоуст оставил многочисленные писания: Чин Божественной литургии, учение «О священстве», труды, составленные по его проповедям, песнопения, толкования Слова Божия, письма к разным людям и другие сочинения.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИСИХИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ

Преподобный Исихий родился в Иерусалиме. В юности был учеником святителя Григория Богослова, после кончины которого удалился в пустыню. В 412 году Иерусалимский архиепископ рукоположил преподобного Исихия во пресвитера. С тех пор он становится проповедником, одним из знаменитых учителей Церкви.

Скончался он в 432 году. Память его совершается вместе со всеми преподобными отцами, в подвиге просиявшими, в субботу сырной седмицы.

Преподобный Исихий по своим знаниям был достойным учеником Григория Богослова. Он известен своими толкованиями на Священное Писание, псалмами, а также беседами на события из земной жизни Спасителя, Божией Матери и некоторых палестинских святых.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАНН КАССИАН РИМЛЯНИН

Преподобный Иоанн, по прозванию Кассиан, жил в IV веке. Он был римским гражданином и происходил из знатного и богатого рода. Его родители имели обширные поместья в Марселе, в Галльской провинции.

Преподобный Иоанн получил хорошее образование и, еще будучи молодым человеком, отправился с благочестивыми намерениями в Палестину и вступил в число братии Вифлеемской киновии. Прожив там два года, он около 390 года со своим другом Германом решил посетить египетские монастыри, которые славились строгим подвижничеством и обилием благочестивых старцев. Посещая монастыри в Нижнем и Верхнем Египте, они собирали и записывали все лучшее, что видели в монастырских уставах и примерах подвижнической жизни монахов.

В 397 году они побывали в Константинополе, где их принял святитель Иоанн Златоуст. Он посвятил Иоанна во диакона, а Германа, как старшего, во пресвитера. После начавшихся гонений на святителя Иоанна преподобный Иоанн решил остаться жить на канонической территории Римского папы в Марселе. Здесь он был посвящен во пресвитера. Преподобный Иоанн устроил в Марселе два монастыря, мужской и женский, и установил в них правила палестинских и египетских общежительных обителей. Преподобный Иоанн выступал против распространившейся тогда на Западе ереси Пелагия. В то же время он не одобрял и крайностей в учении блаженного Августина, епископа Иппонского, также выступавшего против Пелагия. В своих трудах преподобный Иоанн излагал правое учение о действиях Божественной благодати, которое в свое время познал у египетских подвижников. Святитель Лев, папа Римский, преподобный Венедикт Нурсийский, преподобный Иоанн Лествичник высоко ценили ученость и труды преподобного Иоанна. Скончался преподобный Иоанн Кассиан Римлянин в 435 году.

По просьбе епископа Аптского Кастора преподобный Иоанн написал 12 книг «О поставлениях киновии», в

которых указал основные правила для общежительных монастырей: о поведении монахов, их одежде, молитвах, псалмопениях и о восьми главных страстях; он же записал десять бесед с египетскими подвижниками, составил труд в опровержение ереси Нестория и другие работы.

ПОДВИЖНИКИ ЕГИПЕТСКИХ МОНАСТЫРЕЙ

Преподобные отцы авва Моисей, авва Пафнутий, авва Даниил, авва Серапион, авва Феодор, авва Серен и авва Исаак подвизались в Верхнем Египте, в Скитской пустыни. Об этих истинных подвижниках до нас дошло совсем немного сведений.

Об авве Моисее известно, что он был пресвитером. Ему принадлежат собеседования «О цели монашеской жизни и рассудительности».

Настоятелем Скитской пустыни был авва Пафнутий, ему принадлежат главы «О трех отречениях от мира».

Авва Даниил был известен среди подвижников пустыни своим смирением, кротостью и чистотою сердца. За его добродетели авва Пафнутий прочил его в свои преемники, но авва Даниил, возведенный в сан священника, вскоре отошел ко Господу.

Авве Даниилу принадлежит собеседование «О борьбе плоти и духа».

В числе старцев, обитавших в Скитской пустыне, был и авва Серапион, настоятель десяти тысяч монахов, особенно отличавшийся даром рассуждения. Ему принадлежит повествование «О восьми главных страстях», в котором он наставляет монахов, как бороться с чревоугодием, блудом, сребролюбием, гневом, печалью, унынием, тщеславием и гордостью.

Авва Феодор, ученик Пахомия Великого, проживал в келье между Нитриею и Скитом, в пяти милях от нитрийских монастырей. Своей жизнью он показал, что монах может приобрести знание Священного Писания не только изучением его, но и молитвой и чистотою сердца. Авве Феодору принадлежит собеседование «О убиении святых», в котором раскрывается понимание добра и зла.

Авве Серену принадлежит собеседование «О непостоянстве души», «О злых духах» и «О начальствах и властях».

Авва Исаак в своем собеседовании поведал о различных видах молитвы.

Преподобные отцы авва Херемон, авва Несторой и авва Иосиф подвизались в Фиваиде, обширной равнине в Верхнем Египте. Иноки, пребывая в постоянной молитве, питались трудами своих рук: изготовляли из финиковых ветвей корзины, плели веревки и, где было возможно, разводили сады и огороды.

Авва Херемон был самым старшим, ему было около ста лет. Он поучал, что наставление никогда не будет действительно, если наставник не вкоренит оного в сердце наставляемого собственным примером.

Он оставил собеседования, в которых поведал об исправлении пороков, о восхождении на высоту любви, об очищении души, о видах совершенства, о чистоте и целомудрии.

Авва Несторой был мужем знаменитым и с высшим знанием. Он оставил собеседования, в которых поведал о различных видах знания, о приобретении истинного знания, о пути к созерцанию, о постоянном пребывании в избранном звании, о многоразличном разумении Священного Писания.

Авва Иосиф происходил из знатного рода, был мужем ученым, изучившим не только египетскую, но и греческую

риторику. Он оставил собеседования, в которых поведал о любви, о верной и неверной дружбе.

Преподобные отцы авва Пиаммон, авва Иоанн, авва Пинуфий, авва Феона и авва Авраам подвизались в Нижнем Египте, в так называемой Дельте.

Авва Пиаммон был пресвитером и отличался смирением и кротостью. Он обладал чудным даром утешения, вместе с тем ему была дана от Бога благодать исцелений. Он оставил собеседования, в которых поведал о новоначальном монашестве, о различии монашеского жительства, о совершенстве терпения и о зависти.

Авва Иоанн своим словом и смирением превосходил многих совершенных мужей. Он оставил собеседования, в которых поведал о пустынножительстве, о пользе общежительства и о плодах таких жительств.

Об авве Пинуфии известно, что он был пресвитером и управлял большой киновиею[1] недалеко от египетского города Панефиса. Он оставил собеседования, в которых поведал о покаянии и очищении от грехов.

Авва Феона оставил собеседования «О ночных искушениях», «О желании добра и делании зла».

Авва Авраам был прозван «дитятею» — за простоту и невинность своего нрава. Ему принадлежит собеседование об умерщвлении страстей.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИСИДОР ПЕЛУСИОТ

Преподобный Исидор родился в конце IV века в Александрии от богатых и знатных родителей и получил блестящее образование в светских науках. Желая посвятить себя служению Богу, он оставил родительский дом и уда-

[1]Киновия — общежитие.

лился в северные пределы Нижнего Египта, где принял иночество. Преподобный Исидор поселился на горе близ города Пелусии и с ревностью предался подвигам иноческой жизни.

Узнав о проповедях святителя Иоанна Златоуста, преподобный Исидор отправился в Константинополь, чтобы слушать наставления великого пастыря. То, что видел и слышал преподобный Исидор у святителя Иоанна, произвело на него глубокое впечатление и сделалось для него на всю последующую жизнь предметом внимательного изучения.

Когда Исидор вернулся из Константинополя, многие ревнители благочестия были привлечены его духовной мудростью и строгой жизнью, и он был избран настоятелем и пресвитером. Скромность в одежде, хранение безмолвия, скудость в пище, благотворительность — вот правила, которые преподобный Исидор внушал своей братии и которые подтверждал живым примером своей жизни. Строгими подвигами и высокой образованностью преподобный Исидор приобрел себе такое уважение, что не только епископы и вельможи, но и сам император и патриархи александрийские обращались к нему за советами и наставлениями. Ревностный обличитель пороков и неправды, преподобный Исидор много страдал от людей за свою ревность, но всегда благодарил Бога за все скорби. Как опытный муж веры, он принимал участие в защите истинного учения против ереси Нестория. Преподобный Исидор скончался в глубокой старости около 436 года.

До нашего времени дошли многочисленные письма преподобного Исидора, их более двух тысяч. Из них видно, что он является ревностным учителем православия, мудрым истолкователем Священного Писания и твердым защитником христианской веры от иудеев и язычников.

СВЯТИТЕЛЬ КИРИЛЛ, ЕПИСКОП АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

Святитель Кирилл был племянником епископа Александрийского Феофила. Учился он под руководством своего дяди, изучал писания древних отцов, был знаком и с сочинениями языческих писателей. Некоторое время он провел среди иноков Нитрийской пустыни. В 412 году, по смерти епископа Феофила, Кирилл был избран клиром и народом в преемники Феофилу по Александрийской кафедре. От своего дяди святитель Кирилл наследовал неприязнь к уже почившему святителю Иоанну Златоусту, и только преподобному Исидору Пелусиоту, которого александрийский пастырь уважал как отца, удалось убедить его почитать великого учителя и святителя. Это произошло в 418 году. С 429 года, когда начала распространяться ересь Нестория, святитель Кирилл твердо встал на защиту Православия. Он писал послания самому Несторию, папе Целестину, императору Феодосию и его благочестивой сестре Пульхерии. В этих посланиях он обличал ересь и защищал правое учение. Святитель присутствовал на Третьем Вселенском Соборе 431 года, который осудил Нестория и его учение.

Скончался святитель Кирилл в 444 году после 32-х лет управления Александрийской церковью. Кроме посланий, у него остались следующие сочинения: «Изъяснение Символа Никейского», «Изложение учения о Святой Троице», «Учение об устроении спасения нашего» и другие труды.

ПРЕПОДОБНЫЙ НИЛ СИНАЙСКИЙ

Преподобный Нил Синайский родился в Константинополе в конце IV века. Получив прекрасное образова-

ние, он, будучи еще совсем молодым, был назначен на должность префекта столицы. К этому времени он был уже женат и имел двоих детей. Светская жизнь тяготила обоих супругов, они решили расстаться и посвятить себя иноческой жизни. Под влиянием наставлений святителя Иоанна Златоуста жена Нила с дочерью в 390 году удалилась в женский монастырь, а он вместе с сыном Феодулом ушел на Синай, где поселился в пещере. Сорок лет служила эта пещера жилищем преподобному Нилу. Здесь он вел строгую подвижническую жизнь, и постом, молитвой и трудами стяжал высокие духовные дарования. В пустыне он претерпел много невзгод: сарацины пленили его сына Феодула, которого преподобный позднее нашел у епископа Эмесского, выкупившего его у варваров. Епископ рукоположил обоих пустынников во пресвитеров, и они вернулись на Синай. Скончался преподобный Нил в 450 году.

Преподобный Нил Синайский занимался толкованием Священного Писания и раскрытием некоторых догматических вопросов, о чем свидетельствуют его многочисленные письма. Он оставил после себя послания: среди них гневные обличения императора Аркадия, изгнавшего святого Иоанна Златоуста.

ПРЕПОДОБНЫЙ ЗОСИМА ПАЛЕСТИНСКИЙ

Авва Зосима с юных лет был отдан в один из палестинских монастырей в окрестностях Кесарии и прожил в нем 53 года. По особому внушению свыше он перешел в один из прииорданских монастырей, в обитель святого Герасима. Авва достиг высот монашеской добродетели. Многие живущие в его обители и в окрестных монастырях обращались к нему за советом.

Господь избрал отшельника, для того чтобы он услышал об образе жизни святой Марии Египетской из уст самой подвижницы и для напутствия и погребения пустынницы. Через 30 лет после этого он скончался столетним старцем.

Авва Зосима оставил после себя «Собеседования», изложив в них изречения древнейших старцев об аскетических подвигах.

ПРЕПОДОБНЫЙ МАРК ПОДВИЖНИК

Преподобный Марк еще в молодые годы удалился в Нитрийскую пустыню, где предался подвигам воздержания и непрестанной молитве и столь преуспел в духовной жизни, что еще при жизни прославился многими чудесами. Его любимым занятием было чтение Священного Писания, которое он знал наизусть. Строгая подвижническая жизнь даровала святому название «аскета» среди нитрийских монахов. Скончался в середине V века, прожив сто лет.

Преподобный Марк написал поучения на аскетические и общехристианские темы. Из них известны: «О тех, которые думают оправдаться делами», «Ответы сомневающимся о крещении», «Глава о воздержании», «Состязание ума с душею», «О Мелхиседеке» и другие.

БЛАЖЕННЫЙ ДИАДОХ, ЕПИСКОП ФОТИКИЙСКИЙ

Святой Диадох был учителем Фотикийский церкви во второй половине V века. О происхождении и жизни святого Диадоха до епископства ничего неизвестно. Епископ Утийский Виктор в предисловии к «Истории вандалов», написанной им около 490 года, называет себя учеником

Диадоха и прибавляет, что «сей блаженный Диадох достоин быть превознесенным всякими похвалами». Святой Диадох славился святой жизнью и премудрым учением.

Из его писаний известны: «Слово на Вознесение Господне», «Слово против ариан» и «Слово подвижническое».

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАНН КАРПАФСКИЙ

Сведений о нем почти нет. Известно, что он жил в V веке и был родом с острова Карпаф (между Родосом и Критом) или подвизался на нем.

Написал «Увещательные главы» к индийским монахам, научая их претерпевать скорби и находящие искушения.

ПРЕПОДОБНЫЕ ВАРСАНУФИЙ И ИОАНН

Преподобный Варсануфий, по происхождению египтянин, жил в VI веке. Придя в Палестину на поклонение святыням, он остался там у старца Маркелла, а впоследствии стал подвизаться в обители Газской под руководством аввы Серида. Стремясь к уединению, он вместе с подвижником Иоанном вышел из Серидова монастыря и затворился в келье. Преподобные Варсануфий и Иоанн пребывали в глубоком безмолвии, так что считали келью своим гробом. Вопрошающим у них они давали ответы только через авву Серида. По кончине своего друга, прозорливого Иоанна, который прожил с ним в затворе 18 лет, и после преставления аввы Серида, преподобный Варсануфий, ради непрестанного общения с Господом, отказался от всякого общения с людьми и принял на себя совершенное молчание.

В 562 году император Юстиниан отправил своего посла Мария в Палестину преследовать не соглашавшихся

принять учение еретиков-афтартодокетов[1]. По просьбе Иерусалимского патриарха, ради блага Церкви, преподобный Варсануфий вышел из затвора и поехал в качестве посла в Константинополь. Император, убежденный силою слова аввы Варсануфия, приостановил деятельность Мария и вместе с аввой отправил дары Иерусалимской церкви.

Преподобный Варсануфий скончался в 563 году. Ответы преподобного Варсануфия и его прозорливого друга Иоанна записаны с их слов аввой Серидом.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИСААК СИРИН

Святой Исаак родился в Ниневии в VI веке. Еще в юности Исаак, удалившись от мира и всего мирского, вместе с братом своим поступил в лавру святого Мар-Матфея и там принял иноческий постриг. Живя в монастыре, он преуспел в добродетели. Когда душа его стала стремиться к безмолвию и пустынножительству, он поселился в келье и начал проводить уединенную жизнь, ни с кем не имея общения. Родной брат его, вступив в управление вышеупомянутою лаврою, не переставал убеждать и умолять его в письмах, чтобы он возвратился в прежнюю обитель, но святой Исаак оставался в пустыне.

Однако ниневитяне, узнав о высоких подвигах и духовном просвещении святого Исаака, стали просить его принять епископство и управлять церковью Ниневийскою. Святой Исаак уступил их просьбе, но недолго правил церковью родного города, так как паства начала оказывать непослушание архипастырю, избранному ею, и святой ре-

[1] Афтартодокеты — христологическая ересь, разновидность докетизма, утверждавшая, что тело Христа не было подвержено тлению.

шил сложить с себя бремя епископского служения. Он ушел в Скитскую пустыню в Египте, где прожил до самой старости.

Святой Исаак Сирин был плодовитым писателем-богословом. Самая большая часть его поучений сохранилась в арабском переводе под названием «Монашеское правило». В нем четыре книги, которые содержат более ста поучений и письмо к Симеону Столпнику. Им написаны «Слова подвижнические» и другие труды.

ПРЕПОДОБНЫЙ АББА ДОРОФЕЙ

Преподобный авва Дорофей был учеником преподобного аввы Иоанна прозорливого и жил в монастыре аввы Серида. В юности преподобный Дорофей занимался прилежным изучением светских наук и, придя в монастырь, с еще большей ревностью стал упражняться в добродетели. По совету великих старцев Варсануфия и Иоанна, а также игумена Серида, преподобный авва Дорофей выстроил на средства одного брата больницу и стал там прислуживать больным и странникам. Потом авва Серид поручил ему служить великому авве Иоанну прозорливому, что было для последнего большим утешением. В течение десяти лет преподобный Дорофей был келейником у аввы Иоанна. По кончине старца, когда авва Варсануфий принял на себя совершенное молчание, преподобный Дорофей оставил Серидов монастырь и основал другую обитель, где стал игуменом и истинным руководителем иноков в духовной жизни.

Время кончины преподобного аввы Дорофея с большой вероятностью следует отнести к 620 году. Преподобный написал «Душеполезные наставления» ученикам; по рукописям известно также его 30 Слов «О подвижничестве», он

записал устные наставления современного ему палестинского подвижника преподобного Зосимы и собрал наставления преподобных Варсануфия и Иоанна.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАНН ЛЕСТВИЧНИК

Преподобный Иоанн родился, вероятнее всего, в Константинополе. В юности он получил хорошее образование, однако, в 16 лет оставив мир, ушел на Синайскую гору, где предал себя в повиновение старцу Мартирию. Он проявил великое послушание старцу и через четыре года был пострижен в иноческий образ. По кончине старца, с которым преподобный Иоанн прожил 19 лет, он решил избрать отшельническую жизнь. Для своего уединения преподобный Иоанн избрал пустыню Фола, в углубленной долине у подножия горы Синай. Каждую субботу и воскресенье он приходил в храм Синайской обители на богослужение и для приобщения Святых Таин. В своей повседневной жизни преподобный Иоанн старался уклоняться от всяких крайностей: на трапезе он употреблял все, что не запрещено уставом, хотя и соблюдал умеренность; не проводил ночей без сна, хотя и не спал много, — и таким образом смирял себя. Свободное от молитвы время преподобный Иоанн посвящал чтению и переписыванию душеполезных книг. Проведя в пустыне 40 лет в подвигах, преподобный Иоанн общим желанием братии был избран игуменом Синайской обители. Преподобный Иоанн четыре года управлял паствою и — вновь возвратился в уединение. Это произошло незадолго до кончины, которая последовала на 80-м году его жизни, в 649 году.

Преподобный Иоанн известен как автор знаменитой «Лествицы», в которой в виде 30-ти Ступеней описывается путь духовного восхождения человека; а также книги

«К пастырю», объясняющей обязанности пастыря духовных овец.

БЛАЖЕННЫЙ АББА ФАЛАССИЙ

Блаженный авва Фалассий жил в первой половине VII века и был пресвитером и настоятелем одного монастыря в пустынях Ливийских. С любовью к благочестию сей блаженный авва соединял стремление к духовному просвещению и много занимался изучением Священного Писания. Он был современником преподобного Максима Исповедника, который написал ему несколько писем и посвятил целую книгу, содержащую изъяснение трудных мест Священного Писания. Преподобный Максим высоко чтил авву и в одном из писем назвал его своим наставником. Блаженная кончина аввы Фалассия последовала, вероятно, не позже 660 года.

До нас дошло сочинение аввы Фалассия о любви, воздержании и духовной жизни, состоящее из 400 «сотен». Каждая «сотня» преимущественно нравственно-аскетического содержания, но есть и такие, что содержат догматические мысли, которыми пользовался святой Иоанн Дамаскин в своем изложении веры.

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКСИМ ИСПОВЕДНИК

Преподобный Максим родился в Константинополе около 580 года в благочестивой христианской семье. В юности получил прекрасное образование и занял должность первого секретаря при дворе императора Ираклия (611—641 гг.). В 641 году, уклоняясь от усилившегося при дворе учения монофелитов, он удалился в Хрисопольскую оби-

тель, где принял монашеский постриг. Своим смиренномудрием он вскоре приобрел любовь братии и был избран игуменом монастыря, оставаясь в своем сердце простым монахом.

В 645 году, выступая в защиту православного вероисповедания, одержал победу в публичном диспуте с монофелитом Пирром, патриархом Константинопольским, спустя четыре года убедил папу Римского, св. Мартина, созвать в Риме Латеранский собор, который осудил монофелитство как ересь, а ее защитники были преданы анафеме.

Император Констанс, получив решение Собора, приказал бросить преподобного Максима в темницу, урезать ему язык, отсечь правую руку и отправить в ссылку в город Визию во Фракии. Но и там святой продолжал обличать еретиков в своих письмах. В 661 году его сослали в Колхиду (Западная Грузия). Скончался преподобный Максим в Мингрелии (Закавказье), в темнице Схемарской, 13 августа 662 года.

Преподобный Максим Исповедник написал толкование молитвы Господней, объяснение 59 псалма, «Четыреста глав о любви», объяснение богослужения («Мистагогию»), трактаты и письма к разным лицам.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАНН ДАМАСКИН

Преподобный Иоанн Дамаскин родился в семье знатного сановника, служившего при дворе Дамасского халифа. Его отец, желая дать сыну хорошее образование, нашел ему учителя Козму Калабриеца, выкупив пленного инока, хорошо знавшего риторику, диалектику, музыку, астрономию, физику, философию и богословие. Иоанн, получив

христианское образование, был назначен правителем города Дамаска.

При императоре-иконоборце Льве Исавре преподобный Иоанн явился мужественным защитником иконопочитания, и его полные пламенной веры, несокрушимой убедительности и живого красноречия письма в защиту иконопочитания вразумляли народ. Император Лев, желая погубить преподобного Иоанна, послал халифу подложное письмо, уличавшее святого Иоанна в измене своему повелителю. Не подозревая козней еретика-императора, халиф поверил письму и приказал отрубить преподобному Иоанну правую руку.

В изнеможении от страданий преподобный Иоанн припал с отсеченной рукой к иконе Богородицы и молил Ее восстановить истину; вскоре от бессилия он заснул и пробудился с приросшею рукою. В благодарность об исцелении преподобный Иоанн воспел песнь «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь».

После такого чуда, убедившись в невинности Иоанна, халиф простил его и хотел вернуть прежнюю должность, но Иоанн упросил халифа отпустить его и вступил иноком в обитель святого Саввы Освященного. В обители же никто не желал быть духовным наставником знаменитого ученого-богослова, и только один, самый простой и строгий инок, согласился стать его наставником. Он потребовал от Иоанна беспрекословного послушания и запретил писать что-либо. Преподобный Иоанн продолжительное время покорно нес это послушание, но когда один из иноков, по случаю кончины своего брата, неотступно просил его сложить надгробный гимн, преподобный Иоанн, тронутый слезами несчастного, не утерпел и написал те высокопоэтические умилительные песнопения, которые и доныне поются в нашей Церкви при погребении.

Строгий наставник преподобного Иоанна за нарушение послушания возложил на него епитимию, состоящую в очищении всех нечистых мест в обители, и только после того, как Иоанн беспрекословно выполнил возложенную на него епитимию, простил его и позволил писать и петь во славу Православия.

Преподобный Иоанн, возведенный Иерусалимским патриархом в сан пресвитера, некоторое время жил в Иерусалиме. За свою ревность к Православию он несколько раз был заключаем в темницу. Остаток дней своих преподобный Иоанн прожил в обители святого Саввы, где подвизался до самой глубокой старости в смирении и послушании и написал свои знаменитые богословские сочинения и те дивные церковные песнопения, которые доселе поет Православная Церковь. Принадлежащее ему «Точное изложение Православной веры» представляет собою первый опыт научного христианского богословия и поныне служит образцом для богословов. Из церковных песнопений преподобного Иоанна, кроме трогательных песней на погребение, особенно замечательны составленный им «Октоих», служба на Пасху, каноны на Рождество Христово, Богоявление, Воскресение и другие. Всего же им было написано до 64 канонов. За свои дышащие пламенным вдохновением песнопения преподобный Иоанн получил название «Златоструйного». Скончался преподобный Иоанн на 104-м году своей жизни, около 780 года (по другим же сведениям, до 754 года).

ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОР СТУДИТ

Преподобный Феодор Студит родился в 758 году в Константинополе в семье благочестивых христиан — сбор-

щика царских налогов Фотина и его супруги Феоктисты. Прекрасное, разностороннее образование он получил у лучших риторов, философов и богословов византийской столицы.

Отец и мать святого Феодора раздали имение бедным и приняли монашеский постриг. Сам преподобный Феодор вместе со своим дядей удалился в уединенное место Саккуден недалеко от Константинополя. Подвижническая жизнь инока Феодора проходила в самых строгих подвигах: посте, бдении, самоотречении и послушании. Вскоре Феодор был рукоположен в сан пресвитера святым Тарасием, патриархом Константинопольским.

В 794 году, когда его дядя, игумен Саккуденского монастыря блаженный Платон, ушел на покой, братия избрала преподобного Феодора игуменом монастыря. Но уже в 796 году он был отправлен в заточение в город Солунь за обличение незаконного брака императора Константина Копронима. В 798 году возвратившая себе престол святая Ирина освободила преподобного Феодора и передала ему почти опустевший Студийский монастырь. Для управления монастырем преподобный Феодор составил общежительный устав монашеской жизни, получивший название Студийского.

В 809 году преподобный Феодор выступил против иконоборческой ереси. Император Лев отправил преподобного в ссылку, сначала в Иллирию, в крепость Метопу, а затем в Анатолию, в Бониту. Но и из заточения исповедник продолжал борьбу с ересью.

Выступая в защиту Православия, преподобный Феодор многократно подвергался гонениям со стороны иконоборческих императоров. В конце жизни он поселился в городе Херсонесе, возле церкви Святого мученика Трифо-

на, где ежедневно совершал Литургию и поучал братию. Здесь же в 826 году преподобный Феодор отошел ко Господу.

Преподобному Феодору Студиту принадлежат многочисленные духовные творения: «Догматическая книга об иконах против иконоборцев», «Большой и малый катехизис», похвальные слова на Господнии и Богородичные праздники, каноны, включенные в состав Триоди Постной; известна его переписка, содержащая около 550 писем, касающихся самых разнообразных сторон церковной жизни.

СВЯТИТЕЛЬ ФЕОДОР, ЕПИСКОП ЕДЕССКИЙ

Святитель Феодор, епископ Едесский, родился в городе Едессе (сейчас Урфа, Турция) от благочестивых родителей. Учение ему давалось с большим трудом, и он молился Богу о понимании изучаемого. Однажды во время Литургии в алтаре некий юноша, напитав его сотом, внушил ему сладость уединения. Священнодействовавший епископ, узнав о том, посвятил Феодора во чтеца, и он остался в обители, где легко и свободно изучал тогдашний круг наук у общего наставника Софрония. На 18-м году жизни, лишившись родителей, он раздал имение, отделив только часть сестре, и вскоре удалился в обитель святого Саввы, близ Иерусалима. В монастыре он 12 лет пробыл в общежитии и 24 года в затворе. По определению патриарха Антиохийского и Иерусалимского, он вышел из затвора и был хиротонисан во епископа Едесского.

В Едессе он все силы свои обратил на благоустроение Церкви и верующих, но труды его встречали большие препятствия со стороны магометан, владетелей города и еретиков, наполнявших его. Видя тщетность своих усилий и даже опасность для жизни, святитель Феодор отправил-

ся в Багдад к халифу Мавию просить милостей. Исцелив халифа, он расположил его дать повеления правителям Киликии, Сирии и Месопотамии возвратить Едесской церкви ее достояние и не препятствовать обращению в православие. Возвратясь в Едессу, он был радостно принят православною паствою, которая приумножилась обращением еретиков. Предвидя приближение смерти и желая почить в уединенной келье, святитель Феодор отправился в Палестину, где вскоре, 9 июля 848 года, скончался.

Находясь в затворе, по просьбе старцев обители, святитель Феодор составил правила аскетической жизни.

ПРЕПОДОБНЫЙ ФИЛОФЕЙ СИНАЙСКИЙ

Преподобный Филофей жил в начале IX века. Был игуменом Синайской обители. Обстоятельства жизни святого неизвестны. После себя он оставил сорок глав о трезвении.

ПРЕСВИТЕР ИЛИЯ

Обстоятельства жизни святого неизвестны. Есть предположение, что пресвитер Илия, называемый также и Екдиком, — это одно лицо с Ильей Критским, истолкователем слов святого Григория Богослова. Пресвитер Илия составил «Анфологион» (Цветособрание), в котором собрал поучения святых отцов.

ПРЕПОДОБНЫЙ СИМЕОН НОВЫЙ БОГОСЛОВ

Преподобный Симеон родился в 949 году в местечке Галате в Пафлагонии (Малая Азия), в богатой и знатной

семье. Он получил хорошее воспитание и образование в Константинополе у своего дяди, одного из придворных. По окончании учения он, несмотря на открывающуюся блистательную государственную карьеру, поступил в 973 году в Студийский монастырь, где подвизался под руководством старца этой обители Симеона Благоговейного. Здесь он следовал наставлениям духовного отца столь усердно, что вызвал неудовольствие игумена монастыря, который изгнал его из обители. Перейдя в соседнюю обитель во имя святого Маманта, именуемую Ксирокеркская, молодой послушник принял монашество. Предаваясь уединению, чтению и богомыслию, он неделями соблюдал строгий пост и лишь по воскресеньям присутствовал за братской трапезой. Никогда не произносил праздных слов, творил Иисусову молитву и старался не выходить из кельи.

В 980 году он был рукоположен в сан священника и избран игуменом монастыря святого Маманта. Преподобному Симеону удалось превратить монастырь в процветающую обитель, увеличив число ее насельников.

Впоследствии преподобный Симеон передал игуменство своему ученику, монаху Арсению, а сам поселился в одинокой келье при монастыре. С этого времени начался новый этап жизни подвижника. Дар учительства, который раньше выражался в частных и церковных поучениях, раскрылся в многочисленных писаниях, дошедших до нас под общим названием «Слова преподобного Симеона Нового Богослова». В это же время были написаны «Гимны». Последние 13 лет жизни он провел в тишине затвора в пустынной местности, принадлежавшей одному из его почитателей, который предоставил преподобному возможность жить при храме во имя святой Марины.

Преподобный Симеон преставился ко Господу 12 марта 1021 года.

Из его трудов известны также «Главы деятельные богословские», «Слово о вере», «Слово о трех образах молитвы», «Сокровищница или 35 оглашений» и другие.

ПРЕПОДОБНЫЙ НИКИТА СТИФАТ

Преподобный Никита, пресвитер Студийской обители, ученик преподобного Симеона Нового Богослова, жил в XI веке. Вместе со своим учителем подвизался в монашеских трудах. С неусыпным вниманием углубляясь в изучение Божественного Писания, собрал 300 душеспасительных изречений, которые можно назвать точным правилом деятельной жизни, зерцалом совершенства богоподобной жизни. Он же составил жизнеописание своего учителя.

ПРЕПОДОБНЫЙ ГРИГОРИЙ СИНАИТ

Преподобный Григорий родился около 1268 года в Малой Азии (в селении Кукуль), в богатой семье. Около 1290 года был взят в плен агарянами и отправлен на остров Кипр. Вскоре, будучи освобожден, ушел на Синайскую гору, где постригся в иноки. Строгостью своей жизни, постом и бдением, постоянным псалмопением преподобный Григорий приводил в изумление всех иноков. Но вскоре среди братии возникла зависть к его подвижничеству, и он вынужден был удалиться из монастыря. Посетив Иерусалим, преподобный Григорий поселился на Крите. Отсюда отправился на Афон и там, обойдя все монастыри и всех подвижников, построил себе в уединенном месте

келью для безмолвия. В заботах о распространении умного делания он построил несколько келий на Афоне, населил иноками пустыню в Парории (нынешняя Фракия) и основал здесь четыре лавры. Преподобный Григорий скончался в 1310 (или в 1360) году.

Преподобный Григорий написал много душеспасительных книг. До нас дошли его труды о заповедях, догматах, угрозах и обетованиях.

ПРЕПОДОБНЫЙ НИКИФОР УЕДИНЕННИК

Преподобный Никифор Уединенник совершал свои аскетические подвиги на святой горе Афон. Известно, что он был наставником святителя Григория Солунского (Паламы). Скончался преподобный Никифор около 1340 года.

Преподобный Никифор оставил после себя «Слово о трезвении и хранении сердца».

СВЯТИТЕЛЬ ГРИГОРИЙ ПАЛАМА, АРХИЕПИСКОП СОЛУНСКИЙ

Святитель Григорий родился в 1296 году в Малой Азии. Во время турецкого нашествия семья переселилась в Константинополь. Отец святителя Григория стал сенатором при императоре Андронике II Палеологе (1282—1328), но вскоре умер. Благодаря императору Григорий получил хорошее образование. Император хотел, чтобы юноша посвятил себя государственной деятельности, но Григорий, едва достигнув 20 лет, удалился на Афон, где в 1316 году принял монашеский постриг. Впоследствии его мать и сестры также приняли монашество.

В 1326 году, из-за угрозы нападения турок на остров, святитель Григорий вместе с братией перебрался в Солунь (Фессалоники), где был рукоположен в сан священника.

В 1331 году святой вновь удалился на Афон и уединился в скиту святого Саввы, возле лавры преподобного Афанасия. В 1333 году он был поставлен игуменом Эсфигменского монастыря, но в 1336 году святитель вернулся в скит святого Саввы, где занялся богословскими трудами.

По просьбе афонских монахов, святитель Григорий Палама вступил в полемику с Варлаамом Калабрийцем о сущности Фаворского света. Спор был разрешен Константинопольским собором 1341 года: учение святого Григория о возможности непосредственного знания Бога было подтверждено, а Варлаам осужден. За благочестие и ревность в защите истин Православия в 1347 году Григорий был избран архиепископом Фессалоникийским. Впоследствии святитель сподобился явления Божией Матери и получил дар исцеления. Преставился святитель Григорий Палама около 1360 года.

Среди богословских и аскетических трудов святителя наиболее известны «Триады в защиту святых исихастов» и «Беседы» (Омилии).

ФЕОЛИПТ, МИТРОПОЛИТ ФИЛАДЕЛЬФИЙСКИЙ

Феолипт, митрополит Филадельфийский, жил при императоре Андронике II Палеологе (начало XIV века). Сначала он подвизался на Афоне, а оттуда был призван на Филадельфийскую кафедру. Здесь его учеником стал святитель Григорий Палама, которому он открыл тайны трезвения и умной молитвы.

До нас дошло составленное митрополитом Феолиптом «Слово», наставляющее монашествующих в духовном делании.

СВЯТЫЕ КАЛЛИСТ ПАТРИАРХ И ЕГО СПОДВИЖНИК ИНОК ИГНАТИЙ, КСАНФОПУЛЫ

Каллист, святейший патриарх Константинопольский, жил при императоре Андронике II. Он был учеником преподобного Григория Синаита, проводил подвижническую жизнь на святой горе Афон, в ските Магула, расположенном возле монастыря святого Филофея. Сподвижниками его были Игнатий и Марк.

Святой Каллист вместе с иноком Игнатием писал о молитве Иисусовой. На горе Афон Максимом Капсокаливитом ему было предсказано время кончины. Преставился богоносный отец в Сербии.

ПРЕПОДОБНЫЙ НИКОДИМ СВЯТОГОРЕЦ

Преподобный Никодим Святогорец родился в Греции в 1749 году от благочестивых родителей Антония и Каливурси. В святом крещении назван Николаем. С ранних лет преподобный стремился к равноангельской жизни. Начальное образование он получил в Наксосе у приходского священника. В пятнадцатилетнем возрасте отец отдал его на обучение в школу в Смирне. Кроме богословских дисциплин и древнегреческого, Николай изучил латинский, итальянский и французский языки.

В 1770 году, из-за гонения на христиан со стороны турок, Николай уехал из Смирны и возвратился в родной Наксос. В 1775 году он отправился на святую гору Афон, где сначала подвизался в обители святого Дионисия. В том

же году Николай принял иноческий постриг с именем Никодим и всецело предался духовным подвигам. День и ночь поучаясь в законе Господнем, изучая святоотеческие творения, он совершенно умертвил помышление плоти усиленным постом, постоянной умной молитвой. В 1778 году преподобный Никодим принял великий ангельский образ и поселился в келье Феонас. Подвизаясь там, преподобный назидал приходивших к нему мудрыми словами, исправлял и подготавливал к изданию свои сочинения. В последние годы земной жизни он неоднократно менял место своих подвигов. 1 июля 1809 года преподобный Никодим отошел ко Господу. Погребен в келье Скуртеон в Карее.

Преподобный Никодим Святогорец написал «Добронравие», толкование на послания святого апостола Павла, перевел «Невидимую брань» и сочинения святого Симеона Нового Богослова, перевел и прокомментировал «Пространное толкование Псалтири» инока XII века Евфимия Зигабена, назвав книгу «Сад благодатный».

СВЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ (БРЯНЧАНИНОВ), ЕПИСКОП КАВКАЗСКИЙ

Святитель Игнатий (в миру Димитрий Александрович Брянчанинов) родился 6 февраля 1807 года в селе Покровское Вологодской губернии. Происходил из древнего дворянского рода, берущего начало от соратника Димитрия Донского Михаила Бренко. С детства Димитрий мечтал об иноческой жизни, но подчинился воле отца, определившего его в 1822 году в Главное инженерное училище в Петербурге. Окончив училище в декабре 1826 года, он сразу подал прошение об увольнении от службы, которое было удовлетворено в ноябре 1827 года.

Получив отставку, без ведома родителей, он отправился в Александро-Свирский монастырь. В монастыре послушника Игнатия отличали беспрекословное послушание и смирение. В мае 1829 года Игнатий поселился в Оптиной пустыни. После долгих скитаний: пребывания в Кирилло-Белозерском монастыре, непродолжительной жизни в родительском доме по просьбе матери, послушничества в Глушицком монастыре, — он принял в 1831 году монашеский постриг в кафедральном соборе в Вологде. В том же году Игнатий был рукоположен во иеродиакона, а затем в иеромонаха. В 1832 году иеромонах Игнатий был назначен настоятелем Лопотова монастыря в Вологодской губернии.

За неутомимые и полезные труды Игнатий был возведен в сан игумена и переведен в Санкт-Петербург, где по распоряжению Синода назначен настоятелем Сергиевой пустыни и возведен в сан архимандрита. В 1857 году состоялась хиротония архимандрита Игнатия во епископа Кавказского и Черноморского, а в 1861 году он ушел на покой по состоянию здоровья и поселился в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии.

Последние свои годы святитель Игнатий провел в молитвах и трудах по завершению и подготовке к изданию своих сочинений: «Аскетические опыты», «Приношение современному монашеству», «Аскетическая проповедь» и письма к мирянам.

30 апреля 1867 года, в Неделю Жен мироносиц, святитель Игнатий мирно отошел ко Господу.

СВЯТИТЕЛЬ ФЕОФАН, ВЫШЕНСКИЙ ЗАТВОРНИК

Святитель Феофан, в миру Георгий Васильевич Говоров, родился в семье священника в селе Чернавское Ор-

ловской губернии. В 1837 году окончил Орловскую Духовную семинарию, а в 1841 году Киевскую Духовную Академию (уже иеромонахом). По окончании академии состоял последовательно: инспектором и профессором Новгородской Духовной семинарии, инспектором и преподавателем Санкт-Петербургской Духовной Академии, членом Русской духовной миссии в Иерусалиме (в это время он посещал места подвигов великих отшельников, был на горе Афон), ректором Олонецкой Духовной семинарии, настоятелем русской Посольской церкви в Константинополе, ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии.

29 мая 1859 года архимандрит Феофан был наречен во епископа, а 1 июня хиротонисан во епископа Тамбовского и Шацкого. В 1863 году епископ Феофан был переведен на Владимирскую кафедру, а в 1866-м поселился в Шацкой Вышенской пустыни, где провел 27 лет 5 месяцев и 2 дня.

19 февраля 1873 года, в первый день Великого поста, ушел в затвор, который прерывал лишь дважды. В Вышенской пустыни святитель работал над переводом творений святых отцов на русский язык. Оставил после себя обширную переписку и аскетические сочинения: «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?», «Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия», толкования Апостольских посланий и 118 псалма, «Слова на Господские, Богородичные и торжественные дни», письма и другие труды.

6 января 1894 года, в день праздника Богоявления, святитель Феофан Затворник мирно отошел ко Господу.

ИСТОЧНИКИ

1. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1902.

2. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1902.

3. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1903.

4. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1903.

5. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1900.

6. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1900.

7. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1900.

8. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1901.

9. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 5. ТСЛ, 1901.

10. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

11. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1902.

12. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 1. М., 1843.

13. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 2. М., 1844.

14. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 3. М., 1844.

15. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 4. М., 1844.

16. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 5. М., 1847.

17. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 6. М., 1848.

18. Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. М., 1861.

19. Творения святого Григория Нисского. Ч. 2. М., 1861.

20. Творения святого Григория Нисского. Ч. 3. М., 1862.

21. Творения святого Григория Нисского. Ч. 4. М., 1862.

22. Творения святого Григория Нисского. Ч. 5. М., 1863.

23. Творения святого Григория Нисского. Ч. 6. М., 1864.

24. Творения святого Григория Нисского. Ч. 7. М., 1865.

25. Творения святого Григория Нисского. Ч. 8. М., 1871.

26. Святитель Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский. Беседы. Т. 1. М., 1994.

27. Святитель Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский. Беседы. Т. 2. М., 1994.

28. Святитель Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский. Беседы. Т. 3. М., 1994.

29. Преподобного отца нашего Аввы Дорофея, душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. 10-е изд. Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1913.

30. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 1. М., 1881.

31. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 2. М., 1881.

32. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1912.

33. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1900.

34. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 5. М., 1887.

35. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

36. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1913.

37. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 8. ТСЛ, 1914.

38. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 1. Аскетические опыты. 2-е изд. СПб., 1905.

39. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 2. Аскетические опыты. 2-е изд. СПб., 1886.

40. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 3. Аскетические опыты. 3-е изд. СПб., 1905.

41. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 4. Аскетическая проповедь. 3-е изд. СПб., 1905.

42. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 4. Письма к мирянам. 2-е изд. СПб., 1886.

43. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 5. Приношение современному монашеству. 3-е изд. СПб., 1905.

44. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина. Точное изложение православной веры. СПб., 1894.

45. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. 2-е изд. Т. 1/В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

46. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 2/В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1896.

47. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 3/В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1897.

48. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 4/В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

49. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 5/В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1899.

50. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 6/В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1900.

51. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 7/В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1901.

52. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 8/В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1902.

53. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 9/В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1903.

54. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 10/В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1904.

55. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 11/В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1905.

56. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 12/В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1906.

57. Писания преподобного отца нашего Иоанна Кассиана Римлянина. 2-е изд./ Пер. с лат. еп. Петра. М., 1892.

58. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. 7-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни. 1908.

59. Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирина, подвижника и отшельника, бывшего епископом града Ниневии. Слова подвижнические. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893.

60. Преподобного и богоносного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского, Духовно-нравственные слова. 2-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1911.

61. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 1. М., 1859.

62. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 2. М., 1860.

63. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 3. М., 1860.

64. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского. 2-е изд. Ч. 1: Письма. Киев, 1891.

65. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского. 2-е изд. Ч. 2: Трактаты. Киев, 1891.

66. Преподобного отца нашего Макария Египетского, Духовные беседы, послания и Слова. 4-е изд. ТСЛ, 1904.

67. Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника, Нравственно-подвижнические слова. 2-е изд. Сергиев Посад, 1911.

68. Невидимая брань, блаженной памяти старца Никодима Святогорца: В 2 ч. 2-е изд./Пер. с греч. еп. Феофана. М., 1892.

69. Творения преподобного отца нашего Нила подвижника Синайского. Ч. 1. М., 1858.

70. Творения преподобного отца нашего Нила подвижника Синайского. Ч. 2. М., 1858.

71. Творения преподобного отца нашего Нила подвижника Синайского. Ч. 3. М., 1859.

72. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 1. М., 1874.

73. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 2. М., 1874.

74. Слова преподобного Симеона Нового Богослова: Вып. 1. 2-е изд. М., 1892.

75. Слова преподобного Симеона Нового Богослова: Вып. 2. 2-е изд. М., 1890.

76. Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова. Сергиев Посад, 1917.

77. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 1. М., 1898.

78. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 2. М., 1898.

79. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3. М., 1898.

80. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 4. М., 1899.

81. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 5. М., 1899.

82. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 6. М., 1900.

83. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900.

84. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Письма еп. Феофана. 5-е изд. М., 1904.,

85. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 1. М., 1883; 3-е изд. М., 1895.

86. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 2. М., 1884.

87. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 3. М., 1888; 3-е изд. М., 1900.

88. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 4. М., 1889.

89. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 5. М., 1890; 3-е изд. М., 1900.

90. Писание мужей апостольских. Ерм. Пастырь/Пер. прот. Петра Преображенского. 2-е изд. СПб., 1895.

91. Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на Святой Афонской горе просиявших. 7-е изд. Ч. 1 и 2. М., 1897.

92. Глинский патерик/Прил. к диссертации свящ. Александра Чеснокова «Глинская пустынь». (Машинопись. Ин. № 200276). Загорск. 1990.

93. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. М., 1845.

94. Древний патерик. М., 1874. (Он же Скитский патерик).

95. Древний патерик: Избранные сказания. М., 1914.

96. Жизнь пустынных отцев/Творение пресвитера Руфина. ТСЛ, 1898.

97. Киево-Печерский патерик/Сост. М. Викторова. Киев, 1893.

98. Лавсаик/Сост. Палладий, еп. Еленопольский. СПб., 1850.

99. Луг духовный/ Творение блаженного Иоанна Мосха. Сергиев Посад: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915.

100. Митерикон: Собрание наставлений аввы Исаии всечестной инокине Феодоре. 2-е изд./Пер. еп. Феофана. М., 1898.

101. Отечник/Еп. Игнатий(Брянчанинов). 4-е изд. СПб., 1903.

102. Палестинский патерик/И. Помяловский. Вып. 5. СПб., 1895.

103. Пролог в поучениях/ Прот. В. Гурьев. М., 1912.

104. Соловецкий патерик. М., 1895.

105. Троицкие цветки с луга духовного/Сост. арх. Кронид (Любимов). ТСЛ, 1997.

106. Цветник духовный. В 2 ч. 5-е изд. М., 1903.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издателей 5
Предисловие 7
Введение 12
Агиология 19
Ад 36
Ангелы 46
Антихрист 66
Антропология 74
Апологетика 146
Бдение 152
Бедность 156
Бедствия 164
Безбожие 176
Безмолвие 178
Беседы 190
Беснование 194
Беспечность 201
Беспристрастие 206
Бесстрастие 208
Бесстрашие 226
Бесстыдство 229
Бесчестие 230
Бесчувствие 233
Блага земные 236
Блага истинные 249

Благоговение 266
Благодарение 267
Благодать 287
Благоденствие 335
Благоразумие 339
Благость Божия 341
Благотворительность 345
Благочестие 350
Блаженство 356
Ближний 357
Блуд 372
Богатство 407
Боговедение 445
Боговидение 447
Боговоплощение 452
Богоединение 492
Богоискание 504
Богомыслие 509
Богопочитание 514
Биографические сведения о святых отцах 519
Источники 564

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том I

2-е издание

Издание Московской Духовной Академии
и Введенской Оптиной Пустыни, 2011

249700, Калужская обл., г. Козельск,
Введенская Оптина Пустынь.
Издательский отдел, тел.: (095) 421-71-41

Зак. 0632. Тираж 2000 экз. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени типографии им. Скворцова-Степанова ФГУП Издательство «Известия» Управления делами Президента Российской Федерации. 127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5.

ISBN 5-86594-065-1

© Введенская Оптина Пустынь, 2011

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

АНТОЛОГИЯ
СВЯТООТЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
И ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
2003

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том II

Богообщение — Высокоумие

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
И ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
2003

Б

БОГООБЩЕНИЕ

Занимайся тщательнее либо молитвою, либо чтением: и будешь то сам с Богом беседовать, то Бог с тобою (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 101).

***

Не может быть со Христом тот, кто лучше захотел быть подражателем Иуды, нежели Христа (сщмч. Киприан Карфагенский, 65, 218).

***

Душа твоя да будет с Господом во всякое время, тело же твое пусть будет на земле, как изваяние и истукан (прп. Антоний Великий, 89, 109).

***

...Христос живет в тех, которые победили страсти (прп. авва Исаия, 60, 100).

***

Доколе грех влечет сердце, дотоле Бог не вселялся еще в него, и Дух Его не нашел еще себе в нем покоя (прп. авва Исаия, 89, 400).

***

Когда ум станет свободен от страстей, тогда средостение, которое было между им и Богом, падает (прп. авва Исаия, 89, 458).

***

...Один и тот же Бог и близок к каждому из нас, когда добрые дела делают нас своими Ему; и далече от нас, когда чрез приближение к погибели сами себя удаляем от Него (свт. Василий Великий, 6, 314).

***

Близость с Господом познается не по плотскому сродству, а по тщательности в исполнении воли Божией (свт. Василий Великий, 7, 333).

***

...Для созерцания и умственной деятельности, вводящей нас в общение с Богом, добрый содействен ник — безмолвие... (свт. Василий Великий, 10, 42).

***

...Правая вера без добрых дел не в состоянии поставить нас пред Господом... (свт. Василий Великий, 11, 257).

***

Непрестанно подвизайся, чтобы тебе быть нескверным и непорочным Божиим храмом. Если украсишь храм свой Богу, то Сам Святый Бог даст тебе за него усладительный рай для упокоения твоего, за победу над страстями и нечистыми помыслами. Будь стражем святого храма твоего, чтобы он был благолепен, благоугоден Богу (прп. Ефрем Сирин, 32, 69).

***

Вожделевать Бога — всегдашнее услаждение и просвещение, всегдашняя радость. Если всегда вожделеваешь Его, всегда будет обитать в тебе (прп. Ефрем Сирин, 32, 70).

***

Бог ревнитель, Бог пречист и Свят; Он обитает в душе боящихся Его и исполняет волю возлюбивших Его (прп. Ефрем Сирин, 32, 70).

***

Хочешь ли быть святым и непорочным храмом Божиим? Всегда имей в сердце своем образ Божий. Под образом же Божиим разумею не изображение красками на дереве или на чем ином, но тот Божий образ, который непрестанно и чисто живописуется в душе добрыми делами, постами, бдениями, преспеяниями в добре, воздержанием, молитвами; и краски для сего небесного Владычнего образа суть преспеяния, чистые помыслы, совлечение всего земного, также кротость и честная всегда жизнь (прп. Ефрем Сирин, 32, 70).

***

...Кто хочет стать причастником Божественной славы и во владычественной силе души, как в чистом зеркале, увидеть образ Христов, тот с ненасытимой любовью и с нелицемерным расположением обязан всем сердцем и всею силою день и ночь искать помощи в той Силе, причастником которой невозможно стать, если человек... не избегнет прежде мирского сладострастия и сопротивной силы, потому что сила тьмы чужда силе света, и влияние лукавства несовместимо и совершенно несоединимо с благим влиянием (прп. Ефрем Сирин, 32, 310).

***

Войди в себя, пребывай в сердце своем, ибо там — Бог. Он не оставляет тебя, но ты оставляешь Его (прп. Ефрем Сирин, 33, 349).

***

...Как Ему <Богу> угодно, плототворит и преобразует Себя, делаясь видимым для любящих Его по великой и невыразимой любви, в неприступной славе света являясь достойным, соразмерно с силами каждого (прп. Макарий Египетский, 67, 30).

***

...Наслаждение Богом ненасытимо, и в какой мере вкушает и причащается кто, в такой делается более алчущим (прп. Макарий Египетский, 67, 129).

***

Вот основание пути к Богу — с великим терпением, с упованием, со смиренномудрием, в нищете духовной, с кро-

тостью шествовать путем жизни... (прп. Макарий Египетский, 67, 220).

***

Обитель, или упокоение Духа, есть смиренномудрие, любовь, кротость и прочие заповеди Господни (прп. Макарий Египетский, 67, 359—360).

***

Как тело близко к душе, так и Господь близок и готов прийти и отверсть заключенные двери сердца, и даровать нам небесное богатство (прп. Макарий Египетский, 89, 187).

***

...В какой мере сподобился каждый за веру и рачительность стать причастником Святаго Духа, в такой же мере прославлено будет в оный день и тело его (прп. Макарий Египетский, 89, 271).

***

...Естество простое, чистое, однообразное, непреложное, неизменяемое, всегда одно и то же, никогда из Себя не выходящее, потому что не допускает до Себя возможности быть в общении со злом, пребывает беспредельным в добре, не видя даже пред Собою и предела, потому что не имеет в виду ничего противоположного. Посему, когда человеческую душу привлекает к общению с Собою, тогда по преимуществу в лучшем в равной тому всегда мере ставит ее выше, нежели сколько она причастна, потому что душа по причастии превосходнейшего становится непрестанно выше себя самой и, возрастая, не останавливается в возрастании;

добро, которого она причастна, однако пребывает наравне с нею, и душа, всегда более и более причащающаяся, наравне с тем находит оное непрестанно в преизбытке (свт. Григорий Нисский, 20, 137).

***

Чтобы земля не осталась совершенно не имеющей части и доли в пребывании естеств духовных и бесплотных, для сего наилучшим промышлением приведено в бытие естество человеческое, когда духовная и Божественная сущность души облечена землянистою частию, чтобы сообразно этой части, сродной с гнетущей вниз и телесным, душа жила в земной стихии, имеющей нечто близкое и однородное с сущностью плоти. Цель же сотворенного та, чтобы во всей твари духовным естеством прославляема была всего превышая Сила, когда небесное и земное одним и тем же действованием, разумею обращение взора к Богу, соединяется между собой к одной и той же цели. Это же действование — обращение взора к Богу, не что иное есть — как жизнь, свойственная и сообразная духовному естеству. Ибо как тела, будучи земными, поддерживаются земными снедями и в них примечаем некоторый род жизни телесной, одинаково совершающийся в бессловесных и словесных, так надлежит предположить, что есть и некая умом постигаемая жизнь, которою естество соблюдается в существовании. Если же плотская пища, будучи чем-то притекающим и утекающим, самым прохождением своим влагает некую жизненную силу в тех, в которых она бывает, то приобщение истинно сущего, всегда пребывающего и вечно неизменяющегося, не гораздо ли паче сохраняет в бытии приобщающегося? Посему, если свойственная и приличная духовному естеству жизнь та, чтоб быть причастным Бога, то не произойдет приобщения между противоположными, если жела-

ющее не будет некоторым образом сродно с тем, чего приобщается. Ибо, как глаз услаждается светом, потому что в себе самом имеет естественный свет для восприятия однородного с ним, и ни перст, ни другой какой из членов тела не производит зрения, потому что ни в каком другом члене не заготовлено природою света; так, чтобы сделаться причастником Божиим, совершенно необходимо в естестве приобщающегося быть чему-либо сродному с тем, чего оно приобщается. Посему Писание говорит, что человек сотворен по образу Божию, чтобы, как думаю, подобным взирать на подобное; обращать же взор к Богу, как сказано выше, есть жизнь души. Поелику же незнание истинно доброго, подобно какому-то туману, потемняло несколько зрительную силу души, а сгустившийся туман стал облаком, так что в глубину незнания не протекает луч истины, то с удалением света необходимо оскудела в душе и жизнь. Ибо сказано, что истинная жизнь души производится приобщением доброго, а при незнании, препятствующем богопознанию, душа, не будучи причастницею Божиею, лишается жизни (свт. Григорий Нисский, 21, 339).

***

В умопостигаемом... естестве истинную жизнь составляет общение с Богом, а отпадению от Него название — смерть (свт. Григорий Нисский, 23, 135).

***

...В душу, исполненную гнева и зависти или имеющую в себе другой какой порок, не может вселиться благой Жених, ибо кто найдет способ согласить между собою то, что по естеству чуждо и не имеет ничего общего? Послушай

Апостола, который учит, что нет никакого общения *света со тьмою*, или *правды с беззаконием* (ср.: 2 Кор. 6, 14), или сказать кратко — всего того, чем представляется нами и именуется Господь по различию усматриваемых в Нем совершенств, — со всем тем, что по противоположности почитается злом (свт. Григорий Нисский, 24, 358).

***

...Невозможно иначе соделаться причастником Святаго Духа, как обитая на высоте сей жизни. Приобщаются Святаго Духа только те, кои мудрствуют горняя, преставив свое жилище от земли на небо, и живут в *горнице* высокого образа жизни (свт. Григорий Нисский, 25, 101).

***

...Кто удостоится иметь Его <Господа> в себе, тот будет находиться в таком состоянии, как только лишь облеченный телом и ко всему человеческому будет показывать совершенное презрение (свт. Иоанн Златоуст, 48, 649).

***

Быть со Христом или быть с демоном? Хочешь быть со Христом? Тогда хотя на остальное время жизни откажись от удовольствий и наслаждений... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 937).

***

Никто не может приблизиться к Богу, если не удалится от мира <т. е. мирских дел> (прп. Исаак Сирин, 59, 10).

***

Хочешь ли умом своим быть в общении с Богом, приняв в себя ощущение оного услаждения, не порабощенного чувством? — Послужи милостыни (прп. Исаак Сирин, 59, 14).

***

Если кто хочет, чтобы вселился в нем Господь, то принуждает он тело свое служить Господу и работает в заповедях Духа... (прп. Исаак Сирин, 59, 117).

***

...Сношение с Богом <бывает> посредством душевного памятования, внимательности в молитвах и всесожжения (прп. Исаак Сирин, 59, 299).

***

Три есть способа, которыми всякая разумная душа может приближаться к Богу: или горячность веры, или страх, или вразумление Господне (прп. Исаак Сирин, 59, 304—305).

***

Без непрестанной молитвы невозможно приблизиться к Богу (прп. Исаак Сирин, 59, 350).

***

Когда желаешь приблизиться сердцем своим к Богу, докажи Ему прежде любовь свою телесными трудами (прп. Исаак Сирин, 59, 400—401).

***

Он <Бог>, будучи прост и незлобен, хочет, чтобы и души, приходящие к Нему, были просты и незлобивы, ибо кто не имеет простоты, тот не может когда-либо увидеть смирение (прп. Иоанн Лествичник, 58, 160).

***

Совершенно соединивший чувства свои с Богом тайно научается от Него словесам Его (прп. Иоанн Лествичник, 58, 249).

***

Ум, прилепляющийся к Богу и в Нем пребывающий молитвою и любовью, бывает мудр, благ, силен, человеколюбив, милостив, великодушен и, просто сказать, почти все Божественные свойства в себе носит. А удаляющийся от Него и с вещественными предметами сдружающийся, предавшись сластолюбию, бывает или скотен, или зверск, воюя с людьми из-за этого (прп. Максим Исповедник, 91, 187).

***

Невозможно содружиться с Богом нам, бунтующим против Него страстьми и охотно платящим дань греха злому тирану и губителю душ, диаволу, если прежде не восстанем решительною войною против этого лукавого. Ибо дотоле мы состоим врагами и противоборцами Богу, несмотря на то, что прилагаем к себе имя верных, пока самохотно рабствуем страстям бесчестия. И никакой нам не будет пользы от мира мирского, когда душа наша худа по своему настроению, восстает против своего Творца и не хочет быть под Его царскою властию; между тем как продает себя бесчис-

ленным злым господам, ввергающим ее в грехи и льстиво научающим вместо спасительного пути избирать паче путь, ведущий в пагубу (прп. Максим Исповедник, 91, 253).

***

Чей ум непрестанно устремлен к Богу, того и вожделение превозрастает в желании Бога, и раздражительность вся превращается в Божественную любовь. Ибо чрез долговременное приобщение Божественному озарению ум, соделавшись весь светловидным, и вожделетельную свою часть утеснив и подавив в себе, превращает в непрестанное, как сказано, желание Бога и неослабную к Нему любовь, — всецело переводя ее от земного к Божественному (прп. Максим Исповедник, 93, 186).

***

Невидимо соприсутствует Он <Бог> очам ума и безгласно беседует с теми, кои чисты сердцем (прп. Феодор Студит, 92, 41).

***

Где смирение, память о Боге с трезвением и вниманием и частая против врагов устремляемая молитва, — там место Божие, или сердечное небо, в котором полчище бесовское боится стоять ради того, что в месте сем обитает Бог (прп. Филофей Синайский, 91, 402).

***

Очистившись покаянием и потоками слез и приобщаясь обоженного тела, как Самого Бога, я и сам делаюсь богом

через неизреченное соединение (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 22).

***

...Один только Бог всегда будет пребывать вечным и нетленным, и с Ним будут те, которые ныне взыскали Его, и Его одного вместо всего возлюбили (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 65).

***

...Как в этой жизни человек, не пребывающий в Боге, и Бог в нем, не имеет покоя, так и после смерти вне Его одного, полагаю, не будет ни упокоения, ни места совершенно свободного от печали, воздыхания и скорби (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 76).

***

...Нет возможности, чтобы кто-нибудь приблизился к Святому и чистому Богу, если прежде не освятится он, не очистится, не сделается добротным благодатию Христовою, и таким образом не станет богат по благодати (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 149).

***

Душа, с Богом содружившаяся, бывает кротка и смиренна, и когда молится, помышляет, что стоит пред лицем Бога, и не позволяет себе блуждать туда и сюда, так что душа, которая не в таком находится состоянии, еще не содружалась с Богом, еще находится под властью диавола, хотя поет и молитвы деет. Итак, надлежит, чтобы душа, при молитвах и псалмах, паче и прежде всего искала содру-

жения с Богом. Если же она не содружена с Богом и не ищет такого содружения, то другим каким-либо способом спасения себе чаять не может (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 161—162).

***

...Кто имеет общение с Господом Иисусом, над тем никогда не возгосподствует грех, так как христиане в Самом Христе живут, движутся и суть (Деян. 17, 29) (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 204).

***

...Бывают и такие, которые проходят ангельскую жизнь, пребывая еще в мире сем с телом, когда весь Иисус Христос соединяется с их душою и телом и едино бывает с сими мужами духовными... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 205).

***

...Когда мы, оставляя мир сей и мирские суетности, при исповедании страстей Христа Господа, входим во гроб покаяния и смирения, Он Сам сходит с небес, входит в тело наше, как во гроб, соединяется с душами нашими и воскрешает их, мертвых сущих по грехам, и, воскресив, дает благодать видеть славу сего таинственного воскресения (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 345).

***

...В тех, в которых явился Христос воскресший, всеконечно Он и виден бывает духовно, и видится духовными очами. Ибо, когда приходит в нас Христос благодатию Свя-

таго Духа, то воскрешает нас из мертвых, какими бываем дотоле, и животворит, и делает, что мы видим в себе живым Его Самого, бессмертного и нетленного. И не только это, но Он дает нам благодать и такую, что мы ясно познаем, как Он воскрешает нас и прославляет вместе с Собою, как удостоверяет все Божественное Писание (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 347).

***

...Если душа не восчувствует, что Царствие Божие пришло в нее и воцарилось в ней, нет ей надежды спасения. Душе царствуемой надлежит знать благодать и воздействие царствующего в ней Божества: ибо где присущ царь, там должны быть явны и знамения его присутствия. Божии знамения, которые должна иметь душа, царствуемая Богом, суть: кротость, правота, истина, смиренномудрие, благостыня, правда и всякое благоговеинство, и еще — незлобие, человеколюбие, сострадание, любовь нелицемерная, долготерпение, постоянство, благодушие. А у тех, в которых не царствует Бог, должно видимо быть противное сему (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 366).

***

...Кто познается Богом, тот знает, что познается, и кто видит Бога, тот знает, что и Бог видит его. Но кто не видит Бога, тот не знает, что Бог видит его, так как сам не видит Его, хотя хорошо видит все прочее (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 474).

***

...Каждый из нас да воспримет в себя всего Его <Господа> и да имеет Его неотлучным от себя день и ночь, чтобы

Он просвещал его Своим пресветлым и неприступным светом (тем светом, который имеет тогда попалить врагов Божиих, когда Он придет сотворить суд над ними, не верующими в Него, не приемлющими Его и не хотящими, да царствует Он над ними), сшествовал с ним внутрь жилища его, опочил с ним на одре его, объял его невидимыми объятиями Своими и облобызал неизреченным целованием; чтоб утешал его в болезни, отгонял печали и скорби, изгонял бесов, каждочасно подавал ему радость и слезы сладчайшие меда и сота, врачевал душевные и телесные страсти, уничтожал страх смерти, изводил неизреченно источники жизни, и после смерти возводил каждого из нас на Небеса Небес. Все сие надлежит тебе, возлюбленный, познать самым делом и испытать всем чувством души твоей, чтоб стяжать в себе Бога, Который возводил бы тебя вместе с Собою на Небеса, теперь в сей жизни без тела, а после, в другой жизни, воскресил бы тебе и тело сие, соделав его вседуховным, и потом уже царствовал над тобою нескончаемые веки, тебя носил, и Сам тобою был носим, сый над всеми Бог... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 490).

***

...Бог праведен и не попускает иметь общниками неправедных. Он бесстрастен и не сближается со страстными, свят и не входит в душу осквернённую и злую (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 20).

***

...Если теперь, когда я еще нахожусь в мире сем, не вижу я света Божественной благодати и пребываю во тьме, то, наверное, и после смерти имею пребыть во тьме же; и всеконечно, как тать в нощи, придет на меня день Гос-

подень, и тогда внезапу обымет меня вечная пагуба. Так воистину есть, братия мои, пусть никто не обольщает вас суетными словами, и никто не надейся на одну веру во Христа (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 38—39).

***

Блаженны те, которые, будучи еще в теле, увидели Христа. Треблаженны те, которые увидели Его и поклонились Ему мысленно и духовно, потому что во век века не увидят они смерти (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 56).

***

Блаженны те, которые всегда пребывают во свете Господнем, потому что они и в настоящей жизни суть, и в будущей жизни будут всегда братьями и сонаследниками Его (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 57).

***

Блаженны те, которые приблизились к свету Божественному, и вошли в него, и соединились с ним, и стали все свет, потому что они совершенно совлеклись оскверненной одежды грехов своих и не будут уже плакать горькими (но бесполезными) слезами (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 58).

***

Когда Бог вселится в... человека, то научает его всему — и относительно настоящего и относительно будущего, не словом, а делом и опытом, практически. Он снимает покрывало с очей души его и показывает ему, чего

хочет Сам, и что полезно для него; о прочем же внушает ему не исследовать, не совопросничать и не любопытствовать. И того, что показывает ему Бог, не может он видеть без глубокого благоговения и страха, но, приникая и воззревая в глубину богатства премудрости и разума Божия, трепещет и ужасается, помышляя о себе, кто есть и какие тайны сподобился видеть. Видя безмерное человеколюбие Божие, приходит он в исступление, сознавая и чувствуя, сколь недостоин смотреть на такие предивные таинства; почему не дерзает пытливо рассматривать их или исследовать, что они суть; но лишь взывает с великим страхом и трепетом, говоря: кто есмь аз, Господи, и что — дом отца моего, что Ты доверил мне и благоволил показать такие таинства мне недостойному, и соделал паче чаяния, чтоб я не только видел такие великие блага Твои, но и предивно стал причастником их (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 134—135).

***

Как печь возжженная сначала только коптит от дыма, исходящего из дров, а когда разгорится посильнее, тогда вся делается светлою подобно огню и не омрачается уже никакою копотью от дыма; так и душа, начавшая гореть божественным желанием, сначала видит вместе с огнем Духа внутрь себя и тьму страстей, исходящую наподобие дыма, и, сознавая, что эта, сущая в ней мрачность от тьмы страстей есть ее собственное дело, плачет и сокрушается, чувствуя же, как лукавые помыслы и злые пожелания попаляются тем огнем, как терны и волчцы, и превращаются в прах, радуется. Когда же все сие сгорит и естество души останется одно без страстей, тогда существенно с нею соединяется и божественный оный огонь и начинает гореть и

светить в ней, тогда и она делается причастною сего мысленного огня, как печь причастная огня вещественного, — равно и тело причащается тогда сего божественного и неизреченного света и бывает огнь по причастию. Да ведаем, однакож, что этому всему невозможно совершиться в нас, если мы не возненавидим мира и всего, что в мире, с готовностью даже и живот свой положить за сие дело Божие, как говорит Господь (Лк. 14, 26). И иным образом огнь сей в нас не возгорается (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 312—313).

***

Которые сподобились приять в себя <Божественный> огнь, те не только сами освободились совершенно от всех болезней душевных, но и других многих, которые были немощны и больны душевно, извлекли из сетей диавола и уврачевали, — и принесли их, как дар, Владыке Христу. Божественный огонь оный научал их всякому ведению и искусству духовному и всякой премудрости, — и они всю жизнь свою благоугождали Богу... Таковыми были и бывают всегда те, которые так возлюбляли Бога, что не жалели ради угождения Ему самой жизни своей (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 312—313).

***

...Кто не вошел еще в <Божественный> Свет, тот очевидно не добре и не как следует прошел через дверь покаяния (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 319).

***

Поелику Бог есть сама благость, само милосердие и бездна благоволения, то, кто вступит в единение с Ним,

всяко сподобляется милосердия Его (свт. Григорий Палама, 93, 300).

***

...Тому, тело которого стало храмом Божиим по причине духа и в котором обитает Дух Божий, — необходимо быть чистым или, по крайней мере, укрощать себя, и таким образом постоянно пребывать незапятнанным, удерживая проявляющиеся страсти, и — проявлять старание для стяжания святости и целомудрия и бежания от всякого блуда и нечистоты; дабы всем нам с веселием вечно пребывать с Нетленным Женихом в чистых Брачных Чертогах... (свт. Григорий Палама, 26, 65).

***

Взошло чувственное солнце, — и звери укрываются в норы свои, восходит Христос на тверди молящегося сердца, — и всякое сочувствие к миру престает, жаление плоти исчезает и ум исходит на дело свое — богомыслие — до вечера, не известным только продолжением времени ограничивая делание духовного закона, и не в определенной только мере совершая его, но (подвизаясь в нем) пока застигнет настоящую жизнь конец и заставит душу выйти из тела... (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 166).

***

<Богообщение>, сие святейшее таинство, сие всепобедительное орудие, паче же Христос, сущий в сем таинстве, может быть действенно приемлемо двояким образом: во-первых, таинственно, в таинстве Тела и Крови Христовых, с достодолжным приготовлением, т. е. сокрушением,

исповедью, очищением через епитимию и потребным пощением, во-вторых, духовно и мысленно в уме и сердце. Первое может иметь место столь часто, сколько это возможно, по обстоятельствам внешним, внутреннему состоянию, и по усмотрению духовного отца, а второе — каждое мгновение, так что тебе можно всегда иметь в руках сие всемощное оружие и ограждаться им от врагов непрестанно. Внемли же сему и Святых Христовых Таин причащайся сколько можно чаще, как только имеешь разрешение от духовного отца своего; мысленно же и духовно вкушать Христа Господа ревнуй непрерывно... (прп. Никодим Святогорец, 70, 213).

***

...Как Бог есть мир, превосходящий всякий ум, то всячески необходимо, чтобы сердце, хотящее принять Его в себя, было мирно и свободно от всякого смятения... (прп. Никодим Святогорец, 70, 256).

***

Так как Бог богов и Господь господ для того благоволил создать душу твою, да будет она обиталищем и храмом... для Него Самого, то тебе надлежит иметь ее в большом почете и не допускать ее унижаться склонением на что-нибудь, низшее ее. Все желание твое и чаяние да будет всегда обращено к сему невидимому посещению Божию. Но ведай, что Бог не посетит души твоей, если не найдет ее уединенною в себе самой. Бог хочет, чтоб она была уединенна в себе, т. е. была без всяких помыслов, сколько может, без всяких пожеланий, наипаче же без собственной своей воли. В последнем отношении не следует тебе самому по себе, без рассуждения, принимать какие-либо строгие

подвиги и лишения произвольные, или искать поводов как-нибудь пострадать по любви к Богу, следуя одному внушению собственной воли. На это должно тебе иметь совет духовного отца твоего, который руководит тебя как наместник Божий. Его и во всем слушай, и Бог, посредством его, действительно направит волю твою на то, что Сам хочет и находит благотворным для тебя. Никогда ничего не делай по одной воле своей, но да делает в тебе Сам Бог одно то, чего желает от тебя. Хотение твое да стоит всегда свободно от тебя самого, т. е. сам собой не хоти ты ничего и если захочешь чего, да будет хотение твое таково, чтоб, будет ли то, чего хочешь, или нет, или даже будет противоположное тому, нисколько не скорбеть о том, но быть покойну духом, как бы ты ничего и совсем не хотел.

Такое настроение и есть истинная свобода сердца и уединенность, когда т. е. оно не бывает вяжемо ни умом, ни волею в отношении к чему-либо. Если таким образом представишь ты Богу душу свою, столь упраздненною, свободною и единичною в себе, то увидишь, какие дивные действия возблаговолит Он произвести в ней; главное же, Он осенит тебя божественным миром, который есть дар, имеющий соделаться в тебе вместилищем всех других даров... (прп. Никодим Святогорец, 70, 263—264).

***

Если истинно желаешь добродетельно прейти течение настоящей жизни, не имей другой при сем цели, кроме того, чтоб обретать Бога, где Он поблаговолит явить Себя тебе; и когда будешь сподобляем сего, пресекай всякое другое дело, и не подвигайся в нем вперед, забудь все другое, и упокоевайся в едином Боге твоем; когда же благоугодно будет величеству Его взяться от тебя, и престать являть

близость Свою к тебе в настоящем случае, тогда опять можешь обращаться к обычным твоим духовным упражнениям и продолжать их, имея в виду все ту же цель, т. е. обрести чрез них Возлюбленного твоего, чтоб обретши Его, снова поступить так же, как сказал я выше, т. е. пресечь деланное делание, чтоб упокоеваться в Нем едином. Заметь сказанное тебе добре, ибо много есть духовных лиц, которые лишают себя спасительного плода мира от духовных своих деланий тем, что длят их, полагая, что потерпят ущерб, если не доведут их до конца, в уверенности, ложной конечно, что в этом и состоит совершенство духовное, — следуя таким образом воле своей, они много трудят и мучат себя, но не получают покоя истинного и мира внутреннего, в коем воистину обретается и упокоевается Бог (прп. Никодим Святогорец, 70, 270—271).

***

Внутреннее делание, в соединении с болезнью сердца, приносит чистоту, а чистота — истинное безмолвие сердца; таким безмолвием доставляется смирение, а смирение соделывает человека жилищем Божиим (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 291).

***

...Христос непременно явит Себя в нас, если мы истинным покаянием докажем решительное произволение, чтоб Он обитал в нас (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 401).

***

Желающие приступить к Господу и присовокупиться к Нему всеблаженным совокуплением на веки, должны начать это святое дело с тщательнейшего изучения Слова

Божия — должны начать с изучения Евангелия, в котором сокровен Христос... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 7).

***

При посредстве церковных таинств мы вступили в существенное общение с Господом и пребываем в этом общении при посредстве этих таинств (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 142).

***

Жительство по заповедям Господа доставляет нам таинственное явление Господа. Он является духовно внутри сердца, когда ученики Господа — понятия, образовавшиеся и усвоившиеся уму из Евангелия, — соберутся в сердце, заключат его двери, чтобы не проникли туда иудеи — помышления враждебные Господу, отвергающие всесвятое учение Его (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 142).

***

Невозможно приступить к Богу, невозможно войти в какое бы то ни было общение с Богом иначе, как при посредстве Господа нашего Иисуса Христа, Единого Посредника и Ходатая, единого средства к общению между Богом и человеками! (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 167).

***

Вечное блаженство — духовно, божественно. Тот только может наследовать это блаженство, кто предварительно расторг общение с грехом, кто предварительно вступил в святое общение с Богом (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 253).

***

...Господь наш Иисус Христос — посреди нас. Его нет только для того, кто отвергает Его присутствие... Сам Господь сказал ученикам Своим: *се Аз с вами есмь, во вся дни до скончания века* (Мф. 28, 20) (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 273).

***

Спасение заключается в возвращении общения с Богом. Это общение потерял весь род человеческий грехопадением праотцев (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 479).

***

Чтобы восстановить общение человека с Богом, иначе, для спасения, необходимо было искупление. Искупление рода человеческого было совершено не Ангелом, не Архангелом, не каким-нибудь еще из высших, но ограниченных и сотворенных существ, — совершено было Самим беспредельным Богом (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 479).

***

...Господь приходит в сердце исполнителя заповедей, соделывает сердце храмом и жилищем Божиим... (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 33).

***

Когда она <душа> вся всеми силами и чувствами обращена к Господу, в ней все светло, радостно и покойно (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 210).

***

Надо отворить Ему <Господу> дверь. Ключ от двери сей: огненная ревность и безжалостное самоотвержение (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 26).

***

Быть с Господом есть цель нашего бытия... и когда мы с Господом, то не можем не ощущать благобытия, а это естественно держит внимание на себе, и чрез себя на Господе, от Коего исходит (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 40).

***

...Он <Господь> готов вселиться в вас и навсегда, если позаботитесь очистить внутри себя Ему обиталище (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 109).

***

Бог близ — и в вас, но вы можете быть далеки от Него мыслию и чувствами: приближьтесь к Нему тем и другим (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 40).

***

...<Необходимо> сначала приучиться мыслями за келью не выходить, а в келье что?! — молитва, чтение, богомыслие, рукоделие... Потом... не пускай их за пределы тела, занимая себя тем, что внутри происходит. Наконец, укройся... в сердце и сиди там один с Господом, отгоняя всякие мысли, как мух и комаров (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 116).

***

Главное — установиться в сердце пред лицем Бога, и стоять так неотступно. Когда это есть, тогда все прочее придет само собою (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 121).

***

Кто в Боге живет, тот все имеет — и ни в чем не имеет недостатка, или не бывает беспокоим чувствами скудости и лишения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 43).

****

Преподобный Серафим Саровский говорил: «Однажды я молил Господа, чтобы Он ввел меня в общение с Ним и показал бы мне Свои Небесные обители. И Господь не лишил меня Своей милости. Он исполнил мое желание и прошение. Я восхищен был в эти обители, только не знаю, с телом или без тела, Бог весть, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я вкушал там, сказать невозможно». После продолжительного молчания, вздохнув из глубины души, преподобный Серафим сказал своему ученику: «Ах, если бы ты знал, какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на Небе, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клеветы с благодарением. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания. Там радость и сладость неизглаголанные, там праведники просветятся как солнце. Но если такой небесной славы не мог изъяснить и сам апостол Павел, то какой же другой язык человеческий может изъяснить славу и красоту горнего селения, в котором водворяются души праведных» (112, 506).

***

Однажды, видя преподобного Григория Синаита, выходящего из своей кельи с радостным лицом, один брат в простоте сердца спросил его о причине такой радости. Приснопамятный муж, как чадолюбивый отец, ответил ему: «Душа, прилепившаяся к Богу и снедаемая любовью к Нему, восходит выше творения, живет выше видимых вещей и, наполнившись вся желанием Божиим, не может укрыться. Ведь и Господь обещал ей, говоря: ***Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве*** (Мф. 6, 6), — и еще: ***Да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на Небесех*** (Мф. 5, 16), — ибо тогда сердце прыгает и веселится, ум бывает весь в приятном волнении, лицо весело и радостно, по словам: ***сердцу веселящуся, лице цветет...*** (Притч. 15, 13) (95, 324—325).

БОГООСТАВЛЕННОСТЬ

Если введешь его <врага> в телесный храм свой, не виновен в том Пречистый и Святой Бог. Не Он оставил тебя, но ты отогнал Его; ты ввел скверного, утратил Святого, возненавидел Царя, возлюбил мучителя, удалился от Источника жизни, прилепился к грязи, лишил себя Света, пребываешь в общении со тьмою; по лености своей предал себя врагу и скверному (прп. Ефрем Сирин, 32, 69—70).

***

...Если храм <тела> растлен и осквернен, то Святой и Пречистый Владыка немедленно оставляет храм, и на место святого и небесного света входит скверный и водворяется

там, а с ним входит и худое всегда неистовое вожделение (прп. Ефрем Сирин, 32, 72).

***

Он <Бог> Сам никогда не отворачивается от нас, но мы удаляем себя от Него... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 10).

***

Как вышедший из пристани блуждает везде, и как лишившийся света часто спотыкается, так и подвергшийся забвению от Бога постоянно предается заботам, беспокойствам и скорбям (свт. Иоанн Златоуст, 49, 146).

***

Бог отвращает лице Свое тогда, когда мы поступаем недостойно заповедей Его (свт. Иоанн Златоуст, 49, 146).

***

...Когда Он <Бог> отступает от нас и забывает нас, душа наша терзается, сердце скорбит, люди огорчают нас, и везде для нас утесы и стремнины. Но все это попускается с полезною целью — чтобы люди беспечные, страдая от этого, тщательнее старались возвратиться туда, откуда ниспали (свт. Иоанн Златоуст, 49, 146—147).

***

...Оставление Божие есть вид промышления Его. Когда Он, промышляя и имея о нас попечение, не видит надлежащего к Себе внимания, тогда на несколько времени от-

ступает и удаляется, чтобы нерадивые, оставив нерадение, сделались ревностнейшими (свт. Иоанн Златоуст, 49, 147).

***

...Бог не только не предает нас, но и не оставляет, если мы сами того не захотим, — послушай, что говорит: *не греси ли ваши разлучают между вами и* Мною (Ис. 59, 2)? И еще... мы сами полагаем начало оставлению нас Богом, сами бываем виновны в своей погибели. А Бог не только не хочет ни оставлять нас, ни наказывать, но когда и наказывает, — делает это против Своего желания (свт. Иоанн Златоуст, 52, 458).

***

Когда мы бываем оставлены Богом, тогда предаемся диаволу; а предавшись диаволу, подвергаемся бесчисленным бедствиям (свт. Иоанн Златоуст, 52, 458).

***

...Будем страшиться не геенны, а оскорбления Бога, потому что когда Бог, в гневе Своем, отвратится от нас, то это будет тягче геенны, хуже всего, страшнее всего (свт. Иоанн Златоуст, 54, 577—578).

***

...Для того оставил <добродетельных> Бог, чтобы они познали, что эти подвиги они совершили не собственною силою, а благодатию Божиею (свт. Иоанн Златоуст, 56, 531).

***

...Временное отсутствие благодати, или оставление Божие... святой Давид почитал столь полезным, что и не молился о том, чтобы совершенно ни в чем не быть оставленным от Бога, зная, что это и несообразно с человеческою природою и не совсем полезно для того, кто желает достигнуть совершенства, а просил только, чтобы само оставление было в меру, говоря: *не остави мене до зела* (Пс. 118, 8). Другими словами, он как бы так говорил: знаю, что Ты для пользы оставляешь святых Твоих, чтобы испытать их, ибо иначе враг не мог бы искушать их, если бы, хотя на время, они не были оставляемы Тобою! Потому не прошу того, чтобы Ты никогда не оставлял меня, ибо это неполезно мне, иначе я не приду в чувство слабости своей и не скажу: *благо мне, яко смирил мя еси* (Пс. 118, 71); не буду также иметь случая упражняться в брани, если неотступно будет осенять меня Твой Божественный покров. Враг не осмелится искушать меня, охраняемого Твоим защищением, а возымеет только отсюда смелость вопить против Тебя и меня, как обыкновенно клевещет он на подвизающихся ради Тебя: *еда туне Иов чтит Господа? Не Ты ли оградил еси внешняя его и внутренняя дому его, и яже вне всех сущих его окрест* (Иов. 1, 10). Но молю, да не оставляешь меня во всем всюду и всегда, — вконец... Ибо сколько спасительно для меня кратковременное Твое оставление для испытания постоянства любви моей, столько пагубно оставление конечное, какое заслуживаю я по грехам моим (прп. авва Даниил, 57, 226—227).

***

Не грешные только, но и ревностно старающиеся держаться всего доброго, нередко бывают оставляемы, чтобы

научились терпению и твердости и избежали гордости (прп. Нил Синайский, 73, 54).

***

Душа, оставленная Богом, рассевается и развлекается всяким родом и видом грехов... (прп. Нил Синайский, 73, 406).

***

...Попущение обучительное никак не лишает душу Божественного света, бывает же при сем только то, что благодать... скрывает от ума свое присутствие, чтобы горечью бесовскою подвигнуть душу со всем страхом и великим смирением взыскать помощи от Бога, испытывая в себе злое действие врага. Так мать дитя свое, бесчинствующее по нехотению подчиняться уставам млекопитания, на краткое время спускает его из объятий своих, чтоб оно, убоявшись окружающих его... чужих людей или зверей каких-либо, в страхе великом и слезах, в матернии опять потянулось возвратиться объятия. По отвращению же Божию бывающее попущение душу, не хотящую иметь Бога в себе, предает бесам как бы связанною. Но мы — не подметные чада, но, как веруем, есмы истинные детища Божией благодати, редкими попущениями и частыми утешениями ею млекопитаемые, да под действием таковой ее к нам благостыни доспеем прийти *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13).

...Попущение <Божие> обучительное сначала поражает душу великою скорбью, чувством унижения и некоторою мерою безнадежия, чтоб подавить в ней тщеславие и желание изумлять собою и привести ее в подобающее смирение. Но тотчас потом наводит оно в сердце умиленный страх

Божий и слезную исповедь, и великое желание добрейшего молчания. А оставление, по отвращению Божию бывающее, оставляет душу самой себе, и она исполняется отчаянием и неверием, надмением и гневом. Надлежит... нам, зная то и другое попущение и оставление, во время их приступать к Богу сообразно со свойствами каждого из них: там благодарения и обеты должны мы приносить Ему, яко милостиво наказующему необузданность нашего нрава лишением утешения, чтоб отечески научить нас здраво различать доброе от худого; а здесь непрестанное исповедание грехов, непрерывные слезы и большее уединение, да, хотя таким приложением трудов, возможем умолить и преклонить Бога призреть, как прежде, на сердца наши. Ведать, впрочем, должно, что когда, при обучительном попущении, бывает у души с сатаною борьба в схватке лицом к лицу, тогда благодать, хотя скрывает себя, но неведомым помоганием содействует душе, чтобы показать врагам ее, что победа над ними есть дело одной души (блж. Диадох, 91, 60—61).

***

...Не столько оставляет Бог проводящего порочную жизнь, когда он живет бесчинно, или наглого, когда он гордится, сколько Он оставляет благоговейного, когда этот делает бесчиние, и смиренного, когда он возгордится: это и значит грешить против своего устроения, и от сего происходит оставление (прп. авва Дорофей, 29, 145—146).

***

...Бывает, что и один помысл может удалить человека от Бога, как скоро человек примет его и подчинится ему. Поэтому истинно желающий спастись не должен быть бес-

печным до последнего издыхания (прп. авва Дорофей, 29, 146).

***

Есть четыре главных вида оставления Божия: иное оставление промыслительное, как то было с Самим Господом, дабы кажущимся оставлением спасти оставляемых, иное оставление испытательное, как было с Иовом и Иосифом, дабы явить одного столпом мужества, другого столпом целомудрия. Иное оставление духовно-воспитательное, как то было с апостолом Петром, дабы смиренномудрием сохранить в нем преизбыток благодати. Иное, наконец, оставление по отвращению, как то было с иудеями, чтобы наказанием обратить их к покаянию. Все сии виды оставления спасительны и исполнены Божией благодати и человеколюбия (прп. Максим Исповедник, 91, 227).

***

Всякое подвизающихся оставление благодатию бывает обыкновенно за следующие вины: за тщеславие, за осуждение ближнего и надмение добродетелями. Почему коль скоро что-либо из сего окажется вошедшим в души подвизающихся, то это причиняет им оставление от Бога, и не избежать им праведного осуждения за это при падениях, пока, отвергши то, что было прежде причиною оставления, не убежат на высоту смиренномудрия (прп. Никита Стифат, 93, 94).

***

Когда отходит Господь, пытая душу, то, когда она закричит, Он скоро ворочается. А когда отходит, наказывая,

то не скоро, пока не сознает душа греха, и не раскается, и не оплачет, и епитимии не понесет (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 185).

БОГООТСТУПНИЧЕСТВО

...Оставившие Христа гибнут по своей вине (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 257).

***

Облечься во имя Христово и не идти путем Христовым — не есть ли это предательство имени Христова, оставление спасительного пути... (сщмч. Киприан Карфагенский, 65, 319).

***

...Отчуждение и удаление от Бога несноснее мучений, ожидаемых в геенне; оно тяжело для страждущего, как для глаза лишение света, хотя и безболезненное, и как для живого существа лишение жизни (свт. Василий Великий, 9, 84).

***

Посвятивший себя Богу, и потом бежавший к другому роду жизни, стал святотатцем, потому что сам себя похитил и присвоил себе Божие приношение (свт. Василий Великий, 9, 109).

***

Кто отрекся от Христа, поругал таинство спасения, тот во все продолжение жизни своей должен плакать и обязан каяться; но когда отходит от жизни своей, да удостоивается

Святынь по вере в Божие человеколюбие (свт. Василий Великий, 11, 95).

***

...Отречение от Бога бывает двоякое — одно словом, другое делом. Смотри, чтобы не уловил тебя враг; он непрестанно угрожает тебе тайными падениями (свт. Григорий Богослов, 16, 209).

***

Что для нас страшно? Ничто, кроме уклонения от Бога и от божественного (свт. Григорий Богослов, 17, 302).

***

...Душа человеческая не иначе отчуждается от Бога, как страстным расположением. Поелику Божество всегда бесстрастно, то постоянно пребывающий в страсти отлучается от общения с Божеством (свт. Григорий Нисский, 18, 395).

***

...О том, кто отпал от Сущего, говорим, что он, пришедши в ничтожество, уничтожился (свт. Григорий Нисский, 19, 53).

***

Если ты сам удалил себя от Бога, то размысли, что удаляющийся от солнца проводит жизнь во мраке и тьме. Если ты отстранен от молитв как недостойный, покаянием возврати себе прежнее состояние (свт. Григорий Нисский, 24, 479).

***

Как удаляющийся от света не вредит нисколько свету, а самому себе весьма много, погружаясь во мрак; так и привыкший пренебрегать Всемогущею силою, ей не вредит нисколько, а самому себе причиняет крайний вред (свт. Иоанн Златоуст, 45, 5).

***

Если же опьянен всякий одержимый похотью и гневом, тем более опьянен и безумен человек нечестивый, оскорбляющий Бога, противящийся Его законам и никак не хотящий оставить неразумное упорство, он хуже и неистовых, и умоисступленных, хотя сам, кажется, и не чувствует этого (свт. Иоанн Златоуст, 45, 742).

***

...Бог гневается, когда в Него не веруют, потому что всякий не верующий в Бога не допускает и Суда, и хулит Его закон, а если хулит Божественный закон, то тем более — человеческий; отсюда беспорядки в нашей жизни (свт. Иоанн Златоуст, 49, 838).

***

Бог обещает нам Царство, и мы пренебрегаем Его; диавол готовит нам геенну, и мы чтим его! (свт. Иоанн Златоуст, 53, 66).

***

Когда бы ты, еще не познав Бога, враждовал с Ним, тогда ты имел бы еще некоторое извинение. А теперь, когда

ты вкусил благоволения и сладости <божественной>, и, оставляя их, возвращаешься на свою блевотину, то этим обнаруживаешь не что иное, как только знаки великой ненависти и презрения (свт. Иоанн Златоуст, 55, 18).

***

Если услышишь, что кто-либо, после явных христианских дел, отпал от Христа, знай, что он был в то время без благодати Божией. Ибо Святый Дух животворит душу, как душа тело, и она бывает сильна и постоянна (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 37).

***

...Разумная душа, будучи отделена от Бога, не только становится инертной в отношении благой деятельности, но и сама по себе становится деятельной в дурном отношении, жительствуя, несчастная, до такой степени беспорядочно (а затем также продолжая жить и в разделении с телом), что, наконец, во время суда, вместе с телом, в неразрешимой и невыносимой связи, будет предана вечному мучению, уготованному для диавола и ангелов его; потому что и все они — мертвы, хотя и деятельны на зло, — потому что они справедливо были отвержены от Бога, Который есть Сама Жизнь (свт. Григорий Палама, 26, 157—158).

***

Смертный грех есть отречение от Христа, он лишает отрекающегося живой веры во Христа, являемой и содержимой исповеданием уст (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 564).

***

Сопротивление судьбам Божиим причисляется к начинаниям сатанинским... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 103).

***

Трупом по справедливости должна быть названа душа, пораженная вечною смертью: отчуждением от Христа (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 179).

***

Человек... отчуждивший себя от Бога во времени, стяжавший все богопротивные свойства, добровольно отвергший усвоение Богу, естественно отходит по кончине своей в страну, обреченную в жилище существ, отверженных Богом... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 232).

***

Отступлением от Христа человечество приготовится к принятию антихриста, примет его в духе своем (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 308—309).

****

Некий монах был борим вожделением. Случилось ему прийти в одно из сел Египта. Там он увидел дочь жреца, полюбил ее и предложил отцу отдать ее за него замуж. Жрец отвечал: «Не могу ее отдать за тебя, не спросив моего бога». И, придя к демону, которому он поклонялся, сказал ему: «Некий монах пришел ко мне, хочет жениться на моей дочери, отдать ли ее за него?» Демон отвечал: «Спроси его, отречется ли он от своего Бога, от крещения и от обетов

монашества?» Жрец, придя к монаху, сказал ему: «Отрекись от Бога, от крещения, от обетов монашества — и выдам за тебя мою дочь». Монах согласился — и тут же увидел, что из его уст как бы выпорхнуло подобие голубя и взлетело на небо. Жрец пошел к демону и сказал ему: «Он обещал исполнить все три условия». Диавол отвечал жрецу: «Не отдавай ему своей дочери в жены, потому что его Бог не отступил еще от него, но и доселе помогает ему». Жрец, придя к монаху, сказал: «Не могу отдать тебе дочь, потому что Бог твой все еще помогает тебе и не отступил от тебя». Услышав это, брат подумал: «Я, несчастный, отрекся от Бога, от крещения, от обетов монашества, а Всеблагой Бог до сих пор помогает мне, окаянному! Если Бог оказывает мне такую милость, зачем же мне отступать от Него?» Опомнившись, он пришел к некому великому старцу и поведал ему о случившемся. Старец сказал ему: «Останься со мной в пещере и пробудь в посте три недели, а я буду молиться Богу за тебя». И подвизался старец за брата, молясь Богу и говоря: «Господи! Умоляю Тебя, даруй мне эту душу и приими ее покаяние». И услышал Бог молитву старца. Когда прошла первая неделя, старец спросил брата, что он видел. Брат ответил: «Я видел голубя стоящим в небесной высоте над моей головой». Старец сказал ему: «Внимай себе и молись Богу усердно». По прошествии второй недели старец опять спросил брата: «Видел ли ты что-либо?» Брат отвечал: «Видел, что голубь спустился ниже к моей голове». Старец сказал ему: «Трезвись и молись». Когда завершилась третья неделя, старец опять спросил: «Еще не видел ли ты чего?» Брат отвечал: «Видел, что голубь спустился и стал над моей головой, я протянул руку, чтобы удержать его, а он вспорхнул и вошел в мои уста». Старец возблагодарил Бога и сказал брату: «Бог принял твое пока-

яние. С этих пор внимай себе и тщательно заботься о своем спасении». Брат отвечал: «Теперь я пребуду с тобой до смерти» (107, 480—482).

***

Поведал некий старец: «Как-то решил я посетить внутреннюю пустыню. Во время моего путешествия по прошествии семнадцати дней нашел я хижину, при ней пальмовое дерево и стоящего мужа, одеждой которому служили его собственные волосы. Страшен был его вид. Увидев меня, он встал на молитву. Когда я заключил молитву словом «аминь», он понял, что я человек, взял меня за руку и стал спрашивать: «Каким образом пришел ты сюда? Все ли принадлежащее миру сохраняется доселе? Продолжаются ли гонения на христиан?» Я отвечал: «За молитвы истинных служителей Господа Иисуса Христа странствую по этой пустыне. Что же касается до гонения, то оно прекращено властью Христовой. Теперь ты расскажи мне, каким образом ты пришел сюда?» Он, плача и вздыхая, стал говорить: «Я был епископом. Когда наступило гонение, я подвергся многим пыткам. Впоследствии, не в состоянии вынести мук, я принес жертву идолам. Опомнившись, познал свое преступление и предал самого себя смерти в этой пустыне. Живу здесь сорок девять лет, исповедуясь Богу и умоляя Его отпустить мне мой грех. Бог даровал мне пропитание от этой пальмы, но я не был утешен дарованием прощения до сорок восьмого года, а в этот год извещен в прощении». Договаривая это, он внезапно встал, поспешно вышел из хижины и пребыл долгое время в молитве, вероятно, он увидел пришедшие за ним Небесные Силы. Окончив молитву, он подошел ко мне. Я взглянул на его лицо и затрепетал от страха: оно сделалось как бы огненным. Но он

сказал мне: «Не бойся. Бог послал тебя для того, чтобы ты совершил мое погребение и предал тело мое земле». Едва окончил он эти слова, как лег и, вытянув ноги и руки, скончался. Разорвав пополам свою верхнюю одежду, половину оставил я себе, другой половиной обернув святое тело, похоронил его. После его погребения немедленно засохла пальма и развалилась хижина. Я много плакал, умоляя Бога, не благоволит ли Он даровать мне эту пальму, чтоб остальное время моей жизни я мог провести на этом месте. Прошение мое не было исполнено, и я возвратился к братиям, которым рассказал все, убеждая их не приходить в отчаяние, но обретать Бога покаянием» (107, 539—541).

***

Жил в Царьграде некий вельможа, имевший единственную дочь, которую хотел посвятить на служение Богу. Диавол, не терпя желания вельможи, возбудил в одном из его слуг страсть к девице, и этот слуга, желая во что бы то ни стало жениться на ней, пошел к одному из чародеев просить совета и помощи. Тот направил юношу-слугу к сатане, который спросил его: «Веруешь ли в меня?» «Верую», — сказал юноша. Сатана продолжал: «Да вы все веруете в меня, когда нуждаетесь в моей помощи, а когда я помогу вам, опять идете к своему Христу. Напиши мне собственноручно, что ты отрекаешься от Него навсегда, и тогда я исполню твое желание». Юноша исполнил сатанинское желание, а сатана удовлетворил желание юноши. Возбуждаемая бесами, дочь вельможи, в свою очередь, почувствовала непреодолимую страсть к слуге и стала просить отца, чтобы он отдал ее за него замуж. Сколько ни возражал ей отец, сколько ни плакал, сколько ни умолял оставить свое наме-

рение, дочь оставалась непреклонной и заявила отцу, что она наложит на себя руки, если не будет женой слуги. Отец тогда уступил и отдал дочь юноше.

Сначала все шло хорошо. Но затем соседи стали замечать, что юноша не ограждает себя крестным знамением, не ходит в церковь, не причащается Святых Таин. Они сказали об этом дочери вельможи, и та поняла весь ужас своего положения, но, к счастью, после первых приступов отчаяния образумилась. Она привела своего мужа к святителю Василию Великому, а он, услышав от юноши полное признание во всем и полное раскаяние, удалил его в одну из келий и заповедал молитву и пост, вместе с тем и сам стал молиться за него. Прошло несколько дней. Святитель Василий пришел к юноше и спросил его: «Как ты чувствуешь себя, сын мой?» «В великой беде нахожусь, отче, — отвечал юноша, — ибо бесы совершенно не дают мне покоя». Святой сказал: «Не бойся, чадо, только веруй!» — и, оградив юношу крестным знамением, оставил его. Придя же к нему еще через несколько дней, святой Василий опять спросил: «Как себя чувствуешь?» «Ничего, отче, — отвечал юноша, — теперь я только издали слышу вопль бесов, сами же они не мучают меня». Прошло сорок дней после заключения, и святой Василий пришел к юноше и снова спросил: «Ну, как себя чувствуешь, брат?» — «Теперь, слава Богу, отче, ныне ночью я видел себя боровшимся с диаволом и одолевшим его».

После этого святитель собрал весь церковный клир и множество христиан и провел с ними всю ночь в молитве о юноше. На другой день с пением псалмов привел юношу к церкви. Тут диавол со страшной силой напал на него, так что юноша стал кричать: «Святой Божий, помоги мне!» Святитель Василий сказал диаволу: «Неужели мало тебе

одной твоей погибели, за что же мучаешь других?» Диавол отвечал: «Обижаешь меня, Василий! Не я к нему пришел, а он ко мне, и его писание, которое у меня в руке, я покажу на Суде общему Судии». Святитель сказал: «Благословен Господь Бог мой! Эти люди не опустят к земле своих простертых к небу рук до тех пор, пока не возвратишь ты мне рукописание юноши». И, обратившись к народу, воскликнул: «Поднимите ваши руки к небу, вопия со слезами: «Господи, помилуй!» И все встали на молитву с воздетыми к небу руками. Во время молитвы, к изумлению всех, расписка юноши слетела с церковного купола и попала в руки святителя. Все исполнились необычайной радости, прославили и восхвалили Бога. А святой Василий спросил юношу: «Знаешь ли, брате, чья эта расписка?» «Ей, святой Божий, моей рукой написана», — отвечал юноша. Затем святитель на виду у всех разорвал рукописание, ввел юношу в церковь и сподобил Святого Причащения. Юноша и жена его после этого вышли из церкви, славя и благодаря Бога (113, 335—338).

БОГОПОЗНАНИЕ

Прежде всего веруй, что един есть Бог, все сотворивший и совершивший, приведший все из ничего в бытие. Он все объемлет, Сам будучи необъятен, и не может быть ни словом определен, ни умом постигнут (св. Ерм, 94, 181).

***

Как скоро душа, взирая на небо, познает своего Творца, то, вознесшись превыше земли и всего земного величия, начинает быть тем, чем себя почитает (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 101).

***

Познай прежде себя, чтобы мог познать Бога (сщмч. Киприан Карфагенский, 65, 241).

***

...Непостижим, неисследим, неиспытуем и невозможен для определения, как превысший ума и мысли и Себе единому ведомый, единый Бог Триипостасный, безначальный, бесконечный, преблагий, препетый (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 118).

***

...Бог сокрывает от человека некоторые из таинств, дабы он желал (познать их) и не был горд, подобно Адаму, и чтобы враг, найдя его вне должного, не увлек его в свое зло (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 124).

***

По истине должно людям надлежащим образом устроять свою жизнь и нравы. Когда это будет исправлено, тогда удобно познается и Бог (прп. Антоний Великий, 89, 65—66).

***

Ищущий Бога обретает Его, побеждая всякое похотение непрестанною к Нему молитвою. Таковый не боится демонов (прп. Антоний Великий, 89, 68).

***

Человек знающий Бога — добр, а когда он не добр, то значит не знает (Бога) и никогда не будет познан (от

Него), ибо единственный способ к познанию Бога есть доброта (прп. Антоний Великий, 89, 68).

***

Исполненные греха и упивающиеся невежеством не знают Бога, ибо не трезвенствуют они душою; Бог же умствен (т. е. трезвенным умом только может быть познаваем). Он, хотя невидим, но очень явственен в видимом, как душа в теле. Как телу нельзя жить без души, так все видимое и существующее не может стоять без Бога (прп. Антоний Великий, 89, 73).

***

Ум, находящийся в чистой и боголюбивой душе, истинно зрит Бога — нерожденного, невидимого, неизглаголанного — Единого Чистого для чистых сердец (прп. Антоний Великий, 89, 91).

***

Знает Бога и знаем бывает от Бога тот человек, который старается быть всегда неотлучным от Бога; неотлучным же от Бога бывает человек добрый во всем и воздерживающийся от всякого чувственного удовольствия, не по недостатку средств к тому, а по своей воле и свободной воздержности (прп. Антоний Великий, 89, 92).

***

Кто хранит и исполняет слова Божии, как должник, тот познал Бога (прп. авва Исаия, 60, 48).

***

Христос познается в нас через чистоту, ибо Он чист и обитает в чистых (прп. авва Исаия, 60, 125).

***

Нетерпеливость и порицание ближнего смущают ум, и не допускают ему видеть свет Божий (прп. авва Исаия, 60, 180).

***

Возненавидь словеса мира, да узрит Бога сердце твое (прп. авва Исаия, 89, 347).

***

...Душа имеет понятие и о созерцании Бога, и сама для себя делается путем, не совне заимствуя, но в себе самой почерпая ведение и разумение о Боге Слове (свт. Афанасий Великий, 1, 170).

***

...Когда душа слагает с себя всю излившуюся на нее скверну греха, и соблюдает в себе один чистый образ, тогда (чему и быть следует) с просветлением его, как в зеркале, созерцает в нем Отчий образ — Слово, и в Слове уразумевает Отца... (свт. Афанасий Великий, 1, 171).

***

Никто не смеет сказать, будто бы Бог во вред нам употребил невидимость естества Своего, и оставил Себя совершенно непознаваемым для людей. Напротив того... в такое устройство привел Он тварь, что, хотя невидим по

естеству, однако же познается из дел (свт. Афанасий Великий, 1, 172).

***

Ничем не отличались бы они <люди> от бесловесных, если бы ничего не познавали, кроме земного (свт. Афанасий Великий, 1, 205).

***

...Взирая на величие неба и рассматривая стройность творения, можно было людям познавать и Вождя твари — Отчее Слово, Которое Своим о всем промышлением всем дает познавать и Отца... (свт. Афанасий Великий, 1, 206).

***

Если помрачен ум, то внешними даже чувствами можно видеть непререкаемую силу Христову и Божество. Слепой, если и не видит солнца, то, ощутив произведенную им теплоту, знает, что есть... солнце (свт. Афанасий Великий, 1, 231).

***

...Взирая на Самого Сына, видим Отца; потому что уразуметь и постигнуть Сына значит приобрести ведение об Отце, так как Сын есть собственное рождение Отчей Сущности (свт. Афанасий Великий, 2, 197).

***

Неприлично также доискиваться: как Слово от Бога, или как Оно — Божие Сияние, или как рождает Бог, и

какой образ Божия рождения. Кто отваживается на подобные исследования, тот безумствует, потому что желает истолковать словами, что неизреченно, свойственно Божию естеству, и ведомо одному Богу и Сыну Его (свт. Афанасий Великий, 2, 308—309).

***

...Где Бог, почему Он — Бог, и каков Отец... предлагать подобные вопросы — нечестиво и свойственно неведущим Бога... (свт. Афанасий Великий, 2, 309).

***

...Если видимое так прекрасно, то каково невидимое? Если величие неба превосходит меру человеческого разумения, то какой ум возможет исследовать природу Присносущего? (свт. Василий Великий, 5, 86).

***

Кто имеет небесные понятия о Боге, кто с высокой точки зрения исследовал законы тварей, возмог, по крайней мере, несколько постигнуть благость Божия Промысла и сверх того не щадит издержек, но щедр, когда потребно исправить нужды братий, тот великолепен. И в таковых вселяется *глас Господень*. Ибо в подлинном смысле великолепный презирает все телесное, признавая оное не имеющим никакой цены в сравнении с невидимым. Того, кто великолепен, никакое обстоятельство не оскорбит; вообще никакое страдание его не возмутит; проступки людей негодных и презренных не приведут его в движение; нечистота плоти не унизит его; он недоступен унизительным страстям, которые не могут возвесть на него очей, по причине высоты его мыслей (свт. Василий Великий, 5, 205—206).

***

Сперва должно исправить действия телесные, чтобы совершались согласно со словом Божиим, а потом уже восходить к созерцанию мысленного (свт. Василий Великий, 5, 229—230).

***

...Как сей чувственный свет не для всех равно сияет, но для тех, которые имеют глаза, бодрствуют и могут беспрепятственно наслаждаться появлением солнца, так и Солнце правды, Свет истины, ***Иже просвещает всякаго человека грядущаго в мир*** (Ин. 1, 9), не всем дает видеть светозарность Свою, но тем, которые живут достойно Света (свт. Василий Великий, 5, 252).

***

...Как для телесных очей велия расстояния делают неясным представление видимых предметов, а приближение смотрящих доставляет ясное познание видимого, так и при умственных созерцаниях, не приблизившийся к Богу и не сделавшийся ему присным посредством дел, не может видеть дел Божиих чистыми очами ума (свт. Василий Великий, 5, 298).

***

Ищущий познания о Боге должен будет стать вне всего этого <удовольствий, богатства, славы, житейских забот> и, приведя в себе бездействие страсти, воспринимать познание о Боге. Ибо в душу, затесненную предварительно занявшими ее помыслами, как войдет понятие о Боге? (свт. Василий Великий, 5, 299).

***

Пока мы занимаемся предметами вне Бога, не можем вместить в себе познания о Боге. Ибо кто, заботясь о мирском и погрузившись в плотскую рассеянность, может внимать учению о Боге и иметь довольно тщательности для столь важных умозрений? (свт. Василий Великий, 5, 299).

***

...В человеках есть способность разумевать и познавать своего Творца и Зиждителя: ибо ***вдунул в лице***, т. е. вложил в человека нечто от собственной Своей благодати, чтобы человек по подобному познавал подобное (свт. Василий Великий, 5, 314).

***

...Два способа, которыми можем быть приводимы к познанию Бога и к попечению о себе самих: именно, можем восходить к Творцу или от естественных познаний, чрез видимое, или от учения, данного нам в Законе (свт. Василий Великий, 6, 250).

***

...Постижение сущности Божией выше не только человеков, но и всякой разумной природы; под разумной же природой разумею теперь природу тварную (свт. Василий Великий, 7, 34).

***

...В рассуждении Бога не домогайся наблюдения с помощью очей, но, предоставив веру уму, имей о Боге умственное понятие (свт. Василий Великий, 8, 42).

***

Не ты познал Бога чрез праведность, но Бог познал тебя по благости (свт. Василий Великий, 8, 269).

***

...Уразумевается Бог чрез слышание заповеди Его и чрез исполнение слышанного (свт. Василий Великий, 8, 320).

***

...В душе бодрственной и трезвящейся не оскудевают и попечение угодное Богу, и благий помысл, а напротив того, видит она, что сама для них недостаточна, потому что если телесное око недостаточно к рассмотрению даже немногих Божиих созданий, и не насыщается, посмотрев на что-либо однажды, но и непрестанно рассматривая одно и то же, не перестает, однако же, смотреть; то тем паче душевное око, если оно бодрственно и трезвенно, недостаточно к созерцанию Божиих чудес и судеб... Если же оскудевает в душе благой помысл, то явно, что оскудевает также в ней просвещение, не по оскудению просвещающего, но от усыпления того, что должно быть просвещено (свт. Василий Великий, 9, 215).

***

Что прежде — знание или вера? А мы утверждаем, что вообще в науках вера предшествует знанию; в рассуждении же нашего учения, если кто скажет, что веру предваряет знание, то не спорим в этом, разумея, впрочем, знание, соразмерное человеческому разумению. Ибо в науке должно прежде поверить, что буква называется «азом», и, изучив начертание и произношение, потом уже получить точное

разумение, какую силу имеет буква. А в вере в Бога предшествует понятие, именно понятие, что Бог есть, и оное собираем из рассматривания тварей. Ибо познаем премудрость, и могущество, и благость, и вообще *невидимая Его*, уразумевая от создания мира. Так признаем Его и Владыкою своим. Поелику Бог есть Творец мира, а мы часть мира, то следует, что Бог и наш Творец. А за сим знанием следует вера, за таковою же верою — поклонение (свт. Василий Великий, 11, 141).

***

Вижу здания и заключаю о здателе; вижу мир и познаю Промысл... (прп. Ефрем Сирин, 30, 244).

***

Мы не доходим до того, чтобы постигнуть начало Безначального <Бога>, потому что нет в нас столько разумения. Земное глаголал Бог с Синая, и тысячи истаявали; что же будет с нами, если возглаголет небесное? (прп. Ефрем Сирин, 30, 246).

***

Бог показал, что, приближаясь к людям, по причине праведности Своей, для них неправедных делается Он поражающим неисцельно. Но щадя нас, удаляется Он <Бог> от нас, чтоб остались мы живы, а также не изрекает нам таин, чтобы мы не умерли (прп. Ефрем Сирин, 30, 246).

***

Сколько вмещаем, столько и постигаем о Боге, и сколько можем, столько приемлем от Него (прп. Ефрем Сирин, 30, 253).

***

...Если хочешь войти в исследование сущности Врача, то не найдешь ни пути, ни конца своему исследованию. Ибо для всякого, кто вознамерился идти таким путем исследования, путь сей тотчас оказывается непроходимым. Непроходим и пустынен путь сей под ногами его, нет на нем ни пристанища, ни упокоения. Что ж будешь делать, несчастный, в непроходимой пустыне, не находя себе пристанища и упокоения? Куда доспеешь, несмысленный, в страшной непроходимости, вовсе не имея пред собою ни пристанища, ни конца? Куда пойдешь, ничтожный? Исследование о Единородном Сыне — необъятное море. А ты — то же, что ввергающаяся в него малая глыба земной персти. Если захочешь пуститься в это море исследования: где тогда будешь, несчастный? Видел ли кто когда, чтобы рыхлая груда пускалась в море исследовать всю глубину великого моря? Или слыхал ли также кто, чтобы отваживалось исследовать силу ветра сыпучее вещество, повсюду рассеваемое даже слабым дуновением ветра, не имеющее в себе ни самостоятельности, ни силы, чтобы на одно мгновение устоять против ветра. И солома отваживается испытывать силу огня! Исследование Бога есть огнь пожигающий. Для чего же, несчастный, сам себя попаляешь в страшном пламени?

Скажи мне, безрассудный, как изобразить в уме своем беспредельного, славного и страшного Создателя всей твари, пред взором Которого тает всякая тварь, как воск пред лицом огня. Всякая тварь видимая, а равно и невидимая, тает пред взором Его, как воск, в мгновение ока; а ты, безрассудный, по своей грубости и дерзости, думаешь постигнуть Великого, Страшного, Славного и Несравненного? В упоении находишься ты, несчастный, не зная сам себя, а также ни природы своей, ни своего ничтожества. И того не

знаешь, ничтожный, как сам ты сотворен: как же, не зная сам себя, входишь в исследование о страшном и славном Владыке? (прп. Ефрем Сирин, 32, 378—379).

***

...Без веры никто не может познать всего написанного о Господе нашем, Спасителе мира (прп. Ефрем Сирин, 32, 382).

***

Весьма великая милость человеку, что познает он Бога, и Бог приближается ко всякому, по мере сил человеческих. А между тем известно, что немощь наша не в состоянии приблизиться ведением своим к святилищу Божества. Благословен Он и за то, что грешники смеют приближаться к Нему и восхвалять Его! (прп. Ефрем Сирин, 33, 215).

***

Унизит ли солнце слепой, который стоит и порицает его? И славу Божества, Которое превыше всего, уменьшит ли пытливый исследователь? К посрамлению слепого достаточно того, что слепота стала его путеводителем, и к посрамлению пытливого исследователя достаточно того, что дерзко говорит он о Творце своем (прп. Ефрем Сирин, 33, 382).

***

Безумен, кто мечтает, что постиг Тебя <Бога>. Чем более надмевается он мыслию своею, тем глубже падает высота его (прп. Ефрем Сирин, 34, 231).

***

...Ежели и о себе самом не познал, кто ты, рассуждающий о сих <божественных> предметах, ежели не постиг и того, о чем свидетельствует даже чувство, то как же предприемлешь узнать в подробности, что такое и как велик Бог? — Это показывает великое неразумие! (свт. Григорий Богослов, 13, 173).

***

...Теперь, когда охотно восхожу на гору, или, справедливее сказать, желаю и вместе боюсь (желаю по надежде, боюсь по немощи) вступить внутрь облака и беседовать с Богом (ибо сие повелевает Бог), — теперь, кто из вас Аарон, тот взойди со мною и встань вблизи, но будь доволен тем, что надобно ему остаться вне облака; а кто Надав, или Авиуд, или один из старейшин, тот взойди также, но стань издалеча, по достоинству своего очищения; кто же принадлежит к народу и к числу недостойных такой высоты и созерцания, тот, если он не чист, вовсе не приступай (потому что сие не безопасно), а если очищен на время, останься внизу и внимай одному гласу и трубе, т. е. голым речениям благочестия, на дымящуюся же и молниеносную гору взирай, как на угрозу и вместе на чудо для неспособных взойти, но кто злой и неукротимый зверь, вовсе не способен вместить в себе предлагаемого в умозрении и богословии, тот не скрывайся в лесу с тем злым умыслом, чтоб, напав нечаянно, уловить какой-нибудь догмат или какое-нибудь слово и своими хулами растерзать здравое учение, но стань еще дальше, отступи от горы; иначе он *камением побиен* и сокрушен будет (Евр. 12, 20), *злых зле погибнет* (ср.: Мф. 21, 41), потому что истинные и твердые учения

для зверонравных суть камни; — погибнет, хотя он *рысь,* которая умрет *с пестротами своими* (ср.: Иер. 13, 23); или *лев, восхищаяй и рыкаяй* (Пс. 21, 14), который ищет или наших душ, или наших выражений, чтобы обратить их себе в пищу; или *свинья,* которая *попирает прекрасные и блестящие бисеры* истины (ср.: Мф. 7, 6); или *Аравийский* и другой породы *волк*, даже волков *быстрее* в своих лжеумствованиях (Авв. 1, 8); или лисица, т. е. хитрая и неверная душа, которая, смотря по времени и нужде, принимает на себя разные виды, питается мертвыми и смердящими телами, также мелким виноградом (потому что не достать ей крупного); или другое сыроядное животное, запрещенное Законом, нечистое для пищи и употребления. Ибо слово, устранясь от таковых, хочет быть (написанным) начертанным на скрижалях твердых и каменных, и притом на обеих сторонах скрижалей, по причине открытого и сокровенного смысла в Законе, — открытого, который нужен для многих и пребывающих долу, и сокровенного, который внятен для немногих и простирающихся горе́ .

Но что со мною сделалось, друзья, таинники и подобные мне любители истины? Я шел с тем, чтобы постигнуть Бога; с этою мыслию отрешившись от вещества и вещественного, собравшись, сколько мог, сам в себя, восходил я на гору. Но как простер свой взор; едва увидел задняя Божия (Исх. 33, 22, 23) и то покрытый *Камнем* (1 Кор. 10, 4), т. е. воплотившимся ради нас Словом. И приникнув несколько, созерцаю не первое и чистое естество, познаваемое Им Самим, т. е. Самою Троицею; созерцаю не то, что пребывает внутри первой завесы и закрывается Херувимами, но одно крайнее и к нам простирающееся. А это, сколько знаю, есть то величие, или, как называет божественный Давид, то великолепие (Пс. 8, 2), которое види-

мо в тварях, Богом и созданных и управляемых. Ибо все то есть задняя Божия, что после Бога доставляет нам познание о Нем, подобно тому, как отражение и изображение солнца в водах показывает солнце слабым взорам, которые не могут смотреть на него, потому что живость света поражает чувство. Так богословствуй и ты, хотя будешь Моисеем и богом Фараону, хотя с Павлом взойдешь до третьего неба и услышишь неизреченные глаголы (2 Кор. 12, 4), хотя станешь и их выше, удостоившись Ангельского или Архангельского лика и чина! Ибо все небесное, а иное и пренебесное, хотя в сравнении с нами гораздо выше естеством и ближе к Богу, однакож дальше отстоит от Бога и от совершенного Его постижения, нежели сколько выше нашего сложного, низкого и долу тяготеющего состава (свт. Григорий Богослов, 14, 17—19).

***

«Уразуметь Бога трудно, а изречь невозможно» — так любомудрствовал один из эллинских богословов (Платон в Тимее), и, думаю, не без хитрой мысли; чтобы почитали его постигшим, сказал он: *трудно,* и, чтобы избежать обличения, наименовал сие неизреченным. Но, как я рассуждаю, изречь невозможно, а уразуметь еще более невозможно. Ибо что постигнуто разумом, то имеющему не вовсе поврежденный слух и тупой ум, объяснит, может быть, и слово, если не вполне достаточно, то, по крайней мере, слабо. Но обнять мыслию столь великий предмет совершенно не имеют ни сил, ни средств не только люди, оцепеневшие и преклоненные долу, но даже весьма возвышенные и боголюбивые, равно как и всякое рожденное естество, для которого этот мрак — эта грубая плоть, служит препят-

ствием к уразумению истины. Не знаю, возможно ли сие природам высшим и духовным, которые, будучи ближе к Богу и озаряясь всецелым светом, может быть, видят Его, если не вполне, то совершеннее и определеннее нас, и притом, по мере своего чина, одни других больше и меньше. Но об этом не прострусь далее. Что же касается до нас, то не только *мир Божий превосходит всяк ум и разумение* (ср.: Флп. 4, 7), не только уготованного по обетованиям (1 Кор. 2, 9; Ис. 64, 4) для праведных не могут ни очи видеть, ни уши слышать, ни мысль представить; но даже едва ли возможно нам и точное познание твари. Ибо и здесь у тебя одни тени, в чем уверяет сказавший: *узрю небеса, дела перст Твоих, луну и звезды* (Пс. 8, 4) и постоянный в них закон, ибо говорит не как видящий теперь, а как надеющийся некогда увидеть. Но в сравнении с тварями гораздо невместимее и непостижимее для ума то естество, которое выше их и от которого они произошли.

Непостижимым же называю не то, что Бог существует, но то, что Он такое. Ибо не тщетна проповедь наша, не суетна вера наша; и не о том преподаем мы учение. Не обращай нашей искренности в повод к безбожию и клевете, не превозносись над нами, которые сознаемся в неведении! Весьма большая разность — быть уверену в бытии чего-нибудь и знать, что оно такое. Есть Бог — творческая и содержательная причина всего; в этом наши учители — и зрение (внешний опыт), и естественный закон, — зрение, обращенное к видимому, которое прекрасно утверждено и совершает путь свой, или, скажу так, неподвижно движется и несется; — естественный закон, от видимого и благоустроенного умозаключающий о Началовожде оного. Ибо вселенная как могла бы составиться и стоять, если бы не

Бог все осуществлял и содержал? Кто видит красиво отделанные гусли, их превосходное устройство и расположение, или слышит самую игру на гуслях, тот ничего иного не представляет, кроме сделавшего гусли или играющего на них, и к нему восходит мыслию, хотя, может быть, и не знает его лично. Так и для нас явственна сила творческая, движущая и сохраняющая сотворенное, хотя и не постигается она мыслию. И тот крайне несмыслен, кто, следуя естественным указаниям, не восходит до сего познания сам собою.

Впрочем, не Бог еще то, что мы представили себе под понятием Бога, или чем мы Его изобразили, или чем описало Его слово. А если кто когда-нибудь и сколько-нибудь обнимал Его умом, то чем сие докажет? Кто достигал до последнего предела мудрости? Кто удостаивался когда-нибудь толикого дарования? Кто до того ***отверз уста*** разумения и ***привлек Дух*** (Пс. 118, 131), что при содействии сего Духа, ***все испытующего*** и знающего даже ***глубины Божии*** (1 Кор. 2, 10), постиг он Бога, и не нужно уже ему простираться далее, потому что обладает последним из желаемых, к чему стремятся и вся жизнь и все мысли высокого ума? Но какое понятие о Боге составишь ты, который ставишь себя выше всех философов и богословов и хвалишься без меры, если ты вверишься всякому пути умозрения? К чему приведет тебя пытливый разум? (свт. Григорий Богослов, 14, 19—22).

***

...Божество необходимо будет ограничено, если Оно постигнется мыслью. Ибо и понятие есть вид ограничения (свт. Григорий Богослов, 14, 26).

***

...Божество непостижимо для человеческой мысли, и мы не можем представить Его во всей полноте (свт. Григорий Богослов, 14, 27).

***

Бога, что́ Он по естеству и сущности, никто из людей никогда не находил и, конечно, не найдет. А если и найдет когда-нибудь, то пусть разыскивают и любомудрствуют о сем желающие. Найдет же, как я рассуждаю, когда сие <наше> богоподобное и божественное, т. е. наш ум и наше слово, соединятся со сродным себе, когда образ взойдет к Первообразу, к Которому теперь стремится. И сие, как думаю, выражается в том весьма любомудром учении, по которому познаем некогда, сколько сами познаны (ср.: 1 Кор. 13, 12). А что в нынешней жизни достигает до нас, есть тонкая струя и как бы малый отблеск великого света.

Посему, если кто познал Бога, и засвидетельствовано, что он познал, то познание сие приписывается ему в том отношении, что, сравнительно с другим, не столько просвещенным, оказался он причастником большего света. И такое превосходство признано совершенным, не как действительно совершенное, но как измеряемое силами ближнего (свт. Григорий Богослов, 14, 33).

***

Как никто и никогда не вдыхал в себя всего воздуха, так ни ум не вмещал совершенно, ни голос не обнимал Божией сущности (свт. Григорий Богослов, 14, 96).

***

Любовь доставляет ведение. Такой путь к истине лучше уважаемого многими пути ума и его тонкостей (свт. Григорий Богослов, 14, 153).

***

Кто же хочет Божество Небесного Духа найти на страницах Богодухновенного закона, тот увидит многие, частые и вместе сходящиеся стези, если только пожелает видеть, если сколько-нибудь сердцем привлек чистого Духа, и ум у него острозрителен. А если кто потребует открытых слов вселюбезного Божества, то пусть знает, что неблагоразумно его требование. Ибо доколе большей части смертных не было явлено Божество Христово, не надлежало возлагать невероятного бремени на сердца до крайности немощные. Не для начинающих благовременно совершеннейшее слово. Кто станет слабым еще глазам показывать полный блеск огня, или насыщать их непомерным светом? Лучше постепенно приучать их к яркому блеску, чтобы не повредить и самых источников сладостного света. Так и слово, открыв прежде всецелое Божество Царя-Отца, стало озарять светом великую славу Христову, являемую немногим разумным из людей, а потом, яснее открыв Божество Сына, осияло нам и Божество светозарного Духа. И для тех проливало оно малый свет, большую же часть предоставило нам, которым потом обильно и в огненных языках разделен Дух, показавший явные признаки Своего Божества, когда Спаситель вознесся от земли. Знаю же, что Бог есть огнь для злых и свет для добрых (свт. Григорий Богослов, 15, 221—222).

***

Матерь моя, для чего ты родила меня, когда не могу ни мыслью постигнуть, ни изречь Бога, сколько желаю? Осияло, правда, очи ума моего малое какое-то озарение пренебесной, равносветлой Троицы, но большая часть (к скорби моей) ускользнула от меня, пролетев быстро, как молния, прежде нежели насытился я светом. А если бы здесь мог я постигнуть Тебя, возлюбленная Троица, то не стал бы жаловаться на родившую меня утробу матери: это значило бы, что я родился в добрый час. Но спаси, спаси меня, Божие Слово, и извлекши из горькой тины, веди в иную жизнь, где чистый ум, не покрываемый более примрачным облаком, ликует пред Тобою, о Пресветлый! (свт. Григорий Богослов, 16, 11).

***

Бог умосозерцаем для иных, хотя несколько; однако же никто не изречет, и ни от кого нельзя услышать, что Он такое, хотя иной и слишком был уверен, что знает сие. Ибо к каждой мысли о Боге всегда, как мгла, примешивается нечто мое и видимое. Каким же образом проникну эту мглу и вступлю в общение с Богом, чтобы, не трудясь уже более, обладать и быть уверену, что обладаю тем, что давно желал приобрести? Самое пагубное дело — не чтить Бога и не знать, что Он — первая вина всяческих, от которой все произошло и пребывает соблюдаемое по неизреченному чину и закону, но представлять себя знающим, что такое Бог, есть повреждение ума; это то же, что, увидев в воде солнечную тень, думать, будто бы видишь самое солнце, или, поразившись красотою преддверия, воображать, будто бы видел самого Владыку внутренних чертогов. Хотя один и премудрее несколько другого, поскольку привлек к себе

более лучей света, потому что больше всматривался; однако же все мы ниже Божия величия, потому что Бога покрывает свет, и закров Его — тьма. Кто рассечет мрак, тот осиявается второю преградою высшего света. Но проникнуть двойной покров весьма нелегко. Того, Кто все наполняет и Сам выше всего, Кто умудряет ум и избегает порывов ума, увлекая меня на новую высоту тем самым, что непрестанно от меня ускользает, — сего Бога особенно содержи в уме и чествуй, доказывая любовь свою ревностью к заповедям. Но не везде и не всегда должно изыскивать, что Он такое, и не перед всяким удобно изрекать о сем слово. Иное скажи о Боге, впрочем со страхом, а иное пусть остается внутри, и безмолвно чтимое чествуется втайне одним умом; для иного же отверзай только слух, если преподается слово, ибо лучше подвергать опасности слух, нежели язык. О прочем же будем молить, чтобы узнать сие ясно, отрешившись от дебелости плоти; а теперь, сколько можно, будем очищать себя и обновляться светлою жизнью. Так примешь в себя умосозерцаемого Бога; ибо несомненно то, что Бог Сам приходит к чистому, потому что обителью чистого бывает только чистый. Умозаключения же мало ведут к ведению Бога, ибо всякому понятию есть другое противоположное, а мое учение не терпит на все удобопреклонной веры (свт. Григорий Богослов, 16, 151—153).

***

В рассуждении одного Бога и божественного не знай меры в насыщении. Бог еще в большей мере дарует Себя тем, которые приемлют Его. Он Сам жаждет жаждущих Его, непрестанно и преизобильно источая Себя им. А если кто богатее тебя в другом чем, терпи сие равнодушно (свт. Григорий Богослов, 16, 205—206).

***

...Чем глубже входит человек в познание Бога, тем больше почитает себя невеждою... (прп. Макарий Египетский, 67, 146).

***

Господь бесконечен и непостижим. И христиане не смеют сказать, что постигли, но смиряются день и ночь (прп. Макарий Египетский, 67, 200—201).

***

Бог ни для кого непостижим и неизмерим, кроме тех, которые вкусили от Него же Самого приятое ими, и сознают свою немощь (прп. Макарий Египетский, 67, 201).

***

...Если сии твари <растения, цветы... живые существа в море... в воздухе число птиц...> так необъятны и непостижимы для людей, то кольми паче непостижим Сотворивший и Уготовавший их? (прп. Макарий Египетский, 67, 252).

***

...Бог истинно познается душою достойною и Ему угодною (прп. Макарий Египетский, 67, 459).

***

...В какой мере собираешь ты ум свой к исканию Его <Бога>, в такой и еще большей мере понуждается Он собственным Своим благоутробием и благостью Своею

прийти к тебе и упокоить тебя (прп. Макарий Египетский, 89, 214).

***

Что же означается тем, что Моисей пребывает во мраке и в нем только видит Бога?.. И этого не почитаем выходящим из ряда представляющегося высшему нашему взгляду. Учит же сим Слово, что ведение благочестия в первый раз бывает светом для тех, в ком появляется. Почему представляемое в уме противоположно благочестию есть тьма, а отвращение от тьмы делается причастием света. Ум же, простираясь далее, с большею и совершеннейшею всегда внимательностью углубляясь в уразумение истинно постижимого, чем паче приближается к созерцанию, тем более усматривает несозерцаемость Божественного естества. Ибо, оставив все видимое, не только что восприемлет чувство, но и что видит, кажется, разум, непрестанно идет к более внутреннему, пока пытливостью разума не проникнет в незримое и непостижимое, и там не увидит Бога. Ибо в этом истинное познание искомого; в том и познание наше, что не знаем, потому что искомое выше всякого познания, как бы некиим мраком, объято отовсюду непостижимостью. Посему и возвышенный Иоанн, бывший в сем светозарном мраке, говорит: *Бога никтоже виде нигдеже* (Ин. 1, 18), решительно утверждая сими словами, что не людям только, но и всякому разумному естеству недоступно ведение Божией сущности. Посему Моисей, когда стал выше ведением, тогда исповедует, что видит Бога во мраке, т. е. тогда познает, что Божество в самом естестве Своем то самое и есть, что выше всякого ведения и постижения. Ибо сказано: *вниде* Моисей *во мрак, идеже бяше Бог* (Исх. 20, 21). Кто же Бог? Тот, Кто *положи тьму закров Свой* (Пс.

17, 12), как говорит Давид. В этом мраке и посвященный в тайны (свт. Григорий Нисский, 18, 315—316).

***

Истина сущих действительно есть нечто святое, даже святое святых и для многих неприкосновенное и неприступное. Поскольку она пребывает в сокровенной и неизглаголанной глубине таинственной скинии, то познанию о превышающих понятие сущих надлежит быть непытливым. Должно веровать, что искомое есть, однако же не подлежит взорам всех, а пребывает неизглаголанным в сокровенных глубинах мысли (свт. Григорий Нисский, 18, 327).

***

...Божественные тайны открыты вам, люди, сколько слух человеческий принять может; путеводимые сим к благочестивому боговедению, сколько вмещает ваш рассудок, столько возносите славу Божию, зная, что сколько бы ни возвысилось ваше разумение, хотя бы преступили вы всякое высокое представление в понятиях о Боге, и тогда обретаемое и поклоняемое вами — не самое еще величие Искомого, но только подножие ног Его (свт. Григорий Нисский, 19, 108).

***

...Когда время искать Господа? Отвечу кратко: целую жизнь. Ибо об этом одном благовременно иметь рачение при всяком другом рачении. Не в установленные какие-либо дни и не в определенное на сие время взыскать Господа благо есть; напротив того, никогда не прекращать сего

вовсе ищущему — вот истинная благовременность (свт. Григорий Нисский, 19, 320).

***

...Как же можно сказать, что говорят истину, согласно с Павлом утверждающие, будто бы постижение Бога выше наших сил, и им не противоречит Господне слово, обещающее, что при чистоте сердца зрим будет Бог?.. Естество Божие, само в себе, по своей сущности, выше всякого постигающего мышления, как недоступное примышлениям гадательным и не сближаемое с ними; и в людях не открыто еще никакой силы к постижению непостижимого, и не придумано никакого средства уразуметь неизъяснимое. Посему великий Апостол пути Божии именует неисследованными (Рим. 11, 33), означая сим словом, что на оный путь, который ведет к познанию Божией сущности, не могут и восходить человеческие помыслы, так что на нем, почти никем из прошедших жизнь сию прежде нас не оставлено никакого следа постигающим примышлением, который бы означался ведением того, что выше ведения. Но таковым будучи по естеству Тот, Кто выше всякого естества, Сей невидимый и неописуемый, в другом отношении бывает видим и постигается. Способов же такого уразумения много. Ибо и по видимой во вселенной премудрости можно гадательно видеть Сотворшего все в премудрости. Как и в человеческих произведениях некоторым образом усматривается разумением творец выставляемого творения, в дело свое вложивший искусство, усматривается же не естество художника, а только художническое знание, какое художник вложил в произведение, так и мы, взирая на красоту в творении, напечатлеваем в себе понятие не сущ-

ности, но премудрости премудро все Сотворившего. Если рассуждаем о причине нашей жизни, именно же, что не по необходимости, но по благому произволению приступил Бог к сотворению человека, опять говорим, что и сим способом узрели мы Бога, постигнув благость, а не сущность. Так и все прочее, что приводит нас к понятию лучшего и более возвышенного, подобно сему называем уразумением Бога, потому что каждая возвышенная мысль зрению нашему представляет Бога. Ибо и могущество, и чистота, и неизменяемость, и несоединяемость с противоположным, и все сему подобное напечатлевает в душах представление некоего божественного и возвышенного понятия. Итак, из сказанного открывается, что Господь истинен в Своем обетовании, говоря, что имеющие чистое сердце узрят Бога; и не лжет Павел, собственными своими словами утверждая, что никто не видел и не может видеть Бога, ибо Невидимый по естеству делается видимым в действиях, усматриваемый в чем-либо из того, что окрест Его (свт. Григорий Нисский, 19, 440—442).

***

В человеческой телесной жизни здоровье есть некое благо, но блаженно не то, чтобы знать только, что такое здоровье, но чтобы жить в здравии. Ибо если кто, слагая похвалу здоровью, примет в себя доставляющую худые соки и вредную для здоровья пищу, то угнетаемый недугами какую пользу получит он от похвал здоровью? Посему так будем разуметь и предложенное слово, а именно, что Господь, не знать что-либо о Боге, но иметь в себе Бога, называет блаженством, ибо *блажени чистии сердцем яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Но не как зрелище какое, кажется мне, пред лицо очистившему душевное око, предлагается Бог; напротив того, высота сего изречения, может

быть, представляет нам то же, что открытее изложило Слово, другим сказав: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21), чтобы научились мы из сего, что очистивший сердце свое от всякой твари и от страстного расположения, в собственной своей лепоте усматривает образ Божия естества. И мне кажется, что в немногом, что изрекло, такой совет заключает Слово: все вы, о человеки, в ком только есть какое-либо вожделение воззреть на истинно благое, когда слышите, что Божие велелепие превыше небес и слава Божия неизъяснима, и лепота неизглаголанна, и естество невместимо, не впадайте в безнадежность, будто бы невозможно увидеть желаемое. Ибо в тебе вместимая для тебя мера постижения Бога, Который так тебя создал, немедленно осуществив в естестве таковое благо, потому что в составе твоем отпечатлел подобия благ собственного Своего естества, как будто на каком воске напечатлел разные изображения. Но порок, смыв боговидные черты, бесполезным соделал благо, закрытое гнусными покровами. Посему, если рачительною жизнью опять смоешь нечистоту, налегшую на твоем сердце, то воссияет в тебе боговидная лепота. Как это бывает с железом, когда точильным камнем сведена с него ржавчина; недавно быв черным, при солнце мечет оно от себя какие-то лучи и издает блеск, так и внутренний человек, которого Господь именует сердцем, когда очищена будет ржавчина нечистоты, появившаяся на его образе от дурной любви, снова восприимет на себя подобие первообраза и будет добрым, потому что подобное добру, без сомнения, добро. Посему, кто видит себя, тот в себе видит и вожделеваемое, и таким образом чистый сердцем делается блажен, потому что, смотря на собственную чистоту, в этом образе усматривает первообраз. Ибо как те, которые видят солнце в зеркале, хотя не устремляют взора на самое небо,

однако же усматривают солнце в сиянии зеркала не меньше тех, которые смотрят на самый круг солнца, так и вы, говорит Господь, хотя не имеете сил усмотреть света, но если возвратитесь к той благодати образа, какая сообщена была вам в начале, то в себе имеете искомое. Ибо чистота, бесстрастие, отчуждение от всякого зла — есть Божество. Посему, ежели есть в тебе это, то, без сомнения, в тебе Бог, когда помысл твой чист от всякого порока, свободен от страстей, и далек от всякого осквернения, ты блажен по своей острозрительности; потому что, очистившись, усмотрел незримое для неочистившихся, и отъяв вещественную мглу от душевных очей, в чистом небе сердца ясно видишь блаженное зрелище. Что же именно? Чистоту, святость, простоту и все подобные светоносные отблески Божия естества, в которых видим Бог (свт. Григорий Нисский, 19, 442—445).

***

...По сосудам, из которых вылито миро, не познается самое миро... каково оно в естестве своем, хотя и по малоощутительному некоему качеству испарений, оставшемуся в сосуде, делаем некоторую догадку о вылитом мире. Сие-то именно дознаем мы из сказанного: самое миро Божества, каково оно в сущности, выше всякого имени и понятия; усматриваемые же во вселенной чудеса доставляют содержание богословским именованиям, по которым Божество именуем премудрым, всемогущим, благим, святым, блаженным, вечным, также Судиею, Спасителем и подобным сему, что все показывает некоторое, впрочем не главное, качество божественного мира, какое вся тварь, наподобие какого-либо мироварного сосуда, отпечатлела в себе усматриваемыми в ней чудесами... (свт. Григорий Нисский, 20, 32—33).

***

...Как вещественная любовь не касается еще младенчествующих, потому что детство не дает в себе место страсти, а также и удрученных крайнею старостью не видим в подобном состоянии, так и в рассуждении божественной красоты, кто еще младенец, обуревается и носится всяким ветром учения, и кто одряхлел, состарился и приблизился к истлению (в этих учениях), все те оказываются неподвижными к сему вожделению. Ибо таковых не касается видимая красота, но такую только душу, которая вышла из младенческого состояния, цветет духовным возрастом, не прияла на себя *скверны или порока, или нечто от таковых* (Еф. 5, 27), не лишена чувствительности по младенчеству, и не ослабела в силах по дряхлости, Слово именует *отроковищею* (свт. Григорий Нисский, 20, 33—34).

***

...Если кто всякий благоуханный цветок или аромат, собрав с различных лугов добродетели, и всю свою жизнь благоуханием каждого из своих предначинаний соделав единым миром, соделается во всем совершенным, то, хотя по природе не может возводить неуклонного взора к Самому Богу Слову, как и смотреть на солнечный круг, однако же в себе самом, как в зеркале, видит солнце, потому что лучи оной истинной и божественной добродетели, истекающим от них бесстрастием, просиявающие в жизни достигшей чистоты, делают для нас видимым невидимое, и постижимым недоступное, в нашем зеркале живописуя солнце. А что касается до заключающегося в сем понятия, одно и то же, назвать ли сие лучами солнца, или истечениями добродетели, или ароматными благоуханиями; ибо, что ни прило-

жим из этого к цели слова, из всего составляется одна мысль, что добродетелями приобретаем мы ведение о благе, превосходящем всякий ум, как бы по некоторому образу делаем заключение о первообразной Красоте (свт. Григорий Нисский, 20, 79—80).

***

...Величие естества Божия не ограничивается никаким пределом, и никакая мера ведения не служит таким пределом в уразумении искомого, за которым надлежало бы любителю высокого остановиться в стремлении *в прежняя*, а напротив того, ум, высшим разумением восходящий к горнему, находится в таком состоянии, что всякое совершенство ведения, достижимое естеству человеческому, делается началом пожеланию высших ведений (свт. Григорий Нисский, 20, 155—156).

***

Неопределимое и неуловимое в Божестве остается за пределами всякого постижения, потому что великолепию славы *несть конца* (Пс. 144, 3)... (свт. Григорий Нисский, 20, 212).

***

...Первое удаление от ложных и погрешительных предположений о Боге есть переход из тьмы в свет. Более же внимательное наблюдение сокровенного, видимым путеводящее душу к естеству невидимому, делается как бы некиим облаком, которое, затеняя собою все видимое, руководит и приобучает душу к тому, чтобы обращала взор на скрытое. Душа же, простирающаяся чрез это к горнему, сколько

доступно сие естеству человеческому, оставляя дольнее, входит в святилище боговедения, отвсюду будучи объята божественным мраком, в котором, поелику все видимое и постигаемое оставлено вне, обозрению души остается только невидимое и непостижимое... (свт. Григорий Нисский, 20, 278—279).

***

...Если и все прочее, и красоты небесные — произведение оной деятельности, не постиг же человеческий ум, доискивающийся, что такое по сущности человек или солнце, или что-либо другое из видимых в твари чудес, то посему самому трепещет сердце пред Божиею действенностью, рассуждая, что если этого не в состоянии постигнуть, то как постигнет естество сего превысшее? (свт. Григорий Нисский, 20, 291).

***

...Сила человеческая не имеет такой вместимости, чтобы принять в себя Естество неопределимое и непостижимое (свт. Григорий Нисский, 20, 291).

***

...Величие естества Божия познается не из того, что о нем постигается, но из того, что оно превосходит всякое представление и всю силу постижения. Ибо душа, выступая уже из естества, чтобы ни в чем обычном не встречать препятствия к ведению невидимого, не останавливается, ища необретаемое, и не умолкает, призывая неизобразимое. Она говорит: ***взысках Его и не обретох Его*** (ср.: Деян. 17, 27). Да как может быть обретено, что не показывает в

себе ничего познаваемого; ни вида, ни цвета, ни очертания, ни количества, ни места, ни наружности, ни повода к догадке, ни подобия, ни сходства, но, обретаясь всегда вне всякого пути к постижению, всячески избегает уловления ищущих?.. Кто оказывается всегда не имеющим такой отличительной черты, по которой может быть познан, тот может ли быть заключен в какое-либо наименовательное означение? (свт. Григорий Нисский, 20, 308—309).

***

...Как научаемые Давидом, что Бог есть Судия или долготерпеливый, мы познаем не Божескую сущность, но нечто из того, что созерцается при ней, так и слыша слова: «быть нерожденным», мы из этого объяснения не узнаем подлежащего предмета, но только получаем руководство, чего не должно мыслить о подлежащем; что же оно есть по сущности... остается неизвестным (свт. Григорий Нисский, 23, 94).

***

...Хвастающий, что достиг познания о существующем, пусть объяснит нам пока природу муравья, а затем уже рассуждает о природе силы, превосходящей всякий ум (свт. Григорий Нисский, 23, 172).

***

...Сила ангельская, сравниваемая с нашею, кажется имеющею весьма преимуществ, потому что, не отягощаемая никаким (внешним) ощущением, чистою и неприкровенною силою ведения, стремится к горнему. Если же рассмат-

ривать и их способность разумения относительно к величию истинно Сущего, то осмелившийся сказать, что и их сила относительно уразумения Божества недалеко отстоит от нашей малости, явит смелость, не выходящую из должных пределов. Ибо велико и непроходимо расстояние, которым несозданное естество отделено от созданной сущности. Одно ограничено, другое не имеет границ; одно объемлется своею мерою, как того восхотела премудрость Создателя, другое не знает меры; одно связано некоторым протяжением расстояния, замкнуто временем и местом; другое выше всякого понятия о расстоянии; сколько бы кто ни напрягал ума, столько же оно избегает любознательности (свт. Григорий Нисский, 23, 292—293).

***

...Если низшая природа, подлежащая нашим чувствам, выше меры человеческого ведения, то как Создавший все единым хотением может быть в пределах нашего разумения? *Суета и неистовления ложная* (ср.: Пс. 39, 5), как говорит пророк, — думать, что для кого-нибудь возможно уразумение Непостижимого. Подобное можно видеть на малых детях, по неведению, свойственному возрасту резвых и вместе любознательных, часто, когда чрез окно ворвется к ним солнечный луч, они, обрадовавшись красоте, кидаются к появившемся лучу и стараются нести его руками, спорят между собою, захватывают свет в горсть, зажимая, как думают они, самое сияние, а когда разожмут сжатые пальцы, исчезновение луча из рук производит в детях смех и шум. Так и младенцы нашего поколения, как говорит притча, играют сидя на торжищах (Мф. 11, 16); видя Божественную силу, действиями Промысла и чудесами осияваю-

щую души, как бы какой луч и теплоту, истекающие из солнечного естества, не дивятся благодати и не поклоняются познаваемому в сем; но, переступая пределы вмещаемого душою, хватают неосязаемое, руками лжеумствований, и своими умозаключениями думают удержать то, что представляется им. А когда разум разлагает и раскрывает сплетение лжеумствований, для имеющих рассудок не оказывается ничего, что можно было бы взять. Так, подобно малолетним и по-детски, попусту занимаясь невозможным, как бы в какой-нибудь детской ладони заключают непостижимое естество Божие в немногих слогах слова: нерожденность, защищают эту глупость и думают, что Божество толико и таково, что может быть объято человеческим разумом чрез одно наименование. Они принимают вид, будто следуют словам святых, но, поставляя себя выше их самих, не оказывают им благоговения. Ибо чего не оказывается сказавшим никто из блаженных мужей, которых слова, заключенные в письменах, в Божественных книгах, известны, о том они *не разумеюще*, как говорит Апостол, *ни яже глаголют, ни о нихже утверждают* (1 Тим. 1, 7), говорят, однакож, что и сами они знают, и хвалятся, что и других руководят к познанию (свт. Григорий Нисский, 23, 297—299).

***

<Авраам> по Божественному повелению удалился из своей земли и от своего рода, исшел, как прилично мужу пророку, стремящемуся к познанию Бога (Евр. 11, 8). Мне кажется, что не какое-нибудь местное переселение должно разуметь здесь, если искать духовного смысла; но он, отрешившись сам от себя и от своей земли, т. е. от земного и

низменного понимания, возвысивши свою мысль, сколько возможно, над обычными пределами естества, и, покинув сродство души с чувствами, так чтобы, будучи не обременяемым ничем из являющегося чувству, уже не подвергаться помрачению при уразумении невидимого, и ходя, по слову Апостола, ***верою, а не видением*** (2 Кор. 5, 7), когда ни слух уже не оглашал, ни зрение не вводило в заблуждение видимым, столько вознесся величием ведения, что тут можно полагать и предел человеческого совершенства; столько познал он Бога, сколько этой скоротечной и привременной силе возможно вместить при всем ее напряжении. Посему Господь всей твари, соделавшись как бы чем-то найденным для патриарха, именуется особенно Богом Авраама (Исх. 3, 6). Однако что же говорит о нем Писание? Что он ***изыде, неведый камо грядет*** (Евр. 11, 8). Но, не узнав даже имени Возлюбленного, не огорчался сим незнанием, и не стыдился его. Итак, для него то служило твердым указанием пути к искомому, что в мыслях о Боге он не руководился никаким из сподручных средств познавания, и что раз возбужденная в нем мысль совершенно ничем не задерживалась на пути к превышающему все познаваемое. Но, покинув силою размышления свою туземную мудрость, т. е. халдейскую философию... и став выше познаваемого чувством, он, от красоты видимой и от стройности небесных чудес, возжелал узреть красоту, не имеющую образа. Так и все иное, что постигал он, идя вперед по пути размышления, силу ли, благость ли, безначальность ли, или беспредельность, или если открывалось иное какое-нибудь подобное понятие относительно Божеского естества, — все делал он пособиями и основаниями для дальнейшего пути к горнему, всегда твердо держась найденного и простираясь вперед, прекрасные оные ***восхождения*** полагая в сердце, как

говорит Пророк (Пс. 80, 6), и восходя далее всего постигаемого собственною силою, как еще низшего сравнительно с искомым; после того как в мнениях о Боге возвысился над всяким представлением, происходящим из наименования естества, очистив мысль от подобных предположений, и восприяв веру чистую и без примеси всякого мнения, вот что он сделал непогрешимым и ясным знаком познания Бога, знаком превосходнейшим и высшим всякого отличительного знака, — именно веру, что Бог есть. Потому-то после такового вдохновения, возбужденного высокими созерцаниями, снова опустив взоры на человеческую немощь, говорит: *аз же есмь земля и пепел* (Быт. 18, 27), т. е. безгласен к истолкованию блага, объятого мыслию; ибо земля и пепел, по моему мнению, означают то, что безжизненно и вместе бесплодно. Таким образом, закон веры становится законом для последующей жизни, историей Авраама научая приступающих к Богу, что нельзя приблизиться к Богу иначе, как если не будет посредствовать вера, и если исследующий ум она не приведет собою в соприкосновение с непостижимым естеством. Ибо, оставив любопытство знания, *верова,* сказано, *Авраам Богу, и вменися ему в правду* (Быт. 15, 6); *не писано же бысть за того единого точию,* говорит Апостол, *но и за ны* (Рим. 4, 23—24), что не знание Бог вменяет людям в праведность, но веру (свт. Григорий Нисский, 23, 300—303).

***

...Сколько звезды выше прикосновения к ним пальцами, столько же, или лучше много раз более, Естество, превосходящее всякий ум, выше земных умствований (свт. Григорий Нисский, 23, 304).

***

...Надлежало, взирая на лик святых, разумею пророков и патриархов, которым многочастно и многообразно возвещалось слово истины, и потом на бывших самовидцами и служителями Слова, благоговеть пред достоверностью тех, кои свидетельствованы Самим Духом, пребывать в границах их учения и знания, а не дерзать на то, что не было доступно разумению святых. Ибо они Бога неведомого дотоле человекам по причине господствовавшего тогда идольского заблуждения, делая известным и ведомым для людей как из чудес, которые являются в делах Его, так и из имен, посредством которых уразумевается многовидность Божеского могущества, руководят к уразумению Божеского естества, делая для людей известным одно (только) величие усматриваемого в Боге; а понятие сущности, как такое, которое невозможно вместить и не приносит пользы для пытливых, они оставили неизреченным и неисследимым (свт. Григорий Нисский, 23, 306).

***

...Исследователь всех богодухновенных изречений не найдет в них учения о Божеском естестве и ни о чем ином, что касается до бытия по сущности. Относительно сего мы, люди, живем в неведении о всем, не зная, прежде всего, себя самих, а потом и всего прочего (свт. Григорий Нисский, 23, 308).

***

...Если вся тварь неспособна вместить учение о себе... то как же человеческая малость вместит учение о Владыке твари? (свт. Григорий Нисский, 23, 314).

***

Человеческий многозаботливый и испытующий разум при помощи возможных для него умозаключений стремится к недоступному и верховному естеству и касается его; он не на столько проницателен, чтобы ясно видеть невидимое, и в то же время не совсем отлучен от всякого приближения, так чтобы не мог получить никакого гадания об искомом; об ином в искомом он догадывается ощупью умозаключений, а иное усматривает некоторым образом из самой невозможности усмотрения, получая ясное познание о том, искомое выше всякого познания; ибо, что не соответствует Божескому естеству, разум понимает, а что именно думать о нем, того не понимает, он не в силах познать самую сущность того, о чем так именно рассуждает; но при помощи разумения того, что присуще и что не присуще Божескому естеству, он познает одно то, что доступно для усмотрения, именно, что оно пребывает в удалении от всякого зла, и мыслится пребывающим во всяком благе; и однако же, будучи таковым, как я говорю, оно неизреченно и недоступно для умозаключений (свт. Григорий Нисский, 23, 319—320).

***

...Малое по природе не может возвыситься над своею мерою и достигнуть превосходящей природы Вышнего... (свт. Григорий Нисский, 23, 428).

***

...Тому, чей разум развлекается многим, невозможно преуспеть в познании Бога и в любви к Нему (свт. Григорий Нисский, 24, 321).

***

Как относительно солнечных лучей, кто не видел света от первого дня рождения, для того напрасно и бесполезно толковать на словах о свете, потому что сияние лучей нельзя ощутить посредством слуха, так и касательно истинного и умного Света, каждый должен иметь свои глаза, чтобы усмотреть оную красоту; кто узрел ее, по некоему божественному дару и вдохновению, тот хранит неизъяснимое изумление в тайне сознания, а кто не видел оной, тот не будет чувствовать и того лишения, которое терпит (свт. Григорий Нисский, 24, 332).

***

Ум не узрит места Божия в себе, если не станет выше всех помышлений о вещественном и тварном, выше же их он не станет, если не совлечется страстей, связывающих его с предметами чувственными и распложающими помыслы о них. Страстей этих он совлечется посредством добродетелей, а простых помыслов посредством духовного созерцания; но и это отложит, когда явится ему тот свет, который во время молитвы отпечатлевает место Божие (авва Евагрий, 89, 584).

***

Хочешь ли познать Бога? Познай прежде себя самого (авва Евагрий, 89, 601).

***

Когда мы усиливаемся познать то, чего Бог не хотел открыть нам, то мы и не узнаем этого (ибо как можно узнать, если это не угодно Богу?) и за любопытство свое

только подвергнемся опасности (свт. Иоанн Златоуст, 45, 456).

***

...Крайнее безумие — присвоять себе знание того, что есть Бог по существу (свт. Иоанн Златоуст, 45, 497).

***

Того, что мы каждый день видим и вкушаем, мы не разумеем; как же мы хотим исследовать существо Божие? (свт. Иоанн Златоуст, 45, 497).

***

Если пророки не могли постигнуть с точностью даже этого свойства Божиего <премудрость Божию>, то как безумно было бы думать, что собственными суждениями можно определить самое существо Божие? (свт. Иоанн Златоуст, 45, 497—498).

***

Подумай, несчастный и жалкий, кто ты и Кого исследуешь? Ты — человек, а исследуешь Бога? Достаточно одних этих названий, чтобы выразить крайность безумия! Человек — земля и пепел, плоть и кровь, трава и цвет травы, тень и дым и тщета и все, что только есть негоднее и немощнее этого. Не подумайте, что это сказано к осуждению природы человеческой; не я говорю это, но пророки так рассуждают, не к бесчестию нашего рода, но для усмирения надменности безумных, не для унижения нашей природы, но для низложения гордости неистовствующих (свт. Иоанн Златоуст, 45, 506).

***

Если не исследовать обещаний Его <Бога> — значит прославлять Его, то испытывать и исследовать не изречения только, но Самого Изрекшего, — значит бесчестить Его (свт. Иоанн Златоуст, 45, 509).

***

...Оскорбляет Бога тот, кто исследует существо Его (свт. Иоанн Златоуст, 45, 509).

***

Между брением и скудельником нет различия; а между Богом и людьми такое различие по существу, какого ни слово представить, ни ум измерить не может (свт. Иоанн Златоуст, 45, 510).

***

Дерзко... когда утверждают, что Непостижимого для вышних сил могут изъяснить и обнять своими слабыми умами те, которые пресмыкаются внизу и столь далеко отстоят от тех существ (свт. Иоанн Златоуст, 45, 515).

***

...Не знают Бога не те, которые не знают Его существа, а те, которые усиливаются познать это существо (свт. Иоанн Златоуст, 45, 541).

***

Если мы не понимаем и того, что у нас под руками, — образования однородного нам животного, то как же бес-

смысленно и безумно исследовать то, что касается Творца, и говорить, будто бы понимаем то, о чем не имеют точного понятия и высшие бестелесные силы и что они только постоянно прославляют со страхом и трепетом? (свт. Иоанн Златоуст, 48, 121).

***

...Один способ богопознания (достигается) чрез (рассматривание) всего творения; другой, не менее важный, чрез совесть... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 781).

***

Когда совершается что-нибудь великое, превосходящее ум и превышающее разум, тогда должно руководствоваться верою, а не исследовать дело обыкновенным порядком человеческим, потому что чудные дела Божии выше всего этого (свт. Иоанн Златоуст, 49, 345).

***

Кто старается своими мыслями исследовать дела Его <Божии>, тот не прославляет Его, желая подчинить уничиженному своему разуму неизреченные дела Его Домостроительства (свт. Иоанн Златоуст, 49, 345).

***

...Невозможно знать вполне и всего промышления Божия, потому что величие Его разума и премудрости много превосходит понятия человеческие. Притом многие страсти ослепляют неразумных так, что они совершенно не видят Его. И во-первых, страсть к удовольствиям, при которой

не замечают и того, что для всех ясно. Затем, во-вторых, невежество и развращение ума. В самом деле, не безумно ли — отца, который наказывает сына, одобрять и хвалить, и за это особенно почитать отцом, а на Бога, когда Он наказывает за грехи, роптать и жаловаться?.. В-третьих, люди иногда и не знают, что хорошо и что худо, но ошибаются в суждении о вещах, по причине своего пристрастия ко злу и наклонности к порокам. В-четвертых, даже и не помышляют о своих грехах. В-пятых, невыразимо велико расстояние между Богом и людьми. В-шестых, Бог не желает открывать всего и везде, потому что нам достаточно знать и немногие частности.

Не должно стараться узнавать распоряжения Божии во всем (это значило бы домогаться невозможного и совершенно превышающего всякую созданную тварь), а те, которые хотят познать их отчасти, должны быть свободными от упомянутых страстей, и тогда они увидят их яснее солнца, хотя не вполне, а только отчасти, и будут благодарить Его за все (свт. Иоанн Златоуст, 49, 355).

***

Люди святые и особенно возвысившиеся могут истинно знать величие Его, не все, каково оно есть в самом себе, — это невозможно, — но яснее других (свт. Иоанн Златоуст, 49, 431).

***

...При всей своей быстроте и остроте зрения, душа сама по себе не в состоянии постигать предметов небесных, но имеет нужду в руководителе (свт. Иоанн Златоуст, 50, 391).

***

Серафимы не смели смотреть даже на снисхождение Божие: как же человек дерзнул сказать, или лучше, как человек дерзнул подумать, что он может точно и ясно познать то чистое естество, которое недоступно созерцанию даже Херувимов? Трепещи небо, ужасайся земля, эта дерзость больше дерзости их (иудеев) (свт. Иоанн Златоуст, 50, 392).

***

Дел <житейских> постигнуть невозможно без веры: как же возможно без веры познать Бога? (свт. Иоанн Златоуст, 50, 719).

***

Опасен путь умствований; безопасно и твердо разумение исповедания веры (свт. Иоанн Златоуст, 50, 732).

***

Не измеряй силы Божией по своим соображениям, как слабый человек. Не думай, что Бог может сделать только то, что ты можешь помыслить. Если Он может сделать только то, что я мыслю, то я смело могу сказать, что Бог гораздо меньше мысли, потому что моя мысль Его измерила. Но Он превосходит мысль и побеждает разум; неисследим Творец и непостижимы дела <Его> (свт. Иоанн Златоуст, 50, 762).

***

...Разумение таин Царствия <Божия> есть дар благодати, ниспосылаемой свыше. Впрочем, хотя это и дар благо-

дати, однако этим не уничтожается свобода... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 476).

***

Как никто не может пользоваться светом солнечным, не открывая глаз, так никто не может участвовать в этом просвещении <Светом Истины>, не отверзая вполне очей души и не изощрив их во всех отношениях. А как это можно сделать? Очищая душу от всякой страсти (свт. Иоанн Златоуст, 52, 49).

***

И ныне много таких, которые носят имя верующих, но непостоянны и легко всем увлекаются: потому и ныне Христос не вверяет Себя им, а весьма многое скрывает от них. Как мы вверяемся не всяким друзьям, а только искренним... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 155—156).

***

Как мать может дать простого хлеба ребенку, питающемуся молоком, но ребенок не может воспользоваться им, так и для Бога не было бы невозможным предложить высшую и сверхъестественную мудрость, но мы ею не можем воспользоваться (свт. Иоанн Златоуст, 52, 914).

***

...Нечистая жизнь препятствует познанию высоких истин, не позволяя разуму проявлять свою мыслительность (свт. Иоанн Златоуст, 54, 77).

***

...Не глядящий на солнце будет жить — ведь слепой живет, зная о солнце по слуху, — а души, лишенные солнца богопознания, мертвы, хотя бы и думалось им, что они живут... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 822).

***

Хочешь воспринять луч, просвещающий твои очи? Соделай их чистыми, здравыми и зоркими. Он <Бог> показал тебе свет истинный, но если ты, убегая света, устремишься ко тьме, — какое тогда обретешь ты оправдание, какое прощение? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 18).

***

Расскажи мне, как пчела делает соты, и тогда говори о Боге. Изучи искусство муравьев, паука, ласточки, и после этого говори о Боге. Объясни мне это, если ты умен, но ты не в состоянии. Итак, ужели не перестанешь ты, человек, искать излишнего — а это поистине излишне, — не перестанешь безрассудно любопытствовать. Нет ничего мудрее такого незнания, и признающиеся в полном незнании в этом случае оказываются умнее всех, а суемудрствующие <о Боге> неразумнее всех (свт. Иоанн Златоуст, 55, 162—163).

***

Далеки от величия Божия вы, думающие знать Бога, как Он знает Сам Себя (свт. Иоанн Златоуст, 55, 282).

***

...Верою приобретается познание (о Боге), и без веры невозможно познать Его (свт. Иоанн Златоуст, 55, 318).

***

Если бы кто велел спуститься в глубину и узнать, что находится на дне моря, — ты отверг бы приказание, а сам, без всякого принуждения, хочешь исследовать неисследимую пучину. Не мудрствуй, прошу тебя. Будем плавать по поверхности, не будем следовать влечению мудрований; иначе скоро утомимся и утонем. Но пользуясь Божественным Писанием, как бы некоторым кораблем, распустим паруса веры. Если мы будем плавать на нем, то и кормчим у нас будет Слово Божие... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 534).

***

Первый признак того, что ты знаешь Бога, состоит в том, чтобы ты верил сказанному Им, не требуя ни объяснений, ни доказательств (свт. Иоанн Златоуст, 55, 625).

***

Нет ничего хуже, как судить и измерять дела Божественные соображениями человеческими: таким образом можно далеко отпасть от камня веры и лишиться света. Если желающий обнять лучи солнца глазами человеческими не только не обнимет их и не достигнет цели, но еще отдалится от нее и потерпит великий вред, то тем более дерзающий протекать своими умствованиями в свет неприступный, потерпит вред, оскорбляя дар Божий (свт. Иоанн Златоуст, 55, 764).

***

Никто из людей, пресмыкающихся долу и зарывающих себя в землю, не может видеть солнечного света; никто из

людей, оскверняющих себя житейскими делами, не может видеть Солнца правды... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 825).

***

Если сердцем хочешь приблизиться к Богу, будь в молитве непоколебим, как столб, не развлекаясь никакими житейскими заботами (свт. Иоанн Златоуст, 55, 965).

***

Пророки не могли постигнуть Непостижимого, человеческая природа бессильна Его понять; ум не может вместить Невместимого, слово не в состоянии изобразить вочеловечившееся Слово... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 927).

***

...Добрая жизнь располагает к познанию Бога, а богопознание служит охраной жизни (свт. Иоанн Златоуст, 56, 1012).

***

Слабый глаз не может пристально смотреть на солнечный круг, а если смотрит, то напрасно трудит себя, и нечистый ум не в состоянии на пользу себе уловить что-либо святое (прп. Исидор Пелусиот, 61, 177).

***

Как дети, обучающиеся первым начаткам письменности, внимательно смотрят, как наставник водит писалом, охотно и с послушанием принимая сделанные им начертания, так и изучающие божественное должны следовать за учителями

с детскою простотою и неколеблющимся согласием, ибо, говорит Господь, утаено сие *от премудрых и разумных* и открыто *младенцам* (Мф. 11, 25) (прп. Исидор Пелусиот, 61, 247).

***

Часто дивился я тем, которые ни во что не ставят веру и доблестное житие, входят же в пытливые исследования и разыскания о том, чего и найти невозможно, и исследования о чем прогневляют Бога. Ибо когда усиливаемся познать то, что не угодно было Богу сделать доступным нашему ведению, тогда не познаем сего (ибо возможно ли это вопреки Божией воле?), и останется одна только за сие изыскание угрожающая нам опасность. Посему, оставив изыскание об этом, как сверхъестественное и нимало не доступное, и прибегнув в пристань правой веры и доблестного жития, здесь обретаем себе безопасность (прп. Исидор Пелусиот, 61, 357—358).

***

Божество, как лучезарное и гораздо светлейшее солнца, не может быть видимо, потому что для смертных очей оно невместимо, а уму представить Его невозможно (да и наиболее чистому уму сообщает Оно лучи свои в промысле), постигнуть же весьма трудно (Оно больше и выше всего умопредставляемого), но удобно приобрести Его благоволение (Оно целует и любит добродетель). Посему, если желательно нам вместить для всех невместимое и сподобиться достояния превышающего всякое достоинство, то украсим себя целомудрием, справедливостью, мудростью... Ибо, кроме души невинной, не определяет для Себя Божество другого более свойственного и приличного места. Почему и из-

рекло: ***вселюся в них и похожду*** (2 Кор. 6, 16) (прп. Исидор Пелусиот, 61, 454).

***

...Непозволительно как неосвященным слышать священное, так осквернённым проникать взором в святилище: закон сего не дозволяет, лучше же сказать, сие запрещает Божественное слово, определенно возглашая: ***не дадите святая псом*** (Мф. 7, 6). Почему, хотя имею что сказать, но не могу говорить о сем вам, а лучше посоветую воздержаться от порока и придерживаться добродетели (прп. Исидор Пелусиот, 62, 39).

***

Надобно знать и веровать, что Бог есть, а не входить в пытливое исследование о том, что такое Бог. Посему, учение о сущности оставив, как недоступное и вовсе неуловимое, превышающее всякое исследование, упорядочим жизнь свою и нрав свой, как несомненно обязанные дать в сем отчет (прп. Исидор Пелусиот, 62, 74).

***

...По таинственным уставам непристойно, лучше же сказать, безрассудно, проникать во святилища недостойным еще и преддверий (прп. Исидор Пелусиот, 62, 427).

***

...Превозносящийся не знает себя самого, ибо если бы он видел свое безумие и немощь, то не превозносился бы, а не знающий себя как может познать Бога? Если он не мог

познать своего безумия, в котором пребывает, то как возможет познать премудрость Божию, от которой он далек и которой чужд? Знающий Бога созерцает величие Его и, укоряя себя, говорит подобно блаженному Иову: *даже до слуха слышал Тя первее, ныне же око мое виде Тя. Темже укорих себе сам и истаях: и мню себе землю и пепел* (Иов. 42, 5, 6). Итак, подражающие Иову знают Его. Посему, если и мы возжелаем видеть Бога, будем укорять себя и смиренномудрствовать, чтобы нам не только видеть Его пред собою, но, имея Его живущим и почивающим в нас, наслаждаться Им; ибо таким образом безумие наше Его премудростью упремудрится и немощь наша Его силою укрепится о Господе нашем Иисусе Христе (прп. Марк Подвижник, 89, 515).

***

Писание для того внушает нам познавать Бога разумом, чтоб право служить Ему делами (прп. Марк Подвижник, 89, 539).

***

...Нет ничего подобного сладости познания Божия (прп. Исаак Сирин, 59, 166).

***

...Никогда человек не познает силы Божией в покое и свободе... (прп. Исаак Сирин, 59, 222).

***

...С наполненным чревом невозможно ведение таин Божиих (прп. Исаак Сирин, 59, 282).

***

...Когда наполнишь чрево, не входи с бесстыдством в исследование каких-либо предметов и понятий Божественных, чтобы тебе не раскаиваться (прп. Исаак Сирин, 59, 282).

***

Плотолюбцам и чревоугодникам входить в исследование предметов духовных так же неприлично, как и блуднице разглагольствовать о целомудрии (прп. Исаак Сирин, 59, 285).

***

Тело, крайне болезненное, отвращается и не терпит тучного в снедях; и ум, занятый мирским, не может приблизиться к исследованию Божественного (прп. Исаак Сирин, 59, 285).

***

Если Моисею, намеревавшемуся приблизиться к земной купине горящей, возбранено было это, пока не иззует сапоги от ног (Исх. 3, 5), то как же тебе не отрешить от себя всякое страстное помышление, когда желаешь видеть Того, Кто выше всякого чувства и помышления, и быть Ему собеседником? (прп. Нил Синайский, 90, 223).

***

Как свет солнца влечет к себе здравое око, так познание Бога естественно восхищает к себе чрез любовь чистый ум... (прп. Максим Исповедник, 91, 167).

***

...Когда ум бывает в Боге, то сперва от пламенной любви ищет уразумения естества Его, но утешение находит при сем не из познания того, что есть в Нем, ибо сие невозможно и невместительно равно для всякого сотворенного естества, а утешается познанием того, что окрест Его, как то: вечности, беспредельности, неописанности, благости, премудрости и силы вседетельной, всепромыслительной и всесудительной. И то только в Нем всякому постижимо, что Он беспределен, и самое познание недоведомости Его есть ведение, превосходящее ум... (прп. Максим Исповедник, 91, 176).

***

Познание Божественных вещей без приверженности к ним не убеждает ума совершенно презреть вещественное, но бывает подобно простому помыслу о чувственной вещи. Потому много можно найти людей, имеющих много познаний и в плотских страстях валяющихся, подобно свиньям в тине (2 Пет. 2, 22). Ибо, очистившись несколько во время ревнования о добре и получив в известной мере познание о сем, потом же обленившись, они уподобились Саулу, который, удостоившись царского престола, но недостойно его начав жить, со страшным гневом был с него свержен (прп. Максим Исповедник, 91, 206—207).

***

Как простой помысл о вещах человеческих заставляет ум презирать Божественное, так и простое знание Божественного не убеждает его совершенно презирать челове-

ческое, потому что здесь истина пребывает еще в тенях и гаданиях, и потому имеет нужду в блаженной приверженности святой любви, связующей ум с духовными созерцаниями и убеждающей предпочитать вещественному невещественное, чувственному мысленное и Божественное (прп. Максим Исповедник, 91, 207).

***

Божество и Божественное в некотором отношении познаваемо, а в некотором — не познаваемо. Познаваемо созерцаниями о том, что есть окрест Его; не познаваемо — в том, что Оно есть Само в Себе (прп. Максим Исповедник, 91, 215).

***

Душа никогда не может простереться к познанию Бога, если Сам Бог, по благоснисхождению к ней, не коснется ее и не возведет ее к Себе (прп. Максим Исповедник, 91, 233).

***

Не вне самих ищущих должен быть иском Господь, но в себе самих ищущие должны искать Его верою, в делах свидетельствуемою (прп. Максим Исповедник, 91, 239).

***

...Только тех, кои соделались слепыми для всего, что после Бога, Господь умудряет, показывая им Божественнейшее (прп. Максим Исповедник, 91, 255).

***

...Ища Его <Бога>, мы не можем дойти до предела глубины Божией, но, может быть, и малость некую глубины Его достигнув, узрим святых святейшее и духовных духовнейшее (прп. Максим Исповедник, 91, 256).

***

...Возможно, чтобы один и тот же Господь неодинаково являлся приступающим к Нему, но одним так, а другим иначе, сообразно с верою каждого... (прп. Максим Исповедник, 91, 256).

***

Поелику многое потребно, чего верующие должны искать для богопознания и добродетели, каковы: освобождение от страстей, терпение искушений, разумение добродетелей и видов соответственных им деяний, изгнание пристрастия души к плоти, отчуждение расположения чувства к чувственному, совершенное отстранение ума от всего тварного, и — обще сказать — бесчисленное есть множество вещей, кои потребны для удаления от греха: и неведение, и стяжания ведения и добродетели, то Господь и сказал: ***вся, елика аще воспросите в молитве верующе, приемлете*** (Мф. 21, 22), выражая тем, что вообще всего, что способствует к богопознанию и добродетели, и притом этого одного, благочестивые с разумом и верою должны искать и испрашивать: ибо это все душеспасительно для нас, и Господь всегда подает сие просящим у Него (прп. Максим Исповедник, 91, 264).

***

Сила ума нашего по естеству способна к познанию телесных и бестелесных существ; о Святой же Троице ведение приемлет она по единой благодати, веруя только, что Она есть, но отнюдь не дерзая пытать, что Она есть по естеству, как (это делает) демонский ум (прп. Максим Исповедник, 91, 266).

***

Бог Сам по Себе, по естеству Своему, всегда таинственно сокровен, и если выводит иногда Себя из естественной Своей сокровенности, то так, что самым проявлением ее делает ее еще более сокровеннейшею (прп. Максим Исповедник, 91, 267).

***

Между Богом и человеком стоят предметы чувственные и умно созерцаемые. Ум человеческий, желая пройти до Бога, не должен быть порабощен вещам чувственным в деятельной жизни и отнюдь не задерживаем предметами мысленными в жизни созерцательной (прп. Максим Исповедник, 91, 272).

***

...Исследовать глубины Духа свойственно только тем, которые освещены с вершины, конечно, очищения невещественным светом Божиим и стяжали совершенно просвещенный ум вместе и душу (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 3).

***

...Кто из нас возмог бы когда-либо увидеть Его чрез собственную силу и действие, если бы Сам Он не послал Своего Божественного Духа и, сообщив через Него немощной (нашей) природе крепость, силу и мощь, не сделал бы человека способным видеть Его Божественную славу. Ибо иначе никто из людей не увидит, и не может увидеть Господа, грядущего во славе (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 75).

***

Кого Он <Бог> просвещает озарением, тем дает видеть то, что в Божественном свете, и просвещаемые видят то, по мере любви и хранения заповедей, и посвящаются в глубочайшие и сокровенные Божественные таинства (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 104).

***

...Если никто не может исчислить множество звезд, капли дождя или песок, да и прочих тварей (не может) изречь или уразуметь величие и красоту, природу, положение и причины их, то как бы возмог он изречь благоутробие Творца, являемое Им душам святых, с которыми Он соединится? Ибо чрез соединение с Собою Он совершенно обожает их. Поэтому кто хочет поведать тебе об обоженной душе, об ее нравах, природе, расположении, образе мыслей и о всем, что ей свойственно, то (это все равно, что) он, не знаю, какой речью, пытается представить тебе, что есть Бог (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 104—105).

***

...Подобно тому как (слепцы), не видящие сияющего солнца, хотя и всецело, со всех сторон бывают освещаемы (им), однако являются вне света, будучи удалены от него чувством и зрением, так и Божественный свет Троицы есть во *всем*, но грешники, заключенные во тьме и среди (него), не видят (его), и совершенно не имеют божественного (познания) и чувства, но опаляемые и осуждаемые своею (собственною) совестью, они будут иметь неизреченное мучение и невыразимую скорбь во веки (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 123).

***

...Ты никогда Его <Бога> не увидишь и не уразумеешь, если прежде не очистишь свой образ и не омоешь от скверны, если не извлечешь его, засыпанного страстями, и не отрешь совершенно, и не разоблачишь, и не убелишь как снег. Когда же сделаешь это, хорошо себя очистив, и станешь совершенным образом, то Первообраза (еще) не увидишь и не уразумеешь, если Он не откроется тебе через Духа Святаго, ибо всему научает Дух, в неизреченном свете сияющий (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 147).

***

Познавшие же верою Божество Твое (Господи) великим страхом одержимы бывают и ужасаются от трепета, не зная, что сказать им (о Тебе), ибо Ты — превыше ума, и все (у Тебя) недомысленно и непостижимо... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 157).

***

Ты совершенно невместимый, Которого никакое слово не в состоянии выразить. Ум же, напрягаясь, схватывает (Тебя) через любовь, и не может удержать, поражаемый страхом, и снова ищет, палимый внутри. Вообразив же (Тебя) на мгновение в сиянии Твоем, он с трепетом убегает и радуется радостью. Ибо не может человеческая природа выносить того, чтобы ясно созерцать всего Тебя — Христа моего, хотя и веруем мы, что всего Тебя воспринимаем через Духа, Которого подаешь Ты, Боже мой, и Пречистую Кровь и Плоть Твою, приобщаясь которых мы исповедуем, что держим и вкушаем Тебя, Боже, нераздельно и неслиянно... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 170).

***

Если ты желаешь познать и сделаться богом по благодати, не словом, не мнением, не мыслию, не одною только верою, лишенною дел, но опытом, делом и созерцанием умным и таинственнейшим познанием, то делай, что Христос тебе повелевает и что Он ради тебя претерпел. И тогда ты увидишь блистательнейший свет, явившийся в совершенно просветленном воздухе души, невещественным образом ясно (увидишь) невещественную сущность, всю поистине проникающую сквозь все, от нее же (т. е. души) — сквозь все тело, так как душа находится во всем (теле) и сама бестелесна; и тело твое просияет, как и душа твоя. Душа же со своей стороны, как воссиявшая благодать, будет блистать подобно Богу. Если же ты не станешь подражать смирению, страданиям и поруганиям Создателя и не пожелаешь претерпеть их, то либо мысленно, лучше же

чувственно ты (сам) остался, о безумне, в мраке и тартаре своей плоти, которая есть тление (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 217).

***

Бежим же от прелестей мира сего и его обманчивых радостей и утешений, и к единому устремимся Христу, Спасителю душ наших. Его возревнуем постигнуть, и когда постигнем, припадем к стопам Его и облобызаем их со всею теплотою сердечною... умоляю вас, восподвизаемся теперь, пока еще мы в настоящей жизни, познать Его и узреть Его. Ибо если здесь сподобимся мы познать Его чувством души своей, то не умрем, смерть не возобладает нами. Не будем дожидаться узреть Его в будущей жизни, но здесь, в этом мире, поподвизаемся узреть (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 43).

***

Тот же, кто увидел и познал Бога, и чрез то не позволяет себе легкомысленно и бесстрашно вдаваться в грех и тем показывает, что он не только боится, но и любит Бога, такой человек, если проведши всю жизнь богоугодно, прейдет в другую с надеждою и чаянием воскресения мертвых, воскреснет к радости неизглаголанной, для которой одной и рождаются и умирают люди (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 52).

***

Нам надлежит знать только, что Бог есть, но доискиваться узнать, что есть Бог, это не только дерзко, но и бессмысленно и неразумно. Горшечник, делающий сосуды из персти, при всем том, что они одного с ним естества

(ибо и он из персти), никогда не слышал, чтоб какой-либо сосуд, из выделанных им, начал расспрашивать и расследовать, что такое этот горшечник, выделавший его. Конечно, есть великое различие между горшечником и сделанным им сосудом, хотя они одного естества, но различие Бога от человека неизмеримо велико. Посему, если Бог не есть ни что из всего сущего, видимого или мыслимого, то желающий исследовать и постигнуть естество Божие бессмысленнее горшечного сосуда (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 260).

***

Если Сам Господь положил тьму покровом таин Своих, и потребен некий великий свет Всесвятаго Духа для уразумения сокровенных Его таин; то ты, еще не сделавшийся обиталищем сего света, как пытаешь познать то, что познать сил не имеешь, как еще несовершенный и непросвещенный? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 406).

***

Блаженны те, которые еще здесь познали свет Господень, как Его Самого, потому что в будущей жизни они предстанут пред лицем Его с дерзновением (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 57).

***

...Как женщина, имеющая во чреве, знает о том ясно, так как младенец во чреве ее делает некоторые движения (взыграся), и нельзя ей не знать, что имеет плод во чреве, так и тот, кто имеет вообразившимся в себе Христа, знает движения Его и взыграния, т. е. осияние и облистание Его,

и видит внутрь себя воображение Христа. Как в зеркале видится свет светильника, так видится в нем Христос, однакож не призрачно и не несущественно, каково то, что видится в зеркале, но в нем видится Христос, как свет, всесущественно, невидимо видимым и недомыслимо постигаемым, в образе безóбразном и в виде безвидном (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 59).

***

...Мы, если по нерадению нашему, имеем хотя малый некий помысл или раздумие неверия или двоедушия, или боязни (за себя), или другую какую страсть, или имеем пристрастие к чему-либо временному, то, конечно, не удостоимся иметь в душе своей обитателем Бога и не взойдем на высоту такой славы. Ибо как для того, кто гонится за другим, и малейшее расстояние, хотя бы на один волос, бывает причиною, что он не может схватить его, так и в отношении к духовным вещам, самомалейшая страсть бывает причиною того, что мы не удостаиваемся прийти в созерцание таин Божиих (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 60).

***

Если Бог, Триипостасно Единый, несоздан есть и безначален, был всегда и прежде всего, видимого и невидимого, отелесенного и бестелесного, познаваемого нами и не познаваемого, — что все получило бытие от Единосущной и Нераздельной Троицы, единого Божества, то скажи мне, каким способом твари могут познать Творца, начавшие быть — всегда Сущего, созданные — Несозданного? Как они, от Него после получившие бытие, могут познать Его — Безначального? Как могут они понять, каков Он и колик, и

как есть? Нет, нет, никак не могут они понять ничего из этого, разве только насколько восхочет Сам Творец, Который, как дает всякому человеку дыхание и жизнь, и душу, и ум, и слово, так благоволит человеколюбно даровать и познание о Себе, да ведают Его, сколько подобает. Иначе же твари, получившей бытие от Бога, никак не возможно постигнуть Творца своего. Впрочем, и это ведение, какое Он дает нам, верующим в него, дает он нам ради веры нашей, чтоб знание подтверждало веру, которая бывает без знания, и таким образом посредством знания утверждался в вере всякий, оглашенный словом, и убеждался, что есть Бог, в Которого уверовал он по одному словесному учению (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 82).

***

...Пока стоит эта стена и преграда грехов наших и нас отделяет от света, как возможно нам, пребывая во тьме, познать самих себя, или понять истинно, что мы такое, откуда взяв начало, приходим в мир сей, куда идем и какого рода твари есмы? Не зная же самих себя, не тем ли паче не можем познать Того, Кто несравненно выше нас? Если бы мы познавали самих себя, то не стали бы с такою дерзостью говорить о Боге. Говоря же о Боге и божественных вещах, мы, не просвещенные и Духа Святаго не имеющие, тем самым показываем, что не знаем самих себя. Если бы мы знали самих себя как следует, то никогда не подумали бы, что достойны даже на небо воззреть и видеть этот чувственный свет мира или попирать ногами эту землю. Почему что может быть нечистее того, кто в гордостном самомнении покушается учить и тех, яже Духа суть, без Духа (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 84—85).

***

...Хотя о божеских вещах писано в книгах Писания, и все о том читают, но не всем то открывается, а только тем, кои покаялись от всей души и добре очистились чистым и бесхитростным покаянием. В силу покаяния и по мере стяжаваемого ими очищения, получают они откровение, и им явны бывают даже глубины Духа. От таковых-то источается слово ведения и премудрости Божией и потопляет мудрования противных врагов, как какая-нибудь многоводная река. Другим же всем это остается неведомым и сокровенным, не бывая открываемо им от Того, Кто разверзает умы верных к постижению Божественных Писаний (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 86—87).

***

...Если трудно познать самого себя, и в настоящее время, в роде сем весьма немногие знают себя и могут потому философствовать, — так как любовь к истинной философии иссякла, по причине нерадения, овладевшего нами, и по причине мирских забот, господствующих в нас, предпочитающих небесному и вечному земное, привременное и ничтожное, и даже совсем не сущее, т. е. грехи; если, говорю, трудно познать самого себя, не тем ли паче трудно познать Бога? Это не только трудно, но даже совсем неразумно и бессмысленно пытать и исследовать существо Божие. Чего же ради вы, о человеки, не заботитесь паче о том, чтоб увидеть себя в лучшем состоянии, но, небрежа о своем исправлении, пытаете то, что касается Бога и божеских вещей? Нам надобно прежде прейти от смерти в живот, приять в себя свыше семя Бога живого, родиться от Него духовно, стать чадами Ему, восприять в души свои

благодать Святаго Духа, — и тогда уже, под действием просвещения от Святаго Духа, приступать беседовать о том, что касается Бога, сколько то доступно для нас и сколько просвещаемы будем от самого Бога (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 92—93).

***

...Кто не омрачил и не расстроил в себе страстями еже по образу дарованное ему Богом, тот, во-первых, знает и понимает себя самого, именно, что от Бога Творца получил душу живую и ипостасную и что она в нем тричастна, т. е. душа, ум и слово, и таким образом от себя самого заключая, умом своим мудрым и светлым домышляется и о том, что касается Бога (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 93—94).

***

Как ум человеческий познается чрез посредство слова... а душа опять познается чрез посредство ума и слова, так и Бог Отец познался и познается нам верным чрез Единородного Сына Своего, и Дух Святый — чрез сопрсносущных Ему Отца и Сына (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 97).

***

...Он <Бог> столько познается нами, сколько может кто увидеть безбрежного моря, стоя на краю его ночью с малою в руках зажженною свечою. Много ли, думаешь ты, увидит этот из всего того безбрежного моря? Конечно, малость некую, или почти ничего. При всем том он хорошо видит воду ту и знает, что пред ним море, что море то безбрежно,

и что он не может его все обнять взором своим. Так есть дело и в отношении к нашему Богопознанию (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 100).

***

...Иного способа к тому, чтобы Бог открылся в комлибо, не может быть, кроме точного исполнения заповедей Его, если... будет хранить их, соблюдать и исполнять со всем усердием и ревностью. И те, которые будут жительствовать таким образом, не далеко будут от Царствия Божия, но по мере ревности и усердия, какие покажут в исполнении заповедей, воспримут мзду созерцания Бога, большую или меньшую, скорейшую или медленнейшую, соответственно подъемлемым подвигам... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 101).

***

...Невозможно иным способом познать кому-либо Бога, кроме созерцания света, посылаемого от сего Самого Света (т. е. Бога) (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 116).

***

...Если не узрит кто Бога, то не может и познать Его, а если не познает Его, не может познать и святую волю Его (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 118).

***

...Бог и Законоположник наш знает... что если душа не придет в такое настроение, т. е. не соделается милостивою... не будет всегда плакать, не станет совершенно кроткою, не возжаждет Бога, — то она не может избавиться от

страстей и соделаться чистою, как чисто зеркало. Но если не сделается она такою, то никак не узрит она чисто внутрь себя лица Владыки и Бога нашего (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 206).

***

...Если *никтоже знает Сына токмо Отец, ни Отца кто знает токмо Сын, и емуже аще волит Сын открыти* (Мф. 11, 27) глубины сии и сии тайны (ибо говорит: тайны Мои Мне и Моим); то кто из мудрых, или риторов, или ученых (кроме тех, которые при сем очистили ум свой высшею философиею и подвижничеством, и имеют душевные чувства свои истинно обученными) может без откровения свыше от Господа одною человеческою мудростью познать сокровенные тайны Божии? Они открываются посредством умного созерцания, действуемого Божественным Духом, в тех, коим дано и всегда дается познавать их божественною благодатию. Знание сих таин есть достояние тех людей, которых ум каждодневно просвещается Духом Святым ради чистоты душ их — тех, коих умные очи добре открыты действием лучей Солнца правды, — тех, коим дано Духом Святым слово разума и слово премудрости, — тех, кои сохраняют совесть и страх Божий, посредством любви, мира, благости, милосердия, воздержания и веры. Вот чье достояние есть ведение божественного (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 330).

***

...Тайны духа... открываются Богом благодатию Святаго Духа тем, кои сделались причастными святыни Духа... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 335).

***

Никто да не прельщает вас суетными и обманчивыми словами, говоря, что можно познать божественные тайны веры нашей без научения и просвещения Святаго Духа. Приятелищем же даров Духа никто не может быть без кротости и смирения. Почему надлежит всем нам всенепременно прежде всего положить твердое и непоколебимое основание веры во глубинах души нашей; потом на сем основании создать дом внутреннего благочестия души, устроив стены его высоко и крепко из разных видов добродетелей. Когда таким образом ограждена будет душа со всех сторон, как стенами, и когда в ней водрузится и укоренится всякая добродетель, тогда возложим на сие здание и кровлю, которая есть ведение Бога,— и дом Духа будет у нас всецело и совершенно готов (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 343).

***

...Когда душа очистится слезами соответственно являемому ею покаянию и исполнению заповедей, тогда человек, во-первых, удостаивается благодатию Духа познать свое состояние и всего себя; потом, после тщательного и долговременного очищения сердца и укоренения глубокого смирения, начинает он мало-помалу, и некоторым образом примрачно, постигать яже о Боге и божественных вещах; и чем больше постигает, тем паче дивится и стяжавает вящшее смирение, думая о себе, что совсем недостоин познания и откровения таких таин. Почему, блюдомый таким смирением, как бы находясь за крепкими стенами, пребывает он неуязвимым от помыслов тщеславия, хотя каждодневно растет в вере, надежде и любви к Богу, и ясно видит преспеяние свое, являющееся в приложении ведения к ведению и

добродетели к добродетели. Когда же достигнет наконец в меру возраста исполнения Христова, и истинно стяжет ум Христов и Самого Христа, тогда приходит в такое доброе состояние смирения, в коем уверен бывает, что не знает, имеет ли что-либо в себе доброе, и почитает себя рабом неключимым и ничтожным (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 343—344).

***

Кто во внутреннем своем умном или духовном человеке не облекся во образ Господа нашего Иисуса Христа, небесного человека и Бога, с чувством и сознанием, тот кровь только есть и плоть, и не может посредством слова только воспринять чувство духовной славы, подобно тому, как и слепые от рождения не могут познать, что такое есть свет солнца, из слов только о нем (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 517).

***

Всякий мнящийся быть мудрым, потому что прошел науки и сведущ во внешней мудрости, никогда не сподобится проникнуть в тайны Божии и увидеть их, если прежде не смирится и не сделается в чувствах сердца своего буиим, вместе с самомнением отвергая и приобретенную ученость. Ибо кто так поступает и с неколеблющеюся верою последует мужам мудрым в божественных вещах, тот, будучи ими руководим, вместе с ними входит в град Бога Живого, и Духом Святым наставляемый и просвещаемый, видит и познает то, чего никто из других людей видеть и познавать не может. Так делается он богонаученным (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 544—545).

***

Умножение познания Бога бывает причиною умаления знания всего другого, т. е. чем больше кто познает Бога, тем больше оскудевает в знании всего прочего. И... он все больше и больше приходит в сознание, что не знает и Самого Бога. Обилие воссияния Его в духе бывает совершенным Его невидением, и выше чувства воспаряющее чувство — нечувствием всего того, что вне (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 553).

***

Дарующий нам то, что выше чувства, дает нам благодатию Святаго Духа и другое чувство выше чувства, чтоб мы им чувствовали чисто и ясно дары Его и дарования, кои выше чувства (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 553).

***

Когда ты долу — в земном, тогда не исследуй того, что горе́, т. е. небесного; и восходя горе́, прежде чем достигнешь верха, не любопытствуй дольнего, чтоб, поскользнувшись, не упасть, или, лучше сказать, чтоб не оставаться долу (мняся восходити горе́) (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 554).

***

Сколько хочет Бог быть нами познанным, столько открывается; и сколько откроется, столько зрим бывает и познается достойными. Но сподобиться сего и испытать сие никто не может, если прежде не соединится с Духом Святым, стяжав наперед трудами и потами сердце чистое, простое и сокрушенное (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 560—561).

***

Где глубокое смирение, там и слезы обильные, а где есть сие, там есть и присещение Святаго Духа, когда же придет благодать поклоняемого Духа, тогда в том, кто начинает быть под действием Его, является всякая чистота и святость, — тогда он зрит Бога, и Бог призирает на него (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 562).

***

Познание Бога означает, что наздавшийся[1] в Нем чрез смиренномудрие и молитву познан Богом и обогащен от Бога неложным познанием сверхъестественных таин Его (прп. Никита Стифат, 93, 159).

***

Не всех слуг Своих и учеников Господь вводит с Собою в откровение сокровенных и высших таин Своих, но только таких некиих, коим дано ухо для слышания, коих око открыто для видения и язык новый ясен. Таких взяв и отлучив от прочих, кои тоже ученики Его суть, восходит на Фаворскую гору созерцания и преображается пред ними, не тайно открывая им потребное о Царствии Небесном, но явно показуя славу и светлость Божества (прп. Никита Стифат, 93, 170).

***

Божества, что Оно есть и где, не ищи умом; ибо Оно преестественно и местом не объемлется, яко превыше всего сущее. Но только описуемого (по воплощению) Бога-Слово

[1] Наздание — воссоздание, возобновление (церк.-слав.).

показуй в себе, как в зеркале, сколько сие доступно, Который в сем случае, светлые испуская лучи Божественным естеством Своим, в определенном месте мысленно полагается, пребывая вездесущим, по неописанности Божества. Впрочем, насколько очищаться будешь, настолько будешь сподобляться и озарения Божественного (прп. Феогност, 91, 379).

***

Будучи плотоносцем, не покушайся исследовать мысленного и духовного, как оно есть, хотя умность души твоей и располагает тебя к сему, когда бывает чиста. Ибо пока нетелесная душа, держимая в узах плоти и крови, не отрешится от сей дебелости и не станет быть с умными силами, дотоле не может, как должно, помышлять о них и понимать их (прп. Феогност, 91, 395).

***

...Как солнце свыше щедро всем в равной мере излучает свои лучи, но видят их только имущие глаза и не смыкающие их; имеющие же чистые (незамутненные) глаза наслаждаются сиянием, которое зорко видят вследствие чистоты очей их, что недоступно для тех, у которых, вследствие болезни или омрачения, или иного чего, притупилось зрение, — так и Бог свыше доставляет всем изобильную помощь, ибо Он — неиссякаемо-источающий, спасительный и озаряющий источник милости и добра; наслаждаются же Его благодатию и силою к соделованию добродетели и достижению совершенства, или даже — к совершению чудес, — не просто все, но лишь те, которые

проявили доброе произволение и чрез дела показали любовь к Богу и веру; которые совершенно отстранились от всего дурного, твердо же держались Божиих заповедей, и душевный взор имели устремленным на Самое Солнце правды — Христа... (свт. Григорий Палама, 26, 249).

***

...То, что допускается человек быть зрителем Бога в Его Промысле, в Его управлении тварью, в судьбах Его, есть величайшее благо для человека, источающее для человека обильную душевную пользу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 387).

***

Богом даны два учения о Боге: учение словом, приемлемое верою, и учение жизнью, приемлемое деятельностью по заповедям Евангелия (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 462—463).

***

Когда благодатное утешение действует при таинственном познании Христа и Его смотрения, тогда христианин не осуждает ни иудея, ни язычника, ни явного беззаконника; но пламенеет ко всем тихою, непорочною любовию (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 140).

***

...Единственное и неоцененное приобретение человека на земле — познание Христа и усвоение Христу. Желаю-

щий стяжать это сокровище будет ли желать приобретений и наслаждений временных? (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 145).

***

Совершенство существа Божия служит причиною неприступности Его не только к видению тварями, но и к постижению: оно — *мрак под ногами Его* (Пс. 17, 10)... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 324).

***

Учение по букве, будучи предоставлено самому себе, немедленно рождает самомнение и гордость, отчуждает посредством их человека от Бога. Представляясь по наружности познанием Бога, оно в сущности может быть совершенным незнанием, отвержением Его <Бога> (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 5).

***

...Покушающиеся... вторгнуться самовольно в то, что Богом сокрыто от нас, признаются искусителями Бога и изгоняются от лица Его во тьму кромешную, в которой не светит Свет Божий (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 15).

***

Нет истинного познания Господа Иисуса Христа без посредства Святаго Духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 167).

***

Величайшее единственное благо для человека — познание Бога. Прочие блага в сравнении с этим благом недостойны называться благами (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 534).

***

Совершенная покорность Богу приобретается человеком, когда человек взойдет на высшую степень богопознания и познания своего ничтожества (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 422).

БОГОРОДИЦА

...Дева, силою Пребывающего в Ней, родила естественно, но ничего не потерпела. Печать девства не нарушена ни зачатием Христовым, ни рождением (прп. Ефрем Сирин, 31, 424).

***

Как купина на Хориве во пламени вмещала Бога, так Мария носила Христа во чреве (прп. Ефрем Сирин, 34, 223).

***

...Мария соделалась для нас небом — Божиим престолом, потому что в Нее низошло и в Ней вселилось высочайшее Божество.

Чтобы нас возвеличить, умалилось в Ней Божество, не умаляясь, впрочем, в естестве Своем. В Ней облеклось Оно

в ризу для нас же, чтобы нам доставить Ею спасение (прп. Ефрем Сирин, 34, 226).

***

Она — также новое небо, потому что в ней обитал Царь царей. В Ней воссиял Он, и пришел в мир, у Нее заимствовал образ, в Ее облекшись подобие.

Она — виноградная лоза, произрастившая Гроздь. Не по чину естества дала она Плод сей; в Ее облекшись образ, явился Плод из Нее.

Она — источник, потому что живая Вода истекла из Нее жаждущим, и вкусившие пития сего дают стократные плоды (прп. Ефрем Сирин, 34, 227).

***

...Мария — есть дщерь Света, потому что чрез Нее озарились светом и мир, и обитатели его, омраченные чрез Еву, виновницу всех зол (прп. Ефрем Сирин, 34, 287).

***

...Необходимо нам исповедовать, что Святая Приснодевственная Мария действительно есть Богородица, чтобы не впасть в их <еретиков> злохуление. Ибо отрицающие, что Святая Дева действительно есть Богородица, не суть уже верные, но ученики фарисеев и саддукеев; напитанные их закваскою, ослепили они очи ума своего, хуля Господа... (прп. Ефрем Сирин, 35, 471).

***

Если кто не признает Марию Богородицею, то он отлучен от Божества (свт. Григорий Богослов, 15, 197).

***

...О Нерастленной и Неискусобрачной невозможно в собственном смысле употребить слово «зачатие», потому что именования девство и плотское зачатие не соединимы в Одной и Той же. Но как Сын дан нам без отца, так и Отроча рождается без плотского зачатия. Дева как не познала, каким образом в теле Ее составилось богоприемное тело, так не ощутила рождения, потому что, по свидетельству пророчества, без болезней рождения было у Нее рождение. Исаия говорит: *прежде неже прити труду, чревоболения избеже, и породи мужеск пол* (ср.: Ис. 66, 7) (свт. Григорий Нисский, 20, 336).

***

Если бы Ты (Богородица) познала мужа, то не удостоилась бы послужить этому делу (Боговоплощения)... не потому, что брак был зло, но потому, что девство лучше; а пришествию Господа следовало быть торжественнее нашего, потому что оно — царское, царь же входит путем торжественнейшим. Ему надлежало и приобщиться рождению, и отличаться от нашего. Потому и устрояется то и другое: родиться из чрева — это общее с нами, а родиться без брака — это выше того, что бывает с нами; быть зачатым и носимым во чреве — это свойственно человеческой природе; а произойти зачатию без совокупления — это превосходнее человеческой природы (свт. Иоанн Златоуст, 47, 371).

***

...Дева <т. е. Ева> изгнала нас из рая, чрез Деву <Богородицу> мы обрели вечную жизнь; чем осуждены, тем и увенчаны (свт. Иоанн Златоуст, 49, 196).

***

(Христос) вышел из утробы, и утроба осталась девственной, потому что Тот, Кто без семени устроил Себе в Деве одушевленный храм, Сам и сохранил, как Бог, утробу целою (свт. Иоанн Златоуст, 52, 911).

***

...Дух Святый в чистом зеркале, в непорочном теле Девы засиял, образовал совершенного Человека не по закону природы, не во времени, не из человеческого семени, но одним видом, духовною и святою силою подвигнул Деву к рождению, неизъяснимо исткав в Ней зародыш, как бы какую ткань, для спасения людей (свт. Иоанн Златоуст, 52, 913).

***

Еллины признавали, что матерь их богов, даже самых верховных, и зачинала и рождала вследствие похотения и несказанной страсти, потому что, как матерь таких богов, не оставила неизведанным и неприведенным в действие ни одного вида похотливости. О Той же, о Которой мы исповедуем, что соделалась Матерью воплотившегося Бога нашего, все поколения человеческие по самой истине признали, что единократно прияла Она единое зачатие без семени и посредствующего ему растления. Если же не веришь сказанному, то во всей истине уразумеешь из силы Рожденного; потому что слепым даровал Он прозрение, прокаженных очищал от язвы и болезни, немым, косноязычным и глухим сообщал способность ясно слышать и говорить, ходил по хребту морскому, укрощал надмение волн и стремительные приражения ветров, единым словом изгонял полчища и дружины демонов, многих мертвецов словом также призвал

снова к жизни. Сии-то знамения Его Божества передали нам самовидцы оных, которые свидетельство свое в такой мере соблюли непричастным лести и угодливости, что описали и служившее к Его уничижению: гонения, поругания, метания камнями, заплевания, биения по ланитам, заушения, крест, гвозди и смерть. За сею-то смертью последовало вскоре Воскресение, которое указует, что пострадавший есть воплощенный Бог, и вместе проповедует, что рождшая есть Матерь воплотившегося Бога, если только подобные вещи по необходимости приемлют и подобные наименования (прп. Исидор Пелусиот, 61, 37— 38).

***

Зачатие Спасителя во плоти Девы было совершенно нелюбосластно, непорочно, нескверно, неукоризненно, чисто и нерастленно (прп. Нил Синайский, 72, 286).

***

От Пренепорочной Матери Своей Он (Господь) заимствовал пречистую плоть, а Ей даровал Божество вместо плоти, которую Она дала Ему. О предивный и пречудный обмен! (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 398).

***

...Дева-Матерь является единственной как бы границей между тварным и несотворенным (Божественным) естеством; и все ведящие Бога познают и Ее — как место Невместимого; и все восхваляющие Бога воспоют и Ее после Бога. Она — причина и бывших прежде Нее (благословений и даров человеческому роду) и Предстательница

настоящих и Ходатаица вечных. Она — основание пророков, начало апостолов, утверждение мучеников, фундамент учителей. Она — слава сущих на земле, радость сущих на небе, украшение всего создания. Она — начало, и источник, и корень, уготованный нам на небесах, надежды, которую да будет всем нам получить по молитвам Ее о нас, во славу Рожденного прежде веков от Отца, и в последние времена воплотившегося от Нее — Иисуса Христа, Господа нашего, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение ныне и присно, и во веки веков (свт. Григорий Палама, 26, 144).

***

Когда увидишь икону Пресвятой Богородицы, обрати сердце свое к Ней, Царице Небесной, и возблагодари Ее за то, что Она явилась такою готовою на покорность воле Божией, что родила, <вскормила> и воспитала Избавителя мира, и что в невидимой брани нашей никогда не оскудевает Ее предстательство и помощь нам (прп. Никодим Святогорец, 70, 95).

***

Низошел Дух Святый на чистую Деву и еще Ее очистил... Чистая Дева соделалась Пречистою, чуждою всякой скверны помышляемой и ощущаемой, соделалась благодатно-чистою, Духоносною, Божественною Девою. В такой обновленный и богоукрашенный сосуд, стяжавший от действия в нем Святаго Духа способность и достоинство приять в себя Бога-Слово, низошло Слово-Бог, сделалось во утробе Девы и семенем, и плодом, вочеловечилось (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 394).

***

Как Богочеловек для племени спасающихся избранников заменил Собою Адама, и соделался их родоначальником, так Божия Матерь заменила для них собою Еву, соделалась их Матерью (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 404).

***

...Богоматерь была тем единственным словесным сосудом, в который Бог вселился самым существом Своим (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 404).

***

Сошествие Святаго Духа на Приснодеву совершилось дважды. В первый раз нисшел на нее Святый Дух после благовестия, произнесенного архангелом Гавриилом, очистил Ее, чистую по человеческому понятию, соделал благодатно-чистою, способной принять в Себя Бога-Слова и соделаться Его Матерью... Во второй раз нисшел Святый Дух на Деву в день Пятидесятницы... разрушил в Ней владычество вечной смерти и первородного греха, возвел Ее на высокую степень христианского совершенства, соделал Ее новым человеком по образу Господа Иисуса Христа (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 407—408).

***

Приснодева превыше всех святых человеков, как по той причине, что соделалась Матерью Богочеловека, так и по той причине, что Она была самою постоянною, самою внимательною слышательницею и исполнительницею учения,

возвещенного Богочеловеком (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 423).

***

Как заменил Господь Адама Собою, так заменил Он Еву Богоматерью. Ева, будучи сотворена девою, преступила заповедь Божию и не могла удержать в себе святого ощущения девственности... Богоматерь, будучи зачата и рождена во грехе праотцев, приготовила Себя целомудренною и богоугодною жизнью в сосуд Божий (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 425).

***

Богоматерь в третий день по блаженном успении Своем воскресла и ныне жительствует на небесах душою и телом. Она не только жительствует на небесах, Она царствует на небесах... Ей даны особенная власть и особенное дерзновение ходатайствовать пред Богом о человечестве. Святая Церковь, обращаясь с прошениями ко всем величайшим угодникам Божиим, ко всем Ангелам и Архангелам, говорит им: «Молите Бога о нас», к одной Богоматери она употребляет слова: «Спаси нас» (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 428).

***

Меня давно как-то спрашивала одна красавица: «За что так высоко чествуют Матерь Божию, не только выше всех святых людей, но даже Ангелов и Архангелов?» Я ответил: «За то, что ни Ангелы с Архангелами, ни Херувимы, ни Серафимы не имели такого тесного и существенного участия в устроении нашего спасения, как Она». Устроение нашего спасения именуется *воплощенным* Домостроитель-

ством. Надлежало Сыну Божию и Богу восприять в Свое лице естество человеческое, и без сего не могло быть устроено наше спасение... Естество сие взято из Приснодевы через наитие Святаго Духа и осенение силы Вышнего. Ангелы же и Архангелы служат при воплощении внешно, не входя внутрь существа дела воплощения; тогда как Божия Матерь в самое существо его входит. За то и чествуется выше всех тварей... В силу сего же существенного участия в воплощении, и заступление Ее за нас сильнее всех (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 57).

****

На Елеонской горе жил затворник, великий подвижник. Диавол сильно обуревал его блудными помыслами. Старец, потеряв терпение, воскликнул: «Когда же, наконец, ты оставишь меня в покое? Отступи хотя бы в старости!» Тогда диавол видимым образом стал пред ним и сказал: «Поклянись мне, что никому не откроешь того, что скажу тебе, и я перестану нападать на тебя». Старец поклялся, и тогда диавол сказал: «Перестань поклоняться образу Пресвятой Богородицы с Превечным Младенцем, Господом Иисусом Христом, и я отступлю от тебя». «Дай мне подумать», — ответил подвижник.

На следующий день старец обо всем рассказал авве Феодору Илиотскому, живущему в лавре Фаран. Авва ответил подвижнику, что нет гибельнее и страшнее греха, как отречься от поклонения Господу нашему Иисусу Христу и Его Матери, но успокоил его, сказав, что нет греха, которого не прощает Господь.

Затворник не отрекся от поклонения Пресвятой Богородице и каждый день продолжал молиться Ей. Вскоре диавол вновь явился затворнику и стал обличать его в наруше-

нии клятвы, но услышал ответ: «Не тебе уличать меня. Ты первый клятвопреступник и виновник зла, и слушать тебя не хочу» (103, 59—60).

***

В Александрии жил некогда христолюбивый и благоговейный муж с женой и маленькой дочерью. Он принимал странников и омывал ноги монахам. Однажды, когда он отправлялся по делам в Константинополь, жена спросила его: «Кому ты поручаешь меня и дочь?» «Владычице нашей Богородице», — ответил он. Оставив в доме раба, он уехал. В его отсутствие диавол внушил рабу убить хозяйку с дочерью и с награбленным имуществом бежать. С ножом в руках направился он в горницу, где госпожа сидела за рукоделием, но около дверей внезапно был поражен слепотой и не мог сдвинуться с места. Долго промучившись, он стал звать свою госпожу на помощь, надеясь хотя бы таким образом довершить свое злое намерение, но госпожа не приблизилась к нему. Тогда в ярости и отчаянии раб ударил ножом себя, и, когда сбежались люди, он, будучи еще жив, поведал им о своем замысле и его исходе (113, 709—710).

***

У одной вдовы турки отняли двух малолетних детей и бросили их в темницу. Несчастная мать, заливаясь слезами, в молитве просила о помощи Заступницу нашу Богородицу.

Однажды детям явилась Пресвятая Богородица в облике их матери и вывела их из темницы. Она привела их в один из монастырей в Неаполе и сказала: «Успевайте, дети, в подвигах духовной жизни, и прощайте» — и, благословив,

стала невидима. Игумен монастыря, видя над детьми покров Самой Богородицы, поручил их одному из старцев для обучения Священному Писанию и правилам иноческой жизни. Со временем мальчики были пострижены в иночество...

Между тем мать их сама решила оставить мир и, по тайному водительству Промысла, удалилась в Неаполь, где и вступила в женскую обитель. Мать и дети ничего не знали друг о друге.

Однажды, по случаю храмового праздника, в мужскую обитель в числе прочих пришла и мать (теперь носившая имя Евдокия). После Литургии один из братьев случайно назвал другого брата мирским именем. Евдокия невольно вздохнула, вспомнив имя своего сына, и стала всматриваться в них. Сердце ее сильно забилось, она подошла к инокам и назвала их по имени. Дети узнали мать и припали к ее груди. Слезы благодарности текли из их глаз. Мать выслушала рассказ детей об их освобождении и поняла, какую нежную заботу проявляет о несчастных Небесная наша Покровительница (95, 282—284).

***

В царствование Иустина был некий еврей в Константинополе. Своего единственного сына он отдал учиться в Софийское училище. Однажды сосудохранитель призвал детей вкусить церковные хлебцы, мальчик-еврей вкушал со всеми. Когда его отец (он был стекловаром) узнал об этом, то взбесился, как зверь, и бросил сына в пылающую стеклянную печь. Мать подбежала к печи и вынула сына неопаленным. Мальчик рассказал матери, что некая Жена, облаченная в порфиру, пришла и погасила пламень, говоря: «Не бойся, мальчик». Мать пошла к Патриарху и просила о

крещении. Патриарх представил ее царю. Царь призвал отца и убеждал его креститься и стать христианином, но, не успев в этом, приказал казнить за сыноубийство. Жену же и отрока Патриарх крестил. Она стала певчей, а отрок чтецом (108, 47).

***

Летом 1395 года, при нашествии Тамерлана на Русь, Великий князь Василий Димитриевич, собрав войско у Коломны, повелел принести из Владимира чудотворную икону Божией Матери. Вся Москва встречала икону, и со слезами молила Заступницу о помощи. В это время Тамерлан спал в своем шатре. Во сне видит он высокую гору, а с горы спускаются к нему святители с золотыми жезлами. Над ними в воздухе, в несказанном величии, в сиянии ярких лучей, стоит лучезарная Дева. Тьмы Ангелов окружают Ее, а в руках у них огненные мечи... Тамерлан в ужасе проснулся и созвал мудрецов и старейшин. «Эта Дева, — сказали они, — Заступница русских, Матерь христианского Бога. Ее сила неодолима». Тамерлан повернул войско. «Бежал Тамерлан, — говорит летописец, — гонимый силою Пресвятой Девы» (105, 6—7).

***

В царствование Феодора Иоанновича на Русь одновременно напали: король шведский на Новгород и крымский царевич Нарадын со своим братом на Москву. Большая часть русского войска пошла к Новгороду, на отражение же крымских татар сил почти не было. Царь Феодор Иоаннович вошел в Благовещенский собор, взял образ Пречистой Богородицы, именуемый «Донская», и с крестным ходом

обошел Кремль и ряды своих воинов. Молитва благочестивого царя была услышана. Ночью он получил откровение от Царицы Небесной, что силою Сына Ее и Бога враг будет побежден.

На другое утро татары напали на русских. Сутки шел бой, но вдруг царевича Нарадына объял великий страх, и он, гонимый невидимой силою Божией, обратился в бегство. Через некоторое время он вновь пошел на Москву, и снова десницею Сына Божия, по молитвам Матери Его, был побежден. В благодарность Царице Небесной на месте, где стоял Ее образ, устроена церковь и основан мужской монастырь (113, 914).

***

В 1170 году князь Андрей Суздальский, собрав большое войско, послал на Новгород сына своего Романа. К ним присоединились князь Мстислав и еще семьдесят князей. С огромными силами приступили они к Новгороду. Новгородцы, не видя ниоткуда помощи, всю надежду возложили на Господа Иисуса Христа и на Его Пречистую Матерь. Архиепископ Иоанн, молясь пред образом Спасителя, услышал голос: «Пойди в церковь, что на Ильинской улице, возьми там образ Пресвятой Богородицы и поставь его на городские стены против врагов, и узришь спасение города». Утром святитель объявил об этом народу и, вошедши в церковь, пал пред образом Богоматери. Во время молитвы образ сам подвигся со своего места, и все в умилении воскликнули: «Господи, помилуй!» Икону вынесли на стены и поставили на указанное место. Воины, увидя святыню, выпустили в осажденных тысячи стрел. Но в это время, о, чудо! вдруг икона обращается лицом к городу и на глазах

Богоматери появляются слезы. И разгневался Господь на сопротивных, и тьма покрыла вражеские войска, воины в ужасе стали поражать друг друга. Новгород был спасен (113, 222—223).

***

Летом 1675 года хан Нурредин подступил к обители Почаевской и осаждал ее в течение трех суток, угрожая совершенным разорением. Насельники обители горячо молились Матери Божией и припадали к раке блаженного Иова. 23 июля братия стали петь акафист, и лишь только запели первый кондак «Взбранной Воеводе», над церковью явились Сама Пречистая Богородица, небесные Ангелы с обнаженными мечами и преподобный Иов, молящийся Богородице. Татары подумали, что видят привидение, и пустили в них стрелы, но стрелы, возвращаясь, ранили стрелков. Воины пришли в ужас и в панике стали поражать друг друга. Они оставили свое оружие и спаслись бегством (110, 182).

***

Однажды, глубокой ночью, преподобный Сергий совершал свое келейное правило и пред иконою Богоматери пел акафист, что делал, по своему обычаю, ежедневно... Окончив молитву, он сел, и вдруг его святая душа ощутила приближение небесного явления. Он сказал своему ученику, преподобному Михею: «Бодрствуй, чадо: мы будем иметь в сей час чудесное посещение». Едва сказал он это, послышался голос: «Се Пречистая грядет!»... Тогда старец поспешно вышел в сени; здесь осиял его свет паче солнечного, и он узрел Преблагословенную Деву, сопровождаемую

апостолами Петром и Иоанном Богословом... Преподобный Сергий пал ниц, но Благая Матерь прикоснулась к нему рукою и ободрила его словами: «Не бойся, избранниче Мой. Я пришла посетить тебя. Услышана молитва твоя об учениках твоих, не скорби больше и об обители твоей: отныне она будет иметь изобилие во всем, и не только при жизни твоей, но и по отшествии твоем к Богу. Я неотступна буду от места сего и всегда буду покрывать его»... Сказала так и стала невидима... (116, 250).

***

Соловецкому пустыннику Феофану в сонном видении явилась Жена, сияющая благолепием, с двумя светозарными мужами и ободряла его, убеждая не малодушествовать и не бояться бесовских нападений. Еще видение продолжалось, как явилось полчище бесов с угрозою погубить пустынника, но, узрев Явившуюся, бесы содрогнулись и возопили: «Горе нам! Покрывающая его пришла сюда; если бы не Она, мы давно погубили бы этого инока». Сказав это, они исчезли. Это видение утешило старца надеждою на помощь Богоматери. Каждый день он клал сто поклонов, произнося Богородичную молитву (114, 151).

***

Однажды у себя в келье преподобный Елеазар совершал, по своему обыкновению, краткую молитву Иисусову и полагал поклоны. Потом стал читать молитву ко Пресвятой Богородице, говоря: «Пресвятая Госпоже, Владычице Богородице, спаси меня грешного!» Внезапно является пред ним Пресвятая Богородица в сиянии небесной славы, имея три светлые звезды: одну на голове и две на раменах. Царица

Небесная произнесла: «Елеазар, не переставай призывать Меня в своих молитвах, и Я буду помогать тебе до исхода души твоей» (114, 98).

***

24 июля 1921 года в городе Глухове на конце Путильской улицы начался пожар. Стояла сухая жаркая погода, дул сильный ветер, огонь быстро охватил два квартала. Одновременно загорелись постройки и на Терещенской улице. Горели окраины, но вот ветер переменил направление, и пожар стал угрожать городу. Поднялась паника. По распоряжению благочинного, отца Герасима, на место пожара был перенесен чудотворный образ Рождества Пресвятой Богородицы из Глинской пустыни. Когда икону обнесли вокруг места пожара, огонь как бы потерял силу и перестал распространяться, хотя ветер не утихал (96, 15).

***

Сестра моя, воспитанная родителями в любви к Богу и благочестии, вспоминал афонский иеросхимонах Арсений, весьма любила храм Божий и ко всякой святыне относилась с глубоким благоговением. Достигнув семнадцати лет, она во всех делах помогала матери. Однажды она заметила, что прислуга небрежно относится к древней иконе, хранившейся в нашем доме. Краска на ней вся осыпалась, отчего и видеть изображение было затруднительно. Домашняя работница, по небрежности к святыне, употребляла икону для покрытия горшков с молоком, хотя ей и было сделано запрещение, но она продолжала свое. Видя это, сестра очень опечалилась и унесла икону к себе. В первую же ночь сестра видит себя идущей в светелку, которая вся наполне-

на светом. Свет исходил от ветхой иконы. Она вошла в комнату, и на ее глазах лик на Казанской иконе Божией Матери начал проясняться. Когда лик проявился, послышался голос: «Благочестивая и благонравная девица, за проявленную к Моей иконе любовь, умолила Я Сына Своего и Бога о даровании тебе радости душевной и здравия телесного. Ты вскоре соединишься браком с единонравным тебе юношей, а Я во все дни жизни твоей буду Хранительницею дома твоего. В память Моего явления тебе попроси родителей, чтобы они на этой древней доске написали Меня так, как ты Меня видишь, и да будет эта икона тебе в благословение на твое супружество». Все так и произошло, и покров Царицы Небесной всегда был над этим благочестивым домом... (115, 50).

***

Одна бедная благочестивая девушка, после Бога, больше всего любила свою мать. Однажды она получила известие, что мать ее при смерти и просит приехать. У девушки не было денег на дорогу, но она, хотя и была портнихой, отнесла в ломбард свою швейную машинку и заложила ее за десять рублей.

К великой своей радости, она застала мать еще в живых. Мать благословила ее и вскоре скончалась. Дочь похоронила ее по-христиански и вскоре вернулась домой. Она обошла всех своих знакомых, прося взаймы денег, чтобы выкупить машинку, но денег ни у кого не было. Не имея никакой надежды, кроме как на Богородицу, Покровительницу бедных, она пошла в храм к иконе Божией Матери «Знамение». Со слезами стала она просить Заступницу всех скорбящих помочь ей в ее нужде.

Выйдя из храма, девушка увидела, как два хорошо одетых господина у вокзального подъезда садились в экипаж. Один из них выронил свой бумажник. Между тем лошадь тронулась, и карета поехала. Девушка, подняв бумажник, с криком бросилась догонять экипаж, но за топотом лошадей ее голос не был услышан. Только спустя некоторое время, с помощью шедших впереди людей, ей удалось остановить карету. Девушка подбежала к неизвестным ей господам и отдала бумажник. Владелец бумажника, изумившись потере и неожиданной находке, сказал: «Милая девушка, вы обладаете ангельской добротой и честностью. Здесь шесть тысяч рублей. По закону вы имеете право на получение одной трети найденных вами денег, вот они, возьмите». Он тут же отсчитал ей четыре пятисотенных бумажки и вручил со словами: «Желаю, чтобы эти деньги, приобретенные вами честностью, помогли вам в жизни». Затем он вручил ей свою карточку со словами: «Если вам когда-нибудь нужна будет помощь, приходите ко мне. Всегда буду рад вам помочь». Девушка поблагодарила своего благодетеля и тут же вернулась в храм, чтобы поблагодарить Помощницу и Заступницу (115, 117—119).

***

...Прасковья Димитриевна Ильинская, по ее словам, от природы имела слабые легкие. После замужества ее здоровье расстроилось настолько, что от горлового кровотечения она сделалась совершенно неспособной к труду. Врачи посоветовали ей поехать в Крым на лечение, но, не имея средств, она не могла воспользоваться этим предложением. Воспитательница ее, Морозова, все расходы взяла на себя, и через неделю больная была уже в Крыму. Главврач,

осмотрев ее, сказал, что здоровье ее очень плохое и что она проживет не больше недели. «В ту же ночь, — рассказывает больная, — я вижу сон: будто бы я нахожусь в своей квартире, в Москве. И вдруг простенок между окон исчез, открылось бесконечное пространство, наполненное неописуемым светом. В этом свете я вижу в воздухе Иверскую икону Божией Матери, которая до этого висела в простенке. Перед иконой было множество страждущих людей. Вдруг слышу голос: «Что тебе, раба Моя?» «Матерь Божия, — восклицаю я, — прошу себе милости Твоей и здоровья телесного, а детям моим Твоего благословения на спасение их душ». Матерь Божия сказала: «Да будет тебе по вере твоей» — и стала невидима. Наутро во время обхода профессор, к великому удивлению всех, объявил меня совершенно здоровою. Через три дня меня выписали, и я, неожиданно для мужа и родных, вернулась домой в полном здравии» (115, 108).

***

Жили некогда двое супругов, еще довольно молодых. Они были из благородного сословия и имели немалое состояние. В первые годы их супружества они были счастливы, но потом все изменилось. Сначала муж любил свою жену. Она и достойна была любви, так как была не только прекрасна видом, но и кротка, послушна и отменно благочестива. Каждый день, утром и вечером, она усердно молилась Богу как о своем собственном спасении, так и о спасении своего мужа, и всячески старалась, чтобы их жизнь шла по святым заповедям Божиим. Но врагу рода человеческого ненавистно было такое благочестие, и ему удалось охладить в муже любовь к благочестивой жене. Он стал скучать в

обществе кроткой и тихой супруги; ему стали нравиться другие женщины, которые не походили на нее и отличались живым, непокорным характером и разгульным нравом. Все чаще и чаще он оставлял жену в доме, а сам искал развлечений и удовольствий на стороне; когда же приходил домой, то капризничал, старался отыскать у жены непорядок в хозяйстве, осыпал ее упреками и бранными словами.

На беду случилось, что богатство супругов, сначала очень большое, стало уменьшаться, а потом пришло в полное разорение. Но это горе не сблизило мужа с женою, он только еще больше возненавидел ее.

Свое несчастье они переносили по-разному: муж ходил по городу, вертелся около знакомых богачей, ожидая от них помощи, выпрашивал в долг денег у людей, которые не успели узнать о его разорении.

Жена же все время проводила в молитве. Она молилась о возвращении к ним не прежнего богатства, но прежнего согласия и прежней любви. Тысячи раз падала она пред иконой Богоматери, умоляя Ее возвратить ей сердце мужа.

Однажды муж сидел в трактире, и к нему подошел какой-то человек с хитрым взглядом и начал вкрадчиво говорить ему: «Ты раньше был богат, а теперь разорился. Но не сетуй о потерянном богатстве: у тебя есть средство снова обогатиться. Если ты сделаешь то, о чем я тебя попрошу, то очень скоро станешь богаче прежнего. Пожертвуй мне свою жену, это для тебя ничего не стоит, потому что ты ее не любишь. Между тем, я хочу приобрести ее в свою собственность». «Для чего она нужна тебе и что ты будешь с нею делать?» — спросил муж. «Что тебе за дело до этого, — отвечал незнакомец. — Если бы даже я умертвил ее, не все ли тебе равно? По скольку раз в день ты, бранясь, посылаешь ее к самому диаволу или в ад кромеш-

ный? Итак, не все ли тебе равно, что я стану делать с ней, когда она будет моей рабой!»

Муж не вдруг решился, дело было слишком необычно, да и жену стало как будто жалко. Но потом он подумал, что, может быть, назнакомец не в силах будет исполнить своего обещания; и еще, что от денег можно после отказаться; и немного помедлив, подписал условие. Незнакомец сказал, что деньги закопаны в загородном месте, и муж должен идти с ним туда уже завтра, и что, получив там деньги, муж обязан передать ему ночью, на том же месте, свою жену, и не вдруг, а через два месяца.

На следующий день незнакомец и муж отправились за город, долго шли, зашли в лесную чащу; здесь незнакомец указал место, велел мужу копать землю и сам помогал ему. Скоро докопались они до колодца, где было великое множество золота и дорогих каменьев. Все это было вручено мужу.

Прошло два месяца, муж из доставшихся ему сокровищ заплатил долги, выкупил свои прежние дома и имения и снова зажил в богатстве и почете. Но вот наступил день, когда он должен был передать свою жену незнакомцу.

С наступлением сумерек он приказал жене одеться и идти с ним. Она, не ожидая ничего хорошего, стала умолять, чтобы он оставил ее дома, но, боясь его, покорилась.

Они молча шли по городским улицам, направляясь к окраине города. По дороге им встретился храм. Двери его были еще открыты; жена попросила отпустить ее в храм помолиться пред иконой Пречистой Богородицы. Мужу не понравилась эта просьба: ему стыдно было, идучи на такое дело, заходить в церковь; однако он подумал, что в последний раз можно сделать ей угодное: «Иди в храм, а я подожду тебя на улице, да смотри, возвращайся скорее».

Жена, вошедши в храм, упала перед иконой Божией Матери и стала просить Заступницу рода христианского, чтобы Она защитила от восстающих на нее зол. Женщина с таким усердием молилась, что и забыла, что на улице ожидает ее муж. Молитва принесла ей успокоение и радость, и, по Божиему Промыслу, она заснула перед иконой спокойным и отрадным сном.

Между тем муж с нетерпением ждал ее на улице. И вот он видит, что по ступеням храма к нему сходит Жена, покрывшая лицо покровом, как бы от ночного холода или от нескромных взоров. Он молча пошел вперед, а Жена тихо шла за ним. Он думал, что его спутница станет тревожиться и расспрашивать, куда же он ведет ее. Но Она шла спокойной поступью, как будто знала все, что будет. Вновь муж пожалел жену, которая никогда ни в чем не прекословила ему и которую он предавал неизвестному человеку, не имевшему добрых намерений.

Наконец они пришли на место. Была полночь. Послышались шаги незнакомца, и он показался при свете месяца. Муж подошел к нему, сказав, что жена уже здесь. Теперь, добавил он, нужно уничтожить их договор, так как он полностью выполнен. Незнакомец охотно вернул мужу бумагу и направился к Жене, которую считал уже своей собственностью.

«А, усердная молитвенница! — сказал он, злобствуя и радуясь, — теперь ты в моей власти». Говоря это, он дерзко приблизился к Ней. Но в то же мгновение, как будто прикоснувшись к огню и опалившись, метнулся в сторону и страшно вскрикнул. Тут покрывало на голове у Жены распахнулось, и Она устремила на незнакомца взор, полный царственного величия и гнева.

Незнакомец, заслоняясь от этого взора, закричал в ужасе: «Матерь Иисуса! Кто призвал Ее, зачем Она здесь? Разве Она может быть под моею властию? Я сторговал жену этого негодяя, которая досаждает мне своим благочестием и которую погубить была надежда. Мог ли я думать, что вместо нее придет сюда Матерь Христа? Проклятый обманщик, ты обещал мне свою жену, а Кого привел вместо нее?»

Он бросился было на трепещущего мужа и хотел разорвать его на части. Но взгляд Богоматери лишил его силы: он упал на землю и исчез. В то же время стала невидима и Пресвятая Дева. Муж остался один и долго не мог прийти в себя от страха: так вот кому хотел он продать свою жену, и вот в Ком нашла она помощь и заступление! Он очутился в содружестве с диаволом, а жена его под покровом Царицы Небесной. Таков плод его злобы и таков плод ее кротости и благочестия. О, как он низок перед той, которую спасти явилась Сама Матерь Божия!

Он вернулся в город. Между тем наступило время утренней службы. Церковный сторож, войдя в храм, заметил молодую женщину, лежащую перед иконой Богородицы. На лице женщины были следы от обильных слез и вместе с тем тихая, радостная улыбка. Она пробыла тут целую ночь. Когда сторож разбудил ее, она, как будто вспомнив что-то, ничего не говоря, выбежала из храма.

В это время ее муж подходил к храму. Она, трепеща от робости, бросилась к нему, не смея взглянуть ему в лицо, не зная, как вымолить прощение.

«Прости, прости меня, дорогой мой! Я не знаю, как это все случилось. Я молилась, и какое-то забытье нашло на меня, я уснула... меня заперли в церкви, и я пробыла тут всю ночь».

Так говорила она, не надеясь на прощение, ожидая бранных слов и ударов. Но перед ней стоял уже другой человек, не тот, что вчера.

«Нет, не ты предо мною виновна, а я без конца виновен пред тобою». И сказав это, он с горькими слезами поведал ей все свои преступления, свое гнусное намерение продать ее и, наконец, чудное явление Богоматери, устрашившее диавола и образумившее его.

Через несколько минут супруги, примиренные и счастливые, приносили в том же храме благодарную молитву Божией Матери, Которая избавила от зла, вернула им прежнюю любовь и согласие. Не желая неправедного богатства, они раздали нищим свое имение, и стали жить своими трудами, угождая Богу молитвой и добрыми делами (112, 180—182).

БОГОСЛОВИЕ

Хотя и невозможно постигнуть, что такое Бог, однако же можно сказать, чем Он не <является> есть (свт. Афанасий Великий, 2, 104).

***

Если же рассуждают о Боге, создавшем человеков, то пусть представляют не человечески, но иначе и выше естества человеческого (свт. Афанасий Великий, 2, 307).

***

...Кто по недоумению примышляет себе неподобающее и говорит о Боге, что недостойно Бога, тот не извинителен в своей дерзости... (свт. Афанасий Великий, 2, 309).

***

...Доброта небесного Слова не может быть ясно передана в учении, если, по долговременном изведании учений истины, не возможем собственным опытом постигнуть благость Господню (свт. Василий Великий, 5, 255).

***

Нет ни одного имени, которое бы, объяв все естество Божие, достаточно было вполне его выразить. Но многие и различные имена, взятые в собственном значении каждого, составляют понятие, конечно, темное и весьма скудное в сравнении с целым, но для нас достаточное. Из имен же, сказуемых о Боге, одни показывают, что в Боге есть, а другие, напротив, чего в Нем нет. Ибо сими двумя способами, т. е. отрицанием того, чего нет, и исповеданием того, что есть, образуется в нас как бы некоторое отпечатление Бога (свт. Василий Великий, 7, 28).

***

...Как одного имени недостаточно к выражению всех совершенств Божиих в совокупности, так и каждое из имен не без опасности может быть взято вообще (свт. Василий Великий, 9, 25).

***

...Понятия, которое бы вполне было достойно Бога... никто никогда не достигнет, хотя бы соединились все умы для исследования и стеклись все языки для выражения оного (свт. Василий Великий, 9, 26).

***

Как жалок и окаянен, а вместе и весьма бесстыден, кто входит в исследование о своем Создателе! Тьмы тем и тысячи тысяч Ангелов, Архангелов славят Его со страхом и поклоняются Ему с трепетом, а перстные люди, исполненные грехов, небоязненно разглагольствуют о Божестве (прп. Ефрем Сирин, 33, 381).

***

Благочестие поставляйте не в том, чтобы часто говорить о Боге, но в том, чтобы больше молчать; ибо язык, не управляемый разумом, — претыкание для людей (свт. Григорий Богослов, 12, 14).

***

Всегда держитесь той мысли, что безопаснее слушать, нежели говорить, вожделеннее учиться, нежели учить о Боге... (свт. Григорий Богослов, 12, 14).

***

Хочешь ли со временем стать богословом и достойным Божества? — соблюдай заповеди, и не выступай из повелений. Ибо дела, как ступени, ведут к созерцанию (свт. Григорий Богослов, 13, 174).

***

Лучше изнемочь в умствованиях под водительством Духа, нежели, гоняясь за легкостью, без труда согласиться на нечестивые мнения (свт. Григорий Богослов, 13, 289).

***

Любомудрствовать о Боге можно не всякому — да! Не всякому. Это приобретается не дешево и не пресмыкающимися по земле! Присовокуплю еще: можно любомудрствовать не всегда, не перед всяким и не всего касаясь, но должно знать, когда, перед кем и сколько. Любомудрствовать о Боге можно не всем, потому что способны к сему люди испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере, очищают и душу и тело. Для нечистого же, может быть, небезопасно и прикоснуться к чистому, как для слабого зрения к солнечному лучу. Когда же можно? — Когда бываем свободны от внешней тины (не порабощаемся плоти) и мятежа, когда владычественное в нас (ум) не сливается с негодными и блуждающими образами, как красота племен, перемешанных с племенами худыми, или как благовоние мира смешанного с грязью. Ибо действительно нужно *упраздниться*, чтобы *разуметь Бога* (ср.: Пс. 45, 11), и *егда приимем время, судить о правоте* богословия (ср.: Пс. 74, 3). Пред кем же можно? Пред теми, которые занимаются сим тщательно, а не наряду с прочим толкуют с удовольствием и об этом после конских ристаний, зрелищ и песней, по удовлетворении чреву и тому, что хуже чрева; ибо для последних составляет часть забавы и то, чтоб поспорить о таких предметах и отличиться тонкостью возражений. О чем же должно любомудрствовать, и в какой мере? — О том, что доступно для нас, и в такой мере, до какой простираются состояние и способность разумения в слушателе. Иначе, как превышающие меру звуки или яства вредят, одни слуху, другие телу, или, если угодно, как тяжести не по силам вредны поднимающим, и сильные дожди — земле, так и

слушатели утратят прежние силы, если их, скажу так, обременить и подавить грузом трудных учений.

И я не говорю, будто бы не всегда должно памятовать о Боге (да не нападают на нас за это люди, на все готовые и скорые!). Памятовать о Боге необходимее, нежели дышать, и, если можно так выразиться, кроме сего не должно и делать ничего иного. И я один из одобряющих слово, которое повелевает *поучаться день и ночь* (Пс. 1, 2), *вечер и заутра, и полудне* поведать (Пс. 54, 18), и *благословлять Господа на всякое время* (Пс. 33, 2). А если нужно присовокупить и сказанное Моисеем; то *лежа, и востая, и идый путем* (Втор. 6, 7), и исправляющий другие дела должен памятовать о Боге, и сим памятованием возводить себя к чистоте. Таким образом запрещаю не памятовать о Боге, но богословствовать непрестанно; даже запрещаю не богословствование, как бы оно было делом не благочестивым, но безвременность, и не преподавание учения, но не соблюдение меры (свт. Григорий Богослов, 14, 7—9).

***

...Сами образовавшись и других образовав, по образу Писания, приступим уже к изложению богословия. Управить же словом предоставим Отцу и Сыну и Святому Духу, о Которых у нас слово, — Отцу, да благоволит о нем, Сыну, да содействует ему, Духу, да вдохнет его, лучше же сказать, да будет на нем единого Божества единое озарение, соединительно разделяемое и разделительно сочетаваемое, что и выше разумения (свт. Григорий Богослов, 14, 16—17).

***

Мы как бы строим огромные здания малым орудием, когда человеческою мудростью уловляем видение Сущаго, когда к предметам мысленным приступаем со своими чувствами, или не без чувств, которые заставляют нас кружиться и блуждать, и не можем, неприкровенным умом касаясь неприкровенных предметов, подойти сколько-нибудь ближе к истине и напечатлеть в уме чистые его представления. А слово о Боге чем совершеннее, тем непостижимее, ведет к большему числу возражений и самых трудных решений. Ибо всякое препятствие, и самое маловажное, останавливает и затрудняет ход ума, и не дает ему стремиться вперед, подобно тому, как браздами вдруг сдерживают несущихся коней, и внезапным их потрясением сворачивают в сторону. Так Соломон, который до преизбытка был умудрен паче всех, и до него живших и ему современных, получил в дар от Бога *широту сердца* и полноту созерцания обильнее песка (3 Цар. 4, 29), чем более погружается в глубины, тем более чувствует кружения, и почти концом мудрости поставляет найти, сколько она удалилась от него (Еккл. 7, 24). А Павел покушается, правда, исследовать, не говорю естество Божие (он знал, что сие совершенно невозможно), а только судьбы Божии; но поелику не находит конца и отдохновения в восхождении, поелику любоведение ума не достигает явно окончательного предела, а всегда остается для него нечто еще неизведанное, то (чу́дное дело! О, если бы со мною было то же!) заключает речь изумлением, именует все подобное *богатством* Божиим и *глубиною* (Рим. 11, 33), и исповедует непостижимость судеб Божиих, выражаясь почти так

же, как и Давид, когда он то называет *судьбы* Божии *бездною многою* (Пс. 35, 7), в которой нельзя достать основания ни мерою, ни чувством, то говорит, что *удивися разум от него* и от состава его, и *утвердися* паче, нежели на сколько простираются его силы и его объем (ср.: Пс. 138, 6) (свт. Григорий Богослов, 14, 37—38).

***

...К изображению Бога, заимствуя некоторые черты из того, что окрест Бога, составляем мы какое-то неясное и слабое, по частям собранное из того и другого, представление, и лучший у нас богослов не тот, кто все нашел (эти узы не вместят в себя всего!), но тот, чье представление обширнее и кто образовал в себе более полное подобие, или оттенок (или как бы ни назвать сие) истины (свт. Григорий Богослов, 14, 96).

***

...Крайне стыдно, и не только стыдно, но большей частью бесполезно, подобие горнего брать в дольнем, неподвижного — в естестве текучем и, как говорит Исаия, *испытывать мертвыя о живых* (Ис. 8, 19) (свт. Григорий Богослов, 14, 111).

***

...Порядок богословия, который и нам лучше соблюдать, — не все вдруг высказывая, и не все до конца скрывая, ибо первое неосторожно, а последнее безбожно, и одним можно поразить чужих, а другим — отчуждить своих (свт. Григорий Богослов, 14, 127).

***

Говорить о Боге — великое дело, но гораздо больше — очищать себя для Бога, потому что в *злохудожную душу не внидет премудрость* (Прем. 1, 4) (свт. Григорий Богослов, 14, 144—145).

***

...Что со мною? Опять ниспадаю до речений человеческих. Ибо как можно назвать простое таковым? И не количественное толиким? Но простите слову — орудию малому; я говорю о Высочайшем! Великий и Долготерпеливый — Естество неописуемое и бестелесное, потерпит и то, что говорим о Нем как о теле, и употребляем речения, далеко не соответствующие истине. Ибо если Он принял плоть, то не погнушается и подобным словом (свт. Григорий Богослов, 14, 215).

***

Терпит и ныне <Господь> побиение камнями не только от наветующих, но даже от нас, которые почитаем себя благочестивыми. Ибо рассуждая о бестелесном, употреблять наименования свойственные телесному, значит, может быть, то же, что клеветать, то же, что побивать камнями, но, повторяю, да будет дано извинение нашей немощи! Мы не произвольно мечем камнями, потому что не можем выразиться иначе, употребляем слова, какие имеем (свт. Григорий Богослов, 14, 216).

***

Рассуждая о Боге, смертные, любите меру в слове! (свт. Григорий Богослов, 16, 45).

***

Женщинам прилично не много говорить о Боге, именно, сколько можно им знать о досточтимом естестве Троицы, о тройственной в Божестве единой благодати, ибо глаголы благочестия нехорошо предавать и молчанию. Должны же они больше слушать. Но то и другое, и говорить и слушать, обязаны с трепетным умом и благоговейно, на все налагая покров стыдливости. В словах же прекословных пусть упражняются люди мудрые, низлагающие неверных (свт. Григорий Богослов, 16, 90).

***

Подлинно крутая и неприступная гора — богословие, и к подгорию его едва подходит большая часть людей; разве кто Моисей, и при восхождении будет вмещать в слух звуки труб, которые, по точному слову истории, по мере восхождения делаются еще более крепкими (Ис. 19, 19). А проповедь о Божием естестве действительно есть труба, поражающая слух; велико открываемое с первого раза, но больше и важнее достигающее до слуха напоследок. Закон и пророки вострубили о Божественной тайне Домостроительства о человеке, но первые гласы слабы были для того, чтобы достигнуть до непокорного слуха, и потому отяжелевший слух иудеев не принял гласа труб. Но с продолжением времени трубы, как говорит Писание, соделались более крепкими; потому что последние звуки, изданные евангельскою проповедью, достигли слуха. Так Дух впоследствии громче звучал в своих орудиях, и звук делался более напряженным. Орудия же, издававшие один духовный звук, были пророки и апостолы, от которых, как го-

ворит псалмопение: *во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их* (Пс. 18, 5). Если же множество не вмещает сходящего свыше гласа, но предоставляет самому Моисею узнать тайны и преподать народу учение, какое дознает он по наставлению свыше, то это введено и в Церкви. Не все сами собою доходят до уразумения таин, но, избрав из себя способного вместить божественное, с благопризнательностью преклоняют пред ним слух, почитая верным все, что услышат от сего, посвященного в Божественные тайны. Ибо *не все*, как сказано, *апостолы, не все пророки* (ср.: 1 Кор. 12, 29). Но не во многих Церквах соблюдается сие ныне. Ибо многие, имеющие еще нужду в очищении от сделанного в прежней жизни, какие-то неомытые, осквернённые житейскими привязанностями, прикрываясь своим неразумным чувством, осмеливаются на божественное восхождение, где приводятся в колебание собственными своими помыслами, потому что еретические мнения делаются какими-то камнями, совершенно погребающими под собою самого изобретателя худых учений (свт. Григорий Нисский, 18, 313—315).

***

Тебе потребен разум знать о Нем <Боге> только то, что, будучи произнесено, не послужит в хулу. Приличное служит Ему в похвалу выше того, что может быть изобретено человеческим естеством. Для нас же так вожделенно найти и не то, что должно о Нем знать, но то, что не может Он быть сравниваем ни с чем отличным от Него (свт. Григорий Нисский, 19, 72—73).

***

...<Должно> не без рассуждения избирать речения, употребляемые в славословие Богу, чтобы в неосмотрительном каком-либо стремлении, даже не приметив того, не приписать Божию величию неприличных понятий (свт. Григорий Нисский, 19, 72).

***

...Для Бога нет ничего, ни будущего, ни прошедшего, но все в настоящем, так что при речениях о Божией силе, имеют ли они какое значение прошедшего или будущего, понятие не выходит из пределов настоящего (свт. Григорий Нисский, 19, 150).

***

...Кто истинно, и как должно, взирает на богословие, тот, без сомнения, покажет жизнь согласную с верою. А сие не иначе возможно, как по низложении плотского восстания упражнениями в добродетели (свт. Григорий Нисский, 19, 160).

***

...Чего отторгшаяся от зла душа непрестанно ищет <Божественного>, и с чем, обретши это, желает быть сошвенною, то, превосходя всякое понятие и наименование, выше всякого к истолкованию служащего слова. И упорно старающийся вместить это в значение слова, сам того не примечая, погрешает против Божества. Ибо о чем веруем, что все превышает, то, конечно, выше и слова. А кто предприемлет неопределимое объять словом, тот не соглашается ли уже, что превыше всего вводимое им вместо всепревышающего,

потому что собственное слово свое почитает чем-то сему подобным и столько же великим, поскольку и в какой мере вместило сие слово, не зная, что боголепное понятие об истинно сущем сохраняется только при уверенности, что Божество превыше ведения? Посему все сущее в твари взирает на то, что сродно с ним по естеству: и нет существа между тварями, которое бы пребывало в бытии, исшедши из себя самого. Нет ни огня в воде, ни в огне воды, ни суши в глубине, ни влажности в суше, ни в воздухе земляного, ни в земле также воздушного, напротив того, каждое существо, оставаясь в собственных своих естественных пределах, дотоле и существует, пока пребывает внутри собственных своих пределов. Если же что станет вне себя самого, то оно будет и вне бытия. И так сила чувствилищ, оставаясь при естественных деятельностях, не может перейти в деятельность чего-либо ближайшего: глаз не действует, как слух, слух не имеет вкуса, осязание не беседует, язык не производит того, что делают зрение и слух; но каждое чувство имеет пределом собственной своей силы свою естественную деятельность: так и всякая тварь не может обширностью своего воззрения выйти из самой себя, но всегда в себе пребывает, и на что ни смотрит, видит себя, хотя и думает, будто видит нечто высшее себя, однако же не имеет по естеству и способности смотреть вне себя, так, например, при обозрении существ усиливается отрешиться от представления пространства, но не отрешается. Ибо со всяким вновь обретаемым представлением непременно вместе усматривает и пространство, объемлемое существенностью представляемого умом. Пространство же есть не иное что, как тварь. А то благо, которого искать и которое сохранить научились мы, будучи выше твари, выше и постижения. Ибо наша мысль, совершая путь по пространственному про-

тяжению, как постигнет непространственное естество, всегда через разложение времени изведывая, что из находимого его старше? Хотя своею любознательностью протекает она все познаваемое, однако же не находит никакого способа перейти представление вечности, чтобы поставить себя вне, стать выше и существа прежде всего созерцаемого, и самой вечности. Но, как бы нашедши себя на некой вершине горы, предположи, что это какая-то скала, гладкая и круглая, внизу по наружности красная, простирающаяся в беспредельную даль, а вверху подъемлющаяся в высоту утесом, который нависшим челом падает в какую-то обширную пропасть. Посему, что естественно терпеть касающемуся краем ноги этого клонящегося в пропасть утеса и не находящему ни опоры ноге, ни поддержки руке, — это же, по моему мнению, терпит и душа, прошедшая то, что проходимо в протяженном, когда взыскует естества предвечного и непротяженного, не находя, за что взяться, ни места, ни времени, ни меры, ни чего-либо другого сему подобного, к чему доступ возможен для нашего разумения, но повсюду скользя при соприкосновении с неудержимым, приходит она в кружение и смущение, и снова обращается к сродному, возлюбив такую только меру познания о Превысшем, при какой можно убедиться, что Оно есть нечто иное с естеством вещей познаваемых. Посему, когда слово приходит к тому, что выше слова, тогда настает время молчать, и неизъяснимое чудо оной неизглаголанной силы содержать в тайне сознания, зная, что и великие мужи глаголали о делах Божиих, а не о Боге, говоря: ***кто возглаголет силы Господни?*** (Пс. 105, 2) и: ***повем вся дела Твоя*** (ср.: Пс. 9, 1); и еще: ***род и род восхвалят дела Твоя*** (Пс. 144, 4). Дела глаголют и о делах возвещают, и убеждают гласно исповедать о том, что сделано. Но когда слово о Самом, превос-

ходящем всякое слово, тогда тем самым, что говорят, прямо узаконяют молчание. Ибо глаголют, что *великолепию, славе, святыни Его несть конца* (ср.: Пс. 144, 5, 3). Подлинно чудо! Почему слово убоялось приблизиться к славе Божественного чуда, так что удивление не коснулось чудесности чего-либо из усматриваемого отвне? Ибо не сказало, что сущности Божией нет конца, почитая весьма дерзновенным составить о сем понятие, но только выражает словом удивление усматриваемому в слове великолепию. Пророк не мог также видеть и сущности самой славы, но изумевал, представив мысленно славу Его святыни. Посему сколько далек был <он> от того, чтобы любопытствовать о естестве, что оно такое, кто не имел сил даже подивиться последнему из проявляемого? Потому что не святыне Его и не славе святыни дивился, но предположив удивляться только великолепию славы святыни, чудом оной приведен в изнеможение. Ибо не объял мыслию конца в возбуждающем удивление. Почему говорит, что *славе, великолепию, святыни Его несть конца* (ср.: Пс. 144, 5, 3). Итак, если речь о Боге, то когда вопрос о сущности, время молчать, а когда о каком-либо благом действии, ведение о котором доходит и до нас, тогда время возглаголить силы, возвестить чудеса, поведать дела и до сих пределов пользоваться словом; а в рассуждении того, что вне оных, не позволять твари выступать из своих пределов, довольствоваться же, если познает сама себя. Ибо, по моему рассуждению, если тварь не познала сама себя, не постигла, какова сущность души и естество тела, откуда существо, откуда рождение одного от другого, как несуществующее осуществляет, как существующее разрешается в несуществующее; какая стройность в мире сем из противоположностей, — если тварь не познала сама себя, то как объяснить то, что выше ее? Посему время

молчать об этом, потому что молчание о сем лучше. Время же говорить о том, чем жизнь наша возрастает в добродетели, о Христе Иисусе, Господе нашем. Ему слава и держава во веки веков! Аминь (свт. Григорий Нисский, 19, 329—334).

***

...Что же такое Бог? Как скажу что-либо о том, чего невозможно ни видеть, ни в слух вместить, ни сердцем объять? Какими словами изображу естество? Какое подобие блага сего найду в известных нам благах? Какие речения изобрету к означению неизреченного и неизглаголанного? Слышу, что Священное Писание повествует великое о превысшем Естестве, но что сие значит в сравнении с самим Естеством? Столько изрекло слово, сколько способен я принять, а не сколько вмещает в себе означаемое. Как вдыхающие в себя воздух приемлют его, каждый по своей вместимости, один больше, другой меньше, но и тот, кто содержит в себе много, не всю стихию вмещает внутри себя, а напротив того, и он, сколько мог, столько и принял в себя из целого, и это в нем целое, так и богословские понятия Святого Писания, у богоносных мужей изложенные нам Святым Духом, для нашей меры разумения высоки, велики и превосходят всякую величину, но не достигают до величины истинной. Сказано: *кто измери горстию воду и небо пядию, и всю землю горстию* (Ис. 40, 12)? Видишь ли, какая высокая мысль у описывающего несказанное могущество? Но что сие значит в сравнении с действительно Сущим? Пророческое слово в таких высоких выражениях показало только часть Божественной деятельности, о самой же силе, от которой деятельность, не говорю уже о естестве, от Которого сила, не сказало, не имело в виду гово-

рить, а напротив того, касается словом, по некоторым догадкам, изображающего только собою Божество, как бы от лица Божия произнося такие слова: *кому Мя уподобисте?* (Ис. 46, 5), говорит Господь. Такой же совет предлагает и Екклесиаст собственными своими словами: *не скор буди износити слово пред лицем Божиим, яко Бог на небеси горе́, ты же на земли долу* (Еккл. 5, 1), взаимным расстоянием сих стихий, как думаю, показывая, в какой мере естество Божие превышает земные помыслы (свт. Григорий Нисский, 19, 452—454).

***

...Естество неопределимое не может в точности объято быть словом, имеющим значение имени, напротив того, вся сила понятий, вся выразительность речений и именований, хотя бы, по видимому, заключали в себе что великое и боголепное, не касаются естества в Сущем, но разум наш, как бы по следам только и озарениям каким, гадает о Слове с помощью постигнутого, по какому-то сходству представляя себе и непостижимое (свт. Григорий Нисский, 20, 32).

***

...Всякое учение о неизреченном Естестве, хотя оно, по-видимому, представляет всего более боголепную и высокую мысль, есть подобие злата, а не самое золото; ибо невозможно в точности изобразить превысшее понятия благо. Хотя будет кто и Павлом, посвященным в тайны рая, хотя услышит несказанные глаголы, но понятия о Боге пребудут неизразимыми, потому что, по сказанному Апостолом, *глаголы* о сих понятиях *неизреченны* (2 Кор. 12, 4). Посему сообщающие нам добрые некие умозаключения о разумении таин не в состоянии сказать, в чем состоит самое

естество; называют же *сиянием славы, образом ипостаси* (Евр. 1, 3), *образом* Божиим (Кол. 1, 15), *Словом в начале, Богом Словом* (Ин. 1, 1); все же это нам, которые не видим этого сокровища, кажется златом, а для тех, которые в состоянии взирать на действительное, есть не золото, но подобие золота, представляющееся в тонких пестротах серебра. Серебро же есть означение словами, как говорит Писание, — *сребро разжженное язык праведнаго* (Притч. 10, 20). Посему такова выраженная сим мысль: естество Божие превышает всякое постигающее разумение, понятие же, какое о Нем составляется в нас, есть подобие искомого, потому что показывает не тот самый образ, *егоже никтоже видел есть, ниже видети может* (1 Тим. 6, 16), но как в зеркале и в загадочных чертах оттеняется некоторое представление искомого, составляемое в душах по каким-то догадкам. Всякое же слово, означающее таковые понятия, имеет силу какой-то неделимой точки, которая не может объяснить, чего требует мысль, так что всякое разумение ниже мысли божественной, а всякое истолковательное слово кажется неприметною точкою, которая не может расшириться до всей широты смысла. Посему Писание говорит, что душа, руководимая такими понятиями к помышлению о непостижимом, должна одною верою уготовлять себя в обитель Естеству, превосходящему всякий ум (свт. Григорий Нисский, 20, 75—76).

***

...Простота догматов истины, уча тому, что такое Бог, предполагает, что не может Он быть объемлем ни именованием, ни помышлением, ни иною какою постигающею силою ума; пребывает выше не только человеческого, но и

ангельского, и всякого премирного постижения, неизглаголан, неизречен, превыше всякого означения словами, имеет одно имя, служащее к познанию Его собственного естества, именно, что Он один *паче всякаго имене* (Флп. 2, 9), которое даровано и Единородному, потому что все то принадлежит Сыну, *елика имать Отец* (Ин. 16, 15). А что речения сии, разумею нерожденность и бесконечность, означают вечность, а не сущность Божию, — сие исповедует учение благочестия; и нерожденность показывает, что выше Бога ни начала какого, ни причины какой, а бесконечность означает, что Царство Его не ограничивается никаким пределом (свт. Григорий Нисский, 22, 256—257).

***

...Беспредельное по естеству не может быть объято каким-либо примышлением речений, а что Божие величие не имеет предела, о сем ясно гласит пророческое слово, проповедуя, что *великолепию, славе, святыни Его несть конца* (Пс. 144, 3, 5). Если же свойства Его бесконечны, то гораздо паче Сам Он по сущности во всем, что Он есть, не объемлется никаким пределом и ни в какой части. Посему если истолкование посредством имен и речений значением своим объемлет сколько-нибудь подлежащее, беспредельное же объято быть не может, то несправедливо стал бы кто обвинять нас в невежестве, когда не отваживаемся, на что и отваживаться не должно <т. е. описание и изложение Божией сущности>. Ибо каким именем объять мне необъятное? Каким речением высказать неизглаголанное? Итак, поелику Божество превосходнее и выше всякого означения именами, то научились мы молчанием

чествовать превышающее и слово и разумение (свт. Григорий Нисский, 22, 415).

***

...Что значит горсть по отношению к целому морю, то же значит вся сила слов по отношению к неизреченному и необъятному Естеству (свт. Григорий Нисский, 23, 92).

***

...Какое бы ты ни высказал имя, оно укажет на то, что есть при Сущем, а не то, что Он есть; Он благ, нерожден, но при каждом из этих имен подразумевается: есть. О семто Сущем благом, Сущем нерожденном если бы кто обещал дать понятие, как Он есть, — тот был бы безрассуден, говоря о том, что созерцается при Сущем, он молчит о самой сущности, которую обещает изъяснить словом. Ибо быть нерожденным есть одно из свойств, созерцаемых при Сущем, но иное понятие бытия и иное — образа бытия... (свт. Григорий Нисский, 23, 94—95).

***

...Божеское существо ни с какой стороны не ограниченное, а во всех отношениях бесконечно превосходящее всякий предел, далеко от тех признаков, какие находим мы в твари. Ибо протяженная, неколичественная и неописуемая Сила, в Себе Самой содержащая века и все творения в оных, и во всех отношениях вечностью собственного естества превышающая беспредельность веков или не имеет никакого признака, который бы указывал на естество Ее, или какой-либо совершенно иной, а не тот, какой имеет тварь (свт. Григорий Нисский, 23, 131—132).

***

Я же, наученный Богодухновенным Писанием, дерзаю утверждать, что Превысший всякого имени у нас получает многоразличные наименования по различию благодеяний. Он называется Светом, когда рассеивает тьму неведения; Жизнью, когда дарует бессмертие; Путем, когда руководит от заблуждения к истине; так и *Столпом крепости* (Пс. 60, 4), и Градом ограждения, и Источником, и Камнем, и Виноградом, и Врачом, и Воскресением, и всем таковым именуется Он у нас, многоразлично разделяя Себя в Своих к нам благодеяниях. А прозирающие далее человеческой природы, видящие непостижимое, но просматривающие понятное объясняют именами сущность... (свт. Григорий Нисский, 23, 175).

***

...Мне кажется человеколюбивым делом посоветовать новым стрелкам <богословам>, чтобы они не старались ***стрелять ко власу*** (ср.: Суд. 20, 16) (думаю, что слова Писания указывают здесь суетность их занятия, — на то, что в бесполезном и несущественном были далеко мечущими и ловкими стрелками, а в том, что очевидно полезно, неискусны и небрежны), а дверь веры оставлять без внимания, но, бросив тщетный труд изыскания о непостижимом, не теряли бы ближайшего приобретения, находимого посредством одной веры (свт. Григорий Нисский, 23, 176).

***

...Безопаснее и вместе благочестивее веровать, что величие Божие выше разумения, нежели, определяя границы славы Его, какими-нибудь предположениями думать, что не

существует ничего выше постигаемого разумом, и даже в том случае, когда бы кто находил это безопасным, не оставлять Божескую сущность не испытуемою, как неизреченную и недоступную для человеческих рассуждений. Ибо гадание о неизвестном и приобретение некоторого знания о сокровенном из примышления человеческих рассуждений пролагает доступ и ведет к ложным предположениям, потому что составляющий догадки о неизвестном будет предполагать не только истину, но часто и самую ложь вместо истины. А ученик евангельский и пророческий тому, что Сущий есть, верует на основании того, что слышит в Священных книгах, на основании гармонии в видимой природе и дел промысла; что же Он есть и как есть, о сем не исследуя, как о бесполезном и непригодном. Он не даст лжи доступа к истине, ибо при большой пытливости находит место и неправильное умствование, а при бездействии пытливости совершенно пресекается и необходимость заблуждения. А что справедлива такая мысль, можно видеть из того, как церковные ереси уклонялись в разнообразные и различные предположения о Боге, когда каждый различно обольщал себя, судя по какому-либо движению мысли (свт. Григорий Нисский, 23, 304—305).

***

Все речения в Священном Писании... означают что-либо открываемое о Боге, каждое представляя особенное значение, из них узнаем или могущество, или непричастность несовершенства, или безвиновность, или неописанность, или то, что над всем Он имеет власть, или вообще что-нибудь о Нем. Самую же сущность, как невместимую ни для какой мысли и невыразимую словом, Писание оставило неисследованною, узаконив чтить оную молчанием, когда

запретило исследование глубочайшего и изрекло, что не должно *износити слово пред лицем Божиим* (Еккл. 5, 1) (свт. Григорий Нисский, 23, 307—308).

***

...При помощи умозаключений мы получаем неясное и весьма малое понятие о Божеском естестве... однако из наименований, благочестиво усвояемых сему Естеству, мы приобретаем ведение, достаточное для наших слабых сил. Мы говорим, что значение всех этих наименований не однообразно, но одни из них означают присущее Богу, а другие выражают отсутствие чего-либо в Нем; называем Его, например, праведным и нетленным; именуя праведным, означаем, что Ему присуща правда, а именуя нетленным, означаем, что тление не присуще Ему (свт. Григорий Нисский, 23, 316).

***

Говоря о Боге, не о том должно стараться, чтобы придумать благозвучный и приятный для слуха подбор слов, а нужно отыскивать благочестивую мысль, которая бы хранила соответствующее понятие о Боге (свт. Григорий Нисский, 23, 318).

***

...Из многих выражений, прилагаемых к Божескому естеству, мы научаемся надлежащему образу мыслей о Боге; но не познаем из этих выражений того, что такое Он по существу. Всячески избегая внесения каких-нибудь нелепых мыслей в представления о Боге, мы употребляем многие и разнообразные наименования Его, приспособляя имена к

различию понятий. Так как не отыскано никакого имени, объемлющего Божеское естество, и пригодного к соответственному выражению Его существа, то многими именами, соответственно различным понятиям выражая то или другое особенное представление о Нем, именуем Его Божеством, извлекая из разнообразных и многоразличных обозначений Его некоторые общие наименования для познания искомого (свт. Григорий Нисский, 23, 322).

***

...Все, что ни постигаем мыслью о Боге, все это было прежде создания мира, но, говорим мы, это постигаемое получило наименование после происхождения того, кто именует. Ибо если употребляем имена потому, что они научают нас чему-либо относительно предметов, а требует научения только неведущий, Божеское же естество выше всякого научения, потому что объемлет в себе всякое ведение, то из сего открывается, что не ради Бога, а ради нас примышлены имена для уяснения понятий о Сущем... дабы иметь некоторое понятие о благочестиво мыслимом о Нем, мы, при помощи некоторых слов и слогов, образовали различения понятий, сочетаниями слов как бы начертывая некоторые знаки и приметы на различных движениях мысли, так чтобы при помощи звуков, приспособленных к (известным) понятиям, ясно и раздельно выразить происходящие в душе движения (свт. Григорий Нисский, 23, 331—332).

***

В созерцании же умопостигаемого естества, поелику оно превышает чувственное уразумение, разум по догадкам стремится уловить то, что убегает от чувств; каждый иначе

идет к искомому и соответственно рождающемуся у каждого разумению о предмете, сколько то возможно, выражает мысль, сближая, сколько возможно более, значение речений с сущностью понимаемого. При этом часто то, о чем заботимся, удачно достигается с той и другой стороны, когда и разум не погрешает относительно искомого и звук (слова) метко выражает мыслимое посредством соответственного изъяснения. А иногда случается неудача и в том и в другом, или в одном чем-либо, когда прилагается, не так, как должно, или постигающий рассудок, или способность изъяснения. Итак, поелику от двух условий зависит правильное направление слова, от достоверности по мысли и от произношения в речениях, то лучше было бы, если бы оно имело достоинство того и другого. Но не менее хорошо не ошибаться относительно должного понимания (предмета), хотя бы слову и случилось быть ниже разумеваемого. Итак, поелику разум заботится о высоком и незримом, чего не достигают чувства (я говорю о Божеском и неизреченном естестве, относительно которого было бы дерзко и мыслить что-нибудь по поверхностному разумению, а еще более дерзко каким ни попало выражениям доверять изъяснение находящейся в нас мысли), то мы, оставляя без внимания звук речений, так или иначе произносимый по мере способности говорящих, обращаем внимание на один смысл, который открывается в словах, здрав ли он или нет, предоставив искусству грамматиков эти тонкости употребления речений или имен. Поелику одно только доступное познанию мы обозначаем посредством названия имен, а то, что выше познания, невозможно понять при помощи каких-либо служащих для означения названий (ибо как мог бы кто-нибудь означить неведомое?), то, не находя никакого соответственного названия, которое бы удовлетворительно представило предмет, принуждены

бываем многими и различными именами, сколько то возможно, раскрывать находящееся в нас понятие о Божестве (свт. Григорий Нисский, 23, 489—491).

***

...Дабы видимо было, что высочайшее Естество не имеет никакого сродства с дольными предметами, мы о Божеском естестве употребляем понятия и речения, показывающие отличие от таковых (предметов). Мы называем (Естество) превысшее веков — предвечным, не имеющее начала — безначальным, нескончаемое — бесконечным, существующее без тела — бесплотным... недоступное перемене или страданию и изменению — бесстрастным, непременяемым и неизменяемым (свт. Григорий Нисский, 23, 491).

***

...Мы не полагаем, что недостаток соответственного имени служил к какому-либо ущербу Божеской славы; бессилие выразить неизреченное, обличая естественную нашу скудость, тем более доказывает славу Божию, научая нас, что одно есть, как говорит Апостол, соответственное Богу имя, — вера, что Он выше всякого имени (Евр. 11, 6). Ибо то, что Он превосходит всякое движение мысли и обретается вне постижения при помощи наименования, служит для людей свидетельством неизреченного величия (свт. Григорий Нисский, 23, 494).

***

Как нежно любящие отцы, слушая своих детей, лепечущих и запинающихся в словах, не обращают внимания на недостатки речи, но (радуются) природному влечению, и

лепет детей для них приятнее всякого риторического красноречия и философской высокопарности, — так и Богу угодны в нас не уста, лепечущие о богословии, но желание и расположение, — когда мы проповедуем с верою и воспеваем с любовью (свт. Иоанн Златоуст, 47, 827).

***

...Человеческим языком нельзя говорить о Боге с полной точностью, что бы мы ни сказали о Нем, все будет детским лепетом. ...Но, хотя мы и лепечем, Бог вручил нам проповедь мира (свт. Иоанн Златоуст, 47, 827—828).

***

Сколько бы мы ни говорили, мы не можем представить ни малейшего, ни даже слабого подобия божественной красоты (свт. Иоанн Златоуст, 49, 157).

***

...То, что на языке людей является весьма высоким, оказывается жалким, не служащим к славе Божией... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 994).

***

Владыке вселенной угодно такое изложение богословия, которое определяется силами делающих приношение, а не Его высокой славой (свт. Иоанн Златоуст, 56, 994).

***

Признаю справедливым — слушателям, когда говорящий о предметах высоких не соответствует их достоин-

ству, не осуждать его бессилия, но удостаивать извинения, слагая вину на величие предмета (прп. Исидор Пелусиот, 62, 35).

***

Осквернённому не надлежит отверзать уст, не говорю о догматах, но даже и о чем-либо ином, пока не очистит себя искренним покаянием. Ибо, если *грешнику рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя* (Пс. 49, 16), то кольми паче заградил Он уста тому, кто, находясь в таком состоянии, усиливается входить в исследование догматов, потому что догматы столько же выше оправданий, сколько небо выше земли и душа — тела. Итак, будучи препобеждаем другими в жизни, перестань состязаться о догматах, чтобы не нанести поражения и догмату, потому что многие имеют обычай по мнению о том, кто говорит, делать заключение и о том, что он говорит (прп. Исидор Пелусиот, 62, 106).

***

О Божией сущности и о Божием величестве уму рассуждать надлежит боголепно и возвышенно, лучше же сказать — сверхъестественно; и неисследимое, неудобовыразимое, лучше же сказать — неизразимое, если потребует нужда, выражать языком для слушающих благочестиво, с пользою и по мере возможности, утверждаясь в делах Промысла, и удостоверяясь в том, что Бог есть, а не в том, что Он такое, потому что первое постижимо и уловимо, а второе непостижимо и неисследимо (прп. Исидор Пелусиот, 62, 243).

***

Кто намеревается вести слово о Боге, тому надлежит просиять общежительными добродетелями; а любителю порока непозволительно даже и язык подвигнуть о Божиих оправданиях и о Боге, потому что оскорбительно для Божественных законов, когда произносятся языком осквернённым (прп. Исидор Пелусиот, 62, 261—262).

***

...Если чрез меру дерзки пытливо доведывающиеся о путях, т. е. о Домостроительствах Божиих, то не простираются ли за пределы великой дерзости скверным языком своим ведущие слово о Самом Боге, особенно когда допытываются, что такое Бог? (прп. Исидор Пелусиот, 62, 262).

***

Пределы всякой дерзости, полагаю я, преступили те, которые не прилагают никакого попечения о доблестной жизни, непрестанно же препираются о догматах. Ибо по заграждении их дерзости не дверями и печатями, что иной может и сокрушить, но Божиими словесами, которые гласят: *грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя, и восприемлеши завет Мой усты твоими?* (Пс. 49, 16) — простерли они дерзость до того, что не только входят в словопрения об оправданиях, отвергаемых ими с клятвою (что, может быть, было бы меньшее зло), но даже разногласят о неизреченном и пречистом Естестве. Посему посоветую таковым не терзать им со своей стороны скверными и проклятыми устами того, что божественно и едва уловимо для самых благоискусных, но обращать испы-

тание на самих себя; тогда, может быть, сотрут с себя, как ни есть, пятна, которые вопреки долгу сами на себя наложили (прп. Исидор Пелусиот, 63, 34—35).

***

Духовное слово вносит удовлетворительное убеждение в умное чувство; потому что оно (слово) действием любви исходит от Бога. Почему тогда ум наш без труда и тяжести движется в волнах богословствования, не терпя прискорбной и озабочивающей скудости светлых помышлений. В этом состоянии он свободно носится в многообъятных созерцаниях, сколько желает того действо любви. Доброе убо дело есть — для беседы о Боге всегда с верою ожидать воздействуемого любовью умного просвещения; ибо ничего нет скуднее ума, когда он без Бога берется любомудрствовать о Боге (блж. Диадох, 91, 10).

***

Как тому, кто не просвещен в духе, не должно касаться духовных созерцаний, так и тому, кто богатно осиявается благодатию Святаго Духа, не подобает приступать к беседе о них, ибо там скудость светлых помышлений облекает ум мраком неведения, а здесь обилие их не дает говорить, так как в эту пору душа, упиваясь любовью Божиею, желает безмолвно наслаждаться славою Господа. Итак, к богоглаголивым словесам (к беседе о Боге) надлежит приступать тогда, когда замечается средняя мерность в возбуждении духовном, ибо такая мера доставляет душе некий образ преславных словес (точно и ясно изображающих невидимые духовные предметы), между тем как в то

же время вожделенное осияние духовное питает веру говорящего в вере, чтоб учащий первым вкусил от плода ведения, источаемого любовью (блж. Диадох, 91, 10—11).

***

Все дары Бога нашего добры вельми и всеблагодательны, но ни один из них так не воспламеняет и не подвигает сердца к возлюблению Его благости, как богословствование. Ибо оно, будучи первейшим порождением благости Божией, первейшие и дары подает душе: во-первых, оно располагает нас с радостью презирать всякие приятные утехи житейские, так как в нем мы имеем вместо преходящих утех неизреченное богатство словес Божиих; а потом оно огненным некиим изменением ум наш озаряет и чрез то делает его общником служебных духов. Достодолжно убо приготовившись, возлюбленные, потечем к сей добродетели, благолепной, всезрительной, всякое попечение земное посекающей, в озарении света неизреченного ум питающей словесами Божиими, и, — чтобы не говорить много, — словесную разумную душу к нераздельному общению с Богом-Словом благоустрояющей чрез святых пророков. Да и в душах человеков, — о, дивное чудо! — устроив богогласные песни, сия божественная невестоводительница поет громко величия Божии (блж. Диадох, 91, 44).

***

Небезопасно плавать в одежде; небезопасно и касаться богословия тому, кто имеет какую-нибудь страсть (прп. Иоанн Лествичник, 58, 218).

***

...Когда... соединение с Богом еще не совершилось, тогда и беседовать о Боге трудно (прп. Иоанн Лествичник, 58, 249).

***

Из искренней любви рождается ведение естества, после же него наступит исполнение верха желаний, т. е. благодать богословия (авва Фалассий, 91, 314).

***

...Тем, кои именуются христианами и делают... дела диавола, что пользы от того, что они именуются христианами, когда явление Сына Божия не разрушило в них этих дел диавольских. Если кто скажет, что некоторые из таковых изъясняют Божественные Писания, богословствуют, проповедуют православные догматы, да ведает, что не в этом состоит дело Христово.

...Относительно же таковых скажу, что прежде надобно очистить сосуд от всякой скверны, и потом влагать в него миро, чтоб иначе не осквернилось само миро, и вместо благовония не исходило от него зловоние. Сын Божий и Бог Слово не для того соделался человеком, чтобы только веровали во Святую Троицу, прославляли Ее и богословствовали о Ней, а для того, чтобы разрушить дела диавола. В ком из принявших веру Христову разрушены будут дела диавола, тому можно вверять и тайны богословия и православных догматов. Те же, в коих не разрушены такие дела, и кои оказываются опутанными в них к бесчествованию и похулению Бога, те по существу дела стоят еще на одной линии с язычниками, которым воспрещено и возбранено

даже входить в храм Господень и молиться в нем Богу, а не только читать Божественные Писания и изъяснять их... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 89—90).

***

...Как возможно, чтобы право и чисто умствовал тот ум, который омрачен осквернённою совестью? Только тот, кто разрешился от дел диавольских и всегда содержит в памяти Бога, может верно возвещать тайны Божии, как невяжемый более делами диавола... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 91).

***

Говорить о Боге, исследовать яже о Нем, покушаться ясным представлять неуяснимое и понятным непостижимое для всех свойственно человеку самонадеянному и дерзкому. Между тем в эту погрешность впадают не только те, которые говорят что-либо о Боге от самих себя, но и те, которые с пытливостью исследуют и изучают, что сказали и написали против еретиков богословы Церкви нашей, не для того, чтобы получить от того некую пользу духовную, но чтоб стяжать похвалу от слушателей своих и именоваться богословами. Это очень печалит меня, печалит до изнеможения. Ибо я думаю, что сие покушение страшно, и что те, которые дерзают на него, будут осуждены Господом (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 76).

***

...Святая Троица есть единый Бог, неизреченный, безначальный, несозданный, непостижимый, неразделимый.

И невозможно нам ни умом постигнуть Его, ни достойно определить словом. Но чтоб нам совсем не забыть Бога, и храня о Нем полное молчание не казаться живущими, как какие-нибудь безбожники, для того снисходительно позволено нам говорить о Боге и божественном, сколько сие под силу человеческому естеству, говорить так, как научены мы божественными апостолами и богодухновенными отцами нашими, чтоб, воспоминая о Нем часто, славили мы Его благость и человеколюбивое Домостроительство, совершенное Им для нас. Но мы, как бы сведения не имея о том, что земля есмы и пепел, выходим за пределы меры своей и не трепеща исследуем, пытаем, гадаем, надумываем и в воображении своем произвольно <строим> то, что недомыслимо и неизреченно для самих Ангелов и для всех Небесных чинов, — произвольно мудрствуем о Боге и говорим о том без всякого благоговеинства и страха, как бы какие неверные, нисколько не наученные тайнам Божиим (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 80—81).

***

...Что сквернее того, кто, не хотя покаяться и предочистить себя, но минуя сие, приступает богословствовать с одним лжеименным знанием и внешнею мудростью и рассуждать с дерзостью и самоуверенностью о сущем, и сущем всегда неизменно одинаково? Такой, если бы не сделал никакого другого греха, — хотя это и невозможно, — за это одно делает себя повинным вечному мучению. Ибо всякий высокосердый нечист в очах Божиих. Некоторые же из таких до такого доходят несмыслия, что начинают говорить и думать, будто никакого не имеют греха (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 85).

***

...Удивляюсь я тем немалочисленным людям, которые прежде рождения от Бога и прежде вступления в чадство Ему не трепещут богословствовать и беседовать о Боге. Когда слышу, как многие, не понимая божеских вещей, философствуют о них и, будучи исполнены грехов, богословствуют о Боге и о всем Его касающемся без благодати Святаго Духа, дающего смысл и разум; трепещет, ужасается и некоторым образом из себя выходит дух мой, помышляя, что, тогда как Божество для всех непостижимо, мы, не знающие ни самих себя, ни того, что пред очами нашими, с дерзостью и бесстрашием Божиим приступаем философствовать о том, что непостижимо для нас, особенно будучи пусты от благодати Святаго Духа, просвещающего и научающего всему. Грешим мы даже тем самым, что допускаем при таком положении своем желание говорить что-либо о Боге (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 92).

***

Ни к тому, кто богословствует, не идет покаяние, ни к тому, кто кается, не идет богословствование. Ибо сколько отстоит восток от запада, столько богословие выше покаяния. Кто находится в состоянии покаяния и воистину творит дела покаяния, тот себя <являет> как человек больной, день за днем проживающий среди разнемоганий, или как бедный, одетый в рубища и просящий милостыню. А кто богословствует, тот походит на человека, который проводит время в царских палатах, в светлом царском уборе, всегда находится близ царя, беседует с ним и от него самого слышит ясно повеления его и все, чего он хочет (разумеется состояние созерцания, а не научное богословствование) (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 552).

***

Кто, с помощью созерцания и бесстрастия <пройдя> средину и миновав прелести мирского чувства, вступил с помощью слова, разума и ипостасной Премудрости Божией во мрак богословия, тот силою смирения поднимает теперь оружие против духа славолюбия, душу сокрушая священными откровениями и заставляя ее неболезненно проливать слезы, мудрование же свое низлагая памятованием о человеческой немощи и возвышая его разумениями Божественного разума (прп. Никита Стифат, 93, 101).

***

Всякий, износящий из уст своих полезные к созиданию ближнего слова, из благого *сокровища* сердца своего *износит* их, по слову Господа (Мф. 12, 35). Но никто не может войти в богословие и сказать подобающее о Боге, как только Духом Святым; и никто, Духом Божиим говорящий, не говорит того, что противно вере во Христа, но одно то, что назидает, что к Богу возводит и в Царствие Его вводит, древнее благородство восстановляет и с Богом соединяет. Если теперь *явление Духа каждому дается на пользу* (ср.: 1 Кор. 12, 7), то обогатившийся словом премудрости Божией и благую часть слова разума принявший, состоит под действием Божественного Духа и храм есть неистощимых сокровищ Божиих (прп. Никита Стифат, 93, 171).

***

Если желаешь... сделаться богословом и созерцателем, путем жизни взойди до сего и чистотою стяжи чистое (боговедение). Помянув о богословии, напоминаю тебе —

смотри, не простирайся в высоту его до безмерности и ведай, что не пристало нам еще млеком добродетелей напояемым покушаться воспарять туда, чтоб понапрасну не растерять перьев, как бывает с молодыми птенцами, хотя сладость ведения и сильно влечет наше желание. Когда же, по очищении целомудрием и слезами, восторгнемся от земли, как Илия или Аввакум, предначиная или предызображая имеющее некогда быть восхищение на облацех, и молитвою созерцательною, чистою и непарительною, став вне чувств, взыщем Бога, тогда, может быть, коснемся сколько-нибудь и богословия (прп. Феогност, 91, 378).

***

О Боге говори со всем расположением, особенно о Его любви и благости; однакож со страхом, помышляя, как бы не погрешить и в этом, сказав что о Божественном неблаголепно и смутив простые сердца слышащих. <Поэтому> люби паче внимать беседам о сем других, слагая словеса их во внутреннейшие хранилища сердца своего (прп. Никодим Святогорец, 70, 106).

БОГОСОЗЕРЦАНИЕ

Чтобы кто-либо по причине подвигов своих и многих стенаний и слез не подумал, что он совершает великое дело, дается ему познание страданий Христовых и всех святых. Рассматривая их, он изумляется от удивления и вместе сокрушает себя самого в подвигах. Ибо познает свою немощь от видения стольких искушений, которым нет числа, и того, как святые столько претерпели с радостью, и сколько ради нас пострадал Господь. Вместе с этим получа-

ет он просвещение к познанию соделанного и сказанного Господом. И, рассматривая все сказанное в Евангелии, начинает иногда горько рыдать от скорби, иногда же от благодарения радуется духовно, не потому, что думает иметь добрые дела, это было бы самомнение, но потому, что, будучи весьма грешным, удостоился такого видения; и более смиряется делом и словом... и нравственным, т. е. душевным деланием и хранением пяти чувств и заповедей Господних. И не считает это добрыми делами, достойными награды, но, напротив, долгом, и никак не надеется избавиться от долга, по величию дарованных ему познаний. И бывает как бы плененным разумением слов, которые читает и поет, и от сладости их часто невольно забывает грехи свои и начинает с радостью проливать слезы, сладкие как мед. И опять, боясь обольщения, чтобы это не было несвоевременно, удерживает себя и, вспоминая прежнюю жизнь свою, снова плачет горько, и так идет (вперед) посреди тех и других слез. (Но все это бывает), если он внимает себе и во всем советуется с кем-либо опытным, и повергается пред Богом с чистою молитвою, приличною проходящему деятельную жизнь, отвлекая ум свой от всего, что он слышал и видел, и собирая его в памятование о Боге, и ища только того, чтобы воля Божия совершалась во всех его начинаниях и разумениях. Если же не так, то он обольстится, думая, что увидит явление кого-либо из святых Ангелов или Христа, не понимая того, что желающий видеть Христа не вне должен искать Его, но внутри себя, подражанием жизни Его в мире, и тем, чтобы сделаться телом и душою безгрешным подобно Христу и всегда иметь ум мыслящим по Христе (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 47—49).

***

Когда душа... вожделевает Бога, тогда в молитве своей непрестанно созерцает Его, и о Нем помышляет ночь и день (прп. Ефрем Сирин, 31, 97).

***

Как солнце обличает слабость глаза, так Бог пришествием Своим — немощь души; и для одних Он свет, а для других огонь, смотря по тому, какое вещество и какого качества встречает в каждом (свт. Григорий Богослов, 12, 290).

***

Все те, которые, хотя теперь и взирают на Бога, но снова вводятся в заблуждение вещественными представлениями, недостойны хвалы ангельской, как безумно представляющие себе несуществующее. А кто острозрителен для одного Божества, тот слеп для всего иного, на что только обращены взоры многих (свт. Григорий Нисский, 20, 223).

***

...В естестве человеческом удовольствие двояко: одно производится в душе бесстрастием, а другое в теле страстию; которое из двух избрано будет произволением, то и возобладает над другим. Например, если кто обращает внимание на чувство, привлекаемый удовольствием, какое чувством производится в теле, то проведет он жизнь, не вкусив Божественного веселия, по привычке лучшее как бы помрачать худшим. А у кого вожделение устремлено к Боже-

ственному, для тех благо пребывает неомрачаемым, и все обворожающее чувство почитается достойным того, чтобы избегать сего. Посему душа, когда услаждается одним созерцанием сущего, не бывает бодрственна ни для чего такого, что приводит в удовольствие посредством чувства; но, усыпив всякое телесное движение, ничем неприкровенною и чистою мыслию в Божественном бодрствовании приемлет Богоявление (свт. Григорий Нисский, 20, 271—272).

***

Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. 5, 8). Бог предлагается зрению очистивших сердце. Но, как говорит великий Иоанн, *Бога никтоже виде нигдеже* (Ин. 1, 18). Подтверждает же это и высокий разумением Павел, сказав: *Егоже никтоже видел есть от человек, ниже видети может* (1 Тим. 6, 16). Это гладкий и несекомый камень, не показывающий на себе никакого следа восхождения мыслей; о Нем и Моисей также утвердил, что намеревающемуся преподать учение о Боге Он недоступен; потому что разумение наше никак не может приблизиться к Нему, по причине решительного отрицания всякой возможности постигнуть Его. Ибо Моисей говорит: *невозможно, чтобы узрел кто лице Господа и жив был* (ср.: Исх. 33, 20). Но видеть Бога есть вечная жизнь, а сии столпы веры: Иоанн, Павел и Моисей — признают сие невозможным. Видишь ли кружение, которым увлекается душа в глубину усматриваемого в слове? Если Бог — жизнь, кто не видит Его, тот не зрит и жизни. А что невозможно видеть Бога, свидетельствуют богоносные пророки и апостолы. На чем опереться человеческой надежде? Но Господь подкрепляет падающую надежду, как поступил

Он с Петром, подвергавшимся опасности утонуть, снова поставив его на твердую и не уступающую давлению ноги воду. Посему, если и к нам простреться рука Слова и нетвердо стоящих во глубине умозрений поставит на твердой мысли, то будем вне страха, крепко держась руководствующего нас Слова (свт. Григорий Нисский, 19, 436—437).

***

...Кто зрит Бога, тот в сем зрении имеет уже все, что состоит в списке благ: некончаемую жизнь, вечное нетление, бессмертное блаженство, некончаемое царство, непрекращающееся веселие, истинный свет, духовную и сладостную пищу, неприступную славу, непрестанное радование и всякое благо (свт. Григорий Нисский, 19, 438).

***

Помни же, что без целомудрия нельзя узреть Господа, хотя не всегда это можно и при целомудрии, потому что другое что-нибудь может воспрепятствовать (свт. Иоанн Златоуст, 45, 38).

***

...Созерцание Бога многоразлично бывает. Ибо Бог познается не в одном блаженном и непостижимом существе Своем, что предоставлено святым Его в будущем веке, но познается также из величества и красоты Его творений, из ежедневного Его устроения и провидения, из правосудия Его, из чудес, которые Он являет в каждом роде над святыми Своими. Ибо когда мы помыслим о беспредельном Его могуществе, о неусыпном Его оке, которое видит тайны

сердечные и от которого ничто не может скрыться, то объятые сердечным страхом, удивляемся и поклоняемся Ему. Когда помыслим, что Он знает число дождевых капель, песка морского и звезд небесных, то поражаемся величием естества и премудрости Его. Когда помыслим о неизреченной и неизъяснимой Его премудрости и человеколюбии, о непостижимом долготерпении, переносящем бесчисленные падения грешников, то прославляем Его. Когда помыслим о великой любви Его к нам, по которой Он, будучи Бог, не возгнушался для нас, ничего доброго не сделавших, сделаться человеком, чтобы избавить нас от обольщения, то возбуждаемся к люблению Его. Когда помыслим, что Он Сам, побеждая в нас врага нашего диавола, дарует нам жизнь вечную за одно произволение и расположение к добру, то поклоняемся Ему. Есть и другие бесчисленные, подобные сим, созерцания, чрез кои Бог становится видимым и уразумеваемым, и которые раскрываются в нас по качеству жизни и по чистоте сердца. Каковых никто совершенно не будет иметь, в ком хоть несколько еще живут плотские страсти... (прп. авва Моисей, 57, 180).

***

...Те одни чистыми очами созерцают Его Божество, которые, отрешаясь от низких земных дел и помыслов, восходят с Ним на высокую гору уединения, которая свободна от шума всех земных помыслов и смятений, удалена от примеси всех пороков, возвышена чистою верою и превосходством добродетелей, открывает славу лица Его и образ Его светлости тем, которые заслуживают видеть Его чистыми взорами души (прп. авва Исаак, 57, 353).

***

...Сколько дух возвысится в чистоте, столько же возвышеннее будет созерцать Бога, и будет возрастать в нем больше удивление в самом себе, нежели раскрываться способность высказаться, или слово для рассказа. Ибо как не испытавший не может умом постигнуть силу этого веселия, так испытавший не в состоянии будет изъяснить словом, подобно тому, как если бы кто захотел на словах объяснять сладость меда тому, кто никогда ничего сладкого не вкушал; точно, и этот не поймет ушами приятности вкуса, которой никогда устами не отведывал, и тот не возможет словами объяснить сладость, которую узнал вкусом, а только вследствие узнания приятности, необходимо, только молча, будет удивляться в себе сладости испытанного вкуса (прп. авва Херемон, 57, 398).

***

...Кто желает достигнуть созерцания Бога, тому необходимо со всем усердием и силою сначала приобрести деятельное знание. Ибо эта практика и без теории может быть приобретена, а созерцательное без практического знания вовсе не может быть приобретено. Ибо некоторые степени в таком порядке и расстоянии поставлены, что человеческое смирение может взойти до верха. Если они сказанным образом следуют одна за другой, то можно достигнуть высоты, на которую, по отнятии одной ступени, нельзя перелететь. Итак, напрасно стремится к созерцанию Бога тот, кто не уклоняется нечистоты пороков. Ибо Дух Божий удалится от лукавства и не будет обитать в теле, порабощенном греху (Прем. 1, 4—5) (прп. авва Нестерой, 57, 420—421).

***

Поелику *Бог наш огнь поядаяй есть* (Евр. 12, 29), то по чистоте своей созерцающие Бога справедливо называются *углием*, как воспламеняемые единением с Богом и оказывающиеся светилами в мире (прп. Исидор Пелусиот, 61, 2).

***

Ум, соединившийся с Богом верою, познавший Его деланием добродетелей, и сподобившийся зреть Его созерцанием, видит дивные и преславные чудеса. Он весь освещается и становится, как свет, хотя не может понять и изречь то, что видит. Ибо сам ум тогда есть свет и видит Свет всяческих, т. е. Бога, и Свет сей, который он видит, есть Жизнь и дает жизнь тому, кто Его видит. Ум видит себя совершенно объединенным с сим Светом и трезвенно бодрствует. Сознает он, что Свет сей внутри души его, и изумляется; изумляясь же, видит Его, как бы Он был вдали от него, потом, пришедши в себя, опять находит Свет сей внутри; и таким образом не находит ни слов, ни мыслей, что сказать и что подумать о Свете том, им видимом. Кто, слыша сие таинство, не удивится и, удивляясь, не прибегнет ко Христу? Кто не пожелает и себе узреть сии чудеса Божии? И кто не возлюбит Того, Кто дает нам такие преславные дары без цены? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 173).

***

...Потщимся узреть Его <Господа>, пока еще <мы> живы. Ибо если сподобимся узреть Его здесь, то не умрем и

смерть не возгосподствует над нами (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 180).

***

...Пусть никто из тех, которые не видят Господа, не говорит, что невозможно Его видеть; тогда как это не только не невозможно, но и очень легко. Если Он, как Сам говорит, есть *Свет миру* (Ин. 8, 12), то <те>, которые Его не видят, конечно, слепы суть, а слепы они суть потому, что ни Его не возлюбили, ни заповедей Его не соблюли. Ибо если бы они возлюбили Его и заповеди Его соблюли, то и они всею душою возжелали бы и взыскали бы увидеть Его, и Он всеконечно Сам явил бы Себя им, яко неложный, существенно истинный и самоистина. Он затем и пришел в мир, чтобы светом Своей славы и Своего Божества просветить всех находящихся в мире и сидящих во тьме. Итак, которые христиане не видят умно Господа, не освещаются явственно и знательно Его Божеским светом, не видят Его пребывающим в себе, пусть не говорят, как неверные, что невозможно Его видеть; но каждый из нас... пусть испытает совесть свою... и, конечно, найдет, что сам виноват, что не имеет в себе Бога и не видит славы Его; а затем пусть покается и восплачет о себе, что находится в таком бедном состоянии, и потщится покаянием и исповеданием возвратить потерянное... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 300—301).

***

Блаженны те, которые каждочасно очами ума приемлют неизреченный свет, потому что они как во дни благооб-

разно ходить будут и все время жизни своей проживут в духовном радовании (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 57).

***

Как тот, кто стоит на берегу моря, видит безмерную пучину вод, но предела их не досягает зрением, а видит только малую некую часть их: так и тот, кто сподобился через созерцание узреть безмерное море славы Божией и видеть мысленно Самого Бога, видит умными очами Бога и бездну славы Его, не всю, сколько ее есть, но лишь столько, сколько сие возможно для него (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 554).

***

Ум, обращаясь к Богу, после того, как пресечет в себе все образные представления Сущего, зрит Его безвидно, и взор свой тем просветляет, несмотря на несовершенное ведение Созерцаемого, по причине неприступной Его славы. Не ведая, однако же, Созерцаемого по непостижимости Его, ум истинно знает, что Он есть собственно Сущий и Един имеет пресущное бытие; богатством же источающейся от Него благости питая свою к Нему любовь и удовлетворяя свои стремления, сподобляется всегдашнего блаженного в Нем успокоения (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 181).

***

Кто увидел Бога в управлении Его миром, кто возблаговел пред этим управлением... тот только может...: распять

волю и мудрование греховные и веществолюбивые на кресте Евангельских заповедей (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 79).

БОГОУГОЖДЕНИЕ

Если же мы стараемся и домогаемся сделаться угодными Богу, то должны презирать людские ругательства и злословия (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 258).

***

Но во всем... должно... отречься от своих хотений, чтобы постигнуть Божие намерение, т. е. какие делания угодно Богу, чтобы мы проходили; если же не так, то не может... <человек> спастись никоим образом (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 7).

***

Помышляя о Боге, будь благочестив, независтлив, добр, целомудр, кроток, щедр по силе, общителен, неспорлив и подобное, ибо всем этим угождать Богу есть некрадомое богатство души, а также не осуждать никого, или ни о ком не говорить, что он-де нехорош, согрешил, но лучше разыскивать свои худые дела и свою жизнь рассматривать... угодна ли она Богу (прп. Антоний Великий, 89, 79).

***

Если ты предал себя Богу, соблюдай все Его заповеди, и что тебе повелевается, делай то тщательно, ничего не опус-

кая; потому что, если думаешь опускать что, то не отпустятся тебе прежние грехи твои; если же твердо положишь исполнять все (до положения живота), то будь уверен, что прежние грехи твои уже прощены (прп. Антоний Великий, 89, 105—106).

***

...Чем лучше можно угодить Богу?.. Самое угодное Богу дело есть дело любви. Его исполняет тот, кто непрестанно хвалит Бога в чистых помышлениях своих, возбуждаемых памятью о Боге, памятью об обетованных благах и о всем, что Он для нас совершить благоволил. От памятования о всем этом рождается любовь полная... (прп. Антоний Великий, 89, 131—132).

***

...Невозможно нам угодить Богу, имея в себе ненависть и вражду (прп. авва Исаия, 89, 335).

***

Бог умилостивляется не кровью животных, не заколениями жертвенными, но сердцем сокрушенным (свт. Василий Великий, 6, 37).

***

...Упражнение в благоугождении Богу, по Евангелию Христову, бывает успешно при удалении от мирских попечений и при совершенном удалении себя от развлечений (свт. Василий Великий, 9, 90).

***

...<Невозможно> благоугодить Богу среди душевных развлечений, при которых душа подвергается опасности быть уловленною кознями диавольскими, и оказывается достойною поругания и смеха за недовершение того, чего решилась достигнуть (свт. Василий Великий, 9, 288—289).

***

Блажен человек, который имеет попечение угодить Господу и тело свое сохранить чистым, чтобы соделаться святым и нескверным храмом Христа Царя (прп. Ефрем Сирин, 32, 68).

***

...Если хочешь благоугодить своему Господу, облекись в ризу смирения, ибо как скоро увидит тебя в ней, возрадуется о тебе и прославит тебя в Царстве Своем (прп. Ефрем Сирин, 33, 117).

***

Да потщится только человек стать приятным и благоугодным Ему <Богу>, и на самом опыте ощутительно узрит небесные блага, невыразимое наслаждение, беспредельное богатство Божества... (прп. Макарий Египетский, 67, 29).

***

Ты делаешь приятное Богу, и ищешь еще другой награды. Истинно не знаешь ты, какое великое благо угодить

Богу; потому что, если бы ты знал это, то никакой другой награды не сравнял бы (с этим благом) (свт. Иоанн Златоуст, 45, 162).

***

...Чтобы нам сделаться любезными Богу, будем развивать эту <душевную> красоту, ежедневно смывая всякую нечистоту чтением Писаний, молитвами, милостынями, единомыслием друг с другом... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 615).

***

...Желающему угождать Богу и быть добродетельным и чистым, совершенно необходимо вести жизнь не спокойную, приятную и беспечную, но прискорбную и исполненную многих трудов и подвигов... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 824).

***

...Если мы хотим быть любезными Господу, то, оставив попечение об украшении тела, будем каждый день заботиться о красоте души... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 199—200).

***

Когда мы угождение Богу будем предпочитать всему, то все доброе как бы рекою потечет к нам, и мы не будем иметь никаких скорбных чувств, потому что благость Божия все будет ниспосылать нам в изобилии (свт. Иоанн Златоуст, 48, 423).

***

Богу угодны не царский венец и держава, но пепел с власяницей; не блеск багряницы, но рубище; не златокованый трон, украшенный камнями, но исповедание (грехов) (свт. Иоанн Златоуст, 49, 762).

***

...Будем во всем повиноваться Богу и ни в чем не будем противоречить, хотя бы слова Его казались противными нашим мыслям и взглядам; но пусть управляет слово Его нашими мыслями и взглядами (свт. Иоанн Златоуст, 51, 826).

***

...Ему <Богу> приятны не столько многоценные приношения, сколько нелицемерные жертвы от чистого сердца (свт. Иоанн Златоуст, 55, 941).

***

Два вида благочестия... Первый самый святой и божественный — в душе; потому что прекраснейшая и самая угодная Богу жертва — иметь чистое сердце, представлять в уме Божие присутствие, твердо и постоянно хранить оное во святилище души. Другой вид — в чистоте тела. В ком нет сих двух видов, тот, если принесет в дар самые редкие драгоценности суши и моря... не угодит Богу (прп. Исидор Пелусиот, 62, 205—206).

***

...Любителю того, что угодно Богу, по справедливости даруется упоение обилием небесных благ (свт. Кирилл Александрийский, 66, 11).

***

Если желаем воистину угодить Богу и блаженнейшею возлюблены быть от Него любовью, представим Богу ум наш нагим, ничего от века сего не влекущим с собою и в себе, ни искусства, ни знания, ни софистического мудрования, хотя бы мы изучили всю премудрость мирскую. Ибо Бог отвращается от того, кто приступает с самомнительным нравом, упитан тщеславием и надмен (прп. Иоанн Карпафский, 91, 89).

***

...Как никто из произведших множество изделий не может сказать, что произвел их ночью и без света, так и тот, кто ведет жизнь Богу угодную, не может сказать, что ведет ее без Умного Света. Если дерзнет кто сказать это, то явный он лжец и сын диавола. Таковый никогда не познавал себя и немощи своей, и совсем не вступал на путь Божий (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 165).

***

...Какими делами угодили Богу удалявшиеся в горы и жившие в пещерах? Никакими, кроме дел покаяния с верою и любовью. Оставя мир весь, они последовали Христу, и прияв Его в себя, упокоивали, насыщали и напояли Его в себе, посредством покаяния и слез (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 189—190).

***

...Устранимся, братие, молю, от Богу ненавистных дел и слов, чтобы со дерзновением называть Бога Отцом. Обратимся к Нему в истине, дабы и Он обратился к нам и очистил нас от всякого греха и сделал достойными Его Божественной благодати. Ибо таким образом и во веки мы будем торжествовать и праздновать богодухновенно и духовно исполнение Божественного обетования — пришествие Всесвятаго Духа к людям и почивание Его на них, результат и исполнение блаженной надежды, в Самом Христе Господе нашем... (свт. Григорий Палама, 26, 247).

***

...Часто случается, что, желая или не желая чего-либо собственно для себя, в свою угоду, мы думаем, что желаем или не желаем того, единственно для угождения Богу. Чтобы избежать такого самопрельщения, исключительное средство — чистота сердца, которая состоит в совлечении ветхого человека и в облачении в нового. К этому направляется вся невидимая брань.

Желаешь ли научиться искусству, как это делать, послушай. В начале всякого своего дела надлежит тебе совлещись, сколько возможно, всякого собственного хотения и ни желать, ни делать, ни отклоняться от дела, если прежде не восчувствуешь, что тебя к тому подвигает и устремляет единственно сознание на то воли Божией. Если во всех своих делах внешних, и наипаче внутренних — душевных, не можешь ты всегда действительно чувствовать это подвижение от Бога, удовольствуйся возможностью его в тебе, именно — всегда имей искренне такое настроение, чтобы во всяком деле ничего не иметь в виду, кроме единого угождения Богу.

Чтобы действенно чувствовать подвижение от Бога на дело, это бывает или чрез Божественное просвещение, или мысленное озарение, в коих чистым сердцам созерцательно открывается воля Божия, или чрез внутреннее вдохновение Божие, внутренним некиим словом, или чрез другие действия благодати Божией, в чистом сердце действуемые, как-то: теплоту животочную, радость неизреченную, взыграния духовные, умиление, сердечные слезы, любовь Божественную и другие боголюбивые и блаженные чувства, не по воле нашей бывающие, но от Бога, не самодеятельно, а страдательно. Всеми такими чувствами удостоверяемся, что то, что ищем сделать, есть по воле Божией. Прежде же всего надлежит нам теплейшую и чистейшую воссылать к Богу молитву, всеусердно моля Его, однажды, дважды и многажды, просветить тьму нашу и вразумить нас. Трижды помолись, говорят великие старцы — Варсонофий и Иоанн, и потом куда склонится сердце твое, то и делай. Не следует притом забывать, что при всех исчисленных внутренних движениях духовных, образующиеся в тебе решения должен ты поверять советом и рассуждением опытнейших.

В отношении к делам, которых совершение должно длиться или навсегда, или более или менее долгое время, не только в начале приступания к ним надлежит иметь в сердце искреннее решение трудиться в них только для угождения Богу, но и после, до самого конца должно почасту обновлять такое благонастроение. Ибо если ты не будешь так поступать, то находиться будешь в опасности быть опять оплетену узами естественной к самому себе любви, которая, клонясь более к самоугодию, нежели к богоугождению, с продолжением времени нередко успевает незаметно уклонить нас от первоначального доброго благонастроения и доводит до изменения первых добрых намерений и целей...

...Кто не внимает добре сему, тот после того, как начнет делать какое дело с единственною целью благоугодить Господу, потом мало-помалу нечувствительно вводит в то дело и самоугодие, находя в нем и своим пожеланиям удовлетворение, и это в такой степени, что уже совсем забывает о воле Божией. И связывается он услаждением от того дела так сильно, что если Сам Бог воспрепятствует ему исполнять его или посредством болезни какой, или чрез искушение от людей и бесов, или другим каким образом, он возмущается против того весь, и нередко осуждает то одного, то другого, что послужили ему препоной в любимом ему течении дел, иной же раз ропщет на Самого Бога: что явным служит признаком, что их сердечное настроение не Божие, а породилось от поврежденного и гнилого корня самолюбия (прп. Никодим Святогорец, 70, 38—40).

***

...Пусть какое-либо дело будет по себе самое простое и последнее, но когда оно творится единственно для благоугождения Богу и во славу Его, тогда оно бывает несравненно ценнее в очах Божиих, нежели многие другие высокие, славные и величайшие дела, совершаемые не с этою целью (прп. Никодим Святогорец, 70, 41).

***

...Внутренний подвиг, который должно тебе держать при каждом деле, подвиг — направлять свои мысли, чувства и дела к одному богоугождению, сначала покажется тебе трудным, но потом он сделается легким и удобным, если, во-первых, непрерывно будешь упражняться в таком духовном делании, а во-вторых, всегда будешь возгревать в себе вожделение Бога, к Нему воздыхая живым устремле-

нием сердца, как к единому совершеннейшему благу, достойному того, чтобы Его искать для Него Самого, Ему служить и Его любить паче всего другого.

Такое искание беспредельного блага в Боге чем чаще будет происходить в сознании и чем глубже будет проникать в чувство сердца, тем чаще и тем теплее будут совершаться сказанные действия воли нашей и тем скорее и удобнее образуется в нас навык — всякое дело делать по одной любви к Господу и по одному желанию благоугодить Ему, наидостойнейшему всякой любви (прп. Никодим Святогорец, 70, 42).

***

Чтобы с большим удобством мог ты подвигать волю свою — во всем желать одного угождения Богу и славы Его, припоминай почаще, что Он прежде разными образами почтил тебя и явил к тебе любовь Свою: создал тебя из ничего по образу и подобию Своему и все другие твари сотворил на служение тебе; избавил тебя от рабства диаволу, послав не Ангела какого, но Сына Своего Единородного, чтобы Он искупил тебя, не тленною ценою злата и серебра, но бесценною Кровью Своею и Своею смертью, самою мучительною и уничижительною; после же всего этого каждый час и каждое мгновение сохраняет тебя от врагов; борется за тебя Божественною благодатию Своею; уготовляет в питание и защищение тебя в Пречистых Тайнах Тело и Кровь возлюбленного Сына Своего (прп. Никодим Святогорец, 70, 42—43).

****

Брат попросил наставления у аввы Пимена. Старец сказал ему: «Доколе котел разогрет горящим под ним ог-

нем, дотоле не дерзает прикасаться к нему ни муха, ни пресмыкающееся. Когда же котел остынет, тогда свободно садятся на него все гады. Подобное этому совершается и с иноком. Доколе инок пребывает в духовном делании, дотоле враг не находит возможности победить его» (97, 212).

***

Авва Павел и Тимофей, занимаясь в скиту своим рукоделием, терпели беспокойство от братии. Однажды Тимофей говорит своему брату: «Чего мы хотим от нашего искусства? Целый день нам нет покоя». Авва Павел сказал ему в ответ: «Довольно с нас и ночного безмолвия, если только ум наш будет бодрствовать» (97, 238).

БОГОУПОДОБЛЕНИЕ

...Последует Христу тот, кто держится заповедей Его, кто шествует путем Его учения, идет по стопам и следам Его, подражает учению и делам Христовым... (сщмч. Киприан Карфагенский, 65, 318).

***

Не мимоходом выслушивать богословские слова, но прилагать старание в каждом речении и в каждом слоге открывать сокровенный смысл, есть дело не нерадивых в благочестии, но знающих цель нашего призвания; потому что мы обязаны уподобляться Богу, сколько это возможно для естества человеческого; уподобление же невозможно без ведения... (свт. Василий Великий, 7, 192).

***

...Бог, сотворивший человека, есть истинная жизнь: потому, кто утратил подобие Божие, тот утратил и общение с жизнью... (свт. Василий Великий, 9, 56).

***

Если хочешь быть богом, показывай свою деятельность не в том, чтобы делать зло, но в том, чтобы делать добро (свт. Григорий Богослов, 16, 208).

***

Блажен человек, который пред очами имеет Небесного Владыку и Его страдания, который распял себя самого для всех страстей и для всего земного и стал подражателем собственного своего Владыки (прп. Ефрем Сирин, 32, 222).

***

...Кто соделался чуждым всего разумеемого под именем порока, тот некоторым образом по такому нраву делается богом, доводя до преспеяния в себе то, что разум признает и о Божественном естестве (свт. Григорий Нисский, 18, 452).

***

...Конец добродетельной жизни есть уподобление Божеству. Но Бесстрастное и Чистое совершенно неподражаемо для людей; потому что совершенно невозможно, чтобы жизнь страстная уподобилась Естеству, не допускающему в себе страстей. Посему, если *блажен един Бог*, как именует Его Апостол (ср.: 1 Тим. 6, 15), а для людей общение в

блаженстве возможно чрез уподобление Богу, подражание же это крайне трудно, то следует, что и блаженство человеческой жизни недоступно. Но и в Божестве есть нечто такое, что, как возможное, предлагается желающим для подражания. Что же это именно?.. — нищета духа; ею Писание именует добровольное смиренномудрие. В пример же оной Апостол показывает нищету Божию, говоря: Он *нас ради обнища богат сый, да* мы *нищетою Его* обогатимся (ср.: 2 Кор. 8, 9). Итак, поелику все прочее, что усматривается относящимся к Божественному естеству, превышает меру естества человеческого, а смирение есть нечто нам сродное и совозросшее с нами, которые по земле ходим, из земли имеем состав и в землю возвращаемся; то и ты, уподобившись Богу в том, что для тебя естественно и возможно, сам облачаешься в блаженный сей Образ (свт. Григорий Нисский, 19, 366—367).

***

...Не иначе можно возвыситься до Бога, как только всегда взирая в горнее и имея непрекращающееся вожделение высшего... (свт. Григорий Нисский, 19, 419).

***

Видишь ли, как беспредельно шествие для восходящих к Богу, как пройденное делается всегда началом тому, что лежит выше? (свт. Григорий Нисский, 20, 276).

***

Скажешь мне: но как для человеческого смирения возможно простирать стремление к блаженству, усматриваемо-

му в Боге, когда в сем самом повелении как будто выказывается неудобоисполнимость его? Ибо как возможно земному уподобиться Тому, Кто на небесах, когда самое различие по естеству показывает недостижимость подражания? Ибо как невозможно лицом достать до величия небес и содержащихся в них красот, так и земному человеку равно невозможно уподобиться Небесному Богу. Но Слово (Писания) о сем ясно: не приравнивать естество человеческое естеству Божескому повелевает оно, но (Его) благим действиям, сколько возможно, подражать в жизни. Итак, какого рода наши действия могут быть подобны действиям Божиим? Отчуждаться всякого зла, сколько возможно, делом, словом и помышлением стараясь быть чистыми от осквернения им (свт. Григорий Нисский, 24, 219—220).

***

Ничем столько человек не уподобляется Богу, как благотворением другим. Но делая благодеяния, всячески опасаться должно, как бы не обратить их в промысл (авва Евагрий, 89, 634).

***

...Мы уподобляемся Богу... тогда, когда делаем правду, показываем человеколюбие, бываем добрыми и кроткими, оказываем милосердие к ближним, упражняемся во всякой добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 50, 448).

***

...Как нам... сделаться подражателями Христу? — Делая все для общего блага и не ища своего (свт. Иоанн Златоуст, 52, 101).

***

...Тому, кто истинно хочет следовать Богу, нужно отрешиться от уз житейских привязанностей, а это совершается чрез удаление и забвение старых привычек (свт. Иоанн Златоуст, 53, 966—967).

***

Ничем ты не можешь столько подражать Христу, как попечением о ближних; постишься ли ты, спишь ли на земле, изнуряешь ли себя, но если ты не печешься о ближнем, то не делаешь ничего важного, и при всем том еще далеко отстоишь от образца (свт. Иоанн Златоуст, 54, 247).

***

Мы можем уподобиться Богу тем, если будем любить всех, даже и врагов, а не тем, если будем совершать знамения... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 37).

***

...Кто желает быть подобным Богу, пусть будет, по силе человеческой, кротким и смиренным, и пусть благородно переносит, когда будет терпеть что-либо ужасное от посторонних (свт. Иоанн Златоуст, 56, 390).

***

...Кто посредством любви достигнет уподобления Богу, тот будет находить удовольствие в добре по самому уже расположению к добру (прп. авва Херемон, 57, 375).

***

...Если хочешь уподобиться Христу, то прощай падшим грехи великие; потому что на малые и как бы общие не обращают многие и внимания, и прощают их по одной просьбе; а грехи тяжкие отпускаются только теми, у которых высока совесть пред Богом... (прп. Исидор Пелусиот, 61, 97).

***

...Хотя Владычная добродетель и неподражаема, но, когда по возможности стараемся подражать ей, не будем в подражании безуспешными. Как учители чистописания, взяв грифель, с великой красотою начертывают для детей буквы, чтобы дошли хотя до низшей степени подражания, так и Божия благодать предложила нам образцы добродетели, чтобы мы подражали, сколько для нас достижимо. Посему то, что не можем подражать совершенно, да не отвращает нас от того, что для нас возможно, но наипаче великим да представляется нам то, что удостоены мы, хотя отчасти, соделаться подражателями Божию образу (прп. Исидор Пелусиот, 63, 352).

***

Если все имена, усвояемые Божественному и чистому естеству, превышают меру человечества, то всего приличнее для нас уподобляться Божеству в возможном и сообразном с нашею природою. Что же это такое? — Смиренномудрие (прп. Исидор Пелусиот, 63, 355).

***

Все мы люди по образу Божию есмы; быть же по подобию Божию есть принадлежность одних тех, которые по

великой любви свободу свою поработили Богу. Ибо когда мы не бываем своими самим себе, отвергаемся себя, тогда бываем подобны Тому, Кто по любви Своей примирил нас с Собою; — чего никто не может достигнуть, если не убедит души своей не увлекаться прелестями жизни самодовольной и самоугодливой (блж. Диадох, 91, 9).

***

Твердое и верное основание надежды на обожение для естества человеческого есть вочеловечение Бога, в такой мере делающее человека богом, в какой Сам Бог соделался человеком. Ибо явно, что Соделавшийся без греха человеком может обожить и естество без преложения его в Божество, в такой мере возвысив его до Себя, в какой Сам смирил Себя человека ради (прп. Максим Исповедник, 91, 257).

***

Трудами и искушениями должны мы очистить образ, по коему были мы созданы разумными и способными воспринимать всякое разумение и Богу уподобление, нося чувства, чистые от всякой скверны чрез переплавление их некако в пещи искушений, и претворяемы бывая в царское достоинство (прп. авва Филимон, 91, 367).

***

...Кто сочетал свою волю с Божественным Духом, тот соделался богоподобным; восприняв в сердце Христа, он (поистине) стал христианином от Христа, имея в себе вообразившимся Единого Христа, совершенно неуловимого и поистине неприступного для всех тварей (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 45).

***

Как голый телом, когда наденет какую-либо одежду, чувствует то и видит, что это за одежда, так и обнаженный душою, когда облекается в Бога, чувствует то и познает (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 109—110).

***

Богоподобия, сколько оно для нас доступно, невозможно улучить ревнителю, если он наперед теплыми слезами не смоет приразившейся к нему тины греховной и не прилепится к исполнению святых заповедей Христовых. Иначе невозможно ему сделаться причастником неизреченных Божиих благ. Ибо желающий умно вкусить божественной сладости всецело отстает от всякого мирского чувства и душу свою всю занимает созерцанием отложенных святым благ (прп. Никита Стифат, 93, 160).

***

Сохранить неизменным богоподобие, стяжеваемое крайнею чистотою и полною любовью к Богу, возможно только при непрестанном простирании ока ума к Богу, в Котором душа обыкновенно установляется чрез постоянное пребывание в доброделании, чрез непрестанную, чистую и непарительную молитву, чрез всестороннее воздержание и усердное чтение Писаний (прп. Никита Стифат, 93, 160).

***

Подобие человека Богу, признанное Богом, доставит человеку блаженную вечность; утрата этого подобия влечет за собою изгнание от мира Божия в мрачный ад, в его огнен-

ную пропасть на вечные страдания (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 505).

***

Сердце становится богоподобным, когда оно отрешается от всех привязанностей земных и прилепляется к вещам духовным и небесным (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 94).

БОДРСТВОВАНИЕ

...Христианин должен бодрствовать сердцем и тогда, когда спит <телесно> (сщмч. Киприан Карфагенский, 65, 222).

***

Без внимания и бдительности ума невозможно нам спастись и избавиться... от диавола, ***яко льва, рыкающа и ищуща кого поглотити*** (ср.: 1 Пет. 5, 8) (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 55).

***

...<Будь бдительным>, потому что добрый нрав образуется в нас многим временем и трудом, и то, что приобретено многим трудом и временем, можно потерять в одну минуту (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 100—101).

***

Блажен, кто бодрствует в молитвах, чтении и добрых делах; он просветится и не уснет в смерть (прп. Ефрем Сирин, 30, 529).

***

...Каждый час надобно быть нам в готовности, чтобы позванным внезапно не оказаться <нам> не готовыми (прп. Ефрем Сирин, 32, 365).

***

Будем бодрствовать, будем прилежны к святым молитвам, чтобы в день Воскресения с мудрыми девами встретить Жениха (прп. Ефрем Сирин, 33, 297).

***

Бодрствует и невоздержанный, потому что обременен и мучается от многоядения. Ему бдение служит наказанием за неумеренное принятие пищи. Бодрствует и купец, ночью утомляя свои руки над счислением денег... Бодрствует и богатый, потому что и у него достояние его прочь гонит сон; спят его псы, а он стережет свои сокровища от татей. Бодрствует и многозаботный; многопопечительностью поглощен его сон (прп. Ефрем Сирин, 34, 148).

***

Благоразумно бодрствующий избирает для себя одно из двух: или спать приятно, или бодрствовать как должно (прп. Ефрем Сирин, 34, 149).

***

Кто бодрствует не в чистоте, тому бодрствование даже вредно (прп. Ефрем Сирин, 34, 149).

***

Если бодрствует гневливый, то бдение его возмущено гневом, бодрствование его исполнено ярости и проклятий (прп. Ефрем Сирин, 34, 149).

***

Если бодрствует говорливый, то уста его — мост, по которому все проходит, потому что скор он на грех и ленив на молитву (прп. Ефрем Сирин, 34, 149).

***

...Должно бодрствовать, всюду наблюдать за врагом, чтобы, если употребит какую бесстыдную хитрость, отразить его прежде, нежели коснется души (прп. Макарий Египетский, 67, 336).

***

...Внимательный и бдительный не только не терпит никакого вреда от людей, но отклоняет и небесный гнев... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 492).

***

...Нужно трезвиться, бодрствовать и быть готовым ко всему, чтобы и в счастии быть нам сдержанными, и в скорбях не унывать, а сохранять вѣликое благоразумие... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 13).

***

...Никакое время так не удобно для него <диавола>, как то, когда мы беспечны, поэтому мы должны непрестанно

бодрствовать и заграждать ему доступ к нам (свт. Иоанн Златоуст, 48, 32).

***

...Зная, что мы всю настоящую жизнь должны проводить в войне, будем вооружать себя так, как будто враг стоит перед нами... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 33).

***

Как, предавшись беспечности, мы терпим вред и от самых маловажных вещей, так если захотим быть бдительными, то, хотя бы тысячи людей влекли нас к нечестию, ничто не может ослабить нашей ревности... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 223).

***

...Если будем бдительны, враги не только не повредят <нам>, но и принесут величайшую пользу, делая нас во всем более тщательными, только бы скорбь, ими нам причиняемая, вела нас не к ругательствам и обидам, а к молитве (свт. Иоанн Златоуст, 48, 788).

***

Зодчий, хотя и опытен, хотя и очень искусен, все же стоит со страхом и трепетом, боясь упасть со здания. И ты уверовал, совершил много доброго, взошел на высоту: держи же себя крепко, стой со страхом и смотри бодро, чтобы не упасть оттуда (свт. Иоанн Златоуст, 55, 228).

***

...Если всю жизнь свою не пребудем в бдительном подвиге, то не избежим сетей диавола и победной награды не получим (прп. Феодор Студит, 92, 432).

***

Будем внимать себе напряженно и непрерывно: ибо день и ночь не отступают ведущие войну против нас <демоны> (прп. Феодор Студит, 92, 569).

***

До последнего издыхания нельзя оставлять опасливости от ожидания крушений (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 174).

БОЛЕЗНИ

Знай, что телесные болезни естественно свойственны телу, как тленному и вещественному. Итак, в случае таких болезней, душе обученной (добру) должно с благодарностью показывать мужество и терпение, и не укорять Бога — зачем создал тело (прп. Антоний Великий, 89, 76).

***

Если почувствуешь, что смущается болезнью душа, то скажи ей: эта болезнь не легче ли геенны, в которую ты пойдешь, если не будешь тверд и постоянен в терпении... (прп. авва Исаия, 60, 25).

***

Если схватит тебя болезнь, не унывай и не падай духом; но возблагодари Бога, что Он промышляет доставить тебе болезнью <этой> благо (прп. авва Исаия, 89, 450).

***

...Поражается плоть, чтобы исцелилась душа, умерщвляется грех, чтобы жила правда (свт. Василий Великий, 8, 129).

***

...Не малая опасность впасть умом в эту ложную мысль, будто бы всякая болезнь требует врачебных пособий, потому что не все недуги происходят естественно и приключаются нам или от неправильного образа жизни, или от других каких-либо вещественных начал, в каких случаях, как видим, иногда полезно бывает врачебное искусство; но часто болезни суть наказания за грехи, налагаемые на нас, чтобы побудить к обращению (свт. Василий Великий, 9, 172—173).

***

Находим же, что у святых бывает и другая <особая> причина недугов, как у апостола <Павла>, чтобы <другие> не подумали, что он преступает пределы человеческого естества... (свт. Василий Великий, 9, 173).

***

...Как не должно вовсе бегать врачебного искусства, так несообразно полагать в нем всю свою надежду. Но как пользуемся искусством земледелия, а плодов просим у Господа, или вверяем кормило кормчему, а молим Бога, чтобы

спас нас от потопления, так, вводя к себе врача, когда дозволяет сие разум, не отступаемся от упования на Бога (свт. Василий Великий, 9, 174).

***

...Те, которые худым образом жизни сами приобрели болезнь, должны... пользоваться телесным врачеванием, как некоторым образцом и примером для попечения о душе (свт. Василий Великий, 9, 174).

***

Не оставляй в пренебрежении недужного, ибо написано: ***иже затыкает ушеса своя, еже не послушати немощнаго, и той призовет, и не будет послушаяй*** (Притч. 21, 13) (прп. Ефрем Сирин, 30, 145).

***

Если впадешь в недуг, возлюбленный, помни, кто говорит: ***сыне, не пренебрегай наказания Господня***... (Притч. 3, 11) (прп. Ефрем Сирин, 30, 149).

***

Если случится тебе впасть в болезнь, то не часто пиши к родителям по плоти: не прибегай к мертвой помощи и человеческому покровительству, но лучше будем иметь долготерпение, ожидая милости от Бога, чтоб Он управил нас во всем; ибо бывает время, когда и плоть имеет нужду во вразумлении. Во всем же будем благоугождать Господу, ***яко Той печется о нас*** (ср.: 1 Пет. 5, 7) (прп. Ефрем Сирин, 30, 573).

***

Когда человек болен, тогда и душа его паче меры начинает искать Господа. Почему вразумление хорошо, если только вразумляемый благодарит... (прп. Ефрем Сирин, 30, 574).

***

Причина болезни — грех, собственная своя воля, а не какая-либо необходимость (прп. Ефрем Сирин, 34, 76—77).

***

За те болезни, какие терпели члены твои, соделаешься подобно юному орлу (прп. Ефрем Сирин, 34, 297).

***

Стражду от болезни и изнемогаю телом. Иные высоковыйные, может быть, смеются над моим страданием. Расслабли мои члены, и ноги ходят нетвердо. Не знаю, следствие ли это воздержания, или следствие грехов, или какая-нибудь борьба. Впрочем, благодарение моему Правителю! Это может быть для меня же лучше. Но запрети болезни, запрети словом Своим; Твое слово — для меня спасение! А если не запретишь, дай мне терпение — все переносить. Пусть тля и достанется тле; соблюди образ, тогда будешь иметь во мне и совершенного раба (свт. Григорий Богослов, 16, 6).

***

...<Болезнь> для духовной моей части служит некоторым очищением, а в очищении всякий имеет нужду, как бы ни был он крепок... (свт. Григорий Богослов, 16, 38).

***

Страдаю от болезни, и радуюсь, не тому, что страдаю, но тому, что могу быть учителем в терпении для других. Ибо, когда не могу сделать, чтобы не страдать, приобретаю страданием то, что переношу его, и благодарю как в радостях, так и в скорбях, будучи уверен, что все случающееся с нами у Слова не без разумной причины, хотя нам и кажется, что нет такой причины (свт. Григорий Богослов, 17, 278—279).

***

...Кто создал душу, Тот сотворил и тело, и Кто исцеляет бессмертную душу, Тот может уврачевать и тело от временных страданий и болезней (прп. Макарий Египетский, 67, 308).

***

Бог часто попускает тебе впасть в болезнь не потому, чтобы Он оставил тебя, но с тем, чтобы более прославить тебя. Итак, будь терпелив... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 660).

***

Вот это (терпение в болезни) настоящий мученический венец! Мучеником бывает не тот только, кто, получив повеление (от мучителя) принести жертву (языческим богам), порешил лучше умереть, чем принести жертву; нет, мученичество, очевидно, есть и то, когда человек вообще соблюдает (ради Христа) что-либо такое, чем может навлечь на себя смерть (свт. Иоанн Златоуст, 45, 756).

***

Какой ему вред от болезни тела, когда душа здорова? <...> Для чего ты говоришь мне: тело мое в бедственном положении? Был бы ум твой не поврежден (свт. Иоанн Златоуст, 45, 855).

***

Для стяжания славы <истинной>... нет ничего равного терпению, проявляющемуся при болезнях (свт. Иоанн Златоуст, 47, 613).

***

Имея какую-нибудь телесную болезнь, мы всеми силами стараемся освободиться от нее, а страдая тяжко от болезней душевных, мы медлим и отказываемся от врачевства. Потому мы не избавляемся и от телесных болезней, что необходимое для нас мы почитаем маловажным, а маловажное — необходимым, и, оставив самый источник зол, хотим очистить потоки (свт. Иоанн Златоуст, 51, 145).

***

...Испорченность души есть причина болезней телесных (свт. Иоанн Златоуст, 51, 145).

***

Не одно расслабление телесное есть болезнь, но и грех; и последний еще более первого, так как душа лучше тела (свт. Иоанн Златоуст, 51, 146).

***

...Бог часто наказывает тело за грехи души, чтобы от наказания низшей части и высшая получила какое-нибудь врачевание (свт. Иоанн Златоуст, 52, 241).

***

...Неужели все болезни от грехов? Не все, но большая часть. Некоторые бывают и от беспечности. Чревоугодие, пьянство и бездействие также производят болезни (свт. Иоанн Златоуст, 52, 242).

***

Случаются болезни и для испытания нашего в добре... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 242).

***

Когда <больной> станет жить от... <заклинаний>, тогда он умер, а когда умрет без них, тогда ожил (свт. Иоанн Златоуст, 55, 427).

***

...Болезни происходят от расслабления тела пресыщением (свт. Иоанн Златоуст, 56, 245—246).

***

Если... мы, по причине телесного недуга, не воспользуемся помощью поста и покажем еще большую беспечность, то причиним себе величайший вред (свт. Иоанн Златоуст, 56, 506).

***

Когда ты, человек, подвергнешься болезни, вспомни о теле Иова, о святой его плоти, потому что она, и имея такие язвы, была свята и чиста (свт. Иоанн Златоуст, 56, 573).

***

...Когда ты подвергнешься тяжкой болезни, и многие будут понуждать тебя облегчить страдание — одни заклинаниями, другие амулетами, третьи какими-либо иными чародейными средствами, а ты ради страха Божия мужественно и твердо перенесешь тяготу болезни и предпочтешь лучше все потерпеть, нежели решиться сделать что-нибудь подобное, — это доставит тебе венец мученичества. И не сомневайся, как мученик мужественно переносит муки истязаний, чтобы не поклониться идолу, так и ты переносишь муки болезни, чтобы не нуждаться ни в чем, исходящем от него <идола> и не сделать того, что он повелевает. Но те муки сильнее? Зато эти продолжительнее, — так что оказываются равны тем, а часто даже и более сильными. В самом деле, когда горячка внутри мучит и сожигает тебя, а ты, несмотря на увещания других, отвергнешь заклинание, то не облекаешься ли ты в венец мученичества? (свт. Иоанн Златоуст, 56, 575).

***

...Ты не смущайся... если, изобилуя душевными благами, бываешь смиряем телесными немощами; но представляй, что сие или принесет тебе венцы, или сократит твое самомнение (прп. Исидор Пелусиот, 61, 338).

***

...Болезнь телесная есть противоестественное состояние, когда равновесие стихий преобладанием одной выведено из естественного состояния (прп. Нил Синайский, 72, 67).

***

В болезнях прежде врачей и лекарств пользуйся молитвою (прп. Нил Синайский, 72, 236).

***

Когда мы крайне тяготимся приключающимися нам расстройствами телесного здравия, ведать должно, что душа наша еще порабощена телолюбию. <Поэтому> как, вещественных <желая> услаждений, не хочет она отрешиться от житейских благ, так великою почитает тяготою — не иметь по причине болезней возможности пользоваться приятными для плотской жизни вещами. Если же она с благодарностью переносит прискорбности из-за болезни, то это знак, что она недалеко от пределов бесстрастия. <Поэтому> с радостью ожидает она тогда и самой смерти, как виновницы вступления в истинную жизнь (блж. Диадох, 91, 35).

***

Болезни, в настоящем веке переносимые за истину, не идут в сравнение с услаждением, какое уготовано страждущим за доброе (прп. Исаак Сирин, 59, 277).

***

...Недуги посылает Бог для здравия души (прп. Исаак Сирин, 59, 296).

***

...<Видел я> тяжко страждущих, которые телесным недугом, как бы некоторою епитимиею, избавились от страсти душевной... (прп. Иоанн Лествичник, 58, 179).

***

Болезнь посылается иногда для очищения согрешений, а иногда для того, чтобы смирить возношение (прп. Иоанн Лествичник, 58, 185).

***

...Будем доблестно переносить временные болезненности, притупляющие в нас жало сласти и избавляющие нас вечных за нее мучений (прп. Максим Исповедник, 91, 270).

***

Болящие, примем сие наказание Господне как спасительное, и, благодушно перенося болезнь, будем благодарны за все подаваемое нам (прп. Феодор Студит, 92, 250).

***

...Как не отходит тьма, если не приходит свет, так не изгоняется болезнь души, если не придет Тот, Кто болезни наши носит, и не соединится с нами. Когда же придет Он, то прогоняет всякую немощь и всякую болезнь душевную, и дарует здравие душе нашей, почему называется Здравием (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 305—306).

***

Болезни полезны для тех, кои только вводятся в добродетельную жизнь, тем, что содействуют им к истощанию и усмирению горячей плоти. Они силу плоти делают слабейшею, грубое перстное мудрование души истончавают, ее же собственную силу соделывают сильнейшею и мощнейшею, по божественному Павлу, который говорит: *егда немощствую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12, 10) (прп. Никита Стифат, 93, 115).

***

...Иногда для грешников лучше болеть, чем быть здоровыми, когда болезнь содействует им ко спасению. Ибо болезнь притупляет и врожденные побуждения у человека ко злу, и тем, что человек переносит страдания, связанные с болезнью, она, как бы уплачивая долг за соделанные грехи, делает человека способным к принятию сначала здравия души, а затем и телесного здоровья. В особенности это бывает тогда, когда больной, понимая, что здравие зависит от Бога, доблестно переносит беду и с верою припадает к Богу и делами, насколько это позволяют его силы, умоляет о милости (свт. Григорий Палама, 26, 99).

***

Духовный разум научает, что недуги и другие скорби, которые Бог посылает человекам, посылаются по особенному Божию милосердию, как горькие целительные врачевания больным, они содействуют нашему спасению, нашему вечному благополучию гораздо вернее, нежели чудесные исцеления (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 317).

***

Одр болезни бывает часто местом богопознания и самопознания. Страдания тела бывают часто причиною духовных наслаждений, и одр болезни орошается слезами покаяния и слезами радости (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 517).

***

Недуги тела человеческого суть естественные последствия повреждения естества грехом и злоупотребления телом... (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 415).

***

В болезни учитесь: смирению, терпению, благодушию и Бога благодарению (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 214).

***

...И доктора по Божию благоволению помогают. Поэтому будем молиться (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 97).

***

Бывает, что Бог болезнью укрывает иных от беды, которой не миновать бы им, если бы они были здоровы (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 100).

***

Бог, когда хочет сим образом <сверхъестественно> исцелить, Сам же влагает и силу веры и влечет туда, где

благоволит дать исцеление (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 101).

***

...Если Господь находит, что для меня лучше не иметь той части сего счастья, которая зависит от здоровья, — буди воля Божия! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 109).

***

Пошатнутое здоровье может пошатнуть и спасение, когда из уст болящего слышатся ропотные речи и возгласы нечаяния (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 113).

***

Болезнь всех смиряет... а иных против Бога роптать учит... Блюдитесь... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 122).

***

Потрудились над больными? Благословенный труд: ибо и тут приложимо утешительное слово: *болен бех и посетисте Мене* (Мф. 25, 36) (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 90).

***

Весело смотрите в глаза болезни... Благодушествуйте! Верно вас что-нибудь опасное встретило бы в дороге. Вот Господь и посадил, или положил вас дома... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 113—114).

***

...Стойте в вере, что болезнь от Бога и во благо вам, — и когда сделает свое дело, отойдет... и здравы будете... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 114).

***

Есть болезни, на излечение <которых> Господь налагает запрет, когда видит, что болезнь нужнее для спасения, чем здоровье (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 167).

****

Один праведный пустынножитель, заметив, что больной ученик его частыми вздохами изъявлял нетерпение, сказал ему: «Не малодушествуй, сын мой! Тело твое, изнуренное недугом, может быть спасительным врачевством для души твоей. Если ты подобен железу по делам твоим, то огонь страдания очистит тебя от ржавчины; если же ты золото, то сей огонь придаст более блеска твоей добродетели» (117, 79).

***

Некоторый старец часто подвергался болезни. Случилось ему в течение одного года не болеть; старец очень скорбел об этом и плакал, говоря: «Оставил меня Господь мой и не посетил меня» (107, 495).

***

В горе Нитрийской был один чудный муж по имени Вениамин. Его добродетельная жизнь длилась восемьдесят лет. За восемь месяцев до своего успения он заболел водянкой. Тело его распухло так, что по страданиям он был

другим Иовом в наши времена. Епископ Диоскор, бывший тогда пресвитером горы Нитрийской, послал епископа Палладия с блаженным Евагрием посмотреть на нового Иова, который при такой болезни сохраняет необыкновенное благодушие. Пришедши, они взглянули на его тело: оно так опухло, что кистями обеих рук нельзя было обхватить его мизинца. Не в силах будучи смотреть на такую страшную болезнь, братья отвратили от него глаза свои. Тогда блаженный Вениамин сказал нам: «Помолитесь, чада, чтобы мой внутренний человек был здоров». В те восемь месяцев он постоянно сидел на стуле огромного размера, потому что лечь не мог. И в таком неисцельном недуге он еще врачевал других от различных болезней (102, 38—39).

***

Авва Полихроний рассказал нам, что в монастыре Пентуклы был один брат, весьма внимательный к себе самому и строгий подвижник. Но он был обуреваем страстью блуда. Не вынеся плотской брани, вышел из монастыря и отправился в Иерихон, чтобы удовлетворить свою страсть. Но лишь только вошел <брат> в жилище блудницы, как вдруг весь был поражен проказой. Увидев это, он немедленно возвратился в монастырь, благодаря Бога и говоря: «Бог послал мне эту болезнь, да спасет мою душу». И воздал великую хвалу Богу (103, 19).

***

Диавол ожесточил сердце диакона Евагрия, и он, будто пылкий юноша, опять впал в самомнение и колебался душою, ни с кем не говоря ни слова; переменил одежду, и ум его обуяло ораторское тщеславие. Но Бог, Который удер-

живает всех нас от погибели, поверг его в тяжелую болезнь. В продолжение шести месяцев его плоть пришла в изнеможение, и врачи потеряли надежду на излечение. Блаженная Мелания <Римляныня> сказала: «Не нравится мне, сын мой, долгая болезнь твоя, скажи же мне, что у тебя на душе, ибо не эта твоя настоящая болезнь». Он признался ей во всем, что случилось с ним в Константинополе, что там он был уязвлен страстною любовью к одной женщине знатного рода. Блаженная сказала ему: «Дай мне перед Богом слово, что ты решишься вести монашескую жизнь, и хотя грешница я, но помолюсь о тебе Господу, чтобы даровал тебе Бог время на исправление жизни». Евагрий согласился и, по молитвам блаженной, в несколько дней выздоровел. Получив от нее иноческую одежду, он ушел на Нитрийскую гору, где прожил два года, а на третий удалился в пустыню (102, 223—224).

***

Святой Григорий в Слове о смерти праведных говорит: «Был некоторый раб, бедный имуществом, но богатый добрыми делами. Он долгое время был болен, и болезнь его была такова, что он не только не мог встать со своего одра, но не мог даже повернуться с одной стороны на другую и не мог поднести руки к устам своим. Мать и братья ходили за ним, а добрые люди посылали ему Христа ради подаяние, которое руками матери и братьев он тоже раздавал убогим. Он был неграмотный, но любил слушать чтение о божественном, этим утешался в болезни и непрестанно прославлял Бога. Когда приблизился к нему час смертный, он стал громко петь и славить Господа, и просил петь всех, кто пришел навестить его. Вдруг больной воскликнул: «Молчите! Молчите! Неужели вы не слышите, какое необы-

чайное пение раздается на небесах!» С этими словами он скончался, и дом наполнился благоуханием от его тела» (113, 407).

***

Жил некогда в Антиохии богатый и знатный человек. Однажды он впал в болезнь, которая была так тяжела, что правое око его вышло наружу. Много денег он раздал врачам, но пользы никакой не получил. Случайно он узнал о святой жизни Иоанна Златоустого, который жил в то время в одном из монастырей. Больной пришел к нему, пал к его ногам и стал просить исцеления. Святой сказал ему: «Болезнь пришла к тебе за твою ложь и твое маловерие. Но если всей душой уверуешь в то, что Бог силен исцелить тебя, и дашь обещание исправить свою жизнь, Бог исцелит тебя». Больной воскликнул: «Верую и сотворю все, что ты повелел мне, отче!» С этими словами он взял часть одежды святого и возложил ее на главу свою и на больное око. При этом болезнь тотчас оставила его, око встало на свое место, и больной стал здоров (113, 146—147).

***

Две монахини женского монастыря весьма тяжко и долго болели, так что наконец были не в силах переносить своего положения. На помощь врачей уже не было надежды. Послали они к святителю Афанасию, патриарху Константинопольскому, и умоляли его исходатайствовать им у человеколюбивого Господа облегчение от болезни. «Я желал бы, — отвечал им святой, — чтобы вы еще потерпели временно, для принятия большей награды в вечности; но так как вам недостает терпения, то помолитесь в эту ночь

Пресвятой Богородице и завтра получите от Нее исцеление». Слово святителя Афанасия исполнилось. К утру больные, человеколюбием Божиим и благодатию Царицы Небесной, стали здоровы (95, 310).

***

Блаженный Пимен больным и родился и вырос, в недуге этом остался чист от всякой скверны и не познал греха. Много раз просил он родителей отпустить его в монастырь, но они, любя сына и желая сделать его своим наследником, запрещали ему. Когда же он изнемог окончательно, они принесли его в Печерский монастырь. Все молились о его выздоровлении, он же молился не об исцелении, а об умножении болезни. И его молитва превозмогла все другие. Желанием юноши по-прежнему оставалось принятие ангельского образа в иноческом постриге, о чем он усердно и молился Господу. Как-то ночью явились ему светлые юноши и, воспросив его, постригли его в великий ангельский образ и надели на него мантию и куколь. Много лет пробыл блаженный Пимен в той тяжкой болезни. Служившие ему гнушались им и много раз, по два и по три дня, оставляли его без пищи и воды. Он же терпел с радостью и за все благодарил Бога. Рядом с ним был такой же больной. Иноки же, будучи небрежны в служении им, забывали про больных, а те изнемогали от жажды. Наконец, Пимен сказал другому больному: «Такой смрад от нас, что служащие гнушаются нами. Если Господь восставит тебя, можешь ли ты взять на себя эту службу?» Тот обещал блаженному до своей смерти служить больным. Пимен сказал: «Вот Господь снимает с тебя болезнь твою, теперь исполни обет твой, служи мне и подобным мне. На тех же, которые

нерадят об этой службе, Господь наведет лютую болезнь, чтобы могли спастись, принявши такое наказание». Тотчас же больной встал и стал служить ему. На нерадивых, не хотевших служить тем больным, напал недуг по слову блаженного.

Однажды исцелившийся брат погнушался смрада, шедшего от Пимена, оставил его без пищи и питья. Брат этот лежал в отдельной комнате, и вдруг огнем стало жечь его, так что он не мог встать три дня и, не стерпев жажды, стал кричать: «Помилуйте меня, Господа ради! Умираю от жажды!» Когда сказали о его недуге Пимену, он ответил: «Что человек посеет, то и пожнет, он оставил меня без воды, солгал Богу и презрел мою худость, с ним сделалось то же. Но мы не научены воздавать злом за зло. Пойдите и скажите ему: «Зовет тебя Пимен. Встань и приди сюда».

Только сказали больному эти слова, он тотчас стал здоров, встал и пришел к блаженному. Блаженный обличил его: «Маловер! Вот ты стал здоров, не согрешай более. Разве ты не знаешь, что одинаковую награду получают и больной и служащий ему? Бог же, через меня исцеливший тебя от твоего недуга, может и меня поднять с постели и исцелить мою немощь; да я сам не хочу. Лучше мне всему изгнить в этой жизни, чтобы только там тело мое было без тления, и смердный запах обратился бы в неизреченное благоухание...» В день своей кончины преподобный Пимен выздоровел. Он обошел все кельи и кланялся всем до земли, просил прощения и объявлял о своем исходе из этой жизни (101, 152—157).

***

Один поселянин просил преподобного Кирилла Белозерского помолиться о его больном товарище, у которого из

уст и ноздрей текла кровавая пена; но старец, милостивый ко всем, на сей раз даже не позволил больному лежать за оградою, другу же его сказал: «Поверь мне, чадо, что болезнь сия приключилась ему в наказание за прелюбодеяние; если он обещает, что исправится, верую, что Господь его исцелит; если же нет, то еще горше пострадает». Когда больной узнал слова святого, то устрашился обличения и обещал исправиться; от чистого сердца исповедал он все свои согрешения святому и по его молитве исцелился не только телесно, но и душевно, приняв епитимию для очищения грехов (116, 306).

***

Брат вопросил старца, говоря: «Есть два брата, один безмолвствует в келье своей, продолжая пост до шести дней в седмицу и много налагая на себя трудов, другой же служит больным. Которого дело приятнее Богу?» Говорит ему старец: «Хотя бы тот брат, который держит пост в течение шести дней, за ноздри повесил бы себя, и тогда он не может сравняться с тем, который услуживает больным» (98, 378).

БРАК

Мужу с женою или жене с мужем разлучаться не должно, разве кто из них уличен в прелюбодеянии, или находит препятствие благочестию (свт. Василий Великий, 7, 405).

***

Заботься не на земле оставить детей, но возвести на небо; не прилепляйся к супружеству плотскому, но стре-

мись к духовному, рождай души и воспитывай детей духовно (свт. Василий Великий, 9, 33).

***

...Ты, избравший общежитие с женою, не будь беспечен, как будто вправе ты предаться миру. Тебе для улучения спасения потребно больше трудов и осторожности, потому что избрал себе жилище среди сетей и державы отступнических сил, имеешь пред глазами побуждения ко грехам, и все твои чувства день и ночь напряжены к вожделению их. Посему знай, что не избежишь борьбы с отступником и не одержишь над ним победы без многих трудов на страже евангельских догматов (свт. Василий Великий, 9, 39—40).

***

<Третий брак> называют уже не браком, но многоженством, лучше же сказать, подвергшимся осуждению блудом... (свт. Василий Великий, 11, 9).

***

...Преступившие меру двоебрачия не достойны уже называться именем мужа или жены (свт. Василий Великий, 11, 10).

***

На троебрачие нет закона, почему третий брак законом не допускается. На таковые дела смотрим как на осквернение Церкви, но не подвергаем их всенародным осуждениям, как более сносные, нежели явное распутство (свт. Василий Великий, 11, 48).

***

Принуждение природе и умерщвление ее не противится браку, потому что отвращает мертвость блуда. Супружество служит жизни, а блуд — смерти, потому что вредит чадородию (прп. Ефрем Сирин, 32, 256—257).

***

Первый <брак> есть закон, второй — снисхождение, третий — беззаконие. А кто преступает и сей предел, тот подобен свинье, и не много имеет примеров такого срама. Хотя закон дает развод по всякой вине, но Христос — не по всякой вине, а позволяет только разлучаться с прелюбодейцею, все же прочее повелевает переносить любомудренно, и прелюбодейцу отлучает потому, что она повреждает род. Касательно же всего прочего будем терпеливы и любомудренны... Видишь ли, что жена прикрасилась или подкрасилась — сотри; или у нее язык предерзливый — уцеломудри; или смех неблагопристойный — сделай скромным; или замечаешь неумеренность в издержках и в питии — ограничь; или неблаговременные выходы из дома — положи преграду; или рассеянный взор — исправь. Но не отсекай, не отлучай от себя поспешно, ибо неизвестно, кто подвергается опасности: отлучающий или отлучаемый (свт. Григорий Богослов, 14, 220).

***

Когда брак есть собственно брак и супружеский союз и желание оставить после себя детей, тогда брак хорош, ибо умножает число благоугождающих Богу. Но когда он разжигает грубую плоть, обкладывает ее тернием и делается как

бы путем к пороку, тогда и я скажу: *лучше есть не жениться* (Мф. 19, 10) (свт. Григорий Богослов, 14, 221—222).

***

Брак не бесчестен потому только, что девство честнее его. Я буду подражать Христу, чистому Невестоводителю и Жениху, Который чудодействует на браке и Своим присутствием доставляет честь супружеству. Да будет только брак чист и без примеси нечистых пожеланий (свт. Григорий Богослов, 14, 268).

***

Блажен, кто, уступив немногое законам брака, приносит в дар Христу большую часть любви (свт. Григорий Богослов, 15, 273).

***

Меня не связало супружество — этот поток жизни, эти узы, тягчайшие из всех, какие налагает на людей вещество, как начало трудов (свт. Григорий Богослов, 15, 280).

***

Вы, на кого в сей жизни наложил свои узы честный брак, приложите ума, как бы вам больше плодов внести в небесные точила (свт. Григорий Богослов, 15, 362).

***

Лучше быть бездетным, нежели иметь глупых детей; там один бездетен, а здесь многие худы (свт. Григорий Богослов, 15, 365).

***

...Когда божественная тварь явилась на земле и на земных долинах вечноцветущего рая, однако же у человека не было еще помощника в жизни, подобного ему; тогда премудрое Слово совершило подлинно величайшее чудо — созданного быть зрителем мира, т. е. мой корень и семя многообразной жизни, разделив на две части, могущественною и животворящею рукою изъяло из бока одно ребро, чтобы создать жену, и, в недра обоих влив любовь, побудило их стремиться друг к другу. Но чтобы не всякая жена стремилась ко всякому мужу, положило предел вожделениям, который называется супружеством, — эту узду для не знающего меры вещества, чтобы при его стремительности и необузданных порывах, когда бы люди кучами привлекались друг к другу, от незаконных сообщений не пресекся священный человеческий род, и неудержимым безрассудством порываемая похоть не возбудила во всех и войн, и огорчений (свт. Григорий Богослов, 16, 53).

***

Связанные узами супружества, заменяем мы друг другу и руки, и слух, и ноги. Супружество и малосильного делает вдвое сильным, доставляет великую радость благожелателям и печаль недоброжелателям. Общие заботы супругов облегчают для них скорби, и общие радости для обоих восхитительнее. Для единодушных супругов и богатство делается приятнее, а в скудости самое единодушие приятнее богатства. Для них супружеские узы служат ключом целомудрия и пожеланий, печатью необходимой привязанности (свт. Григорий Богослов, 16, 59).

***

Составляя одну плоть, <супруги> имеют и одну душу, и взаимною любовью одинаково возбуждают друг в друге усердие к благочестию. Ибо супружество не удаляет от Бога, а, напротив, более привязывает, потому что больше имеет побуждений. Как малый корабль и при слабом ветре движется вперед, быстро носимый по водам распростертыми парусами, даже и руки без труда принуждают его к бегу ударами весел; большого же корабля не сдвинет легкое дыхание, напротив того, когда он с грузом выходит на море, только крепкий и попутный ветер может придать ему хода, так и не вступившие в супружество, как не обремененные житейскими заботами, имеют нужду в меньшей помощи Великого Бога, а кто обязан быть попечителем милой супруги, имения и чад, кто рассекает обширнейшее море жизни, тому нужна большая помощь Божия, тот взаимно и сам более любит Бога (свт. Григорий Богослов, 16, 60).

***

Если кто из усердия к добродетели презирает супружескую любовь, то пусть знает, что добродетель не чуждается сей любви. В древности не только всем благочестивым любезно было супружество, но даже плодом нежной супружеской любви были тайнозрители Христовых страданий, или пророки, патриархи, иереи, победоносные цари, украшенные всякими добродетелями, потому что добрых не земля из себя породила... но все они — и порождение и слава супружества (свт. Григорий Богослов, 16, 61).

***

Супружество или вовсе удаляется от Христа, по причине гибельных воспламенений плоти и всякого рода мирских забот, или слегка касается божественного. Как тот, кто смотрит <сразу> на две головы или на два лица или видит на страницах вдвойне написанные буквы, не уловляет верно целого образа, хотя и желает, но одну часть объемлет, а другая убегает от слабого рассеявшегося зрения: так слаба и любовь, если разделена между миром и Христом; а напротив того — тверда, если устремлена к Единому. Человек, или, обладая всецело Христом, нерадит о жене, или, дав в себе место любви земной, забывает о Христе (свт. Григорий Богослов, 16, 70).

***

Снег приличен зиме, а цветы — весенней поре, седина — морщинам, а сила — юношеским летам. Однако же и цветы бывают зимой, и снег показывается в весенние дни, и юность производит седины, а случалось видать и бодрую старость, и старика гораздо с большими силами, нежели едва расцветающего юношу. Так, хотя супружество имеет земное начало, а безбрачная жизнь уневещивает Всецарю Христу, однако же бывает, что и девство низлагает на тяжелую землю, и супружеская жизнь приводит к небу. А потому, если бы стали винить один супружество, а другой девство, то оба сказали бы неправду (свт. Григорий Богослов, 16, 76—77).

***

Хорошо обязаться супружеством, только целомудренно, уделяя большую часть Богу, а не плотскому союзу. Лучше

остаться свободным от уз, все отдать Богу и горним. Бог не сопряжен, Ангелы бесплотны, а вещество сопряжено и исполнено тления (свт. Григорий Богослов, 16, 115).

***

Если жена может тебе дать то же, что и Бог, то супружеская жизнь равна безбрачной. А если не может, то и между сими родами жизни нет равенства (свт. Григорий Богослов, 16, 115).

***

Исполнители казни не злое делают дело, потому что служат законам; не беззаконен и меч, которым казним злых. Но, впрочем, не хвалят исполнителя казни и не с приятностью встречают убийственный меч. Так и я не хочу сделаться ненавистным, своею рукою и своим словом утвердив развод, потому что лучше быть посредником соединения и дружбы, нежели раздора и разрыва житейских уз (свт. Григорий Богослов, 17, 212).

***

...Одно из лучшего <что можно пожелать на браке>, чтобы Сам Христос присутствовал на браке, — потому что где Христос, там благопристойность; и чтобы вода стала вином, т. е. все претворилось в лучшее, а поэтому не было смешиваемо несоединимое между собою и не были сводимы вместе епископы и смехотворы, молитвы и рукоплескания, псалмопения и звуки свирелей, потому что как все прочее, так и браки христианские должны иметь благопристойность, а благопристойным делает степенность. Вот

что приносим в дар бракосочетанию... (свт. Григорий Богослов, 17, 293).

***

...Вступившим в жизнь брачную неудобно с душевным спокойствием посвящать себя жизни божественной, а тем, которые совершенно удалились от сей бурной жизни, очень легко без всякого развлечения предаваться высочайшим упражнениям (свт. Григорий Нисский, 24, 284).

***

...Брак влечет за собою разнообразные и различные бедствия, ибо одинаково скорбят люди, имеют ли детей или не надеются иметь их, и опять живы ли они или умерли. Один утешается детьми, но не имеет средств к их пропитанию; у другого недостает наследника имению, над увеличением которого он много трудился, и то, что составляет благополучие для одного, есть несчастие для другого; каждый из них желает иметь то, чем, как видишь, тяготится другой. У одного умер любимый сын; у другого жив, но распутный. Оба жалки: один плачет о смерти сына, другой — о жизни. Опускаю зависть и ссоры, от истинных или мнимых причин происходящие, какими скорбями и бедствиями они кончаются! Кто все это в точности может исчислить? Если же хочешь знать, что (действительно) таких зол полна жизнь человеческая, не требуй от меня древних повествований, которые поэтам дали содержание для трагедий, ибо они по крайней нелепости считаются баснями: в них (заключаются) детоубийства, пожирания чад, убийства мужей, убийства матерей, заклания братьев, беззаконные смешения и всякого рода нарушение естественных законов. Повество-

ватели древностей начинают свой рассказ об этом (нарушении) с браков и заключают оный такого рода бедствиями.

Но, оставив все это, посмотри на печальные явления, совершающиеся на сцене настоящей жизни, которых виновником для людей служит брак. Пойди в судилища, прочитай законы, относящиеся сюда: в них ты найдешь неслыханные дела, совершающиеся в брачной жизни. Когда ты слышишь врачей, рассуждающих о различных болезнях, то узнаешь о слабости человеческого тела; понимаешь, сколько и к каким болезням оно расположено; так, когда ты читаешь законы и видишь многоразличные преступления брачной жизни, за которые они определяют наказания, тогда верно узнаешь особенности, принадлежащие браку; ибо ни врач не лечит болезней несуществующих, ни закон не наказывает преступлений не совершаемых (свт. Григорий Нисский, 24, 304).

***

Мы же относительно брака думаем так, что должно предпочитать (оному) заботу и попечение о божественном, но и не презирать того, кто может воздержанно и умеренно пользоваться учреждением брака... Что же значит сказанное нами? То, что, если возможно, и не отступать от стремления к божественному, и не бежать от брака: ни на каком основании нельзя отвергать требования природы и осуждать честное, как бесчестное... Когда земледельцу, который проводит воду на какое-нибудь поле для орошения, бывает нужно провести небольшой поток в средине, то он допустит воде разлиться только в такой мере, какая требуется для удовлетворения предстоящей нужды, так чтобы она могла опять легко соединиться со всею водою; если же откроет

для воды безмерный и широкий проток, то будет угрожать опасность, что, оставив прямой путь, вся она разольется, образуя рытвины по сторонам. Таким же точно образом (поелику для жизни необходимо и преемство рождений), если кто так будет пользоваться супружеством, что, предпочитая дела духовные, естественное (вожделение) ограничит умеренностью по причине краткости времени (1 Кор. 7, 29), тот будет мудрым земледельцем, который, по заповеди Апостола (ст. 5), не постоянно бывает занят исполнением грубых оных обязанностей, но по согласию сохраняет чистоту души, для упражнения в молитве, опасаясь, чтобы, пристрастившись к ним, не сделаться совершенно плотию и кровию, в которых не пребывает Дух Божий. Если же кто так немощен, что не может мужественно устоять против влечения природы, тому гораздо лучше далее держать себя от таковых предметов, нежели решаться на подвиг, превышающий его силы; ибо угрожает немалая опасность, что, увлекшись испытанным удовольствием, он не будет ничего иного почитать благом, кроме того, которое с некоторым наслаждением получает чрез тело, и, отвратив совершенно ум свой от стремления к благам бестелесным, весь сделается плотским, гоняясь постоянно за плотскими лишь наслаждениями, так что будет более любить удовольствие, нежели Бога. Итак, поелику по немощи природы не всякий может соблюсти умеренность в такого рода вещах, а вышедший из границ умеренности находится в опасности погрязнуть, по псалмопевцу, *в тимении глубины* (Пс. 68, 3), то весьма полезно было бы, как учит сие слово, прожить, не испытывая таковых удовольствий, дабы, под предлогом дозволенного, страсти не получили доступа к душе (свт. Григорий Нисский, 24, 326).

***

Как невозможно в одно и то же время служить деятельностью своих рук двум каким-либо занятиям, например: заниматься земледелием и вместе мореплаванием или кузнечною работою и в то же время плотничною, но если кто хочет хорошо успеть в одном деле, должен оставить другое; так, поелику и нам предстоят два брака, из которых один совершается посредством плоти, а другой посредством духа, то стремление к одному из них по необходимости отдаляет нас от другого. Ибо и глаз не может хорошо рассмотреть двух предметов вместе, если не будет обращен на каждый поочередно и в отдельности; язык также не может в одно и то же время служить различным языкам, произносить, например, в то же время речения греческие и еврейские; и слух не может в то же время воспринимать повествования о делах и нравоучительных слов: ибо разного содержания речи, если станут слушать их отдельно, производят в слушателях известное представление; если же обе, смешавшись, в одно и то же время будут оглашать слух, то содержание их, сливаясь вместе, произведет в разуме какое-то неопределенное смешение. Таким же образом и наша желательная способность не в состоянии вместе служить и телесным удовольствиям и стремиться к духовному браку, ибо невозможно одинаковым образом жизни достигнуть предположенной цели того и другого, потому что с духовным браком соединяется воздержание, умерщвление тела и презрение всего плотского, а с плотским супружеством — все сему противное. Когда нам предлежит избрать между двумя господами, то, поелику невозможно в одно и то же время быть послушными обоим (ибо никто не может работать двум господам), — благоразумный человек изберет более полезного из них; так и нам, когда предлежат два

брака, поелику невозможно вступить в тот и другой вместе, ибо *не оженившийся печется о Господних, а оженившийся печется о мирских* (1 Кор. 7, 32, 33), не должно, — я говорю о благоразумных, — ошибаться в выборе полезнейшего из них, не должно также оставаться в неведении относительно пути, ведущего к нему, и который не иначе можно узнать, как при помощи некоторого сравнения. Как в телесном супружестве не желающий быть отвергнутым много приложит забот о здоровье тела, о приличном украшении, о изобилии богатства и о том, чтобы не иметь никакого пятна ни в своей жизни, ни в своем роде, ибо этим обыкновенно достигают желанной цели; таким же образом и желающий вступить в духовное супружество пусть прежде всего покажет себя юным, отрешившимся чрез обновление ума всякой ветхости... (свт. Григорий Нисский, 24, 373—375).

***

<Брак> есть пристань целомудрия для желающих хорошо пользоваться им, не позволяя неистовствовать природе (свт. Иоанн Златоуст, 45, 302).

***

...Девство я считаю гораздо досточтимее брака; и однако чрез это я не поставляю брака в числе худых дел, но даже очень хвалю его (свт. Иоанн Златоуст, 45, 302).

***

Выставляя законное совокупление, как оплот, и таким образом удерживая волны похоти, он <брак> поставляет и сохраняет нас в великом спокойствии (свт. Иоанн Златоуст, 45, 302).

***

...Кто охуждает брак, тот сокращает славу и девства; а кто одобряет брак, тот еще более возвышает девство и делает его более дивным и светлым (свт. Иоанн Златоуст, 45, 303).

***

Брак дан для деторождения, а еще более для погашения естественного пламени (свт. Иоанн Златоуст, 45, 311).

***

Брак есть добро, потому что сохраняет мужа в целомудрии и не допускает погибнуть уклоняющемуся в прелюбодеяние (свт. Иоанн Златоуст, 45, 316).

***

Не охуждай брака; он приносит большую пользу, не дозволяя членам Христовым сделаться членами блудницы, не попуская святому храму быть осквернённым и нечистым (свт. Иоанн Златоуст, 45, 316).

***

...Брак, хотя и честен, но может достигать только того, что не оскверняет живущего в нем, а сообщать еще святость один он не в состоянии, — это уже дело не его силы, но девства (свт. Иоанн Златоуст, 45, 320).

***

...Брак тогда особенно и лишается всякой похвалы, когда кто-нибудь пользуется им до пресыщения (свт. Иоанн Златоуст, 45, 324).

***

Та, которая воздерживается против воли мужа, не только лишится награды за воздержание, но и даст ответ за его прелюбодеяние, и ответ более строгий, чем он сам (свт. Иоанн Златоуст, 45, 341).

***

Вот чем ограничивается великая заслуга брака: тем, что за него не осуждаются и не прославляются... вступивший в брак должен довольствоваться сведением, что он не согрешил (свт. Иоанн Златоуст, 45, 342).

***

Как девство лучше брака, так первый брак лучше второго (свт. Иоанн Златоуст, 45, 389).

***

Не думай, будто потому, что блаженный Павел дозволил второй брак, он уже достоин и похвал и не осуждается многими. Хотя он не подлежит взысканию и наказанию, но не может пользоваться похвалами... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 393).

***

Я не позорю сущность брака, так как это общий способ сохранения рода, но всем объявляю заботы брачной жизни, поставляю выше забот плотских попечение о небе, предпочитаю хорошему лучшее (свт. Иоанн Златоуст, 46, 796).

***

<Брак> не есть какое-либо препятствие для благочестия (свт. Иоанн Златоуст, 46, 928).

***

Можно получать... пользу <для нашей жизни>, если... не осуждать брака и не считать препятствием и помехою на пути, ведущем к добродетели, — иметь жену, воспитывать детей, управлять домом и заниматься ремеслом (свт. Иоанн Златоуст, 47, 184).

***

...Брак есть врачевство, истребляющее блуд... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 205).

***

Брак установлен... не для того, чтобы предавались блудодеянию, но чтобы были целомудренными (свт. Иоанн Златоуст, 47, 208).

***

Тело мужа уже не принадлежит мужу, но жене. Пусть же он хранит в целости собственность ее, пусть не уменьшает и не повреждает ее (свт. Иоанн Златоуст, 47, 210).

***

Жена как бывает помощницею, так часто бывает и вредительницею. Брак есть как пристань, так и кораблекрушение, не по своему свойству, но по расположению худо живущих в нем (свт. Иоанн Златоуст, 47, 215).

***

Как в телах наших, когда случится болезнь, мы не отсекаем члена, но истребляем болезнь, — так будем поступать и с женою. Если будет в ней какой-нибудь порок, то

не жену отвергай, но истребляй порок (свт. Иоанн Златоуст, 47, 227).

***

...Великое таинство — брак... не рассуждай о нем просто и как случится, и не ищи обилия богатства, намереваясь взять невесту. Брак надобно считать не торговлею, а союзом жизни (свт. Иоанн Златоуст, 47, 229).

***

Жена благоразумная, кроткая и воздержанная, хотя бы она была бедною, в состоянии будет распорядиться и бедностью лучше, чем другая богатством (свт. Иоанн Златоуст, 47, 231).

***

...Нет никакой пользы от богатства, если мы не найдем доброй души... Брать богатую жену часто бывает вредно и для самого приобретения богатства (свт. Иоанн Златоуст, 47, 231).

***

Те <жены>, которые блистают красотою душевною, чем больше проходит время и чем больше они обнаруживают свое благородство, тем сильнее делают привязанность в своих мужьях и более воспламеняют их любовь (свт. Иоанн Златоуст, 47, 232).

***

Красота телесная, не соединенная с душевною добродетелью, может увлекать мужа двадцать или тридцать дней,

а далее не будет иметь силы, но, обнаружив дурные качества жены, уничтожит всю любовь... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 232).

***

...Женихи, намереваясь вступить в брак, вступайте с... благопристойностью, устраняя пляски, смех, срамные речи, свирели... всегда призывая Бога быть посредником во всех делах ваших (свт. Иоанн Златоуст, 47, 241).

***

...Мир состоит из городов, города — из домов, дома — из мужей и жен; поэтому когда настанет вражда между мужьями и женами, то входит война в дома; а когда они мятутся, тогда неспокойны бывают и города; когда же города приходят в смятение, то по необходимости и вся вселенная наполняется смятением, войною и раздорами (свт. Иоанн Златоуст, 47, 381).

***

В том состоит крепость жизни всех нас, чтобы жена была единодушна с мужем; этим поддерживается все в мире (свт. Иоанн Златоуст, 47, 381).

***

Для того ты <муж> и занимаешь место головы, чтобы ты умел врачевать тело. От тела нашего, хотя бы оно имело тысячу ран, мы не отсекаем головы. Так и жены не отделяй от себя, потому что жена у нас занимает место тела (свт. Иоанн Златоуст, 47, 382).

***

...Сколько благ происходит от того, когда нет раздора у жены с мужем; знаю, сколько зол бывает... когда они ссорятся между собою. Тогда ни богатство, ни благочадие, ни многочадие, ни власть и могущество, ни слава и честь, ни изобилие и роскошь, и никакое другое благосостояние не может радовать мужа или жену, если они в раздоре друг с другом (свт. Иоанн Златоуст, 47, 382).

***

...Дева нуждается в замужней жене: она произошла от брака и не может, следовательно, презирать брак. И дева же — корень брака. Все соединено, малое с великим, а великое с малым (свт. Иоанн Златоуст, 47, 426).

***

...Муж должен с великою осторожностью отвергать гибельные советы жены, и жена, живо помня наказание, какому подверглась Ева, давшая мужу гибельный совет, пусть не дерзает советовать мужу что-либо подобное и пусть не подражает Еве, но, вразумляясь ее примером, пусть советует то, что и ее и мужа не подвергнет никакому наказанию и осуждению (свт. Иоанн Златоуст, 48, 151).

***

Рождение детей сделалось уже величайшим утешением для людей, когда они стали смертными. Поэтому-то и человеколюбивый Бог, чтобы немедленно, в самом начале смягчить строгость наказания и отнять у смерти страшный вид, даровал рождение детей, являя в нем... образ Воскресения... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 162).

***

Если мы бодрственны, то ни брак, ни воспитание детей, ни другое что не может воспрепятствовать нам в угождении Богу. Вот и он (Енох), будучи одной с нами природы и живя тогда, когда еще не дан был закон, не поучало Писание... сам собою и по своему произволению так благоугодил (Богу), что доселе еще жив и не вкусил смерти (свт. Иоанн Златоуст, 48, 193).

***

...Брак не только не препятствует нам в богоугодной жизни, если мы хотим бодрствовать, но и доставляет нам великое пособие к укрощению пылкой природы, не позволяя волноваться морю, но непрестанно побуждая ладью плыть в пристань... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 194).

***

Если бы, возлюбленный, брак и воспитание детей были препятствием на пути добродетели, то Создатель всяческих не ввел бы брака в жизнь нашу, дабы мы не терпели вреда в вещах нужных и самых необходимых (свт. Иоанн Златоуст, 48, 194).

***

...Истинное богатство и самое великое счастье (заключается) в том, когда муж и жена не разногласят между собою, соединены друг с другом, как едина плоть, потому что *два,* сказано, ***будут в плоть едину*** (ср.: Быт. 2, 24). Такие (супруги), хотя бы жили в бедности и были незнатны, могут быть всех счастливее, потому что они наслаждаются истинным счастьем и живут во всегдашнем спокой-

ствии. А те, напротив, кто не наслаждается таким (согласием), но страдают ревностью и теряют блага мира, — те, хотя бы были окружены многим богатством... жили в славе, проводят свой век всех несчастнее, вымышляя сами для себя каждый день волнения и беспокойства, всегда подозревая друг друга, и не могут иметь никаких удовольствий, потому что внутренняя вражда (их) все приводит в беспорядок и причиняет им множество неприятностей (свт. Иоанн Златоуст, 48, 418).

***

Жена дана мужу в помощь, чтобы муж с ее утешением мог переносить все случающееся с ним в жизни. И если жена будет кроткая и украшена добродетелями, то не только своим сообществом доставит мужу утешение, но и во всем вообще окажет ему великую пользу, все для него облегчая и во всем помогая, не оставляя его в тяжких испытаниях, как внешних (вне дома), так и тех, которые ежедневно случаются в доме; но, как искусный кормчий, она своим благоразумием утишит в нем всякую душевную бурю и своим сожитием доставит ему утешение. Живущих в таком союзе супружества ничто в настоящей жизни не может слишком опечаливать, ничто не может нарушить их мирного счастия, потому что, где между мужем и женою господствует единодушие, мир и союз любви, там стекаются все блага, и они (муж и жена) бывают безопасны от всяких злых наветов, ограждены как бы великою и несокрушимою стеною — единодушием о Господе... это умножает их богатство и всякое обилие; это возводит их на высшую степень доброй славы; это и от Бога привлекает на них великое благоволение (свт. Иоанн Златоуст, 48, 422).

***

...Будем ценить выше всего единодушие <в семье> и все будем делать так и направлять к тому, чтобы в супружестве постоянно сохранялись мир и тишина. Тогда и дети будут подражать добродетелям родителей... и по всему дому будет процветать добродетель, и во всех делах будет благоспешение (свт. Иоанн Златоуст, 48, 423).

***

Надо призвать священников, и молитвами и благословениями утвердить в сожительстве единомыслие <супругов>, чтобы тем и любовь жениха усиливалась, и целомудрие невесты укреплялось, чтобы все способствовало к водворению в их доме добродетели, а диавольские козни уничтожались, и супруги в веселии провели жизнь, соединяемые помощью Божиею... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 539).

***

...Господь, зная немощь человеческого естества, и установил брак, чтобы удалить нас от беззаконного смешения (свт. Иоанн Златоуст, 48, 641).

***

...Где муж и жена и дети в согласии и любви соединены узами добродетели, там посреди Христос (свт. Иоанн Златоуст, 48, 770).

***

...Способность рождать <детей> имеет свое начало свыше — от Божия Промысла, и для этого ни природа женщи-

ны, ни сожитие (с мужем) и ничто другое само по себе недостаточно (свт. Иоанн Златоуст, 48, 785).

***

...Жены будут им <мужьям> любезны, когда душа их наперед не узнает блуда и не будет растлена, когда юноша будет знать одну ту женщину, с которой он вступил в брак. Тогда и любовь бывает пламеннее, и расположение искреннее, и дружба надежнее... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 789).

***

Грешному мужу дается злая жена... как горькое лекарство, истребляющее греховные соки. И нападения от детей суть тоже наказание за грехи... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 7).

***

Ввиду того, что многие воздерживаются и имеют чистых и целомудренных жен, притом воздерживаются сверх должного, так что воздержание делается поводом к прелюбодеянию, ввиду этого <апостол Павел> говорит: ***каждый пусть пользуется своею женою*** (ср.: 1 Кор. 7, 2). И он не стыдится, но входит и садится на ложе днем и ночью, обнимает мужа и жену и соединяет их друг с другом, и громко взывает: ***не лишайте себе друг друга, точию по согласию*** (1 Кор. 7, 5). Ты соблюдаешь воздержание и не хочешь спать с мужем твоим, и он не пользуется тобою? Тогда он уходит из дому и грешит, и в конце концов его грех имеет своей причиной твое воздержание. Пусть же лучше он спит с тобою, чем с блудницей. Сожитие с тобою

не запрещено, а сожитие с блудницею запрещено. Если с тобою он будет спать, нет никакой вины; если же с блудницею, тогда ты погубила собственное тело... Для того ты (жена) и имеешь мужа, для того ты (муж) и имеешь жену, чтобы соблюдать целомудрие. Ты хочешь иметь воздержание? Убеди к тому и мужа твоего, чтобы было два венца — целомудрие и согласие, но чтобы не было целомудрия и сражения, чтобы не было мира и войны. Ведь если ты воздерживаешься, а муж распаляется страстью, и между тем прелюбодеяние запрещено Апостолом, значит, он должен терпеть бурю и волнение. Но ***не лишайте себе друг друга, точию по согласию*** (1 Кор. 7, 5). И, конечно, где мир... там и воздержание увенчивается; а где война, там и целомудрие подрывается. Итак, подвизайся (в воздержании) сколько хочешь; когда же ослабеешь, пользуйся общением (брачным), чтобы не искушал вас сатана. ***Кийждо свою жену да имать*** (1 Кор. 7, 2). Вот три образа жизни: девство, брак, блуд. Брак — в середине, блуд — внизу, девство — вверху. Девство увенчивается, брак соразмерно похваляется, блуд осуждается и наказывается. Итак, соблюдай меру в своем воздержании, смотря по тому, насколько ты можешь обуздать немощь своей плоти. Не стремись превзойти эту меру, чтобы не ниспасть ниже всякой меры (свт. Иоанн Златоуст, 49, 647).

***

...Не хотел Бог, чтобы отпускаема была жена, однажды соединенная с мужем, но для предотвращения больших зол, именно, чтобы при запрещении развода не стали убивать ненавистных жен внутри домов, Он <Бог> допустил меньшее зло — <развод>... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 14).

***

Брак не служит препятствием для шествия к небу. Если бы он был препятствием, и жена была бы причиною наших бедствий, то Бог, вначале сотворив ее, не назвал бы ее помощницею (свт. Иоанн Златоуст, 51, 635).

***

...Как рассекать плоть есть дело преступное, так и разлучаться с женою — дело беззаконное (свт. Иоанн Златоуст, 51, 635).

***

...Разводиться — дело противное как природе, так и закону: природе, поскольку рассекается одна и та же плоть; закону — поскольку вы покушаетесь разделить то, что Бог соединил и не велел разделять (свт. Иоанн Златоуст, 51, 635).

***

...Умоляю вас искать <для супружества> не денег и богатства, но доброго поведения и кротости. Ищи девицу богобоязненную и благоразумную, и это будет для тебя лучше бесчисленных сокровищ (свт. Иоанн Златоуст, 51, 741).

***

Муж, вставая с постели, о том только и должен стараться, чтобы и делами, и словами насаждать в своем доме и семействе большее благочестие; равным образом и жена пусть наблюдает за домом, но, кроме этого занятия, она должна иметь другую, более настоятельную заботу о том,

чтобы все семейство трудилось для Царства Небесного (свт. Иоанн Златоуст, 51, 782).

***

Если же надобно что-нибудь делать для угождения мужу, то нужно душу украшать, а не тело наряжать и погублять. Не столько золото, которым ты украшаешься, сделает тебя любезной и приятной для него, сколько целомудрие и ласковость к нему, и готовность умереть за своего супруга. Это по преимуществу пленяет мужей... это привяжет мужа к жене (свт. Иоанн Златоуст, 52, 411).

***

...Если хочешь нравиться мужу, украшай душу целомудрием, благочестием, попечением о доме. Эта красота и более пленяет и никогда не прекращается. Ни старость не разрушает этой красоты, ни болезнь не уничтожает (свт. Иоанн Златоуст, 52, 411).

***

Так размышляй <жена>: если будешь сносить жестокого мужа, то получишь светлый венец, а если тихого и кроткого, то за что Бог будет награждать тебя? Говорю это не для того, чтобы подать мужьям повод к жестокостям, но чтобы убедить жен сносить и жестоких мужей. Когда каждый будет стараться исполнять свои обязанности, то и ближний не замедлит сделать то же (свт. Иоанн Златоуст, 54, 262).

***

Если и посторонним, ударяющим по правой ланите, должно подставлять другую, то тем более должно сносить жес-

токость мужа. Говорю это не для того, чтобы муж бил жену, нет; это крайнее унижение не для той, которую бьют, а для того, кто бьет; но если по каким-либо обстоятельствам ты, жена, сочеталась с таким мужем, то не предавайся скорби, представляя ожидающую тебя за это награду и похвалу еще в настоящей жизни. И вам, мужья, скажу: никакой проступок не должен вынуждать вас бить свою жену. Что я говорю — жену? Благородному мужу непозволительно бить даже служанку и налагать на нее руки. Если же весьма бесчестно для мужа бить рабыню, то тем бесчестнее налагать руку на свободную. Это внушают и внешние (языческие) законодатели, которые не принуждают жену жить вместе с бьющим ее мужем, как с недостойным ее сожительства. Подлинно, крайне беззаконно — сообщницу жизни... позорить, как рабыню. Такой муж, если только можно назвать его мужем, а не зверем, по моему мнению, равен отцеубийце и матереубийце. Если нам заповедано оставлять для жены отца и мать, и не в оскорбление им, но в исполнение закона Божия... то не крайнее ли безумие оскорблять ту, для которой Бог повелел оставлять родителей? И безумие ли только? А бесчестие, скажи мне, кто может перенести? Какое слово может изобразить это бесчестие, когда крики и вопли разносятся по улицам, когда соседи и прохожие стекаются к дому совершающего такое гнусное дело, сокрушающего, подобно какому-то зверю все находящееся внутри? Лучше, если бы земля поглотила такого безумца, нежели после того ему опять показаться на торжище. Жена, скажешь ты, поступает дерзко? Но вспомни, что она — жена, слабый сосуд, а ты — муж. Ты для того и поставлен над нею начальником и главою, чтобы сносить слабость подчиненной. Старайся сделать свое правление славным; а славным оно будет тогда, когда ты не

будешь бесчестить подчиненной. Как царь является сам тем более достойным почтения, чем более возвышает честь (подвластного себе) начальника, а когда унижает и бесчестит его достоинство, тогда немало уменьшает и собственную славу, так и ты, бесчестя подвластную тебе начальницу, немало унижаешь честь и своей власти. Итак, представляя все это, будь благоразумен, а вместе с тем вспоминай и о том вечере, в котором отец, призвав тебя, отдал тебе дочь свою, как бы некоторый залог, и, отлучив ее от всего: от матери, от себя самого и от дома, — вручил все попечение о ней твоей деснице. Подумай, что после Бога ты от нее получил детей, сделался отцом, и потому будь кроток в отношении к ней... Жена есть пристань и важнейшее лекарство для (ищущих) благодушия. Если эту пристань ты будешь соблюдать свободною от ветров и волнения, то найдешь в ней великое спокойствие, возвратившись с торжища; а если будешь возмущать и волновать ее, то уготовишь сам себе опаснейшее кораблекрушение. Итак, пусть не будет этого, а пусть будет то, о чем я говорю. Если случится в доме что-нибудь прискорбное по ее вине, то утешай ее, а не увеличивай скорби. Хотя бы ты лишился всего имущества, это не будет прискорбнее неприязни с сожительницею; какую бы ты ни представил вину, ничто не будет несноснее раздора с женой. Потому пусть любовь к ней будет для тебя драгоценнее всего. Если должно носить тяготы друг друга, то тем более — жены. Если она бедна, не укоряй; если неразумна, не осуждай, а лучше постарайся научить ее; ведь она — член твой, вы — одна плоть. Но, скажешь, она болтлива, склонна к пьянству, гневлива? В таком случае должно не гневаться, а скорбеть, молиться Богу, увещевать, вразумлять ее и делать все, чтобы истребить ее страсть. Если же будешь бить и мучить ее, то не исцелишь

ее болезни; грубость исправляется кротостью, а не взаимною грубостью. Вместе с тем не забудь и о награде от Бога. Если ты, имея возможность отвергнуть ее, не сделаешь это по страху Божию, но станешь сносить недостатки ее из уважения к закону, возбранившему отвергать жену, как ни велика была бы болезнь ее, ты получишь неизреченную награду, и еще прежде награды — великую пользу, сделав ее более благопокорною, приучив и себя к большей в отношении к ней кротости (свт. Иоанн Златоуст, 54, 263—265).

***

Рассказывают, что один из... философов (Сократ), имея жену злую, болтливую и склонную к пьянству, на вопрос, для чего он терпит ее, отвечал, что она служит для него домашним училищем и упражнением любомудрия. «Я, — говорил он, — упражняясь ежедневно с нею, делаюсь более кротким и с другими»... Мне весьма прискорбно, что язычники любомудрием превосходят нас, которым заповедано подражать... в кротости Самому Богу. <Сократ> по этой причине не изгонял своей злой жены; а некоторые говорят, что по этой причине он и женился на ней. Но так как многие из людей не бывают настолько благоразумны, то я советую наперед всячески стараться о том, чтобы избирать жену благонравную и исполненную всякой добродетели; если же случится сделать ошибку и ввести в дом свой невесту недобрую и даже негодную, тогда подражать этому философу, всеми мерами исправлять ее и считать это дело важнее всего. Купец не спускает в море корабля и не принимается за торговлю прежде, нежели заключит со своим товарищем условия, которые

обеспечили бы взаимное их спокойствие. Так и мы будем принимать все меры, чтобы внутри своего корабля сохранять всяческий мир с сообщницею житейского поприща; тогда и все прочее будет у нас спокойно, и мы безопасно переплывем море настоящей жизни. Об этом мы должны заботиться более, нежели о доме, рабах, деньгах, полях и даже делах гражданских; всего драгоценнее должно быть для нас то, чтобы не иметь вражды и распри со своею сожительницею, тогда и все прочее пойдет у нас хорошо, и в делах духовных мы будем иметь большую благоуспешность, с единомыслием неся бремя настоящей жизни, а исполнив все, получим и уготованные для нас блага... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 265—266).

***

Хочешь, чтобы жена повиновалась тебе, как Христу повинуется Церковь? Заботься и сам о ней, как Христос о Церкви... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 167).

***

Жена — вторичная власть; значит, не должна требовать равенства (с мужем), так как стоит под главою; и он <муж> не должен высокомерно смотреть на нее, как на подчиненную, потому что она — тело его, а если голова станет пренебрегать телом, то пропадет и сама. Взамен послушания она должна привносить любовь. ...Тело отдает в услужение главе руки, ноги и все прочие члены; а глава заботится о теле, посвящая ему все свое разумение. Нет ничего лучше такого супружества (свт. Иоанн Златоуст, 55, 172).

***

Уважай ее <жену>, и она не будет нуждаться в одобрении других, если будет пользоваться твоим уважением и одобрением (свт. Иоанн Златоуст, 55, 182).

***

Учи жену страху Божию, и все потечет к тебе, как из источника, и дом твой будет исполнен многочисленных благ (свт. Иоанн Златоуст, 55, 182).

***

<Жена благородная>... вышла замуж для сожительства и для деторождения, а не для распутства и смеха, — для того, чтобы беречь дом, чтобы научить и мужа быть честным, а не для того, чтобы воспламенять в нем сладострастие (свт. Иоанн Златоуст, 55, 519).

***

Подобно тому, как богатство с трудом открывает вход в Царство Небесное и между тем часто люди богатые входили в него, — так точно и брак (свт. Иоанн Златоуст, 55, 684).

***

Если верующая жена, живущая с неверующим мужем, не добродетельна, то обыкновенно происходит хула на Бога; если же она украшена добродетелью, то проповедь приобретает славу от нее и добрых дел ее... Если ты и не приобретешь никакой другой пользы, если и не привлечешь мужа к общению в правых догматах, то, по крайней мере, загра-

дишь ему уста и не допустишь хулить христианство (свт. Иоанн Златоуст, 55, 862).

***

Если блаженства сказаны только для одних монахов, и мирянину достигнуть их невозможно, а между тем (Бог) дозволил брак, то Он Сам погубил всех; если в брачной жизни невозможно исполнять свойственное монахам, то все исказилось и погибло, круг добродетелей стал тесен (свт. Иоанн Златоуст, 56, 75).

***

<Жена>, хотя бы тысячу раз получила разводную книгу по гражданским законам, осуждается как прелюбодейца. И это потому, что Бог в тот День будет судить не по этим законам, но по тем, которые Он Сам установил (свт. Иоанн Златоуст, 56, 582).

***

...Мы не отвергаем второго брака, а только увещеваем, если кто может воздерживаться, довольствоваться первым. И это потому, что второй брак часто бывает источником и поводом для распри и ежедневных ссор (свт. Иоанн Златоуст, 56, 584).

***

Намеревающийся жениться пусть ищет не только спутницу жизни, но и добродетели. Невозможно мужу не погибнуть, когда жена развращена... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 1107).

***

Хорошая, мужественная <жена> сделается славным венцом; худая же, подобно червю, находящемуся в самом сердце, незаметно мало-помалу приводит к гибели. А всего ужаснее то, что незаметно для окружающих вливает внутрь яд и изнуряет несчастную душу (свт. Иоанн Златоуст, 56, 1107—1108).

***

Время прекращено есть прочее, да имущии жены, якоже не имущии будут (1 Кор. 7, 29), — написал Апостол, запрещая незаконное сожитие, но возбраняя бесчинное сладострастие; а вместе указуя и на близкое скончание времени. Если, говорит он, жизнь проходит спешно, то не надобно пристращаться к ней, как к постоянной (прп. Исидор Пелусиот, 61, 233).

***

...Узаконено было мужу не входить к жене во время очищения ее скверн. Но многие, по сильной похотливости и невоздержанности, лучше же сказать, по какому-то неистовству, имеют общение с женами, когда у них месячное течение и очищение, и даже когда они беременны, а жены, не знаю почему, допускают это, хотя и бессловесные животные по зачатии не сходятся для общения; почему, говорят иные, женщина в сравнении с животными женского пола и названа более женственною, так как те вступают в общение только для продолжения рода, а женщина делает это также и из похотливости по непотребству, даже и по угашении женского вожделения, потому что природа бывает тогда озабочена или образованием живого существа, или очищением. Нередко же случается, что мужеское семя, сме-

шавшись с нечистою женскою кровью, образует тело, не имеющее чистоты и доброго сложения, но доступное разным немощам (прп. Исидор Пелусиот, 61, 343).

***

От больных и одержимых недугами <родителей> родиться слабым <ребенку> — в этом нет ничего несообразного; но родиться таким от здоровых, впрочем, преданных невоздержанности, — хотя согласно с разумом, но не для всех явно. Почему, думаю, и пророк Иезекииль наряду с другими грехами поставил и сие — входить грешнику ***к жене в месячных сущей*** (Иез. 18, 6). Ибо сказал сие, хотя потому наиболее, что охранял приличное естеству и почитал ни с чем не сообразным беспокоить жену во время ее очищения, однако же сверх сего и для того, чтобы родители не соделались для рождаемых виновниками гнусных болезней; потому что семя мужа, мешаясь с нечистою кровью жены, порождает тела, подверженные разным болезням и некоторым образом отпечатлевающие в себе невоздержанность родителей. Посему говорит: если заботитесь о добром сложении и здоровье рождаемых и не хотите отлучить их от Церкви Господней, то будьте осторожны и знайте время общения, чтобы дети не понесли на себе знаков вашего невоздержания (прп. Исидор Пелусиот, 62, 387—388).

***

Честному браку уступим принадлежащие ему похвалы, так как установлен он Богом и чествуется людьми; но да не входит он в состязание с девством, остается же в собственных своих пределах. Если, желая украсить и возвеличить его более, нежели сколько должно, говоришь, что и небо

имеет общение с землею посредством дождей, и солнце освещает луну, и реки сливаются с морем, и всякий род животных, живущих на суше, летающих по воздуху и морских, под управлением брака соблюдается посредством преемства, то брак уступает над собою победу, сравниваемый с житием Ангелов, для которых излишня и непривлекательна потребность брака. Но можем и на земле указать многие роды рождаемых без сожития. Впрочем, не стану указывать сего. Но признаю, что брак полезен и необходим, если имеет в виду чадородие, а не сладострастие. Скажу же лучше то, что не вправе он идти в сравнение с небесным достоинством. Пусть величается брак примерами мира сего, но не присвояет себе преимуществ премирных; возлюбившие его принадлежат сему миру и называются мирскими; истинные же любители девства вписаны в Ангельские чины. Ибо таинственная песнь говорит, что присущ им *ужас яко вчиненны* (Песн. 6, 3). Нет у них ничего беспорядочного, неправильного, но все украшено чинностью, стройностью и плавностью. Итак, как небо отличается от земли и душа от тела, так и девство от брака. В невинности человек уподобляется Ангелам, а в браке нисколько не отличается от зверей, для которых необходимо сожительство, и, по-видимому, служит преемству рода (прп. Исидор Пелусиот, 63, 104).

***

И девство... и блуд выходят из-под меры закона, но не одинаковым образом: девство парит за пределы, блуд переступает их; одно уподобляется телам легким, несущимся вверх, стремящимся к небу, а другой — телам, падающим вниз и тяжелым; одно гонится за тем, что выше всякой

превратности, а другой — за тем, чему сродна превратность и сверстно мучение. Честный же брак, занимая средину между обоими, гораздо ниже девства, и выше блуда в большей мере, нежели сколько сам ниже девства. Почему, когда девство увенчивается, а блуд осуждается, брак удостаивается соразмерной ему похвалы (прп. Исидор Пелусиот, 63, 281).

***

Повелевай и ты своей Еве блюстись змия, чтоб, прельщена быв от него, не подала она тебе плода запрещенного (авва Фалассий, 91, 335).

***

...Брак не дает времени пещися о деле угождения Господу (прп. Феодор Студит, 92, 542).

***

Можно и в супружестве живущим достигнуть... чистоты, но с весьма большой трудностью (свт. Григорий Палама, 93, 260).

***

...К брачным святой Павел так говорит: *время прекращено есть прочее, да и имущии жены, яко не имущии будут... и требующии мира сего, яко не требующе* (1 Кор. 7, 29, 31). Что, как я полагаю, гораздо труднее подвига девства?! Опыт также показывает, что пост удобнее воздержания в пище и питии. Может быть, и вообще верно и праведно сказал бы кто, что, кто не емлется за

дело спасения, к тому ни едино же у нас слово; кто же печется о своем спасении, тот да ведает, что жизнь в девстве гораздо исполнимее и малотруднее жизни брачной (свт. Григорий Палама, 93, 285).

***

Кто в семье живет, тому и спасение от семейных добродетелей (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 200).

***

...Семейные отношения должны быть подчиняемы духовным потребностям (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 197).

БРАНЬ ДУХОВНАЯ

Чем продолжительнее ваша брань, тем блистательнее венец (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 179).

***

<Подвижнику> иногда попускается и быть побежденным тем, с чем он борется, дабы он приобрел смирение, и чрез то познал свою немощь и крепко удалялся вредного ему... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 124).

***

Умная душа, стоя непоколебимо в своем добром намерении, как коня, обуздывает гнев и похоть — эти неразумнейшие свои страсти, и за то, что борется с ними,

укрощая и преодолевая их, увенчивается и удостаивается пребывания на небесах, получая сие как воздаяние за посев и труды от создавшего ее Бога (прп. Антоний Великий, 89, 88).

***

Когда подвизаешься против какой страсти, не малодушествуй, но повергни себя пред Богом, говоря от всего сердца своего: не могу я против этого; помоги мне бедному,— и успокоишься (прп. авва Исаия, 89, 299).

***

Если молишься Богу о брани, чтоб Он взял ее от тебя, и Он не слышит тебя, не малодушествуй, ибо Он лучше тебя знает, что полезно тебе (прп. авва Исаия, 89, 300).

***

Бодрствуй... против духа, приносящего человеку печаль, ибо много у него ловлений, пока не сделает тебя обессиленным (прп. авва Исаия, 89, 348).

***

Неосуждение ближнего есть стена (ограждения) для разумно ведущих брань (прп. авва Исаия, 89, 349).

***

...Подвижник монах, когда им обладает какая-либо страсть, не может устоять против врагов и достигнуть в меру совершенства (прп. авва Исаия, 89, 407).

***

...Понуждай себя хранить молчание, чтобы Бог даровал тебе силу бороться и подвизаться (прп. авва Исаия, 89, 431).

***

...Не телесными силами, но постоянством души и терпением в скорбях одерживается победа над невидимыми врагами (свт. Василий Великий, 8, 21).

***

...Все старание да употребит человек, чтобы душевная высота не была унижена восстанием сластолюбивых пожеланий (свт. Василий Великий, 9, 363).

***

...Предстоит великая брань; не пренебрегайте ею, не думайте, что достигли вы уже совершенства. Много труда и много подвигов потребно для того, чтобы спастись (прп. Ефрем Сирин, 30, 230).

***

У нас брань не с видимыми людьми, от которых, осмотревшись, можно привести себя в безопасность. Воюющие с нами невидимы. Потому и опасность велика нерадивым, а победителям велико воздаяние (прп. Ефрем Сирин, 30, 232).

***

Для любящих Бога всею душою брань с <диаволом> то же, что и ничто, а для любящих мир она трудна и невыносима (прп. Ефрем Сирин, 30, 386).

***

Если вступаешь... в борьбу, будь трезвен, чтобы противник не порадовался, победив тебя, и чтобы тебе вместо венца не получить противоположного тому (прп. Ефрем Сирин, 31, 122).

***

Где низложил тебя противник, там, восстав, борись с врагом, чтоб пред теми же, кем узнаны твои недостатки, обнаружилось и твое исправление (прп. Ефрем Сирин, 31, 188).

***

Немоществовать еще плотию не значит быть побежденным; но тот побежден, кто в искушениях оказался неискусным (прп. Ефрем Сирин, 31, 201).

***

...Против вражеских внушений представляй себе страх геенны и лютость мучений, чтоб враг не обольстил тебя вселукавством своим (прп. Ефрем Сирин, 31, 223).

***

Если враг будет внушать тебе такую мысль: «Есть покаяние, поэтому воспользуйся своею волею», — то скажи ему: «Какая нужда, диавол, разорять построенный дом и снова... строить его?» (прп. Ефрем Сирин, 31, 270).

***

И в мире, и в подвижнической жизни никто не венчается без борьбы, а также без борьбы никто не может по-

лучить неувядаемого венца и вечной жизни, ибо настоящая жизнь всегда подобна поприщу (прп. Ефрем Сирин, 32, 70—71).

***

Брань твоя... не какая-нибудь обыкновенная, не смеха достойная; напротив того, все Ангелы и Владыка их смотрят на брань твою, какую ведешь с врагом. Итак, когда ты сделаешься победителем врага, Бог и Ангелы будут рукоплескать тебе; и Ангелы, радуясь, прославят Бога, даровавшего тебе силу победить лукавого. Для того и брань усиливается более и более, чтобы и ты стал благоискусным, и Бог прославлялся, и люди стали тебе подражателями (прп. Ефрем Сирин, 32, 76).

***

...Усилие духа над природою есть брань, и производится двояким образом: в новоначальных, чтобы не войти им в единение с плотью, а в совершенных, чтобы и самое тело сделать духовным (прп. Ефрем Сирин, 32, 254).

***

Обратите внимание, возлюбленные мои, как усиливается все лукавое, как зло ежедневно преуспевает и лукавство идет вперед. Все это заставляет ожидать будущего смятения и великой скорби, какая придет на все земные пределы. По причине грехов наших, по причине расслабления нашего преуспевает лукавое. Будем же каждый день бодрственными, боголюбивые воители; окажемся победителями в брани с врагом, христолюбцы; изучим законы сей брани; она производится невидимо, и закон сей брани —

всегдашнее совлечение с себя земных хлопот. Если ежедневно имеешь пред очами смерть, то не согрешишь. Если совлечешься земных хлопот, то не обратишься в бегство на брани. Если возненавидишь земное, пренебрегая временным, то в состоянии будешь, как доблестный воин, получить победную награду. Ибо земное влечет к себе долу, и страсти во время брани помрачают сердечные очи; и потому-то лукавый воюет с нами и побеждает нас, исполненных земного и порабощенных пристрастию к земным заботам (прп. Ефрем Сирин, 32, 374).

***

Всего лучше не даваться в плен страстям, т. е. не поддаваться приражению лукавых помышлений. Если же кто приведен ими как бы в потрясение, то запечатлеет себя немедленно животворящим образом креста и враг будет низложен (прп. Ефрем Сирин, 32, 404).

***

Кто вступает в брань и желает одержать победу, тот пусть, как в броню, облечется в славный доспех — смирение (прп. Ефрем Сирин, 33, 114).

***

Осматривал я оружейную храмину победоносцев, вникал, какое оружие облекшемуся в оное доставляет победу. Много оружий представилось там взорам моим, и каждым из них можно одержать блистательную победу. Во-первых, видел я чистый пост — этот меч, который никогда не притупляется. Потом видел девство, чистоту и святость — этот лук, из которого острые стрелы пронзают сердце лука-

вому. Видел и нищету, с пренебрежением отвергающую серебро и всякое имущество, — эту броню, которая не допускает до сердца изощренных стрел диавольских; заметил там любовь — этот щит, и мир — это твердое копье, от которых трепещет сатана и обращается в бегство. Видел бдение — этот панцирь, молитву — эти латы, и правдивость — эту легкую военную колесницу. Но, рассматривая все сии вооружения и размышляя, какое из них всех тверже, увидел я оплот смирения и нашел, что ничего нет тверже его, потому что никакое оружие не может проторгнуть его, и лукавый не в силах взять его приступом. Посему-то, оставив прочие исчисленные мною оружия, написал я тебе об одном смирении. Если желаешь одержать победу в брани, которую ведешь ты, то ищи себе прибежище за оплотом смирения, там укройся и не оставляй сей ограды, чтобы не уловил тебя в плен хищник; не полагайся на собственное свое оружие, чтобы не поразил тебя лукавый. Вот вооружение, которое посылаю тебе из оружейной храмины победоносцев, потому что этим и они побеждали. Блажен, кто, сим вооружившись, вступает в брань. Господь наш Сам облекся в смирение и нас научил смирению, чтобы дать нам средство Его смирением побеждать лукавого и всю силу его (прп. Ефрем Сирин, 33, 120—121).

***

Да не увидит же нас никогда лукавый благопристойно прикрытыми с наружности и обнаженными внутренне! (прп. Ефрем Сирин, 33, 123).

***

Адам побежден прелестью лукавого. Как мужественные борцы, станьте вы, дети Адамовы, и отмстите за отца ваше-

го, который в раю Едемском утратил красоту свою; прострите к нему руку свою, воздвигните его, победите и низложите сатану, соблазнившего род наш; силою Господа нашего сокрушите главу его. Победим все его козни... (прп. Ефрем Сирин, 33, 281).

***

...*Возьмите оружие* постов, молитв и бдений, *чтобы могли вы* устоять и *противостать* (ср.: Еф. 6, 13) врагам... в тот день, когда восстанет на нас какая-либо из похотей, которую мы препобеждаем этим оружием (прп. Ефрем Сирин, 36, 198—199).

***

...Плоть Христа сначала облеклась оружием воздержания, а затем (уже) приступила к борьбе <с диаволом> (прп. Ефрем Сирин, 37, 62).

***

...Точно два во мне ума: один добрый, он следует всему прекрасному, а другой худший, он следует худому. Один ум идет к свету и готов покоряться Христу; а другой — ум плоти и крови — влечется во мрак и согласен отдаться в плен велиару. Или один увеселяется земным, ищет для себя полезного не в постоянном, но в преходящем, любит пиршества, ссоры, обременительное пресыщение, срамоту темных дел и обманы, идет широким путем и, покрытый непроницаемою мглою неразумия, забавляется собственною пагубою; а другой восхищается небесным и уповаемым как настоящим, в одном Боге полагает надежду жизни, здешнее же, подверженное различным случайностям, почитает ниче-

го не стоящим дымом, любит нищету, труды и благие заботы, и идет тесным путем жизни.

Видя их борьбу, Дух великого Бога снисшел свыше и подал помощь уму, прекращая восстание беспокойной плоти или усмиряя волнующиеся воды черных страстей. Но плоть и после сего имеет неистовую силу и не прекращает брани; борьба остается нерешительною. Иногда персть смиряется умом, а иногда и ум опять против воли последует превозмогающей плоти. Но хотя желает одного, именно лучшего, однако же, делая другое, именно, что ненавидит, оплакивает он тягостное рабство, заблуждение первородного отца, гибельное убеждение матери — эту матерь нашей продерзости, преступную ложь пресмыкающегося кровопийцы — змия, который увеселяется человеческими грехами; оплакивает и древо, или вредный для человека плод древа, и пагубное вкушение, и врата смерти, и срамную наготу членов, и еще более бесчестное изгнание из рая, или от древа жизни. Об этом сетует болезнующий ум. Но плоть моя и ныне устремляет взор на прародителей и на человекоубийственное древо; она постоянно любит всякую сладкую снедь, какую только для обольщения ее показывает злый губитель — змий (свт. Григорий Богослов, 15, 305—307).

***

...Если душа стоит твердо и ни в чем не ослабевает, то начинает брать преимущество, решать дело и одерживать над грехом победы (прп. Макарий Египетский, 67, 21).

***

...Борющаяся душа, взыскав помощи и защиты, получает их и сподобляется избавления; потому что борьба и

подвиг возможны при равных силах (прп. Макарий Египетский, 67, 21).

***

...Между христианами иные терпят сильную брань и терзания от греха, и даже укрепляются и умудряются в бранях... Иные же, не упражнявшись еще, если в одну только впадут скорбь и воздвигнется на них брань, тотчас ввергаются в беду и в гибель (прп. Макарий Египетский, 67, 118—119).

***

...Так угодно Господу, поелику человек еще младенец, упражняет его Господь во бранях (прп. Макарий Египетский, 67, 200).

***

...Кто не борется <внутренно> со грехом, то внутренний порок, разливаясь постепенно, с приумножением своим увлекает человека в явные грехи, доводит до совершения их самим делом, потому что зло, как отверстие источника, всегда источает из себя струю (прп. Макарий Египетский, 89, 217).

***

Самое главное оружие для борца и подвижника состоит в том, чтобы, вошедши в сердце, сотворил он брань с сатаною, возненавидел самого себя, отрекся от души своей, гневался на нее, укорял ее, противился привычным своим пожеланиям, препирался с помыслами, боролся с самим собой (прп. Макарий Египетский, 89, 218).

***

...Враги никогда не остаются в бездействии и ведут брань, не предаваясь лености (прп. Макарий Египетский, 89, 236).

***

...Мера твоего подвига заключается в том... чтобы бороться с пороком и не слушаться его, не соуслаждаться им в помыслах (прп. Макарий Египетский, 89, 244).

***

Нет человека, на которого враг перестал бы нападать (прп. Макарий Египетский, 89, 248).

***

...Иные терпят сильную брань и терзания от греха, но укрепляются и умудряются в бранях, пренебрегая сопротивную силу, и нет им опасности в этом отношении... (прп. Макарий Египетский, 89, 248).

***

...Если и наступает брань отвне, делает приражение сатана, то внутренно ограждены <христиане> Господнею силою, и не тревожатся при нападениях сатаны (прп. Макарий Египетский, 89, 265).

***

...Если подъявший на себя оружие Христово, чтобы сражаться мужественно, расслабнет, то скоро предается он врагам и, по разрешении с телом, из тьмы, обдержащей его

ныне, пойдет в другую, более страшную тьму и в погибель (прп. Макарий Египетский, 89, 270).

***

Кто надеждою на Бога одержал верх над многими и сильными врагами, тот, как бы приведя в некое забвение показанные им труды, снова восстает на борцов, еще более сильных и могущественных (свт. Григорий Нисский, 19, 165).

***

Если бегать или обходить борьбу, то ум останется неопытным, робким и легко обращающимся в бегство (авва Евагрий, 89, 573).

***

Когда ум начнет творить молитвы нерассеянно, тогда вся брань, денно-нощная, сводится на брань с раздражительною частью души (авва Евагрий, 89, 576).

***

Кто борется и победит, у того после подвига следует мирное некое состояние, и душа преисполняется неизреченною радостью (авва Евагрий, 89, 605).

***

Зло не в том... чтобы, сражаясь, пасть, а в том, чтобы, упавши, так и оставаться; не то бедственно, чтобы, воюя, быть раненным, но то, чтобы после поражения отчаиваться и не заботиться о ране (свт. Иоанн Златоуст, 45, 36).

***

...Тем, которые с сильным рвением устремляются на врагов, свойственно быть иногда поражаемыми и падать... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 37).

***

Тот достоин бесчисленных похвал, прославлений и почестей, кто обуздывает беснующуюся природу и спасает ладью во время самой жестокой бури (свт. Иоанн Златоуст, 45, 114).

***

...Нужна нам великая бдительность, так как и брань у нас непрерывная и никогда не знает перемирия (свт. Иоанн Златоуст, 48, 19).

***

...Не станем бояться брани и бегать борьбы, но не будем и беспечны, потому что... враг нашего спасения постоянно бодрствует и все предпринимает против нашего спасения (свт. Иоанн Златоуст, 48, 21).

***

Представляя себе, что мы, облеченные телом, вынуждены бываем бороться с силами бестелесными, будем ограждать себя оружием духовным (свт. Иоанн Златоуст, 48, 498).

***

...Нужно всячески стараться не быть уловленным вначале, потому что легче не вдаться в зло, чем, вдавшись, исправиться (свт. Иоанн Златоуст, 52, 472).

***

Какая же вражда у нас? Вражда души с телом, порока с добродетелью. Прекратим эту вражду, уничтожим эту брань; тогда и других будем вразумлять с миром и с великим дерзновением, без упреков совести. Гнев противится кротости, любостяжание противится презрению богатства, зависть противится доброжелательству. Прекратим эту брань, низложим этих врагов, поставим эти трофеи, устроим мир в нашем городе. У нас ведь есть свой город и управление, граждане и множество пришельцев. Изгоним пришельцев, чтобы не развратились наши граждане. Да не входит к нам никакое чуждое и нездравое учение, никакое плотское мудрование... Изгоним же пришельцев, или, лучше, не пришельцев только, но и врагов. Если заметим какой-нибудь помысл, враждебный нам, но прикрывающийся одеждою гражданина, предадим его начальнику — уму. Много у нас таких помыслов, враждебных по существу своему, но прикрывающихся овечьей кожей (свт. Иоанн Златоуст, 53, 331).

***

...Подвиги в начале более легки, а лучше сказать, нам и не потребуется бороться, если мы не отворим дверей врагу и не примем семени порока (свт. Иоанн Златоуст, 53, 633).

***

У нас есть и союзница в борьбе — сестра поста, разумею молитву: смерть ли, искушение ли, или какое-либо другое из зол, — все уничтожается молитвою и постом (свт. Иоанн Златоуст, 53, 911).

***

В том ведь и состоит вся брань души, чтобы не удалить ум от Бога, не останавливаться и не соглашаться с нечистыми помыслами, и не обращать внимания на то, что изображает в сердце этот достойный всякого порицания древний живописец — диавол (свт. Иоанн Златоуст, 53, 964).

***

...После победы потребна бодрость, иначе то, что тебе удалось низложить, снова может подняться. Если мы не стоим, восстает то, что нами низложено (свт. Иоанн Златоуст, 55, 197).

***

Конечно, не следует уклоняться от борьбы, но не следует и напрашиваться на нее; тогда и для нас победа будет славнее, и для диавола поражение унизительнее (свт. Иоанн Златоуст, 56, 774—775).

***

...Мы должны храбро стоять, если вовлечены в борьбу; если же мы не званы — оставаться в покое и ожидать времени борьбы, чтобы явить вместе и презрение к славе, и храбрость (свт. Иоанн Златоуст, 56, 775).

***

При наступлении <сей> особой войны и сражаться будем особым способом: обратим к небу песнопения; вместо копьев устремим туда псалмы; вознесем к Богу молитвы; непрестанными слезами умилостивим Его <Божий> гнев,

разорвем сеть худых дел; разрушим твердыню зла; будем сражаться оружием добродетели; панциря праведности не пробивает стрела; щиту веры не наносит вреда молния; Бог не попускает сокрушить шлем надежды; вышний гнев не раздирает хитона смиренномудрия... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 965).

***

Духовная война ведется также посредством противостояния и уклонения в сторону. Зная это, Павел, вождь в деле благочестия, ведет войско с применением того и другого способа <...> Если случится война с неверием, полезно выступать с опровержением. Если угрожает напасть коварства, полезно при борьбе с ним тщательное наблюдение. Если нападение состоит в клевете, уместна прямая встреча с ложью. А если нападает блудный образ, хорошо показывать тыл и обращать лицо в другую сторону, потому что блуд особенно действует через глаза... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 986).

***

Мы побеждаем или бываем побеждаемы не вследствие силы противников <бесов> или слабости помощников, а по нашей воле. Когда те и другие склоняют на свою сторону, святые Ангелы к добру, а преступные демоны ко злу, наша воля, почтенная свободою, избирает то, чего хочет, потому что ни Бог, почтивший нас свободою, не принуждает, ни диавол не имеет над нами принудительной силы; по своему решению мы или поступаем хорошо, или грешим... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 1015—1016).

***

Дерзновенно убо да уповает душа на Христа, да призывает Его; врагов же отнюдь да не страшится: ибо не одна воюет, но со Страшным Царем Иисусом Христом, Творцом всего сущего, бестелесного и телесного, видимого и невидимого (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 175).

***

...Всякий раз как случится умножиться в нас лукавым помыслам, ввергнем в среду их призывание Господа нашего Иисуса Христа; и тотчас увидим, что они начнут рассеиваться, как дым в воздухе, как научил нас опыт. Когда после этого ум останется один (без помыслов смущающих), возьмемся опять за непрерывное внимание и призывание. Так будем поступать всякий раз, как потерпим такое искушение (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 187).

***

Как невозможно нагому телом выйти на войну, или переплыть большое море в одеждах, или жить не дыша, так невозможно без смирения и непрестанного моления ко Христу научиться мысленной и сокровенной брани, и искусно преследовать ее и пресекать (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 187).

***

Должно всегда вращать в пространстве сердца нашего имя Иисус — Христово, как молния вращается в воздушном пространстве пред тем, как быть дождю. Это хорошо знают имеющие духовную опытность во внутренней брани.

Брань эту мысленную будем вести в таком порядке: первое дело — внимание; потом, когда заметим, что подошел вражий помысл, бросим на него с гневом слова клятвы из сердца; третье за тем дело — помолиться на него, обращая сердце к призыванию Иисуса Христа, да развеется этот демонский призрак тотчас, чтобы иначе ум не пошел в след этого мечтания, как дитя, прельщаемое каким-либо искусным фокусником (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 188—189).

***

...Невозможно сытому чреву вступить в борьбу внутреннего человека, нельзя сражаться с сильнейшими тому, кто может быть низлагаем в более легком сражении (прп. Иоанн Кассиан, 57, 56).

***

Это есть как бы самое твердое основание во всех бранях, чтобы сначала подавить возбуждения плотских вожделений. Ибо, не обуздав своей плоти, никто не может законно сражаться. А кто законно не сражается, тот, без сомнения, не может и на ратоборном поприще состязаться и заслужить венец славы и награды за победу. А если на этом ратоборстве будем побеждены, обличены, как рабы плотской похоти, чрез это не представляя знаков ни свободы, ни крепости, то, как недостойные рабы, с посрамлением тотчас будем выгнаны с поприща духовного ратоборства.

...Ибо мы не заслужим вступить в более трудную брань с небесными непотребствами (злыми духами), когда не могли покорить слабую плоть, противящуюся нашему духу (прп. Иоанн Кассиан, 57, 58).

***

Нам нечего бояться внешнего неприятеля; враг в нас самих скрывается. У нас ежедневно происходит внутренняя война; по одержании победы на ней все внешнее сделается слабым и с воином Христовым все помирится и покорится ему. Мы не будем иметь такого неприятеля, которого бы надобно было бояться вне нас, если внутреннее в нас будет побеждено и покорено духу (прп. Иоанн Кассиан, 57, 62).

***

...Необходимо всякому, поставленному для борьбы, хотя бы часто преодолевал и побеждал своего противника, и самому иногда быть уязвленным (прп. Иоанн Кассиан, 57, 75).

***

Есть брань и в членах наших, поселенная для нашей же пользы, как читаем у Апостола: ***плоть похотствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противятся, да не яже хощете, сия творите*** (Гал. 5, 17). По промыслительному распоряжению Божию она внедрилась как бы в самую природу нашу. И можно ли почитать ее иным чем, как не естественною как бы принадлежностью человеческой природы, после падения первого человека, если она всем без исключения обща? Можно ли не верить, что она имеется в нас по воле Божией, во благо нам, а не во зло, если она всем прирождена? Так, некоторым образом, самим промышлением Божиим оставлена в нас сия спасительная брань, чтобы возбуждала нас и вела к высшему совершенству, так что с прекращением ее, по противоположности, должен настать опаснейший мир (прп. авва Даниил, 57, 228).

***

Находясь в середине между <вожделениями плоти и духа>, сими двумя стремлениями, воля души нашей не услаждается греховными делами и не находит удовольствия в трудах ради добродетелей, располагаясь так воздерживаться от плотских страстей, чтобы нисколько не терпеть скорбей, неизбежных при исполнении требований духа, желая без озлоблений плоти достигнуть телесной чистоты, без трудов бдений стяжать чистоту сердца, с упокоением плоти обиловать духовными добродетелями, без всякого оскорбления злословием получить благодать терпения, являть смирение Христово без ущерба в чести мирской, следовать простоте благочестия с гордостью века сего, служить Христу с хвалою и благоволением людским, говорить решительную правду, не встречая никаких оскорблений, вообще приобретать блага будущие, не теряя настоящих. Воля сия (если оставить ее в таком состоянии) никогда не повела бы нас к истинному совершенству; но, содержа в состоянии противной теплоты, сделала бы только такими, каковы те, коим с укорением изрекает Господь праведный суд Свой в Апокалипсисе: ***вем твоя дела, яко ни студен, ни горяч, о дабы студен был еси или горяч! Тако понеже тепл еси, изблевати тя имам от уст Моих*** (ср.: Апок. 3, 15—16); в таком состоянии теплоты мы оставались бы навсегда, если бы из него не выводила нас восстающая в нас брань. Ибо в сем случае, когда, раболепствуя самоугодию, захотим сделать себе некоторое послабление, тотчас восстает плоть и, уязвляя нас жалами греховных движений и страстей, не дает пребывать в отрадной чистоте — желаемой и увлекает к охлаждающему удовольствию — отвергаемому, увлекает как бы на путь, заросший тернием. С другой стороны, если, воспламеняясь рвением духа и желая совершенно умертвить

движение плоти, расположимся в возношении сердца всех себя предать непомерным подвигам в добродетелях, без всякого внимания к человеческой бренности, то немощь плоти скоро подает свой голос и, осаждая парение духа, отклоняет нас от таких несообразных крайностей. Но между тем как, таким образом, то и другое стремление ведет брань взаимным друг другу противлением, воля души нашей, которая сама по себе не хотела бы ни совершенно предаться плотским пожеланиям, ни посвятить себя решительно подвигам в добродетелях, сама собою утверждается на правом мериле. Ибо тот взаимный спор уничтожает опаснейшее состояние ее (равнодушие) и вместе устанавливает на весах нашего существа некоторое как бы равновесие, в коем правым рассуждением определяется свойственное плоти и духу и не допускается до преобладания ни ум, воспламененный рвением духа одесную, ни плоть, возбуждаемая жалами страстей ошуюю. Ежедневно действуя на нас благодетельно, брань сия приводит нас и к тому четвертому, чего не хотим, именно, чтобы, отвергши пространную и беспечную жизнь, стяжавать чистоту сердца со многим потом и сокрушением духа; хранить чистоту тела строгим постом, голодом, жаждою и бодрствованием, восходить в доброе настроение духа чрез чтение, бдение, непрестанные молитвы и скорби уединения; утверждаться в терпении опытами искушений, верно служа Творцу своему и среди злословий и поношений, держаться истины при неприязни и враждовании мира сего, если это необходимо будет. Так-то происходящая в нашем существе брань, извлекая нас из состояния беспечной холодности, призывает к трудам и ревности о добродетелях, учреждая в то же время прекрасную средину, в коей с одной стороны жар духа, с другой — холодность плоти установляет произвол воли нашей в соразмер-

ной горячности ревности; оттого ни необузданным страстям плоти увлекать душу нашу не попускает стремление духа, ни духу порываться непомерными желаниями добродетелей не позволяет немощь плоти, — чтобы иначе, в первом случае, не пустили корней всякого рода пороки, а во втором, возношение не нанесло нам глубокой раны мечом гордости; правильное же уравновешение взаимного их противоборства, сохраняя разумную меру между тем и другим стремлением, научает воина Христова всегда шествовать путем царским. Вот откуда происходит, что когда душа, по причине охлаждения или нерадения воли, готова бы склониться к плотским похотям, ее обуздывает рвение духа, не удовлетворяющегося земными благами; и, напротив, когда дух в возношении сердца, с непомерным жаром порывается к превышающим силы наши подвигам, его возвращает к должным пределам немощь плоти, и он, возвышаясь над охлажденным состоянием воли нашей, с умеренною ревностью и усердием к трудам, ровною стезею начинает востекать к предназначенному совершенству (прп. авва Даниил, 57, 230—232).

***

От... брани зависит... очень полезное для нас промедление дела, и от этого спора спасительное отложение исполнения. Ибо когда, встречая препятствие в грубости плоти, мы принуждены бываем медлить в совершении делом того, что не к добру зачинаем в уме, то нередко в этот промежуток приходим в лучшее настроение или чрез раскаяние в злом, или чрез поправление ошибки, которая может обнаружиться при новом рассмотрении дела во время промедления (прп. авва Даниил, 57, 233).

***

Какую пользу доставляет нам брань плоти и духа?

Во-первых, она прогоняет нашу беспечность, обличает нерадение и, как внимательнейший какой пестун, не попускает уклоняться от черты строгости правил жизни. Если мы по беспечности своей хоть немного нарушим меру законной строгости, она тотчас бичом возбуждений уязвляет, образумливает нас и возвращает к должной осторожности. Во-вторых, когда, при помощи благодати Божией, укрепляясь в целомудрии и чистоте, мы столь долгое время бываем свободны от плотского осквернения (непроизвольного истечения), что начинаем думать, будто более не будем уже обеспокоиваемы даже простым возбуждением плоти, и тем в тайне сердца своего возносимся, как будто не носим на себе бренной плоти; тогда истечениями (ночными), хотя простыми и спокойными, она смиряет нас и своими уязвлениями возвращает к мысли, что мы все еще такие же люди. Ибо, тогда как в отношении к другим порокам, даже важнейшим и опаснейшим, мы обыкновенно бываем более равнодушны и, по совершении их, не так легко приходим в сокрушение, — в этом приключении, как бы насмеянии каком, очень сильно смиряется и уязвляется наша совесть, почитая себя виновною как в этом деле, так и во многих других, опущенных без внимания страстных движениях, ясно убеждаясь, что она стала нечистою от естественного разжжения (истечения), а прежде не сознавала, что она еще больше была нечистою от душевных страстей; а отсюда, обращаясь к исправлению допущенного нерадения, берет урок, что никогда не должно слишком полагаться на свою чистоту, что она, как дар, получается единственно от благодати Божией, и потому тотчас можно погубить ее самым малым уклонением от Бога. Такого рода опыты бо-

лее всего научают, что, если желаем утешаться постоянною чистотою, должны прежде со всею ревностью стяжать добродетель смирения (прп. авва Даниил, 57, 234).

***

Ибо я и подвластный человек; но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет, и другому: прийди, и приходит, и слуге моему: сделай то, и делает (ср.: Мф. 8, 9). Итак, если бы и мы, так же мужественно сражаясь против возмущений и пороков, могли подчинить их своей власти и рассуждению и, воинствуя, подавить страсти в своей плоти, или непостоянную толпу наших помыслов покорить власти разума, и спасительным знамением креста Господня прогонять от пределов нашего сердца свирепые полки противных властей, то за заслуги таких побед мы были бы возведены в чин духовного сотника... Поднявшись на высоту этого достоинства, будем иметь власть повелевать и силу, по которой не будем увлекаться теми помыслами, какими не хотим, но возможем пребывать в тех или заниматься теми, какими духовно услаждаемся, а худым внушениям приказывать: *отойдите,* и отойдут; а добрым скажем: *придите,* и придут; также и слуге нашему, т. е. телу, прикажем то, что принадлежит к целомудрию или воздержанию, и оно без всякого прекословия будет повиноваться, уже не производя в нас противных возбуждений похоти, но оказывая всякую покорность духу (прп. авва Серен, 57, 283—284).

***

Где не перестают брани, там невозможно быть безопасным от поражений. Сколь бы кто искусен ни был в деле

брани, сколь бы мужественно ни сражался, хотя бы часто наносил противникам смертельные раны, но если он находится среди самой битвы, то по необходимости должен иногда терпеть удары меча вражеского (прп. авва Херемон, 57, 374).

***

...Если хочешь быть не пустым воином, то как можно скорее обратись к духовной брани и ратуй паче на свое бесчиние (прп. Исидор Пелусиот, 61, 56).

***

Пришествием Божиим борения соделаны для нас удобными для того, чтобы мы, подвизаясь, побеждали, а не для того, чтобы величием благодати пользовались как предлогом к лености (прп. Исидор Пелусиот, 61, 366—367).

***

Уму, как царю самодержцу, надлежит ко вратам чувств высылать страшные и отовсюду защищенные оружием помыслы, которые встречали бы врагов, преграждали им путь, отражали их и не прежде дозволяли им вход, а потом вступали с ними в сомнительную битву, успех которой часто склоняется на другую сторону и доставляет победу сопротивникам. Посему-то и спасительное слово, когда другие законодатели наказывают только за самое дело, угрожает наказанием и смотрящему нескромно, чтобы брань соделалась не недоступною и непреоборимою, но удобною и легкою (прп. Исидор Пелусиот, 61, 368).

***

...Постоянно побеждающий неистовые телесные страсти, восторгаясь сими победами, в радостном восхищении не чувствует и трудов (прп. Исидор Пелусиот, 62, 47).

***

...Мы, очами веры ясно прозирающие в жизнь будущую, по справедливости пренебрегаем и войны <земные>, и победные памятники, и провозглашение, как прекращающиеся вместе с настоящей жизнью; ведем же ту брань, в которой препираемся с лукавыми демонами и с плотскими страстями, и кто с неусыпным искусством преодолевает их, того и называем победоносцем, хотя бы, по-видимому, и бесславно отошел он из этой жизни; потому что здешнее бесславие порождает бессмертную славу, и добровольная нищета доставляет небесное богатство (прп. Исидор Пелусиот, 62, 238).

***

Поелику Бог-Слово соблаговолил вочеловечиться, укротил волновавшиеся прежде человеческие страсти, плоть соделал убежищем добродетели и лукавые полчища поверг под ноги Своих учеников, и справедливо установил подвиги труднейшие, приуготовил же награды небесные и премирные; то справедливость требует, чтобы побеждаемые себе самим вменяли свои поражения. Ибо если победа, которая уже уготована нам, не находит потом умеющих побеждать и в немногих оказывает свою силу, то причина поражений — в нежелающих приобрести победу трудами (прп. Исидор Пелусиот, 62, 454).

***

Раз или два победив раздражительность и похотливость, эти страсти из всех мучительнейшие, не давай себе покоя и не думай, что победил ты совершенно и стал свободен от всякой борьбы. Но и после самой великой победы бодрствуй и заботься, чтобы не утратили славы прежние победные памятники. Ибо многие, не говорю, трижды, но тысячекратно одержав победу, впоследствии стали добычею врагов, и после многих победных торжеств, отводимые в плен, представляли из себя жалкое зрелище (прп. Исидор Пелусиот, 63, 226—227).

***

...Воин, если не будет обучен прежде долговременным упражнением и испытан в трудах и битвах, показав на опыте, что одерживает победу над врагами, не прославляется.

Тем паче у Небесного Истинного Царя никто не удостоивается принять небесные дары Святаго Духа, если не будет предварительно упражняться в изучении святых заповедей, и таким образом не приимет небесного орудия самой благодати и не вступит в борьбу с духами злобы (прп. Нил Синайский, 90, 295).

***

Не приходи в малодушие, но мужайся, храня твердый образ мыслей, ибо мужественный, хотя и в ранах будет, несомненно победит, сражаясь и раненный (прп. Нил Синайский, 90, 333).

***

Когда всякий произвольный порок отвергнем от мысли, тогда опять вступим в брань с давно укоренившимися в нас страстями (прп. Марк Подвижник, 69, 21).

***

Ни злых помыслов отдельно от причин их, ни причин отдельно от помыслов нельзя победить ведущему с ними брань. Ибо если одно что-нибудь отдельно отвергнем, то спустя немного посредством другого обоими будем обладаемы (прп. Марк Подвижник, 69, 46).

***

Кто с послушанием и молитвою борется со своими хотениями — тот искусный борец... (прп. Марк Подвижник, 89, 554).

***

Страх Божий понуждает нас бороться со грехом, и когда боремся, благодать Божия истребляет их (прп. Марк Подвижник, 89, 558).

***

Когда душа гневом подвигается против страстей, ведать надлежит, что тогда время молчать, ибо то есть час брани (блж. Диадох, 91, 15).

***

Не возможешь ты *на аспида и василиска наступить и попрать льва и змия* (ср.: Пс. 90, 13), если, долгим моле-

нием умолив Бога, не получишь в споборники себе Ангелов... (прп. Иоанн Карпафский, 91, 90).

***

Преследуй сам себя, и враг твой прогнан будет приближением твоим (прп. Исаак Сирин, 59, 17).

***

Лучше быть нам осужденными за некоторые дела, а не за оставление <брани> (прп. Исаак Сирин, 59, 42).

***

<Человек> да не прекращает брани до самой смерти, пока есть в нем дыхание, да не предает души своей на одоление, даже и во время самого поражения (прп. Исаак Сирин, 59, 42).

***

Не бойтесь, что жестокость брани непрерывна и продолжительна; и не приходите в колебание от долговременности борьбы... (прп. Исаак Сирин, 59, 43).

***

...Не ослабевайте и не трепещите от вражеских ополчений, не впадайте в бездну безнадежности, если, может быть, и приключится вам на время поползнуться и согрешить (прп. Исаак Сирин, 59, 43).

***

...Когда удалены от человека причины расслабляющие, нет ему опасности в двоякой брани, внутренней и внешней (прп. Исаак Сирин, 59, 93).

***

...Всякой борьбе с грехом и вожделением служат началом труд, бдение и пост... (Прп. Исаак Сирин, 59, 96).

***

...Кто в начале противоборствует страсти, тот вскоре возгосподствует над нею (прп. Исаак Сирин, 59, 292).

***

Прежде нежели начнешь брань, ищи себе помощи и прежде недуга взыщи врача (прп. Исаак Сирин, 59, 300).

***

От покоя происходят и тревожат человека домашние брани; но он имеет возможность прекращать их. Ибо, как скоро человек оставит покой и возвратится на место дел, брани сии отъемлются от него и удаляются (прп. Исаак Сирин, 59, 418).

***

Часто тщеславие враждует против объядения, и сии две страсти ссорятся между собою за бедного монаха, как за купленного раба. Объядение понуждает разрешать, а тще-

славие внушает показывать свою добродетель; но благоразумный монах избегает той и другой пучины, и умеет пользоваться удобным временем для отражения одной страсти другою (прп. Иоанн Лествичник, 58, 106).

***

...Где мы терпим нападение от врагов, там, без сомнения, и сами сильно с ними боремся; а кто этой брани не чувствует, тот оказывается в дружбе с врагами (прп. Иоанн Лествичник, 58, 123).

***

...Иногда можно по немощи предпочесть и бегство, чтобы не умереть душевно (прп. Иоанн Лествичник, 58, 209).

***

Воину Христову должно знать, каких врагов следует ему отгонять еще издали и каким попускать бороться с собою. Борьба эта иногда бывает нам причиною венца, иногда же отречение от борьбы делает нас непотребными (прп. Иоанн Лествичник, 58, 229—230).

***

Обуздывай мужественно гнев и похоть, и скоро избавишься от худых помыслов (авва Фалассий, 91, 314).

***

Властелин тот, кто над собою возвластвовал, и душу и тело подчинил уму (духу) (авва Фалассий, 91, 314).

***

Сцепи силы души с добродетелями, и всякое стремление страстей отцепится от них (авва Фалассий, 91, 317).

***

Порабощай тело, отсекая его сластолюбные пожелания, и избавишь его от тяжелого рабства им (авва Фалассий, 91, 321).

***

Ум разумный обуздывает душу свою, изможлает тело и порабощает себе страсти (авва Фалассий, 91, 330).

***

...Брань с воспоминаниями о вещах столько же труднее брани с самыми вещами, сколько грешить мыслию удобнее, нежели самым делом (прп. Максим Исповедник, 91, 186).

***

Вся брань монаха против демонов состоит в том, чтобы отделить страсти от мыслей; ибо иначе невозможно ему бесстрастно смотреть на вещи (прп. Максим Исповедник, 91, 219).

***

Раздражительную силу души обуздывай любовью; вожделевательную умерщвляй воздержанием; мыслительную воскрыляй молитвою — и свет ума никогда не помрачится в тебе (прп. Максим Исповедник, 91, 242).

***

Нам надлежит быть не только телесных страстей убивателями, но и душевных страстных помыслов истребителями... (прп. Максим Исповедник, 91, 266).

***

Отречемся, сколько силы есть, от удовольствий настоящей жизни и от страха прискорбностей ее, и всеконечно избавимся от всякого страстного помысла и от всякой злокозненности демонской (прп. Максим Исповедник, 91, 272).

***

Уму, научившемуся разумно избегать невидимых схваток или столкновений (с невидимыми врагами), не следует ни приступать к естественному рассуждению, ни что-либо другое делать во время нападения злых сил, но только молиться, утомлять трудами тело... (прп. Максим Исповедник, 91, 288).

***

...Доблестно борясь с миром, и с плотью, и с исходящими от них восстаниями... <святые> не порабощенным сохранили в самих себе достоинство души (прп. Максим Исповедник, 91, 307).

***

...Сколько бы раз в день ни нападал <похотный> помысл, истребляйте его вконец, — и не будет нам осуждения (прп. Феодор Студит, 92, 34).

***

...Если на кого нападет помысл похотный, да не мятется он и не смущается; но молитвою, стенанием и слез излиянием да обращает его вспять... (прп. Феодор Студит, 92, 34).

***

Хотя бы и умирать нам приходилось каждый день, претерпим то с радостью, стараясь жить выше мирских мудрований (прп. Феодор Студит, 92, 38).

***

Прольем кровь в подвигах, и да не будет у нас ничего, что бы отторгало нас от заповеди Божией... (прп. Феодор Студит, 92, 38).

***

...Всесильное мановение Божие не попускает сгорать нам в огне сем <похоти>, если боремся, — и мы исходим в прохлаждение росою чистоты, славя Бога со святыми отроками (прп. Феодор Студит, 92, 111).

***

...Как окопами какими, оградим себя Божественными заповедями; и будем всегда целы и безопасны (прп. Феодор Студит, 92, 185).

***

...Каждодневно предлежит вам борение, хотя вместе с тем и каждодневные венцы (прп. Феодор Студит, 92, 219).

***

Умирает... <в брани> не тот, кто однажды получил рану или пал под ударом... но тот, кто сам себя добровольно предает врагам своим на заклание (прп. Феодор Студит, 92, 252).

***

...Не из-за каких-либо ничтожных, последнейших и человеческих целей идет этот у нас бой, но Божественных ради и небесных благ (прп. Феодор Студит, 92, 259).

***

Каждый какою страстью томим бывает, против той должен и подвиг воспринимать... (прп. Феодор Студит, 92, 295—296).

***

...Душа смиренная, уязвляемая помыслами, отражает их с ненавистью... (прп. Феодор Студит, 92, 335).

***

Как меч острый добре рубит нападающих, так и душа, в страхе Божием, как в огне выкованная и в слезной воде закаленная, должна рубить демонские помыслы, ловя их, как добычу (прп. Феодор Студит, 92, 518).

***

...Не будем бояться, ни ужасаться <демонов>. Имеем и мы Споборника и Заступника, Духа Святаго и Господа нашего Иисуса Христа... (прп. Феодор Студит, 92, 569).

***

...Когда нападет враг или уранит, по невниманию нашему, впустив стрелу похоти в сердце, тотчас употребим против него молитву, — и он убежит не медля... (прп. Феодор Студит, 92, 570).

***

...Пока мы во плоти, нам присуща брань: ибо не было бы и добродетели, если бы не было брани (прп. Феодор Студит, 92, 622).

***

...Послушай, как должно вести каждочасно действующую в нас брань, и поступай так: с трезвением сочетавай молитву, — и будет трезвение усиливать молитву, а молитва трезвение. Трезвение, непрестанно назирая за всем внутри, замечает, как враги покушаются войти туда, и, заграждая им по силе своей вход, призывает в то же время на помощь Господа Иисуса Христа, чтобы Он прогнал этих лукавых воителей. При этом внимание заграждает вход посредством противоречия; а призываемый Иисус прогоняет демонов с мечтаниями их (прп. Филофей Синайский, 91, 413—414).

***

Поелику прежде заложенный в нас яд зла многообилен, то многого и огня требует для очищения своего, т. е. слез покаяния и произвольных подвижнических трудов... (прп. Никита Стифат, 93, 114).

***

...Если ты не прекратишь скитания мыслями вовне, то не можешь восстать против тех, которые строят тебе засады

внутри. Если не победишь борющих тебя чрез видимые вещи, то не обратишь в бегство невидимых наветников (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 179).

***

Какие же суть оружия, в которые облекает своих воинов эта невидимая брань? Слушай. Шлемом для них служит совершенное себе неверие и совершенное на себя ненадеяние; щитом и кольчугой — дерзновенная вера в Бога и твердое на Него упование; броней и нагрудником — поучение в страданиях Господа; поясом — отсечение плотских страстей; обувью — смирение и немощности своей постоянное признание и чувство; шпорами — терпение в искушениях и отгнание нерадения; мечом, который непрестанно держат они в одной руке, — молитва как словесная, так и мысленная — сердечная; копьем трехострийным, которое держат они в другой руке, — твердая решимость отнюдь не соглашаться на борющую страсть, отревать ее от себя с гневом и ненавидеть от всего сердца; коштом и пищею, которыми подкрепляются они на сопротивление врагам, — частое причастие Богообщения, как таинственного от таинственной Жертвы, так и мысленного; светлою и безоблачною атмосферой, дающею им возможность издали усматривать врагов, — всегдашнее упражнение ума в познавании того, что право есть пред Господом, всегдашнее упражнение воли в вожделевании одного того, что благоугодно Богу, мир и спокойствие сердца (прп. Никодим Святогорец, 70, 6—7).

***

...Если истинно желаешь сделаться победителем в сей невидимой брани и сподобиться достодолжного за то вен-

ца, (надлежит) водрузить в сердце своем следующие четыре расположения и духовные делания, как бы облещись в невидимые оружия, самые благонадежные и всепобедительные, именно: а) никогда ни в чем не надеяться на себя; б) носить в сердце всегда полное и вседерзновенное упование на единого Бога; в) непрестанно подвизаться и г) всегда пребывать в молитве (прп. Никодим Святогорец, 70, 17).

***

Поелику вся сила, коею побеждаются враги наши, порождается в нас от неверия себе самим и упования на Бога, то надлежит тебе, брате мой, запастись точными ведениями относительно сего, чтоб с Божиею помощью всегда носить в себе и хранить такую силу. Ведай убо твердо-натвердо, что ни все способности и добрые свойства, естественные ли то или приобретенные; ни все дарования... ни знание всего Писания, ни то, если мы долгое время работали Богу и навык приобрели в сем работании Ему, ни все это вместе не даст нам верно исполнять волю Божию, если при каждом богоугодном, добром деле, которое предлежит нам совершить, при каждой беде, которой ищем избегнуть, при каждом кресте, который должны понести по воле Бога нашего, если, говорю, во всех таких и подобных им случаях не воодушевит сердца нашего особая некая помощь Божия и не подаст нам силы к совершению достодолжного, как сказал Господь: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5); так что всю жизнь свою, все дни и все минуты, мы неотложно должны хранить в себе неизменным такое в сердце чувство, убеждение и настроение, что ни по какому поводу, ни по какому помыслу непозволительно нам положиться и возуповать на самих себя (прп. Никодим Святогорец, 70, 27—28).

***

...Ведай... что ничего нет легче и удобнее для Бога, как сделать, чтобы ты победил врагов своих, будь их немного или много, будь они старые и сильные или будь новые и малосильные. Однакож, на все у Него свое время и свой порядок. Почему пусть иная душа чрезмерно обременена грехами, пусть она повинна во всех преступлениях мира, пусть осквернена так, как только может кто вообразить, и пусть она при том, сколько хотела и сколько могла, употребляла всякое средство и всякий подвиг, чтоб отстать от греха и обратиться на путь добра, но никак не могла установиться ни в чем достодолжном, даже самом малом, а, напротив, еще глубже погружалась в зло, — пусть она такая; при всем том, однакож, отнюдь не должно ей ослабевать в уповании на Бога и отступать от Него, не должно ей оставлять ни орудий, ни подвигов своих духовных, но должно бороться и бороться с собою и с врагами со всем мужеством и неутомимостью. Ибо ведая ведай, что в этой невидимой брани только тот не теряет, кто не перестает бороться и уповать на Бога, Которого помощь никогда не отступает от борющихся в Его полках, хотя иной раз Он попускает получать им и раны. Почему борись каждый, не уступая; потому что в этом неотступном борении все дело. У Бога же всегда готовы и врачевство поражаемым от врагов, и помощь на поражение их, которые в должное время и подает Он борцам Своим, ищущим Его и твердую на Него имеющих надежду; в час, когда не чают, увидят они, как исчезают гордые враги их, как написано: ***оскудеша крепцыи вавилонстии еже ратовати*** (Иер. 51, 30) (прп. Никодим Святогорец, 70, 28—29).

***

Всякий раз, как бессловесная воля чувственная с одной стороны, а воля Божия, совестью изрекаемая, с другой, борют свободное твое произволение и влекут его к себе, ища препобедить его, надлежит тебе, если ты искренний ревнитель о добре, со своей стороны употреблять подобающие приемы, чтобы способствовать воле Божией одержать победу. Для сего:

а) как только ощутишь движение низшей чувственной и страстной воли, тотчас всеусильно воспротивься им и отнюдь не допускай, чтобы твое произволение склонялось на них, хотя мало, — подави их, отжени, отрей от себя сильным напряжением воли;

б) чтоб это успешнее совершилось и принесло добрый плод, спеши возгреть вседушную неприязнь к такого рода движениям, как к врагам своим, ищущим похитить и погубить душу твою, — разгневайся на них;

в) но в то же время не забывай взывать к Подвигопомощнику нашему Господу Иисусу Христу о помощи, ограждении и укреплении доброй воли твоей: ибо без Него не можем мы иметь успеха ни в чем;

г) сии три внутренние действия, искренно воспроизведенные в душе, всякий раз дадут тебе победу над недобрыми движениями. Но это есть только прогнание врагов. Если хочешь их самих поразить в самое сердце, для сего теперь же, если удобно, сделай что-нибудь противоположное тому, что внушало страстное движение, а если можно, положи делать то и всегда. Это последнее, наконец, совсем избавит тебя от появления испытанных тобою нападений (прп. Никодим Святогорец, 70, 48—49).

***

...Изгнать из сердца страсть и заместить ее противоположною ей добродетелью и есть цель невидимой брани (прп. Никодим Святогорец, 70, 50).

***

...Стой бодренно и, собравшись в себя вниманием, борись мужественно, — и борись не с великими только и сильными, но и с малыми и легкими движениями каждой твоей страсти. Потому что малые открывают дорогу для великих, особенно когда обратятся в привычку. Опыт уже не раз подтверждал, что когда кто мало обращает внимания и заботы об отражении от сердца малых страстных пожеланий, после того как преодолел уже великие, то такой подвергается внезапным и неожиданным нападениям врагов, и таким сильным, что не устаивает в борьбе и падает еще горше прежних падений (прп. Никодим Святогорец, 70, 53).

***

Если иной раз восчувствуешь такое сильное восстание греховное, что тебе покажется, будто уже и устоять против него не можешь и будто уже сама ретивая ревность противостоять ему иссякла, то смотри, брате мой, не опускай рук, но встрепенись и стой твердо. Это вражеская уловка — помыслом о безнадежности устоять — подсечь самое противостояние и заставить, сложив всякое оружие, отдаться в руки врагов. Приводи тогда пояснее на мысль эту козни врага и не уступай. Ибо, пока ты не склонишься произволением на страстное влечение, ты все состоишь в числе победителей, отражателей и поражателей врага, хотя

бы даже сочувствие твое отошло уже на сторону страсти. Принудить же твое произволение никто и ничто не может, или против воли твоей вырвать из рук твоих победу и низложить тебя, какую бы сильную и ожесточенную брань ни поднимали в тебе враги твоего спасения. Бог даровал нашему свободному произволению такую силу, что хотя бы все свойственные человеку чувства, весь мир и все демоны вооружились против него и вступили с ним в схватку, они насиловать его не могут; на его стороне всегда остается свобода возжелать предлагаемого ими и требуемого, если захочет, и не возжелать, если не захочет. Зато оно и отвечает за все и подлежит суду. Запомни же это добре, что, как бы ни казался ты себе расслабевшим, ты отнюдь не можешь извинять себя, если склонишься на страстное влечение. Это и совесть твоя скажет тебе. Изготовься же тем ретивее противостоять, чем сильнее нападение, и никогда не отступай от такого решения, при всяком таком случае возглашая в себе командирские слова к нам одного из наших главнокомандующих: ***стойте, мужайтеся, утверждайтеся*** (1 Кор. 16, 13) (прп. Никодим Святогорец, 70, 54—55).

***

Если желаешь ты победить врагов своих как можно скорее и легче, необходимо тебе, брате, вести брань со всеми страстями своими непрестанно и мужественно, особенно же и преимущественно против самолюбия, или неразумной любви к себе в самоугодии и в саможалении, — потому что оно служит основою и источником всех страстей, и что его иначе укротить нельзя, как непрестанными произвольными самоозлоблениями и любовною встречею скорбей, лишений, напраслин, притеснений со стороны

мира и мирских. Опущение из виду этого безжалостного к себе отношения было, есть и будет всегда причиной безуспешности наших духовных побед, их трудности, редкости, несовершенства и непрочности (прп. Никодим Святогорец, 70, 57—58).

***

Как только проснешься ты утром и несколько помолишься, говоря: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, — первое предлежащее тебе дело есть — заключить себя, как в некоем месте или позорище, в своем собственном сердце. Установившись здесь, возведи затем себя в сознание и чувство, что ошуюю тебя стоит уже тот враг твой и то страстное влечение, с коими ты состоишь в то время в борьбе, готовые тотчас напасть на тебя, и вследствие того восстанови в себе решительность или победить, или умереть, но не уступать; сознай также, что одесную тебя невидимо предстоят тебе победоносный Архистратиг твой, Господь наш Иисус Христос с Пресвятою Матерью Своею и множеством Ангелов святых, с Архангелом Михаилом во главе, готовые на помощь тебе, и вследствие того воодушевись благонадежием.

Вот восстанет на тебя князь преисподних, диавол, с полчищами бесов своих и начнет разжигать страстное в тебе влечение, уговаривая притом тебя разными льстивыми обещаниями твоему самоугодию перестать бороться с сею страстью и покориться ей и уверяя, что так будет лучше и покойнее. Но внемли себе, в то же время должен слышаться тебе и с десной стороны остерегательный и воодушевительный глас, который Ангел твой хранитель от

лица всех, сущих одесную тебя, не преминет внушать тебе, говоря: «Ныне предлежит тебе брань с твоею страстью и другими врагами твоими. Не устрашись и не убойся, и не убегай от страха сего и с поля брани. Ибо Сам Господь Иисус, Архистратиг твой, стоит близ, окруженный тысяченачальниками и стоначальниками бесплотных и всеми сонмами Ангелов святых, готовый споборать тебе против врагов твоих, и не допустит их преодолеть тебя и победить, как обетовано: *Господь поборет по вас* (Исх. 14, 14). Почему стой твердо, нудь себя не поддаваться и всячески напрягайся перетерпеть это нападшее на тебя испытание, из глубины сердца взывая: *не предаждь мене в душы стужающих ми* (Пс. 26, 12). Взывай ко Господу твоему, к Владычице Богородице, ко всем Ангелам и святым. Придет помощь, и ты победишь; ибо написано: *пишу вам, юноши,* ободренные и ретивые воители, *яко победисте лукаваго* (1 Ин. 2, 13). Пусть ты немощен и связан худыми навыками, и враги твои сильны и многочисленны; но гораздо большая готова тебе помощь от Того, Кто создал тебя и искупил, и несравненно сильнее всех Бог Защититель твой в брани сей, как написано: *Господь крепок и силен, Господь силен в брани* (Пс. 23, 8), Который притом вящшее имеет желание спасти тебя, нежели враг твой погубить тебя. Итак, борись и никогда не тяготись трудом от брани сей. Ибо этим трудом, нуждением себя и безжалостным, несмотря на боль, отрыванием себя от порочных навыков, приобретается победа и стяжевается великое сокровище, на которое покупается Царство Небесное и ради коего душа навсегда соединяется с Богом (прп. Никодим Святогорец, 70, 61—62).

***

В невидимой брани не всегда и не скоро соделываемся победителями: победа — дар Божий, даруемый подвижнику Богом в свое время, известное единому Богу... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 161).

***

Борьба с живущею в сердце смертью, совершаемая при посредстве молитвы, под водительством Слова Божия, есть распятие, есть погубление души для спасения души (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 163).

***

Общее правило борьбы с греховными начинаниями заключается в том, чтобы отвергать грех при самом появлении его... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 290—291).

***

Когда же мы противимся греховным помыслам, мечтам и ощущениям, тогда самая борьба с ними доставит нам преуспеяние и обогатит нас деятельным разумом (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 291).

***

...Сознание повреждения, произведенного в естестве первородным грехом, и смиренное моление об исцелении и обновлении естества Творцом его есть сильнейшее, действительнейшее оружие в борьбе с естеством (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 344).

***

Для самого преуспеяния в духовной жизни непременно нужно, чтобы возникли и таким образом обнаружились наши страсти. Когда страсти обнаружатся в подвижнике: тогда он вступает в борьбу с ними (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 345).

***

Насильственная борьба против порочных навыков вменяется Богом человеку в мученичество, и одержавший в этой борьбе победу венчается венцом исповедников как подвизающийся ради закона Христова (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 381).

***

Каждое сопротивление, оказанное требованию страсти, ослабляет ее; постоянное сопротивление низлагает ее. Каждое увлечение страстию усиливает ее, постоянное увлечение страстию порабощает страсти увлекающегося ею (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 525).

***

Борьба со страстями и страдания, прозябающие из этой борьбы <с внешними и внутренними скорбями>, несравненно тягостнее всех искушений извне. Томление и подвиг, в которые возводится христианин невидимою, внутреннею борьбою, восходят значением своим к подвигу мучеников (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 532).

***

Исполнение этих заповедей, или, правильнее, усилие к исполнению заповедей, по необходимости обличает живущий в нас грех, и возбуждает жестокую внутреннюю борьбу, в которой принимают сильнейшее участие духи злобы (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 369—370).

***

Духи злобы с такою хитростью ведут брань против человека, что приносимые ими помыслы и мечтания душе представляются как бы рождающимися в ней самой, а не от чуждого ей злого духа, действующего и вместе старающегося укрыться (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 7).

***

Чувственное видение духов есть принадлежность отшельнической жизни; с общежительными иноками бесы сражаются наиболее невидимо, принося им греховные помыслы, мечтания, ощущения, очень редко являясь чувственно (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 25).

***

Вступая подвижничеством в мир духов для приобретения свободы, мы встречаемся, во-первых, с духами падшими. Хотя втайне руководит нас... Божественная благодать, данная нам при Святом Крещении, без которой борьба с духами и освобождение из плена их невозможны; однако сначала мы бываем окружены ими и, находясь, по причине падения, в общении с ними, должны насильственно для себя и для них исторгнуться из этого общения (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 52).

***

Заповедь дана не только для дел и слов, но преимущественно для их начал, для помышлений, и брань врага направлена преимущественно против ума (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 160).

***

Человек должен сражаться против воздушных властей в стране мысленной (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 160).

***

...Только содевающему все без исключения заповеди возможно устоять против врага (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 162).

***

...Только что начнет уверовавший во Христа исполнять всесвятые Евангельские заповеди или, что то же, творить дела естества обновленного, как внезапно открывается пред ним его падшее естество, доселе скрывавшееся от взоров, и вступает в упорную борьбу с Евангелием (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 9).

***

Взять крест свой — значит доблественно претерпевать тяжкий невидимый труд, невидимое томление и мученичество, ради Евангелия, при борьбе с собственными страстями, с живущим внутри нас грехом, с духами злобы, которые с яростию восстанут против нас... когда мы вознамеримся свергнуть с себя иго греха и подчиниться игу Христову (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 92).

***

Победа над собственною греховностью есть вместе и победа над вечною смертью. Одержавший ее удобно может уклониться от общественного греховного увлечения (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 158).

***

Хотя греховность и побеждена в праведных человеках, хотя вечная смерть уничтожена присутствием в них Святаго Духа; но им не предоставлена неизменяемость в добре на всем протяжении земного странствования: не отнята и у них свобода в избрании добра и зла... Земная жизнь до последнего часа ее — поприще подвигов произвольных и невольных (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 159).

***

Обученные внутренними бранями стяжевают познание всесвятой воли Божией, мало-помалу научаются пребывать в ней. Познание воли Божией и покорность ей служат для души пристанищем: душа обретает в этом пристанище спокойствие и извещение в своем спасении (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 187—188).

***

Кому Господь захочет даровать духовное преуспеяние — попущает брани... Победителю дозволяется вход на вечерю благодати (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 455).

***

Вы в скорби от того, что в борьбе, в борьбе от того, что закон Христов духовен, требует распятия (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 448).

***

Те люди Богу свои, тем своим людям Он дает крепость, которые сохраняют верность к Нему в произволении, в то время как немощь их производит нарушение верности в делах (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 456).

***

На земле все враждебно человеку и сам он — в непрестанной борьбе с собою (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 501—502).

***

Для победы над злом нам необходима помощь Божия. Когда содействует нам эта всесильная помощь — мы побеждаем; когда она удаляется от нас — мы побеждаемся (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 538).

***

От... растворения и побеждения, от переходов от одних к другим человек более и более познает свою немощь, — постепенно возвеличивается пред ним Бог и, наконец, соделывается для него всем, предметом всей любви его, надежды, веры (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 539).

***

Не вступив в брань с духами и не выдержав ее как должно, подвижник не может вполне расторгнуть общение с ними, и потому не может достигнуть полной свободы от порабощения им (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 146).

***

Если не будешь поблажать страстям — узришь умерщвление их. Если же будешь поблажать им, беседовать с ними, питать их в себе и услаждаться ими — то они умертвят тебя (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 149).

***

Против усиленного и учащенного нападения греховных помыслов и ощущений, называемого на монашеском языке бранию, нет лучшего оружия для новоначального, как исповедь (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 149).

***

Для того, чтобы противостать духам злобы, и победить их благодатию Божиею, надо знать с тонкостию, кто они, надо знать с точностию образ борьбы с ними, знать условия победы и побеждения (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 319).

***

Чтоб противостать падшим духам, надо видеть их... Нам, невидящим падших духов телесными очами, надобно научиться видению их душевными очами (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 331).

***

С иноками, твердо противостоящими отверженным духам в брани невидимой чувственными очами, в свое время, не иначе как по попущению благодетельствующего нам Бога, вступают духи в борьбу открытую (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 335).

***

При правильной борьбе с духами является от этой борьбы обильная душевная польза, и инок приходит в особенное преуспеяние (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 336).

***

Смиренная преданность воле Божией, сознание и готовность потерпеть все страдания, какие попущены будут Богом, совершенное невнимание и неверие ко всем словам, действиям и явлениям падших духов уничтожают все значение их попыток. Попытки их получают величайшее значение при внимании к ним и при доверии к бесам (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 335—336).

***

Образ борьбы новоначального с невидимым духом, видимым лишь уму в помыслах и мечтаниях, заключается в том, чтобы новоначальный инок немедленно отвергал помысл и мечтание греховные (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 337).

***

Для отражения греховных помыслов и мечтаний отцы предлагают два орудия: 1) немедленное исповедание помыс-

лов и мечтаний старцу и 2) немедленное обращение к Богу с теплейшей молитвою о прогнании невидимых врагов (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 338).

***

Все отцы согласны в том, что новоначальный инок должен отвергать греховные помыслы и мечтания в самом начале их, не входя в прение, ниже в беседу с ними (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 338).

***

Козни врага обращаются в пользу тщаливому подвижнику: видя непрестанно близ себя убийцу... беспомощный, бессильный, нищий духом инок непрестанно вопиет с плачем к всесильному Богу о помощи, и получает ее (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 355).

***

В Боге сосредоточивается надежда всех спасающихся: надежда побеждающих грех силою Божиею и надежда побежденных грехом на время по Божию попущению, по собственной немощи (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 463—464).

***

Когда обращается кто к Богу, тогда происходит борьба: самолюбие и мир с одной стороны, а Божии истины с другой (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 215).

***

...Сойди вниманием в сердце, стань там пред Господом и не допускай туда ничего греховного. В этом все дело внутренней брани (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 120).

***

Не смущайтесь неудачами, или непокорностью сердца, которое сейчас тихо, и тотчас вспылит... Ломайте себя и Господа просите сломать... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 160).

***

Кто мужественно борется со страстьми, строго исполняя заповеди Господа, тот по мере успехов очищается сердцем, и по мере чистоты сердца сближается с Господом, Который обетовал таковым: ***к нему приидем и обитель у него сотворим*** (Ин. 14, 23) (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 165).

***

...Кто как только заметит мысль или чувство недоброе, тотчас прогоняет их с гневом, тот сохраняет свою неповинность (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 77).

***

Внимание, — самопротивление, — ко Господу Спасителю обращение... Вот вам всеоружие! — Ни один враг не устоит! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 142).

***

Смотрите, и приучайте (себя) не одолевать только, но и предотвращать восстания (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 175).

***

Как только заметите движение внутри противное духу... отвергайте сердцем, некоею неприязнию поразите сие движение, — и тут же ко Господу обращайтесь молитвенно, и Он поможет (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 58).

***

<Необходимо> всегда принимать сторону духа, а требования эгоистического плотского человека отгонять, подавлять (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 58).

***

Стойте у двери сердца, и как только заметите что-либо из худого прорвавшимся внутрь или подступающим, — гоните безжалостно... и избудете от греха (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 86—87).

***

Возгревайте сильнее веру в Господа Спасителя нашего и уповайте на Него. В сии орудия облекшись, недоступны будете врагам (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 128).

В

ВДОВСТВО

Если муж или жена умрет... и один из них вступит в брак, — согрешает ли вступающий в брак? Не согрешает... но если останется сам по себе, то приобретает себе большую славу у Господа. Поэтому храни чистоту и целомудрие и будешь жить с Богом (св. Ерм, 94, 185—186).

***

Рассказывают о горлице, что она, будучи разлучена с супругом, не терпит уже общения с другим, но проводит безбрачную жизнь, в память прежнего супруга отказываясь от нового союза. Слышите, жены, как честно вдовство и у бессловесных предпочитается неприличию многобрачия! (свт. Василий Великий, 5, 130).

***

Вдова, достигшая шестидесяти лет, если захочет опять жить с мужем, да не сподобится приобщения Благого, пока не исцелится от нечистой страсти (свт. Василий Великий, 11, 43).

***

...Оружие вдовы — это слезы, воздыхания и непрестанные молитвы; этим она может отразить не только обиду человеческую, но и нападения бесовские (свт. Иоанн Златоуст, 47, 331).

***

Вдова освободилась от дел житейских и уже идет к Небу, и то усердие и служение, которое она оказывала мужу, может употребить на дела духовные (свт. Иоанн Златоуст, 47, 331).

***

Невоздержная вдовица — дикий зверь... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 867).

***

Если решилась ты пребывать во вдовстве, то не веди себя, как юная. Если же и нарядов не слагаешь с себя, и присваиваешь себе имя плачущей, то одно к другому не идет. Посему, или оставь то или другое, или не оскорбляй стыдливости (прп. Исидор Пелусиот, 61, 117).

****

В одном селении жили два купца, дружившие с детства. Один был весьма богатый, а другой несколько беднее его. Первый имел необыкновенно целомудренную жену. Он вскоре умер, а второй купец захотел жениться на ней. Вдова узнала о его желании и однажды сказала ему: «Господин мой! Я вижу, что ты, смотря на меня, смущаешься.

Скажи, что тебе нужно, и я чем могу помогу тебе». Купец признался, что хочет жениться на ней. Она отвечала: «Если ты исполнишь, что я предложу тебе, то и я твое желание удовлетворю». Купец обещал все, что она повелит, исполнить. Вдова сказала: «Ступай домой и ничего не вкушай, пока я тебя не позову». Купец с радостью обещал поститься. На четвертый день, когда она его позвала, он настолько ослабел от поста, что только поддерживаемый другими дошел до нее. Вдова сказала: «Теперь можешь делать, что хочешь». «Сначала дай мне вкусить пищи, ибо я умираю от голода», — отвечал купец. — «Вот ты теперь от голода забыл все и желаешь одного хлеба. Так и впредь, когда плотские помыслы будут искушать тебя, постись и успокоишься, и знай, что по смерти мужа я ни за тебя, ни за кого другого не выйду замуж и пребуду в чистоте». Купец удивился ее целомудрию. «И так как я уверена, что ты любишь Бога больше всего, — продолжала вдова, — то расстанемся в этой жизни друг с другом навсегда, оставим этот мир и удалимся в монастыри». И как сказала, так и сделала. Она ушла в женский монастырь, а купец — в мужской. И оба они, угодив Богу святой жизнью, перешли в Вечное Царство Отца Небесного (113, 902—903).

ВЕДЕНИЕ

...Как благочестие есть одно наименование, а заключает в себе многие делания, так и ведение по названию одно, но имеет в себе многие (степени) познаний и ведения. Ибо и началом телесного делания служит ведение, и без ведения никто не приступает к деланию доброго, и до самого конца, т. е. усыновления и восхищения ума на небо во Христе пребывает ведение и видение. Но одно прежде труда, чтобы

чрез него совершалось дело, как здания — орудиями, а другое после веры, чтобы дело охранялось страхом, как стеною. И опять нужны ведение и делание душевных добродетелей для того, чтобы приготовлялись и возрастали райские произрастания. После этого опять нужно ведение ума и духовное делание, т. е. внимание ума и устроение душевного нрава, чтобы делатель искусно трудился и хранил заповеди, отчего бывает попечение о произрастаниях и содействие Божие: как солнце, дождь, ветер и возрастание (плодов), без которых весь труд земледельца напрасен, хотя, может быть, и разумно совершается: ибо без приклонения свыше не может совершиться что-либо доброе, но и приклонения свыше, и (помощи) благодати не бывает к не имеющим произволения... (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 51).

***

...От упразднения по Богу делается ум рассмотрительным и начинает предусматривать сети, уготовляемые диаволом, сокрытые и тайно хитрые, но будущего не провидит, как пророки, ибо это превыше естества и дается от Бога для общей пользы. Рассмотрение же естественно, и когда ум очистится, является и оно из-под власти страстей, как из-под мрака, в котором прежде скрывалось, ради же смиренномудрия приходит благодать и открывает душевное око, которое было ослеплено диаволом, и человек тотчас начинает видеть вещи по естеству, и не обольщается более внешним видом вещей, как прежде, ибо беспристрастно смотрит таковой на золото, серебро, драгоценные камни и не обольщается, не судит о них пристрастно, но, подобно святым отцам, знает, что из земли все это, как и другие вещи мира. Видит человека и познает, что он из земли и в

землю возвратится; и не просто только помышляет это, потому что и все люди по опыту знают то же, но, будучи обладаемы страстьми, бывают пристрастны к вещам. Если же кто-либо, по превозношению, думает, что он без первых трудов и добродетелей достиг того, чтобы видеть вещи по естеству, это не удивительно, потому что превозношение заставляет и слепых считать себя видящими, и неразумных по-пустому величаться. Если бы так легко было видеть вещи по естеству, от одних только размышлений, то излишний был бы плач и происходящее от него очищение, и не только это, но и многообразные подвиги, и смирение, и благодать свыше, и бесстрастие. Но не так это, не так! Часто бывает сие удобнее для людей более простых (сердцем), у которых ум чист от дел этого мира и от лукавств его; если случится такому быть в повиновении у опытного и духовного отца; или, подобно древним, по Домостроительству благодати, прежде нежели уразумеет кто-либо *десная или шуя* (ср.: Притч. 4, 27)... (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 65).

***

Смирение рождается от многих добродетелей, само же рождает — совершеннейшие, также и ведение, благодарение и молитва и любовь, ибо эти добродетели всегда возрастают. Например, смиряется человек, как грешник, и плачет, и от этого воздерживается и переносит произвольно и невольно бывающие скорби от демонов, ради подвига, и от людей, к испытанию веры, чтобы обнаружилось, имеет ли он надежду на Бога, или надеется на человека, или на свою крепость и мудрость. Будучи испытан в терпении и в том, чтобы все предоставлять Богу, получает он великую веру, о которой говорит Господь: *Сын Человеческий пришед обря-*

щет ли веру? (Лк. 18, 8). И чрез эту веру получает победу над противниками, а получив ее, познает свою немощь и неразумие от Божией силы и премудрости, на нем проявляющейся. И начинает благодарить в смирении души и трепещет, боясь, чтобы как-нибудь, подобно прежнему, не впасть в преслушание Бога. И от чистого страха, бывающего без греха, и от благодарения, терпения же и смирения, которого удостоился от ведения, начинает надеяться получить, по благодати, милость. От опыта же совершающихся на нем благодеяний, ожидает и боится, чтобы не оказаться как-нибудь недостойным таковых даров Божиих, и отсюда возрастает в смирении и молитве от сердца, а по мере того, как возрастает в нем это, с благодарением, получает он большее ведение. И так от ведения приходит в страх и от страха в благодарение и в высшее ведение. И отсюда — естественно любит Благодетеля и с радостью желает угождать Ему, вследствие ведения, как должник. И тотчас умножается в нем ведение, и он созерцает вместе с особенными благодениями (Божиими) и общие, не возмогая благодарить за которые, плачет, и снова, удивляясь благодати Божией, утешается. И иногда бывают у него прискорбные слезы, иногда же опять, от любви, проливает слезы, сладчайшие меда, при духовной радости, которая происходит от неизреченного смирения. Когда поистине желает он всякой воли Божией и ненавидит всякую честь и покой и почитает себя ниже всех, так что отнюдь не думает, чтобы кто-либо из людей был таким должником по всему пред Богом и людьми, как он. И потому почитает искушения и скорби за великое благодеяние, а радость и покой большой потерей. И первые любит от всей души, откуда бы они ни приходили, а последних боится, хотя бы и от Бога бывали к испытанию. Когда он пребывает в этих слезах, ум начинает

получать чистоту и приходит в первоначальное свое устроение, т. е. в естественное ведение, чрез которое была им потеряна любовь к страстям. Ведение это некоторые называют мудростью, потому что ум видит (при нем) вещи согласно с их естеством. И опять некоторые называют рассмотрением, потому что достигший его познает некоторую часть сокровенных таинств, т. е. намерение Божие, заключающееся в Божественных Писаниях и в каждом создании. Рассмотрение рождается от рассуждения и может постигать сущность чувственных и мысленных (созданий), и поэтому называется видением существующего, т. е. творений; но оно естественно и происходит от чистоты ума. Если же кто-либо удостоится, для общей пользы, получить прозорливость, то это превыше естества. Ибо один только Бог провидит все во всех, и (ведает), для чего Он создал каждую вещь, или слово Божественного Писания, и, по благодати, дарует достойным знание. Так что видение чувственных и мысленных творений Его, называемое мудростью, есть рассмотрение и естественное ведение, которое прежде было в естестве, но страсти помрачили ум; и если Бог, чрез деятельную добродетель, не отнимет страстей, то ум не может видеть. Но прозорливость не такова; она есть благодать и превыше естества. Однако и рассмотрение не бывает без Бога, хотя оно и естественно (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 119—122).

***

Имеющий ведение отнюдь не должен утверждать своего собственного разумения, но желать всегда иметь подтверждение в Божественном Писании или в природе вещи. Если же нет этого, то ведение не есть истинное, но лукавство и обольщение... (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 123).

***

...Ведение тогда только хорошо имеется, когда получившего оное невольно ведет к смирению, от стыда, что он имеет его не по достоинству... (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 127).

***

Любовь к простору (нестеснению себя лишениями) изгоняет ведение (прп. авва Исаия, 89, 350).

***

Ве́дущий же есть тот, кто постигает необходимость умозрений, ведущих к блаженству, поскольку уже постоянно и твердо содержит их в себе (свт. Василий Великий, 6, 202).

***

Ведение есть состояние, самое в себе твердое и не изменяемое разумом (свт. Василий Великий, 6, 202).

***

Ведение Бога — соблюдение заповедей Его (свт. Василий Великий, 8, 320).

***

...Истинное ведение сопряжено со смиренномудрием (прп. Ефрем Сирин, 30, 43).

***

Без терпения не построишь башни и без ведения не преуспеешь в добродетели (прп. Ефрем Сирин, 30, 140).

***

Ведение есть сила Божией благодати (прп. Ефрем Сирин, 30, 254).

***

Утвердись в ведении... и <оно> предохранит тебя от многих преткновений: ибо не попустит любителю своему сказать или сделать что-нибудь ко вреду слушающих (прп. Ефрем Сирин, 31, 112).

***

Человеку в жизни наибольшая слава — ведение, но и оно вредит употребляющему его во зло (свт. Григорий Богослов, 15, 364).

***

Кто любит деньги, не узрит ведения... (авва Евагрий, 89, 609).

***

...Высшее украшение сердца — ведение Бога (авва Евагрий, 89, 610).

***

Без памятования о Боге не может быть истинного ведения. Ибо без первого второе ложно (прп. Марк Подвижник, 69, 21).

***

Ведение без дел, соответствующих ему, еще нетвердо, хотя бы и истинно, ибо всякую вещь подтверждает дело (прп. Марк Подвижник, 69, 28).

***

Истинное ведение состоит в терпении скорбей и в том, чтобы не обвинять людей в своих бедствиях (прп. Марк Подвижник, 69, 33).

***

Ведение вещей получается по мере исполнения заповедей; ведение же истины по мере надежды на Христа (прп. Марк Подвижник, 69, 43).

***

Ум, забывающий истинное ведение, ведет с людьми войну за вредное себе, как за полезное (прп. Марк Подвижник, 89, 545).

***

Ведение каждого настолько бывает истинным, насколько подтверждает его кротость, смиренномудрие и любовь (прп. Марк Подвижник, 89, 546).

***

Свет истинного ведения <есть> непогрешительно различать добро от зла (блж. Диадох, 91, 13).

***

...Если сердце не занято ведением, то не можешь стерпеть мятежности телесного устремления (прп. Исаак Сирин, 59, 12).

***

Духовное ведение, по природе своей, позднее делания добродетелей (прп. Исаак Сирин, 59, 53).

***

Ведение есть ступень, по которой человек восходит на высоту веры, и как скоро достигает оной, более уже не пользуется им (прп. Исаак Сирин, 59, 129).

***

...Ведение, подаваемое Божественною силою, именуется сверхъестественным; и оно паче неведомо и выше ведения (прп. Исаак Сирин, 59, 138).

***

Ведение есть ощущение бессмертной жизни (прп. Исаак Сирин, 59, 166).

***

Пока разум не освободится от помыслов многих и не придет в единую простоту чистоты, дотоле не возможет ощутить духовного ведения (прп. Исаак Сирин, 59, 219).

***

Ведение, предшествующее вере, есть ведение естественное, а порождаемое верою есть ведение духовное (прп. Исаак Сирин, 59, 392—393).

***

Как елей нужен для свечения светильника, так милостыня питает в душе ведение (прп. Исаак Сирин, 59, 402).

***

Кому дано ведение, дан свет умный, но кто, получив, обесчестит его, тот увидит тьму (авва Фалассий, 91, 321).

***

Сподобившийся Божественного ведения и любовью стяжавший его просвещения никогда не надмевается духом тщеславия; а не сподобившийся оного весьма легко им кружим бывает (прп. Максим Исповедник, 91, 168).

***

Пока кто в этой жизни находится, дотоле, сколько бы ни был совершен, по здешнему состоянию, в деятельности и умозрении, отчасти только имеет и ведение, и пророчество, и залог Святаго Духа, но не во всей полноте, — имея некогда прийти в совершенное состояние, которое достойным показывает истину лицом к лицу, как она есть сама в себе: так что он не часть только полноты будет иметь, но самую полноту всю будет носить в себе по причастию (прп. Максим Исповедник, 91, 245).

***

Кто показывает в себе ведение, отелесяемым деятельностью, и деятельность, одушевляемую ведением, тот обрел точный способ истинного в нас богодействия. Кто же имеет какую-либо из сих черт разъединенную с другою, тот или ведение сделал пустою фантазиею... или деятельность пре-

вратил в бездушного идола. Ибо ведение недеятельное ничем не разнится от мечтаний фантазии, не имея в подтверждение свое деятельности, и деятельность неосмысленная есть то же, что идол, не имея одушевляющего ее ведения (прп. Максим Исповедник, 91, 305).

***

Да воссияет в вас свет ведения неложного, любовь к Богу, отрешающая от мира, и вожделение жизни вечной, умерщвляющее похоти (прп. Феодор Студит, 92, 78).

***

Возжелав истинного ведения и удостоверения в спасении несомненного, умудрись прежде расторгнуть страстные союзы души с телом и, обнажившись от пристрастия к вещественному, низойди в бездну смирения — и обретешь многоценный бисер спасения, как в раковине, в Божественном ведении сокрытый, и светлость Царствия Божия тебе предобручающий (прп. Феогност, 91, 379).

***

Ведением называю не мудрость, но неложное познание Бога и Божественного, коим боголюбивый, не влекомый долу страстями, возвышается к обожению благодатию Святаго Духа (прп. Феогност, 91, 384).

ВЕРА

От веры рождается воздержание, простота, от простоты невинность, от невинности скромность, от скромности знание, от знания любовь (св. Ерм, 94, 73).

***

...Вера есть свыше от Бога и имеет великую силу (св. Ерм, 94, 192).

***

...Желающий приобрести веру, которая есть основание всего благого, дверь тайн Божиих и беструдная победа над врагами, нужнейшая всякой добродетели, крыло молитвы и вселение Божие в душе, должен потерпеть всякий искус, каким будет искушаем от врагов и многих и различных помыслов, которых никто не может понять, ни сказать о них что-либо, ни изобрести их, как только изобретатель зла диавол. Но пусть таковой не боится, ибо если он победит постигающие его искушения, со многим усилием, и удержит ум свой, не допуская его послаблять помыслам, рождающимся в сердце его, то он разом победит все страсти; ибо не он будет победивший, но пришедший в него верою Христос. О таковых сказал Господь: ***аще имате веру яко зерно горушно*** и прочее (Мф. 17, 20). Но если помысл, изнемогши, и уступит немного, пусть не страшится и не отчаивается, и не приписывает своей душе говоримое злоначальником, но с терпением, по силе своей, старательно да совершает делание добродетелей и соблюдение заповедей в безмолвии и упразднении по Богу от всего произвольно помышляемого, чтобы враг, исполнив всякие ухищрения и мечтания днем и ночью, и, найдя, что он вовсе не заботится о представляемых ему играх и образах, со всеми мыслями, которыми он его устрашал, выставляя за истину игралища, полные лжи, соскучит и отойдет. А делатель заповедей Христовых, познав на опыте немощь врага, не ужасается более никакого его ухищрения; но с радостью все, чего хочет и желает по Богу, делает беспрепятственно, укрепляемый и вспомоществуемый чрез веру, Богом, в Ко-

торого уверовал, как Сам Господь говорит: ***вся возможна верующему*** (Мк. 9, 23). Ибо не он ведет брань с врагом, но Бог, промышляющий о нем ради веры (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 153—154).

***

Если бы и я имел веру, как <святые>, достиг бы и я страха, чрез который получил бы, по слову Пророка, благочестие и ведение, от которого рождаются: ***крепость, совет, разум и премудрость Духа*** (ср.: Ис. 11, 2)... (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 114).

***

Кто помышляет о небесном, тот верует Богу и знает, что все творения суть дело воли Его, а кто не помышляет о том, тот не верит никогда, что мир есть дело Божие и сотворен для спасения человека (прп. Антоний Великий, 89, 72).

***

Верою человек познает все невидимое и умопредставляемое. Вера же есть свободное убеждение души в том, что возвещается от Бога (прп. Антоний Великий, 89, 88).

***

Все признают себя верующими, но не имеющие добрых дел извергаются вон (прп. авва Исаия, 60, 174).

***

...Облекшийся верою крестною пренебрегает и тем, что естественно, и не боится смерти за Христа (свт. Афанасий Великий, 1, 226).

***

...Веру утверждают не изречения, но смысл и благочестивая жизнь (свт. Афанасий Великий, 2, 22).

***

Если кто, веруя во Христа, не являет дел сообразных с верою, тот, как внимающий дурным учениям и худо постигающий намерение Писания, сам себе высекает гробницу в камне (свт. Василий Великий, 5, 312).

***

...Несомненность же... веры получает совершенство по уяснении уже свойств Божиих в сердце преуспевающих в ведении (свт. Василий Великий, 6, 85).

***

Если кто исповедует по видимому Господа и слушает Его учение, но заповедям Его не повинуется; то он осужден, хотя бы, по особому Домостроительству, дано было ему иметь и духовные дарования (свт. Василий Великий, 7, 313).

***

В рассуждении сказанного Господом не должно приходить в колебание и сомнение, но несомненно принимать, что всякий глагол Божий истинен, всесилен, хотя бы в противном уверяла природа. Ибо в этом — и подвиг веры (свт. Василий Великий, 7, 313—314).

***

Если кто верует в Сына Божия, то *не запнутся стопы* его (Притч. 4, 12); и хотя чрез огонь перейдет, *пламень не опалит* его (Ис. 43, 2) (прп. Ефрем Сирин, 30, 130).

***

Вера рождает добрую мысль, а добрая мысль — река воды живой. Кто приобрел ее, тот наполнится водами ее (прп. Ефрем Сирин, 30, 139).

***

Без елея не будет гореть светильник; и без веры никто не приобретает доброй мысли (прп. Ефрем Сирин, 30, 139—140).

***

Вооруженный воин страшен на брани; и облекшийся в веру страшен невидимым врагам (прп. Ефрем Сирин, 30, 198).

***

Всем сердцем своим веруй в Господа, и во всякое время обретешь благодать (прп. Ефрем Сирин, 30, 214).

***

...Твердость веры твоей обнаруживается не тогда, как тебе прислуживают, и выслушиваешь ты льстивые речи, но когда переносишь гонения и побои (прп. Ефрем Сирин, 30, 418).

***

...Пусть будет для тебя всего предпочтительнее вера в Святую и Единосущную Троицу, потому что без сей веры невозможно никому жить истинною жизнию (прп. Ефрем Сирин, 31, 109).

***

Вера есть матерь святого доброго дела, и ею человек достигает исполнения на себе обетований Владыки и Спасителя нашего Иисуса Христа, по написанному: *без веры не возможно угодити Богу* (Евр. 11, 6) (прп. Ефрем Сирин, 31, 184).

***

Кто имеет веру и делает дела веры, в том вера, как самодвижное горчичное зерно (прп. Ефрем Сирин, 32, 296).

***

Когда око веры как свет сияет в сердце у человека, тогда ясно, светло и чисто созерцает он и Агнца Божия, за нас закланного и даровавшего нам святое и пречистое Тело Свое для всегдашнего причащения... во оставление грехов (прп. Ефрем Сирин, 32, 384).

***

В брани за веру да кончится служение твое на земле; венцом правды да заключится течение жизни твоей (прп. Ефрем Сирин, 33, 134).

***

...Вера есть дерево, на коем почивают Божественные дары (прп. Ефрем Сирин, 37, 108).

***

Не было бы, братия, ничего несправедливее нашей веры, если бы она была уделом одних мудрых и избыточествующих в слове и в умственных доводах, а простому народу надлежало бы... оставаться без приобретения веры... (свт. Григорий Богослов, 14, 156).

***

...Слабые в вере и грешники в полном смысле есть рабы... (прп. Макарий Египетский, 67, 114).

***

...Имейте попечение о вере и надежде, от которых рождается боголюбивая и человеколюбивая любовь, приводящая к вечной жизни (прп. Макарий Египетский, 67, 257).

***

Основание веры — духовная нищета и безмерная любовь к Богу (прп. Макарий Египетский, 67, 330).

***

...Кто старается уверовать и прийти ко Господу, тому надлежит молиться, чтобы здесь еще принять ему Духа Божия, потому что Он есть жизнь души... (прп. Макарий Египетский, 89, 197).

***

...Нет пользы от здравой веры при развращенной жизни (свт. Иоанн Златоуст, 45, 461).

***

...Не станем считать одну веру достаточною нам для спасения, но будем заботиться и о поведении, будем вести и наилучшую жизнь, чтобы и то и другое способствовало нам к достижению совершенства (свт. Иоанн Златоуст, 45, 595—596).

***

...В одно время с тем, как поверишь, вместе с этим ты расцвел и делами, и не потому, что у тебя недостает дел, а потому, что вера сама по себе полна добрых дел (свт. Иоанн Златоуст, 46, 936).

***

...Кажутся мне цветущие добрыми делами и неведевшие Бога... похожими на останки мертвецов, хотя и прекрасно одетых, но не имеющих чувствования прекрасного (свт. Иоанн Златоуст, 46, 936).

***

Дела бывают в отношении к людям и от людей, а вера — от людей в отношении к Богу... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 936).

***

...Вера делает того, кто обращается <к ней> небесным гражданином... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 936).

***

...Вера соделывает человека, сотворенного из земли, собеседником Божиим... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 936).

***

Не должно, чтобы вера была лишена дел, для того, чтобы она не была поругаема; однакож вера — выше дел (свт. Иоанн Златоуст, 46, 937).

***

Часто возможно жить тому, кто не питается, но не живущему невозможно питаться... Так должно, чтобы душа питалась делами, но надлежит, чтобы прежде дел была принимаема вера... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 937).

***

...Хотя дела прекрасны, но мертвы, <если> не имеют веры... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 937).

***

Что же, скажут: разве по вере одного не исцеляется другой? Я не думаю, — разве только тогда, когда или по незрелости возраста, или по чрезмерной слабости он сам не в состоянии веровать (свт. Иоанн Златоуст, 47, 43).

***

...Лишенные веры и толкают друг дуга, ударяются о стены и наконец низвергаются, увлекая сами себя в бездну погибели (свт. Иоанн Златоуст, 47, 278).

...Вера... возвышает нашу душу туда <на небо>, не допуская ее угнетаться никакими из настоящих бедствий, но облегчая труды надеждою будущего (свт. Иоанн Златоуст, 47, 279).

***

...Привходящие отвне помыслы обуревают наш ум, пришедшая вера надежнее якоря избавляет его от кораблекрушения, приводя его к полному убеждению, как корабль в тихую пристань (свт. Иоанн Златоуст, 47, 279).

***

...Вначале уверовать и покориться призыву зависит от нашего благорасположения; а после того, как вера уже внедрена, мы имеем нужду в помощи Святаго Духа для того, чтобы она пребывала постоянно непоколебимою и неизменною (свт. Иоанн Златоуст, 47, 281).

***

...Если мы желаем иметь твердую веру, то должны вести чистую жизнь, которая и располагает Духа пребывать в нас и поддерживать силу веры (свт. Иоанн Златоуст, 47, 285).

***

Невозможно, подлинно невозможно, чтобы проводящий нечистую жизнь не колебался и в вере (свт. Иоанн Златоуст, 47, 285).

***

Что пища для тела, то <добрая> жизнь для веры... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 286).

***

...Как очи телесные не видят ничего умственного, так очи веры не видят ничего чувственного (свт. Иоанн Златоуст, 48, 290).

***

Вот признак истинной веры: когда обетования бывают выше человеческого понятия, и мы твердо уповаем на силу Обещающего (свт. Иоанн Златоуст, 48, 396).

***

...Вера есть некоторый священный якорь, который со всех сторон укрепляет имеющую ее душу; она тогда особенно и обнаруживается, когда среди затруднительных обстоятельств убеждает имеющего ее питать благие надежды, прекращая смятение помыслов (свт. Иоанн Златоуст, 49, 348).

***

Подобно тому, как Крест был прославлен страданиями, так точно и вера святых возвышается от гонений и прославляется от страданий (свт. Иоанн Златоуст, 49, 912).

***

Вера есть как бы крепкий жезл и безопасная пристань, избавляющая от заблуждения суждений и успокаивающая душу в великой тишине (свт. Иоанн Златоуст, 50, 569).

***

В том и состоит сущность христианской веры, чтобы ожидать истинной жизни по смерти, надеяться на возвращение после исхода (свт. Иоанн Златоуст, 50, 599).

***

Вера просвещает все, вера освящает все, вера делает человека достойным Духа Святаго (свт. Иоанн Златоуст, 50, 725).

***

Вера — начало благ; вера — источник благ. Примем же это оружие спасения (свт. Иоанн Златоуст, 50, 725).

***

Где вера, там и сила; а где неверие, там и немощь (свт. Иоанн Златоуст, 50, 725).

***

Для того мы и называемся верными, чтобы, оставляя немощь дольных помыслов, восходили на высоту веры и в ее учении полагали свое высшее благо (свт. Иоанн Златоуст, 52, 163).

***

Если ежедневно бывающие и осязаемые дела требуют веры, тем более — дела неизреченные и духовные (свт. Иоанн Златоуст, 52, 163).

***

...Вера — мать всех благ, врачевство ко спасению; без нее невозможно усвоить ничего из высоких догматов (свт. Иоанн Златоуст, 52, 212).

***

...Веровать во <Христа> — дело немаловажное, и для того нужны не умствования человеческие, но откровение

свыше, и душа, с благодарностью принимающая откровение (свт. Иоанн Златоуст, 52, 296).

***

...Великое благо — вера, когда она бывает от горячего сердца, от многой любви и пламенной души. Она делает нас мудрецами; она прикрывает ничтожество человеческое и, оставляя умствования земные, любомудрствует о вещах небесных; даже более: чего мудрость человеческая обрести не может, то она с избытком постигает и совершает (свт. Иоанн Златоуст, 52, 425).

***

Одна вера не может ввести нас в Царство Небесное; напротив, из-за нее-то особенно и будут осуждены те, которые ведут жизнь порочную (свт. Иоанн Златоуст, 52, 571).

***

Как веровать просто и без разбора — дело легкомыслия, так и сверх меры испытывать и больше чем нужно исследовать — дело ума крайне упрямого (свт. Иоанн Златоуст, 52, 591).

***

...Вера является добрым руководителем на пути к купели <крещения>, вера есть якорь обуреваемой природы, вера есть тихая пристань человечества, вера есть ясное зеркало невидимого, вера есть лучший учитель об Единосущной Троице... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 735).

***

...Вера не только утверждает закон, но и обетование Божие делает непреложным... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 573).

***

...Не только преуспевающий в целомудрии или в другой какой-либо добродетели, но и являющий веру нуждается в очень многой силе. Как первый имеет нужду в мужестве, чтобы отгонять помыслы невоздержания, так и верующий нуждается в мощной душе, чтобы отражать мысли неверия (свт. Иоанн Златоуст, 53, 575—576).

***

...Вера — седалище души, основание жизни, бессмертный корень; животворящий корень веры — Отец, неувядаемая ветвь — Сын, бессмертный плод — Дух Святый... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 986).

***

Обремененная грехами совесть, страшась и трепеща пред будущим воздаянием и не желая находить утешение в перемене к лучшему, старается успокоить себя неверием (свт. Иоанн Златоуст, 54, 167).

***

Вера открывает даже врата смерти, заключает небо, изменяет пределы природы, укрощает силу огня, обращает пламень в росу и притупляет жало смерти (свт. Иоанн Златоуст, 54, 935—936).

***

Вера... недостаточна для спасения; но чтобы не спасать нас без всякого нашего участия, Бог требует ее от нас (свт. Иоанн Златоуст, 55, 36).

***

Вера есть щит, покрывающий тех, которые веруют, не испытывая. Когда же кто станет вдаваться в мудрования, начнет обо всем умствовать и судить по-своему, для такого вера не составляет собой щита. Напротив, тогда мы об нее только претыкаемся. Вера все укрывает и осеняет: таково должно быть ее свойство. А потому нельзя ее укоротить, в противном случае ноги или другая какая-нибудь часть тела останутся открытыми. Нет; щит должен быть соразмерной величины... Имей только щит веры, и ты угасишь им стрелы диавола (свт. Иоанн Златоуст, 55, 211—212).

***

Воюют ли в нас помыслы — двинем вперед веру. Обуревают ли нас неистовые пожелания — призовем на помощь веру. Находимся ли мы в трудных обстоятельствах и несчастии — будем искать утешения в вере. Вера есть то, чем оберегается всякое оружие; если ее нет, то и оружие тотчас сокрушится (свт. Иоанн Златоуст, 55, 212).

***

Так как Бог даровал нам блага, превышающие человеческое разумение, то Он по справедливости требует веры, потому что не может быть твердым тот, кто ищет объяснений (свт. Иоанн Златоуст, 55, 399—400).

***

Если же Он <Бог> не терпит никакого вреда, когда мы отрекаемся от Него, то значит, что Он требует исповедания нашего не для чего иного, как для нашей же пользы (свт. Иоанн Златоуст, 55, 789).

***

...Мы приняли веру просто, так что не имеем нужды прилепляться к бесчисленным ересям и входить в исследования, но все то, что вздумают прибавить к ней или убавить, считаем неправым (свт. Иоанн Златоуст, 56, 83).

***

...Мы, хотя бы тысячу лет пребывали в вере, еще младенцы, если остаемся нетвердыми в ней, если не ведем сообразной с нею жизни... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 88).

***

Вера требует души бодрственной и юной, возвышающейся над всем чувственным и парящей выше немощных помыслов человеческих (свт. Иоанн Златоуст, 56, 181).

***

Трубные звуки никак не могут разрушить каменных стен, хотя бы кто трубил тысячу лет; а вера <как у Иерихонских трубачей> может делать все! (свт. Иоанн Златоуст, 56, 220).

***

Вера укрепляет, а разум колеблет, потому что вера противна разуму <земному> (свт. Иоанн Златоуст, 56, 271—272).

***

...Вера пребывает с имеющими ее; она не обманывает обладающего ею, не изменяет приобретшему ее; не похищается ворами, недоступна для грабителей... ее охраняет Бог, ради нее доставляющий всем все с готовностью (свт. Иоанн Златоуст, 56, 399).

***

Вера не принимает заключений не потому, что они безрассудны, но потому, что она превосходит всякое размышление (свт. Иоанн Златоуст, 56, 445).

***

...Мужи евангельские и апостольские вполне чувствовали, как всякое добро совершается не иначе, как с помощью Господа, и исповедали, что своими силами или свободою своей воли они не могут сохранить невредимою даже веру свою; почему молили Господа то вспомоществовать ей, то даровать ее. Если таким образом вера Петрова имела нужду в помощи Божией, чтобы не ослабеть; то кто будет столько самонадеян и слеп, что для сохранения ее в себе думал бы не иметь нужды в непрестанном содействии Божием, особенно когда Сам Господь в Евангелии ясно выразил, говоря: *якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете... без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 4—5) (прп. авва Пафнутий, 57, 219—220).

***

...Вера есть щит, который, отражая раскаленные стрелы похоти, умерщвляет ее страхом будущего Суда и верованием Царству Небесному (прп. авва Серен, 57, 284).

***

Не думай, что вера, если только надобно назвать верою твою веру, обличаемую делами, возможет спасти тебя; потому что вера, оправдавшая вначале, требует согласных с нею дел, без которых спастись невозможно. Приятый по благодати по справедливости должен изобиловать собственными своими преимуществами, чтобы не быть иначе уличенным в неблагодарности (прп. Исидор Пелусиот, 62, 128).

***

Веру... должны проповедовать паче дела, нежели слова <...> Ибо делами, а не словами должно быть обнаруживаемо сокровенное (прп. Исидор Пелусиот, 62, 201—202).

***

...Да не осуждают других имеющие веру, но лишенные дел и дара слова (они обличают себя, отрицая веру делами) (прп. Исидор Пелусиот, 63, 238).

***

...Бог, приемля от людей веру, дарует верным небесные дарования (прп. Нил Синайский, 73, 168).

***

Вера состоит не в том только, чтобы креститься во Христа, но чтобы и заповеди Его исполнять (прп. Марк Подвижник, 89, 504).

***

Незнающий истины — и веровать не может истинно. Ибо ведение по естеству предваряет веру (прп. Марк Подвижник, 89, 530).

***

Вера есть истинное познание, имеющее недоказываемые начала, будучи удостоверением в вещах, превышающих ум и слово (прп. Марк Подвижник, 91, 247).

***

Верующий только, по Евангелию, сдвигает гору (Мф. 17, 19) греха деятельною в добре жизнью, исторгая из себя прежнее пристрастие к чувственным вещам, непостоянным и изменчивым. Кто же возмог сделаться учеником, тот, приемля от Слова руками преломления (ломти) хлебов духовного ведения, насытит ими тысячи, делами показывая размножающую силу Слова (Мф. 15, 32). А возмогший быть и Апостолом врачует *всяк недуг и всяку болезнь и бесов изгоняет* (ср.: Мф. 10, 1): *изгоняет бесов*, т. е. прогоняет действо страстей; *болезни исцеляет,* т. е. упованием возводит к благочестивому настроению лишившихся оного; *недуги врачует,* т. е. расслабевших от лености возбуждает и укрепляет словом о Суде. Но получивший *власть наступать на змию и скорпию* (Лк. 10, 19) истребляет начало и конец греха (прп. Марк Подвижник, 91, 233—234).

***

Вера есть сила, все внутри в благонастроении содержащая, или есть самое благонастроение, подающее преестественное, непосредственное, совершенное единение верующего с веруемым Богом (прп. Марк Подвижник, 91, 263).

***

Вера убеждает боримый ум прибегать к Богу и возбуждает его к дерзновению уверением в готовности для него

всяких духовных орудий... (прп. Марк Подвижник, 91, 286).

***

...Делающий (дела в духе веры) мерою своей деятельности показывает меру веры, приемля и благодать в такой мере, в какой поверовал (прп. Марк Подвижник, 91, 294).

***

Всякий из нас по мере сущей в нем веры стяжавает явное действие Духа: так что всякий сам для себя бывает раздаятелем благодати (прп. Марк Подвижник, 91, 294).

***

Причиною различия в раздаянии божественных благ служит мера веры каждого... (прп. Марк Подвижник, 91, 294).

***

Слепую имеет веру тот, кто по вере не исполняет заповедей Божиих (прп. Марк Подвижник, 91, 295).

***

Предел или верх совершенства веры есть бесстрастное погружение ума в Бога (блж. Диадох, 91, 9).

***

Любящий Бога и верует искренно, и дела веры совершает преподобно. Верующий же только, а не пребывающий

в любви и самой той веры, которую кажется имеющим, не имеет. Он верует с некою легкотою ума, не нося в себе действенного (установляющего его на едином) отвеса преславной любви. Только *вера, любовью действующая* (Гал. 5, 6), есть великая главизна добродетелей (блж. Диадох, 91, 17).

***

Исследующий глубину веры обуревается волнами помышлений, а созерцающий ее в простосердечном расположении наслаждается... внутреннею тишиною (блж. Диадох, 91, 20—21).

***

Глубина веры, будучи водою забвения, не терпит, чтоб в нее смотрели, или ее узревали любопытными помышлениями (блж. Диадох, 91, 21).

***

...Вера может делать произволение твердым и при отсечении членов <в мучениях> (прп. Исаак Сирин, 59, 11).

***

...Вера требует единого чистого и простого образа мыслей, далекого от всякого ухищрения и изыскания способов (прп. Исаак Сирин, 59, 125).

***

Дом веры есть младенческое понятие и простое сердце (прп. Исаак Сирин, 59, 125).

***

...Сокровищ веры не вмещают ни земля, ни небо (прп. Исаак Сирин, 59, 127).

***

Какое неизреченное богатство в волнах веры и в чудных сокровищах, преизливаемых силою ее! (прп. Исаак Сирин, 59, 128).

***

Вера же дела свои вменяет благодати, потому и не может превозноситься... (прп. Исаак Сирин, 59, 132).

***

...Вера утонченнее ведения, как ведение утонченнее вещей чувственных (прп. Исаак Сирин, 59, 136).

***

Веру же разумеем... воссиявающую в душе от света благодати, свидетельством ума подкрепляющую сердце, чтобы не колебалось оно в несомненности надежды, далекой от всякого самомнения (прп. Исаак Сирин, 59, 137).

***

Утверждение... веры в Бога не то, что здравое исповедание, хотя оно и матерь веры; напротив того, душа видит истину Божию по силе жития (прп. Исаак Сирин, 59, 139).

***

...Вера, доводящая до несомненности в уповании, никогда не достигается людьми некрещеными, или у которых ум растлен для истины (прп. Исаак Сирин, 59, 139).

***

...Несомненность веры в людях высоких душою открывается по мере того, как нравы их внимательны к житию по заповедям Господним (прп. Исаак Сирин, 59, 139—140).

***

Не старайся в горсти своей удерживать ветер, т. е. веру без дел (прп. Исаак Сирин, 59, 345).

***

Вера есть дверь таинств (прп. Исаак Сирин, 59, 390).

***

Как телесные очи видят предметы чувственные, так вера духовными очами взирает на сокровенное (прп. Исаак Сирин, 59, 390).

***

Свет ума порождает веру, а вера порождает утешение надежды, надежда же подкрепляет сердце. Вера есть откровение разума; и когда помрачится ум, вера сокрывается, господствует над нами страх и отсекает нашу надежду. Вера по науке не освобождает человека от гордости и со-

мнения; освобождает же та, которая видима и воссиявает в смысле <разуме>, и называется познанием и явлением истины (прп. Исаак Сирин, 59, 417).

***

Твердая вера есть матерь отречения от мира; действие же противного ей само собою явственно (прп. Иоанн Лествичник, 58, 210).

***

Вера — крыло молитвы; не имея сего крыла, молитва моя опять *в недро мое возвратится* (Пс. 34, 13) (прп. Иоанн Лествичник, 58, 228–229).

***

Вера получает и то, чего не смеет надеяться, как показал это пример благоразумного разбойника на кресте (прп. Иоанн Лествичник, 58, 229).

***

Вера есть несокрушимая крепость души, никакими благословными беспокойствами не колеблемая (прп. Иоанн Лествичник, 58, 229).

***

Матерь веры есть труд и правое сердце, ибо последнее делает ее несомненною, а первый созидает ее (прп. Иоанн Лествичник, 58, 229).

***

Верующий не тот, кто думает, что Богу все возможно, но кто верует, что получит от Него все, чего просит (прп. Иоанн Лествичник, 58, 229).

***

Вера есть благонастроительное дарование; она рождает в нас страх Божий; страх же Божий научает соблюдению заповедей, или устроению доброй деятельной жизни; из деятельной жизни произрастает честное бесстрастие; а отрождение бесстрастия — любовь, которая есть исполнение всех заповедей, всех их в себе связующая и держащая (прп. Феодор Студит, 91, 323—324).

***

...Неверные — те, которые утверждаются на одной вере без дел (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 216).

***

...Плод веры нашей христианской есть здравие души. Затем Бог соделался человеком, чтоб душа чрез Него могла воспринимать здравие свое. Следовательно, у кого душа не здрава, тот еще не стал христианином настоящим. Здоровою же душа делается силою Божественною и светом благодати, даруемой Христом за веру (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 68).

***

...Вера и добрые дела суть две вещи, которые неразрывно связуются между собою. Вера бывает для добрых

дел, но добрые дела справляются не для веры, а посредством веры. Без веры никто не может делать истинно добрых дел и угодить Богу, потому что ради веры приходит благодать Господа нашего Иисуса Христа в того, кто уверовал в Него. По мере веры, какую кто являет, подается и благодать. У кого велика вера, тому подается и благодать великая; у кого мала вера, мала и благодать. Но и то надлежит помнить, что вера одна, будь она истинная и православная вера, не принесет никакой пользы тому, кто так верует, без добрых дел. Явлением веры служит сила, исходящая от веры; силы же явлением служит ревностное делание заповедей Божиих и богоугодных дел. Ибо живодействование (энергия) происходит от силы, коею обладая может кто делать что-либо. Итак, поелику невозможно угодить Богу без веры (благоугождается же Бог добрыми делами), то явно, что вера дает силу творить добрые и богоугодные дела по воле Божией. Вера же... разумеется не та только, чтоб веровать во Христа и во все словеса Его, но паче та, чтоб дерзать о Христе и в сердце носить удостоверение, что силою Христовою можем и от зла освободиться, и всякую добродетель совершить... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 170—171).

***

Вера во Христа есть новый рай; и Бог от сложения мира провидел всех, которые уверовали и имеют уверовать в Него, коих и призвал и будет призывать до скончания мира, призвав, оправдал и будет оправдывать, оправдав, прославил и будет прославлять, показывая их сообразными образу славы Сына Своего чрез Святое Крещение и благодать Святаго Духа, таинственно соделывая их сынами

Божиими и претворяя их в новых из ветхих, и в бессмертных из смертных, с возложением на них и заповедей, подобно как возлагал на Адама (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 240).

***

...Верующий во Христа ничем другим не может доказать сию веру, кроме исполнения того, что заповедано Им, и удаления от того, что Им воспрещено (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 262).

***

По мере веры нашей получаем мы и помощь и живость на творение воли Христовой. Итак, кто творит заповеди Христовы, тот мерою деятельного исполнения их показывает и меру веры своей, потому что по мере веры получается и мера благодати, дающей силу на дела по заповедям. И наоборот, кто не творит заповедей Христовых, тот мерою бездействия в отношении к заповедям показывает и меру неверия своего, потому что по мере неверия лишается и благодати, возбуждающей к делам по заповедям и помогающей в них (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 265).

***

...Посредницею между Богом и людьми поставлена вера в Него <Спасителя>, чтобы Бог, вместо всего другого, принимал одну эту веру, которую имеем в Него, зная, что мы бедны и что совершенно ничего не можем принести Ему для спасения своего, кроме одной веры, и за одну эту веру миловал нас и подавал нам оставление грехов наших и

избавление от смерти и тления. Что все и дарует Он даже доселе всем, которые от всей души веруют во Христа Господа, и не это одно, но и все то, о чем обетовал в Святом Евангелии, что все, конечно, получим чрез Него, т. е. блага оной земли, которую наследят кроткие с великим веселием и радостью сердец их, — дарует все то, чтоб Он <Христос> соединялся с нами, и чрез Него мы оба соделывались едино с Богом и Отцом Его, сочетаемы бывая в то же время и с Духом Святым. Все сказанное мы действительно получаем, когда верно соблюдаем, что обещали соблюдать в Святом Крещении, и убегаем всего, от чего тогда отреклись. Когда соблюдаем мы все это и все заповеди Божии, тогда бываем истинно верующими, яко показующие веру свою от дел своих, и, как Он есть, соделываемся святыми и совершенными, и все всецело небесными, чадами Бога Небесного, и во всем подобными Ему, Христу Господу, как и Он соделался подобным нам по всему, кроме греха: только мы соделываемся подобными ему по благодати (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 297—298).

***

...Как ни орудия без художника, ни художник без орудий не могут сделать никакого сосуда, так ни вера без делания заповедей, ни делание заповедей без веры не обновляют и не воссозидают нас, или не делают новыми из ветхих. Когда же стяжеваем оба сии сердцем нераздвоенным, т. е. и веру и заповеди, и делаемся для Владыки Христа благопотребным сосудом, гожим для приятия духовного мира; тогда и Господь, положивший тьму за кров Свой, обновляет в нас благодать Святаго Духа, делает нас из ветхих новыми, восставляет живыми из мертвых, рас-

сеивает тьму, проводит ум наш об ону страну тьмы оной и дает ему благодать... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 408).

***

Кто верует, что Бог есть, тот помышляет о Нем все великое и преславное, исповедуя, что Он один есть Владыка, Господь и Творец всяческих, и что есть бессмертен, вечен, нетленен, непостижим и неизреченен. Кто это знает и верует... тому как возможно не предать себя на подвиги (благоугождения Ему) до готовности самую жизнь принести Ему в жертву, по любви к Нему, чтоб сподобиться быть, не скажу, сыном Его и наследником, но хоть одним из верных рабов Его, стоящих близ Него? (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 14).

***

...Уверовать словесам Бога нет никакого препятствия, которое бы ставило преграду к тому. Как только захотим от всей души нашей, тотчас и уверуем. Ибо вера есть дар Всеблагого Бога, который (дар) дал Он нам иметь естественно (вложил в естество), употребление его подчинив самовластию произволения нашего (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 21—22).

***

...Если Христос говорит, что даст Духа верующим в Него, то никакого нет сомнения, что не имеющие Духа не суть верующие в Него от чистого сердца (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 47).

***

Плод веры есть Святой и невечерний Свет; Свет же Святой в свою очередь прилагает и умножает веру. Насколько сильнее воссиявает Свет, настолько возрастает вера и восходит на высоту. И опять насколько возрастает вера, настолько множится явно плод Духа; плод же Духа есть любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 336).

***

...Если вера без добрых дел мертва, то явно, что когда вера с худыми делами, тогда она не называется и не есть более вера. Мертвое тело, если оно умерло недавно, называется мертвым; но если оно долго пролежит так, то не называется уже телом мертвым, а трупом тлеющим, разлагающимся, попортившимся (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 356).

***

Вера есть (быть готову) умереть Христа ради за заповедь Его, в убеждении, что такая смерть приносит жизнь, — нищету вменять в богатство, худость и ничтожество в истинную славу и знаменитость, и в то время, как ничего не имеется, быть уверену, что всем обладаешь, особенно же (она есть) стяжание неисследимого богатства познания Христа и взирание на все видимое, как на прах или дым (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 508).

***

Вера во Христа есть не то только, чтоб небречь о приятностях жизни, но и то, чтобы терпеливо и благодушно переносить всякое находящее искушение, в печалях, скорбях и неприятных случайностях, пока возблаговолит Бог призреть на нас... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 508).

***

...Истинно верующих отличительный знак есть ни в чем никогда не преступать заповеди великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 508).

***

Во главе всех добродетелей шествует искренняя вера, при коей душа не колеблющеюся водится мыслью, но всецело отметает самолюбие (прп. Никита Стифат, 93, 89).

***

Она <вера> возводит истинных ревнителей к крепкому упованию приятия великих даров Божиих, и дает им в сердце неистощимые сокровища духовные, чтоб износить оттоле ветхие и новые тайны Божии и давать требующим. Сподобившийся быть причастником ее восходит в любовь к Богу и ею делается совершенным в ведении Бога, и входит в покой Его, почив и сам от всех дел своих, *якоже от Своих Бог* (Евр. 4, 10) (прп. Никита Стифат, 93, 165).

***

...Из <веры> всякая заповедь источается и совершается просвещение душ, в коих тогда проявляются такие плоды истинной и действенной веры: воздержание, любовь, как конец совершенства, смирение, как особый дар Божий, и утверждение всего (прп. Григорий Синаит, 93, 185).

***

Вера есть корень заповедей или, лучше, источник, напояющий их к произращению (прп. Григорий Синаит, 93, 208).

***

Мы «веруем в Бога» и «веруем Богу»; эти понятия не являютя тождественными. Потому что «веровать Богу» означает считать Его обетования по отношению к нам незыблемыми и истинными; «веровать» же «в Бога» заключает в себе православно мыслить о Нем. Долженствует же нам иметь и то и другое; и в том и в другом истинствовать; и то таким образом иметь, чтобы быть уверенными (в обетования Божии нам) более, чем если бы даже своими глазами видели, и долженствует нам быть верными Богу, в Которого наша вера, и будучи верными, таким образом быть оправданными (свт. Григорий Палама, 26, 81).

***

...То, что мы истинно веруем Богу... пусть будет явленным на основании наших добрых дел и соблюдении Божиих заповедей. А то, что мы православно веруем в Бога, т. е. прекрасно, утвержденно и благочестиво мыслим относи-

тельно Него, каким образом это явить нам? — Тем, что мы единодушны, единомысленны и единоисповедны с богоносными отцами нашими. Как неложно веровать Богу проявляется не только в противлении плотским страстям и лукавым тенетам, но и в противлении одержимым страстями людям, обольщающим и соувлекающим в неблагородные услаждения; так и православно веровать в единого истинного Бога проявляется не только в противлении невежеству и внушениям супостата, но и в противлении нечестивым людям, тайком похищающим и соувлекающим в свою погибель. Величайшая же помощь имеется в наличии по отношению и к той и к другой вере; не только от Бога и от данной нам от Него силы разума, но и от добрых Ангелов и от богочестивых и живущих по Богу людей (свт. Григорий Палама, 26, 82—83).

***

...Мы не можем дерзновенно высказывать веру во Христа и исповедать Его, без наличия Его силы и содействия... (свт. Григорий Палама, 26, 249).

***

Читая о прокаженных, расслабленных, слепых, хромых, беснующихся, которых исцелил Господь, помышляй, что душа твоя, носящая многоразличные язвы греха, находящаяся в плену у демонов, подобна этим больным. Научайся из Евангелия вере, что Господь, исцеливший их, исцелит и тебя, если ты будешь прилежно умолять Его о исцелении твоем (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 109).

***

Падшее человечество приступает к святой истине верою; другого пути к ней нет (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 119).

***

Вера во Христа — жизнь. Питающийся верою, вкушает уже во время странствования земного жизнь вечную, назначенную праведникам по окончании этого странствования (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 177).

***

Наслаждение безмерное, рождаемое верою, поглощает лютость скорби, так что во время страданий ощущается только одно наслаждение (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 177).

***

Богом даны два учения о Боге: учение словом, приемлемое верою, и учение жизнию, приемлемое деятельностью по заповедям Евангелия (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 462—463).

***

Условия спасения заключаются в вере во Христа, в жительстве по заповедям Божиим и в врачевании покаянием недостатков исполнения заповедей: следовательно, спасение предоставлено, и оно возможно всем при обязанностях и служениях посреди мира, не противных закону Божию (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 467).

***

Евангелие, как Откровение Бога, превысшего всякого постижения, недоступно для падшего разума человеческого. Необъятный разум Божий объемлется верою (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 497).

***

...Надо покаяться, оставить греховную жизнь, чтобы сделаться способным приступить к Евангелию. Чтоб принять Евангелие, надо в него уверовать (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 497).

***

Кто ж не верует в Сына Божия? — Не только тот, кто открыто, решительно отвергает Его, но и тот, кто, называясь христианином, проводит греховную жизнь, гоняется за плотскими наслаждениями (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 497).

***

К вере способна только та душа, которая решительным произволением отверглась греха, направилась всею волею и силою своею к Божественному добру (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 497).

***

Без самоотвержения человек не способен к вере; его падший разум противоборствует вере, требуя дерзностно отчета у Бога в Его действиях и доказательств в открываемых Им человеку истинах; падшее сердце хочет жить жиз-

нью падения, к умерщвлению которой стремится вера; плоть и кровь... также хотят жить жизнью своею, жизнью тления и греха (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 498).

***

Живая вера — шествие в мир духовный, в мир Божий. Не может она пребывать в том, кто пригвожден к миру дольнему, где господствуют плоть и грех (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 498).

***

Вера в Евангелие должна быть живая; должно веровать умом и сердцем, исповедовать веру устами, выражать, доказывать ее жизнью (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 499).

***

Веруй святым, животворящим Евангельским заповедям, правильное исполнение которых... составляет так называемую святыми отцами деятельную веру христианина (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 499—500).

***

По важности веры в деле спасения, и грехи против нее имеют особенную тяжесть на весах правосудия Божия: все они смертные, т. е. с ними сопряжена смерть души, и последует им вечная погибель (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 504).

***

Вера во Христа, являемая и исповедуемая видимо и невидимо исполнением заповедей Христовых, содержит невредимый залог спасения, а тем, которые оставили мир для того, чтобы всецело посвятить себя евангельской деятельности, доставляет христианское совершенство (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 505).

***

Вера — мать терпения, мать мужества, сила молитвы, руководительница к смирению, подательница надежды, лестница к престолу любви (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 505).

***

...Слушай Евангелие, говорящее тебе, и святых отцов, объясняющих Евангелие; слушай их внимательно, и малопомалу вселится в тебя живая вера... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 506).

***

Верующий во Христа если и умрет смертию греховною, то опять оживет покаянием (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 506).

***

Спасение наше — Бог наш, не наши дела. Делами веры... мы доказываем истину нашей веры и верность нашу Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 531).

***

Постоянство в православном исповедании догматов веры питается и хранится делами веры и непорочностию совести (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 137).

***

Духовный разум состоит в познании Истины верою. Сперва приобретается познание веры; вера, усвоившись христианину, изменяет его разум откровением ему Истины, которая <есть> Христос (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 138).

***

Уверовавшие в Бога вступают в усвоение Ему и, вознесшись благодатию превыше всего временного, получают таинственное, опытное знание, что Он вознесся на небо и возносит туда с Собою истинно верующих в Него (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 139).

***

Неутвердившие и невозрастившие веру от слуха делами веры, удобно обольщаются учением лжи, лицемерно принимающей вид истины (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 139).

***

Ничтожное, незаметное упование на что-либо, вне Бога, может остановить ход преуспеяния, в котором и вождь, и ноги, и крылья — вера в Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 297).

***

Сыны и дочери ветхого Адама, рожденные по его образу и подобию падшими, рожденные для вечной смерти, переходят верою в Нового Адама к вечной жизни (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 117).

***

...Покаяние необходимо не только для того, чтобы уверовать во Христа: оно необходимо для пребывания в вере, для преуспеяния о Христе; оно необходимо для живой веры во Христа (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 10).

***

Погиб человек по свободному произволению, и спастись предоставляется ему по свободному произволению. Покайтеся и веруйте (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 11).

***

Уверовать в Бога и в Евангелие могут все; деятельную веру стяжевают подвижники Христовы; живая вера есть дар Божий, достояние одних святых Божиих (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 12).

***

Вера — орудие победы над миром — есть вместе и орудие победы над падшими ангелами (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 100).

***

Она <вера> приближает человека к Богу... она представит человека пред лице Божие и поставит его в последний

день жизни сего мира, в начале вечного дня, одесную престола Божия для вечного видения Бога, для вечного наслаждения в Боге, для вечного соцарствия Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 141).

***

Доколе действует вера, доколе человек руководствуется Евангельскими заповедями, дотоле сияет в нем духовный разум (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 192).

***

...Для спасения тех, которые не веруют во Христа, необходима вера во Христа; а для спасения верующих во Христа необходимо жительство по заповедям Божиим (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 206).

***

Живая вера во Христа есть дело, и дело Божие столько обширное, что им вполне совершается спасение (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 207).

***

Только при посредстве живой веры может человек отречься от мнимых достоинств падшего естества своего, соделаться учеником и последователем Господа разумом и деятельностью, подобающими естеству обновленному (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 207).

***

Свойственно милости рождать веру, и вере — милость (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 236).

***

Вера... руководит к благодарению Бога, и от благодарения усугубляется вера (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 287).

***

Живая вера — духовный разум. Не нуждается она уже в знамениях, будучи всесовершенно удовлетворена знамениями Христовыми и величайшим из Его знамений, венцом знамений, Его словом (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 324).

***

Живая вера открывает взорам души Бога; Слово Божие соединяет душу с Богом. Узревший таким образом Бога, ощутивший таким образом Бога усматривает свое ничтожество, исполняется неизреченного благоговения к Богу, ко всем делам Его, ко всем велениям Его, ко всему учению Его, стяжевает смиренномудрие (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 324—325).

***

Вера — основание молитвы. Кто уверует в Бога, как должно веровать, тот непременно обратится к Богу молитвою и не отступит от молитвы, доколе не получит обетований Божиих... доколе не соединится с Богом (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 340).

***

...Авраам служил Богу духом и истиною, и потому потомство Авраама есть духовное, составляется из всех человеков, стяжавших истинную веру в Бога, без всякого плот-

ского участия гражданской народности (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 384).

***

Блажен тот пловец житейского моря, который часто устремляет взоры к небу... Взоры, для которых доступно небо, — вера, ею мы усматриваем духовное небо, учение Христово (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 439).

***

Совершим наше земное странствование, неся светильник веры правой, веры живой. Этот светильник введет нас в вечное Царство Божие... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 443).

***

Все добрые дела человеческие немощные, нисходившие во ад, заменены одним могущественным добрым делом: верою в Господа нашего Иисуса Христа (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 480).

***

Признающий возможность спасения без веры во Христа, отрицается Христа и, может быть, не ведая, впадает в тяжкий грех богохульства (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 480).

***

Нужно предаться водительству веры, при этом водительстве в свое время, по значительных подвигах в благоче-

стии Бог дарует верному рабу Своему разум Истины, или разум духовный (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 481).

***

Народ и, в частности, душа человеческая, неприступны для безбожного рационализма и его последствий, доколе они ограждены святою верою (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 496).

***

От веры — послушание, от послушания — смирение, от смирения — духовный разум, который — извещенная вера (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 522).

***

От живой веры в Бога рождается полная покорность Богу; а от покорности Богу — мир помыслов и спокойствие сердца (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 545).

***

Вера является в человеке от исполнения Евангельских заповедей, возрастает по мере исполнения их, увядает и уничтожается по мере пренебрежения ими (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 84).

***

...Приготовлением <к молитве> служат: отвержение попечений силою веры в Бога, силою покорности и преданности воле Божией, сознание своей греховности и истекаю-

щее из этого сознания сокрушение и смирение духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 95).

***

Кто видит Промысл Божий оком веры, тот при искушениях, наносимых человеками, не обратит никакого внимания на эти слепые орудия Промысла, и духовным разумом своим пребудет единственно в руках Бога, взывая к Нему единому в скорбях своих (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 134—135).

***

Ничто, никакое искушение, нанесенное человеками и духами, возникшее из падшего естества, не должны смутить его <монаха>. Источником непоколебимости и силы да будет вера в Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 148).

***

Малодушие и смущение рождаются от неверия; но только что подвижник прибегнет к вере — малодушие и смущение исчезают, как тьма ночи от восшедшего солнца (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 148).

***

Взятие креста своего, т. е. благодушное терпение скорбей, основывается на самоотвержении. Без самоотвержения оно невозможно... Самоотвержение основывается на вере во Христа. Этот закон духовный предъявлен Христом (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 151).

***

...Вера заключается в том, чтобы пребывать в смирении и творить милость (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 277).

***

Подобно сребролюбию и корыстолюбию, тщеславие уничтожает веру в сердце человеческом (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 287).

***

Стяжавший веру стяжал Бога деятелем своим, встал превыше всех ухищрений не только человеческих, но и демонских (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 299).

***

Верующий живою верою в Бога, с самоотвержением предавшийся Богу, пребывает несмущенным при всех искушениях, наносимых духами злобы, видит в духах лишь слепые орудия Промысла Божия (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 336).

***

Человеку, растленному умом, никак не возможно быть причастником веры: у него место веры уже занято лжеименным разумом (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 362).

***

...Верующему во Христа невозможно умереть вечною смертью иначе, как отречением от Христа (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 437).

***

Един есть Бог, и един ходатай Бога и человеков, человек Христос Иисус (1 Тим. 2, 5). Так надо веровать во Христа Спасителя, таинства принимать, заповеди исполнять и все, что содержит и предписывает Святая Церковь. С Господом тот, кто с Церковью. Будьте так не суемудрствуя и будете на спасенном пути (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 74—75).

***

Что не все веруют, не умаляет значения веры. Надо смотреть на тех, которые искренно веруют, и на то, что им дается через веру. Вера христианская — не система учения, а образ восстановления падшего в силу смерти Богочеловека, благодати Духа Святаго. Возьмите кого-либо из шедших вслед Господа и увидите, как он мало-помалу растет духом, — и становится великим при всей невзрачности внешней. Вот отец Серафим. Простой, неученый — до чего дошел? Неверам многоученым уста заграждал единым словом. Вот и сила. А жизнь его какова, а нрав? Так и всех переделывает благодать, которые предаются ей (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 148).

***

Я в Отце, вы во Мне и Я в вас. — Се цепь, связующая нас с Богом. Вот и вся система веры. И я не вижу у вас сомнений в этом. Полагаю, что их и нет у вас... Вы сами себя соблазняете, относя себя к числу неверов (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 161).

***

...Не смотрите на то, что всюду пошла такая шаткость в вере. Есть непреложная истина в вере, — и вот вам

доказательство... Как в начале насаждалась вера через проповедь, Господу поспешествующу и слово утверждающу последствующими знаменьями, так после того поддерживалась она и доселе поддерживается осязательным присутствием силы Божией среди верующих, в Святой Церкви, свидетельствуемой знамениями. Сим говорит Господь: *се Аз с вами есмь* (Мф. 28, 20), как и обетовал с нами быть до скончания века.

Если же Господь с нами, кто на нас? Древле обетовал Бог: *вселюсь в них* (верующих слову Его), *и похожду, и буду им Бог, и тии будут Мне людие* (2 Кор. 6, 16). И это исполняющимся на нас видим мы ныне. На памяти нашей сколько уже было удостоверений в этом. Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!

А заблуждающимся внушает Господь: «что влаетесь всяким ветром учения? Вот где столп и утверждение Моей истины. Как перстом указываю Я вам верную и не заблудную дорогу. Держитесь Церкви, в коей Я являю силу Свою, и избавитесь от пагубы, в которую ввергнут вас пустые ваши мудрования» (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 125—126).

***

Вера — целительница души, упованием окрыленная и любовью согретая (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 109).

***

Вера, что все, и большое и малое, от Бога, научит принимать все, как благо, каким злом ни казалось бы то. А коли оно не сознается злом, то и страха не производит (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 34).

***

Вера — не всезнание, а лишь верное знание и обладание тем, что необходимо для спасения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 111).

***

О святом Лоте Апостол сказал, что он мучился душою, смотря на нечестие содомлян, — и причитает его к сонму мучеников. Таков и ваш чин. Мучась душою при встрече грубых неверов, вы приобщаетесь благодати мученичества...

Неверы обычно нос высоко поднимают, выражая тем торжество свое над верными. Но вера стоит, и верные, во смирении своем, не теряют нисколько от того в своих чаяниях верных обетований Божиих.

И ныне видно, на чьей стороне истина... Но будет день, когда это будет объявлено торжественно пред всею тварию... на бесконечное утешение верующих и на непоправимую вечную пагубу неверов (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 110—111).

****

Авва Форт говорил: «Если Богу угодно, чтобы я жил, то Он знает, как это устроить; если же не угодно Ему, то зачем мне и жить?» Авва не от всех принимал подаяния, хотя лежал на одре болезни. «Если кто принесет мне что-нибудь для меня, — говорил он, — а не для Бога, то мне нечем заплатить ему, и от Бога он не получит награды, потому что принес не для Бога, а таким образом принесшему наносится обида». Пребывающие же в Боге и на Него единого взирающие должны быть так благочестивы, что не должны и думать о какой-нибудь обиде, хотя бы тысячу раз случилось им быть обиженными (97, 280).

***

Однажды святому великомученику Прокопию, в то время еще не совсем утвержденному в вере Христовой и шедшему на брань с сарацинами, явился кристалловидный крест, и от него Прокопий услышал голос: «Аз есмь распятый Иисус, Сын Божий». Этим видением Прокопий уже совершенно утвердился в христианской вере и, вошедши в один из городов (Скифополь), повелел устроить себе из золота и серебра крест и на нем написать на еврейском языке три имени: вверху «Эммануил», а по сторонам «Михаил» и «Гавриил». Облобызав крест, Прокопий с войском пошел к Иерусалиму и одержал победу над неверными сарацинами (113, 805).

***

Авва Коприй поведал: «Соседняя нам страна была бесплодна, и владевшие ею поселяне, посеяв хлеб, едва собирали его вдвое против посеянного. Ибо червь, зарождаясь в колосе, повреждал всю жатву. Земледельцы, оглашенные нами и сделавшиеся христианами, просили нас помолиться о жатве. Я сказал им: «Если вы имеете веру в Бога, то и этот пустынный песок будет приносить вам плод». Они немедленно набрали в пазуху вот этого песку, по которому мы ходим, и принесли нам, прося нашего благословения. Когда я помолился, чтобы было по вере их, они посеяли его на полях вместе с хлебом; и вдруг земля их стала плодоноснее всякой земли в Египте. Таким образом, привыкши это делать, они ежегодно приходят к нам с прежнею просьбою» (102, 176).

***

Один старец жил с другим братом на правах общежития. Старец был очень милосердным. Случился голод, и

начали люди приходить к ним для получения милостыни. Старец давал хлеба всем. Брат, увидев это, сказал старцу: «Дай мне мою часть из хлебов и делай из своей, что хочешь». Старец разделил хлебы и, по обычаю своему, продолжал подавать милостыню из своей части, — а к нему прибегали многие. Бог, видя расположение воли его, благословил хлебы. Брат, взявший свою часть и не давший никому ничего, издержал хлебы, доставшиеся на его долю, и сказал старцу: «Так как у меня осталось очень мало хлебов, прими меня снова в общежитие с тобою». Старец отвечал: «Как хочешь, пожалуй». И снова начали они жить по общежительному уставу. Опять наступило время скудости в жизненных припасах, и опять нуждающиеся стали приходить к старцу за милостыней. У них самих оказался недостаток в хлебе, брат заметил это. И вот приходит бедный просить подаяние. Старец сказал брату: «Дай ему хлеб». Брат отвечал: «Авва! у нас уже нет хлебов». Старец сказал на это: «Пойди поищи». Брат пошел, отворил дверь в чулан, в котором они обыкновенно хранили хлеб, и увидел, что чулан наполнен хлебами. Он испугался и подал хлеб нищему: таким образом узнав веру и добродетель старца, он прославил Бога (107, 509).

***

Наступил день Святой Пасхи. В обители аввы Аполлония была отправлена торжественная служба. Братия причастились Святых Таин. Из бывших запасов было приготовлено кое-что для подкрепления братии: немного черствого хлеба и соленые овощи... Тогда святой Аполлоний сказал: «Если мы имеем веру, как истинные слуги Христа, пусть каждый из нас испросит себе для радостного дня то, чего бы он охотно ныне вкусил!» Братия просили его самого

обратиться к Богу с молитвою, потому что он превосходил всех возрастом и своими подвигами. Себя же они сочли недостойными такой милости. Тогда авва с живейшей радостью излил молитву пред Богом. И по окончании ее все воскликнули: аминь!

Вдруг у самого входа в пещеру появились совершенно неизвестные люди, доставившие продукты, в таком количестве, что никто не мог представить себе ни такого изобилия, ни разнообразия, ни такой быстроты доставки... В числе привезенного были яблоки, каких совсем нет в Египте, необычайно большие гроздья винограда, орех, смоква, финикийский гранат, сотовый мед и много молока, огромные сирийские финики и еще теплые хлебы необычайной белизны... Воздав благодарность Богу, иноки приступили к трапезе и вкусили ниспосланных им даров. И таково было изобилие принесенных запасов, что их хватило, при ежедневном вкушении, до самого дня Пятидесятницы (100, 46—47).

***

Некоторый брат, отрекшись от мира и пришедши в монастырь с великою ревностью, просил о принятии его в обитель. Авва начал представлять ему многие препятствия: и тяжесть трудов, и жестокость своего управления, которое ничье терпение вынести не может. Он советовал брату избрать другой монастырь с более легким уставом. Все это не имело никакого действия на брата, напротив, он начал обещать беспредельное послушание. Авва повелел ему тогда войти в огромную печь, которую тогда топили для печения хлебов. Брат немедленно вскочил в середину пламени. Пламень тотчас погас от столь дерзновенной веры. Жар в печи уничтожился, а тот, кто вошел в пламень и о котором

полагали, что он сгорел, был как бы орошен прохладною росою. Что удивительного, Христе, если Твоего воина не коснулся огонь, когда авва, движимый Духом Божиим, дал такое жестокое повеление, а ученик оказал ему повиновение! (107, 534).

***

Одна убогая старица имела двух детей: сына и дочь. Сын ушел в монастырь, а дочь, нищеты ради, совершила какое-то преступление, и князь, начальник города, хотел предать ее смерти. Мать в отчаянии говорила ему: «Если ты убьешь мою дочь, то убей с нею и меня, ибо без нее мне некому принести и воды напиться. Был у меня сын, но и тот ушел в монастырь и проводит там святую жизнь». Князь сказал: «Приведи сюда сына твоего, пусть помолится за сестру, и я отпущу ее». Старица пошла к сыну и объявила ему волю князя. Сын-монах отвечал ей, что если и ее князь убьет с дочерью, то и тогда он не выйдет из монастыря, ибо он умер миру... Князь удивился твердой вере инока и сказал матери: «Поверь мне, старица, если бы ты привела сюда монаха, я ни за что бы не отпустил твоей дочери. А поскольку он не пришел сюда, я уверился, что он великий муж пред Господом. Возьми свою дочь и ступай с Богом. Я верю, что твой сын молится за меня» (113, 630—631).

***

Во всем Египте свирепствовала ужасная чума. Один из еврейских врачей, отъявленный враг христиан, распустил всюду молву, что виновны христиане, ибо христиане, объяснял еврей, опускают в воду крест, что и сделалось

причиною настоящей смертной болезни. Молва дошла до египетского султана, и хотя он был мусульманин, но весьма любил и почитал святого патриарха Иоакима за его добродетели, мудрость и благоразумие, и потому наговор оставил без внимания. Но врач-еврей избрал орудием своей злобы любимца султана — верховного визиря, природного еврея, и тот повлиял на султана. Патриарх вызван был на суд. Сначала султан вел длинную беседу о вере и, наконец, приказал патриарху, в оправдание Евангельских слов, передвинуть с места гору, соседственную Мисиру. Патриарх испросил несколько дней для молитвы, и с верными христианами постом, бдением и молитвами умилостивлял Господа. В назначенное время, при стечении множества людей, патриарх во имя Христово сказал горе, чтобы она двинулась со своего места и перешла на другое. Гора сотряслась в основании и оставила свое место. Остановленная наконец тем же именем Христовым, она и поныне называется Дурдаго (стань гора). Это чудо поразило нечестивых. Не зная, чем поколебать силу Христовой веры, враги ее приготовили смертоносный яд и убедили султана, чтобы повелел он патриарху выпить, ибо Христос, говорили они, сказал в Евангелии: *аще и что смертно испиют, не вредит им* (Мк. 16, 18). Султан приказал подать патриарху яд. Патриарх осенил смертоносную чашу крестом и выпил. Напрасно ожидали, что он тотчас умрет: патриарх остался совершенно невредим. После сего, ополосканув сосуд водой, он просил, чтобы выпил еврей: отказаться было нельзя, потому что султан требовал этого. Еврей выпил воду и в то же мгновение умер. Пораженный этим, султан приказал обезглавить визиря, а на прочих евреев наложил пеню. Патриарха же превознес почестями (95, 54—56).

***

Соловецкий послушник исполнял послушание на скитском дворе. Однажды он был сильно побит дикою коровою. Поднятый в бесчувственном состоянии, с разбитою головою, ранами на лице и повреждениями на теле, он был отправлен для врачевания в монастырь. По прибытии в монастырь послушник сразу же пошел к старцу Науму, и лишь только вступил в коридор, где находилась его келья, как сам старец вышел к нему навстречу. «Что, брат, веруешь ли, что Богу все возможно, что Он может исцелить и твои недуги?» — спросил его старец. На утвердительный ответ опять спросил: «Твердо ли и всем ли сердцем веруешь?» После вторичного подтверждения старец Наум налил в деревянный ковш воды и, перекрестив, подал, говоря: «Пей во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Послушник выпил. «Пей и еще». От третьего ковша послушник отказался, тогда старец вылил его на голову послушника, сказав: «Во имя Святой Троицы, будь здоров». Вода с головы полилась на шею и по всему телу, и больной почувствовал себя совершенно здоровым (114, 170).

***

Жена одного сельского диакона из Подмосковья, некая Варвара Ивановна Знаменская, собиралась отвезти в Волоколамское духовное училище своего сына Сергия. Накануне отъезда она отправилась с ним в церковь и здесь в течение всей Литургии и молебна перед образом Божией Матери усердно со слезами молила Царицу Небесную, чтобы она взяла ее сына под Свое небесное покровительство и устроила бы жизнь его во спасение души. Когда они вернулись домой, то мальчик сказал: «Мама! У меня что-то болит голова». «Иди отдохни», — отвечала ему мать. На другое

утро, когда настало время везти его в училище, он уже был мертв. Когда его отпевали, мать сильно плакала. Священник сказал ей: «Варвара Ивановна! У вас ведь есть еще другие дети, что вы так плачете?» Она ответила: «Батюшка, я плачу от благодарности Царице Небесной, что Она услышала мою молитву и взяла моего сына под Свое покровительство для вечного упокоения» (115, 59).

***

Одна женщина рассказывала, что жила она с мужем хорошо. У них было двое детей: мальчик двенадцати лет, учившийся в школе, и младший — трех лет. Внезапно старший заболел и слезно просил мать пригласить духовника и напутствовать его Святыми Дарами, говоря: «Мама, я скоро умру, приобщи меня». Прошло три дня, и он снова просит, чтобы его причастили. Мать говорит, что он недавно причащался, но он снова просит пригласить священника. Два часа спустя, после причащения, он скончался. В сороковой день по своей кончине он является во сне своему младшему брату с множеством светлых детей и говорит: «Мы пришли за тобой». Малыш выразил свое нежелание, говоря, что он еще маленький, хочет пожить на свете и не хочет умирать. Усопший брат ответил: «Такова воля Божия, и через три дня ты будешь с нами». После сна мальчик занемог, попросил маму позвать к нему священника и в день причастия скончался. Рассказывая об этом, мать говорила: «Хотя и невыносимо жаль мне было расставаться с детьми, но боюсь плакать и скорбеть, так как верю, что Господь промыслительно управляет жизнью и смертью людей. Кто знает, что получилось бы из детей, если бы они остались живы?» (115, 138).

***

Один языческий царь призвал к себе христианского епископа и потребовал от него отречения от веры... Епископ отвечал: «Представь себе, государь, что твой слуга попал в руки врагов и ни при каких условиях не захотел изменить тебе; враги же сняли с него одежды и, надругавшись, прогнали. Скажи, государь, когда раб этот, пострадавший за верность тебе, вернется, не вознаградишь ли ты его честью и славою?» «Конечно, так!» — отвечал царь. Тогда епископ сказал: «Царь, ты можешь снять с меня эту земную одежду, т. е. лишить меня жизни, но Господь мой облечет меня в новую, лучшую». Царь задумался, потом отпустил епископа (111, 268).

ВИ́ДЕНИЕ

Духовных ви́дений, как полагаю, восемь. И семь из них — нынешнего века, а восьмое есть делание будущего века... Первое есть познание скорбей и искушений этой жизни... и сетование о всем, что естество человеческое потерпело чрез грех. Второе — познание своих согрешений и благодеяний Божиих... Третье — познание ужасного, бывающего перед смертью и после смерти... Четвертое — уразумение жизни в этом мире Господа нашего Иисуса Христа и учеников Его и прочих святых, мучеников и преподобных отцов, дел их и слов. Пятое — познание естества и изменения вещей... Шестое — видение существующего, т. е. познание и уразумение чувственных созданий Божиих. Седьмое — уразумение мысленных созданий Божиих. Восьмое — познание о Боге, называемое богословием.

Из этих восьми видений три первые приличны проходящему деятельную добродетель, дабы он успел многими и горькими слезами очистить душу свою от всех страстей и получить от Бога, по благодати, и прочие (ви́дения); пять же — перешедшему к видению, т. е. получившему познание (духовное), за доброе хранение и всегдашнее исполнение телесных и нравственных, т. е. душевных деланий; чрез что и сподобляется их ощущения явно и мысленно. От первого получает делатель начало познания, и по мере того, как он после этого старается о делании и поучается в данных ему разумениях, преуспевая в них, пока не придет в навык их, — само собою является в уме его иное познание, и подобно сему и прочие (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 60—62).

***

Исполняй заповеди Господа — и чудным образом увидишь Господа в себе, в своих свойствах (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 105).

***

Молись в сокрушении духа Господу, чтобы Он открыл тебе очи видеть чудеса, сокровенные в законе Его, который — Евангелие (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 108).

***

Зрение грехов, зрение того падения, в котором находится весь род человеческий, есть особенный дар Божий. Испроси себе этот дар, и понятнее будет для тебя книга Небесного Врача — Евангелие (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 109).

***

Ум, очищенный Чашею Христовою, соделывается зрителем духовных видений: он начинает видеть всеобъемлющий, невидимый для плотских умов Промысл Божий... видеть Бога в великих делах Его — в создании и воссоздании мира (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 550).

***

Видение судеб Божиих — видение духовное. Возводится Божественною благодатию, в свое время, к этому видению ум христианина, подвизающегося правильно (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 78).

***

Должно... видеть и созерцать судьбы Божии оком веры, оком духовного разума, и, не дозволяя себе бесплодных суждений по началам человеческим, погружаться благоговейно в священное недоумение, в священный духовный мрак, который вместе и чудный свет, которым закрыт Бог от умственных взоров и человеческих и ангельских (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 81—82).

***

...Кто не внимает хранению ума своего, тот не может быть чист сердцем, тот не сподобится зреть Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 152).

***

Совершенство существа Божия служит причиною неприступности его не только к видению тварями, но и к пости-

жению: оно — мрак под ногами Его (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 324).

***

В обыкновенном состоянии падения, в котором пребывает все человечество, мы не видим духов ни чувственно, ни духовно; мы поражены сугубою слепотою (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 6).

***

Чтоб бороться с врагом, надо непременно видеть его. Без видения духов борьба с ними не имеет места: может быть одно увлечение ими и рабское повиновение им (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 7).

***

До падения человека тело его было бессмертно, чуждо недугов... дебелости и тяжести... Облеченный в такое тело... человек был способен к чувственному видению духов, к разряду которых он принадлежал душой, был способен к общению с ними, к тому Боговидению и общению с Богом, которые сродны святым духам (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 7—8).

***

...Чрез допущение дебелости нашему телу мы сделались неспособными к чувственному видению духов, в область которых мы ниспали (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 12).

***

Чувственное видение, без духовного, не доставляет должного понятия о духах, доставляет одно поверхностное по-

нятие о них, очень удобно может доставить понятия самые ошибочные, и их-то наиболее и доставляет неопытным и зараженным тщеславием и самомнением (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 19).

***

Святые отцы предпочитали всякое духовное видение видению чувственному... Те преподобные иноки, которые сподобились обильного видения духовного, обиловали духовным рассуждением и другими возвышеннейшими дарованиями Святаго Духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 21).

***

Видение чувственными очами духов приносит всегда больший или меньший вред тем человекам, которые не имеют духовного видения (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 23).

***

Истинного Христова подвижника вводит в видение Сам Бог... тогда отделяются призраки истины, в которые облекается ложь, от истины; тогда даруется... духовное видение духов... обнаруживающее пред ним свойства этих духов (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 24).

***

Единственный правильный вход в мир духов — христианское подвижничество. Единственный правильный вход к чувственному видению духов — христианское преуспеяние и совершенство. Вводит в это видение тех, которые

должны войти в него, Сам Бог (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 53).

***

Вторгающийся в чувственное видение духов самопроизвольно поступает неправильно, незаконно, в противность воле Божией: невозможно такому избежать обмана и следующих за обманом самообольщения и повреждения (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 53).

***

Как в состоянии видения зритель — ум, то и видение названо святыми отцами видением умным, т. е. умственным. Как состояние видения доставляется Святым Духом, то и видение названо духовным, будучи плодом Святаго Духа. Этим оно различается от созерцания (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 54).

***

Созерцание свойственно всем человекам; каждый человек занимается созерцанием, когда захочет. Видение свойственно одним очищающим себя посредством покаяния; является оно не по произволу человека, но от прикосновения к духу нашему Духа Божия (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 54—55).

***

<Умиление> состоит из вкушения богоугодной печали, растворенного благодатным утешением, и отверзает пред умом доселе не виденное им зрелище. От духовного ощущения является духовное видение, как Священное Писание

говорит: *Вкусите и видите* (Пс. 33, 9). От видения усугубляется ощущение. «От делания с понуждением рождается безмерная теплота... Такое делание и хранение утончавают ум... и доставляют ему способность видеть» (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 55).

***

Врата в духовное видение — смирение. Постоянное пребывание умиления сопровождено с постоянным видением (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 55).

***

Желающему постоянно пребывать в умилении и духовном видении должно заботиться о постоянном пребывании в смирении, изгоняя из себя самооправдание и осуждение ближних, вводя смирение самоукорением и сознанием своей греховности пред Богом и человеками (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 55—56).

***

Первое духовное видение есть видение своих согрешений, доселе прикрывавшихся забвением и неведением. Увидев их при посредстве умиления, подвижник немедленно получает опытное познание о предшествовавшей слепоте духа своего, при которой существующее и существовавшее представлялось ему вовсе несуществовавшим и несуществующим (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 56).

***

Отъемляется от него <подвижника> обольстительное и обманчивое воззрение на земную жизнь, доселе представлявшуюся ему бесконечною: он начинает видеть грань ее —

смерть... усматривает необходимость Искупителя... стяжавает живую веру во Евангелие и начинает жизнью исповедовать Евангелие, <в котором>, как бы в зеркале, еще яснее видит и падшее естество свое, и падение человечества, и лукавых духов (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 56).

***

Когда же Божественною благодатию начнет очищаться дух человеческий, тогда он постепенно переходит от познания духов к духовному видению их. Это видение совершается умом и сердцем, даруется Духом Святым. Оно естественно уму и сердцу обновленным (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 59).

***

Духовное видение, от которого духовное рассуждение, является от духовного ощущения (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 62).

***

Благодатное, живое, мысленное ощущение духов есть духовное видение их (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 76).

***

Видение гордых есть ужасная слепота; а невидение смиренных есть способность к видению Истины (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 172).

***

Познания, доставляемые Словом Божиим, вернее познаний, доставляемых даже истинными и святыми видениями (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 229).

***

Ни поразительнейшие знамения, ни видения грозные, ни видения насладительнейшие не производят благотворного впечатления на сердце, не доставляют ему спасения, если оно не направлено на путь спасения законом Божиим (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 230).

***

Живое и постоянное памятование Бога есть видение Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 254).

***

Нет никакой пользы видеть Господа телесными очами, когда слепотствует ум, когда вера — эта сила духовного зрения — не действует. Напротив того, когда действует вера, тогда отверзаются небеса, и зрится Сын одесную Отца, везде сый по Божеству и вся исполняяй, Неописанный (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 273—274).

***

Увидеть Бога ясно видимого в видимой природе, воздать Ему поклонение, славословие, благодарение предоставлено всем человекам: увидели Его весьма немногие; увидели Его те, которые не отъяли у себя способности к зрению рассеянною чувственною жизнью (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 290).

****

Однажды пришел к авве Силуану его ученик Захария и нашел его в восхищении, а руки его были распростерты

к небу. Затворив дверь, Захария вышел. Потом опять приходил около шестого и девятого часа и находил его все в том же положении. Наконец постучался в десятом часу, вошел в келью и увидел, что авва отдыхает. «Что с тобой, отец, сделалось?» — спросил Захария старца. «Сегодня, сын мой, я занемог», — отвечал старец. Но Захария, обняв его ноги, сказал: «Не отстану от тебя, авва, до тех пор, пока не скажешь мне, что ты видел». Старец открыл ему: «Был я восхищен на Небо, видел славу Божию и находился там до этого времени, а теперь отпущен» (97, 259—260).

ВИДЕНИЕ

Смотри, да не обольстят тебя лукавые бесы каким-либо видением. (Если случится что подобное, то), пребывая в себе собранным, обратись к молитве и проси Бога, чтобы, если это от Него (на вразумление), Он Сам просветил тебя, а если нет, то чтобы поскорее отогнал от тебя прелестника... ибо не постоят эти псы, когда ты притечешь к Богу теплым молением, но тотчас невидимо и незримо биемы будучи Божией силой, далеко от тебя убегут (прп. Нил Синайский, 90, 235).

***

Никто, слыша о чувстве ума, да не воображает, будто слава Божия является ему чувственно. Мы говорим, что душа, когда бывает чиста, неизреченным некиим вкушением ощущает божественное утешение, но не так, чтобы при сем чувственно являлось ей что-либо из невидимого, *ибо ныне мы верою ходим, а не видением*, как говорит блаженный Павел (ср.: 2 Кор. 5, 7). Почему когда кому-либо

из подвизающихся явится свет, или зрак какой огневидный, или глас, пусть он ни под каким видом не принимает за истинное такое явление. Ибо это явно есть прелесть вражия, — и многие, с которыми это случалось, по неведению, сбивались с пути истинного. Мы же знаем, что, пока живем страннически в тленном теле сем, устраняемся от Бога (2 Кор. 5, 6), т. е. не имеем возможности видимо видеть ни Его, ни дивных вещей Его пренебесных (блж. Диадох, 91, 26).

***

Общее правило для всех человеков состоит в том, чтобы никак не вверяться духам, когда они явятся чувственным образом, не входить в беседу с ними, не обращать на них никакого внимания, признавать явление их величайшим и опаснейшим искушением (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 11).

***

Открытое общение с духами для неопытного есть величайшее бедствие или служит источником величайших бедствий (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 11).

***

...Телесные чувства служат как бы дверями и вратами во внутреннюю клеть, где пребывает душа... эти врата отворяются и затворяются по мановению Бога. Премудро и милосердно пребывают эти врата постоянно заключенными в падших человеках, чтобы заклятые враги наши, падшие духи, не вторгались к нам и не губили нас. Эта мера тем необходимее, что мы, по падении, находимся в области

падших духов, окружены ими, порабощены ими (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 14).

***

Свойство всех виде́ний, посылаемых Богом... заключается в том, что они приносят душе смирение и умиление, исполняют ее страха Божия, сознания своей греховности и ничтожества (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 18).

***

Видящий чувственно духов легко может быть обманут в свое повреждение и погибель. Если же он... окажет доверенность к ним... будет обманут... увлечен... запечатлен непонятною для неопытных печатью обольщения, печатью страшного повреждения в своем духе, причем часто теряется возможность исправления и спасения (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 24).

***

Те из подвижников, которые не стяжали дара рассуждения духов, не усмотрели в себе своего падения, не поняли, что Христос для христианина — все; что должно отвергнуть самое добро падшего естества и отречься души своей, которые по этой причине способны к самомнению... подверглись великим бедствиям и самой погибели от чувственного явления духов, последовавшего по поводу изнурения плоти телесными подвигами и вкравшегося в душу самомнения. Когда духи... пленят... человека в тайне сердца и ума его, тогда... удобно действуют снаружи. Человек вверяется лжи, думая, что он доверяет чистейшей истине (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 44).

***

Учение об... осторожности и о спасительной недоверчивости к явлениям духов принято всей Церковью: оно есть одно из ее нравственных преданий, которое чада ее должны хранить тщательно и неупустительно (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 46).

***

Одно средство спасения от духов заключается в том, чтобы решительно отказываться от видения их и от общения с ними, признавая себя к таким видению и общению неспособными (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 46).

***

...Для неопытных и новоначальных единственное средство к избежанию обмана, повреждения и погибели заключается в решительном отречении от всякого видения, по совершенной неспособности к правильному суждению о нем (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 49—50).

***

Юным инокам... опытные наставники монашества воспрещали усиленный подвиг поста, бдения, затвора, при каковых подвигах духи скоро начинают являться чувственно, и удобно могут обмануть подвижника к его повреждению и погибели (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 53).

***

Ни поразительнейшие знамения, ни видения грозные, ни видения насладительнейшие не производят благотворного впечатления на сердце, не доставляют ему спасения,

если оно не направлено на путь спасения законом Божиим (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 230).

***

Чтоб противостоять падшим духам, надо видеть их... Нам, не видящим падших духов телесными очами, надобно научиться видению их душевными очами (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 331).

****

Поведали об авве Зеноне, что он, живя в скиту, однажды вышел ночью из кельи, как бы к брату, и, сбившись с дороги, блуждал три дня и три ночи. От труда он изнемог и упал на землю замертво. И вот предстал ему юноша с хлебом и чашею воды в руках и сказал: «Встав, укрепись пищей и питием». Авва встал и помолился, из осторожности не доверяя явлению. Юноша сказал: «Ты сделал хорошо». Услышав это, авва опять помолился, так поступил он и третий раз. Юноша каждый раз одобрял его действие. После этого авва принял и употребил принесенную пищу. Юноша сказал: «Сколько ты ходил, настолько удалился от твоей кельи, но встань и следуй за мною». И мгновенно старец очутился близ кельи своей. Старец сказал юноше: «Войди в келью и сотвори молитву о нас». Юноша вошел в келью старца и сделался невидим (107, 127).

***

Настоятель киновии авва Мина рассказывал о святом папе Евлогии: «Однажды ночью, совершая у себя в домовом храме епископии правило, он увидел стоящего близ него

архидиакона Юлиана. Увидев его, он изумился, что тот дерзнул войти без доклада, но промолчал. Окончив правило, папа сделал земной поклон. Сделал то же и явившийся ему в образе архидиакона. Святой Евлогий встал, а тот остался на полу. «Доколе же ты будешь лежать?» — спросил папа. «Пока ты сам не поднимешь меня», — отвечал пришелец. Тогда святой Евлогий поднял его, и продолжил молитву. Немного спустя, оглянувшись, он уже никого не увидел. По окончании утренних молитв он позвал своего келейника и спросил: «Почему ты не сказал мне о приходе архидиакона?» Келейник уверял, что никого не видел, привратник утверждал то же. Утром явился архидиакон Юлиан для благословения. Папа спросил его: «Зачем ты нарушил порядок и ночью пришел без доклада?» — «Молитвами твоими, владыко, я не приходил сюда, да и из дома совсем не отлучался». Тогда великий Евлогий понял, что ему являлся мученик Юлиан, с целью побудить его воздвигнуть его храм, который от времени обветшал и угрожал падением. Блаженный Евлогий с большой готовностью воздвиг храм, выстроив его с основания, и благолепно украсил, как подобает храму мученика» (103, 173—174).

***

В Новгороде между всеми боярами отличалась богатством и влиянием Марфа Борецкая. Ее люди особенно часто причиняли разные обиды Соловецкому монастырю. Однажды, когда игумен монастыря преподобный Зосима обходил дома знатных людей, прося помощи обители, Марфа повелела с бесчестием отогнать его от своего дома. Однако скоро раскаялась, что обидела преподобного, и, желая загладить свою вину, пригласила преподобного Зосиму

к себе на обед. Отец Зосима, по своему незлобию, принял приглашение и пришел в дом боярыни. За стол он был посажен на почетное место, но ел, по обыкновению, мало. Взглянув на гостей, он в изумлении опустил глаза; взглянув еще раз, увидел то же: шесть главнейших бояр сидящими без голов. Поняв, что означает это видение, преподобный вздохнул и прослезился, и уже не мог вкушать ничего из снедей. После обеда Марфа испросила у старца прощение и дала монастырю во владение землю. Когда преподобный Зосима вышел, ученик его Даниил спросил старца о причине скорби и слез во время обеда. Отец Зосима объяснил ему свое видение, заметив, что эти шесть бояр будут со временем обезглавлены, и просил никому не говорить об этом. Немного спустя, смирив Новгород силою оружия, великий князь Иоанн III повелел казнить тех бояр, а Марфу Борецкую отправить в ссылку. Имение ее было разграблено, дом и двор запустели (114, 30).

***

В 1892 году, во время крестного хода в Троице-Сергиевой Лавре по случаю 500-летия со дня кончины преподобного Сергия Радонежского, архиепископ Ярославский Ионафан лично созерцал чудесное явление преподобного. «Во время крестного хода, — говорил он, — видел я, как впереди чудотворного образа преподобного шествовал чудный старец в схиме. Вид его был столь благолепен для глаз, приятен и сладостен для сердца, что я до сих пор не могу забыть его. Не скажете ли вы мне, кто будет сей схимник и как его имя?» Наместник ответил архиепископу, что схимник один есть в Лавре, но он стар и не может участвовать в торжествах (115, 46).

***

Это было в семье священника Луки, брата архимандрита Кронида, наместника Троице-Сергиевой Лавры. Как-то раз поздно вечером отец Лука заснул за чтением газеты и не потушил свечи. Жена отца Луки тоже легла спать. Вдруг в первом часу ночи она ясно слышит голос, торопливо и настойчиво будивший ее словами: «Маня, Маня!» Когда она проснулась, то увидела свою покойную мать, которая стояла, осиянная каким-то неземным светом, и, показывая настойчиво жестами на дверь кабинета, повторяла: «Спеши, спеши!» — «Тогда я, — рассказывала супруга отца Луки, — быстро кинулась в кабинет: отец Лука склонился в кресле, дремал, а газета, которую он читал, начала тлеть от догоравшей свечи, рядом стояла спиртовая лампа, если бы загорелся спирт, случился бы ужасный пожар... Я мгновенно погасила свечу, чем предотвратила беду» (115, 190—191).

***

Однажды некие братия пришли в монастырь аввы Антония, чтобы посоветоваться с ним о привидениях, которые являлись им, и спросить его, с десной ли стороны эти видения или от диавола. Отправляясь в путь, братия взяли с собой осла, который дорогой умер. Когда они пришли к старцу и прежде чем успели задать свой вопрос, он спросил их: «Отчего осел ваш умер на дороге?» Братия отвечали: «Откуда знаешь это, отец?» — «Демоны поведали мне». — «А мы и пришли, — сказали братия, — спросить тебя и посоветоваться с тобой о подобном. Нам являются привидения, которые иногда говорят, по-видимому, правду, но мы боимся быть обманутыми». Тогда старец сделал им уве-

щание, чтоб они нисколько не внимали этим привидениям, потому что они — от диавола (107, 36).

***

Рассказывали об одном старце. Когда он сидел в своей келье и молился, то ясно увидел демонов и посмотрел на них с презрением. Когда же диавол увидел себя уничиженным от старца, то, придя, объявил: «Я — Христос!» Старец, увидев его, закрыл глаза. Диавол же сказал ему: «Зачем ты закрыл глаза? Я — Христос» Старец ответил: «Я здесь не хочу видеть Христа». И диавол, услышав это, стал невидим (98, 48).

ВИНОПИТИЕ

Вино возобновляет все страсти и изгоняет из души страх Божий (прп. авва Исаия, 60, 98).

***

Огонь, заключенный в вине, перейдя в тело, делается воспаляющим веществом для разжженных стрел врага; потому что вино потопляет собою и рассудок и ум, а похоти и сластолюбие воспламеняет, как масло — огонь (свт. Василий Великий, 6, 176).

***

Вино должно подавать помощь природе, но не позволительно до того напиваться... чтобы оно производило помрачение рассудка... (свт. Василий Великий, 8, 74).

***

Вином гнушаться не должно, если принимают его для врачевания, и не должно домогаться его без нужды... (свт. Василий Великий, 9, 61).

***

Не принуждай брата своего пить вино до опьянения... ибо корабль строится долгое время, а сокрушается мгновенно от одного удара (прп. Ефрем Сирин, 30, 144).

***

Укоризна человеку упиваться вином; видев многих, никого не нашел я подобных упивающемуся (прп. Ефрем Сирин, 30, 155).

***

Не пей вина до упоения, возлюбленный, хотя упрашивают тебя находящиеся с тобою друзья, ибо если одолеет тебя вино, то упрашивавшие тебя прежде всех соблазнятся тобою (прп. Ефрем Сирин, 30, 183).

***

Не пей вина до опьянения, иначе сделаешь, что сердце твое с неистовством устремится к удовольствиям (прп. Ефрем Сирин, 31, 593).

***

Во всякое время бойся вина, юный; потому что вино никогда не щадит тела, возжигает в нем огонь худого пожелания (прп. Ефрем Сирин, 32, 71).

***

Кто с мудрою умеренностью воздерживался от вина, того преимущественно ожидают к себе райские виноградники, и каждая лоза простирает к нему свои грозди (прп. Ефрем Сирин, 34, 387).

***

Вино, по природе своей, не знакомо с целомудрием; тем и производит оно удовольствие, что раздражает (свт. Григорий Богослов, 15, 365).

***

Вино — это поджога остывшей страсти; а всякое подложенное в огонь вещество усиливает пламень (свт. Григорий Богослов, 15, 368).

***

Кто не знает всего того, что вино, когда оно неумеренностью преступает потребность, бывает пищею к воспалению непотребства и к доставлению удовольствий, растлением юности, безобразием старости, бесчестием для жен, составом, приводящим в неистовство, напутием к бесчинству, отравою души, омертвением разума, отчуждением от добродетели. Отсюда без всякого повода смех, без всякой причины плач, произвольно льющиеся слезы, ничем неоправдываемое хвастовство, бесстыдство во лжи, пожелание неосуществимого, надежда на несбыточное, надменная угроза, неразумный страх, бесчувственность к действительно страшному, неосновательное подозрение, нерассудительное человеколюбие, обещание невозможного, не будем уже говорить о прочем, о неприличной дремоте, о расслабляющей боли в голове, о неприличиях от неумеренного пре-

щения, о расслаблении членов, о согбении шеи, не держащейся уже на плечах, когда винная влага расслабит связи ее составов. Что произвело это гнусное беззаконие — кровосмешение с дочерьми? Что в такой мере похитило у Лота разумение сделанного им, что и на гнусный поступок отважился и не знал, на что отважился? Кто, как бы загадочно, изобрел странное наименование оным детям? Как матери преступного плода соделались сестрами своих чад? Как дети одного и того же имели вместе и отцом и дедом? Кто смесил естество в беззаконии? Не вино ли, преступившее меру, произвело это невероятное и достоплачевное событие. Не пьянство ли привнесло в историю такое похожее на басню сказание, которое своею необычайностью превосходит и подлинные басни? (свт. Григорий Нисский, 19, 250—252).

***

Вино дано Богом не для того, чтобы мы упивались допьяна, а чтобы были трезвыми, чтобы веселились, а не скорбели... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 12).

***

Вино дано для того, чтобы восстанавливать силы слабого тела, а не для того, чтобы разрушать силу души... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 12).

***

...Чрезмерно упивающиеся бывают мрачны духом, так как над умом их разливается великий мрак (свт. Иоанн Златоуст, 46, 12).

***

Неумеренное питие вина... причиняет <много> тяжких болезней и душе, и телу, производя борьбу страстей, внося в ум бурю нечистых помыслов, расслабляя и расшатывая силы тела (свт. Иоанн Златоуст, 46, 12).

***

Не вино худо, но неумеренность порочна; вино есть дар Божий, а неумеренность — изобретение диавола (свт. Иоанн Златоуст, 46, 711).

***

...Не от вина происходят гибельные пороки, но от развращенной воли, и... происходящую от вина пользу уничтожает неумеренность (свт. Иоанн Златоуст, 48, 301).

***

...Вино дано для увеселения, а не для того, чтобы безобразить себя; дано для того, чтобы быть веселым, а не для того, чтобы быть посмешищем; дано для укрепления здоровья, а не для расстройства; для уврачевания немощей телесных, а не для ослабления духа (свт. Иоанн Златоуст, 51, 591).

***

Вино... производит помешательство и, если даже не причиняет опьянения, ослабляет крепость сил души и приводит ее к рассеянности (свт. Иоанн Златоуст, 55, 692).

***

Большое употребление вина всего скорее производит упадок и в наружном виде, и в самой действительности, помрачает паче ум и обременяет тело... умеренность — матерь здравия и виновница трезвенности (прп. Исидор Пелусиот, 61, 163).

***

...Не бесчести благословения плодов, не простирай до пресыщения пития, не нарушай соразмерности несоблюдением меры; пия вино, не пропивай ума, но помни, что Дух Божий соделывает начаток его Кровью Христовою, пользуйся им, как больной, который имеет нужду в его пособии, а не как неприятель, который обращает вино в оружие против всех, а паче против себя самого, падая от него в прах (прп. Исидор Пелусиот, 61, 182).

***

Вино веселит сердце человека (Пс. 103, 15), употребляемое умеренно в потребность телу, употребляемое же сверх потребности называется блудным, укоризненным и непотребным. Ибо ***невинно вино, укоризненно же пьянство*** (Притч. 20, 1); ***не упивайтеся вином, в немже есть блуд*** (Еф. 5, 18), говорит Божественное Писание. Да и сама природа, возмущаемая неумеренностью, делается учительницею доброго поведения (прп. Исидор Пелусиот, 61, 275).

***

Почему вино, говоришь ты, не всякого кто пьет его, приводит в одинаковое расположение духа, но одних де-

лает благодушными, а других раздражительными, одних дружелюбными, а других задорными, одних кроткими, а других зверскими? Итак, поелику заставляешь меня коснуться естествословия, думаю, что бывает <следующее>: увеличиваются или уменьшаются от вина причины таковых припадков по свойству или телосложения, или душевных движений, для многих сокрытых. Поелику вино имеет влияние на одни влаги, то некоторым образом входит в соединение с нравами употребляющих оное: какого нрава выпивший, такие свойства и обнаруживает в нем, не вновь их производя, но из сокрытых делая явными; ибо, разоблачая нрав, выказываемый притворно, дает видеть сокровенный внутри, почему и вошло в пословицу у многих говорить: правда в вине. И тех, которые думали величаться мнимою степенностью, вино нередко делало откровенными на тайны и заставляло говорить о том, чему лучше бы оставаться невысказанным, а тех, которые из ненависти к злонравию часто приводили себя в гнев, обличало, что они ласковы и кротки, уничтожив в одних мысль о степенности, а в других причину к гневу; потому что не новое что-либо производит вино в человеке, но <то>, что в нем было скрытно, выводит наружу (прп. Исидор Пелусиот, 61, 370—371).

***

Вино, если пьешь вовремя и в меру, как почтенное тобою, делается причиною веселия, а если упьешься им, мстит за оскорбление и подвергает наказанию оскорбивших, готовя им осмеяние, стыд, поругание и раны (прп. Исидор Пелусиот, 63, 170).

***

Виноградная лоза называется растением не диким, потому что вино, принятое вовремя и в меру, делает нас кроткими, служит людям залогом верности и дружбы, бывает причиною веселия, противоядием плачу, средством к истреблению лености. Для больных оно простое пособие и врачующее от разных немощей, для здоровых — подкрепление и средство к соблюдению здоровья. Если же кто не уважает правил: «ничего слишком, и всего лучше — мера», предается излишеству в вине, то оно отомстит ему за оскорбление, разломит и голову и виски, отымет у человека силу, расслабит все тело, свяжет руки и ноги (о другом чем, более неприличном, нехорошо и сказать), и врагам и друзьям предаст на посмеяние (прп. Исидор Пелусиот, 63, 397—398).

***

Как земля, умеренно напояемая, с большим приплодом изращает вметаемое в нее чистое семя, а упояемая слишком обильными дождями приносит только терния и волчцы, так и земля сердца, когда употребляем вина в меру, естественные свои семена являет чистыми, а всеваемые в нее Духом Святым износит добролиственными и многоплодными; когда же чрез меру одождим ее многопитием, износит только терния и волчцы всеми помыслами своими.

Когда ум наш плавает в волнах многопития, тогда не только на образы, во сне представляемые ему бесами, смотрит страстно, но и сам в себе рисуя некие красивые лица, такими мечтаниями своими, как какими живыми существами, услаждается с раждежением <т. е. с раздражением, воспламенением страстей>. Ибо когда похотные части тела

разогреются от винной теплоты, тогда нуждение некое налегает на ум представлять в себе сластолюбно такие тени страсти. Почему надлежит нам, соблюдая мерность, избегать вреда, от излишества бывающего. Тогда ум, не имея подвигающей его на живописание греха сласти, пребывает весь немечтательным и, что еще лучше, бессластным (блж. Диадох, 91, 32).

***

...Для всех полезно не пить вина, особенно для крепких телом (прп. Феодор Студит, 92, 125).

***

Вино да приемлется по малому утешению, и то в дни праздничные, при утомительных крайне трудах (прп. Феодор Студит, 92, 236).

***

Увеселяясь вином, будешь проводить жизнь в сожительстве со срамными помыслами, и много переиспытаешь печалей (свт. Феодор Едесский, 91, 354).

****

В двадцати милях от Александрии есть лавра Каламон. Туда мы прибыли вместе с софистом Софронием к авве Феодору и спросили его: «Хорошо ли, отче, если мы придем к кому, или к нам придет кто-нибудь, и мы выпили бы вино?» «Нет», — отвечал старец. «А как же разрешали древние отцы?» — «Древние отцы были велики и сильны, они могли разрешать и опять запрещать. А наш род, чада,

не может разрешать и запрещать. Если мы разрешим, то уже не выдержим строгого подвижничества» (103, 149).

***

Однажды в скиту сделано было для братии угощение. Одному из старцев подали чашу вина. Он отказался выпить ее, сказав подавшему: «Унеси от меня эту смерть». Прочие, увидев это, также не стали пить вина (107, 482).

***

Пришла однажды сестра к блаженной Сарре и принесла с собою снеди и вино. Сотворив метание, подала это блаженной. Та все взяла, кроме вина, присовокупив: «Возьми от меня смерть». Потом, посмотрев на принесшую, сказала: «Как ты, юная, дерзаешь касаться вина, или даже обонять запах его?» Монахиня ответила: «Госпожа моя, если не пью вина, тяготится мое чрево». Говорит ей святая: «А если не отяготится чрево, если не поболишь им, если не утончится тело твое и не станет как древо сухое, то как вселится в душу твою благодать Духа? Побойся Бога. Вот уже 59 лет я в келье сей, и благодатию Христовою никогда не вкушала вина...» (104, 55).

***

Однажды бес сказал египетскому пустынножителю: «Соверши один из грехов — убийство, блуд или пьянство, и после этого я не буду уже искушать тебя». Пустынник подумал: «Убийство страшно и по земным и по небесным законам; блуд — стыдно губить чистоту и касаться скверны; упиться же один раз — небольшой грех, протрезвею. Пойду упьюсь и буду жить спокойно». Взявши рукоделие, пошел в город, продал все и упился. По действию сатаны

случилось ему беседовать с прелюбодейной женщиной. Он впал в грех с нею, но пришел муж ее и начал бить пришельца. Пустынник начал с ним драться и, одолев, убил мужа. Таким образом, он совершил все три греха; каких грехов он боялся и гнушался трезвым, смело совершил пьяный и через то погубил многолетние свои труды. Разве только потом истинным покаянием он смог умилостивить Бога, возвращающего кающимся прежние заслуги (108, 78—79).

***

Сказывали об авве Пафнутии: он не любил вина. Однажды в дороге, встретившись с шайкой разбойников, увидел он, что разбойники пьют вино. Атаман разбойничий знал старца и знал также, что он не пьет вина. Но видя Пафнутия в великом утомлении, наполнил чашу вином и, взяв в руку меч, сказал старцу: «Если не выпьешь, убью тебя». Старец, поняв, что разбойник хочет исполнить заповедь Божию, и желая обратить его на путь спасения, принял чашу и выпил. Тогда атаман раскаялся, а старец сказал: «Уповаю на Бога, что Он за эту чашу сотворит с тобою милость Свою и в сем веке и в будущем». «И я надеюсь на Бога, — сказал атаман, — что с сего времени никому не сделаю зла» (97, 235).

ВЛАСТЬ

Иной человек, пока не имеет никакой власти, оказывается кротким и милостивым, потом, как скоро получит власть, готов уже приказывать и повелевать, ничего не разбирая; но если отнята у него власть, невыносимы для него собственные его постановления. Он, как немудрый, не познал своей немощи (прп. Ефрем Сирин, 30, 141).

***

Имея большую власть, не грози сразу кому-либо смертью, зная, что по естеству и ты подлежишь смерти, и что всякая душа, как последнюю одежду, скидает с себя тело свое. Разумея это ясно, подвизайся быть кротким, делая добро, благодари всегда Бога. Кто немилостив, тот не имеет добродетели в себе (прп. Макарий Египетский, 89, 79).

***

Что за выгода властвовать над столь многими, когда сам не в состоянии победить себя и свои собственные страсти? (свт. Иоанн Златоуст, 46, 800).

***

Никто не может быть так способным к принятию власти, как душа любомудрая и умеющая сострадать (свт. Иоанн Златоуст, 50, 6).

***

Власть побуждает делать многое, Богу неугодное, и надобно иметь очень мужественную душу, чтобы пользоваться властию как следует. Тот, кто лишен власти, волею и неволею любомудрствует; а облеченный ею терпит то же, что и человек, который, живя с хорошею и красивою девицею, обязался никогда не посмотреть на нее с вожделением (свт. Иоанн Златоуст, 51, 434).

***

<Власть>... даже против воли делает многих обидчиками, у многих возбуждает гнев, снимает узду с языка и

отворяет двери уст, как бы ветром раздувая душу и, как ладью, погружая ее в самую глубину зол (свт. Иоанн Златоуст, 51, 434).

***

Как богатство обыкновенно губит людей неосторожных, так равно и власть. Первое доводит до любостяжания, а последняя до безумия (свт. Иоанн Златоуст, 52, 442).

***

Поднявшаяся пыль занимает много места в воздухе, а сама невелика; такова и власть. Как пыль ослепляет глаза, так гордыня власти помрачает зрение ума (свт. Иоанн Златоуст, 55, 444).

***

Трудно и благочестивому человеку остаться таким по получении власти. Тогда сильнее заявляют о себе и тщеславие, и корыстолюбие, и самонадеянность — так как начальство дает к тому возможность, — равно и столкновения, оскорбления, злословия и многое другое. Поэтому кто неблагочестив, тот будет еще более неблагочестивым, сделавшись начальником (свт. Иоанн Златоуст, 55, 842).

***

Власть поставляет человека во многие обстоятельства, которые делают и весьма кроткого тяжелым и суровым, подавая множество поводов к гневу (свт. Иоанн Златоуст, 55, 848).

***

Тот, кто покоряется властям, не властям покоряется, а повинуется Богу, установившему их; и кто не повинуется им, тот противится Богу... (Рим. 13, 1). То, что существуют власти, и одни начальствуют, другие находятся в подчинении, а не идет все без порядка и разбора, и народы не мечутся, как беспорядочные волны, — есть дело мудрости Божией (свт. Иоанн Златоуст, 56, 630).

***

Для власти нет ничего столь необходимого, как смиренномудрие (свт. Иоанн Златоуст, 56, 1136).

***

Начальственная власть, если не сраствоpяется кротостью и не цветет в ней Богу служащая снисходительность, есть паче безрассудство и жестокость. Если же соединена с кротостью, а кротостью правит справедливость, то она — и правота, и благость, и путь правосудия, и тишина в делах (прп. Исидор Пелусиот, 61, 32).

***

Господь, носимый еще в матерней утробе, включен в народную перепись и заплатил кинсон кесарю, узаконяя нам быть покорными власти, когда нимало не вредит сие благочестию. Посему будем и мы подражать тому, чему научил нас Сам Бог наш, обнищавший по Домостроительству, и не станем под предлогом нашей нищеты отрекаться от подати (прп. Исидор Пелусиот, 61, 32).

***

Законную власть не обращай в варварство бесчинными нравами, но украшай приличными ей делами; с унывающими духом обходись кротко, низших уравнивай с высшими; и тогда возжжешь светлый пламенник правосудия, потому что справедливость служит поджогою светильнику доброго правления (прп. Исидор Пелусиот, 61, 132).

***

<Апостол> Павел не сказал: «несть начальник, аще не от Бога», но рассуждает о самом начальствовании, говоря: ***несть бо власть, аще не от Бога*** (Рим. 13, 1). То самое, что у людей есть начальства, одни начальствуют, другие живут под начальством, — не просто и не самослучайно происходит сие, так чтобы народы, подобно волнам, увлекались туда и сюда, но, по словам Павла, это есть дело Божией премудрости. Поелику равночестность по обыкновению возжигает часто войну, то Бог не попустил быть народоправлению, но установил царскую власть, а потом за нею и многие начальства. Какие же, спросишь? Начальника и подначального, мужа и жену, отца и сына, старца и юношу... учителя и ученика. Даже и у бессловесных животных можно видеть подобное сему. Поручителями в этом — пчелы, подчиняемые царской власти, журавли и стада диких овец. Если же посмотришь и на море, то и оно окажется не лишенным сего благочиния. И там многие породы рыб имеют одного правителя и вождя... Ибо безначалие везде всего ужаснее и бывает причиною замешательства и безурядицы. Посему и в теле, хотя оно есть нечто единое, не все равночестно, но одни члены начальствуют, а другие подначальны.

Потому вправе мы сказать, что самое дело, разумею власть, т. е. начальство и власть царская, установлена Богом, чтобы общество не пришло в неустройство. Но если какой злодей беззаконно восхитил сию власть, то не утверждаем, что поставлен он Богом, но говорим, что попущено ему или изблевать все свое лукавство, как фараону, и в таком случае понести крайнее наказание, или уцеломудрить тех, для кого нужна и жестокость, как царь вавилонский уцеломудрил иудеев (прп. Исидор Пелусиот, 62, 8—9).

***

...Надлежит всеми мерами уступать власти в том, в чем не терпят вреда ни благочестие, ни добродетель; а, напротив того, делаются от скромности их чтителей более царственными и достославными (прп. Исидор Пелусиот, 63, 7).

***

Многовластие... порождает партии, а партии — причина разделения и разложения (прп. Феодор Студит, 92, 101).

****

Авва Орсисий говорил: «Сырой кирпич, положенный в основание дома недалеко от реки, не продержится там и одного дня, а пережженный лежит как камень». Так и человек, питающий плотские помыслы и не проникнутый, подобно Иосифу, огнем страха Божия, сокрушается, как скоро получит власть. Ибо много искушений для таких людей, если они живут в обществе. И потому, зная ску-

дость своих сил, хорошо бежать от ига начальства. Впрочем, твердые в вере бывают непоколебимы. Если бы кто стал говорить о святом Иосифе, тот сказал бы, что он был неземной человек. Каким он подвергался искушениям и в какой стране? Там, где не было и следов богопочтения. Но Бог отцов всегда был с ним и избавлял его от всякой напасти, и ныне он в Царстве Небесном с отцами своими. Так и начнем подвиг, познав наперед меру своих сил, ибо и при этом едва можем избежать Суда Божия (97, 182).

***

В монастыре Башен жил один старец. После кончины игумена-настоятеля братия обители желали избрать его игуменом, как великого и богоугодного мужа. Старец умолял их отказаться от этого. «Оставьте меня, отцы, оплакивать мои грехи. Я вовсе не таков, чтобы заботиться о душах других. Это дело великих отцов, подобных авве Антонию, Пахомию, святителю Феодору и другим». Однако же не проходило дня, чтобы братия не убеждали его принять игуменство. Старец продолжал отказываться. Наконец, видя, что братия неотступно просят его, сказал всем: «Оставьте меня помолиться три дня, и что будет угодно Богу, то и совершу». Тогда была пятница, а в воскресный день рано утром старец скончался (103, 13).

ВОЖДЕЛЕНИЕ

Чем искоренить в себе страсть злого вожделения? Пламенным вожделением исполнять волю Божию... (свт. Василий Великий, 9, 194).

***

Заглянем в могилу и увидим тайны нашего естества — кучу лежащих одна на другой костей, черепа, обнаженные от плоти... Смотря же на них, увидим в них самих себя. Где красота настоящего цвета, где доброзрачность ланиты? Размышляя о сем, откажемся от плотских вожделений, чтоб не быть нам <пристыженными> в Воскресение (прп. Ефрем Сирин, 30, 508).

***

...Будем бегать всякого злого вожделения... <которое> диавольское есть прозябение... Это душевный струп и сердечная рана (прп. Ефрем Сирин, 31, 251).

***

...Когда увидишь женщину благоразумную, которая блистает красотою, имеет светлый взор, сияющие ланиты... и она распаляет твой помысл и усиливает в тебе вожделение, размысли, что приводящее тебя в удивление — земля, что воспламеняющее тебя — пепел; и душа твоя перестанет неистовствовать. Приникни помыслом на кожу лица ее, и тогда увидишь всю малоценность благообразия, потому что ничего не найдешь, кроме костей, жил и зловония. Представь также, что она стареет, изменяется, умирает, и весь этот цвет опал. Рассуди, чему дивишься, и устыдись, а устыдившись, принеси покаяние (прп. Ефрем Сирин, 32, 59—60).

***

...Страстное и нечистое вожделение телесное, имеющее себе место в плотских членах, как разбойничье какое скопище, строит козни уму и, уловив его в свою волю, нередко

отводит в плен, а это враждебно Богу... (свт. Григорий Нисский, 20, 166).

***

Кто желает подавить прирожденные вожделения плоти, тот должен поспешить сначала победить пороки, находящиеся вне нашей природы (прп. Кассиан Римлянин, 57, 55).

***

Есть брань и в членах наших, поселенная для нашей же пользы, как читаем у Апостола: ***плоть похотствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противятся, да не яже хощете, сия творите*** (Гал. 5, 17). По промыслительному распоряжению Божию она внедрилась как бы в самую природу нашу. И можно ли почитать ее иным чем, как не естественною как бы принадлежностию человеческой природы, после падения первого человека, если она всем без исключения обща? Можно ли не верить, что она имеется в нас по воле Божией, во благо нам, а не во зло, если она всем прирождена? Так, некоторым образом, самим промышлением Божиим оставлена в нас сия спасительная брань, чтобы возбуждала нас и вела к высшему совершенству, так что с прекращением ее, по противоположности, должен настать опаснейший мир (авва Даниил, 57, 228).

***

Хотите ли получить ясное доказательство истинности сказанного... что эта плотская брань, которая считается враждебною нам и вредною, с пользою прирождена нашим членам? Пожалуй, посмотрите на скопцов телом: какая

особенно причина делает их вялыми в желании добродетелей и холодными? Не оттого ли это, что, по их мнению, они не имеют уже опасности растлить целомудрие? Впрочем, на основании сказанного мною, никто не должен думать, будто я утверждаю, что из них вовсе нет никого, кто бы имел горячее расположение к совершенному самоотвержению, но что они некоторым образом должны побеждать свою природу, если только кто из них, при высшей строгости по отношению к душе, стремится к предположенной пальме совершенства, которого пламенное желание того, кого оно однажды воспламенило, заставляет не только терпеливо, но и охотно сносить голод, жажду, бдение, наготу и все телесные труды. Ибо ***муж в трудех нуждается себе и изнуждает погибель свою*** (Притч. 16, 26), и еще: ***голодной душе и все горькое является сладким*** (ср.: Притч. 27, 7). Ибо иначе желания настоящих вещей не могут быть подавлены или отвергнуты, если вместо этих вредных расположений, которые желаем отсечь, не будут восприняты другие, спасительные. Ибо живость духа никак не может поддерживаться без возбуждения какого-либо желания или страха, радости или печали, если они (эти чувства) не будут обращены в добрую сторону. И потому, если желаем плотские вожделения истребить из наших сердец, то на место их должны тотчас насадить духовные желания, чтобы дух наш, всегда занятый ими, имел чем постоянно заниматься и отвергал прелести настоящих временных (мирских) радостей. И когда дух наш, наученный ежедневным управлением, придет в это состояние, тогда по научению опыта поймет и смысл того стишка, который, хотя все мы воспеваем обыкновенным способом пения, но силу его понимают только немногие опытные: ***всегда видел я пред***

собою Господа, ибо Он одесную Меня; не поколеблюсь (ср.: Пс. 15, 8). Ибо тот один действительно постигает силу и смысл этого стиха, кто, достигнув до той чистоты тела и духа, о которой говорим, сознает, что он в каждую минуту охраняется Господом, чтобы опять не уклониться на прежнее, и что десница его, т. е. святые действия, постоянно ограждается Им. Ибо Господь всегда присутствует при святых Своих не по левую сторону, потому что святой муж не имеет ничего левого, т. е. худого, но по правую, а для грешников и нечистых Он бывает невидим, потому что они не имеют правой стороны, на которой Господь обыкновенно находится, и не могут говорить с Пророком: *очи мои всегда к Господу; ибо Он извлекает из сети ноги мои* (ср.: Пс. 24, 15). Чего никто не может сказать справедливо, кроме того, кто все, что есть в этом мире, почитая вредным, или излишним, или, по крайней мере, низшим высоких добродетелей, весь свой взор, все старание, всю заботу приложит к образованию своего сердца и к чистоте целомудрия; таким образом, дух, очищенный такими упражнениями и усовершенствованный успехами, достигает совершенной чистоты души и тела (авва Херемон, 57, 386—387).

****

Авва Пимен поведал об авве Иоанне Колове следующее. Он умолил Бога, и отняты были у него страстные вожделения, и вскоре ощутил ненарушимое спокойствие. Тогда он пришел к некому отцу и сказал: «Вижу себя спокойным, не имеющим никакой брани». Старец отвечал ему: «Иди и умоли Бога, чтоб возвратились брани и то сокрушение сердца и смирение, которые ты имел прежде: по причине бра-

ней душа приходит в преуспеяние». Иоанн испросил у Бога возвращения браней, и когда пришла брань, он уже не молился об освобождении от страстей, но говорил: «Господи! Даруй мне терпение в брани» (107, 288).

***

Знай, что в душе находится естественное движение вожделения; но оно не производит своего действия, если не последует на то согласия души, потому что вожделение только усвоено телу, и движется; но не движется греховно и понудительно. Находится в душе также и другое действие, которое рождается из покоя и наслаждения телесных, воспламеняет кровь и движется с производством своего действия. По этой причине апостол Павел говорит: *не упивайтеся вином, в немже есть блуд* (Еф. 5, 18). Также Господь заповедал Своим апостолам в Святом Евангелии: *внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством* (Лк. 21, 34). Кроме этих двух движений имеется еще движение, которое возбуждается в подвижниках от зависти и коварства демонов. Итак, надо знать, что возбуждение телесного вожделения бывает троякое: одно естественное, а два другие — привходящие; из этих двух одно происходит от излишества в пище и питии, другое производится демонами. Зависит, следовательно, от нас, от нашего свободного произволения исполнение и отвержение требований вожделения (107, 17).

***

Один брат находился в пути; с ним была мать, уже старуха. Когда они подошли к реке, мать не могла перей-

ти. Сын, взявши мафорий[1], обернув свои руки, дабы не коснуться тела матери, и таким образом подняв ее, перенес на себе на другую сторону. Мать спросила его: для чего ты обернул свои руки, сын мой? Для того, сказал он, что тело женщины — огонь. Из того, что я прикоснулся к тебе, придет же мне на мысль и другая женщина (99, 63).

***

Блаженная Феодора говорила: «Та, которая хочет сохранить свое тело в целомудрии, должна проводить свои дни в блаженном безмолвии, сидя в келье, мужчин не принимать и не беседовать с ними, ибо только таким образом она может безмолвствовать. И на меня в начале моего безмолвия три года налегал демон похоти, побуждая к видению одного мужа и беседованию с ним, так что почти каждый день я была в скорби и унынии. Но молитвой и молением, постом и безмолвием противоборствуя треокаянному демону похоти, я, наконец, благодатию Христовой, изгладила всякую память о том лице. Рассказываю вам это, матери и сестры, для того, чтобы и вы крепко блюлись от этого и хранили свои души, ибо сильны козни доброненавистника-диавола» (104, 76—77).

***

Однажды, когда авва Еллин был один в пустыне, ему захотелось меда. Скоро нашел он под камнем соты и сказал: «Удались от меня необузданное похотение, ибо писано:

[1] Мафорий — монашеская короткая мантия, покрывающая только плечи и шею.

...поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти (Гал. 5, 16)» — и, оставив соты, удалился (102, 181).

ВОЗДАЯНИЕ

Блаженны святые и праведные! Им повелено будет вступить в жизнь, радоваться и блаженствовать с Богом в Вечном Царстве. Он даст им славу Свою; блистательный свет будет им ризою, и лица их на небе просветятся паче самого неба (прп. Ефрем Сирин, 33, 106).

***

Недоведомая воля, которой ведомы наши изволения, как веровали мы в Него и как приносили себя в жертву, так и воздаст нам в день пришествия Его (прп. Ефрем Сирин, 33, 419).

***

Как здесь, в этой временной обители, настроил себя каждый, так и во время воздаяния войдет он в место упокоения (прп. Ефрем Сирин, 33, 486).

***

...Венец за добродетель и труды ради ее не есть чувственный, не разрушается, как все прочее в этом мире; это — венец неизменный, бессмертный, пребывающий во все веки. Труд — только на короткое время, а воздаяние за труды не имеет конца, не уступает силе времени, не увядает (свт. Иоанн Златоуст, 48, 461).

***

Одни из людей живут порочно, другие добродетельно; но из числа порочных многие доживают до глубокой старости, наслаждаясь счастьем, а с людьми добродетельными бывает противное. Когда же каждый из них получит по заслугам? В какое время?

<...> Подлинно и Воскресение есть, и Суд; отвергают их только те, которые не хотят дать отчета в своих делах (свт. Иоанн Златоуст, 52, 446—447).

***

В доме у тебя есть сосуды, и ты не пользуешься ими безразлично, но знаешь, в каком сосуде содержится вино, в каком уксус; так и Бог знает, какая душа пригодна для помилования, какая достойна наказания, не потому, что она так именно создана, но потому, что к этому она приготовила себя своими привычками (свт. Иоанн Златоуст, 52, 841).

***

...Почему Он <Бог> не тотчас посылает наказание грешникам?.. Как справедливый, Он знает согрешающего; как крепкий, Он имеет силу довести решение до конца <наказать>... Какая же причина медлительности? ***Бог Судитель праведен, и крепок, и долготерпелив*** (Пс. 7, 12)... Пусть действует сначала страх, твое раскаяние пусть предотвратит удар (свт. Иоанн Златоуст, 52, 974—975).

***

Пропустившие благоприятное для дел время не получат искомых ими благ. Ибо кто одобрит земледельца, который,

когда нужно пахать и сеять, чтобы иметь обильную жатву, предается праздности и сидит сложа руки? Кто одобрит садовника, который, когда должно ухаживать за виноградом, чтобы принес он добрые грозди, и за упояющим точилом, посматривает только на труды других? Кто одобрит пловца, который, когда настало время плыть, чтобы промышлять торговлею, остается в пристани и проводит время в корчмах? Конечно, никто. Посему, если это действительно так, кто одобрит христианина, который во время подвигов требует венцов. Здесь место подвигам, а не венцам, там же — наградам и почестям. Поэтому не будем упускать времени благоприятного для дел, чтобы там не каяться без пользы (прп. Исидор Пелусиот, 62, 118).

***

Премирный жребий, изобилующий всеми благами, недоступный всему горестному, не порождающий уныния и матерь всякой радости, превосходящий и язык, и слух, и ум, уготованный собственно подвизавшимся в настоящей жизни законно, не позволяет даже и ощущать здешних печалей. Почему и Первоверховный из подвизавшихся так взывает: ***недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас*** (Рим. 8, 18). Ибо если Подвигоположник в воздаянии наград с великим преизбытком превышает труды и сообщает столько веселия, сколько свойственно иметь в удел приявшим небесный жребий, то не удивительно, если они в ничто вменяли все горестное в мире (прп. Исидор Пелусиот, 62, 239).

***

...Каждый получит мзду свою по мере труда своего, а не по следствиям труда. Сие содержа в мыслях, наставники и

ученики да стремятся к добродетели, не давая места никакой отговорке (прп. Исидор Пелусиот, 62, 487).

***

Если преспевала одна душа, то пусть она одна и будет увенчана. Если же и тело разделяло с нею подвиги, то с ним да будет и увенчана. Сие и справедливо, и основательно, и разумно, и весьма прилично (прп. Исидор Пелусиот, 63, 111).

***

В конце же всего, в каком состоянии застигнута будет душа смертью, сообразно с тем получит и воздаяние (прп. Никита Стифат, 93, 91).

****

...Один пресвитер, муж чудный и много времени проведший в подвиге, рассказывал следующее: «Была у меня сестра, девица молодая летами, но приобретшая старческий разум. Она проводила все время в посте и воздержании. Однажды сидела она около меня и вдруг, отклонившись на спину, лежала безгласна и бездыханна целый день и ночь. На следующий день в тот же час, как бы от сна встав, была она в страхе и ужасе. Я спрашивал ее, что с нею было, но она просила подождать, пока пройдет ужас... В слезах провела она много дней, и сама не хотела говорить, и других не хотела слушать, не говорила даже с самыми близкими, часто же имена некоторых вспоминала со слезами и, стеная, оплакивала их. Наконец, она уступила моим просьбам и начала говорить: «В оный час, когда я сидела около тебя, два неких мужа, седые волосами, сано-

витые по виду, одетые в белую одежду, пришедши и взявши меня за правую руку, приказали следовать за ними. Один же из них, держащий в руке жезл, простер его к небу и отверз его, приготовляя нам доступ внутрь его. Потом, взявши меня, приводят в некое место, где стояло великое множество Ангелов, двери же и храмины были выше всякого слова. Когда же я вошла внутрь, вижу престол возвышенный и многих стоящих там, красотою и величием превосходящих тех, кои стояли вне. На престоле сидел Некто, Своим светом всех освещающий, Которому все поклонились. Меня тоже привели к Нему на поклонение, и я услышала, что Он повелел показать мне все для вразумления живущих на земле. Пришедши в некое место, вижу великое множество творений красоты несказанной, облеченных в различные одежды, блистающие золотом и драгоценными камнями, и храмины разнообразные, и живущих в них мужей и жен великое множество в чести и славе. Показывая их, говорили мне: «Это суть епископы, это клирики, это миряне, из них одни в своем служении просияли, другие целомудренно и праведно пожили».

Там я увидела пресвитера своего селения и клириков, которых знаем. Увидела множество дев и вдов, жен, в браке честно поживших; из них многие были знакомы, иные из нашего местечка, другие же из разных мест... одни упражнялись в подвижничестве, другие пожившие честно в своем состоянии, некоторые во вдовстве провели большую часть жизни и сокрушаемы были скорбями и многими бедствиями. Есть из них некоторые в девстве и во вдовстве сначала павшие, и за покаяние и многие слезы опять восстановленные в прежний чин. Взявши меня оттуда, отвели в некоторые места, страшные по виду и ужасные для зрения, исполненные всякого плача и рыданий».

Намереваясь же начать рассказ о сем, в такой пришла она страх, что слезами омочилась вся одежда ее, прерывался ее голос, язык же ее невольно запинался, двигался, не издавая звука. Но, принуждаемая мною, так начала она говорить: «Видела я места столь страшные и ужасные, что ни зрением, ни слухом нельзя понять; о них предстоящие мне говорили, что они приготовлены для всех нечестивых и беззаконных и для тех, которые в мире назывались христианами, но много зла делали. Там видела я печь разжженную и издающую страшное некое клокотание. Я ужаснулась и спросила, для кого приготовлено сие. Мне ответили: «Для вчиненных в клир, из сребролюбия же и беспечности Церковь Божию оскорбивших и в постыдной жизни проживших без покаяния...» Я же, трепеща, возгласила: «Ужели для находящихся в клире и девстве приготовлены такие бедствия?» Один же из бывших вдали отвечал: «Бедствия, девица, назначены им соответствующие нечестию их против Бога и неправде их против ближнего. Ибо ни тех, кои страдают там, не презирает Бог, ни тех, кои делают неугодное Ему, не оставляет без наказания. Всем за доброе и злое воздает по достоинству Бог Всемогущий». Еще отошедши, остановились мы на месте, полном глубокой тьмы. Все там было наполнено вопля и смущения, жалобного голоса, скрежета зубов и страшного стенания. Там увидела я разных дев и вдов, которые не поступали сообразно своим обетам, вину и наслаждениям прилежали, на псалмопение и молитвы, и посты не обращали никакого внимания, несмотря на то, что своими обещаниями вступили в завет с Христом.

О некоторых же из них говорили, что они человеконенавистно, хотя и правильно, пересказывали о намерениях других, что послужило для некоторых из них к развраще-

нию, и сделались они виновными в их погибели. Я же, видя их стенания и плач, не меньше их была объята страхом. Посмотревши внимательно, вижу двух самых любезных мне девиц, объятых огнем и муками... видевши их и восстенавши, по имени позвала я одну из них. Они же взглянули, и лица их покрылись стыдом по причине наказания, которому подверглись, и еще более мучились стыдом и поникли вниз. Я же со слезами спрашивала их, что сделано ими тайного, что утаилось от многих, кто знал их на земле, и в какие впали они худые дела, за которые получили наказание?.. Они же сказали: «Девство погубили мы растлением, на убийства же по причине зачатия решались, воздержание и пост в виду других исполняли, втайне же делали противоположное, ибо славы только человеческой желали, а на угрожающие мучения не обращали внимания. Но вот все сделанное там тайно обличили здешние бедствия, за славолюбие соответственный принимаем стыд... Но если есть у тебя какая сила и дерзновение ради твоей доброй жизни, помоги нам, испроси хотя немного помилования у мучащих нас». Я же отвечала: «Где же многие увещания и советы вам брата моего? Где мольбы, где великое его попечение, где постоянные молитвы? Ужели всего этого недостаточно для того, чтобы не быть вам здесь?..» Они же, устыдившись, молчали, но затем стали говорить: «Не время теперь обличения и укорения, но утешения и помощи... помоги нам...» Я же, припавши, со слезами молила мучителей облегчить их мучения. Они со страшным взором без успеха отослали меня, говоря: «Справедливо для них, какие посеяли там деяния, за такие пожать плоды; какие там презрели блага, тех здесь не получить, а какими пренебрегали муками, те испытать... Ступай, девица, возвещай там о здешнем — добром и злом, хотя бы многим

показалась ты говорящею пустое». Девицы те, узнавши, что бесполезно было мое моление, плача и скрежеща зубами, сказали: «Все терпим мы сообразно со сделанному нами... но, оставивши нас, иди опять в мир... расскажи обо всем этом жившей с нами, ибо и она с нами делала подобное, смеясь над здешним... Возвести ей о наших мучениях, убеди покаяться...» (98, 428—435).

***

Поведал некий старец о девице очень преклонных лет, преуспевшей в страхе Божием. Он спросил, что привело ее к монашескому жительству? Она, прерывая слова воздыханиями, рассказала следующее: «Мои родители, достоуважаемый муж, скончались, когда я была отроковицей. Отец был скромного и тихого нрава, но слабый и болезненный. Он жил настолько погруженный в заботу о своем спасении, что едва кто из жителей одного с нами села изредка видел его. Если иногда он чувствовал себя получше, то приносил в дом плоды своих трудов. Большую же часть времени он проводил в посте и страданиях. Молчаливость его была такова, что не знавшие могли принять его за немого. Напротив того, мать моя вела жизнь рассеянную в высшей степени и столь развратную, что подобную ей женщину трудно было сыскать. Она была так говорлива, что, казалось, все ее существо составлял один язык. Беспрестанно она затевала ссоры со всеми, проводила время в пьянстве с самыми невоздержанными мужчинами. Она расточила все, что нам принадлежало, а ей отец передал распоряжение домом. Она так злоупотребляла своим телом, оскверняя его нечистотами, что немногие из нашего селения избежали блудного с ней совокупления. Она никогда не подвергалась

и болезни, со дня рождения и до старости была совершенно здорова. Так текла жизнь моих родителей. Отец, истомленный продолжительной болезнью, скончался. Едва он умер, как небо потемнело, пошел дождь, засверкала молния, загремел гром, в течение трех дней и трех ночей непрерывно продолжался ливень. По причине такой непогоды задержалось его погребение, так что жители села покачивали головами и, удивляясь, говорили: «Этот человек настолько был неприятен Богу, что даже земля не принимает». Но чтоб тело его не начало разлагаться в самом доме, похоронили его кое-как: непогода и дождь все продолжались. Мать моя, получив еще большую свободу по смерти отца, с большим исступлением предалась блуду. Сделав наш дом домом разврата, она проводила жизнь в величайшей роскоши и увеселениях. Когда настала ее смерть, то она сподобилась великолепного погребения. Сама природа, казалось, приняла участие в похоронах. По ее кончине я осталась в отроческих летах, и уже телесные вожделения начали во мне проявляться. Однажды вечером я начала размышлять, чью жизнь избрать мне образцом для подражания: отца ли, который жил скромно, тихо и воздержанно, но во всю свою жизнь не видел ничего доброго, провел ее в болезнях и печали, а когда скончался, то земля даже не принимала его тела. Если такое житие благоприятно Богу, то по какой причине отец мой, избравший его, подвергся стольким бедствиям? «Лучше жить, как жила мать, — сказало мне мое помышление, — предаться вожделению, роскоши, плотскому сладострастию. Ведь мать не упустила ни одного скверного дела! Она провела всю жизнь в пьянстве, была здоровой и счастливой. Конечно, мне следует жить так, как жила мать! Лучше верить собственным глазам и тому, что очевидно, лучше наслаждаться всем, чем верить невидимо-

му и отказываться от всего». Когда я, окаянная, согласилась в душе избрать жизнь, подобную жизни моей матери, настала ночь, я уснула. Во сне предстал мне некто высокий ростом, взором страшный, грозно взглянул на меня, гневно и строго приказал: «Исповедуй мне помышление твоего сердца». Я, испугавшись, не смела и взглянуть на него. Еще более громким голосом повторил он приказание, чтоб я исповедала, какая жизнь мне понравилась. Растерявшись от страха и забыв обо всем, я сказала, что не имела никаких помышлений. Но он напомнил мне все, о чем я размышляла втайне. Обличенная, я умоляла его даровать мне прощение и объяснила причину этих размышлений. Он сказал мне: «Пойди и посмотри обоих — и отца, и мать, — потом избери жизнь по своему желанию». С этими словами он взял меня за руку и повел. Привел он меня на большое поле неизреченной красоты, со многими садами, с плодовыми деревьями. Там встретил меня отец, обнял, поцеловал, назвал своей дочерью. Я заключила его в объятия и просила разрешения остаться с ним. Он отвечал: «Ныне это невозможно, но если последуешь моим стопам, то придешь сюда по прошествии непродолжительного времени». Когда я опять начала просить о том, чтоб остаться, показавший мне видение снова взял меня за руку, повлек и сказал: «Пойдем, я покажу тебе и мать, как горит она в огне, чтоб знать тебе, по чьим стопам направить свою жизнь». В мрачном и темном доме, наполненном скрежетом зубов и горем, он показал мне огненную печь с кипящей смолой. Какие-то страшилища стояли у ее устья. Я заглянула внутрь и увидела в ней мою мать: она погрязла по шею в огне, скрежетала зубами и горела, тяжкий смрад разносился от червя неусыпающего. Увидев меня, она воскликнула с рыданием: «Увы мне, дочь моя! Эти страдания — последствия моих собственных дел.

Воздержание и все добродетели казались мне достойными посмеяния. Я думала, что жизнь моя в сладострастии и разврате никогда не кончится. Пьянство и объядение я не признавала грехами. И вот! Я наследовала геенну, подверглась этим казням за краткое наслаждение грехами. За ничтожное веселие расплачиваюсь теперь страшными муками. Вот какую получаю награду за презрение Бога! Объяли меня всевозможные, бесконечные бедствия. Ныне время помощи, ныне вспомни, что ты вскормлена моей грудью! Воздай мне, если ты получила от меня когда-либо что-либо! Умилосердись надо мной! Жжет меня этот огонь, но не сожигает. Умилосердись надо мной! Меня в этих муках снедает отчаяние. Умилосердись надо мной, дочь моя, подай мне руку и выведи меня из этого места». Когда я отказывалась это сделать, боясь тех страшных стражей, которые тут стояли, она снова причитала со слезами: «Дочь моя! Помоги мне! Не презри плача твоей родной матери! Вспомни мою болезнь в момент твоего рождения! Не презри меня! Погибаю в огне геенском». Ее вопль вызвал у меня слезы, я начала также стенать. Вопли и рыдания разбудили моих домашних. Они стали спрашивать меня о причине столь громкого плача. Я рассказала им мое видение. Тогда я решила последовать жизни моего отца, будучи удостоверена, по милосердию Божию, какие муки уготованы для тех, кто позволяет себе проводить порочную жизнь» (107, 541—544).

ВОЗДЕРЖАНИЕ

К ним <душевным добродетелям> относится всеобъемлющее воздержание, т. е. удаление... от всех страстей, ибо есть другое частное воздержание в телесных деланиях. Но

это последнее учит употреблению пищи и пития, а то удерживает всякий помысл и всякое движение членов, неугодное Богу, что и называется воздержанием страстей. Оно не терпит отнюдь помысла или слова, или движения руки или ноги, или другого какого-либо члена тела, кроме необходимого употребления их, т. е. для того, чтобы жить телу и спастись душе. Отсюда умножаются искушения демонов, которые видят ангела во плоти, по усердию и деланию доброго (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 17).

***

Кто, по благодати Божией, имеет великую веру видения и чистый божественный страх и желает чрез них приобрести воздержание и целомудрие, тот должен совершенно удерживать себя внутренне и внешне, и быть как бы мертвым по телу и по душе, в отношении этого мира и людей, говоря всегда своему помыслу: «Кто я такой? И что такое состав мой — если не мерзость? Первоначально — земля, впоследствии тление, а в середине всякий позор. И... что такое жизнь моя и сколько она продлится? Один час — и смерть! Для чего мне заботиться о том или о другом? Сейчас могу умереть. Жизнь и смерть во власти Христа, а я о чем забочусь и спорю по-пустому. Необходимо немного хлеба, а избыток для чего? Если имею необходимое, да прекратится всякое попечение; если же нет, то об одном этом, по несовершенству, может быть, моего ведения, позабочусь, хотя и есть Бог промышляющий». Итак, человек должен всячески заботиться о хранении чувств и помыслов, чтобы никак не утверждать и не делать ничего, что он считает неугодным Богу. И да приготовляет себя к терпению постигающего его от демонов или от людей — сла-

достного и горестного, чтобы не бояться ни того ни другого, и не прийти в неразумную радость и самомнение или в печаль и отчаяние, и не иметь отнюдь дерзновения в помыслах, пока не придет Господь, Которому слава во веки (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 20—21).

***

Не будь жаден и падок на пищу, чтоб не возобновились в тебе прежние грехи твои (прп. Антоний Великий, 89, 97).

***

На женщину же или на мужчину доброзрачного отнюдь не смотри без нужды (прп. авва Исаия, 89, 432).

***

Воздержание от пищи обуздывает похотливость чрева и того, что ниже чрева (свт. Василий Великий, 6, 47).

***

Воздержание, употребляемое для порабощения плотского мудрования — любит Господь; потому что оно чрез изнурение плоти устрояет освящение (свт. Василий Великий, 6, 47).

***

...Самым лучшим пределом и правилом воздержания пусть будет следующее: не стремиться ни к неге, ни к злостраданию плоти, но избегать неумеренности и в том и в другом, чтобы плоть, утучнев, не мятежничала, и, став болезненною, не лишилась сил к исполнению заповедей.

Ибо равный вред душе в обоих случаях — и когда плоть непокорна и от избытка здоровья предается неистовым порывам, и когда от недугов изнурена, расслаблена и неподвижна (свт. Василий Великий, 9, 60).

***

...Все... пусть служит потребностям, а не прихотям подвизающихся (свт. Василий Великий, 9, 61).

***

Вся жизнь святых и блаженных людей и пример Самого Господа в пришествие Его во плоти обязывают нас к <воздержанию> (свт. Василий Великий, 9, 114).

***

Воздержанием же называем, конечно, не совершенное удержание себя от пищи (это будет насильственным разрушением жизни), но удержание себя от сластей, предприемлемое при низложении плотского мудрования с благочестивою целью (свт. Василий Великий, 9, 115).

***

Подвиг воздержания касается не одного удовольствия от яств, но простирается на всякое устранение препятствующего. Поэтому в точности воздержный не будет — над чревом одерживать победу и (в то же время) уступать оную славе человеческой; не будет преодолевать постыдную похоть и (в то же время) порабощаться богатством или другим каким неблагородным расположением, например: гневом, печалью и всем тем, чем обыкновенно порабощаются души невежественные... Строгий закон воздержания назна-

чает меру языку, пределы очам, непытливое слышание ушам. Кто не остается в сих границах, тот невоздержан и своеволен. Видишь ли, как около этой одной заповеди все, как в хороводе, одна за другую держатся? (свт. Василий Великий, 9, 115).

***

Прочие добродетели, совершаемые втайне, редко делаются известными людям, но воздержание делает заметным воздержного при самой с ним встрече (свт. Василий Великий, 9, 117).

***

...Кто выше всякой страсти, не дозволяет себе никакого <движения> раздражения, производимого удовольствием, но твердо и неослабно избегает всякого вредного наслаждения, тот совершенный воздержник... (свт. Василий Великий, 9, 117).

***

...Иногда надо удерживаться даже от дозволенного и необходимого для жизни, когда такое воздержание имеет в виду пользу братий наших (свт. Василий Великий, 9, 117).

***

...Воздержание есть истребление греха, отчуждение от страстей, умерщвление тела даже до самых естественных ощущений и пожеланий, начало духовной жизни, податель вечных благ, уничтожающий в себе жало сластолюбия... (свт. Василий Великий, 9, 117).

***

<Воздержание> — мать целомудрия, снабдительница здравия и достаточно устраняет препятствия к плодоношению добрых дел о Христе... (свт. Василий Великий, 9, 119).

***

В душевных немощах одна мера воздержания — совершенное отчуждение от всего, что ведет к пагубному удовольствию (свт. Василий Великий, 9, 119).

***

Воздержание показывает, что человек умер со Христом и умертвил *уды* свои *яже на земли* (Кол. 3, 5) (свт. Василий Великий, 9, 119).

***

Воздержание состоит не в удалении от яств, ничего по себе незначащих, следствием которого бывает осуждаемое Апостолом *непощадение тела* (Кол. 2, 23), но в совершенном отречении от собственных своих желаний (свт. Василий Великий, 9, 233).

***

Невоздержание есть явный порок, и, прежде всего, необходимо позаботиться о сем недуге, как уврачевать его (свт. Василий Великий, 9, 237).

***

Самое лучшее воздержание чрева — то, которое у каждого соразмеряется с телесною силою (свт. Василий Великий, 9, 333).

***

Нужно также преодолевать и чрево, потому что приучение чрева есть обуздание страстей, а обуздание страстей — безмятежность и тишина души, душевная же тишина — самый производительный источник добродетелей (свт. Василий Великий, 9, 333).

***

...У одних тел с другими можно найти столько же различия, сколько у меди и железа с деревьями... Посему должно избирать воздержание по мере силы каждого (свт. Василий Великий, 9, 333).

***

И на то, думаю, надобно обращать внимание, чтобы чрезмерностью воздержания ослабив телесную силу, не сделать тела ленивым и недеятельным для важнейших занятий (свт. Василий Великий, 9, 334).

***

...Если бы хорошо было изнемогать телом и лежать дышащим мертвецом, то, конечно, Бог вначале устроил бы нас такими (свт. Василий Великий, 9, 335).

***

Если бы можно было выполнять надлежащие телу работы при непрестанном воздержании от пищи, то сие было бы всего лучше. Но поелику весьма немногие тела могут не упадать в силах при таком воздержании, то должно и поститься умеренно, и оказывать телу самую необходимую помощь, но так, чтобы не сластолюбие руководствовало в избрании снедей, а рассудок со всею строгостью определял

потребность, подобно сведущему врачу, который беспристрастно врачует болезнь чем должно. Ибо при таковом душевном расположении вкушающий пищу оказывается в любомудрии нимало не ниже невкушающего, а по намерению соблюдает не только непрестанный пост, но и неядение, попечением же о теле заслуживает похвалу, как наилучший домостроитель; потому что соразмерное питание тела и воздержание не способны воспламенять похоти и делать страсти необузданными (свт. Василий Великий, 9, 336—337).

***

...Надобно упражняться в воздержании, которое служит надежным стражем целомудрия... (свт. Василий Великий, 9, 363).

***

<Воздержание> уму не позволяет порываться туда и сюда (свт. Василий Великий, 9, 363).

***

Воздержание думаем определить так, что оно есть не одно воздержание себя от снедей (ибо в этом успевали многие и из эллинских философов), но преимущественно воздержание от скитания очей. Ибо какая польза, если, воздерживаясь от яств, пожираешь глазами похоть любодеяния или ушами охотно выслушиваешь суетные и диавольские речи? Нет пользы воздерживаться от снедей, но не воздерживаться от кичения, высокоумия, суетной славы и всякой страсти. Или что пользы наблюдать воздержание в снедях и не воздерживаться от лукавых и суетных помыслов (свт. Василий Великий, 9, 363—364).

***

...Есть воздержание в языке — не говорить много и не говорить пустого, владеть языком и не злословить, не обижать словом, не клясться, не празднословить о чем не должно... не клеветать одному на другого, не пересуживать брата, не открывать тайн, не заниматься тем, что не наше. Есть воздержание и в слухе — владеть слухом и не поражаться пустою молвой. Есть воздержание и для глаз — владеть зрением, не устремлять взора или не смотреть внимательно на все приятное и на что-либо неприличное. Есть воздержание в раздражительности — владеть гневом и не вдруг воспламеняться. Есть воздержание от славы — владеть своим духом, не желать прославления, не искать славы, не превозноситься, не искать чести и не надмеваться, не мечтать о похвалах. Есть воздержание помыслов — низлагать помыслы страхом Божиим, не склоняться на помысл обольстительный и воспламеняющий и не услаждаться им. Есть воздержание в снедях — владеть собой и не выискивать снедей в обилии предлагаемых или яств дорогих, не есть не вовремя... не предаваться духу чревоугодия, не возбуждаться к алчности добротою снедей и не желать то одной, то другой снеди. Есть воздержание в питии — владеть собою и не ходить на пиры, не услаждаться приятным вкусом вин, не пить вина без нужды, не выискивать разных напитков, не гоняться за удовольствием пить искусно приготовленные смеси, не употреблять без меры не только вина, но, если можно, и воды. Есть воздержание в пожелании и в порочном сластолюбии — владеть чувством, не потакать случайно возбудившимся пожеланиям, не склоняться на помыслы, внушающие сладострастие, не услаждаться тем, что впоследствии воз-

буждает к себе ненависть, не исполнять волю плоти, но обуздывать страсти страхом Божиим. Ибо тот поистине воздержан, кто вожделевает оных небесных благ и, к ним устремляясь умом, отвращается от плотского вожделения, гнушается плотоугодием, как чем-то погружающим в тень; не любит смотреть на женские лица, не пленяется телесною наружностью, не привлекается красотами, не услаждается приятным для обоняния, не уловляется словами лести, не остается вместе с женщинами, и особенно нескромными, не длит беседы с женами... (прп. Ефрем Сирин, 30, 28—30).

***

...В ком нет воздержания, тот легко уловляется всяким неприличием (прп. Ефрем Сирин, 30, 30).

***

Невоздержный находит удовольствие в многословии и пустословии (прп. Ефрем Сирин, 30, 30).

***

<Невоздержанный> из любви к удовольствиям предается сумасбродству, гоняется за славою, мечтает о почестях... при встрече с женщинами делается весел, привлекается красотою... (прп. Ефрем Сирин, 30, 30).

***

...Телесная доброцветность сводит <невоздержанного> с ума, <его> восхищает благообразие лица, очаровывает статность тела, в беседах с женщинами... тает он от удовольствия... (прп. Ефрем Сирин, 30, 30).

***

...Велика награда за воздержание, и нет предела его величию. Поэтому подлинно блажен, кто действительно приобрел воздержание (прп. Ефрем Сирин, 30, 32).

***

Великое дело — воздержание очей, чрева и языка; а если еще в изобилии при нем милость, воссияет оно, как светило (прп. Ефрем Сирин, 30, 160).

***

Если возлюбишь воздержание, то обуздаешь демона блуда (прп. Ефрем Сирин, 30, 161).

***

Воздержание есть нерв терпения (прп. Ефрем Сирин, 30, 200).

***

Блаженны воздержные, потому что их ожидают райские утехи (прп. Ефрем Сирин, 30, 386).

***

...Невоздержный <в пище> от неумеренности впадет в плотские страсти (прп. Ефрем Сирин, 30, 393).

***

Воздерживай чрево свое, чтобы открылся тебе путь к жизни (прп. Ефрем Сирин, 34, 296).

***

За то воздержание, каким изнурил ты себя, красота твоя воссияет в Брачном Чертоге (прп. Ефрем Сирин, 34, 297).

***

Не будем стараться превзойти друг друга невоздержностью (а все то, что излишне и сверх нужды... есть невоздержность), особенно когда другие, созданные из одного с нами брéния и состава, алчут и терпят нужду (свт. Григорий Богослов, 14, 237).

***

...Воздерживающийся без молитвы как устоит без этой помощи? (прп. Макарий Египетский, 67, 261).

***

...Кто не воздерживается во всем, тот как будет милостивым к алчущему или обиженному? (прп. Макарий Египетский, 67, 261).

***

Совершеннейшая цель воздержания состоит в том, чтобы иметь в виду не удручение тела, но удобнейшее служение душевным потребностям (свт. Григорий Нисский, 24, 382).

***

...Есть пост и нетелесный, есть воздержание невещественное, относящееся к душе, — удержание себя от зла;

его ради нам узаконено и то воздержание от яств (свт. Григорий Нисский, 24, 396).

***

...Любомудрие да руководит образом жизни христиан, и душа да бегает пагубы зла. Ибо если, воздерживаясь от вина и мяс, мы виновны в грехах воли, то предсказываю и наперед свидетельствую: не принесут нам никакой пользы вода и овощи, и бескровный стол, если мы не имеем внутреннего расположения, подобного внешней видимости (свт. Григорий Нисский, 24, 397).

***

Благоразумным воздержанием уврачуй два противоположных страдания: свое пресыщение и голод брата (свт. Григорий Нисский, 24, 400).

***

Как вода угашает огонь, так голод — скверные мечты (авва Евагрий, 89, 609).

***

Не говори: ныне поем, а завтра попощусь, ибо не знаешь, что родит находящий день (авва Евагрий, 89, 614).

***

Тяжко воздержание и едва управима чистота, но нет ничего слаще Небесного Жениха (авва Евагрий, 89, 617).

***

Человек воздержный и подвизающийся в делах справедливости живет вместе с Ангелами и подражает их великолепию (свт. Иоанн Златоуст, 46, 832).

***

...Тот воздержан и тверд, кто, обеспокоиваемый какой-либо страстию, одерживает верх над ней (свт. Иоанн Златоуст, 47, 579).

***

Воздержность — мать как здоровья, так и удовольствия <истинного> (свт. Иоанн Златоуст, 52, 147).

***

Для того-то Бог дал нам небольшой желудок, для того назначил нам малую меру пищи, чтобы научить нас заботиться о душе (свт. Иоанн Златоуст, 53, 255).

***

Не наслаждений ли ищешь ты, возлюбленный? Найдешь их в жизни воздержанной. Не здравия ли? И это здесь. Не спокойствия ли? И это здесь. Не свободы ли? Не крепости ли и стройности тела? Не бодрости ли и деятельности души? Все эти блага здесь... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 255).

***

...От века одни явились врагами, другие же друзьями Божиими, соответственно тому, как сделало их теми или

другими невоздержание или воздержание (свт. Иоанн Златоуст, 53, 907).

***

Невоздержанность омрачает тех, кто не постится, обезображивает душевную красоту, живого делает мертвым, побуждает к совершению беззаконий, возбуждает удовольствия, умножает войны, будит вожделения... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 910).

***

...Воздержание от пищи Бог повелевает для того, чтобы мы обуздывали порывы плоти и делали ее послушным орудием для исполнения заповедей (свт. Иоанн Златоуст, 56, 506).

***

Немощь плоти не воспрепятствует чистоте сердечной, если употребляем только пищу ту, которая нужна для укрепления немощи, а не ту, которой требует похоть. Мы видим, что те, кои воздерживались от мясной пищи (умеренное употребление коей в нужде позволительно) и по любви к воздержанию отказывались от всего, скорее падали, чем те, кои по слабости употребляли сию пищу, но в меру. И при слабости тела можно сохранить воздержание, если только человек будет употреблять дозволенную пищу столько, сколько нужно для поддержания жизни, а не для удовлетворения похоти. Питательная пища и здоровые тела сохраняет, и чистоты не лишает, если только умеренно употребляется. Поэтому во всяком состоянии

можно сохранить воздержание и быть непорочным (авва Антоний, 57, 52).

***

...Сущность воздержания состоит не в том только, чтобы соблюдать время употребления пищи, и не в качестве только пищи, но прежде всего в рассудительном употреблении оной. Каждый должен поститься столько, сколько нужно для укрощения плотской брани. Полезно и непременно должно соблюдать канонические правила касательно постов; но если после поста не будет сохранено умеренности в употреблении пищи, то соблюдение их не доведет до чистоты... Строгие посты делаются напрасными, когда за ними последует излишнее употребление пищи, которое скоро доходит до порока чревобесия. Посему лучше каждый день умеренно употреблять пищу, нежели по временам обрекать себя на долгие и строгие посты. Неумеренный пост не только может расслабить дух, но, обессилив тело, ослабить и силу молитвы (авва Антоний, 57, 53).

***

...Мы должны знать, что труд воздержания телесного мы подъемлем для того, чтобы этим постом можно было достигнуть чистоты сердца. Впрочем, труд этот употребляется нами напрасно, если, зная цель... не можем достигнуть <ее>; лучше воздержаться от запрещенной пищи души (т. е. грехов, пороков), нежели телесно воздерживаться от незапрещенной и менее вредной пищи. Ибо в той (телесной пище) бывает простое и безвредное употребление <если в меру> творения Божия, само по себе не имеющее никакого греха; а в той (душевной пище — пороках) бывает сначала

гибельное пожирание братьев, о котором говорится: *Не люби злословить, чтобы не быть тебе истребленным* (ср.: Притч. 20, 13) (прп. Иоанн Кассиан, 57, 63).

***

В пустыне мы видели старца... который говорил, что он никогда один не вкушал пищу. Если в течение всех пяти дней никто из братии не приходил к нему, то и он все пять дней не ел, пока в субботу и воскресенье, отправляясь в церковь для общественного богослужения, не находил какого-либо странника, которого <приводил> в свою келью и вместе с ним вкушал пищу, и то не столько по требованию нужды, сколько ради гостеприимства и братской любви. Посему как по случаю прихода братии они разрешают посты ежедневные, так по уходе их сделанное послабление вознаграждают строжайшим постом, так что за принятие малейшего количества пищи уменьшают у себя обыкновенную меру не только хлеба, но и сна (прп. Иоанн Кассиан, 57, 65).

***

...Кто будет превышать меру строгости, тот необходимо превзойдет и меру послабления. Кто допускает такую неравномерность, тот, без сомнения, не устоит в состоянии совершенного спокойствия, то изнемогая от чрезмерной скудости, то обременяясь излишеством пищи (прп. Иоанн Кассиан, 57, 84).

***

Помню, что и я пострадал нечто... постясь до того, что потерялся позыв к пище, и я пребывал два и три дня без

пищи, и нисколько не желал оной, если бы другие не побудили меня к принятию оной. Также, по коварному действию диавола, сон до того удалился от глаз моих, что я, проведши много ночей без сна, молил Господа, чтобы немного заснуть мне. И я был в большей опасности от неумеренности в посте и бдении, нежели от чревоугодия и многого сна. Итак, нам надобно заботиться как о том, чтобы по желанию плотского удовольствия не принять пищи прежде назначенного времени, или сверх меры, так и о том, чтобы употреблять ее и спать в назначенный час, хотя бы и не хотелось; потому что и чрезмерное желание плотского удовольствия, и отвращение от пищи и сна возбуждаются врагом нашим; притом неумеренное воздержание вреднее пресыщения; потому что, при содействии раскаяния, можно от последнего перейти к правильному рассуждению, а от первого нельзя (прп. Иоанн Кассиан, 57, 199—200).

***

...Общее правило умеренности состоит в том, чтобы каждый, сообразно с силами, состоянием тела и возрастом, столько пищи вкушал, сколько нужно для поддержания здоровья тела, а не сколько требует желание сытости. Кто не соблюдает одинаковой меры — то чрезмерно постится, то пресыщается, — тот вредит как молитве, так и целомудрию; молитве потому, что от неядения не может быть бодрым в молитве, ибо от бессилия склоняется ко сну, а от многоядения не может чисто и часто молиться; а целомудрию — потому что тот огонь плотской похоти, который возжигается от чрезмерного употребления пищи, продолжается даже и во время строгого поста (прп. авва Моисей, 57, 201).

***

...Особенно две страсти <чревоугодие и блуд>, которые исполняются при посредстве плоти, кроме духовного попечения души, имеют особенную нужду также и в телесном воздержании. Для обуздания возбуждений этих страстей недостаточно одной тщательности духа (как иногда бывает это относительно гнева или печали и других страстей, которые может подавить одна тщательность духа, без всякого сокрушения плоти), если не будет присоединено также и телесное укрощение, которое совершается постом, бдением, сокрушением посредством труда... (прп. авва Серапион, 57, 241).

***

...Чем сокровеннее бывает самое воздержание, когда из людей никто не бывает свидетелем, тем тоньше оно искушает своего скрывателя (прп. авва Серен, 57, 305—306).

***

...При всей осторожности, постоянной тщательности и внимании к себе, но при погрешительном суждении нашем, воспламенившись желанием нерассудительного воздержания, или увлекшись вожделением чрезмерного пресыщения, как будем держать в равновесии существо наших сил испытанием на неверных весах? Но положив на одной весовой чаше чистоту души, а на другой силы тела, истинным судом совести мы то и другое так взвесим, чтобы не склоняться ни на которую сторону перетягивающим расположением к одному предмету — или к неумеренной строгости, или к излишней распущенности; таким образом мы лучше установим равновесие, так чтобы нам за излише-

ство распущенности или строгости не было сказано: *если ты правильно принес, но неправильно разделил, то ты не согрешил ли?* (ср.: Быт. 4, 7) (прп. авва Феона, 57, 553—554).

***

...В видимом воздержании плоти нет полноты совершенства; его могут иметь и неверные или по необходимости, или по лицемерию... (прп. авва Феона, 57, 565).

***

...Чтобы не взыграть нам невоздержанием, которое подвергает нас опасности забыть Бога, обуздаем виновницу всего этого — пресыщение, тщательно наблюдая, чтобы вкушать только по необходимости и в меру... и не усилится брань чревоугодного упоения (прп. Исидор Пелусиот, 61, 219).

***

Кто избрал для себя самую воздержную и довольствующуюся малым жизнь, тот славен и велик душою, но недорог в жизни... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 364).

***

Любителю добродетели надлежит отсекать все излишнее, ибо не в пище только, но и в одежде, и в месте жительства, и в домашней утвари, и в ином <подобном> надобно уважать необходимую потребность и не нарушать довольства малым. Что пользы, если постишься, но копишь деньги; или не копишь, но ищешь помещения, которое превы-

шало бы потребность? Что приобретешь, если пользуешься скромным жилищем, но украшаешься изысканной одеждой? (прп. Исидор Пелусиот, 63, 346).

***

Курение... фимиама благоуханием наполняет воздух, а молитва воздержного — Божие обоняние (прп. Нил Синайский, 71, 2—3).

***

Прекрасно воздержание — это начало и основание всех прочих добродетелей (прп. Нил Синайский, 71, 7).

***

...Прекрасно воздержание, оно подавляет до чрезмерности надмевающую воспалительность страстей, сколько надлежит, смиряет и успокаивает их волнение... (прп. Нил Синайский, 71, 11).

***

<Воздержание утишает> бурю порывистых ветров среди жизни роскошной (прп. Нил Синайский, 71, 11).

***

Совершенная цель воздержания та, чтобы иметь в виде не злострадание, расслабление и совершенную ко всему негодность тела, но удобство душевных движений (прп. Нил Синайский, 73, 260).

***

Воздержание порождает целомудрие; чревоугодие же есть матерь блудной похотливости (прп. Нил Синайский, 90, 250).

***

Воздержание есть принадлежность всех добродетелей, почему *подвизающийся* должен *от всего воздерживаться* (ср.: 1 Кор. 9, 25). Как, когда отнят будет какой-нибудь наималейший член человеческого тела, весь вид человека делается безобразным, как ни будь мало то, чего в нем не достает, так и когда кто об одной лишь какой вознерадит добродетели, расстроивает все благолепие воздержания, хотя и не видит того. Почему должно не только телесные люботрудно проходить добродетели, но и те, которые имеют силу внутреннего нашего очищать человека. Ибо какая польза тело соблюдать девственным, когда душа блудодействует с бесом непослушания? Или как увенчается тот, кто от чревоугодия и всякой другой похоти телесной блюдет себя, а о кичении и славолюбии небрежет, не стерпевая даже и малейшего оскорбления; тогда как ведает, что свет правды имеет уравновесить чашу (воздаяния) с делами правды только тех, кои совершали их в духе смирения? (блж. Диадох, 91, 29—30).

***

Как множеством яств обременено будучи, тело наше делает ум каким-то беспечным и неподвижным, так и будучи изможденно чрезмерным воздержанием соделывает созерцательную часть души унылою и несловолюбивою (может

быть, неохочею рассуждать). Подобает... образ питания телесного соразмерять с состоянием сил и крепости тела; когда оно здорово, утеснять его, сколько потребно, а когда немоществует, послаблять ему несколько. Подвизающемуся не следует расслабевать телом, но быть в силе, сколько требуется для подвига, чтобы хотя телесными трудами очищалась надлежаще и душа (блж. Диадох, 91, 31).

***

...Отказываться... самохотно от предлежащих сластей мы не можем, если самым делом и опытом не вкусим божественной сладости всем чувством (блж. Диадох, 91, 33).

***

Воздержание же в пище так надлежит соблюдать, чтобы никто никогда не доходил до почитания мерзким какого-либо из яств. Это бесовское дело и есть клятвы близ (блж. Диадох, 91, 33).

***

Воздерживайся от того, что видят очи твои, да сподобишься духовной радости (прп. Исаак Сирин, 59, 35).

***

Не обременяй чрева своего, чтобы не помутился ум твой и не быть тебе в смятении от парения мыслей... (прп. Исаак Сирин, 59, 173).

***

...Кто пребывает в неослабном воздержании... то никогда не оставляет его Божие содействие, и врагу не попускается приражаться к нему (прп. Исаак Сирин, 59, 322).

***

Одно воздержание прилично неповинным, а другое — повинным и кающимся (прп. Иоанн Лествичник, 58, 107).

***

Воздержание есть матерь здравия; а матерь воздержания есть помышление о смерти и твердое памятование желчи и оцета, который вкусил наш Владыка и Бог (прп. Иоанн Лествичник, 58, 210).

***

Изможди плоть пощением и бдением, и отгонишь мучительный сластолюбный помысл (авва Фалассий, 91, 314).

***

Разорви узы содружества с телом, и не давай сему рабу ничего, кроме крайне необходимого (авва Фалассий, 91, 320).

***

Заключи чувства в крепость безмолвного уединения, чтоб они не увлекали ума к свойственным им похотям (авва Фалассий, 91, 320).

***

Удерживай чрево, сон, гнев и язык — и *не преткнеши о камень ногу твою* (Пс. 90, 12) (авва Фалассий, 91, 322).

***

Как похоть и гнев умножают грехи, так воздержание и смирение изглаждают их (авва Фалассий, 91, 324).

***

Соблюдай всегда одинаковое воздержание, чтоб чрез неравность не впасть в противное ему (авва Фалассий, 91, 325).

***

Ум воздержного храм есть Святаго Духа, а ум чревоугодника жилище вранов (авва Фалассий, 91, 330).

***

Повелено тебе *умертвить деяния плотская* (ср.: Рим. 8, 13), чтоб трудными подвигами воскресить душу, умерщвленную сластями плотскими (авва Фалассий, 91, 334).

***

...Воздержание учит воздерживаться от всего, что не необходимой потребности удовлетворяет, а только доставляет удовольствие, не позволяет касаться ничего, кроме необходимого для жизни, не дает гоняться за приятным, а велит искать лишь полезного, и пищу и питие соразмерять с нуждою, не допускать в теле собираться излишней мок-

ротности, и только жизнь тела поддерживать, соблюдая его свободным от похотных стремлений. Вот как воздержание иссушает похоть. Напротив, удовольствия, обилие пищи и пития разгорячают чрево и возжигают сильнейший позыв срамной похоти, и влекут человека, как неразумное животное, к беззаконному смешению. Тогда глаза бывают бесстыжи, руки необузданны, язык говорит только то, что тешит слух, и ухо охотно слушает только суетное; ум небрежет о Боге, и душа не только мысленно содевает блуд, но и тело увлекает к неподобному деянию (прп. Максим Исповедник, 91, 145).

***

Изможде́ние тела есть укрепле́ние души (прп. Максим Исповедник, 91, 268).

***

За соразмерной диетой следуют легкие сны, а за тем и другим — бодренность на псалмопении, внимательное слушание чтений, разумное понимание каждого слова из поемых божественных песней (прп. Феодор Студит, 92, 39).

***

Жадными очами не делайте страстных воззрений, и сами себя не подвергайте очарованию (прп. Феодор Студит, 92, 46).

***

Поститесь же, и не вкушайте от преогорчевающего древа греха, если возможно, даже и мыслию; но всячески берегите себя от него делом (прп. Феодор Студит, 92, 46).

***

Затыкайте ухо от слышания неразумных речей и бесполезных сказаний (прп. Феодор Студит, 92, 46).

***

...От всестороннего воздержания порождается крепость пребывания в добродетели... (прп. Феодор Студит, 92, 68).

***

Будем воздерживаться от разговоров о предметах, чуждых нам (прп. Феодор Студит, 92, 241).

***

Великое... оружие — воздержание: оно есть дверь ко всякой добродетели (прп. Феодор Студит, 92, 392).

***

Будем же осмотрительны и в употреблении пищи, пития, сна и всего другого, станем держать строгую меру, чтобы иначе тело не взяло верха над душой, а, напротив, чтобы душа одерживала победу над телом (прп. Феодор Студит, 92, 432).

***

...Будем избегать невоздержания даже и в том, употребление чего разрешено нам, зная, что невоздержание есть мать греха (прп. Феодор Студит, 92, 522).

***

...Как вода в большом количестве угашает пламень, так... всякое воздержание со смирением душевным уничтожают разжжение плоти и срамные мечтания (свт. Феодор Едесский, 91, 352).

***

Прежде всего, оставя многообразие яств, приучим тело свое к обычаю и чину добродетельному, давая ему пищи в меру. Ибо таким образом легко укрощаются и подчиняются разуму взыграния похоти, а если полную, по всему убеждению, говорить правду, то и движения гнева. Но и от других прегрешений удобнее при этом воздержаться, так как и добродетелью то почитается у тех, кои самим делом и опытом проходят добродетели, всестороннее воздержание, т. е. чтобы удаляться от всякого вида зла. Так-то причина чистоты, после Бога, всех благ источника и подателя, есть равное на всякий день и мерой определенное воздержание от многоястия (прп. Филофей Синайский, 91, 407).

***

Пусть чрево твое горит от скудости яств и сердце утесняется воздержанием языка; и твои силы... всегда будут у тебя находиться в услужении добру (прп. Илия Екдик, 91, 427).

***

Остерегайся излишних утешений телесных, и воздерживайся от них, чтобы они не отняли чего-либо из цены трудов твоих (прп. Феогност, 91, 415).

***

...Если Христос есть избавляяй людей от греха и отъемляй их, то, как же... говорят, что верующие умерщвляют стремления и движения страстей чрез воздержание? На это отвечаем, что оба эти положения истинны. Ибо окрестившиеся во Христа, во Христа облеклись; облекаются же во Христа благодатию от Отца исходящего Духа, а из плодов Святаго Духа есть и воздержание (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 328).

***

...Воздержный пусть не думает, что воздержание им содержимое есть дело его собственной силы, но дело благодати Христовой. Ибо Христос чрез Духа Святаго дарует воздержание тем, которые прежде возжелали освободиться от страстей и избавиться от греха, и стали противиться ему, но все бывали побеждаемы им по слабости своей и отяжеляемы, — таковым... дарует Христос воздержание, чтобы ведали, судя по воздержанию, коим воздерживаются теперь от всякого греха, от какого великого зла они избавлены, и чтобы, когда взято будет у них само движение на зло (сочувствие ему), прославляли смиренномудренно Бога и Отца... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 329).

***

...Те, которые желают опять возвратиться в рай, или, лучше сказать, в Царство Небесное, долг имеют хранить воздержание даже в употреблении овощей, без придумывания предлогов к противному, чтобы мало-помалу от этих малых не дойти до великих вредных похотений (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 215).

***

Необходимо мерное воздержание и для тех, кои вступают на путь добродетели, и для тех, кои прошли за средину подвигов и простираются к области высшего созерцания. Оно — мать здравия, друг целомудрия и сотоварищ смиренномудрия (прп. Никита Стифат, 93, 115).

***

...От невоздержания и любовещия потоки страстей, потопив землю сердца и нанося на нее всякую гниль и грязь помыслов, мутят ум, омрачают сердце и отягчают тело, в душе и сердце производят нерадение, омрачение... лишают их свойственного им по естеству настроения и чувства (прп. Григорий Синаит, 93, 202).

***

...Дщерь нерадения — невоздержание — тело делает вялым и бессильным, а ум омраченным и ожестелым (прп. Григорий Синаит, 93, 203).

***

Поскольку невоздержанность проявляется чрез все чувства, то на всех них наложим воздержание. Если же ты постишься в пище, глаза же имеешь совратителем к прелюбодеянию в тайниках твоей души и к любопытству и злословию, слух же — воспринимающим бесчинства и блудные песни и недобрые клеветнические нашептывания; и иные чувства, последовательно вредящие, то какая польза от поста? — Конечно никакой! Ибо ты бежишь от одного вида зла, чтобы тем самым бежать и от того другого зла, которо-

му ты даешь вход в свою душу, допуская оное первое зло... Ибо, поскольку мы составлены из души и тела, не из одного только тела, но и из души... то тот лишь пост истинный, который распространяется на все, и все очищает, и все врачует; ибо сладостно и благостно — лечение души постом; и посему-то Отцы наши установили его для нас (свт. Григорий Палама, 26, 92).

***

...Кто тот человек, который желает жизни и хочет обрести благодать, которая в Боге и от Бога подается? Пусть такой человек бежит от смертоносного невоздержания и притечет к обожествляющему посту и воздержанию, дабы, радуясь, взойти в рай (свт. Григорий Палама, 26, 130).

***

От воздержания и скудной диеты <рождается> сокрушение сердца и умиление, коими уничтожается всякая горечь при телесных лишениях и доставляется тихая сладость жизни с ними (свт. Григорий Палама, 93, 273).

***

Разрешение чувств узы налагает на душу; узы же <чувств> дают свободу душе (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 166).

***

Святые отцы предписывают желающему внимать себе, во-первых, умеренное, равномерное, постоянное воздержание в пище (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 298).

***

Постараемся мудро устроить состояние плоти нашей, давая ей столь много пищи и сна, чтобы она не изнемогла излишне и оставалась способною к подвигам; давая их столь мало, чтобы она постоянно носила в себе мертвость, не оживая для движений греховных (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 204).

***

Воздержание от угождения плотским похотениям доставляет уму чистоту, и воззрение ума на землю и на все земное изменяется: ему открывается, чего он доселе не видел... помышления его отселе начинают возноситься к вечности... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 236).

***

Благоразумное воздержание чрева есть дверь ко всем добродетелям. Удержи чрево, и войдешь в рай (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 269).

***

Как должно остерегаться от пресыщения, точно так должно остерегаться и от излишнего воздержания (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 270).

***

Благоразумным воздержанием доставляется неуклонное пребывание в трезвении. Неуклонное пребывание в трезвении дозволяет неуклонно последовать учению Евангелия (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 270).

***

Опыты воздержания дадут опытность в самообладании, и падения будут реже и реже (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 204).

***

Воздержание от страстей — лучше всех медикаментов; и оно дает долгоденствие... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 124).

****

Однажды к матери Сарре пришли пустынники. Она предложила пришедшим корзинку с плодами. Оставляя хорошие плоды, пустынники ели только гнилые. Сарра сказала им: «Поистине вы пустынники» (97, 269).

***

Сказывали об авве Сисое, что он не ел хлеба. В праздник Пасхи братия упрашивали его разделить с ними трапезу. Старец сказал им: «Я одно что-нибудь могу сделать: есть хлеб или яства, вами приготовленные». Они сказали ему: «Ешь хлеб». Так он и сделал (97, 258).

***

Один из старцев говорил: «Видел я в Келлиях брата, постившегося всю Страстную седмицу. Когда наступал субботний вечер, он уходил в церковь, чтобы не вкушать. Вообще он ел только немного свеклы с солью и без масла» (98, 79—80).

***

Поведал о себе авва Евагрий: «В самый зной полудня пошел я к святому отцу Макарию и, будучи истомлен зноем, попросил воды, но он сказал: «Будь доволен тенью. Многие путешественники и мореплаватели терпят жажду не менее тебя». Потом, когда я исповедал ему помыслы мои относительно воздержания, он сказал: «Поверь мне, сын! В целые двадцать лет я не употребил досыта ни хлеба, ни воды, ни сна. Хлеб мой ел я весом, воду пил мерою и позволял себе немного уснуть, прислонившись к стене» (107, 114).

***

Сказывали об авве Макарии: когда случалось ему быть с братией, он полагал себе за правило: если будет вино, выпей для братии; но за один стакан вина целый день не пей воды. Поэтому, когда братия для подкрепления давали ему вина, старец с радостью принимал оное. Но ученик его, зная дело, просил братию не давать ему вина, иначе он после будет мучить себя в келье (97, 144).

***

Некогда авва Силуан и ученик его Захария пришли в один монастырь, где упросили их вкусить немного пищи на дорогу. Когда вышли они из монастыря, ученик аввы увидел воду на дороге и хотел пить. Старец говорит: «Захария, ныне пост!» «Разве мы, отец, не ели?» — отвечал ученик. «Ели, но это было дело любви, — сказал старец, — а теперь должны мы соблюсти пост свой» (97, 259).

***

Когда прислали Макарию Александрийскому кисть свежего винограда, он отослал ее одному больному брату. С великою радостью принял тот приношение, но отослал ее другому брату. И этот брат, получив кисть, поступил с нею так же. Таким образом, виноград перебывал у многих из братии и, наконец, опять попал к авве Макарию. Старец узнал кисть и, разведав дело, удивился и возблагодарил Бога за такое воздержание братии (102, 57).

***

Однажды посетители пришли к старцу, и сей предложил им пищу и редечного масла. Пришельцы сказали: «Дай нам немного хорошего масла, отец». Старец перекрестил и сказал: «Есть ли другое масло, кроме этого, я не знаю» (97, 55).

***

Авва Вениамин сказывал: «Когда после жатвы возвратились мы в скит, принесли нам из Александрии подаяние на каждого по алебастровому сосуду чистого масла. При наступлении следующей жатвы братия приносили, если что оставалось у них, в церковь. Я не открывал своего сосуда, но, просверлив его иглой, вкусил немного масла, и было у меня на сердце такое чувство, как будто я совершил великий грех. Когда же братия принесли свои сосуды нераскрытыми, а мой был просверлен, то я устыдился, как бы обличенный в блуде» (97, 55).

***

Авва Вениамин, пресвитер из Келлий, сказывал: «Пришли мы в скит к одному старцу и хотели дать ему немного

масла, но он сказал нам: «Вот где лежит малый сосуд, который вы принесли три года назад; как вы положили его, так он и остался» (97, 55).

***

Взалкал однажды утром некий брат и боролся со своим помыслом, чтобы не вкушать пищи до третьего часа. Когда настал третий час, он решил терпеть до шестого часа. Когда же наступил шестой час, он размочил хлеб и, севши вкусить, опять встал и сказал: «Потерплю до девятого». Настал и девятый час, и старец, сотворив молитву, увидел силу диавола, как дым, выходящую из недра его. Таким образом миновала его алчба (98, 74—75).

***

Однажды брат пришел к авве Пимену и говорит ему: «Что мне делать, отец? Мучит меня блудный помысл. Ходил я к авве Ивистиону, и он сказал мне: «Не позволяй сему помыслу долго оставаться в тебе». Авва Пимен отвечал брату: «Авва Ивистион, — дела его высоки, — он с Ангелами, и не знает, что у нас с тобою есть блудные помыслы. Если монах будет воздерживать свое чрево и язык, и будет жить, как странник, то, поверь, он не умрет» (97, 201—202).

***

Великим постом, за несколько недель до смерти, подвижнику Глинской пустыни, иеросхимонаху Илиодору, предложили подкрепиться рыбой. Старец улыбнулся и сказал: «На что мне силы?» — «Да вы, батюшка, ослабли — можете умереть». — «И умереть хорошо, буди воля Господ-

ня, а рыбы не надо». Помолчав, добавил: «Какой же я после этого буду иеросхимонах?» (96, 141).

***

Рассказывали об авве Диоскоре: хлеб у него был ячменный и из чечевицы. Каждый год он полагал начало одной какой-нибудь добродетели, говоря: «В этот год я не встречусь ни с кем, или не стану говорить, или не буду есть вареного, или не буду есть яблок, или овощей». Так приступал он к каждому делу: оканчивая одно, принимался за другое, — и это делал каждый год (98, 58).

***

Однажды пресвитер скитский ходил к Александрийскому архиепископу. Когда он возвратился в Скит, братия спросили его: «В каком положении город?» Он отвечал им: «Поистине, братия, я не видал другого лица человеческого, кроме архиепископа». Услышав это, они подивились и были убеждены поступком его, что нужно хранить очи свои от рассеянности (98, 73).

***

Старец сказал: «Диавол старается усиливать худую наклонность монаха, чтобы таким образом она, укореняясь долгим временем, получила силу природы, — особенно это бывает с беспечнейшими. Итак, воздерживайся от всякой пищи, которой ты желаешь по ее запаху, особенно будучи здоров, и не ешь того, к чему влечет тебя аппетит. Но вкушая то, что пошлет тебе Бог, благодари Его каждый час. Мы, съедая малые хлебцы монахов, (вместе с тем)

вкушаем всякий покой, а на деле не исполняем обязанностей монашеских, — и думаем, что сделались монахами. Не мечтай, принимая на себя чужой вид; говори самому себе: брат, имей свою печать, т. е. смирение» (98, 73).

***

Пришли мы к авве Иоанну, из Петры: я и друг мой Софроний, и просили у него наставления. Старец сказал нам: «Возлюбите нищету и воздержание. Поверьте мне, когда я еще в молодости был в Скиту, один из отцов заболел селезенкою. В четырех лаврах Скита искали немного уксусу и не могли найти. Такова была у них нищета и воздержание. А между тем отцов было около трех тысяч и пятисот человек» (103, 107).

***

Некогда преподобный Савва работал в монастырском саду, и возникло у него желание съесть прежде определенного часа яблоко, которое было красиво и на вид весьма вкусно. Будучи воспламенен этим желанием, он сорвал яблоко с дерева, но, раздумав, мужественно преодолел намерение и благочестивыми мыслями стал упрекать себя: «Красив был плод для взора, и приятен на вкус тот плод, который умертвил меня через Адама. Адам предпочел духовной красоте то, что казалось приятным для телесных очей, и насыщение чрева почел драгоценней духовных удовольствий, но через это он ввел смерть в мир. Поэтому я не должен презирать добродетель воздержания, не должен отягчаться душевной дремотой. Ибо как появлению всяких плодов предшествует цвет, так воздержание предшествует

всякой добродетели». Этими благочестивыми мыслями Савва преодолел свою похоть, бросил яблоко на землю и растоптал его ногами, попирая вместе с яблоком и похоть (109, 5—6).

ВОЙНА

Вступающие в битву с разбойниками, если они не в числе служителей Церкви, да не допускаются к приобщению Благого, если же состоят в причте, да будут низложены со степени (свт. Василий Великий, 11, 92).

***

Так как войны постоянно произрастают от корня грехов, то стражи законов и точные блюстители правосудия, обуздывая большую часть грехов, могут уничтожать и поводы к войне (свт. Иоанн Златоуст, 50, 41).

***

...Хотя умерщвление неприятелей на войнах кажется делом законным и победителям воздвигаются памятники, возвещающие их заслуги; однако же если разобрать тесное сродство между всеми людьми, то и оно <умерщвление> не невинно; почему Моисей предписал и убившему человека на войне пользоваться очищениями и кроплениями (прп. Исидор Пелусиот, 63, 111).

***

Войны воспламеняются всего более единственно ради приобретения чужой собственности. Но не должно обвинять всех ведущих войну; положивших начало или нане-

сению обиды, или хищению справедливо называть губительными демонами; отмщающих же умеренно не надлежит и укорять, как несправедливо поступающих, потому что делают дело законное... (прп. Исидор Пелусиот, 63, 382—383).

***

Вы — будущий воин! Воина дело — бодро стоять и всегда быть готову вступить в схватку с врагом, себя не жалея и врагу не поблажая. Теперь, по очищении совести — причащении Святых Христовых Таин, — к обычному состоянию должно прийти воодушевление. У воина воодушевление делает его потоком сильным и быстрым и все сокрушающим на пути... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 118).

***

На воинах и войнах часто видимое Бог являл благословение, и в Ветхом и в Новом Завете. А у нас сколько князей прославлены мощами?.. кои, однакож, воевали. В Киево-Печерской Лавре в пещерах есть мощи воинов. Воюют по любви к своим, чтоб они не подверглись плену и насилиям вражеским. Что делали французы в России?.. И как было не воевать с ними... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 208).

ВОЛЯ БОЖИЯ

...Если плоть не будет умерщвлена, и человек не будет весь водим Духом Божиим, то не может он исполнять воли Божией без понуждения себя. Когда же воцарится в нас

благодать Духа, тогда уже не будем иметь своей воли, но все, что ни бывает с нами, есть воля Божия. Тогда мир имеем, и сынами Божиими назовутся таковые, ибо они любят волю Отца, как и Сын Божий и Бог. Но этого невозможно никому достигнуть без соблюдения заповедей, которыми всякие наслаждения, т. е. пожелания свои, отсекает (подвизающийся), и всякие огорчения, от сего происходящие, терпит (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 20).

***

Никакая иная добродетель не может так постигнуть волю Божию, как смиренномудрие и то, чтобы оставить всякое свое разумение и свою волю (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 150).

***

Нет кратчайшего преуспеяния души, как отсечение своих хотений и разумений, и ничего нет лучшего, как повергать себя кому-либо пред Богом день и ночь и просить Его, да будет во всем воля Его, и <ничего нет> худшего, как любить свободу и легкомыслие души или тела (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 179—180).

***

...Предпочитай ее (Божию волю) всякой мудрости человеческой и признавай оную полезнейшею всех человеческих разумений... (прп. авва Исаия, 60, 186).

***

Не должно собственной своей воли предпочитать воле Господней: но при всяком деле надобно искать, ка-

кая есть воля Божия, и исполнять ее (свт. Василий Великий, 7, 521).

***

...Кто исполняет волю Господню, но не так, как хочет сего Бог, и не по чувству любви к Богу, делает это бесполезно... (свт. Василий Великий, 10, 76).

***

Воля Божия есть вера во благое, посему воля вражия есть неверие. Воля Божия есть доблесть добрых дел (прп. Ефрем Сирин, 32, 252).

***

Раба, который боится Господа и исполняет в точности волю Его, облечет Господь властию в Царстве Своем и сделает домоправителем Своим (прп. Ефрем Сирин, 33, 95).

***

...Без Духа Святаго... никому невозможно уразуметь волю Божию (прп. Макарий Египетский, 67, 428).

***

...Как в мрачных пещерах, когда вносится туда свет, мрак исчезает, так, когда Твоя <Божия> воля во мне будет совершаться, всякое лукавое и неуместное движение произвола обратится в ничто. Целомудрие угасит невоздержное и страстное стремление ума, смиренномудрие истребит кичливость, скромность уврачует болезнь гордыни, а доброта любви изгонит из души многочисленный сонм

противоположных зол; бегут от нее ненависть, зависть, негодование, гневное движение, раздражительное расположение духа, злонамеренность, притворство, памятование огорчения, жажда мщения, воскипение крови в предсердечии, недоброе око — все это стадо таковых зол уничтожится любвеобильным расположением. Так действенность Божией воли исторгает сугубое идолослужение; называю сугубым, как неистовую приверженность к идолам, и как вожделение серебра и золота — этих, как наименовало их пророческое слово, ***идолов язык*** (ср.: Пс. 113, 12). Посему ***да будет воля Твоя*** (Мф. 6, 10), чтобы стала недействительною воля диавола (свт. Григорий Нисский, 18, 434—435).

***

Как глина принимает всякий вид, какой дают ей руки обделывающего ее, так и человеку должно поступать сообразно с тем, что повелевает Бог, и принимать с благодарностью все, что Он посылает, нисколько не противореча и не усиливаясь дознать (причину этого); потому что это непостижимо не для одних нас, но и для мужей святых и дивных, живших прежде нас (свт. Иоанн Златоуст, 45, 185).

***

...Что делается против воли Божией, то сквернее всего, будет ли то жертва или пост (свт. Иоанн Златоуст, 45, 661).

***

Что бывает по воле Божией, то, хотя бы казалось и худым, лучше всего; а что противно и неугодно Богу, то,

хотя бы и казалось самым лучшим, — хуже и беззаконнее всего (свт. Иоанн Златоуст, 45, 680).

***

Толпа людей, возлюбленный, когда они не творят воли Божией, ничем не разнится от тех, кого нет совсем (свт. Иоанн Златоуст, 53, 85).

***

Если в делах человеческих мы многого не понимаем, как что делается, и, хотя многое нам кажется неуместным, однако уступаем, — то тем более (должно так поступать) по отношению к Богу (свт. Иоанн Златоуст, 55, 164).

***

...Не исполнять волю Божию — значит быть в сети диавольской (свт. Иоанн Златоуст, 55, 798).

***

Не будем же говорить: для чего это и к чему это? Когда все устрояет Бог, не станем требовать от Него отчета — это крайне нечестиво и безумно (свт. Иоанн Златоуст, 56, 36).

***

<Бог хочет>, чтобы мы желали воли Его благой, бывающей... по благоволению, т. е. всего того, что делается по Его заповеди: чтобы любить друг друга, быть сострадательными, творить милостыню и тому подобное; вот это — воля Божия *благая* (прп. авва Дорофей, 29, 165).

***

Совершенная же (воля Божия) есть та, когда кто творит милостыню не со скупостью, не с леностью, не с понуждением, но всею силою и всем произволением подавая так, как будто бы принимал сам, и так благодетельствуя, как будто бы сам принимал благодеяния; и тогда исполняется *совершенная* воля Божия (прп. авва Дорофей, 29, 165—166).

***

Все, хотящие познать волю Господню, должны прежде умертвить в себе волю собственную... (прп. Иоанн Лествичник, 58, 195).

***

...Господь часто промыслительно скрывает от нас волю Свою, ведая, что мы, и познавши ее, преслушались бы и заслужили бы сим большее наказание (прп. Иоанн Лествичник, 58, 197).

***

...Если естественные силы души не будут очищены от сквернот и срамот, какими они завалены по причине грехов, и если не получат затем должного врачевания, преобразования и укрепления, то с ними нет никакой возможности исполнять волю Божию. Больное и немощное прежде должно быть уврачевано и укреплено, чтобы быть гожим на служение; потому что пока что больно, дотоле оно ни к чему негоже (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 225).

***

...От души исповедовать Христа и творить волю Его кажутся только двумя делами различными; в существе же это одно и то же дело, а не два... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 266).

***

Кто страха ради Божия отсекает свою волю, тому Бог, неведомо для него... дарует Свою волю и соделывает ее неизгладимой в сердце его... (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 36).

***

...Не должно нам довольствоваться тем одним, чтоб желать, чего хочет Бог, но надлежит еще желать сего, как, когда, почему и для чего хочет того Он... Ибо если в деле будет недостаток хоть по одному какому обстоятельству, или если мы будем совершать его не от всего произволения и не всеусиленно, то явно, что оно несовершенно и есть и именуется (прп. Никодим Святогорец, 70, 36—37).

***

...Если ты... желаешь предохранить себя от... утаенных препон на пути к совершенству, если желаешь успешно установиться в таком благонастроении, чтобы и желать и делать все только ради того, что того хочет Бог, только во славу Его и для благоугождения Ему, и для работания Ему одному, желающему, чтобы в каждом деле нашем и в каждом помышлении нашем Он один был и Началом и Концом, — поступай следующим образом: когда предлежит

тебе какое дело, согласное с волею Божиею или само по себе хорошее, не склоняй тотчас воли своей к нему и не вожделевай его, если прежде не вознесешься умом Своим к Богу, чтоб уяснить, что есть прямая воля Божия на то, чтобы желать и совершать такие дела, и что они благоугодны Богу. И когда так сложишься в мыслях, что самою волею Божиею будет определяться у тебя склонение воли твоей, тогда вожделевай его и совершай ради того, что сего желает Бог, ради одного Ему благоугождения и лишь во славу Его (прп. Никодим Святогорец, 70, 37—38).

***

...Когда желаешь отклониться от того, что несообразно с волею Божиею или не хорошо, не тотчас отвращайся от того, но прежде прилепи око ума своего к воле Божией и уясни себе, что прямая есть воля Божия, чтобы ты отклонился от сего, для благоугождения Богу. Ибо лесть естества нашего крайне тонка и немногими распознается: оно утаенно ищет одного своего, а между тем по видимости так ведет дело, что нам кажется, будто единственная у него цель, благоугождать Богу, чего на деле поистине нет (прп. Никодим Святогорец, 70, 38).

***

Во всех... случаях не давай воли своим желаниям, а держи их в своей власти, направляя все исключительно к одной главной цели — стоянию в воле Божией и шествованию по воле Божией. Ибо тогда и желания твои все будут правы и благочестны, и ты при всякой неприятной случайности будешь пребывать в покое, успокоеваясь в воле Божией. Искренно веруя, что с тобою ничто не может слу-

читься помимо воли Божией, и ничего не желая, кроме пребывания в деятельном исполнении воли Божией, ты, как само собой очевидно, всегда будешь иметь только то, чего желаешь, что бы когда ни случилось с тобою (прп. Никодим Святогорец, 70, 173).

***

В чем существо совершенной преданности в волю Божию, узнается, когда она проявится в силе своей. Она приходит сама собой, и нет особых правил на стяжание ее, чтоб можно было сказать: делай то и то, и получишь. Она растет незаметно под ненадеянием на себя и надеждою на Бога (прп. Никодим Святогорец, 70, 233).

***

Нет возможности исполнять вместе волю свою и волю Божию: от исполнения первой исполнение второй оскверняется, соделывается непотребным (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 90).

***

Волю свою и волю демонов, которой подчинилась и с которою слилась наша воля, заменим волею Божиею... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 91).

***

...Когда прошение твое не будет исполнено Богом, покорись благоговейно воле Всесвятого Бога, Который, по недоведомым причинам, оставил твое прошение неисполненным (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 142).

***

На Бога возложим... все попечение наше о себе, все наши печали, всю нашу надежду... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 160).

***

Если Богу угодно дать тебе познание, то Он даст в свое время, — и даст таким способом, какого даже не может представить себе плотский человек (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 274).

***

Если никакое искушение не может коснуться человека без воли Божией, то жалобы, ропот, огорчение, оправдание себя, обвинение ближних и обстоятельств суть движения души против воли Божией, суть покушения воспротивиться и противодействовать Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 330).

***

Ничего не случается с человеком без соизволения и попущения Божия (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 350).

***

При самоотвержении, при преданности воле Божией, самая смерть не страшна: верный раб Христов предает свою душу и вечную участь в руки Христа (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 389).

***

Молись Богу о удалении от тебя напасти и вместе отрекайся своей воли, как воли греховной, воли слепой; предавай себя, свою душу и тело, свои обстоятельства и настоящие и будущие, предай близких сердцу ближних твоих воле Божией, всесвятой, премудрой (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 549).

***

Блажен муж, которого вся воля в Законе Божием (Пс. 1, 2). Блаженно сердце, созревшее в познании воли Божией, увидевшее *яко благ Господь* (Пс. 33, 9), стяжавшее это видение вкушением заповедей Господних, соединившее волю свою с волею Господа (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 5).

***

Что — заповеди Божии? Это — воля Божия, объявленная Богом человекам для руководства в действиях, зависящих от произвола их. Что — судьбы Божии? Это — действие или попущения воли Божией, на которые произвол человека не имеет никакого влияния (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 78).

***

Что успокаивает в лютые времена душевного бедствия? Успокаивает одно сознание себя рабом и созданием Божиим... Едва скажет человек молитвенно Богу от всего сердца своего: да совершается надо мною, Господь мой, воля

Твоя, как и утихает волнение сердечное. От слов этих, произнесенных искренно, самые тяжкие скорби лишаются преобладания над человеком (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 96).

***

Ваша деятельность, человеки, должна всецело заключаться в исполнении воли Божией. Образец этой деятельности показан, правила этой деятельности преподаны человечеству совершенным человеком, Богом, принявшим на Себя человечество (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 104).

***

Христианин тогда получает непрестанную молитву, когда воля его и зависящая от воли деятельность поглощены будут разумением, желанием и исполнением воли Божией (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 138).

***

Блажен залог сердца в иноке, по которому он, упражняясь в каком бы то ни было подвиге, упражняется вполне бескорыстно, алчет и жаждет единственно исполнить волю Божию, а себя предает со всею верою и простотою... управлению милосердого Господа Бога нашего... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 201).

***

Отвергнись себя, и отдайся Богу, да творит с тобою, что хочет (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 203).

***

Из совершенного смирения и из совершенной покорности воле Божией рождается чистейшая, святая молитва (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 326).

***

Постоянное стремление к исполнению воли Божией мало-помалу истребит в нас удовлетворение собою и облечет нас в блаженную нищету духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 28).

***

...Одного собственного подвига недостаточно для служителей Божиих к укрощению падения, гнездящегося в естестве, постоянно стремящегося восстановить свое владычество: им нужна помощь от Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 160).

***

Обученные внутренними бранями стяжавают познание всесвятой воли Божией, мало-помалу научаются пребывать в ней. Познание воли Божией и покорность ей служат для души пристанищем: душа обретает в этом пристанище спокойствие и извещение в своем спасении (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 187—188).

***

Да действует исключительно воля Божия во всем существе человека, во всех составных частях его, в духе, душе и теле, соединяя собою и в себе разъединенную падением

волю этих частей. Только волею Божиею может исцелиться воля человеческая, отравленная грехом... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 243).

***

Всецелое соединение воли человеческой с волею Божиею есть состояние совершенства, какого может только достичь разумное создание Божие (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 243).

***

Предание себя воле Божией, искреннее благоговейное желание, чтобы она совершалась над нами, есть необходимое естественное последствие истинного духовного рассуждения (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 318).

***

...Всякое жительство, в пустыне ли, в общежитии ли, когда оно согласно с волей Божией, и когда цель его — угождение Богу, преблаженно (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 68).

***

Чтоб исполнить волю Божию, нужно знать ее (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 82).

***

...Доставление человекам познания воли Божией может совершиться единственно при посредстве Божественного откровения (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 82).

***

Признайте и исповедуйте Бога правителем мира; благоговейно, с самоотвержением покоритесь и предайтесь воле Его: из этого сознания, из этой покорности прозябнет в душах ваших святое терпение (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 85).

***

...Приготовлением <к молитве> служат: отвержение попечений силою веры в Бога, силою покорности и преданности воле Божией, сознание своей греховности и истекающее из этого сознания сокрушение и смирение духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 95).

***

...Вступающий в иноческую жизнь должен отдаться всецело воле и водительству Божиим, благовременно приготовиться к терпению всех скорбей, какие благоугодно будет Промыслу Всевышнего попустить рабу Своему во время его земного странствования (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 124).

***

Но Бог, предоставя на произвол падшим ангелам вожделенное им пребывание во зле... не престает пребывать их верховным, полновластным Владыкою... <Они> могут совершать только то, что Богом попущено будет совершить им (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 320).

***

Смиренная преданность воле Божией, сознание и готовность потерпеть все страдания, какие попущены будут Бо-

гом, совершенное невнимание и неверие ко всем словам, действиям и явлениям падших духов уничтожают все значение их попыток. Попытки их получают величайшее значение при внимании к ним и при доверии к бесам (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 335—336).

***

Если будете предавать себя Господу вседушно, то Он Сам преподаст вам или через Ангела-хранителя всю науку христианскую (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 17).

***

Внимайте убо себе и, положив не отступать от того, что судил Бог, — успокоиться на воле Божией, всегда премудрой и благой (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 115).

****

Старцы, собравшись, согласились между собой представить патриарху для рукоположения во пресвитера авву Исаака. Авва, услышав об этом, бежал в Египет. Отцы поспешно отправились за ним в погоню. Так случилось, что они пришли на то же поле, на котором скрывался авва Исаак. Было уже поздно, наступила ночь, и старцы расположились для ночлега, а бывшего при них осла пустили на траву. Осел, бродя по полю, к утру пришел на то место, где скрывался авва.

И старцы, начав утром искать осла, вместе с ним нашли, к своему удивлению, и авву. Они хотели связать его, но он не допустил этого, сказав: «Я уже не убегу. На это

есть воля Божия. Не уйти мне от нее, куда бы ни убежал» (107, 246).

***

В Калуге жила одна вдова, которая почитала образ Пресвятой Богородицы, именуемый «Калужская». Утешением вдовы была единственная дочь, отроковица двенадцати лет. Внезапно девочка заболела и умерла. Несчастная женщина, обезумев от горя, пришла в собор и у образа Божией Матери начала причитать: «Я всегда Тебе молилась, Матерь Божия, всегда чтила Твой образ, но Ты, невзирая на мое усердие, лишила меня единственной радости и утешения. Ты не спасла мою дочь от смерти». Плача у иконы она впала в какое-то бессознательное состояние и вдруг увидела лучезарно сияющую Царицу Небесную. Божия Матерь обратилась к ней с такими словами: «Неразумная жена! Я всегда слышала твои молитвы о дочери и умолила Сына и Бога Моего, чтобы Он взял ее чистой в лик девственниц. Она вечно восхваляла бы имя Господне с другими, подобными ей, но ты воспротивилась этому. Да будет же по-твоему. Иди, дочь твоя жива...» После этих слов женщина очнулась и поспешила домой. Дочь ее уже лежала в гробу. Но вдруг, неожиданно для всех, щеки ее покрылись румянцем. Послышался глубокий вздох, и отроковица живая поднялась из гроба. Радости матери не было конца, но счастье было недолгим. Девочка выросла и повела разгульную и порочную жизнь, и для матери стала не утешением, а большим горем. Девица била мать, бранила, всячески издевалась над ней, причиняя ей слезные обиды. Вот как страшно настаивать на своей воле и не подчиниться воле Божией (115, 64).

***

В конце прошлого века в обители преподобного Сергия служил иеродиакон лет тридцати пяти, отец Иаков. Заболели у него ноги, а вскоре и совсем отнялись. Отец Иаков скорбел о своей болезни. Находясь в больнице, он однажды глубокой ночью, чтобы утолить свою скорбь, начал читать акафист преподобному Сергию и слезно просил его о помощи. Вдруг он видит наяву, как палата наполняется светом и в этом свете предстает ему преподобный Сергий. Подойдя к больному, он, преисполненный неописуемой любви и ласки, произнес: «Ты просишь выздоровления и продолжения жизни, но на то нет воли Божией, так как дальнейшая жизнь для тебя бесполезна. Примирись и покорись воле Божией, устрояющей все промыслительно к нашему благу». И преподобный Сергий стал невидим. Сердечно утешенный, отец Иаков, желая увидеть, куда направился преподобный, поднялся с постели и с помощью рук влез на подоконник. Лучи неземного света указывали, что преподобный направился к Троицкому собору. Когда видение кончилось, отец Иаков в полной беспомощности стал звать больничного служителя. Тот, увидев больного на подоконнике, удивился, как же он там оказался? Отец Иаков рассказал ему о своем видении преподобного Сергия и о том, что преподобный, выйдя от него, скрылся в Троицком соборе. После явления отец Иаков прожил недолго. Он тихо скончался в смиренной преданности воле Божией (115, 8).

ВОЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Уверяю вас, что если не оставит человек всей воли сердца своего, и не отвержется себя во всем, и не покорит-

ся Господу, чрез повиновение отцам своим духовным, то ни познать не возможет воли Божией, ни исполнить ее, и лишен будет последнего благословения (прп. Антоний Великий, 89, 35).

***

...Употребим все старание, чтобы не впасть в руки воли своей плотской... (прп. авва Исаия, 60, 32).

***

...Нет ничего сильнее воли, будет ли она направлена к смерти или к жизни (прп. авва Исаия, 60, 105).

***

Оттого, что не хотим ради Господа оставить собственную свою волю, сами себе уготовляем душевный вред (прп. Ефрем Сирин, 30, 216).

***

В какой мере отсекает и смиряет кто волю свою, в такой же мере идет он к преспеянию. А чем упорнее держится собственной своей воли, тем более наносит себе укоризны и вреда. Поэтому не желай раболепствовать собственной своей воле, но лучше послушен будь воле Божией (прп. Ефрем Сирин, 30, 495).

***

...Пока легко предаешься своей воле, до тех пор, знай это, далек ты от совершенства (прп. Ефрем Сирин, 31, 112).

***

...Началом зол была вольность, и... она сделала тебя <человека> бесстыдным (прп. Ефрем Сирин, 31, 258).

***

Как в нашей воле грешить, поскольку Бог допускает это нашей свободе, так в нашей же воле делать правду, поскольку Бог содействует в этом нашему намерению (прп. Ефрем Сирин, 32, 365).

***

...В твоей воле, кающийся, или жить, или умереть. От твоей свободы и от твоего произволения зависит быть или оправданным, или осужденным (прп. Ефрем Сирин, 33, 181).

***

Лучше приобрести себе добрую волю, нежели все богатства; потому что в целом мире нет ничего выше и преимущественнее доброй воли (прп. Ефрем Сирин, 33, 356—357).

***

...Если хочет человек исследовать силу свободной воли, то может исследовать ее не в человеке нечистом, который болен и осквернен; один чистый, который здоров, будет таким сосудом, в котором может быть исследована сила свободной воли (прп. Ефрем Сирин, 34, 34).

***

Сладкое по природе — сладко здоровому, а больному горько. Так и свобода воли горька грешникам и сладостна праведникам (прп. Ефрем Сирин, 34, 34).

***

Если человек хотя ненадолго приблизится к огню, то узнает свойство огня, а именно, что сила его в нем: то же должно сказать и о свободной воле; сила ее в ней самой (прп. Ефрем Сирин, 34, 36).

***

...Свободная воля подобна руке, которая может простереться ко всякому плоду, и как по собственному выбору могла прежде сорвать и взять себе плод смерти, так может сорвать и плод жизни (прп. Ефрем Сирин, 34, 40).

***

Как Божия воля есть уже дело, так и от нас волю нашу Бог приемлет за дело (прп. Ефрем Сирин, 34, 353).

***

...<Бог> ожидает горячего, по мере сил наших, устремления к Нему воли нашей благой от произволения веры и усердия, всякое же преспеяние производит в нас Сам (прп. Макарий Египетский, 67, 32).

***

Если нет воли <человеческой>, Сам Бог ничего не делает, хотя и может по свободе Своей (прп. Макарий Египетский, 67, 262).

***

...Если даем мы полную свою волю, то нам все дело приписывает чудный во всем и совершенно недомыслимый Бог (прп. Макарий Египетский, 67, 262).

***

Что же будет обнаружением воли, как не труд добровольный? (прп. Макарий Египетский, 67, 262).

***

Как же не все спасаются, если Он <Бог> всем хочет спастись? Это оттого, что не всех воля следует за Его волею, а Он никого не принуждает (свт. Иоанн Златоуст, 47, 135).

***

...После Вышней благодати наша воля служит причиною добродетели и порока (свт. Иоанн Златоуст, 48, 575).

***

Свободность воли у человека подобна весам, и эти весы держат ум как управляющее начало. Когда кто склоняется к благочестивым мыслям, то... и коромысло весов склоняется в сторону добра (свт. Иоанн Златоуст, 49, 814).

***

...Мы люди, которых ничего не может быть немощнее, делаем многое сами по себе, зло избираем сами по себе, добродетели следуем сами по себе. А если не сами по себе и не имеем в том власти, то, значит, мы и за грехи уже не будем ввержены в геенну и за добродетели не наследуем Царствия (свт. Иоанн Златоуст, 52, 247).

***

...<Воля> есть движение, рождающееся из нас самих, которое мы направляем, куда хотим. Воля сама в себе есть природная способность, данная от Бога; но та же воля есть нечто и наше собственное и зависит от нашего разума (свт. Иоанн Златоуст, 53, 639).

***

...Ни богатство не ведет к небу, ни бедность к геенне, но к тому или другому ведет добрая или злая воля. Итак, исправим ее, восстановим ее, устроим ее, и все для нас будет удобно (свт. Иоанн Златоуст, 55, 313).

***

Воля, если только захотим, легче принимает исправление, нежели тело. Там нужны и лекарства, и врачи, и время; а здесь довольно захотеть, чтобы быть или добрым, или злым (свт. Иоанн Златоуст, 55, 521).

***

От расположения нашей воли все бывает и переносимо и непереносимо для нас; укрепим ее, и тогда мы легко будем переносить все (свт. Иоанн Златоуст, 55, 826).

***

Волю нашу и по крещении ни Бог, ни сатана не приневоливает (прп. Марк Подвижник, 89, 485).

***

Кто не соглашает воли своей с волею Божиею, тот спотыкается в собственных своих начинаниях и попадается в руки врагов (прп. Марк Подвижник, 89, 554).

***

Кто воли своей не покоряет Богу, тот покорится противнику Его... (прп. Исаак Сирин, 59, 357).

***

...Авва Пимен говорил, что воля наша есть медная стена между человеком и Богом... И еще присовокупил он: она есть как бы камень, противостоящий и сопротиводействующий воле Божией (прп. авва Дорофей, 29, 71—72).

***

Кроме обучительного упражнения ума своего, надлежит тебе управлять и волею своею так, чтоб не позволять ей склоняться на пожелания свои, а, напротив, вести ее к тому, чтоб она совершенно единою была с волею Божиею. И при этом добре содержи в мысли, что недостаточно для тебя того одного, чтоб желать и искать всегда благоугодного Богу, но надлежит еще притом, чтоб ты желал этого как движимый Самим Богом, и для той единой цели, чтобы угодить Ему от чистого сердца. Для устояния в каковой цели мы имеем выдерживать более сильную борьбу с есте-

ством своим... Ибо естество наше так склонно к угождению себе, что во всех делах своих, даже самых добрых и духовных, ищет успокоения и услаждения себя самого, и этим незаметно и утаенно похотливо питается, как пищею. От сего бывает, что, когда предлежат нам духовные дела, мы тотчас вожделеваем их и устремляемся к ним; однако же не как движимые волею Божиею, или не с той одной целью, чтобы угодить Богу, но ради того утешения и обрадования, которое порождается в нас, когда вожделеваем и ищем того, чего хочет от нас Бог: каковая прелесть бывает тем скрытнее и утаеннее, чем выше само по себе и духовнее то, чего вожделеваем (прп. Никодим Святогорец, 70, 36).

***

...В этой невидимой брани две воли, сущие в нас, воюют между собою: одна принадлежит разумной части души и потому называется волею разумною, высшею; а другая принадлежит чувственной нашей части и потому называется волею чувственною, низшею, общее же называется она волею бессловесною, плотскою, страстною. Высшая воля желает всегда одного добра, а низшая — лишь зла. То и другое совершается само собою, почему ни доброе желание само по себе не вменяется нам в добро, ни злое во зло. Вменение зависит от склонения нашего свободного произволения; почему, когда склоняемся мы произволением своим на доброе желание, оно вменяется нам в добро; а когда склоняемся на злое желание, оно вменяется нам во зло. Желания сии одно другому сопутствуют: когда приходит доброе желание, тотчас выступает против него желание злое, и когда приходит желание злое, тотчас выступает против него желание доброе. Произволение же наше свободно следовать тому и другому, и к какому желанию скло-

няется оно, то и бывает на этот раз победительным. В этом и состоит вся невидимая наша духовная брань, цель ее для нас должна состоять в том, чтобы никак не позволять свободному произволению своему склоняться на желание низшей, плотской и страстной воли, а всегда следовать одной воле высшей, разумной; ибо она есть воля Божия, следовать коей есть коренной закон нашего бытия... (прп. Никодим Святогорец, 70, 43—44).

***

Благое произволение человека укрепляется вдали от соблазнов... напротив того, оно, будучи приближено к соблазнам, начинает мало-помалу ослабевать и, наконец, совершенно извращается (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 337).

***

Я раб Бога моего, несмотря на то, что мне даны свободная воля и разум для управления волею. Воля моя свободна почти только в одном избрании добра и зла: в прочих отношениях она ограждена отовсюду (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 96).

***

Воля наша в состоянии падения враждебна воле Божией (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 82).

***

Погиб человек по свободному произволению, и спастись предоставляется ему по свободному произволению. Покайтеся и веруйте (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 11).

***

Всецелое соединение воли человеческой с волею Божиею есть состояние совершенства, какого может только достичь разумное создание Божие (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 243).

***

Да действует исключительно воля Божия во всем существе человека, во всех составных частях его, в духе, душе и теле, соединяя собою и в себе разъединенную падением волю этих частей. Только волею Божиею может исцелиться воля человеческая, отравленная грехом... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 243).

***

Всех призывает милосердый Бог ко спасению, но весьма немногие повинуются Ему. Все мы принадлежим к числу званых по неизреченной любви Божией к нам, но весьма немногие из нас включатся в число избранных: потому что включение в число избранных предоставлено нашему собственному произволению (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 283).

***

Сущность монашеского жительства заключается в том, чтобы исцелить свою поврежденную волю, соединить ее с волею Божией (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 82).

***

Покаяние требует содействия воли человеческой воле Божией; воскресение из смерти греховной есть действие

единой воли Божией... (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 439—440).

***

...<Воля> есть госпожа всех наших сил и всей жизни. Ее дело определять образ, способ и меру удовлетворения желаний, порождаемых потребностями или их заменивших, чтобы жизнь текла достодолжно... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 25).

****

Близ некоего общежительного монастыря жил отшельник, стяжавший многие добродетели. К нему однажды пришли монахи из общежития, поэтому он и вынужден был разделить с ними трапезу раньше, чем в обычный свой час. По окончании трапезы братия сказали ему: «Ты несколько скорбишь, авва, что сегодня вкусил пищи не в свой обычный час?» Он отвечал им: «Я прихожу в смущение тогда, когда поступаю по своей воле» (107, 469).

***

Брат сказал великому старцу: «Авва! Мне бы хотелось найти старца по моей воле и жить с ним!» Старец отвечал на это: «Хорошо твое желание, владыка мой!» Брат, не поняв слов старца, подумал, что он признал его мнение правильным и утвердил его. Старец, заметив это, сказал ему: «Так-то! Если найдешь старца, соответствующего твоей воле, то намереваешься жить с ним? Значит, желаешь не того, чтобы тебе последовать воле старца, но чтоб старец последовал твоей воле, и в этом надеешься найти преуспеяние». Тогда брат понял свою ошибку и пал в ноги старцу,

принося покаяние: «Прости меня. Я очень тщеславился, думая, что я хорошо сказал, между тем как ничего хорошего не было ни в моих словах, ни в мыслях» (107, 505).

ВООБРАЖЕНИЕ

...Воображение и память суть не что иное, как отпечатление всех тех чувственных предметов, которые мы видели, слышали, обоняли, вкушали, осязали. Можно сказать, что воображение и память суть одно внутреннее общее чувство, которое воображает и помнит все, что внешним пяти чувствам пришлось прежде того перечувствовать. И некоторым образом внешние чувства и чувственные предметы походят на печать, а воображение на отпечатление печати. Даны же нам воображение и память для того, чтобы мы пользовались их услугами, когда внешние наши чувства покоятся и мы не имеем пред собою тех чувственных предметов, которые прошли чрез наши чувства и отпечатлелись в них (воображении и памяти) (прп. Никодим Святогорец, 70, 108).

***

Воображение чувственных предметов много докучает и много беспокойств причиняет тем, кои ревнуют всегда пребывать с Богом; ибо оно отвлекает внимание от Бога и наводит его на суетное, а между ним и на греховное, и тем возмущает внутреннее наше доброе настроение. Это страдаем мы не наяву только, но и во время снов, в которых впечатление нередко продолжается не на один день. Как воображение есть сила неразумная, действующая большей частью механически, по законам сочетания образов, духовная же жизнь есть образ чистой свободы; то само собой

разумеется, что его деятельность несовместима с сею жизнию... <Потому> знай, что как Бог есть вне всех чувств и всего чувственного, вне всякого вида, цвета, меры и места, есть совершенно безóбразен и безвиден, и хотя везде есть, но есть превыше всего; то Он есть и вне всякого воображения... Отсюда само собою следует, что воображение есть такая сила души, которая по природе своей не имеет способности пребывать в области единения с Богом. Знай, что и Люцифер первый из ангелов, будучи прежде выше всякого неразумного воображения и вне всякого вида, цвета и чувства, как ум мысленный, невещественный, безвидный и бестелесный, когда потом возмечтал и наполнил ум свой образами равенства Богу, ниспал от оного безвидного, безóбразного, бесстрастного и простого безвеществия ума, в это многовидное, многосоставное и дебелое воображение... и таким образом из ангела безвидного, безвещественного и бесстрастного сделался диаволом, некако вещественным, многовидным и страстным. Но каким стал он, такими же сделались и слуги его, все демоны <...>

Из сего уразумей, возлюбленный, что так как многовидная фантазия есть изобретение и порождение диавола, то она для него премного вожделенна и пригодна для погубления нас. Святые отцы справедливо называют ее мостом, чрез который душеубийственные демоны проходят в душу, смешиваются с нею и делают ее пчельником трутней, жилищем срамных, злых и богопротивных помыслов и всяких нечистых страстей душевных и телесных. Знай, что по святому Максиму, великому богослову, и первозданный Адам создан от Бога не воображательным. Ум его, чистый и безвидный, будучи и в деятельности своей умом, не принимал сам вида или образа от воздействия чувств или от образов вещей чувственных; но не употребляя этой низшей силы воображения и не воображая ни очертания, ни вида,

ни размера, ни цвета сих вещей, высшею силою души, т. е. мыслию чисто невещественно и духовно, созерцал одни чистые идеи вещей или их значения мысленные. Но человекоубийца диавол, как сам пал от мечтания о богоравенстве, так довел и Адама до того, что он стал мечтать умом своим о равенстве Богу и пал от такого своего мечтания; и за то из мысленной оной равноангельской, чистой, разумной и безóбразной жизни низринут был в эту чувственную, многосоставную, многовидную, в образы и мечтания погруженную жизнь, в состояние неразумных животных. Ибо быть погружену в образы или жить в них и под влиянием их есть свойство неразумных животных, а не существ разумных. После же того, как ниспал человек в такое состояние, кто может сказать, в какие страсти, в какое злонравие и в какие заблуждения введен он был своим воображательным мечтанием? Нравоучение наполнил разными обольщениями, физику — многими лжеучениями, богословие — непотребными и нелепыми догматами и баснями. И не древние только, но и новейшие мыслители, желая любомудрствовать и говорить о Боге и о божественных, простых и недоступных воображению и фантазии таинствах (ибо в этом труде должна работать высшая сила души — ум) и приступив к сему делу прежде очищения своего ума от страстных видов и воображательных образов чувственных вещей, вместо истины нашли ложь. И что особенно многобедственно, они эту ложь свою заключили в объятия души и сердца и держат крепко, как истину, выражающую действительность (прп. Никодим Святогорец, 70, 109—112).

***

Хранись от мечтательности, которая может тебе представить, что ты видишь Господа Иисуса Христа, что ты Его осязаешь, объемлешь. Это — пустая игра напыщенно-

го, гордого самомнения! (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 105).

***

Стоя пред иконою Спасителя, стой как бы пред Самим Господом Иисусом Христом... Стоя пред иконою Божией Матери, стой как бы пред Самою Пресвятою Девою; но ум твой храни безвидным: величайшая разница быть в присутствии Господа и предстоять Господу, или воображать Господа (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 147).

***

Ум, во время молитвы, должно иметь и со всею тщательностью сохранять безвидным, отвергая все образы... Образы, если их допустит ум в молитве, соделаются непроницаемою завесою, стеною между умом и Богом (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 147).

***

Ощущение присутствия Господня наводит на душу спасительный страх, вводит в нее спасительное чувство благоговения, а воображение Господа и святых Его сообщает уму как бы вещественность, приводит его к ложному, гордому мнению о себе... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 147—148).

***

Самый опасный, неправильный образ молитвы заключается в том, когда молящийся сочиняет силою воображения своего мечты или картины, заимствуя их, по-видимому,

из Священного Писания, в сущности же из своего собственного состояния, из своего падения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 234).

ВОРОВСТВО

...Много есть и еще, от чего должен воздерживаться раб Божий. Это — воровство и кража... пожелание чужого... подлинно, это есть зло для рабов Божиих... воздерживайся от этого и ты, чтобы тебе жить с Богом... (св. Ерм, 94, 190).

***

И хуже всего то, что ты грабишь и лихоимствуешь не потому, чтобы тебя угнетала нищета и понуждал голод, но для того, чтобы больше вызолотить узду у коня, кровлю на доме... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 615).

***

...Переносить ради Бога расхищение имущества гораздо более значит, нежели благотворить. Потому, что это последнее есть плод (расположения) души и доброй воли, — оттого оно и легко, а то — наглость и насилие (свт. Иоанн Златоуст, 55, 561).

***

...Не в количестве похищенного и украденного состоит преступление, но в намерении ворующего (свт. Иоанн Златоуст, 55, 563).

***

Наши молитвы должны быть чисты, но молитвы не могут быть чистыми тогда, когда они истекают из души нечистой. Ничто не делает души столь нечистою, как любостяжание и хищение (свт. Иоанн Златоуст, 55, 801).

****

Один брат подделал ключ, отворил келью одного из старцев и взял его деньги. Старец же, обнаружив пропажу, написал хартию: «Господин брат, кто бы ты ни был, окажи любовь, оставь в следующий раз половину на мою нужду». И, разделив деньги на две части, положил хартию. Тот же, пришедши в другой раз и разорвав хартию, взял все деньги. Потом, спустя два года, он стал умирать, и душа его не выходила. Тогда призвал он старца и покаялся ему в содеянном, и по молитвам старца мирно отошел ко Господу (98, 370).

***

Авва Спиридон, будучи епископом города Тримифунта, продолжал также пасти овец. Однажды в полночь воры тайно подошли к овчарне, но были связаны невидимою силою. На рассвете авва пришел в овчарню и увидел воров со связанными руками. Сотворив молитву и наставя их на путь истинный, авва отпустил воров. Отпуская их, он подарил им овцу, сказав: чтобы люди не подумали, что вы даром стерегли овчарню... (97, 267).

***

Как-то разбойники приплыли на челнах к Красному острову на Новом озере. «Сыны беззакония, — грозно ска-

зал отшельник, преподобный Кирилл Новоезерский, при встрече с ними, — вы забыли, что есть грозный суд правды Божией и на пустой остров явились для грабежа, и у пустынника думаете найти корысть? Что вы делаете? Все мое серебро в моей келье...»

Один из разбойников поспешил в келью преподобного, а на других вдруг напал мрак; скоро из кельи послышались жалобные вопли их товарища: он просил избавить его от двух юношей, которые нещадно его били... Ослепленные разбойники стали просить преподобного отпустить их с миром. Старец отпустил их со словами: «Вперед не злодействуйте, чтобы не быть в аду».

В другой раз воры сняли колокола у бедного храма обители и спешили переправиться на другой берег, но заблудились и должны были вернуться в обитель. «Зачем вы пришли сюда?» — спросил их преподобный Кирилл. Те пали к ногам его и просили прощения. «Еще не бывало того, — сказал Угодник Божий, — чтобы кто был счастлив чужим добром. Алчешь чужого — потеряешь свое. Вор не бывает богат, а бывает горбат. И с умом воровать — беды не миновать... Заработанный ломоть лучше краденого каравая. Помните эту народную мудрость». Затем велел накормить их и отпустил с миром (116, 147).

***

Авва Серапион рассказывал: «Когда я был молод... встав однажды от трапезы, по действию диавола, похитил я одну долю хлеба и съел ее тайно от моего аввы. И как я продолжал это делать некоторое время, то, преобладаемый уже страстью, не мог преодолеть себя, но только одна совесть меня осуждала, а сказать старцу я стыдился. Случи-

лось же, по устроению человеколюбивого Бога, прийти некоторым людям к старцу ради душевной пользы. Старец сказал им: «Ничто столько не причиняет вреда монахам и радости демонам, как утаение помыслов от отцов духовных». Он говорил им и о воздержании. Я же, сокрушаясь о грехах, в страхе начал плакать, потом выбросил похищенный хлеб и, повергшись на землю, просил прощения. Старец сказал: «Чадо! Твоя исповедь освободила тебя от плена, и ты, произнося осуждение себе, убил в укрывательстве уязвляющего тебя демона». Вдруг нечистая сила, как огненное пламя, вышло из пазухи моей... и храмина наполнилась смрадом. Тогда старец сказал: «Знамение это свидетельствует о твоем освобождении» (98, 62—64).

***

Однажды авва Зенон проходил Палестину и, утомившись, сел для принятия пищи у огуречного огорода. Помысл говорил ему: «Возьми один огурец и съешь, ибо что в этом важного?» Но он отвечал своему помыслу: «Воры подвергаются наказанию; так испытай себя, можешь ли ты перенести наказание». Вставши, он пять дней простоял на жаре и, изнуренный жаром, сказал сам себе: «Не могу снести наказания», потом говорит своему помыслу: «Если не можешь, то не воруй и не ешь» (97, 81).

***

При жизни святого Андрея, Христа ради юродивого, в Царьграде жил лютый грешник, обкрадывавший мертвецов. Однажды, узнав о погребении в уединенном месте девицы, дочери вельможи, он отправился к ее могиле с целью снять с нее драгоценные одежды. На пути встретил его святой

Андрей и, предузнав о нечестивом деле, начал уговаривать его не делать этого, в противном же случае угрожал Божиим наказанием. Вместо того, чтобы послушаться святого, тот только посмеялся над ним и пошел, куда задумал. Отвалив камень от пещеры, в которой была погребена девица, он раскрыл ее гроб, снял с нее саван, затем драгоценную одежду и, наконец, не устыдился и совсем обнажить ее — взял последнюю рубашку. Но в то самое время, когда он заканчивал свое гнусное дело, повелением Божиим умершая встала из гроба и правой рукой ударила его по лицу, и он тотчас же лишился зрения. «Окаянный! — сказала она. — Хоть бы из-за стыда ты оставил мне последнюю из одежд. Но теперь не будешь красть никогда! И с этого дня узнаешь, что есть Бог, жив Иисус Христос, есть Суд и будет воздаяние по смерти». Ослепший вор после этого волей-неволей оставил свое ремесло и начал кормиться подаянием. Часто жестоко он упрекал себя за свою прежнюю жизнь. «Будь ты проклята, — говаривал он иногда, — моя ненасытная жадность, ради тебя я получил эту ужасную слепоту. Худо тому, кто живет в праздности и занимается воровством» (113, 101—102).

***

Однажды три старца-слепца вели беседу между собой, и один из них спрашивает другого: «Как ты ослеп?» «В молодости я был матросом, — отвечал собеседник. — Мы плыли из Африки, и в море у меня вдруг разболелись глаза так, что не мог и ходить. Потом на глазах появились бельма, и я ослеп». «А ты как ослеп?» — спросил тот же слепец другого товарища по несчастью. «Я был стекольщиком, отливал стекла. Брызги попали мне в глаза, и я ослеп». «Ну,

а ты сам каким образом потерял зрение?» — спросили оба слепца первого. «Сказать вам по правде, — отвечал тот, — в молодости я ненавидел труд, к тому же был и мот. Дошло до того, что мне нечего было есть, и я принялся за воровство. Однажды, уже совершив много преступлений, я остановился на площади. Смотрю — хоронят покойника, роскошно одетого. Иду за процессией, чтобы заметить место погребения. Обошли церковь святого Иоанна и, положив покойника в склепе, разошлись. Тогда я, оставшись один, вошел в склеп. Сняв с покойника все одежды, оставил на нем только один саван. Я уже собирался выйти, как дурная привычка будто шепнула мне: «Прихвати и саван, он из дорогой материи». Я и вернулся себе на горе! Как только снял и саван, совершенно обнажив мертвеца, он вдруг встал прямо передо мной, простер обе руки. Ощупав пальцами мое лицо, он вырвал мне глаза. Тогда я, несчастный, бросив все, с большой горестью выбежал из могилы. Так я ослеп» (103, 71—72).

***

В одном селе жил благочестивый крестьянин, который неопустительно каждый праздник посещал храм Божий. Где бы он ни был, услышав звон церковного колокола, собирал своих детей и вместе с ними шел в церковь, а жене приказывал не медлить дома с приготовлением пищи, но спешить к богослужению.

Однажды, в день памяти святителя Николая, хозяйка так торопилась закончить свои дела, что в суете забыла запереть дверь. В это время мимо дома проходил известный всему селу вор. Заметив незапертую дверь, он вошел в дом и начал собирать все, что было для него ценным. Он связал

все вещи и уже собрался уходить, как вдруг через закрытую дверь вошел сам святитель Николай в полном архиерейском облачении. Грозно взирая на вора, он воскликнул: «Как?! Люди, любящие Бога, ушли в храм и забыли запереть свою хижину, а ты воспользовался этим, чтобы похитить их достояние, приобретенное тяжкими трудами?» При этих словах святитель ударил вора по щеке, и тот сразу же ослеп. Он начал бродить по дому, чтобы найти дверь, и никак не мог выйти.

Хозяева вернулись из храма и заметили, что в доме кто-то ходит. Когда они вошли, то увидели хорошо знакомого вора, который с плачем рассказал о явлении ему святителя Николая и о наказании за воровство.

Вор, к радости всего села, был осужден на поселение в Сибирь. Заключенные шли мимо храма, где была икона святителя Николая Чудотворца. Зайдя в церковь и упав на колени перед иконой, вор с горьким покаянным плачем стал просить прощения у Угодника Божиего, обещал не возвращаться к прежней жизни. Прикладываясь к иконе, он ощутил, что вновь видит свет (50, 121—123).

ВОРОЖБА

...Если кто составил хитрое снадобье... и умертвил им человека, такой поступок признаем произвольным. Так, например, часто делают женщины, какими-нибудь наговорами и перевязями пытаясь привлечь иных к себе в любовь и давая им снадобья, производящие омрачения в умах. Почему таковые, умерщвляя, хотя одно имели в намерении, а другое сделали, однако же, за ухищренное и не дозволенное свое дело, причисляются к произвольным убийцам (свт. Василий Великий, 11, 12).

***

Остерегайся составлять зелья, ворожить, гадать, делать хранилища или носить сделанные другими; это не хранилища, но узилища... (прп. Ефрем Сирин, 32, 371).

***

...Волшебство недействительно против живущих добродетельно; напротив того, подкрепляемые Божиею помощью превозмогают всякую козни (свт. Григорий Нисский, 18, 367).

***

...Лучше остаться больным, нежели для освобождения от болезни впасть в нечестие <прибегая к заговорам>. Демон, если и уврачует, больше повредит, нежели принесет пользы: доставит пользу телу, которое спустя немного непременно умрет и сгниет, а повредит он бессмертной душе (свт. Иоанн Златоуст, 45, 659).

***

Если же иногда, по попущению Божию, и сделают они <демоны> какое исцеление, как и люди, то такое попущение <исцеление> бывает для твоего испытания, не потому, чтобы Бог не знал (тебя), но чтобы ты научился не принимать от демонов и исцеления (свт. Иоанн Златоуст, 45, 659).

***

...Силою <лукавых духов> в древности совершались по всей вселенной бесовские волхвования и происшедшая от-

сюда прелесть поклонения идолам. Представителям всякой бесовской и астрологической прелести весьма послушно внимали и риторы, и философы, и сильные цари. Ученики их <бесов> суть все чародеи, и волхвы, и наблюдающие за полетом птиц, и ставящие участь человека в зависимость от рождения под влиянием той или другой звезды, которые, по подобию змия, вливают в души человеческие яд своей злобы... (прп. Максим Грек, 68, 38).

ВОСКРЕСЕНИЕ

...Каждый воскреснет, облеченный делами своими, как одеждою, добрые ли они, или злые (прп. авва Исаия, 60, 135).

***

Если не воскрес Он <Христос>, но мертв; то как же ложных богов, которые, по утверждению неверующих, живы, и чествуемых ими демонов изгоняет, преследует и низлагает? (свт. Афанасий Великий, 1, 229).

***

Свойственно ли мертвому приводить мысль человеческую в такое умиление, чтобы люди отрекались от отеческих законов и поклонялись Христову учению? (свт. Афанасий Великий, 1, 229).

***

...Те, которые делали зло, воскреснут на поругание и стыд, чтобы увидеть в самих себе мерзость и отпечатление соделанных ими грехов. И, может быть, страшнее тьмы и

вечного огня тот стыд, с которым увековечены будут грешники, непрестанно имея пред глазами следы греха, соделанного во плоти, подобно какой-то невыводимой краске, навсегда остающиеся в памяти души их (свт. Василий Великий, 5, 252—253).

***

...Когда сделаемся сынами Воскресения, тогда и мы будем удостоены знания лицом к лицу. Тогда праведные удостоятся лицезрения Божия в радости, а грешники — в суде; потому что всякий грех будет истреблен Праведным Судом Божиим (свт. Василий Великий, 5, 264).

***

...В оный час Христос возблещет внезапно, как бы самая быстрая молния, и ужаснет всю землю; страшно прозвучит с неба труба и возбудит усопших; небеса и силы их поколеблются; и вся земля, как вода в море, вострепещет от лица Славы Его, потому что страшный огнь потечет от лица Его, очищая землю от всего, что оскверняет ее. Ад отверзет врата свои. Смерть придет в бездействие, потому что персть естества человеческого, услышав трубный глас, оживотворится. Чудное дело, возлюбленные братья, видеть, как в оный час кости естества человеческого, подлинно, в несчетном числе, подобно множеству рыб, кружащихся в море, в одно мгновение ока устремятся каждая к своему составу. Воскрешенные возопиют и скажут: «Слава Собравшему и Воскресившему нас по человеколюбию Своему!» Тогда праведники возрадуются; со славою в сретение бессмертному Жениху восхищены будут

на облаках все любящие Его и старавшиеся исполнять всю волю Его. В какой мере каждый очистил здесь сердце свое, в такой увидит тогда Славу Его, и как вожделевал Его здесь, так насытится любовью Его! (прп. Ефрем Сирин, 32, 361—362).

***

Ужасом объята будет смерть, и изблюет всю свою добычу, и не оставит ни одного мертвеца, не представив его в судилище. Земной персти повелено будет отделить прах умерших, и не останется ни одной пылинки, которая бы не явилась пред Судию (прп. Ефрем Сирин, 33, 104—105).

***

Кто поглощен морем, кого пожрали дикие звери, кого расклевали птицы, кто сгорел в огне, — в самое краткое мгновение времени все пробудятся, восстанут и явятся. Кто умер во чреве матери и не вступил в жизнь, того сделает совершеннолетним то же мгновение, которое возвратит жизнь мертвецам. Младенец, которого матерь умерла вместе с ним во время чревоношения, при Воскресении предстанет совершенным мужем и узнает матерь свою, а она узнает детище свое...

Равными воскресит Творец сынов Адамовых, как сотворил их равными, так равными же пробудит и от смерти. В Воскресении нет ни больших, ни малых. И преждевременно родившийся восстанет таким же, как и совершеннолетний. Только по делам и образу жизни будут там высокие и славные; и одни уподобятся свету, другие — тьме (прп. Ефрем Сирин, 33, 105).

***

Воспламенятся щедроты Того, Кто дарует жизнь всему; и кости в гробах их приведет Он в движение. Жизнеподателен будет глас трубы Его, и звук ее отверзет двери шеола (прп. Ефрем Сирин, 33, 428).

***

В этот день, когда воскреснут праведники, обновятся и небо, и земля, и чтобы не потерпеть утраты сынам Брачного Чертога, дадут они отчет (прп. Ефрем Сирин, 33, 459).

***

...Воскресение для всех одинаково; в великий день обновления воскреснут все — и добрые, а вместе и злые. Для всех одинаково Воскресение, потому что восстанут все в одно время, но различно воздаяние, потому что каждому воздано будет по правде... каждый приходит и поселяется в той стране, какую сам для себя уготовил... (прп. Ефрем Сирин, 33, 486).

***

Придет время, что тленное сие облечется в неветшающее и неистлевающее. Вечно жив Тот, Кто сотворил и воздвиг сие тленное из ничего. По Его животворящему гласу воскреснет оно из гроба для Царства (прп. Ефрем Сирин, 33, 504).

***

Святые с Небесными Силами воспарят на высоту в сретение Господу нашему, когда придет Он; с Ним войдут они в Брачный Чертог — приять награды свои в стране жизни,

которая выше всякого страха (прп. Ефрем Сирин, 33, 506).

***

По гласу Сына распадутся гробы, восстанут мертвые и воспоют хвалу. Новое солнце воссияет над умершими, и из гробов своих вознесут они хвалу Христу. Христос, снисходивший для нашего искупления, приидет и для нашего Воскресения (прп. Ефрем Сирин, 33, 513).

***

Как солнце не чужим светом рассеивает тьму... так в день Воскресения просветятся праведники, ризою их будет свет, покровом их — сияние, и сами для себя соделаются они светозарными звездами. В тот же день... нечестивые облекутся в одежду всякой скверны, покроются всякою нечистотою, и сами из себя источат для себя тьму и мучение, подобно тому, как тело, одержимое недугом, из себя производит жар и другие припадки — эту узду для удержания безрассудства, этот жезл для наказания (прп. Ефрем Сирин, 34, 286).

***

И небо, и землю обновит Бог при нашем Воскресении, и тварь освободит и возвеселит вместе с нами (прп. Ефрем Сирин, 34, 393).

***

...Хотя только праведники воскресают в обновление славы, но и тела грешников обновляются, так как восстают не с тою же скорбью и радостью своею (прп. Ефрем Сирин, 36, 108).

***

...В Воскресении ни отцы к детям, ни дети к отцам не обратятся, но все к тому Одному, чтобы, если окажутся достойными, взойти по милосердию к Отцу (прп. Ефрем Сирин, 37, 336).

***

...Если душа предпрославлена ныне и вступила в единение с Духом, то и тела сподобятся части в Воскресении (прп. Макарий Египетский, 67, 6).

***

...Что имеет теперь душа в себе, то обнаружится тогда в теле (прп. Макарий Египетский, 67, 55).

***

...Воскрешенные тела в Воскресение покроются иною Божественною ризою и будут питаться небесною снедию (прп. Макарий Египетский, 67, 100).

***

...В Воскресение мертвых различною славою будут прославлены и отличены воскресшие, по достоинству заслуг, по причастию здесь еще обитавшего в них Божия Духа (прп. Макарий Египетский, 67, 389).

***

...Есть и такие, которые, по бессилию человеческого рассудка, судя о Божественной силе по нашим мерам, утверждают, что невместимое для нас невозможно и для Бога. Ибо они указывают на уничтожение древних мерт-

вецов, на остатки обращенных в пепел огнем; а сверх сего представляют еще в слове плотоядных животных, рыбу, которая, приняв в собственное свое тело плоть потерпевшего кораблекрушение, сама также сделалась пищею людей, и посредством пищеварения перешла в состав евшего. И многое подобное сему, и само в себе маловажное, и недостойное великой Божией силы и власти описывают в опровержение учения, как будто невозможно Богу теми же путями чрез разложение восстановить человеку принадлежащее ему. Но мы в кратких словах положим конец длинным изворотам красноглаголивой их суетности, признавая, что совершается разложение тела на то, из чего оно состояло, и не только земля по Божию слову разлагается в землю, но и воздух, и влажность преходят в сродное им, и совершается перехождение в сродное всего, что в нас, хотя бы тело человеческое было пожрано плотоядными птицами или свирепыми зверями и смешалось с их плотию, хотя бы прошло под зубами рыб, хотя бы огнем превращено было в пары и в пепел. Куда бы кто в предположении своем ни перенес человека словом, без сомнения, он все еще в мире. А что мир содержится в руке Божией, сему учит Богодухновенное слово. Поэтому, если ты не знаешь и того, что у тебя в горсти, то ужели думаешь, что Божие ведение немощнее твоей силы и не в состоянии с точностью отыскать того, что содержится в Божией длани? (свт. Григорий Нисский, 18, 185—187).

***

Поелику всякое пророчество Господа оказывается истинным по свидетельству событий; а в рассуждении сего <воскресения мертвых> не только научены мы словом, но и от самих возвращенных к жизни воскресением на самом деле

получили доказательство обетования; то какой остается предлог неверующим? (свт. Григорий Нисский, 18, 185).

***

Поелику душа естественною какою-то дружбою и любовию была расположена к сожителю — телу, то хранится тайно в душе какая-то дружеская связь и знакомство вследствие сраствореня со свойственным, как бы от каких-то наложенных природою знаков, по которым остается в ней неслитная общительность, отличающая свою собственность. Посему, когда душа снова повлечет к себе сродное и собственно ей принадлежащее, тогда какое, скажи мне, затруднение воспретит Божественной силе произвести соединение сродного, по некоему неизъяснимому влечению природы, поспешающего к своей собственности (свт. Григорий Нисский, 18, 187—188).

***

...Нет ничего несообразного с разумом верить, что произойдет снова отрешение воскресших тел от общего к своему собственному, и особенно (если кто тщательнее исследует естество наше) потому, что составляющее нас не всецело есть нечто текущее и превращающееся; да и совершенно было бы непонятно, если бы по природе не было в нас ничего постоянного. Напротив того, по точнейшему исследованию из того, что в нас, одно есть что-то постоянное, а другое подлежит изменению. Тело изменяется возрастанием и умалением, как бы подобно каким одеждам, переодеваемое с каждым возрастом. Остается же при всякой перемене непреложным в самом себе отличительный вид, не утрачивающий однажды навсегда положенных на нем природою

знаков, но при всех переменах в теле оказывающий в себе собственные свои признаки. Исключить же должно из сего закона изменение, производимое страстью, простирающееся на отличительный вид; потому что, подобно какой-то чуждой личине, закрывает сей вид болезненное безобразие, по снятии которого разумом, как у Неемана Сириянина, или у описываемых в Евангелии прокаженных, сокрытый под страстью вид снова, по причине выздоровления, является с собственными своими признаками. Посему в том, что в душе богоподобно, нет изменяемо-текущего и прелагаемого, но естественно сему то, что в составе нашем постоянно и всегда одинаково. И поелику известные видоизменения в сраствореии образуют разности в отличительном виде, а сраствореие не иное что есть, как смешение стихий, — стихиями же называем основные начала в устроении вселенной, из которых составлено и человеческое тело; то, так как отличительный вид, подобно оттиску печати, остается в душе, она необходимо знает изобразившее печатию эти черты; да и во время обновления опять приемлет на себя это, как сообразное с чертами отличительного вида: сообразно же, конечно, все то, что первоначально было отпечатлено в отличительном виде. Посему нет ничего несообразного с разумом частному из общего снова возвратиться в свое место... Ртуть, пролитая из сосуда на каком-либо покатом и наполненном пылью месте, разделившись на мелкие шарики, рассыпается по земле, не смешиваясь ни с чем ей встретившимся; если же кто по многим местам рассеянную ртуть соберет опять в одно место, то она сама собою сливается с однородным, ничего постороннего не заключая в свою смесь. Подобное нечто, думаю, надлежит представлять себе и о человеческом составе, что если только последует Божие повеление, соответственным частям самим собою

присоединиться к тем, которые им свои, то Обновляющему естество не будет в этом никакого затруднения. И в произрастающем из земли видим, что, возьмем ли пшеницу, или зерно из смоквы, или другое какое из хлебных или овощных семян, природе нет никакого труда превратить их в солому и в остны, и в колос. Ибо без принуждения, сама собою, соответственная пища переходит из общего в особое свойство каждого из семян. Посему, если из общей, всем произрастениям предлежащей влаги, каждое из питающихся ею растений извлекает способствующее к его возрастанию: то есть ли что необычайного в учении о Воскресении, по которому каждый из воскрешаемых, подобно тому, что бывает с семенами, привлекает свойственное ему?.. Проповедь о Воскресении не содержит в себе ничего такого, что не было бы известно из опыта, хотя умолчали мы о том, что всего известнее в нас, разумею самое первое начало нашего составления. Ибо кто не знает этого чудного действия природы? Что принимает в себя материяя утроба, и что производит из сего? Не видишь ли, что всеваемое в утробу, как начало телесного состава, некоторым образом просто и состоит из подобных частей? Какое же слово изобразит разнообразие уготовляемого состава? Кто, не научаемый подобному общею природою, признал бы возможным совершающееся, а именно, что это малое и само по себе незначительное, служит началом столь великого дела? Называю же великим, не только взирая на образование тела, но и на то, что более достойно удивления, разумею самую душу и все в ней усматриваемое (свт. Григорий Нисский, 18, 188—192).

***

Душа первоначально была тем, чем снова окажется впоследствии по очищении, и тело, созданное Божиими

руками, сотворено тем, чем в надлежащие времена покажет его Воскресение. Ибо каким всегда будешь видеть его по Воскресении, таким, конечно, сотворено и первоначально; потому что Воскресение есть не иное что, как, без сомнения, восстановление в первобытное состояние (свт. Григорий Нисский, 19, 222—223).

***

...По Воскресении тело, переменясь в нетленное, соединится с душою человеческою, страсти же, тревожащие нас ныне, не восстанут с оными телами; напротив того, для жизни нашей наступит мирное состояние, мудрование плоти не будет больше мятежничать против души, в междоусобной брани противостав закону ума страстными движениями и победив ее грехом, водить подобно какой-то пленнице, но естество соделается тогда чистым от всего подобного, и у обоих, разумею, у плоти и духа, будет одно мудрствование; потому что всякое телесное расположение в естестве уничтожится (свт. Григорий Нисский, 20, 25).

***

Если нет Воскресения, то из-за чего труждаются и любомудрствуют люди, порабощающие удовольствие чрева, любящие воздержание, дозволяющие себе кратковременный только сон, вступающие в борьбу с холодом и зноем? Скажем им словами Павла: ***ямы и пием, утре бо умрем*** (1 Кор. 15, 32). Если нет Воскресения, но смерть есть предел жизни, то оставь обвинения и порицания. Предоставь невозбранно свободу человекоубийце; пусть прелюбодей дерзновенно строит ковы против брака; пусть любостяжатель роскошествует на счет своих противников; никто пусть не останавливает ругателя, пусть клятвопрес-

тупник постоянно клянется, ибо смерть ожидает и того, кто соблюдает клятвы; пусть иной лжет, сколько хочет, потому что нет никакого плода от истины; никто пусть не милует бедных, ибо милосердие остается без награды. Такие рассуждения производят в душе беспорядок хуже потопа, они изгоняют всякую целомудренную мысль и поощряют всякий безумный и разбойнический замысел. Ибо если нет Воскресения, нет и Суда; если же отъемлется Суд, то вместе с ним отвергается и страх Божий. А где не уцеломудривает страх, там ликует диавол (свт. Григорий Нисский, 25, 80—81).

***

В день преобразования, когда будут одушевлены мертвые, каждый из живших предстанет для отчета (существом) сложным, как прежде, состоящим из души и тела. А богодухновенный Иезекииль, созерцатель великих видений, в каком смысле видел оное великое и обширное поле, полное костей человеческих, пророчь на которые было повелено ему? И оные кости тотчас обрастали плотию, и то, что было разъединено и беспорядочно расторгнуто, совокуплялось одно с другим в порядке и согласии (Иез. 37, 1—12). Сими словами Писание не с достаточною ли ясностью доказывает нам оживление сей плоти? А мне думающие оспаривать то, о чем здесь речь, кажутся не только нечестивыми, но и глупыми. Ибо воскресение и оживление и преобразование, и все подобные наименования переносят мысль слышащего оные к телу, которое подвержено тлению, так как душа, рассматриваемая сама по себе, никогда не может воскреснуть, поелику она не умирает, но бессмертна... Будучи же бессмертною, имеет общником своих дел смертное (тело), и посему во время воздаяния от Правед-

ного Судии снова вселится в своего сотрудника, чтобы с ним воспринять общие наказания или награды (свт. Григорий Нисский, 25, 82—83).

***

...Если не воскреснет тело, то не воскреснет человек, потому что человек есть не только душа, но душа и тело (свт. Иоанн Златоуст, 46, 478).

***

Тела грешников действительно восстанут нетленными и бессмертными; но эта честь будет для них средством к наказанию и мучению: они восстанут нетленными для того, чтобы постоянно гореть, потому что если тот огонь неугасим, то для него нужны и тела, никогда не уничтожаемые (свт. Иоанн Златоуст, 46, 479).

***

Чрез Воскресение Христово угашается геенна огненная, умирает неусыпающий червь, ад приходит в смятение, диавол печалится, грех умерщвляется, злые духи преследуются, те, которые произошли из земли, взбегают на небеса, находящиеся в аду освобождаются от уз диавола и, прибегая к Богу, говорят диаволу: ***где ти, смерте, победа?***.. (ср.: 1 Кор. 15, 55) (свт. Иоанн Златоуст, 46, 893).

***

Когда мы хорошо воспользуемся настоящей жизнью, тела воскреснут в большей славе, будут светлее неба, солн-

ца и всего прочего, и перейдут в высшее состояние (свт. Иоанн Златоуст, 48, 781).

***

...Хотя Воскресение будет общим для всех, но воскресение во славе только для живших праведно (свт. Иоанн Златоуст, 49, 241).

***

...Воскресение Христово дало людям свободу и ободрило их до вечера, очевидно — до конца жизни, трудиться над своим делом, т. е. над добродетелью... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 747).

***

...Бог не новые тела призовет к Воскресению, но обновит те же самые, истлевшие и превращенные в прах (свт. Иоанн Златоуст, 50, 216).

***

Подлинно, как семена, увлажненные росою, прозябают и возрастают, так возрастут и кости верующих от росы Духа <в Воскресении мертвых> (свт. Иоанн Златоуст, 50, 601).

***

Воскреснуть должно, конечно, всякому вообще телу человеческому, но добрый воскреснет для жизни, а злой воскреснет для казни (свт. Иоанн Златоуст, 50, 606).

***

Кто убежден, что воскреснет и даст тогда отчет во грехах своих, тот, хотя бы и не видел никакого другого знамения, по одному этому убеждению, скоро обратится и постарается умилостивить Судию (свт. Иоанн Златоуст, 52, 256).

***

Если бы не было Воскресения, то как бы могла сохраниться правда Божия, когда столько злых людей благоденствуют и столько добрых страдают?.. Где все эти люди получат по своим достоинствам, если нет Воскресения? Никто из живущих праведно не сомневается в Воскресении... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 299).

***

Кто же не верует в Воскресение? — Люди, идущие оскверненными путями и проводящие нечистую жизнь, как говорит Пророк: ***оскверняются путие его на всякое время, отъемлются судьбы Твоя от лица его*** (Пс. 9, 26) (свт. Иоанн Златоуст, 52, 299).

***

Невозможно человеку вести жизнь чистую, когда он не верует в Воскресение. А кто не знает за собою ничего худого, те и говорят, и желают, и веруют, что получат воздаяние (свт. Иоанн Златоуст, 52, 299—300).

***

...Подобает тленному сему облещися в нетление (1 Кор. 15, 53). Здесь речь не о душе, потому что душа не

подлежит тлению. Да и восстание свойственно тому, что пало, а пало тело. И почему ты не хочешь (допустить) воскресения тел? Разве это невозможно для Бога? Но говорить так — дело крайнего безумия. Или неприлично? Почему же неприлично, чтобы существо тленное, участвовавшее в труде и смерти, приняло участие и в венцах? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 446).

***

Какое же после этого будут иметь оправдание неверующие Воскресению, когда оно ежедневно представляется в семенах и в растениях, и при нашем рождении? Ведь прежде нужно истлеть семени, и потом уже бывает рождение. Впрочем, говоря вообще, — где действует Бог, там нет нужды в умствованиях (свт. Иоанн Златоуст, 52, 446).

***

...Смертным наше естество стало вопреки природе, и... воскресением нам возвращается то, что свойственно нашей природе. Потому-то оно и есть Воскресение, восстановление, что поврежденное грехом и падшее создание восстановляет оправданием (свт. Иоанн Златоуст, 52, 847).

***

Когда блудник делается целомудренным, корыстолюбец — милосердным, жестокий — кротким, то и в этом заключается воскресение, служащее началом будущего... <ибо> грех умерщвлен, а праведность воскресла, ветхая

жизнь упразднилась, а начата жизнь новая и евангельская (свт. Иоанн Златоуст, 53, 600).

***

Не верить Воскресению свойственно тому, кто не имеет совершенного понятия о непобедимой и вполне достаточной на все силе Божией (свт. Иоанн Златоуст, 54, 419).

***

...Некоторые из еретиков говорят, что тело восстанет не прежнее, но другое. Как же это, скажи мне? Одно тело грешило, а другое за то будет наказываться? Одно жило непорочно, а другое увенчается?.. Если же прежнее тело будет оставлено, а вместо него устроено другое, тогда тление не будет поглощено, но пребудет во всей силе (свт. Иоанн Златоуст, 54, 566).

***

Тот преимущественно верует, что Христос воскрес, кто смело идет на опасности, кто имеет общение в Его страданиях, так как имеет общение с Воскресшим, с Живущим (свт. Иоанн Златоуст, 55, 319).

***

Кто умеет безмерно любомудрствовать о Воскресении, тот будет ли бояться смерти, станет ли страшиться чего-нибудь другого? (свт. Иоанн Златоуст, 56, 45).

***

...Произросли у нас и сонмы мучеников, — когда смерть была разрушена, а Воскресение сияет (свт. Иоанн Златоуст, 56, 300).

***

Если Бог и из несуществующего силен привести в бытие все, что Ему угодно, то тем паче из приведенного в бытие может обновить существовавшие уже и в землю обратившиеся тела. А что Воскресение будет, и как оно будет, сему научит тебя и тайна посеваемого, и возбуждение всех растений, умирающих зимою и оживающих летом (прп. Исидор Пелусиот, 61, 167).

***

В Воскресении, сказал богомудрый Павел, тела будут духовны (1 Кор. 15, 44) в следующих двух отношениях: в том, что соделаются легкими, эфирными, свободными от всякого страдания и тяготения, и в том, что будут уже водимы единым Духом Божиим. Хотя ныне и пребывает Он в телах, но решительное определение действий принадлежит душе. Тогда же тела соделаются в большей мере приемниками Духа, потому что не тело только, но и самая душа будет духовна, как совершающая все по законам Духа. Если же кто спросит о телах грешников, то скажем, что и они будут духовны, или потому, что, по первому условию, соделаются легкими и эфирными, или потому, что, мучимые огнем, не будут истребляемы, или потому, что, хотя и пожелают согрешить, но не возмогут (прп. Исидор Пелусиот, 62, 132).

***

Как вначале из персти земной уготовано тело, и одушевил его Бог... так опять, при скончании настоящего века, повелением и силою Божиею, из праха и пепла восстанут человеческие тела, восприяв души свои... (прп. Нил Синайский, 72, 314).

***

...Восстанет человек оживотворенный и одушевленный, свергнувший с себя предшествовавшее тление, облеченный же в божественное нетление (прп. Нил Синайский, 72, 315).

***

Он <Бог> в надлежащее время во мгновение ока воскресит и человеческие тела, цветущие своею красотою, и столько лучезарные, что божественною светлостью превзойдут сияние неодушевленного солнца (прп. Нил Синайский, 72, 317).

***

Грешник не в состоянии и представить себе благодать Воскресения Его <Христова> (прп. Исаак Сирин, 59, 422).

***

Подобно тому, как семя сеется по роду пшеницы... ячменя и прочих (злаков), и по роду опять дает и всходы; так и тела умирающих падают в землю, какими случится им быть. Души же, разрешившись от них, в будущем Воскресении мертвых каждая из них по достоинству находит

покров, полный света или тьмы. Чистые и приобщившиеся Света, и возжегшие свои светильники будут, конечно, в невечернем свете; нечистые же, имеющие очи сердца слепыми и полными тьмы, как увидят Божественный свет?.. Итак, ответь мне, когда они (станут) просить по смерти, кто услышит их и отверзет им очи, увы мне, когда они добровольно не хотели прозреть и возжечь душевный светильник? Поэтому их ожидает беспросветная тьма. Тела же... тлеют и гниют и у святых, но восстают, какими они посеяны. Пшеница чистая, пшеница освященная — святые сосуды Святаго Духа, так как они были наичистейшими, то и восстают также прославленными, сияющими, блистающими, как Божественный свет. Вселившись в них, души святых воссияют тогда светлее солнца и будут подобны Владыке, Божественные законы Которого они сохранили. (Тела) же грешных также восстают (такими), какими и они посеяны в землю: грязевидными, зловонными, полными гниения, сосудами осквернеными, плевелами зла, совершенно мрачными, как соделавшие дела тьмы и бывшие орудиями всевозможного зла лукавого сеятеля. Но и они восстают бессмертными и духовными, однако подобными тьме. Несчастные же души, соединившись с ними, будучи и сами мрачны и нечисты, сделаются подобными диаволу, как подражавшие делам его и сохранившие его повеления. С ним они и будут помещены в неугасимом огне, быв преданы тьме и тартару; лучше же они низведены будут по достоинству, соразмерно тяжести грехов, которые каждый носит, и там будут пребывать во веки веков. Святые же, напротив, как сказали мы, поднявшись каждый на крыльях (своих) добродетелей, взыдут в сретение Владыки, и они каждый по достоинству: как кто предуготовил себя, конечно, так

ближе или дальше и будет от Создателя, и с Ним пребудет в бесконечные веки, играя и веселясь непостижимым веселием (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 218—219).

***

Во время же всеобщего Воскресения... силою Святаго Духа, по благодати Бога воплощенного <...> плоть поглотится душою... которая пребывала уже поглощенною Богом, истинным Животом, так, как бы вся душа имела всего Бога и во всем явен был уже только Он один. Просто скажу, боголепная благодать Воскресения покажет тогда, т. е. в будущем веке, все наше противоположным настоящему, противоположным тому состоянию, в коем находимся и в коем жительствуем в настоящей жизни; и как в настоящей жизни смерть по причине греха взяла силу и власть и все поглощает, так в будущей она праведно изнеможет и будет сама поглощена благодатию (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 55—56).

***

Воскресению Христову верят премногие-многие; но мало таких, которые бы чисто зрели его. Те же, которые не зрят так Воскресения Христова, не могут поклоняться Иисусу Христу, яко Господу (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 346).

***

Земно будет тело нетленное, без мокрот, однакож, и дебелости, быв неизреченно претворено из душевного в духовное, так что будет и перстно, и небесно (прп. Григорий Синаит, 93, 188).

***

Воскресение Господне является обновлением человеческого естества и оживлением, и воссозданием, и возвращением к бессмертной жизни первого Адама, который чрез грех был поглощен смертью, и смертью снова отошел в землю, из которой был создан (свт. Григорий Палама, 26, 187).

***

Если в будущем оном пакибытии с Воскресением праведных воскреснут телеса и беззаконных, и грешников, то лишь для того, чтобы быть преданными второй смерти — муке оной, вечной, червю неумирающему, скрежету зубов, тьме кромешной, мрачной геенне огненной, неугасимой, по слову Пророка, который говорит: ***сожгутся беззаконницы и грешницы вкупе, и не будет угашаяй*** (Ис. 1, 31) (свт. Григорий Палама, 93, 279).

***

Как Сын Божий, человеколюбия ради соделавшийся человеком, умер плотию, чрез отделение души Его от тела, без отделения, однакож, от Него Божества, почему и, воскресив тело Свое, Он взял его на небо во славе; так и пожившие здесь по Богу, при отделении от тела, не отделяющиеся от Бога в Воскресение возьмут и тело к Богу, входя вместе с Ним в радости неизреченной туда, ***куда предтечею о нас вниде Иисус*** (ср.: Евр. 6, 20), чтоб вместе с Ним наслаждаться и имеющею во Христе открыться славою. Ибо они не одного Воскресения, но и Вознесения Господня и всей Божественной жизни Его будут сопричастниками... (свт. Григорий Палама, 93, 280—281).

***

...Как за смертью души, т. е. за преступлением и грехом, смерть тела после последовала, а с нею и в землю отытие и превращение в персть, за телесною же смертью опять смерть души вторая — осуждение ее во ад: так и за воскресением души, которое есть возвращение ее к Богу чрез исполнение Божественных заповедей, воскресение тела после последует, когда оно опять соединится с душою; за воскресением же сим последует истинное бессмертие и совечнствование с Богом достойных того, соделавшихся духовными из плотских и ставшими, подобно Ангелам Божиим, жить на небе способными (свт. Григорий Палама, 93, 280).

***

Если тело способно к ощущениям духовным, если оно может вместе с душою участвовать в утешении благодатном, если оно отселе может соделаться причастником благодати, то как же ему не воскреснуть для Жизни Вечной, по учению Писания? (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 305).

***

Человек, облеченный в тело, способен был для жительства в раю, в котором ныне способны пребывать одни святые и одними душами своими, в который взойдут и тела святых по Воскресении. Тогда эти тела оставят в гробах дебелость <свою>, усвоившуюся им по падении, тогда они соделаются духовными... явят в себе те свойства, которые им даны были при сотворении. Тогда человеки снова вступят в разряд святых духов и в открытое общение с ними. Образец тела, которое вместе было и тело и дух... видим в

теле Господа нашего Иисуса Христа по Его Воскресении (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 8).

***

Первое воскресение совершается при посредстве двух Таинств — крещения и покаяния... Совершитель воскресения — Дух Святый (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 117—118).

***

<Те, кто> не поклонились ни зверю, ни иконе его, ни антихристу... не прияли ни на челах, ни на десницах начертаний врага Божия, но, усвоив себе ум Христов, постоянно выражали его в образе мыслей и образе действий, не щадя крови своей для запечатления верности Христу, и потому воцарились со Христом. Для них нет смерти! (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 118).

***

Егда скончается тысяща лет, исполнятся времена и созреет весь словесный плод земли, — последует Воскресение второе, воскресение тел. После него усугубится блаженство праведников, благовременно воскресших первым воскресением; усугубится после него смерть отверженных грешников, лишившихся первого воскресения (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 119).

***

Как воскресение христианской души из греховной смерти совершается во время земного ее странствования: точно так таинственно совершается здесь, на земле, ее

истязание воздушными властями, ее пленение ими или освобождение от них; при шествии чрез воздух эти свобода и плен только обнаруживаются (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 159).

***

Воскресает в человеке, приготовленном к тому, Христос, и гроб — сердце, снова претворяется в храм Божий. *Воскресни, Господи, спаси мя, Боже мой* (Пс. 3, 8), в этом таинственном и вместе существенном Воскресении Твоем заключается мое спасение (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 156).

***

Воскресение человеков есть вторичное сотворение их, — и являешься Ты, Спаситель мира, в воскресении человеков Творцом и Богом их (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 457).

****

Шел один мирянин с сыном своим к авве Сисою на гору аввы Антония. В пути сын его умер. Отец не смутился, но с верою принес его к старцу и пал перед ним с сыном, будто кланяясь ему, чтобы получить от него благословение. Затем встал и вышел, оставив сына у ног старца. Старец, думая, что сын еще кланяется ему, говорит отроку: «Встань и пойди вон», — ибо не знал, что он был мертв. Умерший тотчас встал и вышел. Отец, увидев его, изумился и, пришедши к старцу, поклонился ему и рассказал, в чем дело. Старец, выслушав, опечалился, ибо не хотел этого. Ученик же его <старца> запретил мирянину кому-либо сказывать об этом до самой смерти старца (97, 252).

***

Старец Зосима рассказывал: «Однажды мой ученик был укушен змеей и умер, истекая кровью. В большом горе пришел я к отшельникам Феодору и Павлу. Прежде чем я успел поведать им о случившемся, они спросили: «Что с тобою, авва Зосима? Умер брат твой?» И придя вместе со мною, увидели его распростертым на земле и сказали мне: «Не печалься, авва Зосима, Бог милостив!» И воззвали к умершему: «Брат Иоанн, встань! Ты нужен старцу». И он тотчас встал с земли» (103, 149—150).

***

В селении Иммами еженедельно производился торг, на который отовсюду собирались купцы и стекалось множество народа. Один купец продал свой товар, получил много золота и хотел ночью уехать. Разбойник, увидев собранное золото, был объят безумной завистью и, не смыкая глаз, подстерегал этого человека. Купец рано утром отправился в путь, ничего не подозревая. А разбойник, опередив его, спрятался в засаде и внезапно напал на него и убил его. Взял золото, а тело подбросил к дверям Палладия Великого. Когда наступил день и разнеслась об этом молва, все бывшие на торге взволновались и, собравшись, взломали дверь у блаженного Палладия с намерением наказать его за убийство. Блаженный муж, окруженный столь великим множеством людей, воззрел на небо и устремил мысль к Богу, умолял Его открыть истину. Помолившись и взяв лежащего за правую руку, он сказал: «Скажи, юноша, кто нанес тебе удар, покажи виновника злодеяния и освободи невинного от такой нечестивой клеветы». Господь услышал его. Умерший сел и, осмотрев присутствующих, рукой указал на убийцу. Тут поднялся шум, все изумились чуду и

были поражены клеветой. Раздев того злодея, нашли у него нож, обагренный кровью, и золото, ставшее причиной преступления... (108, 125).

***

Однажды пришел к Макарию Египетскому какой-то еретик. Своим красноречием он смутил весьма многих братий-пустынников, наконец, дерзнул явиться к Макарию и обличить его в неправомыслии. Старец стал опровергать его. Еретик возражал, на простые речи старца отвечая хитрыми изворотами. Святой видел, какой опасности подвергается чистота веры братии. «Что нам препираться к соблазну слушателей? — сказал Макарий. — Пойдем к гробницам братий, отшедших уже ко Господу, и кому из нас Господь даст силу воскресить умершего, пусть знают все: вера того угодна Господу». Это предложение с радостью было принято братией. Пришли на могилы. Макарий предложил еретику воскресить умершего во имя Господа. «Нет, господине! — возразил тот. — Ты предложил это условие, ты прежде и воскрешай». И Макарий пал на землю и стал молиться. После продолжительной молитвы, возведя очи ко Господу, воскликнул: «Господи, яви нам, кто из нас обоих право верует, воскресив этого умершего!» И назвал имя одного недавно погребенного брата. Тотчас послышался голос из могилы. Братия бросились разрывать ее. Сняв с умершего погребальные пелены, вывели его из могилы живым. Увидев это, еретик, пораженный ужасом, бежал... (100, 100—101).

ВРАЖДА

Не питай вражды ни к какому человеку, иначе молитва твоя будет неприятна Богу (прп. авва Исаия, 60, 95).

***

Живущие во вражде между собою, если случится им в таком состоянии переселиться из тела, в час Суда найдут себе неумолимое осуждение... (прп. Ефрем Сирин, 31, 334).

***

Как червь точит дерево, так вражда повреждает душу монаха (прп. Ефрем Сирин, 31, 586).

***

Кто имеет вражду на брата и думает принести что-либо Богу, тот принят будет наравне с приносящим в жертву пса, или цену блудницы. Посему ничего не предпринимай делать без любви (прп. Ефрем Сирин, 32, 6).

***

Не имей ни с кем вражды, если можно, даже и на один час; никогда не засыпай, имея с кем-нибудь вражду, чтобы ночь не разлучила вас друг с другом, и чтобы тебе не подпасть неумолимому осуждению (прп. Ефрем Сирин, 32, 371).

***

Одну вражду узаконил нам Законоположник нашей жизни, разумею вражду ко змею, и ни в чем другом не повелел нам проявлять силу ненависти... (свт. Григорий Нисский, 25, 463).

***

Если примиришься прежде вечера <с ближним>, получишь от Бога прощение, но если долее пробудешь во вражде, то неприязнь твоя будет знаком не увлечения от раздражительности и гнева, но злости, знаком души развращенной и преданной греху (свт. Иоанн Златоуст, 46, 231).

***

С одним только повелено нам быть во вражде — с диаволом: с ним никогда не примиряйся (свт. Иоанн Златоуст, 46, 231).

***

...Вражда составляет и небывалые грехи, и у нее находят веру все клеветники — все, кто радуется чужому несчастию и разглашает чужие пороки (свт. Иоанн Златоуст, 46, 232).

***

Если кто будет находиться в неприятных к нам отношениях, не станем еще более воспламенять его нерасположения, а кротостью и смирением в словах и делах будем умирять вражду и таким образом врачевать озлобленную душу (свт. Иоанн Златоуст, 48, 633).

***

Станем все переносить, и делать, и терпеть, лишь бы врагов (наших) примирить с нами. Будем доискиваться не

того, справедливо или несправедливо они злобятся на нас, а только того, чтобы они перестали враждовать против нас (свт. Иоанн Златоуст, 48, 838).

***

...Нет ничего безвреднее, как щадить врагов, и ничего опаснее, как желание платить и мстить за себя (свт. Иоанн Златоуст, 48, 847).

***

<Если> враг твой покусился на твою жизнь, замыслил убить тебя? Если злоумышленника, который простер злобу свою даже до этого, причислишь к благодетелям и не перестанешь молиться за него и умолять Бога о милосердии к нему, — это дело вменяется тебе в мученический подвиг (свт. Иоанн Златоуст, 48, 859).

***

...В минуты гнева вражда, как густое облако, ставши у нас перед глазами и ушами, делает то, что иными кажутся нам и голоса, и лица... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 863).

***

Если ты заговоришь первый <во вражде>, то и Бог, что важнее всего, одобрит тебя, и люди похвалят, и ты получишь полную награду за это приветствие... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 864).

***

...Если ты выжидаешь, чтобы он <враждующий> наперед почтил тебя, а потом уже и ты почтишь его, то ничего особенного не сделаешь, потому что кто предупредил почтить тебя, тот предвосхитит и всю награду за состоявшееся между вами примирение (свт. Иоанн Златоуст, 48, 864).

***

Христос заповедал не то, чтобы не иметь врагов, — это не в нашей власти, но не ненавидеть их; в этом мы властны, а в том — нет (свт. Иоанн Златоуст, 49, 69).

***

Не о том должно заботиться, чтобы не иметь врагов, но чтобы не иметь их справедливо или по своей вине... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 69).

***

Кто ненавидит и не прекращает вражды, тот мучится, истощается, проводит жизнь в постоянной войне, а кто выше этих стрел, тот стоит вдали от треволнений, доставляет себе, а не врагу величайшую пользу... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 69).

***

...Ничто не бывает столько причиною вражды и раздора, как любовь к настоящим благам, пристрастие или к славе, или к богатству, или к удовольствиям. Когда же ты

разорвешь все эти узы и не попустишь душе пленяться чем-нибудь подобным, тогда увидишь, откуда берет свое начало раздор, где лежит основание добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 49, 370).

***

Как дружба и тяжкое делает легким, так, напротив, вражда и малое превращает в несносное, и хотя бы что сказано было просто, во вражде представляется, что это сказано со злым намерением (свт. Иоанн Златоуст, 51, 182).

***

Только по прекращении вражды можно хорошо узнать, что гораздо приятнее любить оскорбившего, чем ненавидеть (свт. Иоанн Златоуст, 51, 799).

***

Когда ты стоишь между двумя враждующими сторонами, то будь на стороне обижаемых, а не обижающих... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 150).

***

Сколько зла происходит от раздражения и гнева! И что особенно тяжело, — когда мы находимся во вражде, то не хотим сами положить начало примирению, но ожидаем других; каждый стыдится прийти к другому и примириться. Смотри, разойтись и разделиться не стыдится, напротив, сам полагает начало этому злу, а прийти и соединить разделившееся стыдится, подобно тому, как если бы кто отрезать член не усомнился, а срастить его стыдился. Что скажешь

на это, человек?.. Справедливость требует, чтобы сам же ты первый пришел и примирился, как бывший причиною вражды. Но если (другой) обидел и тот был причиною вражды? И в этом случае следует (начать примирение) тебе, чтобы тебе больше удивлялись, чтобы тебе иметь первенство как в одном, так и в другом; как не ты был причиною вражды, так не тебе быть и причиною ее продолжения; может быть, и тот, сознав вину свою, устыдится и вразумится. Но он высокомерен? Тем более ты не медли прийти к нему; он страдает двумя болезнями: гордостью и гневом. Сам ты высказал причину, почему ты первый должен прийти к нему: ты здоров, ты можешь видеть, а он во тьме; таковы именно гнев и гордость. Ты свободен от них и здоров, приди же к нему, как врач к больному. Говорит ли кто-нибудь из врачей: такой-то болен, поэтому я не пойду к нему? Напротив, тогда врачи и идут к больному, когда видят, что он сам не может к ним прийти... А не тяжелее ли всякой болезни гордость и гнев? Не подобны ли этот сильной горячке, а та — развившейся опухоли? Представь, каково страдать горячкою и опухолью. Иди же, угаси его огонь; ты можешь сделать это при помощи Божией; останови его опухоль, как бы примочкой. Но что, скажешь, если от того самого он еще более возгордится? Тебе нет до этого нужды; ты сделаешь свое дело, а он пусть отвечает сам за себя; только бы нас не упрекала совесть, что это произошло от опущения с нашей стороны чего-нибудь должного... <Писание> повелевает идти примириться и благотворить врагу, не с тем, чтобы собрать на него горящие уголья, но чтобы он, зная это, исправился, чтобы трепетал и боялся этих благодеяний больше, чем вражды, и этих знаков любви больше, чем обид. Для враждующего не столько опасен враг, причиняющий ему зло, сколько благодетель, делающий ему добро, потому что злопамятный вредит хотя не-

много и себе и ему, а благодеющий собирает уголья огненные на голову его. Поэтому, скажешь, и не должно делать ему добра, чтобы не собрать на него уголья? Но разве ты хочешь собрать их на собственную главу? Это и происходит от памятозлобия. А что, если я <этим> еще более усилю (вражду)? Нет, в этом виновен будешь не ты, а он, если он подобен зверю; если и тогда, как ты благодетельствуешь, оказываешь ему честь и желание примириться, он упорно будет продолжать вражду, то он сам на себя собирает огонь, сам сожигает свою голову, а ты нисколько не виновен (свт. Иоанн Златоуст, 53, 434—436).

***

...Ничто так не способствует диаволу находить место среди нас, как вражда (свт. Иоанн Златоуст, 55, 123).

***

...Враждою мы доставляем радость диаволу, этому врагу, истинному врагу нашему, ради которого мы наносим обиду своему собрату (свт. Иоанн Златоуст, 55, 124).

***

<Вражда> заставляет и слова, которые говорятся в одном смысле, принимать в другом, заставляет заподозривать движения и все, что ни есть, перетолковывать в худую сторону, и тем ожесточает и раздражает (человека), делая его хуже бесноватых, так что он не хочет ни называть, ни слышать имени того, против кого враждует, но произносит (против него) всякие бранные слова (свт. Иоанн Златоуст, 55, 124).

***

После того, как овладела тобою вражда, напала на тебя жестокая буря, и возмущенный ум не может уже ни видеть, ни слышать здраво (прп. Нил Синайский, 73, 164).

***

...Берегись иметь вражду с кем-либо из братий, чтоб не отдалить себя от Бога своего (прп. авва Филимон, 91, 368).

****

Некий брат был в обиде на другого брата, который, узнав об этом, пришел к нему для примирения. Первый не отворил ему дверей. Второй пошел к некоему старцу и рассказал ему о случившемся. Старец отвечал: «Посмотри, нет ли тому причины в твоем сердце? Не признаешь ли себя правым в своем сердце? Не имеешь ли намерения обвинить брата, а себя оправдать? По этой причине Бог не коснулся его сердца и он не отворил тебе дверей. Но то, что скажу тебе, верно: хотя бы он был виноват перед тобой, положи в своем сердце, что ты виноват перед ним, и оправдай брата. Тогда Бог вложит в его сердце желание примириться с тобой». Брат, услышав это, поступил по слову старца, пошел к брату, постучался в дверь. Тот сразу же отворил дверь и, прежде чем пришедший попросил прощения, обнял его от души, и водворился между ними мир (107, 517—518).

***

Авва Витимий спросил авву Пимена: «Если кто будет иметь на меня вражду и я попрошу у него прощения, а он

не простит меня, что мне тогда делать?» «Возьми с собой двух братий, — отвечал старец, — и проси у него прощения. Если и опять не простит, возьми других пять. Если же и при них не простит, возьми священника. А если и тогда не простит, молись спокойно Богу, да Сам Он вразумит его, а ты не заботься» (97, 220).

***

Были два брата по духу, диакон Евагрий и священник Тит. Имели они друг к другу любовь великую и нелицемерную. Диавол же возбудил между ними вражду. И такую ненависть вложил в них, что они не хотели и видеть друг друга. Много раз братия просили их примириться, но они и слышать об этом не хотели. Когда Тит шел с кадилом, Евагрий отбегал от фимиама, когда же Евагрий не бежал, тогда Тит проходил мимо, никого не покадив. Много времени пребыли они во мраке греховном; приступали и к Таинам Христовым — Тит, не прося прощения, а Евагрий, гневаясь. Однажды сильно заболел Тит и, будучи уже при смерти, стал горевать о своем прегрешении и послал к диакону с мольбой: «Прости меня, ради Бога, брат мой, я напрасно гневался на тебя». Евагрий же отвечал жестокими словами и проклятиями. Старцы, видя, что Тит умирает, насильно повлекли Евагрия, чтобы примирить его с братом. Увидев его, больной пал ниц к ногам <Евагрия> и говорил: «Прости и благослови меня, отец мой!» Он же, немилостивый и лютый, отказался перед всеми: «Никогда не хочу примириться с ним, ни в этом веке, ни в будущем». Тогда Евагрий вырвался из рук старцев и вдруг упал. Отцы хотели поднять его, но увидели, что он уже мертв. И не могли ему ни рук протянуть, ни рта закрыть, как у давно

умершего. Все пришли в ужас. Отец Тит тотчас встал, как никогда и не болел. Со многим плачем погребли Евагрия. Рот и глаза у него так и остались открытыми, а руки растянутыми. Тогда отец Тит поведал братии: «Видел я Ангелов, отступивших от меня, и бесов, радующихся моему гневу. И тогда начал я молить брата, чтобы он простил меня. Когда же привели его ко мне, я увидел Ангела немилостивого с огненным копьем, и, когда Евагрий не простил меня, он ударил его, и тот упал мертвый. Мне же Ангел подал руку и поднял меня». Услышав это, убоялись братия Бога, сказавшего: *прощайте и прощены будете* (Лк. 6, 37) (101, 53—55).

***

Один монах был сильно обижен своим братом. Видя в происшедшем действие врага спасения, монах стал со слезами молиться Богу, чтобы ему без греха перенести обиду и не впасть в злопамятование, а брата, во имя любви, — простить. Долгое время на проскомидии вынимал он за него частицу из просфоры. Как-то ночью, в день своего Ангела и Ангела обидчика, монах особенно молился за оскорбителя и на ранней Литургии сугубо просил Господа о прощении.

После обедни в келью монаха пришел его обидчик и, подавая теплый пшеничный хлеб, говорит: «Видел, отче, как ты обо мне молился и поминал на проскомидии. Прости меня». Поклонился, оставил хлеб и вышел. Монах обрадовался и поблагодарил Господа. Решив поблагодарить и брата, он открыл дверь кельи, но там никого не было видно. Это удивило монаха. Он попробовал хлеб, тот был необыкновенно вкусный, такого хлеба монах еще не ел.

Вечером монах пошел к имениннику поблагодарить за посещение и за необыкновенный хлеб. Но брат стал уверять его, что он не был у него и хлеба никакого не приносил. Тогда монах понял, что не земной человек, а, возможно, Ангел-хранитель обидчика посетил его.

После рассказа монаха Божия благодать коснулась сердца обидчика, и тот стал просить прощения у брата. Так, чу́дным образом, они примирились и была уничтожена вражда (108, 354—355).

ВСПЫЛЬЧИВОСТЬ

Кто не легко принимает в себя духа вспыльчивости, тот делается обителью Духа Святаго. В ком нет вспыльчивости, тот не преогорчевает Духа Святаго. Он может быть и кротким, может иметь и любовь, и терпение, и смирение (прп. Ефрем Сирин, 30, 14).

***

...Ветер приводит море в волнение, а вспыльчивость волнует мысли в человеке (прп. Ефрем Сирин, 30, 162).

***

Вспыльчивость есть безвременное воспаление сердца (прп. Иоанн Лествичник, 58, 88).

***

Вспылить будто ничего, но тут весь эгоизм, или грешный человек. Молитесь и сами собирайте мысли, которые были бы водою против сего огня (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 158).

***

Пока жива у вас барыня <гордость>, до тех пор не сладите вы со вспыльчивостью... Это она все командует. Выбросьте ее за дверь и ворота, и накажите, чтобы не смела показываться вам на глаза (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 162).

ВЫСОКОУМИЕ

Мерзостными и ненавистными называет Бог тех, кои мечтают о себе, кои в надмении и гордости ведут себя высокомерно (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 312).

***

После того, как овладела тобою вражда, напала на тебя жестокая буря, и возмущенный ум не может уже ни видеть, ни слышать здраво (прп. Нил Синайский, 73, 164).

***

Высокомудрен тот, кто сам себя возвышает, высоко думает о собственных своих заслугах, превозносится, подобно известному фарисею (Лк. 18, 11), и не ставит себя в ряд со смиренными... (свт. Василий Великий, 9, 204).

***

...Кто дает себе волю, тот явно страждет высокомудрием и подлежит суду Господа, Который сказал: ***еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом*** (Лк. 16, 15) (свт. Василий Великий, 9, 230).

***

Низложи помысл высокоумия прежде, нежели оно низложит тебя (прп. Ефрем Сирин, 30, 148).

***

Высокоумный человек много понесет печалей, а смиренномудрый всегда будет веселиться о Господе (прп. Ефрем Сирин, 30, 156).

***

Из чего видимо бывает высокоумие? Из того, что оно не подчиняется, что оно непослушно, непокорно, водится собственным своим помыслом (прп. Ефрем Сирин, 30, 547—548).

***

Преданный высокомерию делает из себя жилище бесов; а кто облечен в смирение, тот пребывает в Боге (прп. Ефрем Сирин, 33, 117).

***

Должно бояться... по высокомерию не соделать бесполезным для себя предшествовавший труд и не явиться недостойными совершенства, к которому влекла нас благодать Духа (прп. Макарий Египетский, 67, 328—329).

***

...Высокомерие, по своей великой тяжести и громадности, может пересилить и превыспреннюю праведность, и легко увлечь ее вниз (свт. Иоанн Златоуст, 45, 544).

***

Кто помнит о добрых поступках <своих>, тот увлекается высокомерием... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 706).

***

...Высокомерен тот, кто хвалится маловажными вещами и презирает подобных себе рабов (свт. Иоанн Златоуст, 49, 522).

***

...Нет ничего хуже высокомерия. Оно лишает нас самого обыкновенного благоразумия, выставляет глупцами или, вернее, совсем делает безумными (свт. Иоанн Златоуст, 51, 598).

***

...Ничто так не отчуждает от человеколюбия Божия и не подвергает огню геенскому, как преобладание высокомерия (свт. Иоанн Златоуст, 52, 66).

***

Когда оно <высокомерие> в нас есть, то вся наша жизнь делается нечистою, хотя бы мы подвизались в целомудрии, девстве, постничестве, молитвах, милостыне и других добродетелях (свт. Иоанн Златоуст, 52, 66).

***

...<Высокомерие> есть не что иное, как развращение души и самая тяжкая болезнь, происходящая не от чего другого, как только от безрассудства (свт. Иоанн Златоуст, 52, 108).

***

Быть глупым по природе не составляет вины, а сделаться глупым, имея разум, неизвинительно и влечет за собою большое наказание. Таковы те, которые по причине своей мудрости много о себе думают и впадают в крайнее высокомерие. Ничто ведь так не делает глупым, как кичливость (свт. Иоанн Златоуст, 53, 755).

***

Как тело, когда потеряет равномерное соединение жизненных сил, становится расстроенным и подвергается всяким болезням, так и душа, когда утратит свою возвышенность и смиренномудрие, впавши в некоторое болезненное состояние, делается и робкою, и дерзкою, и безумною, и наконец перестает узнавать саму себя (свт. Иоанн Златоуст, 53, 756).

***

...Высокомерные несчастнее и помешанных в уме, и глупых по природе; они возбуждают смех, подобно последним, и неприятны, подобно первым, и хотя столько же расстроены в уме, как помешанные, но не возбуждают столько сожаления, как те; они безумствуют, как и глупцы, но не заслуживают оправдания, как те, а внушают только одно отвращение (свт. Иоанн Златоуст, 53, 756).

***

...Разве ты не делаешь из себя чуда, когда, будучи человеком, замышляешь летать? Но лучше сказать, ты летаешь уже внутренне, все тебя поднимает вверх. Как мне назвать

тебя? Чем истребить твое высокоумие? Если я назову тебя пеплом, прахом, дымом и пылью, то я, хотя и назвал низкие предметы, но ни один не изображает тебя в точности, как я хотел бы, ведь я желаю представить всю надутость и пустоту людей высокомерных. Какой же нам найти образ, им соответствующий? Мне кажется, что они подобны зажженному льну. Как вспыхнувший лен по видимому раздувается и приподнимается, но от легкого прикосновения руки опадает и оставляет самый мелкий пепел, таковы же и души высокомерных: их пустую надутость может смирить и уничтожить случайное прикосновение. Всякий высокомерный по необходимости должен быть слабым, потому что высокое не бывает крепко, но как водяные пузыри скоро лопаются, так и высокомерные легко погибают (свт. Иоанн Златоуст, 53, 756).

***

...Старайся безумие высокомерия сдерживать браздами скромности, приобрети себе наружность, приличную человеку благонравному, и ни глазами, ни бровями, ни языком, ни походкою не показывай в себе следа такой болезни (прп. Исидор Пелусиот, 62, 70).

***

...Бесстыдное око, поднятая высоко выя, непрестанное движение бровей, порывистая поступь, способность не краснеть ни от какой срамоты — признаки души самой гнусной, отпечатлевающей на теле явные черты страстей своих (прп. Исидор Пелусиот, 62, 307).

***

Смотри, чтобы твое ни с чем не сравнимое высокомерие не понудило когда-либо Божественное, преисполненное снисхождения естество показать свое могущество, которое может и здесь предать тебя конечной гибели, а там подвергнуть самым жестоким наказаниям (прп. Исидор Пелусиот, 62, 357).

***

...Не старайся в чем-нибудь показываться праведнее других братий. Иначе ты сделаешь два зла: братию уязвишь своею ложною и притворною ревностью и себе дашь повод к высокомерию (прп. Иоанн Лествичник, 58, 46).

***

Если ты высокомерен, то да будет твоим руководителем человек суровый и неуступчивый, а не кроткий и человеколюбивый (прп. Иоанн Лествичник, 58, 57).

***

Праведно гнев посещает высокомудрствующий о себе ум, т. е. оставление его, или попущение ему потерпеть нападки от демонов и в деятельности и в умствовании; чтоб он пришел чрез это в чувство естественной своей немощности и в сознание покрывающей его и все доброе в нем совершающей Божией силы и благодати, и смирил себя, далеко отревая от себя неестественную и чуждую ему высимость, дабы иначе не нашел на него другой гнев, — гнев отъятия ниспосланных прежде даров (прп. Максим Исповедник, 91, 273).

****

Один старец, столпник, спасавшийся близ Едессы, на вопрос святителя Феодора, епископа Едесского, что заставило его взойти на столп и столько лет на нем подвизаться, отвечал: «Вместе со старшим братом я расстался с миром еще в юности. Сначала три года мы провели в монастыре, а затем ушли в пустыню и, найдя тут две пещеры, поселились: я — в одной, брат — в другой. Время мы проводили в безмолвии, посте и молитве и сходились только в воскресные дни. Такая жизнь в пустыне для меня продолжалась, однако, недолго. Раз, когда мы оба вышли из своих пещер для сбора злаков и кореньев для еды и были на некотором расстоянии друг от друга, я вдруг заметил, что брат мой внезапно остановился, как будто чего-то испугавшись, а потом стремглав побежал и скрылся в своей пещере. Недоумевая, что бы это значило, я пошел к месту его внезапной остановки, чтобы посмотреть, что там такое. И что же? Вижу рассыпанным громадное количество золота. Недолго думая, снял я с себя мантию, собрал в нее неожиданно найденное сокровище и с большим трудом принес в свою келью. После этого, не сказав брату ни слова, я ушел в город, купил там большой дом, устроил в нем странноприимницу и больницу и при них основал монастырь, поместив в нем сорок иноков. Поручив все это опытному игумену и вручив ему на нужды тысячу златниц, другую же тысячу раздав бедным, я снова оставил мир и пошел к своему брату. На пути я начал высокоумствовать и осуждать брата за то, что он не хотел сделать добра из найденного им золота. Когда я подходил к вертепу брата, то помыслы высокоумия и самомнения уже совершенно овладели мной. Но в это самое

время является мне Ангел Божий с грозным видом и говорит: «Знай, что все, что ты совершил, не стоит прыжка, сделанного твоим братом через золото, и он несравненно выше и достойнее тебя пред Богом. Ты даже недостоин того, чтобы видеть его, и так будет до тех пор, пока покаянием и слезами не очистишься от греха». После этого Ангел стал невидим, а я пошел к вертепу брата и, к своему ужасу, действительно не мог увидеть его. Много тут я пролил слез, столь много, что пришел в совершенное изнеможение. Наконец, Господь сжалился надо мной, и голос свыше указал мне идти на это место, где теперь видишь меня и где я живу уже сорок девять лет. Здесь только в последнее, пятидесятое, лето Ангелом возвещено мне полное прощение и обещание, что я увижусь с братом в обителях небесных» (113, 352—353).

ИСТОЧНИКИ

1. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1902.

2. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1902.

3. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1903.

4. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1903.

5. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1900.

6. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1900.

7. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1900.

8. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1901.

9. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 5. ТСЛ, 1901.

10. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

11. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1902.

12. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 1. М., 1843.

13. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 2. М., 1844.

14. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 3. М., 1844.

15. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 4. М., 1844.

16. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 5. М., 1847.

17. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 6. М., 1848.

18. Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. М., 1861.

19. Творения святого Григория Нисского. Ч. 2. М., 1861.

20. Творения святого Григория Нисского. Ч. 3. М., 1862.

21. Творения святого Григория Нисского. Ч. 4. М., 1862.

22. Творения святого Григория Нисского. Ч. 5. М., 1863.

23. Творения святого Григория Нисского. Ч. 6. М., 1864.

24. Творения святого Григория Нисского. Ч. 7. М., 1865.

25. Творения святого Григория Нисского. Ч. 8. М., 1871.

26. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 1. М., 1994.

27. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 2. М., 1994.

28. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 3. М., 1994.

29. Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. 10-е изд. Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни: Свято-Троицкая Лавра, 1913.

30. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 1. М., 1881.

31. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 2. М., 1881.

32. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1912.

33. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1900.

34. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 5. М., 1887.

35. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

36. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1913.

37. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 8. ТСЛ, 1914.

38. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1905.

39. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1886.

40. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 3-е изд. Т. 3. СПб., 1905.

41. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетическая проповедь. 3-е изд. Т. 4. СПб., 1905.

42. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Письма к мирянам. 2-е изд. Т. 4. СПб., 1886.

43. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Приношение современному монашеству. 3-е изд. Т. 5. СПб., 1905.

44. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина: Точное изложение православной веры. СПб., 1894.

45. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. 2-е изд. Т. 1.: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

46. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 2.: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1896.

47. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 3.: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1897.

48. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 4.: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

49. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 5.: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1899.

50. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 6.: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1900.

51. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 7.: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1901.

52. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 8.: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1902.

53. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 9.: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1903.

54. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 10.: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1904.

55. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 11.: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1905.

56. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 12.: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1906.

57. Писания преподобного отца нашего Иоанна Кассиана Римлянина. 2-е изд.: Пер. с лат. еп. Петра. М., 1892.

58. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. 7-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1908.

59. Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирина, подвижника и отшельника, бывшего епископом града Ниневии. Слова подвижнические. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893.

60. Преподобного и богоносного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского: Духовно-нравственные слова. 2-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1911.

61. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 1. М., 1859.

62. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 2. М., 1860.

63. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 3. М., 1860.

64. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Письма. 2-е изд. Ч. 1. Киев, 1891.

65. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Трактаты. 2-е изд. Ч. 2. Киев, 1891.

66. Творения святых отцев в русском переводе, издаваемые в Московской Духовной Академии/Творения святителя Кирилла Александрийского. Т. 49, Ч. II. Изд. ТСЛ, 1882.

67. Преподобного отца нашего Макария Египетского: Духовные беседы, послания и Слова. 4-е изд. ТСЛ, 1904.

68. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе: Нравоучительные сочинения. Ч. 1. ТСЛ, 1910.

69. Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника: Нравственно-подвижнические слова. 2-е изд. Сергиев Посад, 1911.

70. Невидимая брань, блаженной памяти старца Никодима Святогорца. 2-е изд.: В 2 ч./Пер. с греч. еп. Феофана. М., 1892.

71. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 1. М., 1858.

72. Творения преподобного отца нашего Пила, подвижника Синайского. Ч. 2. М., 1858.

73. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 3. М., 1859.

74. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 1. М., 1874.

75. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 2. М., 1874.

76. Слова преподобного Симеона Нового Богослова: Вып. 1. 2-е изд. М., 1892.

77. Слова преподобного Симеона Нового Богослова: Вып. 2. 2-е изд. М., 1890.

78. Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова. Сергиев Посад, 1917.

79. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 1. М., 1898.

80. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 2. М., 1898.

81. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3. М., 1898.

82. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 4. М., 1899.

83. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 5. М., 1899.

84. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 6. М., 1900.

85. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900.

86. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 8. М., 1901.

87. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?/ Письма еп. Феофана. 5-е изд. М., 1904.,

88. Внутренняя жизнь: Слова епископа Феофана. Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1893.

89. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 1. М., 1883; 3-е изд. М., 1895.

90. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 2. М., 1884.

91. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 3. М., 1888; 3-е изд. М., 1900.

92. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 4. М., 1889.

93. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 5. М., 1890; 3-е изд. М., 1900.

94. Писание мужей апостольских/Ерм. Пастырь/Пер. прот. Петра Преображенского. 2-е изд. СПб., 1895.

95. Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на Святой Афонской горе просиявших. 7-е изд. Ч. 1, 2. М., 1897.

96. Глинский патерик/Прил. к диссертации свящ. Александра Чеснокова «Глинская пустынь». Загорск, 1990. (Машинопись. Ин. № 200276).

97. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. М., 1845.

98. Древний патерик. М., 1874. (Он же Скитский патерик).

99. Древний патерик: Избранные сказания. М., 1914.

100. Жизнь пустынных отцев/Творение пресвитера Руфина. ТСЛ, 1898.

101. Киево-Печерский патерик/Сост. М. Викторова. Киев, 1893.

102. Лавсаик/Сост. Палладий, еп. Еленопольский. СПб., 1850.

103. Луг духовный/ Творение блаженного Иоанна Мосха. Сергиев Посад: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915.

104. Митерикон: Собрание наставлений аввы Исаии всечестной инокине Феодоре. 2-е изд./Пер. еп. Феофана. М., 1898.

105. Московский патерик/Сост. Е. Поселянин. М.: Изд. Московского дворянства, 1912.

106. Оптинский патерик. Б-ка Московской Духовной Академии. (Машинопись. Инв. № 123611).

107. Отечник/Еп. Игнатий (Брянчанинов). 4-е изд. СПб., 1903.

108. Отечник проповедника/Сост. иг. Марк (Лозинский). ТСЛ, 1996.

109. Палестинский патерик/И. Помяловский. Вып. 5. СПб., 1895.

110. Патерик Волыно-Почаевский/Сост. прот. А. Хойнацкий. М., 1883.

111. Практическая симфония/Сост. Г. Дьяченко. М., 1912.

112. Духовный мир/Сост. Г. Дьяченко. М., 1900.

113. Пролог в поучениях/ Прот. В. Гурьев. М., 1912.

114. Соловецкий патерик. М., 1895.

115. Троицкие цветки с лута духовного/Сост. арх. Кронид (Любимов). ТСЛ, 1997.

116. Троицкий патерик. ТСЛ, 1896. Репринт.

117. Цветник духовный. 5-е изд.: В 2 ч. М., 1903.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Богообщение 5
Богооставленность 31
Богоотступничество 38
Богопознание 47
Богородица 121
Богословие 144
Богосозерцание 179
Богоугождение 189
Богоуподобление 199
Бодрствование 207
Болезни 211
Брак 230
Брань духовная 266
Вдовство 321
Ведение 323
Вера 333
Ви́дение 388
Виде́ние 397
Винопитие 405
Власть 415
Вожделение 421
Воздаяние 428
Воздержание 438
Война 476
Воля Божия 477

Воля человеческая 494
Воображение 505
Воровство 509
Ворожба 515
Воскресение 517
Вражда 543
Вспыльчивость 554
Высокоумие 555
Источники 563

ББК 86.372-574
С-59

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том II

Издание Московской Духовной Академии
и Введенской Оптиной Пустыни, 2003

249700, Калужская обл., г. Козельск,
Введенская Оптина Пустынь.
Издательский отдел, тел.: (095) 421-71-41

ЛР № 030470 от 30.12.97

Зак. 2844. Тираж 5000 экз. ГМП «Первая Образцовая типография»
115054, Москва, Валовая, 28

ISBN 5-86594-066-X

© Введенская Оптина Пустынь, 2003

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том III

Гадание — Демоны

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
И ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
2004

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

Г

ГАДАНИЕ

Не любопытствуй о будущем, но располагай настоящим в пользу. Ибо какая тебе выгода предвосхитить ведение? Если будущее принесет тебе нечто доброе, то оно придет, хотя ты и не предузнал. А если оно скорбно, какое для тебя приобретение наперед томиться скорбью?.. Хочешь ли удостовериться в будущем? Исполняй предписанное Законом, и ожидай наслаждения благими (свт. Василий Великий, 6, 259).

***

...У плотолюбцев в настоящей жизни есть некая рачительность о том, чтобы иметь сколько-нибудь ведения о будущем, при котором надеются или избежать бед, или же достигнуть желаемого; то посему, чтобы люди обращали взор не к Богу, исполненное обмана демонское естество изобрело многие способы узнавать будущее, как то: птицегадания, толкования знамений, прорицания, наблюдения внутренностей у животных, вызывание мертвых, исступления, наития божеств, вдохновения и многое другое

сему подобное. И как скоро какого-либо род предведения, вследствие обмана признан истинным, обольститель демон представляет его обольщенному в оправдание лживого предположения. Так устроят демон, что полет орла служит к возбуждению надежды в наблюдателе; на трепетание печени, на колебание, происходящее во вздувшихся мозговых оболочках, на вращение глаз и на всякую ложную примету, подобную означенной, ухищрение демонское указывает обольщаемым, чтобы люди, отступив от Бога, обратились к служению демонам, в уверенности, что они совершают подобные вещи. Посему одним из видов обмана был и обман чревовещателей, о которых верили, что их чародейство может души умерших снова привлекать в здешнюю жизнь (свт. Григорий Нисский, 21, 194—195).

***

Добровольно не решайтесь прибегать к гадателям, но если бы вас привлекали к тому другие, и тогда не соглашайтесь... Человеческая природа всегда желает, ищет и употребляет тщательные усилия знать невидимое, особенно желает наперед знать о своих несчастиях, чтобы, вследствие неожиданности, не впасть в замешательство... Поэтому если вы будете внимать совету других, то вы будете недостойны расположения и милости Божией, вы, приготовляющие для самих себя бедствия (свт. Иоанн Златоуст, 49, 109).

***

Гадатель — это злой демон, который говорит из чрева женщин и этим странным действием старается ложное сделать достоверным, говорит же он не естественным об-

разом, а из живота, и этим людей невежественных повергает в изумление, показывая, что он говорит истину... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 109—110).

***

Что же, в самом деле, значит гадание по светилам? Не что иное, как ложь и запутанность, по которым все происходит наудачу и не только наудачу, но и безрассудно (свт. Иоанн Златоуст, 50, 758).

****

Как-то торговец рыбой выехал на базар очень рано и, соскучившись ожиданием покупателей, мысленно загадал на первом покупателе, какова будет торговля на целый день. Когда нетерпение и неудовольствие, выражаемые, по русскому обычаю, крупными бранными словами, возросли до высокой степени, явился мужик необычного роста и приказал отвесить пуд рыбы, сказав при том: «Молитва твоя дошла до царя нашего и милостиво выслушана». Купец в хлопотах мало обратил внимания на эти слова, а при расчете, по обычаю, распространенному между мелочными торговцами, перекрестился, сказав: «Господи, благослови!» — и покупатель внезапно исчез. Старик этот до самой смерти своей не переставал заповедать детям и внукам сколь возможно чаще, во избежание вражеских козней, осенять себя крестным знамением и призывать имя Господне и отнюдь не вдаваться ни в какие суеверные гадания, которые так приятны врагу и коими он легко может нас завлечь и запутать в свои сети и, чего доброго, довести до беды и несчастья (111, 326).

***

Однажды пять крестьянских девушек, в отсутствие своих домашних, принялись на Новый год разгадывать тайны жизни следующим образом: желающая узнать свое будущее ложилась на лавку под святые иконы, перед которыми теплилась свечка, на грудь себе клала зеркальце, в которое пристально смотрела до тех пор, пока не увидит желаемого или пока что-нибудь не представится ее воображению. Остальные девушки уходили в подпол и, выходя оттуда поодиночке, кланялись лежащей и приговаривали обычный деревенский привет: «Прости и благослови!»

Так ложились девушки по очереди. И вот легла одна из них. Подруги выходили из подпола и кланялись ей с обычным приветствием. Таким образом переходили уже все, а гадальщица все лежит да лежит без малейшего движения. Странно показалось это девушкам, сомнение запало в их души. Одна из девушек, вглядываясь пристально в лицо подруги, с ужасом заметила, что глаза ее, устремленные в зеркало, неподвижны. Позвала других, будят девушку, но ни ответа, ни движения: несчастная заснула смертным, непробудным сном, до возглашения трубы архангельской, взывающей мертвых на Суд. Вот каковы последствия легкомысленной веры в гадание для этой несчастной! (111, 324).

***

Две сестры в ночь на Святую Пасху пожелали узнать о своем будущем. Они решили подслушивать под окнами в конце деревни. Вдруг им представилась похоронная процессия и старшая из них лежащею во гробе. Младшая в испуге убежала домой, а старшая сестра тут же упала на землю без чувств. Она помешалась в рассудке и пробо-

лела три месяца. Теперь она уже старуха лет семидесяти. И все время после этого несчастья она своими увещеваниями отговаривала многих молодых девушек и женщин от неразумных искушений — пытать неведомое будущее (111, 325).

ГНЕВ

...Если не будете удерживаться от <гнева>... то потеряете всю надежду спасения (св. Ерм, 93, 186—187).

***

...С корнем исторгайте из сердец ваших томящие вас злые помышления, какие имеете друг на друга, чтобы таким образом пресекать всякий зародыш недружелюбия, корень которого — ненависть и зависть (прп. Антоний Великий, 88, 53).

***

На согрешающих не должно гневаться, хотя бы совершаемые ими проступки были достойны наказания. Виновных, ради самой правды, должно обращать (на путь истинный) и наказывать, если потребуется, или самим, или через других, а гневаться на них или серчать не следует, потому что гнев действует только по страсти, а не по суду и правде (прп. Антоний Великий, 88, 75).

***

Если нападет на тебя гнев, поспешнее гони его подальше от себя — и будешь радоваться во все дни жизни твоей (прп. Антоний Великий, 88, 113).

***

Уму свойственен также гнев, не чуждый естеству; без гнева человек не может иметь чистоты, т. е. если <человек> не будет гневаться на все всеваемое в нас от врага... Этот гнев превратился в нас в такое состояние, что мы воспламеняемся им на ближних своих за какие-либо ничтожные и бесполезные вещи (прп. авва Исаия, 59, 11).

***

Четырьмя вещами умножается в нас гнев: когда стремимся удовлетворить пожеланиям, когда последуем собственной воле, когда присваиваем себе право учительства и когда почитаем себя мудрыми (прп. авва Исаия, 59, 51).

***

<Христос> вкусил за нас оцет, чтобы мы погасили в себе гнев и всякое смущение суетное (прп. авва Исаия, 59, 73).

***

Если будет тебе нужно (обличить) брата, и видишь себя в гневе и нестроении, то отнюдь ничего не говори ему, чтоб не прийти в большее расстройство (прп. авва Исаия, 88, 430).

***

Когда смущает тебя искушение сказать укоризненное слово, представь, что должен ты решить о себе, приблизиться ли тебе к Богу долготерпением, или чрез гнев пе-

редаться на сторону противника (свт. Василий Великий, 8, 146).

***

...Если остаешься негневным, то приводишь в стыд обидчика, показав целомудрие на самом деле (свт. Василий Великий, 8, 148).

***

...Господь гневающемуся напрасно угрожает судом, но не запрещает, где должно, употреблять гнев, как бы в виде врачевства (свт. Василий Великий, 8, 151).

***

Каким образом можно не приходить в гнев? Если всегда будешь в той мысли, что ты пред очами зрителя Бога и близ тебя Сущего Господа (свт. Василий Великий, 9, 193—194).

***

Иные говорят, что невозможно человеку не гневаться? — Если бы воину можно было гневаться перед очами царя, то и в таком случае сказанное не имело бы основания. Ибо если взор человека, по природе равночестного, по превосходству его сана удерживает от страсти, то не тем ли паче удержится тот, кто несомненно уверен, что Бога имеет зрителем собственных своих движений, поелику Бог, испытующий сердца и утробы, душевные движения видит гораздо лучше, нежели человек — наружные? (свт. Василий Великий, 9, 233).

***

...Обладаемый страстью гнева не производит ничего здравого (свт. Василий Великий, 9, 354).

***

Не должно допускать, чтобы солнце заходило во гневе брата, иначе ночь может разлучить обоих и оставить им неизбежное осуждение в день Суда (свт. Василий Великий, 10, 57).

***

Негневливый украшается всяким добрым делом и возлюблен Христу. Посему подлинно тот трекратно блажен, кто постоянно отгоняет от себя духа гнева и раздражительности, потому что у него всегда здравы и тело, и душа, и ум (прп. Ефрем Сирин, 30, 14).

***

Кто не скоро приходит в гнев и не трогается пустым словом, тот делатель правды и истины. Он без труда сдерживает страждущих говорливостью и обходится с ними терпеливо (прп. Ефрем Сирин, 30, 14).

***

Блажен человек, который не легко приходит в гнев или в раздражение. Он всегда бывает в мире. Прогоняя от себя духа раздражительности и гневливости, он далек от войны и мятежа, всегда спокоен духом и весел лицом (прп. Ефрем Сирин, 30, 14).

***

Он <негневливый> не делает обиды, с ним не встречаются немощи, он не радуется ссорам, потому что ко всем изъявляет любовь. Негневливый не любит споров, но всегда здрав он умом, любит мир, вселяется в долготерпении (прп. Ефрем Сирин, 30, 14).

***

Он <гневливый> чужд мира, далек и от здравия, потому что и тело у него непрестанно истаявает, и душа скорбит, и плоть увядает, и лицо покрыто бледностью, и мысль изменяется, и разум изнемогает, и помыслы льются рекою, и всем он ненавистен (прп. Ефрем Сирин, 30, 15).

***

...Гневающийся... убивает душу свою... потому что всю жизнь проводит он в смятениях и далек от спокойствия (прп. Ефрем Сирин, 30, 15).

***

Такой <гневливый> человек далек от долготерпения и от любви, пустыми речами легко приводится в смятение, из безделицы заводит ссоры; где нет в нем нужды, там вмешивается в дело и навлекает на себя большую и большую ненависть (прп. Ефрем Сирин, 30, 15).

***

Такой <гневливый> человек любит многословие и хватается за то, что бесполезно. Ему приятно злоречие, для кротости он немощен, а в лукавстве мужествен... Он мер-

зок пред Богом и пред людьми. Ибо вспыльчивый во всем несносен. Посему остерегайтесь вспыльчивости (прп. Ефрем Сирин, 30, 15—16).

***

Упражняйся в негневливости, чтоб не упиться тебе без вина, отягчив себя пороком и гневом (прп. Ефрем Сирин, 30, 509—510).

***

Кто питает в себе гнев, вражду, ненависть и раздор, тот враг Божий, тот друг лукавому сатане! (прп. Ефрем Сирин, 33, 112).

***

Если гнев вселится в душу твою, то им уже уничтожен день твоей жизни; по крайней мере, не дозволяй гневу переходить на другой день, чтобы не погубил он целой жизни твоей (прп. Ефрем Сирин, 33, 363—364).

***

Не дозволяй ему <гневу> провести ночь у тебя, не давай ему закиснуть и остаться в тебе, потому что если гнев закиснет в душе, то растлит, помутит, заразит, осквернит душу, и она сделается годною только на зло (прп. Ефрем Сирин, 33, 364).

***

Если где увидишь лежащую змею — бежишь прочь, боясь, чтобы не ужалила тебя, а гневу, который полон

смертоносного яда, позволяешь оставаться в сердце твоем. Если змея ползет к тебе в недро — трепет объемлет все твои члены, но сердце твое <гневное> — вертеп, наполненный василисками. Плоть страждет и истлевает, если только дохнет василиск, а где живет гнев, там губительный яд (прп. Ефрем Сирин, 33, 364).

***

Худая закваска всему тесту сообщает дурной запах, и гнев, если поживет в душе, оставит в ней свой неприятный вкус. Люты змея и василиск, но гораздо злее их — гнев (прп. Ефрем Сирин, 33, 364).

***

Он <гнев> губит, умерщвляет и удаляет от Бога душу. Если в доме у себя увидишь змею — стараешься ее поймать и убить, а умерщвляющий тебя гнев живет в душе твоей, и не гонишь его вон (прп. Ефрем Сирин, 33, 364).

***

Гони его <гнев> ясностью чела своего, кажись веселым, а не досадующим, и попрепятствуешь гневу погубить вдруг две души (прп. Ефрем Сирин, 33, 365).

***

Гневающийся на ближнего своего да примирится с ним, чтобы примирился с ним прогневанный Правосудный (прп. Ефрем Сирин, 34, 94).

***

Гнев питай на одного только змия, чрез которого ты пал (свт. Григорий Богослов, 15, 146).

***

Гнев — небезопасный для всякого советник; что предпринято в гневе, то никогда не бывает благоразумно (свт. Григорий Богослов, 15, 362).

***

Как скоро покажется только дым того, что разжигает твои мысли, то, прежде нежели возгорится огонь и раздуется пламень, едва почувствуешь в себе движение духа, привергнись немедленно к Богу и, помыслив, что Он твой Покровитель и Свидетель твоих движений, стыдом и страхом сдерживай стремительность недуга, пока болезнь внимает еще увещаниям. Воззови тотчас словами учеников: «Наставник, меня окружает страшное волнение, отряси сон» (см.: Лк. 8, 24). И ты отразишь от себя раздражительность, пока владеешь еще рассудком и мыслями (ибо их прежде всего подавит в тебе эта болезнь); пока она, как не терпящий узды конь, не перегрызла удил и не помчалась быстро, оставляя за собою дорогу, холмы и овраги и гневливостью омрачив путеводные очи. Разуму легче управлять тем, кто не выступил из подчинения, нежели удержать насилием того, кто восхитил уже над ним власть. Такой, разгорячая сам себя, не остановится, пока не низринет всадника с высоты рассудка (свт. Григорий Богослов, 16, 155).

***

Не знаю, плакать или смеяться над тем, что делается. Гнев все, даже и небывалое, обращает себе в оружие. Это — обезьяна и делается Тифеем, вертит рукою, ломает пальцы, ищет холма или вершины Этны, чтобы силою руки своей издали вергнуть в неприятеля вместе и стрелу и гроб. Какой огонь или какой град остановит продерзость? Если пращи слов истощились, то приводятся в действие руки, начинаются рукопашный бой, драки, насилие. Тот одерживает верх над противником, кто наиболее несчастен и препобежден, потому что одержать верх в худом называю поражением. Не бес ли это? Даже и больше беса, если исключить одно падение; но случалось видеть и падения возмущенных гневом, когда они увлекаются порывом духа. Не явное ли это отчуждение от Бога? Да и что же иное? Потому что Бог кроток и снисходителен; нехорошо предавать поруганию Божий образ, а на место его ставить неизвестный кумир! (свт. Григорий Богослов, 16, 158—159).

***

...Скажи, какое другое зло хуже преступившей меру гневливости? И есть ли от этого какое врачевство? В иных болезнях прекрасное врачевство — мысль о Боге. А гневливость, как скоро однажды преступила меру, прежде всего заграждает двери Богу. Самое воспоминание о Боге увеличивает зло, потому что разгневанный готов оскорбить и Бога. Видал я иногда и камни, и прах, и укоризненное слово (какое ужасное умоисступление!) были бросаемы и в Того, Которого нигде, никто и никак не может

уловить; законы отлагались в сторону; друг не узнан; и враг, и отец, и жена, и сродники — все уравнено одним стремлением и одного потока. А если кто станет напротив, то на себя привлечет гнев, как зверя, выманиваемого шумом. И защитник других сам имеет уже нужду в защитниках (свт. Григорий Богослов, 16, 159—160).

***

Стагирский философ хотел ударить одного человека, которого он застал в постыдном и худом деле, но как скоро почувствовал, что в него самого вступил гнев, борясь со страстью как с врагом, остановился и, помолчав недолго, сказал (подлинно мудрое слово!): «Необыкновенное твое счастье, что защищает тебя мой гнев. А если бы не он, ты пошел бы от меня битым. Теперь же стыдно было бы мне худому ударить худого и, когда сам я побежден страстью, взять верх над рабом» (свт. Григорий Богослов, 16, 162—163).

***

Один человек, не из числа почтенных граждан, злословил великого Перикла и до самого вечера преследовал его многими и злыми укоризнами. Но Перикл молчал, принимая это оскорбление, как почесть; когда же ругатель устал и пошел домой, <философ> велел проводить его со светильником и тем угасил его гнев (свт. Григорий Богослов, 16, 163).

***

Скажешь: что ж? Не сама ли природа дала нам гнев? Но она дала также и силу владеть гневом. Кто дал нам слово, зрение, руки и ноги, способные ходить? Все это

даровали Бог и природа, но даровали на добро; и не похвалю тебя, который употребляешь их во зло. То же надобно сказать и о других душевных движениях. Это Божии дары — под руководством и управлением разума (свт. Григорий Богослов, 16, 166).

***

...Если ты читал что-нибудь о гневе мужей благочестивых, то найдешь, что гнев их всегда был справедлив. И я думаю даже, что это был не гнев, а наказание, справедливо положенное на злых. И это наказание не было для них злом; напротив того, удары были весьма полезны для требовавших многого очищения в жизни, потому что иглистая ветвь сама призывает на себя острие железа — полезны, говорю, были как до Закона, так и при Законе, пока он не приобрел надлежащей силы, как не совершенно еще укоренившийся в людях (свт. Григорий Богослов, 16, 167—168).

***

...Как удерживаться, чтобы не воспламенялся в тебе гнев от чужого гнева, как огонь от огня? Ибо равно худо, как самому первоначально предаваться злу, так и прийти в одинаковое расположение с предавшимся худому стремлению. Во-первых, прибегни немедленно к Богу и проси, чтобы Он нещадно сокрушил разящий тебя град, но вместе пощадил нас, которые не обижали других. А в то же время положи на себя знамение креста, которого все ужасается и трепещет, и ограждением которого пользуюсь я во всяком случае и против всякого. Потом изготовься к борьбе с тем, кто подал причину к сему гневу, а не кто предался ему, чтобы тебе, хорошо вооружившись, удобнее

было победить страсть. Ибо неготовый не выдерживает нападения. А кто хорошо приготовился, тот найдет и силы победить. И что значит победить? Равнодушно перенести над собою победу. В-третьих, зная, из чего ты произошел и во что обратишься, не думай о себе очень много, чтобы не смущало тебя высокое и не по достоинству составленное о себе мнение. Ибо смиренный равнодушно переносит над собою победу, а слишком надменный ничему не уступает. Но те, которые, чтобы сколько-нибудь остановить свое превозношение, сами себя называют землею и пеплом, как от них же мне известно, суть Божии други. А ты, как будто совершенный, отказываешься терпеть оскорбления. Смотри, чтоб не понести тебе наказание за самомнение. Где же тебе согласиться потерпеть что-нибудь неприятное на самом деле, когда не можешь снести благодушно и слова? В-четвертых, знай, добрый мой, что и жизнь наша ничто, и мы все не безгрешные судьи о добрых и худых делах, но большею частью и всего чаще носимся туда и сюда и непрестанно блуждаем. Что гнусно для нас, то не гнусно еще для Слова; а что не таково для меня, то, может быть, таким окажется для Слова. Одно, без всякого сомнения, гнусно: это — злонравие. А здешняя слава, земное богатство и благородство — одни детские игрушки. Поэтому, о чем сокрушаюсь, тем, может быть, надлежало бы мне увеселяться; а при чем поднимаю вверх брови, от того более смиряться, нежели сколько теперь превозношусь, надмеваясь неблагоразумно. В-пятых, будем иметь больше рассудительности. Если нет ни малой правды в том, что говорит воспламененный и ослепленный гневом, то слова его нимало нас не касаются. А если он говорит правду, то значит, что сам я нанес себе какую-нибудь обиду. За что же жалуюсь на того, кто объявил остававшееся доселе скрытым? Гнев не умеет сохранять

верности. Ибо если прибегает он часто и к неправде, то удержит ли в себе тайну? После сего уцеломудришь себя в гневе, рассуждая так: если эта вспышка не есть зло, то несправедливо и обвинять ее. А если зло, что и действительно <так>, в чем и сам ты сознаешься, то не стыдно ли терпеть в себе то, что осуждаешь в других, когда терпишь от них сам, и не вразумляться примером своего врага? Притом если и прежде не пользовался добрым о себе отзывом тот человек, который горячится и дышит дерзостью, то и теперь порицание падет, очевидно, на него, а не на тебя. А если он человек превосходный, то не почтут тебя здравомыслящим, потому что мнение большинства всегда склоняется в пользу лучшего. Но ты делал ему добро? Тем паче его осудят. Но он обидел тебя? Ты не делай ему зла. Но его надобно остановить? Что ж, если в большее придет еще неистовство? Он первый начал? Пусть вразумленный и словом, и благонравием твоим, как можно скорее, сокрушит свою ярость, как волна, вскоре рассыпающаяся на суше, или как буря, не встречающая никакого сопротивления. Это обидно! — Точно, обидно, если и ты падешь с ним вместе. Ужели и на укоризны больных станем отвечать укоризнами? Не равнодушно ли переносишь ты исступление беснующихся, разумею таких, которые невольно изрыгают злословие? Почему же не перенести сего от безумного и пришедшего в сильную ярость? Конечно, должно перенести, если сам ты в здравом уме. Что сказать о пьяных, у которых рассудок потемнен вином? Что, если мимо тебя пробежит бешеная собака? Что, если верблюд, по естественной своей наглости, закричит во все горло и протянет к тебе шею? Пойдешь ли с ним в драку или, по благоразумию, побежишь прочь? Что, если непотребная женщина будет стыдить тебя своими срамны-

ми делами? А у непотребных женщин это обыкновенное дело; им всего кажется стыднее знать стыд; и они знают одно искусство — вовсе ничего не стыдиться. О Синопийце рассказывают, что, приходя к живущим в непотребных домах, старался их раздражать. С каким же намерением? С тем, чтобы их оскорблениями приучить себя без труда переносить оскорбления. И ты, если размыслишь об этом, станешь презирать оскорбления. Скажу тебе один искусственный способ. Хотя он и недостоин внимания тех, которые предпочитают кротость; однако же скажу, потому что может погашать неприятность. Смотрел ты иногда на кулачных бойцов? Прежде всего оспаривают они друг у друга выгодное место, того и домогаются, чтобы одному стать выше другого; потому что это немало содействует к одержанию победы. Так и ты старайся знать выгоднейшее положение; а это значит, пришедшего в ярость старайся низложить шутками. Смех — самое сильное оружие к препобеждению гнева. Как в кулачных боях, кто в сильной стремительности и ярости по-пустому сыплет удары, тот скорее утомляется, нежели принимающий на себя эти удары, истощение же сил — неискусный в бою прием; так и тому, кто оскорбляет человека, который не сердится на его нападение, но смеется над ним, всего более бывает это огорчительно; напротив того, если встречает он себе сопротивление, это приносит ему некоторое удовольствие, потому что доставляется новая пища гневу, а гнев ему весьма приятен и ненасытим <...>

Заклинаю тебя, гнев — друг пороков, неприязненный мой защитник и покровитель, надмевающий меня и предающий во врата адовы, покорись ныне Богу и Слову. Покорись, гневливость, — это воскипение, это полнота человекоубийцы, это очевидное безобразие лица, это обуревание мыслей, это упоение, это бодцы, понуждающие низ-

ринуться в тартар, это легион бесов, это многосложное зло... покорись; ибо Христос, Которого не вмещает вселенная и Который Своим кормилом непогрешительно движет целую вселенную, уделяя жизнь и человекам, и Ангелам, а призывающим Его усердно дарует разрешение и от лукавых духов, и от страстей, Христос хочет, чтобы ты немедленно бежала отсюда и, войдя в свиней, скрылась в бездну! Готово принять тебя это стадо, низвергающееся в глубину. Но не касайся нас, о которых имеет попечение Сам Бог (свт. Григорий Богослов, 16, 168—173).

***

Обуздывай гнев, чтобы не выступать из ума (свт. Григорий Богослов, 16, 210).

***

...Господь не запретил вовсе гнева, потому что иногда такое стремление души можно употреблять и на добро, но гневным когда-либо быть на брата без всякой доброй цели <запретил> заповедью, сказав: ***всяк гневаяйся на брата своего всуе*** (Мф. 5, 22). Ибо присовокупление слова ***всуе*** показывает, что и обнаружение раздражения часто бывает благовременно, когда страсть сия воскипает при наказании греха (свт. Григорий Нисский, 19, 448).

***

Кто опишет, как должно, страстные движения гнева? Какое слово изобразит неприличие такой болезни? Смотри, как в одержимых раздражением появляются те же припадки, что и в бесноватых... какая между ними разность? Налитые кровью и извращенные глаза беснова-

тых, язык, выговаривающий неясно, произношение грубое, голос пронзительный и прерывистый — вот общие действия и раздражения и беса; потрясение головы, исступленные движения рук, содрогание всего тела, не стоящие на месте ноги, — в подобных сим чертах одно описание двух болезней. В том только разнится одна от другой, что одно зло произвольно, а другое, с кем оно бывает, поражает его невольно. Но по собственному своему стремлению подвергнуться бедствию, а не против воли страдать, — сколь большего достойно сие сожаления? Кто видит болезнь от беса, тот, конечно, сжалится; а бесчинные поступки от раздражения <вызывают возмущение>... И бес, мучающий тело страждущего, на том останавливает зло, что беснующийся напрасно ударяет руками по воздуху; а демон раздражительности не напрасными делает телесные движения. Ибо когда этот одержит верх, кровь в предсердечии воскипает, как говорят, горькою желчью от раздражительного расположения, распространившегося повсюду в теле; тогда от стеснения внутренних паров утесняются все главные чувствилища. Глаза выходят из очертания ресниц, и что-то кровавое и змеиное устремляют на оскорбительное для них. И внутренности бывают подавлены дыханием, жилы на шее выставляются наружу, язык дебелеет, голос от сжатия бьющейся жилы невольно делается звонким, губы от вошедшей в них холодной желчи отвердевают, чернеют и делаются неудободвижимыми... так что не в состоянии удерживать слюну, наполняющую уста, но извергают ее вместе со словами, и от принужденного произношения выплевывают в виде пены. Тогда-то можно увидеть, что и руки, а также и ноги, приводятся в движение, и члены сии уже движутся не напрасно... но назло сцепившимся между собой по причине этой болезни.

Ибо стремления наносящих удары друг другу направлены бывают на главные чувствилища. А если в этой схватке уста приблизятся где к телу, то и зубы не остаются без дела, но, подобно зубам звериным, впиваются в то, что к ним близко. И кто расскажет по порядку все множество зол, происходящих от раздражения? Посему, кто не допускает до такого безобразия, того... справедливо будет именовать достоблаженным и досточестным. Если избавивший человека от телесной какой-нибудь неприятности за такое благотворение достоин чести, то не тем ли паче освободивший душу от этой болезни имеющим ум признан будет благодетелем жизни? Ибо сколько душа лучше тела, столько же уврачевавший душу предпочтительнее врачующих тело (свт. Григорий Нисский, 19, 459—461).

***

Гнев по природе назначен на то, чтобы воевать с демонами и бороться со всякою греховною сластью. Потому Ангелы, возбуждая в нас духовную сласть и давая вкусить блаженства ее, склоняют нас обращать гнев на демонов; а эти, увлекая нас к мирским похотям, заставляют воевать гневом с людьми, наперекор естеству, — чтоб ум, омрачившись и обессмыслев, сделался предателем добродетелей (авва Евагрий, 88, 599).

***

Гнев есть страсть самая быстрая. Он приходит в движение и воспламеняется против того, кто онеправдовал, или кажется онеправдовавшим. Он все более и более ожесточает душу, особенно во время молитвы похищает ум, представляя живо лицо опечалившее. Бывает, что он иног-

да, закоснев в душе и изменившись во вражду, причиняет тревоги ночью, терзание тела, ужасы смерти, нападение ядовитых гадов и зверей. Эти четыре явления, бывающие по образовании вражды, сопровождаются многими помыслами, как всякий наблюдатель найдет (авва Евагрий, 88, 631).

***

...Если кто от яств и питий воздерживается, а гнев злыми помыслами раздражает в себе, то он подобен преплывающему море кораблю, у которого кормчим сидит бес. Потому, сколько сил есть, надобно смотреть за этим нашим псом и обучать его, чтоб он волков только терзал, а не кусал овец, показывая всякую кротость ко всем людям (см.: Тит. 3, 2) (авва Евагрий, 88, 655—656).

***

...Свирепый гнев причиняет великие несчастья, как самому преданному этой страсти, так и ближним.

<Бог> угрожает геенною и огнем геенским <гневающимся> (см.: Мф. 5, 22) (свт. Иоанн Златоуст, 44, 433).

***

Ничто так не помрачает чистоту души и ясность мыслей, как гнев необузданный и выражающийся с великою силою (свт. Иоанн Златоуст, 44, 433).

***

...Пылкость гнева заключает в себе некоторое удовольствие и даже сильнее всякого удовольствия овладе-

вает душою, низвращая все ее здравое состояние (свт. Иоанн Златоуст, 44, 434).

***

Опьянен также и одержимый гневом, у него и лицо раздувается, и голос делается хриплым, и глаза наполняются кровью, и ум помрачается, и смысл теряется, и язык трясется, и взор блуждает, и уши слышат одно вместо другого, потому что гнев сильнее всякого вина ударяет в мозг и производит в нем бурю и неукротимое волнение (свт. Иоанн Златоуст, 44, 742).

***

Где злоба и гнев, туда не прилетает Дух кротости. А человек, лишенный Святаго Духа, какую может иметь надежду на спасение? (свт. Иоанн Златоуст, 45, 236).

***

...В отношении к гневу нужно гораздо большее старание: сильна эта страсть, часто даже внимательных увлекает в самую бездну погибели (свт. Иоанн Златоуст, 46, 3).

***

...Ни о чем столько не будем стараться, как об очищении себя от гнева и примирении с теми, которые имеют на нас неудовольствие, зная, что ни молитва, ни милостыня, ни пост, ни участие в таинствах, ни другое что подобное не защитит нас в тот День (Суда), если мы будем злопамятствовать... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 15).

***

...Как тот, кто злопамятствует против ближнего, не допускает, чтобы он сам был освобожден от наказания за собственные грехи, так чистый от гнева скоро будет чист от своих грехов (свт. Иоанн Златоуст, 46, 376).

***

...Демон <гнева>, вошедши, делает безумными <людей>, подобно беснующимся и побуждает их делать все вопреки очевидности... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 574).

***

<Гневные> не видят ничего здраво и не делают ничего как следует, но все делают, как люди с поврежденными чувствами, потерявшие и самую способность рассуждать (свт. Иоанн Златоуст, 47, 574).

***

Что для огня — вода, то для гнева — кротость и ласковость (свт. Иоанн Златоуст, 47, 634).

***

...Огня нельзя погасить огнем: это неестественно. Также и гнева ни в каком случае невозможно укротить гневом (свт. Иоанн Златоуст, 47, 634).

***

Не будем же говорить: такой-то раздражил меня... сами мы виною всего этого. Если мы захотим сохранить

добродетель, так сам демон будет не в состоянии подвигнуть нас к гневу (свт. Иоанн Златоуст, 47, 862).

***

...От нас, а не от тех, кто гневается (на нас), зависит и погасить пламень их гнева, и раздуть его сильнее (свт. Иоанн Златоуст, 47, 866).

***

...Не столько боится диавол человека, прогоняющего его и изгоняющего из другого человека, сколько того, кто укрощает свой гнев и преодолевает свою раздражительность, потому что и это последнее есть злой дух, весьма свирепый, и таких людей <имеющих гнев> надобно назвать более несчастными, нежели одержимых бесом (свт. Иоанн Златоуст, 48, 18).

***

Гнев внедрен в нас не с тем... чтобы он сделался в нас страстью и болезнью, но чтобы служил врачевством от страстей (свт. Иоанн Златоуст, 48, 24).

***

...Гнев... полезен для того, чтобы пробуждать нас от сонливости, чтобы сообщать бодрость душе... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 25).

***

Не соревнуй, не подражай злобе, но жалей того, кто не обуздывает в себе этого зверя <гнева> и прежде всех вредит и губит самого себя (свт. Иоанн Златоуст, 48, 70).

***

Гнев, как злой прелюбодей, совокупляясь с нами сильною похотью, переливает в нас губительные семена и порождает диавольскую вражду, и делает все противное браку. Брак производит то, что два бывают плоть одна, а гнев и соединенных разобщает и самую душу разделяет и рассекает (свт. Иоанн Златоуст, 50, 532).

***

...Чтобы тебе с дерзновением приступать к Богу, не допускай гнева, когда он хочет войти в твою душу и совокупиться с нею, но отгоняй, как бешеного пса (свт. Иоанн Златоуст, 50, 532).

***

...Свободный от гнева, без сомнения, свободен и от неприятностей, с ним соединенных, и не проводит жизни в напрасных огорчениях и муках (свт. Иоанн Златоуст, 50, 631).

***

...Гнев такая болезнь, что немного надобно времени для того, чтобы погиб одержимый ею (свт. Иоанн Златоуст, 50, 865).

***

...Не оставим этого зверя <гнева> без обуздания, но набросим на него со всех сторон крепкую узду — страх будущего Суда (свт. Иоанн Златоуст, 51, 40).

***

Гнев есть сильный, все пожирающий огонь; он и телу вредит, и душу растлевает, и делает человека на вид неприятным и постыдным (свт. Иоанн Златоуст, 51, 171).

***

Если бы человек разгневанный мог видеть себя во время своего гнева, то он уже не имел бы нужды ни в каком другом увещании, — потому что нет ничего неприятнее лица раздраженного (свт. Иоанн Златоуст, 51, 171).

***

...Гневливый и сам себе неприятен, и прочим вреден. Действительно, ничего нет хуже человека гневливого, ничего нет тягостнее, ничего несноснее, ничего постыднее... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 68).

***

Многие (от гнева) потеряли глаза, многие впали в самую тяжкую болезнь. Между тем человек великодушный легко перенесет все (свт. Иоанн Златоуст, 52, 68).

***

Часто случается, что в гневе иной скажет такое слово, для вознаграждения которого нужна целая жизнь, или совершит такое дело, которое ниспровергнет всю его жизнь. Ведь то-то и ужасно, что в короткое время, через один поступок, чрез одно даже слово (эта страсть) часто лишает нас вечных благ и делает напрасными бесчисленные труды (свт. Иоанн Златоуст, 52, 69).

***

Христос не желает, чтобы мы гневались даже за Него; послушай, что Он сказал Петру: *возврати нож твой в место его* (Мф. 26, 52)... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 149).

***

Будем же чистыми от гнева. Дух Святый не обитает там, где гнев. Гневливый подлежит проклятию. И невозможно быть чему-нибудь здравому там, откуда происходит гнев. Как во время бури на море происходит великое смятение и сильный крик, и никто тогда не имеет времени заниматься рассуждениями, так и во гневе <...>

И станет ли кто молиться, он молится напрасно, если делает это во гневе и раздражении; станет ли говорить, будет смешным; станет ли молчать, опять то же... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 167).

***

Гнев не дозволяет видеть, но как бы во время ночной битвы, закрыв все, и глаза, и уши, ведет туда, куда хочет. Избавим же себя от этого демона, сокрушим его, когда он нападает на нас, положим на перси знамение (креста), как бы некоторую узду на него. Гнев есть бесстыдный пес, но пусть он научится слушаться закона. Если пес при стаде так свиреп, что не будет слушаться приказаний пастуха и узнавать его голоса, то все потеряно и погублено. Он пасется вместе с овцами, но когда станет кусать овец, то делается вредным и его убивают. Если пес научится слушаться тебя, то корми его; он полезен своим лаем против волков, разбойников и воров, а не против овец и не против домашних... Итак, пусть не истощается кротость твоя, но самый гнев пусть хранит и питает ее; а он

сохранит и в совершенной безопасности будет пасти ее тогда, когда будет истреблять нечистые и порочные помыслы, когда будет отовсюду отгонять диавола (свт. Иоанн Златоуст, 52, 168).

***

...Всюду соблюдая себя от гнева, мы уподобимся Богу и сподобимся будущих благ... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 169).

***

...Гнев не будет уже иметь места, когда ты будешь свободен от пристрастия к себе самому (свт. Иоанн Златоуст, 52, 169).

***

...Будем упражняться на домашних своих прежде искушения. Мы часто сердимся дома на детей, удержим здесь гнев, чтобы нам легко было обуздывать его пред друзьями <а затем и пред врагами> (свт. Иоанн Златоуст, 52, 271).

***

...Ты, когда видишь (гневливого) ожесточившимся, тогда тем более уступи, потому что самое ожесточение его имеет нужду в большем послаблении. Чем сильнее он оскорбляет, тем в большей кротости имеет нужду... Когда зверь слишком рассвирепеет, тогда мы все убегаем от него, — так и от гневного. Не подумай, что это честь для него: разве мы хотим почтить зверя или беснующихся, когда убегаем от них? Нисколько. Это бесчестие и укоризна; или лучше, не бесчестие и укоризна, но снисхождение и человеколюбие. Не видишь ли, как мореплаватели,

когда поднимается сильный ветер, спускают паруса, чтобы не потопить корабля? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 286).

***

Не будем думать, будто можно сказать в оправдание: не я начал; это служит к нашему же обвинению, что мы, видя его, не умудрились; это подобно тому, как если бы кто сказал: убил не я первый. Потому-то ты и достоин наказания, что, видя и пример <гнева>, не удержал себя. Если бы ты видел, как пьяный блюет, мучится, терзается, выпучивает глаза, наполняет стол нечистотою, и все убегают от него, а потом сам впал в то же, то не тем ли более ты был бы отвратителен? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 286—287).

***

Гневливый нечистее ***пса, возвращающегося на свою блевотину*** (ср.: 2 Пет. 2, 22), если бы он, изблевав однажды, перестал, то не был бы подобен ему; если же опять изблевывает то же, то очевидно, что он пожрал изблеванное (свт. Иоанн Златоуст, 52, 287).

***

Не видите ли, как свиньи пожирают кал? Так и эти <гневливые>. Что, в самом деле, срамнее слов, которые произносят гневливые? Они как бы стараются не сказать ничего здравого, ничего чистого, но что только есть постыдного, что только есть безобразного, то и стараются сказать и сделать; и что всего хуже, посрамляя более самих себя, думают, будто посрамляют других... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 287).

***

Кто, скажи мне, достоин одобрения, тот ли, кто возмущается, неистовствует, свирепствует, как дикий зверь, восставая против имеющих одинаковую с ним природу, или тот, кто пребывает в спокойствии, как в пристани, и сохраняет великое любомудрие? Последний не уподобляется ли Ангелу, а тот похож ли и на человека? Тот и собственного зла сдержать не может, а этот удерживает и чужое; тот и самим собою владеть не может, а этот обуздывает и другого; тот терпит кораблекрушение, а этот плывет безопасно на своем корабле при попутном ветре; он именно не позволяет ветру гнева устремляться в паруса и потоплять мысленную ладью его, но легкий и приятный ветер — дыхание незлобия — веет ему и с великим спокойствием приводит его в пристань любомудрия (свт. Иоанн Златоуст, 52, 347).

***

...Мы — согрешающие <гневом> — оказываемся гораздо хуже беснующихся. Но мы не извергаем пены, не извращаем глаз и рук? О, если бы мы делали это с телом и не делали с душою! Хочешь ли, я покажу тебе, как душа извергает нечистую пену и извращает умственные очи? Посмотри на гневающихся и неистовствующих от ярости, не извергают ли они слов, которые нечистее всякой пены? Подлинно, они как бы источают смрадную слюну (свт. Иоанн Златоуст, 52, 365).

***

Не видите ли, как в домах огонь содержится в определенном месте, а не разбрасывается всюду, ни на сено, ни на одежды и куда случится, чтобы он не воспламенился от

дуновения ветра... Точно так же будем поступать и с гневом: пусть он не сопровождает все наши помыслы, но хранится в глубине души, чтобы не возбуждал его ветер от слов противника, но чтобы это возбуждение он получал от нас, а мы умели бы возбуждать его умеренно и безопасно. Когда он возбуждается извне, то не знает меры и может пожечь все; он часто может возбуждаться и во время нашего сна и пожечь все. Будем же воспламенять его в нас только для того, чтобы он светил, — ведь гнев издает свет, если он возбуждается, когда следует, — будем употреблять этот светильник против тех, которые обижают других, и против диавола. Пусть не везде полагается и не везде разбрасывается эта искра, но хранится у нас под пеплом; будем содержать ее в помыслах смиренных. Не всегда она бывает нам нужна, — только тогда, когда надобно что-нибудь исправить... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 434).

***

Внутренний жар вложен в нас, как некоторое жало, чтобы мы скрежетали зубами против диавола, чтобы устремлялись на него, а не чтобы восставали друг против друга (свт. Иоанн Златоуст, 54, 20).

***

Ты гневлив? Будь таков по отношению к своим грехам, бей свою душу, бичуй свою совесть, будь строгим судьей и грозным карателем своих собственных грехов. Вот польза гнева; для этого Бог и вложил его в нас (свт. Иоанн Златоуст, 54, 20—21).

***

Если ночь застанет тебя (во гневе), то следующего дня уже не довольно будет для погашения зла, которое может возрасти в тебе в продолжение ночи. Если даже большую часть его ты и уничтожишь, то не в состоянии будешь уничтожить всего; и в следующую ночь дашь возможность более усилиться оставшемуся огню (свт. Иоанн Златоуст, 54, 123).

***

Для того и дал нам Бог в оружие гнев, чтобы мы не собственные тела поражали мечом, но чтобы вонзали все его острие в грудь диавола. Вонзи туда свой меч по самую рукоять; если хочешь, (вонзи) и рукоять и не извлекай его никогда оттоле, напротив, присоедини еще и другой меч. А это произойдет тогда, когда мы будем щадить друг друга, когда будем миролюбиво расположены друг к другу (свт. Иоанн Златоуст, 54, 124).

***

...Воздерживайся всегда от крика, и ты никогда не придешь в гнев. Вот способ укрощения гнева! И как невозможно разгневаться тому, кто удерживается от крика, так невозможно не прийти в гнев тому, кто кричит... Подави крик, и ты этим отнимешь крылья у своего гнева, укротишь волнение сердца. И как невозможно, не поднимая рук, вступить в кулачный бой, так невозможно, не поднимая крика, предаться гневу... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 132—133).

***

Разве ты не знаешь, что те пожары хуже, которые таятся внутри и не бывают видны снаружи? Не так же ли и раны, которые не выходят наружу, а производят воспаление внутри? Так и тот <скрытый> гнев хуже и вреднее для души (свт. Иоанн Златоуст, 54, 136).

***

Имеет ли кто недруга, терпит ли кто обиду, питает ли кто злобу, пусть он соберет и изольет всю эту ярость и гнев на главу диавола... Тебя ударил кто-нибудь — имей зло против диавола и никогда не прекращай вражды с ним (свт. Иоанн Златоуст, 54, 201).

***

...Гневливый наперед наказывает себя, терзаясь в себе самом, а потом уже того, на кого гневается (свт. Иоанн Златоуст, 55, 14).

***

Гнев есть зверь, скоро нападающий на нас, и нужно нам много оград и оплотов, чтобы задержать его и преодолеть (свт. Иоанн Златоуст, 55, 58).

***

...Гнев — это огонь, это пламень, который схватывает, умерщвляет, сожигает. Но мы будем угашать его долготерпением, воздержанием (свт. Иоанн Златоуст, 55, 188).

***

Как раскаленное железо, будучи опущено в воду, теряет жар свой, так и гнев, попав в душу человека долготерпеливого, нисколько не вредит долготерпеливому, а, напротив, приносит пользу, так что он становится еще крепче (свт. Иоанн Златоуст, 55, 188).

***

Гнев... — послушный демон, самопроизвольное безумие, отсутствие мозгов... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 389).

***

...Когда к тебе, терпящему что-либо ужасное и невыносимое, подступят гнев и ярость, вспомни о кротости Христа и скоро станешь смирным и кротким... извлекая величайшую пользу из кротости не только для себя, но принося пользу даже врагу, наставляя (его) быть добрым (свт. Иоанн Златоуст, 55, 391).

***

Что... терпят пьяницы, которые ненасытимым пьянством увлекаются к более сильной жажде, то же терпят поработившиеся гневу, которые увлекаются безмерными спорами к все большему и тяжелейшему безумию... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 391).

***

...Эта страсть <гнев> уничтожает целые дома, разрушает старинную дружбу, причиняет непоправимые несчастия (свт. Иоанн Златоуст, 55, 624).

***

...Бог эту именно часть нашего тела <грудь> и устроил из костей, как бы из каких-то камней, дав ей твердую опору, чтобы он <гнев> как-нибудь не разорвал и не сокрушил ее, и чрез то не причинил гибели всему существу... Не так лев может растерзать наши внутренности, как гнев, постоянно подстерегая нас, губит все своими железными когтями, потому что он не только причиняет вред телу, но губит и здравие самой души (свт. Иоанн Златоуст, 55, 626).

***

...Не так победа над врагами делает славными царей, как победа над яростью и гневом (свт. Иоанн Златоуст, 55, 627).

***

Если кто-нибудь все исполнит, но будет гневаться, он не войдет <в Царство Небесное>. И пусть не упрекают в жестокости Бога, когда Он извергнет впавших в этот грех из Царства Небесного (свт. Иоанн Златоуст, 55, 831).

***

...Малодушный и ничтожный бывает нетерпелив, не сдерживает гнева, обнаруживает его тотчас по малодушию; а разумный, хотя и будет рассержен, скрывает в себе гнев... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1109).

***

Гнев обыкновенно бывает разрушителен. Если он подвигнется против бесовских помыслов, то их разбивает и истребляет; а если воскипит против людей, то истребляет

в нас благие относительно их помышления. Таким образом, гнев, как очевидно, является разрушительным для всякого рода помыслов... Он дарован нам от Бога, как щит и лук, и бывает таковым, если не уклоняется от назначения своего. Если же начнет действовать не сообразно с ним, то бывает разрушителем. Видал я, что и пес, в иной раз смело бросающийся на волков, терзает овец (прп. Исихий Иерусалимский, 89, 173).

***

...Кто гневается... тот справедливо считается безрассудным, когда гневом сам себе причиняет смерть... (прп. Иоанн Кассиан, 56, 63).

***

...Где находится яд гнева, там необходимо произойдет и воспламенение похоти (прп. Иоанн Кассиан, 56, 84).

***

...Возбуждение гнева присвоено нам со спасительною целью, чтобы мы, гневаясь на свои пороки и погрешности, с большим усердием упражнялись в добродетелях и духовных подвигах, проявляя всякую любовь к Богу и терпение к нашим братьям (прп. Иоанн Кассиан, 56, 85).

***

...Подвиг предлежит нам против гнева, которого смертоносный яд надобно, с помощью Божией, исторгнуть из глубины души нашей. Если он гнездится в наших сердцах и ослепляет око ума вредным мраком, то мы не можем приобрести ни правильной рассудительности, ни ясности

благочестного созерцания, ни зрелости совета, быть участниками истинной жизни, тверды и в правде; не можем быть способны к удержанию духовного истинного света, ибо сказано: ***смятеся от ярости око мое*** (Пс. 6, 8); не можем быть участниками мудрости, хотя бы мнением всех мы признаваемы были мудрыми, ибо сказано: ***ярость в недре безумных почиет*** (Еккл. 7, 10); даже не можем достигнуть и жизни бессмертной, хотя в мнении людей и кажемся благоразумными, ибо ***гнев губит и разумных*** (ср.: Притч. 15, 1); не можем с прозорливою рассудительностью соблюдать и законы правды, хотя бы мы во мнении всех считались совершенными и святыми, ибо ***гнев человека не творит правды Божией*** (ср.: Иак. 1, 20); никаким образом не можем приобрести и степенной благопристойности, уважаемой и у людей века сего, хотя бы мы по родовому преимуществу считались благородными и честными, ибо ***муж ярый неблагообразен*** (Притч. 11, 25); никак не можем приобрести и зрелости совета, хотя кажемся важными и обладающими высшим знанием, ибо ***остроярostный без совета творит*** (Притч. 14, 17); не можем быть спокойны от вредных смущений и избегать грехов, хотя бы другие и вовсе не делали нам беспокойств, ибо ***муж ярый устрояет брани; муж гневливый воздвизает свар, муж же ярый открывает грехи*** (Притч. 15, 18; 29, 22) (прп. Иоанн Кассиан, 56, 100—101).

***

Мы слышали, что некоторые усиливаются извинять эту гибельную болезнь души <гнев>, так что превратным толкованием Священного Писания хотят умалить ее, говоря, что не вредно, если мы гневаемся на согрешающих бра-

тий; даже о Самом Боге говорится, что Он гневается на тех, которые не хотят знать Его, или, зная, презирают, как говорится: ***воспылал гнев Господа на народ Его*** (ср.: Ис. 5, 25)... не разумеют того, что, желая предоставить людям повод к смертоносному пороку, они оскорбительно Божественному величию и Источнику всякой чистоты приписывают страсть (прп. Иоанн Кассиан, 56, 101).

***

От какой бы причины ни возбудился гнев, разгораясь, он ослепляет очи сердечные и остроте зрения, причиняя гибельную язву сильной болезни, не дает созерцать Солнце Правды. Все равно: золотой ли лист, или свинцовый, или другого какого металла будет положен на глаза, ценность металлов не делает различия в ослеплении. Правда, гнев, прирожденный нам, оказывает и услугу, для которой одной и полезно, спасительно нам иметь его, именно когда мы, досадуя на сладострастные движения нашего сердца, раздражаемся; и тому, что стыдимся делать или говорить пред людьми, мы не допускаем входить в тайники нашего сердца, трепеща от страха присутствия Ангелов и Самого Бога, везде и все проникающего, и взора Его, от которого не могут укрыться тайны нашей совести (прп. Иоанн Кассиан, 56, 105).

***

Можно гневаться и против этого самого гнева за то, что он возгорелся в нас против брата, и, разгневавшись за это, мы не допускаем ему иметь вредное укрывательство в сокровенности нашего сердца (прп. Иоанн Кассиан, 56, 105).

***

Итак, повелевается нам гневаться с пользою на самих себя или на приходящие худые помыслы, и не грешить, т. е. не приводить их во вредное действие (прп. Иоанн Кассиан, 56, 106).

***

...Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем; и не давайте места диаволу (Еф. 4, 26—27). Если вредно во гневе нашем заходить Солнцу Правды и, разгневавшись, мы тотчас даем диаволу место в сердце нашем, то как же выше он заповедал, чтобы мы гневались, говоря: *гневайтесь, и не согрешайте*? Не ясно ли он высказывает такую мысль: гневайтесь на пороки и ярость вашу, чтобы при вашем потворстве им Солнце Правды — Христос не стал заходить в омраченных душах по причине гневливости вашей, и чтобы по удалении Его вы не дали диаволу место в сердцах ваших? (прп. Иоанн Кассиан, 56, 106).

***

...Что сказать о тех... которых немиролюбию не полагает предела уже и закат солнца, но на многие дни продолжая его и сохраняя в сердце злобу на тех, на которых раздражились, хотя на словах отвергают, что гневаются, а на самом деле из поступков открывается, что они сильно досадуют. Ибо не заводят с ними приличной речи, не говорят с обычною ласковостью и думают, что они в этом вовсе не погрешают, потому что не домогаются отмщения по своему раздражению; однакож, поелику не имеют или не могут явно выказать его и исполнить, а тайно питают его в сердце, то яд гнева обращают в свою погибель, ког-

да горечь скорби не выгоняют из себя, а на время только затаивают.

Думают, что вышесказанным не должно окончиться мщение, а достаточно удовлетворят своему гневу и скорби тогда, когда по внушению гнева исполнят, что возмогут. Так делают те, которые возмущение свое сдерживают не по желанию миролюбия, а по неудобству мщения. Ибо ничего больше не могут причинить тем, на коих прогневались, как только не говорить с ними с обычною ласковостью, как будто гнев должно обуздывать только на деле, а из сокровенности нашего сердца нет нужды изгонять его. Омрачившись тьмою его, мы лишимся света знания и здравого совета, и никак не можем быть храмом Святаго Духа, пока будет обитать в нас дух гнева. Удерживаемый в сердце гнев хотя присутствующих людей не оскорбляет, но исключает светлое сияние Святаго Духа, все равно как и обнаруженный на деле (прп. Иоанн Кассиан, 56, 107—108).

***

Бог не хочет, чтобы мы удерживали гнев даже и на короткое время, потому что Он не дозволяет приносить и духовные жертвы наших молитв, если мы сознаем, что кто-нибудь имеет хоть какую-нибудь скорбь на нас... Следовательно, как же мы дозволим себе, не говорю на многие дни, но даже до заката солнца удерживать скорбь на брата, тогда как нам не дозволяется приносить наши молитвы Богу, если кто-нибудь имеет скорбь на нас? И Апостол заповедует: ***непрестанно молитесь*** (1 Сол. 5, 17); ***желаю, чтобы на всяком месте молитвы произносили мужие, воздевая чистые руки без гнева и сомнения*** (ср.: 1 Тим. 2, 8). Итак, остается или никогда не мо-

литься, удерживая такой яд в сердцах своих, и быть виновными в нарушении этой апостольской или Евангельской заповеди, которою повелевается непрестанно и везде молиться, или, если, обманывая самих себя, хотим приносить молитву вопреки ее запрещению, то должны знать, что будем приносить Господу не молитву, а упрямство в духе противления Ему (прп. Иоанн Кассиан, 56, 108).

***

Иногда мы, побежденные гордостью или нетерпеливостью, намереваясь исправить свой необразованный, беспорядочный нрав, желаем удалиться в уединение, как будто там скоро приобретем добродетель терпения, когда никто не будет трогать нас, извиняя свое нерадение, говорим, что причины гнева заключаются не в нашей нетерпеливости, а в пороке братий. И как причины нашей погрешности возлагаем на других, то никогда не в состоянии будем достигнуть высшей степени терпения и совершенства.

Главную причину нашего исправления и спокойствия надобно полагать не в произволе другого, который не подлежит нашей власти, а заключается она в нашем состоянии. Итак, чтобы нам не гневаться, это должно происходить не от совершенства другого, а от нашей добродетели, которая приобретается не чужим терпением, а нашим великодушием (прп. Иоанн Кассиан, 56, 109—110).

***

...Если хотим получить ту высшую божественную награду, о которой говорится: ***блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*** (Мф. 5, 8), то не только в наших действиях надобно подавлять гнев, но с корнем должен быть

извергнут он и из сокровенности души. Ибо немного пользы будет сдерживать пыл гнева в словах, не обнаруживать в деле, если Бог, пред Которым не скрыты тайны сердечные, увидит его в сокровенности нашего сердца. Ибо евангельское учение заповедует пресекать более корни пороков, нежели плоды, которые, по истреблении корней, без сомнения, никак уже более не будут произрастать; а таким образом дух постоянно может пребывать в терпении и святости, когда гнев будет подавлен не только в наружных действиях и поступках, но и в сокровенности помышлений... *Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца* (1 Ин. 3, 15), именно потому, что сердцем желает убить его. Люди не видят, чтобы кровь его пролита была рукою или мечом, а по страсти гнева он человекоубийцею почитается от Господа, Который не только за дела, но и за желания воли и намерения воздаст каждому или награду, или наказание, как Он Сам говорит чрез пророка: *Аз дела их и помышление их вем, и гряду собрати вся народы...* (Ис. 66, 18). И Апостол говорит: *мысли их то обвиняют, то оправдывают одна другую, в день, когда Бог будет судить тайные дела человеков* (ср.: Рим. 2, 15—16) (прп. Иоанн Кассиан, 56, 111—112).

***

...Подвижнику Христову, законно подвизающемуся, надобно с корнем истреблять гнев. Совершенное уврачевание этой болезни состоит в том, чтобы, во-первых, быть уверенным, что нам никак нельзя сердиться ни по справедливым, ни по несправедливым причинам, зная, что мы тотчас лишимся света рассудительности, твердости правильного совета, даже самой честности и направления правды, если начальный свет нашего сердца будет помрачен тьмою

гнева. Потом, чистота нашего духа тотчас будет возмущена, и он вовсе не может быть храмом Святаго Духа, когда дух гнева овладеет нами. Наконец, мы должны размышлять, что нам разгневанным никак нельзя будет молиться, изливать моления Богу. И особенно имея в виду непрочное состояние человеческого положения (т. е. неизвестность смерти), мы должны думать, что в каждый день можем переселиться из тела, и нам не доставят никакой пользы ни воздержание целомудрия, ни отречение от всех имуществ, ни презрение богатства, ни труды поста и бдения, когда нам Судия вселенной угрожает вечным наказанием за один гнев и ненависть (прп. Иоанн Кассиан, 56, 113).

***

...Как ничего не должно предпочитать любви, так, напротив, ничего не должно поставлять хуже ярости или гневливости. Ибо хотя бы все казалось полезным и необходимым, однако же должно пренебрегать, чтобы избежать возмущения гнева; так же все, что считается противным, надобно принимать и переносить, чтобы ненарушимо сохранялось спокойствие любви и мира, потому что нет ничего гибельнее гнева и скорби, и полезнее любви (прп. авва Иосиф, 56, 453).

***

...Никак не увлекайтесь гневом к мщению, но дайте место гневу, т. е. сердца ваши не должны быть сжаты теснотою нетерпеливости и малодушия, так чтобы не могли снести сильную бурю возмущения, когда она нападает; но расширите ваши сердца, принимая противные волны

гнева в широких заливах любви, которая все покрывает, все переносит, чтобы таким образом дух ваш, расширяемый полнотою великодушия и терпения, имел спасительные пристанища совета, в котором принятый и разлившийся гнусный дым гнева тотчас исчез бы (прп. авва Иосиф, 56, 465).

***

...Таково свойство гнева, что, сдерживаемый, он ослабевает и утихает, а обнаруживаемый более и более разгорается (прп. авва Иосиф, 56, 466).

***

...Когда кто... узнает, что он подвергается смущениям от гнева или нетерпения, то пусть упражняет себя в противных делах и, предположив себе многоразличные роды обид и потерь, как бы причиненных ему от другого, пусть приучает свой дух с совершенным смирением переносить все, что злость может нанести ему; так же часто представляя себе все скорбное, нестерпимое, пусть всегда размышляет со всяким сокрушением сердца, с какою кротостью он должен встречать это. И таким образом, взирая на страдания всех святых и Самого Господа, все роды не только оскорблений, но и казней, считая низшими своих заслуг, приготовит себя к перенесению всяких оскорблений (прп. авва Иоанн, 56, 525).

***

...Если дозволить гневу идти вперед рассудка, то все перевернешь вверх дном (прп. Исидор Пелусиот, 61, 317).

***

Кротким и убедительным словом надлежит сокращать, лучше же сказать, обучать тех, которые водятся непримиримым гневом, чтобы отлагали это произвольное безумие... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 251).

***

...Гнев на ближнего во всяком случае несправедлив... Поэтому употребляй все средства не давать выказываться гневу (прп. Нил Синайский, 70, 177).

***

Щадя других и не изъявляя им своего гнева, сам найдешь пощаду, в общем мнении покажешься благоразумным, и будешь включен в число молящихся (прп. Нил Синайский, 70, 178).

***

...Гнев возмущает умное око, вредя молитвенному состоянию (прп. Нил Синайский, 70, 178).

***

Неполезно гневаться, как без причины, так и по основательной причине, ибо справедливо воспрещено сие Господом (см.: Мф. 5, 22) (прп. Нил Синайский, 72, 164).

***

...Смотри и ты, чтобы вместе с тем, как приходишь в гнев, не стать причастником тьмы и омрачения в уме (прп. Нил Синайский, 72, 181).

***

Гнев — неистовая страсть, легко выводит из себя даже имеющих ведение, зверскою делает душу и заставляет уклоняться от (дружелюбного) собеседования (прп. Нил Синайский, 89, 266).

***

Переноси терпеливо поношение и губами заключай дверь гневу: в этом для тебя преспеяние (прп. Нил Синайский, 89, 270).

***

Гнев и ненависть — пожар сердца, а души незлопамятных орошаются росою духовною (прп. Нил Синайский, 89, 270).

***

...Начало обуздывания гнева есть — не говорить, пока продолжается гневное раздражение (прп. авва Зосима, 90, 116).

***

...Кто, разгневавшись, не сознается в вине своей, но еще более раздражает себя на гнев, и жалеет не о том, что разгневался, а что не наговорил еще больше того, что сказал в раздражении своем, — этот называется двоегневным; и в нем брань не утихает, потому что после гнева берут его в свою власть злопамятство, неприязнь и злоба. Господь Иисус Христос да избавит нас от части таковых и

да сподобит части кротких и смиренных (прп. авва Зосима, 90, 125).

***

...Причины... гнева суть: давать и брать (хлопотливые сделки иметь), творить волю свою, любить учительство, почитать себя разумным. Кто отсечет это, у того страсть гнева не будет иметь силы. Так и относительно всех страстей (прп. авва Зосима, 90, 125).

***

Кто гневается на ближнего за имение, или за славу, или за сласть, тот еще не познал, что Бог праведно управляет Своими тварями (прп. Марк Подвижник, 68, 18).

***

...<Неразумная страсть гнева>, которая во время своего движения и воздействия опустошает всю душу, приводит ее в смятение и омрачает, и человека делает подобным зверю, такого особенно, который легко поползновенен и быстро преклонен на нее. Страсть эта крепится, поддерживается и делается непреодолимою от гордости; и пока сие диавольское древо горести (см.: Евр. 12, 15) т. е. гнева и раздражительности, напояется злою водою гордости, дотоле оно разрастается и цветет, и приносит обильный плод беззакония. Таким образом это здание лукавого в душе бывает неразоримо, пока имеет подкрепу и поддержку в основах гордости (прп. Марк Подвижник, 88, 496—497).

***

Гнев волнующийся утишают — псалмопение, великодушие и милостивость (прп. Марк Подвижник, 88, 597).

***

Солнце да не заходит во гневе нашем, чтобы демоны, нападши ночью, не напугали души и не сделали ума более робким для борьбы на следующий день (прп. Марк Подвижник, 88, 598).

***

Не отдавай себя помыслу гнева, мысленно ведя войну с тем, кто тебя огорчил; ни опять помыслу блудному, долго удерживая сладострастные мечтания. То омрачает душу, а это ведет к одобрению страсти, — оба же оскверняют ум; и ты во время молитвословия, как идолами наполняя воображение страстными образами, и не принося потому Богу чистой молитвы, тотчас подвергаешься нападению демона уныния, который обыкновенно нападает в таких состояниях и, подобно псу, похищает душу, как мертвечину какую (прп. Марк Подвижник, 88, 598).

***

Гнев больше всех других страстей обыкновенно встревоживает и в смятение приводит душу; но есть случаи, когда он крайне для нее полезен. Так, когда несмущенно гневаемся на нечествующих или другим каким образом бесстыдствующих, да спасутся, или, по крайней мере, устыдятся, тогда душе нашей доставляем то же, что кротость, потому что в таком случае всячески споспешествуем целям

Божией правды и благости. Также, когда поднимаются в душе женолюбивые движения, тогда, разгневавшись посильнее на этот грех, отрезвляем нередко душу и придаем ей мужескую силу противостоять ему... Почему полагаю, что пользующийся целомудро гневом по ревности к благочестию, более одобрительным окажется на весах праведного воздаяния, нежели тот, кто по неподвижности ума никогда не подвигается на гнев; так как у этого его правитель человеческих мыслей и чувств остается необученным, а тот, на конях добродетели восседая, всегда в борьбе пребывает, и носится среди полчищ бесовских, непрестанно обучая в страхе Божием четвероконницу воздержания... (блж. Диадох, 90, 42).

***

Сердце раздраженное не вмещает в себе таин Божиих; а кроткий и смиренномудрый есть источник таин нового века (прп. Исаак Сирин, 58, 45).

***

...Кто не презрит всех вещей, славы и телесного покоя, а вместе с тем и самооправдания, тот не может ни отсечь своих пожеланий, ни избавиться от гнева... (прп. авва Дорофей, 29, 188).

***

...Невозможно кому-либо разгневаться на ближнего, если сердце его сперва не вознесется над ним, если он не уничижит его и не сочтет себя высшим его (прп. авва Дорофей, 29, 190).

***

Начало безгневия есть молчание уст при смущении сердца; средина — молчание помыслов при тонком смущении души; а конец — непоколебимая тишина при дыхании нечистых ветров (прп. Иоанн Лествичник, 57, 88).

***

...Иногда во время гнева лукавые бесы скоро отходят от нас с тою целью, чтобы мы о великих страстях вознерадели, как бы о маловажных, и, наконец, сделали болезнь свою неисцельною (прп. Иоанн Лествичник, 57, 88).

***

Безгневие есть ненасытное желание бесчестий, как в тщеславных людях бывает бесконечное желание похвалы (прп. Иоанн Лествичник, 57, 88).

***

Безгневие есть победа над естеством, нечувствительность к досаждениям, происходящая от подвигов и потов (прп. Иоанн Лествичник, 57, 88).

***

Если Дух Святый называется и есть мир души, а гнев есть возмущение сердца, то ничто столько не препятствует пришествию в нас Духа Святаго, как гневливость (прп. Иоанн Лествичник, 57, 89).

***

Гневливый человек, по временам произвольно увлекаясь этой страстию <т. е. добровольно подвергаясь временным припадкам сумасшествия>, потом уже от навыка и невольно побеждается и сокрушается ею (прп. Иоанн Лествичник, 57, 89).

***

...Крайняя степень гневливости обнаруживается тем, что человек наедине сам с собою, словами и телодвижениями как бы с оскорбившим его препирается и ярится (прп. Иоанн Лествичник, 57, 89).

***

Видел я людей, которые, прогневавшись, отвергали пищу от досады и сим безрассудным воздержанием яд к яду прилагали. Видел и других, которые, как бы благословною причиною, воспользовавшись гневом своим, предались многоядению — из рва падали в стремнину (прп. Иоанн Лествичник, 57, 90).

***

Если хочешь, или думаешь, что хочешь вынуть сучец ближнего, то вместо врачебного орудия не употребляй бревна (прп. Иоанн Лествичник, 57, 91).

***

Если присмотримся, то увидим, что многие из гневливых усердно упражняются во бдении, посте и безмолвии; а намерение у диавола то, чтобы под видом покаяния и

плача подлагать им вещества, питающие их страсть (прп. Иоанн Лествичник, 57, 91).

***

...Матерей <у гнева> много, и отец не один. Матери <его> суть: тщеславие, сребролюбие, объядение, а иногда и блудная страсть. А <его> отец надмение (прп. Иоанн Лествичник, 57, 93).

***

Дщери <гнева> суть: памятозлобие, ненависть, вражда, самооправдание. Сопротивляющиеся же им враги мои, которые держат меня в узах, — безгневие и кротость (прп. Иоанн Лествичник, 57, 93).

***

Кто извергает из себя гнев, тот получает прощение грехов, а кто прилепляется к нему, тот лишается милосердия Божия (прп. Иоанн Лествичник, 57, 95).

***

Останавливают гнев великодушие и незлобие, а уничтожают его любовь и сострадание (снисхождение) (авва Фалассий, 90, 321).

***

Держащий в руках похоть и с гневом управится, ибо в той причина раздражения гнева (авва Фалассий, 90, 328).

***

Когда ты оскорблен кем-нибудь или в чем унижен, берегись помыслов гнева, дабы они, по причине этого оскорбления, отлучив тебя от любви, не переселили в область ненависти (прп. Максим Исповедник, 90, 182).

***

Очищай ум твой от гнева, злопамятства и срамных помыслов, — и тогда возможешь узнать Христово в тебе вселение (прп. Максим Исповедник, 90, 242).

***

...Гнев пламенеющий укрощает любовь... (свт. Феодор Едесский, 90, 349).

***

Узда гневу — благовременное молчание... (прп. Илия Екдик, 90, 481).

***

Который верует, тот не гневается, но долготерпит, соблюдая заповедь Господа, Который повелевает совсем не гневаться (см.: Мф. 5, 22) (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 436).

***

Те, которые суть настоящие други Божии, любят Его и имеют Его в себе, как некое сокровище благ неистощимое, принимают такие поношения и бесчестия со всякой радостью и любят от чистого сердца, как благодетелей, тех,

которые причиняют их им. Но те, которые говорят: «Во время брани и мы, как человеки, подвигаемся на серчание и гнев и иной раз делаем отмщение братьям нашим словом, или делом, но после не держим на них вражды, но все забываем и оставляем, особенно когда испросим друг у друга прощение», — такие похожи на неписаную хартию, на которой враг наш диавол, как только найдет время, пишет чрез них же самих свои скверные и злые повеления. Потом они это, написанное ими по внушению диавола, изглаждают; однако же, вместо этих повелений диавола, не вписывают заповедей Христовых, чтоб диавол, пришедши, нашел хартии сердец их исписанными и со стыдом удалился, как побежденный. Но каждый из них оставляет, по нерадению своему, хартии сердец своих неписаными, и когда Господь пошлет написать на сердцах их повеления Свои, они тотчас со всею ретивостью пишут там веления врага... а животворные и паче меда сладкие внушения Божии отгоняют от себя (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 456—457).

***

...Как пламя огненное погашается водою, так гнев душевный гаснет от плача и слез; а если кто долгое время пребудет в плаче, то раздражительность души приходит в совершенную неподвижность, и душа тогда уже совсем не гневается (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 205).

***

...Удерживать гнев и серчание есть собственное наше дело и требует подвига великого и труда немалого; но чтоб совсем не смущаться и стяжать невозмутимость сердца и

совершенную кротость — это есть дело в нас единого Бога и *измена десницы Вышняго* (Пс. 76, 11) (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 464).

***

Гнев стоит в междупределии вожделения и разумной силы души, служа для каждой из сих сил оружием, по естеству ли они действуют, или противоестественно (прп. Никита Стифат, 92, 85).

***

Гнев укрощается и заменяется радушием, ничем иным, как мужеством и милостивостью; они сокрушают осаждающих град души врагов, первое — внешних, а вторая — внутренних (прп. Григорий Синаит, 92, 182).

***

Коснение страсти гнева в человеке отнимает у него всю возможность к духовному преуспеянию (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 510).

***

Молитве гордого и гневливого не только не внимает Бог, но и попускает молящемуся в таком душевном устроении различные унизительнейшие искушения (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 92).

***

...Извольте побеждать свою гневливость, прозревая впереди венец мученический (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 30).

****

Один брат, разгневавшись на другого, стал на молитву, прося, чтобы Бог дал ему долготерпение в отношении к брату и чтобы искушение это прошло без вреда. В то же время увидел он дым, исходящий из уст его; вместе с тем прошел и его гнев (97, 72).

***

Авва Исидор поведал о себе: «Однажды я пошел на торг продать немного сделанных мною корзин. Приметив, что по поводу продажи возникает во мне гнев, я оставил корзины и бежал» (106, 243—244).

***

Авва Иоанн поведал: «Однажды я шел по скитской дороге со своим рукоделием. Встретившись с хозяином верблюдов и вступив в разговор с ним, я заметил, что словами его могу быть приведен в гнев; тогда я немедленно бежал, оставив тут и корзины мои» (106, 293).

***

Монах Исаак рассказывал один случай из своей жизни: «Однажды я поссорился с братом и стал гневаться на него... Сидя за рукоделием, я вспомнил о ссоре, раскаялся и, тревожимый страхом ответственности перед Богом, думал, что мне делать? В это время вошел ко мне какой-то юноша и, не сотворив крестного знамения, сказал: «Ты согрешил и тревожишься, отдайся мне и будешь спокоен». Я же, узнав, что это демон, отвечал: «Уйди, ты не от Бога». Он же мне: «Ты все-таки мой». «Нет, — говорю, — не твой, а Божий». Он сказал: «Гнев держащих и зло-

помнящих Бог предал нам; ты же три недели гневаешься на брата, ты зло имеешь на него, а таких ожидает геенский огонь; я к таким людям приставлен, и ты мой». Услышав это, я тотчас же пошел к брату моему, поклонился ему и примирился с ним. Что же? Возвратившись домой, я увидел, что диавол, не терпя моего примирения, злобствуя, сжег мое рукоделие и рогожу, которую я обыкновенно подстилал, когда молился» (112, 11—12).

***

Некий брат, живя в общежительном монастыре и часто побеждаясь гневом, сказал сам себе: «Пойду в пустыню, может быть, там, не имея с кем ссориться, успокоюсь от страсти». Он вышел из монастыря и стал жить один в пустыне. Однажды он наполнил водою сосуд свой и поставил его на землю. Сосуд внезапно опрокинулся. Во второй раз случилось то же. В третий раз кувшин также опрокинулся: монах, рассердясь, схватил кувшин и ударил его о землю. Кувшин разбился. Возвратясь к себе, брат начал размышлять о случившемся и понял, что это вражии козни. Тогда он сказал: «Вот! я один, однако побежден страстью гнева. Возвращусь в монастырь, видно, везде нужна борьба с самим собою и терпение, в особенности же помощь Божия». И, встав, возвратился монах в свою обитель (106, 460).

***

Два брата были во вражде между собою. Во время гонения на христиан их схватили по причине святой веры и, подвергнув многим мучениям, посадили в тюрьму. Один из них сказал другому: «Брат, нам должно примириться и не гневаться друг на друга, потому что завтра мы должны

умереть и предстать Господу». Но брат отказался от примирения. На другой день их вывели из тюрьмы, чтобы отсечь им головы. Брату, желавшему примирения, первому отрубили голову. Он в вере отошел ко Господу. Другой же отрекся от Христа. Мучитель сказал ему: «Почему ты не отрекся вчера прежде пытки, чтобы избежать ран, а отвергся сегодня?» Отступник отвечал: «Я преступил заповедь Господа моего: не примирился с братом моим. За это Бог оставил меня и отнял помощь Свою. Лишенный ее, я и отрекся от Христа» (106, 456).

***

Однажды пустынножитель Марк спросил преподобного Серафима: «Кто в нашей обители выше всех предстоит пред лицем Божиим?» Старец, недолго думая, сказал: «Повар, из бывших солдат, на кухне». И объяснил при этом: «Характер у повара от природы огненный. Он готов в запальчивости убить человека, но его непрестанная борьба внутри души привлекает к нему великое благоволение Божие. За такую борьбу ему подается свыше благодатная сила Святаго Духа, ибо непреложно Божие Слово, которое говорит: *побеждающему* себя *дам сесть с Собою* (ср.: Откр. 3, 21) и облеку в белые одежды» (114, 81).

ГНЕВ БОЖИЙ

Не тетива напрягает Божий лук, но карающая сила, которая иногда напряжена, а иногда ослаблена. Посему слово (см.: Пс. 7, 14) грозит грешнику тем, что готово ожидающее его наказание, если пребудет во грехе, потому что в луке уготованы сосуды смертные, а сосуды смертные суть силы, потребляющие врагов Божиих... Как огонь

произведен для сгораемого вещества, создан не для алмаза, который не расплавляется в огне, а для возгорающихся дров, так и стрелы Божии соделаны для душ удобосгораемых, в которых собрано много вещественного и годного к истреблению. Посему, которые имеют уже в себе предварительно разжженные стрелы диавола, те приемлют на себя и стрелы Божии (свт. Василий Великий, 5, 181—182).

***

...Чем умилостивляется Бог, когда во гневе хочет Он истребить грешников? — Избранною жертвою кадила, любовью и смирением примиряется Он, если прогневали мы Его (прп. Ефрем Сирин, 33, 314—315).

***

Ты, <Господи>, не смущаешься, когда негодуешь, и не гневаешься, когда наказываешь. Если бы разгневался Ты, когда наказываешь, то мир не стерпел бы гнева Твоего (прп. Ефрем Сирин, 33, 330).

***

Когда мы грешим, Бог иногда гневается, а иногда долготерпит, ожидая нашего покаяния. И притом Свой гнев и праведный суд Он обнаруживает с целью вразумить нас и исправить, чтобы мы не оставались во грехе (свт. Иоанн Златоуст, 48, 804).

***

...О гневе или ярости Божией когда читаем, то должны разуметь нечеловекообразно, т. е. по подобию человеческого возмущения, но достойно Бога, Который чужд вся-

кого возмущения, именно под этим можем понимать, что Он есть Судия и отмститель за все, что неправильно делается в этом мире, и, боясь означаемого этими словами страшного воздаяния за наши дела, должны опасаться сделать что-нибудь против Его воли (прп. Иоанн Кассиан, 56, 102—103).

***

Усиление грехов... даже Божественное и бесстрастное естество как бы принуждает из естественной благости переходить в противоестественный гнев, Божию естеству не благоугодный, для нас же при всем этом полезный (прп. Исидор Пелусиот, 60, 217).

***

Гнев Божий есть болезненное чувство обучаемых; причиняется же сие чувство болезненное наведением невольных неприятностей в жизни, коими Бог часто приводит к скромности и смирению ум, надмевающийся добродетелью и знанием, давая ему чрез них познать самого себя и сознать свою немощь, восчувствовав которую, он отлагает суетное надмение сердца.

Гнев Господа есть сокращение или пресечение подаяния Божественных даров, которое (пресечение) бывает на пользу всякому уму, высоко и много о себе думающему и хвалящемуся от Бога данными ему благами, как бы они были плодом его собственных добродетелей (прп. Максим Исповедник, 90, 272).

***

...Гнев Божий может ли кто выдержать? — Страшно, братие, впасть в руки Бога Живого; ибо если мы стра-

шимся рук врагов, в то время как Господь говорит: *не убойтеся от убивающих тело* (Мф. 10, 28), то кто имеющий ум не устрашится рук Божиих, во гневе поднимающихся против неверующих? Ибо гнев Божий откроется против всякой души тех, которые в распутстве и насильничестве проводят жизнь, не зная обращения, и *истину подавляют неправдою* (ср.: Рим. 1, 18) (свт. Григорий Палама, 26, 246).

****

Авва Анастасий передал нам рассказ о затворнике авве Георгии. «Однажды ночью я встал, чтобы ударить в било (я был канонархом), и слышу, что старец плачет. Подойдя к нему, я спросил: «О чем ты так плачешь, авва?» Старец молчал. «Скажи же мне о причине твоего плача», — продолжал я спрашивать. «Как мне не плакать, — отвечал старец, вздохнув из глубины души, — когда Господь наш прогневался на нас. Мне казалось, что я стою перед Кем-то, сидящим на высоком престоле. Многие, многие тысячи стоят вокруг престола, умоляя Его о чем-то. Но Он не склоняется на их молитвы. И приблизилась к Нему некая Жена, облеченная в порфиру. Припав к Нему, Она воскликнула: «Умилостивись же, хотя бы ради Меня!» Но Он остался непреклонен. Я плачу и рыдаю в сильном страхе о том, что угрожает нам». Авва рассказал мне об этом в четверток утром, а на следующий день, в пятницу, в девятом часу произошло страшное землетрясение, разрушившее города приморской Финикии» (102, 51).

***

Некогда за грехи восхотел Бог истребить город Устюг. Блаженному Прокопию было об этом открыто, и он, придя

в храм, поведал об этом причту и народу. «Покайтесь, братия, в своих грехах, — говорил он, — чтобы получить от Бога милость. Если вы не покаетесь, все погибнете от огня и града!» Люди не поверили блаженному и рассуждали так: «Человек этот юрод и разумно никогда не говорил. Зачем слушать его?» Святой же не переставал увещевать их. На третий день он уже ходил по всему городу и со слезами убеждал всех позаботиться об отвращении гнева Божия. Жители и тут не послушали Прокопия. Тогда он пришел на паперть храма Пресвятой Богородицы и со многими слезами молил Бога о помиловании. Через неделю, в полдень, вдруг внезапно нашло на город необыкновенное облако, и днем сделалось темно, как ночью. Видя это страшное явление, люди, недоумевая, восклицали: «Что же это такое?» И вот беспрестанно стали бороздить небо молнии, раздавались ужасные раскаты грома, колебалась земля, воздух сделался удушлив. Тут только народ вспомнил слова блаженного Прокопия о грозящей городу гибели. Тотчас же все бросились в соборный храм Пресвятой Богородицы и со слезами стали просить Господа о помиловании; вместе с народом молился и блаженный. Молитва была услышана: тучи отошли, во время всеобщей молитвы от иконы Владычицы истекло миро, воздух очистился. Тучи же собрались над лесом, и выпал град подобно камню, который сокрушил деревья, а молния попалила их. Из людей же никто не пострадал, сохранился и домашний скот (112, 811—812).

***

Чтоб избавиться от молвы народной, преподобный Дионисий Афонский удалился на гору Олимп. Нашлись люди, которые сообщили владельцу того места, что в пределах его владения какой-то инок строит монастырь. Вла-

делец возмутился и тотчас явился в Лариссу к турецкому аге, в ведении которого состоял Олимп с его окрестностями, и, жалуясь на своеволие иноков, требовал, чтобы предали их суду. Монастырь же, как начатый без его позволения, тотчас уничтожили. Горько стало преподобному, когда один из преданных ему людей, священник литохорийской деревни, известил его о начавшихся против него кознях. Чтобы не дать место гневу, преподобный со слезами удалился в другое место, Загора, по соседству с Олимпом...

Но Бог своими судьбами устроил славное и торжественное возвращение преподобного на Олимп. С того самого времени, как он удалился, в окрестностях той горы началась чрезвычайная засуха, так что жителям грозили голод и пагуба. К большей печали их, градом побило все фруктовые деревья, виноградники и нивы и даже повредило жилища. Громы и молнии поражали всех страхом и ужасом. Напрасно совершались молебствия и плакали люди, гнев Божий не утихал. И только тогда все осознали причину бедствий. Сам владелец понял, за что Бог карает его. Он решил послать за отшельником, чтобы тот возвратился на Олимп и продолжал свои подвиги. Незлобивый старец был тронут прозрением врага своего и вновь погрузился в молитвенный подвиг в невозмутимой тишине олимпийских пустынь (94, 210—211).

***

В Киеве проживала молодая вдова, у которой был единственный сын, мальчик десяти лет. В нем она души не чаяла и буквально его боготворила. Однажды у нее за столом сидели гости. Речь зашла о красоте природы и Божием величии. Вдова, слыша такие слова, указала на своего сына, который сидел здесь же и ел котлету: «Вот мой бог и мое сокровище. Никого другого я не признаю».

Не успела она произнести это, как раздался ужасный крик. Мальчик подавился котлетой и тут же, через несколько минут, скончался. Лицо его было искажено смертельными страданиями. Отчаянию матери не было предела. Измученная, с истерзанной душой, она ходила по дому, как безумная. Мальчика приготовили к погребению. Няня заметила, что на груди у него нет креста, и, обращаясь к матери, сказала: «У Володи нет креста. Может, повесить ему крест на шею?» Но мать, услышав слово «крест», поспешно отвечала: «Нет, не нужно, к чему его вешать на грудь» — и вышла в соседнюю комнату. Няня, как глубоко верующий человек, не могла примириться с мыслью, чтобы ребенок был погребен без креста. Она сняла с себя крест, который берегла от дней своего младенчества, и с глубоким благоговением возложила его на грудь отрока. И вдруг, о чудо! Лицо мальчика, до этого обезображенное конвульсиями, вдруг просветлело и улыбнулось. Няня, видя такое чудо, залилась горячими слезами умиления. Мать, слыша плач няни, вошла в комнату и, видя улыбающееся лицо сына, вскрикнула: «Он жив, он жив!» — «Нет, Володя мертв. Но после того как я возложила на него свой крест, благодать Божия просветила миром его душу и тело». Тогда мать, видя силу знамения креста Господня, засвидетельствованную улыбкой на мертвом лице отрока, признала в этом знамении явление благодати Божией. Припав на колени к образу, она со слезами умиления и раскаяния молилась о прощении своих согрешений и упокоении сына (107, 312—313).

ГОМИЛЕТИКА

Как кузнец, работая молотом, преодолевает дело, какое хочет, так и праведное слово, ежедневно внушаемое, победит всякое зло (св. Ерм, 93, 162).

***

Лучше молчать и быть, нежели говорить и не быть. Хорошее дело учить, если тот, кто учит, и творит. Поэтому один только Учитель, Который сказал и исполнилось; и то, что совершил Он в безмолвии, достойно Отца (сщмч. Игнатий Богоносец, 93, 275—276).

***

Кто проповедует истину неверу, укоряет или учит его, тот подобен человеку, бросающему драгоценнейшие жемчужины во глубину моря (прп. Антоний Великий, 88, 60).

***

Не со всяким веди беседы о благочестии и добром житии. Не по зависти говорю так, но потому, что пред неразумнейшим покажешься ты, думается мне, смешным. Подобное подобному сочувствует, а для таких бесед немного слушателей или, вернее, они очень редки. Лучше потому не говорить, ибо не этого хочет Бог для спасения человека (прп. Антоний Великий, 88, 78).

***

...Мне пришло на мысль уподобить свою беседу усердию какого-нибудь бедного гостеприимца, который желает прослыть богатым угостителем, но не имеет дорогих яств и досаждает гостям, щедро нося на стол свой бедный запас, так что его радушие обращается для него в укоризну незнания приличий (свт. Василий Великий, 5, 137).

***

...Думаю, что тогда изготовляется ткань духовной одежды, когда к назидательному слову присовокупляются и

дела с ним сообразные. Как, в основу вплетая уток[1], ткут одежду для тела, так, когда за предваряющим словом следуют сообразные с ним дела, уготовляется сим благолепная одежда душе, имеющей вполне и словом и делом добродетельную жизнь. А рясны привешивают к одежде; и их должно понимать также в духовном смысле; почему и называются они златыми. Поелику слово обширнее дела, то оно составляет как бы некие рясны, которые спущены вниз с ткани деятельности (свт. Василий Великий, 5, 287—288).

***

...Если не запасено в сердце добра, то как изнесет устами сокровище не обладающий им втайне? Если имеющий доброе в сердце не возвещает о нем словом, то ему будет сказано: ***премудрость сокровена и сокровище не явлено, кая польза есть во обоих?*** (Сир. 20, 30). Посему для пользы других ***уста моя да возглаголют премудрость*** (Пс. 48, 4), а для собственного моего преуспеяния сердце да поучается разуму (свт. Василий Великий, 5, 304).

***

...Какая польза кричать на ветер, когда жизнь так сильно обуревается, что ум всякого оглашаемого словом, наполнившись обманчивыми лжеумствованиями, как глаз пылью, приходит в замешательство и слух у всякого оглушается несносными и непривычными звуками... (свт. Василий Великий, 7, 296).

---

[1] ***Уток*** — поперечные нити ткани, расположенные перпендикулярно к нитям основы и переплетающиеся с ней.

***

В рассуждении того, что не определено в Писании ясным повелением, должно увещевать каждого к лучшему (свт. Василий Великий, 7, 388).

***

Предстоятель слова должен быть для других образцом всего доброго, сам прежде исполняя, чему учит (свт. Василий Великий, 7, 389).

***

Непозволительно вменять в необходимость другим, чего сам не исполняешь (свт. Василий Великий, 7, 389).

***

Для евангельской проповеди не должно пользоваться человеческими преимуществами, чтобы ими не затмевалась Божия благодать (свт. Василий Великий, 7, 397).

***

Не должно проповедовать Евангелия из любопрительности[1], из зависти и соперничества с кем-нибудь (свт. Василий Великий, 7, 397).

***

Не должно думать, что успех проповеди производится собственными нашими примышлениями, но всю надежду надобно возлагать на Бога (свт. Василий Великий, 7, 398).

---

[1] ***Любопрительность*** — склонность к спорливости, словопрению.

***

Те, которые в угождение слушателям не с дерзновением возвещают волю Божию, раболепствуя пред теми, кому хотят угодить, не подчиняются уже владычеству Господню (свт. Василий Великий, 7, 399).

***

...Тайны спасения повергать пред всяким без разбора и принимать одинаково всех... походит на то же, что и в нечистый сосуд вливать многоценное миро (свт. Василий Великий, 8, 171).

***

...Если орудиями пользоваться никто не дозволяет неопытным, то тем паче употребление слова надобно уступать людям способным, которые в состоянии распознать и место, и время, и образ вопросов, которые, возражая без любопрительности и благоразумно, а также с разумом выслушивая, могут точно наводить на разрешения вопросов к общему назиданию (свт. Василий Великий, 9, 166).

***

...Тот, кто приставлен к Домостроительству слова, если вознерадит о том, чтобы возвестить слово, будет, по написанному, осужден, как убийца (см.: Иез. 33, 8) (свт. Василий Великий, 9, 199).

***

...Настоятель навлекает на себя великую и нестерпимую беду, когда скроет талант слова, и не будет наперед объявлять каждому о мече, грядущем на грех... (свт. Василий Великий, 9, 386).

***

Что холодная вода жаждущему в жар, то слово утешения брату в скорби (прп. Ефрем Сирин, 30, 123).

***

...Как иной подает руку падшему и восставляет его, так слово совета и истины восставляет душу ленивую и нерадивую (прп. Ефрем Сирин, 30, 123).

***

...Что мед и сот в устах, то ответ брата ближнему, данный с любовью (прп. Ефрем Сирин, 30, 123).

***

Не хвались, величаясь краснословием, но возвещай лучше действенное учение людей простых и некнижных, чтоб стать тебе учеником апостолов Господних; а хвалиться внешнею мудростью запрещено, особливо христианам (прп. Ефрем Сирин, 30, 520).

***

...Ухищренно сказанное не для всех вразумительно, особливо же для незнакомых с мирским любомудрием (прп. Ефрем Сирин, 31, 119).

***

...Духовное слово может убедить послушных вере даже без пособий грамматики и риторики (прп. Ефрем Сирин, 31, 120).

***

...Что пользы, возлюбленный, если, увещевая других, сами делаем противное? (прп. Ефрем Сирин, 31, 147).

***

Учи, чтобы самому научиться, и доставишь пользу слушателям (прп. Ефрем Сирин, 31, 629).

***

...Слово Христа в слушателей, которые могут его принять, мы влагаем, как закваску, под действием коей они разделяются, но и соединяются; именно отделяются и разлучаются от грубой массы мира, соединяются же со Христом, Который устрояет общение Церкви (прп. Ефрем Сирин, 37, 122).

***

...Обильное слово не полезнее мудрого; доставив, может быть, несколько удовольствия, оно улетает и исчезает вместе с колебанием воздуха, не производя ничего больше, и только очаровывает красноречием пленяющийся им слух; а мудрое слово проникает в ум, расширив уста, исполняет их духом, переживает свое рождение, и не многими слогами возделывает многое (свт. Григорий Богослов, 13, 47—48).

***

Лучше мне *пять слов сказать в Церкви* с разумом, *нежели тысячи* одним языком (ср.: 1 Кор. 14, 19) и невразумительным звуком трубы, который не возбуждает моего воина к духовной брани (свт. Григорий Богослов, 13, 48).

***

...Обременение словом столько же неприязненно для слуха, сколько излишняя пища для тела (свт. Григорий Богослов, 14, 272).

***

...Ты любослов; ты исполнен ревности; для тебя несносно, если не польется у тебя слово! И в этом случае желаю тебе не больше, как свойственного человеку. Говори, но со страхом; говори, но не всегда, не обо всем, не всякому и не везде; знай, кому, сколько, где и как говорить. Всякой вещи, как слышишь, есть свое время, а всего лучше всему мера... (свт. Григорий Богослов, 17, 43—44).

***

Какой же вред видишь в том, что молодые люди чрез благопристойное наслаждение приводятся в общение с Богом? Их трудно вдруг перестроить. Пусть же будет в них некоторая благородная смесь. Но когда доброе со временем окрепнет, тогда, отняв красное слово, как подпорку у свода, соблюдем в них самое доброе. Что может быть полезнее этого? И ты, ревнитель строгости, нахмуривающий брови и самоуглубляющийся в себя, разве не подкладываешь сладостей в кушанье? За что же охуждаешь мою речь, дела ближнего измеряя своею мерою? (свт. Григорий Богослов, 17, 94).

***

...Истинная мудрость... <состоит> не в красоте слов, но в силе, действующей Святым Крестом (прп. Макарий Египетский, 88, 218).

***

Кто ведет речь о духовном, не вкусив того сам, тот уподобляется человеку, который... говорит о меде, что он сладок, но не вкушал его сам и не знает силы его сладости (прп. Макарий Египетский, 88, 219—220).

***

Произносящие одни только слова мечтают и надмеваются своим умом (прп. Макарий Египетский, 88, 220).

***

...Да не ослабевает слово, привлекающее к прекрасному, хотя иной, как младенец и несовершенный умом, по непривычке к искушениям, детски боится их. Ибо вредоносный и тлетворный демон о том и старается, чтобы подчинившийся ему человек не на небо взирал, но поникал очами к земле, и делал в себе из брения плинфы (свт. Григорий Нисский, 18, 276—277).

***

...Чистым очам Церкви свойственно размягчающею силою ланит приуготовлять телу такую пищу, чтобы в сказанном не усматривалось ничего глубоко скрытого и неясного, но все было видно насквозь, свободно, далеко от всякой обманчивой скрытности и глубокости, явственно и для младенцев... (свт. Григорий Нисский, 20, 349).

***

...Всякое слово без дел являемое, как бы ни было красноречиво составлено, подобно бездушному изображению, которому краски и цвета придают некоторый вид

живости; *а кто сотворит и научит* (Мф. 5, 19)... тот есть истинно живой человек, цветущий красотой, действующий и движущийся (свт. Григорий Нисский, 24, 383—384).

***

Вполне прекрасно и весьма полезно повествованиями о добродетели питать юношей и укреплять мужей. Слух есть вид чувства самый полезный и не менее зрения способный служить к научению, ибо посредством ушей ясно вводит учение в душу, и немаловажно то, хорошие или дурные слышать повествования (свт. Григорий Нисский, 25, 241).

***

...Всякое слово, не сопровождаемое делами, суетно само по себе и несостоятельно (свт. Григорий Нисский, 25, 325).

***

Когда душа целомудренна, тогда не будет никакой потери от незнания красноречия; а когда она развращена, тогда бывает величайший вред, хотя бы язык был весьма изощрен, и тем больший <вред>, чем больше это искусство <...>

Для надлежащего занятия красноречием нужна добрая нравственность, а добрая нравственность не нуждается в пособии красноречия. Можно быть целомудренным и без этого знания, но никто никогда не приобретет силы красноречия без добрых нравов, проводя все время в пороках и распутстве (свт. Иоанн Златоуст, 44, 101).

***

...Порочность в соединении с искусством в слове производит гораздо худшие беды, чем необразованность (свт. Иоанн Златоуст, 44, 101).

***

Кто составляет всю речь свою всецело из предметов тяжелых, тот бывает несносен для слушателя и часто вынуждает душу, не переносящую тяжести его слов, отвращаться от них, а кто разнообразит речь и составляет ее больше из легких, чем трудных предметов, тот прикрывает тяжесть предмета и, успокоив слушателя, таким образом успешнее убеждает и привлекает его... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 317).

***

Как тот, кто любомудрствует только на словах, без дел, не приносит великой пользы слушателю, так, напротив, тот, кто может предложить совет, наперед исполненный им самим, этим больше всего увлекает слушателя (свт. Иоанн Златоуст, 44, 325).

***

...После примера дел предоставлен один вид и способ врачевания — учение словом. Вот орудие, вот пища, вот превосходное растворение воздуха! Это вместо лекарства, это вместо огня, это вместо железа; нужно ли прижечь или отсечь, необходимо употребить слово; если оно нисколько не подействует, то все прочее напрасно. Им мы восставляем падшую и укрощаем волнующуюся душу, отсекаем излишнее, восполняем недостающее и совершаем

все прочее, что служит у нас к здравию души. Наилучшему устроению жизни может содействовать жизнь другого, располагая к соревнованию; но когда душа страждет болезнью, состоящею в неправых догматах, тогда весьма полезно слово, не только для ограждения своих, но и для борьбы с посторонними. Если бы кто имел меч духовный и щит веры такой, что мог бы совершать чудеса и посредством чудес заграждать уста бесстыдным, тот не имел бы нужды в помощи слова; или лучше, оно по свойству своему и тогда было бы не бесполезно, но даже весьма необходимо (свт. Иоанн Златоуст, 44, 453).

***

...Если кто не имеет этой силы <слова>, то души подчиненных ему людей постоянно будут находиться в состоянии нисколько не лучше обуреваемых кораблей; я говорю о людях слабейших и любопытнейших. Посему священник должен употреблять все меры, чтобы приобрести эту силу (свт. Иоанн Златоуст, 44, 456).

***

...Иное зависит от дел, а иное от слова, и каждая из этих двух частей имеет нужду одна в другой, чтобы здание было совершенно (свт. Иоанн Златоуст, 44, 460).

***

...Увлекающийся страстью к похвалам, хотя может вести беседы назидательные для народа, но вместо них предлагает то, что более услаждает слух, приобретая этим себе шум рукоплесканий (свт. Иоанн Златоуст, 44, 462).

***

Когда... <пастырь>, выступив среди народа, станет говорить обличения живущим беспечно, но потом смешается и станет запинаться и по скудости речи принужден будет краснеть, тотчас исчезает вся польза от сказанного. Обличаемые, негодуя на сказанное и не имея другого средства отмстить ему, осыпают его насмешками за его неумение, надеясь этим прикрыть свои недостатки (свт. Иоанн Златоуст, 44, 463).

***

Так как сила слова не дается природою, но приобретается образованием, то хотя бы кто довел ее до высшего совершенства, и тогда он может потерять ее, если постоянным усердием и упражнением не будет развивать этой силы. Таким образом образованнейшие должны более трудиться, нежели менее образованные; ибо нерадение тех и других сопровождается не одинаковым ущербом, но у первых он столько важнее, сколько различия между тем, чем владеют те и другие <...>

Слушатели... судят о проповеди не по ее содержанию, а по мнению о проповедующих. Потому, кто превосходит всех красноречием, тому более всех нужно усердно трудиться; ему нельзя извиняться тем общим недостатком природы человеческой, что невозможно успевать во всем; но если беседы его не вполне будут соответствовать высокому мнению о нем, то они сопровождаются множеством насмешек и порицаний от народа (свт. Иоанн Златоуст, 44, 464).

***

...Принявший на себя подвиг учительства должен не внимать похвалам посторонних людей, и не ослабевать

своею душою без них; но составляя поучения так, чтобы угодить Богу (ибо это должно быть у него правилом и единственной целью тщательнейшего составления поучений, а не рукоплескания и похвалы), если будет хвалим людьми, пусть не отвергает похвал, если же не получает их от слушателей, пусть не ищет и не сетует; потому что для него достаточное и наилучшее утешение в трудах есть то, если он может сознавать в самом себе, что он составлял и направлял свои поучения на благоугождение Богу.

...Подлинно, кто предается страсти к безрассудным похвалам, тот не получит никакой пользы ни от многих трудов своих, ни от силы своего слова, потому что душа, не умеющая переносить неразумных осуждений народа, слабеет и теряет охоту к упражнению в слове. Посему больше всего нужно приучаться презирать похвалы, потому что без этого недостаточно одного умения говорить для сохранения в себе этой силы <...>

Много трудиться, а получать мало похвал — это действительно может изнурить и погрузить в глубокий сон не умеющего презирать похвалы (свт. Иоанн Златоуст, 44, 466).

***

...Не все равно — бороться или учить, поражать врага <словом> или исправлять своего <ближнего>; в последнем случае от меня требуется больше усилий... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 575).

***

Источники текут, хотя бы никто не черпал из них, и родники источают воду, хотя бы никто не брал ее, и реки бегут, хотя бы никто не пил из них; так и проповедник,

хотя бы никто не внимал ему, должен исполнять все от него зависящее (свт. Иоанн Златоуст, 44, 779).

***

У кого слушатели нерадивы, тот, хотя и сократит беседу, кажется скучным; а у кого слушатели усердны, внимательны и бодры, тот, если и далеко продлит речь, и тогда еще не удовлетворит желанию (слушателей) (свт. Иоанн Златоуст, 45, 274—275).

***

...Человекоубийца умерщвляет одно только тело, а говорящий льстиво и делающий слушателей более беспечными губит душу; тот предает нынешней смерти, а этот... отсылает на бессмертные мучения и наказания (свт. Иоанн Златоуст, 45, 702).

***

Напрасная трата денег делает иногда ущерб имению, а слово, произнесенное без рассуждения, разоряет целые дома, губит и разрушает души. Ущерб имения можно опять поправить, а слово, раз вылетевшее, возвратить назад нельзя (свт. Иоанн Златоуст, 46, 8).

***

...<Духовное слово> питает лучше хлеба, исцеляет лучше лекарств, выжигает сильнее огня, не причиняя никакой боли, останавливает смрадное течение дурных мыслей, сильнее железа безболезненно рассекает загнившие раны, и при этом не требует никакого расхода денег, не повергает в нищету (свт. Иоанн Златоуст, 46, 497).

***

...Бог ценит не качество речи, а расположение проповедника и любовь слушателей (свт. Иоанн Златоуст, 46, 827).

***

...Бросая духовное семя, мы иногда не получаем плодов, по беспечности слушателей; тем не менее в будущем нам уготована награда, потому что мы пускаем в оборот вверенное нам серебро, и исполняем повеленное нам от Господа; а слушатели впоследствии дадут отчет Тому, Кто востребует от них с лихвою данное им (свт. Иоанн Златоуст, 47, 443).

***

...*Лучше слово, нежели даяние* (Сир. 18, 16). Часто... усердное слово утешает нуждающегося больше, чем подаяние... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 454).

***

Как попутный ветер, устремившись прямо на паруса корабля, двигает судно вперед быстрее стрелы, так и молитва Церкви, обращенная на язык проповедника, увлекает его слово сильнее ветра (свт. Иоанн Златоуст, 47, 734).

***

Не нужно держать всегда в напряжении душу слушателей, потому что она скоро изнемогает; не нужно и да-

вать ей всегда послабление и покой, потому что от этого она становится недеятельною. Нужно разнообразить поучения и касаться предметов то более общепонятных, то более трудных (свт. Иоанн Златоуст, 48, 151).

***

...Кто намеревается говорить о предметах любомудрия, тому особенно нужны... слушатели, сокрушенные и смиренные, чуждые гордости и тщеславия (свт. Иоанн Златоуст, 48, 232).

***

...Превосходнейший способ увещания — отклонять от слабого и приводить к твердому, уничтожать ложное и представлять истинное, обличать вредное и показывать полезное (свт. Иоанн Златоуст, 48, 531).

***

Не велик плод красноречивого проповедника, но зрел; тонка струна, но важен звук; не много слов, но драгоценны мысли (свт. Иоанн Златоуст, 48, 574).

***

Нельзя, конечно, требовать, чтобы проповедник только однажды пользовался известным изречением; но если необходимо постоянно врачевать рану греха, то необходимо и возвращаться к однажды сказанному (свт. Иоанн Златоуст, 48, 685).

***

Не говори: все противятся, все противостоят; твои слова утверждены на истине, а потому взывай свободно... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 217).

***

Мед вещественный доставляет удовольствие только языку и портится; а мед учения <о Христе> проникает в совесть, доставляя постоянную радость и руководя нас к бессмертию (свт. Иоанн Златоуст, 49, 430).

***

...Тот, кто сеет <учение> в души послушные и исполненные благочестия, хотя бы бросал скудные семена учения, увидит богатую жатву, потому что мудрость слушателей прикрывает скудость говорящего (свт. Иоанн Златоуст, 49, 465).

***

...Никто не будь нерадив, никто не будь рассеян, когда священники входят и преподают поучение: за это угрожает немалое наказание (свт. Иоанн Златоуст, 50, 358).

***

Как искра, когда коснется дров, зажженное ею делает новым источником огня, и таким образом простирается дальше и дальше, — так и проповедь (свт. Иоанн Златоуст, 50, 485).

***

...<Проповедь> расширяется подобно горчичному дереву, превозмогает, подобно закваске, многоценна, как бисер, и доставляет бесчисленные удобства, подобно сокровищу.

Отсюда мы научаемся тому, что надобно не только прилежать к проповеди, отрешившись от всего прочего, но что даже должно это делать с радостью (свт. Иоанн Златоуст, 50, 491).

***

...Не столь многие приводятся (ко Христу) тогда, когда говорят им о Боге что-нибудь великое и возвышенное, как тогда, когда говорят о благости, человеколюбии Его и о том, что относится ко спасению слушающих (свт. Иоанн Златоуст, 51, 118).

***

Долг усердного проповедника, как и заботливого земледельца, — не оставлять своего дела, пока не увидит, что всажденное слово укоренилось (свт. Иоанн Златоуст, 51, 120).

***

Для того-то Христос часто и говорил не ясно, чтобы побудить слушателей к вопросам и сделать их более внимательными. Ясно сказанное нередко проходит мимо слуха, а неясное делает слушателя внимательнее и усерднее (свт. Иоанн Златоуст, 51, 158).

***

Наставники не все говорят так, как бы хотели сами, но как требует состояние немощных (свт. Иоанн Златоуст, 51, 194.)

***

Приступающие к <слушанию> божественной проповеди и внимательные к вере должны выказывать расположение жаждущих и возжигать в себе такое же, как у них, желание. Чрез это они будут в состоянии вернее удержать в себе проповедуемое (свт. Иоанн Златоуст, 51, 334).

***

...Врачи употребляют несколько раз одно и то же лекарство. Так и мы не перестанем одно и то же внушать, об одном и том же напоминать, учить, умолять. Ведь у нас много житейских забот, которые могут приводить нас в забвение; а потому и наставление нам нужно постоянное (свт. Иоанн Златоуст, 51, 339).

***

Не бездейственно слово при изъяснении Божественного учения, однако то, что говорится, должно соразмеряться с человеческою способностью, не само по себе имея значение для понимания, но насколько Бог даст... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 913—914).

***

Обыкновенно не столько внедряются в душу наставления словами, сколько делами; и если ты не имеешь

дел, то, разглагольствуя, не только не приносишь пользы, но больше причиняешь вред; лучше бы молчать. Почему? Потому что предлагаешь мне дело невозможное. Если ты, который говоришь так много, рассуждаю я, не исполняешь этого, то тем больше я достоин извинения, который ничего не говорю (свт. Иоанн Златоуст, 52, 277—278).

***

Гораздо больше вреда в том, когда кто, хорошо поучая словами, опровергает свое учение делами. Это стало виною множества зол в церквах (свт. Иоанн Златоуст, 52, 278).

***

...Если бы какой отец своему слишком нежному и притом больному сыну давал пирожное, прохладительное и все, что только услаждает, а полезного ничего не предлагал, и потом на замечания врачей стал бы говорить в свое оправдание: «Что же делать? Я не могу видеть плачущего сына». Несчастный, жалкий, предатель! — ведь я не назову такого отцом, — не гораздо ли лучше было бы, причинив кратковременную скорбь, возвратить ему совершенное здоровье, нежели временное услаждение сделать причиною всегдашней скорби? То же бывает и с нами, когда мы заботимся о красоте выражений, о составе и благозвучии речи, чтобы доставить удовольствие, а не принести пользу, чтобы возбудить удивление, а не научить, чтобы усладить, а не обличить, чтобы получить рукоплескания и отойти с похвалами, а не исправить нравы (свт. Иоанн Златоуст, 52, 278).

***

...Успех проповеди зависел не от апостолов, но от благодати, им предшествующей. Их дело было обходить и проповедовать, но убеждение производил Бог, действующий в них... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 492).

***

...Говорящие без приготовления часто погрешают, так как ум не в состоянии и рассматривать Писание, и в то же время следить за красотою речи (свт. Иоанн Златоуст, 52, 986).

***

Поистине (для благовествования) недостаточно одного человеческого усердия, а нужна высшая сила (свт. Иоанн Златоуст, 54, 53).

***

Нужно благоповедение, а не остроумие, — нравственность, а не сила речи, — дела, а не слова: вот что доставляет Царство, дарует действительные блага. Не язык изощряй, но душу очищай. Говорю это не с тем, чтобы запретить образование, но чтобы не привязывались к нему исключительно (свт. Иоанн Златоуст, 54, 186).

***

...Если ты наставляешь кого-нибудь вере, то говори, что относится к предмету, потом молчи. Если слово твое будет растворено солью, то хотя бы оно попало и в раздражительную душу, произведет в ней нежную привязанность, и хотя бы в жестокую, умягчит ее суровость.

Будь обходителен и не будь груб, но опять — и не слишком слаб, а имей твердость, соединенную с приятностью. Если будешь без меры строг, то сделаешь более вреда, чем пользы; если будешь чрезмерно любезен, то доставишь более печали, чем радости. Так должна быть мера во всем. Не будь суровым и угрюмым, потому что это неприятно; не будь и излишне веселым, потому что чрез это можно подпасть пренебрежению и презрению; но, усвояя то, что составляет совершенство в том и другом, избегай недостатков, подобно пчеле заимствуя от одного веселость, а от другого — важность. Если врач неодинаково обходится с телом каждого, то тем более учитель. Но тело еще легче выдержит негодное для него лекарство, чем душа — слово (свт. Иоанн Златоуст, 54, 450).

***

Будьте снисходительны ко мне, если я говорю нечто, так сказать, нечистое, не стыдясь и не краснея. Не по доброй воле делаю это, а вынуждаюсь говорить такие слова для тех, которые не стыдятся таких дел... Хотя мои слова, по-видимому, неприличны, но цель не неприлична, а даже весьма хороша для того, кто хочет истребить нечистоту души. Действительно, если не услышит таких слов бесстыдная душа, то не устрашится. Как врач, желая пресечь гниение, сперва влагает персты в раны, и если прежде не осквернит целебных рук, то не сможет уврачевать, так и я. Если сперва не оскверню уст, исцеляющих ваши страсти, то не смогу вас исцелить. Лучше же сказать, здесь уста точно так же не оскверняются, как там руки. Почему именно? Потому что это не есть нечистота естественная и не от нашего тела происходит она, подобно как и там — не от рук врача, но от чужих (ран). Если же там он не

отказывается вкладывать свои руки в чужое тело, то здесь, где наше тело, скажи мне, откажемся ли мы? А вы — наше тело, хотя больное и нечистое, но все же наше (свт. Иоанн Златоуст, 54, 519—520).

***

Если пророки, будучи побиваемы камнями, не умолкали, то тем более нам должно переносить неудовольствия и не говорить бесед в угоду вам, чтобы за обольщение вас самим не быть рассеченными (свт. Иоанн Златоуст, 54, 554—555).

***

...Как врачи часто бывают принуждены во многом огорчать больных, приготовляя им пищу и лекарства, которые не имеют приятности, хотя приносят великую пользу, или подобно тому, как отцы бывают часто суровы к своим сыновьям, так и учители... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 555).

***

...Ничто столько не содействует успеху учения, как то, чтобы любить и быть любимым (свт. Иоанн Златоуст, 54, 658).

***

Тот, кто питает себя словом учения, прежде сам извлекает отсюда пользу, потому что, уча других, и себя приводит в умиление (свт. Иоанн Златоуст, 54, 707—708).

***

...Бог дает проповедующим благодать не по достоинству говорящих, но по нужде слушающих... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 991).

***

Кто имеет дело с людьми невнимательными и не понимающими преподаваемого, тот не может вполне объяснить им учения (свт. Иоанн Златоуст, 55, 79).

***

...Я и страшусь, и хотел бы молчать, чтобы не увеличить для вас опасности, так как часто слышать и не поступать так — значит оскорблять Владыку. Но боюсь и другой опасности от молчания для меня самого, если бы я, поставленный на служение слову, стал молчать (свт. Иоанн Златоуст, 55, 202).

***

Такова благодать Духа: она не заключает во множестве слов мало мыслей, но в кратких словах излагает много великих мыслей (свт. Иоанн Златоуст, 55, 218—219).

***

Всякое слово пребывает крепким и твердым, снабженное защитой от всех дел; а всякая речь легко исчезает, разливаясь из уст в воздухе, лишенная свидетельства от дел (свт. Иоанн Златоуст, 55, 431).

***

...Мы, учащие, не виновны в том, что не убеждаем слушателей, а отвечаем только за то, если не обращаемся с наставлением, потому что наше дело только увещевать, а повиноваться от них зависит (свт. Иоанн Златоуст, 55, 521).

***

Тот, кто говорит внимательным слушателям, находит утешение для себя в повиновении их; но если кто постоянно говорит, и его не слушают, и тем не менее он не перестает говорить, тот достоин большей части, потому что исполняет угодное Богу и свой долг во всей точности... Но хотя нам и больше награды от вашего непослушания, однако мы лучше желаем, чтобы она уменьшилась, а умножилось ваше спасение, так как мы считаем для себя великой наградой вашу славу (свт. Иоанн Златоуст, 55, 521).

***

...По достоинству и усердию слушающих благодать Господня внушает слово говорящим (прп. авва Моисей, 56, 187).

***

Не решайся учить кого-либо словами, чего прежде ты не сделал делом (прп. авва Нестерой, 56, 428).

***

...Избегай со всею осторожностью, сколько можешь, чтобы не увлекаться любовью к суетной славе, чтобы ты

мог быть участником того, кого восхваляет Пророк, кто *серебра своего не отдает в рост* (Пс. 14, 5). Ибо всякий, кто слова Божии, о которых говорится: *слова Господни — слова чистые, серебро очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное* (Пс. 11, 7), преподает по любви к людской похвале, серебро свое отдает в рост, и за эту похвалу не только не заслужит никакой награды, но еще подвергнется наказанию. Ибо он для того хотел расточать серебро Господне, чтобы от этого получить себе временную награду, а не для того, чтобы Господь, как написано (ср.: Лк. 19, 23), *пришедши, получил* Свое *с прибылью* (прп. авва Нестерой, 56, 438).

***

...Бездейственным бывает учение о духовных предметах по двум причинам: или от того, что учащий, предлагая то, чего сам не испытал, старается пустым звуком слов научить слушателя, или от того, что слушатель негодный, подвержен порокам, спасительного, святого учения духовного мужа не воспринимает ожесточенным сердцем... Впрочем, по милостивой щедрости нашего раздаятеля Бога, *Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 4), иногда допускается и то, что тот, кто укоризненным поведением сделал себя недостойным евангельской проповеди, для спасения многих получает благодать духовного учения (прп. авва Нестерой, 56, 439).

***

Прекрасный у тебя дар... говорить сильно. Но путь духовного жития совершается гораздо благоуспешнее деятельностью, нежели красноглаголанием. Посему, если за-

ботишься о наградах негибнущих, то, говорить красно признав за маловажное, старайся делать доброе (прп. Исидор Пелусиот, 60, 9).

***

Слово, произносимое на пользу слышащим, есть слово сильное, по праву называемое словом, и оно богоподобно. Слово же, имеющее последствием одно услаждение и рукоплескание, есть бряцание меди, оглашающей слух громкими звуками. Поэтому, или веди слово свое степенно, предпочитая пышности скромность, или знай, что ты — кимвал, пригодный для народных зрелищ (прп. Исидор Пелусиот, 60, 43).

***

У тебя... есть собрание слов, услаждающих слух, но не питающих душу. А твое слово должно быть живо. Кто лишен такого слова, тот ***кимвал звящаяй*** (1 Кор. 13, 1). Посему, если присовокупишь и оное, то будешь сладкозвучным органом, благоприятным и Богу, и людям (прп. Исидор Пелусиот, 60, 74).

***

Приятно учишь ты в Церкви, но лучше было бы, если бы учил и благодетельно. А теперь уподобляешься человеку, который бросает вверх камни и старается, чтобы камень падал прямо вниз, а тем призывает его на себя самого. Если наше обличение грехов усматривается в нас отрицающими слова делами, то не только слушателям не воспрепятствуем поступать худо, но и себя подвергнем

смеху, иному уча, а иное делая (прп. Исидор Пелусиот, 60, 76).

***

Не повелено же нам и *бисер пометать пред свиниями*, т. е. пред погрязшими в страстях и ведущими жизнь скотскую, *да не поперут их ногами,* лукавыми своими начинаниями, хуля имя Божие, *и вращшеся расторгнут вы* (ср.: Мф. 7, 6), ибо сообщение таковым тайн для небрежно сообщающих есть неисправимое расторжение (прп. Исидор Пелусиот, 60, 98).

***

Не всякому человеку можно учить, потому что не все носят и багряницу. А если сим не пользуются все, особливо же бедные, которые оскорбили бы величество власти, приводя в уничижение то самое, чем показывалось ее преимущество, то удержись от речей неприличных Церкви, которые не доставляют пользы слушателям, но подвергают оскорблению нашу веру, и неприязненных нам еретиков, не против тебя и не к твоему склоняют обвинению, но возбуждают к поруганию благочестия, потому что не на твое невежество обращают они внимание, но смеются над его бессилием (прп. Исидор Пелусиот, 60, 135).

***

...Много таких, которые наскучивают словами, но мало таких, которые бы наставляли делами и которым наипаче надлежало бы священствовать (прп. Исидор Пелусиот, 60, 279).

***

Достоин похвал... не тот, кто искусством и силою слова затрудняет уразумение истины, но кто излагает ее безыскусственно... (прп. Исидор Пелусиот, 60, 366).

***

...Божественной проповеди угрожает опасность, что поколеблют ее те самые, которые, по-видимому, защищают ее; потому что многие, делая противное тому, что говорят, заставили не иначе слушать речи их, как басни. Посему, размыслив об угрожающей опасности, надлежит им поступать во всем так, чтобы не изведать сего на опыте (прп. Исидор Пелусиот, 60, 404).

***

...Надлежит знать... то, что все обращают внимание не на то, что говорим, а на то, что делаем, и поэтому произносят приговор, и если не явно, то в сердце решают полновластно. Итак, надобно иметь нам и жизнь, сопутствующую слову, и правила жизни, согласные с учением, чтобы, преодолевая словами, не быть побежденными в делах (прп. Исидор Пелусиот, 60, 451).

***

Любомудрствовать на словах легко, а на деле трудно. Почему одно не поражает слушателей, а другое трогает; одно возбуждает смех, а другое пробуждает беспечность; одно оканчивается укоризною, а другое похвалами; одно возмущает, а другое пристыжает слушателей. Посему должно не говорить только о том, что надлежит делать, но и

исполнять это; иначе подвергаемся укоризне и будем подлежать ответственности (прп. Исидор Пелусиот, 60, 452).

***

...Четыре... различные вещи приводят ум в состояние говорить: или сверхъестественная благодать свыше и блаженство; или чисто та, происходящая от подвигов по Богу и могущая привести душу в первоначальную красоту ее; или усвоение земной учености, приобретаемое через обучение человеческое и старание о внешней мудрости; или проклятое сатанинское обольщение, происходящее от гордости и лукавства демонского и составляющее извращение естества (прп. Исидор Пелусиот, 61, 2).

***

Охотно приступать к Божественной проповеди... две причины убеждали людей: удовлетворительность слова и образ жизни проповедников; потому что и то и другое, и достоверность слова, и жизнь, ручающаяся за слово, одно другому придавали силу и крепость. Не иное проповедовали, а иное делали (за сие подверглись бы осмеянию, как некоторые из нынешних...), ведя же жизнь согласную со словом, покоряли тем людей. Посему и Христос, зная, что слово, не сопрягаемое с деятельностью, немощно и недействительно, одушевляемое же деятельностью — живо, сильно и действенно, — всякой добродетели и любомудрию обучив апостолов делами, и наставив словом, и украсив божественными дарованиями, потом уже послал их на уловление человеков. Ибо во всей точности знал, что нравственность проповедников не меньше чудес возможет привлекать людей. Так, рассеявшись по вселенной, по-

добно крылатым земледелателям, посевая слово благочестия, благоустроив нрав свой по наставлению Учителя, и ведя жизнь не только неукоризненную, но даже чудную, препобедили всю подсолнечную. И ни мудрость, ни могущество, ни богатство, ни царская власть, ни самоуправство, ни варварская свирепость, ни полчище демонов, ни сам диавол, ни голод, ни стремнины, ни узилища, ни иное что, признаваемое страшным и действительно страшное, не превозмогло их; напротив того, все уступали, и давали им место, и быть побежденными почитали для себя славнее всякой победы и победных памятников; ибо, укрепившись в той мысли, что быть хорошо побежденными лучше, нежели худо победить, соделались небожителями (прп. Исидор Пелусиот, 61, 37—38).

***

...Превосходного образования не срами грубостью сердца, но присоединяй к хорошим дарованиям и доброе сердце, и к силе слова — кротость нравов, чтобы тем и другим соделаться славным (прп. Исидор Пелусиот, 61, 107).

***

Премудр в слове... кто может мысль свою изложить ясно, а не кто затемняет ясность великомудрыми и высокими речениями. Один издавал на свет сокровенное, а другой и явное для всех скрывает во тьме. Почему один, как желающий пользы слушателей, достоин многих похвал, а другой, как домогающийся собственной своей славы, не стоит награды (прп. Исидор Пелусиот, 61, 107—108).

***

Истинную краткость, соединенную с ясностью, составляет не опущение доказательств, но исключение нимало не содействующего предположенной цели. Как излишнее дело вставлять не относящееся к главной мысли, так необходимо не оставлять чего-либо входящего в состав ее. Посему и ты, если встретится слово, в котором решаются возражения и излагаются доказательства, обращай внимание не на длину слова, а на то, что вопрос не мог и уяснен быть иначе, если бы слово не употребило длинных пояснений. Если предполагается изложить только мысль, то слово пусть будет кратко. Но если требуется и доказать, то необходимо слову, как растянуться в длину, так избегать всякого излишества и тождесловия (прп. Исидор Пелусиот, 61, 116).

***

Всякое искусство упражнением в оном усиливается и расширяется, а от праздности гибнет, наипаче же дар слова, если за ним ухаживать и орошать его, делается наиболее сильным, а если не прилагать о нем попечения, легко проходит и улетает (прп. Исидор Пелусиот, 61, 152).

***

Говорить должно о том, что достойно слышания, и слушающих поощряет к соблюдению правды и к целомудрию (прп. Исидор Пелусиот, 61, 218).

***

Кажется, как говорят иные, чужими украшаешься ты трудами, от других собираешь плоды пота; но хотя они

винят тебя в этом, а я с удовольствием хвалю тебя за это. Ибо гораздо лучше иметь во устах хотя и чужие писания, нежели быть праздным, лениться и празднословить (прп. Исидор Пелусиот, 61, 222).

***

...У лакедемонян <спартанцев>, справедливо определявших, что слова суть тени дел, живущему срамно не позволялось выговорить доброй мысли (прп. Исидор Пелусиот, 61, 262).

***

Слово не тогда достойно удивления, когда течет обильно и льется не ко времени, но когда, будучи недлинно и непродолжительно, богато же мыслями, при краткости имеет всю полноту, наипаче же одушевленное благовременностью, оказывается более оживленным (прп. Исидор Пелусиот, 62, 212).

***

Совершенства речи — истина, краткость, ясность, благовременность; недостатки же — ложь, многословие, неясность и неприличие времени. Ибо что пользы, если истинна, но не кратка, утомляет же слушателей; или кратка, но не ясна, или и ясна, но произносится некстати? Если же имеет все совершенства, то будет сильна, поразительна, одушевлена, покоряя слушателей истиною, преоборая краткостью, уловляя ясностью и увенчиваясь благовременностью (прп. Исидор Пелусиот, 62, 228).

***

Не словами... надлежит очаровывать слушателей, но деятельностью руководить зрителей (прп. Исидор Пелусиот, 62, 278).

***

...Всякое слово, когда не исполнено на деле, не только кажется напрасным и пустым, но обращается в укоризну, особливо если произнесено проповедником. Чем с большею готовностью стараются воспользоваться им, тем более все не доверяют ему, даже почитают его поводом к смеху. Посему должно наипаче сперва делать, а потом говорить; если же не угодно делать, то и не говорить (прп. Исидор Пелусиот, 62, 311).

***

У премудрости божественной речь идет наравне с землею, а мысль небошественна; у мудрости же внешней образ выражения блестящий, а дело пресмыкается по земле... Красноречие может быть орудием премирной мудрости, если будет ей служить, как тело душе или как лира играющему на лире, не внося от себя ничего нового, но истолковывая ее небошественные мысли. Если же извращает оно порядок и, когда должно быть в рабстве, почтет для себя возможным управлять, лучше же сказать, самовластвовать, то по справедливости будет осуждено на изгнание (прп. Исидор Пелусиот, 62, 320—321).

***

Если сказать больше необходимого — не дело мужа, то написать больше необходимого — будет делом женским.

Поэтому, говорим ли, пишем ли, будем уважать соразмерность (прп. Исидор Пелусиот, 62, 366).

***

...Если жизнь препобеждает слово, и сердце — язык, то должно образовать сперва сердце, а потом язык (прп. Исидор Пелусиот, 62, 412).

***

...Кто при своем незнании берется учить, тот, будучи одержим крайним невежеством, не способен будет и учиться, потому что в нем не даст сему места мысль о своем знании (прп. Исидор Пелусиот, 62, 425).

***

...Ни малой не сделает пользы, кто обращает речь к ушам омертвевшим (прп. Нил Синайский, 72, 294).

***

Слово духовное хранит душу не тщеславною; ибо, исполняя все части ее ощущением богатства света духовного, делает то, что душа никакой не имеет потребности в чести людской. Почему оно и ум соблюдает всегда немечтательным, изменяя (погружая) его весь в любовь Божию. Слово же мудрости мирской всегда позывает человека к славолюбию, потому что оно не имеет возможности дать чувству опытно ощутить благо от себя (которое насыщало бы сердце), и взамен того дарит своим питомцам любовь к похвалам людским, будучи и само изобретением людей

тщеславных. Таковое свойство духовного слова Божия мы и сами непогрешительно познаем, если часы, в которые не имеем нужды говорить, будем проводить в теплой памяти Божией, при беспопечительном молчании (блж. Диадох, 90, 12).

***

...Если кто не смирит себя крайне самоуничижением, то не может достойно разглагольствовать о величии Божием (блж. Диадох, 90, 12).

***

Как блаженный Давид, играя на гуслях, успокаивал давимого злым духом Саула (см.: 1 Цар. 16, 23), так всякое слово духовное, сладостное по проникающим его мысленным созерцаниям, успокоивает страждущий эпилепсией ум, освобождая его от давящей его злой совести.

Чермен, добрыма очима (1 Цар. 16, 12), подобно великому Давиду, есть тот, кто при светлости жизни по Богу имеет светозарное подобно ей и слово ведения. В таких добрая деятельность сочетавается с созерцанием, — и первая блестит разными видами добродетелей, а вторая светит божественными помышлениями (прп. Максим Исповедник, 90, 241).

***

...Слово строгое, не со смущением и страстью, а щадительно и с любовью сказанное, бывает спасительным врачевством (прп. Феодор Студит, 91, 117).

***

...Для чего говорится поучение?.. для того, чтоб вы вникли в говоримое, всею душою прияли силу слова и плод принесли благодатию Христовою... (прп. Феодор Студит, 91, 246).

***

Доброе дело проповедать пред всеми милость Божию и возвещать братиям своим великое Его благоутробие и неизреченную благодать, какую имеет Он к нам (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 21).

***

...Скажи мне, прошу тебя, кто бы ты ни был, не желающий учиться тому, что касается Бога и божественных вещей, а покушающийся паче учить о том, — скажи мне, вышел ли ты из ада, т. е. из греха, и вступил ли на поверхность земли? Также, как случилось тебе выйти из сего ада, по каким ступеням восходил ты оттуда и кто были твои помощники и споспешники? Был ты смраден и источал тление или, лучше скажу, смерть господствовала в тебе и ты был мертв, — скажи же мне, каким способом ожил ты? Как победил ты смерть греховную и убежал из рук ее? И опять после того, как, вышедши из ада, вступил ты на землю, скажи, каким способом избавился ты от тления и клятвы? И еще, как поднялся ты с земли и востек на небо? На какую колесницу воссел ты, или какое облако взяло тебя от земли? Открой нам все это и расскажи; и тогда мы примем тебя, если и о Боге будешь вести беседу со страхом, мерно и сдержанно. Если же без того, о чем я сказал... и прежде исполнения запо-

ведей Христовых, дерзостно покусишься ты беседовать о Боге, то мы отвратимся от тебя, как от вышедшего из ума и бесноватого (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 88—89).

***

...Если ты сподобился получить Божественную благодать, то учи свободно о том, что касается благодати, и богословствуй беспрепятственно о Боге по естеству, и о сынах Божиих по благодати, говори и ты не запинаясь, что святые человеки суть рабы славы Божией. Если же исповедуешь, — и хорошо то делаешь, — что не получил ты такого дарования, не чувствуешь, чтоб умер ты миру, не сознаешь, чтоб взошел ты на небо и там укрывался один, не показываясь вне... если не знаешь, что изменился весь и стал, как дух чрез отложение и отвержение плоти, духовная духовными срассуждая, — если, говорю, не сделался ты таковым, то почему не молчишь и не ищешь в покаянии и слезах получить и испытать сие, но охоч говорить попусту о том, чего не знаешь, любишь, чтоб тебя называли и без того святым, не поперечишь молве, будто ты более, чем другие, спасен, не трепещешь принимать чужие помыслы, учить других и руководить их к свету, будучи сам лишен Божественного света, не боишься пасти братий, сидя сам еще во тьме и не стяжав еще того ока, которое видит истинный свет, не стыдишься врачевать других, будучи сам весь в болезни и не чувствуя собственных своих ран? Скажи мне, прошу тебя, если ты не сознаешь, чтоб был бесстрастен, и не чувствуешь, чтоб обитал в тебе бесстрастный Бог, то на что дерзая и полагаясь взял ты на себя дела, свойственные бесстрастным, и служения, принадлежащие одним святым рабам Божи-

им? Внимай добре, чтоб, забывшись, не взойти на чужие степени и служения и после не быть изгнану во тьму кромешную, как презрителю воли Божией и как дерзкому и непотребному рабу. Смотри, как бы не оказаться тебе не имеющим брачной одежды (которая не другое что есть, как благодать Святаго Духа) и как обнаженному от нее не быть связану по рукам и ногам и ввержену в огнь геенский (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 393—394).

***

...Тот, кто толкует о последних степенях совершенства новоначальным и, особенно, более ленивым из них, не только не принесет им пользы, но еще сделает, что они возвратятся вспять (прп. Симеон Новый Богослов, 92, 52).

***

Которые трудами подвижническими соделали себя чистыми от всякой скверны плоти и духа, те стали приятелищами бессмертного естества через дарования Духа. До сего же достигшие полны суть света благого, от коего исполнены будучи в сердце тихим миром, отрыгают благие словеса, и премудрость Божия течет из уст их в ведении Божеских и человеческих вещей, и слово их чистое вещает о глубинах Духа (прп. Никита Стифат, 92, 154).

***

Которые же от своих помыслов говорят, прежде стяжания чистоты, те прельщены духом самомнения (прп. Григорий Синаит, 92, 212).

***

Различно бывает устно произносимое к научению других слово, по различию способов, коими собирается; ибо иное бывает от учения, иное от чтения, иное от деяния, иное от благодати. Но как вода, всюду одинаковая по естеству, претворяется и прелагается в свойственное инде ей особое качество по различию лежащего под нею перстного вещества, так что и на вкус бывает то горька, то сладка, то солона, то кисла, так и слово, произносимое разно, бывает соответственно нравственному строю каждого и разное потому производит действие и неодинаковую приносит пользу (прп. Григорий Синаит, 92, 216).

***

Остерегайся говорить сурово и высокотонно, ибо то и другое крайне ненавистно и заставляет подозревать, что ты очень суетен и слишком много о себе думаешь (прп. Никодим Святогорец, 69, 105).

***

...Ныне, более нежели когда-либо, настоит крайняя нужда в основательной проповеди и изучении христианства. Но теоретическое изучение требует, чтобы... ему сопутствовало... учение деятельное (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 5).

***

Особенно молитесь, приступая к слову... и во время ведения речи... Ибо слово от сердца с Божиим благословением не может быть бесплодно (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 26).

***

...Многоученая речь скорее затемняет, чем просветляет (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 26).

ГОНЕНИЯ

Если мы терпим от ненависти мира, так эту ненависть прежде всех принял на себя Христос (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 278).

***

...Во время гонений пусть никто не думает о беде, причиняемой диаволом, а лучше пусть всяк помышляет о помощи, даруемой Богом... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 339).

***

...Если будут нас гнать люди, по горькой ревности, или если принуждают нас принять участие в делах, для нас чуждых, которые не благоугодны Богу, то побежим в другое место, и возложим упование на Бога... (прп. Ефрем Сирин, 31, 186).

***

...Гонения укрепляют душу в благочестии, и в опасностях душа закаливается, как раскаленное железо в воде (свт. Григорий Богослов, 12, 119).

***

...Гонения делали... <Церковь> еще более славною чрез самые страдания (свт. Григорий Богослов, 13, 276).

***

Где Дух Святый, там, как тень, следует гонение и брань <как пророки... всегда гонимы были... Как Господь гоним был и апостолы> (прп. Макарий Египетский, 66, 115).

***

Блажени изгнани правды ради (Мф. 5, 10). Откуда и кем *изгнани*? Ближайшее понятие слова указывает на поприще мучеников, дает подразумевать течение веры. Ибо гонение означает усиленное в текущем тщание о скорости, лучше же сказать, дает подразумевать и победу в течении. Ибо текущему не иначе можно победить, как позади себя оставив того, кто течет вместе с ним. Итак, поскольку текущий *к почести вышняго звания* (Флп. 3, 14) и гонимый врагом ради этой почести равно имеют за хребтом своим, один состязующегося, другой гонителя (а это совершающие течение мученичества, в подвигах благочестия гонимые и не настигаемые), то в предлагаемом упованию блаженстве... Господь присовокупляет... как бы некий венец. Ибо действительно блаженно быть гонимым ради Господа. Почему? Потому, что изгнание худым делается причиною пребывания в добре. Отчуждение от лукавого <диавола> служит поводом к освоению с добром. А доброе, и что выше всякого добра, есть Сам Господь, к Которому поспешает гонимый. Посему истинно блажен, кто на добро себе пользуется содействием врага. Поскольку жизнь человеческая заключается в междугории доброго и худого; то, как преткнувшийся в своей благой и высокой надежде впадает в пропасть, так разлучившийся с грехом и избавившийся от растления приближается к правде и нетлению. И гонение, воздвигаемое мучителями на мучеников, как представляется оно с первого взгляда, бо-

лезненно для чувства, но цель претерпеваемого мучениками превышает всякое блаженство.

Впрочем, смысл сего слова лучше можем усмотреть из примеров. Кому не известно, сколько, по общему признанию, хуже терпеть злоумышления, нежели быть любимым? И это, по-видимому, тягостное многократно бывает причиною благополучия в сей жизни, как Писание показывает на Иосифе, которому злоумышляли братья и который, будучи удален от сопребывания с ними продажею, соделался царем злоумысливших, но, может быть, не достиг бы такого высокого сана, если бы зависть оным злоумышлением не проложила ему пути к царству. Если бы кто, имея ведение о будущем, стал предрекать Иосифу: подвергшись злоумышлению, будешь ты блажен, то с первого взгляда не показался бы он достоверным Иосифу, который, слыша сие и, прежде всего, имея в виду печальное, почел бы невозможным, чтобы конец злого произволения оказался добром. Так и здесь, гонение, воздвигаемое мучителями на верных, имея в себе много болезненного для чувства, для оплотяневших неудобоприемлемою делает предлагаемую им надежду на получение Царства посредством страданий. Но Господь, видя бренность естества, более других немощным наперед возглашает, какой конец подвига, чтобы надеждою на Царство без труда преобороли они временное ощущение болезненного. Посему-то великий Стефан, побиваемый отовсюду бросаемыми камнями, радуется, как бы некую приятную росу, с готовностью принимает на тело летящие одна за другой тучи камней, и благословениями вознаграждает убийц, молясь, да не поставлен им будет грех сей. Ибо и обетование он слышал, и видел, что уповаемое согласно с явленным. Слышав, что гонимые Господа ради будут во Царствии Небесном, увидел ожидае-

мое, когда гоним был сам. Когда поспешает он совершить исповедание, указуется ему уповаемое, отверзается небо, из премирного жребия приникает на подвиг текущего и Божия слава, и Тот Сам, о Ком подвижник свидетельствует своими подвигами. Ибо стояние Подвигоположника дает гадательно (см.: Деян. 7, 55) разуметь помощь, какая подается подвизающимся; из чего дознаем, что Один и Тот же и распоряжается подвигами, и со Своими подвижниками противостоит сопротивным. Посему, кто блаженнее гонимого ради Господа, когда ему предоставлено иметь сподвижником Самого Подвигоположника?

Не легкое, а может быть, даже и невозможное дело — видимым в этой жизни приятностям предпочесть невидимое благо; и человеку без труда решиться на то, чтобы ему быть изгнанным из своего дома, или разлученным с супругою и детьми, с братьями и родителями, со сверстниками и со всем приятным в жизни, если Сам Господь не содействует ко благу соделавшегося *по предуведению званным*. Ибо кого *предуведает*, как говорит Апостол, того *предуставляет,* и призывает, и оправдывает, и прославляет (ср.: Рим. 8, 28—31). Поелику душа посредством телесных чувств делается как-то привязанною к житейским приятностям, и посредством глаз услаждается благоцветностью вещества, и посредством слуха получает наклонность к тому, что приятно действует на слух, а посредством обоняния, вкуса и осязания приобретается расположение к тому, что обыкновенно имеет приятность для каждого из сих чувств, то как бы гвоздем каким, чувственною силою к житейским сладостям пригвожденная душа делается неразрывно привязанною к тому, к чему прилепилась, и влача на себе все бремя жизни, подобно черепахам и улиткам, как бы связанная каким-то раковистым покро-

вом, бывает неповоротлива для таковых движений. Посему в таком состоянии удобно уловляется гонителями, при угрозе описанием имения или при утрате чего-либо иного, вожделенного в этой жизни, без сопротивления отдаваясь во власть и делаясь подручною преследующему. Но когда *живо слово*, как говорит Апостол, и *действенно, и острейше паче всякаго меча обоюду остра* (Евр. 4, 12) проникает в истинно приявшего веру и рассекает сросшееся ко вреду вместе, и расторгает связи привычки, тогда верующий, как бы бремя какое, привязанное к душе, свергнув с рамен мирские удовольствия, подобно какому-то скороходу, легко и проворно проходит поприще подвигов, пользуясь в течении своем руководством Подвигоположника. Ибо взирает не на то, что оставил, но на то, к чему стремится; не на сладости, которые позади, обращает око, но вожделевает предлежащего ему блага; не скорбит об утрате земного, но восхищается приобретением небесного; а посему с готовностью приемлет всякий вид мучения, как повод и содействие к предлежащей радости; с готовностью приемлет огонь, как очищение от вещества; меч, как расторжение связей ума с вещественным и плотским, примышление всяких трудов и болезней, как противоядие от зловредной отравы удовольствиями.

Как избыточествующие худыми соками и желчные с охотою пьют горькое врачевство, чтобы очистить им себя от болезнетворной причины, так гонимый врагом и прибегающий к Богу приемлет приражение скорбей, как нечто служащее к угашению действенности сластолюбия, потому что невозможно чувствовать услаждения тому, кто в скорби. Поелику чрез удовольствие вошел грех, то противоположным будет, без сомнения, изгнан. Посему те, которые гонят за исповедание Господа и вымышляют нестерпимые

мучения, трудностью оных доставляют душам некоторое исцеление, приражениями скорбей врачуя от болезни сластолюбия. Так приемлют: Андрей — крест, Иаков — меч, Стефан — камни, блаженный Петр — прободение копьем в голову; все бывшие после подвижники веры — разнообразные виды мучений: зверей, пропасти, костры, оцепенение от холода, обнажение ребер от плоти, пробитие головы гвоздями, избодение очей, отсечение перстов, вырывание с обеих сторон тела по частям, томление голодом — все это и подобное сему, как очищение от греха, с веселием терпели святые, чтобы и следа, произведенного сластолюбием, не оставалось в сердце после того, как это болезненное и мучительное ощущение сгладит в душе все отпечатки сластолюбия...

Блажени изгнани Меня ради (Мф. 5, 10)... Так будем внимать словам сим, как бы сама жизнь провозглашала нам подобное блаженство. Блаженны гонимые смертью ради Меня; или как бы Свет сказал: блаженны изгнанные из тьмы ради Меня. Подобно, представь себе, что и Господь, Который есть Правда, и Святость, и Нетление, и Благость, и все, о чем имеешь понятие, как о представляемом и именуемом наилучшим, скажет тебе, что блажен всякий удаляемый от всего противоположного тому, что о Нем разумеется, от тления, от тьмы, от греха, от неправды, от любостяжания и от чего бы то ни было, и на деле, и по понятию несогласного с правилами добродетели. Ибо стать вне худого значит быть поставленным в добром. *Творяй грех*, говорит Господь, *раб есть греха* (Ин. 8, 34). Посему отступивший от того, кому был рабом, свободен по достоинству. А высочайший вид свободы — стать самовластным; царское же достоинство не имеет над собою никакой высшей управы. Поэтому, если чуждый греха са-

мовластен, царскому же сану свойственно самодержавие и неподвластность, то справедливо ублажается изгоняемый злом, так как изгнание от зла доставляет ему царское достоинство.

Итак, не скорбите, братия, изгоняемые от земного. Переселяемый отсюда водворяется в Царских на небе Чертогах. Две сии стихии в творении существ уделены для пребывания разумного естества — земля и небо; земля — место пребывания приявших жизнь при посредстве плоти, а небо — место пребывания бесплотных. Посему жизни нашей, конечно, необходимо быть где-нибудь. Если не изгнаны мы с земли, то, без сомнения, на земле пребываем. А если удалимся отсюда, то переселимся на небо. Видишь ли, куда возводит тебя ублажение за то, что по видимому прискорбно, но служит для тебя причиною такого великого блага? Сие разумев, Апостол говорит: ***Всякое наказание в настоящее время не мнится радость быти, но печаль: последи же плод мирен наученым тем воздает правды*** (Евр. 12, 11). Поэтому скорбь есть цвет ожидаемых плодов. Ради плодов пожнем и цвет. Пусть будем изгнаны, чтобы вступить в течение, и, вступив в течение, потечем не всуе, а, напротив того, течение наше да будет ***к почести вышняго звания*** (Флп. 3, 14).

Так потечем, да постигнем. Что же постигаемое? Какая почесть? Какой венец? — Что ни представишь себе из уповаемого тобою, все это, кажется мне, не иное что есть, как Сам Господь. Ибо Сам Он и Подвигоположник подвизающихся, и Венец побеждающих. Он разделяет жребий; Он же и жребий благий. Он — благая часть; Он же и дарует благую часть. Он обогащает; Он же и богатство. Он указует тебе сокровище; Он же и делается для тебя сокровищем. Он вводит тебя в вожделение прекрасного

бисера; Он же и предлагается тебе, совершающему добрую куплю. Посему, чтобы возобладать этим, откажемся от того, чем обладаем, как на торжище, на то, что имеем, выменяв то, чего не имели. Если мы гонимы, не будем печалиться; лучше же сказать, возрадуемся, что изгнанием от того, что дорого на земле, делаемся гонимыми к небесному благу, по обетованию Господа, что *блажени изгнани* Его ради: *яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5, 10), по благодати Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и держава во веки веков! Аминь (свт. Григорий Нисский, 19, 470—478).

***

...Ни гнев царя, ни коварство воинов, ни зависть врагов, ни плен, ни пустыня, ни огонь, ни печь, ни тысячи бедствий — ничто не может победить или устрашить праведника (свт. Иоанн Златоуст, 45, 65).

***

...Думаешь, не великое гонение — быть в безопасности (от гонений)? Это есть тягчайшее из всех (гонений); это хуже самого гонения. Безопасность, как бы поток наводняющий, расслабляет душу... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 230).

***

Чем тягостнее... становятся наши гонения, тем более должна в... <нас> умножаться добрая надежда, потому что тем более открывается и средств к... <нашему> спасению, случаев к утешению (свт. Иоанн Златоуст, 53, 470).

***

...И гонения, и скорби, и тесные обстоятельства не только не должны смущать вас, но еще (должны) радовать, так как чрез них мы сообразуемся смерти Иисуса Христа, так сказать — изображаем (Его в себе)... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 319).

***

...Бог попустил немедленно быть гонениям... <на первых христиан> для того, чтобы кто не сказал, что проповедь Христова утвердилась случайно или через обман, — чтобы обнаружилась теплота их веры и явно было, что не убеждение человеческое, но сила Божия дала такую крепость душам верующих, что они готовы были перенести даже тысячу смертей; а этого не могло бы быть, если бы проповедь вскоре же не укоренилась глубоко и не соделалась непоколебимою (свт. Иоанн Златоуст, 54, 478).

***

Терпя от кого вред, поругание или гонение, не о настоящем думай, но о том, что ожидается в будущем; и найдешь, что он стал для тебя виновником многих благ, не только в настоящем времени, но и в будущем веке (прп. Марк Подвижник, 88, 551).

ГОРДОСТЬ

...Никто не получит пользы от других добродетелей, хотя бы он и на небе жил, если имеет гордость, чрез которую диавол, Адам и другие весьма многие пали. По-

тому никто не должен отвергать страх, пока не достигнет он пристанища совершенной любви и не будет вне мира и тела (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 117).

***

Человек высокосердный всем ненавистен, потому что дела его хвастливы: от чего и впадает он во многие грехи (прп. Антоний Великий, 88, 57).

***

Гордость есть мирская любовь к шумной славе (высокое о себе мнение, самовосхваление и жажда хвалы от других), которая заседает в умах наших по причине суетных и преходящих внешних достоинств каких-нибудь (прп. Антоний Великий, 88, 112).

***

...Гордо препираемся с ближними, почитая себя праведнейшими их; и такою гордостью мы соделываем себе Бога врагом (прп. авва Исаия, 59, 12).

***

Если возникнет в тебе гордость, вспомни, что ею истребляются все плоды добродетели, — и успокоишься (прп. авва Исаия, 59, 97).

***

Горе гордым: ибо часть их с диаволом отступником (прп. авва Исаия, 59, 195).

***

Надеющийся на праведность свою и воли своей держащийся не может избежать вражества (козней вражеских), ни покой найти, ни увидеть, чего у него недостает (прп. авва Исаия, 88, 326).

***

Слава человеческая мало-помалу рождает гордость (прп. авва Исаия, 88, 350).

***

Если сделал ты что доброе, не хвались тем... — и соблюдешься от гордыни, если ты мудр (прп. авва Исаия, 88, 352).

***

Началом гордыни бывает обыкновенно презорство. Кто презирает и считает за ничто других и одних признает бедными, других людьми низкого происхождения, иных же невеждами, тот вследствие такого презорства доходит до того, что почитает себя одного мудрым, благоразумным, благородным, богатым, сильным... (свт. Василий Великий, 6, 100).

***

Как узнается гордый и чем врачуется? Узнается по тому, что домогается предпочтения. А врачуется, если будет верить суду сказавшего: ***Господь гордым противится, смиренным же дает благодать*** (Иак. 4, 6). Впрочем, надобно знать, что хотя убоится кто суда, произнесенного на гордость, однако же не может исцелиться от сей страсти,

если не оставит всех помышлений о предпочтении... (свт. Василий Великий, 9, 195).

***

...Не допускай в себя недуга гордыни, чтоб враг внезапно не похитил у тебя рассудка (прп. Ефрем Сирин, 30, 50).

***

...Горе гордым и высокоумным, потому что для них готовится печь огненная (прп. Ефрем Сирин, 30, 52).

***

Смири помысл гордыни прежде, нежели гордыня смирит тебя (прп. Ефрем Сирин, 30, 148).

***

Если возлюбишь гордыню, будешь часть бесам... (прп. Ефрем Сирин, 30, 156).

***

Всякая немощь при попечительности исцеляется, но недуг гордыни — с трудом врачуемое зло, потому что она отвергает целительное врачевство и вымышляет для себя смертную отраву (прп. Ефрем Сирин, 30, 164).

***

Человек гордый и непокорный увидит горькие дни; смиренномудрый же и терпеливый возвеселится всегда о Господе (прп. Ефрем Сирин, 30, 177).

***

Кто превозносится над братом своим, над тем издеваются бесы (прп. Ефрем Сирин, 30, 178).

***

Сколько ни превозносится человек в гордыне сердца своего, все же попирает он землю, из которой взят, и в землю пойдет, возвышает же Господь смиренных (прп. Ефрем Сирин, 30, 188).

***

Не возносися, да не падеши и наведеши души твоей безчестие (Сир. 1, 30). Ибо *приемляй кроткия Господь, смиряяй же грешники до земли* (Пс. 146, 6). Кто сам себя возвышает, тот готовит себе бесчестие... (прп. Ефрем Сирин, 30, 141).

***

И Богу, и людям ненавистна гордыня, а любящих смирение возвышает Господь (прп. Ефрем Сирин, 30, 210).

***

Не возносись сердцем, чтоб, подвергшись падению, не навлечь на себя бесславия (прп. Ефрем Сирин, 30, 375).

***

...Гордыня подобна весьма высокому огнившему дереву, у которого ломки все сучья; и если кто взойдет на него, тотчас обрушится с высоты (прп. Ефрем Сирин, 31, 100).

***

Любишь ты праведность? Возненавидь гордыню и возгнушайся ею; она и дела правды делает неблагоугодными Богу (прп. Ефрем Сирин, 33, 117).

***

...Конец горделивого превозношения есть нисхождение в преисподнюю. И иный на сем, может быть, основании не несправедливо определяет гордость схождением долу.

...Многим кажется, будто бы словом гордость означается — быть выше других. Но истина повествуемого подтверждает наше определение. Ибо если превознесшиеся над другими <и в Ветхом Завете> низошли долу в зиянии расседшейся земли, то никто не осудит определения, по которому гордость есть падение в самые дольние страны. Моисей взирающих на сие научает быть скромными и не превозноситься преспеяниями, но всегда хорошо распоряжаться настоящим (свт. Григорий Нисский, 18, 362).

***

Чем же кто лучше докажет суету кичливости? Чем иначе, как рассуждением, что такое естество? Ибо нет основания впасть тому в такую страсть, кто смотрит на себя, а не на окружающее его. Итак, что же такое человек? Угодно ли, скажу, что в Писании выражено более почтительно и уважительно? Но Украситель наш, к величию уготовляющий благородство человеческое, от брения ведет родословие естества; и твое благородство, твоя знатность, горделивец, оттуда же ведут род... Если же желательно тебе, чтобы сказано было непосредственно и близко касающееся рождения, то иди прочь, не говори об этом...

да не открыеши, как говорит Закон: *срамоты отца твоего и матере твоея* (Лев. 18, 7); не оглашай пред всеми словом того, что достойно забвения и глубокого молчания. И не краснеешь после этого ты, земной истукан, который вскоре будешь прахом, как пузырь, остаешься не надолго надутым, пребываешь полон гордости, ширишься в своей кичливости и надмеваешь мысль суетным мудрованием? Не смотришь на оба предела человеческой жизни, как она начинается и чем оканчивается? Но надмеваешься юностью, имеешь в виду цветущий возраст, восхищаешься красотою, тем, что руки у тебя исполнены сил для движения, ноги легки и скачут, кудри развеваются по ветру, щеку окаймляет нежный пушок, одежда на тебе яркого пурпурного цвета, разноцветные шелковые ткани, испещренные изображениями сражений, звериных охот или каких событий, или, может быть, прилежно смотришь на черную блестящую обувь, любуешься тщательно выстроченными чертами швов? На все это обращаешь взор, а не смотришь на себя самого? Покажу тебе, как в зеркале, кто и каков ты. Не видел ли ты тайн естества нашего на кладбище? Не видал ли кучи костей, лежащих одна на другой? Обнаженных от плоти черепов, представляющих страшный, отвратительный вид впалыми глазами? Не видел ли оскаливших зубы ртов и прочих членов, как ни есть раскиданных? Если ты видел их, то в них видел себя самого. Где признаки теперешнего твоего цвета? Где доброзрачность ланит? Где свежесть губ? Где величественная красота очей, сверкающая из-под покрова бровей? Где прямой нос посреди красоты ланит? Где на выю свисшие волосы? Где около висков вьющиеся кудри? Где, как лук, стрелами мечущие руки? Где, как кони, скачущие ноги? Где багряница, виссон, епанча, пояс, обувь, конь, скорость его бега, ржание, — все, от чего ныне увеличивается твоя кичли-

вость? Скажи, где в оставшемся здесь то, чем ныне превозносишься, о чем высоко думаешь? Какой сон столько не состоятелен? Какие грезы подобны этому? Какая тень столько слаба и не осязаема, как это сновидение юности, вместе и являющееся и мгновенно пролетающее? (свт. Григорий Нисский, 19, 369—371).

***

...Спросим тех, которые по несовершенству возраста безумствуют в молодости. Что же скажет иной о возмужавших уже, у которых хотя возраст и совершенный, но нрав непостоянен и болезнь гордости возрастает? Имя такому недугу — надменность нрава; а предлогом к гордости всего чаще служит начальство и с ним соединенное властительство; потому что или, имея его, страждут сим, или к нему готовятся, или нередко, власть уже прекратилась, но рассказы о ней снова пробуждают болезнь. И где найдешь такое слово, чтобы проникло в их слух, загражденный для гласа проповедников? Кто убедит таких людей, что ничем не разнятся они от показывающих себя на зрелище. Ибо у них надеты: личина и какая-то искусно выработанная и позлащенная багряница, и торжественно восседают они на колеснице, но вместе с тем от таких украшений не входит в них никакая болезнь гордости; но как думали они о себе до выхода на зрелище, такое же расположение сохраняют в душе и во время представления, и после того не скорбят, сошедши с колесницы и сняв с себя наряд. Но величающиеся на позорище жизни своею начальническою властью не рассуждают о том, что было незадолго и что будет вскоре после сего. Как расширяются надуваемые пузыри, так и они пыщутся при громком воззвании глашатая, надевают на себя какую-либо чужую личину, естественное положение лица переменяя в

угрюмое и страшное; и голос примышляется ими более суровый, к ужасу слушающих делающийся похожим на зверский. Не остаются уже они в пределах, положенных человеку, но претворяют себя в обладающих Божиим могуществом и Божиею властью. Ибо уверены в себе, будто бы они господа жизни и смерти; потому что из судимых ими об одном дают спасающий его приговор, а другого осуждают на смерть и не обращают внимание на то, Кто подлинно Господин человеческой жизни, определяющий и начало и конец бытию; хотя к сокращению их тщеславия достаточно того одного, что многих из начальствующих во время отправления ими своего начальствования видели похищенными с начальнических седалищ и отнесенными в могилы, где голос глашатая заменил плач. Посему, как господином чужой жизни быть тому, для кого и своя — чужая? Но и он, если соделается нищ духом, взирая на Обнищавшего ради нас добровольно и имея пред очами равночестие нашего естества, однородного с ним не поругает никаким плачевным зрелищем мечтательно выказываемого начальствования, то поистине будет блажен, на временное смиренномудрие обменив Небесное Царство (свт. Григорий Нисский, 19, 371—373).

***

Гордая душа есть вертеп разбойников; она не терпит гласа ведения (авва Евагрий, 88, 602).

***

За гордостью следует гнев и печаль, и последнее зло — исступление ума, и бешенство, и видение многих в воздухе демонов (авва Евагрий, 88, 605).

***

В скиниях смиренных почивает Господь; в домах же гордых умножится проклятие (авва Евагрий, 88, 609).

***

Бес гордости бывает причиною бедственнейшего падения души. Он внушает ей, не исповедать Бога Помощником себе, но самой себе приписывать свою исправность и надыматься над братиями, как невеждами, потому что не все так о ней думают (авва Евагрий, 88, 633).

***

Ведай совершенно, что человек творящий благое с кичением... некосвенно впадает в крайнюю погибель (свт. Иоанн Златоуст, 44, 42).

***

Если... кто скажет, что лучше гордиться, делая добро, нежели смиряться, согрешая, тот совсем не понимает ни вреда от гордости, ни пользы от смирения (свт. Иоанн Златоуст, 44, 190).

***

Не будем же гордиться богатством и ничем другим. Если падает и погибает надмевающийся духовными совершенствами, то тем более — телесными (свт. Иоанн Златоуст, 45, 36).

***

Таково свойство гордости: она расторгает союз любви, отделяет людей друг от друга... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 143).

***

...Гордость может низвергнуть невнимательного и с самых небес... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 320).

***

...Пусть никто не гордится богатством, никто чем-нибудь житейским, но только тем, что он имеет Бога своим Владыкою. Это — лучше всякой свободы, это — превосходнее самих небес (свт. Иоанн Златоуст, 48, 175).

***

Нет ничего хуже гордости, почему Бог постоянно и поражает ее всеми мерами (свт. Иоанн Златоуст, 48, 305).

***

...Гордость в высшей степени вредна и пагубна не только для того, кто усвоил себе ее, но и для того, кто ненадолго разделяет ее (свт. Иоанн Златоуст, 48, 724).

***

Таково зло — гордость, она в каждом производит то, что он не знает самого себя, и после многих трудов уничтожает все сокровище добродетели. Прочие грехи происходят от нашей беспечности, а она зарождается в нас, когда мы поступаем правильно. Обыкновенно ничто так не производит гордости, как добрая совесть, если мы не будем внимательны... эта страсть приходит к нам после добрых дел... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 397).

***

Как между мореплавателями имеющие пустой корабль не боятся шайки разбойников, потому что они не нападают на пустой корабль, а имеющие корабль, наполненный грузом, боятся разбойников, потому что разбойник обыкновенно является там, где золото, где серебро, где драгоценные камни, — так и диавол не скоро нападает на грешника, но на праведника, где много богатства (свт. Иоанн Златоуст, 49, 411).

***

Праведник должен бояться гордости больше, нежели грешник... потому что грешник по необходимости имеет смиренную совесть, а праведник может гордиться своими добрыми делами (свт. Иоанн Златоуст, 49, 411).

***

Гордость часто происходит от наветов диавола; потому нужно бодрствовать (свт. Иоанн Златоуст, 49, 411).

***

...Гордый, чтобы удовлетворить своей страсти, надевая на себя личину, рабски пресмыкается пред высшими, ласкает и угождает им и несет рабство хуже всякого покупного раба (свт. Иоанн Златоуст, 50, 642).

***

...Гордый одержим всеми... страстями и пресмыкается как червь в грязи. И зависть, и ненависть, и гнев постоянно волнуют его душу (свт. Иоанн Златоуст, 50, 670).

***

...Гордый тех, которые почитают его, почитает за ничто, а честь, которую они ему воздают, дорого ценит (свт. Иоанн Златоуст, 50, 670).

***

Первый человек впал в грех от гордости, возжелав быть равным Богу, и за то не удержал и того, что имел... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 671).

***

...Бог ничего так не отвращается, как гордости. Потому-то Он еще изначала так все устроил, чтобы истребить в нас эту страсть. Для этого мы соделались смертными, живем в печали и сетовании; для этого жизнь наша проходит в труде и изнурении, обременена непрерывною работою (свт. Иоанн Златоуст, 50, 671).

***

<Гордость>... может... повредить всякую добродетель души — милостыню ли, молитву ли, пост или что-либо другое. Сказано, что высокое у людей нечисто пред Богом (свт. Иоанн Златоуст, 51, 108).

***

Представь, если хочешь, что кто-нибудь воскрешает мертвых, исцеляет хромых, очищает прокаженных, но с гордостью: ничего не может быть хуже, нечестивее и виновнее его (свт. Иоанн Златоуст, 52, 277).

***

...Гордость есть знак низкого ума и неблагородной души... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 11).

***

Ничего нет более несвойственного христианской душе, как гордость, — говорю — гордость, а не дерзновение, не мужество, которые хотя близки между собою, однако же не одно и то же... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 262).

***

Гордость — великое зло. Лучше быть глупым, нежели гордым; у первого обнаруживается лишь глупость, как недостаток ума, а у последнего хуже — глупость вместе с неистовством. Глупый — зло для самого себя, а гордый и для других язва. Гордость рождается от глупости; нельзя быть высокоумным, не будучи глупым; кто слишком глуп, тот и горд (свт. Иоанн Златоуст, 54, 284).

***

...Так как ты, принадлежащий к числу гордых, не имеешь ни одной из... добродетелей, то конечно ты ставишь себя либо выше людей, либо ниже и бессловесных (свт. Иоанн Златоуст, 54, 286).

***

...Гордость есть начало греха. С нее и начинается всякий грех и в ней находит свою опору (свт. Иоанн Златоуст, 54, 575—576).

***

Подобно тому, как сребролюбцы, чем больше приобретают, тем большего желают, так и гордые: чем большею пользуются честию, тем больше домогаются ее. Страсть их постепенно возрастает, — а это действительно (есть страсть), — страсть же не знает предела, но прекращается только тогда, когда убьет того, кто одержим ею (свт. Иоанн Златоуст, 54, 576).

***

...Нет зла, равного гордости. Она превращает человека в демона, наглого, богохульствующего, клятвопреступника; она возбуждает в нем жажду убийства (свт. Иоанн Златоуст, 54, 576).

***

Сколько бы мы ни совершили добрых дел, <гордость>... не позволяет им укрепиться в нас и неразлучно с нами пребывать, но... препятствует им оставаться в нас непоколебимыми (свт. Иоанн Златоуст, 54, 576).

***

Гордый человек расположен мстить за обиды. Гордый не может равнодушно переносить обиды ни от высших, ни от низших; а кто не переносит спокойно обиды, тот не в состоянии переносить и несчастье (свт. Иоанн Златоуст, 54, 576).

***

...Как началом гордости может быть незнание Бога? Очень просто. Кто знает Бога так, как нужно знать, кто

знает, до какой степени Сын Божий смирил Себя, тот не превозносится... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 576).

***

Человек надменный постоянно сокрушается скорбью, постоянно досадует, постоянно сетует. Ничто не может утолить его страсти (свт. Иоанн Златоуст, 54, 576).

***

От гордости происходит презрение к бедным, страсть к деньгам, властолюбие и славолюбие (свт. Иоанн Златоуст, 54, 576).

***

Как же можно потушить гордость? Нужно для этого познать Бога... когда познаем Его, от нас удалится всякая гордость. Подумай о геенне, подумай о тех, которые гораздо лучше тебя, подумай о том, насколько ты виновен пред Богом. Если подумаешь об этом, то скоро укротишь свой разум, скоро смиришь его (свт. Иоанн Златоуст, 54, 577).

***

...Гордость несвойственна благоразумию, напротив, через нее ты лишаешь себя права носить название благоразумного (свт. Иоанн Златоуст, 54, 578).

***

<Человек> был человеком по природе и устроению Божию, но стал животным чрез приобщение к гордости; был человеком как носящий в себе образ Божий, и стал зве-

рем, преисполнившись тщеславием (свт. Иоанн Златоуст, 54, 917).

***

Если бы мы постоянно вспоминали о грехах своих, то ничто из предметов внешних не могло бы возбудить в нас гордость, ни богатство, ни могущество, ни власть, ни слава; когда бы мы даже сидели на царском седалище, и тогда плакали бы горько (свт. Иоанн Златоуст, 55, 93).

***

Знай ясно, что человек, с гордостью живущий добродетельно, — если только вообще это значит жить добродетельно, — неожиданно может впасть в полную погибель. Тот, кто допустил себя до падения, научившись из этого падения смирению, может и восстать, и вскоре восстановить свое прежнее положение, если только захочет; тот же, кто по-видимому поступает хорошо с гордостью, но не терпит никакого зла, никогда даже и не заметит своего беззакония, а, напротив, лишь умножит зло, и внезапно отойдет отсюда, лишенный всего, что существует здесь (свт. Иоанн Златоуст, 55, 531).

***

Подлинно, ничто так не отвращает милосердие Божие и не предает так геенскому огню, как страсть гордыни. Если она присуща нам, то, какие бы подвиги мы ни совершали, воздержание ли, девство ли, пост ли, молитвы ли, милостыню ли, вся наша жизнь становится нечистой (свт. Иоанн Златоуст, 55, 602).

***

Нет зла, равного гордости. Чрез нее и диавол стал диаволом, не будучи раньше таковым. Равным образом и первый человек пал и сделался смертным от горделивых надежд, навеянных ему диаволом (свт. Иоанн Златоуст, 55, 605).

***

При бездействии страстей — потому только, что или причины их (предметы, поводы) устранены, или демоны коварно отступили, — порождается гордость (прп. Исихий Иерусалимский, 89, 182).

***

...Подвиг предлежит нам против духа гордости. Эта страсть, хотя последняя по времени борьбы с пороками и по порядку исчисления ставится последнею, а по важности и по времени происхождения она первая; этот зверь самый лютый, свирепее всех предыдущих, искушает особенно совершенных и почти уже поставленных на верху добродетелей жестоким угрызением погубляет (прп. Иоанн Кассиан, 56, 143).

***

...Нет никакой другой страсти, которая бы так все добродетели истребляла, лишала человека всякой праведности и святости, и обнажала, как гордость, как главная какая и губительная болезнь, которая ни один член или часть его расслабляет, но все тело повреждает смертоносным расстройством и уже стоящих на верху добродетелей в состоянии подвергнуть жестокому падению и по-

губить. Ибо всякая страсть ограничивается своими пределами и целью, хотя повреждает и другие добродетели, но нападает главно на одну и особенно ее подавляет и побеждает. И чтобы это можно было яснее уразуметь, скажем, что чревобесие, т. е. вожделение чрева или страсть к обжорству, погубляет строгость воздержания, похоть оскверняет целомудрие, гнев погубляет терпение, так что иногда преданный одному пороку не лишается совсем других добродетелей; но, погубив только ту добродетель, которая падает, когда противоположный ей порок поборает, прочие добродетели хотя отчасти могут оставаться, а когда гордость овладеет несчастною душой, то как какой-нибудь самый жестокий тиран, взявши высокую крепость добродетелей, весь город до основания разрушает и разоряет. Высокие стены святости сравняв с землею пороков и смешав, потом не оставляет покоренной ею душе никакого вида свободы. И чем более богатую захватит в плен, тем более тяжелому игу рабства подвергает и, с жестокостью ограбив все имущество добродетелей, совсем обнажает (прп. Иоанн Кассиан, 56, 144).

***

Гордость есть причина первоначального падения и главное начало болезни. Гордость чрез Люцифера, низверженного за нее, вкравшись потом в первосозданного (Адама), произвела слабости и поводы ко всем порокам. Ибо когда он думал, что может приобрести славу Божества свободою произвола и своим старанием, то потерял и ту, которую получил по благодати Творца (прп. Иоанн Кассиан, 56, 145—146).

***

Гордость есть столь великое зло, что заслуживает иметь противником не Ангела, не другие противные ей силы, но Самого Бога. Надобно заметить, что не сказано, что Бог противится подвергшимся прочим порокам, например: чревоугодникам, блудникам, гневливым или сребролюбивым, но одним гордым. Ибо эти пороки падают только на согрешающих или на их участников, т. е. других людей по видимому касаются, а эта касается собственно Бога, потому особенно и достойна иметь Его противником (прп. Иоанн Кассиан, 56, 146—147).

***

Как можем победить гордость? Итак, мы можем так избегать сетей этого злейшего духа, если во всех добродетелях, в каких будем сознавать, что преуспеваем, будем говорить с Апостолом: *благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я впрочем, а благодать Божия, которая со мною* (1 Кор. 15, 10). *Бог производит в вас и хотение и действие, по Своему благоволению* (Флп. 2, 13). И Сам Виновник нашего спасения говорит: *Кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15, 5). *Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не сохранит города, напрасно бодрствует страж. Напрасно вы рано встаете* (ср.: Пс. 126, 1—2). *Помилование зависит не от желающаго, и не от подвизающагося, но от Бога милующаго* (Рим. 9, 16) (прп. Иоанн Кассиан, 56, 148).

***

...Всякая душа, одержимая гордостью, предается умственным сириянам, т. е. духовным непотребствам, запутывается плотскими страстями, чтобы по крайней мере униженная плотскими пороками сознала себя нечистою и оскверненною через плоть, тогда как во время холодности духа не могла прежде сознать, что через возношение сердца она сделалась нечистою пред взором Божиим; чтобы таким образом человек униженный позаботился выйти из состояния холодности и, пристыженный бесчестием плотских страстей, постарался возбуждать в себе горячую ревность к духовным подвигам (прп. Иоанн Кассиан, 56, 156—157).

***

...О духовной гордости, которою... искушаются все совершенные. Этот род гордости не многими познан и испытан, потому что не многие стараются приобрести совершенную чистоту сердца, чтобы могли достигнуть до этих степеней брани, и не заботятся об очищении от... страстей...

Эта гордость обыкновенно искушает только тех, которые, победив предыдущие пороки, находятся уже почти на верху добродетелей. Поелику хитрый враг не может подвергнуть их плотскому грехопадению, то усиливается запнуть и низложить духовным падением, чрез которое старается лишить их всех заслуг прежних добродетелей, приобретенных с большим трудом (прп. Иоанн Кассиан, 56, 157).

***

...Кем возобладает страсть гордости, тот не только не считает достойным соблюдать какое-либо правило подчинения или послушания, но и самое учение о совершен-

стве не допускает до своих ушей, и в его сердце растет такое отвращение к духовному слову, что когда бы и случилось такое собеседование, взор его не может стоять на одном месте, но исступленный взгляд обращается туда и сюда, глаза обыкновенно устремляются в другую сторону, вкось. Вместо спасительных воздыханий слюни в высохшей гортани сгущаются, харкотина выходит без всякого побуждения мокроты, пальцы играют, наподобие пишущего что-нибудь, бегают, рисуют, и таким образом туда и сюда двигаются все члены тела, так что пока продолжается духовное собеседование, ему думается, что он сидит на ползающих червях или острых спицах и что простое собеседование ни высказало бы к назиданию слушающих, гордый думает, что это сказано в поношение ему. И во все время, в которое происходит рассуждение о духовной жизни, он, занятый своими подозрениями, ловит, перенимает не то, что надобно бы принять к своему преуспеянию, но озабоченным умом изыскивает причины, почему то или другое сказано, или с тайным смущением сердца придумывает, что можно бы возразить им, так что из спасительного исследования совершенно ничего не может получить или в чем-нибудь исправиться. Таким образом, бывает, что духовное собеседование не только ни в чем не приносит ему пользы, но еще становится более вредным и делается для него причиною большего греха. Ибо когда он по своей совести подозревает, что все сказано против него, то с большим упорством сердца ожесточается и уязвляется острыми стрелами гнева; после этого бывает возвышенный голос, суровая речь, резкий, строптивый ответ, походка гордая и подвижная, язык легкий, речь дерзкая, никогда не любящая молчания, разве когда против какого-нибудь брата в сердце своем возымеет отвращение, и молчание его бывает знаком не сокрушения, не смирения, а

гордости негодования, так что нелегко различить, что в нем есть более отвратительного, рассеянная ли и дерзкая радость или угрюмая язвительная молчаливость. Ибо в той радости бывает речь не благовременная, смех легкомысленный, глупый, необузданное и невежественное возношение сердца, а в этой (молчаливости) — молчание полное гнева и язвительное, и оно только для того бывает, чтобы отвращение к брату, сохраняемое молчаливостью, могло дольше продолжиться, а не для того, чтобы от этого произошла добродетель смирения и терпения. И будучи обладаем надменностью, хотя сам причиняет всем скорбь, но для удовлетворения оскорбленному брату не только не хочет поклониться, но и принесенное ему от него извинение отвергает и презирает. И не только никаким удовлетворением брата не трогается, не смягчается, но еще более негодует за то, зачем он предварил его в смирении. И спасительное смирение и удовлетворение, которое обыкновенно полагает конец диавольским искушениям, бывает причиною сильнейшей злобы (прп. Иоанн Кассиан, 56, 159—160).

***

...По каким признакам можно угадать и различить ее <плотскую гордость>, чтобы обнаженные и выведенные наружу корни этой страсти, ясно понятые и рассмотренные, удобнее можно было вырвать или избежать. Ибо тогда можно бы смертоносной болезни всецело уклониться, когда против ее гибельного воспаления и вредных нападений принимается заблаговременная предосторожность, когда, предварительные приметы узнавая, предусмотрительною, прозорливою рассудительностью предупреждаем ее (болезнь гордости). Ибо из действий внешнего человека,

как мы сказали, познается состояние внутреннего. Итак, эта плотская гордость... отличается следующими признаками: сперва бывает в разговоре ее крикливость, в молчании досада, в веселии громкий, разливающийся смех, в печальном случае неразумная скорбь, в ответе строптивость, в речи легкомысленность, слова вырываются без всякого участия сердца, безрассудно. Она не имеет терпения, чужда любви, дерзка для нанесения оскорблений, а к перенесению их малодушна, к повиновению неудобоподвижна, разве в чем предварило ее желание и воля к принятию увещания непреклонна, для отсечения своей воли слаба, для подчинения другим весьма упорна, всегда усиливается настоять на своем мнении, а другому уступить никак не хочет; и таким образом сделавшись неспособною принимать спасительный совет, во всем доверяет больше своему мнению, нежели суждению старцев (прп. Иоанн Кассиан, 56, 161).

***

...Подвижник Христов, который, законно подвизаясь духовным подвигом, желает получить от Господа венец, должен поспешить всеми способами подавить этого лютейшего зверя, как истребителя всех добродетелей, будучи уверен, что, пока эта гордость будет пребывать в его душе, он не только не может освободиться от разных пороков, но если бы и имел что-либо добродетельное, и то погибнет от яда ее (прп. Иоанн Кассиан, 56, 163).

***

...Если мы умом постоянно будем размышлять о страданиях нашего Господа и всех святых, думая, что искушающие нас обиды столько легче, сколько дальше мы

отстоим от их заслуг и поведения, также помышляя, что мы чрез короткое время переселимся из этого века и по скором окончании этой жизни мы тотчас будем соучастниками их. Такое размышление истребит не только гордость, но и вообще все пороки (прп. Иоанн Кассиан, 56, 164).

***

Гордости два рода: первый плотской, второй духовный, который гибельнее первого бывает. Ибо он особенно искушает тех, которые преуспели в некоторых добродетелях (прп. авва Серапион, 56, 250).

***

...От гордости <рождаются> презрение, зависть, неповиновение, хула, ропот, поношение (прп. авва Серапион, 56, 254).

***

...Явный знак холодной и гордой души, если врачевство спасительных слов, хотя бы оно и слишком часто предлагалось, принимает небрежно, с отвращением (прп. авва Нестерой, 56, 433).

***

Гордым противится Бог (Иак. 4, 6), потому что и в начале воспротивился их началовождю. Посему приими во внимание, каково это — иметь Бога противоборцем, а соучастником — исконного мятежника (прп. Исидор Пелусиот, 60, 110).

***

Не вдавайся в гордыню, потому что дела идут у тебя успешно, как будто не можешь потерпеть чего-либо худого; напротив того, содержи в мысли то, что обстоятельства часто принимают противный оборот, держись скромного образа мыслей, и не выходи из пределов человечества. Правосудие назирает дела наши; оно возмечтавших о себе, что не подлежат уже наказанию, доводит до наказания тем самым, чем думали избежать его (прп. Исидор Пелусиот, 61, 114).

***

...Иное есть велемудрие, т. е. высота духа, а иное гордость, т. е. высокомерие. Первое все случающееся почитает низшим собственного своего мужества, а вторая всех людей признает низшими собственной своей низости; первое помышляет о премирном, а вторая мечтает о земном; первое вожделевает славы Божественной и приснопамятной, а вторая любит славу угасающую (прп. Исидор Пелусиот, 61, 224).

***

...Горделивым (называть должно) того, кто хотя делает, но хвалится сим, а других поносит... (прп. Исидор Пелусиот, 61, 369).

***

На великую высоту восходит душа гордого, и оттуда низвергает его в бездну (прп. Нил Синайский, 70, 219).

***

Гордостью болезнует, кто стал отступником от Бога, и собственным своим силам приписывает добрые дела (прп. Нил Синайский, 70, 219).

***

Гордость надмевает мысли до напыщенности, научает пренебрегать всякого человека... (прп. Нил Синайский, 71, 184).

***

<Гордость>... думает, что на все имеет силы, будучи вовсе бессильною (прп. Нил Синайский, 71, 184).

***

...До безумия доводит высокопарный помысл, внушает мечтать о равнобожии, не признает Промысла и попечительности Всесовершеннейшего... (прп. Нил Синайский, 71, 184).

***

<Гордость> — водяной пузырь, надутый суетным о себе мнением; если только дунуть, обращается в ничтожество (прп. Нил Синайский, 71, 184).

***

Бегай гордости, человек... чтобы со временем не иметь тебе противником своим Бога (прп. Нил Синайский, 71, 243).

***

...Из всех грехов больший грех есть гордость; за нее изобретатель всего худого диавол низвержен с неба... (прп. Нил Синайский, 71, 399).

***

Блистание молнии предуказывает громовой удар, а о гордости предвещает появление тщеславия (прп. Нил Синайский, 89, 284).

***

Как тяжесть плода ломит ветвь, так гордость низлагает добродетельную душу (прп. Нил Синайский, 89, 284).

***

Горе высокомерному! Когда ляжет во гроб, узнает, кто он (прп. Нил Синайский, 89, 303).

***

...Кто сам себя почитает премудрым, тот отпадает от Божией премудрости (прп. Исаак Сирин, 58, 47).

***

Когда же человек пребывает в гордости, тогда удаляется от него промыслительный Ангел, который близ него и возбуждает в нем попечение о праведности (прп. Исаак Сирин, 58, 155—156).

***

...Когда человек возлюбил гордыню, не знает уже сокрушения (прп. Исаак Сирин, 58, 156).

***

Бойся гордости, и будешь возвеличен (прп. Исаак Сирин, 58, 302).

***

...Гордость не понимает, что ходит во тьме, и не имеет понятия о мудрости (прп. Исаак Сирин, 58, 351).

***

...Две гордости: первая гордость есть та, когда кто укоряет брата, когда осуждает и бесчестит его, как ничего незначащего, а себя считает выше его. Таковый, если не опомнится вскоре и не постарается исправиться, то малопомалу будет приходить и во вторую гордость, так что возгордится и против Самого Бога, и подвиги и добродетели свои станет приписывать себе, а не Богу, как будто сам собою совершил их, своим разумом и тщанием, а не помощью Божиею (прп. авва Дорофей, 29, 41—42).

***

Гордость есть отвержение Бога, бесовское изобретение, презрение человеков, матерь осуждения, исчадие похвал, знак бесплодия души, отгнание помощи Божией, предтеча умоисступления, виновница падений, причина беснования, источник гнева, дверь лицемерия, твердыня бесов, грехов

хранилище, причина немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, бесчеловечный судья, противница Богу, корень хулы.

Начало гордости — корень тщеславия; середина — уничижение ближнего, бесстыдное проповедание своих трудов, самохвальство в сердце, ненависть обличения; а конец — отвержение Божией помощи, упование на свое тщание, бесовский нрав.

Услышим все, хотящие избежать рва сего: весьма часто сия страсть получает пищу от благодарения, ибо она сначала не склоняет нас бесстыдно к отвержению Бога. Видал я людей, устами благодаривших Бога, и возносившихся в мыслях своих. О сем ясно свидетельствует фарисей, сказавший: ***Боже, благодарю Тя*** (ср.: Лк. 18, 11).

Где совершилось грехопадение, там прежде водворялась гордость; ибо провозвестник первого есть второе (прп. Иоанн Лествичник, 57, 150).

***

Наказание гордому — его падение, досадитель — бес; а признаком оставления его от Бога есть умоисступление. В первых двух случаях люди нередко людьми же были исцеляемы; но последнее от людей неисцельно.

Отвергающий обличение обнаруживает страсть, а кто принимает оное, тот разрешился от уз ее оставить...

Гордость есть потеря богатства и трудов...

Один премудрый старец духовно увещевал гордящегося брата, но сей, ослепленный, сказал ему: «Прости меня, отче, я не горд». Мудрый же старец возразил: «Чем же ты, сын мой, яснее можешь доказать, что ты горд, как не тем, что говоришь: я не горд?»

Таковым <гордым> весьма полезно повиновение, жестокое и презренное жительство, и чтение о сверхъестественных подвигах святых отцов. Может быть, хотя через это, сии недугующие получат малую надежду ко спасению.

Стыдно тщеславиться чужими украшениями, и крайнее безумие — гордиться Божиими дарованиями. Превозносись только теми добродетелями, которые ты совершил прежде рождения твоего, а те, которые ты исполнил после рождения, даровал тебе Бог, как и самое рождение (прп. Иоанн Лествичник, 57, 151—152).

***

Не возвышай выи, перстный, ибо многие, будучи святы и невещественны, были свержены с неба.

Когда бес гордости утвердился в своих служителях, тогда, являясь им во сне или наяву, в образе светлого ангела, или мученика, преподает им откровение таинств, и как бы дар дарований, чтобы сии окаянные, прельстившись, совершенно лишились ума (прп. Иоанн Лествичник, 57, 152).

***

От гордости происходит забвение согрешений, а память о них есть ходатай смиренномудрия.

Гордость есть крайнее убожество души, которая мечтает о себе, что богата, и, находясь во тьме, думает, что она во свете.

Сия скверная страсть не только не дает нам преуспевать, но и с высоты низвергает.

Гордый подобен яблоку, внутри сгнившему, а снаружи блестящему красотою.

Гордый монах не имеет нужды в бесе, он сам сделался для себя бесом и супостатом.

Тьма чужда света; и гордый чужд всякой добродетели <...>

Кто пленен гордостью, тому нужна помощь Самого Бога... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 153).

***

...От скверной гордости рождается несказанная хула (прп. Иоанн Лествичник, 57, 154).

***

Ты видишь, говорила гордость, что конь, на котором я еду, есть тщеславие... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 154).

***

Пьянство бывает причиною преткновения, а гордость — причина непотребных помыслов (прп. Иоанн Лествичник, 57, 155).

***

...Предел, свойство и образ крайней гордости состоит в том, что человек ради славы лицемерно показывает добродетели, каких в нем нет... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 170).

***

Естественно <душе> и гордиться, но над одними бесами (прп. Иоанн Лествичник, 57, 204).

***

Видимую гордость исцеляют скорбные обстоятельства; а невидимую — Превечный и Невидимый (прп. Иоанн Лествичник, 57, 211).

***

Неусыпно наблюдай душевным оком за гордостью, ибо между обольщениями нет ничего губительнее сей страсти (прп. Иоанн Лествичник, 89, 586).

***

Блудных могут исправлять люди, лукавых — Ангелы, а гордых исцеляет Сам Бог (прп. Иоанн Лествичник, 89, 586).

***

...Гордости <свойственно> уничижать других и гневаться (авва Фалассий, 90, 312).

***

...Гордости <свойственны> самомнение и зависть (авва Фалассий, 90, 314).

***

Мнящийся быти мудрым есть облако безводное, носимое ветрами тщеславия и гордости (авва Фалассий, 90, 335).

***

Гордость заставляет отступаться от Божественной помощи, на себя надеяться и воздыматься над людьми (авва Фалассий, 90, 335).

***

Два предлежат врачебные средства против гордости <молитва со слезами и никого не уничижение>, которыми если кто не воспользуется, встретит, и нехотя, третье очень жестокое <невольные скорби> (авва Фалассий, 90, 335—336).

***

Демон гордости двоякое имеет лукавство: или убеждает монаха исправные дела свои приписывать себе, а не Богу, Подателю благих и Помощнику в исправности, или, когда он не соглашается на сие, подущает уничижать менее совершенных братий. Но не ведает он, что и при таком действии на него, демон наущает его отвергаться Божией помощи. Ибо, уничижая тех, как не могших подобно ему оказаться исправными, он выставляет себя именно показавшим особенную исправность собственною силою (прп. Максим Исповедник, 90, 184).

***

При бездействии страстей привходит гордость, когда или причины оных скрываются, или демоны коварно отбегают (прп. Максим Исповедник, 90, 185).

***

Страсть гордыни состоит из двух неведений, или несознаний, кои, сошедшись воедино, производят одно слиянное мудрование (гордостное). Ибо один тот горд, кто не признает ни Божеской помощи, ни человеческой немощности. Таким образом гордость есть божественного и человеческого знания лишение (прп. Максим Исповедник, 90, 279).

***

Праведно гнев посещает высокомудрствующий о себе ум, т. е. оставление его, или попущение ему потерпеть нападки от демонов, и в деятельности, и в умствовании... (прп. Максим Исповедник, 90, 291).

***

Знание, не обуздываемое божественным страхом, производит надмение, внушая надмившемуся из-за него почитать собственным то, что даровано (прп. Максим Исповедник, 90, 295).

***

...Никто не гордись пред ближним, ибо мерзость есть Господу и людям таковый... (прп. Феодор Студит, 91, 113).

***

Будь подальше от гордости и облекись в смиренномудрие... и радость и веселие пребудут на главе твоей (прп. Феодор Студит, 91, 166).

***

...Не гордитесь, потому что чрез гордость вы находитесь под мечом греха... (прп. Феодор Студит, 91, 180).

***

Чрез нее <гордыню ума> ниспал с небесных высот и ангельской светлости ныне искушающий всех нас дракон,

и из нее, как из какого корня, произросли мириады лоз греховных (прп. Феодор Студит, 91, 341).

***

Гордыня ума — первое из зол и последнее (прп. Феодор Студит, 91, 341).

***

В душе смиренных упокоевается Господь, в сердце же гордых — страсти бесчестия... (свт. Феодор Едесский, 90, 353).

***

...Когда выйдет он <человек> из ума по причине гордости своей, тогда делается орудием диавола во всех своих словах и делах и становится врагом Богу (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 269).

***

Надобно знать, что гордость рождается в душе человека от неведения себя самого, порождающего самомнение, по коему думают, что имеют нечто, тогда как ничего не имеют; и она растет вместе с возрастом человека (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 268—269).

***

...Когда увидишь, что какой-либо человек гордится, знай, что по мере гордыни его он страдает и нечувстви-

ем душевным, и пожалей о нем; ибо кто болеет и не чувствует, что болен, тот близок к смерти. Таков этот грех, ввергающий душу в смерть, ибо гордый есть больной бесчувственный, который... не сознает и не чувствует своей болезни, а это и есть смерть души. Случись, что кто-либо из таковых еще привык учить и вразумлять других, — то это уже законченный мертвец, для которого не требуется более врача (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 269—270).

***

Кто верует, тот не гордится, но, подражая Господу, притрудно взыскивает смирения, как и Господь (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 436).

***

Как диавол есть воплощенная гордыня и гордость является его злой стихией, — почему, примешиваясь, она и одерживает верх и сводит на нет всякую человеческую добродетель, — так и (напротив) смирение пред Богом есть добродетель добрых Ангелов, и она одерживает верх над всякой человеческой греховностью, приключившейся споткнувшемуся: ибо смирение является колесницей восшествия к Богу, подобно оным облакам, которые имеют поднять вверх к Богу тех, кто будет пребывать с Богом в нескончаемые веки... (свт. Григорий Палама, 26, 28).

***

Всякое... <непотребное> расследование и разузнавание есть порождение и пища самолюбия и гордости; это — узы

и сети диавола, который, видя, как воля тех, которые внимают духовной жизни, сильна и крепка, покушается победить ум их такими любопытствами, чтоб таким образом овладеть и им и тою. Для этого он обыкновенно влагает в них мысли высокие, тонкие и изумляющие, особенно тем из них, которые остроумны и скоры на высокоумничание. И они, увлекаясь удовольствием иметь и рассматривать такие высокие помыслы, забывают блюсти чистоту своего сердца и внимать смиренному о себе мудрованию и истинному самоумерщвлению; и таким образом, будучи опутываемы узами гордости и самомнения, делают себе идола из своего ума, а вследствие того мало-помалу, сами того не чувствуя, вдаются в помысл, что не имеют уже более нужды в совете и вразумлении других, так как привыкли во всякой нужде прибегать к идолу собственного разумения и суждения. Это — дело крайне опасное и трудно врачуемое... (прп. Никодим Святогорец, 69, 34—35).

***

...Гордость ума гораздо бедственнее, чем гордость воли. Ибо гордость воли, будучи явна для ума, может быть иной раз им удобно уврачевана, чрез подклонение ее под иго должного. Ум же, когда самонадеянно утвердится в мысли, что его собственные суждения лучше всех других, кем наконец может быть уврачеван? Может ли он кого-либо послушаться, когда уверен, что суждения всех других не так хороши, как его собственные? Когда же это око души — ум, помощью которого человек мог бы узнавать и исправлять гордость воли, сам ослеплен гордостью и остается неуврачеванным, кто уврачует и волю? И бывает тогда внутри все расстроено, и притом так, что негде и

некому пластыря приложить (прп. Никодим Святогорец, 69, 35).

***

Горделивому праведнику, т. е. грешнику, не видящему своей греховности, не нужен, бесполезен Спаситель (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 109).

***

Гордость приводит нервы в движение, разгорячает кровь, возбуждает мечтательность, оживляет жизнь падения... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 129).

***

...Гордость есть вообще причина прелести... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 228).

***

Отсутствие плача, насыщение самим собою и наслаждение своим мнимо-духовным состоянием обличают гордость сердца (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 537).

***

Самомнение и гордость в сущности состоят в отвержении Бога и в поклонении самому себе. Они — утонченное, труднопонимаемое и трудноотвергаемое идолопоклонство (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 25).

***

Гордость есть смерть души в духовном отношении: душа, объятая гордостью, неспособна ни к смирению, ни к покаянию, ни к милости, ни к какому помышлению и чувству духовным, доставляющим живое познание Искупителя и усвоение Ему (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 27).

***

Видение гордых есть ужасная слепота; а невидение смиренных есть способность к видению Истины (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 172).

***

Зараженных гордостным, ошибочным мнением о себе, признающих покаяние излишним для себя, исключающих себя из числа грешников, отвергает Господь. Они не могут быть христианами (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 183).

***

Гордость таится даже в освященных благодатию избранниках Божиих. Необходимо и для них бдеть против этого внутреннего яда и против порождаемого им убийства души памятозлобием (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 246).

***

Молитва гордых уничтожается рассеянностью. Они лишены власти над собою: не повинуются им ни мысли их, ни чувствования (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 348).

***

Удел несчастных горделивцев, преисполненных самомнения и плотского мудрования, — вечная смерть, смерть души, состоящая в решительном отчуждении от Бога, в усвоении себе ненависти к Богу и человечеству, той ненависти, которою заразил себя сатана и которую он сообщает всем вступившим в общение с ним (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 387—388).

***

...Возмущается дух наш против судеб и попущений Божиих... от нашей гордости, от нашей слепоты... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 86).

***

Сердце наше, обреченное по падении на прозябание терния и волчцов, особенно способно к гордости, если оно не будет возделано скорбями (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 132).

***

...Гордость... вещь очень Богу неугодная и в нравственной жизни самая зловредная (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 204).

***

Первый шаг на... дороге <гордости> *есть самоцен,* скрытное чувство, что *я нечто,* а не ничто... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 209).

***

...Против гордости — надо избрать уничижительные занятия... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 225).

****

Один монах пятьдесят лет провел в пустыне и превзошел всех живущих в ней иноков своим равноангельским житием. Но гордость погубила и такого подвижника. Он вообразил, что соседние с ним иноки не такого держатся устава, какого бы, по его мнению, следовало держаться, и стал относиться к ним с презрением. Диавол, заметив зародившееся в старце самомнение, не замедлил приложить заботу, чтобы погубить его... Он явился ему в образе светлого ангела и предложил старцу броситься в колодец, говоря, что-де за святую жизнь ему от этого вреда не будет. Старец послушался, и вытащен был из колодца едва живым. На третий день он скончался (112, 371—372).

***

Знал я в Иерусалиме одну девственницу, которая шесть лет носила власяницу и, заключившись в своей келье, отреклась от всех удовольствий и вела жизнь самую воздержную. Но потом, быв оставлена Божиею помощью за чрезмерную гордость, впала в блуд. Это случилось с нею потому, что она подвизалась не по духовному расположению и не по любви к Богу, но напоказ людям, ради суетной славы. Демон тщеславия, отвлекши ее от благочестивых помыслов, возбудил в ней желание осуждать других. Когда же она пришла в опьянение от демона гор-

дости и еще соуслаждалась ему, святой Ангел, страж целомудрия, отступил от нее (101, 110).

ГОСТЕПРИИМСТВО

...Тем, которые по заповеди Господней приняли на себя всякий вид смирения, наипаче должно избегать всякого образа тщеславия. Поелику же видим, что мирские люди стыдятся смиренной скудости и, когда принимают кого-либо из гостей, употребляют все изобилие снедей и всякую роскошь, то боюсь, чтобы и нас не коснулась неприметным образом та же страсть и чтобы не стали нас уличать, будто бы стыдимся нищеты, ублажаемой Христом.

<...> Если роскошь порок и надобно ее избегать, то никогда не должна быть допускаема нами, потому что подвергшееся осуждению не может быть пригодно и на время.

...Пришел ли странник? Если это брат и у него та же цель жизни, то узнает собственную свою трапезу, ибо что оставил дома, то найдет и у нас. Но он утомился в дороге? Предложим ему столько, сколько нужно для облегчения усталости. Пришел ли кто другой из жизни мирской? Пусть узнает на деле, в чем не убедило его слово, и получит образец и пример умеренности в пище. Пусть останутся в нем воспоминания о христианской трапезе и непостыдной нищете ради Христа. А если не вникнет в дело, но посмеется над нами, то уже не обеспокоит нас в другой раз (свт. Василий Великий, 9, 121—122).

***

...Всегда необходимы попечительность и благоустройство трапезы, только бы нимало не выступать нам из пре-

делов потребности; но пределом в угощении да будет удовлетворение потребности каждого из приходящих... (свт. Василий Великий, 9, 124).

***

Принимаешь ли у себя странных, упокоиваешь ли бедных, сострадешь ли болезнующим, подаешь ли руку помощи находящимся в нужде и несчастии, услуживаешь ли недужным, все это Христос приемлет на Себя (свт. Василий Великий, 9, 319—320).

***

Если к тебе, монах, придет монах или мирянин, то не старайся угощать его сверх сил своих, чтоб, по удалении брата, не жалеть тебе своего добра, для него издержанного, но предложи ему, что Господь тебе пошлет, ибо лучше предложить зелия с любовью, нежели тысячи яств с сердечною тугою: ***доброхотна бо дателя любит Бог*** (2 Кор. 9, 7). Говорю же это, брат, не с намерением пресечь у вас страннолюбие, но чтоб приношение ваше было благоприятно... (прп. Ефрем Сирин, 30, 564—565).

***

...Если покажешь великое усердие, принимая какого-нибудь знаменитого и славного человека, не сделаешь ничего удивительного, потому что знатность гостя часто заставляет и негостеприимного человека показать всю готовность; но весьма важно и дивно то, когда мы и людей обыкновенных, отверженных и низких принимаем с великим радушием (свт. Иоанн Златоуст, 44, 806—807).

***

...О гостеприимных обыкновенно судят не по драгоценности данного, но по возможности, с какою они дают. Так Бог похвалил и подающего чашу холодной воды, и о той, которая положила две лепты, сказал, что она положила больше всех, потому что положила тогда все, что имела (свт. Иоанн Златоуст, 46, 237).

***

...Мы должны исполнять долг гостеприимства, делая все сами, чтобы мы сами освятились, чтобы и наши руки были благословляемы (свт. Иоанн Златоуст, 54, 719).

***

На гостей смотрите как на посланцев Божиих, и, как таких, старайтесь упокоить их по-христиански (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 93).

****

Не укоряйте странных и пришельцев, но принимайте их в дом свой. Вспоминайте Господа Иисуса Христа, сделавшегося странным нас ради, и не стыдитесь омывать ноги странников, чтобы не лишиться награды праведных. Вы знаете, что сделал Авраам, когда он сидел под сенью дуба Мамврийского в полдень и увидал трех мужей, мимо него шедших. Он, вставши, вышел в сретение их и поклонился им до земли, говоря: «Господи, если я обрел благодать пред Тобою, не пройди мимо раба Твоего. Я принесу воды, и умою ноги ваши, и принесу хлеб, и есть будете и затем пойдете путем своим». Что же было ему за странолюбие? Он был наречен другом Божиим, потом услыхал, что Сарра родит ему сына, и он будет отцом мно-

жества. Также и Лот упросил двух странников ночевать у него, и за то они (Ангелы) извели его из Содома, чтобы не погиб с беззаконниками. Также и Товия, будучи слепым, принял Ангела в образе странника, и сей даровал ему зрение. Этому же учит нас и Господь, говоря: ***приемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу пришмет: и приемляй праведника во имя праведниче, мзду праведничу пришмет*** (Мф. 10, 41). Посему, братие, странников любите и общниками их своей трапезы делайте, чтобы и вам услыхать Господа, глаголющего: ***понеже сотвористе единому от сих меньших братий Моих, Мне сотвористе...*** (ср.: Мф. 25, 40), ***и Аз вам подам жизнь вечную*** (ср.: Ин. 10, 28) (112, 782).

***

Святой Григорий, папа Римский, рассказывает следующее. Один богатый человек каждый день имел обыкновение приглашать к себе странников, кормил их и со всем семейством служил им. Однажды между обычными посетителями явился новый, неизвестный ему странник. Хозяин пригласил его к трапезе, а сам между тем пошел за водою, чтобы, по обычаю, умыть ему руки. С водою он возвратился тотчас же, но, к удивлению своему, посетителя на месте его уже не увидал. Страннолюбец недоумевал: что бы это значило? Но недоумение его скоро разрешилось. В ту же ночь явился ему Господь и сказал: «В прежние дни ты принимал братий Моих меньших, а вчера принял Самого Меня. И вот Имеющий прийти на Суд вместе с другими скажет и тебе: ***понеже единому от братий Моих меньших сие сотвористе, то Мне сотвористе*** (ср.: Мф. 25, 40). И знай, что тех, которые прежде Суда принимают Его в лице странных, Он на Суде взыщет Своими милостями» (112, 404).

***

Авва Даниил пришел в Иеромополь и сказал ученику своему: «Пойди в монастырь женский и, постучавшись во врата, скажи игуменье, что я пришел. Этот монастырь называется монастырем аввы Иеремии, в коем живет триста постниц». Ученик пошел и постучался во врата. Подошла привратница и тихим голосом из внутри сказала ему: «Спасайся! Благословен приход твой! Чего ты желаешь?» Он отвечал: «Имею нечто сказать игуменье». Привратница сказала на это: «Великая не беседует ни с кем, но скажи, чего желаешь, и я передам ей». Он отвечал: «Пойди, передай ей, что некоторый монах имеет нужду переговорить с нею». Привратница поспешно пошла и поведала игуменье. Пришла игуменья и сказала тихим голосом: «Спасайся, брат, чего ты желаешь?» Монах отвечал: «Окажи любовь, дозволь мне провести эту ночь здесь с другим братом, чтоб нас не съели звери». Игуменья сказала ему: «Брат, никогда мужчина не входил сюда. Легче будет для вас, если съедят вас внешние звери, нежели внутренние». Брат отвечал: «Здесь авва скитский, Даниил». Она, услышав это, отворила обе половины ворот и вышла навстречу старцу со всеми постницами. Они устлали одеждами своими весь путь от ворот до того места, где стоял старец, и, кланяясь ему, целовали ноги его. Таким образом с великою радостию и веселием ввели его в монастырь. Игуменья велела принести лохань, влила в нее воду, согретую с благовонными травами, и, поставив постниц в два лика, сама своими руками умыла ноги старцу, также и ученику его.

Монахини представляли собою чудное зрелище: они были безгласны, как камни, и беседовали одна с другою

знаками. Походка и вид их были ангельские. Старец спросил игуменью: «Нас ли стыдятся сестры, или они всегда таковы?» Игуменья отвечала: «Сестры твои, владыка, всегда таковы; но молись о них». Старец сказал ей: «Скажи ученику моему, чтоб он научился у них молчанию, потому что, живя со мною, он так много говорит».

Одна из сестер лежала посреди монастыря и спала; на ней было рубище. Старец спросил игуменью: «Кто это лежит?» Она отвечала ему: «Одна из сестер, преданная страсти пьянства. Что делать с нею, не знаю. Выгнать ее из монастыря? — боюсь греха. Оставить ли ее так? — но она смущает сестер». Старец сказал ученику своему: «Возьми умывальницу и возлей на нее воды». Он сделал так. Она встала, как встают упившиеся вином. При этом игуменья сказала: «Владыка, такова она всегда, какою ты видишь ее теперь». И ввела игуменья авву Даниила в трапезу, предложила вечерю сестрам и сказала: «Авва! Благослови сестрам твоим вкусить с тобою». Он благословил им. Великая и вторая по ней сели с ним. Старцу предложили моченое сочиво, невареную зелень, финики и воду; перед учеником его поставили немного хлеба, вареной зелени и вина, растворенного водою; инокиням же предложили различную вареную пищу, и рыбу, и вина в достаточном количестве. При этом никто не произнес ни одного слова. Когда встали из-за трапезы, старец сказал игуменье: «Что вы это сделали? Лучшую пищу следовало употребить нам, а употребили ее вы». Игуменья отвечала старцу: «Владыка! ты монах, и потому я предложила тебе пищу монашескую; ученику твоему, так как он ученик старца, предложена пища также монашеская; мы же — новоначальные, и потому употребили пищу новоначальных». Ста-

рец сказал на это: «Бог да исполнит любовь вашу: потому что мы извлекли большую пользу из действий ваших».

Когда все разошлись спать, старец сказал ученику своему: «Пойди посмотри, где будет спать пьяная, лежавшая посреди монастыря». Он посмотрел и сказал старцу: «Там, где сестры исправляют телесную нужду, близ отхожего места». Старец сказал ученику: «Побдим эту ночь». Когда уснули все инокини, старец взял ученика и подошел к тому месту, где лежала мнимая пьяная. Они увидели, что она встала и вознесла руки к небу; слезы ее потекли подобно потоку, и творила она бесчисленное множество коленопреклонений. Когда же слышала, что какая-либо из сестер приходила для исправления телесной нужды, то повергалась на землю и представлялась спящею и храпящею. Так проводила она начало каждой ночи. И сказал старец ученику своему: «Призови ко мне игуменью и вторую по ней, призови их тайно». Он пошел и призвал игуменью и вторую по ней, и они всю ночь смотрели на подвиг мнимой пьяной. Тогда игуменья начала говорить с плачем: «О, сколько зла делала я ей!» Когда ударили в било церковное, игуменья поведала всем инокиням виденное ею, и все предались великому плачу. Сестра же, уразумев, что тайна ее открыта, пришла, не примеченная никем, туда, где отведен был ночлег для старца, похитила жезл его и милоть, вслед за этим отворила ворота монастыря и ушла, оставив на воротах надпись: «Матери и сестры! Простите меня, согрешившую пред вами, и молитесь обо мне». При наступлении дня начали искать ее и не нашли; пришедши к воротам, увидели их отворенными и надпись на них. Блаженную нигде не могли сыскать и очень много плакали и рыдали о ней в монастыре. Старец сказал игуменье: «Я ради нее пришел сюда, и Бог любит

таких пьяниц». И начали все постницы исповедовать старцу, какое оскорбление каждая нанесла ей. Старец, сотворив молитвы о сестрах, немедленно вышел из монастыря и пошел в келью свою, благодаря и славословя Бога, ведущего сокровенных рабов Своих и не попущающего им долго пребывать утаенными, но открывающего их в уведение всех, не только при жизни, но и по смерти их, в похвалу и славу святого имени Своего (106, 95—98).

***

Пошел некогда авва Даниил с учеником своим из Скита в Фиваиду — так назывался Верхний Египет от главного города своего Фив — в обитель, в которой жил авва Аполлос. Отцы обители, услышав о пришествии к ним великого скитского старца, вышли навстречу ему за семь поприщ от своего монастыря. Их было более пяти тысяч. И представилось чудное зрелище! Они пали ниц и лежали на песчаной равнине, ожидая старца, чтоб принять его, как Христа. Одни подстилали под ноги его одежды свои, другие — свои куколи, и видны были из очей их потоки слез. Пришел авва Аполлос и поклонился старцу семь раз, прежде нежели старец приблизился к нему. Они с любовью приветствовали друг друга. Братья просили старца сказать им слово спасения. Они сели вне монастыря на песке, потому что церковь не вмещала их. Отец Даниил повелел ученику своему: «Напиши следующее: если хотите спастись — соблюдите нестяжание и молчание: на этих двух деланиях основывается все монашеское жительство». Ученик написал сказанное ему старцем и передал одному из братии, который прочитал это братиям-египтянам. Все пришли в умиление и заплакали (106, 94—95).

***

Однажды некоторые из отцов пришли к авве Иосифу в Панефо спросить у него, как принимать братий, издалека приходящих к ним: должно ли снисходить им и говорить с ними свободно? И прежде нежели они задали свой вопрос, старец сказал ученику своему: «Смотри, что я хочу сегодня делать, и жди». Старец поставил два стула — один по левую, а другой по правую сторону себя и сказал: «Садитесь». И, взошедши в келью свою, надел на себя ветхую одежду и, выйдя из кельи, прошел посреди их. И, возвратясь, надел свою одежду и, опять вышедши, сел между ними. Отцы же с изумлением смотрели на действия старца. И сказал им старец: «Видели ли вы, что я сделал?» «Да», — отвечают они. «Переменился ли я от презренного одеяния?» — «Нет». Старец еще говорит: «Не переменился ли я от хорошего одеяния?» — «Нет». На это старец сказал им: «Итак, если я один и тот же в том и другом одеянии, как первое не изменило меня, так и другое не повредило мне, то и мы таким образом должны поступать в принятии братии по святому Евангелию: ***воздадите убо,*** говорит, ***кесарева кесареви, и Божия Богови*** (Мф. 22, 21). Итак, когда приходит братия, будем принимать их с радушием; когда же останемся одни, то имеем нужду в сетовании, чтобы оно пребывало с нами». Они же, услышавши, удивились, так как старец сказал им, что у них было на сердце, еще прежде, нежели они спросили его, — и прославили Бога (97, 243).

***

Авва Кассиан сказал: «Некогда мы пришли из Палестины в Египет к одному из отцов; и когда он принял нас с любовию, спросили его: «Почему вы во время принятия

чужестранных братий не соблюдаете правило поста вашего, как мы приняли в Палестине?» И старец в ответ сказал им: «Пост всегда со мною, а вас я не могу иметь всегда при себе. Пост хотя дело полезное и необходимое, однакож он в нашей воле; а дело любви мы исполняем по необходимости, как требует закон Божий. Итак, принявши одного из вас в виде Христа, как должник, буду служить со всяким усердием. Когда же отпущу вас, могу восстановить правило поста. Ибо *не могут сынове брачни, дондеже жених с ними есть, поститися. Егда же отъимется от них жених, и тогда* по власти своей *постятся* (ср.: Мк. 2, 19—20)» (97, 244).

***

Брат пришел к авве Пимену на второй неделе Четыредесятницы, открыл помыслы и, получив утешение, говорит ему: «Едва было я не оставил намерения быть здесь сегодня». «Почему же?» — спросил старец. Брат отвечает ему: «Я думал, что ради Четыредесятницы ты не отворишь мне дверей». Авва Пимен сказал ему: «Мы не учились запирать дверь деревянную, но более — язык» (97, 292—293).

***

Говорили о некоей девице, что у нее умерли родители и она осталась сиротою. Размыслив, она сделала дом свой странноприимным для отцов Скита. Она жила таким образом, принимая странных, и в удобное время служила отцам. Через некоторое время истощилось ее имущество, и она начала нуждаться. Сблизились с нею развратные люди и отклонили ее от доброй цели. После сего она стала жить так худо, что дошла до блудодейства. Услышали о

сем отцы и очень опечалились. И, призвавши авву Иоанна Колова, говорят ему: «Мы слышали о той сестре, что она худо живет. Когда могла, она оказывала нам любовь свою, а теперь мы окажем свою любовь и поможем ей. Потрудись сходить к ней, и по мудрости, которую дал тебе Бог, воздвигни ее». Авва Иоанн пошел к ней, и обратился к привратнице: «Скажи обо мне госпоже». Она же отослала его, говоря: «Вы прежде объедали ее, а теперь она бедна». Авва Иоанн продолжал настаивать: «Скажи ей, ибо я много могу сделать ей пользы». Слуги же ее, насмехаясь, говорили ему: «А что ты можешь дать ей, что хочешь видеться с нею?» Привратница пошла и сказала о старце госпоже своей. «Эти монахи всегда снуют около Красного моря и ищут жемчужин», — ответила та. Потом, нарядившись, говорит: «Позови его». Когда он вошел, она приняла его, сидя на роскошном ложе. Авва же Иоанн, подошедши к ней близко и смотря ей в лицо, сказал: «Что ты унижаешь Иисуса, что дошла до этого?» Услышав это, она совершенно оцепенела. И старец, приклонив главу свою, начал горько плакать. Девица спрашивает: «Авва, о чем ты плачешь?» Старец поднялся и, снова приклонивши голову, со слезами говорит ей: «Вижу, что сатана смеется тебе в лицо, как же мне не плакать?» Девица, услышав это, поражена была еще более, и спрашивает его: «Есть ли покаяние, авва?» Он отвечает: «Есть». Тогда она произносит: «Возьми меня, куда хочешь». «Пойдем», — сказал старец. И она встала, чтобы следовать за ним. При этом авва Иоанн заметил, что девица не сделала никаких распоряжений и ничего не сказала о доме своем, — и удивился.

Когда они пришли в пустыню, наступил вечер. Авва, сделав из песка как бы небольшое возглавие для нее и сотворивши крестное знамение, говорит ей: «Усни здесь».

Сделав и себе ложе недалеко от нее и окончив молитвы, старец заснул. Проснувшись же в полночь, он видит как бы некий светлый путь, сходящий от неба до самой девицы, и Ангелов Божиих, возносящих душу ее. Встав и подойдя к ней, он увидел, что девица умерла. Авва повергся на землю, моля Бога, — и услышал глас: «И один час покаяния ее принят лучше покаяния многих медлящих и не являющих ничего подобного такому покаянию» (97, 299—301).

***

Некогда в Скиту дано было повеление: поститесь эту <Страстную> неделю и сделайте пасху. Случилось же братии из Египта прийти к авве Моисею. Старец приготовил им немного вареного. Соседи его, увидев дым, сказали клирикам: «Вот Моисей преступил заповедь отцов, и приготовил вареное». Они сказали: «Когда он придет, мы скажем ему». По наступлении субботы клирики, зная великую жизнь аввы Моисея, говорят ему перед народом: «Авва Моисей! ты преступил заповедь человеческую и исполнил заповедь Божию» (97, 292).

ГРЕХ

...Думаешь ли ты, что тотчас отпускаются грехи кающимся? Нет, но кающийся должен помучить свою душу, смириться во всяком деле своем и перенести многие и различные скорби; и когда перенесет все, что ему назначено, тогда, конечно, Тот, Который все сотворил и утвердил, подвигнется к нему Своею милостью и даст ему спасительное врачевство, и то уже тогда, когда увидит, что сердце кающегося чисто от всякого злого дела (св. Ерм, 93, 215).

***

...Любящие болезнь <грех> и закосневающие в ней, по справедливости бывают сами себе виновны вечного мучения: уподобившись демонам, они праведно будут с ними терпеть и вечные мучения, уготованные им (демонам), потому что сами пожелали быть с ними и сделались неблагодарными своему Благодетелю (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 8).

***

...Человек есть не иное что, как только малое и скоро исчезающее зловоние и худший всей твари <по причине греха>. Никакая иная тварь, ни бездушная, ни одушевленная, никогда не извращала определения Божия, но (только) человеческое естество, много облагодетельствованное и всегда много прогневляющее Бога (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 40).

***

...Согрешающий нераскаянно, но не отчаивающийся, по необходимости считает себя ниже всей твари и не осмеливается осудить или укорить какого-либо человека. Но более удивляется человеколюбию Божию, бывает благоразумным в отношении к Благодетелю и может иметь много иного добра. Хотя он и послушал диавола, при согрешении, но опять, по страху Божию, ослушивается врага, побуждающего его к отчаянию, и потому он — часть Божия, имея благоразумие, благодарение, терпение, страх Божий, неосуждение других, чтобы и самому не быть осужденным... (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 147).

***

Ничто не содействует так прощению грехов, как незлобие... (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 179).

***

...Грех близок и весьма праведным, а покаяние не всем удобно, по близости смерти и прежде нее — отчаяния. Итак, хорошо не падать, или падать и восставать; если же случится пасть, хорошо не отчаиваться, и не отчуждать себя от человеколюбия Владыки. Ибо Хотящий (всем спастись) может оказать милость нашей немощи, только не будем удаляться от Него, не будем отягощаться понуждением к исполнению Его заповедей, и, не в силах будучи достигнуть (высоты) их, не предадимся изнеможению, но познаем, ***что пред Господом един день яко тысяща лет и тысяща лет яко день един*** (ср.: 2 Пет. 3, 8). Не будем слишком ретивы, не будем и ослабевать, но всегда полагать начало. Пал ли ты, восстань. И опять пал, восстань; только не оставляй Врача, чтобы чрез отчаяние не подпасть осуждению худшему — самоубийцы. Но пребывай при Нем, и Он окажет тебе милость или обращением, или искушениями, или другими действиями Промысла, без твоего ведома (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 43—44).

***

...Если мы станем жить, как умирающие каждый день, то не согрешим (прп. Антоний Великий, 88, 17).

***

К ограждению себя от греха будем соблюдать еще следующее. Пусть каждый из вас замечает и записывает свои поступки и душевные движения как бы с намерением сообщить это друг другу; и будьте уверены, что, стыдясь известности, непременно перестанем грешить, и даже содержать в мыслях что-либо худое. Ибо кто, когда грешит, желает, чтобы это видели? Или кто, согрешив, не поже-

лает лучше солгать, только бы утаить грех? Как наблюдая друг за другом, не станем творить блуда, так если будем записывать свои помыслы, с намерением сообщить их друг другу, легче соблюдем себя от нечистых помыслов, стыдясь известности (прп. Антоний Великий, 88, 21—22).

***

...В соделанных нами грехах не будем винить ни рождения нашего, ни другого кого, а только себя самих, ибо если душа самоохотно предается разленению, то не может быть не побеждаемою (прп. Антоний Великий, 88, 67).

***

Грех, быв понят душою, ненавидим бывает ею, как зверь зловоннейший; непонятый же он бывает и любим непонимающим его, и, порабощая любителя своего, держит его в плену у себя. А он, несчастный и бедный, не видит, что для него спасительно, даже не думает о том, но полагая, что грех красит его, рад ему (прп. Антоний Великий, 88, 72).

***

Не то грех, что делается по закону естества, но то, когда по произволению делают что худое. Вкушать пищу не есть грех, но грех вкушать ее без благодарения, неблагоговейно и невоздержно; не грех просто смотреть, но грех смотреть завистливо, гордо, ненасытно; не грех слушать мирно, но грех слушать с гневом; не грех заставлять язык благодарить и молиться, но грех позволять ему клеветать и осуждать; не грех утруждать руки милостыни подаянием, но грех позволять хищение и убийство. Так

каждый член грешит, когда по нашему свободному произволению делает злое вместо доброго, в противность воле Божией (прп. Антоний Великий, 88, 73—74).

***

Забывших добрую и богоугодную жизнь и мудрствующих не по правым и боголюбивым догматам не должно ненавидеть, а более жалеть, как оскудевших рассуждением и слепотствующих сердцем и разумом, ибо, принимая зло за добро, они гибнут от неведения. И Бога не знают они, треокаянные и несмысленные душою (прп. Антоний Великий, 88, 78).

***

Имеющие на себе замаранную одежду марают платье тех, которые прикасаются к ним. Таким же образом люди, злые нравом и неисправные поведением, обращаясь с простейшими и говоря к ним неподобающие речи, как грязью оскверняют душу их чрез слух (прп. Антоний Великий, 88, 89).

***

Если в каком-либо случае сделаешь погрешность, не прикрывай сего ложью от стыда, но с поклоном проси прощения (у кого должно), и погрешность твоя простится тебе (прп. авва Исаия, 59, 14).

***

...Помяни грехи свои пред Богом, если желаешь, чтобы оные простились тебе, и не воздавай злом за зло ближнему твоему (прп. авва Исаия, 59, 21).

***

Желаешь ли узнать, отпущены ли тебе грехи? Да будет тебе признаком то, если в сердце нет более никакого остатка оных (прп. авва Исаия, 59, 59).

***

Каждый должен заботиться о своих болезнях душевных, и каждый должен оплакивать грехи свои, не зазирая ближнего (прп. авва Исаия, 59, 62).

***

Не увлекайся воспоминанием сделанных тобою проступков, дабы не возобновились в тебе грехи твои (прп. авва Исаия, 59, 64).

***

...Тогда умер в тебе грех, когда в душе исчезнет всякая надежда на видимые вещи сего мира (прп. авва Исаия, 59, 74).

***

...Памятованием о своих грехах <христиане>, как щитом... защищаются от гнева и лыщения, и терпеливо переносят все, что бы с ними ни случилось (прп. авва Исаия, 59, 83).

***

Кто мужественно противоборствует грехам, тот видит и замечает их отраву... (прп. авва Исаия, 59, 87).

***

...Кто презирает подвиг против грехов, тот готовит себе муку (прп. авва Исаия, 59, 87).

***

...Всякому собственные грехи довольно доставляют дела, и не оставляют места заботе о чужих (прп. авва Исаия, 59, 140).

***

Не место истребляет грехи, но смирение (прп. авва Исаия, 59, 180).

***

Горе нам, что мы стыдимся грешить в присутствии людей, но не трепещем, поступая нечестиво и согрешая пред очами Бога, Который зрит сокровенное (прп. авва Исаия, 59, 192).

***

Горе тем, кои грешат, будучи обольщены сладостью вожделения, ибо подвергнутся неизреченной скорби и вечному позору (прп. авва Исаия, 59, 195).

***

Помышляй каждодневно: только нынешний день имею я провести в этом мире, — и не согрешишь пред Богом (прп. авва Исаия, 88, 331).

***

Просыпаясь утром каждый день, вспоминай, что дашь отчет Богу о всяком деле, и не согрешишь пред Ним, и страх Его вселится в тебя (прп. авва Исаия, 88, 348).

***

Кто стяжал смиренномудрие, тому Бог открывает грехи его, чтобы он признал их (признался в них и раскаялся) (прп. авва Исаия, 88, 359).

***

...Если не очистишь ты себя от плотских пожеланий, то не можешь сохранить себя от греха (прп. авва Исаия, 88, 362).

***

Горе нам, что стыдимся лица человеков, когда грешим, а на стыд вечный никакого внимания не обращаем! (прп. авва Исаия, 88, 438).

***

...Человек согрешил и пал, а с падением его все пришло в смятение... (свт. Афанасий Великий, 1, 269).

***

Когда пришел Господь наш Иисус Христос, мы усовершились, освободившись от греха... (свт. Афанасий Великий, 2, 239).

***

...Не оставим никакого времени грехам, не уступим места врагу в сердцах своих, если через непрестанное памятование будем вселять в себя Бога... (свт. Василий Великий, 5, 55).

***

Никто да не извиняется неведением. В нас вложен природный разум, который учит присваивать себе доброе, а удалять от себя вредное (свт. Василий Великий, 5, 115).

***

...Ревностное коснение во грехе производит в душах некоторый неисправимый навык. Ибо застаревшаяся душевная страсть или временем утвержденное помышление о грехе с трудом врачуются, или делаются и совершенно неисцелимыми, когда навыки, как всего чаще случается, переходят в природу. Посему должно желать, чтобы нам даже и не прикасаться ко злу (свт. Василий Великий, 5, 165—166).

***

Огонь, коснувшись удобосгораемого вещества, не может не обхватить всего этого вещества, особенно если подует сильный ветер, который переносит пламень с одного места на другое. Так и грех, прикоснувшись к одному человеку, не может не перейти ко всем приближающимся, когда раздувают его лукавые духи (свт. Василий Великий, 5, 166—167).

***

...Грех в лице именитом многих поползновенных привлекает подражать тому же. И поелику один от другого заимствуют повреждение, то о таковых людях говорится, что они губят души (свт. Василий Великий, 5, 167).

***

...Что грех наш обращается в славу тому, кто внушает его нам, уразумей это из подобия. Два военачальника вступают в сражение. Когда побеждает одно войско, предводитель его приобретает славу, а когда одерживает верх противное войско, вся честь принадлежит полководцу сего другого войска. Так в добрых делах твоих прославляется Господь, а в противных — противник. Не представляй, что враги далеко; и на военачальников смотри не издали, но обрати взор на себя самого, и найдешь совершенную верность подобия. Ибо когда ум борется со страстью, и своим усилием и внимательностью одерживает верх; тогда торжествует он победу над страстью и успехом своим как бы увенчивает Самого Бога, а когда, ослабев, поддается сластолюбию, тогда, сделавшись рабом и пленником грехов, доставляет врагу случай к похвальбе, превозношению и высокомерию (свт. Василий Великий, 5, 201).

***

...Как пчел отгоняет дым и голубей смрад, так и хранителя нашей жизни Ангела отдаляет многоплачевный и смердящий грех (свт. Василий Великий, 5, 254).

***

...Невозможно, чтобы в душе царствовали грех и Бог; напротив того, должно над пороком брать верх, и покоряться Владыке всяческих (свт. Василий Великий, 5, 329).

***

...Согрешающий мыслию не остается вовсе не наказанным; но в какой мере не полно зло, в такой уменьшится его наказание (свт. Василий Великий, 6, 128).

***

Грехи неведения, будучи как бы некоторою скверною, обезображивая внешность души и повреждая естественную ее красоту, имеют нужду в очищении... (свт. Василий Великий, 6, 153).

***

Хотя природе человеческой невозможно не грешить... однако же возможно, согрешив по опрометчивости или по увлечению от злокозненного, тотчас измениться, покаяться и не собирать зла ко злу (свт. Василий Великий, 6, 193).

***

...Если обнажим грех исповедью, то сделаем его сухим тростником, достойным того, чтобы *пояден* был очистительным огнем (свт. Василий Великий, 6, 273).

***

...Не в самом устройстве нашем заключен был грех, но привзошел впоследствии (свт. Василий Великий, 6, 278).

***

...В жизни каждого из нас, как скоро умирает грех, царствующий в мертвенном теле нашем, бывает в нас слово Господне (свт. Василий Великий, 6, 340).

***

Большое осуждение ожидает знающих, но не делающих. Впрочем, небезопасно грешить и по неведению (свт. Василий Великий, 7, 317).

***

Вразумленный по совершении первых грехов и сподобившийся получить прощение, если согрешает снова, уготовляет себе тягчайший прежнего суд гнева (свт. Василий Великий, 7, 318—319).

***

Часто и самым порочным делам предается иной, в наказание за прежнее нечестие (свт. Василий Великий, 7, 319).

***

Невольно вовлекаемый в грех должен знать о себе, что им обладает другой предшествовавший грех, которому он добровольно служит, и которым уже вводится и в те грехи, в какие бы не хотел впасть (свт. Василий Великий, 7, 333).

***

Соделание греха отчуждает от Господа и сродняет с диаволом (свт. Василий Великий, 7, 333).

***

Не равнодушно смотреть должно на грешащих, но скорбеть и плакать о них (свт. Василий Великий, 7, 357).

***

Входить в сближение с согрешающими не для чего иного должно, а только для того, чтобы побудить их к покаянию, если каким-нибудь способом можно сие сделать без греха (свт. Василий Великий, 7, 358).

***

Отвращаться должно тех, которые пребывают в грехе своем, по употреблении всевозможного о них попечения (свт. Василий Великий, 7, 358).

***

...Грех, живущий во глубине души, умерщвляется в ней принятием такого поста, который подлинно достоин сего наименования (свт. Василий Великий, 8, 6).

***

Проливай слезы о грехе: это — душевный недуг, это — смерть души бессмертной; грех достоин плача и немолчных рыданий (свт. Василий Великий, 8, 73).

***

...Как за телом тень, так за душой следуют грехи, явственно изображающие ее дела (свт. Василий Великий, 8, 100).

***

Не пренебрегай никакою погрешностью, хотя бы она была менее всякого зловредного животного, но поспеши исправить ее покаянием... (свт. Василий Великий, 9, 43).

***

Человек сотворен по образу и по подобию Божию; а грех, увлекая душу в страстные пожелания, исказил красоту образа (свт. Василий Великий, 9, 56).

***

<Мы> в состоянии будем стереть с себя греховные пятна люботрудною молитвою и постоянным изучением Божией воли (свт. Василий Великий, 9, 94).

***

...Грех умолчанный есть гнойный вред в душе (свт. Василий Великий, 9, 163).

***

Как благодетелем называем не того, кто задерживает в теле вредоносное, а напротив того, кто болезненными средствами и надрезываниями вызывает это наружу, или посредством рвоты исторгает вредившее, или вообще чрез обнаружение болезни делает и способ излечения изве-

стным: так, очевидно, скрывать грех значит готовить больному смерть (свт. Василий Великий, 9, 163—164).

***

...Не скрывай грехов один другого, чтобы из братолюбца не сделаться братоубийцею (свт. Василий Великий, 9, 164).

***

Не должно <настоятелю> ни быть строгим, видя презрение к себе самому, ни показывать снисходительность к согрешившему, когда видит, что презрен другой; но в семто особенно случае надобно изъявить негодование на худой поступок. Ибо таким образом избежит подозрения в самолюбии и разностью действования в своем и чужом деле докажет, что не согрешившего ненавидит, но отвращается греха (свт. Василий Великий, 9, 166).

***

...Если кто несомненно уверится в том, что многих и великих зол бывают причиною грехи, то добровольно и по внутреннему убеждению почувствует он к ним ненависть... (свт. Василий Великий, 9, 186).

***

...Грех есть тяжесть, влекущая душу на дно адово (свт. Василий Великий, 9, 253).

***

Если кто, однажды покаявшись во грехе, опять делает тот же грех, это знак, что он не очистился от первой

причины сего греха, от которой, как от корня какого-то, опять необходимо произрастает подобное (свт. Василий Великий, 9, 303).

***

Грех никогда не существует (сам по себе) и не мыслится как особая сущность (ὑπόστασις). Но чрез оскудение добра, получая существование более в делающих грех, нежели в том, что сделано худо, неправедными делами образуется в духовную тьму... (свт. Василий Великий, 9, 338).

***

...<Малыми> грехами, как не важными, каждый пренебрегает, думая, что о них и не спросят. Но ими-то и уловляет нас диавол... (прп. Ефрем Сирин, 30, 33).

***

...Если кто не очистит себя от всякого лукавого дела, от нечистых помыслов, от порочных пожеланий... то не вселится в нем Бог (прп. Ефрем Сирин, 30, 81).

***

Прилагай старание о душе своей, и не смущайся падением своим, ибо есть стыд, который ведет за собою грех, и есть стыд, в котором слава и благодать (прп. Ефрем Сирин, 30, 149).

***

Подвергшегося падению хорошо поднять на ноги, а не осмеять (прп. Ефрем Сирин, 30, 162).

***

Бегаешь, возлюбленный, огня, чтоб не сгорело у тебя тело; бегай греха, чтоб телу твоему вместе с душою не гореть в огне неугасимом (прп. Ефрем Сирин, 30, 181).

***

Как от инея и снега вянет трава, так грех иссушает сердце в делающем грех (прп. Ефрем Сирин, 30, 193).

***

Во всякое время человеку укорять себя самого есть очищение грехов (прп. Ефрем Сирин, 30, 200).

***

Не люби слушать о чужих падениях, чтобы и твой грех не был выслушиваем всеми (прп. Ефрем Сирин, 30, 205).

***

Грех ограждает ум и запирает дверь ведения (прп. Ефрем Сирин, 30, 270).

***

Грех приводится в дело соизволяющими на оный, но между природою и грехом посредствуют навыки, и страсти суть нечто данное грехом и принятое природою... (прп. Ефрем Сирин, 30, 271).

***

Не превозносись над согрешившим, и не поощряй ко греху не согрешавшего; то и другое вредно и опасно. Если

же хочешь сделать себя полезным, то тому и другому покажи в себе образец добрых дел, проливая пред Господом потоки слез, чтоб и падшего восставил Господь, и стоящий не был уловлен грехом (прп. Ефрем Сирин, 30, 514—515).

***

Темная и сумрачная печаль сретает делающих грех и, напав на них, сопровождает их (прп. Ефрем Сирин, 30, 599).

***

...Тяжким давлением почитай греховные узы и невозвратное погружение в волнах греха до самой смерти (прп. Ефрем Сирин, 31, 101).

***

...Да будет общим нашим старанием избавиться от грехов своих, ибо избавимся, если захотим, потому что Сам Господь сказал: ***просите, и дастся вам*** (Мф. 7, 7) (прп. Ефрем Сирин, 31, 133).

***

Если... подвергся какому грехопадению, не закосневай в грехе, но восстань и обратись ко Господу Богу своему всем сердцем своим, чтобы спаслась душа твоя (прп. Ефрем Сирин, 31, 210—211).

***

...Предающийся греху выдерживает сильнейшую брань, нежели воздерживающийся от греха. Как выливающий грязь, где бы то ни было, увеличивает зловоние, так и не

воздерживающийся усилит в себе страсть (прп. Ефрем Сирин, 31, 268).

***

...Всякий согрешивший не должен жить беспечно, а также и отчаиваться, потому что *Ходатая имамы ко Отцу, Иисуса Христа, Праведника: и Той очищение есть о гресех наших* (1 Ин. 2, 1—2), — о грехах не тех из нас, которые живут беспечно, лежат и спят, роскошествуют и смеются, но которые плачут, приносят покаяние, вопиют к Нему день и ночь; они приимут утешение от Утешителя (прп. Ефрем Сирин, 31, 334).

***

...Кто согрешил и забыл грех свой, и в таком состоянии переселяется из тела, на того падет... гнев Божий... (прп. Ефрем Сирин, 31, 334).

***

Если обольщен будешь диаволом и впадешь в малый или великий грех, не приходи в отчаяние и не доводи себя до погибели, но прибегни к исповеди и к покаянию, и Бог не отвратится от тебя (прп. Ефрем Сирин, 31, 593).

***

Если видишь согрешающего, не разглашай его греха, не осуждай его, не питай к нему ненависти, чтобы и тебе не впасть в тот же грех, а лучше скажи: «Я хуже его, и сегодня согрешил он, а наутро согрешу я» (прп. Ефрем Сирин, 31, 593).

***

Впадая в погрешности, не скрывай сего от людей; себя же открывай, сколько должно (прп. Ефрем Сирин, 31, 629).

***

Сделав проступок, не утаивай его от Бога, чтобы и Бог не скрылся от тебя во время нужды (прп. Ефрем Сирин, 31, 629—630).

***

Преткнулся ты? Отрезвись. Пал? Обратись, молись, проси, припадай, домогайся, ищи, приемли, уверься, что дано тебе, покланяйся, умоляй о спасении, умилостивляй Того, Кто желает дать и может спасти (прп. Ефрем Сирин, 32, 28).

***

Никто, однажды омывшись от скверны, да не возвращается к ней снова. Один Христос, одна вера, один Крест, одна смерть. Одна благодать, одно страдание, одно и Воскресение. Предавшийся за тебя на заклание не должен предаваться снова и в другой раз платить за тебя искупительную цену. Ты искуплен, не оставайся упорно рабом; ты омыт от греховных скверн, не оскверняйся; ибо для твоего омовения нет другой купели... (прп. Ефрем Сирин, 32, 28—29).

***

...У скверного врага все старание о том, чтобы ввергнуть тебя в безнадежность, как скоро падешь... Возлюб-

ленный, не верь ему, но если будешь и по седми раз в день падать, старайся восставать и умилостивлять Бога покаянием (прп. Ефрем Сирин, 32, 76).

***

...Если... уязвит тебя стрела лукавого врага, нимало не впадай в отчаяние; напротив того, сколько бы раз ни был ты одолеваем, не оставайся побежденным, но тотчас встань и сражайся с врагом, потому что Подвигоположник всегда готов подать тебе Свою десницу и восставить тебя от падения. Ибо как скоро ты первый протянешь к Нему десную руку, Он подаст тебе десницу Свою, чтобы восставить тебя (прп. Ефрем Сирин, 32, 76).

***

Какой грех непростителен? ...Грех против Духа Святаго; это грех всякого еретика, потому что еретики хулили и хулят Духа Святаго... <они> воспротивились Самому Богу, от Которого избавление... (прп. Ефрем Сирин, 32, 111).

***

Всякий нераскаянный грех есть грех к смерти; сверх того мужеложники, чародеи, отравители, провещатели, и всякий, кто удерживает плату наемника и кто ненавидит брата своего, тяжко осуждается наравне с убийцами (прп. Ефрем Сирин, 32, 112).

***

...Грех делает насилие природе. Так природа вместо довольства предается ненасытности, вместо утоления жаж-

ды питием — пьянству, вместо брака — блуду, вместо правосудия — бесчеловечию, вместо любви — распутству, вместо страннолюбия — неразборчивости. Посему надобно делать ей принуждение, чтобы под управлением не могла она выказываться более надлежащего. Ибо и Спаситель наш сказал, что подвижнику лучше *хрому или бедну* улучить Царствие (Мф. 18, 8). Конечно же повелел Он не члены отсекать, которые Сам сотворил, но учит нас не делать природу виновницею греха (прп. Ефрем Сирин, 32, 256).

***

Растление греховное служит к пагубе, потому что, проникая скрытно в глубину, производит в природе неисцельную гнилость, которая кажется малою, но делается необъятною, потому что распространяет, подобно закваске, действие свое с ног до головы (прп. Ефрем Сирин, 32, 257).

***

Грех растлевает и сребролюбием, ибо учит заботиться до смерти, и тело растлевает утомительными трудами, а душу оскверняет лукавством. Растлевает он и славолюбием, потому что внушает зависть и ненависть к ближним. Растлевает он и посредством добродетели, потому что учит ею тщеславиться. Производит растление и в скрывающих добродетель, когда делает их неразборчивыми, и при великих добродетелях вселяет в них страсти, по-видимому, самые маловажные, и ими-то ввергает в расстройство все существо. Враг ставит нам сети в самых наших делах, потому что навык наш обращает как бы в клей, которым по привычке к маловажной страсти слепляем крылья свои,

разумею добродетели, от чего терпят вред не только крылья, но тело и душа.

Будем напрягать внимание свое на коварство греха, чтобы не посмеялся он над нами, как над неразумными. Будем внимательны к козням его, потому что ими побарает он нас и, когда почитаем себя отовсюду безопасными, находит себе место, где войти. Если, как от льва, убежим за крепкие стены, делается он псом, чтобы не остерегались мы его по его ничтожности. Если отгоним, как пса, влетает в окно птицею. Мы боимся его, когда станет орлом, и он является воробьем. Не пускаем к себе, как ворона, и он врывается пчелою. И поелику узнаем его во всех видах, то, став и комаром, немало сделает нам вреда. Комары уничтожают первые вина, потому что множество их, как закваска тесто, приводят в брожение гнилою своею пылью, и нередко делают вино смертоносным или вредным для здоровья, если сидели прежде на падали или вкусили ядовитых пресмыкающихся. Такова привычка к чему-либо маловажному: она располагает душу к исполнению всякой воли змия. Такова утонченность врага, уготовляющая пагубу и почитающим себя безопасными. Екклесиаст говорит, что муха уничтожает ***елея сладость*** (Еккл. 10, 1), чтобы святые разумели ничтожность и нечистоту врага, а нерадивые — его злокозненность и утонченность (прп. Ефрем Сирин, 32, 257—258).

***

...Грехи разумной силы <души> суть следующие: неверие, ересь, неблагоразумие, хула, неразборчивость, неблагодарность и соизволения на грехи, происходящие от страстной силы в душе. К уврачеванию же и исцелению от сих грехов служат несомненная вера в Бога, истинные, непо-

грешительные и православные догматы, постоянное изучение словес Духа, чистая молитва, непрерывное благодарение Богу (прп. Ефрем Сирин, 32, 389).

***

Грехи раздражительной силы <души> суть следующие: жестокосердие, ненависть, несострадательность, злопамятство, убийство и постоянное помышление о подобном сему. К уврачеванию же и исцелению от сих грехов служат человеколюбие, любовь, кротость, братолюбие, сострадание, терпеливость и доброта (прп. Ефрем Сирин, 32, 389—390).

***

Грехи вожделевательной силы <души> суть следующие: чревоугодие, прожорство, пьянство, блуд, прелюбодеяние, нечистота, распутство, корыстолюбие, вожделение пустой славы, золота, богатства и плотских удовольствий. К уврачеванию же и исцелению от оных служат пост, воздержание, злострадание, нестяжательность, расточение денег на бедных, стремление к будущим благам, желание Царства Божия, вожделение всыновления (прп. Ефрем Сирин, 32, 390).

***

...Грех — смертельный яд. Грех приносит с собою страх, и его не должно скрывать, как скоро совершен, потому что не хочет обнаруживать себя, как гнусный и губительный (прп. Ефрем Сирин, 33, 100).

***

Поелику грех гнусен, то скрывается; поелику он — яд, то таится; а если бы не был так мерзок, то не искал бы скрытности, и если бы не был так ядовит, то не желал <бы> оставаться в тайне (прп. Ефрем Сирин, 33, 100).

***

...Если грех еще здесь ввергает грешника в... ужас, то какое мучение произведет в нем, когда предстанет он Судие? (прп. Ефрем Сирин, 33, 101).

***

Кто обременен грехами и желает от них освободиться, тому нужно только приобрести смирение. Оно приблизит его к Богу, от Которого получит оставление грехов — залог новой жизни (прп. Ефрем Сирин, 33, 116).

***

Лев нападает открыто, а грех — втайне, потому что он злее льва, ибо губит и душу, и тело (прп. Ефрем Сирин, 33, 128—129).

***

Если бы кающийся грешник после греха не забывал своего греха, то не допустил бы его снова в душу свою, когда она уже очищена.

Но, увы! Слишком скоро забывает он, что сделал; пред глазами у него тьма заблуждений, и не примечает сего,

потому что соделанный грех ослепил и лишил зрения глаза его, и не видит он совершенной им неправды (прп. Ефрем Сирин, 33, 163).

***

Чрез обольщения похоти входит в душу заблуждение и смущает ее, отчего забывает она грехи свои и неприметно увлекается в новые пороки; а таким образом, по забвению дел своих, подвергается страданиям и скорби.

Вторгается смерть и простирает над нею покров тьмы, чтобы душа не могла ничего видеть; коварно облекает ее сим покровом и потом во мраке представляет ей грех, чтобы душа привязалась к нему и утратила оттого величественную красоту свою.

Вливает в нее горькое уныние и тем гонит от нее покой и чистоту. А как скоро приведена душа в смущение, грешит, сама того не примечая.

Ибо в этой тьме заблуждения кружится она, как оцепеневшая, и в этом оцепенении теряет стезю добродетелей.

По собственной вине, покрывшись облаком неправды, душа блуждает во грехах, не зная того, что делает; не примечает окружающей ее тьмы и не разумеет дел своих.

Но как скоро коснется ее луч всеоживляющей благодати, душа приходит в ужас, припоминает, что ею сделано, и возвращается с опасной стези от злых своих дел.

Тогда видит душа неправды свои, познает гнусность покрывающих ее нечистот, в страхе и трепете бежит из тьмы и притекает к милосердной матери — покаянию.

Дивится душа самой себе, ужасается дел своих, потому что, обманутая лукавым, делала все лукавое; с великою скорбью воздыхает она, жалобно сетует, проливая потоки

слез, и умоляет, чтобы можно ей было добрыми делами возвратиться в прежнее свое состояние.

Спешит туда, откуда пришла, и прибегает к покаянию, в сильном желании возвратить себе прежнюю красоту, которая утрачена и которую погубила она своими непотребствами и делами порочными.

Чувствует она, как велики язвы ее, и размышляет об учиненных ею беззакониях; и отсюда рождаются воздыхания, мучения и горькие страдания.

Льются слезы из очей ее об утраченной красоте; многочисленны гнойные струпы ее; и поелику видит она великую гнусность свою, то бежит от нее и ищет защиты всещедрой благодати (прп. Ефрем Сирин, 33, 163—165).

***

Дивлюсь сам себе, потому что и в несчастье, равно как в счастье, умножаю долги свои (прп. Ефрем Сирин, 33, 185).

***

Кто грехами своими воспламенил огонь, тот, если будет молиться, угасит его своими слезами. Итак, умоляй о щедротах и угаси пламень мучения (прп. Ефрем Сирин, 33, 188).

***

Дни спешат к окончанию своему, а грехи около меня, как камни преткновения. Уравняй для меня путь Твой, Господи, чтобы мог я идти по оному (прп. Ефрем Сирин, 33, 189).

***

Какой ужас! Как болезненно это сердцу! При каждом из нас всегда невидимо стоит незримый писец и записывает слова и дела его на Судный День (прп. Ефрем Сирин, 33, 213—214).

***

...Стена грехов моих разоряется слезами и сокрушением... (прп. Ефрем Сирин, 33, 224).

***

Видел я, братья мои, что ладьи душ непредвиденно утопали в мире сем, как в море. Потонувшим в море есть надежда, что пробудит их глас Воскресения; но кто потонул во грехах, тому Воскресение в геенне (прп. Ефрем Сирин, 33, 238).

***

Вошли мы в мир, очистившись крещением, а выходим осквернённые, очерненные, покрытые всякой нечистотой; такими же предстанем и на Суд (прп. Ефрем Сирин, 33, 238).

***

Похищены у меня дни мои, а я не заметил сего, не привел себе на память, как много согрешил и не покаялся. Числом грехов моих превышено число дней моих. Дни мои прошли, а грехи остаются; для них назначен день Суда, и оному не будет конца (прп. Ефрем Сирин, 33, 239).

***

Лукавая воля вводит меня в грехи; а когда согрешу, слагаю вину на сатану. Но горе мне! Потому что сам я причиной; лукавый не заставит насильно меня согрешить. Грешу я по своей воле; почему же слагаю вину на лукавого? (прп. Ефрем Сирин, 33, 244).

***

Блажен, кто непрестанно со слезами взирает на беззакония свои и не услаждается помышлением о тех скверных грехах, какие учинил он в мире сем. Он войдет в Чертог радостей и насладится там блаженством с сонмами всех праведников и святых в новом непреходящем мире, на той Брачной Вечери, которой никогда не оставляют призванные на нее (прп. Ефрем Сирин, 33, 258).

***

Трепещи, грешник, грядущего Суда; со скорбью и слезами прибегни к покаянию. Пока приемлется еще молитва, молись здесь, чтобы быть тебе принятым там. Молись, пока не пришла и не увлекла душу твою смерть; тогда напрасны всякая молитва и моление, тогда бесполезны и слезы (прп. Ефрем Сирин, 33, 305).

***

Перетряхаешь дорогие одежды, какие есть у тебя, чтобы предохранить их от моли, а грех — эту моль, которая точит душу, — никогда не отрясаешь (прп. Ефрем Сирин, 33, 351).

***

Иные мазями умащают плоть свою, чтобы удивить других благоуханием, а грехи их смердят хуже трупов, брошенных на земле (прп. Ефрем Сирин, 33, 352).

***

Славен был Адам вначале, конец же Адамов низок и ненавистен; начало — в раю, а конец — во тьме.

Высокий и славный вначале, глубоко унижен стал Адам при конце; начало его — среди дерев райских, конец же — во мраке шеола.

Вожделенно было первое жилище его, отвратительно и ужасно последнее водворение; первое было на высоте величия; последнее — во прахе земном.

Славна была первая его область; во второй много было ему трудов; последняя — горька, мрачна, исполнена всякого горя.

О, какой страшный удар! С какой высоты и какое глубокое падение! Из райской обители падает во гроб.

Вместо того, чтобы беседовать с духами и обитать в раю, отдаем мы плоть свою в добычу моли, и тли, и червю...

Эта прекрасная членосоставность, какую вначале образовал Отец, став трупом во гробе, обратилась в гнездилище червей...

Такое горькое падение постигло нас за Евин грех; праматерь сама ввергла чад своих в унижение, смерть и тление.

Сатана злокозненно через змия обаял Еву, а чрез нее соблазнил главу нашего рода. И сие-то погубило нас, довело до такого горестного позора (прп. Ефрем Сирин, 33, 483—484).

***

Как тот, кто смеется и шутит при погребающих умершего, увеличивает их скорбь и печаль, так еще большую скорбь причиняет Богу, кто радуется о грехах своих (прп. Ефрем Сирин, 34, 50).

***

...Молчание — украшение грешникам (прп. Ефрем Сирин, 34, 299).

***

Грех — не такой яд ехидны, от которого тотчас по уязвлении постигает мучительная боль, или самая смерть, так что тебе было бы извинительно бежать от зверя или убить его. Напротив того, если можешь, уврачуй брата; а если нет, по крайней мере сам не подвергнешься опасности сколько-нибудь участвовать с ним в его порочности. Болезнь брата есть какой-то неприятный смрад, и его, может быть, прогонит превозмогающее твое благовоние. И тебе можно бы охотно решиться за своего сораба и сродника на нечто подобное тому, что Павел ревнитель осмелился помыслить и сказать, сострадая об израильтянах, т. е. чтобы вместо него, если возможно, приведен был ко Христу Израиль, — и тебе говорю, который часто, по одному подозрению, отлучаешь от себя брата; и кого, может быть, приобрел бы благосклонностью, того губишь своею дерзостью, губишь свой член, за которого умер Христос. Итак, хотя ты и крепок, говорит Павел, рассуждая о брашнах, и благонадежен в слове и мужестве веры, однакож назидай брата и ***не брашном твоим погубляй*** (Рим. 14, 15) того, кто почтен от Христа общим страданием (свт. Григорий Богослов, 14, 161—162).

***

...Хотя каждый, дарованный мне Богом, член <тела>, и сам в себе полезен, и для полезной дарован цели, однако же грех обратил его для меня в оружие смерти (свт. Григорий Богослов, 15, 305).

***

Тот зрячий слепец, кто не видит, сколь пагубен его грех. Уметь открывать следы зверя — признак острого зрения (свт. Григорий Богослов, 15, 361).

***

...Маловажному не противься слабо, чтобы не встретиться, как ни есть, с худшим (свт. Григорий Богослов, 16, 88).

***

Если чрево у тебя на замке, то, может быть, спасешься от греха. А если двери у него отворены, то боюсь, чтобы персть не сделалась наглою. Когда тело усмирено, тогда усмиряется вместе и бесстыдная похоть (свт. Григорий Богослов, 16, 89).

***

...Кто, преклонившись к худшему в своем союзе и сочетании, оказавшись сообщником дольнего, рабом плоти и другом скоротечного, оскорбляет жизнью своею божественное благородство, для того, сколько бы ни был он благоуспешен в непостоянном, гордясь ничтожными сновидениями и тенями, обогащаясь, роскошествуя, превоз-

носясь чинами, увы, для того тяжки тамошние бичи, где первое из бедствий — быть отринутым от Бога (свт. Григорий Богослов, 16, 125—126).

***

Мне и малые проступки кажутся достойными слез; потому что грех есть отчуждение от Бога. Как же могу стерпеть, когда утрачиваю Бога? (свт. Григорий Богослов, 16, 193).

***

Грех есть уклонение от доброго, не допускаемое ни законом, ни природою (свт. Григорий Богослов, 16, 342).

***

...Невозможно разлучить душу с грехом, если Бог не прекратит и не остановит сего лукавого ветра, пребывающего в душе и в теле (прп. Макарий Египетский, 66, 15).

***

...Один Бог может отъять от нас грех. Крепче нас те, которые пленили нас и держат в царстве своем; но Бог дал обетование — избавить нас от рабства сего (прп. Макарий Египетский, 66, 15).

***

Ни один член души и тела не свободен и не может не страдать от живущего в нас греха (прп. Макарий Египетский, 66, 16).

***

<Бог избавляет людей от греха>; Он соделывает неисповедимое сие спасение тем, которые всегда чают и надеются, и непрестанно ищут сего (прп. Макарий Египетский, 66, 16).

***

...Человек, подпав под власть темной ночи — диавола, и пребывая в ночи и во тьме, страшно дующим ветром греха приводится в колебание, сотрясение и движение; у него в смятении вся природа, душа, помыслы его и ум, в сотрясении все телесные члены (прп. Макарий Египетский, 66, 16).

***

Бороться... <со грехом>, противиться, наносить и принимать язвы — в твоих это силах; а искоренить — Божие дело (прп. Макарий Египетский, 66, 20).

***

...Страшный змий греха сопребывает с душой, соблазняет и убеждает ее, и если соглашается она, то бесплотная душа входит в общение с бесплотною злобою духа, т. е. дух входит в общение с духом, и прелюбодействует в сердце своем тот, кто приемлет в себя помысл лукавого и соглашается на оный (прп. Макарий Египетский, 66, 124).

***

...Грех, вошедши в душу, стал ее членом; он прилепился даже и к телесному человеку, и в сердце струится

множество нечистых помыслов (прп. Макарий Египетский, 66, 127—128).

***

Сами люди не согласуются с благодатию, почему и совращаются и впадают в тысячи зол (прп. Макарий Египетский, 66, 135).

***

...Если кто не борется со грехом <внутри>, то внутренний порок, разливаясь постепенно, с приумножением своим увлекает человека в явные грехи... (прп. Макарий Египетский, 66, 135).

***

...Не украшенные Божиим словом, не обученные Божественным законом, напрасно, надмеваясь, думают собственною своею свободою устранить от себя поводы ко греху... (прп. Макарий Египетский, 66, 185).

***

Не стали еще мы поклоняться Богу духом и истиною, потому что в мертвенном теле нашем царствует грех (прп. Макарий Египетский, 66, 187).

***

Все те, которые в состоянии были преодолеть и миновать преграды греха, входят в умиренный и исполненный многих благ Небесный град, где упокоеваются духи праведных (прп. Макарий Египетский, 66, 207).

***

Адам, преступив заповедь Божию и послушав лукавого змия, продал и уступил себя в собственность диаволу, и в душу — эту прекрасную тварь, <которую уготовал Бог по образу Своему>, — облекся лукавый (прп. Макарий Египетский, 88, 158).

***

...Грехи, имея в себе скрытую гибель, желательными кажутся на первый взгляд, по какому-то обольщению для неосмотрительных столько же привлекательными, как и дело доброе (свт. Григорий Нисский, 18, 158).

***

...Тлетворные порождения греха действительно составляют род жаб, зарождающихся, как в грязи, в нечистом сердце человеческом (свт. Григорий Нисский, 18, 280).

***

...При помощи добродетели борющемуся с каким-либо пороком должно уничтожать в себе первые начала злых дел, ибо с истреблением начала уничтожается вместе и следующее за ним, как Господь учит в Евангелии, едва не ясными словами говоря об умерщвлении первенцев египетских зол, когда повелевает умертвившим в себе похоть и гнев не бояться уже ни скверны — прелюбодеяния, ни ужасов убийства, потому что и то и другое не бывает само собою, если не породит гнев — убийства, и похоть — прелюбодеяния. Посему, так как чреватый грехом прежде прелюбодеяния рождает похоть и прежде убийства —

гнев, то убивающий первенца, без сомнения, убивает и последующее за первенцем поколение, как и поразивший голову змеи умерщвляет целый ее состав, какой влачит она за собою сзади (свт. Григорий Нисский, 18, 288—289).

***

Чтобы терния этой жизни (а терния сии — грехи) не уязвили босых и ничем не охраненных ног, наденем на ноги жесткость сапог, а это — воздержная и строгая жизнь, которая сама собою сокрушает и стирает острия терний, препятствует греху, из малого и незаметного взявшись начала, проникать до внутренности (свт. Григорий Нисский, 18, 293).

***

Причиною греха не иное что, а единственно то, что люди к тем средствам достигнуть желаемого, какие у них под руками, не хотят присовокупить и Божию помощь. Если усиленному старанию предшествовать будет молитва, то грех не найдет доступа к душе. Пока в сердце твердо памятование о Боге, недействительными остаются примышления сопротивника; потому что в делах сомнительных везде за нас ходатайствует правда (свт. Григорий Нисский, 18, 383—384).

***

... <Пророк Давид> *болезнями смертными и бедами* (ср.: Пс. 114, 3) назвав грехи, указывает и предел, к которому окончательно приводит свойство греха, и который есть не иное что, как скорбь и болезнь (свт. Григорий Нисский, 19, 52).

***

...Грехом снова производится в нас нечувствительность к чести, даруемой нам благодатию, и стремление к бессловесной жизни. Ибо все совершающееся вне истинного разума есть бессловесие; а бессловесие и бессмысленность свойственны скотам (свт. Григорий Нисский, 19, 139).

***

...Скимнами были для меня прежде грехи, скимнами львов, которые страшили пастью и остриями когтей терзали меня. Но пришли помощники, ***милость и истина*** (см.: Пс. 56, 4) — это прекрасная чета; потому что и милость не без суда, и истина не без милости. И ими-то избавляюсь от сопребывания с сими скимнами (свт. Григорий Нисский, 19, 169).

***

Высокое унижено; созданное по образу небесного оземленилось; поставленное царствовать поработилось; сотворенное для бессмертия растлено смертью; пребывающее в райском наслаждении переселено в эту болезненную и многотрудную страну; воспитанное в бесстрастии обменяло сие на жизнь страстную и кратковременную; неподвластное и свободное ныне под господством столь великих и многих зол, что невозможно исчислить наших мучителей (свт. Григорий Нисский, 19, 396).

***

Грех не есть существенное свойство нашей природы, но уклонение от нее. Подобно тому, как и болезнь и уродство

не от начала в нашей природе, но составляют противоестественное мнение, так и деятельность, направленную ко злу, должно признавать как бы каким искажением врожденного нам добра (свт. Григорий Нисский, 25, 167).

***

Куда входит грех, туда и невежество... (авва Евагрий, 88, 609).

***

...Помни всегда об исходе твоем, не забывай вечного Суда, и сохранишь душу твою от всякого греха (авва Евагрий, 88, 637).

***

Если диавол был силен настолько, что низринул тебя с вершины и высоты добродетели до крайностей порока, то гораздо более силен будет Бог опять возвести тебя в прежнюю свободу... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 2).

***

Грешить еще свойственно человеку, но коснеть во грехах — это уже не человеческое, а вполне сатанинское дело (свт. Иоанн Златоуст, 44, 26).

***

...Не столько могут раздражать Его <Бога> соделанные нами однажды грехи, сколько нежелание перемениться (свт. Иоанн Златоуст, 44, 26).

***

...Показавшие большую силу во зле покажут такую же и в добре, сознавая, какими долгами они обременили себя... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 27).

***

...Не чувствовать своих беззаконий и грешить без всякой о том скорби есть крайний предел порочности... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 57).

***

Многочисленность сообщников в грехах, конечно, не освобождает нас от виновности и наказания (свт. Иоанн Златоуст, 44, 57).

***

...Если мы теперь будем совершать грехи одинаковые с подзаконными, то подвергнемся не одинаковым наказаниям, но гораздо тягчайшим, насколько больший мы получили дар, совершеннейшее приняли учение и большею почтены честью (свт. Иоанн Златоуст, 44, 82).

***

Нам надлежало бы не только убедиться, что у нас множество грехов, но и все грехи свои, малые и великие, начертать на сердце, как в книге, и оплакивать, как недавно совершенные (свт. Иоанн Златоуст, 44, 162).

***

Кто допустил себя до падения и падением научился смирению, тот скоро, если захочет, восстанет и исправится... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 190).

***

...Мы, если, безмерно согрешая, не терпим никакого зла, должны не восхищаться этим, а сильнее бояться. Если мы здесь не подвергнемся суду Божию, то там со всем миром будем осуждены (свт. Иоанн Златоуст, 44, 315).

***

Грех есть злой и свирепый зверь, не только выказывающий злость к сослужебным ему существам, но изливающий яд злобы и на славу Господню: ***вас ради,*** говорит Господь, ***имя Мое хулится во языцех*** (Ис. 52, 5) (свт. Иоанн Златоуст, 44, 488).

***

...Порочные и живущие во грехах, еще прежде тамошнего наказания, уже и здесь наказываются (свт. Иоанн Златоуст, 44, 795).

***

Демонами делаются... души живущих во грехах не потому, чтобы переменилось их существо, но потому, что воля их подражает злобе демонов (свт. Иоанн Златоуст, 44, 800).

***

...Грех умерщвлять исповедью, слезами, осуждением самих себя, ибо ничто столько не губительно для греха, как его обличение и осуждение, с покаянием и слезами (свт. Иоанн Златоуст, 44, 833).

***

Как совершенное равнодушие ко грехам пагубно и порождает в нас крайнюю бесчувственность, так непрерыв-

ное и чрезмерное сокрушение о них вредно (свт. Иоанн Златоуст, 44, 834).

***

...Кроткий и снисходительный человек значительно уменьшает тяжесть грехов, <а> жестокий, суровый и неумолимый много прибавляет к своим грехам (свт. Иоанн Златоуст, 45, 53).

***

...Мы боимся смерти, которая есть ничтожная маска, а не боимся греха, который действительно страшен и, подобно огню, пожирает совесть (свт. Иоанн Златоуст, 45, 75).

***

Как червь и рождается от дерева, и точит дерево, и как моль съедает шерсть, от которой и зарождается, так скорбь и смерть родились от греха и истребляют грех (свт. Иоанн Златоуст, 45, 77).

***

Грех сам есть величайшее наказание, хотя бы и мы не были наказаны... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 94).

***

...Согрешающий несчастнее всех, хотя и не терпит наказания... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 94).

***

...Если увидишь, что между делающими одинаковые грехи одни борются непрестанно с голодом и бесчислен-

ными бедствиями, а другие упиваются, пресыщаются и роскошествуют, — почитай более блаженными тех, кои терпят бедствия, так как этими бедствиями ослабляется пламя греховной похоти, и эти люди отходят к будущему Суду и к Страшному тому Судилищу с немалым облегчением, и выйдут из него, изгладив понесенными здесь бедствиями многие грехи свои (свт. Иоанн Златоуст, 45, 94—95).

***

...Грех... выдает грешника, когда никто не обличает его, осуждает, когда никто не обвиняет, и делает его боязливым и робким... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 106).

***

Не всякий грех несет одинаковое наказание, но от чего легче воздержаться, за то и наказываемся больше (свт. Иоанн Златоуст, 45, 129).

***

Если ты согрешишь и Бог простит тебе грехи, прими прощение и поблагодари (Бога), но о грехе не забывай — не для того, чтобы тебе мучить себя мыслью (о грехе), но чтобы научить душу не предаваться легкомысленной веселости и не впадать в те же грехи (свт. Иоанн Златоуст, 45, 139—140).

***

Кто заржавевшие сосуды станет мыть только водою, тот хоть и много потратит времени, не выведет всей этой нечистоты; но, кто бросит их в горн, тот в краткий срок

времени сделает их светлее новых. Так и душа, покрытая ржавчиною греха, не получит никакой пользы, если станет очищать себя и каждый день каяться просто и кое-как; но если повергнет себя в горн страха Божия, то в короткое время смоет с себя всю нечистоту (свт. Иоанн Златоуст, 45, 237).

***

...Не бывает диавол виною наших грехов, если только мы захотим быть внимательными... Слабый волею, нерадивый и беспечный (человек) и без диавола падает и низвергается во многие пропасти греха (свт. Иоанн Златоуст, 45, 291).

***

...Не так тяжко — грешить, как — после греха обвинять Господа. Постарайся узнать виновника греха — и найдешь, что это не иной кто, как ты, сделавший грех (свт. Иоанн Златоуст, 45, 299).

***

Худо грешить, но гораздо хуже еще гордиться грехами (свт. Иоанн Златоуст, 45, 312).

***

...Отпускаются и грехи, сделанные после крещения, — если мы будем внимательны... Это говорю не для того, чтобы вовлечь вас в беспечность, но чтобы отвлечь от отчаяния... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 315).

***

Как люди с отяжелевшею от опьянения головою бродят без цели и без разбора, и случится ли пред ними яма, или стремнина, или что другое, они падают туда от неосмотрительности, — так и стремящиеся ко греху, как бы опьянев, от желания совершить грех, не знают, что делают, не видят ничего — ни настоящего, ни будущего (свт. Иоанн Златоуст, 45, 345).

***

...Не отчаивайся из-за грехов: в грехе всего преступнее то, когда остаются в грехе, и в падении всего хуже то, когда лежат по падении (свт. Иоанн Златоуст, 45, 345).

***

...Угасим пожар греховный, не изобильною водою, а малыми слезами (свт. Иоанн Златоуст, 45, 372).

***

...За грехи насылаются печали, за грехи — беспокойства, за грехи — войны, за грехи — болезни и все тяжкие страдания, какие только с нами ни случаются (свт. Иоанн Златоуст, 45, 372).

***

Из действий одни суть грехи, а другие не грехи, но бывают причиною грехов: например, смех по природе не есть грех, но он бывает грехом, если простирается чрез меру, потому что от смеха происходит насмешливость, от

насмешливости — срамословие, от срамословия — постыдные дела, а за постыдными делами — наказание и мучение (свт. Иоанн Златоуст, 45, 489—490).

***

...Если мы будем остерегаться безразличного, то никогда не впадем в запрещенное (свт. Иоанн Златоуст, 45, 490).

***

Как огонь, упав в терние, легко истребляет его всецело, так и благодать Духа истребляет грехи людей (свт. Иоанн Златоуст, 45, 510—511).

***

...Память... о грехах укрощает ум, убеждает быть смиренномудрым и чрез смиренномудрие привлекает Божие благоволение (свт. Иоанн Златоуст, 45, 706).

***

Хоть сам ты и забудешь свои преступления, но Бог никогда не забудет, и представит все (грехи) пред глаза наши, если только мы не предупредим загладить их теперь покаянием и исповедью и тем, что никогда не будем злопамятствовать на ближнего (свт. Иоанн Златоуст, 46, 9).

***

Ничто не может сделать душу так любомудрою и смиренною, и кроткою, как постоянное памятование о грехах (свт. Иоанн Златоуст, 46, 13).

***

...Если уж помнить грехи, то помнить должно только свои: помня собственные грехи, о чужих мы никогда и не подумаем; а коль скоро о тех забудем, эти легко придут нам на мысль (свт. Иоанн Златоуст, 46, 15).

***

...Источник и корень, и мать всех зол — грех. Он расслабляет наши тела, он производит болезни (свт. Иоанн Златоуст, 46, 45).

***

...Как расслабление есть болезнь тела, так грех — болезнь души, но это, хотя и большее... не видно... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 47).

***

Один только грех служит к бесчестию, а его обыкновенно порождает праздность... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 187).

***

...Часто грех, легкий по своему свойству, делается тяжким и непростительным оттого, что согрешающий осуждает другого (свт. Иоанн Златоуст, 46, 200).

***

...Кто терзается за свои грехи, тот избавляется от наказания за дела, уже совершенные, и в будущем становит-

ся безопаснее посредством этой скорби (свт. Иоанн Златоуст, 46, 224).

***

Гораздо лучше — вовсе не грешить, но не маловажно для спасения и то, чтобы согрешивший сокрушался, осуждал душу свою и с великим тщанием наказывал совесть свою, такое осуждение есть часть оправдания и конечно ведет к тому, чтобы не грешить (свт. Иоанн Златоуст, 46, 224).

***

...Надобно... собственные грехи всегда иметь в памяти, а о чужих никогда не думать. Если мы будем так поступать, то и Бог будет к нам милостив, и на ближних мы перестанем вечно гневаться, и не будем иметь никогда никакого врага... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 376).

***

...Памятование о грехах сокрушает и смиряет душу... это делает <нас> ревностнейшими (свт. Иоанн Златоуст, 46, 378).

***

Не страшитесь злоумышлений человека сильного, но страшитесь силы греха (свт. Иоанн Златоуст, 46, 412).

***

Если у тебя нет греха, то пусть угрожают тысячи мечей, — Бог спасет тебя (свт. Иоанн Златоуст, 46, 412).

***

...Пришел грех, и все ниспровергнуто; низкопоклонники сделались судьями, льстецы — палачами... кто вчера целовал руку, тот сегодня — враг (свт. Иоанн Златоуст, 46, 413).

***

...Не станем думать, что затруднительность времени или обстоятельств, или необходимость и принуждение, или насилие властителей могут служить для нас достаточным оправданием в наших грехах (свт. Иоанн Златоуст, 46, 496).

***

Таково свойство греха. Прежде, чем он совершен, он опьяняет своего пленника, а когда бывает приведен к исполнению и совершен, тогда приятность его уходит прочь и потухает, а стоит уже один только обвинитель, причем совесть занимает место палача и терзает согрешившего, предъявляет ему крайние наказания и давит его тяжелее всякого свинца (свт. Иоанн Златоуст, 46, 628).

***

Если будем воздерживаться от малых грехов, то никогда уже не впадем в большие, а с течением времени, при помощи небесной, достигнем и высшей добродетели... и получим вечные блага... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 108).

***

Таково зло — грех. Он не только лишает нас вышнего благоволения, но и ввергает в великий стыд и унижение,

похищает у нас и те блага, которыми обладаем, отнимает всякое дерзновение (свт. Иоанн Златоуст, 47, 136).

***

Нет ничего... хуже греха: пришедши, он не только покрывает нас стыдом, но и делает безумными тех, которые прежде были разумны и исполнены великой мудрости (свт. Иоанн Златоуст, 47, 139).

***

Страшно... быть уловлену кознями диавола. Тогда душа уже запутывается как бы в сетях, и как нечистое животное, валяясь в грязи, услаждается этим, так и она, предавшись греховной привычке, уже не чувствует зловония грехов (свт. Иоанн Златоуст, 47, 207).

***

...Богу обычно оставлять наши грехи против Него, а за грехи против ближнего строго взыскивать... (см.: 1 Кор. 7, 12—13; Мф. 5, 32) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 258).

***

...Начало греха лежит не в природе, но в душевном расположении и в свободной воле (свт. Иоанн Златоуст, 47, 302).

***

...Как явился грех, то и нарушил свободу, и уничижил достоинство, дарованное людям от природы, и ввел рабство, дабы это было постоянным уроком и внушением роду

человеческому — убегать рабства греха и стремиться к свободе добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 47, 307).

***

...В греховных делах наказываемся не за свои только согрешения, но и за то, что соблазняем других (свт. Иоанн Златоуст, 47, 441).

***

Только те грехи подвергают нас осуждению и наказанию, которые мы совершаем с сознанием, добровольно (свт. Иоанн Златоуст, 47, 486).

***

Таков грех. Когда он уже совершен на самом деле, тогда и обнаруживает величайшее свое безрассудство (свт. Иоанн Златоуст, 47, 684).

***

Как все неизлечимые болезни ведут к смерти, но не все болезни одинакового свойства, так и все грехи производят рабство, но не все имеют одинаковое свойство (свт. Иоанн Златоуст, 47, 750).

***

...Первые люди ввели грех, а потомки их своими грехами укрепили силу господства (свт. Иоанн Златоуст, 47, 751).

***

Кто, сделав грех, осуждает его, тот со временем когда-нибудь может исправиться; но кто хвалит грех, тот сам

лишает себя врачевства покаяния (свт. Иоанн Златоуст, 47, 844—845).

***

У большинства людей домашние бывают врагами по причине <наших> грехов (свт. Иоанн Златоуст, 48, 8).

***

Если к человеку доброму не может быть близок тот, кто отличается от него своими нравами, то тем более к Богу (свт. Иоанн Златоуст, 48, 42).

***

...Грех, еще прежде наказания Божия, сам собою мстит тому, кто совершает его (свт. Иоанн Златоуст, 48, 122).

***

...Когда мы грешим, не только самих себя срамим, губим, подвергаем смерти, но и своих врагов, которые поражают нас, являем сильными и могущественными, а кроме того, еще доставляем им радость и веселие. О, какое безумие, какая слепота — врагам своим содействовать против себя самих, оскорбляющим и огорчающим душу нашу доставлять радость и веселие! (свт. Иоанн Златоуст, 48, 147).

***

Кто имеет страх <греха>, для того ничто, поистине ничто другое не страшно, ни сама смерть, которая страш-

нее всего, но только — один грех. Почему? Потому что грех предает человека геенне, подвергает вечным мучениям. С другой стороны, такой страх ведет ко всякой добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 48, 237).

***

Кто боится греха, тот никогда не будет бояться ничего другого, но будет смеяться над благами настоящей жизни и презирать скорби, потому что один только страх греха потрясает душу его (свт. Иоанн Златоуст, 48, 237).

***

...Греховный навык производит в душе великое ослепление, делает людей безрассудными и потемняет светлое око ума (свт. Иоанн Златоуст, 48, 272).

***

...Кто взят в плен грехом, тот приобрел себе властелина жестокого и беспощадного, принуждающего его к делам самым постыдным. Этот тиран не умеет ни щадить, ни миловать (свт. Иоанн Златоуст, 48, 390).

***

Грех есть властелин жестокий, дающий нечестивые приказания, подвергающий бесчестию повинующихся ему. Поэтому, увещеваю вас, будем с великою ревностью убегать власти его, будем бороться с ним, никогда не станем мириться с ним, и, освободившись от него, будем пребывать в этой свободе (свт. Иоанн Златоуст, 48, 390—391).

***

...Нет ничего вредного в человеке, кроме одного только греха, и когда уничтожен грех, тогда все легко, удобно, мирно, а когда он существует, тогда во всем подводные камни, бури, кораблекрушения (свт. Иоанн Златоуст, 48, 467).

***

...Где память о Боге, там забвение грехов и прекращение зла (свт. Иоанн Златоуст, 48, 477).

***

Грешить — зло; но еще тягчайшее зло — отпираться по совершении греха. Это в особенности и есть оружие диавола (свт. Иоанн Златоуст, 48, 488).

***

Грех по свойству своему есть ров, содержащий в себе свирепых зверей и исполненный мрака. Поэтому спустим туда цепь Писаний, приложим старание, и мы скоро восстанем, если упали (свт. Иоанн Златоуст, 48, 508—509).

***

Когда добродетель изгоняется грехом, падает вместе с тем и благочестие, существование которого зависит от отсутствия греха (свт. Иоанн Златоуст, 48, 620).

***

Помни о конце своем, и ты не будешь грешить. Помни всегда о смерти, и твоя мысль не будет испытывать колебаний (свт. Иоанн Златоуст, 48, 695).

***

У кого взоры обращены ко греху, для тех беззаконие является целью и они как бы вождем своим имеют грех: сначала они допускают его в свое сердце, потом безраздельно вперяют в него очи ума, и так устремляются к беззаконию (свт. Иоанн Златоуст, 48, 721).

***

...Кто, впадая в грех, доходит до состояния уныния, малодушия и равнодушия и теряет расположение к заповедям Божиим, тот, конечно, подвергается усыплению (свт. Иоанн Златоуст, 48, 792).

***

Постоянные нападения греха расслабляют ум и обессиливают борца, следствием чего является так называемое равнодушие; опустившись, душа впадает в сонливость, а сон причиняет смерть (свт. Иоанн Златоуст, 48, 792).

***

Грех есть не иное что, как только действие против воли Божией... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 184).

***

Подобно тому, как брошенная вещь находится вдали от глаз хозяина, так и грешник удален от святого лица Божия... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 190).

***

Грехи умножаются вследствие обилия благ и исчезают вследствие скорби и бед (свт. Иоанн Златоуст, 49, 285).

***

Ничья жизнь так не печальна, так не смешна, так не слаба и шатка, как жизнь того, кто живет во грехах, потому что его жизнь есть как бы пыль ветра, как бы трава и тростник (свт. Иоанн Златоуст, 49, 334).

***

...Прошу и умоляю, не будем представлять оправданий во грехах; это — предлог и обольщение, причиняющее вред нам самим (свт. Иоанн Златоуст, 49, 385).

***

Не столь великое зло — грех, как бесстыдство после греха (свт. Иоанн Златоуст, 49, 419).

***

Нет, подлинно нет другого такого врачевства для исцеления от грехов, как непрестанное воспоминание о них и постоянное их осуждение (свт. Иоанн Златоуст, 49, 481).

***

...Будем несомненно верить и постоянно говорить о ней <геенне>, и тогда мы не скоро станем грешить (свт. Иоанн Златоуст, 49, 589).

***

...Грех, овладевши всеми чувствами, подобно вору, тайно проникает в тайники сердца, а затем, проникнув,

совершенно обнажает его от залога целомудрия и обкрадывает (свт. Иоанн Златоуст, 49, 955).

***

Служа греху, мы и всегда должны страшиться, но особенно тогда, когда не претерпеваем никакого несчастья (свт. Иоанн Златоуст, 50, 137).

***

...Когда <Бог> долготерпит о всех наших прегрешениях, то тем сохраняет нас для большей казни, если мы пребываем во грехах (свт. Иоанн Златоуст, 50, 137).

***

...Если кто согрешил, то нужно чувствовать свой грех и исправляться. Если же этого не будет, то как мы станем умолять Бога и просить отпущения грехов, когда самим себе не даем в них никакого отчета? (свт. Иоанн Златоуст, 50, 146).

***

Никто из живущих на земле, не получив разрешения во грехах, по переходе в будущую жизнь, не может избежать истязаний за них (свт. Иоанн Златоуст, 50, 147).

***

Кто... имеет великие добродетели, тот удобно может покрыть ими грехи; не имеющий добродетелей, откуда бы

ни был поражен стрелою, получает смертельный удар (свт. Иоанн Златоуст, 50, 305).

***

...Грех есть самый злой бес. И если его из себя выгонишь, то сделаешь более, нежели те, которые изгоняют тысячи бесов (свт. Иоанн Златоуст, 50, 361).

***

Если ты хочешь и чудеса совершать, то освободись от грехов — и все тобою будет сделано (свт. Иоанн Златоуст, 50, 361).

***

Требуй от себя и за малые погрешности строгого отчета, чтобы когда-либо не приблизиться к великим грехам (свт. Иоанн Златоуст, 50, 449).

***

...Грех есть главная сила демонская; по причине греха умер Христос, чтобы разрушить его; грехом введена смерть; чрез грех все превращено (свт. Иоанн Златоуст, 50, 487).

***

Если ты истребил в себе грех, ты подрезал жилы диаволу, стер главу его, разрушил всю его силу, рассыпал воинство, сотворил чудо, всех чудес большее (свт. Иоанн Златоуст, 50, 487).

***

Какого плача и рыдания достойно то, когда члены Христовы делаются гробом, исполненным нечистоты! <...>

Ты представляешь гораздо ужаснейшее зрелище: ты носишь всюду душу, умершую от грехов, душу, преданную гниению <...>

Если бы кто внес мертвеца в царские чертоги и положил его там, тот понес бы жесточайшее наказание. А ты входишь в священную ограду и наполняешь дом Божий таким зловонием: подумай, какому подвергнешься наказанию! (свт. Иоанн Златоуст, 50, 739).

***

...Безобразие дома состоит не в том, что в нем сосуды лежат в беспорядке, ложе не убрано, стены закопчены дымом, — а в грехах живущих в нем (свт. Иоанн Златоуст, 50, 836).

***

...<Диавол> не дает беспечным взглянуть на грех свой прежде, чем они совершат его, чтобы пойманный не раскаялся (свт. Иоанн Златоуст, 50, 847).

***

Не столько требуют тщания и трудов большие грехи, сколько, напротив, малые и незначительные. Отвращаться первых заставляет самое свойство греха; а малые, по тому самому, что малы, располагают нас к лености и не позволяют мужественно восстать на истребление их. А потому они скоро и делаются великими, если мы спим (свт. Иоанн Златоуст, 50, 857).

***

...Всяк, делающий грех, ничем не отличается от людей, упивающихся и беснующихся, в том отношении, что не распознает свойства предметов (свт. Иоанн Златоуст, 51, 49).

***

Грех есть тьма, и тьма глубокая, и это видно из того, что он совершается безрассудно и тайно (свт. Иоанн Златоуст, 51, 49).

***

Ничего нет постыднее греха. В этом отношении не так худо в наготе ходить, как во грехах и преступлениях (свт. Иоанн Златоуст, 51, 50).

***

...Рабство <греху> есть самое тяжкое; от него может избавить один только Бог, потому что никто другой не может отпускать грехов... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 353—354).

***

От греха не столько получаем мы удовольствия, сколько скорби: тут и совесть вопиет, и посторонние люди осуждают, и Бог прогневляется, и геенна угрожает поглотить нас, и мысли не могут успокоиться (свт. Иоанн Златоуст, 51, 603).

***

...Несмотря на то, что (диавол) дает нам... тягостные повеления и в награду за то предлагает геенну, несмотря

на то, что он — диавол и враг нашего спасения, все же мы больше слушаем его, чем Христа, хотя Христос — наш Спаситель и Благодетель, и предлагает нам такие заповеди, которые и приятнее, и полезнее, и благотворнее, которые приносят величайшую пользу и нам, и тем, кто с нами живет (свт. Иоанн Златоуст, 52, 68—69).

***

...Грех, пока только еще рождается, бывает несколько стыдлив, но когда совершится, тогда делает бесстыднейшими тех, которые совершают его (свт. Иоанн Златоуст, 52, 99).

***

Многие грешат подобно содомлянам, но огненный дождь не сходит на них, потому что уготована река огненная (свт. Иоанн Златоуст, 52, 122).

***

Не так важно изгнать беса, как освободиться от греха. Бес не препятствует достигнуть Царствия Небесного, а еще содействует, — хотя невольно, но содействует, делая одержимого им более любомудрым; а грех удаляет (от Царствия) (свт. Иоанн Златоуст, 52, 363).

***

Не только то зло мы терпим от греха, что грешим, но еще и то, что душа приобретает дурной навык, подобно как бывает с телом... Как одержимый горячкою не только то терпит зло, что находится в болезни, но и то, что после

болезни становится слабее, хотя бы он уже и выздоровел от продолжительной болезни, так и по совершении греха, хотя бы мы и исцелели, мы еще имеем нужду в большей силе (свт. Иоанн Златоуст, 52, 364).

***

От каждого греха, как скоро он сделан и окончен, в душе нашей остается некоторый яд (свт. Иоанн Златоуст, 52, 364).

***

...Насколько мы рассудительнее и могущественнее, настолько большему наказанию подвергаемся за грехи (свт. Иоанн Златоуст, 52, 528).

***

...Хотя ты грешил и неодинаково с остальными, однако и ты лишаешься славы: ведь ты из числа оскорбивших Бога, а оскорбитель принадлежит не к прославляемым, но к посрамленным (свт. Иоанн Златоуст, 52, 552).

***

...Для грешника нет зла быть наказанным, а напротив, зло — не быть наказанным, подобно <тому> как зло для больного — не лечиться (свт. Иоанн Златоуст, 52, 590).

***

...Невозможно видеть, чтобы и тело изнемогало от времени так, как портится и ослабевает душа от множества грехов (свт. Иоанн Златоуст, 52, 601).

***

...Каким образом, спросишь, царствует грех? — Не собственною силою, но по твоей беспечности (свт. Иоанн Златоуст, 52, 608).

***

Если до крещения грех произвел телесную смерть, и рана потребовала такого врачевания, что Владыка всяческих принял смерть и таким образом разрушил зло, то чего не произведет грех, овладевши тобою, когда после столь великого дара и свободы ты снова и добровольно склонишься под его иго?.. Не стремись в эту бездну, не предавайся добровольно греху (свт. Иоанн Златоуст, 52, 611).

***

...Грехи хуже червей: черви точат тело, а грехи повреждают душу и производят большее зловоние. Но мы не чувствуем этого, а потому и не спешим очистить душу (свт. Иоанн Златоуст, 52, 613).

***

...Живущий целомудренно с точностью примечает... зловоние и нечистоту <грехов>, а предавший себя пороку, как бы страдая головою вследствие какого-то опьянения, не чувствует даже и того, что он болен (свт. Иоанн Златоуст, 52, 613).

***

Пусть диавол и обременил нас грехом, но зато облегчает нас Господь Иисус Христос... чрез покаяние принимая бремя греха на Себя... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 898).

***

...Не делай непрестанно того, что неугодно Богу, только потому, что ты имеешь наготове покаяние, могущее примирить тебя с Ним... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 909).

***

Не говори... «Бог милосерд, и, если я согрешу, Он окажет мне сострадание», но подумай о том, что Он милосердует здесь, а там испытует; снисходит здесь, но исследует там; здесь терпеливо ожидает обращения, там же предает огню (свт. Иоанн Златоуст, 52, 926).

***

Грех происходит от того, что люди хотят быть мудрее законов Божиих и не хотят учиться так, как Он заповедал; потому они ничему и не научаются (свт. Иоанн Златоуст, 53, 42).

***

Грех — это бездна, которая увлекает в глубину и гнетет (свт. Иоанн Златоуст, 53, 81).

***

...Ничто так не безрассудно, ничто так не бессмысленно, глупо и нагло, как грех. Куда он ни вторгнется, все низвращает, расстраивает и губит; он безобразен на вид, несносен и отвратителен. Если бы какой живописец захотел изобразить его, то, мне кажется, не погрешил бы,

изобразив его в виде женщины звероподобной, варварской, дышащей огнем, безобразной и черной, как внешние (языческие) поэты изображают Сцилл (свт. Иоанн Златоуст, 53, 89).

***

Грех тысячью рук охватывает наши мысли, вторгается неожиданно и терзает все, подобно псам, кусающим внезапно (свт. Иоанн Златоуст, 53, 89).

***

Без закона грех был слаб; он был совершаем, но не мог так подвергать осуждению, потому что зло (до закона) хотя существовало, но не обнаруживалось с такою ясностью (свт. Иоанн Златоуст, 53, 435).

***

Перечти же целительные средства для уврачевания твоих язв <греховных> и прикладывай все их одно за другим непрестанно: самоуничижение, исповедание, непамятозлобие, благодарение за посылаемые на тебя скорби, вспомоществование бедным деньгами и вещами, наконец, непрестанную молитву (свт. Иоанн Златоуст, 53, 513).

***

...Как во время сильной стужи все члены цепенеют и замирают, так и душа, оледеневшая от хлада греховного, не может отправлять дел своих, будучи скована, как морозом, совестью (свт. Иоанн Златоуст, 53, 540).

***

Подобно тому, как грех, овладев человеком, сам живет в нем, направляя душу его по своему желанию, точно так же, если с умерщвлением греха человек делает благоугодное Христу, то такая жизнь является уже не жизнью человека, но живущего в нас, т. е. действующего и управляющего (Христа) (свт. Иоанн Златоуст, 53, 771).

***

...Греха... нет ни одного, который бы проистекал из необходимости, — все они зависят от испорченной воли. Бог не так создал природу, чтобы необходимо должно было грешить; если бы это было так, тогда не было бы и наказания (свт. Иоанн Златоуст, 54, 19).

***

Что грехи производят тление, это видно прямо из того, что они делают людей срамными и слабосильными, и причиняют недуги (свт. Иоанн Златоуст, 54, 216).

***

...В чем состоит тление тела? Не в том ли, когда все оно разлагается и состав его распадается на части? Так бывает и с душою, когда в ней воцарится грех (свт. Иоанн Златоуст, 54, 216).

***

Так как не довольно было одного страха для того, чтобы удержать нас в порядке, то (Бог) уготовал и другие

средства для отклонения нас от грехов, как то: обличение со стороны людей, страх постановленных законов, любовь к славе, воздействие дружбы. Все это — средства для отклонения от грехов. Часто бывает, что чего не делают для Бога, то самое делают от стыда; чего не делают для Бога, то делают по страху человеческому (свт. Иоанн Златоуст, 54, 255).

***

...Нет, решительно нет ни одного греха, которого бы, подобно огню, не истребляла сила любви (свт. Иоанн Златоуст, 54, 511).

***

Таков грех и такова греховная жизнь! Она не видит существенного, т. е. духовного, небесного, неизменного, а только то, что течет, улетает и скоро нас оставляет (свт. Иоанн Златоуст, 54, 550).

***

Хотя бы грехи наши против Бога были те же самые, какие и против людей, но они не одинаковы, а сколько различия между Богом и человеком, столько же между теми и другими грехами (свт. Иоанн Златоуст, 54, 888).

***

...Прости оскорбившему, подай милостыню нуждающемуся, смири свою душу, — и, хотя бы ты был величайшим грешником, ты можешь достигнуть Царствия (Небес-

ного), очищая таким образом грехи и омывая нечистоты (свт. Иоанн Златоуст, 54, 891).

***

...Как свиньи смотрят вниз, наклонившись к брюху и валяясь в грязи, так и многие из людей остаются нечувствительными, оскверняя себя гнуснейшею грязью. В самом деле, лучше замараться отвратительною грязью, нежели грехами, потому что замаравшийся грязью скоро может омыться и сделаться подобным тому, кто никогда не попадал в эту нечистоту, а впавший в ров греха получает осквернение, которое не смывается водою, но требует продолжительного времени, искреннего раскаяния, слез, рыданий, плача гораздо большего и сильнейшего, нежели какой бывает при (потере) самых близких сердцу. Грязь пристает к нам отвне, потому мы скоро и очищаем ее, а нечистота греха рождается внутри, потому мы с трудом уничтожаем ее и очищаемся (свт. Иоанн Златоуст, 55, 116).

***

...Зараза, как скоро появляется, тотчас причиняет вред телам. Таков и грех... только повреждает не воздух наперед и потом тела, но прямо вторгается в душу (свт. Иоанн Златоуст, 55, 140).

***

...Грех скоро поражает мыслительную способность и не оставляет в покое самую душу, но тревожит ее и мучит (свт. Иоанн Златоуст, 55, 140).

***

Если тот, кто не скорбит о грехах других людей, достоин осуждения, то может ли удостоиться прощения тот, кто не скорбит о своих собственных грехах (свт. Иоанн Златоуст, 55, 142).

***

Кающемуся не должно никогда предавать забвению грехи свои, но молить Бога, чтобы Он не вспоминал о них, а самому никогда о них не забывать: если мы будем о них помнить, то Бог забудет их (свт. Иоанн Златоуст, 55, 256).

***

Грех исповеданный становится меньше, а не исповеданный — больше (свт. Иоанн Златоуст, 55, 256).

***

Великое благо — сознавать грехи и постоянно помнить о них; ничто так не исцеляет от греховных навыков, как постоянное памятование (о грехах); ничто так не делает человека медлительным к совершению зла. Знаю, что совесть уклоняется и не любит мучиться воспоминанием о грехах; но ты делай душе принуждение и налагай на нее узду; она свирепствует, как необузданный конь и не хочет убедиться, что она согрешила. Но все это — сатанинское дело. А мы будем убеждать ее, что она согрешила, чтобы она покаялась и, покаявшись, избавилась от наказаний (свт. Иоанн Златоуст, 55, 257).

***

Если ты будешь постоянно содержать в памяти грехи свои, то никогда не будешь помнить зла ближнему, — не говорю: если ты будешь только сознавать, что ты грешник, это не столько может смирить душу, сколько самые грехи, исчисляемые порознь. Постоянно имея их в памяти, ты не станешь ни помнить зла, ни гневаться, ни злословить, ни надмеваться, ни впадать снова в те же грехи, и сделаешься более крепким к совершению добрых дел <...>

Лучше... <душе> теперь пострадать от памятования о грехах, нежели в то время от наказания за них. Ныне, если ты будешь помнить о них, постоянно исповедовать их пред Богом и молиться об их (прощении), то скорее истребишь их. Если же забудешь их ныне, то поневоле вспомнишь о них тогда, когда они будут обнаружены пред целою вселенною и объявлены пред всеми — и друзьями, и врагами, и Ангелами (свт. Иоанн Златоуст, 55, 257—258).

***

...Грех — пища смерти... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 299).

***

...Когда согрешает человек, негодует небо, негодует и земля (см.: Иер. 2, 12)... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 383).

***

Какое оправдание и прощение будем иметь мы, когда, нисколько не помышляя о своих грехах, так старательно выведываем и расследуем чужие? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 527).

***

Душа, раз вступившая в союз с грехом и ставшая бесчувственной, дает возможность недугу весьма усиливаться (свт. Иоанн Златоуст, 55, 535—536).

***

...Как люди, пренебрегающие телесными ранами, причиняют гнойные лихорадочные воспаления и смерть, так и те, которые не обращают внимания на малые грехи души, дозволяют образоваться большим (свт. Иоанн Златоуст, 55, 536).

***

...Не так Бог отвращается обычно от согрешающих, как от тех, кто не сокрушается после греха (свт. Иоанн Златоуст, 55, 540).

***

...<Тайные грехи> — столь великий твой срам, столь великие прегрешения можно омыть снисхождением к ближнему (свт. Иоанн Златоуст, 55, 616).

***

...Если ты, греша, не скорбишь, не почитай поэтому грех маловажным, но поэтому-то самому особенно и стенай, что ты не чувствуешь скорби о грехах. Не оттого ведь происходит это, что грех не уязвляет, а оттого что согрешающая душа бесчувственна (свт. Иоанн Златоуст, 55, 685).

***

Для того даны крылья птицам, чтобы избегать сетей; для того дан разум людям, чтобы они избегали грехов (свт. Иоанн Златоуст, 55, 685).

***

...Грехи, которые могут быть легко исправлены, навлекают на нас большее наказание... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 726).

***

Грех — это рана; покаяние — лекарство. В грехе — стыд, в грехе — позор; в покаянии — дерзновение, в покаянии — свобода, в покаянии — очищение от греха... За грехом следует стыд; спутником покаяния является свобода. Но сатана извратил порядок и соединил свободу с грехом, а стыд — с покаянием (свт. Иоанн Златоуст, 55, 804).

***

Печаль о грехах спасительна, но она приносит гибель, если она неумеренная (свт. Иоанн Златоуст, 55, 807).

***

Вся тварь исполнена печали; если произведешь тщательное исследование всего, то в каждом творении найдешь стенание. Прежде всего поднимается стон людей, несущих тяжкие последствия порчи.

Вместе с людьми стонет и земля, получившая из-за нас проклятие. Плачет море, созданное Богом сначала пре-

красным, а после греха сделавшееся гробом для многих. Печальный вид имеет и солнце, освещая тех, которые не видят его Создателя. Стонут звезды с луною, потому что они, показывая согласным своим движением Творца этого согласия, не убеждают (в этом людей). Не остается без стенания и домашний скот, который... мучается в неумолимом рабстве нам... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 982).

***

Грех — бездна, иди дальше; находящийся вблизи, хотя находился бы в безопасности, боится и трясется (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1102).

***

Не столько заботится диавол о том, чтобы грешили, сколько о том, чтобы не видели греха и оставались грешниками (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1155).

***

Величайшее беззаконие — совершать грех на деле и отрицать это на словах (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1155).

***

Как невозможно по одному каналу вместе проходить огню и воде, так невозможно греху войти в сердце, если он не постучится прежде в дверь сердца мечтанием лукавого прилога.

Первое есть прилог; второе — сочетание, когда наши помыслы и помыслы лукавых демонов смешиваются; тре-

тье — сосложение, когда обоего рода помыслы сговорятся на зло и порешат между собою, как ему быть; четвертое же есть чувственное деяние или грех. Итак, если ум, трезвясь, внимает себе и посредством прекословия и призывания Господа Иисуса прогоняет прилог с самого его приражения, то ничего из того, что обычно следует за ним, уже не бывает. Ибо лукавый, будучи умом бестелесным, не иначе может прельщать души, как чрез мечтание и помыслы (прп. Исихий Иерусалимский, 89, 176—177).

***

Если внутренний наш человек трезвится, то, по словам отцев, он силен сохранить и внешнего. По их же словам, мы и злодеи-демоны, обои сообща совершаем грехи: те в помыслах или мечтательных живописях изображают только перед умом грехи, как хотят, а мы и помыслами внутренно и делами внешно грешим. Демоны, не имея тел дебелых, лишь помыслами, кознями и обольщениями и себе и нам уготовляют муку. Но если бы эти непотребнейшие не были лишены дебелого тела, то грешили бы непрестанно и делами, всегда содержа в себе злое произволение, готовое нечествовать.

Но молитва сердечная ко Господу разбивает их, и в прах обращает прельщения их. Ибо непрестанно и нелености призываемый нами Иисус, Бог и Сын Божий, отнюдь не допускает им даже и начать вложение в нас греха... (прп. Исихий Иерусалимский, 89, 205).

***

Никто никогда не может быть принужден впасть в грех по поводу порока другого, если в своем сердце не будет

иметь расположения к грехам. Нельзя думать, чтобы кто-нибудь вдруг обольстился, когда, увидев красоту женщины, впал в яму гнусной похоти; тогда по случаю видения только вышла наружу потаенная, скрывавшаяся внутри болезнь (прп. Иоанн Кассиан, 56, 115—116).

***

Поистине, невозможно и самым святым не впасть в те малые прегрешения, которые бывают в слове, в мысли, в желании, по неведению, по забвению, по какой-нибудь крайности, по нечаянному случаю. Хотя они различны от того греха, который называется грехом к смерти, однако же не могут быть безвинны и неукоризненны (прп. авва Херемон, 56, 376).

***

Грехи можно заглаждать, кроме всеобщей благодати крещения и мученичества, многими делами покаяния. Ибо вечное спасение обещается: 1) не одному раскаянию, о котором говорит апостол Петр: ***покайтеся и обратитеся, да очистится от грех ваших*** (ср.: Деян. 3, 19); Иоанн Креститель и Сам Господь говорят: ***покайтеся, приближи бо ся Царствие Небесное*** (Мф. 3, 2); 2) но еще ***любовь покрывает множество грехов*** (1 Пет. 4, 8); 3) милостынею врачуются язвы души нашей, потому что как ***вода угашает огонь***, так ***милостыня изглаждает грех*** (Сир. 3, 30); 4) и слезы омывают грехи, ибо Давид, сказав: ***измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу*** (Пс. 6, 7), далее говорит, что он не напрасно проливал их: ***отступите от мене вси делающии беззаконие, яко услыша Господь глас плача моего*** (Пс.

6, 9); 5) также заглаждаются грехи исповеданием их: *исповем на мя беззаконие мое Господу, и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5); еще: *глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26); 6) скорбью душевною и телесною приобретается отпущение грехов: *виждь смирение мое, и труд мой, и остави вся грехи моя* (Пс. 24, 18); 7) особенно исправлением нравов наших уничтожаются грехи: *отымите лукавства от душ ваших, научитеся добро творити, взыщите суда, избавите обидимаго, судите сиру и оправдите вдовицу, и приидите, и истяжимся; и аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю: аще же будут яко червленое, яко волну убелю* (ср.: Ис. 1, 16—18); 8) иногда молитвы святых заглаждают грехи: *аще кто узрит брата своего, согрешающа грех не к смерти, да просит, и даст ему живот* (1 Ин. 5, 16), или: *болит ли кто в вас; да призовет пресвитеры церковныя, и да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем, во имя Господне. И молитва веры спасет болящаго, и аще грехи сотворил есть, отпустятся ему* (ср.: Иак. 5, 14—15); 9) иногда дела милосердия и веры: *милостынями и верами очищаются грехи* (Притч. 15, 27); 10) содействие обращению и спасению других: ибо *обративый грешника от заблуждения пути его, спасет душу от смерти, и покрыет множество грехов* (Иак. 5, 20); 11) прощение другим обид, нанесенных ими нам: *аще отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 14). Итак, вот сколькими путями можно заслужить милосердие Создателя. Видя эти пути, никто из желающих спасения не должен отчаиваться. Ибо если ты не можешь загладить твоих грехов скорбью поста по причине немощи телесной, если не можешь сказать: *колена моя изнемогоста от поста, и плоть моя изменися елеа ради* (Пс.

108, 24); ибо *пепел яко хлеб ядях, и питие мое с плачем растворях* (Пс. 101, 10), то искупай их милостынею; если не имеешь что дать нищему, хотя бедность никого не освобождает от этого дела, потому что *две* только *лепты вдовицы* предпочитаются большим дарам богатых; Господь обещает воздать награду и за *чашу холодной воды* (см.: Лк. 21, 2; Мф. 10, 42), то можно очиститься посредством исправления нравов; если подавлением своих страстей и пороков не можешь достигнуть совершенства добродетелей, то приложи благочестивую заботу о пользе и спасении других; если же ты признаешь себя неспособным к этому служению, то можешь покрыть грехи свои делами любви; если какая-нибудь беспечность сделала тебя слабым для этого, то молитвою и заступлением святых со смирением проси уврачевания своих ран. Далее, кто не может покорно говорить: *беззаконие мое познах и греха моего не покрых,* дабы чрез это исповедание заслужить прощение грехов, о коем далее сказано: *и ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5). Если ты стыдишься открыть свой грех пред людьми, то не преставай открывать его пред Тем, Кому он известен, говори непрестанно: *беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну. Тебе единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих* (Пс. 50, 5—6); Он и без пристыжения обнародованием врачует, и без укоризн прощает грехи. Благодать Божия, кроме сего несомненного средства получить прощение грехов, дала нам еще легчайшее, это — прощение другим согрешений их: *и остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашым* (Мф. 6, 12).

Итак, кто хочет получить прощение грехов, тот пусть постарается воспользоваться этим средством, не должен убегать этого источника спасения, потому что хотя бы мы сделали все нужное для очищения грехов, но если не по-

кроет их Милосердый, Который один *заглаждает беззакония* Себе ради (Ис. 43, 25), то они не изгладятся. Получивший прощение грехов должен удовлетворять за них ежедневными постами и умерщвлением плоти и страстей, ибо, по словам Святого Писания, *без пролития крови не бывает оставления* (ср.: Евр. 9, 22). Это и справедливо, потому что *плоть и кровь Царствия Божия не наследят* (ср.: 1 Кор. 15, 50). Посему, кто не допускает *мечу духовному, который есть слово Божие* (ср.: Еф. 6, 17), проливать кровь, того поразит та клятва, которую произнес пророк Иеремия: *проклят возбраняяй мечу своему от крове* (Иер. 48, 10), ибо этот меч источает из нас вредную кровь, служащую пищею порокам, и отсекает в нас все земное и плотское, чрез что нам, умершим для пороков, дает средство жить для Бога и украшаться добродетелями. Когда будет поражать меч сей, то человек будет плакать не от воспоминания о прежних грехах, а от радостного ожидания будущих благ, и забывая задняя, т. е. плотские пороки, будет простираться в предняя, т. е. к духовным дарованиям и добродетелям (прп. авва Пинуфий, 56, 533—535).

***

...В тех грех не может господствовать, которые не презирают совета Господня, но все свое имущество раздав бедным, взяв свой крест, следуют за Подателем небесной благодати (прп. авва Феона, 56, 562).

***

...Кто осмелится считать себя без греха, тот виновен будет в пороке хулы и гордости, если будет присвоять себе

равенство в том, что свойственно только одному Иисусу Христу (прп. авва Феона, 56, 579).

***

...<Ищешь> безгрешности, которая свойственна одному Богу, и преспевающего в которой нет между людьми. Но если желаешь найти сообразное с природою, то вот оно: не вдаваться ни в какую произвольную неправду, что возможно человеку святому; не впадать во многие невольные неправды, что свойственно вознамерившимся приблизиться к Богу; а меньшее этого, но весьма удобное для многих — не оставаться надолго во грехах (прп. Исидор Пелусиот, 60, 244).

***

Не греши постоянно в ожидании получить прощение, но ищи безопасности в том, чтобы не грешить. Многие, в ожидании прощения сделав много дурного, обманулись в надежде, и себя не исправив, и прощения не получив (прп. Исидор Пелусиот, 60, 383).

***

...Погрязшие во грехах... даже и не живут, по причине производимых грехами печалей, страхов, опасностей и тьмочисленного роя страстей. Ожидается ли смерть: они от страха умирают прежде смерти. Приходит ли болезнь, или обида, или нищета, или другая какая неожиданность: они, не испытав еще этого, гибнут (прп. Исидор Пелусиот, 60, 421).

***

Два главных рода греха: грех замышляемый и грех, приводимый в действие и совершаемый самим делом, преследуем был и древле законами, а замышляемый воспрещен Евангелием, которое не дело по совершении наказывает, но заботится о том, чтобы злое даже и не начиналось. Ибо тогда дан был закон руке, а ныне дается душе (прп. Исидор Пелусиот, 61, 33).

***

...Грех, хотя будет один и тот же, делается более тяжким, измеряемый, не по естеству, но по достоинству согрешившего (прп. Исидор Пелусиот, 61, 89).

***

...Вольная смерть Великого Архиерея, в ничто обращенная Воскресением, уничтожит невольные прегрешения и всех верующих в Него возвратит в Вышний Иерусалим (прп. Исидор Пелусиот, 61, 163).

***

...Истязанию подвергается не столько самое дело, сколько решимость, с какой оно делается, а Судия вникает и в самые помышления (прп. Исидор Пелусиот, 61, 192—193).

***

Грех гораздо тягостнее смерти, почему и <апостол> Павел, более всех искусный в различении подобных вещей, грех назвал царем, а смерть — оброком, как бы подчиняя первому последнюю. Царем же назвал не по до-

стоинству (ибо нет ничего гнуснее греха), но по великой покорности плененных им. Ибо если ***оброцы греха, смерть*** (Рим. 6, 23), то ***да не царствует в нас грех*** (ср.: Рим. 6, 12), который для имеющих ум тягостнее смерти. Если бы предлежал мне выбор, и было возможно, то избрал бы я лучше умереть не согрешив, нежели согрешив, не умереть; так... последнее ужаснее первого. Ибо смерть истребится воскресением; почему согрешающий... ничего не приобретает не умирая, если и по воскресении потерпит наказание. Да и другим сильным примером приводит сие Апостол в ясность, сказав: ***жало же смерти, грех*** (1 Кор. 15, 56). Посему, как никто не побоится змеи или скорпиона, у которых нет зубов или жала, чтобы впустить ими яд, так небоязненно должно было бы принимать смерть, если бы введена была не грехом. Если бы смерть постигла за добродетель, то была бы даже приятна <...> Свидетелями приими мучеников, возлюбивших смерть как начаток бессмертия (прп. Исидор Пелусиот, 61, 437—438).

***

Когда первозданный человек на самой, так сказать, первой черте своего поприща, презрев Божию заповедь, предпочел прелесть ухитрившегося всеконечно погубить его, тогда и тело его соделалось не только смертным, но и удобостраждущим, потому что много прозябло недостатков; этот конь стал и тяжел, и необуздан (прп. Исидор Пелусиот, 62, 114).

***

Худо грешить, еще хуже — греша оставаться бесчувственным, но повредить произволение и не иметь правого суждения о делах, иной по праву назовет всего худшим.

Первый, может быть, перестанет грешить, другой приобретет, как ни есть, ощущение язв и взыщет врача, а последний, с услаждением пребывающий во грехе, даже хвалит делающих это. Посему, сколько не чувствующий пока болезни хуже знающего, что он болен, столько и не чувствующего хуже защищающий болезнь <...>

Нерадивый устыдится и, может быть, придет в покаяние; кто собственным своим приговором оправдывает страсть, тот не воздержится от порока, не устыдится, но будет еще величаться (прп. Исидор Пелусиот, 62, 235).

***

...Если впадем в грехи сносные, терпимые и удобоисцелимые и в этой жизни претерпим что-либо тяжкое, то сгладим с себя эти грехи. А если грехи бесчеловечны и страшны, то и там будем наказаны, хотя легче, если пострадаем здесь, и тяжелее, если отойдем отсюда не пострадавшими (прп. Исидор Пелусиот, 62, 284).

***

...Впадшие и в те же грехи, без сомнения, неодинаково будут наказаны, по исследовании и причины, и времени, и места. Например: убийство — дело преступное. Кто не скажет сего? Но когда совершается в святые дни, тогда еще преступнее; а если и в месте священном, то всего преступнее, потому что и от времени, и от места зло возрастает и увеличивает наказание (прп. Исидор Пелусиот, 62, 369).

***

...Всенесчастный грех, как бы мертвенность и нечестивый питатель неукротимого пламени для любящих его (свт. Кирилл Александрийский, 65, 22).

***

...Равнодушие ко грехам малым пролагает путь грехам тягчайшим (прп. Нил Синайский, 71, 206).

***

Если хочешь быть выше всякого греха, то не старайся дознавать чужие дела; и в тебе много того же, в чем подозреваешь другого (прп. Нил Синайский, 71, 243).

***

Ничто не сокрыто от Судии; поэтому напрасно стараемся грешить скрытно (прп. Нил Синайский, 71, 247).

***

Кто не возненавидит греха, тот, если и не делает греха, причисляется к грешникам (прп. Нил Синайский, 71, 253).

***

Всякий худой поступок вооружает диавола, но вооруженный жестоко обходится с вооружившими (прп. Нил Синайский, 71, 254).

***

Греховные дела называть должно не только зловонными и бесплодными, но и мертвыми (прп. Нил Синайский, 71, 341).

***

...Грех справедливо может быть назван железом, рассекающим и убивающим душу (прп. Нил Синайский, 71, 359).

***

...Познание грехов есть утро души, а осуждение их — начало спасения (прп. Нил Синайский, 72, 20).

***

...Грех обыкновенно и начинается, и снова прекращается в человеческом произволении (прп. Нил Синайский, 72, 165—166).

***

Поблажать греху и возбуждать себя к оному — почитай собственноручным самоубийством и самым горьким умерщвлением... (прп. Нил Синайский, 72, 262).

***

...Грех, как ядовитый змий, вкрадывается весьма тихо, а когда усилится, угрызает и с укоризною взывает сердцу: «Прекрасно! прекрасно! я достиг своего!» (прп. Нил Синайский, 72, 263).

***

Многовидно и многообразно к жизни человеческой примешивается грех. Причиною же сему то, что люди не пользуются Божиим содействием в труде рук своих (прп. Нил Синайский, 72, 356).

***

Если и по крещении бываем мы подвержены греху, то это не потому, что не совершенно было крещение, но потому, что мы не радим о заповеди и пребываем в само-

угодии по собственному нашему произволению (прп. Марк Подвижник, 88, 504).

***

От своей похоти рождается грех мысленный; а от этого происходит совершение сообразного тому действия. Лишь только кто отступит (от обязательства крещения), тотчас бывает содержим грехом (прп. Марк Подвижник, 88, 507).

***

Малые грехи диавол представляет в глазах наших ничтожными, потому что иначе не может он ввести в грехи большие (прп. Марк Подвижник, 88, 528).

***

Согрешивши, вини не тело, а мысль; ибо если бы не текла впереди мысль, не последовало бы за нею и тело (прп. Марк Подвижник, 88, 531).

***

Не оставляй не изглажденным греха, хотя бы он был самый маленький, чтоб впоследствии он не повел тебя к грехам большим (прп. Марк Подвижник, 88, 531).

***

Ищущий оставления грехов любит смиренномудрие... (прп. Марк Подвижник, 88, 531).

***

Грех есть огнь горящий. На сколько отымешь вещества, на столько он угаснет, и на сколько прибавишь, на столько он больше разгорится (прп. Марк Подвижник, 88, 532).

***

Ухищрение греха есть многоплетеная сеть. Кто, запутавшись в ней отчасти, вознерадит о том, тот скоро затягивается ею всесторонне (прп. Марк Подвижник, 88, 535).

***

Допустив в себе начало греха (приняв помысл), не говори: он не победит меня, ибо на сколько ты допустил его, на столько уже и побежден им (прп. Марк Подвижник, 88, 535).

***

...Удаление... от греха есть дело естества, а не то, за что воздано может быть Царствием (прп. Марк Подвижник, 88, 540).

***

Немало нас таких, что печалимся о грехах, а причины их охотно лелеем в себе (прп. Марк Подвижник, 88, 545).

***

Если кто впадет в какой-либо грех и не восскорбит о том в меру преступления, то легко опять впадет в ту же сеть (вражию) (прп. Марк Подвижник, 88, 560).

***

Если хочешь, чтобы Господом были покрыты грехи твои, то не высказывай пред людьми, если имеешь какую добродетель. Ибо как мы поступаем с нашими добродетелями, так Бог делает с нашими грехами (прп. Марк Подвижник, 88, 572—573).

***

Когда ум чрез самоотвержение восприимет несомненную надежду, тогда враг под предлогом исповедания, как на картине, изображает пред ним прежде бывшие грехи, дабы опять возгреть страсти, по благодати Божией уже забытые, и тайно повредить человеку. Ибо в таком случае и просветлевший уже и ненавидящий страсти (ум) по необходимости омрачается, смутившись тем, что наделано; а если он еще покрыт как туманом и сострастен похотям, то всячески укоснит (в таких помыслах) и начнет страстно беседовать с прилогами их, так что такое воспоминание будет не исповедание, а страстное приражение (прп. Марк Подвижник, 88, 575).

***

Прежние грехи, будучи воспомянуты по виду (подробно), повреждают благонадежного. Ибо если они возникают вновь в душе, сопровождаясь печалью, то удаляют от надежды, а если воображаются без печали, то опять влагают внутрь древнее осквернение (прп. Марк Подвижник, 88, 575).

***

Согрешающему не по нужде трудно бывает раскаиваться, ибо невозможно укрыться от правды Божией (прп. Марк Подвижник, 68, 13).

***

Всякий грех, оставленный без покаяния, есть грех к смерти, о котором если и святой помолится за другого, не будет услышан (прп. Марк Подвижник, 68, 32).

***

Великое нечто есть человек, возрастающий внутри и величаемый за добродетели. И однакож сей великий боится греха, как слон мыши... (прп. Иоанн Карпафский, 90, 82).

***

Содеянный грех почти тотчас сам гонит кающегося к Богу, как только он примет в чувство зловоние, тяготу и неистовство греха. Кто же не хочет преклониться на покаяние, того не гонит он к Богу, а удерживает при себе и вяжет его неразрешимыми узами, делая сильнейшими и лютейшими пагубные пожелания (прп. Иоанн Карпафский, 90, 91).

***

Держа памятование о своих погрешениях, не ленись ударять в перси свои, чтоб такими ударами разбить и умягчить окаменелое сердце, как каменщики разбивают металлоносную почву; и обретешь в нем жилу злата, и возрадуешься о сокровенном сокровище (прп. Иоанн Карпафский, 90, 102).

***

...Началом всему худому служит упокоение чрева и расслабление себя сном, возжигающее блудную похоть... (прп. Исаак Сирин, 58, 96).

***

Кто ведет жизнь по образу Законоположника и руководствуется заповедями Его, в том невозможно оставаться греху (прп. Исаак Сирин, 58, 112).

***

...Другом греха делается тело, которое боится искушений, чтобы не дойти ему до крайности и не лишиться жизни своей (прп. Исаак Сирин, 58, 116).

***

Тело же, приобщившееся греху, упокоевается в делах плотских, и Дух Божий не упокоевается в плодах его (прп. Исаак Сирин, 58, 117).

***

...Соделываемся грешниками не тогда, как сделаем грех, но когда не возненавидим его, и не раскаемся в нем (прп. Исаак Сирин, 58, 246).

***

Стопы боящегося грехов охраняет Господь, и во время поползновения предваряет его милость Божия (прп. Исаак Сирин, 58, 291).

***

Кто боится грехов, тот беспреткновенно совершит страшное шествие, и во время сумрака пред собою и внутри себя обретет свет (прп. Исаак Сирин, 58, 291).

***

Пока не возненавидит кто причины греха <воистину> от сердца, не освобождается он от ощущения, производимого действенностию греха (прп. Исаак Сирин, 58, 356).

***

Кто ненавидит свои грехи, тот перестанет грешить; и кто исповедует их, тот получит отпущение (прп. Исаак Сирин, 58, 358).

***

Ибо вражда <ко греху> бывает причиною истинного смирения; исповедь <прегрешений> — причиною сокрушения, последующего в сердце от стыда (прп. Исаак Сирин, 58, 358—359).

***

...Иное суть страсти, и иное грехи. Страсти суть: гнев, тщеславие, сластолюбие, ненависть, злая похоть и тому подобное. Грехи же суть самые действия страстей, когда кто приводит их в исполнение на деле, т. е. совершает телом те дела, к которым побуждают его страсти, ибо можно иметь страсти, но не действовать по ним (прп. авва Дорофей, 29, 23).

***

...<Господь> освободил нас святым крещением, подав нам свободу делать добро, если пожелаем, и не увлекаться уже... насильственно ко злу, ибо того, кто порабощен грехами, они отягощают и увлекают, как и сказано, что

каждый связывается узами своих грехов (см.: Притч. 5, 22) (прп. авва Дорофей, 29, 24).

***

...Кто столько ненавидит грех, как святые? Однако они не ненавидят согрешающего и не осуждают его, не отвращаются от него, но сострадают ему, скорбят о нем, вразумляют, утешают, врачуют его, как больной член, и делают все для того, чтобы спасти его. Как рыбаки, когда закинут уду в море и, поймав большую рыбу, чувствуют, что она мечется и бьется, то не вдруг сильно влекут ее, ибо иначе прорвется вервь и они совсем потеряют рыбу, но пускают вервь свободно и послабляют ей идти, как хочет; когда же увидят, что рыба утомилась и перестала биться, тогда мало-помалу притягивают ее, так и святые долготерпением и любовью привлекают брата, а не отвращаются от него и не гнушаются им. Как мать, имеющая безобразного сына, не только не гнушается им и не отвращается от него, но и украшает его с любовью, и все, что ни делает, делает для его утешения, так и святые всегда покрывают, украшают, помогают, чтобы и согрешающего со временем исправить... (прп. авва Дорофей, 29, 85—86).

***

Что сделал святой Аммон, когда однажды братия пришли к нему в смущении и сказали ему: «Пойди и посмотри, отче, у такого-то брата в келье женщина». Какое милосердие показала, какую любовь имела святая оная душа! Понявши, что брат скрыл женщину под кадкою, он пошел и сел на оную, и велел им искать по всей келье.

Когда же они ничего не нашли, он сказал им: «Бог да простит вас». И так он постыдил их, утвердил и оказал им великую пользу, научив их не легко верить обвинению на ближнего; и брата оного исправил, не только покрыв его по Боге, но и вразумив его, когда нашел удобное к тому время. Ибо, выслав всех вон, он взял его за руку и сказал ему: «Подумай о душе своей, брат». Брат сей тотчас устыдился, пришел в умиление, и тотчас подействовало на душу его человеколюбие и сострадание старца (прп. авва Дорофей, 29, 86).

***

...По мере того как <душа> творит грех, она изнемогает от него, ибо грех расслабляет и приводит в изнеможение того, кто предается ему; и потому все приключающееся с таковым отягощает его (прп. авва Дорофей, 29, 92).

***

...Всякий грех, исполняемый на деле, подлежит аду, и хотя бы таковой (человек) захотел покаяться, он не может один преодолеть страсти, если не получит помощи от некоторых святых... (прп. авва Дорофей, 29, 120).

***

...Душа, если ею овладеет диавол и она совершает грех на самом деле, то попирает свой разум и не мудрствует ни о чем духовном, но всегда мудрствует о земном и делает земное (прп. авва Дорофей, 29, 154).

***

...Кто желает очиститься от грехов своих, тот должен с большим вниманием остерегаться и избегать сих <гор-

танобесия и чревобесия>, ибо ими удовлетворяется не потребность тела, но страсть... (прп. авва Дорофей, 29, 172).

***

...Всякий грех, исполненный на деле, опять порабощает нас врагу, поелику мы сами добровольно низлагаем себя и порабощаем (ему). Не стыд ли это, и не великое ли бедствие, если мы после того, как Христос избавил нас от ада Своею Кровью, и после того, как мы все сие слышим, опять пойдем и ввергнем себя в ад? Не достойны ли мы в таком случае еще сильнейшего и жесточайшего мучения? (прп. авва Дорофей, 29, 196—197).

***

Прежде падения нашего бесы представляют нам Бога человеколюбивым, а после падения жестоким (прп. Иоанн Лествичник, 57, 69).

***

С новоначальными телесные падения случаются обыкновенно от наслаждения снедями; со средними они бывают от высокоумия и от той же причины, как и с новоначальными; но с приближающимися к совершенству они случаются только от осуждения ближних (прп. Иоанн Лествичник, 57, 115).

***

Часто один и тот же грех, будучи сделан одним человеком, заслуживает сторично большее наказание, нежели когда он сделан другим, судя по нраву согрешившего, по месту, где грех случился, духовному возрасту, в котором

был согрешивший, и по многим другим причинам (прп. Иоанн Лествичник, 57, 122).

***

Некоторые говорят, что по вкушении плотского греха невозможно называться чистым, а я, опровергая их мнение, говорю, что хотящему возможно и удобно привить дикую маслину к доброй (прп. Иоанн Лествичник, 57, 124).

***

...Доколе мы грешим произвольно, дотоле нет в нас смирения... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 173).

***

...Кто от случающихся падений не падает духом, того восхвалят Ангелы, как храброго воина (прп. Иоанн Лествичник, 57, 204).

***

Потщимся еще здесь избавиться от греховного долга, ибо во аде нет могущего исцелить (прп. Иоанн Лествичник, 57, 245).

***

Болезнь души есть злая склонность; смерть же ее есть грех, делом совершенный (авва Фалассий, 90, 325).

***

Грех мысленный есть употребление на зло помыслов, а грех деятельный есть употребление на зло вещей (авва Фалассий, 90, 329).

***

Умертви грех, чтобы не воскреснуть мертвым и от смерти малой не перейти в великую (авва Фалассий, 90, 337).

***

Сперва память вносит в ум простой помысл; и если он замедлит в нем, то от сего приходит в движение страсть; если не истребишь страсти, она преклоняет ум к соизволению; а когда и сие произойдет, тогда доводит уже до греха и делом (прп. Максим Исповедник, 90, 174).

***

От лежащих в душе страстей демоны заимствуют поводы воздвигать в нас страстные помыслы. Потом, ими поборая ум, понуждают его снизойти к соизволению на грех; победив его в этом, вводят его во грех мысленный; а по совершении сего, как пленника, ведут его на самое дело греховное. После сего, наконец, чрез помыслы соделав душу запустелою, отходят вместе с оными. Остается только в уме идол (мысленный образ) греха, о котором говорит Господь: *егда убо узрите мерзость запустения... стоящу на месте святе* (Мф. 24, 15). Читающий да разумеет, что место святое и храм Божий есть ум человеческий, в коем демоны, опустошив душу страстными помыслами, поставили идола греховного (прп. Максим Исповедник, 90, 183).

***

Всякий почти грех бывает ради услаждения самоугодия, и потому истребляется злостраданием и печалованием — вольным или невольным — по действу покаяния

или по действу беды какой, смотрительно Божиим о нас Промыслом наводимой (прп. Максим Исповедник, 90, 185).

***

Не одинаково должно судить о согрешающих тем же по действию грехом, но различно (судя по причине согрешения), ибо иное грешить по навыку, а иное по внезапному, неудержимому увлечению. В последнем случае человек ни прежде греха не имел мысли о нем, ни после греха не имеет влечения к нему, а, напротив, весьма скорбит и мучится о случившемся. Совсем не то бывает с тем, кто грешит по навыку, ибо он и до греха не переставал грешить мысленно, и по совершении его в том же остается расположении (прп. Максим Исповедник, 90, 208—209).

***

Никто, согрешая, не может представлять в извинение греха немощь плоти. Ибо единение с Богом-Словом, разрешением клятвы, восстановило в силе все естество, сделав таким образом неизвинительным для нас склонение произволения на страсти. Божество Слова, будучи всегда по благодати соприсуще верующим в Него, заглушает закон греха сущий во плоти (прп. Максим Исповедник, 90, 277).

***

...И неразумные животные, поскользнувшись однажды и дважды в каком-либо месте, избегают его, или осторожно обходят, чтоб не впасть в ту же беду... Ужели попустим себе оказаться худшими неразумного естества, любя ту же

страсть, от коей случился грех, и ища той же стремнины и того же рва, где совершилось падение? (прп. Феодор Студит, 91, 347).

***

...Грех есть матерь смерти... грех и ныне всякого, зачинающего его, предает вечной смерти (прп. Феодор Студит, 91, 619).

***

...Опасно заблуждаются мечтающие совершаемыми ими подвигами и силою воли своей упразднить грех, упраздняемый одною благодатию Божиею (свт. Феодор Едесский, 90, 334).

***

Соперник нашей жизни, диавол, разными помыслами умаляет грехи наши и часто покрывает их забвением, чтоб мы послабили себе в трудах и не думали более оплакивать свои падения. Мы же, братие, не дадим себе забыть о своих падениях, хотя бы казалось, они прощены уже нам в силу покаяния нашего, но всегда будем памятовать о грехах своих и оплакивать их не перестанем, чтобы, стяжав себе, яко добрую сожительницу, смирение, избежать нам сетей тщеславия и гордости (свт. Феодор Едесский, 90, 336).

***

...<Грех> тогда покажется тебе ненавистным, когда возжелаешь вкусить <добродетель>... (прп. Илия Екдик, 90, 469).

***

...Адам согрешил великим грехом, потому что словам Бога не поверил, а словам змия поверил. Сравни Бога и змия, и увидишь, как велик был грех премудрого Адама (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 21—22).

***

Да уверится же *всякий человек грешащий*, что он *не виде и ни позна* Бога (ср.: 1 Ин. 3, 6), и что если он умрет в этой тьме и в этом неведении, то воскреснет потом не для чего другого, как для вечного мучения, вечного потому, что там не будет более смерти, чтоб пресечь это мучение (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 52).

***

Прежде преступления человек находился в полном счастии, всякое имел утешение и жил во всегдашней радости в раю, без скорби и печали, даже не зная, что такое есть печаль. Но забывшись по причине этого самого великого счастья, пришел он к похотению того, что было выше меры его и выше силы его, восхотел быть Богом, по внушению диавола. За это тотчас, как только и делом покусился на то, что получить было для него невозможно, потерял то великое счастье и упокоение, какое имел, стал беден и пришел в столь же великую нищету, сколь великое имел прежде богатство, восприяв таким образом наказание за возгордение, коим подвигшись, дерзнул он покуситься на то великое и отважное покушение: как будто пресытился он тем счастьем, какое даровал ему Бог, и, брезгуя им, восхотел высшего (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 70—71).

***

Тремя образами грешат люди: умом, словом и делом. Первый грех, грех умом, есть причина и всех тех грехов, в каких грешат словом и делом, ибо не ум заканчивает грех, а слово и дело заканчивают, что изобретает ум. Итак, из этих трех, чему прежде и более всего необходимо быть уврачевану от Христа? Очевидно... уму. Ибо когда уврачуется и освятится ум, когда придет он в доброе состояние и не будет сносить, чтобы сказано или сделано было что-либо Богу неугодное, тогда душа будет охранена и от всякого другого греха. Итак, сколько сил есть, надлежит нам подвизаться, да освятится Христом ум наш, восприяв благодать Святаго Духа. Для этого одного Христос, будучи Бог, соделался человеком, для этого распялся, умер и воскрес. Это, т. е. освящение ума, и есть воскресение души в настоящей жизни, вследствие коего можно сподобиться и будущего воскресения телом к славе и блаженству (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 84—85).

***

...Грех всегда является пред нами только как некая обманчивая приманка. Но как только душа человека наклонится мысленно ко греху, тотчас подскакивает к ней тиран и насилователь душ, который всегда стоит позади ее и зорко смотрит за движениями ее, подскакивает и тащит ее на совершение греха делом; так что очевидно, что грех бывает и по воле человека, и не по воле его: бывает по воле его потому, что ум сам склоняется на грех; бывает не по воле его потому, что когда слагается он совершить грех делом, то на это бывает влеком и нудим диаволом (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 126).

***

Человек грешит четырьмя образами — волею, неволею, в ведении и неведении. Волею, т. е. самоохотно, грешит он, когда, зная наверно, что зло есть зло и что в его состоит воле сделать его или не сделать, делает его самоохотно. Неволею, т. е. без желания, грешит он, когда бывает вынуждаем к тому какою-либо необходимостью, и делает зло, не желая его, как, например, иные мученики отрицались от Христа по причине нестерпимых мук, каким их подвергали. Бывает, что иной и другим образом, не зная и не желая, делает зло, когда, например, пустив стрелу, чтоб убить какого-либо зверя, убивает человека, не желая того. В ведении бывает грех, когда душа знает, что известное дело есть грех, но, будучи немощна и расслаблена нравом, делает его, не имея силы противостоять брани и восставшему сильному влечению на грех, делает грех, склоняясь на него и вожделевая его будто помимо своей воли. В этом-то случае особенно и познается верующими сила Христова, именно: когда возмогают они не делать по внушению возненавиденных ими похотей, тогда познают, что имеют благодать Христову. В неведении бывает грех, когда кто делает что худое, не зная, что оно худо, но полагая, что оно хорошо.

При этом заметить надлежит, что грехов волею бывает немного, и они, так как большею частью бывают очень явны и неотразимо теснятся в сознание, бодут, как остны, того, кто делает их, и подвигают его на покаяние. Прочих же грехов, т. е. грехов неволею, в ведении и неведении, бывает очень много, даже без числа, но они все почти малопамятны и скоро совсем выпадают из сознания и того, кто их делает, несмотря на свою многочисленность, не бодут и не подвигают на покаяние, так как он и не почитает их грехами и не думает о них. Посему об этом-то

наипаче и надлежит нам молиться, чтобы Бог даровал нам и познать их греховность, и восчувствовать, ибо то, что мы не помним и не чувствуем их, не делает нас безвинновными в них, а между тем диавол большую часть людей ввергает в гордыню по причине неведения их, потому... что не сознают их, не думают, что они значат что-нибудь, но вменяют их ни во что: каковые люди, несмотря на то, что говорят, будто мудры суть, оказываются буиими и неразумными, поелику не познали, что спасение всех стоит на единой милости Божией (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 127—128).

***

Человек страдает некою сокровенною болезнью великою и неудобопознаваемою, которая так велика и так чрезмерна, что подобной никогда не было и никогда не будет. Почему необходимо было Самому Богу прийти, чтоб исправить и уврачевать ее. При всем том однакож люди не знают о том и живут в совершенной беспечности, нисколько не печалясь из-за болезни сей по причине нечувствия своего. Ибо кто знает сию болезнь, тот и чувствует ее; кто чувствует, тот болит о том душой; кто болит, тот ищет оздравления и всячески старается уврачеваться от болезни той (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 134).

***

Кто, творя грехи, не сокрушается о них, и Бога не боясь, не кается в них, не утесняет себя за них постом и бдениями и не молит о них Бога, тот не жди прощения от милостивого и благоутробного Судии Бога (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 159).

***

Грех бывает по лишении Божией благодати и освящения. Лишение сие причиняется гордостью; гордость происходит от забвения Бога; забвение Бога от небрежения об освящении, которое даровал Бог, и об угождении Богу, Подателю его. Забудет кто Бога, Который освятил его, перестанет помнить, Кто есть освятивший его и хранящий в нем сие освящение, и впадет в самомнение, будто все то у него есть от него самого. За это отходит от него Божия благодать; тут подходит враг с искушением, увлекает, и вот грех, а за грехом и пагуба. Все от того, что забыл Бога, перестал благодарить Его и смиряться пред Ним (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 162—163).

***

Ведать нам надлежит, что как железо, крепко заржавевшее, не может быть отчищено и приведено в надлежащий свой вид, если не вложишь его в огонь и не обколотишь хорошенько молотами, так и душа, запятнавшаяся скверною греховною, не может иным образом очиститься и восприять прежнее свое благообразие, если не подвержена будет многим искушениям и не внидет в пещь скорбей (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 194).

***

Дело избавления <от грехов> есть дело первой для нас важности, а мы того не знаем, не держим в мысли и не чувствуем. Вот <Господь>... и хочет быть понуждаемым от нас <молитвою>, и как бы насилие какое терпеть, чтоб расположить нас приходить наперед в чувство беды своей,

того великого зла, какое терпим мы от греха, и той тирании и рабства, в каких из-за него находимся мы, и чтоб, когда освободимся от всего сего, великое изъявляли благодарение Богу, благоволившему избавить нас и оказать нам такое благодеяние, которого никто другой сделать не может.

Для сего (понуждения Господа) потребны молитвы, посты, милостыни, сокрушение сердца и всякое другое злострадание. По какой причине? Неужели Бог не может избавить нас от греха даром, без нашего к тому сотрудничества? Нет, — не потому. Но поелику это *даром* делается для всех христиан, когда они бывают крещаемы, а мы тогда не знали сей великой благодати Божией, потому что были младенцами, а потом не познали по причине юношеских стремлений, не познавши же и не восчувствовавши того, плотским предались влечениям, впали в грехи и потеряли ту первую благодать, то теперь необходим собственный наш труд, в противовес самоохотным грехам по благодати крещения, чтоб избавиться от грехов и опять восприять благодать Божию, нами потерянную. Итак, какой христианин желает теперь облечься благодатною силою о Христе Иисусе для избавления от греха и исполнения всякой воли Божией, да покается и, понесши труды покаяния в посте, молитвах и других подвигах, да приступит с верою к строителям благодати Христовой, которые чрез возложение рук (разрешительное от грехов действие в Таинстве покаяния) разрешат его от всех грехов его и дадут ему опять восприять силу Божию на всякое добро, укрепившись которою он возможет далее жить, как подобает жить христианину... (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 200—201).

***

...Невозможно не быть в грехе тому, кто не имеет общения со Христом Господом, т. е. не имеет Божественной благодати (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 204).

***

По причине преступления Адамова расстроились силы естества человеческого, т. е. ум, желание, чувство. Почему может он умствовать, но умствует неправо; может желать, но желаниями неразумными, может являть ретивость (гнев, раздражение, рвение), но бессмысленно. От сего мысли и помышления его, то, как он о чем думает и как что представляет, и то, что и как чувствует, все это криво и ошибочно. Враг наш диавол с клевретами своими бесами, произведший первое падение, мысленно втесняется в сие наше внутреннее настроение, паче и паче возмущает его и, держа нас в нем, как в облаке каком мрачном, заставляет во всем творить его хотения на пагубу самим себе (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 220—221).

***

Прощение грехов каждого грешника не бывает за какие-либо дела, чтоб не возгордился кто по этому поводу, но по человеколюбию Божию и благодати (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 275).

***

...Для получения прощения грехов требуется не только искреннее от всей души раскаяние в них, но еще и твердое

намерение не падать более в те же грехи и не возвращаться вспять (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 275).

***

Бог, когда согрешит душа, наказывает тело, чтоб она, пришедши в чувство, покаялась и спаслась. Когда же таковой, покаявшись и исправившись, причастится Святых Таин, тогда Святыня Божественного причащения великую явит в нем силу и власть, сокрушит грех и душу его очистит от склонности и похотения, какие имеет он ко греху (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 283).

***

...Мы, когда грешим, отдаляемся от Церкви святых рабов Его <Господа>, совлекаемся Божественного оного одеяния, Самого, говорю, Христа Господа, в Коего веруем и в Коего облеклись, когда крестились, лишаемся жизни вечной, и света оного невечернего и непрестающего, и вечных благ, равно как освящения и сыноположения, и из ставших было небесными и во всем подобными второму человеку, Господу Иисусу Христу, делаемся опять перстными, как был первый оный человек, и не только это, но делаемся повинными смерти, имеющими наследовать тьму кромешную и огонь неугасимый, идеже плач и скрежет зубов. Пусть не терпим мы изгнания из видимого рая и не слышим осуждения в поте лица возделывать землю, но мы сами себя изгоняем из Царства Небесного, отчуждаем от оных благ, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9), и делаем повинными нескончаемому мучению. И если бы не даровал нам

Бог еще такого блага, чтоб мы могли опять возвращаться к Нему чрез покаяние, то и спастись никому не было бы возможности (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 299).

***

Бог не создал человека грешным, а чистым и святым. Но когда первозданный Адам потерял сию одежду святости, не от другого какого греха, а от одной гордости, и сделался тленным и смертным, то и все люди, происходящие от семени Адамова, бывают причастны прародительского греха от самого зачатия и рождения своего (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 309).

***

...Хотя возможно, чтобы, по возрождении в крещении, грешил и верный, но если согрешит когда-либо верный, то он (уже перестает быть верным) изгоняется из Церкви и отлучается от общения с христианами, и (если желает снова войти в нее) подвергается церковному наказанию, т. е. исповеданию греха, с постыждением, бесчестием, слезами и воздыханиями не о том только, что согрешил, но паче о том, что, согрешивши, удалил от себя Божественную благодать, которая опять не так легко возвратится к нему, как была дарована во Святом крещении (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 421).

***

...Христианин, который ходит стезями греха, или всеми, или некоторыми... — не христианин, ибо христианин есть и именуется просвещенным; всякий же, ходящий в

свете, видит рвы и стремнины (и не позволяет себе падать в них). Если же не видит их и падает, значит, не имеет света, и потому, как же он будет христианин? Если и говорит он, что видит, но грешит, будучи обольщаем диаволом, то лжет. Не видит он добре, но видит, как видят и непросвещенные, т. е. неверные. Ибо и они видят и различают доброе и злое, и однакож не уклоняются от злого, потому что не видят чисто, что есть главным образом добро и что есть главным образом зло. Итак, христианин, который не видит зла чисто, глазами не засоренными, еще не христианин, и надлежит ему подвизаться, воздыханиями и слезами, постами и молитвами войти в тот истинный и совершенный свет, который просвещает всякого человека, грядущего в мир. Христос Господь за тем и пришел в мир, чтобы верующим в Него даровать очищение и избавление от грехов. Очищение грехов дарует Он чрез Святое крещение, а избавление от греха дарует чрез Святое причащение Пречистого Тела и Пречистой Крови Своей (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 422).

***

...Кто погрешает по своей воле в малом и бережется от большего, тот большему подпадет наказанию, так как, победив большее, побеждать себя допустил меньшему (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 169).

***

...Когда ум наш освободится от лукавых помыслов и страстей и мы, в силу сего, вкусим свободу, какую даровал нам Христос Бог наш, тогда мы не захотим уже низойти в

прежнее рабство греха и плотского мудрования (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 171).

***

...Кто же может усмотреть все эти маленькие прегрешения, чтобы воздерживаться от них и не провиниться ни в одном из них, когда их бесчисленное множество? Я скажу вам, кто благодатию Божиею может не провиниться в них. Кто всегда помнит грехи свои и помышляет о будущем Суде, кается и плачет, тот преодолевает и препобеждает все вообще страсти. Ибо он подымается силою покаяния столь высоко, что никакая страсть не может достать его и схватить душу его, парящую горе́ (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 171).

***

...Кто по крещении осквернил себя непотребными делами и грехами, и тело свое, которое есть храм Божий, блудно соделал жилищем похотей, страстей и демонов, для того... потребны и многие другие покаянные подвиги и приемы самоумерщвления и самоозлобления, чтоб умилостивить Бога и возвратить себе то божественное достоинство, которое потерял по причине своей греховной жизни (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 195—196).

***

Добрые и искренно богоугодливые рабы Божии не полагают никакого различения между малым и большим грехом, но когда погрешат даже мановением очей, или помыслом, или словом, думают, что совсем отпали от любви

Божией, — что, верую я, и истинно есть (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 236).

***

...Всякий, творящий... дела <беззаконные>, уязвляется жалом смерти, т. е. грехом; сквозь же эту язвину и ужаление греха тотчас, как червь, входит диавол и живет там внутри. Видишь ли, как те, которые не сделали сердец своих чистыми посредством слез и покаяния, имеют живущим внутрь себя диавола, который есть злое сокровище? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 339).

***

...Надлежит нам веровать и быть убежденными, что мы, находящиеся во тьме греха от рождения своего, можем посредством веры и исполнения заповедей выйти из нее и вступить в день Божественный и в просвещение духовное, как опять из света сего и дня перейти во тьму и ночь греха, когда, по причине нерадения и презрения заповедей, начнем впадать в прежние грехи наши (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 423).

***

Начало греха — гордыня (прп. Никита Стифат, 92, 95).

***

Если, оставлен быв благодатию, пал ты падением плоти, или языка, или помысла, да не покажется тебе сие удивительным или странным: твое это падение и по твоей вине (прп. Никита Стифат, 92, 95—96).

***

Огнь, тьма, червь, тартар соответствуют страстям — ...неутолимой жажде чувственных удовольствий, смраду греха зловонного, — кои, как задатки и зачатки адских мук, уже отзде начинают мучительно действовать в душах грешников, когда укореняются долгим навыком (прп. Григорий Синаит, 92, 186).

***

...Ум если не будет иметь в руке силу молитвы, то не возможет сокрушить грех и противные силы (прп. Григорий Синаит, 92, 205).

***

Кто же не ведает и не чувствует, что грешник хуже и бесов, как раб их и подданный, уже отзде с ними во тьму кромешную заключенный? (прп. Григорий Синаит, 92, 206).

***

...Как следствие греховности, приходят гражданские смятения и непорядки, принося с собою всевозможные виды зла и вселяя в зачинщиков мятежей и мятежников князя зла, который превращает их в зверей, и без преувеличения скажу, что он тех, которыми возобладает, делает приобретающими нрав демонов (свт. Григорий Палама, 26, 18).

***

...Кто в начатках греха раскаивается, тот не дойдет до конца его; и кто о малых грехах не болезнует, тот чрез них впадет и в великие (свт. Григорий Палама, 92, 288).

***

Когда бываешь уранен, впадши в какое-либо прегрешение, по немощи своей или по худонравию своему (разумеются грехи простительные: недолжное слово сорвалось, рассердиться пришлось, мысль худая промелькнула, желание недолжное поднималось и подобно), не малодушествуй и не мятись попусту и без толку. Первое, что нужно, — не останавливайся на себе, не говори: «Как я такой потерпел это и допустил?!» Это вопль гордостного самомнения. Смирись, напротив, и, воззрев ко Господу, скажи и восчувствуй: «Чего другого и ожидать было от меня, Господи, столь немощного и худонравного». И тут же возблагодари Его, что на этом только остановилось дело, исповедуя: «Если б не Твоя безмерная благость, Господи, не остановился бы я на этом, а всеконечно впал бы еще в худшее что».

Однакож, сознаваясь так и таким себя чувствуя, поопасись допустить беспечную и поблажливую мысль, что поскольку ты таков, то будто право некое имеешь делать что-либо неподобающее. Нет, несмотря на то что ты немощен и худонравен, все неподобающее, делаемое тобой, вменяется тебе в вину. Ибо все происходящее от тебя, произволением одаренного, произволению твоему принадлежит, и как доброе бывает тебе в одобрение, так худое в осуждение. Потому, сознав себя худым вообще, сознай вместе и виновным в том худе, в которое впал в настоящий час. Осуди себя и укори, и притом себя одного, не озирайся по сторонам, ища на кого бы свалить вину свою. Ни люди окружающие, ни стечение обстоятельств не виноваты в грехе твоем. Виновно одно злое произволение твое. Себя и укоряй.

Однакож не будь похож и на тех, которые говорят: «Да, я это сделал, и что ж такое?» Нет, после сознания и самоукорения, поставив себя пред лицем неумытной правды Божией, поспеши возгреть и покаянные чувства: сокрушение и болезнование о грехе не столько по причине унижения себя грехом, сколько по причине оскорбления им Бога, столько милостей тебе лично явившего, в призвании тебя к покаянию, в отпущении прежних грехов, в допущении ко благодати таинств, в хранении тебя на добром пути и руководстве по нему.

Чем глубже сокрушение, тем лучше. Но как бы ни было сильно сокрушение, и тени не допускай нечаяния помилования. Помилование уже совсем готово, и рукописание всех грехов разодрано на Кресте. Ожидается только раскаяние и сокрушение каждого, чтоб и ему присвоить силу крестного заглаждения грехов всего мира. С сим упованием пади ниц душой и телом и вопий: ***Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей*** (Пс. 50, 3) — и не преставай вопить, пока не восчувствуешь себя виновным-милуемым, так чтоб вина и милование слились в одно чувство (прп. Никодим Святогорец, 69, 122—123).

***

Все сие — самоосуждение, сокрушение, уповательную молитву о помиловании, воодушевительное решение блюстись впредь и молитву о благодатной к тому помощи — должно тебе проходить внутри всякий раз, как погрешишь оком, слухом, языком, мыслью, чувством; и на мгновение одно не оставляй в сердце греха неисповеданным Господу и неочищенным пред Ним сердечным покаянием. Опять падешь, и опять то же сделай, и хотя бы тебе многократно

пришлось погрешить, столько же раз и очищай себя пред Господом (прп. Никодим Святогорец, 69, 124).

***

Ведай, возлюбленный, что диавол ни о чем другом не печется, как о погибели каждого из нас, и что не одним и тем же способом ведет со всеми брань... представлю тебе пять нравственных состояний людей и опишу соответственные им козни, обходы и прельщения вражеские. Состояния сии суть следующие: одни пребывают в рабстве греху, и помышления не имея об освобождении от него; другие хотя помышляют об этом освобождении и желают его, но ничего не предпринимают, чтобы достигнуть его; есть и такие, которые по освобождении от уз греха и стяжании добродетелей падают опять в грех с большим растлением нравственным. Из этих последних одни в самопрельщении думают, что, несмотря на то, все еще идут к совершенству; другие в беспечности оставляют путь добродетели; иные самую добродетель, какую имеют, превращают в повод и причину зла для себя.

На каждого из таковых враг действует, соображаясь с его настроением (прп. Никодим Святогорец, 69, 125).

***

Пусть... чей-нибудь грех будет не только явный, но и очень тяжкий и исходит из ожесточенного и нераскаянного сердца, ты и при этом не осуждай его, но возведи очи ума твоего к непостижимым и дивным судам Божиим, и увидишь, как многие люди, бывшие прежде пребезаконными, потом каялись и достигали высокой степени святости, и как, с другой стороны, иные, стоявшие на

высокой степени совершенства, падали в глубокую пропасть. Смотри, не подвергнуться бы и тебе такому бедствию за осуждение.

Потому стой всегда со страхом и трепетом, боясь более за себя самого, чем за другого кого. И будь уверен, что всякое доброе слово о ближнем и радость о нем суть в тебе плод и действие Святаго Духа, как, напротив, всякое о нем худое слово и презрительное его осуждение происходят от твоего злонравия и диавольского тебе внушения. Почему, когда соблазнишься каким-либо недобрым поступком брата, не давай очам своим сна, пока не изгонишь из сердца своего сего соблазна и совершенно не умиришься с братом (прп. Никодим Святогорец, 69, 180).

***

Если случится тебе впасть в какое-либо простительное погрешение делом или словом, именно обеспокоиться какой-либо случайностью, или осудить, или услышать, как осуждают другие, или поспорить о чем, или испытать движение нетерпения, суетливости и подозрения других, или понебречь о чем, — то не следует крайне смущаться или скорбеть и отчаиваться, помышляя о том, что ты сделал, тем более прилагать к тому печальные о себе думы, что верно тебе никогда не освободиться от таких слабостей, или что сила твоего произволения работать Господу слаба, или что ты не как следует шествуешь путем Божиим, — при всяком подобном случае обременяя душу свою тысячами и других страхов, от малодушия и печали.

Ибо отсюда что выходит? То, что ты стыдишься предстать пред Богом с дерзновением, как оказавшийся неверным Ему, напрасно тратишь время на рассматривание,

сколько времени пробыл ты в каждом погрешении, сосложился ли с ним и возжелал его или нет, отверг ли такой и такой помысл или нет, и подобное. И чем больше мучишь себя так, тем больше увеличивается в тебе расстройство духа, туга и нехотение исповедаться. Но и когда пойдешь на исповедь и исповедуешься со смутительным страхом, и после исповеди опять не находишь покоя, ибо тебе кажется, что не все сказал. И живешь ты, таким образом, жизнью горькою, неспокойною и малоплодною, напрасно тратя много времени. И все это происходит оттого, что мы забываем о своей естественной немощи, и выпускаем из виду, как следует душе относиться к Богу, именно, что когда душа впадает в какое-либо простительное и несмертное погрешение, то ей следует со смиренным покаянием уповательно обращаться к Богу, а не томить себя излишнею о том печалью, тугою и горечью.

Говорю это о простительных согрешениях, ибо только в них уместно падать душе, восприявшей строгую жизнь... Мы обращаем... речь свою к тем, которые живут духовною жизнью и деятельно ищут преуспеяния в ней, всячески избегая грехов смертных. Для тех же, которые живут не строго, а как случится, не тревожась, если и смертным грехом оскорбят Бога, потребно другое слово <...> Им надлежит глубоко скорбеть и горько плакать, строго всегда обсуждать свою совесть, и исповедовать без жаления себя все грехи свои, и никаких не должны они по нерадению лишать себя средств, необходимых к уврачеванию и спасению их.

Покаяние всегда должно быть воодушевлено и проникнуто крепким упованием на Бога и при легких каждодневных падениях, а тем паче при более тяжких погрешениях, чем обычные, в которые падает иногда и усердный

раб Божий, по попущению. Ибо сокрушение покаянное, которое только мучит и грызет сердце, никогда не восставляет души в благонадежное настроение, если не бывает соединяемо с твердым упованием на милосердие и благость Божию. Такое упование непрестанно должно исполнять сердца ревнующих достигнуть высших степеней христианского совершенства. Оно оживляет и приводит в напряжение все силы души и духа. Но многие, вступившие на путь духовной жизни, не заботясь о нем, останавливаются в своем течении с сердцем расслабленным, не подвигаясь вперед, за что негожими бывают к получению благодатных благ, кои разместил Господь на пути сем и коих обыкновенно сподобляются одни ревнители, с неослабным усилием по нему текущие все вперед и вперед.

Наипаче же, испытывающие какую-либо тревогу сердечную, или какое-либо недоумение, или раздвоение в совести своей, должны обращаться к духовному отцу своему, или к другому кому, опытному в деле духовной жизни, сопровождая сие уповательною молитвой, да откроет Господь чрез них истину и подаст успокоительное разрешение недоумений и смущений, и затем совершенно успокаиваться на их слове (прп. Никодим Святогорец, 69, 284—286).

***

Грех столько усвоился нам при посредстве падения, что все свойства, все движения души пропитаны им (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 87).

***

Грешащего произвольно и намеренно, в надежде на покаяние, поражает неожиданно смерть, и не дается ему

времени, которое он предполагал посвятить добродетели (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 102).

***

Если ты стяжал навык к грехам, то учащай исповедь их — и вскоре освободишься из плена греховного, легко и радостно будешь последовать Господу Иисусу Христу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 102).

***

...Кто исповедует грехи свои, от того отступают они, потому что грехи основываются и крепятся на гордости падшего естества, не терпят обличения и позора (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 102).

***

Желающий избавиться от живущих в нем грехов плачем избавляется от них... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 191).

***

Общее правило борьбы с греховными начинаниями заключается в том, чтоб отвергать грех при самом появлении его... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 290—291).

***

Не думай ни о каком грехе, что он маловажен: всякий грех есть нарушение закона Божия, противодействие воле Божией, попрание совести (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 370).

***

Грех и орудующий грехом диавол тонко вкрадываются в ум и сердце. Человек должен быть непрестанно на страже против невидимых врагов своих (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 374).

***

По важности веры в деле спасения и грехи против нее имеют особенную тяжесть на весах правосудия Божия: все они смертные, т. е. с ними сопряжена смерть души, и последует им вечная погибель... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 504).

***

Величайшая разница — согрешать намеренно, по расположению к греху, и согрешать по увлечению и немощи, при расположении благоугождать Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 531).

***

Если... по небрежению и рассеянности впустишь в себя грех... то благодать отступит от тебя, оставит тебя одиноким, обнаженным. Тогда скорбь... сурово наступит на тебя, сотрет тебя печалью, унынием, отчаянием, как содержащего дар Божий без должного благоговения к дару. Поспеши искренним и решительным покаянием возвратить сердцу чистоту, а чистотою дар терпения, потому что он, как дар Духа Святаго, почивает в одних чистых (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 550).

***

Последствием греховной жизни бывают слепота ума, ожесточение, нечувствие сердца (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 119).

***

Не наследовал я покаяния, потому что еще не вижу греха моего. Я не вижу греха моего, потому что еще работаю греху. Не может увидеть греха своего наслаждающийся грехом, дозволяющий себе вкушение его — хотя бы одними помышлениями и сочувствием сердца <...>

Кто совершит великое дело — установит вражду с грехом, насильно отторгнув от него ум, сердце и тело, тому дарует Бог великий дар: зрение греха своего (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 122).

***

Грех и состояние падения так усвоились нам, так слились с существованием нашим, что отречение от них сделалось отречением от себя, погублением души своей (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 381).

***

Все мы пребываем в умерщвлении, исполняя греховные пожелания наши, которые не только воюют на душу, но, будучи удовлетворяемы, и умерщвляют ее (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 115).

***

Покаяние в смертном грехе тогда признается действительным, когда человек, раскаявшись в грехе и испо-

ведав его, оставит грех свой (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 115).

***

...Смертный грех православного христианина, неуврачеванный должным покаянием, подвергает согрешившего вечной муке... (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 163).

***

Возвращение ко греху, навлекшему на нас гнев Божий, уврачеванному и прощенному Богом, служит причиною величайших бедствий, бедствий преимущественно вечных, загробных (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 164).

***

С решительностью возненавидь грех! Измени ему обнаружением его — и он убежит от тебя; обличи его как врага — и примешь свыше силу сопротивляться ему, побеждать его (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 61).

***

Грех — причина всех скорбей человека и во времени, и в вечности. Скорби составляют как бы естественное последствие, естественную принадлежность греха... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 156—157).

***

Победа над собственною греховностью есть вместе и победа над вечною смертью. Одержавший ее удобно может

уклониться от общественного греховного увлечения (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 158).

***

Столько повреждена наша природа греховным ядом, что самое обилие благодати Божией в человеке может служить для человека причиною гордости и погибели (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 160).

***

...Грех содержит человека в порабощении единственно посредством неправильных и ложных понятий... Пагубная неправильность этих понятий и состоит... в признании добром того, что в сущности не есть добро, и в непризнании злом того, что в сущности есть убийственное зло (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 168).

***

Сколько дух выше тела... столько грех, принятый и совершенный духом, тягостнее и пагубнее греха, совершаемого телом (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 207).

***

Постоянная греховная жизнь есть постоянное отречение от Христа, если б оно и не произносилось языком и устами (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 221).

***

Всякий род греховной жизни заключает в себе сопротивление и противодействие Богу... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 277).

***

...Нет греха человеческого, которого бы не могла омыть Кровь Господа Бога Спасителя нашего Иисуса Христа (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 466).

***

Требование от себя неизменяемости и непогрешительности — требование несбыточное в этом преходящем веке! Неизменяемость и непогрешительность свойственны человеку в будущем веке, а здесь мы должны великодушно переносить немощи ближних и немощи свои (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 528).

***

Разъединение ума с сердцем, противодействие их друг другу произошли от нашего падения в грех... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 115).

***

Грешников намеренных и произвольных, в которых нет залога к исправлению и покаянию, Господь не признает достойными скорбей, как непринявших учения Христова... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 130).

***

Как земля, по причине поразившего ее проклятия, не перестает из поврежденного естества своего, сама собою, производить волчцы и терние, так и сердце, отравленное грехом, не перестает рождать из себя, из своего повреж-

денного естества, греховные ощущения и помышления (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 271).

***

Смертный грех решительно порабощает человека диаволу и решительно расторгает общение человека с Богом, доколе человек не уврачует себя покаянием... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 352).

***

Проводящие греховную жизнь произвольно, по любви к ней... суть чада диавола... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 370).

***

Грех — родитель плача и слез: он... умерщвляется чадами его — плачем и слезами (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 390).

***

Когда смертный грех, сокрушив человека, отступит от него, то оставляет после себя след и печать поражения, нанесенного человеку (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 400).

***

...Постоянно оплакивай грех твой, — и соделается грех хранителем добродетели (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 407).

***

Когда какой-либо один смертный грех поразит душу человека, тогда все скопище грехов приступает к человеку, объявляет свое право на него (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 414).

***

Стенами означаются сердечные чувства, которые окаменил смертный грех; такие чувства соделываются стеною, не допускающею слову Божию действовать на сердце (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 416).

***

Грешность начинается, где видно произволение (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 119).

***

...Есть грех крайний, на небо вопиющий, именно грешить в надежде на милость Божию (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 123).

***

Грехи наши без... <вражьего> внушения не бывают. Из них он устрояет между нами и Богом преграду (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 133).

***

Грех начинается, когда кто произвольно удерживает в себе <страстные> движения и соглашается с ними (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 77).

***

О смертных грехах нечего говорить: они совсем неуместны у тех, которые ревнуют о спасении (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 21).

***

За любовь к другим Бог прощает грехи любящего (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 29).

***

...Всякое искушение ко греху будет посечено глаголом Божиим, утвержденным в сердце (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 131).

***

...Грех... как яд какой, входя внутрь, разлагает... душу и тело, и каждую часть души и тела, и тем губит человека (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 137).

****

Пришли однажды к авве Зенону братия и спросили его, что значит написанное в Иове: ***Небо нечисто пред Ним*** (Иов. 15, 15)? Старец сказал на это: «Братия оставили исследование грехов своих и взялись за исследование Небесного»... (106, 128).

***

Авва Пафнутий, ученик аввы Макария, рассказывал, что старец говорил о себе: «Когда я был отроком, вместе с другими детьми пас я коров. Сверстники мои пошли во-

ровать смоквы и, когда бежали назад, уронили одну. Я поднял ее и съел. Ныне, когда вспоминаю об этом, сажусь и плачу» (96, 153).

***

В одном городе жил юноша, сотворивший много зла, и занимался он окрадыванием мертвых. Но благодать Божия однажды коснулась его сердца, ужаснулся он своих дел, вспомнил Суд Божий и решился в покаянии и смирении провести оставшуюся жизнь. Придя к пещерам, где лежали окраденные им мертвецы, он горько плакал, а потом сам затворился в одной из них.

Но тут для него началась ужасная брань. Вскоре ему явились бесовские полчища и возопили: «Где этот скверный и нечистый, который, пресытившись грехом, теперь желает себя показать благочестивым? Неужели ты думаешь еще быть помилованным, соделав столько грехов? Уходи отсюда. Блудницы и скупщики краденого ждут тебя. Нам продался ты, нашу волю творил, во всем повинен, и как думаешь избежать муки?» Но юноша твердо верил в беспредельное милосердие Божие к кающимся грешникам, и бесам ничего не отвечал. Долго мучили они юношу своими воплями, а затем начали наносить и побои. Много раз избивали его до полусмерти.

К тому времени родные нашли его и стали упрашивать вернуться домой. Но юноша говорил: «Нет, лучше я умру в этих гробницах, чем возвращусь в мир на смертные грехи». После ухода родных бесы напали на него с таким остервенением, что едва не убили его.

Это было последнее нападение демонов. Видя его непоколебимость, они бежали, вопия: «Благодатию Божиею и

своим терпением он победил нас!» После того юноша в трудах и покаянии прожил в пещере до своей кончины (112, 9—10).

***

Авва Агафоник, настоятель Кастеллийской киновии, рассказывал: «Однажды я пришел в Руву к отшельнику авве Пимену. Найдя его, я поведал ему свои помыслы. Стояла зима, и я остался у него в пещере. Ночь была особенно холодною, и я сильно озяб. Утром старец сказал:

— Что с тобой, чадо?

— Прости, отче! Я промерз и плохо провел ночь.

— А я, чадо, не озяб.

Я удивился этому, потому что старец был наг, и попросил объяснить, как же он не замерз. Он сказал:

— Пришел лев, лег рядом и согревал меня. Впрочем, скажу тебе, что я буду съеден зверями.

— За что?!

— Когда я на своей родине, в Галатии, пас овец, однажды проходил странник. Мои собаки бросились на него и на моих глазах растерзали. Я оставил его без помощи, и собаки съели его. Знаю, что и меня ждет такая же участь.

И действительно, через три года старец был съеден зверями (102, 153).

***

Жил некогда в Царьграде один человек, весьма славный и богатый и милостивый к бедным. Но был в нем один порок: всю жизнь он провел в грехе прелюбодеяния и в старости без покаяния в том же грехе скончался.

После его смерти у патриарха Германа произошел спор с его епископами о душе умершего. Одни говорили, что он спасен за милосердие, а другие, напротив, говорили, что он погиб, ибо сказано: *в чем застану, в том и сужду* (ср.: Ин. 5, 30). Патриарх благословил всем монастырям и затворникам молиться об умершем Богу, чтобы Он открыл его загробную участь.

Господь открыл одному затворнику, где пребывает та душа. Затворник рассказал: «В эту ночь, во время молитвы, я увидел некое место, с правой стороны которого был рай, исполненный неизреченных благ, а с левой — огненное озеро, из которого пламень восходил до облаков. Между ними среди страшного пламени стоял привязанным умерший и громко стонал, а взирая на рай, горько рыдал. Подошедший к нему Ангел сказал: «Что напрасно стонешь. Ради твоей милостыни ты избавлен от муки, а за то, что не оставил своего беззакония до смерти, лишен ты рая блаженного» (112, 897—898).

***

Однажды авва Павел, родом римлянин, шел с лошаками. По козням диавола, на постоялом дворе один лошак раздавил насмерть ребенка. Сильно огорченный этим, авва Павел сделался отшельником и постоянно оплакивал смерть ребенка, чувствуя свою вину. Поблизости находилось львиное логовище, и авва Павел ежедневно подходил к логовищу, ударял и раздражал зверя, чтобы тот растерзал его. Но лев не делал ему никакого вреда. Тогда старец вразумился, что Бог простил ему невольный грех. Возвратясь в свою обитель, он жил в ней, принося всем пользу примером своего подвига до самой кончины (102, 94).

***

Пресвитеру Пиаммону дана была благодать откровений. Однажды, принося Бескровную Жертву Господу, он увидел близ престола Ангела Господня: у него в руках была книга, в которой он записывал имена иноков, приступавших к Святым Таинам. Старец внимательно замечал, чьи имена пропускал Ангел. После Литургии он призывал к себе порознь каждого из пропущенных Ангелом и спрашивал, нет ли у него на совести какого-нибудь тайного греха. И при этом выяснилось, что каждый из них был повинен в смертном грехе. Тогда старец убеждал их раскаяться и сам, вместе с ними повергаясь пред Господом, день и ночь со слезами молился, как бы причастный их грехам.

И это он делал до тех пор, пока вновь не увидел Ангела, записывающего имена приступающих к Святым Таинам. Записав всех, Ангел стал даже по именам называть каждого, приглашая приступить к престолу для примирения с Богом. Это видение убедило старца, что их раскаяние принято Богом (99, 112.)

***

Сын одной матери, молодой человек, вел жизнь рассеянную. Скорбящая мать открыла свою скорбь преподобному Макарию Овручскому и просила его помощи. Преподобный призвал сына к себе, подолгу беседовал с ним, уговаривая прийти в себя, наконец тот сказал: «Зачем принуждают меня долго молиться?» Преподобный отвечал: «Долгие молитвы совершают иноки, но и тебе нельзя совсем оставаться без молитвы, обрекая душу на голодную смерть; читай одну молитву — «Отче наш», — в ней

найдешь все: свет богопознания, уроки для жизни, утешение и силу для духа. Прочесть эту молитву со вниманием, думаю, не тяжело».

Рассеянный сын послушался. Прочтя молитву один раз, он захотел прочесть ее в другой раз и в третий. Затем молитва до того полюбилась ему, что он стал ее читать часто и, читая, учился добру. Стал трудиться над внимательною жизнью, переменился во всем и был утехою матери до смерти (109, 216—217).

***

Блаженный Павел, именуемый Простый, передавал следующий случай из своей жизни. Раз пошел он в некоторый монастырь навестить братию, и пришел в то время, когда они входили в церковь на богослужение. Так как он обладал даром прозорливости, то прозревал, кто в каком виде и с каким духовным расположением входит в храм. Все входили со светлыми лицами, и Ангелы-хранители с радостью сопровождали их. Но узрел он брата, входящего в церковь черным, и бесов, надругающихся над несчастным, и Ангела, издалека следующего за ним. Павел опечалился и горько заплакал. Братия стали умолять его, чтобы он открыл причину плача и вошел в церковь. Но Павел не дал им ответа и остался по-прежнему у врат церковных.

Кончалась служба, все вышли из церкви, с ними и грешный брат. Но каково же было удивление Павла, когда он увидал его чистым и светлым, а бесов, далече от него отстоявших, и Ангела Божия, сопровождавшего его с великой радостью. Павел начал громко славить Бога. Иноки окружили его, и преподобный рассказал им, в каком со-

стоянии увидел он входящим упомянутого брата и в каком выходящим. После этого и сам брат был спрошен и передал следующее: «Я человек грешный и все дни жизни моей, даже доселе, провел в скверных деяниях. Но, вошедши ныне в церковь, я услышал чтение из книги пророка Исаии: *Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды. Тогда если будут грехи ваши, как багряное, как снег убелю. И если послушаетесь, то будете вкушать блага земли* (ср.: Ис. 1, 16—19). Выслушав это, я умилился душою и сказал Богу в мыслях моих: «Ты един еси, Боже, пришедый на землю грешныя спасти! Якоже прежде пророком глаголя, се ныне делом скончай о мне грешном и недостойном. Се бо отселе даю Ти слово, обращаяся усты и сердцем исповедаяся, яко не имам ктому того сотворити зла, но отметаюся всякаго беззакония, и поработаю Ти с чистою совестию. Днесь убо, Владыко, приими мя кающагося и отрекающагося от всякаго зла». «И с сими мыслями, — закончил речь свою инок, — я вышел из церкви, осудив душу мою и дав обещание пред Богом впредь не грешить». Все прославили Бога (112, 585—586).

***

Святой Андрей, Христа ради юродивый, бывши однажды в Царьграде на торжище, встретил инока, вокруг шеи которого обвился страшный змей. Инок этот был человек, многими добродетелями украшенный, но, к несчастию, скупой и сребролюбивый. Отойдя от него на несколько шагов, Андрей заметил в воздухе, над головою инока, начертанные слова: «Змей сребролюбия — корень всякому беззаконию».

Но еще более удивился, когда, оглянувшись назад, увидал Ангела и беса, спорящих за душу инока. Диавол доказывал, что монах, как сребролюбец и потому идолослужитель, принадлежит ему, а Ангел, указывая на многие добродетели инока, утверждал, что он достоин милости Божией. Продолжительный спор их был решен свыше — голос с неба сказал Ангелу: «Ты не имеешь части в нем, ибо только милостивые получают от Меня прощение и наследуют обители небесные». После сего Ангел тотчас оставил инока (112, 791—792).

***

Преподобный отец наш Давид был разбойником и много делал зла. Он был, говорит описатель его жития, «яко ин никтоже зол бяше». Однажды, отдыхая на горе со своими сообщниками и размышляя о своей жизни, он пришел в ужас, раскаялся и решился остальные дни свои посвятить служению Богу.

Оставив друзей, он пришел в монастырь и просил привратника доложить о себе игумену, говоря, что хочет быть монахом. Игумен не замедлил прийти к нему и, думая, что он, по преклонным летам, не выдержит монашеского подвига, принять его в монастырь отказался. Давид усерднее начал просить, но игумен не соглашался. Огорченный отказом, тот воскликнул: «Да знаешь ли ты, отче, кто я? Я Давид, атаман разбойников. Если ты не примешь меня, клянусь тебе, что снова примусь за свои дела, приведу сюда своих товарищей, разорю монастырь и никого не оставлю из вас в живых». Услышав это, игумен решился принять его и постриг в ангельский образ. Что же затем? «Начал Давид подвизатися воздер-

жанием, — говорится в его житии, — удерживати себе смирением. И все преспе, иже в монастыре, седмьдесят черноризец. И тыя убо вся и всегда поучаше и всем на успех бываше, единою же седящу ему в кельи, ста пред ним Ангел, глаголя ему: «Давиде, Давиде, простил тя ест Господь, будеши отныне чудеса творя...» И потом Давид многа чудеса Богом сотвори: слепыя просвети, хромых ходити сотвори и бесныя исцели». Так-то велико, братие, и неизреченно милосердие Божие к кающимся грешникам!

Научимся же отсюда не ослабевать в надежде на милосердие Божие, а скорее, после грехов, обращаться к Богу со слезами, чистосердечным раскаянием и с твердым обещанием исправить свою жизнь. И Он, Всеблагой, очистит беззакония наши и омоет неправды наши, как бы тяжки они ни были (112, 22—23).

***

При царе Маврикии во Фракии был разбойник свирепый и жестокий. Не находя возможности взять его силою, царь решился употребить для его усмирения противоположное средство — милость, и послал к нему свой крест со словами: «Не бойся». Этот необыкновенный поступок тронул сердце разбойника. Он тотчас же раскаялся, сам явился к царю, пал к ногам его и обещал исправиться. Царь простил его, и он остался жить в городе.

Спустя некоторое время бывший разбойник впал в тяжкую болезнь и во время оной однажды во сне увидел Страшный Суд. Пробудившись, почувствовал приближение смерти и, ужаснувшись своих грехов, стал с горькими слезами просить прощения. «Владыко, Человеколюбче, Царю, — говорил он, — как прежде меня Ты спас разбой-

ника, так и на мне теперь удиви милость Твою и приими плач мой на смертном сем одре. И как иных пришедших в единонадесятый час и ничего достойного не сделавших Ты принял, так прими и мои горькие слезы, и очисти меня, и крести меня ими. Не ищи от меня больше сего ничего! Не ищи, ибо не найдешь во мне ничего доброго, окружили меня беззакония мои и бесчисленные содеянные мною грехи. Но как принял Ты плач апостола Петра, так прими и мои малые слезы и милосердием Твоим истреби мои прегрешения!» — И он с плачем многие часы исповедовал грехи свои, затем скончался.

В час его смерти живший в одном с ним доме врач во сне видит следующее: множество бесов явилось к одру разбойника, держа в руках рукописание его грехов, и за ними два Ангела с весами. Бесы на одну сторону весов положили хартии грехов умершего. «А что мы положим на свою сторону? — сказали Ангелы. — Нет у нас ничего, ибо только десять дней прошло, как он престал от убийства! Не положить ли вот только разве сей плат, смоченный слезами, которые он проливал перед смертью?» И, о бездна милосердия Божиего! Плат перетянул все грехи разбойника, и хартии бесов исчезли. Ангелы взяли душу умершего, а бесы бежали посрамленными.

Итак, вот что значит плакать и сокрушаться о своих грехах! (112, 116—118).

***

Некая женщина, впадши в тяжкий грех и не будучи в силах из-за стыда поведать его отцу своему духовному, пришла к святому Иоанну Милостивому, патриарху Александрийскому, и, припав к его ногам, воскликнула: «О,

преблаженный, я такой тяжкий грех соделала, что не имею сил сказать о нем, но при сем верую, что ты один можешь разрешить меня от него!» Иоанн сказал: «Если с верою пришла сюда, то исповедуй мне грех свой». Жена отвечала: «Не могу, владыка». — «Ну так, если стыдишься, пойди, напиши на хартии твой грех и принеси ко мне». — «И того не могу сделать», — ответила женщина. Патриарх сказал: «Так запечатай хартию и принеси сюда». Женщина исполнила повеленное, принесла хартию Иоанну и умоляла его, чтобы он не распечатывал ее.

После сего жена удалилась из города, в котором жила, а святой патриарх, взяв от нее хартию, на пятый день скончался и был погребен. Узнав о сем, жена возвратилась в город и, думая, что грех ее уже известен если не многим, то некоторым, в страшной скорби пришла ко гробу Иоанна и стала взывать: «О, человек Божий! И тебе-то одному я не осмелилась открыть грех мой, а теперь знают о нем все. Не отступлю от гроба твоего до тех пор, пока ты не известишь меня о том, где мое рукописание. Я верую, что ты не умер, но и сейчас жив. И так женщина пребыла у гроба святого патриарха, не вкушая пищи, три дня.

В третью ночь является ей патриарх с двумя епископами, которые ранее были погребены рядом с ним и говорит: «О, женщина, когда же ты перестанешь беспокоить нас и орошать могилы наши слезами?» И, сказав это, святой дал ей в руки хартию ее и добавил: «Возьми ее и, распечатав, посмотри, что в ней». Женщина взяла хартию, и видение кончилось. Распечатав ее, женщина увидала, что рукописание греха ее зачеркнуто, а ниже написано следующее: «Иоанна ради, раба Моего, загладился твой грех». «И рада

бысть жена, — заключает сказание, — возвратиться в дом свой, приимши отпущение грехов».

Из этого повествования ясным становится, братие, то, что святые подлинно имеют благодать молиться за нас, испрашивать нам прощение грехов и прелагать гнев Господень на милость к нам (112, 168—169).

***

Однажды преподобный Нифонт увидел двух Ангелов, которые несли душу человека на небо, не допуская истязать ее на воздушных мытарствах. Бесы, воздушные мытари, начали вопиять: «Зачем вы эту душу не отдаете нам, ведь она наша?» Ангелы сказали: «А чем вы докажете, что она ваша?» «Да она, — отвечали бесы, — до смерти только одно зло делала, и нет греха, которого бы она не сотворила; она была порабощена страстями и без покаяния разлучилась с телом. А кто умер рабом греху, тот наш». Один из Ангелов ответствовал им: «Так как вы всегда лжете, то вам не верим; пусть будет призван Ангел-хранитель этой души, ему и дадим веру, ибо он лжи не скажет».

Ангел-хранитель явился, и Ангелы спросили его: «Что, душа эта покаялась или в грехах оставила тело?» «Подлинно, человек сей грешник был, — отвечал Ангел, — но когда стал болеть, тогда со слезами исповедовал Богу грехи свои и с воздетыми на небо руками усердно просил Бога о помиловании». Тогда Ангелы удержали у себя душу, и бесы были посрамлены. Но они не успокоились и снова возопили: «Уж если этот человек мог быть помилован, то, значит, спасется и весь мир, и всуе мы трудимся?» «Да, — отвечали Ангелы, — все грешники, исповедавшие грехи свои смиренно и со слезами, от Бога получат прощение, а

которые умирают без покаяния, тем Бог Судья». И с этими словами отыдоша, сказано, ко вратам небесным, и спасена бысть душа та (112, 323—324).

***

Архиепископ Вологодский Никон вспоминает такой случай из своего детства. «Когда мне было девять лет, в нашем селе Чашникове, в 25 верстах от Москвы, умерла в возрасте 85 лет просфорница приходской церкви. Всю свою жизнь она провела в благочестии и чистоте и перед своей кончиной пожелала освятить себя Таинством Елеосвящения. Таинство совершал над ней священник села Чашникова отец Иоанн в присутствии всего села.

Болящая во все время соборования была в полной памяти. Как только прочтено было последнее, седьмое, Евангелие, она стала все более и более слабеть. Свеча выпала из ее рук, и дыхание незаметно прекратилось.

Священник благословил усопшую иерейским благословением и, обратясь к родным, предложил им одеть ее в погребальные одежды, а сам стал разоблачаться. В этот момент все присутствующие видят, как усопшая открывает глаза, и слышат, как она тихо, но ясно говорит: «Святителю Христов, отче Николае! Тот грех содеян мною в юности и забыт мною. Но я виновна в нем и каюсь Господу перед тобой. Святитель Божий, прошу тебя, прости и разреши меня от этого греха». И с этими словами она снова тихо предала свой дух Богу» (114, 133).

***

Хозяин одного корабля рассказал авве Палладию следующее: «Однажды мне нужно было плыть с пассажирами из моего села. Вышли в море. В то время как другие

корабли благополучно совершали плавание, мы не могли тронуться в путь и простояли неподвижно на одном месте пятнадцать суток. Уныние и даже отчаяние овладели всеми. Я, как хозяин корабля, особенно сокрушался о судьбе судна и пассажиров. И тогда я обратился к Богу с молитвою. И вот послышался мне голос: «Брось в море Марию — и совершишь благополучно плавание». Долго я размышлял в недоумении, что это значит? Кто такая Мария? И вот тут снова послышался голос: «Я сказал тебе: брось в море Марию, и спасетесь». Среди размышлений я воскликнул: «Мария!» Одна женщина отозвалась на этот крик и сказала: «Что тебе надо, господин?» Я сказал: «Видишь ли, сестра Мария, какой я грешник — и все вы погибнете из-за меня». «Нет, господин мой, это я грешница», — глубоко вздохнув, произнесла она. «Какие же у тебя грехи?» — «Увы, нет греха, которого бы я не совершила, и за мои грехи вы все погибнете...»

После этого она поведала мне следующее: «Я, государь мой, была замужем, и у меня было двое детей; одному исполнилось девять лет, другому пять. Муж мой скончался, и я осталась вдовою. Неподалеку жил один воин, и я захотела, чтобы он взял меня в жены. Я сама подсылала к нему кое-кого. Воин ответил: «Я не желаю брать за себя женщину, у которой есть дети от другого мужа». Узнав об этом, я, несчастная, убила своих детей и объяснила ему, что теперь у меня нет никого». Услышав это, воин воскликнул: «Жив Господь Бог мой, Иже на Небесах: не возьму я ее за себя!» Испугавшись, что мое злодеяние может открыться, и боясь смерти за это, я бежала».

Выслушав рассказ женщины, я, однако, медлил и не решался бросить ее в море. «Дай, — думаю, — еще сделаю опыт». «Смотри, — говорю ей, — вот я войду в лодку, и

если корабль поплывет, знай, что мой грех — причина его стоянки». Зову матроса и говорю ему: «Спускай лодку!» Схожу в лодку — и ничего. Ни корабль, ни лодка не двигаются с места. Тогда, взойдя на корабль, обращаюсь к женщине: «Сойди теперь ты в лодку». Та исполнила мое требование, и в ту же минуту лодка закружилась и, повернувшись раз пять, пошла ко дну. Между тем корабль понесся с такой скоростью, что в три дня мы совершили плавание, которое продолжалось обыкновенно пятнадцать дней и ночей» (102, 69—70).

Д

ДАРЫ БОЖИИ

...Терпеть обиды с радостью и незлобиво, делать добро врагам, полагать душу свою за ближнего и подобное — суть дары Божии, ниспосылаемые произволяющим получить их от Бога, старанием, *делати и хранити* (Быт. 2, 15), как сказано было Адаму; чтобы дары пребывали, (хранимые) благодарением к Благодетелю (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 174).

***

Дарования Божии приходят сами собою, если найдут место чистым и нескверным (прп. авва Исаия, 59, 48).

***

Каждому, по мере веры, даются от Бога дарования на пользу (свт. Василий Великий, 7, 365).

***

Поелику дарования Духа различны, и как один не может принять всех дарований, так и все приемлют не одно и то же дарование, то надобно каждому целомуд-

ренно и с благодарением пребывать в данном ему даровании, и всем быть согласными между собою в любви Христовой, подобно членам в теле. А потому низший по дарованиям, в сравнении с превосходящим его, не должен отчаиваться, а высший — презирать меньшего. Ибо разделившиеся между собою и восстающие друг на друга достойны погибели (свт. Василий Великий, 7, 368).

***

Кто какой бы то ни было дар Божий бережет только для собственного наслаждения, а не делает другим благодеяния, тот осуждается как скрывший талант (свт. Василий Великий, 9, 206).

***

...Беду навлечет на себя тот, кто, получив от Бога телесную силу для пользы общей, не употребит ее в дело и скроет (свт. Василий Великий, 9, 386—387).

***

Если сподобился ты дарования, не высокомудрствуй, ибо не имеешь у себя ни одного совершенства, ***егоже неси приял*** от Бога (1 Кор. 4, 7); и если не будешь ходить по Его заповеди и воле, отнимет Он у тебя собственность Свою и отдаст это лучшему; и тогда будешь походить на человека, у которого отнимают перо, только что омоченное в чернила (прп. Ефрем Сирин, 30, 182).

***

Господь дары Свои дает в меру, соразмеряя с силами приемлющего; дает Себя и видеть по мере сил нашего ока, и слышать по мере сил нашего слуха, и славословить по

мере сил наших уст, дает Он и мудрость по мере сил нашего языка (прп. Ефрем Сирин, 34, 400).

***

...Хотя мы имеем благодать различных дарований, однако все они даются для служений Церкви (прп. Ефрем Сирин, 36, 50).

***

...Действие Божией благодати открывается в человеке, и приемлет он дарование Духа Святаго, какого сподоблена бывает душа верная, только после долговременного борения, после опытов великого терпения и великодушия, после искушений и испытаний, когда свободное произволение испытано будет всякими скорбями (прп. Макарий Египетский, 66, 74—75).

***

...Разделение дарований зависит не от воли получающего, но от воли Дающего (свт. Иоанн Златоуст, 44, 327).

***

...Когда Господь говорит: «Пошлю вам Святаго Духа», то это значит: дар Духа... Иное — сила, которая дается, и иное — Дух, Который дает (свт. Иоанн Златоуст, 44, 895).

***

(Господь) безотлагательно награждает нас великими дарами, только бы мы показывали в себе искреннюю

веру... и никогда не колебались в помыслах, но имели дух постоянно твердый (свт. Иоанн Златоуст, 47, 406).

***

Не считай ничего своим. Обладаешь ли словом и даром учительства? Не думай, что ты чрез это имеешь что-нибудь больше других. Потому в особенности ты и должен смиряться, что удостоился больших даров (свт. Иоанн Златоуст, 52, 277).

***

В этом преимущественно и заключается действие Промысла Божия, что Бог предлагает дары Свои всем без различия (свт. Иоанн Златоуст, 52, 504).

***

<Бог> не только даровал нам честь, но и соделал нас сильными к принятию ее (свт. Иоанн Златоуст, 54, 370).

***

...Иногда не получали <дарований> и люди, проводившие хорошую и чистую жизнь. Для чего же? Для того, чтобы они не преткнулись, чтобы не возгордились, чтобы не сделались нерадивыми, чтобы не стали слишком превозноситься (свт. Иоанн Златоуст, 55, 34).

***

...Дары различны, и не всем дается одна благодать Святаго Духа, а к какой кто сделает себя своим усердием

или старанием способным и достойным (прп. Иоанн Кассиан, 56, 82).

***

...Дарования даются не просто, но по мере предуготовления разума в приемлющих (прп. Исидор Пелусиот, 60, 334).

***

Блаженна душа, чрез жаждание Бога истинно уготовившая себя к принятию даров Его, потому что Он ни в чем не оставляет такой души, но во всем покровительствует ей, даже и в том, о чем она по неведению не просит Его (прп. авва Зосима, 90, 120).

***

Кто имеет какое-либо духовное дарование и сострадает не имеющим оного, тот состраданием сохраняет сей дар (прп. Марк Подвижник, 68, 8).

***

Не хвались много, о человек, богатством, которое ты без труда получил, но знай, что Раздаятель даров, предвидев великое твое повреждение, немощь и погибель твою, восхотел хотя как-либо спасти тебя превосходными оными дарованиями, не заслуженными тобою (прп. Иоанн Лествичник, 57, 181).

***

Некоторые, по непостижимому Божию Промыслу, получили духовные дарования прежде трудов; другие в самых

трудах, иные после трудов, а некоторые уже при смерти. Достойно испытания, кто из них смиреннее прочих? (прп. Иоанн Лествичник, 57, 191).

***

Некоторые больше всего ублажают чудотворения и другие видимые духовные дарования, не зная того, что есть много превосходнейших дарований, которые сокровенны и потому безопасны от падения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 192).

***

Некоторые из братий думают, что они не могут иметь даров Духа Святаго, ибо по нерадению об исполнении заповедей не знают, что имеющий истинную веру во Христа имеет в себе сокращенно все дары Божии. Но поскольку мы, по безделью нашему, далеко отстоим от деятельной к Нему любви, которая показала бы нам Божественные в нас сокровища, то справедливо почитаем себя чуждыми даров Божиих (прп. Максим Исповедник, 90, 223).

***

...Живущий не для себя, а для Бога бывает исполняем Божественных даров, которые не всегда явны бывают по причине угрожающего нападения страстей (прп. Максим Исповедник, 90, 231).

***

Дух ***страха Божия*** есть воздержание от злых дел; ***дух крепости*** есть усердное стремление и движение к энергичному исполнению заповедей, ***дух совета*** есть навык раз-

личения (добра и зла), по коему разумно исполняем заповеди, отревая от лучшего худшее; ***дух благочестия*** есть непогрешительное видение образов творения добродетелей, по коему действуя никогда не отступаем от здравого суждения разума; ***дух ведения*** есть верное понимание заповедей и разумных оснований их, на коих стоят и образы добродетелей; ***дух разума*** есть сосложение с образами и основаниями добродетелей (решимость исполнить первые и действовать по вторым) или, лучше сказать, претворение (себя по ним), по коему совершается сраствореніе естественных сил с образами и основаниями заповедей; ***дух премудрости*** есть восторжение к Причине сущих в заповедях духовнейших разумений, и соединение с Нею, в силу коего, неведомо как, посвящаемы бывая, сколько это доступно людям, в сущее в Боге разумение вещей, сообщаем его другим людям речью, бьющею из сердца, как из некоего источника (прп. Максим Исповедник, 90, 276—277).

***

...Получившие духовный дар от Бога долг имеют неоскудно передавать его прежде других детям своим духовным, потом друзьям, знаемым и слугам, а далее и сторонним, богаты ли они или бедны, слово ли премудрости кто получил, или слово разума, или дарование исцелений, или предстательство о душах, или силу помогательную, или рассуждение управительное. И всякий из тех, которые учат или делают что-либо для других, пусть ведает, что никто из них не будет похвален и не получит воздаяния за то, что делает, но строго будет истязан, осужден и наказан за все, что пропустит сделать (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 95).

***

Пока естественные наши силы бесчинно держат себя между собою и распадаются на многие скопы, до тех пор мы не можем быть причастными и сверхъестественных даров Божиих. Оставаясь же непричастными их, мы далеко негде стоим и от таинственного священнодействия, совершаемого мысленным деланием ума на небесном жертвеннике. Когда же мы, ревностно проходя священные подвиги, очистимся от чувственных влечений и силою Духа соберем воедино образовавшиеся в нас скопы, тогда и неизреченных Божиих благ бываем причастны, и Божественные таинства таинственного священнодействия ума достойно возносим Богу-Слову на пренебесный мысленный жертвенник Божий, как зрители и священнослужители бессмертных тайн Его (прп. Никита Стифат, 92, 159).

***

Не ищи преподания тебе дарований, если они не способствуют спасению и сохранению смиренномудрия... (прп. Феогност, 90, 388).

***

Святый Дух, вселившись в человека, разрушает в нем царство греха, уничтожает невидимую внутреннюю борьбу и расстройство, водворяет мир Христов... (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 83).

***

Единый Святый Дух может вполне очистить человека от страстей и возвратить ему власть над самим собою, похищенную диаволом (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 167).

****

После кончины своего старца авва Иоанн постился сорок дней, и ему было небесное видение, причем он слышал голос: «На какого больного ты ни возложишь своих рук, он исцелится». Утром, по Промыслу Божию, приходит к нему человек с больной женой, страдавшей раком груди. Муж неотступно просил авву о ее исцелении. Тогда святой возложил руку на женщину, осенил грудь ее крестным знамением, и она тотчас получила исцеление. С тех пор Бог явил через него много других знамений не только при жизни, но и по смерти его (102, 73).

***

Как-то одному из святых отцев пришлось быть в Константинополе. В церкви подошел к нему неизвестный и, поздоровавшись, начал беседу о спасении души. «Воистину блажен тот, — сказал он, — кто всю свою надежду полагает на Бога и всего себя Ему поручает». И затем продолжал: «Я был сыном богатого человека, который при этом был необыкновенно милостив к бедным. Однажды, призвав меня, он показал мне все свои сокровища и сказал: «Сын мой, что ты хочешь, чтобы я тебе после себя оставил: все свое богатство или Христа?» Я отвечал: «Христа, ибо земные сокровища тленны и скоропреходящи». После этого отец мой стал еще милостивее и вскоре все свое имение раздал нищим. После его смерти я остался бедняком и всю свою надежду возлагал только на Господа. Что же произошло? Был в нашем городе богатый и славный, а вместе с тем и благочестивый человек, имевший и таковую же жену. У них была единственная дочь. Когда она выросла, благочестивая мать сказала мужу: «Вот мы

имеем дочь; богатства у нас много, значит, мы должны искать ей жениха не богатого, а кроткого и богобоязненного, который бы осчастливил ее собою и сохранил наше имение». Муж отвечал: «Верно говоришь ты, и я думаю выбор предоставить Самому Богу. Пойдем в церковь, помолимся усердно, и затем, кого Господь пошлет первого в церковь, тот пусть и будет мужем нашей дочери». Пошли, помолились и стали ожидать входящего. Тут я и вошел. Они послали своего раба позвать меня, а когда я пришел, стали расспрашивать, кто я и откуда родом. Когда же я назвал им своего отца, которого они хорошо знали, то, услышав, что я не женат, прославили Бога и воскликнули: «Сам Христос избирает тебя мужем нашей дочери; возьми ее и живи, имея страх Божий». Я согласился и сделался мужем их дочери, а вместе с нею получил и их имение. И теперь забочусь только о том, чтобы во всем поступать так, как поступал мой благочестивый отец» (112, 570—571).

***

В стране Саворской жил некий инок — христолюбивый, нищелюбивый и милостивый; молодой возрастом и старый разумом. Этот инок носил имя Мартирий и проводил святую жизнь. Он имел обычай ходить в соседний монастырь к своему духовному отцу, чтобы вместе с ним изливать молитвы пред Господом. И вот, когда однажды, по обычаю, Мартирий шел к своему духовнику, он встретил на пути лежащего нищего, всего покрытого струпьями. Нищий намеревался идти туда же, куда шел и Мартирий, но сил у него не было. Мартирий сжалился над ним, разложил на земле свою мантию, положил на нее нищего и понес его на своих плечах. Когда он, со своею

ношею, пришел к монастырю, духовник встретил его и, как прозорливец, исполненный Духа Святаго, громко воззвал к бывшим с ним монахам: «Спешите скорее, отворите врата монастырские! Ведь Мартирий грядет, Бога неся!» Мартирий же, подойдя к вратам, снял с себя свою ношу и хотел поднять нищего с земли, но оказалось, что на мантии никого не было. И вдруг послышался голос: «О, Мартирий, ты не презрел Меня на земле, а Я не презрю тебя на небесах! Ты ныне на Меня воззрел милостиво, а Я тебя во веки помилую!» Подняв голову Мартирий увидел возносившийся на небо образ Господа нашего Иисуса Христа.

Когда Мартирий вошел в монастырь, духовный отец спросил его: «Брат Мартирий, где же Тот, Которого ты нес на раменах своих?» Мартирий отвечал: «Если бы я знал, отче, кто Он, я бы простерся у ног Его». Весть о чудном видении тотчас же разнеслась по монастырю. Духовник же еще спросил Мартирия: «Тяжело ли тебе было, чадо, нести нищего на плечах твоих?» «Нет, — отвечал Мартирий. — Когда я нес, то никакой тяжести не чувствовал, ибо нес Носящего меня и Того, Который словом Своим все содержит» (112, 386).

***

Авва Милисий, проходя по одному месту, увидел, что люди содержат монаха, как совершившего убийство. Старец, подойдя, расспросил брата и, узнав, что он оклеветан, сказал держащим его: «Где убитый?» Те показали ему мертвого. Авва повелел всем молиться. Когда же он сам простер руки к небу, мертвый воскрес. И спросил его старец: «Скажи нам, кто убил тебя?» Тот рассказал: «Войдя в церковь, я дал деньги пресвитеру, а он задушил меня и бросил в монастырь аввы. Но я прошу вас взять у него

деньги и отдать их моим детям». Тогда сказал ему старец: «Ступай, спи, пока не приидет Господь и возбудит тебя». И он тотчас опять почил (97, 440—441).

***

Некая женщина была больна раком и, узнав об авве Лонгине, захотела встретиться с ним. Он жил в девяти милях к западу от Александрии. Когда же искала его женщина, случилось сему блаженному собирать дрова. Увидев его, женщина спросила: «Авва, где живет раб Божий, авва Лонгин?» Он же сказал: «Чего ты хочешь от него? Не ходи к нему, ибо он обманщик. Что тебе нужно?» Женщина же показала больное место. Старец, перекрестив его крестным знамением, отпустил ее, сказав: «Ступай, Господь исцеляет тебя, авва Лонгин же не может помочь тебе». Женщина ушла, поверив слову, и вскоре была исцелена.

Когда же она рассказала о своем исцелении и указала приметы старца, то все поняли, что это и был сам авва Лонгин (97, 437—438).

***

В иной раз еще принесли к авве Лонгину бесноватого. Он же сказал принесшим: «Я не могу ничего сделать вам, но лучше идите к авве Зенону». Авва Зенон стал на молитву и начал теснить демона, изгоняя его. Демон же вскричал: «Может быть, думаешь ты, что ради тебя выхожу? Вот авва Лонгин молится, говоря на меня Богу, и, страшась его молитв, я выхожу, а тебе и ответа не дал бы я» (97, 438).

***

Говорили об авве Макарии, что, идя из Скита и неся корзины и утомившись, он сел и молился, говоря: «Боже, Ты знаешь, что у меня уже нет силы». И тотчас очутился он при реке, вблизи того места, куда шел (97, 439).

ДЕВСТВО

Никто из девственников не хвались девством, так как оно есть благодать Самого Бога (прп. Антоний Великий, 88, 61).

***

Девство отдаляет от себя женские чувства, плотские помышления, гордость сердца и любовь ко всему тому, что диаволово; далеко от себя отгоняет оно также нетерпеливую ропотливость, ненависть к людям и славу мирскую; прилежит богослужению, воздерживает язык и чрево наказывает постами. Когда оно украшено всем этим, то бывает жертвою без порока и скверны (прп. Антоний Великий, 88, 61).

***

Если ты, девствующая душа, будешь заботиться о многих яствах, и будешь ходить с удивлением к себе (занятая собою), то будешь постыжена во всех делах своих. Если не будешь блюсти языка своего, будешь пуста во все течение жизни твоей, и тщетно подняла ты великие труды (прп. Антоний Великий, 88, 61).

***

...Дарование девства заключается не в одном только воздержании от деторождения, но вся жизнь и быт и нрав

должны быть девственны, во всяком занятии безбрачного показывая нерастленность. Можно и словом соблудить, и оком прелюбодействовать, и слухом осквернiться, и в сердце принять нечистоту, и неумеренностью в пище и питии преступить пределы целомудрия. А кто чрез воздержание во всем этом соблюдает себя под законом девства, тот действительно показывает в себе совершенную и во всем преуспевшую благодать девства (свт. Василий Великий, 9, 57).

***

Давшая обет девства, и нарушившая оный, пусть исполнит время наказания, положенное за грех прелюбодеяния, проводя жизнь одинокую (свт. Василий Великий, 11, 93).

***

...Тщательно охраняй и блюди оружие девства. Если будет оно сокрушено, то не можешь уже ты ополчаться с Господом (прп. Ефрем Сирин, 34, 198).

***

...Вступившая в брак да принадлежит Христу; и дева да будет всецело Христова! Одна да не прилепляется совершенно к миру, другая да не будет вовсе от мира! Что замужней принадлежит частью, то деве принадлежит всецело. Ты избрала жизнь ангельскую, стала в чине безбрачных; не ниспадай же в плотское, не ниспадай в вещественное, не сочетавайся с веществом, тогда как ведешь жизнь безбрачную. Блудный взор не охранит девства; блудный язык вступает в общение с лукавым; ноги, иду-

щие бесчинно, обличают болезнь или приводятся в движение болезнью. Да будет девственною и мысль; да не кружится, да не блуждает, да не носит в себе образов того, что лукаво (такой образ есть уже часть любодейства); да не созидает в душе ненавистных кумиров!

Он <Господь> *же рече им: не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть* (Мф. 19, 11). Видите ли высоту сей добродетели? Она оказывается едва удобовместимой. Да и не выше ли плоти — рожденному от плоти не рождать в плоть? Не ангельское ли свойство — душе, связанной с плотью, жить не по плоти, и быть выше самой природы? Плоть связала ее с миром, а разум возвел к Богу; плоть обременила, а разум окрылил; плоть заключила в узы, а любовь разрешила их. Всей душой стремись, дева, к Богу! Один и тот же закон даю мужам и женам. Не представляй себе благом всего того, что кажется благом для многих, — ни рода, ни богатства, ни престола, ни господства, ни красоты, поставляемой в доброцветности и стройности членов — этого игралища времени и болезней! Если ты всю силу любви истощила пред Богом, если не два у тебя предмета любви, т. е. и скоропреходящее и постоянное, и видимое и невидимое; то уязвлена ли ты столько избранною стрелою, и познала ли красоту Жениха, чтоб могла сказать словами брачного описания и брачной песни: Ты *сладость, и весь желание* (Песн. 5, 16)? Видите в свинцовых трубах заключенные токи, как они, при сильном стеснении и устремлении к одному месту, до того часто отступают от естественного свойства воды, что, давимые непрестанно сзади, устремляются вверх, так и ты, если сосредоточишь любовь и всецело сопряжешься со Христом, то будешь стремиться горе́, а не падать долу и не разливаться. Ты вся пребудешь Христова, пока наконец

увидишь и Самого Христа, Жениха твоего. Храни себя неприступною и в слове, и в деле, и в жизни, и в помыслах и движениях сердечных, ибо лукавый отвсюду пытает, и все высматривает, где низложить, где уязвить тебя, если найдет что незащищенным и открытым для удара. Чем более видит в тебе чистоты, тем паче усиливается осквернить; потому что пятна виднее на чистой одежде. Да не привлекают взор — взора, смех — смеха, короткость обхождения — ночных сходбищ, а ночь — погибели! Ибо понемногу отъемлемое и похищаемое, хотя в настоящем производит ущерб неощутительный, однако же впоследствии совершенно уничтожает вещь (свт. Григорий Богослов, 14, 222—224).

***

Блаженна жизнь счастливых девственников, которые, отрясши плоть, близки к чистому Божеству (свт. Григорий Богослов, 15, 273).

***

Лучше девственная жизнь, подлинно лучше! Но если она предана миру и земному, то хуже супружества (свт. Григорий Богослов, 15, 275).

***

...Вы, невесты девы, приявшие в объятия свои Слово Великого Бога, старайтесь в дар Богу принести все! (свт. Григорий Богослов, 15, 362).

***

Приветствую тебя, великое, богодарованное девство — подательница благ, матерь безбедной жизни, Христов жре-

бий, сожительница небесных красот, которым неизвестны супружеские узы! А не знают сих уз, во-первых, Бог, потом — лик присносущного Бога, — Бог, сей источник светов, Свет неименуемый, непостижимый, Который убегает от быстроты приближающегося к Нему ума, всегда предупреждает всякую мысль, чтобы мы в желаниях своих простирались непрестанно к новой высоте, — и Божий лик, сии светы вторичные после Троицы, имеющей царственную славу (свт. Григорий Богослов, 16, 50).

***

Супружество послужило украшением земли, а девство — Божия неба (свт. Григорий Богослов, 16, 56).

***

Как живописец, изображая на картине бездушные подобия вещей, сперва легкими и неясными чертами оттеняет образ, а потом выводит полное изображение разными красками, так и девство, достояние присносущного Христа, являлось прежде в малом числе людей, и пока царствовал Закон, оттеняемое слабыми красками, в немногих чертах просиявало сокровенным светом. Но когда Христос пришел через чистую, девственную, не познавшую супружества, богобоязненную, нескверную Матерь без брака и без отца, и, поскольку Ему надлежало родиться, очистил женское естество, отринул горькую Еву, и отверг плотские законы, по великим же уставам буква уступила духу и явилась на среду благодать, тогда воссияло для людей светлое девство, отрешенное от мира и отрешающее от себя немощный мир, столько предпочитаемое супружеству и житейским узам, сколько душа предпочтительнее плоти, и

широкое небо — земле, сколько неизменяемая жизнь блаженных лучше жизни скоротечной, сколько Бог совершеннее человека. И окрест светозарного Царя предстоит непорочный, небесный сонм, — это те, которые поспешают с земли, чтобы стать богами, это Христоносцы, служители Креста, презрители мира, умершие земному, пекущиеся о небесном, светила мира, ясные зерцала света. Они видят Бога, Бог — их, и они Божии (свт. Григорий Богослов, 16, 56—57).

***

...Если, хотя несколько, очистишь глаза свои от гноя, которым покрываются они при сиянии света, или от омрачения, и в состоянии будешь открытым оком взирать на светлость нашего солнца, разрешать все чистым умом, то найдешь, что девство, взятое во всей его целости, есть такое приношение Богу, которое светлее золота... и слоновой кости, что оно благоразумно, ясно как день, легкокрыло, высокошественно, легко, пресветло, превыше персти, неудержимо в земных юдолях, обитает в пространном небесном граде и вдали от плоти, одною рукою емлется за нестареющуюся жизнь, а другою приемлет богатство и славу непрестающие, не уподобляется черепахе, которая под бременем своего костяного дома медленными шагами едва влачит свое влажное тело, не делится между Христом и владычествующею плотью, по закону водоземных, которые то держатся суши, то день и ночь остаются в водах, но устремляет к Богу всецелый ум, цветет же рождениями свыше, которые лучше земных чад, — надеждою и чистыми помыслами, посылаемыми от Чистого (свт. Григорий Богослов, 16, 69—70).

***

Дева, будь девственною и слухом, и очами, и языком; потому что чрез все вторгается грех. Слух напрягай для одних добрых вещаний, а для речей срамных и бесстыдных заграждай его дверью. Очи храни целомудренными в брачных чертогах, т. е. в веждях твоих, и не уязвляй сердца похотливыми движениями. Уста держи заключенными, подобно нераскрывшимся чашечкам цветка, чтобы слово твое оставалось предметом желаний (свт. Григорий Богослов, 16, 81).

***

Сколько девство предпочтительнее супружества, столько непорочный брак предпочтительнее сомнительного девства. Посему и ты, ревнитель совершенства, или вполне возлюби чистое девство, если имеешь к тому и силу, и расположение, или избери супружество, как говорят, после первого второе, также доброе, плавание (свт. Григорий Богослов, 16, 94).

***

...Тому, кто в дар Царю Христу принес девство — эту словесную жертву, это бескровное заклание, вступить опять в супружество не только есть потеря, но и величайшее падение, близкое к смерти; а сверх того и нескончаемый стыд. Это значит, вдруг поскользнувшись, обратиться вниз на землю с обрывистой горы, на которую всходил ты с великим трудом, в намерении отрыть там золото, или провести время в приятном занятии, преследуя зверя (свт. Григорий Богослов, 16, 94—95).

***

Дева, невеста Христова, прославляй своего Жениха; непрестанно очищай себя словом и мудростью, чтобы ты, чистая, вечно могла сожительствовать с Чистым. Этот союз гораздо выше тленного сочетания. Живя в теле, подражай духовным Силам, проходи на земле ангельскую жизнь. Здесь заключаются и расторгаются союзы; здесь тела родятся от тел, а в горней жизни каждая Сила живет одиноко, и она неразрушима. Первые Силы приемлют в себя луч чистой Сущности; это духи и огонь — служители Божиих велений. А плотское сочетание изобретено веществом, — этою непрестанно текучею природою. Впрочем, Бог и сему положил меру, узаконив брак. Но ты, которая бежала от дел вещества, сдружись с горним, как ум сдружается с умом, сливаясь в божественную гармонию, и, ведя брань с плотию, вспомоществуй Божию образу. Ибо ты — Божие дыхание, для того сопряженное с худшим, чтобы, после борьбы и победы, получить венец, возведя в горнее и персть, прекрасно подчинившуюся (свт. Григорий Богослов, 16, 105—106).

***

Положим, что похвально для тебя и супружество, но выше супружества нерастленность. Супружество — уступка немощи, а чистота — светлость жизни. Супружество — корень святых, а чистота — их служение (свт. Григорий Богослов, 16, 106).

***

Доблестно шествуй, дева, на гору, спасайся в горних, не озирайся на Содом, чтобы не отвердеть в соленый

столп. Естество плоти не должно слишком тебя устрашать; но не будь и отважна чрез меру, чтобы не сбиться тебе с дороги. Искра зажигает солому, а вода утишает пламень. У тебя много врачевств чистого девства. Водружай себя Божиим страхом, истощай постом, бдением, молитвою, слезами, сном на голой земле и всецелою любовью к Богу, которая, при истинном направлении, усыпляет всякое желание, чуждое горним. Падшего восставь, претерпевшему кораблекрушение окажи милость, а сама совершай благополучное плавание, распростерши ветрила надежды. Падают не те, которые пресмыкаются долу, но которые несутся горе́. У не многих истаевают крылья, полет же многих благоуспешен. Пал Денница; но небо населено Ангелами; предателем стал Иуда, но одиннадцать учеников соделались светилами (свт. Григорий Богослов, 16, 106—107).

***

Соблюдай во всем чистоту, дева, уневещенная единому Христу, храни красоту запечатленную. Христос милостив, но и ревнив, не терпит ничего безобразного, ничего неблагоприличного (свт. Григорий Богослов, 16, 116).

***

Принесенное в дар Богу и дева должны быть неприкосновенны не для одних осквернных, но и для взора всех (свт. Григорий Богослов, 16, 116).

***

...Если видимо соблюдаешь тело свое от растления и блуда, внутренно же ты любодействовал и творил блуд в

помыслах своих, то прелюбодей ты пред Богом, и не принесет тебе пользы девственное тело твое (прп. Макарий Египетский, 88, 218—219).

***

Священный образ девства, который уважается всеми полагающими совершенство в чистоте, но усвояется одними теми, коим по благоволению содействует благодать Божия в сем благом стремлении... (свт. Григорий Нисский, 24, 287).

***

...Девству достаточно одной похвалы, — объявить его добродетелью выше всяких похвал, и выражать удивление к его чистоте более жизнью, нежели словом. Если же кто, по ревности к прославлению, делает предметом похвалы девство, тот, как кажется, думает, что может каплею своего пота увеличить беспредельное море, полагая, что человеческим словом можно возвеличить такой дар: он или не знает своих сил, или не понимает того, что хвалит (свт. Григорий Нисский, 24, 288—289).

***

...<Девство> и на небесах у Отца духов пребывает, и с премирными силами торжествует, и к человеческому спасению имеет отношение, потому что собою вводит Бога в общение с человеческою жизнью, а человека окрыляет желанием небесного и делается как бы некоторою связью содружества человека с Богом, приводя своим посредством столь далеко отстоящее друг от друга по естеству в согласие, — то какая сила слова будет в состоянии объять

величие столь чудного предмета? (свт. Григорий Нисский, 24, 291).

***

...Девство недоступно всем бедствиям: оно не плачет о сиротстве, оно всегда вместе с нетленным Женихом, всегда радуется порождениям благочестия; поистине в доме своем видит постоянно изобилие всего, что ни есть самого прекрасного, потому что в нем всегда присутствует и обитает Владыка дома, смерть причиняет не разлуку, но соединение с Любимым, ибо когда разрешается, тогда бывает со Христом... (свт. Григорий Нисский, 24, 302).

***

...Как в прочих занятиях придуманы некоторые искусства для того, чтобы совершеннее выполнить то дело, о котором заботимся, так... и подвиг девства составляет некоторое искусство и способность к достижению более божественной жизни, содействуя живущим во плоти уподобляться естеству бесплотному. Ибо вся забота настоящей жизни состоит в том, чтобы высота души не унизилась напором удовольствий, и чтобы разум наш, вместо того чтобы воспарять к небу и созерцать горняя, не пал, низвергшись к страстям плоти и крови. Ибо как может свободным оком взирать на сродный себе и умный свет душа, прилепившаяся к дольним плотским удовольствиям и устремившая все желание к человеческим страстям, когда по какому-то худому и невежественному представлению склоняется к предметам вещественным? Как глаза свиней, по природе обращенные вниз, не могут видеть чудных красот

небесных, так душа, привязавшись к телу, не может созерцать горних красот, потому что преклонилась к грубому и скотоподобному по природе. Итак, чтобы душа наша могла свободно и беспрепятственно взирать на оное божественное и блаженное удовольствие, она не должна обращаться ни к чему земному и принимать участия в тех мнимых удовольствиях, которые дозволяются брачною жизнию, но всю силу любви от плотских предметов должна обратить к созерцанию умственной и невещественной красоты. К такому расположению души содействует нам телесное девство: оно производит то, что душа совершенно забывает о естественных страстных движениях и не помнит их, не имея никакой необходимости заниматься удовлетворением низких потребностей плоти. Ибо, освободившись однажды от сих обязанностей, она уже не подвергается опасности, по привычке мало-помалу снисходя к удовольствиям, кажущимся дозволенными законом природы, отвратиться и не познать того божественного и нетленного удовольствия, которого обыкновенно достигает одно только чистое сердце (при содействии) господственного начала в нас — ума (свт. Григорий Нисский, 24, 317—319).

***

...Мы находим полезным для более немощных, чтобы они прибегали к девству, как к безопасной какой крепости, и не вызывали против себя искушений, нисходя к обычаю сей жизни; не привязывались к тому, что противовоюет закону ума нашего чрез плотские страсти, и не волновались заботами... и о другом чем-либо, о чем пекутся в сей жизни, но заботились о превосходящей все надежде (свт. Григорий Нисский, 24, 330).

***

...Плотское деторождение (никто да не оскорбится сими словами) бывает причиною не столько жизни, сколько смерти, поелику от рождения получает начало тление; положившие оному конец чрез девство поставили в себе предел смерти, воспретив ей чрез себя идти далее и представив собою как бы некую границу между жизнью и смертью, удержали последнюю от дальнейшего стремления. Итак, если смерть не может прейти чрез девство, но в нем исчезает и прекращается, то ясно видно, что девство сильнее смерти; почему справедливо именуется нерастленным тело, не поработившееся сопряжению тленной жизни и не допустившее себя стать орудием к продолжению смертного потомства, так как в нем прервалась постоянная последовательность тления и смерти, которая непрерывно продолжалась от прародителя до жизни девственника. Ибо невозможно было смерти когда-либо прекратить свое действие, пока чрез брак происходило рождение людей: но сопровождая все предшествовавшие поколения и всегда вступая вместе с являющимся в жизнь, обрела она в девстве предел своему действию, далее коего идти ей невозможно. Ибо, как в Богородице Марии, царствовавшая от Адама до Нее смерть, когда приступила к Ней, то приразившись к плоду девства, как бы к какому камню, сокрушилась о Нее; так и во всякой душе, ведущей девственную жизнь во плоти, держава смерти как бы сокрушается и разрушается, не находя, во что вонзить свое жало. Ибо и огонь, если не подкладывать дров, соломы, сена или чего другого из сгораемых веществ, не может являть своей природной силы, так и сила смерти не может действовать, если брак не подложит ему вещества, не

приготовит существ, которые должны подвергнуться смерти, как бы какие осужденные. Если сомневаешься, посмотри на все виды несчастий, какие приключаются людям от смерти... откуда получают они начало? Скорбь о вдовстве, сиротстве или несчастье потери детей могли ли быть, если бы не было пред тем брака? Ибо желанные утехи, радости и удовольствия, и все, что почитается вожделенным в супружестве, оканчивается таковыми скорбями. Как у меча рукоять бывает гладка, приятна для осязания и держания, блестяща и приспособлена к руке, все же прочее есть железо, орудие смерти, страшное на вид и еще более страшное, когда употребляется в дело; так нечто подобное сему есть и брак; как некую художественно выточенную красивую рукоять, он представляет для чувственного ощущения наружный вид и блеск удовольствия; но как скоро эта рукоять окажется в руках прикоснувшегося к ней, она влечет за собою и соединенные с нею скорби, и брак делается виновником плача и несчастий для людей. Он производит сие жалостное и достойное слез зрелище: детей, в раннем возрасте осиротевших и преданных в добычу сильным людям, — детей, которые часто смеются своему несчастью, не понимая его зла. А какая другая причина вдовства, как не брак? Итак, уклонение от оного разом освобождает от всех подобного рода бедствий. И это справедливо, ибо как скоро осуждение, определенное в начале согрешившим, уничтожается; скорби матерей, как писано, более не умножаются (см.: Быт. 3, 16) и болезнь не предшествует человеческому рождению, то вместе с сим, конечно, уничтожаются и несчастья жизни и *отнимается слеза от лица*, как говорит Пророк (ср.: Ис. 25, 8). Ибо тогда не в беззакониях бывает зачатие и не во грехах рож-

дение, и не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от одной воли Божией происходит сие рождение. А происходит оно тогда, когда кто живым сердцем воспринимает нетление Духа, рождает же он мудрость, правду, освящение, равно как и избавление; ибо каждому можно быть матерью Того, Кто есть все это, как говорит негде Господь: творящий волю Мою — и *брат, и сестра, и мати Ми есть* (ср.: Мф. 12, 50). Какое имеет место при такого рода рождениях смерть? Так смерть поглощена в них жизнью! И мне кажется, что девственная жизнь есть некоторый образ блаженной жизни в будущем веке, заключая в себе много признаков тех благ, которых, как надеемся, отложены нам. Истину сказанного можно видеть, если исследуем оное подробнее. Во-первых, умерший совершенно греху, живет только уже для Бога и не приносит более плодов смерти, но полагая, сколь возможно, конец плотской жизни, ожидает за тем блаженной награды и явления великого Бога, не поставляя чрез произведение последствующих поколений никакого промежутка между собою и пришествием Божиим. Потом, в настоящей жизни он пользуется превосходнейшим из благ по воскресении, ибо если праведным после воскресения обещана Господом жизнь равноангельная, а ангельскому естеству свойственно безбрачие; то обещанные блага уже получит тот, кто приобщается светлостям святых и непорочною жизнью подражает чистоте бесплотных. Итак, если девство доставляет нам такие и столь великие блага, то какое слово может достойно восхвалить таковой дар? Какое из прочих душевных благ окажется столь великим и драгоценным, чтобы могло сравниться с сим совершенством? (свт. Григорий Нисский, 24, 350—354).

***

...Девство есть не простое дело, как может быть кто-нибудь думает, и не к одному только телу относится, но мысленно простирается и проникает во все признаваемые правильными действия души. Ибо прилепившаяся посредством девства к истинному Жениху душа не только будет удаляться от плотских нечистот, но, положив отсюда начало своей чистоте, во всем поступает также с одинаковою непоколебимостью, боясь, чтобы, склонившись сердцем к чему-либо сверх должного, чрез общение с каким-либо злом, не допустить в сию часть души какой-нибудь прелюбодейной страсти... Душа, прилепившаяся ко Господу, чтобы быть с Ним единым духом, заключив как бы некоторый договор совместной жизни, — Его одного любить всем сердцем и душою, не будет уже прилепляться к блуду, чтобы не быть одним с ним телом, также не допустит ничего другого, что противно спасению, так как все нечистые дела тесно связаны между собою, и душа, осквернив себя одним каким-либо из них, не может уже более сохранить в себе непорочности. Эти слова можно подтвердить примерами. Так, вода в озере дотоле остается чистою и спокойною, доколе что-нибудь брошенное отвне, не возмутит и не приведет в движение ее ровную поверхность <...>

Точно так же тихое и спокойное состояние души, от приражения одной какой-либо страсти, все приходит в колебание и сочувствует повреждению оной части. Ибо исследователи этого рода предметов говорят, что добродетели нераздельны между собою и что невозможно составить точное понятие об одной какой-либо добродетели, не коснувшись и прочих, но в ком рождается одна добродетель, за нею необходимо следуют и прочие. Также

и наоборот, вкравшееся в нас какое-либо зло простирается на всю добродетельную жизнь; и подлинно, как говорит Апостол, целое сострадает своим частям, так что если страждет один член, страждет вместе с ним все тело, и если прославляется один, радуется вместе с ним и целое тело (см.: 1 Кор. 12, 26) (свт. Григорий Нисский, 24, 355—356).

***

...Упражнение в девстве пусть будет положено как бы некоторое основание для добродетельной жизни; и на сем основании пусть зиждутся все дела добродетели. Ибо, хотя девство признается делом весьма почтенным и богоугодным... но если и вся жизнь не будет согласоваться с сим благим делом, если будут осквернены нестроением прочие силы души, то оно будет не что иное, как серьга в носу свиньи или жемчужина, попираемая ногами свиней (свт. Григорий Нисский, 24, 363—364).

***

...Поелику многие, еще юные и несовершенные разумением, воспринимают на себя подвиг девства, то им прежде всего должно стараться о том, чтобы найти себе руководителя на сем пути и хорошего наставника, дабы по своей неопытности не пойти по каким-нибудь новым непроходимым и уклоняющимся от истинного пути дорогам (свт. Григорий Нисский, 24, 386—387).

***

...Возжелавший стяжать венец чистого, невещественного и нескверного девства, распинает плоть свою по-

движническими трудами, *умерщвляет уды, яже на земли* (ср.: Кол. 3, 5), притрудным и терпеливым воздержанием, истневая внешнего человека, истончевая его и соделывая старческим и скелетным, чтобы беспрепятственнее обновлялся внутренний человек действием благодати ради веры и подвигов духовных, день ото дня преуспевая на лучшее, — возрастая в любви, украшаясь кротостию, обвеселяясь радованием духовным, приемля от Христа залог мира, водясь милостивостию, облекаясь в благостыню, объемлясь страхом Божиим, просвещаясь ведением и разумом (духовным), облиставаясь мудростию, руководясь смиренномудрием. Сими и подобными сим добродетелями обновляемый от Святаго Духа ум приемлет в себя начертание боговидного образа, облекается в умную неизреченную красоту Владычнего подобия и сподобляется богатства духовной премудрости (прп. Марк Подвижник, 88, 495—496).

***

Одеяние брачное дано будет <деве>, и с Ангелами восторжествует она на Небесах (авва Евагрий, 88, 617).

***

Чистота девственная приятна Господу, и дева чистая приимет венец из рук Жениха Своего (авва Евагрий, 88, 617).

***

...Сущность девства состоит в святости тела и духа... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 300).

***

Я могу называть девственницею только <ту>, которая, быв властна вступить в брак, однако не вступила; а когда ты говоришь, что брак принадлежит к числу запрещенных дел, то твой подвиг становится уже не подвигом произволения, но требованием закона (свт. Иоанн Златоуст, 44, 301).

***

Брак — добро, и девство потому достойно удивления, что оно лучше добра, и столько лучше, сколько кормчий превосходнее гребцов и полководец — воинов (свт. Иоанн Златоуст, 44, 303).

***

Видишь ли достоинство девства, как оно способствует пребывающим на земле проводить жизнь подобно небожителям, облеченным плотью, не позволяет уступать силам бесплотным, людей ведет к соревнованию с самими Ангелами? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 304).

***

...Что сладостнее, прекраснее и светлее девства? Оно издает лучи светлее самых лучей солнечных, отрешая нас от всего житейского и приготовляя взирать чистыми очами прямо на Солнце Правды (свт. Иоанн Златоуст, 44, 313).

***

...Девственница, не имея средства погасить пламень <похоти>, хотя видит, что он разгорается и поднимается вверх, и будучи не в силах погасить его, старается только о том, чтобы в борьбе с огнем не сгореть ей самой. Что

может быть удивительнее этого — носить целый очаг внутри себя и не сгорать, питать пламень в тайниках души и сохранять ум неприкосновенным?

Ей не позволяется выбросить вон эти горящие уголья, и она принуждена переносить в душе то, чего, по словам писателя притчей, невозможно вытерпеть телесной природе (Притч. 6, 28) (свт. Иоанн Златоуст, 44, 323).

***

...Девство есть название многих трудов и подвигов, но не бойся; оно не есть повеление и не вводится как обязательная заповедь, но тем, которые принимают его на себя добровольно и по избранию, оно воздает собственными благами, возлагая на голову их блестящий и доброцветный венец; тех же, которые отказываются и не желают принять его, оно не наказывает и не принуждает к тому против воли (свт. Иоанн Златоуст, 44, 334).

***

Взор девственницы так прекрасен и привлекателен, что на него с любовью взирают бесплотные силы и Господь их, — так чист и проницателен, что может созерцать, вместо телесных, бестелесные красоты, — так незлобив и кроток, что не озлобляется и не враждует даже против непрестанно обижающих и оскорбляющих, но и на них смотрит приятно и ласково (свт. Иоанн Златоуст, 44, 356).

***

...Жизнь (девственниц) имеет печали, но в сравнении с брачными, их нельзя и назвать печалями (свт. Иоанн Златоуст, 44, 357).

Девство потому и хорошо, что оно отклоняет всякий повод к излишней заботе и доставляет полный досуг для богоугодных дел; так что, если этого нет, оно бывает гораздо хуже брака, нося в душе терние и заглушая чистое и небесное семя (свт. Иоанн Златоуст, 44, 366).

***

Как тучная и плодоносная земля питает корень, так превосходная жизнь возвращает плоды девства, или лучше сказать, крестная жизнь есть и корень и плод девства (свт. Иоанн Златоуст, 44, 369).

***

...Как огонь гаснет, когда не будет для него подливаться елей, так гаснет и девство, когда не имеет милостыни (свт. Иоанн Златоуст, 45, 327).

***

Девство утвердилось с тех пор, как вырос цвет девства... Никто из древних не мог хранить девство, потому что великое дело — обуздать тело (свт. Иоанн Златоуст, 45, 329).

***

...Когда <девство> имеет у себя сестру — милостыню, тогда никакие бедствия не одолевают его, но оно становится выше всего (свт. Иоанн Златоуст, 45, 330).

...На войне, которая ведется против девства, нет отдыха, потому что воюет диавол, который не знает определенного времени к нападению, не ожидает условного знака к сражению, но всегда стоит и старается найти деву безоружною, чтобы нанести ей смертельную рану; и дева никогда не может отдохнуть от этой брани, но всегда носит в самой себе тревогу и воителя (свт. Иоанн Златоуст, 45, 330).

***

...Какою кто одержим бывает злою страстию, <тою> и растлевает свое девство (свт. Иоанн Златоуст, 45, 338—339).

***

Сосуд ведь священный дева, — порфира, в которую не позволительно облекаться никому другому, кроме Царя всех... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 796).

***

...Дева, стоя на угольях, не сгорает; находясь в пещи, не пылает, орошаемая, как три отрока; состязаясь с невидимыми силами, подражает <Архангелу> Михаилу и соперничает с <Архангелом> Гавриилом (свт. Иоанн Златоуст, 45, 909).

***

Добродетелей много: одни — великие, другие — большие, третьи — меньшие, но ничто не представляет боль-

шей трудности, чем девство: оно борется с природою; эта война не имеет перемирия; это — сражение, никогда не имеющее мира, разве только по милости Христовой (свт. Иоанн Златоуст, 45, 909).

***

Девство — дело доброе и вышеестественное; но и это доброе, великое и вышеестественное дело, не будучи соединено с человеколюбием, не может ввести даже в преддверие брачного чертога (свт. Иоанн Златоуст, 46, 282).

***

...Дева, однажды отрешившись от всех житейских дел, должна отдать всецело душу свою Богу, не иметь ничего общего с землею и не заниматься то тем, то другим, но, всецело отказавшись от этого, тратить весь досуг на дела духовные (свт. Иоанн Златоуст, 46, 346).

***

...Девство столь великое дело и требует такого великого труда, что Христос, сойдя с Неба для того, чтобы сделать людей ангелами и здесь насадить вышний образ жизни, не решился даже и при такой цели предписать его и возвести на степень закона... а предоставил на добровольный выбор слушателей, сказав: ***могий вместити, да вместит*** (Мф. 19, 12) (свт. Иоанн Златоуст, 46, 581).

***

...Сколько велик и высок подвиг <девства>, столько же велики и даже еще более велики венцы, и награды, и

блага, обещанные тем, кто, вместе с девством, подвизается и в прочих добродетелях (свт. Иоанн Златоуст, 47, 161).

***

Никогда у язычников не было имени девства, потому что сила девства и добродетелей была трудна, сурова и неудобна; теперь же она стала так легка и доступна, что даже и женщинам даровано стремиться по этой царской и безопасной дороге; многие вступают на эту дорогу без сомнения и страха, так как Христос призывает и нас к тому, что совершил Сам (свт. Иоанн Златоуст, 49, 215).

***

...Если бы эта добродетель <девство> была только даянием свыше и сами девственники от себя ничего не приносили бы, то напрасно бы Он обещал им Царствие Небесное и отличал их от других скопцов (свт. Иоанн Златоуст, 50, 639).

***

Я хвалю того, кто хранит девство, но не принуждаю того, кто не хочет быть девственником, и совета не делаю законом (свт. Иоанн Златоуст, 50, 784).

***

...Девство, хотя бы оно было соединено со всеми другими добродетелями, будучи чуждо дел милосердия, осуждается вместе с людьми прелюбодейными... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 785).

***

Нет ничего мрачнее девства, которое лишено милосердия, потому немилосердных многие обыкновенно и называют помраченными (свт. Иоанн Златоуст, 50, 786).

***

Когда говорим, что девство подверглось растлению, то имеем в виду не одно растление тела, но главным образом то, что подобное дело соединено бывает с нарушением закона. Самый поступок при этом состоит в совокуплении. Но если бы совокупление называлось растлением, то и брак был бы тем же. Значит, не в совокуплении растление, а в грехе — в нарушении закона, он-то и делает первое постыдным (свт. Иоанн Златоуст, 54, 216).

***

Нерастленная душою есть дева, хотя бы она и имела мужа; она девственна истинною, чудною девственностью... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 239).

***

...Те суть истинные и непорочные девственники Христа... которые не только боятся, но и не хотят блудодействовать, которые не только обуздывают сладострастие, но и победили даже самое малейшее страстное услаждение сердца и слабое возбуждение похоти, даже до того утончили чувство плоти, что не возмущаются не только никаким услаждением от разжжения ее, но и малым щекотанием (прп. авва Феона, 56, 574).

***

Не чистотою только тела... но и невозмущаемостью духа определяет девство богомудрый Павел (прп. Исидор Пелусиот, 60, 286).

***

Подвиг девства велик, славен, божественен (это борьба с врожденным телу сластолюбием), даже облегчает труды в других подвигах. Девство легко препобедит любостяжательность, не имея заботливости о телесном убранстве, о муже и детях, для чего нелюбомудренным кажется необходимым приобретение денег. Оно не будет в необходимости предаваться плачу, потому что не произрастило ветвей, с которыми произрастают вместе заботы и слезы. Ибо дети принуждают, пока живы, — иметь о них попечение, а когда умирают, — плакать. Девство не знает болезней и душевных тревог, не порабощаясь высокоумию мужа, не терпя мук рождения, близких к смерти. Прославляется ли кто более? Оно не соревнует. Любимо ли кем? Не превозносится. Отвращающемуся не мстит, ненавидящего не ласкает, от оскорбляющего не отвращается. Избавлением от всех сих неисцельных зол служит сия борьба с врожденным пожеланием, владея которым, имеет в подчинении у себя все сказанное выше. Почему исследовавший в точности свойство дел человеческих о переносящих все неприятности, чтобы только не отдаваться в плен неистовству похоти, написал: ***скорбь плоти имети будут таковии: Аз же вы щажду*** (1 Кор. 7, 28). Но многие, не уважая апостольского совета, как бы не доказываемого самым делом, в действительности же защищая сластолюбие, говорят, что возлюбившие брак не имеют скорби, но пользуются утехами и наслаждением. Многие же, упот-

ребив в помощь дар слова и думая о себе, что они мужественнее прославляемых за девственную жизнь, неприличным образом выражаются, что девство есть признак малодушия. Ибо посвятившие себя благочестивой безбрачной жизни преградили возможность продолжению рода, и оставшись непричастными браку и при отсутствии нужд бодро противостав превратности дел человеческих, поступают подобно тому, как если бы кто, будучи бесплотным, стал хвалиться, что он неуязвим. Так и они, убоявшись неожиданной встречи неприятностей, не уважили закон чадородия, бесчадием оградив себя от превратностей и тем приобретя неодолимость. «А мы, — говорят о себе противники девства, — предав себя неожиданным порывам превратности и выходя с нею на брань, стоим не вне боевого строя, не в рядах легковооруженных, но подвергнув жизнь тучам стрел и предоставляя им свободно поражать во что угодно, ограждаем себя против превратности тем, что остаемся и уязвляемые, как бы непораженными, и пораженные, как бы получившими удар стрелою без острия, и при испытании трудностей утверждая то мнение, что добродетель не подвластна превратности, представляем на сие самое точное доказательство». Итак, собирая что-либо сему подобное, они витийствуют против девства и хотя стыдятся, что нет у них подвигов оного, однако же думают представить благовидное оправдание. Но на самом деле при раздаянии наград узнают, каким препятствием ко спасению служат жене муж, мужу жена и заботы о жене и детях. Да и ныне обличаются, ввергаемые в глубину зол тем самым, в чем они ожидали вкусить утехи и покой и за что другие надеялись удостоиться больших венцов. Ибо каким не бывают подвержены страстям? В какие низкие не впадают помыслы? Какие претерпевая неудовольствия,

даже и не чувствуют их? Какое из благ не проходит мимо их? Что достойное похвалы остается при них? И говорю это, не тех упрекая, которые возлюбили честный брак (да не будет сего!), но подвергаю осмеянию тех, которые необузданным и непостоянным языком осмеливаются предпочитать брак девству. Ибо сколько небо отстоит от земли и душа отлична от тела, столько же разности у девства с браком. Девство стоит в первом ряду полка, украшает чело дружины и воздвигает блистательные победные памятники, а брак, занимая середину и будучи дан в опору слабейшим, хотя может спасти сохраняющих его, но не возведет на высоту девства. Почему и духовный закон вступающему в брак и насадившему виноград запретил выходить на брань с духами злобы (см.: Втор. 20, 6—7). Посему связанные такими узами да не замышляют входить в состязание с разрешенными от оных (что и невозможно). И на целую жизнь свою предавшиеся житейским хлопотам и украшению тела да не думают получить награды равные с посвятившими себя Господу и пекущимися о Господнем, но, охраняя себя в надлежащем чине, да не вооружают языка своего на достигших небесной высоты. Брак — не худое дело (да не будет сего!). Напротив того, брак законный и соразмерный есть доброе дело; но что худого влечет за собой брак, того достаточно, чтобы ослабить удовольствие, доставляемое браком. Впрочем, если бы и ничего такого не вел он за собою, и тогда несправедливо было бы сравнивать его с девством. Должно же сказать и то, чего, как ни спешу, не позволяет миновать мне девство, а именно, что оно обуздывает и другие страсти, а брак сам уловляется другими страстями. Ибо кто, чтобы доставить пропитание детям, не делает всяких неприличий, не ввергается в опасности, и в море, и в добычу зверям? Итак, они-то хотят, чтобы величали их мужествен-

ными и победоносными! И кто потерпит это? Какое время достаточно для них будет, чтобы уврачевать эти язвы? Кто не пожалеет об уязвленных столькими стрелами? Сколько бедствий окружает их, что по множеству ни умом их представить, ни словом выразить невозможно. Поэтому да положат конец таковым речам, и не вооружают языка на девство, но да чествуют его как царицу, ему да подчинятся, чтобы иметь в нем и защитника и ходатая. Солнцу, если употребить небесные образы, уподобить можно любителей девства, луне — любителей воздержания, и звездам — возлюбивших и соблюдших честный брак, наипаче же по приговору богомудрого Павла, который говорит: *ина слава солнцу, и ина слава луне, и ина слава звездам* (1 Кор. 15, 41) (прп. Исидор Пелусиот, 61, 348—353).

***

Девство божественно и преестественно, законный брак честен, а блуд беззаконен; почему первое достойно небес, второй — земли, а третье — ада; первому уготован венец, второму — соразмерная похвала, а третьему — наказание (прп. Исидор Пелусиот, 62, 304).

***

Девство есть величайшая добродетель, досязающая самого верха небес (прп. Феодор Студит, 91, 494).

***

...Девству, как наследие, вверяется благая часть... И в Царствии Небесном девству отдается первенство (прп. Феодор Студит, 91, 542).

***

...Девство есть царица добродетелей (прп. Феодор Студит, 91, 542).

***

...Чем выше и преестественнее дело сие <девство>, тем сильнее губитель жизни нашей, диавол, напрягается низложить нас, паче других страстей, противоположною ему страстию (прп. Феодор Студит, 91, 543).

***

...Велико и преестественно есть дело девства: оно соприкасается с ангельским жительством и вводит человека в первоначальное состояние, имевшее место в раю, когда ни брака не было, ни рабства, но жизнь некая текла безнуждная и беспечальная (прп. Феодор Студит, 91, 605).

***

Не говори в сердце своем: невозможно мне прочее стяжать чистоту девства, после того как я столько раз растлевал себя и подпадал неистовству тела. Ибо где приложены будут болезни и труды покаяния со злостраданием и теплотою душевною и источатся реки слез умиления, там все твердыни греха разрушаются, всякий огнь страстей угасает и совершается новое свыше рождение наитием Духа Утешителя; и душа опять соделывается палатою чистоты и девства, в которую преестественный Бог, снисшедши во свете и радовании неизреченном, и как на престоле славы восседши на высоте ума ее, дает мир сущим в ней силам... (прп. Никита Стифат, 92, 135).

***

Нет другого столь великого подвига, как подвиг целомудрия и девственности. Честно хранящий безбрачие составляет предмет удивления для Ангелов и увенчивается не менее мучеников. Ибо от того, кто, будучи связан плотию и кровию, всегда старается подражать безвещественности бесплотных посредством чистоты, сколько требуется трудов и потов? И воистину столь велико и высоко это дело, что было бы невозможным, как вышеестественное, если бы Бог свыше не являл Своего заступления, укрепляя и утверждая немощное и бренное естество и некиим образом от земли восставляя его божественною любовью и упованием обетованных воздаяний (прп. Феогност, 90, 396).

***

...Если вмещаешь, и девство храни, да возможешь весь быть Божиим и к Нему прилепиться совершенною любовью, Ему приседя всю жизнь, не развлеченно всегда печась об одном Господнем, будущую предвкушая жизнь, и как Ангел Божий, жительствуя на земле: ибо девство их принадлежность, и им уподобляется тот, кто прилепляется к девству; но еще более, чем им, уподобляется он Отцу, прежде всех век девственно рождшему Сына, и девственному Сыну из девственного Отца рожденно произшедшему вначале, в последняя же лета от Девы Матери, плотию нетленно рождшемуся, и Духу, из единого Отца, нерожденно, но исходно происходящему неизреченно. Сему единому Богу уподобляется, и нетленным браком сочетается предызбравший истинное девство, и, девствуя душою и телом, всякое чувство, слово и помышление украшающий красотами девства (свт. Григорий Палама, 92, 311).

***

Твой же, дева, путь очень тесен, так что и двух, вместе идущих, не вмещает (свт. Григорий Палама, 92, 263).

***

Подобно прочим евангельским добродетелям, безбрачная жизнь избирается произволением; борьбою со стремлениями падшего естества, обузданием тела подвигами доказывается искренность произволения; испрашивается дар чистоты у Бога сознанием неспособности падшего естества к чистоте и теплейшею... молитвою; ниспосылается дар осенением Божественной благодати, изменяющей, обновляющей естество (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 476).

***

Православная Церковь признает девство естественным человечеству, признавая собственно естеством человеческим то естество, в котором он был сотворен. Состояние падения, в котором ныне находится все человечество, есть состояние неестественное, нижеестественное, противоестественное. Но так как все человечество объято недугом падения, то это состояние общего недуга можно называть естественным падшему человечеству (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 412).

***

Неестественно девство падшему человечеству, а потому оно никак не может быть получено одними собственными усилиями: собственные усилия укрощают плоть, а истинное девство — дар Божий, вследствие постоянной, усерднейшей, часто весьма долговременной молитвы (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 412).

****

Авва Иоанн, по прозванию Огненный, рассказывал со слов аввы Иоанна Моавитского: «Во святом граде была одна монахиня, отличавшаяся благочестием и великим усердием в угождении Богу. Диавол, позавидовав девственнице, внушил одному молодому человеку сатанинскую страсть к ней. Но дева, усмотрев козни врага и сожалея о молодом человеке, взяла корзинку с моченными бобами и удалилась в пустыню. Прошло довольно времени. В Иорданской пустыне увидел ее один отшельник. «Мать, что ты делаешь в этой пустыне?» — спросил ее он. «Прости меня, — отвечала она, желая скрыть свой подвиг, — я сбилась с дороги. Сделай милость, отче, укажи мне путь». Но отшельник, узнав свыше о ее подвиге, сказал: «Мать, ты не потеряла дороги и не ищешь ее. Скажи мне правду». «Прости, отче, — отвечала она, — один юноша соблазнился мною, и я ушла в пустыню». — «Сколько же времени ты здесь пробыла?» — «По благодати Христа, семнадцать лет». — «Но чем же ты питалась?» Отшельница, показав корзинку с моченными бобами, ответила: «С этой корзинкой я вышла из города, и Бог мне, недостойной, оказал милость — сколько времени я питаюсь этими бобами, но они не убавляются. Знай, отче, благость Божия так покрывала меня, что не видел меня ни один человек до сего дня, а я видела всех» (102, 165—166).

***

Был некий военачальник, старый летами, но нечестивый. Принадлежавшая его ведомству дева не вступила в брак, хотя уже достигла брачного возраста, оставила мать и родных и убежала в общество жен-подвижниц. Военачальник, узнав о ее бегстве, наказал мать и держал ее в

заточении до тех пор, пока она не указала ему жилище благочестивых жен. Пользуясь своею властию, он похитил оттуда девицу и привел в свой дом. Несчастный, он надеялся насытить свое невоздержание. Но Тот, Кто фараона подверг великим и тяжким наказаниям за Сарру, жену Авраама, Кто поразил слепотой содомлян, когда они покушались напасть на бестелесных, как на странников, Тот, ослепив и этого нечестивца, предоставил девице возможность убежать. Когда военачальник вошел в терем, та, которую стерегли здесь, тотчас вышла и исчезла, вернулась в вожделеннейшее для себя убежище. Таким образом, этот безрассудный понял, что не может победить предызбравшую обручение Богу, и принужден был успокоиться и больше уже не искать ту, которая была им похищена, но при Божией помощи скрылась (117, 113—114).

***

Игумен авва Исидор поведал: «За восемь миль от города Саввии есть селение и в нем храм. Там служит досточудный священник, родители которого против воли заставили его вступить в брак. Однако не только он сам чуждался плотских вожделений, хотя был молод и состоял в законном супружестве, но убедил и свою супругу проводить свою жизнь с ним в целомудрии и чистоте. Они выучили Псалтирь и вместе занимались псалмопением в храме, сохранив девство до старости» (102, 132).

ДЕЛА

Дела служения своего исполняй благообразно и тщательно, как служащий Христу (свт. Василий Великий, 9, 50).

***

Не позволяй другому исполнять дел, на тебе лежащих, чтобы и награда не была отнята у тебя и отдана другому и чтобы другой не прославился твоим богатством, к твоему унижению (свт. Василий Великий, 9, 50).

***

...Ничего не делать по рвению и тщеславию, но ради Бога и в угодность Ему... (свт. Василий Великий, 9, 55).

***

...Кто в деле своем нарушает точность заповеди, тот, очевидно, слабо памятует о Боге (свт. Василий Великий, 9, 92).

***

...Христианин, всякое действие маловажное и важное соображая с волею Божиею, и действие свое благоукрашает тщательностью... (свт. Василий Великий, 9, 92).

***

...При всяком <деле> будем у Бога просить успеха в делании, воздавать благодарение Даровавшему деятельную силу и соблюдать цель благоугождения Ему (свт. Василий Великий, 9, 149).

***

...Не надобно перебегать от одного дела к другому, потому что природа наша не способна вдруг успевать во многих занятиях; трудолюбиво заняться одною работою

полезнее, чем слегка касаться многих дел (свт. Василий Великий, 9, 155).

***

Ничего не должно делать напоказ людям, но во всем надобно поступать от чистого сердца; потому что Бог знает сокровенное и тайное... (прп. Ефрем Сирин, 30, 593).

***

Что ты ни делал бы, если враг во время дела наводит на тебя уныние, в возражение сопротивнику, укажи на какое-либо подобное ремесло. И что ты ни производил бы делом, или словом, имей свидетелем совесть свою, что совершаемое тобою делается по Богу, и спасешься (прп. Ефрем Сирин, 31, 304—305).

***

Делающий <все> по ревности и зависти бывает таков: когда видит, что другой благоденствует, а сам он находится в тесных обстоятельствах и в скорбях, тогда под видом благочестия начинает клеветать на благоденствующего, будто бы он худо пользуется своим обеспеченным положением.

...Но кто трудится по Богу, тот, трудясь о своем спасении, не будет другому полагать претыкания или соблазна, но все мысли и действия устремит к тому, чтобы угодить Господу... (прп. Ефрем Сирин, 32, 52—53).

***

Если в день Суда мы отдадим отчет в каждом праздном слове, то тем паче подпадем ответственности за не-

чистые дела, ежели не умилостивим покаянием праведного и непогрешительного Судию (прп. Ефрем Сирин, 32, 64).

***

Праведники малыми делами умилостивляют Бога более, нежели иные делающие многое; потому что Бог взирает не на дело, но на намерение... (прп. Ефрем Сирин, 32, 167).

***

Есть дела, совершаемые и помыслом, ибо соизволение есть рука нашего ума. Зависть не рукой, но душою совершается. Посему умей приносить покаяние и в подобных грехах (прп. Ефрем Сирин, 32, 198).

***

На каждое дело положи определенное время, чтобы во всем соблюдался у тебя порядок, когда ешь и пьешь, и говоришь, и молишься, и читаешь (прп. Ефрем Сирин, 33, 354).

***

...Если каждое дело <человек> будет делать с молитвою, <то> благоуспешностию в том, чем он занят, будет отвращен от греха, так как ничто противное не увлечет души его в страсть. Если же кто отступит от Бога, всецело предастся собственному усилию, то, став вне Бога, по всей необходимости непременно перейдет он во власть противника (свт. Григорий Нисский, 18, 384).

***

Дела бывают хорошими и худыми не сами по себе, но по Божию о них определению (свт. Иоанн Златоуст, 44, 680).

***

...Смотрю не на качество того, что делается, но на расположение делающих (свт. Иоанн Златоуст, 46, 121).

***

Нет ничего ничтожнее дел человеческих. Какое бы слово ни употребил кто для обозначения их ничтожества, оно будет бледнее истины (свт. Иоанн Златоуст, 46, 405).

***

...Дела человеческие по своим свойствам нисколько не лучше речных потоков, быстролетнее дыма, рассеивающегося в воздухе, и ничтожнее бегущей тени (свт. Иоанн Златоуст, 46, 433).

***

Учение делами гораздо убедительнее и достовернее, чем учение словами (свт. Иоанн Златоуст, 47, 108).

***

Когда ты, оставляя дела духовные, сам занимаешься делами житейскими, тогда уже Бог не много печется о них (свт. Иоанн Златоуст, 50, 700).

***

Житейские дела — это действительно ненастье, и даже страшнее ненастья. Хотя от них не происходит ни стужи, ни дождя, ни грязи, ни глубокого болота, но зато, что всего хуже, от этих дел является геенна со всеми ее мучениями (свт. Иоанн Златоуст, 53, 540).

***

...Многочисленное стечение житейских дел помрачает ясность нашего ума, <и> мы находимся в темноте (свт. Иоанн Златоуст, 54, 113).

***

Для успешного ведения дел всего больше необходимо благоразумие; коварство же, злоба и лукавство более всего препятствуют нам сохранять благоразумие (свт. Иоанн Златоуст, 54, 131).

***

...Все совершай во имя Господне, и все у тебя будет благоуспешно. Что ни запечатлеешь именем Божиим, все выйдет счастливо. Если оно изгоняет демонов, устраняет болезни, то тем более облегчает совершение дел (свт. Иоанн Златоуст, 54, 435).

***

Что такое дела человеческие? Пепел и пыль, прах пред лицом ветра, дым и тень, лист и цвет, уносимые ветром, сон, мечта и басня... течение непостоянное, и все, что только может быть еще ничтожнее этого (свт. Иоанн Златоуст, 55, 93).

***

Потому-то у нас и в общественных, и в частных делах многое выходит вопреки ожиданию, что мы не о духовных делах сначала заботимся, а потом уже и о житейских (свт. Иоанн Златоуст, 55, 490).

***

Чем выше и блестящее бывает успех в делах человеческих, тем большее готовит он падение... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 630).

***

Дела не требуют слов, потому что и сами собою видимы. Нужно же паче, чтобы слова стали делами, а именно слова отличающиеся степенностью. Посему, если угодно тебе соделаться славным в том и другом, то и поступай так, чтобы дело служило вместо слова, и говори так, чтобы слово было вместо дела (прп. Исидор Пелусиот, 60, 31).

***

...Кто подвигаем бывает на дела одним сознанием воли Божией на то, и одним желанием угодить чрез то Богу, тот никогда не вожделевает одного дела паче другого, хотя бы одно из них было высоко и велико, а другое низко и малозначительно, но одинаковое имеет расположение воли к обоим им, поколику они угодны Богу. Почему таковой, высокое ли и великое какое дело делает, или низкое и малозначительное, равно бывает покоен и доволен, потому что всесторонне объят он главным своим намерением и главною своею целью — всегда и во всех делах своих

быть лишь благоугождающим Богу, в жизни ли то, или в смерти... (прп. Никодим Святогорец, 69, 40—41).

****

Один великий старец имел ученика, который жил рядом с ним, но в особой келье. Однажды старец услышал бесов, напевавших: «Горе нам от этих монахов: и к старцу приблизиться не можем, и к ученику его тоже, потому что последний разоряет и строит, и никогда не видим его праздным». Слыша это, старец понял, что от него самого гонит бесов присущая ему благодать Божия, а об ученике недоумевал: что это значит — разоряет и строит. Вечером он пришел к ученику и спросил: «Как живешь?» Ученик отвечал: «Хорошо, отче». Старец стал выпытывать у него, не впадает ли он в уныние. Ученик указал рукою на лежавшие около него камни и сказал: «Из этого камня я строю стены, а потом снова разрушаю их и, поступая так, не ощущаю уныния». Тут великий старец и понял, что бесы потому не могли приблизиться к его ученику, что никогда не видали его праздным, и стал поощрять ученика к продолжению труда. Другим же старец об этом говорил: «Знаю, что своим деланием ученик мой не приносил никакого прибытка ни себе, ни другим; но зато, поелику не был празден, бесы не находили времени, чтобы приблизиться к нему» (112, 919—920).

***

Однажды, сидя в келье, авва Арсений услышал голос, который говорил ему: «Ступай, и я покажу тебе дела человеческие». И, встав, вышел он на некоторое место. Тут Ангел Божий показал ему человека, который, нарубив тя-

желое бремя дров, пытался поднять его и не мог. Вместо того, чтобы отложить тяжести, человек этот снова начинал рубить дрова и прилагать к бремени. И так поступал много раз. Затем Ангел показал Арсению другого человека, который, стоя при колодце, черпал воду из оного и наливал в очень малое ведро; от этого вода снова изливалась в колодезь. «Подожди еще немного, — сказал затем Ангел, — и я покажу тебе еще нечто». И вот увидел Арсений церковь и двух мужей, сидевших на конях и силившихся внести бревно во врата храма; но поелику бревно они держали поперек ворот и ни один из них не хотел повернуть дерево в длину, то оба они и остались вне церкви.

Показавши все это, Ангел дал Арсению следующее объяснение виденного им. «Оставшиеся, — сказал он, — вне храма суть творящие добродетели с гордостью и не хотящие ходить смиренным путем духовным; ради этого они остаются вне Царствия Небесного. Секущий же дрова служит подобием тех, которые во многих грехах живут и вместо того, чтобы загладить их покаянием, к старым грехам прилагают еще новые. Черплющий же воду есть образ человека, который и добрые дела творит, и грехов не оставляет и потому погубляет награду, которую бы должен получить от Бога. Достоит же, — заключил свое объяснение Ангел, — всякому человеку с чистотою добродетели стяжати, да не вотще трудится» (112, 235—236).

ДЕМОНЫ

...Сатана есть начальник времени беззакония (ап. Варнава, 93, 50).

***

Не может диавол... пересилить рабов Божиих, которые веруют в Господа от всего сердца. Диавол может противоборствовать, но победить не может. Если противостанете ему, то побежденный он убежит от вас со стыдом. Боятся диавола, как будто имеющего власть, те, которые не тверды в вере. Диавол искушает рабов Божиих, и если найдет слабых, погубляет их. Когда человек наполнит сосуды хорошим вином и между ними поставит несколько сосудов неполных, то, приходя испытать и попробовать сосуды, не думает о полных, ибо знает, что они хороши, а отведывает неполные, не окисли ли они, потому что неполные сосуды скоро окисают и теряют вкус вина. Так и диавол приходит к рабам Божиим, чтобы искусить их. И все те, которые полны веры, мужественно противятся ему. Тогда он приступает к тем, которые не полны веры, и имея возможность *войти*, входит в них, делает с ними, что хочет, и они становятся его рабами (св. Ерм, 93, 199).

***

Господь сохранит нас безопасными от нападений врага, если узрит нас кроткими и смиренными... (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 166).

***

...Умоляю вас, братья, — бодрствуйте против ухищрений диавола и, заботясь о своем спасении, как можно усерднее противодействуйте смертоносному обману (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 190).

***

...<Диавол> лжет, чтобы обольстить, — льстит, чтобы вредить, — предлагает блага, чтобы причинить зло, — обещает жизнь, чтобы умертвить (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 194).

***

...Противник Христа преследует, нападает только на стан Христа и Его воинов (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 293).

***

Еретиков, поверженных им <диаволом> однажды и сделавшихся его собственными, он презирает и обходит, и старается низложить тех, которых видит стоящими (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 293).

***

...В этом мире надобно вести ежедневную войну с диаволом, — в беспрестанных стычках отражать копья его и стрелы... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 252).

***

...Диавол ничего не может произвести для нашей погибели: ни произволения противного, ни изнеможения, ни неведения непроизвольного, ни отнюдь чего-либо иного к принуждению человека, а влагает только напоминание зла (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 12).

***

...Диавол, чрез неразумие и гордость, лишившись ведения, дарованного Богом, по нужде сделался несмысленным, и сам собою не может знать, что должно делать, но смотрит, что делает Бог для спасения нашего, и из этого научается и ухитряется делать подобное к погибели нашей. Он ненавидит Бога, не в состоянии будучи ничего сделать против Него, воюет против нас, созданных по образу Его, думая этим мстить Богу; и находит нас послушными воле своей... Видя, что Бог сотворил Еву на помощь Адаму, диавол сделал ее содействующею в преступлении и преслушании. Бог дал заповедь, чтобы Адам, исполняя ее, сохранил памятование о стольких дарованиях, и был признателен к Благодетелю; диавол же сделал заповедь эту причиною преслушания и смерти, и вместо пророков (возбуждал) лжепророков, вместо апостолов — лжеапостолов, вместо закона — беззаконие, вместо добродетелей — зло, вместо заповедей — преступления, вместо всякой праведности — всякий грех и вместо правильных догматов — гнусные ереси. И опять, видя, что Христос по крайней благости Своей снисходит к святым мученикам и преподобным отцам, являясь им или Сам, или через Ангелов, или иным неизъяснимым образом (Домостроительства), как Он сказал (см.: Ин. 14, 21); начал и диавол представлять некоторым многие обольщения в погибель. Потому и написали рассудительные отцы, что ничего такого не должно принимать: ни каких-либо изображений, ни света, ни огня, ни иного какого-либо обольщения. Ибо диавол ухищряется хотя этим обольстить нас в сновидениях, или чувственно. Если мы и это принимаем, то заставляет ум от самомнения и крайнего неразумия мечтательно пред-

ставлять себе некоторые образы, или виды, дабы он подумал, что это явление Бога или Ангелов. Многократно показывает и демонов в сновидениях и чувственно, как бы побеждаемых, и просто всякую козни устроивает к нашей погибели, в покоряющихся ему. Когда же диавол, сделав это, не достигает того, чего надеялся, ибо святые отцы говорят, что во время молитвы ум должен быть безвидным, невообразительным, необразовидным, и никак ничего не приемлющим: ни света, ни огня, ни другого чего-либо; но должно заключить мысль в одних только произносимых словах. Ибо молящийся только устами воздуху молится, а не Богу: Бог обращает внимание на ум, а не на слова... Тогда диавол, недоумевая о всем этом, влагает в нас помысл отчаяния (говоря), что иные те были времена и иные люди, в которых Бог явил чудеса ради веры, а теперь не то время и нет надобности делать их. Вот мы все христиане и удостоились крещения, а ***иже веру имет и крестится,*** говорит Священное Писание, ***спасен будет*** (Мк. 16, 16). Итак, чего еще нужно? Если же мы послушаемся этого и останемся так, то лишимся всего, нося только имя христианина, не разумея, что уверовавший и крестившийся должен соблюдать все заповеди Христовы; и когда все исполнит, говорить: ***я раб непотребный*** (ср.: Лк. 17, 10). Как Господь сказал апостолам: ***учаще их блюсти вся елика заповедах вам*** (Мф. 28, 20). Всякий при крещении отрекается, говоря: отрицаюся сатаны и всех дел его; сочетаваюся Христу и всем заповедям Его. Где же будет наше отречение, если мы не оставим всякой страсти и всякого греха, которого хочет диавол? Но скорее возненавидим это от всей души и возлюбим Христа соблюдением заповедей Его (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 13—16).

***

При многом попечении и самого себя человек не может видеть, как же может он видеть прежде времени приготовленные сети врагов. Ибо враг, по обычаю своему, не всегда ведет с нами явную брань. Если бы так было, то не легко бы многие из нас впадали в его сети, так что мало будет спасающихся, как говорится в Евангелии (см.: Лк. 13, 23). Но когда враг хочет ввергнуть кого-либо в большие грехи, то сперва побуждает его пренебрегать малое и тайное: прежде прелюбодеяния, — частое и сладострастное воззрение, прежде убийства — малый гнев, прежде помрачения мысли — малое развлечение и еще прежде сего представляет потребность тела как бы необходимой. Посему-то Господь, как все предведущий, как Премудрость Отчая, предупреждая коварства диавола, повелевает людям прежде времени отсекать поводы ко греху, чтобы, считая малое легко простительным, мы не впали бедственно в страшные и великие согрешения... (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 135—136).

***

...Когда демоны влагают гордый помысл, чтобы увлечь его <человека> в возношение, тогда он должен приводить себе на память прежде говоренное ими скверное и — низлагать (гордый помысл) и приходить к смирению. И опять, когда влагают что-либо скверное, (подвизающийся) вспоминает тот гордый помысл и низлагает это: и так содействием благодати делает, что они низлагают друг друга воспоминанием, чтобы никогда не прийти в отчаяние от скверного, ни в безумие от самомнения. Но когда враги возвышают ум его, прибегает к смирению, а когда смиряют его, возносится к Богу надеждою; чтобы никогда не

пасть, сделавшись дерзновенным, и опять, убоявшись, не отчаяться до последнего издыхания (сщмч. Петр Дамаскин, 73, 171).

***

...Демоны хотят, но отнюдь не могут повредить кому-либо, если только человек сам не подаст повода к тому, чтобы Бог его оставил за злые дела; и это делает преблагий Бог для научения его и спасения; если и сам человек хочет терпением с благодарением исправить свои худые дела; если же не так, то к пользе другого, ибо Всеблагий Бог желает всем спастись (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 8).

***

...Диавол имеет обычай возлагать на душу то, к чему находит ее готовою: или радость и самомнение, или печаль и отчаяние, или чрезмерные труды, или совершенную леность, или безвременно, и сверх надобности, дела и мысли, или помрачение и безрассудную ненависть ко всему существующему. И просто: какое находит в каждой душе вещество, то и возлагает на нее, чтобы оно не сделалось ей полезным (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 44).

***

...Демоны не в таком созданы состоянии, из-за которого называются демонами. Ибо Бог не сотворил ничего злого. Добрыми созданы и они, но, ниспадши от небесного мудрования и вращаясь уже около земли, еллинов прельстили привидениями, нам же христианам завидуя, все приводят в движение, в желании воспрепятствовать нашему восхождению на небеса, чтоб не взошли мы туда, откуда

они ниспали. Посему потребно и молиться много и подвизаться, чтобы, приняв от Духа дарование *рассуждения духовом* (1 Кор. 12, 10), можно было узнать касательно их, какие из них меньше злы и какие больше, о каком деле каждый из них имеет заботу и как каждого из них можно низлагать и изгонять. Ибо много у них козней и много изворотов их наветливости (прп. Антоний Великий, 88, 19).

***

Великая их толпа в окружающем нас воздухе, и они не далеко от нас. Великая также есть между ними разность. Но о естестве их и различии слово было бы очень продолжительно, и притом говорить о сем более прилично тем, кои выше нас, чем нам. Нам же ныне нетерпящая отлагательство настоит нужда узнать только их против нас козни... (прп. Антоний Великий, 88, 19).

***

<Демоны> коль скоро увидят всякого христианина, а тем паче монаха, пребывающими в труде и преуспевающими, то первее всего покушаются и пытаются положить на пути соблазны: соблазны же их суть злые помыслы. Но нам не должно бояться этих внушений их; потому что молитвами, постами и верою в Господа враги тотчас низлагаются. Впрочем, и будучи низложены, они не успокоиваются, но тотчас опять приступают с коварством и хитростью. Когда не возмогут обольстить сердце явно нечистыми пожеланиями, то иным опять образом нападают, именно: устроивают разные привидения, чтоб устрашить, для чего претворяются в разные виды и принимают на себя образы: жен, зверей, пресмыкающихся, великанов

и множества воинов. Но и таких привидений не должно бояться, потому что они ничто, и тотчас исчезают, коль скоро кто оградит себя верою и знамением креста. — Впрочем, они дерзки и крайне бесстыдны. — Почему, если и в этом бывают побеждены, то нападают иным еще образом, — принимают на себя вид прорицателей и предсказывают, что будет спустя несколько дней, также показывают себя высокими, чтоб кого не могли прельстить помыслами, уловить хотя такими привидениями. Но не будем слушать демонов как чуждых нам; не станем слушаться их, хотя бы они возбуждали нас на молитву, хотя бы говорили о постах, а будем внимательнее смотреть на цель нашего подвижничества — и не будем обольщены ими, делающими все с лукавством. — Бояться же их не должно, хотя бы казались они наступающими на нас, хотя бы угрожали смертью, потому что они немощны, и ничего более не могут сделать, как только угрожать (прп. Антоний Великий, 88, 19—20).

***

Сколько мириад злых бесов, и сколь бесчисленны виды козней их! Они и после того как увидели, что мы, пришедши в познание своих страстей и своего посрамления, стараемся уже избегать злых дел, на которые они нас наводят, и уха своего не склоняем к злым советам, которые они нам внушают, — не отстали, но приступили к делу с отчаянным усилием, зная, что участь их уже окончательно решена и что наследие их есть ад, за их крайнюю злобу и отвращение (от Бога). Да откроет Господь очи сердец ваших, чтоб вы видели, сколь многочисленны козни демонов и как много зла причиняют они нам каждый день, — и да дарует вам сердце бодренное и дух рассуж-

дения, чтоб вы могли принести самих себя Богу в жертву живую и непорочную, остерегаясь зависти демонов во всякое время и их злых советов, их скрытых козней и прикровенной злобы, их обманчивой лжи и помышлений хульных, их тонких внушений, которые влагают они каждый день в сердце, гнева и клеветы, на которые подущают они нас, чтоб мы друг на друга клеветали, себя самих только оправдывая, других же осуждая, чтоб злословили друг друга или, сладким говоря языком, скрывали в сердцах наших горечь, чтоб осуждали внешность ближнего, внутри самих себя имея хищника, чтоб спорили между собою и шли наперекор друг другу в желании поставить на своем и показаться честнейшими. Всякий человек, который услаждается греховными помыслами, падает произвольно, когда рад бывает (сочувствует) тому, что в него влагаемо бывает от врагов, и когда думает оправдать себя только видимо совершаемыми делами, будучи внутри жилищем злого духа, который научает его всякому злу. Тело такого наполнится постыдными срамотами, — ибо кто таков, тем овладевают страсти демонские, которых он не отгоняет от себя. Демоны не суть видимые тела; но мы бываем для них телами, когда души наши принимают от них помышления темные, ибо, принявши сии помышления, мы принимаем самих демонов и явными их делаем в теле (прп. Антоний Великий, 88, 29—30).

***

Диавол, ниспадший из своего небесного чина за гордость, непрестанно усиливается увлечь в падение и всех тех, кои от всего сердца желают приступить к Господу, — тем же самым путем, каким и сам ниспал, т. е. гордостью и любовью к суетной славе. Этим-то борют нас демоны,

этим-то и другим подобным думают они отдалить нас от Бога. Сверх того, зная, что любящий брата своего любит и Бога, они влагают в сердца наши ненависть друг к другу — до того, что иной видеть не может брата своего или сказать с ним слово. Многие истинно великие подъяли труды в добродетели, но по неразумию своему сгубили себя. Этому не дивно быть и между вами, если, например, охладевши к деланию, вы будете думать, что обладаете в себе добродетелями. Ибо вот уже вы и ниспали в эту болезнь диавольскую (самомнение), думая, что близки к Богу и пребываете во свете, тогда как в самом деле находитесь во тьме (прп. Антоний Великий, 88, 31).

***

...Не преставайте противиться духу злому, ибо, когда человек приступает к добрым делам и к прекрасному подвигу, подбегает и этот дух, чтоб войти с ним в часть или чтоб совсем отклонить его от таких начинаний. Он не терпит, чтоб кто поступал праведно, и противится всем, которые желают быть верными Господу. Многих он совсем не допускает до добродетели, а у других вмешивается между делами их и губит плоды их, научая их совершать добродетели и творить дела милосердия, примешивая к ним тщеславие. О таких люди думают, что они обогащены плодами, тогда как они совсем их не имеют, а похожи на смоковницу, о которой думали, что на ней много сладких плодов, когда смотрели на нее издали, ближе же подошедши, ничего не нашли на ней. Бог иссушает их за то, что не находит на них никакого доброго плода, а не только лишает оной несравненной сладости Своего Божества (прп. Антоний Великий, 88, 35).

***

...Обольщает дух злой за то, что <люди> дела свои совершают напоказ пред людьми. Вы же, плоды трудов ваших принеся пред лице Господа, старайтесь удаляться от духа тщеславия, и непрестанно ведите против него брань, чтобы Господь принял ваши плоды... и ниспослал вам силу, которая дается избранным Его (прп. Антоний Великий, 88, 35).

***

...Должно вам знать, что враг искушает верных видом добра и многих успевает прельщать от того, что у них нет рассуждения и мудрости (прп. Антоний Великий, 88, 36—37).

***

В миру врагу удобнее теснить нас своими орудиями и внешними и внутренними... (прп. Антоний Великий, 88, 43).

***

Противьтесь диаволу и старайтесь распознавать его козни. Он горечь свою обычно скрывает под видом сласти, чтоб не быть открыту, и устроят разные призрачности, красные на вид, которые, однакож, на деле совсем не то суть; чтоб обольстить сердца ваши хитрым подражанием истине, которая достойно привлекательна; к этому направлено все его искусство, чтоб т. е. всеми силами противиться всякой душе, добре работающей Богу. Многие и разные влагает он страсти в душу для погашения в ней Божественного огня, в котором вся сила, особенно же берет

покоем тела и тем, что с этим соединено. Когда же увидит, наконец, что всего подобного остерегаются и ничего не принимают от него, и никакой не подают надежды, чтоб когда-нибудь послушали его, — отступает от них со стыдом. Тогда вселяется в них Дух Божий. Когда же вселится в них Дух Божий, то дает им покойными быть, или покой вкушать во всех делах их, и сладким соделывает для них несение ига Божия... (прп. Антоний Великий, 88, 44).

***

Берегитесь советов злого диавола, когда придет он в виде правдоречивого, чтоб прельстить вас и ввести в обман. Хоть бы он пришел к вам в виде ангела светла, — не верьте ему и не слушайтесь его, ибо тех, кои верны, он обыкновенно очаровывает привлекательною видимостью истины. Несовершенные не знают этих хитростей диавола и того, что постоянно он влагает им; совершенные же знают, как говорит Апостол: ***совершенных же есть твердая пища, имущих чувствия обучена долгим учением, в разсуждение добра же и зла*** (Евр. 5, 14). Этих враг не может обольстить, но верных, которые себе мало внимают, удобно прельщает он своею сладкою по виду затравою, и их уловляет, подобно тому, как рыболов уловляет рыбу, прикрывая острие удочки затравою. Рыба не знает, что этой затравою прикрыта удочка, потому подплывает, проглатывает затраву и тотчас попадается в плен. Если бы рыба знала, что этою затравою она будет поймана, без всякого сомнения, не приблизилась бы к ней, а бежала бы от нее. Равным образом и несовершенных верующих... уловляет враг... (прп. Антоний Великий, 88, 45—46).

***

Птица, из страха быть пойманною на земле, летает по воздуху и строит себе гнездо, для отдыха и сна, в самых высоких местах; там она спит беззаботно, зная, что никто не может достать или поймать ее. Но известно, как ухитряется обмануть ее птицелов: приходит к тому месту, расстилает тенета и посыпает на виду семена; этою пищею сманивает он птицу с той высоты, она слетает и попадается в лов. Подобным образом делает и диавол, уловляя несовершенных христиан своими хитростями и низвергая их со своей высоты <...>

...Когда, не зная, как различить доброе от худого, следуют они своим склонностям, довольствуясь своим суждением и мнением; когда отцов своих совершенных, умеющих верно различать добро от зла, не спрашивают, а следуют желаниям своего сердца, думая, что они и сами достигли уже совершенства и получили благословение отцов своих. Таковые подобны тем птицам, которые построили свои гнезда высоко, но слетели на землю, попались в сети птицелова и были пойманы. Подобное сему случается с ними, потому что в самоуверенности они действуют всегда по влечению сердца своего и исполняют свои желания, не слушая отцов своих и не советуясь с ними. Посему диавол устрояет им видения и призраки и надымает их сердце гордынею; иногда дает им сны ночью, которые исполняет для них днем, чтоб в большую погрузить их прелесть. Этого мало: он иногда показывает им свет ночью, так что светлым становится место, где они; и многое такого рода он делает, даже будто знамения. Все это он делает для того, чтобы они относительно его оставались спокойными, думая, что он ангел, и принимали его. Как скоро они примут его в этом смысле, он низвергает их с их высоты, по причине духа гордости, который

ими овладевает. Старается он держать их в убеждении, что они сделались великими и славными в духе паче многих и не имеют нужды обращаться к своим отцам и слушать их. А они, по Писанию, суть... блестящие гроздья, но незрелые и терпкие. Наставления отцов им тяжелы, потому что они уверены, что сами знают уже все (прп. Антоний Великий, 88, 46—47).

***

...Диавол иногда вселяет... радость и веселие; но в этом не может быть радости, а одна туга и печаль. Если и бывает что похожее на радость, то в этом нет истины, а один призрак, ибо не от Бога. Истинная радость исходит от Бога и подается только тому, кто самого себя нудит постоянно на то, чтоб свою волю отвергать, а волю Божию во всем исполнять (прп. Антоний Великий, 88, 55).

***

...Обычное коварство <демонов> — возбуждать человека к тому, чего совершить не может, дабы впал он в руки их, и они возрадовались о нем (прп. авва Исаия, 59, 25).

***

Хотя демоны и насевают в душах наших семена зла, однако не могут привести оные в исполнение самым делом, когда мы сего не хотим (прп. авва Исаия, 59, 37).

***

Если труды наши и тщание будут благоприятны Богу, то враги наши не возмогут устоять против нас (прп. авва Исаия, 59, 37).

***

...Кто познал славу Божию, тот понимает и лютость врага (прп. авва Исаия, 59, 115).

***

Оттого угнетают нас враги наши, что мы не познали своих немощей, как должно, и не возлюбили плача в разуме... (прп. авва Исаия, 59, 178—179).

***

Если ты борешься и побеждаешь, то не тщеславься, и не надейся на себя, но будь осторожен, ибо враг готовит для тебя брань, гораздо опаснейшую первой (прп. авва Исаия, 59, 208).

***

...Демоны хитро скрывают самих себя на время, и когда человек вознерадит о своем спасении, то они внезапно нападают на несчастную душу, и восхищают оную, как птицу (прп. авва Исаия, 59, 210).

***

Ни один демон не терпит и имени Христова, но едва слышит его, как предается бегству (свт. Афанасий Великий, 1, 229).

***

...Злой демон и обманщик диавол, не имея смелости действовать открыто, зная человеческую любовь к исти-

не, ложно принимает на себя вид истины и извергает яд свой на тех, которые идут во след его... Так этот льстец обманывает людей пустою наружностью, похищая каждого и вовлекая в свою пучину греха (свт. Афанасий Великий, 2, 12).

***

...Измысливший ереси диавол, по причине смрада собственной его злобы, употребляет изречения Писания, чтобы, под покровом их всеяв яд свой, обольстить простодушных (свт. Афанасий Великий, 2, 184).

***

...Естество человеческое само по себе недостаточно к тому, чтобы изгонять бесов, а может это делать только силою Духа... (свт. Афанасий Великий, 2, 241).

***

...Князи века сего и отцы гибнущей мудрости называются горами, приходящими в смятение от той крепости Христовой, какую Христос показал в крестном подвиге над имеющим державу смерти (свт. Василий Великий, 5, 294).

***

Лукавым силам свойственно, как скоро лишат нас плодов правды, дотоле не удаляться от нас, пока не опутают заблуждением разума (свт. Василий Великий, 6, 28).

***

...Когда берет нас под власть свою общий враг <диавол>, тогда он отъемлет у нас ризы, облекающие благообразием наше безобразие. А риза христиан, покрывающая безобразие нашего греха, есть вера во Христа (свт. Василий Великий, 6, 267).

***

Лукавые демоны имеют <свои> оружия, противоположных свойств с оружиями праведника. У праведника есть щит веры, а щит лукавого — щит неверия. У одного меч слова, у другого — меч бессловесия; один обезопасил себя бронею правды, другой покрыт бронею неправды; главу одного сгнетает шлем спасения, на голове другого шлем погибели; у одного ноги уготованы к благовествованию мира, ноги другого текут для возвещения зла (свт. Василий Великий, 6, 310—311).

***

Может быть, что до сотворения человека и для диавола оставалось еще какое-нибудь место покаянию. И эта гордыня, как ни застарела была болезнь, могла однако же восстановить себя в первобытное состояние, позаботившись уврачевать в себе болезнь покаянием. Но как скоро явились и устроение мира, и насаждение рая, и человек в раю, и заповедь Божия, и зависть диавола, и убиение возвеличенного, с тех пор заключено для диавола и место покаянию (свт. Василий Великий, 6, 332).

***

...Тьма, и смерть, и немощь определены князю мира сего, миродержителям тьмы, духовом злобы и всякой силе враждебной Божию естеству; да и они не по самой сущ-

ности своей получают в удел противление добру (ибо в таком случае укоризна падала бы на Создателя), но по собственному произволу, чрез лишение добра, уклонились в грех (свт. Василий Великий, 7, 96).

***

...У демонов в обычае — в часы молитвы, под предлогом благовидной якобы причины, побуждать нас к отлучке, чтобы благовидно отвлечь нас от спасительной молитвы (свт. Василий Великий, 9, 49).

***

...Тот, кто ныне обольщает нас, и мирскими приманками всемерно старается произвести в нас забвение о Благодетеле, к погибели душ наших ругается и посмевается над нами, тогда пренебрежение наше обратит в укоризну Господу и будет хвалиться нашею непокорностью и нашим отступничеством; что он не сотворил нас и не умер за нас, однако же имел нас своими последователями в непокорности и нерадении о заповедях Божиих. Эта укоризна Господу и эта похвальба врага для меня кажутся тяжелее геенских мучений — врагу Христову послужить предметом похвальбы и поводом к превозношению пред Тем, Кто за нас умер и воскрес... (свт. Василий Великий, 9, 87).

***

...Сатана сам по себе не может ни в ком быть виновником греха, но, пользуясь иногда естественно происходящими движениями, а иногда и запрещенными страстями, через них старается небодрствующих над собою вводить в свойственные страсти дела <...>

Бывает же сие с теми, которые по нерадению оставляют в себе невозделанными естественные семена добра... (свт. Василий Великий, 9, 213).

***

...Брань с теми, которые предали себя миру, враг презирает, частью потому, что весьма многие из них произвольно стремятся к поражению, будучи уловляемы в грех различными удовольствиями и вожделениями и доставляя противнику нетрудную над собою победу, частью же потому, что, по-видимому, и противящиеся несколько греху разными развлечениями легко бывают уклонены от борьбы, обращают хребет и, неослабно поражаемые, несут на себе позорные знаки одержанной над ними победы (свт. Василий Великий, 9, 344).

***

...Нечистый дух изворотлив и многообразен... Мудрого уловляет мудростью, крепкого — крепостью, богатого — богатством, благообразного — красотою, красноречивого — краснословием... художника — искусством...

...Ставит сеть отрекшемуся от мира — в отречении, воздержному — в воздержании, безмолвнику — в безмолвии, нестяжательному — в нестяжательности, многоученому — в учености, благоговейному — в благоговении... (прп. Ефрем Сирин, 30, 43).

***

...С каким усердием подвизаетесь вы, преуспевая в добродетели, в такой мере враг ваш воспламеняется неистовством, скрытно ставя вам различные сети (прп. Ефрем Сирин, 30, 109—110).

***

Есть у тебя овца? Не запирай вместе с нею волка. И какою вещью воюет против тебя враг твой, с тою вместе не вводи его к себе в дом. А если и введешь, не ослабевай помыслом, но имей пред очами своими страх Божий... (прп. Ефрем Сирин, 30, 169—170).

***

Враг мой очень искусен: не связывает меня теми узами, какие мне не угодны, а напротив того, налагает всегда такие узы и сети, которые принимаю с великим удовольствием, ибо знает, что изволение меня сильнее нас... (прп. Ефрем Сирин, 30, 287).

***

Могу сокрушить узы <диавола>, но не хочу; могу избежать сетей, но не спешу... Какой другой стыд тягостнее сего?.. Это самый горький стыд, когда человек выполняет хотения врага (прп. Ефрем Сирин, 30, 287—288).

***

<Враг> всегда воюет со всеми людьми, поражая их худыми и нечистыми пожеланиями... (прп. Ефрем Сирин, 30, 295).

***

...Нечистый покорившихся ему доводит... до отчаяния, ожесточает сердце, иссушает слезы, чтоб грешник не пришел в сокрушение (прп. Ефрем Сирин, 30, 295).

***

Поелику враг ни днем, ни ночью не прекращает брани, то да не застигнет он ума твоего не упражняющимся в изучении заповедей Божиих, да не посеет плевел своих... (прп. Ефрем Сирин, 30, 376).

***

Для любящих Бога всею душою брань с ним <диаволом> то же, что и ничто, а для любящих мир она трудна и невыносима (прп. Ефрем Сирин, 30, 386).

***

Если рассмотришь внимательно, то найдешь, что сети у врага помазаны медом и сладостями, и желающий вкусить меда попадается в сеть (прп. Ефрем Сирин, 31, 101).

***

Бесы, не терпя ревности в человеке, разными способами смущают ум его, с намерением примешать к нему *развращение мутно* (ср.: Авв. 2, 15)... (прп. Ефрем Сирин, 31, 138).

***

...Не приходи в робость, и не бойся их <демонов> злости; они не могут повредить тебе, у которого помощником Христос (прп. Ефрем Сирин, 31, 139).

***

...Невозможно, чтобы истинно боящимися Господа возобладал диавол. Он усиливается поколебать их, но искоренить не в силах (прп. Ефрем Сирин, 31, 201).

***

...Прежде нежели совершено беззаконие, враг весьма умаляет оное в глазах <людей>... по совершении же греха, лукавый до крайности увеличивает <значение> беззакония в глазах того, кто впал в оное. Воздвигает при этом на него волны отчаяния... (прп. Ефрем Сирин, 31, 210).

***

Когда враг хочет связать человека пожеланиями, связывает его теми, которыми человек услаждается, чтоб, услаждаясь узами, не захотел он когда-нибудь развязать себя, потому что связывающий нас хитр, хорошо знает, чем и как связать нас. Если свяжет кого невольными узами, ум тотчас разорвет узы и скоро побежит прочь. Поэтому связывает каждого, чем он услаждается и прохлаждается, ибо во власти нашего ума снять с себя сии узы. А теперь мы, связанные, радуемся тому, и уловленные, кичимся тем, потому что связанный завистью, как скоро не связан прелюбодеянием, почитает себя ничем не связанным, и связанный ябедничеством, как скоро не связан воровством, думает о себе, что никогда не был связанным. Каждый не знает своих уз и не ведает сетей, разложенных ему. Таковые люди страждут неведением упившихся. Связанный, как упоенный, не знает, что он связан. От вина забывает об узах и в упоении не видит сетей около себя (прп. Ефрем Сирин, 31, 447).

***

Лукавый может и молчащего предать смерти чрез другого говорящего, и кому невозможно умереть от уст, того убивает чрез слух, и невинного делами умерщвляет помыслами (прп. Ефрем Сирин, 31, 452).

***

Принимающий на себя всякие виды <диавол> имеет обычай терпеливо слушающих его даже истиною вводить в обольщение. Посему-то Спаситель не принимал от бесов речи, в которой была и правда... Ибо Истинному угодно было, чтобы не чрез них уверовали в Него, но чтоб истинная проповедь проповедана была истинными проповедниками (прп. Ефрем Сирин, 31, 453).

***

Как сильный ветер гонит пыль, так соперник наш, диавол, прогоняется гласом славословия Богу, молитв и слез. Посему никто не ленись и не бойся (прп. Ефрем Сирин, 31, 584).

***

О, какой коварный умысл лукавого и князя мира сего! Он останавливает всех на временном и тленном и ввергает в забвение вечных благ; и никто того не разумеет (прп. Ефрем Сирин, 32, 19).

***

...Сопротивник употребляет тысячи средств, желая ослабить произволение, отвлечь от упования и любви ко Господу, различно нападая на душу, или посредством духов злобы причиняя ей внутренние скорби, или всевая в нее лукавые, суетные, непозволительные и скверные помыслы, приводя ей на память прежние грехи, даже осуждая душу, чтоб произволение ее пришло в расслабление, при мысли, что невозможно получить спасение (а чрез это

душа ввергается в безнадежность, рассуждая, что из нее самой рождаются в сердце сии нелепости суетных и лукавых помыслов, а не всеваются в нее чуждым духом, вносящим внутрь ее грех, между тем как мысль сию внушает злоба врага, которая, чтоб довести душу до отчаяния, не хочет сделать известным, что при душе есть чуждый Богу дух мирского заблуждения)... (прп. Ефрем Сирин, 32, 34).

***

...По мере сил своих принуждай себя, как можно чаще, читать Писание, чтобы оно собрало твои помыслы, которые враг рассевает своим злоухищрением, влагая в тебя лукавые мысли, между тем как или наносит тебе частые скорби, или доставляет тебе много успехов и житейских удобств; потому что делает он сие по своей злокозненности с намерением удалить человека от Бога (прп. Ефрем Сирин, 32, 95).

***

Господь называет *брашном* Своим — *творить волю Отца Своего* (ср.: Ин. 4, 34), так и враг питается исполняющим волю его (прп. Ефрем Сирин, 32, 252).

***

Враг ставит нам сети в самых наших делах, потому что навык наш обращает как бы в клей, которым по привычке к маловажной страсти слепляем крылья свои, разумею добродетели, от чего терпят вред не только крылья, но тело и душа (прп. Ефрем Сирин, 32, 258).

***

Змий любит делаться мухою, чтобы услаждаться гнойною кровью нечестия. В лукавых живет он, как змий, а в распутных делается мухою... в почитающих себя безопасными бывает беспокойным комаром (прп. Ефрем Сирин, 32, 259).

***

Враг не знал, что святые победят; иначе, как зложелательный, не вступил бы в борьбу с тем, кто будет увенчан. А если знал, то значит, что стал он доброжелательным. Если же стал доброжелательным, то для чего низлагает падающих? (прп. Ефрем Сирин, 32, 260).

***

...Воспротивимся <диаволу> и сотворим с ним брань, восприяв на себя сильные оружия нашего воздержания, т. е. прежде всего самую правую веру, упование будущих благ и нелицемерную любовь. Сими тремя духовными оружиями низложим три лукавые ухищрения врага, т. е. забвение, неведение и леность. Ибо это — три лукавые и тонкие его вымыслы; сими тремя силами ввергает он в пагубу род человеческий, особенно тех, которые внимают лукавым его советам. Сии три козни его зловреднее всех его вымыслов, потому что весьма тонки и неприметно вкрадываются в нас, и мы не думаем, что делаем худо, предаваясь сим порокам (прп. Ефрем Сирин, 32, 280).

***

Ничто... так не одолевает и не низлагает <демонов>, как покорность, послушание, смиренномудрие и искрен-

няя любовь. Сии добродетели... — стрелы в сердце врагу (прп. Ефрем Сирин, 32, 292).

***

...Человекоубийца искони — диавол, за гордость лишен Царства Небесного и ею же низлагает превозносящихся (прп. Ефрем Сирин, 32, 292).

***

Если любишь духов злобы и лукавства и услаждаешься ими, вскоре делаются они содействениками твоими и прилепляются к тебе, потому что враг самый неотступный товарищ людям в грехе и равно рад он всякому (прп. Ефрем Сирин, 32, 316).

***

...Противник всегда препятствует прекрасному, обольщает или увлекает ум, чтобы при памятовании о прекрасном <Божественном> не возлюбил... <человек> горнего, но обольстил волю свою какими-нибудь земными мыслями и пожеланиями (прп. Ефрем Сирин, 32, 338).

***

...Все усилие и тщание противника... состоит в том, чтобы прийти ему в возможность отвлечь ум от памятования о Боге, от страха и любви ко Господу, употребив для сего земные приманки, или какими-нибудь благовидными мыслями отвратить ум к благам мнимым от блага истинного, т. е. от любви к Богу. Ибо все, что ни делает человек хорошего, лукавый хочет очернить и осквернить... (прп. Ефрем Сирин, 32, 339).

***

Непрестанно должны мы молиться Господу о том, чтобы нам стать выше козней демонских, потому что демоны не только угнетают пребывающих в безмолвии наедине, но сильно восстают на нас и тогда, как сходимся в доме Божием, и внушают мысль, бесстыдно и неосторожно смотреть в лицо другим, даже начертывая в воображении самое нечистое дело, чтобы влиять нам в ум какую-то смесь помыслов, а таким же образом не допустить нас и до Христовых Таин. Впрочем, воздержный хранением очей и внимательностью ума, при содействии благодати, превозмогает над ними.

С какою бдительностью должно охранять нам сердце свое и чувства? Велика у нас брань, много неистовства у враждующего на нас, но не должно отказываться посему от борьбы, а напротив того, не надобно исполнять на деле внушений врага, хотя бы разрывался он с досады. Господь знает нашего притеснителя, знает, какими воспаляющими средствами действует он на сердца наши. Впрочем, дело бойца — быть хорошо внимательным и уклоняться от удара. А кто в союзе со страстями, тому можно ли вести с ними брань? Ибо где вражда, там и брань; а где брань, там и подвиг; а где подвиг, там и венцы. Посему если кто хочет освободиться от горького рабства, то пусть вступит в брань со врагом (прп. Ефрем Сирин, 32, 358).

***

Послушайте, отцы и братия; враг часто подущает человека, говоря: «Ты еще молод, удовлетвори своим пожеланиям. Как многие, думаешь ты, наслаждались в мире и не лишены вечных благ? И ты еще молод: ешь, пей, уве-

селяйся благами мира сего; под старость покаешься. И для чего хочется тебе с такого возраста изможлать тело свое?» Потом приходит старость, и этот коварный приводит изречения Священного Писания и говорит: «Воздыхаешь ты, человек, сомневаешься в Божием милосердии, и представляешь себе, что Бог немилостив. А Божие Писание проповедует, что Бог милостив и человеколюбив. Что же, разве не знает Он, что немощный и слабый ты старец? Известно Ему, что не можешь ты ни поститься, ни ночи проводить во бдении, ни спать на голой земле. Не слышал ли ты, как говорит Он в Евангелии, что и с раннего, и со среднего возраста служащие Ему, а также старики получают равную награду? Ибо сказал Он в Евангелии, что пришедшие в первом, и в третьем, и в шестом, и в девятом, и в одиннадцатом часу получили равную плату. Вот и пророк Давид пророчествовал: *Благословил есть... малыя с великими* (Пс. 113, 21). Такие речи говорит враг знающим Писание, чтобы ни в юности, ни в старости не дать им оплакать грехи свои. А людям простым, подавая меч отчаяния, говорит: «На что ты рассчитываешь, человек? Для чего сам себя обманываешь, говоря, что Бог есть Бог кающихся? Ты блудник, прелюбодей, хищник; ты убивал, крал, лгал, нарушал клятву; какая же тебе надежда на спасение? Ты погиб, поэтому удовлетворяй пожеланиям своим; будущее ты утратил, не лишай себя хотя настоящего».

Таковы речи дьявольские; но противно ему слово Христово: «Ты погиб, но можешь спастись; ты был блудником, но можешь уцеломудриться». На вопрос Петров, сколько раз отпускать грех кающемуся брату, Христос говорит: *седмьдесят седмерицею* (ср.: Мф. 18, 22), означая сим, что

прощение можно получать всегда до неопределенного числа раз. Человек, в чем застигнут будет при конце — в добром ли, худом ли, в том и судится. Приведи себе на память, брат, как спасались грешники, и не отчаивайся. Представь в уме блаженного Манассию, блудницу, мытаря, разбойника, блудного сына — и избегнешь вражией прелести. Когда диавол скажет тебе: «Удовлетвори пожеланиям своим», ты скажи ему: «Есть ли какая польза от нечистых удовольствий, напротив того, не огонь ли вечный доставят они мне?» А когда станет представлять тебе Божие человеколюбие, скажи ему: «Сам знаю, что Бог милостив и человеколюбив, но знаю также, что Он и Праведный Судия; известно мне, что тебя и отверженных с тобою не пощадил Он, но осудил на вечный огонь». И если скажет тебе: «Я бесплотен и не обложен немощью, потому Бог не пощадил меня, тебя же пощадит», то отвечай ему: «Почему же не пощадил прародителя Адама, Еву, Каина, живших во время потопа, и содомлян, и даже ученика Своего? А если не пощадил собственного Своего ученика, то почему пощадит меня?..» Сказав сие, запечатлей себя крестным знамением, и враг бежит от тебя (прп. Ефрем Сирин, 32, 363—364).

***

Оружие лукавого — гордость; ею он умертвил отца нашего Адама, ею умерщвляет и всех чад его (прп. Ефрем Сирин, 33, 114).

***

Если хочешь одержать победу над лукавым, вооружись смирением; ибо диавол, как скоро увидит у тебя сие ору-

жие с трепетом побежит от тебя прочь (прп. Ефрем Сирин, 33, 117).

***

Враг всегда бодрствует и недремленно готов на брань, а я погружен в бездействие (прп. Ефрем Сирин, 33, 192).

***

Суди меня, Господи, и разсуди прю мою (ср.: Пс. 42, 1) с немилосердым врагом. Он поставил меня целью для стрел своих. По щедротам Твоим, да пронзят его самого стрелы сии (прп. Ефрем Сирин, 33, 227).

***

Лукавый не видит во мне зла, которое бы не от него было, ибо от него стал я зол, впрочем, побежден им по собственной своей воле; опутал меня лукавый, потому что сам я научил его тому (прп. Ефрем Сирин, 33, 232).

***

Разбойник, похититель душ, злокозненно отнял у меня свободу мою, обольстил меня и наругался надо мною. Взором очей прельстил и пленил он меня, и вложил греховные мысли. Взглянул я, и пожелал; посмотрел с любопытством, и согрешил (прп. Ефрем Сирин, 33, 233).

***

Поелику вожделел я мира и нечистот его, то возобладал мною князь мира, поверг и низложил меня, нару-

гался надо мною, как над Адамом в раю (прп. Ефрем Сирин, 33, 300).

***

Отрекся я губителя, и козней его, и губительных дел его, потому что неутомимо трудится он уловить меня коварством своим. Если сила Твоя <Господи> не подкрепит меня, и крест Твой не спасет меня, то, конечно, впаду в одну из сетей его; потому что весьма много у него козней. Да не одолевает он меня в брани, после того как побежден в брани с Тобою, Господи, ибо великий стыд тому, кто бывает побежден побежденным (прп. Ефрем Сирин, 33, 309).

***

Вместо одной бдительности... сатана учит нас другой, чтобы спали мы для добрых дел, были же бдительны и бодрственны для дел мерзких (прп. Ефрем Сирин, 34, 148).

***

...Демоны, хотя и нечисты, ничем не пользуются от жертв. Они не чувствуют голода и не имеют нужды в пище; потому что природа их — выше алкания пищи. Алчут же они того, чтобы человека — владыку своего — соделать рабом своим (прп. Ефрем Сирин, 34, 247).

***

Если не знаешь всего бесстыдства сатаны, то заключай о сем по бесстыдству его служителей (прп. Ефрем Сирин, 34, 304).

Влагает <диавол> в нас дерзость, чтобы без стыда продолжая грешить, тем больше потерпели мы вреда.

Ожесточает он <диавол> сердце наше, чтобы чрез это все худое сделалось нашим приобретением.

<Демон> поселяет в нас леность, чтобы терпеливо дали мы ему окончить в нас дело свое (прп. Ефрем Сирин, 34, 306).

***

<Диавол> дерзкого грешника учит укорять других, а обличителя — бояться, чтобы, по боязливости его, был не уврачеван порочный.

Смотри, лукавый делает нас внутренно гнусными, а снаружи придает нам красивый вид, чтобы стали мы отвратительным гробом, полным нечистот (прп. Ефрем Сирин, 34, 307).

***

Лукавый сатана видел, что Бог туне расточает сокровища Свои, потому и он отверз свою сокровищницу и также рассыпает губительные дары свои. Одному дает кичливость духа, другому — жестокость сердца; одного делает наклонным к оскорбительным насмешкам, другого — к ругательным словам (прп. Ефрем Сирин, 34, 323).

***

Лукавый умерщвляет нас с помощью нас же самих; чрез нас самих побеждает нас этот бессильный (прп. Ефрем Сирин, 34, 326).

***

Лукавый, видя, что облеченные плотию всякими степенями восходят на небо, налагает на них всякого рода бремена, чтобы с высоты низвести их долу, чтобы совратить их с пути, ставит им множество препятствий (прп. Ефрем Сирин, 34, 327).

***

О, как хитер опутывающий нас своими узами! Мы и не чувствуем, как опутаны ими. О, как искусен налагающий на нас оковы! Мы и не примечаем, как заключены в оковы. Приятны нам стрелы его, когда умерщвляет ими душу, связанный и окованный грешник безмолвствует и остается спокойным. Какое тонкое лукавство у нашего противника, налагающего на нас узы! Вместе и связаны мы и свободны. Вдали от истины удерживается узами дух наш, но, как ничем не связанный, свободно стремится к пороку. Связан он для любви, но не связан для ненависти. Связан и встречает препятствия делать доброе, но беспрепятственно делает худое. Сии узы, какие носим на себе, так же хитры и лукавы, как и наложивший их на нас; дают нам свободу идти ко лжи, но препятствуют приближаться к истине; позволяют поспешать к шуией части, но не допускают к части десной (прп. Ефрем Сирин, 34, 332).

***

Лукавый не ставит себе в труд опутывать нас различными пороками; он рад, если свяжет нас чем бы то ни было (прп. Ефрем Сирин, 34, 333).

***

Как Бог всеми возможными средствами ведет нас к жизни, так сатана употребляет все способы умертвить нас (прп. Ефрем Сирин, 34, 335).

***

Если лукавый пустит в нас стрелы свои — да будет щитом нашим молитва.

Если нападет на нас плотскими вожделениями — да будет прибежищем нашим пост (прп. Ефрем Сирин, 34, 354).

***

Нет у <диавола> ничего столько вредного, против чего не нашлось бы у нас противодействующего средства. Нет такой тайной сети, о которой не имели бы мы сведения.

Нет у <диавола> такого замысла, которого не обратили бы в ничто даже люди простые (прп. Ефрем Сирин, 34, 356).

***

Если же говоришь, что противная сила крепче, и вполне обладает человеком, то в несправедливости обвиняешь Бога, Который осуждает человечество за то, что послушался ты сатаны (прп. Ефрем Сирин, 35, 453).

***

...Плоть Христа сначала облеклась оружием воздержания, а затем (уже) приступила к борьбе <с диаволом> (прп. Ефрем Сирин, 37, 62).

***

...Как молния, исшедшая из своего места, никогда не возвращается обратно, так и сатана упал и никогда не восстанет вновь в своей власти (прп. Ефрем Сирин, 37, 151).

***

...Никто не разнообразен столько в изобретательности, сколько преухищренный на зло противник наш (свт. Григорий Богослов, 13, 293—294).

***

Если после крещения приразится к тебе враг света и искуситель (а он приразится, ибо приражался к Слову и Богу моему, обманувшись внешним покровом, — приражался к сокрытому Свету, обманувшись видимостью), то имеешь чем победить его. Не страшись подвига, противопоставь воду, противопоставь Духа; сим угасятся *вся стрелы лукаваго разжженныя* (Еф. 6, 16). Ибо здесь Дух... *разоряя горы* (3 Цар. 19, 11), здесь вода... угашающая огонь. Если искуситель представит тебе нужду (как дерзнул и Христу), и потребует, *да камение хлебы будут* (ср.: Мф. 4, 3), возбуждая тем голод, окажись не незнающим его намерений. Научи его, чему он еще не доучился; противоположи ему Слово Живота, которое есть хлеб, посылаемый с неба и дарующий жизнь миру. Если искушает тебя тщеславием (как и Христа, возведя *на крило церковное* и сказав: *верзися низу* в доказательство Божества (ср.: Мф. 4, 5—6), не низлагай себя превозношением. Если сие приобретет, не остановится на том; он ненасытен, на все простирается; обольщает добрым и оканчивает лукавст-

вом: таков способ его брани! Даже и в Писании сведущ сей душегубец, из одного места скажет: писано есть о хлебе, из другого: писано об Ангелах. Писано бо есть, говорит, *яко Ангелом Своим заповесть о тебе,* и *на руках возмут тя* (Пс. 90, 11—12). О, хитромудренный на зло, для чего не договорил и последующего (я твердо помню сие, хотя и умолчишь ты), что, ограждаемый Троицею, наступлю на тебя — *аспида и василиска* (Пс. 90, 13), и буду попирать *змию и скорпию* (ср.: Лк. 10, 19)? Если же станет преодолевать тебя ненасытимостью, в одно мгновение времени и зрения показывая все царства, как ему принадлежащие, и требуя поклонения, презри его, как нищего, и с надеждою на печать (Крещения и Миропомазания) скажи: «Я сам образ Божий, не погубил еще небесной славы, как ты чрез превозношение; я во Христа облекся, во Христа преобразился Крещением; ты поклонись мне». И враг, как твердо знаю, побежденный и посрамленный сими словами, как отступил от Христа — первого Света, так отступит и от просвещенных Им. Сие дарует купель Крещения ощутившим силу ее! Такое пиршество предлагает она имеющим благую алчбу! (свт. Григорий Богослов, 14, 279—281).

***

...Христос не истребил <диавола> единым движением воли, которым создал целый мир и которым мог бы погубить и его, если бы захотел; потому что трудно укрыться от разгневанного Бога. Однако же не оставил Он свободным врага моего, но попустил ему быть в одно время среди добрых и злых, и воздвиг между ними жестокую взаимную брань, чтобы как враг подвергался и здесь ужасному позору, сражаясь с теми, которые немощнее его, так

подвизающиеся в добродетели всегда имели славу свою, очищаясь в жизни, как золото в горниле. Впоследствии же, может быть и скоро, когда вещество сгорит и наступит огненное воздаяние, понесет наказание сей неукротимый, много наперед смиренный в мучимых служителях своих. Ибо такова казнь породившему зло! (свт. Григорий Богослов, 15, 238—239).

***

Таков умысел завистливого велиара. Он всегда преследует ненавистью человеческий род и не терпит, чтобы земные делались небесными, потому что сам за свое злоумышление низвержен с неба на сию землю. Он, злосчастный, возжелал иметь славу первой красоты и великую царственную честь Самого Бога, но вместо света облекся в ужасную тьму. Потому и увеселяется всегда темными делами, имеет здесь владычество над мрачным грехом (свт. Григорий Богослов, 15, 314—315).

***

<Диавол> — или глубочайшая тьма, или, если откроешь его, тотчас превращается в светлого ангела и обольщает умы кроткою улыбкою. Почему и нужна особенная осторожность, чтобы вместо света не встретиться со смертью (свт. Григорий Богослов, 15, 315).

***

О, если бы не похитил меня неприязненный <диавол> и не скрыл в темницах ада, за ненавистными затворами тьмы! Он страшен и злокознен для друзей Твоих <Господи>. Но знаю, что избегну его, если Ты обо мне памя-

туешь и непрестанно ограждаешь меня словом Своим и мыслью о Тебе (свт. Григорий Богослов, 16, 3).

***

Пришел ты, злодей (знаю твои замыслы!), пришел ты, неуступчивый, лишить меня вожделенного и вечного света. Как же, будучи тьмою, явился ты мне светом? Не обманешь такою лживостью. И за что ты всегда воздвигаешь на меня такую жестокую брань, и явно и тайно? В чем завидуешь благочестивым после того, как изверг ты из рая первого Адама — Божию тварь, грехом перехитрил мудрую заповедь, и сладостной жизни предложил горькую снедь? Как мне убежать от тебя? Какое средство изобрести против страданий своих? Сперва неважными грехами, как ручей, впадаешь ты в сердце, потом открываешь себе широкую дорогу, а там уже входишь большою и мутною рекою, пока не поглотит меня твоя пасть или бездна.

Но отступи от меня дальше, и налагай свои руки на те народы и города, которые не уразумели Бога; а я — Христово достояние; я стал храмом и жертвою, потом буду богом, когда душа вступит в единение с Божеством. Ты покорись Богу и Божией твари, убоявшись Божия гнева, сонма душ благочестивых и гласа их немолчных песнопений! (свт. Григорий Богослов, 16, 26—27).

***

Беги от моего сердца, злокозненный! Беги скорее, беги от моих членов, беги от моей жизни, тать, змей, огонь, велиар, грех, смерть, пучина, дракон, зверь, ночь, засада, бешенство, смешение, завистник, человекоубийца! Ты, губитель, и прародителям моим на пагубу наслал вкушение

греха и смерти. Христос-Царь повелевает тебе бежать на широту морскую, или на утесы, или в стадо свиней, как прежде негодному легиону. Удались же, или низложу тебя Крестом, перед которым все трепещет. Я ношу Крест в своих членах. Крест в моем шествии. Крест в моем сердце. Крест — моя слава. Ужели не перестанешь, злотворный, строить мне козни? Будешь устремлять взор не на стремнины, не на Содом, не на толпы безбожных, которые рассекли великое Божество, а на мою седину, на мое сердце? Непрестанно очерняешь ты меня мрачными мыслями, ни Бога, ни Жертвы не трепещущий враг! Этот ум был громким проповедником Троицы, а теперь видит перед собою конец. Не оскверняй же меня ты, нечистота! Чтобы мне чистому встретить чистые небесные Светы, когда озарения их падут на мою жизнь. К вам простираю руки, приимите меня! Прощай, мир, прощай, многотрудный, и пощади тех, которые будут после меня! (свт. Григорий Богослов, 16, 27—28).

***

Приходил, приходил ты ко мне, злобный, но остановлен. Как скоро заметил я дым, догадался, что будет и огонь. Сильное зловоние — явный признак змия. А я подъемлю Крест. Он страж моей жизни; он связует собою весь мир и приносит его Богу. Убойся Креста, отойди, не являйся вторично (свт. Григорий Богослов, 16, 29).

***

Если бы не связал я молчанием говорливого языка и уст, когда собирал воедино ум для общения с Богом, чтобы самыми чистыми помышлениями почтить чистого Царя (ибо одна умная жертва прекрасна), то никак не постиг

бы ухищрений пресмыкающегося зверя или, конечно, не огласил и не признал бы их ухищрениями. Часто и прежде приходил он ко мне, то уподобляясь ночи, то опять под обманчивою личиной света; ибо чем ни захочет, всем делается измыслитель смерти, этот в похищении чужих образов настоящий Протей, только бы, тайно или явно, осилить человека, потому что грехопадения людей — для него наслаждение. Но доселе никогда еще не видал я его таким, каким пришел он ко мне ныне, во время моих подвигов. Видя больше благоговения в душе моей, он воспылал сильнейшим пламенем гнева. Как тайная болезнь, скрывающаяся внутри неисцельной плоти, остановленная на время не вполне благопотребными врачествами, и питаемая в невидимых полостях тела, не прекратившись еще в одном месте, прорывается в другом и снова угрожает больному опасностью, или как поток, в одном месте прегражденный твердыми плотинами, напирает и вдруг проторгается в другом месте: так жестока и брань завистника. Если не страдал у меня от него язык, то вред приливал к чему-нибудь другому. Однако же не овладел он мною, потому что пришел Христос — моя помощь, Который спасал учеников от бури, Который многих, даровав благодать их хотению, освобождал от страстей и от демонских уз. Между тем искушал меня завистник, как и прежде человекоубийственною хитростью уловил родоначальника нашего. Но Ты, Блаженный, удержи брань и повели мне, по утишении бури, всегда приносить Тебе Бескровные Жертвы! (свт. Григорий Богослов, 16, 30).

***

Никто не избежит его злобы, если не имеет всегдашним помощником Христа (свт. Григорий Богослов, 16, 88).

***

Неистовый, злотворный враг ненавидит человека с тех пор, как первого Адама изверг из рая и через вредоносный плод лишил его бессмертной жизни. Он не переставал приводить людей в изнеможение многократными и сильными потрясениями; однако же сколько ни желал, не мог своими ухищрениями повергнуть весь род наш пред собою на колена (свт. Григорий Богослов, 17, 76).

***

...Лукавый князь облек грехом душу, все существо ее, и всю осквернил, всю пленил в царство свое, не оставил в ней свободным от своей власти ни одного члена ее, ни помыслов, ни ума, ни тела, но облек ее в порфиру тьмы (прп. Макарий Египетский, 66, 14).

***

Сатана сотрясает души, и решетом, т. е. земными делами, просевает весь грешный род человеческий (прп. Макарий Египетский, 66, 40).

***

...Князь лукавства земными делами занимает всех людей, колеблет, приводит в смятение и тревогу, заставляет приражаться к суетным помыслам, гнусным пожеланиям, земным и мирским связям, непрестанно пленяя, смущая, уловляя весь грешный род Адамов (прп. Макарий Египетский, 66, 40—41).

***

Князь мира сего волнует всякую душу нерожденную от Бога... (прп. Макарий Египетский, 66, 41).

***

...Князь лукавства, будучи некою мысленною тьмою греха и смерти, каким-то сокровенным и жестоким ветром, обуревает и кружит весь на земле человеческий род, непостоянными помыслами и мирскими пожеланиями уловляя человеческие сердца, тьмою неведения, ослепления и забвения наполняет всякую душу нерожденную свыше... (прп. Макарий Египетский, 66, 42).

***

Нет человека, на которого враг перестал бы нападать (прп. Макарий Египетский, 66, 118).

***

Сатана немилосерд и человеконенавистен, поэтому не ленится нападать на всякого человека, но, по-видимому, не на всех наступает он с одинаковым усилием (прп. Макарий Египетский, 66, 118).

***

...Сатана весьма желает себе покоя и простора в душе, и скорбит и стесняется, когда душа не слушается (прп. Макарий Египетский, 66, 136).

***

Стремление <сатаны нападать> — не только на христиан, но и на идолослужителей, и на целый мир.

...Если бы дозволено... <сатане> было нападать, сколько хочет, то истребил бы всех (прп. Макарий Египетский, 66, 193).

***

Искуситель искушает, но не знает, послушается ли его или не послушается душа, пока не предаст она воли своей в рабство (прп. Макарий Египетский, 66, 196).

***

...Вражия сила движет и уносит помыслы, колеблет глубины сердца, к своей склоняя воле, и в служении ей рассевает помыслы (прп. Макарий Египетский, 66, 281).

***

...Душа, ниспав с высоты своей, встретила человеконенавистное царство и жестоких князей, которые понуждают ее созидать им греховные грады порока (прп. Макарий Египетский, 66, 300).

***

Усматривает душа, что сила вражия готова на нее напасть и умертвить ее, но не имеет на то сил, потому что между нею и египетскими духами стоит Господь (прп. Макарий Египетский, 66, 302).

***

Когда и ты возденешь длани ума своего и помыслы к небу и пожелаешь прилепиться ко Господу, тогда сатана будет низложен твоими помыслами (прп. Макарий Египетский, 66, 315).

***

Смерть и, так сказать, удавление лукавому, <тогда> когда оказывается, что ум неразвлекаемо пребывает в

любви Божией и в памятовании о Боге (прп. Макарий Египетский, 66, 369).

***

По Божию смотрению лукавый не тотчас послан в наследованную им геенну, но оставлен для искушения и испытания человека, чтобы ему, и нехотя, святых через терпение соделывать более праведными и быть для них виновником большей славы... (прп. Макарий Египетский, 66, 383—384).

***

Враг, обольстив Адама и таким образом возгосподствовав над ним, отнял у него власть, и сам наименовался князем века сего (прп. Макарий Египетский, 66, 384).

***

...Диавол, как раб и тварь Владыки, не сколько ему угодно искушает и не в какой мере сам хочет наводит <на нас> скорби, но сколько попущением своим дозволяет ему Владычнее мановение (прп. Макарий Египетский, 66, 386).

***

Князь века сего есть жезл вразумления и бич, наносящий раны младенчествующим по духу... уготовляет великую славу и большую честь сими скорбями и искушениями, потому что вследствие оных люди делаются совершеннейшими, себе же готовит большее и тягчайшее наказание (прп. Макарий Египетский, 66, 386).

***

...Если бы человек сам не дал повода сатане; то сатана не стал бы господствовать над ним насильно (прп. Макарий Египетский, 66, 390).

***

Всего же скорее сатана способен и силен внушить кичение и высокоумие (прп. Макарий Египетский, 66, 391).

***

...Одна из козней сатаны — в иные времена добровольно уступать место и прекращать обычные свои действия, с тою целью, чтобы в подвижниках возбудить самомнение... (прп. Макарий Египетский, 66, 440—441).

***

...Враги никогда не остаются в бездействии, и ведут брань, не предаваясь лености (прп. Макарий Египетский, 88, 236).

***

...Не иначе может кто-либо причинить скорбь сопротивнику <диаволу>, как показав в себе такие признаки, которые бы служили свидетельством победы над ним (свт. Григорий Нисский, 18, 260).

***

...С восхождением добродетели вместе восходит и злокозненность противника, отыскивающая применительно к каждому поводы к совращению в грех: то, чем более народ

возрастал в жизни по Богу, и сопротивник против этих сильных в военном деле употребляет тогда иную козньь. Когда воюющие видят, что полк превосходящих силами врагов неодолим в открытом бою, тогда преодолевает их, ведя переговоры и ставя засады. Так и полчище злобы против укрепившихся законом и добродетелью, не лицом к лицу выводит силы свои, но в каких-то засадах скрытно строит им козни (свт. Григорий Нисский, 18, 366—367).

***

...Изобретатель зла, когда не успел в <клевете>, не вовсе перестает примышлять козни тем, на кого злоумышлял, а, напротив того, обращает изобретательность на особую военную хитрость, уловляет естество человеческое в порок приманкою удовольствий. И действительно удовольствие, подобно какой-то приманке, ко всякому пороку, как скоро поставлено на вид, жадные души удобно привлекает удою погибели; особливо же естество наше без всякой какой-то осторожности вовлекается во зло сладострастием (свт. Григорий Нисский, 18, 369).

***

...Полчище сопротивных не могло быть истреблено иначе, как воскресшим за нас Господом (свт. Григорий Нисский, 19, 115).

***

...Когда *очи мои* будут *выну ко Господу* (Пс. 24, 15), тогда недейственным останутся сети сопротивника, которыми он строит козни тому, что в душе драгоценного (свт. Григорий Нисский, 19, 324).

***

Никто... да не осмеливается сопротивное ополчение обратить в бегство, не взяв в руки апостольского всеоружия (см.: Еф. 6, 11). И конечно, всякому известен способ божественного оного вооружения, которым Апостол стоящего пред дружиною врагов делает неуязвимым сопротивными стрелами. Ибо, разделив добродетели на виды, каждый вид добродетели Апостол соделал особенным оружием, пригодным для нас в каждом обстоятельстве. С верою соплетши и соткав справедливость, из них вооружаемому уготовляет броню, прекрасно и безопасно ограждая воина тою и другою. А если вера и справедливость отделена одна от другой, то оружие не может соделаться безопасным для того, кому вручается. И вера без дел правды недостаточна ко спасению, а также праведность жизни для спасения небезопасна сама по себе, не в сопряжении с верою. Посему, как бы вещества какие, соплетши в сем оружии веру и правду, Апостол приводит у воина в безопасность вместилище сердца, ибо под бронею разумеется сердце. А голову доблестного обезопасивает надеждою, означая сим, что хорошему воину приличествует, как некое перо на шлеме, иметь в горнем *упование* чего-либо возвышенного. И щит, оружие прикрывающее, есть несокрушимая вера, которую не может пронзить острие рожна. Под рожнами же, какие мечут в нас неприятели, будем, конечно, разуметь разнообразные приражения страстей. Но спасительное оружие, которое вооружает десную руку доблестно подвизающихся с врагами, есть Святый Дух, страшный, когда противодействует, и спасительный, когда сообщается приемлющим. И всякое евангельское учение доставляет безопасность ногам, так что ни одна часть тела не оказывается обнаженною и открытою для принятия удара (свт. Григорий Нисский, 19, 350—352).

***

...Разумному естеству дан дар свободы и присовокуплена сила, изобретающая вожделенное, чтобы имела место произвольность, добро не было чем-то вынужденным и невольным, но вменялось в преспеяние произволению. А как свободное сие движение самовластно ведет нас к тому, что нам угодно, то в естестве существ нашелся некто, во зло употребивший свободу и, по выражению Апостола, соделавшийся *обретателем злых* (ср.: Рим. 1, 30). Он-то, поелику и сам сотворен Богом, нам брат, а поелику самовольно отказался от причастия добра, открыв вход злу и став отцом лжи, то поставил себя в ряду наших врагов во всем, в чем только цель данного нам произвола имеет в виду лучшее. Посему от него и для прочих возник повод к утрате благ, что и последовало с естеством человеческим (свт. Григорий Нисский, 20, 48).

***

...Виновник зла, нашедши кого-либо не всецело отдавшим душу Богу и не вполне отверзшим ее для любви к Нему, овладевает им, удобно обольщая лукавыми помыслами, то представляя трудными заповеди Писания и тягостным служение братиям, то посредством самого служения... надмевая высокомерием и гордостью, как бы (внушая) искать славы у людей и требовать чести от братий, и таким образом поступать и действовать подобно неверным (свт. Григорий Нисский, 24, 276—277).

***

Для любящих... Бога труд (исполнения) заповедей удобен и приятен, поелику любовь к Нему делает для нас подвиг нетрудным и любезным. Посему и лукавый, всеми

способами усиливается изгнать из наших душ страх Господень и преступными удовольствиями разрушить любовь к Нему. Ибо он обладает большим искусством, как скоро найдет стражей беспечными, улучить время и вторгнуться в труды добродетели и всеять в пшеницу свои плевелы: разумею злословие, гордость, тщеславие, желание почести и прочие произведения зла. Итак, нужно бодрствовать и отовсюду наблюдать за врагом, дабы, если по своему бесстыдству и устроит какой-либо ков, сокрушить его, прежде чем коснется души (свт. Григорий Нисский, 24, 277—278).

***

...И ночью и днем блуждая по воздуху, они суть делатели и слуги злобы, и тщательно строят против нас козни. Они истаивают от зависти и ненависти, которых хорошо избегать, если мы, люди, хотим быть своими Богу, тогда как они испали из содружества с добром (свт. Григорий Нисский, 24, 397).

***

Бегите диавола, как жестокого стража темничного, питающегося несчастием грешных и извлекающего из того выгоду. Ибо как Бог утешается правдами нашими, так виновник греха радуется падениям нашим (свт. Григорий Нисский, 24, 436).

***

...Диавол, после (получения нами) достоинства усыновления <в Крещении>, сильнее злоумышляет против нас, бросая завистливые взоры, когда видит красоту новорож-

денного человека, спешащего к небесному жительству, откуда он ниспал, и возбуждает на нас огненные искушения, стараясь отнять и второе украшение, как отнял первое. Но когда почувствуем его нападения, должны прилагать к себе Апостольское изречение: ***елицы во Христа крестихомся, в смерть Его крестихомся*** (Рим. 6, 3). Если же мы соделались ***сообразны смерти Его*** (ср.: Флп. 3, 10), то за тем грех в нас совершенно мертв, будучи пронзен копьем Крещения, как оный блудник ревнителем Финеесом (см.: Числ. 25, 7—8). Итак, беги от нас, ненавистный, ибо хочешь ограбить мертвого, древле бывшего в союзе с тобою, ныне потерявшего способность ощущать удовольствия (свт. Григорий Нисский, 25, 23).

***

<Диавол> обольщает и разными способами ласкательствует, чтобы ниспровергнуть, а ниспровергши, тотчас попирает и смеется над лежащим, присоединяет к несчастью посрамление и радуется посрамлению обольщенного (свт. Григорий Нисский, 25, 249).

***

Добродетели не пресекают устремления на нас демонов, но сохраняют нас невредимыми от них (авва Евагрий, 88, 578).

***

С отшельниками демоны сами лично вступают в борьбу, а против тех, кои проходят добродетельную жизнь в киновиях или сотовариществах, они вооружают нерадивейших братий. Но последняя брань гораздо легче пер-

вой, потому что нельзя найти на земле людей, которые были бы горше демонов или воспринимали в себя всю их злокозненность (авва Евагрий, 88, 597).

***

...Не всякому... правому помыслу нашему противятся демоны, но некоторым эти злые твари благоприятствуют, в надежде обмануть нас (авва Евагрий, 88, 600).

***

Демоны — предстоятели душевных страстей, до самой смерти упорно стоят и тревожат душу, а предстоятели страстей телесных скорее отходят. Притом иные демоны, подобясь солнцу восходящему или заходящему, касаются одной какой-либо части души, а полуденный обычно всю душу охватывает, и ум потопляет. Почему отшельничество сладко после упразднения страстей: ибо тогда от них остаются одни только голые воспоминания, и, что касается до брани, тогда бывает не столько самый подвиг брани, сколько созерцание его (авва Евагрий, 88, 600—601).

***

Кто хочет испытывать злобных демонов и приобрести навык к распознанию их козней, пусть наблюдает за помыслами и замечает, на чем настаивают они и в чем послабляют, при каком стечении обстоятельств и в какое время какой из них особенно действует, какой за каким следует и какой с каким не сходится; и ищет у Христа Господа разрешения всему этому. Демоны очень злятся на тех, которые деятельно проходят добродетели с знанием дела (и приводят в ясность все), желая *во мраце состре-*

ляти правыя сердцем (ср.: Пс. 10, 2). Двух демонов найдешь ты при этом наблюдении, крайне быстродвижными и почти перегоняющими движение ума нашего, — демона блуда и демона, восхищающего нас к богохульству. Но этот последний недолговременен, а первый, если не приводит в движение страстных помыслов, не мешает нам преуспевать в познании Бога (авва Евагрий, 88, 602).

***

Бывают у демонов передачи и преемства, когда кто из них изнеможет в брани, не успевши привести в движение любимой своей страсти. Сделавши над этим наблюдение, я нашел следующее: когда какой-нибудь страсти помыслы долгое время редко приходят к нам, а потом она вдруг нечаянно придет в движение и начнет жечь, тогда как мы никакого не подавали к тому повода каким-либо нерадением, тогда ведайте, что за нас взялся злейший прежнего демон и, заняв место отбывшего, исполнил своим злом. Видя это, ум да прибегает к Господу и, восприяв шлем спасения, *облекшись в броню правды*, извлекши *меч духовный*, подняв *щит веры* (ср.: Еф. 6, 14—17) и воззревши на небо со слезами, да глаголет: *Господи* Иисусе Христе, *сило спасения моего* (Пс. 139, 8). *Приклони ко мне ухо Твое, ускори изъяти мя, буди ми в Бога Защитителя и в дом прибежища, еже спасти мя* (ср.: Пс. 30, 3). Особенно же пощениями и бдениями пусть сделает блестящим меч свой. После этого хоть и постраждет он еще несколько времени, боримый и осыпаемый разжженными стрелами лукавого, все же наконец и этот демон мало-помалу сделается таким же, каков был предшественник его, и стихнет, пока не прибудет еще иной злейший для замещения его (авва Евагрий, 88, 608—609).

***

Злые демоны иногда призывают к себе на помощь еще злейших себя демонов и, составив план, начинают воевать одни против других, в одном согласными пребывая между собою — в погублении души (авва Евагрий, 88, 611).

***

Когда, борясь с монахами, демоны изнемогут, тогда, немного отдалясь, наблюдают, какая добродетель в этот промежуток будет пренебрежена и, внезапно нападши на эту сторону, расхищают бедную душу (авва Евагрий, 88, 611).

***

Надобно распознавать различие демонов и замечать времена их. Из помыслов познаем (а помыслы из дел), какие демоны редки, но тяжелы, какие постоянны, но легче, какие внезапно наскакивают и похищают ум на богохульство. Необходимо наблюдать и то, чтоб, когда помыслы начнут передвигать свои предметы, прежде чем выйдем из обычного своего состояния, успевать сказать что-нибудь против них... Ибо таким образом и сами мы преуспеем с Божиею помощью, и их заставим со скорбью отлетать, дивясь нам (авва Евагрий, 88, 611).

***

Да не смущает нас и да не пресекает нашего доброго ревнования демон, похищающий ум на богохульство и на те непотребнейшие воображения, которые и письменно передать стыжусь. Сердцеведец Бог знает, что даже и в

мире находясь, не безумствовали мы таким безумием. Цель у этого демона — заставить нас прекратить молитву, чтоб стояли мы пред Господом Богом нашим, не смея воздевать руки к Тому, против Которого допустили такие помыслы (авва Евагрий, 88, 611—612).

***

С мирянами демоны ведут брань более посредством самых вещей, а с монахами большею частью посредством помыслов, потому что у них в пустыне нет вещей. Но чем легче и скорее можно согрешить мыслию, нежели делом, тем брань мысленная тяжелее той, которая ведется через посредство вещей. Ум есть нечто... быстродвижное и неудержимое, падкое на греховные воображения (авва Евагрий, 88, 612).

***

Чем более преуспевает душа, тем сильнейшие выступают на нее противоборцы. Не думаю, чтоб при ней всегда пребывали одни и те же бесы. Наилучшим образом знают это те, которые острозорче наблюдают за нападающими искушениями, видя, что обычное им бесстрастие бывает колеблемо сильнее прежнего новыми бесами, преемниками прежних (авва Евагрий, 88, 614).

***

Из бесов, противящихся деятельной жизни, первыми на брани стоят те, которым вверены похоти, или вожделения чревоугодия, и те, которые влагают в нас сребролюбие, и те, которые вызывают нас на искательство славы человеческой. Прочие же все, позади их ходя, берут пре-

емственно уже уязвленных ими. Ибо нельзя впасть в руки любодеяния тому, кто не пал от чревоугодия, нельзя возмутиться гневом тому, кто не стоит и не борется за яства, или деньги, или славу; нельзя избежать беса печали тому, кто не потерпел какого урона во всем этом; не избежит гордости, этого первого порождения диавольского, кто не исторг *корня всем злым — сребролюбия* (ср.: 1 Тим. 6, 10), так как, по слову премудрого Соломона, *нищета мужа смиряет* (Притч. 10, 4); и кратко сказать, нельзя человеку подпасть какому-либо демону, если не будет он прежде уязвлен теми первостоящими. Почему эти три помысла приводил тогда диавол и Спасителю: первый, когда просил, чтобы камни стали хлебами; потом второй, когда обещал весь даже мир, если Он падши поклонится ему; и третий, когда уверял, что если послушает его, то прославится тем, что ничего не потерпит, бросившись с такой высоты (с крыла церковного). Но Господь, явясь выше всего этого, повелел отойти диаволу прочь, научая тем нас, что нельзя отогнать диавола, если не презрим сих трех помыслов (авва Евагрий, 88, 645—646).

***

...Злые демоны с любопытством наблюдают всякое наше движение, и ничего не оставляют неисследованным из того, чем можно воспользоваться против нас, — ни вставания, ни сидения, ни стояния, ни поступи, ни слова, ни взора, — все любопытствуют, *весь день поучаясь на нас льстивым* (ср.: Пс. 37, 13), чтоб во время молитвы осрамить смиренный ум и блаженный его погасить свет (авва Евагрий, 88, 665).

***

...Часто случалось, что укрепленных городов не могли разрушить оружия и машины внешних неприятелей, а измена одного или двоих из живущих в них горожан без труда предавала их врагам. И теперь если никакой из внутренних помыслов не предаст тебя, то хотя бы лукавый придвинул извне тысячу машин, придвинет напрасно (свт. Иоанн Златоуст, 44, 40—41).

***

<Демоны>... раз овладевши ею <душою>, обращаются с нею так гнусно и оскорбительно, как свойственно лукавым демонам, сильно и страстно желающим нашего позора и погибели. Сняв с нее все одежды добродетели, одев ее в рубища порочных страстей, грязные, изорванные и зловонные, которые позорят ее более, чем нагота, и наполнив ее еще всякою свойственною им нечистотою, они непрестанно хвастаются наносимыми ей поруганиями. И не знают никакой сытости в этом гнусном и непотребном обращении с нею, но, как пьяницы, когда уже сильно напьются, тогда еще более разгорячаются, так и они тогда особенно неистовствуют и сильнее и свирепее нападают на душу, когда наиболее повредят ей, поражая и уязвляя ее со всех сторон и вливая в нее свой яд; и отстают не прежде, как когда приведут ее в одинаковое с собою состояние, или увидят, что она уже отрешилась от тела... Кто так жесток и суров, кто так слабоумен и бесчеловечен, так несострадателен и безжалостен, что не захочет душу, терпящую столько позора и вреда, освободить, по мере сил своих, от этого окаянного неистовства и

насилия, но оставит ее страдания без внимания? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 55—56).

***

Если же кто скажет, почему Бог не уничтожил древнего искусителя, то (ответим, что) и здесь Он поступил так, заботясь о нас. Если бы лукавый овладевал нами насильно, то этот вопрос имел бы некоторую основательность, но так как он не имеет такой силы, а только старается склонить нас (между тем, как мы можем и не склоняться), то для чего устранять повод к заслугам и отвергать средство к достижению венцов... Бог для того оставил диавола, чтобы и те, которые уже побеждены были им, низложили его самого; а это для диавола тяжелее всякого наказания и может довести его до конечного осуждения. Но, скажет кто-нибудь: не все могут преодолеть его. Что же из этого? Гораздо справедливее, чтобы доблестные имели повод к обнаружению своей доброй воли, а недоблестные наказывались за собственное нерадение, нежели чтобы первые терпели вред за вторых. Теперь порочный, если и терпит вред, то потому, что его побеждает не враг, а его собственное нерадение, как это доказывается тем, что многие побеждают диавола (свт. Иоанн Златоуст, 44, 174).

***

То, что люди делаются лучшими, само по себе уже терзает и мучит диавола; а когда мы будем достигать этого чрез него же, то он не в состоянии будет и перенести такого посрамления (свт. Иоанн Златоуст, 44, 175).

***

Диавол зол для себя, а не для нас; мы же, если захотим, можем приобресть через него много и добра, конечно, против его воли и желания; в этом и открывается особенное чудо и превосходство человеколюбия Божия (свт. Иоанн Златоуст, 44, 175).

***

Умеет, подлинно умеет тот хитрый змий и чрез добрые дела посевать яд свой (свт. Иоанн Златоуст, 44, 444).

***

...Если намеревающийся побеждать не будет сведущ во всех частях этого искусства <борьбы>, то диавол и чрез одну какую-нибудь часть, если она останется в пренебрежении, сумеет провести своих грабителей и расхитит овец, но он <диавол> не будет так смел, когда увидит пастыря, выступающего с полным знанием и хорошо сведущего во всех его кознях (свт. Иоанн Златоуст, 44, 454).

***

Если же кто не чувствует боли от ран, наносимых диаволом, тот нечувствительностью своею навлекает на себя еще большее бедствие, потому что, кто не пострадал от первой раны, тот скоро получает и вторую, а после второй и третью. Нечистый, видя душу человека беспечною и пренебрегающею прежними ранами, не перестает поражать его до последнего издыхания. Если хочешь узнать и способы его нападения, то увидишь, что они весьма

сильны и разнообразны. Никто не знает столько видов обмана и коварства, сколько этот нечистый, чем он и приобретает большую силу, и никто не может иметь столь непримиримой вражды к самым злейшим врагам своим, какую имеет этот лукавый демон к человеческому роду. Если еще посмотреть на ревность, с какою он ведет борьбу, то в этом отношении смешно и сравнивать его с людьми; пусть кто-нибудь изберет самых лютых и свирепых зверей и противопоставит его неистовству, тот найдет, что они весьма кротки и тихи в сравнении с ним; такою он дышит яростью против наших душ! (свт. Иоанн Златоуст, 44, 482—483).

***

...В борьбе с лукавым никогда нельзя ни сложить оружия, ни предаться сну для того, кто желает всегда оставаться нераненым. Необходимо избрать одно из двух: или, сняв оружие, пасть и погибнуть, или всегда вооруженным стоять и бодрствовать. Этот враг всегда стоит со своим ополчением, наблюдая за нашей беспечностью и гораздо более заботясь о нашей погибели, нежели мы — о своем спасении. Особенно трудною борьбу с ним делает для непостоянно бодрствующих то, что он невидим нами и нападает внезапно... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 483).

***

...Ничто так обыкновенно не ограждает нас от нападения, как молитва и усердное прошение (свт. Иоанн Златоуст, 44, 531).

***

Как стрелок, желая метко пускать стрелы, прежде заботится о своем положении, старается стать прямо цели... так и ты, намереваясь стрелять в злую голову диавола, сначала позаботься о состоянии своих помыслов, чтобы, приняв прямое и удобное для себя положение, успешно пускать в него стрелы (свт. Иоанн Златоуст, 44, 532).

***

Христос мог бы прогнать его <диавола> и далеко, но позволил ему рыкать около (стада), чтобы заставить тебя быть бодрым и заботливым, и постоянно прибегать к матери (Церкви), чтобы находящиеся в стаде, слыша голос его, больше соединялись между собою... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 669).

***

Чтобы отворить дверь своим обманам и придать лжи больше благовидности, демоны примешали к ней несколько и истины, подобно тому, как приготовляющие ядовитые составы, обмазывая края сосуда медом, достигают того, что вредное зелье легко принимается (свт. Иоанн Златоуст, 44, 726).

***

Диавол непрестанно противодействует нашему спасению, сам не получая от этого усердия никакой пользы, но еще испытывая величайший вред; и однако он одержим таким неистовством, что нередко отваживается даже на невозможные дела, и нападает не только на тех, которых

надеется непременно побороть и низвергнуть, но и на тех, которые, вероятно, преодолеют козни его (свт. Иоанн Златоуст, 44, 782).

***

Когда видит <диавол>, что грузы добродетели сложены и изобильно накоплены, тогда-то и старается причинить более тяжкое крушение (свт. Иоанн Златоуст, 45, 10).

***

Никто, решаясь состязаться, не ожидает стяжать венка без ран, поэтому и ты, начав всеми силами бороться с диаволом, не гонись за безопасной и полной приятностей жизнью, потому что не здесь Бог обещал тебе воздаяния и обетования, а все славное в будущем веке (свт. Иоанн Златоуст, 45, 23—24).

***

...Оружие праведного — любомудрие, воздержание, терпение, презрение ко всему настоящему. Имеющий это оружие посмеется не только над злыми людьми, но и над вражескими силами (свт. Иоанн Златоуст, 45, 107).

***

...Учение о <диаволе> доставляет нам безопасность: он враг и неприятель, а ясно знать о врагах весьма нужно для безопасности (свт. Иоанн Златоуст, 45, 289).

***

И его <диавола> Бог оставил здесь для того, чтобы тебя сделать крепче, чтобы подвижника показать в боль-

шей славе, чтобы борьба была важнее (свт. Иоанн Златоуст, 45, 298).

***

Вот злоба диавола: служащих ему он предает таким трудам, которые и мучат обольщенных, и делают их смешными больше всех... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 587).

***

...Так как для демонов нет ничего дороже погибели человеческой, то и понятно, что они и услаждаются... тем, что обыкновенно извращает нашу жизнь и истребляет все доброе с самого основания (свт. Иоанн Златоуст, 45, 597).

***

...Бог для того попускает ангелам сатаны нападать на рабов Его и причинять им бесчисленные бедствия, чтобы проявилась сила Его (свт. Иоанн Златоуст, 45, 648).

***

...Дары диавола: злословие, пьянство, омрачение души (свт. Иоанн Златоуст, 46, 208).

***

...Злобный диавол... строит козни. Так как он видит, что молитва доставляет нам величайшую пользу, то особенно тогда и нападает, чтобы отнять у нас защиту, чтобы отпустить нас домой <из храмов> с пустыми руками (свт. Иоанн Златоуст, 46, 369).

***

Пока диавол нападает извне, мы будем в состоянии противиться; когда же откроем ему двери души и примем врага внутрь, то уже не сможем нимало противиться ему, но, со всех сторон помрачив нашу память, как бы дымящийся светильник, он оставит только уста — произносить пустые слова (свт. Иоанн Златоуст, 46, 369).

***

...Диавол влагает тысячи нечистых помыслов в наши умы, и о чем мы никогда не думали, то собрав, во время молитвы вливает в наши души (свт. Иоанн Златоуст, 46, 369).

***

...Диавол, видя зажженным в нас пламень молитвы, навевает отсюда и оттуда тысячи забот и не отстает до тех пор, пока не погасит света (свт. Иоанн Златоуст, 46, 369).

***

Таковы козни диавола: одних он губит чрез небрежность, а других чрез самую ревность, когда она бывает не по заповедям (свт. Иоанн Златоуст, 46, 374).

***

...Если те, которые подвергаются козням <диавола>, будут бодрствовать, то не только ничего не потеряют, но получат еще большее богатство добродетели... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 547).

***

...Как и в настоящей жизни, не там, где находится солома, сено или песок, но там, где находятся золото и жемчуг, там именно постоянно собираются... разбойники... так и диавол там именно и строит свои козни, где видит богатства, скопляемые душой и умножающиеся сокровища благочестия (свт. Иоанн Златоуст, 46, 547).

***

...Диавол имеет обыкновение вовлекать неосторожных в обман, даже и при посредстве того, что часто приносит пользу, если это полезное получает не должное применение (свт. Иоанн Златоуст, 46, 575).

***

...Так как у нас борьба не с людьми, а со злыми духами, то и упражнение наше и воздержание должны быть духовные, потому что и оружия наши, в которые облек нас Христос, суть духовные (свт. Иоанн Златоуст, 46, 826).

***

Что же это за стрелы лукавого? Злые похоти, нечистые помыслы, пагубные страсти, гнев, клевета, зависть, раздражительность, вражда, корыстолюбие и все прочие худые наклонности (свт. Иоанн Златоуст, 47, 20).

***

...Злой диавол, когда видит собранное духовное богатство, приходит в ярость, скрежещет зубами и неусып-

но старается, как бы найти удобное время и похитить что-либо из сокрытого внутри нас (свт. Иоанн Златоуст, 47, 32).

***

...Когда злой... демон видит, что душа заботится о предметах божественных и об них только непрестанно помышляет, ими занимается, то он не смеет и приблизиться, но тотчас удаляется, гонимый силою Духа, будто огнем каким (свт. Иоанн Златоуст, 47, 117).

***

...Демон, который сам пребывал между вышними силами, но по развращению воли и безмерности злости ниспал с той высоты, употребил великую хитрость, чтобы лишить человека благоволения Божия и, сделав его неблагодарным, лишить его всех благ, дарованных ему человеколюбием Божиим (свт. Иоанн Златоуст, 47, 128).

***

Таковы ухищрения врага: он возводит лестью на большую высоту, низвергает затем в глубокую бездну (свт. Иоанн Златоуст, 47, 131).

***

Таковы-то козни диавола: когда он найдет послушных себе, то, обольстив их кратковременным удовольствием, низвергнув в самую глубину зла и покрыв стыдом и бесчестием, оставляет их в этом низком положении на жалкий позор зрителям (свт. Иоанн Златоуст, 47, 156).

***

Никто не думай и о диаволе, будто он так силен, что может заградить путь, ведущий к добродетели; <он> прельщает и соблазняет нерадивых, но не препятствует и не принуждает (свт. Иоанн Златоуст, 47, 223).

***

...Он (Бог) оставил диавола по Своей попечительности о нашем спасении для того, чтобы пробуждать нашу беспечность и доставлять нам повод к получению венцов (свт. Иоанн Златоуст, 47, 224).

***

...Когда не может (диавол) прямо увлечь нас к злу и уловить обманом, он не делает насилия, не принуждает, нет, а только обольщает, и как увидит, что мы беспечны, то и полагает нам преткновение, — так, когда не успеет он явно грехами повредить нашему спасению, тогда часто самими добродетелями, какие мы совершаем, тайно обольстив нас, губит все наше богатство (свт. Иоанн Златоуст, 47, 325).

***

Тем, которые с великим трудом успели уже преодолеть его <диавола> козни, он внушает высоко думать о своих добродетелях и искать славы у людей, чтобы чрез это лишить их истинной славы (свт. Иоанн Златоуст, 47, 325).

***

Мы имеем врага постоянного, имеющего непримиримую к нам ненависть; потому мы должны быть неусып-

ны, чтобы побеждать козни его и стать выше стрел его (свт. Иоанн Златоуст, 47, 649).

***

...Победить <диавола> мы не иначе можем, как если добродетельною жизнью приобретем себе содействие свыше (свт. Иоанн Златоуст, 47, 649).

***

...В нашей власти — не увлекаться обольщением <диавола>, если хотим только немного бодрствовать и трезвиться, не потому, однако, чтобы мы сами по себе имели такую силу, но потому, что в таком случае мы удостоиваемся и помощи свыше (свт. Иоанн Златоуст, 47, 650).

***

...Диавол, как враг мира, ненавистник согласия и отец злобы, сколько радуется и торжествует, когда мы предаемся гневу, ссоримся и нападаем друг на друга, столько же скорбит и печалится, когда мы сохраняем мир и согласие и обуздываем гнев (свт. Иоанн Златоуст, 47, 846).

***

...Диавол сам есть отец лукавства, поэтому он по преимуществу и называется лукавым, и вместо собственного достаточно ему этого прилагательного имени, по причине чрезмерной злобы его, которая, впрочем, не врождена ему, но произошла после (свт. Иоанн Златоуст, 48, 468).

***

...Демоны не были бы низвергнуты с неба, если бы не отпали чрез свое нечестие от Создавшего небеса (свт. Иоанн Златоуст, 48, 927).

***

Диавол существовал не с самого начала, но был создан ангелом; назвался же диаволом тогда, когда оклеветал Бога пред людьми, а людей перед Богом, когда стал вооружать Владыку против слуги и слугу против Владыки (свт. Иоанн Златоуст, 49, 926).

***

...Успех... браней <с диаволом и властями тьмы> зависит не от естества тел, а от произволения души (свт. Иоанн Златоуст, 50, 87).

***

...Великое благо и... сильное оружие против диавола — пост... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 131).

***

...Диавол, когда видит, что нисколько не успевает, уходит наконец, боясь, чтобы не доставить нам своими кознями большей славы (свт. Иоанн Златоуст, 50, 162).

***

Бесы постоянно стараются привести людей в отчаяние и всегда радуются их гибели (свт. Иоанн Златоуст, 50, 318).

***

Не только бесы суть сосуды диавола, но и люди, творящие его дела (свт. Иоанн Златоуст, 50, 439).

***

Одно из ухищрений диавола <таково>, что он к самой истине всегда примешивает заблуждение, прикрашивая его разными подобиями истины, чтобы тем легче обмануть легковерных (свт. Иоанн Златоуст, 50, 481).

***

Он <диавол> желает вредить нам, хотя это желание произошло не от вражды на нас, а от вражды на Бога (свт. Иоанн Златоуст, 50, 482).

***

Если демон мучится, когда его изгонят из тела, то гораздо больше мучится, когда видит душу освобожденную от греха (свт. Иоанн Златоуст, 50, 487).

***

Хотя жизнь наша и худа, но так как мы, по благодати Божией, весьма твердо держимся догматов истины, то и возвышаемся над кознями диавольскими (свт. Иоанн Златоуст, 50, 758).

***

Для него <диавола> и для помыслов, от него влагаемых, ничто так не страшно, как мысль, занятая предме-

тами божественными, душа, постоянно прилежащая к этому источнику (свт. Иоанн Златоуст, 51, 23).

***

Обедаем ли мы, ходим ли, моемся ли, — враг всегда стоит подле нас. Он не знает времени отдыха, разве только во время <нашего> сна, но часто и тогда нападает, влагая нечистые помыслы и возбуждая наши страсти сновидениями. А мы, считая маловажным то, из-за чего он нападает, не бодрствуем, не трезвимся, не взираем на множество враждебных нам сил, не думаем, что это самое и есть величайшее бедствие, но среди столь многих браней предаемся неге, как будто среди мира (свт. Иоанн Златоуст, 52, 284).

***

...Бог удалил его <диавола>, как какого-нибудь разбойника и мучителя, он не смеет напасть, если только не застигнет кого-нибудь в своих владениях безоружным и одиноким, не дерзает приблизиться, если не увидит, что мы идем пустынею, а эта пустыня и жилище диавола есть не иное что, как грех (свт. Иоанн Златоуст, 52, 577).

***

...Если диавол увидит, что кто-нибудь парит к небу, то, во-первых, он не может наскочить на него, а во-вторых, если и решается, то быстро сам упадет: ведь он не имеет ног, — не бойся, не имеет и крыльев, — не страшись, он ползает только по земле и пресмыкается среди земных дел. Пусть же у тебя не будет ничего общего с землею;

тогда тебе не потребуется и труда. Диавол не умеет сражаться открыто, но, как змий, скрывается в терниях, часто притаиваясь в прелести богатства. Если ты посечешь это терние, то он, тотчас придя в робость, убежит, а если ты умеешь заговорить его божественными заклинаниями, то тотчас ранишь его. Есть у нас духовные заклинания — имя Господа нашего Иисуса Христа и сила Креста. Это заклинание не только изгоняет дракона из его логовища и ввергает в огонь, но даже исцеляет раны (свт. Иоанн Златоуст, 52, 578).

***

...Мы спим и храпим, притом тогда, когда имеем столь лукавого противника. И если бы мы узнали, что притаилась змея у нашей постели, то, конечно, приложили бы все старание к тому, чтобы убить ее, а когда диавол спрятался в наших душах, то мы думаем, что с нами не происходит ничего худого, а между тем мы уже пали. Причина же этого та, что диавола мы не видим телесными очами, хотя вследствие этого нам следовало бы более бодрствовать и быть осторожными. Ведь от видимого врага и уберечься можно легко, а от невидимого мы не можем поспешно убежать, если не будем всегда вооружены, тем более, что диавол не умеет сражаться открыто, чтобы тотчас самому не попасться в плен, но часто под видом дружбы впускает жестокий яд свой (свт. Иоанн Златоуст, 52, 604).

***

Он <диавол> может погубить <нас> не только тем, что доводит до блудодеяния, но и противоположным спо-

собом... именно безмерною печалью во время покаяния (свт. Иоанн Златоуст, 53, 509).

***

...Власть его (диавола) есть власть временная... она прекратится вместе с настоящим веком... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 34).

***

Везде ему <диаволу> нужно только начало, — это для него самое трудное, когда же начало сделано, тогда он уже сам собою все подвигает вперед (свт. Иоанн Златоуст, 54, 124).

***

...У нас борьба с врагом опытным в воинских делах, эта война против нас производится не просто и не открыто, но с великою хитростью (свт. Иоанн Златоуст, 54, 195).

***

Не удивляйся и тому, что так много сказано о силе врагов. Знание об этом должно производить не страх и робость, но может предохранять от беспечности (свт. Иоанн Златоуст, 54, 197).

***

Подумай, сколько времени он (диавол) ведет свою борьбу, из-за чего он бьется, — и веди себя осторожнее (свт. Иоанн Златоуст, 54, 198).

***

...Каким же образом мы победим их <демонов>? Если мы постараемся быть по произволению тем, что они — по природе, т. е. если мы постараемся стать выше плоти и крови... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 198).

***

...Мы имеем непобедимого союзника — благодать Духа; потому, что мы научены такому искусству, что можем ратоборствовать не с людьми только, но и с демонами (свт. Иоанн Златоуст, 54, 198).

***

Тебя ударил кто-нибудь — имей зло против диавола и никогда не прекращай вражды с ним. Если и не ударил — и в таком случае злобствуй против диавола за то, что он восстал против твоего Владыки, оскорбил Его, а также за то, что вредит братьям твоим и воюет на них. Всегда будь врагом, всегда гневным, всегда непримиримым с ним. От этого он сделается смиренным, неопасным, таким, что его можно будет одолеть. Если мы сильно разъяримся против него, он не будет нам страшен. А когда станем благосклонны, тогда он сделается жестоким, — не так (мы должны обращаться с ним), как с нашими братьями. Он враг и гонитель жизни и спасения нашего и своего собственного. Если он не любит самого себя, то как может любить нас? Итак, ополчимся и повергнем его, имея союзником великого Господа Иисуса Христа, Который возможет соделать и нас неуловимыми для его сетей и удостоить вечных благ... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 201).

***

Война с диаволом прекращает другую войну — против Бога. Враждуем с диаволом: это значит находимся в мире с Богом (свт. Иоанн Златоуст, 54, 209).

***

Нет ничего злее диавола. Так он повсюду обременяет и развлекает своих <слуг> бесполезными трудами, и не только не допускает получить награду, но умеет еще сделать их достойными наказания (свт. Иоанн Златоуст, 54, 237).

***

Диавол всегда таков, — все предлагает с хитростью, а не прямо, чтобы мы не остерегались (свт. Иоанн Златоуст, 54, 374).

***

...Победи только самого себя — и победишь козни диавола (свт. Иоанн Златоуст, 54, 505).

***

...Огради душу верою и любовью, и ни одна из разжженных стрел диавола не в состоянии будет вонзиться в нее (свт. Иоанн Златоуст, 54, 550).

***

...Диавол с большею яростью нападает на учителей, потому что если они погибнут, то и все стадо рассеется. Когда он убивает овец, он только уменьшает стадо; а если

поражает пастыря, то наносит вред всей пастве. Достигая таким образом с меньшим трудом большего и в одной душе все погубляя... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 621).

***

Подобно тому, как палачи, будучи сами исполнены бесчисленных преступлений, вразумляют других, так и здесь (то же самое говорится) о лукавом демоне (см.: 1 Кор. 5, 5) (свт. Иоанн Златоуст, 54, 655).

***

Молясь, восплачем от глубины сердца, чтобы прогнать врага нашего в глубину пещи геенской. Ведь когда ты стенаешь, он подвергается ударам; когда ты ударяешь себя в грудь, он получает раны; когда ты принимаешь удары, он подвергается казни (свт. Иоанн Златоуст, 54, 917).

***

...Он <демон> производит посмешище в народном собрании, уничижение в доме, смущение в церкви, пожирание плоти, немощь души, повседневную скорбь, путы ума, препятствие в делах (свт. Иоанн Златоуст, 54, 924).

***

Велика злоба демона. Но над всеми видами ее превозмогает пост и молитва (свт. Иоанн Златоуст, 54, 925).

***

Стрела же диавола есть порочное пожелание (свт. Иоанн Златоуст, 55, 188).

***

...Как пираты... минуют корабли с песком, а если где-нибудь увидят с дорогою кладью и с хранящимся в них богатством, нападают на них, пробуравливая снизу, поражая сверху, употребляя всякую хитрость, так и диавол обычно поражает, завидует и коварствует в особенности против собравших много добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 55, 302).

***

Всегда наблюдай врага; если он придет, чтобы пронзить твое сердце стрелою глупого пожелания, и если он придет повергнуть твою душу в грязные помыслы — противоставь щит веры, оденься в шлем надежды, обнажи меч Духа, который есть слово Божие, и, так вооружаясь против врага, терпи и не будь небрежен в борьбе, но бодрствуй во всем (свт. Иоанн Златоуст, 55, 447).

***

Враг доставляет то простор, то скорби. Он испытывает, куда расположено внутреннее состояние человека, туда и сам выступает, чтобы бороться, при помощи своего коварства (свт. Иоанн Златоуст, 55, 447).

***

...Если присутствие святых делает немощной силу демонов, то гораздо более присутствие Божие (свт. Иоанн Златоуст, 55, 551).

***

Если борющемуся с людьми <борцам> необходимо умеренно питаться, то гораздо более борющемуся с демонами,

если же мы привязаны к дебелости плоти и богатству, то как одолеем противников? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 569).

***

Демоны имеют себе помощников в самих людях, которым они строят козни, так что, если бы последние не содействовали им, то большая часть их козней против нас не имела бы у них никакого успеха... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 597).

***

Если диавол видит, что ты не выносишь потери денег и из-за них отрекаешься от Бога своего, то опять даст их тебе, чтобы иметь повод опять обольстить тебя и отвлечь от Бога (свт. Иоанн Златоуст, 55, 597).

***

...Подобно тому, как не столько мы наблюдаем за ворами, сколько они за нами, так в особенности диавол ко всем присматривается, подстерегает, скрежещет зубами (свт. Иоанн Златоуст, 55, 849).

***

...Он <диавол>... искусный вдохновитель зла, умудренный в обманах, изобретательный в кознях, неистощимый во всякого рода злых замыслах (свт. Иоанн Златоуст, 55, 931).

***

...Если ему <диаволу> не удается увлечь и погубить человека при помощи дурных пожеланий, тогда уже он

наносит ему скорби, чтобы омрачить его ум и, воспользовавшись этим, посеять то, что ему нужно (свт. Иоанн Златоуст, 55, 940).

***

Как Божие творение, и диавол получает повеление делать то, что надлежит. Если он и оказал неповиновение (Божественной) воле, то остается под игом рабства; как палачу, ему повелевается привести в исполнение приговор... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1016).

***

Дает место (диаволу) тот, кто, будучи увлечен желанием, после его приятия самым делом совершает грех (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1130).

***

Не может ум победить демонское мечтание сам только собою: да не дерзает на сие никогда. Ибо хитры будучи враги наши, притворяются побежденными, замышляя низложить борца отынуды, — чрез тщеславие; при призывании же имени Иисусова и минуты постоять и злокознствовать против тебя не стерпят (прп. Исихий Иерусалимский, 89, 170).

***

...Слабый наш разум... пока на духов злобы призывает Иисуса Христа, удобно изгоняет их и с искусным умением обращает в бегство невидимые, ратные силы врага, а коль скоро сам на себя одного безрассудно дерзнет понадеяться,

то падает и разбивается... (прп. Исихий Иерусалимский, 89, 170—171).

***

Любящим научение надо знать и то, что злые демоны, завидуя нам, по причине великой от брани пользы, умудрения ею и к Богу восхождения, часто скрывают от нас и утишают эту мысленную брань (имея при сем в намерении и то), чтобы, когда мы (забыв об опасностях нападения с их стороны) обеззаботимся, внезапно похитить ум наш (в мечтания) и опять сделать нас не внимающими сердцу нерадивцами. Ибо их одна цель и один подвиг непрестанно заботит: совсем не давать сердцу нашему быть внимательным к себе, зная, какое богатство собирается чрез это в душе. Но мы тогда-то паче (во время затишья брани) воспростремся с памятованием Господа нашего Иисуса Христа в духовные созерцания, — и брань опять найдет на ум. Только будем все делать, скажу так, с совета Самого Господа и со смирением великим (прп. Исихий Иерусалимский, 89, 172).

***

Как ходящему по земле невозможно не рассекать... воздуха, так невозможно сердцу человеческому не быть непрестанно боримому от демонов, или не подлежать скрытным от них воздействиям, хотя бы кто и строго проходил телесные подвиги (прп. Исихий Иерусалимский, 89, 190).

***

Бесы вводят нас в грех всегда лживым мечтанием (прп. Исихий Иерусалимский, 89, 191).

***

Емлемся убо за молитву и смирение — сии два оружия, коими совокупно с трезвением, как мечом огненным, ополчаются мысленные воители против демонов. Если так будем вести жизнь свою, то каждый день и час можем таинственно радостный иметь праздник в сердце (прп. Исихий Иерусалимский, 89, 206).

***

Испытавшие борьбу по внутреннему человеку не могут сомневаться, что враги непрестанно наветуют нам. Но они так противоборствуют нашим успехам, что только подстрекают, а не принуждают ко злу. Впрочем, никакой человек не мог бы совершенно избежать греха, какой бы они ни захотели впечатлеть в наших сердцах, если бы им дана была власть насильно внушать и понуждать. Посему, как им дана власть подстрекать, так и нам дана сила отвергать или свобода соглашаться. Впрочем, если мы боимся их могущества и нападения, то должны просить покровительства и помощи Божией против них, о чем говорит Апостол: *Тот, Кто в вас* (Христос), *больше того* (диавола), *кто в мире* (1 Ин. 4, 4). Помощь Его гораздо с большею силою поборает по нас, нежели сколько воюет против нас множество врагов. Ибо Бог есть не только внушитель добрых мыслей, но и покровитель и споспешник, так что иногда невольно, без ведома нашего привлекает нас к спасению. Итак, верно, что никто не может быть обольщен диаволом, если кто не захочет дать ему согласие своей воли. Екклесиаст это ясно выражает такими словами: *поелику не бывает прекекания от тех, которые скоро делают зло, то и наполнилось сердце сынов*

человеческих, чтобы делать зло (ср.: Екк. 8, 11). Итак, отсюда очевидно, что всякий согрешает от того, что при нападении худых помыслов не отвергает их тотчас противоречием. Ибо сказано: *противитеся диаволу, и убежит от вас* (ср.: Иак. 4, 7) (прп. авва Серен, 56, 287).

***

Неудивительно, что дух <демон> может нечувствительно сочетаваться с духом и имеет силу скрытно склонять к тому, что угодно им. Ибо между ними, как и между людьми, есть некоторое подобие и сродство субстанции; так как свойство природы души сходно со свойством их существа. Но совершенно невозможно им смешиваться или соединяться между собою, так чтобы друг друга могли вмещать в себе. Ибо это правильно присвояется только Божеству (прп. авва Серен, 56, 288).

***

Нет сомнения, что нечистые духи могут познавать качества наших мыслей, но извне заключая о них по чувственным признакам, т. е. из наших расположений или слов и занятий, к которым видят нас более склонными. Но они вовсе не могут знать те мысли, которые еще не обнаружились из сокровенности души. Да и те мысли, которые они внушают, приняты ли, или как приняты, они узнают не по природе самой души, т. е. не по внутреннему движению, скрывающемуся, так сказать, в мозгах, но по движениям и признакам внешнего человека, например, когда внушают чревобесие, если видят, что монах с любопытством устремляет глаза в окно или на солнце, или

заботливо спрашивает о часе, то познают, что у него родилось желание есть. Если, внушая блуд, примечают, что он терпеливо принял стрелу похоти, или видят, что плоть возмутилась, или по крайней мере он не вздохнул, как должно, против внушения нечистого сладострастия, то понимают, что у него во внутренности души вонзена стрела похоти. Если они подстрекают кого к печали, гневу, ярости, то залегли ли они в сердце, узнают это из движения тела и возмущения чувствований, именно когда видят, что он молча возмутился, или с каким-нибудь негодованием вздыхает, или лицо покрылось бледностью, или краскою и таким образом тонко дознают, кто какому пороку предан. Ибо они верным способом узнают, чем всякий из нас услаждается, когда замечают, к внушению чего тотчас показал сочувствие и согласие каким-нибудь мановением или движением тела. И неудивительно, что эти воздушные силы так узнают это, когда видим, что очень часто делают это и разумные люди, именно по фигуре, по лицу или другому внешнему качеству узнают состояние внутреннего человека. Тем вернее могут узнавать это те, которые, как духи, без сомнения, гораздо тоньше и проницательнее людей (прп. авва Серен, 56, 290—291).

***

Как некоторые разбойники в тех домах, которые хотят обокрасть, обыкновенно испытывают спрятанное имущество людей, — в густой тьме ночи осторожно рукою разбрасывая мелкий песок, скрытое богатство, которого нельзя видеть глазами, узнают по некоторому звуку, издаваемому от падения песка, именно по звуку догадываются о качестве вещей или металле; так и бесы, чтобы

испытать сокровище нашего сердца, посевают нам вредные внушения, как бы песок какой; когда видят, что по качеству их произошла телесная страсть, по этому, как по какому-нибудь звуку, происходящему из внутренних частей, узнают, что скрыто в тайниках внутреннего человека (прп. авва Серен, 56, 291).

***

...Мы должны знать, что не все демоны возбуждают все страсти в людях; но ко всякому пороку подстрекают известные духи, именно иные подстрекают услаждаться нечистотою и скверною похоти, иные располагают к богохульству, иные к гневу и ярости, иные располагают к печали, иные внушают утешаться тщеславием и гордостью; и всякий всевает в сердца человеческие ту страсть, какою сам преимущественно недугует; но не все вместе внушают свои пороки, а попеременно, смотря по тому, как будет благоприятствовать время или место, приемлемость человека (прп. авва Серен, 56, 291—292).

***

Мы ясно видим, что... бывает в этой брани нечистых духов <согласие>, так что не только времена и попеременность между собою соблюдают, но знаем, что они и к местам некоторым особенно привязываются и в них постоянно заседают. Ибо им необходимо делать свои нападения с переменою искушений, известных пороков и времен; это ясно доказывается тем, что никто не может обольщаться суетою тщеславия и вместе разжигаться похотью блуда; не может надмеваться духовною гордостью и вместе с унижением подчиняться плотскому чревобесию,

никто не может разливаться в глупом смехе и в то же время раздражаться гневом или предаваться скорби, грусти; необходимо каждому духу отдельно делать нападение на душу, так что когда побежденный отходит, то уступает другому духу сильнее нападать на нее; или если останется победителем, то все-таки предоставляет другому также и обольщать (прп. авва Серен, 56, 292).

***

...Мы должны знать, что не все они <демоны> имеют одинаковую свирепость и желание, даже не одинаковую силу и злость, именно начинающим и слабым попускаются для борьбы только более слабые духи, а по побеждении этих злых духов всегда постепенно следует более сильная брань против подвижника Христова. А с приобретением сил и успехов для человека увеличивается и трудность борьбы. Ибо никак никто из святых не в состоянии был бы выдержать злость таких врагов, не мог бы противиться их наветам, даже не мог бы снести их жестокости и свирепости, если бы Всемилостивый Заступник и Подвигоположник Христос, присутствующий при нашей борьбе, не уравнивал силы борющихся, не отражал и не обуздывал сильные нападения их, и при искушении не подавал облегчения, чтобы мы могли перенести (1 Кор. 10, 13) (прп. авва Серен, 56, 293).

***

Мы верим, что демоны ведут брань не без труда. Ибо и сами они в этой брани имеют некоторое беспокойство и скорбь, особенно когда сразятся с более сильными соперниками, т. е. святыми и совершенными мужами. А иначе им приписывались бы не сражение, не борьба, а толь-

ко простое и, так сказать, спокойное обольщение людей. И как бы сталось сказанное Апостолом: *наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 12). *Я подвизаюсь не так, чтобы только бить воздух* (ср.: 1 Кор. 9, 26). ...Где есть подвиг, сражение, битва или борьба, там необходимо бывает усилие, труд, беспокойство, равно бывает у них или скорбь и стыд от поражения, или радость о победе. А когда один состязается с усилием, а другой на сражении остается в праздности и беспечности, и для низложения соперника довольствуется одною волею вместо употребления сил, то это надобно назвать не битвою, не борьбою, не сражением, а каким-то злочестивым и насильственным поражением. Но ясно, что и сами нападающие на род человеческий не меньше употребляют труда, усиливаются, чтобы возмогли одержать над всяким ту победу, какой желают, чтобы не пало на них то посрамление, которое осталось бы на нас, если бы мы были поражены ими, по следующему изречению: *да покроет головы окружающих меня зло собственных уст их* (ср.: Пс. 139, 10). *Злоба его обратится на его голову* (ср.: Пс. 7, 17). *Да придет на него гибель неожиданная, и сеть его, которую он скрыл для меня, да уловит его самого, да впадет в нее на погибель* (ср.: Пс. 34, 8). Итак, и сами они не меньше скорбят, и как нас уязвляют, так и сами уязвляются, и побежденные не уходят без посрамления. Тот, кто имел здравые очи по внутреннему человеку, ежедневно усматривая поражения и падения их, видя, что они радуются поражению и падению каждого, и опасаясь, чтобы они не обрадовались и касательно его, умоляет Господа, говоря: *просвети очи мои, да не когда*

усну в смерть, да не когда речет враг мой: укрепихся на него. Стужающии ми возрадуются, аще подвижуся (Пс. 12, 4—5). *Господи Боже мой, да не возрадуются о мне. Да не рекут в сердцах своих: благоже, благоже души нашей: ниже да рекут: пожрохом его* (Пс. 34, 24—25). *Поскрежеташа на мя зубы своими. Господи, долго ли будеши смотреть на это?* (Пс. 34, 16—17). *Подстерегает в потаенном месте, как лев в логовище, подстерегает в засаде, чтобы схватить бедного* (ср.: Пс. 9, 30*). И просят у Бога пищу себе* (ср.: Пс. 103, 21). Опять когда, истощив все усилия, они не возмогут обольстить нас, то сверх напрасного труда своего они необходимо остаются в стыде и посрамлении; те, которые ищут наши души, чтобы восхитить их, облекаются стыдом и срамом умышляющие нам зло. Также пророк Иеремия говорит: *пусть постыдятся гонители мои, а я не останусь в стыде; пусть они вострепещут, а я буду бестрепетен; наведи на них день бедственный, и сокруши их сугубым сокрушением* (ср.: Иер. 17, 18). Нет сомнения, что когда они будут побеждены нами, то будут сокрушены двояким сокрушением, во-первых, потому, что люди стремятся к святости, а они, некогда владея ею, потеряли ее и сделались причиною погибели людей; во-вторых, потому, что духовные существа бывают побеждаемы плотяными и земными. Итак, видя эти поражения врагов и свои победы, каждый из святых с восторгом восклицает: *я преследую врагов моих и настигаю их, и не возвращаюсь, доколе не истреблю их. Поражаю их, и они не могут встать, падают под ноги мои* (ср.: Пс. 17, 38—39). Против них тот же Пророк, молясь, говорит: *вступись, Господи, в тяжбу с тяжущимися со мною, побори борющихся со мною. Возьми щит и латы и восстань на помощь*

мне. Обнажи меч и прегради путь преследующих меня; скажи душе моей: Я спасение твое (ср.: Пс. 34, 1—3). Когда, покорив и подавив все страсти, мы победим врагов, то удостоимся услышать этот благословенный голос: *поднимется рука твоя на врагов твоих, и все неприятели твои будут истреблены* (ср.: Мих. 5, 9). Итак, читая или воспевая все это и сему подобное, заключающееся в Священных книгах, если не будем понимать, что это написано против этих злых духов, которые наветуют нам днем и ночью, то из этого не только не получим никакого назидания в кротости и терпении, но еще усвоим жестокое и противное евангельскому совершенству расположение (прп. авва Серен, 56, 293—295).

***

...Надобно верить, что они <демоны> не могут по своему произволу войти ни в какого человека, созданного по образу Божию, когда без дозволения Божия они не имели власти войти в нечистых и немых животных. Даже никто, не говорю, из молодых, которых видим постоянно пребывающими в... <Египетской> пустыне, но и из совершенных, окруженный таким полчищем таких врагов, не мог бы обитать в пустыне одиноким, если бы у них была власть и свобода по своей воле вредить или искушать (прп. авва Серен, 56, 295—296).

***

У нечистых духов, без сомнения, столько же занятий, сколько и между людьми. Некоторые из них (которых простой народ называет также фавнами, лесными бога-

ми) бывают обольстители и шутники, постоянно занимая известные места или пути, не увеселяются мучением тех мимо проходящих, которых могли бы уловить в сеть, а довольствуясь только насмешкою и озорством, стараются скорее обеспокоить их, нежели повредить; некоторые только производят ночью безвредные навалы на людей (кошмары); иные бывают столь яростны и свирепы, что не довольствуются тем, чтобы жестоким терзанием мучить только тела тех, в коих вошли, но спешат еще напасть на проходящих вдали и поразить их жестокими ударами, каковы описанные в Евангелии (см.: Мф. 8, 28), от страха которых никто не смел проходить тем путем, которые по ненасытимой свирепости утешаются войнами и кровопролитием. Иные, напыщая сердца одержимых ими гордостью, внушают казаться то величавыми тщеславными великанами, то униженными, льстивыми, то знаменитыми, достойными внимания всех, то показывать, что они поклоном отдают почтение высшим властям, то будто другие воздают им почтение и другие действия совершают гордо или униженно. Иные стараются внушить людям не только ложь, но и богохульство. Мы были свидетелями этого дела, слышали, что демон явно сознавался, что он чрез Ария и Евномия произвел нечестие святотатственного учения. Также и в 3 книге Царств читаем, что один из этих духов говорил: *я выйду и сделаюсь духом лживым в устах всех пророков его* (Израиля) (ср.: 3 Цар. 22, 22; 2 Пар. 18, 21). Апостол, обличая обольщающихся ими, так говорит о них: *внимая духам обольстителям и учениям бесовским чрез лицемерие лжесловесников* (1 Тим. 4, 1—2). Евангелие свидетельствует, что есть и другие роды демонов — немых и глухих (см.: Лк. 11, 14; Мк. 9, 25). Про-

рок упоминает, что также есть некоторые духи разжигатели похоти и сластолюбия, говоря: *дух блуда обольстил их, и они блудят, отступив от Бога своего* (ср.: Ос. 4, 12). Священное Писание учит, что есть также бесы дневные и полуденные (см.: Пс. 90, 6). О различии их было бы слишком долго подробно рассматривать все места Священного Писания, в которых они Пророком называются, — кто онокентаврами, кто косматыми, кто сиренами, кто кикиморами, кто совами, кто страусами, кто ежами (см.: Ис. 13, 21—22; 34, 11—14), кто аспидом и василиском, кто львом, кто драконом (см.: Пс. 90, 13); кто скорпионом (см.: Лк. 10, 19), кто князем мира сего (см.: Ин. 14, 30), кто мироправителями тьмы века сего, кто духами злобы (см.: Еф. 6, 12). Мы думаем, что эти наименования даны им не случайно, не без намерения, но названием этих зверей, которые бывают у нас более или менее вредны и гибельны, означается их жестокость и ярость, называются именами их по сходству ядовитой злости или главенства, которое доставляет им между прочими зверями или змеями превосходство их злости, именно, иной получил название льва по причине сильной ярости и свирепости своего зверства, иной имя василиска по причине смертоносного яда, который убивает, прежде нежели почувствуется, а иной имя онокентавра или ежа и страуса по причине вялости своей злости (прп. авва Серен, 56, 303—304).

***

Достоверно, что злые духи какую брань ведут с людьми, такую же взаимно ведут и между собою. Ибо из-за

некоторых народов, принятых по некоторому, свойственному им, содружеству со злом, они с неослабным усилием непрестанно производят раздоры и сражения (прп. авва Серен, 56, 313).

***

...Злых духов такое множество наполняет этот воздух, который разливается между небом и землею и в котором они летают в беспокойстве и непраздно, так что провидение Божие для пользы скрыло и удалило их от взоров человеческих; иначе от боязни нападения их или страшилища лиц, в которые они по своей воле, когда захотят, преобразуются и превращаются, люди поражались бы невыносимым ужасом до изнеможения, будучи не в состоянии видеть их телесными очами или ежедневно становились бы злее, будучи развращаемы их постоянными примерами и подражанием, и чрез это между людьми и нечистыми, воздушными властями, было бы некоторое вредное содружество и гибельный союз, ибо те преступления, которые ныне допускаются между людьми, скрываются или оградою стен, или расстоянием мест, или по стыдливости. А если бы постоянно видели их открытым взором, то возбуждались бы к большему безрассудству, неистовству страстей, потому что не было бы никакого промежутка времени, в который бы видели их удерживающимися от этих злодеяний, поскольку ни усталость телесная, ни занятие домашним делом, ни забота о ежедневном пропитании не удерживают их, как иногда заставляют нас даже невольно удерживаться от предпринятых намерений (прп. авва Серен, 56, 313).

***

...Что нечистые духи управляются более злыми властями и подчинены им, этому, кроме тех свидетельств Священного Писания, которые читаем в Евангелии, в описании ответа Господа клеветавшим фарисеям: ***если Я силою веельзевула, князя бесовского, изгоняю бесов*** (ср.: Мф. 12, 27) — научают нас также ясные видения и многие опыты святых. Когда один из наших братий путешествовал в... <египетской> пустыне, то, по наступлении вечера нашедши некоторую пещеру, остановился там и захотел совершить в ней вечернюю молитву. Пока он, по обычаю, пел псалмы, время прошло уже за полночь. По окончании молитвенного правила, желая немного успокоить утомленное тело, он возлег и вдруг начал видеть бесчисленные толпы отовсюду собирающихся демонов, которые, бесконечною вереницею и весьма длинным рядом приходя, иные предшествовали своему начальнику, иные следовали за ним. Наконец пришел князь, который и величиною был выше всех и видом страшнее, и по поставлении престола, когда он сел на возвышенном трибунале (судейском месте), то с рачительным исследованием стал разбирать действия каждого, и тех, которые говорили, что еще не могли обольстить своих соперников, приказывал выгонять от своего лица с замечанием и бранью, как недеятельных и нерадивых, с яростным рыканием укоряя, что они напрасно потратили столько времени и труда. А тех, которые объявляли, что они обольстили назначенных им, отпускал с большими похвалами, при восторге и одобрении всех, как храбрейших воителей, в образец для всех прославившихся. Из числа их один злейший дух, приступив, с злорадством доносил, как о знаменитейшей победе, что он хорошо известного монаха, которого имя назвал, после

15 лет, в течение которых непрестанно искушал, наконец преодолел, в эту самую ночь вовлек в блуд, именно с одною посвященною отроковицею не только побудил впасть в порок блуда, но и убедил взять ее себе в супружество. При этом донесении произошла необыкновенная радость между всеми, и он, князем тьмы возвеличенный высокими похвалами и увенчанный большою славою, ушел. При наступлении зари, когда все это множество демонов исчезло из глаз, брат, сомневаясь в донесении нечистого духа и больше разгневавшись, что по закоренелой своей привычке ко лжи захотел насмеяться над ним и невинного брата заклеймить пороком кровосмешения, помня евангельское изречение, что он *в истине не устоял, ибо нет в нем истины; когда он говорит ложь, говорит свое; ибо он лжец и отец лжи* (ср.: Ин. 8, 44), — пошел в Пелузию, где, как он знал, пребывал тот, о котором нечистый дух говорил, что низложил. Этот брат был очень известен ему. Когда стал разыскивать его, узнал, что он в ту самую ночь, в которую тот отвратительный демон объявил своему князю и его полчищу о падении монаха, оставив монастырь, ушел в селение и подвергся жалкому падению с означенною отроковицею (прп. авва Серен, 56, 314—316).

***

О различии демонов много сведений мы получили также и от тех двоих философов, которые некогда волшебными искусствами испытали бездействие их или силу и свирепую злость. Они, презирая блаженного Антония, как человека неученого и неграмотного, и желая (если бы ничем больше не могли оскорбить) по крайней мере выгнать его из своей кельи волшебными страхованиями и наваждением бесовским, наслали на него злейших духов,

будучи побуждаемы к этому завистью из-за того, что к этому рабу Божию ежедневно приходили большие толпы народа. Когда он стал изображать крестное знамение на челе и на груди своей и совершать смиренную молитву, то свирепые демоны вовсе не смели даже и приблизиться к нему и без всякого действия возвратились к тем, которые послали их. Они послали к нему опять более сильных в злости, и эти напрасно употребляли все усилия своей злости, безуспешно возвратились; несмотря на это, опять еще более сильные посланы были против воина Христова и победителя, и эти совершенно ничего не в силах были сделать. Такие наветы их, устроенные с таким волшебным искусством, имели последствием только то, что ими ясно было доказано, сколь великая сила заключается в христианском исповедании, так что столь свирепые, столь сильные демоны... не только не сделали никакого вреда святому Антонию, но не в состоянии были даже и на короткое время выгнать его из своего монастыря... Удивляясь этому, философы поспешно пришли к авве Антонию, раскрыли, сколь великую брань, проделки и наветы ему производили по тайной зависти, и просили тотчас сделать их христианами. Спросив о дне произведенной ими брани, авва сказал, что тогда он был искушаем сильнейшими прилогами помыслов (прп. авва Серен, 56, 316—317).

***

...Надобно знать, что нечистые духи двумя способами покоряются людям: или святости верных благодатию и силою Божиею подчиняются, или жертвами нечестивых, или, какими-либо стихами будучи улещаемы, как к своим близким, бывают благосклонны. Прельстившиеся таким мнением фарисеи также думали, что и Господь Спаситель

этим искусством повелевал демонами, говоря: *Он силою веельзевула, князя бесовского, изгоняет бесов* (ср.: Мф. 12, 24), именно по той дружбе, по которой волхвы или волшебники чрез призывание имени его и обрядов жертвоприношения, которым он увеселяется, как короткие друзья, имеют власть над подчиненными ему демонами (прп. авва Серен, 56, 317).

***

...Демоны никак не могут овладеть чьим-либо духом или телом, не имеют власти ворваться в чью-либо душу, если сначала не лишат ее всех святых помышлений и не сделают пустою и лишенною духовного созерцания (прп. авва Серен, 56, 317).

***

...Известно, что <демоны> очень услаждаются блудною нечистотою, которую, без сомнения, они лучше желали бы производить сами собою, нежели чрез людей, если бы это как-нибудь могло исполниться (прп. авва Серен, 56, 318).

***

...Каждого из нас злые духи хитрою злокозненностью искушают, расставляя коварные сети особенно тем расположениям души, в которых замечают болезнь ее... (прп. авва Авраам, 56, 620).

***

Общий всем враг главные брани ведет с теми, которые не служат его удовольствиям и не кланяются ему в корне

всех зол — в сребролюбии. И ты, будучи одним из таковых, даже принадлежа к переднему их ряду, не выпускай из рук духовного всеоружия (прп. Исидор Пелусиот, 60, 158).

***

Ты, как говоришь, крайне дивишься, как диавол и после того как обессилел, большую часть людей держит в своей власти; а я не дивлюсь, что этот злодей, бодрствуя, не опуская ни одного обстоятельства и часа, преодолевает нас, ленивых и сонливых. Ибо губить вместе с собою побежденных им будет он в силах, но не возможет воцариться в прежнем царстве, сокрушенном Божиею силою. Напротив того, удивительно было бы, если бы мы, не делая ничего приличного победителям, превозмогали того, кто против нас все приводит в движение. Ибо о том, что многие из людей заодно с врагом вооружаются на братий и от того явным образом бывает одоление, хотя сие и истинно, я умолчу, чтобы не показалось сие крайне жестоким для делающих это. Посему, когда и по собственной лености падаем, и поползаемся от того, что оный враг даже все, что должно бы стоять за нас, обращает против нас, а также соблазняет тем, что братия наши заодно с врагом на нас вооружаются и ополчаются, по какой причине удивляешься, что терпим мы поражение? Если же скажешь: «Что же будем делать?» Отвечу: «Потому что диавол, хотя и пал, однако же, ни на что не взирая, действует смело, должно нам бодрствовать, трудиться, ввергаться в опасности, призывать Божественную помощь и употреблять все меры, чтобы победить и самого вождя и заодно с ним нападающих. Если же, не намереваясь ничего этого сделать, предаем и то, что приобрете-

но для нас Христом, то себя самих должны винить мы, а не силу врага, которую Спаситель истощил, наша же леность увеличила» (прп. Исидор Пелусиот, 60, 436).

***

Диавол не знает того, что у нас в мыслях, потому что исключительно принадлежит сие... единой силе Божией, наедине сотворившей сердца наши; но по телесным движениям уловляет он душевные думы. Увидит ли, например, что иной пытливо смотрит и насыщает глаза чужими красотами? Воспользовавшись его устремлением, тотчас возбуждает такого человека или к прелюбодеянию, или к блуду. Увидит ли гневливого и раздражительного? Тотчас изощряет меч и устремляет на убийства. Увидит ли корыстолюбивого? Поощряет к разбою и неправедному приобретению. Увидит ли одолеваемого чревоугодием? Тотчас живо представляет ему страсти, порождаемые чревоугодием, и доставляет служащее к приведению намерения своего в действие. Ибо почему не всех вовлекает в одни и те же страсти? Потому что каждый сам избирает, один то, а другой иное, и одному нравится то, а другому иное. Итак, по телесным движениям диавол угадывает душевные слабости, и таким образом соплетает сети (прп. Исидор Пелусиот, 61, 199—200).

***

Если и напал на тебя общий всем враг, чтобы одолеть с первого удара и набегом захватить все твое житие, то и ты, как известился я, при неусыпной рачительности оградясь Божией помощью, во время этой осады причинил ему много трудов, боевые и осадные его снаряды соделал

бездейственными и воздвиг себе памятники блистательной над ним победы. Посему, радуясь с тобою торжеству твоему и воспевая победную песнь, советуем быть бдительным и внимать себе, потому что противник не знает стыда, не умеет краснеть и отчаиваться до смерти, но вместо оружий и боевых снарядов довольствуясь своими природными силами, нападает во всякое время, и не думая быть побежденным, но мечтая о победе. Посему ***всяцем хранением блюди свое сердце*** (ср.: Притч. 4, 23). Ибо борьба с врагом не единообразна (тогда не трудно было бы его низложить), но много и притом разных у нее видов. Когда побежден он целомудрием, тогда вооружается он корыстолюбием. Если и здесь нанесены ему раны, то строит козни при помощи зависти. А если увидит, что и это преодолевает иной, то вооружает друзей. Если же выдержит кто и их приражение, ополчает домашних. А когда и тем не возьмет, порождает нерадение. Если же и его кто превозможет, внушает злопамятность. И для чего пытаюсь исчислить все стрелы лукавого? Оставлю это, дам же тот совет твоему мужеству, чтобы всюду иметь у себя глаза, потому что враг нападает отовсюду, и особенно старается наносить смертельные раны (прп. Исидор Пелусиот, 61, 258—260).

***

Страшный этот разбойник <диавол> не просто нападает на плывущих по сему исполненному бурею морю, но сперва испытав и дознав душевные наклонности, потом принимается за дело и строит козни... Посему, пытливо изведывая стремления, наклонности и приверженности каждого, не пропуская ни малого времени, даже часа,

потом подает отвне служащее пищею страсти, и к чему ощущает особенно склонным, в том и отыскивает слабую сторону. Потому-то благоискусному надлежит соделать себя безопасным отовсюду, ибо не редко враг овладевал даже житием, подобным городу, огражденному неприступными стенами, отыскав одну слабую сторону и доказав, что бесполезна крепость прочих стен (прп. Исидор Пелусиот, 61, 370—371).

***

Общий всех враг <диавол>, как страждущий самоуправством, совлек с человеческого рода прирожденные ему преимущества и ввел образ жизни противный добродетели, когда ему стали послушны человеческие силы. Ибо сам по себе не возымел бы такой воли, если бы не был сильно подкрепляем беспечностью обольщенных. Но поелику по человеколюбию Создателя род наш должен был снова облечься в оружие добродетели, то снисшел на землю Бог-Слово и как ангельскую ризу соткал нам любовь, все совершив в ней, потому что все перечисляемые по видам преспеяния добродетели сообъял в единой родовой добродетели, которой имя — любовь (прп. Исидор Пелусиот, 61, 403).

***

Удивительно для тебя, говоришь ты, почему иные из злых духов требовали, чтобы служитель их был правдив, а действуя сами, не переставали делать неправду. О сем рассуждаю так: чтобы служащий им был правдив, требовали потому, что представляли из себя богов, служили же неправде потому, что по произволению были лукавы.

Поелику знали, что из людей многие чтут добродетель, то, чтобы их почитали добрыми, показывали вид, будто бы любят добродетельных, и вскоре потом преступными своими поступками изобличали свой склонный ко злу ум (прп. Исидор Пелусиот, 62, 9).

***

...Действительно демоны изобличены, побежденные Подвижником, у Которого пригвождены руки и ноги; действительно опозорен диавол, побежденный и уступивший над собою верх единой плоти, повешенной на Кресте (прп. Исидор Пелусиот, 62, 11).

***

Силен и изобретателен враг человечества на то, чтобы очаровывать, то лестью, то лжеумствованиями, особенно когда ведет брань не прямо (иначе не скоро мог бы взять в плен), но часто под видом дружбы скрывает яд блуда; как, возводя человека до равенства с Богом, привел в состояние, в котором он бедственнее бессловесных, не только лишил его преимуществ, какие имел, но и снабдил недостатками, которых у него не было, разумею: поты и труды, смерть и тление. Но поелику многие им уловляемые показали, что осадные его орудия бездейственны, то, в ком достанет благоразумия и кто помышляет о спасении, надлежит тому преследовать все его хитрости и, сколько можно, оберегаться, наипаче, когда уловляет он, прикрываясь дружбою, ибо тогда бывает неуловим и непреоборим (прп. Исидор Пелусиот, 62, 160—161).

...Диавол поражениями еще более раздражается, не вступает в борьбу прямо, в которой легко был бы преобежден, но, надев личину дружбы, многократно побеждавших запинает и, обольстив мыслью, что никогда не будут побеждены, расслабив же трудом, истощив весь их запас, потом уже ввергает их в бездну непотребства... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 227).

***

...Надлежит не вперед откладывать, но делать, потому что не знаем и времени кончины, и злоухищрений диавола, какие строит против нас, отвлекая всегда от настоящего и заставляя мечтать о будущем. Поелику знает, что мы, люди, живем настоящим, а будущее для нас сомнительно, то ополчается на нас и, обманывая в настоящем, поставляет на вид будущее и низвергает в пропасть поверивших ему и рассуждающих, что нынешний день всегда будет для них настоящим; почему потребное для дела время губя на безделье, находят все для себя благовременным. Ибо время не ждет замедлившего... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 372).

***

Когда в дружине есть целомудрие, благопокорность, чинность и воинская доблесть, тогда делается она страшной для противников, и, по своей отважности, нередко воздвигает победные памятники, между тем, как враги обращаются к просьбам и ходатайствам. Посему, когда тому же самому должно быть у нас с демонами, однако

же не бывает, потому что ополчаемся мы, не против них друг с другом, но с ними друг против друга, удивляться должно не тому, что бываем побеждены, но паче тому, что, не делая ничего необходимого для побеждающих, желаем победить (прп. Исидор Пелусиот, 62, 403).

***

Когда демоны увидят, что кто-либо имеет усердие и ревность молиться, как должно, то (не во время молитвы) влагают ему мысли о чем-либо, будто нужном (и отходят), а спустя немного опять возбуждают воспоминание о том, подвигая и ум на рассмотрение того (если это вопрос — на разрешение, если вещь — на приобретение), и он, не находя искомого, досадует и скорбит. Потом, когда станет на молитву... они напоминают ему, о чем он помышлял и чего доискивался, чтобы ум, подвигшись опять к узнанию (не решенного прежде), сделал молитву бесплодною (прп. Нил Синайский, 89, 224).

***

Когда вселукавый демон, многие употребив хитрости, не успеет воспрепятствовать молитве рачительного (молитвеника), тогда немного ослабляет (свои нападки), но зато потом, когда кончит он молитву, отмщает ему. Ибо, или воспламенив его гневом, уничтожает то прекрасное настроение, какое приобретается молитвою, или раздражив какую-либо бессловесную сласть (позыв ко вкушению чувственного удовольствия), посмеивается над умом (прп. Нил Синайский, 89, 228).

***

Очень завидует демон человеку молящемуся и всякие употребляет хитрости, чтоб расстроивать такое намерение его; поэтому не перестает возбуждать посредством памяти помыслы о разных вещах, и посредством плоти приводит в движение все страсти, чтоб только помешать как-нибудь прекрасному его течению (т. е. труду молитвенному) и к Богу преселению (восхождению вниманием) (прп. Нил Синайский, 89, 228).

***

Когда ум начинает наконец чисто и бесстрастно молиться, тогда демоны наступают на него уже не от шуиих, а от десных: представляют явление будто славы Божией и какое-либо образное представление, чувству приятное, так что ему покажется, будто он совершенно достиг уже цели молитвы. Это, как сказал один знающий дело муж, бывает от страсти тщеславия и от бесовского прикосновения к известному месту мозга и от потрясения (или воспаления) в нем жил (прп. Нил Синайский, 89, 232).

***

Надлежит тебе знать и следующее коварство демонов. Иногда они разделяют себя на группы. Одни приходят с соблазном. И когда ты взыщешь помощи, входят другие в ангельском виде и прогоняют первых, чтоб прельстился ты мнением, что они настоящие ангелы, и впал в самомнение, что удостоен того. Постарайся быть сколько можно смиренномудрым и мужественным, — и вражеское напа-

дение демонов не коснется души твоей и бич их не приближится к телу твоему. *Ангелом Своим заповесть о тебе* (Господь) *сохранити тя* (Пс. 90, 10—11); и они незримо отразят от тебя всякое вражеское действо. Хотя и шум, и топот, и вопли, и ругательства услышит от демонов старающийся держать чистую молитву, но не ниспадет помыслом и не предаст его им, говоря к Богу: *не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4), и тому подобное. Во время таких искушений употребляй непрестанно краткую, но напряженную молитву. Если демоны станут угрожать тебе, что внезапно явятся в воздухе, чтоб изумить тебя и похитить ум твой, не бойся их и совсем не заботься о такой угрозе их. Это они стращают тебя, пытая, ставишь ли ты их во что-нибудь, или совсем презрел уже их (прп. Нил Синайский, 89, 235).

***

Демон непотребства на ревностного борца подвижнического нападает быстро, внезапно осыпая его стрелами страстной похоти, потому что не может долго сносить жжения огня светоносного, исходящего из подвижнических трудов его; а к тому, кто от обольстительности сласти похотной ослабел в строгости самообуздания, мало-помалу подступает на собеседование с сердцем его, чтоб оно, разгоревшись злыми похотениями, предалось беседе с ними, пленилось ими и совершенно отложило ненависть к сему греху (прп. Нил Синайский, 89, 253).

***

Когда демоны увидят, что не воспламенились мы в самом пылу оскорбления, тогда, напав в безмолвии, стараются возбудить владычественное в нас (ум), чтоб заочно

восстали мы против тех, с которыми соблюли мир, когда они были с нами лицом к лицу (прп. Нил Синайский, 89, 268).

***

Если хочешь успешно вести брань с полчищем демонов, то врата души своей (чувства) заграждай уединенным безмолвием и ухо свое прилагай к словесам отеческим, чтобы, научившись таким образом лучше распознавать терния помыслов, пожигать их гневом и отвержением (прп. Нил Синайский, 89, 305).

***

....Произнесение Божия имени обращает в бегство демонов (прп. Нил Синайский, 71, 234).

***

Душевные силы уделять должно на дела и молитвы, тогда не много входов найдет к нам диавол (прп. Нил Синайский, 71, 238).

***

И оскорблением, и бесчестием, и злоумышлением против нас во всякое время готовы демоны тревожить нас... (прп. Нил Синайский, 71, 260).

***

Демоны разными искушениями стараются заградить нам уста, чтобы не песнословили, не восхваляли и не славословили Сотворшего (прп. Нил Синайский, 71, 327).

***

Если желаем совершенно попрать демонов, то будем показывать во всем смиренномудрие, далеко отринув от себя волю свою (прп. Нил Синайский, 71, 390).

***

...В какой мере приближаемся мы к Богу, в такой более и более свирепеют на нас демоны (прп. Нил Синайский, 72, 26).

***

...Сатана не изведавших на опыте его злоухищрения всегда большею частью улавляет чем-либо благовидным (прп. Нил Синайский, 72, 32).

***

Если и в ангела светла преобразуется диавол для обольщения и погибели обольщаемых, то чему дивишься, услышав, что он часто принимает на себя вид зверей, скотов и птиц? (прп. Нил Синайский, 72, 160).

***

...Враги, зная, что Господь обетовал нам великие блага, весьма гневаются на нас, из зависти ополчаются срамными и подлыми страстями и стараются до крайности расслаблять людей, стремящихся к добродетели (прп. Нил Синайский, 72, 215).

***

У демона — этого виновника и вместе живописателя порока — та цель, чтобы каждого человека вринуть в

тяжкую и безутешную печаль, соделать его далеким от веры, от надежды, от любви Божией... (прп. Нил Синайский, 72, 222).

***

Бесы боятся, если увидят, что кто-нибудь, будучи подвергаем оскорблению, бесчестию, ущербам, всяким другим неприятностям, скорбит не о том, что подвергся сему, но о том, что, подвергшись сему, не перенес того мужественно, ибо уразумевают из сего, что он вступил на истинный путь и имеет твердое желание ходить в совершенстве по заповедям Божиим (прп. авва Зосима, 90, 106).

***

...Что бывает у художников, то же случается и с душою. Как там главный мастер, преподав искусство ученику, оставляет его потом работать самого по себе и не имеет более нужды сидеть подле него, а только по временам надсматривает за ним, не разленился ли, или не испортил ли дела; так и демоны, если увидят душу покорную и легко принимающую злые помыслы, предают ее сему сатанинскому искусству и не считают уже нужным сидеть подле нее, в уверенности, что ее самой одной достаточно к навету против себя, только по временам приходят посмотреть, не разленилась ли она (прп. авва Зосима, 90, 115).

***

Великое внимание и не малая мудрость потребны против злокозненности диавола, ибо бывает, что он иногда из-за ничего возбуждает тревоги и неудовольствия, внушая

и благословные к тому предлоги, чтоб казалось, что гневаться в предлежащем случае справедливо, и есть основательная причина. Но что бы ни внушал он, да ведает желающий во истине шествовать путем святых монахов, что никакое раздражение, как бы оно ни казалось правым, не должно им быть допускаемо... (прп. авва Зосима, 90, 125).

***

...Мнящиеся быть сильными три исполина лукавого суть — ***неведение***, матерь всех зол — ***забвение***, сестра его, содейственница и помощница, и из мрачного ткущее душе одежду и покров — ***разленение*** (равнодушие), которое утверждает и укрепляет оба первые, и дает им состоятельность, и делает то, что в душе нерадивейшей зло становится как бы врощенным и всуществленным. Ибо от равнодушия (разленения), забвения и неведения крепнут и увеличиваются подпоры всех прочих страстей. Будучи взаимными одно другому помощницами и одно без другого не могущи иметь состоятельность, они (в связи все вместе) являются крепкими силами супостата и главными начальниками лукавого. При посредстве их скопище духов лукавствия строит в душе свои ковы и успевает приводить в исполнение свои замыслы (прп. Марк Подвижник, 88, 502).

***

Когда ум освободится от попечения о телесном, тогда соразмерно с тем видит он ухищрения врагов (прп. Марк Подвижник, 88, 534).

***

Отврати мысль от всякого любоимания, и тогда возможешь увидеть козни диавола (прп. Марк Подвижник, 88, 534).

***

Враг знает требование духовного закона и ищет только мысленного сосложения (с внушаемым помыслом, а не дела у тех, кто проводит духовную жизнь). Не успеет ли таким образом или сделать подручника своего (когда кто согласится на внушение) повинным трудам покаяния (если сознает он свою вину), или, если не покается (не сознавши вины), обременить его невольными болезненными скорбями... Бывает, что иногда он подущает восставать против таких наведений... дабы таким образом и здесь умножить болезненные прискорбности... и во время исхода показать его неверным (обличить неверие Промыслу)... (прп. Марк Подвижник, 88, 549).

***

Когда диавол увидит, что ум начал молиться из сердца, тогда наводит великие и злохитрые искушения. А малым добродетелям не станет он мешать большими нападками (прп. Марк Подвижник, 88, 568).

***

Когда ум начнет ощущать благодатное утешение Святаго Духа, тогда и сатана свое влагает в душу утешение в кажущемся сладким чувстве, во время нощных успокоений, в момент тончайшего некоего сна (или засыпания).

Если в это время ум окажется держащим в теплейшей памяти святое имя Господа Иисуса и, как верным оружием против прелести, воспользуется сим пресвятым и преславным именем, то лукавый обольститель оный тотчас удаляется, но зато возгорается наконец бранью против души своим лицом (а не помыслами). Так ум, точно распознавая обманчивые прелести лукавого, более и более преуспевает в различении духовных вещей (блж. Диадох, 90, 23).

***

...Духи злые на чувства телесные нападают и в них гнездятся, удобно действуя чрез подручную им плоть, на тех, кои младенчествуют еще душою (блж. Диадох, 90, 53).

***

...Есть два рода злых духов: одни более тонки, другие более грубовещественные. Тончайшие воюют на душу, а грубейшие плоть обыкновенно пленяют посредством срамных некиих сластных движений; почему всегда друг другу противятся духи, на душу нападающие, и духи, нападающие на тело, хотя к тому, чтобы вредить людям, равное имеют рвение. Когда благодать не обитает в человеке, духи злые, наподобие змий, гнездятся во глубине сердца, не давая душе воззреть к возжеланию добра. Когда же благодать сокровенно возобитает в уме, тогда они, как облака некие темные, промелькают по частям сердца, преобразуясь в страсти греховные и в призрачные мечтания разнообразные, чтобы через воспоминания развлекая мечтаниями ум, отторгнуть его от собеседования с благодатию. Итак, когда мы духами, на душу нападающими, к

душевным разжигаемся страстям, наипаче же к самомнению и гордыне, сей матери всех зол, тогда, приводя на память разложение тела своего, устыдим это надмение славолюбивого самовозношения. То же должно делать, и когда бесы, на тело воюющие, подготавливают сердце наше к воскипению срамными похотями, ибо это одно воспоминание может сильно расстроить всякие покушения злых духов в связи с памятью Божиею. В случае же, если, по поводу такого воспоминания, душевные бесы начнут влагать мысль о безмерной ничтожности человеческого естества, как никакого достоинства не имеющего, по причине разложения плоти... приведем на память честь и славу Небесного Царствия, не забывая при сем держать в мысли и грозность нелицемерного суда Божия, чтобы тем малодушное нечаяние предотвратить, а этим легкому и скорому на похоти сердцу нашему придать твердости и силы к противостоянию (блж. Диадох, 90, 54—55).

***

...Пока Дух Святый обитает в нас, дотоле сатана не может войти в глубину души и обитать там (блж. Диадох, 90, 55).

***

...Диавол огненными стрелами нападает на души Христа Господа в себе носящих. Ибо и обыкновенно так бывает, что кто не может руками достать своего противника, тот употребляет против него стрелы, чтобы издали ведущего с ним брань врага уязвить полетом стрел, так и сатана, поелику не может, как прежде гнездиться в уме подвизающихся, по причине присутствия в нем благодати, то, как гнездящийся в теле, налетает на похотную мокрот-

ность, чтоб ее влечением прельстить душу. Почему надлежит иссушать тело, чтобы ум, похотною мокротою влекомый, не поскользался на приманки сладострастия и не падал (блж. Диадох, 90, 56).

***

...У тех, кои посредством подвигов противостоят греху... демоны с умом борются, а плоть разнеживающими приятными движениями стараются расслабить и увлечь к похотствованию, ибо им, по праведному суду, попускается укрываться во глубине тела и у тех, которые крепко подвизаются против греха, потому что произволение человеческого мудрования всегда состоит под искусом. Если же кто возможет еще в сей жизни посредством подвижнических трудов умереть, тогда он весь наконец делается домом Святаго Духа... (блж. Диадох, 90, 57).

***

Когда человек Божий все почти победит в себе страсти, два беса остаются еще ратующими против него, из коих один душу томит, возбуждая его по великому боголюбию к непомерной ревности, так что он не хочет допустить, чтоб другой кто угодил Богу паче его, а другой — тело, возбуждая его огненным некиим движением к похотению плотскому. Бывает же сие с телом, во-первых, потому, что такая сласть похотная свойственна естеству нашему, как вложенная в него чадородия ради, почему она и неудобь побеждаема; а потом и по попущению Божию. Ибо когда Господь увидит кого из подвижников слишком высоко восходящим в приумножении добродетелей, тогда попускает ему иной раз быть возмущаемому сим скверным

бесом, чтоб он почитал себя худшим всех живых людей. Такое нападение страсти сей иногда бывает после совершения добрых дел, а иногда прежде того, чтоб движение сей страсти, предшествует ли оно делам или последует, заставляло душу казаться пред собою непотребнейшею, как бы ни были великими совершенные ею дела. Но против первого (беса, чрезмерную ревность возбуждающего) будем бороться усугублением смирения и любви, а против второго (беса похоти плотской) — воздержанием, безгневием и углубленною памятью о смерти, чтоб чрез это, чувствуя в себе непрестанно действо Святаго Духа, соделаться нам в Господе высшими и этих страстей (блж. Диадох, 90, 72).

***

Ненавистники душ наших, бесы, внушают некиим воздать нам какую-либо ничтожную похвалу, а потом и нас подущают порадоваться о том. Если после сего, расслабев от самомнения, дадим место и тщеславию, то врагам нашим не много уже будет труда совсем забрать нас в плен (прп. Иоанн Карпафский, 90, 79).

***

Большею частью во время празднеств и святых собраний, особенно же когда кто намеревается приступить к таинственной Трапезе, демоны стараются осквернить подвижника срамными мечтаниями и истечением семени. Но и этим не успевают они сокрушить или расслабить навыкшего все переносить терпеливо и мужественно. И пусть не хвастают на наш счет эти в дугу сгибающиеся (подобно змиям), будто прямые (прп. Иоанн Карпафский, 90, 80).

***

За постоянство и ревность враги отмщают, заушая душу различными и несказанными искушениями. Но мужайся! Этими скорбями великими и неисчетными сплетается тебе венец (прп. Иоанн Карпафский, 90, 81).

***

Не возможешь ты *на аспида и василиска наступить и попрать льва и змия* (ср.: Пс. 90, 13), если, долгим молением умолив Бога, не получишь в споборники себе Ангелов, чтобы они, подъяв тебя на своих руках, соделали тебя высшим всякого веществолюбивого мудрования (прп. Иоанн Карпафский, 90, 83).

***

Приседит <враг> *в ловитве, яко лев во ограде своей* (ср.: Пс. 9, 30), скрывая для нас сети и мрежи помыслов нечистых и нечестивых. Но и мы, если не спим, можем еще большие и опаснейшие для него поставить сети, тенета и засады. Ибо молитва и псалом, бдение и смиренномудрие, послужение ближним и милость, благодарение и Божественных словес слушание — вот засада врагу: и сеть, и яма, и бичи, и тенета, и удавление (прп. Иоанн Карпафский, 90, 90).

***

...Злые бесы против тех, кои избрали безмолвное пребывание, во всю жизнь их точат мечи искушений и на тех, кои более благоговейны и богобоязненны, с большим неистовством нападают, увлекая их на грех по поводу самых дел благочестия бранями неизреченными, чтоб хоть таким образом отклонить их от веры во Христа, от молит-

вы и благоупования, препобедив их (прп. Иоанн Карпафский, 90, 93).

***

...Не одним воздержанием от яств, но и воплем к Богу из сердца можете вы истреблять и прогонять недобрые движения, и тех, кои возбуждают их (прп. Иоанн Карпафский, 90, 94).

***

Как железо делается неприкосновенным от проникновения его огнем, так частые молитвы мощнейшим делают ум на брань с врагом; почему бесы всеми силами и стараются леностью расслаблять нас на терпеливое пребывание в молитве, зная, что она к ним враждебна, и уму споборительна в брани (прп. Иоанн Карпафский, 90, 96).

***

Удары, какие наносит нам враг, явно и не явно, мы часто замечаем и видим, мучения же и досаждения, какие он от нас терпит, когда мы или преуспеваем в добродетели, или каемся в прегрешениях, или переносим оскорбления, или благодушествуем в несчастиях, или пребываем в молитвах, или другие какие совершаем дела благочестия, от которых он раздирается, мучается, плачет и расседается, — этого всего мы, по смотрению Божиею, не видим, чтоб не надмиться (прп. Иоанн Карпафский, 90, 97).

***

Как Господь хочет, чтоб человек чрез человека спасаем был, так диавол усиливается, чтоб человек чрез человека погубляем был (прп. Иоанн Карпафский, 90, 106).

***

У кого помышление всегда о Боге, тот прогоняет от себя демонов и искореняет семя их злобы (прп. Исаак Сирин, 58, 44).

***

Демоны принимают на себя подобие и показывают душе мечтания, приводящие ее в ужас, а более посредствующие к тому дневным памятованием (прп. Исаак Сирин, 58, 141).

***

Сам диавол умышляет сделать человеку вред и понуждает его взыскать желаемого, когда не достиг еще он соответствующего тому жития (прп. Исаак Сирин, 58, 153).

***

...Диавол всяким способом, как бы под личиною доброго дела, или смущает человека, или наносит вред его телу, или скрывает сети в уме его (прп. Исаак Сирин, 58, 153).

***

...Враг днем и ночью стоит у нас перед глазами, примечает, выжидает и высматривает, каким отверстым входом чувств наших войти ему (прп. Исаак Сирин, 58, 373).

***

Смиренномудрием... сокрушаются все оружия врага и противника. Ибо поистине велико смиренномудрие, и

каждый из святых шествовал его путем и трудом сокращал путь свой... (прп. авва Дорофей, 29, 40).

***

Когда святой Антоний увидел распростертыми все сети диавола и, вздохнув, вопросил Бога: «Кто же избегнет их?» — то отвечал ему Бог: «Смирение избегает их», а что еще более удивительно — присовокупил: «Они даже и не прикасаются ему» (прп. авва Дорофей, 29, 41).

***

Когда диавол видит, что кто-нибудь не хочет согрешить, то он не столько неискусен в делании зла, чтобы стал внушать ему какие-либо явные грехи, и не говорит ему: иди, сотвори блуд или пойди, укради, ибо он знает, что мы этого не хотим, а он не считает нужным внушать нам то, чего мы не хотим, но находит в нас... одно пожелание или одно самооправдание, и тем под видом доброго вредит нам (прп. авва Дорофей, 29, 71).

***

...Диавол не может никого обольстить (иначе), как только под видом добродетели (прп. авва Дорофей, 29, 113).

***

Бесы тщеславия — пророки в снах...

Бесы о будущем ничего не знают по предведению... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 19).

***

...Бесы часто горько над нами насмехаются. Ибо когда мы насытились, они возбуждают в нас умиление; когда же постимся, ожесточают нас, чтобы мы, прельстившись ложными слезами, предались наслаждению — матери страстей (прп. Иоанн Лествичник, 57, 83).

***

Велика злоба наших врагов, так что они матерей добродетелей делают матерями зол, и средства к достижению смирения превращают в источник гордости (прп. Иоанн Лествичник, 57, 87).

***

Все бесы покушаются сначала помрачить наш ум, а потом уже внушают то, что хотят... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 129).

***

Все брани бесовские происходят от трех главных причин: или от нерадения нашего, или от гордости, или от зависти диавола (прп. Иоанн Лествичник, 57, 175).

***

Во всех деланиях, которыми стараемся угодить Богу, бесы выкапывают нам три ямы. Во-первых, борются, чтобы воспрепятствовать нашему доброму делу. Во-вторых, когда они в сем первом покушении бывают побеждены, то стараются, чтобы сделанное не было по воле Божией. А если тати оные и в сем умышлении не получают

успеха, тогда уже тихим образом приступивши к душе нашей, ублажают нас, как живущих во всем Богоугодно. Первому искушению сопротивляются тщание и попечение о смерти; второму — повиновение и уничижение; а третьему — всегдашнее укорение самого себя (прп. Иоанн Лествичник, 57, 176).

***

Иногда бесы отступают и сами собою, чтобы ввести нас в беспечность, и потом внезапно нападают на бедную душу, расхищают ее, и до такой степени приучают к порокам, что она... уже сама себе наветует и противоборствует (прп. Иоанн Лествичник, 57, 186).

***

Некоторые сказали, что одни бесы другим сопротивляются; а я удостоверился, что все они ищут нашей погибели (прп. Иоанн Лествичник, 57, 190).

***

Есть между злыми духами бес, называемый предваритель, который тотчас по пробуждении является искушать нас и оскверняет первые наши мысли (прп. Иоанн Лествичник, 57, 193).

***

...Бесы... если же не могут одолеть нас, то, тихо приступивши, влагают нам тайно гордое благодарение Богу (прп. Иоанн Лествичник, 57, 194).

***

...Кто только отражает их <бесов>, тот иногда разбивает неприятеля, а иногда и сам бывает разбит; но воюющие наступательным образом всегда гонят врага своего (прп. Иоанн Лествичник, 57, 200).

***

Между лукавыми и завистливыми духами некоторые такого рода, что отступают от святых умышленно с тем, чтобы не доставить боримым венцов за победы в бранях (прп. Иоанн Лествичник, 57, 202).

***

...Гордость и отчаяние между собою не согласны; но по злоухищрению бесов можно обе эти страсти видеть в одном человеке (прп. Иоанн Лествичник, 57, 203).

***

Не удивляйся тому, что бесы тайным образом влагают нам часто и добрые помышления, а потом противоречат им другими помыслами (прп. Иоанн Лествичник, 57, 203).

***

Между нечистыми духами есть и такие, которые в начале нашей духовной жизни толкуют нам Божественные Писания. Они обыкновенно делают это в сердцах тщеславных и, еще более, в обученных внешним наукам, чтобы, обольщая их мало-помалу, ввергнуть наконец в ереси и хулы. Мы можем узнавать сие бесовское богословие, или, лучше сказать богоборство, по смущению, по не-

стройной и нечистой радости, которая бывает в душе во время сих толкований (прп. Иоанн Лествичник, 57, 203).

***

Неленостная душа воздвигает бесов на брань против себя; с умножением же браней умножаются и венцы (прп. Иоанн Лествичник, 57, 204).

***

Бесы часто возбраняют нам делать легчайшее и полезное, а между тем побуждают предпринять труднейшее (прп. Иоанн Лествичник, 57, 206).

***

Рассмотрим и заметим... какие бесы приводят нас в гордость, какие нас смиряют, какие ожесточают, какие нас утешают, какие наводят мрак, какие обольщают нас лицемерным просвещением, какие делают нас медлительными, какие коварными, какие радостными и какие печальными (прп. Иоанн Лествичник, 57, 209).

***

Печалями и утехами, желаниями и страхами привязывают демоны ум к чувственному (авва Фалассий, 90, 321).

***

Непрестанно ищущие души нашей ищут посредством страстных помыслов ввергнуть ее в мысленный или действительный грех. Но когда сретят ум, не приемлющий их, тогда ***постыдятся и посрамятся***, когда же найдут, что

ум занят духовным созерцанием, тогда ***возвратятся вспять и устыдятся зело вскоре*** (ср.: Пс. 34, 4; 6, 11) (прп. Максим Исповедник, 90, 180).

***

Изнемогают демоны, когда чрез исполнение заповедей уменьшаются в нас страсти, погибают, когда в силу бесстрастия души совершенно исчезают из нее, не находя в ней того, чем держались в ней и чем воевали против нее. Сие-то значит: ***изнемогут и погибнут от лица Твоего*** (Пс. 9, 4) (прп. Максим Исповедник, 90, 181).

***

Пяти ради причин, говорят, от Бога попускается нам быть боримыми от демонов: первая причина сего та, чтобы мы, будучи боримы и противоборствуя, дошли до умения различать добродетель от греха; вторая та, чтобы мы борьбою и трудом снискав добродетель, имели ее твердою и неизменною; третья, чтобы, преуспевая в добродетели, мы не высоко о себе мудрствовали, но научились смиренномудрию; четвертая, чтобы, испытав делом, сколь зол грех, — совершенною возненавидели его ненавистью; наконец, пятая и важнейшая та, чтобы, сделавшись бесстрастными, не забывали мы своей немощи и силы Помогшего нам (прп. Максим Исповедник, 90, 189).

***

На высоких молитвенников нападают демоны, ввергая в их ум простые помышления о вещах чувственных и тем отвлекая их от молитвы; на прилежащих познаниям, на

дольжайшее время задерживая в них страстные помыслы; на подвизающихся в деятельной жизни — склоняя их грешить делом. Всяким способом со всеми борются окаянные, чтобы отдалить людей от Бога (прп. Максим Исповедник, 90, 194).

***

Когда демоны увидят, что мы презираем вещи мира сего, не желая за них ненавидеть людей и отпасть от любви, тогда воздвигают на нас клеветы, дабы мы, не перенося огорчения, возненавидели клеветников (прп. Максим Исповедник, 90, 226).

***

Диавол и враг есть Божий и мститель. Враг — когда из ненависти к Нему, являя притворную, но пагубную любовь к нам, человекам, при возбуждении разных страстей, сластью от них чаемою прельщает произволение наше предпочитать вечным благам временные и, ими похищая все расположение души, совсем отторгает нас от любви Божественной и делает произвольными врагами Сотворшего нас. Мститель — когда, излив всю к нам ненависть, требует казни и в наказание нам, чрез грех соделавшимся как бы подчиненными ему. Ибо ничто так не любезно диаволу, как видеть человека казнимым. Когда же это бывает ему попущено, он, подобно буре, налетает на тех, на которых по попущению Божию получил власть, придумывая одни за другими наведения им непроизвольных страданий (за произвольные страсти), не повеление Божие исполнить хотя, но желая насытить свою к нам страстную ненависть, чтобы душа, изнемогши под тя-

жестью скорбей и бед, отбросила всякую надежду на Божественную помощь, и наведение прискорбных случайностей, вместо вразумления, соделала причиною потери веры в самое бытие Бога (прп. Максим Исповедник, 90, 260—261).

***

Без Божия попущения и сами демоны ни в чем не могут служить диаволу. Ибо Бог ведает, как с подобающим человеколюбным и благим промышлением попускать диаволу через слуг своих совершать разные наказания за то, в чем мы согрешили (прп. Максим Исповедник, 90, 261).

***

Вместе с помышлениями о чувственных вещах лукавый злокозненно влагает и воображения их внешних видов и форм, чрез кои обыкновенно возбуждаются страстные вожделения тех вещей по одной их наружности, когда разумная наша деятельность останавливается в своем прехождении к мысленному и духовному через... посреде сущее чувство. Тут-то враг и успевает растлить душу, ввергнув ее в страстное волнение (прп. Максим Исповедник, 90, 265—266).

***

Уму, научившемуся разумно избегать невидимых схваток или столкновений (с невидимыми врагами), не следует ни приступать к естественному рассуждению, ни что-

либо другое делать во время нападения злых сил, но только молиться, утомлять трудами тело, пресекать со всем тщанием вещественное мудрование и блюсти стены града, разумею, — сторожевые душевные добродетели, или способы хранения добродетелей, т. е. воздержание и терпение, чтобы как-нибудь враг, прельстив душу десными и похитив ее склонение на свою сторону, не отдалил ее от Бога, напаяя ее ***развращением мутным*** (Авв. 2, 15), и мнимым добром не увлек сердца, ищущего лучшего, к худшему (прп. Максим Исповедник, 90, 269—270).

***

Демоны ни целомудрия не ненавидят, ни постом не гнушаются, равно как ни раздаянием имений, ни странноприимством, ни псалмопением, ни прилежанием к чтению, ни уединением, ни высокими умозрениями, ни спанием на голой земле, ни бдением, ни всем другим, чем характеризуется жизнь по Богу, — пока целью таких дел поставляется что-нибудь им угодное (прп. Максим Исповедник, 90, 280).

***

Демоны, борющие при недостатке добродетели, суть те, которые научают блуду и пьянству, сребролюбию и зависти, а при добродетелях борющие суть те, которые научают самомнению, тщеславию и гордости и таким образом через десное скрытно насевают в нас шуее (прп. Максим Исповедник, 90, 280).

***

Кто во время восстания искушений воздерживается от помышлений о вещах, прилежит же молитве с собранием ума от всего к себе самому и к Богу, тот убивает грехотворную склонность и тем со стыдом обращает вспять диавола... (прп. Максим Исповедник, 90, 288).

***

Кто... воздержанием и терпением мужественно заключил чувства и через душевные силы входы к уму чувственных образов преградил, тот удобно расстраивает все злые козни диавола, обращая его вспять со стыдом ***тем же путем, каким пришел*** (ср.: 4 Цар. 19, 33) (прп. Максим Исповедник, 90, 288).

***

...Любят демоны после богослужения возмущать души наши недобрыми движениями, чтобы отомстить за поражение, причиненное им внимательным и благоговейным пребыванием в храме... (прп. Феодор Студит, 91, 49).

***

...Стойте все против обходов диавола непобежденными, угашая пожар похотей божественными молитвами и воззваниями (прп. Феодор Студит, 91, 89).

***

Заткни уши свои, когда начнет простирать к тебе льстивую речь нашептавший смерть в уши Евы (прп. Феодор Студит, 91, 90).

***

Повергайте врага долу, попирая его смирением вашим, мечом исповедания, ножом послушания (прп. Феодор Студит, 91, 106).

***

...<Демона> сокрушает смиренномудрие, побивает послушание, обращает в бегство молитва, морит гладом пост, низлагает братолюбие и всех прочих добродетелей делание (прп. Феодор Студит, 91, 215).

***

...Никто не избавится от <сетей> диавола иначе, как чрез исповедание помыслов и желаний, с верою к руководителю своему, сопровождаемою смирением и послушанием (прп. Феодор Студит, 91, 295).

***

...Он <диавол> всегда и всюду устрояет засады, сети ставит, ямы роет, не спит и празден не бывает, ни пищи, ни пития, ни другого чего не ищет; одно у него и дело, и ночью и днем, — губить души наши (прп. Феодор Студит, 91, 305).

***

Пусть велик он <диавол> силою греха, пусть хитер в способах влечения ко злу... но не убоимся его... ибо Победивший его Господь дал нам власть наступать на главу его (прп. Феодор Студит, 91, 305).

***

Дерзая верою, будем считать <диавола> равным бессильному воробью или ничтожному какому пресмыкающемуся, попираемому ногами (прп. Феодор Студит, 91, 306).

***

Диавол хищник есть, всегда около вертится, чтоб похищать у ума нашего прекрасные помышления и увлекать его в суетные помышления мирские (прп. Феодор Студит, 91, 315).

***

Он идет против Владыки нашего Бога и неистовствует, видя нас восходящими на высоту небесную, откуда сам он ниспал за гордость (прп. Феодор Студит, 91, 319).

***

Лукавый притихает на время, чтобы ввести в беззаботность, и потом, нечаянно наскочив, превратить помысл и погубить (прп. Феодор Студит, 91, 323).

***

...Похититель душ — диавол, всегда бдительно смотрит, как бы сбить нас с пути и, сбросив в стремнину какой-либо страсти, взять как добычу окаяннейшую (прп. Феодор Студит, 91, 346).

***

<Диавол> усиливается вторгнуться в вас и восхитить душу вашу в пагубу, но места не находит... видя, что вы, как стеною, ограждены законом Господним...

...<Диавол> ставит сети и звероловные засады устроя-ет, стараясь навести вас на них, но не достигая сего, раз-дирается злобною досадой, видя, как вы расстроиваете все его ковы исповеданием (прп. Феодор Студит, 91, 348).

***

...<Диаволу> нет места там, где силен страх Божий, где блюдется исполнение заповедей, где в действии все обычные уставы нашей жизни и охотно приемлются и исполняются епитимии (прп. Феодор Студит, 91, 348).

***

<Диавол> внушает одно худое, какою бы благовид-ностью то ни прикрывалось, — только то, что ведет или к гордости, или к зависти, или к похоти плотской, или невоздержанию и ко всему тому, что оскверняет душу (прп. Феодор Студит, 91, 349).

***

...Если сатана воистину смерть есть, ложь и пагуба, то склонение на его внушение как не будет смертью, тьмою и пагубой? (прп. Феодор Студит, 91, 359).

***

К преодолению... брани <с демоном> ничто так не сильно, как молитва, слезы и сокрушение сердца (прп. Феодор Студит, 91, 570).

***

Цель у демона борющего — неотступностью брани ввергнуть нас в уныние и расслабление, чтобы мы отка-

зались от противостояния ему (прп. Феодор Студит, 91, 622).

***

Обычай есть у всегда воюющих против нас бесов, посильным для нас и удобоисполнимым добродетелям полагать преграды, а к непосильным и безвременным... сильное влагать стремление... Но мы да ***не неразумеваем умышлений их*** (ср.: 2 Кор. 2, 11), ведая, что все в свое время и в своей мере делаемое — хорошо, все же безмерное и безвременное — вредно (свт. Феодор Едесский, 90, 322).

***

Тех, кои вращаются в мире и встречаются с предметами страстей, бесы борют, увлекая их на дела страстные, а тех, которые в пустынях живут, где нет таких предметов, возмущают помыслами страстными. В этом втором виде брани гораздо труднее одержать победу, чем в первом. Там для дела требуются время, место и прочее удобство, ум же в помыслах своих удободвижим и неудержим. В противоборство сей невидимой брани дана нам чистая молитва, в коей и заповедали нам пребывать непрестанно. Она делает ум сильным в брани и всегда готовым к ней, так как может быть совершаема и без участия тела (свт. Феодор Едесский, 90, 322).

***

...Бесы, слуги гнева и злобы, радуются, когда умаляется добродетель, и весь труд свой обращают на то, чтоб увлекать души наши в срамные мечтания (свт. Феодор Едесский, 90, 323).

***

...Желающий устоять против обходов диавола и сделать их безуспешными, и сделаться причастным Божественной славы должен со слезами и воздыханиями, с ненасытимым желанием и пламенною душою, ночь и день Божией искать помощи и Божественного заступления. Желающий же получить таковые должен соделать душу свою чистою от всякого сладострастия мирского и от всех страстей и похотей (свт. Феодор Едесский, 90, 335).

***

...Из противоборствующих нам демонов первыми вступают в брань те, коим вверены чревоугодливые желания, кои внушают сребролюбие и склоняют к тщеславию, другие же все, идя позади их, забирают пораненных ими (свт. Феодор Едесский, 90, 360).

***

...Победа над <диаволом> бывает удобна для тех, которые как следует проходят уединенническую жизнь, по причине неимения ими в себе ничего, ему принадлежащего, по причине отречения их от мира, по причине их высоких добродетелей и по причине того, что мы имеем Поборающего по нас. Ибо кто, скажи мне, приступив к Господу и страх Его приявши в ум, не претворился естеством и, осияв себя Божественными законами и делами, не соделал душу свою светлою и способною сиять Божественными разумениями и помыслами? Праздною же быть он никогда не дозволяет ей, имея в себе Бога, Который возбуждает ум ненасытно стремиться к свету. И душе,

таким образом непрерывно воздействуемой, дух не попускает разблажаться страстями, но как царь какой, дыша странным гневом и прещением, нещадно посекает их. Такой никогда не возвращается уже вспять, но практикою (добродетелей) с воздеянием рук на небо и умною молитвою одерживает победу в брани (прп. авва Филимон, 90, 369—370).

***

Сладостная память о Боге... с гневом сердечным и огорчением спасительным, обыкновенно разрушает все обаяние помыслов, разные внушения, слова, мечтания, мрачные воображения, и кратко сказать, все, чем вооружается и с чем дерзостно выступает всегубительный враг, ища поглотить души наши (прп. Филофей Синайский, 90, 412).

***

...С теплым усердием творящие волю <Божию> легко сопротивляются бесам (прп. Симеон Благоговейный, 92, 67).

***

...Для ангелов падших и сделавшихся демонами нет милости, потому что, когда большая часть Ангелов, соблюдши волю Божию, пребыли в чине своем, могли и они соблюсти ее, но не восхотели (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 57).

***

...Диавол, по обычаю своему, всегда подбирается к душе странным некиим образом и неудобораспознавае-

мым, с тем чтобы, будучи всегда близ ее и не отдаляясь от нее, возмущать и перебуровливать все ее стремления, движения и помышления, т. е. и мысленную, и желательную, и раздражительную силы души, и направлять их на то, что ему угодно. Этим способом он всех нас завлекает в сети свои и забирает в рабство себе и в волю свою, — а мы того и не знаем; и, что хуже всего, диавол, употребляя сию тактику непрестанно и сделав нас страстными и непотребными, убеждает нас думать и говорить, что этот наш недуг (смятение и буровление внутри), которым мы вводимся в страсти и держимы бываем в них, есть свойство естества нашего, а не дело бесовских козней. Иных же он убеждает думать, что злые дела, какие они делают по действу его, суть исправности и добродетели, и хвалиться ими. Но это есть уже совершенная мертвость души, ибо кто хвалится злом, тот нимало не чувствует (тлетворного действия его), а это свойственно лишь мертвому. И вот отчего висит над родом человеческим опасность быть осуждену вместе с диаволом и прочими демонами; а он того не знает (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 134—135).

***

Искушение, каким искушает нас диавол, бывает двух родов. Как птица, свободно летающая на крылах своих, чтоб найти себе пищу, бывает обманываема птицеловом, простирающим по земле сети свои для ее уловления, тем, что, простерши сети свои по земле, он кладет поверх их приманку, которую видя птица слетает вниз, чтоб поклевать, и тут запутывается в сети и попадается в плен; тогда приходит и птицелов, берет ее, держит в руках своих и делает с нею что хочет, так и диавол, зная, что ум человеческий находится в непрестанном движении (парит),

подкрадывается к человеку невидимо, кладет пред помыслом его какую-либо сласть как приманку, а под сластью простирает, как сеть, грех, который вместе есть и рука диавола, невидимая и скрытная, потому что без греха нельзя диаволу схватить душу человека. Когда успеет он приманить душу приманкою сласти, тотчас опутывает ее сетями и схватывает. Первым делом его тут бывает завязать ей глаза, т. е. омрачить ум, чтоб она не увидала света и пути и не убежала; и это со всем тщанием делает он до тех пор, пока она, привычкою к сласти и долговременным пребыванием во грехе, совсем не предастся в волю его и не сделается во всем ему подручною и возлюбленною рабою. После сего она и сама не захочет уже бежать от этого господина своего, к которому привыкла и который так утешает ее и насыщает всякими сластями, пока совсем не растлит ее этими нечистыми и зловонными яствами своими. Когда же увидит он, что она совсем растлилась, тогда направляет ее на всякого рода непотребства, грехи и злодеяния. Но птицелов не может стянуть птицы с воздуха на свою приманку, а диавол, если найдет душу обнаженною благодати Божией, может подвигнуть стремления и пожелания души на сласть и склонить ее на свою волю. Почему и сказал я, что искушения диавола бывают двух родов: первое — приманка сластию, какую полагает он пред помыслом, а другое — раздражение похотей, коим понуждает он душу воспохотствовать сластей и склоняет ее на свою волю (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 136—137).

***

Душа, которая подчинится... диаволу, не может ничего более для себя делать, как только познав, в какую ниспала

глубину зол и как воля ее связана чужими узами, вопиять, как из чрева адова, и призывать Бога, Сходившего в преисподняя земли, прийти к ней и освободить ее. Это одно может она делать, но разрешить себя от уз и убежать не может, как не может убежать тот, кто закован в железные кандалы и содержится в темнице под крепкими запорами. Может... она призывать имя Иисуса Христа, да послет Он ей помощь; и когда укрепится таким образом чрез призывание Иисуса Христа (ибо Он есть единственный Освободитель душ наших) и восчувствует, что получила помощь от Бога, тогда может и убежать из-под ига диаволова и из уз греха. Но, убегая от диавола, ей следует прибегнуть к какому-либо экономе благодати, т. е. к духовному отцу, чтоб лукавый диавол не нашел ее опять неохраняемою и не похитил. Этим отцом духовным она будет обучаема и упражняема в том, что ей потребно думать, пока наконец она сделается способною носить всеоружие Божие, т. е. Божественную благодать, и с нею противостоять всем козням диавола, всем этим началам, властям, миродержителям тьмы века сего, духам злобы. Ибо душа, соединенная с плотью, не может одна, голая, противоборствовать таким сильным и столь многим врагам, если не будет облечена во всеоружие Божие: как и воин, даже самый мужественный, не может без оружия противостоять врагам, нападающим с копьями, мечами и щитами, и если выступит против них, тотчас будет поражен насмерть (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 137—138).

***

Надобно нам и то знать, что весь подвиг диавола и демонов его и все козни, какие строят они всякому хрис-

тианину, обращены на то, чтобы сеять между христианами <мысль>... что могут спастись сами, посредством тех добрых дел, какие делают. Демоны нередко даже содействуют и молитвам, и милостыням, и постам, и бдениям, и всяким другим добрым делам, чтобы делающие их делали без... <истинной> цели, держа однакож в мысли, что делают настоящее добро, и чрез то оставались не уврачеванными от Христа. Ибо неотложен тот закон Христов, что Сам Христос не может уврачевать того, кто не познал своей болезни, не знает Врача и не ищет Его (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 152).

***

Как во время ночи летают нетопыри, пищу себе ища, так и демоны вместе с перваком своим, начальником тьмы, диаволом, во время настоящей жизни, растленной и омраченной, рыщут и по земле, и по воздуху, и по всем местам, сущим под небесами, в одно мгновение переносясь с места на место, ибо демоны по естеству суть мысленные твари (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 154).

***

Диавол, сей злой дух мысленный, невидимо действует на неверных и обнаженных от Божественной благодати. Почему люди, почтенные от Бога самовластием, не замечают, что бывают покорными слугами власти диавола, и им будучи влекомы на грех, думают, что делают зло самовластно и самоохотно, и таким образом служат у него посмешищем. Такое обманчивое думание есть одна из главнейших прелестей изобретателя всякого зла диавола. Вся его злокозненность обращена на то, чтоб действовать

властно внутри грешащих, а они чтоб думали, что делают грех по собственному произволению, а не по внушению и влечению от диавола. И успевает в этом до того, что те самые, которые им насилуются, слыша о том, говорят: «Но что же сталось с самовластием и свободою человека — потеряны?» Да, потеряны, однако же не всецело; в нашей еще осталось власти познавать, в каком бедственном находимся мы состоянии, желать избавиться от него, и искать Избавителя: подобно тому, как больной, который лежит на одре, знает, что лежит в болезни, и желает подняться от нее, и хоть не может сего сделать сам собою, но имеет свободу искать врача, чтоб уврачевал его (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 205—206).

***

<Бог> после того, как почтил нас самовластием и дал нам заповеди, научающие нас, как бороться с мысленными врагами нашими, оставил в нашей уже власти, противоборствовать ли диаволу и его побеждать или предаваться беспечности и быть от него побеждаемыми. Впрочем, и при этом Он не оставляет нас одних в борьбе, зная немощь человеческого естества, но Сам присущ нам бывает во время брани, вспомоществует нам, когда возжелаем бороться с врагом, и таинственно подкрепляет нас силою Своею, — так что более Он побеждает врага, нежели мы (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 235—236).

***

...Бог, будучи всесилен и непобедим, вспомоществует тем, которые произволением своим хотят противоборствовать диаволу, и делает их победителями злого диаво-

ла. А тех, которые не хотят противодействовать диаволу и бороться с ним, Бог не принуждает, чтоб не нарушить самовластия разумного естества нашего, которое Он создал по образу Своему, и не низвесть нас в чин бессловесных животных (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 236).

***

...По навету <нечистой силы>... лишился человек покрывавшей его Божественной силы и сделался обнаженным от нее, как были уже обнажены от нее демоны. И вот обнаженные демоны побеждают обнаженного человека, как сильнейшие его, потому что они просты и бестелесны, а человеки сложны и несут бремя плоти. И с того времени, как пал первозданный, даже доселе никто не может и не мог, да и в последующее время никогда не возможет ни один человек противостать диаволу и прочим нечистым силам и препобедить их, потому... что хотя и они обнажены от Божественной силы, но, как бесплотные, они сильнее обнаженных той же силы людей (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 302).

***

...Ничего нет дивного (т. е. что они <демоны> — миродержатели). Ибо как только обнажился человек от Божественной благодати, тотчас и вся видимая тварь, созданная для человека, обнажилась вместе с человеком от Божественного света, ее осиявавшего, и растлилась... тогда начал в ней носиться (χορεύειν — танцевать) диавол с прочими демонами, как хотел и где хотел и сделался князем мира сего преходящего. Князем и властителем мира сего был человек, но когда диавол прельстил его, то, по

попущению Божию, взял от него начальство и власть, и назвался князем мира сего, и властвует, как и разбойники властвуют над тем, что насильственно захватят в свои руки, *не су́щу избавляющу, ниже спасающу* (Пс. 7, 3). Есть, правда, избавляющий и спасающий Бог, но этот разбойник диавол успевает так обольщать подпавших его тирании, что они остаются довольными бедственным положением, в коем находятся, рады рабству своему, любят нечистоты и неправды, в коих валяются, и не желают освобождения (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 303).

***

...Святые, являющиеся после воплощенного Домостроительства, имеют в себе Самого Христа Сына Божия и Бога и носят Его в себе, сию Ипостасную Силу и Премудрость Божию. И кто посмеет напасть и вооружиться на тех, которые облечены во Христа, как во всеоружие Божие? На таких не смеет нападать диавол шуиими, т. е. грехами, но нападает десными, т. е. добрыми их делами, покушаясь ввергнуть их в высокоумие. Но буй есть и несмыслен тот, кто вздумал бы гордиться по поводу всеоружия Божия или вседержительной силы Божией, являемой в нем (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 305).

***

Диавол, как дух невещественный, со времени Адамова преступления заповеди Божией возымел некую власть и дерзость действовать на естество человеческое, и сделался очень опытным в воевании против людей, ибо люди, им боримые, умирая, преходят род за родом, а он все живет и живет один и тот же вот уже шесть тысяч шестьсот и

более лет, и навык. Он всегда есть скрытный враг людей, всегда злокознствует и брани воздвигает против них, и особенно против тех из них, которые теперь рождаются, потому что теперешние не только не имеют никакой опытности в борьбе с диаволом, но совсем и понятия не имеют о брани диавольской и об искусности в ней диавола. Почему и когда явно он биет их, они того не видят, и когда скрытно их устреляет, не чувствуют; он является ангелом света, а покрывает их тьмою. Так сделался он... очень искусным в борьбе с человеком. Конец же и цель, для которой ведет он сию брань с человеком, велика и страшна. Вначале отделив и отдалив род человеческий от Бога, он теперь всячески напрягается и хлопочет о том, чтоб не допустить его опять возвратиться к Богу, но всегда удерживать в отдалении от Него. И если случится кому воззвану быть Иисусом Христом и возвратиться к Богу, он, искусный и многоопытный в делании зла, всячески старается опять отдалить его от Бога. По этой-то причине диавол сделался многоискусен в воевании с людьми и воюет с ними пятью кознями: еллинством, иудейством, ересями, противоправославным образом жизни и (неразумными) подвигами добрых деланий. Еллинством прельщает людей, любящих так называемую внешнюю мудрость; иудейством прельщает евреев, убеждая их думать, будто они добре веруют, так как чтут Единого Бога, чем прельщает он также и агарян; ересями прельщает суемудрых богочтецов, удаляя их от православия; православных удаляет от Бога худыми делами и жизнью противною православию, именно: сребролюбием, сластолюбием, славолюбием; опять и подвигами добрых дел и самоохотными лишениями самоумерщвления ввергает он подвижников в гордость, которая есть корень всякого зла, равно как в пристрастие к славе и чести людской. Этою прелестью

гордыни, которая есть всех добродетелей истребительница, превращает он и в пропасть низвергает души бедных подвижников, живущих в преподобии и правде, и некоторых из них уговаривает показывать ревность Божию не по разуму и строгость жизни нерассудительную. Чрез это он делает их тиранами самих себя, и они мучат себя всякими лишениями и злостраданиями, да славимы будут от человек: что достойно крайних слез, потому что они лишаются за то и настоящих и будущих благ. Пагубность, которой подвергаются все другие люди, о коих мы сказали, ничто в сравнении с потерями, какие несут сии люди. Вот как велика и несравненна наша бедственность! Почему надлежит нам всячески изыскивать, каким бы способом могли мы избежать наветов диавола. Но никаким способом не можем мы избавиться от него, кроме как если прибегнем к Богочеловеку Иисусу Христу, со всем смирением души и крайним сокрушением сердца. Тогда Христос Сам будет воевать за нас чрез нас, и мы успокоимся: ибо противостояние и преодолевание этого врага нашего никаким другим способом не бывает, как только единым Христом Господом (прп. Симеон Новый Богослов, 75, 355—357).

***

...Вся брань, какую поднимают против нас демоны, на тот конец бывает, чтоб удалить от нас благодать Святаго Духа (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 233).

***

...Демоны, видя, что мы порабощены воле плоти, отчуждились от благодати Святаго Духа и умертвили души свои, — ибо удаление души от Бога есть смерть для нее, —

видя это, для какой еще другой причины станут они и со своей стороны воздвигать брань против нас? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 233).

***

...Брань <с демонами> непрерывна, и воинам Христовым необходимо всегда носить на себе оружия свои. Нет возможности поиметь покой от этой брани ни днем, ни ночью, ни на одну минуту; но и когда едим, и когда пьем, и когда спим или другое что делаем, можем находиться в самом жару брани. Враги наши бесплотны и всегда стоят против нас, хотя мы их не видим; стоят и со всею зоркостью присматриваются, не окажется ли где какой-либо член наш обнаженным, чтоб вонзить в него свои стрелы и умертвить нас. Тут невозможно укрыться в крепости и башне или иной раз спрятаться где-либо и отдохнуть немного. Нельзя также убежать куда-либо и избавиться от брани или одному взять на себя борьбу за другого; но всякому вообще человеку самому необходимо вести сию брань и — или победить и живу быть, или быть побежден и умереть без всякого сомнения,

Рана же смертоносная тут есть всякий грех, не оплаканный в покаянии и не исповеданный, и особенно отчаяние, если кто впадет в него, что однакож состоит в нашей власти. Ибо если мы не ввергнем себя во глубину нерадения и безнадежия, то демоны совсем не могут сделать нам никакого зла. Но и когда раны приемлем от них, можем, если захотим, сделаться еще более мужественными и опытными в сей брани, посредством теплого покаяния. Быть поражену и умереть, а потом опять восстать и вступить в брань есть дело людей крайне великой души и мужественных, — и оно дивно и достойно великой награды.

Ибо сохраненными быть от поражения не в нашей состоит власти, но остаться в смерти или не остаться состоит в нашей власти; потому что если не отчаемся, то не пребудем в смерти и смерть не возгосподствует над нами. Мы всегда можем избыть от нее, прибегши с покаянием ко Всемогущему и Человеколюбивому Богу (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 238—239).

***

Пред нами находятся два противоположных предела — живот и смерть, и два мира, настоящий, видимый и привременный, и будущий, невидимый и вечный, — и два противоположных между собою действователя в сих мирах — Бог и диавол, противостоящий Ему, из которых Бог всегда печется о спасении нашем, призывая нас к жизни и Царству Вечному, а диавол желает погибели и смерти души нашей и день и ночь рыщет, ища кого привлечь приманкою временных сластей и поглотить, сделав его повинным вечному мучению. Поелику таким образом пред нами Бог и диавол, то нам, как мыслящим и разумным, надлежит бежать от врага нашего и прибегать под кров Владыки нашего, прося помощи у Него, да не возгосподствует над нами князь тьмы, уловив нас в сети и тенета свои, и да не сделаемся мы чрез то рабами ему и греху (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 375).

***

Князем мира называется <диавол> не как властитель и господин мира. Да идет от нас такая богохульная мысль! И как возможно, чтоб властвовал над миром тот, кто не имеет власти даже над свиньями? Но называется он кня-

зем мира потому, что, раздражая пожелание богатства и других вещей мира сего, он порабощает себе прилепляющихся к ним и берет над ними власть. Князем же тьмы называется он потому, что ниспал от света Божественной славы, по причине гордости своей, и сделался наследником вечной тьмы (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 375—376).

***

Диавол, который есть тьма и преобразуется в ангела света призрачно, а не истинно, не имеет сам и тебе не может сообщить ни благостроения и сладости, ни радости и свободы, ни мирного состояния или чувства умного и просвещения души... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 430—431).

***

...Если бы демоны не имели людей содейственниками злобе своей, то, наверное, совсем (дерзаю так сказать) не могли бы они отдалить от заповедей Божиих тех, которые таинственно возродились чрез Святое крещение и соделались сынами Божиими по благодати. Я верую, что младенцы, окрещенные, освящаются и соблюдаются под кровом Всесвятаго Духа; что они суть овцы стада Христова и агнцы избранные, поколику запечатлены знамением Животворящего Креста и освобождены совсем от тиранства диавола. И если бы диавол не находил пригодных орудий злости своей к совершению того, что желает, или в родителях детей, или в кормилицах, или в тех, которые с ними обращаются (как вначале — в змие и жене), то наверное не мог бы он похитить и себе присвоить ни одного из них. Ибо... эти сказанные нами лица учат их с

детства всякому злу и лукавству, срамословию, чревоугодию, плясанию, щегольству и всяким другим худостям, — сребролюбию, тщеславию, славолюбию, гордости, — и к этим худостям они приучают их с детства, и воспитывают в них. Почему прежде еще, чем дети придут в познание себя и начнут сами рассуждать, они через научение их означенным худым навыкам и расположениям, предают их диаволу в рабы, лишая их, несчастных, благодати сыноположения и полученного ими освящения, — сами не зная, что делают, как несмысленные (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 442—443).

***

Мы же все люди — рабы Твои, Создатель; однако малые и великие — (все) имеем врагов непримиримых (в лице) князей тьмы. Поэтому если Сам Ты не подашь (нам) скоро руку (помощи), но попустишь им укрепиться против нас, то где будет Твоя правда и человеколюбие? Ибо (хотя) мы соделались рабами его (диавола) по своей воле и своему произволению, но Ты Сам, Боже мой, пришедши, искупил нас и принес к Отцу Твоему в дар, каковыми видеть нас враг совершенно не терпит, не вынося той зависти, какую питает. Но, как лев, рыкает на нас, и ходя и скрежеща зубами, упорно ищет, кого бы поглотить. Поэтому если Ты, Христе мой, тех, которые этим неукротимым зверем уязвлены и, приняв удары и раны, пребывают лежащими, не помилуешь, или лучше — не сжалишься, ожидая их выздоровления, но поразишь и совсем сокрушишь, совершенно умертвив таковых, то это, по моему мнению, — праведно, потому что не непроизвольно они пленяются, но добровольно предаются. Однако коварный и злохитростный, неукротимый и изворотливый

зверь этот, как бы друг, притворяется дружественным, ища всего меня схватить и уловить. Показывая мне видимую жизнь, он лишает меня жизни духовной. Окрадывая меня чувством в настоящем, он отнимает (у меня) и богатство будущего. При внешнем (ведь) созерцании является одно, сокрыто же... другое. Если же люди, и познав это, хитро и лицемерно притворяются, (что не знают), то чего не сделает (с ними) изобретатель зла? Как не обольстит он их, в особенности юных? Как не прельстит тех, которые незлобивы, совершенно неопытны и нелукавы, тот, кто по произволению — сатана и лукавый, и искусный изобретатель всякого лукавства? Однако он решительно всех прельщает и уязвляет, и никто не избежал от его рук или стрел, не отведав в них заключенного яда, и не ушел (от него) неуязвленным (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 52—53).

***

Князь этот <диавол>, падший чрез лишение света, тотчас оказался во тьме, и со всеми вместе с ним падшими с неба (духами) находится во тьме, и в ней, во тьме... царствует над всеми держимыми в ней бесами и людьми. Всякая душа, не видящая света жизни, светящего и днем и ночью, мучима им бывает, уязвляема, томима, восхищаема и связываема, и повседневно искалывается стрелами удовольствий, хотя и мнит, что сопротивляется и не падает. Но в поте (лица), с одним великим трудом и подвигом она всегда ведет с ним непримиримую брань. Всякая же душа, видящая Божественный Свет, от Которого он ниспал, презирает его и, будучи осияваема Самим неприступным Светом, попирает этого князя тьмы, как листья, ниспадшие на землю с высокого дерева, ибо силу и власть он имеет во тьме, во свете же делается совершенно мертвым

трупом. Слыша же о Свете, внимай, о каком Свете говорю я тебе. Не подумай, что я говорю об этом солнечном свете, ибо во свете его ты видишь многих людей, согрешающих, как и я, ужасно бичуемых, падающих, и испускающих пену среди дня, и невидимо страждущих от злых духов <...>

Душа, утученная всякими добродетелями, вся возжжется от него, насколько возможет увидеть, насколько вместит ввести в свою храмину. И тогда, просвещаясь, добродетели, как приобщившиеся Божественного Света, и сами называются светом, лучше же и они суть свет, сраствориившись со Светом; и (как) свет, просвещают самую душу и тело и поистине светят, во-первых, тому, кто стяжал (их), а затем и всем прочим, находящимся во тьме жизни (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 201—202, 204).

***

...Взирая же на конец человеческих дел, дождем слез и потоками сокрушения потопляем бесов... воюющих против нас самомнением, тщеславием и гордынею (прп. Никита Стифат, 92, 94).

***

Духи злобы крайне боятся благодати Божественного Духа, особенно когда она присещает богатно или когда мы сияем чистотой под действием Божественного поучения и чистой молитвы (прп. Никита Стифат, 92, 109).

***

...Душа, от Духа Святаго исполненная дерзновения и мужества... животворящим изображением Креста и при-

зыванием Иисуса и Бога разрушает их <бесовские> призраки и самих их обращает в бегство (прп. Никита Стифат, 92, 109).

***

Велика ярость бесов на тех, кои преуспевают в созерцании. Они день и ночь приседят им с наветами, и то чрез тех, кои живут вместе с ними, возбуждают на них лютые искушения, то сами поднимают шум и топот для устрашения их, — иногда нападают на них спящих, завидуя их покойному отдыху, и всячески беспокоят их, хотя не могут причинить вреда тем, кои Богу себя посвятили. И если бы не было при них Ангела Господа Вседержителя, охраняющего их, не избежать бы им их наветов и сетей смертных (прп. Никита Стифат, 92, 117).

***

Состоя в подвиге по деятельному любомудрию добродетели, внимательнее наблюдай за наветами губительных бесов. Ибо сколько положишь ты восхождений преуспеяния в высших добродетелях, сколько увеличится Божественный свет в молитвах твоих, и ты благодатию Духа Святаго внидешь в откровения и видения неизреченные, столько они, видя тебя восходящим к небесам, скрежещут зубами и старательно простирают многоплетеные сети свои по мысленному воздуху. Не только плотолюбивые и зверские бесы похоти и гнева дыхнут на тебя, но и духи богохульные в горькой зависти восстанут на тебя. Сверх того эти воздушные начала и власти, явленно (наружно) и неявленно в одном воображении, начнут принимать разные странные и страшные образы, чтобы смутить тебя, или вред какой причинить тебе. Но упражняясь с бодрен-

ным оком ума в делании умной молитвы, тебе нечего бояться такой стрелы, *летящей во дни,* потому что они даже *к обиталищу твоему* не смогут *приближиться* (ср.: Пс. 90, 5, 10), будучи, как тьма, гонимы сущим в тебе светом и Божественным огнем опаляемы (прп. Никита Стифат, 92, 117).

***

Духи тьмы кажутся облеченными в тонкие тела, как подает повод думать опыт, призрачно ли они это представляют, обманывая чувство, или осуждены на это за древнее падение. Как бы то ни было, но они устремляются схватиться с подвижническою душою, когда раб ее, тело, склоняется ко сну; что, как мне кажется, служит и к испытанию души, стоящей теперь уже выше немощей смиренного тела, — каковы ее энергия и мужество против них, грозящих ей страшным чем-либо с яростью и неистовством великим. Душа, уязвленная любовью к Богу и главнейшими добродетелями преисполненная, не только сопротивляется им в праведном гневе, но и бьет их нещадно, если есть какое чувство в них, как видится, оземленившихся вследствие отпадения от первого Божественного Света (прп. Никита Стифат, 92, 118).

***

<Бесы> берут силу над нами больше по нашей беспечности (прп. Григорий Синаит, 92, 191).

***

Бесы наполняют образами ум наш, или, лучше, сами облекаются в образы по нам, и приражаются (прилог

вносят), соответственно навыкновению господствующей и действующей в душе страсти, ибо сим навыкновением страстным они обыкновенно пользуются к размножению в нас воображений страстных, и даже во сне мечтание наше делают богатым воображениями: причем преобразуются бесы похоти иногда в свиней, иногда в ослов, иногда в коней женонеистовных и огневидных, иногда в жидов наиболее невоздержных; бесы гнева — иногда в язычников, иногда во львов... бесы пьянства и объедения — в сарацин; бесы любостяжания — иногда в волков, иногда в тигров; бесы лукавства — иногда в змей, иногда в ехидн, иногда в лисиц; бесы бесстыдства — в собак; бесы лености — в кошек. Бывает, что бесы блуда иногда превращаются в змей, иногда в ворон и грачей; в птиц превращаются наиболее воздушные бесы. Трояко же фантазия наша изменяет воображение бесов, по причине троечастности души, представляя их в виде птиц, зверей и скотов, соответственно трем силам души — желательной, раздражительной и мыслительной. Ибо три князя страстей против сих трех сил вооружаются, и какою страстью окачествована душа, сродный с тою они принимают образ, в коем и приступают к ней (прп. Григорий Синаит, 92, 209—210).

***

...Воюющие с нами скрытно находятся в другом великом мире, по природе одинаковом с природою наших душевных сил. Ибо против трех сил души три князя злобы, борясь с подвижниками, делают нападения, и в чем кто ни преуспеет и над чем ни трудится, в том и борим бывает ими. Присем дракон, князь бездны, восстает войною про-

тив внимающих сердцу, как имеющий *крепость на чреслах похотных* (ср.: Иов. 40, 11); чрез любосластного исполина забвения пускает он на них палительные тучи разжженных стрел, как иное море взволновывает в них похоть, воспеняет и разжигает ее, и к смешению их возбуждает, наводняя потоками сластей ненасытных. Князь мира сего нападает на проходящих деятельные добродетели, как заведывающий войною против раздражительной части; чрез исполина лености окружает он их всякими чарами страстей и борется с ними, всегда мужественно противоборствующими ему, — побеждает и побеждаем бывает, и соделывается чрез то виновником для них или венцов, или стыда пред лицом Ангелов. Князь воздушный находит на упражняющихся в мысленном созерцании, фантазии им представляя, как имеющий поручение действовать на словесную и мысленную часть вместе с воздушными духами злобы; чрез исполина неведения, приводит он в смятение горе́ вчиняющуюся мысль, омрачает ее и страх на нее наводит, внося в нее фантастические туманные образы духов и их преобразования и призрачно производя молнии и громы, бури и трески. Так каждый из трех князей, приражаясь к соответственным силам души, ведет против нее войну, и против какой части определен кто стоять, против той и нападки свои направляет (прп. Григорий Синаит, 92, 228—229).

***

Были и они <демоны> некогда умами; но отпадши от оного безвещественности и тонкости, вещественную некую дебелость стяжал каждый из них, отелесяясь по чину и действу, коим окачествился действенно. Ибо так как и они, подобно человеку, ангельскую потеряв сласть (ан-

гельский вкус или ангельский рай сладости), лишились Божественного наслаждения, то в персти и они, как мы, стали находить наслаждение, вещественными некако соделавшись к вещественным страстям навыкновениями (прп. Григорий Синаит, 92, 229).

***

...Диавол, когда увидит кого, в плаче живущего, то не замедляет там, боясь смирения, порождаемого плачем (прп. Григорий Синаит, 92, 244).

***

...Много козней у лукавого, и втайне зорко он смотрит за склонением нашего произволения, всячески ища окрасть дело наше, неведомо для нас, чтоб не по Богу было то, что делается (прп. Григорий Синаит, 92, 254).

***

...Тот, который от начала — человекоубийца и человеконенавистник, делает человека человекоубийцею и противником Жизнодавца Христа, а тем более — ослушником и противящимся земным царям или духовному отцу и пастырю и учителю (свт. Григорий Палама, 26, 18).

***

Изобретателен на зло духовный князь зла и искусен сразу же в начале, отчаянием и маловерием, ниспровергнуть тех людей, которые уже вложили в душу основания добродетели, силен же равным образом и на полпути напасть беспечностью и нерадением, на тех, которые уже

воздвигли стены дома добродетели, но даже и самого того, кто уже поставил и самую кровлю добрых дел (дома своей добродетели), силен он низвергнуть путем гордости и безрассудства. Но мужайтесь! Не приходите в ужас! Потому что тот, кто бдителен, более искусен в удержании добра. И добродетель обладает гораздо большею силою в парировании со злом, обогащаясь средствами свыше и споборничеством со стороны Того, Кто силен во всем и, по благости, влагает силы во всех любителей добродетели, дабы не только она пребыла незыблемой пред лицом снаряженных, разновидных и злостных ухищрений супостата, но и павших в глубину зла пробудила и подняла, и с легкостью, путем покаяния и смирения, привела к Богу (свт. Григорий Палама, 26, 21).

***

...Большой подвиг необходим душе, удержанной западнями супостата и впавшей в сети греховности, чтобы возмочь чрез покаяние освободиться (свт. Григорий Палама, 26, 24).

***

...Лукавый обольститель диавол не сразу предлагает человеку свой собственный образ действия... и грех, но понемногу убеждает, нашептывая нам и говоря: «И ты, живя *своим* умом, не посещая храма Божия и не внимая учению Церкви, можешь и сам по себе видеть, что надо делать, и не удаляться от добра». Когда же он отделит кого от священных богослужений и от слушания священных учителей, тем самым отдаляет его от Божественного хранения, предав его злым делам. Бог-то везде присутствует, но единственное, что далеко от добра, это зло, в котором,

оказываясь из-за греха, мы далеко отходим от Бога (свт. Григорий Палама, 26, 35).

***

Диавол... не хочет дать человеку насытиться низменными вожделениями, поскольку в душах, склонных к изменению, насыщение обычно производит перелом в отношении к ним (свт. Григорий Палама, 26, 37).

***

Весьма искусен в зле и многохитер, — лучше сказать, многоопытен, — духовный и началозлобный змий. Одними способами он умеет сковывать благое расположение и делание наше; а если бы не возмог воспрепятствовать началу сего, иные измышляет уловки, которыми приводит в негодность совершение сего; а если бы не возмог привести в негодность совершение сего где-нибудь на середине дороги, опять же он знает иные ухищрения и иные способы, которыми он и завершившееся дело сводит на нет и, более того, приводит к гибели тех, которые не бывают всецело внимательными к делу. И, прежде всего, он представляет нам многотрудность и труднодостижимость, а посему наводит на нас нерадение и отчаяние, как на стремящихся к невозможному и слишком трудному и поэтому, конечно, не могущих привести в дело намерение; кроме того, он внушает подвизающимся и неверие относительно обетованных Богом наград (свт. Григорий Палама, 26, 67).

***

...Лукавый стал мертвым духом, когда вследствие сознательного, по его воле, греха справедливо был оставлен

Богом, Истинною Жизнью; будучи же полнотою зла и князем завистливым, лживым, началозлобным, он не перенес того, что человеческая жизнь протекала в месте наслаждения, говорю — в раю, — но гибельным советом обольстив, сделал его общником и греха и смерти по духу. За этой же смертью духа необходимо последовала и смерть тела; и таким образом лукавый чрез единую собственную свою смерть доставил нам сугубую смерть, и, низринув, — даже ниже себя самого, — он, возомнив о себе, казался великим и высоким, как перехитривший нас замыслом и поработивший, и, как бессмертный, увы, представлялся нам богом; да и после смерти, став обладателем наших душ, как оставленных (Богом) и сведши их в ад, заключал их в неразрешимую, как казалось, темницу (свт. Григорий Палама, 26, 166).

***

...Сатана, взбунтовавшись и отвергнув покорность Богу, отпав от света, упал во мрак и стал владыкою и служителем мрака, сначала в отношении самого себя и отпавших с ним ангелов, потом же, — о, бедствие! — и для нас, в Божием раю не поверивших Богу, а поверивших ему. И все ангелы нечестия, подобно ему, являются самотемными, ибо не частично они стали таковыми, но являются началом и исполнением непокорности Богу и горьким корнем и источником всякого беззакония, особенно же и в том отношении, что и для нас они являются виновниками этого; они не имеют прощения в грехе, и неудержимо всегда простираются на еще большее потемнение, делая это сами и не имея обращения к Просвещению всякого разумного естества (свт. Григорий Палама, 26, 224—225).

***

К новоначальным, нравоучимым и деятельным бес подходит звуками ясными или неясными. А для созерцательных производит некие фантазии, иногда окрашивая воздух, наподобие света, а иногда производя огневые какие-либо образования, чтоб такими покушениями прельстить как-нибудь подвижника Христова (патр. Каллист, 92, 459).

***

Как дикий зверь, <диавол> тайно мыслями всегда лает на нас, придумывая всякие сети, и тщится, всескверный, воспрепятствовать нам вступить на путь, ведущий к бесстрастной и нестареющей жизни. Для завистливого и злорадного, обыкновенно, составляет радость и наслаждение — видеть погибающими всех ненавидимых им. Поэтому он всегда борет нас скверными помыслами, пагубною завистью и гордостью; он — учитель и воровства, и убийства; он сам — начальник и всякой лжи и лести... Он — изобретатель всякой злобы и бесчисленных зол, коими наполнил весь мир, завидуя нам по причине даруемой нам свыше Божественной благодати (прп. Максим Грек, 67, 41).

***

...Многочисленные козни устрояет <сатана>, скверный, для прельщения нашей мысли (прп. Максим Грек, 67, 46).

***

...Не переставай бежать от <диавола>, пока не увидишь его потопляемым крепкою десницею Вышнего в пламенной пропасти, вместе со всеми его колесницами и

крепкими оруженосцами, себя же познаешь покрываемою облаком Параклита, прохлаждающим жжение, производимое в тебе бесплотными врагами, действующими пламенными помышлениями скверных похотей (прп. Максим Грек, 67, 94).

***

Трезвись же всегда, душа, ибо гонящийся всегда за тобою мысленный фараон не перестанет изобретать против тебя зло. Не жди... прекращения изобретаемых им против тебя лаяний, ибо он, будучи по естеству завистлив и нахален, не укрощается от гнева, всегда стремясь ввергнуть тебя в пламень мучений. Не верь также, когда он отступает, ибо тогда-то он наипаче весьма хитро старается уловить тебя. Этим способом он, скверный, старается подчинить тебя, побуждая к ослаблению тобою своего постоянного, крепкого трезвения, дабы таким образом, найдя тебя обленившеюся, внезапно уязвить тебя одною из многих его душепагубных стрел или пагубным кичением запнуть тебя на пути к преуспеянию к большим добродетелям. Как ум, весьма опытный в изобретении зла, он знает, какую пользу получаем мы, когда пребываем в трезвении, по причине наносимых им напастей, будучи свыше укрепляемы Божественною благодатию. Ибо если мы трезвимся, то наносимые им напасти бывают для нас причиною великих наград, подобно тому, как борьба с сильным противником служит опытному борцу случаем к получению больших похвал (прп. Максим Грек, 67, 95).

***

...Наша духовная брань должна быть у нас всегдашняя и непрестающая и должна быть ведена с душевною бод-

ростью и мужеством: что легко ты стяжать можешь, если взыщешь того от Бога. Выходи же на эту брань, не колеблясь. Если придет смутительное помышление о ярости и непрестающей злобе, какую питают против тебя враги — демоны, и о многом множестве их полчищ, то с другой стороны помысли и о беспредельно величайшей силе Божией и о любви Его к тебе, равно как и о несравненно большем множестве Ангелов небесных и о молитвах святых. Все они неявно борются за нас с нами против врагов наших, как написано относительно Амалика: *яко рукою тайною ратует Господь на Амалика* (Исх. 17, 16). Сколько слабых жен и сколько маловозрастных детей подвигло на брань помышление о такой мощной и всюду готовой помощи! И они одержали верх и победили всю мудрость мира, все козни врага, диавола, и всю злобу ада.

Посему никогда отнюдь не следует тебе устрашаться, когда начнет докучать тебе наплыв помышлений, что брань против тебя врагов слишком сильна, что ей конца нет и она протянется на всю твою жизнь, что не избежать тебе падений и повторения их многократного и разнообразного. Знай, что враги наши со всеми своими кознями состоят в руках Божественного нашего Архистратига, Господа Иисуса Христа, в честь и славу Коего ведешь ты брань. Как Он Сам вводит тебя в брань, то всеконечно не только не допустит врагов твоих сделать тебе насилие и победить тебя, если ты сам произволением своим не перейдешь на сторону их, но будет Сам поборать за тебя и предаст врагов твоих в руки твои побежденными, когда и как сие Ему благоугодно будет, как написано: *Господь Бог твой ходит в полце твоем избавляти тя и предати враги твоя в руце твои* (Втор. 23, 14).

Если Господь замедлит дать тебе полную победу над врагами и отложит сие до последнего дня жизни твоей, то

знай, что это сделает вящшего ради блага для тебя самого; только ты не отступай и не переставай вести брань вседушно. Пусть иной раз и рану получишь, но не слагай оружий и не обращайся в бегство. Одно имей в мысли и намерении — воевать и воевать со всем воодушевлением и мужеством, потому что это неизбежно. Нет человека, которого бы миновала брань сия, в жизни ли или в смерти. И кто не ведет брани, чтоб победить страсти и врагов своих, тот неизбежно будет схвачен в плен, здесь ли или там, и предан смерти.

Не бесполезно тебе держать при сем в мысли и то, с какою целью Богу благоугодно оставлять нас в таком военном положении. А это вот для чего. Как древле Бог, вводя Израиля в землю обетованную, не все обитавшие там повелел истребить народы, а оставил на месте пять чуждых и враждебных Израилю племен, — во-первых, для того, чтобы испытывать, твердо ли верует в Него избранный народ, и верно ли исполняет Его заповеди, а во-вторых, для того, чтобы научить народ Свой искусству вести брани (см.: Суд. 2, 21—23; 3, 1—2), так не истребляет Он вдруг и все страсти наши, но оставляет их в нас, чтоб они вели с нами брань до самой смерти, для таковой же цели, именно, чтобы испытывать нашу к Нему любовь и покорность воле Его и научать нас брани духовной (прп. Никодим Святогорец, 69, 58).

***

...Враг усиленно старается внушить, не тотчас, как замечено прегрешение, приступить к делу внутреннего себя от него очищения, а подождать немножко, не день и не час, а немножко. Но только согласись на это, он подставит другой грех, после греха языком, грех оком, и еще каким чувством, а этого греха очищение поневоле уже

отложишь, потому что надо прежде очистить предыдущий. И пойдет таким образом отлагание на целый день, и грех за грехом наполнит душу. Вечером, до коего обычно откладывается дело покаянного себя очищения, ничего не видно в душе определенного, — там шум, и смятение, и мрак, от множества допущенных падений. Душа похожа на очи, пылью набитые, или на воду, помутившуюся от множества нападшего туда сора. Как ничего не видно, то дело покаяния совсем оставляется, но вместе с тем и душа оставляется мутною и смятенною. От этого молитва вечерняя бывает неисправна, а далее и сны нехороши. Так никогда ни на одно мгновение не отлагай внутреннего очищения, как только сознаешь за собой что неисправное. Второе, что внушает при этом враг, есть не сказывать духовному отцу случившегося. Не слушай и наперекор ему открывай все, ибо сколь много благ от сего открывания, столь же, или даже больше, зла от скрывания того, что бывает в нас и с нами (прп. Никодим Святогорец, 69, 124).

***

Когда диавол держит кого в рабстве греху, то преимущественно заботится о том, чтоб все более и более омрачать его духовным ослеплением, отгоняя от него всякий добрый помысл, могущий привести его в сознание пагубности своей жизни. И не только добрые отгоняет от него помыслы, которые могли бы подвигнуть его на покаяние и обратить на путь добродетели, но вместо их влагает помыслы злые и развращенные, и тут же подстроивает подручные поводы к обычному ему греху и увлекает его часто падать в него или в другие более тяжкие грехи. От этого бедный грешник делается все более и более омраченным и ослепленным. Ослепление это укореняет в нем

навык и непрестающий позыв все грешить и грешить, так что он, несчастный, влекомый от дела греховного к большему ослеплению и от ослепления в большие грехи, кружится как в водовороте, и прокружится так всю свою жизнь до самой смерти, если не привнидет особенная Божия благодать во спасение ему.

Кто находится в таком бедственном состоянии, тому, если он пожелает от сего избавиться, надлежит немедля, как только придет ему благое помышление, или, лучше сказать, внушение, зовущее его из тьмы во свет и от греха к добродетели, тотчас принять его со всем вниманием и желанием; тотчас усердно приступить и к делу, взывая из глубины сердца к щедрому Подателю всякого блага: «Помоги мне, Господи Боже мой, скоро помоги, и не оставляй меня более в этой тьме греховной». Пусть не знает утомления, взывая таким или иным каким словом; но вместе с тем да взыщет и земной помощи, обратясь к знающим дело за советом и руководством, как бы успешнее освободиться от томящих его вражеских уз рабства греховного. Если этого невозможно сделать тотчас, пусть исполнит это, как только откроется возможность, не переставая прибегать к распеншемуся за нас Господу Иисусу и к Пречистой Матери Его, Богородице Приснодеве, благоутробно смилостивиться над ним и не лишить его скорой подобающей помощи. Да ведает он, что в этом неотлагании дела и скорой готовности последовать доброму внушению — его победа и преодоление врага (прп. Никодим Святогорец, 69, 126).

***

...Кто... возжелал освободиться от уз греха и приступил к сему тотчас, враг не оставляет его и здесь, и переменяет только тактику, а не злое свое желание и чаяние

преткнуть его о камень искушения какого-либо и погубить. И святые отцы изображают такого обстреливаемым со всех сторон — сверху и снизу, справа и слева, спереди и сзади; отовсюду летят на него стрелы. Стрелы сверху — внушения чрезмерностей непосильных в трудах духовных; стрелы снизу — внушения умалить или совсем оставить такие труды, по саможалению, нерадению и беспечности; стрелы справа — когда враги, по поводу каких-либо добрых начинаний и дел, ввергают в искушение и опасности падения; стрелы слева — когда враги явные представляют соблазны и влекут на грех; стрелы спереди — когда враги искушают и смущают помыслами о том, что имеет быть; стрелы сзади — когда они искушают и возмущают воспоминаниями о прошедших делах и событиях. И все такие искусительные помыслы приражаются к душе или внутренним путем, или внешним: внутренним — чрез образы и представления фантазии, печатлеемые в сознании мысленно, или чрез непосредственные внушения худого в сердце, сопровождаемые обычными страстными движениями; внешним — чрез впечатления внешних чувств, непрестанно приливающие... Пособниками себе враги наши имеют прежние греховные привычки и наше поврежденное в падении естество. Имея столько способов вредить нам, враг нимало не смущается первыми неудачами, и непрестанно пускает в ход то одно, то другое, чтоб преткнуть или сбить с пути ускользающего из его власти раба Христова.

Первым делом у врага, после того как решится кто оставить недобрые пути и действительно оставляет их, бывает — очистить для себя место действия против него, чтоб никто не мешал ему. Успевает он в этом, когда внушит вступившему на добрый путь действовать самому по себе, не обращаясь за советом и руководством к присущим всегда Церкви руководителям к богоугодной жизни.

Кто следует сему руководству и все свои деяния и внутренние и внешние поверяет рассуждениям своих руководителей, — в приходах мирских священников, а в обителях — опытных старцев, — к тому нет доступа врагу. Что бы он ни внушил, опытный глаз тотчас увидит, куда он метит, и предостережет своего питомца. Так разоряются все его козни. А кто отшатнется от своих руководителей, того он тотчас закружит и собьет с пути. Есть много возможностей, кажущихся не худыми. Их и внушает он. Неопытный новичок следует им и попадает в засаду, где подвергается большим опасностям или совсем гибнет.

Второе, что устрояет враг, — это оставить новичка не только без руководства, но и без помощи. Положивший обходиться в жизни своей без совета и руководства, скоро сам собой переходит к сознанию ненужности сторонней помощи при совершении дел своих и ведении богоугодных порядков. Но враг ускоряет этот переход тем, что скрывается сам и не делает нападений на новичка, который, восчувствовав такую свободу и льготу, начинает мечтать, что это доброе состояние есть плод его собственных усилий, и вследствие того почивает на них, и в молитвах своих о помощи свыше говорит как бы только сквозь зубы, потому только, что так пишется в молитвах. Помощь неискомая и не приходит: и остается, таким образом, новичок один, с одними своими силами. А с таким врагу легко уже управиться.

Следствием такого самопрельщения бывает для одних то, что они бросаются на чрезмерные подвиги не по силам и не по времени. Сильное возбуждение энергии самонадеянностью дает им на первый раз силу протянуть такие подвиги несколько времени; потом силы их истощаются, и они не находят уже их в себе столько, чтоб держать самые умеренные подвиги, а нередко и от этих отказываются.

Иные же, разжигая свою самодельную энергию все более и более, доходят до такой самоуверенности, что считают все для себя возможным. В этом возбужденном состоянии они делают пагубные шаги: бросаются в колодцы высохшие или с утесов, где живут в пещере какой, совсем отказываются от пищи, и подобно. Все это устроят враг незаметно для прельщаемых.

Для других следствием самопрельщения, приписывания себе самим своих успехов бывает то, что они дают себе право на разные послабления и льготы. Есть прелесть в жизни, что когда вводится в нее что новое, как, например, у покаявшегося, тогда дни кажутся месяцами, а недели годами. От этого потрудившемуся немного в порядках новой жизни враг легко вбивает в голову мечты: сколько уж я потрудился, сколько времени постился, сколько раз ночи не спал и подобное. Можно немного и отдохнуть. «Отдохни, — толкует враг, — дай покой плоти; немножко и развлечься можно». Как только согласится на это неопытный новичок, пойдут у него льготы за льготами, пока, наконец, расстроятся все порядки богоугодной жизни, и он спустится в ту же жизнь, которую оставил, и начинает опять жить в нерадении и беспечности...

С такими, впрочем, искушениями, — чуждаться и совета и руководства других, приписывать себе успехи, замышлять о чрезмерностях и послаблениях, — враг не в начале только доброй жизни подступает, но делает попытки к таким внушениям и в продолжение всей ее. Потому сам видеть можешь, как необходимо тебе все, что ни делаешь, делать с советом, никогда никаких успехов, как бы они ни были малы, не приписывать себе, своим силам и своему тщанию, бегать всяких чрезмерностей и послаблений, и вести жизнь ровную, но энергичную и живую, всегда в порядках, однажды заведенных и установленных

по примерам святых, прежде живших, и с рассуждением опытных людей, современных тебе (прп. Никодим Святогорец, 69, 132—135).

***

Ко всякому делу он <враг> подстревает и хлопочет, нельзя ли как-нибудь помутить течение дел наших и вместо должных навести или сбить на дела недолжные: то бросается помешать самому начинанию их; то, когда они начаты, покушается пресечь течение их; то, если в этом не успевает, хлопочет сделать исполнение их и совершение никуда не годными; когда же и в этом посрамляется, то злоухитряется отнять всякую у них пред Богом цену, возбудив тщеславие и самомнение (прп. Никодим Святогорец, 69, 136).

***

Внимай себе, одно мерило держа в уме — единому Богу благоугождать всем, и большим и малым, — и сама жизнь научит тебя ясно видеть и проразумевать вражеские козни. Предложу, однакож, тебе два-три примера, какие смуты воздвигает враг в душе нашей, чтоб попортить дела наши, когда они должны длиться определенное время.

Когда, например, больной расположится благодушно переносить болезнь свою, и переносит, враг, зная, что таким образом он утвердится в добродетели терпения, подступает расстроить такое его благорасположение. Для сего начинает приводить ему на ум многие добрые дела, которые мог бы он совершить, если б находился в другом положении, и старается убедить его, что, если б был здоров, как добре поработал бы Богу и сколько пользы принес бы и себе и другим: ходил бы в церковь, вел бы беседы, читал бы <псалмы> и писал в назидание ближ-

них и подобное. Заметив, что такие мысли принимаются, враг почаще приводит их на ум, размножает и раскрашивает, проводит до чувства, вызывает желания и порывы к делам тем, представляя, как хорошо шли бы у него те или другие дела, и возбуждая жаление, что связан по рукам и ногам болезнью. Мало-помалу, при частых повторениях таких мыслей и движений в душе, жаление переходит в недовольство и досадование. Прежнее благодушное терпение таким образом расстроивается, и болезнь представляется уже не как врачевство от Бога и поприще для добродетели терпения, а как нечто неприязненное делу спасения, и желание освободиться от нее делается неудержимым, все еще в видах получения чрез то простора для доброделания и угождения Богу... Доведши до сего, враг украдает из ума его и сердца эту благую цель желания выздоровления и, оставляя одно желание здоровья, как здоровья, заставляет досадливо смотреть на болезнь, не как на препону к добру, а как на нечто неприязненное само по себе. От сего нетерпеливость, не врачуемая благопомышлениями, берет силу, и переходит в ропотливость, и лишает больного прежнего покоя от благодушного терпения. А враг радуется, что успел его расстроить (прп. Никодим Святогорец, 69, 137—138).

***

...Пусть ты верно и постоянно течешь путем добродетели, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе; не думай, что враг отстанет от тебя. Нет, слышал уже ты... что враг, когда видит, что все его покушения совратить тебя на зло безуспешны, идет потихоньку вслед тебя и ублажает, как живущего во всем богоугодно. Вот это и есть последнее его искушение. Отзывается это вражье нас величание само-

мнением, самочувствием и самодовольством; а от них порождаются тщеславие и гордость, из коих тщеславие снедает всю цену дел наших, если есть какие добрые, а гордость делает нас противными Богу. Внимай убо и всячески отбивайся от сих вражеских ублажений, не давая им проходить до сердца, а отражая с первого момента, как они коснутся слуха души твоей.

Чтоб не подвергнуться грозящей тебе от сего беде, держи всегда ум свой собранным в сердце и будь всегда готов к отражению этих вражеских стрел. Стоя там внутри, как военачальник среди бранного поля, избери удобное для брани место, и укрепив его как следует, не оставляй никогда, но там укрывайся и оттуда воюй. Место это и укрепление его и вооружение есть искреннее и глубокое сознание своей ничтожности, что ты и беден, и слеп, и наг, и богат одними немощами, недостатками и неодобрительными делами, неразумными, суетными и грешными. Установившись так, никогда не позволяй уму своему выходить из сего укрепления вовне, и особенно воздерживайся от странствования по своим, как тебе кажется, плодоносным полям и садам, т. е. твоим добрым делам. Если будешь держать себя так, стрелы вражеского ублажения пагубного не достанут тебя, а если и упадет к тебе какая, ты тотчас увидишь ее, отразишь и выбросишь вон (прп. Никодим Святогорец, 69, 140—141).

***

Когда лукавый диавол увидит, что мы право, с живым усердием и в добром порядке, шествуем путем добродетелей, от которых не успевает отвлечь нас на свою сторону явными на зло прельщениями, тогда преобразуется в ангела светла, и то мнимоблагими помыслами, то изре-

чениями Божественного Писания, то примерами святых возбуждает неблаговременно и не по силам принимать непомерные подвиги к духовному совершенству, чтоб, когда мечтаем стоять на верху его, низринуть нас в бездну падения. Так иного научает он жестоко изнурять тело свое постом, бичеванием, спанием на голой земле и другими подобными озлоблениями плоти для того, чтобы он или впал в гордыню, возмечтав, что великие совершает дела, или заболел от крайнего изнурения и сделался неспособным и малые исполнять дела благочестия, или, утомившись под тяжестью подвигов, стал равнодушен ко всем духовным деланиям, и даже к самому спасению, и таким образом, мало-помалу охладевши к добру, с сильнейшим прежнего вожделением набросился на плотские сласти и мирские утехи (прп. Никодим Святогорец, 69, 174—175).

***

Случается иной раз, что тогда как душа томится в... охлаждении... безвкусии ко всему духовному, враг нападает сильнее, воздвигая дурные помыслы, срамные движения и прельстительные сновидения. Цель у него та, чтоб, вдавшись в нечаяние от чувства оставления Божия, человек опустил руки и склонился на что-либо страстное, ибо после сего ему уже легко увлечь его опять в водоворот греховной жизни. Зная сие, стой твердо. Пусть бушуют волны греховные окрест сердца, но пока есть у тебя нехотение греха и желание пребыть верным Богу, кораблик твой цел. Благодать Божия отняла у тебя свои утешения, но она близ есть и назирает и не оставит тебя без помощи, пока произволение твое стоит на стороне добра. Стой же твердо, воодушевляясь уверенностью, что буря эта

скоро пройдет, а вместе с нею прекратится и сухость твоя. Верь, что сие попущено тебе на добро тебе, ибо перетерпев это время искушения, выйдешь из него с большим узнанием своей немощи, с большим смирением и большею уверенностью во всегда готовой тебе помощи Божией (прп. Никодим Святогорец, 69, 241—242).

***

Враг наш диавол радуется, когда смущается душа и сердце бывает в тревоге. Почему всячески ухищряется он возмущать души наши. Первым делом его в сих покушениях бывает возбуждение самолюбия, чтоб по причине его отступила благодать, созидающая и хранящая внутренний мир. Для сего внушает мнение, будто все, что есть и кажется нам добрым в нас, стяжано собственным нашим тщанием и трудом, и отогнав смирение и простоту, располагает придавать себе большую цену и вес и чувствовать себя чем-то важным, покрывая забвением действие благодати Божией, без коей никто не может даже имени Господа назвать, как свидетельствует святой Павел, говоря: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). Сия благодать всем верующим подается, и присутствие ее служит признаком того, что кто-нибудь есть истинно верующий. Прияв же ее, верующий не делает уже и не может делать ничего истинно доброго без ее помощи, и она всегда с ним есть по обетованию Господа, и враг ничего не может сделать с ним, пока она есть в нем и осеняет его. Ее-то отдалить и силится всячески враг, и первое, что делает для сего, есть... внушение самоценения, или чувства, что мы не ничто, а нечто, и притом немаловажное. Затем принявшему такие вну-

шения враг подлагает новое мнение, состоящее в уверенности, что он лучше других, ревностнее и богаче делами. Успевши всадить такое мнение, враг далее приводит его к осуждению других и презрению, за коими неотступно следует гордыня. Все сие может произойти в сердце в одно мгновение, всяко, однакож благодать тотчас сокращает свое действие, вследствие чего появляется невнимание к себе, ослабление ревности, возникновение помыслов, сначала пустых, а потом страстных, далее движение самых страстей, с чем неразрывна буря в сердце. — Мир внутренний потерян. Это однократное состояние, и если опомнится пострадавший сие, то приходит в себя, сокрушается, кается и молитвой восстанавливает обычный ему внутренний строй. Враг прогнан; но он не отчаивается, а снова и снова приступает с теми же внушениями и с тою же целью — расстроить внутренний мир. Ведай сие... противопоставь покушениям врага бодренное блюдение себя, по слову Господа: ***бдите и молитеся, да не внидете в напасть*** (Мф. 26, 41). Внимай себе со всем тщанием, чтобы враг не подкрался и не обокрал тебя, лишив великого сего сокровища, т. е. мира внутреннего и тишины душевной. Враг покушается расстроить душевный мир, потому что знает, что когда душа в смятении, то ему подручнее направить ее на что-либо худое, а ты блюди свой мир, ведая, что, когда душа мирна, врагу нет к ней доступа; и она тогда готова бывает на всякое добро и совершает его охотно и без труда, легко преодолевая всякие к тому препятствия. Чтоб тебе удобнее в этом успеть, старайся предугадывать подступы врага. Подступ врага — помысл самонадеянный. Положи же себе в закон — всякий помысл, умаляющий в тебе убеждение, что все доброе от Бога, что

без помощи благодати Его ты ни в чем не можешь успеть, и что тебе потому на Него единого должно возлагать все упование, всякий такой помысл почитать явно вражеским и, как таковой, с гневом отвергать и преследовать, пока исчезнет. Дело Духа Святаго в нас есть — души наши при всяком случае возводить к единению с Богом, возгревая в них сладчайшую к Нему любовь, и благую уверенность в Нем, и крепкое на Него упование; противное же сему есть дело врага.

Он все способы и средства, какие только может изобрести, употребляет на то, чтоб расстраивать душу: наводит излишние страхования на сердце, увеличивает разнемогание души, не дает душе сохранить должные расположения и усладиться как следует ни на исповеди, ни при Святом Причастии, ни в молитве, но делает то, что она все сие проходит без смиренного дерзновения и любви, страшливо и со смущением, делает, что душа оскудение религиозных чувств и лишение внутренней сладости, какие нередко случаются во время молитвы и других духовных упражнений, принимает с безнадежною скорбью, внушая ей, что такое оскудение не для блага ее Богом попущено, но что, значит, все ее дела и труды ни к чему не ведут и что потому лучше бросить все это, — и чрез это доводит ее наконец до столь великого смущения и безнадежия, что она и в самом деле думать начинает, будто все, что ни делает, бесполезно и бесплодно и что Бог забыл ее совершенно и оставил.

Но тут явная ложь. Пусть испытывает душа сухость и оскудение религиозных чувств и сладости духовной, но она, несмотря на то, может делать всякого рода добрые дела, следуя простой вере и вооружаясь святым терпением и постоянством (прп. Никодим Святогорец, 69, 274—277).

***

Демоны поражают инока, пребывающего в молитве, болезнями телесными, угнетают нищетою, недостатком внимания и помощи человеческих... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 158).

***

Как демоны признают весьма важным для себя скрыть себя от человека, так для человека очень важно понять, что они — начальные делатели греха, источник наших искушений... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 159).

***

Искушая нас извне, демоны злодействуют и внутри нас. Когда удалимся в уединение, начнем заниматься молитвою, они возбуждают в нас разнообразные греховные пожелания... делают они это с тою целью, чтобы мы, приведенные в недоумение и уныние, как не видящие никакой пользы от молитвенного подвига и уединения, оставили их (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 159).

***

Демоны, принося мнимодуховные и высокие разумения, отвлекают ими от молитвы, производят тщеславную радость, услаждение, самодовольство, как бы от открытия таинственнейшего христианского учения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 213).

***

Со времени падения человека диавол получил к нему постоянно свободный доступ... Его власти, повиновением ему, человек подчинил себя произвольно, отвергнув пови-

новение Богу. Бог искупил человека. Искупленному человеку предоставлена свобода повиноваться, или Богу, или диаволу, а чтоб эта свобода обнаружилась непринужденно, оставлен диаволу доступ к человеку (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 232).

***

Для сердца моего сколько сетей! Вижу сети грубые и сети тонкие. Которые из них назвать более опасными?.. Недоумеваю. Ловец искусен, — и кто ускользнет от сетей грубых, того он уловляет в сети тонкие. Конец ловитвы — один: погибель. Сети прикрыты всячески, с отличным искусством (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 396).

***

Миродержитель <диавол> старается содержать нас в непрестанном развлечении, омрачении, посредством наслаждений телесных! Чрез чувства, эти двери в душу, которыми она сообщается с видимым миром, он непрестанно вводит в нее чувственное наслаждение, неразлучные с ним грех и плен. Гремит в знаменитых земных концертах музыка, выражающая и возбуждающая различные страсти; эти страсти представлены на земных театрах... в земных увеселениях: человек всеми возможными средствами приводится к наслаждению убившим его злом. В упоении им он забывает спасающее его добро Божественное и Кровь Богочеловека, которою мы искуплены (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 396—397).

***

Чувство покаяния хранит молящегося человека от всех козней <сетей> диавола: бежит диавол от подвижников,

издающих из себя благоухание смирения, которое рождается в сердце кающихся (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 162—163).

***

Разнообразные воспаления крови от действия различных помыслов и мечтаний демонских составляет то пламенное оружие, которое дано при нашем падении падшему херувиму, которым он вращает внутри нас, возбраняя нам вход в таинственный Божий рай духовных помышлений и ощущений (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 214—215).

***

Чувственно пребывает сатана в человеке, когда существом своим вселится в тело его и мучит душу и тело <...> Нравственно пребывает сатана в человеке, когда человек сделается исполнителем воли диавола (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 245).

***

При усиленном вражеском нападении, когда ощутится ослабление произволения и омрачение ума, необходима гласная молитва (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 271).

***

Отвергающие существование духов непременно вместе с этим отвергают и христианство... Если нет падших духов, то вочеловечение Бога не имеет ни причины, ни цели (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 4).

***

В обыкновенном состоянии падения, в котором пребывает все человечество, мы не видим <падших> духов ни чувственно, ни духовно; мы поражены сугубою слепотою (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 6).

***

Чтоб бороться с врагом, надо непременно видеть его. Без видения духов борьба с ними не имеет места: может быть одно увлечение ими и рабское повиновение им (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 7).

***

Духи злобы с такою хитростью ведут брань против человека, что приносимые ими помыслы и мечтания душе представляются как бы рождающимися в ней самой, а не от чуждого ей злого духа, действующего и вместе старающегося укрыться (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 7).

***

Общее правило для всех человеков состоит в том, чтоб никак не вверяться духам, когда они явятся чувственным образом, не входить в беседу с ними, не обращать на них никакого внимания, признавать явление их величайшим и опаснейшим искушением (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 11).

***

Демонам... предоставлено пребывать на земле со времени их окончательного падения до кончины мира: всякий

легко может представить себе, какую опытность в творении зла стяжали они... при их способностях и при постоянной злонамеренности, нисколько не растворенной никаким благим стремлением, или увлечением (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 24).

***

Злые духи связываются в своих действиях по отношению к подвижнику Христову властью и премудростью руководящего им Бога... они не могут причинить ему того зла, какое бы желали. Наносимые ими напасти содействуют его преуспеянию (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 24—25).

***

Падшие духи так ненавидят род человеческий, что если бы им было попущено невидимо удерживающею их десницею Божиею, то они истребили бы нас мгновенно (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 46).

***

...Человек участвует в падении отверженных ангелов, и если последует злым внушениям, приносимым ими и возникающим из падшего естества, то делается подобным демону (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 50).

***

Вступая подвижничеством в мир духов для приобретения свободы, мы встречаемся, во-первых, с духами падшими. Хотя втайне руководит нас... и поборствует за нас

Божественная благодать, данная нам при Святом крещении, без которой борьба с духами и освобождение из плена их невозможны; однако сначала мы бываем окружены ими и, находясь, по причине падения, в общении с ними, должны насильственно для себя и для них исторгнуться из этого общения (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 52).

***

Обличает духов лукавых сердце; ум недостаточен для сего: ему не различить одними собственными силами образов истины от образов лжи... (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 59).

***

Слово Божие и содействующий слову Дух открывают нам, при посредстве избранных сосудов своих, что пространство между небом и землею... воздух, поднебесная, служит жилищем для падших ангелов, низвергнутых с неба (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 132).

***

Вращающееся пламенное оружие в руках воздушного князя... есть власть демонов вращать умом и сердцем человека, колебля и разжигая их различными страстями (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 160).

***

...Только содевающему все без исключения заповеди возможно устоять против врага (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 162).

***

Не имея возможности совершать плотские грехи телесно, они <падшие духи> совершают их в мечтании и ощущении; они усвоили бесплотному естеству пороки, свойственные плоти... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 81).

***

Падший ангел старается обмануть и вовлечь в погибель иноков, предлагая им не только грех в разных видах его, но и предлагая несвойственные им, возвышеннейшие добродетели (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 54).

***

Падший дух усмотрел, что искушения явные, грубые и жестокие возбуждают в человеках пламенную ревность и мужество к перенесению их... заменил грубые искушения слабыми, но утонченными и действующими очень сильно (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 137).

***

Не вступив в брань с духами и не выдержав ее как должно, подвижник не может вполне расторгнуть общения с ними, и потому не может достигнуть полной свободы от порабощения ими... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 146).

***

Диавол любит злодействовать тайно; любит быть непримеченным... будучи обличен и объявлен, кидает добычу свою, уходит (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 149—150).

***

...Бог, предоставя на произвол падшим ангелам вожделенное им пребывание во зле... не перестает пребывать их верховным, полновластным Владыкою: они... могут совершать только то, что Богом попущено будет совершить им (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 320).

***

...Князь тьмы... приставляет к человеку одного из лукавых духов, который, повсюду следуя за человеком, старается вовлечь его во всякий вид греха (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 322).

***

Ясные признаки пришествия к нам и действия на нас падшего духа суть внезапно являющиеся греховные и суетные помыслы и мечтания, греховные ощущения, тяжесть тела и усиленные скотские требования его... Пришествие к нам падшего духа всегда сопряжено с ощущением нами смущения, омрачения, недоумения (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 334).

***

С иноками, твердо противостоящими отверженным духам в брани невидимой чувственными очами, в свое время, не иначе как по попущению благодетельствующего нам Бога, вступают духи в борьбу открытую (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 335).

***

Смиренная преданность воле Божией, сознание и готовность потерпеть все страдания, какие попущены будут

Богом, совершенное невнимание и неверие ко всем словам, действиям и явлениям падших духов уничтожают все значение их попыток. Попытки их получают величайшее значение при внимании к ним и при доверии к бесам (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 335—336).

***

Демоны, имея доступ к душам нашим во время бодрствования нашего, имеют его и во время сна. И во время сна они искушают нас грехом, примешивая к нашему мечтанию свое мечтание (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 347).

***

Преуспевшим в самомнении демоны начинают являться в виде ангелов света, в виде мучеников и преподобных, даже в виде Божией Матери и Самого Христа... обещают им венцы небесные, этим возводят на высоту самомнения и гордыни (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 347).

***

Падшие духи с ожесточением противодействуют всем Евангельским заповедям, в особенности же молитве, как матери добродетелей (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 354).

***

Козни врага обращаются в пользу тщаливому[1] подвижнику: видя непрестанно близ себя убийцу... беспомощный, бессильный, нищий духом инок непрестанно вопиет с пла-

[1] *Тщаливый* — тщательный, усердный.

чем к Всесильному Богу о помощи и получает ее (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 355).

***

...Враг умеет все обставить красивою благовидностью... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 44).

***

Враг не любит покойных сердец... он ухитряет каким-то образом сердце сжимать и сладкий покой из него изгонять (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 93).

***

После хорошего дела — тщеславие, после дурного — нечаяние спасения... Это обычные приражения вражии. Против первого выставляйте на вид свои грехи и погрешности. Против второго — уверенность, что нет греха, побеждающего Божие милосердие (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 175).

***

Бывает, что и враг указывает нечто, кажущееся правым, а он хочет сбить с пути... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 203).

***

Как быть старцу, которому по ночам стужают бесы? — ...Пусть отбросит всякий страх и встречает сие без смущения и робости. Пусть ограждается крестным знамением и молитвою... пусть плюет на них, бранит и в ад посылает (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 210).

***

Навыкайте молитве Иисусовой: она одна может разгонять все полчища вражеские! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 31).

***

К душе сильной не могут они <демоны> подступить, и издали строят страшилища, и шумные воздвигают гласы... чтоб поколебать веру и затмить упование нечаянием... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 127).

***

Как прах развевает их <демонов> душа, верою и упованием вооруженная (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 127).

***

После победы над духами хулы и сомнений сатана лишается последней возможности действовать прямо на душу (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 128).

***

...Самое сильное к победе над сатаною оружие есть молитва (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 131).

****

Однажды, когда авва Маркелл встал ночью на молитву, он вдруг услыхал трубный звук и шум, как бы от воинской брани. Старец пришел в смятение и недоумевал, откуда этот трубный звук и какая брань может быть в пустыне? Вдруг предстал перед ним бес и вскричал: «Что

задумался? Подлинно здесь брань идет, но если не хочешь, чтобы мы с тобою воевали, то иди и спи, и не будем нападать. С ленивыми мы не воюем, а имеем дело лишь с постниками и с бдящими в молитвах» (112, 496—497).

***

Один Фиваидский старец рассказывал о себе, что он сын идольского жреца. В детстве он часто бывал в храме отца своего, приносящего жертвы идолам. Однажды, после того как отец вышел из храма, он тайно вошел туда и увидел там сатану. Сатана сидел на троне; многочисленное воинство предстояло ему. И вот приходит один из князей его и поклоняется ему. Сатана спросил: «Откуда ты?» Князь отвечал: «Я был в такой-то стране, возбудил там войну и большое смятение, произвел кровопролитие и пришел возвестить тебе». Сатана спросил: «Во сколько времени сделал ты зло?» Тот отвечал: «В тридцать дней!» Сатана велел бить его бичами, сказав, что только и всего сделал он в такое продолжительное время! И вот другой приходит на поклонение сатане и рассказывает, что произвел бурю, потопил корабли, умертвил множество людей, и сделал это в двадцать дней. Сатана повелел и его бить за безделье. Третий пришел на поклонение и сказал, что возбудил ссору на свадьбе, произвел кровопролитие и убил жениха, все это в десять дней. И этого били за маловажность его дел. Пришел еще один и сказал: «Сорок лет боролся я в пустыне с одним монахом и наконец победил его: этой ночью вверг его в любодеяние». Сатана встал навстречу демону, расцеловал его, сняв с себя царский венец, надел на его голову, посадив возле себя на престоле, воскликнул: «Ты совершил великое дело!» Увидев и услышав все это, сын жреца сказал себе: «Чин монаше-

ский, должно быть, имеет великое значение». Он принял христианство и вступил в монашество (106, 479—480).

***

Сказывали об одном старце: пришел он в скит с сыном, который еще питался молоком и не знал, что такое женщина. Когда сын вырос, то демоны представили ему ночью женские образы. Он открыл это отцу своему. Старец удивился. Случилось сыну быть с отцом в Египте; увидев женщин, он сказал: «Это те, кого я видел». Старец ответил: «Это иноки сельские, они отличаются от иноков пустынных». И, удивляясь, каким образом в скиту демоны могли показать сыну женские образы, старец увел его в пустыню (97, 93).

***

Брат безмолвствовал в келье своей. Демоны, приняв вид ангелов, хотели обольстить его. Они приходили к нему, будили и звали на Божественную службу. Брат пошел к старцу и рассказал об этом. Старец сказал, чтобы он не слушал их, ибо это демоны, и, когда они придут будить его, ответил: «Когда захочу, тогда встану». На следующую ночь демоны опять пришли будить его. Но он ответил, как ему заповедовал старец. Они возразили: «Этот злой старик, лицемер, сбил тебя с толку. К нему приходил брат просить денег взаймы, но он обманул, сказав, что у него нет денег. Пойми, что он лицемер». Брат встал утром, пошел к старцу и рассказал услышанное. Старец ответил: «Я не дал денег потому, что они причинили бы много вреда брату; а ты не слушай демонов, они желают обольстить тебя» (106, 500).

***

Авва Ор поведал: «Знал я такого человека, к которому явились однажды злые духи в образе небесного воинства и в одеянии ангельском. Огненные колесницы... множество оружия... Точно собрались на войну против какого-нибудь сильного властителя... И тот, кто казался царем над всеми, сказал ему: «Человек, ты исполнил уже все... тебе остается только поклониться мне, и я вознесу тебя, подобно Илии». Слыша это, инок задумался: что это значит? Ежедневно я поклоняюсь Спасителю — Царю моему; если бы это был Он, стал ли бы требовать от меня того, что, как хорошо Ему известно, я делаю беспрестанно... И тотчас ответил говорившему: «У меня есть Царь, Которому я непрестанно служу, а ты — не царь мой!» После этих слов враг никогда больше не являлся» (99, 29).

***

Праведный муж, пресвитер Апеллий, был по ремеслу кузнец и изготовлял, что нужно было для братии. Однажды в безмолвии ночи он занят был своей работой. Диавол, приняв вид красавицы, пришел к нему как бы с заказом. Апеллий схватил голой рукой из горна кусок раскаленного железа и бросил ей в лицо. Страшно и пронзительно вскрикнув, так что услышали все живущие по соседству братия, она исчезла. С тех пор он стал брать без всякого вреда голой рукой раскаленное железо (99, 74—75).

***

...В один день сатана, приняв на себя образ пресвитера, поспешно приходит к авве Иоанну и показывает вид, будто хочет преподать ему причастие. Но блаженный

Иоанн, узнав его, сказал ему: «Отец всякого обмана и всякого лукавства, всякой неправды! Ты не только непрестанно обольщаешь души христиан, но и дерзаешь ругаться над самими Святыми Таинами». Диавол отвечал ему: «Едва не удалось мне уловить тебя. Этим способом я обольстил одного из твоих братий и, лишив его рассудка, довел до сумасшествия. Многие праведники много молились за него и едва возмогли привести его в разум». Сказав сие, демон удалился... (101, 187).

***

Дважды в неделю приносили авве Иакову из-под горы воду. Демон, встретив несущего, принимал на себя вид аввы, брал воду, несших отправлял назад, а воду выливал. Сделав это три раза, он заставил авву Иакова страдать от жажды. Измучившись, авва спросил того, кто приносил воду, почему он вот уже пятнадцать дней не приносит воды. Тот ответил: «Я приносил тебе три раза, и ты же брал ее у меня воду вот на этом месте. Авва Иаков сказал, чтобы больше никогда не отдавал воду на этом месте, хоть тысячу раз увидел бы его здесь, но приносил сосуд в келью (117, 176).

***

...Демон всегда злобен, лукав и хитер. Испытав поражение от святого, он не оставляет своей злобы и не прекращает брани. Через год после поселения святого Петра на Афоне диавол изобрел новое средство к низложению сего подвижника. Демон преобразился в одного из бывших слуг святого Петра, явился в пещеру его и, с крайним бесстыдством облобызав своего господина, со слезами стал упрашивать подвижника вернуться на родину, в круг род-

ных и друзей, так долго искавших его после варварского пленения. Говорил о том, как много нуждающихся в его помощи, погибающих без истинного богопознания и от диавольской лести. Многое и другое говорил враг. Подвижник смутился, почувствовал волнение в сердце, заплакал и отвечал: «В это место привел меня не Ангел, не человек, а Сам Бог и Пресвятая Богородица, и потому, без воли Их, я не могу уйти отсюда». Лишь только демон услыхал имя Пренепорочной, сразу исчез. Святой Петр, удивляясь злоумышлению и коварству диавола, благодарил Бога от всей души и Царицу Небесную за то, что не допустили ему впасть в руки обольстителя (94, 500—502).

***

Авва Ираклий поведал: «Некий старец жил в идольском капище. Пришли к нему демоны и сказали: «Уходи отсюда». Старец отвечал: «У вас нет здесь места». Демоны стали разбрасывать его вещи, старец терпеливо собирал их. Тогда демон схватил его за руку и повлек из капища. Когда он дотащил старца до дверей, старец уперся в дверь и воскликнул: «Иисусе! Помоги мне!» Демон тотчас убежал, а старец начал плакать. Господь сказал ему: «О чем ты плачешь?» Старец отвечал: «Плачу о том, что демоны дерзают владеть человеком и так поступают с ним». Господь ответил на это: «Ты был нерадив. Когда же ты взыскал Меня — видишь, как Я скоро предстал тебе» (106, 246).

***

Однажды сатана принял вид жалкого человека, потерпевшего кораблекрушение, и, явившись на вершине одной из прибрежных скал, жалобно звал преподобного Фи-

лофея, умоляя его сойти и помочь ему. Не подозревая тайных ухищрений врага, преподобный поспешил на помощь. И едва только приблизился к нему на отвесный край скалы, сатана низринул его в пропасть, желая таким образом прекратить подвиги святого, но не успел в этом. Бог сохранил раба Своего совершенно невредимым (94, 286).

***

Авва Макарий жил в глубокой пустыне один, а поблизости была другая пустыня, где жило много братии. Однажды старец смотрел на дорогу и видит — идет сатана в образе человеческом в длинной льняной одежде, которая была вся в дырах, и в дырах висело много сосудов. Старец спросил его: «Куда идешь?» Сатана отвечал: «Иду навестить братию». «Для чего же у тебя эти сосуды?» — спросил опять старец. Он отвечал: «Несу пищу братии». Старец спросил: «И все они с пищею?» «Да, — отвечал сатана, — если одно не понравится, дам другое, что-нибудь да понравится».

Когда сатана возвращался, старец сказал ему: «Здравствуй». «Как мне здравствовать, все обошлись со мной сурово... один только монах у меня там приятель — Феопемпт», — сказав это, сатана удалился. Авва Макарий встал и пошел к братии. Нашедши келью Феопемпта, вошел к нему, и был принят с радостью. Оставшись с ним наедине, авва спросил: «Как живешь, не искушают ли тебя помыслы?» «Пока нет», — отвечал брат, стыдясь признаться. Старец сказал: «Вот сколько уже лет я подвизаюсь, и все уважают меня, а меня, старика, еще беспокоит дух блуда». Феопемпт отвечал: «Поверь, авва, и меня тоже беспокоит». Старец также говорил и о других помыс-

лах, которые как будто искушают его, и брата привел в сознание. Затем спросил: «Как ты постишься?» «До девятого часа», — отвечал брат. «Постись до вечера и подвизайся, перечитывая Евангелие и другие писания. Если придет помысл, не смотри вниз, но всегда устремляй взор свой горе́, и Господь поможет тебе». Сделав наставление брату, старец пошел к себе. Однажды опять видит он сатану и спрашивает его: «В каком состоянии братия?» «В худом», — ответил тот. «Почему?» — спросил старец. «Все они суровы, — отвечал демон, — и что всего хуже, тот мой приятель сделался суровее всех; я поклялся не ходить более туда, разве со временем». Сказав это, демон удалился, а святой пошел в свою келью (96, 140—142).

***

Авва Ириней рассказал нам, что один старец увидал ночью, как диавол раздавал братии грабли и корзины.

— Что такое? — спросил старец.

— Готовлю развлечение для братии, — отвечал диавол, — чтобы они были рассеяннее во время славословия Бога (102, 54).

***

Однажды демоны сказали святому Макарию Египетскому, что без них не обходится ни одно собрание иноков. «Поди-ка, посмотри на наши дела...» — «Да запретит тебе Господь, демон нечистый!» — воскликнул святой Макарий. И, приступив к молитве, он стал просить Господа открыть ему, есть ли сколько-нибудь правды в словах диавола. Придя на торжество всенощного бдения, просил Господа о том же. И вот видит... Рассеявшиеся по церкви эфиопы

подпрыгивали во время чтения псалмов к каждому иноку. Они как бы заигрывали с ними: кому двумя пальцами закроют глаза, и тот начинает дремать; другому вложат палец в рот, и тот зевает... Кончилось чтение, и братия поверглись для молитвы пред Богом: тут пред одним промелькнул вдруг образ женщины, пред всеми вообще — то одно, то другое... И лишь только злые духи представят что-нибудь, как актеры в театре, это и войдет в сердце молящегося и породит помышления... Но бывало и так: вот подбегают злые духи с каким-нибудь обманом — вдруг стремглав отскакивают, точно гонимые какой-то силою, и не осмеливаются более ни остановиться, ни мимо пройти около таковых. Зато к другим, более слабым братиям, они вскакивали на шею и на спину: видно, те невнимательно молились. Видя это, святой Макарий вздохнул и пролил слезы. После окончания молитв он призвал каждого брата порознь, и оказалось, что каждый думал о том, что видел старец (99, 103—104).

***

Старец Матфей Прозорливый однажды, стоя в храме, увидел беса в образе ляха, который держал цветы репейника и, обходя братию, бросал в них цветы. К кому из братии цветок прилипал, тот, расслабев умом, постояв немного, уходил из церкви, находя причину, и больше не возвращался на службу. К кому же цветок не прилипал, тот стоял твердо до конца службы (100, 11).

***

Благочестивый инок Евфимий имел от Господа дар прозорливости. Два брата имели дружбу, но не духовную, и сговорились тайно покинуть обитель. Во время Ли-

тургии Евфимий взглянул на поющих и увидел страшного, косматого мурина, который крюком пытался стащить тех братьев с клироса. Крюк срывался, но мурин опять цеплял его за одежду братьев. Мурин несколько раз то исчезал, то появлялся опять, пока совсем не исчез во время освящения Святых Даров. С трепетом смотрел на это старец и после службы рассказал об этом преподобному Пафнутию Боровскому. Тот призвал иноков, кротко обличил их, и те с раскаянием признались во всем и исправились (115, 243).

***

Соловецкий игумен Иринарх, глубоко уважая преподобного Елеазара, нередко сам посещал его для духовной беседы и приглашал через келейника к себе в монастырь. Однажды является этот келейник с лошадью, заложенною в сани. Подъехав к келье, он передал от игумена поклон и приглашение приехать в монастырь. Преподобный Елеазар начал собираться в путь и раньше обыкновенного совершил утреннее правило. Заметив, что посланный часто отлучается из кельи, святой во время молитвы спросил его: «Куда ты так часто отлучаешься?» «Смотрю за лошадью», — отвечал тот. Желая на дорогу вкусить пищи и угостить приезжего, преподобный Елеазар стал читать молитву «Отче наш», но лишь только произнес: «Но избави нас от лукавого», как мнимый келейник исчез. С ужасом подвижник взглянул в окно, но на дворе не оказалось даже и следов приезжего (113, 89—90).

***

Во время смиренного прохождения святым Иовом послушания в поварне и трапезной, не однажды являлся ему ненавистник добра — искуситель в образе знакомого ему

врача и говорил как бы с состраданием: «Возлюбленный! Следует тебе поберечь здоровье свое, чтобы, изнуривши плоть трудом и воздержанием, не ослабеть под игом, какое ты взял на себя. Бог не желает трудов или поста выше сил, а ищет сердца чистого и смиренного. Ты работаешь, как раб, не привыкши к таким трудам. Блюдись, чтобы недуги твои не умножились сверх меры и не умер ты прежде времени». «Хорошо не щадить плоти, чтобы она не восставляла брани, — отвечал святой Иов мнимому своему знакомому. — Впрочем, хотя бы плоть и изнемогала, но сила Божия в немощах совершается. Пост есть мать целомудрия, — ты внимай себе с подобными». Услышав такой ответ, враг исчез (113, 115—116).

***

Одно из орудий против диавола есть боголюбивая добродетель — смирение. Однажды эллины привели к преподобному Агафону бесноватого и просили, чтобы он исцелил его. Старец сказал бесу: «Выйди из создания Божия». Бес отвечал: «Выйду, только позволь мне спросить тебя об одном: кто праведники и кто грешники?» Преподобный сказал: «Грешник я, а кто праведник — один Бог знает». Сие услышав, бес громким голосом вскричал: «Вот, за твое смирение выхожу!» И тотчас вышел (112, 39).

***

Святой Андрей, Христа ради юродивый, будучи юношей, однажды ночью стал на молитву. Диаволу не понравилось это, и он, чтобы отвлечь от молитвы, стал неистово стучать в дверь комнаты, в которой Андрей молился. Андрей ужаснулся от этого стука, оставил молитву и, по-

крывшись козлиною шкурою, лег на одр. Сатана, видя это, сказал другому бесу: «Вот до чего мы дожили! Доселе одну скверну делал этот, а теперь вот и он вооружается против нас». И, сказавши это, исчез. Между тем Андрей, лежа на одре, заснул и во время сна имел такое видение: видит он себя на некотором месте, где по одну сторону стояли бесы, а по другую Ангелы, и казалось, что и те и другие готовились к взаимной борьбе. Бесы вывели из своей среды великого и страшного исполина и, указывая на него, предлагали кому-нибудь из Ангелов сразиться с ним. Ангелы молчали, а бесы хвалились собою. В это время сошел с неба прекрасный юноша, держа в руках три венца. Один венец был украшен золотом и драгоценными камнями, другой дорогим жемчугом, а третий сплетен из неувядаемых цветов. Все три венца были настолько прекрасны, что красоту их и описать невозможно. Взирая на венцы, Андрей стал думать, как бы ему восхитить хотя один из них, и, подойдя к юноше, сказал: «Не продашь ли ты мне эти венцы? Сам я и не могу купить их, но я могу сказать о них моему господину, он даст тебе за них золота сколько хочешь». Юноша улыбнулся на эти слова Андрея и отвечал ему: «Поверь мне, возлюбленный, что если бы ты предложил мне за эти венцы золото всего мира, и тогда я не дал бы тебе даже и одного цветка с них, потому что они не от этого суетного света, а от сокровищ небесных и суть венцы Самого Христа, и венчаются ими только те, которые этих черных, т. е. бесов, побеждают. И если хочешь приобрести их, то ступай, борись с тем исполином-диаволом, и когда его одолеешь, тогда я тебе не один, а и все три отдам». После сего Андрей узрел себя борющимся с диаволом и победившим его. И видит Андрей, что за свою победу он был принят в общение с Ангелами, а от юноши получил те венцы и совет принять на себя подвиг юрод-

ства, которым он легче может побеждать демонов. После этого видения Андрей подлинно объявил непримиримую брань диаволу, подвигами юродства победил все козни его и уже самым делом (112, 91—92).

***

Один молодой инок, немного пожив в монастыре, стал проситься у игумена на житие в пустыню. Сколько опытный старец ни уговаривал его, чтобы не спешил приводить в исполнение свое намерение, инок оставался непреклонен, и старец уступил. Ушел инок в пустыню и, найдя пещеру, поселился в ней. Начал упражняться в богомыслии, молитве, посте. Что, казалось бы, лучше такой жизни?

Но диавол не дремал. Сначала он стал смущать его злыми помыслами, а когда это не помогло совратить инока с пути праведного, начал действовать иначе. Преобразившись в ангела света, он явился неопытному подвижнику и сказал: «Знай, что ради твоей чистоты и доброго жития послал меня Господь служить тебе». «Да что же я сделал такого, чтобы служили мне Ангелы?» — воскликнул изумленный монах. Бес отвечал: «Все, что ты сделал доселе, велико и высоко пред Богом. Ты оставил мир и сделался монахом; ты постоянно утруждаешь себя молитвами и постом; ты даже в пустыню ушел. Как же Ангелам не служить тебе?» Задели за живое монаха эти слова бесовские, и стал он думать: «А что, ведь и в самом деле, должно быть, я велик и высок пред Богом!»

Диавол же между тем продолжал свое дело и все являлся ему, а чтобы скорее погубить его, к прежним козням присоединил новую. Некоторый человек, будучи окраден ворами, задумал спросить о своей покраже упомянутого инока. В это время диавол, явившись последнему, сказал: «Человеку, который придет к тебе, укажи, что украденное

у него лежит в таком-то месте». Украденный действительно пришел, и монах, через указание, покражу возвратил ему. За эту услугу человек тот прославил его по всей стране той, как пророка, и стало стекаться к монаху множество народа, и всем он предсказывал, и слава его повсюду распространялась.

Наконец, диавол окончательно задумал погубить его. Явившись ему снова, он сказал: «Знай, отче, что ради ангелоподобного и непорочного твоего жития скоро явятся к тебе другие ангелы и с телом возьмут тебя на небеса, и там будешь вечно царствовать со всеми святыми». Услыхав это, инок смутился и, через приносившего пищу брата, попросил к себе зайти игумена. Сей не замедлил прийти. «Ах! — увидавши его, воскликнул прельщенный, — чем я заплачу тебе, отче, за все, что ты сделал для меня?» «Да что ж я сделал для тебя?» — спросил игумен. «Да как же, — отвечал монах, — через тебя я сподобился принять ангельский образ, ради тебя получил пророческий дар; ради тебя вижу ангелов и завтра через них имею быть вознесенным на небеса!»

Из себя вышел старец, выслушав бредни прельщенного, и, строго укорив его, в заключение сказал: «Не выйду же от тебя дотоле, пока сам своими глазами не увижу того, что готовится тебе». И, затворившись, остался с иноком в вертепе. Наступил час исполнения диавольского обещания, и инок, увидавши бесов, воскликнул: «Вот, отче, пришли!» Тогда игумен, охвативши его рукою, сказал: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помоги сему прельстившемуся рабу и не предай его нечистым бесам в обладание». Бесы окружили прельщенного и старались вырвать его из рук старца; но тот запретил им, и они, не имея возможности взять инока, который был почти совсем уже в их руках, схватили его мантию и скрылись.

Когда, через некоторое время, похищенная мантия слетела сверху и пала на землю, старец сказал иноку: «Видишь ли, безумный, что сделали бесы с твоей мантией? Ведь точно так же они хотели поступить и с тобой, и ты бы здесь предал им окаянную свою душу».

Затем он снова взял его в монастырь, заставил служить на пекарне и поварне и участвовать в прочих службах монастырских, и этим, смирив его помыслы, спас его (112, 363—365).

***

Авва Павел, настоятель монастыря аввы Феогния, рассказывал нам об одном старце-подвижнике. Однажды сидел он в своей келье и занимался рукоделием: плел корзины и пел псалмы, как вдруг чрез окно вошел в келью как бы отрок-сарацин, одетый в мазарий, и, став перед ним, начал плясать.

«Старик, хорошо ли я пляшу?» — спросил он.

Старец ничего не отвечал.

«Как тебе нравится моя пляска, старик?» — снова спросил он. В ответ — полное молчание.

«Что ж, по-твоему, негодный старик, ты, что ли, великое дело делаешь? Так я тебе скажу, что ты соврал в шестьдесят пятом, шестьдесят шестом и в шестьдесят седьмом псалмах».

Тогда старец встал и повергся перед Богом, и бес тотчас исчез» (102, 147—148).

***

В Фиваиде есть город Ликос. От города на расстоянии шести миль — гора, на которой обитают иноки: одни — в пещерах, другие — в кельях. Придя туда, мы явились к

авве Исааку, родом из Фив. Вот что рассказал нам старец: «С того времени, когда это произошло, прошло пятьдесят два года. Однажды я занимался своим рукоделием, плел большую сетку от комаров. Сделав ошибку, я очень горевал, что не мог найти ее. Целый день я раздумывал и не знал, что делать, как вдруг через окно входит юноша и говорит: «Ты ошибся. Дай-ка мне, я исправлю». «Ступай вон! — говорю ему. — Прочь от меня...» — «Но ведь ты введешь себя в изъян, если плохо сработаешь». — «Это — мое дело...» — «Но мне жаль тебя, что потеряешь даром свой труд». — «На зло принесло тебя сюда...» — «Да ведь ты сам заставил меня прийти сюда, да ты — мой...» — «Почему это?» — «Да потому, что ты три воскресенья причащаешься, тая злобу на своего соседа». — «Лжешь ты...» — «Нет, не лгу. Ты злишься на него из-за чечевицы. Не правда ли? А я — дух злопамятства, и ты отселе — мой».

Услыхав это, я вышел из кельи, поспешил к брату, поклонился ему в ноги, и мы примирились. Возвратившись в келью, я нашел, что бес сжег сеть и циновку, на которой я молился, злобствуя на наше примирение» (102, 148—149).

***

Авва Антоний, основатель и настоятель лавры Илиотской, поведал нам об авве Феодосии молчальнике то, что слышал от него самого. «Прежде чем удалиться в пустыню, — рассказывал авва Феодосий, — в состоянии духовного восторга я видел юношу, лицо которого сияло светлее солнца. Взяв меня за руку, он сказал: «Пойдем, тебе предстоит состязание» — и привел меня в театр, обширности которого я не могу описать. Весь театр был наполнен

зрителями. Одна часть их была в белых одеждах, другие были в черных, как эфиопы. Юноша привел меня на середину театра. Здесь я увидел эфиопа необыкновенного роста: голова касалась облаков. Он был безобразен и имел вызывающий вид. Явившийся мне юноша говорит: «Вот с ним тебе предстоит борьба». При виде исполина я пришел в ужас и задрожал... «Кто же из людей, с одними человеческими силами, может бороться с ним?!» — воскликнул я, обращая умоляюще взоры на приведшего меня юношу. «А ты все-таки бодро выходи против него: я буду при состязании... Сам буду судьей и вручу тебе победный венец».

Мой противник также выступил на середину, и мы начали борьбу. Быстро явился дивный Судья и вручил мне венец. И вот все множество эфиопов с воплем вдруг исчезли. Другая часть людей, облеченных в белые одежды, воссылала хвалу Тому, Кто помог и доставил мне славную победу» (102, 61—62).

***

Святой мученик Трифон в юном возрасте врачевал болезни и изгонял бесов. Римский император Гортан, дочь которого святой освободил от беса, пожелал увидеть изгнанного своими собственными очами. Мученик Трифон вызвал беса, и все увидели его в образе черного пса с огненными глазами.

Святой спросил беса: «Кто тебя послал в отроковицу?» Бес отвечал: «Отец, начальник всякой злобы, сидящий во аде». Мученик Трифон стал расспрашивать: «А кто тебе дал власть такую?» Тот ответил: «Мы не имеем власти над теми, которые знают Бога и веруют в Единородного Сына Божия. Только по попущению Божиему наносим им лег-

кие искушения. А над теми имеем полную власть, которые не веруют в Бога, ходят в похотях своих и угодное нам творят. Угодные же нам дела суть: идолопоклонство, хула, прелюбодеяние, зависть, убийство, гордость и прочее. Эти люди опутываются грехами, как сетями; они — друзья наши, и одна их с нами участь ждет» (111, 247).

***

Однажды преподобный Нифонт видел, что диавол подошел к человеку, который работал в поле, пошептал что-то на ухо, чего рабочий совсем не заметил, и отошел прочь; потом подошел к другому, невдалеке работающему человеку и этому что-то сказал на ухо; оба эти работника, оставив свои дела, сошлись вместе и разговорились; прежде говорили спокойно и ласково, потом забранились и, наконец, жестоко поссорились (111, 248).

***

Святитель Никита, епископ Новгородский, был родом киевлянин и с юных лет поступил в Печерскую обитель. Стремясь к высшим подвигам, он вскоре решил сделаться затворником, несмотря на все внушения настоятеля о преждевременности такого многотрудного дела для молодого инока, и подвергся в затворе горькому искушению. По внушению от диавола, явившегося ему в образе ангела светла, Никита совершенно перестал молиться Богу, весь предался чтению книг ветхозаветных, начал принимать к себе приходящих, давать им советы, изрекать предсказания и через то приобрел себе суетную славу. Никто не был в состоянии состязаться с ним в знании книг Ветхого Завета, а Евангелия и прочих книг новозаветных он не только не читал, но никогда не хотел ни видеть, ни слышать.

Совокупные молитвы отцов Печерских, между которыми находились игумен Никон, Матфей прозорливец, Исаакий святой, Григорий чудотворец, Пимен постник и летописец Нестор, освободили несчастного инока от обаяний искусителя — и Никита, покинув затвор и внезапно лишившись всех знаний, которыми тщеславился, начал снова учиться в обители и грамоте, и иноческой жизни. На этот раз он пошел путем истинного смирения, воздержания и послушания, и мало-помалу достиг того, что превзошел всех своею добродетелью. За высокую добродетель подвижник возведен был в сан епископа Новгородского и в течение одиннадцати лет не переставал служить образцом благочестия для своей паствы. Господь удостоил Своего угодника еще при жизни дара чудотворений. Двукратно он спасал Новгород от бедствий: однажды своею молитвою во время продолжительной засухи свел дождь с небес; в другой раз молитвою же остановил страшный пожар, истреблявший город... (111, 248—249).

***

«Вот что со мною было однажды, — говорит святой преподобный Феодосий Печерский. — Я стоял в келье на молитве и пел обычные псалмы. Вдруг передо мною стал черный пес, так что не мог я поклониться. Так как он долго стоял передо мною и рычал на меня, то я хотел ударить его, но он стал невидим. Тогда объял меня страх и трепет, и потому я хотел бежать с того места. Но Господь помог мне; опомнившись от ужаса, я начал прилежно молиться Богу, делать частые земные поклоны и преклонять колена. Тогда страх оставил меня, и с того времени я уже не боялся того, что являлось перед моими глазами» (111, 250).

***

Однажды преподобному Пахомию Великому в образе Самого Христа явился диавол и сказал: «Радуйся, старец, столько мне угодивший. Я — Христос и пришел к тебе как к другу своему». Изумился преподобный Пахомий и начал рассуждать: «Христово пришествие к человеку сопровождается радостию; сердце не чувствует никакого страха, все помышления тотчас исчезают; ум делается очами серафимскими и весь вперяется в зрение славы Господней; душа забывает и время; человек делается тогда бесплотным, а я теперь смущаюсь и боюсь... Нет, это, конечно, не Христос!» Потом, оградивши себя крестным знамением, с дерзновением сказал: «Отойди от меня, дух злобы! Будь проклято лукавство всех твоих начинаний». Мгновенно призрак исчез, а храмина исполнилась смрада (111, 250).

***

К преподобному Симеону Столпнику явился однажды диавол на великолепной колеснице во образе светлого ангела и сказал: «Слышишь, Симеоне! Бог послал меня к тебе с колесницею и конями, чтобы взять тебя на небо, как Илию, ибо ты достоин сего». Симеон уже хотел правой ногой ступить на эту мнимую колесницу, но прежде сотворил крестное знамение — и диавол в мгновение ока исчез с колесницею (111, 250).

ИСТОЧНИКИ

1. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1902.

2. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1902.

3. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1903.

4. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1903.

5. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1900.

6. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1900.

7. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1900.

8. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1901.

9. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 5. ТСЛ, 1901.

10. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

11. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1902.

12. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 1. М., 1843.

13. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 2. М., 1844.

14. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 3. М., 1844.

15. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 4. М., 1844.

16. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 5. М., 1847.

17. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 6. М., 1848.

18. Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. М., 1861.

19. Творения святого Григория Нисского. Ч. 2. М., 1861.

20. Творения святого Григория Нисского. Ч. 3. М., 1862.

21. Творения святого Григория Нисского. Ч. 4. М., 1862.

22. Творения святого Григория Нисского. Ч. 5. М., 1863.

23. Творения святого Григория Нисского. Ч. 6. М., 1864.

24. Творения святого Григория Нисского. Ч. 7. М., 1865.

25. Творения святого Григория Нисского. Ч. 8. М., 1871.

26. Святитель Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский. Беседы. Т. 1. М., 1994.

27. Святитель Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский. Беседы. Т. 2. М., 1994.

28. Святитель Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский. Беседы. Т. 3. М., 1994.

29. Преподобного отца нашего Аввы Дорофея, душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. 10-е изд. Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1913.

30. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 1. М., 1881.

31. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 2. М., 1881.

32. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1912.

33. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1900.

34. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 5. М., 1887.

35. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

36. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1913.

37. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 8. ТСЛ, 1914.

38. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 1. Аскетические опыты. 2-е изд. СПб., 1905.

39. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 2. Аскетические опыты. 2-е изд. СПб., 1886.

40. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 3. Аскетические опыты. 3-е изд. СПб., 1905.

41. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 4. Аскетическая проповедь. Письма к мирянам. 3-е изд. СПб., 1905.

42. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 5. Приношение современному монашеству. 3-е изд. СПб., 1905.

43. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина. Точное изложение православной веры. СПб., 1894.

44. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. 2-е изд. Т. 1: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

45. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 2: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1896.

46. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 3: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1897.

47. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 4: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

48. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 5: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1899.

49. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 6: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1900.

50. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 7: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1901.

51. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 8: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1902.

52. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 9: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1903.

53. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 10: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1904.

54. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 11: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1905.

55. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 12: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1906.

56. Писания преподобного отца нашего Иоанна Кассиана Римлянина. 2-е изд./ Пер. с лат. еп. Петра. М., 1892.

57. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. 7-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1908.

58. Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирина, подвижника и отшельника, бывшего епископом града Ниневии. Слова подвижнические. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893.

59. Преподобного и богоносного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского, Духовно-нравственные слова. 2-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1911.

60. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 1. М., 1859.

61. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 2. М., 1860.

62. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 3. М., 1860.

63. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского. 2-е изд. Ч. 1. Письма. Киев, 1891.

64. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского. 2-е изд. Ч. 2. Трактаты. Киев, 1891.

65. Творения святых отцев в русском переводе, издаваемые в Московской Духовной Академии/Творения святителя Кирилла Александрийского. Т. 49, Ч. 2. ТСЛ, 1882.

66. Преподобного отца нашего Макария Египетского, духовные беседы, послания и Слова. 4-е изд. ТСЛ, 1904.

67. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. 1. Нравоучительные сочинения. ТСЛ, 1910.

68. Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника, нравственно-подвижнические слова. 2-е изд. Сергиев Посад, 1911.

69. Невидимая брань, блаженной памяти старца Никодима Святогорца: В 2 ч. 2-е изд./Пер. с греч. еп. Феофана. М., 1892.

70. Творения преподобного отца нашего Нила подвижника Синайского. Ч. 1. М., 1858.

71. Творения преподобного отца нашего Нила подвижника Синайского. Ч. 2. М., 1858.

72. Творения преподобного отца нашего Нила подвижника Синайского. Ч. 3. М., 1859.

73. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 1. М., 1874.

74. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 2. М., 1874.

75. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. Вып. 1. 2-е изд. М., 1892.

76. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. Вып. 2. 2-е изд. М., 1890.

77. Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова. Сергиев Посад, 1917.

78. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 1. М., 1898.

79. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 2. М., 1898.

80. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3. М., 1898.

81. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 4. М., 1899.

82. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 5. М., 1899.

83. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 6. М., 1900.

84. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900.

85. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 8. М., 1901.

86. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Письма епископа Феофана. 5-е изд. М., 1904.

87. Внутренняя жизнь. Слова епископа Феофана. Изд. Афонского Русского Пантелеимонова м-ря. М., 1893.

88. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 1. М., 1883; 3-е изд. М., 1895.

89. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 2. М., 1884.

90. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 3. М., 1888; 3-е изд. М., 1900.

91. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 4. М., 1889.

92. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 5. М., 1890; 3-е изд. М., 1900.

93. Писание мужей апостольских. Ерм. Пастырь/Пер. прот. Петра Преображенского. 2-е изд. СПб., 1895.

94. Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на Святой Афонской горе просиявших. 7-е изд. Ч. 1, 2. М., 1897.

95. Глинский патерик/Прил. к диссертации свящ. Александра Чеснокова «Глинская пустынь». (Машинопись. Ин. № 200276). Загорск. 1990.

96. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. М., 1845.

97. Древний патерик. М., 1874. (Он же Скитский патерик).

98. Древний патерик: Избранные сказания. М., 1914.

99. Жизнь пустынных отцев/Творение пресв. Руфина. ТСЛ, 1898.

100. Киево-Печерский патерик/Сост. М. Викторова. Киев, 1893.

101. Лавсаик/Сост. Палладий, еп. Еленопольский. СПб., 1850.

102. Луг духовный/ Творение блаж. Иоанна Мосха. Сергиев Посад: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915.

103. Митерикон: Собрание наставлений аввы Исаии всечестной инокине Феодоре. 2-е изд./Пер. еп. Феофана. М., 1898.

104. Московский патерик/Сост. Е. Поселянин; Изд. Московского дворянства, М., 1912.

105. Оптинский патерик. (Машинопись. Б-ка Московской Духовной Академии. Инв. № 123611, С. 493).

106. Отечник/Еп. Игнатий(Брянчанинов). 4-е изд. СПб., 1903.

107. Отечник проповедника/Сост. игумен Марк (Лозинский). ТСЛ, 1996.

108. Палестинский патерик/И. Помяловский. Вып. 5. СПб., 1895.

109. Патерик Волыно-Почаевский/Сост. прот. А. Хойнацкий. М., 1883.

110. Практическая симфония/Сост. Г. Дьяченко. М., 1912.

111. Духовный мир/Сост. Г. Дьяченко. М., 1900.

112. Пролог в поучениях/ Прот. В. Гурьев. М., 1912.

113. Соловецкий патерик. М., 1895.

114. Троицкие цветки с луга духовного/Сост. арх. Кронид (Любимов). ТСЛ, 1997.

115. Троицкий патерик. Репринт. ТСЛ, 1896.

116. Цветник духовный: В 2 ч. 5-е изд. М., 1903.

117. История боголюбцев или повествование о святых подвижниках/Блаж. Феодорит, еп. Кирский. СПб., 1853.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гадание 5
Гнев 9
Гнев Божий 63
Гомилетика 69
Гонения 110
Гордость 118
Гостеприимство 160
Грех 171
Дары Божии 310
Девство 322
Дела 355
Демоны 363
Источники 564

ББК 86.372-574
С-59

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том III

Издание Московской Духовной Академии
и Введенской Оптиной Пустыни, 2004

249700, Калужская обл., г. Козельск,
Введенская Оптина Пустынь.
Издательский отдел, тел.: (095) 421-71-41

Зак. 139. Тираж 5000 экз. ГМП «Первая Образцовая типография»,
115054, Москва, Валовая, 28

ISBN 5-86594-067-8

© Введенская Оптина Пустынь, 2004

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том V

Забвение — Любостяжание

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
И ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
2004

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

З

ЗАБВЕНИЕ

Ничто столько не бывает причиною забвения, как праздность (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 179).

***

...Оно <забвение> сильнее всех помыслов, и есть родительница всего худого, и разорительница того, что каждый час созидает в себе человек (прп. авва Исаия, 89, 319).

***

...Нерадение о ней <молитве>, хотя малое, есть матерь забвения (прп. авва Исаия, 89, 351).

***

Будь особенно внимателен к себе, чтоб не овладело тобою забвение (прп. Ефрем Сирин, 30, 183).

***

Проклятия достойное забвение, как вода огню, противится вниманию, и сильным супостатом ему бывает каж-

дочасно. От забвения приходим в нерадение, от нерадения переходим к пренебрежению (порядков духовной жизни) и унынию, — и к безместным похотениям; и таким образом опять *возвращаемся* вспять, как *пес на свою блевотину* (ср.: 2 Пет. 2, 22) (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 173).

***

Забвение обыкновенно погашает хранение ума, как вода погашает огонь. Но непрестанная молитва Иисусова с неослабным трезвением вконец испаряет его из сердца (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 188).

***

Забвение само по себе не имеет никакой силы, но укрепляется по мере нашего нерадения (прп. Марк Подвижник, 69, 13).

***

Когда силою действенной благодати образуется в душе и тщательно будет храним в ней (тройственный) союз истинного ведения, памятования словес Божиих и доброй ревности, тогда самый след забвения, неведения и равнодушия исчезнет из души... В душе же начнет царствовать, наконец, благодать, во Христе Иисусе, Господе нашем... (прп. Марк Подвижник, 89, 503).

***

Если к человеку, находящемуся уже при смерти, приблизится огонь, он тотчас чувствует боль; и чем бы человек ни был занят, если упадет на него горячий уголь, он нимало не может уже оставаться в своем увлечении.

Брат! Огонь никогда не угасает, иначе он и не был бы огнем. Если ты хочешь избавиться от забвения и пленения, то не иначе можешь того достигнуть, как стяжавши в себе духовный огнь, ибо только от его теплоты исчезают забвение и пленение. Приобретается же огнь сей стремлением к Богу (авва Варсануфий, 29, 234—235).

ЗАБОТЫ

...Имеющие многие заботы согрешают во многом, потому что развлечены своими делами и не служат Богу (св. Ерм, 94, 204).

***

...Житейские заботы не допускают (человека) заботиться о душе своей и познать, в каком он находится устроении, как то знает... внимающий себе... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 54).

***

Попечение о житейском и смущение вредит обыкновенно и совершенным, и бесстрастным (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 159—160).

***

...Душа не в состоянии преодолеть сопротивных мятежных духов, если не будет обнажена всех забот и попечений мира сего (прп. авва Исаия, 59, 158).

***

Горе нам, что, предавшись суетным заботам и тщеславию, мы забыли страх Божий (прп. авва Исаия, 59, 194).

***

Если <Бог> сотворивый все словом не имел где главу подклонить, то для чего ты, жалкий человек, заботишься о суетном? (прп. авва Исаия, 59, 217).

***

...Не должно служить телу, кроме крайней необходимости, а душе надобно доставлять все лучшее, любомудрием, как от темницы, освобождая ее от общения с телесными страстями, а вместе и тело соделывая неодолимым для страстей (свт. Василий Великий, 8, 307—308).

***

...Забота и попечение о вещественном производят великое развлечение в душе (свт. Василий Великий, 9, 65).

***

...Заботиться ради самого себя есть улика в самолюбии; а заботиться и работать ради заповеди — похвальный признак христолюбивого и братолюбивого расположения (свт. Василий Великий, 9, 295).

***

...Люди, сильно предавшиеся житейским попечениям, подобно откормленным птицам, понапрасну имея у себя крылья, влачатся по земле вместе со скотами (свт. Василий Великий, 11, 254).

***

...Пренебрежем всем житейским, отвлекающим ум от Бога; ибо за крепостью и красотою следуют старость и

немощь, славу и богатство рассевают смерть и тление, а правда пребывает вовек (прп. Ефрем Сирин, 31, 154—155).

***

Будь всегда свободен от всех земных хлопот, чтобы избавиться тебе от сетей, от помыслов и дел лукавых; не расслабевай и на одно мгновение, занимаясь лукавым помыслом, чтобы не остался он надолго в душе твоей... (прп. Ефрем Сирин, 32, 373).

***

Кто заботился запасаться на многие годы, тот пусть довольствуется, что потребно на один день (прп. Ефрем Сирин, 33, 490).

***

Ум озабоченный — это моль, которая точит кости; тело цветет, когда избегает забот (свт. Григорий Богослов, 15, 368).

***

Да не похищают у тебя Бога ненавистные заботы, которые и высокошественного низлагали мгновенно на землю. Ум твой да стремится к цели, не носясь туда и сюда, подобно искателю побед, неукротимому коню, и не убегая вдаль от великой славы Христовой. Если же увлек тебя злой велиар, и ум твой блуждает, то как можно скорее перемени направление и иди к цели прямым путем (свт. Григорий Богослов, 16, 90).

***

...Занятия заботливостью о телесном и земном не дают душе досуга на попечение о важнейшем и небесном (свт. Григорий Нисский, 18, 382).

***

...Иметь попечение о видимом свойственно не предоставляющим для себя никакой надежды в будущем веке, ни страха суда, ни угрозы геенной, ни ожидания благ, ни чего-либо уповаемого по воскресении, — <сие> свойственно людям, которые, наподобие скотов, видят только настоящую жизнь, признают за благо одно то, что могут дать в удовлетворение гортани, чрева и прочих сладострастных требований тела (свт. Григорий Нисский, 18, 399).

***

Пределом заботливости твоей о жизни пусть будет удовлетворение нужды тем, что у тебя есть (свт. Григорий Нисский, 18, 444).

***

Что может быть безопаснее и выше, как иметь одну лишь заботу — о том, *како угождати Богови*? (1 Фес. 4, 1) (свт. Иоанн Златоуст, 44, 42).

***

Перестанем же теперь заботиться о земном; время уже призывает нас к небу... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 362).

***

Насколько Бог выше мира, настолько забота о Нем лучше мирской (свт. Иоанн Златоуст, 44, 363).

***

...Непрестанные заботы притупляют остроту ума и способного возноситься подобно птице делают тяжелее свинца... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 475—476).

***

От того многое и в общественных и частных делах идет у нас не по нашему желанию, что мы не о духовном наперед заботимся, а потом о житейском, но извратили порядок (свт. Иоанн Златоуст, 46, 170).

***

...Ничто так не угнетает и не возмущает душевного ока, как толпа житейских забот и рост пожеланий (свт. Иоанн Златоуст, 50, 27).

***

Никогда нельзя видеть море без волн, так и (заботящуюся) душу без смущения; за первыми <заботами> следуют другие, их в свою очередь сменяют третьи — и не успевают еще утихнуть последние, как воздымаются новые (свт. Иоанн Златоуст, 50, 419).

***

Человек, слишком занятый делами настоящей жизни, не может надлежащим образом усвоить предметов не-

бесных; но по необходимости, заботясь о тех, лишается этих (свт. Иоанн Златоуст, 51, 61).

***

...Заботами о внешнем, как тяжкими узами, душа отовсюду связывается, так что мы не можем ни поднять руки, ни устремиться на врага, и делаемся слабыми и изнеженными (свт. Иоанн Златоуст, 52, 76—77).

***

...Если мы сами заботимся об <имуществе>, Бог удаляется от промышления о нем, а если все возложим на Его попечение, Он устроит во всякой безопасности и наше имение, и детей (свт. Иоанн Златоуст, 52, 564).

***

...Чем душа выше тела, тем тяжелее раны, которые мы наносим себе каждый день своими заботами, соединенными со страхом и трепетом (свт. Иоанн Златоуст, 55, 171).

***

...Мы, связав себя бесчисленными заботами, нагрузив на себя бесчисленные житейские тяжести, задыхаясь и изнывая, каким образом надеемся пройти тесный путь? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 850).

***

...Оставим большую заботу о житейском, облегчим душу от земного бремени, обратимся мыслями к будущему,

сохраним под драгоценным покровом добродетели достоинство Царского Образа; поставленные господствовать над житейскими вещами, не обратим Царской власти в рабство... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 994).

***

...Или перестань вести жизнь любомятежную, или знай, что и здесь подлежишь Божиим казням, и там не избавишься от наказания (прп. Исидор Пелусиот, 60, 111).

***

Заботься о том, что бессмертно, о том же, чего вскоре не будет, не прилагай попечения. Здешнее, добро ли оно или худо, имеет конец, и притом скорый, а тамошнее и предела не знает и конец ему неизвестен (прп. Исидор Пелусиот, 62, 205).

***

Кто занят житейским, тот не представит себе ничего небесного, ничего ангельского (прп. Исидор Пелусиот, 62, 445).

***

Заботящийся же о том, что впереди, показывает тем, что не верит Божией милости, как будто она не всегда источает людям неистощимые дары (прп. Нил Синайский, 72, 79).

***

...Сокрушать себя заботами <свойственно> душе нечестивой... (прп. Нил Синайский, 72, 86).

***

...Кто не имеет забот, тот неуловим диаволом, а заботящийся... с трудом исторгается из сатанинских рук (прп. Нил Синайский, 73, 36).

***

Постараемся надеждою и молитвою отдалять от себя всякое мирское попечение, если же не можем исполнить этого в совершенстве, то будем приносить Богу исповедание в недостатках наших, прилежание же о молитве никак не оставим, ибо лучше подвергнуться укорению за частое упущение, нежели за совершенное оставление (прп. Марк Подвижник, 89, 525—526).

***

Душа, не освободившись от мирских забот, ни Бога не возлюбит искренно, ни диаволом не возмерзит, как достойно. Попечение о животе сем лежит на ней как тяжелое покрывало, и ум ее не может установить в себе своего о сем судилища, чтоб у себя самого ощутительно слышать безошибочные приговоры суда (совести). Почему всячески потребно удаление от мира (блж. Диадох, 91, 16—17).

***

В какой мере... оставляет ум попечение о сем видимом, и озабочивается упованием будущего... в такой же утончается он и просветляется в молитве (прп. Исаак Сирин, 58, 170).

***

Попечение о делах житейских приводит в смятение душу, смущение ими смущает и лишает тишины ум (прп. Исаак Сирин, 58, 305).

***

Без освобождения от забот не ищи света в душе своей, ни тишины и безмолвия при расслаблении чувств своих (прп. Исаак Сирин, 58, 350).

***

Кто желает представить Богу чистый ум, а смущает себя попечениями, тот подобен крепко сковавшему свои ноги и покушающемуся скоро идти (прп. Иоанн Лествичник, 57, 226).

***

Если б мы имели попечение о небесном, то не заботились бы столь много о земном. Если бы мы помышляли о нетленном, то не были бы столько привязаны к тленному. Если бы мы возжелали вечного, то не любили бы так привременного (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 233).

***

У кого помысл занят попечением о житейских вещах, тот несвободен, ибо попечение о них держит его в своих руках и делает рабом своим, для себя ли он заботится о них, или для других. Свободный же от сего ни для себя, ни для других не печется о житейском, будь он епископ, или диакон, или игумен. Но и праздным он никогда не бывает и ни о чем, даже самом последнем и ничтожном, никакого небрежения не оказывает, а богоугодно все делая и устрояя, о всем беспечален пребывает, — и это на всю жизнь (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 523).

***

Затмевают ее <благодать> — буря житейских забот и от них рождающийся мрак страстей, кои, наподобие вих-

ря или дикого потока нападая на нас и душу потопляя, не дают ей ни отдохнуть, ни воззреть на то, что истинно добро... (патр. Каллист и ин. Игнатий, 93, 309).

***

Господь воспретил суетные попечения, чтобы они не рассеивали нас и не ослабляли существенно нужного попечения о стяжании Небесного Царствия. Суетное попечение есть не что иное, как недуг души, выражение ее неверия (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 514).

ЗАВИСТЬ

<Зависть> — это корень всех зол, источник опустошений, рассадник грехов, причина преступлений (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 315).

***

Если борет тебя зависть, то вспоминай, что все мы члены Христовы и что как честь, так и бесчестие ближнего нам с ним общи, и успокоишься (прп. авва Исаия, 59, 97).

***

Горе завистникам, ибо они соделывают себя чуждыми благости Божией (прп. авва Исаия, 59, 195).

***

...Желающему прославиться между людьми невозможно быть без зависти; а кто имеет зависть, тот не может стяжать смиренномудрия (прп. авва Исаия, 59, 216).

***

Зависть есть скорбь о благополучии ближнего (свт. Василий Великий, 8, 155).

***

Другой страсти, более пагубной, чем зависть, и не зарождается в душах человеческих (свт. Василий Великий, 8, 155).

***

Как ржавчина изъедает железо, так зависть — душу, в которой живет она (свт. Василий Великий, 8, 155).

***

...Как... <ехидны> рождаются, прогрызая носившую их утробу, так и зависть обыкновенно пожирает душу, в которой зарождается (свт. Василий Великий, 8, 155).

***

Будем... остерегаться зависти, чтобы не стать нам сообщниками в делах сопротивника, и впоследствии не подвергнуться одному с ним осуждению (свт. Василий Великий, 8, 155).

***

<Зависть> менее вредит посторонним, но первое и ближайшее зло для того, кто имеет ее (свт. Василий Великий, 8, 155).

***

...У завистливого никогда нет недостатка в печалях и огорчениях (свт. Василий Великий, 8, 155).

***

<Зависть> — это порча жизни, поругание природы, вражда против того, что дано нам от Бога, противление Богу (свт. Василий Великий, 8, 157).

***

Зависть есть самый непреодолимый род вражды (свт. Василий Великий, 8, 158).

***

Других недоброжелателей делают более кроткими благотворения. Завистливого же и злонравного еще более раздражает сделанное ему добро (свт. Василий Великий, 8, 158—159).

***

<Завистью> — этим одним оружием, от сложения мира и до скончания века, всех уязвляет и низлагает истребитель жизни нашей — диавол... (свт. Василий Великий, 8, 160).

***

...Диавол... радуется нашей погибели, сам пал от зависти и нас низлагает с собою тою же страстью (свт. Василий Великий, 8, 160).

***

Завистливых можно узнать несколько и по самому лицу. Глаза у них сухи и тусклы, щеки впалы, брови навислы, душа возмущена страстью, <и> не имеет верного суждения о предметах (свт. Василий Великий, 8, 161).

***

Страждущих завистью почитают еще более вредоносными, нежели ядовитых зверей (свт. Василий Великий, 8, 161).

***

...Неужели не придешь в ужас, делая себя служителем губительного демона, и допустишь в себя зло <зависть>, от которого сделаешься врагом людей... и Бога (свт. Василий Великий, 8, 161).

***

...<От> завистливого взгляда начинают чахнуть тела крепкого сложения, по юности возраста цветущие всею красотою. Вся полнота их вдруг исчезает, как будто из завистливых глаз льется какой-то губительный, вредоносный и истребительный поток. Я отвергаю такое поверие, потому что оно простонародно и старыми женщинами занесено в женские терема; но утверждаю, что ненавистники добра — демоны, когда находят в людях демонам свойственные произволения, употребляют все меры воспользоваться ими для собственного своего намерения; почему и глаза завистливых употребляют на служение собственной своей воле (свт. Василий Великий, 8, 161).

***

...Из зависти, как из источника, проистекают для нас смерть, лишение благ, отчуждение от Бога, смешение уставов, низвращение всех в совокупности житейских благ... (свт. Василий Великий, 8, 165).

***

Независтливый не домогается чести, с радующимися радуется, не приписывает себе славных дел, успевающим помогает, с удовольствием смотрит на тех, которые идут добрым путем, хвалит тех, которые живут как должно. Если видит, что брат хорошо делает свое дело, не препятствует ему, но поощряет его своими советами... Если видит брата в проступке, не чернит его, но дает ему надлежащий совет (прп. Ефрем Сирин, 30, 24).

***

В ком зависть и соперничество, тот всем противник, ибо не хочет, чтоб предпочтен был другой. Заслуживающих одобрения он унижает; кто идет добрым путем, тем полагает на пути соблазны: кто живет как должно, тех порицает, благоговейным гнушается, постящегося называет тщеславным, рачительного в псалмопении — любящим себя показать, скорого на услуги — жадным, расторопного в делах — славолюбивым, прилежно занимающегося книгами — празднолюбцем... Горе завистливому, потому что сердце его всегда изнемогает от печали, тело снедается бледностию, и силы его истощаются (прп. Ефрем Сирин, 30, 25).

***

<Завистливый>, если видит <человека> когда подвергшимся падению, чернит пред всеми (прп. Ефрем Сирин, 30, 25).

***

Завистливый никогда не радуется успеху другого. Если видит вознерадевшего о деле, не побудит, а скорее наставит его на худое (прп. Ефрем Сирин, 30, 25).

***

Всем <завистливый> несносен, всем он враг, всех ненавидит, пред всеми лицемерит, всем строит козни, перед всяким носит личину... (прп. Ефрем Сирин, 30, 25—26).

***

...Страшная отрава — зависть и соперничество: от них родятся оклеветание, ненависть и убийства (прп. Ефрем Сирин, 30, 26).

***

<Завистливый> ныне дружится с одним, а завтра с другим и в расположении ко всякому изменяется, подделывается к желанию каждого, и чрез несколько времени всякого осуждает, чернит одного пред другим... (прп. Ефрем Сирин, 30, 26).

***

...Дальше держите от себя соперничество и зависть, чтоб не подпасть осуждению вместе с диаволом! (прп. Ефрем Сирин, 30, 26).

***

Завидующий успехам брата своего отлучает себя от Вечной Жизни, а содействующий брату будет сообщником его и в Вечной Жизни (прп. Ефрем Сирин, 30, 174).

***

Почему неприятна тебе, человек, добрая слава о преуспевающем? Не спасешься ты тем, что тот или другой не получит спасения. Или будешь ты царствовать потому только, что многие изгнаны будут из Царствия Небесного? Не тебе одному найдется место в Царствии Небесном. Не тебе одному уготована райская радость. Почему же печалит тебя спасение многих? Итак, не позорь дел чистой любви, и дел законного жития не заменяй досадою и суровым злонравием. Никто да не обольщает тебя — ни человек, ни диавол, ни помысл, гнездящийся в сердце. Невозможное дело — довести до твердости добродетель, не растворив ее любовью (прп. Ефрем Сирин, 30, 512—513).

***

Бесовское это расположение — оскорбляться доблестями преспевающих. В бесах внедрилась ненависть; им всего желательнее, чтоб все погибли совершенно (прп. Ефрем Сирин, 30, 513).

***

Не должно завидовать преспеянию брата, потому что мы члены тела Христова (прп. Ефрем Сирин, 30, 568).

***

Соглашайся лучше умереть, нежели поддаться зависти (прп. Ефрем Сирин, 31, 629).

***

Бдение завистливого вполне вредоносно; неусыпность его — самое позорное и бесславное приобретение (прп. Ефрем Сирин, 34, 149).

***

Безмолвная зависть может стать стрелою... (прп. Ефрем Сирин, 34, 352).

***

Зависть есть сокрушение о благоуспешности ближних... (свт. Григорий Богослов, 16, 338).

***

...Зависть — это начало зловредных страстей, отец смерти, первая дверь греху, корень порока, порождение печали, матерь бедствий, повод к непокорности, начало стыда. Зависть изгнала нас из рая, став змием пред Евою; зависть преградила доступ к древу жизни и, совлекши с нас священные одежды, по причине стыда привела к ветвям смоковницы. Зависть вооружила Каина на естество, и произвела *седмижды* отмщаемую смерть (см.: Быт. 4, 15). Зависть соделала Иосифа рабом. Зависть — смертоносное жало, скрытое оружие, болезнь естества, желчный яд, добровольное истощение, жестоко язвящая стрела, гвоздь для души, пламень, сожигающий внутренности. Для зависти неудача — не собственное свое зло, но чужое добро; и наоборот также для нее удача — не свое хорошее, но худое у ближнего. Зависть мучится благоуспешностью людей и посмевается их бедствиям. Сказывают, что питающиеся мертвыми телами грифы мрут от мира <мура>; потому что естеству их сродно зловонное и испортившееся. И одержи-

мый этою болезнью, при благоденствии друзей, как бы от прикосновения какого-то мира <мура>, гибнет. Если же следствием бедствия усматривает какое-либо страдание, прилетает к страждущему, налагает искривленный свой клюв, извлекая им сокровенные причины безуспешности (свт. Григорий Нисский, 18, 354—355).

***

Когда раздражительность тем, что сосет внутренности, или памятозлобием расслабляя силу и рассудок души, и худой образ жизни породят этого зверя — зависть, или другого какого столько же злого, тогда чувствующий, что душа его внутри себя питает зверя, благовременно воспользуется врачевством, истребляющим страсти. А чтобы по умерщвлении оных в сделавшем сие совершилось исцеление, к сему служит Евангельское учение (свт. Григорий Нисский, 19, 304).

***

...Такова зависть: она идет против собственного блага, и завистливый лучше решится терпеть тысячу бедствий, нежели видеть ближнего прославляемым... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 835).

***

Те, которые завидуют, причиняют себе величайший вред и навлекают на себя великую гибель (свт. Иоанн Златоуст, 45, 519).

***

Как червь, зарождающийся в дереве, прежде всего поедает самое дерево, так и зависть прежде всего сокрушает

самую душу, породившую ее в себе. А тому, кому завидует, делает не то, чего желала бы ему, а совсем противное (свт. Иоанн Златоуст, 47, 516).

***

...Злоба завидующих доставляет только большую славу тем, которые подвергаются их зависти, потому что страдающие от зависти преклоняют Бога к себе на помощь и пользуются содействием свыше, а завидующий, будучи лишен благодати Божией, легко впадает в руки всем (свт. Иоанн Златоуст, 47, 516—517).

***

...Будем... убегать этой пагубной страсти и всеми силами исторгать ее из души своей. Это гибельнейшая из всех страстей и вредит самому спасению нашему; это изобретение самого диавола (свт. Иоанн Златоуст, 47, 517).

***

Порабощаемый прежде всяких внешних врагов собственною страстью, он <завистливый> как бы сокрушает сам себя, и, как бы пожираемый невидимыми зубами и таким образом истощаясь сам в себе... погружается в бездну (свт. Иоанн Златоуст, 47, 517).

***

...Такова зависть: она ничего не делает с рассуждением (свт. Иоанн Златоуст, 47, 557).

***

...Такова эта пагубная страсть: она не остановится, пока увлеченного ею человека не низвергнет в бездну, пока не доведет его до греха — убийства, потому что корень убийства — зависть (свт. Иоанн Златоуст, 47, 578).

***

...Когда она <зависть> овладевает душою, то не прежде оставляет ее, как доведет уже до последней степени безрассудства... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 652).

***

...Будучи... пленен ею <завистью>, человек все делает против своего спасения (свт. Иоанн Златоуст, 47, 654).

***

...Как моль протачивает шерсть, так и зависть гложет завистника и делает более славным того, кто ей подвергается (свт. Иоанн Златоуст, 48, 640).

***

Поддавшиеся внушению зависти свободу переменили на рабство, а завидуемый сделался царем (свт. Иоанн Златоуст, 48, 640).

***

О, зависть, сестра лицемерия, виновница коварства, сеятельница убийства, змеиное семя, губительный цвет. Что сквернее зависти? Ничто. И самую смерть что по-

родило? Ничто другое, кроме зависти... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 676).

***

Свинья любит валяться в грязи, демоны — вредить нам; так и завистливый радуется несчастью ближнего (свт. Иоанн Златоуст, 50, 431).

***

Нет зла хуже ее <зависти>. Блудник, например, по крайней мере получает некоторое удовольствие и в короткое время совершает свой грех, а завистливый мучит и терзает себя прежде того, кому завидует, и никогда не оставляет своего греха, но всегда остается в нем (свт. Иоанн Златоуст, 50, 431).

***

Когда случится с ближним что-либо неприятное, тогда он <завистник> покоен и весел, почитая чужие несчастья своим счастьем, а благополучие других своим злополучием, и ищет не того, что ему могло бы быть приятно, но того, что ближнего может опечалить (свт. Иоанн Златоуст, 50, 431).

***

Как жуки питаются навозом, так и они <завистники>, будучи некоторым образом общими врагами и противниками природы, находят для себя пищу в несчастьях других (свт. Иоанн Златоуст, 50, 431—432).

***

...Плачь и стенай, рыдай и моли Бога, научись относиться к ней <зависти> как к тяжкому греху, и каяться в нем. Если так поступишь, то вскоре исцелишься от этого недуга (свт. Иоанн Златоуст, 50, 432).

***

Зависть превращает человека в диавола, и делает его лютым демоном (свт. Иоанн Златоуст, 50, 432).

***

...Ныне зависть не считают и пороком, почему и не заботятся избавиться от нее... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 432).

***

Она <зависть> всегда строит козни добрым ближним и страждущего ею терзает и окружает бесчисленными бедствиями (свт. Иоанн Златоуст, 50, 640—641).

***

...Завистник и на человека, самого благорасположенного к нему, смотрит как на врага... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 49).

***

...Великое зло — зависть... она ослепляет душевные очи вопреки собственной пользе самого одержимого ею (свт. Иоанн Златоуст, 51, 239).

***

Как беснующиеся часто обращают мечи на самих себя, так и завистливые, имея в виду только одно — вред тому, кому завидуют, теряют собственное спасение (свт. Иоанн Златоуст, 51, 239).

***

...<Завистливые> хуже диких зверей и подобны бесам, а может быть, и их хуже. Бесы имеют непримиримую вражду только против нас, а не делают козней против подобных себе по естеству... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 239).

***

...Завистливые не уважают и единства природы, да не щадят и самих себя: еще прежде, чем повредят тому, кому завидуют, они мучат собственные свои души, наполняя их напрасно и без нужды всяким беспокойством и недовольством (свт. Иоанн Златоуст, 51, 239).

***

Хотя бы ты подавал милостыни, хотя бы вел трезвую жизнь, хотя бы постился, но ты преступнее всех, если завидуешь брату своему (свт. Иоанн Златоуст, 51, 240).

***

Нет ничего упорнее этой страсти <зависти>, и не легко она уступает врачеванию, если мы не будем внимательны (свт. Иоанн Златоуст, 51, 240).

***

...Как мы оскорбляем Бога, завидуя чужому добру, так благоугождаем Ему, сорадуясь другим, и себя делаем участниками благ, уготованных людям добродетельным (свт. Иоанн Златоуст, 51, 240).

***

Нет ничего хуже зависти и злобы. Чрез них смерть вошла в мир. Когда диавол увидел человека в чести, то не вынес его благоденствия и сделал все, чтобы погубить его (свт. Иоанн Златоуст, 51, 316).

***

Завистливый только то имеет в виду, как бы удовлетворить своему желанию; и хотя бы пришлось ему подвергнуться наказанию, или смерти, — он остается преданным одной своей страсти (свт. Иоанн Златоуст, 51, 363).

***

Зависть есть зверь ядовитый, зверь нечистый, зло произволения, не заслуживающее прощения, порок, которому нет оправдания, причина и матерь всех зол (свт. Иоанн Златоуст, 51, 364).

***

Завистливый живет в непрерывной смерти, всех считает своими врагами, даже и тех, которые ничем его не обидели. Он скорбит о том, что воздается честь Богу, радуется тому, чему радуется диавол (свт. Иоанн Златоуст, 51, 364).

***

...Зависть — страшное зло и полна лицемерия. Она наполнила вселенную бесчисленными бедствиями. От этой болезни судилища наполнены подсудимыми. От нее <же> страсть к славе и стяжанию; от нее властолюбие и гордость (свт. Иоанн Златоуст, 51, 435).

***

Какое ни увидишь зло, знай, что оно от зависти. Она вторглась и в Церкви. Она издавна была причиной множества зол. Она породила сребролюбие. Эта болезнь извратила все и растлила правду (свт. Иоанн Златоуст, 51, 435).

***

...Хотя бы кто и творил чудеса, хотя бы соблюдал девство и пост и спал на земле, хотя бы сравнялся с Ангелами в добродетели, но если имеет этот недостаток <зависть> — будет нечестивее всех и беззаконнее даже прелюбодея и блудника, разбойника и гробокопателя. И чтобы кто-нибудь не обвинил меня в преувеличении речи, я охотно спрошу вас о следующем: если бы кто-нибудь, взявши огонь и заступ, стал разорять и сожигать этот дом (Божий) и разрушать вот этот жертвенник, то каждый из присутствующих разве не стал бы бросать в него камнями, как в человека нечестивого и беззаконного? Так что же? А если кто приносит пламя более губительное, чем этот огонь, — я говорю о зависти, которая разоряет не каменные здания и разрушает не золотой престол, но ниспровергает и губит то, что гораздо ценнее и стен и престола, здание учителей, — то может ли он заслуживать какого-либо снисхождения? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 558—559).

***

...(Зависть) ниспровергла Церкви, породила ереси, вооружила братскую руку, побудила обагрить десницу в крови праведника, попрала законы природы, отверзла двери смерти... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 560).

***

...Эта рана настолько неизлечима, что, если бы были приложены и бесчисленные лекарства, она все-таки будет обильно источать свой гной (свт. Иоанн Златоуст, 52, 560).

***

...Тем, которые не освободились от этой болезни, невозможно совсем избежать огня, уготованного диаволу. А освобождаться от болезни мы станем тогда, когда помыслим, как возлюбил нас Христос и как повелел нам любить друг друга (свт. Иоанн Златоуст, 52, 560—561).

***

Лучше иметь змею, клубящуюся в утробе, нежели зависть, внутри гнездящуюся <...>

Змея, находящаяся во внутренности, когда есть для нее другая пища, не трогает тела человеческого; зависть же, хотя бы предложили ей тысячу снедей, пожирает самую душу, со всех сторон ее грызет, терзает и рвет; для нее нельзя найти никакого успокоительного средства, которое сокращало бы ее неистовство, кроме одного только — несчастья с благоденствующим (свт. Иоанн Златоуст, 53, 702—703).

***

О, зависть, корабль осмоленный, адский, гибельный! Твой владелец — диавол, кормчий — змей, Каин — главный гребец. Диавол дал тебе в залог бедствия; змей, будучи кормчим, привел Адама к смертному кораблекрушению; Каин — старший гребец, потому что через тебя, зависть, он первый совершил убийство. У тебя от начала мачтою (служит) райское древо преслушания, снастями — верви грехов, матросами — завистники, корабельщиками — демоны, веслами — хитрости, рулем — лицемерие. О, корабль, носитель бесчисленных зол! Если спросишь о лицемерии, там оно находится... Там живет зависть, вражда, ссора, обман, сварливость, ругательство, злословие, хула, и что только мы ни скажем и что ни опустим — все это носит адский корабль зависти. Потоп не в силах был погубить этот корабль зависти, но Иисус потопил его силою Духа, источником крещения. В этом корабле были и железные якоря, но расплавились они в гвозди Христа; в этом корабле была и мачта, но диавол вырубил из нее Крест; в этом корабле были и снасти, но ими удавился Иуда. В этот корабль вошедшие иудеи, наткнувшись на скалу, потерпели крушение в вере, потому доныне иудеи плавают в глубине неведения. Впрочем, которые из них в силах ухватиться за Христоносное судно — спасаются; остальные погибают горькою смертью неверия (свт. Иоанн Златоуст, 53, 855).

***

Какая болезнь так уничтожает красоту лица, как зависть иссушает любовь, благоухающий цвет души? (свт. Иоанн Златоуст, 53, 855).

***

Зависть-то и была причиной бесчисленных беспорядков во всем творении, и горнем, и дольнем, и не только на земле, но и в самой Церкви (свт. Иоанн Златоуст, 54, 92).

***

Зависть рождается ни от чего другого, как от привязанности к настоящему, или, лучше, (отсюда) и всякое зло. Если бы ты считал за ничто богатство и славу мира, то не завидовал бы тем, которые этим обладают (свт. Иоанн Златоуст, 54, 237).

***

Завистник идет против Бога, а не против того (кому он завидует) (свт. Иоанн Златоуст, 54, 454).

***

Ничто так обычно не разделяет и не разъединяет нас друг от друга, как зависть и недоброжелательство, — этот жестокий недуг, лишенный всякого извинения, и гораздо более тяжкий, нежели самый корень зол — сребролюбие. В самом деле, сребролюбец хоть радуется тогда, когда сам получает; завистливый же тогда радуется, когда другой не получает, считая собственным успехом неудачу других. Что может быть безумнее этого? Пренебрегая собственные бедствия, он изводится чужими благами, делая чрез это недоступным для себя небо, а раньше еще неба и настоящую жизнь невыносимой. Поистине, не так червь ест дерево или моль шерсть, как огонь зависти пожирает самые кости завистников и вредит чистоте души. Не погрешит тот, кто назовет завистников худшими зверей и демонов.

Звери нападают на нас только тогда, когда они или нуждаются в пище, или наперед были раздражены нами, а эти люди, и будучи облагодетельствованы, часто относятся к благодетелям, как обиженные. Равным образом и демоны, хотя к ним питают непримиримую вражду, не делают зла имеющим одну с ними природу, а эти люди ни общности природы не стыдятся, ни собственного спасения не щадят, но раньше тех, кому завидуют, сами подвергают наказанию свои души, наполняя их без причины и повода крайним смятением и унынием. Зависть такой порок, что хуже его нет никакого другого. Прелюбодей, например, и некоторое удовольствие получает, и в краткое время совершает свой грех; между тем завистник раньше того, кому завидует, сам себя подвергает наказанию и мучению, и никогда не отстанет от своего греха, а постоянно совершает его. Как свинья радуется грязи и демон нашей погибели, так и этот радуется несчастьям ближнего; и если с последним случится что-нибудь неприятное, тогда он успокаивается и облегченно вздыхает, считая чужие горести своими радостями, а чужие блага собственными бедствиями. И как некоторые жуки питаются навозом, так и завистники чужими несчастьями, являясь общими врагами и недругами (человеческой) природы. Другие люди и бессловесное животное, когда его убивают, жалеют; а эти, видя человека, получающего благодеяния, приходят в бешенство, дрожат и бледнеют <...>

Если бы даже <человек> был врагом и неприятелем твоим, а Бог прославлялся чрез него, то надлежало бы сделать его ради этого другом, а ты друга делаешь своим врагом из-за того, что чрез доброе имя, которым он пользуется, прославляется Бог. Как еще иначе ты можешь показать вражду против Христа? Поэтому, хотя бы кто совершал знамения, хотя бы показал подвиг девства, или

поста, или лежания на голой земле, и добродетелью такого рода сравнялся с Ангелами, но если он подвержен страсти зависти, он оказывается всех мерзостнее (свт. Иоанн Златоуст, 55, 605—607).

***

Если любовь к любящим не дает нам никакого преимущества пред язычниками, то где окажется тот, кто питает зависть к любящим? Завидовать хуже, чем враждовать. враждующий, когда забывается причина, из-за которой произошла ссора, прекращает и вражду; завистливый же никогда не станет другом. Притом первый ведет открыто борьбу, а последний скрытно; первый часто может указать достаточную причину вражды, а второй не может указать ни на что другое, кроме своего безумия и сатанинского расположения (свт. Иоанн Златоуст, 55, 607).

***

...(Завистник) завистью показывает, что он малосмыслен и мелочен. Ибо когда завидует, то тем свидетельствует, что тот больше его, о чьем счастии он скорбит (прп. Иоанн Кассиан, 56, 63).

***

...Зависть труднее вылечить, нежели другие страсти. Ибо кого она однажды повредила своим ядом, для того, почти, можно сказать, нет лекарства. Ибо она есть такая зараза, о которой образно говорится чрез пророка: ***вот Я пошлю на вас змеев, василисков, на коих не действует заговариванье, и они будут язвить вас*** (ср.: Иер. 8, 17). Итак, правильно сравнивается у пророка с ядом смертоносного василиска уязвление зависти, которою первый

заразился и погиб виновник всех ядов и начальник. Ибо наперед он сам себя погубил, прежде нежели излил смертоносный яд на человека, которому позавидовал. Ибо *завистью диавола смерть вошла в мир, подражают же ему соучастники его* (ср.: Прем. 2, 24), как тот, который первый растлился заразою этого зла, не принял ни лекарства покаяния и никакого средства к уврачеванию, так и те, которые попустили уязвлять себя тем же угрызением, отвергают всякую помощь святого заклинания (см.: Пс. 57, 5—6); потому что они не по какой-нибудь вине других, а от счастья их мучаются, стыдятся обнаружить самую истину, а какие-нибудь сторонние, пустые и нелепые причины оскорбления приискивают. Так как эти причины вовсе ложны, то одно есть для них врачевство — извержение того смертоносного яда, который они не хотят обнаружить, скрывают в своем сердце. Об этом премудрый хорошо сказал: *если змей ужалит не в заговоре, то после нет пользы в заговорщике* (ср.: Еккл. 10, 11). Это суть тайные угрызения, которым одним не помогает врачевство мудрых. Даже до того неисцельна эта погибель (т. е. зависть), что от ласки ожесточается, от услуг напыщается; подарками раздражается; потому что, как говорит тот же Соломон: *ревность ничего не терпит* (см.: Притч. 6, 34). Ибо чем более иной будет преуспевать покорностью смирения, или добродетелью терпения, или славою щедрости, тем большею завистью подстрекается завистливый, который падения или смерти желает тому, кому завидует (авва Пиаммон, 56, 512—513).

***

...Всех пороков гибельнее и труднее к излечению зависть, которая самыми лекарствами, от которых прочие страсти прекращаются, еще воспламеняется. Например,

кто скорбит о причиненном ему вреде, тот исцеляется щедрым вознаграждением; кто негодует на нанесенную обиду, тот умиротворяется смиренным извинением. А что сделаешь тому, кто еще более оскорбляется тем самым, что видит тебя более смиренным и более приветливым, которого воспламеняет на гнев не корыстолюбие, которое удовлетворяется наградою, не обида или желание мщения, которое побеждается лаской, услугами, но раздражает его только успех чужого счастья? Кто же, для удовлетворения завистливого, захочет лишиться благ, потерять счастье, подвергнуться какому-нибудь бедствию? Итак, чтобы василиск (диавол) одним уязвлением только этого зла (зависти) не истребил всего того, что в нас есть живого, что как бы воодушевляется жизненным действием Святаго Духа, постоянно будем испрашивать помощи Божией, для которой нет ничего невозможного. Прочие яды змей, т. е. плотские грехи или пороки, которым как скоро подвергается, так легко и очищается человеческая немощь, имеют некоторые следы своих ран на плоти, от которых хотя бы земное тело и весьма жестоко страдало, однакож если какой-нибудь искусный заговорщик божественных стихов приложит противоядие или лекарство спасительных слов, то гнойная рана не доведет до вечной смерти души. А зависть, как яд, излитый василиском, убивает самую жизнь религии и веры прежде нежели почувствуется рана в теле. Ибо не против человека, а явно против Бога возносится злохулитель, который, ничего другого в брате не похищая, кроме доброй заслуги, порицает не вину человека, а только суды Божии. Итак, зависть есть тот *корень горести, выспре прозябаяй* (ср.: Евр. 12, 15), который, поднимаясь в высоту, устремляется к поношению Самого виновника — Бога, Который сообщает человеку блага (авва Пиаммон, 56, 513).

***

Не знаешь ты воздаяний, как не способный видеть будущее. Но не на будущем суде только, а и в настоящей жизни, завистники несут достойные наказания. Да убедит тебя в этом жена Ахавова Иезавель, неистово пожелавшая Навуфеева виноградника, и в настоящей жизни соделавшаяся добычею псов, а в будущей соблюдаемая вечному огню (прп. Исидор Пелусиот, 60, 146).

***

Зависть... ко всякому другому действительно или мнимо доброму качеству не благосклонна, а напротив того, жестока и неприязненна, к добродетели же, которой дано в удел качество в собственном смысле прекрасное, совершенно непреклонна. Посему не быть предметом зависти — дело, может быть, беспечальное, но и не славное... возбуждающему же к себе зависть надлежит с целомудренным помыслом переносить злоумышления зависти (прп. Исидор Пелусиот, 61, 12—13).

***

Лишенные ума и благоразумия непрестанно ненавидят тех, о которых подозревают, что лучше их, и питают к ним ненависть не за оказанные им обиды (это, может быть, меньшее было бы зло), но за свое бессилие достигнуть одинаковой с ними доброй славы в добродетели (прп. Исидор Пелусиот, 62, 305).

***

...В тысячу глаз смотри за собою, чтобы никакого вреда не было насаждено тобою в ближнем, но истребля-

ем был всякий корень соблазна. Если же при таком твоем расположении иные из не делающих ничего доброго, но завидующих тем, которые делают, будут обвинять тебя, то не предавай себя в рабство унынию, но мужественно перенеси это приражение врага, представляя в уме, что враг не употребил бы сего ухищрения орудием к разорению, подобно столпу, с огражденного тобою жития, если бы не сильно его трогала слава о твоем благоискусстве (прп. Исидор Пелусиот, 62, 335—336).

***

У многих в обычае завидовать отличающемуся высотою добродетели. Ибо, несносным и тягостным почитая того, кто поступает не одинаково с ними, но поставляет свою славу в превосходнейших преимуществах, и тем как бы обличает собственную их жизнь, злословят его и строят ему козни, когда должны были бы ему соревновать и увенчивать его (прп. Исидор Пелусиот, 62, 357).

***

...Зависть и горькая ненависть происходят от презорства и кичливости (прп. Нил Синайский, 72, 330).

***

...Зависть — всегдашняя противница великим успехам (прп. Нил Синайский, 72, 372).

***

Что достойно в тебе зависти, то скрывай наипаче от завидующего (прп. Нил Синайский, 90, 307).

***

...Кто обрел зависть, тот обрел с нею диавола (прп. Исаак Сирин, 58, 412).

***

Под видом благорасположения скрывает зависть, кто передает брату укорные слова, от других слышанные (авва Фалассий, 91, 314).

***

Господь ослепляет ум завистливого за то, что он неправедно печалится о благах ближнего (авва Фалассий, 91, 329).

***

Избавляется от зависти скрытно сорадующийся тому, кому завидуют, и избавляет от зависти укрывающий то, чему завидовать можно (авва Фалассий, 91, 330).

***

...Зависть остановить можешь, если станешь сорадоваться радости того, кому завидуешь, и вместе с ним печалиться о том, о чем он печалится... (прп. Максим Исповедник, 91, 211).

***

...Никто из благомудрствующих никогда не станет завидовать другому, обилующему благодатями, так как на нем самом лежит стяжать расположение, условливающее приятие Божественных благ (прп. Максим Исповедник, 91, 294).

***

...Где зависть, там живет и отец зависти, диавол, а не Бог любви (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 334).

***

...<Славолюбие> зависть порождает, — зависть, равносильную убийству, — причину первого смертоубийства, а потом и богоубийства... (свт. Григорий Палама, 93, 269).

***

<Зависть> большею частью бывает лукавою советницею в делах срамных (свт. Григорий Палама, 93, 269).

***

Завидовать в житейском худо, а в духовном ни на что не похоже (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 158).

****

Три путешественника нашли однажды на дороге драгоценную находку, которую надлежало поделить им поровну. Находка была столь велика, что доля каждого была весьма значительна. Но диавол тотчас явился со своими спутниками: духами зависти, коварства и жадности. Полюбовавшись сокровищем, путники сели отдохнуть и подкрепить себя едой, но каждый думал не о пище, а о том, как бы ему завладеть всем. Вскоре потребовалось, чтобы кто-то из них сходил в ближайший город купить припасов для обеда. И вот один из них отправился за едой, а оставшиеся сговорились убить его, когда тот вернется.

Между тем отправившийся за припасами, желая, чтобы богатство досталось ему одному, успел отравить пищу

ядом. Когда же он вернулся, то был сразу же убит своими спутниками, а те, отведав отравленной пищи, скончались. А драгоценная находка осталась ждать других подобных им безумцев или более достойной руки (107, 146—147).

***

Однажды благочестивый муж, Павел Фермийский, пришел к святому Макарию, так называемому Городскому, для духовного назидания и сказал ему: «Авва Макарий! Я нахожусь в великой скорби: в одном селении живет девственница, которая подвизается уже тридцатый год. Многие сказывали мне, что она, кроме субботы и воскресенья, не вкушает пищи ни в какой день; проводя так седмицы, вкушая пищу через пять дней, совершает каждый день по семисот молитв. Я укорил себя, когда узнал об этом, рассуждая так, что я, будучи мужчиною и превосходя ее крепостью сил телесных, не мог совершить более трехсот молитв». Святой Макарий отвечал: «Я вот уже шестидесятый год совершаю только по сто положенных молитв, зарабатываю нужное для пропитания своими руками, по долгу не отказываю братьям в свидании, и, однакож, ум не укоряет меня в нерадении. Если же ты, совершая и по триста молитв, осуждаешься совестью, то явно, что ты или с нечистым сердцем молишься, или можешь больше молиться...» (101, 80—81).

***

Поведали нам святые отцы следующее: «Некий монах, живший в пустыне скита, пришел посетить святых отцов, живших в месте, называемом Келлии, где у множества монахов были отдельные кельи. Один из старцев, имея незанятую келью, предоставил ее скитянину. К нему на-

чали ходить многие из братий, желая слышать от него слово о вечном спасении, потому что он имел духовную благодать преподавать слово Божие.

Увидев это, старец, предложивший ему келью, уязвился завистью, начал негодовать и говорить: «Сколько времени я живу в этом месте, а ко мне не приходит братия, разве очень редко, и то в праздничные дни. К этому же льстецу почти ежедневно приходит множество братий». Затем он приказал ученику: «Пойди скажи ему, чтоб он вышел из кельи, потому что она мне нужна». Ученик, придя к скитянину, сказал ему: «Отец мой послал меня к твоей святыне узнать, он слышал, что ты болен». Тот возблагодарил, говоря: «Моли Бога о мне, отец мой, я очень страдаю желудком». Ученик, возвратясь к старцу, сказал: «Скитянин просит твою святыню, чтоб ты потерпел два дня, в которые он мог бы поискать себе келью». По прошествии трех дней старец опять послал ученика: «Пойди скажи ему, чтоб он вышел из моей кельи. Если он и еще отсрочит свой выход, я приду сам и жезлом своим выгоню его из кельи». Ученик пошел к скитянину и сказал ему: «Отец мой очень озаботился, услышав о твоей болезни, он послал меня узнать, как ты себя чувствуешь». Тот отвечал: «Благодарю, владыко святый, любовь твою! Ты так озаботился о мне! За молитвы твои чувствую себя лучше». Ученик, возвратясь, сказал старцу: «Скитянин все еще просит твою святыню, чтоб ты подождал до воскресного дня, тогда он немедленно выйдет». Наступил воскресный день, скитянин спокойно оставался в келье. Старец, воспламененный завистью и гневом, схватив жезл, пошел, чтоб выгнать скитянина из кельи. Видя это, ученик говорит старцу: «Если повелишь, отец, я пойду и посмотрю, может быть, пришли к нему какие братия, которые, смотря на тебя, могут соблазниться». Получив дозволение, ученик по-

шел и, войдя к скитянину, сказал ему: «Вот отец мой идет, чтобы посетить тебя. Поспеши выйти ему навстречу и поблагодарить его, потому что он делает это по побуждению великой сердечной благости и любви к тебе».

Скитянин немедленно встал и в веселии духа пошел навстречу. Увидев старца, прежде нежели тот приблизился, пал перед ним на землю, воздавая поклонение и благодарение, говоря: «Да воздаст тебе Господь, возлюбленнейший отец, вечными благами за твою келью, которую ты мне предоставил ради имени Его! Да приуготовит тебе Христос Господь в Небесном Иерусалиме между святыми Своими славную и светлую обитель!» Старец, услышав это, умилился сердцем и, кинув жезл, устремился в объятия скитянина. Они дали друг другу целование о Господе, и старец пригласил гостя в свою келью, чтобы, возблагодарив Бога, вместе вкусить пищу.

Наедине старец спросил своего ученика: «Скажи мне, сын, передавал ли ты брату те слова, которые я приказывал передать?» Тогда ученик открыл ему истину: «Скажу тебе, владыко, правду. По моей преданности тебе как отцу и владыке, я не осмелился сказать ему того, что ты приказывал, и ни одного из слов твоих не передал». Старец, услышав это, пал к ногам ученика, говоря: «С этого дня ты — мой старец, а я — твой ученик, потому что Господь избавил и мою душу, и душу брата от греховной сети при посредстве твоего благоразумия и действий, исполненных страха Божия и любви». Господь даровал благодать Свою, и они все пребыли в мире Христовом, доставленном верой, святыми попечениями и благонамеренностью ученика, который, любя своего старца совершенной во Христе любовью, очень боялся, как бы его духовный отец, увлеченный страстью зависти и гнева, не впал в поступок,

долженствующий уничтожить все его труды, подъятые с юности в служении Христу для получения награды в Вечной Жизни» (106, 430—432).

***

Старец Филофей кроме святого Нектария Афонского имел еще ученика, которого сатана до того озлобил против святого Нектария, что несчастный стал явно говорить старцам Филофею и Дионисию, чтобы прогнали Нектария, иначе он убьет или его, или самого себя. Старцы трепетали от ужаса, слыша о таких демонских замыслах. Напрасно вразумляли они несчастного, убеждали и молили его успокоить свое сердце, подавить чувство злобы и зависти, напрасно грозили ему Судом Божиим и геенной: он ничего не хотел слышать, но требовал исполнения своего желания. Тогда старцы предложили святому Нектарию удалиться от них на малое время, пока завистливый брат придет в чувство.

По прошествии некоторого времени скончался в глубокой старости боголюбивый Филофей. Дионисий, не вынося безнравственного поведения своего ученика, пригласил к себе Нектария в сожитие как брата по духу, а несчастному предоставил искать другое место и другого старца. Дионисий с Нектарием мирно проводили свою жизнь, питаясь от рукоделия и по силам помогая бедным. А несчастный брат их, не придя в чувство смирения и раскаяния, переходил с места на место, потом удалился в мир и там, предавшись невоздержанности, скончался жалким образом посреди городской площади, даже без обычного христианского напутствия.

Вот что значит братоненавидение и зависть! Гибельные следствия их в полной мере испытывает человек еще

в настоящей жизни и часто отходит в вечность без всякой надежды на спасение. Надо беречь себя от столь богоненавистных пороков! (95, 31—32).

ЗАКОН

Беззаконны... те, которые не покоряются Божиим законам, потому что или отступили от них, или и не начинали их исполнять... (свт. Василий Великий, 6, 75).

***

...Закон, как стена, препятствует нечестивому прийти к Богу; а покаяние дает ему крылья, и делает, что, перелетая стену, находит он доступ к Богу (прп. Ефрем Сирин, 32, 200).

***

Ужас обымет там <на Суде> нечестивых, которые в мире прилагали беззаконие к беззаконию. Увы, день Суда близок! (прп. Ефрем Сирин, 33, 211).

***

Если свет благодати Твоей, <Господи>, не отверзет душевного уха, то беззаконие заградит слух наш, и не войдут в него наставления Твои (прп. Ефрем Сирин, 33, 338).

***

Закон духовен в отношении к плоти нашей, полной грехов, — в отношении же к Евангелию закон плотян, будучи полон земных обещаний и жестоких наказаний (прп. Ефрем Сирин, 36, 29).

***

Соблюдая закон, изгонишь страх, потому что всякий исполнитель законов — вне страха (свт. Григорий Богослов, 15, 366).

***

...Любовь и страх к Господу есть первое исполнение закона (свт. Григорий Нисский, 24, 276).

***

Когда кто отдается беззаконному делу и погружается в беззаконные помыслы, то уже не видит пред собою неусыпного Ока, не стыдится самой природы <своей> и ничего другого... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 658).

***

Как источник изливает много ручьев во все стороны, так и закон дает всюду много заповедей, напояя нашу душу (свт. Иоанн Златоуст, 47, 773).

***

...Закон имеет то особенное преимущество, что он бессмертен, постоянен, и закон природы, и закон естественный, и закон (ветхозаветного) любомудрия, и закон Нового Завета (свт. Иоанн Златоуст, 48, 307).

***

...Законы Божественные... яснее солнца, направлены ко благу тех, для кого установлены, руководят их к добродетели и истине, а не к вещам ложным, как то: богат-

ству и власти... научают не тому, чтобы благоденствовать здесь и наслаждаться благами настоящей жизни, но чтобы приобрести блага будущие (свт. Иоанн Златоуст, 48, 308).

***

Часто Бог говорит и дает законы не так, как мог бы дать Сам по Себе, но так, как мы в состоянии принять (свт. Иоанн Златоуст, 48, 706).

***

Давая закон, Бог хранящим его обещал свое благоволение, а преступающим его — наказание (свт. Иоанн Златоуст, 48, 799).

***

...Законы человеческие не все содержат в себе правду, закон же Божий блистает истиною (свт. Иоанн Златоуст, 48, 821).

***

Кто слушает закон Божий поверхностно, или считает его ненужным или тяжким, того ухо не в состоянии будет и слушать; а кто изучает закон внимательно, тот замечает, что иго его благо и бремя легко, и приклоняет ухо к словам пророчества, т. е. выслушивает все пророчество, и, относясь с любовью к словам его, приумножает Духа, Которым все совершается (свт. Иоанн Златоуст, 48, 833).

***

Оставляют закон Божий те, которые нарушают и малейшую часть из написанного в нем и хотят исполнять его

предписания по-своему, а не по воле и намерению Законодателя (свт. Иоанн Златоуст, 48, 894).

***

...Закон Божий... дан нам на помощь в борьбе с невидимыми врагами. Живет в нем тот, кто проводит жизнь сообразно его велениям (свт. Иоанн Златоуст, 48, 905).

***

Светильником и светом для праведных является закон Божий... Он же является и веселием для правых сердцем, т. е. для идущих правым путем. Он указывает им путь, которого они желают, и укрепляет на добродетели, к которым они стремятся сами (свт. Иоанн Златоуст, 48, 934).

***

...Диавол, как скоро увидит, что в душе написан закон Божий, а сердце сделалось скрижалями этого закона, уже не будет более приступать (свт. Иоанн Златоуст, 51, 23).

***

Закон совершил то, что грех сделался для тебя известным, а от тебя зависело избегать (греха); ты же, не уклонившись, навлек на себя большее наказание, и таким образом вразумление закона сделалось для тебя поводом к большему мучению (свт. Иоанн Златоуст, 52, 551).

***

По причине греха и дан был закон, а закон никогда не дается для истребления чего-либо естественного, но для

исправления произвольного худого действия (свт. Иоанн Златоуст, 52, 630).

***

...Закон немало содействовал как большему познанию греха, так и увеличению наказания. Если же он, имея целью ограничить грех, сделал его более тяжким, то вина лежит не на враче, а на том, кто худо пользовался врачевством (свт. Иоанн Златоуст, 53, 435).

***

Виновник смерти был грех, а закон подверг осуждению за грех, и только обнаружил грех, а не произвел его; он яснее открыл зло, и только наказывал за зло, а не побуждал ко злу, и служил не для того, чтобы производить грех или смерть, но чтобы наказывать того, кто грешит. А таким образом он был вместе и истребителем греха (свт. Иоанн Златоуст, 53, 532).

***

Как кроткие кони, и сами по себе делающие все, не имеют нужды в биче, так и душа, преуспевающая в добродетели действием Духа, не имеет нужды в предписаниях закона (свт. Иоанн Златоуст, 53, 806).

***

...Кто исполняет его <закон> не из страха, а по любви к добродетели, тот гораздо совершеннее исполняет его (свт. Иоанн Златоуст, 54, 631).

***

...Где нарушается закон, там не следует совершенно и упоминать о необходимости, потому что есть только одна неотвратимая необходимость — не оскорблять Бога (свт. Иоанн Златоуст, 55, 728).

***

...Закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокоривых, нечестивых и грешников, развратных и осквернённых (1 Тим. 1, 9). Ибо, имея здравое, неиспорченное знание закона естественного, напечатленного в них, они не нуждались в этом законе, отвне данном и в Писании начертанном, который дан был в помощь этому естественному закону (прп. авва Серен, 56, 321).

***

Закон исполняющих его заповеди поместил как бы в некоторой средине между... наградою и наказанием, — насколько удаляет от осуждения преступников, настолько же отлучает и от славы совершенных. Как эта доля низка и как жалка, это можете видеть из сравнения состояния настоящей жизни, в которой считается самым жалким тот, кто только о том старается и трудится, чтобы... не считаться виновным между почетными людьми, а не богатым, почетным и славным (прп. авва Иоанн, 56, 542).

***

Сказанное в законе не просто, но имеет двоякий смысл, прикровенный для людей грубых и открытый для людей ума тонкого (прп. Исидор Пелусиот, 60, 51).

***

...Постоянное попечение о законе приводит к пути правому, или, что то же, к угодному Богу, отгоняя от души человеческой, как бы некоторую мглу и туман, — забвение (свт. Кирилл Александрийский, 65, 10).

***

Горе беззаконнику, потому что пойдет к строгому Судии и правдивому Законоположнику (прп. Нил Синайский, 72, 254).

***

...Без милосердия Божия люди не могут исполнить его <закон> совершенно (прп. Марк Подвижник, 69, 10—11).

***

Хорошо обучившийся закону боится Законодателя и, боясь Его, уклоняется от всякого зла (прп. Марк Подвижник, 69, 48).

***

...Цель закона была научить нас не делать того, чего сами не хотим пострадать, потому он и останавливал нас от делания зла страхом, чтобы самим не пострадать (того же) (прп. авва Дорофей, 29, 23—24).

***

...Кто живет не по закону Божию, тот и Бога не боится; а кто Бога не боится, тот не видит Его; кто же не видит Бога, тот не имеет в себе света (умного); кто не

имеет сего света, тот не верует во Христа; кто не верует во Христа, не имеет жизни в себе. Так как, очевидно, он не положил начала от страха Божия, который есть начало премудрости; то он есть буй, слеп, мертв (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 324).

***

Остающиеся при одном изучении закона Божия по букве впадают по причине такого поверхностного знания в гордость и самомнение... как случилось с книжниками и фарисеями (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 509—510).

***

Изучение закона Божия требует терпения. Это изучение есть стяжание души своей... Это — наука из наук!.. Кичат, напыщают ум науки человеческие, осуществляют, растят человеческое «я». Божественная наука открывается душе... как бы лишившейся самобытности по причине своего смирения, соделавшейся зеркалом... способным... принимать и отражать Божественные начертания (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 8).

***

И разум, и сердце, и тело падшего человека враждебно настроены к закону Божию. Разум падший не приемлет разума Божия; падшее сердце противится воле Божией; самое тело, подвергшись тлению, стяжало свою отдельную волю, данную ему грехопадением... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 9).

***

Путешествующие при постоянном сиянии светильника — закона Божия — не будут обмануты ни страстями своими, ни падшими духами... (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 66).

***

...Закон Христов — нить, по которой мы выбираемся из мрачного лабиринта земной жизни в блаженную вечность (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 433).

***

Господь, предвидящий все и управляющий всем, восхотел смирить тебя множеством беззаконий твоих (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 393).

ЗАКОН ВЕТХОЗАВЕТНЫЙ

...<Ветхозаветный Закон> несовершен не по своей сущности, но сделался несовершенным с течением времени; в то время, когда он был дан, он был весьма совершенным и пригодным для принявших его, а когда род человеческий, руководимый им, сделался лучше, то закон стал менее совершенным... по причине нравственного усовершенствования научennых им (свт. Иоанн Златоуст, 44, 592).

***

...Величайшая заслуга Закона и в том, что он приготовил природу человеческую для этого Учителя <Христа> (свт. Иоанн Златоуст, 44, 732).

***

...Закон дан был для того, чтобы воспрепятствовать совершению грехов, чтобы сделать более скромными тех, которые получили его (свт. Иоанн Златоуст, 46, 256).

***

...Как некоторая тень, дан Закон, не так, чтобы он мог изглаживать грехи, но чтобы он указывал их и делал их очевидными для людей, которые, как малые дети, питаемые молоком, могли таким образом прийти в совершенный возраст (свт. Иоанн Златоуст, 47, 664).

***

Закон, данный чрез Моисея, есть символическое, состоящее из намеков, сокращение будущей благодати, возвещающее образами исполнение будущей истины... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 947).

***

...Закон, данный чрез Моисея, — наставник благочестия, путеводитель к справедливости, просвещение слепых, воспитатель неразумных младенцев, оковы для дурно поступающих, узда для жестоковыйных, принудительное иго для зложелательствующих (свт. Иоанн Златоуст, 51, 947).

***

Закон, данный чрез Моисея, есть совокупность разнообразных и необходимых учений, общеполезное собрание всего хорошего в жизни, таинственное подражание порядкам небесной жизни, светильники и подсвечники,

огонь и свет, отблеск Горнего света (свт. Иоанн Златоуст, 51, 947).

***

Закон, данный чрез Моисея, <есть> воспитание мудрых, упражнение в делах необходимых, училище для познания мира, предводительное наставление, преходящая тайна (свт. Иоанн Златоуст, 51, 947).

***

То, что вера была древнее, а Закон явился после, имеет временное значение, и дан для того, чтобы приготовить путь для веры (свт. Иоанн Златоуст, 53, 781).

***

Так как иудеи не сознавали своих грехов, а не сознавая, не желали и прощения их, то Бог и дал им Закон, который открывал бы их раны, и чрез это побуждал их искать Врача (свт. Иоанн Златоуст, 53, 783).

***

...Боящийся же Закона не верит силе благодати, а неверующий не получает никакой пользы от благодати, которой он не верит (свт. Иоанн Златоуст, 53, 795).

***

Если бы не было Закона, не была бы дана и благодать... Потому что он был (к ней) как бы мостом (свт. Иоанн Златоуст, 54, 316).

***

...Виновный против заповедей Закона никак не может достигнуть евангельского совершенства, хотя бы и хвалился, что он христианин и освобожден благодатию Господа, но напрасно. Ибо надобно считать еще состоящим под законом не только того, кто отказывается исполнять заповеди Закона, но и того, кто довольствуется только соблюдением повелений Закона, и вовсе не приносит плодов, достойных звания и благодати Христовой... (прп. авва Иоанн, 56, 542—543).

***

...После того как человек вкусил от запрещенного древа и умер горькою смертью, т. е. отпал от Бога и подвергся растлению, тогда, чтобы совсем не отпал он от всякого добра (так как зло сильно распространилось в роде человеческом и тиранило его насильственно, по причине бедственного расслабления, какому подвергся он вследствие растления), дан был ему Закон, чтоб показывал, что хорошо и что худо. Ибо человек стал слеп, вышел из ума и обезмыслел; почему и имел нужду в научении... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 28—29).

ЗАПОВЕДИ

...Исполняющий их <заповеди> прославится в Царствии Божием, а избирающий другое погибнет вместе со своими делами (ап. Варнава, 94, 52).

***

...Заповеди ты легко соблюдешь, и не будут они трудны, если будешь убежден, что их можно соблюсти, но если

ты положил в сердце своем, что они не могут быть соблюдены человеком, то не соблюдешь их... если не соблюдешь этих заповедей и пренебрежешь их, то не спасешься... (св. Ерм, 94, 198).

***

Соблюдешь <заповеди>... если сердце твое будет чисто пред Господом, и все соблюдут, которые очистят сердца свои от суетных похотей этого века, и будут жить с Богом (св. Ерм, 94, 200).

***

...Если хочешь быть защищен от всякого бедствия и злополучия и иметь успех во всяком добром деле и слове и во всякой истинной добродетели, то поступай по... заповедям... и будешь господствовать над всякою неправдою. Ибо, если будешь соблюдать эти заповеди, покорятся тебе всякое пожелание и сладость этого века, и будет сопровождать тебя успех во всяком добром деле (св. Ерм, 94, 245).

***

...Если мы хотим ходить во свете Христовом, то да не отступаем от заповедей Его и наставлений... (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 401).

***

Евангельские заповеди — это не что иное... как Божественные наставления, основания к назиданию надежды, подпоры к утверждению веры... пособие к получению спасения (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 200).

***

...Вкусивший сладости заповедей и знающий, что они скоро приводят его к подражанию Христу, сильно желает приобрести и прочие, так что ради них часто презирает и смерть (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 41).

***

Все <заповеди> блаженства делают богом по благодати человека, сделавшегося кротким, жаждущим всякой правды, милостивым, бесстрастным, миротворцем, терпящим всякую скорбь с радостью, ради любви к Богу и ближнему. Итак, <заповеди> это суть дары Божии, и мы должны много благодарить Бога за них и за предложенные нам воздаяния: Царствие Небесное в будущем и утешение здесь, полноту всякого блага и милости от Бога; явление Божие видением таин, сокровенных в Божественных Писаниях и во всех тварях Его, и многую мзду на небесах, подражание Христу на земле и блаженство каждой заповеди, т. е. высочайшее из благ, крайний предел желаний (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 43—44).

***

...Видя себя отовсюду утесняемым Божественными заповедями, пусть не отчаивается, чтобы не быть осужденным хуже самоубийцы; но более должен он удивляться Божественным Писаниям и заповедям, как они с той и с другой стороны побуждают человека к совершенству, чтобы он не нашел куда убежать от доброго и где сыскать послабление в худшее. Но когда захочет сделать что-либо такое, видя пред собою все ужасное, обратится к благому. Бог человеколюбиво и досточудно устроивает, чтобы человек каким-либо образом, и не желая, хотя он и сам в

себе имеет власть, сделался совершенным (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 177).

***

Старайтесь исполнить... веления Духа, коими оживятся души ваши и при посредстве коих восприимите вы Господа в самих себе: они суть безопасный путь (прп. Антоний Великий, 89, 50).

***

Все мы обязаны исполнять оные <заповеди> по силе нашей: малосильный — сообразно немощи своей; сильный — соответственно силе своей (прп. авва Исаия, 59, 53).

***

...Заповедь Божия — есть жизнь вечная (прп. авва Исаия, 59, 186).

***

...Тех, кои удаляются от Бога и нерадят о Его заповедях, окружают демоны (прп. авва Исаия, 59, 191).

***

Горе нам, что мы в исполнении Божественных заповедей не оказываем ни страха рабов, ни тщания наемников, ни любви сынов (прп. авва Исаия, 59, 191).

***

Как по телу несовершен тот, у кого недостает какого-либо необходимого члена, но в том самом и несовершен,

чего недостает ему: так нерадящий и о единой заповеди, чрез неисполнение, бывает уже несовершен по причине сего недостатка (свт. Василий Великий, 5, 256).

***

...Каждый из нас может исполнить трудное в заповедях, когда жизнь свою, как пред зрителем, открывает пред Богом всяческих (свт. Василий Великий, 5, 339).

***

Кто ходит во свете заповедей Христовых, тот во дни (свт. Василий Великий, 6, 316—317).

***

Вступивший в послушание Евангелию должен прежде всего очистить себя от всякой скверны плоти и духа, чтобы чрез это соделаться благоприятным Богу в делах святыни (свт. Василий Великий, 7, 308).

***

Не должно последовать человеческим преданиям до отриновения Божиих заповедей (свт. Василий Великий, 7, 320).

***

Неопустительно должно соблюдать все преданное Господом в Евангелии и чрез апостолов (свт. Василий Великий, 7, 321).

***

Заповеди Божии надобно так исполнять, как повелел Господь. Ибо кто погрешает в образе действования, тот, хотя по видимому исполняет заповедь, однако же не имеет похвалы от Бога (свт. Василий Великий, 7, 325).

***

Заповедь Божию исполнять должно не из угождения людям и не по другой какой страсти, но иметь во всем целью угодить Богу и прославить Бога (свт. Василий Великий, 7, 325).

***

Заповеди Господни исполнять должно с благою совестью и с благим расположением пред Богом и пред людьми. Ибо кто не так исполняет, тот осуждается (свт. Василий Великий, 7, 326).

***

Заповеди Божии исполнять должно с ненасытным желанием, непрестанно поспешая к большему и большему (свт. Василий Великий, 7, 326—327).

***

Кто исполняет заповедь Божию и не по здравому расположению, но по крайней мере видимо сохраняет в точности учение Господне, тому возбранять сего не должно, поколику он никому не вредит тем, а иные, может быть, получают от него и пользу; но надобно ему советовать,

чтобы имел и мысль, достойную доброго дела (свт. Василий Великий, 7, 328—329).

***

Показывающий тщательность в менее важном не должен презирать важнейшего; но, исполняя преимущественно важнейшие заповеди, обязан он успевать и в менее важном (свт. Василий Великий, 7, 351).

***

Учение заповедей Господних должно принимать, как такое учение, которое доставляет нам жизнь вечную и Царство Небесное, и с усердием надобно оное исполнять, хотя бы казалось и трудным (свт. Василий Великий, 7, 404).

***

Пусть заповедь Божия живет с тобою неразлучно, непрестанно сообщая тебе как бы некоторый свет и озарение для суждения о делах (свт. Василий Великий, 8, 64).

***

...Заповеди Божии не иное что имеют в виду, как спасение послушного им (свт. Василий Великий, 9, 65).

***

...Все они, по здраво понимаемому намерению Писания, состоят между собою в такой связи, что нарушением одной необходимо нарушаются все прочие... (свт. Василий Великий, 9, 75).

***

...Для исполнения... тех заповедей, какие даны нам от Бога, получили мы от Него и силы, чтобы невозможно было и негодовать на то, <что заповеди чрезмерно трудны>... (свт. Василий Великий, 9, 83).

***

...Кто в деле своем нарушает точность заповеди, тот, очевидно, слабо памятует о Боге (свт. Василий Великий, 9, 92).

***

...Во всем должно нам остерегаться, чтобы под предлогом исполнения одной заповеди не оказаться нарушителями другой (свт. Василий Великий, 9, 104).

***

...Хотя бы и весьма был известен или чрезмерно славен препятствующий исполнять заповеданное Господом или советующий делать запрещенное им, всякий любящий Господа должен такового бегать и гнушаться им (свт. Василий Великий, 9, 228).

***

Кто ревнует об исполнении заповеди, и делает не то, что приказывают, но чего сам хочет, тот какую получает награду? — Какая следует за самоугодие (свт. Василий Великий, 9, 229).

***

...Заботиться и работать ради заповеди — похвальный признак христолюбивого и братолюбивого расположения (свт. Василий Великий, 9, 295).

***

Кто оставляет их <заповеди Христовы>, тот безумен, суетна надежда его... (прп. Ефрем Сирин, 30, 131).

***

Кто по истине соблюдает их, тот переходит ***от смерти в живот*** (ср.: Ин. 5, 24) (прп. Ефрем Сирин, 30, 131).

***

Кто знает все Писание и нерадит о заповедях Христовых, тот ***биен будет много*** (Лк. 12, 47) (прп. Ефрем Сирин, 30, 132).

***

...Кто исполняет волю Господню, тот будет признан мужем совершенным (прп. Ефрем Сирин, 30, 132).

***

Кто соблюдает заповеди, тот любит себя, а кто пренебрегает ими, тот вредит душе своей (прп. Ефрем Сирин, 30, 177).

***

Втайне, возлюбленный, исполняй заповеди Господни, и Господь воздаст тебе явно (прп. Ефрем Сирин, 30, 192).

***

Убивает душу свою, кто уклоняется от заповедей Господних; неизглаголанную же радость наследует всякий, кто в действительности их соблюдает (прп. Ефрем Сирин, 30, 200—201).

***

Не пренебрегай заповедью Божиею, хотя и нет обличителей, но ничто не укроется от Бога... (прп. Ефрем Сирин, 30, 400).

***

Для принятия заповедей Божиих имей простоту, а для отражения козней противника — хитрость (прп. Ефрем Сирин, 30, 509).

***

...Соблюдай заповеди Его <Божии>, и заповеди Его поведут тебя путем прямым (прп. Ефрем Сирин, 31, 248).

***

...Необходимо с великим смиренномудрием сохранять словеса Господни, потому что соблюдение заповедей Господних есть совершенство... (прп. Ефрем Сирин, 32, 235).

***

Кто боится Бога, тот не может согрешить; и если соблюдает он заповеди Божии, то далек от всякого нечестия (прп. Ефрем Сирин, 33, 99).

***

Человек, ты сын персти! Смотри же, чему научил тебя Господь твой, не пренебрегай слова Господня, чтобы и Господь не отвергся от тебя и не осудил тебя (прп. Ефрем Сирин, 33, 111).

***

Презрел я заповеди Твои; посему при конце ожидает меня огнь. Увы, день Суда близок! (прп. Ефрем Сирин, 33, 211).

***

Прекрасное дело — знать заповеди и тщательно исполнять их; напротив того, стыдно читать и не выполнять, читать много и не делать. Употребим же старание, братия мои, читать с благоразумием и поступать с разумением, потому что Судия наш, требующий отчета и в помышлениях, не оставит без исследования ни одной мысли (прп. Ефрем Сирин, 33, 220—221).

***

Тяжко слышит душевное ухо наше, и не внятно ему учение Твое. А если бы послушало оно заповедей Твоих, то не обольщало бы нас земное имущество (прп. Ефрем Сирин, 33, 338).

***

Глухой не чувствует сильного грома, и бесстыдный — гласа заповедей. Глухой не виновен в том, что не слышит; а преступать заповедь — явное бесстыдство (прп. Ефрем Сирин, 34, 169).

***

...Кто соблюдает закон, чтит частицу Божества, какую имеет в себе, во всяком деле, слове и движении ума, сколько можно более, чист от всего попираемого, и не оскверняется ничем преходящим, а напротив того, самую персть влечет с собою к небу, тот в награду за труды (подлинно, самое великое и премудрое таинство!) станет богом, и хотя богом по усыновлению, однако же исполненным высшего света, начатки которого пожинал он в некоторой мере еще здесь (свт. Григорий Богослов, 16, 125).

***

...Душа, преступив заповедь, утратила свой образ (прп. Макарий Египетский, 67, 85).

***

Когда человек преступил заповедь, диавол всю душу его покрыл темной завесой (прп. Макарий Египетский, 67, 149).

***

После того как человек уклонился от заповеди и подвергся осуждению гнева, грех взял его в свое подданство... (прп. Макарий Египетский, 67, 272).

***

...Любящим Бога удобен и приятен труд исполнения заповедей, потому что любовь Божия делает подвиг легким и вожделенным... (прп. Макарий Египетский, 67, 335—336).

***

Когда человек почитает сам себя рачителем заповедей, тогда явно он погрешает, и не хранит верно заповеди... (прп. Макарий Египетский, 67, 368).

***

...Божественные заповеди, которых смысл с первого взгляда удобопонятен, надлежит исполнять не лениво и не принужденно, но подобно алчущим, с желанием насытиться предлагаемым, чтобы пища сия послужила для нас напутием к здравию. А какие понятия сокровенны (например: что такое сущность Божия? Что было до сотворения? Что вне видимого? Какая была нужда в сотворенном? — и все подобное, исследованием чего занимается одно любопытство), о сем не разыскивать должно, но познание сего предоставить единому Святому Духу, испытующему, как говорит Апостол, ***глубины Божии*** (1 Кор. 2, 10) (свт. Григорий Нисский, 18, 294).

***

...Заповедь есть семя будущего плодоношения, а добродетель — виноградная лоза, изливающая вино из словесных гроздьев в чашу премудрости (свт. Григорий Нисский, 19, 51).

***

...Делание заповедей ныне отличившегося добрыми делами веселит надеждою, а потом, усладив благими надеждами, присовокупляет свойственное достойным веселие, когда изрекает Господь сделавшим доброе: ***придите благословенни, наследуйте уготованное вам Царствие (ср.:*** Мф. 25, 34) (свт. Григорий Нисский, 19, 358).

***

...Господь исправляет все по порядку, постановляя законы против каждого вида пороков. Неправедным рукам запрещает распоряжаться самим, не дозволяя им мстить. Изгоняет страсть любостяжания, приказывая лишаемому одежды к тому, что отнимают, присовокупить и остальное. Врачует боязнь, повелев пренебрегать и смертью. И вообще найдешь, что в каждой заповеди, наподобие плуга режущее, слово из глубины сердца вырывает дурные корни, и тем очищает от произращения терний (свт. Григорий Нисский, 19, 449).

***

...Слово Божие повелевает последующему заповедям Божиим все, что бы он ни делал, делать, имея в виду Его одного, и Ему единому угождать, не гоняясь ни за какою славою от людей, но бегая похвал от них и тщеславия, всего себя являть жизнью и делами, дабы зрители их — не сказал Господь: подивились старающемуся выказать себя, но *прославили Отца вашего, Иже на Небесех* (ср.: Мф. 5, 16) (свт. Григорий Нисский, 24, 268).

***

Бесчестит Бога <тот>, кто преступает закон Его; кто же хранит его, тот прославляет Творца своего (авва Евагрий, 89, 609).

***

Что может быть сильнее этого противоречия и противоборства, какое мы ведем против Законодателя, поступая вопреки всем Его повелениям? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 138).

***

Мы одинаково грешим не только в отношении к более трудным, но и в отношении к легчайшим (заповедям); нарушая равно и эти и те, и преступлением легчайших доказываем, что мы и труднейших не исполняем по своему небрежению, а не по трудности самых заповедей (свт. Иоанн Златоуст, 44, 140).

***

...Ни одна из (Христовых) заповедей не была плотскою: Он повелел не овец и тельцов закалать, но служить Богу душевною добродетелью, и в награду за это предложил нам жизнь, никогда не престающую (свт. Иоанн Златоуст, 44, 739).

***

...Заповеди Божии должно предпочитать и детям, и природе, и всему имуществу, и самой душе своей (свт. Иоанн Златоуст, 44, 847).

***

...Заповеди Божии прекрасны и тогда, как только хвалят их, но они оказываются еще прекраснее, когда их исполняют (свт. Иоанн Златоуст, 45, 84).

***

Послушай Бога в заповедях, чтобы и Он услышал тебя в молитвах (свт. Иоанн Златоуст, 45, 179).

***

...Заповедь трудна не сама по себе, но по нерадению слушающих (свт. Иоанн Златоуст, 45, 359).

***

Как на арфе мало того, чтобы извлечь мелодию из одной струны, но должно пройти по всем струнам с надлежащей стройностью, так и в отношении к душевной добродетели недостаточно нам для спасения... одной заповеди, но должно со тщанием соблюдать их все... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 3).

***

Здравомыслящих... к исполнению заповедей Божиих сильнее располагают благодеяния <Божии>, чем наказания (свт. Иоанн Златоуст, 47, 289).

***

...Какая нам польза, если мы будем каждый день слышать (о заповедях Божиих), а об исполнении их радеть не станем? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 525).

***

Есть заповеди написанные; они все остаются доныне; если же некоторые из них отменены, то потому, что изменены не к худшему, а к лучшему (свт. Иоанн Златоуст, 48, 307).

***

Трудность происходит не от свойства заповедей, но от лености многих. Если же кто станет принимать их с усердием, тот найдет их легкими и удобоисполнимыми (свт. Иоанн Златоуст, 48, 311).

***

Любовь к Законодателю делает закон приятным, хотя бы по видимому он и заключал в себе какую-нибудь трудность (свт. Иоанн Златоуст, 48, 311—312).

***

Наследует обетования не тот, кто помнит заповеди, но кто исполняет их (свт. Иоанн Златоуст, 48, 737).

***

Искренно... преданные добродетели стремятся исполнять заповеди только по любви к добру (свт. Иоанн Златоуст, 48, 809).

***

...Кто исполняет все заповеди, тот во всяком случае ненавидит неправый путь (свт. Иоанн Златоуст, 48, 817).

***

Тот, кто повинуется человеческим законам, даже и в настоящей жизни не дождется такой чести <избранничества>, а исполняющий заповеди Божии имеет наградой за труды жизнь вечную (свт. Иоанн Златоуст, 48, 821).

***

...Соблюдающие откровения Божии во всяком случае получают от Него спасение (свт. Иоанн Златоуст, 48, 822).

***

Если вы желаете называться народом Божиим, то слушайте Его заповедь, чтобы обладать этим великим достоинством (свт. Иоанн Златоуст, 48, 861).

***

Оскверняют заповеди Божии те, которые притворяются добродетельными, но на самом деле оскорбляют заповеди, поскольку исполняют их не от чистого сердца (свт. Иоанн Златоуст, 48, 894).

***

...Кто живет по заповедям Божиим, тот, как надеющийся на Бога, действует смело, и будет иметь Его своим заступником в духовной борьбе с мысленными врагами, а если он и ослабеет, — то не потому, чтобы помощь Божия оказалась слабой, а потому, что сам он стал слабее вследствие беспечности... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 905—906).

***

Бог не предписал нам ничего тяжкого. Отчего же заповеди Его кажутся тяжкими? От нашего нерадения (свт. Иоанн Златоуст, 49, 583—584).

***

...Те, которые приступают к Божественному закону со страхом и любовью, неуклонно назидаются и просвещаются, и от самой Истины научаются благочестию, потому что обретают самый источник Истины... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 714).

***

...Не для нарушения древнего закона, но для большего сохранения его Христос дал закон новый (свт. Иоанн Златоуст, 50, 177).

***

Ни одна заповедь не тяжка и не прискорбна, напротив, каждая легка и удобоисполнима, так что, если бы мы имели искреннее желание, все могли бы совершить, хотя бы подвержены были бесчисленному множеству грехов (свт. Иоанн Златоуст, 50, 256).

***

Заповеди Его <Божии> гораздо тверже камня; помощью их праведник становится выше всех волн человеческих... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 280).

***

...Кто тщательно соблюдает эти заповеди, тот побеждает не только гонения людей, но и козни диавольские (свт. Иоанн Златоуст, 50, 280).

***

...Умоляю, будем всегда оставаться под руководством Пастыря. А мы останемся, когда будем слушать гласа

Его, когда будем послушны Ему, когда не будем следовать за чужим (свт. Иоанн Златоуст, 51, 391).

***

...Если бы... <Бог> не уготовлял нам Царства, а <диавол> — геенны, самого свойства их, заповедей, не довольно ли было бы для того, чтобы побудить нас быть в союзе с Первым? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 66).

***

...Скажи мне, кто со здравым умом станет смеяться над тем, что соблюдается заповедь? Если же и будут смеяться, то такие люди станут смеяться не над нами, а над Христом.

...Некогда и плевали на Христа, и били Его по ланите, и заушали, так и теперь Он терпит это, и нет здесь ничего несообразного. Поэтому-то уготована геенна, поэтому — червь нескончаемый (свт. Иоанн Златоуст, 52, 83—84).

***

...Решись и ты лучше терпеть голод, чем преступить какую-либо из заповедей Божиих (свт. Иоанн Златоуст, 52, 98).

***

...Когда любовь доставляет тебе удобство, Дух вспомоществует, надежда облегчает, бедствия делают тебя опытным и способным переносить все мужественно, когда, сверх того, ты имеешь и другое сильнейшее оружие — молитву и помощь, испрашиваемую по молитве, тогда что останется трудного в исполнении заповедей? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 762—763).

***

...Заповеди Божии к тому и направлены, чтобы нам пребывать в мире с людьми, и вся наша жизнь хороша тогда, когда мы в мире друг с другом... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 11).

***

Если изберешь заповеди Господни, у тебя будет все прекрасное: свет, жизнь, покой, благословение, венец правды... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 944).

***

...Христос не заповедует ничего невозможного, так что многие даже превзошли Его заповеди (свт. Иоанн Златоуст, 55, 166).

***

...Молитва поистине является исходным началом всех заповедей, из которого каждая из них устремляется к соответствующему действованию (свт. Иоанн Златоуст, 55, 984).

***

...К духовному разумению закона и более ясному познанию заповедей вовсе недостаточно того, что вложено в него <в человека> природою, если не придет к тому Божественное просвещение и не осветит внутренних чувств его (авва Пинуфий, 56, 218).

***

...Касательно соблюдения главных заповедей надобно твердо постановить, за них даже и смерти не должно

избегать, если это необходимо будет, для них надобно непоколебимо говорить: я поклялся и постановил. Это должно быть для соблюдения любви, для которой все надобно презирать, чтобы не нарушилось спокойствие и совершенство ее. Также должно... и для чистоты целомудрия, не иначе надобно нам делать для веры, трезвости и правды; все это надобно соблюдать с неизменным постоянством, и отступать от них хоть немного было бы предосудительно (прп. авва Иосиф, 56, 492).

***

...Не должно заповедовать вообще и, так сказать, обязательно требовать от всех то, что по причине дивной высоты не может быть достигнуто всеми; но преимущественно возбуждаются все советом и благодатию, так что большие могут увенчаться добродетелью совершенства, а малые, которые не могут исполнить меру полного возраста Христова, как будто остаются в неизвестности, будучи закрываемы блеском больших, как звезд; однакож от мрака проклятий, существующих в законе, они свободны, не обрекаются на поражение настоящими бедствиями, не подвергаются вечному мучению. Итак, Христос никого необходимою заповедью не принуждает к достижению верха добродетелей, но призывает желающих по свободному произволению пользою совета воспламенять желание совершенства. Ибо где заповедь, там необходимость; а где необходимость, там и трудность; где трудность, там и нерадение; где нерадение, там и грех; а где грех, там и наказание. А соблюдающие то, к чему принуждаются строгостью закона, избегают скорее наказания, которым он угрожал, нежели получают воздаяние или награду (прп. авва Иоанн, 56, 541—542).

***

Отвергший Божественную заповедь и решившийся прогневлять Детоводителя преступлениями умирает без милосердия... (свт. Кирилл Александрийский, 65, 36).

***

...Никто не удостоивается приять небесные дары Святаго Духа, если не будет предварительно упражняться в изучении святых заповедей... (прп. Нил Синайский, 72, 245).

***

...В число предателей включаются и христиане, которые не исполняют заповедей, пренебрегают ими, ведут себя высокомерно и следуют своим лукавым хотениям (прп. Нил Синайский, 73, 50—51).

***

Где заповедь Божия, там, конечно, и искушение, и вражеские козни (прп. Нил Синайский, 73, 107).

***

Не должно пренебрегать и малых по видимому заповедей, но надобно исполнять и их вместе с великими (прп. Нил Синайский, 73, 379).

***

...Какого утешения не имеют заповеди Христовы? — Но произволение не устремляется к исполнению их, ибо если бы устремлялось, то, при помощи благодати Божией, все было бы для него легко (прп. Зосима, 91, 115).

***

Сколько мы, веруя, исполняем заповеди Божии, столько и Дух Святый производит в нас Свои плоды (прп. Марк Подвижник, 89, 489).

***

Исполнивший заповедь пусть ожидает за нее искушения. Ибо любовь ко Христу испытывается противностями (прп. Марк Подвижник, 89, 528).

***

Господь сокровен в заповедях Своих и ищущими Его обретается по мере (исполнения их) (прп. Марк Подвижник, 89, 536).

***

Духовный закон суть заповеди Христовы, из которых первая и величайшая есть любовь; она *не мыслит зла,* но *вся любит, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит* (1 Кор. 13, 5, 7), по слову Писания. Сею любовью различаемся мы один от другого, но (полноты) ее достоинства никто из нас не достигает, а ожидает, что благодать Христова восполнит наши недостатки, если только мы не вознерадим о делании по силе нашей, ибо Бог знает, сколько мы не можем сделать по немощи и сколько не исполняем дела любви по нерадению. Но так как любовь укрепляется не только произвольными трудами, но и случающимися скорбями; посему-то много нужно нам терпения и кротости, при содействии помощи Божией (прп. Марк Подвижник, 89, 538).

***

Одни, не исполняя заповедей, думают, что веруют право; другие, исполняя их, ожидают Царствия как должного возмездия. Те и другие погрешают против истины (прп. Марк Подвижник, 89, 539).

***

Когда будем понуждены совестию направляться ко всем заповедям Божиим, тогда поймем, что закон Господень непорочен и что он хотя воспособляется нашим добром (естественными нравственно-религиозными чувствами и расположениями), но без щедрот Божиих в совершенстве осуществлен быть в людях не может (прп. Марк Подвижник, 89, 544).

***

Те, которые не считают себя должниками всякой Христовой заповеди, читают закон Божий только телесно... (прп. Марк Подвижник, 69, 11).

***

Иной, исполняя по видимому заповеди, раболепствует страсти и злыми помыслами истребляет доброе дело (прп. Марк Подвижник, 69, 23).

***

...Если мы с горячею ревностью начнем исполнять заповеди Божии, тогда благодать, освящая все наши чувства в глубоком некоем ощущении, будет попалять все наши греховные воспоминания, сердце же наше, услаждая некиим миром любви непрестающей, будет приучать нас к тому, чтобы помышлять духовное, а не плотское. Сие

очень часто случается с приближающимися к совершенству, кои непрестанно имеют в сердце своем память о Господе (блж. Диадох, 91, 62).

***

Христос... требует не делания заповедей, но исправления души, для которого узаконил заповеди подзаконным (прп. Исаак Сирин, 58, 154—155).

***

...Хотя заповедей и много, однако же необходимо сохранять их. В противном случае Спасителю не нужно было бы и давать их (прп. Исаак Сирин, 58, 243—244).

***

...Заповеди постановлены вопреки страстям, для уврачевания преступной души... (прп. Исаак Сирин, 58, 244).

***

...В душе не могут быть видимы добрые дела, каким научил Господь, если не будут сохранены заповеди (прп. Исаак Сирин, 58, 244).

***

...Господь многим убеждает к хранению заповедей по любви, чтобы ими сообщался душе свет (прп. Исаак Сирин, 58, 244).

***

...Заповеди не тяжелы для любящих истину (прп. Исаак Сирин, 58, 244).

***

...Душа, не сохранившая заповедей, не есть здравая (прп. Исаак Сирин, 58, 244).

***

Что врачевство для больного тела, то заповеди для страстной души (прп. Исаак Сирин, 58, 244).

***

...Без делания заповедей, пока прежде всего не пойдем оным путем, ведущим к душевной чистоте, не должно нам и желать и надеяться душевного очищения (прп. Исаак Сирин, 58, 245).

***

...Душа не в состоянии будет соделаться чистою, если не будет хранить их <заповеди> (прп. Исаак Сирин, 58, 245).

***

...Если любишь чистоту сердца и... духовное мудрование, то прилепись к Владычним заповедям... из любви к Давшему их, а не из страха, или за воздаяние награды (прп. Исаак Сирин, 58, 246).

***

...Вожделевающим совершенства надлежит сохранять все заповеди, потому что сокровенное делание заповедей врачует душевную силу (прп. Исаак Сирин, 58, 259).

***

...За сохранение заповедей ум сподобляется благодати таинственного созерцания и откровений духовного ведения... (прп. Исаак Сирин, 58, 265).

***

Если зрение ума не будет очищено деланием заповедей, делами безмолвного жития, не приобретет в совершенстве света любви, не преуспеет возрастом в обновлении Христовом... то не возможет соделаться истинным зрителем Божественного созерцания (прп. Исаак Сирин, 58, 268—269).

***

Кто вожделевает исполнения воли Божией, тот небесных Ангелов будет иметь путеводителями (прп. Исаак Сирин, 58, 291).

***

Заповеди Божии выше всех сокровищ мира (прп. Исаак Сирин, 58, 291).

***

Кто стяжал их <заповеди>, тот внутри себя обретает Бога (прп. Исаак Сирин, 58, 291).

***

...Сохранением заповедей... очищается душа и, так сказать, очищается и ум, и прозревает, и приходит в естественное (состояние); ибо *заповедь Господня светла, просвещающая очи* (Пс. 18, 9) (прп. авва Дорофей, 29, 27—28).

***

Заповеди (Христовы) даны всем христианам, и всякий христианин обязан исполнять их; они, так сказать, дань, должная царю. И кто, отрекающийся давать дани царю, избег бы наказания? Но есть в мире великие и знатные люди, которые не только дают дани царю, но приносят ему и дары: таковые сподобляются великой чести, великих наград и достоинств. Так и отцы: они не только сохранили заповеди, но и принесли Богу дары. Дары же сии суть: девство и нестяжание (прп. авва Дорофей, 29, 28).

***

Как за телами следуют тени, так и за исполнением заповедей — искушения... Не удивляйся, сын мой, что, заботясь о спасении своем, ты встречаешь искушения и скорби. Но терпи без смущения и молись, благодаря, что ты, за исполнение заповеди, сподобляешься быть в искушении, для обучения и испытания души твоей (прп. авва Дорофей, 29, 208—209).

***

Когда нарушишь заповедь, спеши к покаянию; и хотя имеешь перевязь для своей раны, не предавайся нерадению, чтобы не сделалось с тобою хуже прежнего (авва Варсануфий, 29, 233).

***

Никто не должен извиняться в неисполнении Евангельских заповедей своею немощию; ибо есть души, которые сделали более, нежели сколько повелевают заповеди (прп. Иоанн Лествичник, 57, 177).

***

Хранение заповедей есть знак любви; а начало любви есть множество смирения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 216).

***

О соблюдении заповедей подвизаемся, чтоб освободиться от страстей... (авва Фалассий, 91, 320—321).

***

Соблюдение заповедей рождает бесстрастие; бесстрастие же души блюдет ведение (авва Фалассий, 91, 321).

***

За заповеди Божии подвизайся даже до смерти, ибо, очистившись через них, внидешь ты в живот <Жизнь Вечную> (авва Фалассий, 91, 325).

***

Послушное исполнение заповедей есть воскресение мертвых, ибо жизнь есть естественное следствие добродетели (авва Фалассий, 91, 336).

***

За умерщвлением ума чрез преступление заповедей необходимо следует и смерть тела (авва Фалассий, 91, 336).

***

Исполнение заповедей очищает душу... делает ее причастною света (авва Фалассий, 91, 337).

***

Против всякого пути неправедного даны нам от Господа противоположные тому заповеди, — и если кто оставляет какую-нибудь из них, то вместе с тем вступает на противоположный ей путь неправды (прп. Максим Исповедник, 91, 135).

***

Мир имеет много нищих духом, но не по надлежащему; много плачущих, но или об утрате имения, или о потере детей; много кротких, но к нечистым страстям; много алчущих и жаждущих, но того, чтобы похищать чужое неправедно и собирать корысти; много милостивых, но к телу и телесному; и чистых сердцем, но по тщеславию; и миротворцев, но подчиняющих душу плоти; много изгоняемых, но за свое бесчиние; много поносимых, но за срамные грехи. Блаженны же одни те, которые действуют и страждут за Христа и о Христе (прп. Максим Исповедник, 91, 203).

***

...Деятельное повиновение Божественным заповедям совсем умерщвляет его <грех> мечом Духа (прп. Максим Исповедник, 91, 306).

***

...Если будем всегда исполнять волю Божию, вместе будем там <в Царствии Небесном> в радости нескончаемой (прп. Феодор Студит, 92, 42).

***

...Чем более кто познает Бога, тем более сознает себя далеким от <исполнения> заповеди (прп. Феодор Студит, 92, 93).

***

...Заповеди составляют неразрывную цепь и одна за другую держатся, и сему соответствует как исполнение их, так и нарушение (прп. Феодор Студит, 92, 127).

***

...Нарушение <заповеди> губит все великие ваши исправности (прп. Феодор Студит, 92, 128).

***

...Кто Бога имеет в себе чрез исполнение святых Его заповедей, тот именитым делается и на небе и на земле (прп. Феодор Студит, 92, 270).

***

...Многая сокровиществуется вам награда на небесах, если до конца будете внимать себе и верно исполнять все заповеданное вам... (прп. Феодор Студит, 92, 332).

***

...Заповедь Господня жизнь вечная есть, нарушение же ее — смерть... (прп. Феодор Студит, 92, 351).

***

...Заповеди Христовы легки и облегчающи... (прп. Феодор Студит, 92, 420).

***

Если... в презрении у нас соблюдение повелений Его <Божиих>, коим покорствует вся тварь, то как назовем себя верными мы — почтенные паче всякой твари... (свт. Феодор Едесский, 91, 347).

***

...Нам потребно великое себя хранение, много телесных трудов и очищение души, да вселим Бога в сердца наши, чтобы... безгрешно исполнять Божественные Его заповеди и чтобы Сам Он учил нас блюсти твердо Его законы, испуская, как солнечные лучи, Свои на нас воздействия... (прп. авва Филимон, 91, 367).

***

...Всякий преступающий заповеди Божии есть противник Богу, воюющий против Него (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 41).

***

...Христос заповеди Свои определил вообще для всех, и ничего не законополагал особо для монахов, и особо для мирян (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 109).

***

...Кто, Божественною силою Христовою укрепляем, не возненавидит прежде от всего сердца своего всего мир-

ского и плотского, тот никак не может исполнить заповедей Христовых... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 124).

***

...Христианин, не прославляющий Бога исполнением повелений Его и соблюдением заповедей Его, ничем не лучше неверных, если не хуже их (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 181—182).

***

...Христос алчет и жаждет, т. е. крайним и неудержимым желанием желает единого спасения всех человеков. Спасение же человеков есть удаление от всякого греха, какового удаления от греха невозможно справить без делания добродетелей и исполнения всех заповедей. Следовательно, когда исполняем мы заповеди Христовы, тогда питаем и насыщаем Христа, Господа всякой твари (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 186).

***

...<Те>, которые будут соблюдать заповеди до конца жизни... восприимут потом и все блага, им предуготованные, а которые окажутся презрителями заповедей, нерадивыми и неблагодарными к Благодетелю своему, те ниспадут от благ тех, как ниспал и Адам из рая. И это постраждут они не потому, что такими быть предопределил им Бог, а от своего собственного неразумия и злоумия (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 241).

***

Кто не творит заповедей Христовых, пусть не думает, что не отрицается тем Христа. Нет, в каждом преступ-

лении заповеди Христовой он отрицается Христа; как наоборот, кто творит заповеди Христовы, тот каждым исполнением заповедей исповедует Христа (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 266—267).

***

...Заповеди Христовы да будут единым общим для всех нас путем, который вел бы нас на небеса и к Самому Богу (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 4).

***

...Всякий подвизающийся и соблюдающий... заповеди Христовы бывает сыном и чадом Божиим, то, конечно, он бывает и верным и пред всеми обнаруживает, что он христианин (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 14).

***

Чрез исполнение заповедей Божиих возвращается внутрь нас, как некий многочастный плод, — любовь, милостыня, благоутробие, кротость, смирение, терпение искушений, непорочность и чистота сердца, посредством которой сподобляемся зреть Бога. И в чистом уже сердце воссиявает благодать и просвещение Святаго Духа, который возрождает нас, делает сынами Богу, облекает во Христа, возжигает светильник в душе нашей, делает нас чадами Света, освобождает души наши от тьмы, и отселе еще, в этой жизни делает причастными Вечной жизни, хотя мы того и не знаем (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 15).

***

...Тот, кто всегда очищает себя деланием заповедей Христовых, если после того, как очистится и освятится

Богом, умалит несколько делание заповедей, тотчас соразмерно с тем умаляется и в совести. Кто же вследствие того сознательно поработится какому-либо, хотя бы то одному греху, тот совершенно теряет и самую чистоту, подобно тому, как сосуд, полный чистой воды, весь оскверняется и от малого количества кала. Грех же здесь разумею я не тот, который и телом совершается, но всякое страстное влечение, бывающее невидимо в душе, с которым душа сослагается (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 19—20).

***

...Ни мир, <ни> житейские дела не мешают исполнять заповеди Божии, когда имеется ревность и внимание (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 26).

***

Если кто станет говорить, что никто не может исполнить всех заповедей, то да ведает он, что ложно клевещет на Бога, будто Он заповедал нам невозможное (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 39).

***

Блажен тот, кто видит, что в нем вообразился Христос — Свет мира, потому что он наречется материю Христа, имея в себе Христа как плод чрева, как Сам Он неложнейший обетовал, говоря: ***мать Моя и братья Мои, и друзья Мои сии суть, — слышащии слово Божие и творящии его*** (ср.: Мф. 12, 48—50), — так что те, которые не хранят заповедей Божиих, сами своею волею лишают себя такой благодати, так как дело сие и было, и есть, и будет возможно, — и бывало, и бывает, и не перестанет бывать во всех тех, кои творят заповеди Господни (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 58).

***

Где со тщанием исполняются заповеди Божии, там бывает и явление Спасителя нашего Иисуса Христа. После сего явления Спасителя приходит и совершенная любовь. Ибо если не будет явления Христа в нас, то мы не можем ни веровать в Него, ни любить Его как должно (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 119).

***

...Чем больше преуспевает <кто> в делании заповедей Божиих, тем более очищается, осиявается и просвещается, и сподобляется видеть откровения великих таин, коих глубины не видел никогда и совершенно не может видеть никто из тех, кои не восподвизались прийти в такую чистоту (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 133).

***

...Все заповеди, которые Христос заповедал апостолам, равно заповедал Он и нам, чтоб мы соблюдали их все до одной. И мы можем их соблюсти, даже находясь в мире, но не хотим, потому что слабоваты в вере и любви ко Христу (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 246).

***

...Плод делания заповедей... есть умиленное сокрушение, а оно приносит плоды добродетелей или, лучше сказать, творит все добродетели, как открывает все Богодухновенное Писание (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 268).

***

...Кто всяким образом и со всем усердием не соблюдает заповедей <Божиих>, не стяжавает добродетелей посредством исполнения сих заповедей, и не преуспевает чрез то паче и паче в исправлении сердца, а только воздерживается, как ему кажется, от злых дел, в добродетелях же не пребывает долгое время, но, предаваясь нерадению в исполнении заповедей Божиих, пресекает некоторым образом собирание сих добродетелей, тот не может сохранить даже того добра, которое, как ему думается, имеет, но чрез неделание заповедей теряет и его (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 296).

***

...<Те>, которые покорствуют Богу и соблюдают неуклонно заповеди Его, те и временных благ причащаются в меру и с воздержанием, благодаря за них Бога, и от этих видимых и временных благ возводятся к оным невидимым и вечным за то, что повинулись Царю всех Богу и соблюли повеления Его. — Те же, которые поступают противно заповедям Божиим, находятся на противной Богу стороне, вместе с диаволом, поелику сделались врагами <Бога>... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 376).

***

...Заповеди Господа нашего имеют воздаяние бесконечное и вечное, так как в тех, кои исполняют их, вселяют жизнь бессмертную и такие подают им блага, ***ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша*** (1 Кор. 2, 9); и напротив, наказания, какие ожидают пре-

ступающих их, суть вечны и нескончаемы... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 441).

***

...Сколь изумительно дивна сила заповедей Божиих и в какое дивное состояние приводят они тех, которые творят и исполняют их! И я начал некогда исполнять заповеди Божии, когда немного выступил из глубины грехов и несколько освободился от покрывавшего меня мрака. При этом нередко, будучи тесним злыми навыками своими, боялся я за себя, но любовь и вожделение добра гораздо чаще направляли меня к добру. Вначале все, что я делал, было одно лишь удаление от зла, но потом оно само начало подвигать меня на добро. В это время одно особенно причиняло мне тяготу и неприятность — это злой навык сластолюбия, который уничтожается чтением Божественных Писаний и навыком в добрых деланиях. Ибо как, когда утром восходит солнце, мало-помалу разгоняется тьма и исчезает, так и когда воссиявает добродетель, прогоняется грех, как тьма, и, наконец, совсем уничтожается. Тогда мы являемся добрыми и добродетельными во всем, как прежде были злы и порочны. Так помощью небольшого терпения и малого доброго произволения или, лучше сказать, помощью Бога Живого воссозидаемся мы наконец и обновляемся, после того как очистимся душою, и телом, и умом. Вследствие сего мы делаемся тем, о чем прежде не знали, будучи омрачены страстями, и получаем еще то, чего недостойны (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 503).

***

...Строгое исполнение заповедей научает людей глубокому сознанию своей немощи... (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 7—8).

***

...В душе благодать Святаго Духа блюдется исполнением заповедей, а исполнение заповедей полагается как основание для получения дара благодати Божией... (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 32).

***

<Не спасет, а погубит душу свою> тот, кто разоряет заповедь Мою — Владыки всех и, как бы попирая и обходя ее, нарушает законы Мои и преступает повеления. Находясь вне двора заповедей (Моих) и вне ограды их, если он и спасет мир и живущих в мире, то (и тогда) будет чужд Мне и далек от овец Моих, в особенности же как разоривший ограду двора и давший овцам выход не через единственную дверь, а зверям — неправый вход; он понесет невыразимое мучение за всех овец и будет рассечен надвое, и (преданный) огню и тартару, будет, несчастный, добычею червей (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 143).

***

Кто трудолюбно начал исполнять заповеди Божии и с теплым рачением взял на рамена свои легкий ярем подвижничества, тот не щадит здоровья тела, не ужасается

тяжелости дел добродетели, не отступает в болезненном страхе пред трудами и не посматривает на другого кого, нерадиво и беспечно относящегося к подвигам, но с горячим желанием шествует стезею добродетелей, во всяком злострадании (при всяких лишениях), смотря на себя одного и на заповеди Божии, и каждодневно бросает в слезах семена свои на поле живых, пока породится в нем злак бесстрастия, возрастет в стебель ведения Божественного и даст клас <колос>, приносящий зерно слова и порождения правды (прп. Никита Стифат, 93, 98).

***

Исполняющий заповеди не бывает камнем соблазна для людей... (прп. Никита Стифат, 93, 103).

***

Многие из действующих по заповедям кажутся идущими путем, которые, однакож, не достигши града, остаются вне; потому что бестолково совершают путь свой, ошибочно принимая распутья, уклоняющие от прямого царского пути, т. е. соседние с добродетелями пороки, за настоящий царский путь. Ибо исполнение заповедей истинное не только не терпит ни недостатка, ни излишества, но и требует богоугодной цели, т. е. исполнения во всем единой Божественной воли. Если же не так (дело идет), то суетен труд, потому что без этого не творятся ***правые стези Божии*** (ср.: Мк. 1, 3), во всяком деле неотложно требуется иметь сказанную цель при делании его (прп. Григорий Синаит, 93, 199).

***

Ищущий уразуметь заповеди без исполнения заповедей, и чрез учение и чтение обрести то желающий, подобен человеку, воображающему тень вместо истины (прп. Григорий Синаит, 93, 201).

***

...Как чрез преступление заповеди, отделившись от Бога, душа умертвилась, так чрез послушание заповеди, соединившись опять с Богом, она оживотворяется (свт. Григорий Палама, 93, 256—257).

***

...Преступление заповеди Божией является причиною всякой смерти и для души и для тела, и той, которая бывает в сем веке, и той, которую составит нескончаемая оная мука (свт. Григорий Палама, 93, 256).

***

...Со всяким прилежанием исполняй всегда до последней йоты Божественные заповеди Спасителя, если непостыдно желаешь оказаться тогда стоящим одесную Господа... (прп. Максим Грек, 68, 16).

***

...Душа, не омыв все свои скверны всеми Божественными заповедями, не может благополучно достигнуть безопасной пристани, не имея направляющей ее благодати Святаго Духа (прп. Максим Грек, 68, 27).

***

...Пока живете в преступлении Моих заповедей, до тех пор вы напрасно призываете Меня <Господа> многими и продолжительными молитвами (прп. Максим Грек, 68, 136).

***

Благоденствие же для инока заключается в том, чтобы всею душою, со всем сердечным желанием ходить всегда путем заповедей Спасителя и отеческих постановлений (прп. Максим Грек, 68, 158).

***

Заповеди не тяжки, но много препятствий встречает исполнение их во внешних обстоятельствах трудящегося и особенно во внутренних его склонностях и навыках (прп. Никодим Святогорец, 70, 238).

***

Исполняй заповеди Господа — и чудным образом увидишь Господа в себе, в своих свойствах (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 105).

***

Исполнение Евангельских заповедей настраивает ум и сердце к чистой, исполненной умиления молитве, а истинная молитва направляет мыслить, чувствовать, действовать по заповеданиям Евангелия (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 145—146).

***

Когда приступишь к исполнению велений евангельских, тогда с упорством воспротивятся этому исполнению владыки твоего сердца. Эти владыки — твое собственное плотское состояние... и падшие духи (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 158).

***

Опыт не замедлит открыть уму молящегося теснейшую связь между заповедями Евангелия и молитвою Иисусовою (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 225—226).

***

...Истинный ученик Христов почитает исполнение заповедей Христовых единственною целью своей жизни. Эти всесвятые заповеди соделываются для него крестом, на котором он постоянно распинает своего ветхого человека *со страстьми и похотьми* его (Гал. 5, 24) (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 355).

***

Чтоб помнить смерть, надо вести жизнь сообразно заповедям Христовым. Заповеди Христовы очищают ум и сердце, умерщвляют их для мира, оживляют для Христа: ум, отрешенный от земных пристрастий, начинает часто обращать взоры к таинственному переходу своему в вечность... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 382).

***

Веруй святым, животворящим Евангельским заповедям... исполнение которых составляет так называемую свя-

тыми отцами деятельную веру христианина (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 499).

***

Исполнением животворящих заповедей Евангельских поддерживается соединение христианина со Христом. Иначе не может член Христов пребывать в единении со Христом, как действуя из Его воли, из Его разума. И воля и разум Христовы изображены в Евангельских заповедях (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 500—501).

***

Заповеди Десятисловия сохраняли в человеке способность к принятию заповедей Евангелия. Заповеди Евангелия возводят в непорочность, превысшую той, в которой мы сотворены: они зиждут христианина в храм Божий... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 507).

***

Каждая заповедь Божия есть священная тайна: открывается она исполнением ее и по мере исполнения ее (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 510).

***

Навык к исполнению Евангельских заповедей соделывает кротость и смирение свойством души. Тогда Божественная благодать вводит в душу духовную кротость и духовное смирение... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 518).

***

Условие пребывания в любви Божией и в соединении с Богом заключается в соблюдении Евангельских заповедей (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 519).

***

Хочешь ли стяжать смирение? — Исполняй Евангельские заповеди: вместе с ними... <усвоишь> святое смирение, т. е. свойство Господа нашего Иисуса Христа (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 539).

***

В заповедях — не одно делание: в них сокровен и при посредстве их является духовный разум... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 6).

***

Исполнение заповедей Спасителя — единственный признак любви к Богу, принимаемый Спасителем (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 67).

***

Что заповеди Божии? Это — воля Божия, объявленная Богом человекам для руководства в действиях, зависящих от произвола их (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 78).

***

Красота подобия восстанавливается Духом, как и образ при крещении. Она развивается, усовершается исполнением Евангельских заповедей (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 134).

***

Желающий быть чистым исполнителем заповедей Христовых должен крайне храниться от пристрастий (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 144).

***

Когда сердце заражено пристрастием, — оно не может исполнить чистой и святой воли Христовой с подобающею святостью и чистотою (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 144).

***

Исполнение заповедей... или, правильнее, усилия к исполнению заповедей по необходимости обличают живущий в нас грех и возбуждают жестокую внутреннюю борьбу, в которой принимают сильнейшее участие духи злобы (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 270).

***

Жительство по Евангельским заповедям есть единый и истинный источник духовного преуспеяния, доступный для каждого, искренне желающего преуспеть, в какое бы наружное положение он ни был поставлен недоведомым Промыслом Божиим (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 309).

***

Исполнение Евангельских заповедей вводит человека в истинное богопознание и самопознание, в истинную любовь к себе, к ближнему, к Богу, в общение с Богом, которое развивается тем обильнее, чем усерднее и точнее

исполняются Евангельские заповеди (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 359).

***

Всеоружие Божие — все Евангельские заповеди. Поправший одну из них — попрал все собрание их, весь закон... (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 162).

***

...Только содевающему все без исключения заповеди возможно устоять против врага (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 162).

***

Угроза небрегущему о исполнении Евангельских заповедей заключается в предречении ему бесплодия, отчуждения от Бога, погибели (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 33).

***

...Господь приходит в сердце исполнителя заповедей, соделывает сердце храмом и жилищем Божиим... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 33).

***

Исполнение заповедей в обществе человеческом доставляет исполнителю опытное, самое ясное и самое подробное познание падшего естества человеческого и падших духов... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 43).

***

Исполнение заповедей, предшествующее соединению ума с сердцем, различествует от исполнения заповедей, последующего соединению (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 117).

***

Между Евангельскими заповедями и крестом — чудное сродство! Делание заповедей привлекает на рамена делателя крест, а крест усовершает, утончает нашу деятельность по закону Христову... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 134).

***

Если хочешь быть верным, ревностным сыном Православной Церкви, то достигай этого исполнением Евангельских заповедей относительно ближнего (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 277).

***

Что с миром нельзя <примирить> Евангелия, это знал Господь, давая заповеди; но нигде не сказал, что можно было делать уступки миру. Уступки — измена Господу (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 202).

****

В Антиохии жил вельможа по имени Архела. Однажды лицо его покрыла проказа. Долгое время пребывал он в таком положении и, несмотря ни на какие усилия, не мог избавиться от болезни. Тяжело было ему. Ближние смотрели на него с отвращением, и он был вынужден скрываться. Один из ближайших друзей сжалился над ним и

предложил помощь. «Неподалеку от нас есть монастырь, — сказал он, — в нем живет инок по имени Иоанн. Много я слышу о нем доброго, и много к нему христиан обращается за помощью; сходим к нему и попросим его молитв». Архела согласился, и они оба, придя в монастырь, где жил Иоанн, пали к его ногам и молили об исцелении. Иоанн сказал Археле: «Сначала дай обет Богу впредь поступать по Его заповедям, потом наполни руки бедных от своего имения и, наконец, веруй, что Бог может исцелить тебя». Архела отвечал: «Что ты мне повелеваешь, все исполню и, если что у кого взял неправедно, отдам с избытком, только исцели меня, отче преподобный». Иоанн после этого приказал братиям омыть Архелу священной водой, и тот совершенно выздоровел (112, 163—164).

***

Когда настало время кончины аввы Исаака, собрались к нему старцы и спросили его: «Авва! Как проводить нам жительство по твоем отшествии?» Он отвечал: «Вы видели, как я жил. Если хотите, то подражайте мне: храните заповеди Божии, и Бог пошлет вам благодать Свою, а место это сохранит. Если же не будете соблюдать заповедей Божиих, то не пребудете и на месте этом. И мы скорбели, когда умирали наши отцы, но, соблюдая заповеди Божии и завещания наших отцов, прожили как бы в сожительстве с ними. И вы поступайте так, и спасетесь» (106, 247—248).

***

Авва Макарий спросил авву Захария: «Скажи мне, какое дело монаха?» «Тебе ли спрашивать меня, отец?» — отвечал Захария. Авва Макарий сказал: «Я хорошо знаю

тебя, сын мой, но некто заставляет меня спросить тебя об этом». Тогда Захария говорит ему: «По мне, отче, тот монах, кто во всем принуждает себя исполнять заповеди Божии!» (97, 83).

***

Один брат сказал авве Феодору: «Я хочу исполнить заповеди». Старец отвечал ему: «И авва Феона также некогда говорил: «Хочу при помощи Божией выполнить намерение свое». Принеся в пекарню муку, он испек из нее хлебы. Когда попросили у него бедные, он отдал им хлебы; когда же попросили еще и другие, отдал им корзину и одежду, которую носил, и вошел в свою келью, опоясанный мафорием. Но при всем том он осуждал себя за то, что не исполнил заповеди Божией» (97, 284).

ЗДОРОВЬЕ

...Когда тело бывает здраво, то оно наклоннее бывает к возбуждению враждебных действий против Бога (прп. авва Исаия, 59, 182).

***

Заболевший познает цену здравия (прп. авва Исаия, 89, 349).

***

Хорошо некоторые определяли здоровье, что оно есть благоустройство естественных действований (свт. Василий Великий, 5, 143).

***

Если здоров ты телом, то не превозносись, а бойся, ибо как многострунные гусли в руке человека, так всякая плоть в руке Иисуса Христа, Спасителя нашего (прп. Ефрем Сирин, 30, 138).

***

...Не будем ни слишком высоко ценить во всяком случае здоровье, ни слишком осуждать болезнь... (свт. Григорий Богослов, 13, 40).

***

...Здоровье не есть прямое добро, если кто употребляет его не по надлежащему, а на худые дела или на безумное действие, что тоже не безвинно (свт. Иоанн Златоуст, 49, 437).

***

...Скудость во всем называют матерью здравия (прп. Исидор Пелусиот, 61, 227).

***

Если заботишься о телесном здоровье, то уважай довольство малым, потому что от последнего происходит первое. Если же роскошью доводишь тело до того, что оно тучнеет и скачет, то, сам того не примечая, не только вооружаешь его против души и делаешь необузданным, но еще приготовляешь в нем корень и источник неисцельных болезней (прп. Исидор Пелусиот, 62, 295—296).

***

Подавляйте прорывы диавольских похотений, и прогоняйте толпы вражеских помыслов, ибо от сего наше душевное здравие и благобытие... (прп. Феодор Студит, 92, 76).

***

...Здоровье не от одной пищи зависит, а наиболее от душевного спокойствия (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 197).

ЗЛО

Ходящие в невинности и простоте будут сильны против всякого зла и соблюдутся в Жизнь Вечную (св. Ерм, 94, 165).

***

Если же кто не знает, какое желание или какое разумение должно оставить, то да испытывает всякое дело и всякое разумение удалением и воздержанием от него, и что приносит беспокойство и при исполнении своем наслаждение, а при возбранении огорчение, то худо. И его надобно презреть, прежде нежели оно в нас замедлит, ибо иначе придется потрудиться, чтобы победить его, когда уже почувствуется от него вред. Это говорю о всяком деле и о всяком разумении, без которых мы можем быть живы телом и благоугодить Богу (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 24).

***

Если человек решится исправиться и начнет избегать всякого зла, вооружившись против него подвигами —

плачем, сокрушением, воздыханиями, постом, бдениями, бедностью и многими к Богу молитвами, — то Господь по Своей благодати поможет ему и от всех душевных страстей избавит его (прп. Антоний Великий, 89, 50).

***

Как огонь сожигает большие леса, когда понебрежешь о нем, так злоба, если допустишь ее в сердце, погубит душу твою, и тело твое осквернит, и много принесет тебе неправых помышлений; возбудит брани, раздоры, молвы, зависть, ненависть и подобные злые страсти, отягчающие самое тело и причиняющие ему болезни (прп. Антоний Великий, 89, 56—57).

***

Сживающиеся со злом никогда не будут в числе бессмертных (т. е. блаженным бессмертием) (прп. Антоний Великий, 89, 65).

***

Причина... всех зол есть заблуждение, прелесть и неведение Бога (прп. Антоний Великий, 89, 67).

***

Бог не есть виновник зла. Он даровал человеку разум, способность различать добро, и зло, и самовластие; злые же страсти рождаются уже от нерадения и беспечности людей. Отнюдь невиновен в них Бог. По свободному выбору воли демоны сделались злыми, равно как и большая часть людей (прп. Антоний Великий, 89, 79—80).

***

Зло приражается к естеству, как ржавчина к меди и грязнота к телу. Но как не медник произвел ржавчину и не родители грязноту, так не Бог произвел зло. Он даровал человеку совесть и разум, чтоб избегал зла, зная, что оно вредно для него и готовит ему муку. Смотри же внимательно, увидев какого счастливца в силе и богатстве, ни под каким видом не ублажай его, прельщен будучи демоном. Но тотчас смерть да будет у тебя пред глазами, и никогда не возжелаешь ты ничего худого, или житейского (прп. Антоний Великий, 89, 80).

***

Человек, благочестиво живущий, не попускает злу войти в душу. А когда нет в душе зла, тогда она бывает безопасна и невредима. Над таковыми ни злобный демон, ни случайности не имеют власти. Бог избавляет их от зол и живут они невредимо хранимы, как богоподобные. Похвалит ли кто такого человека, он в себе самом посмевается над хвалящими его; обесславит ли, он сам не защищается пред поносящими его, и не негодует за то, что так говорят они о нем (прп. Антоний Великий, 89, 80).

***

Бог приличнейшим образом положил преграду злу в людях тем, что даровал им ум, ведение, разум и различение добра, чтобы, познавая зло, что оно вредит нам, мы убегали его. Но безумный человек идет вслед зла, и даже величается им, и, как бы в сеть попавшись, бьется он, будучи опутан им внутри и не имея сил возникнуть когда-либо из-под него, чтобы увидеть и познать Бога, все со-

здавшего во спасение и обожение людей (прп. Антоний Великий, 89, 92—93).

***

...Когда нет зла в человеке, тогда благодарение и одно, паче всякой многоценной жертвы, — приятно Богу (прп. Антоний Великий, 89, 93).

***

Не воздавай злом за зло, ни оскорблением за оскорбление, ибо этим смиряет тебя Сам Бог, видя, что ты не смиряешься сам собою (прп. Антоний Великий, 89, 113).

***

Злоба в сердце на ближнего уязвляет душу и отравляет зараженного ею (прп. авва Исаия, 59, 40).

***

Как червь, подтачивающий древо, повреждает оное, так и злоба, питаемая в сердце человека, снедает оное (прп. авва Исаия, 59, 95).

***

Всех... зол глава одна — злоба врага... (прп. авва Исаия, 59, 115).

***

...Зло, подобно темной стене, затемняет ум, и соделывает душу бесплодною (прп. авва Исаия, 59, 118).

***

Храни очи свои — и сердце твое не узрит зла (прп. авва Исаия, 89, 351).

***

В начале не было зла, потому что и теперь нет его во святых, и для них вовсе не существует оно (свт. Афанасий Великий, 1, 126—127).

***

...Не будет Он <Бог> Господом сущего, если зло, как... говорят, само по себе имеет самостоятельность и сущность (свт. Афанасий Великий, 1, 131).

***

...Зло не от Бога и не в Боге, что его не было в начале и нет у него какой-либо сущности; но люди, с утратой представления о добре, сами себе, по своему произволу, стали примышлять и воображать не сущее (свт. Афанасий Великий, 1, 133).

***

...Зло не живая и одушевленная сущность, но состояние души, противоположное добродетели и происходящее в беспечных чрез отпадение от добра. Посему не доискивайся зла вовне, не представляй себе, что есть какая-то первородная злая природа, но каждый да признает себя самого виновником собственного злонравия (свт. Василий Великий, 5, 29).

***

...Зло, в собственном смысле взятое, получило начало в произвольных падениях (свт. Василий Великий, 5, 30).

***

Всякое же зло есть душевный недуг... (свт. Василий Великий, 5, 143).

***

...Избегающие зла заслуживают похвалу не тогда, как они раз или два уклонятся от греха, но тогда, как возмогут навсегда избежать искушения во зле (свт. Василий Великий, 5, 160).

***

...Не тому, кто совершен, прилично воздержание от зла, но только еще начинающему надлежит уклоняться от стремления к злу (свт. Василий Великий, 5, 262).

***

Многие одобряют худые дела: шутливого называют забавным; сквернослова — знающим обхождение; чрез меру взыскательного и гневливого именуют человеком, не заслуживающим презрения; скупого и необщительного хвалят за расчетливость; расточительного — за щедрость, блудника и распутного — за умение наслаждаться и за развязность; вообще всякий порок прикрашивают именем соприкосновенной добродетели. Такие люди устами благословляют, а сердцем клянут; потому что своими похвалами навлекают проклятие на жизнь хвалимых, подвергая их вечному

осуждению за то самое, за что одобряют их (свт. Василий Великий, 5, 332).

***

...Совершенное злонравие — грешить и мыслию и делом... (свт. Василий Великий, 6, 128).

***

...Половина... зла, когда грех ограничивается одним мысленным устремлением (свт. Василий Великий, 6, 128).

***

Кто имеет возможность уврачевать зло, но добровольно и по любостяжательности откладывает сие, того, по справедливости, можно осудить наравне с убийцами (свт. Василий Великий, 8, 119).

***

...Не Бог причиной зол во аде, а мы сами; потому что началом и корнем греха от нас зависящее — наша свобода (свт. Василий Великий, 8, 125).

***

Зло есть лишение добра (свт. Василий Великий, 8, 132).

***

...Зло не само по себе существует, но является за повреждениями души (свт. Василий Великий, 8, 132).

***

...Если кто делает зло под личиною добра, то он достоин сугубого наказания... (свт. Василий Великий, 10, 124).

***

Памятуй о смерти, и не возносись, ибо еще немного, и сведен будешь во гроб, какую пользу принесут тебе злые дела? (прп. Ефрем Сирин, 30, 194—195).

***

Будьте... внимательны к тому, как приходит в силу все лукавое, с каждым днем преуспевает злое, возрастают пороки: все это предвещает наступающее смятение и великую скорбь, какая придет на все земные пределы. По грехам нашим с каждым днем преуспевает все это, от нашего расслабления возрастают пороки на земле (прп. Ефрем Сирин, 30, 541).

***

Зломудрие немилосердно поражает своих любителей; нет порока, которому бы зломудрие не было матерью. Конечно, ***корень всех зол есть сребролюбие*** (1 Тим. 6, 10), по изречению Апостола... но корень сей насажден зломудрием, ибо оно питает и возращает ветви порока. Что неприязненнее его в мире? (прп. Ефрем Сирин, 31, 306).

***

Оно <зломудрие> ненавидит истину, любит ложь, не принимает наставлений, любуется невежеством, не при-

нимает обличений, отвергает вразумление, питает сластолюбие, небрежет о Боге, не стыдится людей. Начало его — небогобоязненность, а конец его — пагуба и наследие гибели (прп. Ефрем Сирин, 31, 307).

***

Горе тому, кто, зная доброе, дает руку лукавому, потому что в день исхода его приимут его злые ангелы (прп. Ефрем Сирин, 31, 535).

***

Если терпеливо сносишь людскую злобу, то узнаешь благородство доброты (прп. Ефрем Сирин, 31, 627).

***

...Если кто человеку сделает что доброе или худое, сие относится к Нему <Богу> Самому, потому от Него происходит всякий суд, воздающий по заслугам: Он отмщает за Свой образ (прп. Ефрем Сирин, 32, 396).

***

Водворяются у нас зависть и коварство, преобладает ненасытность. Никто не памятует о Боге, никто не ждет, что по смерти будет судим. От того и умножилось зло, что уничижается нами Бог (прп. Ефрем Сирин, 32, 398).

***

Злые дела, какие сделал я пред Господом всяческих, отлучают меня от сообщества святых. И поелику жизнью своею не служил я Богу, как они, то и не имею никакой

части в добрых делах их. Увы, я погиб! (прп. Ефрем Сирин, 33, 204).

***

Низринутся и низойдут злые во ад; геенна поглотит их навек; тогда пожелают они, чтобы ни матернее чрево, ни гроб не рождали их. То и другое было бы сносно, а в геенне мучительно (прп. Ефрем Сирин, 33, 240).

***

Если бы не пожелал я зла, то и не сделал бы. Невозможно не помыслить, но возможно не желать, и поелику пожелал я, то стал преступным (прп. Ефрем Сирин, 33, 240).

***

...Замышляющие злое скрываются во мраке, не хотят, чтобы виден был обман их, поэтому ищут тьмы и скрытности или, подобно стрелкам, вдалеке делают засаду и обаятельными, притворными и хитрыми словами уловляют братий своих в обман (прп. Ефрем Сирин, 34, 622).

***

Всякое зло дерзко входит в род человеческий через господство страсти... (прп. Ефрем Сирин, 37, 224).

***

...Против ухищрений и козней зла потребна молитва... (прп. Ефрем Сирин, 37, 292).

***

...Ежели не в наших силах остановить стремление зла, то по крайней мере ненавидеть и стыдиться его есть не последняя степень благочестия (свт. Григорий Богослов, 12, 22).

***

...Божество, по естеству благое, нимало не виновно во зле, и злые дела принадлежат произвольно избирающему злое... (свт. Григорий Богослов, 12, 112).

***

Великое врачевство против зла — исповедание греха и удаление от него (свт. Григорий Богослов, 13, 65).

***

Будь медлен на злое дело, а скор ко спасению... Ибо равно худы и готовность на худшее, и медленность к лучшему (свт. Григорий Богослов, 14, 296).

***

Кто сделал недоброе дело, тому сомнительный помощник — красноречие (свт. Григорий Богослов, 15, 361).

***

Из зол явное зло менее опасно; вреднее же то, которого не признают злом (свт. Григорий Богослов, 16, 159).

***

...Зло старается утаиться и скрыться в мысли человека (прп. Макарий Египетский, 67, 120).

***

...Для нас есть зло, потому что оно живет и действует в сердце, внушая лукавые и нечистые помыслы, препятствует нам приносить чистые молитвы, делая ум пленником века сего (прп. Макарий Египетский, 67, 142).

***

...Бывает и во зле, когда человек повинуется и делается готовым, тогда сатана побуждает и изощряет его, как разбойник — меч (прп. Макарий Египетский, 67, 263).

***

Если... человек, побуждаемый сатаною, будет делать зло, то не сатана осуждается вместо него, но терпит истязание и наказание сам человек, как по собственной воле подчинившийся пороку (прп. Макарий Египетский, 67, 355).

***

...Душа может противиться греху, но не может без Бога победить или искоренить зло (прп. Макарий Египетский, 89, 188).

***

...Сами люди не согласуются с благодатию, почему и совращаются, и впадают в тысячи зол (прп. Макарий Египетский, 89, 244).

***

Зло не самостоятельно, потому что не от Сущего имеет свою особность. А что не от Сущего, то, конечно, не

существует особым естеством (свт. Григорий Нисский, 18, 227).

***

...Если в одном и том же, что одному служит во зло, а другому нет, разность произволения то и другое показывает в противоположности, то ясно, что никакое зло не может состояться без нашего произвола (свт. Григорий Нисский, 18, 287).

***

...Так как зло представляется чем-то противоположным любви, а Бог есть всесовершенная добродетель, то вне Бога зло, которого свойство состоит не в том, что оно в бытии, но в том, что оно не в добре... Слово «зло» есть наименование того, что вне понятия о добре. Зло представляется столько же противоположным добру, сколько несуществующее противоположно существующему. Итак, поелику мы по свободному устремлению отпали от добра, то, как о тех, которые не во свете, говорится, что видят тьму (ибо ничего не видеть значит видеть тьму), так и в нас, отпадших от добра, осуществилось тогда неосуществленное естество зла, и дотоле пребудет, пока мы вне добра. Если же свободное движение нашей воли прервет сношение с несущественным и сблизится с Сущим, то и сие, что теперь во мне, не имея более бытия, вовсе не будет иметь и того, чтобы оставаться во мне, потому что зло, вне произволения взятое, само по себе не существует... (свт. Григорий Нисский, 19, 326).

***

Бог все сотворил на добро и причастным существенного дал рассудок, отличающий лучшее, познанная которым

благовременность употребления каждой вещи доставляет употребляющим ощущение прекрасного. Поелику же погрещил человек в правом суждении о сущем, лукавым советом совращен у него правильный судящий рассудок, то перемена во времени, что в каждой вещи было полезного, превратила сие в испытание противоположного. Если кто, предложив на столе все приготовленное для пиршества, положит вместе и какие-либо приборы, служащие к удобному принятию пищи... или небольшие ножи... или остроконечные серебряные снаряды... для удобного черпания вареных овощей; и потом кто-либо из приглашенных на пир, изменив употребление положенных на столе вещей, каждою воспользуется не надлежащим образом, ножом зарежет или себя, или кого-нибудь подле себя, а острием выколет глаз или у ближнего, или свой, то иной скажет, что такой-то во зло употребил приготовление дающего пир. Хотя устроивший пиршество сам предуготовил причину происшедшего, но в худом лежащего на столе употреблении, доведенном до сей беды, виновен безрассудно воспользовавшийся положенным (свт. Григорий Нисский, 19, 355—356).

***

...Наклонность к худому происходит не отвне, по какой-либо понуждающей необходимости, но вместе с соизволением на зло составляется самое зло, тогда приходя в бытие, когда избираем его; само же по себе, в собственной своей самостоятельности, вне произвола, зло нигде не находится состоящим. Из сего ясно открывается самоправная и свободная сила, какую Господь естества устроил в естестве человеческом для того, чтобы от нашего произволения зависело все, и доброе и худое (свт. Григорий Нисский, 19, 426—427).

***

...Отступившие от сношения с добрым, и отступлением от лучшего осуществившие зло... прилагают все старание, и всячески примышляют, как и других присоединить к общению во зле (свт. Григорий Нисский, 20, 49).

***

...Зло зарождается как-то внутри, составляемое свободным произволением тогда, как происходит какое-то удаление души от хорошего (свт. Григорий Нисский, 21, 18).

***

...Вне свободного произволения нет никакого самобытного зла; но зло потому и называется злом, что оно не добро... (свт. Григорий Нисский, 21, 27).

***

...Как здоровье и болезнь, так и благость и злоба имеют состоятельность при взаимном отрицании, так что отсутствие одного делается осуществлением другого (свт. Григорий Нисский, 23, 206).

***

Зло мы понимаем не как нечто самостоятельное в нашей природе, но смотрим на него как на отсутствие только добра (свт. Григорий Нисский, 25, 467).

***

Ангелы радуются, когда умаляется греховное зло, а демоны — когда умаляется добродетель (авва Евагрий, 89, 578).

***

Зло собственно не есть субстанция, но лишение добра; подобно тому, как мрак не другое что есть, как отсутствие света (авва Евагрий, 89, 607).

***

...Зла не подозревает тот, кто свободен и обезопасен от зла (авва Евагрий, 89, 607).

***

Кто молится за врагов, тот не будет помнить зла... (авва Евагрий, 89, 609).

***

Праздник Господень — забвение зол; помнящего же зло обымет плач (авва Евагрий, 89, 610).

***

Всякое злое пожелание отгоняй от себя, и не одолеют тебя враги твои (авва Евагрий, 89, 616).

***

Хотя бы кто совершил тысячу добрых дел, но сделал что-нибудь худое, будет возмездие ему за это худое (свт. Иоанн Златоуст, 44, 365).

***

Таково зло — не оставаться в пределах, которые от начала назначил нам Бог! (свт. Иоанн Златоуст, 44, 487).

***

...Злым есть польза от сообщества с добрыми: они их стыдятся, краснеют, совестятся; если и не отстают от греха, по крайней мере, делают зло скрытно (свт. Иоанн Златоуст, 45, 297).

***

...Бог оставил между праведниками злых, чтобы они, будучи одинаковы с праведными по природе, сделались одинаковыми и по расположению воли (свт. Иоанн Златоуст, 45, 298—299).

***

...Терпеть зло не есть зло, а причинять зло есть зло (свт. Иоанн Златоуст, 45, 415).

***

...<Надо> плакать больше всего о тех, кто творит зло, а не о тех, кто терпит зло (свт. Иоанн Златоуст, 45, 426).

***

...В настоящей жизни нет зла, кроме... только порочности, и лукавства, и душевной испорченности... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 800).

***

...Чем больше зла сделает нам враг, тем больше окажет благодеяний (свт. Иоанн Златоуст, 46, 179).

***

...Занятие работою <отклоняет> душу работающего от всякого зла (свт. Иоанн Златоуст, 46, 188).

***

...В том и заключается причина всех зол, что грехи других мы исследуем с великою точностью, а свои пропускаем с великою небрежностью (свт. Иоанн Златоуст, 46, 376).

***

Многие, по своим погрешительным мнениям, считают вредным для нашего достоинства разное — одни бедность, другие телесную болезнь, иные потерю имения, другие злословие, иные смерть, и непрестанно о том сокрушаются и плачут... А никто не плачет о живущих нечестиво, но, что всего хуже, часто даже называют их счастливыми; это бывает причиною всех зол (свт. Иоанн Златоуст, 46, 476).

***

Если кто-нибудь станет тебе строить козни и делать зло, будь выше этих стрел, потому что не переносить зло, а делать зло — вот что в действительности значит страдать от зла (свт. Иоанн Златоуст, 46, 740).

***

Хотя страждущие от злоумышленников и делаются славнее, но это зависит не от намерения злоумышляю-

щих, а от мужества подвергающихся злоумышлению. Поэтому последним определяются и готовятся награды за любомудрие, а первым наказание за злобу (свт. Иоанн Златоуст, 47, 479).

***

Столь сильна добродетель, и столь бессильна злоба; первая — и среди страданий побеждает, а последняя и в том, что делает, показывает только собственное бессилие (свт. Иоанн Златоуст, 47, 555).

***

Кто умышляет сделать зло ближнему, тот ему нисколько не вредит, а если и вредит сколько-нибудь, то в настоящей только жизни, а себе готовит казни нескончаемые, муки невыносимые (свт. Иоанн Златоуст, 47, 660).

***

...Не только делающие зло, но и одобряющие их подвергаются одинаковому с ними или даже более тяжкому наказанию... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 845).

***

...Будем заботиться не о том, чтобы нам не потерпеть от врагов ничего худого, но о том только, чтобы самим не сделать никакого зла. Тогда мы действительно не потерпим никакого зла, хотя бы подверглись бесчисленным опасностям... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 859).

***

...Когда ты строишь козни, то не думай, что строишь их другому; ты сплетаешь сети самому себе (свт. Иоанн Златоуст, 48, 124).

***

...Кто делает зло, тот должен осуждать самого себя, потому что это путь к удалению от зла... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 266).

***

...Все злые люди хуже и безумнее диких зверей (свт. Иоанн Златоуст, 48, 469).

***

...Как можно дальше держать себя от сношения со злыми — это не только способствует благоденствию, безопасности, свободе и всякому удовольствию, но и есть величайшее счастье (свт. Иоанн Златоуст, 48, 470).

***

...Если хочешь быть в безопасности, перестань делать зло, и будешь наслаждаться великим спокойствием (свт. Иоанн Златоуст, 48, 475).

***

...Где любовь к Богу, оттуда убегает всякое зло... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 477).

***

...Не сильный и не закоренелый во зле, сохраняя остатки добра, как более слабый в своей злобе, будет скрывать свои грехи и, чувствуя уколы совести, может покаяться и найти себе лекарство от своей злобы в исповедании (грехов) и искреннем покаянии... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 668).

***

Сила благодеяния является пищей для злобы благодетельствуемого человека <злого> (свт. Иоанн Златоуст, 48, 830).

***

Бесы прогоняются знамением креста, а злой человек противоборствует самому Господу; <апостол> Павел одним словом изгонял бесов, а злобы Александра ковача победить не мог... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 830).

***

Крайнее зло, когда не только грешат, и не только грешат дерзко, но изгоняют и тех, которые могли бы исправить это (свт. Иоанн Златоуст, 49, 47).

***

...Большего наказания достойны не творящие зло, а побуждающие их ко греху (свт. Иоанн Златоуст, 49, 118).

***

...Зло происходит не от природы, но от свободы, которая неправо мыслит (свт. Иоанн Златоуст, 49, 216).

***

...Скопляющий внутри себя злобу, которая горче всякой желчи, потерпит жесточайший вред и причинит себе лютую болезнь (свт. Иоанн Златоуст, 50, 446).

***

Зло не иное что есть, как неповиновение Богу (свт. Иоанн Златоуст, 50, 608).

***

...Не спрашивай, откуда происходит зло, и не предавайся сомнению, но, узнав, что оно происходит от одной беспечности, удаляйся его (свт. Иоанн Златоуст, 50, 609).

***

...Зло <происходит>... от беспечности, от праздности, от обращения со злыми и от презрения к добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 50, 609).

***

Всякий делающий зло заслуживает наказания; кто же, принявши на себя образ благочестия, употребляет его для прикрытия своих злых дел, тот подлежит гораздо жесточайшему наказанию (свт. Иоанн Златоуст, 50, 735).

***

Диавол... не попускает ощущать зло, но множеством злых прикрывает гнусность зла, так как если бы злому случилось жить между многими добродетельными, то он лучше бы увидел свою наготу (свт. Иоанн Златоуст, 50, 816).

***

Как добрым удивляются не только добрые, но и злые, так злых ненавидят не только добрые, но и злые (свт. Иоанн Златоуст, 50, 817).

***

...Надобно отражать зло в начале; даже и в том случае, если бы первые преступления и не влекли за собою дальнейших, и тогда нельзя пренебрегать ими; между тем они доходят и до большего, когда душа вознерадит (свт. Иоанн Златоуст, 50, 856).

***

Всякое зло происходит от произволения и свободных намерений (свт. Иоанн Златоуст, 51, 21).

***

Ничто так не делает людей глупыми, как злоба (свт. Иоанн Златоуст, 51, 275).

***

Злоба бесстыдна и дерзка. Когда бы надобно было устыдиться, тогда она еще ожесточается (свт. Иоанн Златоуст, 51, 352).

***

Ничем так не услаждается Бог, как тем, когда мы не воздаем злом за зло. Но что я говорю: когда не воздаем злом за зло? Ведь нам заповедано воздавать противным — благодеяниями и молитвами (свт. Иоанн Златоуст, 51, 476).

***

Таково уж свойство злобы: она ни на что не смотрит, но всюду производит смятение (свт. Иоанн Златоуст, 52, 102).

***

Божие Домостроительство таково, что чем нам вредят, то самое служит к нашей пользе (свт. Иоанн Златоуст, 52, 420).

***

Мы вредим себе и тогда, когда делаем зло другому, и большая часть грехов наших происходит именно оттого, что мы не желаем добра самим себе (свт. Иоанн Златоуст, 52, 443).

***

...От нас всегда зависит, чтобы не терпеть зла, а не от делающих нам зло. Или, правильнее сказать, мы сами имеем власть не только не терпеть зла, но даже испытывать добро <при этом> (свт. Иоанн Златоуст, 52, 634).

***

Если человек не хочет зла, то душа свободна, а если он не делает зла, то и тело свободно: все зависит только от одной злой воли (свт. Иоанн Златоуст, 52, 639).

***

От частого совершения зло становится трудно преодолимым, подобно тому, как рисунок, будучи легко начертан

на доске, стирается без труда, а изображенный глубокими чертами изглаживается с трудом (свт. Иоанн Златоуст, 52, 880).

***

...Гордость, а затем беспечность и сластолюбие — источники... зол (свт. Иоанн Златоуст, 53, 229).

***

Когда истребится зло, то тем более прекратится смерть, потому что невозможно оставаться реке, когда иссякнет ее источник, или быть плоду, когда засохнет корень (свт. Иоанн Златоуст, 53, 408).

***

...Всегда должно иметь пред глазами Суд Божий — и все зло угаснет (свт. Иоанн Златоуст, 53, 519).

***

...Не столько причиняет вреда тот, кто съедает плоть человека, сколько тот, кто угрызает душу его, так как, насколько душа драгоценнее тела, настолько тягостнее и причиняемое ей зло (свт. Иоанн Златоуст, 53, 803).

***

Зло, которое почитают ничтожным, легко оставляют в пренебрежении, а оставленное в пренебрежении оно усиливается, усилившись же, становится неизлечимым (свт. Иоанн Златоуст, 54, 127).

***

...Ничего нет бессильнее злобы: она делает (человека) бессмысленным и безумным (свт. Иоанн Златоуст, 54, 131).

***

Как мертвые безобразны и зловонны, так и души погрязших во зле исполнены великой нечистоты (свт. Иоанн Златоуст, 54, 551).

***

Ты потерпел какое-нибудь зло? Но если хочешь, оно вовсе не будет злом. Возблагодари Бога, и зло обратится в добро (свт. Иоанн Златоуст, 54, 559).

***

...Человеку, который борется со злом, невозможно не испытывать скорбей (свт. Иоанн Златоуст, 54, 814).

***

Зло так очевидно, что все осуждают его, даже и те, которые его совершают; а добродетель такова, что ей удивляются и те, которые не следуют ей (свт. Иоанн Златоуст, 55, 197).

***

...Не будьте детьми по уму, но умальте себя во зле (свт. Иоанн Златоуст, 55, 771).

***

Злоба обыкновенно сама себе наносит раны... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1017).

***

Не <только> в лицо, но и в сердце получают удары злые <от своей злобы>; то может быть вылечено, а это не может, так как находится во внутренности (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1129).

***

Зло так велико, что поражает не только людей, но и неодушевленные предметы; грех превосходит всякое слово, всю силу мысли (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1150).

***

Как для потерявших аппетит и чувствующих отвращение к пище полезна горькая полынь, так для злонравных полезно терпеть злоключения (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 178).

***

Каждодневные дела наши надобно ежечасно взвешивать, внимая им, а вечером необходимо облегчать бремя их покаянием, сколько сил есть, если желаем, с помощью Христовою, препобедить в себе зло. Надобно также смотреть, по Богу ли, пред лицем ли Бога и для единого ли Бога совершаем мы все свои чувственные и видимые дела, чтобы по неразумию не быть окрадаемыми при сем какими-либо недобрыми чувствами (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 193).

***

...Злом должно называть один только грех, который, разлучая нас с Благим Богом, заставляет войти в общение с злым диаволом (авва Феодор, 56, 263).

***

...Как скоро кто не хотел сам предаться греху и старался противиться сему злу, то другой никогда не мог подвергнуть его оному, подвергался же только тот, кто сам допускал к себе это зло, по невнимательности своего сердца и растлению воли (авва Феодор, 56, 265).

***

Если спросит кого осмелившийся клеветать на истину: «Все ли Богу возможно?» и тот ответит: «Да», а спрашивающий присовокупит: «Следовательно, возможно и злое?» — то всего справедливее подвергнуть осмеянию, как невежду, не отвечающего, а паче спрашивающего; потому что зло не причисляется ко всему тому, что возможно Богу. Где именуется Бог, там несомненно последует добро. И кто имеет здравый ум, тому не придет и на мысль, что возможно Богу зло. Никто также не назовет немощью невозможность делать зло; потому что делание зла есть в собственном смысле немощь (прп. Исидор Пелусиот, 60, 378).

***

Хорошо не делать никакого зла, но лучше при сем даже охотно терпеть зло (прп. Исидор Пелусиот, 60, 396).

***

Ограждай слух и очи, потому что чрез них входят все стрелы злобы (прп. Нил Синайский, 72, 237).

***

...Кто делает <зло>, тот наследник диаволов (прп. Нил Синайский, 72, 250).

***

...Вознамерившийся сделать зло другому себе паче делает зло, по правдивому определению Всевидящего Бога (прп. Нил Синайский, 73, 121).

***

Злоба, питаемая помышлениями, делает сердце дерзким, а истребляемая воздержанием и надеждою сокрушает его (прп. Марк Подвижник, 69, 8—9).

***

Тайный делатель зла хуже обижающих явно, потому он и наказывается строже (прп. Марк Подвижник, 69, 19).

***

Если не хочешь терпеть зла, то не желай и делать зла (прп. Марк Подвижник, 69, 19).

***

Как нельзя пасти овец вместе с волками, так невозможно получить милости тому, кто делает зло ближнему (прп. Марк Подвижник, 69, 19).

***

Без сокрушения сердца невозможно совершенно избавиться от зла... (прп. Марк Подвижник, 69, 51—52).

***

Не испытывать приражений зла есть принадлежность одного Естества Непреложного, а не человеческого (прп. Марк Подвижник, 89, 511).

***

...Все злое и скорбное, случающееся с нами, приключается нам за возношение наше (прп. Марк Подвижник, 89, 535).

***

Всех зол предводитель есть неведение; второе же по нем есть неверие (прп. Марк Подвижник, 89, 548).

***

Есть зло, которое из сердца исходя охватывает, по причине давнего приражения и сосложения с ним сердца; и есть зло, мысленно борющее, по причине ежедневных случаев (прп. Марк Подвижник, 89, 557).

***

Зла нет в естестве, и нет никого, злого по естеству, ибо Бог не сотворил ничего злого. Но когда кто с похотением сердечным вносит в себя образ зла, тогда оно, несмотря на то что не есть в естестве, начинает быть, в таком виде, как возжелал сего тот, кто так делает. Почему до́лжно, со всем тщанием непрестанно памятуя о Боге, не

внимать обычным позывам на зло, ибо добро, сущее в естестве, могущественнее зла, прибывающего в естество совне через навык, так как то есть, а этого нет, разве только когда содевается (блж. Диадох, 91, 9).

***

...Познание о зле без посредства демонов не приемлют чувства и не приводятся злом в движение, и ум не может сам собою сделать зла (прп. Исаак Сирин, 58, 81).

***

...Зло есть недуг души, лишившейся свойственного ей и по естеству ей принадлежащего здравия, которое есть добродетель (прп. авва Дорофей, 29, 117).

***

Зло само по себе есть ничто, ибо оно не есть какое-либо существо и не имеет никакого состава. Нет, но душа, уклонившись от добродетели, делается страстною и рождает грех, потому и томится им, не находя в нем (для себя) естественного успокоения (прп. авва Дорофей, 29, 117).

***

...Злоба не имеет никакой существенности, ни состава, но получает бытие от нашего нерадения и опять истребляется и уничтожается нашим тщанием (о добродетели) (прп. авва Дорофей, 29, 127).

***

...Не делай зла даже и в шутку, ибо случается, что иной сначала шутя делает злое, а после и нехотя им увлекается (прп. авва Дорофей, 29, 190).

***

Злом собственно должно почитать не то, что тяготит плоть, а душу очищает; но то, что оскорбляет совесть, а плоть услаждает (авва Фалассий, 91, 303).

***

Зло устаревшее и подвига требует продолжительного, ибо укоренившаяся привычка скоро не сдвигается с места (авва Фалассий, 91, 327).

***

...Зло есть погрешительное суждение о познанных вещах, сопровождаемое неправильным их употреблением (прп. Максим Исповедник, 91, 180).

***

...Три... есть начала, побуждающих нас на зло: страсти, демоны и злое произволение. Страсти, когда желаем чего безрассудно, как то: или пищи не вовремя и без нужды, или жены без намерения деторождения и незаконной; также когда гневаемся или огорчаемся на кого не должно, как то: на бесчестившего или вред нам причинившего. Демоны: когда они во время вознерадения нашего, усмотрев удобное время, внезапно налегают на нас и с великою

силою возбуждают вышесказанные страсти и подобные им. Наконец, злое произволение, когда, зная добро, избираем зло (прп. Максим Исповедник, 91, 183—184).

***

Некоторые говорят, что не было бы зла в тварях, если бы не было посторонней некоей силы, увлекающей нас к оному. Но сила сия не иное что есть, как наше нерадение о естественной деятельности ума. Почему те, которые радеют о нем, всегда делают добро, а зла никогда. Итак, если и ты сего же хочешь, то отжени нерадение, и с тем вместе отженешь и зло, которое есть погрешительное употребление мыслей, сопровождаемое злоупотреблением и вещами (прп. Максим Исповедник, 91, 192).

***

Чем ты злонравнее, тем менее отрицайся от злострадания, дабы, смирен быв им, изрыгнул ты гордость (прп. Максим Исповедник, 91, 201).

***

Зло созерцается не в естестве созданий, но в погрешительном и неразумном их движении (прп. Максим Исповедник, 91, 233).

***

Где разум не властвует, там обыкновенно присуща власть чувственная, с коею некако сраствореna сила греха, чрез сласть влекущая душу к желанию сродной с нею по естеству плоти, вследствие коего она на себя приняв, как бы естественное ей дело, страстное и сластолюбное попе-

чение о плоти, отводит человека от настоящей естественной жизни и склоняет его сделаться для себя устроителем не имеющего самостоятельного существования зла (прп. Максим Исповедник, 91, 255).

***

Зло для разумной души есть забвение естественных своих благ, происходящее от страстного отношения к плоти и миру (прп. Максим Исповедник, 91, 274).

***

Не связывай себя малым, и большим не будешь порабощен, ибо не бывает так, чтобы большее зло образовалось прежде меньшего (прп. Илия Екдик, 91, 473).

***

...Злыми делами нашими питаются демоны и получают силу воевать против нас, а нашим удалением от зла они истомляются алчбой и обессилевают... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 186).

***

...Те, которые делают зло, бывают обладаемы диаволом и явные показывают признаки, что имеют в себе и собою главу всякого зла (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 205).

***

...Все время, как мы подчиняемся и служим этому лукавому посредством злых дел, какие делаем, Благий Бог

не имеет части в нас, и мы недостойны Царствия Его, так что ложно называем мы Его Богом и Отцом нашим, когда имеем диавола властителем над собою... и богом своим, коего и черты подобия имеем в себе, открывающиеся в злых делах наших... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 251).

***

...Кто видит, что он удободвижим на злые дела, и сознает, что обнажен от Божественной благодати, тот пусть позаботится о себе и о спасении души своей, убедясь из того, что находится вне спасительной силы христианства и что имя Христово не принесет ему никакой пользы, но что вместе с диаволом пойдет он в уготованный ему огнь адский (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 258).

***

Кто верует, тот не одобряет ничего злого, но даже до смерти стоит за Христа и истину, не страшась (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 409).

***

Зол всяк, кто принимает в душу свою семя злого диавола, плодоносящее в нем терния и волчцы греха, сии предвозжжения вечного огня адского. Таковы: зависть, ненависть, злопамятство, сердитость, самомнение, тщеславие, гордость, лукавство, подозрительность, клевета и всякая другая срамная и низкая страсть, оскверняющая душу, как говорит Христос Господь (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 20).

***

Отнюдь не должно нам говорить или думать, что кто-либо зол, но всех видеть добрыми... (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 22).

***

<Человек> получил власть не делать зла, но не получил власти не помышлять о нем (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 53).

***

Виновником... всякого зла бывает диавол, да и мы, без ума повинующиеся ему (прп. Максим Грек, 68, 40—41).

***

Зло, будучи недостатком добра, может относиться только к ограниченным разумным тварям, в которых добро ограниченно. Недостаток не имеет места в бесконечном, ни приступа к нему. Бог — бесконечен, и добро Его — бесконечно (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 82).

***

Для победы над злом нам необходима помощь Божия. Когда содействует нам эта всесильная помощь, — мы побеждаем; когда она удаляется от нас, — мы побеждаемся (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 538).

***

...Бог так чудно устроил дело спасения нашего, что зло, имея злую цель и действуя с намерением повредить рабу

Божию во времени и в вечности, способствует этим его спасению (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 144).

***

...Зло, содействуя по мановению Божию в неведении своем добру, не престает пребывать для себя и для совершающих его тем, что оно есть — злом (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 147).

***

Вера, что все, и большое, и малое, — от Бога, научит принимать все как благо, каким злом ни казалось бы то (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 34).

ЗЛОПАМЯТСТВО

...Злопамятство производит смерть, забвение зла — жизнь вечную (св. Ерм, 94, 165).

***

Не держи в сердце своем злобы ни на кого, иначе труды твои будут тщетны и суетны (прп. авва Исаия, 59, 49).

***

Верблюд, если давно когда-нибудь ударен, долгое время таив гнев, как скоро улучает удобный случай, отмщает за обиду. Слышите, жестокосердые, старающиеся укоренить в себе, как добродетель, памятозлобие, кому вы подобны, когда огорчение на ближнего, как искру, сокрытую в пеп-

ле, храните в себе до тех пор, как, получив предлог, подобно пламени, распаляете гнев? (свт. Василий Великий, 5, 122).

***

Дым прочь гонит пчел, а памятозлобие изгоняет из сердца ведение (прп. Ефрем Сирин, 30, 188).

***

Чем истребляется памятозлобие? Содержанием в памяти страха Господня и дня кончины (прп. Ефрем Сирин, 30, 209).

***

Если борет тебя злопамятство, от всей души помолись о том брате, и злопамятство отступит от тебя (прп. Ефрем Сирин, 31, 592—593).

***

Не принимает Господь молитвы от того, кто помнит зло на брата (прп. Ефрем Сирин, 32, 17).

***

Если мы будем помнить о зле, какое сделали нам люди, — в нас ослабеет памятование о Боге... (прп. Макарий Египетский, 67, 19).

***

Ветер сильный гонит облака, а злопамятство — добрые чувства из души (авва Евагрий, 89, 609).

***

Кто питает злопамятство в душе своей, тот похож на скрывающего огонь в плевелах (авва Евагрий, 89, 609).

***

Христос наказывает не только злопамятных, но и тех, которые, освободившись от этой страсти, небрегут об оскорбленных (ими) братиях (свт. Иоанн Златоуст, 44, 135).

***

...Если блудодею и богохульнику невозможно быть причастником Священной Трапезы, тем более имеющему врага и злопамятствующему невозможно вкусить Святого Причастия (свт. Иоанн Златоуст, 45, 224).

***

Как беснующиеся никогда не бывают спокойны, так и злопамятный и враждующий никогда не будет вкушать мира... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 227).

***

...Нет никакого прощения нам, и никто не избавит нас, если мы злопамятствуем (свт. Иоанн Златоуст, 45, 233).

***

Если ты не простил врага, то не ему нанес вред, а самому себе... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 424).

***

Ничего так не отвращается Бог, как человека злопамятного, как сердца надменного и раздражительного (свт. Иоанн Златоуст, 45, 429).

***

Если ты не оставишь ближнему своему обиды, то и Отец твой Небесный не отпустит тебе грехов твоих (свт. Иоанн Златоуст, 45, 455).

***

Что... может быть хуже злопамятства, когда оно отъемлет назад и явленное уже человеколюбие Божие... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 14).

***

...Злопамятство есть двойное зло, потому что (само) никакого не имеет извинения пред Богом, да и другие грехи наши, хотя они и прощены будут, опять возобновляет и ставит против нас... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 15).

***

...Победив этот грех, можем получить некоторое снисхождение, хотя у нас будет и множество грехов (свт. Иоанн Златоуст, 46, 15).

***

Блистательная победа — та, когда ты побеждаешь зло добром, т. е. незлопамятством, оставив гнев и злопамятство (свт. Иоанн Златоуст, 46, 176).

***

Не будь же злопамятен... мы рабы Того, Который на Кресте сказал: *отпусти им: не ведят бо что творят* (Лк. 23, 34) (свт. Иоанн Златоуст, 46, 406).

***

Иные изглаждают грехи свои бдениями, лежанием на земле и бесчисленными подвигами, а ты можешь уничтожить все согрешения свои гораздо более легким способом — непамятованием зла (свт. Иоанн Златоуст, 51, 261).

***

Очистим же душу свою от памятозлобия; этого довольно будет, чтобы и нам быть услышанными... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 325).

***

...Есть и другой вид неистовства, еще худший (ярости). Какой? Тот, когда не хотят оставить гнева, но питают в себе памятозлобие, как какого домашнего палача. Самих же их первых мучит памятозлобие еще и здесь, не говоря о будущем. Подумай, какое терпит мучение человек, возмущенной душою, каждый день помышляя о том, как бы отомстить врагу? Прежде всего, он мучит сам себя и томится, раздражаясь, досадуя на самого себя, разгорячаясь. Точно огонь постоянно горит в тебе, и, когда горячка усиливается до такой степени, ты не ослабляешь ее, думаешь, как бы причинить какое зло другому; а между тем терзаешь самого себя, постоянно нося в себе сильный пламень, не давая успокоиться душе своей, постоянно сви-

репея и содержа ум свой в тревоге и смятении. Что хуже этого неистовства — всегда мучиться, раздражаться и воспламеняться? А таковы души злопамятных. Они, как скоро увидят того, кому хотят отомстить, тотчас же выходят из себя; услышат ли голос его, падают и дрожат; лежат ли на постели, придумывают тысячи мучений, как бы поразить и растерзать своего врага; а если при этом увидят его благоденствующим, о, какое для них наказание! Прости же другому проступок его и избавь себя от мучения... Для чего причиняешь самому себе изнурительную болезнь?.. <Гнев>, как бы какая тля и моль, подъедает корень нашей души. Для чего удерживаешь внутри себя этого дикого зверя? Лучше положить змия или ехидну на сердце, нежели гнев и памятозлобие; от тех скоро можно было бы нам освободиться, а этот остается постоянно, вонзая свои зубы, впуская свой яд, возбуждая злые помыслы (свт. Иоанн Златоуст, 52, 365—366).

***

...Душа злопамятного пресвитера никогда не приносит Богу чистой молитвы, так как злоба в сердце его (свт. Иоанн Златоуст, 53, 956).

***

Злопамятство есть дело не гнева и не пылкого увлечения, но обдуманной злобы (свт. Иоанн Златоуст, 54, 141).

***

...Не будем злопамятны, но погасим гнев, чтобы сподобиться милости от Бога (свт. Иоанн Златоуст, 54, 142).

***

Набежавшее облако омрачает солнце, а помысл памятозлобия — ум (прп. Нил Синайский, 90, 267).

***

Как дым от тлеющей соломы беспокоит глаза, так и памятозлобие — ум во время молитвы (прп. Нил Синайский, 90, 267).

***

Честный муж избегает срамного пристанища, и Бог — злопамятного сердца (прп. Нил Синайский, 90, 267).

***

Быть злопамятным и молиться значит то же, что сеять на море и ждать жатвы (прп. Исаак Сирин, 58, 412).

***

Молитва злопамятного — сеяние на камне (прп. Исаак Сирин, 58, 414).

***

...Как горящее уголье, когда оно угаснет и будет собрано, может лежать несколько лет без повреждения, и даже, если кто польет его водою, оно не подвергается гниению; так и гнев, если закоснеет, обращается в злопамятность, от которой человек не освободится, если не прольет крови своей <т. е. пока не примет подвиги и труды> (прп. авва Дорофей, 29, 101).

***

Памятозлобие есть исполнение гнева, хранение согрешений, ненависть к правде, пагуба добродетелей, ржавчина души, червь ума, посрамление молитвы, пресечение моления, отчуждение любви, гвоздь, вонзенный в душу, неприятное чувство, в огорчении с услаждением любимое, грех непрестающий, законопреступление неусыпающее, злоба повсечасная (прп. Иоанн Лествичник, 57, 94).

***

Преставший от гнева убил памятозлобие; ибо, доколе отец жив, дотоле бывает и чадородие (прп. Иоанн Лествичник, 57, 94).

***

Когда после многого подвига ты не можешь исторгнуть сие терние, тогда кайся и смиряйся, по крайней мере на словах, перед тем, на кого злобишься, чтобы ты, устыдившись долговременного перед ним лицемерия, возмог совершенно полюбить его, будучи жегом совестью как огнем (прп. Иоанн Лествичник, 57, 95).

***

Памятозлобный безмолвник есть аспид, скрывающийся в норе, который носит в себе яд смертоносный (прп. Иоанн Лествичник, 57, 95).

***

Памятозлобие есть лукавый толковник Писания, который толкует речения Духа по своему разумению (прп. Иоанн Лествичник, 57, 95).

***

Воспоминание страданий Иисусовых исцелит памятозлобие, сильно посрамляемое Его незлобием (прп. Иоанн Лествичник, 57, 95).

***

<По естеству> получили мы и памятозлобие, но только на врагов души нашей <бесов> (прп. Иоанн Лествичник, 57, 204).

***

Как в помойной яме нельзя найти ароматов, так в злопамятной душе — благоухания любви (авва Фалассий, 91, 314).

***

Злопамятство есть проказа души; случается же оно по поводу или бесчестия, или потерь, или подозрительных помыслов (авва Фалассий, 91, 329).

***

Если злопамятствуешь на кого, молись о нем и, молитвою отделяя печаль от воспоминания о зле, какое он причинил тебе, остановишь движение страсти; став же дружелюбным и человеколюбивым, совершенно изгонишь страсть из души. Когда же другой злобится на тебя, будь к нему ласков, смирен и живи с ним в добре, и избавишь его от страсти (прп. Максим Исповедник, 91, 211).

***

Если попустишь сердцу твоему ожесточиться памятозлобием и оправдаешь гнев гордостью твоею, то отвратит-

ся от тебя Господь Бог твой и предан будешь в поприще под ноги сатане (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 513).

***

Памятозлобие основывается на гордости. Гордость таится даже в освященных благодатию избранниках Божиих. Необходимо и для них бдеть против этого внутреннего яда и против порождаемого им убийства души памятозлобием (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 246).

***

Бог любовь есть (ср.: 1 Ин. 4, 8)... следовательно, отвержение любви или памятозлобие есть отречение от Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 294).

****

Некто Исаак-монах рассказывал следующий случай из своей жизни. «Однажды, — говорил он, — я поссорился с братом и начал гневаться на него. Между тем, сидя как-то за своим рукоделием, я вспомнил о своей ссоре, раскаялся и, движимый страхом ответственности перед Богом, думал, что мне делать. В это время вошел ко мне какой-то юноша и, не сотворив как следовало крестного знамения, сказал: «Ты согрешил и тревожишься, доверься мне и будешь спокоен». Я же, поняв, что это диавол, отвечал: «Уйди, ибо ты не от Бога». Он же говорит: «Жаль мне тебя: дело свое ты губишь, а все-таки ты мой». «Нет, — говорю, — не твой я, диавол, а Божий». Он сказал: «Гнев держащих и зло помнящих Бог передал нам. Ты же три недели гневаешься на своего брата». Я отвечал: «Лжешь». А он: «Ты зло имеешь на него, а держащих злопамятство

ожидает геенский огонь, и я к таким людям приставлен, и ты — мой». Услышав это, я тотчас же пошел к брату, поклонился ему и примирился с ним. Что же? Возвратившись домой, я увидел, что диавол, не потерпев моего примирения, из злобы сжег мое рукоделие и рогожу, которую я обыкновенно подстилал, когда молился» (112, 11—12).

***

В Фиваиде есть город Ликос. От города на расстоянии шести миль — гора, на которой обитают иноки: одни — в пещерах, другие — в кельях.

Проживавший там авва Исаак, родом из Фив, рассказывал: «Случилось это со мной пятьдесят два года тому назад. Однажды я занимался своим рукоделием, плел большую сетку от комаров. Сделав ошибку, я очень горевал, что не мог найти ее. Целый день я раздумывал и не знал, что делать, как вдруг через окно входит юноша и говорит мне:

— Ты ошибся. Дай-ка мне, я исправлю.

— Ступай вон! — говорю ему. — Прочь от меня...

— Но ведь ты введешь себя в изъян, если плохо сработаешь.

— Это мое дело...

— Но мне жаль тебя, что потеряешь даром свой труд.

— На зло принесло тебя сюда...

— Да ведь ты сам заставил меня прийти сюда, и ты — мой...

— Почему это?

— Да потому, что ты три воскресенья причащаешься, тая злобу на своего соседа.

— Лжешь ты...

— Нет, не лгу. Ты злишься на него из-за чечевицы. Не правда ли? А я — дух злопамятства, и ты отселе — мой...

Услыхав это, я вышел из кельи, поспешил к брату, поклонился ему в ноги, и мы примирились. Возвратившись в келью, я нашел, что он сжег сетку и циновку, на которой я молился, злобствуя на наше примирение» (102, 148—149).

ЗЛОРАДСТВО

Не радуйся невежеству братий своих, потому что нет тебе славы в бесчестии (прп. Ефрем Сирин, 30, 143).

***

Кто радуется падению благочестивого, тот двукратно падает (прп. Ефрем Сирин, 30, 167).

***

Бог жалеет о смерти души, которая есть образ Его. Поэтому, кто радуется при сем, а не соболезнует, тот совершенно подобен сатане (прп. Ефрем Сирин, 34, 50).

***

Нередко иной в мире радуется, увидя врага в несчастии, и этой радостью навлекает на себя великое наказание. Другой, опять, скорбит, увидя брата падшим, и этой скорбью приобретает себе от Бога великое благоволение (свт. Иоанн Златоуст, 45, 206).

***

Всякий радующийся гибели души подобен диаволу, не желающему никому спастись (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1193).

***

Другой хотя не имеет скорби на брата своего, но если услышит, что кто-нибудь оскорбил того в чем-либо, или его побранили, или уничижили, и он радуется, слыша это, то оказывается, что и он таким образом воздает злом за зло в сердце своем. Другой не питает злобы (в сердце своем) и не радуется, слыша об уничижении оскорбившего его, даже и печалится, если ему нанесут оскорбление, однако же не радуется и благополучию его, но если видит, что того прославляют и тому угождают, то он скорбит, и это есть также хотя и легчайший, однако же вид злопамятности. Каждый (из нас) должен радоваться успокоению брата своего и все делать, чтобы почтить его (прп. авва Дорофей, 29, 103—104).

***

...Не радуйся воздыханию и злостраданию убогих, ибо Страшный Отмститель за них и Поборник есть Сам Вышний (прп. Максим Грек, 68, 20).

ЗЛОСЛОВИЕ

...Ни о ком не говори дурно и не люби слушать того, кто говорит дурно. Если же будешь слушать, то будешь причастен греху злословящего; и веря ему, ты будешь подобен ему, потому что поверил злословящему на брата твоего (св. Ерм, 94, 181).

***

Гибельное злословие — это злой дух беспокойный, который никогда не находится в мире, но всегда живет в несогласии. Удерживайся от него, и всегда имей мир с братом твоим (св. Ерм, 94, 181—182).

***

Воздерживайтесь... от ругательства и злоречия, потому что и злоречивые Царствия Божия не наследуют... (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 171).

***

Мы предаемся злоречию и злословию, не разумеем, что слова, которые теперь произношу, станут против меня в день Суда, пресекут мне путь, и сделаются как бы стеною, чрез которую нельзя перейти (свт. Василий Великий, 6, 100).

***

Кто не склонен к злословию других, тот избег братоубийства, того другие не будут злословить (прп. Ефрем Сирин, 30, 26).

***

Кто избегает злоречивого духа, тот соблюл от сближения с людьми злыми и победил полчища бесов (прп. Ефрем Сирин, 30, 26).

***

Кто не злословит другого, тот соблюл себя неукоризненным. Ему не было преткновения, и совесть его не осквернена (прп. Ефрем Сирин, 30, 26).

***

Кто не приобрел злоречивого языка, тот приобрел неокрадываемое сокровище (прп. Ефрем Сирин, 30, 26).

***

Кто не уловлен духом злоречия, тот истинно познал, что сам он человек плотяный, и соблюл себя незапятнанным (прп. Ефрем Сирин, 30, 27).

***

Кто злословит другого, тот сам себя осуждает. Он человек плотской, запутавшийся в сетях мира (прп. Ефрем Сирин, 30, 27).

***

Кто услаждается злословием других, тот ясно показывает, что сам уловлен тем, за что злословит других (прп. Ефрем Сирин, 30, 27).

***

Кто не оскверняет уст своих злословием, у того уста благоухают плодами Святаго Духа (прп. Ефрем Сирин, 30, 27).

***

Кто не в сообществе со злоречивыми, тот водворится с Ангелами (прп. Ефрем Сирин, 30, 27).

***

Кто не отравил ушей и языка злоречием, тот исполнен врачевством любви (прп. Ефрем Сирин, 30, 27).

***

В злоречивом все есть: и клеветничество, и ненависть, и наушничество, поэтому признается он братоубийцей, безжалостным, немилосердым (прп. Ефрем Сирин, 30, 27).

***

Если хочешь избавиться от мучения, то никого никогда не злословь (прп. Ефрем Сирин, 30, 72).

***

Приятность, с какою оговариваем других, означает, что полны мы ненависти (прп. Ефрем Сирин, 30, 87).

***

У кого дерзкие уста, тому посмеяние, а боящийся Господа будет уважаем (прп. Ефрем Сирин, 30, 214).

***

Если кто, злословя тебя, расскажет, что сделано тобою худо, то вини больше себя, нежели другого... Не его заставляй молчать гневными угрозами, но себя самого исправь... (прп. Ефрем Сирин, 31, 110).

***

Если перенесешь злословие, то узнаешь путь долготерпения (прп. Ефрем Сирин, 31, 627).

***

Кто осквернял уста свои злословием и язык свой хулами, тот погрязнет в зловонной тине и лишен будет возможности отверсть уста (прп. Ефрем Сирин, 33, 107).

***

Смотрите, братия мои, да не будут слышимы у вас злословия и укоризны; но вместо них возносите хвалу и славословие Богу (прп. Ефрем Сирин, 33, 113).

***

Как разбойник за одно слово исповедания получил жизнь, так злоречивый за одно же слово может утратить жизнь (прп. Ефрем Сирин, 34, 335).

***

Если кто и справедливо злословит, то правда его будет неправдою (прп. Ефрем Сирин, 34, 335).

***

Как две лепты могли даровать душе спасение, так два злоречивых слова могут погубить душу (прп. Ефрем Сирин, 34, 335).

***

Злословие может заступить место убийства, язык — послужит вместо меча (прп. Ефрем Сирин, 34, 352).

***

Кто не дозволял себе ни проклятия, ни злоречия, того прежде всех ожидает райское благословение (прп. Ефрем Сирин, 34, 386).

***

Хотя и совесть чиста, однако же должно избегать злоречия. А язык всего готовее злоречить (свт. Григорий Богослов, 16, 112).

***

Много худого говоришь ты обо мне, любезнейший. Если сам ты совершен, то, может быть, и поверю тебе.

А если ты очень худ, то прошу тебя говорить обо мне всегда и еще хуже. Это может сделать меня совершеннее всех; прекрасно быть в ненависти у порочных (свт. Григорий Богослов, 16, 251).

***

Много худого говоришь ты обо мне, любезнейший, а зло делаешь самому себе. Для меня врачевством в этой беде служит такое рассуждение. Если Великий Бог благоволит к тебе, то в ином благоволит и ко мне. А если прогневается на тебя, то во сколько строже будет суд! (свт. Григорий Богослов, 16, 251).

***

Много худого говоришь ты обо мне, любезнейший. Если говоришь справедливо, то виноват я, который дал повод твоему языку. А если несправедливо и ложно, что мне до твоих речей? Говори даже всякому: за это, без сомнения, большее наказание получишь от Бога (свт. Григорий Богослов, 16, 252).

***

...Полезно не оскорбляться злословиями других и не раздражаться обидами ближних! Можно и от них получить себе великое и важное благо, как было и с мытарем (свт. Иоанн Златоуст, 44, 545).

***

Ты не вонзил зубов в плоть (ближнего), но вонзил в его душу злую речь, ранил ее худою молвою, сделал тысячу зол и себе самому, и ему, и многим другим; потому что, осуждая ближнего, ты (во-первых) причинил зло и тому, кто тебя слышал. Если это грешник, то он делается

беспечным, нашедши себе сообщника в грехе; а если праведник, то впадает в гордость и надмевается из-за чужого греха, получая повод высоко думать о себе самом. Вместе с тем ты (во-вторых) повредил всей Церкви, потому что все слышащие не грешника осуждают, но поражают укоризнами весь народ христианский. Не слышно, чтобы неверные говорили, что такой-то блудник и развратник, но, вместо виновного, они поносят всех христиан. Затем, (в-третьих) ты подал повод к уничтожению славы Божией, потому что имя Божие славится, когда мы живем хорошо, а когда грешим, оно хулится и бесчестится. (В-четвертых), ты посрамил того, о ком распускаешь худую молву, сделал его через то более бесстыдным, и нажил в нем себе врага и неприятеля. (В-пятых), ты сделал самого себя достойным взыскания и наказания, взявшись за такие дела, которые нисколько не касаются тебя (свт. Иоанн Златоуст, 45, 50—51).

***

Хотя бы в твоем злословии и была истина, и в таком случае оно преступно (свт. Иоанн Златоуст, 45, 51).

***

...Как доброе слово и похвала служат началом дружбе, — так злоречие и клевета бывают началом и поводом к вражде, ненависти и тысяче распрей (свт. Иоанн Златоуст, 45, 52).

***

...Рассказы, выводящие наружу чужие грехи и раскрывающие нечистую жизнь, оскорбляют и возмущают душу тех, кто их слышит (свт. Иоанн Златоуст, 45, 53).

***

...Ничто так не терзает душу и сердце, как насмешки и злословия, многие мужи часто падали от посрамления (свт. Иоанн Златоуст, 46, 300).

***

Гораздо хуже кусающих тело те, которые делают это словами. Первые кусают зубами тело, а последний угрызает словами душу, наносит рану доброй славе, причиняет рану неисцельную. Поэтому он подвергнется тем большему наказанию и мучению, чем тягчайшее причиняет угрызение (свт. Иоанн Златоуст, 49, 479).

***

...Кто произносит постыдные слова, тот не себя только срамит, но распространяет великую заразу и между ближними и обращающимися с ним (свт. Иоанн Златоуст, 49, 479).

***

...Как, открыв гробы, мы наполнили бы города заразою, так и скверные уста, открываемые с бесстыдством, заражают всех обращающихся с ними тягчайшею болезнью (свт. Иоанн Златоуст, 49, 479).

***

<От злословия> ничего не потерпит добродетельный человек, напротив, он чрез это еще более прославится (свт. Иоанн Златоуст, 50, 163).

***

Если изрыгаемые им <злоязычником> слова так много огорчают других, то еще гораздо большую скорбь причинят они душе, породившей их (свт. Иоанн Златоуст, 50, 446).

***

...Говоря худо о брате, ты источаешь из уст своих грязь... клевещешь на того, кто составляет один из членов Христовых... поедаешь собственную плоть свою... страшный тот и нелицеприятный суд делаешь для себя еще более строгим... стрела твоя убивает не пораженного ею, но тебя, пустившего ее (свт. Иоанн Златоуст, 52, 581).

***

Кто выражает досаду, когда о нем говорят худо, тот своею скорбью доказывает, что сознается в справедливости о нем сказанного... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 635).

***

...Вспомни о достоинстве твоих уст. Ты называешь Бога своим Отцом и в то же время поносишь своего брата? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 127).

***

Бог украсил твои уста столькими ангельскими песнопениями, удостоил их брашна не ангельского, но свыше-ангельского — Своего лобзания и Своих объятий, и ты предаешься злословию? Оставь это, прошу тебя. Такое поведение производит великие бедствия и несвойственно душе христианской (свт. Иоанн Златоуст, 54, 128).

***

...Заграждай уста тем, кто захотел бы злословить (находящегося в искушениях брата), приобретай ему друзей и, если он выйдет <из искушения>, принимай его с особенным усердием: таким образом ты будешь участником и венцов, и славы (свт. Иоанн Златоуст, 54, 451).

***

...Когда две противоположные двери стоят одна прямо против другой, и когда поднимется сильный ветер, то как скоро затворишь одну из дверей, и сквозного ветра не будет, ветер ничего не сделает, напротив, потеряет много силы. Так и здесь две двери: твои уста и уста оскорбляющего тебя и злословящего. Если закроешь уста свои... уничтожишь всю (силу) ветра, если же откроешь их, то он сделается неукротимым (свт. Иоанн Златоуст, 54, 564—565).

***

Ты хочешь, чтобы про тебя не говорили худо? Не говори поэтому и сам худо о других (свт. Иоанн Златоуст, 55, 473).

***

...Злоречивого человека все сторонятся, как бы пахнущего гнилью, как какой-то гадины или жука, питающегося навозом, — чужими бедствиями... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 607).

***

...Не говори о другом худо, чтобы не обесчестить и себя; не сплетай тины с грязью и мусором, а плети венки

из роз, фиалок и прочих цветов; не износи навоза из уст, подобно жукам, а таковы те, которые говорят худо о других (свт. Иоанн Златоуст, 55, 607).

***

Будем... скорбеть не о том, что слышим худые речи о себе, а о том, что слышим такие речи заслуженно... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 619).

***

...Те, кто слышит о себе дурные речи, должны оставаться беспечальны, потому что они не будут давать ответа за то, что сказал худо другой... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 619).

***

...Когда, будучи злословим, не только не злословит, но и благословляет, то этим наносит обидчику более тяжкий удар, чем если бы осыпал его бесчисленными ругательствами (свт. Иоанн Златоуст, 55, 680).

***

Если наблюдаешь пост в яствах, то для чего же допускаешь мясоядение в злословии? Ибо лучше пресыщаться яствами, нежели осквернить себя злословием. А если от яств воздерживаешься, а осквернишь себя злословием, то уподобляешься человеку, который недолго молится, а большую часть времени богохульствует (прп. Исидор Пелусиот, 60, 250).

***

Хотя любителям добродетели не иметь врагов почитаю делом невозможным, однако же и вражду можно им обращать на добро. Если любомудрые не падают, то делают тем пользу себе, а врагам обращается это в наказание. Но если падают, то пользуются от врагов; потому что нередко постигшее человека злословие уврачевывает душевную болезнь, которой он не знал или о которой нерадел. И благоискусным нужны или искренние друзья, или пламенеющие злобой враги. Одни советами, а другие злоречием предотвращают падения. А как дружба ныне для свободного слова худогласна, лучше же сказать, безгласна, на лесть и приветы она говорлива и громогласна, а на совет и выговор нет у нее голоса, то от врагов должно выслушивать истину и исправляться (прп. Исидор Пелусиот, 61, 301—302).

***

...Кто незаконно отверзает уста, заключенные Божественными уставами, тот, как видится, отверзает их сам на себя... (прп. Исидор Пелусиот, 61, 308—309).

***

...Не унывай духом, если ты... почувствуешь, что острейшие изощренных копий языки уготованы на тебя, но ожидай, что чрез сие-то наипаче будешь ты знаменит (прп. Исидор Пелусиот, 62, 435).

***

Когда злословят тебя, смотри, не сделано ли тобою что-либо достойное злословия. А если не сделано, то зло-

словие почитай улетающим дымом (прп. Нил Синайский, 72, 239).

***

Если желаешь избежать тяжести мучения, никого никогда не злословь, ибо сие прогневляет Бога (прп. Нил Синайский, 72, 243).

***

Как скоро злословит кто ближнего, немедленно поражается проказою в сердце (прп. Нил Синайский, 73, 82).

***

Неправедные уста заграждаются молитвою... (прп. Исаак Сирин, 58, 301).

***

Злословие... большая сокровенная и таящаяся пиявица, которая высасывает и истребляет кровь любви... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 96).

***

Злословие есть исчадие ненависти, тонкий недуг... причина осквернения и отягощения сердца; истребление чистоты (прп. Иоанн Лествичник, 57, 96).

***

Кто хочет победить духа злословия, тот пусть приписывает вину не согрешающему, но подущающему его бесу (прп. Иоанн Лествичник, 57, 97).

***

Никогда не стыдись того, кто перед тобою злословит ближнего, но лучше скажи ему: «Перестань, брат, я ежедневно падаю в лютейшие грехи; и как могу его осуждать?» (прп. Иоанн Лествичник, 57, 97).

***

Пусть по какому-либо искушению брат продолжительно будет злословить тебя, но ты не выносись из любительного состояния и не попусти тому же злому духу возмутить твою мысль. Ты и не вынесешься из него, если, поносимый и наветуемый, благословлять и благожелательствовать будешь ему. Таков путь любомудрия во Христе, и шествующий сим путем соводворится с Ним (прп. Максим Исповедник, 91, 218).

***

Тем, которые злословят и укоряют нас или другим каким образом нападают на нас, не тем же отвечать получили мы заповедь, т. е. не противозлословить и не противоукорять, а, напротив, добрые говорить о них речи и благословлять их. Ибо когда мы мирствуем с людьми немирными, тогда в брани или битве состоим с демонами; когда же с братьями состоим в неприязни и брани, тогда мирствуем с демонами, которых научены мы совершенно ненавидеть ненавистью и непрерывную вести с ними брань (свт. Феодор Едесский, 91, 338).

****

Преподобный отец наш Виталий, после шестидесятилетних подвигов в келье святого Спиридона, пришел в

Александрию и остался там жить «нечеловеком на соблазн». Желая избежать славы человеческой, он поступал так: днем нанимался на работу и получал за свои труды по сребренику в день. Из этих денег на самую ничтожную сумму он покупал себе бобов, а затем уходил вечером в дома падших женщин. Отдав им заработанные деньги, он умолял женщин бросить порочную жизнь, а потом все ночи проводил там в пении псалмов и молитве. Уходя же, он всегда брал с падших слово никому не говорить о том, зачем он приходил к ним.

Между тем жители города, не знавшие настоящей цели его посещений, повседневно укоряли его и говорили: «Ступай, окаянный, тебя ждут твои блудницы!» или: «Уж лучше бы ты женился, чем срамить чин монашеский!» Виталий не оправдывался и, утаив добродетель, продолжал свой подвиг и многих спас.

Его святость открылась только после его смерти, когда от прикосновения к телу преподобного исцелилась бесноватая, и «мнози хромии и слепии исцелеша» (112, 637—638).

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ

Никакое дело, совершаемое по Богу, со смирением, не худо; однако есть различие между делами и между начинаниями: и все то, что бывает сверх естественной потребности, делается препятствием для желающего спастись, т. е. все, что не служит к спасению души или к жизни тела. Ибо не снеди — зло, но чревоугодие, и не имущество, но пристрастие; не произношение слов, а пустословие; не сладостное мира, но невоздержание; не любовь к своим, а происходящее от нее нерадение о благоугождении Богу; не одежды для прикрытия только и избежания холода и зноя,

но излишние и дорогие; не дома для избежания только, вместе с упомянутым, и злоумышленников, зверей и людей, но двухэтажные и трехэтажные, большие и многоценные; и не то, чтобы иметь кому-либо вещь, но иметь ее не для необходимой потребности, и книги иметь нестяжательным не есть зло, но иметь их не для чтения о Боге; не то зло, чтобы иметь друзей, но иметь неполезных для души; не женщина зло, а любодеяние; не богатство, но сребролюбие; не вино, но пьянство; не естественная раздражительность, данная для удержания от греха, но когда употребляем ее против подобных нам людей; не начальствование, но любоначалие; не слава, но славолюбие и худшее его тщеславие; не приобретение добродетели, но мнение, что имеем ее; не знание, но считание себя знающим, и худшее сего — незнание своего неведения; не истинное знание, но лжеименное. Не мир худ, но страсти, и не естество, но противоестественное... не члены тела, но злоупотребление их (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 139—141).

****

Рассказывали об авве Геласии, что имел он книгу на пергаменте, стоящую восемнадцать монет, ибо содержала весь Ветхий и Новый Завет. Она лежала в церкви, чтобы читали ее желающие из братий. Один брат-странник пришел навестить старца. Увидев книгу, он захотел взять ее и, украв, удалился. Старец же не погнался за ним, хотя и понимал, кто унес книгу. А странник, придя в город, стал искать, кому бы продать ее. Найдя желающего, назначил цену в шестнадцать монет. Покупающий же говорит брату: «Дай мне сначала лучше рассмотреть книгу, и тогда я дам эту цену». Странник отдал ему книгу. Тот же, взяв ее, принес к авве Геласию посмотреть ее и сказал о цене, какую назначил продавец. Старец говорит: «Купи эту кни-

гу, ибо она хороша и достойна сказанной цены». Вернувшись, покупатель сказал страннику о ней иначе: «Вот я показывал ее авве Геласию, и он сказал мне, что книга не стоит той цены, которую ты просишь». Странник же, услышав это, спросил: «Ничего тебе не сказал еще старец?» Покупатель ответил: «Нет». Тогда странник говорит ему: «Не хочу продавать ее».

Мучимый совестию, он пришел к старцу, раскаиваясь и прося его взять украденное назад. Но старец не хотел брать книгу. Странник же говорит ему: «Если ты не возьмешь ее, то я не буду иметь покоя». Старец отвечает ему: «Если ты не успокаиваешься, тогда я беру ее». И странник, получив пользу от поступка старца, пребыл там до своей кончины (98, 357—358).

***

Некий брат подделал ключ и, отворив келью одного из старцев, взял деньги. Старец же написал хартию: «Господин брат, кто бы ты ни был, окажи любовь, оставь половину на мою нужду». И, разделив деньги на две части, положил хартию. Тот же, пришедши в другой раз и разорвав хартию, взял все деньги.

Спустя два года этот брат стал умирать, но душа его не выходила. Тогда, призвав старца, говорит ему: «Помолись за меня, отче, ибо я украл твои деньги». И сказал старец: «Почему же не сказал ты прежде?» И когда стал он молиться, тот предал дух (98, 370).

ЗНАНИЕ

Кто думает, что он имеет знание, тот пребывает худшим невежды... Есть невежество, превосходящее всякое

невежество: когда кто-либо не знает и того, что он не знает (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 49).

***

...Насколько <кто> имеет знания, настолько считает себя незнающим; и насколько не знает своего неведения и малого познания духовного, настолько считает себя знающим (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 151).

***

Таково лжеименное знание, оно думает, что знает то, чего никогда не знало. И оно хуже совершенного неведения, говорит Златоуст, потому что не принимает исправления от какого-либо учителя... Потому отцы и говорят, что мы должны с трудом и смирением, с советом опытных изыскивать изложенное в Писаниях и научаться более делом, нежели словом; умолчанного же Божественными Писаниями отнюдь не испытывать, ибо это безумно, как говорит Великий Антоний о тех, которые ищут предузнавать будущее, а не скорее отрицаются сего как недостойные. Хотя, может быть, и по Промыслу Божию это бывает, как было на Навуходоносоре (см.: Дан. 4) и древнем Валааме (см.: Числ. 22) и служило к общей пользе, хотя они и не достойны были, а не от демонов, и особенно, когда такие предсказания бывают через сновидения и некоторые явления; однако об этом нам не сказано для того, чтобы мы телесным и нравственным деланием испытали Писания, по заповеди Господней (см.: Ин. 5, 39), и находили жизнь вечную; но не словом только искали и по самомнению полагали, что понимаем нечто, особенно же сокрытое от нас для большего смирения и для того, чтобы мы не были осуждены, как преступающие в веде-

нии. Ибо если ум, сподобившийся приобрести знание, не подвизается о поучении в Божественных Писаниях и дарованных ему познаниях, и не упражняется в этом много, во внимании со смирением и страхом Божиим, то, как недостойный дарованного ему Богом, с угрозою лишаем бывает знания, как Саул царствия, говорит святой Максим (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 198—199).

***

...Познание дается для поощрения ума и крепость тела для того, чтобы соблюдали заповеди, и возделывали добродетели, и уразумели, как и для чего мы делаем, и что должно делать, и чего удаляться, чтобы не быть осужденными, и для того, чтобы окрыляемые познанием, мы трудились с радостью и получали большее ведение и крепость к деланию и веселие, и при совершении сего (над нами) сподобились благодарить Подателя сего, зная, откуда мы получили такие блага. Благодаримый нами, Он подает нам большие блага, и, получив дары, мы более возлюбим Его, и любовью достигнем премудрости Божией, начало которой ***страх Господень*** (Пс. 110, 10) (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 209—210).

***

...Изумление пред великими предметами не уменьшается, когда открыт способ, каким произошло что-нибудь необычайное. А если и не открыт, то простота веры да будет крепче доказательств от ума (свт. Василий Великий, 5, 19).

***

Ты называешь себя сведущим? Пусть знают это по делам твоим (прп. Ефрем Сирин, 30, 143).

***

Как тело без духа мертво, так и знание без деятельности праздно (прп. Ефрем Сирин, 30, 143).

***

Соразмерно с силою <Бог> установил чин для разумения, чтобы для тварей не стать виною их превозношения, как подстрекающие детей на худое в большей мере бывают сами виновны (прп. Ефрем Сирин, 30, 247).

***

...Знание лучше богатства; малый, но мудрый отрок лучше старого, но глупого царя (прп. Ефрем Сирин, 33, 355).

***

Кто бы что ни придумал рассудком, непременно размышление, подвигаясь далее, кончит неразрешимым и непостижимым (свт. Григорий Нисский, 23, 295).

***

...Знание, происходящее от людей, усовершается постоянным занятием и упражнением, а происходящее от благодати — правдою, кротостью и милосердием, первое могут приобретать и люди страстные, а последнее в состоянии принимать только бесстрастные, которые во время молитвы зрят свет, осиявающий их ум (авва Евагрий, 89, 567).

***

Чти Бога, и познаешь бестелесных, служи Ему, и Он покажет тебе разум веков (авва Евагрий, 89, 613).

***

Великое благо в том, чтобы знать, что такое тварь и кто Творец, что такое создание и кто Создатель (свт. Иоанн Златоуст, 47, 727).

***

Доброе неведение лучше худого знания. Кто не знает причины, тот скоро может дойти до истинной причины; а кто, не познавши истинной причины, вымышляет ложную, тот нелегко может принять истинную; но много требуется от него труда и пота для того, чтобы уничтожить прежнее (свт. Иоанн Златоуст, 50, 759).

***

Пока мы живем в смертном теле, мы воспринимаем знание, соответственное смертной природе. Поэтому Бог ничего не говорил нам соответственно Своему совершенству, но соразмерял то, что говорил, с нашей слабостью (свт. Иоанн Златоуст, 51, 914).

***

Какая... польза знать, что должно делать, не делая этого? Никакой, напротив, за это будет даже большее осуждение (свт. Иоанн Златоуст, 52, 644).

***

Возможно еще приобрести непорочность без дара знания; но знания духовного невозможно приобрести без чистоты целомудрия (прп. Иоанн Кассиан, 56, 82).

***

В этом мире много родов знаний, такое же разнообразие их, как и искусств и наук. Но хотя они все или вовсе бесполезны, или служат для удобств только настоящей жизни, однакож нет никакой, которая бы не имела собственного порядка своего учения и способа, по которому бы могла быть приобретена желающими. Итак, если те искусства имеют известные свои правила для усвоения их, то тем более учение нашей религии и монашеское звание, которое стремится к созерцанию невидимых таин и ищет не настоящей корысти, а воздаяния вечной награды, имеет известный порядок и основание. Знание его бывает двоякое: первое практическое, т. е. деятельное, которое относится к исправлению нравов и очищению пороков; второе теоретическое, т. е. которое состоит в созерцании Божественных предметов и познании сокровеннейших истин (прп. авва Нестерой, 56, 420).

***

...Если хотите в вашем сердце приготовить священную скинию духовному знанию, то очистите себя от нечистоты всех страстей и отрешитесь от забот настоящего века. Ибо той душе, которая хоть немного занята мирскими развлечениями, невозможно заслужить дар познания, или порождать духовные чувства, или быть постоянною в священном чтении (прп. авва Нестерой, 56, 427).

***

Невозможно заслужить дар истинного знания тому, кто с намерением приобрести людскую похвалу занимается чтением. Ибо кто побежден этою страстью, тот необхо-

димо будет связан и другими страстями, особенно гордостью, и таким образом пораженный в деятельном, нравственном отношении не достигнет духовного знания, которое рождается от деятельного. Итак, будь во всем *скор на слышание,* и *медлен на слова* (Иак. 1, 19), чтобы не пало на тебя замечание Соломона: *видал ли ты человека опрометчивого в словах своих? На глупого больше надежды, нежели на него* (Притч. 29, 20) (прп. авва Нестерой, 56, 428).

***

Если хочешь достигнуть истинного знания Священного Писания, то тебе надобно постараться сначала приобрести непоколебимое смирение сердца, которое усовершением в любви приведет тебя не к тому знанию, которое надмевает, а к тому, которое просвещает. Ибо невозможно неочищенной душе приобрести дар духовного знания. И потому со всею осторожностью избегай, чтобы у тебя через упражнение в чтении, вместо света знания и вечной славы, приобретаемой просвещением науки, не произошли качества, ведущие к погибели, от суетной гордости. Потом надобно тебе всячески стараться, по отвержении всякой заботы и помышления земного, рачительно и даже непрестанно заниматься чтением Священного Писания, пока постоянное размышление напитает твой дух, как бы преобразит в подобие себе, сделав из него некоторым образом Ковчег Завета, содержащий в себе две каменные скрижали, т. е. постоянную твердость двоякого завета; также золотую стамну, т. е. чистую, беспримесную память, которая бы постоянно, твердо сохраняла в себе скрытую манну, т. е. вечную, небесную сладость ангельского хлеба, — духовных чувств; также жезл Ааронов, т. е. спасительное знамя высочайшего и истинного первосвященника нашего

Иисуса Христа, всегда цветущее свежестью бессмертной памяти. Этот-то жезл, после того как был посечен от корня Иессеева, по умерщвлении теперь еще с большей жизненностью процветает. Все это осеняется двумя Херувимами, т. е. полнотою исторического и духовного знания. Ибо Херувим значит множество знания, которое всегда будет осенять очистилище Божие, т. е. спокойствие твоего сердца, и покрывать от всех нападений злых духов. И таким образом дух твой, не только в Ковчег Божественного Завета, но и в Священное Царство возведенный посредством ненарушимого расположения чистоты, как бы поглощенный духовным учением, будет исполнять ту первосвященническую заповедь, о которой Законодатель говорит так: *От святилища он* (первосвященник) *не должен отходить, чтобы не осквернить святилище Божие* (ср.: Лев. 21, 12), т. е. сердце свое, в котором Господь обещал постоянно пребывать, говоря: *вселюсь в них, и буду ходить среди их* (ср.: 2 Кор. 6, 16). Посему надобно прилежно изучать на память, и постоянно надобно прочитывать с размышлением книги Священного Писания. Ибо это постоянное размышление приносит нам двоякий плод: первый тот, что когда внимание души занято чтением и размышлением о прочитанном, она не пленяется никакими сетями вредных помыслов; потом тот, что чего из пройденного частым повторением, когда мы старались усвоить памяти, не могли понять духом, в то время не свободным, после, освободившись от всех развлечений делами и видением, особенно во время ночного безмолвия размышляя, мы яснее усматриваем, так что по успокоении и даже погружении в глубокий сон нам раскрывается разумение сокровеннейшего смысла, которого мы даже и слегка не поняли в бодрственном состоянии.

А при возрастании обновления нашего духа от этого упражнения начнет также обновляться и взгляд на Священное Писание, и с преуспеянием в этом будет некоторым образом преуспевать и красота более сокровенного разумения (прп. авва Нестерой, 56, 429—430).

***

Невозможно нечистой душе приобрести духовное знание, с каким бы постоянством ни трудилась в чтении. Ибо никто не вливает какую-либо благородную масть, или отличный мед, или какую-нибудь драгоценную жидкость в зловонный, испорченный сосуд. Кувшин, однажды пропитанный страшным зловонием, легче испортит даже самое благоуханное миро, нежели сам примет от него сколько-нибудь приятное благоухание, поскольку гораздо скорее чистое повреждается, нежели испорченное исправляется (прп. авва Нестерой, 56, 434).

***

...Истинное знание приобретают только истинные чтители Бога... (прп. авва Нестерой, 56, 435).

***

...Духовного знания достигают не иначе, как тем порядком, который один из Пророков хорошо изображает, говоря: *сейте у себя праведность, жните надежду жизни, засевайте у себя светильник знания* (ср.: Ос. 10, 12). Следовательно, нам надобно сначала сеять правду, т. е. распространять деятельное совершенство делами правды; потом нам надобно пожинать надежду жизни, т. е. изгнанием плотских страстей собирать плоды духовных добро-

детелей, и таким образом возможем засветить у себя светильник знания (прп. авва Нестерой, 56, 435—436).

***

...Истинное, духовное знание от мирской учености, которая оскверняется нечистотою плотских пороков, настолько отличается, что оно, как мы знаем, иногда удивительно процветало даже в некоторых не знающих языков и почти неграмотных (прп. авва Нестерой, 56, 436).

***

...Если ты с пламенным желанием стараешься достигнуть духовного знания, то сначала со всем усилием потрудись приобрести от Господа чистоту целомудрия. Ибо никто, в ком еще господствуют плотские страсти, особенно страсть блудная, не может приобрести духовное знание (прп. авва Нестерой, 56, 437).

***

По обольщению диавола или по заблуждению человеческому, по которому никто в этой плоти не может не обманываться как человек, часто случается, что и тот, кто имеет более острый разум и больше познаний, иногда нечто ложное принимает умом; и тот, кто имеет тупое дарование и меньше знания, кое-что понимает правильнее, истиннее. Посему никто, каким бы знанием ни обладал, по суетной надменности не должен думать, что он может не нуждаться в наставлении другого. Ибо хотя бы диавольское обольщение и не обмануло его суждения, однакож он не избежит тяжких сетей возношения и гордости (прп. авва Нестерой, 56, 455).

***

...Что познается не наукою, а опытом, того неопытный не может ни передать, ни умом понять или удержать, кроме того, кто самым делом с подобным усердием приобрел познание (прп. авва Феона, 56, 561).

***

Известно, что многое для нас темно и неуловимо человеческим рассуждением, но известно и то, что непостижимо для нашего разумения (к нашей же пользе) не споспешествующее нашему спасению (прп. Исидор Пелусиот, 61, 52).

***

...Я ясно знаю то, что ничего не знаю. Если же и будет что сказано чего-либо стоящее, то вину сего приписать должно Богу, для пользы слушателей умудряющему нередко невежд (прп. Исидор Пелусиот, 61, 268).

***

И для тех, которые полагают, что все ограничивается настоящею жизнью, как думаю, приличнее кончина жизни, нежели жизнь невежественная. А если справедливо это в рассуждении их, то тем паче в рассуждении нас, которые имеем цель в вечности и обязаны ежедневно изощрять разумение Божественными словами (прп. Исидор Пелусиот, 61, 478).

***

Как грамматики и софисты, взяв детей к себе, говорящих нечисто, отпускают от себя говорящими чисто, не языки у них переделывая (что невозможно), но влагая в них искусство, и душ не переменяя, а изгоняя из них

леность, так и Божественная мудрость, изгоняя порок и незнание, влагает разумение и знание (прп. Исидор Пелусиот, 62, 73).

***

...Самое Божественное познание — доблестные дела... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 90).

***

Изучивший многие знания и искусства, хотя бы он был даровитее всех людей, не приобретает, без сомнения, глубоких сведений в каждом, потому что время, какое должно употребить на упражнение в первом искусстве и на изучение оного, тратится на изучение другого искусства. Напротив того, хотя преимуществует знанием многих искусств, но не преимуществует пред каждым из обучившихся до совершенства одному искусству. Посему и ты не желай знать все. Ибо следствием сего будет то, что не приобретешь точного сведения о каждом предмете. Но имея в виду одну цель, туда напрягай око разумения. В таком случае овладеешь делом (прп. Исидор Пелусиот, 62, 416).

***

Часто от нерадения о деле омрачается и знание (относительно его). Ибо какие делания совсем оставлены в небрежении, о тех и памятования мало-помалу исчезнут (прп. Марк Подвижник, 89, 539).

***

Знание без дел по нему еще не твердо, хотя бы было и истинно. Всему утверждением служит дело (прп. Марк Подвижник, 89, 539).

***

Знание по естеству есть добро, подобно тому и здравие. Но многим более пользы принесло противное. Ибо для злых знание бывает не на добро, хотя оно по естеству, как сказано, добро. Подобно не на добро бывает для них и здравие, и богатство, и радость, ибо не на полезное себе они употребляют их; для таковых полезнее противное сему, а следовательно, и это (т. е. противное) не зло в собственном смысле, хотя и кажется злом (прп. Максим Исповедник, 91, 191).

***

Знание, не обуздываемое Божественным страхом, производит надмение, внушая надмившемуся из-за него почитать собственным то, что даровано. Деятельность же, вместе с Божественною любовью множащаяся, не получая знания выше того, что следует делать, делает делателя смиренномудрым (прп. Максим Исповедник, 91, 277).

***

Знанием естественным называем мы то, которое душа может получить через исследование и изыскание, естественными пользуясь способами и силами, о творении и Виновнике творения, разумеется, сколько это доступно для связанной с веществом души. Ибо энергия ума ослабляется от соприкосновения его и сраствореня с телом, и от сего не может он быть в непосредственном прикосновении с мысленными вещами, но имеет нужду для помышления о них в фантазии, которой природа — творить образы протяженные и дебелые. Итак, ум, поскольку во плоти есть, имеет нужду в соответственных образах вещей, чтобы судить о них и понимать их... А сверхъестественное знание

есть то, которое приходит в ум путем, превышающим его естественные способы и силы, или в котором познаваемое сравнительно превышает ум, связанный с плотию, так что такое познание, очевидно, свойственно уму бестелесному. Бывает же оно от единого Бога, когда найдет Он ум очищенным от всякого вещественного пристрастия и объятым Божественною любовью (прп. Феодор, 91, 349).

***

Соответственно внутреннему настроению души инаковым и инаковым представляется ей и естество вещей (прп. Никита Стифат, 93, 104).

***

Настоящие разумные суть те одни, кои явились святыми чрез стяжание чистоты. Чистого разума никто из мудрых <века сего> в слове не имел, потому что они от рождения разумную силу свою растлевают помыслами (непотребными). Чувственный и многоречивый дух мудрости века сего, богатящий словами, призрачно лишь являющими многоведение, и наполняющий помыслами наидичайшими, творит себе в них обитель, лишив существенной премудрости, истинного созерцания и ведения нераздельного и единичного (прп. Григорий Синаит, 93, 197).

***

...Как для внимающего одним вещественным благам земли и склонного к плотским удовольствиям небеса заключены, как для имеющего омраченными мысленные очи свои, так презирающий дольнее и отвращающийся от него имеет ум горе́ восторженным, видит славу присносущных

благ и постигает светозарность, обетованную святым. Таковый и любовь Божию, свыше в него сходящую, приемлет, и храмом Духа Святаго бывает, и Божественных хотений вожделевает, и Духом Божиим водится, и сыноположения сподобляется, и Бога имеет благоволящим к нему... (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 192).

***

Если Богу угодно дать тебе познание, то Он даст в свое время, и даст таким способом, которого даже не может представить себе плотской человек (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 274).

***

...Обновленное естество имеет благодатное знание и зрение зла, даруемое Богом; знание и зрение зла, не только не нарушающие целостности добра в человеке, но и служащие к строжайшему охранению человека от опытного познания зла, гибельного для человека (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 410).

***

Учение по букве, будучи предоставлено самому себе, немедленно рождает самомнение и гордость, отчуждает посредством их человека от Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 5).

***

Только христианин может стяжать правильное познание, доступное человеку, о человеке, о духах святых и отверженных, о мире, не видимом телесными очами (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 144).

***

...Занятия умственные способны отвлекать человека от смирения и Бога, привлекать к самомнению и поклонению своему *я* (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 328).

****

Святая великомученица Екатерина жила в IV веке при императоре Максимине. В восемнадцать лет она уже была известна своей великой ученостью — знала книги философов и стихотворцев, говорила на многих языках и занималась искусством врачевания.

Как же она распорядилась своими талантами, познав Христа? Сначала пыталась обратить ко Христу царя-мучителя. «Отряси мрак, — говорила она ему, — затемняющий ум твой, и уразумей Бога Истинного». Не успев его убедить, она обратила свою мудрость на его клевретов. Царь призвал для состязания с ней пятьдесят лучших своих мудрецов и ученых, и она всех их обратила ко Христу. Потом к Нему же склонила Порфирия, советника и царского друга, затем множество воинов и саму царицу. Наконец, во время своих мучений и страданий и весь народ заставила воскликнуть: «Велик Бог Христианский!» (112, 213—214).

***

Вопросил однажды авва Арсений одного из египетских старцев о своих помыслах. Это услышал некий брат. «Авва Арсений! — спросил он. — Почему ты, будучи столько сведущ в учености Греции и Рима, вопрошаешь о своих помыслах этого чуждого всякой учености?» Арсений отвечал: «Науки Греции и Рима я знаю, но еще не узнал

алфавита, который преподается этим ничего не знающим в учености мира» (106, 48).

ЗРЕЛИЩА

...Кто, отрекаясь раз навсегда от диавола и загладив все в крещении, идет от Христа на зрелище диавола, тот отвергает Христа, как отвергал диавола (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 356).

***

Идолослужение... есть мать всех игрищ, чтобы привлечь к себе христиан, оно обольщает их наслаждениями зрения и слуха... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 356—357).

***

...Непозволительно верным христианам... ни присутствовать на зрелищах, ни быть вместе с теми, которых Греция, для увеселения слуха, посылает всюду, выучив их разным пустым искусствам (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 360).

***

...Надобно блюсти <от зрелищ> и зрение наше и слух (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 361).

***

Верный христианин... должен прилежать Божественным Писаниям: в них найдет он зрелища, достойные веры (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 362).

***

Пребывание на зрелищах порождает прелюбодеяние, невоздержность и всякое бесстыдство... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 176).

***

Если похоть часто, как какой-нибудь хитрый разбойник, тайно входит и здесь <в храм>, где псалмы и молитвы, и слышание Божественных слов, и страх Божий, и великое благолепие, то как могут быть свободны от этой злой похоти те, которые сидят в театре и ничего здравого не видят и не слышат, а будучи исполнены гнусности и беспечности, подвергаются воздействию чрез все (чувства) — и чрез слух, и чрез зрение? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 855—856).

***

На площади ты не станешь смотреть на обнаженную женщину, а еще менее дома, — ты оскорбишься таким зрелищем, а в театр идешь, чтобы оскорбить честь и мужского и женского пола, и осрамить глаза свои (свт. Иоанн Златоуст, 50, 70).

***

...Не столько грешит тот, который представляет в театре, сколько в сравнении с ним ты, который заставляешь это делать; и не только заставляешь, но и заботишься о том, радуешься и смеешься, хвалишь представление, всячески пособляешь демонской работе (свт. Иоанн Златоуст, 50, 70).

***

Лучше грязью или навозом вымарать себе все лицо, чем смотреть... на беззаконие <в театре>, потому что для глаза не так вредна грязь, как любострастный взгляд и вид обнаженной женщины (свт. Иоанн Златоуст, 50, 71).

***

...Ты, оставив источник <Животворящей> Крови, эту страшную Чашу, течешь на диавольский источник <зрелища> смотреть плавающую в нем блудницу и потопить там свою душу. В этой воде — море любострастия, не тела потопают, а души гибнут (свт. Иоанн Златоуст, 50, 79).

***

Если зрелища не производят на тебя никакого впечатления, то тем большего ты достоин осуждения за то, что служишь соблазном для других, поощряя такие зрелища, оскверняешь свой взор, а со взором и душу (свт. Иоанн Златоуст, 50, 79).

***

Многие, возвращаясь от гробов умерших, омывают себя, а возвращаясь со зрелищ, не воздыхают, не проливают слез, хотя мертвый не оскверняет, между тем как грех полагает такое пятно, которого нельзя смыть тысячью источников, а только одними слезами и раскаянием. Между тем никто не чувствует этой скверны (свт. Иоанн Златоуст, 50, 411).

***

Ты подай нуждающемуся, а не давай пляшущему, чтобы с деньгами не погубить тебе и души его. Чрез неуме-

стную щедрость ты становишься виновником его погибели (свт. Иоанн Златоуст, 51, 283).

***

Много зла причиняют городам зрелища, зла великого, мы даже и не знаем — насколько великого (свт. Иоанн Златоуст, 52, 375).

***

...Детям, воспитываемым среди развращенных нравов, трудно в мужеский возраст прийти добродетельными... И целомудрие отнимается у детей их обращением с людьми непотребными, а благоразумие — уклонением от занятий надлежащим чтением, мужество — изнеженностью плясунов, справедливость — ложными клятвами шутов. Возможно ли кому или привести себя в приличное положение, или свыкнуться с ним, когда необходимо одно из двух: или смеяться, или волноваться — эти два подарка, один зрелища, а другой — конского ристалища. Признав опасным для молодых людей увлекаться зрением, удерживай их наипаче словом, а если не послушаются, страхом. Сим способом всего легче сделаешь из них доблестных мужей и сильных витий. Если же... молодые люди почитают для себя жестоким, что удерживают их от такого наслаждения, которое совершенно походит на пение сирен... даже усиливаются доказать, что оно и дозволено... почитают сие за обиду юности и за нарушение ее прав, пусть дознают, что те, которые вначале внесли в города смертоносное наслаждение этим удовольствием и растворили его отраву, по желанию врага человечества, который всякий представляющийся случай обращает в погибель душам зрителей, не просто дошли до этого (иначе и язычес-

кие законы не дозволили бы сего), но, конечно, по основательной причине. Они, усматривая, что войска в зависимости у царей, и потому именно, что всю жизнь заняты, а жители городов свободны от воинских опасностей и проводят жизнь в великой праздности, зная притом, что живущие в таком удобстве (так как досуг не все употребляют в добро), нередко задумывают что-либо отважное; признав нужным в самом основании подсечь корень мятежей и не допускать правителей до необходимости вести двоякую войну, и внешнюю и внутреннюю, изобрели и устроили это самое занятие для привыкших неосмотрительно отваживаться, на что бы то ни было, и дали им повод к состязанию, которое не могло бы произвести ничего мятежного, но сильно истощало раздражительность в людях. Таково постоянное соперничество конями, какое-то общественное прение, при неохоте делать что-либо полезное, обращающее к этой борьбе таких людей, которые, может быть, придумали бы что худшее; таково и разнообразие зрелищных представлений, одних услаждая зрением, у других очаровывая слух слышимым, хотя преисполнено худого, оказывалось оно препятствием мятежному замыслу. И это дозволили, за меньшее (как полагали) покупая большее, спокойствие и безопасность. Но молодым людям, которые воспитываются в добродетели и приводят себя в прекраснейшую стройность, а равно и мужам, которые прилагают попечение о душах своих, непозволительно принимать в этом участие. Поэтому идут они прочь, не участвуя в этом; но все почитают их наилучшими, как препобедивших склонность к гибельному этому наслаждению, и тем более, что если бы и все в городе из самой низкой черни, образумившись, пришли в спокойное состояние и возлюбили любомудрие, то заперли бы зрелищные дома или в отпертые не пошел бы никто; погибло бы это в

них... злохудожество и преуспевали бы три весьма важных дела: спасение душ, благоустройство городов и безопасность правителей (прп. Исидор Пелусиот, 62, 253—255).

***

Страстный любитель зрелищ... делается неистовым в плотской любви. Посему бегай первого, чтобы не произошло с тобою последнего. Лучше не давать укорениться болезни, нежели исторгать из себя укоренившуюся, что для иных кажется трудно, а для иных и невозможно (прп. Исидор Пелусиот, 62, 423).

ЗРЕНИЕ

Храни очи твои, и сердце твое не узрит зла (прп. авва Исаия, 59, 95).

***

Управляй своим глазом, чтобы когда-нибудь чрез зрение не вторглись в тебя стремительные волны вожделения... (свт. Василий Великий, 8, 190).

***

Не дозволяй глазам своим кружиться туда и сюда, и не всматривайся в чужую красоту, чтоб с помощью глаз твоих низложил тебя противник твой (прп. Ефрем Сирин, 30, 151).

***

Если не воздержишься от скитания очей, то не проложишь прямых стезей целомудрия (прп. Ефрем Сирин, 30, 155).

***

Если отвратишь очи свои *еже не видети суеты* (Пс. 118, 37), обретешь помыслы чистые (прп. Ефрем Сирин, 30, 161).

***

Кто обуздывает очи свои, тот сделается легким; а у кого взор блуждает, тот возложит на себя бремя (прп. Ефрем Сирин, 30, 167).

***

Если по увлечению дашь волю глазам смотреть на суету, то скорее останови их, чтоб не впасть в срамоту плотоугодия (прп. Ефрем Сирин, 30, 168).

***

...Брань, возбужденная взором, и в присутствии, и в отсутствии видимого мучит душу, разжигая ум похотью (прп. Ефрем Сирин, 31, 228).

***

...Кто не противится похоти, но дает очам своим свободно блуждать, тот, конечно, склонился уже умом пред страстями и, если бы не стыд человеческий, неоднократно растлил бы и тело (прп. Ефрем Сирин, 31, 229—230).

***

Любодействует око, если смотрит нецеломудренно... Когда око взирает на не принадлежащее человеку и вож-

делевает того, тогда оно прелюбодействует пред Богом и ведет себя непотребно, по своим похотям. Око устроено в теле созерцать Божии дела, исполняться удивлением и препровождать оное в область сердца (прп. Ефрем Сирин, 33, 347).

***

Испроси себе хранителя оку твоему, чтобы не смотрело оно на возбуждающее к вожделению и не передавало похоти сердцу, и чтобы сердце не разлучилось с Царством (прп. Ефрем Сирин, 33, 349).

***

Нечистый взгляд может значить то же, что и нечистое дело... (прп. Ефрем Сирин, 34, 352).

***

Кто взор очей своих постоянно хранил чистым и целомудренным, тот узрит наивысшую красоту рая (прп. Ефрем Сирин, 34, 386).

***

...Многих смертей входом делается часто глаз, видит он раздраженного и сам возбуждается к той же страсти, или видит благоденствующего не по достоинству и воспламеняется завистью, или видит горделивого и впадает в ненависть, или видит какое-либо доброцветное вещество, красивое расположение лица и всецело поползается в вожделение нравящегося (свт. Григорий Нисский, 18, 461).

***

Что может быть бесстыднее того взора, который располагает и внешние глаза — смотреть на создания Божии, как на зло? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 300).

***

Глаз для того и создан, чтобы мы, видя им творения Божии, прославляли их Создателя (свт. Иоанн Златоуст, 47, 205).

***

...Господь наш Иисус Христос, зная слабость нашей природы и беспечность воли, дал закон, запрещающий и возбраняющий излишние взгляды, дабы издали еще погасить загорающийся в нас пламень... (см.: Мф. 5, 28) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 205).

***

...Глаза Он <Бог> дал тебе не для того, чтобы ты сладострастно смотрел ими, но чтобы украшал их целомудрием... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 141).

***

Не для того Бог создал тебе глаза, чтобы ты делал их орудием прелюбодеяния, но для того, чтобы, взирая на Его творения, благоговел перед Творцом (свт. Иоанн Златоуст, 50, 193).

***

Не надобно... все дозволять бесстыдным и невоздержным глазам, но вместо узды надлежит возлагать на них стыдливость, чтобы впоследствии не подвергнуться нака-

занию за лукавое пожелание, которое и здесь неумолимее исполнителей казни терзает и бичует сердце, заграждает эту пристань естества, разумею сон, и заставляет всегда оставаться и томиться среди моря. Почему и Спаситель, избавляя нас от хлопот и излишних забот, желая, чтобы без них протекали мы поприще целомудрия, угрожал тяжким наказанием, назначенным для тех, которые стараются пытливо смотреть: угрожал для того наипаче, чтобы подавить корень страсти, а потом и для того, чтобы, уязвленные стрелою лицезрения, не навлекли мы на себя неудобоизлечимую или неисцельную болезнь. Ибо кто не видит, тот не только вернее, но и легче препобедит пожелание (прп. Исидор Пелусиот, 61, 232).

***

Не телу только надлежит быть неприкосновенным, но и взглядам очей девственными (отсюда и название: зеница ока по-гречески ἡ κόρη, что значит дева), и не должно допускать, чтобы очи бесстыдно и невоздержно услаждались чужими красотами, чтобы зрение не могло руководить их и к делу (прп. Исидор Пелусиот, 62, 170—171).

***

Зеницам в очах, подобно девам, заключенным в теремах и, как завесами, покрытым веками, справедливо быть под наблюдением целомудренного помысла, чтобы всегда краснели и стыдились, чего должно. Если же увидят когда чужую красоту, пусть еще больше покрываются стыдом, опускают ниже завесы, потупляются вниз, и смотрят в землю как нашу матерь, которая обучает не только нашему естеству, но и тому, что видимая красота из нее произошла и, увянув, в нее возвратится. И если сделают это, то

поистине сохранят приличное девам; если же будут смотреть невоздержно и бесстыдно, то, приводимые в неистовство чужими красотами, вместо дев окажутся псами (прп. Исидор Пелусиот, 62, 229).

***

Похотливому взору, услаждающемуся чужою красотою, Спаситель справедливо угрожал наказанием, избавляя нас от самых дел и от великого затруднения, чтобы красота, вторгшись посредством очей, не поработила ума и, заняв в душе существенные ее части, не убедила помыслы уступить место страсти, по возобладании которой зло делается трудно излечимым, чтобы не сказать, неисцельным. Посему берегись, чтобы самоуправная страсть сластолюбия, овладев душою, уврачевания ее не сделала, если не вовсе невозможным, то затруднительным (прп. Исидор Пелусиот, 62, 327).

***

Размышлением о смерти удерживай глаза свои, которые ежечасно хотят любопытно смотреть на телесную красоту и великолепие (прп. Иоанн Лествичник, 57, 37).

***

Горе лукавому зрению, потому что оно впускает в душу яд греха! (прп. Феодор Студит, 92, 146).

***

...Общие правила о том, как должно употреблять внешние чувства, чтоб впечатления от них не разоряли нашего духовно-нравственного строя. Внемли убо! Паче

всего, брате мой, всеусильно держи в руках злых и скорых окрадателей своих — очи свои — и никак не позволяй им простираться к любопытному смотрению на лица женщин, красивы ли они или некрасивы, равно как и на лица мужчин, особенно юных и безбородых; не позволяй им также смотреть на нагие тела, не только чужие, но и на свое собственное. Ибо от такого любопытства и страстного смотрения удобно может зародиться в сердце сладострастная похоть блудная <...>

Блюдись также всматриваться в хорошие яства и пития, припоминая праматерь нашу Еву, которая, посмотрев недобрыми очами на плод запрещенного древа в раю, воспохотствовала его, сорвала и вкусила, и подвергла смерти себя и весь род свой. Не смотри с вожделением на красивые одежды, ни на серебро и злато, ни на блестящие наряды мирские, чтоб чрез очи твои не вошла в душу твою страсть тщеславия или сребролюбия... Блюдись смотреть на хороводы, пляски, пиры, пышности, споры, ссоры, пустоболтания и все другие неподобные и срамные дела, кои любит несмысленный мир и запрещает закон Божий. Бегай и закрывай очи свои от всего этого, чтоб не наполнить сердца своего страстными движениями и воображениями, срамными образами и не возбудить в себе бунта и брани против себя, пресекши непрерывность подвига, коим должен ты всегда подвизаться против страстей своих. Но люби посещать церкви и смотреть на святые иконы, священные книги, усыпальницы, кладбища и все другое преподобное и святое, смотрение на что может спасительно действовать на душу твою (прп. Никодим Святогорец, 70, 97—99).

И

ИДОЛОПОКЛОНСТВО

...Хитрец-диавол, знавши, что идолослужение само в себе может показаться отвратительным, соединил его с зрелищами, чтобы заставить полюбить его ради наслаждения (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 357).

***

...Идолослужению предшествует зло как причина. Люди, научившись примышлять себе не сущее зло, вообразили себе также и не сущих богов (свт. Афанасий Великий, 1, 135).

***

<Идолопоклонство>... не иначе изобретено... у людей, как из вожделения к воображаемому (свт. Афанасий Великий, 1, 137).

***

Люди, унизившись до скотского состояния страстями и сластолюбием и не имея в виду ничего иного, кроме удо-

вольствий и плотских вожделений, как сами устремились мыслию в эти бессловесным свойственные дела, так в виде же бессловесных стали представлять и Божество, по разнообразию страстей своих, изваяв такое множество богов (свт. Афанасий Великий, 1, 150).

***

...Если при помощи одного искусства является в изваяниях Бог, и потому изваяния чествуются как боги, то надлежало бы поклоняться людям, как виновникам искусства, и их чествовать, поколику они разумны (свт. Афанасий Великий, 1, 152).

***

В финикийских капищáх, в древности, сидели женщины, и в дар тамошним богам своим приносили начатки из цены блуда своего, думая умилостивить тем богиню свою... (свт. Афанасий Великий, 1, 158).

***

...В древности египтяне приносили людей в жертву Гере, а финикияне и критяне принесением в жертву детей своих умилостивляли Крона (свт. Афанасий Великий, 1, 158).

***

О, верх безумия — признавать Богом, что сделал сам человек, и не видеть нелепости такого дела! (свт. Василий Великий, 6, 94).

***

...Как прожорливые псы не отходят от мясных лавок, где есть кровь и гной, так и ненасытные демоны, уловляя случай усладиться кровью и туком жертв, любят быть около жертвенников и поставленных им кумиров (свт. Василий Великий, 6, 281).

***

...Во всех... идолах, из дорогого или недорогого вещества, которым кланяются язычники, присутствуют демоны, невидимо прилетающие и наслаждающиеся приятностью нечистых испарений (свт. Василий Великий, 6, 281).

***

Кто вкушает жертву, принесенную в честь демона, тот беспрекословно делается достоянием демонов (прп. Ефрем Сирин, 34, 166).

***

...Как человек будет почитать то, что он делает? Это происходит не из иного чего-либо, а только — из тупости (свт. Иоанн Златоуст, 49, 153).

***

Бог по той причине оставил хотя некоторую часть идолопоклоннической закваски, чтобы она служила стыдом для идолослужителей (свт. Иоанн Златоуст, 49, 245).

***

Скажи мне, что ты станешь говорить язычнику, как скоро сам хищничиешь и лихоимствуешь? Отступи, ска-

жешь, от идолослужения, познай Бога, не стремись к серебру и золоту. Но разве он не засмеется и не скажет в ответ: сперва научи этому самого себя. Ведь не одно и то же — идолопоклонствовать, будучи язычником, и совершать тот же самый грех, будучи христианином <...>

Не говори мне, что ты не кланяешься золотому идолу, но докажи мне, что не делаешь того, что повелевает золото. Ведь бывают различные виды идолопоклонства: один почитает своим господином маммону, другой признает богом чрево, а третий — грубейшую страсть. Но ты (говоришь) не приносишь им в жертву волов, как язычники? Правда, зато ты — что гораздо хуже — закалаешь им в жертву свою душу. Ты не преклоняешь пред ними колена и не кланяешься? Но ты с очень большою покорностью исполняешь все то, что прикажут тебе и чрево, и золото, и господствующая страсть. И эллины потому именно и гнусны, что обоготворили страсти, назвав вожделение — Афродитою, ярость — Аресом, пьянство — Дионисом. Если ты не делаешь изваяния идолов, как язычники, зато с большим усердием подчиняешься тем же страстям, делая члены Христовы членами блудницы, оскверняя себя и прочими беззакониями (свт. Иоанн Златоуст, 52, 548—549).

***

Идоложертвенное дурно не по природе своей, но производит осквернение по расположению вкушающего (свт. Иоанн Златоуст, 53, 244).

***

Для тебя солнце создано и прекрасным и вместе бессильным: прекрасным, чтобы (по нему) ты познал Вла-

дыку; бессильным, чтобы ты не называл его своим владыкою. Но оно, говорят, питает растения и семена. Что же: ужели поэтому и навоз — бог? Ведь и он также питает растения (свт. Иоанн Златоуст, 54, 109).

***

Как Богу никто не может чисто служить иначе, как совершенно очистив душу, так и твари не может он служить, не лелея тело самоугодливо (прп. Максим Исповедник, 91, 273).

***

Существо идолопоклонства в том, что твари присвояются божеские свойства и в силу сего чтут их... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 127).

ИКОНОПОЧИТАНИЕ

Кто на торжище смотрит на царский образ и говорит, что изображаемое на картине есть царь, тот не двух царей признает, т. е. образ и того, чей образ; и если, указав на писанного на картине, скажет: «Это царь», не лишит первообраз царского именования, вернее же сказать, признанием образа, подтверждает честь, воздаваемую царю. Ибо если образ — царь, то тем паче следует быть царем тому, кто послужил причиною образа (свт. Василий Великий, 8, 328).

***

Разве Владыку нашего можно видеть очами? Он незрим и безвиден по существу, а изображается и бывает видимым по человечеству (свт. Иоанн Златоуст, 45, 661).

***

Разве не знаешь, что если кто будет оскорблять образ царя, нанесет оскорбление первообразу достоинства? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 379).

***

Кто не исповедует, что Господа нашего Иисуса Христа можно изображать живописью, тот не исповедует, что Он был видим во плоти... (прп. Феодор Студит, 92, 525).

***

...Кто не поклоняется святой иконе Господа, тот не поклоняется и Самому Господу (прп. Феодор Студит, 92, 525—526).

***

Ведуще, что... принятое Им от нас привнесение и естество подлежат восприятию чувств и описуемы, мы изображаем Его на иконах и православно поклоняемся, также как и изображаем на иконах Родившую Его в девстве, а также и совершенным образом угодивших Ему (свт. Григорий Палама, 26, 84).

***

...Ради нас Вочеловечившегося икону сотвори, по любви к Нему, и чрез нее воспоминай о Нем, чрез нее поклоняйся Ему, чрез нее возводи ум свой к поклоняемому телу Спасителя, сидящему во славе одесную Отца на небесах. Равным образом и святых иконы и твори, и поклоняйся им: не как богам — что воспрещено, — но во свидетельство твоего с ними общения, любви к ним и чествования их, ум свой возводя к ним чрез иконы их; как

и Моисей сотворил иконы Херувимов и поставил во Святом Святых, да и само Святое Святых было образом пренебесных вещей, а Святое носило образ всего мира, и Моисей назвал его Святым, не твари славя, но чрез них мир сотворшего Бога. И ты не почитай богами икон Господа Иисуса Христа и святых, но чрез них поклоняйся по образу Своему вначале нас Создавшему, а после сей самый нашенский образ Свой благоволившему восприять по неизреченному человеколюбию Своему, и в нем описуемым соделаться (свт. Григорий Палама, 93, 283).

***

...Иконам святых поклоняйтесь, яко сраспеншихся Христу, крест изображая на лице своем и на память приводя действенно проявившееся в них причастие страстям Христовым (свт. Григорий Палама, 93, 284).

***

Святые иконы приняты Святой Церковью для возбуждения благочестивых воспоминаний и ощущений, а отнюдь не для возбуждения мечтательности. Стоя пред иконою Спасителя, стой как бы пред Самим Господом Иисусом Христом, вездесущим по Божеству и иконою Своею присутствующим в том месте, где она находится. Стоя пред иконою Божией Матери, стой как бы пред Самой Пресвятой Девой, но ум твой храни безвидным: величайшая разница быть в присутствии Господа и предстоять Господу или воображать Господа. Ощущение присутствия Господня наводит на душу спасительный страх, вводит в нее спасительное чувство благоговения, а воображение Господа и святых Его сообщает ему как бы вещественность, приводит его к ложному, гордому мнению о себе, — душу приводит

в ложное состояние, состояние самообольщения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 147—148).

***

...<Некоторые иконы бывают чудотворными>, потому что Богу так угодно... Сила тут не в иконах, и не в людях прибегающих, а в Божией милости... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 224).

****

...В годовую память святого Симона Мироточивого, во время великой вечерни, вошел в храм один брат, именем Савва, из обители Дионисия, что на Олимпе, чтобы приложиться к святому лику преподобного. Но, заметив, что икона очень мала, счел ее не достойной поклонения. Когда этот инок удалился из храма и заснул в выделенной ему келье, то увидел он, как будто открылся верх кельи и страшный змий, дыша пламенем и испуская дым и смрад, разинул пасть, чтоб поглотить его. «Тебе не нравится малый образ святого, — заговорил змий, — и ты с негодованием вышел из храма, не дождавшись конца службы. Так знай — ты мой и я поглощу тебя», — и с ужасным шумом бросился на инока. Несчастный Савва в ужасе возопил: «Преподобне Симоне, помоги мне!» В это мгновение пробудившись, с трепетом пошел в храм и, пав на колени перед образом преподобного, с любовью лобызал его... (95, 451).

***

Одна христолюбивая женщина рыла колодец. Много она издержала и добралась до большой глубины, но воды все не было. На нее напало уныние: ей жаль было на-

прасных трудов и денег. Однажды видит она незнакомца, и он говорит ей: «Пошли людей и вели им принести изображение аввы Феодосия из монастыря в Скопеле, и Бог, по его молитве, даст тебе воду». Женщина немедленно послала людей за иконой и, когда они принесли ее, опустила образ в колодец. И тотчас показалась вода, наполнившая его до половины. Все прославили Бога (102, 77—78).

ИСКУШЕНИЯ

...Не без причины пришло искушение: но или Бога, или брата своего, или иного кого-либо (прежде сам) <человек> оскорбил в неведении или в ведении, и нашелся повод к прощению его, чтобы хотя ради терпения получил он прощение во многом худом (им сделанном)... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 38).

***

...Всякое искушение, как врачевство, попускается Богом для излечения немощствующей души, потому что дарует прощение прежде бывших и настоящих зол и удерживает будущие (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 39).

***

Ничто столько... не подает невольного спасения, как искушения (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 150).

***

Как родители, любящие детей своих, угрозами отвращают их от безумных поступков, будучи побуждаемы к тому любовью, так и Бог попускает искушения, как жезл,

отвращающий достойных от худых советов диавола (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 178).

***

Искушения же праведных и святых людей бывают по благоволению Божию, к усовершению душ их и постыжению врагов их — демонов (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 8).

***

...Чрез многие искушения и терпение их человек делается опытным и познает из этого свою немощь и силу Божию (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 56).

***

Искушения ни на кого так не восстают, как на тех, кои получили Духа Святаго. И Господь наш, когда по крещении сошел на Него Дух Святый в виде голубя, изведен был Духом в пустыню, искуситися от диавола, который испытал Его всеми своими искушениями, но ни в чем не успел против Него... Так и всех, приемлющих Духа, борющихся и побеждающих, Дух Святый укрепляет и подает им силу препобеждать всякое искушение (прп. Антоний Великий, 89, 50—51).

***

Золото мнократно очищается огнем, чтоб чрез сильнейшее очищение оно стало лучше. Равным образом Господь наш, по благости своей, очищает человека многими искушениями, испытывает его и делает его опытным в ведении браней сердечных, так что он не возвращается более мыслями или памятью к неправдам и унижениям, каким под-

вергали его люди, но смиряется пред Богом и на Него возлагает все упование свое, будучи всегда готов на всякое доброе дело пред Богом... (прп. Антоний Великий, 89, 52—53).

***

...Никто без искушений не может войти в Царствие Небесное; не будь искушений, никто бы и не спасся (прп. Антоний Великий, 89, 133).

***

Если во время подвига успешно противишься искушению... да не порадуется сердце твое, ибо демоны и в бегстве своем готовят брань, опаснейшую первой (прп. авва Исаия, 59, 30).

***

Если будешь молить Бога, чтобы Он освободил тебя от искушения, и не будешь услышан, не унывай душою, ибо Он знает более тебя, что тебе полезно (прп. авва Исаия, 59, 30).

***

Всегда ожидай каких-либо великих и страшных искушений, скорбей, бедствий и смерти, чтобы они не постигли тебя неготовым (прп. авва Исаия, 59, 185).

***

...<Не сомневайся> в том, что ежедневно предстоит тебе какое-либо искушение или со стороны смерти, или скорби, или какого-либо великого бедствия (прп. авва Исаия, 59, 186).

***

В душе человеческой невозможно не быть некоторому волнению от искушений. Пока погрешаем редко и не в важном, мы слегка только колеблемся, как растения, качаемые тихим ветром. Но когда худые наши дела сделаются многочисленнее и важнее, тогда, по мере возрастающих грехов, и волнение обыкновенно в нас усиливается. И одни приходят в колебание сверх меры, а другие доходят до того, что вырванные с корнем бывают низложены, когда дуновение порока сильнее всякой бури исторгает как бы корни души, на которых она утверждалась Божественною верою (свт. Василий Великий, 5, 330).

***

Уверовавшие в Бога и крестившиеся должны тотчас быть готовыми и от домашних своих терпеть искушения даже до смерти. Ибо кто не готов к этому, тот при постигшей внезапно опасности легко приходит в колебание (свт. Василий Великий, 7, 370).

***

Не должно самому кидаться в искушения прежде времени, до Божия на то попущения, а, напротив того, надобно молиться, чтобы не впасть в искушение (свт. Василий Великий, 7, 371).

***

В иное время надобно уклоняться от злоумышляющих. А кому попущено впасть в искушение, тот должен просить в молитвах об облегчении, чтобы в силах ему быть понести искушение, и об исполнении воли Божией (свт. Василий Великий, 7, 372).

***

Христианин в искушениях, при каждой встречающейся с ним опасности, должен припоминать, что сказано на сей случай в Богодухновенном Писании, и таким образом соблюдать себя непосрамленным, а противников приводить в бездействие (свт. Василий Великий, 7, 373).

***

Два рода искушений; потому что или скорби испытывают сердца, как золото в горниле, в терпении открывая их доброту, или нередко самое благоденствие жизни служит для многих вместо испытания (свт. Василий Великий, 8, 76).

***

...Терпеливо переносить искушение и испытание свойственно весьма немногим людям... (свт. Василий Великий, 9, 391).

***

Во время искушения выказывается достоинство верного. Но не малодушествовать должно во время искушения, а трезвиться в молитвах и добрых делах (прп. Ефрем Сирин, 30, 580).

***

Море не всегда спокойно, и невозможно без искушения переплыть настоящую жизнь. А если за веру в Господа будем держаться, как за кормило, то введет нас в пристань жизни... (прп. Ефрем Сирин, 30, 581).

***

Будь и ты тверд в искушениях и скорбях и противься распаляющему тебя сластолюбию, чтоб и тебя, как необожженный кирпич, не размыли дождевые капли... (прп. Ефрем Сирин, 31, 111).

***

Хочешь ли, чтобы не преодолело тебя искушение? Отсеки всякую свою волю (прп. Ефрем Сирин, 31, 128).

***

...Если будем служить <Богу> с искренним сердцем, то не попустит, чтобы мы были искушаемы сверх сил, и искушаемых избавит (прп. Ефрем Сирин, 31, 199).

***

Если... не переносишь малого искушения, то как перенесешь великое? (прп. Ефрем Сирин, 31, 234).

***

Что делаешь ты, человек, нерадя о добродетели? Творец отдал тебя, как золото, расплавить, именно же посредством оскорблений и искушений, чтобы ты при великом своем терпении и великодушии оказался избранным и чистым сосудом. Ибо человек неискушенный бывает неблагоискусен (прп. Ефрем Сирин, 32, 80).

***

...Бог попускает искушения не на зло, а на добро, зная, что победим, попускает, чтобы мы были увенчаны.

Что же касается до побеждаемых, то не Он попускает, но причиною искушения бывают произволение и дела каждого (прп. Ефрем Сирин, 32, 260).

***

...Желающему спастись невозможно настоящую жизнь проводить в покое или быть в мире сем без искушений и скорбей, потому что ни избегнуть наказания, ни достигнуть Царствия и насладиться вечными благами никто не может без искушений и скорбей (прп. Ефрем Сирин, 32, 262).

***

...В какой мере <человек> проходит искушения, в такой же мере утверждается, делается прочным в основании, становится незыблемым и непоколебимым камнем. И когда таковой ум, став при дверях, не обращает хребта пред врагом, но противостоит ему при исшествии из тела, тогда приемлют его добрые Ангелы в области Царства, и вступает он в Жизнь Вечную (прп. Ефрем Сирин, 32, 315).

***

Если искушения и будут тревожить тебя, то знай, что они уравняют тебе стезю к небесам (прп. Ефрем Сирин, 34, 297).

***

В искушениях утешайте себя обетованиями! Неложно слово Того, Кто на всех изливает дары Свои... (прп. Ефрем Сирин, 34, 382).

***

...Во время искушения мысли наши обыкновенно рассеиваются и помышления наши разбрасываются в стороны (прп. Ефрем Сирин, 37, 292).

***

Когда... душа войдет в оный град Святых, тогда только возможет пребыть без скорбей и искушений... (прп. Макарий Египетский, 67, 204).

***

...И духовные терпят искушения, потому что в них остается еще произвол, и нападают на них враги, пока в этом они веке (прп. Макарий Египетский, 67, 212).

***

Предается <человек> врагам и искушениям для упражнения и обучения, как Иов был в искусе, потому что и злое, хотя не по доброму изволению, содействует доброму (прп. Макарий Египетский, 67, 354).

***

Бог, в точности зная состояние всех, сколько есть сил у каждого, в такой мере попускает и подвергаться искушению... (прп. Макарий Египетский, 67, 386).

***

...Искушения и испытания предстоят для того, чтобы явными сделались те, которые истинно возлюбили Владыку (прп. Макарий Египетский, 67, 401).

***

Бог никогда не попускает надеющейся на Него душе до того изнемогать в искушениях, чтобы дойти до отчаяния... (прп. Макарий Египетский, 67, 450).

***

...Божию разуму ведомо, в какой мере каждую душу должно подвергнуть искушению, чтобы сделалась она благоискусною и благопотребною для Небесного Царства (прп. Макарий Египетский, 67, 450).

***

...Лукавый огорчает душу не в такой мере, сколько у него есть желания, но сколько попускается ему Богом (прп. Макарий Египетский, 67, 450).

***

<Души>... не искушенные и не испытанные различными скорбями от лукавых духов, остаются пока во младенчестве... и неблагопотребны еще для Небесного Царства (прп. Макарий Египетский, 67, 451).

***

...Когда душа подпадает различным искушениям, не дивится она и не отчаивается, ибо знает, что по Божию попущению дозволяется злобе испытывать и наказывать ее... (прп. Макарий Египетский, 89, 245).

***

<Должно> не ослабевать в борьбах с искушениями, но взирать на конец — победы, т. е. на вчинение в Ангель-

ский лик и твоей души, очищенной приражением искушений (свт. Григорий Нисский, 19, 83).

***

...Как при всяком приражении искушения имеем у себя одну только защиту — покаяние, то воспользовавшийся им с преспеянием во всякое время бывает победителем всегда нападающего (свт. Григорий Нисский, 19, 140).

***

...Таково первое приражение искушения, с чего берут начало страсти... Представилось, например, глазам зрелище, которое может возобновить в нас вожделение. Сим-то враг и изведывает в тебе силы, крепки ли они и готовы ли к отбою, или слабы и готовы сдаться. Ибо если не принял ты на себя согбенной наружности и силы разумения не растерялись у тебя при том, что увидел, но бесстрастно перенес ты встречу, то немедленно приводишь в ужас соглядатая, как бы показав ему какую копьями вооруженную дружину воинов, разумею ополчение помыслов. Если же во время зрения чувство разнежилось от удовольствия, и подобие видимого образа, посредством очей, вторглось внутрь сердца, то внутренний военачальник — ум, как не имеющий никакого мужества, или никакой отваги, но сластолюбивый и изнеженный, подвергается тогда нападению, и вокруг соглядатая собирается множество предателей из толпы помыслов. А это те предатели, о которых Господь говорит: *враги человеку домашние его* (ср.: Мф. 10, 36), которые от сердца исходят и сквернят человека, и имена которых ясно можно дознать из Евангелия. После сего нетрудно тебе будет уразуметь по порядку подробности

этого неприятельского распоряжения, невидимо уготовляющего засады, в которые попадают неосмотрительно идущие путем жизни (свт. Григорий Нисский, 19, 348—349).

***

...Терпение тогда только выдерживает искушение, когда воздерживается от наслаждения, предоставленного вашей свободе (свт. Григорий Нисский, 25, 248).

***

...Много пользы от искушений, и никто из тех, о ком много печется Бог, не бывает без печали, хотя нам это и не так представляется (свт. Иоанн Златоуст, 44, 184).

***

Мы терпим искушения в наказание за грехи... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 199).

***

Разве Он <Бог> не может отвратить искушения? Но Он попустил для того, чтобы ты сделался опытнее. Но вот, говоришь ты, я падаю и гибну. — Не от свойства искушения, а от собственной твоей беспечности (свт. Иоанн Златоуст, 44, 821).

***

...Святые больше всего нуждаются в <искушениях>, потому что ничто так не влечет к гордости, как сознание заслуг и дерзновенная душа. Чтобы они не потерпели ничего подобного, Бог и попустил быть искушениям и скор-

бям, которые могли бы смирять их и побуждать во всем соблюдать меру (свт. Иоанн Златоуст, 45, 15).

***

Не будь искушения, не было бы и венца... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 58).

***

Не будем же роптать и малодушествовать, если случится что-нибудь неожиданное, но предоставим Знающему это с точностью очищать нашу душу, доколе Он хочет, потому что Он делает это с пользою и ко благу искушаемых (свт. Иоанн Златоуст, 46, 36).

***

...Не будем смущаться и падать духом, когда постигают нас искушения. Если художник золотых вещей знает, сколько времени нужно держать золото в печи и когда вынимать его оттуда, и не допускает оставаться ему в огне до того, чтобы оно испортилось и перегорело, — тем более знает это Бог, и когда Он видит, что мы сделались более чистыми, то избавляет от искушений, чтобы от избытка бедствий мы не преткнулись и не пали (свт. Иоанн Златоуст, 46, 36).

***

Подлинно, хотя бы мы были тысячекратно любомудрыми, хотя бы были крепче и сильнее всех, но если не будет <Божия> содействия, мы не в состоянии будем переносить даже малого искушения (свт. Иоанн Златоуст, 46, 37).

***

...Не только <Бог>... не посылает искушения сверх силы, но и при искушении по силе присутствует, поддерживая нас и укрепляя, если мы сами наперед привнесем должное с нашей стороны: готовность, надежду на Него, благодарность, твердость и терпение... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 38).

***

...Великость искушения может облегчать бремя грехов... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 45).

***

...От... искушения происходит спасение, и... опасности служат величайшим очищением души для тех, которые переносят их с благодарностью (свт. Иоанн Златоуст, 46, 303).

***

Никогда не бойся искушений, если имеешь доблестную душу, чрез это все святые удостоились венцов (свт. Иоанн Златоуст, 46, 456).

***

...Ничто не делает людей так славными и достойными удивления и ничто так не преисполняет бесчисленных благ, как множество искушений, опасностей, труды, скорби уныния, постоянные козни... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 604).

***

...Нерадивый и беспечный, лишь подует на него легкий ветерок искушения, тотчас колеблется и падает, не от свой-

ства искушения, но от слабости своей воли (свт. Иоанн Златоуст, 47, 13).

***

...Господь, если когда попустит нам пасть в какое-либо искушение, то дает ему продолжаться только дотоле, пока мы, как Он знает, можем вынести, чтобы после того и нам даровать соответственную награду за терпение и явить собственное человеколюбие... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 260).

***

Щедролюбивый и пекущийся о нашем спасении Владыка наш, посылая искушения, предлагает нам в них как бы некое училище и поприще борьбы для того, чтобы и мы сделали все, что только можем, и за это удостоились милостивого Его промышления (свт. Иоанн Златоуст, 47, 351—352).

***

...Как золото, очищаемое чрез долгое время в горниле, добродетель праведника явится (в искушении) чище и светлее (свт. Иоанн Златоуст, 47, 426).

***

Если... подвергаются скорбям живущие во грехах, пусть они не отчаиваются, зная, что искушения во всякое время могут послужить к очищению грехов, если только все случающееся с нами мы принимаем с благодарностью (свт. Иоанн Златоуст, 47, 439).

***

Когда <Господь> видит, что счастье не может принести нам пользы, тогда, как наилучший врач, который, — заметив, что кто-либо от пресыщения тучнеет, возвращает тому здоровье чрез воздержание, — (подобно) тому и дивный Врач наших душ наведением хотя немногих искушений дает нам чувствовать вред, какой мы потерпели бы от (постоянного) благополучия... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 439).

***

Так всегда угодно Богу — не удалять от опасностей людей добродетельных и не освобождать их от искушений, а в самых искушениях являть им такую Свою помощь, что и самые искушения делаются поводом к торжеству (свт. Иоанн Златоуст, 47, 666).

***

...Если мы хотим удостоиться благоволения Божия, не будем нетерпеливы в искушениях, не будем унывать, когда они постигают нас, но лучше будем радоваться и веселиться, укрепляя себя верою и зная, что тем большим будем наслаждаться промышлением Божиим, если решимся все переносить с благодарением (свт. Иоанн Златоуст, 47, 705).

***

...Душа, огорчаемая искушениями, освобождается от страстей и других многих болезней; тогда она особенно наслаждается спокойствием (свт. Иоанн Златоуст, 48, 15).

***

...Не будем смущаться и беспокоиться в искушениях, если мы не тотчас получаем избавление от них, но предоставим время избавления Самому Господу... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 533).

***

Бог попускает искушение для испытания (свт. Иоанн Златоуст, 49, 523).

***

...Никто из крестившихся, если бы ему случилось после крещения претерпевать еще большие прежних искушения, не смущался ими, как чем-то неожиданным, но мужественно переносил бы всякое искушение как дело обыкновенное. Не для того ведь ты <христианин> получил оружие, чтобы быть праздным, но чтобы сражаться. Вот почему и Бог не препятствует посещать тебя искушениям. Во-первых, Он попускает их для того, чтобы ты познал, что ты сделался гораздо сильнее; во-вторых, чтобы ты пребывал в смирении и не превозносился величием даров, видя, что искушения могут смирять тебя; в-третьих, для того, чтобы лукавый дух, все еще сомневающийся в твоем от него отступлении, видя твое терпение в искушениях, уверился, что ты совершенно оставил его и отступил от него; в-четвертых, чтобы ты чрез это сделался тверже и крепче всякого железа; в-пятых, чтобы получил ясное свидетельство о вверенных тебе сокровищах. В самом деле, диавол не стал бы приступать к тебе, если бы не видел тебя на высшей степени чести (свт. Иоанн Златоуст, 50, 130).

***

Для чего Он <Христос>... удаляется? Для того, чтобы научить нас не идти самим навстречу искушениям, но отступать и уклоняться от них. Не тот виновен, кто не бросается в опасности, но тот, кто в опасностях не имеет мужества (свт. Иоанн Златоуст, 50, 141).

***

Молитва — сильное оружие среди искушений (свт. Иоанн Златоуст, 52, 30).

***

...Не должно бояться искушений, потому что за нас Бог... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 682).

***

...Возможность переносить <искушения> зависит от помощи Божией, которую мы приобретаем собственным нашим расположением (свт. Иоанн Златоуст, 53, 235).

***

...Не будем унывать во время искушений. Никто из любящих увеселения, беспечно почивающих и услаждающихся, никто из проводящих жизнь изнеженную и рассеянную не может быть общником Христу. Но кто проводит жизнь среди скорбей и искушений и ходит тесным путем, тот близок к Нему (свт. Иоанн Златоуст, 53, 465).

***

Бог попускает... искушения не для того, чтобы поразить нас, но чтобы усовершить нас (свт. Иоанн Златоуст, 53, 553).

***

Не вызывайся на искушения, когда дела благочестия идут по твоему желанию, — зачем навлекать на себя излишние опасности, не приносящие никакой пользы (свт. Иоанн Златоуст, 55, 37).

***

...Проводить жизнь среди искушений есть удел особенно доблестных людей... Бог всегда так поступал с мужами дивными и великими (свт. Иоанн Златоуст, 55, 99).

***

Если же искушения делают людей столь славными, что Бог и без причины подвергает им своих подвижников, то тем более мы должны переносить все мужественно (свт. Иоанн Златоуст, 55, 204).

***

Пока мы будем иметь Его <Бога> своим помощником, до тех пор хотя бы искушения сильнее всяких бурь нападали на нас, они будут для нас сеном и листьями, легко уносимыми (ветром) (свт. Иоанн Златоуст, 55, 232).

***

Если дух настроен хорошо, то хотя бы отовсюду поднимались бесчисленные бури, мы всегда будем пребывать в тихой пристани (свт. Иоанн Златоуст, 55, 612).

***

...Если бы на них <святых> не посылалось никакого искушения, то мы не удивлялись бы тому, что они непрестанно радовались. Между тем, будучи отовсюду окружены

бесчисленными волнами, они чувствовали себя лучше людей, наслаждающихся невозмутимой тишиной (свт. Иоанн Златоуст, 55, 620).

***

Знай, что Тот, Кто попускает быть искушению, Сам же знает и время прекращения искушения (свт. Иоанн Златоуст, 55, 620).

***

...Посылаются нечаянные искушения от Бога к исправлению жизни нашей, особенно когда кто вкусил сладость упокоения от добра сего (внимания и трезвения), — и вознерадел. От частости сей рождается навык; от этого — естественная некая непрерывность трезвения, а от сего, по свойству его, мало-помалу порождается видение брани, за которым последует непрестанная молитва Иисусова, сладостная без мечтаний тишина ума, и дивное некое состояние, исходящее от сочетания с Иисусом (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 167).

***

Хотя... искушение бывает двоякое, т. е. в предметах счастья и несчастья, однакож должно знать, что все люди искушаются по трем причинам: по большей части для испытания, иногда для исправления, нередко для наказания за грехи. Во-первых, для испытания: так искушаем был блаженный Авраам, Иов и многие святые, переносившие, как известно, бесчисленные скорби <...>

Во-вторых, для очищения: так Господь праведников своих за некоторые малые и легкие грехи их и для уничтожения высокого их мнения о чистоте своей предает различным искушениям, дабы, в настоящее время очистив их

от всякой скверны помыслов и, говоря словами Пророка, *разжегши в чистоту* (ср.: Ис. 1, 25), представить их в день будущего испытания подобными чистому золоту, не имеющими в себе ничего, что служило бы пищею искушающему судному огню и требовало бы мучительного очищения его. В этом смысле сказано: *многи скорби праведным* (Пс. 33, 20)... Об этом спасительном очищении молится Давид, говоря: *искуси мя, Господи, и испытай мя, разжжи утробы моя и сердце мое* (Пс. 25, 2). Понимая пользу сего искушения, пророк Иеремия также взывает: *накажи нас, Господи, обаче в суде, а не в ярости* (Иер. 10, 24); и пророк Исаия говорит: *благословлю Тя, Господи, яко разгневался еси на мя, и отвратил еси ярость Твою, и помиловал мя еси* (ср.: Ис. 12, 1). В-третьих, человек подвергается ударам искушения в наказание за грехи; таким поражением Господь угрожает народу израильскому, говоря: *зубы зверий пошлю в ня, с яростию пресмыкающихся по земли* (Втор. 32, 24); также: *всуе поразих чада ваша, наказания не приясте* (Иер. 2, 30). Также в псалмах говорится: *многи раны грешному* (Пс. 31, 10), и в Евангелии: *се здрав был еси: ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (ср.: Ин. 5, 14). Впрочем, мы находим и четвертую причину, по которой люди подвергаются некоторым страданиям, и которая также открыта нам в Священном Писании: это есть явления над нами славы и дел Божиих, как именно говорится в Евангелии: *ни сей согреши, ни родителя его, но да явятся дела Божия на нем* (Ин. 9, 3), и еще: *сия болезнь несть к смерти, но о славе Божией, да прославится Сын Божий ея ради* (ср.: Ин. 11, 4). Есть еще и другие роды наказаний, которыми в настоящее время поражаются только те, которые перешли уже меру нечестия. На такое наказание, как известно, осуждены были Дафан, Авирон и Корей, особенно же те,

о которых говорит Апостол: *сего ради предаде их Бог в страсти бесчестия и в неискусен ум* (Рим. 1, 26, 28); и это наказание должно почитать тягчайшим из всех прочих. Ибо поражаемые им *в трудех человеческих не суть*, как говорит Псалмопевец, *и с человеки не приимут ран* (Пс. 72, 5). Ибо они не заслуживают быть спасенными посещением Господа, ни получить уврачевание посредством временных наказаний, которые *в нечаяние вложшеся, предаша себе студодеянию, в делание всякия нечистоты* (Еф. 4, 19) и которые ожесточением своего сердца и удобопреклонностью к грехам превышают способ очищения в этом кратком веке и меру наказания в настоящей жизни. К таковым-то слово Божие с укоризною взывает чрез пророка Амоса: *разорих вы, якоже разори Бог Содому и Гоморру, и бысте яко главня исторжена из огня, и ниже тако обратистеся ко мне, глаголет Господь* (Ам. 4, 11) и чрез пророка Иеремию: *убих, погубих людей Моих, и не обратишася от стезь своих* (ср.: Иер. 15, 7), и в другом месте: *бил еси их, и не поболеша, сокрушил еси их, и не восхотеша приняти наказания: ожесточиша лица своя паче камене, и не хотеша обратитися* (Иер. 5, 3). Тот же Пророк, видя, что все средства, употребляемые в то время к уврачеванию сих людей, остались тщетными, с некоторым уже отчаянием о спасении их возглашает: *оскуде мех от огня, истле олово, всуе ковач сребро кует, лукавства бо их не истаяша. Сребро отриновено нарцыте их, яко Господь отверже их* (Иер. 6, 29—30) (авва Феодор, 56, 272—274).

***

Спаситель допустил диавола с искушением, чтобы Своим примером научить нас, как мы должны побеждать

искусителя, именно теми же способами, какими Он отразил искусителя (прп. авва Серапион, 56, 243).

***

...Надобно считать истинно несчастными и достойными сожаления тех, которые, оскверняя себя всеми пороками и преступлениями, не терпят явно не только никакого нападения диавольского, но и никакому не подвергаются искушению, соответствующему их делам, и никакому бичу для исправления. Ибо не заслуживают скорого и легкого уврачевания в этом времени те, которых упорство и нераскаянность сердца, превосходя наказание настоящей жизни, собирает им гнев и негодование *в день гнева и откровения праведного суда Божия* (Рим. 2, 5), когда *червь их не умрет, и огонь их не угаснет* (Ис. 66, 24). Против таких Пророк, как бы огорченный скорбью святых, видя, что они подвергаются разным горестям и искушениям, напротив, грешники не только без всякого наказания смиряющего проходят поприще этого мира, но еще пользуются обилием богатства и полным благополучием всех обстоятельств, воспламенившись несдержимою ревностью и горячностью своего духа, восклицает: *едва не пошатнулись ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои, я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых. Ибо им нет страданий до смерти их, и крепки силы их. На работе человеческой нет их, и с прочими людьми не подвергаются ударам* (Пс. 72, 2—5); именно в будущем веке должны быть наказаны с демонами те, которые в настоящем не заслужили быть наказанными вместе с прочими людьми, как свойственно сынам (прп. авва Серен, 56, 301—302).

***

...Бог, покровительствуя тем, коих веру хочет искусить, оставляет место и собственным их силам и воле (для заслуги) и искушает только тех, кои могут вступить в борьбу с искусителем; а иначе зачем и искушать тех, о которых знает, что они по своей немощи не могут противостоять искусителю? (авва Херемон, 56, 415).

***

И святой человек, подобно грешнику, искушается, но они друг от друга отличаются тем, что первого не побеждают и сильные искушения, а последний падает и от малого искушения. И праведника нельзя было бы похвалить за мужество, если бы он побеждал без искушения, так как победа не может иметь места без борьбы с противником (авва Пиаммон, 56, 506—507).

***

...Милостивая к нам благодать Спасителя больше доставила нам пользы и похвалы посредством борьбы с искушениями, нежели если бы удалила от нас всякую нужду в борьбе. Ибо высшую и превосходнейшую добродетель составляет колеблемому страстями и горестями оставаться всегда непоколебимым, и когда все свидетельствуют против него, пребывать уверенным в помощи Божией и бестрепетным; при нападках человеческих как бы препоясанному оружием непобедимой добродетели славно торжествовать над нетерпеливостью и приобрести, некоторым образом, силу от немощи, потому что сила *в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9) (авва Авраам, 56, 627—628).

***

Кто, поистине отвергшись от этого мира, возложил на себя иго Христово и научился от Него, уразумев из ежедневных опытов перенесения обид, что Он кроток и смирен сердцем, тот во всех искушениях всегда пребудет непоколебим и *все будет содействовать ему ко благу* (ср.: Рим. 8, 28) (авва Авраам, 56, 627).

***

Если Христос Бог, ради нас вочеловечившийся, *возведен бысть в пустыню искуситися* (ср.: Мф. 4, 1), то чему же дивишься, что... борешься с искушениями? Посему имей в мыслях единственно победу Христову, одержанную законно, потому что тщеславие преодолено, гордыня подавлена, сребролюбие истреблено, и противник, не возмогши уязвить своими стрелами, посрамлен. По праву мужайся и ты и, приобретя бесстрастие, преодолевай твердость язвящих душу мечей. И тебе после этой борьбы будут служить Ангелы, не рабские оказывая услуги, потому что служить так обязаны единому Богу, но увенчивая тебя, как победителя, ибо такова награда мужественно совершающему настоящий подвиг (прп. Исидор Пелусиот, 60, 54).

***

...Стой непоколебимо, и постигшие тебя искушения останутся бездейственными, а замышляемые исчезнут прежде, нежели испытаешь их; потому что непреклонность духа соделает ухищрения неисполнимыми (прп. Исидор Пелусиот, 60, 214).

***

...Не впадать в искушение, может быть, и невозможно, не быть же препобежденным — возможно. Посему, как многие из людей, будучи погружены в невежество, в бедах бывают безутешны сердцем, так управляемые целомудренным помыслом отражают от себя беды не только тем, что переносят их мужественно, но и тем, что помышляют о венцах (прп. Исидор Пелусиот, 60, 339).

***

Выше искушений становится тот, кто обучается не отклонять их от себя, но переносить встречающееся с ним. Ибо искушения, будучи... неодолимыми, одолеваются терпением и мужеством умеющих переносить, что ни случится. Лучшее же врачевство от того, что не от нас, то любомудрие, которое в нас, и одолением неодолимых... нужд служит в трудных обстоятельствах мужество, а в счастливых — умеренность. А если подает руку помощи и Божия сила, еще удобнее перенесем все, что ни встретится (прп. Исидор Пелусиот, 61, 60).

***

...Мы, если впадем в искушения, не будем роптать на Божие долготерпение, но Его паче держаться, как обретающего исходы в самой неисходности и удобные средства при всей затруднительности (прп. Исидор Пелусиот, 61, 204).

***

Сострадательностью и кротостью... старайся облегчать бедствия впадших в искушения, кротким словом усильно

приводя их в благодушие и исторгая корень уныния. Ибо если узнают от тебя, что искушения хотя и насланы были на них справедливо, но соделают облегчение падений, и хотя попущены на не сделавших ничего худого, но доставят им венцы, — не только не дадут в себе место унынию, но еще исполнятся радости (прп. Исидор Пелусиот, 61, 331).

***

Многие казавшиеся мужественными и благородными не вынесли даже приражения и первого удара искушений. Почему обличенные, что, только по-видимому, а не самым делом возбудили в зрителях мнение о своем мужестве, поникли челом. Потому-то, как думаю, попускаются искушения на иных, мнимо великих и непобедимых, чтобы они уврачевали это о себе понятие, и обратились к смиренномудрию. Немалая польза для души истребить высокое о себе мнение тем, которые не могут вынести, не говорю подвига, но даже испытания. Ибо побежденный, по одержании многих побед, может быть извинителен еще, а кто пал при первом на него нападении, тот представляет в себе доказательство крайней немощи, лучше же сказать — лености (прп. Исидор Пелусиот, 62, 168).

***

...Искушения доставляют часто душе избавление и освобождение от мучительных и грубых страстей. Ибо как в рассуждении трех отроков, огонь не только не коснулся их самих, но послужил к разрешению уз, пределом своей деятельности возымев истребление железа, так и искушения, пресекая леность и возводя к трезвенности, многих

людей освобождают от уз греха (прп. Исидор Пелусиот, 62, 184).

***

...Искушение состоит не в том, чтобы думать о себе, будто бы впал в искушение, но в том, чтобы быть им побеждену (прп. Исидор Пелусиот, 62, 289).

***

...Невозможно не впасть в искушение, возможно же преодолеть оное. И в том и в другом поручителями и свидетелями нам все святые, которых пронзили столь многие тучи искушений, что целую почти здешнюю жизнь были они в подвиге. Итак, никто из них не был услышан, — скажет кто-либо. Были они услышаны. Но быть услышанным значило не то, чтобы не впасть в искушение (это невозможно), но чтобы, впадшему, сойти с поприща не только невредимым, но даже в венцах (прп. Исидор Пелусиот, 62, 290).

***

Хотя искушение кажется нескончаемым, надобно полагать ему конец; мудростью и добродетелью, а не отчаянием... прекращает его человек... когда привыкает мужественно переносить встретившееся. Ибо если дело сие и тяжело, то добродетельный облегчает тяжесть благоразумием, умея равнодушно переносить скорби (прп. Исидор Пелусиот, 62, 339—340).

***

Во время... искушений употребляй краткую и усиленную молитву (прп. Нил Синайский, 71, 191).

***

Что пища для здорового тела, то искушение для мужественной души (прп. Нил Синайский, 71, 215).

***

В искушениях веди себя осторожно, потому что они обличили многих, которые были выше тебя (прп. Нил Синайский, 72, 234).

***

Старайся не впадать в искушения, а если впал, покажи мужество (прп. Нил Синайский, 72, 248).

***

Много потрудившиеся в делах правды если иногда и будут на краткое время преодолены силою искушений, то не потеряют бодрости, но, восстав, приимут твердое и непоколебимое положение, и не дадутся более в обман (прп. Нил Синайский, 73, 1).

***

Во время искушений великая помощь — терпение по Богу (прп. Нил Синайский, 73, 226).

***

Если бы не было искушающего и утесняющего нас сатаны, не сделалось бы явным, кто усерден, кто неблагоискусен и ленив (прп. Нил Синайский, 73, 252).

***

...Кого угодно Богу спасти, того будет Он устрашать, приводить в ужас, ввергать в различные печали, чтобы не было ему времени вдаваться в гордыню... (прп. Нил Синайский, 73, 295).

***

...Когда истинно возлюбишь небесные блага... тогда, именно тогда, увидишь страшные искушения, тогда испытаешь ужасные брани... (прп. Нил Синайский, 73, 302).

***

Не желай, чтобы в скором времени перестали тебя озабочивать искушения и скорби, но терпи и жди, когда угодно сие будет промышляющему о тебе Христу, Который премудро устрояет дело твое (прп. Нил Синайский, 73, 317).

***

...Уничтожь искушения и помыслы, — и не будет ни одного святого. Бегущий от искушения спасительного бежит от вечной жизни (прп. Зосима, 91, 120).

***

...Не будем любопытствовать о случающихся искушениях, как, или когда, или чрез кого они нас постигают, ибо соответственность каждого из них с воинами, время неизбежного их последования и содействие к этому всей твари знает один Бог. А мы должны только веровать правде Божией и знать, что все невольно постигающее нас случается с нами или ради любви, или за злобу: и потому мы должны терпеть оное, а не отвергать, чтобы не при-

ложить еще греха к грехам нашим (прп. Марк Подвижник, 89, 512—513).

***

Пребывай в сердце умом, и не будешь утружден искушениями; уходя же оттуда, терпи, что найдет на тебя (прп. Марк Подвижник, 89, 534).

***

Молись, чтоб не нашло на тебя искушение, а когда найдет, прими его как свое, а не как чужое (прп. Марк Подвижник, 89, 534).

***

Не думай, что всякая скорбь находит на людей по грехам. Ибо бывает, что иные благоугождают Богу, однакож терпят искушение. И написано не только, что *нечестивии и беззаконницы изженутся* (ср.: Пс. 36, 28), но равным образом и то, что *хотящии благочестно жити о Христе гоними будут* (2 Тим. 3, 12) (прп. Марк Подвижник, 89, 535).

***

Кто без молитвы и терпения хочет победить искушения, тот не отразит их, но более в них запутается (прп. Марк Подвижник, 89, 536).

***

Искушения, неожиданно с нами случающиеся, по смотрению Божию, научают нас быть трудолюбивыми и невольно влекут к покаянию (прп. Марк Подвижник, 89, 538).

***

Всякая скорбь обличает настроение нашей воли, направо склоняется она или налево. Случайная скорбь потому и называется искушением, что подвергшегося оной подвергает испытанию сокровенных его расположений (прп. Марк Подвижник, 89, 558).

***

Кто малыми искушениями легко побеждается, тот большими поневоле порабощен бывает... (прп. Марк Подвижник, 89, 560).

***

Если трудно найти человека, без искушений благоугодившего Богу, то должно благодарить Бога за всякий встретившийся с нами случай (прп. Марк Подвижник, 69, 50).

***

...По мере преуспеяния души и Божественный дар (благодати) обнаруживает в уме свою благостыню (благотворность), но тогда же и бесам попускает Господь более беспокоить душу, чтобы и научить ее рассудительному различению добра и зла, и соделать смиреннейшею, по той причине, что, когда подвергается она таким искушениям, тогда великим покрывается стыдом от срамоты бесовских помыслов (блж. Диадох, 91, 54).

***

Прежде <апостолу> Петру вручаются ключи, а потом попускается ему впасть в отречение от Христа Господа,

чтоб падением таким уцеломудрить его о себе мудрование. Так и ты, если, получив ключ разумения, подпадаешь разным искушениям, не дивись сему, но прославляй единого премудрого Господа, падениями обуздывающего самомнение, находящее вслед за Божественнейшим ведением: ибо искушения суть узда, по Божию промышлению, могущая обуздать человеческое надмение (прп. Иоанн Карпафский, 91, 99).

***

Без попущения искушений невозможно познать нам истины (прп. Исаак Сирин, 58, 10).

***

Молись, чтобы не впадать в искушения душевные, а к искушениям телесным приуготовляйся со всею крепостью своею (прп. Исаак Сирин, 58, 36).

***

...Не устрашайся искушений, потому что через них обретаешь досточестное (прп. Исаак Сирин, 58, 36).

***

Кто бежит от искушений, тот бежит от добродетели (прп. Исаак Сирин, 58, 36).

***

...Вне их <искушений> не возможешь приблизиться к Богу, потому что среди них уготован Божественный покой (прп. Исаак Сирин, 58, 36).

***

Когда же входит <человек> в искушения по любви к Богу, и не допускает в себя изменения, тогда поставляется пред Богом... как искренний друг, потому что, во исполнение воли Божией, вел брань с врагом Божиим, и победил его (прп. Исаак Сирин, 58, 37).

***

Искушения телесные приуготовляйся принимать от всей души, и преплывай их всеми своими членами, и очи свои наполняй слезами, чтобы не отступил от тебя Хранитель твой (прп. Исаак Сирин, 58, 37).

***

...Вне искушений... невозможно приобрести дерзновения пред Богом, невозможно научиться премудрости Духа, нет также возможности, чтобы Божественная любовь утвердилась в душе твоей (прп. Исаак Сирин, 58, 37).

***

Молись, чтобы вместе с демоном хулы и гордыни не внити в искушения самомнением ума твоего (прп. Исаак Сирин, 58, 37).

***

...Если человек, стремясь к высокой добродетели, внезапно впадет в страшные искушения и не выдержит, то не может он в это время дойти до совершенства в добродетели (прп. Исаак Сирин, 58, 38).

***

Отныне уже всеми силами будем пренебрегать телом, предадим душу Богу и о имени Господнем вступим в борьбу с искушениями (прп. Исаак Сирин, 58, 39).

***

Попускает Бог, чтобы святые Его искушаемы были всякою печалью... потому что вследствие искушений приобретают мудрость (прп. Исаак Сирин, 58, 162).

***

<В> искушениях, многократно испытывая Божию помощь, человек приобретает и твердую веру, отчего делается небоязненным, приобретает и благодушие в искушениях от самого упражнения, какое имел он (прп. Исаак Сирин, 58, 163).

***

Нет человека, который бы не скорбел во время обучения, и нет человека, которому бы не казалось горьким время, когда испивает он яд искушений (прп. Исаак Сирин, 58, 164).

***

<В> искушениях ощутительно приближается к <человеку> помощь, чтобы благодушествовал он, пока обучится постепенно и приобретет мудрость, и в уповании на Бога станет презирать врагов своих (прп. Исаак Сирин, 58, 222).

***

Не входя в искушения, никто не приобретет духовной мудрости (прп. Исаак Сирин, 58, 295).

***

...Бог налагает искушения на ленивых и нерадивых, чтобы помышляли они об искушениях, а не о суетном (прп. Исаак Сирин, 58, 296).

***

<Искушения попускает Бог> всегда любящим Его, чтобы вразумить, умудрить и научить их воле Своей (прп. Исаак Сирин, 58, 296).

***

...Искушения по необходимости полезны людям (прп. Исаак Сирин, 58, 332).

***

Никто не может переносить искушений, кроме уверившегося, что за скорби... можно принять нечто превосходящее телесный покой (прп. Исаак Сирин, 58, 379).

***

...Смиренномудрые умудряются благодатию, и могут все это различать и дознавать, т. е. какое искушение от плода гордости, и какое от ударов, наносимых любовью (прп. Исаак Сирин, 58, 382).

***

Промыслитель соразмеряет искушения с силами и потребностями приемлющих оные (прп. Исаак Сирин, 58, 383).

***

Хорошо сказал авва Пимен, что преуспеяние монаха обнаруживается в искушениях; ибо монах, который истинно *приступает работать Господеви*, должен, как говорит Премудрый, *уготовати душу свою во искушение* (ср.: Сир. 2, 1), чтобы никогда не удивляться и не смущаться ничем случающимся с ним, веруя, что ничего не бывает без Промысла Божия. А в чем Божий Промысл, то вполне хорошо и служит к пользе души, ибо все, что делает с нами Бог, делает Он для нашей пользы, любя и милуя нас (прп. авва Дорофей, 29, 147).

***

...Если кто перенесет искушение с терпением и смирением, оно пройдет без вреда для него; если же он будет малодушествовать, смущаться, обвинять каждого, то он только будет отягощать самого себя, навлекая на себя искушения... лишь повредит себе; тогда как искушения приносят большую пользу тому, кто переносит их без смущения (прп. авва Дорофей, 29, 149—150).

***

...Мы бываем искушаемы для обучения в вере для того, чтобы мы были испытаны и научились бороться (прп. авва Дорофей, 29, 208).

***

В случающихся с нами искушениях бесы борют нас, чтобы мы сказали или сделали что-нибудь безрассудное... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 194).

***

...Когда уразумеешь, что как ты искушаем бываешь, так и брат твой искушается, то искушаемому брату прощай, а искушающему диаволу, желающему ввести тебя в ненависть к брату искушаемому, противостой, не поддаваясь его козням (прп. Максим Исповедник, 91, 157).

***

Кто помышляет, что искушение случилось с ним для <пользы>... тот не станет гневаться, будучи бием — особенно когда сознает при сем за собою грехи; не станет обвинять того, чрез кого искушение, ибо чрез него или чрез другого всячески он должен был пить чашу судов Божиих; но к Богу воззрит умом и возблагодарит Его, попустившего искушение, обвиняя себя одного и охотно принимая вразумление... (прп. Максим Исповедник, 91, 159).

***

Демоны или сами нас искушают, или вооружают против нас людей, не боящихся Господа: сами искушают, когда уединяемся от людей, как искушаем был Господь в пустыне; искушают чрез людей, когда обращаемся с людьми, как опять искушали Господа чрез фарисеев. Но мы, взирая на образец наш, т. е. Господа, отразим их в том и другом случае (прп. Максим Исповедник, 91, 195).

***

Искушения наводятся на одних для изглаживания грехов, прежде бывших; на других — для прекращения теперь делаемых; а на иных — для предотвращения имеющих быть содеянными, кроме тех, которые бывают для испытания человека, как то было с Иовом (прп. Максим Исповедник, 91, 201—202).

***

Кто во время восстания искушений воздерживается от помышлений о вещах, прилежит же молитве с собранием ума от всего к себе самому и к Богу, тот убивает грехотворную склонность, и тем со стыдом обращает вспять диавола, восставляющего сказанную склонность, в надежде на которую он и подступил к душе с обычною ему дерзостью, гордостными восставая против истины помыслами... (прп. Максим Исповедник, 91, 288).

***

...Два рода искушений, из которых одни внутри, в области произволения устрояются возбуждением худых пожеланий, а другие помимо произволения совне находят, в виде невольных неприятностей, скорбей и бед. Первое бывает причиною печали душевной, а второе — печали чувственной (прп. Максим Исповедник, 91, 301).

***

Думаю, что когда Господь и Бог наш научал учеников Своих, как должно молиться, то словами: *не введи нас во искушение* (Мф. 6, 13) внушал отмаливаться от искуше-

ний, в области произволения устрояющихся, т. е. от возбуждений похоти, колеблющих добрые расположения и намерения; а великий Иаков, братом Господа именуемый, научая подвизающихся за истину не поражаться находящими искушениями, имел в виду искушения непроизвольные, говоря: *всякую радость имейте, братия моя, егда во искушения впадаете различна* (Иак. 1, 2), т. е. непроизвольные, помимо воли нашей находящие, и причиняющие скорби и тяготы. Это ясно показывают следующие за тем и другим изречением слова, ибо там Господь присовокупляет: *но избави нас от лукавого*, а здесь великий Иаков наводит: *ведяще, яко искушение вашея веры соделовает терпение; терпение же дело совершенно да имать, яко да будете совершенни и всецели, ни в чемже лишени* (Иак. 1, 3—4) (прп. Максим Исповедник, 91, 301).

***

...Искушение непроизвольное душу (разумно его встречающую) утешает, а плоть тяготит печалью (прп. Максим Исповедник, 91, 301).

***

Искушение, в области произволения устрояющееся, душе печаль причиняет, а чувственности доставляет удовольствие... (прп. Максим Исповедник, 91, 301).

***

Совершен тот, кто с произвольными искушениями борется воздержанием, и непроизвольные переносит терпением... (прп. Максим Исповедник, 91, 302).

***

Кто приражение невольных искушений, подобно блаженному Иову и доблестным мученикам, переносит с непоколебимым мудрованием, тот есть светильник сильный и сам хранящий неугасимый свет спасения, силою, от Господа приемлемою (прп. Максим Исповедник, 91, 304).

***

Смежи очи души своей, когда искуситель наведет какое воображение непотребное (прп. Феодор Студит, 92, 90).

***

...Не допускайте, чтобы <искушение> возобладало над вами в угоду диаволу, и не внимайте коварным и злым внушениям сего врага... (прп. Феодор Студит, 92, 166).

***

<В> искушениях я всегда поступал так: возлагал все упование мое на Бога, Коему давал и обеты отречения, и Он скоро избавлял меня от всякой нужды. Почему, брате, я теперь никакого уже о себе промышления и не творю; но зная, что Он печется обо мне, очень легко переношу находящие на меня искушения. И только то одно Ему от себя приношу, чтоб непрестанно молиться. Немало помогает при сем и то упование, что, чем большие нападают скорби и беды, тем большие они готовят венцы терпящему, ибо у Праведного Судии те и другие уравновешивают себя взаимно. Ведая сие, брате, не поддавайся малодушию. Вступил ты в среду брани, чтоб бороться, и борись, воодушевляясь и тем, что тех, кои за нас ратуют против врага Божия, очень много, больше вражеских полчищ.

Да и как можно бы было нам осмелиться противостать такому страшному супостату рода нашего, если бы державная десница Бога-Слова не обымала нас, не ограждала и не покрывала? Как бы выдержало человеческое естество наветы его? (прп. авва Филимон, 91, 369).

***

Христианину, право верующему в Бога, не следует беззаботно предаваться беспечности, но всегда ожидать искушения и быть готову встретить его, чтоб, когда придет, не изумляться и не смущаться... (прп. Илия Екдик, 91, 422).

***

Как для искушений произвольных три бывают главных причины: здоровье, богатство и слава, так и для непроизвольных искушений тоже три причины: потери, болезни и клеветы. Бывает же все сие иным на созидание, а другим на разорение (прп. Илия Екдик, 91, 423).

***

Вращаясь в кругу... добродетелей, душа делает недосязаемым для стрел искушений свое охранилище, которое есть терпение... Если же она в ином находится положении, то, подобно граду, не огражденному стенами, еще при издали слышном треске и шуме, бывает сильно потрясаема ударами страха (прп. Илия Екдик, 91, 424).

***

Пока не испытает кто искушений, не может понять и познать сокрытой в них сладости и силы для жизни по Богу. Когда же испытает их и познает сие, то не может не

благодарить испытующего его Господа. И когда освободится от них, не за то одно благодарит Избавителя, что освободил, но и за то, что даровал испытать чрез них. Не испытавший искушений бывает неискусен в жизни, и к богоугождению не так рачителен. А испытавший их и освободившийся от них горит духом к Богу и всеусердно благодарит Его... Посему крайне потребно и спасительно христианину подпадать искушениям, скорбям, теснотам и лишениям, да познает на себе многопомощную силу Божию и Бога да благодарит от всей души, от всего помышления и всею силою (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 73—74).

***

Душа, не освободившаяся совершенно от мирских навыков и пристрастия к видимым вещам, в самых чувствах и расположениях сердца своего не может беспечально переносить приключающихся ей печалей и находящих на нее напраслин и искушений от демонов и людей. Но, как узами связанная пристрастием к человеческим вещам, уязвляется ущербом в деньгах, тяжкою поражается скорбью от потери вещей и сильно болезнует о наносимых телу ее ранах (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 544).

***

Не хочет Бог, чтобы делание ревностных подвижников оставалось неискушенным, но чтоб подвергалось большим испытаниям. Почему напускает на них огнь искушений и на время скрывает даемую им свыше благодать, а духам злобы иной раз попускает взволнобывать тишину помыслов их, чтоб видеть склонение души, кому она больше угодить хочет — Творцу ли и Благодетелю своему или

мирскому чувству и сласти удовольствия чувственного. И потом или усугубляет им благодать, если они преуспевают в любви Его, или бичует искушениями и скорбями, если пристрастны к земным вещам, пока восприимут ненависть к видимым благам, по причине изменчивого их непостоянства, и горесть удовольствия от них потопят в слезах (прп. Никита Стифат, 93, 115).

***

Наслание искушений бывает соответственно обдержащей нас болезни страстей... и, судя по ним, горькая чаша судеб Божиих растворяется для нас или лютее, или милосерднее. Когда залегшая внутрь нас материя греховная, от помыслов сластолюбивых или животолюбивых произшедши, удобоизлечима и легко поддается врачевствам, тогда Врачом душ наших подается чаша искушений, растворенная милосердием, потому что в таком случае мы истязуемся за человеческие немощи, как страждущие нечто человеческое. Когда же она, как от помыслов надмения и крайней гордости происшедшая, неудобоизлечима, глубоко залегла внутри и производит смертоносное расстройство, тогда чаша сия подается нерастворенною, в лютости гнева: дабы болезнь, будучи ослаблена и истончена огнем непрерывно одних за другими следующих искушений, отошла наконец от душ наших, под действием порожденного ими смирения, после того как мы горькие помыслы гордыни потопим в слезах и Врачу душ наших чистыми покажемся во свете смирения (прп. Никита Стифат, 93, 118).

***

Невозможно подвизающимся избегнуть следующих одних за другими искушений, если они не сознают немощи

своей и не почтут себя чуждыми всякой правды... (прп. Никита Стифат, 93, 118).

***

Враг тогда встречает нас жестокими и страшными искушениями, когда почует, что душа вступила в высшие меры добродетели. Свидетельствуется же это словами молитвы и возвышением ее над вещественною двоицею плоти и чувств. И тогда человеконенавистник так злобно искушает, что нам приходится даже в жизни отчаиваться. Но не знает он, суетный, каких благ бывает для нас виновником, делая нас чрез терпение более опытными и светлые нам сплетая венцы (прп. Феогност, 91, 395).

***

...Кто право живет и безукоризненно обращается со всеми, удаляясь от человекоугодия и высокоумия, тому, хотя бы и бесчисленные против него поднял искушения весь бесовский полк, это не повредит... (прп. Григорий Синаит, 93, 245).

***

...Искусительные прискорбности необходимы для плодоносия духовного. Кто не перетерпит доблестно тяжелого бремени встреченных искушений, тот не принесет плода, достойного небесных житниц и сокровищниц. Всякий ревнитель совершенства достигает его чрез подъятие произвольных и непроизвольных трудов и лишений, из коих одни совне находят, другие у себя дома устрояются. Но одни свои произвольные не так благотворны, как находящие совне не по нашей воле. И любовь к Богу наиболее испытывается прискорбностью искушений непроизволь-

ных. Произвольные лишения приготовляют душу к перенесению непроизвольных, ибо, привыкши при первых ни во что ставить приятности житейские и славу, она легко уже переносит и последние. Нищий же духом, по самому духу сей нищеты, не только не смущается находящими скорбями, но считает себя повинным еще большим, как нуждающийся в сильнейших врачевствах покаяния. Почему живет, денно и нощно ожидая всякой скорби, и принимает всякое искушение как подобающую ему принадлежность, и радуется, когда подпадает им, как вступивший в очистилище души своей, делая то предметом сокрушеннейшей и действеннейшей молитвы, как источник и охрану благонастроения душевного, вследствие чего не только не злопамятствует на ввергших его в искушение, но и благодарность им изъявляет, и молится о них как о благодетелях. За это и сам он не только прощение получает содеянных грехов, по обетованию Спасителя, но сподобляется и благословения Божеского и Царствия Небесного, ублажен будучи от Господа, ради долготерпения своего до конца в духе смирения (свт. Григорий Палама, 93, 295—296).

***

...Не только когда кто впадет в какой-либо грех, но и когда подпадает какому несчастию, бедствию и скорби, особенно телесной болезни, нелегкой и долговременной, должно ему разуметь, что сие страждет он, чтоб пришел в самопознание, именно в сознание своей немощности и смирился. На этот конец и для этой цели попускается Богом, чтоб находили на нас всякого рода искушения от диавола, от людей и от поврежденного естества нашего (прп. Никодим Святогорец, 70, 21—22).

***

Человек, по влечению растленного естества своего, славолюбив, горд, любит показность, крепко стоит за свои мысли и решения и желает всегда быть высоко ценим всеми, гораздо выше, нежели он есть на самом деле. Такое самоценение и самомнение крайне пагубно в деле духовного преспеяния, так что одной тени его достаточно, чтоб не дать человеку достигнуть истинного совершенства. Почему человеколюбивый Отец наш Небесный, премудро промышляя о всех нас, особенно же о тех, кои искренно предали себя на служение Ему, искушениями, каким попускает найти на нас, поставляет нас в такое настроение, в коем легко можем избежать страшной опасности от этого самоценения и почти вынужденно дойти до истинного смиренного себя познания; так сделал Он со святым апостолом Петром, попустив ему трижды отвергнуться Его, чтоб он познал немощь свою и перестал надеяться на себя самого <...>

...Бог, движимый состраданием к этой несчастной... склонности нашей (высоко всегда о себе думать), попускает, чтоб на нас разными путями находили искушения, нередко очень тяжелые, чтобы мы, познавая немощь свою, смирялись. В этом Господь являет вместе благость Свою и премудрость: ибо тем, что наиболее кажется вредоносным, наибольшую доставляет нам пользу, потому что смиряет, смирение же паче всего потребно и благотворно для души нашей. Если таким образом все искушения даются для научения смирению, то следует, что и раб Божий, чувствующий в сердце своем сказанные горькие состояния: сухость, безвкусие духовное, оскудение духовных утешений, — испытывает сие, чтоб научился смиряться, подумав, что так бывает с ним по грехам его, что невозможно, чтоб кто-нибудь имел столь скудную всем душу, как он, и

чтоб кто-нибудь работал Богу с такой холодностью, как его душа, и что такие состояния находят только на тех, которых оставляет Бог, а следовательно, и он оставлен, и оставлен заслуженно. От таких смиренных помыслов порождается вот какое благо, — что тот, кто прежде думал о себе, что он есть нечто, и нечто очень важное, теперь, по испытании горького врачевства, посланного ему свыше, начинает думать, что он наигрешнейший человек в мире, недостойный даже и имени христианина. И поистине никогда он не пришел бы к такому уничиженному о себе мнению и в такое глубокое смирение, если б не понудили его к тому эти особенные искушения, эта великая скорбь и горечь сердца, которые потому суть великая милость, Богом оказываемая в сей жизни душе, смиренномудренно Ему себя предающей, чтоб Он, как ему благоугодно, исцелил ее такими врачевствами, какие один Он совершенно ведает и находит необходимым для ее оздравления и приведения в доброе состояние.

Кроме этого плода, приносимого душе сказанными искушениями чрез оскудение духовных утешений, бывают от сего и другие многие плоды. Сокрушенный такими внутренними тяготами, нужно нудится прибегать усердно к Богу за взысканием скорой помощи от Него, старательно делает все почитаемое пригодным к уврачеванию душевной скорби и прогнанию горечи сердца и, чтоб избавиться на будущее время от такого душевного мученичества, полагает твердое намерение тещи прочее путем духовной жизни со всем вниманием к движениям сердца, избегая даже тени греха и всякой, даже легкой неисправности, могущей отдалить его от Бога и Бога от него, каким бы то ни было образом... Эта скорбь, которую он считал столь противною его целям и вредительною, бывает после сего для него жалом, возбуждающим искать Бога с большей теплотой и

с большим рвением удаляться от всего того, что находит несообразным с волей Божией. Коротко сказать, — все скорби и мучения, какие претерпевает душа во время внутренних искушений и оскудения духовных утешений и сладостей, не другое что суть, как любовью Божией устрояемое очистительное врачевство, коим очищает ее Бог, если она со смирением и терпением переносит их. И всеконечно они уготовляют таким терпеливым страдальцам венец, стяжаваемый только посредством их, и венец тем более славный, чем болезненнее бывают мучения сердца, претерпеваемые во время их.

Из сего явствует, что не следует нам крайне смущать и мучить себя как по причине других искушений внешних, находящих на нас, так и по причине сказанных искушений внутренних, как делают те, которые мало имеют опытности в этом отношении, и то, что происходит от Бога, почитают происходящим от диавола или от своих грехов и несовершенства своего, — знамения любви Божией признают знамениями Его гнева, благодеяния и дары относят к бичам и ударам, наносимым по крайнему Его на них негодованию, — все, что ни делали и ни делают, почитают излишним трудом, ничего не заслуживающим, и претерпеваемую ими потерю — не имеющею врачевства. Ибо если б они верили, что от таких искушений никакого не бывает ущерба в стяжании добродетелей, а напротив, великое их приращение, когда душа принимает их со смирением и переносит с благодарностью, и если бы верили, что они суть устроения любительного Божия к ним благоволения, то не смущались бы крайне и не теряли сердечного мира, оттого что подвергаются таким искушениям, испытывают неуместные и срамные помыслы, и бывают сухи и хладны во время молитвы и других упражнений духовных. Но паче смиряли бы тогда

души свои пред Богом и полагали в сердце своем решение во всяком деле исполнять волю Божию, так как сим только образом Бог желает быть угождаемым в мире сем, и всячески старались хранить себя мирными и покойными, принимая все случающееся как от руки Небесного Отца, от которой исходит и эта горькая чаша, которую они испивают в настоящее время. Ибо пусть и от диавола бывает какое искушение, или от людей, или по причине грехов, но всячески оно зависит от Бога и Им посылается во благо нам и отвращение какого-либо большего искушения (прп. Никодим Святогорец, 70, 280—283).

***

Если никакое искушение не может коснуться человека без воли Божией, то жалобы, ропот, огорчения, оправдания себя, обвинения ближних и обстоятельств суть движения души против воли Божией, суть покушения воспротивиться и противодействовать Богу... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 330).

***

Чтобы окрепли и возмужали в иноке евангельские свойства, нужны непременно скорби и искушения. Кротость... смирение... терпение и вера <должны быть> испытаны (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 565).

***

Скорбь по той причине и называется искушением, что она открывает сокровенное состояние сердца (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 370).

***

Причина попущения Божия искушаться подвижнику от духов злобы и греха заключается в необходимости для человека познания в точности и подробности его падения, без чего не может быть им, как должно, познан и принят Искупитель (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 373).

***

Искушения необходимы для нас. Они попускаются нам Промыслом Божиим, чтобы мы, угнетенные ими, прибегали к забытому нами Богу, опытно познали Его (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 185).

***

Искушение в уме и сердце страшнее всех внешних искушений. Никто так не опасен для нас, как мы сами (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 445).

***

Без искушений приблизиться к Богу невозможно. Неискушенная добродетель... не добродетель (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 469).

***

Кто видит Промысл Божий оком веры, тот при искушениях, наносимых человеками, не обратит никакого внимания на эти слепые орудия Промысла, и духовным разумом своим пребудет единственно в руках Бога, взывая к Нему единому в скорбях своих (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 134—135).

***

Искушения от лукавых духов обыкновенно попускаются после обучения искушениями от падшего естества, от мира и от человеков (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 146).

***

...Чтобы грех твой, предстоя... пред очами твоими, низлагал в тебе высокоумие и превозношение, — Господь попустил искушению... набежать на тебя... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 392).

***

...<Бог> ничего не допускает для нас такого, из чего бы мы не могли извлечь для себя пользы духовной (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 207—208).

ИСПОВЕДНИЧЕСТВО

Попасть в руки язычников и там исповедать Господа — это первое победное отличие; осторожно скрыться, чтобы чрез то сохранить себя для Господа, — это вторая ступень к славе (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 149).

***

Как может быть со Христом тот, кто стыдился или побоится принадлежать Христу? (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 169).

***

Исповедание есть только приступ к славе, а не достижение уже венца: оно не заканчивает подвига, а только

предначинает достоинство (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 194).

***

...Исповедник... должен держаться Евангелия Господня тем крепче, что чрез Евангелие он стяжал славу от Господа (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 194).

***

...После исповедания предлежит и большая опасность, потому что тут более раздражен враг (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 194).

***

...Исповедник... пусть будет скромен и, называясь исповедником Христовым, пусть подражает Христу, Которого исповедует (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 194).

***

...Исповедание Христа есть праща доброго воина (свт. Григорий Нисский, 25, 230).

***

Великая добродетель — дерзновенное, открытое исповедание Христа и предпочтение этого исповедания всему другому — так велика и дивна, что Сын Божий Единородный исповедует такого человека пред Отцем Своим, хотя это воздаяние и несоразмерно (свт. Иоанн Златоуст, 51, 109).

***

...Исповедовать <Бога> на словах только, а в делах показывать противное не только бесполезно, но и вредно для нас... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 135).

***

Те, которые за истину и исповедание Христа подвергаются каким-либо бедствиям и терпят поношение, удостаиваются за то и особенных почестей (свт. Иоанн Златоуст, 51, 385).

***

Когда призывает труба благочестия, то немедленно выходи, не жалей души, выступай с великою готовностью на подвиги, ниспровергай ряды противников, сокрушай лицо диавола, воздвигай трофей (победы), а когда благочестие не терпит никакого вреда, когда никто не искажает наших догматов — разумею касающиеся души — и когда ничто не принуждает делать неугодное Богу, то не будь слишком рьян (свт. Иоанн Златоуст, 55, 57).

***

И веровать только во Христа Спасителя есть оправдание, исповедать же Его устами — совершенное спасение (прп. Нил Синайский, 72, 261).

ИСПОВЕДЬ

...О том, какие грехи прощать, не должно и спрашивать, потому что Новый Завет не показал нам никакого

различия, обещает же отпущение всякого греха кающимся как должно, тем более что Господь от собственного Своего лица обещал исполнение прошения о всякой вещи (свт. Василий Великий, 9, 187—188).

***

...Многие торгуют исповедью, выставляя себя нередко напоказ лучшими, нежели каковы они действительно... Другие промышляют покаянием, покупая им себе славу; иные обращают покаяние в повод к гордыне и вместо прощения пишут на себя новое долговое обязательство... Стараешься освободиться от долга и готовишь себе сугубое рабство? (прп. Ефрем Сирин, 32, 185).

***

Исповедь во грехах служит к уничтожению прегрешений. Бог хочет услышать от нас грехи наши не потому, что не знает их, напротив того, Ему угодно, чтобы мы чрез исповедь пришли в сознание своих грехопадений (прп. Ефрем Сирин, 32, 368).

***

Ты стыдишься и краснеешь, когда нужно сказать грехи свои? Стыдись лучше грешить, нежели исповедоваться. Размысли: если не будет принесена исповедь здесь, то все будет исповедано там пред целой вселенной. Где больше мучения? Где больше посрамления? На дела мы отважны и бесстыдны, а когда должно исповедаться, тогда стыдимся и медлим. Если будете исповедовать грехи свои, нет в этом стыда, напротив того, в этом правда и добродетель. А если бы не было в этом правды и добродетели, то ис-

поведь не имела бы себе награды... *Глаголи ты грехи твои прежде, да оправдишися* (ср.: Ис. 43, 26). Повелевает исповедоваться не для того, чтобы ты был наказан, но чтобы ты был прощен (прп. Ефрем Сирин, 32, 369).

***

Кто исповеданный ему грех не сохранил в себе... но отдал на позор другому, тот недостоин Божественных Таинств (прп. Ефрем Сирин, 32, 406).

***

...Кто в чужом месте разглашает тайны грехопадений другого, тот, как святотатец, делается виновным в хищении (прп. Ефрем Сирин, 32, 406).

***

...Исповедание грехов производит удаление и отчуждение от худых дел... (свт. Григорий Нисский, 19, 86).

***

...Исповедание, что не приимет более на себя отринутой тины <греха> и на жизненном пути не коснется земной скверны, делается входом Святыни в уготованную так душу; Святыня же — Господь (свт. Григорий Нисский, 20, 287).

***

...Объявляй грех свой не только как осуждающий самого себя, но и как долженствующий оправдаться посредством покаяния, тогда ты и будешь в состоянии побудить

исповедующуюся душу не впадать более в те же грехи (свт. Иоанн Златоуст, 44, 33).

***

...Я желаю... чтобы <ты> приступал к исповеданию не с отчаяния, но с благою надеждою и, с корнем вырвав отчаяние, оказал противоположную ему ревность (свт. Иоанн Златоуст, 44, 33).

***

...Раскрой совесть свою пред Богом, покажи Ему свои раны и проси у Него врачевства, покажи Тому, Который не укоряет, а врачует, Он видит все, хотя бы ты и умолчал. Скажи же, чтобы тебе получить пользу, скажи, чтобы, сложив с себя здесь все грехи, отойти туда чистым и безгрешным и избавиться от будущего невыносимого их обнаружения (свт. Иоанн Златоуст, 44, 545).

***

...Когда согрешишь, не выжидай обличения от другого, но прежде, нежели будешь обличен и обвинен, сам осуждай свои поступки, потому что, если уже обличит тебя другой, твоя исповедь будет не твоим делом, но плодом стороннего обличения (свт. Иоанн Златоуст, 44, 746).

***

Бог требует от тебя признания не для того, чтобы наказать, но чтобы простить, не для того, чтобы Ему узнать грех твой, — разве Он и без этого не знает? — но для того, чтобы ты узнал, какой долг Он прощает тебе. Он хочет показать тебе величие Своей благости для того, чтобы ты непрестанно благодарил Его, чтобы ты был мед-

лительнее на грех и ревностнее к добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 44, 833).

***

Если мы в настоящей жизни успеем омыть грехи исповедью и получить прощение от Господа, то отойдем туда чистыми от грехов и найдем себе великое дерзновение (свт. Иоанн Златоуст, 47, 33).

***

Наш Владыка таков, что, если мы по беспечности сделаем грех, Он не требует от нас ничего другого, как только того, чтобы мы исповедали свои согрешения, остановились на этом и не впадали в те же грехи (свт. Иоанн Златоуст, 47, 75).

***

Признание в грехах весьма много способствует их исправлению, равно отрицание греха, после совершения его, составляет тягчайший из грехов... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 180).

***

Сообразно с расположением приходящего <на исповедь> Господь дарует и врачевство от ран (свт. Иоанн Златоуст, 47, 182).

***

...Желающий скорее возвратить себе здоровье и уврачевать душевные раны, пусть приступает с усердием <к исповеди>, отрешась от всего житейского, пусть проливает горячие слезы, показывает великое усердие, приносит

твердую веру, полагается на искусство Врача — и тотчас получит исцеление (свт. Иоанн Златоуст, 47, 182).

***

О безмерная благость! Грешника, если только он исповедует свои грехи, помолится о прощении и покажет решимость впредь (жить хорошо), вдруг соделывает (Бог) праведным! (свт. Иоанн Златоуст, 47, 182).

***

Истинное исповедание в том, чтобы отвергнуть грех от всей души и, раз отвергнув, избегать его и никогда уже не возвращаться к нему (свт. Иоанн Златоуст, 48, 879).

***

С исповеданием Бог соединил и красоту, потому что исповедующий свой грех пред Богом превращается из покрытого срамом в облеченного в благолепие и является пред лицем Божиим, тогда как прежде не был пред Ним (свт. Иоанн Златоуст, 48, 927).

***

Если иерей получил власть отпускать грехи против Бога, то гораздо более может снять и изгладить грехи, совершенные против человека (свт. Иоанн Златоуст, 55, 687—688).

***

...Угроза гибели не в силах разрушить стену исповедания; приговор осуждения, видя действительное раская-

ние, тотчас рассеивается как дым (свт. Иоанн Златоуст, 55, 965).

***

Оттого хитрый враг ни в чем не может уловить молодого монаха, как неопытного, ничем не может обольстить того, кто полагается не на свое, а на старцево суждение, и не может убедить скрывать от старца его внушения, как огненные стрелы, бросаемые в его сердце. Иначе хитрый диавол и не может обольстить и низложить молодого монаха, если не убедит его — по гордости или стыдливости скрывать свои помыслы от старца. Это общий и ясный признак диавольского внушения, если мы стыдимся открыть его старцу (прп. Иоанн Кассиан, 56, 31).

***

...Нет другого надежнейшего пути к спасению, как открывать свои помыслы рассудительнейшим отцам и иметь их руководителями к добродетели, а не следовать собственному помыслу и рассуждению. А из-за неопытности, неискусства, простоты одного или нескольких не должно опасаться открывать свои помыслы отцам опытнейшим. Ибо и они не по собственному побуждению, но по внушению от Бога и Божественного Писания заповедали младшим вопрошать старших (прп. авва Моисей, 56, 198).

***

Если хочешь приносить Богу неосужденное исповедание, то не вспоминай греховных изменений по виду их, но мужественно терпи находящие скорби за них (прп. Марк Подвижник, 69, 44).

***

...Кто исповедует грехи свои и оставит их позади себя, тот сподобится милости от Бога (прп. Исаак Сирин, 58, 300).

***

...Если человек открывал не все, что до него касается, и особенно если он был обладаем худым навыком или был в худом сообществе, то диавол находит в нем одно (какое-либо) пожелание или одно самооправдание, и сим низлагает его (прп. авва Дорофей, 29, 71).

***

Объявляющий всякого змия своему наставнику показывает истинную к нему веру, а кто скрывает что-нибудь, тот еще блуждает по беспутиям (прп. Иоанн Лествичник, 57, 40).

***

Душа, помышляющая об исповеди, удерживается ею от согрешений, как бы уздою; ибо грехи, которых не исповедуем отцу, делаем уже как во тьме и без страха (прп. Иоанн Лествичник, 57, 41).

***

Обнажай струп твой врачу... и не стыдись сказать ему: «Отче, моя язва сия, моя рана сия; она произошла не от иного кого-нибудь, но от моей собственной лености; никто не виновен в ней, ни человек, ни злой дух, ни плоть, ни другое что-либо, но только мое нерадение» (прп. Иоанн Лествичник, 57, 43).

***

Во время исповеди будь как наружным видом, так и внутренним чувством и мыслию, как осужденный преступник, поникши лицом на землю; и если можно, то омочай слезами ноги судии и врача твоего, как ноги самого Христа (прп. Иоанн Лествичник, 57, 43).

***

Бесы имеют обычай часто внушать нам или совсем не исповедовать согрешений отцу, или исповедовать, но как бы от лица иного, или складывать вину своего греха на других (прп. Иоанн Лествичник, 57, 43).

***

Не думай, что неприлично исповедовать грехи твои отцу, споспешнику твоего спасения, как Богу, падши пред ним на землю (прп. Иоанн Лествичник, 57, 43—44).

***

Мы не должны удивляться, если и после исповеди бываем боримы, ибо лучше бороться с нечистотами, нежели с возношением (прп. Иоанн Лествичник, 57, 44).

***

Как яйца, согреваемые под крыльями, оживотворяются, так и помыслы, не объявляемые духовному отцу, переходят в дела (прп. Иоанн Лествичник, 57, 211).

***

Устыдившиеся врачей подвергали <больные> раны свои гниению, а многие нередко и умирали (прп. Иоанн Лествичник, 57, 258).

***

...Хотя бы мы и дар прозорливости имели, не должны предупреждать согрешивших изъявлением их грехов, но лучше побуждать их к исповеданию гадательными выражениями... По исповедании же должны мы удостаивать их большего, нежели прежде, попечения и свободнейшего к нам доступа, ибо чрез это они более преуспевают в вере и любви к нам (прп. Иоанн Лествичник, 57, 266).

***

...Никто не скрытничай <на исповеди>, чтоб не сделаться неисцелимым (прп. Феодор Студит, 92, 393).

***

...Благоутробный, человеколюбивый и спасения нашего желающий Бог премудро поставил между нами и Собою таинство исповеди и покаяния и каждому дал власть, если хочет, чрез исповедь и покаяние, восстать от своего падения греховного, которым пал, и опять прийти в прежнее родство, славу и дерзновение, какие имел у Бога, и опять стать наследником всех благ... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 299).

***

...Исповедание или откровение всего духовному отцу есть самое благотворное действие в деле нашей духовной брани.

Ничто так не поражает врага-душегубца и не разоряет козни его, как такой образ действования. Почему он всячески усиливается препятствовать ему, — и внутренне, и внешне: внутренне — мыслями и чувствами, а внешне — напущением разных встреч и случайностей (прп. Никодим Святогорец, 70, 124).

***

Если ты стяжал навык к грехам, то учащай исповедь их, — и вскоре освободишься из плена греховного, легко и радостно будешь последовать Господу Иисусу Христу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 102).

***

...Кто исповедует грехи свои, от того отступают они, потому что грехи основываются и крепятся на гордости падшего естества, не терпят обличения и позора (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 102).

***

Телесное вожделение увядает от исповеди более, нежели от поста и бдения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 490).

***

...Ничто не содействует столько к умерщвлению страсти... как тщательная исповедь всех <ее> проявлений... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 460).

***

Получивший разрешение от духовного отца обезвиненным стоит пред лицом правды Божией (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 30).

***

...Слушает исповедь Сам Господь ушами духовного отца, и разрешает Он же устами духовника... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 132).

***

<Священника> вам нечего бояться. Он не судья, а только свидетель — и оправдатель... А что стыдно, то ведайте, что, чем стыднее будет, тем лучше (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 109).

***

Не укоряйте... а считайте их <кающихся> больными и насилуемыми от врага (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 186).

***

<Духовники>, не хмурьтесь, не принимайте строгой речи, жалейте и сокрушайтесь вместе с <кающимися> (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 186).

***

Души, которые будут приходить к вам на исповедь, — Бог будет приводить к вам. В этом смысле и принимайте всех, — как Богом посланных... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 202).

***

Будьте радушны, приветливы — и словом, и взглядом, и обхождением, но без шуток. Иначе подумают, что даете поблажку (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 208).

***

Строгость — хорошее дело... Она отрезвляет. Но бывает, что от исповеди отбивает и в отчаяние ввергает (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 217).

***

Снисходительность расслабляет решимость к доброй жизни кающихся... а бывает и обратное действие (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 217).

***

...На все случайности... исповеди правила постановить нельзя. Молитесь, чтобы Бог вразумлял (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 217).

***

...Настоящая исповедь должна быть своя, т. е. сам исповедающийся должен рассказать, в чем грешен, а не дожидаться, что спросит духовник (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 151).

****

Некогда один святой старец, спасавшийся на горе Олимп, беседовал с братиями о спасении души. Вдруг подошел некий простолюдин и молча поклонился старцу. Тот спросил: «Что тебе нужно?» «Пришел исповедовать грехи свои, честный отче», — ответил пришедший. Старец сказал: «Говори пред всеми, не стыдись». Тот начал в присутствии всех исповедоваться, некоторые из грехов были столь тяжки, что неудобно и передать их. Когда он все поведал со слезами, то поник долу и стоял уныло. Старец надолго задумался о чем-то и, наконец, сказал: «Хочешь ли принять иноческий образ?» «Ей, отче, — ответил тот, — желаю, и даже принес необходимые для пострижения одежды». После сего старец преподал ему несколько наставлений, облек его в ангельский образ и

отпустил со словами: «Иди, чадо, с миром и больше не согрешай». Монахи всему этому удивились: «Что это значит, отче? Сколько тяжких грехов сейчас мы слышали от него, и ты не дал ему никакого послушания, не наложил на него ни малейшей епитимии?» «О, любезные дети, — промолвил старец, — неужели вы не видели, когда он исповедовался, близ него стоял страшный муж, чье лицо блистало как молния, а одежды были белы как снег. В руках он держал хартию грехов кающегося, и, когда пришелец исповедовал мне грехи, этот муж изглаждал их из хартии. И если Бог простил грехи кающегося, то кто я, чтобы возлагать еще епитимию» (112, 769—770).

***

В одном городе был епископ, который впал в смертный грех. И вот однажды, когда в храм собралось множество людей, он вышел на середину и перед всеми исповедал свой грех. После этого он снял с себя святительский омофор и сказал: «Простите меня, братия, теперь я не могу быть у вас епископом». Но люди долго упрашивали его не покидать их. Тогда епископ воскликнул: «Если действительно хотите, чтобы я остался, то я сделаю по-вашему при одном условии: каждый должен попирать меня ногами». С этими словами он пал ниц. Все ужаснулись, но исполнили условие, и, когда последний из собравшихся в храме прошел по нему, раздался голос с неба: «Ради его смирения Я простил ему грех». Все услышали голос и в трепете прославили Бога (107, 152—153).

***

Когда мощи святого Иоанна Златоуста были из города Команы перенесены в Царьград и положены в храме Свя-

тых апостолов, тогда в храм был принесен больной вельможа и положен у раки великого святителя. Тут больной начал рыдать о своих грехах, ужасаясь вечных мук, стыдясь и взглянуть на лик Спасителя. При этом он стал исповедовать грехи свои, и в конце, вспомнив страшный грех, воскликнул: «Не смею говорить о нем, Человеколюбче!» В это время послышался голос: «Прощаются тебе грехи!» Тотчас прощенный встал со своего одра здоровым и прославил Бога. Дальнейшую же жизнь проводил целомудренно (112, 421—422).

ИСПРАВЛЕНИЕ

...Не отчаивайся, ибо не знаешь помощи Божией. Бог силен исполнить то, чего хочет. Уповай на Него, и Он одно из <двух> сделает с тобой: или какими-либо искушениями, или иным образом, как Он ведает, устроит твое исправление, или примет твое терпение и смирение вместо делания, или другим образом, которого ты не знаешь, ради упования (твоего), человеколюбиво совершит спасение бездерзновенной души твоей. Только не оставляй Врача, ибо потерпишь двоякую, лютую смерть, по незнанию сокровенного Божия намерения (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 164).

***

Если человек, по совершении греха, хочет исправиться, пусть обратится, умоляет о прощении; дверь у Врача отверста и не заключена для кающихся (прп. Ефрем Сирин, 33, 153).

***

Довольно служили мы лукавому; теперь начнем работать Господу нашему, пока отверста еще для нас дверь щедрот Его.

Ибо в одно мгновение отвсюду заключено будет Царство, и готовые соберутся во Царствии, а кто останется вне, тот будет каяться вечно (прп. Ефрем Сирин, 33, 198).

***

Пробудимся от сна... с воздыханием воззовем к Господу, день и ночь будем трудиться, заботясь об исправлении своем, пока продолжается еще жизнь наша, пока не прошло еще время, после которого не будет и места покаянию (прп. Ефрем Сирин, 33, 286).

***

Признайся, что ты согрешил, и это послужит началом твоего исправления (свт. Иоанн Златоуст, 46, 465).

***

Благомыслящих рабов исправляют не столько наказания и муки, сколько благодеяния и сознание того, что потерпели меньшее наказание, нежели какого заслуживали за свои грехи (свт. Иоанн Златоуст, 47, 72).

***

Не усиливайся исправить все вдруг — это невозможно, — но постепенно и понемногу (свт. Иоанн Златоуст, 55, 252).

***

...Согрешающего брата, если необходимо, надобно стараться исправлять так, чтобы, желая уврачевать страждущего, может быть, легкою лихорадкою, сам себя не подверг худшей болезни ослепления от гнева. Ибо кто желает уврачевать раны другого, тот сам должен быть свободен от всякой болезни расслабляющей, и здоров (прп. Иоанн Кассиан, 56, 104).

***

...Загладите <беззакония>, если исправитесь; и исправитесь, если убедитесь, что Священное Писание истинно; а убедитесь, если непрестанно будете им пользоваться; и воспользуетесь, если уразумеете смысл оного; уразумеете же, если неотступно будете обращаться с мудрыми к Богу; а неотступно будете с ними, если начнете бегать порока; начнете же бегать, если убоитесь угрожающих ему наказаний; а убоитесь, если уверуете, что есть Бог; и уверуете, если избавитесь от такого безумия; избавитесь же, если поревнуете избавившимся; и поревнуете, если возьметесь за добродетель; возьметесь же, если возлюбите Царство Небесное; и возлюбите, если утвердитесь в той мысли, что видимое временно; а утвердитесь, если дознаете ничтожество видимого, и дознаете, если увидите его бренность; увидите же, если будете смотреть неповрежденными глазами; и будете смотреть так, если возымеете крепкую привязанность к небесному; возымеете же сию привязанность, если душевное око соделаете более проницательным; а соделаете это, если приобучитесь непрестанно обращать взор к Богу (прп. Исидор Пелусиот, 60, 427).

***

...Как нехорошо тревожить слух мужей досточестных, так весьма полезно вразумлять небоязненно делающих, что делать непозволительно. Ибо великим недостатком в мужестве будет — намеревающемуся искоренить какое-либо зло не решиться даже вымолвить слово, как будто молчание само собою может уврачевать зло (прп. Исидор Пелусиот, 60, 442).

***

...Если случится кому видеть, что брат его согрешает, не должно презреть его и умолчать о сем, попуская ему погибнуть, не должно также ни укорять, ни злословить его, но с чувством сострадания и страхом Божиим должно сказать тому, кто может исправить его, или сам видевший пусть скажет ему с любовью и смирением, говоря (так): «Прости, брат мой, если не ошибаюсь, мы нехорошо это делаем». И если он не послушает, скажи другому, о котором знаешь, что он имеет к нему доверие, или скажи старцу его или авве, смотря по важности согрешения, чтобы они его исправили, и потом будь спокоен. Но говори... с целью исправить брата своего, а не ради празднословия... и не для укорения его, не из желания обличить его, не для осуждения и не притворяясь, что исправляешь его, а внутри имея что-либо из упомянутого. Ибо поистине если кто скажет и самому авве его, но говорит не для исправления ближнего или не для избежания собственного вреда, то это грех, ибо это злословие; но пусть он испытает сердце свое, не имеет ли оно какого-либо пристрастного движения, и если так, то (пусть) не говорит. Если

же он, рассмотрев себя внимательно, увидит, что хочет сказать из сострадания и для пользы, а внутренно смущается некоторым страстным помыслом, то пусть он скажет авве со смирением и о себе, и о ближнем, говоря так: «Совесть моя свидетельствует мне, что я хочу сказать для исправления (брата), но чувствую, что имею внутри какой-то смешанный помысл, не знаю, оттого ли, что имел некогда (неприятность) с этим братом, или это искушение, препятствующее мне сказать о брате для того, чтобы не последовало (его исправление)»; и тогда авва скажет ему, должен ли он сказать, или нет. Бывает же, что иной говорит не для пользы брата своего, не по опасению собственного вреда и не потому, что помнит какое-либо зло, но рассказывая просто так, из празднословия. Но к чему такое злословие? Часто и брат узнает, что о нем говорили, смущается, от чего приходит скорбь и еще больший вред. А когда кто говорит, как мы сказали, единственно ради пользы брата, то Бог не попустит, чтобы произошло смущение, чтобы не последовала скорбь или вред (прп. авва Дорофей, 29, 62—63).

***

...Неприлично кому-либо исправлять брата в то самое время, когда он согрешает против тебя, да и в другое время не должно делать сего для того, чтобы мстить за себя (прп. авва Дорофей, 29, 190).

ИСПЫТАНИЯ

Греху воспротивься, делатель жизни, и не бойся встретившегося искушения, потому что испытание не повредит мужественному подвижнику (прп. Ефрем Сирин, 31, 111).

***

По благодати будем заключать и об испытании. Не все впадают в одни и те же искушения, потому что не все достигают одинакового разумения (прп. Ефрем Сирин, 31, 640).

***

...Нередко и праведники предаются в руки нечестивых — не к славе нечестивых, но для испытания праведных (свт. Григорий Богослов, 13, 190).

***

Немногие из людей крепкодушны, с любовию приемлют всякое Божие посещение, приятно ли оно, или скорбно для них, и знают, что всему есть причина, хотя и сокрыта она во глубине Божией премудрости (свт. Григорий Богослов, 16, 38).

***

...Попускает же Бог действовать злобе, чтобы испытать твой произвол и твою свободу, куда они наклонены (прп. Макарий Египетский, 67, 211).

***

...По смотрению Божию попускается испытание душ различными скорбями, чтобы несомненно явными соделались души, искренно возлюбившие Господа (прп. Макарий Египетский, 67, 449).

***

Попустивший испытание Сам знает и время, когда положить конец испытанию (свт. Иоанн Златоуст, 45, 62).

***

Как дождь, падая на землю, пробуждает семена, так и испытания, входя в душу, возбуждают усердие (свт. Иоанн Златоуст, 46, 462).

***

...То, что случается с нами здесь, хотя прискорбно, однакож кратковременно, а блага, ожидающие нас там, бесконечны и вечны (свт. Иоанн Златоуст, 47, 254).

***

<Бог>, управляющий... нашей жизнью, попускает подвергать нас испытаниям, какие мы можем перенести (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1015).

***

...Избавление от нужд, хотя они сами по себе кажутся иным безвыходными, достигается в трудных обстоятельствах — мужеством, а в благоуспешных (потому что сие нередко посылается для испытания) — великодушием (прп. Исидор Пелусиот, 62, 340).

***

Не ослабевай, со слезами молясь и ожидая Божией помощи, потому что после демонских браней человек сподобляется Божия посещения, таинственного появления и неизреченной помощи (прп. Нил Синайский, 73, 325).

***

Умудриться человеку в духовных бранях, познать своего Промыслителя, ощутить Бога своего и сокровенно утвер-

диться вере в Него, невозможно иначе, как только по силе выдержанного им испытания (прп. Исаак Сирин, 58, 222).

***

Огрубелым потребны страшные испытания, ибо без сильных болей они умягчиться не могут (авва Фалассий, 91, 324).

***

Не хочет Бог, чтобы делание ревностных подвижников оставалось неискушенным, но чтобы подвергалось большим испытаниям (прп. Никита Стифат, 93, 115).

***

Бывает, что и неповинные, для спасения, предаются на мучительство (бесов) (прп. Григорий Синаит, 93, 215).

***

...Запасайтесь мужеством на... случай <испытания> и будьте готовы сретить его, как подобает... <христианам>... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 129).

***

Будьте готовы благодушно встретить и перенести, что Господь пошлет... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 162).

ИСТИНА

...Люби истину, и пусть исходит из уст твоих всякая истина, чтобы дух, который Господь поселил в этом теле,

обрелся истинным пред всеми людьми, и чтобы прославлялся Господь, Который дал тебе дух, потому что Бог истинен во всяком слове и никакой лжи нет в Нем (св. Ерм, 94, 182).

***

Не только поклонявшиеся идолам, но и предавшие истину осуждены, как чуждые (свт. Афанасий Великий, 2, 37).

***

И новое и духовное вино, кипящее Духом Святым, т. е. никогда не стареющееся разумение истины, должно быть вливаемо в человека нового, который, ***всегда мертвость Иисусову в теле нося*** (ср.: 2 Кор. 4, 10), справедливо может быть назван мехом новым (свт. Василий Великий, 5, 237).

***

...Должно совершенно упразднить себя от внешних мятежей, произвести совершенное безмолвие в потаенной храмине советов сердца и потом приступить к созерцанию истины (свт. Василий Великий, 5, 250).

***

...Как невозможно мутным оком принять верное впечатление от видимого предмета, так невозможно с возмущенным сердцем приступать к познанию истины. Посему должно удалиться от всех мирских дел, ни чрез зрение, ни чрез слух, ни чрез другое какое чувство не вводить в душу посторонних помыслов. Ибо воздвигаемые плотским муд-

рованием брани исполняют внутренность сердца неумолкающими мятежами и непримиримыми раздорами (свт. Василий Великий, 5, 251).

***

...Плотский человек, у которого ум не упражнялся в созерцании, лучше же сказать, весь, как в тине, погребен в плотском мудровании, не может воззреть на духовный свет истины (свт. Василий Великий, 7, 266—267).

***

Каким образом иной содержит истину в неправде (см.: Рим. 1, 18)? — Когда дарованные от Бога блага употребляет во зло по собственным своим хотениям... (свт. Василий Великий, 9, 209).

***

Кто пребывает в истине, тот подлинно и Богу всегда благоугоден, и всем людям полезен, в братстве прекрасен и во всяком деле правилен. Человек истинный не угождает лицам, не судит неправедным судом, не присвояет себе достоинства и чести, не презирает нищего и нуждающегося, в ответах не льстив, в суждении правилен, в деле рачителен, в общем составе братства почтен, не знает коварства, не любит лицемерия, всяким добрым делом украшен и водится только добродетелью. Итак, блажен, кто всегда служит истине! (прп. Ефрем Сирин, 30, 19).

***

...Кто не озарил ума своего Божественным учением, тот далек умом от истины (прп. Ефрем Сирин, 32, 41).

***

Истина да будет наставницею мне, поклоннику Твоему, <Господи>; она и вблизи и вдали да содержит меня в целомудрии (прп. Ефрем Сирин, 33, 231).

***

Прекрасна истина, но и она делается безобразною, если прикрывает собою обман (прп. Ефрем Сирин, 34, 336).

***

Я желал бы и сам быть в числе подвизающихся и ненавидимых за истину, даже похвалюсь, что действительно принадлежу к сему числу. Ибо похвальная брань лучше мира, разлучающего с Богом (свт. Григорий Богослов, 12, 66).

***

Сама истина побуждает человека искать истины (прп. Макарий Египетский, 67, 65).

***

Куда проникает истина, там борется с нею заблуждение, стараясь ее затмить и возмутить (прп. Макарий Египетский, 67, 154).

***

...Истина есть несомненное понятие о сущем (свт. Григорий Нисский, 18, 266).

***

Умалчивать истину значит золото зарывать в землю (авва Евагрий, 89, 603).

***

...Таково свойство истины, что она возвышается и тогда, как многие восстают против нее (свт. Иоанн Златоуст, 45, 538).

***

...Свидетельства (о вере) неверующих и врагов благочестия всегда имеют особенную важность; и это дело есть благоискусной Премудрости Божией, когда она и врагов истины делает свидетелями истины... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 614).

***

Сила Божественных истин есть источник, постоянно текущий, никогда не оскудевающий и не истощающийся (свт. Иоанн Златоуст, 47, 614).

***

Нет ничего светлее и сильнее истины... Истина открыто предлагает себя всем желающим видеть красоту ее. Она не любит скрываться, не боится опасности, не трепещет наветов, не домогается славы народной, не подвержена ничему другому человеческому; она стоит выше всего, подвергаясь, конечно, тысячам наветов, но оставаясь необоримою; прибегающих к ней она охраняет, как крепкою стеною, величием своей силы, не терпит скрытных убе-

жищ, но предлагает открыто всем все, что есть в ней (свт. Иоанн Златоуст, 51, 184).

***

...Во всем нужна благонамеренность души; если коснется такой души истина, то удобно овладевает ею, а если не овладевает, то это происходит не от слабости самой истины, а от неразумия души. Так и солнце, когда касается чистых глаз, то легко освещает, если же не доставляет света, то это знак не бессилия солнечного света, а болезни глаз (свт. Иоанн Златоуст, 51, 225).

***

Нет ничего... проще истины, если мы действуем не злонамеренно, но когда мы поступаем злонамеренно, тогда нет ничего ее труднее (свт. Иоанн Златоуст, 51, 339—340).

***

...Таково свойство истины, что от того, чем люди думают подорвать ее, она становится сильнее, и просиявает чрез то, чем хотят затмить (свт. Иоанн Златоуст, 51, 377).

***

Держащийся истины, если никто не совращает его, не был бы крепким любителем истины, а когда многие совращают его, тогда он делается славным (свт. Иоанн Златоуст, 52, 300).

***

...Кто ищет истины, в том должны соединиться все добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 53, 77).

***

Хочешь воспринять луч, просвещающий твои очи? Соделай их чистыми, здравыми и зоркими. <Господь> показал тебе свет истинный, но если ты, убегая света, устремишься ко тьме, — какое тогда обретешь ты оправдание, какое прощение? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 18).

***

Кто ищет истины, тот не пристращается к земле, потому что все неистинное — от земли. Это видно из того, что все внешние (язычники) служат страстям, следуя собственным мудрованиям (свт. Иоанн Златоуст, 54, 203).

***

...Препоясанный истиною, во-первых, никогда не почувствует изнеможения; во-вторых, хотя бы он и утомился, все же получит подкрепление в той же истине. В самом деле, скажи мне, заставит ли страдать его бедность? Нисколько. Мысль об истинном богатстве успокоит его, а бедность напомнит ему об истинной нищете (духовной) (свт. Иоанн Златоуст, 54, 204).

***

...Никогда не придет в разумение истины тот, кто начинает учиться с исследования, потому что враг, видя, что он больше полагается на суждение свое, нежели отцов, легко доводит его даже до того, что ему будет казаться излишним и вредным даже и то, что весьма полезно и спасительно. И хитрый враг так насмеется над его самонадеянностью, что, полагаясь на свое неразумное мнение, он будет почитать для себя святым только то, что по

упорству своему ошибочно будет принимать правильным и праведным (авва Пиаммон, 56, 498).

***

Кто вначале отпал от истины, тот, без сомнения, совратится с предположенного пути и придет к срамному концу (прп. Исидор Пелусиот, 61, 16).

***

Затемняющие истину искусственностью слов, по моему мнению, гораздо более жалки, нежели вовсе ее не постигающие. Последние не уловляют истины по медлительности мысли, и потому, может быть, достойны извинения. А первые по быстроте мысли уловляют истину, но злонамеренно делают ее неприметною и потому грешат непростительно (прп. Исидор Пелусиот, 61, 244).

***

Истине не делай насилия спорными речениями и не оскорбляй ее, софистическим искусством омрачая точное знание; но признавая, что все ниже истины, произноси о ней искренний и неподкупный приговор (прп. Исидор Пелусиот, 62, 199—200).

***

Премудро, что истинно, особливо когда это просто и кратко, а ложь ужасна, хотя по видимому прикрашена силою речи и красными словами (прп. Исидор Пелусиот, 62, 342).

***

Более приятным и желательным почитаю быть побежденным, чтя истину, нежели, солгав, победить; потому что, когда храню истину, если почтут меня и побежденным, я победил, а когда одержу верх обманом, если почтут меня и победившим, я побежден (прп. Исидор Пелусиот, 62, 392).

***

...Похвал достоин не тот, кто истину преодолевает искусством, но кто безыскусственно выражает ее. Посему, отложив в сторону силу в слове, держись истины и, ее имея в виду, сообразуй с нею жизнь свою. Ибо, хотя возможешь вводить в заблуждение людей (но и от них всего чаще будешь уличаем), однако же не обманешь не дающегося в обман Судию (прп. Исидор Пелусиот, 62, 430).

***

...Господь дарует кроткому познание истины, как написано: ***научит*** Господь ***кроткия путем своим*** (ср.: Пс. 24, 9) (прп. Марк Подвижник, 69, 26).

***

Кто за истину терпит оскорбление и бесчестие, тот идет путем апостольским, неся крест и облагаясь веригами (прп. Марк Подвижник, 69, 46).

***

...Истина есть дело не говорящего, но действующего (в нем или на него) Бога (прп. Марк Подвижник, 89, 556).

***

Истина есть ощущение по Богу, какое только вкушает в себе человек ощущением чувств духовного ума (прп. Исаак Сирин, 58, 187).

***

Ум, правотою движимый, находит истину; движимый же какой-либо страстью не улучит ее (авва Фалассий, 91, 317).

***

...Истина есть не другое что, как благодать Христова, для дарования нам коей и пришел Христос, распялся и умер! (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 201).

***

...Так как человек, самоохотно и без всякого насилия, принял ложь и поверил ей, то и осужден искать истину и не находить ее, тещи в след ее и не достигать. Впрочем, как укрылась от нас истина за то, что мы поверили лжи, таким же образом и опять обретается нами истина, когда веруем истине (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 308).

***

Под ведением истины разумей собственно благодатное чувство ее. Прочие мысли надлежит называть проявлениями разумений ее и показаниями предметов ее (прп. Григорий Синаит, 93, 180).

***

...Уразумение истины есть достояние тех, кои стали причастниками истины (вкусили ее жизнью); непричаст-

ные же истины и непосвященные в нее, ища сего уразумения, почерпают его из объюродившей премудрости. Их Апостол назвал *душевными, Духа не имущими* (ср.: 1 Кор. 2, 14), хотя они величаются ведением истины (прп. Григорий Синаит, 93, 201—202).

***

...Немалый труд постигнуть истину явно и чисту быть от того, что противно благодати, потому что диавол обычай имеет, особенно для новоначальных, представлять под видом истины прелесть свою, преображая лукавое свое в духовное (прп. Григорий Синаит, 93, 243—244).

***

Научись читать Евангелие: от него услышишь истину, в нем увидишь истину. Истина откроет тебе падение твое и узы лжи, узы самообольщения, которыми невидимо связана душа всякого человека, не обновленного Святым Духом (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 119).

***

Падшее человечество приступает к святой истине верою — другого пути к ней нет (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 119).

***

Истина есть Господь наш Иисус Христос. Усвоимся этой Истине верою в Нее, возопиим молитвою к этой Истине, — и Она извлечет нас из пропасти самообольщения и обольщения демонами (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 230).

***

...Подчинившийся Истине получает нравственную и духовную свободу, получает нравственное и духовное счастье (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 96).

***

Истина есть слово Божие, Евангелие; Истина есть Христос. Познание истины вводит в душу Божественную правду, изгнав из души падшую и осквернённую грехом правду человеческую, вшествие Свое в душу Божественная правда свидетельствует Христовым миром (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 223—224).

***

Приятие Истины есть вместе приятие Святаго Духа... Равным образом, где действует Святый Дух, там бывает обильнейшее явление Истины... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 166).

***

Хранится богодарованная, богооткрытая человекам святая истина в Священном... Писании. Здание добродетелей, когда зиждется не на этом основании, вполне непрочно, непотребно (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 464).

***

Познавшие и приявшие святую истину вступили под влияние, водительство Святаго Духа, суть часть Господня, жребий Его (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 471).

***

Надо, чтоб наш образ мыслей был проникнут Истиною. Кроме Христа, не понимаю и не знаю другой Истины. И не слепцы ли те, кто бы они ни были, которые в то время, когда предстоит им Христос в страшном величии смирения, вопрошают: что есть Истина? (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 519).

***

Истина засвидетельствована на земле Духом Святым... Где нет свидетельства от Духа, там нет доказательства Истины (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 519—520).

***

Дело все в том, чтобы истина воспринята была сердцем, исполнила его и разогрела. Это значит, что душа вкусила истину, если вкусила, то и попиталась (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 178).

ИСЦЕЛЕНИЯ

...Причина духовных дарований... по преданию старцев, бывает троякая. Первою причиною исцелений бывает, во-первых, благодать, производящая чудеса и даруемая избранным и праведным мужам за их святость, как известно об апостолах и многих святых, что они творили знамения и чудеса властью Господа, Который говорил: *болящыя исцеляйте, мертвыя воскрешайте, прокаженныя очищайте, бесы изгоняйте; туне приясте, туне дадите* (ср.: Мф. 10, 8). Вторая причина — назидание Церкви, или вера тех, которые приносят больных для

исцеления, или тех самых, которые желают получить исцеление. В сем случае сила исцелений исходит иногда и от недостойных, и от грешников, о которых Спаситель говорит в Евангелии: *Мнози рекут Мне в он день: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и... силы мнози сотворихом? И тогда исповем им, яко николиже знах вас: отидите от Мене делающии беззаконие* (Мф. 7, 22—23). Напротив, недостаток веры в больных или в приносящих их препятствует обнаружиться силе исцелений и в тех, коим она сообщена. Так Евангелист говорит: *и не можаше Иисус ту ни единыя силы сотворити за неверствие их* (ср.: Мк. 6, 5—6). И Сам Господь говорит: *мнози прокажени бяху при Елиссеи пророце во Израили: и ни един же от них очистися, токмо Нееман Сириянин* (Лк. 4, 27). Исцеления третьего рода бывают по обольщению и ухищрению демонов. Человек, преданный явным порокам, может иногда производить удивительные действия и потому почитаться святым и рабом Божиим. Чрез это увлекаются к подражанию его порокам, и открывается пространный путь к поношению и уничижению святости религии; да и сам тот, кто уверен в себе, что обладает даром исцелений, надменный гордостью сердца, испытывает тягчайшее падение. От сего происходит то, что демоны, с воплем именуя людей, не имеющих никаких свойств святости и никаких духовных плодов, показывают вид, будто их святость жжет их и они принуждены бежать от одержимых ими (прп. авва Нестерой, 56, 439—440).

***

Читая о прокаженных, расслабленных, слепых, хромых, беснующихся, которых исцелил Господь, помышляй, что душа твоя, носящая многоразличные язвы греха, нахо-

дящаяся в плену у демонов, подобна этим больным. Научайся из Евангелия вере, что Господь, исцеливший их, исцелит и тебя, если ты будешь прилежно умолять Его об исцелении твоем (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 109).

****

Имел некто в Египте сына расслабленного и принес его к келье аввы Макария и, оставив его плачущего у дверей, отошел поодаль. Старец, увидев отрока, спросил его: «Кто принес тебя сюда?» «Отец мой бросил меня и ушел», — ответил отрок. Старец говорит ему: «Встань, поищи его», — и, тотчас выздоровевши, отрок встал, нашел отца своего, и они пошли в дом свой, радуясь (98, 439).

***

Жил некий старец. Заболели у него ноги, так что он долгое время не мог двигаться. И когда он, хромая, вышел и стал готовить пищу, предстал ему Ангел и, коснувшись уст его, сказал: «Христос есть тебе истинная пища и питие» — и, исцелив его, удалился. Старец же взял пальмовые ветви и стал изготовлять перевязи для животных.

Как-то люди привели к нему хромого. Посадили его на осла, но как только ноги больного коснулись перевязи, сделанной святым, тотчас он исцелился. Тогда старец стал посылать свои перевязи на благословение больным, и они тотчас исцелялись от многих болезней (98, 445).

***

По кончине преподобного Афанасия игуменом лавры стал добродетельный инок Евстратий. У него невыносимо болели почки. Семь лет страдал он, искал исцеления у

разных врачей, но затем, возложив все упование на Бога, стал молиться преподобному Афанасию. Однажды ночью явился ему святой и подал сосуд с каким-то питием. Евстратий сначала не решался выпить, но затем, убежденный преподобным, выпил все. Проснувшись, он почувствовал себя исцеленным (95, 48).

***

Один монах, страдавший много лет головной болью, искал помощи у врачей, но, не получив облегчения, пришел к преподобному Нифонту и стал умолять его о помощи. Преподобный ответил: «Я грешный человек, и Бог не послушает грешного». Но больной слезно просил его, и, тронутый страданием брата, блаженный Нифонт прочел над головой больного молитву. Будто какой-то вихрь вылетел из головы монаха, и он тут же исцелился (95, 526).

***

Один инок, болевший глазами, со слезами молился у гробницы преподобного Саввы Сторожевского и отер глаза покрывалом оной гробницы. Другой инок при этом сказал с усмешкой: «Вместо исцеления ты только засоришь себе глаза песком». И тут же болевший глазами исцелился, а поносивший его брат ослеп... После слезной молитвы и покаяния и он получил исцеление (115, 89).

***

Через несколько дней после открытия мощей преподобного Иова игумен Досифей заболел «огнем презельным». Ночью благотворительница обители пани Домашевская услышала вдруг поразительное пение и увидела необыкновенный свет в храме. Думая, что идет служба, она послала служанку узнать, что там такое. Посланная, войдя в

храм, увидела преподобного Иова и двух светлых юношей. Святой обратился к ней, дал ей плат, омоченный миром, и велел позвать со смертного одра игумена Досифея. Придя к келье больного, служанка стала звать игумена от имени преподобного. Игумен сначала подумал, что это мечтание, но затем, осенив себя крестным знамением, впустил к себе девицу, взял плат и, помазав миром тело, встал с одра здоровым. Подойдя к храму, он увидел екклисиарха, который отпирал двери к богослужению. Екклисиарх был удивлен, увидев игумена здоровым. Досифей же сказал: «Спешу, исполняя веление блаженного Иова. Он с Ангелами в полунощи помолился об исцелении моем Пресвятой Деве». Войдя в храм, игумен припал к раке преподобного Иова и, воздав Богу благодарение, немедленно приступил к служению всенощного бдения (109, 180—181).

***

В одной из деревень Глинской пустыни тяжело заболел крестьянин и надолго лишил семью своей помощи. Жена страдальца в глубокой скорби часто припадала к иконам и просила помощи у Бога.

Однажды ночью в сонном видении увидела она старца Макария, который повелел ей идти в Глинскую пустынь и просить игумена отслужить молебен Богородице с крестным ходом. Утром женщина поспешила в пустынь. По ее просьбе в скитском храме стали служить молебен с акафистом о болящем. В конце молебна неожиданно входит сам болящий, который и рассказал изумленной жене, что во сне явился ему тот же старец Макарий и велел идти в пустынь. С большим трудом отправился он туда, но по дороге почувствовал облегчение и возвращение сил. На крестном ходе он уже сам нес икону Богородицы... (107, 157—158).

***

Григорий Кальманович был болен раком. В 1827 году он с женой поехал к профессору в Москву. После тщательного осмотра профессор сказал его жене: «Вашему мужу жить осталось не более двух недель. Все лекарства бесполезны».

Возвращаясь из клиники по Никольской улице, мимо часовни великомученика Пантелеимона, Григорий неожиданно захотел зайти туда, и, несмотря на отговоры жены (они были евреи), он зашел в часовню и весь молебен провел на коленях в слезах, а затем, приложившись к иконе великомученика, объявил супруге, что он совершенно здоров. И когда профессор, после долгих уговоров, вновь осмотрел его, то с нескрываемым удивлением заявил: «Да, действительно, этот человек совершенно здоров». По возвращении домой Григорий принял крещение и сказал, что если потребовалось бы, то он готов положить жизнь свою за Христа (114, 142—144).

К

КЛЕВЕТА

Если кто наговорит пред тобою на брата своего, уничижит его и покажет злобу (на него), не склоняйся против него, чтоб не постигло тебя то, чего не желаешь (прп. авва Исаия, 89, 317).

***

Взыщем чести ближнего, не допуская умалиться ему во мнении нашем, когда его поносят, кто бы он ни был: это сохранит нас от оклеветания... (прп. авва Исаия, 89, 347).

***

Об отсутствующем брате не должен <христианин> ничего говорить с намерением очернить: это есть клевета, хотя бы сказанное было и справедливо (свт. Василий Великий, 10, 54).

***

Думаю, что два есть случая, в которых позволительно говорить о ком-нибудь дурное, именно: когда необходимо кому посоветоваться с другими испытанными в этом, как

исправить согрешившего, и еще — когда бывает нужда предостеречь других, которые, по неведению, могут быть нередко в сообществе с худым человеком, почитая его добрым... Кто без такой необходимости говорит что-нибудь о другом, с намерением очернить, тот — клеветник, хотя бы говорил и правду (свт. Василий Великий, 11, 192).

***

Если подвергнешься клевете, и после откроется чистота совести твоей, не высокомудрствуй, но Господу, избавившему тебя от клеветы человеческой, работай в смиренномудрии, чтоб не пасть чрезвычайным падением (прп. Ефрем Сирин, 30, 194).

***

Не огорчай брата клеветою на брата его, ибо не дело любви — возбуждать ближнего на погибель души (прп. Ефрем Сирин, 30, 197).

***

Не должно доверять говорящим худо, потому что часто бывает клевета по зависти, но надобно лучше доискиваться истины (прп. Ефрем Сирин, 30, 208).

***

Если <враг> располагает к клевете, оградим себя молчанием (прп. Ефрем Сирин, 30, 233).

***

Великое наказание готовит себе <тот>, кто клевещет на праведного... (прп. Ефрем Сирин, 31, 146).

***

...Хотя бы неправда по видимому произносила нам осуждение и торжествовала, не убоимся, и не оставим прямого пути, по слову Сказавшего: ***аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое*** (Пс. 26, 3) (прп. Ефрем Сирин, 31, 249—250).

***

Как моль портит одежду, так клеветничество — душу... (прп. Ефрем Сирин, 31, 586).

***

Если жалоба несправедлива, то делается клеветою... (свт. Григорий Богослов, 16, 339).

***

Если ты оклеветал кого, если сделался врагом кому-либо, примирись до судилища. Все окончи здесь, чтобы тебе без забот увидеть то седалище (Судии) (свт. Иоанн Златоуст, 44, 802).

***

Для многих невыносимее всех смертей кажется то, когда враги распространяют о них худые слухи и навлекают на них подозрение... Если это правда, исправься; если ложь, посмейся над этим; если сознаешь за собою то, что сказано, вразумись; если не сознаешь, оставь без внимания; лучше же (сказать), не только посмейся и оставь без внимания, но и радуйся и веселись, по слову Господа... (см.: Мф. 5, 11—12) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 860).

***

...Не тот, кто слышит о себе, но кто произносит клевету, будет наказан, если только и слышащий не подал справедливого повода к его осуждению (свт. Иоанн Златоуст, 48, 269).

***

...Тот, кто слышит о себе ложную клевету, не только не терпит вреда, но еще получит величайшую награду (свт. Иоанн Златоуст, 48, 269).

***

...Не клевещи, чтобы тебе не осквернить самого себя; не смешивай навоза с грязью и глиной, но сплетай венцы из роз, фиалок и других цветов; не носи помета во рту, подобно жукам — а так делают клеветники, сами первые испытывая зловоние, — но держись цветов, подобно пчелам, и составляй соты, как они, и будь со всеми дружелюбен (свт. Иоанн Златоуст, 48, 271).

***

...Хорошее дело — прогонять клеветника, как лжеца и вора, чтобы, как-нибудь смутив мир своей души, не сделать ее враждебной к ближнему из-за клеветы (свт. Иоанн Златоуст, 48, 723).

***

...Тех, кто желал бы клеветать, прогоним от себя, чтобы, принимая участие в чужом зле, не причинить гибели самим себе, не будем находить удовольствие в слушании клеветников, чтобы не подчинить себя диавольским

внушениям. Ведь и самая клевета называется диавольской, получивши самое свойственное себе название от имени виновника; значит, занимающийся клеветой служит диаволу, занимаясь его диавольским делом. Не допускающий такого человека к себе и самого себя избавляет от этого напрасного греха и согрешающего удерживает от несправедливого обвинения против ближнего, наконец, и оклеветываемого спасает от обвинения; таким образом, гнушаясь услуг клеветника, он делается устроителем мира и учителем дружбы (свт. Иоанн Златоуст, 48, 723).

***

Горе клеветнику, потому что он, горя в пламени, будет просить капли воды и не получит ее! (свт. Иоанн Златоуст, 52, 944—945).

***

Никогда не принимай клеветы на ближнего своего, но останавливай клеветника такими словами: «Оставь, брат, я каждый день грешу еще большими тяжкими грехами, как же нам осуждать того?» (свт. Иоанн Златоуст, 54, 965).

***

Если любящий любящего будет иметь за это нисколько не меньше мытаря, то какого прощения будет достоин даже клевещущий на друга? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 319).

***

Кто всем почти на всех клевещет, того уцеломудривай более строгой угрозой, чтобы впоследствии не оказалось нужды в наказании (прп. Исидор Пелусиот, 62, 213).

***

Владыка Христос ублажил тех, которые ради Него слышали обличения в делах явных и тайных, если обличающие окажутся лжецами. Посему надлежит знать, что для желающего войти на высшую степень блаженства должно быть то и другое, чтобы пострадать ему ради Христа, и чтобы разглашаемое о нем было ложно. Что-либо одно из двух, если не будет при нем другого, не столько полезно; и полезно, правда, но не в такой мере. Если, страдая ради Христа, услышим о себе правду, то необходимо нам краснеть, потому что, заслуживая одобрения с одной стороны, обличаемся с другой. И если не ради Христа, но несправедливо что́ терпим, то получим награду за терпение, но не улучим высшего блаженства, какое улучили бы, если бы стеклось вместе то и другое (прп. Исидор Пелусиот, 62, 223).

***

Терпящий напраслину от людей избегает греха и равное скорби находит заступление (прп. Марк Подвижник, 89, 524).

***

Любящий ближнего никогда не может терпеть клеветников, но убегает от них, как от огня (прп. Иоанн Лествичник, 57, 249).

***

Заградиуста клевещущему — в уши твои, да не согрешишь с ним двойным грехом, и сам приучась к сей страсти пагубной, и ему не препятствуя поносить ближнего (прп. Максим Исповедник, 91, 185—186).

***

Нет для души тяготы тягостнее клеветы; веру ли оклевещут, или поведение: и никто не может презреть сего, кроме того, кто, как Сусанна, на Бога взирает, единого Сильного и от бед избавить, как ее избавил, и людям показать удостоверительно истину, как и о ней показал, и душу утешить надеждою (прп. Максим Исповедник, 91, 226).

***

Соответственно тому, как будешь молиться за оклеветавшего, Бог удостоверительно открывать будет истину о тебе соблазнившимся (прп. Максим Исповедник, 91, 243).

***

Когда демоны увидят, что мы презираем вещи мира сего, не желая за них ненавидеть людей и отпасть от любви, тогда воздвигают на нас клеветы, дабы мы, не перенося огорчения, возненавидели клеветников (прп. Максим Исповедник, 91, 243).

***

«Оклеветали вас»... хоть вы не виноваты. Надо благодушно потерпеть. И пойдет это вместо епитимии за то, в чем сами себя считаете виновными... Клевета потому для вас — милость Божия... Надо непременно умиротвориться с оклеветавшими, как это ни трудно (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 251).

***

<Клевета> — грязь, но грязь целебная (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 212).

****

У великого Исидора, пресвитера Скитского, был некто Пафнутий диакон, которого он за добродетель решил сделать своим преемником. Пафнутий не принял рукоположения из благоговения и остался диаконом. Некто из братий позавидовал этому и, когда все находились в храме на молитве, выйдя, подбросил свою книгу в келью аввы Пафнутия, а авве Исидору сказал: «Кто-то из братьев украл мою книгу, пошли двух отцов, чтобы обыскали кельи». Дойдя до кельи аввы Пафнутия, они нашли там книгу и принесли ее в храм. Авва Пафнутий стал просить прощения, говоря: «Я согрешил, дай мне епитимию». Авва Исидор повелел ему в течение трех недель не иметь общения с братией и, приходя в храм, падать перед народом, прося прощения. По прошествии же трех недель он был принят в общение, и тотчас брат, оклеветавший его, стал одержим бесом и сознался в своем грехе. Когда совершили о нем молитву всем собранием, он не уврачевался. Тогда авва Исидор сказал Пафнутию: «Помолись о нем, ибо ты оклеветан был, и только тобою он уврачуется». После молитвы аввы Пафнутия старец немедленно стал здоровым (98, 368—369).

***

Авва Макарий рассказывал о себе: «Когда я был молод и жил в келье в Египте, взяли меня и сделали клириком в селе. Не желая быть клириком, я убежал в другое место. Сюда ходил ко мне благочестивый мирянин, брал мое рукоделие и доставлял мне нужное. По искушению диавольскому одна девица в селе том впала в любодеяние. Когда она зачала во чреве, спрашивали ее: «Кто виновник сего?» Она отвечала: «Отшельник». Тогда меня схватили, навешали на шею горшков закопченных и ручек от посуды

и водили по улице, били и кричали: «Этот монах растлил нашу девицу!» Затем избили меня едва не до смерти. Родители девицы требовали поручителя, что я буду кормить ее, и благочестивый мирянин, посещавший меня, поручился за меня. Возвратившись в свою келью, я отдал ему корзины, сколько имел их, и сказал: «Продай и отдай жене моей на пропитание».

Самому же себе говорил: «Макарий! Вот нашел ты себе жену, теперь тебе надобно больше работать, чтобы кормить ее». Работал я день и ночь и посылал ей. Когда же пришло время родить несчастной, то она много дней мучилась и не могла родить. Говорят ей: «Что это значит?» «Знаю я, — отвечала она, — я оклеветала отшельника и ложно обвинила его. Не он сделал это, а такой-то юноша!» Прибежал ко мне служивший мне мирянин и с радостью сказал, что открылась истина и все село желает идти ко мне просить прощения. Услышав о сем, я встал и убежал оттуда» (97, 138—139).

***

На горе Синайской жил один отец, именем Никон. И вот кто-то пришел в хижину некоего Фаранита, застал одну дочь его и пал с нею. Потом он сказал ей: «Скажи, что отшельник, авва Никон, сделал это с тобою». Когда пришел домой отец ее и узнал о случившемся, то взял меч и пошел к старцу. Он постучался, и старец вышел. Но лишь Фаранит поднял меч, чтобы умертвить старца, рука его сделалась сухою. Фаранит пошел и рассказал о том пресвитерам. Они послали за старцем, много били его и хотели выгнать, но старец начал просить их: «Бога ради, оставьте меня здесь, чтобы мне покаяться». Пресвитеры отлучили его на три года и дали повеление, чтобы никто

не ходил к нему. Старец три года провел в покаянии, ходил каждый воскресный день каяться в церковь и упрашивал всех, говоря: «Помолитесь обо мне». Наконец, злой дух начал мучить того, кто совершил грех и обвинил в том отшельника. Он признался в церкви: «Я сделал грех и научил оклеветать раба Божия». Тогда все люди пошли и пали перед старцем, говоря: «Прости нас, авва!» Старец сказал им: «Простить — прощу вас, но жить с вами более здесь не хочу. Между вами не нашлось никого, кто бы имел столько рассудительности, чтобы сжалиться надо мною». И авва Никон удалился оттуда навсегда (97, 179—180).

***

Как-то один монах шел на службу. Навстречу ему вышла блудница и сказала: «Спаси меня, отче, как и Христос спас блудницу». Монах взял ее за руку и прошел с нею через весь город. Народ видел это и говорил: «Монах взял себе в жены блудницу». По дороге в женский монастырь блудница увидела возле церкви младенца, брошенного родителями, и взяла к себе на воспитание. Прошел год, и некоторые пришли к бывшей блуднице и, увидав ее с ребенком на руках, говорили: «Хороша монахиня, вот и монаха родила». Шло время. Когда монах получил от Бога откровение о своей смерти, он позвал к себе бывшую блудницу, а теперь инокиню Порфирию, и повел ее в Тир. Придя в город, старец сильно разболелся, а когда к нему собралось много народу, сказал, чтобы принесли огонь. Принесли жаровню, полную горящих углей. Старец положил эти угли в полы своей одежды и сказал: «Знайте, братия, что как купина Моисеева горела и не сгорала, и как сия одежда сохранилась невредимою от огня, так и я до

сего времени не познал греха женского и сохранил девство». Все удивились, видя чудо, и прославили Бога, имеющего у Себя таких тайных святых рабов (112, 873—874).

КЛЯТВА

Клятва вообще запрещается, тем более достойна осуждения клятва, данная в злом деле (свт. Василий Великий, 11, 44).

***

Союза с братом не подтверждай клятвою, но имей с ним единомыслие в страхе Божием (прп. Ефрем Сирин, 30, 147).

***

Гибельная страсть в человеке — сделать клятвы привычными для языка своего. Не делай клятв привычными языку своему, чтобы не умножилось твое неведение, и вместо оправдания не собрать тебе кучи грехов (прп. Ефрем Сирин, 30, 155).

***

Соглашайся лучше понести ущерб, нежели дать клятву... (прп. Ефрем Сирин, 31, 629).

***

...Никто из вас да не клянется именем Всевышнего Бога, потому что в уста, сотворенные для славословия Божия, не должна входить клятва (прп. Ефрем Сирин, 33, 114).

***

Весьма худо и давать клятву, и требовать ее: в обоих случаях оскорбляешь правду (свт. Григорий Богослов, 15, 367).

***

Скажи же, что приобретают те, которые много клянутся? Осмеяние. А к этому что еще присовокупить? Разве то, что им не верят, когда говорят и правду (свт. Григорий Богослов, 16, 176).

***

Благонравным... вовсе не нужна клятва. За них порукою добрые нравы (свт. Григорий Богослов, 16, 176).

***

Как... избежать клятвы? Приобретем такие нравы, которые бы внушали доверие (свт. Григорий Богослов, 16, 176).

***

...Что, кроме корысти, чаще приводит к ложным клятвам? Как скоро касается дело до денег, весьма многие оказываются злонравными (свт. Григорий Богослов, 16, 177).

***

...Множество клятв есть уже признак, что нет к тебе доверенности (свт. Григорий Богослов, 16, 180).

***

Многие говорят: язык произнес клятву, а ум не давал ее. Но легче во всем другом найти себе извинение, не-

жели в клятве. Никто и нисколько да не обманывает сам себя. Во всяком случае клятва дана, а двоедушием сколько еще увеличивается грех! (свт. Григорий Богослов, 16, 183—184).

***

Избегай всякой клятвы. Но чем же уверить других? Словом и жизнью, удостоверяющею в слове. Ложная клятва есть отречение от Бога. К чему тебе призывать в посредники Бога? Сделай, чтобы посредником твоим были твои добрые нравы (свт. Григорий Богослов, 16, 207).

***

Поистине если клясться — дело диавольское, то какому наказанию подвергнет нас преступление клятв? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 57).

***

Не говори мне: что, если кто поставит нас в необходимость клясться? Что, если он не поверит? Там-то особенно, где нарушается закон и не должно помнить о необходимости; одна необходимость неизбежна — не оскорблять Бога (свт. Иоанн Златоуст, 45, 83).

***

Не клятва дает человеку веру, но свидетельство жизни, непорочное поведение и добрая о нем слава; многие часто надрывались клянясь — и никого не убеждали, а другие одним наклонением головы приобретали себе более веры, нежели столько клявшиеся (свт. Иоанн Златоуст, 45, 104).

***

...Кто часто клянется добровольно и против воли, бессознательно и с сознанием, по делу и шутя, а нередко увлекаясь гневом и многими другими страстями, тот неизбежно нарушает клятву (свт. Иоанн Златоуст, 45, 160).

***

Тяжек этот грех (клятва) потому, что не кажется тяжким; потому я и боюсь его, что никто не боится: потому эта болезнь и неизлечима, что она не считается болезнью (свт. Иоанн Златоуст, 46, 159).

***

Бог угрожает разрушить дома клянущихся, дабы чрез их наказание сделать других более благоразумными (свт. Иоанн Златоуст, 46, 316).

***

...Не следует клясться ни в правде, ни в неправде. Так будем хранить уста свои чистыми от клятвы... чтобы не рождалось в нас какого-либо злого помысла... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 126).

***

...Как огонь в спальне, погашай на языке своем ложную клятву. Если загорится дом, погибнет дерево и тело, а ложная клятва, воспламеняясь, и душу и тело губит в геенне (свт. Иоанн Златоуст, 48, 610).

***

Если кто не желает <прекратить клятвы>, то я... запрещаю такому человеку переступать за порог церковный... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 84).

***

...Принуждающий (к клятве) еще неизбежнее, чем тот, кто клянется, подвергнется наказанию, равно как и тот, кто клянется, когда никто не требует (свт. Иоанн Златоуст, 52, 95).

***

Скажи мне, когда ты требуешь от человека клятвы, — чего ты ожидаешь? Того ли, что он нарушит клятву? Но это крайнее безумие, потому что наказание обратится на твою голову. Лучше тебе потерять деньги, чем тому погибнуть. Для чего делаешь это во вред себе и в оскорбление Бога? Это свойственно душе зверской и человеку нечестивому. Но я, скажешь, надеюсь, что он не нарушит клятвы? В таком случае поверь ему и без клятвы. Но многие, скажешь, без клятвы решались на обман, а после клятвы — нет. Обманываешься, человек! Кто привык красть и обижать ближнего, часто решается попрать и клятву (свт. Иоанн Златоуст, 52, 96).

***

...Христос так щадит нас, что запрещает нам клясться даже и собственною головою, а мы до того не щадим славы Божией, что всюду привлекаем Его (свт. Иоанн Златоуст, 52, 96).

***

Если кто скажет: поклянись, — то пусть услышит, что Христос заповедал не клясться, и я не клянусь... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 98).

***

Уста, не употребляющие клятвы, скоро и Бога преклонят в молитвах, и диаволу нанесут тяжкую рану (свт. Иоанн Златоуст, 52, 115).

***

Многие клялись и нарушали клятвы, но, если они и избежали наказания, не будем полагаться на это, потому что их ожидает скрежет зубов (свт. Иоанн Златоуст, 52, 123).

***

Не клясться — это пристань поистине безопасная, пристань, в которой не утопают от поднимающихся ветров (свт. Иоанн Златоуст, 52, 132).

***

Клятва поистине есть сеть сатанинская. Расторгнем же эти узы и устроим себя так, чтобы нам легко было воздерживаться от нее. Освободимся от этой сети сатанинской, убоимся заповеди Господа, приучим себя к лучшему, чтобы, простираясь вперед и исполнив эту и прочие заповеди, нам сподобиться благ, обещанных любящим Его... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 132—133).

***

...Нам следовало бы приобретать доверие более своим поведением, чем клятвами (свт. Иоанн Златоуст, 54, 20).

***

Кто склонен к клятвам, тот, нельзя сказать, чтобы делал честь своему благородству (свт. Иоанн Златоуст, 54, 20).

***

Ложь есть разрушение любви, а клятвопреступление — отрицание Бога (свт. Иоанн Златоуст, 54, 965).

***

...Клянущиеся не могут представить в свою пользу никакого оправдания, кроме лишь пренебрежения к имени Божию (свт. Иоанн Златоуст, 55, 726).

***

...Умоляю вас, чтобы вы, принявши усекновенную и еще истекающую теплою кровью главу Иоанна, возвратились с ней каждый в свой дом, и имели мысленно ее пред своими глазами, и слышали, как она говорит: ненавидьте моего убийцу — клятву (свт. Иоанн Златоуст, 55, 727).

***

...Не клясться значит и не требовать клятвы. Ибо если не хочешь сам клясться, то и от других не потребуешь клятвы по следующим двум причинам: вопрошаемый или стоит в истине, или, напротив того, лжет. Если человеку обычно стоять в истине, то, без сомнения, и до клятвы говорит он истину. А если он — лжец, то лжет и поклявшись. Итак, по той и по другой причине не надлежит требовать клятвы (прп. Исидор Пелусиот, 60, 105—106).

***

...Дает ли кто верную клятву или нарушает свою клятву, подвергается наказанию. Посему избегай того, чтобы клясться и несправедливо и справедливо (прп. Нил Синайский, 73, 119).

***

Клятвопреступник есть, т. е. ложно клянется именем Господним, тот, кто обещает Богу жить добродетельно, а потом все попечение свое обращает на иное, чуждое обету, собственными устами изреченному, и чрез неисполнение заповедей преступает заветный обет благочестной жизни (прп. Максим Исповедник, 91, 285).

***

Клятвопреступление есть отречение от Бога. Потому не спеши божиться, но всячески избегай божбы, боясь как бы ради ее не впасть в клятвопреступление, от Бога отчуждающее и к беззаконным причисляющее. Но будь истинен во всех словах своих и доставишь им чрез то твердость клятвы. Если же когда случится тебе без нужды связать себя клятвою, то, когда это будет в чем-либо сообразном с Божественным законом, делай то, поскольку оно законно; а вину свою, что так неосмотрительно поступил, очисти милостынею, молитвою, плачем и тела озлоблением, умилостивляя тем Христа, рекшего: «не клянись»... Когда же то будет в чем-либо беззаконном, то смотри, из-за божбы своей (неразумной) отнюдь не делай дела беззаконного, чтоб не быть сопричастну к пророкоубийце Ироду. Но оставь эту беззаконную клятву не исполненною, положи потом себе законом не божиться и не клясться без разбора, спеша умилостивить Бога, приболез-

неннейше пользуясь вышеуказанными врачевствами (свт. Григорий Палама, 93, 308).

****

В городе Александрии жили недалеко друг от друга христианин и еврей-купец. Однажды еврей, отправляясь в дальний путь торговать, оставил христианину ковчег с золотом на хранение. Когда после возвращения купец стал требовать золото обратно, то христианин поклялся, что не брал золота. Тогда еврей сказал: «Слышал я о святом мученике Мине, что он наказывает неправедно клянущихся, пойдем в церковь его, и там поклянись мне, что не брал золота». Пошли. Дорогою купец просил христианина взять сколько хочет золота, а остальное вернуть, только не клясться ложно. Христианин сказал: «Ты, как еврей, недостоин войти в храм». Еврей ответил, что постоит вне храма, и затем, преклонив колена, просил Бога и святого Мину стать им судьями. Христианин же поклялся в храме, думая, что он за еврея не будет в ответе пред Богом, и они стали возвращаться домой. На пути христианин потерял ключ от ларца с золотом, долго искал и, не найдя, успокоился, думая, что на этом исчерпались наказания за ложную клятву. Но когда они остановились пообедать, вдруг появился раб христианина, держа в руках ковчег с золотом. Христианин в ужасе спросил раба: «Откуда ты и почему ковчег с тобою?» Раб ответил: «Сегодня явился к твоей жене воин на коне и, держа в руках ключ, сказал: «Ты знаешь этот ключ? Возьми его, муж твой послал меня сказать, чтобы ты скорее послала к нему ковчег с золотом, ибо он жестоко мучается в храме». «И вот, — заключил раб, — я исполнил твое повеление, вот и ключ, который ты послал». Выслушав это, еврей прославил Бога, отдал

треть золота в церковь святого Мины и крестился со всем домом своим. Христианин же в церковь Святого Мины отдал половину имения своего и остался при храме, до конца жизни оплакивая грехи (112, 787—789).

***

Два друга из Киева, Иоанн и Сергий, вступили в духовное братство. Спустя много лет Иоанн разболелся, а у него оставался пятилетний сын Захария. Больной отдал все свое имущество игумену для раздачи маломощным, а сыновнюю часть передал Сергию вместе с попечением о малолетнем сыне, завещая: «Когда возмужает сын мой, отдай ему золото и серебро». Пришло время возврата денег, но Сергий отказался, говоря, что он ничего никому не должен, и поклялся в этом в Печерской церкви перед иконой Богородицы. Он хотел поцеловать икону, но не смог к ней приблизиться, пошел к дверям и вдруг стал кричать: «Святые Антоний и Феодосий! Не велите убивать меня этому немилостивому и молитесь, чтобы Пресвятая Богородица отогнала от меня это множество бесов, которым я предан. Пусть берут золото, оно запечатано в моей клети». И страх напал на всех. Захария же отдал деньги игумену, а сам постригся в Печерском монастыре (100, 72—74).

***

Один московский протоиерей рассказывал: «В моем приходе знал я благочестивое купеческое семейство. Сын этого семейства стал бывать у одной бедной вдовы и полюбил ее дочь, но вольности с его стороны вынудили мать просить его перестать бывать в их доме. Тогда юноша пообещал жениться через год на девице, поклявшись

перед чудотворной Владимирской иконой в Кремлевском Успенском соборе. После этой клятвы он стал в доме как родной, а через год девица родила мальчика. Но вскоре отец ребенка забыл клятву и женился на богатой. В день свадьбы он почувствовал себя плохо, потом стал быстро худеть и буквально иссох. Душа его была полна неописуемой скорби и тоски. И вот однажды видит он, что в комнату входит дивная Жена и говорит: «Клятвопреступник, ты за свое безумие достоин этого наказания, покайся и принеси плоды покаяния!» Своею рукою Она прикоснулась к его волосам, и они выпали на подушку. После видения он тотчас же пригласил своего духовного отца и с плачем рассказал ему все, затем пригласил родителей и слезно просил их оказать милосердие обманутой и обеспечить ее жизнь. Больного напутствовали Святыми Таинами, пособоровали, а затем был прочитан и канон на исход души. Вдруг больной воодушевился и тихо-тихо, но ясно произнес: «Вижу Тебя, Владычице мира, но взор Твой не строгий, а милостивый», — и с этими словами скончался» (114, 182—186).

КОРЫСТОЛЮБИЕ

Торжество над корыстолюбием тому, кто презирает деньги... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 322).

***

Корыстолюбие легче преодолеет не тот, кто вращается среди мира, но тот, кто пребывает в горах; первый легко и побеждается им, а побежденного корыстолюбием надо причислять к идолослужителям (см.: Кол. 3, 5). Последний, если имеет деньги... с охотою отдаст <родным> все, между тем как первый не только оставит их без внимания,

но и обидит не меньше чужих... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 110—111).

***

С корыстолюбием неразлучна болезнь высокомерия, и чем кто более собирает богатства, тем более усиливается и эта болезнь (свт. Иоанн Златоуст, 49, 51).

***

Кто желает Царства Небесного, тот смеется над корыстолюбием (свт. Иоанн Златоуст, 50, 98).

***

Где деньги, там случай к вражде и бесчисленным распрям; равным образом уста корыстолюбия исполнены обид, тщеславия, чрезмерной гордости, проклятий и лести (свт. Иоанн Златоуст, 50, 887).

***

Не станем оплакивать того, кто уже умер, но будем оплакивать хищника, корыстолюбца, сребролюбца, ненасытного. Зачем плакать об умерших, которым нельзя уже принести никакой пользы? Будем плакать о тех, для которых еще возможна перемена (свт. Иоанн Златоуст, 52, 714).

***

...Глаза корыстолюбца не успокаиваются дотоле, пока не похитят у других всего, потому что смотрят не по-человечески, но по-зверски (свт. Иоанн Златоуст, 53, 90).

***

...Демон враждует против человека, а не против подобных ему демонов, а корыстолюбец старается всячески причинить зло и ближнему, и родному, не стыдясь самой природы (свт. Иоанн Златоуст, 53, 91).

***

Корыстолюбие есть тление — и такое тление, которое ужаснее всех видов тления: оно ведет к идолослужению (свт. Иоанн Златоуст, 54, 217).

***

Нажил ли ты богатство за счет кого-нибудь? Нажитое потратится, а корыстолюбие останется при тебе (свт. Иоанн Златоуст, 54, 217).

***

...Нет столь бесчувственного, как корыстолюбец; он враг вселенной; он досадует, что существуют (другие) люди; он желает, чтобы везде была пустыня и чтобы он один обладал всем, и многое подобное он думает (свт. Иоанн Златоуст, 54, 306).

***

Кто у другого отнимает деньги и ввергает его в нищету, тот себя предает смерти; другого в этом мире изнуряет нищетою, а себе приготовляет вечное наказание (свт. Иоанн Златоуст, 54, 747).

***

Не хуже ли, скажи мне, всякого одержимого горячкой преданный страсти корыстолюбия или сладострастия? Не

нечистее ли он всякого такого, совершая и допуская все постыдное? Что может быть отвратительнее корыстолюбца?.. Он и раболепствует пред теми, пред кем не следует, и бывает дерзок там, где не следует, и никогда не держит себя ровно: часто людям порочным, неблагонамеренным, развратникам, которые гораздо хуже и ничтожнее его, он угождает и льстит, а других, благородных и вполне добродетельных людей, поносит и оскорбляет (свт. Иоанн Златоуст, 55, 140).

***

...Чистых мыслей, когда они не доставляют денег, <корыстолюбцы> не допускают, а мыслей грязных и действительно звероподобных держатся из-за денег и бесстыдно усвояют их, погубляя таким образом красоту души своей (свт. Иоанн Златоуст, 55, 141).

***

Корыстолюбие есть некая старая закваска, и куда бы она ни проникла, в какой бы дом ни вошла, делает его нечистым; и хотя бы ты немного приобрел от неправды, она заквашивает все твое имущество. Вот почему часто немногое, внесенное худо, лишает многого, собранного хорошо. Но почему, скажешь, когда обогащающихся корыстолюбием много, они не терпят одного и того же наказания? Непременно потерпят... если же теперь они и избегнут наказания, то тем более бойся тогда, потому что они соблюдаются для большего наказания (свт. Иоанн Златоуст, 55, 591—592).

***

Что может быть несчастнее корыстолюбца? Кроме того, что он губит душу свою, он и тело изнуряет бесчис-

ленными заботами и лишается и наслаждений, и удовольствий, и чести, и всякой славы... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 594).

***

...Корыстолюбцы, имея по природе кроткий нрав, вопреки природе, насильно доводят себя до зверства. И уста у них — уста зверей, или даже и тех лютее, потому что произносят слова, испускающие яд хуже, чем их зубы, и причиняющие смерть. Если кто исследует и душу таких людей, то назовет их уже не только зверями, но и демонами, потому что они исполнены крайней жестокости и вражды к своему сорабу (свт. Иоанн Златоуст, 55, 597).

***

Когда мы, имея повеление давать другим свое собственное, похищаем чужое, то какая остается нам надежда спасения? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 598).

***

...Если <кто> узами страсти корыстолюбия будет связан, без сомнения, не может достигнуть очищения своих пороков... (прп. Иоанн Кассиан, 56, 90).

***

Страшная и ненасытная привязанность к корыстолюбию, как некий грозный и мстительный мучитель, стоит при <одержимых ею>, раздавая им жестокие и немилосердные приказания и превращая их в зверей, приводит таким образом ко гробу. Итак, если многие и достигшие уважения мужи отказались от богатства и не вступали с

ним в союз, как с врагом и противником добродетели, и если самая эта болезнь корыстолюбия оказалась главною виною зол, и приобретшие себе богатство не делаются непреодолимыми и неуловимыми, а напротив того, оказались легко одолеваемыми всяким, не только при жизни, но и по смерти, то перестань отдавать себя в добычу этой тяжкой болезни и воздвигать против нас витию (прп. Исидор Пелусиот, 60, 416—417).

КОСМОЛОГИЯ

На земле положены Богом рождение и смерть, а на небе полнота всего и неизменность. Все же сотворено для человека и спасения его. Не нуждающийся ни в каких благах Бог для человека устроил небо, землю и стихии, доставляя ему чрез них всякое наслаждение благами (прп. Антоний Великий, 89, 87).

***

...Создатель для того сотворил один всецелый мир, чтобы устроение многих миров не привело к мысли о многих Создателях (свт. Афанасий Великий, 1, 178—179).

***

По единому манию Божия Слова все в совокупности приводится в устройство; каждой вещью совершается ей свойственное, всеми же вообще выполняется единый порядок (свт. Афанасий Великий, 1, 184—185).

***

Если, как... утверждают, все произошло само собою без Промысла, то надлежало всему произойти однообразно

и быть подобным, а не различным... (свт. Афанасий Великий, 1, 193).

***

...Вселенная не сама собою произошла, потому что есть о ней Промысл, и не из готового вещества сотворена, потому что Бог не бессилен, но из ничего вовсе не существовавшую прежде вселенную привел в бытие Бог Словом... (свт. Афанасий Великий, 1, 194).

***

Все приведено в бытие Словом, но и Слово не произвело бы всего, если бы Само было в числе тварей, <потому что ничто созданное не есть причина творящая> (свт. Афанасий Великий, 2, 289).

***

Без укоснения приходит в бытие все, что ни восхощет Бог (свт. Афанасий Великий, 2, 293—294).

***

...Ни одна из сотворенных вещей не существует отдельно, но все они, служа как бы членами друг другу, составляют из себя как бы единое тело — мир (свт. Афанасий Великий, 2, 298).

***

<Мудрецы>, не знавшие Бога, не допускали, что происхождение всех вещей зависит от разумной причины; а сообразно с сим коренным своим неведением заключали и о прочем. Потому одни прибегали к вещественным нача-

лам, и причину всех вещей приписывали стихиям мира; другие же представляли себе, что природу видимых вещей составляют атомы и неделимые тела... Подлинно ткут паутинную ткань те, которые пишут это и предполагают столь мелкие и слабые начала неба, земли и моря. Они не умели сказать: ***В начале сотвори Бог небо и землю*** (Быт. 1, 1). Потому вселившееся в них безбожие внушило им ложную мысль, будто бы все пребывает без управления и устройства и приводится в движение как бы случаем (свт. Василий Великий, 5, 7).

***

...Создатель этой вселенной, имея творческую силу, не для одного только мира достаточную, но в бесконечное число крат превосходнейшую, все величие видимого привел в бытие одним мановением воли (свт. Василий Великий, 5, 8).

***

Бог был для мира не сим одним — не причиною только бытия, но сотворил как Благой — полезное, как Премудрый — прекраснейшее, как Могущественный — величайшее. Пророк показал тебе в Боге едва <ли> не Художника, Который, приступив к сущности вселенной, приноровляет ее части одну к другой и производит само себе соответственное, согласное и гармоническое целое (свт. Василий Великий, 5, 14).

***

...И себе самим, и спрашивающим нас: «На чем опирается этот огромный и несдержимый груз земли?» — надобно отвечать: ***В руце Божией концы земли*** (ср.: Пс.

94, 4). Эта мысль и для нас самая безопасная, и для слушающих полезная (свт. Василий Великий, 5, 18).

***

...Бог, прежде нежели существовало что-нибудь из видимого ныне, положив в уме и подвигшись привести в бытие не сущее, вместе и помыслил, каким должен быть мир, и произвел материю, соответственную форме мира. Для неба отделил Он естество, приличное небу, и в форму земли вложил сущность, свойственную земле и для нее потребную. Огню же, воде, воздуху и формы дал, какие хотел, и в сущность их привел, как требовало умопредставление каждой из творимых вещей. И целый мир, состоящий из разнородных частей, связал Он каким-то неразрывным союзом любви в единое общение и в одну гармонию; так что части, по положению своему весьма удаленные одна от другой, кажутся соединенными посредством симпатии. Посему да прекратят свои баснословные построения те, которые при немощи собственных умствований измеряют могущество, непостижимое для разумения и вовсе неизреченное на человеческом языке! (свт. Василий Великий, 5, 25—26).

***

Одно сотворено на службу человекам, а другое для того, чтобы он созерцал чудеса творения; иное же для нас страшно, чтобы вразумлять нашу нерадивость (свт. Василий Великий, 5, 117).

***

Бог наш ничего не создал как избыточествующего сверх потребности, так и недостаточествующего в чем-либо нужном (свт. Василий Великий, 5, 134).

***

...Все сотворенное Богом и по своей тварной природе далеко отстоящее от славы Создателя находилось бы в жалком состоянии, если бы не было причастно Божества. Но недостойно Бога такое понятие о Боге, будто бы Он попускает твари быть обнаженною и как бы лишенною Его Самого. Напротив того, и тварь не так жалка, и Бог не так бессилен, чтобы не сообщил тварям святого приобщения (свт. Василий Великий, 7, 159—160).

***

...Созидает Бог не движением телесных рук, но действием живого Слова и сообщением Животворящего Духа (свт. Василий Великий, 7, 163).

***

На земле ничего нет невозглавленного, потому что начало всему — Бог (прп. Ефрем Сирин, 30, 245).

***

В ряду происходящих существ ничто не бывает само от себя. Вещь не может сама себя сотворить (прп. Ефрем Сирин, 30, 245).

***

Подвиглись естественные щедроты <Божии>, и Он зачал и породил тварь, как младенец из материего чрева, изник из воли Его мир (прп. Ефрем Сирин, 33, 331).

***

Никто не должен думать, что шестидневное творение есть иносказание; непозволительно также говорить, будто

бы что по описанию сотворено в продолжение шести дней, то сотворено в одно мгновение, а также будто бы в описании сем представлены одни наименования, или ничего не означающие, или означающие нечто иное. Напротив того, должно знать, что, как небо и земля, сотворенные вначале, суть действительно небо и земля, а не что-либо иное разумеется под именем неба и земли, так и сказанное о всем прочем, что сотворено и приведено в устройство по сотворении неба и земли, заключает в себе не пустые наименования, но силе сих наименований соответствует самая сущность сотворенных естеств (прп. Ефрем Сирин, 35, 210—211).

***

...Великому Свету прилично было начать мироздание сотворением света, которым уничтожает Он тьму и бывшее дотоле нестроение и беспорядок. И, как рассуждаю, в начале Бог сотворил не этот органический и солнечный свет, но не заключенный в теле и в солнце, а потом уже данный солнцу освещать всю вселенную. Когда для других тварей осуществил Он прежде вещество, а впоследствии облек в форму, дав каждому существу устройство частей, очертание и величину, тогда, чтобы соделать еще большее чудо, осуществил здесь форму прежде вещества (ибо форма солнца — свет), а потом уже присовокупляет вещество, создав око дня, т. е. солнце. Посему к дням причисляется нечто первое, второе, третье и так далее до дня седьмого, упокоевающего от дел, и сими днями разделяется все сотворенное, приводимое в устройство по неизреченным законам, а не мгновенно производимое Всемогущим Словом, для Которого помыслить или изречь значит уже совершить дело. Если же последним явился в мир человек, почтенный Божиим рукотворением и образом, то сие ни-

мало не удивительно: ибо для него, как для царя, надлежало приготовить царскую обитель, и потом уже ввести в нее царя в сопровождении всех тварей (свт. Григорий Богослов, 15, 143—144).

***

Из миров один сотворен прежде. Это — иное небо, обитель богоносцев, созерцаемая единым умом, пресветлая; в нее вступит впоследствии человек Божий, когда, очистив ум и плоть, совершится богом. А другой — тленный мир — создан для смертных, когда надлежало устроиться и лепоте светил, проповедующих о Боге красотою и величием, и царственному чертогу для Образа Божия. Но первый и последний мир созданы Словом великого Бога (свт. Григорий Богослов, 15, 230).

***

...Все совершаемое премудростью есть Божие слово, не какими-либо орудиями членораздельно изглашаемое, но изрекаемое самыми чудесами явлений (свт. Григорий Нисский, 18, 32).

***

...*Вся премудростию* Сотворивший (ср.: Пс. 103, 24), один знает основание создания; а мы *верою разумеваем совершитися веком глаголом Божиим* (Евр. 11, 3) (свт. Григорий Нисский, 23, 297).

***

...Природа всего сущего повинуется Приведшему ее из небытия в бытие... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 7).

***

Представь, какую тяжесть гор, сколько племен людей, сколько высоких и разнообразных растений, сколько городов... какое множество четвероногих, зверей, пресмыкающихся и разных животных земля носит на раменах своих. И, однако, такую громаду Бог создал так легко, что Пророк не мог найти даже подобия этой легкости, а сказал, что Он создал землю, как ничто (см.: Ис. 45, 12) (свт. Иоанн Златоуст, 44, 507).

***

...В рассуждении Домостроительства и творения Божия соблюдай... по отношению к сотворшему тебя Богу то же молчание, какое хранит глина по отношению к горшечнику (свт. Иоанн Златоуст, 46, 505).

***

...Творец не имел нужды ни в одной из <созданных Им> тварей, но, чтобы показать Свою любовь к нам, Он создал все это, показывая нам то, как Он ценит род человеческий... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 47).

***

...То самое, что мы не в состоянии постигнуть и понять цель всего сотворенного, пусть будет для нас не основанием неверия, но побуждением к славословию (свт. Иоанн Златоуст, 47, 56).

***

Прекрасно небо, но создано для того, чтобы ты воздал поклонение Творцу. Светло солнце, но для того, чтобы ты

почтил Создателя. А если ты останавливаешься (только) на чудесах творения, смотришь на красоту созданий, то свет для тебя стал тьмою, а лучше сказать — ты свет превратил во тьму (свт. Иоанн Златоуст, 47, 727—728).

***

...Воля Божия есть создательница и художница и природы, и искусства, и всего существующего (свт. Иоанн Златоуст, 47, 732).

***

В первый день Бог создал вещество творений, а в прочие дни — давал форму творениям и приводил в порядок (свт. Иоанн Златоуст, 49, 737).

***

Все сотворенное, как земля, так и небо, сотворено во времени, имеет временное начало и безначального в них нет ничего, потому что все (в известное время) получило бытие (свт. Иоанн Златоуст, 51, 25).

***

Вы не стыдитесь, когда не допускаете, что Бог творит из ничего? Но если Он творит из чего-либо существующего, то чем различается от людей? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 27).

***

Как стенают небо и земля, при нечестии нечестивых, так опять радуются, при праведности преуспевающих... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 382—383).

***

Творцом сущи от вечности, Бог по беспредельной Своей благости творит, когда восхощет, единосущным Своим Словом и Духом. Не вопрошай: как же так, будучи благ всегда, Творец явился Он токмо ныне? Ибо и я тебе говорю, что неисследимая премудрость бесконечного Существа не подходит под человеческое ведение.

Творец от вечности предсуществовавшее в Нем ведение о всем сущем осуществил и произвел в дело, когда восхотел. Ибо неуместно сомневаться о Боге Всемогущем, может ли Он осуществить что, когда восхочет. Для чего Бог что сотворил — исследуй, ибо сие можно познать, но как и почему не так давно, сего не испытывай, потому что это не подлежит твоему разуму. Ибо из Божественных вещей иные постижимы, другие же непостижимы для человека. Умозрение, если его не обуздывать, может в пропасть низвергнуть... (прп. Максим Исповедник, 91, 214—215).

***

...Все твари, когда увидели, что Адам изгнан из рая, не хотели более повиноваться ему, преступнику: солнце не хотело светить ему, ни луна и прочие звезды не хотели показываться ему; источники не хотели источать воду, и реки продолжать течение свое; воздух думал не дуть более, чтобы не давать дышать Адаму, согрешившему; звери и все животные земные, когда увидели, что он обнажился от первой славы, стали презирать его, и все тотчас готовы были напасть на него; небо, некоторым образом, устремлялось было пасть на него, и земля не хотела носить его более. Но Бог, сотворивший всяческая и человека создавший, — что сделал? Зная прежде создания мира, что Адам имел преступить заповедь Его, и имея предопреде-

ленную для него новую жизнь и воссоздание, какие имел он получить чрез возрождение во Святом крещении, в силу воплощенного Домостроительства Единородного Сына Своего и Бога нашего, — Он сдержал все эти твари силою Своею, и по благоутробию и благости Своей не дал им тотчас устремиться против человека, и повелел, чтобы тварь оставалась в подчинении ему, и сделавшись тленною, служила тленному человеку, для которого создана, с тем чтобы, когда человек опять обновится и сделается духовным, нетленным и бессмертным, и вся тварь, подчиненная Богом человеку в работу ему, освободилась от этой работы, обновилась вместе с ним и сделалась нетленною и как бы духовною. Все сие предопределил Всещедрый Бог прежде сложения мира (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 372—373).

***

...Вся тварь вначале была нетленною и создана Богом в чине рая. Но после Богом подчинена тлению и покорилась суете человеков (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 381).

***

...Вся тварь по повелению Божию имеет быть, по всеобщем воскресении, не такою, какою была создана — вещественною и чувственною, — но имеет быть пересоздана и соделаться некиим невещественным и духовным обиталищем, превысшим всякого чувства... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 381—382).

***

(В начале) не было ни воздуха, как ныне, ни тьмы не было вовсе, ни света, ни воды, ни эфира, ни чего-либо

другого, но был один Бог — Дух совершенно световидный и вместе всемогущий и невещественный. Он сотворил Ангелов, Начала и Власти, Херувимов и Серафимов, Господства, Престолы и неименуемые чины, служащие Ему и предстоящие со страхом и трепетом. После же того Он произвел небо, как свод, вещественное и видимое, чувственное и грубое, и, как один Он ведает, распростер его во мгновение (ока). И вместе землю, воды и все бездны посреди него (неба) тою же мыслию одною Он сотворил такими, как и ныне мы все видим. И внутри (их) остался тот невещественный Свет, непричастный (ничему из этого). Небо распростертое, чувственное... не пресекло сияния невещественного Света (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 205—206).

***

Творения же Божии все добры зело, по слову Самого Бога, и ничего не имеют такого, что давало бы основание к похулению создания Божия (прп. Никита Стифат, 93, 95).

***

...До того, как нас создать, Творец наш составил весь этот мир ради нашего тела, произвел из ничего. Для улучшения же нравов и руководства в добродетели чего только не сделал любящий добродетель Владыка? Самый весь этот чувственный мир является как бы каким-то зеркалом того, что находится сверх мира, дабы чрез духовное созерцание сего мира, как бы по некой чудесной лествице, нам востечь к оному высшему миру (свт. Григорий Палама, 26, 33).

***

Бог, создав душу мира (невещественную), сложил в нее идеи всех тварей, и она инстинктивно, как говорится,

выделывает их по мановению и возбуждению Божию (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 192).

КОЩУНСТВО

Кто насмехается над произведением, тот насмехается над самим художником. *Ругаяйся* человеку *раздражает Сотворшего его* (Притч. 17, 5). Кто посмевается над созданием Всеведущего, тот, сам того не разумея, посмевается над Творцом; потому что посмеяние над тварью от твари переходит к Творцу (прп. Ефрем Сирин, 34, 346—347).

***

И малые дети часто смеются, когда мы говорим о предметах серьезных и занимаемся вещами необходимыми, но смех (их) служит доказательством не ничтожности осмеиваемых предметов, а неразумия смеющихся (свт. Иоанн Златоуст, 45, 401).

***

Удивительно для тебя, говоришь ты, что Бог не щадит святилищ Своих, когда в страх приводит землю. Но точное объяснение этого имеешь в божественных книгах. И не смущайся, смотря на совершающееся ныне. Ибо если не пощадил святого Ковчега, но вместе с законопреступными жрецами предал иноплеменникам и град святыни, и херувимов славы, и первосвященническую ризу, и пророчество, и помазание, и явление отдал в попрание и осквернение язычникам, то и ныне не щадит Пречистых Таин, чтобы непощадением дворов Своих привести в страх согрешающих, внушив им, что они за дела свои должны ожидать себе еще более грозного наказания. *Рыдай, кипа-*

рис, ибо упал кедр (Зах. 11, 2). Когда падает крепкое, да вразумляется сим немощное! (прп. Исидор Пелусиот, 60, 52—53).

***

...Погрешаем и в этом, когда мстим за сделанное против нас и оставляем без внимания сделанное против Бога. Ибо, когда обижены мы, всего полезнее кротость, а когда оскорблено Божество (что возможно только в представлении обезумевших, потому что никакой вред не может простираться на оное неприкосновенное Естество), тогда раздражение прекраснее скромности. Но мы поступаем напротив: к своим врагам неснисходительны, а к вооружающим язык на Бога кротки и снисходительны. Вознегодовал некогда прекроткий Моисей на сделавших тельца негодованием, лучшим всякой кротости; вознегодовал и Илия на идолослужителей, и Иоанн на Ирода, и Павел на Елиму, защищая не себя, но Божество, которое Само для Себя достаточно, но одобряет ненависть к злу добродетельных, презиравших оскорбления, им самим наносимые. Ибо эту добродетель почитали они любомудрием (прп. Исидор Пелусиот, 62, 290—291).

****

Один благочестивый человек, питавший особенную любовь к святому великомученику Артемию, взял свечей и масла и пошел к мощам его. На пути ему встретился знакомый и спросил: «Куда, друг, свечи и масло несешь?» «Иду помолиться святому Артемию», — был ответ. Тот, насмехаясь, сказал: «Не забудь, друг, от него болезнь захватить и сюда принести, когда назад пойдешь». Не отве-

чая на насмешку, путник поспешил к мощам святого и, совершив там молитву, пошел домой.

Что же? На обратном пути его действительно постигла болезнь; он почувствовал нестерпимую боль в теле, которое стало местами отекать, и он не в состоянии был дойти до дома. Неподалеку находился дом того самого друга, который насмехался над ним. С величайшим трудом путник добрел туда и почувствовал, что ему стало еще хуже. На него напало нечто вроде беснования, язык его онемел, и болезнь казалась смертельной. Однако вскоре он пришел в себя и, полагая, что несчастье случилось из-за кощунственных слов насмешника, подумал: «За что я так страдаю? Не ради ли насмешки моего друга?» Друг же, со своей стороны, вновь начал насмехаться над ним, и дело дошло уже до явной ссоры, так что многие прохожие останавливались, интересуясь, что же произошло? Больной поведал им о своей встрече на пути к святому Артемию с другом и о его кощунстве, а сказав это, тотчас почувствовал себя совершенно здоровым.

Но, о ужас! Его болезнь мгновенно перешла на кощунника, который начал кричать: «Увы мне! горе мне!» Присутствовавшие ужаснулись, видя это, и, прославив Бога и святого Артемия, сказали: «Праведен суд Божий! Ты бо еже искал еси, обрел, и прочии тобою да вразумлени будут не вменяти в хулу и посмех чудеса, бывающие от Бога святыми Его угодниками» (112, 121—122).

КРАСОТА

Если красота телесная прельщает сердце твое, то помысли, в какой она обратится смрад, — и успокоишься (прп. авва Исаия, 59, 97).

***

Прекрасна всякая душа, в которой созерцается соразмерность свойственных ей сил, но истинная и вожделеннейшая красота, созерцаемая только имеющими очищенный ум, принадлежит Божию и Блаженному Естеству. Кто внимательно устремляет взор на сияние и изящество этой Красоты, тот заимствует от нее нечто, как бы от красильного раствора, на собственное свое лицо наводя какие-то цветные лучи (свт. Василий Великий, 5, 222).

***

...Когда все пред Судиею предстанет обнаженным... <тогда> отнимет Господь *и красоту, и состроение красы славныя* (Ис. 3, 19)... и вещество украшающее, и самое изобретение искусства... Какова же краса, такова, очевидно, и слава красы. Но краса — телесная и суетная; потому и слава красы телесна и несамостоятельна (свт. Василий Великий, 6, 140).

***

...Красота души есть соразмерность в добродетели, а безобразие — нарушение меры вследствие порока (свт. Василий Великий, 6, 199).

***

Не полагайся, человек, на красоту свою, она истлевает во гробе (прп. Ефрем Сирин, 33, 432).

***

Где красота жен, красивые лица Евиных дщерей, стройность их членов, пышность одежд? Истлевают они...

и исчезают внезапно, как будто и не было их (прп. Ефрем Сирин, 33, 489).

***

Не будь привязан к данной тебе на время красоте, чтобы не предстать пред Богом лишенным всякой красоты (прп. Ефрем Сирин, 34, 295).

***

Красотою почитай благолепие души: не то, что могут написать руки, а время разрушить, но то, что усматривается взором целомудренного ума (свт. Григорий Богослов, 16, 203).

***

Смотрящие на предметы поверхностно, без внимания, когда видят человека, или другое, какое случится, явление, ничего более в нем не исследуют, как только то, что видят; для них достаточно увидеть объем тела, чтобы подумать, что они составили полное понятие о человеке; человек же, одаренный умом проницательным и образованный, не вверяет рассматривание предметов одному чувству зрения, не останавливается на одном только видимом, и невидимого не почитает несуществующим, но наблюдает как природу души, так и природные качества тела, и рассматривает их как вообще, так и каждое отдельно; потом каждое из них отличает от другого особым понятием, и снова смотрит на общий их строй и соединение в составе предмета. Так и при исследовании красоты, несовершенный по уму, как скоро увидит какой-нибудь предмет, имеющий вид некоторой красоты, то самое (в нем) сочтет прекрасным по своей природе, что привлекает удо-

вольствием его чувство; больше сего не старается ничего исследовать; а кто имеет чистое око души и может созерцать такого рода предметы, тот, оставив восхищаться веществом, подчиненным идее красоты, пользуется видимым как некоторою ступенью к умосозерцанию красоты разумной, по общению с коею и все прочее есть и называется прекрасным. Но при такой грубости ума, составляющей принадлежность большей части людей, мне кажется трудным делом, чтобы те, кои в своих понятиях отделяют и разъединяют вещество от созерцаемой при нем красоты, могли понять сущность прекрасного самого по себе; и если кто захочет внимательно исследовать причину превратных и ложных представлений, то, мне кажется, не найдет никакой другой, кроме той, что чувства души нашей не обучены тщательно различать, что добро и что не таково. Посему, уклонившиеся от стремления к истинному благу люди, одни ниспали в любовь плотскую, другие увлеклись страстью к бездушному веществу денег; иные поставили для себя благо в чести, славе и господстве; некоторые страстно предались искусствам и наукам; а более грубые ценителями прекрасного сделали гортань и чрево. Отрешившиеся же от грубых понятий и пристрастия к предметам видимым взыскали простое, невещественное и не имеющее вида естество красоты; они не обманулись в избрании вожделенного блага и не увлеклись прелестью подобного рода (предметов) настолько, чтобы, видя кратковременность заключающегося в них удовольствия, не прийти к презрению оных. Итак, вот путь, ведущий нас к обретению истинно прекрасного: все прочее, что влечет к себе расположение людей, что считается прекрасным, а потому удостоивается заботы и внимания, презирать, как низкое и кратковременное, и ни на что таковое не тратить своей желательной силы; но и не оставлять оной в праздности и неподвижности, заключив ее в самих себе; а очистив от

пристрастия к предметам низким, возводить туда, куда не досягает чувство, так чтобы ни красота неба, ни сияние светил, ни другое что из видимых красот не приводило нас в удивление, но чтобы созерцаемая во всех этих предметах красота руководила нас к желанию той красоты, которой *славу поведают небеса* и ведение о которой *возвещает твердь и все творение* (ср.: Пс. 18, 2). Когда душа возвысится до такой высоты, и все ею понимаемое оставит позади себя, как низшее искомого предмета, тогда достигнет уразумения того величия, которое превознесено превыше небес. Но как может взойти на такую высоту тот, чьи заботы обращены к предметам низким? Как может возлететь на небо тот, кто не окрылил себя небесными крыльями и посредством высокой жизни не сделался легким и способным подниматься кверху? Кто так чужд таинств евангельских, что не знает, что одна есть колесница для подъятия души человеческой на небо — уподобиться видом летающей голубице, которой крыльев возжелал себе пророк Давид (Пс. 54, 6). Сим иносказанием Писание обыкновенно именует силу Духа, потому ли, что птица сия не имеет злобы, или потому, что она гнушается зловония, как говорят наблюдатели. Итак, кто отдалился от всякой гневливости и зловония плотской нечистоты и возвысился над всеми низкими и земными предметами, или лучше, вышеуказанными крыльями возлетел выше всего мира, тот найдет то, что единственно достойно желания, сделается и сам прекрасным, приблизившись к красоте, и, пребывая в оной, станет чистым и световидным по общению с истинным Светом (свт. Григорий Нисский, 24, 335—338).

***

Красота телесная часто возбуждает невоздержание в тех, кто взирает на нее, а красота душевная располагает Самого Бога любить ее... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 615).

***

...Никто не обвиняй красоту лица и не говори этих неосновательных слов: такую-то погубила красота и для такой-то красота была причиною гибели. Не красота виновна в этом, — нет, потому что и она дело Божие, — но развращенная воля: вот причина всех зол! (свт. Иоанн Златоуст, 47, 346).

***

Красота телесная есть угрожающая падением путнику яма и яд, приготовленный для других людей, если она не соединена с целомудрием; с другой стороны, она увядает в болезнях и уничтожается смертью (свт. Иоанн Златоуст, 48, 639).

***

...Если ты увидишь мужчину или женщину красивых, не удивляйся. Посмотри, дубы высятся до небес, а их плод не годен для людей, но только для бессловесных; а лоза стелется по земле и приносит грозди прекрасного плода (свт. Иоанн Златоуст, 48, 639).

***

Не думай, что красота зависит только от телесного благообразия. Представь девицу благообразную, но нескромную, болтливую, сварливую, склонную к пьянству и расточительности: не безобразнее ли она всякой некрасивой? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 254).

***

Ищи красоты душевной, подражай Жениху Церкви. Телесная красота производит великую наглость и много неразумного, она возбуждает ревность и нередко застав-

ляет подозревать тебя в гнусных поступках. Но она, скажешь, доставляет удовольствие? Один месяц или два, много, если год, но не далее; от привычки диво это скоро теряет свою прелесть. А то, что вследствие красоты бывает дурного, остается навсегда: ослепление, безумие, высокомерие. В (удовольствии же), доставляемом не этою (красотою), ничего нет подобного: там любовь, начавшаяся надлежащим образом, остается постоянною, как любовь к красоте душевной, а не телесной (свт. Иоанн Златоуст, 54, 169).

***

...Какая польза от красоты? Никакой, напротив, (от нее) большие споры, величайшие огорчения, опасности и подозрения. В самом деле, не столь красивую никто и не подозревает, а красивая, если только не отличается особенною, необыкновенною скромностью, сейчас же делается предметом дурной славы, и даже муж обращается с нею недоверчиво, а что может быть тягостнее этого? И не столько испытывает он наслаждения при виде (ее красоты), сколько терпит огорчений от своей подозрительности. Да и наслаждение вследствие привычки теряет свою силу, когда самая душа приобретает славу нерадивой, рассеянной, своевольной, когда она соделывается завистливой, когда исполняется великой гордости, — потому что ко всему этому особенно приводит нас красота. Между тем мы не находим, чтобы та, которая не столь красива, имела в себе столько препятствий (вести жизнь добродетельную) (свт. Иоанн Златоуст, 54, 650).

***

Будем же заботиться о <душевной> красоте, будем украшаться этим украшением, чтобы нам войти на небеса,

в духовные обители, в нетленный Брачный Чертог. Красота телесная от всего повреждается, и если даже хорошо сохраняется, если ни болезнь, ни заботы не искажают ее — что, впрочем, невозможно, — и тогда она не продолжается и двадцати лет; а... красота душевная всегда цветет, никогда не увядает; она не боится никакой перемены, ни наступившая старость не наводит на нее морщин, ни приключившаяся болезнь не заставляет увядать, ни беспокойная забота не вредит, но она выше всего этого. Напротив, красота телесная не успеет появиться, как уже исчезает и, появившись, возбуждает удивление не во многих. Люди благонравные не удивляются ей, а удивляются только невоздержные (свт. Иоанн Златоуст, 55, 238—239).

***

Истинная красота познается не по внешнему виду, а по нравам и пристойному поведению (свт. Иоанн Златоуст, 55, 581).

***

Бог попускает и безумным женщинам быть красивыми, чтобы разумная и мудрая не удивлялась этому качеству, а понимала настоящую красоту (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1105—1106).

***

Если посмотришь на телесную красоту, то представь мысленно, что пышный этот цвет наутро будет прахом, и нынешний огонь на следующий день обратится в пепел. Ибо все, что имеет конец, и притом самый скорый, если и кажется блистательным и вожделенным, должно быть пренебрегаемо, особенно когда сулит оно и наказание (прп. Исидор Пелусиот, 61, 187—188).

***

Многие думают, что с любопытством смотреть на чужую красоту ничего не значит, но от сего рождаются прелюбодеяния и расстройства в домах (прп. Исидор Пелусиот, 62, 153).

****

Рассказывают, что одаренный необычайной красотой преподобный Димитрий Прилуцкий от юного возраста любил библейскую повесть о целомудрии Иосифа, и даже предпринял суровое житие постническое, чтобы увяла эта тленная красота. Но чем более подвизался, тем более просвещалось лицо его, процветая самым постом, как некогда у трех отроков Вавилонских, посему закрывал он лицо свое куколем иноческим и не позволял себе беседовать с мирянами, особенно с женщинами, так что немногие могли видеть лицо его. Одна из именитых жен переяславских, слышавшая о чрезмерной красоте и целомудрии сего нового Иосифа, полюбопытствовала видеть сокровенный лик его. Ей это удалось однажды в церкви, когда он готовился к богослужению, но внезапно напал на нее ужас и расслаблением изнемогло все ее тело. Братия, увидев ее едва живую перед дверьми обители, молили преподобного подать ей разрешение; тронутый ее слезами, он только сказал: «Для чего ты хотела видеть грешника, уже умершего миру?» — и крестным знамением возвратил ей здравие (115, 158).

КРЕСТ

...Начертанием Честного и Животворящего Креста прогоняются демоны и многоразличные болезни; и совершается это без всяких издержек и без труда. Да и кто может

исчислить похвалы святого Креста? (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 228).

***

...Если ум захочет взойти на крест, прежде нежели уврачует немощь чувств своих, то привлекает на себя гнев Божий... (прп. авва Исаия, 59, 63).

***

...Крест Иисусов есть укрощение всех страстей, до совершенного их истребления (прп. авва Исаия, 59, 100).

***

Ношение креста есть упразднение всякого греха, откуда рождается любовь, без которой не может быть ношения креста (прп. авва Исаия, 59, 127).

***

Крест есть знамение будущего бессмертия (прп. авва Исаия, 89, 338).

***

...С явлением Креста уничтожено всякое идолослужение, и крестным знамением прогоняется всякое бесовское мечтание... (свт. Афанасий Великий, 1, 126).

***

...Крестом стали явны для всех дела боговедения (свт. Афанасий Великий, 1, 126).

***

Для чего Крестом совершено Домостроительство вочеловечения? Для того, чтобы от четырех крыл земли собрались спасаемые. Ибо крест делится на четыре части, так что каждая его часть обращена к одной из четырех частей мира. А предпочтена крестная смерть, или чтобы все части мира приведены были ко спасению частями креста, или потому, что прежде деревянного креста воздвигнут был целому миру спротяженный, мысленный крест, в среде которого соприкасаются четыре части вселенной, и сила которого, заключающаяся в среде, проходит в четыре части (свт. Василий Великий, 6, 298).

***

Назнаменуем животворящий крест и на дверях, и на челе, и на персях, и на устах, и на всяком члене своем и вооружимся сим непобедимым христианским оружием, победителем смерти, надеждою верных, светом для концов земли, сим оружием, отверзающим рай, низлагающим ереси, сим утверждением веры, великим хранилищем и спасительною похвалою православных. Сие-то оружие будем, христиане, носить при себе во всяком месте, и днем и ночью, во всякий час и во всякую минуту. Без него не делай ничего; но спишь ли, встаешь ли от сна, работаешь, ешь, пьешь, находишься в пути, плывешь по морю, переходишь реку, украшай все члены свои животворящим крестом... (прп. Ефрем Сирин, 31, 356—357).

***

Крест освятил вселенную; он рассеял тьму и возвратил свет, он потребил заблуждение; он собрал народы от востока и запада, севера и юга, и соединил их любовью в

единую Церковь, в единую веру, в единое крещение (прп. Ефрем Сирин, 31, 357).

***

Вместо щита ограждай себя честным крестом, запечатлевая им свои члены и сердце. И не рукою только полагай на себя крестное знамение, но и в мыслях запечатлевай оным всякое свое занятие: и вход свой, и исхождение свое во всякое время, и сидение свое, и восстание, и одр свой, и какое ни проходишь служение, прежде всего запечатлей во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Ибо весьма крепко оружие сие, и никто не может никогда сделать тебе вреда, если огражден ты этим оружием. Если и тому, кто носит печать земного царя, никто не может сделать зла, то кольми паче никто не в состоянии состязаться с нами, которые носим на себе такую печать Великого Небесного Царя? Сим оружием всего чаще действуй, брат мой, потому что сильно противится оно стрелам врага, лучше же сказать, мечу его — горькой и страшной вспыльчивости... Итак, всегда запечатлевай себя крестом, и зло не прикоснется к духу твоему (прп. Ефрем Сирин, 32, 298).

***

...Крест — путь заблудшим; крест — упование христиан; крест — узда богатым; крест — памятник победы над демонами, помощь беспомощных, надежда обуреваемых, заступник вдов, упокоение скорбящих, цель старцев; крест — оружие вечное, мудрость неученых, проповедь апостолов, целомудрие дев; крест — безопасность вселенной; крест — уничтожение идолов, сила бессильных, разрешение расслабленных, покров нагим; крест — воскресение мертвых, жезл хромым, низложение горделивых,

победа над диаволом; крест — надежда отчаянных, стена воюемых, судия неправых, страж младенцев; крест — свет сидящим во тьме, любомудрие варваров, закон беззаконным, похвала мучеников; крест — радость иереев, ниспровержение капищ, соблазн иудеям, врачество болящим; крест — хлеб алчущим, путеводитель слепым, утешение нищим, покаяние невоздержным; крест — пестун юношей, кормчий плавающих, отец сирот; крест — советник праведных, глава мужей, великолепие царей, свобода рабов, проповедь пророков; крест — упражнение монахов, основание Церкви, разрушение идольских жертвенников, источник жаждущим... Приходит крест, и преисподняя разорена (прп. Ефрем Сирин, 32, 423).

***

Царь понес на Себе Крест — этот ключ от райских дверей, и им без отказа отверзает двери сии разбойникам и убийцам (прп. Ефрем Сирин, 33, 126).

***

Смерть побеждена Крестом, Адам возвращен в рай, соделан наследником Царства, а диавол посрамлен (прп. Ефрем Сирин, 33, 476).

***

Древом умерщвлены мы, древом и спасены... (прп. Ефрем Сирин, 34, 167).

***

...Крест <Христов> — для нас победный венец... (прп. Ефрем Сирин, 34, 230).

***

Взирать на крест значит всю жизнь свою соделать как бы мертвою и распятою для мира, пребывать неподвижным на всякий грех... (свт. Григорий Нисский, 18, 360).

***

Прежде вселенная была бесплодна в отношении к добродетели; земля была нисколько не лучше пустыни и не надеялась произвести что-либо доброе; а Крест вдруг сделал ее раем и матерью многочаднейшею (свт. Иоанн Златоуст, 44, 632—633).

***

...Дева, древо и смерть, эти знаки поражения, сделались знаками победы. Вместо Евы — Мария; вместо дерева познания добра и зла — древо Креста; вместо смерти Адамовой — смерть Христова... Чем победил диавол, тем и сам побеждается. Чрез древо поразил диавол Адама; чрез Крест преодолел диавола Христос; то древо низвергло в ад, это же древо и отшедших извлекло оттуда (свт. Иоанн Златоуст, 45, 440—441).

***

Чрез смерть <Христову> мы сделались бессмертными; таковы действия Креста (свт. Иоанн Златоуст, 45, 441).

***

...Крест — трофей против бесов, оружие против греха, меч, которым Христос пронзил змия, крест — изволение Отца, слава Единородного, веселие Духа, украшение Ангелов, утверждение Церкви, похвала <апостола> Павла,

твердыня святых, свет всей вселенной. Как в доме, объятом тьмою, кто-нибудь, зажегши светильник и поставив его на возвышении, прогоняет тьму, так и Христос во вселенной, объятой мраком, водрузив крест, как бы некоторый светильник, и подняв его высоко, рассеял весь мрак на земле. И как светильник содержит свет вверху на своей вершине, так и Крест вверху на своей вершине имел сияющее Солнце Правды (свт. Иоанн Златоуст, 45, 441).

***

Прежде крест служил именем наказания, а теперь стал почетным делом, прежде был символом осуждения, а теперь — знаком спасения... <Крест> стал для нас причиною бесчисленных благ: он освободил нас от заблуждения, он просветил сидящих во мраке, он примирил нас, бывших во вражде с Богом, он сделал друзьями отчужденных, он сделал близкими бывших далеко. Крест — уничтожение вражды, он — охрана мира, он стал для нас сокровищем бесчисленных благ.

Благодаря Кресту мы уже не блуждаем в пустынях, потому что познали истинный путь, уже не обитаем вне Царства, потому что нашли дверь, не боимся огненных стрел диавола, потому что увидели источник. Благодаря Кресту мы уже не вдовствуем, потому что получили Жениха, не боимся волка, потому что имеем Доброго Пастыря... Благодаря Кресту мы не трепещем перед тираном, потому что находимся около Царя (свт. Иоанн Златоуст, 45, 443—444).

***

На Кресте принесена жертва, а где жертва, там отпущение грехов, там примирение с Господом, там праздник и радость (свт. Иоанн Златоуст, 45, 454).

***

Если бесы боялись Креста, а не силы Распятого, то говорящим так заграждают уста два разбойника <от их крестов не происходило чудес> (свт. Иоанн Златоуст, 45, 535).

***

...Если бы не было Креста, то делами не спаслась бы первая дева рая; теперь же во время Креста спасается первая жена, новыми дарами исцеляющая древнее зло (свт. Иоанн Златоуст, 45, 881).

***

...Крест — всемогущая сила, невидимая стрела, невещественное врачевство, прекращающий огорчения источник, непостыдная слава; так что, хотя бы я говорил о Христе и иное многое, хотя бы я привел в изумление слушателя, повествуя о бесчисленных чудесах, я не в такой степени гордился бы по причине этого, как горжусь по причине Креста (свт. Иоанн Златоуст, 45, 881).

***

Крест — надежда христиан, крест — восстание мертвых, крест — путеводитель слепых, крест — надежда потерявших надежду, крест — путь заблудившихся, крест — мститель за обижаемых, крест — посох хромых, крест — утешение бедных, крест — удило для богатых, крест — низложение горделивых, крест — покаяние распутных, крест — трофей против демонов, крест — победа над диаволом, крест — учитель детей, крест — изобилие для недостаточных, крест — кормчий плавающих, крест —

гавань обуреваемых, крест — стена для тех, на кого нападают неприятели, крест — отец сирот, крест — защитник вдов, крест — судья неправедных, крест — столп праведных, крест — успокоение страдающих, крест — страж детей, крест — глава мужей, крест — конец старцев, крест — свет сидящим во тьме, крест — великолепие царей, крест — человеколюбие варваров, крест — свобода рабов, крест — мудрость необразованных, крест — закон беззаконных, крест — проповедь пророков, крест — возвещение апостолов, крест — похвала мучеников, крест — подвижничество монахов, крест — целомудрие дев, крест — радость иереев, крест — основание Церкви, крест — безопасность вселенной, крест — низложение <языческих> храмов, крест — ниспровержение <языческих> алтарей, крест — удаление тука жертвоприношений, крест — соблазн иудеев, крест — погибель нечестивых, крест — сила бессильных, крест — врач болящих, крест — очищение прокаженных, крест — укрепление расслабленных, крест — хлеб алчущих, крест — источник жаждущих, крест — одежда нагих... говорю не о телесной, а о наготе веры. Когда ты, уверовавши, будешь крещен, тогда назовешься *облеченным* (свт. Иоанн Златоуст, 45, 890—891).

***

...Все у нас совершается чрез него <крест>: надлежит ли возродиться, является крест, нужно ли питаться тою таинственною пищею, быть рукоположенным или сделать что-либо другое, всюду у нас знак креста. Поэтому с большой ревностью мы начертываем его на жилище, на стенах, на окнах, на челе и в уме. Это — знамение нашего спасения, всеобщей свободы и милосердия Господня. Потому он и назван печатью, что им, как бы некоторою царскою печатью и перстнем, запечатлеваем все Божии

залоги, какие бы мы ни получили, и уже ничто злое не дерзает приблизиться (свт. Иоанн Златоуст, 46, 912).

***

...Когда ты запечатлеваешь себя крестным знамением, представляй в мыслях все значение Креста, и тогда ты угасишь свой гнев и все остальные страсти. Всякий раз, как ограждаешь себя тем знамением, преисполни свое чело великим дерзновением; грудь, очи и всякий член представь в качестве благоугодной Богу жертвы. В этом и состоит разумное служение Богу (свт. Иоанн Златоуст, 46, 913).

***

Благодаря <кресту> демоны уже не страшны, но презренны, и смерть не есть смерть, но сон и бодрствование (свт. Иоанн Златоуст, 46, 913).

***

...Крест — символ Божественного дара, знамение духовного благородства, сокровище, которое невозможно похитить, дар, которого невозможно отнять, основание святости. Его мы носим с собою и на ложе, и за трапезой, и всюду, где бы мы ни были. Как многие из воинов не обедают, не спят без оружия, так и мы ныне привесим вместо меча к своему ложу крест, вместо засова начертаем на дверях его же, им же окружим всякий дом вместо стены, им оградим внутреннее и внешнее. Он сокрушил смерть, отверз небеса, сделал чистою землю, возвел наше естество на царский престол, положил конец тирании диавола. Образ креста двоякий: один из вещества: или из золота, или из жемчуга, или из драгоценных камней, —

он часто и похищается... ворами; а другой — невещественный, потому что сущность его не из вещества, но она — из веры, материал — из внутреннего настроения того, кто совершает крестное знамение (свт. Иоанн Златоуст, 46, 915—916).

***

...<Крест> выше бесчисленных диадем. Диадема украшает голову, а крест ограждает душу (свт. Иоанн Златоуст, 48, 291).

***

Пришел Сам Сын и крестною смертью совершил наше искупление. Движимый Своею волею, а не необходимостью, Он исполнил таинство Святейшего Креста, который Он водрузил посреди вселенной, молниевидное и божественное знамение битвы, данное верующим, как орудие победы против врага и как славу надежды великого дня (свт. Иоанн Златоуст, 49, 169—170).

***

Если и верховный Апостол, и притом когда не понимал еще всего ясно, назван сатаною за то, что устыдился креста, то какое извинение найдут те, которые при всей очевидности отвергают это таинство? (свт. Иоанн Златоуст, 50, 557).

***

Если и мы с трепетом взираем на те места, где казнят преступников, то представь, как ужасается диавол, видя оружие <крестное>, которым Христос разрушил всю его силу и отсек главу змия (свт. Иоанн Златоуст, 50, 558).

***

...Если кто скажет тебе: ты поклоняешься Распятому, отвечай ему радостным гласом и с веселым лицом: поклоняюсь и не перестану поклоняться. Если он засмеется, ты оплачь его безумие и благодари Господа, что Он оказал нам такие благодеяния, которых без откровения свыше и познать никто не может (свт. Иоанн Златоуст, 50, 559).

***

...Крест чрез неученых убедил и обратил целую вселенную, убедил не в предметах маловажных, но в учении о Боге, истинном благочестии, евангельской жизни и будущем Суде; он сделал философами всех — земледельцев, неученых (свт. Иоанн Златоуст, 53, 34).

***

В чем же состоит похвала о Кресте? В том, что Христос ради меня принял зрак раба, и ради меня претерпел страдания — ради меня, бывшего рабом, врагом и неблагодарным, и так возлюбил меня, что предал и Себя (на смерть). Что еще можно найти равное этому? Если рабы, получая только похвалу от своих господ, которые притом одного естества с ними, хвалятся этим, то как же не хвалиться нам, когда Владыка, истинный Бог, не постыдился претерпеть за нас крестную смерть? (свт. Иоанн Златоуст, 53, 813).

***

Воскресение и рождение бессмертной жизни сокрыто в Кресте; Царь рождает людям бессмертие, воссиявшее из ада (свт. Иоанн Златоуст, 53, 859).

***

Ангелы преклоняются перед этим видимым знамением креста — не ради его внешнего вида, как дерева, но ради волею на нем плоть Свою пригвоздившего Христа (свт. Иоанн Златоуст, 54, 949—950).

***

...Вознесен на <Кресте> Христос и Бог, чтобы и бесов, гнездящихся в воздухе, сокрушить, и восхождение на небеса для нас сделать беспрепятственным... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 950).

***

Радуйся, крест, начало спасения и утверждение Царства! Радуйся, крест, опора апостолов и проповедь пророков! Радуйся, крест, похвала мучеников и проповедание преподобных! Радуйся, крест, успокоение обуреваемых и освобождение пленных! Радуйся, крест, ликование праведных и преподобных! Радуйся, крест, облачение иереев и честь пресвитеров! Радуйся, крест, украшение диаконов и радование чтецов! Радуйся, крест, похвала иноков и утешение плачущих! Радуйся, крест, страж Церквей и благоденствие городов! Радуйся, крест, отец сирых и заступник вдовиц! Радуйся, крест, спасение воюющих и путеводитель заблуждающихся! Радуйся, крест, защитник обидимых и наказание обидящих! Радуйся, крест, умирение болезнующих и утешение напаствуемых! Радуйся, крест, разрушитель неправедных замыслов и союзник добрых упований! Радуйся, крест, непобедимое оружие воюющих и восстание падающих! Радуйся, крест, немощных сила и слабых опора! Радуйся, крест, девственников венец и вдовствующих целомудрие! Радуйся, крест, одеяние новопросвещенных и

покров младенствующих! Радуйся, крест, рабов свобода и умирающих упокоение! Радуйся, крест, душ освящение и демонов низложение! Радуйся, крест, странников спутник и плавающих тихая пристань! Радуйся, крест, верных утверждение и бодрствующих утешение! Радуйся, крест, оружие днем и охрана ночью! Радуйся, крест, болящих подпора и пастырей жезл! Радуйся, крест, руководитель обращающихся и совершенствование преуспевающих! Радуйся, крест, душ спасение и от тела всех зол отвращение! Радуйся, крест, всех благ устроение и грехов разрешение! Радуйся, крест, росток воскресения и древо жизни вечной! Радуйся, крест, основание веры и священства венец! Радуйся, крест, беззаконий отъятие и Церквей утверждение! Радуйся, крест, болезней исцеление и путников отдых! Радуйся, крест, нуждающихся помощь и подвизающихся союзник! Радуйся, крест, скорбящих отрада и благоденствующих ограждение! Радуйся, крест, милостыни поощрение и жестокосердия наказание! Радуйся, крест, всех крепкая помощь и упования верная порука! (свт. Иоанн Златоуст, 54, 951).

***

Подите сюда, снимем и соберем плоды древа жизни, стоящего у исходов воды от ребра Христова и давшего плод свой во время свое. Крест Христов есть древо бессмертия, семя нетления, корень правды, росток целомудрия, цвет девства, роза вдовства. Крест — оружие мужества и крепость воздержания, крест — основание веры и устой благочестия, крест — светоч богопознания и отмена приговора, крест — изгнанных возвращение и пленных освобождение, крест — заблуждающихся обращение и падающих восстановление, крест — спасаемых сила и изне-

могающих исцеление, крест — праведных преуспеяние и мучеников дерзновение, крест — апостолов проповедь и пророков радование, крест — учителей наставление и иноков похвала, крест — венец мира и проповедник согласия, крест — небесных и земных соединение и преисподних попрание, крест — твари освящение и небесных благ дарование, крест — празднующих торжество, залог усыновления и Царства Небесного наследование. И что всего замечательнее, крест — величайший символ любви к нам Бога и Отца — есть вместе с тем и свидетель божественного послушания до самой смерти со стороны Сына и показатель мудрости Духа (свт. Иоанн Златоуст, 54, 952—953).

***

На Крест вознес Господь Свою плоть, чтобы показать плоть нашу возвышаемой и смерть низложенной (свт. Иоанн Златоуст, 54, 953).

***

Крест ночью светится, днем испускает лучи, души делает ясными, бури зол утишает, супружества скрепляет, сирых питает. Это — грань божественного попечения о нашем спасении, это — великая победа креста, это — трофей, воздвигнутый страданиями, это — венец праздников. Крест — сокровище Ветхого Завета, дорогая жемчужина Евангелий, многоценный венец Царства, превосходящий всякое слово и разумение (свт. Иоанн Златоуст, 54, 953).

***

Крестом расторг Христос ненасытную утробу велиара и сокрушил его плотоядную пасть, Крестом в корне подорвал

его силы и стер его кости, обобрал его оружие, обрезал его волосы, поверг его в плач и мрачное безысходное горе, потушил его бесстыдные глаза, посрамил его бесчестное лицо, пронзил его острыми иглами, поразил его трехсоставным мечом, рассеял его надежды, раскрыл тайные его убежища и опустошил вконец его запасы (свт. Иоанн Златоуст, 54, 957).

***

Этим знамением <крестом> враги обращаются в бегство, этим знамением стены неприятелей сметаются, демоны погубляются: все покоряется древу крестному силою Распятого на нем (свт. Иоанн Златоуст, 54, 957).

***

Те, кто с верою и любовью поклоняются кресту, знают присущую ему силу и пользуются ею для победы над диаволом (свт. Иоанн Златоуст, 54, 958).

***

...Всюду преуспел крест, уничтожив грехи, даровав оправдание, приготовив святых людей, наставив в богознании, став руководителем на небо (свт. Иоанн Златоуст, 55, 363—364).

***

Как венок, будем носить крест Христов. Все важное для нас совершается через него: нужно ли было совершиться возрождению, явился крест, нужно ли вкусить таинственную пищу, принять поставление или сделать что-либо другое, везде является нам этот символ победы. Поэтому мы и изображаем его с великим усердием в жилищах, на сте-

нах, на дверях, на челе и в душе. Это есть знак нашего спасения, общей свободы и благоволения к нам Господа... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 821).

***

...Когда знаменуешь себя крестом, размысли о всем значении Креста, укроти гнев и все прочие страсти; когда полагаешь на себя крест, пусть лицо твое будет исполнено великого дерзновения, и душу свою сделай свободной (свт. Иоанн Златоуст, 55, 821—822).

***

... Не следует изображать <крест> просто перстом, но прежде своею волею с великой верой, и уже потом осенять им лицо. Никто из нечистых демонов не в силах будет стоять вблизи тебя, видя тот меч, от которого он принял удар, видя меч, которым он был усечен насмерть (свт. Иоанн Златоуст, 55, 822).

***

<Крестное> знамение еще при наших предках открывало заключенные двери, оно уничтожало гибельные яды, оно разрушало силу цикуты, оно исцеляло укушения вредоносных животных. Если оно открыло врата ада, поколебало своды неба и обновило вход в рай; если перерезало диавольские сети, — что же удивительного в том, что оно победит гибельные яды, зверей и все прочее? Начертай его в твоей мысли, обними спасение наших душ. Этот крест обратил вселенную, изгнал заблуждение, явил истину, землю сделал небом, людей превратил в ангелов. Поэтому и демоны уже не страшны более, но заслуживают презрения, и смерть уже не смерть, а сон; все, что враждует с нами,

низвергнуто долу и попрано (свт. Иоанн Златоуст, 55, 822).

***

...Крест — наша радость и главное из всех благ... он наша свобода и совершенный венец (свт. Иоанн Златоуст, 55, 823).

***

Крест наш состоит в страхе Господнем. Посему, как распятый не может двигать членов своих, или обращать их, как бы ему хотелось, так и мы свою волю и желания должны направлять не к тому, что приятно нам и что льстит нашим похотям, но по закону Господа, с Которым мы сораспялись; и как пригвожденный ко кресту не думает о настоящем и предметах своей страсти, не заботится о завтрашнем дне, не желает владений, не гордится, не спорит, не ревнует, не скорбит о настоящих, не помнит прошедших обид, но считает себя умершим для всего вещественного, думает только о том, куда он пойдет через несколько минут, так и мы, пригвоздившись к страху Господню, должны умереть всему, т. е. не только для плотских пороков, но и для всего мирского, и обратить все внимание туда, куда можем в каждую минуту переселиться, ибо таким образом мы можем умертвить все наши похоти и плотские страсти (прп. Иоанн Кассиан, 56, 44).

***

Достославный крест справедливо наречь опорою и украшением не только земли, но и неба, потому что им поддержана вся тварь, когда премирным доставил он радость, а земным свободу, и сочетал разъединенное (прп. Исидор Пелусиот, 61, 421).

***

...Имеешь у себя честное древо — Крест Господень, которым, если пожелаешь, можно усладить горькую воду твоего нрава (прп. Нил Синайский, 72, 313).

***

Если часто чело свое и сердце запечатлеваешь знамением Владычнего креста, то с трепетом побегут от тебя демоны... (прп. Нил Синайский, 73, 163).

***

Есть два способа взойти на крест: один — распятие тела; а другой — вхождение в созерцание; первый бывает следствием освобождения от страстей, а второй следствием действительности дел духа (прп. Исаак Сирин, 58, 366).

***

...Когда умертвим страсти, уничтожим похоти и мудрование плоти подчиним духу, тогда только берем на себя крест и последуем Христу (свт. Феодор Едесский, 91, 350—351).

***

Поелику... крест соделался как бы жертвенником... страшной жертвы, ибо на Кресте умер Сын Божий за падение людей, то справедливо крест и чтится и поклоняем бывает, и изображается как знамение общего всех людей спасения, чтобы поклоняющиеся древу креста освобождались от клятвы Адамовой и получали благословение и благодать Божию на делание всякой добродетели. Для христиан крест — величание, слава и сила; ибо вся наша

сила в силе распеншегося Христа; вся грешность наша умерщвляется смертию Христа на Кресте, и все возвеличение наше и вся слава наша в смирении Бога, Который до того смирил Себя, что благоволил умереть даже между злодеями и разбойниками. По сей-то причине христиане, верующие во Христа, знаменуют себя знамением креста не просто, не как попало, не с небрежением, но со всем вниманием, со страхом и с трепетом и с крайним благоговением. Ибо образ креста показывает примирение и содружество, в какое вступил человек с Богом. Посему и демоны боятся образа креста и не терпят видеть знамение креста изображаемым даже и на воздухе, но бегут от этого тотчас, зная, что крест есть знамение содружества человеков с Богом, и что они, как отступники и враги Богу, удаленные от Божественного лица Его, не имеют более свободы приближаться к тем, кои примирились с Богом и соединились с Ним, и не могут более искушать их. Если и кажется, что они искушают некоторых христиан, да ведает всякий, что это борют они тех, которые не познали как следует высокого таинства креста. Те же, которые уразумели сие таинство и на самом деле опытно познали власть и силу, какую имеет крест на демонов, познали также, что крест дает душе крепость, силу, смысл и божественную мудрость, — эти с великою радостию восклицают: *мне же да не будет хвалитися токмо о кресте Господа нашего, имже мне мир распяся и аз миру* (ср.: Гал. 6, 14). Итак, поскольку знамение креста велико и страшно, то всякий христианин имеет долг совершать его со страхом и с трепетом, с благоговением и вниманием, а не просто и как попало, по привычке только и с небрежением, ибо по мере благоговения, какое кто имеет ко кресту, получает он соответственную силу и помощь от Бога, — Коему слава и держава вовеки (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 26—27).

***

...Если бы кто покланялся знамению креста, не имеющему надписания имени Христова, то такой, может быть, справедливо был бы порицаем, как делающий нечто сверх должного, но когда пред именем Иисуса Христа преклоняется всякое колено небесных, земных и преисподних, — а это поклоняемое имя носит на себе Крест, — то какое безумие не преклонить колена пред Крестом Христовым?! Но мы, вместе с коленами склоняя и сердце; приидите, поклонимся вместе с псалмопевцем и пророком Давидом месту *идеже стоясте нозе Его* (Пс. 131, 7) и где простерлись всеобъемлющие руки, и где ради нас было мучительно распростерто живоначальное тело, — и, поклонившись в вере и целовав, почерпнем и сохраним обильное освящение оттуда, дабы в преславном будущем пришествии Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, видя его (Крест — знамение Сына Человеческого) предшествующим во славе, нам возрадоваться и возвеселиться радостью непрестанной, получив стояние одесную, и услышав слова, и улучив благословение обетованного блаженства, во славу, плотию распятого ради нас, Сына Божиего (свт. Григорий Палама, 26, 119—120).

***

...Не образу только Христа Господа поклоняйся, но и образу Креста Его, потому что он есть знамение победы Христовой над диаволом и над всем полчищем сопротивных сил, почему они трепещут и бегут, когда видят его изображаемым. Образ сей, и прежде появления первообраза, был высоко прославлен в пророках и явил великие и дивные чудеса, и во Второе Пришествие распеншегося на нем Господа Иисуса Христа, имеющего приити судить живых и мертвых, предыдет пред Ним, яко страшное и ве-

ликое знамение Его силы и славы. Славь же его <крест> ныне, чтоб тогда с дерзновением воззреть на него и спрославиться с ним (свт. Григорий Палама, 93, 307—308).

***

Взирая на крест, держи в мысли, что это есть знамя нашего духовного воинствования, в коем сокрыта всепобедительная сила, и что если удалишься от него, то предан будешь в руки врагов своих, а если пребудешь под ним, то достигнешь неба и внидешь в него в преславном торжестве (прп. Никодим Святогорец, 70, 95).

***

...Каждый человек, истратив свою жизнь неправильно, в противность назначению Божию, во вред своему спасению и блаженству в вечности, есть по отношению к самому себе и тать, и разбойник, и убийца. Этому злодею посылается крест, как последнее средство ко спасению, чтобы злодей, исповедав свои преступления и признав себя достойным казни, удержал за собою спасение, дарованное Богом. Для облегчения страданий и доставления утешений духовных при распятии и пребывании на кресте, распят и повешен на древе крестном вочеловечившийся Бог близ распятого человека (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 330—331).

***

Распятому на кресте по воле Божией, славословящему Бога с креста своего, открывается таинство Креста, и вместе с этим таинством таинство искупления человеков Богочеловеком (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 331).

***

Смирение возвело Господа на Крест, и учеников Христовых смирение возводит на крест, который есть святое *терпение*, непостижимое для плотских умов... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 332).

***

Ученик Христов тогда несет правильно крест свой, когда признает, что именно ниспосланные ему скорби, а не другие, необходимы для его образования о Христе и спасения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 356).

***

С креста твоего славословь Господа, отвергая от себя всякий помысл жалобы и ропота, отвергая его, как преступление и богохульство (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 357).

***

Для составления видимого креста необходимо нужны два бруса в поперечном соединении между собою; так и для составления невидимого креста необходимы и скорби произвольные — подвиги, содержащие тело в распятии, — и скорби извне, обуздывающие и смиряющие дух человека... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 353).

***

Взять крест свой — значит доблественно претерпевать тяжкий невидимый труд, невидимое томление и мученичество, ради Евангелия, при борьбе с собственными страстями, с живущим внутри нас грехом, с духами злобы, которые с яростью восстанут против нас... когда мы воз-

намеримся свергнуть с себя иго греха и подчиниться игу Христову (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 92).

***

Взять крест свой — значит с покорностью и смирением подчиниться тем временным скорбям и бедствиям, которые благоугодно Божественному Промыслу попустить нам в очищение наших согрешений. Тогда крест служит для человека лествицею от земли к небу (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 93).

***

Взять крест свой — значит добровольно и с усердием подчиниться лишениям и подвигам, которыми обуздываются бессловесные стремления нашей плоти (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 93).

***

Кто принял крест свой, отвергшись себя, тот примирился с самим собою, с обстоятельствами своими, с положением своим, внешним и внутренним, тот только может разумно и правильно последовать Христу (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 95).

***

С креста мы способны исповедовать и славословить Бога, в благополучии земном мы способнее к отвержению Его (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 292).

***

Крест — знак избрания Божия, печать Христова. Этою печатию запечатлевает Христос Своих! Этот знак изоб-

ражают на возлюбленных Божиих Ангелы Бога Вседержителя (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 487).

***

Святой апостол Петр говорит христианам, что их призвание — страдания (см.: 1 Пет. 2, 21). Таково Божественное назначение для человека во время земной жизни его! Он должен уверовать в Искупителя, исповедать Его сердцем и устами, исповедать своею деятельностью, приняв с покорностью тот крест, который благоугодно будет Иисусу возложить на ученика Своего. Не принявший креста не может быть учеником Иисусовым (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 129).

***

Раздаянием имения предваряется взятие креста. При сохранении имения невозможно принятие и ношение креста: крест будет постоянно сниматься с рамен и заменяться средствами, доставляемыми имением... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 279).

***

Нет иного ключа, который бы отверзал врата в Царство Божие, кроме Креста Христова (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 291).

***

Вне Креста Христова нет христианского преуспеяния (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 357).

***

Коль великая и неописанная милость Божия — Крест Господень. В нем вся наша надежда (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 65).

***

<Крест Христов!> Какая бесконечно великая там любовь, а вместе какое бесконечно великое правосудие! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 231).

***

Есть крест внешний — на плечах лежит. Это — скорби, беды, лишения, болезни... нападки, напраслины. Есть крест внутренний — самоотвержение с самоумерщвлением. Есть крест — духовный, Божий или божественный — распятие по воле Божией. Кресты эти один из другого рождаются. Последний обозначается преданностью в волю Божию, тихою, молчаливою, упокоительною; второй — борьбой с собою, безжалостною к себе; третий — терпением неприятностей. Сколько крестов, столько и крестоношений. Все они неразлучны бывают до гроба; только иной раз один чувствительней, в другой раз — другой или третий. Однакож вступают они в дело или налагаются постепенно... и быв наложены, остаются... Трисоставный крест (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 115—116).

****

Авва Палладий рассказывал: «Однажды авва Дорофей послал меня в девятом часу на свой колодезь налить кадку, из которой все брали воду. Было уже время обеда.

Пришедши к колодцу, увидел я на дне его аспида и в испуге, не начерпавши воды, побежал к авве, крича: «Погибли мы, авва, на дне колодца я видел аспида». Он усмехнулся скромно, потому что был ко мне весьма внимателен, и, покачивая головою, сказал: «Если бы диаволу вздумалось набросать аспидов, или змей, или других ядовитых гадов во все колодцы и источники водные, ты не стал бы вовсе пить?» Потом, вышедши из кельи, он сам налил кадку и первый тотчас испил воды, сотворивши крестное знамение над нею и сказавши: «Где крест, там ничего не может злоба сатаны» (101, 11).

***

Архимандрит Георгий рассказывал нам об авве Иулиане, бывшем епископе Бострском. Когда он удалился из обители и сделался епископом в Бостре, некоторые из жителей города, ненавистники имени Христова, задумали отравить его ядом. Они подговорили слугу, и тот подал епископу вино, разбавленное водой и ядом. Блаженный Иулиан принял чашу и, по вдохновению свыше, узнал о злом умысле, равно как и о том, кто это подстроил. Взяв чашу, епископ поставил ее перед собою, ни слова не сказав слуге. Потом он созвал всех жителей, в числе которых были и злоумышленники. Дивный Иулиан, не желая подвергать позору заговорщиков, обратился ко всем со словами: «Если вы желаете умертвить смиренного Иулиана при помощи яда, — вот я пью его пред вами». Сказав это, он трижды крестообразно осенил перстом свою чашу. «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа — выпиваю сию чашу!» — произнес он и, выпив отраву перед всеми, остался невредим. Увидев это, злоумышленники пали перед ним и просили у него прощения (107, 192).

***

Некогда к святой мученице Иустине явился один из князей бесовских и стал прельщать ее многими словами к скверному браку. Иустина, поняв, кто с нею говорит, не входя в беседу с диаволом, с благоговением положила знамение крестное на лице своем, и диавол тотчас же с большим стыдом исчез от нее (112, 176).

***

Однажды мученик Киприан, увидев диавола, сказал ему: «Пагубник, прелестник, вместилище всякой скверны! Поскольку я знаю, что ты боишься крестного знамения и трепещешь имени Христова, то что же с тобою будет, если придет Сам Христос? Отступи от меня, проклятый, уйди, беззаконник и ненавистник!» Слыша это, диавол устремился на Киприана, чтобы убить, и стал душить его. Не видя ниоткуда помощи, Киприан вспомнил о силе крестного знамения против бесов, оградил себя им, и бес, словно стрела, отскочил от него (112, 176).

***

Случилось, что как-то одна раба Божия из обители вышла в монастырский сад. Увидев там овощи, она с жадностью начала их есть, забыв предварительно оградить себя крестным знамением. Вдруг схватила ее нечистая сила и повергла на землю. Когда увидели ее в страшных мучениях, тотчас попросили отца Эквиция, чтобы он поспешил исцелить болящую своей молитвой. Едва только вступил в сад святой Эквиций, нечистый дух, вошедший в инокиню, начал ее устами кричать, как бы прося пощады: «Что я сделал, что я сделал? Я был в овощах, как она пришла и с ними приняла в себя и меня». Но человек

Божий с великим гневом повелел нечистому духу выйти из инокини и никогда не возвращаться к рабе Всемогущего Бога. Дух тотчас вышел и после не смел даже прикоснуться к ней (118, 28—29).

***

Испытывая одного из учеников своих, <соловецкий пустынник> Феофан спросил его: «Как ты слагаешь персты для крестного знамения?» Тот, показав ему троеперстное сложение, сказал: «Так, отче, как Православная Церковь учит. Во всей России послушные сыны Церкви слагают персты для крестного знамения так же, как и я». Феофан сказал: «Будучи в пустыне, я грубым людям не воспрещал знаменоваться двумя перстами, только бы они ходили в церковь; но ты берегись последователей раскола. Когда я жил в Киеве, то во всей Малороссии не видел ни одного, кто бы молился двуперстным сложением. Был я и в Молдавии, в Нямецком монастыре, у аввы Паисия, там было более семисот братий из разных стран: молдаван, сербов, болгаров, венгерцев, греков, армян, евреев, турок, великороссиян и малороссиян, — и все они молились троеперстным сложением, о двуперстии же там и не слышно» (113, 150).

КРЕЩЕНИЕ

...Не должно нам никого устранять от крещения и благодати Бога, ко всем милосердого, благого и снисходительного (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 249).

***

...Когда Господь, как человек, крестится во Иордане, — мы в Нем и Им омываемся, и когда приемлет Он Духа —

мы чрез Него делаемся духоприемными (свт. Афанасий Великий, 2, 237).

***

Равна потеря — умереть ли, не сподобившись крещения, или принять такое крещение, в котором недостает чего-либо одного из преданного. А кто не сохраняет навсегда того исповедания, какое произнесли мы при первом нашем введении, когда, освободившись от идолов, приступили к Живому Богу, и кто не содержит его в продолжение всей своей жизни, как безопасного хранилища, тот сам себя делает чуждым обетований Божиих, поступая вопреки собственному своему рукописанию, какое дал в исповедании веры. Ибо если крещение для меня — начало жизни, и этот день — день пакибытия, первый из дней, то очевидно, что всего драгоценнее и то слово, которое произнес я в благодати сыноположения (свт. Василий Великий, 7, 228—229).

***

Домостроитель жизни нашей Господь положил с нами завет крещения, имеющий в себе образ смерти и жизни; и изображением смерти служит вода, а залог жизни подается Духом (свт. Василий Великий, 7, 240).

***

Поелику в крещении предположены две цели: истребить тело греховное, чтобы оно не приносило уже плодов смерти, ожить же Духом и иметь плод во святыне, — то вода изображает собою смерть, принимая тело как бы во гроб, а Дух сообщает животворящую силу, обновляя души наши из греховной мертвенности в первоначальную жизнь (свт. Василий Великий, 7, 240—241).

***

...Великое Таинство крещения совершается тремя погружениями и равночисленными им призываниями, чтобы и образ смерти отпечатлелся в нас, и просветились души крещаемых чрез предание им боговедения (свт. Василий Великий, 7, 241).

***

Какое намерение и какая сила крещения? Чрез него крещаемый изменяется в уме, слове и деле, и по данной ему силе делается тем же, что Родивший его (свт. Василий Великий, 7, 330).

***

Что свойственно рожденному водою <в крещении>? Как Христос однажды умер греху, так и он должен быть мертв и недвижим на всякий грех... (свт. Василий Великий, 7, 417).

***

Что свойственно рожденному Духом <в крещении>? В данной мере стать таким, каков и Тот, от Кого рожден... (свт. Василий Великий, 7, 418).

***

...Не крестившийся не просвещен, а без света как глаз не видит того, что можно ему видеть, так и душа не способна к созерцанию Бога (свт. Василий Великий, 8, 193).

***

Если бы Израиль не перешел через море, то не был бы отлучен от фараона; и ты, если не пройдешь через воду

<крещения>, не выйдешь из-под горького диаволова мучительства (свт. Василий Великий, 8, 195).

***

Крещение — искупление пленных, прощение долгов, смерть греха, пакибытие души, светлая одежда, неприкосновенная печать, колесница на небо, предуготовление Царствия, дарование сыноположения (свт. Василий Великий, 8, 199).

***

Однажды навсегда отрекся ты от сатаны и от ангелов его и при многих свидетелях вступил в завет со Христом... Не пренебрегай сим... <ибо в день Суда> услышишь неприятное для тебя слово: *от уст твоих сужду ти, лукавый рабе* (Лк. 19, 22) (прп. Ефрем Сирин, 30, 61).

***

...Сказано: отрекаюсь сатаны и всех дел его. Каких дел? — Выслушай: блуда, прелюбодеяния, нечистоты, лжи, татьбы, зависти, отравления, гадания, ворожбы, раздражительности, гнева, хулы, вражды, ссоры, ревности; отрекаюсь пьянства, празднословия, гордыни, празднолюбия, отрекаюсь глумления, играния на свирели, бесовских песен, деторастления, гадания по полету птиц, вызывания духов, гадательного писания на листьях; отрекаюсь идоложертвенного, крови, удавленины и мертвечины... нет и времени перечислить все... отрекаемся... всего, именуемого худым, что только ненавидит Бог (прп. Ефрем Сирин, 31, 328—329).

***

Кто по приятии благодати <крещения> делает... лукавые... дела, тот отпал от благодати, и Христос нимало не воспользует ему, пребывающему во грехе (прп. Ефрем Сирин, 31, 329).

***

...Божественный и утешительный Дух, данный апостолам, и чрез них преподанный Единой и Истинной Церкви Божией с минуты крещения по мере веры, различно и многообразно пребывает в каждом, приступившем ко крещению с чистой верою, и каждый для приумножения, возделания и приращения получает сей *мнас*, как сказано в Евангелии (см.: Лк. 19, 13) (прп. Ефрем Сирин, 32, 320).

***

Пришел Господь, и ту светлость и славу, какие погубил Адам преступлением заповеди, возвратил ему крещением (прп. Ефрем Сирин, 33, 476).

***

Крещение принимает нас (в свое лоно) загрязненными в грехах и как бы ржавчиною поврежденными и возрождает из лона своего очищенными от греха (прп. Ефрем Сирин, 37, 37).

***

Господь даром прощает грехи многих, и крещение Его даром освобождает верующих от наказания (прп. Ефрем Сирин, 37, 145).

***

Великое дело — ...крещение; оно — искупление пленным, оставление прегрешений, смерть греха, пакибытие души, светлое одеяние, святая нерушимая печать, колесница на небо, райское наслаждение, предуготование Царствия, дарование всыновления (свт. Кирилл Иерусалимский, 66, 17).

***

Через <крещение>... образуется и совершается человек Христов, земное прелагается в дух и воссозидается (свт. Григорий Богослов, 13, 112—113).

***

Крестил Моисей, но в воде, а прежде сего ***в облаке и в море*** (1 Кор. 10, 2), и сие имело прообразовательный смысл... Крестил и Иоанн, уже не по-иудейски, потому что не водою только, но и ***в покаяние*** (Мф. 3, 11), однако же не совершенно духовно, потому что не присовокупляет: ***и духом***. Крестит и Иисус, но Духом — в сем совершенство... Знаю и четвертое крещение — крещение мученичеством и кровию, которым крестился Сам Христос, которое гораздо достоуважительнее прочих, поскольку не оскверняется новыми нечистотами. Знаю также еще и пятое — слезное, но труднейшее; им крестится ***измывающий на всяку нощь ложе свое и постелю слезами*** (ср.: Пс. 6, 7)... (свт. Григорий Богослов, 14, 267—268).

***

Просвещение есть светлость душ, изменение жизни, ***вопрошение совести***, которая от Бога (1 Пет. 3, 21). Просвещение есть пособие в нашей немощи, отложение плоти,

последование Духу, общение со Словом, исправление создания, потопление греха, причастие света, рассеяние тьмы. Просвещение есть колесница, возносящая к Богу, сопутствование Христу, подкрепление веры, совершение ума, ключ Царствия Небесного, перемена жизни, снятие рабства, разрешение от уз, претворение состава. Просвещение... есть лучший и величественнейший из даров Божиих. Как есть именуемое Святая Святых и песни песней, поколику последние многообъемлющие и особенно важны, так и оно светлее всякого иного возможного для нас просвещения (свт. Григорий Богослов, 14, 273—274).

***

Мы именуем <крещение> даром, благодатию, крещением, помазанием, просвещением, одеждою нетления, банею пакибытия, печатью, всем, что для нас досточестно. Именуем даром, как подаваемое тем, которые ничего не привносят от себя; благодатию, как подаваемое тем, которые еще и должны; крещением, потому что в воде спогребается грех; помазанием, как нечто священническое и царское, потому что помазывались цари и священники; просвещением, как светлость; одеждою, как прикровение стыда; банею, как омовение; печатью, как сохранение и знамение господства. О сем даре сорадуются небеса, его славословят Ангелы, по сродству светлости, он есть образ небесного блаженства, его желаем и мы воспеть, но не можем, сколько должно (свт. Григорий Богослов, 14, 274).

***

...Благодать и сила крещения не потопляет мира, как древле, но очищает грех в каждом человеке и совершенно

измывает всякую нечистоту и скверну, привнесенную повреждением. Поскольку мы состоим из двух естеств, т. е. из души и тела, из естества видимого и невидимого, то и очищение двоякое, именно: водою и Духом; и одно приемлется видимо и телесно, а другое в то же время совершается нетелесно и невидимо; одно есть образное, а другое истинное и очищающее самые глубины; а сие, вспомоществуя первому рождению, из ветхих делает нас новыми, из плотских, каковы мы ныне, богоподобными, разваряя без огня и воссозидая без разрушения. Ибо... под силою крещения разуметь должно завет с Богом о вступлении в другую жизнь и о соблюдении большей чистоты (свт. Григорий Богослов, 14, 277).

***

...Нет другого ни возрождения, ни воссоздания, ни восстановления в древнее состояние. Хотя, сколько можно, домогаемся оного со многими воздыханиями и слезами... лучше не иметь нужды во втором очищении, но устоять в первом, которое, как знаю, всем есть общее, и не трудно, и равно открыто <всем>. Ибо страшно, вместо нетрудного врачевания, употреблять труднейшее, отвергнув благодать милосердия, делаться подлежащим наказанию, и вознаграждать за грех исправлением. Да и сколько нужно пролить слез, чтобы они сравнились с источником Крещения? (свт. Григорий Богослов, 14, 278).

***

Со Христом спогребемся чрез крещение, чтобы с Ним и восстать; с Ним низойдем, чтобы с Ним взойти и на высоту, с Ним взойдем, чтобы и прославиться с Ним! (свт. Григорий Богослов, 14, 279).

***

...Будем креститься, чтобы победить, приобщимся очистительных вод, которые омывают лучше иссопа, очищают паче законной крови, которые священнее, нежели *пепел юнчий, кропящий осквернениыя* (Евр. 9, 15), имеющий силу только на время очищать тело, а не истреблять совершенно грех, ибо какая была бы нужда очищаться тем, которые однажды очищены? Крестимся ныне, чтобы не потерпеть принуждения завтра; не будем отдалять от себя благодеяние, как обиду; не будем ждать, пока сделаемся худшими, чтобы прощено было нам больше; не будем Христо-корчемниками и Христо-купцами, не станем обременять себя сверх того, что можем понести, чтобы не потонуть вместе с кораблем и не подвергнуть кораблекрушению благодать, погубив все, когда надеялись получить больше (свт. Григорий Богослов, 14, 281).

***

Пусть дар <крещения> с торжеством приемлется, а не с плачем; пусть талант отдается в обращение, а не зарывается в землю; пусть будет какой-нибудь промежуток между благодатью и кончиною, чтобы не только изгладились худые письмена, но и написаны были на их месте лучшие, чтобы тебе иметь не только благодать, но и воздаяние, не только избежать огня, но и наследовать славу, которую приобретает дар, отданный в обращение. Одни низкие духом почитают великим делом избежать наказания, а возвышенные духом домогаются и награды (свт. Григорий Богослов, 14, 282—283).

***

...Спасение свое всегда соделывай, и всякое время да будет благовременно для крещения... (свт. Григорий Богослов, 14, 284).

***

Если... предоградишь себя печатью <крещения>, обезопасишь свою будущность лучшим и действительнейшим пособием, ознаменовав душу и тело Миропомазанием и Духом, как древле Израиль нощною и охраняющею первенцев кровию и помазанием (см.: Исх. 12, 13), тогда что может тебе приключиться?.. Сие и во время жизни весьма важно для твоей безопасности (и вору нелегко покуситься на овцу, на которой положен знак, а не имеющую на себе знака без опасения украдут), и по отшествии от жизни — прекрасный погребальный покров, который светлее всякой одежды... Пусть все у тебя погибнет, все будет похищено... но ты безопасно окончишь жизнь свою, не утратив ни одного из пособий, дарованных тебе Богом ко спасению (свт. Григорий Богослов, 14, 285).

***

<Лукавый>, не имея возможности явно убедить тебя — презирать крещение, вредит тебе вымышленною осторожностью, чтобы тебе чего ты страшился, когда сам не примечаешь, потерпеть то от страха, и поскольку ты опасался растлить дар, через сие самое опасение лишиться дара... и никогда не оставит своего двоедушия, доколе видит, что мы поспешаем к небу, откуда он ниспал...

Доколе ты оглашенный, дотоле стоишь в преддверии благочестия; а тебе должно взойти внутрь, пройти двор, видеть Святая, приникнуть взором во Святая Святых, быть с Троицею. Велико то, за что у тебя брань, великое потребно тебе и ограждение. Противопоставь щит веры: враг боится, когда вступаешь в сражение с оружием. Для того желает видеть тебя обнаженным от благодати, чтобы удобнее было победить безоружного и ничем не охраняемого (свт. Григорий Богослов, 14, 286—287).

***

У тебя есть младенец? — Не давай времени усилиться повреждению; пусть освящен будет в младенчестве и с юных ногтей посвящен Духу. Ты боишься печати, по немощи естества, как малодушная и маловерная мать? Но Анна и до рождения обещала Самуила Богу, и по рождении вскоре посвятила, и воспитала для священной ризы, не боясь человеческой немощи, но веруя в Бога. Нет никакой... нужды в привесках и нашептываниях, вместе с которыми входит лукавый, привлекая к себе от легковерных благоговение, должное Богу. Дай своему младенцу Троицу — сие великое и доброе хранилище (свт. Григорий Богослов, 14, 287—288).

***

...Нет рода жизни, нет состояния, для которого бы крещение не было всего полезнее. Имеющий власть, прими узду; раб — равночестие; унывающий — утешение; благодушествующий — руководительство; убогий — неокрадомое богатство; изобилующий — прекрасное распоряжение тем, что имеешь (свт. Григорий Богослов, 14, 289).

***

...Всего превосходнее сподобиться блага <крещения> и сохранить очищение. Если же невозможно совместить то и другое, то лучше очернить себя иногда несколько мирскими обязанностями, нежели совершенно лишиться благодати, как лучше, думаю, получить иногда выговор от отца и господина, нежели быть от него вовсе отринутым, и лучше озаряться несколькими лучами, нежели быть в совершенной тьме (свт. Григорий Богослов, 14, 290).

***

Крещение, изглаждая грехи, не уничтожает заслуг (свт. Григорий Богослов, 14, 293).

***

<Не имевшие возможности принять крещение> не будут у Праведного Судии ни прославлены, ни наказаны, потому что, хотя не запечатлены, однако же и не худы, и больше сами потерпели, нежели сделали вреда (свт. Григорий Богослов, 14, 294).

***

Нехорошо миновать торжище и потом искать покупок; нехорошо пройти мимо манны и потом пожелать пищи; худо позднее сожаление, худо тогда уже почувствовать свою потерю, когда нет способа отвратить ее, т. е. по отшествии отсюда, по горьком заключении того, что совершено каждым в жизни, по наказании грешников и прославлении очищенных. Посему не медлите приступить к благодати <крещения>... (свт. Григорий Богослов, 14, 296).

***

Стыдно говорить: «Где у меня приношение по крещении? Где светлая одежда, в которой бы просветиться крещением? Где нужное для принятия моих крестителей, чтобы и в этом не остыдить себя? Но сие, как видишь, весьма необходимо и без сего благодать умалится!» Не занимайся мелочами в делах важных, не предавайся низким чувствованиям; таинства важнее видимого; самого себя принеси в дар, во Христа облекись, напитай меня своею жизнью; такому гостеприимству рад я, сие угодно и Богу,

Который дарует величайшие блага. Из великого для Бога ничего нет, чего бы не дал и нищий, чтобы нищие и в сем не отставали, не имея чем соревновать с богатыми. И хотя в другом есть различие между богатым и убогим, однако же здесь кто усерднее, тот и богаче. Ничто да не препятствует тебе идти вперед, ничто да не отвлекает назад твоего усердия. Пока желание сильно, получай желаемое; пока горячо железо, закаляй его в холодной воде, чтобы не встретилось чего к пресечению твоего желания. Я Филипп; будь евнухом Кандакии. Скажи и сам: ***се вода, что возбраняет ми креститися?*** (Деян. 8, 36). Лови случай, будь рад благу. И, сказав, крестись; и крестившись, спасись. Хотя бы ты был эфиоп телом, убелись душою; получи спасение, которого нет ничего выше, ничего досточестнее для имеющих ум (свт. Григорий Богослов, 14, 297—298).

***

Не вникай в достоверность проповедника или крестителя. У них есть другой Судия, испытующий и невидимое, потому что ***человек зрит на лице, Бог же зрит на сердце*** (1 Цар. 16, 7). А к очищению тебя всякий достоин веры; только был бы он из числа получивших на сие власть, не осужденных явно и не отчужденных от Церкви. Не суди судей ты, требующий врачевания; не разбирай достоинства очищающих тебя; не делай выбора, смотря на родителей. Хотя один другого лучше или ниже, но всякий выше тебя. Рассуди так: два перстня, золотой и железный, и на обоих вырезан один и тот же царский лик, и обоими сделаны печати на воске. Чем одна печать отлична от другой? — Ничем. Распознай вещество на воске, если ты всех премудрее. Скажи, который оттиск железного и который золотого перстня? И отчего он одинаков? Ибо хотя вещество

различно, но в начертании нет различия, так и крестителем да будет у тебя всякий! Ибо хотя бы один превосходил другого по жизни, но сила крещения равна, и одинаково может привести тебя к совершенству всякий, кто наставлен в той же вере (свт. Григорий Богослов, 14, 298—299).

***

Не гнушайся креститься вместе богатый с бедным, благородный с худородным, господин с тем, который доселе раб его. Ты не окажешь столько смиренномудрия, сколько Христос, в Которого ныне крещаешься, Который для тебя принял и зрак раба. С того дня, в который обновляешься, все старые отличия миновали, все одинаковым образом облекаются во Христа.

Зная, как крестил Иоанн, не стыдись исповедать грех свой, чтобы, подвергшись стыду здесь, избежать оного там, потому что и стыд есть часть тамошнего наказания. Докажи, что действительно возненавидел ты грех, пред всеми открыв и выставив его на позор (свт. Григорий Богослов, 14, 299).

***

Не презирай врачевства заклинания, не ропщи на его продолжительность — и это есть испытание искренности, с какою приступаешь к крещению (свт. Григорий Богослов, 14, 300).

***

Что скажешь о тех, которые еще младенцы, не чувствуют ни вреда, ни благодати? Крестить ли нам и их? — Непременно, если настоит опасность. Ибо лучше без сознания освятиться, чем умереть незапечатленным и не-

совершенным. Доказательством сему служит осьмодневное обрезание, которое в прообразовательном смысле было некоторою печатью и совершалось над не получившими еще употребления разума; а также помазание порогов, чрез неодушевленные вещи охраняющее первенцев. О прочих же малолетних даю такое мнение: дождавшись трехлетия, или несколько ранее, или несколько позже, когда дети могут слышать что-нибудь таинственное и отвечать, хотя не понимая совершенно, однакож напечатлевая в уме, должно освящать их души и тела великим таинством совершения. Причина же сему следующая: хотя дети тогда начинают подлежать ответственности за жизнь, когда и разум придет в зрелость, и уразумеют они таинство (потому что за грехи неведения не взыскивается с них по причине возраста), однако же оградиться им крещением, без сомнения, гораздо полезнее, по причине внезапно встречающихся с ними и никакими способами не предотвращаемых опасностей (свт. Григорий Богослов, 14, 301—302).

***

Вчера лежал ты на одре расслабленным и недвижимым, и не имел человека, *да егда возмутится вода, ввержет* тя *в купель* (Ин. 5, 7), а ныне нашел ты человека вместе и Бога, или лучше сказать, Богочеловека; ты взят от одра или, лучше, сам взял дар и разгласил о благодеянии. Бойся опять слечь на одр, расслабнув от удовольствий греховного и телесного покоя; но иди здравым, помня заповедь: *се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. 5, 14), если после такого благодеяния окажешься худым (свт. Григорий Богослов, 14, 306—307).

***

Помни всегда Христову притчу, это будет для тебя самым лучшим и совершенным пособием. Вышел из тебя нечистый и вещественный дух, изгнанный Крещением. Ему несносно гонение, он не терпит быть бездольным и бесприютным, проходит *сквозе безводная места* (Мф. 12, 43), где пересох Божественный поток (ибо там любит он быть); скитается, *ища покоя, и не обретает* (Мф. 12, 43). Приступает к душам крещеным, в которых порчу омыла купель. Боится воды, душит его очищение, как легион издох в море. Опять возвращается в дом, из которого вышел, потому что бесстыден и упорен; снова приступает, новые делает покушения. Если найдет, что Христос водворился и занял место, им оставленное, то снова отраженный уходит без успеха, продолжая свое жалкое скитание. Если же найдет в тебе место *пометенное и украшенное* (Мф. 12, 44), пустое, ничем не занятое, равно готовое к принятию того или другого, кто бы ни пришел первый, поспешно входит, поселяется с большими против прежнего запасами, *и будут последняя горше первых* (Мф. 12, 45). Ибо прежде была надежда на исправление и осторожность, а теперь явно стало повреждение, через удаление добра привлекающее к себе лукавое; почему для поселившегося обладание местом сделалось тверже (свт. Григорий Богослов, 14, 309).

***

<Купель> очищает грехопадения, но не всегда очищает и нравы. Когда же может очищать и нравы? В том одном случае, если предочистишь их несколько (свт. Григорий Богослов, 16, 184).

***

...Как смерть Началовождя нашей жизни сопровождалась подземным погребением, и произошла по общему закону естества, то подражание смерти, совершаемое нами, изображается в ближайшей к земле стихии <воде>. И как оный Человек свыше, восприняв на Себя мертвость вместе с подземным положением, тридневным восшел опять к жизни, так и всякий, кто в единении с Ним по естеству тела, имея в виду преуспеть в том же, т. е. достигнуть этого предела жизни, — вместо земли наливая воду и погружаясь в этой стихии, троекратным повторением подражает тридневной благодати воскресения (свт. Григорий Нисский, 21, 91).

***

...В образе умерщвления, представляемом посредством воды <крещения>, производится уничтожение примешавшегося порока, правда, не совершенное уничтожение, но некоторое пресечение непрерывности зла, при стечении двух пособий к истреблению злого: покаяния согрешившего и подражания смерти, — которыми человек отрешается несколько от союза со злом, покаянием будучи приведен в ненавидение порока и в отчуждение от него, а смертью производя уничтожение зла (свт. Григорий Нисский, 21, 92).

***

...Необходимо нам в воде предусматривать мысленно благодать Воскресения и чрез это познавать, что равно для нас удобно и креститься в воде, и снова воспрянуть от смерти (свт. Григорий Нисский, 21, 93—94).

***

...Что спасительное возрождение приемлется для обновления и преложения естества нашего, явно это всякому, но человечество само по себе от крещения не приемлет изменения, ни рассудок, ни разумение, ни познавательная способность, ни другое что, собственно служащее отличительною чертою естества человеческого, не приходит в претворение, ибо претворение было бы к худшему, если бы изменилось какое-либо из сих отличительных свойств естества... С изглаждением дурных признаков в естестве нашем происходит переход в лучшее... Если, по слову Пророка, измывшись в сей таинственной бане, стали мы чисты произволениями, смыв ***лукавства от душ*** (Ис. 1, 16), то соделались лучшими и претворились в лучшее. Если же баня послужила телу, а душа не свергла с себя страстных нечистот... для таких вода остается водой, потому что в рождаемом нимало не оказывается дара Святаго Духа (свт. Григорий Нисский, 21, 106—107).

***

...Когда выставляющий предлогом замедления крещения грехи говорит, что боюсь, то ясно, что он не греха остерегается, но желает долее оставаться в греховной жизни. А имеющие в глубине души такую худую мысль, во-первых, и не удостоиваются благодати, но обманывая себя суетными надеждами, неожиданно поемлются смертию, застигающею тихо и нечаянно, как коварный тать. Но если Бог, по великому Своему долготерпению и благости, и удостоит любителя греха таинств в последний день, они не получат от этого торга столько выгоды, сколько думают. Думают, что для них тотчас же отверзется Царствие Небесное, что они улучат некое жилище, изобильное див-

ными благами, и удостоятся почестей наравне с праведными. Но это — суетная надежда, обольщающая душу ложным мнением. Как мне кажется, судьба людей в будущей жизни будет троякая, говоря вообще без подразделений. Первый чин достойных хвалы и праведных; второй — и не удостаиваемых почести, и не наказуемых; третий — несущих наказания за грехи свои. Где мы поставим принявших благодеяние крещения перед смертью? Ясно, что в разряд вторых, и это по снисхождению, чтобы и они не лишены были части в человеколюбии, свойственном Богу (свт. Григорий Нисский, 24, 445—446).

***

...Крещение есть очищение грехов, прощение прегрешений, причина обновления и возрождения; возрождение же разумей мыслию созерцаемое, очами не видимое. Ибо подлинно мы не изменим старца в отроча, по слову еврея Никодима и его грубому разумению, и не превратим покрытого морщинами и убеленного сединами в нежное и новорожденное дитя, и не возвратим человека опять в утробу матери; но запятнанного грехами и состарившегося в злых навыках царскою благодатию возвратим к невинности младенца. Потому что как новорожденное дитя свободно от вины и наказаний, так и чадо возрождения, по дару Царя получив отпущение наказания, не подлежит ни за что ответственности. Но такое благодеяние дарует не вода (ибо она была бы тогда совершеннее всего сотворенного), но повеление Божие и наитие Духа, таинственно нисходящего для нашего освобождения; вода же служит для указания очищения. Поскольку тело, осквернение грязью и нечистотою, мы обыкновенно делаем чистым, омывая его водою, то посему мы ее же употребляем в

таинственном действии, чувственным предметом обозначая не телесную чистоту. А лучше, если угодно, остановимся на более тонком исследовании вопроса о бане (крещения), начав как бы с некоторого источника, с заповеди Писания: ***аще кто не родится водою и Духом, не может внити во Царствие Божие*** (Ин. 3, 5). Для чего два предмета, а не один Дух почитается достаточным для полного совершения крещения? Человек не прост, а сложен, как точно знаем; посему (существу) двойственному и сопряженному (из двух частей) уделены для исцеления его сродные и подобные врачевства; видимому телу — чувственная вода, а невидимой душе — Дух незримый, призываемый верою, неизреченно приходящий. Ибо ***Дух, идеже хощет, дышет, и глас его слышиши, но не веси, откуду приходит, и камо идет*** (Ин. 3, 8); Он благословляет тело крещаемое и воду омывающую. Посему не пренебрегай божественною банею и не почитай ее малоценною, как нечто обыкновенное, по причине употребления воды, ибо Действующий велик и от Него совершается чудное (свт. Григорий Нисский, 25, 4—6).

***

...Вода <крещения>, будучи не чем иным, как водою, когда благословит ее благодать свыше, обновляет человека в мысленное возрождение... Представь мне образ рождения по плоти, и я расскажу тебе силу пакибытия по душе. Скажешь, может быть, как будто давая какое объяснение: семя есть причина, производящая человека. Итак, выслушай взаимно и от нас, что благословляемая вода очищает и просвещает человека. Если же опять возразишь мне: как? Я еще сильнее воскликну тебе в ответ: как влажная и бесформенная сущность делается человеком?.. Повсюду

человеческая мысль, бессильная открыть истину, прибегает к этой частице *как*, подобно тому как не могущие ходить — к седалищу. Коротко сказать: повсюду сила Божия и действие непостижимы и неисследимы, она легко дала бытие всему, чему ни захотела, но сокрыла от нас подробное знание своего действия (свт. Григорий Нисский, 25, 8—9).

***

Почему очищение (совершается) водою? И для какой потребности принимаются три погружения? Чему и отцы научили, что и наш ум согласно с ними принимает, есть следующее. Мы признаем четыре стихии, из которых слагается мир, они известны всем... огонь, воздух, земля и вода. Итак, Бог и Спаситель наш, совершая о нас Домостроительство, снисшел на четвертую из сих стихий, под землю, чтобы отсюда воссиять жизнь. Мы же, приемля крещение, по подражанию Господу и Учителю и Вождю нашему, хотя в землю не погребаемся (ибо она бывает покровом совершенно умершего тела, сокрывая немощь и тление нашего естества), но нисходя в сродную с землею стихию — воду, сокрываемся в ней, как Спаситель в земле. Делая же сие трижды, отображаем на себе тридневную благодать Воскресения и делаем это, не в молчании принимая таинство, но с произнесением над нами имен трех Святых Ипостасей, в Которые мы уверовали, на Которые и уповаем, от Которых происходит и настоящее наше бытие, и будущее существование. Может быть, ты, дерзновенно ратующий против славы Духа, недоволен этим, и завидуешь чести Утешителя, которою чтут Его благочестивые? Перестань же препираться со мною и противоречь, если можешь, словам Господа, которыми законоположено для людей призывание при крещении. Что же

говорится в повелении Владыки? *Крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мф. 28, 19). Почему во имя Отца? Потому что Он — Начало всего. Почему во имя Сына? Потому что Он — Зиждитель твари. Почему во имя Духа Святаго? Потому что Он — совершительная Сила всего. Итак, преклонимся Отцу, дабы освятиться, преклонимся и Сыну, да будет то же самое, преклонимся и Святому Духу, да будем тем, чем Он есть и именуется (т. е. святыми). Нет различия в освящении, как будто бы Отец освящает более, Сын же менее, и Святый Дух менее их обоих. Итак, для чего же ты раздробляешь три Ипостаси на различные естества и соделываешь трех богов, не подобных друг другу, когда от всех (Их) приемлешь одну и ту же благодать? (свт. Григорий Нисский, 25, 9—11).

***

Животворящая сила при возрождении от смерти к вечной жизни действует чрез Святую Троицу в удостоившихся с верою благодати, равным образом несовершенна благодать, когда одно какое-либо из имен Святой Троицы опускается в спасительном крещении, ибо не без Духа во едином Сыне и Отце совершается таинство возрождения; не без упоминания о Сыне, во Отце и Духе, происходит совершение жизни в крещении; также не в Отце только и Сыне с опущением Духа достигается благодать воскресения; посему всю надежду и уверенность в спасении душ наших мы имеем в трех Ипостасях, означаемых сими именами, и веруем во Отца Господа нашего Иисуса Христа, Который есть Источник жизни, и во единородного Сына Отчего, Который есть *Начальник жизни*, как говорит Апостол (Деян. 3, 15) и в Святаго Духа Божия, о Котором сказал Господь, что *Дух есть, Иже оживляет* (Ин. 6, 63). И поскольку для нас, искупленных от смерти, бла-

годать нетления, как мы сказали, совершается в спасительном крещении чрез веру в Отца и Сына и Святаго Духа, то, руководимые сим, мы веруем, что к Святой Троице не вопричисляется ничего служебного, ничего тварного, ничего недостойного величия Отца: поскольку едина есть жизнь наша, которая достигается чрез веру во Святую Троицу, истекающая из Отца всех, происходящая чрез Сына и совершаемая во Святом Духе; имея такое убеждение, крещаемся, как повелено, веруем же, как крещаемся, а славословим, как веруем, так что и крещение, и вера, и славословие единогласно бывает во (имя) Отца, Сына и Святаго Духа. Если же кто говорит, что два или три бога или три божества, да будет анафема (свт. Григорий Нисский, 25, 477).

***

Не оставляй веры крещения твоего и не погубляй печати духовной, чтоб Господь пребывал с душою твоею и покрывал тебя в дни зла (авва Евагрий, 89, 613).

***

И ты при крещении получил благодать Божию и стал причастником Духа, если и не столько, чтобы творить чудеса, то сколько нужно иметь для правильной и благоустроенной жизни... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 146).

***

Развратник ли кто, или блудник, или идолослужитель, или сделал какое-либо другое зло, хотя бы даже он соединил в себе все человеческие пороки, но если он войдет в водную купель, то выйдет из этих божественных струй чище лучей солнечных (свт. Иоанн Златоуст, 45, 255).

***

...Обрезание передается верным через посредство святого крещения, а святое крещение — образ Христова воскресения (Свт. Иоанн Златоуст, 45, 876).

***

...Бог взял персть от земли и сотворил человека, образовал его; пришел диавол и извратил его; пришел Сам Бог, снова взял человека, восстановил его, обновил его в крещении, и не оставил тела его глиняным, но сделал его «скудельным». Он предал глину огню Духа: ***Той вы крестит Духом Святым и огнем*** (Мф. 3, 11); крестит водою, чтобы обновить, а огнем, чтобы укрепить (свт. Иоанн Златоуст, 46, 421).

***

Крестит разве человек? Человек простирает десницу, а управляет рукою Бог (свт. Иоанн Златоуст, 46, 438).

***

...Если по какой-нибудь причине нужна тебе царская грамота и ты, подав прошение, получил подписанную грамоту, то ты не исследуешь, каким пером подписал ее царь, и на какой бумаге, и какими... чернилами... Так и в крещении: бумага есть совесть, перо — язык священника, рука — благодать Святаго Духа. Поэтому... чрез того, кто исполняет должность священника, пишет эта рука, мы — служители, а не виновники дела (свт. Иоанн Златоуст, 46, 438).

***

Непозволительно тебе, возлюбленный, жить <после крещения> безразлично; но ты назначь себе законы и

правила, чтобы делать все тщательно и обнаруживать великую осмотрительность даже и в отношении к тому, что считается безразличным (свт. Иоанн Златоуст, 46, 826).

***

Спаситель не отменил <Иоаннова> крещения покаяния, но восполнил (призыванием Святой Троицы) и (затем) к этому крещению во имя Святой Троицы присоединил крещение Святым Духом (свт. Иоанн Златоуст, 46, 841).

***

Не станем... назначать детям <имена> случайные... имена отцов, дедов, прадедов и людей, знаменитых родом, но имена мужей святых, просиявших добродетелью, стяжавших великое дерзновение у Бога. Впрочем, и на эти имена пусть не надеются ни родители, ни дети, получающие имена, потому что имя без добродетели не приносит никакой пользы (свт. Иоанн Златоуст, 47, 192—193).

***

Как... иудеев знамение обрезания отделяло от прочих народов и показывало в них народ, избранный Богом, таким же образом и у нас обрезание крещения составляет очевиднейшее различие и разделение верных от неверных.... Как там обрезание совершается в отложение плоти, так здесь крещение — в отложение грехов (см.: Кол. 2, 11—12) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 434).

***

...<Благодать крещения> есть безболезненное врачевание, служит для нас источником бесчисленных благ,

исполняет нас благодатию Святаго Духа... Всякому и в незрелом возрасте, и в средние годы, и в самой старости дозволяется принимать это нерукотворенное обрезание... через которое отлагается бремя грехов и приобретается оставление прегрешений, соделанных во все время жизни. Так человеколюбец Бог, зная великую немощь нашу и то, что, страдая неисцельно, мы имеем нужду в сильном врачевании и в неизреченном Его человеколюбии, и сообразно тому устрояя наше спасение, даровал нам обновление банею пакибытия, чтобы мы, отложив ветхого человека, т.е. злые дела, и облекшись в нового, шествовали путем добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 47, 440—441).

***

...*Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27). Христос есть одежда спасения. Ты облекся в ризу не затем, чтобы покрыть наготу телесную, но затем, чтобы быть неприкосновенным для насилия смерти (свт. Иоанн Златоуст, 49, 368).

***

В крещении чрез чувственную вещь, воду, сообщается дар, а духовное действие состоит в рождении и обновлении (свт. Иоанн Златоуст, 50, 806).

***

...Крещение делает омываемых им из бренных золотыми, когда Дух, наподобие огня, проникает в наши души, попаляя в них *образ перстнаго*, износит, как бы из горнила, *образ небеснаго* (ср.: 1 Кор. 15, 49), образ новый, светлый, блестящий (свт. Иоанн Златоуст, 51, 70).

***

Таинственное возрождение и очищение наше от всех прежних грехов совершается в крещении, но пребыть в последующее время чистыми и не допускать к себе снова никакой скверны — это зависит от нашей воли и заботливости (свт. Иоанн Златоуст, 51, 71).

***

...Для сохранения чистоты для нас не довольно только креститься и уверовать, но если мы желаем приобрести совершенную светлость, то должны вести достойную того жизнь (свт. Иоанн Златоуст, 51, 71).

***

При совершении <крещения> предстоят и Ангелы, но изъяснить способ этого дивного рождения... не может ни один из них (свт. Иоанн Златоуст, 51, 164).

***

...В воде <при крещении> символически изображается гроб и смерть, Воскресение и жизнь, и все это происходит совместно. Когда мы погружаем свои головы в воду, как бы в гроб, вместе с тем погребается ветхий человек и, погрузившись долу, весь совершенно скрывается. Потом, когда мы восклоняемся, — выходит человек новый. Как легко для нас погрузиться и подняться, так для Бога легко погребсти ветхого человека и явить нового. Но это совершается трижды, чтобы ты знал, что все это совершается силою Отца и Сына и Святаго Духа (свт. Иоанн Златоуст, 51, 165).

***

...Вода <в крещении> употребляется как бы место рождения рождающегося. Что утроба для младенца, то — вода для верного: он в воде зачинается и образуется (свт. Иоанн Златоуст, 51, 167).

***

...С того времени, как Владыка снизошел в струи Иордана, вода производит уже не *гады душ живых* (Быт. 1, 20), а души разумные и духоносные (свт. Иоанн Златоуст, 51, 167).

***

...Как не видим ветра, хотя он и издает шум, так незримо для телесных очей и духовное рождение. Но ветер еще есть тело, хотя и тончайшее, потому что все, подлежащее чувству, есть тело. Если же ты не досадуешь на то, что не видишь этого тела, и поэтому не отвергаешь его существования, то почему смущаешься, слыша о Духе, и требуешь при этом такой отчетливости, не делая того в отношении тела? (свт. Иоанн Златоуст, 51, 169—170).

***

Божественная благодать, как бы какой светлый привратник, стоящий в дверях у купели, ко всем входящим чрез нее взывает: вот — дверь Господня, новопросвещенные войдут чрез нее (свт. Иоанн Златоуст, 51, 734).

***

Началом <истинного> обрезания служит страдание за нас Господа, пренебрегшего Своею плотию и принявшего

ради нас самое обрезание; на нас же это таинство отпечатывается в крещении, а исполняется в жизни сообразно Христу. *Обрезани бо бысте обрезанием нерукотворенным, в совлечении тела греховнаго плоти, во обрезании Христове, спогребшеся Ему крещением* (Кол. 2, 11—12) (свт. Иоанн Златоуст, 51, 934—935).

***

Хотя крещение и... умертвило нас для греха, но далее мы сами должны постоянно и со всем нашим прилежанием совершенствоваться так, чтобы не слушаться греха, что бы он ни приказывал нам, и оставаться неподвижно, подобно мертвецу (свт. Иоанн Златоуст, 52, 599—600).

***

Чем для Христа был Крест и гроб, тем для нас стало крещение, хотя и в другом отношении: Христос умер и погребен плотию, а в нас умер и погребен грех... Если ты участвовал в смерти и погребении, то тем более будешь участвовать в Воскресении и жизни: когда ты освобожден от большего, т. е. от греха, тебе не должно сомневаться в меньшем, т. е. в уничтожении смерти (свт. Иоанн Златоуст, 52, 600).

***

То, что в крещении погребены прежние наши грехи, составляет Христов дар, а пребывание после крещения мертвыми для греха — это должно быть делом собственного нашего попечения, хотя и здесь... всего более помогает нам Бог. Крещение имеет силу не только заглаждать

прежние согрешения, но и защищает от будущих (свт. Иоанн Златоуст, 52, 605).

***

...Если ты умер в крещении, оставайся мертвым, потому что всякий умерший не может уже грешить; а если ты грешишь, то уничижаешь дар Божий (свт. Иоанн Златоуст, 52, 607).

***

Как ты, переплавляя железо или золото, делаешь его опять чистым и новым, так точно и Дух Святый, переплавляя душу в крещении, как бы в горниле, и истребляя грехи, делает ее чище и блистательнее всякого чистого золота (свт. Иоанн Златоуст, 53, 416).

***

В крещении погребаются грехи, заглаждаются прежние неправды, человек оживает, и всякая благодать напечатлевается в его сердце, как на скрижали (свт. Иоанн Златоуст, 53, 527).

***

Как скоро мы крещаемся, то душа наша, очищенная Духом, делается светлее солнца; и мы не только бываем способны смотреть на славу Божию, но еще и сами получаем от нее некоторое сияние. Как чистое серебро, лежащее против солнечных лучей, и само испускает лучи не только от собственного естества, но и от блеска солнечного, так и душа, очищенная Духом Божиим и соделавшаяся блистательнее серебра, принимает луч от славы Духа, и отражает его (свт. Иоанн Златоуст, 53, 539).

***

...Не должны родители оставлять дитя некрещеным на много лет: незапечатленная овца — часть волка. Печать Христова сохраняет имеющего печать (свт. Иоанн Златоуст, 53, 958).

***

Ко крещению... надобно приступать, отказавшись наперед от грехов своих и осудив их (свт. Иоанн Златоуст, 55, 88—89).

***

...Крещение есть крест, потому что ***ветхий наш человек с Ним распятся*** (ср.: Рим. 6, 6)... Как невозможно в другой раз распять Христа, потому что это значило бы выставить Его на поругание, так невозможно и креститься вторично (свт. Иоанн Златоуст, 55, 90).

***

Как Христос умер на Кресте, так и мы умираем в крещении, умираем не плотию, но для греха (свт. Иоанн Златоуст, 55, 90).

***

Всем известно, что мы сами по себе погибли, а спасены Христом. Он оправдал крещением повинных наказанию, Он украсил небесными дарованиями. Но известно также, что, если не последует за сим и того, что в наших силах, то никакой не приобретем пользы от такого о нас попечения и от благодати, но понесем тягчайшее нака-

зание, как не соделавшиеся лучшими и при таком благодеянии (прп. Исидор Пелусиот, 60, 325).

***

Иные, довольствуясь неполным разумением дела, говорят, что младенцы омываются при крещении от скверны, сообщенной естеству человеческому преступлением Адамовым. А я верую, что не это только одно совершается (ибо одно сие было бы еще не важно), но что подаются при сем и иные многие дарования, далеко превосходящие естество наше. Ибо в крещении естество не только прияло все то, что было нужно к отъятию греха, но еще и украшено Божественными дарами. Не только избавлено от наказания и совлеклось всякого лукавства, но и возрождено свыше Божественным, превышающим разум, и как бы по ухищрению какому измышленным пакибытием искуплено, освящено, сподоблено всыновления, оправдано, соделано наследником Единородного, и стелесником Его через причащение Священных Таинств, стало телом Его и соединилось с Ним, как тело с главою (прп. Исидор Пелусиот, 61, 229).

***

...Если будут говорить, что запрещает <Господь> совершать Божественное крещение над теми, которые притворно приступают к вере, но не оставляют настоящих своих занятий... не спорь (прп. Исидор Пелусиот, 62, 98).

***

...Поелику ко всем перешло... бесславное и тягостнейшее всякой утраты наследство <грехопадения Адама>, и по

нерадивости произволения увеличилось сие нежеланное достояние, то, пришедши сюда, Христос соделал тело наше легчайшим посредством крещения, восставляя его крылами Духа. Потому предложены нам бóльшие, нежели ветхозаветным, и подвиги, и награды (прп. Исидор Пелусиот, 62, 114).

***

Владычнее крещение совершается *Духом Святым и огнем* (Мф. 3, 11). В наименовании огня познавай теплоту и возбуждающую силу благодати, и еще силу, истребляющую грехи наши (прп. Нил Синайский, 73, 130).

***

Святое крещение совершенно и подает нам совершенство, но не делает совершенным не исполняющего заповедей (прп. Марк Подвижник, 89, 504).

***

...Так как преступлением Адамовым не только характеристические черты души осквернились, но и тело наше подпало тлению, то Всесвятой Бог-Слово воплотился и, как Бог, чрез собственное Свое Крещение даровал нам воду спасения в возрождение, ибо мы возрождаемся в воде действием Святаго и Животворящаго Духа, вследствие чего тотчас очищаемся и по душе и по телу, если приступаем к Богу с полным расположением. При сем Дух Святый вселяется в нас, а грех (или отец греха) изгоняется Им, так как невозможно, чтобы при единстве и простоте — характеристических свойствах души — в ней сопребывали два эти лица, как думали некие. К тому же, когда божественная благодать чрез святое крещение сочетавает себя в

безмерной некоей любви с чертами образа Божия в залог подобия, где поместиться лицу лукавого, — так как нет никакого *общения света с тьмою*? (ср.: 2 Кор. 6, 14). Итак, мы, текущие путем священных подвигов, веруем, что *банею пакибытия* (Тит. 3, 5) сквернообразный змий извергается из глубин ума; при всем том не дивимся, что и после крещения опять с добрыми помыслами испытываем и худые. Ибо баня освящения хотя отъемлет скверну греха, но двойственности пожеланий наших не уничтожает и бесам воевать против нас и обольстительные слова говорить к нам не возбраняет, чтоб чего не сохранили мы, в естественном оном находясь состоянии, то хранили силою Божиею, восприяв оружия правды (блж. Диадох, 91, 52).

***

...Что для Христа Господа были Крест и гроб, то для нас есть крещение; и как Христос умер плотию и воскрес, так и мы умираем греху и воскресаем для добродетели силою Божиею... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 421).

***

...Всякий, кто, не укрепившись прежде силою святого крещения, возьмется творить заповеди Христовы, всуе будет трудиться. И кто тому, кто не укреплен силою святого крещения, повелевает исполнять заповеди Христовы, буй есть и слепец. Ибо прежде надлежит его укрепить в духе благодатию Христовою, очищающею душу через святое крещение, и тогда уже давать исполнять и заповеди. Ибо как возможно, чтобы земля, исполненная терний и волчцев, приняв чистое семя, не заглушило его? Но божественное крещение Христово имеет великую силу — тех, которые не крещены и удобоподвижны на зло, делать неподвиж-

ными на зло, как только окрестятся. Или если и не делаются они тотчас такими неподвижными, но всячески делаются неудобоподвижными. Это и есть знамение силы, какая приемлется от святого крещения. Оно делает их еще удобоподвижными на добро, как бы и ангелами, сильными крепостию, творящими волю Божию (см.: Пс. 102, 20) (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 461—462).

***

Всякая душа тотчас, как окрестится человек, принимает в духе благодать Христову, по коей тотчас воображается в ней Христос. Но крещенные младенцами не чувствуют освящения, получаемого в крещении, потому что такое чувство освящения есть умное дело, а младенцы еще несовершенны умом, чтобы разуметь принятую благодать. Почему с продолжением времени они мало-помалу изменяются и переходят на сторону худа; и благодать святого крещения в иных погасает и совсем теряется, а в иных сохраняется малая ее искра, от которой потом великая сия милость опять в них воспламеняется, если прибегнут к духовным отцам и покаются... примут оглашение, восстановят веру, как следует, и возуповают на Бога (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 464).

***

...Мы, возрождаемые святым крещением, освобождаемые от рабства и делаясь свободными, если не послушаемся по своей воле врага нашего диавола, то этот лукавый никаким способом не может поселить в нас какое-либо зло (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 153).

***

Крещение не отъемлет самовластия и самопроизволения нашего, но дарует нам свободу от тиранства диавола, который не может уже более против воли нашей властвовать над нами. По крещении в нашей уже состоит воле или пребывать самоохотно в заповедях Того, в Кого крестились, Христа, Владыки и Бога, и ходить путем повелений Его, или, уклонясь от правого пути сего, опять возвратиться к диаволу, противоборцу и врагу нашему (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 547—548).

***

Те, которые по святом крещении повинуются хотениям лукавого и угодное ему творят, отчуждают себя от святых ложесн святого крещения... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 548).

***

...Принявшие крещение <Христово> от младенчества и недостойно его прожившие всю жизнь будут иметь большее осуждение, нежели некрещеные, как поругавшие, по словам Твоим (см.: Евр. 10, 29), святую одежду Твою (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 36).

***

...Когда мы крещаемся, будучи нечувствующими детьми, как несовершенные, мы и благодать принимаем несовершенным образом, получая только разрешение от первого преступления (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 37).

***

...Чрез... <купель> крещаемые входят внутрь <райского> виноградника, получая искупление от тьмы, ада и смерти, и совершенно освобождаясь от тления (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 37).

***

Во Христа облекся ты в спасительном крещении, отложил скверну (греховную) в Божественной бане сей, воспринял в ней светлость духовной благодати и первозданное благородство (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 163).

***

В божественных ложеснах, т. е. в священной купели, всецело совершенную Божественную благодать приемлем мы туне (патр. Каллист и ин. Игнатий, 93, 309).

***

...<Когда> крещаемся, душа наша, очищенная Духом, делается светлее солнца; и мы не только бываем способны смотреть на славу Божию, но еще и сами получаем от нее некоторое сияние. Как чистое серебро, лежащее против солнечных лучей, и само испускает лучи не только от собственного естества, но и от блеска солнечного, так и душа, очищенная Духом Божиим и сделавшаяся блистательнее серебра, и в себя принимает луч от славы Божией, и от себя отражает луч той же славы (патр. Каллист и ин. Игнатий, 93, 334).

***

Крещенный во Христа уже не живет как самобытное существо, но как заимствующее всю полноту жизни от

другого существа — Христа (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 560).

***

В купели крещения восставляется падший образ, человек рождается в жизнь вечную водою и Духом. Отселе Дух, отступивший от человека при падении его, начинает соприсутствовать ему во время его земной жизни... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 134).

***

Искуплением обновлено человеческое естество. Богочеловек обновил его Собою и в Себе. Такое обновленное Господом естество человеческое прививается, так сказать, к естеству падшему посредством крещения. Крещение, не уничтожая естества, уничтожает его состояние падения, не делая естества иным, изменяет его состояние, приобщив человеческое естество естеству Божию (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 376).

***

При крещении человеку даруется духовная свобода: он уже не насилуется грехом, но по произволу может избирать добро или зло (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 376—377).

***

Христиане, родившись от Адама в смерть, рождаются Крещением в жизнь, рождаются от Бога, рождаются уже чадами Божиими (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 119).

***

Святым крещением изглаждаются первородный грех и грехи, содеянные до крещения, отнимается у греха насильственная власть над нами... даруется благодать Святаго Духа, которою мы соединяемся с Богом во Христе, и получаем силу низлагать и побеждать грех (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 369).

***

Я усвоился Богу святым крещением, на Таинстве крещения зиждется Таинство покаяния, покаянием возвращается усвоение Богу... утрачиваемое... жизнью в области естества падшего (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 429).

****

Рассказывал авва Андрей, что в числе бежавших с ним в Палестину был и еврей. В пустыне этот молодой еврей от страшного утомления, голода, жажды и сильнейшей лихорадки так ослаб, что был близок к смерти. У него не было даже сил на то, чтобы его несли другие. Со слезами скорби мы решились оставить его в пустыне. Поняв, что мы собираемся уйти от него, он начал умолять нас: «Во имя Бога, грядущего судить живых и мертвых, не дайте мне умереть иудеем... я желаю быть христианином. Окажите милость, окрестите меня, чтобы мне христианином отойти ко Господу...» «Брат, — отвечали мы ему, — мы миряне, а это дело епископов и священников. Да и воды здесь негде взять». Но он неотступно со слезами умолял нас, чтобы мы не лишили его этого дара. Мы были в величайшем затруднении, тогда один из нас, как бы вдохновленный свыше, говорит: «Поднимите его и разденьте!» С большим трудом мы исполнили это. Он же наполнил

свои руки песком и три раза посыпал еврею на голову, говоря: «Крещается раб Божий Феодор во имя Отца и Сына и Святаго Духа», а мы на каждое призывание Святой Троицы возглашали: «Аминь». И Христос, Сын Бога Живого, исцелил и укрепил немощного так, что в нем не осталось ни малейшего признака слабости. Напротив, он в добром здравии бодро пошел впереди нас по пустыне.

Придя в Аскалон, мы рассказали все, что произошло с братом на пути, епископу города блаженному Дионисию. Святой муж, выслушав рассказ, был поражен необыкновенным знамением. Посовещавшись с клиром, епископ Дионисий решил послать брата на святой Иордан и там крестить его, а крещавшего в пустыне рукоположить во диакона (102, 160—163).

КРОТОСТЬ

Кротость есть начало смирения, смирение же есть дверь бесстрастия, а чрез бесстрастие неотпадающую и совершенную любовь приобретет познавший свое естество — что он был прежде рождения и что будет по смерти (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 40).

***

Кротость приводит ум к познанию и рассуждению... (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 50—51).

***

...Кротость делает то, что человек всегда пребывает одинаковым, и при злополучных и при благополучных делах и мыслях, и не заботится ни о чести, ни о бесчес-

тии, но и приятное и прискорбное принимает с радостию и не смущается... (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 52).

***

Кротость и воздержание суть счастье и благая надежда для душ человеческих (прп. Антоний Великий, 89, 64).

***

...Перенесение без смущения всего случающегося рождает кротость... (прп. авва Исаия, 59, 209).

***

Кротость есть величайшая из добродетелей, потому причислена и к блаженствам... *блажени кротцыи: яко тии наследят землю* (Мф. 5, 5). Земля сия, Небесный Иерусалим, не бывает добычею состязующихся, но предоставлена в наследие долготерпеливым и кротким (свт. Василий Великий, 5, 249).

***

Укротившие свои нравы, освободившиеся от всякой страсти, в чьих душах не поселено никакого мятежа — они называются кроткими (свт. Василий Великий, 5, 250).

***

Подвижник должен, как можно более, быть исполнен кротости, потому что он или приобщился, или желает приобщиться духа кротости, а приемлющий в себя сего духа должен уподобляться приемлемому (свт. Василий Великий, 9, 353).

***

...И заботящимся о кротости прилично благовременное негодование... Оставаться же неподвижным или не показывать негодования, когда должно, есть признак недеятельной природы, а не кротости (свт. Василий Великий, 9, 354).

***

За кротостью обыкновенно следует и незлобие, потому что кротость есть матерь незлобия. А в людях истинно кротких, не имеющих тяжелого нрава, не менее сего бывает и благости, потому что благость — основа кротости. Все же это, взаимно сраствореннное и совокупленное вместе, производит из себя наилучшую из добродетелей — любовь (свт. Василий Великий, 9, 354).

***

Кроткий тот, кто не изменяется в суждениях о том, что требуется для благоугождения Богу (свт. Василий Великий, 9, 354).

***

Поспешите к кротости, слыша, как она ублажается, слыша, что Духом Святым говорит о ней нелживый Исаия. На ком упокою взор? Глаголет Господь: ***Токмо на кротком и молчаливом и трепещущаго словес Моих*** (ср.: Ис. 66, 2) (прп. Ефрем Сирин, 30, 16).

***

Подлинно блажен и трекратно блажен человек, в котором есть кротость. О нем Святой Спаситель и Господь

подтверждает сие, говоря: *блажени кротцыи: яко тии наследят землю* (Мф. 5, 5) (прп. Ефрем Сирин, 30, 16).

***

...Приобретите кротость, потому что кроткий украшен всяким добрым делом. Кроткий, если и обижен, радуется; если и скорбен, благодарит; гневных укрощает любовью; принимая на себя удары, остается тверд; во время ссоры спокоен, в подчинении веселится, не уязвляется гордынею, в унижениях радуется, заслугами не превозносится, не кичится, со всеми живет в тишине; всякому начальству покорен, на всякое дело готов, во всем заслуживает одобрение, все его хвалят. Он прочь от лукавства, далек от лицемерия. Он не служит пронырству, не покоряется зависти, отвращается злоречия, не терпит наушничества, ненавидит порицателей, отвращается наушников. О блаженное богатство — кротость! Она прославляется всеми (прп. Ефрем Сирин, 30, 16—17).

***

Блажен человек, который с кротостью нес на себе до конца иго Владыки Христа, потому что гордыня опасна (прп. Ефрем Сирин, 30, 191—192).

***

...Кротость в человеке предотвращает раздражительность (прп. Ефрем Сирин, 30, 194).

***

Тебя ударили в ланиту? Для чего же допускаешь, чтоб другая твоя ланита оставалась без приобретения? Если

первая потерпела сие непроизвольно, не велика ее заслуга, и тебе, если хочешь, остается сделать нечто большее, а именно произвольно подставить другую ланиту, чтобы сделаться достойным награды. С тебя сняли хитон? Отдай и другую одежду, если она есть у тебя; пусть снимут даже и третью: ты не останешься без приобретения, если предоставишь дело сие Богу. Нас злословят? Будем благословлять злых. Мы оплеваны? Поспешим приобрести почесть у Бога. Мы гонимы? Но никто не разлучит нас с Богом. Он — единственное неотъемлемое наше сокровище. Проклинает тебя кто-нибудь? Молись за клянущего. Грозит сделать тебе зло? И ты угрожай, что будешь терпеть. Приступает к исполнению угроз? Твой долг — делать добро. Таким образом приобретешь две важные выгоды: сам будешь совершенным хранителем закона, да и оскорбителя твоего кротость твоя обратит к кротости же, и из врага сделает учеником, преодолев тем самым, что он взял над тобою верх (свт. Григорий Богослов, 16, 165).

***

...Что достойна ублажения кротость, можно всякому видеть в страсти раздражения. Ибо как скоро слово, или дело какое, или предположение какой-либо неприятности возбудит такую болезнь, кровь в сердце закипает, и душа готова подвигнуться к мщению; и как по баснословию иные снадобья изменяют наше естество в образ бессловесных животных, так и тогда человек от раздражения делается внезапно вепрем, или псом, или барсом, или другим каким подобным зверем; у него налившиеся кровью глаза, вставшие дыбом и ощетинившиеся волосы, голос суровый, речь колкая, язык, оцепеневший от страсти и неспособный служить внутренним порывам, губы недвижущиеся, не выговаривающие слов, не удерживающие во рту порождае-

мой страстью влаги, но безобразно вместе со звуком выплевывающие эту пену, а таковы и руки, таковы и ноги, таково все строение тела, каждый член соответствует страсти. Посему, если таков раздраженный, а имеющий в виду блаженство при помощи рассудка укрощает болезнь и выражает сие и спокойным взглядом, и тихим голосом, подобно какому-то врачу, который своим искусством врачует беснующихся до безобразия; то не скажешь ли и сам, сравнив одного с другим, что жалок и мерзок этот зверь, но достоин ублажения кроткий, кого и злоба ближнего не заставила утратить свое благообразие? (свт. Григорий Нисский, 19, 384—385).

***

В сердце кротком почивает премудрость... (авва Евагрий, 89, 610).

***

...Когда желающий обижать найдет, что обижаемый готов потерпеть более, нежели сколько ему хотелось, и, удовлетворив своей страсти, увидит, что оскорбленный с преизбытком выказывает свое великодушие, то отойдет прочь, побежденный и посрамленный превосходством терпения; и хотя бы он был зверь и даже свирепее его, сделается потом скромнее, ясно увидев из сравнения и свою злость, и его добродетель (свт. Иоанн Златоуст, 44, 137).

***

...Кротость не вообще хороша, но тогда, когда этого требует время, а без этого и она бывает слабостью... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 551).

***

Подлинно нет ничего сильнее ее <кротости>, нет ничего могущественнее. Она вводит душу нашу в постоянный мир, заставляя ее стремиться к нему, как бы в пристань, и таким образом служит для нас источником всякого успокоения (свт. Иоанн Златоуст, 47, 363).

***

Ничто так не доставляет душе спокойствия и тишины, как кротость и смиренномудрие... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 363).

***

Нет ничего могущественнее кротости. Как вылитая вода погашает сильно горящее пламя, так и слово, сказанное с кротостью, утишает гнев, воспламененный сильнее огня в печи, вследствие чего происходит двоякая для нас польза: этим и сами мы обнаруживаем в себе кротость и, успокоив раздражительный дух брата, спасаем от потрясения его рассудок (свт. Иоанн Златоуст, 47, 633—634).

***

Мы одолеваем львов и укрощаем их нрав, и ты сомневаешься в том, можешь ли звероподобный помысл изменить в кроткий? Тогда как льву свойственна дикость по природе, кротость же противоестественна, тебе, напротив, по природе свойственна кротость и неестественна дикость... Твоя душа имеет и разум, и страх Божий, и множество пособий со всех сторон... Возможно тебе, если хочешь, быть кротким и тихим (свт. Иоанн Златоуст, 47, 740).

***

Тогда особенно и нужно показывать кротость, когда мы имеем дело со злобными и враждебными; тогда и открывается ее сила, тогда и сияет ее действенность, достоинство и польза (свт. Иоанн Златоуст, 48, 370).

***

...Кроток тот, кто может переносить нанесенные ему самому оскорбления, и защищает несправедливо обижаемых, и сильно восстает против обижающих... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 420).

***

Каким же образом мы можем стяжать... кротость? Если будем постоянно размышлять о своих грехах, если будем скорбеть и плакать. Душа, погруженная в такое сетование, не может ни раздражаться, ни гневаться (свт. Иоанн Златоуст, 51, 398).

***

Всякая добродетель хороша, но в особенности — незлобие и кротость. Она выказывает в нас людей, она отличает от зверей, она делает равными Ангелам (свт. Иоанн Златоуст, 51, 404).

***

...Душа <кроткого> похожа на некоторое уединенное место, где царствует великая тишина...

...Душа <кроткого> похожа на некоторую вершину горы, где веет легкий ветер и куда падает чистый луч (солнца)... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 66—67).

***

Человек кроткий и сам себе приятен, и остальным полезен, а гневливый — и сам себе неприятен, и прочим вреден (свт. Иоанн Златоуст, 52, 68).

***

...Кротость соблюдается тогда, когда мы не помышляем ничего худого против ближнего... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 168).

***

Кротость есть признак великой силы; чтобы быть кротким, для этого нужно иметь благородную, мужественную и весьма высокую душу. Неужели ты думаешь, что мало нужно (силы душевной), чтобы получать оскорбления и не возмущаться? Не погрешит тот, кто назовет такое расположение к ближним даже мужеством... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 418).

***

Великое нужно старание, чтобы знать, в чем состоит <кротость> и в чем <дерзновение>; старание необходимо потому, что с этими добродетелями смешиваются пороки: с дерзновением — дерзость, с кротостью — малодушие. Каждому должно смотреть, чтобы, предаваясь пороку, не приписывать себе добродетели... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 418).

***

Если мы обнаружили кротость, то сделаемся для всех непобедимыми, и ни один человек, ни малый ни большой,

не в состоянии будет причинить нам вреда. Если кто-нибудь станет говорить о тебе худо, он тебе не повредит нисколько, а себе самому нанесет величайший вред; если кто причинит тебе обиду, весь вред падет на обидчика (свт. Иоанн Златоуст, 52, 773).

***

Если же за несправедливость мы заплатим кротостью, то, утоливши весь гнев (врага), мы через это при нем самом как бы воссели на судилище, решающее дело в нашу пользу... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 140).

***

Всякий добрый и кроткий легко привлекается к человеколюбию и не может перенести пренебрежение к находящимся в нужде, считая бедность других несчастьем для самого себя (свт. Иоанн Златоуст, 55, 387).

***

Не столько Бог любит род человеческий за девство, за пост, за презрение имущества, за готовность простирать руку нуждающимся, сколько за кротость и благопорядок в нравах... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 387).

***

...Добрый и кроткий муж не допускает в свою душу <зависти>, этой злой болезни, но при виде братьев, пользующихся хорошей славой, сорадуется и желает счастья, считая хорошую славу других хорошею славою для самого себя, почитая достояние друзей общим, сорадуясь им в

добром, скорбя с ними в печали (свт. Иоанн Златоуст, 55, 387—388).

***

...Как луч солнца, появившись, быстро прогоняет тьму, так добрый и кроткий быстро изменяет смущение и ссору в мир и тишину (свт. Иоанн Златоуст, 55, 388).

***

...Кроткий — отец сирот, заступник вдов, попечитель о бедности, помощник обижаемым, всюду правдив (свт. Иоанн Златоуст, 55, 388).

***

...Много есть добродетелей, приличествующих христианским мужам, но больше всех — кротость, потому что только сияющих ею Христос называет ревнителями Божиими. Нам следует, когда оскорбит кто-либо, или ударит, или сделает другое что ужасное, переносить все благородно со спокойною душою, помышляя о том, что кротость делает подражателями Богу. И Сам Владыка и Спаситель наш, будучи оскорбляем, получая удары, подвергаясь пригвождению, распятию на Кресте, кротко перенес иудейское безумие, и не отомстил, имея столько силы для отмщения нечестивым... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 390—391).

***

...Из многого и великого, чем была и украшена жизнь праведных... жизнь по доброте и кроткое отношение к обижающим прежде всего другого сделали блестящими этих мужей (свт. Иоанн Златоуст, 55, 392).

***

Хотя бы ты творил чудеса, хотя бы воскрешал мертвых, хотя бы делал что-нибудь другое подобное, язычники никогда не будут удивляться тебе в такой мере, как видя тебя кротким, добрым и обходительным (свт. Иоанн Златоуст, 55, 484).

***

Кротостью называется не то только, когда кто-нибудь кротко переносит обиды от сильных людей, но когда уступает, будучи оскорбляем и людьми, которые считаются низшими (свт. Иоанн Златоуст, 55, 531).

***

...Не будь кроток с одним и дерзок с другим, а будь кроток со всеми, будет ли то друг или враг, великий человек или малый, потому что в этом и состоит смирение. Можно быть кротким, и между тем раздражительным и гневливым; однако в этом нет никакой пользы, потому что одержимый гневом часто губит все (свт. Иоанн Златоуст, 55, 532—533).

***

Самое великое благо — кротость; приобретя ее, великий Моисей видел Бога, сколько человеку видеть можно (прп. Нил Синайский, 72, 342).

***

Кротость мужа поминается у Бога (см.: Пс. 131, 1), и душа негневливая делается храмом Святаго Духа (прп. Нил Синайский, 90, 267).

***

Для кроткого человека прилично верное слово, ибо он не искушает долготерпения Божия и не побеждается частым нарушением заповедей Божиих (прп. Марк Подвижник, 69, 22).

***

Кроткий по Богу премудрее премудрых, и смиренный сердцем сильнее сильных, ибо они разумно несут иго Христово (прп. Марк Подвижник, 69, 38).

***

Кротость есть недвижимое устроение души, в бесчестии и в чести пребывающее одинаковым (прп. Иоанн Лествичник, 57, 88).

***

...Признак крайней кротости состоит в том, чтобы и в присутствии раздражающего сохранять тишину сердечную и залог любви к нему... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 89).

***

Солнцу предшествует утренний свет, а всякому смиренномудрию предтеча есть кротость... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 157).

***

Кротость есть неизменное устроение ума, которое и в чести, и в бесчестии пребывает одинаковым.

Кротость состоит в том, чтобы при оскорблениях от ближнего без смущения и искренне о нем молиться.

Кротость есть скала, возвышающаяся над морем раздражительности, о которую разбиваются все волны, к ней приражающиеся, а сама она не колеблется.

Кротость есть утверждение терпения, дверь или, лучше сказать, матерь любви, начало рассуждения духовного, ибо Писание говорит: *научит* Господь *кроткия путем Своим* (Пс. 24, 9). Она есть ходатаица отпущения грехов, дерзновение в молитве, вместилище Духа Святаго. *На кого воззрю,* глаголет Господь, *токмо на кроткаго и безмолвнаго* (ср.: Ис. 66, 2).

Кротость есть споспешница послушания, путеводительница братства, узда неистовству, пресечение гнева, подательница радости, подражание Христу, свойство ангельское, узы на бесов и щит против огорчения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 158).

***

Души кротких исполнятся разума, а гневливый ум — сожитель тьмы и неразумия (прп. Иоанн Лествичник, 57, 158).

***

...С кротостью <иногда сплетаются> тонкое лукавство, медлительность и леность, прекословие, самочиние и непослушание... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 185).

***

Если облечешься в совершенную кротость и безгневие, то не много будешь трудиться, чтобы освободить ум твой от пленения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 235).

***

Те, которые веруют, не бывают гневливы и вздорны, но хранят кротость, подражая Господу... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 436).

***

Истинно кроткий только преступления заповедей Божиих не может сносить ни в каком человеке; но и при этом он плачет о преступающих сии заповеди и грешащих, и так же искренно, как бы сам грешил (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 205).

***

Состояние души, при котором устранены из нее гнев, ненависть, памятозлобие и осуждение, есть новое блаженство, оно называется кротость (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 521).

***

Будучи землею, я вместе с тем и лишен владения этою землею: похищают ее у меня различные страсти, в особенности насилующий и увлекающий меня лютый гнев, я лишен всей власти над собою. Кротость возвращает мне эту власть... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 521—522).

***

Что такое кротость? Кротость — смиренная преданность Богу, соединенная верою, осененная Божественною благодатию (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 190).

****

Один из отцов рассказывал нам о некой знатной особе из сенаторского рода, которая отправилась на поклонение святым местам. Прибыв в Кессарию, она предпочла здесь остаться и проводить жизнь в уединении. «Дай мне девицу, — стала просить она епископа, — чтобы она воспитывала меня для иноческой жизни и научила страху Божию». Избрав одну смиренную девицу, епископ приставил к ней. Спустя немного времени он спросил ее: «Ну как девица, приставленная к тебе?» «Она прекрасного поведения, — отвечала знатная женщина, — только совершенно бесполезна для души моей, потому что представляет мне действовать по произволу. Она очень скромна, а мне нужно, чтобы бранили меня и не позволяли мне исполнять мои прихоти». Тогда епископ, избрав другую, крутого нрава, приставил к ней. Та то и дело говорила ей: «Дура богатая» или бранила ее другими подобными словами. Вскоре епископ опять спрашивал: «Какова девица?» — «Вот эта воистину приносит пользу душе моей». Таким-то образом она стяжала великую кротость (102, 204—205).

***

Авва Сергий, игумен монастыря аввы Константина, рассказал нам: «Однажды мы путешествовали с одним святым старцем. Сбившись с пути, мы попали на засеянное поле и потоптали немного всходов. На поле тогда работал земледелец. Увидав нас, он в гневе осыпал нас бранью: «Монахи ли вы? Есть ли у вас страх Божий? Если бы вы имели пред очами страх Божий, вы бы так не поступали». «Ради Господа, никто ничего не говори!» — быстро сказал нам святой старец. Затем, обратившись к крестьянину, ответил: «Правильно, чадо мое, сказал ты. Если бы мы

имели страх Божий, мы не поступали бы так». Но крестьянин продолжал гневно браниться. «Правду говоришь ты, чадо! — снова отвечал старец. — Если бы мы были истинными монахами, мы не делали бы сего. Но, ради Господа, прости нам, что мы согрешили против тебя». Тронутый этими словами, крестьянин, приблизившись, бросился к ногам старца. «Я согрешил! — воскликнул он. — Прости меня! И, ради Господа, возьмите меня с собой». И действительно, — присовокупил блаженный Сергий, — он последовал за нами и принял иноческий чин» (102, 214—215).

***

Один из старцев, которого и мы видели, по имени Бен, превосходил своею кротостью всех людей. Бывшие с ним братья уверяли, что ни клятва, ни ложь никогда не сходили с уст его и ни один человек никогда не видел его в гневе. Он не произносил ни одного лишнего или праздного слова. Вся жизнь его проходила в глубоком безмолвии. Нрава он был тихого, во всем уподобляясь Ангелам; в бесконечном смирении он считал себя ничтожеством. Уступая нашим усердным просьбам — преподать нам слово назидания, — сказал нам несколько слов о кротости. Однажды гиппопотам опустошал близкие по соседству страны. Земледельцы просили старца о помощи. Придя в ту местность и увидя огромного зверя, он обратился к нему со словами: «Именем Иисуса Христа запрещаю тебе опустошать эту землю!» Зверь бросился бежать, как бы гонимый Ангелом, и никогда более не появлялся там. Рассказывали нам, что подобным образом в другой раз старец прогнал крокодила... (99, 33).

***

Блаженный Феодорит, епископ Кирский, рассказывал: «Прожив у боголюбивого Давида целую неделю, мы не видали никакой перемены в его лице... но в глазах всегда была одна и та же скромность. Это уже довольно доказывает спокойствие его души. Но, может быть, кто-нибудь подумает, что мы видели его таким тогда, когда не было никакой причины к смущению. Посему я считаю необходимым рассказать, что там случилось при нас.

Сидел дивный Давид с нами, беседуя о любомудрии и исследуя сущность евангельской жизни. Когда происходила между нами такая беседа, некто Олимпий, по происхождению римлянин, по образу жизни достойный уважения, почтенный саном священства и по управлению занимающий второе место, пришел к нам и упрекал дивного Давида, говоря, что кротость его вредна для всех, и называя его снисходительность общим злом, а его возвышенное любомудрие не кротостью, а безумием. Он же, как будто имея адамантовую душу, принял слова его так, что нисколько не оскорбился, хотя слова эти были колки: не изменился в лице и не прервал текущего разговора, но кротким голосом и словами, выражающими спокойствие души, отослал старца того, обещая ему поправить то, что он хочет. «Я, — сказал Давид, — как видишь, беседую с пришедшими к нам, считая это своею обязанностью». Каким иным образом можно лучше показать кротость души? Тот, кому было вверено первенство, перенеся такую дерзость со стороны занимающего второе по нем место, притом в присутствии посторонних, слышащих укоризны, не потерпел никакого смущения от гнева...» (117, 72—73).

Л

ЛЕНОСТЬ

Если ощутишь леность в теле, скажи ему: неужели ты хочешь успокоения в кратком времени сем и потом быть навсегда ввергенным во тьму кромешную? (прп. авва Исаия, 59, 26).

***

...Душа ленивого... делается жилищем всякой постыдной страсти (прп. авва Исаия, 59, 65).

***

Леностью питается своеволие, рождается гордость и презрение своей обязанности (прп. авва Исаия, 59, 86).

***

Как познает <кто> порок лености, если не приведет своих чувств в правильное состояние и не узрит в себе света Божия? (прп. авва Исаия, 59, 115).

***

Горе нам! Ибо столько ослеплены сердца наши, что мы предаемся лености и праздности, тогда как должны бы были прилежать оплакиванию грехов своих (прп. авва Исаия, 59, 190).

***

Не люби лености, чтоб не пожалеть, когда достигнешь воскресения праведных (прп. авва Исаия, 89, 347).

***

Ленивый к исполнению заповедей каким образом может приобрести тщательность? — Несомненно уверившись в присутствии всевидящего Владыки Бога, в угрозах, какие изречены на ленивых и в надежде великого от Господа мздовоздаяния... (свт. Василий Великий, 9, 196).

***

...Ленивый на хорошее осуждается с диаволом и ангелами его (свт. Василий Великий, 9, 206).

***

Всякий предлог к бездействию есть предлог ко греху... <а> леность, сопряженная с лукавством, подвергает ленивого осуждению... (свт. Василий Великий, 9, 211).

***

Леность почти естественна старости, но не юности... <поэтому молодой> достоин тягчайшего обвинения... (свт. Василий Великий, 9, 217).

***

Горе ленивому! Взыщет он времени, которое потратил худо, и, поискав, не найдет (прп. Ефрем Сирин, 30, 72).

***

Будь... внимателен к себе, чтобы не вдаться тебе когда-либо в леность, потому что преобладание лености — начало погибели (прп. Ефрем Сирин, 30, 102).

***

Кто малое ставит в ничто, тот постепенно будет падать, а леность мало-помалу рождает невольную бедность (прп. Ефрем Сирин, 30, 184).

***

...Леность разрушает благоговение и тому, кто приобрел ее, приносит укоризненное имя. Посему сопрягай благоговение с прилежанием и ведением, и будешь истинно благоговеен (прп. Ефрем Сирин, 30, 549).

***

Обременяющая нас леность не позволяет нам возвести очи к созерцанию совершеннейшего, но непременно влечет нас в ад и принуждает идти самым широким путем погибели (прп. Ефрем Сирин, 32, 291—292).

***

Леность без всякого предлога есть предвестник уклонения в худое, ибо нерадивость воли без какой-либо предшествующей причины, например иногда телесного недуга

или какого неудобства, обнаруживает, что душа стремится к худшему. Не имеющую предлога и настоятельной какой-либо причины леность к деланию добродетелей называю унынием и беспечностью (прп. Ефрем Сирин, 32, 405).

***

Горе ленивым, которые предстанут <пред Богом> без добрых дел. Увы, день Суда близок! (прп. Ефрем Сирин, 33, 211).

***

Ленивые и робкие бегут от ига Твоего, Господи; нерадивых постыжает любовь Твоя (прп. Ефрем Сирин, 33, 233).

***

...Не будем ленивы на добро, но станем гореть духом, чтобы не уснуть мало-помалу в смерть или чтобы, во время нашего сна, враг не посеял худых семян (ибо леность сопряжена со сном)... (свт. Григорий Богослов, 14, 138).

***

...Точно нет ничего легкого, чего бы великая леность не представила нам весьма тяжелым и трудным... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 141).

***

...Ленивого и беспечного не пробудят ни благорастворение воздуха, ни досуг и свобода, ни удобство и лег-

кость, — нет, он продолжает спать каким-то сном, достойным всякого осуждения (свт. Иоанн Златоуст, 46, 359).

***

<Леность> есть жестокий сон, узилище душ, собеседница, сожительница и наставница изнеженных (свт. Иоанн Златоуст, 52, 867).

***

...Для добродетели сама природа дала семена, пороки же противны природе, так что, если они более господствуют над нами, то это самое служит признаком большой с нашей стороны лености (свт. Иоанн Златоуст, 54, 19).

***

...Леность есть... повод ко злу и корень зла. Ведь всякому злу научила праздность (свт. Иоанн Златоуст, 54, 137—138).

***

...Человек ленивый, когда его (слишком много) наказывают, делается еще более ленивым (свт. Иоанн Златоуст, 55, 97).

***

Как человеку ревностному и с бодрой волей ничто не может воспрепятствовать, так, наоборот, беспечному и ленивому все может послужить препятствием (свт. Иоанн Златоуст, 55, 538).

***

Приятна леность? Но подумай о ее последствиях. Мы оцениваем вещи не по началу, а по тому, к чему приводят (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1097).

***

...Если кто истребит в себе леность, тотчас увидит возникающими в себе правые помыслы, которыми утверждаются правда и суд (прп. Исидор Пелусиот, 60, 461).

***

Леность в ничто обращает предшествовавшие труды, как бы ни были они славны, а рачительность уничтожает и прежнюю леность (прп. Исидор Пелусиот, 61, 75).

***

Погрешности, допущенные по лености, необходимо уничтожать трудами, и после понесенных поражений снова бороться со многими опасностями (прп. Исидор Пелусиот, 61, 217).

***

Много себя обманываем и вводим в заблуждение, если, не делая ничего такого, что прилично делать желающим победить, надеемся превозмочь тех, которые делают все, что надлежит делать уготовляющимся к победе. Это значит то же, что сонным и спящим крепко препобедить бодрствующих и ревностно трудящихся, а также ленивым и пребывающим в праздности одержать верх над теми, которые ничем не пренебрегают (прп. Исидор Пелусиот, 62, 179).

***

...Отлагающие делать, что должно, объявляют тем желание вблизи увидеть неприятное; своею леностию оскорбляя добродетель, они навлекают на себя наказания, давно готовые преследовать постигнутых ими (прп. Исидор Пелусиот, 62, 212).

***

...Кто любит леность, тот праздностью питает страсти... (прп. Нил Синайский, 72, 132).

***

Матерью пороков признавай леность, потому что блага, какие имеешь, расхищает, а каких не имеешь, не допускает приобрести (прп. Нил Синайский, 72, 240).

***

Близок конец, да готовится ленивый к понесению наказания (прп. Нил Синайский, 72, 247).

***

...Нечистые демоны имеют привычку при тех пребывать и тех более тревожить, которые расслабляют себя леностью и нерадят о молитве... (прп. Нил Синайский, 73, 328).

***

Ленивые, когда видят, что им назначают тяжкие дела, тогда покушаются предпочитать им молитву, а если дела служения легки, то отбегают от молитвы как от огня (прп. Иоанн Лествичник, 57, 49).

***

Воспоминание о вечном огне каждый вечер да засыпает с тобою, и вместе с тобою да восстает; и леность никогда не будет обладать тобою во время псалмопения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 78).

***

Любящий Господа Иисуса предается трудам подвижническим; постоянство же в сих трудах прогоняет леность (авва Фалассий, 91, 330).

***

...Ленивый не только лишается венцов, но и душу свою бесценную губит и, отходя из сей жизни ни с чем, отсылается в муку вечную (прп. Феодор Студит, 92, 391).

***

Ведай... что эта болезнь лености и нерадения ядом своим невидимо мало-помалу растлевает не только начальные и малые еще корни, из которых могли со временем произрасти навыки добродетельные, но и те, которые давно уже углубились и служат основой всех порядков доброй жизни. Как червь мало-помалу истачивает дерево, так она, продолжаясь, нечувствительно снедает и истребляет самые нервы духовной жизни. Посредством ее диавол умеет расстилать сети и тенета искушений для всякого человека; что с особенною заботой и лукавою хитростью старается он устроять для ревнителей о духовной жизни, зная, что ленивый и нерадивый удобно поддается похотям и падает... (прп. Никодим Святогорец, 70, 80).

***

...Отнюдь не слушай диавола, когда он будет тебе нашептывать: отдай мне ныне, а Богу отдашь завтра. Нет, нет, но все часы жизни твоей проводи так, чтобы это было благоугодно Богу, содержи в мысли, что после настоящего часа не будет тебе дано другого, и что за каждую минуту сего часа ты должен будешь дать самый подробный отчет. Помни, что цены нет тому времени, которое ты имеешь в руках своих, и что, если попусту потратишь его, придет час, когда взыщешь его и не обретешь. Почитай потерянным тот день, в который хотя и делал добрые дела, но не преодолевал своих худых склонностей и пожеланий (прп. Никодим Святогорец, 70, 81).

***

А ведь эта сударыня <леность> одна не бывает. Она — запевальщица... и с нею хор (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 10).

***

Самомнение шло вместе с тщеславием. Вдвоем они родили леность (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 183).

***

Разленение и присвоение себе прав на льготы — се начальные враги, губители всего духовного (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 197).

ЛЕСТЬ

Лесть есть скрытое злодеяние против ближнего, совершаемое под личиною добра (свт. Василий Великий, 5, 262).

***

...Как ржа в пшенице есть тля, зарождающаяся в самой пшенице, так почти и ласкательство, вкрадывающееся в дружбу, губительно для самой дружбы (свт. Василий Великий, 11, 232).

***

Если не обольщаешься, когда тебе льстят, то не поскорбишь, когда злословят (прп. Ефрем Сирин, 31, 626).

***

...Дело лести породит тебе ненависть, неся вред, как бы от врага, а не пользу, как бы от друга (свт. Иоанн Златоуст, 45, 925).

***

Ты хвалишь и дурное ради лести, но не так бессмыслен тот, кому расточается лесть; он должен возненавидеть того, кто хвалит его из-за грехов (свт. Иоанн Златоуст, 45, 925).

***

Не смотри... на похвалы, произносимые открыто из страха и ласкательства, — это краски и прикрасы, но вникни в совесть каждого, кто так льстит тебе, и увидишь тысячи обвинителей, которые внутренне говорят против тебя, отвращаются и ненавидят тебя более, нежели злые враги и неприятели (свт. Иоанн Златоуст, 46, 486).

***

Лесть и низость — это когда кто-либо служит другим не ради необходимого чего-либо, но чтобы уловить что-нибудь житейское... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 263—264).

***

<Лесть> делает человека гордым и бесстрашным, она увлекает ум в пучину удовольствий, она располагает человека не признавать Бога, не помнить своей слабости и не вспоминать о дне смерти и Суда; она — открытый путь для всех зол (свт. Иоанн Златоуст, 55, 940—941).

***

...Если любишь лживую лесть, то терпи при себе обманывающих тебя (прп. Исидор Пелусиот, 60, 199).

***

Лесть... сильнее и ужаснее страха. Чего не в состоянии сделать нужда, то может произвести услужливость, и неодолимых страхом нередко порабощала лесть. Посему надлежит мужественно стоять и против страха, и против ласкательства (та и другая страсть неблагородна) и чтить одну истину (прп. Исидор Пелусиот, 61, 184).

***

...Всего страшнее льстецы, которые, завися от языка богатых, если тем угодно будет изъявить удивление чему-либо нелепому, клянутся, что это всего лучше, и немедленно хулят, если те вздумают похулить и самую добродетель. Поэтому людям здравомыслящим надлежит избегать и того, чтобы самим льстить, и того, чтобы им льстили. И то и другое... порождает и неисправимое злонравие и нестерпимое мучение (прп. Исидор Пелусиот, 61, 302).

***

Поскольку ласкательство сильно к тому, чтобы окрасть ум не только у мужественных, но и у благоразумных, то

справедливо утверждаю, что оно сильнее страха, потому что уступить страху многие стыдятся, а ласкательству с приятностью уступают победу, предаваясь ему без рассуждения и исследования (прп. Исидор Пелусиот, 61, 357—358).

***

...Нам, если только целомудренны, надлежит отвращаться льстецов более, нежели людей наглых. Ибо такая честь невнимательным делает больше вреда, нежели оскорбление, и труднее человеку одержать верх над собою, когда ему льстят, нежели когда его оскорбляют (прп. Исидор Пелусиот, 62, 180).

***

Льстец есть слуга бесов, руководитель к гордости, истребитель умиления, губитель добродетелей, отводитель от истинного пути (прп. Иоанн Лествичник, 57, 144).

ЛИЦЕМЕРИЕ

Не пред людьми только будь праведен, но сам в себе будь мудр, кроток, благодушен, терпелив, ревностен, человеколюбив (прп. Антоний Великий, 89, 115).

***

Да не будет иное в устах ваших, а другое в сердце, ибо *Бог поругаем не бывает* (Гал. 6, 7), но равно все видит и сокровенное, как явное (прп. авва Исаия, 59, 9).

***

...Многие, как на позорище собственной жизни, лицедействуют, иное нося в сердце, а иное выставляя напоказ

людям. Поэтому не помрачай лица. Каков ты сам в себе, таким и кажись (свт. Василий Великий, 8, 6).

***

Тот лицемер, кто на зрелище принимает на себя чужое лицо; будучи рабом, представляет нередко лицо господина, и, будучи простолюдином, — лицо царя (свт. Василий Великий, 8, 6).

***

Не видишь ли, какое зло — лицемерие? И оно — плод зависти, потому что двоедушие нрава бывает в людях по большей части от зависти, когда, скрывая в глубине ненависть, показывают наружность, прикрашенную любовью, и подобны подводным скалам, которые, будучи немного закрыты водою, причиняют неосторожным непредвиденное зло (свт. Василий Великий, 8, 165).

***

Горе лицемеру! Пастырь от него отказывается, и волк похищает его (прп. Ефрем Сирин, 30, 72).

***

Перед зрителями <лицемер>... благоговеен, а во внутренности почти что дикий зверь. Услаждает речь свою, передавая ее людям, а сам всегда горек и лукав по намерению (прп. Ефрем Сирин, 30, 288).

***

...<Не смешон ли> был бы для тебя ворон, эта самая некрасивая из птиц, если бы он, окрасившись чем-нибудь

белым, стал представлять из себя лебедя? — Для меня он очень смешон. А если человек, низкий по нравам, величается благородством, уважать ли мне его? (свт. Григорий Богослов, 16, 213).

***

Многие, строго наблюдая за внешним, упражняясь в науках и заботясь о жизни правильной, думают, что такой человек совершен, не вникая в сердце, не примечая там пороков, какие обладают душою (прп. Макарий Египетский, 89, 217).

***

Никогда волк не беседовал дружески с овцою, а также немилосердый и ненасытный помысл не может быть в приязни с доброжелательством (прп. Нил Синайский, 72, 387—388).

***

Если увидишь, что кто-либо лицемерно тебя хвалит, то ожидай от него в свое время порицания (прп. Марк Подвижник, 69, 22).

***

Скрывающий в выражении похвал оклеветание и опорочение непонятен для простецов; подобен ему и тот, кто в смиренном виде тщеславен. Они долго ухитряются скрывать истину во лжи, но наконец, увлекшись (своим настоящим нравом), обличаются делами (прп. Марк Подвижник, 89, 523).

***

Лицемерие есть матерь лжи, а часто оно бывает и поводом к оной. Ибо некоторые утверждают, что лице-

мерие есть не иное что, как поучение во лжи и изобретатель лжи, с которою сплетается достойная казни клятва (прп. Иоанн Лествичник, 57, 101—102).

***

Лицемерие есть противоположное тела с душой устроение, переплетенное всякими вымыслами (прп. Иоанн Лествичник, 57, 159).

***

Лицемер, пока думает, что не разгадан, покоен бывает и молчит, довольствуясь славою, какую имеет оттого, что кажется праведным; когда же бывает открыт, то язвительные изрыгает слова, поношением других думая прикрыть собственную срамоту (прп. Максим Исповедник, 91, 232).

***

Лицемерие есть притворение дружбы, или ненависть, прикрываемая видом дружбы, или вражда, под прикрытием благоволения действующая, или зависть, подражающая характеру любви, или жизнь, красная притворным видом добродетели... или притворение праведности... или обман, имеющий вид истины, — что все ухитряются устроять в нравственной испорченности подражающие змию (прп. Максим Исповедник, 91, 279).

***

Лицемерие... рождается от самомнения, которое противно нищете духом (свт. Григорий Палама, 93, 264).

***

...Из лицемерного поведения возникают образ мыслей и учение фарисейские; наоборот, учение и образ мыслей фарисейские воспитывают лицемера... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 420).

***

Как червь, зародившийся внутри плода, истребляет всю внутренность плода, оставляя только его оболочку, так и лицемерство истребляет всю сущность добродетели (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 68).

***

Лицемерство, стараясь удовлетворить своим страстям, всецело работая греху, желает сохранить пред очами людей личину добродетели (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 275).

***

...Лицемер, недугуя недовольно приметными для человеков страстями... прикрывая их лицемерством и притворством, неспособен, как неспособен сатана, к признанию себя грешником (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 277).

***

Мы все грешники: всякое выставление себя праведником, и прямое и косвенное, есть лицемерство (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 278).

****

Был у блаженного Онисифора Печерского сын духовный и друг по любви, некто из черноризцев. Он лицемер-

но подражал житию этого святого; являлся постником и целомудренным притворялся, втайне же ел, и спал, и худо препровождал лета жизни своей. И утаилось это от духовного того мужа, и никто из братии не узнал этого. В один день, совсем здоровый, он умер без причины, и такой смрад был от тела, что никто не мог приблизиться к нему. И страх напал на всех. Насилу вытащили его, но отпевать не могли: положили тело особо и стали поодаль, творили обычное пение; иные же затыкали ноздри свои. Вынесши, положили его внутри пещеры, и пошел такой смрад, что и бессловесные бегали от пещеры той. Много раз слышался и вопль горький, как будто кто-нибудь мучил умершего брата. И явился святой Антоний пресвитеру Онисифору, и с угрозами говорил ему: «Что это ты сделал? Зачем положил здесь такого скверного и многогрешного, какого еще никогда не было положено? Он осквернил это святое место». Очнувшись от видения, Онисифор пал на лицо свое и молился Богу, говоря: «Господи, для чего Ты скрыл от меня дела этого человека?» И, приступив, Ангел сказал ему: «Это было в назидание всем согрешающим и нераскаянным, чтобы, видевши это, покаялись». И сказав это, сделался невидим (100, 27—28).

ЛОЖЬ

...Те, которые лгут, отвергают Господа, и не возвращают Ему залога, который получили; а они получили от Него дух нелживый. Если они возвращают его лживым, то бесчестят заповедь Господа и делаются похитителями (св. Ерм, 94, 182).

***

Надобно остерегаться... обмана не только явного и очевидного, но и такого, который прикрыт тонким лу-

кавством и хитростью (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 178).

***

Бегай лжи, иначе она отгонит от тебя страх Божий (прп. Антоний Великий, 89, 103).

***

Обучим язык наш славословию Божию, молитве и правде, чтобы избавиться от лжи (когда она изыдет нам в сретение) (прп. авва Исаия, 59, 91).

***

...Ложь рождается от любления славы человеческой; но кто удаляется оной со смирением, в сердце того возрастает страх Божий (прп. авва Исаия, 59, 214).

***

Если кто солжет пред тобою, не гневайся, но скажи: прости мне (прп. авва Исаия, 89, 446).

***

...Привычка ко лжи делается матерью лжи, и искусившийся в воровстве легко отваживается на неправое дело, потому что предшествующий грех делается поводом к новому греху (свт. Василий Великий, 6, 273).

***

Надобно ли лгать, имея в виду что-нибудь полезное? Сего не дозволяет сказанное Господом, Который решительно говорит, что ложь от диавола (см.: Ин. 8, 44), не пока-

зывая никакого различия во лжи (свт. Василий Великий, 9, 213—214).

***

...Злополучен и жалок, кто коснеет во всякой лжи, потому что диавол *искони ложь есть* (ср.: Ин. 8, 44). Кто коснеет во лжи, тот не имеет дерзновения, потому что ненавистен и Богу, и людям (прп. Ефрем Сирин, 30, 19—20).

***

У <лживого> дерзкое сердце, и он не закрывает сего; он охотно выслушивает тайны и легко открывает их; он умеет низлагать языком своим и тех, которые твердо стоят в добре (прп. Ефрем Сирин, 30, 20).

***

<Лживый> человек ни в каком деле не заслуживает одобрения и во всяком ответе подозрителен (прп. Ефрем Сирин, 30, 20).

***

<Лживый> ничего не говорит без клятвы и думает убедить многоглаголанием. Лжец многоизобретателен и изворотлив. Нет язвы глубже этой, нет позора выше этого. Лжец для всех гнусен и всем смешон. Поэтому будьте внимательны к себе, братия, не коснейте во лжи (прп. Ефрем Сирин, 30, 20).

***

Без обмана делай дело свое, брат, ибо так прилично верным, и обретешь благодать в трудах своих (прп. Ефрем Сирин, 30, 209—210).

***

Если хочешь, чтоб ни в чем не обманул тебя противник, то веруй, что все, сделаешь ли что, или помыслишь, не сокрыто от Бога (прп. Ефрем Сирин, 30, 503).

***

Если увидишь обман, не тотчас обличай (прп. Ефрем Сирин, 31, 631).

***

Нетверд голос у обманщика, смутна речь его; непрестанно меняется цвет лица у того, кто строит козни и расставляет сети (прп. Ефрем Сирин, 34, 275).

***

<Лукавый> ложь свою слагает с истиною, чтоб обман его оставался прикровенным (прп. Ефрем Сирин, 34, 306).

***

<Лукавый> вовлекает нас в хитрословие, чтобы человек оправдывал себя, когда и виновен, извинял себя в грехе и беззаконии, а извинением и виновностью усугублял свое бедствие (прп. Ефрем Сирин, 34, 306—307).

***

Если <лукавый> вознамерится пленить тебя неправдою, <то> великий оплот тебе — правда (прп. Ефрем Сирин, 34, 354).

***

...И лжеапостолы страдали за Христа, и они благовествовали о Царстве Небесном... (прп. Макарий Египетский, 67, 264).

***

...Ложь есть какое-то рождающееся в уме представление о не сущем, будто бы существует то, чего нет... (свт. Григорий Нисский, 18, 266).

***

Праздник Божий — истинное ведение, кто же внимает лжи и заблуждению, тот умрет дурною смертью (авва Евагрий, 89, 610).

***

Ложь — гнусное бесчестие человека; избежим обвинения, вызываемого ложью; не делай себя в глазах друга не заслуживающим доверия, боясь не встретить к себе более веры даже и тогда, когда говоришь истину; тот, кто оказался лжецом в одном, уже не стоит того, чтоб ему верили, даже и в том случае, если бы когда он сказал правду... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 925).

***

Обман благовременный и учиненный с добрым намерением такую приносит пользу, что многие, не воспользовавшись этим средством, часто терпели наказание (свт. Иоанн Златоуст, 46, 29).

***

...Когда увидишь, что кто-нибудь, увлекаясь собственными соображениями, станет противоречить Божественному Писанию, устранись от него, как от безумного... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 80).

***

Как горючее вещество от дома, удаляй ложь от своих уст... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 610).

***

Нет ничего светлее и сильнее истины, равно как нет ничего бессильнее лжи, хотя бы она прикрывалась бесчисленными покровами. Ложь легко уловить и опровергнуть, а истина открыто предлагает себя всем, желающим видеть красоту ее (свт. Иоанн Златоуст, 51, 184).

***

...Ложь всегда изобличает сама себя тем, чем думает повредить истине, а истину обнаруживает яснее (свт. Иоанн Златоуст, 51, 378).

***

Так могущественна истина и так бессильна ложь! Первая, когда бывает и у простых людей, делает их славными; последняя же, хотя бы была на стороне сильных, являет их слабыми (свт. Иоанн Златоуст, 51, 380).

***

Ложь бессильна и легко изобличается, хотя снаружи и разрисована многоразличными красками. Как те, которые

покрывают смазкою стены, близкие к разрушению, чрез эту смазку не могут поправить их, так и люди, когда говорят ложь, легко изобличаются (свт. Иоанн Златоуст, 51, 454).

***

Ложь есть разрушение любви... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 965).

***

...Нужно большое внимание, чтобы нам не быть окраденными ложью, ибо лжец не имеет общения с Богом. Ложь чужда Богу (прп. авва Дорофей, 29, 106).

***

Есть три различных вида лжи: иной лжет мыслью, другой лжет словом, а иной лжет самою жизнью своею (прп. авва Дорофей, 29, 106).

***

Мыслью лжет тот, кто принимает за истину свои предположения, т. е. пустые подозрения на ближнего... (прп. авва Дорофей, 29, 106).

***

...Постараемся же, братия, никогда не верить своим самомышлениям. Ибо поистине ничто так не удаляет человека от Бога и от внимания к своим грехам и не побуждает его всегда любопытствовать о неполезном ему, как сия страсть: от сего не бывает ничего доброго, а множество смущений, от сего человек никогда не находит возможности приобрести страх Божий. Если же, по причине

порочности нашей, посеваются в нас лукавые помышления, то тотчас должно обращать их в добрые, и они не повредят вам, ибо если верить своим догадкам, то им и конца не будет, и они никогда не попустят душе быть мирною. Вот это ложь мыслью (прп. авва Дорофей, 29, 110—111).

***

...Словом лжет тот, кто, например, от уныния поленившись встать на бдение, не говорит: прости меня, что поленился встать; но говорит... десять лживых слов для того, чтобы не сделать одного поклона и не смириться (прп. авва Дорофей, 29, 111).

***

...Как всякий грех происходит или от сластолюбия, или от сребролюбия, или от славолюбия, так и ложь бывает от сих трех причин. Человек лжет или для того, чтобы не укорить себя и не смириться, или для того, чтобы исполнить желание свое, или ради приобретения, и не перестает делать извороты и ухищряться в словах до тех пор, пока не исполнит желания своего. Такому человеку никогда не верят, но хотя он и правду скажет, никто не может дать ему веры; и самая правда его оказывается невероятною (прп. авва Дорофей, 29, 111—112).

***

Иногда случается такое дело, что бывает крайность скрыть мало; и если кто не скроет мало, то дело приносит большое смущение и скорбь. Когда встретится такая крайность, и видит кто-либо себя в такой нужде, то может посему изменить слово для того, чтобы не вышло... боль-

шого смущения и скорби или обиды. Но когда случится такая великая необходимость уклониться от слова правды, то и тогда человек не должен оставаться беспечальным, а каяться и плакать пред Богом и считать такой случай временем искушения. И на такое уклонение решаться не часто, а разве однажды из многих случаев (прп. авва Дорофей, 29, 112).

***

Жизнью своею лжет тот, кто, будучи блудником, притворяется воздержным; или, будучи корыстолюбив, говорит о милостыне и хвалит милосердие; или, будучи надменен, дивится смиренномудрию. И не потому удивляется добродетели, что желает похвалить ее, ибо если бы он говорил с сею мыслью, то он сперва со смирением сознался бы в своей немощи, говоря: «Горе мне окаянному, я сделался чуждым всякого блага», и тогда уже, по сознании своей немощи, стал бы он хвалить добродетель и удивляться ей. И опять он не с тою целью хвалит добродетель, чтобы не соблазнять другого; ибо он должен бы был (в сем случае) думать так: «Поистине я окаянен и страстен, но зачем мне соблазнять других? Зачем наносить вред душе иного и налагать на себя и другую тяжесть?» И тогда, хотя бы он в том (вышеупомянутом) и согрешил, однако же коснулся бы и добра, ибо осуждать себя есть дело смирения, а щадить ближнего есть дело милосердия. Но лжец не по какой-либо из упомянутых причин удивляется, как я сказал, добродетели; но или для того похищает имя добродетели, чтобы покрыть свой стыд и говорить о ней, как будто и сам он совершенно таков, или часто для того, чтобы повредить кому-нибудь и обольстить его. Ибо ни одна злоба, ни одна ересь, ни сам дьявол не может никого обольстить (иначе), как только под видом добродетели (прп. авва Дорофей, 29, 112—113).

***

...Лживый человек, или боясь стыда, чтобы не смириться, или... желая обольстить кого-нибудь и повредить ему, говорит о добродетелях, и хвалит их, и удивляется им, как будто сам поступал так и знает их по опыту: таковой лжет самою жизнью своею; это не простой человек, но двойственный, ибо иной он внутри и иной снаружи, и жизнь его двойственна и лукава (прп. авва Дорофей, 29, 113—114).

***

...Будем избегать лжи, чтоб избавиться от части лукавого, и постараемся усвоить себе истину, чтобы иметь единение с Богом, сказавшим: *Аз есмь истина* (Ин. 14, 6) (прп. авва Дорофей, 29, 114).

***

Кто стяжал страх Божий, тот устранился лжи, имея в себе неподкупного судию — свою совесть (прп. Иоанн Лествичник, 57, 102).

***

...Иной суд тому, который лжет по страху наказания, и иной тому, который лжет без предлежащей опасности (прп. Иоанн Лествичник, 57, 102).

***

Сплетатель лжи извиняется благим намерением; и что, в самом деле, есть погибель души, то он почитает за праведное дело (прп. Иоанн Лествичник, 57, 102).

***

Когда мы будем совершенно чисты от лжи, тогда уже, если случай и нужда потребует, и то не без страха, можем употребить ее.

Не знает младенец лжи; не знает оной и душа, очистившаяся от лукавства.

Развеселившийся от вина поневоле во всем говорит истину; так и упившийся умилением солгать не может (прп. Иоанн Лествичник, 57, 102).

***

Если... слова <учителя> и дела несогласны с учением святых отцев, то не следует принимать его, а напротив, отвращаться от него, хотя бы он воскрешал мертвых и иные многие творил чудеса; особенно когда увидим, что он не принимает никаких внушений, коими хотят убедить его — изменить свое неправое мудрование, а остается упорно в своей прелести, воображая, будто жительство свое имеет на небесах (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 90).

***

Храни ум и сердце от учения лжи. Не беседуй о христианстве с людьми, зараженными ложными мыслями, не читай книг о христианстве, написанных лжеучителями (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 115).

***

Лжеучение не останавливается ни пред каким вымыслом, ни пред каким обманом, чтоб басням своим дать вид

истины, и тем удобнее отравить ими душу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 118).

***

Признаки учения лжи: темнота, неопределительность, мнение <особый вид самообольщения> и следующее за ним, раждаемое им мечтательное, кровяное и нервное наслаждение. Оно доставляется тонким действием тщеславия и сладострастия (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 119).

***

Ложь есть источник и причина вечной смерти... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 208).

***

Страшно запятнать мысль ложью; кровь человеческая не в силах омыть этих лютых пятен. Для такого омовения человечество нуждалось в Крови Богочеловека (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 480).

****

Когда монахи Нитрийской пустыни пришли к блаженному Иоанну Ликопольскому, то он приветствовал их, обращаясь к каждому с веселым лицом, и мы прежде всего просили его помолиться о нас... Потом он спросил, нет ли с ними клириков? (С нами действительно был один диакон, но об этом никто не знал, кроме его брата, которому он, по смирению, запретил сказывать о сем, почитая себя, в сравнении с такими святыми, едва достойным и имени христианина, не только этого сана.) Когда же отвечали, что нет, он, осмотрев всех, узнал, что между нами есть клирик, и, указав на него рукою, преподобный сказал

всем: «Вот диакон». Когда же он, желая скрыть свое звание, продолжал отказываться, святой, взяв его за руку, облобызал его и, вразумляя, сказал: «Чадо! не отметай благодати Божией и не лги, отрицаясь от дара Христова; ложь чужда Христу и христианам, по малому или по важному делу будет она сказана. Если даже для доброй цели говорят ложь — и это непохвально; ибо ложь, по слову Спасителя, *от диавола есть* (ср: Ин. 8, 44)». Диакон молчал, принимая кроткое обличение старца (101, 132—133).

ЛУКАВСТВО

...Кто желает, чтобы труды и дела его не погибли, тот скоро должен отражать от себя... лукавство и злобу (прп. авва Исаия, 59, 49).

***

Кто обращается с братом своим лукаво, тот не избежит печали сердечной (прп. авва Исаия, 59, 49).

***

Кто говорит одно, а в сердце своем имеет другое в лукавстве, все служение такого тщетно (прп. авва Исаия, 89, 317).

***

Простота и немерение себя (вменение себя ни во что) очищают сердце от лукавства (прп. авва Исаия, 89, 317).

***

...Невидение лукавства в человеке, рождает любовь (прп. авва Исаия, 89, 318).

***

Не могу умолчать о лукавстве и вороватости полипа, который всякий раз принимает цвет камня, к которому легко пристает; почему многие рыбы, без опасения плавая, приближаются к полипу, точно как к камню, и делаются готовою добычею хитреца. Таковы нравом те, которые угождают всякой преобладающей власти, каждый раз сообразуются с обстоятельствами, не держатся постоянно одного и того же намерения, удобно делаются то тем, то другим, с целомудренными уважают целомудрие, с невоздержанными невоздержны, в угодность всякому переменяют расположение. От таких людей нелегко уклониться и спастись от наносимого ими вреда, потому что задуманное ими лукавство глубоко закрыто личиною дружбы. Людей такого нрава Господь называет волками хищными, которые являются в одеждах овчих (см.: Мф. 7, 15). Бегай на все изворотливого и многоличного нрава, домогайся истины, искренности и простоты (свт. Василий Великий, 5, 112).

***

...Скрытное лукавство вредоноснее предъявленного. Поэтому если бы знали мы клеветников, то удобнее избежали бы их невоздержных языков и недобрых расположений... (свт. Василий Великий, 7, 9).

***

...Лукавство есть изобретательность на злые умыслы, когда человек, прикрывшись чем-то добрым и предлагая это другому, как приманку, тем самым приводит в исполнение свой умысел (свт. Василий Великий, 9, 214).

***

...Лукавый никогда не бывает в мире, но всегда в смятениях, всегда исполнен раздражительности, коварства и гнева, всегда подсматривает за ближним своим, всегда наушничает, всегда завидует, всегда соперничает, всегда ожесточается; получая приказ, противоречит ему; выслушав повеление, извращает его; после доброго совета делает худо; заключив условие, нарушает его; кто его любит, над тем издевается; кто заслуживает одобрение, теми гнушается; кто показывает успехи, теми недоволен; вразумления ставит ни во что, братий развращает, простодушных притесняет, кротких отдаляет от себя, великодушных осмеивает, пред сторонними лицемерит, одному на другого клевещет, всякому идет наперекор, принимает участие в ссорах, доводит человека до раздражения, помогает в мщении, готов на злоречие, с приятностью говорит о других худо, скор на оскорбления, в многословии силен, усерден в нанесении другим ударов, к произведению мятежа первый помощник, в псалмопении же немощен, в посте расслаблен, для всякого доброго дела не имеет ни сил, ни понятливости, к духовным беседам неспособен, потому что ***всякое беззаконие заградит уста*** его (Пс. 106, 42) (прп. Ефрем Сирин, 30, 18—19).

***

...У лукавого нрава есть некие особые признаки, и кто имеет их, тому невозможно быть сыном Божиим, нося в себе образ противоположного естества. Угодно ли знать отличительные свойства лукавого нрава? Это — зависть, ненависть, клевета, кичливость, любостяжательность, страстное пожелание, недуг славобесия; сим и подобными сему чертами отличается образ сопротивника. Посему, если подобными сквернами очернивший душу будет при-

зывать отца, то какой отец услышит его? Очевидно, состоящий в родстве с призвавшим, а этот отец — не небесный, но преисподний. Признаки близости с кем носит на себе человек, тот и признает несомненно родство свое с ним (свт. Григорий Нисский, 18, 412).

***

Лукавый человек, конечно, опаснее зверя... Зверь, не имея разума, не находит зла против человека, потому что он не соображает и не пользуется указаниями ума и хитрости, а лукавый человек, владея разумом, пользуется им в своих целях и, когда хочет, при его помощи изобретает ловушки (свт. Иоанн Златоуст, 48, 829—830).

***

...Как от горького корня и ветви, и листья, и цвет, и плоды — все горькое, так и у лукавого человека и походка, и взгляд, и вид, и действия — лукавы (свт. Иоанн Златоуст, 48, 830).

***

Лукавый... наносит удар прежде всего себе, и больше никому. Таким образом, он враг самому себе. Душа такого человека всегда полна печали, в то время как мысли его всегда угрюмы (свт. Иоанн Златоуст, 52, 75).

***

Весьма точно знаешь, что лукавство во всяком случае доводит до наказания... Посему лукавства избегай, старайся же стать добрым, и Божия долготерпения не по-

читай непопечительностью, потому что Господь изведет овец на самый строгий суд (прп. Исидор Пелусиот, 62, 221—222).

***

...Кто поступает лукаво, тот не ожидай, что *обезвинится* (Притч. 16, 5), прогневляя Господа (прп. Нил Синайский, 73, 171).

***

Лукавство есть искусство или, лучше сказать, безобразие бесовское, которое потеряло истину и думает утаить это от многих (прп. Иоанн Лествичник, 57, 159).

***

Лукавый — диаволу соименник и сообщник; потому и Господь научил нас называть диавола лукавым... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 159).

***

Лукавство есть извращение правоты, обольщенный разум, лживое оправдание себя благонамеренностью, клятвы, повинные муке, двусмысленные слова, скрытность сердца, бездна лести, навык лгать, превратившееся в природу самомнение, противник смирения, личина покаяния, удаление плача, вражда против исповеди, упорство в своем мнении, причина падений, препятствие восстанию от падения, коварная улыбка при обличениях, безрассудное сетование, притворное благоговение, словом, оно есть бесовское житие (прп. Иоанн Лествичник, 57, 159).

***

...Сколь удобно праводушным людям измениться в лукавых, столь трудно лукавым переродиться в простосердечных (прп. Иоанн Лествичник, 57, 160).

***

Лукавство происходит от возношения и от гнева (прп. Иоанн Лествичник, 57, 184).

***

Никто не будь лукав и двоесердечен, одно имея в сердце, а другое говоря, чтобы не быть пораженным грозным приговором священнопевца Давида, который говорит: *потребит Господь вся устны льстивыя, язык велеречивый* (Пс. 11, 4) (прп. Феодор Студит, 92, 69—70).

***

Очисти, <Христе мой>, и сердце мое от всякого лукавства, потому что оно есть корень и источник греха. Лукавство есть семя лукавого сеятеля, а где оно есть, там и произрастает, и поднимается вверх, и производит весьма много ветвей лукавства и злобы (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 25).

***

...Лукавство пред собою самим — самое злое из всех лукавств (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 186).

ЛЮБОВЬ

...Имеющий любовь далек от всякого греха (сщмч. Поликарп Смирнский, 94, 322).

***

...Познавший и возлюбивший союз любви должен воздерживать язык свой от злого раздора (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 197).

***

Любовь есть союз братства, основание мира, крепость и утверждение единства, она больше веры и надежды, она предшествует благотворению и мученичеству, она вечно пребудет вместе с нами у Бога в Царстве Небесном (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 302).

***

Отними у <любви> терпение, и она, как разоренная, перестанет существовать (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 302).

***

...Любовь может пребывать неизменно твердою, потому что умеет переносить все (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 303).

***

...Ради любви покоряется заповеданиям тот, кто находится в повиновении, и ради ее богатый и свободный делается нестяжательным и рабом, дабы попустить желающим иметь то, что принадлежит ему и его самого (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 83).

***

Начало греха есть похоть, через которую погибает умная душа. Началом же спасения и Царствия Небесного бывает для души любовь (прп. Антоний Великий, 89, 90).

***

...Если мы приобретаем брата, то мы приобретаем Бога, а если соблазняем брата, то грешим против Христа (прп. Антоний Великий, 89, 137).

***

...От неведения лукавства других в человеке рождается любовь... (прп. авва Исаия, 59, 50).

***

Кто повергается пред Богом с покорностью и со смирением внимает заповедям Его, тот приобретает любовь к Богу и ближнему, любовь же сия изгоняет страсти и смущения (прп. авва Исаия, 59, 177).

***

...От незнания злобы человеческой рождается любовь... (прп. авва Исаия, 59, 209).

***

...Имеющий любовь имеет в себе Бога... (свт. Василий Великий, 9, 68).

***

...Где оскудевает любовь, там непременно на место ее входит ненависть (свт. Василий Великий, 9, 68).

***

...Надобно, чтобы любовь у всех и ко всем была равная и одинаковая, а почтение воздавалось каждому по достоинству (свт. Василий Великий, 9, 68).

***

...<Любовь> силою своею приводит в действие и объемлет всякую заповедь. Ибо *любяй Мя*, говорит Господь, *заповеди Моя соблюдет* (Ин. 14, 21—23) (свт. Василий Великий, 9, 82).

***

...Кто любит Господа, тот, конечно, любит и ближнего (свт. Василий Великий, 9, 88).

***

У любви два примечательных свойства: скорбеть и мучиться о том, что любимый терпит вред, а также радоваться и трудиться о пользе его (свт. Василий Великий, 9, 251).

***

...Любовь даже до смерти научены мы оказывать без всякого различия, и к праведным, и к грешным (свт. Василий Великий, 9, 256).

***

...Кто не имеет в себе любви, тот лишается Божественной благодати (свт. Василий Великий, 9, 391).

***

...Истинную любовь образует дар Духа, сочетавающий разлученных дальним расстоянием места и делающий друзей известными друг другу не по телесным чертам, но по душевным свойствам (свт. Василий Великий, 10, 245).

***

Блажен человек, в котором есть любовь Божия, потому что носит он в себе Бога. *Бог любы есть, и пребываяй в любви в Бозе пребывает* (1 Ин. 4, 16). В ком любовь, тот вместе с Богом превыше всего. В ком любовь, тот не боится, потому что *любовь вон изгоняет страх* (ср.: 1 Ин. 4, 18). В ком любовь, тот никем никогда не гнушается, малым и великим, славным и бесславным, бедным и богатым, напротив того, сам для всех бывает отребьем, *вся покрывает, вся терпит* (ср.: 1 Кор. 13, 7). В ком любовь, тот ни перед кем не превозносится, не надмевается, ни на кого сам не наговаривает и от наговаривающих отвращает слух. В ком любовь, тот не ходит лестию, сам не запинается и брату ноги не запинает. В ком любовь, тот не соперничает, не завидует, не смотрит ненавистным оком, не радуется падению других, не чернит падшего, но соболезнует о нем и принимает в нем участие, не презирает брата в нужде, но заступается и готов умереть за него. В ком любовь, тот исполняет волю Божию, тот ученик Божий. Ибо Сам Благий Владыка наш сказал: *о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любите друг друга* (ср.: Ин. 13, 34—35). В ком любовь, тот никогда ничего не присвояет себе, ни о чем не говорит: «это мое», но все, что ни есть у него, предлагает всем в общее употребление. В ком любовь, тот никого не почитает себе чужим, но все ему свои. В ком любовь, тот *не раздражается, не гордится*, не воспламеняется гневом, *не радуется о неправде,* не коснит во лжи, никого не почитает своим врагом, кроме одного диавола. В ком любовь, тот *вся терпит, милосердствует, долготерпит* (ср.: 1 Кор. 13, 4—7). Посему блажен, кто приобрел любовь и с нею преселился к Богу; потому что Бог знает Своих и приимет его на лоно Свое. Делатель любви будет сожителем Анге-

лов и со Христом воцарится. Из любви и Бог Слово снизшел на землю. Любовию отверст нам рай и всем показан вход в Небо. Любовию примирены с Богом мы, которые были Ему врагами. Поэтому справедливо говорим, что *Бог любы есть, и пребываяй в любви в Бозе пребывает* (1 Ин. 4, 16) (прп. Ефрем Сирин, 30, 7—9).

***

Злополучен и жалок, кто далек от любви. Он проводит дни свои в сонном бреду. И кто не станет плакать о том человеке, который далек от Бога, лишен света и живет во тьме? Ибо сказываю вам, братия: в ком нет любви Христовой, тот враг Христу. Не лжив сказавший, что *ненавидяй брата своего человекоубийца есть* (ср.: 1 Ин. 3, 15), *и во тме ходит* (1 Ин. 2, 11), и удобно уловляется всяким грехом. В ком нет любви, тот скоро раздражается, скоро приходит в гнев, скоро распаляется ненавистью. В ком нет любви, тот радуется о неправде других, не состраждет к падающему, не простирает руки к лежащему, не подает совета низложенному, не поддерживает колеблющегося. В ком нет любви, тот ослеплен умом, тот друг диаволу, тот изобретатель всякого лукавства, тот заводчик ссор, тот друг злоречивых, собеседник наушников, советник обидчиков, наставник завистников, работник гордыни, сосуд высокомерия. Одним словом: кто не приобрел любви, тот орудие противника, блуждает по всякой стезе и не знает, что во тьме ходит (прп. Ефрем Сирин, 30, 9—10).

***

Человек христолюбивый — это неодолимая башня, а совершенный в любви — несокрушимая стена (прп. Ефрем Сирин, 30, 161—162).

***

...Любовь о Христе заключает в себе следующее: благость, скромность и ведение, а конец этому — Жизнь Вечная (прп. Ефрем Сирин, 30, 197).

***

<Любовь> — столп всех добродетелей, в ней нет печали смертной; она учит правде и мужеству, терпению и миру, она — дом Божий (прп. Ефрем Сирин, 30, 594).

***

...Храни любовь как зеницу ока; в ней свет и жизнь; храни ее, она — радость для всех приверженных к ней. Она — Божеское стяжание, она — ангельское достоинство (прп. Ефрем Сирин, 30, 594).

***

О безмерная сила любви! Ни на небе, ни на земле нет ничего драгоценнее любви. Она — божественная любовь — есть возглавление добродетелей; любовь — причина всех благ, любовь — соль добродетелей, любовь — конец закона... Она низвела к нам с небес Сына Божия. Любовию явлены нам все блага: разрушена смерть, пленен ад, воззван Адам; любовию составлена из Ангелов и человеков единая паства; любовию отверст рай, обещано нам Небесное Царство. Она умудряла рыбарей; она укрепляла мучеников; она пустыни преобразовала в общежития; она горы и вертепы наполнила псалмопениями; она мужей и жен научила идти узким и тесным путем... О блаженная любовь, подательница всех благ! (прп. Ефрем Сирин, 31, 353—354).

***

Блажен человек, который всем пренебрег и приобрел любовь. Мзда его возрастает с каждым днем; ему уготован венец, все Ангелы ублажают его. Владыка никогда не отлучается от него, потому что *Бог любы есть, и пребываяй в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем* (1 Ин. 4, 16) (прп. Ефрем Сирин, 31, 355).

***

...Ничего... не будем предпочитать приобретению любви, ни о чем не станем столько стараться, как о сем... Что пользы... если имеет кто все, но не имеет любви спасающей? Если кто сделает большой обед... и все приготовит богато, чтобы ни в чем не было у него недостатка, но нет у него соли, можно ли будет вкусить такого обеда? Без сомнения, невозможно... То же и здесь. Что пользы трудиться на ветер, если нет любви? А без нее всякое дело, всякий поступок нечисты. Приобрел ли кто девство, постится ли, пребывает ли во бдении, молится ли, дает ли приют бедным, думает ли приносить дар, или начатки, или плоды, строит ли церкви, другое ли что делает, без любви все это ни во что не вменится у Бога, потому что не благоугодно сие Господу (прп. Ефрем Сирин, 32, 6).

***

Кто приобрел... любовь, тот не подлежит уже страстям злобы и лукавства, но, живя чисто и непреткновенно, получит Небесное Царство (прп. Ефрем Сирин, 32, 290).

***

К облекшимся... в нелицемерную любовь никак не смеет <диавол> и приближаться, потому что видит в них

Человеколюбца Бога, Виновника и Подателя любви... (прп. Ефрем Сирин, 32, 292).

***

Что соль для жертв твоих, то любовь для молитв твоих. Если пренебрежешь этим и не принесешь сих дополнений, то и жертва не будет принята, и молитва не будет услышана (прп. Ефрем Сирин, 33, 212).

***

У кого любовь не имеет чистоты, у того здравый смысл поддерживается только похвалою, как цветок — росой, а при неодобрении — блекнет, как трава от зноя, вянет от палящего дыхания хулы и теряет весь вкус и запах (прп. Ефрем Сирин, 34, 254).

***

Можно ли назвать того любящим, кто не спасает от беды? Истинная любовь та, которая и увещевает, и вразумляет (прп. Ефрем Сирин, 34, 321).

***

Благоразумная супружеская любовь состоит в том, чтобы и любящий, и любимый взаимно вразумляли друг друга (прп. Ефрем Сирин, 34, 321).

***

...Неблагопотребна и чистая любовь, если возмущена ревностию (прп. Ефрем Сирин, 34, 336).

***

...В истинной любви не может существовать разделения на любезных и ненавистных (прп. Ефрем Сирин, 36, 12).

***

Любовь не ищет того, что полезно себе, но того, что полезно многим для спасения их (прп. Ефрем Сирин, 36, 94).

***

...Мудрость... превозмогшая страх и перешедшая в любовь, делает нас Божиими друзьями и из рабов сынами (свт. Григорий Богослов, 13, 180—181).

***

...Любовь по Богу и целомудренна, и предметом имеет постоянное, и сама продолжительна (свт. Григорий Богослов, 15, 74).

***

Братья должны пребывать друг с другом в великой любви. Молятся ли они, или читают Писание, или занимаются какою работою — в основание да полагают любовь друг к другу: в таком случае произволение их может сподобиться Божия благоволения (прп. Макарий Египетский, 67, 18).

***

Многие из братий... имели дарования исцелений, откровение и пророчество; но поелику не пришли еще в

совершенную любовь, в которой *соуз совершенства* (Кол. 3, 14), то восстала в них брань и они, вознерадев, пали. Но кто достигает совершенной любви, тот делается уже узником и пленником благодати.

А кто... не дошел еще до того, чтоб стать узником любви, тот находится еще под страхом, ему угрожают брань и падение; и если не оградит он себя, то низлагает его сатана (прп. Макарий Египетский, 67, 200).

***

...Кто достиг любви, связан и упоен ею, тот погружен и отведен пленником в иной мир, как бы не чувствуя собственной своей природы (прп. Макарий Египетский, 67, 216).

***

Тем, которые, по духовному младенчеству, не могут вполне посвятить себя любви духовной, надлежит принять на себя служение братьям с благоговением, с верою и со страхом Божиим... (прп. Макарий Египетский, 67, 376).

***

...<Любовь> — глава добродетелей, от нее всякая вера и всякая надежда, от нее терпение в ожидании, и во всем благом непоколебимость, и приумножение всякого духовного дарования (свт. Григорий Нисский, 25, 306).

***

...Как имеющий человеческое естество владеет всеми свойствами естества, так и достигший совершенства любви

с Первообразом совершенства имеет и все соединенные с ним виды добродетелей (свт. Григорий Нисский, 25, 308).

***

...Все... (совершенства), которые заключаются в понятии добродетели... произрастают от корня любви; так что имеющий ее и в прочих (добродетелях) не имеет недостатка (свт. Григорий Нисский, 25, 308).

***

Любовь не только деньги иждивает, но и самую привременную жизнь нашу приносит в жертву (авва Евагрий, 89, 572).

***

Любовь не умеет беречь запасы хлеба или денег (авва Евагрий, 89, 589).

***

Вера — начало любви; конец же любви — ведение Бога (авва Евагрий, 89, 608).

***

...Любовь есть глава, корень, источник и мать всех благ... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 494).

***

Когда есть любовь, то стяжавший ее не имеет недостатка ни в какой части любомудрия, но обладает всецелою, всесовершенною и полною добродетелью; равно

как без нее он лишается всех благ (свт. Иоанн Златоуст, 44, 494).

***

...Любовь есть добродетель, зависящая и от человеческого усердия (свт. Иоанн Златоуст, 44, 494).

***

Что может сравниться с тою <любовью>, которая заключает в себе пророков и весь закон и без которой ни вера, ни знание, ни ведение тайн, ни самое мученичество и ничто другое не может спасти того, кто достиг всего этого? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 494—495).

***

...Где есть любовь, там расстояние места нисколько не вредит, а где нет ее, там нет никакой пользы от близости мест (свт. Иоанн Златоуст, 44, 767).

***

<Любовь>, как корень, произращает бесчисленные ветви добродетелей; как источник, производит множество потоков; как мать, объемлет в лоне своем прибегающих к ней (свт. Иоанн Златоуст, 45, 519).

***

Любовь не делает зла ближнему; где господствует любовь, там не бывает Каина, убивающего брата (свт. Иоанн Златоуст, 45, 519).

***

Любовь и без мученичества делает учениками Христа, а мученичество без любви не могло бы сделать этого (свт. Иоанн Златоуст, 45, 652).

***

...Для получения Царства Небесного ничто не может сравниться с тем, как если мы окажемся любящими Христа так, как должно любить Его (свт. Иоанн Златоуст, 46, 68).

***

О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин. 13, 35). Любовь же относится не к чудесам, а к деятельности, потому что *исполнение закона любы есть* (ср.: Рим. 13, 10)... Сам Владыка изрек, что любовь отличает учеников Его. Итак, если ты имеешь любовь, то ты стал апостолом и даже первым из апостолов (свт. Иоанн Златоуст, 46, 68).

***

Кто любит нечистою любовью, тот имеет причину просить прощения; но кто любит такою (как я) любовью, тот должен красоваться ею, должен делать многих сообщниками этого расположения и в тысячах (людей) возбуждать подобную своей любовь (свт. Иоанн Златоуст, 46, 105).

***

Любовь усвояет себе общего всех Господа: такова уже любовь. *В дому Бога моего* (ср.: Пс. 134, 2). Любящий

желает видеть не только самого любимого и не только дом его, но и преддверие; и не только преддверие дома, но и самую улицу и переулок, и если увидит хоть одежду или обувь друга, думает, что перед ним сам друг его (свт. Иоанн Златоуст, 46, 136).

***

Такова любовь: она нечто неусыпное и заботливое, любящие носят в уме не только любимых, но и все, что пообещают им дать, помнят тверже будущих получателей (свт. Иоанн Златоуст, 46, 286).

***

Любящий святую, благообразную, блестящую и прекрасную душу, хотя бы сам был мерзок и безобразен, хотя бы был самый мерзкий из всех людей, от постоянной любви к святым скоро сделается таким же, каков любимый им (свт. Иоанн Златоуст, 46, 310).

***

...Любовь <плотская> — вина, а <духовная> — похвала; та есть ненавистная страсть души, а эта — радость, веселие и лучшее украшение души; та производит вражду в уме любящих, а эта уничтожает и существующую вражду и водворяет в любящих великий мир; от той не бывает никакой пользы, но еще великая трата денег и какие-то неразумные издержки, извращение жизни, всецелое расстройство домов, а от этой — великое богатство правых дел, великое изобилие добродетелей (свт. Иоанн Златоуст, 46, 310).

***

Если <духовная> любовь войдет в вашу душу и возжжет блестящий пламень, то, хотя бы она нашла в наших мыслях что-нибудь тернистое или каменистое, сухое и бесчувственное, она одно уничтожит, а другое размягчит и сделает нашу душу некоторою широкою и тучною пашнею, способною к принятию божественных семян (свт. Иоанн Златоуст, 46, 310).

***

Такова любовь по Боге: она не пресекается ничем человеческим, имея корни и воздаяния горе́ на Небесах (свт. Иоанн Златоуст, 46, 323).

***

Любящему свойственно не требовать отчета во грехах, но прощать беззакония и прегрешения (свт. Иоанн Златоуст, 46, 420).

***

Кто любит, тот не разбирает внешнего вида; любовь не смотрит на безобразие, потому она и называется любовию (ἔρως), что часто любит и безобразное (свт. Иоанн Златоуст, 46, 426).

***

Для того Бог и вложил в родителей любовь к нам, чтобы в них мы имели наставников в добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 47, 781).

***

Любовь обыкновенно возбуждают в нас следующие три предмета: или телесная красота, или великое благодеяние, или любовь к нам другого (свт. Иоанн Златоуст, 48, 155).

***

...Как несогласие и раздор причиняют смерть и смерть преждевременную, так любовь и согласие производят мир и единодушие, а где мир и единодушие, там все в жизни безопасно и вполне надежно (свт. Иоанн Златоуст, 48, 427).

***

Любовь производит усердие, усердие же побуждает держаться правильного пути, а путь неправды делает ненавистным (свт. Иоанн Златоуст, 48, 817).

***

Любовь представляет тебе ближнего как тебя самого, и научает тебя радоваться его благополучию, как твоему собственному, и чувствовать его несчастья, как твои собственные. Любовь соединяет многих в одно тело и делает души их жилищами Святаго Духа, потому что не в разделенных друг от друга, но в соединенных по душе может обитать Дух мира. Любовь делает общими для всех блага каждого... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 578).

***

...Как струны лиры, хотя многочисленные, но настроенные согласно, производят приятнейшие звуки, так и

объединенные единодушием издают благозвучный глас любви (свт. Иоанн Златоуст, 49, 578—579).

***

Любящий желает не подчинять только, но и подчиняться и более радуется, подчиняясь, нежели начальствуя. Любящий желает лучше благодетельствовать, нежели получать благодеяния, потому что лучше желает иметь друга должником своим, нежели самому быть должным ему. Любящий желает благодетельствовать возлюбленному, но не хочет, чтобы видны были его благодеяния, желает быть первым в благодеяниях, но не хочет, чтобы он казался первым в благодеяниях (свт. Иоанн Златоуст, 49, 579).

***

...Если мы будем упражняться в любви и в прочем любомудрии, на ней основанном, то не будем иметь никакой нужды в чудотворениях, напротив, если не будем упражняться в любви, то не получим никакой пользы от чудотворений (свт. Иоанн Златоуст, 50, 487—488).

***

Любовь, имеющая основанием Христа, тверда, постоянна, непобедима, расторгнуть ее не может ничто: ни клеветы, ни опасности, ни смерть, ни другое что-либо подобное (свт. Иоанн Златоуст, 50, 622).

***

Кто любит за то, что его любят, тот, случись с ним неприятность, прервет любовь свою, а кто соединен... лю-

бовью <ради Христа>, никогда не оставит ее (свт. Иоанн Златоуст, 50, 622).

***

...Ничем так не сохраняется любовь, как прощением обид виновным пред нами (свт. Иоанн Златоуст, 50, 799).

***

...Когда душа воспламенится огнем Божественным, то уже ни на что земное не обращает внимания: ни на молву, ни на стыд; одним только занята бывает — объявшим ее пламенем (свт. Иоанн Златоуст, 51, 219).

***

Великое благо — любовь. Она сильнее огня, восходит к самому небу, и нет препятствия, которое могло бы удержать ее сильное стремление (свт. Иоанн Златоуст, 52, 356).

***

...У любящих друг друга, когда любовь поет песнь свою, все страсти усмиряются и успокоиваются... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 356).

***

...Любовь есть крепкая стена, неприступная не только для людей, но и для дьявола (свт. Иоанн Златоуст, 52, 356).

***

Быть виновником любви — это великая мудрость. Уничтожь любовь — и разрушишь все, ниспровергнешь все (свт. Иоанн Златоуст, 52, 357).

***

Ничто так не приобретает нам любви других, как язык, исполненный благодарности, уста, готовые на похвалу, душа негорделивая, отсутствие тщеславия, презрение к почестям (свт. Иоанн Златоуст, 52, 357).

***

Любовь... заключается не в пустых словах и не в простых приветствиях, но в явлении и совершении дел, например, в том, чтобы избавлять от бедности, помогать больным, освобождать от опасностей, покровительствовать находящимся в затруднениях, плакать с плачущими и радоваться с радующимися (свт. Иоанн Златоуст, 52, 557).

***

Не жди, чтобы другой проявил к тебе любовь, но сам стремись к нему и начни первый, так как тогда ты приобретешь награду и за его любовь (свт. Иоанн Златоуст, 52, 761).

***

...Любовь, угодная Богу, есть сильнейшее оружие против диавола (свт. Иоанн Златоуст, 52, 817—818).

***

Никакое слово не достаточно для того, чтобы по достоинству изобразить любовь, так как она не земного, но небесного происхождения... Даже... язык ангелов не в состоянии в совершенстве исследовать ее, так как она беспрерывно исходит из великого разума Божия (свт. Иоанн Златоуст, 52, 995).

***

Подобно тому как душа без тела или, наоборот, тело без души не носит название человека, точно так же и любовь к Богу, если она не сопровождается любовью к ближнему, не есть любовь и, наоборот, любовь к ближнему, раз она не соединяется с любовью к Богу, не называется любовью (свт. Иоанн Златоуст, 52, 995).

***

...Истинною любовью обладают те, которые православно мыслят об Отце, Сыне и Святом Духе и питают взаимную любовь друг ко другу. Любовь исповедует Отца, поклоняется Сыну и славословит Духа Святаго; любовь не разделяет единства Троицы (свт. Иоанн Златоуст, 52, 996).

***

О, любовь! Сожительница Ангелов, совоспитанница отцов, сослужительница пророков, сподвижница мучеников, сопричастница апостолов, союз Церкви! Любовь не знает войны, не имеет врагов, водворяет мир; любовь укрощает жаждущий крови гнев, делает достойными уважения одаренных разумом людей; любовь, не вмещающаяся в мире, обитает в смиренном сердце; любовь, сладчайшая меда и

молока, доставляет сладость не только устам, но изливает ее и в глубину сердца; любовь соединяет всех, ею утверждается земное и умножается небесное... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 996).

***

...Любовь делает совершенными, ублажает и увенчивает мучеников; любовь смотрит на ближнего как на самое себя и считает свою собственность принадлежащей всем; любовь считает как бы собственной нужду ближнего; любовь уготовляет общую трапезу всем, как бедному, так и богатому, мудрому и неразумному; любовь исполняет сладостью претерпевающую огорчения душу, врачует страждущую, оживляет смиренную; любовь распространяет неугасимый свет девства и с усердием ищет своих; любовь отверзает врата Царства Небесного и вводит в него венценосное девство, а равно не препятствует войти в него тем, кто проводит жизнь в честном браке; любовь любит милостыню и уготовляет блистающие золотом венцы творящим ее; любовь не знает гордости и прославляет смиренных; любовь избегает злословия и находит удовольствие в благословении; любовь внушает согласие мужам и женам, пребывающим в супружестве, и не желает, чтобы они когда-либо разлучались друг от друга; любовь побуждает отцов любить детей, а детей — служить родителям, как господам своим; любовь убеждает господ быть милостивыми по отношению к слугам и увещевает слуг смиренно служить господам; любовь исключает страх и вселяет в сердце дерзновение к Богу, как сказано: ***совершенна любы вон изгоняет страх*** (1 Ин. 4, 18); любовь сплела нам этот венец отцов и утвердила в нас сладостный и плодоносный корень надежды; любовь вводит стадо в ограду Церкви и питает его неувядающей роскошью рая; любовь

сделала единым и внимательным слух всех нас и расширила речь нашу; любовь воспитывает тело, воспламеняет дух, убеляет душу; любовь делает достойными уважения труды подвижников и отверзает им радостное лоно Сына (свт. Иоанн Златоуст, 52, 996—997).

***

Зная, что ни нищета, ни мучение и ничто другое не может спасти нас, если мы не имеем высокой любви, будем приобретать ее прежде всего, чтобы чрез нее нам получить и другие блага, настоящие и будущие... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 251).

***

Если бы все любили и были любимы, то никто никого не обижал бы, не было бы убийств, ни ссор, ни браней, ни возмущений, ни грабительств, ни любостяжания, никакого зла, и самое имя порока было бы неизвестно (свт. Иоанн Златоуст, 53, 323).

***

В любви вот что удивительно: к другим добродетелям примешивается зло, например, нестяжательный часто тем самым надмевается; красноречивый впадает в болезнь честолюбия; смиренномудрый часто тем самым превозносится в своей совести, а любовь свободна от всякой подобной заразы, никто никогда не станет превозноситься пред любимым (свт. Иоанн Златоуст, 53, 323—324).

***

<Любовь> крепче стены, она тверже адаманта, и, если бы ты указал на другое еще более крепкое вещество, твер-

дость любви превзойдет все (свт. Иоанн Златоуст, 53, 324).

***

Скорее трава может перенести силу огня, нежели диавол — пламень любви (свт. Иоанн Златоуст, 53, 324).

***

<Любовь> не побеждает ни богатство, ни бедность; ...не было бы ни бедности, ни излишнего богатства, если бы была любовь, а было бы только добро, проистекающее из того и другого (свт. Иоанн Златоуст, 53, 324—325).

***

Любовь изменяет самое существо вещей и неразлучно приносит с собою все блага... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 325).

***

...Любовь... кроме пользы, доставляет еще великое удовольствие, а труда никакого и, как добрая пчела, собирая добро отовсюду, слагает его в душе любящего (свт. Иоанн Златоуст, 53, 325).

***

...Кто питает к другому любовь, согласится лучше потерпеть тысячи бедствий, нежели видеть, чтобы любимый им потерпел вред (свт. Иоанн Златоуст, 53, 326).

***

Как при золотой одежде и обуви нам нужно бывает и некоторое другое одеяние, чтобы узнать царя, а когда мы

видим порфиру и диадему, то не требуем никакого другого знака царского достоинства, — так точно и здесь. Когда есть диадема любви, то она достаточно отличает истинного ученика Христова не только для нас, но и для неверных (свт. Иоанн Златоуст, 53, 328).

***

...Без любви нет большой пользы ни от веры, ни от знания, ни от пророчества, ни от дара языков, ни от дара исцелений, ни от других даров, ни даже от совершенной жизни и мученичества... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 329).

***

Тот только любит, кто любимому желает полезного, а кто не ищет добра, тот, хотя бы тысячу раз говорил, что любит, враждебнее всех врагов (свт. Иоанн Златоуст, 53, 332).

***

Любовь такова, что любящий и любимый составляют уже не два отдельных лица, а одного человека, чего не может сделать ничто, кроме любви (свт. Иоанн Златоуст, 53, 333).

***

Для любящих прискорбно не то, что за оскорбление любимого они терпят какое-нибудь зло, но прежде всего самое оскорбление любимого (свт. Иоанн Златоуст, 53, 577).

***

Как теплота расширяет (предметы), так и любви свойственно расширять (сердце), потому что она есть такая добродетель, которая и горяча, и разгорячает (свт. Иоанн Златоуст, 53, 591).

***

...Любовь спасла вселенную, она прекратила застарелую на земле вражду, она соединила землю с Небом, она сделала людей ангелами (свт. Иоанн Златоуст, 53, 724).

***

Как огонь, поднесенный к воску, легко размягчает его, точно так же и теплота любви сильнее огня разрушает всякую гордость и надменность (свт. Иоанн Златоуст, 53, 802).

***

...Ничто так не делает нас любвеобильными, как жизнь по духу, и ничто так не убеждает духа обитать в нас, как сила любви (свт. Иоанн Златоуст, 53, 803).

***

Ни в каком слове невозможно по достоинству прославить любовь, эту небесную лестницу. Любовь сопрестольна Отцу, любовь сочетает земное с небесным; для достойной похвалы ее недостанет языка, ни находчивости ума; само же дело показывает, что любовь — начальница лучшей жизни. Она облекает творение Божие совершенным благолепием, она — воспитательница многих в единении,

устроительница сонмов человеческих в виде Ангелов и людей, наподобие единой и святой красоты. Будучи единым образом, <любовь> дает образ всей разумной твари для уподобления Богу; Он (Бог) почивает не в чуждых Его, но в имеющих родиться от Него и соединенных (с Ним) (свт. Иоанн Златоуст, 53, 819).

***

О любовь, предводительница блаженного мира! Она изгоняет от людей враждебного демона; из-за нее, при мире людей, стенает диавол; Ангелы же тогда радуются, видя среди людей образ их собственного мира; мы приветливы друг к другу, для брата выше всякой радости, что он видит брата (свт. Иоанн Златоуст, 53, 820).

***

...Как красивы растения, насажденные по порядку, или хорошо построенное войско, когда оно выступает чинно и красивыми рядами! Это доставляет удовольствие, но приятнее и усладительнее всего благолепие взаимно соединившихся в любви, наподобие естественного союза, в очах Божиих оно важно и ценно (свт. Иоанн Златоуст, 53, 820).

***

Если, по слову Господа, бывает радость на небе об одном кающемся грешнике, то намного больше о... множестве спасающихся. Уже отсюда открывается радость будущего века, для диавола печаль, демонов рассеяние, когда мы составляем взаимные хоры, чтобы в единодушном и единомысленном славословии Бога подражать всестрой-

ному и славному Херувимскому пению (свт. Иоанн Златоуст, 53, 820).

***

Через любовь возрастает стадо Христово; любовь смиряет дух кровожадный, притупляет вражеское оружие, забывает всех врагов и вводит в мир мирную жизнь Христову... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 820).

***

...Любовь указывает тебе на ближнего твоего, как бы на тебя самого, и переносит грехи (других), будто свои собственные (свт. Иоанн Златоуст, 53, 820).

***

Насколько несокрушима стена, укрепленная связями из огромных камней и защищающая от вражеских приступов, настолько несокрушим союз святых, гармонированный узами любви и отражающий искушения диавола (свт. Иоанн Златоуст, 53, 820).

***

Всюду вражду прекращайте и любовь насаждайте. Любовь друг к другу пусть будет у вас долгом, никогда не исполнимым (свт. Иоанн Златоуст, 53, 821).

***

Как ежедневно мы требуем себе пищи и минувшим насыщением не освобождаемся от ежедневного требования ее, но, вынуждаясь своею природою, отбываем это как бы

долг, так и в любви будем блюсти тот же самый образ: *не насытится око зрети, ни исполнится ухо слышания* (Еккл. 1, 8). Приятен свет для глаз, и ничей глаз не утомляется зрением, ничьи уши слышанием, так неленостно нам нужно совершать и желанное дело любви, и никогда не насыщаться (свт. Иоанн Златоуст, 53, 821).

***

Если, сказано, ты любишь любящего, какая польза? Это и язычники делают (см.: Мф. 5, 46—47). Но что служит признаком истинной любви? Любовь к ненавидящему (свт. Иоанн Златоуст, 54, 62).

***

(Апостол) хочет соединить всех нас узами любви... Это прекрасные узы: этими узами мы соединяемся и между собой, и с Богом. Эти узы не обременяют и не стесняют связанных ими рук, напротив, дают им бóльшую свободу, открывают им бóльшее пространство для деятельности и делают узников веселее, чем бывают не связанные (свт. Иоанн Златоуст, 54, 86—87).

***

Что разрушает... союз <любви>? Сребролюбие, властолюбие, честолюбие и многое другое ослабляет и разделяет членов этого союза (свт. Иоанн Златоуст, 54, 87).

***

Ничто столько не противодействует любви, как грех, — я разумею не только любовь к Богу, но и к ближнему (свт. Иоанн Златоуст, 54, 87).

***

...Охлаждение любви — следствие умножения беззакония. Оно ведет к себялюбию, оно разрывает и рассекает тело, ослабляет и разрушает его (свт. Иоанн Златоуст, 54, 87—88).

***

Будь привержен к любви, потому что через нее ты спасен, через нее соделался сыном (Божиим)... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 144).

***

Нет больше доказательств любви, как не презирать заблуждающихся братьев (свт. Иоанн Златоуст, 54, 155).

***

Никакой нет пользы от любви без веры, или, лучше сказать, без веры любовь вовсе и существовать не может (свт. Иоанн Златоуст, 54, 216).

***

Как в пещи Вавилонской, при столь сильном пламени, для трех блаженных отроков была роса, так и любовь, объявшая душу любящего и угождающего Богу, погашает всякий пламень и производит чудесную росу (свт. Иоанн Златоуст, 54, 228).

***

...Любовь духовная выше всякой другой любви, она, точно какая-то царица, владычествует над своими, и потому блистательнее (их) одета; ничто земное не рождает

ее, как ту: ни привычка, ни благодеяние, ни природа, ни время — она нисходит свыше, с небес (свт. Иоанн Златоуст, 54, 360).

***

Все, что бы ты ни назвал благом, без любви не имеет никакой цены — скоро исчезает (свт. Иоанн Златоуст, 54, 423).

***

...Где сила души будет ограждена оружием любви, там напрасны и суетны все покушения злоумышляющих (свт. Иоанн Златоуст, 54, 550).

***

Удобнее слабому хворосту устоять против сильного огня, нежели естеству греха против силы любви (свт. Иоанн Златоуст, 54, 511).

***

...Когда есть здоровье, тогда немного нужно заботы <о врачевании>; и когда есть любовь, немного нужно заповедей (свт. Иоанн Златоуст, 54, 629).

***

...Когда <душа> уклонится от любви, тогда овладевает ею желание спорить и помрачается ее умственный взор (свт. Иоанн Златоуст, 54, 630).

***

...Человек, не знающий любви, не может, поистине не может иметь благородных и великодушных чувствований.

Основание всего доброго есть не что иное, как любовь (свт. Иоанн Златоуст, 54, 807).

***

...Жар любви, если разгорится в ком-нибудь, то очищает и истребляет все вредное для божественного семени, и делает землю чистою для принятия этого семени (свт. Иоанн Златоуст, 54, 807).

***

От любви <в семье> происходит постоянное целомудрие, от любви уничтожается всякий раздор; если муж будет язычник, то он скоро уверует, если христианин, то будет лучше (свт. Иоанн Златоуст, 54, 862).

***

О, несравнимая сила любви! О, неизмеримая сила любви! Ничего нет ценнее любви — ни на Небе, ни на земле (свт. Иоанн Златоуст, 54, 984).

***

...Любовь есть глава всех добродетелей, соль добродетелей, любовь — исполнение закона, любовь — верное спасение (свт. Иоанн Златоуст, 54, 984).

***

<Любовь> Сына Божия низвела с небес к нам на землю. По любви Бестелесный воплощается, Безначальный начинается, Сын Божий делается Сыном Человеческим; любовью устрояется все дело спасения: упразднена смерть, низложен диавол, Адам возвращен в рай, Ева стала сво-

бодной; любовь соединила Ангелов и людей в едино стадо, любовь разрешила клятву, отверзла рай, прояснила жизнь, обещала Царство Небесное (свт. Иоанн Златоуст, 54, 984—985).

***

Тогда-то и бывает истинная и искренняя любовь, когда кто любит нас, несмотря на то что мы совершенно бесполезны для любящих (свт. Иоанн Златоуст, 55, 24).

***

...Вы удивляетесь и изумляетесь, слыша, что вам можно иметь дар гораздо больший дара воскрешать мертвых, давать зрение слепым и совершать то, что было при апостолах; быть может, вы даже считаете это неправдоподобным. Какой же это дар? — Любовь (свт. Иоанн Златоуст, 55, 36).

***

...Без любви, хотя бы совершали знамения больше самих апостолов, хотя бы подвергали себя бесчисленным опасностям за веру, нам не будет никакой пользы (свт. Иоанн Златоуст, 55, 38).

***

Нет ничего властительнее любви, ничего выше ее; она парит выше всех (демонских) стрел, выше сетей диавола, все высматривает с вершины небес; и как порывистый ветер... устраняет докучливую пыль, так и сила любви обычно отстраняет натиск всех страстей (свт. Иоанн Златоуст, 55, 473).

***

Тот, кто, будучи любим тобою, любит взаимно, воздает уже тебе награду; тот же, кто, будучи любим, не любит тебя, делает вместо себя твоим должником Бога (свт. Иоанн Златоуст, 55, 473).

***

...Велика сила любви; она побеждает и осиливает меня; против всего могу я устоять, кроме любви (свт. Иоанн Златоуст, 55, 477).

***

...Любовь изменяет природу вещей и является на помощь со всеми благами в руках, приветливее всякой матери, богаче всякой царицы, и трудное делает легким и удобным, представляя нам добродетель привлекательной, а порок крайне противным (свт. Иоанн Златоуст, 55, 482).

***

Подумай, какое великое благо любовь сама по себе, какую доставляет она радость, какую благодать сообщает душе (свт. Иоанн Златоуст, 55, 482).

***

...Любовь никаким временем не будет прервана, ибо не только в настоящем мире с пользою действует в нас, но и в будущем, по отложении дебелости телесной, она будет пребывать гораздо действеннее и превосходнее, никаким недостатком не будет ослабляема, но при постоянной чис-

тоте пламеннее и искреннее будет прилепляться к Богу (прп. Иоанн Кассиан, 56, 175).

***

...Нельзя найти ничего драгоценнее, ничего совершеннее, ничего выше и ничего... долговечнее любви. Ибо, *аще же пророчествия упразднятся, аще ли языцы умолкнут, аще разум испразднится,* но *любы николиже отпадает* (ср.: 1 Кор. 13, 8); без нее не только все превосходнейшие роды дарований, но и слава самого мученичества — ничто (прп. авва Херемон, 56, 379).

***

Всего возлюбленнее Богу любовь, из любви и Человеком соделался, и послушлив был даже до смерти. Посему и удостоившимися первого призвания в ученики Его были два брата. Так Всепремудрый Спаситель самым началом уже показал, что всех учеников Своих угодно Ему привести в братский союз, посему ничто да не будет для нас предпочтительнее любви, которая все связует и сохраняет в полезном единомыслии (прп. Исидор Пелусиот, 60, 6—7).

***

...Любовь есть исполнение закона и превосходнее веры и надежды (свт. Кирилл Александрийский, 65, 48).

***

Если твердое имеешь основание в любви, то ей паче внимай, нежели тому, что оскорбляет тебя (прп. Нил Синайский, 72, 252).

***

...Любовь порождается смиренномудрием и благоговением... (прп. Нил Синайский, 72, 330).

***

Ничего не предпочитай любви к ближнему, кроме тех случаев, когда из-за нее презирается любовь к Богу (прп. Нил Синайский, 90, 275).

***

Любовь собственно ничего не имеет, кроме Бога, потому что Бог есть любовь (прп. Нил Синайский, 90, 290).

***

Стяжавший утробы щедрот — любовь и сострадание — прежде себя самого радует и пользует, а потом и ближнего... (прп. Зосима, 91, 114).

***

Знак нелицемерной любви есть прощение обид. Ибо так и Господь возлюбил сей мир (прп. Марк Подвижник, 69, 32).

***

...Любовь укрепляется не только произвольными трудами, но и случающимися скорбями... (прп. Марк Подвижник, 89, 517).

***

...Любовь, хотя по порядку последняя есть из добродетелей, но по достоинству она первая из них всех, и

позади себя оставляет все прежде ее родившиеся (прп. Марк Подвижник, 89, 541).

***

Предел любви — умножение дружеского расположения к тем, которые оскорбляют и поносят (блж. Диадох, 91, 7).

***

Никто не может искренно любить или веровать иначе, как если он не имеет себя самого осудителем себя (блж. Диадох, 91, 18).

***

Есть любовь в душе естественная, и есть от Святаго Духа в нее изливаемая. Та, если захотим, приходит в соразмерное движение и от нашей воли, поэтому удобно расхищается злыми духами, коль скоро перестаем в усиленном напряжении держать свое произволение. А эта так пламенит душу любовью к Богу, что все части души прилепляются к неизреченной сладости Божественного возлюбления в безмерной некоей простоте расположения, ибо тогда ум, как бы чреват бывая от духовного (благодатного) действа (энергии), источает обильный некий поток любви и радования (блж. Диадох, 91, 25).

***

...Необходимо нам пока нуждением насильственным заставлять себя совершать дела любви, чтобы таким образом достигнуть вкушения ее и полным чувством с удостоверительным удовлетворением; в совершенстве же никто из сущих во плоти сей не может стяжать ее, кроме тех

святых, кои дошли до мученичества и совершенного исповедания, — чего достигший совершенно изменяется и даже к пище неохотно приступает; ибо у питаемого Божественною любовью какое еще может быть похотение благ мира сего? (блж. Диадох, 91, 64—65).

***

...Кто держит... Бога в богатстве любви, тот в то время бывает гораздо больше своей веры, как сущий весь в любви (блж. Диадох, 91, 66).

***

Любовь самую душу через добродетели сочетавает с Богом, умным чувством постигая Невидимого (блж. Диадох, 91, 81).

***

...Выполнять обязанность любви, доставляя успокоение телесное, есть дело людей мирских, а если и монахов, то недостаточных, не пребывающих в безмолвии, или таких, у которых безмолвие соединено с единодушным общежитием, которые непрестанно и входят, и выходят (прп. Исаак Сирин, 58, 62).

***

Любовь есть порождение ведения истины, которое... дается всем вообще (прп. Исаак Сирин, 58, 83).

***

...Печаль, поражающая сердце за грех против любви, страшнее всякого возможного наказания (прп. Исаак Сирин, 58, 83).

***

...Любовь <в будущем веке> силою своею действует двояко: она мучит грешников... и веселит собою соблюдших долг свой (прп. Исаак Сирин, 58, 83).

***

...<Любовь> есть совершенство людей в сей их жизни (прп. Исаак Сирин, 58, 112).

***

...Любовь, которая имеет виновником Бога, есть то же, что бьющий из земли источник; потоки ее никогда не пресекаются (потому что один Бог есть источник любви), и питающее сию любовь не оскудевает (прп. Исаак Сирин, 58, 142).

***

Любви не печаль принять тяжкую смерть за любящих (прп. Исаак Сирин, 58, 165).

***

Любовь сладостнее жизни; и разумение по Богу, от которого рождается любовь, еще сладостнее, паче меда и сота (прп. Исаак Сирин, 58, 165).

***

Любовь есть плод молитвы; и от созерцания своего возводит ум к ненасытному ее вожделению... (прп. Исаак Сирин, 58, 187—188).

***

В самоотвержении души обретается... любовь Божия (прп. Исаак Сирин, 58, 188).

***

Когда приобретает кто любовь, облекается в Самого Бога (прп. Исаак Сирин, 58, 211).

***

Когда ум станет в области любви, тогда действует благодать, ум приемлет духовное созерцание и делается зрителем сокровенного (прп. Исаак Сирин, 58, 270).

***

Любовь есть вместилище духовного, и водворяется в чистоте души (прп. Исаак Сирин, 58, 270).

***

Люби грешников, но ненавидь дела их и не пренебрегай грешными за недостатки их, чтобы самому не быть искушенным в том же, в чем искусились они (прп. Исаак Сирин, 58, 303).

***

Пока не приобретем любви, делание наше на земле терний; и хотя сеяние наше бывает сеянием правды, и сеем и пожинаем мы среди терний, и ежечасно уязвляемся ими, и, что ни делали бы к своему оправданию, живем в поте лица. А когда обретем любовь, тогда станем питаться Небесным Хлебом и укрепляться в силах без работы и труда (прп. Исаак Сирин, 58, 391).

***

Кто обрел любовь, тот каждый день и час вкушает Христа и делается от сего бессмертным... (прп. Исаак Сирин, 58, 391).

***

...Когда достигнем любви, тогда достигли мы Бога, и путь наш свершен, и пришли мы к острову тамошнего мира, где Отец, Сын и Дух Святый (прп. Исаак Сирин, 58, 392).

***

Как невозможно переплыть большое море без корабля и ладьи, так никто не может без страха достигнуть любви... Покаяние есть корабль, а страх — его кормчий, любовь же — Божественная пристань (прп. Исаак Сирин, 58, 392).

***

...Закон любви понуждает и на то простираться, что выше силы (прп. Иоанн Лествичник, 57, 18).

***

Стяжавший любовь расточил деньги; а кто говорит, что имеет и то и другое, тот сам себя обманывает (прп. Иоанн Лествичник, 57, 131).

***

...С любовью <иногда сплетается> блуд... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 185).

***

...Любовь больше молитвы, потому что молитва есть добродетель частная, а любовь есть добродетель всеобъемлющая (прп. Иоанн Лествичник, 57, 187).

***

...Ничто так не разоряет любви и ничто столь скоро не производит ненависти, как вольность в обращении (прп. Иоанн Лествичник, 57, 192—193).

***

...Мы никогда не перестанем преуспевать <в любви>, ни в настоящем веке, ни в будущем, светом всегда приемля новый свет разумений (прп. Иоанн Лествичник, 57, 203).

***

Любовь воина к царю показывается во время брани: а любовь монаха к Богу открывается во время молитвы и предстояния на оной (прп. Иоанн Лествичник, 57, 238).

***

Любовь по качеству своему есть уподобление Богу, сколько того люди могут достигнуть; по действию своему она есть упоение души; а по свойству — источник веры, бездна долготерпения, море смирения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 246).

***

Слово о любви известно Ангелам; но и тем по мере их просвещения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 246).

***

Любовь есть Бог (см.: 1 Ин. 4, 8); а кто хочет определить словом, что есть Бог, тот, слепотствуя умом, покушается измерить песок в бездне морской (прп. Иоанн Лествичник, 57, 246).

***

По мере оскудения любви бывает в нас страх; ибо в ком нет страха, тот или исполнен любви, или умер душою (прп. Иоанн Лествичник, 57, 247).

***

Достигшие сей равноангельской степени <соединения с любовью> часто забывают телесную пищу; думаю же, что они очень часто и не желают оной (прп. Иоанн Лествичник, 57, 248).

***

...<Любовь>, как бы с неба явившись мне и как бы на ухо души моей беседуя, говорила: сей доколе ты, любитель Мой, не разрешишься от дебелой плоти, не можешь познать красоты Моей, какова она (прп. Иоанн Лествичник, 57, 250).

***

Любовь есть подательница пророчества; любовь — виновница чудотворений; любовь — бездна осияния; любовь — источник огня в сердце, который, чем более истекает, тем более распаляет жаждущего (прп. Иоанн Лествичник, 57, 250).

***

Нелицемерной любви свойственно слово истинное, от *совести благия* (1 Тим. 1, 5) (авва Фалассий, 91, 290).

***

Стяжавший любовь невозмущенно переносит все печальное и прискорбное, что причиняют ему враги (авва Фалассий, 91, 290).

***

Ум, стяжавший духовную любовь, ничего такого не думает о ближнем, что не приличествует любви (авва Фалассий, 91, 290).

***

Истинную любовь стяжал тот, кто ни подозрений, ни слова не допускает против ближнего (авва Фалассий, 91, 290).

***

Любовь и воздержание очищают душу, ум же (дух) осиявает чистая молитва (авва Фалассий, 91, 291).

***

Любящий Иисуса избавится от зла, и последующий Ему узрит свет истинный (авва Фалассий, 91, 293).

***

Подвизайся полюбить одинаково всякого человека и зараз отгонишь все страсти (авва Фалассий, 91, 299).

***

Очищение души есть освобождение ее от страстей, освобождение же от страстей рождает любовь к Богу (авва Фалассий, 91, 301).

***

Любовь есть благое расположение души, по которому она ничего из существующего не предпочитает познанию Бога (прп. Максим Исповедник, 91, 164).

***

Не раздаянием только имения оказывается расположение любви, но еще более преподанием слова Божия и телесным служением (прп. Максим Исповедник, 91, 166).

***

Как воспоминание об огне не согревает тела, так вера без любви не производит в душе света ведения (прп. Максим Исповедник, 91, 167).

***

Изнуряй плоть свою гладом и бдением и неленостно упражняйся в псалмопении и молитве — и освящение целомудрия снидет на тебя, нося с собою любовь (прп. Максим Исповедник, 91, 168).

***

Дело любви составляют: усердное благодетельство ближнему, великодушие, терпение и благоразумное пользование вещами (прп. Максим Исповедник, 91, 168).

***

Не растлевай плоти твоей срамными делами, не оскверняй души помыслами злыми — и мир Божий снидет на тебя, принося с собою любовь (прп. Максим Исповедник, 91, 168).

***

...Ни во что вменяющий славу и бесславие, богатство и убожество, утехи и горести не достиг еще совершенной любви. Совершенная любовь не только сие все ни во что вменяет, но и самую временную жизнь и смерть (прп. Максим Исповедник, 91, 172).

***

Совершенная любовь не разделяет единого естества человеков по различным их нравам, но всегда смотря на оное, всех человеков равно любит: добрых любит как друзей, а недобрых, как врагов, благодетельствуя им, долготерпя, перенося ими причиняемое, отнюдь не отплачивая им зла, но даже страдая за них, когда случай востребует, дабы, если возможно, соделать и их себе друзьями, но если и невозможно, она все же не отступает от своего расположения к ним, всегда равно являя плоды любви всем человекам (прп. Максим Исповедник, 91, 172).

***

Кто не вменяет ни во что честолюбия и сластолюбия, и их возращающего, и ради их порождающегося сребролюбия, тот не может отсечь причин гневного раздражения: а не отсекающий их не может достигнуть совершенной любви (прп. Максим Исповедник, 91, 173).

***

Если одних ненавидишь, а других — не любишь, не ненавидишь; иных любишь, но посредственно, а иных любишь очень сильно, то из сего неравенства познай, что ты далек еще от совершенной любви, которая внушает любить равно всякого человека (прп. Максим Исповедник, 91, 178—179).

***

Не неради о заповеди любви, ибо чрез нее будешь ты сыном Божиим, а преступая ее, окажешься сыном геенны (прп. Максим Исповедник, 91, 216).

***

От того бывает, что любовь созидает, что она не завидует, и не огорчается на завидующих, и не разглашает о себе всенародно того, что достойно завидования; (она) не почитает себя уже достигшею совершения (см.: Флп. 3, 12), и чего не знает, о том не стыдится признавать свое неведение. Таким образом она предохраняет ум от кичения и всегда располагает его преуспевать в познании (прп. Максим Исповедник, 91, 222).

***

Обыкновенно за познанием следует самомнение и зависть, особенно вначале... Имеющему ведение нужно приобрести и любовь, дабы она сохраняла ум во всем невредимым (прп. Максим Исповедник, 91, 222).

***

Многие многое сказали о любви, а найдешь ее у одних учеников Христовых... (прп. Максим Исповедник, 91, 228).

***

...Верные блюстители заповедей и истинные таинники судеб Божиих не оставляют друзей, по Божию попущению искушаемых... (прп. Максим Исповедник, 91, 228).

***

Не неради о любви и воздержании, ибо они, очищая страстную часть души, устрояют тебе путь к ведению удобным (прп. Максим Исповедник, 91, 245).

***

Конец всех благ есть любовь, так как она всех ходящих в ней ведет, приводит и приближает к верховнейшему из благ — Богу, Виновнику всякого блага, как всегда верная, никогда не отпадающая и всегда неизменною пребывающая. Вера есть основание за нею следующих надежды и любви, как твердо устанавливающая истину. Надежда есть крепость — стоящих по краям ее, справа и слева — любви и веры, как само собою обеим им показующая верность (веруемого) и достолюбезность (любимого), и путь к тому творить собою научающая. Любовь есть исполнение их, как вся все последнее желательное объемлющая, и упокоение в нем подающая, вместо веры в то, что есть, и надежды того, что будет, вводя собою (и в себе) обладание сим, как настоящим и вкушение того, как присущего (прп. Максим Исповедник, 91, 251—252).

***

...Любовь соделывает <ум>... неудобоотторжимым... от родственного сочетания с Божественным, даже и во время самой брани, прилепляя всю силу его расположения к

вожделению Божественного (прп. Максим Исповедник, 91, 268).

***

...Любовь делает мертвым (или бездейственным) для боголюбивого ума приражение врагов, совершенно обессиливая его вожделенным устремлением к Богу (прп. Максим Исповедник, 91, 268).

***

Храните между собою любовь в союзе мира и имейте Господа, яко одесную вас сущего... (прп. Феодор Студит, 92, 98).

***

Добра любовь, потому что всюду презирает свое в пользу ближнего (прп. Феодор Студит, 92, 531).

***

Восподвизаемся же, возлюбленные, о том, чтобы питать и возжигать в себе обильнейший огонь Божественный, т.е. любовь Божию посредством заповедей Христовых; ибо посредством их возгорается в нас Божественный огонь и посредством же их обыкновенно увеличивается он (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 3).

***

Мы имеем святую и нераздельную троицу добродетелей: веру, надежду и любовь, и последняя — первая есть и большая всех, как предел доброт (нравственных). Ею удостроительствована вера наша, на ней основана надеж-

да, и без нее ничто из сущего не происходило и никогда не произойдет. У этой любви много имен, и дел много, и признаков ее преобильно, и свойств премногое множество. Но существо ее одно и для всех совершенно непостижимо, и для Ангелов, и для людей, и для всякой другой твари, нам, может быть, еще неведомой. Она неизъяснима словом, неприступна в славе, неисследима в советах. Она и вечна, ибо безвременна. И незрима она, ибо умопредставляется, но не постигается. Много красот у нее, нерукотворенного и святого Сиона, которые, как только начнет кто узревать, престает уже утешаться привлекательными видимостями мира и любить славу его (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 5).

***

О, любовь превожделенная! Блажен, кто возлюбил тебя, потому что такой не восхочет уже полюбить страстно никакой красоты человеческой. Блажен, кто соплелся с тобою Божественным вожделением, потому что такой отречется от всего мира и, со всяким сближаясь человеком, не осквернится. Блажен, кто пленился красотами твоими и насладился ими полным желанием, потому что такой освятится в душе пречистою кровию и водою, кои сочатся и каплют из тебя. Блажен, кто облобызал тебя всем сердцем, потому что такой изменится добрым изменением в духе своем и возрадуется душою своею, так как ты сама — неизреченная радость. Блажен, кто стяжал тебя, потому что такой не будет уже во что-либо ставить все сокровища мира, так как ты сама — воистину богатство, никогда не оскудевающее. Блажен и треблажен тот, кому подала ты десницу свою, потому что такой, при всем видимом бесславии, будет славнее всех славных и честнее всех чтимых. Похвален, кто тебя ищет, прехвальнее, кто тебя

обретет, но блаженнее всех тот, кто возлюблен будет тобою, кого посадишь ты одесную себя, кто научен будет тобою, кто обитать будет в тебе, кто напитан будет от тебя бессмертною пищею, т. е. Господом нашим Иисусом Христом (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 5—6).

***

О, святая любовь!.. Кто не возлюбил тебя, как должно, и кто не возлюблен тобою, как подобает, тот, может быть, и течет, но еще не постиг. О том, кто течет, сомнительно еще, постигнет ли, прежде чем кончится течение. Но кто тебя постиг, или кого ты постигла, о том не может быть никакого сомнения, успех его верен. Ибо ты — конец закона, ты, объемлющая меня, согревающая меня и воспламеняющая сердце мое к безмерному возлюблению Бога и братий моих (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 7).

***

...Все труды и подвиги, которые начала и конца своего не имеют в любви с духом сокрушенным, тщетны и бесполезны (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 8).

***

Знаю я человека, который употреблял многие способы и разные приемы, чтобы узнать, что делают жившие с ним, но делал это не для того, чтобы вред им какой причинить, но для того, чтобы потом поспособствовать им оставить худые дела свои и злые помыслы, привлечь к себе кого словом, кого каким-либо подарком, кого другим каким образом; и иногда плакал то об одном, то о другом, иногда бил себя в лицо и в грудь за спасение кого-либо,

иногда сам принимал лицо согрешившего словом или делом и, воображая себя самого согрешившим грехом брата, исповедал грех сей Богу и молил о прощении, обильные проливая слезы. Знал и другого, который так много радовался о подвизающихся, исправляющих всякую добродетель и преуспевающих в добре, как бы уверен был, что получит воздаяние за их добродетели и подвиги, паче их самих подвизающихся; и опять о тех, кои согрешили словом или делом и оставались в грехе, так сильно скорбел и сокрушался, как бы не сомневался, что он один имеет дать ответ за всех их и быть ввержденным во ад. Знаю я и такого, который так сильно желал спасения братий своих, что много раз с теплыми слезами умолял Бога, чтобы или и они спасены были, или и он вместе с ними предан был мукам. Движимый богоподражательной теплою любовью, он никаким образом не хотел спастись один без братий своих. Ибо так соединился с ними духовно, союзом святой любви, в Духе Святом, что и в Царство Небесное не желал внити, отделяясь от них. О, единение святое! О, союз святой! О, неизъяснимая сила души любомудренной или, лучше сказать, Богоносной, совершенной в любви к Богу и ближнему! Кто не достиг еще в меру такой любви и не видит в душе своей никаких признаков оной, тот еще поземному и на земле живет или, лучше сказать, такой еще под землею кроется, как крот: ибо подобно этому кроту и он слеп, и только слухом слышит тех, кои говорят поверх земли (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 10—11).

***

...Поелику вера сочетна с надеждою, а надежда сопутствует любви, то явно, что кто не имеет любви, не имеет надежды, а кто не имеет надежды, не имеет и веры, — т. е. кто не имеет веры, тот и не надеется, а кто не

надеется и не любит (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 112).

***

Если б мы сподобились стяжать истинную любовь, то познали бы и Бога, и ради любви ко Христу предпочитали бы не только быть бесчестимыми, но и наказуемыми, и онеоправдываемыми, и оскорбляемыми, и всякое искушение и тесноту претерпевали бы с охотою (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 233).

***

...Кто испадает от Моей любви и дружбы, тому невозможно уже жить. Тотчас обнажается он от всех благ и предается в рабы врагам Моим и его, которые, как только примут его, устремляются на него с крайним неистовством и зверством по причине прежней любви его ко Мне (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 501).

***

Святая любовь, проникая всех от первых до последних, от головы до ног, всех с собою сочетавает, сцепляет, связывает и единит, и делает их крепкими и непоколебимыми. Будучи познаваема, она открывается каждому из них одною и тою же. Она есть Бог, с Коим и последние бывают первыми, и первые, как последние (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 559—560).

***

Любовь... есть Божественный Дух (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 27).

***

...<Любовь> есть... всесовершающий и просвещающий Свет... Однако же этот Свет не от мира, ни вообще что-либо из мира и не тварь, так как Он несозданный и пребывает вне всех тварей, как нетварный среди тварных вещей (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 27).

***

...Подлинно <любовь> есть всякая радость и того, кто приобрел ее, исполняет радости и веселия, изводя его чувством вне мира... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 27).

***

...Иметь любовь выше, нежели говорить языками ангельскими и всеми человеческими, иметь всю веру, так что и горы переставлять, обладать всяким ведением и знать глубину таинств, расточить все богатство и самому сделаться нищим и даже тело предать за Христа на сожжение (см.: 1 Кор. 13, 1—3). Любовь настолько выше всего этого, что без нее ни одна из этих добродетелей, ни все они вместе совершенно не принесут никакой пользы стяжавшему их (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 28—29).

***

Будучи вне всех тварей, но в то же время и со всеми, <любовь> есть огонь и свет (αἴγλη), она бывает облаком света и делается солнцем (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 29).

***

...Как огонь, <любовь> согревает душу мою и воспламеняет сердце, возбуждая в них желание и любовь к Творцу (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 29).

***

Если бы можно было спастись без <любви>, о Христе мой, то каким образом? — Нет, нет, это никоим образом невозможно (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 30).

***

...Добродетели без любви тщетны и бесполезны... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 31).

***

...Обнажен от Божественной славы и тот, кто не имеет любви, и хотя бы он имел все добродетели, предстанет обнаженным и, не снося наготы своей, пожелает лучше скрыться, так как вместе со стыдом он будет иметь и осуждение и услышит от Судии всех: ***не вем тя*** (ср.: Лк. 13, 25) (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 31).

***

Первой... из всех добродетелей, царицей и госпожой поистине является любовь. Она всем им глава, одежда и слава (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 31).

***

Частыми молитвами, неизглаголанными воздыханиями и потоками слез <люди> очищают душу и, видя ее очи-

щение, воспринимают огонь любви и огонь желания — увидеть ее совершенно очищенной (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 42).

***

О, любовь Боготворящая, которая есть Бог — дар таинственно подаваемый достойным; она — нечто изумительное и вещь нелегко обретаемая (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 88).

***

...Я не люблю, насколько хочу, и полагаю, что я отнюдь не стяжал любви к Богу. Стремясь же ненасытно любить, насколько хочу... я теряю (даже) и ту любовь к Богу, какую имел... Так как я не люблю, как хочу и насколько, конечно, хочу, то и думаю, что я нисколько даже не люблю. Итак, любить, насколько мне хочется, есть любовь превыше любви, и я понуждаю свою природу (естество) любить превыше естества (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 105).

***

...Любовь (ἀγάπη) есть не имя, но Божественная сущность, сообщимая и непостижимая и совершенно Божеская. Сообщимое постижимо, а что выше его, то — никоим образом (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 220).

***

Духа Святаго причастниками признаемся мы, когда приносим Богу достойные плоды Духа: любовь к Богу от всей души и к ближнему от сердца... (прп. Никита Стифат, 93, 157).

***

Имеющий любовь не умеет по рвению завидовать, не превозносится, как высокоумный и продерзый, не надмевается ни пред кем, не бесчинствует, творя неподобное в отношении к ближнему, не себе только полезного ищет, но и что полезно ближнему, не раздражается на того, кто опечаливает его, не вменяет во что-либо, если иногда придется пострадать что злое, не радуется о неправде друзей, но сорадуется об истинной правде их, все находящее на него печальное покрывает, всему в простоте и незлобии верует, все обетованное нам Богом получить надеется, всякие искушения претерпевает, не воздавая злом за зло, и никогда от любви к ближнему не отпадает делатель любви (см.: 1 Кор. 13, 4—8) (прп. Никита Стифат, 93, 161).

***

...Господь дарует наследие Царства тем, которые иные добродетели запечатлели любовию: либо своей безупречной жизнью к ней притекли, либо через покаяние нашли в ней убежище... (свт. Григорий Палама, 26, 51).

***

...Как любовь и дела любви являются исполнением (всех) добродетелей, так ненависть и дела ненависти, немилосердный образ действия, воля ни с кем ничем не делиться — являются полнотой греховности; и как человеколюбию соответствуют и присущи добродетели, так ненависти — грехи, и посему даже ею одной люди осуждаются (свт. Григорий Палама, 26, 53—54).

***

Имея... любовь друг к другу, мы имеем любовь истинную, нелицемерную и делами ее обнаруживаем: в том, чтобы ничего и не говорить, и не делать, более того — даже и не допуская слушать того, что оскорбительно или вредно для нашей братии, как и возлюбленный Христу Богослов научил нас, говоря: *Братие, не любите словом и языком, но делом и истиною* (ср.: 1 Ин. 3, 18) (свт. Григорий Палама, 26, 246).

***

<Любовь> земные дела наши делает горé восходимыми (свт. Григорий Палама, 93, 268).

***

Естественная любовь наша повреждена падением, ее нужно умертвить... и почерпнуть из Евангелия святую любовь к ближнему, любовь во Христе (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 123).

***

Любовь возжженная, питаемая Святым Духом — огонь. Этим огнем погашается огонь любви естественной, плотской, поврежденной грехопадением (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 124).

***

Ощутивший любовь духовную с омерзением будет взирать на любовь плотскую, как на уродливое искажение любви (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 126).

***

Воздавай почтение ближнему, не различая возраста, пола, сословия — и постепенно начнет являться в сердце твоем святая любовь (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 127).

***

И слепому, и прокаженному, и поврежденному рассудком, и грудному младенцу, и уголовному преступнику, и язычнику окажи почтение, как образу Божию. Что тебе до их немощей и недостатков! Наблюдай за собой, чтобы тебе не иметь недостатка в любви (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 127—128).

***

Любовь к Богу и ближним, являющаяся постепенно из страха Божия, вполне духовна, неизъяснимо свята, тонка, смиренна, отличается отличием бесконечным от любви человеческой в обыкновенном состоянии ее... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 293).

***

Должно достигнуть совершенства во всех добродетелях, чтобы вступить в совершенство всех совершенств, в слияние их, в любовь (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 55).

***

Изливается в сердца наши любовь вместе с Духом Святым. Она — Его свойство. В кого нисходит Святый Дух, в том является Его свойство — любовь (см.: Рим. 5, 5) (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 55).

***

Не столько мы ищем <любовь>, сколько Бог ищет, чтобы мы сделались способными принять ее, и приняли ее (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 56—57).

***

Любовь рождается от чистоты сердца, непорочной совести и нелицемерной веры (см.: 1 Тим. 1, 5) (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 137).

***

...Любовь, отдающая должную цену людям по степени их благочестия, вместе с этим равна ко всем, потому что она во Христе и любит во всех Христа (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 522).

***

Не ищите и не ожидайте любви от человеков, ищите всеусильно и требуйте от себя любви и соболезнования к человекам (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 303).

***

Кто чем немощнее, тем более надо возыметь к нему любовь. Если будете так действовать, любовь научит вас всему (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 171).

***

Духовное горение сердца к Господу есть любовь к Нему. Она загорается от прикосновения Господа к сердцу... Вот это и должно быть предметом искания (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 209).

***

...Любовь проникает все составы: душевные, и духовные, и телесные, и всему сообщает прочность и неповрежденность (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 216).

ЛЮБОВЬ БОЖИЯ

Если человек желает стяжать любовь Божию, то он должен возыметь страх Божий; страх же рождает и плач, а плач рождает мужество. Когда все сие созревает в душе, то она начнет плод приносить во всем. И Бог, узрев в душе эти прекрасные плоды, привлекает ее к Себе, как благовоние фимиама избранного; радуется о ней с Ангелами во всякое время, преисполняя и ее радостью, и хранит ее на всех путях ее, да безопасно достигнет она в место упокоения своего. Тогда диавол не нападает на нее, видя Высочайшего Стража, ее окружающего; даже совсем и приступить боится он к ней, по причине сей великой силы. Стяжите себе силу сию, да страшатся вас демоны, да облегчатся вам труды, вами подъемлемые, и да усладится (сладко да будет) вам Божественное. Сия сладость любви Божественной далеко слаще сота медового (прп. Антоний Великий, 89, 34).

***

Ничего нет в мире такого, что бы могло отлучить от любви Божией того, в ком оная обитает (прп. авва Исаия, 59, 80).

***

...Любовь <Божия> не может быть в нас, когда душа так разделена, что, по-видимому, и Бога ищет, и любит мир (прп. авва Исаия, 59, 157).

***

Любовь <Божия>, желая нашего спасения, сама преклоняется к нам, чтобы мы, прославляя ее, в ней же спаслись... (прп. Ефрем Сирин, 30, 381).

***

Любовь Божия есть бессмертный огонь, который подъемлется с земли и ненавидит земное (прп. Ефрем Сирин, 31, 93).

***

О сладости... любви Божией кто в состоянии будет сказать достойным образом? Апостол Павел, вкусивший ее и насытившийся ею, сам вопиет и говорит: ***ни высота*** горе́, ***ни глубина долу, ни живот, ни смерть, ни Ангелы, ни Начала и Власти, ни ина тварь кая,*** ни все в совокупности не могут ***разлучити от любве Божия*** душу, вкусившую ее сладости (ср.: Рим. 8, 38—39) (прп. Ефрем Сирин, 31, 93).

***

...Святые мученики, вкусившие <любви Божией> и насытившиеся ею, научают нас, что любовь Божия — нежные узы, но что рассечь ее не может и меч обоюдоострый (прп. Ефрем Сирин, 31, 93).

***

По... любви <Божией> душа стала невестою Бессмертного Жениха, чтобы, как в зеркале, отражать в себе Его благолепие (прп. Ефрем Сирин, 31, 94).

***

<Любовь> Сына Божия низвела к нам с Неба. Ради любви Бесплотный воплощается, Безлетный для нас во времени, Сын Божий делается Сыном Человеческим. Любовью все домостроительствуется ко спасению... (прп. Ефрем Сирин, 32, 8).

***

Всякий врач с помощью врачевств исцеляет болезни; а Твоя любовь, Господи, поспешает к каждому без зелий и врачевств (прп. Ефрем Сирин, 33, 127).

***

Кроткими делает самых упорных любовь Твоя, <Господи>, и самых свирепых учение Твое; и благость Твоя всегда старается взыскать погибших (прп. Ефрем Сирин, 33, 128).

***

Неизреченна великая любовь, какую явил Человеколюбец, ибо из нашего рода взял Он Ходатая и Им примирил мир с величием Своим (прп. Ефрем Сирин, 33, 279).

***

Все превышающее Величие неиспрошенного нами даровало нам Сына Своего, Который ради нас явился в мир и, хотя не просили мы Его, принес Себя в жертву для нашего спасения. Ибо кто просил Отца, чтобы Сына Своего предал Он на крестную смерть? Или кто умолял Сына, чтобы умер Он за грешников? Кому из праведников при-

ходило на мысль просить Отца, чтобы предал Он Сына Своего за беззаконных? Подлинно, неслыханное дело, и на мысль никому не приходило оно. Отец предал Сына Своего на крестную смерть, и смертию Его грешники приобрели себе жизнь. А если отдал Он величайшее Свое сокровище, то попрепятствует ли что просящим от такого Человеколюбца получить все, в чем только имеют нужду? (прп. Ефрем Сирин, 33, 332).

***

Господь — истинный друг; когда забывают о тебе и друзья, и братья твои, Он не забывает и не оставляет тебя, но вечно пребывает с тобою (прп. Ефрем Сирин, 33, 468).

***

Не скорбит столько отец, погребающий любимого сына, сколько жалеет Бог о душе, умерщвленной грехом (прп. Ефрем Сирин, 34, 50).

***

...Любовь <Христова> для украшающегося ею — полнота лепоты (прп. Ефрем Сирин, 34, 230).

***

Бог любит праведников, когда наказывает их проступки (прп. Ефрем Сирин, 34, 320).

***

Любовь Его прекраснее всяких ароматов (прп. Ефрем Сирин, 34, 320).

***

Поистине, никакой плотолюбец, хотя бы крайне распаленный, не пламенеет так к любимой им, как Бог желает спасения наших душ (свт. Иоанн Златоуст, 44, 22).

***

...<Господь> не только промышляет о нас, но и любит безгранично — любовью бесстрастной, но пламенной и сильной, искренней и неразрушимой, которая никогда не может потухнуть (свт. Иоанн Златоуст, 46, 506).

***

...Претерпел <Сын Божий> Крест по Своему хотению и по желанию устроить спасение всего рода человеческого... Если мы решимся положить и самую жизнь свою за Его закон и для соблюдения данных от Него заповедей — и тогда не возможем достигнуть той меры любви, какую Он заявил в отношении к нашему роду (свт. Иоанн Златоуст, 47, 372).

***

Когда Бог являет Свое благоволение к нам, тогда всякая печаль исчезает (свт. Иоанн Златоуст, 47, 644—645).

***

...За одно слово, за одну веру вошел <разбойник> в рай прежде апостолов, чтобы ты знал, что не столько значила его праведность, сколько все совершило человеколюбие Божие (свт. Иоанн Златоуст, 47, 766—767).

***

...В чем, скажешь, <Божие> человеколюбие, если Он судит по правде? Во-первых, в том, что Он не вдруг посылает наказание, а больше всего — что Он прощает все грехи в купели возрождения; во-вторых, в том, что подает и покаяние (свт. Иоанн Златоуст, 48, 78).

***

...Ты не думай, что Сын послан Богом Отцом только для спасения всего мира. Если бы только один человек нуждался в искуплении, то тем не менее Бог не нашел бы недостойным послать Своего Сына (свт. Иоанн Златоуст, 49, 307).

***

Если я скажу, что Бог простер небо и землю, расширил море, послал пророков и Ангелов, я не выражу в такой мере Его благости. Верх благодеяний Его состоит в том, что Он не пощадил Сына Своего для спасения отчуждившихся от Него рабов (свт. Иоанн Златоуст, 50, 521).

***

Нам был вверен рай, но тогда, как мы оказались недостойными обитать в нем, <Христос> возводит нас на самые Небеса. Мы не остались верными в первоначальных дарах, но Он сообщает нам еще большие. Мы не могли воздержаться от одного древа — и Он подает нам пищу горнюю (свт. Иоанн Златоуст, 51, 167).

***

...И то служит доказательством великого человеколюбия Божия, что Бог не только дал Сына, но и отложил время Суда, чтобы согрешившие и неверующие имели возможность очистить свои согрешения (свт. Иоанн Златоуст, 51, 180).

***

Если не скоро кто-нибудь согласится умереть и за добродетельного человека, то представь любовь твоего Владыки, когда Он оказался распятым не за добродетельных, но за грешников и врагов (свт. Иоанн Златоуст, 52, 587).

***

Если возлюбленная царя считается блаженною больше всех, то чего удостаивается та, которую любит Бог великою любовью? Если противопоставить ей целую вселенную, то ничто не сравнится с красотою ее (свт. Иоанн Златоуст, 55, 238).

***

...Чудная любовь Божия к человеку познается, когда бывает он в обстоятельствах, разрушающих надежду его. Здесь Бог силу Свою показует во спасении его (прп. Исаак Сирин, 58, 222).

***

...Нельзя словом высказать и умом измерить предельную любовь и благостыню Его <Бога> к нам (прп. Феодор Студит, 92, 310).

***

Не так любит жених невесту свою, не так родители радеют о детищах своих, как любит нас и радеет о нас Владыка всяческих — Бог (прп. Феодор Студит, 92, 310).

***

Блажен и преблагословен, кто... возжигает в себе до небес восходящий пламень любви Божественной (прп. Феодор Студит, 92, 326).

***

...<Бог> человеколюбив к тем, которые чувствуют Его человеколюбие, чтут Его и благодарят, как подобает. Если же ты, ни во что ставя любовь Его всеуслаждающую, полюбишь что-либо другое и с тем свяжешь всецело все стремление души своей и станешь услаждаться другою какою сластью, или ястием, или питием, или одеждою, или лицом каким красивым, или золотом, или серебром, или другим чем, и душа твоя воспохотствует того и побеждена будет любовию к тому, то возможно ли, чтобы Бог, естественно чистый и тебя соделавший таковым благодатию Духа Святаго, продолжал быть в общении и обращаться с тобою, когда ты уклонился сердцем на другое, а не тотчас оставил тебя? — Само собою явно, что Он всеконечно оставит тебя (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 367—368).

***

...Ни великость преступлений, ни множество грехов, ни постыдность деяний никогда не превзойдут многого, лучше же, премногого человеколюбия <Божия>... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 25).

***

...Открыв чрез естество и тварь познание добродетели, <Бог> приставил Ангелов-хранителей; воздвиг для руководства отцов и пророков; явил знамения и чудеса, ведущие к вере; дал нам писаный Закон, помогающий закону, вложенному в разумное наше естество, и познанию, полученному на основании (созерцания) твари. Наконец, после того, как мы все оставили без внимания, — о какое нерадение с нашей стороны и, напротив, какое великодушие и вместе заботливость со стороны Любящего нас! — Он Самого Себя отдал за нас, истощив богатство Своего Божества в нашу худость, восприяв наше естество и став Человеком, как мы, благоволил стать нашим Учителем; и Сам учит нас о величии Его человеколюбия, явив сие делом и словом, и вместе побуждая к подражанию Его сострадания к людям, и отстраняя несострадательное расположение души слушающих (свт. Григорий Палама, 26, 33—34).

***

...Великий Бог и Вседержитель не удовольствовался тем, что создал тебя по образу и подобию Своему, ни тем, что, когда ты, согрешив и Его оскорбив, ниспал из чина своего, послал Сына Своего Единородного пожить тридцать и три лета на земле, чтобы взыскать тебя, и, подъяв страшные страсти и мучительную смерть крестную, искупить и исхитить тебя из рук диавола, которому ты поработил себя грехом, и опять восставить тебя в свой чин, но, кроме того, благоволил учреждену быть еще и Таинству Тела и Крови в пищу тебе для существеннейшего сращения с естеством твоим всей силы воплощенного Домостроительства. Сие-то последнее изъявление презельной к тебе любви Божией сделай для себя предметом постоянного созерцания и углубления, чтоб, узревая все-

стороннюю полноту ее и преизобилие, питать тем и паче и паче воспламенять и свое к Богу всецелое устремление и любовь.

Помысли о том, когда стал любить тебя Бог, и увидишь, что сему нет начала. Ибо сколько Сам Он вечен по Божескому естеству Своему, столько же вечна и любовь Его к тебе, по коей Он прежде всех веков положил в совете Своем даровать тебе Сына Своего дивным некиим и непостижимым образом. Узрев же сие, восторженною возрадуйся радостию духовною и воззови: «Итак, еще в оной бездне вечности мое ничтожество было попечительно зримо и любимо Богом беспредельным; еще тогда промышлял Он о благе моем и по благоволению неизглаголанной любви Своей положил даровать мне в пищу Сына Своего Единородного. Могу ли я после сего позволить себе хоть один момент не быть прилепленным к Нему всею мыслию моею, всем желанием моим и всем сердцем моим?»

Помысли также, что всякие взаимные люблении тварей между собою, как бы они велики ни были, имеют свою меру и свой предел, за который и не могут простертись <перейти>. Одна любовь Божия к нам не имеет предела. Почему, когда потребовалось особым некиим образом удовлетворить ее, Он предал на сие Сына Своего, равного Ему по величию и беспредельности, яко Сущего единого и того же с Ним естества. Итак, любовь Его такова, каков дар, и наоборот, таков дар Его, какова любовь. И то и другое столь велико, что большей меры великости не может и вообразить никакой тварный ум. Возмерь же ты за сию безмерную любовь по крайней мере всевозможною для тебя мерою любви.

Помысли еще, что Бог подвигся на возлюбление нас не какой-либо необходимостью, но по единой Своей естественной благости, возлюбил независимо ни от чего, Сам от Себя, сколько безмерно, столь же и непостижимо.

<Помысли>, что с нашей стороны не могло быть предпослано сему возлюблению никакое достохвальное дело, достойное воздаяния, чтоб Беспредельный Бог за то презельностию любви воздал нашей всесторонней бедноте, — что Он возлюбил нас потому, что так восхотел, по единому благоволению Своему, и не только возлюбил, но и даровал Себя нам, недостойнейшим тварям Своим.

<Помысли>, что любовь сия, если воззришь на чистоту ее, не смешана, как большею частью тварная любовь, с чаянием какого-либо добра от нас впереди. Ибо Бог не имеет нужды в каком-либо добре со стороны, яко Сам в Себе вседовольный и всеблаженный. Почему если благоволил излить на нас неизреченную благость и любовь, то излил не ради блага Себе от нас, а для блага собственно нашего (прп. Никодим Святогорец, 70, 218—220).

****

Авва Макарий, проходя однажды с братиями через Египет, услышал слово отрока, который говорил своей матери: «Матушка! Один богач любит меня, а я ненавижу его; а такой-то бедный ненавидит меня, а я люблю его». Услышав сие, авва Макарий удивился. Братия говорят ему: «Что значат эти слова, что ты, отец, удивился?» Старец отвечает им: «Истинно, Господь наш богат и любит нас, и мы не хотим слушать Его; а враг наш диавол беден и ненавидит нас, и мы любим скверны его» (97, 148).

ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ

...Все вступившие в сожительство с Богом, уважайте друг друга, и никто не взирай по плоти на своего ближнего, но всегда любите друг друга во Иисусе Христе. Да не

будет между вами ничего, что могло бы разделить вас; но будьте в единении с епископом и председящими <пресвитерами> во образ и учение нетления (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 281).

***

Ничего нет более и совершеннее среди добродетелей, как любовь к ближнему. Признаком же ее служит не то только, чтобы не иметь вещи, в которой другой нуждается, но и смерть за него претерпеть с радостию, по заповеди Господней, и считать это своим долгом. Да и справедливо, ибо мы должны не по праву только природы любить ближнего до смерти, но и ради пролитой за нас Пречистой Крови заповедавшего то Христа (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 152).

***

Таковы души святых! Они врагов любят более, нежели самих себя. Потому и в нынешнем веке и в будущем во всем предпочитают ближнего, хотя бы он и враг им был по злому своему произволению; святые не ищут воздаяния от тех, кого они любят, но — как сами получающие — радуются, когда отдают другим все свое, чтобы угодить чрез то Благодетелю и, по силе своей, подражать Его человеколюбию, ибо Он благ и к неблагодарным и грешным (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 173).

***

Когда есть какое дело с мздовоздаянием, пусть приобщится к нему с тобою и брат твой... (прп. авва Исаия, 89, 289).

***

Любите... братий своих любовию святою и блюдите язык свой, чтоб не выпустить слова неподобающего, которое могло бы уязвить брата (прп. авва Исаия, 89, 315).

***

Возлюби верных, чтоб через них получить милость (прп. авва Исаия, 89, 348).

***

Сделать какой-либо вред ближнему, или оскорбить его к ущербу веры, хотя бы поступок по особенной какой причине дозволяем был Писанием, значит не иметь Христовой любви к ближнему (свт. Василий Великий, 7, 311).

***

Что свойственно любви к ближнему? — Искать не своих выгод, но выгод любимого к пользе душевной и телесной (свт. Василий Великий, 7, 417).

***

...Кто о грехе ближнего источил горячие слезы, тот исцелил себя самого тем, что оплакивал брата (свт. Василий Великий, 8, 73).

***

...Кто любит ближнего, как самого себя, тот ничего не имеет у себя излишнего перед ближним (свт. Василий Великий, 8, 90).

***

При всяком успехе ближнего своего веселись и прославляй Бога, потому что его успехи суть твои, а твои — его (свт. Василий Великий, 9, 49).

***

...Любящий одного предпочтительно пред другими обличает себя в том, что не имеет совершенной любви к другим (свт. Василий Великий, 9, 67).

***

Как Бог всем дает возможность равно приобщаться света, так и подражатели Божии да изливают на всех общий и равночестный луч любви (свт. Василий Великий, 9, 68).

***

...Кто любит ближнего, тот исполняет свою любовь к Богу, потому что Бог его милосердие переносит на Самого Себя (свт. Василий Великий, 9, 89).

***

...Блажен, кто плачет о согрешающем, который чрез это подвергается страшной опасности, и радуется о поступающем хорошо, который... приобретает сим несравненную выгоду (свт. Василий Великий, 9, 251).

***

Любовь просвещает мысленные очи; а кто любит вражду и ссору, тот подобен человеку, который часто вла-

гает руку свою в нору к аспидам (прп. Ефрем Сирин, 30, 141).

***

Всех почитай ради Господа, чтоб и тебя почтил Господь всех (прп. Ефрем Сирин, 30, 207).

***

Без любви всякое дело нечисто. Если хранит кто девство, если постится или пребывает во бдении, если молится или дает у себя приют бедным... если строит церкви или иное что большее делает — все сие без любви ни во что не вменится пред Богом; потому что неблагоугодно сие Богу. Итак, ничего не предпринимай делать без любви (прп. Ефрем Сирин, 31, 352—353).

***

Кого любишь, люби не ради какой-либо потребности, и да не будет у тебя притворства (прп. Ефрем Сирин, 31, 627).

***

Если не возлюбишь ближнего, то не узнаешь, как любить самого себя (прп. Ефрем Сирин, 31, 627).

***

Любить человека значит воздавать честь Создателю; служить нищим значит воздавать честь Обнищавшему ради нас (свт. Григорий Богослов, 16, 342).

***

Обретя... познание Божие и уразумев страх, удобно преуспеешь и в последующем, т. е. в любви к ближнему... А без первого и второе не может быть чисто. Ибо кто не любит Бога от всей души и от всего сердца, тот приложит ли правильно и без лести попечение о любви к братьям, не выполняя любви к тому, ради чего прилагается попечение о любви к братьям? (прп. Макарий Египетский, 67, 333).

***

Такова искренняя любовь: она не уступает ни времени, ни месту, ни дальности расстояния, ни горькому положению обстоятельств (свт. Иоанн Златоуст, 46, 742).

***

Что... может сравниться с любовью? Ничто. Это — корень, источник и матерь всех благ. Это — добродетель, чуждая какого бы то ни было лишения, добродетель, сопряженная с удовольствием и приносящая одну непрерывную радость искренно усвоившим ее (свт. Иоанн Златоуст, 46, 796).

***

Ничто так не облегчает душу и не доставляет столько радости, как чувство искренней взаимной любви (свт. Иоанн Златоуст, 46, 797).

***

Если... ты не хочешь быть оставленным без внимания, когда бы случилось тебе пасть, то и сам не пренебрегай

падшими, но оказывай им всякую любовь и почитай за величайшее благо возможность спасти брата (свт. Иоанн Златоуст, 47, 482).

***

...Пусть каждый... прилагает попечение о пользе ближнего и почитает ее величайшим приобретением для себя самого... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 644).

***

Как огонь сжигает терние, так и человеколюбие раздражает людей бесчеловечных и жестоких, потому что оно служит обличением и укоризною их нечестия (свт. Иоанн Златоуст, 48, 320).

***

...Кто спасает бедного, получает честь и награду пастыря, разумеется — того Пастыря, Который предал Себя за нас и избавил нас от мысленных зверей, а кто причиняет вред и обиды, ставится в ряд зверей (свт. Иоанн Златоуст, 48, 863).

***

Любовь к телесной красоте смешана с огорчением; напротив, любовь к красоте душевной соединена с чистым, невозмущаемым удовольствием (свт. Иоанн Златоуст, 50, 383).

***

Человеколюбив не тот, кто сам поражает и исцеляет пораженных им, но тот, кто врачует раны, нанесенные другими (свт. Иоанн Златоуст, 50, 542).

***

...Не столько елей укрепляет тело, сколько человеколюбие укрепляет душу и соделывает ее ничем не победимою и неуловимою для диавола (свт. Иоанн Златоуст, 50, 658).

***

В делах духовных подавать друг другу руку — признак братской любви, родственной дружбы, искреннего благорасположения (свт. Иоанн Златоуст, 51, 126).

***

...Помня, что, хотя бы мы сами и не трудились, а только сочувствовали трудящемуся, мы можем разделять с ним венцы его, оставим всякую зависть и насадим в душах наших любовь, чтобы, сорадуясь благополучию братий наших, мы могли сподобиться благ настоящих и будущих... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 241).

***

...Постараемся иметь попечение о своей душе и любовь друг к другу, не будем отторгать от себя своих членов — это свойственно беснующимся и умалишенным, — но, чем в худшем найдем их положении, тем большую покажем об них заботливость... Хотя бы они страдали неисцельными болезнями <души>, будем неотступно заботиться об их исцелении и носить тяготы друг друга. Чрез это мы исполним и закон Христов и достигнем обетованных благ... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 458).

***

...Любовь... есть мать добра: она произрастает от души добродетельной, а где порок, там увядает это растение (свт. Иоанн Златоуст, 51, 484).

***

...Мы сподобляемся одних и тех же Таинств, одной и той же духовной пищи. Вот побуждения к любви! Но как, скажут нам, сохранить теплоту любви? А что возбуждает любовь плотскую? Телесная красота. Соделаем же и души наши прекрасными и будем питать любовь друг к другу... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 355).

***

...Не любящий брата, хотя бы расточил имение и просиял в мученичестве, ни в чем не достигнет успеха... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 559).

***

Если любимый тобою и сам тебя любит, то он оказал уже тебе воздаяние, а если любимый тобою не любит тебя, то он поставил за себя Бога должником твоим. Сверх того, когда он любит тебя, то не много нужно тебе прилагать о нем попечения, а когда не любит, тогда особенно он и имеет нужду в твоей помощи (свт. Иоанн Златоуст, 52, 816).

***

Если не имеешь ревности пещись о брате, то помни, что иначе ты спастись не можешь, и позаботься о нем и о

делах его по крайней мере для себя (свт. Иоанн Златоуст, 53, 249).

***

Как закопавший собственное золото в доме ближнего, если не захочет сходить поискать и откопать его там, никогда не увидит его, так и здесь, кто не хочет в пользе ближнего искать собственной пользы, тот не получит венцов (свт. Иоанн Златоуст, 53, 333).

***

Долг человеколюбия требует не во всем угождать больным <согрешающим> и не потворствовать неразумным их желаниям (свт. Иоанн Златоуст, 53, 603).

***

...Кто любит, как должно, ближнего, тот не откажется служить ему покорнее всякого раба (свт. Иоанн Златоуст, 53, 802).

***

Как для нас пострадал Бог, так и мы должны страдать для <людей>... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 783).

***

Если кто устроит большой пир для царя и властей с возможно большей роскошью, чтобы ни в чем не было недостатка, а соли у него не окажется — разве не расстроится вследствие этого весь пир? Конечно, расстроится, и, таким образом, устроитель пира и издержки понесет, и

труды его пропадут даром, а сверх того, осрамится пред званными на пир гостями. Так-то вот и здесь: что за польза трудиться на ветер? Без любви всякое дело и всякая заслуга нечисты и несовершенны; хранит ли кто девство, постится ли, бодрствует ли неусыпно, молится ли, питает ли нищих, приносит ли, как ему кажется, дары... или плоды, строит ли церкви или другое что-либо делает, без любви все это ни во что вменяется в очах Божиих. Не жди в таком случае благоволения Божия (свт. Иоанн Златоуст, 54, 983).

***

Не нужно нам ни трудов, ни подвигов, если мы любим друг друга, это — путь, который сам собою ведет к добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 55, 165—166).

***

...Будем привлекать необузданных, а грешников будем прощать, будем выражать вместе с божественным законом много человеколюбия... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 290—291).

***

О, если бы мне возможно было подвизаться за вас, а вам получать награды за подвиги — никогда бы я на это не обижался! (свт. Иоанн Златоуст, 55, 716).

***

Как Сам <Господь> взирал не на собственную высоту, но на полезное для людей, и, уничижив Себя, соблаго-

волил принять зрак раба, чтобы рабов ввести в сыноположение, так и каждому из нас повелел не на собственную выгоду взирать, но иметь в виду пользу ближних. А если кто думает, что, снисходя, потерпит вред, то пусть узнает, что сие снисхождение возведет его на высоту почести (прп. Исидор Пелусиот, 61, 386—387).

***

Блажен <человек>, который со всею радостию взирает на спасение и преуспеяние всякого, как на свое собственное (прп. Нил Синайский, 71, 195).

***

Блажен <человек>, который всякого человека почитает как бы богом после Бога (прп. Нил Синайский, 71, 195).

***

Любви к брату своему не заменяй любовию к какой-либо вещи, потому что брат твой тайно приобрел внутрь себя Того, Кто всего драгоценнее (прп. Исаак Сирин, 58, 33).

***

...Без любви к ближнему ум не может просвещаться божественною беседою и любовию (прп. Исаак Сирин, 58, 250).

***

Кто втайне врачует брата своего, тот явною делает силу любви своей (прп. Исаак Сирин, 58, 396).

***

Кто исправляет брата своего в клети своей, тот исцеляет собственный свой порок (прп. Исаак Сирин, 58, 396).

***

Кто руку свою простирает на помощь ближнему своему, тот в помощь себе приемлет Божию мышцу (прп. Исаак Сирин, 58, 396).

***

Кто защищает обиженного, тот поборником себе обретает Бога (прп. Исаак Сирин, 58, 396).

***

...Прекрасна и похвальна любовь к ближнему, если только попечение ее не отвлекает нас от любви Божией (прп. Исаак Сирин, 58, 402).

***

Научитесь и вы *друг друга тяготы носити* (Гал. 6, 2), научитесь благоговеть друг пред другом; и если кто из вас услышит от кого-нибудь неприятное слово или если потерпит что сверх ожидания, то он не должен тотчас малодушествовать или тотчас возмущаться (гневом), чтобы во время подвига и пользы не оказался он имеющим сердце расслабленное, беззаботное, нетвердое, не могущее выдержать никакого приражения, как бывает с дыней: если хотя малый сучок коснется ее, тотчас делает в ней

повреждение, и она гниет. Напротив, имейте сердце твердое, имейте великодушие: пусть ваша любовь друг к другу побеждает все случающееся (прп. авва Дорофей, 29, 66).

***

Каждый да служит телу по силе своей, и старайтесь постоянно помогать друг другу: или учением, влагая слово Божие в сердце брату, или утешением во время скорби, или подаянием помощи в деле служения (прп. авва Дорофей, 29, 87).

***

...Писание говорит: ***возлюбиши искренняго своего, яко сам себе*** (Мф. 22, 39). Не обращай внимания на то, как далеко ты отстоишь от сей добродетели, чтобы не начать ужасаться и говорить: как могу я возлюбить ближнего, как самого себя? Могу ли заботиться о его скорбях, как о своих собственных, и особенно о сокрытых в сердце его, которых не вижу и не знаю, подобно своим? Не увлекайся такими размышлениями и не думай, чтобы добродетель превышала твои силы и была неудобоисполнима, но положи только начало с верою в Бога, покажи Ему твое произволение и старание, и увидишь помощь, которую Он подаст тебе для совершения добродетели. Представь себе две лестницы: одна возводит вверх на небо, другая низводит в ад, а ты стоишь на земле посреди обеих лестниц. Не думай же и не говори: как могу я возлететь от земли и очутиться вдруг на высоте неба, т. е. наверху лестницы? Это, конечно, невозможно, да и Бог не требует сего от тебя; но берегись, по крайней мере, чтобы не сойти вниз.

Не делай зла ближнему, не огорчай его, не клевещи, не злословь, не уничижай, не укоряй и, таким образом, начнешь после мало-помалу и добро делать брату своему, утешая его словами, сострадая ему или давая ему то, в чем он нуждается: и так, поднимаясь с одной ступени на другую, достигнешь с помощью Божиею и верха лестницы. Ибо мало-помалу помогая ближнему, ты дойдешь до того, что станешь желать и пользы его, как своей собственной, и его успеха, как своего собственного. Сие и значит возлюбить ближнего своего, как самого себя (прп. авва Дорофей, 29, 162—163).

***

...Не требуй любви от ближнего, ибо требующий (ее) смущается, если ее не встретит; но лучше ты сам покажи любовь к ближнему и успокоишься и, таким образом, приведешь и ближнего к любви (прп. авва Дорофей, 29, 189).

***

Тогда всякий из нас познает, что в нем есть братолюбие и истинная к ближнему любовь, когда увидит, что плачет о согрешениях брата и радуется о его преуспеянии и дарованиях (прп. Иоанн Лествичник, 57, 40).

***

Надлежит всему видимому и даже самому телу предпочитать любовь ко всякому человеку, которая служит признаком и любви к Богу... (прп. Максим Исповедник, 91, 137).

***

...Когда разрешим всякий союз неправды и расположимся благодетельствовать ближнему от всей души, тогда облистаемся светом ведения, освободимся от страстей бесчестия, исполнимся всякою добродетелью, светом славы Божией осветимся, и от всякого неведения избавимся; молясь же Христу, услышаны будем и Бога всегда будем иметь с собою и божественных исполнимся желаний (прп. Максим Исповедник, 91, 159).

***

Возлюбим друг друга и возлюблены будем от Бога. Будем долготерпеть друг другу, и Он подолготерпит грехам нашим. Не будем воздавать злом за зло, и Он не воздаст нам по грехам нашим. Оставление прегрешений наших обретем в прощении братиям; ибо милость Божия к нам сокрыта в милостивости нашей к ближним (прп. Максим Исповедник, 91, 159—160).

***

Всякого человека от души любить должно, упование же возлагать на одного Бога и Ему единому служить всею крепостию. Ибо пока Он хранит нас, то и друзья все нам благоприятствуют, и враги все сделать нам зла не сильны. А когда Он нас оставит, то и друзья все от нас отвращаются, и враги все берут силу над нами (прп. Максим Исповедник, 91, 227).

***

Друг другу будем помогать, друг друга утешать и воодушевлять на любовь, терпение и ревность об исполнении заповедей Божиих (прп. Феодор Студит, 92, 67).

***

Будем любить друг друга по душе, а не по телу (прп. Феодор Студит, 92, 366).

***

Человеколюбие есть подобие Богу, так как оно благотворит всем людям, и благочестивым и нечестивым, и добрым и злым, и знаемым и незнаемым, как и Сам Бог всем благотворит... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 32).

***

На всех верных должны мы смотреть, как на одного, и думать, что в каждом из них пребывает Христос, и такое любовное иметь к нему расположение, чтоб быть готовыми положить за него души свои. Отнюдь не должно нам говорить или думать, что кто-либо зол, но всех видеть добрыми, как сказано. Хотя увидишь кого боримым страстьми, не брата, а страсти ненавидь, борющие его. А когда увидишь такого, над которым тиранствуют похоти и недобрые привычки, имей к нему еще большее сострадание, чтоб иначе и самому не быть искушенным подобно ему, как изменчивому и состоящему под влиянием изменчивого вещества (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 525).

***

Любовь к Богу не имеет меры, как любимый Бог — предела и ограничения. Но любовь к ближним должна иметь свой предел и ограничение. Если ты не будешь держать ее в подобающих ограничениях, то она может удалить тебя от любви к Богу, причинить тебе большой вред, ввергнуть тебя в пагубу. Воистину должен ты любить ближнего, но так, чтоб чрез то не причинить вреда душе

своей. Делай все дела свои просто и свято, не имея в виду ничего другого, кроме одного благоугождения Богу, и это охранит тебя в делах любви к ближним от всяких неверных шагов. В делах сих самое важное есть способствование спасению ближних. Но тут нередко вторгается ревность не по разуму, которая ничего не приносит, кроме вреда и ближним, и себе. Показывай пример искренней веры и богоугодной жизни и будешь, подобно апостолам, благоуханием Христовым, всех привлекающим к последованию Ему. Но не докучай всем словом своим без разбора: этим только мир расстроишь и с другими, и сам в себе. Имей ревность горячую и желание сильное, чтобы все познали истину в таком совершенстве, как ты ее содержишь, до опьянения вином сим, которое Бог обетовал и всем ныне подает без цены (см.: Ис. 55, 1), — такую жажду спасения ближнего имей всегда; но надлежит, чтоб она исходила от любви к Богу, а не от неразумной ревности. Бог Сам насадит такую любовь к братьям в душе твоей по отрешении ее от всего и в свое время придет собрать плод от сего. Сам ты по себе не сей ничего, но предноси Богу землю сердца твоего, чистую от всяких терний и волчцов, и Он посеет на ней семя, как и какое хочет. Сие-то семя и принесет плод в свое время.

...Надлежит тебе осмотрительно умерять горячность ревности о других, да сохранит тебя Господь в мире и покое душевном. Смотри, не потерпела бы душа твоя ущерба в своем главном благе, в мире сердца, от неразумных забот о пользе других... (прп. Никодим Святогорец, 70, 265—267).

***

Любовь к ближнему есть стезя, ведущая в любовь к Богу: потому что Христос благоволил таинственно облечь-

ся в каждого ближнего нашего, а во Христе — Бог (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 123).

***

Воздавай почтение ближнему, не различая возраста, пола, сословия, — и постепенно начнет являться в сердце твоем святая любовь (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 127).

***

Если образ Божий будет ввергнут в пламя страшное ада, и там я должен почитать его (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 127).

***

Явление духовной любви к ближнему — признак обновления души Святым Духом... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 128).

***

Ищи раскрыть в себе духовную любовь к ближним: войдя в нее, войдешь в любовь к Богу, во врата воскресения, во врата Царствия Небесного (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 128).

***

Ученики Евангелия выражают любовь к ближнему исполнением относительно его всесвятых заповеданий Господа своего; удовлетворение пожеланиям и прихотям человеческим они признают душепагубным человекоугодием и страшатся его столько же, сколько страшатся и убегают самолюбия (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 261).

***

Хотя заповедь о любви к Богу столько возвышеннее заповеди о любви к образу Божию — человеку, сколько Бог возвышеннее Своего образа, однако заповедь о любви к ближнему служит основанием заповеди о любви к Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 87).

***

Причина... любви <к ближнему> одна — Христос, почитаемый и любимый в каждом ближнем (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 90).

***

Любви к ближнему предшествует и сопутствует смирение перед ним (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 90).

****

Однажды братья в присутствии аввы Иосифа начали разговор о любви. Старец сказал: «Мы не знаем, что такое любовь. Вот образец любви: авва Агафон имел ножик, необходимый ему для его рукоделия. Пришел к нему брат и, увидев ножик, похвалил эту вещь. Авва Агафон немедленно начал упрашивать брата, чтоб он принял ножик в подарок, и не давал брату выйти из кельи до тех пор, пока не уговорил его принять понравившуюся ему вещь» (106, 56).

***

Поведали об авве Агафоне, что он, отправляясь однажды в город для продажи своего рукоделия, нашел там

больного странника, поверженного на улице, и никто не принял на себя попечений об этом страннике. Старец остался при нем, на цену, полученную за свое рукоделие, нанял хижину, оставшиеся деньги от найма кельи употреблял на нужды больного. Так провел он четыре месяца, до выздоровления странника, и только тогда авва Агафон возвратился на свое место (106, 56).

***

...Шел авва Агафон в город для продажи скромного рукоделия и на дороге увидал лежащего прокаженного. Прокаженный спросил его: «Куда идешь?» «Иду в город, — отвечал авва Агафон, — продать рукоделие мое». Прокаженный сказал: «Окажи любовь, снеси и меня туда». Старец поднял его, на плечах своих отнес в город. Прокаженный сказал ему: «Положи меня там, где будешь продавать рукоделие твое». Старец сделал так. Когда он продал одну вещь из рукоделия, прокаженный спросил: «За сколько продал ты это?» «За столько-то», — отвечал старец. Прокаженный сказал: «Купи мне хлеба». Когда старец продал другую вещь, прокаженный спросил его: «Это за сколько продал»? «За столько-то», — отвечал старец. «Купи мне еще хлеба», — сказал прокаженный. Старец купил. Когда авва распродал все рукоделие и хотел уйти, прокаженный сказал ему: «Ты уходишь?» «Ухожу», — отвечал авва. Прокаженный сказал: «Окажи любовь, отнеси меня туда, где взял». Старец исполнил это. Тогда прокаженный сказал: «Благословен ты, Агафон, от Господа на небеси и на земли». Авва оглянулся — и не увидел никого: это был Ангел Господень, пришедший испытать старца (106, 57).

***

Был в Антиохии патриарх именем Александр, особенно милостивый и сострадательный ко всем. Один из письмоводителей его украл у него несколько златниц и бежал в Египетскую Фиваиду. Там, в пустом месте, варвары схватили письмоводителя и завели в глубину своей страны. Блаженный Александр узнал об этом и выкупил пленника, дав за него 85 златниц. Когда тот возвратился, патриарх оказал ему столько благодеяний, что некоторые из граждан говорили: благость Александра не может быть побеждена никаким согрешением (106, 72—73).

***

Был один отшельник, имевший под своим смотрением другого отшельника в келье за десять миль от него. И сказал ему однажды помысл: позови брата, чтобы пришел и взял хлеб. И опять раздумывал он: из-за хлеба утружу я брата пройти десять миль, лучше снесу ему половину хлеба. И когда шел, повредил палец ноги, пошла кровь, и он, стеная, начал плакать от боли. Явился ему Ангел и спросил его: «Что ты плачешь?» Говорит ему отшельник: «Палец ранил и чувствую боль». Сказал ему Ангел: «Из-за этого ли плачешь? Не плачь, ибо шаги, которые ты делаешь ради Господа, исчисляются и за великую цену считаются пред лицем Господа. И чтобы знал ты, вот пред тобою беру крови твоей и возношу к Богу». Тогда, благодаря, совершил он путь к другому монаху и, отдав ему половину хлеба, рассказал о человеколюбии Божием и возвратился в свою келью. Через день, опять взяв половину хлеба, пошел к другому монаху. Случилось же, что и этот монах возревновал сделать так же и пошел к иному

монаху. Встретились они друг с другом на дороге. И первый, сделавший доброе дело, говорит ему: «Имел я сокровище, и ты захотел похитить его». Отвечает ему другой: «Где написано, что тесные врата для тебя одного отверсты? Допусти и нас войти вместе с тобою». И когда говорили они, вдруг явился Ангел Господень и сказал им: «Спор ваш, как воня благоухания, вошел ко Господу» (98, 386—387).

***

Подвижник, видя некоего бесноватого, который не мог поститься, будучи движим любовию к Богу и более думая о пользе ближнего, нежели своей, молился, чтобы в него перешел демон, а тот освободился от него; и молитву его услышал Бог: демон вселился в него. Подвижник продолжал пост, упражняясь в молитве и подвигах, и, преимущественно за любовь его, через несколько дней Бог изгнал из него демона (98, 376).

***

Сказывали о некотором брате, что он, когда сделал уже корзины и приделал ручки, услышал, что сосед его монах говорит: «Что мне делать, скоро торговый день, а у меня нет ручек к моим корзинам?» И тогда брат отвязал от своих корзин ручки и отнес к соседу, говоря: «Вот эти у меня лишние, возьми и приделай к своим корзинам». И дал брату возможность доделать работу его, а свою оставил (98, 377—378).

***

Авва Феодор Еннатский рассказывал о себе: «Когда в юности моей жил я в пустыне, однажды пошел в хлебню

приготовить себе два пшеничных хлеба и застал там брата, который хотел испечь хлебы, но не имел никого, кто бы ему помог. Я оставил свое дело и пособил ему. Но только что кончил с ним, пришел другой брат, и сему я помог и испек хлебы. После того пришел третий, и я то же сделал. Таким образом делал я для каждого из приходящих и приготовил шесть хлебов. Наконец, когда уже никого не было из приходящих, испек и я свои два хлеба» (97, 288).

***

Преподобный Феодул, удалившись от мира, близ Едесса взошел на столп и на оном тридцать лет провел в посте и молитве. Перед кончиною ему пришла мысль просить Бога, чтобы Он указал ему тех, которые в сей жизни преимущественно перед другими угодили Ему. Молитва его дошла до Бога, и Феодул услышал следующий глас: «Корнилий, который родом из Мимон, тот стоит на высоте духовного совершенства и достоин Царства Небесного. Найдешь же ты его близ Дамаска, в селении, именуемом Пандуро». Феодул тотчас отправился искать этого Корнилия и нашел. Припав к ногам его, Феодул стал умолять, чтобы он открыл ему жизнь свою. «Грешник я, — отвечал Корнилий, — и никакого дела не сделал». Старец не переставал просить. Тогда Корнилий сказал: «Воспитан я, отче, в обществе дурных людей; но теперь, благодаря Богу, дал обещание жить целомудренно и быть милостивым, сколько можно, и забочусь о сем». «Скажи мне и остальное о твоей жизни», — не переставал умолять Феодул. Тогда Корнилий сказал: «Не так давно, отче святый, был со мною следующий случай: некоторая женщина, славная родом, богатая и целомудренная, вступила в брак с одним человеком, который оказался не стоящим ее и вскоре не

только ее имение истратил, но и много задолжал людям. Заимодавцы бросили его в темницу, в которой он и пробыл долгое время. Все это причиняло жене самые тяжкие страдания. Не имея денег, она вынуждена была выпрашивать милостыню, чтобы накормить мужа, а также день и ночь искала человека, который бы взялся выкупить его, и не находила. Женщине этой раз пришлось встретиться и со мною, и я, желая помочь, спросил, сколько должен муж ее. Она ответила: четыреста пенязей. У меня в то время было только двести тридцать пенязей, и тогда я продал, чтобы дополнить недостающее, продал некоторые из своих вещей и вырученными деньгами дополнил недостающую сумму и передал все бедной женщине, сказав: «Возьми это и иди с миром, освободи своего мужа из темницы и помолись всем сердцем о мне грешном, чтобы помиловал меня Господь на Суде Своем». Слыша сие, Феодул прославил Бога, возвратился на свой столп и вскоре отошел ко Господу (112, 233—234).

***

В Александрии Египетской после смерти родителей осталась одна девица с большим богатством. Однажды, гуляя в своем саду, она увидела человека, который приготовил себе петлю и хотел удавиться. «Что ты делаешь?» — в ужасе воскликнула девица. Несчастный тихо ответил ей: «Оставь меня, ибо я в великой нахожусь скорби!» Девица сказала: «Поведай мне причину ее, и я, сколько смогу, помогу тебе». Он отвечал: «Я весь в долгах, и заимодавцы не дают мне покоя, требуя уплатить долг. Нет, лучше умереть мне, чем жить злою жизнью!» Дева сказала: «Ступай за мною и, что есть у меня, возьми себе и уплати свой долг. Только умоляю тебя: не губи себя!» Он взял у

нее деньги, уплатил долги и стал свободным. Но не то стало с девицею. Обеднев и не видя ниоткуда помощи и нравственной поддержки, она впала в грех. По прошествии года она сильно заболела, смирилась, пришла в себя и сказала своим соседям: «Бога ради, попекитесь о душе моей! Попросите патриарха, чтобы он крестил меня и сделал христианкой». Но никто не сжалился над нею, и все говорили: «Не стоит помощи эта блудница!» И вот, когда она осталась одинокою, скорбела и молилась о себе, Господь явил ей Свое милосердие. Ей явился Ангел Господень в образе человека, которого она спасла от смерти, и сказал ей: «Что скорбишь, госпожа моя?» Она отвечала: «Да вот, хочу сделаться христианкой и креститься, но никто не хочет доложить обо мне патриарху». Ангел спросил: «Подлинно ли ты этого желаешь?» «Да, воистину от всего сердца желаю», — отвечала девица. Ангел молвил ей: «Не унывай! Я приведу к тебе некоторых мужей, и они донесут тебя до церкви». И тут явились еще два Ангела и донесли ее до церкви. Там она увидела патриарха, и пресвитеров с диаконами и была крещена ими во имя Святой Троицы. И о чудо милосердия Божия! Ведь это были все Ангелы Божии. И они все сделали это! И ими же она была принесена в дом. Когда дело разъяснилось и все узнали о чуде милости Божией, епископ призвал девицу и сказал ей: «Не утаи от меня и откровенно расскажи мне, какое доброе дело ты сотворила пред Богом?» Она отвечала: «Какое же, владыко, может быть доброе дело от блудницы? Разве только вот что скажу: однажды мне привел Бог спасти человека от смерти, который был мучим заимодавцами и хотел наложить на себя руки. Я отдала ему все свое имение, и он им уплатил все свои долги и таким образом был спасен». И, к удивлению всех, девица после этих слов тотчас скончалась. Тогда все прославили

Бога, и патриарх воскликнул: «Праведен еси Господи, и правы суды Твои! И слава Тебе о всем, Творящему великие чудеса!» (112, 604—606).

***

Брат спросил у аввы Пимена: «Если брат взял у меня в долг деньги, позволишь ли мне просить их у него?» Старец отвечал ему: «Попроси у него однажды». Брат продолжил: «А что же мне делать? Я не могу победить моего помысла». «Пусть помысл твой волнуется, — отвечал старец, — только ты не оскорбляй своего брата» (97, 222).

***

Некогда три инока, не имевшие в сердце своем любви к ближним, пришли к опытному в духовной жизни старцу и стали хвалиться своими делами. Первый сказал: «Я выучил наизусть весь Ветхий и Новый Завет, что мне будет за это?» Старец сказал: «Воздух ты наполнил словами, а все-таки пользы тебе от твоего труда нет». За первым второй приступил и тоже спросил: «А я, отче, все Священное Писание переписал для себя!» Старец сказал: «И тебе нет пользы». Тогда третий воскликнул: «А я, отче, чудеса творю!» — «И тебе нет пользы, ибо и ты любовь отогнал от себя». Потом, обратившись ко всем, сказал: «Если хотите спастись, имейте ко всем любовь и милости прилежите, и тогда спасетесь» (112, 395—396).

***

Когда настал сильный голод в городе Едессе, преподобный Ефрем, этот божественный муж, сжалившись над

поселянами, погибавшими от голода, пошел к богатым гражданам и сказал им: «Отчего вы не имеете сострадания к погибающим людям и гноите свое богатство?..» Они, придумавши будто благовидную отговорку, ответили святому: «У нас некому доверить раздавать хлебы голодным, потому что все занимаются торговлей». Добродетельный Ефрем говорит им: «Как вы думаете обо мне?.. Вверьте мне попечение об алчущих». Тщеславные богачи сказали ему: «О, если бы ты удостоил!» Ефрем, избранник Божий, отвечал им: «Вот, отныне поставляюсь я вами в попечителя о бедных», — и, взяв у них серебро, устроил дома с разными отделениями, поставил в них до трехсот кроватей, заботился о больных и кормил голодных, умерших погребал, а в ком была еще надежда на жизнь, за теми ухаживал и питал их. Одним словом, всем, кто прибегал к нему, он давал пристанище и продовольствие из того, что ему доставляли. По прошествии года, когда последовало плодородие и все пошли по своим домам, этот достославный муж, не имея уже дела для себя, опять возвратился в свою келью и спустя месяц умер, наследовав блаженную землю кротких. Сверх других его подвигов Бог напоследок доставил ему и это служение, за кротость нрава — для получения славнейших венцов (101, 242—243).

***

Авва Аполлон в продолжение 25-летнего пребывания на горе Нитрийской подвизался таким образом: покупая в Александрии на деньги, приобретенные собственными трудами, все необходимое для лечения и келейных нужд, он снабжал ими всю братию во время болезни. Бывало, с раннего утра до девятого часа дня ходит он около обителей

и монастырей по всем кущам, отворяет двери и смотрит, не лежит ли кто. С собою он носил изюм, гранатовые яблоки, яйца, пшеничный хлеб — все, что бывает нужно больному. Такой полезный образ жизни вел раб Христов до глубокой старости. Перед смертью он передал все свои вещи другому авве, упросив его проходить это служение (101, 39—40).

***

Брат посетил старца и, уходя от него, сказал: «Авва! Прости меня, я помешал тебе совершать правило твое». Старец отвечал: «Мое правило — принять тебя по заповеди страннопримства и отпустить с миром» (106, 506).

***

Однажды три брата отправились на жатву и нанялись выжать пространство определенной меры. Один из них, с первого дня почувствовав себя больным, возвратился в свою келью, а двое остались работать. Сказал один из них: «Брат! ты видишь, что третий брат наш впал в болезнь, воодушевись ревностию — воодушевляюсь и я ею — в надежде на Бога, за молитвы брата нашего, вдвоем сделаем дело, за которое взялись трое, выжнем участок». Когда они выжали все пространство, которое обязались выжать, и пришли получать плату за труд свой, то пригласили заболевшего брата, сказав ему: «Приди, брат, получи плату за труд твой». Он отвечал им: «Какую плату получать мне, когда я не жал?» Они сказали на это: «Твоими молитвами совершена жатва: итак, приди, получи плату». Из этого у них родился спор. Он говорил: «Не возьму денег, потому что я не работал», — они не хотели успокоиться, если он

не возьмет своей части. Не придя к согласию, все трое пошли судиться к некоему великому старцу. Первый брат говорил старцу: «Мы пошли втроем жать в поле одного владельца за плату. Я в самый первый день заболел и возвратился в келью мою, не будучи в состоянии даже в течение одного дня принять участие в работе; ныне они принуждают меня, говоря: брат, приди, получи плату за работу, в которой я не участвовал». Другие два брата говорили: «Точно, мы пошли жать и взялись выжать пространство, которое нам отмерили. Если бы мы жали и все трое, то лишь с великим трудом могли бы выжать такой участок. За молитвы же этого брата мы двое сделали это скорее, нежели могли бы выжать трое, почему и сказали ему: приди, получи следующую тебе плату, а он не хочет сделать этого». Старец, услышав такой спор, удивился и сказал одному из своих монахов: «Ударь в било, чтобы братия, находящиеся по кельям, сошлись все сюда». Когда они пришли, старец сказал им: «Придите, братия, услышьте сегодня праведный суд». Потом пересказал им все, слышанное от пришедших судиться, и присудил первому брату взять следующую ему плату и употребить ее по своему усмотрению. И вышел этот брат печальным: он плакал, как бы совершено было над ним неправосудие... (106, 521—522).

***

Преподобный Аврамий жил между язычниками. Одни ругали его и понуждали уйти от них, иные надоедали ему постоянными просьбами о помощи. Аврамий делился с ними тем, что получал от православных, и через это, сказано, освобождался от ругательских мучений. И чем же

кончилось? Язычники, пораженные человеколюбием преподобного, построили христианскую церковь и сами все сделались христианами, а Аврамия умолили быть у них священником, — так кротость и незлобие победили зло и ненависть и умножили стадо Христово (112, 486).

***

Воспитанный в тишине и решившись жить в уединении, авва Афраат находился далеко от императора Валента, который гнал православных и насаждал ересь Ария. Но, увидев жестокость брани, презрел собственную безопасность и, оставив на время уединение, сделался предводителем сонма благочестивых.

Император Валент, однажды увидев его идущим, спросил: «Куда направляешь ты путь свой?» Отвечал блаженный: «Иду сотворить молитву за вселенную и за царство». Валент снова спросил: «Зачем же ты, избравший уединенную жизнь, оставив уединение, без опасения идешь на площадь?» Афраат, говоря обыкновенно притчами, ответствовал: «Скажи мне, государь, если бы я был девою и, будучи скрыт в каком-либо потаенном тереме, увидел, что огонь объял дом моего отца, что бы ты посоветовал мне делать, видя разлившееся пламя и горящий дом? Сидеть внутри в своем тереме и смотреть, как огонь истребляет дом? Но таким образом и я сделался бы жертвою пожара. Если же скажешь, что я должен был бежать, носить воду, бегать вверх и вниз и тушить огонь, то не укоряй меня, когда я именно это и делаю. Ибо что ты посоветовал бы делать сокровенной деве, то же самое и я принужден делать, обрекши себя на уединенную жизнь. Если же ты укоряешь меня за то, что я оставил уединение, то не справедливее ли было бы тебе укорить себя за то, что ты

внес огонь в дом Божий, а не меня, принужденного тушить этот огонь? Что до́лжно идти на помощь к горящему дому отцовскому — ты согласен, а что Бог есть Отец наш, ближе земных родителей, — это ясно даже и для совершенно несведущего в вещах Божественных. Итак, собирая питомцев благочестия и доставляя им божественную пищу, мы не удаляемся от цели и не делаем ничего противного прежде принятому нашему намерению». Когда он сказал это, Валент замолчал, признав оправдание правильным (117, 100—101).

***

Рассказывали о некоем старце, жившем в Сирии близ дороги. Делание его состояло в том, что он во всякое время дня и ночи принимал всякого монаха, приходившего из пустыни, и с любовию предлагал ему трапезу. Однажды пришел к нему отшельник. Старец просил его вкусить пищи, но отшельник отказался, сказав: «Сегодня я пощусь». Поститься значило тогда вовсе не употреблять пищи. Старец огорчился и сказал: «*Не отврати лица твоего от отрока твоего* (Пс. 68, 18) и не презри мною, убедительно прошу тебя. Помолимся Богу! Вот древо: последуем воле того из нас, по молитве которого наклонится древо». Отшельник преклонил колена и помолился, но не последовало ничего. Потом преклонил колена и старец-странноприимец, и тотчас наклонилось древо. Увидев это, они возрадовались и прославили Бога (106, 506—507).

***

Авва Кассиан рассказывал: «Некогда пришел я со святым Германом в Египет к одному старцу; и когда он принял нас с любовию, мы спросили его: «Почему вы,

принимая чужестранных братий, нарушаете правило поста, соблюдаемое у нас в Палестине?» Старец отвечал: «Пост всегда со мною, а с вами не могу быть всегда. Пост, хотя полезен и необходим, однако же он в нашей воле. А исполнение дел любви необходимо требуется законом Божиим. В лице вашем принимая Самого Христа, я должен служить вам со всем усердием. А упущение против правила поста могу вознаградить, когда отпущу вас, ибо не могут *сынове брачни, дондеже жених с ними есть, поститися. Егда* же *отымется от них жених, и тогда* по праву *постятся*» (Мк. 2, 19—20) (97, 123).

***

Некогда в Скиту дано было братиям повеление: поститесь во всю эту неделю. По случаю, в это самое время, пришли к авве Моисею братия из Египта. Старец сварил для них немного кашицы. Соседи, увидев дым, сказали клирикам: «Вот Моисей нарушил повеление: варил у себя кашицу». Клирики отвечали: «Когда придет, мы скажем ему об этом». Когда наступила суббота, клирики, зная высокую жизнь аввы Моисея, сказали ему пред всем народом: «Авва Моисей! Ты нарушил заповедь человеческую и исполнил заповедь Божию!» (97, 157—158).

***

Однажды пустынник Авит, узнав о великих подвигах подвижника Маркиана, пришел навестить его. Когда они насладились взаимною беседою и узнали добродетели друг друга, то в час девятый вместе совершили молитвословие, а Евсевий, ученик Маркиана, вошел к ним, неся кушанье и хлеб. Великий Маркиан сказал благочестивому Авиту: «Поди сюда, возлюбленный мой, и вкусим вместе от этой

трапезы». Он же отвечал: «Не помню, чтобы я когда-нибудь принимал пищу прежде вечера, а часто даже сряду по два и по три дня провожу без пищи». Великий Маркиан сказал: «Ради меня измени ныне свое обыкновение, потому что я, имея болезненное тело, не могу ждать до вечера». Когда и этими словами он не убедил чудного Авита, то вздохнул и сказал: «Я очень беспокоюсь и душевно мучаюсь тем, что ты предпринял такой труд, чтобы увидать человека трудолюбивого и любомудрого, а увидел корчемника и человека невоздержанного». Но чудный Авит опечалился этими словами и сказал, что для него приятнее было бы употребить мясо, чем услышать это. Тогда великий Маркиан сказал: «И мы, любезный, проводим жизнь, подобно тебе, держимся того же порядка подвижничества, предпочитаем труды покою, пост ценим выше пищи и принимаем ее обыкновенно при наступлении ночи; но вместе знаем, что дело любви дороже поста. Первое есть дело Божественного законоположения, последний же — нашего произволения. Но Божественные законы должно уважать гораздо более трудов, предпринимаемых нами по собственной воле». При таких взаимных разговорах, приняв немного пищи и восхвалив Бога, они прожили вместе три дня и разлучились телом, но не духом. Итак, кто не подивится мудрости этого мужа, который знал и время поста, и время любомудрия, и время братолюбия, и различие отдельных добродетелей, какая какой должна уступать и какой по временам предоставлять преимущество? (117, 56—57).

***

Рассказывал об авве Мотие ученик его, авва Исаак: «Старец сперва построил монастырь в Гераклее. Удалившись отсюда, пришел он в другое место и там построил

еще монастырь. Но, по действию диавола, нашелся тут один брат, который враждовал на старца и оскорблял его. Старец встал и ушел в свое село, построил себе там еще монастырь и заключился в нем. Спустя некоторое время пришли к нему старцы того монастыря, из которого он удалился, взяв с собой и огорчавшего его брата, чтобы просить его возвратиться в их обитель. Когда они пришли к тому месту, где жил авва Сорий, оставили близ оного свои милоти и брата, который огорчал старца. Как только они постучались, старец приставил небольшую лестницу, начал всматриваться, узнал их и спросил: «Где ваши милоти?» Они отвечали: «Вон там-то и с таким-то братом». Старец услышал имя брата, обрадовался и побежал туда, где находился тот. Первый поклонился ему, обнял и привел в свою келью. Целых три дня он провел с ними, и делал то, чего прежде себе, по своему обыкновению, не разрешал. Наконец, встав, отправился с ними в монастырь (97, 170—171).

***

Христианин был предан своею рабою на мучение. Приближаясь к смерти, увидел ее и, взявши золотой перстень, дал ей, сказав: «Благодарю тебя, что таких и толиких благ виновницею была ты для меня» (98, 370).

***

Некто рассказывал: один брат, впадший в грех, пришел к авве Лоту и в смущении входил и опять выходил из кельи, и не мог сидеть в ней. Авва Лот спрашивает его: «Что ты имеешь, брат?» Тот отвечал: «Я сделал большой грех и не могу открыть его отцам». Старец сказал: «Исповедай грех свой мне, и я возьму его на себя». Тогда брат

сказал старцу: «Я впал в блуд и неистово стремился достичь сего». «Не унывай, — сказал старец, — есть еще покаяние. Пойди, пребывай в пещере и постись по два дня, а я принимаю на себя половину греха твоего». По прошествии трех недель старцу было открыто, что Бог принял покаяние брата, и тот пребыл в послушании у старца до самой смерти своей (97, 135—136).

***

Святой Иоанн Златоуст, лишившись в молодости отца, ушел в Афины и, там изучивши книжную премудрость, возвратился на родину, в Антиохию, где решил расстаться с миром и принять образ иноческий. Мысль свою, однако, не скоро пришлось ему привести в исполнение, так как матерь его, Анфуса, узнав о его намерении, очень огорчилась и решила остановить его. Призвав к себе, она, обливаясь слезами, сказала ему: «Божиим изволением суждено, чадо, тебе сиротство, а мне вдовство. Ты знаешь, что ничто не могло заставить меня вступить во второй брак и привести другого мужа в дом твоего отца. Но как трудно мне было пережить эти годы! Во вдовстве я пребывала, как в буре или в печи огненной, перенося всевозможные искушения, и только ты один был в это время моим утешением — ты, в котором я видела образ твоего родителя. Вот и имение его все сохранено мною, и все приготовлено для тебя на лета твоего мужества. Пожалей же меня, останься со мною и похорони меня. Тогда можешь желание свое привести в исполнение и... поступай, как хочешь». И что же? Иоанн был тронут мольбами матери, отложил свое намерение сделаться иноком, дождался ее смерти и сам похоронил ее. Только после этого уже он раздал свое имение, освободил рабов и, уйдя в монастырь, принял постриг.

Итак, имеющие родителей, ревнители благочестия! Не спешите оставлять этот грешный мир и бежать в пустыню. Обязанность ваша — родителей успокоить и пропитать во время их старости — есть прямая, святая и великая уже по тому одному, что внушается самим голосом природы, и поэтому исполнять ее вы должны прежде и паче всего (112, 140—141).

ЛЮБОВЬ К БОГУ

...Кто любит Христа, тот не любит мира, потому что мир отверг Христа, как и Христос мир, как написано: ***мир Мне распятся, и Аз миру*** (ср.: Гал. 6, 14) (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 384).

***

Укажу вам дело, которое одно делает человека твердым в добре и блюдет его таким от начала до конца, именно: любите Бога всею душою вашею, всем сердцем вашим и всем умом вашим, и Ему единому работайте. Тогда Бог даст вам силу великую и радость, и все дела Божии станут для вас сладки, как мед, все труды телесные, умные занятия и бдения, и все вообще иго Божие будет для вас легко и сладко. По любви, впрочем, Своей к людям Господь посылает иногда на них противности, чтоб не величались, но пребывали в подвиге; и они испытывают вместо мужества — отяжеление и расслабление; вместо радости — печаль; вместо покоя и тишины — волнование; вместо сладости — горечь; многое и другое подобное бывает с любящими Господа. Но борясь с этим и препобеждая, они

более и более становятся крепкими. Когда же наконец совсем все это преодолеют они, тогда во всем начнет быть с ними Дух Святой, тогда не станут они более бояться ничего худого (прп. Антоний Великий, 89, 48).

***

Есть вожделение (желание), свойственное нашему естеству, без которого любовь к Богу невозможна. Посему Даниил назван *мужем желаний* (ср.: Дан. 9, 23). Это вожделение враг превратил в страстные похотения, чтобы мы вожделевали всяких нечистот (прп. авва Исаия, 59, 10—11).

***

...Любовь (к Богу) освобождает человека от всех забот и попечений (прп. авва Исаия, 59, 112).

***

Кому известна любовь к Богу, тому известна ненависть к миру (прп. авва Исаия, 59, 115).

***

Совершенная любовь к Богу противостоит мысленному борению врагов (прп. авва Исаия, 59, 138).

***

Пока не возлюбит человек Бога всею силою своею и всем помышлением своим и не прилепится к Нему всем сердцем своим, покров упокоения Божия не приидет на него (прп. авва Исаия, 89, 602).

***

Кто любит деньги, воспламеняется тленною телесною красотою, предпочитает настоящую славу, тот, истощив силу любви на что не следовало, делается слеп к созерцанию истинно Возлюбленного (свт. Василий Великий, 5, 274).

***

Не соблюдать заповедей Христовых — значит не любить Бога и Христа Его; а признак любви — соблюдение заповедей Христовых, в терпении страданий Христовых, даже до смерти (свт. Василий Великий, 7, 309—310).

***

Что свойственно любви к Богу? — Соблюдать заповеди Его, имея целью славу Его (свт. Василий Великий, 7, 417).

***

Любовь к Богу не есть что-либо учением приобретаемое. Ибо не у другого учились мы восхищаться светом, быть привязанными к жизни, не другой кто учил нас любить родителей или воспитателей. Так, или еще более, невозможно отвне научиться любви Божией; но вместе с устроением живого существа, разумею человека, вложено в нас некоторое прирожденное стремление (λόγος σπερματικός), в себе самом заключающее побуждения к общению любви (свт. Василий Великий, 9, 82).

***

Надобно знать, что хотя это (любовь к Богу) — одна добродетель, однако же она силою своею приводит в дей-

ствие и объемлет всякую заповедь (свт. Василий Великий, 9, 82).

***

...Получив заповедь любить Бога, приобрели мы также и силу любить, вложенную в нас при самом первоначальном нашем устройстве... (свт. Василий Великий, 9, 83).

***

...Любовь к Богу требуется от нас как необходимый долг; оскудение ее в душе есть самое несносное из всех зол (свт. Василий Великий, 9, 84).

***

Какая мера любви к Богу? Та, чтобы душа непрестанно через силу напрягалась исполнять волю Божию, с целью и вожделением славы Божией (свт. Василий Великий, 9, 266).

***

Как приобретается любовь к Богу? — Если добросовестно и благопризнательно расположим себя к Божиим благодеяниям. А сие бывает и у бессловесных (свт. Василий Великий, 9, 266).

***

...Мужайся и крепись, старайся непрестанно питать и приумножать в себе любовь к Богу, чтобы возрастало и обилие подаваемых тебе от Него благ (свт. Василий Великий, 10, 208).

***

Все лукавое приводится в бездействие приобретением совершенной любви к Богу (прп. Ефрем Сирин, 31, 532).

***

Кто действительно восприял истинную любовь к Богу, тот, как меч обоюдоострый, отсекает всякую иную любовь мира сего, и расторгает всякие вещественные узы. Такую душу не может удержать ничто видимое, ни удовольствие, ни слава, ни богатство, ни узы плотской любви, ни что-либо вещественное... <но она> всякую земную и вещественную любовь преодолевает и препобеждает (прп. Ефрем Сирин, 32, 37).

***

...Всему словесному стаду надлежит взирать непрестанно на своего Пастыря и всегда любить и чтить Его; потому что за стадо Свое пострадал Он Бесстрастный и Пречистый... (прп. Ефрем Сирин, 32, 220—221).

***

...Если кто вознерадит о первой и великой заповеди, о любви к Богу, которая при Божией силе образуется в нас из внутреннего расположения, доброй совести и здравых мыслей о Боге, вознамерится же иметь попечение о втором, внешнем только служении; то невозможно, чтобы в состоянии он был исполнить сие служение чисто и здраво, потому что козни злобы, находя ум далеким от памятования о Боге, от любви и от стремления к Богу или представляя трудными и тяжкими Божии заповеди, производят в душе роптания и жалобы на служение, совершаемое для братии, или обольщая мыслию о своей праведности, над-

мевают человека и делают, что почитает он себя досточестным и великим и в совершенстве исполнившим заповеди. А когда человек возомнит о себе, что делает он доброе и соблюдает заповеди, тогда погрешает, произнося сам о себе суд и не принимая суда от Судящего праведно (прп. Ефрем Сирин, 32, 337).

***

...Смерть и поражение лукавому, какие только можем нанести своею тщательностию, — когда ум занят любовию к Богу и памятованием о Нем. Отсюда может произойти и чистая любовь к брату, а равно истинная простота, и кротость, и смирение, и искренность, и доброта, и молитва, и совершенное последование святым заповедям; чрез одну, единственную и первую, заповедь о любви к Богу поистине получают точную полноту (прп. Ефрем Сирин, 32, 338).

***

Кто любит смирение, тому легко любить и Бога; а кто любит гордыню, тот ненавидит Бога (прп. Ефрем Сирин, 33, 117).

***

Премилосердый требует любви от того, кто хочет прийти к Нему. И если приносит он любовь и слезы, туне приемлет дар (прп. Ефрем Сирин, 33, 156).

***

Оплакивай... душу свою и докажи любовь свою к Богу, Который Сам скорбит и жалеет о душе, умерщвленной грехом (прп. Ефрем Сирин, 34, 50).

***

...Душе боголюбивой свойственно подчинять Божественному все человеческое (свт. Григорий Богослов, 13, 109—110).

***

...Слаба... любовь, если разделена между миром и Христом, а, напротив того, тверда, если устремлена к Единому... Случалось видеть, как каменотесец или выделывающий что-либо из дерева... когда надобно обсечь по прямой черте, закрывает один глаз ресницами, а другим напрягает все зрение, совокупленное воедино, и верно определяет, где погрешило орудие. Так и любовь сосредоточенная гораздо ближе поставляет нас ко Христу, Который любит любящего, видит обращающего к Нему взоры, видит и выходит в сретение приближающемуся. Чем более кто любит, тем постояннее смотрит на любимого, и чем постояннее смотрит, тем крепче любит. Так образуется прекрасный круг (свт. Григорий Богослов, 16, 70—71).

***

...Только любящий Христа в самой любви к Возлюбленному почерпает для себя красоту; и блажен, кто приемлет <сие> (свт. Григорий Богослов, 16, 71).

***

Если дашь мне кучи золота и янтаря, зеленеющие поля, тучные стада, великолепный дом и Алкиноеву трапезу, если вместо настоящей жизни дашь другую, нестареющуюся, и тогда не соглашусь жить гнусно и через это лишиться Христа (свт. Григорий Богослов, 16, 83).

***

...Как скоро душа возлюбила Господа — исхищается из... сетей <порока> собственною своею верою и великою рачительностию, а вместе и помощью свыше сподобляется вечного Царства... (прп. Макарий Египетский, 67, 49).

***

...Поспешающие прийти к истинно возлюбленному Владыке нашему Христу должны пренебречь и презреть все прочее (прп. Макарий Египетский, 67, 119).

***

...Любовь к Богу рождается в нас обыкновенно не просто и не сама собой, но после многих трудов и великих забот и при содействии Христовом... (прп. Макарий Египетский, 67, 333).

***

...Истинный боголюбец, расторгнув, преодолев и миновав все, что в мире почитается препятствием, объемлется единою Божественною любовию (прп. Макарий Египетский, 67, 457).

***

...Не только когда входишь в молитвенный дом, люби Господа, но и находясь в пути, и беседуя, и вкушая пищу, имей памятование о Боге, и любовь, и приверженность к Нему (прп. Макарий Египетский, 89, 241).

***

Если кто любит Бога, то и Бог сообщает ему любовь Свою... (прп. Макарий Египетский, 89, 253).

***

...Кто любит Иисуса и внемлет Ему как должно, и не просто внемлет, но пребывает в любви, то и Бог хочет уже воздать чем-либо душе той за любовь сию... (прп. Макарий Египетский, 89, 253—254).

***

Любовь к Богу соделывается крепостью любящего... (свт. Григорий Нисский, 19, 343).

***

...Время для любви к Богу — вся жизнь, и время для отчуждения от сопротивника — целая жизнь (свт. Григорий Нисский, 19, 344).

***

...Тому, кто разумом своим обратился к этому миру и занимает душу свою тем, чтобы угодить людям, невозможно быть исполнителем первой и великой заповеди Господней, которая повелевает любить Бога всем сердцем и всею силою (см.: Мк. 12, 30). Ибо как может любить Бога всем сердцем и силою тот, кто разделил свое сердце между Богом и миром и, некоторым образом похищая любовь, одному Богу принадлежащую, иждивает оную на человеческие страсти? (свт. Григорий Нисский, 24, 330).

***

...Предавший все свое сердце, и душу, и помышление Богу, и ни к чему иному, что составляет предмет попечений в сей жизни, не привязанный, находится на высшей степени любви (свт. Григорий Нисский, 25, 306).

***

Если любишь Христа, не забывай исполнять Его заповеди (авва Евагрий, 89, 602).

***

Если плотская любовь так порабощает душу, что отвлекает ее от всего и подчиняет влиянию одной возлюбленной, то чего не сделает любовь ко Христу и страх быть отлученным от Него? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 143).

***

...И духовное действие может причинить великий вред, когда совершается не для Бога; напротив, и житейское дело может принести великую пользу тому, кто совершает его из любви к Богу (свт. Иоанн Златоуст, 44, 777).

***

...Кто уязвлен... любовью <Божией> и стремится сердцем к Богу, тот уже не обращает внимания на видимое, но постоянно созерцает предмет своих стремлений — и ночью, и днем, и когда ложится, и когда встает (свт. Иоанн Златоуст, 47, 217).

***

Когда кто воспламенится любовью к Богу, то уже не хочет более смотреть на предметы, подлежащие зрению телесному, но, имея у себя другие очи, т. е. очи веры, постоянно устремляет ум свой к небесным предметам, их созерцает и, ходя по земле, делает все так, как будто живет на Небе, не встречая ни в чем человеческом пре-

пятствия к подвигам добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 47, 294).

***

...Чтобы нам быть в состоянии легко выносить труды добродетели, покажем великую любовь к Богу и, к Нему устремив наши мысли, не будем никаким предметом настоящей жизни останавливаться на этом поприще, но, помышляя о непрерывном наслаждении будущими благами, станем благодушно переносить все скорби настоящей жизни (свт. Иоанн Златоуст, 47, 294).

***

Семь лет показались <Иакову> только немногими днями, по чрезвычайной любви его к <Рахили> (Быт. 29, 20): если кто уязвлен страстию любви, то не смотрит ни на какие трудности, а как бы много ни было опасностей, какого бы рода ни были несчастия, все легко переносит, имея в виду только одно — исполнить свое желание...

Если этот праведник по любви к девице решился работать семь лет, переносить все трудности пастушеской жизни и не чувствовал ни трудов, ни продолжительности времени... то какое оправдание будем иметь мы, не оказывая и подобной любви к нашему Господу, Благодетелю, Промыслителю, Который все для нас? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 589).

***

...<Апостол Павел> так пламенел духом, так горел любовью к Богу, что, выражаясь достойными своей души словами, сказал: *кто ны разлучит от любве Христовы?* (ср.: Рим. 8, 35) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 590).

***

...Наша любовь ко <Христу> будет искренна тогда, когда по любви к Нему мы будем оказывать любовь и своим ближним... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 591).

***

...Кто любит Бога, тот не будет презирать брата своего, не будет предпочитать богатства своему сочлену, но будет делать ему всякое добро, воспоминая о Том, Кто сказал: ***сотворивый единому сих братий Моих меньших, Мне сотвори*** (ср.: Мф. 25, 40) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 591).

***

Ничего другого Христос, по Его же изречению (см.: Мф. 22, 37), и не требует от тебя, как любви к Нему от всего сердца и исполнения Его заповедей (свт. Иоанн Златоуст, 47, 591).

***

Удостоиться любить <Христа> искренно и как должно, это — Царство Небесное, это — вкушение блаженства, в этом — блага неисчислимые (свт. Иоанн Златоуст, 47, 591).

***

Кто любит <Христа> так, как должно любить, тот, конечно, старается уже и заповеди Его соблюдать, потому что если кто искренно расположен к кому, то старается все делать, чем может привлечь к себе любовь возлюбленного (свт. Иоанн Златоуст, 47, 591).

***

Пусть никто не говорит мне: как могу я любить Бога, Которого не вижу? И многих мы любим, не видя их, как, например, отсутствующих друзей, детей, родителей, родственников и домашних, и то, что мы не видим их, нисколько не служит препятствием, но это самое особенно и воспламеняет любовь, усиливает привязанность... Ты не видишь Бога, но видишь создание Его, видишь дела Его — небо, землю, море. А кто любит, тот, увидев произведение любимого, или обувь, или одежду, или что-нибудь другое, воспламеняется любовию. Ты не видишь Бога, но видишь Его служителей и друзей, т. е. мужей святых и имеющих пред Ним дерзновение. Послужи же теперь им и будешь иметь немалое утешение для своей любви (свт. Иоанн Златоуст, 48, 155).

***

...Любовь к людям обыкновенно ничем так не воспламеняется в нас, как воспоминанием о благодеяниях, которые мы получили от них. Так будем поступать и в отношении к Богу (свт. Иоанн Златоуст, 48, 157).

***

...Кто говорит, что любит Бога, а предается хотя бы и легкому пороку или любит что-нибудь житейское, тот обманывает себя, потому что любовь к этому миру, как говорит Иаков, есть вражда на Бога (см.: Иак. 4, 4) (свт. Иоанн Златоуст, 48, 933).

***

...От чистой любви к Богу мы становимся святыми и имеем Бога хранителем величайшего нашего сокровища —

души, так что не можем впасть в руки врага, а если и падем, то Бог не оставляет нас, а освобождает, связывая истинного грешника, корень греха — диавола, и дает нам руку, чтобы мы убежали от незаконно восставшего на нас (свт. Иоанн Златоуст, 48, 933—934).

***

...Если любить Бога — значит любить ближнего, так как Спаситель сказал Петру: *Если ты любишь Меня, паси овец Моих* (ср.: Ин. 21, 16), а любовь к ближнему имеет плодом своим хранение заповедей, то истинно сказано: *в сию обою заповедию весь закон и пророцы ви́сят* (Мф. 22, 40) (свт. Иоанн Златоуст, 50, 719).

***

Говорить, что мы любим, но не делать того, что свойственно любящим, — это смешно не только в отношении к Богу, но и к людям (свт. Иоанн Златоуст, 51, 135).

***

...Много людей, которые говорят, что они боятся Бога и любят Его, а делами показывают противное. Но Бог требует любви, являемой в делах (см.: Ин. 14, 15) (свт. Иоанн Златоуст, 51, 497).

***

Если и людской страх удерживает от постыдных дел, то тем более — любовь ко Христу (свт. Иоанн Златоуст, 51, 516).

***

Кого мы любим и кто находится не вместе с нами, но вдали от нас, того-то именно мы и представляем себе каждый день. Велика поистине сила любви: она устраняет душу от всего и привязывает к любимому предмету. Если мы так возлюбим Христа, то все здешнее будет казаться нам тенью, все — только призраком и сном. Тогда и мы скажем: *кто ны разлучит от любве* Христовы? (Рим. 8, 35) (свт. Иоанн Златоуст, 51, 596).

***

...Любить Христа... значит не быть наемником, не смотреть (на благочестивую жизнь) как на промысел и на торговлю, а быть истинно добродетельным и делать все из одной любви к Богу (свт. Иоанн Златоуст, 52, 65).

***

...Возлюбим Христа, сколько и должно любить: в этом великая награда, в этом Царство и радость, наслаждение, и слава, и честь, в этом свет, неисчислимое блаженство, которого не может ни слово выразить, ни ум постигнуть (свт. Иоанн Златоуст, 52, 536).

***

Если у людей взаимная любовь ценится выше всякого удовольствия, то какое слово, какая мысль может изобразить блаженство души, которая любит Бога и Ему любезна? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 592).

***

...Хотя к нам ближе всего душа наша, однако же Бог ставит ее в отношении любви к Себе на втором месте, так

как желает, чтобы мы любили Его выше всякой меры (свт. Иоанн Златоуст, 52, 603).

***

Как для любящих Бога и то, что по видимому вредно, обращается в пользу, так не любящим Его вредит и полезное (свт. Иоанн Златоуст, 52, 679).

***

Если бы кто стал угрожать мне будущею нескончаемою смертию, чтобы отлучить меня от Христа, или обещал бы мне бесконечную жизнь, я не согласился бы (свт. Иоанн Златоуст, 52, 685).

***

Подобно тому, как душа без тела или, наоборот, тело без души не носят названия человека, точно так же и любовь к Богу, если она не сопровождается любовью и к ближнему, не есть любовь, и, наоборот, любовь к ближнему, раз она не соединяется с любовью к Богу, не называется любовью (свт. Иоанн Златоуст, 52, 995).

***

Как любовь (ко Христу), когда она сильна, изгоняет и истребляет все виды грехов, так точно она, когда слаба, позволяет произрастать им (свт. Иоанн Златоуст, 53, 449).

***

Если мы любим Христа, как должно любить Его, то сами себя будем наказывать за грехи свои (свт. Иоанн Златоуст, 53, 577).

***

Если мы, пользуясь любовью сильных людей, для всех бываем страшны, то тем более, когда будем (в любви) у Бога (свт. Иоанн Златоуст, 53, 727).

***

Божество ни в чем не нуждается. Итак, для чего же Он желает, чтобы мы восхваляли и прославляли Его? Для того, чтобы чрез это соделать теплее нашу любовь к Нему (свт. Иоанн Златоуст, 54, 11).

***

...Возлюбим <Господа> по мере сил своих, отдадим все из любви к Нему: и душу, и имущество, и славу, и все прочее с радостью, с готовностью, с усердием, не считая этого полезным для Него, но для нас самих. Таков, действительно, закон любви: любящие считают счастьем для себя, когда страдают за любимых (свт. Иоанн Златоуст, 54, 899—900).

***

...Любовь к Богу возвышает нас над житейскими заботами... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 965).

***

Кто воодушевлен и горит любовью ко Господу, тот знает силу уз: он предпочтет лучше быть узником ради Христа, нежели обитать на Небесах. Это, пожалуй, даже славней, чем сидеть одесную Его; это почетнее и блаженнее, чем сидеть на двенадцати престолах... Если бы мне предложили быть с теми Силами, которые окружают пре-

стол Божий, или сделали таким же узником, <как апостол Павел>, я предпочел бы скорее стать таким узником, потому что нет ничего лучше, как потерпеть какое-нибудь страдание ради Христа (свт. Иоанн Златоуст, 55, 654).

***

Если бы мы любили Христа, как любить следует, то знали бы, насколько тягостнее геенны оскорблять Любимого; а так как не любим, то и не знаем великости этого наказания, — и это есть то, из-за чего я всего более рыдаю и плачу (свт. Иоанн Златоуст, 55, 701).

***

...Любовь по Богу и целомудренна, и, так как предмет ее непреходящ, постоянна. И в какой мере открывается ей лепота добродетели, в такой же связует она с собою и друг с другом любителей одного и того же (прп. Исидор Пелусиот, 61, 140).

***

Благоискусному надлежит быть и боголюбивым, и человеколюбивым, чтобы как по высоте добродетели и по преданности Богу не пренебречь людей, так ради людей не вознерадеть о Боге, потому что любовь к Богу хотя она и гораздо выше любви к людям, но, соединенная с нею, делается еще более возвышенною (прп. Исидор Пелусиот, 61, 184).

***

...Как себялюбивый естественно ищет своей славы, так боголюбивый естественно ищет и любит славу Создателя

своего. Душе боголюбивой, чувства Божия исполненной, свойственно, в исполнении всех творимых ею заповедей, искать единой славы Божией, относительно же себя — услаждаться смирением. Ибо Богу, ради величия Его, подобает слава, а человеку — смирение, чтоб через него соделываться нам своими Богу... (блж. Диадох, 91, 13).

***

Видел я некоего, который все печалился и плакал, что не любит Бога, как бы желал, тогда как так любил Его, что непрестанное носил в душе своей пламенное желание, чтобы один Бог славился в нем, сам же он был как ничто. Таковой не ведает, что такое он есть, и самыми похвалами, ему изрекаемыми, не услаждается. Ибо в великом вожделении смирения он не понимает своего достоинства, но, служа Богу, как закон повелевает иереям, сильным некиим расположением к боголюбию окрадывает память о своем достоинстве, где-то в глубине любви к Богу укрывая присущее тому похваление в духе смирения, чтоб в помышлении своем всегда казаться пред собою некиим неключимым рабом, как совершенно чуждому требуемого от него достоинства, по сильному вожделению смирения. Так действуя, и нам надлежит бегать всякой чести и славы, ради преизобильного богатства любви к Господу, столько нас возлюбившему (блж. Диадох, 91, 13—14).

***

Кто любит Бога в чувстве сердца, тот познан есть от Него. Ибо поколику кто в чувстве сердца восприемлет любовь к Богу, потолику и сам пребывает в любви Божией. Почему таковый не перестает в сильном некоем рвении вожделевать просвещения в разуме и стремиться к нему с таким напряжением, что иной раз чувствует совер-

шенное истощение самой силы костей своих, делаясь уже незнающим себя, но весь изменен и поглощен бывая любовью к Богу. Кто таков, тот и есть в животе сем, и не есть; так как, еще странствуя в теле своем, душевным движением в силу любви непрестанно отходит он к Богу — и странноприемлется у Него. Ибо непрестанно горя в сердце неистощимым огнем любви, он по необходимости сердечно прилепленным пребывает к Богу, совершенно отрешившись от любления себя силою сей к Богу любви (блж. Диадох, 91, 14).

***

Никто не может возлюбить Бога от всего сердца, не возгрев прежде в чувстве сердца страха Божия, ибо душа в действенную любовь приходит после того уже, как очистится и умягчится действием страха Божия. В страх же Божий, со сказанным плодом от него, никто не может прийти, если не станет вне всех житейских попечений; ибо только тогда, как ум успокоится в полном безмолвии и беспопечении, начинает спасительно воздействовать на него страх Божий, в сильном чувстве очищая его от всякой земной дебелости, чтобы таким образом возвести его в полную любовь ко Всеблагому Богу. Так что страх есть принадлежность праведных, только еще очищаемых, в коих качествует средняя мера любви, а совершенная любовь есть принадлежность уже очищенных, в коих нет страха, так как *совершенная любовь вон изгоняет страх* (ср.: 1 Ин. 4, 18) (блж. Диадох, 91, 15).

***

Когда душа придет в познание себя самой, тогда она и из себя самой износит теплоту некую и стыдение боголюбивое; ибо, не будучи возмущаема заботами житейски-

ми, она любовь некую (к Богу) отражает из себя в мире, соразмерно взыскуя Бога мира; но это памятование (о Боге взыскуемом) скоро рассеивается или потому, что впечатления чувств окрадывают сию память, или потому, что естество по скудости своей скоро иждивает свое собственное добро. Почему эллинские мудрецы, чего хотели достигнуть чрез воздержание, того не имели, как должно; потому что ум их не был воздействуем от вечной и всеистинной премудрости. Духом же Святым подаваемая сердцу боголюбивая теплота, во-первых, мирна вся и непрестающа; потом она все части души призывает к возлюблению Бога и вовне сердца не порывается, но сама собою всего человека обвеселяет любовью некою безмерною и радостью. Ее-то достигнуть и должны стараться те, которые познали ее. Ибо естественная любовь есть признак того, что естество некако <некоторым образом> здравствует чрез воздержание; но она не может возвести ума в бесстрастие, как делает любовь духовная (благодатная) (блж. Диадох, 91, 49).

***

...Любящий Бога много паче себя или совсем не любящий себя, а одного только Бога уже не заступается за свою честь, а одного того хочет, чтоб почитаема была правда Почтившего его честью вечною. И этого желает он не легким каким и скоропреходящим желанием, но имеет такое расположение в качестве неизменного нрава, по причине полного вкушения любви к Богу (блж. Диадох, 91, 65).

***

Любовь к Богу возбуждает в человеке любовь к деланию добродетелей, а сим увлекается в благотворение (прп. Исаак Сирин, 58, 33).

***

...Человеку невозможно с приверженностью к миру приобрести любви к Богу, и нет возможности при общении с миром вступить в общение с Богом, и с попечением о мире иметь попечение о Боге (прп. Исаак Сирин, 58, 156).

***

Душа, которая любит Бога, в Боге и в Нем едином приобретает себе упокоение (прп. Исаак Сирин, 58, 276).

***

Любовь к Богу естественно горяча и, когда нападет на кого без меры, делает душу ту восторженною (прп. Исаак Сирин, 58, 363).

***

...Сердце ощутившего любовь <к Богу> не может вмещать и выносить ее, но, по мере качества нашедшей на него любви, усматривается в нем необычайное изменение (прп. Исаак Сирин, 58, 363—364).

***

...Вот ощутительные признаки... любви <к Богу>: лицо у человека делается огненным и радостным, и тело его согревается (прп. Исаак Сирин, 58, 364).

***

Если не знаешь Бога, невозможно возбудиться в тебе любви к Нему (прп. Исаак Сирин, 58, 366).

***

Представьте себе круг, начертанный на земле, середина которого называется центром, а прямые линии, идущие от центра к окружности, называются радиусами. Теперь вникните, что я буду говорить: предположите, что круг сей есть мир, а самый центр круга — Бог; радиусы же, т. е. прямые линии, идущие от окружности к центру, суть пути жизни человеческой. Итак, насколько святые входят внутрь круга, желая приблизиться к Богу, настолько, по мере вхождения, они становятся ближе и к Богу, и друг к другу; и сколько приближаются к Богу, столько приближаются и друг к другу; и сколько приближаются друг к другу, столько приближаются и к Богу. Так разумейте и об удалении. Когда удаляются от Бога и возвращаются ко внешнему, то очевидно, что в той мере, как они исходят от средоточия и удаляются от Бога, в той же мере удаляются и друг от друга, и сколько удаляются друг от друга, столько удаляются и от Бога. Таково естество любви: насколько мы находимся вне и не любим Бога, настолько каждый удален и от ближнего. Если же возлюбим Бога, то сколько приближаемся к Богу любовью к Нему, столько соединяемся любовью и с ближним; и сколько соединяемся с ближним, столько соединяемся с Богом (прп. авва Дорофей, 29, 88).

***

Любящий Господа прежде возлюбил своего брата; ибо второе служит доказательством первого (прп. Иоанн Лествичник, 57, 249).

***

Любовь, всецело к Богу устремленная, связует любящих с Богом и друг с другом (авва Фалассий, 91, 313).

***

Ум, Божественною любовию движимый, возделывает благие о Боге мысли, движимый же самолюбием порождает противное тому (авва Фалассий, 91, 331).

***

Соблюди заповеди, и найдешь покой, возлюби Бога, и улучишь ве́дение (авва Фалассий, 91, 335).

***

Начало жизни деятельной есть вера во Христа, конец же ее — любовь к Богу (авва Фалассий, 91, 337).

***

...Кто не отрешится... от всякого пристрастия к вещественному, тот не может настоящим образом любить ни Бога, ни ближнего (прп. Максим Исповедник, 91, 137).

***

Любящий Бога предпочитает познание Бога всему от Него сотворенному и непрестанно прилежит к тому с вожделением (прп. Максим Исповедник, 91, 164).

***

Искренно любящий Бога молится без всякого развлечения, равно и молящийся без всякого развлечения любит Бога искренно. Но не может молиться без развлечения тот, чей ум пригвожден к чему-либо земному. Итак, не любит Бога тот, чей ум привязан к чему-либо земному (прп. Максим Исповедник, 91, 177).

***

Любящий Бога ангельскою жизнью на земле живет, постяся и бдение совершая, поя, и молясь, и о всяком человеке всегда доброе помышляя (прп. Максим Исповедник, 91, 183).

***

Если желаешь не отпасть от любви Божественной, то ни брата своего не допусти уснуть в огорчении на тебя, ни сам не усни в огорчении на него, но ***иди, примирися с братом твоим, и возвратясь*** с чистою совестию, ***принеси*** Христу ***дар*** (ср.: Мф. 5, 24) любви в прилежной молитве (прп. Максим Исповедник, 91, 185).

***

Не предавай слуха твоего языку клеветника, ниже языка твоего слуху любящего злоречие, с удовольствием говоря или слушая речи против ближнего, да не отпадешь от любви Божественной и окажешься чуждым Вечной Жизни (прп. Максим Исповедник, 91, 185).

***

Если истинно возлюбим Бога, то сею самою любовью отженем страсти. Любить же Его есть предпочитать Его миру, а душу плоти — с презрением всех мирских вещей, с всегдашним посвящением себя Ему: воздержанием, любовью, молитвою, и псалмопением, и прочее (прп. Максим Исповедник, 91, 204).

***

Любящий Христа, без сомнения, и подражает Ему по возможности. Христос же не переставал благотворить лю-

дям; встречая неблагодарность и поносим будучи, долготерпел; будучи от них биен и убиваем, претерпел то, никому отнюдь не вменяя зла. Сии три действия суть дела любви к ближнему, без которых говорящий, что любит Христа, или что получит Царствие Его, обманывает себя (прп. Максим Исповедник, 91, 221).

***

...Всеблажен огнь огнем вожделения Бога и любовью к Нему возжигающий в себе каждодневно (прп. Феодор Студит, 92, 185).

***

...Если б надлежало нам каждодневно умирать любви ради Христовой, предпочтем сие... (прп. Феодор Студит, 92, 299).

***

...Любящий Единого <Бога> всех других оставляет позади, и боящийся Единого никого другого бояться не может (прп. Феодор Студит, 92, 352—353).

***

...Пусть изменяется время и дни настанут ины, но вы в своей покорности воле Божией и в своей к Нему любви пребудьте неизменны (прп. Феодор Студит, 92, 428—429).

***

...Когда преуспеет он <человек> в любви к Благодетелю своему, находит и Самого Благодетеля внутри себя самого, потому что и Он вполне вверяется и входит в

того, кто возлюбил Его (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 132).

***

...Если ты искренно возлюбишь Бога и будешь твердо стоять в сей любви, то никакая страсть не возобладает тобою, и никакое нуждение тела не вознасилует тебя. Ибо как невозможно, чтобы тело подвиглось на какое-либо дело само собою без души, так невозможно, чтоб и душа, соединившаяся с Богом посредством любви, вступать стала в сношение с другим чем-либо и склонилась на пожелания и удовольствия чувственные или увлеклась похотением чего-либо видимого и какою-либо страстию. Потому что все стремление сердца ее или, лучше скажу, вся воля ее связана крепко узами сладчайшей любви к Богу; а когда душа ссоюзится и ссочетается... с Творцом своим, тогда возможно ли, скажи мне, чтоб она испытывала жжение плотское или была подвигаема на похоть, и тем паче, чтоб и исполняла ее? Никак не возможно (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 352).

***

...Ни одному человеку невозможно стяжать совершенную любовь к Богу иначе, как только верою чистою и надеждою твердою и несомненною (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 403).

***

Истинная... любовь к Богу и ближнему познается, когда кто имеет следующие качества: не гордится, не завидует брату своему, но подражает добру, которое видит в

другом, делая и сам то же; не ищет одежд красивых, а только потребных; не ропщет, не шутит, и не смеется, и не спорит ни о чем, ни о большом, ни о малом; не насыщается не только яствами и сластями, но даже и водою, особенно в ...святые дни поста... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 286).

***

...Если кто не возлюбит Бога от всей души и не покажет любви сей отвержением себя самого и всего мира, то не сподобится увидеть Его таинственно через откровение Духа Святаго, — не имеет Его и главою Своею, но есть тело, умершее и неподвижное на духовные дела и лишенное Жизни всех — Христа (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 416).

***

...Влечение... и любовь к Тебе, Спасе, есть свет. Поэтому, воссиявая в боголюбивых душах, <любовь к Тебе> тотчас прогоняет тьму страстей и (чувственных) наслаждений и водворяет день бесстрастия (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 68).

***

...Желание и любовь к Тебе, <Владыко Христе>, препобеждают всякую любовь и желание смертных. Ибо насколько Ты, Спасе, превосходишь все видимое, настолько сильнее и любовь к Тебе, которая затемняет всякую человеческую любовь, отвращает от любления плотских наслаждений и скоро прогоняет все похоти (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 68).

***

Любовь <к Спасителю>... есть действие Духа или, лучше, существенное Его присутствие, ипостасно (ἐνυποστατῶς) видимое внутри меня, (как) свет. Свет же этот несравним и весь невыразим (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 220).

***

Глубоко уязвившийся любовию к Богу не имеет достаточных к удовлетворению сего расположения сил тела, ибо в трудах и потах подвижничества нет насыщения сему его расположению. Находясь в состоянии, подобном тому, в каком находится томимый крайнею жаждою, ничем не может он до насыщения удовлетворить внутренней жгущей его жажды; день и ночь готов он быть в трудах, но силы тела оставляют его. Полагаю, что, таким же сверхъестественным жаром любви пленены быв, и мученики Христовы не чувствовали мук и насыщения не имели, предаваясь им; но сами себя побеждали распаленным к Богу рвением, и всегда находили, что страдания их далеко отстают от меры их пламенного желания страдать за Господа (прп. Никита Стифат, 93, 113—114).

***

Если любишь быть другом Христовым, ненавидь злато и его ненасытное любление, так как оно к себе обращает помышление любящего его и отрывает его от сладчайшей любви к Господу Иисусу, которая является не в виде слова, а в виде действования по заповедям Его (прп. Никита Стифат, 93, 127).

***

Любящий Бога и ничего не почитающий достойным предпочтения любви к Богу и ближнему познал и глубины Божии, и тайны Царствия Его... (прп. Никита Стифат, 93, 159).

***

Преуспеяние в любви к Богу — бесконечно: потому что *любовь есть* Бесконечный *Бог* (ср.: 1 Ин. 4, 16) (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 128).

***

Люби Бога так, как Он заповедал любить Его, а не так, как думают любить Его самообольщенные мечтатели. Не сочиняй себе восторгов, не приводи в движение своих нервов, не разгорячай себя... пламенем крови твоей (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 129).

***

Любовь к Богу есть дар Божий в человеке, приготовившем себя для принятия этого дара чистотою сердца, ума и тела (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 130).

***

Постоянным уклонением от зла и исполнением евангельских добродетелей — в чем заключается все евангельское нравоучение — достигаем любви Божией. Этим же самым средством пребываем в любви к Богу: *аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей* (Ин. 15, 10), сказал Спаситель (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 130).

***

Чтобы возлюбить Бога и в Боге ближнего, необходимо очиститься от вожделения скотоподобного (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 259).

***

Бога невозможно иначе любить, как сердцем очищенным и освященным Божественною благодатию. Любовь к Богу есть дар Божий: она изливается в души истинных рабов Божиих действием Святаго Духа (см.: Рим. 5, 5) (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 52).

***

Преждевременное стремление к развитию в себе чувства любви к Богу уже есть самообольщение. Оно немедленно устраняет от правильного служения Богу, немедленно вводит в разнообразное заблуждение, оканчивается повреждением и гибелью души (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 53).

***

Если желаем стяжать любовь к Богу — возлюбим Евангельские заповеди, продадим наши похотения и пристрастия, купим ценой отречения от себя село — сердце наше... возделаем его заповедями и найдем сокровенное на нем небесное сокровище — любовь.

Что же ожидает нас на этом селе? — Нас ожидают труды и болезни; нас ожидает супостат, который нелегко уступит нам победу над собою; нас ожидает, для противодействия нам, живущий в нас грех (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 68).

***

Первое духовное проявление любви к Богу открывается в ощущении страха Божия... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 257—258).

****

Авва Аммун Нитрийский пришел к авве Антонию и говорит ему: «Я более твоего тружусь, почему же имя твое более прославилось между людьми, нежели мое?» Авва Антоний отвечает ему: «Потому что я более люблю Бога, нежели ты» (97, 42).

***

При императоре Юлиане Отступнике христианские храмы были закрыты, и потому христиане для совершения богослужения собирались в поле. Юлиан узнал об этом и повелел одному из военачальников всех собиравшихся умертвить. Начальник был человек добрый и, щадя христиан, предупредил их о повелении царском. Между тем рано утром увидал он женщину, которая с ребенком на руках быстро вышла из дома и так же быстро прошла мимо солдат. Тогда он велел взять ее и привести к себе. Когда она была приведена, он спросил: «Убогая жена, куда так рано спешишь?» Она отвечала: «В поле, где христиане собираются». Начальник сказал: «Да разве ты не слыхала, что туда придет посланный от царя и всех, кого найдет там, убьет?» «Слышала, — отвечала женщина, — потому и спешу, чтобы за Христа умереть там». — «Да зачем же, если так, младенца несешь с собою?» — «Затем и несу, — отвечала она, — чтобы и он мучения сподобился». Услышав это, начальник отпустил своих воинов, пошел к царю и сказал: «Если велишь мне умереть, я готов, но исполнить твоего приказания относительно хрис-

тиан не могу». И рассказал о своей встрече с женщиной (112, 926—927).

***

Один юноша отличался искусством ковать из золота разную утварь. Богатый вельможа раз призвал его к себе, дал ему много золота и повелел из оного сделать крест для церкви. Возвратившись от вельможи домой, юноша задумался и сказал самому себе: «Великую награду получит вельможа от Господа за столь большое пожертвование золота, но почему же вместе с ним не сделаться участником награды от Господа и мне? Возьму и положу в крест хоть немного своего золота, и буду надеяться, что и мою жертву примет Господь, так же как принял две лепты евангельской вдовицы». И с этими словами вложил на устройство креста и своих десять златниц. Когда крест был готов, юноша принес оный к вельможе. Последний положил крест на весы и, нашедши в нем весу более против выданного им количества золота, заподозрил юношу в краже и сказал: «Зачем ты украл мое золото, заменив его в кресте каким-то другим металлом?» — «Сердцеведец Бог видит, что я ничего из твоего золота не присвоил себе; но я возревновал о той награде, которая будет тебе, и пожелал быть участником в оной, и потому и со своей стороны вложил в крест десять златниц, веруя, что Бог примет их так же, как принял две лепты евангельской вдовицы». Слыша это, вельможа изумился и сказал юноше: «О сын мой, неужели и на самом деле ты поступил так?» «Ей, владыко, — отвечал юноша, — как рассказал тебе, так и поступил». Тогда вельможа воскликнул: «Итак, если ты подлинно из любви к Богу отдал Ему добро твое, желая иметь от Него вместе со мною в награде часть, то знай,

что с сего дня я усыновляю тебя и делаю наследником всего моего имения». И слова свои вельможа не замедлил привести в исполнение... Прожив вместе в любви и мире, они оба получили спасение (112, 17—18).

***

После того как авва Пимен и авва Анув удалились в пустыню, их мать пожелала видеть их. Она часто приходила к их келье и уходила, не достигнув желаемого. Выждав удобную минуту, она неожиданно явилась перед ними в то время, как они шли в церковь. Увидев ее, монахи поспешно возвратились в келью и заперли за собою дверь. Она встала перед дверью и с плачем призывала их. Тогда авва Анув подошел к авве Пимену и сказал: «Что делать нам с матерью нашей, которая плачет у дверей?» Авва Пимен пошел к дверям: услышав, что она продолжает плакать, он, не отворяя дверей, сказал ей: «Зачем ты так кричишь и так плачешь, будучи уже истощена старостью?» Она, узнав голос сына, закричала еще сильнее: «Потому что я хочу видеть вас, сыновей моих! Не я ли мать ваша, не я ли родила вас?» Пимен сказал ей: «Здесь ли хочешь видеть нас, или в будущем веке?» Она отвечала: «А если здесь не увижу вас, сыновей моих, то увижу ли там?» Пимен ответил: «Если с благодушием откажешься от свидания здесь, то наверно увидишь там». Этими словами она утешилась и пошла с радостью, говоря: «Если наверно увижу вас там, то здесь уже не хочу видеть» (106, 319—320).

***

Двенадцати лет от роду преподобный Макарий Унженский тайно покинул родителей и ушел в монастырь Печер-

ский... Родители искали сына своего повсюду, тосковали и плакали неутешно. Спустя три года отец, случайно узнав от одного из печерских иноков о местопребывании сына, пришел в обитель и со слезами умолял архимандрита Дионисия показать ему любимого сына-инока. Дионисий вошел в келью и сказал Макарию: «Отец твой хочет видеть тебя». Но Макарий отвечал: «Отец мне Господь Бог мой, а после Господа отец мне ты, учитель мой!» Родитель Макария, стоя у окна кельи и слыша голос сына, с радостью и слезами сказал: «Сын мой, покажи лицо твое мне, отцу твоему!» Макарий отвечал родителю: «Невозможно нам видеться здесь, ибо Господь говорит в Евангелии: *кто любит отца или матерь более, нежели Меня, тот не достоин Меня* (ср.: Мф. 10, 37). Иди с миром домой. Ради любви твоей я не хочу лишиться любви Господа моего». Родитель стал плакать и говорить: «Разве я не радуюсь о спасении твоем? Желаю видеть лицо твое и немного побеседовать с тобою!» Но юный инок не тронулся слезными просьбами родителя. Тогда родитель сказал: «О, сын мой! Хотя протяни из оконца руку свою». Макарий подал руку свою, утоляя слезы родителя. Схватив руку сына, родитель облобызал ее и сказал: «Сладкий сын мой, спасай душу свою и о нас молись Господу, да и мы будем спасены твоими молитвами!» Родитель ушел домой и рассказал супруге своей о сыне. Они радовались и славили Господа (115, 347—348).

***

У некоего мирянина был сын, отличавшийся благочестием, целомудрием и воздержанием во всем. Его душа стремилась к отшельнической жизни, между тем отец хотел его пристроить к какому-нибудь делу, но сын не соглашался на это. Между братьями он был старшим. Так как

взгляды и стремления отца и сына расходились, отец постоянно укорял его, ставя ему в порок самое его воздержание. «Ты бы хоть взял пример с братьев своих и принялся бы за дело», — говорил отец. Сын все переносил молчаливо. Все знавшие его любили его за благочестие и скромность.

Приблизилась кончина отца. Некоторые родственники и близкие друзья, вообразив, что отец ненавидит своего старшего сына, так как часто порицал его, собрались и рассуждали между собою: «Как бы отец не лишил наследства этого раба Божия. Пойдем, попросим за него». А старик был богат. Вот приходят к умирающему и говорят: «Мы имеем нечто попросить у тебя». «В чем состоит ваша просьба?» — спросил тот. «О господине Авиве, как бы ты не забыл его в своем завещании», — говорят. Старшего сына звали Авивом. «Это вы за него-то просите у меня?» — «Да...» — «Позовите его ко мне». Все думали, что он начнет бранить его по обыкновению. Когда явился старший сын, отец бросился к ногам его со слезами. «Прости меня, чадо, — восклицал умирающий, — и молись за меня Богу, чтобы простил меня, если я чем-либо огорчил тебя... Ты искал Христа, я предавался мирским заботам». Потом зовет к себе других сыновей и, указав на старшего, говорит: «Вот вам господин и отец! Скажет он вам, вот ваше — и будет ваше. Скажет, нет вам ничего — и ничего не будет у вас». Все были поражены этим.

Отец тут же скончался. По кончине отца старший брат отдал каждому что следовало из наследства. Получив свою часть, Авив все раздал бедным, не оставив себе ничего, потом приступил к устройству кельи и, окончив работу, заболел. Кончина быстро приблизилась... Один из братьев навестил его. Больной сказал ему: «Ступай и устрой утешение своей семье — теперь великий день...» А был

праздник святых Апостолов. «Как же мне уйти и оставить тебя одного?» — спросил брат. «Ступай... Придет час мой — я позову тебя», — отвечал больной. Когда час смерти настал, Авив, привстав и постучав в окно, дал знать брату: «Приди сюда!» Брат немедленно пришел, и Авив предал дух свой Господу. И все удивились и прославили Бога. «Вот какой кончины сподобился он — кончины, достойной той любви, какою он возлюбил Христа!» — говорили все (102, 199—200).

ЛЮБОВЬ К ВРАГАМ

...Врага любить должно так, чтобы не воздавать злом за зло, но благодеянием вознаграждать за обиду (свт. Григорий Нисский, 20, 106).

***

...Христос повелел нам считать друзьями... тех, которые... причиняют нам вред и в деньгах, и в телесном здоровье, и во всем прочем. Не только, говорит Он, прибавляй хищнику и лихоимцу, но и люби его любовию самою крепкою и искреннею (свт. Иоанн Златоуст, 44, 138).

***

...Христос желает, чтобы мы не только прощали, но и принимали врагов в число первых друзей (свт. Иоанн Златоуст, 44, 139).

***

...Если мы будем молиться за друзей, то мы еще нисколько не лучше язычников и мытарей, а если будем любить врагов, то по мере сил человеческих становимся

подобными Богу... (см.: Мф. 5, 44—45) (свт. Иоанн Златоуст, 45, 452).

***

...Если любишь не только любящих, но и враждующих против тебя, подражаешь по силе своей твоему Господу (свт. Иоанн Златоуст, 47, 30).

***

...Заповедь <о любви ко врагам> очень трудна, но если подумаешь о награде, уготованной исполняющим ее, то она, хоть и весьма трудна, отнюдь не покажется такою (свт. Иоанн Златоуст, 47, 30).

***

...Не должен ли ты считать за милость, что своими благодеяниями врагу можешь отворить себе двери дерзновения пред Богом и достигнуть прощения своих грехов? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 30).

***

...То составляет величайшую добродетель, когда не тех только мы любим и не тем только всячески угождаем, которые искренно к нам расположены, но когда и людей, желающих вредить нам, к себе привлекаем ласковостью (свт. Иоанн Златоуст, 47, 633).

***

...Научись прежде всего никогда не называть врага именами презрительными, а почетными. А если уста привыкнут называть оскорбившего именем почетным и при-

ятным, то и душа, услышав это и будучи вразумляема и научаема языком, охотно примирится с ним. Самые слова будут наилучшим врачевством сердечной язвы (свт. Иоанн Златоуст, 47, 843).

***

...Если ты исполняешь заповедь любви ко врагам, то пребываешь с Богом, если же оставляешь ее — то с мытарями (свт. Иоанн Златоуст, 50, 211).

***

...Врагам, хотя бы они причинили нам бесчисленное множество зол, <воздадим> всем, что есть у нас доброго... не преминем оказывать и им благодеяния. Ведь если, терпя зло, можно удовлетворить ярость их, то гораздо больше — благодетельствуя им. Первое меньше последнего, потому что не все равно — благодетельствовать врагу... или быть готовым претерпеть (от него) большее зло. От последнего перейдем и к первому, что (и составляет) преимущество учеников Христовых (свт. Иоанн Златоуст, 52, 139).

***

Кто любит любящего его, тот не делает ничего важного, а кто любит ненавидящего его, тот преимущественно достоин венцов (свт. Иоанн Златоуст, 53, 262).

***

...В подражание <Богу> будем и мы благотворить врагам, не отвергнем тех, кто ненавидит нас и отвращается от нас (свт. Иоанн Златоуст, 54, 61—62).

***

Любовь к врагам есть любовь к Богу, даровавшему заповеди и законы, есть подражание Ему. Знай же, что, оказывая благодеяния врагам, ты благотворишь не им, а себе, не их любишь, а повинуешься Богу (свт. Иоанн Златоуст, 54, 64).

***

Бог оказывает благодеяния своим врагам делом, а ты совершай их, по крайней мере, словом — молись за врага; таким образом ты уподобишься Отцу твоему, Который на Небесах (свт. Иоанн Златоуст, 54, 663).

***

...Кто благословляет своего врага, благословляет себя самого, и кто проклинает его, проклинает себя, и кто молится за врага, молится за себя, а не за него (свт. Иоанн Златоуст, 54, 664).

***

...Когда захватишь в свои руки врага, старайся не о том, чтобы отомстить ему и осыпать тысячами ругательств, а о том, чтобы расположить его к себе услужливостью, чтобы довести его до кротости, и до тех пор не отставай и делать все, и увещевать, пока своею кротостью не победишь его жестокости (свт. Иоанн Златоуст, 55, 739).

***

...Невозможно любить оскорбляющего даже тому, кто отрекся от мира и всего что в мире, если он истинно не познает цель Господню. Когда же даст ему Господь по-

знать ее, и он возревнует ходить по указанию ее, тогда возможет он от сердца любить ненавидящего и оскорбляющего, как любили и апостолы, знавшие ее (прп. Максим Исповедник, 91, 139).

***

Иное есть не печалиться и не гневаться при бесчестиях, поношениях, искушениях и встречающихся прискорбностях и иное — желать этого с благодарением, когда случится что такое. Иное опять есть — молить Бога о тех, кои причиняют это, иное — прощать им, иное любить их от всей души, как благодетелей, и иное — напечатлевать в уме лица каждого из них и целовать их бесстрастно, как искренних друзей своих, со слезами чистой любви, — так чтобы на душе не было совершенно никакого знака оскорбления или страсти. Большее из всего сказанного есть, когда кто в самое время искушения таковое же имеет расположение и к тем, которые поносят его в лицо или клевещут на него, и ко всем другим, кои или осуждают его, или презирают и ставят ни во что, или плюют в лицо, еще и к тем, кои по видимости притворяются друзьями, а тайно так же действуют против него, как и сказанные пред сим, — и это не утаивается от него, но он то знает.

И из этого опять высшее и совершеннейшее без сравнения есть... то, если кто совсем забывает претерпенные искушения и никогда не вспоминает тех, кои его опечалили или как-нибудь обесчестили, ни когда они бывают налицо, ни когда отсутствуют, но имеет и их наравне с друзьями своими, без всякого различения, сколько когда беседует с ними, сколько же и тогда, когда вкушает вместе с ними пищу. Все это суть дела и совершенства мужей,

ходящих во свете. Которые же чувствуют, что они далеки от таких порядков и правил жизни, те пусть не обольщаются и не обманывают себя, но да ведают наивернейше, что они ходят во тьме (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 400).

***

...В том и состоит человеколюбие, чтобы ты благодетельствовал врагам и любил их, как друзей и как истинных благодетелей, чтобы молился за всех обижающих тебя и имел сердечную любовь равно ко всем, и добрым и злым, и за всех повседневно полагал душу свою, за спасение... быть может, одного или, если возможно, то и всех (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 148).

***

Благорасположенно любящий тех, которые его поносят и обижают, и причиняют ему ущерб, и молящийся о них в короткое время достигает великого преуспеяния (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 9).

***

Любовь к врагам доставляет сердцу полноту любви. В таком сердце вовсе нет места для зла, и оно уподобляется благостию своею Всеблагому Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 512).

***

...Когда возлюбишь врагов своих и будешь молить о них, чтобы им дарованы были все блага, временные и вечные, тогда только низойдет к тебе Бог на помощь, и ты

поперешь молитвою твоею всех супостатов твоих, вступишь умом в сердечный храм для поклонения Отцу Духом и Истиною (см.: Ин. 4, 24) (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 211—212).

***

Достигший любви к врагам достиг совершенства в любви к ближнему, и ему сами собою отворились врата любви к Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 145).

***

...Любовь к врагам есть та высшая ступень в лествице любви к ближнему, с которой мы вступаем в необъятный чертог любви к Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 299).

ЛЮБОВЬ ПЛОТСКАЯ

Того желай... чтоб любили тебя любовию Спасителя нашего Иисуса Христа, и питай ненависть к плотской любви, которая заключает в себе следующее: чревоугодие, пьянство, роскошь, зависть, злобу, непотребство, страсть, сокрушение, печаль и подобное тому, конец же этого — смерть (прп. Ефрем Сирин, 30, 197).

***

...Любовь плотская и привязана к скоропреходящему, и сама скоро проходит, и подобна весенним цветам. Как пламень по истреблении им вещества не сохраняется, но угасает вместе с тем, что горело, так и страсть сия не продолжается после того, как увянет воспламенившее ее (свт. Григорий Богослов, 15, 73—74).

***

Плотская любовь, пьянство, ревность и бес — равны между собою. К кому пришли они, у того погублен ум (свт. Григорий Богослов, 16, 206).

***

Как при здоровом состоянии нашего естества жажда появляется в теле благовременно, а в ком такое расположение произведено угрызением особого рода ехидны, о тех никто не скажет, что жажда действует в них благовременно, потому что жажда у них бывает не естественным побуждением, но недугом; так и нечистая любовь юности есть не любовь, но болезнь воли, производимая воспалительным угрызением возраста (свт. Григорий Нисский, 19, 339).

***

Любящие плотскою любовью справедливо стыдятся признаваться в ней, так как и самых себя срамят, и слушающим вредят... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 309—310).

***

...Любящие благообразные тела и увлекающиеся красивыми лицами, если сами мерзки и безобразны, от пристрастия к тому не получают прибыли для устранения собственной уродливости, но еще оказываются более мерзкими и противными... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 310).

***

...Предающихся необузданной любви следует жалеть больше, чем сильно страждущих горячкою... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 590).

***

Любовь плотская, как пресмыкающаяся по земле, поскольку устанавливается между телами скорогибнущими, и сама гибнет, течет, увядает, наподобие цветов. Ибо и огонь не продолжает гореть по истреблении вещества, дававшего пищу пламени, но с ним вместе исчезает; и привязанность не сохраняется при оскудении того, что воспламеняло ее (прп. Исидор Пелусиот, 61, 140).

***

Помышляй о благолепии небесных благ, и не войдет в тебя никакая любовь к земле и к земным наслаждениям (прп. Нил Синайский, 72, 237).

***

Любовь плотская, не будучи связана духовным чувством, как только представится какой даже незначительный повод, очень легко испаряется. Любовь же духовная не такова, но, хотя случится потерпеть какое огорчение, в душе боголюбивой, состоящей под воздействием Божиим, союз любви не пресекается, ибо, возгревши себя теплотою любви к Богу, она тотчас возвращается к благому настроению и с великою радостью восприемлет любовь к ближнему, хотя бы и немалое от него получено было оскорбление или понесен большой вред, потому что тогда сладостью Божиею совершенно поглощается горечь разлада (блж. Диадох, 91, 14—15).

***

Когда диавол хочет связать два лица союзом постыдной любви, тогда испытывает ту и другую сторону, и потом

уже начинает возжигать огонь страсти (прп. Иоанн Лествичник, 57, 119).

***

Естественная любовь наша повреждена падением, ее нужно умертвить... и почерпнуть из Евангелия святую любовь к ближнему, любовь во Христе (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 123).

***

Не имеет цены пред Евангелием любовь от движения крови и чувствований плотских (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 123).

***

Естественная любовь доставляет любимому своему одно земное, о небесном она не думает. Она враждует против Неба и Духа Святаго, потому что Дух требует распятия плоти. Она враждует против Неба и Духа Святаго, потому что находится под управлением духа лукавого... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 124).

ЛЮБОМУДРИЕ

...В строгом смысле любомудрый, имея собственное тело свое приютом и безопасным пристанищем для души, хотя бы случилось ему быть на рынке, или в торжественном собрании, или на горе, или в поле, или среди народного множества, всегда заключен в этом естественном своем монастыре, внутрь собирая свой ум и любомудрствуя о том, что ему прилично (свт. Василий Великий, 9, 342).

***

Все любомудрие разделяется на две части — на умозрительную и деятельную, из коих первая выше, но труднее к уразумению, а другая ниже, но полезнее. У нас обе они одна другой способствуют. Умозрение служит нам сопутником к горнему, а деятельность — восхождением к умозрению: ибо невозможно достигнуть мудрости, не живя мудро (свт. Григорий Богослов, 12, 167).

***

...Любомудрие умеет... и счастьем пользоваться умеренно, и в бедствиях соблюдать благоприличие (свт. Григорий Богослов, 17, 176).

***

...Деятельное любомудрие не заключает в себе достаточной пользы, если не управляет делами истинное благочестие (свт. Григорий Нисский, 20, 341).

***

Благочестивый образ жизни обязателен для всех, как мужей, так и жен; отличие же жизни любомудрой — целомудренность, а она сохраняется при несмешанном и отдельном образе жизни, чтобы природа не оскорблялась смешением и тесным сближением ни женщин с мужчинами, ни мужчин с женщинами, коль скоро они стремятся к соблюдению целомудрия (свт. Григорий Нисский, 25, 456).

***

...Любомудрие души настолько труднее и тяжелее изучения наук, насколько деятельность труднее разглаголь-

ствования и насколько дела труднее слов (свт. Иоанн Златоуст, 44, 96).

***

...Когда эта добродетель <любомудрие> вкоренится в сердцах слушателей, то и все прочие добродетели могут уже безопасно назидаться (свт. Иоанн Златоуст, 46, 147).

***

...Не будем враждовать даже против тех, кто оскорбляет нас, хотя бы это были и облагодетельствованные нами (в этом-то и состоит самое высокое любомудрие)... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 363).

***

...Любомудрой душе свойственно не мстить за оскорбление себя, но сильно восставать против оскорбления Бога (свт. Иоанн Златоуст, 48, 45).

***

Немаловажный вид любомудрия в том, чтобы веселиться о Боге. Кто веселится о Боге, как должно, тот отвергает всякое житейское удовольствие (свт. Иоанн Златоуст, 48, 112).

***

...Ничто так не приятно Богу, как если кто считает себя в числе величайших грешников. Это есть начало всякого любомудрия: смиренный и сокрушенный никогда не будет ни тщеславиться, ни гневаться, ни завидовать ближнему, — словом, не будет питать в себе ни одной страсти (свт. Иоанн Златоуст, 50, 33).

***

...Ничто столько не отличает любомудрия, как то, чтобы не иметь ничего излишнего и довольствоваться как можно меньшим (свт. Иоанн Златоуст, 50, 357).

***

Цель любомудрия в том и состоит, чтобы с мудростью соединять простоту (свт. Иоанн Златоуст, 50, 639).

***

...Кто не может презреть вещей земных, тот может ли когда-нибудь любомудрствовать о Небесном? (свт. Иоанн Златоуст, 51, 358).

***

...Великое благо любомудрие; оно и здесь уже вознаграждает нас. Так, кто презирает богатство, тот уже здесь получает пользу, потому что избавляется от излишних и бесполезных забот. Кто попирает славу, уже здесь получает награду, потому что не служит никому рабом, но бывает свободен истинною свободою; кто желает небесных (благ), уже здесь получает воздаяния, потому что, вменяя в ничто все настоящее, легко побеждает всякую печаль (свт. Иоанн Златоуст, 51, 421).

***

Кто прежде всего научится быть любомудрым, тот через это приобретет богатство, превосходящее всякое богатство, и величайшую славу (свт. Иоанн Златоуст, 54, 186).

***

...При отсутствии любомудрия самое обильное риторство не принесет никакой пользы (свт. Иоанн Златоуст, 54, 186).

***

...Хотя дети, плывя в лодке, и пугаются, но кормчий сидит улыбаясь и спокойно, смотрит и забавляется их страхом: так и душа любомудрая при благоразумии, как бы на корме и у руля, пребывает непоколебимой, тогда как все остальные мятутся или же, при перемене обстоятельств, некстати смеются (свт. Иоанн Златоуст, 54, 329).

***

Ничто так не препятствует любомудрию, как жизнь в удовольствиях; напротив, скорбь способствует любомудрию (свт. Иоанн Златоуст, 54, 793).

***

Усумнится и поколеблется всякий монах взяться за духовное делание прежде отрезвления ума, — потому ли, что не познал еще красоты его, или потому, что, познавши, бессилен решиться на это по недостатку ревности. Но это колебание несомненно рассеется, коль скоро он вступит в делание хранения ума, которое есть и именуется мысленным любомудрием или деятельным любомудрием ума. Потому что тогда обретет он Путь, Который сказал: ***Аз есмь путь, и воскресение, и живот*** (Ин. 14, 6) (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 201—202).

***

Кто упражняется в словопрениях, тому невозможно преуспеть в любомудрии (прп. Исидор Пелусиот, 60, 138).

***

Не гоняющихся за выражениями, не витий, не искусных в словопрении, не величающихся силою слова должно называть мудрыми, но тех, которые отличаются деятельным любомудрием. Если же украшает их и любомудрие умственное, то наименовать их должно мудрейшими. А если — и любомудрие созерцательное, разумею благочестие, о котором одном утверждаем, что оно в собственном смысле есть мудрость, то надлежит назвать премудрыми. Первое любомудрие есть как бы основание и здание, второе — как бы украшение, а последнее — как бы верхний венец здания. Посему как без основания и здания не имеют места ни то, что украшает здание, ни то, чем венчает оное, так и без добродетели не будут иметь места ни умственное, ни созерцательное любомудрие (прп. Исидор Пелусиот, 60, 463).

***

Когда высота ума ведет не к высокомерию, а к скромности, тогда избегает она и кичливости, и раболепства, не позволяя, чтобы неблагообразное примешивалось к благоприличному (прп. Исидор Пелусиот, 62, 152).

***

...Любомудрие есть исправление нравов, при истинном ведении Сущего (прп. Нил Синайский, 72, 3).

***

...Истинное любомудрие состоит в том, чтобы провождать житие в чистоте и всегда возноситься душою превыше телесных страстей (прп. Нил Синайский, 73, 26).

***

Истинный любомудрец есть тот, кто от существующих вещей познал Творца их и от Творца уразумел сущее и Божественное, не научением только познал, но и испытал. Или: совершенный любомудрец тот, кто преуспел в нравственном, естественном и богословском любомудрии, паче же в Боголюбии (прп. Григорий Синаит, 93, 320).

ЛЮБОПЫТСТВО

Не расспрашивайте с любопытством о временных делах мира сего, дабы не уподобиться отхожим местам, в кои всякий идет для извержения излишеств чрева, от чего оные места всегда наполнены смрадом (прп. авва Исаия, 59, 42).

***

Не будь любопытен и не желай все видеть, чтобы не удержать тебе в сердце своем гноя страстей (свт. Василий Великий, 9, 48).

***

Не любопытствуй о чужом, чтобы не погубить своего (прп. Ефрем Сирин, 30, 158).

***

Перестань любопытствовать о чужих пороках, чтоб естественным образом не растлился от сего благочестивый твой помысл (прп. Ефрем Сирин, 30, 498).

***

Сходясь с другими, не будем пытливы, но не станем давать и глупых ответов (прп. Ефрем Сирин, 31, 626).

***

Не спеши вызнавать дела всякого, и не будешь предателем себя самого (прп. Ефрем Сирин, 31, 630).

***

Не присматривай за другими, и не будут подозревать в тебе врага (прп. Ефрем Сирин, 31, 630).

***

Кто занимается чужими делами и любопытствует узнавать их, тот часто через такое любопытство подвергает ее <душу> опасности (свт. Иоанн Златоуст, 54, 585).

***

Нет ничего в такой степени неприличного женщине, как всячески разузнавать чужие дела; впрочем, не только женщине, но и мужчине, потому что это величайший признак бесстыдства и наглости (свт. Иоанн Златоуст, 54, 727—728).

****

...Некто из неблагонамеренного любопытства, пожелав узнать, что делает подвижник Акепсим, дерзнул влезть на дерево, посаженное вблизи его кельи, но тотчас же пожал плоды своей дерзости. Онемев половиною тела от головы даже до ног, он с покорностью явился к блаженному и признался в своем поступке. Тот сказал ему, что он возвратит себе здоровье, когда срубит дерево. Акепсим приказал срубить дерево для того, чтобы другой кто-нибудь не сделал того же, что сделал этот любопытный, и не потерпел подобного наказания. За посечением дерева, действительно, последовало и освобождение от наказания... Такую-то благодать получил от Подвигоположника этот блаженный муж! (117, 143—144).

ЛЮБОСТЯЖАНИЕ

...Не то только, чтобы иметь многое — есть любостяжание, но и иметь что-либо по пристрастию, или без нужды, или сверх потребности (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 24—25).

***

Грехолюбивый человек любит многостяжание; а о правде нерадит, не помышляя о неверности, непостоянстве и маловременности жизни и не помня о неподкупности и неизбежности смерти. Если же и в старости кто бывает так срамен и несмыслен, — то он, как древо гнилое, негож ни на какое дело (прп. Антоний Великий, 89, 82).

***

Любостяжание есть злая матерь всех зол (прп. авва Исаия, 59, 86).

***

Кто любит мир сей, тот помрачает душу свою (прп. авва Исаия, 59, 95).

***

Как недостаток горючего вещества тушит пожар, так любостяжательное сердце и несытый глаз одним только останавливается, тем, чтобы не иметь ни одного соседа на рубеже своих владений (свт. Василий Великий, 6, 170).

***

Не должно заботиться об избытке нужного для жизни и прилагать старание о пресыщении и о пышности, но надобно быть чистым от всякого вида любостяжания и щегольства (свт. Василий Великий, 7, 353).

***

Самый худший род любостяжательности — не уделять нуждающимся и того, что может повредиться (свт. Василий Великий, 8, 86).

***

Ад не скажет: *довлеет* (Притч. 30, 16), и любостяжательный никогда не говорит: «довольно» (свт. Василий Великий, 8, 98).

***

Море знает свои пределы, ночь не преступает издревле положенных ей границ, но любостяжательный не уважает

времени: не знает предела... все захватывает, все пожирает (свт. Василий Великий, 8, 98).

***

В чем состоит любостяжание? Когда преступает кто предел закона. А сие по Ветхому Завету значит заботиться больше о себе, нежели о ближнем... (свт. Василий Великий, 9, 201).

***

Да не будет для нас сладостною любовь к земному, чтоб не соделался горьким плач наш <по смерти> там! (прп. Ефрем Сирин, 30, 298).

***

Пренебрегая здесь любовию Божией и Царством Божиим, мы предпочли землю и все, что на ней (прп. Ефрем Сирин, 30, 299).

***

...Вместе с любостяжательностью любви и быть невозможно. Да и как сему быть? Кто пристанет к деньгам, тот ненавидит брата, домогаясь отнять у него что-нибудь... (прп. Ефрем Сирин, 32, 267).

***

Что возлюбил человек в настоящем мире сем, то и обременяет его мысль, как бы влечет и толкает вниз и не дает ей воспрянуть <к Богу> (прп. Макарий Египетский, 67, 399).

***

...Любостяжательность, не дающая никакого покоя своему служителю, который, чем больше работает, услуживая велениям владыки и приобретая по его пожеланиям, тем к большему всегда понуждается труду (свт. Григорий Нисский, 18, 301).

***

Мучительство любостяжательности не превосходит ли меру всякой жестокости? Поработив бедную душу, всегда принуждает исполнять ненасытимые свои пожелания, непрестанно принимая в себя и никогда не наполняясь, подобно какому-то многоглавому зверю, тысячами челюстей передающему пищу в ненаполнимое чрево, у которого приобретение никогда не служит хотя малым насыщением, но всегда получаемое делается пищею и поджегою к пожеланию бо́льшего (свт. Григорий Нисский, 19, 430—431).

***

Скажи теперь мне ты, неодушевленное вещество имуществ предпочитающий будущему блаженству, что за блеск такой у золота? Что за сияние такое у дорогих камней? Что за убранство такое от одежд в сравнении с оным благом, предлагаемым упованию? Когда Царствующий над тварью открыто явит Себя человеческому роду, велелепно восседая на превознесенном Престоле, когда окрест Его видимы будут бесчисленные тьмы Ангелов и когда очам всех откроется неизреченное Царство Небесное; а также в противоположность сему показаны будут страшные мучения; и среди сего весь человеческий род от первой твари до всей полноты приведенных в бытие, в страхе и надежде будущего, предстанет с недоумением, многократно приво-

димый в содрогание исполнением ожидаемого для тех и других, потому что и жившие с доброю совестию не уверены в будущем, видя, что другие лукавою совестью, как бы каким исполнителем казни, влекутся в ужасную оную тьму, а между тем и этот, при хвалебных и благодарственных гласах облагодетельствованных, исполненный дерзновения, приведен будет делами к Судие; тогда ужели по вещественному богатству станет вычислять он свою благую часть? Ужели согласится, чтобы, вместо сих благ, все горы, и равнины, и долины, и моря, преобразившись, сделались золотом?

А кто богатство свое тщательно скрывал под печатями, запорами, за железными дверями, в безопасных тайных местах и стекающееся у него вещество прятать и хранить у себя предпочитал всякой заповеди, того, если стремглав повлечется в темный огонь, все в этой жизни испытавшие его жестокость и немилосердие станут укорять и скажут ему: ***помяни, яко воспрял еси благая твоя в животе твоем*** (Лк. 16, 25); в твердынях с богатством своим заключил ты милость, и на земле оставил милосердие; не принес в эту жизнь человеколюбия и не имеешь, чего не имел; не находишь, чего не полагал; не собираешь, чего не расточал; не пожинаешь, чего не сеял; жатва твоя достойна сеяния; сеял ты горечь, собирай ее рукояти; уважал ты жестокость, имей при себе, что любил; ни на кого не смотрел сострадательно, и на тебя никто не посмотрит с сожалением; презирал ты скорбящего, презрят и тебя гибнущего; бегал ты случаев оказать милость, и от тебя побежит милость; гнушался ты нищего, возгнушается и тобою, кто от тебя был в нищете. Если сказано будет это и подобное этому, то где окажется золото? Где блестящие сосуды? Где печатями приданная сокровищам безопасность? Где для ночной стражи приставленные псы и запас

оружий на злоумышленников? Где записанные в книгах приметы? Что они значат против плача и скрежета зубов? Кто озарит тьму? Кто угасит пламень? Кто отвратит неумирающего червя? Уразумеем поэтому... Господне слово, в немногом научающее нас так многому о будущем, и соделаемся милостивыми, чтобы стать чрез это блаженными о Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава и держава во веки веков! Аминь (свт. Григорий Нисский, 19, 433—435).

***

Лучшее стяжание — друг верный (авва Евагрий, 89, 601).

***

Злейшее стяжание — жизнь непотребная (авва Евагрий, 89, 601).

***

Не станем воспламенять в себе страсть к бóльшим и бóльшим приобретениям и чрез то приготовлять себе только больший и жесточайший огонь, огонь неугасимый, пламень нестерпимый (свт. Иоанн Златоуст, 47, 527—528).

***

Не так море воздымается волнами, как такая душа <объятая любостяжанием> обуревается помыслами и страстями и ко всем, своим и чужим, питает неприязнь (свт. Иоанн Златоуст, 47, 637).

***

...И в настоящей жизни это дело (т. е. любостяжание) не может доставить никакого удовольствия, а сопровождается ежедневными тревогами и неприятностями (свт. Иоанн Златоуст, 47, 637).

***

...Если кто <из любостяжательных> лишится хотя некоторой части своего богатства... вот тогда-то именно увидишь, что жизнь для них становится невыносимой (свт. Иоанн Златоуст, 47, 637).

***

...Любостяжательным мы называем того, кто хочет присвоить чужое и не довольствуется своим... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 12).

***

...Ничто столько не подвергает нас власти диавола, как желание бóльшего и любостяжание (свт. Иоанн Златоуст, 50, 135).

***

...Когда злой навык или страсть к любостяжанию будет сильно обольщать тебя, вооружись против них этою мыслию: презревши временное удовольствие, я получу великую награду. Скажи душе своей: ты скорбишь о том, что я лишаю тебя удовольствия, но радуйся, потому что я готовлю для тебя небо. Ты трудишься не для человека, но для

Бога; потерпи же немного, и ты увидишь, какая произойдет отсюда польза, пребудь твердою в жизни настоящей, и ты получишь неизреченную свободу. Если таким образом будем беседовать с душою, если будем представлять не одну тяжесть добродетели, но и венец ее, то скоро отвлечем ее от всякого зла (свт. Иоанн Златоуст, 50, 188).

***

...Будем избегать любостяжания. Оно именно... довело Иуду до неистовства, оно научает крайней жестокости и бесчеловечию тех, которыми обладает (свт. Иоанн Златоуст, 50, 832).

***

...Любовь к богатству противна любви к поучениям (свт. Иоанн Златоуст, 51, 19).

***

Душа, будучи однажды пленена любостяжанием, уже не может легко и удобно удерживаться, чтобы не сделать или не сказать чего-либо такого, что прогневляет Бога, так как она делается уже рабою другого господина, и притом такого, который повелевает ей все противное Богу (свт. Иоанн Златоуст, 51, 61).

***

Представь любостяжание, когда бываешь чужд этой страсти. Нет ничего гнуснее, ничего отвратительнее хищения и любостяжания... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 342).

***

...Любовь к богатству — страсть неестественная. Естественные пожелания вложены в нас с самого начала, а о золоте и серебре долгое время даже не было известно, существуют ли они. Отчего же усилилась эта страсть? От тщеславия и крайней беспечности (свт. Иоанн Златоуст, 51, 496).

***

Если приятною представится тебе любостяжательность, <тогда> подумай, что на это не соизволяет Христос, и она тотчас же покажется тебе противною (свт. Иоанн Златоуст, 51, 516).

***

...Если мы не удержим рук от любостяжания и не прервем этого нечистого потока, то, хотя бы стали давать и милостыню, все будет напрасно (свт. Иоанн Златоуст, 51, 604).

***

Любостяжание в том и состоит, чтобы желать иметь больше надлежащего. Так бывает и с имуществом: когда мы хотим собрать его больше и больше, то, сами не замечая, питаем в себе дикого зверя; имея многое, нуждаемся во многом, навлекаем на себя бесчисленные заботы и представляем диаволу множество поводов (свт. Иоанн Златоуст, 52, 446).

***

...Прошу вас избегать идолопоклонства (так <апостол> Павел называет любостяжание), понявши всю важность

этого порока, — избегать любостяжания не только в деньгах, но и во всякой порочной склонности... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 549).

***

Если бы ты и мало погряз в море этого безумия <любостяжания>, с трудом можешь выйти из него и, как в водовороте, сколько бы ты ни старался, не преодолеешь легко (стремления воды), так и еще гораздо хуже, впавши в бездну этой страсти, погубишь себя со всем своим имуществом (свт. Иоанн Златоуст, 52, 632).

***

Проклят жертвенник любостяжания! Если придешь к жертвеннику идолов, почувствуешь от него запах крови козьей и крови быков; если же подойдешь к жертвеннику любостяжания, почувствуешь тяжелый запах человеческой крови. А если остановишься здесь, то не заметишь сожигаемых крыльев птиц, ни запаха от того и поднимающегося дыма, но умерщвленные человеческие тела. Иные бросились с крутизны, другие накинули на себя петлю, иные перерезали ножом горло. Ты видел жертвы грубые и бесчеловечные? Хочешь ли посмотреть еще на более жестокие, сравнительно с этими? Я покажу тебе не только человеческие тела, но и души человеческие, которые там закалаются. Ведь и душу закалать можно закланием, соответствующим душе, потому что как для тела есть смерть, так и для души...

Заклания <души> особенно и совершаются на жертвеннике любостяжания. Не удовлетворяются они, не останавливаются на крови человеческой, но если вы не принесете самой души, жертвенник любостяжания не насыщается,

если не примет душ обоих, души приносящего жертву и приносимого. Ведь необходимо прежде быть принесенным в жертву тому, кто ее приносит, и таким образом он совершает жертвоприношение и, будучи мертвым, приносит в жертву живого (свт. Иоанн Златоуст, 54, 152).

***

Любостяжатель же преимущественно живет во тьме, и на всех распространяет великий мрак (свт. Иоанн Златоуст, 54, 154).

***

...Любостяжатель — вор и разбойник, даже хуже, потому что бесчеловечнее. Вор не настолько, по крайней мере, дерзок, он таится и налагает руку ночью, как бы стыдясь и боясь греха, напротив, любостяжатель, поправ всякий стыд, с открытым лицом среди площади грабит всех, будучи в одно и то же время и вором, и мучителем. Он не подкапывает стен, не гасит светильника, не открывает сундука, не разламывает печатей. Но что? Он поступает более дерзко, нежели те: на глазах обижаемых он выкидывает все вон, с дерзостью открывает все и заставляет их самих выкладывать свое имущество. Это верх насилия! Он тем гнуснее (воров и разбойников), чем бесстыднее и бесчеловечнее. Потерявший что-нибудь вследствие обмана хотя и скорбит, но немало утешается тем, что обидевший его, по крайней мере, боится его самого; а тот не только претерпел зло, но еще подвергся презрению, не имея возможности противиться наглости, так как (возбудил бы) только больший смех (свт. Иоанн Златоуст, 54, 562—563).

***

...Порок любостяжания, как бы охватывая нашу душу своими, так сказать, бесстыдными руками и крепко держа ее, даже против нашей воли влечет и удаляет ее <любовь> оттуда (свт. Иоанн Златоуст, 54, 607).

***

Отвергни любостяжание от души и тогда увидишь, что то, что кажется теперь драгоценным, будет презреннее грязи (свт. Иоанн Златоуст, 54, 670).

***

Как погасим пламень <любостяжания>? Можно (погасить его), хотя бы даже он поднялся до самого неба. Нам стоит только захотеть — и мы, без сомнения, одолеем этот пламень. Как усилился он вследствие нашего желания, так от желания и уничтожится. Разве не свободная наша воля зажгла его? Следовательно, свободная воля в состоянии будет и погасить. Только пожелаем. Но каким образом может явиться в нас такое желание? — Если обратим внимание на суетность и бесполезность богатства, на то, что оно не может нам туда сопутствовать, что и здесь оно оставляет нас, что хотя оно пребывает здесь, однако язвы от него идут с нами туда; если посмотрим, как велики там уготованные богатства, и что если сравним с ними земное богатство, то оно покажется ничтожнее грязи; если заметим, что оно подвергается бесчисленным опасностям, что оно доставляет временное удовольствие... смешанное с огорчением, если хорошо рассмотрим иное богатство, т. е. то, которое уготовано в Вечной Жизни, — будем тогда иметь возможность презреть богатство земное; если вникнем в то, что последнее нисколько не приумножает нам ни

славы, ни здоровья, ни чего-либо другого, а, напротив, погружает нас в бездну погибели; если узнаешь, что, несмотря на то что ты здесь богат и имеешь много подчиненных, отходя туда, ты отойдешь одиноким и нагим. Если мы будем часто повторять и слышать это от других, то, может быть, возвратится к нам здоровье, и мы избавимся от этого тяжкого наказания (свт. Иоанн Златоуст, 54, 748).

***

...Любостяжание хуже всякой грязи; оно оскверняет не тело, но душу, так что трудно бывает очистить ее (свт. Иоанн Златоуст, 55, 208).

***

Доколе это неистовство наживы? Доколе эта неугасимая печь будет все наступать и пожигать? Разве вы не знаете, что этот пламень производит тот <вечный> неугасимый огонь, (что) это изнурение рождает того ядовитого червя? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 283).

***

Руки даны для того, чтобы ты простирал их на молитву; но, если ты не ведешь себя трезвенно, ты простираешь их на любостяжание (свт. Иоанн Златоуст, 55, 551).

***

Как к миролюбцу идет благоприличие одежд, так к тебе псаломское слово: *да постыдятся беззаконующии вотще* (Пс. 24, 3); потому что, отворив все двери и открыв все способы прибыткам, сам дашь в них отчет, и собираешь доходы другим, которым, как и себе, уготов-

ляешь тягчайшие наказания. Посему, ежели хочешь и их, и себя избавить от огня, то много вокруг тебя Лазарей, на них оттряси пламень, каким угрожает тебе богатство, и с ними наследуешь там упокоение (прп. Исидор Пелусиот, 60, 136).

***

...Перестаньте пускать стрелы в небо, и вести брань с Законоположником нестяжательности тем, что извлекаете пользу из чужих бедствий (прп. Исидор Пелусиот, 60, 325).

***

Из людей любостяжательных и обидчиков одни знают, что грешат, а другие даже и не знают, что грешат неисцельно. Ибо сие — не чувствовать недуга, в котором находишься, есть усиление нечувствительности, и оканчивается совершенным бесчувствием и омертвением. Посему о них всего более надлежит жалеть. Ибо делать зло — более достойно сожаления, нежели терпеть зло. Тем, которые делают, угрожает крайняя опасность; а у тех, которые терпят, ущерб касается одного имущества. Притом первые не чувствуют сугубого омертвения. Ибо представляют опыт несовершенного и детского разумения. Весьма малые дети ни во что не ставят того, что действительно страшно, но часто суют руки в огонь, а увидев пустую личину и призрак, приходят в страх и трепет. Подобное сему бывает и с любителями любостяжательности; боясь бедности, которая не страшна, но еще служит поводом ко всякой охранности и скромному образу мыслей, в великое ставят неправедное богатство, которое страшнее огня; потому что и мысли, и надежды обладающих им обращает в прах (прп. Исидор Пелусиот, 61, 40—41).

***

Сильная и на все отваживающаяся любовь к многостяжательности, не зная сытости, нудит плененную душу идти до крайнего предела зол. Посему будем отражать ее от себя, наипаче в самом начале, потому что, возобладав, сделается неодолимою (прп. Исидор Пелусиот, 61, 94).

***

Всякая почти другая страсть имеет свою степень зрелости, знает и упадок сил, известно ей и пресыщение, сама собою приходит к концу: но страшная любовь к многостяжательности, будучи не врожденной, но привнесенной откуда-то совне, не знает упадка сил, не признает возможности пресыщения, и веселие ей неизвестно, и конца она не терпит, но всегда... усиливая свою зрелость, старается стать юнее и самоуправнее себя самой. Ибо не с другими только страстями, но и с собою ведет состязание, и усиливается сама себя препобедить. Скорее иной достигнет недостижимого, нежели она ощутит сытость; потому-то приращение, не знаю почему, почитая убавлением и умалением, больший и больший возжигает огонь, который, говорят иные, и твоей коснулся души. Поэтому угаси его скорее, а если не угасишь, то и здесь будешь вести жизнь, не похожую на жизнь, и там подвергнешься тяжкой ответственности (прп. Исидор Пелусиот, 61, 208—209).

***

...Желающий бóльшего, хотя бы у него были тьмы сокровищ, никогда не почувствует удовольствия, потому что не знает сытости. А кто соблюдает себя в пределах потребности, тот никогда не подвергнется этой неисцельной болезни, но будет в благодушии и радости и останется

недоступным для других страстей, которым подвергается постоянно желающий богатства (прп. Исидор Пелусиот, 62, 183).

***

...Страшная, неудобоизлечимая... болезнь любостяжательности не кончится иначе, разве когда одержимый ею отступится от мысли найти выгоду, в чем думает... потому что в действительности найдет весьма великий ущерб. Если же кто не верит сему, то справедливо будет поверить Божественному Судии, изрекшему: ***кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит*** (Мф. 16, 26). Если мало-помалу перестанет собирать и начнет раздавать другим, то возвратится в совершенное здравие (прп. Исидор Пелусиот, 62, 225—226).

***

...Если хочешь угасить в себе пещь любостяжательности, будь надежен, удобно успеешь в этом отнятием, а не прибавлением у нее пищи; к угашению же сребролюбия служат милостыня и благотворение нуждающимся (прп. Исидор Пелусиот, 62, 251).

***

Поелику впадшему в любостяжательность трудно, т. е. нелегко изникнуть из этой страсти (такой делается не скажу неисправимым, но трудно исправимым), то надлежит сделать все, чтобы не быть уловлену этим злом. Ибо удобнее избежать плена, нежели плененному освободить себя (прп. Исидор Пелусиот, 62, 287).

***

Горе любостяжательному! Богатство от него бежит, ожидает же его огонь (прп. Нил Синайский, 72, 254).

***

Как с корнем вырываются деревья сильным и постоянным потоком вод, так искореняется и любовь к миру в сердце притоком искушений, устремленных на тело (прп. Исаак Сирин, 58, 229).

***

Кто связан любостяжательностью, тот раб страстей (прп. Исаак Сирин, 58, 277).

***

Не думай, что одно приобретение золота и серебра есть любостяжательность; она есть приобретение чего бы то ни было, такого, к чему привязана воля твоя (прп. Исаак Сирин, 58, 277—278).

***

Презревший вещество избавился от словооправданий и прекословий; любостяжательный же за иглу готов состязаться до смерти (прп. Иоанн Лествичник, 57, 133).

***

<Будучи отягощаем печалью о вещественных стяжаниях>, страстный ум во глубину отчаяния погружается помыслами своими (прп. Григорий Синаит, 93, 191).

***

Где налицо это холодное слово («мое»), там, как говорят божественные отцы, нет союза любви и Христос изгнан; те, которыми овладела эта страсть (собственничества), тем тогда становятся свойственны себялюбие, сребролюбие, братоненавидение и всякий вид зла, который и ныне позорит их (свт. Григорий Палама, 26, 135).

***

Желающие обогатиться впадают в напасти и сети, которые приготовляет им их самое стремление к обогащению. Первым плодом этого стремления есть множество попечений и забот, отводящих ум и сердце от Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 145).

ИСТОЧНИКИ

1. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1902.

2. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1902.

3. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1903.

4. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1903.

5. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1900.

6. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1900.

7. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1900.

8. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1901.

9. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 5. ТСЛ, 1901.

10. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

11. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1902.

12. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 1. М., 1843.

13. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 2. М., 1844.

14. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 3. М., 1844.

15. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 4. М., 1844.

16. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 5. М., 1847.

17. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 6. М., 1848.

18. Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. М., 1861.

19. Творения святого Григория Нисского. Ч. 2. М., 1861.

20. Творения святого Григория Нисского. Ч. 3. М., 1862.

21. Творения святого Григория Нисского. Ч. 4. М., 1862.

22. Творения святого Григория Нисского. Ч. 5. М., 1863.

23. Творения святого Григория Нисского. Ч. 6. М., 1864.

24. Творения святого Григория Нисского. Ч. 7. М., 1865.

25. Творения святого Григория Нисского. Ч. 8. М., 1871.

26. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 1. М., 1994.

27. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 2. М., 1994.

28. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 3. М., 1994.

29. Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. 10-е изд. Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни: Свято-Троицкая Лавра, 1913.

30. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 1. М., 1881.

31. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 2. М., 1881.

32. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1912.

33. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1900.

34. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 5. М., 1887.

35. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

36. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1913.

37. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 8. ТСЛ, 1914.

38. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1905.

39. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1886.

40. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 3-е изд. Т. 3. СПб., 1905.

41. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетическая проповедь. 3-е изд. Т. 4. СПб., 1905.

42. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Приношение современному монашеству. 3-е изд. Т. 5. СПб., 1905.

43. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина: Точное изложение православной веры. СПб., 1894.

44. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. 2-е изд. Т. 1: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

45. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 2: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1896.

46. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 3: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1897.

47. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 4: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

48. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 5: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1899.

49. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 6: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1900.

50. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 7: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1901.

51. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 8: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1902.

52. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 9: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1903.

53. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 10: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1904.

54. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 11: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1905.

55. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 12: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1906.

56. Писания преподобного отца нашего Иоанна Кассиана Римлянина. 2-е изд.: Пер. с лат. еп. Петра. М., 1892.

57. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. 7-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1908.

58. Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирина, подвижника и отшельника, бывшего епископом града Ниневии: Слова подвижнические. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893.

59. Преподобного и богоносного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского: Духовно-нравственные слова. 2-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1911.

60. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 1. М., 1859.

61. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 2. М., 1860.

62. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 3. М., 1860.

63. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Письма. 2-е изд. Ч. 1. Киев, 1891.

64. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Трактаты. 2-е изд. Ч. 2. Киев, 1891.

65. Творения святых отцев в русском переводе, издаваемые в Московской Духовной Академии/Творения святителя Кирилла Александрийского. Т. 49. Ч. II. ТСЛ, 1882.

66. Творения иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа Иерусалимского. М., 1855.

67. Преподобного отца нашего Макария Египетского: Духовные беседы, послания и Слова. 4-е изд. ТСЛ, 1904.

68. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе: Нравоучительные сочинения. Ч. 1. ТСЛ, 1910.

69. Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника: Нравственно-подвижнические слова. 2-е изд. Сергиев Посад, 1911.

70. Невидимая брань, блаженной памяти старца Никодима Святогорца. 2-е изд.: В 2 ч./Пер. с греч. еп. Феофана. М., 1892.

71. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 1. М., 1858.

72. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 2. М., 1858.

73. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 3. М., 1859.

74. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 1. М., 1874.

75. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 2. М., 1874.

76. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 1. М., 1892.

77. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 2. М., 1890.

78. Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова. Сергиев Посад, 1917.

79. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 1. М., 1898.

80. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 2. М., 1898.

81. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3. М., 1898.

82. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 4. М., 1899.

83. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 5. М., 1899.

84. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 6. М., 1900.

85. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900.

86. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 8. М., 1901.

87. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?/ Письма еп. Феофана. 5-е изд. М., 1904.

88. Внутренняя жизнь: Слова епископа Феофана. Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1893.

89. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 1. М., 1883; 3-е изд. М., 1895.

90. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 2. М., 1884.

91. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 3. М., 1888; 3-е изд. М., 1900.

92. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 4. М., 1889.

93. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 5. М., 1890; 3-е изд. М., 1900.

94. Писание мужей апостольских/Пер. прот. Петра Преображенского. 2-е изд. СПб., 1895.

95. Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на Святой Афонской горе просиявших. 3-е изд. Ч. 1, 2. СПб., 1897.

96. Глинский патерик/Схиархим. Иоанн Маслов. М., 1997.

97. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. М., 1845.

98. Древний патерик: Изложенный по главам. М., 1874.

99. Жизнь пустынных отцев/Творение пресвитера Руфина. ТСЛ, 1898.

100. Киево-Печерский патерик/Сост. М. Викторова. Киев, 1893.

101. Лавсаик/Сост. Палладий, еп. Еленопольский. СПб., 1850.

102. Луг духовный/ Творение блаженного Иоанна Моска. Сергиев Посад: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915.

103. Митерикон: Собрание наставлений аввы Исаии всечестной инокине Феодоре. 2-е изд./Пер. еп. Феофана. М., 1898.

104. Московский патерик/Сост. Е. Поселянин. М.: Изд. Московского дворянства, 1912.

105. Оптинский патерик/Б-ка Московской Духовной Академии. (Машинопись. Инв. № 123611).

106. Отечник/Еп. Игнатий (Брянчанинов). 4-е изд. СПб., 1903.

107. Отечник проповедника/Сост. игум. Марк (Лозинский). ТСЛ, 1996.

108. Палестинский патерик/И. Помяловский. Вып. 3. СПб., 1893.

109. Патерик Волыно-Почаевский/Сост. прот. А. Хойнацкий. М., 1883.

110. Практическая симфония/Сост. Г. Дьяченко. М., 1912.

111. Духовный мир/Сост. Г. Дьяченко. М., 1900.

112. Пролог в поучениях/ Прот. В. Гурьев. М., 1912.

113. Соловецкий патерик. М., 1895.

114. Троицкие цветки с луга духовного/Сост. архим. Кронид (Любимов). ТСЛ, 1997.

115. Троицкий патерик. ТСЛ, 1896. Репринт.

116. Цветник духовный. 5-е изд.: В 2 ч. М., 1903.

117. История боголюбцев или повествование о святых подвижниках/Блаж. Феодорит, еп. Кирский. СПб., 1853.

118. Святого отца нашего, Григория Двоеслова, епископа Римского: Собеседования о жизни италийских отцев и бессмертии души. Казань, 1853.

119. Тверской патерик/Краткие сведения о тверских местночтимых святых. Казань, 1907.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Забвение 5
Заботы 7
Зависть 16
Закон 47
Закон Ветхозаветный 55
Заповеди 58
Здоровье 108
Зло 110
Злопамятство 146
Злорадство 157
Злословие 158
Злоупотребления 172
Знание 174
Зрелища 190
Зрение 195
Идолопоклонство 202
Иконопочитание 206
Искушения 210
Исповедничество 260
Исповедь 262
Исправление 276
Испытания 280

Истина 283
Исцеления 295
Клевета 301
Клятва 311
Корыстолюбие 321
Космология 326
Кощунство 338
Красота. 340
Крест 348
Крещение 376
Кротость 415
Леность 433
Лесть 441
Лицемерие 444
Ложь 449
Лукавство 461
Любовь 466
Любовь Божия 526
Любовь к ближнему 536
Любовь к Богу 572
Любовь к врагам 608
Любовь плотская 614
Любомудрие 617
Любопытство 623
Любостяжание 625
Источники 643

ББК 86.372-574
С-59

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том V

Издание Московской Духовной Академии
и Введенской Оптиной Пустыни, 2004

249700, Калужская обл., г. Козельск,
Введенская Оптина Пустынь.
Издательский отдел, тел.: (095) 421-71-41

Зак. 1070 . Тираж 5000 экз. ГМП «Первая Образцовая типография»
115054, Москва, Валовая, 28

ISBN 5-86594-069-4

© Введенская Оптина Пустынь, 2004

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том IV

Дерзновение — Жизнь истинная

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
И ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
2004

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

Д

ДЕРЗНОВЕНИЕ

Ты не имеешь дерзновения? Но великое дерзновение, великая польза в том и состоит, чтобы считать себя не имеющим дерзновения; равно как стыд и крайняя опасность — считать себя имеющим дерзновение (свт. Иоанн Златоуст, 44, 544).

***

Великое нужно старание, чтобы знать, в чем состоит <дерзновение>... Старание необходимо потому, что с... добродетелями смешиваются пороки: с дерзновением — дерзость, с кротостию — малодушие. Каждому должно смотреть, чтобы, предаваясь пороку, не приписывать себе добродетели... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 418).

***

...Дерзновение... и мужество — <это> когда кто отваживается на опасности и смерть, презирает и дружбу и вражду для угождения Богу (свт. Иоанн Златоуст, 54, 263).

***

Крайне дивлюсь тем, которые смешивают и вещи и имена. Ибо до такой доходят премудрости, что дерзновение называют бесстыдством, а бесстыдство — дерзновением, погрешая в том и другом. Делают же сие или чтобы заградить уста дерзновению, или чтобы бесстыдство обучить большему пороку, не зная, или и зная, но обманывая себя самих, что бесстыдство есть не сознающее срамоты пустословие о самых гнусных страстях, а дерзновение — смелая защита прекрасного. Посему надлежит последовать не мнениям людей развращенных, но истине самих вещей. Ибо таковые вооружают язык не против людей только, но и против Божественного Всемогущества, долготерпение Божие не стыдятся называть непопечительностью. Посему нимало не удивительно, если сии на все дерзкие перемешивают имена, когда бросают стрелы даже в самое небо (прп. Исидор Пелусиот, 62, 322).

****

Авраам, ученик аввы Сисоя, был однажды искушен от демона. Старец, увидя его падение, встал, простер руки к небу и сказал: «Боже! угодно ли Тебе или не угодно исцелить, но я не отступлю от Тебя, пока Ты не исцелишь его!» И ученик тотчас исцелился (97, 250).

***

Наступил праздник Святой Пасхи. В обители аввы Аполлония была отслужена торжественная утреня, братия причастились Святых Таин. Из бывших запасов было приготовлено кое-что для подкрепления. Что ж у братии было? Всего только немного черствого хлеба да соленые овощи. Тогда святой Аполлоний сказал: «Если мы имеем

веру, как истинные слуги Христа, пусть каждый из вас испросит для радостного дня то, чего бы он охотно ныне вкусил!» Братия просили его самого обратиться к Богу с молитвой, потому что он превосходил всех возрастом и своими подвигами. Себя же они сочли недостойными такой просьбы. Тогда авва с живейшей радостью излил молитву перед Богом, по окончании ее все сказали: «Аминь!»

И тотчас у самого входа в пещеру появились совершенно неизвестные люди, доставившие разного рода припасы. Никто не мог и представить себе ни такого изобилия, ни такого разнообразия, ни такой быстроты доставки. Были принесены яблоки таких сортов, какие совсем не родятся в Египте, необычайно большие гроздья винограда, орехи, смоквы, финикийские гранаты, сотовый мед, много молока, огромные финики и еще теплые хлебы необычайной белизны — тоже, по-видимому, из чужих земель. Доставившие все это лишь только вручили провизию инокам, тотчас поспешили удалиться. Тогда, воздав благодарение Богу, иноки приступили к трапезе и вкусили ниспосланные им плоды. Изобилие принесенных даров было таково, что их хватило, при ежедневном вкушении, до самого Дня Пятидесятницы. Вот что сотворил Господь ради торжества Великого дня! (99, 46).

***

В ряду рассказов об услышанных Богом людских молитвах передадим высоконазидательный и вместе трогательный рассказ об одном афонском иноке, который слезно и долго молился Богу о том, чтобы Он лучше здесь его наказал, но и помиловал бы его после смерти. «Здесь, Спаситель мой, накажи меня как чадолюбивый и сердобольный Отец, а там прости как единый безгрешный и многомилостивый Бог, ибо если здесь не вразумишь несча-

стного, и не дашь ему сердечного озарения, чтобы ежедневно без стыда приносил он покаяние во грехах своих: что там делать ему, не имеющему оправдания? Итак, здесь, Спаситель мой, здесь, где наслаждался я прелестию греха, вразуми меня как благосердый и чадолюбивый Отец, а там прости мне, как Милостивый Бог, единый безгрешный!» Непрестанный молитвенный вопль старца, наконец, проник небеса и дошел до Господа Бога.

Однажды, по обычной молитве, старец прилег отдохнуть и погрузился в тихий сон. В первые мгновения сна он был поражен ослепительным сиянием, разлившимся по келье. Старец боязненно осмотрелся, и его взоры остановились на Кресте, к которому пригвожден был Божественный Страдалец, Господь наш Иисус Христос; терновый венец лежал на израненной главе Его; из рук, из ног и из ребра Его кровь струилась потоком; от лица Искупителя, от Его кротких взоров исходило удивительное сияние. Старец затрепетал от радости, пал пред Господом на колени и залился слезами... «Что ты так горько и беспрестанно плачешь? Чего ты хочешь от Меня?» — спросил кротко с Креста Спаситель плачущего старца. «Господи! — воскликнул старец, умиленно скрестив на груди руки. — Ты знаешь, как я огорчил Тебя; Ты видишь, как много у меня грехов: покарай меня за них в настоящей жизни, как Тебе угодно, и помилуй меня по смерти. Более ничего я не хочу, более ничего я не прошу от Тебя». «Хорошо, — отвечал Господь, — будет по твоему желанию». Видение кончилось. Старец, сильно потрясенный чувством неизъяснимой радости от лицезрения и сладкой беседы Господа, не пробуждаясь еще, ощутил, что его внутренность вся как будто подорвалась. Он пробудился и действительно увидел, что у него появилась огромная грыжа; она и осталась

таковою навсегда. Если б знали мы, если б дано было видеть нам преждевременно, что нас ждет за гробом и в последние минуты жизни, конечно, как говаривал один святой отец, мы целый век согласились бы с удовольствием просидеть в келье, переполненной язвительными червями, чем пробыть несколько времени в аду (111, 205).

***

Преподобный Иулиан пустынник, живя в Парфянской стране при реке Евфрат, в пещерах с сонмом иноков, избравших его на пути спасения в руководители, имел постоянное в устах своих псалмопение святого пророка Давида, непрерывное в уме размышление и молитвенную беседу с Богом. Не довольствуясь этим, он часто удалялся на время из своей пещерной кельи в глубь пустыни, верст за пятьдесят, для уединенной молитвы и брал с собою кого-нибудь из братии, по желанию их, для соучастия в молитве. В одно время ему сопутствовал юноша Астерий, который по прошествии трех дней пути стал изнемогать от нестерпимого зноя в пустыне; мучимый жаждою, он однако же стыдился сказать старцу о своих страданиях, о которых тот предупреждал. Наконец, обессилев совершенно, Астерий умолял старца сжалиться над ним. Так как путь был долог, то Иулиан предложил юноше возвратиться назад. Но Астерий не знал пути к пещере, к тому же и не мог идти, потому что силы его истощились от жажды, томившей его. Тогда человек Божий, тронутый страданием своего спутника, снисходя к слабости его, преклонив колена, усердно воззвал к Богу о спасении, оросив землю горячими слезами. И молитву праведника услышал Бог: капли слез, упавших на землю, Он превратил в водный

источник. «Этот источник, — повествует блаженный Феодорит, — сохранился и доныне как памятник молитвы благочестивого старца, подобной молитве Моисея. Ибо как Моисей, ударив жезлом по сухому камню, извел потоки вод, чтобы напоить многие тысячи людей, изнемогавших от жажды, так и этот богоугодный старец, оросив слезами сухой песок, произвел воду, чтобы утолить жажду одного юноши». Этот юноша, известный впоследствии подвижник Астерий, был основателем обители в окрестностях Гиндара (селение близ Антиохии) и воспитал многих знаменитых добродетелями учеников (111, 205—206).

***

Однажды некий старец пришел на Синайскую гору. Когда он уходил оттуда, встретился ему брат и, воздыхая, жаловался ему: «Мы в скорби по причине засухи, и дождя нет у нас». Старец сказал: «Отчего вы не молились и не просили дождя у Бога?» Брат ответил: «И молились, и прилежно просили Бога, но дождя нет». — «Полагаю, не усердно молились. Хочешь ли знать, что это так? Станем вместе на молитву». С этими словами он простер руки к небу и помолился. Дождь пошел тотчас. Брат, увидевши это, испугался и поклонился в ноги старцу, а старец немедленно бежал оттуда (106, 506).

ДЕРЗОСТЬ

Причина... неустройства — твердость, соединенная с неблагоразумием, невежеством и злым порождением последнего — дерзостью, ибо дерзость есть плод невежества (свт. Григорий Богослов, 14, 136).

***

...Дерзость есть смелость, где не надлежало бы отваживаться... (свт. Григорий Богослов, 16, 337).

***

Дерзкий в отношении к людям становится дерзким и в отношении к Богу (свт. Иоанн Златоуст, 45, 80).

***

...Дерзость погашается не дерзостью, но кротостью (свт. Иоанн Златоуст, 50, 365).

***

Дерзость людей безбожных, не занимаясь, чем должно, и упражняясь в худом, ничего Божественного не оставляет неоскорбленным (прп. Исидор Пелусиот, 60, 246).

***

<Авва Агафон сказал>: «Нет страсти вреднее дерзости, ибо она есть мать всех страстей... Она есть мать всех страстей, потому что она отгоняет страх Божий от души. Ибо если *страхом Господним уклоняется всяк от зла* (Притч. 15, 27), то, конечно, где нет страха Божия, там всякая страсть. Бог да избавит души наши от всегубительной страсти — дерзости» (прп. авва Дорофей, 29, 60—61).

***

Дерзость бывает многообразна: можно быть дерзким и словом, и осязанием, и взором. От дерзости иной впадает

в празднословие, говорит мирское, делает смешное и побуждает других к непристойному смеху. Дерзость и то, когда кто прикоснется другого без нужды, когда поднимет руку на кого-либо смеющегося, толкает кого-нибудь, вырвет у него что-нибудь из рук, бесстыдно смотрит на кого-нибудь: все это делает дерзость, все это происходит от того, что в душе нет страха Божия, и от сего человек мало-помалу приходит и в совершенное нерадение. Посему-то, когда Бог давал заповеди Закона, Он сказал: *благоговейны сотворите сыны Израилевы* (Лев. 15, 31), ибо без благоговения и стыда человек не чтит и самого Бога и не хранит ни одной заповеди. Посему-то нет ничего вреднее дерзости; посему-то она и есть мать всех страстей, что она изгоняет благоговение, отгоняет страх Божий и рождает пренебрежение; а от того, что мы дерзки друг с другом и не стыдимся один другого, случается, что мы и злословим, и оскорбляем друг друга. Бывает, что кто-нибудь из вас увидит что неполезное, он отходит и осуждает это и влагает то в сердце другому брату своему, и не только сам повреждается, но вредит и брату своему, вливая в сердце его злой яд; и часто случается, что ум того (брата) был занят молитвою или иным добрым делом, а этот приходит и увлекает его в пустословие, и не только лишает его пользы, но и вводит в искушение; а нет ничего тяжелее, ничего пагубнее, как вредить не только себе, но и ближнему (прп. авва Дорофей, 29, 61—62).

***

Горе окаянной дерзости, потому что она быстро сожигает дом добродетелей! (прп. Феодор Студит, 92, 146).

***

...Не будьте продерзы, ибо те, которые пускаются в продерзость, бывают поражаемы, как копьем — и умирают (прп. Феодор Студит, 92, 180).

***

Ничто так не потрясает целомудрия, как навык к дерзости, к свободному обращению, отвергшему уставы скромности (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 378).

****

Пришел однажды брат к авве Илии молчальнику в Пещерную киновию аввы Саввы.

— Авва, скажи мне наставление, — просил брат.

— Во дни отцев, — отвечал старец, — любили три добродетели: нестяжательность, кротость и воздержание, а теперь среди монахов преобладает корыстолюбие, чревоугодие и дерзость. Избирай, что хочешь (102, 52).

***

Авва Петр, ученик аввы Лота, рассказывал: «Был я однажды в келье аввы Агафона; тогда пришел к нему один брат и спросил: «Хочу жить с братьями; скажи, как мне жить с ними?» Старец отвечает ему: «Как в первый день, когда придешь к ним, так и во все дни жизни твоей веди себя перед ними, как странник, и не будь дерзок». Авва Макарий спросил его: «Что же бывает от дерзости?» Старец отвечал ему: «Дерзость подобна сильному жгучему ветру, от которого, когда подует, все бегут, и он портит

всякий плод на деревьях». Авва Макарий сказал ему: «Неужели так вредна дерзость?» Авва Агафон подтвердил: «Нет другой страсти вреднее дерзости; она мать всем страстям. Потому подвижнику не должно быть дерзким, хотя бы он и один был в келье» (97, 27—28).

ДИАКОНЫ

...Диаконы должны быть непорочны пред правдою, как служители Бога и Христа, а не человеков, не клеветники, не двуязычны, не сребролюбцы, воздержанны во всем, милосерды, старательны; должны поступать согласно с истиною Господа, Который сделался служителем всех, от Которого, если угодим Ему в нынешнем веке, получим и будущий, так как Он обещал нам, что воскресит нас из мертвых, и что, если будем жить достойно Его и в Него веровать, будем и царствовать с Ним (сщмч. Поликарп Смирнский, 94, 323).

***

Диакон, который по принятии диаконского сана впал в блуд, должен быть извержен из сего сана. Но ему, низведенному в состояние мирянина, да не воспрещается Приобщение... (свт. Василий Великий, 11, 9).

***

...Предложу слово о диаконах: как им нужно вести себя. Диакон должен все делать с соизволения пресвитера и в отношении канона, и в отношении церковных обязанностей, ни в чем не самовластвовать в отношении народа, но все устраивать по повелению пресвитера, не иметь власти отлучать кого-нибудь, ни иное что-нибудь

делать. Когда нет пресвитера, диакон имеет власть во всем, как и пресвитер, помимо Божественных Таин. Если пресвитер намерен отлучиться, — должен призвать другого пресвитера из другого селения, чтобы он возносил молитвы за народ; если есть нужда, и пресвитера не окажется, то должен пресвитер освятить хлеб, и приказать диакону давать народу. Если будет нужда, и окажется некрещеное дитя при смерти, можно крестить диакону; и если дитя умерло, то для него зачтено это в крещение... Если по беспечности родителей <дитя> умрет некрещеным, то горе родителям дитяти! (свт. Иоанн Златоуст, 53, 957—958).

****

Рассказывали об авве Феодоре, что будучи в Скиту диаконом, он не хотел совершать диаконского служения и скрывался. Старцы просили его не оставлять диаконства. Авва Феодор отвечал: «Я помолюсь Богу, не откроет ли Он». Помолившись, он увидел огненный столп от земли до неба и услышал голос: «Если ты можешь быть таков, как сей столп, — служи». Услышав это, авва Феодор решил никогда не брать на себя служения и отклонил все просьбы братии, говоря: «Если вы меня не оставите, то уйду отсюда». После сего они оставили его (97, 285—286).

***

Один из отцев рассказывал: был старец — святой и чистый. Когда он совершал Святую литургию, то видел Ангелов, стоявших по правой и левой сторонам. Усвоив у еретиков чин службы и будучи сам не сведущ в божественных догматах, он, по простоте и незлонамеренно, во время службы говорил не то, что должно, не сознавая

своей ошибки. По Промыслу Божию, к нему пришел один диакон, сведущий в догматах. Старцу пришлось при нем совершать Литургию. И сказал ему диакон: «Отче, то, что ты сказал во время священнодействия, не согласно с Православной верой, но заимствовано у еретиков». Старец, при виде Ангелов, предстоящих священнодействию, не обратил никакого внимания на слова брата. Но диакон не переставал утверждать: «Ошибаешься, старче! Не принимает этого Церковь...» При этих укоризнах и обличениях, которым он подвергался от диакона, старец, увидав, по обычаю, Ангелов, спросил их:

— Вот что говорит мне диакон. Правда ли это?

— Послушайся его: он правильно говорит, — сказали ему Ангелы.

— Почему же вы не сказали мне этого?

— Бог так устроил, чтобы люди были исправляемы людьми же, — отвечали Ангелы.

С тех пор старец исправился в службе и воздал благодарность Богу и брату (102, 195—196).

***

Когда монахи Нитрийской пустыни пришли к блаженному Иоанну Ликопольскому, он приветствовал их, обращаясь к каждому, с веселым лицом. Монахи попросили его помолиться о них... Помолившись, блаженный спросил, нет ли среди монахов клириков? Когда же те ответили, что нет, он, осмотревши всех, увидел, что между ними был клирик, но таился.

С ними действительно был диакон, но об этом никто не знал, кроме его брата, которому он запретил сказывать об этом, почитая себя, по своему смирению, едва достой-

ным и имени христианина, а не только этого сана. Указав на него рукою, блаженный сказал всем: «Вот диакон». Когда же тот, желая утаить свое звание, продолжал отказываться, святой, взяв за руку, облобызал его и, вразумляя, сказал: «Чадо! не отметай благодати Божией и не лги, отрицаясь от дара Христова; ложь чужда Христу и христианам, по малому или по важному делу будет она сказана. Если даже для доброй цели говорят ложь, — и это непохвально, ибо *ложь*, по слову Спасителя, *от диавола есть* (ср.: Ин. 8, 44)». Обличенный молчал, приняв кроткое обличение старца (101, 132—133).

ДОБРОДЕЛАНИЕ

И благое делание без правого намерения не может принести пользы (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 203).

***

...Делание доброго бывает не без труда, чтобы нам не лишиться похвалы за самовластное понуждение себя (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 227).

***

...Дело, совершаемое втайне, Богу благоприятно (см.: Мф. 6, 4, 18) (прп. авва Исаия, 59, 41).

***

...Христианин, скрывай труды свои и добродетели, и блюди, чтобы язык твой не лишил тебя их и не предал врагам твоим (прп. авва Исаия, 59, 82).

***

...Если будет в нас любовь, терпение и воздержание, то они (демоны) не возмогут отклонить нас ни от какого доброго дела, особенно если мы будем иметь в мысли, что леность ниспровергает все доброе (прп. авва Исаия, 59, 84).

***

...Что сделаешь ради Бога, то все будет тебе сопутствовать и помогать во время нужды (прп. авва Исаия, 59, 91).

***

Те, которые приносят благой плод, очищаются Богом, дабы приносили больше плода (прп. авва Исаия, 59, 122).

***

Знай, что человек не может делать добра, доколе делает зло (прп. авва Исаия, 59, 161).

***

...Если душа совершает добрые дела, то Дух Святый обитает в ней (прп. авва Исаия, 59, 173).

***

...Те дела, кои находишь в себе добрыми, не считай их благоприятными Богу (прп. авва Исаия, 59, 180).

***

Не открывай всем благих дел твоих, чтобы не похитил оных враг твой (прп. авва Исаия, 59, 199).

***

Когда сделаешь благодеяние бедному (брату), не призывай его на поделие свое, чтобы не погубить благодеяния, какое сделал ты ему (прп. авва Исаия, 89, 294).

***

Всякое время должно почитать удобным к тщательному совершению благоугодного Богу (свт. Василий Великий, 7, 322).

***

Всякое слово или дело должно подтверждать свидетельством Богодухновенного Писания, в удостоверение добрых и в посрамление злонравных (свт. Василий Великий, 7, 335).

***

Как за огнем само собою следует то, что он светит, и за миром <мvром> — то, что оно благоухает, так и за добрыми делами необходимо следует полезное (свт. Василий Великий, 8, 242).

***

Да не внушает тебе высокомудренный помысл ослабить со временем труды, чтобы пред дверьми исшествия не

застали тебя обнаженным от добродетелей и чтобы тебе не остаться вне врат Царствия (свт. Василий Великий, 9, 51).

***

Преуспевай в добродетелях, чтобы стать ближе к Ангелам (свт. Василий Великий, 9, 51).

***

...Втайне служить всегда, и напоказ людям не делать, но искать только похвалы у Бога... (свт. Василий Великий, 9, 55).

***

Всеми же начинаниями да руководит вера в Бога, и да сопутствует ей благая надежда, чтобы верою укреплять нам в себе душевную силу, а благою надеждою возбуждать в себе усердие к доброму. Ибо человеческое начинание в рассуждении доброго не совершится без помощи свыше, а вышняя благодать не снизойдет на того, кто не прилагал о сем старания. Напротив того, в совершении добродетели должно соединиться то и другое — и человеческое усердие, и помощь, по вере приходящая свыше (свт. Василий Великий, 9, 355).

***

Во всем, что ни сделано нами доброго, душа причины успеха в деле должна приписывать Господу (свт. Василий Великий, 9, 355).

***

Что пользы человеку во вчерашней сытности чрева, если ныне при возродившемся голоде не находит свой-

ственного утешения снедей? Так и душе не пользует вчерашнее доброе дело, если в сей день оставлено исполнение правды (свт. Василий Великий, 10, 91—92).

***

...Как семя дает росток, когда пойдет дождь, так расцветает сердце при добрых делах (прп. Ефрем Сирин, 30, 193).

***

Положил ты хорошее начало, старайся и кончить хорошо, чтоб получить полную награду (прп. Ефрем Сирин, 30, 197).

***

День заключает в себе существенность света, но к совершению своему имеет нужду в солнце. Так и добрые дела производятся людьми, но в совершение приводятся Богом (прп. Ефрем Сирин, 30, 245).

***

Бог знает и природу, и произволение, и силы каждого, и всевает слово Свое, и требует дел по мере сил наших... (прп. Ефрем Сирин, 30, 264).

***

Блажен, кто подобным себе рабам доставил духовное веселие плодом добродетелей, которые насадил он трудами своими, чтобы принесли они плод жизни о Господе (прп. Ефрем Сирин, 30, 524).

***

Кто живет по Богу, тот, хотя бы преуспел в великой добродетели, не надмевается, не превозносится, помышляя о величии Господа и о том, как Он *смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2, 8) (прп. Ефрем Сирин, 30, 576—577).

***

...Если работаешь для Бога, то не превозносись над подобным тебе рабом, но предоставь дело свое Богу. Ибо Он воздаст каждому по делам его (прп. Ефрем Сирин, 31, 193—194).

***

Знай, что как земля не может приносить плодов сама собою, без семени и воды, так и человеку невозможно принести плод без злострадания и смиренномудрия (прп. Ефрем Сирин, 31, 534).

***

Если хорошее дело препятствует другому лучшему, не уважим меньшего (прп. Ефрем Сирин, 31, 626).

***

...Доброе дело да совершается по страху и из любви ко Христу (прп. Ефрем Сирин, 32, 349).

***

Рукояти добрых дел, пожатые в юности, питают старость, потому что запас добрых дел, сделанный в юности, сохраняет старость (прп. Ефрем Сирин, 32, 407).

***

Все преходит, братия мои, только дела наши будут сопровождать нас. Посему приготовим себе напутие для странствия, которого никто не минует (прп. Ефрем Сирин, 33, 114).

***

Начало и первая степень — делать доброе по требованию природы; вторая, также не предосудительная степень — знать, что должно делать, и что узнал, то исполнять; третья же, достойная строгого наказания, — многому учиться и пренебрегать тем, чему научился. Но до крайности глуп и неразумен, кто для того не учится, чтобы не делать (прп. Ефрем Сирин, 33, 221).

***

Душа наша — пустыня, не плодоносящая добрых дел. От Тебя, <Господи>, да приимет она силу плодоношения (прп. Ефрем Сирин, 33, 326).

***

Из Твоих сокровищ приял я, что могу принести Тебе. И то, что хочу воспевать Тебя, Господи, — Твой же дар. Если и малое добро, какое есть в нас, умножаешь так обильно, то во сколько крат обильнее умножатся в нас дары Твои? (прп. Ефрем Сирин, 33, 343).

***

Снабди душу свою напутием добрых дел, пока есть еще к тому возможность, чтобы, по отшествии отсюда, не нуждаться там (прп. Ефрем Сирин, 33, 355).

***

И своим и чужим делай добро, сколько можешь; и доброму, и злому говори доброе слово (прп. Ефрем Сирин, 33, 356).

***

Добродетельные от юности и до гроба ведут борьбу, но покоятся они со дня смерти, пока придет время воздаянию (прп. Ефрем Сирин, 33, 366).

***

...Дело без веры не приемлется, потому что многие делают добро ради славы и по естественному расположению (свт. Григорий Богослов, 13, 296).

***

Делая хорошее, старайся и стоять в этом, потому что к худому переход скор (свт. Григорий Богослов, 15, 364).

***

Душа истинно боголюбивая и христолюбивая, хотя бы совершила тысячи праведных дел, по ненасытимому стремлению своему ко Господу, думает о себе, будто бы ничего еще она не сделала... (прп. Макарий Египетский, 67, 80—81).

***

Бог требует от человека его делания, потому что душа удостоена быть в общении с Божеством (прп. Макарий Египетский, 67, 201).

***

...От каждого потребуются плоды добродетели, по мере оказанных ему Богом благодеяний или естественных, или дарованных Божиею благодатию (прп. Макарий Египетский, 67, 228).

***

...Человек, хотя сокрушается и утруждается, делая доброе, однако же сокровенно действует в нем Господь, и во время утруждения и сокрушения утешает и обновляет сердце... (прп. Макарий Египетский, 67, 263).

***

Главное... во всяком добром рачении и верх заслуг — прилежное пребывание в молитве (прп. Макарий Египетский, 67, 268).

***

...Если душа не будет прежде всемерно, по возможности, приуготовлена добрыми делами, то не дозволяется ей вкусить Агнца (прп. Макарий Египетский, 67, 300).

***

...Самая высокая заслуга любомудрия — когда великий по делам смиряется сердцем и осуждает себя за жизнь, Божиим страхом низлагая долу самомнение, чтобы насладиться обетованием в той мере, в какой уверовав возлюбил оное, а не в какой трудился (прп. Макарий Египетский, 67, 329).

***

Если делаешь во имя Божие и из страха Божия, то дар светел и неотъемлем... (прп. Макарий Египетский, 67, 344).

***

...Если человек обратится к добру, и Божия благодать превозможет, то благодать не себе приписывает доброе, но воздает за оное человеку, и прославляет его, потому что человек сам для себя виновник добра... (прп. Макарий Египетский, 67, 355).

***

...Все доброе приписывай Господу, а худое своей немощи (прп. Макарий Египетский, 67, 420).

***

...Начало добродетельной жизни — стать вне порока (свт. Григорий Нисский, 19, 274).

***

...Если при времени недостает меры, или при мере благовременности, то тем, чего недостает, непременно обращается в бесполезное и то, что есть, но во времени оказывает пользу соразмерность, и в мере благовременность (свт. Григорий Нисский, 19, 297).

***

...Богу благоугодно все совершаемое со страхом и верою, а не то, что хотя и многоценно, но без любви (свт. Григорий Нисский, 24, 278).

***

...Подвиги добродетели должно нести с удовольствием, а освобождение души от страстей относить к Богу, дабы таким образом душа, став превыше самой себя и сильнейшей злобы врага, представила себя благим жилищем поклоняемому и Святому Духу, прияв от Которого бессмертный мир Христов, чрез оный соединяется с Господом и прилепляется Ему. Если же некоторые, еще не имея ни напряженности совершенной молитвы, ни приличной этому делу старательности и силы, лишены этой добродетели, то пусть исполняют послушание в ином роде, по силе служат (другим), усердно делая, работая тщательно с удовольствием, не за какую-либо награду и не ради славы человеческой, служа другим не как чужим телам и душам, но как рабам Христовым, как нашим родным, чтобы наше дело явилось пред Господом чистым и без обмана. И никто пусть не извиняет себя бессилием для подвига добродетели, ибо Господь не повелевает ничего невозможного: *иже аще,* говорит, *напоит чашею студены воды во имя ученика, аминь глаголю вам, не погубит мзды своея* (ср.: Мф. 10, 42). Что удобоисполнимее сей заповеди? А награда за удобоисполнимое дело — небесная. И опять: что *единому сих сотвористе, Мне сотвористе* (ср.: Мф. 25, 40). Заповедь мала, а польза от послушания велика. Таким образом, ничего не требует сверх силы, но малое ли, великое ли сделаешь, последует тебе награда, какую пожелаешь избрать. Ибо если (станешь творить добрые дела) во имя Божие и по страху Божию, получишь неотъемлемый дар, а если напоказ, то послушай Господа, с клятвою утверждающего: *аминь глаголю вам, воспримет мзду свою* (ср.: Мф. 6, 2). А чтобы кто не испытал сего, заповедует ученикам, а чрез них нам: *внемлите, не творите милостыни вашей* или молитвы, или

поста *пред человеки, аще ли же ни, мзды не имате от Отца вашего, Иже есть на Небесех* (ср.: Мф. 6, 1)... (свт. Григорий Нисский, 24, 282—283).

***

...Делая благодеяния, всячески опасаться должно, как бы не обратить их в промысл (авва Евагрий, 89, 606).

***

Прежде опыта, даже весьма легкие и сносные дела обыкновенно представляются нам весьма трудными, но когда мы испытаем их и примемся за них смело, то большая часть трудности исчезает, и бодрость, заступив место опасения и отчаяния, уменьшает страх, увеличивает удобоисполнимость и укрепляет добрые надежды (свт. Иоанн Златоуст, 44, 12).

***

<Необходимо> отогнать тот помысл, будто если мы не успеем наперед запасти добрых дел в мере, равной совершенным после них грехам, то ничто не удержит нас от сильного и полного падения. Напротив, добрые дела суть как бы крепкие латы, которые не попускают острой и губительной стреле сделать свое дело, но, быв сами рассечены ею, защищают тело от великой опасности. Посему отходящий туда со множеством и добрых и злых дел получит некоторое облегчение и в наказании и тамошних муках... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 34).

***

...Не перестанем совершать добрые дела, не откажемся от трудов, и если не будем в состоянии стать наряду с

солнцем или луною, то не будем пренебрегать местом со звездами (свт. Иоанн Златоуст, 44, 34).

***

...Всякий... кто бы ни решился вести борьбу против людей, предпринимающих доброе дело, борется не против людей, но, прежде их, против Самого Бога, ими чтимого (свт. Иоанн Златоуст, 44, 45).

***

...Великое воздаяние уготовано делающим добро, но оно бывает больше и обильнее, когда делающие это добро подвергаются еще опасностям и великому бесчестию... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 49—50).

***

Праведным обычно смиряться и после добрых дел (свт. Иоанн Златоуст, 44, 102).

***

Если бы тебе за... дело <угодное Богу> надлежало впасть в геенну, то и тогда разве следовало бы уклоняться, а не с великою готовностью приниматься за делание добра? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 162).

***

Мы потому забываем о добрых делах, что и благополучием пользуемся неумеренно, и, называя себя часто грешниками, говорим это неискренно (свт. Иоанн Златоуст, 44, 162).

***

...Человек, делающий добро с гордостью, если только можно так делать добро, скоро дойдет до крайней погибели (свт. Иоанн Златоуст, 44, 190).

***

...Ты, когда должен совершать что-нибудь подобающее Богу, предусматривай много опасностей, много лишений, много смертей и ни изумляйся, ни смущайся, когда это случается (свт. Иоанн Златоуст, 45, 23).

***

...Когда ты или сам, сделав что-нибудь доброе, получишь неприятности, или увидишь, что другой потерпел это, то веселись и радуйся, потому что это служит тебе к большему воздаянию. Не падай духом, не бросай усердия, не становись ленивым, а, напротив, прилагай еще большее рвение (свт. Иоанн Златоуст, 45, 24).

***

...Пока в силах, не отказывайся от добрых дел, и хотя бы видел, что бесконечное число раз прерывает тебя диавол, никогда не отставай (свт. Иоанн Златоуст, 45, 24).

***

...Всюду необходимо упражнение в (добрых) делах, а без него и наименование христианином не может принести нам пользы (свт. Иоанн Златоуст, 45, 388).

***

...Несомненно вменяются нам в отпущение грехов добрые дела, как и вера в правду... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 10).

***

Из добрых дел же те обыкновенно ценятся выше, которые служат на пользу другим (свт. Иоанн Златоуст, 46, 282).

***

Как доброе дело — помнить о своих грехах, так доброе же дело — забывать о своих добрых делах (свт. Иоанн Златоуст, 46, 378).

***

...Памятование о своих добрых делах ведет нас к высокомерию... делает нас нерадивыми... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 378).

***

...Не вспоминай о своих добрых делах, чтобы помнил о них Бог (свт. Иоанн Златоуст, 46, 378).

***

...Что мы приготовим себе совершением добрых дел, то предупредит нас там, отворит двери дерзновения пред Господом... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 33).

***

Если мы делаем что-либо доброе, но делаем это не для того только, чтобы исполнить заповедь нашего Господа... то мы напрасно трудимся, лишая сами себя плода от этого доброго дела. Делающий что-либо доброе для получения славы от людей... пользуется уже здесь достаточною наградою, а там не получит никакого воздаяния за это дело (свт. Иоанн Златоуст, 47, 38).

***

...Для человека, искренне любящего Бога, <угодить Ему> — это вожделеннее царства, потому что истинное царство состоит в том, чтобы доброю жизнью приобрести себе благоволение и милость Господа (свт. Иоанн Златоуст, 47, 223).

***

...Не станем делать небрежно то, от чего зависит наше спасение, особенно когда от нас теперь требуется тем высшая степень добродетели, чем высшие получили мы блага (свт. Иоанн Златоуст, 47, 238).

***

Добродетельный всех, кто ни смотрит на него, заставляет хвалить своего Господа, а славословие их привлекает великую и неизреченную милость от Господа на того, кто побудил их к нему (свт. Иоанн Златоуст, 47, 267).

***

Размышляя о тленности настоящего и о кратковременности нашей жизни, будем предуготовлять себе великое дерзновение совершением добрых дел... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 320).

***

...Постараемся хранить себя неукоризненными, так, чтобы под предлогом добродетели не навлечь на себя подозрения в гордости, или под предлогом смиренномудрия не пренебречь добродетели, во всем будем соблюдать меру и в основание совершаемых нами дел полагать смирение, чтобы безопасно созидать нам здание добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 47, 385).

***

...Научимся иметь великое терпение, и никогда не ослабевать и не унывать в подвигах добродетели; будем знать, что Владыка наш, щедрый и многомилостивый, воздает нам за малые труды великими наградами, и что Он не только в будущем веке уготовляет для нас бессмертные блага, но и в настоящей жизни, утешая нас в немощах естества нашего, подает нам многие дары (свт. Иоанн Златоуст, 47, 438).

***

...Пребывая добродетельными, и сами получим всегда много пользы, и принесем пользу неверным... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 441).

***

...Мы бедны добрыми делами не оттого, что не можем, а оттого, что не хотим (делать добро); и ясным этому доказательством служит то, что много из подобных нам по природе людей сияют добродетелями (свт. Иоанн Златоуст, 47, 459—460).

***

...Господь всяческих во всяком случае <доброделания> требует только чистого намерения (свт. Иоанн Златоуст, 47, 593).

***

О своих добрых делах нужно говорить, когда предвидится от этого очень большая польза. Кто объявляет и разглашает их без всякого повода, тот ничем не лучше поносителя, а кто делает это с тем, чтобы разуверить человека, расстроенного (умом) и предубежденного против него, тот становится попечителем и благодетелем этого человека (свт. Иоанн Златоуст, 47, 868).

***

...Облагодетельствованные (тобою) враги будут для тебя сильными ходатаями на Суде <Божием> — ты загладишь множество грехов и получишь награду (свт. Иоанн Златоуст, 47, 870).

***

Избирать лучшее, желать, стараться, предпринимать всякий труд — это зависит от нашей воли, а доводить свои желания до конца, не допускать падений и дости-

гать успеха в делах — это зависит от вышней благодати (свт. Иоанн Златоуст, 49, 449).

***

Всякое доброе дело есть плод любви (свт. Иоанн Златоуст, 49, 576).

***

...Если... желаешь, чтобы твои добрые дела были велики, то не почитай их великими... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 33).

***

...Чем больше будем делать добра, тем меньше будем говорить о себе. Таким только образом можем приобрести величайшую славу и у Бога и у людей... и награду и великое воздаяние (свт. Иоанн Златоуст, 50, 33).

***

Если тот, кто имеет царя должником своим, почитает себя счастливым и безопасным на всю жизнь, то представь, как счастлив должен быть тот, кто своими добрыми делами, и малыми и великими, сделал должником своим человеколюбивого Бога, всегда живущего! (свт. Иоанн Златоуст, 50, 188).

***

Невозможно, чтобы человек, ведущий добродетельную жизнь и свободный от всех страстей, когда-либо был презрен; хотя и случится ему впасть в заблуждение, Бог

тотчас привлекает его к истине (свт. Иоанн Златоуст, 50, 277).

***

Бог не допускает оставаться в неизвестности доброму делу, и если ты сам скроешь его, Он обнаружит; и тогда будет больше удивления и больше пользы (свт. Иоанн Златоуст, 50, 726).

***

За всякое доброе дело тогда бывает награда, когда оно приходит к надлежащему концу; если же оно прервется, не достигнув конца, то уже бывает кораблекрушение (свт. Иоанн Златоуст, 51, 511).

***

...Что отвратительнее такого праведника... <который>, совершая какое-нибудь доброе дело, ожидает славы от толпы? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 262).

***

...Когда, делая добро, потерпишь какое-нибудь зло, хотя бы на долгое время, не соблазняйся и не смущайся; тебе непременно воздаст Бог. Чем долее медлит это воздаяние, тем большее будет приращение (свт. Иоанн Златоуст, 52, 380).

***

...<Апостол> обыкновенно и добрые дела называл дарованием благодати, потому что и для них нужна нам большая помощь свыше (свт. Иоанн Златоуст, 52, 500).

***

<Бог> требует не только обнаружения дел, но и благородной воли, и благоразумной мысли (свт. Иоанн Златоуст, 52, 700).

***

...Всякое дело, сделанное по принуждению, теряет свою награду... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 639).

***

Кто много говорит, тот ничего не делает; кто много делает, тот ничего не говорит неуместного (свт. Иоанн Златоуст, 54, 164).

***

Служи всем, как господам, и скоро ты будешь иметь их слугами, порабощенными властью, сильнейшею власти суровейшего тирана (свт. Иоанн Златоуст, 54, 165).

***

...Делай все из повиновения Господу и как бы ты все делал ради Него. Этого достаточно для побуждения и убеждения, и для того, чтобы не допустить никакого соблазна или беспорядка (свт. Иоанн Златоуст, 54, 176).

***

Великую и любомудрую душу ничто столько не поощряет к добрым делам, как сознание, что она чрез это уподобляется Богу (свт. Иоанн Златоуст, 54, 264).

***

Ничто так не делает тщетными наших добродетелей и не надмевает нас, как памятование о соделанном нами добре. Оно производит двоякое зло: делает нас беспечнейшими и гордыми (свт. Иоанн Златоуст, 54, 323).

***

Какие бы ни были у кого добрые дела, без любви они ничтожны (свт. Иоанн Златоуст, 54, 423).

***

Причинит тебе кто-либо вред? Ты сделай ему добро. Если же ты сделаешь добро тому, кто тебе сделал добро, то ты не совершишь еще ничего важного (свт. Иоанн Златоуст, 54, 643).

***

Живые отличаются от мертвых не тем только, что смотрят на солнце и дышат воздухом, — не этим, говорим мы, а тем, что совершают что-нибудь доброе. Если же этого не исполняют, то становятся ничем не лучше мертвых (свт. Иоанн Златоуст, 54, 710).

***

...Всякое (доброе) дело есть долг наш, и все, что мы ни делаем, есть исполнение долга (свт. Иоанн Златоуст, 54, 898—899).

***

Сколько бы... ты ни трудился, сколько бы ни старался, — не считай доброго дела своим, потому что если

бы ты не получил помощи свыше, то все было бы напрасно (свт. Иоанн Златоуст, 55, 115).

***

...Добрые дела светлее солнца, а противоположные им гнуснее всего! (свт. Иоанн Златоуст, 55, 197).

***

Люди, украшенные добрыми делами, но не познавшие веры в Бога, подобны останкам мертвых, одетых в красивые одежды, но не чувствующих этой красоты (свт. Иоанн Златоуст, 55, 534).

***

...Если ты сделаешь что-нибудь доброе и не получишь за это воздаяния в здешней жизни, не смущайся: тебя с лихвой ожидает за это награда в будущем веке (свт. Иоанн Златоуст, 55, 552).

***

Кто делает что-либо доброе ради того, чтобы добыть славу у людей, тот, будет ли он в состоянии пользоваться ею, или нет, получает уже здесь достаточную награду, и не получит за это никакого воздаяния там (свт. Иоанн Златоуст, 55, 602—603).

***

...Награда бывает больше, если ты делаешь, не руководясь надеждой на награды... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 665).

***

...Добрые и благочестивые достойны двойственной награды за то именно, что остались чистыми и нисколько не повредились от соприкосновения с порочными... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 706).

***

Кто под угрозою оков бывает добр, тот никогда не будет добр, — освобожденный от принуждения, он возвратится к прежнему (свт. Иоанн Златоуст, 55, 715).

***

Мы будем совершенно блаженными, если ради Бога сделаем столько, сколько делаем ради людей, ради славы пред людьми, ради страха, почета (свт. Иоанн Златоуст, 55, 839).

***

...Ничего славного нельзя сделать без горячего желания (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1093).

***

...Неразумно и даже святотатственно присвоять какие-нибудь добрые дела своим усилиям, а не благодати и содействию Божию... (авва Пафнутий, 56, 220).

***

...Тот должен творить благое из любви к самому благу, кто хочет достигнуть истинного усыновления Богу... (прп. авва Херемон, 56, 375).

***

...Дознав всю многопревратную и изменчивую неверность здешних дел, старайся приобрести себе известность добрыми паче делами, за которые и здесь готова тебе похвала, и будущие награды не погибнут (прп. Исидор Пелусиот, 60, 22).

***

...Если делает добро ради самого добра, то заслуживает большую награду, нежели делающий это ради награды. А если делает ради Божественной награды, то будет поставлен во втором ряду. И если делает ради похвалы, то и получит, ради чего сделал. Но кто не делает должного ни ради самого добра, ни ради Божией награды, ни ради человеческой похвалы, тот... даже и не человек, а злой демон (прп. Исидор Пелусиот, 61, 428—429).

***

Хорошо делать добро друзьям; лучше — всем нуждающимся; всего же лучше — даже врагам. Первое исполняют и мытари и язычники; второе — повинующиеся Божественному закону; а третье — ведущие образ жизни, приличный небу (прп. Исидор Пелусиот, 62, 222).

***

Из награды делающие, что должно, ниже благоискусных в добре по любви к нему, но лучше делающих это по страху, а не по любви, и лучше в большей мере, нежели в какой сами уступают над собою победу упражняющимся в добродетели по любви к оной (прп. Исидор Пелусиот, 62, 324).

***

Не знаешь, кажется, что превосходнейшие деяния сопровождаются обыкновенно завистью, и не могут избежать ее люди, громко прославляемые... Посему, дознав это, освободись от смущения. Ибо лучше, упражняясь в добродетели, терпеть осуждение от тех, кому не хотелось бы, чтобы кто-либо был благоискусен, нежели, возлюбив порок, заслуживать рукоплескание от не приобретших правого суждения о делах (прп. Исидор Пелусиот, 62, 328).

***

У добродетели есть чистое, прославляемое и нескончаемое веселие, порождаемое доброй совестью, возращаемое премирными венцами, питаемое упованием будущих благ. Но есть у нее и труды, и бдения, и подвиги, при которых возможно преспеяние, потому что ленивый и сонливый не воздвигает победного памятника, воздвигает же тот, кто славно боролся... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 369).

***

Если упражняющимся в добродетели можно с дерзновением и теперь проводить жизнь, и после здешней жизни предстать Божию судилищу, то возлюбивших порок и теперь преследует, и там преследовать будет стыд. Почему обымем добродетель и стремительно убежим порока (прп. Исидор Пелусиот, 62, 394).

***

Легко и удобно все делаемое с любовью, хотя бы оно было и крайне затруднительно... (прп. Нил Синайский, 71, 14).

***

Изрекший: *да просветится свет ваш пред человеки* (Мф. 5, 16) <Христос> повелел делу вопиять о себе, а не делающему провозглашать о нем... (прп. Нил Синайский, 71, 14).

***

От многих плодов гнутся древесные ветви, и при многих добродетелях смиряется в человеке образ его мыслей (прп. Нил Синайский, 71, 219).

***

Веруй, что при каждом твоем деле присутствует Сам Бог (прп. Нил Синайский, 72, 233).

***

Исследуй конец всякого поступка прежде его начала (прп. Нил Синайский, 72, 233).

***

Молитвою запечатлевай всякое свое дело, а наипаче то, при котором видишь помысл колеблющимся (прп. Нил Синайский, 72, 238).

***

В добрых делах всегда поспешай, чтобы, оставив их почему-либо недоконченными, и самому не отойти отсюда недовершенным (прп. Нил Синайский, 72, 241).

***

Прилагай попечение о добродетели, потому что она любомудрием обновляет Адама (прп. Нил Синайский, 72, 249).

***

Блажен, кто многим делает добро; на суде найдет он многих защитников (прп. Нил Синайский, 72, 255).

***

...Враги истины и правды наипаче нападают и злоумышляют против тех людей, которые подвизаются в добродетели и стараются преуспеть при помощи Божией (прп. Нил Синайский, 73, 192).

***

Чем больше кто совершает добрых дел, тем большее число людей оскорбляют его, потому что восстают на него многие злые духи и неправедные люди (прп. Нил Синайский, 73, 240—241).

***

Никак не должны мы перечислять в уме снисканные уже нами добродетели, но каждый день надлежит нам помышлять о новых... (прп. Нил Синайский, 73, 371).

***

Какое помнишь добро — делай, (тогда) и то, которого не помнишь, откроется тебе... (прп. Марк Подвижник, 69, 13).

***

Когда человек человеку принесет пользу словами или делами, да признают оба они в этом благодать Божию (прп. Марк Подвижник, 69, 14).

***

...Лучше всякое добро делать ради будущих воздаяний (прп. Марк Подвижник, 69, 14).

***

Кто, не имея дел, ухищряется и говорит одни слова, тот богатеет неправедно, и *труды* его... *в домы чуждыя внидут* (Притч. 5, 10) (прп. Марк Подвижник, 69, 26).

***

Мы, которые удостоились бани пакибытия, совершаем добрые дела не ради воздаяния, но для сохранения данной нам чистоты (прп. Марк Подвижник, 69, 29).

***

Всякое доброе дело, которое делаем естественными нашими силами, удаляет нас от противного ему порока... (прп. Марк Подвижник, 69, 30).

***

Бог ценит дела по намерениям их (прп. Марк Подвижник, 89, 536).

***

Желающий сделать что-либо и немогущий есть пред Сердцеведцем Богом, как бы сделавший (прп. Марк Подвижник, 89, 539).

***

Делающий добро и ищущий воздаяния не Богу работает, а своему хотению (прп. Марк Подвижник, 89, 543).

***

Если человек оставляет дела, приумножающие праведность, то оставляет и дела, охраняющие ее (прп. Исаак Сирин, 58, 90).

***

Предпочитать доброе изволение — дело желающего, довершать же выбор доброго изволения — дело Божие (прп. Исаак Сирин, 58, 152).

***

Когда сделаешь кому добро, не жди от него воздаяния: и за то и за другое вознаградит тебя Бог. А если возможно для тебя, делай добро и не ради будущего воздаяния (прп. Исаак Сирин, 58, 286).

***

Когда хочешь положить начало доброму деланию, приуготовься сперва к постигающим тебя искушениям и не сомневайся в истине (прп. Исаак Сирин, 58, 290—291).

***

...Должно не только отсечь страсти, но и причины их, потом хорошо удобрить нравы свои покаянием и плачем, и тогда уже начать сеять доброе семя, которое суть добрые дела... (прп. авва Дорофей, 29, 142).

***

...Мы, если и сделаем что-либо доброе, должны покрыть это смиренномудрием и возложить на Бога немощь нашу, молясь Ему, чтобы Он призрел на труд наш, ибо иначе он будет тщетен (прп. авва Дорофей, 29, 145).

***

...Кто совершит дело, угодное Богу, того непременно постигнет искушение, ибо всякому доброму делу или предшествует, или последует искушение; да и то, что делается ради Бога, не может быть твердым, если не будет испытано искушением (прп. авва Дорофей, 29, 189).

***

Кто просит у Бога за труды свои дарований, тот положил опасное основание, а кто считает себя должником, тот неожиданно и внезапно обогатится (прп. Иоанн Лествичник, 57, 147).

***

Какие ты исправлял добродетели без помощи ума, те только и твои, потому что Бог даровал тебе и самый ум (прп. Иоанн Лествичник, 57, 152).

***

Другие по скорби и затруднениям, которые следовали за их начинанием, заключали, что дело их согласно с Божественною волею... иные, напротив, по неожиданному благопоспешению, которое они получали в своем деле, познавали, что оно благоприятно Богу... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 196).

***

...Кто, не имея истинной веры, совершает некоторые добрые дела, тот подобен черпающему воду и вливающему ее в худой сосуд (прп. Иоанн Лествичник, 57, 214).

***

Три начала побуждают нас к добру: семена (добра в нас) от природы, святые силы, и доброе произволение. Семена природы, — когда, например, как желаем, чтобы с нами поступали люди, так и мы поступаем с ними; или когда видим человека в тесноте и нужде, и естественно милосердуем о нем. Святые силы, — когда, чувствуя побуждение к доброму делу, обретаем (в себе) благое содействие, и успеваем. Наконец доброе произволение, — когда, различая добро от зла, избираем доброе (прп. Максим Исповедник, 91, 183).

***

...Когда хотим сделать что доброе, будем иметь целью не человекоугодие, но богоугождение, чтоб, на Него всегда взирая, все делать для Него, инако мы и труд понесем и мзду погубим (прп. Максим Исповедник, 91, 204).

***

...Никто <не оставайся> без душевного коня, который есть живая готовность на всякое доброе дело... (прп. Феодор Студит, 92, 180).

***

...Когда кто, делая то, что должен делать, думает, что достоин за то у Бога всякой чести, <то> такой никогда не причастится Святыни Божией, даже после <усиленных> подвигов и таких потов, и горе ему после смерти! (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 153).

***

Какие бы добрые дела ни делали мы в настоящей жизни, все они обращаются нам же во благо, а Богу они ничего не дают, и Он никакой в них не имеет нужды (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 159).

***

...Пока кто думает, что услуживает чем-либо Богу, до тех пор знай, что не положил еще он начала вступлению своему на путь спасения. Таковой, пусть он постится, ночи проводит без сна и несет другие лишения, пусть пост и молитвы деет, пусть творит милостыни и другие добрые дела, пусть проповедует слово Божие и учит истине, никогда не будет иметь части с Богом. Ибо кто делает такие добрые дела, тот должен делать их для того, чтобы обрести милость у Бога, а не для того, чтобы услужить Богу (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 160).

***

...Блажен человек, который познал, что помощью благодати Христовой всякое добро может быть добре делаемо; окаянен же тот, кто не познал сего; всуе держит таковой веру Христову (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 169).

***

...Кто делает добро, будет осыпан милостями, не в меру своего доброделания, потому что исполнял только должное, но в безмерие благоутробия и благости Божией (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 208).

***

Кто делает добро в угоду людям, или по другой какой страсти, непотребен пред Богом. Надобно во всяком добром деле, слове и помышлении иметь целью угождение Богу и славу Его... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 267).

***

...Кто после крещения и причащения Тела и Крови Христовых не приносит добрых плодов, тот посекается, как бесплодное дерево, и бросается в огонь (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 422).

***

...Нам естественно делание добрых дел, и те, которые предаются бездействию и лености, как бы ни были они до того духовны и святы, ввергают себя в неестественную страстность (самоугодие) (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 19).

***

Вводимым в жизнь добродетельную к исполнению заповедей и избежанию грехов содействует страх мучений вечных (прп. Никита Стифат, 93, 97).

***

...Сколько положишь ты восхождений преуспеяния в высших добродетелях... столько... <бесы>, видя тебя восходящим к небесам, скрежещут зубами и старательно простирают многоплетеные сети... (прп. Никита Стифат, 93, 108).

***

...Дела по заповедям суть тело; добродетели, как установившиеся внутренние расположения, — кости, а благодать — душа живая, возбуждающая на дела по заповедям и содействующая в сем (прп. Григорий Синаит, 93, 184).

***

Многие много лет делали или делают безболезненно, и поелику не приболезненно поднимали и подъемлют труды, то оказались и оказываются чуждыми чистоты и непричастными Духа Святаго, по причине непонесения лютости болезненных трудов (прп. Григорий Синаит, 93, 236).

***

Если *Сын ничего от Себя не творит, но, как научил Его Отец, тако творит* (ср.: Ин. 5, 19—20)... то кто помыслить может, что достиг такой высоты добродетели, на коей не имеет нужды в чьем-либо тайноводстве? (прп. Григорий Синаит, 93, 237).

***

...Те, кои ради славы человеческой добрые дела делают... приносят плод, — но какой? — посрамление, непостоянство помыслов, пленение и смятение помышлений (свт. Григорий Палама, 93, 268).

***

Делай же все ради Бога, а какие от того получаются прибыли, то, не жалея, влагай в руки нищих, а не храни без ума для себя, если, действительно, желаешь наследовать вечное Небесное богатство (прп. Максим Грек, 68, 16).

***

...Тем же, которые тщаливы и нудят себя без саможаления на всякое доброе дело, Господь умножает Свои благодатные дары здесь, и готовит вечноблаженную жизнь в Царстве Своем Небесном... (прп. Никодим Святогорец, 70, 78).

***

...Кто пропускает случай сделать добро, тот не только лишается плода от добра, которое бы сделал, но и Бога оскорбляет. Бог посылает к нему нуждающегося, и он говорит: «Отойди — после». Это хоть он говорит человеку, но то же, что говорит Богу, пославшему его. Бог найдет для него другого благодетеля, но отказавший ему небезответен (прп. Никодим Святогорец, 70, 131—132).

***

Всякое духовное делание, будучи собственно даром Божиим в нас, непременно нуждается в понуждении нашем

к нему: потому что понуждение есть деятельное обнаружение и свидетельство нашего благого произволения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 197).

***

Дела мнимодобрые, по влечению падшего естества растят в человеке его «я», уничтожают веру во Христа... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 503).

***

...Дела веры умерщвляют самость в человеке, растят в нем веру, возвеличивают в нем Христа (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 503).

***

Совершающий тайно свои добрые дела, исключительно с целью богоугождения, будет прославлен в назидание ближним по устроению о нем Промысла Божия (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 509).

***

Не только пагубен для нас грех, но пагубно и самое добро, когда делаем его не вовремя и не в должной мере... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 293).

***

Упражнение в добродетелях, не соответствующих образу жизни, делает жизнь бесплодною (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 502).

***

...Надпись над собою зрите: «Тебе оставлен есть нищий, сиру ты буди помощником» (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 75).

***

Больше всего помогайте нуждающимся. Кто бы ни приходил к вам со слезами, не отпускайте его, не осушивши сей слезы. ***Блажени милостивии, яко тии помилованы будут...*** (Мф. 5, 5). Из-за руки нуждающегося всегда узревайте протянутую руку Самого Господа, вас обратившего. Сам Он сказал: «Что сделаете им — бедным, Мне сделаете...» (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 75).

***

Есть дела милосердия и милостивость сердечная. Первые получают цену от последней, но возможно и без нее, и тогда они настоящей цены не имеют (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 115).

***

Доброделание... Заповеди — норма, практика — предлежащие случаи: лучше не придумывать дел, а делать, какие представляются (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 206).

***

...<Бог> примет, как дело, одно усердное желание, которое выполнить не пришлось не по вашей воле (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 94).

***

Извольте законом иметь: всякое дело Богу посвящать в самом его зародыше, к Богу обращать его во время производства его и у Бога просить сил на совершение его; потом, кончивши, и благодарение Ему же воздать за то... каясь, если что проторглось покрившее дело... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 4).

***

...Какое бы дело, большое или малое, вы ни делали, держите в уме, что его вам повелевает делать Сам Господь Вездесущий и смотрит, как вы его сделаете (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 7).

***

...Посвящение <всех дел> Богу превратит дела в молитву (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 8—9).

***

...Всякое дело намащается теми чувствами, с какими совершается (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 9).

***

Добротворение... сему и в семье много случаев, а если можно за ворота заглянуть, то там и не успеешь всего поделать (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 68).

***

Дух, горящий ревностию о доброделании во славу Божию, — се главное. Когда есть сие, значит, есть жизнь.

Она привесть может и к безмолвному в Боге пребыванию, если благословит Бог (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 185).

***

...Позади себя не видьте никаких подвигов и дел. Молитесь, чтобы Господь закрыл их от сознания вашего и сметал с лица души вашей... Этим отгоняться будет расслабление, и разжигаться ревность (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 203).

***

Помнит ли кто о том, что дышит? Нет, оттого что это в порядке вещей. Так и в нравственной жизни. Что делается как следует, о том что помнить? Это в порядке вещей правильных (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 21).

***

То верно содержи́те в мысли, что мы решительно ничего Ему <Богу> угодного сами произвесть не можем; все такое Он Сам в нас производит (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 34).

****

Брат сказал авве Пимену: «Когда я подаю брату моему немного хлеба или что другое, то демоны унижают мою милостыню, будто бы она подается из человекоугодия». Старец отвечал ему: «Хотя бы твоя милостыня подавалась из человекоугодия, но мы все же должны брату давать нужное». И рассказал ему следующую притчу: «Два земледельца жили в одном месте. Один из них посеял и собрал немного хлеба, хотя нечистого; а другой, поле-

нившись сеять, не собрал ничего. В случае голода, кто из них будет иметь пропитание?» Брат отвечал: «Тот, кто собрал немного хлеба, хотя и нечистого». Старец сказал: «Так будем же и мы сеять немного, хотя даже и нечистого, дабы не умереть от голода» (97, 199).

***

Один инок, по имени Евлогий, встретил на улице нищего, без рук и ног, сжалился над ним и в душе дал Господу обещание заботиться о нем до смерти. В течение пятнадцати лет Евлогий служил расслабленному, как отцу: всячески берег его, мыл, кормил, сам переносил с места на место. Но диавол, позавидовав такому терпению Евлогия, вложил в сердце расслабленному гнев и злобу на Евлогия. И вот, дотоле кроткий, он начал всячески хулить и поносить Евлогия и довел его, наконец, до того, что тот пришел в отчаяние. Знакомые иноки посоветовали ему обратиться к Великому Антонию, который сделал обоим увещание и сказал им: «Искушение, дети, пришло вам от сатаны, ибо вы оба близки к смерти и достойны получить от Бога венцы. Отселе не смущайтесь ничем. Иначе Ангел, застав вас в злобе, лишит награды». Убежденные святым, Евлогий и расслабленный прожили после того в мире только четырнадцать дней. Первым скончался Евлогий, а через три дня последовал за ним и расслабленный (112, 43—44).

***

Некто Иоанн, житель Царьграда, раздав свое богатство, только и знал, что ходил в храм Божий молиться. В одну ночь пришел он к храму Святой Софии и, найдя двери запертыми, лег отдохнуть на паперти. Вдруг видит он свет, предшествовавший мужу. Этот дивный муж по-

дошел к церковным дверям, повергся пред ними и долго молился. Запертые двери отворились сами собой, он вошел в храм, пал перед иконою Богоматери, и во все время его молитвы сиял необыкновенный свет. Затем он подошел к Царским Вратам, и они тоже сами собой отворились. Помолившись в алтаре с воздетыми руками, он вышел из храма, двери затворились за ним так же, как и отворились.

Иоанн, желая узнать, кто был этот чудный муж, пошел за ним, и, войдя в убогую хижину, повергся к ногам его и со слезами умолял открыть ему, кто он и каковы добрые дела его. «Прости меня, старче, — отвечал тот, — ты видел привидение, а я человек грешный, неученый ремесленник Захария». Но Иоанн не отступал и умолял открыть ему истину. Наконец, Захария, поклонившись ему до земли, сказал: «Во всю мою жизнь я ни о чем не думаю, как только о грехах своих, и ежечасно представляю себе огнь геенский, уготованный грешникам. Каждую ночь хожу в храм Божий умолять Господа о помиловании. Женщина, которую ты видишь, моя жена — непорочная дева, под предлогом неплодства мы скрываем от людей чистоту девства. Я имею три с половиной сребреника, на эту сумму я покупаю кожу, из которой делаю конскую сбрую. Получая пропитание от сего ремесла, я разделяю вырученные деньги на две части: одну, бóльшую, — отдаю Христу моему через руки нищих и убогих, а другую, меньшую, — оставляю на собственные надобности» (112, 186—188).

ДОБРОДЕТЕЛЬ

Видов премудрости четыре: мудрость, т. е. знание того, что должно делать и чего не должно, и бдительность ума; целомудрие, т. е. чтобы ум был цел и мог удерживать себя

вне всякого дела, слова и помышления, неугодного Богу; мужество, т. е. крепость и терпение в трудах по Богу и в искушениях; правда, т. е. распределение, отдающее каждой из сих (добродетелей) поровну. Эти четыре главные добродетели рождаются от трех душевных сил таким образом: от разумной части, т. е. ума, — две: мудрость и правда, т. е. рассудительность; от вожделевательной — целомудрие; от раздражительной — мужество. Каждая из них находится между двух страстей (сущих) вне естества. Мудрость — выше чрезмерного мудрования и ниже неразумия. Целомудрие — выше окаменения (сердца) и ниже невоздержанности. Мужество — выше дерзости и ниже боязливости. Правда — выше недостаточности и ниже излишества. И эти четыре суть образ небесного, а те восемь — земного (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 48).

***

Ничто так не препятствует к приобретению добродетелей, как суетные заботы и рассеянность, хотя бы и очень малая (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 150).

***

Ничто столько не помогает к приобретению добродетели, как уединение и сетование (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 150—151).

***

Должны мы делом научиться добродетелям, чтобы привычкою к ним сохранялась память о благом, а не словом только, *не в словеси бо,* говорит Апостол, ***Царствие Божие, но в силе*** (ср.: 1 Кор. 4, 20). Кто ищет делом, тот знает потерю и приобретение в деле, которое он

проходит, говорит святой Исаак, и такой может дать и другим совет, как много раз пострадавший и познавший на опыте (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 185).

***

<Исчисление добродетелей>: мудрость, целомудрие, мужество, праведность, вера, надежда, любовь, страх, благочестие, ведение, совет, крепость, разум, премудрость, сокрушение, плач, кротость, исследование Божественных Писаний, милостыня, чистота сердца, мир, терпение, воздержание, постоянство (твердое выдерживание), благое произволение, решимость, чувство, прилежание, утверждение себя в Боге, горячность, бодрость, теплота духа, поучение, старание, трезвенность, памятование, собранность мыслей, благоговение, стыд, стыдливость, раскаяние, удаление от злого, покаяние, обращение к Богу, сочетание со Христом, отречение от диавола, соблюдение заповедей, хранение души, чистота совести, память о смерти, болезнование душою, делание добра, труд, злострадание, пребывание в суровом, пост, бдение, алкание, жажда, довольство малым, неутруждение других, соблюдение порядка, благоприличие, почтительность, нехвастливость, презрение имений, несребролюбие, отвержение житейского, подчинение, повиновение, благопокорливость, нищета, нестяжание, удаление от мира, отсечение хотений, отречение от себя самого, советование, великодушие, упразднение по Богу, безмолвие, обучение, лежание на голой земле, неумовение, предстояние, подвиг, внимание, сухоядение, нагота, изнурение тела, уединение, жизнь в пустыне, тихость, благодушие, смелость, благое дерзновение, божественная ревность, горение, преуспеяние, юродство ради Христа,

хранение ума, устроение нравственности, преподобие, девство, освящение, чистота тела, очищение души, чтение ради Христа, попечение о Божественном, познание... истинность, нелюбопытство, неосуждение, прощение долгов, управление, искусство (в обхождении), остроумие (в добре), уступчивость, правильное употребление вещей, понимание, быстрота ума (в добром), опытность, псалмопение, молитва, благодарение, исповедание, мольба, коленопреклонение, призывание, моление, прошение, ходатайство, песнопение, славословие, сознание, попечение, сетование, скорбение, печаль (по Богу), сожаление, рыдание, стенание, оплакивание, прискорбные слезы, умиление, молчание, взыскание Бога, плачевный вопль, беспопечение о всем, незлобие, нетщеславие, неславолюбие, простота души, сострадание, нелюбовь к выказыванию себя, благонравие, дела по естеству, дела превыше естества, братолюбие, единомыслие, общение о Боге, приятность, духовное устроение, тихость, прямота, незлобие, сговорчивость, неподдельность, простота, приветливость, благое беседование, благое делание, предпочитание ближнего, привязанность о Боге, добродетельный навык, беспрерывное прилежание, укоренение (в добродетели), благоразумие, смирение, беспристрастие, щедрость, терпение, долготерпение, благость, доброта, рассуждение, удободоступность, обходительность, несмущение, ведение (духовное), наставление, твердое укрепление, прозрение, бесстрастие, духовная радость, твердое стояние, слезы разума, душевная слеза, Божественное желание, сострадание, милосердие, человеколюбие, чистота души, чистота ума, прозорливость, чистая молитва, неплененный помысл, твердость, укрепление души и тела, просвещение, восстановление души, ненавидение жизни, должное учение, благое желание смерти, младенчество во Христе, утверждение (ближнего),

поучение (его), и увещание соразмерное и понудительное, похвальное изменение, восторг о Боге, совершенство во Христе, неложное просияние, Божественная любовь, восхищение ума, Божие вселение, боголюбие, внутреннее любомудрие, богословие, исповедничество, презрение смерти, святыня, исправление, совершенное здравие души, доброта ее, похвала от Бога, благодать, царство, сыноположение, и чрез все двести двадцать восемь вместе (см.: Пс. 81) усыновление, т. е. бытие человеку богом, благодатию Даровавшего нам победу над страстями... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 217—220).

***

...Телесные добродетели, или скорее орудия добродетелей, нужны, когда кто-либо со смирением и духовным познанием их проходит, ибо без этого не совершаются и душевные добродетели; если же не так, но сами по себе — то они не приносят никакой пользы, как растения без плодов (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 520—521).

***

...Каким образом одно только простое называние (добродетелей) может возвысить персть и вещественное сделать невещественным? Наименование иных вещей постигает и внешняя ученость, основываясь на производстве слов, а опытное познание добродетелей и приобретение их требуют помощи Божией и снискиваются многим трудом и временем; особенно в душевных добродетелях, потому что они наиболее сокровенны и суть собственно добродетели. Телесные добродетели, или, точнее, орудия добродетелей, легче, хотя и требуют трудов телесных, а душевные, хотя

требуют только мысленного внимания, но не легко приобретаются (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 18).

***

...Как солнце, переходя ежедневно от востока к западу, совершает один день, и без него бывает ночь, так и каждая добродетель, которую исполняет человек, просвещает его душу, и без нее бывает страсть и тьма, пока он снова не приобретет добродетели, и так приходит свет (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 82).

***

...Для добродетели нужно только то, чтобы мы ее захотели, так как она в нас есть и из нас образуется. Ибо коль скоро душа разумная находится в естественном своем чине, то в то же время в нас есть и добродетель. (Душа) находится в естественном своем чине, когда пребывает такою, какою сотворена: сотворена же она весьма доброю и правою... Правою же душа бывает, когда разумность ее находится в естественном своем чине. Когда же она уклоняется инуды и низвращает чин, требуемый естеством, тогда это называется злом в душе. Итак, не затруднительное это дело (добродетели), ибо если мы пребываем так, как созданы, то находимся в добродетельном состоянии, а если замышляем худое, то нас справедливо называют злыми. Если бы совне надлежало заимствовать сие дело (добродетели), то, конечно, оно было бы затруднительно; но если она в нас есть, то будем только хранить себя от худых помыслов, и соблюдать душу свою Господу, как принятый от Него залог, чтоб Он признал ее творением Своим, увидев, что она такова, какою Он ее создал (прп. Антоний Великий, 89, 20).

***

Воздержание, незлобие, целомудрие, твердость, терпение и подобные им великие добродетели, как бы силы (ратные), получили мы от Бога, чтоб они сопротивлялись и противостояли встречающимся с нами прискорбностям и помогали нам во время их: так что если мы будем упражнять сии силы и иметь их всегда наготове, то ничто из случающегося с нами не будет для нас тягостно, или болезненно, или гибельно и несносно, ибо все то будет преодолеваемо сущими в нас добродетелями (прп.. Антоний Великий, 89, 63—64).

***

Не должно говорить, что невозможно человеку проводить добродетельную жизнь, но что это не легко. И точно, не для всякого без различия удободостижимо это, но только те из людей приобщаются добродетельной жизни, которые благочестивы и имеют боголюбивый ум. Общий (обыкновенный) ум есть ум мирской и превратный; он дает помышления добрые и худые, изменчив и склонен к вещественному, а ум боголюбивый есть казнитель зла, которое бывает в людях от произвольной их беспечности (прп. Антоний Великий, 89, 64).

***

...Как странники заблуждаются на дорогах (и гибнут), так погибают непекущиеся о добродетельной жизни, будучи увлекаемы пожеланиями (прп. Антоний Великий, 89, 65).

***

Как кормчие осмотрительно направляют корабль вперед, чтобы не наткнуться на подводный камень, или скалу

какую, так и ревнующие о добродетельной жизни пусть тщательно рассматривают, что им должно делать и чего убегать, полезным для себя почитая только то, что внушают истинные и Божественные законы, отсекая от души лукавые помышления (прп. Антоний Великий, 89, 66).

***

Стремящиеся к добродетельной и боголюбивой жизни, ревнуют о добродетелях душевных как о таком стяжании, которое составляет неотъемлемую их собственность и вечное утешение. Привременным же пользуются они лишь столько, сколько нужно и как дает и хочет Бог, употребляя его с веселием и всяким благодарением, хотя бы то было и очень умеренно. Ибо богатый стол питает тела, как вещественные, а познание Бога, воздержание, благость, благотворение, благочестие и кротость — обожают душу (прп. Антоний Великий, 89, 69).

***

Людям, не имеющим природных к добру расположений, не следует в отчаянии о себе, опустив руки, небречь о боголюбивой и добродетельной жизни, как бы она ни была недоступна и недостижима для них, но должно и им подумать и посильное приложить попечение о себе. Ибо хотя и не возмогут они достигнуть верха добродетели и совершенства, но всячески думая о себе и заботясь, они или сделаются лучшими, или, по крайней мере, не станут худшими — и это не малая польза для души (прп. Антоний Великий, 89, 70—71).

***

Одно только душевное стяжание безопасно и некрадомо; есть же оно — добродетельная и богоугодная жизнь,

ведение и творение добрых дел (прп. Антоний Великий, 89, 76).

***

Душевные добродетели делают нас достойными вечных благ, а самопроизвольные грехи человеческие суть причина вечных мучений (прп. Антоний Великий, 89, 78).

***

...Все добродетели... очень спасительны и крайне нужны тем, кои ищут Бога и кои пламенеют сильным желанием приблизиться к Нему. Но мы видели, что многие изможда́ли свои тела чрезмерным пощением, бдениями, удалением в пустыню, усердно также ревновали о трудах, любили нищету, презирали мирские удобства, до того, что не оставляли себе столько, сколько нужно на один день, но все, что имели, раздавали бедным и однакож бывало, что, после всего этого, они склонялись на зло и падали, и, лишившись плода всех оных добродетелей, делались достойными осуждения. Причина этому не другая какая, как то, что они не имели добродетели рассуждения и благоразумия, и не могли пользоваться ее пособием. Ибо она-то и есть та добродетель, которая учит и настроивает человека идти прямым путем, не уклоняясь на распутья. Если мы будем идти царским путем, то никогда не будем увлечены наветниками нашими, — ни справа, к чрезмерному воздержанию, — ни слева, к нерадению, беспечности и разленению (прп. Антоний Великий, 89, 122).

***

Три добродетели, с трудом приобретаемые человеком, сохраняют все прочие: сокрушение сердца, плач о грехах

своих и непрестанное размышление о смерти (прп. авва Исаия, 59, 51).

***

...Страх Божий есть корень всех добродетелей (прп. авва Исаия, 59, 116).

***

На пути добродетелей есть падения, есть враги, есть изменение, есть изобилие, есть умеренность, есть бесплодие, есть печаль, есть радость, есть болезнование сердечное, есть утеснение, есть покой, есть преуспеяние, есть понуждение (прп. авва Исаия, 59, 145).

***

Четыре есть добродетели, которые чистою делают душу: молчание, соблюдение заповедей, теснота (стеснение себя во всем, чтоб был тесный путь) и смиренномудрие (прп. авва Исаия, 89, 318).

***

Четыре добродетели, как стеною, ограждают душу и дают ей покойно вздохнуть от тревог со стороны врагов: милость, безгневие, долготерпение и извержение всякого находящего семени греха; противостояние же забвению сохраняет их все (прп. авва Исаия, 89, 318).

***

Орудия добродетелей — суть телесные труды с разумом (прп. авва Исаия, 89, 349).

***

...Попрание совести исторгает добродетели из сердца (прп. авва Исаия, 89, 350).

***

Уступление своей воли ближнему означает, что ум имеет в виду добродетели... (прп. авва Исаия, 89, 350).

***

...Добродетелям... всем одна мать, которая называется страхом Божиим... (прп. авва Исаия, 89, 371).

***

...Как земледелие изменяет качество растений, так попечительность души о добродетели может одержать верх над всякими недугами (свт. Василий Великий, 5, 79).

***

...В нас есть естественные добродетели, с которыми душа имеет сродство не по человеческому научению, но по самой природе (свт. Василий Великий, 5, 143).

***

...Премудро и благоискусно, приводя нас к добродетели, Псалмопевец удаление от греха положил началом добрых дел (см.: Пс. 36, 27). А если бы он вдруг потребовал от тебя совершенства, то, может быть, ты и замедлил бы приступить к делу. Теперь же приучает тебя к более удобоприступному, чтобы ты смелее взялся за прочее. И я сказал бы, что упражнение в добродетели уподобляется

лествице... которую видел некогда блаженный Иаков, которой одна часть была близка к земле и касалась ее, а другая простиралась даже выше самого неба. Посему вступающие в добродетельную жизнь должны сперва утвердить стопы на первых ступенях, и с них непрестанно восходить выше и выше, пока, наконец, через постепенное преуспеяние, не взойдут на возможную для человеческого естества высоту. Посему, как первоначальное восхождение по лествице есть удаление от земли, так и в жизни по Богу удаление от зла есть начало преспеяния (свт. Василий Великий, 5, 161).

***

Трудившиеся над исследованием учения о добродетели говорили, что одни добродетели составляются из умозрений, а другие неумозрительны: так благоразумие составляется из умозрений при рассуждении о добре и зле; целомудрие — из умозрений о том, что должно избирать и чего избегать; справедливость — из умозрений об усвояемом и неусвояемом; мужество — из умозрений о страшном и нестрашном. Но красота и крепость суть добродетели неумозрительные, следующие за теми, которые из умозрения; ибо некоторые из мудрых красоту находили в соразмерности и стройности душевных умозрений, а крепость усматривали в окончательном произведении положенного в нас добродетелями умозрительными. Впрочем, чтобы в душе были красота и сила производить должное, для сего имеем мы нужду в Божией благодати (свт. Василий Великий, 5, 221—222).

***

...Добродетель есть какая-то средина и соразмерность, а излишек или недостаток, в ту или другую сторону вы-

ступающий из пределов добродетели, есть уже неумеренность и безобразие. Так, мужество есть средина, излишек его — дерзость, а недостаток его — робость (свт. Василий Великий, 6, 199).

***

Добродетель происходит от произволения, а не от необходимости (свт. Василий Великий, 8, 135).

***

...<Добродетель> принадлежит человеку и при жизни, и по смерти (свт. Василий Великий, 8, 301).

***

Употреби старание успевать в важнейших добродетелях и не вознерадеть о меньших (свт. Василий Великий, 9, 43).

***

Будь верною сокровищницею добродетелей, а ключом имей язык духовного твоего отца (свт. Василий Великий, 9, 47).

***

Преуспевай в добродетелях, чтобы стать ближе к Ангелам (свт. Василий Великий, 9, 51).

***

<Добродетель> — это употребление Божиих даров с доброю совестью, по заповеди Господней (свт. Василий Великий, 9, 83).

***

Если бы мы находились вне тела, то необходимо было бы стремиться к совершеннейшему одной душой. Но поелику человек двояк, то и упражнение в добродетели должно быть двоякое, состоящее и в телесных трудах и в душевных подвигах (свт. Василий Великий, 9, 336).

***

...В совершении добродетели должно соединиться... и человеческое усердие, и помощь, по вере приходящая свыше (свт. Василий Великий, 9, 355).

***

...Приобретение добродетели и обогащение добрыми делами есть любостяжание похвальное, хищение, не доводящее до слез, ненасытность, достойная венца; и виновен тот, кто не делает таких насилий (свт. Василий Великий, 9, 360).

***

Упражнение в добродетели — драгоценное достояние для того, кто имеет, и самое приятное зрелище для того, кто видит (свт. Василий Великий, 11, 238).

***

Должно приобрести страх Господень и в высшей степени целомудрие, от которых рождаются любовь, радость, мир, послушание, великодушие, воздержание, терпение и все, что прилично христианам (прп. Ефрем Сирин, 30, 150).

***

Вера рождает чистоту, смиренномудрие, послушание, долготерпение и воздержание; покаяние же — слезы, а любовь — терпение и надежду (прп. Ефрем Сирин, 30, 181).

***

Человек деятельный — розга Христова. Как виноградная кисть, лежащая на земле, делается негодною, так и рассудок, развлекаемый земным, не способен к добродетели (прп. Ефрем Сирин, 30, 194).

***

...Украсим же ее <душу> постом, молитвами, бдениями и слезами, чтоб душа обрела несколько дерзновения пред престолом Страшного Судии... (прп. Ефрем Сирин, 31, 94).

***

Как идущий со светильником светит тем, которые вместе с ним, так светит и добродетель, которая всегда носит с собою славу (прп. Ефрем Сирин, 31, 117).

***

Храни чистоту тела своего. Любовь есть матерь добродетелей, а чистота — светильник и опора. Светильник также для них безмолвие, и стена для них страх Господень (прп. Ефрем Сирин, 31, 296).

***

Когда стараешься научиться добродетели, тогда представляй скудость ума своего (прп. Ефрем Сирин, 31, 628).

***

Оградись от того, что противоположно добродетелям, потому что утомляющегося покаянием сопровождает неразумие. Если ты постишься, <но> безумно смеешься, то легко тебя запнуть. Если на молитве плачешь, а в обществе ведешь себя по-мирскому, то скоро уловят тебя в сети. Если при целомудренном поведении ты беспечен, то не умедлишь пасть (прп. Ефрем Сирин, 32, 183—184).

***

Главное же во всяком добром рвении и верх добрых дел есть постоянное пребывание в молитве, которою чрез испрашивание у Бога можем ежедневно приобретать и прочие добродетели, потому что у Единого Бога благость (прп. Ефрем Сирин, 32, 341).

***

...О душевных добродетелях утверждаем, что главным образом четыре родовые добродетели, а именно: мужество, благоразумие, целомудрие и справедливость; от них же рождаются следующие душевные добродетели: вера, надежда, любовь, молитва, смирение, кротость, великодушие, терпение, доброта, негневливость, боговедение, нераздражительность, простота, невозмущаемость, нелицемерие, правдолюбие, свобода, отвращение от осуждения, от тще-

славия, от кичения, от гордости, от зависти, от коварства и от сребролюбия, сострадательность, милосердие, щедрость, почтительность, благоговение, влечение к будущим бессмертным благам, желание Царства Божия, вожделение всыновления (прп. Ефрем Сирин, 32, 385—386).

***

Телесные же добродетели, о которых вернее можно сказать, что они ведением по Богу обращаются в орудия добродетелей и, если чужды всякого лицемерия и человекоугодия, возводят человека к преспеянию в смирении и бесстрастии, суть следующие: воздержание, пост, голод, жажда, бдение, всенощное стояние... сухоядение, позднее и то в малом количестве вкушение пищи, питие одной воды, возлежание на голой земле, нищета, нестяжательность, изможденность, небрежность в одежде, несамолюбивость, уединение, безмолвие... скудость, довольство малым, молчаливость, собственноручное упражнение в рукоделии, всякое злострадание и всякий телесный подвиг. Все сие, когда тело здорово, и тревожат его плотские страсти, весьма нужно и полезно, а когда оно немощно, и при помощи Божией преодолело в себе страсти, не столько необходимо, потому что все восполнят святое смирение и благодарение (прп. Ефрем Сирин, 32, 386).

***

...Когда ум опускает из вида благочестивую цель, тогда и добродетельный по видимости поступок не заслуживает похвалы, потому что сделанное без рассуждения и ненамеренно, хотя будет и хорошо, не только не приносит

никакой пользы, но еще вредит, между тем как противное сему происходит от того, что, по-видимому, противоположно, но сделано с благочестивым намерением и по Богу, например, если кто взойдет в непотребный дом и извлечет из погибели блудницу. Посему не будет назван в собственном смысле милостивым или воздержным, кто однажды или несколько раз подал милостыню или был воздержан; назван же будет тот, кто, как сказано, большею частью и всю жизнь свою всецело, с рассудительностью, непреткновенно упражняется в добродетели, потому что рассудительность выше всех добродетелей, как некая царица и добродетель добродетелей. А подобным образом и в рассуждении противоположного не называем вдруг блудником, пьяницей или лжецом, кто однажды поползнулся в каждый из сих пороков; называем же того, кто многократно впадал в таковые пороки и остается неисправимым (прп. Ефрем Сирин, 32, 393).

***

В подлинном смысле блажен, как благоразумный и самый добросовестный купец, кто ищет добродетели, ходит за ней, и рачительно разведывает, что такое добродетель, чтобы чрез нее приблизиться к Богу и мысленно сопребывать с Ним; ибо вот в собственном смысле благоразумие, мужество, мудрость, неложное знание, неотъемлемое богатство — деятельною добродетелью возводиться к созерцанию Сотворшего. Добродетель (ἀρετή) заимствует сие наименование от слова *избирать* (αἵρεσθαι), потому что добродетель произвольна, и добро делаем мы по собственному избранию и произволу, а не против воли и принужденно (прп. Ефрем Сирин, 32, 394).

***

Так все делай и так обо всем думай, чтобы угодить Богу, ибо если нет у тебя этой мысли, то теряет цену всякое твое делание (прп. Ефрем Сирин, 90, 478).

***

Стяжание добродетели — дело редкое и трудное, хотя бы многое к ней влекло и побуждало (свт. Григорий Богослов, 12, 24).

***

Не легко найти превосходнейшую из добродетелей и отдать ей первенство и преимущество, подобно как и на лугу многоцветном и благовонном не вдруг можно выбрать прекраснейший и благовоннейший из цветов, когда то тот, то другой привлекает к себе обоняние и взор, и прежде всех заставляет сорвать себя (свт. Григорий Богослов, 13, 2).

***

Кто упражняется в добре из каких-нибудь видов, тот не тверд в добродетели, ибо цель минуется, и он оставит доброе дело, подобно как плывущий для прибыли не продолжает плавания, если не видит прибыли. Но кто чтит и любит добро ради добра, тот, поскольку любит нечто постоянное, и расположение к добру имеет постоянное, так что, ощущая в себе нечто свойственное Богу, может сказать о себе сказанное самим Богом: ***Я один и тот же, и не изменяюся*** (ср.: Мал. 3, 6). А потому он не будет превращаться, принимать разные виды, соображаться с обстоятельствами и делами, делаться то тем, то инаковым, менять разные цвета, подобно как полип принимает цвет

камня, к которому он пристал; но всегда пребывает один и тот же — непоколебимым среди колебаний, несовратим среди превратностей, и, как представляю себе, это скала, которая, при ударах ветров и волн, стоит незыблемо, и сокрушает приражающееся к ней (свт. Григорий Богослов, 14, 209).

***

Что сделано доброго по естественному влечению, то не заслуживает одобрения, а что сделано по свободному произволению, то похвально. Какая честь огню, что он жжет? Жечь — природное его свойство. Или воде, что течет вниз? Это свойство дано ей от Творца. Какая честь снегу, что он холоден? Солнцу, что оно светит? Оно светит и поневоле. Покажи мне, что желаешь добра. А сие покажешь, если, будучи плотским, сделаешься духовным; если увлекаемый долу тяжестью плоти, окрылишься умом; если ты, рожденный низким, окажешься небесным, если ты, связанный плотью, явишься выше плоти (свт. Григорий Богослов, 14, 227).

***

...Добродетель должна быть бескорыстна, если хочет быть такою добродетелью, у которой в виду одно добро (свт. Григорий Богослов, 15, 36).

***

Добродетель — не дар только Великого Бога, почтившего Свой образ, потому что нужно и твое стремление. Она не произведение твоего только сердца, потому что потребна превосходнейшая сила. Хотя и очень остро мое зрение, однако же видит зримые предметы не само собою

и не без великого светила, которое освещает мои глаза и само видимо для глаз. И к преуспеянию моему нужны две доли от Великого Бога, именно — первая и последняя, а также одна доля и от меня. Бог сотворил меня восприимчивым к добру, Бог подает мне и силу, а в середине я — текущий на поприще. Я не очень легок на ногу, но не без надежды на награду напрягаю свои мышцы в беге, потому что Христос — мое дыхание, моя сила, мое чудное богатство. Он соделывает меня и зорким, и доброшественным. А без Него все мы — смертные игралища суеты, живые мертвецы, смердящие грехами. Ты не видывал, чтобы птица летала, где нет воздуха, чтобы дельфин плавал, где нет воды, так и человек без Христа не заносит вверх ноги (свт. Григорий Богослов, 15, 255).

***

...Как порок ослабляется страхом, так добродетель — завистью (свт. Григорий Богослов, 15, 296).

***

Окрыляемый учением, не летай без действительных крыльев, потому что без крыльев и птица не летает (свт. Григорий Богослов, 15, 364).

***

Добродетель всегда окружена бедствиями, как роза ненавистными и колючими шипами. Помня сие, и ты с лучшими надеждами блюди свою жизнь для Христа Царя в совершенной непорочности, и не дозволяй вводить тебя в обман нужде, которая всего скорее покоряет себе даже мудрых мужей (свт. Григорий Богослов, 16, 86).

***

Поелику награда добродетели — стать богом, озариться чистейшим светом, созерцаемым в Троичной Единице, от Которой имеем теперь едва несколько лучей; то к сему шествуй, в сем преуспевай, окрыляйся мыслию, емлись за вечную жизнь. Ни на чем не останавливай своих надежд, пока не достигнешь вожделенной и блаженной вершины (свт. Григорий Богослов, 17, 235).

***

...Человеческая природа сама по себе не может показать совершенной красоты добродетелей и духовного благолепия святыни, если не будет ей содействовать Божия рука (прп. Макарий Египетский, 66, 432).

***

...Все добродетели между собою связаны, как звенья в духовной цепи, одна от другой зависят... (прп. Макарий Египетский, 67, 268).

***

О добродетели же дознаем мы от Апостола, что у нее один предел совершенства — не иметь самого предела (свт. Григорий Нисский, 18, 225).

***

...Действительно преуспевающим в добродетели оказывается от Бога данное естеству нашему вспоможение, которое по первоначальному бытию предваряет, но является и познается тогда уже, как при внимательности и попечительности достаточно освоившись с высшим жи-

тием, приуготовимся к труднейшим подвигам (свт. Григорий Нисский, 18, 271—272).

***

...Тот, кто приобрел... непреоборимый жезл добродетели — жезл, уничтожающий жезлы ухищренные, некиим путем и последовательно восходит к большим чудесам. Чудотворение же не с целью изумить слышащих совершается, но имеет в виду пользу спасаемых, потому что чудесами добродетели истребляется враждебное для них, и умножается им соплеменное (свт. Григорий Нисский, 18, 278).

***

...Не заповедью только должна измеряться добродетель, но нужно, чтобы и нами было нечто изобретаемо из примышляемого отвне... как и поступал Павел, от себя сплетавший прекрасные ометы к заповедям. Хотя закон повелевает *служащим олтарю с олтарем делиться* (ср.: 1 Кор. 9, 13), не запрещает *сестру жену водити* (1 Кор. 9, 5), *и проповедующым благовестие, от благовестия жити* (1 Кор. 9, 14); <апостол> Павел проповедует Евангелие даром, терпя и жажду, и голод, и наготу. Вот те прекрасные ометы, которые прибавлением своим к заповедям украшают хитон (свт. Григорий Нисский, 18, 330).

***

...Добродетели надлежит быть свободною от всякого страха, не по жестокому над собою владычеству, но по добровольному рассуждению избирать доброе; а главное во всяком добре — состоять под животворною властью (свт. Григорий Нисский, 18, 423).

***

...Для не вкусивших еще чистого и божественного удовольствия необходимо надобно придумать нечто такое, почему были бы приняты и уроки добродетели, будучи услаждены чем-либо увлекающим чувство. Так обычно поступать и врачам, когда какой-либо горький и противный вкусу целительный состав делают они непротивным для больных, приправив сладостью меда (свт. Григорий Нисский, 19, 7).

***

...Конец добродетели: мир, упокоение и вселение единообразное, не имеющее ничего общего со страстями, преуспевающее в уповании на общение с Богом (свт. Григорий Нисский, 19, 18).

***

Вкусивший уже добродетели и собственным опытом уразумевший свойство добра, бывает таков не потому, что какою-то необходимостью и по вразумлениям другим отвлекается от пристрастия к пороку и обращает взор к добродетели, но потому, что паче всего жаждет лучшего, ибо непреодолимое и сильное желание Псалмопевец уподобляет жажде, приискав между животными породу наиболее чувствительную к жажде, чтобы сила пожелания наипаче выразилась примером животного, чрезмерно жаждущего. И животное сие называет *еленем* (Пс. 41, 2), естество которого утучняется тем, что употребляет в пищу ядовитых зверей. А как соки сих зверей горячи и воспалительны, то елень, наевшись и отравившись их соком, по необходимости чувствует в себе сухость. И потому с большею жадностью желает воды, чтобы уврачевать про-

исходящую от такой пищи сухость. Посему, кто по первой части псалмопения предначал добродетельную жизнь, вкушением познал сладость вожделенного, истребил в себе всякий пресмыкающийся вид похотения и вместо зверей зубами целомудрия пожирает страсти, тот общения с Богом возжаждет паче или столько же, как и *елень желает на источники водныя* (Пс. 41, 2). А достигшему источника после чрезмерной жажды естественно столько поглотить воды, сколько станет пожелания и сил вместить. Но кто принял в себя желаемое, тот полон того, чего желал, потому что соделавшееся полным не пустеет снова, подобно полноте в теле, и питие не остается недейственным само в себе, а, напротив того, Божественный Источник, в ком бы он ни был, в Себя претворяет к Нему прикоснувшегося и сообщает тому собственную Свою силу (свт. Григорий Нисский, 19, 22—23).

***

...Для приступающего по обращении снова к добру, если жизнь его была изъязвлена тысячами прегрешений, скопление злых дел кажется подобным тысяче лет, но как скоро он обратился, Бог ни во что ему не вменяет сего, потому что Божие око взирает всегда на настоящее, не вменяет же прошедшего; напротив того, признается сие у Бога за один день или за часть ночи, которые прошли и миновались (свт. Григорий Нисский, 19, 32).

***

...Разнообразная и многовидная попечительность о добродетелях делается многомощною, доставляет спасение преуспевающему (свт. Григорий Нисский, 19, 38).

***

Для добродетели главное — Божия помощь, которой сподобляется своею жизнью присвоивший себе Божию милость (свт. Григорий Нисский, 19, 160).

***

...Поелику всякая греховная скверна зловонна, а, напротив того, добродетель есть Христово благоухание, исполненное же любви сношение с любимым естественно производит срастворение, то к чему привержены мы любовью, тем и делаемся, или благоуханием Христовым, или зловонием (свт. Григорий Нисский, 19, 341).

***

...Одно только утвердившееся в нас рачение о добродетели есть нечто твердое и состоятельное. Ибо кто преуспел в чем-либо высоком, например, в целомудрии, или в скромности, или в благочестии пред Богом, или в другом каком из возвышенных и Евангельских учений, тот при каждом преспеянии имеет не мимолетное и неустойчивое, но непоколебимое, во все продолжение жизни пребывающее и продолжающееся веселие. Почему же? Потому что все это всегда можно приводить в действие, и во все продолжение жизни нет времени, приводящего в пресыщение добрую деятельность. И целомудрие, и чистота, и непреткновенность во всяком добре, и необщительность со злом всегда приводятся в действие, пока имеет кто в виду добродетель, и деятельность сопровождается веселием (свт. Григорий Нисский, 19, 414).

***

...Приобретение добродетели, в ком однажды твердо она укоренилась, ни временем не меряется, ни сытостью не ограничивается, но живущим добродетельно всегда доставляет чистое, живое, сильное ощущение собственных своих благ. Почему алчущим сего Бог-Слово обещает удовлетворение алчбы, такое удовлетворение, которое сытостью воспаляет, а не угашает желание (свт. Григорий Нисский, 19, 415).

***

...Кто возжелал добродетели, тот добро делает своим приобретением, в себе видя то, чего возжелал. Посему блажен взалкавший целомудрия, ибо исполнится чистоты. А насыщение ею производит не отвращение, но усиление желания, и насыщение и желание взаимно возрастают в равной одно с другим степени. Ибо за вожделением добродетели следует приобретение вожделеваемого; и приобретенное благо привносит в душу непрекращающееся веселие. Таково свойство сего блага, что не в настоящем только услаждает пользующегося им, но на все части времени доставляет действительное веселие, потому что преуспевшего увеселяют и воспоминание о жизни, проведенной правильно, и самая жизнь в настоящем, когда проводится она добродетельно, и ожидание воздаяния, которое не в ином чем полагаю, как в той же опять добродетели, так как она есть дело преуспевающих и делается наградою преспеяний (свт. Григорий Нисский, 19, 415—416).

***

...Истинная добродетель — добро без примеси худого, добро, при котором постигается всякое понятие, состав-

ляемое мыслью о наилучшем — Сам Бог-Слово, — сия *покрывшая небеса добродетель*, как выражается Аввакум (ср.: Авв. 3, 3). И весьма справедливо ублажены алчущие сей Божией правды, ибо подлинно *вкусивший* Господа... (ср.: Пс. 33, 9), т. е. приявший в себя Бога, делается исполненным того, чего жаждал и алкал, по обетованию Рекшего: *Аз и Отец пришдем и обитель у него сотворим* (ср.: Ин. 14, 23), очевидно, по вселении уже Святаго Духа (свт. Григорий Нисский, 19, 417).

***

Как если бы из чувственной снеди, принимаемой в пищу, ничто не извергалось по излишеству, но всецело принималось в прибавление телесного роста, то тела достигали бы великого роста, потому что величину их приращала бы собою ежедневная пища; так и оная правда, а с нею и всякая добродетель, поелику, будучи вкушаема, как духовная снедь, не извергается, то причащающихся делает всегда более и более от нее рослыми, непрестанно возращая их величину своим прибавлением (свт. Григорий Нисский, 19, 417—418).

***

...Не должно нам, имея в виду какое-либо одно из добрых дел, оставаться нерадивыми о преспеянии в прочих... (свт. Григорий Нисский, 20, 72).

***

...Добродетели... будучи тверды и неуступчивы, не допускают внутрь себя притока искушений, да и во время искушений противятся влиянию порока (свт. Григорий Нисский, 20, 96).

***

Цветы... жизни нашей суть добродетели, которые ныне цветут, плод же свой приносят во время свое (свт. Григорий Нисский, 20, 132).

***

...Добродетель не знает над собою властелина, произвольна, свободна от всякой необходимости (свт. Григорий Нисский, 20, 139).

***

...Божие насаждение составляют добродетели, и если ими занята мыслительная сила нашей души, и не развлекается ничем внешним, то она запечатлена печатью истины, нося на себе образ расположения своего к добру (свт. Григорий Нисский, 20, 239).

***

...Недоступен будет татям плод добродетели, будучи огражден твердою корою воздержания, честным и угрюмым состоянием, как бы какими иглами терний язвя приближающихся с худою целью (свт. Григорий Нисский, 20, 244).

***

...Сколько добродетелей, столько же надлежит представлять себе и источников очистительных вод, от которых очи непрестанно делают самих себя чище: например, целомудрие есть источник очистительной воды, другой такой же источник — смиренномудрие, истина, правда, мужество, вожделение добра, отчуждение от зла. Сии и подоб-

ные сим воды, хотя из одного источника, но собираются различными потоками в одно исполнение, и ими производится очищение очей от всякой страстной нечистоты (свт. Григорий Нисский, 20, 342—343).

***

...Добродетель тогда будет торжествовать победу над злом, когда все враждебное ей, при содействии разума, обратится в ничто (свт. Григорий Нисский, 24, 232).

***

...Какую из частных добродетелей почитать совершеннейшею и достойною заботы прежде прочих, и какую за сим вторую, и какие остальными дальнейшими — сказать нельзя. Ибо они одинаково зависят одна от другой и обладающих ими, одна посредством другой ведут на высоту (совершенства), ибо простота отсылает к послушанию, послушание к вере, вера к надежде, а надежда к правде; последняя к служению, а это к смирению, смирением объемлется кротость, которая ведет к радости, радость же к любви, любовь к молитве, и таким образом взаимно завися и поставляя в зависимость от себя обладающего ими, возводят его <человека> на самую вершину желаемого, также наоборот, и зло своих друзей, свойственными себе мерами, низводит до крайней порочности. Но более всего должно нам прилежать к молитве, ибо она есть как бы некий предводитель лика добродетелей, и посредством таинственной святости и духовного действия и неизреченного расположения, прилежного в молитве вводит в единение с Богом. Кто пламенеет любовью, никогда не находит насыщения в молитве, но всегда сгорает желанием блага... (свт. Григорий Нисский, 24, 278—279).

***

...Возвысившись своею жизнью над всем миром и почитая одну только добродетель бесценным для себя стяжанием... <человек> проводит жизнь мирную, без печалей и борьбы. Потому что сокровище добродетели, хотя в нем принимают участие все люди, каждый по своим силам, вполне удовлетворяет ищущих его; не таково земное сокровище, которое, когда делят его на части, сколько прибавляют к одной части, столько же отнимают у другой, и избыток у одного сопровождается уменьшением участвующего в доле: отсюда борьба за большую часть, отсюда, вследствие уменьшения, возникает между людьми ненависть. А в оном сокровище стремление приобрести больше не возбуждает зависти, и восхитивший больше не наносит никакого ущерба тому, кто считает себя достойным равной части: но по мере того, как кто вмещает и сам удовлетворяется в своем благом желании, и богатство добродетелей не оскудевает у имевших оное прежде (свт. Григорий Нисский, 24, 306—307).

***

Милосердие есть наилучшее семя добродетели (авва Евагрий, 89, 538).

***

Муж добродетельный есть райское древо (авва Евагрий, 89, 602).

***

Плоть Христова — деятельные добродетели; кто вкушает их, тот сделается бесстрастным (авва Евагрий, 89, 613).

***

...Главных добродетелей четыре: разумность (φρόνησις), мужество, целомудрие и справедливость. Дело разумности... состоит в том, чтобы созерцать умные святые силы; дело мужества — стоять в истине и, хотя бы встретилось противоборство, не уклоняться к несущему; приняв семена от первого Земледельца, — отвращаться от всевателя (врага) свойственно... целомудрию <из притчи: ***всеявый есть диавол*** (Мф. 13, 39)>. А дело справедливости — воздавать каждому по достоинству (авва Евагрий, 89, 666).

***

Богатство добродетели так велико, настолько приятнее, настолько вожделеннее, что обладающие им никогда не захотят взять вместо него и всю землю... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 65).

***

...Добродетель! Она не только делами, но и страданиями своими не оставляет в темноте и безвестности и саму себя, и исполняющих ее (свт. Иоанн Златоуст, 44, 67).

***

Одно обетование благ недостаточно для побуждения к добродетели, если не имеющих усердия к ней не поощряет и страх наказания (свт. Иоанн Златоуст, 44, 171).

***

Совершенство добродетели состоит не в том, чтобы не делать того, за что мы у всех стали бы считаться худыми,

но в том, чтобы блистать такими делами, которые и не совершивших не подвергают за это осуждению... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 302).

***

Когда... <человек> услышал пророков и апостолов и получил благодать Духа, то Бог возвысил степень добродетелей, и это справедливо (свт. Иоанн Златоуст, 44, 372).

***

Таково свойство добродетели, что она не только полезна нам для будущего, но и здесь доставляет уже награду (свт. Иоанн Златоуст, 45, 36).

***

...Добродетельная жизнь сама составляет величайшую честь и счастье, хотя бы мы и терпели наказание (свт. Иоанн Златоуст, 45, 94).

***

Величие добродетели особенно и состоит в том, что она не имеет нужды ни в богатстве, ни во власти, ни в славе, и ни в чем другом подобном, а в одной только душе освященной, и не требует ничего больше (свт. Иоанн Златоуст, 45, 266).

***

...Человека... <добродетель> делает ангелом, и душу как бы на крыльях возносит на небо (свт. Иоанн Златоуст, 45, 324).

***

Итак, что без молитвы совершенно невозможно свыкаться с добродетелью и с нею идти по жизненному пути, я думаю, ясно всем. Да и как мог бы кто упражняться в добродетели, не приступая и не припадая непрестанно к Вождю ее и Подателю? (свт. Иоанн Златоуст, 45, 833).

***

...Не от возраста и не от тела зависят состязания добродетели, а от одной только души и воли (свт. Иоанн Златоуст, 46, 624).

***

Таково естественное свойство добродетели: ее путь усеян трудами, тяжелыми усилиями, кознями и опасностями. Но таков путь, а за ним — венцы, награды, блага неизреченные и бесконечные. Так утешай себя этим (свт. Иоанн Златоуст, 46, 666).

***

...Следует и нам, собрав богатство добродетели, беречь его с великой тщательностью и не выкладывать на глаза всем, но скрывать его в самом надежном хранилище ума... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 33).

***

...Сознание тяжести грехов немало способствует обращению к добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 47, 42).

***

Ничего нет равного добродетели, возлюбленный! Она и в будущем веке исхитит нас из геенны и откроет путь в Царство Небесное, и в настоящей жизни ставит выше всех, всуе и напрасно злоумышляющих на нас, делает сильнее не только людей, но и самих демонов и врага нашего спасения, т. е. диавола (свт. Иоанн Златоуст, 47, 65).

***

Сила добродетели в том, что она и врагам своим заграждает уста и обуздывает язык (свт. Иоанн Златоуст, 47, 108).

***

...Велика сила добродетели... хотя подвергается <она> нападениям и терпит бесчисленные бедствия, но от этого становится еще славнее и блистательнее (свт. Иоанн Златоуст, 47, 189).

***

...Научимся заботиться о добродетели и ставить высоко угождение Богу, не станем ссылаться ни на управление домом, ни на заботу о жене, ни на попечение о детях, ни на что-либо другое и думать, будто этим мы можем достаточно оправдать себя в нерадивой и беспечной жизни... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 197).

***

...Ни из угождения дружбе, ни из покорности какому-либо обычаю не станем пренебрегать добродетелью... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 210).

***

...Как стоящий на высокой скале смеется над волнами, когда видит, что они с шумом ударяются о скалу и тотчас обращаются в пену, так и подвизающийся в добродетели, пребывая в безопасном месте, не испытывает никакой неприятности от житейского волнения, но живет спокойно, наслаждаясь тишиной своих помыслов... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 214).

***

...<Добродетель> сопутствует нам и во время исхода отсюда, и тогда особенно, когда мы нуждаемся в ее пособии, в тот страшный день подает нам великую помощь, преклоняя на милость к нам Судию (свт. Иоанн Златоуст, 47, 215).

***

...Добродетель и сама по себе достойна удивления; но если еще кто творит ее окруженный препятствиями, то она является гораздо более дивною (свт. Иоанн Златоуст, 47, 215—216).

***

Такова-то сила добродетели, что она, и страдая, побеждает причиняющих (страдания) и, подвергаясь нападениям, бывает выше нападающих (свт. Иоанн Златоуст, 47, 216).

***

...Нечестивые обыкновенно всегда издеваются над решившимися удаляться нечестия и прилепляющимися к добродетели... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 216).

***

Нечестие всегда проявляет большую злобу против добродетели; и не только нимало не вредит ей, но, нападая на нее, делает ее только сильнее (свт. Иоанн Златоуст, 47, 216).

***

...Добродетель своим появлением обращает в бегство грех, и, рассеяв мрак заблуждения, возбуждает души взирающих на нее к славословию (свт. Иоанн Златоуст, 47, 268).

***

Пусть ни бесчестие не печалит нас, ни бедность не стесняет, ни болезнь телесная не ослабляет бодрости душевной, ни людское презрение и унижение не делает нас менее усердными к подвигам добродетели... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 294—295).

***

Одинаково пагубно и вредно для нашего спасения как совершение дел духовных ради славы человеческой, так и высокое мнение о совершенных нами добродетелях (свт. Иоанн Златоуст, 47, 326).

***

...Творящий добродетель по... заповеди (см.: Мф. 6, 17—18) и старающийся скрывать ее от людей явно получит от Господа награду в тот Страшный день (свт. Иоанн Златоуст, 47, 326).

***

...Соблюдая добродетель, мы получаем сугубую награду от Бога — и за то, что сами в добродетели живем, и за то, что ближних привлекаем к добродетели... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 441).

***

...Добродетель... людей, хотя бы и немногих, может покрыть грехи многих — потому что велика благость Господа... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 469).

***

...Нет ничего сильнее и могущественнее добродетели... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 563).

***

...Никто не должен смотреть на трудность добродетели, но, имея в виду происходящую от нее пользу, всякий с готовностью да подъемлет ради нее все труды (свт. Иоанн Златоуст, 47, 576).

***

...Нет ничего сильнее, нет ничего могущественнее добродетели, — не потому, чтобы она сама по себе имела такую силу, а потому, что приобретший ее пользуется и Вышнею помощью (свт. Иоанн Златоуст, 47, 660).

***

Такова сила добродетели, что и чрез самые гонения она достигает большей славы (свт. Иоанн Златоуст, 47, 660).

***

Как перл, хотя бы брошен был в тину, показывает свою красоту, так и добродетель, куда бы ты ее ни свергнул, проявляет свою силу — и в рабстве, и в темнице, и в бедствии, и в счастии (свт. Иоанн Златоуст, 47, 671).

***

...Никому нельзя ссылаться на юность там, где должно показать добродетель (свт. Иоанн Златоуст, 47, 678).

***

Если и мы желаем иметь свыше помощь, то будем заботиться о добродетели. Таким образом и мы привлечем благодать Духа, — и настоящую жизнь проведем беспечально, и будущие наследуем блага... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 725).

***

Если будем содержать правильные догматы, а дел добродетели не будет, то совершенно лишимся Вечной жизни (свт. Иоанн Златоуст, 47, 738).

***

Ничто так не способствует преспеянию в добродетели, как частое собеседование с Богом <в молитве>, постоянное благодарение и славословие Бога (свт. Иоанн Златоуст, 48, 88).

***

Добродетель и сама по себе трудна и неудобоисполнима, но особенно тогда, когда исполняющий ее находится

среди малого числа людей добрых (свт. Иоанн Златоуст, 48, 138).

***

Не малый знак добродетели, когда кто в счастии остается добродетельным (свт. Иоанн Златоуст, 48, 465).

***

...Немаловажный вид добродетели — не избегать обличений и укоризн от людей праведных (свт. Иоанн Златоуст, 48, 490).

***

Такова добродетель: она требует кратковременного труда, а доставляет вечную радость (свт. Иоанн Златоуст, 48, 492).

***

...Ограждается, укрепляется и возрастает добродетель... тем, чтобы удаляться от нечестивых, быть собранным и сосредоточенным в самом себе во всю жизнь и жить в уединении от людей развращающих (свт. Иоанн Златоуст, 48, 493).

***

Бог не принимает того, что совершается в силу необходимости, но только то, что совершается свободною волею (свт. Иоанн Златоуст, 48, 715).

***

Кто имеет золото, серебро или драгоценные камни, тот не оставляет их снаружи, но скрывает во внутренних

покоях, куда не могут достигнуть руки воров, подкапывающих стены; так и тот, кто имеет богатство добродетели, скрывает его в душе, чтобы обольщениями тщеславия не расхитили его грабители душ (свт. Иоанн Златоуст, 48, 787).

***

...Кто не живет добродетельно, тот, хотя бы прожил и много лет, все-таки умирает в недостатке дней, т. е. преждевременно, не принесши тех плодов, ради которых он и вступил в жизнь (свт. Иоанн Златоуст, 48, 839).

***

Такова добродетель: она одним появлением своим огорчает живущего порочно (свт. Иоанн Златоуст, 49, 47).

***

Тем, кто следует добродетели, нехорошо превозноситься и говорить о себе великое, так как гордых постигают наказания от Бога... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 124).

***

<После пришествия Христова> никакая добродетель не есть самая трудная и никакая не легче прочих, стремитесь легко ко всем и будете совершенствоваться, когда пожелаете (свт. Иоанн Златоуст, 49, 215).

***

...Добродетель легка не по своей природе, но Христос Своим пришествием сделал ее весьма легкою... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 215).

***

Мы постоянно видим, что выдающимися людьми становятся не крепкие телесною силою, но великие душевною добродетелью, так как и корабль рассекает волны не потому, что он велик, окован медью и имеет несокрушимые борты, но потому, что имеет управителя, который направляет его по своей воле (свт. Иоанн Златоуст, 49, 301).

***

Добродетель делает здоровыми не только души, но также и тела, сохраняя их от разложения, наподобие острой и холодной зимы (свт. Иоанн Златоуст, 49, 309).

***

Добродетель не подвергается рабству, и ничто не может преодолеть ее: ни рабство, ни плен, ни бедность, ни болезнь, ни самая смерть... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 441).

***

Бог разделил с нами добродетель, не все предоставил нам, чтобы мы не возгордились, и не все взял на Себя, чтобы мы не впали в беспечность, но, оставив немногое нашим трудам, большую часть совершает Сам <...>

Для чего же, скажешь, мне и стремиться, для чего хотеть, если не все зависит от меня? Для того, чтобы хотением и стремлением привлечь помощь и благословение Божие, чтобы Он оказал содействие, простер Свою руку и довел до конца. А если ты... перестанешь хотеть и стремиться, то и Бог не прострет Своей руки, но отступит и Он (свт. Иоанн Златоуст, 49, 449—450).

***

Добродетели возводят нас к той дивной первообразной красоте, какою человек обладал, будучи создан по образу Божию и подобию (свт. Иоанн Златоуст, 49, 840).

***

...Будем остерегаться — хвалить себя за доброе, потому что это делает нас и пред людьми ненавистными, и пред Богом мерзкими (свт. Иоанн Златоуст, 50, 33).

***

...Глас добродетели громче всякой трубы, и жизнь чистая светлее самого солнца... Если мы будем иметь все... добродетели: если будем кроткими, смиренными, милостивыми, чистыми, миротворцами, не будем отвечать на оскорбления оскорблением, а, напротив, принимать их даже с радостью, то мы всех взирающих на нас привлечем этим не менее, как и чудесами... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 162).

***

...Как скоро хотя немного станем избегать грехов, порок будет нам казаться гнусным и безобразным, а добродетель легкою, удобною и любезною (свт. Иоанн Златоуст, 50, 189).

***

Пока мы увлекаемся страстями, до тех пор добродетель почитаем трудною, неудобною и неприступною, а порок любезным и приятным (свт. Иоанн Златоуст, 50, 189).

***

...Если ты особенно желаешь того, чтобы люди видели твои добродетели, то скрой их ныне, чтобы все с большею честью увидели их тогда, когда Бог сделает их явными, откроет и возвестит пред всеми. Видящие ныне обвинят тебя, пожалуй, и в тщеславии, а когда увидят тебя венчаемого, тогда не только не обвинят тебя, но и все удивятся тебе (свт. Иоанн Златоуст, 50, 218).

***

...Ты обижаешь и самую добродетель, когда исполняешь ее не для нее самой, но для <кого-нибудь> (свт. Иоанн Златоуст, 50, 234).

***

...Добродетели души не земное имеют начало, но суть плод духовный и не подлежат съедению от червей. Эти одежды ткутся на небе, где нет ни моли, ни червей, ни чего-либо подобного (свт. Иоанн Златоуст, 50, 275).

***

Добродетель так сильна, что и по смерти могущественнее живых (свт. Иоанн Златоуст, 50, 283).

***

...Чем более преуспеваем в добродетели, тем больше научаемся познавать, как велико расстояние между Богом и нами (свт. Иоанн Златоуст, 50, 291).

***

...Будем упражняться в добродетели, она составляет великое богатство и великое чудо. Она доставляет истинную свободу... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 361).

***

...Добродетель имеет и главу, и члены, благолепнейшие всякого стройного и красивого тела. Что такое, спросишь, глава добродетели? Смиренномудрие... Она не имеет ни волос, ни кудрей, но так прекрасна, что привлекает Самого Бога... Глава эта, вместо волос и косы, приносит жертвы, благоприятные Богу. Она — золотой жертвенник и духовный алтарь... Она — матерь премудрости. Кто ее имеет, тот и все прочее иметь будет <...>

Если хочешь видеть и глаза добродетели, то посмотри: они тщательно очертаны скромностью и целомудрием. Оттого-то они так прекрасны и проницательны, что видят Самого Господа... Уста же добродетели суть премудрость и разум и знание духовных песнопений. Сердце ее есть глубокое ведение Писаний, соблюдение истинных догматов, человеколюбие и добродушие. И как без сердца невозможно жить, так без исчисленного теперь невозможно спастись. Отсюда рождается все доброе. У добродетели есть также свои руки и ноги — явление добрых дел. Есть у нее и душа — благочестие. Есть у нее золотая и тверже адаманта грудь — мужество. Легче все одолеть, чем сокрушить эту грудь. Наконец, дух, пребывающий в мозгу и в сердце, — любовь (свт. Иоанн Златоуст, 50, 492—493).

***

...Многого труда стоит утвердиться в добродетели; но за то она много радует совесть, и столько производит внут-

реннего удовольствия, что никаким словом и выразить нельзя (свт. Иоанн Златоуст, 50, 551).

***

...Не только пренебрежение одной какой-либо добродетели заключает для нас небо; но хотя бы мы и исполнили ее, но не с должным тщанием и ревностью, и это производит такие же следствия (свт. Иоанн Златоуст, 50, 658).

***

...Кто <добродетели> делает для славы, тот, когда только можно утаиться, не откажется удовлетворить своим злым пожеланиям (свт. Иоанн Златоуст, 51, 182).

***

Добродетель еще прежде получения венцов утешает своего труженика, питая его надеждами... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 235).

***

...Ничто так не делает людей разумными, как добродетель; она делает их признательными, благонамеренными, человеколюбивыми, тихими, кроткими, смиренными; она обыкновенно рождает и все другие совершенства. Кто же может быть мудрее человека с такими расположениями? (свт. Иоанн Златоуст, 51, 275).

***

Сурова добродетель, но будем представлять ее облеченною в величие будущих обетований. Люди с душою воз-

вышенною находят ее и без этого, саму по себе прекрасною, и потому стремятся к ней, живут добродетельно не из-за наград, а для угождения Богу, и высоко ценят целомудрие не для того, чтобы избежать наказания, а потому, что так повелел Бог (свт. Иоанн Златоуст, 51, 516).

***

Когда мы, живя добродетельно, подвергаемся преследованию людей злых и за привязанность к добродетели терпим от них осмеяние, — не будем печалиться и скорбеть. Таково уже свойство добродетели, что она, обыкновенно, в людях злых возбуждает к себе ненависть. Завидуя тем, кто хочет жить праведно, и думая самим себе приготовить оправдание, если очернят добрую славу других, злые люди ненавидят (добрых), как идущих противоположным путем, и всячески стараются обесславить их жизнь. Но не будем сокрушаться, потому что ненависть злых служит знаком добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 51, 548).

***

Кто сделал, как должно, что-либо малое, тот получил побуждение приступить к делу более важному, а отсюда — идти и гораздо далее (свт. Иоанн Златоуст, 52, 82).

***

...Ангелами делает добродетель, а добродетель в нашей власти; следовательно, мы можем созидать ангелов, если не по естеству, то по произволению (свт. Иоанн Златоуст, 52, 294).

***

Без добродетели нет никакой пользы быть ангелом по естеству, это доказывает диавол, бывший таким прежде, а с нею нет никакого вреда быть человеком по естеству; это доказывает Иоанн, бывший человеком, и Илия, восшедший на небо, и все имеющие отойти туда. Им и тело не воспрепятствовало обитать на небе, а те, будучи бестелесными, не могли остаться на небе. Потому пусть никто не скорбит и не жалуется на свою природу, как бы она препятствовала, но на свое произволение (свт. Иоанн Златоуст, 52, 294).

***

...Несчастие бывает для добродетели причиною и поводом к ее прославлению (свт. Иоанн Златоуст, 52, 469—470).

***

...В добродетели начало исполнено трудов, а продолжение приятно, так что этим и самый труд облегчается... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 631).

***

Все стяжание добродетели остается бесполезно, если в корне своем не имеет правых догматов (свт. Иоанн Златоуст, 52, 654).

***

Тяжка... <добродетель> для нашей лености, а сама по себе легка и удобна... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 137).

***

...Добродетель... доставляет только радость и спокойствие; она делает человека недоступным для коварных врагов... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 362—363).

***

...Держись добродетели; в таком случае, хотя бы ты в юности переселился отсюда, переселишься безопасно, хотя бы достиг старости, переселишься обогащенный, и во всю жизнь будешь иметь сугубый праздник, и как воздержавшийся от порока, и как возлюбивший добродетель (свт. Иоанн Златоуст, 53, 660—661).

***

Солнце, приподнявшись над землею и совершая к нам путь с востока, прогоняет ночь, будит спящих и вызывает к делам; свет богопознания будит душу, освещает помыслы и вызывает к добродетели; и этого нам нужно желать больше, чем солнечного блеска (свт. Иоанн Златоуст, 53, 822).

***

...Смиренномудрие есть основа всякой добродетели. Если ты имеешь смирение и помнишь, кто ты и как спасен, то воспоминание об этом служит для тебя побуждением к добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 54, 85).

***

...Если в нас есть добродетель, то любовь не погибнет, потому что добродетель от любви, а любовь от добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 54, 88).

***

Не так непристойно человеку быть нагим по телу, как быть обнаженным от добродетели. При телесной наготе его непристойное положение видят такие же (как он) рабы, а там — это видят Владыка и Ангелы (свт. Иоанн Златоуст, 54, 117).

***

...Зная, что без добродетели мы хуже бессловесных, будем подвизаться в ней, чтобы быть людьми, или лучше — ангелами и наслаждаться обещанными благами... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 287).

***

...Ничто не может победить добродетели — ни богатство, ни бедность, ни власть, ни подчиненность, ни управление делами, ни болезнь, ни бесславие, ни ссылка... она, оставив все это долу, на земле, поспешает на небо (свт. Иоанн Златоуст, 54, 328).

***

Одна только добродетель способна сопутствовать нам, одна только добродетель переходит в будущую жизнь (свт. Иоанн Златоуст, 54, 695).

***

Добродетели к человеку не привяжешь, если нет у него к ней расположения (свт. Иоанн Златоуст, 54, 931).

***

...В бедности гораздо легче быть добродетельным, нежели в богатстве (свт. Иоанн Златоуст, 55, 25).

***

...Кто намеревается обратиться к добродетели, тот наперед должен отказаться от пороков, и тогда уже вступить (в жизнь добродетельную) (свт. Иоанн Златоуст, 55, 88).

***

...Пусть не приступает никто из вас к добродетели как наемник, как неблагодарный, как к чему-либо тяжкому и невыносимому, напротив, будем приступать к ней с усердием и радостью. Если бы не была обещана награда, то неужели не следовало бы быть добродетельным?

...Бог, по великой нашей немощи, благоволит побуждать нас к добродетели, по крайней мере, наградою, но мы и при этом не делаемся добродетельными (свт. Иоанн Златоуст, 55, 124—125).

***

Пред добродетелью все богатство вселенной хуже грязи, меньше соломинки (свт. Иоанн Златоуст, 55, 161).

***

Нет, подлинно нет такого сильного побуждения к добродетели, как воспоминание о своих грехах (свт. Иоанн Златоуст, 55, 195).

***

...Добродетель <есть> дело бессмертное и сияющее более солнца (свт. Иоанн Златоуст, 55, 286).

***

Такова добродетель: когда ее поражают, она делается могущественнее, и, когда против нее коварствуют, становится непоколебимее (свт. Иоанн Златоуст, 55, 302).

***

...В борьбе за добродетель... нужно одно только — воля и душа подготовленная, тогда и юность не бывает бесполезной, и старость не бывает непригодной, — но в каждом возрасте можно видеть зрелый изобильный плод... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 350).

***

...Никто, пребывающий в добродетели, пусть не предается сну. Пусть не полагается слишком на себя... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 501).

***

Если Бог оказывает нам благодеяния, когда мы не достойны их, и милосердствует к согрешающим, то чего не достигнем мы, какими благами не насладимся, если отстанем от нечестия и будем идти стезею добродетели? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 502).

***

...Если мы ревнуем о добродетели, то хотя бы весь мир говорил о нас худо, мы будем всех счастливее (свт. Иоанн Златоуст, 55, 619).

***

...Будем стараться о приобретении таких добродетелей, которые вместе с нашим собственным спасением могли бы приносить пользу и ближним (свт. Иоанн Златоуст, 55, 662).

***

...Невозможно, чтобы люди, преданные добродетели, от всех слышали о себе хорошее, невозможно также, что-

бы человек, заботящийся о добродетели, не имел многих врагов... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 712).

***

Порок проявляет большую ярость против добродетели, однакож не только не вредит ей нисколько, но и делает ее более сильной для борьбы (свт. Иоанн Златоуст, 55, 713).

***

...Что такое добродетель человека? Не богатство, чтобы ты мог бояться бедности, не здоровье, чтобы опасаться болезни, не общественное мнение, чтобы страшиться худой славы, не просто жизнь, без цели, чтобы не бояться смерти, и не свобода, чтобы избегнуть рабства. Добродетель состоит в сохранении истинных догматов и правильности в жизни. А этого и сам диавол не может отнять, если имеющий это будет хранить с надлежащей тщательностью... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1021).

***

...Тотчас полагай начало добродетели, а не откладывай к будущему. Хорошо приниматься за доброе дело, а не тешиться надеждами (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1111).

***

...Постепенно преуспевая, найдем, что упование на Бога, твердая вера, внутреннее ведение, избавление от искушений, благодатные дарования, сердечное исповедание, обильные слезы доставляются верующим молитвою; и не только это, но и терпение находящих прискорбностей, и искреннее прощение ближнему, и разумение духовного за-

кона, и обретение правды Божией, и Духа Святаго наитие, и духовных сокровищ подаяние, и все, что обетовал Бог верующим и здесь и в будущем веке. Одним словом — невозможно душе иначе являться сущею по образу Божию, как благодатию Божиею и верою человека, в сердце пребывающего в глубоком смирении и в нерассеянной молитве (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 179).

***

...Монах, желая собрать духовный мед, как мудрая пчела, должен всякую добродетель заимствовать от тех, кои владеют ею в особенности, и прилежно слагать в своем сердце, не должен допытываться, кто какой имеет недостаток, а смотреть и старательно усвоять только то, что добродетельного кто имеет. Ибо если мы хотим заимствовать от одного все добродетели, то трудно, или вовсе никогда, не могут найтись пригодные нам примеры для подражания (прп. авва Антоний, 56, 50).

***

...Свойство всех добродетелей одно, хотя по видимому разделяются на многие виды и наименования: так как и сущность золота одна, хотя оно кажется различным во многих и разных родах украшений по способности и воле художников (прп. авва Антоний, 56, 54).

***

...Добродетели, или самая любовь, которая есть источник их, будучи приобретена в сем веке, и по кончине этой жизни облекает красотою и блеском любителя своего... (прп. авва Пафнутий, 56, 212).

***

Во всем, что собственно касается человека, главным образом должно почитать одну только душевную добродетель, которая, приводя нас к Богу посредством чистой веры, побуждает непрерывно прилепляться к сему неизменному благу (прп. авва Феодор, 56, 263).

***

Человеческая же добродетель, какая бы ни была, не может быть неизменяемою: напротив, если кто, стяжав сию добродетель, захочет непрерывно обладать ею, тот необходимо должен для этого всегда прилагать то же тщание и тот же труд, с каким соединено было приобретение оной, и особенно нужна для сохранения ее помощь благодати Божией (прп. авва Феодор, 56, 278).

***

...Творец посеял в душах наших семена добродетелей; но только для возрастания их нужны возбуждения со стороны Бога... (прп. авва Херемон, 56, 412).

***

...Добродетели порождаются не скрыванием пороков, а побеждением их (прп. авва Херемон, 56, 504).

***

...Если есть в нас какое-либо назнаменование добродетели, какой-либо признак честности, какой-либо знак трезвенности и осторожности, то должны мы так думать и быть уверенными, что это Божий дар, и Богу воздавать достойную хвалу (прп. Исидор Пелусиот, 60, 132).

***

Для того, чтобы быть добродетельным, недостаточно подвижничества, но при подвижничестве надобно быть скромным (прп. Исидор Пелусиот, 60, 262).

***

Пребывающие в союзе с добродетелью столько же отличны от чуждых оной, сколько люди — от зверей, и Ангелы — от людей (прп. Исидор Пелусиот, 60, 288).

***

Искренние любители добродетели, и живя в теле, исправляют города, и, сложив с себя тело, оставляют по себе жало любви; потому что гробы их подлинно славны, и род их почтен, и память их вечно продолжается. Да и справедливо, потому что приобрели они добродетель, к которой не может прикоснуться кончина (прп. Исидор Пелусиот, 60, 288—289).

***

Ничто не равно добродетели, не потому только, что она несравнимым превосходством превышает все прочее, но и потому, что и неправильное делает правильным, и неравное уравнивает. Ибо и в нищете не унижается, но и в рабстве не терпит служений несвободных, и в бесславии не скрывается, но и в богатстве не гордится, и в начальстве не превозносится, а, на все это налагая свое умение, подчиняет сие правилу и приводит в стройность, не сама следует тому или другому, но все заставляет последовать своему искусству (прп. Исидор Пелусиот, 60, 352—353).

***

Кому известны дела блистательнейшие дел добродетели, которая своим любомудрием и неправильности делает правильными, в неравных обстоятельствах сохраняет одинаковый образ мыслей, повсюду уготовляет себе громкую славу, падших в бедствия утешает, возгордившихся в благоденствии уцеломудривает? Посему к ней устремляй око души своей, в ее красоту всматривайся, чтобы, когда соделаешься пламенным ее любителем, все тебя хвалили и провозглашали (прп. Исидор Пелусиот, 60, 353).

***

Чти добродетель, а не счастью услуживай. Ибо добродетель достояние бессмертное, а счастье легко рушится (прп. Исидор Пелусиот, 60, 378).

***

Правило же добродетели и любомудрия — искренность с благоразумием (прп. Исидор Пелусиот, 60, 395).

***

Добродетель не признает бесчестием — всем быть равного достоинства по нравам, но не надлежит также любить тебе невозможное, а, напротив того, оставив это, надобно желать сообразного. Ибо и священнотаинник Моисей и богомудрый Павел в ином не достигали того, чего просили, но были научены, что просили не на пользу себе (прп. Исидор Пелусиот, 60, 397).

***

...Любители добродетели всего превыспреннее и поставили себя выше не только малодушия, но и страхов, и

опасностей, и всякой превратности, не в том смысле, что не терпят сего, но в том (и сие гораздо важнее и показывает, что таковая жизнь божественна), что пренебрегают встречающиеся с ними бедствия... (прп. Исидор Пелусиот, 60, 421).

***

Во всяком почти собрании много бывает речей о добродетели, но мало у многих о ней заботы, много же у небольшого только числа. По крайней мере, все, не только любители добродетели, но и враги ее, прославляют ее. Такова лепота добродетели! А порок и враги и любители порицают. Такова его гнусность! Но вооруженный настоящим удовольствием, от многих заслуживает он одобрение, и будучи зверообразным, предпочитается добродетели, сияющей божественною лепотою. Посему надлежит знать, что, если настоящее удовольствие и кажется имеющим более силы, нежели оказывающееся полезным впоследствии, то конец его бывает пагубен. Посему лучше идти от трудов к покою, нежели от удовольствия к наказанию (прп. Исидор Пелусиот, 60, 444).

***

Добродетель имеет не только награду... но и венец, и громкую славу. Но несправедливо поступишь, доведываясь о каждом ее виде, есть ли за это награда. Ибо большая будет награда тому, кто делает не из награды. Если ты в подлинном смысле будешь любителем добродетели, то узнаешь, что и без воздаяния добродетель сама по себе есть награда, венец и украшение, имея воздаяние в себе самой. Но поелику, как настоящий наемник, тщательно допытываешься о награде, то в слышащих это возбуждаешь

подозрение, что, говоря предположительно, если бы не было награды, ты не стал бы упражняться и в добродетели. Впрочем, как бы ты ни думал, только упражняйся в добродетели, которая любителей своих соделывает славными здесь, и еще славнейшими там (прп. Исидор Пелусиот, 60, 452—453).

***

Когда, под руководством благоразумия, все силы в человеке посвятят себя на служение добродетели, отложив все извинения и всякое коснение, тогда, тогда именно, доведет ее до совершенства Бог, Который и не хотевших побуждает возлюбить ее. Ибо Ему несвойственно было бы уклоняющихся от добродетели привлекать к ней, а тем, которые сами собою возлюбили ее, не подать руку помощи (прп. Исидор Пелусиот, 61, 46—47).

***

Всякое дело бывает отлично хорошо при заботливом ухаживании, а без заботливости скоро пропадает, особенно же добродетель требует, чтобы услуживали ей ежедневным в ней упражнением, а без возделывания теряет листья, и губит плод (прп. Исидор Пелусиот, 61, 74—75).

***

Когда воздержишься от порока, тогда вправе будешь думать и о добродетели. Ибо, если сгладишь с себя порок, то можно будет подумать и о том, за какой вид добродетели взяться тебе. А прежде нежели правильно положено начало и основание, излишним почитаю рассуждать об окончании и кровле (прп. Исидор Пелусиот, 61, 112).

***

Как скоро поток греха остановится в стремлении к погибели, <тогда> примет свое начало движение к добродетели. Как на поприще только прекращение движения делает возможным движение обратное, а пока не остановишься, не можешь обратиться в противную сторону: так и порок, если не остановишь его, не даст места добродетели (прп. Исидор Пелусиот, 61, 188).

***

Пусть кто-нибудь происходит из самого славного отечества и знаменитого рода, изобилует богатством всякого вида, в красноречии достиг наибольшей высоты, все произведения древних носит у себя в устах, величается и силою, и красотою, и славою, и правом начальства, удостоился самой царской власти, возложил на себя венец и багряницу, но если не имеет он добродетели, то поставлю его в ряду невольников. Но если кто по своей справедливости, по целомудрию, по мужеству, по благоразумию мудрец, то причислю его к мужам царственным. А если любитель добродетели лучше имеющего все сказанное выше в совокупности, то не имеющего всего этого в совокупности (так как сойтись всему вместе и невозможно) будет он гораздо еще блаженнее и славнее, потому что те блага скоро гибнут, а добродетель бессмертна (прп. Исидор Пелусиот, 61, 209).

***

Те, которые изощряют душу в добродетели, как природные некие облики Божественного любомудрия, по необходимости пребывают в союзе с телом, и, довольствуясь

самым нужным, ненавидя же возмущающую сердце любостяжательность, как источник всякого порока, избавляют себя от тьмочисленных зол (прп. Исидор Пелусиот, 61, 250).

***

...Иди средним путем добродетели; потому что излишества и недостатки, отводя от пути прямого, оканчиваются пороками (прп. Исидор Пелусиот, 61, 326).

***

...Ищи добродетели, избавляющей от всего худого. Если она требует потов и трудов, то не бегай ее за это, но возлюби наипаче, рассуждая, что и во всем прочем приобретенное потами и трудами, даже и малое что-либо, вожделенно; а доставшееся само собою, даже великое что-нибудь, пренебрегается (прп. Исидор Пелусиот, 61, 327).

***

Кто упражняется в добродетели, тот имеет светлый венец. А кто преуспевает, не признавая себя преуспевшим, за это самое расположение имеет еще более светлый венец. Ибо равняется преспеянием — преуспевшему не признавать себя преуспевшим. Лучше же сказать, когда есть такое расположение, и малые преспеяния делает оно великими; а когда его нет — и великие преспеяния умаляются. Посему кто хочет преспеяния свои сделать великими, тот не признает их великими, и тогда будут велики (прп. Исидор Пелусиот, 61, 365).

***

...Подвижник добродетели в самом подвиге обучается добродетели, и дознает некоторым образом, что она всего полезнее, всего благоприличнее, всего более охраняет нас, и узаконена на пользу (прп. Исидор Пелусиот, 61, 472).

***

Как светильник, показавшись в безлунную ночь, сам собою обращает к себе взоры, так и добродетель, против воли обладающих ею, обыкновенно озаряет всех (прп. Исидор Пелусиот, 62, 73).

***

Добродетель... есть достояние божественное, богоугодное, блаженное, бессмертное, непрепобеждаемое забвением. Ибо славна у людей, и приснопамятна у Бога... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 137).

***

...Бегите же вослед добродетели, она сильна на то, чтобы держащихся ее умудрить и соблюсти в приличном состоянии. Она часто и в глазах, которые смотрят как-то кротко и тихо, показывает, что внутри есть ум, исполненный смиренномудрия (прп. Исидор Пелусиот, 62, 149).

***

...Одно только богатство добродетелей безопасно сохраняет при себе приобретший оное... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 159).

***

Одна добродетель достаточна к тому, чтобы украсить обладающего ею, ибо ни один начальник не имеет сам ио себе вознаграждения, но приобретает почесть в подданных, а любитель добродетели имеет славу в себе самом, и притом неотъемлемую (прп. Исидор Пелусиот, 62, 180).

***

...Имеющим у себя сокровище добродетелей гораздо более прилично бодрствовать, нежели не приобретшим ничего хорошего. У одних есть, а у других нет, что и стеречь. И не столько печалит неприобретение чего-либо, сколько лишение того, что было в руках (прп. Исидор Пелусиот, 62, 228).

***

Если за что достоин ты величайших похвал, за то самое тебя порицают люди, добродетели других признающие собственным своим несчастьем, ты не упадай духом. Сие самое и служит наипаче сильнейшим доказательством добродетели (прп. Исидор Пелусиот, 62, 232).

***

...Если думаете, что порок доставляет наслаждение, а добродетель — труды и поты, то должны представить себе, что наслаждение прежде нежели явится, уже исчезает, а добродетель имеет бессмертное веселие; порок, идя путем широким и пространным, оканчивается местом тесным и непроходимым; добродетель же, шествуя с трудами и потами, достигает широкой радости (прп. Исидор Пелусиот, 62, 239).

***

...Возлюбите добродетель, которая удобно приведет вас и к Божественной вере (прп. Исидор Пелусиот, 62, 240).

***

Если ты упражняешься в добродетели, то не потерпи, чтобы красота ее помрачалась ее изображением. Добродетель — великое дело, и когда свидетельствует не сама о себе, кажется людям более величественною и прекрасною. Если же думаешь, что останешься в неизвестности, если сам себя не выставишь на показ, то думай напротив, что тогда и просияешь, когда не будешь выставлять себя напоказ. Ибо род человеческий как-то упорен; на величающихся вооружается, а старающимся смиряться с удовольствием уступает над собою победу. Первым, сокращая их любочестие, приписывает недостатки, которых не имеют, а в последних хвалят совершенства, которых в них нет. Притом же добродетели и утаиться невозможно, но, хотя на малое время и помрачает ее зависть, немедленно снова она просиявает и преодолевает помрачивших. Невозможно утаиться как свету, так и добродетели. И это пусть сказано будет о суде человеческом. Если же тебе желательно дознать и суд Божий, то имеем в Божественном Евангелии ясно изображенный приговор фарисею и мытарю (прп. Исидор Пелусиот, 62, 243—244).

***

Из телесных преимуществ каждое легко утрачивается и имеет временную приятность, таковы, например, красота, сила, быстрота, потому что они с разрушением тела обратятся в ничто. Одной только добродетели, как питаемой

в бессмертной душе, не обыкла касаться превратность. Поэтому надлежит всеми силами подвизаться в добродетели, а не почитать за великое казаться только подвизающимся. Но не пренебрегите ее из жадности к богатству; оно малоценнее добродетели. Богатство легко отнимет иной или тайно, или по превосходству сил, а добродетели не лишит, хотя бы разлучился ты с телом (прп. Исидор Пелусиот, 62, 257).

***

Кто возлюбил добродетель в старости, тот все остальное время тратит на то, чтобы прийти в возможность загладить грехи свои в первом, втором и третьем возрасте, и все тщание его истощается на это. Но и в таком случае часто недостает ему времени. Если падения его были неизвинительны и велики, то отходит к нелицеприятному Судии, нося на себе остатки язв. А кто с юного возраста объял добродетель, тот не тратит на это времени, и не сидит как бы во врачебнице, врачуя с трудом исцелимые струпы... напротив того, с вступлением в жизнь получает славные награды... он с самого начала поприща восхищается победными памятниками и провозглашениями, и присовокупляет победы к победам (прп. Исидор Пелусиот, 62, 261—262).

***

...Добродетель и оскорбляемую лобзаю и люблю, а порок и венчаемый признаю гнусным, и ненавижу (прп. Исидор Пелусиот, 62, 287).

***

...Крайне удивляюсь щедрости Божией великодаровитости, потому что дарует венец за венцом, чистую добро-

детель украшая Царством Небесным (прп. Исидор Пелусиот, 62, 291).

***

Слепотствует лик добродетелей, если не руководствует им правое учение. Не действенно и правое руководственное учение, если нет при сем лика добродетелей. Если же учение, стоя во главе, предводительствует, а добродетели сопровождают, то лик сей во всяком случае будет увенчан, как совершивший подвиг законно (прп. Исидор Пелусиот, 62, 297).

***

Никто не сподобится небесного торжества, не отличаясь признаками добродетели. А поелику иные, как говоришь, хвалясь ею на словах, в действительности делают достойное не торжества, но наказания, то явно, что у них иное на языке, а иное на сердце, и не подражать им надлежит, но горько о них плакать (прп. Исидор Пелусиот, 62, 316).

***

Обетовавший венец упражняющемуся в добродетели два дает дара: один — самое дело, а другой — награду за дело. Ибо самый подвиг, как он ни труден, кажется мне даром, не меньшим награды за подвиг, если только как добродетель служит основанием венцу, так и венец дается не без добродетели (прп. Исидор Пелусиот, 62, 322—323).

***

Не думай подвигами в добродетели отразить клеветы. На добродетельных наипаче злоумышляют люди, не заслужившие чести, потому что не упражняются в добро-

детели, но завидуют почитаемым за добродетель. Посему лучше, подвизаясь мужественно, переносить злонравие завистливых, нежели, избегая зависти, отказываться от добродетели (прп. Исидор Пелусиот, 62, 331).

***

У добродетели есть чистое, прославляемое и нескончаемое веселие, порождаемое доброю совестью, возращаемое премирными венцами, питаемое упованием будущих благ. Но есть у нее и труды, и бдения, и подвиги, при которых возможно преспеяние, потому что ленивый и сонливый не воздвигает победного памятника, воздвигает же тот, кто славно боролся с противниками (прп. Исидор Пелусиот, 62, 369).

***

Добродетель есть достояние и необходимое, и полезное, и прекрасное, и приличное, и драгоценное, и ко многому служащее — необходимое, потому что всего необходимее вести жизнь правильную; полезное, потому что ведет к блаженству; прекрасное, потому что делает имеющих ее досточестными; приличное, потому что украшает ею обладающих; драгоценное, потому что конец ее — окончание трудов; ко многому служащее, потому что всего плодоноснее. Посему, кто же, не обезумев до крайности, не прилепится всеми силами к добродетели? (прп. Исидор Пелусиот, 62, 394).

***

Не надобно дивиться, если лукавые ведут брань с добрыми. Напротив того, было бы удивительно, если бы дело

пило иначе. Ибо, хотя кажется сие крайне несообразным, и словом неизобразимо, и на деле несносно, однако же бывает не без причины. Тьма противится свету. Грабители, погасив светильники, обращаются к грабежу. И лукавые, нрав добрых почитая обличением своей жизни, стараются искоренить их (прп. Исидор Пелусиот, 62, 407).

***

...Если бы уготованы были добродетели наказание, а пороку венец, то я лучше с великою приятностью принял бы наказание, как добродетельный, нежели согласился быть увенчанным, как порочный. Так, порок, хотя бы доставил он и венец, кажется мне тягостнее всякого наказания, а добродетель всего драгоценнее, хотя бы не избавлена была от наказания... Но если непременно уготованы добродетели венец, а пороку наказание, что убеждает тебя погружаться в бездну порока? (прп. Исидор Пелусиот, 62, 413).

***

Ужели же почтешь трудным взойти на высоту добродетели, особливо когда есть и в этом успевшие, и даже восшедшие на самый верх добродетели из глубины порока. Но если кажется тебе это трудным, то отстань от порока, и коснись пути, ведущего к добродетели. Ибо и сего, — хотя мало еще отличиться от себя самого, не должно почитать маловажным. А сие будет, если не захочешь ты пользоваться как худыми предначинаниями, так и теми, которые ими пользуются, но окружишь себя и добрыми делами и добрыми людьми (прп. Исидор Пелусиот, 62, 422).

***

Знай, что в трудах добродетели пребывать постоянно от первого возраста до кончины невозможно, если ожидание наград не будет проливаемых потов растворять понемногу, и беспечально, легко, некоторым образом с веселием, отсылать к скорому окончанию подвигов. Посему, если увидишь человека, который избегает трудов добродетели — этих приятнейших услаждений для здравомыслящих, то знай, что для него не цветет благая надежда (прп. Исидор Пелусиот, 62, 435).

***

Кто на словах величает добродетель, а на деле отдает предпочтение пороку, и подобен играющим на зрелище, говорит то, чего не знает, и не подтверждает делами того, что хвалит на словах, тому советую не переставать хвалить добродетель (это было бы и несправедливо), но перестать держаться порока, чтобы тем и другим заслужить одобрение (прп. Исидор Пелусиот, 62, 455).

***

...Добродетель любителей своих делает славнейшими, хотя они в благоденствии, хотя в злополучии. Ибо благоуспешных делая более славными, при встретившихся затруднительных обстоятельствах не попускает им впасть в малодушное уныние, и служит для одних украшением, а для других прибежищем (прп. Исидор Пелусиот, 62, 457).

***

...Душа, если оградит себя всеми добродетелями, и остенит <себя> Божественным содействием, достигает того,

что все ухищрения осаждающих ее оканчиваются для них стыдом и смехом (прп. Исидор Пелусиот, 62, 465).

***

Каждая добродетель — есть как бы мать и источник происходящих от нее благ... (свт. Кирилл Александрийский, 65, 90).

***

Телесные добродетели пусть сходятся у тебя с душевными, а душевные с духовными, последние же с невещественным ведением (прп. Нил Синайский, 71, 196).

***

Не думай, что приобрел ты добродетель, если прежде не боролся за нее до крови... (прп. Нил Синайский, 71, 197).

***

Согнивший плод бесполезен земледельцу, а добродетель гордого непотребна Богу (прп. Нил Синайский, 71, 219).

***

Когда восходишь на высоту добродетелей, тогда великая тебе потребность в ограждении. Ибо стоящий на полу и упав скоро восстанет, а упавший с высоты подвергается опасности умереть (прп. Нил Синайский, 71, 222).

***

...Начинающий добродетельную жизнь отъемлет тук от утробы, отказываясь от снедей, утучняющих тело (прп. Нил Синайский, 73. 76).

***

...Труд добродетели есть семя, дающее неоскудевающий плод, и во время самого дела радует совесть ожиданием наслаждения... (прп. Нил Синайский, 73, 105).

***

...Ум снова преклоняется к страстям, которые прежде были истреблены, и весовую чашу наслаждений обременяют до того, что доходит она до земли. Таково свойство добродетели, она удобопреклонна, если вознерадеют о ней, весьма легко перевешивает противная сторона (прп. Нил Синайский, 73, 126).

***

...Едва и тот, кто начал с детства, и во все возрасты до последней старости употреблял неослабное попечение, отпечатлеет в себе первообразную добродетель; какое же усилие потребно нерадевшему о сем в прошедшие годы? (прп. Нил Синайский, 73, 157).

***

Хотя конец добродетели недостижим, но тем, что непрестанно кажется близким, побуждает он к тому, что достижимо, вызывает на преспеяние... (прп. Нил Синайский, 73, 181).

***

Радуйся добродетели, когда поступаешь добродетельно, но не превозносись ею, чтобы не случилось крушение в пристани (прп. Нил Синайский, 73, 233).

***

Добродетели скрывай, но старайся иметь многих свидетелей жизни своей (прп. Нил Синайский, 73, 235).

***

Ничего не почитай по достоинству равным добродетели, потому что она — образ Божий, как Сам Бог, непреложна (прп. Нил Синайский, 73, 240).

***

...Вслед добродетели идти должно, пока не сойдем с поприща жизни (прп. Нил Синайский, 73, 242).

***

Всему предпочитай душу, и путь добродетели совершится тогда без труда (прп. Нил Синайский, 73, 247).

***

Носи на себе образ добродетели, но не для того, чтобы обмануть видящих тебя, а чтобы принести им пользу (прп. Нил Синайский, 73, 250).

***

Как связанным трудно ходить, так и прилепившиеся к житейскому течение добродетели совершают нечисто (прп. Нил Синайский, 73, 252—253).

***

Блажен, кто украшает дела свои прежде, нежели явит их огонь, которым все искушается (прп. Нил Синайский, 73, 255).

***

Блажен, кто чист в добродетели и нелицемерен в душе; будет он судить мир, а не судим вместе с миром (прп. Нил Синайский, 73, 255).

***

...Не начало только добродетели положить надлежит, но и увенчать ее и привести к концу... (прп. Нил Синайский, 73, 289).

***

Добродетель в старости может быть названа не добродетелью, но бессилием. Посему в юности наипаче должно нам упражняться в добродетели, и в юном теле показывать благоразумие, приличное сединам (прп. Нил Синайский, 73, 329).

***

Правильное упражнение в добродетелях доставляет блаженство на Небесах, которого невозможно ни словом выразить, ни умом постигнуть, ни мыслию объять (прп. Нил Синайский, 73, 341).

***

...Если будешь не пристрастен к вещам, то удобно исполнишь всякую добродетель (прп. авва Зосима, 91, 126).

***

...Если бы и мы предварительно посевали в себе семена кротости и смирения и располагали к ним сердце

свое, то враг не имел бы места сеять в нем злые семена свои. Но как он находит нас пустыми без добрых помыслов, или даже более того, самих себя разжигающими на худое, то берет отсюда поводы наполнять нас своим злом. При любви же к добродетели бывает совершенно противное сему, ибо тогда Господь, видя, как душа жаждет спастись и как усердно возделывает в себе добрые семена, ради сего благого произволения ее, исполняет ее Своими дарами (прп. авва Зосима, 91, 128).

***

...Решающийся творить добродетели, не должен думать, что тотчас преуспеет в них, потому что это невозможно... (прп. авва Зосима, 91, 130).

***

...Для всякой добродетели потребны и труд и время... особенно же потребно для нее содействие Божие (прп. авва Зосима, 91, 130).

***

...Сила для желающих стяжать добродетели заключается в том, чтобы не малодушествовать, когда случится пасть, но снова воспринимать ревность и труд о том же (прп. авва Зосима, 91, 130).

***

Начало всякой добродетели есть Бог, как и дневного света — солнце (прп. Марк Подвижник, 68, 11).

***

Всякий порок оканчивается непозволенным наслаждением, и всякая добродетель — духовным утешением (прп. Марк Подвижник, 69, 12).

***

Не полагай приобрести добродетель без скорби, ибо находящийся в покое неопытен (прп. Марк Подвижник, 69, 13).

***

Человек, сколько может, старается (делать добро) по своей воле; Бог же устрояет исполнение сего сообразно со Своею правдою (прп. Марк Подвижник, 69, 14).

***

...Всякая добродетель, совершаемая до смерти, есть... удаление от греха; удаление же от греха есть дело естества, а не цена Царствия (прп. Марк Подвижник, 69, 30).

***

И молитва называется добродетелью, хотя она есть мать добродетелей, ибо рождает их от соединения своего со Христом (прп. Марк Подвижник, 69, 31).

***

Сколько бы мы ни приумножили добродетель сегодня, сие служит лишь обличением нашего прежнего нерадения, а не вина к получению воздаяния (прп. Марк Подвижник, 69, 32).

***

Великая добродетель — терпеть постигающее нас и, по слову Господню, любить ближнего, который нас ненавидит (прп. Марк Подвижник, 69, 32).

***

Когда ум забудет цель благочестия, тогда и явное исполнение добродетели становится бесполезным (прп. Марк Подвижник, 69, 33).

***

Кто со страхом Божиим вразумляет и наставляет согрешающего (в чем-либо), тот приобретает себе добродетель, противоположную греху (прп. Марк Подвижник, 69, 48).

***

Оставивший дела и удовольствовавшийся одним знанием вместо обоюдоострого меча держит тростниковую трость, которая во время брани, по Писанию (см.: Ис. 36, 6), поранит руку его и, вонзившись в нее, вольет прежде врагов яд надмения (прп. Марк Подвижник, 89, 527).

***

Пока умом совершенно не выйдем из обычного прилепления к существу нас самих и ко всему, что после Бога, мы не приобретаем неизменности в добродетели. Когда же любовью достигнем сего достоинства, тогда познаем силу Божия обетования, ибо достойные должны веровать, что там непоколебимое утверждение, где сперва ум любовью утвердит свою силу. Ибо не исшедши из себя и из всего,

что возможно помыслить, и не установив себя в молчании, которое превыше мышления, ум не может быть свободен от изменяемости (свойственной) всему (прп. Марк Подвижник, 89, 539).

***

Делающий добро и ищущий воздаяния не Богу работает, а своему хотению (прп. Марк Подвижник, 89, 543).

***

Не радуйся, когда сделаешь кому добро, но когда без злопамятства перенесешь последующее за тем сопротивление (от облагодетельствованного). Ибо как ночи следуют за днями, так и зло за добром (прп. Марк Подвижник, 89, 573).

***

Дух Святый в самом начале преуспеяния, если человек горячо возлюбит добродетель Божию, дает душе полным чувством и удостоверительно вкусить сладости Божией, чтобы ум точно и определительно познал, сколь велик плод боголюбивых трудов; но потом надолго скрывает богатство сего животворного дара, чтобы мы, хотя во всех преуспеем добродетелях, думали о себе, что мы ничто, потому что не видим в себе, чтоб святая любовь обратилась у нас в постоянный нрав (блж. Диадох, 91, 64).

***

Путь добродетели для начинающих любить благочестие кажется жестоким и пристрашным не потому, чтобы он

был сам по себе таков, но потому, что человеческое естество с самого исхода из чрева матери привыкает жить пространно в удовольствиях; а для тех, которые успели пройти уже до середины его, он является весь благим и отрадным, ибо когда недобрые стремления наши бывают подавлены добрыми навыками, тогда вместе с сим исчезает и самая память о бессловесных удовольствиях, вследствие чего душа уже со всем удовольствием шествует по всем стезям добродетелей. Посему Господь, выводя нас на путь спасения, говорит, что ***тесен*** и прискорбен ***путь, вводящий в живот***, и ***мало тех***, кои идут им (ср.: Мф. 7, 14); к тем же, кои со всем рвением желают приступить к хранению святых Его заповедей, говорит Он: ***иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть*** (Мф. 11, 30). Предлежит убо нам в начале подвига нашего, насилуемою некоею волею исполнять святые заповеди Божии, чтобы Благой Господь, увидев доброе намерение наше и труд, даровал нам готовность и вольную волю, с удовольствием прочее покорствовать преславным Его волениям: от ***Господа бо уготовляется хотение*** (ср.: Притч. 8, 35). После чего начнем уже мы с великою радостью совершать непрестанно благое; и тогда воистину восчувствуем, что ***Бог есть действуяй в нас, и еже хотети и еже деяти о благоволении*** (ср.: Флп. 2, 13) (блж. Диадох, 91, 67).

***

Подобает убо тем, кои предают себя стяжанию добродетелей, ни славы не желать, ни собеседования со многими не искать, ни частыми выходами и прогулками не пользоваться, ни поносить кого-либо, хотя бы кто и достоин был поношения, ни многословить, хотя бы могли говорить одно хорошее, ибо многословие безмерно рассеивает

ум и не только к духовному деланию делает его неспособным, но и предает в руки беса уныния, который, малопомалу расслабив его, передает потом его бесу безмерной печали, а наконец и бесу гнева. Почему должно всегда упражнять ум в соблюдении святых заповедей и в глубоком памятовании славы Господа (блж. Диадох, 91, 70).

***

...Чтобы положить основание добродетели, лучше всего человеку держать себя в устранении от дел житейских и пребывать в законе света стезей правых и святых... (прп. Исаак Сирин, 58, 9).

***

В человеке, которого ум утружден заботою о преходящем, добродетель не пробуждает помысла к тому, чтобы возлюбить ее и взыскать обладания ею (прп. Исаак Сирин, 58, 13).

***

Ненасытимость души в приобретении добродетели обращает в свою пользу часть видимых вожделений сопряженного с нею тела (прп. Исаак Сирин, 58, 14).

***

Не тот любитель добродетели, кто с борением делает добро, но тот, кто с радостью приемлет последующие за тем бедствия (прп. Исаак Сирин, 58, 18).

***

...Как скоро душа делается беспечною к делам добродетели, непременно увлекается в противное тому (прп. Исаак Сирин, 58, 19).

***

Если делаешь что для добродетели и для души, то не заботься о суетном (прп. Исаак Сирин, 58, 19—20).

***

...Основание всех добродетелей — пост, бдение, бодрствование в службе Божией, в распинании тела целый день и целую ночь... (прп. Исаак Сирин, 58, 96).

***

Если будешь трудиться в прекрасной добродетели и не почувствуешь, что вкушаешь от нее наслаждение, то не дивись. Ибо, пока не смирится человек, не получает награды за свое делание (прп. Исаак Сирин, 58, 154).

***

Добродетель есть матерь печали <по Богу>, а от печали рождается смирение, а смирению дается благодать (прп. Исаак Сирин, 58, 154).

***

Кто без скорби пребывает в добродетели своей, тому отверста дверь гордости (прп. Исаак Сирин, 58, 155).

***

...Добродетелью не почитается та, совершение которой не сопровождается трудностью дела (прп. Исаак Сирин, 58, 222).

***

...Прежде всех добродетелей — пренебрежение покоем (прп. Исаак Сирин, 58, 228).

***

...Если не будешь приуготовлен к сретению искушений, то удержись от делания добродетелей (прп. Исаак Сирин, 58, 291).

***

Всякую добродетель, совершенную без телесного труда, почитай преждевременным и неодушевленным плодом чрева (прп. Исаак Сирин, 58, 313).

***

Никто не видит солнца во мраке, и добродетели — в естестве души при продолжающемся мятеже страстей (прп. Исаак Сирин, 58, 363).

***

Телесная добродетель в безмолвии очищает тело от вещественного в нем... (прп. Исаак Сирин, 58, 386).

***

...Добродетель ума смиряет душу и очищает ее от грубых губительных мыслей, чтобы не ими занималась она

страстно, но паче пребывала в созерцании своем (прп. Исаак Сирин, 58, 386).

***

...Если кто хочет приобрести добродетель, то он не должен быть нерадивым и рассеянным (прп. авва Дорофей, 29, 116).

***

...Как в добродетели, так и в пороке, от частого в оных упражнения, душа получает некоторый навык, и потом этот навык или мучит, или покоит ее (прп. авва Дорофей, 29, 133).

***

...Должны мы потрудиться не только изгнать страсти, но и воспринять добродетели и водворить их на своем месте, потому что мы естественно имеем добродетели, данные нам от Бога (прп. авва Дорофей, 29, 143—144).

***

...Каждую добродетель человек должен совершать так разумно, чтобы усвоить ее себе и обратить в навык, и (таковой) оказывается... искусным художником, зодчим, могущим прочно строить свой дом (прп. авва Дорофей, 29, 162).

***

...Человек (сам собою) не может ни приобрести добродетели, ни сделать что-нибудь благое... хотя бы он стал стараться о сем, по страху Божию, но ничто не совершается без помощи Божией; итак, непременно нужны и

наше старание, и помощь Божия. Поэтому человек всегда должен молиться Богу и просить Его помочь ему и споспешествовать ему во всяком деле (прп. авва Дорофей, 29, 187—188).

***

Ко всем... добродетелям прилипает тщеславие, как некий... коллурий <мазь> или, вернее сказать, отрава (прп. Иоанн Лествичник, 57, 86).

***

Добродетели, будучи связаны одна с другою, произволяющего возводят на небо... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 94).

***

...Что касается до чистоты, безгневия, смиренномудрия, молитвы, бдения, поста, и всегдашнего умиления, то сии добродетели выше естества. Некоторым из них научили нас люди, другим Ангелы, а иных учитель и дарователь есть Сам Бог-Слово (прп. Иоанн Лествичник, 57, 187).

***

Есть добродетели, и есть матери добродетелей. Разумный подвизается наиболее о приобретении матерей. Матерям добродетелей учитель Сам Бог собственным действием; а для научения дщерям наставников много (прп. Иоанн Лествичник, 57, 201).

***

Все сотворенные существа получили от Создателя чин бытия и начало, а для некоторых и конец предназначен,

но добродетели конец беспределен (прп. Иоанн Лествичник, 57, 203).

***

Блажен, кто столько ревностен к добродетелям, сколько ревнивы мужья, лишающие себя сна от ревности к своим супругам (прп. Иоанн Лествичник, 57, 247).

***

Как телесные добродетели привлекают славу от людей, так духовные — от Бога (авва Фалассий, 91, 314).

***

Добродетель и ведение рождают бессмертие; оскудение же их соделалось матерью смерти (авва Фалассий, 91, 315).

***

Сила души — навык в добродетели... (авва Фалассий, 91, 332).

***

Не почитай малым лишение добродетели; через это смерть вошла в мир (авва Фалассий, 91, 336).

***

Мзду за подвиги в добродетели составляют бесстрастие и ведение. Ибо они виновниками бывают для нас Царствия Небесного, как страсти и неведение — муки вечной. И потому ищущий их <добродетелей> ради славы человеческой, а не ради того, что они добро суть, слышит от

Писания: *просите, и не приемлете, зане зле просите* (Иак. 4, 3) (прп. Максим Исповедник, 91, 184).

***

Из добродетелей иные суть телесные, а иные — душевные. Телесные суть: пост, бдение, спание на голой земле, служение, рукоделие, чтобы не быть в тягость другим, или для подаяния и прочее. А душевные суть: любовь, великодушие, кротость, воздержание, молитва и прочее. Итак, если случится, что по какой-либо нужде, или состоянию телесному, например по болезни или по другой подобной причине, мы не сможем исполнить... телесных добродетелей, то имеем снисходительное прощение от Господа, ведущего и причины тому; не исполняя же добродетелей душевных, никакого не будем иметь извинения, ибо они не подлежат таковым препятствиям (прп. Максим Исповедник, 91, 187—188).

***

...<Бог> тех, кои добре совершили весь путь добродетелей, в непорочном течении деятельной жизни своей, вводит в область ведения и как Свет показывает им пресветлые сокровища премудрости. Один и тот же Он есть и Путь, и Дверь, и Ключ, и Царствие... (прп. Максим Исповедник, 91, 243).

***

Для добродетели благотворно подвизаться среди болезненных трудов, ибо в таком случае она благодушно все претерпевающим в награду приносит бесстрастие души, по коему душа, любовью соединяясь с Богом, отторгается рас-

положением от плоти и мира. Изможденне тела есть укрепление души (прп. Максим Исповедник, 91, 250).

***

Пока не исторглись мы умом до чистоты из природы своей и всего, что есть после Бога, дотоле не можем считать себя стяжавшими неизменный навык к добродетели (прп. Максим Исповедник, 91, 253).

***

...Воспоминая о безмерной глубине нашего чрез грехи падения, да не неверуем в возможность восстания умерщвленной в нас добродетели (прп. Максим Исповедник, 91, 258).

***

Тому, кто деятельно проходит жизнь, Господь присущ посредством добродетелей, а от того, кто ни во что ставит добродетель, Он <отступает>... (прп. Максим Исповедник, 91, 260).

***

...Всякий прославляющий Бога в себе страданиями из-за добродетели в деятельной своей жизни, и сам в Боге прославляется чрез бесстрастное озарение Божественными лучами в состоянии созерцания (прп. Максим Исповедник, 91, 261).

***

Кто... сохранит путь добродетели непокривленным... тот будет уразумевать бывающее ему ради бесстрастия посещение Божие... (прп. Максим Исповедник, 91, 266).

***

Бог, создавший человеческое естество, вместе с дарованием ему, по воле Своей, бытия, сочетал с ним и силу исполнять достодолжное... (прп. Максим Исповедник, 91, 283).

***

Бог именуется и бывает Отцом по благодати только тех, которые о своем благодатном от Бога в духе рождении свидетельствуют добродетельными нравами. В сих нравах видится как бы лицо души, отображающее в добродетелях явные черты родившего ее Бога; и имеющие их располагают взирающих на них прославлять Бога, представляя свою жизнь для подражания как изряднейший образец добродетели. Ибо не голыми словами прославляется обыкновенно Бог, но делами правды, много паче слов провозглашающими о Божеском велелепии (прп. Максим Исповедник, 91, 286).

***

Без веры, надежды и любви, как из худого ничто вконец не истребляется, так и из доброго ничто совершенно не устанавливается в нас (прп. Максим Исповедник, 91, 286).

***

Благорасположение к добродетели есть лицо умозрительствующего ума, как на небо, подъемлемое на высоту истинного ведения (прп. Максим Исповедник, 91, 293).

***

Блажен, кто воистину сознал, что Бог в нас, как в органах, совершает всякое дело и созерцание, добродетель и ведение, победу и мудрость, доброту и истину... (прп. Максим Исповедник, 91, 293).

***

Пользующий своими добродетелями других и возбуждающий в них стремительность к духовному деланию есть солнце лучезарное, златоблестящее и согревающее всю полноту братства (прп. Феодор Студит, 92, 33).

***

Устремитесь к заповедям Божиим, сейте семена добродетелей в сердца ваши, чтобы, в свое время, пожать плоды правды (прп. Феодор Студит, 92, 69).

***

Бог определяет цену дел, смотря на произволение делающего (прп. Феодор Студит, 92, 70).

***

...Кто мало-помалу исправляет должное должным образом, тот восходит на высшие степени добродетели... (прп. Феодор Студит, 92, 73).

***

...Обогащайте души ваши добродетелями, как залог Царствия Небесного... (прп. Феодор Студит, 92, 169).

***

Кто желает превзойти других в добродетели, да повергает себя таковой в помышлении своем ниже всех... (прп. Феодор Студит, 92, 212).

***

...У того, кто, восходя путем добродетели, прилепится вниманием к утехам земным, омрачается око душевное (прп. Феодор Студит, 92, 303).

***

Будем же... и мы благоухать благоуханием духовным, которое и уготовим в себе сочетанием всяких добродетелей, как некий искусный мироварец (прп. Феодор Студит, 92, 442).

***

...Где есть мирное устроение и чистота сердца, кротость и безмолвие, там царство добродетели... (прп. Феодор Студит, 92, 568).

***

Добродетель есть дело приснодвижное, никогда не останавливающееся в своем поступании в предняя, но всегда причастников своих влекущее к совершеннейшему (прп. Феодор Студит, 92, 601).

***

Есть две добродетели, созидающие спасение человека: вера и любовь (прп. Феодор Студит, 92, 611).

***

...Иная добродетель такова, что не превышает естества и справедливо называется естественною; иная же воздействует от первого источника добра, и как превышающая естественные наши силы и состояние, должна прилично именоваться сверхъестественною <...>

Сверхъестественной добродетели нельзя стяжать, не стяжав прежде добродетели естественной... (свт. Феодор Едесский, 91, 349).

***

...В соблюдении заповедей состоит деятельная добродетель, которая есть начало созерцания... (свт. Феодор Едесский, 91, 357).

***

Не можешь ты добре видеть лик добродетели, пока с услаждением еще представляешь вид греха (прп. Илия Екдик, 91, 469).

***

<Опора добродетели> — смиренномудрие... без смирения добродетельный не бывает благоплоден (прп. Илия Екдик, 91, 471).

***

Нрав благой свидетельствует о красоте добродетели... (прп. Илия Екдик, 91, 471).

***

Начало деятельной добродетели — воздержание и смирение, истина и целомудрие; конец же ее — мир по-

мыслов и святая чистота тела (прп. Илия Екдик, 91, 479).

***

...Добродетель собственно не что иное есть, как исполнение воли Божией, как и все любители истинной мудрости, учители и проповедники пришествия Христова и веры в Него говорят, что добродетель собственно есть то, чтобы всякий человек, верующий во Христа, творил только волю Божию, а в отношении к благам настоящей жизни был как мертвый; так, чтобы только в делах по исполнению велений Божиих и познаваем он был живым, и в этом только кругу обнаруживал движение и энергию. Это и есть признак, что душа жива (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 47—48).

***

...Надлежит нам и то знать, что Бог, Всеблагой и Человеколюбивый, не от всех добродетелей обнаженным оставил человеческое естество по падении; почему и среди самых неверных народов проявляются некоторые естественные добрые качества, и иные являют кротость, другие сердоболие, те любовь, а эти другие какие-либо душевные доброты. Сделал это Всеблагой Бог для того, чтобы человеческое естество не всякого лишено было пособия, но чтобы в этом имеемом находило помощь к стяжанию и того, чего в нем недостает. Однакож никак не возможно, чтобы некрещеный достиг когда-либо совершенства добродетелей (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 140).

***

...Поелику некоторые христиане забывают о таинстве благодати Всесвятаго Духа, полученной ими во Святом

крещении, имеют впрочем... некоторые естественные добродетели в помощь и пособие недугующему естеству, но, не помня о полученной ими благодати, не стараются с помощью сей Божественной благодати Всесвятаго Духа стяжать и прочие добродетели, которых не имеют, а довольствуются одними от естества получаемыми добродетелями, гордятся ими и презирают тех, которые их не имеют, не обращая внимания на те, которые те имеют, и которых они сами не имеют, то благоутробный и человеколюбивый Бог не дает таковым горделивым благодати на стяжание и прочих добродетелей, да не впадут в суд диавола. Ибо если они не возымеют добродетелей, то осудятся как недобродетельные; а если стяжут их благодатию Всесвятаго Духа и возгордятся, яко самодобродетельные, и хвалиться ими станут, как бы не свыше от Бога получили их, а имели их... от своих трудов и усилий, то осуждены будут вместе с диаволом. Почему всякий добродетельный христианин, яко сокрушенный и смиренный, так да верует, что благодать Всесвятаго Духа живет в нем и совершает все добродетели, а не он сам. Таковой воистину есть и праведно именуется духовным человеком, поскольку вседействует в нем Дух Святый... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 140—141).

***

Все добродетели хороши, но надобно, чтоб они имели и голову и ноги, подобно телу; и как телу нельзя быть без головы и ног, так и им. Ноги добродетели — смиренномудрие, а голова — любовь. И всякая добродетель, которая бывает без смирения и любви, бесполезна есть и тщетна. Совокупность добродетелей можно еще уподобить колонне, которой основанием служит смиренномудрие и верхом (капителью) — любовь, которая есть престол Бо-

жий. Под любовью находятся благоутробие, сострадание, милостивость, щедродательность, незлобие, великодушие, благотворительность и человеколюбие, которые вместе с нею человека делают богом по благодати. Окрест же смиренномудрия стоят послушание, терпение, признание человеческой немощи, благодарение Богу за все, все почитая благодеянием, коим Он благодетельствует нам, т. е. и десное и шуее, славу и бесчестие, здоровье и болезнь, богатство и бедность, и прочее. Там же, где есть благодарение, есть и зрение Бога, а кто зрит красоту Божию, как возможно, чтобы он не возлюбил Самого Бога, всякую красоту и доброту превосходящего, Источник всякой доброты? Кто же любит Бога, тот строго исполняет заповеди Его, из коих первою, после любви к Богу, стоит, да любим друг друга, и та первая не бывает без сей второй... Таким образом и смиренномудрие востекает к любви и блюдет ее, и любовь содержит смиренномудрие и утверждает его. Смиренномудрие... есть как бы ноги, которые носят и главу и все тело; а любовь есть как бы престол Херувимский, носящий Бога, восседающего на нем, ибо на ней почивает Бог... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 206—207).

***

Всякий должен положить предел и норму для себя и для жизни своей, чтобы верно знать, как действовать каждодневно и при изменяющихся обстоятельствах, и таким образом беспрепятственно тещи в делании добродетелей, не встречая препон в самой неопытности своей. Кто поступит таким образом (т. е. все определит разумными правилами в своей жизни), тот скоро сделает стезю добродетелей, и стропотную и притрудную, ровною и легкоходною

для себя, ибо привыкнет мало-помалу ко всем деланиям добродетелей, и доброе обратится ему в привычку, и станет как бы естественным чем. Преспевая таким образом в добре и... восходя от меньшей доброты все к большей и большей, совершеннейшей и совершеннейшей, явится он угодным Богу, и, в совершенстве постигнув и уразумев все сказанное выше, соделается для многих других учителем добродетели, просвещая их и научая и словом и примером жизни своей, — и, как сам просвещен свыше благодатию Святаго Духа, открывая глубины тайн духовной жизни всем взыскующим того с любовью и рвением, — силою и содействием Господа нашего Иисуса Христа... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 355).

***

...Как нет совершенно никакой пользы тому, кто идет во тьме, держать в руках много не зажженных, хотя исправных, светильников, потому что и с ними он все же не может видеть ни себя самого, ни другого кого, так и тот, кто думает, что имеет в себе все добродетели (если это возможно), но не имеет света Всесвятаго Духа, не может ни видеть хорошо и как подобает дела свои, ни вполне удостовериться, что они угодны Богу; не может также он других руководить и указывать им, в чем для них воля Божия; недостоин он и принимать чужие помыслы и исповедывать других, пока не стяжет света Святаго Духа, который бы светил внутри его (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 68).

***

...По мере своего преуспеяния в добродетелях изменяются и душевные силы... <человека> и действия — и

он делается мужественнейшим и сильнейшим в исполнении заповедей Христовых... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 133).

***

...Кто проходит некоторые добродетели и трудится в них, не получит никакой от того пользы без... святого и блаженного сокрушения — госпожи и творительницы всех добродетелей (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 270).

***

...Воистину, если кто не предаст себя на заклание, как овча, за каждую даже малейшую добродетель, и не прольет крови своей за нее, тот не стяжет ее никогда (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 359).

***

...Посмотрим, какие и каковы суть обиталища добродетелей, за которые всякий должен пролить кровь свою, чтоб стяжать их? — Первое такое обиталище есть блаженное смирение, как сказал Христос Господь: ***блажени нищии духом: яко тех есть Царствие Небесное*** (Мф. 5, 3). Желающий войти в сие обиталище смирения, а чрез него и в Царство Небесное, — если не предаст себя прежде на заклание, как овча, связанное по рукам и ногам, и на принесение себя в жертву руками всякого, кто захотел бы заклать его, и если не умрет совершенною смертью, чрез умерщвление воли своей, — никогда не войдет в него и не стяжет его. Если же этого не стяжет, не стяжет и никакого другого. Ибо тому, кто оставит эту добродетель, невозможно будет успеть ни в какой другой. Господь положил, чтобы добродетели следовали одна за другою в своем по-

рядке и постепенно. Представь в уме своем, что добродетели в жизни людей являются, как некие острова посреди моря, отделенные один от другого водою, но соединенные посредством мостов и состоящие таким образом во взаимной связи. Первая из этих добродетелей есть блаженное смирение, в которое вошедший западною дверью посредством покаяния и пробывший в нем довольное время, выходит восточною дверью и, перешедши затем чрез мост, вступает в обиталище плача, а после того, как пробудет и там довольно времени, омоется, очистится и облечется в благообразие плача, перебегает и оттуда в жаждалище и алкалище правды, т. е. в алчбу и жажду всякой добродетели. Потом идет он в палату милостивости и благоутробия и, перешедши чрез нее, или, лучше сказать, углубляясь паче и паче внутрь его, обретает царскую сокровищницу чистоты, в которую вступив, узревает невидимого Царя Славы, сидящего внутри его. Палата эта есть тело, царская сокровищница — душа, с которою, когда соединится Бог ради исполнения заповедей Его, делает ее всю Божественным светом и богом чрез единение с Собою и благодатью Своею. И только всякий проходящий означенным путем добродетелей приходит в сие боголепное состояние. Вступить в это шествие с другой стороны или, минуя то или другое обиталище, искусственным некиим способом перебраться в дальнейшее совершенно невозможно. Именно так, как сказано, определил входить в Царство Небесное Владыка Христос, и быть сему иначе никак не возможно. Если пределы моря пребывают неподвижными и морю нет возможности выступить из них, не тем ли паче сохранится неподвижным и неизменным то, чему быть так, а не иначе определил Господь в деле нашего спасения? (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 359—361).

***

Как невозможно стоять дому без основания, так невозможно... добродетелям быть твердыми, если они не имеют в основании своем смирения. Если оно не будет прежде положено в основание или, быв положено, будет потом похищено духами злобы, тотчас все здание добродетелей, назданное с такими потами и трудами, падает долу и уничтожается (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 450).

***

...Всякое доброе дело, бывающее по заповеди Божией, называется добродетелью. Но как в житейском быту, земледелец, обрабатывающий землю и сеющий семена, трудится только, а чтоб семена проросли и дали плод, сие есть дар Божий: так бывает и в духовном порядке — делать добрые дела и сеять семена добродетелей с трудом и подвигом многим есть наше дело, но чтобы Бог оросил сие дождем благодати Своей и Своего человеколюбия, и сделал бесплодную землю сердца нашего плодоносною, сие есть дар и милость единого Бога. Он Божественною благодатию орошает семя слова, посеянного в сердцах наших, проращает его и возращает, да будет в древо великое, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 464).

***

...Всякое дело, которое делается для того, чтоб или помешать злу и уничтожить его, или помочь добру и добродетели и защитить их, похвально и богоугодно (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 468).

***

Когда приобретены бывают... добродетели <милость и вера>, тогда, как в светильник, полный елея и пакли, Владыка ввергает огонь, которого мир не видел и не может видеть (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 16).

***

...Душа одна не может делать добра; но и тело, если оно совершает дела без Божественного ведения, не лучше рабочего вола или вьючного животного (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 37).

***

...Когда мы творим добродетели без соприсутствия... <кротости, смирения и любви к ближним>, тогда всякое наше делание суетно и всякий труд подвизания бесполезен и Богу неприятен (прп. Никита Стифат, 93, 97).

***

Волею предавший себя трудам добродетельным и с теплым усердием совершающий подвижнический путь великих от Бога сподобляется даров (прп. Никита Стифат, 93, 135).

***

Тогда думай, что имеешь истинную добродетель, когда совершенно ни во что поставишь все, сущее на земли, всегда имея в сердце с чистою совестью готовность переселиться ко Господу (прп. Феогност, 91, 377).

***

Порождением истинной добродетели бывает или ведение, или бесстрастие, или то и другое вместе. Почему если бы кто тщетно стал искать в нас этого, то было бы не ложно, что добродетель наша есть только кажущаяся добродетель, а не истинная. Ибо если бы она не была такою, то была бы богата и плодами, а не одними листьями. Таким образом, побуждаемый на добро или человекоугодием, или самоугодием, или другим чем, неугодным Богу, лжив и не боголюбив. Но если мы исправим побудительную причину, то несомненно достигнем совершенства в истинной добродетели, которая, в свое время и в должной мере, принесет нам и ведение, и бесстрастие благодатью Всеблагого Бога нашего (прп. Феогност, 91, 388).

***

...Есть добродетели, большие других добродетелей, как объемлющие и совмещающие в себе очень многие, или даже и все добродетели, каковы — божественная любовь, смирение и божественное терпение (прп. Григорий Синаит, 93, 195).

***

...<Добродетели> сами в себе существенны, мы же только приблизительно подходим к ним, образуясь по ним нравственно (прп. Григорий Синаит, 93, 198).

***

Изучить и познать силу, действие и качество, свойственное каждой добродетели и страсти, есть достояние не всякого хотящего, а только того, кто делом все испытал и

от Духа Святаго дарование получил к распознаванию и различению их (прп. Григорий Синаит, 93, 198).

***

Очень немногими духовное существенно <добродетели> усвояется, прежде будущего вкушения того, неизменного. Наибольшая же часть из нас только подобия некие имеет добродетелей, а не само существо их (прп. Григорий Синаит, 93, 198).

***

Лучшее же и кратчайшее руководительное для хотящих жить, как следует, правило есть — соблюдать следующие три всеобъемлющие делания добродетелей: пост, бдение и молитву, коими подается надежнейшая твердость всем добродетелям (прп. Григорий Синаит, 93, 201).

***

Должно понимать и называть добрыми делами действия по заповедям, а добродетелями — укоренившиеся навыком добрые расположения (прп. Григорий Синаит, 93, 204).

***

Начало и источник добродетелей есть благое произволение, или желание добра, как Бог есть причина и источник всякого блага. Добра же начало есть вера, паче же Христос, Камень веры, Коего имеем мы началом и основанием всех добродетелей, в Коем стоим и созидаем всякое дело благое. Он есть краеугольный Камень, связую-

щий нас с Собою и Бисер многоценный, Которого ища, во глубину безмолвия входящий инок продает все желания свои послушанию заповедям, чтобы через это стяжать Его (прп. Григорий Синаит, 93, 213).

***

Опыты добродетелей, своим тщанием и усилием совершаемых, не дают душе совершенной благонадежности, если они не будут в существенное обращены сердечное расположение благодатью. Каждая из них имеет особое дарование и свое, ей свойственное, действо, и когда дарована будет, оттоле сохраняется неизменною и непреложною. Ибо сподобившиеся сего имеют в членах своих, как душу живую, благодать, чтобы совершать их. Без благодати же весь сонм добродетелей обыкновенно бывает мертв, и в тех, кои по-видимому имеют их, или и делом исполняют, одна тень их и призрак представляется, а не подлинный лик (прп. Григорий Синаит, 93, 214).

***

От всех добродетелей подобает, подобно пчеле, собирать полезнейшее, и таким образом всех помалу причащаясь, уготовлять великий склад делания добродетелей, из коих образуется мед премудрости на обрадование душ (прп. Григорий Синаит, 93, 218).

***

...Добродетель — это дело людей, но гордость — свойство бесов; посему <гордый>... делает добродетели бесполезными, и гордыня, сопряженная с добродетелями, сводит

их на нет, даже если бы они и были истинными, а тем более — если они фальшивы (свт. Григорий Палама, 26, 26).

***

Как если бы ты положил основание и поставил стены, а не наложил бы крышу, этим всю работу сделал бы бесполезной, так и если ты стяжал бы все добродетели, но при этом не стяжал любви, то этим все оные добродетели ты сделал бы бесполезными и напрасными; но — и кровля дома не может быть наложена без наличия поддерживающих ее снизу стен (свт. Григорий Палама, 26, 51).

***

...Трудясь ныне в добродетели, мы, конечно, достигнем обетованного упокоения в будущем веке. Потому что верен Обещавший, Который является и готовым Помощником для тех, которые с готовностью вступили в подвиг добродетели, а при помощи Его, Сильного во всем, может ли быть что-либо неуспешным?! Но когда, приняв это на ум, мы усердно отважимся на дела добродетели, тогда оный лукавый, знающий, что добро не есть добро, если не совершается добрым образом, старается совратить нас, чтобы не с богоугодной целью мы совершали делание добра, именно — движимые желанием восхвалить Бога, но ради того, чтобы видели люди, дабы таким образом лишить нас воздаяния от Бога и духовных и небесных даров. Мы же и сие его тщание покажем неосуществимым, поразмыслив, с одной стороны, о величии благ, уготованных для богоугодно живущих, а с другой стороны, о незначительности людской славы, не только сравнимой с будущим величием

славы от Бога, но и не стоящей лишения и изнурения плоти.

Но и после такой победы над ним этот началозлобный подкапывается к нам, всеми способами внушая нам гордость, как конечную и злейшую трясину, и убеждая нас надмеваться, как будто бы собственною силою и знанием мы совершали добродетель. Но мы будем памятовать Самую Истину, говорящую, что ***без Мене не можете творити ничесоже*** (Ин. 15, 5); и таким образом избегнем многовидных ухищрений лукавого, действуя правильным образом и совершая добро в подобающем смирении, зная, что как если кто, храня в сосуде драгоценное миро, выльет его в сор или же сор бросит в сосуд с миром, то одинаково приведет миро в негодность и уничтожит его, так и в отношении добродетели, если кто презрит ее безделием или примешает к совершению ее порчу... так или иначе, приведет ее в негодность и умертвит (свт. Григорий Палама, 26, 68—69).

***

Истина и твердое верование, согласующееся с богоносными отцами нашими, являются конечной целью Божественных догматов и усиленного труда над ними и богомыслия. Но для деятельной добродетели это не есть предел, а лучше сказать — начало, которое, если не сочетается с соответствующим концом, станет причиною еще большего осуждения для навлекшего его на себя. ***Ведевый волю господина своего,*** говорится, ***и не сотворивый, биен будет много*** (ср.: Лк. 12, 47). Таким образом, для понятия деятельной добродетели не довлеет разумение ее и истина, но деятельное добро представляет конец ее (свт. Григорий Палама, 26, 89).

***

...Как при свете солнца мы восхваляем не воздух, участвующий в сиянии, но — солнце, обладающее светом и подающее озарение его... Так и в отношении человека, являющего добродетельными делами сияние Солнца Правды, ибо такой человек, как только становится замеченным, возвышает людей к славословию Небесного Отца, Солнца Правды — Христа (свт. Григорий Палама, 26, 102).

***

...Быть может, ты скажешь, что добро трудноисполнимо и что добродетели более тяжки, чем злые дела. Я не смотрю так, ибо больше неприятностей переносит от самого себя пьяница, нежели воздержный, и распутник, нежели целомудренный; алчущий богатства, нежели живущий тем, что есть; и желающий приобрести себе славу, нежели тот, кто проводит время в неизвестности. Но так как, из-за нашей любви к наслаждениям, добродетели кажутся нам более тяжелыми, чем злые дела, то будем удерживать самих себя: ***Царство Небесное силою берется,*** говорит Господь, ***и употребляющие усилие восхищают его*** (Мф. 11, 12) (свт. Григорий Палама, 26, 146).

***

...***Покажи мне веру от дел твоих*** (Иак. 2, 18), и у кого нет наличия их, тот, будучи, конечно, далек от Церкви Христовой и предав всего себя суете, имеет свою веру мертвой, или лучше сказать — не имеет никакой веры, сам вследствие греха став мертвецом (свт. Григорий Палама, 26, 184).

***

...Воздай славу Христу — Наставнику и Содетелю добродетелей, без Коего, как научены, не можем мы сделать ничего хорошего (свт. Григорий Палама, 93, 288).

***

...Все они <добродетели> одно тело устрояют, — именно то, что обожают человека, искренно в них живущего... (патр. Каллист и ин. Игнатий, 93, 313).

***

...Во-первых... не следуй, брате, в стяжании добродетелей примеру тех, которые в продолжение семи дней недели свои духовные делания распределяют так, чтобы одно служило для одной добродетели, другое — для другой, и т. д., не принимая во внимание, нужно ли для них то или другое в настоящее время. Нет, не так следует тебе действовать, но вооружайся преимущественно против той страсти, которая наиболее тебе докучает, не раз уже одолевала тебя и готовится снова напасть на тебя; вооружаясь же против нее, сколько сил есть старайся установиться в той добродетели, которая противоположна сей страсти, употребляя все, пригодные к тому делания и подвиги. Ибо коль скоро успеешь в этом, то вместе с тем оживишь в себе и все другие добродетели и облечешься в них, как в броню, которая будет ограждать тебя от всех стрел страстных. Сердце наше по естеству полно добрых расположений, но приходят страсти и подавляют их. Страсти эти не у всех равно все, но у одного преимущественно одна, у другого — другая... Коль скоро ты прогонишь сию главную, все другие ослабеют и устранятся сами собой; когда

же это совершится, добрые расположения, высвободясь из-под гнета, восприимут в тебе свойственную им силу, и всегда будут наготове, стоя у дверей сердца твоего, чтоб явиться на услужение тебе, коль скоро это потребуется.

Во-вторых: на стяжание добродетелей не назначай определенного времени, ни дней, ни недель, ни месяцев, ни годов, говоря в себе: «потружусь, а там отдохну, чтоб, отдохнувши, опять взяться за тот же труд». Нет, отдыха здесь не полагается. Уготовься на непрерывный труд, подвиг и борение, не допуская и мысли о послаблении их, подражая святому Павлу, который говорит о себе: *теку, — гоню, аще и постигну, — со усердием гоню* (ср.: 1 Кор. 9, 26; Флп. 3, 12—14). Остановиться на пути добродетели для отдыха не значит набираться новыми силами, а растрачивать приобретенные и расслабляться, а это то же, что возвращаться вспять или что разорять с трудом устроенное. Под «остановиться» я разумею — возмечтав, что добродетель приобретена уже в совершенстве, не обращать внимания на недостающее в ней и пропускать представляющиеся случаи к деланию добра. Не будь таков, а будь всегда бодрен и ретив. Не смежай очей, и не отворачивайся, когда встречаешь такие случаи, а, напротив, высматривай их и стремись к ним. С любовью взирай на них — все, особенно же на те, которые представляют какие-либо затруднения к совершению в них добра. Напряжение сил для устранения препон к сделанию добра скорее водворяет в нас навык к добродетели и глубже внедряет в сердце корни ее. Только тех случаев, которые, давая повод проявить добродетель целомудрия, подвергают однакож опасности возгореться похотью нечистою, всевозможно избегай. Лучше не допускать до членов своих сего огня, чтоб не обжечься и не сгореть.

В-третьих: будь мудр и рассудителен в поднятии телесных подвигов — постов, бдений, трудовых работ и подобное. Они существенно необходимы, и без них не мечтай преуспеть в духовной жизни, но и в них знай и держи мудрую меру. Мера сия — средина между самоугодливою поблажкой плоти и безжалостным изможднием ее до изнеможения без крайней к тому нужды. Средину сию ищи опытом и делом, а не теорией, и в правило при сем возьми постепенность, идя снизу кверху. Ищи и обрящешь. Что же касается до внутренних, душевных добродетелей, как то: любви к Богу, презрения мира, самоуничижения, отвращения от страстей и греха, терпения и кротости, мира со всеми, даже ненавидящими и обижающими, и подобное, то тут не требуется никакая определенная мера, и постепенность их совершенствования сама собой определяется там внутри. Твое дело: непрестанно и всесильно нудь себя на всякое требуемое ими дело и совершай его всегда без отлагания и медлительности. В этом вся твоя мудрость и сила.

В-четвертых: но среди такого действования всем помыслом помышляй, всем желанием желай, и всем сердцем ищи одного того, чтоб победить ту страсть, с которою теперь борешься, и которая теперь тебя борет, и на место ее восставить в силе ту добродетель, которая ей противоположна и ею в настоящее время подавлена. Это одно да будет для тебя — весь мир, все небо и земля, все сокровище твое и последняя твоя цель, в уверенности, что этим одним ты достойно можешь благоугодить Богу. Ешь ли или постничаешь, трудишься или отдыхаешь, спишь или бодрствуешь, дома ли сидишь или находишься вне его, молитвенным ли делом занят или житейским поделием, все это да будет у тебя направляемо к тому одному, чтоб преодо-

леть возжегшуюся страсть и восставить прогнанную ею добродетель... Как на войне видимой иной раз случается вступать в схватку с отрядом, где командует сам главнокомандующий, а иной раз с таким, которым управляет простой офицер, так бывает и в духовной брани: не всегда борет главная страсть, иной раз она вместо себя выставляет своих пособниц, и с этими в иное время приходится чаще иметь дело, чем с тою. Но одерживать победу и в этих случаях лежит на тебе долг не меньше, чем в первом.

В-пятых: будь непримиримый враг всех земных утех и удовольствий чувственных, порожденных самоугодием и его питающих. Чрез это легче и реже будешь ты подвергаться нападениям не только плотских, но и всех вообще страстей, ибо все они коренятся в самоугодии, с подавлением и отсечением которого они, не имея под собой почвы, теряют свою силу, твердость и устойчивость. Не соблазняйся помыслом: приму участие в одном удовольствии, вкушу одной сласти. Ибо пусть это будет не грешное что-либо, но как оно допустится по одному самоугодию, то во время этого себе послабления подымут голову все страсти и зашевелятся, как придавленные черви, когда полить их водой, — и не дивно, что иная между ними возгорится с такою силой, что борьба с нею будет жестока и победа над ней сомнительна <...>

В-шестых: наконец, последний даю тебе совет: весьма душеполезно или, лучше сказать, совершенно необходимо тебе прежде всего сделать генеральную исповедь, со всем достодолжным вниманием и со всеми потребными при сем деланиями, рассмотрениями и решениями, чтоб чрез эту душу твою преисполнило полное удостоверение, что ты стоишь во благодати Бога, единого Подателя всех духовных дарований, добродетелей и побед (прп. Никодим Святогорец, 70, 148—152).

***

Хотя истинный воин Христов, всем сердцем возжелавший полноты совершенства, не должен никаких полагать пределов своему стремлению к преуспеянию во всем; однакож ему необходимо рассуждением умерять и добре направлять чрезмерные порывы рвения духовного. Такие порывы, особенно в начале, обыкновенно вдруг возгораются с великою силой и влекут неудержимо, а потом слабеют, слабеют и совсем угасают, оставляя нас беспомощными среди пути. Ибо не только внешние — телесные добродетели следует стяжевать мало-помалу, восходя в них, как бы по ступеням, но и в стяжании внутренних — душевных добродетелей надлежит соблюдать свой чин и порядок, так как только при этом малое наше скоро делается большим и устанавливается на всегдашнее в нас пребывание. Так, например, в стяжании внутренней добродетели терпения нельзя тебе вдруг вожделевать напраслин, обид и всяких других неприятностей, порываться на них и радоваться им, хотя можешь терпеливо переносить их, когда встречаются, потому что такое вожделение и такая радость суть высшие степени терпения, до вступления на которые тебе надлежит пройти низшие, кои суть: смиренное самоуничижение, считающее себя заслужившим всякие оскорбления; подавление позывов к отмщению — возненавидение всякой мысли об отмщении, и подобные.

Советую тебе также, не берись вдруг за все добродетели, и даже за несколько их, но установись прежде в одной, а потом переходи и к другой. При таком образе действования всякий добродетельный навык удобнее и прочнее укоренится в душе. Ибо когда станешь упражняться непрестанно преимущественно в одной добродетели, то и память твоя все будет занята почти одною ею, и ум твой, будучи чрез то прикован к помышлению о ней,

скорее утончится в изыскании случаев и способов к совершению ее, и воля твоя охотнее прилепится к ней с большим расположением; а все это в деле стяжания добродетельных навыков суть сильные споспешествования, которых тщетно будешь ты ожидать, если зараз простреш-ься ко многим добродетелям.

С другой стороны, и самые деяния одной и той же добродетели, будучи одновидны и сходны между собой, по причине сей одинаковости образа действования, становятся все менее и менее притрудными и скорее препровождают к другой. Ибо обыкновенно одна добродетель вызывает другую, подобную ей, и помогает ей тем самым, что, установившись в сердце, предрасполагает его к принятию своей подобницы, уготовляя наперед там для нее как бы престол для воссестия.

Этот, высказанный мной, расчет верен и истинен, и мы по опыту знаем, что кто добре и всеусердно упражняется в одной добродетели, тот вместе с тем не только научается наперед, как упражняться и в другой, но с умножением навыка в ней возбуждает, растит и крепит и все другие добродетели, по причине нераздельности их между собой; ибо они все суть лучи, исходящие от одного и того же Божественного света (прп. Никодим Святогорец, 70, 152—154).

***

Для стяжания добродетелей требуется душа мужественная и великая, и воля не какая-нибудь слабая и вялая, но решительная и сильная, с верным предзрением многих препятствий и тяжелых трудов и с готовностью все их поднять и перенести. В основе таких расположений должны лежать крепкое возлюбление каждой добродетели и всей добродетельной жизни, и пламенная о том ревность...

Итак, не ленись возгревать свою ревность о добродетели, с сердечным участием размышляя, как благоугодна Богу добродетельная жизнь, как прекрасна и высока добродетель сама по себе, и как для нас она необходима и благотворна, ибо в ней начало и конец истинного нашего совершенства и преуспеяния в нем (прп. Никодим Святогорец, 70, 154—155).

***

...Каждое утро со всем вниманием старайся рассмотреть и предусмотреть, какие случаи вероятно представиться могут в продолжение дня для совершения того или другого доброго дела, прилагая к тому и желание и решение непременно так поступить; а вечером поиспытай себя, исполнены ли и как исполнены утренние твои добрые помышления и желания; затем в следующее утро возобнови опять те же намерения и желания, с живейшею ревностью и желанием исполнить их в точности.

Все же сие старайся направлять к упражнению в той добродетели, в которой навыкать положил ты в настоящее время. Равным образом и примеры святых, и молитвы, и размышления о жизни и страданиях Христа Господа, и все другое, что почитается пригодным и необходимым для преуспеяния в добродетелях и в духовной жизни, должно быть у тебя направляемо преимущественно к той добродетели, которою ты занят. Но и всеми случайностями дня, как они ни разнообразны, старайся пользоваться сколько возможно так, чтобы чрез это не только не расстраивался, но, напротив, более установлялся и укоренялся навык к той добродетели, о которой ты теперь особенно ревнуешь.

Пределом такого навыка да будет — дойти до того, чтобы добродетельные деяния, внешние ли то или внутренние, совершаемы были с такою же легкостью и готовно-

стью, с какими прежде были делаемы дела, противные им, или лучше, с какими обыкновенно исполняются естественные потребности нашего естества; а это то же, что довести навык в добродетелях до того, чтоб они соделались в нас как бы естественными. При этом... чем больше встретится внутренних или внешних препятствий к стяжанию какой-либо добродетели, тем скорее и тем глубже внедрится она в нашу душу, если с полною решительностью и без саможаления будем устремляться на преодоление их (прп. Никодим Святогорец, 70, 155—156).

***

Пригодные речения Божественного Писания, если произносить их гласно, или хоть только в уме, дивную оказывают силу к напечатлению в уме образа искомой добродетели и к возбуждению в сердце расположения к ней, а то и другое какую великую подает помощь ревнующему о стяжании ее! Подыщи же такие места Писания об искомой тобой добродетели и заучи их, чтоб они были у тебя всегда наготове, и затем как можно чаще повторяй их себе в уме, особенно когда придет в движение противоположная ей страсть (прп. Никодим Святогорец, 70, 156).

***

В деле стяжания добродетелей необходимо действовать так, чтобы всегда ***простираться в предняя*** (ср.: Флп. 3, 13), если желаем скоро и успешно достигнуть предположенной нами цели. Ибо как только остановимся, хоть на короткое время, тотчас подадимся назад, потому что за этим пресечением добрых деяний по нерадению и послаблению себе, страсти, подавляемые усердным трудом в доброделании, по склонности нашей к чувственности и

самоугодию тотчас подымут голову, оживут и возбудят бесчинные свои движения и стремления, особенно когда при этом поспособствует им внешняя наша обстановка, а такие движения всегда расстроивают и ослабляют добрые навыки и, что особенно гибельно, лишают благотворного осенения благодати, без которой ничто истинно доброе и духовное благоспетися не может (прп. Никодим Святогорец, 70, 157—158).

***

В обыкновенном путешествии чем дальше идет путник, тем более увеличивается его утомление; в течении же путем духовной жизни, чем больше кто продляет путь, ***простираясь в предняя*** (ср.: Флп. 3, 13), тем большую приобретает силу и мощь для дальнейшего шествования. Причина сему та, что трудами на пути добродетели низшая наша часть, т. е. плоть, которая своим восстанием против духа и делает путь добродетели жестоким и многотрудным, все более и более ослабевает в своем противоборстве духу; между тем как часть высшая, где и обитает добродетель, т. е. дух, все более и более укрепляется и делается мощною. Почему чем более преуспеваем мы в добродетели и добре, тем более умаляется та прискорбная трудность, какую встречаем в начале вступления на сей путь. К тому же при этом некая сокровенная сладость, Богом подаваемая, сраствоpяется с нашим сердцем и час от часу увеличивается. Вследствие чего, ***простираясь в предняя*** (ср.: Флп. 3, 13), все с большею и большею охотой и силой, легко восходим от добродетели к добродетели и достигаем наконец самого верха совершенства духовного, где душа начинает делать всякое добро, уже не как с усилием влекомая, без всякого вкуса, но с охотным стремлением и радостью. Ибо подавив и победив страсти и отрешившись

от всего тварного, живет она теперь в Боге, и в Нем, среди приятных трудов духовных, вкушает непрестанно сладкий покой (прп. Никодим Святогорец, 70, 158—159).

***

Не должно отнюдь... бегать того, что может служить поводом к стяжанию добродетели, но наипаче надлежит всегда принимать то с радостью, как только представится тебе что подобное, почитая наиболее честными и достолюбезными такие случаи, которые неприятны для твоего сердца и никакого не возбуждают сочувствия. Предсказываю тебе, что с Божиею помощью, действительно и будешь так поступать, если добре напечатлеешь в уме своем следующие помышления.

Во-первых, должно тебе сознать, что встречающиеся тебе случаи к добродетели суть самые пригодные для тебя средства к стяжанию ее, Богом тебе поданные, по твоей молитве. Возжелав стяжать добродетель, ты, конечно, молился Богу, чтобы Он даровал тебе ее; молясь же о сем, ты не мог не молиться и о способах и средствах к получению такого дарования. Но Бог не дает, например, добродетели терпения без прискорбностей, и добродетели смирения без смирительных случаев унижения и бесчестия. Почему после того, как ты помолился о сих добродетелях, Он и послал тебе соответственные им случаи. Что же ты теперь делаешь, убегая от них и отвращаешься? Отвергаешь помощь Божию, о коей молился, и посмеваешься над даром Божиим.

Итак, положи любезно встречать представляющиеся тебе случаи к добродетелям, и тем любезнее, чем в большее поставляют они тебя затруднение. Ибо в таких случаях наши добродетельные деяния вызывают большое мужество и обнаруживают большую силу нравственную; а

чрез это мы всякий раз делаем значительнейший шаг по пути добродетели, что исключительно и должны мы иметь всегда в цели.

Оговорюсь, однако же, что, советуя тебе пользоваться особенно важными случаями к добродетели, я не имею в мысли внушить тебе презирать маловажные к тому случаи и пропускать их с небрежением. Нет, надо неопустительно пользоваться теми и другими, чтоб всегда быть в трудах по доброделанию. Например, терпеливо переносить должно не только наглую брань и поношение, и даже удары, если случится, но и косой взгляд и презрительную мину, или колкое слово. Достодолжные действия наши в таких маловажных случаях, как имеющие возможность чаще проявляться, потому что и случаев таких больше, в непрерывном напряжении поддерживают нашу нравственную силу и тем укрепляют нас держать себя, как должно и в важнейших случаях. Пропуская же небрежно такие случаи, мы расслабляем свою нравственную силу и делаем ее менее способною на дела важные.

Во-вторых, восставь в себе убеждение и веру, что все случающееся с нами случается по Божию изволению на пользу нам, да плод некий духовный получим чрез то. Хотя об ином из сего, каковы наши и прочих людей грехи, нельзя полагать, что они происходят от изволения Божия деятельного; но всяко и они бывают не без изволения Божия попустительного, на вразумление и смирение нас. Что же касается до прискорбностей и страданий, по нашей ли вине бывающих, или по злобе других, то Бог Сам посылает их, желая, чтоб мы помучились и пострадали в них, для стяжания того блага добродетели, которое несомненно получим, если достодолжно перетерпим посланное нам от Него, — и по другим судам Своим, сокро-

венным от нас, однакож несомненно праведным и благословным (прп. Никодим Святогорец, 70, 161—163).

***

Времени, сколько нужно упражняться в добродетели, чтобы установиться в ней, определить нельзя умозрительно. Это пусть уже всякий сам для себя полагает, судя по своему состоянию, своим обстоятельствам и своим успехам в духовной жизни, особенно же по рассуждению своего старца, или духовного отца, руководящего его. Впрочем, у кого ревность о преуспеянии жива и он не останавливается ни перед какими трудностями и средствами, у того скоро обнаружится явно немалый успех (прп. Никодим Святогорец, 70, 167).

***

Признаком... преуспеяния служит то, если вступивший на путь добродетели ревностно течет по нему с твердою решимостью не соступать с него, как бы трудно это ни было, и каких бы жертв ни требовало, несмотря ни на случающиеся по временам охлаждения и омрачения души, ни на оскудение духовных утешений и благодатных радований, какое попускается по Божескому о нас промышлению, на пользу нам.

Вторым, не менее верным признаком преуспеяния служит степень силы брани, какую воздвигает против добрых решений и дел плоть. Чем более слабеет сия брань, тем более преуспеяние в добродетели явно подвигается вперед. Почему когда не чувствуешь брани или нападок со стороны низшей чувственной части своей, особенно в то время, когда имеешь пред глазами возбудительные к тому случаи, то можешь верить, что добродетель твоя доволь-

ную уже восприяла силу. Но и то, если ты начал совершать дела свои на пути добродетели с большею готовностью и радостью духовною, чем прежде, можешь почитать признаком преуспеяния в добродетели, даже еще более верным, чем усмирение плоти <...>

При всем том, однакож, не следует питать полную уверенность, <в том>, что мы совершенно установились в искомой добродетели или окончательно победили какую-либо страсть, хотя бы иной раз долгое время не чувствовали приражений и движений ее, потому что тут может скрываться злая козни человеконенавистного диавола и лукавство живущего в нас греха, по которым нередко представляется нам в себе добром и по сокровенной гордости нашей признается таковым то, что поистине есть совершенно противоположного свойства. И кроме того, если помыслим о совершенстве, к какому призывает нас Бог, то, хотя бы мы уже довольное время шли путем добродетели, скорее подумаем, что едва ли и начало достодолжной жизни положено нами, нежели что мы уже установились в ней. Почему святые отцы называют несовершенною, не чуждою недостатков жизнь и самых совершенных людей (прп. Никодим Святогорец, 70, 167—169).

***

...Лучше заботиться о том, чтобы всегда простираться в предняя в добродетели, нежели о том, чтобы высматривать и определять признаки совершенства в ней (прп. Никодим Святогорец, 70, 171).

***

Глава добродетелей — молитва; их основание — пост (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 133).

***

Все евангельские добродетели несвойственны падшему естеству; ко всем подвижник должен принуждать себя; все должен испросить у Бога смиренною, соединенною с сердечным плачем молитвою (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 475—476).

***

Охраняя наши добродетели от повреждения похвалами человеческими, мы должны охранять их и от живущего в нас зла... не увлекаться помыслами и мечтаниями тщеславными... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 512—513).

***

Душа, богатая евангельскими добродетелями, глубже и глубже погружается в смирение, и в глубинах этого моря находит драгоценные перлы: дары Духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 540).

***

Сколько дух выше тела, столько добродетель, совершаемая духом, возвышеннее добродетели, совершаемой телом... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 207).

***

Ни одна добродетель не может состояться без терпения; добродетель, чтобы пребыть добродетелью, нуждается в терпении (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 434).

***

Без цены, без малейшей цены добродетели человеческие! Они заимствуют цену от веры в Искупителя, когда

они — выражение этой веры, — исполнение воли Искупителя! (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 466).

***

Может человек совершать душевные добродетели собственными силами, а добродетели духовные в человеке — дар в нем Милосердого Бога, подающего этот дар нищим духом, алчущим и жаждущим правды Христовой (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 526).

***

Молитва рождает добродетели от соединения духа человеческого с Духом Господа. Добродетели, рождающие молитву, различествуют от добродетелей, рождаемых молитвою: первые — душевны, вторые — духовны (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 93).

***

Благоразумное воздержание чрева есть дверь ко всем добродетелям. Удержи чрево, и войдешь в рай (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 269).

***

...Богоугодные добродетели истекают из повиновения Богу, сопровождаются смирением, а не разгорячением, не порывами, не самомнением и тщеславием... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 269—270).

***

Евангельское учение есть единственный источник всех истинных, христианских, богоугодных добродетелей (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 270).

***

...Пост есть начальное орудие всех добродетелей (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 270).

***

Стяжи постоянное трезвение, постоянное бодрствование над собою. Без строгой бдительности невозможно преуспеть ни в одной добродетели... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 417).

***

Без добродетели смирения не могут быть истинными и богоугодными все прочие добродетели (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 433).

***

...Сердце, возделанное скорбями, напоенное уничижением, особенно способно к возвышеннейшей добродетели (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 442).

***

...Все доброе наше от Бога приходит, но только когда ищем (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 215).

***

В нас ведь Господь положил все добродетели. Они тотчас и просятся наружу, как только мы бываем в таком настроении, о коем есть поговорка: ныне он в духе... это то же, что готов на все доброе. А потом поднимается что-то внутри, налетает нечто совне... И человек бывает неузнаваем. Но и это можно стряхнуть, как какую накидку...

Когда живо и сильно ревнование о своем спасении, блюдите сию драгоценность, ибо она дороже всего мира (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 104).

***

Цель трудов монаха — стяжание подвижнических добродетелей, и внешних и внутренних, и телесных и духовных; цель стремления схимы — достижение или построение того, что на основании подвижнических добродетелей может быть достигнуто духовного, или построено. Сознание схимницы должно вступить в иную область духовную... а монах еще борется и бьется в обычной среде... Вот все такое — и подобное составляет разницу... но не в существе духа, а в степени... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 110—111).

***

...Не должно останавливаться на одном доброделании, телом совершаемом, но надо воспитать в себе еще добрые чувства и расположения... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 5).

****

В Гефсимании на святой горе Елеонской есть монастырь, называемый «монастырь аввы Авраамия». Его основал великий Авраамий, бывший после Евдоксия игуменом новой церкви Всехвальной Богородицы и Приснодевы Марии. В то время, когда настоятелем в монастыре был авва Иоанн из Кизика, пришли туда братия и спросили его:

— Как усовершенствоваться в добродетели?

— Кто бы ни пожелал стяжать добродетель, — отвечал он, — если прежде не возненавидит противный ей

порок, не может снискать ее. Желаешь ли получить дар слез — возненавидь сперва смех. Желаешь стать смиренным — возненавидь самопревозношение. Желаешь воздержания — возненавидь пресыщение. Желаешь ли стать целомудренным — должен возненавидеть сладострастие. Желаешь ли достигнуть бескорыстия — возненавидь все вещественное. Хочешь стать милостивым — возненавидь сребролюбие. Стремящийся к пустынножительству — разлюби города. Хочешь упражняться в молчании — возненавидь болтливость. Желающий стать чуждым (всему мирскому) должен возненавидеть жизнь напоказ. Хочешь быть воздержным в гневе — возненавидь светскую жизнь. Ищешь ли непамятозлобия — возненавидь злословие. Не желаешь рассеяния мыслей — оставайся в уединении. Хочешь ли обуздать язык — загради уши свои, чтобы не слышать многого. Желающий всегда пребывать в страхе Божием должен будет ненавидеть телесный покой, возлюбить скорбь и тесноту — и таким образом получить возможность с чистым сердцем работать Богу (102, 178).

***

Апостол говорит: ***Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми*** (Гал. 5, 24). Что заповедует Апостол нам этими словами? Заповедует нам, братия, а наипаче вам, иноки, бесстрастие, т. е., для того чтобы достигнуть нравственного совершенства, мы должны бороться с самими собою и самих себя побеждать. Как достигнуть сего?

Святой Нил говорит: «Добродетели, приводящие человека к бесстрастию, следующие: воздержание, пост, молитва, жажда, бдение, всенощное стояние, частые колено-

преклонения, удаление от всякой роскоши, строгая умеренность в пище, питие одной воды, спание на земле, нищета, нестяжание, смирение, трудолюбие, молчание, занятие рукоделием, всякое злострадание, борьба с плотию и удаление себя от всего того, что соблазняет, — и все это еще нужно дополнять особым смирением и благодарением Богу». Вот добродетели, указываемые святым Нилом для достижения нами, и особенно иноками, бесстрастия. Что прибавить к сему? По нашему мнению, нужно еще иметь и постоянную брань с диаволом, и чтобы достигнуть победы над ним, прилежать и к трудолюбию. «Как котел, — говорит преподобный Пимен Великий, — когда кипит, тогда ни муха, ни другое какое-либо насекомое не смеют прикоснуться к нему; так и к иноку, к деланию монашескому прилежащему, враг рода человеческого не смеет приступать; кто же живет в небрежении и лености, того низлагает он без всякого труда. Так, иноки, трудом, молитвами, благими помыслами, смирением, борьбою с плотию и, особенно, страхом Божиим достигайте бесстрастия и, достигши его, будете сопричислены к тем рабам Христовым, ***иже плоть*** свою ***распяша со страстьми и похотьми*** (Гал. 5, 24)» (112, 880—881).

***

Авва Пимен говорил: «Если трое живут в одном месте, и один из них хорошо безмолвствует; другой болен и благодарит Бога; третий служит им с чистым расположением, то все трое трудятся одинаково» (97, 196).

***

Авва Антоний говорил: «Кузнец, взяв кусок железа, наперед смотрит, что ему сделать: косу, меч или топор.

Так и мы наперед должны помышлять, к какой нам приступить добродетели, чтобы не напрасно трудиться» (97, 12).

***

Авва Пимен говорил: «Хранение себя, внимание к самому себе и рассудительность — вот три добродетели — путеводительницы души» (97, 197).

***

Авва Иоанн говорил: «Я желаю, чтобы человек, хотя в некоторой степени, имел все добродетели. Так каждый день, вставая утром, начинай соблюдать каждую добродетель и заповедь Божию в величайшем терпении, со страхом и великодушием, в любви к Богу, со всякою готовностью души и тела, с глубоким смирением, в терпении сердечной скорби, во бдении, в чистой молитве и молениях, с воздыханием, в чистоте языка и хранении очей. Если бесчестят тебя, не гневайся; будь миролюбив и не воздавай злом за зло; не смотри на падения других; не думай высоко о себе, когда ты ниже всякой твари; презирай все тленное и плотское; пребывай под крестом в подвиге, в духовном упражнении, в посте, в покаянии. Плачь, борись с искушениями, будь рассудителен, храни чистоту души, достойно причащайся, безмолвствуй за рукодельем, пребывай в ночных бдениях, в голоде и жажде, в холоде, в наготе и трудах. Закрой гроб твой, как бы ты уже умер, дабы тебе помнить, что каждый час смерть близка к тебе» (97, 108).

***

Один брат спросил авву Пимена: «Может ли человек уповать на одно доброе дело?» Старец отвечал ему: «Авва

Иоанн Колов говорил: «Я желаю, хотя в некоторой степени, иметь все добродетели» (97, 198).

***

Он же (авва Пимен) говорил: «Когда человек намерен строить дом, то собирает множество материалов и различного рода веществ, чтобы можно было ему поставить дом. Так и мы должны приобретать, хотя в некоторой степени, все добродетели» (97, 215).

ДОГМАТЫ

...Что пользы... если дерево и поднялось высоко, и покрылось листьями, но плода не приносит? Так и христианину не принесут никакой пользы правые догматы, если он небрежет о своей жизни (свт. Иоанн Златоуст, 47, 107).

***

...Не смущайтесь, нет ничего странного и неожиданного в том, что безумные смеются над великими предметами. Таких людей невозможно убедить человеческой мудростью, и если станешь убеждать их таким образом, то сделаешь противное: для того, что превышает разум, нужна одна вера (свт. Иоанн Златоуст, 53, 30).

***

...Ведущему жизнь порочную нелегко возвыситься до познания наших догматов, но должно очиститься от всех страстей желающему постигнуть истину (свт. Иоанн Златоуст, 53, 77).

***

...Тот, кто извратит и малейший догмат правой веры, все уже подвергает разрушению, постепенно переходя от одного повреждения к другому — худшему (свт. Иоанн Златоуст, 53, 742).

***

Все наши важнейшие (догматы) чужды умствований и доступны только вере (свт. Иоанн Златоуст, 54, 400).

***

Подвизаемся... о хранении Божественных догматов, чтобы сподобиться ведения (авва Фалассий, 91, 321).

ДОЛГОТЕРПЕНИЕ БОЖИЕ

...Велика и неисповедима благость Божия, невыразимо Божие долготерпение к человеческому роду, если только пожелаем мы отрезвиться и постараемся всецело обратиться к Богу, чтобы возможно нам было улучить спасение (прп. Макарий Египетский, 67, 34).

***

...Бог не прекращает Своего долготерпения в течение всей жизни человека, потому что и тысяча лет у Него считается кратчайшим временем, и притом... уже прошедшим (свт. Иоанн Златоуст, 48, 901).

***

Если пренебрегаешь ты, несчастный, Божиим медлением и долготерпением, то устыдись хотя настоящего. Ибо многие, не имея в виду будущего, уклоняются того, что

осмеивается здесь. Если же пренебрегаешь тем и другим, то здесь возбудишь смех, а там — плач (прп. Исидор Пелусиот, 60, 120).

***

Поелику Божественный Промысл щадит согрешающих больше, нежели сколько видит их щадящими себя самих, то посему, водясь долготерпением, взывает царственной и человеколюбивой проповедью: ***покайтеся, приближибося Царствие Небесное*** (Мф. 3, 2). Но если согрешающие, ни во что вменяя сие увещание, признают долготерпение небрежением, то, может быть, и ныне, без сомнения же, когда настанет время суда, не пощадит уже не удостоивших пощады себя самих, но подвергнет самым жестоким наказаниям пренебрегших долготерпение... (прп. Исидор Пелусиот, 61, 11—12).

***

...Если и весьма теперь долготерпит Божий гнев, призывая к покаянию, то впоследствии без замедления строже накажет не уважевших столь великого человеколюбия. Посему многие здесь еще не избегли непреодолимой руки, но постигнуты были такими бедствиями, которые великостью своей затмили всякое плачевное представление, многие же, избежав по видимому здешних наказаний, горчайшие вкусили там, когда правдивый Суд возмерил им, сколько было должно (прп. Исидор Пелусиот, 61, 43).

***

...Уважив Божие долготерпение, держись добродетели. Ибо не до конца будет терпеть пренебрегаемый Судия, но наложит сильную руку. Почему наперед указует и оправ-

дывается, что на подлежащих ответственности произносится Им непогрешительный приговор. *Молчах,* говорит, *еда и всегда умолчу, и потерплю; ...истреблю и изсушу вкупе* (Ис. 42, 14); а сим как бы выражает: «Если образумитесь, Я наперед сказал, что будет. Если же станете упорствовать, то вина не на Мне; вы сами вынудили постигающее вас наказание» (прп. Исидор Пелусиот, 62, 194).

***

...Не обвиняй Божия правосудия в нерадении, но подивись Его долготерпению, которое ныне призывает... к покаянию, и тем отъемлет предлог к оправданию... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 283).

***

Не вопи на Божие долготерпение, по причине благоденствия <нечестивых>... которые, оскорбляя добродетель и увенчивая порок, даже превозносятся тем. Напротив того, удивляйся сему долготерпению, по причине безмерной благости призывающему их к покаянию, и молись, чтобы они пришли в себя, и ты избавился от соблазна, они — от наказания, а вера — от осмеяния. Если же (чего да не случится!) до конца будут они упоены пороком, неистовствуя в безумии и бешенстве; из того, что потерпят там, познают, что лучше было бы вести себя целомудренно (прп. Исидор Пелусиот, 62, 292).

***

...Всего несообразнее с разумом терпение Божие, призывающее к покаянию, обращать в напутие к большим грехам. Если же потому, что не понесли еще наказания,

надеетесь, что и не будете наказаны, то вполне знайте, что Божество как человеколюбиво, так нелживо и всемогуще. Оно оказывает человеколюбие, и первые грехопадения оставляет ненаказанными, давая время к исправлению, однако же, если прегрешения паче и паче усиливаются, взыскивает за них напоследок, и подвергает наказанию за все в совокупности... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 307).

***

...Частое прощение твоих прегрешений обучило тебя грешить непростительно. Поэтому, употребив узду воздержания, попытайся остановить себя в стремлении в бездну и сделай, чтобы врачевство прощения стало не бесполезным, и чтобы не постигло наконец тебя Божественное правосудие, как неблагопризнательного и бесчувственного (прп. Исидор Пелусиот, 62, 405).

***

Божие долготерпение да не побуждает тебя к пороку, но да призывает к добродетели. Ибо ни с чем не сообразно терпеть вред от блага, а такое долготерпение есть благо же; оно порождает милость кающимся, и суд нераскаянным (прп. Исидор Пелусиот, 62, 465).

***

Не порицай Божия долготерпения, ибо оно — общее врачевство (прп. Нил Синайский, 72, 234).

****

Иеромонах Троице-Сергиевой Лавры отец Мелетий сообщил достойную памяти историю последних лет жизни

иеромонаха московского Покровского монастыря отца Никодима. Иеромонах Никодим, по словам отца Мелетия, был муж просвещенный и доброго сердца. Своей истинно иноческой жизнью он был известен даже митрополиту Филарету.

Вдруг с ним случилось что-то непостижимое для человеческого ума. Он впал в непонятную тоску и от уныния не находил себе места. Чтобы сколько-нибудь забыться в своем тяжелом угнетенном состоянии, он стал прибегать к вину, постепенно пристрастился к водке и сделался настоящим алкоголиком. Архимандрит Паисий, тогдашний настоятель Покровского монастыря, уважаемый всей Москвой за свою духовную жизнь, принимал все меры, чтобы удержать отца Никодима от запоя. Но все старания его были напрасны, и он был вынужден, наконец, доложить об этом митрополиту Филарету.

По прибытии членов следственной комиссии из консистории в Покровский монастырь, отец Никодим не открыл им даже своей двери. Находясь в нетрезвом состоянии, он беззастенчиво грубил некоторым из них. На донесении членов комиссии о результатах следствия митрополит Филарет наложил резолюцию, в которой выражал сожаление о поведении отца Никодима и назначал его на поселение в Николо-Песношский монастырь. На Песноше игуменом состоял тогда истинный монах мудрой и духовной жизни, которому, однако никак не удавалось благотворно повлиять на отца Никодима. Тот и здесь продолжал вести нетрезвую жизнь и доходил до такого состояния, что, удаляясь в соседнюю деревню, все пропивал с себя. Игумен не знал, что с ним делать. Лишать его сана и обратить в первоначальное состояние он не хотел, так как не терял надежды на его исправление и просил о том Бога. О спа-

сении отца Никодима заботился и сам митрополит Филарет, всегда спрашивавший о нем.

Так прошло три года. Отец Никодим был буквально соблазном для всей Песношской обители. Однажды игумен, будучи в Москве, специально просил митрополита Филарета, чтобы он помолился об искушаемом иеромонахе Никодиме. Владыка митрополит в ответ на просьбу настоятеля сказал: «Верю, что не до конца Господь прогневался на него. Он помилует и исцелит его немощи». Однажды, к неописуемой радости игумена, отец Никодим неожиданно для всех пришел в церковь к полунощнице, стал на клирос и своим мощным голосом стал помогать братии в пении. В тот же день он пришел к Литургии, к вечерне, а затем и в последующие дни стал неопустительно являться ко всем службам. Братия часто замечала его плачущим и молитвенно кающимся. В таком благодатном душевном состоянии он провел восемь месяцев. Игумен, видя его исправление, официально сообщил о том митрополиту Филарету и просил разрешить священнодействие отцу Никодиму. На донесении святитель Филарет наложил следующую резолюцию: «Душою и сердцем радуюсь исправлению отца Никодима. С любовью благословляю и разрешаю ему священнодействовать».

Разрешение это было получено отцом игуменом в Великую Пятницу на Страстной седмице. Объявляя об этом отцу Никодиму, игумен благословил ему готовиться к священнослужению вместе с ним в Светлый день Святой Пасхи. Предстоя святому престолу в служении с отцом игуменом, отец Никодим всю Светлую заутреню и всю обедню пламенно, со слезами, молился. Благодарственные молитвы после причащения отец Никодим от изнеможения читал уже сидя. По окончании молитв к нему подошел поно-

марь, чтобы напомнить о разоблачении. Но отец Никодим уже ничего не слышал. Он был мертв, и лицо его сияло пасхальной радостью.

Когда об этом было донесено митрополиту Филарету, то владыка со слезами на глазах сказал: «Слава и благодарение Всевышнему Богу, не хотящему смерти грешника, но промыслительно спасающему человеческие души!» (114, 171—174).

ДРУЖБА

Друзей прежде опробуй испытанием, и не всех делай себе близкими, не всем вверяйся, потому что мир полон лукавства (прп. Антоний Великий, 89, 100).

***

Не держи дружбы с людьми, которых совесть твоя боится увидеть другими (нежели как кажется, и нежели как тебе желательно, — или боится, что через них с другими спознаешься), да не дашь преткновения в ведении (прп. авва Исаия, 89, 307).

***

Друг тем особенно и отличается от льстеца, что один для услаждения беседует, а другой не удерживается и от того, что может огорчить (свт. Василий Великий, 10, 52).

***

Если не тверд ты во нравах, не дружись с человеком, который слаб рассудком; говорю же сие не с тем, чтоб гнушался ты кем-либо, как грешником, но чтобы, когда

обе стороны слабы, и ты не потерпел от него вреда, и он от тебя (прп. Ефрем Сирин, 30, 195—196).

***

Прилепись... к человеку, боящемуся Господа, но не люби проводить время с небрежными (прп. Ефрем Сирин, 30, 197).

***

...Если захочет кто иметь с тобой льстивую дружбу и вольность, не угодную Богу, то тщательно соблюдай себя от такого человека и вовсе не дозволяй себе с таким человеком вольности, не угодной Богу (прп. Ефрем Сирин, 30, 570).

***

Кого приобретаешь, приобретай не ради себя, и избежишь яда самолюбия (прп. Ефрем Сирин, 31, 627).

***

...Друг верный — сокровище одушевленное (свт. Григорий Богослов, 12, 299).

***

Никакое приобретение не лучше друга, но никогда не приобретай себе в друзья худого человека (свт. Григорий Богослов, 15, 367).

***

Не столько умножение имущества, не столько оружие и стены, окопы и другие бесчисленные средства могут

обезопасить нас, сколько искренняя дружба (свт. Иоанн Златоуст, 44, 597).

***

<Враг>, хоть и целует меня, противен; <друг>, хоть уязвляет меня, любезен: поцелуй того подозрителен, рана от этого есть признак заботливости... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 120—121).

***

Не имей же друзьями учителей вреда, не имей таких друзей, которые больше любят (сытный) стол, нежели дружбу (свт. Иоанн Златоуст, 50, 506).

***

...Бесчестная дружба хуже всякой вражды. От врагов, если мы захотим, можем получить и пользу; а от таких друзей ничего не бывает, кроме одного лишь вреда (свт. Иоанн Златоуст, 50, 506).

***

...Если дружество с кем-либо для тебя вредно, удались от него. Если мы часто отсекаем члены тела своего, когда они бывают больны неизлечимо и вредны для прочих членов, то тем более должно поступать так с друзьями (свт. Иоанн Златоуст, 50, 610).

***

...Ничто не приобретает нам столько друзей, как старание превзойти ближнего почтительностью (свт. Иоанн Златоуст, 52, 761).

***

Кто становится другом, получая благодеяния, тот, если они не будут непрерывны, сделается врагом... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 360).

***

...Полное и совершенное дружество может пребывать только между совершенными мужами и одинаковой добродетели... Но поелику никто не может начинать с совершенства, а начинают с основания его, и вы исследуете не то, каково величие совершенства, а как можно достигнуть его, то считаю необходимым коротко раскрыть вам правило его и некоторую стезю, по которой бы направлялись ваши[1] стопы, чтобы вы удобно могли достигнуть блага терпения и мира.

Итак, первое основание истинного дружества находится в пренебрежении богатства мирского и в презрении всех вещей, какие имеем. Ибо совершенно несправедливо и нечестиво, если... драгоценной братской любви предпочитать маловажную домашнюю рухлядь... Второе основание состоит в том, чтобы всякий отсекал свою волю, так, чтобы не считал себя мудрым и рассудительным и не желал последовать лучше своему мнению, нежели мнению ближнего. Третье: всякий должен знать, что всему, что считает даже полезным и необходимым, надобно предпочитать любовь и мир. Четвертое: надобно верить, что ни по справедливым, ни по несправедливым причинам вовсе не должно гневаться. Пятое: всякий должен желать уврачевать гнев брата на него, питаемый даже без основания, таким же образом, как свой, зная, что и для него равно гибельна печаль другого, все равно как бы сам осердился на другого, если не изгонит ее из души брата, сколько

зависит от него. Последнее основание, которое, без сомнения, есть общий истребитель всех пороков, состоит в том, чтобы всякий думал, что он в этот же день переселится из этого мира. Это убеждение не только не допустит никакой скорби оставаться в сердце, но и подавит все движения вожделений и всех грехов. Итак, кто это сохранит, тот не может ни потерпеть горечи гнева и раздора, ни причинить другим. А когда этого не будет, и как скоро враг любви (диавол или страсть) в сердца друзей неприметно будет вливать яд огорчения, то необходимо, при постепенном охлаждении любви от частых огорчений, сердца любящих, долго растравляемые, когда-нибудь он разлучит (прп. авва Иосиф, 56, 450—452).

***

И сам я не безгрешен, и друзей ищу не безгрешных; потому что безгрешных и не найду. Но у кого преспеяний много и они велики, а недостатков мало и они не важны, тех включаю в список друзей, а в ком нахожу противное сказанному, тех и не включаю, и не исключаю. Не включаю, чтобы не дали повода клеветать на весь сонм; потому что у всякого в обычае судить о человеке по его приближенным. Но и не исключаю, оставляя им добрую надежду. И одними пользуюсь, как советниками и друзьями, а с другими не бранюсь, но поддерживаю возможный мир, стараясь сохранить апостольское предписание: *аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте* (Рим. 12, 18). Советую же удерживаться от порока и держаться добродетели. Но если совет мой обратят они в повод к вражде, то немалую причинят мне печаль тем, что не воспользовались, а не тем, что изъявили неприязнь (прп. Исидор Пелусиот, 61, 304—305).

***

Кто печется о живущих с ним, трудится для них, и как увеселяется их благоденствием, так печалится затруднительными их обстоятельствами, тот сильный ловец дружбы (прп. Исидор Пелусиот, 62, 245).

***

Самым прямым правилом дружбы признаю следующее: без притворства соглашаться с братией, не завлекать в дружбу ласкательством, не заводить вражды тайно; но душу иметь для всего открытую, простое сердце, простой язык; а паче того еще более простую жизнь (прп. Исидор Пелусиот, 62, 469).

***

Будь дружен со всеми людьми, а мыслию своею пребывай один (прп. Исаак Сирин, 58, 41).

***

Искренний друг тот, кто во время искушения ближнего, вместе с ним, без смятения и тревоги, переносит, как собственные случившиеся с ним скорби, нужды, несчастья и беды (прп. Максим Исповедник, 91, 226).

***

Одни верные блюстители заповедей и истинные таинники судеб Божиих не оставляют друзей, по Божию попущению искушаемых; но презрители заповедей и не посвященные в таинства судеб Божиих, когда друг благоденствует, наслаждаются с ним; а когда искушаемый злостраждет,

оставляют его. Бывает, что они становятся на стороне противников (прп. Максим Исповедник, 91, 228).

****

В Сергиевом Посаде жили два друга: Николай Иванович Шабунин, заведовавший лаврской аптекой, и некто Сергей Сергеевич Бочкин. Николай был старше Сергея, иногда позволял себе допускать фантазерство по вопросам веры, а Сергей в религиозных убеждениях был строго православен. Иногда их разговоры касались темы вечных мучений. При этом всякий раз Николай фантазировал, как и многие, говоря, что вечных мучений не бывает. «Не может быть, — утверждал он, — чтобы Бог осудил Свое создание на вечные мучения». А Сергей, на основании слов Господа в Святом Евангелии: *идут сии в муку вечную* (Мф. 25, 46), считал истиной существование вечной муки. Шабунин обычно упорствовал, и спор друзей кончался тем, что они оставляли этот вопрос до смерти кого-нибудь из них. Кто первый умрет, уславливались они, тот должен, если на то будет воля Божия, обязательно явиться из загробной жизни оставшемуся в живых и сказать, есть ли вечное мучение. Николай говорил шутя: «Ну, Сережа, придется мне являться к тебе из загробного мира с ответом о вечных мучениях. Я старше и несомненно умру прежде тебя». Сергей отвечал: «Бог знает, кто из нас умрет первым, может случиться, что я, молодой, умру прежде тебя».

Так и вышло. Прошел год после их разговора. Сергей заболел. Ему сделали операцию, которая оказалась неудачной, и он умер. После его смерти, накануне сорокового дня, Николай, ложась спать, читал книгу профессора Голубинского «О Премудрости и Благости Божией в судьбах

мира и жизни человека». Почувствовав усталость, он положил книгу под подушку и уснул. Только он задремал, как ясно видит перед собой Сергея. Лицо его молодо, необычайно красиво и исполнено радости. Одежда на нем изящная, что особенно привлекло внимание Николая, а в его галстуке сияет крупная брошь, переливаясь всеми цветами радуги. Сергей, подойдя к Николаю, сказал: «Есть жизнь светлая, вечная, есть и муки вечные, уготованные собственным произволением грешников». Сергей сказал другу еще несколько слов и в завершение добавил: «Всего сказанного мной ты и не упомнишь, но у тебя лежит под подушкой книга. Прочитай в ней с особенным вниманием шестую и седьмую главы, и твой ум просветится благодатной истиной о жизни вечной. В этой жизни существуют и неизреченное райское блаженство, и мука вечная». Когда Николай проснулся, то немедленно зажег огонь и с великой радостью прочитал в книге Голубинского указанные места. От прочитанного ум его как бы просветлел, а сердце наполнилось радостью и успокоением. Он искренне благодарил Бога за Его великую милость к нему, а Сергея — за дружескую любовь, которая вечна и не умирает (114, 191—193).

***

Два брата, монахи, придя в соседний город, чтобы там продать свою работу, остановились в гостинице. По продаже рукоделия один пошел закупить все необходимое, а другой остался в гостинице и, по наущению диавола, впал в любодеяние. Вернувшийся брат сказал: «Мы запаслись всем нужным, теперь возвратимся в келью». Брат отвечал ему: «Я не могу возвратиться». Когда же брат начал упрашивать его, он исповедал свой грех. «Я, — сказал он, —

когда ты ушел от меня, впал в любодеяние и потому не хочу возвращаться». Брат, желая обрести и спасти душу брата, сказал ему с клятвой: «И я, отлучившись от тебя, подобным образом впал в любодеяние, однако воротимся в келью и предадимся покаянию. Богу все возможно, Ему возможно даровать нам прощение за наше покаяние и избавить от муки в огне вечном». Они возвратились в свою келью. Святые старцы наставили их на делание покаяния и дали заповеди, которые они исполняли тщательно. Несогрешивший брат приносил покаяние за грех, который как бы сам совершил, за согрешившего, по великой любви, которую имел к нему. Господь призрел на подвиг любви, открыл святым отцам тайну: за любовь того, кто не согрешал, а поверг себя труду покаяния для спасения брата, даровано прощение и согрешившему (106, 446—447).

ДУХ СВЯТЫЙ

Дух Святый непрестанно веет благоуханием приятнейшим, сладчайшим и неизъяснимым для языка человеческого. Но кто знает сию приятность Духа и Его сладость, кроме тех, которые удостоились того, чтоб Он вселился в них? Дух Святый вселяется в душах кающихся не иначе, как после многих трудов (прп. Антоний Великий, 89, 50).

***

...Дух пишет на сердцах более или менее; по мере предуготовительной чистоты пишет или для всех явственно, или неявственно. По скорости же написуемого, целая уже вселенная наполнена благовестием (свт. Василий Великий, 5, 277).

***

...Выше человеческой природы — объяснить причину, по которой Дух Божий различно действует в достойных, — и одному вверяется пророчество, и притом до известной степени; другой получает дарования исцелений, и те в определенной мере; а иной действия больших или меньших сил. Ибо знает сие Тот один, Кто вникает в душевные достоинства каждого, и каждому, по незримым мерам правосудия, уделяет, чего он достоин (свт. Василий Великий, 6, 7).

***

...Дух Святый пребывает во всех, но собственно силу Свою обнаруживает в тех, которые чисты от страстей, а не в тех, у кого владычественное души омрачено греховными нечистотами. Кроме же чистоты надлежит им показывать в себе равенство благоустроенного состояния. Ибо чист не тот, кто неровно ведет себя в отношении к целомудрию, но тот, кто мудрование плоти подчинил Духу. Как изображения лиц видим не во всяком веществе, а только в гладких и прозрачных веществах; так и действие Духа отражается не во всякой душе, а только в душах, которые не имеют в себе ничего *строптотного* и ничего *развращенного* (ср.: Притч. 8, 8). Снег блестит, но не показывает в себе образа тех, которые в него смотрятся, потому что шероховат и составлен из смерзшейся пены. Молоко бело, но не принимает в себя образов, потому что и в нем есть какие-то мелкие пузыри. А в воде, по причине ее гладкости, виден даже черный образ. Так точно и неровность жизни не способна к принятию в себя Божия действия. Посему, когда душа, посвятив себя всякому подвигу доб-

родетели, сильной любовью к Богу постоянно сохраняет в себе напечатленное в ней памятование о Боге, и таким образом соделывает Бога как бы живущим в себе, тогда, от сильного стремления и неизреченной любви к Богу, став богодухновенной, соделывается она достойной пророческого дара; потому что Бог дает Божественную силу и отверзает душевные очи для уразумения видений, какие сообщить Ему угодно (свт. Василий Великий, 6, 8).

***

Страж наш есть Дух Святый. Когда душа приносит плоды, достойные вечных житниц, Дух Святый пребывает с ней, охраняет ее и отражает козни *уединенного дивия* (ср.: Пс. 79, 14) (свт. Василий Великий, 6, 29).

***

...Как у Бога Слово не устами произносимое, но живое, самостоятельное, вседейственное; так у Бога и Дух не разливающееся дыхание, не рассеивающийся воздух, но Сила освящающая, самосущная, самобытная, самостоятельная (свт. Василий Великий, 7, 153).

***

...Как солнечные лучи делают облако светлым и блистательным, производя в нем златовидность, так и Дух Святый, вошедши в тело человека, как даровал ему жизнь, даровал бессмертие, даровал святыню, так воздвиг, когда оно пало. И человек, который дотоле был земля и пепел, по вселении в него Духа, приял достоинства пророка, Апостола, Ангела Божия (свт. Василий Великий, 7, 190).

***

...Приемлющие делаются святыми, когда <Дух> низойдет на них, и погибают, когда Он оставит их... Он источник Вечной жизни (свт. Василий Великий, 7, 190).

***

<Дух Святый> даровал Себя всему множеству Небесных Сил и всему множеству праведников. И между праведными, великими и малыми, Ангелами и Архангелами, освящается Им каждое неделимое. И хотя неделимые бывают розно, и как тела находятся одно здесь, другое там, так и другие силы имеют между собою разделяющую их среду; однако же Дух неразделим и не часть Его, сраствореннаяс каждым неделимым, производит в нем Божественную жизнь, но все живет всецелою Его силою; Дух повсюду присущ, уподобляясь посылающему Его Богу и в бытии и в том, что везде и во всем одинаково пребывает (свт. Василий Великий, 7, 191).

***

...Божий Дух обильно пребывает в разумной душе, если она не хочет по нерадению отступить от самой себя (свт. Василий Великий, 7, 193).

***

К Духу Святому обращено все имеющее нужду в освящении; Его желает все живущее добродетельно, вдохновением Его́ как бы орошаемое и вспомоществуемое к достижению свойственного себе и естественного конца. Он усовершает других, а Сам ни в чем не имеет нужды; Он живет без возобновления сил, но есть Податель жизни; Он не чрез прибавление возрастает, но вдруг полон, Сам в

Себе водружен и вездесущ. Он есть начало освящения, мысленный свет, доставляющий Собою всякой разумной силе, при искании истины, как бы некоторую очевидность. Он неприступен по естеству, и удобовместим по благости; хотя все исполняет Своею силою, однако же сообщается одним достойным, и не в одной мере приемлется ими, но разделяет действование по мере веры. Он прост по сущности, многообразен в силах, весь присутствует в каждом, и весь повсюду. Он разделяемый не страждет, и когда приобщаются Его, не перестает быть всецелым, наподобие солнечного сияния, наслаждающийся приятностью которого как бы один им наслаждается, между тем как сияние сие озаряет землю и море, и сраствоpяется с воздухом. Так и Дух в каждом из удобоприемлющих Его пребывает, как ему одному присущий, и всем достаточно изливает всецелую благодать, которой наслаждаются причащающиеся, по мере собственной своей приемлемости, а не по мере возможного для Духа (свт. Василий Великий, 7, 225—226).

***

...Кто очистился от срамоты, какую произвел в себе грехом, возвратился к естественной красоте, чрез очищение как бы возвратил древний вид царскому образу, тот единственно может приблизиться к Утешителю. И Он, как солнце, которым встречено чистое око, в Себе Самом покажет тебе образ Невидимого. А в блаженном созерцании образа увидишь неизреченную красоту Первообраза. Чрез Духа — восхождение сердец, руковождение немощных, усовершение преуспевающих. Дух, воссиявая очищенным от всякой скверны, чрез общение с Собою делает их духовными. И как блестящие и прозрачные тела, когда упадет на них луч света, сами делаются светящимися, и отбрасывают от себя новый луч, так духоносные души,

будучи озарены Духом, сами делаются духовными и на других изливают благодать. Отсюда — предведение будущего, разумение таинств, постижение сокровенного, раздаяние дарований, небесное жительство, ликостояние с Ангелами, нескончаемое веселие, пребывание в Боге, уподобление Богу, и крайний предел желаемого — обожение (свт. Василий Великий, 7, 226).

***

Неверующий в Духа не имеет части и в истинном поклонении. Ибо не иначе можно поклоняться Сыну, как только во Святом Духе, и не иначе можно призывать Отца, как только в Духе сыноположения (свт. Василий Великий, 7, 230).

***

Духом Святым — восстановление наше в рай, вступление в Небесное Царство, возвращение в сыноположение, дерзновение именовать Отцом своим Бога, соделываться общниками благодати Христовой, именоваться чадами Света, приобщиться вечной славы, одним словом, приобрести всю полноту благословения и в сем и в будущем веке, когда в себе, как в зеркале, отражаем благодать тех благ, какие предназначены нам по обетованиям, и которыми чрез веру наслаждаемся, как уже настоящими (свт. Василий Великий, 7, 241).

***

...Вся... пренебесная и неизреченная стройность, как в служении Богу, так и во взаимном между собою согласии

премирных сил, не может быть сохранена иначе, как под управлением Духа (свт. Василий Великий, 7, 246).

***

...Дух, хотя не имеет общения с недостойными, однако же по видимому сопребывает некоторым образом с теми, которые запечатлены однажды, ожидая их спасения по обращении... (свт. Василий Великий, 7, 248—249).

***

...Жизнь, порабощенная плотским страстям, не приемлет благодати Духа, как больной глаз — света солнечных лучей (свт. Василий Великий, 7, 267).

***

...Как в телах здравие, или теплота, или вообще свобода телесных отправлений, так в душе нередко присущ Дух, но не остается навсегда в тех, которые, по непостоянству воли, легко отталкивают от себя принятую ими благодать (свт. Василий Великий, 7, 275—276).

***

...Дух — воистину место святых. И святой есть собственное место Духа, представляет себя в жилище Духа с Богом, и именуется храмом Его (свт. Василий Великий, 7, 277).

***

...Как от огня неотделимо, что он греет, и от света, что он светит; так неотделимо и от Духа, что Он святит,

животворит, что Он — благость, правота (свт. Василий Великий, 8, 224).

***

...Отделяющие Духа от Отца и Сына и причисляющие Его к твари делают и крещение несовершенным, и исповедание веры недостаточным; потому что Троица не пребывает уже Троицею, по отъятии Духа (свт. Василий Великий, 8, 330).

***

...Пока не соблюдаем всех заповедей Господних, и пока мы не таковы, чтобы Господь засвидетельствовал о нас: ***вы несте от мира сего*** (ср.: Ин. 15, 19), до тех пор да не ожидаем удостоиться Духа Святаго (свт. Василий Великий, 9, 263).

***

Право мудрствующий предает... проклятию... тех, которые Духа Святаго называют служебным, потому что сим речением низводят Его на степень твари (свт. Василий Великий, 10, 232).

***

Всякий, кто любит собственное спасение, делается обителью Святаго Духа (прп. Ефрем Сирин, 30, 200).

***

Дух же Святый исшел из сущности Отца не полусовершенным и не смешанным; ибо Он не Отец иногда, а иногда Сын, но Дух Святый, имеющий полноту благости и

исходящий во свидетельство о Божестве... (прп. Ефрем Сирин, 30, 252).

***

Дух Святый открывает человеку, какой путь хорош, и какой нехорош. А также показывает ему, что уготовано на пути хорошем, и что скрыто на пути лукавом, чтоб человек, зная воздаяние за то и за другое, избежал вредного (прп. Ефрем Сирин, 30, 571—572).

***

...Божество Духа весьма открыто в Писании. Обрати внимание на следующее. Рождается Христос, — Дух предваряет (см.: Лк. 1, 35). Крещается Христос, — Дух свидетельствует (см.: Ин. 1, 33—34). Искушается Христос, — Дух возводит Его (см.: Мф. 4, 1). Совершает силы Христос, — Дух сопутствует. Возносится Христос, — Дух преемствует. Чего великого и возможного Единому Богу не может совершить Дух? И из имен Божиих какими не именуется Он, кроме нерожденности и рождения? Но сии свойства должны были оставаться при Отце и Сыне, чтоб не произошло слитности в Божестве, Которое приводит в устройство как все прочее, так и самое нестроение. Прихожу в трепет, когда представляю в уме и богатство именований, и то, что противящиеся Духу не стыдятся и толикого числа имен. Он именуется: *Дух Божий, Дух Христов* (см.: Рим. 8, 9), *Ум Христов* (1 Кор. 2, 16), *Дух Господень* (Ис. 61, 1), *Сам Господь* (см.: Пс. 151, 1), *Дух сыноположения* (Рим. 8, 15), *истины* (см.: Ин. 14, 17), *свободы* (см.: 2 Кор. 3, 17), *Дух премудрости, разума, совета, крепости, ведения, благочестия, страха Божия* (ср.: Ис. 11, 2—3), потому что все сие производит. Он все

исполняет сущностью, *все содержит* (см.: Прем. 1, 7)... Он есть *Дух благий* (см.: Пс. 142, 10), *Дух правый* (Пс. 50, 12), *владычний* (см.: Пс. 50, 14) — по естеству, а не по усвоению, освящающий, но не освящаемый, измеряющий, но не измеряемый, заимствуемый, но не заимствующий, исполняющий, но не исполняемый, содержащий, но не содержимый, наследуемый (см.: Еф. 1, 14), прославляемый (см.: 1 Кор. 6, 19—20), вместе счисляемый (см.: Мф. 28, 19), угрожающий (см.: Деян. 5, 1—10; см.: Мф. 12, 31—32). Он есть *Перст Божий* (см.: Лк. 11, 20), Огонь (см.: Мф. 3, 11; см.: Деян. 2, 3), как Бог, и думаю, в означение единосущия. Он есть *Дух сотворивый* (см.: Иов. 33, 4), воссозидающий в крещении (см.: Тит. 3, 5) и воскресении (см.: Рим. 8, 11), Дух, Который все ведает (см.: 1 Кор. 2, 11), всему учит (см.: Ин. 14, 26), *дышет идеже хощет* и сколько хочет (см.: Ин. 3, 8), Дух наставляющий (см.: Ин. 16, 3), глаголющий (см.: Мф. 10, 20), посылающий (см.: Деян. 13, 4), отделяющий (см.: Деян. 13, 2), прогневляемый (см.: Ис. 63, 10), искушаемый (см.: Деян. 5, 9), Податель откровений (см.: 1 Кор. 2, 10), просвещения (см.: Евр. 6, 4), жизни (см.: Рим. 8, 11), лучше же сказать, самый Свет и Самая Жизнь. Он делает меня храмом (см.: 1 Кор. 6, 19), творит богом, совершает, почему и Крещение предваряет (см.: Деян. 10, 44), и по Крещении взыскуется (см.: Деян. 19, 5—6); Он производит все то, что производит Бог. Он разделяется в огненных языках (см.: Деян. 2, 3) и разделяет дарования (см.: 1 Кор. 12, 11), творит апостолов, пророков, благовестников, пастырей, учителей (см.: Ефес. 4, 11). Он есть *Дух разума, многочастный, ясный, светлый, нескверный, невозбранен* (что равнозначно, может быть, словам: премудрый, многообразный в действиях, делающий все ясным

и светлым, свободный и неизменяемый), ***всесильный, всевидящий и сквозе вся проходяй*** (см.: Прем. 7, 22—23)... И как же бы ты думал? Те, которые говорят сие и учат сему, а сверх того именуют Духа ***иным Утешителем*** (см.: Ин. 14, 16), как бы иным Богом, знают, что только хула на Духа непростительна (см.: Мф. 12, 31). Ананию же и Сапфиру, когда они солгали Духу Святому, оглашают солгавшими Богу, а не человеку (см.: Деян. 5, 4) — то ли исповедуют о Духе, что Он Бог, или иное что? О, сколько ты в действительности груб и далек от Духа, если сомневаешься в этом и требуешь еще Учителя! Итак, наименования сии весьма многочисленны и многозначащи... а если в Писании и встречаются унизительные речения: ***дается*** (см.: Деян. 8, 18), посылается (см.: Ин. 14, 26), делится (см.: Деян. 2, 3), дарование, дар (см.: Деян. 2, 38), дуновение (см.: Ин. 20, 22), обетование (см.: Деян. 2, 33), ходатайство (см.: Рим. 8, 26) и другие сим подобные, то (не говоря о каждом из сих речений) надобно их возводить к первой Причине, чтоб видеть, от Кого Дух, а не принять трех начал, подобно многобожникам. Ибо равно нечестиво и соединять с Савеллием, и разделять с Арием, — соединять относительно к лицу, разделять относительно к естеству (свт. Григорий Богослов, 14, 128—131).

***

Кто Святаго Духа низводит в ряд тварей, тот ругатель, злой раб, и злейший из злых (свт. Григорий Богослов, 15, 11).

***

Дух Святый всегда был, и есть, и будет; Он не начал и не прекратит бытия, но всегда со Отцем и Сыном вчиня-

ется и счисляется. Ибо неприлично было или Отцу когда-либо быть без Сына, или Сыну без Духа: крайне было бы бесславно для Божества, как бы вследствие изменения советов своих прийти в полноту совершенства. Итак, Дух всегда был приемлемым, а не приемлющим; совершающим, а не совершаемым; наполняющим, а не наполняемым; освящающим, а не освящаемым; приводящим к обожению, а не вводимым в обожение. Он всегда один и тот же Сам для Себя и для Тех, с Которыми счиняется; невидим, не подлежит времени, невместим, неизменяем, не имеет ни качества, ни количества, ни вида, неосязаем, самодвижен, приснодвижим, свободен, самовластен, всесилен (хотя как все принадлежащее Единородному, так и все принадлежащее Духу возводится к первой Вине); Он — Жизнь и Животворящ, Он — Свет и света Податель; Он — источная Благость и Источник благости; Он — Дух правый, Владычний (см.: Пс. 50, 12—14)... Чрез Него познается Отец и прославляется Сын (см.: Ин. 16, 14), и Сам Он Ими одними знаем, единое счинение, служение и поклонение, единая сила, единое совершенство и освящение (свт. Григорий Богослов, 15, 14—15).

***

С трепетом чтим великого Духа: Он мой Бог, Им познал я Бога, Он Сам есть Бог, и меня в той жизни творит богом. Он всемогущ; Он раздаятель даров, предмет песнопений чистого лика небесных и земных; Он Жизнеподатель, сидит на превознесенном престоле, исходит от Отца. Он Божия сила, Самовластитель (свт. Григорий Богослов, 15, 221).

***

Дух же Святый, во-первых, свят по естеству, так же, как Отец по естеству свят, равно как и Единородный. Таков же Дух Святый и по животворности, и по нетлению, и неизменности; Он вечен, праведен, мудр, прав, владычествен, благ, силен, Дарователь всех благ, и прежде всего самой жизни; Он есть всюду сущий, и каждому присущий, и наполняет землю, и на небе пребывает, изливается в премирных силах, все наполняет по достоинству каждого, и Сам пребывает полным; Он есть со всеми достойными, и не отделяется от Святой Троицы. Он всегда испытует глубины Божии, всегда приемлет от Сына, и посылается и не отделяется, и прославляется и имеет славу... (свт. Григорий Нисский, 24, 52).

***

...Дух нисходит <на Спасителя> не потому, что недостаточно было Божества Сына, но для того, чтобы таким путем обнаружилось совершенное познание Троицы (свт. Иоанн Златоуст, 46, 885).

***

...Никак нельзя видеть неба отверстым без Духа, равно как нельзя без Святаго и поклоняемого Духа ни облечься властью учительства, ни проявить силу чудотворения (свт. Иоанн Златоуст, 49, 839).

***

Ради пролитой за нас крови мы получаем Духа Святаго. Если же соединяются вместе и кровь и Дух, то это для того, чтобы мы могли принять чрез однородную с

нашею кровь неоднородного с нами Духа Святаго, и чрез это преградили доступ к нам смерти (свт. Иоанн Златоуст, 51, 930).

***

...Не только подавайте <милостыню>, но не скудно, не только начальствуйте, но с усердием, не только совершайте дела милосердия, но с радостью, не только будьте почтительны, но предупреждайте в почтении других, не только любите, но любите непритворно, не только воздерживайтесь от зла, но ненавидьте его, не только держитесь доброго, но прилепляйтесь к нему, не только будьте дружелюбны, но с нежностью, не только будьте тщательны, но неослабно, не только имейте дух, но пламенейте духом, т. е. будьте ревностны и возбужденны. Если ты будешь иметь все теперь исчисленное, то привлечешь Духа, а если пребудет в тебе Дух, то сделает тебя усерднее ко всему исчисленному, когда же воспламенен будешь Духом и любовью, тогда все сделается для тебя легким (свт. Иоанн Златоуст, 52, 762).

***

Не одна вера нужна, но и духовная жизнь, чтобы мы могли удержать в себе Духа, данного однажды (свт. Иоанн Златоуст, 52, 826).

***

...Дух Святый был назван Утешителем; почему иному, если не потому, что Он утешает людей, т. е. ободряет... Утешает не как второй после Бога, но как Бог: утешение — свойство Божие... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 440).

***

...Сам <Господь> учит о сущности достопоклоняемого в Божестве Духа, изрекая единое имя Божественной Троицы и тем означая единство единой сущности. Если же не веришь Божию Сыну, Который выражает точное понятие о тождеродном с Ним Духе и научает тому, что выше ума человеческого, то построение наших доказательств излишнее дело, потому что земная наша скиния едва находит и то, что под ногами, а что сокровенно на небе и превышает наше чувство, то знает и открывает Он — ***Живый на Небесех*** (Пс. 2, 4) (прп. Исидор Пелусиот, 60, 14—15).

***

Если Бог и Спаситель наш, вочеловечившись, предал нам, что Всесвятый Дух восполняет собою Божественную Троицу, в призывании во время Крещения сопричисляется к Отцу и Сыну, как освобождающий от грехов, и на таинственной трапезе простой хлеб делает собственным Его воплощения Телом, то как же ты, поврежденный в уме, учишь, будто бы Дух Святый создан, или есть тварь и естества рабского, а не сродствен Владычней зиждительной и царственной сущности и не единосущен с Нею? Ибо если Он — раб, то да не сопричисляется ко Владыке, и если тварь, то да не поставляется наряду с Творцом. Но Он присоединяется и сопричисляется; потому что надлежит верить точному Учителю таковых догматов Христу, преподающему несомненное учение о Своей сущности, хотя и не так это представляется тебе, мудрецу, величающемуся, что знаешь небесное даже паче Бога, или, лучше сказать, дерзко витийствующему против Бога (прп. Исидор Пелусиот, 60, 74).

***

Святый Дух, снисходя к нашей немощи, приходит к нам и когда бываем мы еще не чисты; и если только найдет ум наш искренно Ему молящимся, находит на него и разгоняет всю окружающую его толпу помыслов и представлений (делает, что она исчезает), располагая его чрез то к вожделению духовной молитвы (прп. Нил Синайский, 90, 230).

***

Как солнце, будучи совершенно, изливает от себя всем совершенную, простую и равную благодать; но каждый насколько имеет очищенное око, настолько и принимает солнечный свет; так и Дух Святый верующих Ему соделал от крещения способными к принятию всех Своих действий и даров, однако дары Его действуют не во всех в одной мере, но каждому даются по мере делания заповедей, поколику он засвидетельствует благими делами и покажет меру веры во Христа (прп. Марк Подвижник, 89, 509—510).

***

...Где присущ Дух Святый, там не ищи закона естества и обычного последования причин и действий. Ибо всемогущ поклоняемый Святый Дух, и не могущее сбыться по естеству произведет в тебе силою Своею, так что ты изумишься. Кроме того, еще и победителем явит Он теперь ум твой, который прежде был побеждаем. Ибо свыше нисходящий на нас Утешитель выше всего есть, и тебя поставит выше всех естественных движений и бесовских страстей (прп. Иоанн Карпафский, 91, 98).

***

Дух Святый во всех вообще есть, как всех объемлющий, и о всех промышляющий, и во всех приводящий в движение естественные семена (добра). Но в сущих под законом Он определительно есть, как указатель преступления заповедей и просветитель предсказанного относительно Христа обетования. Во всех же, сущих по Христе, кроме сказанного, и как Сыноположитель, или усыновления производитель. А как премудрости Податель, ни в ком из сказанных лиц не есть Он просто или безусловно, но только в тех, кои, разумея дело, соделали себя достойными Его Божеского вселения своею богоподобною жизнью. Ибо всякий, не творящий Божиих волений, пусть он и верный, неразумное имеет сердце, как детелище злых помыслов, и тело, грехам повинное (в грехах повинное), как всегда полное нечистыми страстными похотями (прп. Максим Исповедник, 91, 260).

***

...Без Святаго Духа никто не может ни греха избежать, ни исполнять заповедей Божиих, ни отражать власть и силу, какую возымели над нами демоны (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 168).

***

...Любящий Бога и заповеди Его соблюдающий облекается свыше сходящею силою Святаго Духа, Который не является чувственно, в виде огня, и не приходит с великим шумом и дыханием бурным (это совершилось только на Апостолах — для неверующих), но зрим бывает умно, как умный свет, и приходит с тихостью, принося обрадование, — что есть отсвет первого оного Вечного Света,

и отблеск непрестающего блаженства. Как только воссияет сей Свет в духе, тотчас исчезает всякий нечистый помысл, изгоняется всякая страсть душевная, и всякая немощь телесная получает уврачевание. Тогда очищаются очи сердца — ум и мысль, и зрят Бога, как написано в Евангелии о блаженствах. Тогда душа, как в зеркале, видит все даже и малейшие свои прегрешения и приходит в величайшее смирение; помышляя же о величии оной славы, исполняется всякой радостью и веселием и, дивясь неожиданно увиденному чуду оному, проливает обильные слезы. Так наконец совершенно изменяется весь человек и познает Бога, сам прежде познан бывши от Бога. Одна эта благодать Всесвятаго Духа делает то, что человек начинает презирать все земное и небесное, настоящее и будущее, радостное и скорбное. Она делает его другом и сыном Божиим и богом, насколько сие вместимо для человека. О, сколь величественны дарования Божии! (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 174).

***

...Дух Святый, дающий людям мудрость, и ведение, и благочестие, и страх Божий, и веру, не хочет пребывать в нечувственных (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 330).

***

...Для тех, коими обладают неверие и страсти, благодать Святаго Духа неприступна и незрима. Но для тех, которые показывают достойное покаяние и начинают исполнять заповеди Христовы с верою, и вместе со страхом и трепетом, она открывается и бывает зримою, и сама собой производит в них суд несомненно такой, какой имеет быть, или, лучше сказать, она бывает для них днем Божественного Суда. Кто всегда сияет и освящается сей

благодатью, тот истинно видит себя самого, — что он такое есть и в каком жалком состоянии находится, — видит тонкочастно все дела свои, которые совершал телом, и какие действовались только в душе его. При этом он судится и воссуждается и Божественным огнем; вследствие чего, напояемый водой слез, орошается по всему телу, и мало-помалу крещается весь, душою и телом, — Божественным оным огнем и Духом, становится весь чистым, весь — непорочным, сыном Света и дня, и более не сыном человека смертного. Почему таковый не будет уже судим на будущем Суде, так как уже был судим прежде, ни обличаем оным Светом, потому что осветился им здесь прежде, и не внидет в оный огнь, чтобы быть жегомым вечно, потому что вошел в него здесь прежде и был судим, и думать не будет, что тогда только явился день Господень, потому что давно уже стал весь днем светлым и блещащимся от сообращения и беседы с Богом и перестал находиться в мире или с миром, но весь всецело стал вне его (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 36—37).

***

...Когда призываем Духа Святаго, говорим: Душе Святый, несказанно от Отца исходящий и на нас верных чрез Сына нисходящий, Дух жизни и ведения, Дух святости и совершенства, Дух благий, премудрый, человеколюбивый, утешительный, преславный, питающий вместе и напояющий, милующий, просвещающий, укрепляющий, Божественный Дух терпения, Дух — податель радости, веселия, целомудрия, мудрости, ведения, кротости, незлобия, беспопечения о мирских вещах, созерцания благ небесных, Дух — отгнатель лености, нерадения, рассеянности и лукавства, Дух — показатель Божественных таин, обручение Небесного Царствия, источник пророчества, кратер уче-

ния, дверь покаяния, истребитель грехов, Дух любви, мира, веры, воздержания... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 103—104).

***

Имеющий в себе свет Всесвятаго Духа, не в силах бывая стерпеть зрение Его, падает на землю ниц, взывает и вопиет в ужасе и страхе великом, как увидевший и испытавший нечто такое, что выше естества, выше слова и разума. И бывает он подобен человеку, у которого от чего-нибудь возгорелись внутренности огнем, от которого жегомый и жжения пламени не могши терпеть, становится он весь измученным и совсем не имеющим силы быть в себе. Но, будучи непрестанно орошаем слезами и ими прохлаждаем, еще сильнее воспламеняется он огнем желания Божественного, а от этого слезы еще обильнее у него текут, и он, будучи омываем излиянием их, еще блистательнее сияет. Когда же, весь разжегшись, станет он как свет, тогда исполняется на нем сказанное (Богословом): «Бог с богами соединяем и ими познаваем» (так Бог соединяется с обоживаемыми от Него и Его познающими), — и притом в такой, может быть, степени (исполняется сие на нем), в какой соединился он уже с Сочетавшимися с ним и в какой оказался познавшим Его (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 529).

***

Когда же Божественный луч коснется и сердца, тогда и его осветит, и ум очистит, и на высоту поднимет, и, возведя на небо, соединит с Божественным светом (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 23).

***

...Если... желаешь получить Божественного Духа, совершенно веруй в Бога, отрекись также от себя самого, без колебания возьми крест на плечи и умри, чадо, произволением, чтобы сделаться тебе причастником жизни бессмертной. Да не обольстят тебя обманщики своими лживыми речами о том, что (не отныне еще, а только) по смерти умирающие получают жизнь, дабы, поверив, ты не вознерадел и не лишился причастия жизни (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 31).

***

...Дух бывает как бы Божественною и световиднейшею купелью; найдя достойных, Он всецело объемлет их (и заключает) внутри (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 151).

***

Подобно тому, как огонь не перенимает от железа черноты, но сообщает ему все, что сам имеет, так и Божественный Дух, совершенно не приобщаясь их нечистоты, как нетленный и бессмертный, уделяет (им) нетление и бессмертие (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 151).

***

Свет, от Духа Святаго нисходящий в душу, обыкновенно отходит по причине уныния, нерадения и безразличия относительно слов и яств, ибо как безразличие в яствах и вообще сытая трапеза, так равно и неудерживание языка и очей нехранение изгоняют его из <души> и делают нас омраченными (прп. Никита Стифат, 93, 134).

***

Когда неудержимая вода страстных помыслов ума удержана будет наитием Духа Святаго, и сланая неподобных мыслей и воспоминаний бездна обуздается воздержанием и помышлением о смерти, тогда веет Божественный Дух покаяния и нисходят воды умиления, кои Бог и Владыка наш, вливая в умывальницу покаяния, умывает смыленные ноги наши и делает их достойными ступать по двору Царствия Его (прп. Никита Стифат, 93, 150).

***

От Предвечного и Безначального Отца и Дух Святый исходит, Сущий Собезначальный Отцу и Сыну, как безвременный, но не безвиновный, ибо и Он имеет Корнем и Началом и Виною — Отца, от Которого прежде всех веков постоянно, бесстрастно, изводительным образом произошел, как от Отца исходящий и в Сыне почивающий, имеющий несмешанное (с Ним) единение и нераздельное (от Них) различие. Бог Сущий и Сам от Бога; не инаковый, как — Бог, но иной, как — Утешитель, как Дух Святый самоипостасный, от Отца имущий бытие и чрез Сына посылаемый в начаток жизни вечной, и в залог будущих и приснопребывающих благ; и Сам — Виновник всего пришедшего в жизнь, ибо в Нем — вся быша. Он — то же, что и Отец и Сын, за исключением нерожденности (что является свойством Отца) и рождения (что является свойством Сына). Послан же Он Сыном на Его учеников, т. е. явлен был, ибо в этом смысле надлежит понимать «послание» Духа Святаго, потому что как иначе был бы послан Вездесущий и от Посылающего неотделимый? Посему Дух Святый не только от Сына, но и от Отца посылается и Сам по своей воле исходит, ибо послание или

явление Духа Святаго есть общее дело Отца и Сына и Духа; бывает же Он явлен не по Своему естеству, ибо никто никогда и не видел и не возвестил Божественное естество, — но согласно благодати и силы и действу, которая обща — Отцу, Сыну и Духу. Личным же свойством Каждого из Них есть ипостась Каждого и то, что наблюдается относительно Нее, как ипостасное свойство. Общим же для них является не только недоступное зрению и превосходящее всякое наименование и свойственное только Богу (ἀμέθεκτος) естество Божества, но — и благодать, и сила, и действие, и сияние, и нетление, и царство, и все то, согласно чему общается и по благодати соединяется Бог со святыми Ангелами, а также и людьми, ни разделением и различием ипостасей; ни разделением и разнообразием Божественных сил и действий, не отступающий единства и полноты (свт. Григорий Палама, 26, 84—85).

***

Дух Святый обещан дароваться тем, кто просят Его днем и ночью... (свт. Григорий Палама, 26, 221).

***

...Дух Святый не только посылается, но и Сам посылает Сына, посылаемого от Отца, из чего явствует, что Он одного с Ними достоинства и естества и обладает тем же действием и честью, что Отец и Сын (свт. Григорий Палама, 26, 240).

***

...Дух Святый всегда был, и был вместе с Сыном во Отце. Ибо как бы мог быть Отец и Ум Безначальный без

Сына и Слова Собезначального? И как бы могло быть Слово Присносущное без Соприсносущного Духа? Итак, был всегда, есть и будет Дух Святый, сотворческий Отцу и Сыну во время творения, и Сообновляющий поврежденное, и Удерживающий то, что пребывает; везде сущий и все исполняющий, и всем управляющий и все соблюдающий (свт. Григорий Палама, 26, 245).

***

Что воздух для жизни тела, то Дух Святый для жизни души. Душа посредством молитвы дышит этим святым, таинственным воздухом (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 141).

***

...Действие Святаго Духа, от которого являются высокие молитвенные состояния, непостижимо для ума плотского (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 150).

***

Святый Дух, когда вселится в человека, ***ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными*** (Рим. 8, 26).

Божественный и Пренебесный Дух, соделавшись как бы душою человека, молится и плачет о нем... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 164).

***

...Дух <Святый>, вселившись в человека, освобождает его от греховного рабства, разрушая тело греха, т. е. плот-

ское состояние в человеке (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 366).

***

Водворив Царство Божие в человеке, Дух Святый нередко возводит достойных служителей своих в страны премирные, в обители, уготованные праведникам для вечного их праздника (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 83).

***

Истинного христианина Святый Дух зиждет духовно и преобразует в жилище Божие; Он во внутреннем человеке изображает и вселяет Христа (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 166).

***

Человек, обновленный Духом, делается богоносцем, делается храмом Бога и священником, священнодействующим в этом храме, поклоняющимся Богу духом и истиною (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 332).

***

...Дух Святый приникает к безмолвствующему правильно, соприсутствует ему, возвещает тайны Царствия Божия, чтоб обильно напитался знанием и ощущением духовным сам безмолвник и напитал ими алчущую и жаждущую братию свою (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 502).

***

Святый Дух действует самовластно, как Бог; приходит в то время, как смирившийся и уничижившийся себя человек отнюдь не чает пришествия Его (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 65).

****

Говорят об авве Антонии, что он сказал: «Я видел Духа Божия нисходящим на троих: на авву Афанасия — и дано ему патриаршество; на авву Пахомия — и дано ему начальство над общежитиями; на авву Макария — и дана ему благодать исцеления недугов» (106, 40).

***

Некогда авва Моисей пришел на колодец почерпнуть воды и увидел юного монаха Захарию, молящегося при колодце. Дух Божий в подобии голубя восседал на его голове. Авва Моисей попросил Захарию: «Дай мне наставление для моего жительства». Захария, услышав это, пал к ногам старца: «Меня ли спрашиваешь, отец?» Старец сказал ему: «Поверь, сын мой Захария, что я видел Святаго Духа, сошедшего на тебя, и нахожу нужным спросить тебя». Тогда Захария снял куколь с головы, положил его под ноги и, истоптав, сказал: «Если человек не будет попран таким образом, то он не может сделаться монахом» (106, 132).

***

В Киликии есть город Эги. На расстоянии десяти тысяч шагов от него есть селение Мардард. В том селении — храм во имя Святого Иоанна Крестителя. Священником

при этом храме был старец, великий перед Богом и исполненный добродетели. Однажды жители селения пришли к епископу города Эги с просьбой: «Возьми от нас этого старца — он не угоден для нас. В воскресный день он совершает Литургию в девятом часу и не соблюдает установленного чина Божественной службы». Епископ, призвав старца, спросил его: «Зачем ты так поступаешь, или не знаешь устава Святой Церкви?» «Поистине так, Владыко, — отвечал старец, — и ты справедливо говоришь. Но я не знаю, что мне делать. В воскресные дни от самой полунощницы я нахожусь у Святого престола и не начинаю Литургии, пока не увижу Святаго Духа, нисходящего на Святой престол. Когда же увижу наитие Святаго Духа, немедленно совершаю Литургию». Епископ подивился добродетели старца. Вразумив жителей селения, он отпустил их с миром и хвалой Богу (102, 28).

***

Однажды, когда святой игумен Сергий совершал Божественную литургию, Симон видел, как небесный огонь сошел на Святые Таины в минуту их освящения, как этот огонь двигался по Святому престолу, озаряя весь алтарь, он как бы вился около Святой Трапезы, окружая священнодействующего Сергия. А когда преподобный хотел причаститься Святых Таин, Божественный огонь свился «как бы некая чудная пелена» и вошел внутрь святого потира. Таким образом угодник Божий причастился этого огня «неопально, как древле купина, неопально горевшая...». Ужаснулся Симон от такого видения и в трепете безмолвствовал, но не укрылось от преподобного, что ученик его сподобился видения. Причастившись Святых Таин Христовых, он отошел от Святого престола и спросил Симона:

«Чего так устрашился дух твой, чадо мое?» «Я видел благодать Святаго Духа, действующего с тобой, отче», — отвечал тот. «Смотри же, никому не говори о том, что ты видел, пока Господь не позовет меня из этой жизни», — заповедал ему смиренный авва (115, 8—9).

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

...Совершенно извращается весь устав веры и истины, если строго не соблюдается то, что повелено относительно духовных действий (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 398).

***

Живя более духом, чем телом, мы побеждаем слабость тела силою духа (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 242—243).

***

...Когда мы не принимаем (благодеяний), одинаково никого из нас не принуждает Господь, но как солнце испускает лучи и освещает весь мир, — и желающий видеть его, видим бывает и им, а не желающий видеть его, не бывает им к тому принуждаем, и никто не оказывается виновным в лишении света, кроме самого не пожелавшего им воспользоваться, ибо Бог создал солнце и глаз, а человек имеет власть. Так и здесь Бог просвещает всех познанием, как лучами, а после знания даровал и веру, как глаз: произволяющий чрез веру получает истинное познание, делами сохраняет памятование, и Бог дарует ему большее усердие, знание и силу. Из естественного познания рождается усердие в произволяющем иметь оное, от усердия же сила делать (доброе), и деланием сохра-

няется памятование; от памятования бывает большее делание, и ради сего даруется большее знание, а от этого знания, называемого мудростью, рождается воздержание страстей и терпение скорбей; от них происходят труды о Боге и познание даров Божиих и своих согрешений, от которых — благоразумие, чрез него — страх Божий, от страха Божия — хранение заповедей, т. е. плач, кротость, смиренномудрие, от которых рождается рассуждение (рассудительность), а от рассуждения прозрение, т. е. (дарование) предвидеть будущие согрешения, и отсекать их прежде времени вследствие опытности и воспоминания, ради чистоты ума, о прежде сделанном, в настоящее время совершаемом и бывающем по забвению. От сих (добродетелей) — надежда, от нее — беспристрастие и совершенная любовь. Такой (человек) ничего уже тогда не желает кроме воли Божией, но и самую временную жизнь эту оставляет с радостью, ради любви к Богу и ближнему, премудростью и вселением Святаго Духа, и сноположением для того, чтобы быть распятым, погребенным и воскреснуть, и вознестись духовно со Христом, подражанием Ему, т. е. пребыванию Его в мире. И просто делается сыном Божиим по благодати и получает залог тамошнего блаженства, как говорит Богослов в «Слове» о восьми помыслах: делается бесстрастен, праведен, благ и премудр, имея Бога в себе, как сказал Сам Христос (см.: Ин. 14, 21), чрез соблюдение Его святых заповедей, в порядке, начиная с первой... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 8—10).

***

Возлюбивший жизнь духовную должен подражать чистоте и воздержности Иосифа; должен начать упорядочивать себя созерцанием и вооружаться против всех худых

похотей, сильных поддержкою хитрого врага, говоря... *се убо, крепость его на чреслех его, сила же его на пупе чрева* (Иов. 40, 11). Почему всякий подвизающийся и вооружающийся против сих плотских похотей, кои обычно возбуждаются излишней пищей и питием, должен препоясать чресла свои строгим воздержанием, чтобы устоять в чистоте (прп. Антоний Великий, 89, 43).

***

Как младенец, рожденный в веке сем, не навсегда остается в младенческом возрасте, но ежедневно растет вследствие необходимости, по неизъяснимым законам природы, пока не придет в совершенного мужа, в полноту разумных понятий, таким же образом и рожденный свыше водою и Духом должен быть возведен не в младенчество духовного возраста, но, ежедневно пребывая в подвиге, труде и многом терпении, обязан чрез борьбу с духовным сопротивником преуспевать и возрастать до полноты духовного возраста... (прп. Ефрем Сирин, 32, 320).

***

...Многими трудами и подвигами, с продолжением времени... после испытаний и различных искушений, приемлет <душа> духовное возрастание... (прп. Макарий Египетский, 67, 81).

***

Есть иная смерть, кроме видимой, и иная жизнь, кроме видимой (прп. Макарий Египетский, 67, 311).

***

Есть некое учение, заимствующее достоверность из отеческого предания, и оно говорит: когда естество наше пало в грех, Бог падения нашего не оставил Своим Промыслом, но в помощь жизни каждого приставляет некоего Ангела из приявших бесплотное естество; но и с противной стороны растлитель естества ухищряется на то же посредством некоего лукавого и злотворного демона, который бы вредил человеческой жизни. Человек же, находясь среди сих двух сопровождающих его, так как цель каждого из них противна другому, сам собою делает одного сильнейшим другого. Добрый Ангел предуказывает помыслам блага добродетели, какие преуспевающими открываются в уповании. А другой показывает вещественные удовольствия, от которых нет никакой надежды на блага, только настоящее, вкушаемое, видимое порабощает чувства малосмысленных. Посему, если кто чуждается того, что манит к худому, устремив помыслы к лучшему, и порок как бы поставил позади себя, а душу свою, как некое зеркало, обратил лицом к упованию <вечных> благ, чтобы в чистоте собственной его души напечатлелись все изображения и представления указуемой ему Богом добродетели, то сретает его тогда, и оказывает ему вспоможение брат — ибо по дару слова и по разумности души человеческой Ангел некоторым образом делается человеку братом... (свт. Григорий Нисский, 18, 272—273).

***

Если же кто за ничто считает приводить все в жизни во взаимную стройность, тот пусть научится сему правилу, посмотрев на то, что бывает в его доме. Мне кажется, что

хозяин дома не допустит видеть в своем жилище чего-либо неприличного или безобразного: или кровать неубранную, или стол, покрытый грязью, или того, чтобы дорогие сосуды были брошены в какое-либо нечистое место, а назначенные для низкого употребления лежали на виду входящих в дом, но, расположив все благообразно и в должном порядке и назначив каждой вещи приличное место, он смело принимает гостей, нисколько не боясь стыда, если сделается известным, как ведутся дела у него по дому. Так, я думаю, должен распоряжаться хозяин и распорядитель нашего дома, — я разумею ум: все, что есть в нас, он должен расположить стройно, каждую из сил души, которые Зиждитель дал нам вместо утвари и сосудов, должен употреблять сообразно с ее природой и во благо. Если никто не обвинит нас в говорливости и многословии, то мы объясним и все порознь, дабы пользуясь (как примером) тем, что у нас есть, каждый мог устроить жизнь свою на пользу. Итак, мы говорим, что желательную силу должно утвердить в чистоте души, отделив как некий дар и начаток своих благ Богу, и посвятив оную однажды, блюсти неприкосновенной, чистой и неосквернённой... Раздражение же и гнев, и ненависть употреблять как некоторых привратных псов, чтобы они бодрствовали для противодействия одному только греху и направляли свое естественное свойство против того вора и разбойника, который тайно проникает на пагубу божественного сокровища и входит для того, чтобы украсть, умертвить и погубить. Мужество и смелость должно держать в руках, как бы какой щит, чтобы не упасть духом, когда находит уныние и устремляются (на нас) нечестивые; надежду и терпение — как жезл, чтобы опираться, когда приводят нас в изнеможение искушения. К печали благовременно прибе-

гать в случае раскаяния во грехах, так как она ни на что другое не полезна, как только на это одно употребление. Справедливость, да будет верным правилом при определении того, что непогрешительно во всяком слове и деле, как должно располагать силами душевными и как воздавать каждому свое по достоинству. А желание большего, которое в душе каждого велико и безгранично, если кто применит к желанию Божественного, тот будет блажен в своем искании большего, усиленно стремясь к приобретению того, к чему стремиться похвально. Мудрость же и благоразумие пусть имеет советниками касательно того, что ему полезно, и сообщниками в своей жизни, чтобы никогда не впасть в обман от неопытности, или неразумия. Если же кто вышеупомянутые силы (душевные) употребляет несоответственно их природе, но обращает не к тому, к чему следует: желание обращает на предметы постыдные, ненависть направляет против единоплеменников, любит неправду, восстает на родителей, дерзает на гнусные поступки, надеется на суетное, отдалив от сожительства с собою мудрость и благоразумие, дружится с жадностью и нецеломудрием, и так же во всем прочем поступает, — тот до такой степени глуп и смешон, что даже и выразить нельзя его глупости, сколько она того заслуживает. Представим, что кто-нибудь, надев доспехи навыворот, оборотит шлем так, что закроет оным лицо, а сзади откроет шею, ноги поместит в латы, а наножники приладит к груди, и что из вооружения прилажено к левой стороне обратит на правую, а что к правой — на левую; что должен потерпеть на сражении так вооруженный воин, то же самое необходимо потерпит в жизни и тот, кто допускает смешение в мыслях и извращение в употреблении душевных сил. Итак, мы должны стараться о

водворении между ними стройности, которую обыкновенно производит в душах наших истинное целомудрие (свт. Григорий Нисский, 24, 364—367).

***

...Не крайне ли безрассудно — о духовном не прилагать и такого попечения, какое мы показываем в отношении к житейскому... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 117).

***

...Духовная красота нигде так успешно не развивается, как в этом дивном и божественном месте <храме>, где апостолы и пророки смывают, исправляют, стирают старость греха, наводят цвет юности, уничтожают всякое пятно, всякий порок, всякую скверну нашей души<...>

Душевную красоту не может разрушить ни время, ни болезнь, ни старость, ни смерть и ничто подобное, но она постоянно остается цветущей (свт. Иоанн Златоуст, 44, 614—615).

***

Надобно, чтобы мы все время жили в молитвах и служении Богу и попечении о Нем, считая именно это жизнью, это — здоровьем и богатством, это — пределом благ (свт. Иоанн Златоуст, 45, 331).

***

Как телесная пища, попавши в худосочный желудок, усиливает болезнь, так и пища духовная, когда она принимается недостойно, навлекает большое осуждение (свт. Иоанн Златоуст, 45, 435).

***

Теплота духовного огня, проникая душу, изгоняет из нее всякую беспечность, и объятого ею делает легче пера, и заставляет презирать все видимое (свт. Иоанн Златоуст, 50, 67).

***

...Чтобы все у тебя шло хорошо, и тебе освободиться от всех забот, прилепись к духовному и презирай житейское: тогда ты с небом получишь и землю, и сподобишься будущих благ... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 700).

***

...Ничто так не стесняет духа, как безумное вожделение, сластолюбие, пьянство и всякое зло, происходящее отсюда (свт. Иоанн Златоуст, 50, 717—718).

***

Если в делах житейских ничего великого достигнуть не может тот, кто исполняет их небрежно и как случилось, то тем более так должно быть в делах духовных, потому что они и требуют наибольшей тщательности (свт. Иоанн Златоуст, 51, 271).

***

У нас начало жизни — страдание Христа и удаление со Христом от мира, потому что мы тогда живем, когда умираем для мира, тогда возрождаемся для Бога, когда оставляем земное рождение (свт. Иоанн Златоуст, 51, 887).

***

...Ты, услышав о смерти, не страшись, потому что имеешь в себе действительную жизнь, за которой не будет следовать никакая смерть. Такова жизнь Духа; она уже не покоряется смерти, но губит и истребляет смерть и сохраняет бессмертным то, что получила (свт. Иоанн Златоуст, 52, 650—651).

***

Не терпеть ничего человеческого и не служить удовольствиям... — это и есть единственная жизнь (свт. Иоанн Златоуст, 52, 651—652).

***

...Живущий духом... стоит выше и страхов, и скорби, и опасностей, и всякой перемены, потому что ничего не терпит, но, что гораздо важнее, презирает все, что бы ни случилось (свт. Иоанн Златоуст, 52, 652).

***

...По Богу невозможно жить иначе, как умерши для греха (свт. Иоанн Златоуст, 53, 771).

***

Если ты привнес земное, если ты предался заботам о текущих делах, то ты уже погасил дух... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 564).

***

Если мирских стяжаний — и временных, и тленных — никогда не приобретают люди без трудов и пота, то тем более духовных (свт. Иоанн Златоуст, 54, 702).

***

Итак, настрой себя, как храбрый воин, будь всегда с оружием, бодрствуй, трезвись, постоянно ожидай врага; впрочем, сам не производи браней, потому что это свойственно не воину, а бунтовщику (свт. Иоанн Златоуст, 55, 57).

***

Потому мы и мертвы, что уклонились от истинной жизни и избрали временную... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 196).

***

Как многие из живых бывают мертвыми, зарыв, как в могиле, свою душу в теле, — так многие из скончавшихся живут, блистая правдою... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 318).

***

...Когда <дух наш> не благоустроен, то, хотя бы все нам благоприятствовало, мы будем находиться в положении, нисколько не лучшем терпящих крушение (свт. Иоанн Златоуст, 55, 619).

***

Духовная прибыль, хотя бы и небольшая, столь велика, что покрывает всякую материальную потерю (свт. Иоанн Златоуст, 55, 665).

***

...Подобно тому, как на зрелищах упражняющиеся на протянутом снизу вверх канате поднимаются и спуска-

ются, но если малость не досмотрят и ошибутся, то ниспровергаются вниз и погибают, так точно и шествующие по духовному пути, если хоть немного предадутся небрежности, падают стремглав. Это потому, что путь этот более тесен, чем тот канат, прямее и круче поднимается, и гораздо более высок, — ведь вверху он оканчивается у самого неба, — и ступеньки его будут для нас шаткими даже тогда, когда мы доберемся до самой крайней вершины. Стоящих на вершине объемлет великий трепет, и для устойчивости остается одно только — не обращать взоров книзу и не смотреть на землю, — а иначе произойдет от этого большое и тяжелое головокружение (свт. Иоанн Златоуст, 55, 705).

***

...Взяв примеры из человеческих искусств и наук, мы можем получить наставление. Ибо если и руками осязая их, и глазами видя, и ушами слыша, не можем сами собой преуспеть в них, но имеем нужду в учителе и указателе, то не безумно ли думать, что не требует учителя труднейшая из всех наук, наука духовная, которая есть невидима, сокровенна и созерцаема одною чистотою сердца, незнание коей рождает не временный ущерб, но погибель души и вечную смерть? Она ведет днем и ночью брань не против видимых, но невидимых и свирепых врагов, не против одного, или двоих, но против бесчисленного полчища, от которого падение тем гибельнее всех, чем злее враги и скрытнее нападение (прп. авва Серапион, 56, 196).

***

Святой человек имеет у себя правую сторону, т. е. духовное преспеяние. На этой стороне он находится тогда,

когда, горя духом, владычествует над всеми своими вожделениями и похотями; когда, не опасаясь никакого диавольского нападения, без всякого труда и усилия отвергает или удаляет от себя плотские пороки; когда, возвысившись над землею, смотрит на все настоящее и земное как на скоро исчезающий дым, пустую тень и презирает, как скоро преходящее; когда в восхищении ума, не только пламенно желает будущего, но и ясно видит оное; когда охотно предается духовным созерцаниям, когда ясно видит открытые пред собою Небесные таинства; когда воссылает к Богу чистые и усердные молитвы; когда таким образом, пламенея духом, всем сердцем стремится к невидимому и вечному, так что отнюдь не думает, чтобы он еще пребывал в плоти. Равным образом он имеет у себя и левую сторону, на которой находится тогда, когда обуревается искушениями; когда разжигается сильным огнем плотских вожделений; когда объемлется жестоким пламенем неистового гнева; когда подстрекается гордостью или тщеславием; когда подавляется печалью, причиняющею смерть; когда низлагается оружием уныния и когда, утратив весь духовный жар, цепенеет от некоего охлаждения и безотчетной скуки, так что не только помыслы, горевшие чистым пламенем, оставляют его, но вместе и псалмопение, чтение, молитва, келейное уединение становятся для него скучными, и все, что только служит руководством к добродетели, возбуждает в нем ужасное и несносное отвращение к себе. Когда монах подвергается этому, то пусть знает, что левая сторона угнетает его. Итак, кто, обладая совершенствами, которые мы отнесли к правой стороне, нимало не увлечется легко обольщающим тщеславием и мужественно ратоборствуя против пороков, принадлежащих к стороне левой, не впадет в отчаяние, но с обеих противоположных сторон восприимет оружие терпения для

упражнения своей добродетели, у того обе руки будут служить десницей, и он, действуя победоносно той и другой, получит победный венец, как по отношению к правостороннему, так и левостороннему своему положению (авва Феодор, 56, 269—270).

***

...Для преспеяния в духовной жизни и для совершенного исполнения добродетелей, мы должны располагать себя особенно к тем видам молитв, кои побуждают нас воссылать или созерцание будущих благ, или сила пламенной любви, или по крайней мере... стремление снискать какую-нибудь добродетель, или истребить какой-нибудь порок (авва Исаак, 56, 333—334).

***

В делах житейских хотящих чего-либо не сопровождает непременно и возможность, потому что дела великие превышают личные силы людей; в делах же духовных хотящих чего-либо сопровождает и сила, потому что все по мере сил совершаемое с успехом оказывается досязающим до небес. Посему жена вдовица, ввергнувшая две лепты в священную сокровищницу, воспевается как превзошедшая всех царей и цариц, потому что Судия увенчал не то, что ею вложено, но ее произволение, которым посвящено Богу все ее достояние (прп. Исидор Пелусиот, 62, 105—106).

***

Сердцем упражняйся в незлобии, а телом в чистоте: то и другое соделывает тебя храмом Божиим (прп. Нил Синайский, 72, 239).

***

В какой мере преспевает <человек> в духовном подвиге, в такой восходит на высоту тайн Духа и утаенных сокровищ премудрости (прп. Нил Синайский, 72, 245).

***

С Богом беседуй много, а с людьми мало; поучением себя в Законе преуспеешь в том и другом (прп. Нил Синайский, 72, 252).

***

Не смотри на внешнее, но устремляй взор во внутреннее, всецелый ум собери в мысленную клеть души, уготовь Господу не имеющий в себе кумиров храм (прп. Нил Синайский, 73, 58).

***

<Если> отрезвившись, трудолюбием утончим грубость страстных риз, то, окрылившись, сделаемся превыспренними, как орлы, и наименуемся духовными... (прп. Нил Синайский, 73, 111).

***

...В деле духовной жизни решающийся творить добродетели не должен думать, что тотчас преуспеет в них, потому что это невозможно, но пусть употребляет усилие и, хотя вначале дело его будет идти не совсем исправно, пусть не отступает от начатого, иначе не достигнет успеха, но пусть новые и новые употребляет усилия, подобно тому, как делает желающий научиться какому-либо искусству. Когда он таким образом будет с терпением тру-

диться, не теряя духа, Бог призрит на труд его произволения, и подаст ему силу все творить без принуждения. И вот это именно и значит сказанное аввою Моисеем: сила для желающих стяжать добродетели заключается в том, чтоб не малодушествовать, когда случится пасть, но снова воспринимать ревность и труд о том же (прп. Зосима, 91, 118).

***

Кто печется о духовном, или о чем-нибудь служащем духовному, тому доставляется телесное без попечения о том, сколько и когда то нужно (прп. Исаак Сирин, 58, 156—157).

***

Нестяжавший телесного делания не может иметь и душевного, потому что последнее рождается от первого, как колос из пшеничного зерна (прп. Исаак Сирин, 58, 276).

***

Житие духовное есть деятельность без участия чувств (прп. Исаак Сирин, 58, 387).

***

Всякому духовному деланию, видимому или умственному, предшествует собственное намерение и усерднейшее желание, при Божием в оных содействии... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 190).

***

Как променивающие золото на глину делают себе большой убыток, так и те, которые для приобретения телесных выгод объявляют и высказывают духовное (прп. Иоанн Лествичник, 57, 214).

***

...Если пребудет в тебе непрестанно молитва и поучение в Писаниях, то отверзутся очи души твоей и будет в ней радость великая и чувство некое неизреченное и горячее... так что весь человек станет духовным. Итак, ночью ли, или днем сподобит тебя Бог нерассеянно помолиться чистым умом, оставь свое молитвенное правило, и, сколько сил есть, простирайся умносердечно прилепляться к Богу. И Он просветит сердце твое в духовном делании, за которое ты принялся (прп. авва Филимон, 91, 366).

***

Сколько душа честнее тела, столько же пища душевная необходимее пищи телесной (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 186).

***

Как для телесного зрения, для того, чтобы с верною точностью рассмотреть то, на что оно смотрит, нужны четыре вещи: здоровые, без всякого повреждения, глаза, целесообразное их движение и направление, соразмерное расстояние между ними и предметом, чистый воздух и свет солнца, освещающий наблюдаемое, — так и для мысленного зрения душевного потребны: ум совершенный, целе-

сообразное его движение и устремление или созерцание, как уздою, страхом Божиим удерживаемое на едином, чтоб не переходило от него к неуместным воображениям, и чистый мысленный воздух, который бы освещаем был истинным светом, просвещающим всякого человека, вступающего в мир добродетелей. Свет сей всюду проникает и везде светит, и нет никакой преграды, которая могла бы пресекать его освещение. При всем том однакож для душ неверных он не виден, и виден только одним тем, которые верны Христу (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 222).

***

...В отношении к телесному бывает чувство и без видения, как, например, слепой, споткнувшись ногой о камень, чувствует боль. В духовном же, если ум не придет в состояние созерцания, чтобы созерцать то, что выше понимания, то не может чувствовать таинственного от того воздействия. Итак, тот, кто говорит, что он чувствует духовное, прежде чем придет в состояние созерцать то, что выше ума, слова и помышления, тот подобен слепому, который чувствует добро и зло, какие испытывает, но не знает, что у него под руками и ногами, и что может живить его или мертвить, потому что не имеет очей, чтобы видеть и знать то. Почему сколько раз бывает, что он поднимает палку, чтоб ударить врага, а ударяет друга, при всем том, что и враг стоит пред ним и пересмеивает его! (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 345—346).

***

Бог есть Дух невидимый, бессмертный, неприступный, недомыслимый, и тех, кои родятся от Него, делает такими же, подобными... Отцу, родившему их. Они хотя по телу

всем видимы и всеми знаемы бывают, но по духу познаются только от Бога, как и Бога они только знают, как следует, или лучше сказать, они желают быть знаемыми и зримыми только от Бога, к Коему устремлены всем желанием и всей любовью и Коего умно зрят непрестанно (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 446).

***

Стой вниманием внутри себя самого (не в голове, а в сердце). Там имей ум свой, стараясь всячески обрести место, где сердце, чтоб, обретши его, там уже всецело пребывал ум твой. Ум, подвизаясь в сем, улучит место сердца. Это случится, когда благодать даст сладость и теплоту молитвенную. С сего же момента и потом, с какой бы стороны ни возник и ни показался какой-либо помысл, прежде чем войдет он внутрь и помыслится, или вообразится, ум тотчас прогоняет его оттуда и уничтожает именем Иисусовым... С сего также времени ум человека начинает иметь злобу и ненависть к демонам, поднимает на них непрестанную войну и поражает. Прочее же, что обыкновенно последует за сим деланием, с Божией помощью сам из опыта узнаешь, посредством внимания ума, и держа в сердце Иисуса, т. е. молитву Его: Господи Иисусе Христе, помилуй мя! (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 188—189).

***

...Как желая построить дом, мы не кровлю прежде возлагаем, а после полагаем основание, потому что так нельзя, но прежде кладем основание, потом строим дом, и тогда уже возлагаем кровлю, так надлежит нам поступать

и в отношении к духовному: прежде положим основание, т. е. станем хранить сердце и изгоним из него страсти, потом построим духовный дом, т. е. прогоним мятеж, воздвигаемый в нас злыми духами посредством внешних чувств, и навыкнем пресекать сию брань как можно скорее, и тогда же возложим и кровлю, т. е. совершенное отрешение от всего, чтоб всецело предаться Богу, — и тем закончим духовный дом свой во Христе Боге, Коему слава вовеки (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 191).

***

Кто действие внешних чувств заменяет внутренними: зрение — устремлением ума к зрению света животного, слух — вниманием душевным, вкус — разумным рассуждением, обоняние — умным постижением (ощущением, чувством), осязание — бодренным трезвением сердечным, — тот ангельскую на земле проводит жизнь: для людей он и есть и видится человеком, для Ангелов же и есть и понимается Ангелом (прп. Никита Стифат, 93, 84).

***

На крыльях бесстрастия и смиренномудрия плавая в воздухе таинственного богословия и входя в горнюю глубину ведения тайн Божиих действом Божественного Духа, молниями Божественных догматов и разумений попаляем духа славолюбия; взирая же на конец человеческих дел, дождем слез и потоками сокрушения потопляем бесов его тристатов, воюющих против нас самомнением, тщеславием и гордыней (прп. Никита Стифат, 93, 102).

***

Духом ходящие и духовную всецело восприявшие жизнь благоугодны Богу, как Ему, яко назореи, себя посвятившие и всегда об одном заботящиеся, чтоб очищать души свои трудами подвижническими и соблюдать заповеди Господни. Готовые и кровь свою пролить за любовь к Господу, они плоть свою истощают постами и бдениями, дебелость сердца утончают слезами, уды яже на земли умерщвляют злостраданиями (произвольными лишениями), молитвой и богомыслием ум исполняют света и светлым его соделывают, отвержением своих пожеланий освобождают души свои от пристрастия к телу и становятся совершенно духовными; почему духовными не только признаются, но и именуются от всех праведно. Они, идя к бесстрастию и любви, окрыляются к созерцанию творения, и оттуда приемлют ведение сущего чрез сокровенную в Боге премудрость, одним тем даемую, которые стали выше тела уничиженного. Прешедши таким образом всякое чувство мирское и мыслью просвещенною став выше чувства, они светлы бывают разумом, и посреде церкви и многочисленного собрания верных отрыгают благие словеса из чистого сердца, и бывают для людей соль и свет, как и Господь изрек об них: ***вы есте свет мира, вы есте соль земли*** (ср.: Мф. 5, 13—14) (прп. Никита Стифат, 93, 122—123).

***

Ко всем, по деятельному любомудрию, начавшим шествовать путем заповедей, Господь, невидимо приближаясь, сшествует им, так как они не совершенное еще имеют

мудрование, душа их еще много недоумевает в деле добродетели и душевные очи их праведно удерживаемы бывают в сие время, чтоб не познали своего преуспеяния, когда сшествует им Господь, содействует им избавляться от страстей, и простирает руку помощи к содеянию всякой добродетели. Когда же они продолжают делать успехи в подвигах благочестия и идти к бесстрастию чрез смирение, тогда Господь не хочет, чтоб они все еще оставались утомленными трудами добродетелей, но чтоб простирались далее и восходили к созерцанию. Почему, напитав их вдоволь хлебом слез, светом умиления благословляет, и ум их отверзает к познанию глубины Божественных Писаний, — и тотчас скрывается от них, чтоб возбудить их и понудить к тщательнейшему исканию Его (прп. Никита Стифат, 93, 151—152).

***

Духовное возрастание ревнителей о спасении соответствует возрастанию Господа нашего Иисуса Христа человечеством. Когда они младенчествуют в новоначалии, тогда, подобно Господу Иисусу, млеком питавшемуся, питаются млеком телесных добродетелей, или *телеснаго обучения*, которое *вмале* (ненадолго) *есть полезно* возрастающим в добродетели и мало-помалу отлагающим младенчество (ср.: 1 Тим. 4, 8). Когда возрастут они до возраста юношей и твердою начнут питаться пищею видения истины Божией, как имеющие чувства душевные уже обученными (см.: Евр. 5, 14), тогда уподобляются Господу, преуспевшему возрастом и благодатию, посреди старцев сидящему и открывающему им глубокие тайны (см.: Лк. 2, 46). Когда же приидут *в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13), тогда бывают подобны Господу, возвещавшему всем

слово покаяния, научавшему народ тайнам Царствия Небесного, и между тем к страданию Своему спешно приближавшемуся. Таков конец и всякого совершившегося в добродетелях, чтоб, прошедши все возрасты Христовы, вступить в прискорбные искушения в соответствие Кресту Его (прп. Никита Стифат, 93, 163—164).

***

О, убоимся... и покажем... изменение в образе жизни на лучшее... каждый член, каждое чувство подчиняя водительству благочестивого ума, нося тело с благоразумием и со страхом Божиим, или, лучше сказать, — не нося, а — вознося, но не — подчиняясь телу, снижаясь до его низменных и отвратительных инстинктов и допуская себе быть одержимым ими, — будучи научены <апостолом> Павлом и зная, что, если по плоти живем, долженствует нам умереть, если же духом умертвим дела тела, будем жить вовеки (свт. Григорий Палама, 26, 103).

***

<Духовным> вещам учит не слово, а труд деловой, и от труда опыт, который приносит полезные плоды, отвращаясь от бесплодных слов людей спорливых и любящих показность (свт. Григорий Палама, 93, 296).

***

Когда, прекратив внешние развлечения, ты укротишь и внутренние помыслы, тогда ум начнет воздвизаться к делам и словам духовным... (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 166).

***

Выступи из всего чувственного и оставь закон плоти, — и закон духовный напишется в сердце твоем (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 177).

***

...Как спящий и мертвому уподобляется и жив есть, — первое по телу, второе по действу души, так и в духе пребывающий является мертвым для плоти и мира, а мудрованием духа жив бывает (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 177).

***

...Жизнь по Богу есть некая драгоценная златоиспещренная цепь, в коей одна добродетель тесно сочетавается с другою и все сгармонировываются воедино... (патр. Каллист и ин. Игнатий, 93, 313).

***

...Духовная жизнь и совершенство не состоят в одних тех видимых добродетелях... она не состоит и в другом чем, кроме как в сближении с Богом и в единении с Ним... в связи с чем состоят сердечное исповедание благости и величия Божия и сознания собственной нашей ничтожности и склонности на всякое зло; любовь к Богу и нелюбие к себе самим; подчинение себя не только Богу, но и всем тварям из любви к Богу; отвержение всякой собственной нашей воли и совершенная покорность воле Божией, и при том желание всего этого и совершение от чистого сердца, во славу Божию (см.: 1 Кор. 10, 31), только для одного благоугождения Богу, только потому, что так

хочет Он Сам, и что так надлежит нам любить Его и работать Ему (прп. Никодим Святогорец, 70, 15).

***

Бог вложил в душу ведение о Себе в уме, и о воле Своей в совести, осенив то и другое чаянием вечноблаженной жизни. Это семя духовной жизни. Оно посеяно в нас и принято в момент вдохнутия Богом в нас Своей Божественной искры жизни. Всякий, рождаясь, приносит с собой и в себе сие семя, которое затем развивается и определенность получает от окружающей его среды людей. Какое неописанно великое благо родиться среди тех, кои живут истинною духовною жизнью! (прп. Никодим Святогорец, 70, 144).

***

Духовная в сердце теплота есть плод чувства к Богу и всему Божественному. Зарождение ее современно обращению к Богу в покаянии. Во время покаянных трудов над очищением сердца она все более и более усиливается и из прерывающейся, или по временам посещающей сердце постепенно переходит в непрерывную, пока станет наконец состоянием сердца...

Всякий предмет, услаждающий сердце, и согревает его, потому теплот сердечных много. Духовная теплота порождается от воздействия на сердце духовных предметов, что бывает в порядке духовной жизни. Отличительная черта ее есть отрешение от всего тварного и окование внимания Богом и всем Божественным. По сей черте она отстоит от теплот душевных и телесных, как небо от земли.

Чувство духовной теплоты сосредоточено и является простым и единичным, но в существе дела оно есть слитие

воедино многих духовных движений, как луч солнца есть слитие семи радужных лучей. В нем есть благоговение, сокрушение, умиление, припадание, поклонение, святая ревность, боголюбие. Как все такие чувства духовные не вдруг установляются в сердце, так теплота духовная не вдруг делается достоянием нашего сердца.

Пока духовная в сердце теплота не сделается постоянным его состоянием, дотоле она приходит и отходит. Приходит или сама собой, как гость небесный, или бывает плодом духовных упражнений: чтения, размышления, молитвы, актов самоотвержения и добродеяния. Отходит, когда внимание отклонится от предметов духовных, а за ним и сердце вкусит и усладится чем недуховным. Этим погашается духовная теплота, как водой огонь.

Хочешь хранить духовную сию в сердце теплоту? Будь вниманием внутрь и молитвенно предстой Богу в сердце, не допускай блуждания помыслов рассеивающих, не впускай в сердце сочувствий к чему-либо душевному и плотскому, пресекай тотчас порождения многозаботливости, храни живою воспринятую тобой ревность о богоугождении и спасении души, в делах же внешних блюди разумный строй, направляй их все к главной твоей цели, и делая одно, не обременяй мыслей попечением о многом. Но, прибавлю, когда узнаешь сию теплоту, не можешь не усиливаться хранить ее; усиливаясь, станешь употреблять пригодные к тому средства; употребляя же их, увидишь, как тебе удобнее соблюсти свою теплоту. Если разумно возьмешься за сие дело, то теплота духовная сделается для тебя верною учительницей, как управляться со своим внутренним и как держать себя во внешних делах и во всем поведении своем, — чтоб блюсти ее самую.

Сколь сладостно присутствие духовной теплоты в сердце, столь же горько, томительно и страшливо, когда она

отойдет. Отходит она, как замечено, когда внимание и сердце отклонятся от духовного и обратятся к недуховному. Под этим разумеется не греховное что, — ибо вкусивший духовной теплоты бывает уже на это неохоч, — но вся душевно-телесная область, суетная, земная, тварная. Как только уклонится к сему внимание, духовная теплота тотчас понижается; когда же и сердце к тому прильнет, она совсем отходит и оставляет холодность ко всему Божественному и Самому Богу, сопровождаясь и равнодушием ко всем духовным деланиям и занятиям, какие были держимы в видах хранения сей теплоты. Кто опомнится тотчас и поспешит поставить себя опять в свой обычный теплопроизводительный строй, теплота возвращается, скоро ли то, или не так скоро. Но кто не обратит на то внимания и по рассеянности, увлечению и самонадеянности позволит себе сознательно помедлить в этой охлаждающей атмосфере, и тем паче если и делом поскользнется удовлетворить свои, воскресающие при сем недуховные вкусы, у того и самая ревность о жизни духовной пошатнется, а то и совсем замрет. Последнее есть преддверие падения в прежние обычные грехи, которые и не замедлят постигнуть беспечного. Но опомнившийся и отсюда удобно возвращается к духовному строю своему.

Так всегда происходит охлаждение; бывает же это по нашей вине, именно по ослаблению внимания и бдительности над собой, — то по соблазнам окружающей труженика мирской среды, когда прелести мира, одуряющим образом воздействовав, похищают человека из себя самого, — то по козням врага, ухищряющегося выманивать человека из себя вовне, в чем успевает он иногда, примешивая только к естественным движениям образов фантазии и свои, наипаче увлекательные, иногда воздействуя каким-либо образом и на тело. Но какая бы причина ни

была, действие охлаждения начинается выходом внимания извнутри и установляется в своем дальнейшем течении прилеплением сердца к чему-либо, сначала пустому и суетному, потом страстному и греховному. И в нем всегда виноват сам человек. Ибо ни мир, ни диавол не насилуют свободы, а соблазняют только ее.

Бывает охлаждение и от благодати. Духовная теплота в истинном своем виде есть плод присутствия в сердце благодати. Когда посещает благодать, на сердце тепло, а когда отходит — холодно. Отходит благодать и когда человек сам выходит вовне к недолжным вещам. И тогда отхождение сие и есть и называется наказательным. Но иной раз благодать сама отходит в видах споспешествования духовному преспеянию рабов Божиих. И тогда отхождение сие есть и называется обучительным. Но следствие и в этом случае то же — охлаждение, чувство пустоты в сердце: ибо отошел Гость и Посетитель. Разность в сих охлаждениях та, что виновное охлаждение расслабляет самую ревность о духовной жизни, охлаждение вследствие обучительного отступления благодати наиболее распаляет ее — что бывает и одною из целей отступления благодати обучительного.

Благодать Божия сама — обучительно — отступает по следующим причинам: чтобы раздражить ревность, которая иной раз ослабляется от длительности пребывания в покое, — чтоб повнимательнее осмотрелся человек и отстранил сочувствия и занятия, которые не прямо принадлежат к богоугодной жизни и не в Боге конец свой имеют; чтобы восстановить в большей силе сознание и чувство, что все доброе, бывающее в нас, есть плод благодати Божией, — чтоб на будущее время больше ценили Божии даяния, ревностнее заботились о хранении их, и глубже смиренствовали; чтоб искреннее предавали себя в руки Промыш-

ления Божия, с совершеннейшим самоотвержением и самоуничижением; чтоб не прилеплялись к самым духовным утешениям, и не разделяли, таким образом, сердце свое надвое, когда Бог хочет, чтоб оно все Ему единому принадлежало; чтоб и при действии благодати Божией не опускали рук, но неусыпно работали на пути Божием, напрягая все силы свои, данные нам Богом именно для этого.

Таким образом, и когда охлаждение происходит от обучительного отступления благодати Божией, причиной тому служишь ты сам, ибо благодать Божия, хотя отступает сама, но отступает, смотря на тебя. Почему когда почувствуешь в себе охлаждение к вещам и занятиям духовным и ко всему Божественному, войди в себя и рассмотри, по какой причине оно произошло, и, если в этом твоя вина, поспеши ее устранить и изгладить, ревнуя не о возвращении духовных утешений, а паче об уничтожении в себе того, что окажется неподобающим и Богу неугодным. Если же не увидишь ничего такого, покорись воле Божией, сказав в себе: так судил Бог, буди воля Твоя, Господи, на мне немощном и ничего не стоящем. И затем терпи и жди, отнюдь не позволяя себе сколько-нибудь отступать от обычного порядка своей духовной жизни и духовных деланий и упражнений; побеждай напавшее безвкусие в них насильным себя к ним принуждением, не внимая отвлекающим от такого труда помыслам, будто такое занятие бесплодно; охотно испивай сию чашу горечи, говоря ко Господу: ***виждь смирение мое и труд, и не остави милости Твоей от меня*** (ср.: Пс. 24, 18), — и воодушевляй себя на то верою, что чашу сию поднесла тебе любовь Божия, желающая тебе большего совершенства духовного.

Не на Фавор только охотно иди во след Господа, но и на Голгофу, т. е. не тогда только, когда чувствуешь внутри

себя Божественный свет и духовные утешения и радости, но и когда нападают омрачения, скорби, туги и горечи, которые приходится иной раз вкушать душе от демонских искушений, внутренних и внешних. Пусть даже охлаждение это будет сопровождаемо таким омрачением и смущением, что ты не будешь знать, что тебе делать и куда обратиться, не бойся и при этом, но стой твердо в своем чине, держись на кресте сем благопокорно, далеко отревая от себя всякое земное утешение, которое вздумает предлагать мир или плоть по наущениям врага. Старайся также скрывать сию немощь от всякого лица, и не говори о ней никому, кроме духовного отца своего, не жалуясь однакож на посланную тебе тяготу, а скорее ищи научения, как на будущее время избегать ее, а эту благодушно перенесть, пока Богу угодно будет держать тебя в ней.

Молитвы же твои, причащение и другие духовные упражнения продолжая совершать как обычно, совершай не для получения сладостей духовных, не для того, чтобы быть сняту с настоящего креста, но для того, чтоб дарована была тебе сила благодушно пребывать на нем во славу распеншегося за нас Христа Господа и всегда жить и действовать так, как сие Ему благоугодно. Если иной раз и не можешь ты в этом состоянии молиться и в благих пребывать помышлениях, как обычно бывало, по причине великого омрачения и смущения ума, делай все сие как можешь, только без лености и поблажки себе; и то, чего не сможешь ты явить в совершенстве делом, будет принято явленным в совершенстве по желанию твоему, исканию и усилию. Пребудь в сем желании, искании и усилии, и увидишь дивные плоды того — воодушевление и силу, кои преисполнят душу твою (прп. Никодим Святогорец, 70, 234—240).

***

Тщетен труд, бесплоден он и вреден, когда мы ищем преждевременно раскрыть в себе высокие духовные дарования: их подает Милосердый Бог в свое время, постоянным, терпеливым, смиренным исполнителям Евангельских заповедей (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 132).

***

Чтоб стяжать любовь к предметам духовным и небесным, должно отречься от любви к предметам земным... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 513).

***

Даже благонамеренные иноки, но проводящие жительство наружное и не имеющие понятия о жительстве духовном, соблазняются на духовных делателей, находят их поведение странным, осуждают и злословят их... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 301).

***

Все препятствия к преуспеянию духовному — в нас, в одних нас! Если же что извне действует как препятствие, то это только служит обличением нашего немощного произволения, нашего двоедушия, нашего повреждения грехом (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 311).

***

Ходи в памяти Божией и памяти смертной... Храни дух сокрушения, сердце сокрушенно и смиренно... Будь послушен, люби молчание... времени не имей праздного (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 42).

***

Брань духовная... Брань, ведущая к тому, чтоб всегда в мире глубоком пребывать — и с Богом, и с людьми, и в себе самих мирствовать (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 48—49).

***

Все время будут житейские заботы. Что заботиться о душе надо, об этом и говорить нечего. Но вы ведь и заботитесь, как я думаю. Если душа недовольна тем, что делаете, прибавьте. И Бог милостив будет. Но что вы сказали: некогда, это неверно. Время всегда остается, только употребляется не так... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 51).

***

Цель наша — жизнь в Боге, но к Богу нам нет иного пути, как Господь Иисус Христос (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 74).

***

Брать руководство в Слове Божием и в писаниях отеческих (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 109).

***

Со всякою немощию душевною следует тотчас обращаться с молитвой к Господу, прося Его исцелить. Затем, употребляя и от вас зависящие средства и собственные усилия, ждите помощь свыше, и Господь в свой час пошлет помощь и исцелит (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 127).

***

Уклоняться от грехов и делать всякое добро, встречаемое по течению жизни вашей, — не телом только, а и душою и сердцем, не внешне только, но и внутренне, т. е. чтобы и мысли и чувства всегда были богоугодны. Что еще, кроме доброй жизни?! Пророк говорит: ***взыска Тебе лице мое, лица Твоего, Господи, взыщу*** (Пс. 26, 8). Этим выражалась непрестанная память о Боге, с непрестанною ревностию всем благоугождать Ему (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 137).

***

И вперед законом себе поставь — никогда никому ***не изъявлять*** своего ***неудовольствия*** (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 185).

***

Об имени, как тебя назвали родители, не заботься, а попекись, чтобы имя твое написано было в книге животной. Веру храни и добрые дела твори. Греха же бегай (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 201).

***

Цель — Царствие Небесное, но чтобы достойну быть внития в Царствие, надо очиститься от страстей и от всего худого. Как без сего очищения дверь в Царствие не отворится, то оно должно быть для вас ближайшею целью. К нему и направляйте теперь все... Все сие в двух словах: ***уклонися от зла и сотвори благо*** (Пс. 33, 15) (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 204).

***

Решившийся жить как следует тотчас узнает дурное, в каком бы виде оно ни проявлялось... Проявляется же иногда только помышлением о дурном, когда представляется уму предмет дурной, иногда чувством дурным, иногда позывом на дурное, иногда вместе и влечением к нему, более или менее сильным. Иногда все это проявляется рядом: появляется предмет дурной, вызывает чувство, от чувства рождается позыв, а там и влечение... Все это для души — нечистое, но еще не грешное. Грешность начинается согласием на дурное, которое переходит в решение сделать дурное — это внутреннее дело, после чего придумываются способы, время, место... Затем следует дело грешное, от коего рабство греху и смерть душевная (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 207).

***

Главные производители жизни о Христе Иисусе суть: *ревность* горячая, энергичная, безжалостная к себе, яростно-сердитая на свою дурную сторону во всех ее проявлениях, без всякого снисхождения; и Божественная *благодать*, привлекаемая и призываемая ревностью и всегда помогающая, когда ревность действует... Благодать Божия всегда готова и во всей силе, а ревность не всегда бывает исправна, не всегда бывает в должном напряжении; слабеет, близится к равнодушию, хладеет (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 208).

***

Обычно узкий путь нам не нравится... Подавай нам широту и простор. Не слышит разве Господь воплей сих? Слышит, но переменить Домостроительства жизни нашей

не хочет, потому что это было бы не к добру нам. Так устроилось положение наше, что только теснота держит нас в настоящем строе... Как только вступим в широту, расплываемся и гибнем. Вот и царит на земле теснота, как наилучшая для нас обстановка. Апостольский ум видит вообще в тесноте и в особых стеснительных случаях отеческую к нам любовь Божию — и о тех, кои в тесноте, судит, как о близких к Богу сынах (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 214).

***

Конечный плод — образование чувства к Богу, которое неразлучно с непрестанною молитвою, или есть одно и то же с нею. — Тут бывает живой союз с Богом — цель духовной жизни (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 235).

***

Кроме... безжалостности к себе, возбудителями духовными, самыми сильными бывают — ***стояние*** вниманием в присутствии Божием и непрестанное чаяние — ***вот-вот смерть*** (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 242).

***

Нужды и заботы действительно разорительны для духовного строя; но сию разрушительную их силу можно подсечь преданием себя в волю Божию (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 244).

***

У старцев закон: смотри под ноги и ступай всегда, как должно, чтоб не соскользнуться, не споткнуться и не

пасть. Это значит: смотри, чего требуют текущие обстоятельства жизни, и действуй в них всегда по заповеди Божией (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 15).

***

Бог зачинает жизнь, Бог и руководит в ней. К Нему надо потому прибегнуть и прибегать всегда и от Него ждать решения. Уже как Он решит и как решение Его дойдет до сердца, этого не разберешь, но то несомненно, что всякое дело, Ему угодное, от Него возбуждается и Им приводится в совершение (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 84).

***

Всего более надобно опасаться уклонения в праведность. Как только начнете уклоняться в нее, знайте, что криво шагать начали. Берите тогда себя за ноги и тащите немилосердно опять в грешность (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 102).

***

Ничего в человеческих делах без труда не достигается. Духовные же делания требуют напряженнейшего труда, и притом непрерывного (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 128).

***

...Вас тяготит забота житейская до того, что и молиться не дает. Это вражье наваждение. Как нам нужны: кров, одежда, пища и другие вещи, то нужно и добывать их; нужно потому и думать об этом и стараться. И в этом ничего нет грешного. Так Бог благоволил устроить нашу

жизнь. Но к этому безгрешному враг, подкравшись, прививает грешное, это непрестанную заботу, которая и голову тяготит, и сердце гложет. Против этой болезни направлены все наставления Спасителя о непопечении: ***не пецытеся убо на утрей, утренний бо собою печется...*** (Мф. 6, 34). Не то сие значит, чтоб ничего не делать, а то, чтоб, все делая, не томились излишнею заботою, которая ничего не придает, а только томит... Многозаботливость грешна тем, что все ***хочет сама*** устроить и добыть без Бога — тем, что после того научает опираться ***надеждою*** на добытое и на прочие ***способы свои*** исключительно без Божия Промышления, а чрез то и другое настраивает ***житейские блага*** почитать ***главною целью*** и настоящую ***жизнь*** конечною, не простирая помышлений о будущей жизни. Видите, какой дух богоборный движется в этой многозаботливости!.. Возьмите же из сего побуждение к тому, чтобы бороться с сим злом, как вы боролись бы, если б враг, подошедши, внушал вам душегубство. Если не станете бороться, забота совсем вас съест, а станете бороться, она отойдет, как и всякая другая немочь душевная, когда с ней борются.

Как бороться? Начинайте и научитесь... Начните прежде всего молитву очищать от сей заботы, а потом очистите и все дела свои, так что и дела будут у вас идти своим чередом, и заботы притом не будет.

Как молитву очищать от заботы? Как только придет забота во время молитвы, гоните ее; опять придет, опять гоните... И так всегда... Никогда не держите заботы при молитве, как только сознаете, что она пришла. В этом борьба! И увидите плод. Еще пред молитвою положите не поддаваться заботе, если придет во время молитвы, и оградите сим, утвердите такое намерение разными помышле-

ниями... Увидите плод, только рук не опускайте, а боритесь! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 139—140).

***

...Цель у всех христиан одна — быть в живом единении с Богом. И все такие единое составляют тело, и вне сего тела нет людей живых духом. И всем один труд сей: победить страсти и стать чистыми, и житейски ли кто живет, или удалившись от житейских порядков (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 152).

***

Припоминаю одного старца из древних, который однажды возгласил в своем кругу: радуйтесь со мною, я ныне царь! Как так? Воцарился над страстями. Хоть так смело не всякий может возгласить, но такое состояние в христианстве в порядке вещей. Та и цель жизни во Христе (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 168).

***

Если будете предавать себя Господу вседушно, то Он Сам преподаст вам или чрез Ангела-хранителя всю науку христианскую (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 177).

***

Безжалостность к себе, готовность на всякую услугу другим и предание себя всецело Господу, с молитвенным в Нем пребыванием, се производители жизни духовной (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 177—178).

***

«Смирения и любви нет». — Пока их не будет, и ничего духовного не будет. Духовное зарождается и растет вместе с их зарождением и возрастанием. Они то же для души, что стеснение плоти для тела... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 183).

***

Лучше не вязать себя правилами до мелочей, а иметь одно общее: всякий раз действовать наперекор требованиям самоугодия. И если допускать какую льготу телу, то не по поблажке ему, а по сознанию необходимости того для здоровья (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 186—187).

***

Перемена в духе — наша общая участь. Терпеть надо, предавая участь свою в руки Божии. Об одном да будет забота, чтоб всегда с Господом быть. Во всех случаях прямо к Нему обращайтесь, Ему открывайте тяготы души своей и молитесь, да избавит, аще волит.

Отрады и утешение не суть окончательное свидетельство о добром настроении. Главное — решимость и ревность Богу угождать, дух сокрушен и сердце сокрушенно и смиренно, и предание себя в волю Божию. Когда сие есть — добре (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 210).

***

Мы все и по назначению своему должны быть храмами... Миряне, суетясь, забывают сие или заглушают в себе, а иноки и инокини на то и вступают в особый род жизни, чтоб явить такое апостольское о нас определение.

...И станете вы храмом, где обитает Бог... Стены у сего храма вашего — терпение, престол — благодарное Богу сердце, песни — все религиозные чувства к Богу: вера, упование, преданность в святую волю Его и всякая молитва; регент в сем хоре — благоумный дух, слагающий песни и выполняющий их в непрестанном богомыслии... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 239).

***

Духовная жизнь не безусловно подлежит влиянию внешней обстановки, и может цвести во всяком месте и при всяких положениях, ибо она вся во внутреннем строе, и пред внешним не преклоняет выи, а, напротив, властвует над ним и его направляет (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 27).

***

Если можете, сколько можно скрывайте свои дела по жизни духовной, и ни во взоре, ни в разговорах, ни в других отношениях не обнаруживайте, но действуйте просто... только пустоболтанья избегайте (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 156).

***

Христианская жизнь встречает много препятствий, с первых шагов, и чем дальше, тем больше. Вступающему в путь жизни сей надо вооружиться крепким мужеством, чтобы идти не робея предлежащих борений с препонами (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 164—165).

***

Страх Божий и благоговейность пред неописанным величием Его всегда держите и возгревайте в себе, а при Нем сердце сокрушенно и смиренно. Веру крепкую храните и упование несокрушимое. Смиряйтесь пред всеми и других выше себя имейте. Молчание возлюбите и уединяйтесь, сколько возможно, чтоб быть во единении с Господом. Тогда Он Сам соделается для вас Руководителем и Учителем, и других таких лиц уже не потребуется для вас (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 169—170).

***

...Внутреннему делу цены нет, и ему ничто не должно быть предпочитаемо (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81 184).

***

...У человека есть три жизни — духовная, душевная и телесная. Первая обращена к Богу и небу, вторая — к устроению земного быта, третья — заботиться о жизни тела. Редко бывает, чтоб все сии жизни раскрывались в одинаковой силе, но у одного преобладает одна, у другого — другая, у третьего — третья. Выше всех духовная, потому что дух выше души и тела и потому что через нее человек ставится ближе к своей цели, т. е. к небу и Богу (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 195—196).

***

Жизнь в Боге, отрешая от волн мирянских, миром осеняет сердце, а чрез то и в теле держит все в здравом строе (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 197).

***

Которые живут духом и сильны нравом, не видны и бегают показности... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 199).

***

...О духовном говорить не навязывайтесь, но когда случай, не отказывайтесь, будто мимоходом (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 218).

***

Покой совести есть первое условие мирных отношений к Богу, а эти последние составляют условия преуспеяния духовного во внутренней жизни (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 231).

***

Терпение и смирение — правители жизни духовной. Первое держит земные порядки, второе властвует над небесными... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 244).

***

Смотрите, как идет молитва, — барометр духовной жизни (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 5).

***

...Духовное врачевство не механично... а все от произволения, от определений личных и напряжения своих сил (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 28).

***

Главное ведь — ходить пред Богом или под оком Божиим с сознанием, что Бог смотрит на вас, на душу вашу — в ваше сердце, и там все видит... Это сознание самый сильный рычаг в движении внутренней духовной жизни (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 75).

***

Клеть внутри... Если будете там, Господу не скучно будет у вас. Потрудитесь занять Его молитвенной беседой — и Он будет внимать не отходя. Там и брачный чертог у вас будет... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 119).

***

Мерою себе поставьте, что когда вы стоите в полном недовольстве собою, то вы в добром чине; коль же скоро хоть малое чувство самодовольства придет, и начнете вы цену себе давать, знайте, что вы не в своем виде, и начинайте тогда теребить себя. Господа ради не забывайте сего пунктика (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 169).

***

Блюдитесь всяких чрезмерностей (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 170).

***

Преспеяние в духовной жизни означается все большим и большим сознанием своей негодности, в полном значении сего слова, без всяких ограничений; так что коль

скоро дается себе цена, в каком бы ни было отношении, дело пошло криво. И опасно. Подсядет враг и начнет отводить глаза, — а тут камушек подбросит; споткнуться можно. Душа, дающая себе цену, точь-в-точь ворона, уронившая сыр (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 172).

***

Чем грешнейшею себя чувствовать будете, тем путь ваш правее. Но надо добиваться, чтоб чувство своей грешности как бы натурально исходило из глубины души, а не было навеваемо совне своим размышлением, или сторонним словом (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 180).

***

...Внутреннему труду конца нет, и никто не может сказать, что вот наконец такая сторона улажена и не требует борьбы (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 181).

***

Бегайте *сытости* — такое состояние, в коем лукавое сердце говорит в себе: довольно, ничего больше не требую; потрудились, поустановились порядком, можно и льготу себе дать. Об Израиле говорится: *уты, утолсте, разшире* (Втор. 32, 15). На что больше довольства? — Но плод какой? *И забы Бога*. Это относилось к телесной сытости и к довольству своим внешним состоянием. Но вполне приложимо это и к сытости духовной и к довольству своим внутренним состоянием. И следствие то же — богозабвение. Когда всего вдоволь, зачем и Богу молиться, и думать о Нем? Хоть до этого и не вдруг доходят само-

довольные, но в зародыше именно это у них есть. Непосредственное действие сытости есть ослабление внимания и допущение льгот. Кто это допустит, пойдет катиться вниз, как катятся по склону скользкой горы. Вот и беда. Бдите убо! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 182).

***

Вся жизнь наша слагается из дел, да помышлений. Дела устроите, беритесь устроять помышления, — дело самое нужное. Господь да умудрит вас во всем этом (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 200).

***

Малая кривость <во внутреннем> большою угрожает бедою (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 203).

***

Хорошо делает, кто каждый день начинает как бы дотоле совсем ничего не делал. Кто забывает свое заднее добро, есть самый мудрый человек. Дал бы Бог и нам умудряться в этом (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 212).

***

Чувствуете рассеяние мыслей — поберегитесь. Это очень опасно. Враг хочет загнать вас в какую-нибудь трущобу и там убить. Мысли блуждать начинают от умаления страха и охлаждения сердца (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 221).

***

Жаждете просвещения духовного. Оно само собою приходит, когда кто идет путем духовной жизни, и в какой мере исполняются при сем требования такой жизни, в такой и плод получается, а затем и ведение просветительное приходит... Мы много хлопотали об успехе в духовной жизни... А дело просто совершается. Надо корень ее поглубже водрузить. Корень — страх Божий! Когда он придет, все ублагоустроит, всему научит... О нем молитесь!.. и его своим размышлением развивать старайтесь (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 119).

***

...Вам не на то следует смотреть, что было, а что предлежит. Бывшее — покаяние заглаждает, а предлежащее зависит не от бывшего, а от подвигов и трудов. Мера сих трудов и подвигов бывает мерою очищения, а далее и свидетельства Божия о сем очищении (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 120—121).

***

Жизни духовной Источник, Питатель и Совершитель есть Христос Господь, Который, по неизреченной милости Своей, благоволит вступить в общение тесное с достойно причащающимися Пречистого Тела Его. В эту пору и взговорить Он может душе: «Спасение твое есмь Аз!» Слушайте! Но надобно приступать к Нему в чувстве погибающей, и не имеющей на чем опереться (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 123).

***

...Всегда помнить надо и чувствовать, что успех в духовной жизни и во всех ее проявлениях есть плод благодати Божией (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 163).

***

Теплота и сладость хороши в деле духовном, но не ими надо определять цену деланий духовных (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 176).

***

Главное — страх Божий и дух сокрушен... Теплота и сладость хороши в деле духовном; но не ими надо определять цену деланий духовных (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 176).

***

Храните память Божию и память смертную. От них страх Божий будет в силе. От страха — внимание к себе и всем делам своим, мыслям и чувствам. От сего — трезвенная благоговейная жизнь. От сей — страстей подавление. От сего — чистота. От чистоты — с Богом пребывание, не мыслями только, но и чувством (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 178—179).

***

Дело духовное не в восторгах: самое лучшее его проявление есть ***дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно*** (Пс. 50, 19) (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 181).

***

Память о Боге со страхом Божиим, любовь к Богу с упованием и преданность в волю Богу составляют внутреннюю религиозную жизнь... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 56).

***

Спрашиваете: «Что надо делать, когда внутри раздвоение». — Во-первых, ведайте, что это не худое что, а обычный оборот духовной жизни. Когда дух наш по действию благодати пробуждается, тогда он устремляется к Богу, и все туда устремляет. Эгоистический же нрав и после сего все еще остается и выставляет права свои, влеча по старому обычаю к себе и чувство и волю. Оттого все испытывают как и Апостол: *хотящу ми творити доброе, вижу, что мне злое прилежит.* — Вот и раздвоение. — Что тут сделать? Всегда принимать сторону духа, а требования эгоистического плотского человека отгонять, подавлять. В сем духовная брань. Она коротка... Как только заметите движение внутри противное духу... отвергайте сердцем, некоею неприязнию поразите сие движение, — и тут же к Господу обращайтесь молитвенно, и Он поможет. Искреннее отвержение недоброго и искренняя молитва к Господу всегда побеждают; и раздвоение внутреннее пресекают... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 58—59).

***

Видит Бог наперед жизнь человека в целом... и решает: сему быть в числе верующих и спасенных, а сему не быть... Определение Божие есть вывод из всей жизни человека; сама же жизнь течет и по склонениям произволения, и по воздействию на нее Божеского Промышения

и внутри и вовне... Бог все делает, чтоб вразумить человека. Если после всех попечений о нем видит его не хотящим исправляться, то оставляет его, как бы говоря: ну, делать нечего, оставайся. Бог не хочет смерти грешника; но и произволения не насилует, и только все делает для склонения произволения на добро. Все такое Он предвидит о каждом, и как предвидит, так и определяет (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 60).

***

...Основной характер жизни: терпение, — терпение труда делания и преодоления трудностей... Если б у нас все всегда было хорошо, мы заснули бы (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 69).

***

Держите же так: всегда принадлежать Господу. Это многого требует: в мыслях всегда носить Господа; в сердце — всегда иметь чувство к Господу; в воле — все делаемое делать для Господа. ***Три пунктика***, но такие, которые все в себе совмещают, — всю жизнь обнимают (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 72).

***

...Духовные утешения в жизни по Богу суть придаток, а не главная суть. Суть ее — сила и крепость держаться в добром порядке и внутренно и внешно. Утешения же и восторги звучат только: трудись, есть из-за чего. Потому, когда отходят они, не к отчаянию надо подвигаться, а усерднее браться за обычные труды богоугодной жизни, и внутренней и внешней (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 80).

***

Падение есть делом совершение худого, богопротивного, при сознании худости и богопротивности того и при прещении совести. Падение причиняет ***акт*** греховный. Акт бывает греховен, когда есть произвольное ***соизволение*** на дурное. Грешны мысли, когда произвольно дают им место в душе. Но когда мысли лезут сами, душа же их не хочет, и противится им, тут нет греха, а борьба добрая (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 85—86).

***

Нечувствие породит ***нерадение***, от того и другого возьмет силу ***забвение***. Сии три составляют полный паралич душевный (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 89).

***

Стоя пред лицем Господа, других мыслей не пускать... а только Господа зреть с должными к Нему чувствами, что видит, слышит, готов внять и исполнить. — Не оставляйте слово без помышлений о Господе и о том, что Он есть для нас, но помышления имейте простые: что Он близ, хранит, держит, учит, руководит... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 103).

***

Заботьтесь, чтобы все шло от сердца. О внешних положениях не думайте (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 103).

***

Главное — установиться в сердце пред лицем Бога, и стоять так неотступно. — Когда это есть, тогда все прочее

придет само собою. — В череде изменений духовных в сердце — самое лучшее есть *тяготение внутрь*... для сопребывания с Господом. Тогда все внешнее отходит: остается Бог в душе и душа в Боге... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 121).

***

...Смерть не пресекает хода духовной жизни (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 126).

***

Успевает ли кто в жизни, и насколько успевает, этого заметить не дается, потому что иначе всякий сам съедал бы себя с глаз. Неведение это держит в страхе и постоянно подновляет ревность, уверяя, что ничего еще не сделано и что, следовательно, надо снова начинать.

Снова начинать — такой закон духовной жизни... Каждый день надо считать первым днем жизни в страхе Божием, — заднее все забывая, кроме грехов, о коих всегда надо каяться.

Трудности пути, препятствия, расслабление, уныние — все это случайности, которые приходят и отходят. На них нечего обращать внимание. Надо им противопоставлять убеждение, что цель впереди верна, и что средства, кои нам даны, надежно ведут к ней. От этого все тревоги будут отходить, исполняя душу благонадежием (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 8).

***

Лучше всего, если совсем себя забудете, а будете только иметь в мысли, как бы Бога не прогневить чем, неугодным

Ему в мыслях, словах и делах. Если не поостережетесь и будете много обращать внимания на людские речи и взоры, то сделаете из себя (извините) чирей, самый чувствительный даже к движению воздуха, а не только к прикосновению. Смотрите в оба — сами. Вот мера: кто смирен, тот не может видеть, чтобы кто-либо относился к нему ниже его достоинства, ибо он так низким себя считает, что никто не может отнестись к нему ниже того, как бы ни ухитрялся. В сем премудрость! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 15).

***

На языке пусть будет молитва Иисусова, в уме — предзрение Господа пред собою, в сердце — жажда Бога, или общения с Господом. Когда все сие будет постоянно, тогда Господь, видя, как нудите себя, подаст просимое (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 94).

***

Не надо никогда насиловать течения событий, а смотреть внимательно, как они текут, и пользоваться тем во спасение свое (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 98).

***

Что за *победительная мысль*? Когда обращается кто к Богу, тогда происходит борьба — самолюбие и мир, с одной стороны, а Божии истины — с другой. Перебирает человек эти истины, и одолевает самость и мир, но из этих истин не все одинаково на всех действуют: на одного одна более действует, на другого другая. Но есть среди них для каждого такая, которая как только вспадет в сознание,

тотчас склоняет человека на сторону Божию. Эта истина в первой борьбе оканчивает победу — и в частных борьбах тоже прогоняет врагов (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 98—99).

***

Я полагаю, что у вас часто вертится вопрос: что же делать, как быть? — Полагаю также, что и ответ на это тоже дается у вас в сердце: что же делать, кроме как душу спасать. — И это ответ на все случайности. Когда душа спасается, все прочее будь не будь, — или что ни будь, спасение души со всеми порядками жизни мирится, и не только мирится, но и всех оживляет и освящает...

Жизнь свою надо в руки Божии предать. И Он все устроит наилучшим образом. Да ведь Он уже и строит. И все доселе бывшее с вами есть Его Промышления о вас дело... верите ли сему, или нет. Но если Бог все строит о вас, а вы не верите, не исповедуете, то сами видите, что так держать себя в отношении к Богу есть дело очень неисправное. — Все надо принимать от руки Господни, и за все благодарить. Извольте это написать на сердце. И первым делом поставить убедиться в сем. Пересмотрите все случайности жизни вашей — и во всем увидите благодеющий перст Божий, и возблагодарите Господа (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 153—154).

***

Относительно течения жизни да ведает, что его переменить не наших сил дело. Наша мудрость вся должна состоять в том, чтобы прилаживаться ко всякому строю жизни, какой пошлет Господь, — так чтоб нам было,

сколько это возможно, покойнее (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 154—155).

***

Что мешает внутреннему строю, того ни под каким видом не допускать. Вот для этого и надо под боком иметь старца. Лучше всего для этого идет духовник. Мало-мало, что встретится, тотчас спросить. Совесть будет спокойна.— А то она будет законно теребить (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 190).

***

В принятии пищи — немного оскудить питание, равно и у сна отнимать кое-что. Как что — сами смотрите. Не нужно вязать себя, а свободно действовать, иногда так, иногда иначе; одно имея в виду — плоти угодия не творить, и ни в чем не самоугодничать. И спать или бодрствовать тоже разно можно, имея одну меру: не засыпаться крепко (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 197).

***

Взявшись благоугождать Богу, надо, во-первых, все принимать спокойно и терпеть благодушно, а во-вторых, уметь держать себя при сем и действовать. Первое легко: стиснул зубы и — молчи. А второе очень трудно, особенно потому, что неспокойный дух тотчас наружу лезет и чрез слово, и чрез дело, и чрез движение, и чрез мину, это обстоятельство все и портит, как сами видите. — Но имеете опыт, извольте учиться, наука проста, но трудно заучиваема. Именно: в случаях неприятных, породивших неприятные против других чувства, не следует ни гово-

рить, ни действовать. Надо наперед успокоиться — и совершенно исторгнуть из сердца неприятность, чтоб и следа ее не было... Тогда и речь и дело пойдут ладно. Можно тогда и сурово и строго говорить, — даже бранчливо, — и речь не произведет худого действия: ибо дух в ней будет не раздражительный, а мирный и любовный... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 198—199).

***

Есть враг около не затем, чтоб ему покорствовать, а чтобы с ним бороться и борьбою вырабатывать в себе противоположное добро: вместо похотности — целомудрие, вместо гордости — смирение... В этом задача вашей жизни... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 209).

***

Сознавая себя обязанным угождать Богу, дух не знал бы, как удовлетворить сей обязанности, если бы не руководила его в сем совесть (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 32).

***

...Духовность есть норма человеческой жизни... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 45).

***

...К вам приходит бедный; это Бог его привел. Что вам сделать надо? Помочь. Бог, приведший к вам бедного, конечно, с желанием, чтоб вы поступили в отношении к сему бедному, как Ему угодно, смотрит на вас, как вы в самом деле поступите. Ему угодно, чтоб вы помогли. По-

можете? Угодное Богу сделаете, — и сделаете шаг к последней цели — наследию неба. Обобщите этот случай, — выйдет: во всяком случае и при всякой встрече надобно делать то, что хочет Бог, чтоб мы сделали. А чего Он хочет, это мы верно знаем из предписанных нам заповедей. Помощи кто ищет? Помоги. Обидел кто? Прости. Сами обидели кого? Спешите испросить прощение и помириться. Похвалил кто? Не гордитесь. Побранил? Не сердитесь. Пришло время молитвы? Молитесь. Работать? Работайте... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 59—60).

***

Весь же строй христианской жизни таков: веруй в Бога, в Троице покланяемого, спасающаго нас в Господе Иисусе Христе благодатию Святаго Духа и, принимая благодатные силы чрез Божественные таинства Святой Церкви, живя по заповедям Евангелия, одушевляясь упованием, что Бог за малый посильный труд наш, ради веры в Господа Спасителя и послушания Ему, не лишит нас небесного. Это я нарочно прибавляю, чтоб вы видели в каком духе должно творить дела нам — христианам сущим. Ибо иные говорят: делай-делай; а другие: веруй-веруй. Надо то и другое: веру сочетавать с делами и дела с верою (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 62).

***

...Когда <духовные потребности> не удовлетворяются, то, будь все другие удовлетворяемы богато, покоя не бывает (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 65).

***

...Жизнь <духовная> с памятью о Боге и следованием своей совести сама в себе есть неистощимый источник радостей духовных, сравнительно с которыми земные радости, что полынь пред медом (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 164).

***

Прочное умиротворение мыслей есть дар Божий; но дар сей не дается без усиленных собственных трудов. И одними своими трудами вы ничего не достигнете — и Бог ничего вам не даст, если не потрудитесь всеусильно. Таков закон неотложный (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 176).

***

В духовной жизни книги — только руководство. Само познание приобретается делом (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 249).

***

Жизнь духовная — особый мир, в который не проникает мудрость человеческая (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 250).

***

...Есть единая истинная жизнь, обнаруживающаяся и состоящая в противлении страстям и преодолении их (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 21—22).

****

Авва Исаия пресвитер говорил, что некто из отцев сказал: «Каждый человек должен прежде всего стяжать веру в Бога и непрерывное стремление к Нему; потом незлобие и невоздаяние злом за зло, благодушное перенесение зла, смиренномудрие, чистоту, человеколюбие и любовь ко всем, покорность, кротость и долготерпение, постоянство и любовь к Богу; должен непрестанно призывать Бога с сокрушением сердца и с истинною любовию; не надобно ему смотреть на прошедшее, но обращать внимание на будущее; не надобно надеяться на добрые дела свои, или служение, но просить непрестанно помощи Божией, по причине находящих каждодневно искушений» (98, 15).

***

Один брат просил авву Исаию сказать слово. Старец говорит ему: «Если хочешь последовать Господу нашему Иисусу Христу, то сохраняй Его слово и (умерщвляй) ветхого человека; если хочешь прилепиться к Нему, то должен до самой смерти отсекать (всех), удаляющих тебя от креста, и приготовить себя к понесению уничижения и к спокойствию в отношении к злотворящим тебе; должен смирить себя пред желающими властвовать над тобою; должен соблюдать безмолвие и никого не осуждать в сердце своем» (98, 15—16).

***

Авва Исаия сказал: «Возненавидь все в мире и спокойствие телесное, ибо это сделало тебя врагом Бога. Как человек, имеющий врага, сражается с ним, так и мы должны сражаться с телом, а не покоить его» (98, 16).

***

Один брат спросил авву Макария Великого: «В чем состоит совершенство?» Старец отвечал: «Человек не может быть совершенным, если не приобретет смирения в душе и в теле, столь великого, чтобы не оценить себя ни за какое дело, но смиренно считать себя ниже всякой твари; чтобы никогда не осуждать никого, кроме себя самого; чтобы переносить обиды и бесчестия, исторгнуть из сердца своего всякую нечистоту; заставить себя быть долготерпеливым, благим, братолюбивым, целомудренным, воздержным — ибо в Писании сказано: *доселе Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12); чтобы прямо смотреть глазами своими, обуздывать язык, удаляться от всякого пустого и душевредного слуха, соблюдать правоту рук, чистоту сердца пред Богом и непорочность тела; постоянно иметь представление и память о смерти; чтобы отложить всякий гнев и злобу, отречься от всего вещественного и плотских удовольствий, то есть от диавола и всех дел его; совершенно покориться Всецарю Богу и всем Его заповедям, и непрестанно, во всякое время, во всякой вещи и во всяком деле иметь Его пред собою» (98, 18—19).

***

Один брат просил авву Пимена: «Как должно жить человеку?» Старец отвечал: «Посмотрим на Даниила: не нашлось на него иного обвинения, как только в служении Богу» (98, 20).

***

Авва Сисой говорил: «Будь смиренным, отвергайся своей воли, не имей земных попечений» (98, 21).

***

Авва Фома, приближаясь смерти, сказал детям своим: «Не живите с еретиками; не знакомьтесь с людьми знаменитыми; не простирайте рук ваших, чтобы собирать, но охотнее простирайте их, чтобы раздавать» (98, 21—22).

***

Старец сказал: «Что сам ненавидишь, того не делай другому. Если ты не любишь, когда на тебя клевещут, то и сам ни на кого не клевещи; если ты не любишь, когда тебя поносят, то и сам никого не поноси; если не любишь, когда тебя унижают, обижают, похищают твою собственность и другое подобное причиняют тебе, то и ты никому сего не делай. Кто может сохранить это слово, тому оно достаточно ко спасению» (98, 22).

***

Старец сказал: «Вот основания жизни монашеской: труд, послушание, заботливость, неосуждение, неоклеветание и нероптание. Ибо в Писании сказано: *любящие Господа ненавидите злая* (Пс. 96, 10). Жизнь монаха должна состоять в том, чтобы не нападать ни на кого, не обижать, не смотреть глазами на злое, не любопытствовать, не слушать чужих речей, не похищать руками, но лучше отдавать, не превозноситься в сердце своем, не пресыщать чрева своего, но во всем поступать с рассуждением. Вот в чем должна состоять жизнь монаха!» (98, 22—23).

***

Авва Фома, сказал детям своим: «Назначение христианина — подражать Христу» (98, 24).

***

Брат спросил авву Моисея: «Что помогает человеку во всяком труде его?» Старец отвечал: «Бог помогает, ибо написано: *Бог нам прибежище и сила, Помощник в скорбех, обретших ны зело* (Пс. 45, 2)». Брат спросил еще: «Для чего соблюдаются посты и бдения?» Старец отвечал ему: «Все это смиряет душу нашу, ибо написано: *виждь смирение мое, и труд мой, и остави вся грехи моя* (Пс. 24, 18). Если душа принесет эти плоды, Бог за это являет к ней Свое милосердие». Брат еще спрашивает старца: «Что делать человеку, когда нападает на него искушение или вражеский помысл?» Старец отвечает ему: «Тогда человек должен умолять со слезами Благость Божию о помощи; и он скоро успокоится, если будет просить разумно. Ибо Писание говорит: *Господь мне Помощник и не убоюся, что сотворит мне человек* (Пс. 117, 6)». Брат еще спросил: «Вот человек бьет раба своего за сделанный им проступок: что должен говорить раб?» Старец отвечает: «Если раб добрый, он будет говорить: помилуй меня, я согрешил!» «И более ничего не должен говорить?» — спросил брат у старца. «Ничего, — отвечал старец, — ибо когда раб сознается в своей вине и скажет: согрешил я, — господин его скоро умилосердится над ним. Цель всего этого та, чтобы не осуждать ближнего, ибо когда рука Господня убивала всякого первенца в земле египетской, там ни одного не осталось дома, в котором бы не было мертвого». Брат спрашивает: «Что значат твои слова?» Старец отвечал: «То, что если будем внимательны к своим грехам, — мы не будем смотреть на грехи ближнего. Ибо это — безумие человеческое оставлять своего мертвеца и идти плакать над мертвецом ближнего; а умереть для ближнего своего то же значит, что чувствовать свои грехи и не думать ни о ком другом, хорош ли он, или худ. Не

делай зла никому, и ни против кого не мысли зла в сердце своем; не презирай того, кто делает худо; не входи в сообщество с человеком, который вредит своему ближнему, и не радуйся с тем, который делает зло другому; не укоряй никого, но говори: Бог знает каждого; не соглашайся с клеветником, не забавляйся его злоречием; но и не питай ненависти к тому, кто поносит ближнего своего. Вот что значит не осуждать по Писанию: *не судите, да не судимы будете* (Мф. 7, 1). Не имей вражды ни с кем, и не питай вражды в сердце своем. Не должен ты ненавидеть и того, кто враждует на ближнего своего. В этом-то и состоит мир. Утешай себя тем, что труд — кратковременный, а успокоение за него — вечное, по благодати Бога-Слова» (97, 160—162).

ДУША

Как больным бывают нужны резания и прижигания для возвращения здоровья, которое они потеряли, так и нам нужны искушения и труды покаяния, и страх смерти и мучений, чтобы возвратить первозданное здоровье души и отвергнуть недуг, который произвело в нас безумие наше (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 7—8).

***

Как дерева, если не будут напояемы естественною водою, расти не могут, так и душа, если не восприимет небесной сладости, расти не может. Только души, которые восприняли Духа, и небесною напоены сладостью, возрастают (прп. Антоний Великий, 89, 39).

Душа бывает крепка, когда тело изможденo (прп. Антоний Великий, 89, 43).

***

Хочу сказать вам и то, чему подобна душа, в которую вселился огнь Божий. Подобна двукрылой птице, горе́ возносящейся по небесному воздуху. Из всех тварей только птицам свойственны крылья, как их особенность; крылья же души, Богу повинующейся, суть устремления огня Божия, коими она может воспарять горе́ к небу. Если же она лишится сих крыльев, то не в силах будет возвышаться горе́, как непричастная того огня, горе́ возносящего, и станет подобною птице, лишенной своих крыльев, которая потому летать не может. Сверх того, душа человека похожа на птицу еще в том отношении, что теплота есть причина рождения птицы на свет, ибо если птица не будет нагревать (насиживать) яиц, то из них не выведутся живые птенцы, потому что они не могут иначе возбудиться к жизни, как посредством теплоты. Так и Бог, объемля и согревая души Ему покорные, возбуждает их к жизни духовной... Никак не допускайте себя лишиться силы огня сего. Знайте, что за этот огонь, от Бога вам даруемый, уготованы вам от диавола многие брани, чтоб вас лишить его, ибо он хорошо знает, что пока есть в вас огнь сей, он одолеть вас никак не может (прп. Антоний Великий, 89, 45).

***

Чистая душа, будучи добротна, освящается и осиявается Богом, и тогда ум помышляет о добром и рождает

боголюбивые намерения и дела. Но когда душа осквернится грехом, тогда Бог отвращается от нее, или лучше — сама душа отделяет себя от Бога, и лукавые демоны, вошедши в помысл, внушают душе неподобные дела: прелюбодеяния, убийства, хищения и подобные сим демонские злые деяния (прп. Антоний Великий, 89, 73).

***

Душа в теле, в душе — ум, в уме — слово, коими созерцаемый и прославляемый Бог обессмертивает душу, даруя ей нетление и наслаждение вечное (прп. Антоний Великий, 89, 82).

***

Те души, которые не обуздываются разумом и не управляются умом, который бы остепенял, удерживал и направлял (куда следует) страсти их, т. е. скорбь и удовольствие, — такие души погибают, как неразумные животные, потому что у них разум увлекаем бывает страстями, как кучер лошадьми, вышедшими у него из повиновения (прп. Антоний Великий, 89, 82).

***

Безрассудная душа, по естеству бессмертная и госпожа тела, становится рабою тела из-за чувственных удовольствий, не разумея, что услаждение тела — пагуба душе. Но, впадши в нечувствие и объюродевши, заботливо печется она о сем услаждении тела (прп. Антоний Великий, 89, 82).

Как ты будешь относиться к душе, пока она в теле, так и она отнесется к тебе, вышедши из тела. Хорошо послуживший здесь телу своему, доставляя ему всякие утехи, худую сам себе оказал услугу по смерти... ибо подверг осуждению душу свою, как безрассудный (прп. Антоний Великий, 89, 84).

***

Как тело без души мертво, так душа без ума бездейственна (бесплодна) и Бога достоянием своим иметь не может (прп. Антоний Великий, 89, 87).

***

Как медь, брошенная в небрежении и оставленная без должного о ней попечения, повреждается ржавчиною, появляющеюся на ней от долговременного лежания в связках и неупотребления в дело, и чрез то делается недобротною и непотребною, так и душа, в бездействии пребывающая и не заботящаяся о доброй жизни и обращении к Богу, злыми делами своими лишая себя покрова Божия, снедается злом, разрождающимся от такого нерадения в веществе тела, и чрез то является недобротною и негожею ко спасению (прп. Антоний Великий, 89, 90).

***

Самая большая и неисцельная болезнь души и пагуба ее есть богозабвение и тщеславие (прп. Антоний Великий, 89, 92).

***

Четыре добродетели очищают душу: молчаливость, соблюдение заповедей, нищета и смиренномудрие (прп. авва Исаия, 59, 50).

***

Четыре добродетели ограждают душу и избавляют ее от смущения врагов: милосердие, безгневие, долготерпение и забвение обид (прп. авва Исаия, 59, 50).

***

Четыре вещи помрачают душу: ненависть к ближнему, уничижение других, зависть и ропот (прп. авва Исаия, 59, 51).

***

Кто любит душу свою, тот, чтобы не погубить ее, делает дела, свойственные новому человеку (прп. авва Исаия, 59, 51).

***

...Душа, доколе обращается и беседует с Богом, бывает огнем, и пожигает врагов своих, которые обыкновенно утесняют ее, нанося ей вред во время нерадения (прп. авва Исаия, 59, 155).

***

...Душа, имеющая недостаток в какой-либо добродетели, не может переплыть волн страстей (прп. авва Исаия, 59, 157).

***

Горе нам, что мы к болезням и недугам телесным довольно внимательны, к болезням и язвам душевным, самым тягчайшим — бесчувственны.

Горе нам: ибо главнейшая часть человека, душа, покоряется плоти, которая есть оной раба; часть худшая повелевает лучшею, вместо того, чтобы обоим им согласно служить Творцу своему Богу (прп. авва Исаия, 59, 190—191).

***

Украшение тела есть разорение души... (прп. авва Исаия, 89, 350).

***

...Душа похожа на железо, которое, если будет оставлено в небрежении, ржавеет... (прп. авва Исаия, 89, 405).

***

<Душа> сотворена была созерцать Бога и озаряться Им... (свт. Афанасий Великий, 1, 134).

***

...Душа, и не учась, желает свойственного ей и сообразного с ее природою. По сей-то причине для всякого похвально целомудрие, достойна одобрения справедливость, удивительно мужество, вожделенно благоразумие. Сии добродетели душе более свойственны, нежели телу здоровье (свт. Василий Великий, 5, 143).

***

Душа... грешника, живущего по плоти, погрязшего в телесных удовольствиях, валяется в плотских страстях, как в тине. Враг, попирая ее, старается еще более осквернить и, так сказать, погребсти, наступив на падшего и ногами своими втаптывая его в землю, т. е. жизнь поползнувшегося — в тело (свт. Василий Великий, 5, 173).

***

Когда душа не будет раболепствовать мудрованию плоти, но в сознании того, что дано ей от Бога, восприемлет приличные ей величие и достоинство, тогда в ней *глас Господень* (Пс. 28, 4) (свт. Василий Великий, 5, 205).

***

...Если душа нетленна, то нетленны должны быть и душевные дарования (свт. Василий Великий, 5, 261).

***

...На пользу разумной душе даровал Бог все способности, как способность любить, так и способность ненавидеть, чтобы управляемые разумом любили мы добродетель и ненавидели порок (свт. Василий Великий, 5, 284).

***

Душа пуста, которая не имеет в себе ни мудрости, ни разума, не живет по правде, не ходит в истине (свт. Василий Великий, 6, 27).

***

...Душа, оставленная на собственный произвол, как брошенный виноградник без призрения, разрастается в ветви и истощается на ненужное и бесполезное, все явление дел производя только на обольщение народа... (свт. Василий Великий, 6, 164).

***

...Как глаз вне света не может пользоваться способностью зрения, так и душа, носящаяся по сторонам вне понятия о Единородном, не может пользоваться разумением (свт. Василий Великий, 7, 74).

***

...Душа, поползнувшаяся в плотские страсти, губит свойственную ей красоту (свт. Василий Великий, 8, 42).

***

<Душа> не имеет ни цвета, ни вида, не объемлется каким-либо телесным очертанием, но узнается только по действиям (свт. Василий Великий, 8, 42).

***

Телу невозможно жить без дыхания, и душе невозможно существовать, не зная Творца... (свт. Василий Великий, 8, 193).

***

Душа — подобие неба, потому что в ней обитает Господь... (свт. Василий Великий, 9, 49).

***

...Как для плоти необходимо и удаление чуждого, и восполнение недостающего, так и в душе нашей надобно устранять чуждое ей и принимать в нее приличное ее природе... (свт. Василий Великий, 9, 170).

***

...Если в застарелых болезнях выжидаем исцеления долгое время от пособий мучительных и разнородных, то это — знак, что и грехи в душе надобно исправлять трудолюбною молитвою, долговременным покаянием и строгим поведением... (свт. Василий Великий, 9, 170—171).

***

Не все душевные недуги, так же как и телесные, явны не только всякому, но даже и самому страждущему (свт. Василий Великий, 9, 193).

***

...Когда душа, приводя в движение свою мысленную силу, какая естественно вложена в нее сотворившею ее Святою Троицею, желает должного и надлежащего, тогда избегает она нападений тела, предусматривая и обуздывая беспорядочные его движения, блюдет в себе приличную ей тишину, и в безмятежном покое занимается свойственными ей созерцаниями; и сие делает, по возможности, возводя внимательный взор к достопоклоняемой Троице и умозаключая о неприступности Божией славы, по преизбытку ее сияния, о светлости блаженства, о беспредельной премудрости, о постоянстве и неволненности безмятежия, об естестве бесстрастном и неподвижном; ибо с кем ничто

не может случиться нечаянно, потому что в нем, как в сокровищнице, собрано ведение всего настоящего и будущего, кто объемлет всяческая и все держит в руке своей, и кому совершенно ничто не может воспротивиться и противостать, в том и следует быть тишине и непрестанному безмятежию. Ибо внезапные стечения неожиданных происшествий в умах человеческих обыкновенно производят мятежи (свт. Василий Великий, 9, 328).

***

...Душа, соблюдающая мысленную силу свою в трезвении и приличных действованиях, утвердится в... созерцаниях и будет упражнять свой нрав в том, что правильно, справедливо, благопристойно и мирно. А как скоро прекратит размышление и перестанет углубляться в надлежащие созерцания, тогда восставшие телесные страсти, как бесчинные и наглые псы, над которыми нет надсмотрщика, начинают сильно лаять на душу, и каждая страсть усиливается всячески истерзать ее, отделяя себе часть жизненной ее силы. Ибо думаю, что хотя душа одна и та же, сила ее двояка: одна — собственно жизненная сила тела, а другая — сила, созерцающая существующее, которую называем также разумною. Но душа, поелику соединена с телом, естественно, вследствие сего соединения, а не произвольно, сообщает телу силу жизненную. Ибо как солнцу, воссияв, невозможно не освещать того, на что простерло лучи, так невозможно душе не оживлять тела, в котором пребывает. А сила созерцательная приводится в движение по произволению. Поэтому, если душа соделает свою созерцательную и разумную силу всегда бодрственною, как говорит Пророк: *ниже воздремлет храняй тя* (Пс. 120, 3),

то усыпляет телесные страсти двояким образом, т. е. и тем, что бывает занята созерцанием лучшего и сродного, и тем, что, надзирая за безмятежием тела, уцеломудривает и утишает его страсти. Если же, возлюбив леность, оставит созерцательную силу в недеятельности, то телесные страсти, нашедши жизненную силу праздною, и разделив ее между собою, так как никто ими не правит и никто их не останавливает, увлекают душу к своим стремлениям и действованиям. Посему телесные страсти в нас сильны, когда ум бездействен, благопокорны же, когда ум управляет и владеет телом (свт. Василий Великий, 9, 328—329).

***

...Прекрасная вещь — конь, и чем он по природе резвее и горячее, тем лучше; но он требует наездника и управителя, потому что не наделен он рассудком. Если наездник на нем, то он сам попытается воспользоваться природными свойствами. Поэтому, если наездник как должно распорядится стремлениями подъяремного животного, то употребит его с пользою для себя и достигнет предположенной цели, и сам остается в целости, и животное окажется весьма годным в дело. Если же наездник худо правит молодым конем, то конь неоднократно сбивается с большой дороги, попадает на дорогу непроезжую, низринувшись же со стремнины, уносит иногда с собою и самого седока, и нерадение наездника подвергает опасности обоих. Так рассуждай о душе и о теле. Тело получило естественные стремления, которые не бессмысленны, но, без сомнения, на что-нибудь хороши и полезны, но оно не получило на свою долю рассудка, чтобы преимуществом разума почтена была душа. Если душа как

должно управляет стремлениями тела, то и тело спасено, и душа пребывает вне опасностей. Если же вознерадит об управлении и, объятая сном беспечности, перестанет держать тело в узде, то и само оно, как не имеющее рассудка, совращается с прямого пути, и душу ввергает в равные со своими падения, не по собственной негодности, но по нерадению души. Ибо если бы телесные страсти были таковы, что не могла бы укрощать их душа, то по справедливости было бы виновно тело. Но если они стали покорны многим, потщившимся преодолеть их, то тело не может быть обвинено теми, которые стараются очернить его, называя первым виновником порока; достойна же укоризны за нерадение душа, ослабившая власть свою над телом, но также не по самой природе имеющая в себе зло, а поставившая себя во зле чрез оскудение в ней добра... (свт. Василий Великий, 9, 330—331).

***

Душе давай душевные снеди и телу — телесные, а не одно тело свое питай, оставляя душу свою нуждающеюся во всем и голодною.

Не дай душе умереть, но питай ее словом Божиим, псалмами... чтением Божественных Писаний, постом, бдением, молитвами, слезами, надеждою, помышлениями о будущих благах (прп. Ефрем Сирин, 30, 68).

***

...Как тело не может жить, если не вкусит хлеба, так и душа мертва, если не приобщится духовной мудрости (прп. Ефрем Сирин, 30, 68).

***

И невидимая душа по телесным действиям делается видимою, какова она — добра или зла, и хотя по природе добра, но превращается в злую по свободному произволению (прп. Ефрем Сирин, 30, 88).

***

Знак души ленивой — не охотно слушать Писание. А трезвенная душа принимает словеса Божии, как жаждущая земля — дождь (прп. Ефрем Сирин, 30, 169).

***

Бегаешь, возлюбленный, язвящих стрелами тело — бегай лучше язвящих душу (прп. Ефрем Сирин, 30, 180).

***

Устранись от того, что для тебя чуждо, и душа твоя прийдет в безмолвие (прп. Ефрем Сирин, 30, 182).

***

Песчаный камень и неверная душа вскоре рассыплются, а в душе верного рассудок неподвижен (прп. Ефрем Сирин, 30, 198).

***

...Если внешний человек и наряден, но жилище души осквернено, то красота его не замедлит повредиться. А если приобретешь душевную красоту, то из этой красоты и из этого света излиется нечто и на внешнего человека, и

такая красота бывает постоянна (прп. Ефрем Сирин, 30, 203).

***

Лукавая душа, когда льстят ей, превозносится, а когда оскорбляют ее, приходит в неистовство. А добрая душа и лести не радуется, и на оскорбление не негодует (прп. Ефрем Сирин, 30, 203).

***

Если душа твоя будет здравою пред Господом, то из всего извлечешь пользу (прп. Ефрем Сирин, 30, 215).

***

Когда душа здорова, тогда и тело имеет крепость для благих трудов. А если душа потерялась в скверных помыслах, то и тело по необходимости растлится пороком (прп. Ефрем Сирин, 30, 523).

***

Если бы в тебе не было души, то глаз не видел бы, ухо не слышало, гортань не ощущала вкуса, руки не действовали... Все делает душа, но содействует и тело (прп. Ефрем Сирин, 31, 439).

***

...Всякая душа, желающая благоугодить Богу, прежде всего да сохраняет мужественное терпение и упование; в таком случае возможет она противостать всякому восстанию лукавого и скорби (прп. Ефрем Сирин, 31, 524).

***

...<Господь> знает, сколько душа должна подвергаться испытанию и искушению, — столько и попускает, только бы она пребывала терпеливою до конца... (прп. Ефрем Сирин, 31, 524—525).

***

...Боголюбивая душа, подвергаясь многим испытаниям и искушениям и мужественно претерпевая скорби, делается чище и пригоднее к духовному деланию... и наконец удостаивается наследовать небесную область Царствия (прп. Ефрем Сирин, 31, 526).

***

Кто облечет душу добродетелью, тот не будет в опасности, не потерпит и скрытной неправды. Можно приложить старание и о ржавом медном сосуде, но сие подвергает труду и убытку: время, в которое можно было бы сделать что-нибудь для своей выгоды, употреблено будет на исправление от порчи. Так душа приводится в замедление, истребляя в себе страсть, когда могла бы приобрести важнейшее. Если медь оставлена была в нерадении, то медленнее очищается, ржавчина проедает ее, даже после очищения скоро овладевает ею; и в душе, если небрежет о себе в обучении своем добродетели, легко расхищаются добрые ее качества. Медь во время чищения принимает на себя блеск, как одежду, и если вычищена медь, не поврежденная еще ржавчиною, то долго служит в употреблении; в противном же случае наведенный блеск обманчив, потому что сосуд бывает непрочен, и скоро портится, как

сделанный из поврежденной уже меди. И душа, если растленная уже приступает к добродетели, то впадает в смущение, а от смущения в растление. Природа человеческая есть как бы медь и требует большого о ней попечения. Если не хочешь наводить на нее блеск, то позаботься не оставлять смесь сию без всякого призора. Если медь оставишь мокрою, то потерпит она вред; если и природу свою станешь увлаживать, то дашь место растлению (прп. Ефрем Сирин, 32, 250—251).

***

...Если кто спасет душу, то напитает он Бога, а если кто погубит душу, то напитает диавола (прп. Ефрем Сирин, 32, 252).

***

Как спасающие душу совершенны у Бога, так губящие душу совершенны у диавола (прп. Ефрем Сирин, 32, 252).

***

...Когда душа не поработится телу, но его подчинит себе, приемля в себя нетленное семя Божие, тогда и тело, как бы влиянием света, делает причастным нетления, и оно иссыхает к приращению истончания... Самое же приращение истончания, до крайности утончив плоть, одухотворяет ее, и таким образом приходит она в единение с Божественным Духом, плодонося нетление, и усовершаясь к принятию в себя Бога (прп. Ефрем Сирин, 32, 253—254).

***

Если доказано, что душа бессмертна, то явно, что она и нетленна. Но как душа от соединения с увлажненным телом делается плотскою; так и тело при нетлении души в единении с семенем Божиим делается духовным (прп. Ефрем Сирин, 32, 254).

***

Не трать всего времени жизни своей на попечение о теле своем, но когда тело алчет и требует пищи, рассуждай, что и душа имеет нужду в свойственной ей пище, и делается мертвою, как и тело, если оно не примет телесных снедей, потому что человек двойствен, состоит из души и тела (прп. Ефрем Сирин, 32, 366).

***

...Не попускай, чтобы душа умерла от голода, но питай ее словом Божиим, псалмами, пениями и песнями духовными, чтением Священного Писания, постом и бдениями, слезами и милостынею, надеждою и помышлением о благах будущих, вечных и нетленных. Все сие и подобное сему есть пища и жизнь для души... (прп. Ефрем Сирин, 32, 366—367).

***

...Душа трехсоставна, потому что... три в ней силы: помысл, раздражительность и вожделение. Ежели в раздражительности есть любовь и человеколюбие, а в вожделении чистота и целомудрие, то помысл светел. А ежели в раздражительности человеконенавистничество и в вож-

делении распутство, то помысл омрачен. Разум тогда здоров, целомудрен и светел, когда страсти подчинены ему; духовно созерцает он соотношение Божиих тварей и возводится к Святой и Блаженной Троице. Также и раздражительность тогда бывает в естественном движении, когда любит всех человеков, ни на кого из них не сетует и не помнит зла. И вожделение верно природе, когда воздержанием, смиренномудрием, нестяжательностью умертвит страсти, т. е. плотское удовольствие, влечение к корысти и преходящей славе, и обратится к любви Божественной и небесной; потому что вожделение имеет троякое стремление, или к плотским удовольствиям, или к пустой славе, или к прелести богатства; и по причине сего противного разуму влечения, небрежет о Боге и о Божиих заповедях, забывает собственное свое благородство, ожесточается против ближнего, омрачает помысл и не позволяет ему возвести взор к истине. А кто приобрел высший образ мысли, тот еще здесь... предвкушает Царство Небесное, начинает жить блаженной жизнью, ожидая себе блаженства, уготованного любящим Бога... (прп. Ефрем Сирин, 32, 391—392).

***

Как неповрежденный глаз все видит чисто, действительно так определяя, как что есть, и здоровый желудок может с приятностью принимать всякую пищу, — так и чистая душа все видит неукоризненно и чисто, а душа возмущенная, встречая во всем преткновения и имея око, покрытое тьмою греха, и хорошего не может видеть хорошим. Ее молитва, пост и милостыня — мерзость пред Богом (прп. Ефрем Сирин, 32, 399).

***

<Душа>, ты — дщерь света, поэтому бегай тьмы. Того из возлежащих, на котором была нечистая риза, связав, ввергли во тьму, чтобы не бесчестил собою вечери святых (см.: Мф. 22, 11—13). Если одежды твои нечисты, легко тебе омыть их слезами очей своих. Итак, восстань и молитвою очисти одежды свои (прп. Ефрем Сирин, 33, 188).

***

Горе тебе, душа, утратившая Великий образ! До чего дошло унижение твое? Вот, и в хлеб твой вмешаны терния (прп. Ефрем Сирин, 33, 190).

***

Для чего ты, душа, став добычею сатаны, погрязаешь во множестве постыдных дел? Возопи болезненно, и да услышана будет молитва твоя (прп. Ефрем Сирин, 33, 192).

***

По образу Творца твоего сотворена ты; Его подобие и Его образ отпечатлены в тебе: берегись запятнать Божий образ и подвергнуть себя осуждению Царя, Которого образ поругала ты (прп. Ефрем Сирин, 33, 302).

***

Вострепещи, несчастная <душа>, и ужаснись мучений, какие сама себе приуготовила ты. Плачь о себе, сообщница Ангелов, потому что повсюду с тобою пойдет вечный огонь (прп. Ефрем Сирин, 33, 321).

***

Временное имение всякий бережет с предусмотрительностью, а душу — самое дорогое Божие достояние — расхищают и грабят демоны, и никто о том не поболезнует и не поскорбит (прп. Ефрем Сирин, 33, 351).

***

Когда падают стены твоего дома, строишь новые, подводишь, подпираешь; а душа твоя вся в расселинах, и не загородишь ни одной (прп. Ефрем Сирин, 33, 352).

***

Иной не дает пылинке упасть на одежду его, а душа у него то же, что свинья, едва вышедшая из зловонной ямы.

Иные моют и чистят тело свое, чтобы членам своим придать красоту, а на душе у них кучами лежит гной, и нет охоты острогать его (прп. Ефрем Сирин, 33, 352).

***

Душа много любезнее Богу всех созданных Им тварей (прп. Ефрем Сирин, 34, 48).

***

Кто приближается к мертвецу, тот, видя совершаемый над ним плач, сам сокрушается духом и плачет с плачущими. А когда умирает душа от греха, — плач о ней доходит до неба, и Небесные Силы сетуют, скорбит и Сам Бог; посему, кто радуется при этом и не плачет о душе своей, тот подлинно человек погибший, он не знает, что есть у него душа (прп. Ефрем Сирин, 34, 50).

***

Поелику дух твой есть храм, то не допускай в него никакой нечистоты. Не допускай в дом Божий ничего такого, что ненавистно Богу; а напротив, укрась дом Божий всем, что подобает Богу. Если же в духе твоем есть гнев, живет похотливость, привитает раздражительность, то курится там смрадный дым. Изгони из него вражду и ненависть, — воня их отвратительна; введи же в него и водвори любовь, это — фимиам, исполненный благоуханий. Собери и выбрось из него весь сор, т. е. гнусные наклонности и привычки; как цветами усыпь храм твой добрыми делами, вместо роз и лилий укрась его молитвою (прп. Ефрем Сирин, 34, 302—303).

***

...Если душа может видеть и слышать без участия плоти, то для чего она заключена в ней? Если же без нее не имеет жизни, то почему не умирает с телом? Душа не может видеть без тела; это доказывает о ней само тело. Если тело лишено зрения, то с ним вместе слепотствует и ощупью ходит и душа. И тело, и душа имеют нужду друг в друге, и сами свидетельствуют о том...

Если тело немотствует, немотствует с ним вместе и душа, а также и болезнует она, если тело в болезни; и хотя в отдельности от тела и сама по себе душа здрава, однако же принимает участие во всем, что касается до тела. Она подобна младенцу в матернем чреве, который, имея в себе жизнь, не имеет слова... (прп. Ефрем Сирин, 34, 391—392).

...Как тело дороже одежды, так душа дороже тела (прп. Ефрем Сирин, 35, 455).

***

...Когда душой овладевает тяжкий сон, как то: малодушие или печаль, то враг властвует над нею, и чрез нее делает то, чего она не хочет (прп. Ефрем Сирин, 37, 274).

***

...Плоть и дух всего чаще враждуют между собою и противоборствуют друг другу; и как тело бывает в добром состоянии, когда болезнует душа, так душа цветет и простирает взоры горé, когда желание удовольствий утихает и увядает вместе с телом (свт. Григорий Богослов, 12, 309).

***

Душа есть Божие дыхание, и будучи небесною, она терпит смешение с перстным (свт. Григорий Богослов, 15, 240).

***

Есть тебе дело, душа моя! Очищай жизнь такими размышлениями: как Бог правит кормилом вселенной и обращает ее, отчего иное постоянно, а иное скоротечно, особенно же наша жизнь подлежит изворотам? (свт. Григорий Богослов, 16, 19).

***

Есть у тебя дело, душа моя! Что ни терпишь, не изнемогай (свт. Григорий Богослов, 16, 19).

***

Как мог демон отдалить тебя настолько от Христа, уловить твой язык, и слух, и зрение, о несчастная душа? Где ты блуждаешь вне кроткого света, волнуемая желаниями и беспокойными заботами, трепеща одной тени страха, служа обольщениям, иссыхая и истаявая в порывах кипящего гнева? Не предавайся, душа, кружениям парящего ума, но и не забывай своей жизни, когда приближаешься к плоти, к прикровенным и явным плотским недостаткам! Пусть в дольнем мире возмущается все жестокими житейскими бурями; пусть здесь время, как шашками, играет всем: и красотою, и доброю славою, и богатством, и могуществом, и неверным счастьем! А я, крепко держась за Христа, никогда не покину надежды, что увижу сияние воедино сочетаваемой Троицы, когда достояние Великого Бога, теперь смесившееся с плотью, а прежде образ Божий, вступит в единение с небесным (свт. Григорий Богослов, 16, 21—22).

***

Ночное привидение, менада — бедное сердце мое! Ночное привидение, менада, долго ли будешь ты гоняться за удовольствиями, заглядываясь на все тебя окружающее? Ужели не уцеломудришься? Ужели не угасишь огня, который воспламеняет в тебе незаконные пожелания? Ужели не возгнетешь в себе прирожденной тебе разумной силы,

приняв в поборники раздражительную силу? Что сталось с тобою, душа моя? Для чего помышляешь о том, что не соответственно твоему достоинству? Или не знаешь, что тебе одной даны бразды, и что ты должна управлять как бы колесницей, в которую впряжены три коня несходных свойств? Один конь благороден, другой бесчинен, третий кроток. И если ослабишь бразды буйному, он встает на дыбы, упрямится, приводит тебя в затруднение во время пути, кидаясь, сам не зная куда, он присоединяет к себе и среднего коня, убеждает его быть с ним заодно, а коня благородного, как пленника, порабощает и увлекает против воли, хотя он и скорбит о совращении с пути. Но буйный конь, бесчинно, с самым бессмысленным стремлением, неудержимо несясь вниз, как с крутизны, нимало не смотрит вперед, не останавливает своего бега, пока не вринется во врата адовы, погубив и себя, и тебя, несчастная душа! А если бы ты рассуждала сообразно со своею природою, то с радостью бы предоставила весь путь благородному коню, который хорошо знает стезю, ведущую в горнее, ты и среднему коню строго бы внушила, чтобы он показывал свою рьяность, где только должно, и бежал заодно с конем умным, а коня бесчинного стала бы усмирять сильными бодцами, ни на минуту не послабляя узды. Тогда путь твой был бы радостен, добропорядочен, спокоен, беспечален, исполнен надежды. Ибо рассудок, как благородный конь, которому от природы дана сила брать верх, препобеждает и, непрестанно простираясь вперед, бестрепетно устремляя взор горе́, минуя все здешние затруднения, не убавляет скорости своего бега, пока не достигает назначенного Богом жребия, спасая и себя, и тебя, блаженная душа! (свт. Григорий Богослов, 16, 22—23).

***

...Как гадаю сам и как слышу от мудрых, душа есть Божественная некая струя... у нее одно дело, единственно естественное ей — парить горе́, вступать в общение с Богом, непрестанно устремлять взор к сродному, как можно менее порабощаясь немощам тела, ибо тело и само стремится к земле, и душу влечет долу, вводит в это приятное скитание по предметам видимым, в это омрачение чувств, в котором душа, не управляемая разумом, постепенно погружаясь, падает ниже и ниже. Но если владеет ею ум, и часто, как уздою, сдерживает словом, то, возвышаемая им, может быть, вскоре достигнет она священного горнего града, а наконец получит желаемое ею издавна, т. е. прошедши все завесы, все нынешние тени, все здешние гадания, все отражения красоты в зерцалах, непокровенным умом узрит непокровенное благо, каково оно само в себе, и прекратит свое скитание, насыщенная светом, которого желала сподобиться, и возобладав там высочайшею красотою. Ибо Сотворивший все премудрым Словом, чрез сращворение противоположностей Составивший неизреченную гармонию вселенной, и Приведший мир сей из неустройства в устройство, еще большее чудо показал в природе живого существа (свт. Григорий Богослов, 16, 123—124).

***

Душа — природа оживляющая и движущая... <с нею> сращворены разум (λόγος) и ум (νοῦς) (свт. Григорий Богослов, 16, 336).

***

...Всякая душа, неосоленная Святым Духом, непричастная Небесной соли, т. е. Божией силы, загнивает и напол-

няется великим зловонием лукавых помыслов... (прп. Макарий Египетский, 67, 7).

***

...Наша душа, приступая к истинному Архиерею — Христу, должна быть от Него закланною и умереть для своего мудрования и... для греха; и как жизнь оставляет жертву, должно оставить ее лукавство страстей (прп. Макарий Египетский, 67, 7—8).

***

...Душа тому и принадлежит, с кем в общении и единении она своими хотениями. Поэтому... имея в себе Божий свет и в нем живя и украшаясь всякими добродетелями, причастна она свету упокоения... (прп. Макарий Египетский, 67, 9).

***

...Душа не от Божия естества и не от естества лукавой тьмы, но есть тварь умная, исполненная лепоты, великая и чудная, прекрасное подобие и образ Божий, и лукавство темных страстей вошло в нее вследствие преступления (прп. Макарий Египетский, 67, 9).

***

Горе... душе, если останавливается на своей природе и уповает на свои только дела, не имея общения с Божественным Духом; потому что умирает, не сподобившись вечной Божественной жизни (прп. Макарий Египетский, 67, 12).

***

...Душе дана воля отвращать телесные члены и не допускать их до худых зрелищ, до слышания чего-либо лукавого и срамного, до непристойных слов, до занятий мирских и лукавых (прп. Макарий Египетский, 67, 24).

***

...Душа, которая сподобилась с великим вожделением и чаянием, с верою и любовию принять в себя оную силу свыше, небесную любовь Духа, и имеет уже в себе небесный огнь бессмертной жизни, действительно отрешается от всякой мирской любви, освобождается от всяких уз порока (прп. Макарий Египетский, 67, 30).

***

...Жизнь и покой <души> — таинственное и неизреченное общение с Небесным Царем (прп. Макарий Египетский, 67, 31).

***

Как телесные очи видят солнце, так и озаренные Божиим светом видят образ души; но не многие христиане достигают сего видения (прп. Макарий Египетский, 67, 67).

***

Души правдолюбивые и боголюбивые <...> чем более обогащаются духовно, тем паче как бы обнищевают в собственном о себе мнении, по причине ненасытимости духовного желания стремиться к Небесному Жениху... (прп. Макарий Египетский, 67, 79—80).

***

Все разумные сущности, разумею Ангелов, души и демонов, Создатель сотворил чистыми и весьма простыми (прп. Макарий Египетский, 67, 139).

***

...Душа, которая обнажена и лишена общения с Духом и пребывает в страшной нищете греха, прежде причастия Духа, не может, хотя бы и желала, действительно сотворить духовный плод правды (прп. Макарий Египетский, 67, 158).

***

...Душа, хотя изъязвлена язвами постыдных страстей, хотя ослеплена греховной тьмою, однако же имеет волю возопить ко Иисусу и призывать Его, чтобы пришел Он и сотворил душе вечное избавление (прп. Макарий Египетский, 67, 173).

***

...Неблагопотребна для Царствия та душа, которая думает сама собой и своими только силами без Духа преуспеть в совершенной чистоте (прп. Макарий Египетский, 67, 183).

***

Как головне трудно бежать от огня, так душа не иначе, как с великим трудом, избегает огня смерти (прп. Макарий Египетский, 67, 198).

***

...Есть блуд совершаемый телесно, и есть блуд души, вступающей в общение с сатаною (прп. Макарий Египетский, 67, 199).

***

Горе душе, когда не имеет в себе истинного кормчего — Христа, потому что, находясь среди горького моря тьмы, волнуемая бурею страстей и обуреваемая лукавыми духами, доходит, наконец, до погибели.

Горе душе, когда не имеет в себе рачительно возделывающего ее Христа, чтобы могла она принести благие духовные плоды...

Горе душе, когда не обитает в ней Владыка ее Христос, потому что, опустев и исполнившись зловонием страстей, делается она убежищем порока (прп. Макарий Египетский, 67, 222).

***

Ни мудрые своею мудростью, ни разумные своим разумом не могли постигнуть душевной тонкости, или сказать о душе, что она такое, только при содействии Духа Святаго открывается и приобретается понятие и точное ведение о душе (прп. Макарий Египетский, 67, 312).

***

Когда душа взойдет к совершенству Духа, совершенно очистившись от всех страстей, и в неизреченном общении пришедши в единение и срастворение с Духом Утешителем, и срастворяемая Духом, сама сподобится стать духом, тогда делается она вся светом, вся оком, вся духом, вся радостию, вся упокоением, вся радованием, вся любо-

вию, вся милосердием, вся благостию и добротою (прп. Макарий Египетский, 89, 257).

***

Истинная и совершенная душа по естеству одна, умная и невещественная, посредством чувств соединенная с естеством вещественным (свт. Григорий Нисский, 18, 132).

***

...Не должно ни предполагать, будто бы души, как обольщают себя язычники, вращавшиеся во вселенной, обременившись каким-то пороком, по невозможности идти наравне со скоростью движущегося полюса, ниспали на землю; ни утверждать также, будто бы человек создан сперва подобным изваянию из брения, и для сего-то изваяния сотворена душа. Ибо в таком случае умная природа окажется стоящею менее, нежели бренная тварь (свт. Григорий Нисский, 18, 196—197).

***

Здравием для души служит исполнение Божественной воли, равно как и наоборот, отпадение от благой воли есть болезнь души, оканчивающаяся смертью. Посему, так как сделались мы немощными, когда в раю, оставив добрый образ жизни, без меры вкусили яда преслушания, и потому природою нашею возобладала жестокая и смертельная болезнь, то пришел истинный Врач, по закону врачебного искусства исцеляющий зло противоположным ему, и одержимых недугом потому, что отступили от Божией воли, освобождает опять от болезни единением с Божиею волею (свт. Григорий Нисский, 18, 433).

***

...Кто внимателен к себе, и подлинно украшает свое жилище <душу>, чтобы со временем принять в него обитателем Бога, у того есть... вещества, из которых собирает украшение для такого жилища. Знаю я золото, которое блистает в подобных делах, и искапывается из глубины мыслей Писаний; знаю серебро — словеса Божии разжженные, которых светлость, как молния, блещет, осиявая истиною. А под лучами различных камней, которыми украшаются стены такового храма, и под помостом здания, представив в уме различные расположения добродетелей, не погрешишь в приличном сему дому убранстве. Помост пусть будет устлан воздержанием, при котором прах земного разумения не обеспокоит живущего воздержно. Упование небесного пусть озаряет потолок, на который взирая душевным оком, не подобия красоты изображенные резцами увидит, но самый Первообраз красоты, не золотом каким и серебром украшенный, но тем, что гораздо выше золота и драгоценнее камня. Если же надобно словом описать убранство разных частей, то пусть здесь украшают дом нетление и бесстрастие, а там убранством жилищу служат правда и негневливость; на одной стороне сияют смиренномудрие и великодушие, а на другой — ...благочестие пред Богом. Все же это прекрасный художник — любовь — пусть в наилучшем порядке приноровит одно к другому. Пожелаешь ли купелей? Если хочешь, имеешь у себя домашнюю купель и свои водотечи, из которых можно омыть душевные скверны; сим пользовался и великий Давид, по ночам наслаждаясь этою купелью. А столпы, поддерживающие крыльцо души, делай не какие-либо фригийские или порфировые, а, напротив того, постоянство и неподвижность во всем добром да будут для тебя многоценнее этих вещественных прикрас. Подобий же всякого

рода, или живописных, или изваянных, какие людским искусством на обман уготовляются в подражание истине, вовсе не допускает такое жилище, в котором все наполнено изваяниями истины. А вожделевая состязаний в беге и прогулок, имеешь вместо сего упражнение в заповедях. Ибо так говорит Премудрость: ***в путех правды хожду и посреде стезь оправдания живу*** (Притч. 8, 20). Как прекрасно приводить душу в движение и упражнение на сих путях, и в движении прошедшему поприще заповеди снова возвращаться на оное! То есть у исполнившего заповедь в том, к чему прилагается им старание, пусть в другой и третий раз украсятся и преспеяние нрава и благопристойность жизни (свт. Григорий Нисский, 19, 248—250).

***

...Как подошву ноги называем пятою, так у души может быть подошва, которою соприкасается она со сродным ей телом, и тем подлежащему сообщает чувствительную силу и деятельность. Посему, когда прозрительная и зоркая сила души занята чувственным, тогда в пяты ее перемещается естество очей, которыми рассматривает дольнее, оставаясь не видящею высших зрелищ. Но если, познав суетность подлежащего рассмотрению, возводит взор к Главе своей, Которая, как толкует <апостол> Павел, ***есть Христос*** (Еф. 4, 15), то да ублажается за острозрение, имея очи там, где нет помрачения злом. Великий Павел и иные, если подобно ему велики, и все, которые о Христе живут, движутся и существуют, имели очи во главе. Как сущему во свете невозможно видеть тьму, так невозможно и имеющему око во Христе устремлять его на что-либо суетное. Посему, кто имеет очи во главе, глава же, как уразумели мы, — начало всего, тот имеет очи во всякой добродетели (потому что всяческая добродетель есть Хрис-

тос), — в истине, в справедливости, в нетлении и во всяком добре (свт. Григорий Нисский, 19, 278).

***

...Сказано: *если себя самой не ведаешь ты, добрая в женах, то сошла ты со следов стад и пасешь козлов против кущей пастырских* (ср.: Песн. 1, 7), так что смысл, открывающийся в сих речениях: ...душа... будь внимательна к себе. Ибо это надежное хранилище благ. Знай, сколько пред прочею тварью почтена ты Сотворившим: не небо соделано образом Божиим, а также не луна, не солнце, не красота звезд, не иное что видимое в твари — ты одна стала отображением естества, всякий ум превышающего, подобием нетленной красоты, отпечатком истинного Божества, вместилищем блаженной жизни, отражением истинного света, на который взирая, сама будешь тем же, что и Он, уподобляясь сияющему в тебе лучом, отражающимся от твоей чистоты. Нет существа так великого, чтобы могло с тобою помериться величиною; целое небо объемлется Божиею дланию, а земля и море заключаются в горсти руки Божией. Однако же Тот, Кто столько всесилен и всеобъемлющ, Кто всю тварь сжимает в длани, Сам делается всецело вмещаемым в тебе и обитает в тебе, и не устесняется, ходя в твоем естестве, Сказавший: *вселюся в них и похожду* (ср.: 2 Кор. 6, 12, 16). Если на это обратишь внимание, то ни на чем земном не остановишь ока... Даже и небо, по мнению твоему, не будет для тебя чудно. Ибо как тебе, человек, дивиться небесам, когда видишь, что сам ты долговечнее небес? И небеса преходят, а ты во веки пребываешь с Присносущным. Не подивишься широте земли и в беспредельность простирающемуся морю, будучи, подобно вознице, правящему парою коней, постав-

лен начальствовать над сими стихиями, имея их благопокорными и подвластными своему изволению, потому что земля прислуживает тебе жизненными потребностями, и море, как взнузданный какой конь, подставляет тебе хребет, и человека охотно приемлет на себя всадником. Посему, если сама себя познаешь ты, ***добрая в женах***, то презришь весь мир и, всегда имея пред очами невещественное благо, не обратишь внимания на блуждающие по этой жизни следы. Итак, будь всегда внимательна к себе самой, и не станешь блуждать около стада козлов, во время Суда вместо овцы не окажешься козлом, не будешь отлучена от стояния одесную, но услышишь сладостный глас, который руноносным и кротким овцам изречет: ***придите благословенныи Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира*** (ср.: Мф. 25, 34) (свт. Григорий Нисский, 20, 59—61).

***

...Ни душа не существует прежде тела, ни тело не приготовляется прежде души, напротив же того, одновременно появляются в жизни; а также и пищею им по естеству служат чистота, благоухание и все сему подобное, чем плодоносны добродетели... (свт. Григорий Нисский, 20, 208).

***

...<Зеркало>, когда... устроено искусно и сообразно с потребностью, тогда на чистой своей поверхности в точности показывает черты видимого в нем лица; то же произошло и с душою; уготовав себя сообразно с потребностью и отринув от себя всякую вещественную скверну,

отразила она в себе чистый образ ничем не поврежденной Красоты (свт. Григорий Нисский, 20, 381).

***

...Душе, желающей быть невестою Христа, необходимо уподобляться по возможности красоте Христовой (свт. Григорий Нисский, 24, 267).

***

...Заботящийся о жизни и здравии своей души будет держать себя в средине истины, не склоняясь и не приобщаясь ни к одной из противоположных крайностей, лежащих по ту и другую сторону добродетели (свт. Григорий Нисский, 24, 361).

***

Душа тречастна, по словам нашего мудрого учителя (свт. Григория Нисского). Когда добродетель бывает в мыслительной части, тогда называется осмотрительностью, сметливостью и мудростью; когда бывает она в пожелательной части, тогда называется целомудрием, любовью и воздержанием; когда бывает в раздражительной части, тогда называется мужеством и терпением; когда во всей душе — то праведностью. Дело осмотрительности есть воевать с противными нам силами, добродетелям покровительствовать, пороки гнать, вещами средними (безразличными) распоряжаться соответственно времени. Дело сметливости есть все способствующее нашей цели устроять достодолжно; а дело мудрости — созерцать телесные и бестелесные твари по всем отношениям. Дело целомудрия

есть бесстрастно смотреть на вещи, обыкновенно возбуждающие в нас неразумные мечты и желания; дело любви — такою почти являть себя в отношении ко всякому лицу, носящему образ Божий, какою бывает она к Первообразу, хоть демоны покушаются иного унизить пред нами; дело воздержания — с радостью отвергать все услаждающее гортань. Дело терпения и мужества — не бояться врагов и охотно переносить всякие неприятности. Дело праведности — держать все части души в согласии и гармонии между собою (авва Евагрий, 89, 605—606).

***

Есть два мирных состояния души: одно есть следствие оскудения и иссушения естественных соков, а другое бывает по случаю отступления демонов. Первому сопутствуют смиренномудрие с сокрушением сердца, — слезы и безмерное желание Божественного; а за вторым следует тщеславие с гордостью, которое овладевает монахом, по удалении прочих бесов. Кто блюдет пределы первого состояния, тот скорее распознает нападения и козни демонские (авва Евагрий, 89, 586—587).

***

Покаяние и смирение восставляют душу, милостыня же и кротость укрепляют ее (авва Евагрий, 89, 611).

***

Сосуд избран душа чистая, нечистая же исполнится горестей (авва Евагрий, 89, 611).

***

Душа есть субстанция живая, простая, бестелесная, невидимая для телесного зрения, также бессмертная и одаренная умом и разумом (авва Евагрий, 89, 634).

***

Телесную красоту Бог заключил в пределах природы, но красота души, как несравненно лучшая телесного благообразия, свободна от такой необходимости и подчиненности, и вполне зависит от нас и от воли Божией (свт. Иоанн Златоуст, 44, 20).

***

Если красота телесная так поражает и увлекает души многих, то когда она заблистает в душе, что может сравниться с такою красотою и благообразием? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 22).

***

...Если бы возможно было увидеть красоту души телесными очами, ты посмеялся бы над всеми... примерами тел, — так слабо они представляют нам благолепие души! (свт. Иоанн Златоуст, 44, 23).

***

Не только телесные, но и душевные раны, будучи оставлены без внимания, причиняют смерть. Между тем мы дошли до такого безумия, что о первых очень заботимся, а этими пренебрегаем (свт. Иоанн Златоуст, 44, 25).

***

...Смерть телесную сможет уничтожить воскресение, как скоро наступит оно, а погибели души ничто уже не вознаградит, за нею следует уже... необходимость вечно страдать (свт. Иоанн Златоуст, 44, 88).

***

...Пока душа вращается на земле, тело и чувства телесные облагают ее бесчисленными цепями, со всех сторон собирая страшную бурю преходящих удовольствий: и слух, и зрение, и осязание, и обоняние, и язык вносят в нее извне множество зол. Но когда она воспаряет и предается занятию духовными предметами, то заграждает вход греховным мечтаниям, не закрывая чувств, а направляя их деятельность на <духовную> высоту (свт. Иоанн Златоуст, 44, 152).

***

Золото и по природе своей имеет великий блеск; а когда оно получает еще блеск от огня, то зрелище бывает еще величественнее и поразительнее. Если так бывает с веществом, то, когда это произойдет с золотою душою <в огне благодати>, тогда будет зрелище вожделенное не только для людей, но и для Ангелов (свт. Иоанн Златоуст, 44, 289).

***

...Украшающая свою душу имеет любителем красоты ее Бога... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 289).

***

Познание о <душе> Бог сокрыл от нас для того, чтобы сильнее заградить нам уста, удержать нас и заставить оставаться внизу, а не любопытствовать и не исследовать того, что выше нас (свт. Иоанн Златоуст, 44, 539).

***

Как сухая земля, никем не поливаемая, изобилует тернием и волчцами, а возделываемая руками земледельцев цветет, красуется и приносит много плодов, так и душа, орошаемая Божественными вещаниями, цветет, красуется и приносит обильные плоды духа, а оставленная в засухе и пренебрежении и редко получающая такое орошение пустеет, зарастает травою и производит множество терния греховного (свт. Иоанн Златоуст, 44, 614).

***

Душа благоразумная видит, что должно делать, не имея нужды во многих пособиях, а неразумная и бесчувственная, хотя бы имела множество руководителей, предавшись страстям, остается слепою (свт. Иоанн Златоуст, 44, 634).

***

Пусть благоухает душа твоя духовным благовонием, чтобы тебе приносить величайшую пользу и себе самому, и живущим с тобою (свт. Иоанн Златоуст, 44, 790).

***

Ничего так не принимает и не любит Бог, как душу кроткую, смиренномудрую и благодарную (свт. Иоанн Златоуст, 45, 339).

***

Как чувственный огонь, приняв мягкую глину, делает ее твердою черепицею, так точно и огонь Духа, объяв благомыслящую душу, хотя бы нашел ее мягче глины, делает ее тверже железа, и того, кто незадолго был осквернен нечистотою греховною, вдруг являет светлейшим солнца (свт. Иоанн Златоуст, 45, 515).

***

Смерть души — нечестие и беззаконная жизнь. Следовательно, и жизнь души — служение Богу и приличные тому нравы; нравы же святые и приличествующие служению Богу образует и удивительным образом сберегает в наших душах молитва (свт. Иоанн Златоуст, 45, 832).

***

...Душу, не укрепленную молитвами, диавол легко порабощает себе и без труда заражает всякого рода грехом (свт. Иоанн Златоуст, 45, 838).

***

Свойство великой и благородной души — любомудрствование среди самого разгара бедствий (свт. Иоанн Златоуст, 45, 943).

***

...Ничто так не показывает и не обличает души скотоподобной и неразумной, как пренебрежение к слову Божию (свт. Иоанн Златоуст, 46, 101).

***

...Душа, не пользующаяся духовным учением, покрывается великою нечистотою грехов (свт. Иоанн Златоуст, 46, 138).

***

...Когда у нас душа терзается внутренними страстями, нет пользы ни от внешней власти, ни от царского седалища... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 171).

***

Душе благородной и боголюбивой свойственно терпеть скорби и злострадать, но мужественно переносить искушение и благодарить Того, Кто попускает скорби, это — знак величайшего мужества, это свойственно душе бодрственной и освободившейся от всего человеческого (свт. Иоанн Златоуст, 46, 301).

***

<Красота душевная> приобретается добродетелью и благочестием (свт. Иоанн Златоуст, 46, 310).

***

...Тела безобразного и изувеченного невозможно исправить, а душу мерзкую и безобразную можно сделать блестящею и прекрасною. От благообразия тела не может быть никакой выгоды, а от красоты души может произойти столько благ, сколько свойственно приобретать тому, кого любит Бог (свт. Иоанн Златоуст, 46, 310).

***

Когда душа подлинно будет объята божественным влечением и любовью, то она не обращается ни к чему настоящему... неистовствуя некоторым прекраснейшим и духовнейшим неистовством, происходящим от целомудрия, презирая все видимое (свт. Иоанн Златоуст, 46, 326).

***

...Что такое красота душевная? Целомудрие, скромность, милосердие, любовь, дружелюбие, доброжелательство, повиновение Богу, исполнение закона, правда, сокрушение сердца. Это — красоты души. Они — не от природы, а от воли (свт. Иоанн Златоуст, 46, 429).

***

Как тело, изнуренное постом, нуждается в некотором отдыхе, чтобы могло потом с живою ревностью опять выступить на подвиги поста, так и душа требует отдохновения и успокоения. Не всегда нужно напрягать ее, не всегда и послаблять ей; но иногда делать одно, а иногда другое, и таким образом управлять и состоянием души, и вожделениями плоти (свт. Иоанн Златоуст, 47, 84).

***

Если мы не будем... устроять себя и прилагать... попечения о своей душе, то не будет нам никакой пользы от поста и неядения, особенно когда окажемся хуже и тех, которые прилагают такое старание о собирании денег (свт. Иоанн Златоуст, 47, 86).

***

...Представляя благородство нашей души, не будем делать ничего, недостойного ее, не будем осквернять ее непристойными делами, порабощая ее плоти... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 100).

***

Чрез... существо <души> мы, облеченные плотью, если захотим, можем при содействии Божией благодати соревновать бестелесным Силам и, находясь на земле, жить и действовать как бы на небе, и достигнуть не меньшего сравнительно с ними, а, может быть, в чем-либо и большего (свт. Иоанн Златоуст, 47, 100).

***

...Некоторые неразумные... говорят, что души происходят из существа Божия, другие, напротив, утверждают, что они превращаются даже в сущность самых низких бессловесных. Что может быть хуже такого безумия? Так как ум их омрачился и они не познали истинного смысла Писания, то и несутся, как потерявшие духовное око, в противоположные друг другу пропасти, одни возносят душу выше того, чего она заслуживает, а другие низводят ниже надлежащего (свт. Иоанн Златоуст, 47, 103).

***

...<При творении> прежде созидается тело <человека> из персти, а потом дается ему жизненная сила, которая и составляет существо души (свт. Иоанн Златоуст, 47, 104).

***

Как неизлечимые раны не поддаются ни острым, ни смягчающим лекарствам, так и душа, раз сделавшись пленницею и предавшись какому-нибудь греху, если не хочет сама подумать о собственной пользе, не исправляется, сколько бы кто ни внушал ей; она, как будто бы совсем не имея слуха, не получает от увещания никакой пользы, не потому, что не может, но потому, что не хочет (свт. Иоанн Златоуст, 47, 167).

***

...Не из двух ли состоим естеств мы, т. е. из души и тела? Почему же неодинаковое прилагаем попечение о той и о другом, но телу всячески стараемся служить... весьма заботимся о нем и... употребляем все средства к отвращению неприятностей? Такова заботливость о теле, которое ниже по существу своему: ...посмотри, как ничтожным становится тело, когда оставляет его душа. ...Почему так мало печешься о душе и не хочешь ни давать ей свойственную ей пищу, т. е. наставление из Божественного Писания, ни прилагать полезных лекарств к ее ранам и язвам, которые разрушают ее силу и ослабляют бодрость, напротив, оставляешь ее в небрежении, когда она и истаивает от голода, и от язв истлевает, и служит добычею, как бы псам, злым и нечистым помыслам, которые терзают ее и сокрушают всю ее крепость? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 198).

***

Милостыня и щедрость к бедным — вот прекраснейшее одеяние души, вот светлая одежда ее. А если хочешь не

только доставить ей одеяние, но и украсить ее... то присоедини пособие, состоящее в молитве и исповедании грехов, и не переставай омывать лицо ее непрерывными слезами (свт. Иоанн Златоуст, 47, 199).

***

...Как телу ты доставляешь различные одежды... так не попускай и душе ходить нагою без добрых дел, одень и ее приличною одеждою... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 199).

***

...(Слезною) водою смывая с себя нечистоту, душа становится все светлее (свт. Иоанн Златоуст, 47, 199).

***

Господь устроил члены (нашего тела) так, чтобы они были полезны нам к деланию добра, а управление ими предоставил бестелесному существу, т. е. душе (свт. Иоанн Златоуст, 47, 205).

***

...Когда душа устремляет мысли свои к Богу, то уже не может обольщаться видом предметов чувственных... созерцает предметы, невидимые для телесных глаз... но постоянно пребывающие, неизменные и непоколебимые (свт. Иоанн Златоуст, 47, 290).

***

...Совершенство души — не прилепляться к настоящему, напротив, презирать его и постоянно помышлять о будущем (свт. Иоанн Златоуст, 47, 432).

***

...Совершенство души составляет собственно то, что делается по свободному произволению, т. е. когда сама душа избирает добро и убегает зла (свт. Иоанн Златоуст, 47, 432).

***

Такова испорченность души: она помрачает разум и человека, однажды совратившегося с прямого пути, низвергает в бездну (свт. Иоанн Златоуст, 47, 444).

***

...Недуги души нам еще удобнее уврачевать, чем болезни тела, если только мы захотим быть воздержными и бодрствовать (свт. Иоанн Златоуст, 47, 461).

***

Таково... свойство души пламенной и бодрственной: не только никакими препятствиями не удерживается она от обнаружения своей добродетели, но напротив, чем больше препятствий, тем сильнее она возбуждается и тем больший зажигает в себе пламень ревности (свт. Иоанн Златоуст, 47, 477).

***

...Особенно... свойственно душе благодарной и любомудрой, чтобы благодарить Бога и в скорбных обстоятельствах, прославлять Его за все — не только за благодеяния, но и за наказания (свт. Иоанн Златоуст, 48, 109).

***

...Ничто не придает душе столько силы, как свобода от забот, и ничто столько не делает ее слабою, как бремя забот (свт. Иоанн Златоуст, 48, 297).

***

...Когда душа в хорошем состоянии, то все прочее придет само собою; а когда она не в хорошем состоянии, то всякое другое благоденствие не принесет нам никакой пользы (свт. Иоанн Златоуст, 48, 340).

***

Как же ты можешь соблюдать чистоту <души>? Если станешь отвергать всякий порочный помысл, если сделаешь область своих мыслей недоступною для диавольских внушений, если будешь постоянно украшать свою душу как неприступное святилище (свт. Иоанн Златоуст, 48, 427).

***

...Признак благородной души... — при <невыносимых бедствиях>... не прибегать к человеческой помощи и не искать ее в смертных суждениях, но обращать взоры к небу, призывать Вездесущего Бога и не предаваться унынию, смущению и беспокойству (свт. Иоанн Златоуст, 48, 471—472).

***

...Знак нечестивой и развратной души — когда прилагают старание, совещание и усилия к совершению зла (свт. Иоанн Златоуст, 48, 473).

***

...Красота души остается бессмертной и незапятнанной, и тогда именно является в полном расцвете, когда умолкают страсти и для ума настает спокойствие (свт. Иоанн Златоуст, 48, 639).

***

Душа <в человеке> занимает середину: с одной стороны, тело склоняет ее к удовольствиям, с другой — дух влечет к Богу, побуждая благословлять Его, т. е. проповедовать Его и прославлять всегда (свт. Иоанн Златоуст, 48, 732).

***

...Душой пустой в собственном смысле можно назвать ту душу... которая лишена духовной пищи (свт. Иоанн Златоуст, 48, 772).

***

Как живописцы, смешивая краски, начертывают изображения, какие хотят, так точно и движения телесных членов выводят наружу свойства души и представляют их нашим глазам (свт. Иоанн Златоуст, 49, 52).

***

Нет иной более суровой пустыни, как бездеятельные, невозделанные души, ставшие обиталищем зверей; подобно тому, как в пустынях обитают звери и произрастают терния, так и в душах людей (свт. Иоанн Златоуст, 49, 194).

***

В людях... нет никакого различия между духом и душою, но эти два названия обозначают одно и то же, как тело и плоть... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 247).

***

...Немощи тела исцеляются искусством врачей, а больную душу немедленно излечивают Христовы изречения (свт. Иоанн Златоуст, 49, 593).

***

...Жизнь настоящая ничем не лучше темницы. Подобно тому, как, входя в темничный дом, мы видим всех обремененных оковами, так и теперь, если, устранив весь внешний блеск, войдем в жизнь каждого, то увидим, что душа каждого обложена узами тяжелее железных, а особенно если взойдем в души богатых (свт. Иоанн Златоуст, 50, 147).

***

...Не столько тогда открывается мужественная и твердая душа, когда кто-либо без падений пробегает путь... сколько тогда, когда кто-либо, после бесчисленных венцов, многих трофеев и побед, претерпевая крайний урон, опять может вступить на прежние пути (свт. Иоанн Златоуст, 50, 303).

***

Как здравие тела доставляет великую радость, так и благосостояние души приносит еще большее удовольствие (свт. Иоанн Златоуст, 50, 334).

***

...В ком бесстыдна душа, у того и самый вид отвратительнее вида всякого зверя; напротив, стыдливая душа и самый вид делает кротким и любезным (свт. Иоанн Златоуст, 50, 383).

***

Как нечистота и грязь заграждают слух телесный, так любострастные песни, рассказы о делах житейских... более всякой нечистоты заграждают слух душевный, и не только заграждают, но еще делают его нечистым (свт. Иоанн Златоуст, 50, 410).

***

...Ничто так не воскрыляет и не возносит горе́ душу, как приобретение правды и добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 50, 419).

***

Хотя бы ты владел и целым миром, хотя бы был царем вселенной — однако и всю вселенную отдавши, и на всю вселенную не купишь ни одной души (свт. Иоанн Златоуст, 50, 566).

***

Вот добродетели, очищающие душу: правда, человеколюбие, истина! Человеколюбие побуждает нас прощать другим, и не дает нам быть чрезмерно жестокими к согрешающим и непреклонными к прощению (а таким образом мы приобретаем двоякую пользу: и делаемся человеколюбивы, и сами за то снискиваем великое человеколюбие Бога...), и располагает нас соболезновать страждущим и

оказывать им помощь. А истина не допускает нас обманывать и лукавить (свт. Иоанн Златоуст, 50, 738).

***

Нельзя быть богатым тому, кто не обогащает душу; равно как нельзя быть нищим тому, кто не беден душою (свт. Иоанн Златоуст, 50, 808).

***

Когда <душа> очищена и не имеет в себе никакой возмутительной страсти, тогда она зорко видит то, на что ей взирать должно. Когда же она, будучи помрачена страстями, погубит свою доблесть, тогда неспособна делается ни к чему высокому, скоро утомляется и падает, склоняется ко сну и лености, опускает из виду то, что могло бы способствовать ей к добродетели и жизни добродетельной, и не обращается к ней с ревностью (свт. Иоанн Златоуст, 51, 19).

***

...Если мы настроим душу так, чтобы она все легко переносила, то не будет для нас ни бури, ни потопления, а будет всегда благоприятная тишина (свт. Иоанн Златоуст, 51, 23).

***

...Дело <Божиего> человеколюбия, что Он, не нуждаясь Сам ни в ком из нас, принимает за воздаяние Себе, когда мы печемся о собственной своей душе (свт. Иоанн Златоуст, 51, 76).

***

<Господь> не желает против воли <души> и насильно делать ее непорочною и добродетельною, да это не было бы и добродетелью... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 80).

***

Важно здравие телесное, но гораздо важнее здравие душевное, и тем важнее, чем душа превосходнее тела... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 80).

***

...Назидание души чем более умножается, тем более крепкою делает душу, принимающую его (свт. Иоанн Златоуст, 51, 123).

***

Украшение тела есть и у блудниц, и они нередко одеваются в самые многоценные и блестящие одежды; но украшение души есть только у людей добродетельных (свт. Иоанн Златоуст, 51, 177).

***

...Мы для того и имеем бессмертную душу, чтобы вполне приготовиться к той жизни (свт. Иоанн Златоуст, 51, 205).

***

Нам только одно нужно — добродетель души. Она в состоянии будет спасти нас и избавить от вечного огня. Она введет нас в Царство Небесное... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 327).

***

Каким... образом *любяй душу свою погубит ее* (Ин. 12, 25)? Когда кто исполняет ее неуместные пожелания, когда кто угождает ей больше, чем должно (свт. Иоанн Златоуст, 51, 449).

***

Кто прилепляется к настоящему, как к чему-то великому, у того душа низкая (свт. Иоанн Златоуст, 51, 474).

***

От невежества душа делается робкою и боязливою, точно так же, как от знания небесных догматов — великою и возвышенною (свт. Иоанн Златоуст, 51, 505).

***

Слепа... душа, которая не видит чудесного в вере, слепа та душа, которая не зрит будущего века, слепа та душа, которая, видя Тело Христово, не усматривает Его Божества (свт. Иоанн Златоуст, 51, 755).

***

Откройте, прошу, душевные очи, и я покажу вам душевную наготу. Что такое одежда души? Ясно, что — добродетель. А что нагота? Порок (свт. Иоанн Златоуст, 52, 242).

***

Не будем же нерадеть о душе своей, подавляемой телом, но соделаем взор ее более светлым, крылья ее — более легкими, узы — более сносными; будем питать ее

беседами, при воздержной жизни, так чтобы тело было только здраво и крепко, чтобы она радовалась и не скорбела, чтобы, таким образом благоустроив себя, мы могли достигнуть высшей степени добродетели... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 257).

***

Никто не заботится, чтобы душа была добра, тогда как при доброте души нет никакой нужды в <земных> благах, а без нее нет никакой пользы и от них. Как для невесты, хотя бы ее брачный чертог был убран золотыми покровами, хотя бы окружали ее сонмы благовиднейших и прекрасных женщин, розы и венцы, хотя бы и жених был прекрасен, и служанки и подруги и все были благовидны, нет от того никакой пользы, если она сама крайне безобразна; если же она прекрасна, то и без всего этого нет для нее никакого вреда, а напротив (польза), потому что безобразная при этом будет казаться еще безобразней, а прекрасная без этого будет еще прекраснее, — так точно и душа, если она добра, не только в этом не нуждается, но даже помрачает этим свою красоту (свт. Иоанн Златоуст, 52, 311—312).

***

Душа по природе своей имеет нужду в движении и не терпит спокойствия. Бог сотворил ее существом деятельным, и потому деятельность свойственна ее природе, а бездействие — противно... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 318).

***

Душа, чуждая скорби, волнуется, мятется, надмевается; напротив, душа, чуждая удовольствий и ничем не рас-

слабляемая, вся сосредоточивается в самой себе и не надмевается; эта бывает мужественною, а та... — легкомысленною (свт. Иоанн Златоуст, 52, 373).

***

...Если <душа> предана роскоши и удовольствиям, то легко склоняется на грех; она близка и к гордости, и невоздержанию, и тщеславию, и зависти, и коварству, и клевете (свт. Иоанн Златоуст, 52, 376).

***

Железо, когда лежит, ржавеет, а когда находится в деле, то бывает блестящим, так и душа, — когда она действует; а к действию возбуждают ее несчастья. И способности погибают, если душа остается без действия, а действует она тогда, когда не все готово к ее услугам... Душа... если бы все нам удавалось, была бы бесчувственна (свт. Иоанн Златоуст, 52, 471).

***

...Когда <душа> здорова и крепка, тогда все для нее легко, все удобно; делаясь возвышенною и легкою, она более и более устремляется горе́ и достигает высоты (свт. Иоанн Златоуст, 52, 478).

***

Человек гораздо лучше неба, и может стяжать душу превосходнее красоты небесной (свт. Иоанн Златоуст, 52, 729).

Основанием тела является душа, с удалением которой, как бы с уничтожением основания, разрушается жилище, в котором мы обитаем (свт. Иоанн Златоуст, 52, 974).

***

Ничто не может сравниться с душою, даже целый мир. Хотя бы ты раздал бедным бесчисленные богатства, ты не сделаешь столько, сколько обративший одну душу (свт. Иоанн Златоуст, 53, 28).

***

Если бы можно было обнажить души, то как между воинами после поражения видны то мертвые, то раненые, такое (зрелище) мы увидели бы и в церкви (свт. Иоанн Златоуст, 53, 229).

***

...Душа, если не имеет ничего здравого, если, например, смотрит на золото не как на золото, но как на нечто великое и важное, если нимало не помышляет о будущем, но пресмыкается долу и делает то, чего не надлежало бы ей делать, — такая душа хотя бы и казалась живою, она умерла (свт. Иоанн Златоуст, 53, 528).

***

Когда в душе нет страха Божия и попечения о своем спасении, то она необходимо делается <мертвою> и еще хуже всякого трупа. Душа не превращается, подобно телу, в гнилую жидкость, в грязь и в прах, но, — что еще отвратительнее, — в пьянство, в злобу, любостяжание, в

гнусную любовь, в преступные пожелания (свт. Иоанн Златоуст, 53, 529).

***

Подобно тому как земля, если остается незасеянной и ненасажденной, сама собою производит траву, так и душа, когда не занимается необходимыми для нее делами, как стремящаяся по природе своей непрестанно к деятельности, по необходимости предается злым делам (свт. Иоанн Златоуст, 53, 544).

***

...Когда зло приписывается плоти, а добро — духу, то душе нет уже места. Но это совершенно не так, потому что воздержание страстей есть дело души и ей принадлежит; и если она, находясь посреди добродетели и порока, употребляет тело на должное, то и его делает духовным, а если удаляется от духа и предается злым пожеланиям, то и сама становится более земною (свт. Иоанн Златоуст, 53, 806).

***

Так как наши души так же зависимы от <Бога>, как члены (от духа), то Его промышление и раздаяние даров, сообразно с мерою того или другого члена, производят возращение каждого (свт. Иоанн Златоуст, 54, 100).

***

Наша душа есть как бы какой сосуд или корзина, в которой могут помещаться рои духовных дарований, но если она наполнена желчью, горечью и гневом, то эти рои отлетают от нее прочь (свт. Иоанн Златоуст, 54, 129).

***

Прекрасно, если душа трезвенна, — ее нельзя увлечь; а рассеянной кто не увлечет? Она будет обманута сама собой, и не нужно ей будет козней и нападений диавола (свт. Иоанн Златоуст, 54, 146).

***

Как тело тогда умирает, когда душа оставляет его лишенным своей силы, так и душа тогда умерщвляется, когда Дух Святый оставляет ее без Своей силы (свт. Иоанн Златоуст, 54, 152).

***

Целомудрие и правда — вот красота души, а мужество и благоразумие — это здоровье для нее (свт. Иоанн Златоуст, 54, 216).

***

Тело у нас тленно, а душа нетленна. Как бы нам и ее не подвергнуть тлению? Первородный грех сделал это (возможным). Он даже после крещения может растлить душу и сделать ее добычею неумирающих червей. Но, с другой стороны, (черви) не могут и прикоснуться к душе, когда найдут ее нетленною. Адаманта, например, червь не грызет, да если б и стал грызть, ничего бы не сделал. Смотри же, не растлевай души твоей — ведь что тлеет, то полно зловония (свт. Иоанн Златоуст, 54, 217).

***

...Всякое постыдное слово, всякая соблазнительная песнь расслабляет сердце и растлевает самую душу (свт. Иоанн Златоуст, 54, 569).

***

Разговор о приятных предметах не приносит ни малейшей пользы для нашей души, напротив, соделывает ее более немощною... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 584).

***

Душа наша подобна воску. Если будешь вести холодные речи, то сделаешь ее твердою и жесткою, а если пламенные, то умягчишь ее. А умягчивши, можешь дать ей такой вид, какой будет тебе угодно, и начертать на ней Царский Образ (свт. Иоанн Златоуст, 54, 586).

***

...Когда душа предается предметам плотским, тогда притупляется ее проницательность... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 630).

***

...Когда душа нечиста, она все считает нечистым (свт. Иоанн Златоуст, 54, 858).

***

...Душа человека, лежащая в лености, рождает терние прегрешений, а пользующаяся попечениями приносит красующийся плод добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 55, 302).

***

Бог все дал нашей природе в двойном числе: два глаза, два уха, две руки, две ноги, чтобы, если повредится один член, мы облегчали недостаток его чрез другой; но душу

Он дал нам одну, и если мы погубим ее, то с чем будем жить? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 535).

***

О, дивное дело! Как все пристращены к настоящим делам, а о будущих никогда и не подумают; непрестанно спешат к телесным удовольствиям, а душе предоставляют томиться голодом; получая ежедневно тысячи ран, никогда даже и не замечают того бедственного положения, в котором они находятся, и старательно заботясь о теле, на несчастную душу, загрязненную и обремененную тысячами зол, не обращают и внимания! (свт. Иоанн Златоуст, 55, 536).

***

...Размышляя о бесчисленных благах, данных (человеческому) роду, я не нахожу высшего блага, чем красота души, — ничего другого, более соответствующего природе человека (свт. Иоанн Златоуст, 55, 990).

***

Душа, себе не внемлющая, неизбежно бывает бесплодна на благие и совершенные помышления, подобно бесплодному мулу, потому что и в ней нет разумения духовной мудрости (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 193).

***

Души после разлучения с этим телом бывают не праздны, не остаются без всякого чувства <...> в душах не только продолжается прежнее разумение, но и наслаж-

даются они воздаянием, согласно с качеством своих дел и заслуг... души умерших не только не лишаются своих чувств, но не теряют и расположений своих, т. е. надежды и страха, радости и скорби, и нечто из того, чего ожидают себе на Всеобщем Суде, они начинают уже предвкушать, вопреки мнению некоторых неверных, будто после исхода из этой жизни они разрешаются в ничто; они еще живее становятся и ревностнее прилепляются к прославлению Бога. И действительно, если, рассмотрев свидетельства Священного Писания о природе самой души по мере нашего смысла, несколько порассудим, то не будет ли, не говорю, крайнею глупостью, но безумием — хоть слегка подозревать, что драгоценнейшая часть человека (т. е. душа), в которой, по блаженному Апостолу, заключается образ Божий и подобие (см.: 1 Кор. 11, 7; Кол. 3, 10), по отложении этой дебелости телесной, в которой она находится в настоящей жизни, будто становится бесчувственною — та, которая, содержа в себе всякую силу разума, своим причастием даже немое и бесчувственное вещество плоти делает чувствительным? Отсюда следует, и свойство самого разума требует того, чтобы дух по сложении этой плотской дебелости, которою ныне ослабляется, свои разумные силы привел в лучшее состояние, восстановил их более чистыми и более тонкими, а не лишился их (прп. авва Моисей, 56, 178—179).

***

Красота и безобразие души зависит от свойства добродетелей и пороков. Из них извлекается как бы некоторая краска, от которой душа или делается такою светлою и прекрасною, что удостоивается слышать от Пророка: *и возжелает царь доброты твоея* (Пс. 44, 12), — или такою мрачною, отвратительною и безобразною, что сама

невольно исповедует свое безобразие и зловоние, говоря: *возсмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего* (Пс. 37, 6). И Господь говорит к ней: *чесо ради несть исцелена рана дщере людей моих* (Иер. 8, 22). Итак, вот собственно наше богатство, имеющее навсегда неразлучно пребыть с душою нашею, которого никакой царь даровать нам, и никакой враг отнять у нас не силен. Вот собственно наше богатство, которого самая смерть не отторгнет от души... (прп. авва Пафнутий, 56, 212).

***

...<Душа>, жившая хорошо, войдет в Воскресение Жизни, а жившая худо пойдет в огонь вечный, которого убоявшись, позаботься о том, чтобы оказаться неповинным и не осужденным на мучение (прп. Исидор Пелусиот, 60, 159).

***

...Душа, когда за постоянство нравов ограждена будет силою свыше, легко преодолеет врагов, а когда согрешит, будет и здесь объята огнем страстей, и там мучима огнем суда (прп. Исидор Пелусиот, 61, 93).

***

Думать, что душа сотлеет вместе с телом, — весьма смешно и неразумно, это показывает в тебе человека подлинно плотского, который хотел бы после здешней жизни не существовать... Посему пристыдить тебя должны и философы, и пииты, и риторы, и историки, все учившие бессмертию души, о которых тебе, если ты и несведущ, как невежда во всем, следовало бы узнать, по крайней мере, от учившихся; пристыдит тебя и этот непререкаемый до-

вод: та сущность, которая восприемлет на себя тело, всегда текучее и тлеющее, связует смертное и непостоянное, подъемлет падающее, сообщает питательность тому, что рассевается, и растительность тому, что увядает, конечно, и оставшись сама с собою, не может лишиться собственной своей силы, которая поддерживала и сохраняла даже тело. Но если не пристыдят тебя языческие мудрецы, не убедит и это необходимое умозаключение, так как погряз ты в великой и превосходящей всякое извинение злобе, то прочтем тебе Божественное изречение, в котором ясно проповедуется бессмертие души. Что же гласит оно? *Не убойтеся от убивающих тело, души же не могущих убити* (Мф. 10, 28). Итак, по преизбытку совершенных тобою худых дел... не слагай для себя нечестивых учений, но веруя, что душа бессмертна и терпит наказание нередко и здесь, несомненно же там, как не забывший о сем наказании, хотя и поздно, освободись от лукавства (прп. Исидор Пелусиот, 61, 263—265).

***

Как тело живет, когда в нем душа; так и душа живет, когда в ней Божий Дух. И как по разлучении с душою тело остается мертвым; так и по отшествии Святаго Духа душа утратит блаженную жизнь, не в ничто разрешившись, но продолжая жить жизнью, которая хуже всякой смерти (прп. Исидор Пелусиот, 61, 279).

***

Признаем мы, что душа божественна и бессмертна, однако же не единосущна с Пребожественным и Царственным естеством, и не часть сего Божественного, Творческого и Присносущного естества. Ибо если бы она была

частью оного неизреченного естества, то не грешила бы, не была бы судима. Если же терпит это, то по справедливости должны мы верить, что она — творение, а не часть высочайшей Сущности; иначе окажется, что Божеское естество судит Само Себя (прп. Исидор Пелусиот, 62, 29).

***

Воскресение души, умерщвленной грехами, совершается здесь, когда возрождается она в жизнь делами правды. Под умерщвлением же души разуметь должно делание худого, а не уничтожение в небытие (прп. Исидор Пелусиот, 62, 250).

***

...Душа не ощутима взору (потому что невидима), но телу сообщает крепость и силу; по отшествии ее тело не только остается мертвым, но и разрушается (прп. Исидор Пелусиот, 62, 266).

***

Природа связана необходимостью и законами, а произволение почтено свободою и властью. Потому для чего, украшая тело, нерадишь о душе? Если придумаешь тысячи ухищрений, гнусного тела не сделаешь благообразным. А душу, если захочешь... возведешь на самую высоту лепоты. И первое, если бы и возможно было, бесполезно и ненавистно, а последнее полезно, не возбуждает ненависти, выше зависти (прп. Исидор Пелусиот, 62, 422).

***

Поелику могущественна и непобедима лепота души, когда осиявает она соразмерностью добродетелей, напро-

тив того, несносным и зверообразным делается вид души, когда приемлет она на себя срамоту порока, то постараемся приобрести первую, а сгладить последнюю (прп. Исидор Пелусиот, 62, 467).

***

Болезнь... душевная есть уклонение от правого помысла, когда душа препобеждена болезнетворными страстями (прп. Нил Синайский, 72, 67).

***

В какой мере нечиста жизнь, в такой же и душа делается скотскою... (прп. Нил Синайский, 72, 249).

***

Прежде нежели обнажены будут душевные струпы, уврачуем их, чтобы сими врачевствами и наказания обратить нам в свою пользу (прп. Нил Синайский, 72, 252).

***

<Душа> вожделенна Богу паче, нежели тьмы миров с богатствами их (прп. Зосима, 91, 136).

***

Душа, не освободившись от мирских забот, ни Бога не возлюбит искренно, ни диаволом не возмерзит, как достойно (блж. Диадох, 91, 19—20).

***

Душе чистой свойственны слово независтное, рвение незлобивое и рачение о славе Господа непрестающее (блж. Диадох, 91, 20).

***

Когда душа придет в познание себя самой, тогда она и из себя самой износит теплоту некую и стыдение боголюбивое... (блж. Диадох, 91, 51).

***

...Душа, когда приемлет воздействие от веяний Истинного и Святаго Духа, тогда вся бывает вне бесовского омрачения, а когда сильно обвевается духом прелести, тогда вся покрывается облаками греха. Итак, надлежит нам всегда свое стремление всеусильно обращать к очистительному и животворному веянию Духа Святаго, т. е. к тому Духу, Которого пророк Иезекииль во свете ведения видел грядущим с Севера (см.: Иез. 1, 4), чтобы всегда чистою пребывала наипаче созерцательная часть души нашей, и мы сподоблялись нелестно входить в Божественные видения, в воздухе света зря то, что во свете. Это и есть свет истинного ведения (блж. Диадох, 91, 52—53).

***

Огнь желания высших благ и святого богомыслия о словесах Духа да горит непрестанно на жертвеннике души твоей (прп. Иоанн Карпафский, 91, 109).

***

...Удаление души от мира и безмолвие ее естественно побуждают ее к познанию Божиих тварей, а от сего возносится она к Богу, в удивлении изумевает и пребывает с Богом (прп. Исаак Сирин, 58, 24).

***

...По природе душа бесстрастна (прп. Исаак Сирин, 58, 25).

***

...Душа веселится при веселии тела, приемлет в себя и скорби его (прп. Исаак Сирин, 58, 26).

***

Душа, когда оказывается сообразною с естеством, пребывает горé, а когда оказывается вне своего естества, является долу на земле; когда же бывает горé, оказывается бесстрастною, а когда естество низойдет от свойственного ему чина, тогда открываются в нем страсти (прп. Исаак Сирин, 58, 26).

***

Естественное состояние души есть ведение Божиих тварей, чувственных и мысленных (прп. Исаак Сирин, 58, 26).

***

...Если добродетель естественным образом есть здравие души, то недугом души будут уже страсти, нечто случайное,

прившедшее в естество души, и выводящее ее из собственного здравия (прп. Исаак Сирин, 58, 28).

***

...Когда душа возвысится над попечением о теле, тогда вся всецело цветет духом в движениях своих и среди неба носится в непостижимом (прп. Исаак Сирин, 58, 30).

***

Душа доброго сияет паче солнца и ежечасно возвеселяется видением Божественных откровений (прп. Исаак Сирин, 58, 45).

***

...Кто оставил все и заботится о благоустройстве души своей, тот друг Божий (прп. Исаак Сирин, 58, 63).

***

Чистота души есть первоначальное дарование естества нашего. Без чистоты от страстей душа не врачуется от духовных недугов и не приобретает славы, утраченной преступлением (прп. Исаак Сирин, 58, 242).

***

Удерживайся от многого, и заботься об одной душе своей, чтобы спасти ее от расточения внутренней тишины (прп. Исаак Сирин, 58, 279).

***

Всегдашнее занятие писаниями святых исполняет душу непостижимым удивлением и божественным веселием (прп. Исаак Сирин, 58, 338).

***

Очищение души есть освобождение от тайных страстей, возникающих в уме (прп. Исаак Сирин, 58, 389).

***

...Омрачение души происходит от беспорядочности в житии (прп. Исаак Сирин, 58, 401).

***

Душа корыстная лишается премудрости, а душа милосердная умудрена будет Духом (прп. Исаак Сирин, 58, 401).

***

Покой и праздность — гибель душе, и больше демонов могут повредить ей (прп. Исаак Сирин, 58, 403).

***

...Кто вредит душе, тот содействует и помогает демонам, а кто приносит ей пользу, тот помогает святым Ангелам (прп. авва Дорофей, 29, 85).

***

Есть три устроения (души) в человеке: он или действует по страсти, или сопротивляется ей, или искореняет

ее. Действует по страсти тот, кто приводит ее в исполнение, удовлетворяет ей. Сопротивляется ей тот, кто не действует по ней и не отсекает ее, но любомудрствуя (в греч.: борясь), как бы минует страсть, однако имеет ее в себе. А искореняет страсть тот, кто подвизается и делает противное страсти. Но эти три устроения имеют великую обширность (прп. авва Дорофей, 29, 119).

***

Так бывает и с душою: иной согрешает немного, а сколько времени проводит он потом, проливая кровь свою, пока исправит себя! Но в телесных болезнях находим мы различные причины: или что врач неискусен и дает одно лекарство вместо другого, или что больной ведет себя беспорядочно и не исполняет предписаний врача. В отношении же души бывает иначе. Мы не можем сказать, что врач, будучи неискусен, не дал надлежащего лекарства. Ибо врач душ есть Христос, Который все знает и против каждой страсти подает приличное врачевство: так, против тщеславия дал Он заповеди о смиренномудрии, против сластолюбия — заповеди о воздержании, против сребролюбия — заповеди о милостыне, и, одним словом, каждая страсть имеет врачевством соответствующую ей заповедь. Итак, нельзя сказать, что Врач неискусен, а также и что лекарства стары и потому не действуют, ибо заповеди Христовы никогда не ветшают, но чем более их исполняют, тем более они обновляются. Поэтому ничто не препятствует здравию душевному, кроме бесчиния души (прп. авва Дорофей, 29, 124).

***

...Страстная душа всегда мучится, несчастная, своим злым навыком, имея всегда горькое воспоминание и томи-

тельное впечатление от страстей, которые беспрестанно жгут и опаляют ее. И сверх сего, кто может, братья, вообразить страшные оные места, мучимые в оных тела, которые служат душам только для усиления страданий, а сами не истлевают, тот страшный огонь и тьму, тех безжалостных слуг мучителей и другие бесчисленные томления, о которых часто говорится в Божественном Писании и которые соразмеряются злым делам душ и их злым воспоминаниям? (прп. авва Дорофей, 29, 138—139).

***

...Когда кто потрудится очистить <душу> от всех... страстей и постарается (приобрести) все добродетели, то он должен всегда прибегать к милости Божией и к покрову Божию, чтобы не быть ему оставленным и не погибнуть (прп. авва Дорофей, 29, 145).

***

...Душа, когда перестанет исполнять грехи на самом деле и перейдет мысленное море, сперва должна потрудиться в подвигах и многих скорбях, и так через скорби войти в святой покой... (прп. авва Дорофей, 29, 155).

***

При бесчувствии души... полезно частое чтение Божественного Писания и умилительных слов богоносных отцев, памятование о Страшном Суде Божием, об исходе души из тела и о имеющих ее встретить страшных силах, с (соучастием) которых она делала зло в сей маловременной и бедственной жизни. Также (полезно) вспоминать о том, что мы должны будем предстать пред Страшным и Пра-

ведным судилищем Христовым, и не только в делах, но и в словах, и в помышлениях дать ответ пред Богом, пред всеми Ангелами Его, и вообще пред всем созданием (прп. авва Дорофей, 29, 204).

***

...Для падшей души нет иного утешения при исходе из тела, кроме трудов поста и слез (покаяния) (прп. Иоанн Лествичник, 57, 84).

***

Да не будет душа твоя рвом, который иногда источает животворную воду смирения, а иногда иссыхает от зноя славы и возношения, но да будет она источником бесстрастия, всегда изводящим из себя реку нищеты (прп. Иоанн Лествичник, 57, 165).

***

...Душа, которая иногда плачет, иногда смеется, иногда наслаждается, никакой не может получить пользы (прп. Иоанн Лествичник, 57, 213).

***

...Весь мир не стоит одной души, потому что мир преходит, а душа нетленна и пребывает вовеки (прп. Иоанн Лествичник, 57, 267).

***

Душа, чистотою соединившаяся с Богом, для научения своего не имеет нужды в слове других... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 270).

***

Как дело Божие управлять миром, так дело души править телом (авва Фалассий, 91, 315).

***

Свет души — ведение, которого будучи лишен неразумный во тьме ходит (авва Фалассий, 91, 316).

***

Для души разумной пагубно оставлять Создавшего ее и раболепствовать телу (авва Фалассий, 91, 320).

***

Здравие душ — бесстрастие и ведение, и улучить его невозможно тому, кто порабощен плотским сластям (авва Фалассий, 91, 320).

***

Попечение о душе — злострадание (подвиги самоумерщвления) и смирение, ради коих Бог прощает все грехи (авва Фалассий, 91, 324).

***

Ожесточенная душа, и когда бичуют ее, не чувствует, и к благодетелю никакого чувства восприять не может (авва Фалассий, 91, 324).

***

Страстные души суть мысленные запады, ибо в таковых зашло солнце правды (авва Фалассий, 91, 325).

***

Как по естеству душа животворит тело, так душу — добродетель и ведение (авва Фалассий, 91, 335).

***

Душа благоумно движется, когда ее сила вожделевательная окачествована воздержанием, раздражительная ревнует о любви, отвращаясь от ненависти, мысленная пребывает в Боге, молитвою и духовным созерцанием (прп. Максим Исповедник, 91, 216).

***

Хранит душу свою неосквернённою тот, кто ум свой понуждает помышлять о едином Боге и Его совершенствах... (прп. Максим Исповедник, 91, 248).

***

Душа... по настроению своему, бывает или воском, как боголюбивая, или грязью, как вещественолюбивая (прп. Максим Исповедник, 91, 248).

***

Душа никогда не может простереться к познанию Бога, если Сам Бог, по благоснисхождению к ней, не коснется ее и не возведет ее к Себе (прп. Максим Исповедник, 91, 251).

***

Изможение тела есть укрепление души (прп. Максим Исповедник, 91, 268).

***

...Никакой нам не будет пользы от мира мирского, когда душа наша худа по своему настроению, восстает против своего Творца и не хочет быть под Его царскою властью... (прп. Максим Исповедник, 91, 271).

***

Как поновляете вы поля, так и землю души вашей очищайте от терний мысленных огнем страха Божия и мечом истины (прп. Феодор Студит, 92, 39).

***

Для возделания души всякое время удобно... нужно только одно произволение и всеусердное желание... (прп. Феодор Студит, 92, 349).

***

...Что сладостнее, и что блаженнее, как иметь душу чистою и ум не ураненным страстями? (прп. Феодор Студит, 92, 553).

***

...Пагубное смущение души <бывает>, когда <ум> упражняется в греховных замыслах (прп. Феодор Студит, 92, 586).

***

Как драгоценное миро, хотя заключено бывает в сосуде, но, намастив благоуханием воздух жилища, не только близко к нему, но и вдали от него стоящих исполняет

приятным ощущением; так и благоухание добродетельной и боголюбивой души, всеми чувствами телесными будучи издаваемо, всем видящим сие показывает внутрь сокрытую добродетель. Ибо кто, видя, что язык не произносит ничего неуместного и неблагопристойного, а все такое, что полезно для слышащих, что глаза смотрят скромно, слух не принимает никаких неподобающих мелодий и речений, ноги ступают благообразно, лицо не искажается смехом, а скорее указывает на готовые излиться слезы и плач — кто, видя все сие, не познает, какое обильное благоухание добродетелей заложено внутри? (свт. Феодор Едесский, 91, 340—341).

***

<Разумная душа> целомудрием бесстрастно смотрит на вещи... воздержанием отсекает всякую сласть, мужеством и терпением вооружается против невидимых браней. Такова благозвучная гармония органа душевного (свт. Феодор Едесский, 91, 352).

***

Делание души есть воздержание с простотою и простота воздержно действующая... (прп. Илия Екдик, 91, 467).

***

Тело без души совершенно не может действовать, так и душа без Духа Твоего не может ни двигаться, ни соблюдать заповеди Твои, Спаситель, ни видеть Тебя не может, ни предстоять Тебе, ни разумно воспевать славу Твою, о Боже мой! (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 242).

***

Растление души есть уклонение на распутия от прямого и правого мудрования, именно то, что растлилось правое мудрование и стало развращенным, воспохотствовав всего злого. Ибо когда правые помыслы развращаются, тотчас, как терния и волчцы, прорастают в душе семена зла. Таким-то образом, как в мертвом теле распложаются черви, так в душе оной, лишившейся Божественной благодати, будто черви расплодились — зависть, лукавство, ложь, ненависть, вражда, брань, злопамятство, клевета, гнев, ярость, печаль, месть, гордыня, спесь, тщеславие, немилостивость, лихоимство, хищение, неправда, неразумная похоть, шепотничество, пересуды, завистования, спорливость, поношения, осмеяния, славолюбие, клятвопреступничество, клятьбы <проклятия>, богозабвение, дерзость, бесстыдство и всякое другое зло, Богу ненавистное; так что человек перестал уже быть по образу и подобию Божию, как создан вначале, а начал быть по образу и подобию диавола, от которого всякое зло (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 45).

***

...Через общение, восприятие и причастие Богочеловека Иисуса душа опять оживляется и восприемлет первоначальное свое нетление силою и благодатию Святаго Духа, приемлемого чрез общение с Иисусом, и проявляет признаки новой, полученной ею жизни тем, что начинает служить Богу в преподобии и правде пред очами Его, а не людей... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 47).

***

Как, когда живо тело, явны бывают в нем действия души, так, когда жива душа, явны бывают в ней действия

Святаго Духа, как то: благость, вера, кротость, воздержание (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 47).

***

Что болезнь в теле, то грех в душе. Когда тело заболит, больной ни о чем уже другом не заботится, ни о богатстве, ни о славе, ни об утехах, а все об одном уврачевании тела и восстановлении здоровья. Так и когда душа болит грехом, надлежит всю заботу обращать не на другое что, ни на богатство, ни на славу, ни на удовольствия, а на одно уврачевание болезни душевной и возвращение душе здравия (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 63).

***

...Как при врачевании тела, на восстановление здравия в нем действуют не буквы, коими прописывается врачевство, а сила прописанных веществ, так и в отношении к врачеванию души, оздоровление ее и спасительное на нее воздействие совершается не буквами Божественного Писания, а силою Христа, Который прописан в Писании (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 67).

***

...Здравие души есть не жаждать никакого греха и ничего из того, чего жаждет мир... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 146).

***

Душа, как умная сила, единична и проста и не сложена из разных частей, чтоб могла страдать вследствие какой-либо недолжной перемены в них, <тогда> как тело,

сложенное из четырех стихий, по необходимости страдает от излишества или оскудения какой-либо из них сверх меры. Простая и несложная душа не может подобным образом заболеть и страдать. Как же заболевает она и страдает? От изменения ее помыслов и стремлений, когда, будучи умною силою, устремляется она к бессловесным пожеланиям и неразумному гневу. Это же от чего бывает? Это бывает от стороннего влияния. Есть иные мысленные силы — демоны, которые мысленно приближаются к душе и искушают ее, возмущая ее естественные движения, ибо она всегда находится в движении, будучи по естеству приснодвижна. Так, когда душа хочет зреть право, демоны наводят некий мысленный мрак и мешают ей зреть право и непогрешительно, но призраки и фантазии принимать за истину. Так же возмущают они и пожелания, обращая их на недолжное чрез прельщение призрачными благами. Так совершилось первое падение, так и теперь грешат и заблуждаются люди (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 220).

***

...Душа человеческая, яко сила — единая между видимым невидимая, между телесным — мысленная, начиная быть здесь, не престает здесь, но преходит инуды, как бессмертная. Пока она находится в теле сем, посредством тела видит и познает вещественное, но коль скоро отделится она от тела, в тот самый час отделяется она и от сношения со всем вещественным, перестает видеть то и помышлять о том, а вступает в соотношения с невидимым и мысленным, и тем занята бывает. И если она сияет светом заповедей Христовых, то вступает в беспредельный свет Всеблагого Божества и начинает вкушать великую и нескончаемую радость; если же окружена мраком прегре-

шений, то отходит — увы мне! — в нескончаемый мрак, растворенный со жгущим огнем (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 242—243).

***

Воскресение души есть соединение ее с Жизнью, которая есть Христос. Как тело мертвое, если не восприимет в себя живой души и не сольется с нею некиим образом неслиянно, не бывает и не именуется живым и жить не может, так и душа не может жить сама по себе, если не соединится неизреченным соединением и не сочетается неслиянно с Богом, Который воистину есть Жизнь Вечная. И тогда только, как соединится она с Богом и таким образом воскреснет силою Христовою, удостоится она узреть мысленно и таинственно-домостроительное Воскресение Христово (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 256).

***

Будем всему отдавать подобающее: телу дадим пищи столько, чтобы живо было, и достаточное одеяние; душе же отдадим всю силу и все усердие, чтобы питать ее и очищать размышлением о Божественных вещах, молитвою и слезами и чтением Божественных Писаний, и таким образом сделать достойною восприять Божественный свет Солнца Правды, Бога, Который и оправдает нас благодатию Святаго Духа, и единением с Собою соделает праведными, достойными насладиться неизреченными благами Царства Его (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 291).

***

...Как сад без посеянного семени не дает никаких полезных зелий, кроме одних терний и диких трав, и семя,

не будучи посеяно, не прорастает и не приносит плода, но остается одно, как есть: совершенно таким же образом и наши души, если не примут в себя Божественного семени, пребывают бесплодными, исполненными терний, т. е. грехов... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 469).

***

...Тот, кто просвещается Духом Святым, обновляющим всяческая, стяжавает новые очи и новые уши, и не смотрит уже просто, как человек, на чувственное чувственно, но, как ставший выше человека, смотрит на чувственное и телесное духовно, как на образ вещей невидимых, и слушает он не глас или гласы человеков, но единое живое слово Бога, хотя оно изрекается посредством слова человеческого. Такая душа приемлет через слух только живое слово Бога, как знаемое ей и желанное, и ему только позволяет войти внутрь себя, и когда оно войдет в нее, лобызает его с радостью... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 133).

***

Поелику... душа находится во всем теле и не оставляет без себя ни одной части, то необходимо следует, что волею души и управляется вся сия плоть, нераздельная с душой и не могущая жить без души... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 386).

***

Когда... три силы души: разумная, раздражительная и желательная — от простоты единого и единственного блага обратятся к рассмотрению и различению злых и добрых вещей, сущих здесь в мире, тогда и желание, и мысль, и

чувство нераздельно устремляются к тому, что противно воле Божией. Ибо тогда раздражительная сила движется только к этим и среди этих вещей (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 411).

***

Когда душа успокоится от постоянного докучания страстных помыслов и мучительное жжение плоти увянет, тогда ведай, что внутрь совершилось наитие Святаго Духа на нас, возвещающее об оставлении прежних грехов и о даровании нам бесстрастия. Пока же она воню сих помыслов чрез частое их докучание ощущает, и пока подчревие плоти ее возжигается, дотоле ведай, что далеко от нее благоухание Духа, и что она вся держится в неразрешимых узах страстей и чувств (прп. Никита Стифат, 93, 106).

***

Как добродетелей порождение в душе имеет начало, так и страстей. Но те обыкновенно по естеству рождает она, а эти в противность естеству (прп. Григорий Синаит, 93, 197).

***

...Душа каждого из нас подобна лампаде, как елей — имея делание добра, как фитиль — любовь, на котором почивает, как свет — благодать Божественного Духа. Когда же недостает этого елея, т. е. доброделания, то присущая душе, как фитиль, любовь по необходимости иссякает... свет Божественной благодати и отеческого попечения отлетает, потому что добродетель и любовь, бежа оттуда, уносят с собой и эти дарования; и когда Бог отвращает

лицо Свое, тогда наступает полное смятение... (свт. Григорий Палама, 26, 17—18).

***

...Всякий предающийся услаждениям расслаблен душой, лежит на одре сладострастия с соответствующей сему расслабленной разнузданности тела. Но когда, убежденный евангельскими увещаниями, покаявшись, он восторжествует над своими грехами и над порожденной ими расслабленностью души, тогда он бывает приносим ко Господу сими четырьмя: презрением к себе, исповедью согрешений, обещанием на будущее воздерживаться от зла и молитвой к Богу. Но они не могут приступить к Богу, если только не раскроют крышу, разметав черепицы, глину и иной материал. Кровлей же в нас является мыслительная часть души, как все в нас покрывающая; заключает же она в себе как бы многочисленный нагроможденный материал, имеющий отношение к страстям и к земному. И вот, когда это состояние станет расцеплено и уничтожено сими вышереченными четырьмя, тогда действительно мы сможем быть спущенными, т. е. истинно смириться и припасть и приступить ко Господу, и просить и получить от Него исцеление (свт. Григорий Палама, 26, 101).

***

...Душа есть нечто единое, имеющее много сил, почему она вся оскверняется, в какую бы из сущих в ней сил не вкралось зло, потому что они все состоят в общении с сею единою, по единству души (свт. Григорий Палама, 93, 326).

***

...Как отделение души от тела есть смерть тела, так отделение Бога от души есть смерть души (свт. Григорий Палама, 93, 255).

***

...Как смерть души есть настоящая смерть, так и жизнь души есть настоящая жизнь. Жизнь же души есть единение с Богом, как жизнь тела — единение его с душой (свт. Григорий Палама, 93, 256).

***

И вот настоящая смерть: когда душа разъединяется с Божественною благодатию и сочетавается со грехом (свт. Григорий Палама, 93, 256).

***

...Уходит Христос из души — и мрак страстей объемлет ее, и мысленные звери растерзывают ее (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 166).

***

Ты, <душа>, лицом к лицу с дерзновением наслаждалась божественных бесед своего Создателя; в эту славу старайся опять войти боголепными нравами истинного благоверия (прп. Максим Грек, 68, 2).

***

...Красота разумной души заключается в теплом усердии к Богу... Все прочее, что есть прекрасного на земле,

все это — гной и ложь, вполне суетно и мимоходяще (прп. Максим Грек, 68, 5).

***

На страдания и на подвиги назначена ты, <душа наша>, Вышним, чтобы бороться против невидимых врагов, и тебе уготованы честь или наказание, смотря по тому, будешь ли мужественно вести борьбу или терпеть поражения (прп. Максим Грек, 68, 5).

***

Разожги себя всю <душа> Божественным огнем Параклита и принеси себя Живому Богу в живую и чистую жертву (прп. Максим Грек, 68, 11).

***

Обращая взор свой на солнце, помысли, что душа твоя более, чем оно, светла и прекрасна, если состоит в благодати Творца своего; а если нет, то она мрачнее и мерзостнее самой преисподней тьмы (прп. Никодим Святогорец, 70, 93).

***

Одежду души составляют преимущественно нравственно-религиозные расположения и чувства, укорененные в ней, а не одни дела (прп. Никодим Святогорец, 70, 145).

***

Душа человека стяжавает качества, соответственные своей деятельности (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 89).

***

Смерть души бедственнее смерти тела: умершее воскреснет... <а> душа, умерщвленная злом — жертва вечной смерти. Душу может убить одна мысль, содержащая в себе какой-нибудь вид богохульства... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 117).

***

...Душа, облеченная в тело, закрытая и отделенная им от мира духов, постепенно образует себя изучением закона Божия, или, что то же, изучением христианства, и стяжавает способность различать добро от зла (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 13).

***

...Недуги души, ее расстройство, насилие над нею страстей суть естественные последствия... повреждения естества грехом... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 415).

***

...Душа составляет низшую сторону тамошней внутренней жизни, а высшую составляет дух, иже от Бога, богоподобная, равноангельская сила — которая и составляет характеристическую черту человека (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 98).

***

Обычно мы говорим: душа-душа. А по существу дела следовало бы говорить: душа-дух или дух-душа. Принимая слово душа — яко *дух-душа*, я никак не скажу, что она

одного происхождения с душою животных, ибо дух от Бога, а принимая ее отдельно от духа, говорю так. Когда Бог творил человека, то образовал прежде тело из персти. Это тело что было? Глиняная тетерька или живое тело? — Оно было живое тело, — было животное в образе человека с душою животною. Потом Бог вдунул в него Дух Свой, — и из животного стал человек — Ангел в образе человека. Как тогда было, так и теперь происходят люди. Души отраждаются от родителей или влагаются путем естественного рождения, а дух вдыхается Богом, Который везде есть. — И не понимаю, чем тут смущаться?! Да вы, когда говорите, что человек есть животное, мясо ли одно разумеете или всю животную жизнь? — Конечно, всю животную жизнь, и с душою животною. А прибавляя к сему: *разумное*, — что означаете? То, что хотя человек то же, с одной стороны, что животное с душою животною; но с другой — он несравненно выше животного, ибо имеет разум — νοῦς — что совершенно соответствует слову *дух*. Сказать: животное разумное есть то же, что сказать: животное одуховленное (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 98).

***

...Душа — существо духовное — не есть проявление другой какой силы, как радуга, а есть самостоятельная, особная личность, свободно-разумная, нормальное состояние которой есть жизнь в общении с Богом, почтившим ее в сотворении образом Своим (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 160).

***

Что главное у человека, тело или душа? — Душа главное. Когда душа жива, и человек жив. А когда умирают,

что умирает, душа или тело? Тело, а душа остается жива (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 199).

***

...Естество души и Ангела не может быть вещественно. Но иное дело естество, иное — образ бытия. Кто не хочет принимать душу без оболочки, тот пусть допускает сию оболочку, но мимо естества души, которое должно быть духовно. Допустив оболочку — тонкую, эфирную, получит форму и останется доволен (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 4).

***

Питается... <душа> тем, что чрез внимание пройдет в сердце и его займет... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 173).

***

...Пребывание души с Господом или посещение Господом души, в чем все существо внутреннего делания, не от нас зависит. Господь посещает душу, она и бывает с Ним, и играет пред Ним, и согревается Им. Как отойдет Господь, душа пустеет, и совсем не в ее власти воротить к себе Посетителя душ. Но отходит Господь, пытая душу, а бывает, что отходит наказывая, не за внешние дела, а за что-нибудь душою внутри принятое. Когда отходит Господь, пытая душу, то, когда она закричит, Он скоро ворочается. А когда отходит наказывая, то не скоро, пока не осознает душа греха, и не раскается, и не оплачет, и епитимии не понесет (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 185).

***

Душа, дура, все ко Господу спиной оборачивается, то вертится пред Ним бесчинно, внимания на Него не обращая. Ведь это очень невежливо. Возьмите же в руки сию сударыню невежду и приучите ее законам вежливости... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 41).

***

Перемены в духе — наша общая участь. Терпеть надо, предавая участь свою в руки Божии. Об одном да будет забота, чтоб всегда с Господом быть. Во всех случаях прямо к Нему обращаться, Ему открывайте тяготы души своей, и молитесь, да избавит, аще волит (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 140).

***

...Без памяти Божией, без страха Божия, без чувства к Богу сделать душу довольною нельзя (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 173).

***

Можно думать (и я так думаю), что душа и Ангел — духовны по естеству, но облечены тонким эфирным телом, а чтобы они по естеству были тело, так думать нельзя (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 187).

***

Мысль, что когда кто живо представится и стоит пред оком ума, то это значит, что он просит помолиться, есть истинная мысль... И так делать хорошо... Есть общение

душ, и душа душе весть подает (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 76).

***

Бывает и здесь на земле проявление сочувствия душ, по коему душа душе, по поговорке, весть подает. Подобные сему взаимодействия можно допустить и у живых с умершими, или с отшедшими. В письмах о том, «Что есть духовная жизнь», указывается всемирная стихия — эфир. По ней действия душ одной на другую могут проходить, как электрический ток по телеграфной проволоке. Препарат телеграфный тут есть сердце... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 99).

***

...Ангелы и души имеют по творению тонкую оболочку, или тело, посредством коего состоят в общении с телесным вещественным миром (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 255).

***

Душа не от тела имеет бытие, а получает его вместе с телом, — и для того, чтобы жить с телом. А смерть придет разлучить их. И дивно, как душа будет жить без тела, привыкши с телом жить. Разлучение души с телом есть наказание, и оно должно быть чувствительно. Святые, по причине тесного общения с Господом, или мало, или совсем не ощущают сего неудобства (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 5).

***

...У животных есть иное, похожее на действия нашей души, а у нас иное, похожее на действия животных...

У животных есть душа, но животная. А у человека душа человеческая, высшая, как и сам человек. Животным свой чин, а человеку — свой. Творения Божии так расположены, что всякий высший класс совмещает в себе силы низших классов, и кроме их имеет свои силы, его классу присвоенные и его характеризующие. В мире, или его составе, надо различать, кроме стихий, еще систему сил, расположенных лестницей — от низших к высшим идущей. Низшая сила есть та, которая действует в мертвой природе, и которой высшие изделия суть явления химических сочетаний и кристаллизаций (например, снежинки-разводы на окнах зимой и подобное). Выше этой стоит сила растительная, которая в своей власти держит и кристаллизующую силу и силу химических сочетаний. Выше растительной силы стоит — животная, которая в своей власти держит и растительную силу, и кристаллизующую, и силу химических сочетаний. Выше животно-душевной силы — сила человеческого естества, которое содержит все силы низшие его в своей власти, и ими действует.

Что же дивного, что в нас есть нечто схожее с животными. Есть схожее и с растениями: ибо питание и ращение тела есть растительное дело; но что же из этого вывесть? Ничего нельзя, кроме — что всякому свой чин.

В человеке надо различать душу и дух. Дух содержит чувство Божества — совесть и ничем неудовлетворимость. Он есть та сила, которая вдохнута в лицо человека при сотворении. Душа — низшая сила, или часть той силы, назначенная на ведение дел земной жизни. Она такого же чина, как и душа животных, но возвышена, ради сочетания с нею духа. Дух из Бога, сочетавшись с душою животных, возвел ее на степень души человеческой. И стал человек двояк. Одно тянет его горé, другое — долу. Когда человек в своем чине держится, то он живет духом, т. е.

страхом Божиим водится, и совести слушает, и горнего ищет. А когда он поддается влечениям души дольней, то выходит из своего чина, — и то, чего хочет дух, думает достать среди тварей. Этого ему не удается, и он томится, и крушится. Дух тут, как пленник в узах, находится в услужении у варваров, страстей похотных. Сам он не удовлетворяется, и страсти делает неудовлетворимыми, сообщая им безграничный разлив. От чего животные потребности у животных все в своей мере, а у человека, когда он предается чувственности, чувственные потребности предела и меры не имеют? Эту безмерность сообщает им дух, попавшийся в плен к ним; а дух сею безмерностию чает затушить свою жажду Бесконечного, по образу Коего создан, и в Коем едином благо его (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 212—213).

***

Смиренная душа всегда светла. Омрачение души начинается, когда она станет много о себе думать, ибо это дело темных сил (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 57).

****

Брат спросил старца: «Имя спасает или дело?» Говорит ему старец: «Дело. Знаю я, что однажды молился брат и пришел ему такой помысл, что пожелал он видеть души грешника и праведника, разлучающиеся с телом. Бог же не восхотел огорчить в его желании. Пошел этот брат в один город. Когда же он сидел вне города у монастыря, в этом монастыре был болен некий великий по имени отшельник и ожидал своего часа. И видит брат большой запас свечей и лампад, приготовленных для него, и весь город плачет о нем потому, что Бог как бы только ради его

молитв давал всем хлеб и воду, и будто весь город спасал ради него. «Если же случится с ним что-нибудь, все мы, — говорили граждане, — умрем».

Когда же настал час смерти, то наблюдающий брат увидел адский тартар с огненным трезубцем и услышал голос: «Так как душа его не утешила Меня ни одного часа, и ты ее не милуй, владей его душой, ибо не получит покоя вовеки». И тот, к кому относилось это повеление, опустил огненный трезубец в сердце подвижника, долго мучил его и исхитил его душу.

После этого вошел брат в город, плача. Вдруг видит брата-странника на площади. Он лежал больной, и не было никого, кто бы позаботился о нем, и пробыл брат возле него весь день. Во время его успения брат видел Архангелов Михаила и Гавриила, пришедших за его душой. Один сел с правой стороны, другой — с левой, звали его душу, желая взять ее. Когда же она не хотела оставить тело, Михаил сказал Гавриилу: «Восхить ее, и пойдем». Отвечает же ему Гавриил: «Повелено нам от нашего Владыки взять ее безболезненно, поэтому не можем принуждать ее». Возгласил же Михаил голосом великим: «Господи, что изволишь о душе этой, поскольку не хочет она выходить?» Пришел же к нему голос, говорящий: «Посылаю Давида с гуслями и всех поющих, чтобы она, услышав сладкопение их голосов, вышла с радостью, чтобы не принуждать ее». И когда сошлись все и окружили душу, и воспели песни, душа пришла на руки Михаила, и вознесена была с радостью» (98, 420—422).

***

Святой Иоанн Молчальник возымел желание видеть, как разлучается душа от тела, и, когда просил об этом

Бога, был восхищен умом во святой Вифлеем и увидел на паперти церкви умирающего странника. После кончины странника Ангелы приняли его душу и с песнопениями и благоуханием вознесли на небо. Тогда святой Иоанн захотел наяву, своими глазами увидеть, что это действительно так. Он пришел в святой Вифлеем и убедился, что в тот самый час действительно преставился этот человек. Облобызав его святые останки, он положил их в честной гроб и возвратился в свою келью (108, 17).

Е

ЕПИСКОП

Почитающий епископа почтен Богом; делающий что-нибудь без ведома епископа, служит диаволу (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 305).

***

Где будет епископ, там должен быть и народ, так же, как где Иисус Христос, там и Кафолическая Церковь (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 305).

***

Без епископа никто не делай ничего, относящегося до Церкви (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 305).

***

...Управлять служителями — подлинная сеть пагубы. Жестоких владык они всегда ненавидят, а богобоязненных бесстыдно попирают; к злым неснисходительны, добрым неблагопокорны, но на тех и на других дышат нера-

зумным гневом. А сверх того надобно заботиться об имуществе, всегда иметь на плечах кесарево бремя, переносить сильные угрозы сборщика податей; потому что подать, возрастая с имением, унижает для людей цену самой свободы, а на устах лежат узы. Надобно проводить время среди волнений многолюдного собрания, близ высоких седалищ, с которых решаются людские распри, надобно выслушивать громкие возражения противника, или по закону терпеть скорби в запутанных сетях. Вот бремя, вот труд! А злые берут преимущество пред добрыми; блюстители законов могут быть куплены той или другой стороной. И если злой имеет у себя больше достатка, то он и лучший. Кто же с такими людьми, без помощи Божией, избежит множества лжей и хитросплетений? Ибо необходимо или опрометью бежать и оставить все злым, или очернять свое сердце, подобно как приближающийся к злому дыханию истребительного огня носит на себе печальные знаки или пламени, или дыма (свт. Григорий Богослов, 15, 283—284).

***

...Получивший епископство, сколько на высшую взошел он степень, столько же строжайший даст и отчет, не только в учении и предстательстве за бедных, но и в испытании рукополагаемых, и в бесчисленном множестве других дел (свт. Иоанн Златоуст, 46, 8).

***

Не всякому, кто бы то ни был, должно... желать себе епископства, а только тем, которые в жизни управляются Павловыми законами. Посему, если усматриваешь в себе

оную строгость жития, с радостью приступай к восхождению на такую высоту. А если нет у тебя оной, пока не приобретешь, не касайся неприкосновенного; опасайся приближать вещество к истребляющему его огню (прп. Исидор Пелусиот, 60, 72).

***

Дивись не дерзости Евсевия, не на наглость Зосимы, но долготерпению Бога, Который столько времени ожидает от нас покаяния, и от нечистой руки приемлет фимиам. Ибо, если кто, возросши во грехах, запятнав себя всякими скверн ами и грехопадениями, касается алтарей Божиих, и в нечистоте простирает руки к святому, то сам подвергается осуждению, но Божественный жертвенник не оскверняется его делами (прп. Исидор Пелусиот, 60, 81).

***

...Епископ, как образ Христов, исполняет дело Христово, и облачением своим показывает всем, что он уподобляется благому и великому Пастырю, будучи поставлен нести на себе немощи паствы (прп. Исидор Пелусиот, 60, 91).

***

Управление делами и народами, высота престолов, строгость судилищ, если сопряжены с благолюбивым расположением сердца, составляют в подлинном смысле истинное начальство, уподобляющееся горнему чину. А если соединяются с лукавыми намерениями, то справедливее назвать это самоуправством, которое распоряжается дру-

гими против их воли, и вместо покорности порождает раздоры и мятежи (прп. Исидор Пелусиот, 60, 101).

***

...На него <епископа> возложены все нужды подчиненных. Какие же именно? Испытание посвящаемых, пропитание алчущих, утоление жажды томимых оною, одеяние нагих, заступление за обиженных, попечение об оплакивающих сиротство, защита вдов, наказание обидчиков, обличение покушающихся начальствовать беззаконно, хождение за недужными, охлаждение пламени в соблазняемых, освобождение заключенных в темницах, утешение бедствующих, уцеломудрение согрешающих (прп. Исидор Пелусиот, 61, 247).

***

...Епископ должен быть украшен всеми добродетелями, и своими признавать чужие бедствия; не для себя, но для подчиненных живет он, и его жизнь испытуется тысячами глаз и языков (прп. Исидор Пелусиот, 62, 134).

***

Святитель — это епископ, угодивший Богу и прославленный. Иной раз так называют и живых архиереев, заслуживших уважение (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 16).

***

...Если он <архиерей> истинно строг по Богу, то не может не быть вместе с тем и благим... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 132).

****

Старец Зосима, отказавшись от епископства, вернулся в свою келью. Он был великим подвижником. Вот что он рассказывал: «В молодости я ушел с горы Синай и пришел в Аммониак <местность в Ливии>. Там нашел я старца, одетого во власяницу. Не успел я приветствовать его, как он сказал: «Зосима, зачем ты пришел сюда? Уходи отсюда». «Откуда ты знаешь меня?» — спросил я. «За два дня, — отвечал он мне, — явился некто и сказал: «Вот к тебе придет инок Зосима. Не дозволяй ему оставаться здесь, потому что я хочу вверить ему Вавилонскую церковь в Египте» (102, 114—115).

***

В один воскресный день благочестивый епископ Тверской Афанасий (Вольховский) совершал Литургию и, подавая Чашу ректору, архимандриту Тихону, произнес: «Епископство твое да помянет Господь Бог...» Заметивши ошибку, епископ предрек ему скорое святительство. Почти в это время в Святейшем Синоде избирали епископа, викария Новгородского. Четыре раза вынутый жребий указывал на архимандрита Тихона, что и было принято за указание свыше на него, хотя Петербургский митрополит Димитрий думал его назначить настоятелем Троице-Сергиевой Лавры... 13 мая 1763 года архимандрит Тихон был посвящен в сан епископа (119, 132).

***

Авва Нетр, ученик аввы Силуана, когда жил в своей келье в горе Синайской, то в известной мере исполнял требования своего тела; когда же сделался епископом в Фаране — начал жить гораздо строже. Ученик его сказал

ему: «Авва! Когда мы были в пустыне, ты не так строго жил». Старец отвечал: «Там была пустыня, безмолвие и бедность, и я поддерживал тело мое, дабы не изнемочь мне, и не искать того, чего я не имел. Но здесь мир; тут есть все удобства. Здесь, если случится и заболеть мне, то есть кому помочь. Здесь боюсь я, как бы не погубить в себе монаха!» (97, 181).

***

Авва Аммос, патриарх Иерусалимский, говорил: «На меня возложено великое и неудобоносимое бремя, и немало страшит меня патриаршее служение... я — бедный грешник. Но более всего устрашает меня трудность рукоположения. Я читал, что Блаженный Лев, бывший предстоятелем Церкви Римской, в течение сорока дней пребывал при гробе апостола Петра в непрестанной молитве и посте, прося, чтобы он предстательствовал за него пред Богом и испросил ему отпущение прегрешений. По прошествии сорока дней апостол Петр явился ему и сказал: «Я молился о тебе, и прощены тебе все твои грехи, кроме рукоположения. Вот в этом только ты сам должен будешь дать отчет, правильно ли рукополагал поставленных тобою» (102, 138).

***

Однажды преподобный Ефрем Сирин просил Бога открыть ему, насколько преуспел в духовном делании святитель Василий Великий. Господь показал ему огненный столп, и голос возвестил: «Ефрем, Ефрем! Как велик столп огненный, который ты видел, так велик и Василий». Преподобный Ефрем, взяв с собою переводчика, пошел в Кесарию и прибыл туда в день Богоявления. Сразу же направились они в храм, где служил святитель Василий.

Но когда преподобный увидел архиепископа в чести и славе от людей, то сказал спутнику: «Напрасно мы трудились. Таким ли я ожидал видеть его? Может ли он быть великим пред Господом, окруженный столькими почестями?»

В это время святитель Василий послал архидиакона пригласить преподобного Ефрема в алтарь. «Мы странники, владыка ошибся», — отвечал преподобный и остался на месте. Во время проповеди преподобный Ефрем, к ужасу своему, видел как бы язык огненный, исходящий из уст святителя Василия. После проповеди архиепископ вновь пригласил преподобного, называя его по имени. Преподобный Ефрем был удивлен и воскликнул: «Воистину велик Василий! Сам Дух Святый вещает устами его!»

После Литургии святитель сказал преподобному Ефрему: «Рад я видеть тебя, умножившего в пустыне учеников Христовых и бесов изгонявшего именем Христовым. Но зачем ты пришел видеть меня? Ведь я — человек грешный». Преподобный был поражен. Причастившись Святых Таин из рук святителя Василия, преподобный Ефрем просил у него молитв ко Господу, дабы дано было ему разумение греческого языка. Святитель Василий испросил у Господа это, затем посвятил преподобного сначала во диакона, а потом и во пресвитера (112, 424—426).

***

Святой Епифаний, посетив спасавшегося на острове Кипр преподобного Илариона Великого, хотел отправиться оттуда в город Аскалон. Но корабль, на котором отплыл в Аскалон Епифаний, был принесен бурей снова к берегам кипрским и пристал близ кипрского города Саламин, или, иначе, Констанции Кипрской. В это время в Саламине

был собор епископов для избрания нового архиепископа на место умершего. Несколько дней епископы возносили молитвы к Богу, дабы Он Сам явил им мужа, достойного сего сана. Между ними был один епископ старейший, уже пятьдесят лет прослуживший в этом сане, по имени Папий, — муж святой и прозорливый, который сподобился и пострадать за Христа: будучи схвачен нечестивыми вместе с архиепископом Саламинским Геласием, он после многих мук был отпущен живым. Все епископы кипрские имели его себе вместо отца и почитали как исповедника и мученика Христова. Сему-то старцу-епископу было открыто от Бога о пришедшем в город Саламин иноке Епифании и повелено было, взяв его, посвятить во архиепископа тому городу.

В ту пору было время осеннее и происходило снятие винограда. И вот Епифаний сказал ученикам своим, Иоанну и Полувию, с которыми путешествовал: «Пойдемте, чада, в город и купим себе винограда на дорогу», ибо намерен был вскоре отплыть оттуда. И пошли на торжище. Подошедши к продавцу винограда и взяв в руки две большие кисти, Епифаний спросил: «Что стоит это?» Вдруг сказали, что идут епископы. Оглянувшись, Епифаний увидел идущего старого епископа Папия, поддерживаемого двумя диаконами, и с ним еще трех других епископов. Епифаний, забывшись, держал в руках виноград и, смотря на епископов, удивлялся тому, что они так просто идут к нему.

Блаженный Папий, увидев преподобного Епифания, познал его Духом Святым и сказал: «Авва Епифание, оставь виноград и иди с нами во святую церковь». Епифаний вспомнил слова Давида: ***Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем*** (Пс. 121, 1), — и, оставив виноград, пошел с епископами. Вошедши в церковь, он увидел

собор епископов, которые сказали ему: «Бог послал к нам тебя, авва, дабы ты был архиепископом сему граду и всему Кипрскому острову».

Но Епифаний отказывался, называя себя грешным и недостойным столь высокого сана. Епископы же, не слушая его возражений, начали посвящать его в сан священнический. И плакал преподобный, почитая тяжелым для себя то посвящение, а бремя святительства неудобь носимым.

Тогда святой епископ Папий сказал ему: «Нам следовало молчать, чадо, о бывшем нам о тебе откровении, но так как я вижу тебя скорбящим и плачущим, то мне уже необходимо возвестить тебе то, что Бог благоволил открыть нам. Эти собравшиеся здесь святые отцы-епископы возложили на мое недостоинство избрание архиепископа, сказав мне грешному: «Прилежно помолись ты Богу, и веруем, что Он явит тебе мужа, достойного архиепископства!» Затворившись в своей келье, я молил о том Владыку Спасителя, и вдруг, подобно молнии, облистал меня свет, и я услышал голос, говоривший ко мне грешному: «Папий, Папий, слушай!» А я, испугавшись, спросил: «Что велишь, Господи мой?» Тогда голос отвечал мне: «Встань и иди на торг, там ты увидишь инока, покупающего виноградные кисти, лицом и головой похожего на пророка Елисея и имеющего при себе двух учеников. Взяв его, посвятите в сан архиепископа, а имя тому иноку Епифаний». И я, встав, исполнил то, что мне было повелено, посему ты, чадо, не противься изволению Божию, но внимай стаду, в котором Дух Святый поставляет тебя епископом».

После сего Епифаний, падши, поклонился святому епископу Папию, повиновался воле Господней и принял посвящение в сан архиепископа Саламинского (111, 201).

***

На двенадцатом году отроку Елевферию (впоследствии святителю Алексию, митрополиту Московскому) уже открыто было высокое назначение его. Раз раскинул он сети на птичек и, долго сторожа их, задремал. Вдруг слышит он голос: «О, Алексий! К чему такой труд твой? Тебе надо быть ловцом людей». Пробужденный отрок изумился необыкновенному голосу и имени Алексий. Это видение глубоко запало в душу его; он стал молчалив, и оставил игры, и много стал думать о жизни, ее назначении. Родители изумились перемене жизни его, спрашивали у слуг о происшедшей перемене, но те могли сказать только то, что Елевферий часто уходил в места уединенные. Спрашивали самого отрока, отчего он уклоняется от людей и занимается только книгами? К чему изнуряет себя постом? «Не печальтесь о мне, добрые родители, — отвечал отрок, — не делаю я худого, а желаю успевать в благом; и пусть исполнится надо мною воля Господня». На пятнадцатом году Елевферий уже решился посвятить себя монашеской жизни.

В 1320 году, в возрасте двадцати лет, вступил он в московский Богоявленский монастырь и тогда же постригся с именем Алексий, тем самым, которое он слышал в сонном видении, семь лет назад. Хотя Богоявленский монастырь был на шумной торговой улице, но Алексий нашел здесь покой, предавшись подвигам. Он проводил время то в храме, то в молитвах келейных; читал книги и усердно изучал Священное Писание; бдением ночным иссушал плоть и очищал сердце (111, 202).

***

Некий из отцов повествовал: «Два епископа жили недалеко друг от друга и возымели презрение друг к другу,

ибо один был богат и силен, а другой — смирен. И сильный искал (случая) сделать зло другому. Услышав об этом, смиренный сказал своему клиру: «Мы победим его благодатию Божией». Ему говорят: «Владыко! Кто сможет сладить с ним?» — «Потерпите, чада, и увидите милость Божию». И когда у богатого был праздник святых мучеников, смиренный взял с собой свой клир и сказал: «Следуйте за мной, и, смотрите, делайте то же, что я буду делать, — и мы победим его». Они пришли к богатому, когда окончилась служба и к нему собрался народ со всего города. Смиренный епископ упал к его ногам со своим клиром, говоря: «Прости нам, Владыко, мы — рабы твои». Он же, пораженный тем, что сделал смиренный, умилился и сам пал к его ногам, говоря: «Ты будешь мой Владыка и отец». С того времени установилась между ними великая любовь. И сказал смиренный своему клиру: «Не говорил ли я вам, чада, что мы победим благодатию Христовой? Так и вы: когда имеете вражду к кому-нибудь, делайте то же — и победите благодатию Господа нашего Иисуса Христа» (98, 355).

***

Преподобный Иоанн, память которого Святая Церковь совершает 29 февраля, был родом из Палестины, крестился восемнадцати лет от роду и стал монахом. За свою святую жизнь он, в свое время, был сделан архиепископом в городе Дамаске. Но, не терпя славы человеческой и будучи в высшей степени смиренным, он, оставив свою архиерейскую кафедру, тайно от всех ушел сначала в Александрию, а оттуда на Нитрийскую гору, куда явился в нищенской одежде и стал просить одного из игуменов, чтобы тот принял его в монастырь простым работником,

на службу братии. Свой архиерейский сан он, конечно, скрыл.

Игумен принял его, и Иоанн в монастыре жил так: днем служил братии, а ночи проводил в молитве без сна. Утром он брал во всех кельях сосуды, ходил к реке, наполнял сосуды водой и потом разносил их.

Один малоумный инок наносил ему много зла: давал ему насмешливые прозвища, обливал помоями, осквернял его келью своими нечистотами, так что она всегда была полна смрада. Игумен узнал об этом и хотел наказать злого инока, но архиерей Божий облил слезами ноги игумена и упросил его простить обидчика.

Наконец, один из иноков, преподобный Феодор, узнал, что Иоанн — архиепископ, и объявил об этом другим. Иоанн, чтобы не терпеть славы человеческой, ушел в Египет. Там он получил дар прозорливости, освободил Церковь от еретиков, написал много душеполезных книг и, наконец, с миром почил о Господе (112, 514—515).

***

Один языческий царь призвал к себе христианского епископа и потребовал, чтобы тот отказался от своей веры. Но епископ кротко и спокойно ответил: «Этого я не могу сделать». Царь разгневался и воскликнул: «Разве ты не знаешь, что твоя жизнь в моей власти? Одно мановение — и тебя не будет на свете!» «Знаю, знаю это, — отвечал епископ, — но позволь мне, царь, предложить тебе один вопрос. Представь себе, государь, что твой вернейший слуга попал в руки врагов. Они всячески старались заставить раба изменить тебе. Но он был непоколебим в своей преданности и верности тебе. Тогда твои враги, сняв одежды с раба, прогнали его с посмеянием. Теперь скажи, государь, когда твой раб, поруганный за

верность тебе, вернется, не вознаградишь ли ты его честью и славой, не дашь ли лучшие одежды для прикрытия его наготы?» «Конечно так! — отвечал царь. — Но к чему ты это говоришь?» Тогда благочестивый епископ сказал: «Царь, ты можешь снять с меня эту земную одежду, то есть лишить меня этой жизни, но Господь мой облечет меня в новую, лучшую одежду». Выслушав это, царь задумался, потом отпустил епископа и больше не требовал у него отречения от христианской веры (107, 72).

***

В одном городе был епископ, который, по диавольскому наущению, впал как-то в смертный грех. Горько раскаявшись в своем падении, епископ, для того чтобы получить прощение, поступил следующим образом. Когда в церковь собралось множество народа, он вышел на середину храма и перед всеми открыто исповедовал свой грех. После этого, считая себя, по глубокому смирению, недостойным святительского сана, он снял с себя омофор, положил его на престол и сказал народу: «Простите меня, братие, теперь я уже больше не могу быть у вас епископом».

Видя великое смирение и сокрушение своего пастыря, все, кто был в церкви, с плачем воскликнули: «Пусть грех твой на нас ляжет, отче, только не лишай нас своего пастырства». Долго они умоляли епископа остаться с ними. Уступая, с одной стороны, молению своей паствы, а с другой — желая чем-либо искупить свой грех перед Богом, епископ, наконец, воскликнул: «Ну, если уж непременно хотите, чтобы я остался у вас, то я сделаю это, но только при одном условии: если вы дадите мне слово беспрекословно исполнить то, что я сейчас повелю вам».

Все дали слово. Тогда епископ приказал запереть церковные двери и сказал: «Знайте же теперь, что тот из вас не будет иметь части у Бога, кто сейчас не попрет меня ногами». И с этими словами простерся ниц на земле. Все ужаснулись, но, не смея нарушить данного слова и боясь прещения епископа, стали проходить через него. И что же? Когда переступил через него последний человек из тех, кто был в церкви, голос с неба сказал: «Ради великого его смирения Я простил его грех!» Все услышали эти слова и прославили Бога (107, 152).

***

Однажды к святителю Епифанию, архиепископу Кипрскому, пришел некий диакон из Иерусалима и рассказал ему об Иоанне, епископе Иерусалимском, что тот, по сребролюбию, деньги откладывает, а нищим милостыни не подает. Услышав об этом, Епифаний отправил к Иоанну послание, в котором убеждал его быть милостивым к нищим, но он на послание никакого внимания не обратил.

Прошло много лет, и как-то раз Епифаний говорит одному из своих учеников: «Пойдем, чадо, в Иерусалим, мы оттуда скоро возвратимся». Прибыли в Иерусалим, поклонились святым местам, и затем Епифаний, придя к епископу, сказал ему: «Отче, дай мне приют у себя». Иоанн предоставил в распоряжение Епифания прекрасный дом и каждый день звал Епифания к себе в гости.

О нищих же он по-прежнему нерадел, и они роптали на него. Видя это, Епифаний сказал епископу: «Дай мне, отче, сколько-нибудь серебра для раздачи нищим». Иоанн принес много серебра. Епифаний сказал ему: «Дай мне еще сколько-нибудь». Иоанн сказал: «Будет с тебя». Епифаний продолжал: «Ну, дай мне хоть сколько-нибудь рабов

в услужение!» Иоанн в этом не отказал. Епифаний тогда, взяв пятьсот литр серебра, стал день и ночь раздавать его нуждающимся.

Прошло довольно много времени, и епископ сказал Епифанию: «Когда же ты отдашь мне свой долг?» — «Потерпи немного, отче, все тебе верну». Прошло еще сколько-то дней, и Иоанн уже настоятельно стал требовать свои деньги. Он держал Епифания за одежду и кричал: «Не уйдешь от меня, муж злой и хитрый! Отдай мое серебро!» И два часа кричал на Епифания и досаждал ему. Все, кто был при этом, слыша дерзкие хулы на архиепископа, пришли в уныние и страх. Епифаний же, наконец, окончил дело, дунув в лицо епископу Иоанну, и тот тотчас же ослеп. Ужас объял всех предстоявших.

Тут епископ опомнился и, упав к ногам Епифания, стал умолять его, чтобы он помолился о нем Богу и возвратил ему зрение. Епифаний сказал: «Пойди в церковь и помолись у Честного Креста Господу, чтобы Он возвратил тебе зрение». Епископ не отходил от Епифания и не переставал просить у него прощения. Сжалившись, святой архиепископ возложил на него руки, и у епископа прозрел правый глаз. Тогда епископ стал просить об исцелении и левого глаза, но Епифаний сказал ему: «Это не мое дело, чадо, но Божие. Бог затворил твое око, Он и отворит. А урок Он тебе дал, чтобы спасти тебя от сребролюбия». После этого, сказано, Иоанн стал преподобен и милостив к нищим (112, 516—518).

***

Авва Иулиан удалился из обители и сделался епископом в Бостре. Некоторые жители города, ненавистники имени Христова, задумали погубить его. Они подговорили и подкупили слугу, подававшего епископу вино, разбавлен-

ное водой, дали ему яд, чтобы он подмешал его в чашу. Тот так и сделал: подал блаженному Иулиану вино с ядом. Епископ принял чашу и, по вдохновению свыше, узнал о злом умысле, равно как и о том, кто это подстроил. Взяв чашу, епископ поставил ее перед собой, ни слова не сказав слуге. Потом он созвал к себе всех жителей, в числе которых были и злоумышленники. Дивный Иулиан, не желая подвергать позору заговорщиков, обратился ко всем со словами: «Если вы желаете умертвить смиренного Иулиана при помощи яда, то я пью его перед вами». Сказав это, он трижды крестообразно осенил чашу. «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа выпиваю сию чашу!» — произнес он и, выпив отраву, остался невредим. Увидев это, злоумышленники пали перед ним и просили прощения (102, 88—89).

***

Поведал некий старец: «По прошествии семнадцати дней пребывания в пустыне я нашел хижину, при ней пальмовое дерево и стоящего мужа, одеждой которому служили его собственные волосы. Страшен был его вид. Увидев меня, он встал на молитву. Когда я заключил молитву словом «аминь», он понял, что я человек, взял меня за руку и стал спрашивать: «Каким образом пришел ты сюда? Все ли принадлежащее миру сохраняется доселе? Продолжаются ли гонения на христиан?» Я отвечал: «За молитвы истинных служителей Господа Иисуса Христа странствую по этой пустыне. Что же касается до гонения, то оно прекращено властью Христовой. Теперь ты расскажи мне, каким образом ты пришел сюда?»

Он, плача и вздыхая, стал говорить: «Я был епископом. Когда наступило гонение, я подвергся многим пыткам. Впоследствии, не в состоянии вынести мук, я принес

жертву идолам. Опомнившись, познал свое преступление и предал самого себя смерти в этой пустыне. Живу здесь сорок девять лет, исповедуясь Богу и умоляя Его отпустить мне мой грех. Бог даровал мне пропитание от этой пальмы, но я не был утешен дарованием прощения до сорок восьмого года, а в этот год извещен о прощении».

Договаривая это, он поспешно вышел из хижины и пребыл долгое время в молитве, вероятно, он увидел пришедшие за ним Небесные Силы. Окончив молитву, он подошел ко мне. Я взглянул на его лицо и затрепетал от страха: оно сделалось как бы огненным. Но он сказал мне: «Не бойся. Бог послал тебя для того, чтобы ты совершил мое погребение и предал тело мое земле». Едва окончил он эти слова, как лег, вытянув ноги и руки, и скончался. Разорвав пополам свою верхнюю одежду, половину оставил я себе, другой половиной обернув святое тело, похоронил его. После погребения немедленно засохла пальма и развалилась хижина.

Я много плакал, умоляя Бога, не благоволит ли Он даровать мне эту пальму, чтоб остальное время моей жизни я мог провести на этом месте. Прошение мое не было исполнено, я возвратился к братиям, которым рассказал это, убеждая их не приходить в отчаяние, но обретать Бога покаянием» (106, 539—541).

ЄПИТИМИИ

...Когда ты согрешаешь, мы подвергаем тебя свободным епитимиям, не тело бичуя, но душу сокрушая. Если мы не будем и этого делать, то как тебя научим? Нелегко передается слово учения и руководство к добродетели; оно требует различных способов наставничества, приноровляемых к существующим нравам. Послушен ли кто и удобопрекло-

нен к назиданию? Для него прилично простое и кроткое слово. Упорен ли и необуздан? Для него нужны розги. Что же нам делать, когда розог мы не употребляем? Неужели оставить такого без вразумления? Нет! Но мы при помощи слова дадим ему иной вид, соответственный тому, какой будет нужен. И как кушанье чрез малую прибавку приправ получает противоположный вкус, из горького делаясь сладким, и из сладкого переменяясь в горькое; так и наше слово чрез приложение новых форм приспособляется к различным нуждам, дабы соответствовать воспитанию каждого (свт. Григорий Нисский, 24, 481—482).

***

Как хорошо — не грешить, так же полезно — переносить наказание (ἐπιτίμησιν). Как хорошо — не получать ран, а когда это случится, то полезно прилагать к ранам лекарства... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 49).

***

Смотри, не будь строго взыскателен за малейшие согрешения; иначе ты не будешь подражателем Бога (прп. Иоанн Лествичник, 57, 261).

***

<Епитимиями> пользоваться нам должно, имея одно в виду, — чтобы падший восстал и опять взялся пути своего... (прп. Феодор Студит, 92, 117).

***

...Которые не знают таинства христианства, каковы наибольшая часть из таких крещеных, которые именуются,

как крещеные, христианами, но не оглашены христианским учением и совсем остаются неведающими и, скажу так, непросвещенными (крещением просвещены, но не просвещены ведением), потому что не знают и не разумеют воистину, в чем состоит таинство христианства, — так когда таковые, каясь, исповедуют грехи свои, соделанные ими по крещении, то их не должно слишком вязать на духу и возлагать на них тяжелые епитимии, потому что это не будет для них полезно, так как они, будучи не научены и не просвещены, и не имея ведения о тайне Христа, не могут восчувствовать, как должно, этих вязаний и епитимий. Они в неведении веровали, в неведении и грешили; и поелику без разума грешили, то не могут, как должно, уразуметь разумность духовного их врачевания.

Итак, как для тех, которые научены и просвещены, и знают таинство христианства, по мере их знания и греха, т. е., судя по тому, какое имеют ведение и знание о таинстве христианства и сколь тяжкий учинили грех, потребны и обвязания, и врачевства, и прижигания, и злострадания, т. е. посты, бдения, долулежания, коленопреклонения и прочее, так для тех, которые не знали и не были научены таинству христианства, потребны наперед научение, оглашение учением веры и просвещение, и потом уже канонические епитимии. Ибо неразумно вязать и прижигать, т. е. налагать, по правилам, епитимию на немогущего восчувствовать то, как несмысленно лечить мертвого (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 313—314).

***

За пресечение чтений из Святого Писания вам следует *епитимию*. Но ее можно отложить, принимая во внима-

ние ваше желание исправиться. Ведь не нужно много читать... Довольно (для вас) прочитывать то, что положено в Святой Церкви, т. е. *Евангелие* и *Апостол* на каждый день (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 155).

***

У Господа своя на всякого согрешившего налагается епитимия, которая состоит в том, что Он кающегося тотчас принимает в милость, но прежнего не ворочает ему тотчас, а ждет, как пойдет сокрушение и смирение. Если кто безжалостно помучает себя, то скоро возвращает, а если поблажку себе дает, то не скоро (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 185).

***

Вы имеете епитимию. В точности исполняйте ее без опущения. И другое все подгоняйте к ней (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 223).

***

Епитимия?!! Это самим вам следовало сделать... Теперь же, когда неисправность исправлена, она уже не ко времени... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 89).

***

Накладаю на вас епитимию: извольте класть три земных поклона утром и столько же вечером, говоря: прости мне, Господи, неразумную печальницу о дочери, что поперечу Твоим определениям. И это делайте, пока пройдет

скорбь, — и будете благодушно смотреть на смерть дочери (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 42).

ересь

...Если кто злым учением растлевает веру Божию, за которую Иисус Христос распят... <то> такой человек, как скверный, пойдет в неугасимый огонь, равно как и тот, кто его слушает (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 276).

***

...Я предохраняю вас от зверей в человеческом образе, которых вам не только не должно принимать к себе, но, если возможно, и не встречаться с ними, а только молиться за них, — не раскаются ли они как-нибудь. Это, конечно, нелегко для них, но Иисус Христос, истинная жизнь наша, силен в этом (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 303).

***

Всякий, кто не признает, что Иисус Христос пришел во плоти, есть антихрист (ср.: 1 Ин. 4, 3). Кто не признает свидетельства крестного, тот от диавола; и кто слова Господни будет толковать по собственным похотям и говорить, что нет ни Воскресения, ни Суда, тот первенец сатаны. Потому, оставив суетные и ложные учения многих, обратимся к преданному изначала слову; будем ***бодрствовать в молитвах*** (ср.: 1 Петр. 4, 7), пребывать в постах; в молитвах будем просить Всевидящего Бога ***не ввести нас во искушение*** (ср.: Мф. 6, 13), как сказал Господь: ***дух бодр, но плоть немощна*** (ср.: Мф. 26, 41) (сщмч. Поликарп Смирнский, 94, 324).

***

...Никто не должен следовать за непокоривыми, не боящимися Бога и всецело отступающими от Церкви (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 245).

***

...Не от чего другого произошли ереси и родились расколы, как от того, что не оказывают повиновения священнику Божию... (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 254).

***

Блюдись разговаривать с еретиками, желая отстоять веру; чтоб яд скверных слов их как-нибудь не уязвил тебя (самого) (прп. авва Исаия, 89, 299).

***

Если встретишь книгу, которая слывет еретическою, не желай прочитать ее, чтоб не наполнить сердца своего ядом смертоносным... (прп. авва Исаия, 89, 299).

***

...Каждая ересь, имея отцом собственного измышления искони совратившегося и соделавшегося человекоубийцей и лжецом диавола, и стыдясь произнести ненавистное его имя, притворно принимает на себя прекрасное и превышее всего Спасителево имя, собирает изречения Писаний, произносит слова, утаивает же истинный смысл, и наконец, прикрыв какою-то лестью свое изобретенное ею измышление, сама делается человекоубийцею введенных в заблуждение (свт. Афанасий Великий, 2, 14).

...Не внимайте... <еретикам>, потому что говорят не по правильному смыслу, но, как бы овчею одеждою, облекаясь словами, мудрствуют внутренно... подобно ересеначальнику диаволу (свт. Афанасий Великий, 2, 20).

***

Земная пышность не последует за ними <еретиками> по смерти их; и когда сего Господа, Которого отреклись они, увидят сидящим на Престоле Отца Его и судящим живых и мертвых, тогда не возмогут призвать к себе на помощь кого-либо из обольстивших их ныне, потому что и их увидят судимыми и раскаивающимися в своих неправдах и в своем злочестии (свт. Афанасий Великий, 2, 319).

***

...Об имеющих превратные понятия о Боге никто да не думает, чтобы хвалебные псалмопения таковых были богоугодны (свт. Василий Великий, 6, 303).

***

Как во время моровых поветрий и те, которые со всею тщательностью берегут свое здоровье, занемогают наравне с прочими, заражаясь от одного обращения с больными, так и ныне все мы стали подобны друг другу; овладевшая нашими душами страсть к спорам всех увлекает в соревнование худому. От того у нас неумолимые и жестокие ценители неудач, непризнательные и неприязненные судьи успехов; и зло, кажется, укоренилось до того, что стали мы неразумнее бессловесных животных, ибо они, если

одной породы, живут одним стадом, а у нас жестокая война с нашими домашними (свт. Василий Великий, 7, 300).

***

...Кто называет тварью или Сына, или Духа, или вообще низводит Духа в служебный и рабский чин, те далеки от истины, и надобно бегать общения с ними, уклоняться от их речей, как от яда смертоносного для душ (свт. Василий Великий, 10, 207).

***

Еретиков, кающихся при конце жизни, принимать надобно, но принимать, очевидно, не без рассуждения, а по изведании, точно ли истинное показывают покаяние, и имеют ли плоды, свидетельствующие о старании спастись (свт. Василий Великий, 11, 10).

***

Не сдружайся никогда с еретиками, не ешь и не пей с ними, не будь спутником их в дороге, не входи ни в дом, ни в собрание их, потому что у них нечисто все, что ни есть... (прп. Ефрем Сирин, 32, 371).

***

Легче учить беса, нежели обращать сынов заблуждения. Бесы исповедовали и говорили: *Ты еси* Господь *Сын Божий* (Мк. 3, 11); напротив того, неверные упорно утверждают, что Он — не Сын Божий (прп. Ефрем Сирин, 34, 428).

***

...Удаляйся общения с раскольниками и еретиками, особенно же удаляйся ереси тех, которые единого Господа нашего Иисуса Христа разделяют надвое (прп. Ефрем Сирин, 35, 470).

***

<Уклоняющиеся> от истинной веры следуют заблуждениям других и делаются добровольными проповедниками учения демонов... (прп. Ефрем Сирин, 36, 330).

***

Много путей, которые ведут в бездну погибели. На сиито пути растлитель увлекает образ Божий, чтоб чрез это найти какой-нибудь доступ, разделяя в нас мысли... (свт. Григорий Богослов, 17, 41).

***

Нет беды, если еретики отогрелись, и с весною осмеливаются выползать из нор... Очень знаю, что не долго пошипят, потом спрячутся, низложенные и истиною и временем; и тем скорее, чем с большим упованием предоставим все Богу (свт. Григорий Богослов, 17, 172).

***

...Мысль о Боге естественно вложена во всех людей, но по незнанию истинно сущего Бога бывает погрешность в предмете чествования; ибо одними чествуется истинное Божество, умопредставляемое в Отце, Сыне и Святом Духе; а другие заблудились в нелепых предположениях,

примыслив досточтимое нечто в тварях; и вследствие этого уклонение от истины в малом открыло вход нечестию (свт. Григорий Нисский, 19, 421).

***

...Как составитель ядов делает яд удобоприемлемым для отравляемого, подсластив пагубу медом, и только дает яд, а уже яд сам, примешанный ко внутренностям, производит разрушение без всякого участия составителя яда; так нечто подобное... <делают и еретики>. Утонченными умствованиями, как бы ядом, <они подслащивают>... смертоносное учение... (свт. Григорий Нисский, 23, 287).

***

...Как скоро человеческое ничтожество начало безрассудно касаться непостижимого и давать силу догматов изобретениям собственного пустого мнения, то отсюда произошел длинный список враждующих против истины, и сами те, о которых идет речь, явились учителями лжи; представляя Божество чем-то описуемым, они почти явно творят из своего мнения идола, когда обожествляют смысл, являющийся в слове... (свт. Григорий Нисский, 23, 305).

***

Те грехи, которые относятся к мыслительной части души, отцами признаются тягчайшими и заслуживающими большого, более продолжительного и строгого исправления. Например, кто отрекся веры во Христа и оказался изменником, впавши или в иудейство, или идолопоклонство, или в иной какой-нибудь вид безбожия, тот если

добровольно решился на это, а потом раскаялся, временем покаяния должен иметь все время жизни своей. Ибо таковый во время совершения таинственной молитвы никогда не удостаивается поклонения вместе с народом Богу, но должен молиться наедине, а от приобщения Святых Таин должен быть отлучен совершенно. Но в час смерти своей да удостоится причастия Святыни.

Если же сверх чаяния случится ему остаться в живых, то опять он должен проводить жизнь под тем же осуждением, не сподобляясь Святых Таин до самой смерти. А те, которые вынуждены были к тому пытками и жестокими мучениями, находятся под запрещением на определенное время. Святые отцы оказали такое человеколюбие потому, что не душа их подверглась падению, но слабость телесная не могла устоять против мучений... (свт. Григорий Нисский, 25, 429).

***

Речи еретиков — вестники смерти; кто принимает их, сгубит душу свою (авва Евагрий, 89, 613).

***

Сначала они <еретики> себя прикрывают; когда же приобретут смелость и получат полную свободу слова, тогда и изливают яд (свт. Иоанн Златоуст, 50, 482).

***

...Еретика убивать не должно, иначе это даст повод к непримиримой войне во вселенной... Господь не запрещает обуздывать еретиков, заграждать им уста, сдерживать их дерзость, нарушать их сходбища и заговоры, но запрещает их истреблять и убивать (свт. Иоанн Златоуст, 50, 483).

***

...Не будем скорбеть о том, что бывают ереси; бывали и лжехристы и злоумышляли против Христа... Но истина не затмевается и сияет везде. То же было и при пророках: являлись лжепророки, но (пророки) от сравнения с ними делались более светлыми. Так болезнь уясняет здоровье, тьма — свет, буря — тишину (свт. Иоанн Златоуст, 52, 403).

***

Не так оскорбляет Божество тот, кто называет тварь Богом, как тот, кто именует Бога тварью (свт. Иоанн Златоуст, 52, 955).

***

...Соблюдающие девство у еретиков подлежат тому же наказанию, какому и блудники (свт. Иоанн Златоуст, 54, 237).

***

Как мореходцы в виде пищи скрывают приманку и нечаянно уловляют рыб, так лукавые поборники ересей, красным словом прикрывая худые свои мысли, как удою, увлекают простодушных на смерть (прп. Исидор Пелусиот, 60, 71).

***

Много ересей порождал диавол и у язычников, хотя были ему подвластны, и водил он их туда и сюда, как хотел, — и у иудеев, хотя доводил их до того, что с неистовством предавались идолослужению и человекоубийствам. А если еще больше порождает у христиан, то

никто да не дивится сему. Ибо до пришествия Христова во плоти видя, что все упоены пороком, и никто, так сказать, не был трезвен вполне, диавол мало рассевал семян любопрительности. Но когда снизошло с небеси спасительное Слово, Которое принесло нам уставы небесного жительства, а диаволу угрозами согрешающим указало ожидающее его наказание, ибо изрекло: *идите в огнь, уготованный диаволу и аггелом его* (ср.: Мф. 25, 41), тогда общий всех враг, видя, что и наш род спокойно и постепенно свергает с себя порок и приемлет добродетель, нечестие осуждает на изгнание, объемлет же благочестие, и услышав произнесенный на него приговор, сильнейшую воздвиг на нас бурю и породил ереси. Не имея более силы противостать благочестию, старается его именем приводить многих в нечестие, личиною благоговения пытается извратить истину, и нередко просиявших доблестною жизнью низлагает развращенными догматами. Ибо одно у него дело и об одном старание — всех в совокупности, насилием ли то, или подложными догматами, погрузить вместе с собою в пучину погибели. Посему, представляя сие в уме, пусть и ересеначальники, когда размыслят, что они паче всех готовы низринуться в величайшую опасность, перестанут посевать семена противления истине — и слушатели их не станут более раболепствовать им по одному предубеждению и подвизаться против истины, чтобы великая, слово и ум превосходящая заслуга Спасителева, сколько до них собственно касается, не оказалась недействительною. Но и те, которые хвалятся правыми догматами, изобличают же себя небрежностью жизни, да перестанут делать то, что́ показывает в них не истинных учеников благочестия, и с правою верою да сраствoряют и доблестное житие, чтобы всем нам услышать о себе царское хвалебное провозглашение (прп. Исидор Пелусиот, 60, 354—355).

***

Ереси, как думаю, порождены двумя с трудом преодолеваемыми страстями, или любоначалием, или предубеждением. Одни, не желая быть в числе подчиненных, а другие, после предзанятых ими понятий, не соглашаясь учиться, посеяли семена нового учения, не желая оставаться при том, что́ утверждено (прп. Исидор Пелусиот, 62, 297).

***

Остерегайся читать учения еретические, потому что сие всего чаще вооружает на тебя духа хулы (прп. Исаак Сирин, 58, 282).

***

Ересь есть грех, совершаемый преимущественно в уме. Грех этот, будучи принят умом, сообщается духу, разливается на тело, оскверняет самое тело наше, имеющее способность принимать освящение от общения с Божественною благодатию и способность оскверняться и заражаться общением с падшими духами (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 82).

***

Ересь — более грех диавольский, нежели человеческий; она — дщерь диавола, его изобретение, — нечестие, близкое к идолопоклонству (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 483).

****

Однажды пришли в авве Пимену какие-то еретики и начали клеветать на архиепископа Александрийского, будто бы он принял рукоположение от священников. Старец

молчал; потом позвал брата своего и сказал: «Предложи им трапезу, накорми их и отпусти с миром» (97, 205).

***

Однажды пришел к преподобному Макарию Египетскому еретик. Своим красноречием он смутил многих пустынников, а святого Макария обличал в неправоверии. Старец стал опровергать его, еретик же изворотливо возражал. Святой, видя опасность для братии, сказал: «Что нам препираться к соблазну слушателей, пойдем к гробницам, и кому даст Бог силу воскресить умершего, того вера угодна Ему». Это предложение с радостью было принято братией. Пришли на могилы. Преподобный Макарий предложил еретику воскресить умершего во имя Господа, но тот возразил: «Ты предложил, ты и начинай». Святой пал на землю и стал молиться. После продолжительной молитвы, возведя очи к небу, воскликнул: «Господи, яви нам, кто из нас обоих право верует, воскресив сего умершего!» И назвал имя одного, недавно погребенного брата. И тотчас послышался голос из могилы... Братия бросились разрывать могилу. Сняв с умершего погребальные пелены, вывели его из могилы живым. Увидев это, еретик, пораженный ужасом, бежал (99, 100—101).

***

Авва Коприй рассказывал: «Однажды я отправился в город. Там пришлось мне встретиться с учителем манихейским[1], совращавшим народ. Я должен был его оспаривать,

[1] Манихейство — возникло в III в. в Персии. Основателем секты признается Манес (216—ок. 277), родом вавилонянин. Его заблуждения произошли от смешения древней персидской религии Зороастра с христианскими понятиями. Основные положения манихейства: 1) признание двух вечных царств света и тьмы; 2) борьба между ними; 3) происхождение мира из смешения света и тьмы; 4) необходимость освобождения частиц света из области тьмы; 5) это совершается при помощи Христа и Святаго Духа; 6) признание в человеке двух душ: доброй и злой и т. п.

но он оказался чрезвычайно изворотливым. На меня напал страх, как бы не подать соблазна слушающим, и я воскликнул: «Кто из нас выйдет из пламени невредимым, вера того да будет признана истинною!» Слова эти понравились народу, и тотчас был разведен страшный огонь. «Постой, — вскричал еретик, — ты иди первым». Осенив себя крестным знамением во имя Христово, я вступил в середину пламени, и пламя рассеивалось по сторонам и убегало от меня... Так прошло с полчаса, и во славу Божию я остался невредим. Народ был поражен и восклицал: *Дивен Бог во святых Своих* (Пс. 67, 36). После сего толпа силой бросила еретика в костер. Пламя тотчас охватило его, и он выскочил полуобгорелый... Народ с позором изгнал его из города с криком: «Сжечь бы тебя живого, обманщик!» (99, 63—64).

***

При жизни святителя Иоанна Златоуста в Антиохии был один муж, ослепленный маркионитской[1] ересью, который делал православным много зла. Однажды жена этого человека впала в жестокую болезнь, лечилась у многих лекарей, но ни один из них ей не помог. Тогда муж призвал еретиков-маркионитов в свой дом и стал умолять их, чтобы они помогли его жене своими молитвами. Еретики вняли мольбе и, как сказано, «с прилежанием многим моляхуся за ню беспрестанно, по три дня и более, и ничтоже успеша». После такой безуспешной молитвы жена сказала мужу: «Я слышала, что некий пресвитер, по имени Иоанн, живущий у епископа Флавиана, что ни попросит у Бога, все дает ему Бог, и этот Иоанн многие чудеса тво-

[1] Маркиониты — секта, основанная Маркианом, судовладельцем из Синопы. Учение является разновидностью гностицизма. Его последователи оспаривали человеческую природу Иисуса Христа, отвергали Ветхий Завет и отрицали отождествление Ягве с христианским Богом-Отцом.

рит. Умоляю тебя, сведи меня к нему, чтобы он помолился обо мне. Маркиониты не помогли мне нисколько, из чего я заключаю, что вера их не есть правая, ибо если бы вера их была правая, то услышал бы Бог их моление обо мне».

Муж послушал жену, привел ее к православной церкви, но, как еретик, не смея внести жену в саму церковь, положил ее при дверях и послал сказать епископу и бывшему тогда пресвитером святителю Иоанну Златоусту, что он просит у них исцеления своей жены. Епископ и Иоанн пришли к церкви. Первый сказал супругам: «Если отречетесь от своей ереси и присоединитесь к Святой Соборной и Апостольской Церкви, то получите от Христа Господа исцеление». Муж и жена усердно обещали поступить именно так. Тогда Иоанн велел принести воды, епископ благословил ее, а Иоанн после этого возлил ее на болящую. Она тотчас же встала совершенно здоровой. Муж и жена, видя совершившееся над ними чудо, приняли Православие, и все православные жители города чрезвычайно обрадовались этому, а еретики были посрамлены... (112, 173—174).

***

Воспитанный в тиши и решивший жить в уединении, авва Афраат, как говорится, был далек от мирской суеты. Но, увидев жестокость еретической брани Ария, пренебрег собственной безопасностью и, оставив на время уединение, сделался предводителем сонма благочестивых (православных), всегда приобретавших победы жизни словом и чудесами, но никогда не побеждаемых.

Император Валент, увидев его, когда он шел к месту воинского учения, где тогда собрались почитатели Троицы, спросил, куда он направляет свой путь. Тот отвечал, что идет сотворить молитву за вселенную и за царство. Валент снова спросил: «Зачем же ты, избравший уединенную

жизнь, оставил уединение, без опасения идешь на площадь?» Афраат, говоря обыкновенно притчами в подражание Господу, отвечал: «Скажи мне, государь, если бы я был девой и, будучи скрыт в каком-либо потаенном тереме, увидел, что огонь объял дом моего отца, что бы ты посоветовал мне делать? Сидеть в своем тереме и спокойно смотреть, как огонь истребляет дом? Но таким образом и я сделался бы жертвой пожара. Если же скажешь, что я должен был бежать, носить воду, тушить огонь, то не укоряй меня, когда я именно это и делаю. Если же ты укоряешь меня за то, что я оставил уединение, то не справедливее ли было бы тебе укорить себя за то, что ты внес огонь в дом Божий (император Валент всеми мерами насаждал арианство[1]), а не меня, вынужденного тушить этот огонь? Что необходимо идти на помощь отцовскому дому, в этом ты со мной согласен, а то, что Бог есть Отец наш, что Он ближе земных родителей, ясно даже и для совершенно не сведущего в вещах божественных. Итак, собирая питомцев благочестия и доставляя им божественную пищу, мы не удаляемся от цели и не делаем ничего против прежде принятого намерения».

Когда он сказал это, Валент замолчал, признав оправдание правильным (117, 100—101).

***

На расстоянии тридцати миль от киликийского города Эгов жили два столпника, в шести милях один от другого. Один из них принадлежал к Святой Кафолической и Апо-

[1] Арианство — ересь, основанная александрийским пресвитером Арием, которая придерживалась понятия о том, что Христос не сотворен из божественной материи, а является лишь превосходнейшим творением Бога-Отца, а поэтому не «единосущен» Богу-Отцу, а лишь «подобосущен» Ему. Арианство осуждено как ересь на I Вселенском (Никейском) Соборе в 325 г. Идеи арианства впоследствии были восприняты рядом протестантских сект.

стольской Церкви, а другой, долее пробывший на столпе близ селения Кассиодора, был последователем ереси Севера[1]. Еретик возводил на православного разнообразные обвинения, стараясь привлечь его к своей ереси. Распространяя о нем молву, он решил добиться его осуждения.

Православный подвижник, как бы озаренный свыше, просил еретика прислать ему частицу Причастия. Тот обрадовался, как будто уже совратил собрата в свою ересь, немедленно послал ему просимое, ничего не подозревая. Православный, взяв частицу, раскалил сосуд, положил ее туда, и она немедленно исчезла в жару пылающего сосуда.

Затем, взяв частицу Святого Причастия Православной Церкви, он сделал то же самое, и мгновенно раскаленный сосуд охладился, а Святое Причастие осталось целым и невредимым. Он благоговейно его хранил (102, 29—30).

***

Старец, великий перед Богом, по имени Кириак, жил в лавре Каламонской около священного Иордана. Однажды пришел к нему из страны Дора брат, по имени Феофан, и спросил старца о блудных помыслах. Старец начал наставлять его речами о целомудрии и чистоте. Брат, получив от этих наставлений великую пользу, воскликнул: «Отец мой, в моей стране я нахожусь в общении с несторианами[2]. Не будь этого — я бы остался с тобой!»

---

[1] Север, или Севир (Σεβῆρος) — Александрийский патриарх с 512 по 519 гг. Один из наиболее ревностных противников IV Вселенского (Халкидонского) Собора (451). Он придерживался умеренного монофизитства, утверждавшего, что во Христе существует сложная природа, в которой человеческая и божественная сущности могут быть различимы только в уме человека.

[2] Несторианство — ересь, возникшая в V в., получившая название от Нестория, архиепископа Константинопольского (428—431). Он утверждал, что ипостась Бога-Слова вселилась в человека Иисуса и обитала в нем как в храме. Этим понятием нарушалось личное или ипостасное единство Богочеловека. Деву Марию он называл не Богородицей, а Христородицей, полагая, что человек не может родить Бога. Ересь несторианства была обличена свт. Кириллом Александрийским и осуждена на III Вселенском Соборе в 431 г.

Услыхав имя Нестория, старец глубоко опечалился о погибели брата и стал убеждать его и молить, чтобы он оставил эту пагубную ересь и присоединился к Святой Кафолической и Апостольской Церкви: «Невозможно спастись, если не будешь право мыслить и веровать, что Пресвятая Дева Мария есть истинная Богородица». «Отче, — возражал брат, — да ведь все ереси говорят точно так же: если не будешь в общении с нами, не получишь спасения. Не знаю, несчастный, как мне и поступить. Помолись Господу, чтобы Он явно показал мне, какая вера истинная».

Старец радостно выслушал слова брата. «Оставайся в моей келье, — сказал он. — Я уповаю на Бога, Он, по Своему милосердию, откроет тебе истину». И, оставив брата в своей пещере, старец отправился к Мертвому морю и стал молиться. И точно, на другой день около девятого часа брат видит, что явился к нему кто-то, страшный по виду, и говорит: «Пойди и познай истину!» Взяв его, повел в место мрачное, смрадное, испускающее пламя, и показывает ему в пламени Нестория и Феодора, Евтихия и Аполлинария, Евагрия и Дидима, Диоскора и Севера, Ария и Оригена и других. И говорит явившийся брату: «Вот место, что уготовано еретикам и тем, кто нечестиво учит о Пресвятой Богородице, равно как и тем, кто следует их учению. Если тебе нравится это место, оставайся при своем учении. Если же не хочешь такого наказания, обратись к Святой Кафолической Церкви, к которой принадлежит и наставлявший тебя старец. Если бы и всеми добродетелями украсился человек, но коль он неправо верует, то попадет в это место». При этих словах брат пришел в себя. Когда старец возвратился, брат рассказал ему все, что видел, и в скором времени присоединился к Святой Кафолической и Апостольской Церкви. Оставшись

в Каламоне при старце, он прожил с ним несколько лет и скончался в мире (102, 26—27).

***

В Келлиях был некто авва Иаков-младший. Его отец по плоти был ему и отцом духовным. В Келлиях было две церкви, одна — для православных, к которой и он принадлежал, а другая — для апосхистов[1]. Авва Иаков имел благодать смиренномудрия, за что был любим всеми, как православными, так и апосхистами. Православные говорили ему: «Смотри, авва Иаков, чтобы не обольстили тебя апосхисты и не увлекли в общение с собой!» И апосхисты также говорили ему: «Знай, авва Иаков, что ты, сообщаясь с дифизитами[2], губишь свою душу, ибо они — несториане и клевещут на истину!» Авва Иаков, как человек простой, находился в затруднении, слушая, что говорили ему с обеих сторон. Наконец, овладело им беспокойство, и он пошел молиться Богу. Заключился в келье, которая была в уединении вне Лавры, и надел на себя погребальные одежды, как бы перед смертью. Египетские отцы имеют обыкновение сберегать до смерти левитон и куколь, в которых принимают святой монашеский образ, и в них погребаться. В продолжение жизни они надевают их только по воскресным дням для приобщения Святых Таин и тотчас же после этого снимают.

Авва Иаков, уединившись в келье и стоя на молитве перед Богом, настолько изнурил себя постом, что, нако-

[1] Апосхисты — раскольники; здесь имеются в виду монофизиты, которые в противоположность дифизитам исповедуют во Христе только одну божественную природу.

[2] Дифизиты — православные, исповедующие две природы во Христе, как божественную, так и человеческую.

нец, пал на землю и лежал распростертым. Он рассказывал, что в эти дни много пострадал от демонов, особенно в мыслях. По прошествии сорока дней Иаков видит, что к нему входит Отрок с веселым лицом и говорит ему: «Авва Иаков, что ты здесь делаешь?» Иаков вдруг осиялся светом. Он почувствовал в себе силу от видения Отрока и отвечал ему: «Господи, Ты знаешь, что со мной делается! Одни говорят мне: «Не оставляй Церкви (Православной)». Другие говорят мне: «Дифизиты тебя прельщают». Недоумевая и не зная, что делать, я решился на такой подвиг». Господь отвечает ему: «Хорошо там, где ты». И тотчас при этих словах авва Иаков увидел себя перед дверьми Святой церкви Православных последователей Халкидонского Собора» (97, 276—277).

***

Один монах, живший в монастыре святого Феодосия, хотя и был православный, но, по своей простоте, мало обращая внимание на различия вер, часто выходил из кельи и отправлялся в церкви либо египтян, либо армян и других еретиков и там постоянно до конца выстаивал их службы, нисколько не думая о том, что это грешно. Этому иноку однажды явился Ангел и спросил его: «Скажи мне, старец, когда ты умрешь, то какой обряд погребения ты хотел бы, чтобы совершался над тобой: египетский, армянский, какой другой еретической секты или православный?» Старец отвечал: «Не знаю». Тогда Ангел сказал ему: «Так размысли о себе, через три недели я приду к тебе, и тогда мне скажешь». После явления Ангела инок пошел за советом к одному прозорливому старцу и передал ему слова Ангела. Тот, выслушав их, внимательно посмотрел на гостя и сказал: «Да уж не ходишь ли ты в церкви иновер-

ных?» «Да, — отвечал инок, — где застану пение, там и слушаю его — армянское ли, египетское или другое какое еретическое — мне все равно». Прозорливец тогда воскликнул: «Горе тебе, брат, хотя ты и считаешь себя православным! Горе тебе будет за твое хождение в церкви к тем, которых отметают правила Соборов и святых отцев! Образумься скорее, и когда придет к тебе Ангел, тотчас скажи ему: «С этого времени хочу быть православным!» Прошло три недели, и Ангел действительно явился иноку и спросил: «Ну что ты размыслил о себе?» «Да, хочу быть православным», — отвечал монах. «Хорошо ты это сделал, — сказал ему Ангел, — ибо теперь только и освободил свою душу от муки». После этих слов Ангела монах тут же скончался (112, 231—232).

***

Византийский император Валент, по вере еретик-ариан-ин, закрыл православные церкви в своем государстве, отдал их во власть ариан и приказал изгнать всех православных епископов. Те сказали царю: «Прежде чем привести в исполнение свое повеление относительно нас, позволь Василию Великому войти в собеседование о вере с арианами. Если они победят Василия, то мы беспрекословно покоримся тебе».

Валент согласился и пригласил Василия в Никею. Василий, сказав Валенту, что его с арианами рассудит Бог, велел запереть двери одной из церквей и призвал ариан: «Хотите убедиться, чья вера правая? Если по вашей молитве эти двери отверзутся сами собой, будем знать, что правда на вашей стороне. Если же отверзутся по нашей молитве, то тогда все должны будут признать, что православно веруем мы, а не вы». Ариане согласились, с утра

до вечера молились они об отверзении дверей, но «не бысть, как сказано, ни гласа, ни послушания».

Настала очередь православных. Святой Василий с клиром и православным народом подошел к церкви, преклонил колена и стал молиться. «И внезапу бысть гром велик, и отверзошася двери церковныя». Все ужаснулись и прославили Бога. Валент повелел возвратить церкви православным, наградил Василия великими дарами и отпустил с миром (112, 333—334).

***

В Константинополе были два брата, серебряники по ремеслу, родом сирийцы. Однажды старший брат говорит младшему: «Пойдем, побываем в Сирии и приобретем во владение родительский дом». — «Зачем уходить обоим, можно ли нам бросить свое дело?» С общего согласия решили, что отправится младший брат. Спустя немного времени после его отъезда оставшийся в Константинополе видит сон. Благолепный старец говорит ему: «Знаешь ли, что твой брат впал в блуд с женой корчемника?» Проснувшись, он был очень огорчен и сказал сам себе: «Это я виноват, зачем отпустил его одного?»

Спустя какое-то время снова видит во сне того же мужа, который говорит те же слова: «Знаешь ли, что твой брат впал в блуд с женой корчемника?» И снова почувствовал он великую печаль. Но вот в третий раз явившийся говорит ему: «Знаешь ли, что брат твой покинул законную жену и связался с женой корчемника?» Тогда срочно написал он из Константинополя брату в Сирию: «Тотчас же бросай все и возвращайся в Византию».

Получив письмо, тот, оставив все, явился к брату. Он повел его в храм и начал горько укорять: «Хорошо ли, что ты впал в блуд с женой корчемника?» Тот, выслушав

брата, начал клясться именем Бога Вседержителя: «Я не понимаю, что ты говоришь, я не предавался распутству, не вступал ни с кем в незаконную связь и никого не знал, кроме законной жены». Старший брат, выслушав это, спросил: «Не сотворил ли ты еще чего-либо более тяжкого?» Тот отрекался: «Ничего не сделал я незаконного. Правда, я встретил в нашем селении монахов из секты Севера и, не зная, что это худо, имел с ними общение. Но другого ничего за собой не знаю».

Тогда старший брат понял, что блуд означает измену Святой Кафолической Церкви. Брат впал в ересь акефала Севера, поистине корчемника, опозорил себя и унизил высоту Православия» (102, 179—180).

***

Брат просил авву Олимпия, пресвитера лавры аввы Герасима: «Скажи мне что-нибудь». «Не будь с еретиками, — отвечал тот, — и воздерживай язык и чрево. И где бы ты ни был, говори себе непрестанно: я — пришлец» (102, 18).

***

Когда отступник от Православия униатский епископ Ипатий Поцей совершал соборне с другими униатскими епископами Литургию в монастыре Святителя Николая, то влитое в потир вино превратилось в воду. Отступники от православной веры старались объяснить это явление недосмотром священника, совершавшего проскомидию, и поспешили опять влить в потир вино. Но Бог и на этот раз изобличил нечестивых изменников святой веры: после вторичного вливания вина потир распался, и вино пролилось на землю, к великому ужасу всех присутствующих при богослужении. Все ясно увидели, что епископы их (т. е.

униатские и римско-католические) — еретики, и, вследствие этого чуда, снова возвратились в лоно Православной церкви (111, 165).

***

Один старец пришел к авве Лоту, жившему близ небольшого озера Арсеноитского, и просил у него себе келью. Авва Лот дал ему келью. Старец этот был нездоров, и авва Лот покоил его. Если кто приходил посетить авву Лота, авва посылал того и к больному старцу. А тот начал предлагать приходящим учение Оригена[1]. Это оскорбило авву Лота. Он говорил: «Не подумали бы отцы, что и мы тех же мнений держимся». Выслать же старца из этого места он боялся ради заповеди. Итак, авва Лот встал, пошел к авве Арсению и рассказал ему о старце. Авва Арсений говорит ему: «Не выгоняй его, но только скажи ему: вот, — что дал Бог — ешь, пей, сколько хочешь, только не проповедуй такого учения. Если захочет — исправится, а если не захочет, то сам будет просить, чтобы ему оставить это место. И тогда ты не будешь этому причиной».

Возвратившись, авва Лот так и сделал. Старец, выслушав Лота, не захотел исправиться, а стал просить: «Ради Господа вышли меня отсюда — для меня пустыня несно-

[1] Ориген — александрийский пресвитер, философ-богослов, родился ок. 185 г. Преподавал в александрийской школе риторику и грамматику. Написал около 6000 трудов, в том числе толкования: Псалтири, книг Иеремии, евангелистов Матфея и Иоанна и др. Оригена нельзя считать христианским мыслителем в строгом понимании этого слова. Некоторые его творения не соответствуют православному вероучению и осуждены впоследствии. Основные заблуждения учения Оригена состояли в том, что он считал: 1) душа Христа, была одной из многих душ, сотворенных Богом и стремящейся соединиться с Ним, прежде воплощения и рождения Христа от Девы Марии; 2) признавал всеобщее восстановление падшей твари, в том числе и демонов; 3) признавал предсуществование и падение душ; 4) наказание демонов и нечестивых людей временно и что оно будет иметь конец, и проч. На V Вселенском Соборе в 553 г. Ориген был обвинен в ереси.

сна». И старец, собравшись, удалился, напутствуемый любовью (97, 135).

***

Но особенно поразительный случай, ясно доказывающий превосходство Православной веры над латинскою, имел место в Молдо-Влахии. Когда воевода Михаил, после изгнания своего брата, принял власть в Молдо-Влахии, он первым делом отправился в столицу Молдо-Влахийской земли Белград и решил построить там православную церковь. Но латинские ксендзы, равно как граждане и бояре латинской веры, воспротивились этому желанию воеводы, говоря, что вера их самая правая, и что они не желают иметь в своем городе церкви чуждой веры. При этом они предложили открыть прение для доказательства превосходства их веры перед православною.

Но воевода сказал им: «Словопрение может быть бесконечно; но, если Богу будет угодно, мы и другим способом убедимся, чья вера более правая: идем посреди города, и пусть принесут чистой воды; мой архиерей со своими иереями освятит ее, и ваш пусть сделает то же; затем сосуды с освященною водою, запечатав моею и вашими печатями, вы храните в вашей великой церкви в продолжение сорока дней, запечатав и церковные двери. И чья вода, по прошествии означенного срока, окажется неиспорченною и свежею, как будто она сейчас же взята из источника, будет служить знаком, что и вера тех более правая».

Латиняне охотно согласились на предложение воеводы, и на другой же день обе спорящие стороны торжественно освятили воду и поступили с нею так, как предлагал воевода. После этого как православные, так и латиняне ежедневно в церквах совершали усердные молитвы и нес-

ли строгий пост. По прошествии двадцати пяти дней православный епископ, по внушению Божию, пришел к воеводе и сказал ему: «Призови латинян и их иереев и не жди назначенного сорокадневного срока; идем в церковь, и ты узришь благодать Божию и будешь свидетелем, что верные рабы Божии, уповающие на Него, не будут посты-жены». Совет был принят, и многие из православных и католиков последовали к церкви, с дверей которой были сняты печати, и все вошли в нее.

Тут православный епископ благоговейно опустился на колена и громко произнес следующую молитву: «Боже, Единый в Троице Святой славимый и поклоняемый! Яко же древле праведнаго Твоего Илии во извещении Твоея истины услышал еси огнем и посрамил еси злочестивых, тако и ныне услыши ми, недостойнаго раба Твоего, и всех предстоящих верных раб Твоих, не ради достоинства нашего, его же не имамы, но славы ради имени Твоего святаго и утверждения ради истинныя, яже в Тя, веры нашея; яви неотъемлемую благодать Святаго Духа от воды сея неистлением ея, да увидят вси предстоящие, яко в единой точию восточной греческой Твоей Соборной Церкви истинная есть вера и действительная благодать Святаго Духа: Ты бо един еси благословляяй и освящаяй всяческая, Боже наш, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков, аминь».

После этой молитвы епископ при пении: «Господь Просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся», — открыл сосуд с освященною водою и, посмотрев на воду, нашел ее еще более чистою и светлою, чем она была в первый день, когда ее принесли из источника; кроме того, от нее исходил весьма пряный и благовонный запах. Возблагодарив Бога, прославившего Святую церковь Православную, епископ обратился ко всем присутствовавшим с такими сло-

вами: «Подойдите и посмотрите, как после стольких дней вода сия, благодатию Святаго Духа, осталась совершенно не испорченною, и убеждайтесь, что православная наша вера есть свята и истинна».

Открыли свой сосуд и латиняне, но оказалось, что вода в нем до того испортилась, что смрад от нее распространился по всей церкви. С ужасом и удивлением сказали латиняне: «Истинна есть вера православная, которую исповедует воевода; пусть строит церковь своей веры в нашем городе, так как за сопротивление наше этому его желанию Бог разгневался на нас и чудесно показал нашу неправоту». Так посрамлены были латиняне с их священниками, из которых многие после этого чуда обратились в Православие. Воевода же с своим епископом, священниками, боярами и войском, исполненные великою радостию и веселием, возвратились во дворец воеводский, славя и благодаря Бога за чудо. И тут же решено было приступить к устройству православной церкви (111, 165—166).

***

Авва Феодор говорил: «Если ты будешь иметь с кем-нибудь дружбу и случится ему впасть в искушение блуда, то, если можешь, подай ему руку и подними его; если же он впадет в ересь и, несмотря на твои убеждения, не обратится, то скорей отсекай его от себя, чтобы, если замедлишь, и самому тебе не упасть с ним в яму» (97, 282).

Ж

ЖЕНЩИНА

...Укоризна женщине, которая дышит любодейством; она смотрит любопытным оком, вольность сердца выказывает во взгляде, улыбается, вызывает взорами на блуд, разливает из глаз какой-то тлетворный яд — нечто подобное тому, что рассказывают о василиске, который, как говорят, одним взглядом умерщвляет, на кого посмотрит (свт. Василий Великий, 6, 136).

***

...Ходить, влача за собою одежду, походку иметь не естественную, но свободно приученную к неблагопристойным движениям, есть признак женщины надменной и сладострастной (свт. Василий Великий, 6, 136).

***

Женщины должны в церкви молчать, дома же заниматься беседами о благоугождении Богу (свт. Василий Великий, 7, 407).

***

Как от бурь и непогод тонут непрочные корабли, так от худых наклонностей жен гибнут немощные души их <мужей> (свт. Василий Великий, 8, 95).

***

На удовлетворение женских пожеланий не станет никакого богатства, хотя бы оно текло реками... (свт. Василий Великий, 8, 95).

***

У Христа воинствует и женский пол, вписываемый в воинство по душевному мужеству и не отвергаемый за телесную немощь. И многие жены отличились не менее мужей; есть и такие, что даже больше прославились. Таковы наполняющие собою лик девственниц, таковы сияющие подвигами исповедания и победами мученичества. И за Самим Господом, в пришествие Его, следовали не только мужи, но и жены. Теми и другими совершалось служение Спасителю (свт. Василий Великий, 9, 35).

***

...Если кто говорит, что от свидания и долгого сожительства с женщинами не терпит вреда, то он или не имеет в себе мужской природы, и есть какое-то весьма странное создание, занимающее середину между тем и другим полом... или если имеет, то, будучи погружен в страсти, не чувствует сего, уподобляясь упившимся или сумасшедшим, которые в самых тяжких страданиях почитают себя нестраждущими (свт. Василий Великий, 9, 332).

***

Бесстыдство — матерь блуда. Женщины, если увидят, что обходишься с ними вольно и говоришь о пустом, то, побудив еще к худшему, доведут тебя до падения. Даже при всем благоговении своем не полагайся сам на себя (прп. Ефрем Сирин, 31, 267).

***

О, какое всякого зла злейшее зло — лукавая жена! Если только лукава она, то богата уже злобой; а ежели есть у нее и богатство в содействие ее лукавству, то она — сугубое зло, нестерпимое животное, неисцелимая болезнь, неукротимый зверь (прп. Ефрем Сирин, 32, 57).

***

...Кто имеет у себя лукавую жену, тот пусть знает, что в ней получил он воздаяние за свои беззакония (прп. Ефрем Сирин, 32, 59).

***

Хорошо жене — почитать Христа в лице мужа; хорошо и мужу — не бесчестить церковь в лице жены (свт. Григорий Богослов, 14, 219).

***

Неприлично женщинам выказывать в себе мужеский нрав; всякое другое правило, кроме стыдливости, чуждо благонравной женщине (свт. Григорий Богослов, 15, 367).

***

...Всецело храни себя чистою, дева, не оскверняй пречистого Христова хитона. Пусть око твое будет целомудренно, язык девствен, ни ум, ни смех не блудодействуют, ноги не ходят бесчинно. Невымытую свою одежду и непричесанные волосы цени выше жемчужных и шелковых уборов. Прекрасный цвет — румянец стыдливости; великое убранство — бледность; прекрасная ткань — увенчаться всеми добродетелями. Пусть другая обезображивает образ Божий притираниями, делается одушевленною картиною, безмолвным обвинителем внутренних пороков; а ты умертви в себе, сколько можно, и то благообразие, какое имеешь, сияй же красотою души, которая находит для себя украшение в Боге. Убегай взора мужчин, даже, когда только можно, и целомудренных, чтобы не уязвить другого, и самой не быть уязвленною от насмешливого велиара. Не порабощай очей очам, не привлекай слова словом, и ланиты твои да не подают смелости ланитам другого. Не вкушай плодов осужденного древа, чтобы змий не удалил тебя от древа жизни (свт. Григорий Богослов, 16, 107—108).

***

В одежде лучшее убранство — неукрашенность. Избегай изнеженности, будь скромна в своих движениях, не привлекай на себя своими взорами моих взоров; соблюдай целомудрие в поступи; проводи время в уединении; замкни слух свой ключом; не позволяй любодействовать смеху; весьма много, если дозволишь себе и признак смеха. Гнев, пьянство и бес — равно опасны девам, а всего хуже пресыщение чрева. Красота пусть уступит молитвам и бдениям (свт. Григорий Богослов, 16, 116).

***

Не стройте, женщины, на головах у себя башен из накладных волос, не выставляйте напоказ нежной шеи; не покрывайте Божия лика гнусными красками, и вместо лица не носите личины. Женщине неприлично показывать мужчинам открытую голову, хотя бы золото вплетено было в кудри, или несвязанные волосы... Ей неприлично носить наверху гребень, наподобие шлема, или видную издали мужчинам и блестящую башню. Неприлично и то, чтобы сквозь тонкий лен просвечивали твои волосы, вместе покрытые и открытые, и сияя как золото, где сбежало покрывало, выказывали мастерство твоей трудившейся руки, когда, поставив перед собою слепого наставника — бездушное изображение своего лица, с его помощью писала ты свою красоту.

Если природа дала вам красоту, не закрывайте ее притираниями, но чистую храните для одних своих супругов, и не обращайте на постороннего жадных очей, потому что вслед за очами неблагочинно ходит и сердце. А если при рождении не получили вы в дар красоты, то избегайте второго безобразия, т. е. не заимствуйте красоты у рук — красоты, которую доставляет земля, которую распутные женщины покупают... красоты, которая стирается и стекает на землю, не может удержаться на тебе во время смеха, когда веселие приводит в трепет ланиту, — красоты, которую изобличают в подлоге ручьи слез, увлажняющий ланиты страх, и уничтожает капля росы (свт. Григорий Богослов, 16, 227—228).

***

...О целомудрии твоего сердца заключаю по неукрашенной красоте твоего лица. Да не кладет на тебя своей

печати темный велиар! Он или совершенно обратит тебя в пепел, или очернит своим дымом, и за краткое наслаждение покроет позором. Не для благорожденных дорого золото, перемешанное с драгоценными камнями и сквозящим своим блеском поражающее взоры, в виде цепи разложенное по персям, жемчужным бременем отягчающее и обезображивающее уши, или увенчивающее голову. Не для благорожденных дороги эти золотые одежды, эти хитрые произведения из тонких нитей, то багряные, то золотистые, то прозрачные, то блестящие. Не губительные для ланит составы, не подрумяненные уста украшают женщину. Ее красота не в том, чтобы поверх расписанных веждей носить черную бровь, заворачивать внутрь увлажненные зрачки, изнеженным голосом привлекать к себе благосклонный слух, руки и ноги стянув золотыми, вожделенными и приятными для тебя узами, представлять из себя что-то рабское, тело и голову умащать роскошными благовониями... жевать во рту что-нибудь не употребляемое в пищу... держать в непрестанном движении подбородок, и как бы из презрения к целомудренным, из зубов и из увлажненных уст точить пену. Не восхищайся блистательностью седалищ, не старайся выказывать себя сквозь искусно сделанные и сквозящие створки, высматривая тех, которые на тебя смотрят (свт. Григорий Богослов, 16, 236—237).

***

Один цвет любезен в женщинах — это добрый румянец стыдливости. Его живописует наш Живописец. Если хочешь, уступлю тебе и другой цвет; придай своей красоте бледность, изнуряя себя подвигами для Христа, молитвами, воздыханиями, бдениями днем и ночью. Вот прити-

рания, годные и незамужним и замужним! А красильные вещества побережем для стен и для таких женщин, в которых производит бешенство и помет молодых людей. Они пусть и скачут, и смеются бесстыдно; а нам не позволено даже и смотреть на распутных женщин.

Лучшая драгоценность для женщин — добрые нравы, т. е. сидеть больше дома, беседовать о Божием слове, заниматься тканием и пряжей... на устах, на глазах и на ланитах носить узы, не часто переступать за порог своего дома, искать себе увеселений только в обществе целомудренных женщин и в одном своем муже, для которого ты, с Божия благословения, разрешила девственный пояс. Да и вольностям мужа полагай меру, чтобы тем самым уверить его, как далеко ты держишь себя от чужих мужчин (свт. Григорий Богослов, 16, 237—238).

***

Как не приходишь ты в трепет, когда преклоняешь пред иереями свою главу — это позорище, на котором появляются разные личины? Как не содрогнутся эти руки, которыми ты расписывала свою достойную слез красоту и которые потом простираешь к Таинственной Снеди? Даже и к мученикам, в память которых усердный народ, чтя драгоценную кровь, составляет хвалебные лики, являешься ты с лицом, обольщающим многих, подобно торжищному шуту, который влечет за собою по городу толпу, или подобно укротителю зверей, который из темных нор вытаскивает змей? Послушайся моих советов, женщина, и не поддавайся мысли — накладывать руку на лицо свое. С такими женщинами, дочь моя, не плавай на одном корабле, не ходи на общий совет, не живи под одной кровлей. Другим предоставь излишества; а ты бойся и похвалу выслушать из уст мужчин, — в этом слава женщин.

Если жизнь твоя совершенно свободна от уз, живи для одного Христа, отказавшись от всего, будь светлою, мудрою, рассудительною девою, и чистым женихом своего сердца имей Слово. А если овладела тобою любовь к тому ребру, от которого ты отделена, то и заботься об этом одном милом ребре, питая к нему добрую, благородную, а не порочную любовь; с другими же страстями не будь знакома и во сне. И ты предстоишь Великому Богу, и не скроешься, если что-нибудь изнеженное примешаешь к низкому. Много свидетелей на то, что и при грязных одеждах возможна неблагоприличная роскошь, а при пышных — благопристойность. Знай, что для тебя важнее один рубец, нежели самые глубокие раны для миролюбцев. Уважай бисер. Капля не так заметна на замаранной, как на чистой и одноцветной одежде (свт. Григорий Богослов, 16, 239—240).

***

Во-первых, почитай Бога, а потом супруга — глаз твоей жизни, руководителя твоих намерений. Его одного люби, ему одному весели сердце, и тем больше, чем нежнейшую к тебе питает любовь; под узами единодушия сохраняй неразрывную привязанность. Дозволяй себе не такую вольность, на какую вызывает тебя любовь мужа, но какая прилична; потому что во всем возможно пресыщение. Но хотя и во всем бывает пресыщение, однако же лучше такая любовь, которая не знает оного.

Родившись женщиной, не присвояй себе важности, свойственной мужчине; и не величайся родом, не надмевайся ни одеждами, ни мудростью. Твоя мудрость — покоряться законам супружества, потому что узел брака все делает общим у жены с мужем.

Когда муж раздражен, уступи ему, а когда утомлен, помоги нежными словами и добрыми советами. И укротитель львов не силою усмиряет разъяренного зверя, у которого в бешенстве прерывается дыхание, но укрощает его, гладя рукою и приговаривая ласковые слова (свт. Григорий Богослов, 16, 241).

***

Радости и все скорби мужа и для себя почитай общими. Пусть и заботы будут у вас общие; потому что чрез это возрастает дом (свт. Григорий Богослов, 16, 242).

***

Не выходи часто за двери дома, в места народных увеселений и неприличных собраний, там и у стыдливых похищается стыд, там взоры смешиваются с взорами, а потеря стыда — начало всех пороков (свт. Григорий Богослов, 16, 242).

***

Когда муж скорбит, поскорби с ним и ты несколько (сетование друзей служит приятным врачевством в печали), но вскоре потом, приняв светлое лицо, рассей грустные его мысли, потому что сетующему мужу самая надежная пристань — жена (свт. Григорий Богослов, 16, 242).

***

Будь высокомудренна, но не высокоумна (свт. Григорий Богослов, 16, 243).

***

Не спеши на брачный или именинный пир, где пьянство, пляски, смех... это приводит в расслабление и целомудренных, как солнечный луч топит воск (свт. Григорий Богослов, 16, 243).

***

На щеках твоих не должно быть ни похотливых движений, ни гневливых трепетаний. Это постыдно для всякого человека, особенно же для женщины, и делает лицо безобразным. Уши свои укрась не жемчугом, но привычкой внимать добрым речам, а для худых речей замыкать их ключом ума. И отверстые, и замкнутые уши твои да будут целомудренными слушателями (свт. Григорий Богослов, 16, 243—244).

***

Продерзливый язык причинял часто зло и невинным. Лучше молчать, когда и самое дело вызывает на слово, нежели говорить, когда и время не дает места нескромному слову. Твое слово да остается предметом желаний (свт. Григорий Богослов, 16, 244).

***

...Не предавайся неукротимой плотской любви, не во всякое время ищи удовольствий супружеского ложа; убеди супруга оказывать уважение к святым дням, потому что образу Великого Бога свойственно покорствовать законам, хотя Сам бесплотный Сын дал нашему роду брачный закон, созданию руки Своей оказав ту помощь, что, когда одни отходят, а другие приходят, длится поколение, и изменяющийся человеческий род уподобляется реке, ко-

торая и не стоит на месте, по причине господствующей смерти, и всегда полна вследствие новых рождений (свт. Григорий Богослов, 16, 244).

***

Для чего, скажи мне, ты хочешь быть почитаемым от женщин? Весьма недостойно духовного мужа желание такой чести; между тем и она будет достигнута тогда, когда мы не станем искать ее (свт. Иоанн Златоуст, 44, 267).

***

...<Жена> может помогать мужу не украшениями своими, не роскошью, не просьбами к мужу о выдаче денег, не пышностью и расточительностью, но когда, став выше всего настоящего и отпечатлев в себе жизнь апостольскую, будет оказывать большую кротость, большую скромность, большое презрение к деньгам и терпеливость, тогда она будет в состоянии поддержать его, когда скажет: ***имеюще же пищу и одеяние, сими доволни будем*** (1 Тим. 6, 8), когда будет оправдывать такое любомудрие делами и, посмеваясь над смертью телесною, считать за ничто настоящую жизнь, когда всю славу этой жизни будет признавать, согласно с пророком, за ***цвет травный*** (Ис. 40, 6). Таким образом, жена может спасти мужа не тем, что сопрягается с ним, как жена, но своею евангельскою жизнью... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 339).

***

Взор не только невоздержной, но и целомудренной женщины поражает и смущает душу, ласки обольщают, почести порабощают, и пламенная любовь — эта причина

всех благ — делается причиною бесчисленных зол для тех, которые неправильно пользуются ею (свт. Иоанн Златоуст, 44, 475).

***

Почести, оказываемые женщинами, хотя и ослабляются силою целомудрия, однако часто и низвергают того, кто не научился постоянно бодрствовать против таких козней... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 469—470).

***

...Жену делает любезною не благообразие тела, но добродетель души, не притирания и подкрашивания, не золото и драгоценные одежды, но целомудрие, кротость и постоянный страх Божий (свт. Иоанн Златоуст, 44, 614).

***

Как звероловы, раскинув сети, стараются заманить диких животных, чтобы заколоть их, так и эти <развратные> женщины, раскинув всюду сети любострастия, и глазами, и телодвижениями, и словами завлекают и опутывают своих любовников, и отстают не прежде, как выпив и самую кровь их, а после сами же нападают на них, смеются над их глупостью и много издеваются над ними (свт. Иоанн Златоуст, 45, 165).

***

Величайшая сеть — красота женская, или вернее, не красота женская, а сладострастный взгляд. Мы осуждаем вовсе не вещи, а себя и свою беспечность... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 175).

***

Не столько природа делает лицо красивым, сколько расположение взирающего на него; а расположение обыкновенно ничем так не приобретается, как целомудрием и скромностью (свт. Иоанн Златоуст, 45, 269).

***

...Украшай лицо целомудрием, скромностью, милостынею, человеколюбием, любовью, приветливостью к мужу, кротостью, смирением, терпеливостью; вот краски добродетели; ими ты привлечешь любовь не людей только, но и Ангелов; за них восхвалит тебя Сам Бог; когда же Бог будет благоволить к тебе, то, конечно, Он привяжет к тебе и мужа (свт. Иоанн Златоуст, 45, 269).

***

...Когда увидишь жену, красивую лицом и в светлой одежде; когда увидишь, что похоть подстрекает (тебя), и что душа (твоя) ищет этого зрелища, воззри на уготованный тебе на небе венец — и пройдешь мимо такого зрелища (свт. Иоанн Златоуст, 45, 354).

***

Если благоразумному мужу позволено лишь только тихо улыбаться, то мудрой женщине едва советуется даже и это (свт. Иоанн Златоуст, 45, 904).

***

...Развратная, невоздержная, сварливая <жена>, хотя бы нашла в доме бесчисленные сокровища, расточит их

скорее всякого ветра и ввергнет мужа вместе с бедностью в бесчисленные несчастья (свт. Иоанн Златоуст, 46, 231).

***

Это существо (женщина), в самом деле, настойчиво и решительно: если уклонится ко злу, то совершает великие злодеяния; а если примется за добродетель, так скорее отдаст жизнь свою, нежели отстанет от своего намерения (свт. Иоанн Златоуст, 47, 814).

***

Какая тебе, жена, польза от золота? Чтобы казаться красивою и благообразною? Но это нисколько не придает красоты душе твоей. Будь красива душою, — тогда будешь приятна и по телу (свт. Иоанн Златоуст, 48, 569).

***

Не говори мне о красоте тела, но смотри на достоинства души. Что представляет из себя красивая женщина? Гроб разукрашенный, если она не украсила себя целомудрием (свт. Иоанн Златоуст, 48, 638—639).

***

Все женщины, преданные целомудрию, достойны названия мужественных (свт. Иоанн Златоуст, 48, 699).

***

Это зло <гордость и высокомерие> везде несносно, но особенно в женском поле. Жена, исполненная высоко-

мерия, будучи более легкомысленною и неразумною, легко развращается, утопает, терпит кораблекрушение от всякого бурного дуновения, так как гордость и высокомерие потопляет ее (свт. Иоанн Златоуст, 49, 52).

***

Не смотреть на красивых женщин не такой большой труд, как, смотря на них, усмирять себя; лучше же сказать, первое вовсе и не может быть трудом, но после того, как посмотришь, бывает большая неприятность и беда (свт. Иоанн Златоуст, 52, 633).

***

...Покрытие <женской головы> есть знак покорности и подчинения; оно побуждает смотреть вниз, смиряться и соблюдать добродетель; добродетель же и честь подчиненного состоят именно в том, чтобы пребывать в послушании. Мужу не предписывается это делать, так как он — образ Самого Владыки... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 259).

***

...Отчего, скажи мне, ты прибавляешь от себя нечто к тому, что создано совершенным от Бога? Неужели для тебя мало того, что сотворил (Бог)? Следовательно, ты, (считая себя) искуснейшей художницей, принимаешься исправить дело Божие? Этого ты не имеешь в виду, но ты украшаешь себя и наносишь оскорбление Творцу для того, чтобы привлечь к себе бесчисленных любовников? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 649).

Тебя, <женщина>, создал Бог благообразною для того, чтобы и чрез это возбудить в нас удивление к Себе, а не для того, чтобы Ему мы наносили оскорбление. Не такими воздавай Ему за это дарами, но целомудрием и скромностью. Бог создал тебя благообразною для того, чтобы чрез это умножить для тебя подвиги скромности. Не в одинаковой ведь степени (трудно) сохранять целомудрие той, которая во всех возбуждает любовь к себе, и той, к которой никто не чувствует расположения (свт. Иоанн Златоуст, 54, 649).

***

Подобно тому, как если бы кто стал намазывать грязной тиной золотую статую, так поступают те, которые употребляют притирания (свт. Иоанн Златоуст, 54, 649).

***

...Не станем украшать себя, — потому что это лишняя и бесполезная забота; не будем приучать своих мужей к тому, чтобы они любили одну только наружность. Если ты будешь так украшать себя, то он, привыкши к этому, (взирая) на твое лицо, легко может быть прельщен распутством. Напротив, если ты научишь его любить благонравие и скромность, то он не скоро впадет в прелюбодеяние, потому что у блудницы он не найдет этого, но найдет противное тому. Итак, не приучай его прельщаться смехом, ни свободными телодвижениями, чтобы ты чрез это не приготовила яда для самой себя. Учи его находить удовольствие в скромности; а это ты можешь сделать тог-

да, когда ты скромно будешь держать себя. В самом деле, если ты сама легкомысленна и сладострастна, то как можешь завести с ним благопристойную речь? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 651—652).

***

...И жене досталась немаловажная часть всего вообще управления делами, именно — домашняя; а без нее и гражданские дела никогда не могли бы состояться. Если бы домашние дела находились в расстройстве и беспорядке, то каждый из граждан должен был бы сидеть дома, и дела гражданские находились бы в худом положении. Таким образом и в этих делах она участвует не менее (мужа), и в духовных (свт. Иоанн Златоуст, 54, 832).

***

...Вы теперь тело украшаете, а души оскверняете. Но что за приятность в том, что сосуд золотой, если содержащийся в нем напиток смертоносен? Не таковы ли блудницы? Лица их цветут красками, а души погибают. Разве, нарумянивая свое лицо пурпуровой краской, не устраивают они своими перстами подобие того огня, который им угрожает, — тогда как следовало бы им самые сердца свои окропить кровью Иисуса и убелить Его Духом свои души, чтобы цвет души заблистал, как роза в соединении с лилией? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 941).

***

Пусть наряжается актриса или танцовщица; ей хочется привлечь к себе всех. А посвятившая себя благочестию не

так должна украшаться; у нее есть другое украшение, гораздо лучшее.

И у тебя есть свое зрелище; украшайся прилично этому зрелищу; облекайся в этот наряд. Какое же это зрелище — небо, лик Ангелов. Говорю не об одних только посвятивших себя девству, но и о мирских, для всех верующих во Христа открыто это зрелище (свт. Иоанн Златоуст, 55, 235—236).

***

...Что ты не мужу хочешь нравиться и не для него наряжаешься — это очевидно для всех из твоих собственных поступков. Как только ты переступаешь порог спальни, тотчас снимаешь все... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 237—238).

***

Ты желаешь казаться красивой? И я желаю этого, но только — тою красотою, которой требует Бог, красотою, которой хочет Царь (Небесный) (свт. Иоанн Златоуст, 55, 238).

***

Для чего ты, жена, постоянно расслабляешь тело свое роскошью и делаешь его негодным? Для чего губишь силу его тучностью? Ведь тучность составляет слабость для него, а не силу.

Если же ты, оставив это, будешь вести себя иначе, тогда явится и красота телесная по желанию твоему, как скоро будет сила и свежесть (свт. Иоанн Златоуст, 55, 245).

***

Когда ты увидишь миловидную женщину, с молниеносными очами, с весело сияющим лицом, с дивной красотой, которая сжигает твой ум и распаляет похоть, то подумай, что то, чему ты удивляешься и что разжигает тебя, есть лишь земля и пепел, и душа перестанет неистовствовать. Сними <мысленно> кожу с лица этой женщины, и тогда увидишь все ничтожество красоты. Не останавливайся на одной внешности, а проникни мыслью внутрь, и ты не найдешь ничего другого, кроме костей, нервов и жил (свт. Иоанн Златоуст, 55, 580—581).

***

Как, открывши глаза, нельзя не смотреть, так, когда смотришь на женщину, не может не родиться вожделение. Для чего же подкладывать огонь к природе? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1098—1099).

***

Если можно, надлежит избегать всяких собеседований с женщинами, как располагающих к какой-то изнеженности. Если же, по требованию обстоятельств, или по делам о снабжении нищих, сие невозможно, то надобно говорить с ними, смотря вниз; потому что во многих, или и во всех, побежденных красотою женскою, ***сквозе окна взыде смерть*** (Иер. 9, 21), преодолевшая даже великого пророка и царя, когда посмотрел он на этот смертоносный водоем (прп. Исидор Пелусиот, 60, 63).

***

Одни из женщин, не имея терпения скрывать женские болезни, если они благообразны и богаты, гордятся блес-

ком обделанных в золото драгоценных камней, а если безобразны и бедны, мастями и подкрашиванием глаз ухищряются придать себе красоту. А те, которым желательно, чтобы почитали их честными, хотя довольствуются природною красотою, однако же не отказываются придавать ей лучший вид. Истинно же целомудренные, прилагая все старание о том, чтобы попещись о душе, не отказываются и телу, как орудию души, услужить в меру, но почитают делом недостойным и низким для себя украшать тело и величаться им, чтобы оно, по природе будучи рабом, не возгордилось пред душою, которой вверено право владычества; напротив того, приобучают тело знать свойственный ему чин и не выставляют его в виде приманки служить поджогою и поводом к непотребству, но по возможности отъемлют у него все, что обратилось бы в пищу этому огню. И вот от одного правдолюбивого мужа слышал я достойный внимания и памяти рассказ...

Однажды юноша, похотливый и женский прислужник, увидел прекрасную девицу, сильно ею пленился, и употреблял все ухищрения удовлетворить своему пожеланию, но девица с самого начала сделала ему отказ; потому что была благородна, целомудренна, дала обет и душу и тело соблюсти Христу неприкосновенными. Но когда услышала, что юноша ведет себя, как неистовый и бешеный, изобрела способ, которым бы и свою соблюсти невинность и в нем угасить огонь. Остригши, лучше сказать, обривши все благолепие волос и пеплом, смешанным с водою, помазав лицо, она велела юноше войти к ней. Потом сказав вошедшему: «Ужели любишь ты это безобразие?» И юноша, как бы пришедши в себя из своего неистовства, не только угасил в себе огонь вожделения, но даже сделался пламенным любителем целомудрия (прп. Исидор Пелусиот, 60, 317—319).

***

Как, если кто, взяв меч, ходит по дорогам, намереваясь кого-нибудь убить, но, не нашедши его, возвращается, не исполнив намерения, то не избегает приговора, что он — убийца, потому что признается таким по предприятию, а не по совершению дела, так и женщина, которая очень наряжается и ходит по торгу или выглядывает в окно для того, чтобы уловлять юношей, хотя и не успеет уловить, осуждается, как уловившая, потому что со своей стороны сделала она все, и яд растворила, и силок поставила, и сеть раскинула со всем тщанием. А если и мужчина для той же цели будет наряжаться изысканнее, нежели как свойственно мужчине, то и он подпадет неминуемому осуждению, хотя и не найдется пожелавшей вкусить приготовленного пития. Но если женщина идет степенно, целомудренно, честно, а кто-нибудь, увидев ее, уязвится, вина не на той, на которую смотрят, но на уязвившемся (прп. Исидор Пелусиот, 61, 67—68).

***

...<Женская> ласка, по моему мнению, могущественнее страха... обольщающая убранством и слагающая с себя хитон сластолюбия, женщина — этот витий сильный в очаровании невнимательных, это давнее оружие диавола, которым он низложил многих мужественных (прп. Исидор Пелусиот, 61, 460).

***

Ни багряного цвета ткани, ни слившегося с золотом блеска разноцветных камней не должно почитать убранством для женщины, потому что многие из них, будучи грубого нрава и гоняясь за такими нарядами, соделались

для сожителей отвратительными и ненавистными. Напротив того, красота души слагается из добродетелей, и в супруге усиливает любовь и служит средством к поддержанию взаимного благорасположения (прп. Исидор Пелусиот, 62, 158).

***

Вид нарядной женщины потопляет хуже волны. Из волн, по любви к жизни, можно еще выплыть, а обольстительный вид женщины убеждает пренебречь и самою жизнью (прп. Нил Синайский, 71, 206—207).

***

Взор женщины — ядовитая стрела, ранит душу и вливает в нее яд; и чем более застаревает сия язва, тем большее производит повреждение (прп. Нил Синайский, 90, 250).

***

Некто, увидев необыкновенную женскую красоту, весьма прославил о ней Творца, и от одного этого видения возгорел любовию к Богу и пролил источник слез (прп. Иоанн Лествичник, 57, 122).

***

Благий Господь и в том являет великое о нас промышление, что бесстыдство женского пола удерживает стыдом, как бы некою уздою, ибо если бы женщины сами прибегали к мужчинам, то не спаслась бы никакая плоть (прп. Иоанн Лествичник, 57, 125).

***

Та... которая не для покрытия и согревания тела употребляет одежду, а для показности и щеголяния изяществом и цветностию их, не только бесплодие души обнаруживает пред смотрящими на нее, но покрывается и бесстыдством блудническим (свт. Григорий Палама, 93, 268).

***

Лицо женщины — стрела лютая: наносит язву душе. Если хочешь быть чист, убегай, как яда, сообращения с женщиной... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 316).

***

В женщине преобладает кровь; в ней с особенной силой и утонченностью действуют все душевные страсти, преимущественно же тщеславие, сладострастие и лукавство. Последней прикрываются две первые (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 318).

****

От Иерусалима на расстоянии двадцати тысяч шагов есть обитель, называемая обителью Сампсона. Из этой обители двое из отцов отправились на гору Синай для молитвы. Возвратившись в монастырь, они рассказали: «Поклонившись на святой горе, мы уже возвращались обратно и заблудились в пустыне. Много дней передвигались мы по пескам пустыни, как по морю. Однажды издали заметили небольшую пещеру и направились к ней. Приблизившись к пещере, мы увидели около нее небольшой источник, растительность и следы человека. «Поистине

здесь живет раб Божий!» — сказали мы друг другу. Входим в пещеру, но не видим никого. Только услышали чей-то стон. Тщательно осмотрев пещеру, мы нашли что-то вроде яслей, и кто-то лежал там. Подойдя к рабу Божию, мы просили его побеседовать с нами. Ответа не было. Мы дотронулись до него. Тело еще не остыло, но душа уже отошла ко Господу. Мы поняли, что он скончался в тот момент, когда мы вошли. Мы вырыли могилу тут же. Один из нас снял свой плащ, и мы стали завертывать тело старца для погребения. Тогда только мы увидели, что это была женщина. Мы воздали хвалу Богу. И, воспев погребальные песни, похоронили ее...» (102, 155—156).

***

Ходил некто из отцов по пустыне и, заглянув в пещеру, увидел сидящую женщину, и показалась она ему зверем. И начал он кричать и заклинать ее, говоря: «Если ты человек, выйди, чтобы я мог побеседовать с тобой». Она же сказала: «Иди, человек, зачем хочешь ты видеть меня, я женщина, и притом нагая, ради Господа моего». Он же дал ей свою одежду и сандалии, она оделась и вышла к старцу. Он ее спрашивает: «Ради Бога открой мне, кто ты?» Она говорит: «Я была дочь патриция, и захотели родители выдать меня замуж и сделать зятя наследником своего имения. Я же, видя, что все в мире суета, убежала ночью и пришла на эту скалу. Теперь уж мне исполнилось семьдесят лет, не видела я человека, кроме тебя. Есть у меня сосуд с водой и моченые бобы. Ибо умножил их Бог».

Ел их старец, пил воду, укрепился весьма и, возблагодарив Бога, пошел опять в свою келью. Она же, раздевшись, сказала ему: «Возьми свое, честной старец». — «Ос-

тавь это у себя, святая мать». Она же не согласилась, но сказала: «Пойди, принеси другую одежду и другие сандалии и скорее приходи». Он приготовил, что нужно, и, вернувшись, нашел, что большой камень привален к входу в пещеру. Сотворив молитву, отвалил камень и, войдя внутрь, увидел женщину почившей. Надев на нее одежду и сандалии, они со слезами похоронил ее святое тело. Был же у старца один глаз от юности слепой. Сотворив поклонение и облобызав честные ее останки, он вдруг прозрел. Старец прославил Бога, давшего такую благодать и терпение женщине. Сотворив молитву, он привалил камень к пещере и пошел, удивляясь и благодаря Бога, открывшего ему такое сокровище (98, 467—468).

***

Одна молодая христианка, придя к авве Петру, имела на себе серьги, и ожерелье, и прочее — все из золота, и различные одежды, сотканные из шелковых нитей. Она была в цветущем возрасте и красовалась юностью, а совершенства в добродетели еще не стяжала. Приметив это, благочестивый муж исцелил ее страсть к щегольству следующим убеждением. «Скажи мне, дочь моя, если бы живописец, весьма опытный в своем искусстве, написал картину по всем правилам искусства и показал бы ее людям, другой кто-нибудь, не изучивший хорошо того искусства, а рисующий, как вздумается, пришел бы и, охулив ту художественную живопись, придал бы бровям и ресницам более яркое очертание, лицо сделал бы белее, на щеках прибавил бы краски, — как ты думаешь, не справедливо ли вознегодовал бы тот живописец на оскорбление его искусства и на сделанные несведущей рукой ненужные прибавки? Так верь же, что и Творец всяческих и нашего

естества Создатель и Художник оскорбляется тем, что вы как бы обвиняете Его неизреченную мудрость в несовершенстве; вы не покрывали бы себя красной, или белой, или черной краской, если бы не думали, что вам недостает этого. А думая, что телу недостает необходимого, вы как бы обвиняете Творца в некоем бессилии, тогда как всякому известно, что Он имеет силу, равную желанию. Ибо *вся,* говорит Давид, *елика восхоте Господь, сотвори* (Пс. 134, 6), даровав всем все полезное, не дав только того, что вредно. Не искажайте же образа, предначертанного Богом, не усиливайтесь прибавлять то, что не дал Премудрый, и не выдумывайте поддельной красоты, которая и целомудренных растлевает». Возвратившись домой, женщина сбросила с себя все украшения, и с той поры начала она жить по правилам, какие внушил старец, не одеваясь в разноцветные одежды и не украшаясь золотом (117, 109—111).

***

Некий путешественник пришел в один из монастырей на Востоке. Беседуя с игуменом и братией под сенью плодовых деревьев на монастырском дворе, он заметил, что несколько птиц сламывали ветки с плодами и улетали. На вопрос, почему птицы не едят на месте, а отлетают с плодами, он получил ответ, что явление это наблюдается уже более десяти лет. Движимый каким-то предчувствием, путник спросил: «Нет ли у вас в горах Божиих святых, к которым птицы носят эти плоды по повелению Божию?» В это время прилетевший ворон сломал одну из ветвей с плодом. Путник предложил: «Пойдемте, будем следить за ним».

Пошли и увидели, что ворон, прилетев на один из холмов, сначала сел, а затем спустился в расщелину и,

оставив там ветвь, вылетел уже без нее. Наблюдавшие за ним подошли к расщелине и бросили туда камень. Вдруг послышался голос: «Если вы христиане, не убивайте нас». «Кто вы?» — спросили пришедшие. «Мы женщины, нас трое, — отвечали им. — Если хотите нас видеть, бросьте нам одежду, так как мы наги, и, сойдя вниз, пройдите тесной тропинкой, которая ведет к нам». Иноки поступили, как было сказано, и увидели трех жен, из которых одна была госпожа, а две другие ее рабыни. «Кто ты и как пришла сюда?» — спросил игумен первую из них. «Я из Царьграда, жена царского сановника, — отвечала она. — Оставшись после мужа бездетной вдовой, я была понуждаема ко греху одним вельможей. Поручив раздать свое имение нищим, ночью я села с этими рабынями на корабль, с которого мы высадились на это место. Вот уже одиннадцать лет, как мы не видели человеческого лица».

«Как вы, госпожа моя, находили здесь пищу?» — спросил игумен. «Господь, — отвечала она, — кормивший Свой народ в пустыне в продолжение сорока лет, посылал и нам пищу. Птицы приносили нам всякие плоды, и Господь всегда покрывал и согревал нас, так что мы ни зимой не боялись стужи, ни летом солнечного зноя. Жили мы здесь, как в раю, непрестанно прославляя Пресвятую Троицу». «Не желаешь ли, — сказал игумен, — разделить трапезу с нами?» «Если хочешь сделать это, — отвечала святая отшельница, — прикажи, пусть сначала придет пресвитер и совершит Божественную службу, да причастимся Святых Христовых Таин, ибо с тех пор, как мы оставили Царьград, мы не сподоблялись Святого Причащения».

Игумен исполнил ее желание, и пришедший пресвитер после совершения Божественной службы причастил святых отшельниц. И в тот же день первая из них (бывшая

госпожой) после усердной молитвы отошла ко Господу. На другой день последовала за ней одна из ее подруг, а на третий день и последняя из них также мирно почила (112, 33—35).

***

Один инок, живший в монастыре, был отпущен по какому-то монастырскому делу в одно из селений. Там жил человек, который знал этого монаха, любил его и иногда приглашал к себе. Была у него единственная дочь, вдова, прожившая с мужем всего только год или два. Монах был уязвлен любовью к ней, а она, боясь греха, всячески избегала свидания с ним. Но вот однажды отец уехал по делу в город и оставил ее дома одну. В его отсутствие монах пришел к ней и спросил: «Где твой отец?» Она сказала, что уехал в город. Заметив, что монаха волнуют грешные мысли, целомудренная вдова сказала ему: «Не смущайся, отче, злыми мыслями, а лучше встань, помолись и прогони злого врага из сердца», — и раскрыла перед ним всю мерзость греха. Услышав это, монах прослезился и пришел в себя. Вдова продолжала: «Ну что бы было, если бы ты совершил грех? С каким бы лицом ты явился к настоятелю и стал слушать хор поющих святых? Умоляю же тебя, восстань от греховного сна и не погуби своей награды, не лишай себя вечных благ!» Инок после этого восхвалил Бога, спасшего его через вдову от смертоносного греха и даровавшего ему победу над самим собой (112, 651—652).

***

Был в Нижнем Египте некий отшельник, пользовавшийся известностью. По действию сатаны, женщина развратного поведения, услыхав о нем, сказала своим зна-

комым: «Что дадите вы мне, когда я низложу вашего отшельника?» Они условились ее щедро вознаградить.

Женщина вышла вечером и, как бы сбившись с дороги, пришла к келье отшельника и постучалась в дверь. Он вышел, увидев ее, смутился и спросил: «Как ты сюда попала?» Она, заплакав притворно, отвечала: «Сбилась с дороги и пришла». Умилосердившись над ней, он ввел ее в сени, а сам вошел в келью и запер за собой дверь. Но окаянная начала кричать: «Авва! Здесь съедят меня звери!»

Он опять смутился, но вместе с тем убоялся суда Божия за жестокий поступок и спрашивал сам себя: «Откуда пришла мне эта напасть?» Отворив дверь, он ввел ее в келью. Тогда диавол начал стрелами вожделения разжигать его сердце. Поняв, что тут действует диавол, отшельник сказал себе: «Путь врага — тьма, а Сын Божий — свет».

С этими словами он зажег лампаду. Чувствуя, что вожделение воспламеняется более и более, сказал: «Так как удовлетворяющие вожделениям пойдут в муку, испытай себя, можешь ли выдержать огонь вечный?» С этими словами он наставил палец на огонь лампады. Палец начал гореть, но он не чувствовал боли по причине необыкновенного воспламенения плотской страсти. До рассвета он сжег себе все пальцы на руке. Окаянная, увидев, что делает отшельник, от ужаса как бы окаменела. Рано утром пришли заговорщики к отшельнику и спрашивают: «Приходила ли сюда поздно вечером женщина?» Он отвечал: «Приходила. Вон она спит там». Юноши, подойдя к ней, нашли ее мертвой и сказали: «Авва! Она умерла». Тогда он, раскрыв малую мантию, в которой был, показал им свои руки: «Вот что сделала мне эта дщерь диавола, — и, рассказав им обо всем, присовокупил: — но Писание говорит: *Не воздавайте злом за зло* (1 Пет. 3, 9; Рим. 12, 17)». Помолившись, он воскресил умершую. Женщина

покаялась и благочестиво провела остаток своей жизни (106, 483—484).

***

Старец говорил: «Чада, соль из воды, и соединяясь с водою, растворяется и исчезает. Так и монах. От жены произойдя, он, приближаясь к женщине, ослабевает и обращается в ничто, т. е. перестает быть монахом» (102, 214).

***

Авва Дула, ученик аввы Виссариона, рассказывал: «Однажды я вошел к авве Виссариону в келью и застал его стоящим на молитве. Руки его были простерты к небу, и он оставался в этом подвиге четырнадцать дней. После того он призвал меня и сказал: «Следуй за мною». Мы вышли и пошли в пустыню. Почувствовав жажду, я сказал ему: «Авва, хочу пить!» Старец, взяв мою милоть, отошел на вержение камня и, сотворив молитву, принес мне милоть, полную воды. Продолжая путь, мы пришли к одной пещере; вошед в нее, нашли брата, который сидел и плел веревку; он не взглянул на нас, не приветствовал нас и совсем не хотел заводить разговора с нами. Авва Виссарион сказал мне: «Пойдем отсюда: может быть, старцу не угодно говорить с нами». Мы отправились в город Лико и пришли к авве Иоанну. Приветствуя его, мы сотворили молитву. Потом сели и начали говорить о том, кто что видел. Сказывал авва Виссарион, что вышел указ об истреблении идольских капищ, приведен уже в исполнение и капища разрушены.

На обратном пути мы опять пришли к пещере, в которой видели брата. Старец сказал мне: «Войдем к нему,

может быть, Бог внушил ему поговорить с нами». Когда же мы вошли, то нашли его умершим. Старец говорит мне: «Пойдем, брат, приготовим тело его к погребению; ибо для этого нас послал сюда Бог». Когда мы приготовляли его к погребению, нашли, что это была женщина. Старец удивился и сказал мне: «Вот как и женщины побеждают сатану, а мы в городах бесчинствуем». Прославив Бога, защитника любящих Его, мы удалились оттуда» (97, 51—52).

***

Один брат спросил авву Даниила: «Дай мне одну какую-нибудь заповедь, и я буду соблюдать ее». Авва говорит ему: «Никогда не опускай руки своей в блюдо вместе с женщиною и не ешь с нею. Через это ты несколько убежишь от демона блуда» (97, 63).

***

Некогда, во время пребывания аввы Арсения в Канопе, одна весьма богатая и богобоязненная девица из сенаторского рода пришла из Рима видеть его. Архиепископ Феофил принял ее. Она просила архиепископа убедить старца Арсения принять ее. Тот пошел к авве Арсению и просил его, говоря: «Такая-то девица сенаторского рода пришла из Рима и желает видеть тебя». Но старец не согласился принять ее. Когда сказали об этом девице, она приказывает запрягать ослов, говоря: «Я надеюсь на Бога, что увижу старца, ибо пришла видеть не человека. Людей много и у нас в городе, но я пришла видеть пророка».

Когда она достигла кельи старца, случилось, по усмотрению Божию, быть ему вне кельи. Увидев старца, деви-

ца пала к ногам его. Но он поднял ее с гневом и, смотря на нее, сказал: «Если хочешь видеть лицо мое, то вот смотри!» Девица от стыда не взглянула на его лицо. Старец говорит ей: «Разве ты не слышала о делах моих? На них должно смотреть. Как ты решилась плыть так далеко? Разве не знаешь, что ты женщина, что тебе никогда не должно никуда выходить? Или ты для того пришла, чтобы по возвращении в Рим сказать другим женщинам: я видела Арсения — и море сделается путем для женщин, идущих ко мне?»

Девица отвечала: «Если Богу будет угодно, я не допущу ни одной женщине прийти сюда; но ты молись о мне, и поминай меня всегда!» Старец в ответ сказал ей: «Буду молиться Господу, чтобы Он изгладил память о тебе из моего сердца». Услышав это, она ушла в смущении, и по возвращении в город от печали впала в горячку. О ее болезни сказали архиепископу Феофилу, и он пошел к ней, чтобы узнать, что же случилось. Девица воскликнула: «Лучше бы никогда не приходить мне сюда! Я сказала старцу: помни обо мне, а он отвечал: буду молиться Богу, чтобы изгладилась из сердца моего память о тебе, — и вот я умираю от печали».

Архиепископ ответил ей: «Или не знаешь, что ты женщина и что через женщин враг воюет на святых? Потому так и сказал тебе старец, а о душе твоей он будет всегда молиться». Таким образом успокоилась девица и с радостью отправилась в свое отечество (97, 18—19).

ЖЕРТВА БОГУ

...Если намереваешься принести Богу что-нибудь из приобретенного неправдою и хищением, то лучше для тебя

и не приобретать такого имущества, и не приносить из него (свт. Василий Великий, 8, 337).

***

Чем же должно снискивать благоволение Его <Божие>? Принеси Ему золото и серебро: если видишь нагого, одень. А ежели у тебя нет ничего такого, то принеси Ему иные дары, честнейшие золота и серебра, — веру, любовь, воздержание, терпение, великодушие, смиренномудрие (прп. Ефрем Сирин, 31, 260).

***

Что имеешь у себя и чем Он <Бог> наделил тебя, то и принеси Ему, ибо и двух лепт вдовицыных не отверг Христос (прп. Ефрем Сирин, 31, 260).

***

...Для Бога ничто так не достолепно, как слово очищенное, и душа, совершенная учениями истины (свт. Григорий Богослов, 15, 32).

***

В жертву Богу преимущественно пред всем прочим приноси душу (свт. Григорий Богослов, 16, 210).

***

Бог не имеет ни в чем нужды и ничего не требует от нас; но, снисходя к нам, по Своему неизреченному человеколюбию, дозволяет это (принесение Ему жертв) ради нашего спасения, чтобы познание Господа служило для

человеческой природы училищем добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 47, 162).

***

Бог принимает наши приношения не потому, что нуждается в них, но потому, что хочет, чтобы и чрез них выражалась наша благодарность (свт. Иоанн Златоуст, 47, 163).

***

...Господь ищет не приведения бессловесных и не приношения плодов земных, но только душевного расположения (свт. Иоанн Златоуст, 47, 164).

***

Так как люди, мало-помалу предавшись беспечности, имели впоследствии изобрести себе богов и им приносить жертвы, то Бог предварительно благоволил, чтобы жертвы приносились Ему, дабы, по крайней мере, чрез это отклонить от гибельного заблуждения имевших предаться нечестию (свт. Иоанн Златоуст, 47, 272).

***

...Человеколюбивый Господь попустил приносить Себе жертвы, чтобы посредством их люди, тогда еще менее совершенные, могли и выразить (Богу) свою благодарность, и избегнуть заразы идолослужения (свт. Иоанн Златоуст, 47, 272—273).

***

Там <в Ветхом Завете> (от жертвенного животного требовалось) здоровое и чуждое всякой порчи состояние;

здесь надобно сделаться мертвым для мира и, таким образом, приготовлять самого себя в духовную жертву (свт. Иоанн Златоуст, 47, 650).

***

Он <Христос> ищет не золотой крыши, не блестящих колонн и не красивых мраморов, а красоты души, духовного благолепия, трапезы, обильной праведностью и имеющей плоды милостыни (свт. Иоанн Златоуст, 47, 770).

***

...Не почтем достаточным для спасения, если, ограбив вдов и сирот, принесем золотой и украшенный драгоценными камнями сосуд для Святой Трапезы. Если ты хочешь почтить жертву, то принеси душу свою, за которую принесена жертва; душу свою сделай золотою. Если же она хуже свинца и глины, а ты приносишь золотой сосуд, какая из того польза? Итак, будем заботиться не о том одном, чтобы принести в дар золотые сосуды, но о том, чтобы принести от праведных трудов. Такие приношения, добытые тобою без любостяжания, дороже всяких золотых. Церковь — не на то, чтобы в ней плавить золото, ковать серебро; она есть торжественное собрание ангелов. Поэтому мы требуем в дар ваши души, — ведь ради душ принимает Бог и прочие дары. Не серебряная была тогда трапеза и не из золотого сосуда Христос давал пить Кровь Свою ученикам. Однако же там все было драгоценно, все возбуждало благоговение, потому что все исполнено было Духа. Хочешь почтить Тело Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагим. И что пользы, если здесь почтишь Его шелковыми покровами, а вне храма оставишь терпеть холод и наготу? <...>

Говоря это, не запрещаю делать богатые вклады, требую только, чтобы вы, вместе с вкладами и даже прежде них, творили милостыню. Хотя Бог приемлет и вклады, но гораздо лучше милостыню. Там один только приносящий получает пользу, а здесь и приемлющий. Там дар бывает иногда поводом к тщеславию, а здесь все делается по одному милосердию и человеколюбию. Что пользы, если трапеза Христова полна золотых сосудов, а Сам Христос томится голодом? Сперва напитай Его алчущего, и тогда уже употреби остальное на украшение трапезы Его. Ты делаешь золотую чашу, и не даешь чаши студеной воды. Что в том пользы? Делаешь для трапезы златотканые покровы, а Христу не даешь и нужного для прикрытия. Какой плод от того? Скажи мне: если ты увидишь человека, не имеющего у себя необходимой пищи, и вместо того, чтобы утолить его голод, обложишь только стол серебром, поблагодарит ли он тебя за это, или, скорее, огорчится? Еще: ты видишь человека, покрытого рубищем и окоченевшего от холода, и вместо того, чтобы дать ему одежду, ставишь золотые столбы, говоря, что делаешь это в честь его: не скажет ли он, что ты над ним насмехаешься, и не почтет ли это крайнею обидою? То же представь и о Христе, когда Он, как бесприютный странник, ходит и просит крова, а ты, вместо того, чтобы принять Его, украшаешь пол, стены, верхи столбов, привязываешь к лампадам серебряные цепи, а на Христа, связанного в темнице, и взглянуть не хочешь. Говоря это, не запрещаю и в том быть щедрым, но советую также не оставлять другого, или даже и предпочитать последнее. За неисполнение первого никто никогда не был осужден, а за неисполнение последнего угрожает геенна и огнь неугасимый,

и мучение вместе с демонами. Итак, украшая дом Божий, не презирай скорбящего брата; этот храм превосходнее первого. Те утвари могут похитить и неверные цари, и тираны, и разбойники; а что сделаешь для брата алчущего, и странного, и нагого, того и сам диавол не может похитить: оно сбережется в неприступном хранилище (свт. Иоанн Златоуст, 50, 521—523).

***

Бог обоняет не вещество, не чувственное благоухание, а мысленное, душевное; самый приятный фимиам — душа приносящего (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1191—1192).

***

...Богу не угодны жертвы от неправды, и не приемлет Он даров незаконных. Не всякий, кто бы ни захотел, делает благотворение, но только тот, кто достойно Бога и приобрел, и обещал жертву (прп. Исидор Пелусиот, 60, 142).

***

Если кто-нибудь скажет: «Намереваюсь нечто пожертвовать», — <благоискусные иереи> повелевают отдать это нищим; если же жертвующий предупредил, и уже сделал пожертвование, не только не делают ему выговора, но и с кротостью приемлют не как предпочитающие одно другому (потому что и Христос пришел не для того, чтобы наполнить церкви серебром и золотом), но чтобы не привести в колебание пожертвовавшего (прп. Исидор Пелусиот, 60, 352).

***

Жертвами духовными признаем не только умерщвление страстей... но и всех естественных сил посвящение Богу и огнем благодати Духа принесение их во всесожжение Богу (прп. Максим Исповедник, 91, 306).

***

...Благодатию Святаго Духа совершается в сердце жертва хваления, и созидается самое сердце чистое, сокрушенное и смиренное, которое, зная, что не имеет ничего собственного, и не может вознестись гордостью. Это смирение сердца сокрушенного и самоуничиженного, истинное, а не напоказ из тщеславия, и есть жертва хваления, приносимая Богу (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 310).

***

...Не требуется, чтоб человек взамен за душу свою дал что-либо другое, кроме познания себя, что он ничто. Только при этом способен он будет принести Богу сердце сокрушенное и смиренное — единственную жертву, которую всякому благочестивому человеку пристойно приносить Богу. Этой одной жертвы Бог не уничижит, зная, что человек ничего не имеет собственного, что бы мог принести ему... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 270).

***

Спасаемый туне, благодари Спасителя Бога. Если же желаешь и дары принести Ему, принеси благодарно от

вдовствующей души своей две лепты — смирение, разумею, и любовь (прп. Феогност, 91, 427).

***

Одна жертва, принимаемая Богом от падшего человеческого естества, есть сокрушение духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 95).

ЖЕСТОКОСТЬ

...Дерзость, любопрение, самомнение, презрение брата, попрание совести, и то, если кто, огорчив и смутив брата, говорит: какое мне дело до него? Все эти признаки обнаруживают жестокосердие (прп. авва Исаия, 59, 40—41).

***

Смотри, не будь жестокосерд к брату, (помня, что) мы бываем насилуемы от врага (прп. авва Исаия, 89, 352).

***

...Жестокость... в короткое время причиняет великое зло и не имеет нужды в продолжительности времени, а если бы, при ее силе, она была еще и продолжительна, то с ней нельзя было бы и бороться (свт. Иоанн Златоуст, 50, 865).

***

Как ты можешь желать, чтобы Бог был кроток и милостив к тебе, когда сам ты остаешься жесток и безжалостен к сорабу? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 628).

***

Не будь жесток, чтобы не испытать на себе Божия гнева, хотя и представляется тебе, что ты пламенеешь ревностью богочестия (прп. Нил Синайский, 73, 104).

***

Жестокосердие рождается иногда от насыщения, иногда от бесчувствия, а иногда от пристрастия (прп. Иоанн Лествичник, 57, 183).

****

Авва Милисий с двумя своими учениками жил в персидских пределах. Однажды два царских сына выехали на охоту в те места, растянули сети и все, что им попадалось в них, убивали копьями. В эти сети попался и старец со своими учениками. Увидя авву всего в волосах, похожего на дикого зверя, братья изумились и спросили: «Скажи нам, человек ты или дух?» Он отвечал им: «Я человек грешный, пришел сюда оплакивать свои грехи, поклоняюсь Иисусу Христу, Сыну Бога Живого». Царские же дети ответили ему: «Нет других богов, кроме солнца, огня и воды (которым воздавали они божескую честь). Пойди и принеси им жертву». Старец отвечал: «Боги ваши суть твари, вы заблуждаетесь, прошу вас, обратитесь и познайте истинного Бога, Творца всяческих». «Так ты исповедуешь истинным Богом человека, осужденного и распятого?» — спросили князья у старца. Старец отвечал: «Я исповедую истинным Богом Того, Который пригвоздил ко Кресту наши грехи и умертвил смерть».

Братья стали мучить авву и его учеников, принуждая принести жертву их богам. После долгих мучений обез-

главили двоих братий, но старца еще много дней подвергали мучениям. Наконец они поставили старца и стали пускать в него стрелы: один сзади, другой спереди. Тогда авва сказал им: «Поскольку вы оба вместе решились проливать неповинную кровь, то завтра в этот самый час мать ваша лишится вас: собственными стрелами вы прольете кровь друг друга».

Они не обратили внимания на эти слова и на другой день вышли на охоту. Во время ловли убежала одна лань. Братья сели на коней и помчались догонять ее. Пустили в нее стрелы, но пронзили друг друга. Так исполнились слова старца, которые он сказал, предрекая им наказание и смерть (97, 168—169).

***

Старец рассказывал: «В царствование благоверного императора Маврикия, когда сарацинский предводитель Намес производил грабежи, я проходил поблизости Аннона и Эдона. Увидал трех сарацин и при них юношу замечательной красоты, лет двадцати. Это был пленник. Завидев меня, юноша стал со слезами умолять меня, чтобы я освободил его. Я принялся упрашивать сарацин, чтобы они отпустили его.

— Не пустим! — ответил мне по-гречески один из них.

— Возьмите лучше меня, а его отпустите, — сказал я. — Ведь он не может вынести горя.

— Не пустим! — сказал мне тот самый.

— И выкупа не возьмете за него? Отдайте мне его. Я возьму его с собою и принесу вам, что пожелаете.

— Не можем отдать тебе его, — возразил мне сарацин, — потому что мы обещали нашему жрецу: если найдем что-нибудь хорошее, принесем ему из плена для жерт-

воприношения. А ты лучше уходи, а то не сносить и тебе головы.

Тогда, повергшись пред Богом, я произнес: «Спасителю наш, Господи Боже, спаси раба Твоего!» И тотчас три сарацина, по непонятной причине, объятые злобой, обнажили мечи и изрубили друг друга.

Я взял юношу к себе в пещеру, и он не пожелал уйти от меня, но отрекся от мира. Проживши иноком семь лет, скончался. Родом он был из Тира» (102, 144—145).

ЖИЗНЬ ВЕЧНАЯ

Чрез терпение и смирение духа люди получат жизнь от Господа, а возмутители и презрители закона приобретут себе смерть (св. Ерм, 94, 221).

***

...Желая пребывать вовеки, мы должны творить волю Бога, Который вечен (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 210).

***

...Живут и царствуют со Христом все, не только те, которые подверглись убиению, но и вообще те, которые, твердо пребывая в своей вере и в страхе Божием, не покланялись образу зверя и не исполняли пагубных и святотатственных его повелений (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 350).

***

...Ежели мы ожидаем награды воскресения, ежели... надеемся царствовать вместе со Христом, то должны умереть для мира (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 384).

***

...По нашему учению, конец, для которого все делаем и к которому стремимся, есть блаженная жизнь в будущем веке. И конец сей достигается, когда предоставляем над нами царствовать Богу. Лучше сего для разумной природы доселе ничего не изобретал еще разум (свт. Василий Великий, 5, 301).

***

...Если хочешь царствовать в будущем веке, то ищи здесь не упокоения, не почести, а напротив того, если в настоящее время и скорби потерпишь за слово, т. е. за истину, знай, что впоследствии будешь царствовать. Ибо сия награда определена за здешнюю скорбь, подъятую ради доброго. Если же не терпишь скорбей, то не ожидай тамошних венцов, как не выходивший здесь на подвиги и труды, какие назначены для получения венцов (свт. Василий Великий, 9, 380).

***

Желаешь ли наследовать вечную жизнь, им <смирением> наследуешь. Желаешь ли стать высоким, оно вознесет тебя... (прп. Ефрем Сирин, 33, 119).

***

Величественный чертог Царствия отверст; он обширен и вместителен для возлежащих. Тесна область геенны; нет в ней простора, вся она наполнена телами нечестивых. У одних нет недостатка в блаженстве, а у других в сетовании и воздыханиях; потому что Судия правосуден, и нет места щедротам для не сделавших ничего доброго (прп. Ефрем Сирин, 33, 219).

***

Восшумят гласы каждого сонма из обиталищ их, в какое перейдет каждый по заслугам воли своей. Богохульники будут рыкать в геенне, а праведники огласят Царствие хвалебными песнями и возвеличат Жениха (прп. Ефрем Сирин, 33, 241).

***

Не будет там милости к грешникам и на такое краткое время, какое нужно глазу для мановения; не будет там лицеприятия к злым и на такое краткое время, какое нужно птице, чтобы поднять крылья для полета (прп. Ефрем Сирин, 33, 387).

***

Там, в Великий день обновления, каждый пойдет и вселится в чертог, какой уготовал себе здесь (прп. Ефрем Сирин, 33, 486).

***

...Ничто не пребывает вовек, кроме истины, правды и жизни, какую обетовал Спаситель наш, и кроме любящих Его, сохранявших заповеди Его (прп. Ефрем Сирин, 33, 508).

***

...Вечная жизнь ожидает только тех, которые прияли залог, и при конце, в день явления великого Царя, изыдут в сретение Ему; таковым возвещены блаженства нескончаемые (прп. Ефрем Сирин, 33, 511).

***

В пристани Царя Христа упокоеваются все подвизавшиеся, творившие и исполнявшие волю Его, сохранявшие все заповеди Его (прп. Ефрем Сирин, 33, 527).

***

Все приходящие к Богу и желающие сподобиться Вечной жизни, по преимуществу должны неукоризненно соблюдать православную веру, и ни для успешного получения чинов, ни из ласкательства пред сильными или по страху к ним не делаться предателями неоцененного сокровища веры (прп. Ефрем Сирин, 35, 469).

***

...Когда придет на нас Царствие Божие, тогда все, преобладающее нами теперь, обратится в ничто, потому что тьма не терпит присутствия света; не остается болезни по возвращении здоровья; не действуют и страсти при появлении бесстрастия; бездейственна смерть, исчезает тление, когда воцаряется в нас жизнь и начинает обладать нетление (свт. Григорий Нисский, 18, 424).

***

...Когда прекратится это скоротекущее и преходящее время, в которое одно приходит в бытие, а другое разрушается; когда минуется потребность приходить в бытие, и не будет уже разрушаемого, потому что уповаемым воскресением претворится естество в некое иное состояние жизни, когда прекратится и это преходящее свойство времени, потому что не будет уже силы, приводящей в бытие

и разрушение, тогда, без сомнения, кончится и эта седмица, измеряющая время, заступит же ее место восьмой день, т. е. последующий век, который весь составляется одним днем, как говорит некто из пророков, уповаемую жизнь назвав *днем великим* (ср.: Иоил. 2, 11), потому что сей день освещать будет не чувственное солнце, но истинный Свет, Солнце Правды, Которое в пророчестве именуется *Востоком* (Зах. 6, 12), потому что никогда не скрывается на западе (свт. Григорий Нисский, 19, 79—80).

***

...Всякий желающий жизни вечной, как скоро обрящет Сына, разумею истинного и не лжеименного, обретает в Нем все, чего искал, поелику и Сам Он есть жизнь и в Самом Себе имеет жизнь (свт. Григорий Нисский, 23, 180).

***

...Вечную жизнь и неизреченную радость на Небесах дает благодать Духа; а достоинство принять дар и вкусить благодать получает любовь по вере трудами (свт. Григорий Нисский, 24, 265).

***

...Жизнь не будет зависеть от равновесия противоположных стихий, равномерное взаимное борение которых производит наш состав и здоровье, ибо избыток или недостаток какой-либо из противоположных (стихий) причиняет страдание и болезнь в нашей природе. В том состоянии ни лишение не будет нисколько истощать, ни отягощение обременять; жизнь будет совершенно независима

от всех невзгод воздуха, разумею морозы и жары, и свободна от всего того, что мы представляем в виде смены противоположностей. Душа будет там, где жизнь свободна от всех необходимых трудов и не обречена им. Она не будет страдать от тягости земледелия, подвергаться трудам мореплавания, заниматься торговым барышничеством, чуждая забот о постройке, о тканье, о ремесленных искусствах. Она будет проводить *тихое и безмолвное житие*, как говорит Павел (1 Тим. 2, 2), не сражаясь на коне, ни на корабле, не бросаясь в рукопашный бой в рядах пехоты, не заботясь о приготовлении оружия, не собирая податей, не устрояя ни рвов, ни стен; все это для нее не нужно и от всего этого она свободна. Ни для нее нет забот, ни другим она не доставляет их; в ее жизни нет места рабству и господству, бедности, благородству и незнатности рода... и всякому подобному неравенству.

Ибо необходимость всего этого уничтожается при отсутствии нужд и при невещественности той жизни, в которой главным началом существования души служит не усвоение чего-либо сухого или влажного, но разумение Божеского естества; вдыхание же воздуха, как не сомневаемся, там будет заменено общением с Истинным и Святым Духом. Наслаждение сими благами не будет сменяться подобно тому, как в сей жизни, то имением их, то лишением, то стремлением к ним, то отвращением, но будет всегда полным, и никогда полнота его не будет ограничиваться насыщением. Ибо не отяготительно и ненасытимо духовное услаждение; оно постоянно без пресыщения и избытка удовлетворяет желание тех, кто пользуется им. Потому-то блаженна и непорочна оная жизнь, что не вводится уже чувственными удовольствиями в заблуждение при суждении о благе (свт. Григорий Нисский, 24, 493—495).

***

Не нужно там бояться ни бедности, ни болезни; не видно ни обижающего, ни обижаемого, ни раздражающего, ни раздражаемого, ни гневающегося, ни завидующего, ни распаляемого непристойной похотью, ни заботящегося о приобретении необходимого для жизни, ни мучимого желанием власти и господства: ибо вся буря наших страстей, затихнув, прекратится, и все будет в мире, веселии и радости, все тихо и спокойно, все день, и ясность, и свет, — свет не этот нынешний, но другой, который настолько светлее этого, насколько этот блистательнее светильничного. Свет там не помрачается ни ночью, ни от сгущения облаков; не жжет и не палит тел, потому что нет там ни ночи, ни вечера, ни холода, ни жара, ни другой какой перемены времен, но иное какое-то состояние, которое познают одни достойные; нет там ни старости, ни бедствий старости, но все тленное отброшено, так как повсюду господствует слава нетленная. А что всего важнее, это — непрерывное наслаждение общением со Христом, вместе с Ангелами, с Архангелами, с Горними Силами... Нигде не будет тогда раздора и борьбы, потому что велико согласие в лике святых, при всегдашнем единомыслии всех друг с другом (свт. Иоанн Златоуст, 44, 15—16).

***

Грядущая жизнь уничтожает и истребляет не тело, а приставшее к нему тление и смерть (свт. Иоанн Златоуст, 45, 476—477).

***

Тело наше уже не будет нуждаться ни в одеждах, ни в покрове, ни в доме, ни в другом чем-либо подобном. Если

Адам до преступления не стыдился своей наготы, потому что облечен был славою, — тем более наши тела, перешедши в высшее и лучшее состояние, не будут ни в чем этом нуждаться (свт. Иоанн Златоуст, 46, 364—365).

***

Жизнь бессловесных животных ограничивается настоящим существованием, а наша направляется к другой жизни, лучшей и не имеющей конца. Вот почему люди, не знающие ничего о будущем, хуже бессловесных животных, и не только они, но и те, которые ведут жизнь развратную, делаясь змеями, скорпионами и волками по коварству, волами по глупости, псами по бесстыдству (свт. Иоанн Златоуст, 48, 242—243).

***

...Тело уже не будет бояться тления, не станет страдать ни от голода, ни от жажды, ни от болезней, ни от несчастных случаев, потому что там — надежное спокойствие и прочная безопасность жизни; там иная слава — небесная; и тамошняя радость не будет иметь недостатка (свт. Иоанн Златоуст, 49, 598—599).

***

...Если мы не будем наслаждаться <вечной жизнью>, то и о нас справедливо будет сказать: лучше было бы, если бы мы и не родились. Для чего же мы живем? (свт. Иоанн Златоуст, 51, 82).

***

Если настоящая жизнь так вожделенна, то что сказать о той, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания? Там

уже не надобно ни бояться смерти, ни опасаться потери тамошних благ (свт. Иоанн Златоуст, 51, 262).

***

Хочешь наследовать жизнь вечную и говоришь: как буду презирать для нее настоящую? Ужели можно это сравнивать? Хочешь получить одежду царскую, и говоришь: как презреть рубище? Ожидаешь, что тебя введут в дом Царя, и говоришь: как презреть настоящую бедную хижину? Подлинно, мы виновны во всем, потому что не хотим сколько-нибудь возбудить себя (свт. Иоанн Златоуст, 52, 78).

***

...Если нет жизни будущей, то мы гораздо презреннее (тварей), созданных для нас; ведь и небо, и земля, и море, и реки, и даже некоторые из бессловесных животных долговечнее нас. Так, ворон, порода слонов и многие другие животные доле нас пользуются настоящей жизнью. Наша жизнь коротка и многотрудна, а их — продолжительна и более чужда попечений и скорбей. Что же, скажи мне, неужели Бог сотворил рабов лучше их владык? Нет, увещеваю, человек, не думай так, не скудоумничай и не сомневайся в могуществе Бога, твоего Владыки. Бог благоволил сотворить тебя в начале бессмертным, но ты не захотел быть таким. Знамениями бессмертия были беседа с Богом и безбедственная жизнь, чуждая печалей, забот, трудов и всего временного (свт. Иоанн Златоуст, 53, 167).

***

Не думай, что для Вечной жизни достаточно одного разлучения с телом. Везде нужна добродетель (свт. Иоанн Златоуст, 53, 565—566).

***

Для того Бог и сотворил тела наши соразмерными, требующими немногого для своего насыщения, чтобы отсюда уже научить нас, что мы созданы для другой жизни (свт. Иоанн Златоуст, 54, 158).

***

Всякая долговременность настоящей жизни кажется ничтожною, когда посмотришь на продолжительность будущей славы, и все скорби от созерцания безмерного блаженства удалятся, как дым, истощившись до ничтожества, исчезнут, и никогда не явятся, как угасшая искра (прп. Иоанн Кассиан, 56, 149).

***

...Нет сомнения, что и в будущем веке он <человек> будет участником того же (служения), чему ныне захотел быть служителем и сообщником, как говорит Господь: ***Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет*** (Ин. 12, 26) (прп. авва Моисей, 56, 177).

***

Не пышность, не кичливость, не суетная слава вводят в горнюю светлость, но добрый нрав, досточестная жизнь,

невыказывающее себя общение с нуждающимися, потому что здешними похвалами уничтожается вознаграждение за благотворение. Но кто взыскует тамошнего воздаяния, тот и ныне приемлет начатки, и там приобретает богатую награду (прп. Исидор Пелусиот, 60, 126—127).

***

...Веку будущему предоставлено то, чтобы слава была наивеличайшая, с великим преизбытком превосходила и слово, и разум, и настоящее состояние (прп. Исидор Пелусиот, 61, 453).

***

...В будущем веке... не все насладятся одними и теми же благами, так как и несправедливо было бы, чтобы сделавшим неравное воздано было равным (прп. Исидор Пелусиот, 62, 333).

***

...Срамно... видеть, что имеющие в виду наслаждение вечными благами роются в прахе земных вещей... (прп. Нил Синайский, 72, 82).

***

Если плывущие морем во время бури небрегут о своих товарах и своими руками бросают груз в море... то почему мы для лучшей жизни не пренебрегаем того, что душу влечет в бездну (прп. Нил Синайский, 72, 82).

***

Лепота и множество будущих благ беспредельны... (прп. Нил Синайский, 72, 253).

***

Жизнь вечная — есть утешение в Боге; и кто обрел утешение в Боге, тот почитает излишним утешение мирское (прп. Исаак Сирин, 58, 166).

***

Бог, обетовавший тебе вечные блага, и давший в сердце твоем залог Духа, заповедал тебе пещися о своем житии, чтоб внутренний человек, освободясь от страстей, еще в настоящей жизни начал вкушать те блага (прп. Максим Исповедник, 91, 242).

***

Некоторые ищут, каково будет состояние удостоиваемых совершенства в Царствии Божием? Будет ли там преуспеяние и прехождение (к лучшему и лучшему), или будет одно, установившееся до неизменности положение? Как будут тогда тела и души, и как об этом думать? На это, подумавши, кто-нибудь может сказать, что как в отношении к телесной жизни, пища имеет двоякое значение, — то она служит к возрастанию, то к сохранению питаемых, — именно, — пока достигнем совершенной меры возрастания телесного, питаемся для возрастания, а когда тело остановится в прибавлении увеличения, тогда питается оно не для возрастания, а для сохранения: так и

в отношении к душе пища двоякое имеет значение. Питается она добродетелями и умозрениями, когда преуспевает, пока, прешедши все сущее, достигнет в меру возраста исполнения Христова, но, достигши сего, останавливается в преуспеянии или прибавлении себе возрастания положенными средствами, и будучи питаема, непосредственно пищею нетленною, способом, превышающим разумение, а, может быть, по тому самому и высшим возрастания, приемлет ее уже только для сохранения данного ей Боговидного совершенства и для изъявления безмерных услаждений от пищи оной, по коей приемля присещающее ее всегда одинаково благобытие, она бывает богом, по причастию Божественной благодати, и сама преставши от всех по уму и чувству действий, и вместе с собою заставив престать и естественные действия тела, сообоженного вместе с нею в мере доступного ему обожения; так что чрез душу и тело просиявает един Бог, с препобеждением естественных их признаков преизбытком славы (прп. Максим Исповедник, 91, 246).

***

Проживите вы целое столетие в подвиге, — и это не может идти в сравнение с одним часом безмерной полноты вековечного бессмертия (прп. Феодор Студит, 92, 37).

***

Если жизни желаешь, взыщи света, потому что Бог и заповедь Его свет есть (прп. Феодор Студит, 92, 355).

***

...Те, которые говорят, что святые не будут видеть и знать друг друга, когда сподобятся лицезрения Божия, по-

истине во тьме ходят, еще не пришли в общение с Богом и не познали истинно Бога, но говорят и утверждают то, чего не познали и в созерцание чего никогда не приходили. Они говорят, что святые будут находиться тогда как бы в экстазе, в некоем восхищении, как и здесь они иногда приходят в такое божественное восхищение, и забудут и себя самих и всех других находящихся с ними. И видно из таких слов их, что они худо понимают Божественное Писание, когда полагают, что у святых будет тогда такое же изменение и восхищение, какое бывает у них и здесь. Слыша, что когда такой-то святой пришел в созерцание Бога, то восхитился ум его, и он столько и столько дней и ночей провел, совершенно не помня ничего земного, но вместе со всем другим забыл и собственное свое тело, пребывая пригвожденным к созерцанию оному всею душою и всеми чувствами своими, — слыша... об этом, они полагают, что нечто подобное будет и в другой жизни в Царствии Небесном, совершенно не понимая Божественных и духовных вещей, и невидимых таинств невидимого Бога, недомыслимых и недоступных знанию непросвещенных. Неведомо им, что такое восхищение ума бывает не у совершенных, но у новоначальных (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 413—414).

***

...Бог в экономии Своей положил, чтобы мы покупали вечную жизнь произвольною смертью. — Не хочешь умереть произвольною смертью и жить вечною жизнью? — И вот ты мертв (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 359).

***

Будущие награды и наказания равно вечны, хотя иным это кажется иначе (прп. Григорий Синаит, 93, 187).

***

В будущем веке, говорят, ангелы и святые никогда не престанут преуспевать в преумножении дарований, стремясь все к большим и большим благам. Умаления же или прехождения от добродетели ко греху век оный не допускает (прп. Григорий Синаит, 93, 207).

***

...Он <Христос> вознесся на небеса и воссел одесную Отца, и там содействовал сошествию Божественного Духа на учеников, сопослав Его вместе с Отцем, как и обетовал им. Он же, восседая тамо в вышних, как бы взывает нам оттуда: если кто желает примкнуть к этой славе и стать участником Царства Небесного, и нарицаться сыном Божиим, и обрести бессмертную жизнь, и неизреченную славу, и чистое наслаждение, и неиждиваемое богатство, — тот пусть слушается Моих заповедей и, по силе, подражает Моему образу жизни, и пусть жительствует так, как — Я, Который, пришедши плотию на землю, сотворил и научил, положив спасительные законы и представив в пример Меня Самого... (свт. Григорий Палама, 26, 240).

***

...Она <душа> и ему <телу> дает вечную во Христе жизнь, беструдную, безболезненную и беспечальную, воистину бессмертную (свт. Григорий Палама, 93, 257).

***

...Не ревнующий стяжать ее (жизнь души) по душе здесь, да не обольщает себя пустыми надеждами получить ее там, или как-нибудь сподобиться человеколюбия Бо-

жия во время оно. Ибо тогда будет время праведного воздаяния, а не милования и щадения... (свт. Григорий Палама, 93, 258).

***

...*Духом деяния плотские* умертвивший здесь, там будет жить со Христом божественною и воистину вечною жизнию... (свт. Григорий Палама, 93, 281).

***

...Голос вечности один, — неизменяем, непреложен. В ней нет непостоянства, переменчивости: в ней день — один, сердце — одно, мысль — одна. Соединяющий все во едино — Христос (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 188).

***

Вечность — неизбежна. Есть и бедственная вечность!.. Стяжите же вечность блаженную вниманием, повиновением всесвятому закону Всесвятого Бога... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 190).

***

Тщетно сияет солнце с чистого неба для очей, пораженных слепотою, — и вечность как бы не существует для сердца, обладаемого пристрастием к земле, к ее великому, к ее славному, к ее сладостному (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 383).

***

В ненасытном созерцании Бога и в непрестанном горении любовью к Нему заключается высшее и существен-

ное наслаждение небожителей (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 73).

***

Вечное блаженство — духовно, Божественно. Тот только может наследовать это блаженство, кто предварительно расторг общение с грехом, кто предварительно вступил в святое общение с Богом (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 253).

***

Служение и поклонение Богу духом и истиною есть та *благая часть* (Лк. 10, 42), есть то блаженное состояние, которое, начавшись во время земной жизни, не прекращается, как прекращаются телесные подвиги, с окончанием земной жизни. *Благая часть* пребывает неотъемлемою принадлежностью души в вечности, в вечности получает полное развитие (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 356).

***

Мы, остающиеся, плачем об отшедших, а им сразу легче: то состояние отраднее. Те, кои обмирали и потом вводимы были в тело, находили его очень неудобным жильем. То же будет чувствовать и сестра. Ей там лучше, а мы убиваемся, будто с нею беда какая случилась (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 181).

***

Ведь ты не умрешь. Тело твое умрет, а ты перейдешь в другой мир, живая, себя помнящая и весь окружающий

мир узнающая... Там лучше тебе будет, чем здесь. Так не ужасайся, видя приближающуюся смерть. Она для тебя дверь в лучшую жизнь. Ангел-хранитель твой примет душу твою и поведет ее путями, какими Бог повелит. Грехи будут приходить. Кайся во всех. И будь крепкой веры, что Господь и Спаситель все грехи кающихся грешников изглаждает (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 182).

***

Исходная точка их омрачения та, что наша последняя цель будто на земле... Но она не на земле. На земле начало жизни — приготовительный ее период, — а настоящая жизнь начнется по смерти... И особенный, исключительный способ приготовления — благодушное терпение теснот, лишений и скорбей. Кто взглянет, или будет смотреть на земную жизнь такими глазами, тот не станет убиваться, не видя в своей жизни широты и простора... а возревнует об одном, как сделать, чтобы теснота принесла наилучший плод, вкушение которого отсрочивается до будущей жизни (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 214—215).

***

Цель жизни — не благобытие земное, а блаженство по смерти в другой жизни. Кто несет какой-либо крест, тот идет надежною к тому дорогою. Туда переселитесь своим желанием и надеждою, и к стяжанию тамошнего благобытия направляйте все свои помышления и заботы (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 225).

***

Я всегда был той мысли, что по умершим не траур надо надевать, а праздничные наряды, и не заунывные песни петь, а служить благодарственный молебен (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 6—7).

***

Неожиданная смерть. Потому хоть печальная, неизбежна, но не чуждая утешений христианских. Зрелый плод! Прямо к столу Господню. Будем молиться об ней. Но не скорей ли от нее получим молитвенную помощь! Мы, христиане, не к безвестному течем. Почему, если не тяготят кого смертные грехи, несомненно веруем, что двери Царствия отверсты ему. Если же к этому присоединить и кое-какое добро и кое-какие жертвы Господа ради, то тем более сомнение не должно оставаться о блаженстве участи отходящих (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 38—39).

***

Вы собираетесь в дальний путь — туда, откуда нет возврата. Никому не миновать сего пути. Но как минута, когда прикажут вступить в него, неизвестна, а известно только, что она может настать каждое мгновение, то лучше всего думать, что вот-вот надо будет отправляться восвояси и всегда держать себя готовым к тому... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 92).

***

Чистилище есть пункт веры католической. Это место, на котором неочистившиеся грешники здесь очищаются.

Очищение совершается мучениями, соответственно грехам. В него поступают все, в которых есть какая-либо нечистота греховная. — В Православной Церкви нет такого учения, а есть верование, по коему умершие с покаянием и причащением, но не успевшие понести исправительных подвигов или епитимий восполняют сие молитвами о них Церкви и милостынями за них, и, конечно, своими там молитвами. Они живут в надежде и не страдают, не в муках суть. Это похоже на чистилище, но не то же (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 130).

***

Цель человека не на земле, а в другой жизни. Если б на земле была, мы бы не умирали, а как умираем, то значит, что жизнь наша настоящая не на земле. Земная жизнь есть только приготовление к другой жизни... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 195).

***

Тело умрет, а душа жить будет. И ей без тела еще лучше будет, чем с телом. Вышедши из тела, к вам прилетит... и будет ласкать вас. Она будет говорить душе вашей: «Ах! мама, как мне хорошо! Бросай скорее землю и переходи ко мне!» Она не будет в состоянии понять вашу скорбь, когда ей лучше, а вы скорбите (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 134).

***

На деле же смерть — дверь в отечество для блаженной жизни (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 232).

***

Спрашиваете, почему мы поминаем усопших? — Потому, что так заповедано нам делать. А что заповедано — видно из того, что в Церкви Божией не было времени, когда бы не творилось это поминовение... Отшедшие живы, и общение у нас с ними не пресекается. Как о живых молимся мы, не различая, идет ли кто путем праведным, или другим; так молимся и об отшедших, не доискиваясь, причислены ли они к праведным или грешным. Это долг любви братской. Пока последним Судом не разделены верующие, все они, и живые и умершие, единую Церковь составляют. И все мы взаимно друг к другу должны относиться, как члены одного тела, в духе доброхотства и любительного общения, и живые и умершие, — не разгораживаясь пополам умиранием (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 25).

***

Не мучьте себя пытанием, что там и где будем. А когда в уме породятся такие вопросы, говорите себе: «Хорошим там будет хорошо, а худым — худо»... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 50).

***

Одно точно определено... что тамошнее состояние вполне соответствует тому, как настроит себя человек здесь на земле (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 50).

***

Что отшедшие живы, только другою жизнию живут сознательно, пребывают в общении между собою по тамошним условиям и порядкам, и на нас посматривают и к нам приходят, слышат наши молитвы о них, и о нас

молятся, и делают нам внушения, — все по тамошним законам и порядкам, а не как вздумается, — это должно считать положительно верным, хотя ничего определенного по всем этим пунктам сказать не можем (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 99).

***

Что будет на том свете, увидим. Все соберемся в одно место и не дивно, что получим возможность увидеть друг друга (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 41).

***

Это не неожиданное несчастье, а общий всех нас удел. Скорбна разлука, но она не без конца... Нынче-завтра и мы туда же пойдем. Скорбна безвестность положения отшедшего, но вера, что отшедший переходит в руки Божии, разгоняет всякий при этом мрак. У Господа праведного никакое добро не забывается... Когда отходит кто к Господу, Господь ищет не того, чтоб осудить, а чтоб оправдать (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 102—103).

***

Цель жизни точно надо определенно знать. Но мудрено ли это? И не определена ли уже она? Общее положение такое, — что как есть загробная жизнь, то цель настоящей жизни всей, безызъятия, должна быть там, а не здесь. Это положение всем ведомо и толковать об нем нечего, хоть о нем меньше всего помнят на деле. Но поставьте вы себе законом для жизни вашей — всеми силами преследовать эту цель — сами увидите, какой свет разольется оттого на временное ваше на земле пребывание и на дела ваши. Первое, что откроется, будет убеждение, что, следова-

тельно, все здесь есть только средства для другой жизни. Относительно же средств один закон — употреблять их и пользоваться ими так, чтоб они вели к цели, а не отклонялись от нее и не поперечили ей. Вот вам и решение вашего недоумения: не знаю, что сделать с своею жизнию. Смотрите на небо и всякий шаг вашей жизни так соразмеряйте, чтоб он был ступанием туда (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 58).

***

Цель — блаженная жизнь за гробом; средства — дела по заповедям, исполнения которых требуют все случаи жизни (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 60).

***

Кто не испытал болезней внутренней брани, кто не страдал за Христа, каким бы то ни было образом, тот тщетно надеется венчаться в царстве Христовом (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 35).

****

Во внутренней пустыне жил один старец, удручавший себя в течение многих лет воздержанием и духовными подвигами. Пришли к нему некоторые братия и, удивившись его жительству, сказали ему: «Отец! Как ты переносишь это сухое, бесплодное и неудобное место?» Старец отвечал им: «Весь труд моего времени, которое живу здесь, не может сравниться с одним часом вечных мук геенны. Подобает нам в краткое время этой жизни подчиниться труду и изможлать страсти нашего тела, чтобы обрести некончающееся успокоение в будущей Вечной жизни» (106, 416).

***

Валентий, человек достопочтенный, управлял прежде своим монастырем в области Валерии. Свирепые лангобарды пришли тогда в монастырь и, как он сам рассказывал, повесили на сучьях одного дерева двух его монахов, которые в тот же день и были погребены. По наступлении вечера души повешенных начали петь на том месте ясными и громкими голосами, так что сами убийцы, когда услышали голоса поющих, чрезвычайно удивились и устрашились. Эти голоса слышали и все пленные, бывшие тут, и после свидетельствовали о псалмопении убиенных. Всемогущий Бог сделал голоса этих душ слышимыми для телесного слуха, чтоб живущие еще во плоти знали, что, если будут служить Богу, и по смерти плоти будут жить истинной жизнью (118, 294—295).

***

Одному старцу были показаны места, где по смерти покоятся святые. И вот, в одном чудном месте он увидел некоего мужа и спросил: «Чем занимался ты в миру?» — «Я был работником у одного злого человека, терпел от него до конца, платы не получал, а делал он мне одно только зло. За это после смерти сюда и принесли меня». Потом старец увидел другого человека, тоже в чудном и славном месте, и спросил его, чем тот заслужил такое. — «Я был прокаженным и с благодарностью, даже до конца, переносил свою болезнь, и потому после смерти получил сие место». Наконец, старец увидел третьего мужа, но не в столь славном месте, и его спросил, за что же он здесь. — «Я долгое время был монахом и постоянно трудился для спасения своей души, впоследствии сделали меня епископом» (112, 846).

***

Благочестивая вдова Клеопатра имела особенную любовь к святому мученику Уару, тело которого было погребено ею в ее владении. Она устроила в честь мученика церковь и решила перенести туда его святые мощи. В день их перенесения она усердно молила святого мученика, чтобы он принял под свое покровительство ее единственного сына, отрока двенадцати лет, которого надлежало отправить на воинскую службу. Молитва ее была услышана, и мученик действительно стал покровителем ее сына, но только не в воинской службе. Случилось, что отрок в тот день тяжко заболел и ночью скончался.

Вместо того чтобы покориться воле неисповедимого в путях Своих Господа, Клеопатра предалась великому отчаянию. Она дошла до того, что стала приписывать потерю сына мученику и жестоко укорять его. Искушение продолжалось однако недолго.

Вскоре святой Уар явился ей вместе с ее сыном и сказал: «За что ты укоряешь меня? Неужели за то только, что я взял твоего сына в воинство Небесного Царя?» Вслед за мучеником и сын обратился к ней: «Что так скорбишь безнадежно, мать моя? Я ныне вчинен в воинство Царя Христа и вместе с Ангелами предстою Ему, а ты желаешь, чтобы я от Царства перешел в убожество». Слыша эти слова и видя своего сына облеченным в Небесную славу, изумленная и обрадованная мать воскликнула: «О, если так, то возьмите и меня с собой!» «Будь терпелива, — ответил ей мученик, — и устрой имение свое во славу Господу, а после этого и сама уже придешь в вечные жилища». Видение кончилось, а с ним миновало и отчаяние Клеопатры.

После погребения сына она действительно поступила с имением, как советовал ей святой, т. е. раздала его бедным. В продолжение года каждый воскресный день сподоблялась она видеть своего сына с мучеником Уаром в ангельской одежде, а затем, угодив Богу, и сама мирно скончалась (112, 119—120).

***

Вскоре после смерти оптинского инока Андрея (в миру генерал Андрей Петровский) его келейнику, послушнику Оптиной Пустыни Пахомию Даниловичу Тагинцеву, приснился сон. «14 февраля 1867 года, — говорил он, — в послеобеденное время прилег я на свое ложе для короткого отдыха и вижу во сне, будто нахожусь в каком-то обширном саду, дивный вид которого, благоухание растущих деревьев с листьями, похожими на роскошные цветы, поражали меня. Чудное пение красивых птиц, сидевших на деревьях, неизъяснимо услаждало слух. Далее мне представилось какое-то огромное и великолепное здание, возвышавшееся на открытой местности среди сада. Внешний вид здания, соразмерность во всех его частях при богатой отделке — выше всякого описания. Внутренние стены дома, казалось мне, составлены были будто бы из ярко сияющей массы, подобной чистому и прозрачному хрусталю, в одном из трех обширных залов стоял превосходной работы стол с изображением на нем птицы, а несколько далее стояли люди, обращенные лицами к той стороне, где находилась божница со святыми иконами. Одеты они были в блестящие белые одежды, своим покроем похожие на иноческие подрясники, подпоясаны ремнями, тоже монашескими. В руках они держали черные

четки. Не очень длинные, но красивые локоны опускались до плеч. Все они, вместе с бывшим среди них неизвестным мне монахом, в мантии и клобуке, общим хором, необыкновенно стройно пели Херувимскую песнь. В это время из крайней комнаты, находящейся на левой стороне, очень ясно слышен был голос: «Видишь ли, брат Пахомий, какой милости сподобил меня Господь? Блажен тот человек, который держится Господа». Голос этот был голосом Андрея, самого же его я не видел. При этих словах я и проснулся» (107, 559—560).

***

Был некий игумен, отец общежительного монастыря, святой жизни, украшенный всеми добродетелями, милостивый к нищим. Он молился Богу, говоря: «Господи! Знаю, что я грешен, но, надеясь на Твою благость, уповаю спастись ею. Умоляю эту благость Твою, Владыко, не разлучи меня с духовной семьей моей и в будущем веке, но сподоби чад моих со мной Вечной жизни!» Часто повторял святой эту молитву. И Господь даровал ему вразумление.

В соседнем монастыре был праздник. Пригласили на него и игумена с его монахами. Он не хотел было идти, но пошел, услыхав во сне голос, сказавший ему: «Пойди на праздник, только пошли своих учеников впереди, а сам иди один позади них». Когда настало время, монахи пошли на праздник. По пути они увидели лежащего нищего, расслабленного и в ранах. Они спросили о его болезни, он со слезами отвечал: «Я был болен, а здесь напал на меня зверь. Изломав меня, он ушел, и некому отнести меня в село». Они сказали: «Мы пешие, без осла, ничем не можем тебе помочь», — оставили его и ушли. По прошествии некоторого времени шел тут игумен и увидел нищего, который лежал и стонал. Узнав о причине такого его положения,

он спросил: «Не проходили ли здесь монахи незадолго передо мной и не видели ли тебя?» Нищий отвечал: «И стояли надо мной, и расспросили о случившемся со мной, и ушли, сказав: «Мы пешие, ничем не можем тебе помочь». Игумен сказал: «Если можешь, то пойдем вместе потихоньку». Нищий отвечал: «Не могу идти». Игумен сказал: «В таком случае я возьму тебя на плечи и с Божией помощью донесу до селения».

Нищий стал отговаривать его: «Отец! Как тебе одному нести меня? Путь далекий, пойди туда и пошли за мной». Игумен отвечал: «Жив Господь Бог мой! Не оставлю тебя!» С этими словами он поднял нищего на свои плечи и понес. Сперва он чувствовал тяжесть ноши, но потом тяжесть уменьшилась, а вскоре сделалась почти нечувствительной. Игумен недоумевал, почему вдруг тот, которого он нес, стал невидим. И последовал голос к нему: «Ты постоянно молишься о своих учениках, чтоб они сподобились жизни вечной, но дела у тебя одни, а у них другие. Если хочешь, чтобы прошение твое было исполнено, убеди их поступать так, как поступаешь ты. Я — Судия Праведный: воздаю каждому по делам его» (106, 417—418).

ЖИЗНЬ ЗАГРОБНАЯ

...Будущий век есть лето для праведных, и зима для грешников (св. Ерм, 94, 204).

***

Праведен Ты и праведны суды Твои, Судия, в оном непреходящем мире. Настоящий мир скрывает грешников, а тот обнаруживает виновных. Там справедливое наказание несут люди за грехи свои, без лицеприятия прием-

лют, что следует каждому. Уготованы там нечестивым тьма и немерцающий свет праведным (прп. Ефрем Сирин, 33, 249).

***

Ни свет там не омрачится, ни тьма там не озарится. Не прекратятся тамошние хвалы и не умолкнет тамошний плач. Ни блаженство тамошнее не оскудеет; ни посрамление тамошнее не кончится. Там свет объемлет праведных, и пламень — нечестивых. Там жажда и голод — роскошным; блаженство и жизнь — постникам; огненный меч — нечестивым; и светлая риза — победителям (прп. Ефрем Сирин, 33, 388).

***

...Там — за гробом — весы правды; там не различаются ни степени, ни достоинства.

Ни у царей нет венцов, ни у судий — их отличий; судьи осуждаются, а осужденные ими — во славе. Богатые просят себе воды, а убогие избыточествуют всеми благами; славные земли — во пламени, а униженные здесь — в Чертоге Света. Во пламени — облекавшийся в шелковые ризы, и в Царстве — облекавшийся во вретище (прп. Ефрем Сирин, 33, 390).

***

Каждому определено свое, по мере того, что сделано им. Нет правды — остаться там в презрении добрым.

Ни с чем не сообразно — покоиться там нечестивым; неприлично — и ограбленным, и ограбившим мучиться вместе (прп. Ефрем Сирин, 33, 390).

***

...Что же в другой жизни? Кто скажет, что приносит неправедным последний день? Там клокочущий пламень, ужасная тьма удалившимся от света, червь, всегдашнее памятование наших грехов. Лучше бы тебе, грешник, не вступать во врата жизни, и если вступил, всему разрушиться наравне со зверями, чем после того, как терпишь здесь столько скорбей, понести еще наказание, которое тяжелее всего претерпеваемого тобою в здешней жизни! (свт. Григорий Богослов, 15, 268).

***

...Люди в том и другом, и в худом, и в хорошем, какими бывают здесь, такими будут и после сей жизни (свт. Григорий Нисский, 19, 192).

***

Здесь и хорошее, и худое имеет конец, и притом весьма скорый, а там — то и другое продолжается в бесконечные веки, а по качеству своему настолько отлично от здешнего, что и сказать невозможно (свт. Иоанн Златоуст, 44, 13).

***

Никто не в состоянии сказать, где, как, в каком месте или в каком виде обретаются те, которые ушли отсюда раньше нас; мы знаем только одно то, что они находятся там, где пребывает Единый Вечный, Единый Бессмертный, где Единый Благий и Человеколюбивый, Творец душ и телес (свт. Иоанн Златоуст, 52, 925).

***

Тогда и самое обличение совести, и самое воспоминание о сделанном... (будут) нестерпимее бесчисленных и неизреченных томлений. Ибо души помнят все, что было здесь, как говорят отцы, и слова, и дела, и помышления, и ничего из этого не могут забыть тогда. А сказанное в псалме: *в той день погибнут вся помышления их* (ср.: Пс. 145, 4), говорится о помышлениях века сего, т. е. о строении, имуществе, родителях, детях и всяком даянии и получении. Все сие вместе с тем, как душа выходит из тела, погибает (для нее), и из всего этого она тогда ни о чем не вспоминает и не заботится. А что она сделала относительно добродетели или страсти, все то помнит, и ничто из этого для нее не погибает, но если человек принес кому-нибудь пользу, или сам получил ее от кого-либо, то он всегда памятует получившего от него пользу и оказавшего ему оную. Также и если получил от кого-либо вред или сам сделал кому-нибудь вред, то всегда помнит и сделавшего ему вред и потерпевшего вред от него. И ничего... не забывает душа из того, что она сделала в сем мире, но все помнит по выходе из тела, и притом еще лучше и яснее, как освободившаяся от земного сего тела (прп. авва Дорофей, 29, 139—140).

***

Возмогший трудами доброделания *умертвить уды, сущия на земле* (ср.: Кол. 3, 5), и чрез исполнение заповедей Слова победить сущий в нем мир, никакой не будет иметь скорби, как оставивший уже мир и начавший пребывать во Христе, Победителе мира страстного и всякого мира Подателя. Ибо не оставивший пристрастия к вещественному, конечно, будет иметь скорбь, изменяясь в чувствах вместе с изменением того, что изменчиво по приро-

де; а начавший быть во Христе ни под каким видом не восчувствует уже изменения в вещественном, каково бы оно ни было (прп. Максим Исповедник, 91, 247).

***

Как зачатки будущих мук сокрыто присущи в душах грешников, так зачатки будущих благ присущи в сердцах праведников, и действуют духовно, как и вкушаются. Ибо Царствие Небесное есть добродетельное житие, как мучение адское — страстные навыки (прп. Григорий Синаит, 93, 187).

***

Будущие награды и наказания равно вечны, хотя иным это кажется иначе. Одним Божественная правда воздаст вечную жизнь, а другим — вечное мучение. Те и другие, добре или зле проживши нынешний век, воздаяние получат по делам: количество же и качество воздаяния определится добродетелями или страстями, навыком укоренившимися (прп. Григорий Синаит, 93, 187).

***

...Наши души, по разлучении их с телами, присоединяются — соответственно усвоенным ими в земной жизни добрым или злым качествам — к Ангелам света или к ангелам падшим (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 71).

***

...Воздаяние как праведников, так и грешников весьма различно... Не только небесных обителей бесчисленное множество... но и ад имеет множество различных темниц

и различного рода мучения... (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 72).

***

Или не верите, что Бог лучше вас знает, что для вас с супругою и для детей ваших душеполезно? Или полагаете, что Бог забыл о вас, и пропустил случившееся с вами без внимания, и оно случилось без особого направления во благо вам? Или вы у Бога пасынок и падчерица... а не сын и дщерь?!

Вы уткнули свое внимание все на горестную сторону дела... и не узреваете Божией в том о вас попечительности?! А она действительно есть... Не осязаете ее?! Она такова и есть. Не осязаема в настоящем... а узреваема после. Воскресите же веру... и как река польются оттуда утешения.

Расскажу вам случай... В Санкт-Петербурге одна большая барыня... потеряла троих детей, умненьких, миленьких, благонравных, — особенно старшая была благоговейного настроения и умела молиться... Мало тут горя?! Но этого мало. Спустя немного и мужа лишилась... и этого мало: осталась ни с чем... Горю ее не было предела. Мужалась, предаваясь молитвам в волю Божию. Но скорбь грызла... Наконец смиловался Господь, и в утешение послал ей сон... Видит мужа в полусумрачном состоянии. Спрашивает, что тебе, как? «Ничего, — говорит, — милостив Господь. Но надо потерпеть, пока отойдет эта мгла». — «А дети?» — «Дети там...» — указывая на небо сказал он. «А Маша?» (Это старшая лет пяти.)... — «Машу посылает Бог на землю утешать скорбящих...»

С тех пор отошла скорбь. Так видели, где дети-то? И ваши там. — Попали бы они туда, если б живы оста-

лись? Кто знает. А теперь это верно. Так вам, родителям, чего же лучше желать для детей?!

И установитесь в этой мысли... что участь детей ваших устроилась наилучшим образом... И перестаньте скорбеть.

Ведь и сами помрете... Будет кому встречать вас... а пожалуй, и защищать (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 78—79).

***

...Надо знать меру: не убиваться и не забывать тех понятий о смерти и умерших, которые даются нам христианством. Умерла! Не она умерла, умерло тело, а она жива, и так же живет, как и мы, только в другом образе бытия. Она и к вам приходит и смотрит на вас. И, надо полагать, дивится, что вы плачете и убиваетесь, ибо ей лучше. Тот образ бытия выше нашего. Если б она явилась и вы попросили ее войти опять в тело, она ни за что не согласилась бы. Зачем же вам вступать с нею в такое разногласие? Желать того, что ей противно? Какая тут будет любовь (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 216—217).

****

Поведал некий старец. Два брата жили по соседству с ним. Один — странник, другой — туземец. Первый жил немного нерадиво, другой был великий подвижник. Настало время, и странник скончался в мире. Прозорливый старец, сосед их, увидел множество Ангелов, сопровождавших его душу. Когда он приблизился ко входу на небо, на вопрос о нем пришел голос свыше: «Ясно, что он был немного нерадив, но за странничество его отворите ему вход в небо». После этого скончался и туземец, и со-

брались у него все его знакомые. Старец увидел, что Ангелы не пришли для сопровождения его души, и удивился. Упав ниц перед Богом, он спросил: «Почему странник, живший не столь благочестиво, сподобился такой славы, а этот, будучи подвижником, не удостоен ничем подобным?» И последовал ответ: «Подвижник, умирая, видел своих плачущих родственников, и этим душа его была утешена, а странник хотя и был нерадив, но не видел никого из своих. Находясь в таком состоянии, он плакал сам, и Бог утешил его» (106, 524).

***

...Один пресвитер, муж чудный и много времени проведший в подвиге, рассказывал следующее: «Была у меня сестра, девица молодая летами, но приобретшая старческий разум. Она проводила все время в посте и воздержании. Однажды сидела она около меня и вдруг, отклонившись на спину, лежала безгласна и бездыханна целый день и ночь. На следующий день в тот же час, как бы от сна встав, была она в страхе и ужасе. Я спрашивал ее, что с нею было, но она просила подождать, пока пройдет ужас... В слезах провела она много дней, и сама не хотела говорить, и других не хотела слушать, не говорила даже с самыми близкими, часто же имена некоторых вспоминала со слезами и, стеная, оплакивала их.

Наконец, она уступила моим просьбам и начала говорить: «В оный час, когда я сидела около тебя, два неких мужа, седые волосами, сановитые по виду, одетые в белую одежду, пришедши и взявши меня за правую руку, приказали следовать за ними. Один же из них, держащий в руке жезл, простер его к небу и отверз его, приготовляя нам доступ внутрь его. Потом, взявши меня, приводят в

некое место, где стояло великое множество Ангелов, двери же и храмины были выше всякого слова. Когда же я вошла внутрь, вижу престол возвышенный и многих стоящих там, красотою и величием превосходящих тех, кои стояли вне. На престоле сидел Некто, Своим светом всех освещающий, Которому все поклонились. Меня тоже привели к Нему на поклонение, и я услышала, что Он повелел показать мне все для вразумления живущих на земле. Пришедши в некое место, вижу великое множество творений красоты несказанной, облеченных в различные одежды, блистающие золотом и драгоценными камнями, и храмины разнообразные, и живущих в них мужей и жен великое множество в чести и славе. Показывая их, говорили мне: «Это суть епископы, это клирики, это миряне, из них одни в своем служении просияли, другие целомудренно и праведно пожили».

Там я увидела пресвитера своего селения и клириков, которых знаем. Увидела множество дев и вдов, жен, в браке честно поживших; из них многие были знакомы, иные из нашего местечка, другие же из разных мест... одни упражнялись в подвижничестве, другие пожившие честно в своем состоянии, некоторые во вдовстве провели большую часть жизни и сокрушаемы были скорбями и многими бедствиями. Есть из них некоторые в девстве и во вдовстве сначала павшие, и за покаяние и многие слезы опять восстановленные в прежний чин. Взявши меня оттуда, отвели в некоторые места, страшные по виду и ужасные для зрения, исполненные всякого плача и рыданий».

Намереваясь же начать рассказ о сем, в такой пришла она страх, что слезами омочилась вся одежда ее, прерывался ее голос, язык же ее невольно запинался, двигался,

не издавая звука. Но, принуждаемая мною, так начала она говорить: «Видела я места столь страшные и ужасные, что ни зрением, ни слухом нельзя понять; о них предстоящие мне говорили, что они приготовлены для всех нечестивых и беззаконных и для тех, которые в мире назывались христианами, но много зла делали. Там видела я печь разжженную и издающую страшное некое клокотание. Я ужаснулась и спросила, для кого приготовлено сие. Мне ответили: «Для вчиненных в клир, из сребролюбия же и беспечности Церковь Божию оскорбивших и в постыдной жизни проживших без покаяния...» Я же, трепеща, возгласила: «Ужели для находящихся в клире и девстве приготовлены такие бедствия?» Один же из бывших вдали отвечал: «Бедствия, девица, назначены им соответствующие нечестию их против Бога и неправде их против ближнего. Ибо ни тех, кои страдают там, не презирает Бог, ни тех, кои делают неугодное Ему, не оставляет без наказания. Всем за доброе и злое воздает по достоинству Бог Всемогущий». Еще отошедши, остановились мы на месте, полном глубокой тьмы. Все там было наполнено вопля и смущения, жалобного голоса, скрежета зубов и страшного стенания. Там увидела я разных дев и вдов, которые не поступали сообразно своим обетам, вину и наслаждениям прилежали, на псалмопение и молитвы, и посты не обращали никакого внимания, несмотря на то, что своими обещаниями вступили в завет с Христом.

О некоторых же из них говорили, что они человеконенавистно, хотя и правильно, пересказывали о намерениях других, что послужило для некоторых из них к развращению, и сделались они виновными в их погибели. Я же, видя их стенания и плач, не меньше их была объята страхом. Посмотревши внимательно, вижу двух самых любезных мне девиц, объятых огнем и муками... видевши их

и восстенавши, по имени позвала я одну из них. Они же взглянули, и лица их покрылись стыдом по причине наказания, которому подверглись, и еще более мучились стыдом и поникли вниз. Я же со слезами спрашивала их, что сделано ими тайного, что утаилось от многих, кто знал их на земле, и в какие впали они худые дела, за которые получили наказание?.. Они же сказали: «Девство погубили мы растлением, на убийства же по причине зачатия решались, воздержание и пост в виду других исполняли, втайне же делали противоположное, ибо славы только человеческой желали, а на угрожающие мучения не обращали внимания. Но вот все сделанное там тайно обличили здешние бедствия, за славолюбие соответственный принимаем стыд... Но если есть у тебя какая сила и дерзновение ради твоей доброй жизни, помоги нам, испроси хотя немного помилования у мучащих нас». Я же отвечала: «Где же многие увещания и советы вам брата моего? Где мольбы, где великое его попечение, где постоянные молитвы? Ужели всего этого недостаточно для того, чтобы не быть вам здесь?..» Они же, устыдившись, молчали, но затем стали говорить: «Не время теперь обличения и укорения, но утешения и помощи... помоги нам...» Я же, припавши, со слезами молила мучителей облегчить их мучения. Они со страшным взором без успеха отослали меня, говоря: «Справедливо для них, какие посеяли там деяния, за такие пожать плоды; какие там презрели блага, тех здесь не получить, а какими пренебрегали муками, те испытать... Ступай, девица, возвещай там о здешнем — добром и злом, хотя бы многим показалась ты говорящею пустое». Девицы те, узнавши, что бесполезно было мое моление, плача и скрежеща зубами, сказали: «Все терпим мы сообразно со сделанному нами... но, оставивши нас, иди опять в мир... расскажи обо всем этом жившей с

нами, ибо и она с нами делала подобное, смеясь над здешним... Возвести ей о наших мучениях, убеди покаяться...» (98, 428—435).

***

Тем из святых, которые удостоились при жизни видеть загробный мир и оставили нам об оном сказания, мы должны быть особенно благодарны. Ибо подобные сказания решают многие весьма затруднительные для нас вопросы, рассеивают неосновательные наши суждения и утверждают веру в истину Евангельскую. В доказательство сего вот нечто из сказания одного благочестивого мужа, который удостоился видеть жилища святых.

«Поставлен я был, — говорит он, — на некотором ровном месте, где все было хорошо, весело и приятно, а в стороне от него было еще лучшее место, всей прелести которого словами передать невозможно. Там сидел старец многочестный, а около него были дети, число которых превосходило песок морский. Желая узнать, кто сей старец, я спросил о нем сопутствовавших мне апостолов Андрея и Иоанна, и они сказали, что это Авраам, а место, где были дети, называется лоном его. Поклонившись величайшему из патриархов, я приведен был своими путеводителями на место, называемое Елеон, где росло множество деревьев и под каждым была сень. Тут было также множество людей, и многие были известны мне. Одни из них воспитывались при дворе царском, другие были простыми людьми, некоторые земледельцами, а иные иноками. Все они уже умерли. Когда я хотел расспросить подробно о видимом мною месте, Апостолы предварили меня и сказали: «Ты желаешь знать, что есть сей великий и прекрасный Елеон и что все, что ты видишь в нем? Знай, что он есть дом Отца Небесного, в котором обители

многи суть. И эти обители всем разделяются, смотря по их благочестию и по мере добродетелей».

Какой же из затрудняющих нас вопросов решает это сказание? — Тот, где находятся наши дети, умирающие в младенчестве. Что с ними? Где души их? — часто думаем мы и, по своему маловерию, предаемся иногда неумеренной скорби о разлуке с ними. Но вот ясно, что они на лоне Авраама, что, следовательно, об их участи беспокоиться нечего и что справедливо слово Господне: *таковых есть Царство Небесное* (Мф. 19, 14).

Какое неосновательное суждение наше рассеивает это сказание? — То, будто «в мире никак нельзя спастись, а можно только в монастыре или в пустыне какой». На деле, как видите, выходит не так. Есть в Царстве Небесном, как слышали в сказании, вместе с монахами и воспитывавшиеся при дворе царском, и граждане, и земледельцы. Значит, ясно, что не место спасает или губит человека, а спасают или губят одни дела. Будем же помнить, что «Господь, — как говорит преподобный Нифонт, — равно приемлет в Свои объятия праведную душу с престола и от сохи, из алтаря и с поля брани», — и каждый пусть в своем звании пребывает.

Итак, братие, справедливо, что мы должны быть особенно благодарны святым, которые, удостоясь видений, оставили нам о них свои сказания. Благодарность же свою выразим им тем, что будем внимательны к их сказаниям, и будем пользоваться их уроками для спасения своей души (112, 99—101).

ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ

Желать как можно дольше оставаться в мире свойственно только тому, кого увеселяет мир, кого лукавый и

льстивый век влечет к себе обманчивыми прелестями земного наслаждения (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 265).

***

Господь нам не сказал, что здесь будет воздаяние; но что здесь будут искушения, тесноты, нужды и скорби, а там воздаяние. Эта жизнь есть путь подвигов и искушений (прп. Антоний Великий, 89, 57).

***

Чем кто умереннейшую проводит жизнь, тем тот спокойнее бывает, потому что не печется о многом... когда же прилепляемся мы... <к земному>, то, подвергаясь случающимся из-за того прискорбностям, доходим до того, что на Бога ропщем (прп. Антоний Великий, 89, 64).

***

Если любишь покойную жизнь, не входи в круг тех, у коих вся забота о суетностях, и если случайно попадешь в среду их, будь таков, как бы тебя там не было (прп. Антоний Великий, 89, 102).

***

Так живи, как бы каждый провождаемый тобою день был последний в жизни — и не согрешишь пред Богом (прп. авва Исаия, 59, 65).

***

...Кто всю свою надежду возлагает на мир сей, тот слеп (прп. авва Исаия, 59, 71).

***

Кто совершенно презирает и ненавидит мир, тот знает и усвояет истинные блага (прп. авва Исаия, 59, 95).

***

...<Ты> должен возненавидеть временную жизнь, и благость Божия скоро ущедрит тебя всеми... дарами (прп. авва Исаия, 59, 98).

***

...Поистине великая буря свирепеет в сем житейском море. Будем поощрять себя к трудам и взывать к Господу, чтобы не погибнуть в волнах моря сего (прп. авва Исаия, 59, 175).

***

...Возненавидь все, что в мире, и телесный покой, потому что они делают тебя врагом Богу (прп. авва Исаия, 89, 425).

***

Такова жизнь; она не имеет ни удовольствий постоянных, ни скорбей продолжительных. Не твоя собственность этот путь, но и настоящее также не твое (свт. Василий Великий, 5, 163).

***

Два есть пути, один другому противоположные, — путь широкий и пространный, и путь тесный и скорбный. Два также путеводителя, и каждый из них старается обратить к себе. На пути гладком и покатом путеводитель обманчив — это лукавый демон, и он посредством удовольствий

увлекает следующих за ним в погибель; а на пути негладком и крутом путеводителем добрый Ангел, и он чрез многотрудность добродетели ведет следующих за ним к блаженному концу (свт. Василий Великий, 5, 164).

***

Настоящее время есть время покаяния и отпущения грехов, а в будущем веке Праведный Суд воздаяния (свт. Василий Великий, 7, 305).

***

По отшествии из сей жизни нет уже времени для добрых дел: потому что Бог, по долготерпению Своему, время настоящей жизни определил на делание нужного для угождения Богу (свт. Василий Великий, 7, 307).

***

...Будешь всегда радоваться, если жизнь твоя всегда обращена будет к Богу, и надежда на воздаяние будет облегчать житейские скорби (свт. Василий Великий, 8, 56).

***

...Если желаем безопасно пройти предлежащий путь жизни, представить Христу и душу и тело свободными от постыдных язв и получить победные венцы, то должны мы обращать всюду бодрственные душевные очи, на все приятное смотреть подозрительно, без замедления пробегать мимо и ни к чему не прилепляться мыслью; хотя бы казалось, что золото лежит рассыпано кучами и готово перейти в руки желающим... хотя бы земля произращала

наслаждения всякого рода и предлагала многоценные кровы (свт. Василий Великий, 8, 277).

***

Жизнь человеческая коротка, маловременные радости многотрудного жития — паутинная ткань, наружный блеск жизни — сон (свт. Василий Великий, 8, 342).

***

Удовольствия отнимают твердость, роскошь изменяет мужество, уныние расслабляет силы, клеветы наносят оскорбления, лесть прикрывает собою злоумышления, страх делает, что падаем в отчаяние; и в таком-то треволнении непрестанно обуревается наша природа (свт. Василий Великий, 8, 342).

***

...Жизнь человеческая — непостоянное море, зыбкий воздух, неуловимое сновидение, утекающий поток, исчезающий дым, бегущая тень, собрание вод, колеблемое волнами. И, хотя буря страшна, плавание опасно, однако же мы, пловцы, спим беспечно. Страшно и свирепо море жизни, суетны надежды, надмевающие подобно бурям. Скорби ревут, как волны; злоумышления скрываются, как подводные камни; враги лают, как псы; похитители окружают, как морские разбойники; приходит старость, как зима; наступает смерть, как кораблекрушение. Видишь бурю, правь искуснее; смотри, как плывешь, не затопи ладьи своей, нагрузив ее или богатством, приобретаемым неправдою, или бременем страстей (свт. Василий Великий, 8, 344).

***

...Настоящая жизнь вся предоставлена трудам и подвигам, а будущая — венцам и наградам... (свт. Василий Великий, 9, 380).

***

Не возлюби века сего, потому что делает он запинание любящим его, и на час услаждает, в тот же век отпускает обнаженными (прп. Ефрем Сирин, 30, 59).

***

Размысли, что жизнь ничего не имеет в себе, кроме слез, укоризн, злословия, лености, трудов, болезней, старости, греха и смерти, и не возлюбишь мира (прп. Ефрем Сирин, 30, 70).

***

...Не шути с невеждою, никого не поноси. Соблюдай себя чистым, бегай пиров, чтобы не болезновать о сем при конце жизни (прп. Ефрем Сирин, 30, 195).

***

Что делаешь ты, человек, проводя жизнь подобно бессловесному? Бог сотворил тебя разумным, рассудительным: не уподобляй же сам себя безрассудством своим неразумным скотам (прп. Ефрем Сирин, 30, 300).

***

Пока еще в безопасности находишься... прилагай старание, ибо наступит для тебя время, исполненное неверия,

расслабления, лености, сердечной сухости и столь смутное, что не дозволит тебе подумать о лучшем (прп. Ефрем Сирин, 30, 541).

***

Пойдем... путем тесным и скорбным, чтобы, соделавшись досточестными, иметь нам хранителем своим Бога (прп. Ефрем Сирин, 31, 110).

***

Если положишь доброе начало... то и старость свою проведешь так же благоугодно, и будешь подобен светилу, озаряющему многих на пути Господнем (прп. Ефрем Сирин, 31, 130—131).

***

На широком пути бывает следующее: злоумие, развлечения, чревоугодие, пьянство, расточительность, непотребство, раздор, раздражительность, надменность, непостоянство и тому подобное; а за ними следуют неверие, неповиновение, непокорность; последнее из всех зол — отчаяние. Кто предан сему, тот заблудился с пути истины, готовя себе собственную свою погибель (прп. Ефрем Сирин, 31, 152).

***

На тесном и узком пути бывает следующее: безмолвие, воздержание, целомудрие, любовь, терпение, радость, мир, смиренномудрие и тому подобное; за ними же следует бессмертная жизнь (прп. Ефрем Сирин, 31, 152—153).

***

...Не соревнуй делам небогобоязненности. Ибо что лучше? роскошествовать ли несколько дней и выполнять похоти плоти, но лишиться жизни вечной? Или ненадолго потерпеть тесноту, но избежать вечного осуждения и скрежета зубов, и достигнуть Вечной жизни? (прп. Ефрем Сирин, 31, 153).

***

...Если с юности будешь ходить стезею правды, и исшествие твое будет в мире (прп. Ефрем Сирин, 31, 153).

***

...Если порабощен ты земному мудрованию, то дело твое обратится в суету. ***Никтоже может двема господинома работати*** (Мф. 6, 24) (прп. Ефрем Сирин, 31, 157).

***

Горе тебе, душа, что пребываешь бесчувственною в настоящей жизни, каждый день предаваясь роскоши, смеху, рассеянности и живя распутно; в будущий век будешь плакать, подобно богачу, мучимая в пламени вечного огня (прп. Ефрем Сирин, 31, 597).

***

Жизнь нашу надобно сберегать, как вино. Не как случится должна проходить она, не смеху надобно посвящать ее, не многословию, хотя бы и невинному, не частым изворотам, хотя бы и не хитрым, не рассматриванию различных вещей, хотя бы и не напоминающих об удо-

вольствии, не многолюдству, хотя бы упрашивали окружающие. Ибо кто предан сему, тот, хотя не потерпит вреда, однако же не насладится и выгодами (прп. Ефрем Сирин, 31, 614—615).

***

Предусматривай будущее, как человек разумный, наблюдай настоящее, как человек смертный (прп. Ефрем Сирин, 31, 630).

***

Нередко за ничтожную вещь проливается кровь, а чрез несколько времени человек оставляет ее и выходит из этой жизни нагим и жалким, ничего не приобретши здесь, и не улучив вечных благ. Какое суетное стремление! Как душевредна жизнь сия! Как издевается она над человеком! Итак, размысли, человек, что имеет в себе эта жизнь? В ней зловоние, скорбь, труд, мука, непрестанные хлопоты, неправда, любостяжательность, ложь, татьбы, отравы, недоброжелательства, пленения, кораблекрушения, вдовство, сиротство, неплодство, укоризны, клеветы, посрамления, убытки, грабежи, стенания, войны, ненависть, зависть, убийства, и старость, и болезни, и грех, и смерть (прп. Ефрем Сирин, 32, 18—19).

***

Приготовь дела свои к исшествию; приведи все в порядок на поле своем, а поле есть жизнь сия; возьми добрый заступ — Новый Завет; городи владение свое терниями — постом, молитвою и учением. Если такая будет у тебя ограда, то не взойдет зверь, т. е. диавол (прп. Ефрем Сирин, 32, 90).

***

...Жизнь человеческая подобна пути. Поэтому должно более иметь в виду не то, что встретится во время шествия, но то, что будет с нами по совершении пути (прп. Ефрем Сирин, 32, 234).

***

Не здесь обещал нам Бог даровать покой и Царство Свое, ибо век сей назначил быть для нас училищем, местом искуса и подвига... (прп. Ефрем Сирин, 32, 277).

***

...Да не будет казаться для нас сладостным этот лукавый и суетный век, чтобы не соделались для нас горькими оный неугасимый огонь, вечный и ядоносный червь (прп. Ефрем Сирин, 32, 370).

***

Среди соблазнов и сетей ходим мы, возлюбленные, и должны молиться, чтобы не впасть в них. Сети смертные исполнены сладости; да не обольстит нас своею приятностью сладость сетей смертных, разумею попечение о земных вещах, об имении, о лукавых помыслах и делах. Не услаждайся, брат, сетью смертною, не расслабевай и не истаевай, занимаясь лукавыми помыслами (прп. Ефрем Сирин, 32, 373).

***

День похищает меня у ночи; жизнь моя непрестанно сокращается; но не умаляются грехи мои. Даруй мне,

Господи, проводить жизнь свою с пользою (прп. Ефрем Сирин, 33, 189).

***

Как коротко время наше! Как быстро идет оно! Скоротечен путь наш, недолговременно шествие наше. Один день от матернего чрева до гроба, одна ночь покоя во гробе, одно утро воскресения, потом неисходный суд (прп. Ефрем Сирин, 33, 239).

***

Разрешил я болезнующую утробу матери, вышел из нее на свет и принес с собою слезы и воздыхания. Мир едва увидел детство мое, надругался над ним и увлек в суеты свои. Так из тьмы пришел я в тьму греховную. Вскоре сретает меня смерть и погребает во тьме; и вот, тление разрушает тело и тьма уготована в воздаяние (прп. Ефрем Сирин, 33, 251).

***

Прежде отшествия твоего привлекай на себя щедроты, чтобы смерть не ввергла тебя в погибель. Страшное будет зрелище, когда Судия потребует отчета у свободной воли (прп. Ефрем Сирин, 33, 267).

***

Дни текут и улетают, часы бегут и не останавливаются, в стремительном течении времени мир приближается к концу своему. Ни один день не дозволяет другому идти с ним вместе, ни один час не ждет другого, чтобы лететь заодно. Как воду невозможно удержать и остано-

вить перстами, так не остается неподвижною и жизнь рожденного от жены. Взвешена и измерена жизнь всякого вступающего в мир, нет ему ни средств, ни возможности переступить за назначенный предел. Бог положил меру жизни человека, и эту определенную меру дни делят на части. Каждый день, незаметно для тебя, берет свою часть из жизни твоей, каждый час со своею частицею неудержимо бежит путем своим. Дни разоряют жизнь твою, часы подламывают здание ее, и ты спешишь к своему концу, потому что ты — пар. Дни и часы, как тати и хищники, обкрадывают и расхищают тебя, нить жизни твоей постепенно прерывается и сокращается. Дни предают погребению жизнь твою, часы кладут ее во гроб, вместе с днями и часами исчезает на земле жизнь твоя (прп. Ефрем Сирин, 33, 360—361).

***

Малым перстом — первым возрастом младенчества начинается жизнь твоя; потом идет она до второго перста — неразумного детства; после сего человек стоит на середине, — в горделивой и надменной юности; за этим следует четвертый возраст совершенного мужа; потом мера начинает умаляться, а как недостает еще одной степени, то приходит старость; это большой перст — конец жизни. Вот мера твоя, если определено тебе совершить ее вполне; часто же бывает, что придет смерть и не даст дожить до конца, потому что Творец по воле Своей сокращает пядень твоей жизни, чтобы зло пресеклось и не продолжалось вместе с твоей жизнью. Итак, рука показывает меру человеческой жизни; персты — образ пяти степеней, по которым проходит человек (прп. Ефрем Сирин, 33, 362).

***

Да не обращает в ничто жизнь твою гнев, да не губит ее грех; иначе ты — всецело мертв, потому что совершенно лишен жизни (прп. Ефрем Сирин, 33, 363).

***

Проводи жизнь свою в мире, запасайся добрым напутием, чтобы соединиться ей с Богом, и тебе, на конце ее, снова обрести ее там, если будешь здесь жить добродетельно. А если живешь нечестиво, то жизнь твоя проходит; она уже потеряна; станешь искать ее и не найдешь. Если вода вылита на землю, тебе невозможно ее пить; но если она налита в сосуд, то сбережется тебе для питья. Не проводи жизнь твою в гневе и ненависти, не трать ее на хищения, обиды, иначе не найдешь ее. Непотребством и татьбою не уподобляй жизнь свою гнилой воде; иначе поглотит ее земля, и глаз не увидит ее больше. Не в зависти и коварстве, не в гневе и вражде, словом: не в пороке каком проводи жизнь свою; иначе она потеряна, и ты — действительно мертвец, потому что утратил жизнь свою (прп. Ефрем Сирин, 33, 363).

***

...Гонись вослед за добрым, чтобы жизнь твоя, хотя и течет она как вода, собралась опять в Боге. К Богу направляй малый поток жизни своей, чтобы когда иссякнет здесь, сделалась там морем жизни. Не велик у тебя ручей жизни в этом преходящем мире; направь ее к Богу, чтобы сделалась бездной жизни. День за днем струится и утекает жизнь твоя; излей ее в Бога, чтобы обрести ее для себя в том мире (прп. Ефрем Сирин, 33, 363).

***

Человеку дана была жизнь, подобная Вечной жизни, и с нею приял он любовь к жизни и ненависти к смерти.

Сих двух стражей даровала человеку Всемощная Сила, снабдившая его жизнью, чтобы с их помощью охранял он благо жизни от противников.

Из любви к жизни обнаруживает он в себе любовь к своей жизни и, сколько должно, благодарит Подателя жизни, снабдившего его жизнью.

Страх смерти удерживает его в стремлении ко греху; потому что чрез грех утратил он жизнь, которая для него так вожделенна.

Таково всепремудрое распоряжение Всеустрояющего — дать испытать жизнь здесь, чтобы возвысить дар Свой (прп. Ефрем Сирин, 33, 396).

***

Предложу вам слово о настоящем веке. От сокровищ его нет пользы; ничего не остается навек, кроме истинной веры и правды, которые всегда непостыдны.

Где жившие прежде нас, которые трудились, не щадили трудов своих, не давали себе покоя? Тела их поглотила земля, и в ней стали они прахом.

Где древние цари и могущественная их власть? Где покорявшие себе землю во бранях и людей в ратоборствах?

У них столько же было золота, сколько праха на земле, и сокровищ — более, нежели сколько песка морского; они для прославления своего имени созидали города, сограждали стены и твердыни.

Пред взорами всех ставили изваяния и величественные изображения, чтобы воздавали им честь. И вот они в

земле, обратились в прах, исчезла их жизнь от дыхания смерти (прп. Ефрем Сирин, 33, 488).

***

Кто хочет в мире жить праведно, обрести себе покой, избавиться от борьбы и суда, тот постоянно ведет брань и терпит нападения... (прп. Ефрем Сирин, 34, 67).

***

Мы то же, что́ беглый сон, неуловимый призрак, полет птицы, корабль на море, следа не имеющий, прах, дуновение, весенняя роса, цвет, временем рождающийся и временем облетающий (свт. Григорий Богослов, 12, 260).

***

...Единственная польза от здешней жизни — самым смятением видимого и обуреваемого руководиться к постоянному и незыблемому (свт. Григорий Богослов, 12, 261).

***

...В делах человеческих, по естественному порядку, нет ничего твердого, ровного, держащегося своими силами и пребывающего в одинаковом положении; участь наша вращается подобно колесу, в различные времена, и часто в один день, а иногда и в один час подвергаясь различным переменам, так что скорее можно положиться на постоянство ветров, никогда не останавливающихся, или следов плывущего по морю корабля, или на обманчивые ночные сновидения, доставляющие минутное удовольствие, или на

твердость тех начертаний, какие дети, играя, делают на песке, нежели на благоденствие человеческое. Итак, благоразумны те, кои, не веря благам настоящим, собирают себе сокровище в будущем и, видя непостоянство и переменчивость благополучия человеческого, любят благотворительность, которая никогда не изменит (1 Кор. 13, 8) (свт. Григорий Богослов, 13, 20—21).

***

...Не море ли — жизнь наша и дела человеческие? И в ней много соленого и непостоянного. А ветры — это не постигающие ли нас искушения и всякая неожиданность? Сие-то, кажется мне, примечая, досточудный Давид говорит: *спаси мя, Господи, яко внидоша воды до души моея;* избавь меня из глубин водных, *приидох во глубины морския, и буря потопи мя* (ср.: Пс. 68, 2—3). Что же касается до искушаемых, то одни... как самые легкие бездушные тела увлекаются и нимало не противостоят напастям, потому что не имеют в себе твердости и веса, доставляемых разумом целомудренным и готовым бороться со встретившимися обстоятельствами, а другие, как камень, достойны того Камня, на Котором мы утверждены и Которому служим. Таковы все, которые, руководясь умом любомудрым и стоя выше низкой черни, все переносят твердо и непоколебимо, и посмеваются колеблющимся, или жалеют о них, — посмеваются по любомудрию, жалеют по человеколюбию. Сами же для себя вменяют в стыд — отдаленные бедствия презирать и даже не почитать бедствиями, но уступать над собою победу настоящим, и притом кратковременным, как будто они постоянны, оказывать любомудрие безвременно, а в случае нужды ока-

зываться нелюбомудрыми; что подобно тому, как если бы стал почитать себя отличнейшим борцом, кто никогда не выходил на поприще, или искусным кормчим, кто высоко думает о своем искусстве в тихую погоду, а в бурю бросает из рук кормило (свт. Григорий Богослов, 13, 300—301).

***

Если верно уставишь весы и взвесишь все, что в жизни приятного и что прискорбного, то одна чаша, до верха нагруженная злом, пойдет к земле, а другая, напротив, с благами жизни, побежит вверх. Война, море, возделывание земли, труд, разбойники, приобретение имущества, описи имений, сборщики податей, ходатаи по делам, записи, судьи, неправдивый начальник — все это еще детские игрушки в многотрудной жизни. Посмотри и на приятность жизни: пресыщение, обременение, пение, смех, гроб, всегда наполненный сотлевшими мертвецами; брачные дары, брак, брак второй, если расторгся прежний, прелюбодеи, поимка прелюбодеев; дети — тревожная скорбь, красота — неверная приманка; безобразие — невинное зло; заботы о добрых детях, печаль о худых; богатство и нищета — сугубое зло, презорство, гордость — все это, как шар, летающий из рук в руки у молодых людей (свт. Григорий Богослов, 15, 266—267).

***

О, как продолжительною сделали жизнь эту бедствия! — Долго ли мне сидеть у гноища? Как будто все блага нашей жизни заключены в одном утешении — изо дня в день то принимать в себя, то извергать отмеренное.

Не многим пользуется гортань; а все прочее переходит в сток нечистот. Еще зима, еще лето; то весна, то осень попеременно; дни и ночи — двойные призраки жизни; небо, воздух, море — во всем этом, и что неподвижно, и что вращается, ничего для меня нет нового, всем я пресыщен. Другую даруй мне жизнь и другой мир, для которого охотно несу все тяжести трудов. Лучше бы мне умереть, когда заключил Ты меня в матернюю утробу, ибо, как скоро начал я жизнь, моим уделом стали тьма и слезы.

Что это за жизнь? — Воспрянув из гроба, иду к другому гробу и, восстав из могилы, буду погребен в нещадном огне. Да и это время, пока дышу, есть быстрый поток бегущей реки, в которой непрестанно одно уходит, другое приходит и ничего нет постоянного. Здесь все один прах, который закидывает мне глаза, и я дальше и дальше отпадаю от Божия света, ощупью, по стене, хватаюсь за то и другое, брожу вне великой жизни. Отважусь на одно правдивое слово: человек есть Божия игра, подобная одной из тех, какие видим в городах. Сверху надета личина, которую сделали руки; когда же она снята, каменею от стыда, явившись вдруг иным. Такова вся жизнь жалких смертных. У них на сердце лежит мечтательная надежда, но тешатся ею недолго (свт. Григорий Богослов, 15, 269—270).

***

Много путей многобедственной жизни, и на каждом встречаются свои скорби; нет добра для людей, к которому бы не примешивалось зло; и хорошо еще, если бы горести не составляли большей меры! Богатство неверно; престол — кичение сновидца; быть в подчинении тягостно, бедность — узы, красота — кратковременный блеск молнии, молодость — временное воскипение, седина — скорб-

ный закат жизни, слова летучи, слава — воздух, благородство — старая кровь, сила — достояние и дикого вепря, пресыщение нагло, супружество — иго, многочадие — необходимая забота, бесчадие — болезнь, народные собрания — училище пороков, недеятельность расслабляет, художества приличны пресмыкающимся по земле, чужой хлеб горек, возделывать землю трудно, большая часть мореплавателей погибли, отечество — собственная яма, чужая сторона — укоризна. Смертным все трудно; все здешнее — смех, пух, тень, призрак, роса, дуновение, перо, пар, сон, волна, поток, след корабля, ветер, прах, круг, вечно кружащийся, возобновляющий все подобное прежнему, и неподвижный, и вертящийся, и разрушающийся, и непременный — во временах года, днях, ночах, трудах, смертях, заботах, забавах, болезнях, падениях, успехах.

И это дело Твоей премудрости, Родитель и Слово, что все непостоянно, чтобы мы сохраняли в себе любовь к постоянному! Все обтек я на крылах ума — и древнее, и новое; и ничего нет немощнее смертных. Одно только прекрасно и прочно для человека: взяв крест, преселяться отселе. Прекрасны слезы и воздыхания, ум, питающийся божественными надеждами, и озарение Пренебесной Троицы, вступающей в общение с очищенными. Прекрасны отрешение от неразумной персти, нерастление образа, принятого нами от Бога. Прекрасно жить жизнью, чуждою жизни, и, один мир променяв на другой, терпеливо переносить все горести (свт. Григорий Богослов, 15, 271—272).

***

Увы! Тесно мне и в жизни, и при конце жизни. Здесь грех, а там наказание. Стою в середине, боясь огненной реки. Надеюсь больше на Тебя, Христос, нежели на здеш-

ние подвиги. Если бы у меня была возможность, хотя несколько, очиститься, это было бы всего лучше. Но если непрестанно умножается во мне зло, то пора разрешиться, пока не постигла меня худшая участь (свт. Григорий Богослов, 16, 12—13).

***

Какое это принуждение! Вступил я в жизнь? — прекрасно! Но для чего же обуреваюсь треволнениями жизни? Скажу слово, оно смело, однако же скажу его. Если бы не Твой был я, Христе, мне стало бы это обидой. Мы родимся на свет, утомляемся, насыщаемся, спим, бодрствуем, ходим, бываем и больны, и здоровы; есть у нас и удовольствия, и труды. Но временами года и солнцем наслаждается и все, что есть на земле. А умирают и согнивают телом и скоты, которые, правда, презренны, но не подлежат и ответственности. В чем же мое преимущество? Ни в чем, кроме Бога; и если бы не Твой был я, Христе, мне стало бы это обидой (свт. Григорий Богослов, 16, 13).

***

Душа, взирай горе́, а земное все забудь, чтобы тело не покорило тебя греху! Коротка жизнь сия; счастливец наслаждается как бы во сне. Всякому выпадает разная судьба. Одна чистая жизнь всегда постоянна и многолетна, и всего лучше — жить такой жизнью. Иные уважают или золото, или серебро, или продолжительную трапезу — эти детские забавы в настоящей жизни; а другим дороги или прекрасные шелковые ткани, или поля, засеянные пшеницей, или стада четвероногих. Но для меня великое богатство — Христос. О если бы мне когда-нибудь увидеть

Его чистым, неприкровенным умом! Прочим же пусть владеет мир (свт. Григорий Богослов, 16, 19—20).

***

Персть, брение, кружащийся прах! Земля опять соединяется с землею, повивается земными пеленами и снова делается перстью, как прах, который сильным круговоротом ветров поднят в высоту, и потом брошен вниз. Ибо так и нашу кружащуюся жизнь бури лукавых духов подъемлют в высоту — к лживой славе; но персть тотчас опадает вниз и остается долу, пока слово Сотворившего не совокупит того, что было соединено, и разрушилось по нужде. А теперь сия персть, в которую вложен дух с Божиим образом, как бы изникнув из какой-то глубины, возглашает земные печальные песни, и оплакивает жизнь, по видимому улыбающуюся (свт. Григорий Богослов, 16, 33—34).

***

Пусть сам я понесу свой жребий, переселившись отсюда и охотно уступив снедающим сердце напастям; но вам, которые будете жить после меня, даю заповедь: нет пользы в настоящей жизни; потому что жизнь эта имеет конец (свт. Григорий Богослов, 16, 34).

***

Ты здесь странник и пришелец, пресмыкающийся по чуждой тебе земле. Отсюда восставит тебя Бог в отечество твое. Подвиги твои не долговременны; а награда выше трудов (свт. Григорий Богослов, 16, 84).

***

Самая лучшая польза от жизни — умирать ежедневно (свт. Григорий Богослов, 16, 209).

***

Много, очень много случится перенести человеку с продолжением времени. Но что ни посылает правящий нашею жизнию Бог, все это сносно (свт. Григорий Богослов, 17, 87).

***

Со Христом желает... <человек> царствовать бесконечные веки; ужели же не решится с усердием, в продолжение краткого времени жизни сей до самой смерти, терпеть борения, труды и искушения? (прп. Макарий Египетский, 67, 45).

***

...Мир сей противится горнему миру, и век сей противоположен горнему веку (прп. Макарий Египетский, 67, 181).

***

...Как скоро увидишь нечистую и невоздержную жизнь, подлинно из брения и грязи рождающуюся, и при уподоблении бессловесным в образе своего поведения не держащуюся в точности ни того, ни другого естества, увидишь, что, кто по природе человек, тот по страсти делается скотом, и тем показывает в себе этот земнородный и обоюдный образ жизни, то найдешь при этом признаки подобной болезни, не на ложах только, но и на трапезе, и в хранилищах, и по всему дому. Таковой во всем выра-

жает свое распутство, так что по заботам, какие в доме, всякому легко узнать жизнь и невоздержного, и благонравного человека (свт. Григорий Нисский, 18, 280).

***

Скоротечен и преходящ состав человеческой жизни, вместо отделившегося требует возобновляющего. Посему, кто в услуживании естеству не увлекается сверх необходимости суетными заботами, тот не много ниже ангельского чина по жизни, в довольстве для себя малым подражая Ангелам, ни в чем не имеющим нужды (свт. Григорий Нисский, 18, 440).

***

...Обученный Божественным тайнам, без сомнения, знает, что людям свойственна и естественна жизнь, уподобляющаяся Божественному естеству, а жизнь чувственная, провождаемая в деятельности чувствилищ, дана естеству для того, чтобы знание видимого сделалось для души путеводителем к познанию невидимого... (свт. Григорий Нисский, 19, 211).

***

...Всякая человеческая рачительность, занятая чем-либо житейским, в подлинном смысле есть игра детей на песке, наслаждение которых сделанным прекращается вместе с тщанием это сделать. Как же скоро труд прекратился, песок рассыпался в то же положение, в каком он был прежде, с сим вместе не остается и следа приложенных трудов. Такова же человеческая жизнь, честолюбие — песок, властолюбие — песок, богатство — песок, песок и все то, чем со тщанием наслаждаются при посредстве пло-

ти; осуетившиеся ныне этим младенчествующие души, которые много несут трудов за каждую вещь, доставляющую такое удовольствие, но как скоро оставят эту песчаную область, разумею плотскую жизнь, познают тогда суетность здешнего препровождения жизни. Ибо с вещественной жизнью продолжается и наслаждение; с собою же ничего они не уносят, кроме одной совести (свт. Григорий Нисский, 19, 216—217).

***

...Ныне время плакать; а время смеяться предоставлено в уповании, потому что настоящая печаль соделается матерью ожидаемого веселия (свт. Григорий Нисский, 19, 306).

***

Человек возделывает землю, плавает по морям, злостраждет в воинских трудах, торгует, терпит убыток, приобретает выгоду, судится, борется, уходит с поприща побежденным, получает победный приговор, признается бедствующим, ублажается, покоится дома, скитается по чужим людям, терпит все иное, что видим в различных житейских занятиях, где у каждого свое дело. И тратящему жизнь свою на подобные занятия какое приносит преимущество забота об этом? Не вместе ли и жизнь прекращается, и все покрывается забвением? Оставленный тем, чего вожделевал, уходит обнаженным, не взяв с собою ничего из здешнего, кроме одного сознания об этом, от которого после в таковых занятиях по заблуждению к проводившему жизнь бывает на небо такой как бы глас: кое изобилие было тебе от многих этих трудов, которыми трудился ты? Где великолепные дома? Где погреба с деньгами? Где медные изваяния и восклицания хвалящих?

Теперь вот огонь, бичи, неподкупный суд и непогрешительное исследование сделанного в жизни (свт. Григорий Нисский, 19, 354—355).

***

Скажи мне, что хорошего видишь в сей жизни? Рассуди, в чем проявляется жизнь? Не привожу тебе изречение пророка, что *всяка плоть сено* (Ис. 40, 6), ибо в этом употреблении пророк скорее представляет наше жалкое естество в лучшем виде, чем каково оно на самом деле и действительно, может быть, лучше, если бы оно было травою, чем тем, что оно есть. Почему? Потому что трава не имеет от природы ничего неприятного, а наша плоть производит зловоние, обращая в тление все, что ни примет в себя. Какое наказание может быть тяжелее того, как все время быть в подчинении велениям чрева! Посмотрите на этого неотступного собирателя дани — говорю о чреве, с какою взыскательностью он ежедневно требует своего! Если иногда и больше дадим ему, это не будет нисколько уплатою вперед следующего долга. Мы совершаем круг жизни, подобно рабочим животным на мельнице, у которых закрыты глаза; всегда отходим от одного места и приходим к тому же, я говорю о периодически возвращающихся явлениях жизни; о позыве к пище, насыщении, сне, бодрствовании, очищении, наполнении; непрестанно от этого переходим к тому, от того к этому, и опять то же, и никогда не перестанем вращаться в этом кругу, доколе не выйдем из этой мельницы. Хорошо Соломон здешнюю жизнь называет *сосудом сокрушенным и домом чуждым* (ср.: Притч. 23, 27); поистине она чужой дом, а не наш, потому что не от нас зависит пробыть в нем, когда желаем, но и того, как вводимся в этот дом, мы не знаем. Сравнение же с сосудом уразумеешь, если обратишь вни-

мание на ненасытность желаний. Не видим ли, как люди (как бы сосуд какой) наполняют себя почестями, властью, славою и всем подобным? Но вливаемое утекает и не остается в сосуде. Стремление к славе, власти, к чести постоянно в нас действует, а сосуд остается не наполненным. Поистине, не сокрушенный ли это сосуд, текущий всем дном, который, если перельешь в него целое море, естественно не может наполниться (свт. Григорий Нисский, 25, 418).

***

Не сделаем же себя недостойными входа в Чертог: доколе мы пребываем здесь, то, хотя бы совершили множество грехов, есть возможность омыть все, раскаявшись во грехах... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 11).

***

Ныне живем мы в этом мире, как дитя в утробе, терпя стеснение и не будучи в состоянии видеть блеск и свободу грядущего века; когда же наступит время рождения и настоящая жизнь всех воспринятых ею людей изведет на день суда, тогда недоношенные существа из мрака перейдут в мрак и из скорби в тягчайшую скорбь, а совершенные и сохранившие черты Царского образа предстанут Царю и вступят в то служение, которым служат Богу все Ангелы и Архангелы (свт. Иоанн Златоуст, 44, 20).

***

...Кто соблюдает порядок, охраняя и сберегая главнейшее, тот, хотя бы не заботился о второстепенном, спасает и это чрез хранение первого... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 25).

***

...Гораздо лучше, начав временными трудами, закончить бесконечным упокоением, нежели, вкусив на краткое время мнимых приятностей, наконец впасть в самые горькие и тяжкие бедствия (свт. Иоанн Златоуст, 44, 78).

***

...Вся наша жизнь должна быть проводима в борьбе и трудах, если мы хотим наслаждаться вечным покоем и бесчисленными благами. Если же кто из беспечных захочет наслаждаться и здешними удовольствиями и тамошними наградами, уготованными трудящимся, тот сам себя обманывает и обольщает... Кто во время борьбы ищет покоя, находит себе навсегда позор и бесславие... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 198).

***

Кто время трудов делает временем покоя, тот будет стонать, скрежетать зубами и терпеть крайние муки тогда, когда нужно будет успокоиться вечным покоем (свт. Иоанн Златоуст, 44, 198).

***

Состояние здешней жизни нисколько не разнится от гостиницы и пребывания в постоялом доме: это и желали выразить святые, называя себя странниками и пришельцами, и такими словами научая нас пренебрегать и удовольствиями, и неприятностями настоящей жизни и, отрешившись от земли, всею душою прилепляться к небу (свт. Иоанн Златоуст, 44, 220).

***

День бывает худ или хорош не по своей природе... но по нашему усердию или беспечности. Если ты сделал добро, то день для тебя хорош, а если ты согрешил, то — худ и неразлучен с наказанием. Если ты будешь так рассуждать и так настроивать себя, совершая каждый день молитвы и милостыни, то весь год для тебя будет счастлив; а если ты, не заботясь о добродетели, будешь ожидать радостей для души своей от начала месяцев и исчисления дней, то не будет тебе ничего доброго. Диавол, зная это и стараясь отклонить нас от подвигов добродетели и подавить душевную ревность, научил людей счастье и несчастье приписывать дням (свт. Иоанн Златоуст, 44, 769).

***

...Велико зло — неблаговременность и злоупотребление временем жизни, которое дано нам Божиим человеколюбием на дело нашего спасения (свт. Иоанн Златоуст, 44, 874).

***

...Бог... устроил жизнь нашу трудною и тяжкою, чтобы мы, будучи теснимы здешними скорбями, возжелали будущих благ (свт. Иоанн Златоуст, 45, 89).

***

...Настоящая жизнь составляет для нас благо, потому что она служит для нас началом и приготовлением к будущей жизни, поприщем и местом борьбы для получения тамошних венцов... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 90).

***

Как живущие добродетельно и страждущие получают от Бога двойную награду, так и живущий во грехе и благоденствующий понесет двойное наказание (свт. Иоанн Златоуст, 45, 91).

***

Настоящая жизнь есть время покаяния; обременяющие нас грехи грозят нам великой опасностью, если покаяние не предотвратит наказания (свт. Иоанн Златоуст, 45, 372).

***

Настоящая жизнь есть путь, и нет в ней ничего постоянного, но мы проходим мимо и скорбей ее, и радостей (свт. Иоанн Златоуст, 45, 732).

***

Существуют... такие, которые думают, что они ради того введены в настоящую жизнь, чтобы, предавшись роскоши и расстроив свое чрево, и утучнив свое тело, затем умереть, приготовляя из своей собственной плоти очень обильную трапезу червю (свт. Иоанн Златоуст, 45, 825).

***

Жизнь, братья, преисполнена большой трудности, и непременно должно и праведному и неправедному, и благочестивому и нечестивому страдать (свт. Иоанн Златоуст, 45, 943).

***

С плачем бывает вступление в жизнь, со слезами начало ее, которыми природа предвозвещает будущие страдания (свт. Иоанн Златоуст, 46, 84).

***

...Не будет нам никакой выгоды от правого учения, когда жизнь будет растленна, как нет пользы от добродетельной жизни, при отсутствии здравой веры (свт. Иоанн Златоуст, 46, 293).

***

...Живя в богатстве, ожидай бедности; наслаждаясь благоденствием, жди голода; пользуясь славой, жди бесславия; наслаждаясь здоровьем, жди болезни (свт. Иоанн Златоуст, 46, 433).

***

Настоящая жизнь есть ристалище, упражнение и борьба, печь, мастерская для добродетели. Как кожевник, получая кожи, сначала разминает их, растягивает, колотит, бьет о стены и камни, и через тысячи разных приспособлений делает их пригодными для окраски, и потом придает им хороший цвет... так действует и Бог в настоящей жизни: желая приготовить души к добродетели, Он и угнетает их, и удручает, и подвергает самым тяжелым испытаниям... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 544).

***

Хотя и тесен этот путь, но все же он — только путь, а награды за кроткое и мужественное перенесение его посто-

янны, бессмертны и гораздо выше его трудностей (свт. Иоанн Златоуст, 46, 657).

***

Пусть жизнь соответствует догматам, и догматы будут глашатаями жизни (свт. Иоанн Златоуст, 47, 13).

***

Будем же все делать так, чтобы нам и самим жить с доброю совестью, и коснеющих в заблуждении приводить нашею благоугодною жизнью к истине... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 58).

***

...Будем пользоваться, как должно, долготерпением Божиим и, пока есть еще время, отложив всякую леность, возлюбим добродетель и возненавидим порок (свт. Иоанн Златоуст, 47, 210).

***

...Должно нам... знать, что... временное удовольствие обыкновенно рождает непрестанную скорбь и нескончаемое мучение, а не обманывать самих себя и не думать, будто настоящею жизнью оканчивается наше существование (свт. Иоанн Златоуст, 47, 211).

***

...Настоящая жизнь, если мы бываем бдительны и внимательны, ведет нас к наслаждению вечной жизнью (свт. Иоанн Златоуст, 47, 371).

***

Будем устроять свою жизнь, как постоянно имеющие пред собою недремлющее Око, видящее сокровенные наши помышления... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 576).

***

...Предметы настоящей жизни подобны сновидениям и теням, и даже того ничтожнее; они лишь только являются, и уже исчезают, и при самом явлении причиняют много беспокойств имеющим их... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 27—28).

***

Как невеста с того самого дня, как поселится в брачном чертоге, заботится только об одном, как бы угодить жениху, так точно и мы в продолжение всей настоящей жизни должны заботиться об одном, как бы угодить Жениху и сохранить благонравие невесты (души) (свт. Иоанн Златоуст, 48, 39).

***

Не люби... жизни изнеженной и беспечной и не желай идти путем широким, который не ведет к небу, — а путем узким и тесным (свт. Иоанн Златоуст, 48, 366).

***

Настоящая жизнь тяжела не потому только, что она исполнена суеты и безвременных забот, но и потому, что в ней много успевают люди злые (свт. Иоанн Златоуст, 48, 369).

***

Наша жизнь — тень; подобно дыму, проносится она быстро (свт. Иоанн Златоуст, 48, 783).

***

...На этой земле все мы являемся не постоянными жителями, а только пришельцами: прожив здесь короткое время, мы переходим в другую жизнь. Не все однако признают это, привязываются к настоящим благам, как к единственным и постоянным. Только воспитанный в законе Господнем знает, что настоящая жизнь преходяща (свт. Иоанн Златоуст, 48, 789).

***

Невозможно, конечно, в одно и то же время идти по двум путям — распущенности и целомудрия, правды и неправды, но должно избегать противного пути и держаться правого; при этом условии возможно быть хранителем слова Божия (свт. Иоанн Златоуст, 48, 810).

***

...В настоящей жизни благополучие людей преходит, т. е. появляется подобно траве или цветку, и подобно цветку исчезает, вследствие крайней его скоротечности, а если некоторое время и остается в цветущем виде, то позднее все же увядает и засыхает под лучами Солнца Правды, и становится сеном, которое остается только бросить в печь и сжечь (свт. Иоанн Златоуст, 48, 902).

***

...Не только будем желать жизни, но жизни доброй; тогда, приключится ли с нами смерть или жизнь, — безразлично (свт. Иоанн Златоуст, 49, 335).

***

Как в природе бывает то ночь, то день, то лето, то зима, так и у нас — то печаль, то радость, то болезнь, то здоровье. Итак, не дивись, когда ты болен — иначе должен будешь дивиться, когда ты и здоров; не смущайся, когда ты печален — иначе должен будешь беспокоиться, когда и весел. Все совершается по естественному порядку (свт. Иоанн Златоуст, 50, 549).

***

Если здесь будем ленивы и станем жить беспечно, то там никто не окажет нам сострадания, хотя бы мы пролили реки слез (свт. Иоанн Златоуст, 50, 788).

***

Настоящее время есть время скорби, слез и рыданий. Мы много грешим и словами и делами, а таких грешников ожидает геенна и река, кипящая огненными волнами и, что хуже всего, лишение Царствия (свт. Иоанн Златоуст, 51, 398).

***

Как вожделение плотское Бог вложил в нас для деторождения, с тем чтобы сохранить преемство в нашем роде, а не для того, чтобы воспрепятствовать шествованию выс-

шим путем воздержания, так и любовь к жизни Он всеял в нас для того, чтобы отвратить нас от самоубийства, а не для того, чтобы воспретить нам презирать настоящую жизнь. Зная это, мы должны соблюдать меру и, с одной стороны, никогда не должны сами собою идти на смерть, хотя бы нас угнетали бесчисленные бедствия, а с другой — не должны уклоняться и отказываться от нее, когда нас влекут на смерть за богоугодные дела, но смело идти на смерть, предпочитая будущую жизнь настоящей (свт. Иоанн Златоуст, 51, 575—576).

***

Бог для того и сделал настоящую жизнь нашу исполненною труда, чтобы избавить нас от... рабства <страстям> и привести к полной свободе... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 590—591).

***

...Нас ожидает бессмертие... после кратковременных вразумлений мы безопасно насладимся будущими благами, будучи приготовлены в настоящей жизни, будучи наставлены, как бы в некотором училище, болезнями, скорбями, искушениями, нищетою и другими кажущимися нам бедствиями к тому, чтобы сделаться способными к принятию будущих благ (свт. Иоанн Златоуст, 52, 597).

***

Будущее неизвестно, неизвестен завтрашний день, неизвестен сегодняшний, неизвестно настоящее время, мы путники в этом мире, и называемся не господами, но странниками и пришельцами (свт. Иоанн Златоуст, 52, 909).

***

...Кто сегодня пользуется почетом, — завтра будет в земле; кто сегодня в славе, — завтра в гробу; кто сегодня на престоле, — завтра предается печали; гордый сегодня — завтра в могиле; кто сегодня занимает судейское место, — завтра покоится в гробнице; сегодняшний вождь — завтра превратится в пепел; знаменитый сегодня — завтра станет пылью; кому завидуют сегодня, — завтра возбудит отвращение; знатный сегодня — завтра сделается неизвестным; внушающий сегодня страх — завтра облечен будет в погребальные пелены и повязки; красноречивый сегодня — завтра безгласен; окруженный сегодня толпою льстецов — завтра пища червям; благообразный сегодня — завтра безобразен; несчастный сегодня — завтра отвратителен... но пусть желающий хвалиться хвалится тем, что разумеет и знает Господа (свт. Иоанн Златоуст, 52, 912—913).

***

...Беги от волн вожделений, уклонись от житейских бурь, и, возвышаясь над страстями, как бы над волнами, плыви по житейскому морю, вверив душевную ладью спасительному Древу. Мачтой пусть будет тебе крест, якорем — вера, канатом — надежда, веслом — молитва, кормилом — правые помыслы, парусом — Христос, попутным ветром — Дух Святый, кормчим — Отец всяческих. Если ты будешь плыть таким образом, для тебя не будет неизвестным конец жизни (свт. Иоанн Златоуст, 52, 913).

***

Время коротко, суд продолжителен, конец близок, страх велик и, не будет никого, кто смилостивился бы над

нами. Каждый будет желать вернуть время, которое он потратил дурно, но не получит его (свт. Иоанн Златоуст, 52, 944).

***

...Отдавайте все время Господу Богу нашему и оставайтесь с этим, доколе Он умилосердится над нами, и не ищите ничего другого, кроме одной только милости у Господа Славы (свт. Иоанн Златоуст, 52, 964).

***

...Не будем предаваться мгновенным удовольствиям — а настоящая жизнь и есть мгновение, — чтобы не навлечь на себя вечного наказания, но лучше — мгновение потрудимся, чтобы после вечно торжествовать (свт. Иоанн Златоуст, 53, 559).

***

Если бы кто построил тебе дом там, где ты не думаешь жить, то ты счел бы такое дело потерей для себя: как же ты желаешь быть богатым здесь, откуда еще до наступающего вечера можешь не один раз отойти? Разве ты не знаешь, что мы, подобно странникам и пришельцам, пребываем здесь на чужой стороне? Разве не знаешь, что пришельцев изгоняют, когда они ни ожидают, ни думают? Такой участи подлежим и все мы на земле (свт. Иоанн Златоуст, 53, 620).

***

...Не должно нам ненавидеть жизни, так как можно жить и хорошо; если же будем злоупотреблять жизнью, то

и в таком случае не должно обвинять ее... Бог дал тебе жизнь, чтобы ты жил для Него; а ты, по наклонности ко злу живя греховно, сам себя подвергаешь всякой вине (свт. Иоанн Златоуст, 54, 246).

***

Бог поставил нас на это поприще, чтобы увенчать нас, а мы сходим с него, не сделавши ничего доблестного (свт. Иоанн Златоуст, 54, 332).

***

Не будем веселиться в этом кратком веке, чтобы не воздыхать в вечности (свт. Иоанн Златоуст, 54, 354).

***

Мы теперь в таком же состоянии, в каком птенцы, ослабевающие от того, что хотят всегда оставаться в гнезде. Тем долее будем здесь пребывать, тем слабее сделаемся.

Действительно, настоящая жизнь — гнездо, слепленное из соломинок и грязи... Если в продолжение лета мы не будем хорошо вскормлены, так чтобы по наступлении зимы могли летать, то матери не возьмут нас, но оставят умереть от голода или, когда упадет гнездо, — погибнуть. Тогда Бог, все воссозидая и поставляя в новый порядок, разорит всяческая, как гнездо, только с большей легкостью (чем разоряются гнезда). Тогда неоперенные и не могущие встретить Господа в воздухе, но так скупо вскормленные, что не получили легких крыльев, потерпят все то, что естественно терпеть находящимся в таком состоянии. Итак, когда гнездо ласточки падает, птенцы ее тотчас

погибают; но мы не погибнем, а будем вечно под наказанием (свт. Иоанн Златоуст, 54, 373).

***

...Что капля в сравнении с беспредельною пучиною, то настоящая жизнь в сравнении с будущим (свт. Иоанн Златоуст, 54, 694).

***

С утра душа твоя должна спешить к Господу и, достигнув вечера, пусть покоится на духовном ложе, с благочестивыми помыслами, с надеждой на Бога, в бесстрастии и чистоте (свт. Иоанн Златоуст, 54, 944).

***

Наша жизнь — великое искушение, — и никто этого не знает, великая буря — и никто не замечает (свт. Иоанн Златоуст, 54, 945).

***

Плыви смело по морю жизни, — плыви, держа якорь духа; плыви, направляясь к небу, как пристани; плыви, боясь только, (как) кораблекрушения, отрицания <Бога>... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 432).

***

Презирай и радости житейские, как скоропреходящие, и горести, как нисколько не вредящие нам (свт. Иоанн Златоуст, 55, 528).

***

Если мы данное нам время издержим на то, на что не следует, то все отойдем туда и отдадим последний отчет за ненадлежащую растрату (свт. Иоанн Златоуст, 55, 693).

***

Тот, кто склонен шествовать по... пути — широкому и нестесненному — скоро приходит в объятия смерти (свт. Иоанн Златоуст, 55, 941).

***

Другую жизнь приготовил нам Бог, и настоящую жизнь устроил как путь, ведущий к... (будущей) жизни, назначив пользование тварями как средство для совершения этого пути (свт. Иоанн Златоуст, 55, 980).

***

Сколько осталось нам еще жить? Представь желательное многолетие, столетнюю жизнь; если хочешь, втрое умножь годы, и все-таки не найдешь неизменности ни в чем, относящемся к этой жизни, хотя бы она отличалась богатством, окружена была роскошью, хотя бы блистала высотою престола, хотя бы сопровождалась другим каким-либо житейским блеском. Все подобно увяданию цветов, все сменяется плачем, будучи тленным, и цветет только некоторое время, так как находится в постоянной борьбе с опасностями. Богатству угрожает разбой; роскошь подвергается опасности со стороны болезней, власть — со стороны переворотов; и боровшийся с различными опасностя-

ми, измученный бесчисленными заботами, ждет смерти, — врага несокрушимого, несвязанного с местом, несоблазняемого дарами, неумолимого слезами, внезапного хищника: кто вчера (жил) в богатстве, сегодня внезапно — в гробу; кто вчера был на роскошном пире, сегодня — в списке умерших; кто вчера был на троне, на следующий день — в погребальных пеленах... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 992).

***

...Настоящая жизнь есть поприще подвигов и борений, а венцы и награды предоставлены жизни будущей (прп. Исидор Пелусиот, 60, 295).

***

Жизнь человеческая справедливо... называется тенью, сном, дымом, и чем бы то ни было, еще скорее исчезающим. Посему не надлежит к ней привязываться, и наслаждение ею считать наслаждением; потому что большая часть проходит в бесчувствии; первый возраст исполнен великого неразумия, а приближение к старости притупляет в нас всякое чувство, и не велик промежуток, в который можно с чувством наслаждаться удовольствием, лучше же сказать, и в это время не вкушаем чистого удовольствия, потому что портят оное тьмы забот, трудов и печалей. Но если бы и чистым удовольствием наслаждался средний возраст, что невозможно, то не средине должно господствовать над крайностями, но крайностям владеть срединою. Когда же и средина возмущается тьмами бурь, забот, опасностей, козней, трудов и всего иного, о чем теперь умолчу, — скажи мне, где укажешь наслаждение? (прп. Исидор Пелусиот, 60, 437—438).

***

Одна часть времени уже улетела, той, которая, по-видимому, наступила, не видно, и та, которая ожидается еще в будущем, пройдет. Ибо как сильное течение воды не позволяет распознавать ощущения оной в точности, потому что быстротою предупреждает наблюдение; так, может быть, и еще в большей мере, стремление времени, поспешающее к концу, легко протекает, и людям, не показав ничего явственного и постоянного, оставляет как бы тени сновидений (прп. Исидор Пелусиот, 61, 213).

***

Настоящая жизнь... ничем не отличается от зрелища, ничего в ней нет твердого, пребывающего, постоянного, прочного. Дела смертных — тень, говорит комедия (не знаю, почему пленило меня это, дивлюсь комику). Ибо здесь и доброе и худое имеет конец, и притом весьма скорый; а там и то и другое распростирается на бессмертные веки (прп. Исидор Пелусиот, 62, 299).

***

Не увеселяйся цветами жизни; это — цвет травяной, как скоро прикоснешься, увядает (прп. Нил Синайский, 72, 234).

***

Возненавидь житейские несообразности, но не клевещи в этом на Бога (прп. Нил Синайский, 72, 234).

***

Отвращайся от житейских радостей, ибо доводят они до поползновений и преткновений на жизненном пути (прп. Нил Синайский, 72, 235).

***

Что на земле временно, то, разлучаясь с тобою, да не печалит тебя ныне (прп. Нил Синайский, 72, 236).

***

С великим старанием отводи око от жизни сей, потому что восходящий от нее вредный дым делает душу мутной (прп. Нил Синайский, 72, 242).

***

Вожделевающему нетленного надлежит ни во что вменять тленное (прп. Нил Синайский, 72, 246).

***

Если вожделеваешь неба, то у тебя ничего нет общего с землею; потому что земля не дозволяет воспарять на небо (прп. Нил Синайский, 72, 250).

***

Не желай ни жить роскошно, ни разбогатеть, ни прославиться; потому что это — житейский тлен, а мы созданы не на истление (прп. Нил Синайский, 72, 251).

***

Смейся над колесом жизни, которое вертится без порядка; но остерегайся бездны, в которую низвергает оно засыпающих на нем (прп. Нил Синайский, 72, 251).

***

Блажен, кто поспешает к будущей жизни, потому что настоящее издает воню тления, и влечется к смерти (прп. Нил Синайский, 72, 256).

***

...Жить беспечально, быть веселым и вовсе не испытывать горестей — свойственно не нам, подвизающимся на поприще с противоборствующими демонами, но нерадящим и не заботящимся о жизни вечной (прп. Нил Синайский, 73, 246).

***

Текущие события жизни походят на ярмарку. Кто умеет торговать, получает прибыль, а кто не умеет, несет убыток (прп. Марк Подвижник, 89, 559).

***

Блажен, кто ненасытно яст и пиет молитвы и псалмы здесь день и ночь, и укрепляет себя славным чтением Писания, ибо такое причащение доставит душе в будущем веке неистощимое радование (прп. Иоанн Карпафский, 91, 105).

***

Всякому человеку, который живет нечисто, вожделенна жизнь временная (прп. Исаак Сирин, 58, 15).

***

Смежи очи свои для житейских приятностей, да сподобит тебя Бог, чтобы мир Его царствовал в сердце твоем (прп. Исаак Сирин, 58, 35).

***

Должно знать, что настоящая жизнь суетна и скоропреходяща и что близка жизнь истинная и духовная (прп. Исаак Сирин, 58, 36).

***

...Кто привязан... к миру и к упокоению его, кто любит беседование с миром, тот лишается жизни... (прп. Исаак Сирин, 58, 47—48).

***

...Когда мир совлечет с человека все и в день смерти вынесет его из дома его, тогда узнает человек, что мир подлинно льстец и обманщик (прп. Исаак Сирин, 58, 90).

***

Мир есть блудница, которая взирающих на нее с вожделением красоты ее привлекает в любовь к себе (прп. Исаак Сирин, 58, 90).

***

Если же любовью к миру облечется кто в этот мир и в эту жизнь, то не облечется он в Бога, пока не оставит сего (прп. Исаак Сирин, 58, 90).

***

Кто наслаждается в юности своей, тот делается рабом в старости и воздыхает в последние дни свои (прп. Исаак Сирин, 58, 228).

***

Кто бегает покоя в настоящей жизни, у того ум соглядал уже будущий век (прп. Исаак Сирин, 58, 277).

***

Возненавидь жизнь пространную, чтобы помышления свои сохранить безмятежными (прп. Исаак Сирин, 58, 279).

***

Лучше смерть за Бога, нежели жизнь со стыдом и леностью (прп. Исаак Сирин, 58, 315).

***

...Надежда продлить сию жизнь расслабляет ум (прп. Исаак Сирин, 58, 315).

***

Удались от мира, и тогда узнаешь зловоние его (прп. Исаак Сирин, 58, 359).

***

...Если кто потеряет золото или серебро, то он вместо него может найти другое; если же потеряем время, живя в праздности и лени, то не возможем найти другого взамен

потерянного; поистине мы будем искать хотя одного часа сего времени и не найдем его (прп. авва Дорофей, 29, 125).

***

Не прельщайся, безумный подвижник, думая, что можешь одно время вознаградить другим, ибо всякий день и к совершенной уплате собственного своего долга Владыке недостаточен (прп. Иоанн Лествичник, 57, 75).

***

Не ищите же здесь покоя, но удостоверением в тамошнем вечном упокоении почитайте здешнее злострадание (прп. Феодор Студит, 92, 40).

***

Восприимите крылья любви Божией, чтоб парить наравне с облаками, превыше всяких наземных сетей. Умастите ноги ваши елеем радования и целомудрия, не ужасаясь ступания по скорбному пути Господню (прп. Феодор Студит, 92, 41).

***

Ныне — время купли истинной, не гибнущей, — время бега (состязания), но духовного, — обогащения время, но благами вечными (прп. Феодор Студит, 92, 185).

***

Воистину, если все претерпите, победите; если всем довольны будете, увенчаетесь; если так скончаетесь, от-

верзутся вам двери Царствия Небесного (прп. Феодор Студит, 92, 237).

***

Настоящая жизнь есть время подвигов, время скорбей и потов, — ...денно-нощных, долговременных и до конца жизни не престающих (прп. Феодор Студит, 92, 259).

***

...Да пребывает каждый в благодушном терпении, душеспасительно переживая день за днем в нелицемерном послушании (прп. Феодор Студит, 92, 269).

***

...Теките бодренно, и осматривайтесь зорко, зная, что лукавые демоны всегда готовы стать нам поперек дороги и устроить нам преткновение (прп. Феодор Студит, 92, 294).

***

Как горящие любовию ко Христу и искушенные напастьми и бедами, переносите доблестно все каждодневно случающееся, и теките оною, воистину златою жизнию отцев наших... (прп. Феодор Студит, 92, 302).

***

...Не то надо иметь во внимании, что вот и еще день прошел, но то, отложено ли и в этот день какое-либо доброе дело в сокровищницу небесную... (прп. Феодор Студит, 92, 313).

***

Никто не оставайся без дела, слоняясь туда и сюда, и не губи дня попусту... (прп. Феодор Студит, 92, 353).

***

...Если будем жить внимательно, все делая благообразно и по чину, воздерживаясь от плотских пожеланий, кои воюют на душу, тотчас отражая приражения их и блюдя чистоту души, то несомненно сподобимся вечных благ (прп. Феодор Студит, 92, 401).

***

...Жизнь здешняя многомятежна, каждодневно влагаются в уши злые речи и слухи суетные, кроме того, и диавол нападает противными добру помыслами (прп. Феодор Студит, 92, 456).

***

Да не пройдет же у нас даже и один день в нерадении и беспечности, но всячески позаботимся в продолжение его усокровиществовать нечто из сокровищ вечных... (прп. Феодор Студит, 92, 567).

***

О ястии же и питии, об одежде и всем другом, потребном для тела, настолько будем пещись, сколько нужно, чтоб жить и работать по заповедям Божиим (прп. Феодор Студит, 92, 629).

***

Здесь... мы как в ссылке; и пребывание наше тут не долго (прп. Феодор Студит, 92, 633).

***

Для разумных душ, кои суть умные сущности и малым чем отстоят от умов ангельских, здешняя жизнь есть борение, и жизнь во плоти дана им на подвиг (прп. Феодор, 91, 354).

***

Всякий человек, рождающийся в мир сей, трем бывает раб страстям: сребролюбию, славолюбию и сластолюбию. Это потому, что он не знает или забывает, что мир сей есть место осуждения и праведного, но снисходительного наказания за первое преступление прародителя нашего Адама, и что одна смерть есть упокоение от мучительных тягостей мира. Почему, не видя впереди смерти и думая, что только и жизни есть, что настоящая, он с самого начала сей жизни начинает собирать деньги и вещи, чтоб жить без бедности и печали; успевая же умножить со временем свое имущество, хочет быть почитаем и славим, а вместе с тем, как еще только приходит в возраст, взыскивает наслаждения удовольствиями, но как чувственный, взыскивает чувственного, как видимый — видимого, как временный — привременного. Ибо ограничивающийся видимым не станет воззревать в невидимое; как, наоборот, живущий в невидимом не подумает воззреть на видимое. Но всякий рождающийся в мир сей видимый, если не будет научен другим кем, не знает, что есть еще, кроме видимого, и невидимое; и не только этого невидимого не знает, но не знает видимого, не знает, что и сам он

преходящ и привременен, и создан не для того, чтобы навсегда пребывать в этой жизни, а предназначен для другой, будущей и Вечной жизни, в сем же мире находится для того только, чтоб воспитаться, предустроиться и приготовиться для той жизни — будущей (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 208—209).

***

...Дни этой жизни крайне лукавы и каждодневно воздымают неисчетные волны сланого моря греховного, которые, обрушиваясь на нас, то исполняют души наши срамными движениями чрез сладострастие тела, то ввергают в печаль, или в гнев, чрез врагов видимых и невидимых, и как тем, так и другим покушаются совсем удалить нас от Царства Небесного. Почему, искупая время жизни своей, со всей готовностью и рвением, всецело предадим себя на одно делание заповедей Божиих и на одно стяжание всякой добродетели, да сподобимся преисполниться сокровищами благодати Святаго Духа и безопасно войти в небурное пристанище Божие и в Царство Его. Таким образом избегнем мы лукавства дней сих, и по миновании их, не услышим оного страшного гласа, посылающего грешников в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 290).

***

...Кто не действует по Богу, тот мертв для Бога, в том нет жизни по Богу. А кто не живет для Бога и по Богу, такому лучше бы совсем не жить. Телесная наша жизнь есть просто жизнь, как жизнь и всех животных. Но разумная душа должна восприять жизнь, которую подает Бог, и которая есть свет человекам, подаваемый свыше от Бога.

Кто лишен этой жизни, тот живет, как и все неразумные животные; но как он ниспадает до сего, будучи разумным, то будет осужден вместе с бестелесными разумными тварями, лишившимися такой жизни, т. е. с демонами, на вечную смерть, или на нескончаемые мучения во аде (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 325—326).

***

Если... настоящий век тьма есть, убежим от него, убежим же настроением ума и сердца (прп. Никифор Уединенник, 93, 240).

***

Кратка — жизнь, близка — смерть, тленен — сей мир, вечно пребывающ только иной (мир). Переплавляет же нас для оного мира незыблемое презрение здешнего мира, готовность для оного будущего века, жизнь, по возможности, далекая от укладов здешней жизни и ведомая по образу жизни оного века... (свт. Григорий Палама, 26, 204—205).

***

Для того и жизнь сию устроил нам Бог, чтоб дать место покаянию. Если б этого не было, то человек согрешивший тотчас лишался бы и жизни сей. Ибо какая была бы от нее польза, или какая в ней нужда? Почему отчаянию совершенно никакого нет места в человеках, хотя лукавый многообразно покушается ввергать в него не только нерадиво живущих, но и добре подвизающихся.

Поелику таким образом время жизни есть время покаяния, то то самое, что согрешивший еще жив, служит для него, если он пожелает обратиться к Богу, ручательством, что будет Им милостиво принят. Ибо в настоящей жизни самовластие всегда в силе... (свт. Григорий Палама, 93, 281—282).

***

Непостоянна, о душа, здешняя жизнь, нет ничего в ней верного, вся она исполнена скорбей и обмана (прп. Максим Грек, 68, 3).

***

...Настоящая жизнь служит временем подвигов, как для приобретения добродетели, так и для истребления всякого зла, а по смерти, соответственно сему, получается или награда, или наказание (прп. Максим Грек, 68, 15).

***

Жизнь человека не что иное есть, как непрерывная брань и непрестанное искушение... (прп. Никодим Святогорец, 70, 256).

***

Земля — юдоль изгнания, юдоль непрерывающегося беспорядка и смятения, юдоль срочного страдальческого пребывания существ, утративших свое первобытное достоинство и жилище, утративших здравый смысл (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 98).

***

Видимый мир — только предуготовительное преддверие обители, несравненно великолепнейшей и пространнейшей. Здесь, как в преддверии, образ Божий должен украситься окончательными чертами и красками, чтобы получить совершеннейшее сходство со своим Всесвятейшим, Всесовершеннейшим Подлинником, чтоб... войти в тот чертог, в котором Подлинник присутствует непостижимо... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 129).

***

Не будем терять драгоценного времени для тления, чтоб не утратить единственного нашего сокровища — Христа (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 145).

***

Земная жизнь есть не собственно жизнь, но непрестанная борьба между жизнью и смертью: попеременно мы уклоняемся то к той, то к другой, колеблемся между ними, оспариваемся ими (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 171).

***

Изгнанники рая! не для увеселений, не для торжества, не для играний мы находимся на земле, но для того, чтобы верою, покаянием и Крестом убить убившую нас смерть и возвратить себе утраченный рай (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 183).

***

Время земной жизни нашей бесценно: в это время мы решаем нашу вечную участь (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 38).

***

Свирепы волны житейского моря, на нем господствуют мрак и мгла, непрестанно воздвизаются на нем бури лютыми ветрами — духами отверженными; корабли лишены кормчих; благонадежные гавани превратились в водовороты, гибельные пучины... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 14).

***

Мир, искушая подвижника, доставляет ему опытное познание, как земная жизнь превратна и обманчива... от этих опытных познаний подвижник стяжавает хладность к земной жизни... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 145).

***

Мера жизни человеческой на земле и число дней его есть кратковременность... есть черта неприметная на необъятных скрижалях вечности (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 448).

***

Земная жизнь христианина растворена утешениями и искушениями. Так устроил Промысл Божий! Утешения поддерживают на пути Божием, а искушения упремудряют (свт. Игнатий Брянчанинов, 92, 462).

***

Земля — страна плача, небо — страна веселия. Небесное веселие вырастает из семян, посеваемых на земле. Эти семена — молитва и слезы (свт. Игнатий Брянчанинов, 92, 466).

***

На то и обречена настоящая жизнь, чтобы работать в поте лица, а не философствовать (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 127).

***

Попробуйте так понять все дела свои... как бы они прямо от Самого Господа были вам назначаемы... Чрез это при делании мысль будет с Господом... А это ведь и есть то, что требуется, т. е. ходить в присутствии Божием (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 132).

***

...Не в том цель нашей жизни, чтобы счастливо прожить на земле, а в том, чтобы, счастливы мы или несчастны, тем и другим приготовиться достойно к получению вечного блаженства в другой жизни (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 113).

***

Главной... заботой <деятельных людей> должно быть то, чтоб не допускать неправых чувств при делании дел, и всячески стараться все их посвящать Богу (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 8).

***

Извольте вы в жизни различать: *дела* видимо совершаемые, — *чувство и расположения* невидимо в сердце лежащие и составляющие его строй, и наконец *дух жизни*. Последнее есть главное (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 22).

***

Обратите их все <дела> лицом к Господу, и, несмотря на то, что они все житейского порядка, будут служить орудием для жизни, отрешенной от всего житейского (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 47).

***

Ведайте... что надо так вести дела свои, чтоб совесть ни в чем не осуждала, и если осуждает, надо тотчас умиротворить ее покаянием (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 166).

***

Мир вам кажется тучным, но он утучняет только плоть, а душу морит голодом, ни малейшей даже частички питательного не представляя для нее (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 49).

****

Некоторый муж, говорит преподобный Варлаам, встретил страшного, беснующегося зверя, который готов был растерзать его. Убегая, человек упал в глубокую пропасть и, падая, по счастью, успел ухватиться за ветви большого дерева, росшего в пропасти. Ухватившись уже за ветви и найдя опору ногам, человек считал себя в безопасности; но посмотрев вниз, увидел двух мышей, которые непрестанно грызли корень дерева, а еще ниже — страшного змия, разинувшего пасть и готовившегося пожрать его. Отвратив взор от страшного зрелища, он увидел выходящего из скалы аспида, который находился очень близко

к нему. Окруженный со всех сторон опасностями, человек естественно поднял глаза вверх и там, на вершине дерева, увидел очень малое количество меда. Между тем положение его становилось ужасным. Дерево, на котором он находился, подгрызаемое мышами, уже готово было упасть, и со всех сторон грозила смерть. Но несчастный, вместо того чтобы предпринять хоть что-нибудь для своего спасения, спокойно устремился к меду и стал вкушать его, не замечая даже того, что сверху ему спустили канат... царские слуги, проходившие мимо.

Эта притча — подобие нашей жизни. Зверь, стремящийся пожрать человека, есть образ смерти; пропасть есть мир, исполненный смерти; дерево, подгрызаемое мышами, есть жизнь наша, подтачиваемая временем. Аспид — образ беды, грозящей телу от страстей, а страшный змий — ненасытное адово чрево; царские слуги с канатом — это благодатные призывы и помощь Божия, готовая спасти погибающих людей; капли меда, наконец, есть ничтожные блага мира, ради которых люди пренебрегают вечной жизнью, забывая о вечных мучениях (112, 198—199).

***

Как несомненно то, что все мы желаем быть в Царствии Небесном, так не подлежит сомнению и то, что почти все мы, на пути к нему ставим сами себе препятствия, ради которых и остаемся вне его. В чем же именно состоят эти препятствия? Ответ находим в видении, которое некогда показал Ангел преподобному отцу Арсению Великому.

Однажды, сидя в келье, Арсений услышал голос: «Ступай, и я покажу тебе дела человеческие». И встав, вышел он на некоторое место. Тут Ангел Божий показал ему

человека, который, нарубив тяжелое бремя дров, покушался поднять его и не мог. Вместо того, чтобы отложить тяжести, человек этот снова начинал рубить дрова, и прилагать к бремени, и так поступал много раз. Несколько далее Ангел показал Арсению другого человека, который, стоя при колодце, черпал воду из оного и наливал в очень малое ведро; от этого вода снова изливалась в колодезь.

«Подожди еще немного, — сказал затем Ангел, — и я покажу тебе еще нечто». И вот увидел Арсений церковь и двух мужей, сидевших на конях и силившихся внести бревно во врата храма; но поелику бревно они держали поперек ворот, и ни один из них не хотел оборотить дерево в длину, то оба они и остались вне церкви. Показав все это, Ангел дал Арсению следующее объяснение виденного им. «Оставшиеся, — сказал он, — вне храма суть творящие добродетели с гордостию и не хотящие ходить смиренным путем духовным; ради этого они остаются вне Царствия Небесного. Секущий же дрова служит подобием тех, которые во многих грехах живут и, вместо того чтобы загладить их покаянием, — к старым грехам прилагают еще новые. Черплющий же воду есть образ человека, который и добрые дела творит, и грехов не оставляет, и потому погубляет награду, которую бы должен получить от Бога». «Достоит же, — заключил свое объяснение Ангел, — всякому человеку с чистотою добродетели стяжати, да не вотще трудится» (112, 235—236).

ЖИЗНЬ ИСТИННАЯ

Жизнь есть соединение и сочетание ума (духа), души и тела, а смерть есть не погибель этих сочетанных (частей), а расторжение их союза; все это Бог хранит и по расторжении (прп. Антоний Великий, 89, 80).

***

...Христос есть истинная жизнь, и наша истинная жизнь есть пребывание во Христе (свт. Василий Великий, 5, 260).

***

...Бог, сотворивший человека, есть истинная жизнь: потому, кто утратил подобие Божие, тот утратил и общение с жизнию... (свт. Василий Великий, 9, 56).

***

Одна для нас жизнь — стремиться к Жизни; и одна смерть — грех, потому что он губит душу. Все же прочее, о чем иные думают много, есть сонное видение, играющее действительностью, и обманчивая мечта души. Если же так будем рассуждать, ...то не будем и о жизни думать высоко, и смертью огорчаться чрез меру. Что ужасного в том, что преселяемся мы отселе в жизнь истинную, избавившись превратностей, пучин, сетей, постыдного оброка, и вместе с постоянными и непреходящими существами будем ликовствовать, как малые светы окрест Великого Света? (свт. Григорий Богослов, 13, 145).

***

Блага настоящей жизни весьма чужды для человека, человеческая добродетель — вот что одно составляет жизнь (свт. Григорий Богослов, 15, 361).

***

...Жизнь есть рождение от Бога свыше (прп. Макарий Египетский, 67, 231).

***

Иисус Христос есть древо жизни. Пользуйся им как должно, и не умрешь вовеки (авва Евагрий, 89, 602).

***

Цель всех по Богу живущих есть благоугодить Христу Богу нашему и примириться с Богом Отцом чрез приятие Святаго Духа, и таким образом устроить свое спасение; ибо в этом состоит спасение всякой души. Если этого нет у нас (в цели и действии), то тщетен всякий другой труд и суетно всякое другое делание наше. Бесполезен всякий путь жизни, не ведущий к сему того, кто течет по нему (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 539—540).

***

Сердце, ожив ощущением своим для Бога и для всего, что принадлежит Богу, умирает для мира, умирает для всего, что враждебно Богу и что чуждо Бога. В смерти этой — жизнь, и в погибели этой — спасение (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 327).

ИСТОЧНИКИ

1. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1902.

2. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1902.

3. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1903.

4. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1903.

5. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1900.

6. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1900.

7. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1900.

8. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1901.

9. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 5. ТСЛ, 1901.

10. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

11. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1902.

12. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 1. М., 1843.

13. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 2. М., 1844.

14. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 3. М., 1844.

15. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 4. М., 1844.

16. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 5. М., 1847.

17. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 6. М., 1848.

18. Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. М., 1861.

19. Творения святого Григория Нисского. Ч. 2. М., 1861.

20. Творения святого Григория Нисского. Ч. 3. М., 1862.

21. Творения святого Григория Нисского. Ч. 4. М., 1862.

22. Творения святого Григория Нисского. Ч. 5. М., 1863.

23. Творения святого Григория Нисского. Ч. 6. М., 1864.

24. Творения святого Григория Нисского. Ч. 7. М., 1865.

25. Творения святого Григория Нисского. Ч. 8. М., 1871.

26. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 1. М., 1994.

27. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 2. М., 1994.

28. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 3. М., 1994.

29. Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. 10-е изд. Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни: Свято-Троицкая Лавра, 1913.

30. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 1. М., 1881.

31. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 2. М., 1881.

32. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1912.

33. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1900.

34. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 5. М., 1887.

35. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

36. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1913.

37. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 8. ТСЛ, 1914.

38. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1905.

39. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1886.

40. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 3-е изд. Т. 3. СПб., 1905.

41. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетическая проповедь. 3-е изд. Т. 4. СПб., 1905.

42. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Приношение современному монашеству. 3-е изд. Т. 5. СПб., 1905.

43. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина: Точное изложение православной веры. СПб., 1894.

44. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. 2-е изд. Т. 1: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

45. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 2: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1896.

46. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 3: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1897.

47. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 4: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

48. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 5: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1899.

49. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 6: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1900.

50. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 7: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1901.

51. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 8: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1902.

52. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 9: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1903.

53. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 10: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1904.

54. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 11: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1905.

55. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 12: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1906.

56. Писания преподобного отца нашего Иоанна Кассиана Римлянина. 2-е изд.: Пер. с лат. еп. Петра. М., 1892.

57. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. 7-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1908.

58. Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирина, подвижника и отшельника, бывшего епископом града Ниневии: Слова подвижнические. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893.

59. Преподобного и богоносного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского: Духовно-нравственные слова. 2-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1911.

60. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 1. М., 1859.

61. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 2. М., 1860.

62. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 3. М., 1860.

63. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Письма. 2-е изд. Ч. 1. Киев, 1891.

64. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Трактаты. 2-е изд. Ч. 2. Киев, 1891.

65. Творения святых отцев в русском переводе, издаваемые в Московской Духовной Академии/Творения святителя Кирилла Александрийского. Т. 49. Ч. II. ТСЛ, 1882.

66. Творения иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа Иерусалимского. М., 1855.

67. Преподобного отца нашего Макария Египетского: Духовные беседы, послания и Слова. 4-е изд. ТСЛ, 1904.

68. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе: Нравоучительные сочинения. Ч. 1. ТСЛ, 1910.

69. Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника: Нравственно-подвижнические слова. 2-е изд. Сергиев Посад, 1911.

70. Невидимая брань, блаженной памяти старца Никодима Святогорца. 2-е изд.: В 2 ч./Пер. с греч. еп. Феофана. М., 1892.

71. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 1. М., 1858.

72. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 2. М., 1858.

73. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 3. М., 1859.

74. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 1. М., 1874.

75. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 2. М., 1874.

76. Слова преподобного Симеона Нового Богослова: 2-е изд. Вып. 1. М., 1892.

77. Слова преподобного Симеона Нового Богослова: 2-е изд. Вып. 2. М., 1890.

78. Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова. Сергиев Посад, 1917.

79. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 1. М., 1898.

80. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 2. М., 1898.

81. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3. М., 1898.

82. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 4. М., 1899.

83. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 5. М., 1899.

84. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 6. М., 1900.

85. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900.

86. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 8. М., 1901.

87. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?/ Письма еп. Феофана. 5-е изд. М., 1904.

88. Внутренняя жизнь: Слова епископа Феофана. Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1893.

89. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 1. М., 1883; 3-е изд. М., 1895.

90. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 2. М., 1884.

91. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 3. М., 1888; 3-е изд. М., 1900.

92. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 4. М., 1889.

93. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 5. М., 1890; 3-е изд. М., 1900.

94. Писание мужей апостольских/Ерм. Пастырь; Пер. прот. Петра Преображенского. 2-е изд. СПб., 1895.

95. Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на Святой Афонской горе просиявших. 3-е изд. Ч. 1, 2. СПб., 1897.

96. Глинский патерик/Схиархим. Иоанн Маслов. М., 1997.

97. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. М., 1845.

98. Древний патерик: Изложенный по главам. М., 1874.

99. Жизнь пустынных отцев/Творение пресвитера Руфина. ТСЛ, 1898.

100. Киево-Печерский патерик/Сост. М. Викторова. Киев, 1893.

101. Лавсаик/Сост. Палладий, еп. Еленопольский. СПб., 1850.

102. Луг духовный/ Творение блаженного Иоанна Мосха. Сергиев Посад: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915.

103. Митерикон: Собрание наставлений аввы Исаии всечестной инокине Феодоре. 2-е изд./Пер. еп. Феофана. М., 1898.

104. Московский патерик/Сост. Е. Поселянин. М.: Изд. Московского дворянства, 1912.

105. Оптинский патерик. Б-ка Московской Духовной Академии. (Машинопись. Инв. № 123611).

106. Отечник/Еп. Игнатий (Брянчанинов). 4-е изд. СПб., 1903.

107. Отечник проповедника/Сост. иг. Марк (Лозинский). ТСЛ, 1996.

108. Палестинский патерик/И. Помяловский. Вып. 3. СПб., 1893.

109. Патерик Волыно-Почаевский/Сост. прот. А. Хойнацкий. М., 1883.

110. Практическая симфония/Сост. Г. Дьяченко. М., 1912.

111. Духовный мир/Сост. Г. Дьяченко. М., 1900.

112. Пролог в поучениях/ Прот. В. Гурьев. М., 1912.

113. Соловецкий патерик. М., 1895.

114. Троицкие цветки с луга духовного/Сост. архим. Кронид (Любимов). ТСЛ, 1997.

115. Троицкий патерик. ТСЛ, 1896. Репринт.

116. Цветник духовный. 5-е изд.: В 2 ч. М., 1903.

117. История боголюбцев или повествование о святых подвижниках/Блаж. Феодорит, еп. Кирский. СПб., 1853.

118. Святого отца нашего, Григория Двоеслова, епископа Римского. Собеседования о жизни италийских отцев и бессмертии души. Казань, 1853.

119. Тверской патерик/Краткие сведения о Тверских местночтимых святых. Казань, 1907.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дерзновение 5
Дерзость 10
Диаконы 14
Доброделание 17
Добродетель 58
Догматы 182
Долготерпение Божие 183
Дружба 189
Дух Святый 197
Духовная жизнь 224
Душа 284
Епископ 378
Епитимии 394
Ересь 398
Женщина 423
Жертва Богу 454
Жестокость 461
Жизнь вечная 464
Жизнь загробная 491
Жизнь земная 503
Жизнь истинная 561
Источники 564

ББК 86.372-574
С-59

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том IV

Издание Московской Духовной Академии
и Введенской Оптиной Пустыни, 2004

249700, Калужская обл., г. Козельск,
Введенская Оптина Пустынь.
Издательский отдел, тел.: (095) 421-71-41

Зак. 684. Тираж 5000 экз. ГМП «Первая Образцовая типография»
115054, Москва, Валовая, 28

ISBN 5-86594-068-6

© Введенская Оптина Пустынь, 2004

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том VI

Малодушие — Нищета духовная

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
И ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
2005

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

М

МАЛОДУШИЕ

...Малодушие есть злая мать греха... (прп. авва Исаия, 89, 362).

***

...Блажен, кто не дал в себе места сомнению о Боге, кто не впал в малодушие при виде настоящего, но ожидает чаемого; кто о Создавшем нас не возымел недоверчивой мысли (свт. Василий Великий, 5, 162).

***

...Не малодушествуй, смотря на настоящее, но ожидай той блаженной и нескончаемой жизни, ибо тогда увидишь, что праведнику служит во благо и нищета, и бесславие, и лишение наслаждений (свт. Василий Великий, 5, 318).

***

...Не малодушествуй, видя, что ты в этой жизни в бесславии или в болезни, или в глубокой старости и нищете. Питающий птиц небесных не оставит и тебя без Своего промышления (прп. Ефрем Сирин, 30, 501).

***

...Которые души поддаются робости и страху, не вытерпев скорбей, даже доходят до нерадения, нетерпеливости и отчаяния, совращаются с праведного пути, и не ожидают до конца Господней милости; те, как оказавшиеся неправедными, как возмогут улучить вечную жизнь? Ибо всякая душа, ради Господа за нас умершего, до самой смерти бывает обязана великодушествовать, терпеть до конца и сохранять упование на Него, чтобы таким образом сподобиться вечного спасения (прп. Ефрем Сирин, 31, 528).

***

...Не предавайтесь лености оттого, что ненавидит вас мир; ненавидящие весьма злосчастны, а ненавидимые ради Христа блаженны. Ибо Он придет и воздаст каждому по делам его (прп. Ефрем Сирин, 32, 150—151).

***

Малодушному и богатство не может принести пользы, великодушному и бедность никогда не повредит (свт. Иоанн Златоуст, 45, 176).

***

...Будем избегать... малодушия, поспешим в пристань долготерпения, чтобы и здесь обрести покой душам своим... и достигнуть будущих благ... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 635).

***

...<Малодушие> бывает причиной погибели, подобно беспечности. Малодушен не переносящий обид, малоду-

шен не переносящий искушений... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 558).

***

Гнев мужа укрощает раб разумный: ***малодушна же человека кто стерпит?*** (Притч. 18, 14). Говорит это <царь Соломон> потому, что малодушие хуже гнева. Последний может утишить и раб, не имеющий смелости свободного человека, а того <малодушия> не (может уничтожить). Как Господь называется нападающим тигром в отношении к грешникам и камнем соблазна — для неверующих, так и малодушный между согрешающими (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1124—1125).

***

Вооружая себя надеждою, что будущие блага даны будут воздвигшим славные победные памятники над пороком, прекрасно ограждая себя отовсюду, и молитвами сооружая сию крепкую стену, отражай нападение малодушия; потому что оно сильно овладеть и мужественною душою, если, непрестанно мечтая о венцах, не будет переносить горестей (прп. Исидор Пелусиот, 62, 48).

***

Есть некоторые люди, до того изнемогающие при случающихся скорбях, что они отказываются и от самой жизни и считают сладкою смерть, лишь бы только избавиться от скорбей, но это происходит от малодушия и многого неразумия, ибо таковые не знают той страшной нужды, которая встречает нас по исходе души из тела (прп. авва Дорофей, 29, 137).

***

Не будем... плакаться и малодушествовать, смотря на то, что жизнь наша печалит и томит сердце... (прп. Феодор Студит, 92, 226).

***

...Не будем малодушествовать, смотря на то, как мало можем мы сделать своими силами (прп. Феодор Студит, 92, 310).

***

Малодушие и смущение рождаются от неверия; но только что подвижник прибегнет к вере — малодушие и смущение исчезают, как тьма ночи от восшедшего солнца (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 148).

****

Один праведный пустынножитель, заметив, что больной ученик его частыми вздохами изъявлял нетерпение, сказал ему: «Не малодушествуй, сын мой! Тело твое, изнуренное недугом, может быть спасительным врачевством для души твоей. Если ты подобен железу по делам твоим, то огонь страдания очистит тебя от ржавчины; если же ты золото, то сей огонь придаст более блеска твоей добродетели» (116, 79).

МЄДИЦИНА

Как всякое пособие искусств <медицина> против немощей естества даровано нам от Бога, например: земледелие потому, что само собою произрастающее из земли недостаточно к удовлетворению наших потребностей; ткац-

кое же искусство, а подобно и зодчество потому, что необходимо употребление покровов для благоприличия и ради вредоносности воздуха; так и врачебное искусство. Поелику всем возмущаемое тело наше подвержено многоразличным повреждениям и совне приключающимся, и зарождаемым внутри принятою пищею, приводится в изнеможение и излишествами, и недостатками, то распоряжающий всею нашею жизнью Бог дозволил нам врачебное искусство, которое, в образец душевного врачевания, имеет целью избавлять от излишнего и восполнять недостаточное. Как если бы мы жили еще в раю сладости, то не имели бы нужды в земледельческих изобретениях и трудах; так если бы не подвержены были страданиям по дарованию, какое сообщено нам при сотворении и сохранялось нами до падения, то не нуждались бы в пособиях врачебного искусства к своему облегчению. Но как по изгнании нашем в место сие, после того, как сказано: ***в поте лица твоего снеси хлеб твой*** (Быт. 3, 19), в облегчение горестных последствий проклятия, долговременным опытом и многими трудами над землею составили мы искусство земледелия, потому что Бог даровал нам смышленость и способность постигнуть сие искусство, так, поелику повелено нам опять возвратиться в землю, из которой взяты, и поелику сопряжены мы с болезненною плотию, которая за грех осуждена на истление, и чрез это подверглись сим немощам, то дана нам и помощь врачебного искусства, хотя в некоторой мере оказываемая страждущим болезнями. Ибо не сами собой прозябли травы, полезные при той или другой болезни, но, очевидно, по воле Создавшего произведены с целью служить к нашей пользе. Поэтому свойства, заключающиеся в корнях, в цветах, в листьях, в плодах и в соках, и что в металлах и в море открыто годного к пользованию плоти, — все это подобно изобре-

тению принимаемого в пищу и питие. Но что изысканно, излишне и требует долгих трудов, и как бы всю жизнь нашу обращает в попечение о плоти, то должно быть запрещено христианам. И надобно стараться так пользоваться, в случае нужды, искусством, чтобы не в нем одном поставлять причину здоровья или болезненного состояния, но принимать предлагаемые им пособия во славу Божию и в образец попечения о душе (свт. Василий Великий, 9, 169—170).

***

Скотское было бы несмыслие надеяться <получить> себе здоровье единственно от рук врача, чему, как видим, подвергаются иные жалкие люди, которые не стыдятся именовать врачей своими спасителями. Но и то будет упорством, если во всяком случае избегать пользования врачебным искусством (свт. Василий Великий, 9, 171).

***

...Как не должно вовсе бегать врачебного искусства, так несообразно полагать в нем всю свою надежду (свт. Василий Великий, 9, 174).

***

К отраде и уврачеванию тела, к удовлетворению нуждам его дал <Господь> врачебные средства людям мирским... потому что они не в состоянии еще всецело вверить себя Богу (прп. Макарий Египетский, 67, 309).

***

Врача приглашать во время недугов ничто не препятствует. Бог провидел, что будет нужда во врачевательном

искусстве, и благоволил, чтоб оно наконец составилось на основании опытов человеческих; для того наперед дал бытие и врачевствам в ряду творений. Впрочем не на них должно полагать надежду уврачевания, но на истинного нашего Врача и Спасителя, Иисуса Христа (блж. Диадох, 91, 34).

***

Читая врачебные книги или спрашивая о них кого-либо, не забывай, что без Бога никто не получает исцеления. Итак, кто посвящает себя врачебному искусству, тот должен предавать себя имени Божию, и Бог подаст ему помощь. Врачебное искусство не препятствует человеку быть благочестивым; но занимайся им, как рукоделием для (пользы) братии. Что делаешь, делай со страхом Божиим, и сохранишься молитвами святых (прп. авва Дорофей, 29, 261).

***

...Докторов Бог дал, и к ним обращаться Божия есть воля (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 97).

***

...На лекарей не серчайте. Они не сами лечат. А вылечивают, когда Бог благословит (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 100).

***

...Если вы, уповая на Бога и от Него чая помощи, а не от доктора и лекарств, обращаетесь к естественным средствам врачевания, то тут нет греха (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 101).

***

...Бог создал докторов и лекарства. Пользование ими не значит выступление из порядков Божиих (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 122).

***

Все от <Бога>; Он попускает поболеть, и Он же окружил нас способами врачевательными (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 156).

***

Можно не лечиться в ожидании, что Бог излечит; но это очень смело <дерзновенно>. Можно не лечиться для упражнения в терпении, в преданности в волю Божию, но это очень высоко, и при этом всякий — ох! — будет в вину, уместно же только одно благодарное радование... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 156).

***

Кто не чувствует мужества <терпеть болезнь>... то лучше прибегать к лекарям, все же помощи ожидая от Бога, ибо Он вразумляет лекарей (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 47).

МЕСТЬ

Боголюбивое сердце чуждо мщения (прп. авва Исаия, 59, 136).

***

Если друг спрашивает тебя, как отомстить, не будь ему содействинником (прп. Ефрем Сирин, 31, 630).

***

Если просит кто у Бога оставления грехов своих, то о сем же просит и за ближнего своего. Если призывает Бога отмстителем, то Бог — и его Судия (прп. Ефрем Сирин, 34, 37).

***

...Великая награда тому, кто не ищет на обидчике отмщения, (принадлежащего ему) по праву... (прп. Ефрем Сирин, 37, 94).

***

...Кто отмщает сам за себя, тот, очевидно, делает несправедливость Господу всякого отмщения, ибо не признает Того, Кто могущественнее его и (Кто) привлекает преступников к Своему судилищу (прп. Ефрем Сирин, 37, 194).

***

...Не будем умышлять худого сами на себя, не утратим дерзновения пред Богом, оказавшись огорченными и чрез меру негодующими на обидевших. Предоставим человека Богу и тамошним наказаниям, а себе приобретем человеколюбивого Судию, оказавшись сами человеколюбивыми; сделаем снисхождение, чтобы и нам было сделано снисхождение. Да не обольщает тебя суетная мысль, что нет вины справедливо отомстить и преступника выдать законам. У римлян свои законы, а у нас свои: но те неумеренны, жестоки, не щадят даже и крови; у нас же законы милостивы, человеколюбивы и не позволяют предаваться гневу и на обидчиков. Их будем держаться, им станем следовать, чтобы, оказав малую милость, потому что маловажна и никакой не имеет цены здешняя жизнь, получить

взамен великое от Самого Бога, т. е. Его человеколюбие и тамошние надежды (свт. Григорий Богослов, 17, 330).

***

Если одно злопамятование достойно наказания, то какого мучения заслуживает мстительность? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 57).

***

...<Бог> повелел не воздавать зла обидчику, чтобы, воздавая обижающему, ты не погубил сообразной с природою кротости (свт. Иоанн Златоуст, 45, 922).

***

Кто мстит, тот поднимает меч на самого себя (свт. Иоанн Златоуст, 48, 270).

***

Если ты хочешь и себе сделать добро и отомстить <кому-либо>, то отзывайся хорошо об оскорбившем тебя, тогда ты вместо себя сделаешь многих обвинителями его, и сам получишь великую награду; если же будешь отзываться худо, то никто не поверит тебе, подозревая в тебе вражду (свт. Иоанн Златоуст, 48, 270—271).

***

...Если ты хочешь восставать против обижающих тебя, то восстань прежде против самого себя, — в этом никто тебе не препятствует; а если ты восстанешь против другого, то будешь в большой обиде (свт. Иоанн Златоуст, 50, 533).

***

...Око за око, зуб за зуб (Исх. 21, 24)... <Бог> позволил это не для того, чтобы мы в самом деле так поступали по отношению друг к другу, а чтобы из страха наказания и не осмеливались на обиды (свт. Иоанн Златоуст, 50, 800).

***

Если станешь мстить, то будет великий смех, великое презрение, так как это — дело малодушия; если же простишь, то великое удивление, так как это — дело великодушия (свт. Иоанн Златоуст, 52, 366).

***

...(Злопамятные) желают отомстить своим оскорбителям и делаются сами достойными смеха, потому что увлекаться гневом свойственно детскому уму, а преодолевать его возмужалому (свт. Иоанн Златоуст, 52, 366).

***

...Когда ты мстишь, тогда (не другому) мстишь, а себе самому (свт. Иоанн Златоуст, 55, 206).

***

Тот, кто мстит за обиду, обращает нож против самого себя (свт. Иоанн Златоуст, 55, 607).

***

Соглашусь, что отомстить — не есть что-либо несправедливое, но справедливо будет и тебе согласиться, что

это не любомудренно. По крайней мере, если бы делалось это легко и без большей опрометчивости, то слово твое имело бы еще основание. Но если прежде, нежели наложено будущее наказание, требующий оного сам себя поражает тысячами бедствий, то лучше вместе с понесенною обидою не испытывать и других зол. А если сказанное кажется тебе загадкой, то попытаюсь сделать это ясным. Смотри, если пожелает кто отомстить, сколько потерпит он бедствий? Во-первых, приходит весь в раздражение и, во-вторых, терзается гневом (ибо сперва воспламеняется страсть, потом человек гневается и желает отмщения), в-третьих, воздвигает тысячи волн, в-четвертых, проходит многочисленными путями помыслов, в-пятых, нападают на него страх, трепет, мучение, потому что и раздражение терзает и страх колеблет при мысли: удастся ли это, и чем кончится дело? Не представляется ли и тебе, что таковый, прежде нежели подвергнут будущему наказанию, сам на себя навлекает оное? Любомудрый же свободен от этого, и весьма справедливо; потому что он господин в этом деле, сам все устроил. А отмщающий ни в чем не волен, напротив того, потребны ему и время, и место, и хитрость, и преступление, оружия, ухищрения, ласкательство, рабство, лицемерие. Смотри, какое трудное дело — порок и какое легкое дело — добродетель? В какой мере один исполнен мятежей, а другая невозмутима? Как человек злой терпит множество бед, так любитель добродетели наслаждается тишиною. Кто мстит, тот готовит нескончаемую вражду; а кто вел себя любомудренно, тот приводит ее к самому скорому концу, почему даже человека грубого укрощает и привлекает в приязнь (прп. Исидор Пелусиот, 60, 331—332).

***

Многие, надеясь тем же или даже и большим того, что потерпели сами, воздать противникам здесь, подверглись страданиям тягчайшим тех, какие несли в начале, не потому... что препобеждена была справедливость, но потому, что она славно предоставлена будущей жизни. Почему безмолвием паче и любомудрием надлежит воздавать тем, которые делают нам зло (прп. Исидор Пелусиот, 62, 267).

***

...Мстить... без меры <почитаю> делом противозаконным, злодейским, лучше же сказать, диавольским. Ибо диавол, многих не убедив начать неправое дело, так как это — явный грех, тем, что без меры мстили, сделал одинаково виновными с начавшими неправое дело (прп. Исидор Пелусиот, 62, 293).

***

Не говори: отомщу врагу; есть у нас праведный Судия на небе (прп. Нил Синайский, 72, 251).

***

Кто сам за себя мстит, тот как бы осуждает Бога в недостатке правосудия; а кто нашедшую на него скорбь переносит, как свою собственную, тот исповедует прежде сделанное им зло, за которое и терпит, перенося тяжкое (прп. Марк Подвижник, 89, 522).

***

...Кто домогается мщения, в том нет любви (прп. Исаак Сирин, 58, 397).

***

...Если кто ударил тебя в правую ланиту, а ты не только не обращаешь к нему левой, но сам ударяешь его, то... сделался ты воином и рабом диавола. Ты ударил не брата только, но через брата, которого ударил, ударил и Самого Христа,. Который повелел не ударять его, но обращать к нему другую ланиту (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 377).

***

Господь воспретил мщение, которое было установлено Моисеевым законом, и которым за зло воздавалось равным злом. Оружие, данное Господом против зла, — смирение (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 511).

****

Один брат пришел к авве Сисою Фивейскому и говорит ему: «Один брат обидел меня, хочу и я отмстить за себя». Старец же увещал его: «Нет, чадо, предоставь лучше Богу дело отмщения». Брат сказал: «Не успокоюсь до тех пор, пока не отомщу за себя». «Помолимся, брат!» — отвечал старец. И, вставши, сказал: «Боже, Боже, мы не имеем нужды в Твоем попечении о нас, ибо мы сами делаем отмщение наше». Брат, услышав сие, пал к ногам старца и просил у него прощения (107, 324).

МЕЧТАТЕЛЬНОСТЬ

...Мечтательность да не разлучает тебя с обществом, и парение мыслей да не уязвляет душу твою (прп. Ефрем Сирин, 30, 375).

***

Да не увлекают нас мечты и мнения века сего; ничем не различны они с тенью. Многие, уснув богатыми, встали бедными... (прп. Ефрем Сирин, 31, 242).

***

Мечтание есть исступление ума при бодрствовании тела. Мечтание есть видение того, чего нет (прп. Иоанн Лествичник, 57, 19).

***

Мечтание, как бы ни было приманчивым и благовидным, будучи собственным, произвольным сочинением ума, выводит ум из состояния Божественной истины... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 147).

***

Мечты текут вереницею... а враг сбоку стоит и подбрасывает свои намеки... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 138).

***

...Смотрите, не возмечтайте о себе паче, нежели подобает, чтобы не заставить Господа, любящего вас, принять в отношении вас смирительные меры (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 77).

МИЛОСЕРДИЕ

...Кто подает меньшим братьям, тот приносит дар Богу, — духовно приносит Богу в жертву благовонное курение (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 224).

***

...Кто не будет милосерд сам, тот не может заслужить милосердия Божия, и кто не будет благосклонен к молению бедного, тот молитвами своими ничего не испросит у Бога (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 271).

***

...Люди немилосердные посекаются и в огнь ввергаются, а милосердные призываются в Небесное Царство (см.: Мф. 3, 10; 5, 7) (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 274—275).

***

...Милосердные и благотворители не могут обеднеть, а скорее впадут в бедность скупые и немилосердные (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 275).

***

...Имущество благодетеля умножается возмездием со стороны Бога в то самое время, когда за наши милостыни и благодеяния возносится, в молитве бедных, благодарность Богу (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 275).

***

...Кто, по милосердию, готов помогать бедным, тот в воздаяние получает сокровище небесное (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 322).

***

Милостив тот, кто милует ближнего тем, что сам получил от Бога: или деньгами, или пищею, или силою, или полезным словом, или молитвою, если имеет воз-

можность помиловать просящего у него, считая себя самого должником, ибо он получил более того, что от него требуется. И (помышляя), что он удостоился, подобно Богу, быть названным милостивым, и это — от Христа, и в нынешнем веке и в будущем, пред всею тварью; и что чрез брата Бог у него просит и делается ему должником. Бедный может быть жив и без того, чего у него просит, но он без того, чтобы быть милостивым, по возможности, не может быть жив или спастись: ибо если не хочет умилосердиться над подобным себе по природе, то как просит Бога, чтобы Он умилосердился над ним? Размышляя о сем и многом ином, удостоившийся заповедей отдает не только то, что имеет, но и душу свою за ближнего, ибо в этом и состоит совершенная милостыня, как и Христос претерпел смерть ради нас, всем показав образ и пример, чтобы и мы умирали друг за друга, и не только за друзей, но и за врагов, во время надобности (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 41—42).

***

Не надобно иметь вещь для того именно, чтобы оказывать милость; это скорее великая немощь, но и вовсе не имеющий, чем оказать милость, должен иметь милосердие ко всем, и тем может помочь нуждающимся, сделавшись беспристрастным к вещам житейским, а к людям имея сострадание (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 42).

***

...Всеми мерами помогайте вдовству, оказывая ему должную справедливость, особенно же, если найдется действительная вдовица, лишенная человеческой помощи... (свт. Василий Великий, 6, 59).

***

...Если, приобретая праведными трудами, не приносишь Богу приношений, которыми бы питались нищие, то сие вменится тебе в хищение... (свт. Василий Великий, 8, 337).

***

Какие способы дал тебе Господь, те и употреби в помощь бедному, чтоб не быть нам осужденными в недостатке любви и в немилосердии (прп. Ефрем Сирин, 30, 144).

***

Человек страннолюбивый — чистая пшеница (прп. Ефрем Сирин, 30, 200).

***

Кто оказывает милость ближнему, тот найдет милость у Господа: но *суд бо без милости не сотворшему милости* (Иак. 2, 13) (прп. Ефрем Сирин, 30, 213).

***

...Очистим себя милосердием, отрем сим прекрасным злаком нечистоты и скверны душевные, и убелимся, одни, как волна[1], другие, как снег (см.: Ис. 1, 18), по мере благосердия нашего (свт. Григорий Богослов, 13, 43).

***

Старайся приобрести в тесных обстоятельствах благоволение свыше. Дай взаим Богу милосердие. Никто не раскаивался из принесших что-либо Богу. Он щедр на воз-

[1] Волна — овечья шерсть.

даяние, наипаче же тамошними благами Он вознаграждает тех, которые здесь что-либо принесли и дали Ему взаим; иногда же, чтобы уверить в будущих благах, Он награждает и здешними благами. Еще мало, и мир прейдет и тень исчезнет. Воспользуемся временем, искупим непостоянным вечное (свт. Григорий Богослов, 13, 97).

***

Пришел нищий? Вспомни, как ты был убог, и как обогатился! Он просит у тебя хлеба или пития; или, может быть, другой Лазарь лежит у твоих ворот? Устыдись таинственной Трапезы, к которой ты приступал, Хлеба, которого вкусил, Чаши, которой приобщился, освященный Христовыми страданиями. Припал к тебе странник, не имеющий дома, пришедший издалека? Прими в его лице Соделавшегося ради тебя странником, даже странником между своими, Водворившегося в тебя благодатью, и Привлекшего тебя к горнему жилищу. Будь Закхеем, который вчера был мытарь, а сегодня стал щедр: все принеси в дар Христову вшествию, чтобы оказаться тебе великим, хорошо увидеть Христа, хотя мал ты возрастом телесным. Лежит недужный и изъязвленный? Устыдись своего здравия и тех язв, от которых избавил тебя Христос. Если видишь нагого, одень из уважения к твоей ризе нетления, т. е. ко Христу; потому что ***елицы во Христа крестихомся, во Христа облекохомся*** (ср.: Гал. 3, 27). Если встретишь припадающего должника, всякое ***писание*** праведное и ***неправедное раздери*** (Ис. 58, 6). Вспомни тысячи талантов, которые простил тебе Христос. Не будь лютым истязателем за меньший долг, и притом для кого? — Для подобных тебе рабов, когда прощен тебе Господом больший долг; бойся, чтобы не понести тебе наказания за Его человеколюбие, которое дано тебе в образец и которому ты не подражал (свт. Григорий Богослов, 14, 304—305).

***

Не отталкивай от себя бедного, ты, который обогащен Божеством; в противном случае по крайней мере не обогащайся во вред бедному, ибо и это уже много значит при нашей ненасытности (свт. Григорий Богослов, 15, 147).

***

От худого человека никогда не принимай милости, потому что он старается через это найти у тебя извинение своим делам (свт. Григорий Богослов, 16, 207).

***

Что короче сего повеления о милости: таков будь к друзьям и к ближним, какими желаешь иметь их к себе? Но есть другое и сего короче — это Христовы страдания (свт. Григорий Богослов, 16, 207).

***

Награждай добрых, презирай злых. Но и последним оказывай одну милость, нимало не оскорбляйся их поступками, чтобы великодушием и их со временем сделать добрыми. Прекрасный дар — милость (свт. Григорий Богослов, 16, 208).

***

Жалость есть сострадание к несчастию, а милосердие, когда оказываем какое-нибудь благодеяние страждущему (свт. Григорий Богослов, 16, 340).

***

...Без разумения приемлющий милость терпит то же, что слепые, которые, взяв в руки жемчужину, или изумруд, или какой-либо драгоценный камень, бросают, как простой кремень, произвольно лишая себя обладания им, по неведению красоты (свт. Григорий Нисский, 19, 55).

***

Как жестокий и свирепый недоступен приближающимся, так сострадательный и милостивый приходит как бы в одно расположение с нуждающимся, для опечаленного делаясь тем, чего требует скорбный его ум; и милость... есть произвольная печаль, производимая чужими бедствиями. Если же неточно выразили мы значение сего слова, то, может быть... милость есть исполненное любви расположение к претерпевающим со скорбью что-либо для них обременительное (свт. Григорий Нисский, 19, 422).

***

...Из всех привязанностей в этой жизни могущественнейшею признается любовь, и милость есть усиление любви. Конечно, в собственном смысле достоблажен <тот>, у кого душа в таком расположении, как у достигшего самого верха добродетели.

И никто да не представляет себе добродетель сию состоящею в одном вещественном, ибо в таком случае преспеяние в подобном, без сомнения, будет достоянием того только, кто имеет некоторую возможность к благотворительности (свт. Григорий Нисский, 19, 423).

***

Никто злом да не врачует зло. Сколько можно видеть людей, кои от юности до старости посвятили себя служению нищим; и это попечение нисколько не повредило естественному благосостоянию их тела! Да и невероятно быть тому. Хотя некоторые болезни, как-то наносные заразы и тому подобные, зависящие от внешних причин, происходящие от испорченности воздуха или воды, кажутся многим опасными и переходящими от прежде зараженных к тем, кои приближаются к ним, но я не думаю, чтоб и там болезнь производила такую же болезнь в здоровом, посредством передачи... (свт. Григорий Нисский, 24, 429—430).

***

...Всем благотворить хорошо, особенно же тем, кои не могут воздать (авва Евагрий, 89, 601).

***

Чем более ты богата и достаточна, тем более будут хвалить тебя все, когда ты будешь снисходить к нищим и ничтожным; не только люди, но и Ангелы и Владыка Ангелов; и не только Он хвалить будет, но и отплатит двойными дарами (свт. Иоанн Златоуст, 46, 345—346).

***

...Милосердие без девства возводило имеющих его на небо, девство без милосердия не в силах было сделать это (свт. Иоанн Златоуст, 46, 349).

***

Если бы милость простиралась на всех, то никто не был бы наказан; но она делает некоторый выбор, ищет достойного и способного принять ее (свт. Иоанн Златоуст, 48, 50).

***

...Все мы имеем нужду в милости, но не все достойны милости, потому что она, хотя и милость, но ищет достойного... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 50).

***

Страшитесь — вы, которые обижаете бедных. Вы имеете власть, богатство, деньги, благосклонность судей; но они <бедные> имеют оружие, которое сильнее всего, — воздыхания, слезы и терпение обид, чем и привлекают себе помощь небесную (свт. Иоанн Златоуст, 48, 142).

***

...Что может быть свирепее людей, которые остаются равнодушными при виде обнаженных и истощенных от голода бедных, а украшают жилища для тления, червей и моли? (свт. Иоанн Златоуст, 48, 247).

***

Все дела человеческие разрушаются, а плод милосердия остается всегда неувядающим, не подлежащим никакой перемене обстоятельств (свт. Иоанн Златоуст, 48, 314).

***

Не грешники только спасаются милостью, но и праведники ограждаются милостью (свт. Иоанн Златоуст, 48, 649).

***

Как на море нельзя плыть далее берегов, так и земная жизнь не может стоять без милосердия, снисхождения и человеколюбия (свт. Иоанн Златоуст, 50, 541).

***

...Если уничтожится милосердие <на земле>, то все погибнет и истребится (свт. Иоанн Златоуст, 50, 541).

***

Человек всего более должен учиться милосердию, потому что оно-то и делает его человеком (свт. Иоанн Златоуст, 50, 542).

***

...Чему дивишься ты, что милосердие служит отличительным признаком человечества? Оно есть признак Божества. ***Будите милосерди,*** говорится, ***якоже Отец ваш*** (ср.: Лк. 6, 36) (свт. Иоанн Златоуст, 50, 542).

***

Не говори: что в том, если я пройду мимо этого нищего? Если ты пройдешь мимо него, то пройдешь и мимо другого, а после этого — и третьего (свт. Иоанн Златоуст, 50, 859).

***

...Стыдись, когда не дашь просящему; это точно есть срам, наказание, мучение... это показывает твою жестокость (свт. Иоанн Златоуст, 50, 871).

***

Как многие из предстоящих здесь в храме желали бы жить в то время, когда Христос во плоти пребывал на земле, чтобы быть под одним с Ним кровом и разделять с Ним трапезу! Теперь вот это возможно, мы можем приглашать Его на вечерю и вечерять с Ним даже с большею пользою. Будем одевать нагого, принимать странного, питать алчущего, напоять жаждущего, посещать болящего (см.: Мф. 25, 35—36) (свт. Иоанн Златоуст, 51, 303).

***

Ты не предаешь Христа, но, когда презираешь нищего, истаивающего от голода или гибнущего от холода, навлекаешь на себя то же осуждение (свт. Иоанн Златоуст, 51, 314).

***

Кто старается быть милосердным к нуждающемуся, тот скоро отстанет и от любостяжания. Кто постоянно подает бедным, тот легко и от гнева отстанет, и никогда не будет высоко думать о себе (свт. Иоанн Златоуст, 51, 547).

***

Возлюбим милосердие, оно есть руководитель и учитель любомудрия. Тот, кто научился быть милосердным к несчастному, научится и не злопамятствовать, а научившись

этому, в состоянии будет и благодетельствовать врагам (свт. Иоанн Златоуст, 52, 139).

***

Ничто не может сравниться с этим благом, ничто так не выражает наших человеческих свойств, как милосердие, как человеколюбие (свт. Иоанн Златоуст, 52, 381).

***

«Ты принял Меня, — говорит Он, — в жилище свое, Я приму тебя в Царствие Отца Моего; ты избавил Меня от голода, Я избавлю тебя от грехов; ты воззрел на Меня связанного, Я покажу тебя разрешенным; ты призрел Меня странника, Я сделаю тебя гражданином Неба; ты подал Мне хлеба, Я дам тебе Царствие всецело в наследие и обладание твое... Ты сделал для Меня тайно, Я возвещу явно; сделанное тобою Я считаю милостью, а Мое — долгом... Ты воззрел на Меня связанного, и сам не увидишь огня геенского; ты призрел Меня болящего, и сам не испытаешь ни мытарств, ни наказаний». О, поистине благословенны руки, совершающие такие благодеяния, удостоившиеся послужить Христу! Легко пройдут через огонь ноги, ходившие в темницы для Христа; не испытают тяжести уз руки, касавшиеся Его связанного... ты был с Ним в темнице и будешь с Ним в Царствии. Он исповедует это не стыдясь... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 396).

***

В совершающем благотворение должно быть то и другое: и щедрость, и веселое расположение... Зачем скор-

бишь, оказывая милосердие, и тем лишаешься плода заслуг своих? Если ты скорбишь, то нет в тебе милосердия, но ты жесток и бесчеловечен. Ведь если ты сам скорбишь, то как можешь ободрить того, кто в горе? Приятно то, чтобы он не подозревал ничего дурного, а также и то, когда подаешь ему с радостью, потому что для людей ничего не представляется столько унизительным, как принимать что-нибудь от других, если только ты особенною веселостью не отвратишь подозрения и не покажешь, что сам получаешь больше, нежели даешь, что скорее роняешь, чем восстановляешь принимающего (свт. Иоанн Златоуст, 52, 759).

***

Все, что бы ты ни делал для брата, восходит к Владыке твоему, и Он, как бы Сам получив от тебя благодеяние, вознаграждает тебя за это (свт. Иоанн Златоуст, 52, 762).

***

О, негоднейшее и ненасытимое чудовище <немилосердие>! Скольких оно поглотило, скольких истребило, скольких убило, скольких сожгло в том <геенском> огне? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 875).

***

...Страх и трепет обнимает меня, когда я размышляю о том, как один этот недуг <немилосердие> сделал бесполезными и негодными все... добрые дела, а самих подвижников — безызвестными, потому что они услышат слова: ***аминь глаголю вам, не вем вас*** (Мф. 25, 12) (свт. Иоанн Златоуст, 52, 875).

***

Горе тебе, немилосердие, и ученикам твоим! Горе тебе, жестокость, и тем, кем ты владеешь! Какая польза для тебя в том, что ты удаляешь от Бога такое множество людей? Послушай же, что отвечает немилосердие: «Дело мое — искапывать пропасти, запирать двери, осквернять одежды, затворять сердце, чтобы оно не знало милосердия; прибыль для меня — приобретать множество друзей и предавать их погибели; радость моя — привлекать возможно большее число учеников, чтобы ниспослать их в ад. Когда те, кто находился по левую сторону, посрамленные, предстали и подверглись поношению и обвинению, — я торжествовало; когда они ниспосылались в огонь вечный, который я уготовало им, — я возвеселилось; когда они, рыдая, удалялись со скрежетом зубов, низвергаемые демонами, — и я вместе толкало их и радовалось... Мое дело — затворять двери перед людьми и не дозволять им достигать Вечной Жизни» (свт. Иоанн Златоуст, 52, 876).

***

Подлинно безумие и явная нелепость — наполнять одеждами сундуки, а не обращать внимания на того, кто сотворен по образу и по подобию Божию, и не имеет одежды, дрожит от холода и едва держится на ногах (свт. Иоанн Златоуст, 53, 207).

***

...Милосердие вложено природой во всех, даже в грубых и жестоких. И что удивительного, если мы оказываем (милосердие) людям? Мы и зверей милуем. В таком избытке вложено в нас милосердие! (свт. Иоанн Златоуст, 54, 255).

***

...Все мы, люди, природой побуждаемся к милосердию, и нет в природе нашей другого настолько доброго свойства, как это (свт. Иоанн Златоуст, 54, 255).

***

...Милосердие в том и состоит, что милует не тех, которые исправны, а тех, которые согрешили (свт. Иоанн Златоуст, 55, 101).

***

Если ты помогаешь ослу, когда видишь, что он изды-хает, и не спрашиваешь, чей он, то тем более не должно спрашивать о человеке, чей он; он Божий, хотя бы он был язычник, хотя бы иудей. Если он и неверный, но нужда-ется в помощи (свт. Иоанн Златоуст, 55, 101).

***

Слеп милостивый, если он несправедлив; возделывает поле, с которого не может собрать жатвы (прп. Нил Синайский, 72, 250).

***

Как нельзя пасти вместе овец и волков, так невозмож-но получить милость тому, кто коварно действует в отно-шении к ближнему своему (прп. Марк Подвижник, 89, 531).

***

Человек милостивый — врач своей души, потому что как бы сильным ветром из внутренности своей разгоняет он омрачение страстей (прп. Исаак Сирин, 58, 178).

***

...Как тень следует за телом, так и милость за смиренномудрием (прп. Исаак Сирин, 58, 220).

***

Кто отвращает лицо свое от скорбящего, для того омрачится день его (прп. Исаак Сирин, 58, 253).

***

...Милостивый не только дает людям милостыню из своего собственного, но и с радостью терпит от других неправду и милует их (прп. Исаак Сирин, 58, 278).

***

...Кто милует нищего, тот попечителем о себе имеет Бога (прп. Исаак Сирин, 58, 295).

***

Тот милостив, кто в мысли своей не отличает одного от другого, но милует всех (прп. Исаак Сирин, 58, 306).

***

...Полное совершенство милосердия доказывается терпением решающегося переносить обиды (прп. Исаак Сирин, 58, 307).

***

Если истинно ты милосерд, то, когда неправедно отнято у тебя твое, не скорби внутренно, и не рассказывай об ущербе посторонним (прп. Исаак Сирин, 58, 307).

***

Немилостивый подвижник — бесплодное дерево (прп. Исаак Сирин, 58, 414).

***

Если не можешь миловать, то говори, что ты грешен (прп. Исаак Сирин, 58, 416).

***

Благочестивым свойственно давать всякому просящему, более же благочестивым — давать и непросящему; а не требовать назад от взявших, в особенности же когда есть возможность, свойственно одним только бесстрастным (прп. Иоанн Лествичник, 57, 188).

***

Истинно милостив не тот, кто произвольно раздает излишнее, но кто охотно уступает необходимое похитителям (прп. Илия Екдик, 91, 470).

***

...Благоутробный и милостивый Бог повелел и нам быть благоутробными и милостивыми, и печалиться как о себе самих, так и друг о друге (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 28).

***

Кто такие милостивые? Те ли, которые раздают бедным деньги и кормят их? Нет — не это одно делает милостивыми; надобно, чтобы при сем была милостивость сердечная. И те милостивы, которые обнищали из любви

ко Христу, нас ради обнищавшему, и не имеют, что дать бедному, но, вспоминая о бедных, вдовах, сиротах и больных, и нередко и видя их, страдают жалостью об них и плачут, — уподобляясь Иову, который говорит о себе: ***аз же о всяком немощном восплакахся*** (ср.: Иов. 30, 25). Они, когда имеют что, с искренним радушием полагают нуждающимся, а когда не имеют, дают им всеубедительные наставления о том, что способствует спасению души, повинуясь слову Того, Кто сказал: ***нелестне научихся, без зависти преподаю*** (Прем. 7, 13). Таковы истинно милостивые, управляемые Господом Иисусом Христом, они такою милостию, как лествицею, восходят к совершенной чистоте душевной (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 42).

***

...Плача достойны те, которые сокровища, превышающие ежедневные потребности и имеют, и удерживают, или еще и стараются их увеличить; и те, которым заповедано любить ближнего, как самого себя, даже и за прах земной его не признают! Не означает ли это, что серебро и золото мы возлюбили больше, чем братьев? Но обратимся и покаемся, и, помогая нуждам бедствующей в нашей среде братии, сделаем их участниками того имущества, которым обладаем; и если мы не изберем боголюбиво израсходовать все наше имущество, однако же да не задержим немилосердно все за собою; но одно, действительно, сделаем, а за то, что отстали в другом, смирим себя пред Богом, и получим от Него прощение, ибо Его человеколюбие восполняет наш недостаток; но только поступим так, дабы не случилось, — да не будет сего! — услышать те страшные слова, как написано: ***Тогда речет сущим ошуюю Его: идите от Мене, проклятии*** (Мф. 25, 41). О, как это

много заключает: удалитесь от жизни, будьте исключены от наслаждения, лишены света! (свт. Григорий Палама, 26, 52—53).

***

...Сотворим себе милость, братие, тем — что окажем милость братиям; чрез сострадание — приобретем сострадание; сделаем добро — дабы нам было благо: соответственное будет воздаяние; но только наши доброделание и человеколюбие, и любовь, и милосердие, и сострадание — ни по достоинству, ни по мере не равняются награде, ибо ты даешь из того, чем обладает человек, и насколько человек в силах делать добро, — воспринимаешь же сторицей из божественных и неиссякаемых сокровищ и Вечную Жизнь, и будешь облагодетельствован из того и насколько облагодетельствовать может Бог, а это — ***ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша*** (1 Кор. 2, 9). Итак, проявим тщание, дабы нам получить богатство милости; немногими деньгами купим вечное наследие; убоимся подобающим образом проклятия немилостивым, дабы вследствие сего не стать нам осужденными; да не убоимся, что, давая милостыню, мы обеднеем: ибо и мы услышим от Христа: ***приидите, благословенни Отца Моего, наследуйте Царство*** (ср.: Мф. 25, 34). Убоимся и все соделаем, дабы не явиться нам, вследствие бездушия, чуждыми любви к Богу: ***ибо не любяй брата своего, егоже виде,*** говорит Евангелист, ***Бога, Егоже не виде, како может любити?*** (1 Ин. 4, 20), а не любящий Бога, как возмог бы быть с Ним? А тот, кто не с Ним, тот отойдет от Него, а отходящий от Него, конечно, впадет в геенну (свт. Григорий Палама, 26, 54—55).

***

...Проявим дела любви к нашим во Христе братьям: оказывая милость нуждающимся, обращая на правый путь заблуждающихся, какое бы это ни было заблуждение, какая бы это ни была нужда, заступаясь за обиженных, поддерживая в немощи лежащих, будь то страдающие по причине видимых врагов или болезней или же по причине злых духов и страстей бесчестия, посещая заключенных в темнице, а также и перенося поступающих против нас, и угождая друг другу, хотя бы кто и имел на кого недовольство, потому что и Христос угождал нам; и просто молвить: всеми способами и всеми делами и словами, всем, чем обладаем, явим любовь друг к другу, дабы и от Бога получить нам любовь и быть благословенными от Него и наследовать обетованное нам, уготованное для нас от сложения мира, Небесное и Вечное Царство... (свт. Григорий Палама, 26, 55).

***

Милосердие никого не осуждает, любит врагов, полагает душу за друзей, соделывает человека богоподобным (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 522).

***

Правда Божественная явилась человечеству в Божественном милосердии и повелела нам уподобиться Богу совершенным милосердием (см.: Мф. 5, 48), не какою другою добродетелью... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 522).

***

Совершенство христианской, а потому и человеческой добродетели в обновленном естестве есть благодатное Богоподражательное милосердие, производимое в христианине развитием Божественной благодати, данной ему в крещении и возделанной заповедями (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 407).

***

На Суде Христовом потребуется в оправдание милость, как деятельное выражение любви, и заслужит помилования одна милость, как опытное доказательство любви (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 42).

***

Свойственно милости рождать веру, и вере — милость (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 236).

***

Милость должна ***сретаться с истиною*** (ср.: Пс. 84, 11) (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 198).

***

Ища милости у Господа, сами милости оказывайте другим (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 151).

***

...Господь посещает души милостивые и доброхотные к нуждающимся (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 90).

****

Один игумен, отец общежительного монастыря, святой по жизни, украшенный всеми добродетелями, милостивый к нищим, часто молился Богу за свою братию, чтобы Господь не разлучил его с ними в будущей жизни. На эту молитву Господь даровал ответ следующим образом. В другом монастыре, неподалеку, был праздник, на который пригласили игумена с братией. Игумен не хотел идти, но, услышав во сне голос: «Иди на праздник; только пошли прежде учеников твоих», — так и сделал. Когда настало время, то первыми ушли ученики. По дороге они встретили лежащего расслабленного нищего. Объяснив ему, что у них нет ослов, на которых можно было бы довезти его до селения, они оставили больного и пошли дальше.

Через некоторое время отправился игумен и, увидев страдальца, спросил его, не проходили ли здесь монахи. Больной отвечал, что проходили, но не оказали помощи, потому что не было при них ослов, чтобы отвезти его. Игумен сказал: «В таком случае я возьму тебя на плечи и отнесу в ближайшее селение». Нищий стал отговаривать его: «Отче! Как тебе одному нести меня? Путь далекий, но поди туда и пошли за мною». Игумен отвечал: «Жив Господь Бог мой! Не оставлю тебя!»

В начале пути он чувствовал тяжесть ноши, но потом тяжесть уменьшилась и сделалась почти нечувствительной. Игумен недоумевал, что происходит, как вдруг тот, кого он нес, стал невидим. И тогда игумен услышал голос: «Ты постоянно молишься о учениках твоих, чтобы они сподобились Жизни Вечной, но дела у тебя одни, а у них — другие. Если хочешь, чтобы прошение твое было исполнено, убеди их поступать так, как поступаешь ты. Я — Судия Праведный и каждому воздам по делам его» (106, 417—418).

***

Говорили об авве Макарии Великом, что он был как Бог земной: потому что как Бог покрывает мир, так и он, авва Макарий, покрывал недостатки братии, видя, как бы не видя, и слыша, как бы не слыша (106, 310).

***

Некий Зенон случайно обидел дочь одной вдовы. Вдова, пребывая в храме Богородицы, просила Владычицу со слезами: «Отомсти за меня Зенону». Так просила она много раз. Богородица явилась ей и сказала: «Поверь мне, жена, что много раз Я хотела отомстить за тебя, но руки его возбраняют Мне». Был же Зенон очень милостив (107, 227).

***

У преподобного Моисея Оптинского были гости. В это время в переднюю вошла пожилая, бедно одетая женщина с подушкой в руках. Преподобный, увидев ее, спросил: «Что тебе надобно?» — «Да вот, батюшка, не купите ли подушку?» — «Нет, нам не надобно». — «Батюшка, сделайте милость, возьмите, у меня дома дети голодные, есть нам нечего». — «А сколько эта подушка стоит?» — «Полтора рубля». — «Нет, это дорого, возьми рубль». С этими словами он пошел в спальню и, выйдя оттуда с пятирублевой бумажкой, отдал ее старушке под видом рубля, приговаривая: «Дорого, дорого». Женщина поклонилась и вышла. Преподобный Моисей пошел к своим гостям, но едва успел занять свое место, как старушка, рассмотрев в сенях ассигнацию, опять отворила дверь со словами: «Батюшка, никак вы ошиблись?» — «Да ступай, ступай, сказал, что

больше не стоит». Старушка ушла, а гости слышали только разговор про рубль — так ничего и не поняли (105, 55).

***

Настоятель церкви села Ижоры под Петербургом протоиерей Иоанн Камнев был свидетелем поразительной милости Божией к одному добросердечному еврею. Все односельчане относились к нему с великой любовью и почтением за его необыкновенную честность и милосердие к бедным и страждущим. Он очень многим охотно помогал в тяжелые минуты их жизни. Все нуждающиеся обращались к нему за поддержкой и находили в нем своего отца и благодетеля. Однажды этот еврей пригласил отца Иоанна к себе в дом и слезно просил его о принятии в лоно Святой Православной Церкви. Отец Иоанн спросил его: «Как ты дошел до мысли креститься? Кто вразумил тебя на это?» Тот отвечал: «С молодых лет до последнего дня часто читал я Священное Писание, Евангелие и пророческие писания и, много думая над прочитанным, постепенно убедился, что Господь Иисус Христос есть действительно Мессия, предвозвещенный пророками. Но Его наши предки не приняли и распяли». Тогда отец Иоанн с великой радостью ответил ему: «Я готов совершить над тобою Таинство крещения, только мне необходимо предварительно испросить у своего архиерея благословение на твое присоединение к Святой Церкви». Еврей, выслушав слова пастыря, просил скорей крестить его, ибо предчувствовал близость своей кончины. Тогда отец Иоанн немедленно его крестил, исповедал, причастил Святых Христовых Таин и освятил Таинством Елеосвящения. По совершении всех четырех Таинств в один день старый еврей с радостным

настроением души скончался. Поистине милосердие вечно предстоит перед Престолом Божиим (114, 163—164).

МИЛОСЕРДИЕ БОЖИЕ

У Него <Господа> сопряжены между собою милость и суд, чтобы одна милость не произвела в нас расслабления, и один суд не довел до отчаяния (свт. Василий Великий, 5, 232).

***

Судия хочет тебя помиловать и соделать участником Своих щедрот; но в таком только случае, если найдет, что ты, по содеянии греха, стал смирен, сокрушен, много плакал о лукавых своих делах, без стыда открыл содеянное тайно, просил братию потрудиться с тобою о твоем уврачевании. Одним словом, если увидит, что ты достоин сожаления, то беззавистно подает Свою милостыню. Когда же видит в тебе сердце нераскаянное, ум гордый, который не верит будущему веку, не боится Суда; тогда любит <творит> суд над тобою. Ибо так искусный и человеколюбивый врач прежде старается смягчить опухоль припарками и смягчающими средствами, но когда увидит, что опухоль не опадает, а затвердевает, тогда, отложив в сторону масло и мягчительные врачевства, употребляет, наконец, в дело острые орудия (свт. Василий Великий, 5, 232—233).

***

...Земля полна одною милостию Господнею, между тем как суд отложен до определенного времени (свт. Василий Великий, 5, 233).

***

...Ежели кто возьмет во внимание, что повреждение с каждым днем распространяется и что тленный род человеческий достоин тысячей смертей, поколику пребывает во грехах, то удивится богатству Божией благости, снисходительности и долготерпения (свт. Василий Великий, 5, 233).

***

Бог, и милуя, с рассуждением и мерою оказывает милосердие достойным и, судя, с пощадою нашей немощи производит суд, наказывая нас более по человеколюбию, нежели для воздаяния равным за равное (свт. Василий Великий, 5, 342).

***

...Не будем знать Бога вполовину, и человеколюбие Его обращать себе в повод к лености... Кто велит сиять солнцу, Тот наказывает и слепотою; Кто дает дождь, Тот дождит и огнем. Одно показывает благость, другое — строгость... (свт. Василий Великий, 9, 79).

***

...<Бог> сделал все, что могла принять сотворенная природа. Уставил чин естеств и нашел, что они, как изменяемые, имеют нужду в милосердии (прп. Ефрем Сирин, 30, 247).

***

Из персти образовали меня щедроты Твои, из сетей и из рва извлекло меня учение Твое. Дай, Господи, чтобы

не возвращались мы к грехам своим (прп. Ефрем Сирин, 33, 133).

***

Дверь Божия всегда отверста ударяющему в нее; милосердие радуется обращающемуся, благость простирает к нему руки свои (прп. Ефрем Сирин, 33, 136).

***

В примере разбойника вижу, о Милосердый, великое богатство помилования; смотря на сего злодея, никогда не теряю надежды получить спасение (прп. Ефрем Сирин, 33, 140).

***

Господь милосерд; Ему приятно оказать милость и спасти человека. Поэтому, грешник, неослабно умоляй о милосердии и проси себе щедрот; потому что и Господь твой не утомляется, прощая тебе долги твои (прп. Ефрем Сирин, 33, 153).

***

По милости Своей <Господь> врачует и исцеляет от всех беззаконий, грехов и скверн всякого, кто приносит покаяние; потому что Он — море щедрот (прп. Ефрем Сирин, 33, 179).

***

Весьма велико долготерпение Твое, Господи, неправды всех людей — пред лицем Твоим, и любовь Твоя терпит мир и неправды его (прп. Ефрем Сирин, 33, 199).

***

Несмысленный видит щедроты <Господни> и дерзновеннее грешит. Поелику знает, что есть у него врачевство, которое исцеляет его даром, то не щадит своего тела и покрывает его ранами. Но хвала мудрому, который не поступает безрассудно! Хотя знает, что щедроты могут ходатайствовать за его безрассудство; однако же, при всей великой надежде, как будто не имеет надежды (прп. Ефрем Сирин, 33, 213).

***

Благость и правда — это две руки у Тебя, <Господи>, простертые над каждым. Одна наказывает, чтобы другой доставить случай помиловать (прп. Ефрем Сирин, 33, 213).

***

Щедроты Твои, <Господи>, драгоценнее жизни, потому что жизнь есть мера, а щедроты Твои неизмеримы (прп. Ефрем Сирин, 33, 330).

***

Творцу легко переносить все тяжелое от тварей Своих, потому что, если бы не захотел Он переносить, то и не сотворил бы тварей (прп. Ефрем Сирин, 33, 331).

***

Не трудно Тебе, <Господи>, сносить неправды наши, потому что Ты Творец естества нашего. Ты не обременяешься Своим творением; потому что знал нас прежде, нежели сотворил (прп. Ефрем Сирин, 33, 331).

***

Если бы благость без молитвы прощала преступления, то нарушилась бы правда, и никто не помышлял бы о ней.

Человечество более и более предавалось бы нечестию, потому что Судия не употребляет вразумляющего жезла. Каждый с радостью продолжал бы грешить, потому что никто не вразумляет его.

Тогда благость, столько для нас полезная, обратилась бы во вред, потому что давала бы повод грешникам более и более умножать число грехов своих.

...Грешник... приводится в содрогание, чтобы перестал грешить и пришел в сердечное сокрушение, потому что сам на себя навлек наказание. И таким образом грешник, хотя на малое время, оставляет неправды свои и старается испросить себе оставление грехов.

Кто же не возблагодарит Тебя, Господи наш, что и правда Твоя есть благость, и наказание Твое для нас благодать? Подлинно благ Ты во всем!

Жезлом правды смиряешь Ты главу грешников, которые грешат с бесстыдным высокомерием и не обращаются без особенного побуждения (прп. Ефрем Сирин, 33, 333).

***

Взывали к Тебе, Господи, другие бедствующие и получали от Тебя всякие врачевства. Но для Тебя равно легко подать исцеление и просящему и непросящему (прп. Ефрем Сирин, 33, 339).

***

Если <кто> желает, чтобы Бог милосерд был к нему самому, то не должен быть жесток к своему ближнему (прп. Ефрем Сирин, 34, 37).

***

Милости Божией ищи себе милостями к ближним (свт. Григорий Богослов, 16, 209).

***

Господь хочет, чтобы все люди сподобились сего рождения <от Духа Божия>, потому что <Он> за всех умер и всех призвал к жизни (прп. Макарий Египетский, 67, 231).

***

...До бесконечности возросший грех превосходит величием своим Божия милость, соделавшаяся превысшею и самой небесной высоты. Ибо сказано: велика превыше *небес милость Твоя* (Пс. 56, 11) (свт. Григорий Нисский, 19, 171—172).

***

Когда часто согрешающий получает от Бога прощение, и между тем не располагается таким долготерпением к оставлению нечестия, то такой человек, наконец, доводит Бога до того, что Он и против воли насылает на него самое великое бедствие, искореняет его вконец, и уже не дает ему нисколько времени для покаяния... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 337).

***

...Если бы... <Бог> хотел наказать <нас>, то не грозил бы наперед <геенною>, чтобы мы не предостереглись и не избежали угрозы. Бог угрожает мщением, чтобы мы избежали действительного мщения; устрашает словом, чтобы не наказать самим делом (свт. Иоанн Златоуст, 45, 377).

***

Так как Бог заботится о нашем спасении, то обыкновенно Он всегда предсказывает, какие хочет навести казни, для того только, чтобы не навести их (свт. Иоанн Златоуст, 47, 245).

***

Часто, когда <Господь> не находит ни одного праведника в настоящей жизни, Он умилостивляется над живущими ради добродетели умерших... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 469).

***

Милость Божия неизреченна, неизъяснима, непостижима, она превосходит ум, побеждает разумение, но хотя и такова милость Божия, однако, чтоб люди постоянно милуемые не сделались негодными, она имеет нужду и в нашем соучастии. Пойми, что я говорю: Бог милует, но милует не просто, а с условием: дай и ты (свт. Иоанн Златоуст, 48, 633).

***

Навсегда распространяет Господь Свою милость; Он всегда милостив, будучи благ по природе, но с этой милостью Его сопряжена правда к хранящим завет Его... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 737).

***

Милость Божия — это пришествие во плоти Христа Бога нашего. Он оказал нам милость, Сам явился Ходатаем за нас пред Отцом... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 804).

***

...Как мы можем получить помилование? Мы должны взывать к Богу каждый день, а не так поступать, чтобы то молиться Ему словами, то прогневлять Его делами, то являться в церковь Божию, то в церковь беззаконников, о которых... Давид сказал: ***возненавидех церковь лукавнующих*** (Пс. 25, 5) (свт. Иоанн Златоуст, 48, 877).

***

Бог милует не всех, а тех только, кто сожалел о своих грехах и загладил их или покаянием, или делами милосердия в отношении к ближнему (свт. Иоанн Златоуст, 48, 891).

***

Не помышляй о множестве твоих грехов, но смотри на бесконечную благость Божию. Болезни — велики, но Врач — больше; буря — сильна, но Кормчий — мудр; души доведены до отчаяния, но лекарства находятся наготове и после отчаяния. Нет ничего, что могло бы победить и превозмочь Его милосердие (свт. Иоанн Златоуст, 49, 184).

***

Милосердие Его непостижимое, подобно тому как непостижим Сам Он (свт. Иоанн Златоуст, 49, 606).

***

Милосердие... человеческое и Божие не равны между собою, а отличаются одно от другого так же, как зло от добра (свт. Иоанн Златоуст, 50, 154).

***

<Бог> — это единственный должник, Который, когда мы просим Его, оказывает нам милость и дает то, чего мы не давали Ему взаем (свт. Иоанн Златоуст, 50, 256).

***

...Для чего, скажешь, и блудницу принял Христос? Для того, чтобы разрешить от порока, чтобы показать человеколюбие, чтобы ты познал, что нет недуга, побеждающего Его благость (свт. Иоанн Златоуст, 51, 413).

***

Не столько ты желаешь, чтобы прощены были тебе грехи, сколько Он <Бог> желает простить грехи твои. А что ты мало желаешь этого, пойми из того, что ты не хочешь ни бодрствовать, ни уделять из имущества своего; а Он, чтобы оставить нам грехи наши, не пощадил Единородного, Истинного и Сопрестольного Сына Своего. Видишь ли, что Он гораздо более тебя желает простить грехи твои? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 324).

***

Для воспользовавшихся <милосердием Божиим>, как должно, оно служит основанием спасения, а для презревших — поводом к большему наказанию (свт. Иоанн Златоуст, 52, 526).

***

...Бог являет Свою величайшую милость для того, чтобы ты освободился от грехов, а не для того, чтобы ты

прибавил новые, а как скоро этого не делаешь, то наказание будет ужаснее (свт. Иоанн Златоуст, 52, 527).

***

Не пренебрегай Его <Божиим> долготерпением, с которым Он ведет тебя к покаянию; что бы ты ни делал — делай с мыслию о вездеприсутствии Божием (свт. Иоанн Златоуст, 54, 288).

***

(Бог) освободил нас от грехов, даровал нам силу и крепость для совершения добродетели, даровал нам ревность и терпение, в крещении даровал нам Духа Святаго (свт. Иоанн Златоуст, 54, 321).

***

...Если бы Он <Бог> ежедневно подвергал нас наказанию за наши преступления, то род человеческий уже не существовал бы (свт. Иоанн Златоуст, 54, 777).

***

...Бог не в силу какой-то расточительности в милостях и не под влиянием болезненного расстройства щедрости проявляет богатство Своего человеколюбия, но чтобы пристыдить людей обилием Своих даров, — когда же Он видит, что все излияния Его человеколюбия напрасны, Он заключает источники благ, удерживает потоки человеколюбия, перестает благодетельствовать (свт. Иоанн Златоуст, 55, 899).

***

...Бойтесь Его <Божиего> могущества и не отчаивайтесь в Его человеколюбии. Ибо для того, чтобы не делать неправды, благодетелен страх; а для того, чтобы поползнувшемуся в грех не губить себя отчаянием, благодетельна надежда на милость (прп. Нил Синайский, 73, 185).

***

В невольных скорбях сокрыта милость Божия, которая влечет переносящего оные к покаянию и избавляет от вечной муки (прп. Марк Подвижник, 69, 42).

***

Что горсть песку, брошенная в великое море, то же грехопадение всякой плоти в сравнении с Промыслом и Божиею милостию. И как обильный водою источник не заграждается горстью пыли, так милосердие Создателя не препобеждается пороками тварей (прп. Исаак Сирин, 58, 412).

***

...Милости Божией ничто так не привлекает на душу, как искушения, и особенно наносимые и налагаемые во время скорби и нужды... (прп. авва Дорофей, 29, 98).

***

Иное есть *Промысл* Божий; иное — Божия *помощь;* иное — *хранение;* иное — *милость* Божия; и иное — *утешение. Промысл* Божий простирается на всякую тварь.

Помощь Божия подается только верным. *Хранение* Божие бывает над такими верными, которые поистине верны. *Милости* Божией сподобляются работающие Богу; а *утешения* — любящие Его (прп. Иоанн Лествичник, 57, 180).

***

...Если бы Господь наш не был человеколюбив и не принимал нас, когда возвращаемся к Нему, если б Он не был незлобив, и гневался, а не хвалил нас за возвращение наше, то воистину не спаслась бы никакая душа ни святого, ни тем паче всякого другого. Почему все, скончавшиеся в святости и добродетели, даром спасены, а не за добрые дела и добродетели свои, и не они только, но и те, которые скончаются после сего, все даром спасены будут (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 65).

***

Не прельщайтесь, братия мои. Воистину человеколюбив Бог, и милостив и благоутробен. Исповедую сие и я и, на благоутробие Его уповая, имею дерзновение чаять, что спасен буду. Однакож ведайте, что человеколюбие Его нисколько не послужит в пользу тем, которые не каются и не соблюдают заповедей Его со страхом великим и во всей точности, а, напротив, Бог накажет их еще строже нечестивых и неверных (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 235).

***

Грешники! Ободримся. Для нас... Господь совершил великое дело Своего вочеловечения; на наши болезни при-

зрел Он с непостижимою милостию (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 100).

***

Бог бесконечно благ и бесконечно могуществен: приступи в сокрушении духа ко Всеблагому и Всемогущему, обнажи пред Ним твою язву, принеси сознание в согрешении, прося прощения, исцеления, и получи их (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 411).

***

Милость Божия безмерна, но мы мерны... и можем зайти до того, что перестанем каяться и сокрушаться от частых падений, а без этого не будет в нас сосуда для принятия милости... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 123).

****

Некий монах был борим вожделением. Случилось ему как-то прийти в одно египетское селение. Там он увидел дочь идольского жреца, полюбил ее и стал просить отца отдать ее за него замуж. Жрец отвечал: «Пойду, спрошу о сем бога моего». И, пришедши к демону, поклонился и сказал: «Некий монах хочет жениться на моей дочери, отдать ли ее за него?» Демон отвечал: «Пусть он сначала отречется от Бога своего, крещения и монашеских обетов». Когда жрец пересказал сие монаху, тот отрекся и тотчас увидел, что из уст его вышло подобие голубя и взлетело на небо. Жрец пошел и возвестил демону, что монах обещал исполнить эти три условия. Диавол отвечал жрецу: «Не отдавай дочери твоей ему в жены, потому что Бог его не отступил еще от него, но и доселе помогает ему».

Жрец, пришедши к брату, сказал: «Не могу отдать тебе дочери, потому что Бог твой доселе помогает тебе и не отступил от тебя». Услышав это, брат сказал сам себе: «Я, несчастный, отрекся от Бога, от крещения и от обетов монашества, а Всеблагий Бог доселе помогает мне окаянному! Если Бог доселе оказывает мне такую милость, зачем же мне отступать от Него?»

Опомнившись, он пришел к некоему великому старцу и поведал ему о случившемся. Старец сказал ему: «Останься со мной в пещере и пребудь в посте три недели, а я буду молиться Богу за тебя». И подвизался старец за брата, молясь Богу и говоря: «Господи! Умоляю Тебя, даруй мне эту душу и прими покаяние ее». И услышал Бог молитву старца. Когда исполнилась первая неделя, старец пришел к брату, и брат увидел голубя, стоящего в высоте небесной над своей головой. Старец сказал ему: «Внимай себе и молись Богу тщательно». По прошествии второй недели брат увидел, что голубь спустился к самой его голове. Старец опять завещал ему трезвиться и молиться. Когда исполнилась третья неделя, старец пришел к брату и спросил: «Еще не видел ли ты чего?» Брат отвечал: «Видел, что голубь спустился совсем низко ко мне, и я протянул руку, чтобы взять его, а он вспорхнул и вошел в уста мои». Старец возблагодарил Бога и сказал брату: «Вот! Бог принял покаяние твое. Отселе внимай себе и тщательно заботься о своем спасении». Брат отвечал: «Отселе я пребуду с тобою до смерти» (106, 480—482).

МИЛОСТЫНЯ

Делай добро, и от плода трудов твоих, который дает тебе Бог, давай всем бедным просто, нимало не сомневаясь, кому даешь. Всем давай потому, что Бог хочет,

чтобы всем было даруемо из Его даров. Берущие отдадут отчет Богу, почему и на что брали. Берущие по нужде не будут осуждены, а берущие притворно подвергнутся суду. Дающий же не будет виноват; ибо он исполнил служение, какое получил от Бога, не разбирая, кому дать и кому не давать... (св. Ерм, 94, 182).

***

...Как водою спасительного крещения погашается огонь геенский, так милостынею и делами правды утушается пламя грехов (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 269).

***

...Через милостыни молитвы наши соделываются действенными... милостыня освобождает жизнь от опасности... милостыня избавляет душу от смерти (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 272).

***

От милости рождается надежда; немилостивый чужд добродетели (прп. авва Исаия, 59, 93).

***

Милостыня, с разумом творимая, рождает презрение (имущества) и руководит к любви; а немилостивость означает, что нет в человеке добродетели (прп. авва Исаия, 89, 349).

***

Милостыня, поданная без смирения, не приемлется на небе, и жертва, принесенная без смирения, не угодна Святому Духу (прп. авва Исаия, 92, 116).

***

Мертвым помогают приношения, совершаемые живыми (прп. авва Исаия, 93, 422).

***

...Творящий милостыню, чтоб прославлену быть людьми, берет мзду; он уже не милостынодаятель, он не щедр (свт. Василий Великий, 6, 372).

***

Кто имеет у себя больше, нежели сколько потребно на нужды житейские, тот обязан все сие употреблять на благотворения, по заповеди Господа, Который и даровал нам все, что ни имеем (свт. Василий Великий, 7, 352).

***

Нет пользы от благотворительности, о которой трубят трубою... (свт. Василий Великий, 8, 6).

***

...Хлеб, поверженный алчущему, впоследствии приносит стократную пользу (свт. Василий Великий, 8, 79).

***

...Благодеяние нуждающемуся, сделанное из неправедных прибытков, неприятно Богу... (свт. Василий Великий, 8, 336—337).

***

Так будем творить милостыню, чтобы обратно получить ее от Бога (свт. Василий Великий, 8, 338—339).

***

...Кто дает угнетенному бедностию, тот дает Господу и от Него получит награду... (свт. Василий Великий, 10, 271).

***

...Одно надежное и неотъемлемое богатство — ижди-вать свое имущество для Бога и для нищих... (свт. Григорий Богослов, 13, 107).

***

...Честолюбие делает многих готовыми к расточительности; но где подаяние не видно, там и тратят неохотно (свт. Григорий Богослов, 13, 120).

***

...Бог измеряет подаяние не достоинством подаваемого, но силами и расположением плодоносящего (свт. Григорий Богослов, 13, 153).

***

Если надлежит взойти нам в горнее, то обнищаем влекущим долу, чтоб стать в горнем. Какой же к тому способ? Указует его псалмопение: ***расточи, даде убогим: правда его пребывает во век века*** (Пс. 111, 9). Кто вступил в общение с нищим, тот поставил себя в единую часть с Обнищавшим ради нас. Господь обнищал, чтобы и ты не убоялся нищеты. Но Обнищавший ради нас царствует над всею тварью. Поэтому если и ты обнищаешь с Обнищавшим, то будешь и царствовать вместе с Царствующим. Ибо ***блажени нищии духом: яко тех есть Царствие Небесное*** (Мф. 5, 3), которого и мы да сподобимся о Иисусе Христе Господе нашем (свт. Григорий Богослов, 13, 374).

***

Приходил нищий и ушел, ничего не получив. Боюсь, Христе, чтобы и мне, который имею нужду в Твоей помощи, по моим же законам, не отойти от Тебя ничего не получившим. Ибо кто не дал, тот и получить не надейся (свт. Григорий Богослов, 16, 205).

***

...Плод милостыни произрастает обильно. Посевай, раздавая, и исполнишь дом добрых приобретений.

Но скажешь: «И я беден». Пусть так, давай. Давай, что имеешь, ибо Бог не требует сверх сил. Ты (дашь) хлеб, другой — чашу вина, иной — одежду, и таким образом, общим сбором уничтожается несчастье одного (свт. Григорий Нисский, 24, 401).

***

Тогда особенно и можешь ты подавать милостыню, когда ты беден. Богатый, опьяненный обилием богатства, пламенеющий жесточайшею горячкой и одержимый ненасытною страстью, желает увеличить свое имущество; а бедный, не зараженный этой болезнью и свободный от этого недуга, легче сделает подаяние из того, что у него есть. Милостыня зависит не от количества имущества, но от степени душевного расположения (свт. Иоанн Златоуст, 44, 572).

***

...Бог требует не изобилия приношения, но богатства душевного расположения, которое выражается не мерою подаваемого, но усердием подающих (свт. Иоанн Златоуст, 44, 572).

...Не уделять из своего имущества есть... похищение... Когда мы не подаем милостыни, то будем наказаны наравне с похитителями (свт. Иоанн Златоуст, 44, 805).

***

Достоинство бедного составляет одна нужда; кто бы когда ни пришел к нам с нею, не станем ничего исследовать более; потому что мы подаем не нраву, а человеку, и жалеем его не за добродетель, а за несчастье, чтобы и самим нам привлечь на себя великую милость от Господа, чтобы и самим нам, недостойным, сподобиться Его человеколюбия (свт. Иоанн Златоуст, 44, 808).

***

...Милостыня — царица добродетелей, весьма скоро возводящая людей в Небесные своды, наилучшая защитница (свт. Иоанн Златоуст, 45, 326).

***

...Как пред дверьми церковными стоят сосуды, наполненные водою, чтобы ты мыл руки, так вне церкви сидят и бедные, чтобы ты омывал руки души <милостынею> (свт. Иоанн Златоуст, 45, 328).

***

Он <Бог> тайно берет взаймы, а возвращает долг явно, потому что когда Он получает заем, то получает его через тайную милостыню, а когда отдает, то отдает пред взорами всей твари (свт. Иоанн Златоуст, 45, 377).

***

Не так солнце, освещая лед, заставляет таять <его>, как милостыня, столкнувшаяся со множеством грехов, истребляет их (свт. Иоанн Златоуст, 45, 909).

***

Смотри, сколь велика милостыня. Бог сравнивает сострадательного человека с Самим Собой. ***Будите убо милосерди,*** говорит Он, ***якоже и Отец ваш Небесный милосерд есть*** (ср.: Лк. 6, 36) (свт. Иоанн Златоуст, 45, 909).

***

Бедные, получая милостыню, благословляют и молятся о подании множества благ <подающим>... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 208).

***

Если же ты раздашь, хотя бы тысячи талантов, с гордостью, надменностью и тщеславием, то погубишь все, — подобно тому как фарисей, который отдавал десятую часть из своего имущества, но превозносился и надмевался этим, вышел из храма, погубив все (свт. Иоанн Златоуст, 46, 259).

***

...Сам Бог повелел давать милостыню не для того, чтобы только насыщались бедные, но чтобы и подающие получали благодеяние, и — даже больше для последних, чем для первых (свт. Иоанн Златоуст, 46, 270).

***

Ведь то и милостыня, когда подаешь ее с радостью и думаешь, что сам больше получаешь, чем сколько даешь (свт. Иоанн Златоуст, 46, 271).

***

...Оставив... неуместную пытливость, подавайте (милостыню) всем нуждающимся, и делайте это с великой щедростью, чтобы и нам самим удостоиться в тот день (будущего Суда) великой милости и снисхождения от Бога... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 276).

***

...Девственник и постник полезен только себе самому, а милостивый есть общая пристань обуреваемых, избавляет ближних от бедности и удовлетворяет нуждам других (свт. Иоанн Златоуст, 46, 282).

***

...Милостыня без девства привела питомцев своих с великою славою в Царство, уготованное ***прежде сложения мира*** (ср.: Мф. 25, 34) (свт. Иоанн Златоуст, 46, 282).

***

...Мы, желая избавиться милостынею от болезни душевной и от тяжких ран греховных, должны оказывать ее со всем усердием (свт. Иоанн Златоуст, 46, 284).

***

...В милостыне не так, <как в житейских делах>... Ты бросаешь серебро, а собираешь дерзновение к Богу, даешь деньги, и берешь грехов разрешение, доставляешь хлеб и одежду, и за это тебе приготовляется Царство Небесное и бесчисленные блага, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9); а главное из всех благ — то, что ты делаешься подобным Богу, по силе человеческой (свт. Иоанн Златоуст, 46, 293).

***

Хотя бы мы и не сознавали за собою никакого великого греха, однако будем очищать свою совесть милостынею (свт. Иоанн Златоуст, 46, 308).

***

Для того отцы наши и поставили бедных пред дверьми молитвенных домов, чтобы один вид бедных мог даже в самом нерадивом и бесчеловечном пробудить воспоминание о милостыне (свт. Иоанн Златоуст, 46, 308).

***

Подлинно, не так вода по природе своей омывает нечистоты тела, как милостыня силою своею обтирает нечистоту души (свт. Иоанн Златоуст, 46, 308).

***

Подавать деньги могут многие, а чтобы самому служить нуждающимся и делать это с готовностью, любовию и братскою расположенностью, — для того нужна душа вы-

сокая, великая и любомудрая (свт. Иоанн Златоуст, 46, 346).

***

Ты смотри не на достоинство нуждающегося в помощи, а только на нужду. Хотя бы он был ничтожен, низок и презренен, Христос вменяет тебе это в награду так, как бы Он Сам через него получал благодеяния (свт. Иоанн Златоуст, 46, 347).

***

...Четыре побуждения к милостыне: достоинство просящего — потому что просящий есть Владыка; потребность нужды — потому что Он алчет; легкость подаяния — потому что Он просит напитать его и требует только хлеб, а не роскоши; и величие дара — потому что за эту малость Он обещает Царство (свт. Иоанн Златоуст, 46, 347).

***

...Милосердого и человеколюбивого <Бог> принимает и любит и, если это будет праведник, сплетает ему светлейшие венцы, а если грешник, прощает ему грехи в награду за его сострадание к подобному себе рабу (свт. Иоанн Златоуст, 46, 408).

***

...Подающий щедрую милостыню и здесь живет с доброй совестью и, когда переселится отсюда, находит великую милость у Судии и услышит вместе с прочими эти блаженные слова: ***пришдите, благословенни Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие*** (Мф. 25, 34) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 33).

***

...Что ни положишь в руки бедных, все то положишь в надежное хранилище — в руку Божию (свт. Иоанн Златоуст, 47, 186).

***

...Ничто другое так не может избавить нас от огня геенского, как щедрая (милостыня) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 336).

***

...Не станем смотреть на трату денег, когда их нужно бывает давать бедным, а представим себе происходящие отсюда последствия (свт. Иоанн Златоуст, 47, 397—398).

***

...Имущество наше тогда особенно бывает нашим, когда мы им пользуемся не для самих себя, но исключительно для бедных (свт. Иоанн Златоуст, 47, 732).

***

Оказывающий внимание бедному и нищему не только уничтожает рукописание своих грехов, но и заключает условие, гласящее: дающий нищему, дает взаем Богу (свт. Иоанн Златоуст, 48, 632).

***

Нет ничего хуже нечестия, нет ничего несчастнее беззакония против Бога, нет ничего нечестивее хулы на Бога. Но и такое беззаконие может загладить милостыня, если грешник не продолжает своей хулы, но исправляет свой грех покаянием (свт. Иоанн Златоуст, 48, 711).

***

Когда рука выдает милостыню бедным, то уста да молчат, так чтобы мы не упускали плода и сладкое не становилось бы горьким (свт. Иоанн Златоуст, 49, 356).

***

По справедливости Бог назвал милостыню семенем, потому что она как семя посевается в землю и приносит многочисленный плод (свт. Иоанн Златоуст, 49, 356).

***

...Подобно тому, как когда является солнце, то оно разгоняет густой воздух, так точно и милостыня удаляет мрак притеснений и печалей (свт. Иоанн Златоуст, 49, 356).

***

Если хочешь сделаться равным апостолам — ничто не препятствует. Довольно для тебя выполнить одну только добродетель милостыни, чтобы ни в чем не быть скуднее апостолов (свт. Иоанн Златоуст, 50, 487).

***

Без девства можно видеть Царствие, а без милостыни никакой нет к тому возможности. Милостыня всего нужнее, в ней все заключается (свт. Иоанн Златоуст, 50, 494).

***

Укрась... <язык> кротостию и смирением, сделай его достойным призываемого тобою Бога, наполни благосло-

вением и многою милостынею, — можно ведь и словами творить милостыню (свт. Иоанн Златоуст, 50, 532).

***

...Милостыня есть искусство, которого училище находится на небесах, а учитель не человек, но Бог (свт. Иоанн Златоуст, 50, 539).

***

...Милостыня по скончании мира еще яснее открывается, по смерти человека наиболее просиявает и обнаруживает свои действия, и не требует ни времени, ни труда, ни чего-либо другого трудного. Она действует и во время болезни твоей, и в старости, сопутствует тебе в жизнь будущую и никогда тебя не оставляет. Она делает тебя сильнее мудрецов и ораторов; люди знаменитые по своей мудрости и ораторству имеют у себя многих завистников, а за тех, которые прославили себя милосердием, бесчисленное множество людей приносят молитвы (свт. Иоанн Златоуст, 50, 541).

***

...Не только молитва, но и пост также от милостыни заимствует свою твердость (свт. Иоанн Златоуст, 50, 783).

***

Что может равняться девственности, которая, по своему превосходству, и в Новом Завете не была поставлена необходимым законом? Но и она отвергается, если не соединена с милостынею (свт. Иоанн Златоуст, 50, 783).

***

...Кто берет принадлежащее другим и передает еще другому, тот не милует, а обижает и оказывает крайнюю несправедливость (свт. Иоанн Златоуст, 51, 89).

***

Жертвы эти <милостыня> важнее и молитв, и постов, и многих других дел, только бы были (приносимы) от прибытка праведного и таких же трудов, и чисты от всякого любостяжания, хищения и насилия (свт. Иоанн Златоуст, 51, 89).

***

<Какая польза, если кто>... хотя подает милостыню с полным усердием и для благоугождения Богу, но этим самым превозносится и высокомудрствует о себе? (свт. Иоанн Златоуст, 51, 269).

***

Бог требует от нас не значительности дара, а меры сердечного благорасположения; и это — знак Его промышления (свт. Иоанн Златоуст, 51, 496).

***

...Чем же мудрые <девы> отличались от юродивых? Тем, что у них с целомудрием соединялась милостыня, девство украшалось добрыми делами: они знали, что вера без дел мертва, они понимали, что одной только добродетели для спасения недостаточно... Хорошо сообразивши все это, они наполнили сосуды свои елеем. Какие сосуды?

Утробы голодных. Посредниками духовного брака они сделали бедных, снарядились в дорогу при помощи своего милосердия... милостыня посевалась, и ожидаемая награда уготовлялась (свт. Иоанн Златоуст, 51, 662).

***

Пусть хоть тысячи людей видят вас подающими милостыню, только сами вы не обращайте внимания на них и не желайте от них временной славы; а если хотите... иметь зрителей того, что вы делаете, на то есть Ангелы и Архангелы, и Сам Создатель и Владыка всяческих (свт. Иоанн Златоуст, 51, 721).

***

Бедные — врачи наших душ, благодетели и предстатели, потому что ты не столько даешь им, сколько получаешь; даешь серебро, а получаешь Царство Небесное; облегчаешь бедность, и примиряешь себя с Владыкой (свт. Иоанн Златоуст, 51, 779).

***

Не проходи же, человек, мимо бедняка с протянутой рукою, хотя во имя того, что эту руку протягивает в его лице Сам Господь (свт. Иоанн Златоуст, 51, 898).

***

Многие получили помощь от милостынь, совершаемых за них другими. Если они и не совершенно (помилованы), то, по крайней мере, получили некоторое утешение (свт. Иоанн Златоуст, 52, 206).

***

Источники по большей части находятся в пустынях; и мы изведем души из (мирской) суеты, и потечет от нас милостыня... Кто имеет источник <в пустыне>, тот чужд страха; так и мы, если будем иметь источник — милостыню, не будем страшиться (свт. Иоанн Златоуст, 52, 215).

***

Бог за тебя предал Сына, а ты не даешь и хлеба Ему, за тебя Преданному, за тебя Убиенному (свт. Иоанн Златоуст, 52, 687).

***

...Обращай внимание не на трату денег, но на пользу от этой траты. Если сеятель радуется, хотя и сеет в неизвестности на будущее, тем более должен радоваться возделывающий небо. Если ты и мало дал, но с радостью, то дал много, равным образом, если ты и много подал, но с прискорбием, то из многого сделал мало (свт. Иоанн Златоуст, 52, 759).

***

Милостыня — пища души. И как вино и хлеб служат на пищу и веселие тела, так и милостыня с молитвой являются врачевством и радостью для души (свт. Иоанн Златоуст, 52, 960).

***

Милостыня имеет такую же силу, как и Святое крещение: подобно тому как святая купель очищает грехи людей, так и милостыня очищает прегрешения милосердных душ (свт. Иоанн Златоуст, 52, 962).

***

Милостыня состоит не в том, чтобы только давать деньги, но чтобы давать с чувством милосердия. И на зрелищах дают деньги... но это не милостыня. И блудники дают деньги блудницам, но это дело не человеколюбия, а пьяного бесчинства. Им-то подобен и тот, кто (подает милостыню) из тщеславия (свт. Иоанн Златоуст, 53, 596).

***

...Милостыня есть благо и Божий дар, и подаяние милостыни уподобляет нас по силе возможности Самому Богу. Это больше всего и делает человека человеком (свт. Иоанн Златоуст, 53, 619).

***

...При совершении чудес ты сам делаешься должником Богу, а в деле милостыни ты одолжаешь Бога (свт. Иоанн Златоуст, 53, 620).

***

Тот, кто оказывает другому милость, должен радоваться, а не печалиться. Не безрассудно ли, в самом деле, облегчая скорбь другого, самому скорбеть? Тогда ты делаешь свое подаяние уже не милостыней (свт. Иоанн Златоуст, 53, 620).

***

Как дети богачей имеют на шее золотое украшение и никогда не снимают его в знак благородства, так и нам всегда должно возлагать на себя милостыню, чтоб показать, что мы дети Милосердого, Который *солнце Свое*

сияет на злыя и благия (Мф. 5, 45) (свт. Иоанн Златоуст, 54, 222).

***

Милостыня — это великая красота и драгоценность, великий дар или, лучше, великое благо. Если мы научимся презирать деньги, то научимся и прочему. Смотри, сколько добра происходит отсюда: подающий милостыню, как должно давать, научается презирать деньги; научившийся презирать деньги исторг корень зол. Потому-то он делает добро не столько другим, сколько себе; не только потому, что милостыне предлежит воздаяние и награда, но и потому, что душа делается любомудрою, высокою и богатою. Дающий милостыню приучается не дорожить ни деньгами, ни золотом, а приучившийся к этому сделал весьма великий шаг к небу и уничтожил бесчисленные предлоги к вражде, ссоре, зависти и печали (свт. Иоанн Златоуст, 54, 222—223).

***

Через милость мы избавимся огня геенского. В противном случае за что умилосердится и помилует нас Бог? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 227).

***

...Мы не должны говорить, что Царство Небесное покупается за деньги: не за деньги, но за свободное решение, обнаруживаемое через деньги. Деньги, однакож, нужны, скажешь? Не деньги нужны, а решение. Имея это последнее, ты можешь и за две лепты купить небо, а без него и за тысячу золотых талантов не купишь того, что можешь купить за две лепты (свт. Иоанн Златоуст, 54, 348).

***

...Милостыня предназначена только для тех, которые не имеют силы трудами рук своих удовлетворять своих нужд, или для наставников, всецело посвятивших себя делу учения (свт. Иоанн Златоуст, 54, 609).

***

У кого недостаток в милости, тому следовало бы молчать и не возводить очей к небу; а он еще осмеливается многоглагольствовать! (свт. Иоанн Златоуст, 54, 763).

***

Без милости и молитва бесплодна. Без нее все нечисто, все бесполезно, без нее теряется большая часть добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 54, 763).

***

Милостыня есть мать любви — любви, отличающей христианство, превосходящей все знамения, служащей признаком учеников Христовых... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 880).

***

Милостыня очищает грехи блудников и накопляет благую мзду. Милостыня убеляет души и уготовляет (вечные) наслаждения. О, милостыня, жизнь душ, водительница души, прекраснейшее оружие! Бросьте золото — и получите Христа. Дайте серебро — и примите Духа Святаго. Разбросайте медь — и вместе с нею выбросится яд греха (свт. Иоанн Златоуст, 54, 941—942).

***

...Истинная милостыня тогда и бывает, когда оказывается грешникам или виновным <недостойным>... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 100—101).

***

О, жестокость! О, бесчувственность! Для чего, говоришь ты, они <нищие> обнажают изувеченные члены? Для тебя. Если бы мы были сострадательны, то им не нужно было бы прибегать к таким средствам <...>

Ты называешь нищего бесстыдным. Сам, похищая чужое, ты не считаешь себя бесстыдным; а просящий хлеба бесстыден? Ужели ты не знаешь, как сильна потребность желудка? Не делаешь ли ты все для него? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 108—109).

***

...Когда кто-нибудь просит пищи, то не исследуй; здесь ты не столько даешь, сколько сам принимаешь (свт. Иоанн Златоуст, 55, 110).

***

...Если мы будем подавать всем без разбора, то постоянно будем оказывать милосердие; а если станем исследовать, то никогда не окажем милосердия... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 110).

***

...Мы по дружбе с людьми часто подвергаемся опасностям, а для (дружбы) с Богом не хотим даже истратить денег (свт. Иоанн Златоуст, 55, 193).

***

Если же ты не хочешь подать столько, сколько эта <евангельская> вдова, то отдай по крайней мере все лишнее; пусть будет у тебя всего достаточно, но без излишества (свт. Иоанн Златоуст, 55, 233).

***

...Готовность помогать нуждающимся у всех любящих Христа ни откуда больше происходит, как только от добросердечия (свт. Иоанн Златоуст, 55, 387).

***

...Когда ты увидишь человека, который творит милостыню и совершает тысячу других добрых дел, и таким образом сокрушает силу диавола и подвергается затем искушениям и опасностям, не смущайся этим: потому он и подвергается искушениям, что слишком сильный удар наносит диаволу (свт. Иоанн Златоуст, 55, 640).

***

Итак, не будем говорить: такой-то порочен и недостоин благодеяния, такой-то презренный, такой-то отверженный. Смотри не на достоинство нуждающегося в помощи, а на одну только нужду. Хотя бы то был человек ничтожный, отверженный, презренный, Христос однако вменяет тебе награду так, как будто Сам получил благодеяние через него (свт. Иоанн Златоуст, 55, 670).

***

...Будем помышлять, какие бы мы могли доставить утешения усопшим, — вместо слез, вместо рыданий, вместо

поминок — милостыни, молитвы, приношения, — чтобы и они, и мы достигли обещанных благ... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 877).

***

Послужи милостыне. Когда внутри тебя обретается она, тогда изображается в тебе оная святая красота, которою уподобляешься Богу (прп. Исаак Сирин, 58, 14).

***

Некто из святых сказал... «слеп милостивый, если не бывает справедлив, разумею же, что должен давать другому из добытого собственными усилиями и трудами, а не из добытого ложью, неправдою, ухищрениями» (прп. Исаак Сирин, 58, 278).

***

...Если милостивый не бывает выше своей правды, то он немилостив, т. е. милостивый не только дает людям милостыню из своего собственного, но и с радостью терпит от других неправду, и милует их (прп. Исаак Сирин, 58, 278).

***

Когда же подаешь, подавай с великодушием, с ласковостью на лице, и снабди в большей мере, нежели сколько просил (прп. Исаак Сирин, 58, 286).

***

Ничто не может так приблизить сердце к Богу, как милостыня... (прп. Исаак Сирин, 58, 286).

***

В смирении посевай милостыню, и пожнешь милость на Суде (прп. Исаак Сирин, 58, 291).

***

Щедрые подаяния и вместе заушения — то же, что в меду омоченный меч (прп. Исаак Сирин, 58, 411).

***

Иной подает милостыню для того, чтобы благословилось поле его, и Бог благословляет его поле, и он достигает своей цели. Другой подает милостыню для того, чтобы спасся его корабль, и Бог спасает корабль его. Иной подает ее за детей своих, и Бог спасает и хранит детей его. Другой подает ее для того, чтобы прославиться, и Бог прославляет его. Ибо Бог не отвергает никого, но каждому подает то, чего он желает, если только это не вредит душе его. Но все сии уже получили награду свою, и Бог ничего не должен им, потому что они ничего душеполезного не искали у Него, и цель, которая была у них в виду, не имела отношения к их душевной пользе. Ты сделал это для того, чтобы благословилось поле твое, и Бог благословил твое поле; ты сделал сие за детей своих, и Бог сохранил детей твоих. Ты сделал это, чтобы прославиться, и Бог прославил тебя. Итак, что же должен тебе Бог? Он отдал тебе плату, за которую ты делал.

Иной подает милостыню для того, чтобы избавиться от будущего мучения: этот подает ее для (пользы) души своей; этот подает ради Бога, однако же и он не таков, как хочет Бог, ибо он еще находится в состоянии раба, а раб не добровольно исполняет волю господина своего, но боясь быть наказанным: также и сей подает милостыню для

того, чтобы избавиться от мучения, и Бог избавляет его от оного. Другой подает милостыню для того, чтобы получить награду: сей выше первого, но и этот не таков, как хочет Бог: ибо он еще не находится в состоянии сына, но, как наемник, исполняет волю господина своего, чтобы получить от него плату и прибыль: также и сей подает (милостыню) для того, чтобы приобрести и получить награду от Бога... Мы <же> должны подавать милостыню ради самого добра, сострадая друг другу, как своим членам, и так угождать другим, как бы мы сами принимали от них услуги; подавать так, как будто бы мы сами получаем; и вот сие-то есть разумная милостыня; так приходим мы в степень сына... (прп. авва Дорофей, 29, 166—168).

***

Никто не может сказать: «Я нищ, и мне не из чего подавать милостыню»; ибо если ты не можешь дать столько, сколько оные богачи, влагавшие дары свои в сокровищницу, то дай две лепты, подобно оной убогой вдовице, и Бог примет это от тебя лучше, чем дары оных богатых (см.: Мк. 12, 42). Если и того не имеешь, имеешь силу и можешь служением оказать милость немощному брату. Не можешь и того? Можешь словом утешить брата своего; и так окажи ему милосердие словом и услышь сказанное: *слово благо паче даяния* (ср.: Сир. 18, 17). Если же и словом не можешь помочь ему, то можешь, когда огорчится на тебя брат твой, оказать ему милость и потерпеть во время его смущения, видя его искушаемым от общего врага, и вместо того, чтобы сказать ему одно слово и тем более смутить его, (ты можешь) промолчать: сим окажешь ему милость, избавляя душу его от врага. Можешь также, когда согрешит пред тобою брат твой, помиловать его и

простить ему грех его, чтобы и ты получил прощение от Бога; ибо сказано: *отпущайте, и отпустятся вам* (ср.: Лк. 6, 37); и так ты окажешь милость душе брата своего, прощая его, в чем он согрешил против тебя, ибо Бог дал нам власть, если хотим, прощать друг другу согрешения, между нами случающиеся. Таким образом, не имея, чем оказать милосердие телу, ты помилуешь душу его. А какая милость более той, чтобы помиловать душу? Как душа драгоценнее тела, так и милость, оказанная душе, больше оказанной телу (прп. авва Дорофей, 29, 168—169).

***

Не подумай же, брат мой, что Бог беден и имеет нужду в нашем достоянии, чтоб питать бедных, и потому повелевает нам быть к ним милостивыми и, сколько сил есть, исполнять сию заповедь. Не так, брат мой, не так. Но человеколюбивый Господь то, что внесено в жизнь нашу диаволом через любоимание на погибель нашу, это самое хочет посредством милостыни обратить во спасение нам. Диавол усоветовал нам усвоять себе, считать своею собственностью и для себя сокровиществовать то, что Бог создал для общего всех людей употребления, чтоб через такое любоимание привить к нам два греха и сделать нас повинными вечному мучению: первый — грех бессердечия и немилосердия, а второй — грех упования на имущество свое, а не на Христа <...>

И вот еще почему с радостью должны мы опорожнять свои сокровищницы, с таким тщанием набиваемые и с такою опасливостью хранимые, в надежде получить истинное обетование Христово, в коем обетовал Он за все воздать сторицею. Бог знает, что мы совсем завладены по-

хотью любоимания и одержимы маниею к богатству, так что нам расстаться с ним и отцепиться от него крайне трудно: отчего если случится кому потерять его по каким-либо причинам, то он не рад бывает и самой жизни. Зная сие, Он и употребил сообразное с нашей немощью врачевство, обещая воздать нам за то, что раздадим бедным, сторицею, чтоб только расположить нас к такому раздаянию и через то прежде всего избавить от осуждения за страсть любоимания, а потом отучить возлагать надежду свою на богатство и освободить души наши от тяжких его уз; по освобождении же от них дать нам простор беспрепятственно исполнять заповеди Христа Господа и работать Ему со страхом и трепетом, не с тем, чтобы Богу сделать какое-либо одолжение, но с тем, чтобы самим от Него получить сию самую милость и благодать — быть рабами Ему и служить Ему истинно (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 192—193).

***

Что раздать имение свое бедным есть дело доброе и спасительное, это не требует доказательства; но одно это доброе дело не может сделать человека совершенным по Богу, без претерпения искушений (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 195).

***

...Для Бога приятнее видеть, когда ты один динарий дашь бедному с тою лишь целью, чтобы благоугодить Божественному Его величествию, нежели когда ты обнажился бы от всего своего имущества с другою какою целью, даже с тою, чтобы получить небесные блага, хотя

такая цель и добра, и желательна (прп. Никодим Святогорец, 70, 41).

***

Он <Господь> заповедует превратить земное имение милостынею в небесное имение, чтоб самое сокровище человека, находясь на небе, влекло его к небу (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 172).

***

Перенося милостынею тленное имущество свое на небо, христианин неприметным образом перенесет на небо сердце свое, как Сам Господь засвидетельствовал: ***Идеже бо сокровище ваше, ту и сердце ваше будет*** (Лк. 12, 34) (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 266).

***

Живущим в обществе нечем спасаться, кроме милостыни. Чем больше делают ее, тем ближе подходят к равноангельской жизни великих отшельников (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 40).

****

В одном монастыре жил затворник. Он решил принять себе за правило никогда ничего не брать от кого бы то ни было. Однажды явился в монастырь старейшина города с милостынею и, раздав каждому монаху по сребренику, стал умолять затворника, чтобы и он принял от него златницу. Старец, не желая оскорбить почтенного гостя, принял подаяние.

Старейшина ушел, а затворник, пропев каноны и прочитав положенные молитвы, лег по обычаю на рогоже, чтобы немного уснуть. Что же? Вдруг он увидел себя

стоящим на поле, которое все было покрыто дурной травой. Тут явились монахи его монастыря, а вместе с ними и грозный юноша, который приказал им жать терние. Потом приступил и к нему самому со словами: «Опоясшься и жни худую траву». Затворник стал отговариваться. Тогда юноша сказал: «Не имеешь права уклоняться, ибо нанялся с твоими монахами, взявши деньги у бывшего у вас вчера старейшины. Итак, приступи и жни». В этот момент затворник проснулся и тотчас понял смысл видения. Он пригласил к себе старейшину, давшего ему милостыню, и стал умолять, чтобы тот забрал свое подаяние. Когда же он отказался, старец сказал: «Не хочу чужие грехи принимать, ибо и своих у меня множество!» — выбросил подаяние и затворил окно своей кельи.

Сурово поступил затворник, не приняв милостыни от старейшины. И это потому, что боялся ответственности за его грехи (112, 527—528).

***

Говорил некий старец: «Часто случается, что иной делает много добра, но диавол влагает в сердце его мелочную расчетливость в ничтожных вещах, чтобы похитить у него ту награду от Бога, которую он мог бы заслужить. Однажды, когда я был в Оксиринхе и сидел в гостях у одного пресвитера, подававшего много милостыни, пришла к нему вдова и просила немного пшеницы. Он сказал ей: «Поди, принеси четвертик, — я отмерю тебе». Она принесла. Он, смерив рукою четвертик, сказал: «Слишком велик!» Эти слова заставили вдову покраснеть. Когда она вышла, я спросил его: «Авва, ты дал пшеницу взаймы вдове или нет?» Он отвечал: «Нет! Подарил». Я сказал на это: «Итак, если ты все отдал даром, то для чего позволил себе быть расчетливым в мелочи и привел вдову в смущение?» (106, 508—509).

***

Блаженный Авраамий Афонский был очень милосерд и сострадателен к нищим своим братиям, так что все получаемое от сродников и друзей передавал бедным, а если не имел что дать, то снимал с себя одежду и одевал нищих, считая наготу своего тела — царским одеянием, а холод — приятною теплотою (95, 8).

***

Некий человек, живший в Царьграде, был чрезвычайно милостив к нищим. Когда он ходил по городским улицам, за ним всегда следовало много нищих, и он каждому влагал в руку милостыню. Ближайший из его друзей както спросил, что заставляет его быть столь милостивым? Он отвечал, что, будучи десятилетним отроком, однажды зашел в церковь и услышал от старца, поучавшего народ, что кто дает нищему милостыню, дает ее Самому Господу Иисусу Христу. Друг засомневался в словах старца, но тут увидел нищего, над которым был Господь Иисус Христос, и ужаснулся он. Когда один из проходивших подал сему нищему хлеб, этот хлеб принял Сам Иисус Христос и, взамен хлеба, благословил подавшего. Видя такое чудо, он уверовал, что, подлинно, дающий нищему дает Самому Христу, и с тех пор, сколько мог, раздавал милостыню (112, 66).

***

Преподобный Пафнутий Боровский часто говаривал о том, что одна милостыня только может спасти нас, и рассказывал об одном человеке, который всю свою жизнь творил милостыню, и по смерти было о нем такое откровение. Стоял он у реки огненной, через которую не мог

перейти в места райские, и вот внезапно собралось множество нищих и стали они ложиться перед ним, один за другим, так что выстроился как бы мост, по которому он перешел реку пламенную. «Можно было бы ему, — говорил преподобный, — по воле Божией быть перенесенным туда на руках ангельских, но Господь устроил для него сей чудный мост ради его нищелюбия» (115, 244).

***

Что касается пользы милостыни для усопших, то сие видим из следующего. Кир-Лука рассказывал, что пришел к нему в монастырь его брат. Приняв ангельский чин, он прожил небрежно и, не исправленный ни советами, ни слезами брата, умер. Сердобольный, попечительный старец не переставал молиться о нем, прося Бога открыть ему участь брата. И на молитве авва увидел душу брата своего в бесовских руках. Старец сразу же послал осмотреть келью умершего. Посланные нашли там золото и дорогие вещи. Старец попросил отнести их в ближайший город и раздать нищим. Сделав это, старец увидел на молитве судилище Божие и Ангелов, спорящих с бесами за душу брата. Бесы вопили: «Ты праведен, душа эта много грешила, и поэтому она наша». Ангелы говорили, что она избавлена милостынею, розданною за нее старцем. Тогда бесы исчезли, а душа была освобождена от их мучений (112, 924—925).

МИРНОСТЬ СЕРДЦА

Нет ничего лучше мира, ибо им уничтожается всякая брань небесных и земных духов (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 275).

***

Душа имеет мир с Богом, когда имеет мир в себе самой и бывает вся — такою, как угодно Богу, а таковою бывает она, когда имеет мир со всеми людьми, хотя бы и тяжкое переносила от них; но, по незлобию, вовсе не смущается, а все терпит, всем желает добра, всех любит ради Бога и ради естества. О неверных, как погибающих, плачет, как делал Господь и Апостолы, о верных же молится и соболезнует им (см.: Лк. 23, 34; Деян. 7, 60), и так получает мир помыслов и мысленно пребывает при Боге видением и чистою молитвою (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 97).

***

Имей мир со всеми, чтобы молитва твоя была благоугодна Богу (прп. авва Исаия, 59, 95).

***

...Где нет мира с ближним, там нет Бога (прп. авва Исаия, 59, 180).

***

Владеть своими чувствами — есть мир (прп. авва Исаия, 89, 388).

***

...Мир, как благоустройство владычественного в человеке, кажется мне, есть совершеннейшее из благословений, почему одним из признаков мирного мужа полагается умирение нрава; боримый же страстями не причастен мира Божия, какой даровал Господь ученикам Своим... (свт. Василий Великий, 5, 213—214).

***

Кто любит мир, вкусит соты его; и кто умножает его, исполнится меда (авва Евагрий, 89, 613).

***

Пусть мы вполне пользуемся внешним миром и услужливостью (ближних), но если внутри нас, от возмущения помыслов, возникает шум и буря, то нет никакой пользы от внешнего спокойствия... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 363).

***

Постараемся всегда быть чуждыми возмущения душевного и сохранять ум в мире, особенно же во время молитвы, когда имеем нужду в особенном человеколюбии от Бога (свт. Иоанн Златоуст, 47, 544).

***

Когда душа свободна от всякой вражды и ум наслаждается спокойствием, тогда она с великой бодростью призывает Владыку и привлекает себе свыше великую помощь... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 564).

***

Кто живет в <мирном>... расположении духа, тот всегда находится в пристани, свободный от земных волнений, не боится ни бури, ни кораблекрушения, но... проводит настоящую жизнь вне всякого волнения, и, мало того, он еще приготовляет себе наслаждение бесконечными и неизреченными благами... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 575).

***

Благодать вам и мир от Бога Отца нашего (ср.: Гал. 1, 3). Кто имеет этот мир, тот не боится не только врага и варвара, но и самого диавола, а посмевается над всеми полчищами злых духов, бывает благодушнее всех людей, не обременяется бедностью, не изнуряется недугами и болезнями, и не смущается никакими другими человеческими, неожиданно случающимися, бедствиями, потому что он имеет душу, способную перенести все это мужественно и весьма легко, душу крепкую и здравую (свт. Иоанн Златоуст, 48, 33).

***

Мир бывает следствием доброго порядка, а от мира рождается в душе свет; от света же и мира воссиявает в уме чистый воздух (прп. Исаак Сирин, 58, 401).

***

...Если сподобишься мира, то во всякое время радуйся (прп. Исаак Сирин, 58, 416).

***

Если ты не миротворец, то не будь хотя любителем мятежа (прп. Исаак Сирин, 58, 416).

***

Не смиренномудр, кто не мирен; и немирный не смиренномудр; и не мирен, если кто не радуется (прп. Исаак Сирин, 58, 416).

***

На всех путях, какими ходят люди в мире, не находят они мира, пока не приблизятся к надежде на Бога (прп. Исаак Сирин, 58, 416—417).

***

Как долг неотложный имеет всякий христианин, когда потеряет сердечный мир, делать все от него зависящее, что может способствовать к восстановлению его, так не меньше того обязательно лежит на нем не допускать, чтоб какие-либо случайности текущей жизни возмущали сей мир, разумею: болезни, раны, смерть сродников, войны, пожары, внезапные радости, страхи и скорби, воспоминания о прежних проступках и ошибках, словом — все, чем обычно волнуется и тревожится сердце. Потому обязательно не допускать тревог и волнений в таких случаях, что, поддавшись им, человек теряет самообладание и лишается возможности ясно понимать события и верно видеть подобающий образ действования, а то и другое дает врагу доступ взволновать его еще более и направить на какой-либо шаг, трудно поправимый или совсем непоправимый.

Я не то хочу сказать: не допускай скорби, потому что это не в нашей власти, а то: не допускай скорби возобладать твоим сердцем и взволновать его, держи ее вне, за пределами сердца и спеши так ее умягчить и укротить, чтоб она не мешала тебе и здраво рассуждать, и право действовать. Это, при помощи Божией, в нашей власти, если у нас в силе нравственно-религиозные чувства и расположения.

Из прискорбностей каждая имеет свои особенности и против каждой есть свои приемы; но я говорю вообще об

них, разумея общее их свойство — растревоживать и возмущать душу, и общее против этого имея в мысли предложить тебе средство. Средство это есть вера в благое Провидение, устрояющее течение нашей жизни со всеми ее случайностями, в личное каждому из нас благо, и благодушная покорность воле Божией, выражающейся в нашем положении, по коей в глубине души взывалось бы: буди воля Божия! Якоже Господеви изволися, тако и бысть, и бысть во благо нам (прп. Никодим Святогорец, 70, 119—120).

***

Мир сердца возмущают страсти; не допускай страстей до сердца, и оно всегда будет мирно. Борец в невидимой брани стоит во всеоружии у врат сердца и отражает покушающихся войти в него и возмутить его. И пока мирно сердце, победа над нападающими не затруднительна. Мир сердца — и цель брани духовной, и самое мощное средство для одержания победы в ней. Почему, когда страстное смятение прокрадется в сердце, не бросайся на страсть, чтоб побороть ее, а сойди поскорее в сердце и напрягись умирить его. Как только умирится сердце, и борьбе конец (прп. Никодим Святогорец, 70, 256).

***

...Непрестанным подвигом всей жизни твоей должно быть хранение мира сердца твоего, не допуская его приходить в какое-либо беспорядочное смятение, и все дела свои делая под сенью сего мира, тихонравно... (прп. Никодим Святогорец, 70, 257).

***

Для сохранения внутреннего мира <необходимо>:

1) Прежде всего держи в порядке свои внешние чувства и бегай вольности во внешнем своем поведении — именно, не смотри, не говори, не махай руками, не шагай и ничего другого не делай как-нибудь смятенно, но всегда благочинно и тихо. Привыкши держать себя с благочинною тихостью во внешних своих движениях и делах, легко и без труда достигнешь того, чтоб мирствовать в себе самом, в своем сердце, ибо, по свидетельству отцев, внутренний человек настроение свое приемлет от внешнего.

2) Расположись любить всех людей и со всеми жить в согласии, как заповедует святой Павел: *аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте* (Рим. 12, 18).

3) Храни совесть свою незапятнанною, чтобы она ни в чем не обличала тебя и ни за что не грызла, но была мирна и в отношении к Богу, и в отношении к тебе самому, и в отношении к ближним, и в отношении ко всем внешним вещам. Такое хранение совести и рождает, и углубляет, и множит мир внутренний, как уверяет святой Давид: *мир много любящым закон Твой, и несть им соблазна* (Пс. 118, 165).

4) Навыкай без смущения сносить всякие неприятности и оскорбления. То правда, что, прежде чем приобретешь такой навык, много придется тебе помучиться и пострадать сердцем, по неопытности в управлении себя в таких случаях; зато, когда приобретешь его, душа твоя начнет почерпать великое утешение из самых встречающихся неприятностей. При решимости, день ото дня все лучше и лучше будешь ты управляться с собой, и скоро

дойдешь до того, что будешь уметь в мире хранить дух свой, при всех бурностях совне и внутри.

Если случится иной раз, что ты не сможешь управиться с сердцем своим и, отгнав тугу и скорбь, водворить мир в нем, прибегни к молитве и поприлежи ей, подражая Господу Спасителю, Который в саду Гефсиманском три раза помолился, чтоб дать тебе пример, что во всякой скорби и туге сердечной прибежищем должно иметь тебе молитву, и что, как бы ты ни был опечален и омалодушен, не следует тебе отступать от нее, пока не дойдешь до того, что воля твоя совершенно согласится с волею Божиею, и сердце твое, умиротворившись тем, исполнится мужественного дерзновения с радостью встретить, принять и перенести то, чего пред сим страшилось и желало избегать, как и Господь ужасался, тужил и прискорбен был, по молитве же, умиротворившись, спокойно сказал: ***востаните, идем: се, приближися предаяй Мя*** (Мф. 26, 46) (прп. Никодим Святогорец, 70, 257—259).

***

Имей постоянную заботу о том, чтоб не допускать сердца своего до смущения и тревог, но всячески напрягайся держать его в мирном и покойном настроении. И Бог, видя, как ты о сем трудишься и подвизаешься, благодатию Своею устроит в душе твоей град мира, и сердце твое сделается тогда домом утешения, как это иносказательно разумеется в следующем изречении псаломском: ***Иерусалим зиждемый яко град*** (Пс. 121, 3). Того только желает от тебя Бог, чтоб ты всякий раз, как случится тебе встревожиться чем, тотчас восстановлял в себе мир, и мирствовал таким образом во всех делах своих и занятиях. Ведай, что имеешь для сего потребу в терпении. Ибо как не в

один день устрояется город, так не думай в один день стяжать и внутренний мир. Ибо и это не что иное есть, как устроение дома для Бога мира и скинии для Всевышнего, да будешь храмом для Него. Ведай также, что Сам Бог есть и Устроитель в тебе сего дома, и без Него тщетен будет всякий о сем труд твой, как написано: *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии* (Пс. 126, 1). Ведай и еще, что главное основание сего сердечного мира есть смирение, и то, чтоб избегать дел, занятий и начинаний тревожных и хлопотливых. Что касается до первого, то кому не известно, что смирение, мир сердечный и кротость так тесно соединены между собой, что где есть одно, там есть и другое; кто тих сердцем и кроток, тих и смирен, и наоборот, кто смирен сердцем, тот кроток и мирен. Почему и Господь поставил их в неразрывном союзе, когда сказал: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Относительно же второго видим прообраз в древней истории, именно в том, что Бог хотел, чтобы дом для Него построил не Давид, которому всю почти жизнь пришлось вести брани и быть в тревогах, а сын его Соломон, который, по имени своему, был царем мирным и ни с кем не вел браней (прп. Никодим Святогорец, 70, 259—260).

***

...Если любишь мир сердца, потщись внити в него дверью смирения; другого входа в него, кроме смирения, нет (прп. Никодим Святогорец, 70, 260).

***

С благоговейной покорностью воздай славословие суду Божию и оправдай орудия, избранные Богом для твоего

наказания. Мир Христов низойдет в твое сердце (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 176).

***

Святой мир входит в сердца... за словами смирения! Он приносит чашу духовного утешения и к одру болящего, и в темницу к заключенному в ней, и к гонимому человеками, и к гонимому бесами (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 540).

***

В мире Христовом сокровенно жительствует такая сила духовная, что он попирает ею всякую земную скорбь и напасть (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 221).

***

Сердце тогда только может наслаждаться блаженным миром, когда оно пребывает в Евангельских заповедях, когда пребывает в них с самоотвержением (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 504).

***

Тогда только можно найти священный покой, когда мысль и сердце погрузятся в смирение Христово и Его кротость, научившись им из Евангелия (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 505).

***

Мир Христов есть некоторый тонкий духовный хлад. Когда он разольется в душе, — она пребывает в высоком

молчании, в священной мертвости (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 520).

МИРОЛЮБИЕ

Может ли кто радоваться в тебе, мир? Если терпим в тебе притеснения — это мучительно. Если наслаждаемся в тебе спокойствием — это вредно. Горек тот единственный узел <временной жизни>, который связывает нас с тобою (прп. Ефрем Сирин, 33, 216).

***

Любим мы мир, как нечто постоянное, а он обманывает нас, заставляя гоняться за ним. Хотя здешние узы наши скоро расторгнутся, однако же ум наш озабочен этой грязью. Благословен Благий, силою отрешающий нас от жизни.

Мир сей спешит к своему концу и нас понуждает спешить, чтобы дать место другому непреходящему миру. В течении своем ежедневно нас обманывает он своей привлекательностью, представляет нам множество забав и до того обольщает, что почитаем его непреходящим.

Как злополучен конец мира для любителей его! Вдруг взыщут его и не найдут, взыщут прежних удовольствий и их уже нет, взыщут прежде бывших утех, и они миновались, а любовь к миру изменилась в душевное раскаяние.

Мир ежедневно готовит и предлагает каждому ядовитое напутие, годное только для идущих в геенну. Блажен, кто не заимствуется им, а, напротив того, вместо этого худого напутия берет себе доброе в такой путь, с которого нет уже возврата (прп. Ефрем Сирин, 33, 238—239).

***

Мир есть торжище, на котором много доброго и худого, всякий выбирает себе, что нравится ему. Кто ищет истины, тот не находит в ней недостатка. А кто предается неправде, тот находит и ее. Ту и другую человек заключает в себе (прп. Ефрем Сирин, 33, 239).

***

Любящие тебя, <мир>, не наслаждаются радостями, а ненавидящие тебя не плачут. Блажен, кто расторг твои сети, он наследует чертог радостей (прп. Ефрем Сирин, 33, 248).

***

Никаких выгод не приносишь ты любителям своим, мир — жилище скорбей. Всех приближенных своих обольщаешь сокровищами и всякими удовольствиями, но в день смерти и благообразие прекрасных и крепость сильных низвергаешь во гроб. Горе тому, кто любит тебя и тобою любим! Его радости превращаются в вопли (прп. Ефрем Сирин, 33, 248).

***

Мир сей видом своим обманывает и мудрых, потому что на несколько времени кажется вожделенным, даже ссужает благами и сокровищами, но в день смерти берет их назад, воздает же мучением несравненно большим наших грехов (прп. Ефрем Сирин, 33, 248—249).

***

Одно горе от тебя — жилище скорбей, потому что любителям своим в награду даешь огонь, близким своим —

мучение и тьму, и знакомым своим — воздыхания и болезни. Лживы слова твои, зловредно сообщество твое, услаждаешь как бы во сне, горько все, что ни даешь ты. Блажен, кто ненавидит тебя и тобою ненавидим! Ему сохраняется победный венец (прп. Ефрем Сирин, 33, 249).

***

Как прекрасен мир! Но полон он смерти, подобен цветку, развернувшемуся в весенний месяц: цветет, пока роса и дождь поддерживают в нем жизнь, настал зной, и цвет увядает. Так смерть заставляет блекнуть ланиты и прекрасно сложенные члены разрушает во гробе (прп. Ефрем Сирин, 33, 250).

***

Мир объюродел в чадах своих. Они грешат, мятутся, обуреваются собственными своими волнениями. Как многие из них кружатся, не зная себе покоя, собирают терния для огня! Нечестие надменно отверзает свои уста, истина безмолвна и молчит. Беззаконие витийствует, а правда скрывается. Только смерть заставляет умолкнуть всех вступивших в мир. Блажен, кто совершил в нем путь и не погряз!

Мир многобурнее мятущихся волн, сильнее возмущается грехами, нежели море ветром. Бывает время, что воды морские спокойны, именно же, когда ветры сокроются в свои логовища. Но в мире непрестанно мятутся волны вожделений, и ветер обмана дует в двери судей его. Впрочем, близок день, в который он стихнет. Блажен, кто совершил в нем путь и не впал в его сети! (прп. Ефрем Сирин, 33, 251).

***

Волнуется и мятется беззаконие, совершаемое в мире — этом жилище скорбей. Сильнее волн свирепеют в мире распаленные похоти, тенета и сети окутывают тех, которые служат ему; грехи и беззакония — вот их лукавые бремена. Но для добродетельных приближается время, когда корабль их упокоится в пристани.

Приятны времена и лета твои, мир, но они, как дым. Ты подобен летучему сновидению, и дни твои то же, что тень. Вечер твой проходит скоро, и утро твое непродолжительно, часы твои... бегут к концу. Спеши, грешник, получить прощение, пока светит для тебя дневной свет (прп. Ефрем Сирин, 33, 252).

***

Как привлекателен ты, мир! Но красотами твоими невозможно обладать вправду; ибо ты — сонная мечта, ничто. Потому отрекаюсь от тебя, лукавый мир.

С удивлением смотрел я на красоты твои и на то, что удовольствия и забавы твои так скоро проходят и исчезают; и отрекаюсь от тебя, лукавый мир...

Боюсь тебя, мир, ибо, если буду любить тебя, подвергнусь осуждению, да и оставить тебя будет мне страшно. Отрекаюсь от тебя, лукавый мир.

Вот, кто вступает в тебя, чтобы приобрести в тебе что-нибудь, тот выносит из тебя бремя грехов, потому что богатство твое и дни твои — пар. Отрекаюсь от тебя, лукавый мир.

Горе тому, кто любит тебя и дает уловить себя твоими путами и сетями, ибо губит он душу свою, а тебя не приобретает.

Были в тебе исполины, сильные, славные, высокие, могучие. Где же они? Где? Поди, покажи мне их. Отрекаюсь от тебя, лукавый мир.

Ты губишь красоту дев, у матерей отнимаешь чад, похищаешь жилища у владеющих ими. Отрекаюсь от тебя, лукавый мир...

Пышные одежды горделивых царей и драгоценные венцы властелинов гибнут в тебе, как ничто. Отрекаюсь от тебя, лукавый мир (прп. Ефрем Сирин, 33, 295—296).

***

Юношей и мужей, детей и старцев приманиваешь ты, <мир>, своими удовольствиями и оковываешь их, как цепями (прп. Ефрем Сирин, 33, 296).

***

Велик и любезен Богу, кто презирает преходящий сей мир и помышляет непрестанно о мире непреходящем. Отрекаюсь от тебя, скорогибнущий мир (прп. Ефрем Сирин, 33, 297).

***

Любовь к миру унизила нас и сделала бедными, привязанность к излишествам довела нас до такого уничижения. Как низко наше бесстыдство! Любовь мира — дым, честь его — суета сует, красота его — сети для любящих мир (прп. Ефрем Сирин, 33, 337).

***

Обольстил ты меня, мир, одеждами, приманил своими благами, как птицу поймал подложенною приманкою, сде-

лал, что ловил я руками летучие тени. Подобно обманутому сонною мечтою занесся я вверх, и ты погубил меня.

Разбойник похитит только временное богатство и скроется, а ты, хитрый тать, обнажил меня совершенно, отнял у меня внешнюю, похитил у меня и внутреннюю красоту; и я, обнаженный, стал злосчастным, опозоренным беглецом (прп. Ефрем Сирин, 33, 456—457).

***

Видел я в тебе, мир, подобия чего-то, погнался за ними, даже возгордился, как овладевший чем-то непреходящим, но как скоро в сильном желании своем захотел увеселиться красотою юности, — внезапно вторглась смерть, и радости опали, как цвет (прп. Ефрем Сирин, 33, 457).

***

Когда родила меня матерь, и первоначально вступил я в мир: плач вложил мне в уста этот мир — жилище скорбей. И теперь, когда должен я отойти из него, слезами и воздыханиями напутствует он меня. Умоляю <плачем> Судию помиловать меня, бедного грешника (прп. Ефрем Сирин, 33, 457).

***

...Из-за <грехов>... повелел нам Бог ***не любить мира, ни яже в мире*** (ср.: 1 Ин. 2, 15). Не с тем повелел Он это, чтоб мы без разбора ненавидели творения Божии, но для того, чтоб через это мы отсекали поводы ко грехам. Сего-то ради и возненавидим наконец мир и все то, что ненавидит Бог; потому что все это пагубно для души (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 40).

***

Какую пользу принес мне мир, и что приобретают ныне те, которые находятся в мире? Поистине ничего, но вселившись во гробех, они не воскреснут и все восплачут о том, что, оставив истинную жизнь, Свет мира — оставив Христа, говорю, они возлюбили тьму и в ней предпочли ходить все те, которые не восприняли Света, воссиявшего в мире, Которого мир не вмещает и не может видеть (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 96).

***

...Возненавидеть мир и все мирское и плотское никто не может, если не сделается причастником Божественной благодати и не получит силу на то от Господа Иисуса Христа (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 124).

***

Миролюбие <т. е. любовь к миру сему> вкрадывается в душу как тать, пользующийся мраком ночи — нерадением и невниманием себе (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 306).

***

Друг мира соделывается непременно, может быть незаметно для себя, злейшим врагом Бога и своего спасения (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 306).

***

К такому же нравственному бедствию, к какому приводит человека сребролюбие, приводят славолюбие и слас-

толюбие, — из этих трех главных страстей составляется миролюбие (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 312).

МИРОТВОРЧЕСТВО

Христианин, по мере сил, всеми способами должен смягчать того, кто огорчен против него (свт. Василий Великий, 7, 311).

***

Ничто не свойственно так христианину, как быть миротворцем, за сие и Господь обещал нам величайшую Свою награду (свт. Василий Великий, 10, 218).

***

Будь миротворцем, чтобы сподобиться наименования сыном Божиим (прп. Ефрем Сирин, 30, 197).

***

...Все те, которые любят благо мира и, напротив того, ненавидят раздор и отвращаются его, близки к Богу и Божественным духам <Ангелам>... (свт. Григорий Богослов, 12, 230).

***

Небо, земля, море, словом — весь сей мир <міръ>, сия великая и преславная книга Божия, в которой открывается самим безмолвием проповедуемый Бог, сей мир <міръ> доколе стоит твердо и в мире с самим собою, не выступая из пределов своей природы, доколе в нем ни одно существо не восстает против другого и не разрывает тех уз

любви, которыми все связал Художник — Творческое Слово, дотоле соответствует своему названию <назначению> и подлинно есть мир (κόσμος) и красота несравненная, дотоле ничего нельзя представить себе славнее и величественнее его <міра>. Но с прекращением мира и мир <міръ> перестанет быть миром <міромъ> (свт. Григорий Богослов, 12, 231—232).

***

Да не подумают однако же, будто бы я утверждаю, что всяким миром надобно дорожить. Ибо знаю, что есть прекрасное разногласие и самое пагубное единомыслие; но должно любить добрый мир, имеющий добрую цель и соединяющий с Богом. И если нужно о том выразиться кратко, то скажу свою мысль: нехорошо быть и слишком вялым, и черезмерно горячим, так чтобы или, по мягкости нрава, со всеми соглашаться, или, из упорства, со всеми разногласить. Как вялость недеятельна, так удобопреклонность на все необщительна. Но когда идет дело об явном нечестии, тогда должно скорее идти на огонь и меч, не смотреть на требования времени и властителей и вообще на все, нежели приобщаться лукавого кваса и прилагаться к зараженным. Всего страшнее бояться чего-либо более, нежели Бога... (свт. Григорий Богослов, 12, 237).

***

Блажени миротворцы (Мф. 5, 9). Писание в кратком выражении предлагает в дар врачевание от многих недугов, в этом многообъемлющем и общем речении заключив подробности. Сперва уразумеем, что такое мир? Не иное что, как исполненное любви расположение к соплеменнику. Посему что же разумеется под противополож-

ным любви? Ненависть, гнев, раздражение, зависть, злопамятство, лицемерие, бедствие войны. Видишь ли, от скольких и от каких недугов предохранительным врачевством служит одно речение? Ибо мир равно противится всему исчисленному, и присутствием своим приводит зло в уничтожение. Как по возвращении здравия уничтожается болезнь, и по появлении света не остается тьмы, так с появлением мира исчезают все страсти, возбужденные сопротивным. А какое это благо, не почитаю нужным описывать того словом. Рассуди сам с собою, какова жизнь взаимно друг друга подозревающих и ненавидящих? Встречи их неприятны, все одному в другом отвратительно; уста безмолвны, взоры обращены в разные стороны; слух загражден для слов у ненавидящего и у ненавидимого... Посему, как благоухания аромат благовонием своим наполняет окружающий воздух, так Господу угодно в обилии приумножить для тебя благодать мира, чтобы жизнь твоя была врачевством чужой болезни (свт. Григорий Нисский, 19, 458—459).

***

...*Блажени миротворцы: яко тии сынове Божии нарекутся* (Мф. 5, 9). Кто же именно? Подражатели Божию человеколюбию, что свойственно Божией деятельности, то самое показывающие в жизни своей. Благодеющий Податель благ и Господь совершенно истребляет и в ничто обращает все, что не сродно с добром и чуждо ему, и тебе узаконяет сей образ действования: изгонять ненависть, прекращать войну, уничтожать зависть, не допускать до битв, истреблять лицемерие, угашать в сердце пожигающее внутренность злопамятство, вводить же на место сего <то>, что восстанавливается истреблением противоположного. Как с удалением тьмы наступает свет, так вместо

исчисленного выше появляются плоды духа: *любы, радость, мир, долготерпение, благость* (Гал. 5, 22), и все собранное Апостолом число благ. Посему, как же не блажен раздаятель божественных даров, Богу уподобляющийся дарованиями, благотворения свои уподобляющий Божией великодаровитости? Но, может быть, ублажение имеет в виду не только благо, доставляемое другим, но, как думаю, в собственном смысле миротворцем называется, кто мятеж плоти и духа и междоусобную брань естества в себе самом приводит в мирное согласие, когда в бездействие уже приходит закон телесный, *противу воюющь закону ума* (Рим. 7, 23), и, подчинившись лучшему царству, делается служителем Божественных заповедей. Лучше же сказать, будем держаться той мысли, что слово Божие советует не это, т. е. не в двойственности представляет себе жизнь преуспевших, но в том, чтобы когда разорено в нас *средостение ограды* (Еф. 2, 14) порока, сращворением с лучшим *обоя* (Еф. 2, 14) соделались совокупившимися воедино. Итак, поскольку веруем, что Божество просто, несложно и неописуемо, то, когда и человеческое естество за такое умиротворение делается чуждым сложения из двойственного, в точности возвращается во благо, становясь простым, неописуемым и как бы в подлинном смысле единым... (свт. Григорий Нисский, 18, 465—466).

***

...Нам надобно стараться лучше очистить наши пороки, исправить нравы. Если они будут исправлены, то не говорю с людьми, даже и со зверями и животными очень легко сойдемся, как сказано в книге блаженного Иова: *и звери полевые* будут *в мире с тобою* (Иов. 5, 23) (прп. Иоанн Кассиан, 56, 116).

***

Мир, сраствореный правдой, — божественное дело. Если же одно будет без другого, то повредит это лепоте добродетели; потому что и у разбойников, и у волков есть между собою мир, у одних ко вреду людей, у других к гибели овец. Но такого мира, не украшенного правдою, не назову миром; если же сходится он с правдою, то в подлинном смысле будет называться миром. Почему и Христос сказал: ***не пришдох воврещи мир на землю, но меч*** (ср.: Мф. 10, 34). А что запрещает не всякий мир, но сопряженный с пороком, о сем говорит в другом месте: ***мир Мой даю вам*** (Ин. 14, 27). Ибо в подлинном смысле мир есть тот, который украшен правдою и благочестием (прп. Исидор Пелусиот, 61, 272).

***

Единомыслие есть начало и основание всех благ для человека, и надлежит никому не подавать повода к брани и ссоре. Но если где увидишь, что нанесен вред благочестию или обижены немощные, не предпочитай мира истине, напротив того, стань мужественно, ***до крове против греха подвизающеся*** (ср.: Евр. 12, 4) (прп. Исидор Пелусиот, 61, 304).

***

Спаситель ублажил миротворцев, и возвестил, что сделаются сынами Божиими, во-первых, пребывающие в мире с самими собою и не воздвигающие мятежа, но прекращающие внутреннюю брань тем, что тело покоряют духу, низшее убеждают быть в рабстве у высшего, в таком рабстве, которое лучше всякой свободы и царской власти;

потом водворяющие мир и в других, живущих в раздоре и с самими собою и друг с другом. Но никто не вправе указывать другому в том, чего не имеет сам. Посему удивляюсь ни с чем не сравненной щедрости Божия человеколюбия; потому что обещает благие воздаяния не только за труды и пролитие пота, но и за некоторый род наслаждения, так как верх всего увеселяющего нас есть мир, а без него, когда нарушен он войною, ничто радостотворное не будет иметь силы. Хорошо также сказано, что миротворцы *сынове Божии нарекутся* (Мф. 5, 9); и такая награда назначена за сей подвиг. Поелику Сам Он, как истинный Сын, умиротворил всяческая, соделав тело орудием добродетели двоякого рода людей, т. е. уверовавшего из иудеев и уверовавшего из язычников, сотворив одним новым человеком, небесное совокупив с земным: то справедливо сказал, что делающие, по возможности, то же самое, будут удостоены того же наименования и возведены в достоинство сыноположения, которое и есть самый высший предел блаженства (прп. Исидор Пелусиот, 62, 86—87).

***

...Блаженны те, которые сознательно содружились со Христом, пришедшим дать мир дальним и ближним, т. е. праведным и грешным, примирить с Отцом Своим нас, врагов Его, и совокупить воедино разделенное между собою, — для каковой цели Он воспринял нашу человеческую плоть, чтобы преподать нам Духа Святаго. Итак, явно, что те, которые зрят Бога, содружились с Ним, достигли желаемого мира и соделались сынами Божиими (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 206—207).

***

Господь заповедал всеусиленное хранение мира с ближними (см.: Мк. 9, 50)... Не трудись над разбором, кто прав и кто виноват, ты ли или ближний твой: постарайся обвинить себя и сохранить мир с ближним при посредстве смирения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 510).

МНОГОСЛОВИЕ

Понудим себя крепкую приставить стражу к устам своим, чтоб о ком-либо не сказать чего-либо худого, потому что худая речь хуже всяких ядов (прп. Антоний Великий, 89, 58).

***

Кто не может хранить уст своих и языка, пусть позаботится, по крайней мере, ***не мног быти в словесех своих*** (ср.: Иов. 11, 3). Блюдись, человек, возьми власть над языком своим и не умножай слов, чтоб не умножить грехов. Положи перст на уста твои и узду на язык твой, потому что многоречивый человек не оставляет в себе места Духу Святому (прп. Антоний Великий, 89, 58).

***

Те... которые говорят все, что ни приходит им в голову, походят на двор без ворот, на который всходит кто ни захочет, подходит к стойлу и отвязывает осла (прп. Антоний Великий, 89, 133).

***

...Более люби молчать, нежели говорить: ибо молчание собирает, а многословие расточает (прп. авва Исаия, 59, 216).

***

...Многословие рождает уныние (разленение) и умоисступление (μανίαν) (прп. авва Исаия, 89, 350).

***

Многоглаголание, брат, помрачает ум; помраченный же ум ведет к бесстыдству; а бесстыдство есть матерь блуда (прп. Ефрем Сирин, 31, 294).

***

Многословие не лишено греха; многоречивость есть показатель недостатка мудрости и знания (прп. Ефрем Сирин, 37, 342).

***

Открывай уста свои для слова Божия; и обуздай язык от многословия (авва Евагрий, 89, 615).

***

Как двери в бане, часто отворяемые, скоро выпускают внутреннюю теплоту вовне, так и душа, когда много кто говорит, хотя бы говорил все хорошее, испускает память свою (сознательное стояние в строе духовных вещей) словесною дверию. От сего ум лишается наконец чистейших помышлений и по беспорядочному наплыву помыслов смятенную ведет речь к прилучившимся. В таком случае он не имеет уже Духа Святаго, хранящего нашу мысль в немечтании, ибо сей Дух Благий, как чуждый всякого мятежа и мечтания, бегает многословия (блж. Диадох, 91, 47).

***

Как от чревоугодия рождается мятеж помыслов, так от многословия и бесчинных бесед — недоразумие и исступление ума (прп. Исаак Сирин, 58, 305).

***

Многоглаголание есть признак неразумия, дверь злословия, руководитель к смехотворству, слуга лжи, истребление сердечного умиления, призывание уныния, предтеча сна, расточение внимания, истребление сердечного хранения, охлаждение святой теплоты, помрачение молитвы (прп. Иоанн Лествичник, 57, 99).

***

Многословие есть седалище, на котором тщеславие любит являться и торжественно себя выставлять (прп. Иоанн Лествичник, 57, 99).

***

Познавший свои прегрешения имеет силу и над языком своим; а многоглаголивый еще не познал себя, как должно (прп. Иоанн Лествичник, 57, 100).

***

...Часто бывает, что многие с некоторым насилием и изнеможением укрощая чрево, обуздывают вместе и язык и многословие (прп. Иоанн Лествичник, 57, 100).

***

Кто возымел попечение об исходе из сей жизни, тот пресек многословие, и кто приобрел плач души, тот от-

вращается многоглаголания, как огня (прп. Иоанн Лествичник, 57, 100).

***

Многословие происходит иногда от объядения, а иногда от тщеславия (прп. Иоанн Лествичник, 57, 183).

***

Далеко отгони от себя многоречивого духа, потому что в нем кроются всезлобные страсти: от него ложь, от него дерзость, от него смехотворство, срамословие, буесловие и многое другое, так что по нем верно оправдывается сказанное: *от многословия не избежиши греха: щадя же устне, разумен будеши* (Притч. 10, 19)... Но и Господь сказал, что мы должны будем дать ответ за всякое праздное слово (см.: Мф. 12, 36) (свт. Феодор Едесский, 91, 338).

***

Наибольшею же частию многоречие однозначительно с пусторечием, и в таком случае нет слов к полному изображению зол, происходящих от сего дурного навыка (прп. Никодим Святогорец, 70, 104).

***

Многословие отвлекает внимание от себя, и в сердце, таким образом неблюдомое, начинают прокрадываться обычные страстные сочувствия и желания, и иногда с таким успехом, что, когда кончится пусторечие, в сердце окажется не только соизволение, но и решение на страстные дела (прп. Никодим Святогорец, 70, 104).

***

После многословия, когда пройдет чад самодовольства, всегда остается некое чувство тоскливости и разленения. Не свидетельство ли это о том, что душа и нехотя сознает тогда себя окраденною? (прп. Никодим Святогорец, 70, 104).

***

...Многословие отворяет двери души, чрез кои тотчас выходит сердечная теплота благоговеинства, тем паче это делает пустословие (прп. Никодим Святогорец, 70, 104).

МОЛИТВА

Сущность молитвы

<Молитва>... хороводица всех добродетелей и подвигов... она есть приемница наития Духа Святаго (прп. Макарий Египетский, 89, 214).

***

Молитва есть печать девства, верность супружества, оружие путешественникам, страж спящим, смелость бодрствующим, плодоносие земледельцам, спасение плавающим (свт. Григорий Нисский, 18, 385).

***

Молитва есть оружие великое, сокровище неоскудевающее, богатство никогда не истощаемое, пристань безмятежная, основание спокойствия; молитва есть корень, источник и мать бесчисленных благ и могущественнее царской власти (свт. Иоанн Златоуст, 44, 542—543).

***

Молитва и служение Богу — есть знак всякой праведности, будучи неким божественным и духовным одеянием, проливая в наши мысли большую красоту и прелесть, управляя жизнью каждого, не позволяя ничему дурному и неуместному господствовать над умом, убеждая почитать Бога и уважать ту честь, какая от Него даруется нам, уча удалять от себя всякое ухищрение лукавого, изгоняя постыдные и неприличные размышления, приводя душу каждого в состояние презрения к удовольствию (свт. Иоанн Златоуст, 44, 833).

***

Во время молитвы мы воистину говорим с Богом; чрез нее вступаем в соединение и с Ангелами, и весьма ясно удаляемся от общения с неразумными существами (свт. Иоанн Златоуст, 45, 831).

***

...Величайший признак нерассудительности, именно — не понимать обширности чести и не любить страстно молитвы, и не считать смертью для души непоклонения Богу (свт. Иоанн Златоуст, 45, 832).

***

...Молитва — основание всякого блага и способствует к достижению спасения и вечной жизни (свт. Иоанн Златоуст, 45, 837).

***

...Молитва есть немаловажный союз любви к Богу, производит в нас навык собеседования с Ним и руководит к любомудрию (свт. Иоанн Златоуст, 48, 13).

***

Молитва — это недоступная никаким ворам сокровищница всякого блага, безопасная от бурь пристань, основа спокойствия, врачебница души; молитва — это псалмопение, освящающее душу и тело... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 935—936).

***

Молитва есть умилостивление за грехи, посредством которого человек кающийся испрашивает прощение или в настоящих, или в прежних своих беззакониях (прп. авва Исаак, 56, 331).

***

...Молитва есть начаток невещественного и многоразличного ведения (прп. Нил Синайский, 71, 189).

***

...Молитва в чине своем выше милостыни (прп. Исаак Сирин, 58, 145).

***

Молитва, по качеству своему, есть пребывание и соединение человека с Богом... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 232).

***

...Молитва есть благочестивое понуждение Бога (см.: Лк. 18, 5) (прп. Иоанн Лествичник, 57, 241).

***

...Молитва есть... извещение сердца, надежда спасения, знамение освящения, символ святости, познание Бога, обнаружение крещения или очищения в бане пакибытия, обручение Духа Святаго, Иисусово радование, веселие души, милость Божия, знамение примирения... Божие явление... признак ангельского жительства (прп. Григорий Синаит, 93, 205).

***

...Молитва есть возникновение в сердце нашем одного за другим благоговейных чувств к Богу... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 33).

***

Настоящая молитва самодельно не бывает: она есть дар Божий (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 93).

***

Молитва вводит дух в Божию область, в коей корень жизни, а от духа и тело причащается той же жизни... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 154).

***

...Молитва — речь детей к Отцу, без всяких казистостей (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 202).

***

Молитва — дыхание жизни духовной... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 82).

Молитвенный настрой

...Всякая молитва нуждается в смирении; поэтому постись, и получишь от Господа, чего просишь (св. Ерм, 94, 175).

***

Во время... молитвы речь наша и моление да будут соединены с благочинием, спокойствием и скромностию. Будем помышлять о том, что мы стоим пред лицем Бога и что надобно угодить очам Божиим и положением тела, и звуком голоса (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 201).

***

...Должно упразднiться от дел супружеских, чтобы заняться молитвою; упразднiться от попечений о богатстве, от пожелания земной славы, от наслаждения удовольствиями, от зависти и всякого злого дела против нашего ближнего, чтобы, когда душа наша в тишине и не возмущается никакою страстию, в ней, как в зеркале, было чисто и неомрачено Божие озарение (свт. Василий Великий, 5, 300).

***

...В молитве и в... изучении <воли Божией> невозможно успеть среди многих людей, развлекающих душу и занимающих ее делами житейскими (свт. Василий Великий, 9, 94).

***

...Начиная молитву, оставь себя самого, жену, детей, расстанься с землею, минуй небо, оставь всякую тварь

видимую и невидимую, и начни славословием все Сотворившего, и, когда будешь славословить Его, не блуждай умом туда и сюда, не баснословь по-языčески, но выбирай слова из Святых Писаний... (свт. Василий Великий, 9, 321).

***

...Молитва, когда нет согласия в молящихся, бывает гораздо бессильнее самой себе, и Господь обещал быть посреди двоих или троих призывающих Его в единодушии (см.: Мф. 18, 20) (свт. Василий Великий, 10, 193).

***

Узда для страстей — пост, а умерщвление страстей — молитва с милостынею (прп. Ефрем Сирин, 90, 512).

***

Кто хочет предстать Богу, тот должен наперед оставить брату долг его; такого только пост и молитва угодны Богу (прп. Ефрем Сирин, 33, 111).

***

За дверьми остаются те молитвы, которые, возносясь к Богу, не имеют при себе любви, потому что одна любовь отверзает двери молитве (прп. Ефрем Сирин, 33, 212).

***

Главнейшее же из всего, как очевидно, есть благовременное пребывание в молитве (прп. Макарий Египетский, 67, 19).

***

...Приступить к Богу с молитвою можно не иначе, как разве кто, отрешась от сего мира, соделается человеком единого Бога (свт. Григорий Нисский, 19, 73—74).

***

Как тело наше, по удалении души, бывает мертво и смрадно, так и душа, в которой не действует молитва, мертва и смрадна. Но что лишение молитвы должно считать горшим всякой смерти, этому явно учит нас пророк Даниил, который готов был лучше умереть, нежели лишить себя молитвы в какой-либо час. Бога надобно вспоминать чаще, нежели дышать (авва Евагрий, 89, 633).

***

Чтобы нам... не обращаться к Богу с напрасной молитвой, особенно когда мы стараемся преклонить Его на милость к нам, Апостол и повелевает удаляться тогда от (брачного) ложа (свт. Иоанн Златоуст, 44, 321).

***

Если ты приучишь себя молиться с усердием, то не будешь иметь нужды в наставлении... так как Сам Бог без всякого посредника будет озарять ум твой (свт. Иоанн Златоуст, 44, 521).

***

...Он <Господь> не словами только научает их <учеников> молитве, но и Сам часто совершает молитвы и целые ночи молится в пустынях, вразумляя и научая нас,

чтобы мы, когда намереваемся беседовать с Богом, избегали шума и смятений людских и удалялись в пустыню не по местности только, но и по всем обстоятельствам. Пустынею может быть не гора только, но и малая комната, удаленная от шума (свт. Иоанн Златоуст, 44, 588).

***

Всякое место и всякое время удобно для нас к молитве (свт. Иоанн Златоуст, 47, 323).

***

Пред Господом молится тот, кто вполне сосредоточил свою душу и не имеет ничего общего с землею, но перенесся на самое небо и изгнал из души всякий человеческий помысл... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 792).

***

Бог не гнушается местом: Он требует только пламенного сердца и смиренной души (свт. Иоанн Златоуст, 47, 820).

***

Где бы ты ни был, везде можешь поставить жертвенник, <т. е. молиться>, покажи только бодрую волю, и не помешает тебе ни место, ни время... хоть ты и не преклонишь колен, не станешь бить себя в грудь и не простреш рук к небу, а только покажешь горячую душу, ты этим исполнишь все нужное для молитвы (свт. Иоанн Златоуст, 47, 820).

***

Не станем же говорить в свое оправдание, что дом молитвы не близко; благодать Духа нас самих сделала храмами Божиими, если только мы бдительны; стало быть, (молиться) для нас везде весьма легко (свт. Иоанн Златоуст, 47, 820).

***

...Для молитвы требуется не (известное) положение тела, место или время, но мысль добрая и бодрая... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 820).

***

Если ты имеешь <добрые> дела, которые могут ходатайствовать за тебя, то ты непременно будешь услышан; и, напротив, если ты не имеешь их, то хотя бы ты был Давидом, ты не будешь в состоянии умолить Бога (свт. Иоанн Златоуст, 48, 11).

***

У людей, от желающего подойти к кому-нибудь, требуется быть красноречивым, уметь льстить всем окружающим начальника и придумывать много иного, чтобы лучше быть принятым. А здесь <в деле молитвы> не нужно ничего, кроме одной бодрственной души, и нет никакого препятствия приблизиться к Богу (свт. Иоанн Златоуст, 48, 13).

***

Место нисколько не препятствует молитве, только бы настроение души соответствовало молитве (свт. Иоанн Златоуст, 48, 429).

***

Если мы, намереваясь сказать что-нибудь нужное своим друзьям, отводим их в уединенное место и тогда говорим с ними, то тем более мы должны так поступать в отношении к Богу, т. е. входить в эту сокровищницу с совершенною тишиною, и тогда, конечно, получим все, чего только будем просить полезного (свт. Иоанн Златоуст, 48, 587—588).

***

Молитва есть огонь, особенно когда она воссылается трезвенною и бодрствующею душою, но этот огонь нуждается и в елее, чтобы достигнуть до самых небесных сводов, а елей для этого огня есть не что иное, как милостыня (свт. Иоанн Златоуст, 51, 780).

***

...Для молитвы нужно не столько слово, сколько мысль, не столько движение рук, сколько напряжение души, не положение тела, а расположение духа... Не будем же оправдываться, говоря, что нелегко молиться человеку, который обременен житейскими делами и не находит поблизости молитвенного дома <...>

Хотя бы ты был в бане, молись; где бы ты ни был, молись. Ты — храм Божий; не ищи же места (свт. Иоанн Златоуст, 55, 491—492).

***

Чтобы молитва была возносима с надлежащей горячностью и чистотой, должно непременно наблюдать следующее: во-первых, надобно отложить всякое попечение о

телесных вещах и не только заботиться, но и думать не должно о каком-либо недосуге или предприятии. Надобно убегать всяких развлечений, пустословия или многословия, равно как и всяких шуток, а более всего надобно исторгнуть с корнем расположение к гневу или унынию и вовсе истребить пагубное разжжение плотской похоти и любостяжания. Отбросив эти и подобные им пороки, легко представляющиеся взорам каждого, и произведши таким образом извержение непотребных веществ, совершаемое чистотою простоты и невинности, затем должно положить сперва незыблемые основания глубокого смирения, кои могли бы держать на себе храмину, имеющую вознестись до неба и потом уже на этом основании воздвигать духовное здание добродетелей, удерживая дух от всякого опасного для него развлечения и рассеяния, чтобы он, таким образом, мог постепенно возвышаться к созерцанию Бога и к другим духовным видениям. Ибо то, чем бывает занята душа наша до молитвы, по необходимости приходит на память и во время продолжения оной. Посему, прежде начатия молитвы, мы должны поставлять себя в такое состояние, в каком желаем находиться в продолжение оной. Ибо ум во время молитвы получает настроение, сообразное с предыдущим состоянием; представляющийся очам его образ прежних наших действий, также слов или чувствований, произведет то, что мы, и приступив к молитве... или будем гневаться, или унывать, или возбуждать в себе прежние вожделения и наклонности, или станем с безрассудностию (что и сказать стыдно) забавляться каким-нибудь смешным изречением или происшествием, или устремимся к прежней рассеянности. Итак, поспешим еще до молитвы изгнать из внутренности сердца нашего то, чего не желали бы иметь во время оной, дабы можно было исполнить нам апостольскую заповедь: *непрестанно моли-*

теся (1 Сол. 5, 17), — и еще: *на всяком месте воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления* (ср.: 1 Тим. 2, 8). Ибо нельзя исполнить этой заповеди, если ум наш не очистится от всякой скверны пороков, если не облечется в одни добродетели, как свойственную себе лепоту <красоту>, и не будет питаться непрерывным созерцанием Всемогущего Бога (прп. авва Исаак, 56, 324—325).

***

Если хочешь молиться с похвалою, отвергайся себя ежечасно и всякие беды любомудренно терпи за молитву (прп. Нил Синайский, 71, 176).

***

Если ты терпелив, то всегда будешь молиться с радостью (прп. Нил Синайский, 71, 177).

***

Желая молиться как должно, не печаль душу; иначе тщетен твой подвиг (прп. Нил Синайский, 71, 177).

***

Если желаешь молиться, отрекись от всего, чтобы все наследовать (прп. Нил Синайский, 71, 179).

***

Когда стоишь на молитве, отложи в сторону телесные нужды, чтобы укушение комара или мухи не лишило тебя величайшего приобретения, доставляемого тебе молитвою (прп. Нил Синайский, 71, 192—193).

***

...Знай и то, что дела телесные много полезнее стихословия, совершаемого с парением ума (прп. Исаак Сирин, 58, 173).

***

Когда предстанешь в молитве пред Богом, соделайся в помысле своем как бы муравьем, как бы пресмыкающимся по земле... и как бы немоществующим ребенком (прп. Исаак Сирин, 58, 217).

***

Молитва с самопринуждением и терпением рождает молитву легкую, чистую и сладостную (прп. Зосима, 91, 129).

***

На молитве стой с трепетом, как осужденный преступник стоит пред судиею, чтобы тебе и внешним видом, и внутренним устроением угасить гнев Праведного Судии... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 77).

***

...Научайся молиться из примера больных, как они умоляют врача о пощаде, когда он приготовился резать или жечь их тело. Не употребляй в молитве твоей премудрых выражений, ибо часто простой и неухищренный лепет детей был угоден Небесному Отцу их (прп. Иоанн Лествичник, 57, 234).

***

Если во время молитвенного предстояния мы не одни, то употребим образ внутренней молитвы (прп. Иоанн Лествичник, 57, 236).

***

...Верным именуется и есть тот, кому вверена и кто имеет благодать Святаго Духа; благодать же сия просвещает ум, собирает его в себя и сосредоточивает, да разумеет, к Кому беседует и о чем беседует. Следовательно, кто не так действует в молитве, тот не имеет благодати Святаго Духа, неверным пребывает и далеким от Бога (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 80).

***

Где видится плод Духа, там присуще и качество молитвы; а где есть это качество, там прекрасно и количество псалмопения (прп. Никита Стифат, 93, 133).

***

Если для совершения какого-либо последования службы требуется, положим, час молитвенного труда, и это кажется тяжелым для твоей лености, то ты, приступая к сему, не думай, что тебе придется час стоять, а воображай, что это продолжится какую-нибудь четверть часа, и незаметно простоишь молитвословствуя эту четверть; простоявши же ее, скажи себе: простоим еще четверточку; это немного, как видишь; потом то же самое сделай для третьей и четвертой четверти; и кончишь таким образом это дело служения молитвенного, не заметив трудности и тя-

готы. Если же иной раз в продолжении этого случится почувствовать такую обременительность, что она мешает и самой молитве, то оставь на время молитвословие и потом опять, спустя немного (времени), берись за него и докончи недоконченное. Так же поступай и в отношении к рукоделию и к делам послушания твоего. Покажется тебе, что таких дел много, ты и мятешься и готов руки опустить. Но ты не думай об этом множестве дел, а скрепя сердце, берись за первое предлежащее и делай его со всем усердием, как бы других совсем не было, и сделаешь его спокойно; потом таким же образом поступай и в отношении к другим делам, и все переделаешь спокойно, без смятения и хлопотливости (прп. Никодим Святогорец, 70, 78).

***

Желая и ища успеха в молитвенном труде, все уже к тому и приспособляй, чтоб не разорять одною рукой того, что созидает другая.

1) Тело свое держи строго и в пище, и во сне, и в отдыхе; ничего не давай ему потому только, что оно того хочет, как заповедал Апостол, говоря: ***плоти угодия не творите в похоти*** (Рим. 13, 14). Не давай покоя плоти.

2) Внешние свои сношения сократи до самых неизбежных. Это на время обучения себя молитве. После молитва, действуя в тебе, укажет, что без ущерба для нее может быть прибавлено. Особенно блюди чувства и между ними паче — очи, слух; свяжи и язык. Без соблюдения сего и шагу не сделаешь вперед в деле молитвенном. Как свече гореть на ветру и дожде нельзя, так нельзя затеплиться молитве при приливе впечатлений совне.

3) Все свободное время после молитвы употребляй на чтение и размышление. Для чтения избирай наиболее та-

кие книги, в коих пишется о молитве и вообще о внутренней духовной жизни. Размышляй исключительно о Боге и вещах Божественных и наипаче о воплощенном Домостроительстве нашего спасения, и в нем паче о страданиях и смерти Господа Спасителя. Делая так, будешь иметь себя погруженным в море Божественного света. Присовокупляй к сему хождение в церковь, как только будешь иметь возможность. Одно присутствие в храме осенит тебя молитвенным облаком. Что же получишь, если всю службу простоишь в истинно молитвенном настроении?!

4) Ведай, что в молитве успеть нельзя без успевания вообще в христианской жизни. Неизбежно необходимо, чтоб на душе не лежало ни одного греха, не очищенного покаянием; и если во время труда молитвенного сделаешь что, смущающее совесть, спеши очиститься покаянием, чтобы мог ты дерзновенно воззревать к Господу. И постоянно держи в сердце смиренное сокрушение. Затем не пропускай ни одного представляющегося случая к сделанию какого-либо добра или к проявлению какого-либо доброго расположения, наипаче смирения, послушания и отречения от своей воли. Но уже само собою разумеется, что ревность о спасении должна гореть неугасимо и исполняя всю душу, во всем от малого до великого должна быть главною движущею силой, со страхом Божиим и упованием непоколебимым.

5) Так настроясь, утруждай себя в молитвенном делании, молясь то готовыми молитвами, то своими, то краткими воззваниями к Господу, то молитвой Иисусовою, но не упуская при этом ничего и из того, что может способствовать в сем труде. И получишь искомое. Напомню тебе, что говорит святой Макарий Египетский: «Увидит Бог молитвенный труд твой, и что ты искренно желаешь успеха в молитве, и даст тебе молитву. Ибо ведай, что хотя и

своими усилиями творимая и достигаемая молитва есть молитва Богу приятная, но настоящая молитва та, которая вселяется в сердце и делается неотходною, есть дар Божий, дело Божией благодати. Почему молясь о всем, не забывай молиться и о молитве».

6) Сообщу тебе, что слышал от одного боголюбца. «Жил я, — говорил он, — не совсем исправно, но Бог смиловался надо мною и послал мне дух покаяния. Это было во время говения. Я всячески напрягался, чтоб положить в себя твердую решимость исправиться, особенно перед исповедью долго молился пред образом Божией Матери, прося и Ее вымолить мне такую решимость. Приступив потом к исповеди, я все откровенно пересказал. Духовный отец ничего мне не сказал, но когда произнес над главой моею разрешительную молитву, в сердце мое канул сладкий огонек. Ощущение это похоже на то, как проглотишь какой лакомый кусок. Уканувший огонек сей там и остался в сердце, и мне чувствовалось, будто меня кто держит за сердце. С сего времени я все молился, и внимание свое держал там, где было такое чувство; об одном старался, чтобы оно не отошло. И Бог помогал мне. О молитве Иисусовой я не слыхал; и когда услышал, то увидел, что бывшее во мне было именно то, что ищется сею молитвою». — Я привожу тебе сказание сие, чтоб ты из сего уразумел, что ищется молитвенным трудом, и по какому признаку можно узнать, что оно получено (прп. Никодим Святогорец, 70, 205—208).

***

...Тогда только будешь ты уметь хорошо молиться, когда научишься добре действовать в подвиге сохранения внутреннего мира своего. Сюда и направляй свое внимание, обдумывая, как достигнуть, чтобы всякое дело твое

делалось в мире сердца, с удовольствием и радостию (прп. Никодим Святогорец, 70, 257).

***

...Необходимее всех <подвигов> — молитва... Молитва есть средство для привлечения и длань для принятия всех благодатей, столь обильно изливаемых на нас из неистощимого источника беспредельной к нам любви и благости Божией; в брани же духовной ею ты влагаешь бранный меч свой в десницу Божию, да поборет Он за тебя врагов твоих и побеждает их. Но чтоб молитва в деле сем проявляла в тебе всю свою силу, надобно, чтоб она оставалась в тебе непрестанно, как естественное какое отправление твоего духа, и была ограждаема и воодушевляема следующими расположениями.

1) Надлежит тебе всегда иметь живое стремление всяким делом служить единому Богу, и служить так, как сие благоугодно Ему. В оживление же и поддержание такого стремления убедись и неотступно держи в мысли, что Господу и по предивным Его свойствам — благости, величию, премудрости и другим бесчисленным и безмерным совершенствам, должны быть всякою разумною тварью воздаваемы поклонение, честь и служение. Но когда приложишь к сему неотходное памятование, что Он Сам неописанно благотворно послужил тебе воплощенным Своим Домостроительством, искупил тебя и снял с тебя великую клятву, уврачевал и исцелил язвы твои, ядом греха тебе причиненные, не вином и елеем, и не пластырями какими, но бесценною Кровью, истекшею из пресвятых ребр Его и пречистой Плоти, истерзанных бичами, тернием и гвоздьми, — то можешь ли удержаться, чтоб каждое мгновение всеусердно не посвящать на служение Ему единому

и словом, и делом, и мыслью? К тому же и того не должен ты забывать, сколь для нас самих благотворно такое служение, так как оно делает нас господами над самими собой, победителями диавола и сынами Божиими.

2) Надлежит тебе иметь живую и теплую веру, что Бог по великой милости Своей и по множеству щедрот Своих, Сам желает и готов подать тебе все, потребное для твоего Ему достодолжного служения, и всякое благо потребное для тебя. Такая вера и такое упование будут в тебе сосудом, который беспредельное милосердие Божие и наполнит сокровищами Своих благодатей. И чем обширнее и вместительнее будет у тебя сосуд сей, тем с обильнейшими дарами будет всякий раз возвращаться в недро твое молитва твоя. И как можно помыслить, чтобы Бог, чуждый пременения <перемен> Вседержитель, заповедавший молиться Ему и обетовавший подавать нам просимые блага, отказал соделать нас причастниками их, когда мы с усердною и терпеливою молитвою испрашиваем их у Него, и не даровал нам Духа Своего?..

3) Надлежит тебе приступать к молитве с таким настроением, чтобы тебе желалось одной Божественной воли, а никак не своей собственной, как в самом прошении, так и в получении просимого, именно, — чтоб и движим был ты на молитву, потому что того хочет Бог, и услышан быть желал, опять как Он того хочет. Одним словом, да будет у тебя в уме и сердце то, чтоб всецело объединять свою волю с волею Божиею и ей во всем подчиняться, и отнюдь не желать волю Божию преклонять на свою волю...

4) Надлежит тебе приступать к молитве также украшенным делами, сообразными с прошением твоим, и после молитвы трудиться наипаче над тем, чтобы сделаться достойным вместилищем благодати и добродетели, тобою про-

симой. Труд молитвенный, таким образом, должен быть сопровождаем подвигом самопринуждения и напряжения себя на то, о чем просим, потому что здесь, в порядках духовной жизни, прошение и искание собственное следуют одно за другим, друг друга принимательно. Если же кто в молитве будет молиться Богу о какой-либо добродетели, а сам между тем предается нерадению, никаких на стяжание сей добродетели определенных средств не приемля, и никаких для того дел не делая, и подвигов не подъемля, то поистине такой паче искушает Бога, а не молится...

5) В молитве своей надлежит тебе совмещать те четыре действия, о которых пишет святой Василий Великий: сначала восславословь Бога, потом возблагодари Его за благодеяния тебе явленные, далее исповедуй Ему свои грехи и преступления заповедей Его и, наконец, испрашивай у Него потребного тебе, наипаче в деле спасения твоего...

6) Чтоб молитва твоя возымела силу пред Богом и привлекла к тебе Его благоволение, окрыляй ее и благоукрашай несомненною верой не только в безмерность Божией щедродательности и в непреложность обетования Его услышать нас, взывающих к Нему, еще прежде, чем кончится молитва наша (см.: Ис. 58, 9), но наипаче в силу воплощенного о нас Домостроительства Господа нашего Иисуса Христа, нас ради подъявшего крестную смерть, воскресшего, вознесшегося на небеса и сидящего одесную Отца, где выну и ходатайствует о нас... Предлагай также во услышание тебя ходатайство Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии, день и ночь о нас молящейся, и предстательство всех святых — Архангелов и Ангелов, Апостолов и Пророков, пастырей и учителей, мучеников и мучениц, преподобных отцев и матерей, и всякого рода благоугождением благоугодивших Богу, Ангела твоего хра-

нителя и святого, имя которого ты носишь и которому посвящена церковь, в которой ты крещен и всегда молишься. Предпосылая своей молитве сии ходатайства, ты смирение свое предпошлешь, которого нет ничего благоприятнее Богу, ни на кого так милостиво не взирающему, как на кроткого и смиренного. ***Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*** (Пс. 50, 19).

7) Надлежит тебе совершать свои молитвы всегда с прилежанием неутомимым, как заповедует Апостол, говоря: ***в молитве терпите, бодрствующе в ней*** (Кол. 4, 2). Ибо смиренное терпение, неутомимость и неотступность в молении побеждает непобедимого Бога и на милость Его преклоняет (прп. Никодим Святогорец, 70, 181—186).

***

Но отчего же не все имеют молитву достодолжную? Оттого, что... берут молитвенник, становятся пред иконами и читают, но ума и сердца своего сюда не прилагают: ум бродит, не зная где, и сердце услаждается своим чем, а не молитвенным. А ты, молясь, и ум свой заключай в слова молитвы, и сердцем своим воспринимай изрекаемое ими, — и тотчас ощутишь плод от такого молитвословия.

Итак, словеса молитвенные имеешь, что значит понимать их и чувствовать, знаешь, и это в твоей власти. Стало быть, молитва и успех в ней в твоих руках. Трудись неленостно, и успеешь. Предложу, однакож, нечто в руководство к удобнейшему успеху.

1) Потрудись, не в молитвенный час, а в другое свободное время, обдумать и прочувствовать положенные молитвы. Сделав это, ты во время молитвословия не встретишь никакого труда воспроизвести в себе все содержание читаемой молитвы; даже лишь только начнешь какую мо-

литву, ее мысли и чувства предстанут сознанию твоему, и ты будешь произносить молитвенное слово, как бы оно было твое собственное и исходило из твоего сердца, в нем порождаясь, а не влагаемо будучи в него.

2) Потрудись, обдумав и прочувствовав молитвы, заучить их на память. Сделав это, ты будешь молитвы носить в себе. Пока они в молитвеннике, они вне тебя; а когда заучишь их, они станут внутрь тебя; и ты, в каких бы обстоятельствах ни находился, всегда будешь иметь с собой молитвенник свой. К тому же, заучивая молитвы, ты глубже напечатлеешь в себе мысли и чувства молитвенные, нежели как просто только обсудив их и обчувствовав. От такого изучения в тебе образуется молитвенный строй, если будешь не слова только заучивать, но и в мыслях тех и чувствах быть, которые содержатся в молитве. А это наилучший путь к успеху в навыке достодолжной молитвы.

3) Когда настанет время для молитвословия, не вдруг, как только оторвешься от обычных дел, начинай молитвословить, а наперед приготовься к тому: «постой мало молча, дондеже утишатся чувства», как учит тебя молитвенник, и воспомяни, к чему приступаешь... и что именно должен ты изречь и как. Такое приготовление делают необходимым — утром одебеление души от погружения в сон и нападение забот о предлежащих делах дня, тотчас по пробуждении, а вечером — многообразные впечатления дня и особенно случаи выдающиеся и поразительные, приятные и неприятные. Постарайся все выпроводить из сознания, чтоб дело молитвы заняло потом все твое внимание и ей одной исключительно мог ты посвятить предлежащее время. Случаи поразительные, если не успеешь управиться с ними, обращай в предмет молитвы или благодарения, или испрашивания помощи и избавления, или предания их и себя, и всего своего в волю Божию.

4) Пред самым началом молитвословия поставь себя в присутствие Божие, до сознания и чувства Его с благоговейным страхом, и восставь в сердце живую веру, что Бог видит и слышит тебя, что Он не отвращается от молящихся, но благоволительно взирает на них и на тебя в час молитвы сей, и окрылись упованием, что Он готов и исполнить, и действительно исполнит прошение твое, если оно душеполезно для тебя.

5) Настроясь так, изрекай молитвы свои, всеусильно углубляясь в них и всячески заботясь о том, чтоб они исходили из сердца, как твои собственные, хотя они заученные. Не дозволяй вниманию своему отклоняться... и мыслям твоим улетать на сторону. Как только сознаешь, что это случилось, возврати мысли свои внутрь и начинай опять молитвы с того пункта, с которого внимание твое отклонилось на другое что. Заметь, что внимание не рассеивается, когда сердце бывает в чувствах молитвенных. О сих чувствах потому и пекись паче всего. Не дозволяй себе спешить в молитвословии, а все его благоговейно, как священное дело, с терпением доводи до конца.

6) Если среди молитвословия в таком настроении и порядке какой-нибудь предмет молитвы особенно падет тебе на сердце, окует твое внимание, как по обстоятельствам близкий к тебе, и вызовет у тебя собственное молитвенное слово, не попускай сему случаю пройти мимолетно, но остановись на нем и молись своим словом, пока удовлетворится породившееся молитвенное чувство или потреба.

7) Если потрудишься так совершить молитвословие, то вынесешь из него молитвенное настроение, которое позаботься сохранить сколько можно в силе. Для сего не тотчас кидайся на обычные дела и никогда не думай, что, совершив свое молитвенное правило, ты все кончил в

отношении к Богу и что тебе можно теперь дать волю своим мыслям и чувствам. Нет, ты и во весь день должен стараться держать себя так, как был на молитвенном правиле. Чтоб это поддержать, не забывай, что пред Богом ходишь и Его десницей держим еси над бездной ничтожества, и, содержа сие в мысли, всякое дело свое, и большое и малое, совершай, как Бог того хочет, у Него испрашивая на то благословения, и ко славе имени Его обращай все. Действуя так, ты до самого вечернего своего молитвословия дотянешь в добром молитвенном настроении. Совершив и вечернее правило таким же образом, ты ночь проспишь добре. И вот у тебя сутки доброго молитвенного настроения. Проводи так день за днем, и в несколько месяцев, а может быть и недель, сделаешься сильным молитвенником, и молитва, как неугасимая лампада, начнет непрестанно теплиться в сердце твоем.

8) Приложу и еще одно правильце — именно, непрерывность такого делания молитвенного, от начатия его до преуспеяния в нем... Если же ныне ты хорошо помолишься и подержишь себя в молитвенном настроении, а завтра дашь себе волю и проведешь день распущенно, то, так действуя, никогда не успеешь в молитве. Это будет то же, что строить и разорять... И можно дойти до того, что молитва совсем заглохнет, и душа сделается негожею для нее. Начавши, надо терпеливо пребывать в молитве, не ослабевая и себе не поблажая льготами и вольностями (прп. Никодим Святогорец, 70, 191—194).

***

...Стой на молитве твоей, как бы ты стоял пред Самим Богом... Намереваясь принести Богу молитву, отвергни все помышления и попечения земные (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 143—144).

***

Пред молитвою покади в сердце твоем фимиамом страха Божия и святого благоговения... постарайся умилостивить Судию смирением (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 144).

***

Душа молитвы — внимание. Как тело без души мертво, так и молитва без внимания — мертва (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 146).

***

Стоя пред иконою Спасителя, стой как бы пред Самим Господом Иисусом Христом, вездесущим по Божеству и иконою Своею присутствующим в том месте, где она находится. Стоя пред иконою Божией Матери, стой как бы пред Самою Пресвятою Девою, но ум твой храни безвидным: величайшая разница быть в присутствии Господа и предстоять Господу или воображать Господа. Ощущение присутствия Господня наводит на душу спасительный страх, вводит в нее спасительное чувство благоговения, а воображение Господа и святых Его сообщает уму как бы вещественность, приводит его к ложному, гордому мнению о себе... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 147—148).

***

Пред начинанием всякого дела приноси молитву Богу; ею привлекай благословение Божие на дела твои, и ею суди дела твои: помышление о молитве останавливает от дел, противных заповедям Божиим (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 150).

***

Продолжительность молитв угодников Божиих — не от многоглаголания, но от обильных духовных ощущений, которые являются в них во время молитвы (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 152).

***

Возлюбив подвиг молитвы, возлюби уединение в вещественной келье. Затворяй двери ее для себя и для других (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 156).

***

Затвори двери кельи твоей от людей, приходящих для пустословия, для похищения у тебя молитвы; затвори двери ума от посторонних помышлений, которые предстанут, чтоб отвлечь тебя от молитвы; затвори двери сердца от ощущений греховных, которые покусятся смутить и осквернить тебя, и помолись. Не дерзни приносить Богу многоглагольных и красноречивых молитв, тобою сочиненных... Они — произведение падшего разума, и... не могут быть приняты на духовный жертвенник Божий (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 171).

***

Необходимо в молитвенном подвиге отречение от себя, предоставление преуспеяния нашего воле Бога нашего, Который дает в известное Ему время благодатную молитву тому, кто собственным подвигом деятельно докажет свое произволение иметь ее (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 337).

***

То внимание, которое вполне соблюдает молитву от развлечения, или от посторонних помыслов и мечтаний, есть дар благодати Божией (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 98).

***

Всячески избегать надо формальности и механизма в молитве (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 77).

***

Пред началом молитвословия всегда приуготовляйтесь немного, собирая мысли и стараясь вниманием своим стать пред Господом, Коему молиться приступаете (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 11).

***

Никогда молитв спешно не проговаривайте, а не спеша, с мыслями и чувствами, кои выражаются в читаемых молитвах (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 11).

***

Молитва-то тихенькая, может быть, скорее доплетется до неба. А шумную кто-нибудь недобрый услышит и собьет с дороги или загородит ее (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 40).

***

...Не извольте отнекиваться от молитвы грешностью и тем прикрывать свою леность (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 112).

***

Желали бы вы научиться молитве... Молитесь чаще и усердней — и научитесь. Иного ничего и не требуется (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 168).

***

Молитва — дело внутреннее. Все, что при этом делается внешне, к существу дела не принадлежит, а есть внешняя обстановка (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 162).

***

Молитва духовная не зависит от телесного какого-либо напряжения, как, например, натиска вниманием к сердцу или стеснения дыхания и подобное (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 181).

***

Извольте более пещись о внутренней молитве, отвлекая внимание от внешнего... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 194).

***

Большая у нас ошибка — считать молитву заурядным делом, таким, о котором и думать нечего, которое можно делать зря, мимоходом. Обязанность молитвы чувствуется, а то, как совершать ее, не имеется в помышлении, и забывается, что бывает молитва в грех (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 28).

***

Отчего плохо идет молитва? Оттого, что не чувствуется нужда в Боге... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 81).

***

Когда же душа идет сама к Господу, не читайте никаких молитв заученных, а свою речь прямо ведите к Господу... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 53).

***

Чтобы во время молитвы меньше было блуждания мыслей, надо напрягаться, молиться с теплым чувством, а для этого наперед, перед молитвою, подогревать надо душу размышлением и поклонами (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 116).

***

От <внимания и страха Божия во время молитвы> приходит теплота сердечная, которая и стягивает внимание к единому Господу (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 121).

***

<Если потеряете внимание в молитве>, извольте прикрикнуть на себя и погрозить судом Божиим, — и начнете молиться, как следует (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 252).

Истоки молитвы

...Молитва от любви, любовь от радости, радость от кротости, кротость от смирения, смирение от служения,

служение от надежды, надежда от веры, вера от послушания, послушание от простоты (прп. Макарий Египетский, 67, 268).

***

...Чтобы нам легко провести настоящую жизнь, свергнуть все грехи, какие мы навлекли на себя, и с дерзновением предстать пред Престолом Христовым, будем постоянно приготовлять себе... врачевство, составляя его из слез усердия, постоянства и терпения (свт. Иоанн Златоуст, 44, 546).

***

Милостыня — крыло молитвы; если не сделаешь молитве крыла, то она не летит, а когда душа окрылена, то она быстро несется на небо (свт. Иоанн Златоуст, 45, 907).

***

...Поставив себе постоянным правилом — никогда не входить с пустыми руками в дом молитвы, мы сделали бы доброе дело (свт. Иоанн Златоуст, 54, 801).

***

Цель всякого монаха <и христианина>... состоит в непрерывном постоянстве молитвы и, сколько возможно бренному человеку, в невозмущаемом спокойствии ума и всегдашней чистоте его. К достижению сего нужны: неослабный телесный труд и сокрушение духа, так чтобы между тем и другим находилась тесная взаимная связь. Ибо как все добродетели стремятся к совершенству молитвы, так и сами они не могут быть твердыми и постоян-

ными, если не будут соединены и скреплены оною. Как без добродетелей нельзя вполне приобрести постоянного молитвенного покоя, так и без этого покоя невозможно в точности исполнить добродетелей, споспешествующих оному. Поэтому непристойно было бы и беседовать о свойстве молитвы, и вдруг приступить к рассмотрению главной ее цели, состоящей в деятельном исполнении всех добродетелей, не исследовав предварительно, что нужно или оставить, или сделать для достижения оной, по учению евангельской притчи, не расчислив наперед и тщательно не приготовив всего, что потребно к тому, чтобы воздвигнуть высочайшую духовную храмину (см.: Лк. 14, 28). Впрочем и самые приготовленные материалы останутся напрасно и не допустят безопасно возложить на себя высокого верха совершенства, если не будет откинута нечистота пороков и не будет извержен преклонный к разрушению щебень страстей нашего сердца — сей земли хрящеватой, а что всего более, если на евангельском камне (см.: Лк. 6, 48) не будут положены твердейшие основания простоты и смирения, поддерживаясь коими сия, из духовных добродетелей воздвигаемая, храмина могла бы стоять неподвижно и в своей надежной прочности возносить главу свою к высоте небесной. Когда эта храмина будет утверждена на таких основаниях, то пусть прольется обильнейший дождь страданий, пусть притекут с ужасным стремлением быстрые реки гонений, пусть наляжет свирепая буря противных духов, она не только не падет, но даже не потерпит никакого повреждения от этих нападений (прп. авва Исаак, 56, 323—324).

***

Те, которые, обременив себя печалями и памятозлобием, думают приступить к молитве, подобны черпающим

воду и вливающим ее в разбитую бочку (прп. Нил Синайский, 71, 177).

***

Молясь, желаешь быть скоро услышанным, а сам не слушаешься заповедей Божиих (прп. Нил Синайский, 73, 228).

***

Если ты богослов, то будешь молиться истинно; и если истинно молишься, то ты богослов (прп. Нил Синайский, 90, 230).

***

Вера воскрыляет молитву; без веры молитва не может возлететь на небо (прп. Иоанн Лествичник, 57, 237).

***

Будь мужествен во всех случаях, и Сам Бог будет твоим учителем в молитве. Нельзя словами научиться зрению, ибо это есть природная способность; так и благолепие молитвы нельзя познать от одного учения. Ибо она самой себе имеет учителя — Бога... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 241—242).

***

Гусли — сердце; струны — чувства; бряцало — память Божия; гусляр — ум. Ум, памятью о Боге и божественных вещах, извлекает из богобоязненного сердца чувства святые, от которых сладость некая неизреченная исполняет душу, и ум, чистым бывая, освещается Божественными озарениями (патр. Каллист, 93, 425).

***

...Сохрани себя от невоздержания и ненависти, и не встретишь преткновения во время молитвы (авва Фалассий, 91, 314).

***

Дом молитвы — терпение, ибо им она поддерживается; потребы же ее — смирение, ибо им она питается (прп. Илия Екдик, 91, 473).

***

Невозможно уму быть мирну в молитве, если не стяжет он наперед содружества с воздержанием и любовию... (прп. Илия Екдик, 91, 485).

***

...То, силою чего мы молимся как должно, есть Дух Святый (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 58).

***

Как же ты думаешь и говоришь, будто мы предлагаем преуспеть в молитве без деятельной жизни? (прп. Григорий Синаит, 93, 230).

***

Чудное совокупление поста с молитвой! Молитва — бессильна, если не основана на посте, и пост — бесплоден, если на нем не создана молитва. Пост отрешает человека от плотских страстей, а молитва борется с душевными страстями и, победив их, проникает весь состав

человека, очищает его; в очищенный словесный храм она вводит Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 135).

***

Желающий заняться подвигом молитвы! Прежде, нежели приступишь к этому подвигу, постарайся простить всякому... причинившему тебе какое бы то ни было зло (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 155).

***

Послушание, самоотвержение и смирение суть те добродетели, на которых зиждется преуспеяние в молитве (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 262).

***

В духе человеческом сосредоточены ощущения совести, смирения, кротости, любви к Богу и ближнему и других подобных свойств; нужно, чтоб при молитве действие этих свойств соединялось с действием ума (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 299).

***

Из совершенного смирения и из совершенной покорности воле Божией рождается чистейшая, святая молитва (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 326).

***

Вступившего в истинный молитвенный подвиг руководствует в нем Сам Бог с премудростью, непостижимой для

тех, которые не посвящены в ее таинства (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 349).

***

...Помогайте неимущим и нуждающимся... и молитва ваша скоро окрылится (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 79).

Степени молитвы

...Поклонение или моление Духом... означает не иное что, а то, что Дух Сам Себе приносит молитву и поклонение (свт. Григорий Богослов, 14, 113).

***

Объять все виды молитв, без высочайшей чистоты сокрушенного сердца и просвещения Святаго Духа, мне кажется, невозможно. Они столь же многочисленны, как и те состояния, в коих может находиться всякая душа. Хотя мы и совершенно уверены, что, судя по холодности нашего сердца, мы не можем обозреть все виды молитв, впрочем попытаемся изложить их, сколько позволяет нам малая опытность наша. По мере чистоты, в какой преуспевает чей-либо ум, и по свойству состояния, в какое он или случаями приводится, или своим старанием приходит, ежеминутно изменяется и самый вид молитвы; и потому очевидно, что никто не может воссылать молитв всегда однообразных. Ибо всякий иначе молится в веселии, нежели когда отягчен бывает бременем печали и отчаяния; иначе, когда укрепляется в духовном преуспеянии, нежели когда утесняется нападениями врага; иначе, когда испрашивает отпущения грехов, нежели когда просит приобретения благодати, или какой-либо добродетели, или уничтожения какого-нибудь порока; иначе, когда сокрушается

мыслию о геенне и страхом будущего Суда, нежели когда воспламеняется желанием будущих благ и надеждою; иначе, когда находится в нуждах и напастях, нежели в безопасности и спокойствии; иначе, когда просвещается откровениями небесных тайн, нежели когда скорбит о бесплодии своих добродетелей и сухости чувствований (прп. авва Исаак, 56, 329—330).

***

...Молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения (1 Тим. 2, 1). Такое разделение, без сомнения, сделано Апостолом не напрасно. Посему нужно сперва определить, что значит молитва, моление, прошение, благодарение; далее нужно исследовать, все ли эти четыре вида должны быть вместе употребляемы молящимся, так чтобы во всякой молитве все они соединялись, — или должны быть приносимы порознь и попеременно, т. е. иногда молитвы, иногда моления, а иногда прошения или благодарения; или один должен воссылать Богу молитвы, а другой моления, один прошения, а другой благодарения, сообразуясь, т. е. с мерою возраста, в какую приходит чей-либо ум, смотря по напряжению своей деятельности. <...>

Все вышеупомянутые четыре вида полезны и необходимы всякому человеку, так что один и тот же человек, смотря по различию внутреннего своего расположения, может приносить иногда молитвы, иногда моления, иногда прошения, иногда благодарения, чистые и горячайшие. Впрочем первый вид, кажется, особенно приличен начинающим, кои, как жалом, уязвляются еще воспоминанием своих пороков; второй тем, коих преспеяние в добродетелях поставило на некоторую высшую степень духовного совершенства; третий тем, кои, исполняя обеты свои на самом деле, приемлют на себя ходатайство и за других, по

любви и снисхождению к их немощи; четвертый же свойствен тем, кои, исторгнув из сердец своих терны наказующей совести, спокойно и совершенно чистым умом созерцают милости и щедроты Господни, или прежде оказанные им, или настоящие, или в будущей жизни приготовляемые и чрез то пламенеющим сердцем возбуждаются к горячайшей и устами человеческими неизглаголанной молитве. Случается, впрочем, что ум, достигший такого совершенства чистоты и начавший уже утверждаться в оном, вдруг объемлет все сии виды молитв и, обтекая их, наподобие некоего непостижимо быстрого пламени, проливает пред Богом неизреченные, чистейшей силы исполненные моления, кои Сам Дух, без нашего ведения, возносит к Богу в воздыханиях неизглаголанных (см.: Рим. 8, 26), т. е. в сию минуту человек одушевляется такими чувствованиями и столь непостижимо изливается в молитве, что в другое время он не только не может пересказать сего, но даже и возобновить в своей памяти. А из этого видно, что в какой бы мере возраста кто ни находился, может иногда воссылать чистые и усердные молитвы. Ибо и тот, кто стоит на первой и низшей степени, возмущаясь помыслом о грядущем Суде, страшась испытания и ужасаясь наказания, и тот, говорю, приходит иногда в такое сокрушение, что не менее является готовым утучнить (см.: Пс. 62, 6) молитвенную жертву свою, как и тот, кто наслаждается неизреченным веселием и радостью при созерцании чистым сердцем Божеских благодеяний; ибо он, зная, что ему много прощено, начинает, по слову Господа, много любить (см.: Лк. 7, 47) (прп. авва Исаак, 56, 330—333).

***

...Есть высшая молитва совершенных — некое восхищение ума, всецелое отрешение его от чувственного, когда

неизглаголанными воздыханиями духа приближается он к Богу... (прп. Нил Синайский, 72, 135).

***

Иногда на бдении надо скоро читать псалом, а иногда предпочитать следует пение псалмов. Нам надлежит изменять образ действования в противоположность козням врагов, которые иногда внушают гнать язык в скорочтении по причине объятия души унынием, а иногда возбуждают к величавому сладкопению (прп. Нил Синайский, 90, 242).

***

Кто молится телесно, и не имеет еще духовного разума, тот подобен слепому, взывавшему: *Сыне Давидов, помилуй мя!* (Мк. 10, 48) (прп. Марк Подвижник, 69, 8).

***

Есть много образов молитвы, отличных один от другого, но ни один образ молитвы не вреден, кроме того, что не есть молитва, но делание сатанинское (прп. Марк Подвижник, 69, 9).

***

Те, которых ум научился истинно молиться, говорят с Господом лицом к лицу, как бы в уши царя. А которые молятся устами, те припадают к Нему, как бы при всем синклите. Пребывающие же в мире, когда молятся, подобны бывают тем, кои среди молвы всего народа умоляют царя (прп. Иоанн Лествичник, 57, 219).

***

Начало молитвы состоит в том, чтобы отгонять приходящие помыслы при самом их появлении; середина же ее в том, чтобы ум заключался в словах, которые произносим или помышляем; а совершенство молитвы есть восхищение ко Господу (прп. Иоанн Лествичник, 57, 235).

***

Стоит вне первой завесы (вне скинии на дворе) тот, кто блуждает мыслями во время молитвы; за сею завесою внутри скинии (передней ее части, именуемой святая) находится тот, кто молится неразвлеченною молитвою; во святая же святых проникает один тот, кто, по умиротворении естественных помыслов и движений, с единым Тем пребывает, Кто есть превыше всякого естества, получая от Него и потребное просвещение (прп. Илия Екдик, 91, 431—432).

***

Отличительные свойства первого образа <молитвы> таковы: когда кто, стоя на молитве и воздевая на небо руки свои и очи свои, и ум свой, держит в уме божественные помышления, воображает блага небесные, чины Ангелов и обители святых, и кратко все, слышанное в Божественных Писаниях, собирает в ум свой и рассуждает о том тогда, во время молитвы, зря на небо, и подвигает тем душу свою к вожделению и любви Божией, а иной раз извлекает даже слезы и плачет... Но при этом образе (молитвы, если кто на нем одном останавливается, бывает, что) мало-помалу (молящийся так) начинает кичиться в сердце своем, сам того не понимая; ему кажется, что делаемое им есть от благодати Божией в утешение ему, и он молит

Бога сподобить его всегда пребывать в таком делании. А это... есть знак прелести, ибо добро уже не добро, когда не бывает добрым образом и как следует.

Такой человек, если убезмолвится крайним безмолвием (т. е. сделается... затворником), то ему едва ли можно не исступить из ума... Но если и случится, что не исступит он из ума, все же невозможно ему будет стяжать добродетели или бесстрастие. На этом пути стоя, прельщаются и те, которые видят свет телесными очами своими, обоняют благовония обонянием своим, слышат гласы ушами своими и подобное. Некоторые из таких взбесновались и в безумии ходят с места на место. Другие прельстились, приняв диавола, преобразившегося и явившегося им в виде ангела света, а они того не распознали и остались неисправимыми до конца, не хотя слышать совета ни от какого брата. Иные из таких сами себя лишили жизни, быв подвигнуты на то диаволом; иные бросились в пропасть; иные удавились. И кто может пересказать разные прелести, какими прельщает их диавол, когда они неисчислимы?

Из сказанного нами всякий разумный человек может понять, какой вред происходит от сего первого образа внимания и молитвы (если почитать его последним пределом совершенства в молитве). Если же и случится кому из употребляющих сей образ не пострадать... по причине сожительства с братьями (потому что им подвергаются особенно те, которые живут уединенно), то все же он всю жизнь свою проведет, не преуспевши (в духовной жизни).

Второй образ <молитвы> есть такой, когда кто сводит ум свой внутрь себя, отвлекая его от всего чувственного, хранит чувства свои, собирает все помыслы свои, чтоб не скитались по суетным вещам мира сего, — и то исследует помыслы свои, то вникает в слова читаемой молитвы, то

возвращает назад помыслы свои, если они, быв пленены диаволом, унеслись к чему суетному и худому, то с большим трудом и самопонуждением напрягается прийти в себя самого, если был возобладан и побежден какой-либо страстью. Отличительная черта сего дела та, что оно происходит в голове: мысли с мыслями борются.

Имея такой подвиг и такую брань с самим собою, не может он мирствовать в себе никогда и не находит времени заняться деланием добродетелей, чтоб получить и венец правды. Такой человек подобен ведущему брань с врагами своими ночью в темноте, который слышит голоса врагов своих и принимает удары от них, но не может ясно видеть, кто они такие, откуда пришли, как и для чего бьют его. Потому что сам он пребывает в голове, а помышления злые исходят из сердца. Он и не видит их, так как не внимает сердцу. Тьма, которая в уме его, и буря, какую он имеет в помыслах своих, причиняют ему сей ущерб (т. е. не дают ему видеть это), и нет ему возможности ускользать от врагов своих демонов, чтобы они не поражали его. Тщетно подъемлет он труд, несчастный, и даже совсем теряет мзду свою, если при этом, и сам не замечая того, возобладан бывает тщеславием, воображая, что надлежаще внимает себе. В гордости своей презирает он других и осуждает их, а себя самого хвалит, мечтая при сем, что достоин быть пастырем словесных овец и руководить других, и походит он на слепца, который берется водить других слепцов <...>

Начало... третьего образа <молитвы> не то, чтоб воззревать на небо, воздевать руки свои горе, иметь ум свой в том, что на небе; это... есть принадлежность первого образа <молитвы> и недалеко от прелести; и не то, чтоб хранить умом своим чувства и на это обращать все свое внимание, а на внутренние брани душевные, причиняемые

врагами, не смотреть (они смотрят и борются, но все в голове, и не остерегаются их), — это принадлежность второго образа, и кто употребляет это, попадает в рабство демонам, и не может сотворить отмщения сим поработителям своим, но враги и непрестанно борют его явно и тайно, и делают его тщеславным и гордым.

Но ты, возлюбленный, если хочешь спастись, начни дело таким образом: после (установления в сердце) совершенного послушания, какое... должно тебе иметь к духовному отцу твоему, и все прочие дела свои делай с чистою совестью, как бы ты был пред лицем Бога: ибо без послушания невозможно быть совести чистой. Совесть же свою хранить чистою должен ты в трояком отношении: в отношении к Богу, в отношении к духовному отцу своему и в отношении к прочим людям, также к вещам и предметам мира (житейским).

В отношении к Богу долг имеешь хранить совесть свою чистою, не позволяя себе делать ничего такого, о чем знаешь, что оно не упокоевает Бога и неприятно Ему.

В отношении к духовному отцу своему делай одно то, что он заповедует тебе и ни больше, ни меньше того не позволяй себе делать, но шествуй по намерению его и по воле его.

В отношении к другим людям соблюдешь совесть свою чистою, не позволяя себе делать им ничего такого, что сам ненавидишь и чего не желаешь, чтоб они делали тебе самому.

В отношении к вещам долг имеешь хранить совесть свою чистою, употребляя их всегда как должно, — именно пищу, питие, одежду.

И вкратце, все делай так, как бы ты был пред лицем Бога, и ни в каком деле не допускай себя до того, чтоб

обличала и уязвляла тебя совесть, что ты не сделал его хорошо.

Действуя таким образом, ты уровняешь себе истинную и незаблудную стезю к третьему образу внимания и молитвы, который есть следующий: ум (был в сердце — отличительная черта сего третьего образа молитвы) да хранит сердце в то время, когда молится, и внутрь его да вращается неотходно, и оттуда, из глубины сердца, да воссылает молитвы к Богу (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 180—185).

***

Тому, кто много говорит устами в молитве своей, неудобно сознавать все, что говорит; но кто молится немногословно, тот может сознавать, что говорит в молитве. Тем, которые не все сознают хорошо, что говорят, положено много говорить; тот же, кто научился сознавать, что говорит в молитве, не может говорить много, чтоб не рассеяваться умом. Нет нужды много говорить к Богу, но немного с разумным сознанием того, т. е. чтоб понимаемо было то. Впрочем молиться с разумным сознанием никак невозможно, не сделавшись причастником Духа Святаго. Если кто не содружится с Богом чрез Господа Иисуса Христа во Святом Духе, то душа его не может молиться с разумным сознанием, как сказал один из великих отцев: то, силою чего мы молимся, как должно, есть Дух Святый. Итак, кто думает, что молится настоящим образом без Духа Святаго, тот, и прославляя Бога песнословно, тоже, что хулит Его, поколику нечист есть и не содружился еще с Богом (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 568).

***

Молитва в новоначальных есть, как огнь веселия, из сердца исторгающийся; а в совершенных, как свет благоухающий, внутрь его действующий (прп. Григорий Синаит, 93, 222—223).

***

...Одни учат устно произносить молитву, а другие — мысленно умом. Я же то и другое полагаю. Ибо иногда ум изнемогает произносить молитву сам по себе, от уныния, иногда уста утомляются делать это. Потому обоими надо молиться, и устами, и умом. Однако же тихо и без смятения надо взывать к Господу, чтобы глас не расстроил внимания ума и не пресек молитвы, пока ум навыкнет деланию сему и, приняв силу от Духа, станет крепко молиться сам в себе. Тогда не будет нужды произносить молитву устно, да и невозможно, потому что достигший сего довольствуется вполне умным деланием молитвы и не имеет желания отставать от нее (прп. Григорий Синаит, 93, 235—236).

***

Умная или внутренняя молитва есть, когда молящийся, собрав ум внутрь сердца, оттуда не гласным, но безмолвным словом воссылает к Богу молитву свою, славословя Его и благодаря, сокрушенно исповедуя пред Ним грехи свои и испрашивая у Него потребных себе благ духовных, душевных и телесных. Не словом только надо молиться, но и умом, и не умом только, но и сердцем, да ясно видит и понимает ум, что произносится словом, и сердце да чувствует, что помышляет при сем ум. Все сие в совокупности и есть настоящая молитва, и если нет в молитве твоей

чего-либо из сего, то она есть или несовершенная молитва, или совсем не молитва.

Ты, верно, слыхал такие слова: словесная молитва, мысленная молитва, сердечная молитва; слышал притом, может, и рассуждения о каждой из них особо. Отчего происходит такое разложение молитвы на ее части? Оттого, что по нашей оплошности бывает, что иной раз язык произносит святые слова молитвы, а ум блуждает невесть где, или ум и понимает слова молитвы, а сердце не отзывается на них чувством. В первом случае молитва бывает только словесная, и совсем не есть молитва; во втором — со словесной соединяется и молитва мысленная, и это есть молитва несовершенная, неполная. Полная и настоящая молитва есть, когда со словом молитвенным и молитвенною мыслью соединяется и молитвенное чувство.

Бывает, по благодати Божией, и одна сердечная молитва, и это есть духовная молитва, Духом Святым в сердце движимая; молящийся сознает ее, но не творит, а она сама в нем творится. Такая молитва есть достояние совершенных. Общедоступная же и от всех требуемая молитва есть, чтоб со словом молитвенным всегда сочетаваемы были и мысль, и чувство.

Бывает еще молитва, которую именуют предстоянием пред Богом, когда молящийся, весь сосредоточившись внутрь сердца, мысленно созерцает Бога присущим себе и в себе с соответственными тому чувствами, — то страха Божия и благоговейного изумления Его во всем величию, то веры и упования, то любви и преданности в волю Его, то сокрушения и готовности на всякие жертвы. Такое состояние приходит, когда углубится кто в обычной молитве словом, умом и сердцем. Кто долго и как должно молится, у того такие состояния чаще и чаще будут повторяться, и, наконец, состояние такое может сделаться

постоянным, и тогда оно называется хождением пред Богом и есть непрестанная молитва. В таком состоянии пребывал святой Давид, свидетельствующий о себе: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8).

Итак, брате мой, желаешь ли, чтоб молитва твоя была благоплодна — никогда не ограничивайся в молитве своей одним молитвословием, но молись вместе и умом, и сердцем, — умом, разумея и сознавая все молитвословимое, — сердцем, все то чувствуя. Наипаче же молись сердцем. Молитва, из сердца исторгающаяся... мгновенно проходит небеса и является пред Престолом Всемилостивого Бога. И Бог ей наипаче внемлет и на нее преклоняется (прп. Никодим Святогорец, 70, 188—190).

***

Я уже поминал... чтобы ты, когда во время молитвословия какие-либо слова изрекаемой молитвы падут на душу и займут ее, не оставлял сего без внимания, но остановился на сем и сам от себя помолился о том, что заняло твою душу. И делай так... И в этих всех случаях не оставляй без внимания зародившегося позыва, но исполни его требование, пресекши на время занятие, при котором это случилось. Эти внезапные порывы значат, что молитва начала водворяться в сердце и наполнять его. Ибо не с первых пор, как посвятишь себя труду навыкновения молитве, появляется сие, а спустя более или менее продолжительное время. В этом — свидетельство успеха в молитвенном труде; и чем чаще появляются такие внутренние позывы, тем полнее духом молитвенным исполняется то сердце, в котором они возникают. Кончиться сие должно бы тем, чтоб всегда молиться только своей молитвой. Но этого не бывает, а всегда своя молитва привходит в мо-

литвословие готовое. Ибо они однородны и одной суть степени достоинства, и если заменяются, то молитвою предстояния Богу созерцательного без слов.

Заметь, что иногда в таких случаях порождается только позыв к определенной молитве, а иногда с позывом и сама молитва без труда со стороны молящегося слагается в сердце. В первом случае тебе предлежит самому слагать подобающую молитву, а во втором — только внимать и не мешать исходящей из сердца молитве. При сем напомню тебе: да не соблазнит тебя желание без сказанного внутреннего позыва и нуждения слагать самому свои молитвы. Ты можешь очень умную сложить речь к Богу, но это не будет молитва, а сочетание слов и мыслей без духа молитвенного. Не делай так. Без тщеславия и самомнения не обойдешься, а эти порождения заглушают молитву настоящую и подавляют ее.

Что касается до молитвы, которая сама собой слагается в сердце вместе с породившимся в нем нуждением помолиться самому о предмете, тебя лично касающемся и для тебя именно благопотребном, то она иной раз бывает собственно твоим порождением из тех молитвенных элементов, которые собираются в сердце от усвоения и заучения готовых молитв, а иной раз действием благодати Божией производится. В таких случаях она бывает зачатком или зародышем молитвы духовной... Когда станешь сподобляться сего, это будет значить, что ты подходишь к пределам доступного тебе совершенства. Возблагодари тогда Бога, путем же жизни начинай тещи <течь> еще с большим страхом и трепетом. Чем дороже чье сокровище, тем сильнее разгораются завистливые очи врагов.

...Настоящая молитва есть молитва внутренняя, не словом только, но и умом, и сердцем совершаемая. Такая молитва овладевает всем вниманием и держит его внутри

у сердца, почему внутрь пребывание есть неотъемлемая черта настоящей молитвы и главное ее условие. С внутрь пребыванием в деле молитвы неотлучна мысль о Боге присущем, видящем и внемлющем молитве, с отражением всякого другого помышления, что именуется трезвением или хранением сердца. Вся потому забота трудящегося над преуспеянием в молитве сюда должна быть преимущественно обращаема, и действительно обращается, т. е. чтоб всегда неотходно быть у сердца, трезвенно охраняя его от всякого помышления, кроме единого Бога, и что бы ни предлежало делать, делать то, не отклоняясь вниманием от Бога, с сознанием Его присутствия, как бы пред лицем Его. Это есть высшее делание в молитвенном труде. Путь к нему и даже к сознанию нужды и потребности его пролагает молитвословие, показанным образом совершаемое. Оно первое научает ум сосредоточиваться у сердца и внимать исключительно Богу. Познав, сколь сие сосредоточение благотворно, молитвенному труженику естественно желать, чтобы оно было неизменным состоянием его духа, ибо тогда была бы в нем непрестанная молитва. Возжелавшему же естественно взыскать удовлетворения сего желания. И все восчувствовавшие такую потребность взыскивали и взыскивают сего. Все наставления святых отцев о трезвении и хранении сердца на это направлены, и порождены не иным чем, как успехами в сем труде...

Молитвословие многосложно. Оно содержит и вниманию представляет много предметов, которые, хотя все святы, могут, однакож, напомнить собой другие предметы, житейские и общественные, а чрез них и мирские, неподобные, по обычным законам сочетания мыслей и воображений. Так это и бывает. И молитвословие самое усердное не проходит без того, чтоб мысль не отклонялась инуды и

не блуждала. Так как молитва чрез это возмущается и делается нечистою, то нет молитвенника, который бы не досадовал на это и не желал избавиться от такой немощи. Внимание на это обращено было с первых дней подвижничества. Что же после молитвословия придумано к уврачеванию ее? Придумано молиться коротенькими молитвами, которые бы, держа мысль пред лицем Бога, не давали ей повода уклоняться инуды и делали ее неисходно внутрь пребывающею (прп. Никодим Святогорец, 70, 198—199).

***

...Молитва называется *умною*, когда произносится умом с глубоким вниманием, при сочувствии сердца; *сердечною*, когда произносится соединенными умом и сердцем, причем ум как бы нисходит в сердце и из глубины сердца воссылает молитву; *душевною*, когда совершается от всей души, с участием самого тела, когда совершается из всего существа, причем все существо соделывается как бы едиными устами, произносящими молитву (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 218).

***

Внимательная молитва служит признаком, что сердце расторгло нити пристрастий и потому уже свободно направляется к Богу, прилепляется к Нему, усвояется Ему (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 257).

***

...Прежде истребления страстей молитва бывает иная, и иная по очищении сердца от страстей: первая есть

помощница при очищении сердца от страстей, а вторая есть как бы некий духовный залог будущего блаженства (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 228).

Чистота сердца

...Да будет душа твоя во время молитвы чиста от всякого зла, и тем более злопамятности... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 214).

***

...Старайтесь быть чистым храмом, постоянно утром и вечером принося Богу жертву внутреннего человека (прп. авва Исаия, 59, 42).

***

...Когда мы совершаем молитвы наши, и какая-либо из... страстей господствует в сердце нашем, то суетен труд наш и неприятен Богу (прп. авва Исаия, 59, 58).

***

Только чистая душа изливает искренние молитвы к Богу (прп. авва Исаия, 59, 176).

***

Блажен, кто, стоя у Божией службы и на молитве, как Ангел небесный, всякий час имеет чистые помыслы и не дает доступа к себе лукавому, чтоб взял он в плен душу его и отвел от Бога Спасителя (прп. Ефрем Сирин, 30, 524—525).

***

Если молитву нашу не будут украшать смиренномудрие, любовь, это — личина молитвы (прп. Ефрем Сирин, 32, 344).

***

Кто без смирения совершает бдение и молитву, тот не лучше сонливого; а молитва смиренного, хотя он и спит, — благоухающее кадило пред Богом (прп. Ефрем Сирин, 33, 116).

***

...Надобно очистить сперва самих себя, а потом уже беседовать с Чистым (свт. Григорий Богослов, 13, 165).

***

...Как дыхание, проходя чрез свирель, издает глас, так Дух Святый в чистом сердце святых и духоносных человеков воспевает, песнословит и молится Богу... (прп. Макарий Египетский, 67, 303—304).

***

Если не будут украшать нас смиренномудрие, простота и благость, то никакой не принесет нам пользы молитвенная наружность (прп. Макарий Египетский, 67, 349).

***

Как дело молитвы выше других, так и у прилежного к молитве велика должна быть попечительность, чтобы, неприметным образом, не окрала его злоба (прп. Макарий Египетский, 67, 373).

***

...Благозвучен и доходит до Божия слуха... не вопль, с напряжением издаваемый, но помышление, воссылаемое от чистой совести (свт. Григорий Нисский, 18, 297).

***

...Если кто, как говорит Писание, будучи ***жестокосерд, и ищай лжи*** (ср.: Пс. 4, 3), осмеливается произносить слова молитвы, то пусть таковый знает, что призывает он отца не небесного, а преисподнего, который сам есть лжец и делается отцом лжи... (свт. Григорий Нисский, 18, 406).

***

...Молитва человека порочного, пока он в пороке, бывает призыванием диавола, а кто оставил порок и живет в благости, того глас призывает Благого Отца (свт. Григорий Нисский, 18, 412).

***

...Когда приступаем к Богу, будем сперва обращать внимание на жизнь свою, имеем ли в себе что-либо достойное Божественного родства, и потом уже осмеливаться на произнесение такого слова. Повелевший сказать: «Отец», не дозволил говорить ложь. Посему, кто жил достойно Божеского благородства, тот прекрасно возводит взор к Небесному Граду, Небесного Царя именуя Отцом и небесное блаженство — Отечеством. К чему же клонится цель сего совета? К тому, чтобы мудрствовать нам горняя; где Бог, там полагать основание своего жилища, там собирать сокровища; туда переселиться сердцем своим: ***идеже бо есть сокровище, ту и сердце*** (Мф. 6, 21), и не-

престанно иметь ввиду отеческую лепоту и сообразно с оной украшать собственную душу (свт. Григорий Нисский, 18, 412—413).

***

Божество непричастно зависти и всякой скверны, и на тебя да не кладут пятна подобные страсти: ни зависть, ни кичливость, ни что-либо другое, оскверняющее богоподобную лепоту. Если сделаешься таковым, то смело гласом своим призывай Бога, и Владыку вселенной именуй Отцом своим. Он воззрит на тебя отеческими очами, облечет тебя в божественную одежду, украсит перстнем и ноги твои для шествия горе́ снабдит евангельскими сапогами, восстановит тебя в Небесное Отечество, о Христе Иисусе Господе нашем. Ему подобает слава и держава во веки веков (свт. Григорий Нисский, 18, 413).

***

...Прежде всего, думаю, надлежит молиться и главным предметом молитвы поставлять то, чтобы жизнию моею имя Божие не хулилось, но прославлялось и святилась вера в таинство (свт. Григорий Нисский, 18, 420).

***

...Приступая к Благодетелю, будь сам благодетелем; приступая к Доброму, будь добрым; приступая к Правдивому, будь правдивым; приступая к Терпеливому, будь терпелив; приступая к Человеколюбивому, будь человеколюбивым, а также будь и всем иным, приступая к Добросердому, к Благосклонному, к Общительному в благах, к Милующему всякого, и, если еще что усматривается божественного, во всем этом уподобляясь произволением,

приобретай тем себе дерзновение на молитву. Посему, как невозможно лукавому освоиться с добрым, и покрытому нечистыми скверн ами иметь общение с чистым и нескверным, так приступающего к Божию человеколюбию отлучает от оного жестокосердие (свт. Григорий Нисский, 18, 451—452).

***

Как сделавшийся добычею смерти уже не жив, и наслаждающийся жизнью удален от смерти; так приступающему к Божию человеколюбию совершенно необходимо быть чуждым всякой жестокости (свт. Григорий Нисский, 18, 452).

***

Боящиеся Господа, хвалите Его (ср.: Пс. 21, 24) в тех местах, в которых находитесь. Ибо перемена места не приближает к нам Бога, но где бы ты ни был, Господь придет к тебе, если обитель души твоей окажется такою, чтобы Господь мог вселиться в тебе и ходить (см.: Лев. 26, 12). А если внутренний твой человек полон лукавых помыслов, то хотя бы ты был на Голгофе, хотя бы на горе Масличной, хотя бы под памятником Воскресения, ты столько далек от принятия Христа в себя, сколько и те, которые не исповедали и начал веры. Итак, возлюбленный, советую из тела путешествовать к Господу, а не из Каппадокии в Палестину (свт. Григорий Нисский, 25, 460).

***

Если... мы молимся в гневе и раздражительности, то мерзки мы и ненавистны пред Богом (свт. Иоанн Златоуст, 45, 340).

***

Если сердце твое свободно от нечистых страстей, то, где бы ты ни был, на торжище ли, дома ли, на пути ли, в суде, на море, в гостинице или в мастерской, везде можешь помолиться Богу и получить просимое (свт. Иоанн Златоуст, 47, 323—324).

***

...Не обилие слов умоляет Бога, но душа чистая и являющая добрые дела (свт. Иоанн Златоуст, 48, 11).

***

Бог требует <в молитве> не красоты речи и не слов изысканных, но красоты души, и когда она возгласит угодное Ему, то получит все (свт. Иоанн Златоуст, 48, 13).

***

...Всегда смирение служит к успешному возношению молитвы, потому что Господь близок к сокрушенным сердцем (свт. Иоанн Златоуст, 48, 121).

***

...Люди не должны полагаться на одну молитву, предаваясь сами беспечности и сну, но приносить должное и со своей стороны <добродетели> (свт. Иоанн Златоуст, 48, 491).

***

...Будем творить молитвы не с движениями тела и не с воплем гласа, но с благим и искренним расположением, не с шумом и гамом, не для показа, способного отогнать

ближних, но со всею кротостию, сокрушением сердца и непритворными слезами (свт. Иоанн Златоуст, 50, 219).

***

Молиться с неумытыми руками — дело безразличное, а молиться с нечистою душою, это — величайшее из всех зол (свт. Иоанн Златоуст, 51, 491).

***

Пусть душа молящегося будет чиста и свободна от всякой страсти, пусть никто не приступает к Богу с враждою, пусть никто не приступает с негодованием... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 672).

***

Качество души хорошо сравнивают с легким пером или пухом. Не будучи омочен никакою постороннею жидкостью, при самом слабом дыхании ветерка, он обыкновенно, по своей легкости, возносится на высоту; а если бывает отягчен какою-либо влажностью, то, вместо того, чтобы подниматься на воздух, от тяжести принятой им влаги прилегает к недрам земли. Так и ум наш, если будет свободен от бремени приражающихся к нему пороков и мирских забот и чужд растления вредных похотей, то, облегчаемый силою природной чистоты своей, при самом тихом веянии духовного размышления, возвышается к превыспреннему и, оставляя все дольнее и земное, переносится к небесному и невидимому (прп. авва Исаак, 56, 325—326).

***

...Если хотим, чтобы молитвы наши восходили не только до небес, но и превыше небес, то постараемся поста-

вить ум наш в естественное состояние его духовности, очистив его от всех земных пороков и скверны страстей, чтобы таким образом молитва его, не отягчаясь более никаким бременем пороков, могла вознестись к Богу (прп. авва Исаак, 56, 326).

***

Молитву делают благоуспешною не голые слова, но добрые паче дела. Ибо смотри: божественнейший Давид просит, чтобы судил его Бог *по незлобе* его (Пс. 7, 9); и благочестивейший Езекия представляет молитвенницею за себя свою богобоязненность (см.: Ис. 38, 3); и вдовицы в Иопии употребляют ходатаями добрые дела умершей (см.: Деян. 9, 39). Если так будешь совершать моление свое, прямо взойдет оно к Богу, *и изведет яко свет правду твою и судьбу твою яко полудне* (Пс. 36, 6) (прп. Исидор Пелусиот, 60, 220).

***

Связанный не может бежать, и ум, раболепствующий страстям, не увидит области духовной молитвы... (прп. Нил Синайский, 71, 186).

***

Молитва смиренного преклоняет Бога, а прошение гордого оскорбляет Бога (прп. Нил Синайский, 71, 222).

***

Тревожное же воспоминание о плотских пожеланиях не только не попускает собеседовать с Богом, но даже ум, по-видимому, молящийся, оскверняет мечтами гнусных помышлений (прп. Нил Синайский, 72, 129).

***

Ум, молитвенно пребывающий в Боге, и страстную часть души освобождает от страстей (авва Фалассий, 91, 319).

***

Знак великого невежества, чтоб не сказать безумия, — искать спасения молитвами святых тому, кто в сердце услаждается пагубными делами, и просить прощения в том, чем с самохвальством в то же время действительно сквернится он в мыслях и чувствах. Просящему молитвы праведного не должно позволять самому себе делать ее бесплодною и недейственною, если воистину ненавидит зло; но окрыляя ее <молитву> своими добродетелями, делать ее действенною и сильною востечь до могущего давать оставление прегрешений (прп. Максим Исповедник, 91, 282).

***

Ум страстный не может войти в тесную молитвенную дверь, если прежде не оставит сластолюбивых попечений своих о чувственном... (прп. Илия Екдик, 91, 475).

***

...Бог не оказывает милости тем, кои в молитвах своих суть *медь звенящая и кимвал звящаяй* (ср.: 1 Кор. 13, 1). А от этого крепнет царство диавола и расширяется властительство его над христианами, вследствие чего видим между христианами много лжецов, бранчивых, клеветников, клятвопреступников, завистников, скупцов, хищников, пьяниц, блудников, гордецов, и подобных; много и таких, которые, скрывая свои пороки, лицемерно вели-

чаются тем, что суть христиане, тогда как по сердцу суть род лукавый, бесчувственный, неблагодарный, непримирительный, человеконенавистный, другоненавистный, братоненавистный, отценеиавистный, чадоненавистный, за что все и сам Богу ненавистен. Горе таковым, когда и они поют псалмы Богу! Горе им, когда молятся! Горе, когда поклоняются Богу! Горе, когда творят милостыню! Горе, когда приносят дары Богу! Ибо и песнь нечестивых — мерзость пред Богом, молитва гневливого и злопамятного — смрадное зловоние, милостыня гордого — жертва пса, благотворение развратника и блудника — мзда блудницы, дар лихоимца — жертва нечистая... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 253).

***

Для правильности молитвы надобно, чтобы она приносилась из сердца, наполненного нищеты духа; из сердца сокрушенного и смиренного (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 140).

***

Сознание своей греховности, сознание своей немощи, своего ничтожества — необходимое условие для того, чтоб молитва была милостиво принята и услышана Богом (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 155).

***

Приготовь себя к молитве беспристрастием и беспопечением. От пристрастий — попечения. Удерживаемая пристрастиями, развлекаемая попечениями, мысль твоя не возможет неуклонно стремиться молитвою к Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 156).

***

В жертву любви к молитве принеси наслаждение чувствами и наслаждения умственные, любознательность, любопытство; храни душу твою от всех внешних впечатлений, чтоб на ней напечатлелся, при посредстве молитвы, Бог (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 157).

***

Приготовлением к молитве служат: непресыщенное чрево, отсечение попечений мечом веры, прощение от искренности сердца всех обид, благодарение Богу за все скорбные случаи жизни, удаление от себя рассеянности и мечтательности, благоговейный страх... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 160).

***

Как семена, посеянные на ниве, не обработанные земледельческими орудиями, пропадают, не принося никакого плода, так и молитва остается бесплодною, если для нее приготовлена плоть, но не приготовлено сердце постом (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 107).

***

Главное условие для успеха в молитве есть очищение сердца от страстей и всякого пристрастия к чему-либо чувственному (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 61).

***

И молитва есть наука, и она живоносна, не томительна, сердцем изучается, а не памятью и умом (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 165).

***

По мере усовершенствования добродетелей, совершенствуется и молитва (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 168).

***

Извольте ведать, что для успеха в молитве надо стараться сердце украсить всеми добродетелями... наипаче же смирением, сокрушением, покорностью и своей воли отвержением (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 11).

***

Барометр определяет, как тяжел или легок воздух, и молитва показывает, насколько высокоходен или низкоходен дух наш в его обращении к Богу (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 165).

Трезвение в молитве

Когда молишься и воспоминаешь о Боге, будь как птица, легко и высоко парящая, по обету монашества и значению одежд твоих (прп. Антоний Великий, 89, 96).

***

Когда молишься, не допускай лености: ибо молитва ленивого — праздные слова (прп. Антоний Великий, 89, 96).

***

Кто молится трезвенно, тот попаляет демонов; а кто молится рассеянно, над тем насмеются они (прп. Ефрем Сирин, 30, 169).

***

Вопиять во услышание — знак человекоугодия, а кто молится с ведением и с верою, тот зрит перед собою Господа... (прп. Ефрем Сирин, 31, 102).

***

Если молитва будет предшествовать делу, и, встав с ложа, первые свои движения посвятишь молитве, то грех не найдет доступа к душе (прп. Ефрем Сирин, 32, 12).

***

...Когда молится кто с ведением, не позволяет скитаться помыслам, и разумеет, кто он, и Кому предстоит, и с Кем беседует, тогда молитва его приближается к Богу, тогда и враг сильно страждет, как пораженный стрелою в сердце. Душа по благодати более и более преуспевает, а враг бежит, как ***прах пред лицем ветра***, гонимый Ангелом Божиим (Пс. 34, 5). Вот почему заставляет страдать врага, кто молится с ведением и мужественно подвизается, пленяя свой помысл (прп. Ефрем Сирин, 32, 299).

***

...Будем возгревать совесть, возбуждать в душе скорбь памятью о грехах, возбуждать скорбь не для того, чтобы стеснить душу, но чтобы соделалась она достойной услышания, была трезвенна, бодрствовала и касалась самих небес (прп. Ефрем Сирин, 32, 408).

***

Не по телесному навыку, не по привычке вопиять, молчать, преклонять колена, должно нам молиться, но,

трезвенно внимая умом, ожидать, когда Бог придет и посетит душу... (прп. Макарий Египетский, 89, 215).

***

Приступающие ко Господу должны совершать молитвы в безмолвии, мире и великом покое, и внимать Господу не с воплями непристойными и смешанными, но с томлением сердца и трезвенными помыслами (прп. Макарий Египетский, 89, 216).

***

Истинное основание молитвы таково — быть внимательным к помыслам и совершать молитву в великом безмолвии и мире. Человеку молящемуся надобно все усилие свое обращать на помыслы, и что служит пищею лукавым помыслам, то отсекать, а устремляться мыслию к Богу... (прп. Макарий Египетский, 89, 216).

***

...Человеку бодрствующему, внимательному и имеющему пламенную любовь к Богу, ничто никогда не может препятствовать беседовать с Господом (свт. Иоанн Златоуст, 46, 162).

***

Вспомни во время молитвы о геенне, о наказании и мучении — и враг <человек> даже на мысль тебе не может прийти. Сокруши свой ум, смири душу воспоминанием о своих преступлениях, и гнев не в состоянии будет смущать тебя (свт. Иоанн Златоуст, 46, 376).

***

Немалая и это добродетель, когда кто может входить в храм и, входя, поклоняться с чистою совестию. Не в том дело, чтобы преклонить колена или войти в храм, но в том, чтобы войти с душою усердною и с умом внимательным, чтобы пребывать в нем не телом только, но и душою (свт. Иоанн Златоуст, 48, 453—454).

***

Молиться... нужно так, чтобы ум был всецело собран и напряжен, и должно призывать Бога со скорбящей душой, и не говорить многих слов, не растягивать молитву, а говорить немного простых слов, потому что не от множества слов, а от трезвенности ума зависит услышание... Если ты растянешь свою речь, то часто можешь рассеяться вниманием и дать диаволу возможность совершенно бесстрашно подойти к тебе и обольстить и отвлечь твою мысль от того, что ты говоришь; если же ты будешь совершать постоянные молитвы и все время займешь такими молитвами, то будешь в состоянии совершать их с великой трезвенностью (свт. Иоанн Златоуст, 52, 965).

***

...Во время молитв мы можем удерживать трезвенное внимание, если будем помнить, с Кем беседуем, если будем представлять, что приносим жертву, имеем в руках нож, и огонь, и дрова, если мысленно отверзши двери неба, там остановимся, и, взяв духовный нож, вонзим его в жертвенное животное, и пожрем <принесем> Ему трезвенное внимание, и прольем пред Ним слезы (свт. Иоанн Златоуст, 53, 519).

***

Молитва имеет нужду в трезвении, как малая лампадочка в свете свечи (может быть, как лампада в безветрии, чтобы гореть, как свеча) (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 188).

***

Молись, не одними внешними телодвижениями выражая молитву, но с великим страхом обращай ум свой к сочувствию духовной молитвы (прп. Нил Синайский, 71, 178).

***

...Самым сильным, действенным и страшным заговором служит для демонов трезвенная молитва (прп. Нил Синайский, 73, 322—323).

***

Молись мирно и безмятежно, пой <Богу> разумно и благонастроенно, — и будешь, как птенец орлий, поднимающийся на высоту (прп. Нил Синайский, 90, 233).

***

В горниле искушается золото, а предстояние на молитве искушает усердие и любовь к Богу в монахах (прп. Иоанн Лествичник, 57, 138).

***

Не столько осужденный боится изречения своей казни, сколько ревностному молитвеннику страшно предстояние на молитве (прп. Иоанн Лествичник, 57, 237).

***

Когда трезвенно помолишься, вскоре будешь борим на гнев, ибо враги наши обыкновенно так поступают (прп. Иоанн Лествичник, 57, 238).

***

Как древле, ниспав из своей области, ум забыл о ее преславной светлости, так теперь, забыв о всем здешнем, должно ему опять востекать туда молитвою (прп. Илия Екдик, 91, 475).

***

...Пребывай терпеливо в молитве, не расслабляясь скучанием и унынием, — и благий Бог не оставит тебя (старец Симеон Благоговейный, 93, 68).

***

Внимание так должно быть связуемо и неразлучно с молитвою, как связано и неразлучно тело с душой (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 179).

***

Душа (грехолюбивая), как стеною будучи ограждена и окружена духами злобы, связуется узами мрака, — и по причине этого окружающего ее мрака не может молиться как следовало бы, ибо связуется им втайне (в сокровенностях и глубинах своих или сама не ведая как), и слепотствует внутренними очами. Но когда она (пришедши в себя) положит начало молитвенному к Богу прибеганию и станет по силе трезвиться в молитве, тогда мало-помалу начинает она разрешаться силою молитвы и от тьмы;

иначе же разрешиться от нее <тьмы> нет никакой возможности (прп. Филофей Синайский, 91, 410—411).

***

Лучше трудиться в делании молитвы, нежели мудрствовать о ней и читать мудрования (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 177).

***

Назначение кратких молитовок — способствовать собранию мыслей и трезвению (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 221).

Умная молитва

...Хорошо молящемуся телесною молитвою дает Бог умную молитву, и тщательно пребывающему в ней — безвидную и необразовидную, от чистого страха Божия. И опять хорошо совершающему сию <дает> видение творений и от него — восхищение ума к богословию и благому действию будущего дарует Бог тому, кто от всего ***упраздняется*** (ср.: Пс. 45, 11) и поучается в сем делом и словом, а не слухом только (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 127).

***

...Много беседуй с Богом, мало говори с людьми; памятуй всегда Бога, и ум твой соделается небом (прп. Ефрем Сирин, 32, 147).

***

Не переставай молиться, когда можешь открыто, а когда не можешь, молись умом (прп. Ефрем Сирин, 32, 371).

***

Не проводи без молитвы ни дня, ни ночи, но как скоро сон отпадет от очей твоих, ум да упражняется в молитве (свт. Кирилл Иерусалимский, 66, 33).

***

<К Богу> должен ты возводить ум и помыслы, и не содержать в мысли ничего иного, кроме чаяния узреть Его (прп. Макарий Египетский, 89, 213).

***

Даже когда ты будешь и вне церкви, взывай и говори: «помилуй мя», говори, хотя не двигая уст, но взывая умом; Бог слышит и тех, которые молчат (свт. Иоанн Златоуст, 46, 473).

***

...Если руки будут несвободны у тебя, молись в уме... если твои руки даже свободны, все же молись умом; Господь слушает и безмолвных (свт. Иоанн Златоуст, 55, 447).

***

Старайся ум свой на время молитвы соделать глухим и немым, и тогда возможешь молиться (прп. Нил Синайский, 71, 176).

***

Уму несовершенному не попускается внити в плодоносящий вертоград молитвы; ему достаются, как бедному,

останки от обранья винограда (ср.: Втор. 24, 21), одни псалмопения (прп. Илия Екдик, 91, 480).

***

Начало умной молитвы есть очистительное действо или сила Духа Святаго, и таинственное священнодействие ума, как начало безмолвия, — упразднение от всего или беспопечение; средина — просветительная сила (Духа) и созерцание, а конец — исступление или восторжение ума к Богу (прп. Григорий Синаит, 93, 222).

***

...Ум, если не будет иметь в руке силу молитвы, то не возможет сокрушить грех и противные силы (прп. Григорий Синаит, 93, 223).

***

...Путь умной молитвы есть путь царский, избранный. Он настолько возвышеннее и изящнее всех других подвигов, насколько душа превосходнее тела: он возводит из земли и пепла в усыновление Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 210).

***

При молитве нужно, чтоб дух соединился с умом и вместе с ним произносил молитву, причем ум действует словами, произносимыми одною мыслью или и с участием голоса, а дух действует чувством умиления или плача (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 266).

***

Кто с постоянством и благоговением занимается внимательною молитвою, произнося слова ее громко или шепотом, смотря по надобности, и заключая ум в слова; кто при молитвенном подвиге постоянно отвергает все помыслы и мечтания, не только греховные и суетные, но, повидимому, и благие: тому Милосердый Господь дарует в свое время умную молитву (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 202).

***

Сколько нужен пост для желающего заняться и преуспеть в умной молитве, столько нужно для него и безмолвие или крайнее уединение... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 206).

***

...Ведай, что умная молитва есть стояние умом пред Господом с воздыханием к Нему, а молитва Иисусова: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»... есть словесная, внешняя молитва (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 165).

***

Когда ум беседует с Богом в сердце, вот и умная молитва! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 91).

Сердечная молитва

Если хочешь в теле служить Богу, подобно бестелесным, старайся непрестанно иметь сокровенную в сердце твоем молитву (авва Евагрий, 89, 606).

***

...Молитвы, возносимые из глубины души, имея там свои корни, безопасно возносятся горе́ и не задерживаются никакими нападениями помыслов (свт. Иоанн Златоуст, 44, 546).

***

После того, как жрецы Ваала целый день призывали идола, <пророк Илия>, воззвавши от чистого сердца, воззвавши сердцем и устами, низвел с неба огонь. Вот свидетельство об истинной молитве!

...Это сделал великий служитель Божий и ревнитель Илия, приводя нас через бывшее тогда к духовному разумению, чтобы и мы, от сердца взывая к Богу, испрашивали неизреченный огонь Духа на жертвенник нашей души и через это делались совершенной жертвой Господу (свт. Иоанн Златоуст, 55, 985).

***

Прежде всего нам надобно прилежно исполнять Евангельскую заповедь, чтобы, вошедши в свою келью и затворив двери, мы молились Отцу нашему. Это мы исполняем таким образом: внутри своей кельи молимся, когда, сердце свое совершенно отвлекая от смятения всех помыслов или забот, мы приносим свои молитвы Господу некоторым тайным образом и с дерзновением. При запертых дверях молимся, когда с закрытыми устами, молча молимся Испытующему не слова, а сердца́. В сокровенном месте молимся, когда только сердцем и внимательным умом приносим свои прошения одному Богу, так что и самые противные власти не могут узнать род нашего прошения. Для этого

надобно молиться с совершенным безмолвием, чтобы нам своим шепотом или возгласами не только не развлекать предстоящих братий и не возмутить чувства молящихся, но чтобы и от самых врагов наших, наветующих нам особенно во время молитвы, укрылось усердие нашего прошения. Таким образом мы исполним и эту заповедь: *от лежащей на груди твоей затворяй двери уст твоих* (ср.: Мих. 7, 5) (прп. авва Исаак, 56, 348).

***

Если сердце для каждого из нас есть домашняя церковь, то в нем должны мы совершать и церковные службы (прп. Нил Синайский, 90, 293).

***

Разумно в сердце молящийся переносит находящие скорби, а злопамятный еще не молился чисто (прп. Марк Подвижник, 89, 530).

***

Когда диавол увидит, что ум начал молиться из сердца, тогда наводит великие и злохитрые искушения (прп. Марк Подвижник, 89, 546).

***

Всякая молитва, в которой не утруждалось тело и не скорбело сердце, вменяется за одно с недоношенным плодом чрева, потому что такая молитва не имеет в себе души (прп. Исаак Сирин, 58, 59).

***

...Движение языка и сердца в молитве суть ключи; а что после сего, то уже есть вход в сокровенные клети (прп. Исаак Сирин, 58, 68).

***

...Диавол усиливается сначала сделать, чтобы оставлена была непрестанная сердечная молитва; а потом внушает пренебрежение к установленным временам молитвы и правила, совершаемого телесно (прп. Исаак Сирин, 58, 372—373).

***

...Мысленные разбойники не легко могут окрадывать того, кто совокупил молитву с сердцем (прп. Иоанн Лествичник, 57, 212).

***

Много потребно времени и труда, более мысленного, чем телесного, на то, чтобы сначала научиться молиться как должно, а потом, научившись, продолжать молиться. Почему и Апостол заповедует нам воспевать и петь Богу всегда сердцем, а не устами одними (см.: Еф. 5, 19). Поелику уста говорят от избытка сердца, то надобно так устроиться, чтобы и молитва, устами произносимая, произносима была от избытка сердца. А это бывает, когда в нас сердце чистое созидается. <...> Кто не делает таким образом, тот ничего как должно не понимает из читаемого, не чувствует сладости от того и никакой не получает пользы <от чтения Священного Писания> (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 76).

***

...Только молитва и становится победоносным орудием в невидимой брани, как сделается настоящею, т. е. внедрится в сердце и станет непрестанно в нем действовать. С сего момента она делается непроницаемою, непреодолимою и непереходимою оградою души, не допускающею к ней ни стрел вражеских, ни страстных нападков плоти, ни обольщений со стороны мира прелестного. Самим присутствием своим в сердце она пресекает брань невидимую. Почему и внушалось тебе: поспеши привить к сердцу действо молитвы и попекись о том, чтоб она была там в непрестанном движении. Ибо это то же, что сказать: сделай так, и без борьбы будешь являться победителем.

Это так действительно и бывает. Но пока-то дойдет твоя молитва до такой силы, враги не дадут тебе покоя, и тебе и минуты не обойтись без брани или опасений ее. Помощна ли тут молитва? Всеконечно, и более, нежели всякое другое орудие духовной брани. Она всегда привлекает Божию помощь, и сила Божия отражает врагов; только будь она усердна и предана в волю Божию. Место ее в самом начале противоборства нападениям вражеским. Вот как идет все дело. Когда внимание, как страж неусыпный, даст знать о подступах вражеских и стрелы их восчувствуются, т. е. или помысл страстный, или движение страсти появятся внутри, — ревнующий о спасении дух, сознав в этом злобное дело вражеское, своих сил напряжением нещадно отражает то от сердца, не давая туда проникнуть, и в то же время, в одном почти с сим акте внутреннем возносится молитвою к Господу, призывая Его на помощь. Помощь приходит, враги рассеиваются, и брань стихает (прп. Никодим Святогорец, 70, 209—210).

***

В обществе ли ты человеческом или находишься наедине, старайся постоянно углубляться во внутреннюю душевную клеть твою, затворять двери чувств и языка, молиться тайно умом и сердцем (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 156).

***

Христианин тогда получает непрестанную молитву, когда воля его и зависящая от воли деятельность поглощены будут разумением, желанием и исполнением воли Божией (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 138).

***

Хочешь ли преуспеть в умной и сердечной молитве? Научись внимать в устной и гласной: внимательная устная молитва сама собой переходит в умную и сердечную (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 185—186).

***

Неполезно... преждевременное получение сердечной, благодатной молитвы! Неполезно... преждевременное ощущение духовной сладости! Получив их преждевременно, не приобретши предварительных сведений, с каким благоговением и с какою осторожностью должно хранить дар благодати Божией, ты можешь употребить этот дар во зло, во вред и погибель души твоей. Притом собственными усилиями раскрыть в себе благодатную, умную и сердечную молитву невозможно, потому что соединить ум с сердцем и душою, разъединенные в нас падением, принадлежит единому Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 202).

***

Если монахам воспрещается безвременное стремление к молитве, приносимой умом в сердечном храме, тем более воспрещается оно мирянам <безвременно> (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 259).

***

Молитесь всегда со вниманием и движением сердца, ибо не слова нужны Господу, а сердце (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 173).

***

...Старец Максим Кавсокаливит... два года молился Божией Матери, чтоб Она дала или испросила молитву. Однажды... помолившись, приложился <он> к иконе, и мгновенно уканул огонек сладкий в сердце и с тех пор там теплится; вот дар молитвы! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 206).

***

Находит дух молитвенный и увлекает внутрь сердца, — все одно, как бы кто взял другого за руку и силою увлек его из одной комнаты в другую (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 240).

***

Читание молитв, стояние на молитве и поклоны составляют молитвенное положение, а молитва собственно идет из сердца. Когда этой нет — и никакой нет (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 13).

***

В сердце надо стоять вниманием, но не пред сердцем, а пред Господом. Если Господа нет во внимании, то и молитвы нет (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 176).

***

Настоящая сердечная молитва — дар благодати <Божией>, подаваемый через таинства Исповеди или Причащения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 195).

Чистая молитва

Когда мы стоим на молитве, то должны бодрствовать и прилежать к молению всем сердцем. Да удалится от нас всякое плотское и мирское помышление, и дух да помышляет только о том, о чем просит (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 221—222).

***

Ничто так не содействует всякому благому делу, как чистая молитва (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 150).

***

...Собеседование с Богом в чистой молитве производит в душе смиренномудрие... (прп. Ефрем Сирин, 32, 230).

***

...Приступай к молитве и обращай внимание на сердце свое и на ум; желай, чтобы чистая молитва воссылалась тобою к Богу... (прп. Макарий Египетский, 89, 241).

***

...Если желаешь чистой молитвы — блюдись от гнева... (авва Евагрий, 89, 634).

***

...Чистая и усиленная молитва, воспламеняя и укрепляя ум монаха, соделывает его недоступным для невидимых врагов (прп. Нил Синайский, 73, 292).

***

Когда, стоя на молитве, будешь выше всякой другой радости, тогда (знай, что) истинно обрел ты молитву (прп. Нил Синайский, 90, 241).

***

Если когда достигнешь огражденного места чистой молитвы, не принимай в это время помышления о вещах, какое влагает враг, чтобы не потерять лучшего. Ибо лучше стрелами молитвы поражать его... чем беседовать с ним, когда он, предлагая нашему вниманию ничтожные вещи, ухищряется отвлечь нас от моления на него (прп. Марк Подвижник, 89, 555).

***

...Все роды и виды молитвы, какими только люди молятся Богу, имеют пределом чистую молитву (прп. Исаак Сирин, 58, 68).

***

...Без смиренномудрия <ум> не может чисто заняться молитвою к Богу (прп. Исаак Сирин, 58, 155).

***

Отведавший сладости молитвы бегает многолюдства, как онагр (прп. Иоанн Лествичник, 57, 227).

***

Доброе безмолвие добрых рождает чад — любовь, воздержание и молитву чистую (авва Фалассий, 91, 325).

***

Два есть высочайших состояния чистой молитвы. Одно случается с людьми жизни деятельной, другое с людьми жизни созерцательной. Одно бывает в душе от страха Божия и благой надежды, другое от Божественной любви и крайней чистоты. Признак первой меры есть тот, когда собирают ум от всех мирских помыслов, творя молитвы без развлечения и смятения, и как бы Сам Бог предстоял ему, как и предстоит действительно. Признак второй — когда в самом устремлении молитвы ум бывает восхищаем Божественным и безмерным светом, и совсем не чувствует ни себя, и ничего иного из сущих, кроме Единого, любовию содевающего в нем таковое озарение. В сем состоянии, подвизаемый к уразумению словес о Боге, получает он чистые и светлые о Нем познания (прп. Максим Исповедник, 91, 178).

***

Молитву отцы называют оплотом духовным, без которого нельзя выходить нам на брань, чтобы не быть уязвленными копьями вражескими и отведенными в страну их. Но молитву действенную, чистую стяжать нельзя никому,

если не приседит он Богу в правоте сердца, ибо Бог есть даяй молитву молящему, и научаяй человека разуму (свт. Феодор Едесский, 91, 321).

***

...Молитва чистая, непрестанная и непрерывная... есть стена крепкая, пристанище благоотишное, добродетелей охрана, страстей истребление, души благоустроение, ума очищение, страждущим упокоение, плачущим утешение; молитва есть беседа с Богом, созерцание вещей невидимых, и тех, кои вожделевают их, удостоверение в истине их, сообращение с Ангелами, преуспеяние в добром, подтверждение уповаемого. Сию царицу добродетелей восприими, подвижниче, и всеми силами удержать в себе старайся, молись день и ночь, в благонастроении и расстройстве, молись со страхом и трепетом, бодренным и трезвенным умом, чтобы благоприятна была Господу молитва твоя; ибо Писание говорит: ***очи Господни на праведныя, и уши Его в молитву их*** (Пс. 33, 16) (свт. Феодор Едесский, 91, 332).

***

...Злое забвение отгоняет <находит на> тех, которые, прежде достижения сердечной чистоты, покушаются взойти на самый верх молитвы чистой (прп. Илия Екдик, 91, 481).

***

Грозящий палкою на собак раздражает их против себя; а демонов раздражает тот, кто нудит себя чисто молиться (прп. Илия Екдик, 91, 481—482).

***

Блажен тот христианин, который предстоит Богу в молитве так, что его видит Бог и он видит Бога, и чувствует, что стал вне мира, в теле ли или кроме тела, потому что он услышит неизреченные глаголы... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 58).

***

Ничто другое так, как чистая и чуждая всего вещественного молитва, не делает человека достойным собеседником Бога и не соединяет с Ним того, кто словом молится Ему нерассеянно, в духе, когда притом душа его омывается слезами, услаждается сладостью умиления и светом Духа <Святаго> просвещается (прп. Никита Стифат, 93, 142).

***

Достигший постоянного внимания и умиления в молитвах своих... разорвал уже многие цепи страстей, уже обонял воню свободы духовной... Не оставь теснин истинного молитвенного пути — и достигнешь священного покоя... в блаженном бесстрастии, вне рассеянности, душа чистою молитвою предстоит Богу, и упокоевается в Нем... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 148).

***

Занятие молитвою есть высшее занятие для ума человеческого; состояние чистоты, чуждой развлечения, доставляемое уму молитвою, есть высшее его естественное состояние; восхищение его к Богу, чему начальная причина — чистая молитва, есть состояние сверхъестественное (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 153).

***

Будем молиться постоянно, терпеливо, настойчиво. Бог, в свое время, даст благодатную, чистую молитву тому, кто молится без лености и постоянно своею нечистою молитвою, кто не покидает малодушно молитвенного подвига, когда молитва долго не поддается ему (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 292).

***

Если же Господь сподобит положить тебе в основание молитвенного подвига незлобие, любовь, неосуждение ближних, милостивое извинение их, тогда с особенною легкостью и скоростью победишь противников твоих, достигнешь чистой молитвы (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 212).

***

Дар внимательной молитвы обыкновенно предшествуется особенными скорбями и потрясениями душевными, низводящими дух наш в глубину сознания нищеты и ничтожности своей (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 284).

***

Чистая молитва есть предстояние лицу Божию. Представший пред Богом просит прозрения и получает благодатное просвещение ума и сердца (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 340).

Созерцание в молитве

Когда ум твой, пламенея желанием к Богу, мало-помалу как бы отрешается от плоти и отвращается от всех

помышлений, исходящих от чувственных впечатлений, или из памяти, будучи вместе с тем полон благоговения и радования, тогда заключай, что он приблизился к пределам молитвы (прп. Нил Синайский, 90, 230).

***

Иногда же от молитвы рождается некое созерцание, и прерывает оно устную молитву, и молящийся в созерцании изумевает, цепенея телом (прп. Исаак Сирин, 58, 67).

***

<Молитвенное созерцание> в такой мере выше <молитвенного услаждения>, в какой совершенный человек выше несовершенного отрока (прп. Исаак Сирин, 58, 67).

***

Блаженны те, которые всегда имеют отверстым мысленное око душевное и во время каждой молитвы своей видят свет, потому что они стали равночестны с Ангелами. Если же они таковы, еще в сей находясь жизни, еще будучи связаны телесною плотию, то каковыми же будут они по Воскресении, после того как восприимут духовное оное и нетленное тело? Всеконечно, они будут тогда не Ангелам только подобны, но Самому Владыке Ангелов, Христу Господу, как написано: ***вемы, яко, егда явится, подобни Ему будем*** (1 Ин. 3, 2) (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 58).

***

Не в определенное время и не в определенном месте совершается таинство молитвы... Предел молитвы есть не-

подвижное пребывание ума в Боге... (прп. Никита Стифат, 93, 134).

***

...Находит дух молитвенный, но увлекаемая им душа заходит в такие созерцания, что забывает свое внешнее положение, не рассуждает, а только созерцает, и не властна править собой... в отечниках пишется, что кто-то стал на молитву перед своей вечерней трапезой, а опомнился уже утром (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 241).

Непрестанная молитва

В руках да будет Божественное чтение, в понятиях — Господнее помышление. Пусть никогда не прекращается беспрерывная молитва, пусть всегда продолжается спасительное делание (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 322).

***

Частая молитва истребляет (мысленное) пленение, а всякое нерадение об оной, хотя бы малое, есть матерь забвения (прп. авва Исаия, 59, 96).

***

Не только входя в церковь, но и в другие часы не оставляй <молитвы>; напротив того, работаешь ли, спишь ли, или находишься в дороге, или ешь, или пьешь, или лежишь, — не прерывай молитвы, ибо не знаешь, когда придет требующий души твоей (прп. Ефрем Сирин, 32, 12).

***

...В церкви ли ты, или у себя дома, или в поле, пасешь ли овец, занимаешься ли постройкой, бываешь ли на пиршестве, не оставляй молитвы, и, когда можно, преклони колена, а когда невозможно, молись умом, и вечером, и утром, и в полдень (прп. Ефрем Сирин, 32, 12).

***

Пребывайте в молитве; Господь любит постоянного молитвенника и являет ему щедроты Свои (прп. Ефрем Сирин, 33, 284).

***

...Если для слепого служит бедствием — не видеть солнца, то сколь велико бедствие для христианина не молиться непрерывно и не вводить посредством молитвы в свою душу света Христова? (свт. Иоанн Златоуст, 45, 831).

***

...Надлежит, чтобы... мы проводили жизнь в молитве и ею непрестанно освежали свой ум, так как мы — все люди — нуждаемся в ней не меньше, чем деревья, в водах (свт. Иоанн Златоуст, 45, 836).

***

...Будешь ли в дороге, или на постели, и где бы ты ни был, — молись. Ты — храм Божий; не ищи же места, нужно только душевное расположение (свт. Иоанн Златоуст, 46, 473).

***

...Молящемуся следует и не многословить, и постоянно молиться. Творить краткие и постоянные молитвы с небольшими промежутками заповедали и Христос, и Павел (свт. Иоанн Златоуст, 55, 489).

***

...От непрестанной молитвы мысленный в нас воздух чист бывает от мрачных облаков и ветров духов злобы. Когда же воздух сердца чист, то ничто не препятствует уже сиять в нем Божественному свету Иисусову, — если только мы не надымемся тщеславием, самомнением и хвастливым себя выказыванием... и не будем за то лишены помощи Иисусовой, потому что Христос ненавидит все таковое, будучи образцом смирения (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 206).

***

...Чей ум, отрешившись от уз всяких плотских страстей, прийдет в твердое состояние спокойствия, чье сердце всею крепостию прилепится к одному верховному благу, тот в состоянии будет исполнить апостольскую заповедь: ***непрестанно молитеся*** (1 Сол. 5, 17)... (прп. авва Исаак, 56, 328).

***

...Часто, но кратко надо молиться, чтобы при нашем протяжении враг-наветник не мог всевать что-нибудь в наше сердце (прп. авва Исаак, 56, 348—349).

***

Если желаешь быть храмом Божиим, то приноси Богу непрестанную жертву — непрерывную молитву (прп. Нил Синайский, 72, 242).

***

Святой Павел учит ***пребывать в молитве*** (ср.: Рим. 12, 12), продолжительным пребыванием в ней утверждая в себе навык к ней (см.: Кол. 4, 2). И еще повелевает он ***творить молитвы на всяком месте*** (ср.: 1 Тим. 2, 8), чтобы ни один нерадивый не мог извиняться тем, что живет далеко от молитвенного храма. Всякое место пригодно для молитвы. Бог приемлет призывающих Его с чистым сердцем и праведными делами и, взирая на расположение их, выслушивает моление их, хотя бы место, где призывают Его, по нашему мнению, ничем не отличалось (прп. Нил Синайский, 90, 242).

***

...Много нам потребно вразумления от Бога к рассуждению, чтобы знать, когда и какое занятие мы должны предпочитать молитве. Ибо каждый, упражняясь в любимом ему занятии, думает, что он совершает должное служение, не зная того, что все дела (наши) надобно направлять к благоугождению Божию, а не для угождения себе. Еще же труднее рассудить, что и эти необходимые и неизбежные заповеди не всегда одинаковы, но одна из них в свое время должна быть предпочтена другой, ибо каждое из служений не всегда, но в свое время совершается, а служба молитвы узаконена непрестанною; посему мы и должны предпочитать ее занятиям, в которых не настоит

необходимой надобности (прп. Марк Подвижник, 89, 506).

***

...Непрестанная молитва... состоит в умном делании с памятованием о Боге при постоянном умилении... (прп. Никита Стифат, 93, 134).

***

Только в том, у кого душевные силы умиротворены ведением, может благоустроиться непрестанная молитва (прп. Никита Стифат, 93, 134).

***

Под предлогом немощи не оставляй молитвы, даже на один какой день, пока есть в тебе дыхание... Действуя так, большую получишь пользу и молитва скоро восставит тебя при действии благодати... (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 178).

***

...Избери себе краткую молитовку или несколько таких молитовок и частым их повторением дойди до того, чтоб они сами собой повторялись у тебя на языке и мысль твою держали на одном — на помышлении о Боге (прп. Никодим Святогорец, 70, 199).

***

Научись молиться Богу правильно. Научившись молиться правильно, молись постоянно, — и удобно наследуешь спасение (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 140).

***

Блаженна душа, которая молитвою непрестанно стучится в двери милосердия Божия... она возрадуется в свое время о чистоте своей и о бесстрастии своем (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 142).

***

От непрестанной молитвы подвижник приходит в нищету духовную: приучаясь непрестанно просить Божией помощи, он постепенно теряет упование на себя... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 194).

***

Непрестанно молящийся постепенно теряет навык к мечтательности, рассеянности, суетной заботливости и многопопечительности, теряет тем более, чем более святое и смиренное поучение будет углубляться в его душу и вкореняться в ней (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 195).

***

Непрестанною молитвою уничтожается любопытство, мнительность, подозрительность. От этого все люди начинают казаться добрыми, а от такого сердечного залога к людям рождается к ним любовь (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 195).

***

Блаженны люди, которые с молитвой засыпают и встают и среди всех дел не расстаются с ней. Живот их

сокровен есть со Христом в Боге (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 131).

***

Чувство, что душу тянет к Господу, есть сокровенная молитва, и оно одно может заменить молитвословия... Ибо оно-то и есть непрестанная молитва! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 238).

***

...Ничего лучшего вам пожелать не умею, как: держите молитву, а для сего ничего не ожидайте от себя, от своей мудрости и усилий, а все от Господа (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 244).

***

...Апостолы могли непрестанно молиться... Они при всех своих делах о Боге помышляли и жили в непрестанной преданности Богу (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 8).

Иисусова молитва

...И между делом совершай молитву, как благодаря Того, Кто дал силу рук на дела и мудрость ума на приобретение знания... (свт. Василий Великий, 9, 148—149).

***

...Непрестанно сохраняйте в сердце <своем> имя Господа Иисуса, чтобы сердце поглотило Господа, и Гос-

подь — сердце, и таким образом два стали едино (свт. Иоанн Златоуст, 52, 965).

***

Как дождь чем в большем количестве ниспадает на землю, тем более умягчает ее; так и святое имя Христово, без помыслов нами возглашаемое, чем чаще призываем Его, тем более умягчает землю сердца нашего, преисполняя его радости и веселия (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 175).

***

Неопытным хорошо знать и то, что мы, дебелые и к земле поникшие и телом, и мудрованием, врагов своих, бестелесных и невидимых, зложелательных и мудрых на озлобления, скорых и легких, искусившихся в брани, какую ведут от Адама до ныне, не другим каким способом имеем возможность победить, как только непрестанным трезвением ума и призыванием Иисуса Христа, Бога и Творца нашего. Для неопытных молитва Иисус-Христова да будет возбуждением и руководством к испытанию и познанию добра; для опытных же — самый лучший наставник в добре есть деяние, испытание делом и вкушение добра (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 175).

***

...Трезвение и молитва Иисусова взаимно входят в состав друг друга — крайнее внимание в состав непрестанной молитвы, а молитва опять в состав крайнего в уме трезвения и внимания (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 186).

***

С дыханием твоим соедини трезвение и имя Иисусово, или помышление о смерти и смирение, ибо то и другое великую доставляет пользу (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 209).

***

Блажен воистину, кто так прилепился мыслию к молитве Иисусовой, вопия к Нему непрестанно в сердце, как воздух прилежит телам нашим или пламя к свечке. Солнце, проходя над землею, производит день; а святое и достопоклоняемое имя Господа Иисуса, непрестанно сияя в уме, порождает бесчисленное множество солнцевидных помышлений (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 210—211).

***

Молитва сия названа Иисусовою потому, что обращается к Господу Иисусу, и есть по составу своему словесная, как и всякая другая краткая молитовка. Умною же она бывает и называться должна, когда возносится не одним словом, но и умом, и сердцем, с сознанием ее содержания и чувствованием, и особенно когда чрез долгое со вниманием употребление так сливается с движениями духа, что они одни и присущими видятся внутри, а слов как бы нет. Всякая короткая молитовка может взойти на эту степень. Иисусовой же молитве принадлежит преимущество потому, что она с Господом Иисусом сочетавает душу, а Господь Иисус есть единственная дверь к Богообщению, к снисканию которого и стремится молитва...

Навыкновение молитве Иисусовой внешне состоит в достижении того, чтоб она сама собой непрестанно вращалась на языке, внутренне же — в сосредоточении внима-

ния ума в сердце и непрестанном в нем предстоянии пред Господом, с сопровождающею сие сердечною теплотой в разных степенях, и отреванием всяких других помышлений, и наипаче с сокрушенным и смиренным припаданием ко Господу Спасителю. Начало сему навыку полагается частым, сколько можно, повторением сей молитвы со вниманием в сердце. Частое повторение, установляясь, собирает ум воедино в предстоянии Господу. Установлению такого строя внутри сопутствует согревание сердца и отгнание помыслов даже простых, а не только страстных. Когда в сердце начнет непрестанно теплиться огонь прилепления ко Господу, тогда вместе с сим водворится внутри мирное устроение сердца с сокрушенным и смиренным, мысленным, припаданием к Господу. Доселе доходит собственный наш труд с помощию благодати Божией. Что еще, высшее сего, может совершаться в деле молитвы, то будет даром единой благодати. У святых отцев упоминается о сем для того только, чтобы кто, достигши показанного предела, не подумал, что ему нечего уже больше желать, и не возмечтал, что стоит на самом верху совершенства молитвенного или духовного.

Итак, первое тебе дело предлежит — частое, сколько можно частое, повторение молитвы Иисусовой, пока навыкнешь непрестанно ее повторять. Делай сие так:

1) Определи в молитвенном твоем правиле часть и молитве Иисусовой. Твори несколько раз сию молитву в начале своего молитвословия и несколько раз после него. Если есть усердие, и после каждой молитвы, входящей в такое молитвословие, делай то же, подражая святому Иоанникию Великому, который после каждого стиха читаемых им на правиле своем псалмов повторял свою краткую молитовку: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый».

2) Число, сколько раз повторять, в каком случае, сию молитву, сам себе определи или с совета духовного отца твоего. Только сначала много не назначай, а потом, по мере услаждения сею молитвою, прибавляй понемногу. Если когда придет желание повторить положенное число, не отказывай себе в этом, не поставляя себе сие в постоянное правило, а только в этом случае. И сколько бы ни потребовало сердце таких повторений, не отказывай.

3) Не спеши гнать одну молитву за другой, а с мерною длительностью произноси их, как обыкновенно говорят пред большим лицом, когда просят его о чем. Однакож не об одних словах заботься, а паче о том, чтобы ум был в сердце и предстоял Господу, яко присущему, с полным сознанием Его величия и благодати, и правды.

4) Если имеешь свободу, то во время между одним и другим молитвословием положи себе становиться, как обычно становишься на молитву, и возносить ко Господу несколько раз молитву сию. А если нет такой свободы, то внутренне вставляй сию молитву всюду между делами твоими и даже речами.

5) Творя сию молитву на правиле или кроме его, становясь для нее в молитвенное положение, при каждом разе ее произношения делай поклон — десять раз поясной, а потом земной, — так, пока кончишь. Ты, конечно, слыхал или читал, что святые отцы в своих правилах о молитве полагают множество поклонов. Один из них сказал: недостаточна молитва, когда кто не преутрудит на ней тела своего поклонами. Если ты положишь, по силе своей, подражать сему, то скорее увидишь плод от труда своего над навыкновением молитве Иисусовой.

6) О дальнейших наставлениях, указаниях и предостережениях касательно молитвы Иисусовой читай в «Добротолюбии» Симеона Нового Богослова, Григория Синаи-

та, Никифора монаха, Игнатия и Каллиста — и всех других отцев уроки о внутренней молитве могут быть прилагаемы и к молитве Иисусовой. Заметь: в уроках сказанных отцев ты найдешь указания, как сидеть, как держать голову и действовать дыханием. Эти приемы, как сказали Каллист и Игнатий, несущественно необходимы, а суть только внешние приспособления, не для всех пригодные. Для тебя довольно быть вниманием в сердце пред лицем Господа и возносить к Нему сию краткую молитовку благоговейно и смиренно, с поклонами, когда стоишь на правиле, и с одним мысленным припаданием, когда делаешь это между делами.

7) Заметь еще: быть вниманием надо в сердце, или внутри персей, как говорят иные отцы, именно — немного выше левого сосца, и там повторять молитву Иисусову. Когда от напряжения сердце начнет щемить, тогда поступи, как советует монах Никифор, именно — подымись с того места и стань со вниманием и молитвенным словом там, где мы обыкновенно ведем беседу с самими собой, под кадыком наверху груди. После опять сойдешь над левый сосец. Не побрезгуй сим замечанием, как оно ни покажется тебе слишком простым и мало духовным.

8) У святых отцев встретишь много предостережений. Ко всем им поводы даны опытами неправильного действования. Чтоб избежать сих неправильностей, имей советника — отца духовного, или собеседника — брата единомысленного, и поверяй им все случающееся при таком труде твоем. Сам же всегда действуй в наибольшей простоте, в великом смирении и неприсвоении себе успеха. Ведай, что настоящий успех происходит внутри, незаметно, не выдаваясь, как совершается рост тела. Потому, когда возгласится у тебя внутри: а, вот оно! — знай, что это

возглас вражий, представляющий тебе нечто кажущееся вместо действительного. Тут начало самопрельщения. Заглушай сей глас сразу; иначе он как труба будет гудеть у тебя, питая самомнение.

9) Не определяй времени, потребного для успеха в молитве сей. Положи только трудиться и трудиться. Пройдут месяцы и годы, пока покажутся слабые начатки успеха. Один из афонских отцов говорил о себе, что прошло два года труда, пока согрелось сердце; у другого некоего это пришло чрез восемь месяцев. У всякого это происходит по мере сил его и усердия к сему делу (прп. Никодим Святогорец, 70, 201—205).

***

Желающий заняться успешно молитвою Иисусовой должен оградить себя и извне, и внутри поведением... самым осторожным: падшее естество наше готово ежечасно изменить нам, предать нас; падшие духи с особенным неистовством и коварством наветуют упражнение молитвою Иисусовою. Нередко из ничтожной, по-видимому, неосторожности, из небрежности и самонадеянности непримеченных возникает важное последствие, имеющее влияние на жизнь, на вечную участь подвижника... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 211).

***

Правильное, благодатное действие молитвы Иисусовой может прозябнуть только из Духа Христова: прозябает и произрастает оно исключительно на одной этой почве. Зрение, слух и прочие чувства должны быть строго хранимы, чтоб через них, как через врата, не ворвались в душу супостаты (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 211—212).

***

<Сила молитвы Иисусовой> заключается в Божественном имени Богочеловека, Господа и Бога нашего, Иисуса Христа (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 215).

***

Некоторые утверждают, что от упражнения Иисусовой молитвою всегда или почти всегда последует прелесть, и очень запрещают заниматься этой молитвой. В усвоении себе такой мысли и в таком запрещении заключается страшное богохульство, заключается достойная сожаления прелесть (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 217).

***

В упражнении молитвой Иисусовой есть свое начало, своя постепенность, свой конец бесконечный. Необходимо начинать упражнения с начала, а не со средины и не с конца... Начинают со средины те, которые, без всякого предварительного приготовления, усиливаются взойти умом в сердечный храм и оттуда воссылать молитву. С конца начинают те, которые ищут немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее. Должно начинать <упражнение молитвой Иисусовой> с начала, т. е. совершать молитву со ***вниманием*** и ***благоговением,*** с целью ***покаяния,*** заботясь единственно о том, чтоб эти три качества постоянно соприсутствовали молитве (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 224—225).

***

...Слова молитвы <Иисусовой> должно произносить очень неспешно, даже протяжно, чтоб ум имел возмож-

ность заключаться в слова (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 261).

***

Очень полезно совершать молитву Иисусову гласно при усиленном нашествии помыслов и мечтаний плотского вожделения и гнева, когда от действия их разгорячится и закипит кровь, отымутся мир и тишина у сердца... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 262—263).

***

Упражнение молитвой Иисусовой имеет два главнейших подразделения или периода, оканчивающиеся чистою молитвою... В первом периоде предоставляется молящемуся молиться при одном собственном усилии; благодать Божия несомненно содействует молящемуся благонамеренно, но она не обнаруживает своего присутствия. В это время страсти, сокровенные в сердце, приходят в движение и возводят делателя молитвы к мученическому подвигу... Во втором периоде благодать Божия являет ощутительно свое присутствие и действие, соединяя ум с сердцем, доставляя возможность молиться... без развлечения, с сердечным плачем и теплотою, при этом греховные помыслы утрачивают насильственную власть над умом (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 270—271).

***

Скорби внешние и внутренние, долженствующие непременно повстречаться на поприще <молитвы Иисусовой>... подобает преодолевать верою, мужеством, смирением, терпением и долготерпением, врачуя покаянием уклонения и увлечения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 295—296).

***

Имя Богочеловека получило в служении молитвенном важнейшее значение, будучи именем... вочеловечившегося Бога, Победителя возмутившихся рабов и созданий — демонов (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 240).

***

Во имя Господа Иисуса даруется оживление душе, умерщвленной грехом. Господь Иисус Христос — Жизнь, и имя Его — живое, оно оживотворяет вопиющих им к Источнику жизни, Господу Иисусу Христу (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 243).

***

Между непостижимыми, чудными свойствами имени Иисуса находится свойство и сила изгонять бесов (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 245).

***

Когда увидим при упражнении Иисусовой молитвой особенное волнение и воскипение страстей — не придем от этого в уныние и недоумение. Напротив того, ободримся и уготовимся к подвигу... как получившие явственное знамение, что молитва Иисусова начала производить в нас свойственное ей действие (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 246).

***

Молитва Иисусова и открывает присутствие бесов в человеке, и изгоняет их из человека (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 246).

***

Только нищий духом, непрестанно прилепляющийся молитвою к Господу по причине непрестанного ощущения нищеты своей, способен раскрыть в себе величие имени Иисуса (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 248).

***

В действии молитвы Иисусовой есть своя постепенность: сперва она действует на один ум, приводя его в состояние тишины и внимания, потом начнет проникать к сердцу, возбуждая его от сна смертного и знаменуя оживление его явлением в нем чувств умиления и плача. Углубляясь еще далее, она мало-помалу начинает действовать во всех членах души и тела, отовсюду изгонять грех, повсюду уничтожать владычество, влияние и яд демонов (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 249—250).

***

...<Молитва Иисусова> возводит от земли на небо делателя своего и включает его в число небожителей. Пребывание умом и сердцем на небе и в Боге — вот главный плод, вот цель молитвы; отражение и попрание врагов, противодействующих достижению цели, — дело второстепенное: не должно оно привлекать к себе всего внимания, чтоб сознанием и созерцанием победы не дать входа в себя высокоумию и самомнению... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 251).

***

Имя Господа паче всякого имени: Оно источник услаждения, источник радости, источник жизни, оно — Дух,

оно животворит, изменяет, переплавляет, боготворит (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 252).

***

Упражняющиеся молением именем Господа Иисуса подвергаются особенным гонениям диавола... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 300).

***

Внимательная молитва, особенно молитва именем Господа нашего Иисуса Христа, при усилии соединять сердце с умом, обличает гнездящегося в сердечной глубине змия, и, уязвляя его, побуждает к движению (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 370).

***

...Желающему непогрешительно заниматься молитвою Иисусовою надо поверять себя, свое упражнение ею, частым чтением... отеческих писаний... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 114).

***

Молитва Иисусова добрые расположения укрепляет, а недобрые навеяния дурных мыслей и страстных движений разгоняет и подавляет (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 94).

***

Молитва Иисусова — первое орудие и всемощное... Не выпускай его из рук (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 141).

***

Молитва Иисусова в силе своей является не в начале, а в конце преуспеяния, как цвет и плод (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 162).

Молитва Господня

...Какая молитва может быть более духовна, как не та, которая предана нам Христом?.. (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 201).

***

Явно, что если имеет кто сколько-нибудь разума, то, не усматривая в себе того же, что в Боге, не осмелится произнести к Нему слова сего и сказать: «Отче», ибо неестественно благому по сущности стать Отцем лукавого поступка, и святому — Отцем осквернённого по жизни, а также Неизменяемому — Отцем превратного, Отцу жизни — Отцем умерщвленного грехом, Чистому и Беспримесному — Отцем опозоривших себя страстями бесчестия, Благодетелю — Отцем любостяжателя, вообще Тому, Кого представляем во всяком добре — Отцем пребывающих в каком-либо зле. Если кто, видя себя имеющим еще нужду в очищении и порочную совесть свою признавая исполненную скверн и дурных отметок, прежде нежели очистился от таких и столь многих худых свойств, включит себя в родство с Богом, и неправедный Праведному, нечистый Чистому скажет: «Отче», то речение сие прямо будет оскорблением и злословием, если только именует он Бога Отцем собственной своей порочности. Ибо слово «отец» означает причину от него происшедшего. Посему если порочный совестью назовет Бога Отцем своим, то не иное что сим выскажет, а то, что Бог есть начало и

виновник собственных его худых свойств (свт. Григорий Нисский, 18, 405—406).

***

...Когда Господь учит нас в молитве называть Бога Отцем, не иное что, кажется мне, делает, как узаконивает возвышенный и выспренний образ жизни, потому что истина учит нас не лгать, не говорить о себе того, чего в нас нет, не именовать себя тем, чем мы не были, но, называя Отцем своим Нетленного, Праведного и Благого, родство сие оправдывать жизнию. Поэтому видишь ли, сколько потребно нам приуготовления, какая нужна жизнь, сколько и какой требуется тщательности, чтобы с возвышением нашей совести достигнуть такой меры дерзновения и осмелиться сказать Богу: «Отче»? Ибо если в виду у тебя деньги, если озабочен ты житейскою прелестию, если домогаешься людской славы, если служишь наиболее страстным пожеланиям, и потом приемлешь в уста такую молитву — что, думаешь, скажет Тот, Кто видит твою жизнь и слышит молитву? Такие, кажется мне, слышу слова, как бы Самим Богом изрекаемые подобному человеку: «И ты, растленный по жизни, называешь своим Отцем Отца нетления? Для чего нечистым своим голосом оскверняешь чистое имя? Для чего речение это употребляешь лживо? Для чего оскорбляешь нескверное естество? Если ты чадо Мое, то, без сомнения, и жизнь твоя должна носить на себе черты Моих благ. Не признаю в тебе образа Моего естества; черты твои противоположны. ***Кое общение свету ко тьме?*** (ср.: 2 Кор. 6, 14). Какое сродство у жизни и смерти? Какая близость у чистого по естеству с нечистым? Велико расстояние между благодетелем и любостяжательным, непримиримо противление милостивого с неумолимым. Иный отец злых в тебе свойств. Мои порождения

украшаются добрыми отеческими качествами, сын милостивого — милостив, чистого — чист, нетленного — чужд растления, и вообще благого — благ, правдивого — правдив. А вас не знаю, откуда вы». Посему, пока не стали мы чистыми по жизни, опасно отваживаться на сию молитву и Бога именовать Отцем своим (свт. Григорий Нисский, 18, 407—408).

***

...Наша жизнь, утратив общение в добре, отпала и от Божией воли. Посему научаемся мы в молитве в такой мере очищать нашу жизнь от худого, чтобы, как в небесном жительстве, и в нас беспрепятственно управляла Божия воля, так чтобы можно было иному сказать: «Как в Престолах, Началах, Властях, Господствах, и во всякой премирной силе совершается Твоя воля, и никакой порок не препятствует действию добра, так и в нас да совершается доброе, чтобы, по истреблении всякого порока, в душах наших благоуспешно исполнялась во всем Твоя воля» (свт. Григорий Нисский, 18, 439).

***

Поскольку... все, кто одного с нами естества, всегда непременно участвуют в погрешностях естества, то, припадая в молитве к Богу, просим поэтому оставить нам долги. Но не приемлется таковой глас и не достигает Божественного слуха, если не вопиет вместе и наша совесть, что оказанною милостию делиться с другими — прекрасное дело. Ибо кто рассуждает, что человеколюбие прилично Богу (а если бы не признавал приличным, не стал бы просить у Бога неприличного и несообразного), от того справедливость требует собственными своими делами

подтвердить суждение о прекрасном деле, чтобы самому не услышать от Праведного Судии: ***врачу, исцелися сам*** (Лк. 4, 23). Меня умоляешь о человеколюбии, которым не делишься ты с ближними. Просишь об оставлении долгов, почему же сам мучишь должника? Умоляешь, чтобы рукописание на тебя было изглажено, а сам тщательно хранишь договоры с занявшими у тебя в долг? Просишь об уменьшении счета долгов, а сам данное в долг приращаешь лихвою? Твой должник в темнице, а ты в молитвенном доме? Он страдает за долги, а ты испрашиваешь оставления долга? Твоя молитва не услышана, потому что заглушает ее голос страждущего. Если разрешишь телесный долг, разрешены будут тебе душевные узы. Если простишь, прощено будет и тебе, сам будешь своим судьею, сам себе предпишешь закон, расположением к лежащему у ног твоих произнося свыше приговор о себе (свт. Григорий Нисский, 18, 463—464).

***

...<Христос> дал нам образец молитвы, научая (нас), что быть услышанным (Богом) зависит не от множества слов, а от бдительности души (свт. Иоанн Златоуст, 47, 793).

***

...Образ молитвы <Отче наш> предложен нам от Самого Судии, Которого мы должны умолять ею. Здесь нет прошения и даже воспоминания ни о богатстве, ни о почестях, ни о власти и силе, ни о телесном здравии или временной жизни. Творец вечности не хочет, чтобы мы просили у Него чего-нибудь суетного, маловажного и временного. Итак, тот нанесет величайшее оскорбление Его величеству и благости, кто, презрев сии вечно благие

прошения, захочет умолять Его о чем-либо скоропреходящем и тленном; такой человек маловажностью прошений скорее навлечет на себя негодование Судии своего, нежели привлечет Его благоволение (прп. авва Исаак, 56, 339—340).

***

Дивишься ты, кажется, краткости Господней молитвы, а меня всегда изумляло и изумляет это в кратких словах высокое любомудрие. Ибо если не трудно произношение слов, то не вместе и силы слов; потребен не слышатель слов только, но и исполнитель дел. Посему полагаю, что преступает всякий предел дерзости, кто не исполняет того, что прилично благоискусному сыну, но осмеливается Владыку называть Отцем, хотя делает то, чем бесславится имя Божие, однако же решается произносить: ***да святится имя Твое***, служа одним из первых оруженосцев у мучителя, отваживается выговорить: ***да приидет Царствие Твое***, т. е. к угнетенным под властью мучителя да приидет победоносный Царь, подающий неодолимую помощь в борьбе с грехом. И, не исполняя на деле ничего угодного Богу, принимает еще на себя лицемерный вид добродетели и говорит: ***да будет воля Твоя, якоже на небеси и на земли.*** Предавшись роскоши и расточительности, отложив многое в запас не только на пропитание, но и для чревоугодия, смеет молиться: ***хлеб наш насущный*** (т. е. или приличный душе, или достаточный для плоти) ***даждь нам днесь***; тогда как словом ***днесь*** указывает Господь на попечение об едином дне, потому что, мыслительную силу души возводя к высшему любомудрию, определяет и самое время прошения. Потом, хотя сам недоступен и жесток, но говорит: ***остави нам долги наша***; сам злопамятен и безмерно мстителен, но говорит: ***якоже и мы оставляем должником***

нашим; сам себя ввергает в искушение и пролагает всякие пути, ведущие к опасности, но говорит: ***не введи нас во искушение***, — что представляется смешным, лучше же сказать, достойным всякого негодования. А сие, охотно следовать за врагом... и сказать: ***но избави нас от лукавого*** — выше всякой насмешки. И на словах выражать: ***яко Твое есть Царствие, и сила, и слава*** (Мф. 6, 9—13), а на деле пренебрегать Того, Кто источает всякую силу и славу, — это уже вовсе непростительно. Посему сказать ***Отче наш*** имеют право те одни, которые по чудном рождении в Божественном крещении, по новому и необычайному закону чревоношения показывают в себе, что они истинные сыны, и сие: ***да святится имя Твое***, — те, которые не делают ничего достойного осуждения; и сие: ***да придет Царствие Твое***, — те, которые избегают всего, что доставляет удовольствие мучителю; и сие: ***да будет воля Твоя***, — те, которые изъявляют это своими поступками; и сие: ***хлеб наш насущный даждь нам днесь***, — те, которые отказываются от роскоши и от расточительности; и сие: ***остави нам долги наша***, — те, которые прощают прегрешившим пред ними; и сие: ***не введи нас во искушение***, — те, которые ни себя самих, ни других не ввергают в оное; и сие: ***избави нас от лукавого***, — те, которые ведут непримиримую брань с сатаною; и сие: ***яко Твое есть Царствие, и сила, и слава*** (Мф. 6, 9—13), — те, которые трепещут словес Божиих и показывают их в самих делах. Ибо познание молитвы в такой же мере бывает успешно, в какой преуспевают нрав и жизнь молящегося (прп. Исидор Пелусиот, 61, 411—413).

***

Прошения, из которых состоит молитва Господня, — прошения даров духовных, приобретенных человечеству

Искуплением. Нет слова в молитве о плотских, временных нуждах человека (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 238).

***

Молитва Господня дарована человекам прежде, чем совершилось окончательно их искупление: они названы сынами и призваны к правам сынов прежде усыновления, прежде возрождения крещением, прежде участия в Тайной вечери, прежде обновления Святым Духом. Молитва Господня дарована грешникам (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 239).

***

Молитва Господня не соделывает ненужными или излишними прочих молитвословий, принятых и установленных Святою Церковью: она составляет собою сущность их... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 248).

Церковная молитва

Если молитва двоих имеет великую силу, то сколько сильнее молитва епископа и целой Церкви? Поэтому, кто не ходит в общее собрание, тот уже возгордился и сам осудил себя, ибо написано: *Бог гордым противится* (1 Пет. 5, 5). Постараемся же не противиться епископу, чтобы нам быть покорными Богу (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 271—272).

***

...Молиться, конечно, можно и дома, но молиться так, как в церкви, где такое множество отцов, где единодушно воссылается песнь к Богу, дома невозможно (свт. Иоанн Златоуст, 44, 521).

***

Для того и предстоят священники, чтобы молитвы народа, как слабейшие, соединясь с их молитвами сильнейшими, вместе с ними восходили на небо (свт. Иоанн Златоуст, 44, 521).

***

Ты не будешь так скоро услышан, молясь Владыке у себя, как молясь со своими братьями (свт. Иоанн Златоуст, 44, 521).

***

Можешь молиться <и дома>, но эта молитва имеет не столь великую силу, как та, которая совершается вместе с сочленами, когда все тело Церкви единодушно и единогласно воссылает прошение, в присутствии священников, возносящих молитвы всего народа (свт. Иоанн Златоуст, 49, 472).

***

Молясь сами по себе, мы бываем слабы, а когда соберемся, становимся более сильными; потому мы и молим Бога всенародно и со взаимною помощью (свт. Иоанн Златоуст, 49, 472).

***

В церковь входи, как на небо, — и в ней не говори, и не помышляй ни о чем земном (прп. Нил Синайский, 90, 290).

***

Есть семь классов лиц, о спасении коих потребна молитва Церкви: погибшие, плененные, заблудшие, уязвлен-

ные, падающие, восставшие, шествующие. Есть еще и восьмой класс — совершенные, которые, задняя забывая, все в передняя простираются. Каждый из этих восьми классов имеет нужду в особой молитве Церкви Божией о спасении его: *погибшие* имеют нужду в молитве о том, чтобы их взыскал и обрел Вездесущий Бог, для Которого явны и ад, и пагуба; *плененные*, т. е. порабощенные (страстям и диаволу), — чтобы их освободил Божественною благодатию Своею Тот, Кто все содержит и над всем господствует, потому что такого рода порабощенник не может освободиться сам собою; *заблудшие* — чтобы просветила их Божественная благодать и направила на путь истины, как учит и псалом: *настави мя, Господи, на путь Твой, и пойду во истине Твоей* (Пс. 85, 11); *уязвленные,* т. е. сокрушенные, — чтобы их уврачевал и поднял с одра Господь, потому что ни один из уязвленных не может исцелиться и стать на ноги собственною своею силою; *падающие,* т. е. те, которые впадают в грехи, — да укрепит их великомощная десница Всевышнего Бога, чтоб они не падали; *восставшие,* т. е. те, которые перестали грешить, — да утвердит их Божественная благодать, чтоб они не низвергались более в ров сей; *шествующие,* т.е. те, которые подвизаются в добродетелях, — да шествуют без претковений, и Ангел Господень да устраняет камни и препятствия с долгой и тесной стези добродетелей... восьмой же класс, т. е. *совершенные*, — чтоб не гордились и не думали о себе, что они лучше других, но скорбели и сокрушались, чувствуя, что они ниже всех, и сознавая, сколь многого еще недостает им до той истинной высоты, которая выше всего... Итак, сам ли кто восхощет, по любви Божией, или упрошен будет другими помолиться о каком-либо из показанных восьми классов, пусть позаботится сделать молитву свою сообразною с каждым

из них, чтоб не потрудиться понапрасну, испрашивая того, что несообразно с тем или другим. Ибо в таком случае как можно, чтоб услышал его Бог? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 141—143).

***

...Вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему Иже в тайне: и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве (Мф. 6, 6). Это Он говорит не потому, что заповедует отвращаться собраний в храме и (общей) молитвы, и псалмопения, ибо в таком случае не говорил бы тогда Ему Псалмопевец-Пророк: *Посреде Церкве воспою Тя* (Пс. 21, 23), и — *исповемся Тебе в людех, Господи, воспою Тебе во языцех* (Пс. 56, 10), и — *молитвы моя воздам пред боящимися Тя, Господи* (ср.: Пс. 21, 26); и к нам: *в церквах благословите Бога* (Пс. 67, 27) (свт. Григорий Палама, 26, 77).

***

Церковные молитвословия содержат в себе пространное христианское догматическое и нравственное богословие: посещающий неупустительно церковь и тщательно внимающий ее чтению и песнопению может отчетливо изучить все нужное для православного христианина на поприще веры (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 181—182).

***

...Нет лучшего способа к раскрытию умно-сердечной молитвы, как бывать в церкви на церковных службах (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 58).

***

...Внутренней молитвы ничто так не разогревает, как храм (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 13).

Покаянная молитва

Если приносишь молитвы твои со смиренномудрием, как недостойный, то оные благоприятны будут Богу (прп. авва Исаия, 59, 56).

***

...Обрати сердце свое к молитве, чтобы обратилась к тебе благодать <Божия>. Иди путем покаяния, чтобы сретило тебя человеколюбие Его (прп. Ефрем Сирин, 33, 134).

***

Ты приходишь молиться Богу и между тем окружаешь себя золотыми украшениями и головными уборами? Разве ты пришла плясать или принять участие в брачном пире? Разве ты явилась на торжественное шествие? Там уместны золотые украшения, там головные уборы, там дорогие платья. А здесь ничего этого не нужно. Ты пришла просить, молиться о грехах своих, молитву приносить о своих преступлениях, умолить Господа, чтобы склонить Его к милосердию. Зачем же украшаешь себя? Этот наряд неприличен для той, которая молится. Как можешь ты воздыхать? Как можешь плакать? Как можешь усильно молиться, будучи одета в такой наряд? Если и будешь плакать, то слезы твои покажутся достойными смеха для того, кто будет видеть их, — потому что плачущей не следует носить золота. Это лицемерие и притворство. И в самом деле, как

же не лицемерие, когда та же самая душа, от которой родилось и это великолепие и тщеславие, та же самая (душа) и слезы проливает? Удали от себя все это притворство (свт. Иоанн Златоуст, 54, 673).

***

...Человеколюбивый Владыка Христос приемлет и нечистую молитву, устами нечистыми с великим смирением приносимую (прп. Нил Синайский, 72, 347).

***

Не фарисейски, а мытарски молись в священном месте молитвы, чтобы и тебе быть оправданным от Господа (прп. Нил Синайский, 90, 236).

***

...Кто познал, что имеет нужду в Божией помощи, тот совершает много молитв (прп. Исаак Сирин, 58, 329).

***

Молитва покаяния дана всем без исключения, дана и обладаемым страстями, и подвергающимся насильственно падениям... Но вход в сердце для молитвенного священнодействия возбранен для них... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 273).

***

Истинная молитва есть голос истинного покаяния. Когда молитва не одушевлена покаянием, тогда она не исполняет своего назначения, тогда не благоволит о ней Бог (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 161).

***

Хотя бы кто стоял на самой высоте добродетелей, но если он молится не как грешник, молитва его отвергается Богом (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 162).

***

...От сильного тела требуется при молитве труд; без него сердце не сокрушится, молитва будет бессильною и неистинною (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 162).

***

Во время молитвы не ищи восторгов, не приводи в движение твоих нервов, не горячи крови. Напротив, содержи сердце в глубоком спокойствии, в которое оно приводится чувством покаяния... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 164).

***

Если благоугодно Богу оставить подвижника при молитве покаяния, то да остается он при ней, да не ищет высшего состояния... в твердом убеждении, что оно не приобретается человеческим усилием, — даруется Богом. Пребывание в покаянии есть залог спасения. Будем довольствоваться этим состоянием; не будем искать состояния высшего (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 258).

***

Глубокое и точное познание падения человеческого весьма важно для подвижника Христова: только из этого познания, как бы из самого ада, он может молитвенно, в истинном сокрушении духа, воззвать ко Господу... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 375).

***

...Точка опоры <молитвы> есть дух сокрушен (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 103).

***

Чувствовать себя осужденником в час молитвенный кто-то из отцов поставил в существо молитвы (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 185—186).

Слезная молитва

Великий дар — слезы в молитве, а увлекаться бесовскими помыслами — то же, что смерть (прп. Ефрем Сирин, 30, 170).

***

...Если кто молится с любовью и слезами, в чистом сердце, то Самого Бога, как в зеркале, отражает в уме своем (прп. Ефрем Сирин, 30, 370).

***

Кто молится со слезами... тот с каждым днем приносит новые плоды (прп. Ефрем Сирин, 31, 98).

***

Прекрасна молитва с воздыханиями и слезами, особенно если слезы проливаем безмолвно (прп. Ефрем Сирин, 31, 102).

***

Потребно нам усильное восхождение к Богу, чтобы уразуметь, в чем мы обнищали, ибо не приидем в вожде-

ление истинных благ, если не поймем своей в них нищеты. Но каким-то одушевленным и внутренним соделается глас молитвы, когда узнаем, в чем мы обнищали, когда придем в уныние от замедления в исполнении желаемого, и в таком случае изольется моление наше, вместо слов, слезами из очей (свт. Григорий Нисский, 19, 73).

***

...Молитва напряженная и исполненная слез умиления может с великою силою приклонять Бога к принятию молитвы... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 407).

***

Не возносись, изливая слезы в молитве твоей, ибо Христос коснулся очей Твоих, и ты прозрел умственно (прп. Марк Подвижник, 69, 8).

***

Слезы во время молитвы — признак Божией милости, которой сподобилась душа в покаянии своем, признак того, что молитва принята и слезами начала входить на поле чистоты (прп. Исаак Сирин, 58, 144).

***

Сердце доброе с радостью источает слезы в молитве (прп. Исаак Сирин, 58, 301).

***

Пищу приправляют обыкновенно маслом и солью; целомудрие же и слезы воскрыляют молитву (прп. Иоанн Лествичник, 57, 235).

***

Если в лоно души не внидут словеса молитвы, то слезы не омоют ланит души (прп. Илия Екдик, 91, 476).

***

...Братия мои, и отцы, и чада, умоляю вас всех вместе и даю вам это, как душеспасительное правило, потщитесь положить начало такому делу добродетели или, лучше сказать, делу Божию... чтоб, если возможно, ни одна служба не проходила без слез. Ибо если навыкнешь ты, брате мой, это делать, то в короткое время преуспеешь, возрастешь духом и достигнешь в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова. Когда станешь ты понуждать себя к тому, чтоб не проходило ни одной службы церковной без слез, то со временем так навыкнешь сему доброму делу, что слезы сделаются для тебя как бы естественными. Тогда душа твоя начнет питаться и псалмами, какие будешь читать или слушать, и тропарями, и воспринимать в себя божественные мысли их, и ум твой посредством читаемого <будет> восходить горе́ и возвышаться в созерцание мысленного. Тогда станешь наконец плакать с великою сладостию и, находясь в церкви, чувствовать, что находишься будто среди святых Ангелов (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 210).

***

Плач должен быть неотъемлемым качеством молитвы нашей, ее постоянным, неразлучным спутником и споспешником, ее душою... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 164).

***

<Умная, сердечная и душевная> молитва весьма часто... сопровождается слезами. Человек тогда отчасти познает, что значит блаженное бесстрастие. Он начинает ощущать чистоту, а от чистоты живой страх Божий, снедающий дебелость плоти наводимым странным, доселе незнакомым человеку, ужасом от ясного ощущения предстояния своего пред Богом... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 219).

***

Действуй молитвою, воодушевленною плачем. Такая молитва — пламенное оружие, попаляющее страсти, прогоняющее духов отверженных (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 431).

Просительная молитва

...Сколько кто-либо молится о клевещущих на него и порицающих его, столько Бог удостоверяет (в истине) враждующих на него и подает ему успокоение через чистую и продолжительную молитву. И не для того говорим мы подробно просимое нами, чтобы учить Сердцеведца Бога, но чтобы самим нам прийти от сего в умиление. И как желающие более пребыть с Ним старательно умножаем слова, благодаря Его и исповедуясь Ему... как говорит Златоуст о блаженном Давиде, что это не есть многословие и не разноречие — если одно и то же изречение или подобное ему, произносится многократно, но Пророк (делает это) побуждаемый любовью, и для того, чтобы слово молитвы впечатлелось в уме молящегося или читаю-

щего. Бог знает все, прежде нежели оно происходит, и Ему нет надобности слышать разговор, но мы имеем в этом нужду, чтобы знать, чего мы просим и о чем молимся, дабы навыкнуть нам благоразумию и через прошения быть привязанными к Богу; чтобы обуреваемые помыслами, и, находясь вне памятования о Боге, мы не были побеждены врагами, но при помощи молитвы и поучения в Божественных Писаниях приобрели усвоение добродетелей... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 216—217).

***

...Если кто водимый Святым и человеколюбивым Духом, не мечтая о самом себе, но уничижая себя, чтобы возвысить других, возопиет духом, испрашивая чего-либо великого и не произнесет ничего недостойного и низкого, выражающего искание земного и мирского, то вопль сего просящего услышан будет Господом (свт. Василий Великий, 5, 254).

***

Взывание праведных есть мысленное, и оно в потаенности сердца раздается велегласно, и может достигать до самого слуха Божия. Ибо кто просит великого и молится о небесном, тот взывает и воссылает к Богу молитву, которая бывает услышана (свт. Василий Великий, 5, 264—265).

***

Молящемуся не должно говорить лишнего, прося у Господа чего-либо тленного и недостойного (свт. Василий Великий, 7, 363).

***

Молясь... смотри, не попроси одного вместо другого и не прогневай Господа; не проси ни имения, ни славы человеческой, ни власти, ни другого чего преходящего, но проси Царствия Божия... (свт. Василий Великий, 9, 320).

***

...Молитвою своею не наведи на себя негодования, но проси себе того, что достойно Царя Бога. А прося того, что достойно Бога, не отступай, пока не получишь (свт. Василий Великий, 9, 322).

***

...В молитве должно просить не исполнения собственной своей воли, но предоставлять все Богу, домостроительствующему полезное (свт. Василий Великий, 11, 250).

***

...Как в делах обыкновенных не рассуждающий о том, чем достигается какое-либо из благих желаний, но осуетившийся неисполнимыми пожеланиями, как человек неразумный и жалкий, в этих грезах тратит время, в которое мог бы подумать, как сделать для себя что-либо полезное: так и тот, кто во время молитвы устремлен не к тому, что полезно душе, но просит Бога оказать благоволение к страстным движениям его ума, как человек нелепый есть действительно лишшеглаголивый, молящийся о том, чтобы Бог стал содейственником и служителем его суетностей. Скажу для примера: приступает кто-либо с молитвою к

Богу, и не уразумев умом высоты того могущества, к какому приступает, сам того не понимая, оскорбляет сие величие срамными и низкими прошениями. Как если кто, по чрезвычайной бедности или грубости, глиняные сосуды почитая для себя многоценными, а потом, пришедши к царю, готовому раздавать богатства и чины, отложив в сторону прошения, какие прилично предлагать царю, станет у почтенного таким саном просить, чтобы из глины лепил, что для него желательно, так и невежественно пользующийся молитвою не возносится сам до высоты Дающего, а, напротив того, желает Божественное могущество низвести до собственного своего низкого и земного пожелания, и поэтому страстные стремления простирает к Тому, Кто видит сердца, и простирает не для того, чтобы уврачевал неуместные движения сердца, но чтобы соделалось оно еще худшим, когда лукавое сие стремление, при содействии Божием, увенчается делом (свт. Григорий Нисский, 18, 390—391).

***

...Невозможно, чтобы просящие от Бога целомудрия, и справедливости, и кротости, и честности не получили согласно своей молитве (свт. Иоанн Златоуст, 45, 832).

***

Наступившую бурю ты увидел? Напряженно проси Бога — пронести это волнение и водворить после бури тишину (свт. Иоанн Златоуст, 46, 328).

***

Разве не может Он <Господь> и прежде нашего прошения подать нам? Но Он потому ожидает (нашего про-

шения), чтобы иметь случай праведно удостоить нас Своего Промышления (свт. Иоанн Златоуст, 47, 321).

***

Тогда наиболее Господь слышит нас, когда мы призываем Его скорбною душою и сокрушенным сердцем в прилежной молитве (свт. Иоанн Златоуст, 47, 422).

***

Человеколюбив Господь наш, и не столько внемлет, когда другие молят Его о нас, сколько когда мы сами (молим о себе) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 493).

***

Научимся тому, чтобы когда предпринимаем ли что-нибудь, беремся ли за какое-либо дело, или отправляемся в путешествие, прежде всего возносить молитвенную жертву Господу, и не иначе, как испросив Его помощи, начать предпринимаемое дело (свт. Иоанн Златоуст, 47, 689).

***

...Молящемуся прежде всего нужно иметь твердую веру, и тогда просимое непременно получится (свт. Иоанн Златоуст, 48, 11).

***

Почему же, скажешь, многие бывают не услышаны? Потому, что просят бесполезного. В таком случае быть неуслышанным лучше, чем быть услышанным. Поэтому, будем ли мы услышаны, не станем радоваться этому; будем ли не услышаны, станем прославлять Бога и за это.

В самом деле, когда мы просим бесполезного и бываем не услышаны, тогда от самого неполучения того, чего просим, мы получаем пользу. А иногда мы просим нерадиво; тогда Бог медлительностью подаяния научает нас большему усердию в молитве, — и это немаловажная польза (свт. Иоанн Златоуст, 48, 23).

***

Чтобы быть услышанным от Бога, это зависит от следующих условий: во-первых, если мы достойны получить просимое; во-вторых, если мы молимся согласно с законами Божиими; в-третьих, если молимся непрестанно; в-четвертых, если не просим ничего житейского; в-пятых, если просим полезного; в-шестых, если исполняем должное и с своей стороны (свт. Иоанн Златоуст, 48, 65).

***

...Хотя бы мы были недостойны, однакож неотступными молениями можем сделать себя достойными получить (просимое) (свт. Иоанн Златоуст, 51, 144).

***

Бог более хочет, чтобы Его просили мы сами за свои прегрешения, чем другие за нас (свт. Иоанн Златоуст, 55, 486).

***

...Без колебания неверием надобно быть настойчивым в молитвах и не надобно сомневаться, что постоянством их получим все, что будем просить у Бога. Ибо Господь, желая доставить вечные и небесные блага, увещевает, чтобы мы неотступностью некоторым образом вынужда-

ли Его, и Он нас, докучающих, не только не презирает, не отвергает, но еще побуждает, хвалит и благосклонно обещает доставить нам все, чего настойчиво будем ожидать... (прп. авва Исаак, 56, 345—346).

***

...Всякий молящийся должен знать, что он наверно не будет услышан, когда будет сомневаться в услышании (прп. авва Исаак, 56, 346).

***

В молитве проси только правды и Царствия, т. е. добродетели и ведения, и прочее все приложится тебе (см.: Мф. 6, 33) (прп. Нил Синайский, 71, 180).

***

Если... преслушаешь, пренебрегши Владыку всяческих, то сделаешь, что и молящиеся о тебе праведники не будут услышаны (прп. Нил Синайский, 73, 228).

***

Не молись, да будет по желаниям твоим; ибо они не во всем бывают согласны с волей Божией. Но лучше молись, как научен, говоря: *да будет* на мне *воля Твоя* (Мф. 6, 10). И во всяком деле так проси Его, ибо Он всегда желает доброго и полезного душе твоей, а ты не всегда этого взыскиваешь (прп. Нил Синайский, 90, 226).

***

Молись, во-первых, о том, чтоб очиститься от страстей, во-вторых, о том, чтоб избавиться от неведения и

забвения, и, в-третьих, о том, чтоб избавлену быть от всякого искушения и оставления (прп. Нил Синайский, 90, 227).

***

Не скорби, не получая тотчас от Бога того, о чем просишь. Он хочет доставить тебе бóльшее благодеяние тем самым, что заставляет тебя с терпением долее предстоять Ему в молитве. Ибо что выше, как простирать беседу к Богу и объяту быть общением с Ним (прп. Нил Синайский, 90, 227).

***

Если не получил еще ты дара молитвы или псалмопения, то проси неотступно и получишь (прп. Нил Синайский, 90, 234).

***

...Проси неотступно и с несомненным расположением, хотя не совершен ты в добродетельной жизни, немощен и ничего не достоин, — и получишь великое (см.: Лк. 11, 13) (прп. Иоанн Карпафский, 91, 94).

***

Проси досточестного у Дающего без зависти, чтобы за мудрое свое хотение принять от Него и почесть (прп. Исаак Сирин, 58, 33).

***

Если просишь чего у Бога, и Он медлит услышать тебя вскоре, не печалься, потому что ты не премудрее Бога (прп. Исаак Сирин, 58, 35).

***

Прежде всего изобразим на хартии нашего моления искреннее благодарение Богу; потом исповедание грехов и сокрушение души в чувстве; после сего да представляем Царю всяческих наши прошения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 234).

***

Предметы молитвы нашей должны быть духовные и вечные, а не временные и вещественные. Основная и первоначальная молитва должна состоять из прошений о прощении грехов (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 516).

***

Воспрещено нам плотское многословие и витийство в молитве, воспрещены прошения о земных благах и преимуществах, прошения, которыми одними преисполнены молитвы язычников и подобных язычникам плотских людей... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 249).

Дерзновение в молитве

Будь мирен со всеми, чтобы иметь дерзновение в молитве (прп. авва Исаия, 89, 351).

***

...Какое холодное у многих рассуждение? Говорят: «Не имею дерзновения, покрыт я стыдом, и не могу отверзсть уст». — Сатанинский это страх, прикровение это лености; диавол хочет заградить дверь, которою можем войти к Богу. Нет у тебя дерзновения? Но великое уже дерзновение и это самое — почитать себя не имеющим дерзновения,

так как крайний стыд и осуждение — почитать себя имеющим дерзновение. Ибо если и много у тебя заслуг, и не сознаешь за собой ничего худого, но считаешь себя имеющим дерзновение, то лишился ты всех плодов молитвы. А если носишь на совести тмочисленные бремена грехов, убедишь себя только в том, что ты последний из всех, то великое будешь иметь дерзновение пред Богом (прп. Ефрем Сирин, 32, 408).

***

Когда бодрствуешь в молитве, то помышляй не об усталости, причиняемой бодрствованием, а о дерзновении, доставляемом молитвою (свт. Иоанн Златоуст, 45, 758).

***

...<Не говори>: я грешник, я не имею дерзновения, у меня нет молитвы. Кто не думает, что он имеет дерзновение, тот имеет дерзновение, но кто думает, что он имеет дерзновение, тот потерял дерзновение, подобно фарисею, а кто считает себя отверженным и презренным, тот особенно и будет услышан, подобно мытарю (свт. Иоанн Златоуст, 46, 383).

***

Как фимиам и сам по себе хорош и благовонен, но особенно издает благоухание тогда, когда бывает положен на огонь, так и молитва и сама по себе хороша, но бывает лучше и благовоннее тогда, когда приносится от души пламенеющей ревностью, когда душа становится кадильницею и возжигает в себе сильный огонь (свт. Иоанн Златоуст, 48, 481).

***

Подлинно, ничто так не преграждает ему <демону> путь к нам, как усердная молитва (свт. Иоанн Златоуст, 55, 517).

***

Иногда лишь станешь на молитву, тотчас начнешь молиться хорошо; а иногда, и много потрудившись, не улучишь этой желанной цели; (и сие попускается тебе для того), чтобы ты еще усерднее взыскал (молитвы) и, получив, имел молитву совершенно исправною, безопасною от окрадения (прп. Нил Синайский, 90, 226).

***

...Дерзновение пред Богом бывает следствием частого с Ним собеседования и многой молитвы (прп. Исаак Сирин, 58, 299).

***

Не думай, что человек, привязанный к телесному, возымеет в молитве дерзновение пред Богом (прп. Исаак Сирин, 58, 401).

***

В какой мере вступил кто в подвиг ради Бога, в такой сердце его приемлет дерзновение в молитве его (прп. Исаак Сирин, 58, 404).

***

...Приступай к Богу с глубочайшим смиренномудрием, и получишь у Него большее дерзновение (прп. Иоанн Лествичник, 57, 234).

***

Ум тогда лишается дерзновения к Богу, когда бывает собеседником с помыслами злыми и нечистыми (прп. Максим Исповедник, 91, 184).

***

Непарительность, доступная человеку, даруется Богом в свое время такому подвижнику молитвы, который постоянством и усердием в подвиге докажет искренность своего желания стяжать молитву (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 262).

Ночная молитва

Со слезами молись ночью, так, чтоб никто не ощутил, что ты молишься, — и обрящешь благодать (авва Евагрий, 89, 615).

***

Великое дело — среди глубокой ночи, когда спят все люди, звери и скот, когда господствует глубочайшая тишина, тебе одному бодрствовать и дерзновенно беседовать с общим всех Владыкою (свт. Иоанн Златоуст, 45, 758).

***

Сладок сон? Но нет ничего слаще молитвы <ночной> (свт. Иоанн Златоуст, 45, 758).

***

...Научимся неотступно и постоянно прилежать к молитве, и днем и ночью, и особенно ночью, когда никто не смущает, когда ум спокоен, когда великая тишина и нет

никакого волнения в доме, никто не препятствует нам заняться молитвою и не отвлекает от нее, когда возбужденная душа может обстоятельно высказать все Врачу душ (свт. Иоанн Златоуст, 47, 322).

***

Преклони колена, воздыхай, моли Господа твоего быть милостивым к тебе; Он особенно преклоняется (на милость) ночными молитвами, когда ты время отдохновения делаешь временем плача (свт. Иоанн Златоуст, 52, 248—249).

***

...Растения восстанавливают свои силы... во время ночи; тогда особенно и душа еще более их принимает в себя росу. Что днем накаляется солнцем, то освежается ночью. Ночные слезы лучше всякой росы нисходят и на пожелания и на всякое пламенное разжжение, и не попускают потерпеть ничего вредного. Если она не будет питаться этой росою, то будет сожигаться во время дня (свт. Иоанн Златоуст, 52, 250).

***

Поверь мне, не столько огонь истребляет ржавчину (металла), сколько ночная молитва — ржавчину грехов наших (свт. Иоанн Златоуст, 52, 250).

***

Всякая молитва, которую совершаем ночью, да будет в очах твоих досточестнее всех дневных деяний (прп. Исаак Сирин, 58, 173).

***

Если намерен ты предать душу свою на дело молитвы, очищающей ум, и на пребывание в бодрствовании ночью, чтобы приобрести светлый разум, то удаляйся от зрения мира... (прп. Исаак Сирин, 58, 284).

Сила молитвы

...Надобно не в словах заключать молитву, а... поставлять более силу молитвы в душевном произволении и в добродетельных делах, непрерывно продолжаемых чрез целую жизнь (свт. Василий Великий, 8, 62).

***

Молитва — печать девства, верность брака, оружие путников, страж почивающих, благонадежность бодрствующих, плодоносие земледельцам, спасение плавающих (прп. Ефрем Сирин, 32, 13).

***

Подлинно, не так страшен для волков меч, как для демонов — молитвы праведников (свт. Иоанн Златоуст, 44, 128).

***

Сила молитвы погашала силу огня, обуздывала ярость львов, останавливала войны, прекращала сражения, утишала бури, прогоняла демонов, отверзала врата неба, расторгала узы смерти, отгоняла болезни, отражала злобу, укрепляла колеблющиеся города и свыше посылаемые удары, и человеческие козни, и все вообще бедствия отклоняла молитва.

...Я говорю не о той молитве, которая бывает только на устах, но о той, которая возносится из глубины души (свт. Иоанн Златоуст, 44, 545—546).

***

...Удивительно ли, что сила молитвы может прекращать человеческие горести, если она легко погашает и истребляет самые грехи? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 546).

***

...Когда молитва засияет, как луч, от наших уст и языка, ум наш просвещается, а все безумные и зверские страсти прогоняются, обращаются в бегство и скрываются в свои убежища, если только мы молимся усердно, с напряженною душою и бодрым умом (свт. Иоанн Златоуст, 44, 569).

***

...Молитва прогоняет всякую скорбь, доставляет благодушие, способствует постоянному удовольствию; она есть мать любомудрия (свт. Иоанн Златоуст, 44, 569).

***

...Молитва не только очищает грехи, но прогоняет даже и великие опасности (свт. Иоанн Златоуст, 45, 834).

***

...Молитва — непобедимое оружие и надежное охранительное средство, одинаково отгоняющее одного воина, одинаково и многие мириады... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 834).

***

...<Демоны> непрестанно ходят вокруг, высматривая нас, кого бы, неукрепленного молитвой, они могли быстро захватить в плен. Если они заметят, что мы ограждены молитвами, то тотчас поспешно убегают, как разбойники и злодеи, видящие меч, висящий у головы воина (свт. Иоанн Златоуст, 45, 836).

***

...Молитвы праведников имеют гораздо большую силу, чем какова (сила) и оружия, и коней, и богатства, и войск (свт. Иоанн Златоуст, 45, 842).

***

...Когда ты увидишь какое-либо случившееся затруднение или в супружестве, или в других обстоятельствах, то молись Богу — это единственный самый лучший способ избавиться от случающихся с нами бедствий. Подлинно, молитва есть великое оружие... хотя бы ты был грешником, — посмотри на мытаря, который не был отвергнут, который очистился от такого множества грехов (свт. Иоанн Златоуст, 46, 382—383).

***

...Хотя бы ты не разумел силы слов <молитвы>, приучай по крайней мере уста произносить их. И язык освящается этими словами, когда они произносятся с усердием (свт. Иоанн Златоуст, 48, 153).

***

Сила молитвы всегда велика, но если молитва соединяется с постом, то делает душу еще более сильною (свт. Иоанн Златоуст, 48, 587).

***

Не так рычание льва обращает в бегство диких зверей, как молитва праведника прогоняет демонов, лишь только произнесет он слово, они уже исчезли (свт. Иоанн Златоуст, 52, 464—465).

***

Нет ничего сильнее молитвы по действию; и нет ничего полезнее ее для благоугождения Богу (прп. Марк Подвижник, 69, 37).

***

Молитва есть умерщвление понятий, свойственных воле плотской жизни. Ибо молящийся прилежно есть то же, что умерший для мира... (прп. Исаак Сирин, 58, 188).

***

...Сила и состоятельность молитвы зависят от исполнения заповедей чрез творение добродетелей... (прп. Максим Исповедник, 91, 299).

***

Милосердие к ближним и смирение пред ними, выражаемые наружными делами и питаемые в душе, в совокупности с чистотою сердца, преимущественно от блудных помыслов и ощущений, составляют основание и силу молитвы (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 146).

***

Достоинство молитвы состоит единственно в качестве, а не в количестве. Тогда похвально количество, когда оно приводит к качеству (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 163).

***

Не забудьте, что сила молитвы — ***дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно*** (Пс. 50, 19) (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 169).

***

Когда будете смиренны, благодать Божия скоро приведет в силу... молитву (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 103).

Польза молитвы

...<Молитва> — это наше духовное ограждение и божественные стрелы, которые могут защитить нас (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 291).

***

...Молитвенные слова не просто полезны, но когда произносятся с усердным расположением (свт. Василий Великий, 6, 53).

***

...Молитва будет нам и добрым помощником в сей жизни, пока живем в этой плоти, и отходящим отсюда послужит достаточным напутствием к будущему веку (свт. Василий Великий, 10, 303).

***

Будем трудиться в молитве; это — виноградная лоза, вино ее есть утешение (прп. Ефрем Сирин, 34, 302).

***

...Не только честь, но и величайшую пользу доставляет нам молитва еще прежде, нежели мы получим то, чего просим (свт. Иоанн Златоуст, 44, 568).

***

Кто может усердно молиться, тот богаче всех, хотя бы он был беднее всех; напротив, кто не прибегает к молитве, тот, хотя бы сидел на царском престоле, беднее всех (свт. Иоанн Златоуст, 44, 569).

***

Подобно тому, как это наше тело, если в нем нет души, мертво и зловонно, так и душа, не побуждающая себя к молитве, мертва и несчастна, и зловонна (свт. Иоанн Златоуст, 45, 832—833).

***

...Что могло бы быть славнее молитвы или божественнее, когда она оказывается некоторым противоядием для больных душевно? (свт. Иоанн Златоуст, 45, 833).

***

...Лучше предпочесть умереть, чем быть лишенным молитвы в течение только трех дней (см.: Дан. 6, 10) (свт. Иоанн Златоуст, 45, 833).

***

...Когда я увижу, что кто-либо не любит молиться и не имеет к ней горячей ревностной любви, то мне уже ясно,

что он не владеет в своей душе ничем благородным (свт. Иоанн Златоуст, 45, 833).

***

...Ревностно молящиеся не допускают себя до чего-либо недостойного молитвы, но, стыдясь Бога, с Которым только что беседовали, быстро отталкивают от себя всякое коварство лукавого... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 838).

***

...В душу, незнакомую с молитвою и прошением, не может войти ничто содействующее благочестию... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 838).

***

Если ты лишишь себя молитвы, то сделаешь то же самое, как если бы ты извлек из воды рыбу, потому что как для той жизнь — вода, так для тебя — молитва (свт. Иоанн Златоуст, 45, 839).

***

...Кем бы находящимся в опасности ни овладела молитва, всех она легко избавляет от угрожающих бед. Молитва — причина спасения, виновница бессмертия души, несокрушимая стена Церкви, непоколебимая охрана, страшна для демонов, для нас же, благочестивых, спасительна (свт. Иоанн Златоуст, 45, 843).

***

Великое оружие — молитва... Апостолы оставляли попечение о бедных для того, чтобы иметь более времени для упражнения в молитве (свт. Иоанн Златоуст, 46, 70).

***

Великое благо молитва. Если кто, разговаривая с добродетельным человеком, получает от того немалую пользу, то каких благ не получит удостоившийся беседовать с Богом? Молитва есть беседа с Богом (свт. Иоанн Златоуст, 47, 321).

***

Если будешь творить постоянные и частые молитвы, занимая все время частым повторением (их), то легко можешь сохранить внимание и самые молитвы будешь творить с большою бдительностью (свт. Иоанн Златоуст, 47, 793).

***

...Где молитва и благодарение, туда приходит благодать Святаго Духа, оттуда прогоняются демоны, и все вражеские силы отступают и обращаются в бегство (свт. Иоанн Златоуст, 47, 798).

***

Кто всегда готов к молитве, тот никогда не впадет в невоздержание и пьянство, никогда не испытает следствий объедения, но сдерживая свои помыслы ожиданием молитвы, как бы уздою, будет в надлежащей мере употреблять все предлагаемое, и тем доставит и душе и телу великое благословение (свт. Иоанн Златоуст, 47, 799).

***

Если и случится когда-нибудь встать (из-за стола) в хмелю и опьянении, и тогда не оставляй своей привычки, но и с тяжелою головой, шатаясь и падая, будем молиться

и не изменим своему обычаю. Если сегодня ты так помолишься, то завтра исправишь погрешность, сделанную накануне (свт. Иоанн Златоуст, 47, 799).

***

...Так как нам, как людям, свойственно и впасть в беспечность, то, когда пройдет час, другой, третий после молитвы, и ты увидишь, что возбужденный в тебе жар готов мало-помалому охладеть, спеши тотчас опять на молитву и согрей охладевшую свою душу. И если будешь делать это в продолжение всего дня... то не дашь диаволу доступа и входа к твоим мыслям (свт. Иоанн Златоуст, 47, 818).

***

...Перелагай все житейские дела свои частыми молитвами, как бы связями из бревен, и таким образом со всех сторон огради жизнь свою (свт. Иоанн Златоуст, 47, 819).

***

Если грешник (мытарь) посредством молитвы сделался праведным, то представь, сколь велик будет праведник, если научится возносить такую же молитву (свт. Иоанн Златоуст, 48, 11).

***

...Мы не знаем, как следует, пользы от молитвы, потому что не внимаем ей со всем усердием и не упражняемся в ней по законам Божиим (свт. Иоанн Златоуст, 48, 13).

***

Человек, который научился беседовать с Богом, как подобает беседовать с Богом, делается ангелом: так душа его отрешается от уз плоти, так ум его возвышается и переселяется на небо, так он презирает все житейское, так он становится пред самим Престолом Царским, хотя бы он был бедным, хотя бы рабом, хотя бы простолюдином, хотя бы неученым (свт. Иоанн Златоуст, 48, 13).

***

...Как тело очищается водою, так душа — молитвою (свт. Иоанн Златоуст, 48, 41).

***

...От молитвы, даже продолжительной, не бывает никакой пользы, если молящийся остается во грехах (свт. Иоанн Златоуст, 49, 16).

***

...Если Сам Господь хочет дать <всем>... спасение, то какая, скажешь, нужда в молитве с моей стороны? Это много пользы приносит и им <ближним>, и тебе; их располагает к любви, и тебя не допускает до ожесточения; и это имеет силу привлечь их к вере, так как много таких людей, которые вследствие раздоров между собой отступали от Бога (свт. Иоанн Златоуст, 54, 667).

***

Великое благо молитва, если бывает с чувством благодарения, если мы научимся благодарить Бога не только

получая (просимое), но и не получая (свт. Иоанн Златоуст, 55, 484).

***

Великое благо — молитва, все блага в себе совмещающее, поелику очищает сердце, в коем верующими узревается Бог (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 180).

***

Молитва есть ограждение радости и благодарения. Молитва есть врачевство от печали и уныния (прп. Нил Синайский, 71, 176).

***

Если, претерпевая что-либо тяжкое, пребудешь любомудрым, то плод сего обретешь во время молитвы (прп. Нил Синайский, 71, 176—177).

***

Прекрасны молитва и чтение; они прекращают суетное скитание мыслей, связуя помысл, кружащийся над чем не должно, и с пользою удерживая его при себе нимало не развлекаемым в сем прекрасном занятии (прп. Нил Синайский, 90, 241).

***

Призывай Бога, чтобы Он отверз очи сердца твоего и ты увидел пользу молитвы и чтения, опытно уразумеваемого (прп. Марк Подвижник, 89, 520).

***

Пользу молитвы познаем мы из тех препятствий, которые делают нам бесы во время церковных собраний... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 241).

***

Молиться Богу весьма хорошее дело и великую приносит пользу молящемуся. Если великая бывает польза от собеседования с земным царем, то сколь большая должна быть от собеседования с Царем Небесным посредством молитвы? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 76—77).

***

Если же <люди> не захотят поучаться <молитве> и не научатся, то будь они мудры, будь невежды, кончат жизнь нечистыми и осквернеными (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 158).

***

Да не отходит... от мысли твоей убеждение, что одно возношение ума к Богу и одно смиренное коленопреклонение во славу и честь Бога несравненно более ценно, нежели все сокровища мира... (прп. Никодим Святогорец, 70, 78).

***

Не нужны Богу наши молитвы! Он знает и прежде прошения нашего, в чем мы нуждаемся... Нам необходима молитва: она усвояет человека Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 141).

***

Молитва, как беседа с Богом, сама собою — высокое благо, часто гораздо большее того, которого просит человек, — и Милосердый Бог, не исполняя прошения, оставляет просителя при его молитве, чтоб он не потерял ее... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 142).

***

Есть молитва — живет дух; нет молитвы — нет жизни в духе (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 33).

***

Если в молитве не будете успевать, не ждите успеха и ни в чем другом. Она — корень всего (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 255).

Плоды молитвы

Всячески старайтесь понуждать себя к молитве, чтобы Господь даровал вам простосердечие и незлобие, и избавил вас от противных страстей... (прп. авва Исаия, 59, 42).

***

Будем молиться, чтоб сподобиться нам дарования, а сподобившись, не высоко будем думать о себе (прп. Ефрем Сирин, 30, 143).

***

В молитве Божественным посещением в удостоившихся производится некое таинственное общение духовной деятельности и единение расположения и самого ума в неиз-

реченной любви к Господу; и в небесные восторги любви, в пламенную приверженность ежедневно вовлекается духовною любовию к Богу тот, кто принуждает себя постоянно пребывать в молитвах... (прп. Ефрем Сирин, 32, 341).

***

Пребывающий постоянно в молитве как бы входит в общение с Богом, и сопрягается с Ним таинственною святостью и некою духовною действенностью и неизреченным расположением сердца (прп. Макарий Египетский, 67, 337).

***

Плоды... искренней молитвы суть: простота, любовь, смиренномудрие, постоянство, незлобие... (прп. Макарий Египетский, 67, 340).

***

...Следствие молитвы то, что бываем мы с Богом, а кто с Богом, тот далек от сопротивника (свт. Григорий Нисский, 18, 384).

***

Молитва есть охранная стража целомудрия, доброе направление раздражительности, обуздание кичливости, очистительное средство от памятозлобия, истребление зависти, уничтожение неправды, исправление нечестия. Молитва есть крепость телу, обилие в дому, благоустройство в городе, могущество царства, победный памятник на брани, безопасность во время мира, собрание разъединенных, по-

стоянная совокупность соединившихся (свт. Григорий Нисский, 18, 384—385).

***

Плоды... искренней молитвы: простота, любовь, смиренномудрие, терпение, незлобие и тому подобное; все это, и прежде (принесения) вечных плодов, здесь произращает (плод) в жизни старательного. Таковы плоды, украшающие молитву; если недостает их, то напрасен ее труд (свт. Григорий Нисский, 24, 281).

***

...Молитва очищает и делает мощным к борьбе ум... (авва Евагрий, 89, 586).

***

Если говорящие с мудрыми мужами, вследствие постоянного сношения с ними, скоро становятся подобными им со стороны благоразумия, то что надлежит сказать о беседующих с Богом и молящихся Ему? (свт. Иоанн Златоуст, 45, 837—838).

***

...Душа наша от греха и беспечности отвердевает и делается камнем. Поэтому нам нужна великая горячность, чтобы размягчить затверделость ее. Это преимущественно совершает молитва (свт. Иоанн Златоуст, 48, 406).

***

Молитва — священный посланник; она веселит сердце, успокоивает душу, возбуждает страх наказания и желание

Небесного Царства, учит смиренномудрию, приносит познание греха... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 984).

***

<Молитва> дает истинное удостоверение в будущем, принося лучшее, чем вера, познание уготованных там благ, открывает сокровенные, невидимые, тайные сокровища, показывает тебе врага, поражает ряды противников... и ведет к Самому Царю (свт. Иоанн Златоуст, 55, 985).

***

Свят жертвенник молитвы, потому что привлекает к нам Святого святых (прп. Нил Синайский, 72, 250).

***

...Всякий человек ежедневно имеет нужду в молитвенных очищениях, так как молитва омывает всякую появляющуюся в нас нечистоту (прп. Нил Синайский, 72, 267).

***

Как водою омываем телесные нечистоты, так молитвою просветляем душу (прп. Нил Синайский, 72, 267).

***

Матерь всех добродетелей, молитва, не только может очищать и питать, но и просвещает, и в состоянии соделать подобными солнцу молящихся искренно (прп. Нил Синайский, 73, 256).

***

...Если труду предшествовать будет молитва, <то> и доступа не найдет к душе отовсюду нас окружающий и многообразный грех... (прп. Нил Синайский, 73, 356).

***

Молитва верных — великое истязание, сокрушение и страх лукавым демонам (прп. Нил Синайский, 73, 361).

***

...Великие дела возможно совершить тому, кто без развлечения молится Богу... (прп. Нил Синайский, 73, 367—368).

***

Молитва отрешает ум от всякого помышления о чувственном, возводит к Самому над всеми Сущему Богу, чтобы с Ним собеседовать и у Него с дерзновением испрашивать все что угодно; и таким образом делает, что человек проводит жизнь в чистоте, как бывший уже в общении с Богом, и вскоре потом снова готовящийся к сему общению (прп. Нил Синайский, 90, 242).

***

Люби упражняться в рукоделии, но паче в молитвенной памяти; потому что то не всегда, а эта непрестанно доставляет плод своего делания. Не пресекай молитвы, пока не воздашь вполне молитвенного долга, и не слушай помысла, будто пора садиться за работу; равно, когда

сидишь за работою, не осуечайся сильно делом, чтоб торопясь не возмутить сердца и не сделать его негодным для молитвы (прп. Нил Синайский, 90, 242—243).

***

Кто пренебрегает заповедью о молитве, тот впадает в самые неуместные преслушания, из коих одно пересылает его к другому, как узника (прп. Марк Подвижник, 89, 554).

***

...Молитва для того, чтобы приобрести нам любовь Божию, потому что вследствие молитвы сыскиваются причины любить нам Бога (прп. Исаак Сирин, 58, 171).

***

Как железо делается неприкосновенным от проникновения его огнем, так частые молитвы мощнейшим делают ум на брань с врагом... (прп. Иоанн Карпафский, 91, 103).

***

Молитва... есть... утверждение мира... мост для перехождения искушений, стена, защищающая от скорбей, сокрушение браней, дело Ангелов, пища всех бесплотных, будущее веселие, бесконечное делание, источник добродетелей, виновница дарований, невидимое преуспеяние, пища души, просвещение ума, секира отчаянию, указание надежды, уничтожение печали... укрощение гнева, зеркало

духовного возрастания, познание преуспеяния, обнаружение душевного устроения, предвозвестница будущего воздаяния, знамение славы... <Она> есть суд, судилище и Престол Судии прежде Страшного Суда (прп. Иоанн Лествичник, 57, 232—233).

***

Долго пребывая на молитве и не видя плода, не говори: я ничего не приобрел. Ибо самое пребывание в молитве есть уже приобретение... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 237).

***

Кто непрестанно опирается о жезл молитвы, тот не преткнется; а если бы это и случилось, то не падет совершенно (прп. Иоанн Лествичник, 57, 241).

***

...Нечистые... не хотят видеть, чтобы ты молитвою получал венцы за брань с ними, и сверх того, опаляемые молитвою, как огнем, они принуждены будут бежать (прп. Иоанн Лествичник, 57, 241).

***

...Непрестанною молитвою и поучением в Божественных Писаниях отверзаются умные очи сердечные и зрят Царя сил, — и бывает радость великая, и сильно воспламеняется в душе Божественное желание неудержимое, причем совосхищается туда же и плоть действием Духа, и человек весь соделывается духовным. Вот чего сподобляются делатели блаженного безмолвия и теснейшего по-

движнического жития, которые, удалив себя от всякого утешения человеческого, одни с Единым, на небесах сущим Владыкою, непрестанно беседуют! (прп. авва Филимон, 91, 362).

***

...Если, во время совершения тобою молитвы своей, иной некий воссияет тебе свет, которого изобразить в слове я не в силах, от которого душа преисполняется радости, возрождается вожделение лучшего и начинают тещи слезы со умилением, то ведай, что это есть Божеское посещение и заступление. Если слишком долго будет держаться такое состояние, то, чтоб по причине обилия слез не показаться тебе пред собою чем-либо более, нежели каков ты на деле, обрати ум свой на что-либо телесное и тем смири себя (старец Симеон Благоговейный, 93, 73).

***

Прекрасно и количество в молитвенных псалмопениях, когда им руководит терпение и внимание, но собственно качество оживляет душу и бывает причиною плода (от молитвы) (прп. Никита Стифат, 93, 132).

***

...Чуждая прелести молитва есть теплота с молитвою к Иисусу, ввергающему огнь в землю сердца нашего, — теплота, попаляющая страсти, как терния, вселяющая в душу веселие и тишину и приходящая не с десной и не шуей стороны или свыше, но в сердце источающаяся, как источник воды от Животворящаго Духа (прп. Григорий Синаит, 93, 244).

***

Начало действия благодати в молитве различно обнаруживается, так как, по Апостолу, и разделение Духа бывает разнообразно, по *Своей Ему воли* (Евр. 2, 4). В некоторых приходит дух страха, разрушающий горы страстей, и сокрушающий камни, — жестокие сердца, — такой страх, что от него плоть как бы гвоздьми пригвождается и мертвой становится. В других же является потрясение или обрадование, которое взыграние назвали отцы. В иных, наконец, и преимущественно в преуспевших в молитве, Бог производит веяние света, тонкое и мирное, когда Христос вселится в сердце (см.: Еф. 3, 17) и таинственно воссияет в духе (прп. Григорий Синаит, 93, 245).

***

Истинное начало молитвы есть сердечная теплота, попаляющая страсти, отраду и радость вселяющая в сердце непоколебимым возлюблением, и утверждающая сердце несомненным удостоверением (прп. Григорий Синаит, 93, 252).

***

Когда единичный ум бывает тройственным, пребывая единичным, тогда он соединяется с Богоначальною Троической Единицею, затворяет всякий вход прелести, погрешению и заблуждению и становится выше плоти, мира и миродержителя. Избегши таким образом сетей их, всецело пребывает он в себе и в Боге, вкушая источающееся изнутри духовное радование. Бывает же единичный ум тройственным, пребывая единым в возвращении к себе самому и в восхождении чрез себя к Богу. Возвращение ума к себе

есть хранение себя, а восхождение его к Богу производится молитвою. Когда кто пребудет в сей собранности ума и в таком его простертии к Богу, тогда, сильным самопринуждением утесняя быстротечность своих мыслей, мысленно приближается он к Богу, встречает неизреченное, вкушает будущего века и духовным чувством познает, сколь благ Господь, как и Псалмопевец говорит: ***вкусите и видите, яко благ Господь*** (Пс. 33, 9). Поставить ум в состояние тройственности, чтоб он, один и тот же сущи, и хранил, и храним был, и молитву деял, может быть, не очень трудно, но долгое время пребывать в сем состоянии, порождающем неизреченное нечто, крайне трудно. Труд над всякою другою добродетелью мал и очень сносен сравнительно с этим. Почему многие, отказываясь от тесноты молитвенной добродетели, не улучают просторности дарований; а претерпевающие это сподобляются величайших божественных заступлений, которые дают им силу удобно все поднимать и переносить, и с удовольствием простираться в предняя, делая для них трудное легким, и ангельскую, так сказать, естеству нашему сообщая силу совершать <то>, что выше естества... (свт. Григорий Палама, 93, 325).

***

...Восходит Христос на тверди молящегося сердца, — и всякое сочувствие к миру престает, жаление плоти исчезает, и ум исходит на дело свое — богомыслие... (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 166).

***

...Помни, что если мысль усердно и чисто занимается молитвою, то сердце сподобляется неотъемлемой радости

и мира неизреченного (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 170).

***

...Ведение вселится в тебя ради молитвы... (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 170).

***

<Молитва>, отстраняя все вокруг препятствия, уравнивает стезю добродетелей и делает ее удобною для ищущих (спасения) (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 171).

***

...Молитва, воззывая силы душевные от рассеяния по предметам страстей, и сочетавая их и между собой, и с самою тричастною душою, усвояет Сущему в трех Ипостасях Единому Богу (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 171).

***

...Из молитвы рождающееся сердечное вопияние источает любовь Божественную, а Божественная любовь уготовляет ум к пониманию сокровенных вещей (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 177).

***

В подвижнике молитвы преуспеяние в молитве сперва начинает проявляться особенным действием внимания: от времени до времени оно неожиданно объемлет ум, заключает его в слова молитвы. Потом оно сделается гораздо

постояннее и продолжительнее: ум как бы прилепится к словам молитвы, влечется ими к соединению с сердцем. Наконец, со вниманием внезапно сочетается умиление, и соделает человека храмом молитвы, храмом Божиим (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 148—149).

***

Не ищи в молитве наслаждений: они отнюдь не свойственны грешнику. Желание грешника ощутить наслаждение есть уже самообольщение. Ищи, чтоб ожило твое мертвое, окаменевшее сердце, чтоб оно раскрылось для ощущения греховности своей... Тогда явится в тебе истинный плод молитвы: истинное покаяние. Ты восстенаешь пред Богом и будешь вопиять к Нему молитвою из бедственного состояния души, тебе внезапно открывшегося; будешь вопиять, как из темницы, как из гроба, как из ада (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 149).

***

Молитвенное молчание тогда объемлет ум, когда внезапно предстанут ему новые, духовные понятия, невыразимые словами этого мира и века, когда явится особенно живое ощущение присутствующего Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 151—152).

***

Положись в молитвенном подвиге твоем вполне на Бога, без Которого невозможно ни малейшее преуспеяние. Каждый шаг к успеху в этом подвиге есть дар Божий (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 203).

***

Стяжавшие истинную молитву ощущают неизреченную нищету духа, когда предстоят пред Богом, славословя Его, исповедуясь Ему, повергая пред Ним прошения свои (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 259).

***

...Свойственно молитве открывать в падшем естестве сокровенные признаки падения его и впечатления, произведенные произвольными согрешениями (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 290).

***

Первоначальные плоды молитвы заключаются во внимании и умилении. Эти плоды являются прежде всех других от всякой правильно совершаемой молитвы, преимущественно же от молитвы Иисусовой... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 292).

***

...Плодом молитвы бывает постепенно расширяющееся зрение своих согрешений и своей греховности, отчего усиливается умиление и обращается в плач (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 292).

***

...<Плодом молитвы>... являются ощущение присутствия Божия, живое воспоминание смерти, страх Суда и осуждения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 292—293).

***

По некотором преуспеянии <в молитве> приходит ощущение тишины, смирения, любви к Богу и ближним без различия добрых от злых, терпение скорбей, как попущений и врачеваний Божиих... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 293).

***

Плоды истинной молитвы: святой мир души, соединенный с тихой, молчаливой радостью, чуждой мечтательности, самомнения и разгоряченных порывов и движений, любовь к ближним, не различающая для любви добрых от злых, достойных от недостойных, но ходатайствующая о всех пред Богом, как о себе... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 166—167).

***

...Духовным ощущением страха Божиего, благоговения и умиления сопутствуется молитва душевная (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 219).

***

...Умною, сердечною и душевною молитвою... молящийся отделяется от всей твари, весь, всем существом своим, устремляется к Богу. Находясь в этом устремлении к Богу, молящийся внезапно соединяется сам с собой... Ум, сердце, душа, тело, доселе рассеченные грехом, внезапно соединяются воедино о Господе (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 220).

***

В молитвенном преуспеянии действует сила и благодать Божия; они совершают все, пособия остаются пособиями, в которых нуждается наша немощь, и отвергаются как ненужные и излишние по стяжанию преуспеяния (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 288).

***

Подвиг молитвы нуждается в тщательном обучении, а благодатные дары являются сами собой, как свойства естества обновленного, когда это естество, по очищении покаянием, будет освящено осенением Духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 305).

***

...У молящихся молитвою Духа душа во время молитвы иногда выходит из тела, особенным, непостижимым действием Святаго Духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 75).

***

Когда христианин постоянно и тщательно займется <молитвой>, тогда она мало-помалу начнет открывать в нем страсти его, о существовании которых в себе он доселе не ведал (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 349).

***

Возносящийся к Богу чистою и частою молитвою стяжавает живую веру в Бога, ею видит Его, и пролетит, как крылатый, чрез все превратности и бедствия земной жизни (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 353).

***

Плод молитвы состоит в просвещении ума и умилении сердца, в оживлении души жизнью Духа... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 98).

***

...Молитва действует убийственно на нашего ветхого человека; доколе он жив в нас, дотоле противится молитве, как вкушению смерти (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 99).

***

Возрастание молитвы конца не имеет. Если останавливается сие возрастание, значит, жизнь остановилась (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 220).

***

Чем... больше трудиться в молитве, тем больше мысли все улегаются и улегаются, и молитва становится чище (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 240).

***

В иных <молитва> сопровождалась просветлением лица, светом вокруг; в иных подъятием от земли (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 241).

***

...Благодать молитвы есть благодать преискреннего Богообщения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 35).

***

Успех <в молитве> не вдруг покажется. Для сего потребуются месяцы и годы... Потому нечего отчаиваться в успехе, когда не скоро оказываются плоды труда (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 112).

***

Плод молитвы — главный — не теплота и сладость, а страх Божий и сокрушение. Их постоянно надо возгревать, и с ними жить, и ими дышать (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 176).

Молитвенное правило

Смотри, не будь небрежен в исполнении молитвенного твоего правила: ибо от сего изливается свет для души (прп. авва Исаия, 59, 58).

***

...Если ты совершаешь свое молитвенное правило со смиренномудрием, почитая себя недостойным, то служение твое приятно Богу (прп. авва Исаия, 59, 214).

***

Не исполняй небрежно молитв, положенных в известные часы, чтоб не впасть в руки врагов своих (прп. авва Исаия, 89, 445).

***

Полагаю, что разность и разнообразие молитв и псалмопений в установленные часы полезны и по той причи-

не, что единообразием душа нередко приводится в какое-то равнодушие и рассеяние, а переменою и разнообразием псалмопения и чтения в каждый час вожделение ее приобретает новые силы, и трезвенность обновляется (свт. Василий Великий, 9, 151).

***

...Мы, как несовершенные, с качеством молитвы должны соединять и количественное множество, потому что второе бывает причиною первого (прп. Иоанн Лествичник, 57, 236).

***

Псалмы, коленопреклонения и время стояния должны быть у тебя определены по мере силы твоей, чтобы совесть не обличала тебя и не говорила, что у тебя есть сила и еще постоять и пославословить Бога (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 218).

***

Количество молитвы определяется для каждого образом жизни его и количеством сил душевных и телесных (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 145).

***

Вред от промежутков или от периодического оставления молитвенного подвига подобен вреду, происходящему от совершенного оставления; вред этот тем значительнее, чем промежуток продолжительнее (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 296).

***

Для новоначальных полезнее краткие и частые моления, нежели продолжительные, удаленные одна от другой значительным пространством времени (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 167).

***

Молитвенное правило направляет правильно и свято душу, научает ее поклоняться Богу Духом и Истиною, между тем как душа, будучи предоставлена самой себе, не могла бы идти правильно путем молитвы (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 172).

***

Молитвенные правила удерживают молящегося в спасительном расположении смирения и покаяния, научая его непрестанному самоосуждению, питая его умилением, укрепляя надеждою на Всеблагого и Всемилосердого Бога... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 172).

***

Избрав для себя соразмерное силам и душевной потребности молитвенное правило, старайся тщательно и неупустительно исполнять его: это нужно для поддержания нравственных сил души твоей, как нужно для поддержания телесных сил ежедневное... употребление здоровой пищи (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 175).

***

Надо помнить, что сущность молитвенного подвига заключается не в количестве прочитанных молитвословий, а

в том, чтобы прочитанное было прочитано со вниманием, при сочувствии сердца и оставило на душе глубокое и сильное впечатление (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 105).

***

Коль скоро чувство <к Богу> есть, то все правила им одним заменяются, а коль скоро его нет, то его никакие читательные труды заменить не могут. Молитвословия назначены для того, чтобы питать сие чувство — и коль скоро не питают, то они попусту. Только труд, а проку нет. Это внешняя одежда... под которой нет тела, или тело, в котором нет души (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 77).

***

Правила никогда не давайте себе свободы исполнять кое-как. Всегда исполняйте его как первейшее дело... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 125).

***

Правило не существенная часть молитвы, а есть только внешняя его сторона. Главное дело есть — молитва ума и сердца к Богу, возносимая со славословием, благодарением и прошением... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 204).

***

...<Молитвенное правило домашнее>... не имеет неизменности, а может быть изменяемо и во времени, и в длительности, и в составе, одно иметь во внимании, чтобы все делалось не в угоду лености, и чтобы молитва шла от души (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 205).

***

...Молитвы не ограничивайте одним читанием молитв. Всегда вставляйте свою молитву, по потребностям духа вашего... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 17).

***

...Не грешите против себя, позволяя себе рассеивать доброе впечатление от молитв механическим дочитыванием положенных молитв (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 178).

***

Когда есть припадания к Господу, яко присущему, со страхом и упованием, это лучше всякого выполнения числа молитв (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 176).

***

...Всякий может определять <молитву> по своим обстоятельствам — увеличивать, умалять, передвигать время и место... все направлять к тому, чтобы внутренняя молитва совершаема была как следует (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 20).

***

Правило молитвенное есть безопасная ограда молитвы... Молитва есть внутреннее дело, а правило молитвенное — внешнее (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 20).

***

Коротенькие молитовки в механическое дело обращаются не от свойства их, а от ослабления внимания к ним

и содержанию. Если будете хранить внимание и проговаривать эти молитовки с мыслию и чувством, они не обратятся в механическое дело, а будут как подкладка угольков в самовар. Навыкните произносить молитовки святого Златоуста. Они станут тогда, как струны на гуслях (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 70).

***

Лучше не все положенные молитвы прочитывайте, но со страхом Божиим и благоговением, чем все, но кое-как (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 253).

Искушения в молитве

...Представлять себе во время молитвы какой-либо образ, вид или помысл не только не хорошо, но, напротив, весьма вредно. Ум должен быть в месте Божием... если ум ощущает себя, то он уже не в Боге едином, но и в себе... Ибо Божество неописуемо, беспредельно, не имеет образа и вида, и тот, кто говорит, что ум его с единым Богом, также должен иметь ум безвидным, не имеющим очертания, необразовидным и неразвлекаемым. А что вне этого, то обольщение демонское. Потому и должно быть внимательным и без вопрошения опытных не утверждать никакого помысла ни доброго, ни худого, ибо мы не знаем ни того, ни другого. Демоны преобразуются, во что хотят, и такими нам являются; как и человеческий ум и сам преобразуется, во что хочет, и очерчивается по виду воспринимаемого им предмета; но демоны делают это для того, чтобы обольстить нас, а ум наш блуждает неразумно, стремясь достигнуть совершенства. Однако насколько кто может, — должен заключать ум в каком-либо поучении по

Богу. Ибо как телесных деланий семь, так и видений ума, т. е. познаний, восемь. Три из них предшествуют видению о пречистых страданиях Господа, в которых и должно всегда поучаться внутри себя, чтобы плакать о душе своей и о подобных себе, т. е. размышлять о бедствиях, бывающих с нами от начала преступления, и как естество наше пало в такие страсти; размышлять и о своих согрешениях и об искушениях, бывающих к исправлению. Потом — о смерти и ужасах, ожидающих грешников после смерти, чтобы душа сокрушилась и предалась плачу, к утешению и смирению своему; чтобы не отчаивалась от многих и страшных этих мыслей, и опять, чтобы не думал человек, что он успел достигнуть духовного дела, но чтобы пребывал в страхе и надежде, что и называется кротостью помыслов, т. е. принимать все одинаково (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 49—50).

***

...Нужды телесные соразмеряй с часами молитв, и приготовься не слушаться помысла, который отвлекает тебя от правила. Ибо у демонов в обычае — в часы молитвы, под предлогом благовидной якобы причины, побуждать нас к отлучке, чтобы благовидно отвлечь нас от спасительной молитвы (свт. Василий Великий, 9, 49).

***

...Пребывающий постоянно в молитве, как принял на себя самое главное дело, так должен принять обширнейший подвиг, великий труд и непрестанное старание; потому что постоянному пребыванию в молитве есть много греховных препятствий: сон, уныние, отяжеление тела,

кружение помыслов, беспорядочность ума, нерадивость, нетерпение, расслабление и другие тонкие внушения злобы; за этим следуют скорби, восстания самых лукавых духов, которые ведут брань с душою, в действительности непрестанно взыскующей Бога, противоборствуют ей до крови и возбраняют приблизиться к Богу. Посему постоянно пребывающий в молитве должен мужаться со всею трезвенностью и тщательностью, и со всяким усилием души и тела, в терпении всякого рода; и как действительно несущий на себе крест непрестанно да пребывает он в борении и в великом труде, и в плаче, и в скорби ради Царствия, не расслабевая, не предаваясь кружениям греховных помыслов или сну, или унынию, или расслаблению, или смущению ума, не употребляя возмутительных и непристойных слов, по нерассудительности не предаваясь мыслию чему-нибудь подобному, и не удовлетворяясь телесным только коленопреклонением, между тем как ум находится в смущении или кружении. Ибо если кто не приготовит себя к строгому трезвению и не будет производить всегдашних испытаний и наблюдений над умом, вожделевая всегда Господа, то в тайне, различными способами обольщаемый злобою, может он превозноситься и надмеваться перед прочими, неспособными еще, подобно ему, постоянно пребывать в молитве; и таким образом, при таких ухищрениях злобы, прекрасное сие делание предаст он сопротивнику (прп. Ефрем Сирин, 32, 343—344).

***

Если бы не прерывали мы сего труда пребывать в молитве и уповании, то не подвергались бы заблуждениям (прп. Макарий Египетский, 67, 347).

***

...<Молящийся> встретит много препятствий, поставляемых злобою прилежанию к молитве: сон, уныние, тяжесть в теле, преобладание помыслов, непостоянство ума, расслабление и прочие начинания злобы, а потом скорби и восстания самих лукавых духов, упорно воюющих с нами и противоборствующих нам и не допускающих приблизиться ко Христу душу, которая поистине непрестанно взыскует Бога (прп. Макарий Египетский, 67, 373).

***

...Тщательность в молитве много нам дарует; только каждый пусть делает это с внимательною и правою совестию, никак не блуждая мыслию по произволу и не воздавая (молитву) как бы необходимый, невольный долг, но исполняя ею любовь и желание души. Но и сам Господь внушит просящим, как молиться, по сказанному: ***даяй молитву молящемуся*** (1 Цар. 2, 9).

Итак, прилежный к молитве должен просить (оной) и знать, что в столь важном деле он со многим старанием и усилием должен выдержать тяжкую борьбу. Поелику с особенною силою нападает на таковых злоба, отовсюду стараясь ниспровергнуть наше старание. Там ослабление тела и души, здесь изнеженность, беззаботность, нерадение и все прочее, что губит душу, терзаемую по частям и предающуюся врагу своему. Итак, должно, чтобы душою, как бы мудрый кормчий, управлял разум, указывая прямой путь к горней пристани и предавая душу неповрежденною вверившему оную Богу (свт. Григорий Нисский, 18, 280).

***

...Зная коварство диавола, постараемся особенно в это время <молитвы> отгонять его так, как будто бы мы видели его присутствующим и стоящим пред нашими глазами, постараемся удалять от себя всякий помысл, смущающий душу нашу, напрягать все свои силы и творить усердную молитву, так чтобы не только язык произносил слова, но и душа вместе со словами восходила (к Богу) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 320).

***

Молясь, по мере сил охраняй свою память, чтобы не что-либо свое внушала тебе, но возбуждала тебя к разумному продолжению молитвы... (прп. Нил Синайский, 71, 180).

***

Если ум твой во время молитвы засматривается на юность, то молится он не как монах, а как еще мирянин, украшая внешнюю скинию (прп. Нил Синайский, 71, 180).

***

Если желаешь молиться, то не делай ничего противного молитве, чтобы Бог приблизился и ходил вместе с тобою. Молясь, Божества не облекай в себе в образы, и не дозволяй, чтобы и ум твой принимал на себя какой-либо облик; но невещественным приступай к Невещественному, и придешь в единение (прп. Нил Синайский, 71, 185).

***

...Если вознерадим, и приимем в себя противные помыслы <на молитве>, то мы крайне оскорбим <Ангелов> тем, что они столько за нас подвизаются, а мы и за себя не хотим молить Бога... (прп. Нил Синайский, 71, 188).

***

Если радеешь о молитве, то готовься к нападениям демонов и терпеливо переноси от них удары... (прп. Нил Синайский, 71, 190).

***

Если хочешь молиться духом, ничего не заимствуй от плоти, и не будет облака, предшествующего тебе во время молитвы (прп. Нил Синайский, 71, 196).

***

...<В молитве> диавол старается воспрепятствовать нам самыми тяжкими и невыносимыми искушениями, чтобы, как не приобретающие от нее никакой пользы, отложили мы оружие многополезной и спасительной о Христе молитвы (прп. Нил Синайский, 73, 227—228).

***

...Демоны всеми способами стараются возбудить в подвизающихся леность к постоянному и терпеливому пребыванию в молитве... (прп. Нил Синайский, 73, 292).

***

Нимало не смущайся, когда зловредные демоны во время молитвы, наипаче распаляясь гневом, наводят на душу

полчище непристойных помыслов (прп. Нил Синайский, 73, 322).

***

Если же будем унывать в молитве, то понесем великие утраты и крайний вред... (прп. Нил Синайский, 73, 387—388).

***

Когда молишься, как должно, могут встретиться тебе (или прийти на ум) какие-либо дела, за которые покажется тебе праведным погневаться на ближнего. (Поостерегись).

Нет совсем гнева на ближнего, который был бы праведен. И если поищешь, то найдешь, что можно и без гнева дело устроить хорошо. Почему всячески ухитряйся не подвигнуться на гнев (прп. Нил Синайский, 90, 225—226).

***

Помолившись, как должно, ожидай, что не должно, — и стой мужественно, охраняя плод свой. На это с самого начала ты поставлен, — т. е. чтобы *делати и хранити* (Быт. 2, 15). Почему поделавши (совершив как должно молитву), не оставляй без охраны того, что стяжал трудом; иначе никакой не останется тебе пользы от молитвы (прп. Нил Синайский, 90, 228—229).

***

Берегись сетей вражеских, ибо бывает, что когда молишься чисто и безмятежно, вдруг предстанет тебе какой-либо образ, странный и чуждый. Это враги делают для

того, чтобы ввести тебя в самомнение, внушив мысль, что тут Божество (явилось тебе), — а далее и для того, чтобы ты подумал, будто подобно этому, внезапно явившемуся тебе, и божество количественно (занимает место, протяженно, имеет части), тогда как Божество ни количества, ни вида не имеет (прп. Нил Синайский, 90, 231).

***

<Те>, которые сильней налегают на молитву, подвергаются более страшным и свирепым искушениям (прп. Иоанн Карпафский, 91, 93).

***

Внимай себе трезвенно после молитвы, и увидишь, что толпы бесов, побежденных нами, стараются после молитвы осквернить нас нечистыми мечтаниями (прп. Иоанн Лествичник, 57, 140—141).

***

Во время молитвы не принимай никакого чувственного мечтания, чтоб не впасть в исступление ума (прп. Иоанн Лествичник, 57, 239).

***

Во время молитвы не рассматривай даже и нужных, и духовных вещей. Если же не так, то потеряешь лучшее (прп. Иоанн Лествичник, 57, 241).

***

Когда молишься, страх ли нападет на тебя... или свет воссияет, или другое что случится, не смущайся и не

робей, но пребудь на молитве гораздо долее обыкновенного (старец Симеон Благоговейный, 93, 73).

***

...Страхование и ужасание <на молитве> бывает от демонов, чтоб, растерявшись и расслабевши, оставил ты молитву, а когда такие тревожности и оставление молитвы по малодушию обратятся у тебя в навык, — чтоб совсем тебя взять в свои руки и помыкать тобою <...> Из-за страха же вражеского, смотри, никогда не оставляй молитвы, но, как дитя, убоявшись каких-либо страшилищ, бежит в объятия отца или матери и там отлагает всякий страх, так и ты, востекши к Богу молитвою, избежишь страха, наводимого бесами (старец Симеон Благоговейный, 93, 73).

***

Как только увидит диавол, что ум (дух) христианина не имеет печати благодати Божией и наг от нее, а между тем желает пройти мысленно воздух и востечь ко Всевышнему Богу, чтоб беседовать с Ним посредством молитвы и молить Его о грехах своих, — без страха становится против него... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 154—155).

***

Ум во время молитвы должно иметь и со всею тщательностью сохранять безвидным... Образы, если их допустит ум в молитве, соделаются непроницаемою завесою, стеною между умом и Богом (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 147).

***

Самый опасный неправильный образ молитвы заключается в том, когда молящийся сочиняет силою воображения своего мечты или картины, заимствуя их, по-видимому, из Священного Писания, в сущности же, из своего собственного состояния, из своего падения... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 234).

***

Когда чувствуешь сухость, ожесточение, не оставляй молитвы... за подвиг против сердечного нечувствия низойдет к тебе милость Божия, состоящая в умилении (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 164).

***

Отвергай благие, по-видимому, помышления и светлые, по-видимому, разумения, приходящие к тебе во время молитвы, отвлекающие тебя от молитвы (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 166).

Чувства в молитве

Сопротивляйся помыслам твоим <и чувствам твоим>, и не попускай им в молитвенное время увлекаться заботами о плотских делах, дабы молитва твоя была угодна Богу (прп. авва Исаия, 59, 203).

***

...Памятозлобие в молящемся потемняет владычественный ум и помрачает его молитву (прп. Нил Синайский, 71, 177).

***

Молишься ли с братией, или наедине, старайся молиться не по обычаю, но с чувством (прп. Нил Синайский, 71, 180).

***

Если ты в каком-либо слове молитвы почувствуешь особенную сладость, или умиление, то остановись на нем, ибо тогда и Ангел-хранитель наш молится с нами (прп. Иоанн Лествичник, 57, 234).

***

Богу внятны только те молитвы, которые когда произносит молящийся, понимает, что говорит и чувствует. Молитва же языком только произносимая, без мысли и чувства, только прогневляет Бога. И не только это потребно для успеха молитвы, но и то, чтобы приготовиться к получению просимого, и со своей стороны употребить все зависящее от нас к стяжанию его (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 249).

***

Приноси Богу молитвы тихие и смиренные, а не пылкие и пламенные. Когда соделаешься таинственным священнослужителем молитвы, тогда взойдешь в Божию скинию и оттуда наполнишь священным огнем кадильницу молитвенную. Огнь нечистый — слепое, вещественное разгорячение крови — воспрещено приносить пред Всесвятого Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 149).

***

Молитве гордого и гневливого не только не внимает Бог, но и попускает молящемуся в таком душевном устроении различные унизительнейшие искушения, чтобы, ударяемый и угнетаемый ими, он прибег к смирению пред ближним и к любви ближнего (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 92).

***

Главное в молитве — чувство к Богу из сердца. Слова молитвенные при сем, какие подберутся. Чувство к Богу и без слов есть молитва. Слово поддерживает и иной раз углубляет чувство (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 205).

***

Старайтесь, чтобы без воздыханий сердечных ни одно молитвословие не проходило... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 76).

***

Чувства <при молитве>, какие Бог пошлет, теми и довольствоваться (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 181).

***

...Не забывайте, что не в словах сила, а в мысли и чувстве (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 51).

***

...Высшее назначение короткой молитвы есть углубление *мысли и чувства к Богу* (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 55).

***

Когда посетит какое молитвенное чувство, останавливайтесь на нем и разогревайте его, пока держится в душе (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 178).

***

Я думаю, что когда кто... молится с чувством, у него нет образов. Бог просвещает умы, и когда кто в молитве приближается к Нему, Он Сам его научит, как держать ум в молитве (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 25).

***

...Молитва чувства есть настоящая молитва... Богу <нужно> сердце по Его приказанию: ***Сыне, даждь Ми сердце!*** (ср.: Притч. 23, 26) (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 153).

Рассеянная молитва

Если... будешь осуждаем своею совестию, как презритель, и если будешь стоять на молитве рассеянно, то не дерзай стоять пред Богом, чтобы молитва твоя не обратилась в грех. А если, изнемогши от греха, ты не в состоянии молиться без развлечения, то принуждай себя, сколько станет сил, и продолжай стоять пред Богом, к Нему устремляя ум и собирая его в себя самого; и Бог простит тебе, потому что не из пренебрежения, но по немощи не имел ты сил стоять пред Богом как должно (свт. Василий Великий, 9, 324).

***

Как достигнуть нерассеянности в молитве? Несомненно убедившись, что Бог пред очами (свт. Василий Великий, 9, 361).

***

Во время молитвы не заводи посторонней беседы, и не омрачится ум твой для молитвы (прп. Ефрем Сирин, 30, 170).

***

...Когда станешь пред Богом на молитву, смотри, чтобы прекрасных орудий, на которых поешь Богу, т. е. помыслов твоих, не расхитили враги твои. Как или чем будешь служить Богу, когда отнято у тебя орудие, т. е. пленены помыслы? Бог не имеет нужды, чтоб молились уста и язык. Служение Богу требует, чтобы помыслы, вся крепость и сила души, весь ум нерассеянно напряжены были к Богу (прп. Ефрем Сирин, 32, 33).

***

Ты сам не слышишь своей молитвы; как же хочешь, чтобы Бог услышал твою молитву? (свт. Иоанн Златоуст, 46, 472).

***

У кого в то время как тело простерто на земле и уста бессмысленно произносят слова, душа блуждает везде — дома и на площади, тот может ли сказать о себе, что молится пред Богом? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 792).

***

Когда мы намереваемся говорить с кем-нибудь из людей, которые выше нас, то приводим в надлежащий порядок и внешний вид свой, и походку, и одежду, и все, и потом уже вступаем в разговор; а когда приступаем к

Богу, то зеваем, почесываемся, оборачиваемся во все стороны, бываем небрежны; преклоняем колена, а сами блуждаем (мыслями) по площади (свт. Иоанн Златоуст, 48, 13).

***

...Если во время Божественной литургии мы предаемся житейским заботам и наше внимание в этот час развлекается ими, оставляя восхваление Бога, то, значит, мы не положили душ своих в руки Его. Если утренние молитвы мы оставляем, предаваясь вместо того сну и почивая на ложах, а время вечернего славословия проводим в пьянстве и попойках, как бы пригвожденные к своему месту, то опять, значит, наши души не в руках Божиих. Если во время Божественной службы, и особенно в святые дни Господни, мы оставляем церковь и рыскаем по городу, устраивая свои дела и собрания и разгуливая по площадям и улицам, значит, не в руках Божиих наши души. Если, присутствуя при Божественной литургии, мы оставляем молитву и хвалу и беседуем друг с другом о мирских делах и заботах, значит, — мы не предали душ наших в руки Божии (свт. Иоанн Златоуст, 48, 813).

***

...Бог не хочет, чтобы мы беседовали с Ним и вместе разговаривали между собою, чтобы, оставив беседу с Ним, вели разговоры о предметах настоящих и грязью осквернняли жемчужины. Он считает это обидою для Себя, а не славословием. Если же кто станет нарушать эту заповедь, то мы будем заграждать ему уста, преследовать его, как врага нашего спасения, и выгонять его вон из ограды Святой Церкви (свт. Иоанн Златоуст, 49, 389).

***

Если и без этого порока <тщеславия> мы всюду блуждаем и носимся своими мыслями во время молитвы, то когда приступим к молитве с болезнию тщеславия, тогда и сами не услышим молитв своих (свт. Иоанн Златоуст, 50, 219).

***

Если ты будешь распространяться в словах, нередко делая это без внимания, то дашь диаволу большую свободу подойти к тебе, устроить ковы, и отвлечь твою мысль от произносимых слов (свт. Иоанн Златоуст, 55, 489).

***

...Не с расслабленным духом принимай участие... в священных и таинственных гимнах, не житейские помыслы имей в это время, а, исторгнув из души все земное и всецело перенесшись на небо, воспевай всесвятую песнь хвалы Богу, как бы стоя близ самого Престола славы и летая с Серафимами (свт. Иоанн Златоуст, 55, 540).

***

Нерассеянная молитва есть наивысшее умное делание. Молитва есть восхождение ума к Богу (прп. Нил Синайский, 90, 227).

***

Молитва несовершенна без мысленного призывания. Нерассеянно вопиющую мысль услышит Господь (прп. Марк Подвижник, 69, 31).

***

Нерассеянная молитва есть знак любви к Богу... (прп. Марк Подвижник, 69, 37).

***

Нерассеянно молящийся ум сокрушает сердце. *Сердце же сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19) (прп. Марк Подвижник, 89, 541).

***

Нерассеянная молитва производит в душе ясную мысль о Боге (прп. Исаак Сирин, 58, 418).

***

Непрестанно борись с парением твоих мыслей, и когда ум рассеялся, собирай его к себе, ибо от новоначальных... Бог не ищет молитвы без парения. Потому не скорби, будучи расхищаем мыслями, но благодушествуй и непрестанно воззывай ум ко вниманию, ибо никогда не быть расхищаему мыслями свойственно одному Ангелу (прп. Иоанн Лествичник, 57, 48).

***

Осквернение молитвы бывает, когда человек, предстоя Богу, занимается непристойными и нечистыми помышлениями (прп. Иоанн Лествичник, 57, 236).

***

...Великий вред бывает от того, если кто не молится Богу, ибо душа такого оставляется лишенною Божия про-

свещения, божественной силы и покоя от демонских искушений, и демоны непрестано возбуждают в ней непотребные движения, похоть нечистую, позывы на блуд, неправду, тщеславие, гордость, самомнение. Как для тела необходимо потребен воздух, чтоб дышать, так для души потребно непрестанное памятование о Боге, т. е. молитва. Но опять, если кто молится Богу просто, как попало, будто мимоходом, без страха, какой надлежит иметь тому, кто предстоит пред Богом, пред Коим трепещут Херувимы, для того не только это никакой не приносит пользы, тот не только несет ущерб... но терпит несравненно пагубнейший вред, гнев Божий, отвращение Божие, изгнание Божие. Ибо как телохранители царские тотчас восхищают от лица царева и выгоняют вон того, кто стоит пред царем небрежно, без страха и благоприличия, и царь не воспрещает им этого, так и Ангелы Божии отторгают от лица Божия и от взора Его и вон изгоняют ум того, кто стоит пред Богом и молится Ему небрежно, будто с презорством, без благоговения и благонастроения, и тогда тотчас схватывают его демоны с дерзостью и насилием и кружат его, где хотят, по местам срамным и нечистым, или по делам злым, или по вещам суетным и бесполезным. И ни сам страждущий сие от демонов не чувствует того, ни Бог не сжаливается над ним и не освобождает его от сего за то, что тот презрел Его и преступил заповедь Его, которая повелевает: ***работайте Господеви со страхом, и радуйтеся Ему с трепетом*** (Пс. 2, 11). Потому гораздо лучше было бы для такого, если бы он совсем не молился; потому что демоны ни за какие грехи не овладевают душой с таким тиранством, как за презорство к Богу. И земной царь должникам своим и тем, которые в чем-либо погрешают пред ним, терпит, а для тех, которые презира-

ют его, бывает тяжким и страшным отмстителем. Почему нет большего греха, как молиться Богу с презорственным небрежением (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 77—78).

***

Нет греха больше, как молиться без страха Божия, без внимания и благоговения. Кто молится или поет псалмы просто, как попало, с небрежностью и презорством, тот явно не знает, что такое есть Бог... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 81).

***

...Надобно с устною молитвою молиться Богу и умом. Но поелику невозможно, чтобы с устами и ум молился, если не получит он прежде просвещения и воздействия Святаго Духа, то прежде всего другого надобно попещись о том, чтобы приять просвещение и благодать Святаго Духа, дабы не молиться устами только и через то не быть в опасности вместо получения милости от Бога, подпасть гневу Его. Ибо нет другого греха, который бы так много прогневлял Бога, как тот, когда кто устами молитвы Ему творит, а умом помышляет неуместное и срамное... Итак, не подобает молиться Богу без страха и благоговения. Кто не имеет страха и благоговения, пусть испрашивает прежде всего света страха Божия, да ведает, пред сколь страшным Богом предстоит он и молится, чтоб удостоиться за то получить просимое. Ибо кто познает, коль страшен есть Бог, тот преисполнится и страхом Божиим, и страх Божий научит его достодолжной молитве. Кто же не познал сего, тот во тьме и не умеет молиться, как должно (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 82—83).

***

Если же не войдет в кого... Божественный свет, то он устами будет произносить или читать молитву, и ушами слушать, а ум его будет оставаться бесплодным; и не только это, но он не будет стоять на одном, а будет кружиться... и помышлять о том, о чем не подобает, держа притом ту мысль, будто ему неотложно необходимо обдумать то, о чем думает, и позаботиться о том, в чем прельщается, не понимая, что состоит в сие время рабом мысленного тирана диавола и им мысленно влачим бывает туда и сюда. Тем-то и бедственна и пагубна эта болезнь, что тогда как враг мой влачит туда и сюда мой собственный ум, я думаю, что все эти кружения моего ума, все эти заботы и попечения суть мои собственные и неотложно необходимые для меня. Вот первая и величайшая из всех болезней душевных, для уврачевания которой... надлежит нам подвизаться до пролития крови... Она есть большая и крепкая стена, которая мешает уму нашему приближаться к Богу... Сие омрачение души есть начало кромешной тьмы адской, и если не разгонит его Христос во всяком подвизающемся о спасении своем, то никто не узрит Господа... Если не будет развеян и изгнан из души сей мрак прежде всякого другого зла, то тщетна вера всякого такого христианина, тщетно именуется он именем верующего, тщетны посты его и бдения, тщетно трудится он, вопия в псалмопениях своих (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 83—84).

***

Если солнце, будучи тепло, естественно согревает того, кто сидит под лучами его; то как бы Богу, Который свят есть, не освящать тех, которые беседуют с Ним посредством молитвы? И, однако же, не бывает так, и отчего?

Оттого, что те, которые сидят на солнце, знают, что затем и сели, чтоб согреться, почему и приноравливают себя так, чтоб почувствовать теплоту его; а те, которые молятся без внимания, сами не знают, о чем молятся и чего просят, т. е. стоят к Богу не как следует; почему Бог и не дает им ничего и не даст, хоть бы они сто лет молились таким образом (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 157—158).

***

Если кто устами творит молитву, а ум его кружится, какая польза? Когда один созидает, а другой разоряет, ничего из этого, только труды (см.: Сир. 34, 23; 1 Кор. 14, 14) (прп. Григорий Синаит, 93, 230).

***

Рассеянность окрадывает молитву. Помолившийся с рассеянностью ощущает в себе безотчетливую пустоту и сухость. Постоянно молящийся с рассеянностью лишается всех плодов духовных, обыкновенно рождающихся от внимательной молитвы... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 164—165).

***

...Если будем небрежно относиться к молитве, то никогда не преуспеем в ней (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 168).

Прелесть в молитве

Желая узреть лице Отца Небесного, никак не домогайся того, чтобы во время молитвы увидеть тебе образ, или облик (прп. Нил Синайский, 71, 194).

***

Тому, кто научился молиться как должно, не столько потребно чтение потому, что его душу исполняет Божественным светом и божественно изменяет благодать Святого Духа. Но тот, кто предпочитает больше сидеть за чтением, нежели научаться молиться как должно, находится в прелести и сам себя отдаляет от спасения; лучше же сказать, таковой бесчувствен, хотя и говорит, что прочитал все Писание и всегда имеет его на языке. Не может быть, чтобы плод земной созрел без теплоты солнечной. Пусть семя прозябнет во время зимы и весною прорастет и даст ствол, но если все время будет стоять пасмурное и холодное, то никак не созреет плод его. Это будет произрастение ни к чему негожее и бесполезное; лучше бы ему совсем не прорастать. Таким же образом и тот, кто не согревается теплотою умного Солнца — Христа Господа, посредством молитвы, как должно совершаемой, не может получить зрелого плода духовного, т. е. сладости и пользы от чтения своего (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 75—76).

***

Все виды бесовской прелести, которым подвергается подвижник молитвы, возникают из того, что в основание молитвы не положено покаяние, что покаяние не сделалось источником, душою, целью молитвы (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 233).

***

Покаяние, сокрушение духа, плач суть признаки... правильности молитвенного подвига; отсутствие их — признак уклонения в ложное направление, признак само-

обольщения, прелести или бесплодия (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 233—234).

***

Отвержение системы при изучении науки служит источником превратных понятий, источником знания, которое хуже незнания, будучи знанием неправильным, отрицательным: таково и последствие беспорядочного упражнения в молитве. Неизбежное естественное последствие такого упражнения — прелесть (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 269).

***

Мечтательность в молитве еще вреднее рассеянности. Рассеянность делает молитву бесплодной, а мечтательность служит причиною плодов ложных: самообольщения и, так называемой святыми отцами, бесовской прелести (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 165).

***

Молясь Богу, лучше не воображать Его никак, а только веровать, что Он есть, — есть близ... и все видит и слышит... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 180).

***

В молитве надо освобождаться от всех образов, утверждаясь наиболее в созерцании или сознании присутствия Божия в сердце, безвидного (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 178).

***

Стой в сердце с верою, что и Бог тут же есть, а как есть, не соображай (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 168).

Молитва о ближних

Пусть каждый молится Богу не за себя только, а за всех братьев, как научил молиться Господь... (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 166).

***

...Несмотря на то что Христос умер и за язычников, уже ли ты не согласишься молиться (за них)? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 668).

***

Справедливо молиться не о собственном только своем очищении, но и об очищении всякого соплеменника, чтобы подражать в этом ангельскому нраву (прп. Нил Синайский, 71, 180).

***

Не возносись, когда ты молился о других и был услышан, ибо это вера их подействовала и совершила (прп. Иоанн Лествичник, 57, 238).

***

Молитва других о нас бывает сильна только тогда, когда она есть сомолитва, т. е. сопровождает молитву собственную нашу... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 155).

***

...Молиться ли за иноверцев? За самоубийц?.. Делайте, как Церковь велит. Так и тем, кои спросят о сем, отвечайте (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 174).

***

Святая Церковь не знает иноверцев и не поминает их, но, пока они живы, молится обще об обращении их (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 180).

***

...<До Всеобщего Суда> мы никого не можем считать осужденным окончательно и на сем основании молимся, утверждаясь надеждой на безмерное милосердие Божие (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 25).

Молитва о врагах

Молитва за врагов больше молитвы за друзей, и последняя не приносит нам столько пользы, сколько первая (свт. Иоанн Златоуст, 45, 452).

***

...Молиться о вреде врагов — дело беззаконное. Таким образом, он <молящийся> отойдет, не только не получив никакой пользы от своей ревности, но потерпев вред больше происходящего от небрежения (свт. Иоанн Златоуст, 46, 374).

***

...Молиться Богу о вреде врагам значит оскорблять Бога (свт. Иоанн Златоуст, 46, 374).

***

<Надобно> молиться за врагов, хотя бы они много оскорбляли нас. Если мы не будем делать этого, то неизбежно погибнем, как видно из примера фарисея (свт. Иоанн Златоуст, 46, 378).

***

Когда кто молится против врагов или против людей, причинивших ему какое-нибудь зло, то это слова не человека, а диавола (свт. Иоанн Златоуст, 48, 40).

***

...Когда мы просим <в молитве> чего-нибудь против врагов, тогда не только не бываем услышаны, но еще оскорбляем Бога. Молитва есть врачевство; и если мы не знаем, как должно приложить это врачевство, то не получаем от него никакой пользы (свт. Иоанн Златоуст, 48, 66).

***

Если будем возносить молитвы Богу за обижающих и оскорбляющих нас, тогда будет услышана и молитва наша за нас самих (свт. Иоанн Златоуст, 48, 605).

***

Что ты делаешь, человек? Приходишь умилостивить Бога, а просишь зла другому? Если ты не отпустишь, не отпустится и тебе; а ты не только сам не отпускаешь, но еще и Бога просишь не отпускать?.. Если иметь врагов есть уже преступление, то подумай, какое преступление молиться во вред им. Ты должен просить прощения в том, что имеешь врагов, а ты еще обвиняешь их?.. Ты ведь

приходишь молиться о прощении своих грехов: не припоминай же чужих грехов, чтобы не напомнили тебе твоих собственных (свт. Иоанн Златоуст, 55, 495—496).

***

Надлежало бы... молиться и о врагах, чтобы с дерзновением молиться и за себя. Если ты будешь молиться о них, то, хотя бы и о своих грехах ты и ничего не сказал, ты все исполнил (свт. Иоанн Златоуст, 55, 496).

***

Потому Бог и повелел нам молиться за врагов, чтобы мы не только отпускали им долги, но и считали их в числе первых друзей (свт. Иоанн Златоуст, 55, 615).

***

Молящийся о людях обижающих поражает бесов, а сопротивляющийся первым уязвляется вторыми (прп. Марк Подвижник, 89, 524).

***

...Иным путем нельзя дойти до того, чтобы молиться за врагов своих с расположением к ним сердца и любовию, как очистившись наперед от всякой скверны плоти и духа, через соединение с Богом содействием Всеблагаго Духа (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 334).

***

...Будем... пред каждою молитвою нашею рассматривать нашу совесть, и, находя в ней памятозлобие, иско-

ренять его... молитвою за врагов и благословением их (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 513).

Молитва об усопших

...Не напрасно мы совершаем при Божественных таинствах поминовение об умерших и ходатайствуем за них, умоляя предлежащего Агнца, вземшего грехи мира, но для того, чтобы им было от того некоторое утешение... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 430).

***

...Как мы молимся за живых, которые нисколько не отличаются от мертвых, так можно молиться и за умерших (свт. Иоанн Златоуст, 54, 248).

***

Не напрасно узаконили апостолы творить память об умерших при совершении Страшных Таинств. Они знали, что умершим будет великая выгода, что они получат от этого много пользы. Когда весь народ стоит, простирая руки, и сонм священников с ними; когда предлежит Страшная Жертва — как мы можем не умилостивить Бога, молясь за тех людей? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 770).

***

Не будем прилагать забот о памятниках, о гробницах — вот превосходнейшая гробница... объяви <умершего> имя, всем прикажи совершать за него молитвы и

прошения; это умилостивит Бога (свт. Иоанн Златоуст, 55, 876).

***

Читать разрешительную молитву над отпеваемым <покойником> должен бы тот, кто исповедовал его перед смертью и причащал. Но послушания ради может сие исполнить и всякий из отпевающих... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 223).

***

Как о живых молимся мы, не различая, идет ли кто путем праведным или другим, так молимся и об умерших, не доискиваясь, причислены ли они к праведным или к грешным (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 25).

****

Некий отшельник увидел демона, побуждающего другого демона пойти и разбудить спящего монаха. И слышит такой ответ: «Не могу этого сделать, ибо я его пробуждал, а он, проснувшись, опалил меня своей молитвой и пением псалмов» (98, 288).

***

Когда авва Иоанн возвращался с жатвы, то сначала шел к старцам для молитвы и назидания, потом упражнялся в псалмопении, а после этого переходил уже к молитве. Такую постепенность в занятиях находил он нужной для приведения ума в то состояние, в котором он находился до выхода из кельи (106, 288).

***

Поведал нам некий ученик об авве своем: «Однажды мы совершали правило; я читал псалмы и от забвения пропустил одно слово, не обратив на это внимания. Когда мы окончили службу, старец сказал: «Я, совершая мое служение, представляю себе, что предо мною горит огонь, почему ум мой не может уклониться ни направо, ни налево; где же был твой ум, когда ты читал псалмы и пропустил слово псалма?.. Разве ты не знаешь, что, молясь, предстоишь ты пред Богом и говоришь Богу?» (106, 435—436).

***

Один раз преподобный Онуфрий, готовясь к мученическому подвигу, сподобился Божественного видения. Он почувствовал в сердце своем действие духовной теплоты и прославил Бога. Но в следующую ночь теплота оставила его и объял страх и трепет. Тогда он сказал своему старцу Григорию: «Отче, в сердце моем угас Божественный огонь! За что я, окаянный, лишился этого утешения?» Отвечал ему старец: «Ты возгордился, и от этого скрылась от тебя Благодать Божия». «Увы мне, окаянному, — воскликнул Онуфрий, — какого я лишился драгоценного дара! Что теперь скажут святые отцы и братия Афонские, — вместо того чтобы порадоваться им о моем спасении, услышат они о вторичном моем отречении от Христа!» Он упал к ногам старца и долго плакал, горько, неутешно. И до тех пор молился, пока не почувствовал в своем сердце обычную теплоту. И тогда смиренно сказал своему старцу: «Отче, благословен Бог, мне теперь опять хорошо!» (95, 19—20).

***

Духовный и добродетельный старец Феодул пожелал однажды увидеться с преподобным Нифонтом ради душевной пользы. Дорогой, при одной стремнине, он поскользнулся и так ударил ногу о камень, что от множества истекшей крови и от боли пришел в крайнее изнеможение и ожидал смерти. Наконец, восстенал он пред Господом и сказал: «Господи Иисусе, Сыне Божий! Если преподобный Нифонт действительно имеет дерзновение пред Тобою и благодать, избавь меня ради его молитв от неминуемой смерти и страданий». Едва старец произнес это, течение крови остановилось, болезнь совершенно утихла, и старец, славя Бога и Его угодника, выздоровел (95, 525).

***

Однажды святой Савва, архиепископ Сербский, напек свежих хлебов и, навьючив ими монастырских лошаков, ночью отправился в путь, чтобы вовремя поспеть к трапезе отшельников и насытить их теплыми хлебами, а от них воспринять теплые молитвы. Но по дороге напали на него разбойники и, отняв у него все, спросили, кто он и из какой обители? Святой Савва отвечал, что он везет хлеб пустынникам, Христа ради постящимся. Говоря это, святой с полной верой вознес из глубины сердца теплую молитву ко Господу и ко святым мужам, к которым вез хлеб, и получил свободу.

Разбойники умилились, ибо Господь коснулся их сердец, и отпустили святого Савву со всеми его запасами. Ревностный инок успел вовремя привезти хлебы отшельникам и поведал им, как он был избавлен от рук вражиих (95, 71—72).

***

Родители одного молодого человека, попавшего в плен, не дождавшись его возвращения и отчаявшись, стали усердно молиться о нем, как об усопшем. Они особенно молились три раза в году: на Пасху, Пятидесятницу и в Рождество Христово.

Спустя четыре года их сын вернулся домой. Обрадованные родители сказали ему: «А ведь мы считали тебя уже умершим и три раза в году особенно усердно молились о тебе». «В какие же дни вы так молились?» — спросил сын. «На Пасху, Пятидесятницу и Рождество Христово», — отвечали родители. «Так знайте же, — сказал сын, — что именно в эти три дня года приходил ко мне некто в белых ризах, сиявших, как солнце, снимал с меня узы, выводил из темницы, и я был свободен целый день, никем не видимый, утром же на другой день я опять оказывался в узах и в темнице» (112, 160).

***

Святой мученик Миракс, родом из Египта, был сыном христианских родителей, которые воспитали его в вере и благочестии. Но враг рода человеческого смутил его. Он явился однажды к агарянскому князю Амире, публично отрекся от Христа, попрал Крест и сделался магометанином. Увещания родителей ни к чему не привели, но они не отчаивались в его обращении и день и ночь молились о спасении погибшего. Что же? Молитвы их не остались тщетны. Благодать Божия коснулась сердца грешника. Миракс пришел к родителям и сказал: «Помрачился я умом и согрешил тяжко, но, по крайней мере, хотя бы сейчас хочу раскаяться и опять стать христианином». «Чадо, — отвечали обрадованные отец и мать, — день и ночь мы молились о тебе, и вот услышал нас Господь... Но что

делать теперь? Ты знаешь, насколько жесток агарянский князь и как жестоко поступит с нами, когда узнает, что это мы содействовали твоему обращению. Поэтому пойди к князю и сам заяви о своем обращении. Мы же снова будем молиться, чтобы Господь все устроил по милости Своей и споспешествовал тебе во благое». Миракс, не задумываясь, пошел к князю, проклял агарянскую веру и исповедал Христа Богом. Преданный на мучения, он мужественно перенес их и, приняв смерть через усекновение главы, получил мученический венец (112, 266—267).

***

Один брат пришел к прозорливому старцу и попросил его: «Помолись обо мне, отче, ибо я немощный». Старец в ответ сказал брату то, что некогда изрек один из святых: «Наливающий на руку свою елей, чтобы помазать слабого, сам прежде принимает тук от елея. Так и молящийся за брата, прежде нежели принесет ему пользу, сам получает пользу, по изволению своей любви. Будем же молиться, брат мой, друг за друга, чтобы мы исцелились, ибо Апостол убеждает: *молитеся друг за друга, яко да исцелеете* (Иак. 5, 16)» (98, 287).

***

Как-то один пресвитер... имевший дар прозорливости, идя в церковь для совершения божественной службы, увидел вне кельи, в которой жил некий брат, множество демонов, принявших вид женщин, и другие соблазнительные образы. Они говорили непотребности, насмехались, ликовали. Старец вздохнул и подумал: «Этот брат предался лености, и потому лукавые духи окружили его и насмехаются над ним».

Совершив Божественную литургию, на обратном пути он зашел к брату в келью и говорит ему: «Брат! У меня скорбь, но я верую Богу моему, что Он избавит меня от скорби, если ты сотворишь молитву о мне». От этих слов он пришел в умиление и сказал старцу: «Отче, я недостоин молиться о тебе». Но старец начал упрашивать его, говоря: «Не уйду от тебя, доколе ты не дашь мне слово творить по одной молитве за меня каждую ночь». Брат обещал исполнить его просьбу. Так поступил старец, желая ввести его в начало благоугодного жительства и преподать ему совершение молитв при наступлении каждой ночи.

В первую же ночь брат встал, чтобы сотворить молитву о старце. По окончании ее он умилился и сказал сам себе: «О, окаянная душа! О старце ты совершила молитву, а о себе почему не молишь Бога?» И немедленно сотворил и за себя одну молитву. Таким образом он провел всю неделю, творя одну молитву за себя, а другую за старца. В воскресный день старец, идя опять в церковь, увидел демонов, стоящих вне кельи брата, но уже грустными. Старец понял, что молитва брата привела в скорбь бесов; он вошел к брату и упросил его присовокупить к первой молитве за него и вторую. Брат сотворил две молитвы о старце и опять, смирившись, сказал сам себе: «О, окаянная душа! Приложи и за себя вторую молитву». Так провел он всю неделю, совершая каждую ночь по четыре молитвы. Вскоре опять пришел старец и увидел бесов молчащими и унылыми. Возблагодарив Бога, он вошел к брату и сказал ему, чтоб тот еще прибавил за него еще одну молитву. И совершал брат каждую ночь уже по шесть молитв. Вновь пришел старец к брату и, увидев бесов разгневанными, прославил Бога, вошел к брату и научил его не лениться, но непрестанно молиться Богу. После этого возвратился к себе, а демоны, видя, что брат не-

престанно молится и подвизается, отступили от него, будучи прогнаны Божией благодатью (106, 428—429).

***

В 1906 году в больнице Троице-Сергиевой Лавры отошел ко Господу старец 96 лет, схимонах Исаакий. Перед своей кончиной он подвергся явному бесовскому нападению за свои великие подвиги в совершении умной Иисусовой молитвы, которую он, будучи совершенно слепым, непрерывно творил.

Незадолго да своей кончины о. Исаакий пожаловался своему духовному отцу, иеромонаху Нифонту, на то, что бесы появляются пред ним в страшном обличье, угрожающе кричат на него и требуют, чтобы он перестал совершать Иисусову молитву, грозя уничтожить его. Духовно опытный иеромонах Нифонт ободрял старца, уверяя, что угрозы бесов бессильны, и в подкрепление его души часто приобщал его Святых Христовых Таин. Бесы продолжали бушевать и являлись о. Исаакию целыми полками, крича: «Злой старик! Напрасно ты молишься Иисусу — Его нет. Мы одни во всем мире царствуем. Бога нет, покорись нам, и ты будешь покоен и будешь пользоваться от нас великою честию. Если ты не покоришься нам, то все равно погибнешь».

Слепой смиренный старец продолжал с кротостью слезно призывать Бога, как учил его отец Нифонт, словами: «Господи, ради страданий Твоих, помилуй мя; ради Воскресения Твоего, воскреси падшую душу мою. Благодатию Духа Святаго просвети ум мой к исполнению животворящих Твоих заповедей».

За три дня до своей кончины старец Исаакий, по милости Божией, получил полный душевный покой. Перед самой кончиной он сподобился утешительного видения,

ободряющего надеждой на Божие помилование, и почил, как истинный праведник (114, 61—62).

***

Однажды пришли несколько братьев к старцу для духовной беседы. Сотворив молитву и поприветствовав друг друга, сели. После беседы, намереваясь удалиться, братья попросили опять сотворить молитву. Тогда старец сказал им, что один брат, пока шла беседа, сотворил 33 молитвы и этим показал братьям, что надо молиться постоянно. Сказав сие и помолившись, старец отпустил их... (98, 288).

***

Авва одной Палестинской обители, придя к блаженному Епифанию, доложил ему, что его иноки не оставляют своего правила, но прилежно молятся в третий, шестой и девятый час. В обличение им блаженный Епифаний сказал: «Видно, что другие часы дня вы проводите в праздности, без молитвы, а истинному монаху непрестанно должно совершать в сердце своем молитву и псалмопение» (97, 69—70).

***

Некогда авва Макарий в продолжение целых четырех месяцев каждодневно посещал одного брата и всегда заставал его на молитве. Старец удивился сему и сказал: «Вот земной ангел!» (97, 175).

***

Однажды пришел в Пелузию новый правитель и хотел потребовать с монахов такой же дани, как и с мирян.

Братия собрались к авве Аммонафе для решения этого вопроса. Авва говорит им: «Сохраняйте безмолвие в своих кельях и поститесь две седмицы, и по благодати Христа все устроится». Братия разошлись по своим кельям. Старец же в течение двух недель сохранял безмолвие и никуда не выходил из своей кельи. Ничего не понимая, братия стали сетовать на него, говоря: «Старец забыл о нашем деле». В 15-й день они, как и договорились, собрались все вместе. Старец вышел к ним с грамотой за царской печатью. Видя сие, братия изумились и спросили: «Когда ты принес ее, авва?» Старец отвечал: «Поверьте мне, братия, что в эту ночь ходил я к царю, и он написал мне сию грамоту, потом ходил в Александрию к правителю и записал ее у него». Выслушав это, братия объяты были страхом и с благоговением поклонились ему. Так дело их было устроено, и правитель более не тревожил их (97, 49—50).

***

В киновии рассказывали об авве Нонне. Однажды ночью, прежде чем ударили в било, старец тихо воскликнул: «Господи помилуй». Над его головой в это время сияла лучезарная звезда. Как-то раз, также до удара в било, вышел из кельи некий брат и видит: пред храмом стоит старец с воздетыми к небу руками и молится, а руки его сияют, как горящие лампады (102, 95—96).

***

Однажды принесли для братии рыбы. Повар испек ее и отдал келарю. Келарь куда-то вышел, оставив рыбу в келарне на полу, и поручил стеречь ее малолетнему отроку, прислуживавшему авве Геласию. Отрок не смог удержаться и с жадностью начал есть рыбу. Когда келарь вер-

нулся, то увидел, что отрок ест рыбу, рассердился на него и толкнул. Случилось так, что удар пришелся в место, близкое к сердцу; отрок стал задыхаться и умер. Келарь, объятый страхом, положил отрока на свою постель и покрыл, а сам пошел к авве Геласию, пал к ногам его и возвестил о случившемся. Старец повелел никому не говорить, а вечером принести отрока в церковь и положить перед жертвенником. Когда это было исполнено, старец вошел и встал на молитву. Вскоре братия собрались для нощного богослужения; к ним вышел старец, за которым шел и отрок. Об этом никто не знал до самой кончины старца (106, 87).

***

Авва Милисий, проходя через площадь, увидел одного монаха, которого осуждали как убийцу. Старец, провидя, что это клевета на брата, попросил показать ему убитого. Авва приблизился к мертвецу и повелел всем усердно молиться. Когда же он сам простер руки к небу, мертвый встал, и авва спросил его: «Кто тебя убил?» Тот указал, кто из-за денег убил его и бросил в монастырь аввы, а также воскликнул: «Прошу вас, возьмите у него эти деньги и отдайте их моим детям». Тогда авва сказал ему: «Пойди и спи, доколе приидет Господь и возбудит тебя» (97, 168).

***

Однажды авва Макарий увидел на поле вдову, собиравшую колосья. Она непрестанно плакала. Старец, подозвав владельца поля, спросил его, почему эта вдова так горько плачет. Тот рассказал, что ее муж взял у одного человека поклажу и вскоре умер, не успев сказать жене, где он положил ее. И теперь хозяин поклажи хочет взять в

рабство ее и детей. Узнав это, старец повелел показать место, где похоронили ее мужа.

Пришедши туда, авва Макарий помолился вместе с братией и воззвал к мертвецу, назвав его по имени: «Скажи, где положил ты чужую поклажу?» Мертвый ответил: «Она спрятана в моем доме, в ногах постели». Тогда старец говорит ему: «Спи опять до дня Воскресения!» Видя это, братия от страха пали к ногам старца, а он сказал им: «Не ради меня сие, ибо я ничто. Бог сделал это дело для вдовицы и сирот ее, а главное в том, что Бог хочет, чтоб душа не грешила, и о чем ни попросит, — получит». Вдова, взяв поклажу, отдала ее хозяину и этим освободила себя и детей от рабства (97, 143—144).

***

Поведал некий старец, что как-то авва Даниил пришел в селение для продажи рукоделия. Молодой человек, житель того селения, упросил его войти в дом свой и сотворить молитву о жене его, которая была бесплодна. Старец вошел в дом и помолился. По благоволению Божию жена зачала ребенка. Узнав об этом, некоторые, чуждые страха Божия, начали злоречить, говоря, что жена молодого человека зачала от аввы Даниила. Дошли эти толки и до старца. Он послал сказать молодому человеку: «Когда жена твоя родит, извести меня». Он так и поступил, и тогда авва попросил, чтобы позвали его на крестины. Когда наступил день крещения и все друзья и родственники сидели за столом, старец взял дитя на руки и пред всеми спросил его: «Кто твой отец?» Дитяти было двенадцать дней, и оно, протянув руку и показав пальцем на молодого человека, сказало: «Вот мой отец». Все, видевшие это, прославили Бога, а старец встал из-за стола и удалился в скит (106, 91).

***

В царствование благоверного императора Маврикия, когда сарацинский предводитель Намес производил грабежи, авва Николай проходил вблизи Аннона и Эдона. Увидал трех сарацин и при них пленного юношу замечательной красоты лет двенадцати, которого сарацины намеревались отдать своим жрецам для жертвоприношения. Авва долго упрашивал их отдать ему юношу, предлагая себя вместо него, но сарацины не соглашались. Тогда авва Николай, повергшись пред Богом, произнес: «Спасителю наш, Господи Боже, спаси раба Твоего!» И вдруг сарацины, объятые гневом, обнажили мечи и изрубили друг друга. Авва, возблагодарив Бога, забрал юношу к себе в пещеру. Юноша не захотел уходить от аввы. Он отрекся от мира и, прожив иноком семь лет, мирно отошел ко Господу (102, 144—145).

***

В окрестностях Фиваиды, в пределах Гермополя, расположено было около десяти языческих поселений, где очень сильно процветало суеверие. Устроив однажды шествие с огромным истуканом, жрецы и народ обходили селения с неистовством и плясками, испрашивая у своих богов дождя. Случилось проходить около тех мест и блаженному Аполлонию. Сжалившись над народом, авва склонил колена и призвал Господа и Спасителя нашего. И все, кто только участвовал в бесовском бесчинстве, внезапно остановились и не могли двинуться с места. Долго стояли в таком положении язычники. Прохожие люди недоумевали, что же случилось, и стали выяснять причину необычайного явления. И тогда жрецы сказали им, что вблизи пустыни живет христианин по имени Аполлоний, и что это его дело, и если он не смилуется, не избежать им беды.

Отправились послы к человеку Божию с обещанием отказаться от своего заблуждения и, если Аполлоний разрушит их узы, поклоняться и служить его Богу. Авва немедленно пришел, совершил молитву и освободил их. Люди бросились к нему, благодаря и прославляя истинного Бога. Предав истукана огню, народ последовал за старцем. Вступив в лоно Церкви, многие из них избрали иноческую жизнь и остались с блаженным Аполлонием (99, 43).

***

Однажды пошли мы к некоему старцу высокой жизни. Когда мы были еще далеко, солнце начало заходить. Авва Виссарион, шедший с нами, помолившись в себе, сказал вслух: «Господи, молю Тебя, да станет солнце, пока я приду к рабу Твоему». Солнце остановилось и пребывало неподвижным, доколе мы не достигли кельи старца, к которому шли с целью получения душевной пользы (106, 79).

***

Авве Виссариону нужно было переправиться через реку. Сотворив молитву, он пошел по реке, как по суху, и вышел на другой берег. В удивлении я поклонился ему и спросил: «Что чувствовали ноги твои, когда ты шел по воде?» Старец отвечал: «Пяты ног чувствовали воду, а прочее было сухо». Таким образом не раз переправлялся он через великую реку Нил (106, 79).

***

Как-то вошел я к авве Виссариону в келью и застал его стоящим на молитве. Руки его были простерты к небу,

и он оставался в этом подвиге четырнадцать дней. После этого, призвав меня, он сказал: «Следуй за мной», — и мы вышли и пошли в пустыню. Почувствовав жажду, я сказал ему: «Авва, я хочу пить!» Старец, взяв мою милоть, отошел на вержение камня и, сотворив молитву, принес мне милоть, полную воды (97, 51).

***

Авва Дула, ученик аввы Виссариона, рассказывал следующее: «Однажды мы шли по морскому берегу. Я почувствовал большую жажду и сказал авве Виссариону: «Отец, меня томит жажда». Старец, помолившись, сказал мне: «Напейся из моря». Морская вода сделалась пресной, и я утолил жажду. Затем я налил воды в сосуд, желая взять с собой воду, если снова начну чувствовать жажду. Старец, увидев это, сказал: «Для чего ты сделал это?», а я ответил: «Прости меня, отче, я это сделал из опасения, что мне опять захочется пить». Тогда старец сказал: «Как здесь — Бог, так и везде — Бог» (106, 78—79).

***

Один из отцов поведал об авве Ксое Фивейском следующее. Ходил авва однажды на Синайскую гору. Возвращаясь оттуда, встретился с братом, который, вздыхая, сказал ему: «Авва! мы страждем от бездождия». Старец отвечал: «Почему вы не молитесь и не просите Бога?» Брат сказал: «И молимся, и просим, но дождя нет». «Видно, вы молитесь не усердно, — отвечал на это старец, — хочешь ли увериться, что это так?» С этими словами он простер руки к небу, начал молиться, и сразу же пошел дождь. Брат, увидав это, пришел в величайшее удивление, пал на лицо свое пред старцем. Старец же по-

спешно удалился. О случившемся брат рассказал всем, и все прославили Бога (106, 308).

***

Случилось бездождие великое, и молился епископ, чтобы послал Бог дождь. И пришел к нему голос: «Пойди с утра к таким-то воротам и, кого увидишь входящим первым, останови его. Он помолится, и будет дождь». Так епископ и сделал: вышел с клиром своим и сел у ворот. И вот идет некоторый старец, эфиоплянин, неся связку дров, чтобы продать в городе. Встав, епископ остановил его и стал просить: «Помолись, авва, чтобы пошел дождь». Старец же не хотел, но, будучи понуждаем, помолился, и пошел сильный дождь. Тогда епископ обратился к старцу со словами: «Окажи любовь, авва, и доставь нам пользу, скажи нам о жизни твоей, чтобы и мы были ревностны». И сказал старец: «Прости меня, господин. Когда я нарублю эту небольшую связку дров, вхожу в селение и продаю ее, и более двух хлебцев не оставляю себе, остальное же раздаю бедным, и сплю при церкви, и опять выхожу за город и делаю то же. Если же бывает зима, день или два остаюсь голоден, пока не настанет опять хорошая погода, чтобы можно было мне идти опять нарубить дров». Получив великую пользу от делания старца, епископ прославил Бога (98, 462—463).

***

В местности близ Иордана жил отшельник по имени Феодор. Ему необходимо было отправиться в Константинополь, и он сел на корабль. Плавание по морю замедлилось, и пресной воды не хватало. Матросы и пассажиры пришли в большое уныние и отчаяние. Тогда отшельник

встал, простер руки к небу — к Богу, избавляющему от смерти души наши. Сотворив молитву и осенив море крестным знамением, он сказал матросам: «Благословен Господь! Почерпните воды сколько нужно». Они наполнили все сосуды пресной водой из моря (102, 159).

***

Отшельник авва Григорий рассказывал: «Как-то уезжая из Византии, я сел на корабль. Вместе со мной отправился на богомолье в Святой град один писарь с женою. Хозяин корабля был человек богобоязненный и постник. Во время плавания слуги писаря, не жалея, тратили воду. Среди моря воды не хватило, и для нас настала большая беда. Все плывшие на корабле изнемогали от жажды. Надежда на спасение исчезла, тогда писарь разгневался и хотел умертвить хозяина корабля. Я начал его уговаривать: «Будем лучше молиться Господу Иисусу Христу, истинному Богу нашему, творящему великие и дивные чудеса. Ты посмотри, и сам хозяин корабля уж три дня постится и молится». Тогда писарь пришел в себя и успокоился. На четвертый день хозяин вдруг закричал громким голосом: «Слава Тебе, Христе Боже наш!» — так что мы вздрогнули от его крика. «Растяните кожи», — сказал он. Лишь только разложили кожи, внезапно появилось облако над кораблем, и пошел проливной дождь, пока не удовлетворена была потребность в воде. Но вот что было удивительно: корабль несся по ветру, облако шло за ним, и дождь падал только на корабль» (102, 159—160).

***

Говорил авва Софроний: «Я молил Бога, чтобы демоны не приближались к моей пещере. И я видел, что они на

три стадии подходили к пещере, но совсем приблизиться не могли» (102, 147).

***

В Кириллову обитель принесли тяжело больного человека, который просил, чтоб его постригли перед смертью. Преподобный облек его в иноческий образ с именем Далмат. Через несколько дней стал он умирать и просил причастить его Святых Таин. Но священник замедлил с совершением Литургии, и, когда принес Святые Дары в келью, болящий уже скончался. Смущенный иерей поспешил сказать о том преподобному. Святой Кирилл Белоезерский весьма огорчился, скоро затворил оконце своей кельи и встал на молитву. Немного спустя пришел келейник, служивший Далмату, и сообщил блаженному, что Далмат еще жив и просит приобщиться. Немедленно послал святой Кирилл за священником. Хотя тот был уверен, что Далмат уже умер, однако же пошел. Сильно удивился иерей, увидев Далмата, сидящего на постели. Как только он причастился Святых Таин, стал прощаться со всей братией и тихо отошел ко Господу (115, 306—307).

***

К старцу, иеросхимонаху Иисусу, ночью пришли разбойники с намерением обокрасть его, не зная, что у него нечего было похитить. Притаившись в сокровенном месте кельи, они ждали, пока старец уйдет в церковь к утреннему богослужению. Старец же стоял на обычном своем правиле и прозрел приход их. Тогда он помолился так: «Боже, пошли сон рабам Твоим, утрудившимся в суетном угождении врагу». Молитва была услышана, и незваные посетители спали в келье старца пять дней и пять ночей,

пока сам старец, пришедши с братией, не разбудил их словами: «Доколе стережете всуе? Подите в домы свои». Пробудившись, они встали, но идти не могли, потому что немало времени пробыли без пищи. Старец накормил их и отпустил (113, 127).

***

К иеросхимонаху Иисусу забрались в огород воры. Набрав овощей, они хотели уйти, но не могли сойти с места. Так простояли они два дня и две ночи неподвижно под тяжелым бременем, потом начали кричать: «Отче святый, пусти нас». На голос пришли некоторые из братии, но не могли им помочь. Позвали старца, и он сказал им: «Вы, всю жизнь пребывая в праздности, крадете чужие труды, поэтому стойте здесь в праздности все годы вашей жизни». Со слезами умоляли воры отпустить их, обещая впредь не делать ничего подобного. Тогда старец сказал: «Благословен Бог, укрепляющий вас, потрудитесь год в этой обители на братию». После того разрешил их своею молитвою от невидимых уз, и они действительно трудились в скиту год (113, 128).

***

Некогда за грехи восхотел Бог истребить город Устюг. Блаженному Прокопию было об этом открыто, и он, придя в храм, поведал об этом причту и народу. «Покайтесь, братия, в своих грехах, — говорил он, — чтобы получить от Бога милость. Если вы не покаетесь, все погибнете от огня и града!» Люди не поверили блаженному и рассуждали так: «Человек этот юрод и разумно никогда не говорил. Зачем слушать его?» Святой же не переставал увещевать их. На третий день он уже ходил по всему городу и

со слезами убеждал всех позаботиться об отвращении гнева Божия. Жители и тут не послушали Прокопия. Тогда он пришел на паперть храма Пресвятой Богородицы и со многими слезами молил Бога о помиловании. Через неделю, в полдень, вдруг внезапно нашло на город необыкновенное облако, и днем сделалось темно, как ночью. Видя это страшное явление, люди, недоумевая, восклицали: «Что же это такое?» И вот беспрестанно стали бороздить небо молнии, раздавались ужасные раскаты грома, колебалась земля, воздух сделался удушлив. Тут только народ вспомнил слова блаженного Прокопия о грозящей городу гибели. Тотчас же все бросились в соборный храм Пресвятой Богородицы и со слезами стали просить Господа о помиловании; вместе с народом молился и блаженный. Молитва была услышана: тучи отошли, во время всеобщей молитвы от иконы Владычицы истекло миро, воздух очистился. Тучи же собрались над лесом, и выпал град, подобно камню, который сокрушил деревья, а молния попалила их. Из людей же никто не пострадал, сохранился и домашний скот (112, 811—812).

***

Однажды, возвращаясь в Глинскую пустынь, о. Архип и о. N. очень задержались. Ночь была темная, а дорога проходила по краю глубокого рва. Кучер предлагал сойти, и о. N. согласился, но о. Архип не хотел, он сказал: «Молись Богу, на Него надейся, нас сохранят Ангелы Его». С этими словами старец Архип склонил голову и стал внутренне молиться. Страшно было ехать в полном мраке при ежеминутной опасности рухнуть в пропасть, о. N. мысленно осуждал о. Архипа, хотел вновь сойти. Прозревая его мысли, старец взял за руку о. N. и сказал: «Сиди, я отвечаю, веруй, Господь не попустит». «Не при-

дется отвечать, когда ринемся головой вниз, не соберешь и костей наших», — помыслил о. N., но покорился. Вдруг появился какой-то луч, освещающий лошадей и овраг, все остальное оставалось в темноте. О. N. указал о. Архипу на чудесное освещение, тот молча кивнул головой, чтоб не прервать молитвы сердца. Как только миновала опасность, о. Архип открыл глаза, перекрестился и громко прославил Бога. С окончанием молитвы старца луч света исчез, воцарилась непроглядная тьма. Луны не было видно всю дорогу до самой Глинской пустыни. Это еще больше убедило спутников о чудесном освещении им дороги по молитвам о. Архипа (96, 451).

***

Глинский подвижник старец Макарий, исполнявший должность благочинного, выйдя однажды во время утреннего богослужения из церкви, внезапно увидал над братской кухней столп света. Будучи сам просвещен Духом Божиим, он понял, откуда такое явление, и поспешил тихо пройти в кухонный коридор. Приблизившись к двери, в щель он увидал старца Феодота, стоящего на коленях перед иконою Спасителя с воздетыми вверх руками, и из уст его выходил пламенный пук видимого света, который, протягиваясь к иконе, разливался и освещал то место, где стояла икона. Увидев это, старец Макарий был поражен чудным зрелищем и в страхе отступил назад. С чувством великого благоговения рассказывал он впоследствии об этом братии. Также и другие видели старца Феодота во время молитвы, освещенного неземным светом (96, 260).

***

Отшельника, жившего близ Иордана, однажды навестил один старец из лавры Каламонской. «Проведя столь-

ко времени в безмолвии и подвижничестве, чего ты достиг?» — спросил гость. — «Ступай и возвратись дней через десять, тогда я скажу тебе». Придя на десятый день, старец нашел отшельника уже умершим. На черепе было начертано: «Прости меня, отче, я никогда при исполнении своего правила не обращал своих мыслей к земному» (102, 92).

***

Некоему старцу дана была благодать видеть сокровенное. Он сказывал: «Я видел в общежительном монастыре, что один из братии занимался в келье умною молитвой, а пришедший демон стоял вне кельи. Доколе брат занимался умною молитвой, демон не мог войти в келью, а как брат перестал заниматься ею — демон вошел» (106, 524).

***

Случилось, что братия вкушали пищу в церкви на вечери любви. Они завели разговор между собою. Тогда бывший тут пресвитер из Пелусии остановил их, сказав: «Молчите, братия, я знаю, что один из братии вкушает пищу с нами и пьет чашу наравне с прочими, но молитва его, как пламень огненный, восходит к Богу» (106, 135).

МОЛЧАНИЕ

Любящий молчание пребывает близ Бога и Ангелов Его, и в вышних место его. Господь говорит, что Он тогда сохранит пути твои, — когда ты сам будешь хранить уста свои (см.: Притч. 13, 3) (прп. Антоний Великий, 89, 59—60).

***

Преславное дело хранить молчание, подражая Господу, Который хранил молчание, несмотря на сан Ирода (прп. Антоний Великий, 89, 105).

***

Храни уста свои, да честным будет пред тобою ближний твой... (прп. авва Исаия, 89, 327).

***

Хранение уст восторгает ум к Богу, если молчать с разумом... (прп. авва Исаия, 89, 350).

***

Если возлюбишь молчание, то будешь любим многими (прп. Ефрем Сирин, 30, 161).

***

Молчание юному то же, что узда коню, а необузданный впадет в беды (прп. Ефрем Сирин, 30, 203).

***

За трапезою должно молчать. Люби молчание, возлюбленный, чтобы пребывало в тебе благоговение (прп. Ефрем Сирин, 31, 294).

***

Будем молчать, когда должно, чтобы узнать пользу безмолвия (прп. Ефрем Сирин, 31, 626).

***

Люби молчание, чтобы совесть была в тебе, как учитель (прп. Ефрем Сирин, 31, 631).

***

Не знаете, какой дар Божий — молчание! Как хорошо не иметь необходимости во всяком слове, но пользоваться свободою, иное избирать, а другого избегать и быть для себя сокровище-хранителем и слова и молчания! Ибо всякое слово по природе своей гнило и удобоколеблемо и по причине сопротивного ему слова не имеет свободы: а слово о Боге — тем паче, чем выше предает, тем сильнее ревность и тяжелее опасность. Но что же мы, устрашенные, на что можем положиться, на ум ли, на слово ли, на слух ли, когда от всех трех предстоит опасность? Ибо постигать умом трудно, изобразить словами невозможно, а найти очищенный слух всего труднее (свт. Григорий Богослов, 14, 196).

***

...Блаженна та жизнь, в которой уста беззакония, как некий источник грязи, навсегда заградятся и человеческой жизни не будут уже осквернять зловонием! (свт. Григорий Нисский, 19, 54).

***

Иногда молчание полезнее слов, иногда слово полезнее молчания (свт. Иоанн Златоуст, 48, 485).

***

Молчание... благотворно, будучи матерью премудрых помышлений (блж. Диадох, 91, 47).

***

Молчаливый языком во всей наружности своей приобретает смиренномудрую чинность, и он без труда возобладает над страстями (прп. Исаак Сирин, 58, 45).

***

Паче всего возлюби молчание, потому что приближает тебя к плоду, язык же немощен изобразить оное (прп. Исаак Сирин, 58, 176).

***

Велик тот человек, который терпением членов своих приобрел внутренно в душе своей чудный сей навык <молчание> (прп. Исаак Сирин, 58, 176).

***

От упражнения в сем делании <молчании> со временем рождается какое-то удовольствие и насильно ведет тело к тому, чтобы пребывать в безмолвии (прп. Исаак Сирин, 58, 176).

***

Молчание есть тайна будущего века; а слова суть орудие этого мира (прп. Исаак Сирин, 58, 185).

***

Другой хранит молчание, но неразумно, ибо он думает, что совершает добродетель, между тем как вовсе не совершает ее. А разумно молчащий думает, что он недостоин говорить, как сказали отцы, и это есть разумное молчание (прп. авва Дорофей, 29, 160—161).

***

Не будь безрассудно молчалив, чтобы не причинить другим смущения и огорчения... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 48).

***

Благоразумное молчание есть матерь молитвы, воззвание из мысленного пленения, хранилище Божественного огня, страж помыслов, соглядатай врагов, училище плача, друг слез, делатель памяти о смерти, живописатель вечного мучения, любоиспытатель грядущего суда, споспешник спасительной печали, враг дерзости, безмолвия супруг, противник любоучительства, причащение разума, творец видений, неприметное предуспеяние, сокровенное восхождение (прп. Иоанн Лествичник, 57, 99).

***

Молчание Иисусово постыдило Пилата; и безмолвие уст благочестивого мужа упраздняет тщеславие (прп. Иоанн Лествичник, 57, 100).

***

Любитель молчания приближается к Богу, и тайно с Ним беседуя, просвещается от Него (прп. Иоанн Лествичник, 57, 100).

***

С молчанием сплетается кичливость учительства... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 185).

***

Молчание и безмолвие — враги тщеславия; но если ты находишься в общежитии, то переноси бесчестия (прп. Иоанн Лествичник, 57, 211).

***

Наисильнейшие оружия для безмолвствующего с терпением суть воздержание, любовь, молитва и чтение (авва Фалассий, 91, 297).

***

...<Молчание> душу молчащего исполняет радованием паче всякой радости, ибо таковой имеет собеседником Духа Святаго (прп. Феодор Студит, 92, 120).

***

Храни молчание и от всех устраняйся, что и есть истинное странничество (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 211).

***

Молчание сохранишь, если будешь говорить сам в себе: что хорошего имею сказать я, столь малосмысленный и дурной, что и говорить-то недостоин, недостоин даже и к людям причисляться? (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 212).

***

Оно <молчание> есть блюстительница священной молитвы и дивная помощница при упражнении в доброде-

телях, а вместе и признак духовной мудрости (прп. Никодим Святогорец, 70, 107).

***

К тому, чтоб навыкнуть молчанию, укажу тебе одно самое прямое и простое средство: берись за дело сие, — и само дело будет и научать тебя, как его делать, и помогать в этом. Для поддержания же усердия к такому труду почаще размышляй о пагубных следствиях безразборной говорливости и спасительных следствиях благоразумного молчания. Когда же дойдешь до вкушения спасительных плодов молчания, тогда не потребуется более для тебя никаких в этом отношении уроков (прп. Никодим Святогорец, 70, 108).

****

Сказывали об авве Агафоне, что он в течение трех лет влагал камень в уста свои, доколе не научился молчанию (98, 13).

***

В другой раз, во время собрания в Скиту, отцы хотели испытать авву Моисея. С презрением к нему говорили они между собою: «Для чего этот эфиоп ходит в наше собрание?» Моисей, услышав это, молчал. Когда братия разошлись, отцы спросили его: «Ужели ты нимало не смутился, авва?» Он отвечал им: ***смятохся и не глаголах*** (Пс. 76, 5) (97, 157).

***

Когда авву Памво просили сказать назидание посетившему Скит архиепископу, он ответил: «Если молчание мое

не принесет ему пользы, то не принесет пользы и слово мое» (106, 347).

МОНАШЕСТВО

Если мы любим Бога всем сердцем, то ни родителей, ни детей не должны предпочитать Богу (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 251).

***

Какое же преимущество монаха, если не хранение девства и нестяжание? Другие заповеди, как согласные с естеством, и все люди должны исполнять (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 37).

***

...Жребий монаха есть то, что превыше естества. Он воин Христов, потому должен вкусить страданий Его, чтобы получить и славу Его. И это также естественный закон, подтверждаемый чувственными делами. Не прославляются ли воины царские за то, что страдают вместе с Царем? Не по мере ли того, как страдает каждый, получает он здесь и похвалу? А насколько оказывается непотребным, настолько и подвергается бесчестию (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 38).

***

Пребывая в келье своей, держи следующие три занятия: рукоделие, чтение псалмов и молитву (прп. Антоний Великий, 89, 95).

***

Монах, сидящий в келье своей с сомкнутыми устами и Бога не помнящий, похож на разоренный дом, находящийся вне города, который всегда полон всякими нечистотами, потому что, кто ни вздумает вынести нечистоты из дома своего, туда их относит. (То есть молчит устами, а умом мечтает, помыслам поблажает и сердцем увлекается, — что все есть греховный сор, бесами в душу ввергаемый) (прп. Антоний Великий, 89, 96).

***

Келью твою преврати в темницу, содержа в мысли, что все уже для тебя кончено и вот-вот ударит час отрешения твоего от мира сего (прп. Антоний Великий, 89, 107).

***

Кто хочет с успехом совершать подвиг иночества, тому надобно совсем рассчитаться с миром, и блага его все оставить и делом из него выйти, и всякое пристрастие к вещам его отсечь. Эту истину впечатлительно внушил святой Антоний одному брату, который, отказавшись от мира и раздав бедным все, что имел, удержал при себе малость некую на случай нужды какой, и пришел к святому Антонию. Старец, посмотревши на него, узнал, что в нем, и сказал ему: «Если хочешь быть монахом, пойди в такое-то селение, купи мяса, разрежь его на тонкие куски и, скинув одеяние, развесь на плечи и на руки, и так приди сюда». Брат сделал, как велел ему старец: и тут собаки, птицы и шершни окружили его и ранами покрыли все тело его. Когда пришел он опять к старцу, сей спросил его, сделал ли он, что ему было приказано; он, жалуясь,

показал раны свои. Тогда святой Антоний сказал ему: «Так бывает с тем, кто, оставляя мир, хоть малость какую из имения удерживает при себе: ранами покроют его демоны, и истерзанный падет он в бранях» (прп. Антоний Великий, 89, 116—117).

***

...Отвращение возымей к чреву своему, к требованиям века сего, к похоти злой и чести людской, живи так, как бы тебя не было в мире сем, и обретешь покой (прп. Антоний Великий, 89, 119).

***

...Монах, желающий составлять духовные соты, должен, подобно мудрой пчеле, всякую добродетель заимствовать у того, кто наиболее освоен с нею, и слагать ее в сосуде сердца своего, не обращая внимания на то, чего нет у кого, но к той добродетели присматриваясь и ту себе усвоить ревнуя, какою кто отличается (прп. Антоний Великий, 89, 119—120).

***

...Сильно прогоняет разленение и возбуждает энергию к добродетели... следующее видение, о котором рассказывает сам святой Антоний. «Молил я Бога, — говорит он, — показать мне, какой покров окружает и защищает монаха! И видел я монаха, окруженного огненными лампадами, и множество Ангелов блюли его, как зеницу ока, ограждая мечами своими. Тогда я вздохнул и сказал: вот что дано монаху! И несмотря, однако, на то, диавол одолевает его, и он падает. И пришел ко мне голос от Милосердого Господа

и сказал: «Никого не может низложить диавол; он не имеет более никакой силы после того, как Я, восприняв человеческое естество, сокрушил его власть. Но человек сам от себя падает, когда предается нерадению и поблажает своим похотям и страстям». Я спросил: «Всякому ли монаху дается такой покров?» И мне было показано множество иноков, огражденных такою защитою. Тогда я воззвал: «Блажен род человеческий, и особенно воинство иноков, что имеет Господа, столь Милосердого и столь человеколюбивого!» (прп. Антоний Великий, 89, 128—129).

***

Как рыбы, <учит святой Антоний>, оставшись долго на суше, умирают, так и монахи, находясь долго вне кельи или пребывая с мирскими людьми, теряют любовь к безмолвию. Посему как рыба рвется в море, так и мы должны спешить в келью, дабы, оставаясь вне оной, не забыть о внутреннем бдении (прп. Антоний Великий, 89, 132).

***

...Верному монаху не должно смеяться, нам должно паче плакать о тех, коими хулится имя Божие, по той причине, что они преступают закон Его и всю жизнь свою иждивают, погрязая во грехах. Будем рыдать и плакать, непрестанно умоляя Бога, чтоб Он не попустил им ожестеть во грехах и смерть не застала их прежде покаяния (прп. Антоний Великий, 89, 134).

***

Горе нам, что, отрекшись от мира, мирян превосходим страстями (прп. авва Исаия, 89, 439).

***

Будь ленив к празднословию, а благоразумен и сведущ в спасительном слышании Божественных Писаний (свт. Василий Великий, 9, 43).

***

Да будет тебе горьким вкушением слышание мирских рассказов и сотами меда беседа мужей преподобных (свт. Василий Великий, 9, 43).

***

Имей уши, отверстыми к слушанию, и руки, готовыми исполнять слышанное, уста имей молчаливыми и сердце осмотрительным (свт. Василий Великий, 9, 43).

***

...<Те>, которые причислились к числу монашествующих... приемлют на себя безбрачную жизнь. Впрочем и в рассуждении их признаю приличным — предварительно их спрашивать и принимать от них ясный обет, почему, когда обратятся к жизни плотоугодной и сластолюбивой, подвергать их одному наказанию с блудниками (свт. Василий Великий, 11, 41).

***

Не пострижение и не одеяние делают монахом, но небесное желание и божественное житие, потому что в этом обнаруживается совершенство жизни (прп. Ефрем Сирин, 30, 516—517).

***

Монах, отрекся ты от мира, отпущен на свободу, освободил тебя Христос; после этого не люби рабства сует-

ному миру, *да не будут последняя* твоя *горша первых* (ср.: Мф. 12, 45) (прп. Ефрем Сирин, 30, 560).

***

Бессмертная сила в монахе — нестяжательность, несущая крест. Страшно монахам сребролюбие, которое заграждает для них Небесное Царство (прп. Ефрем Сирин, 31, 564).

***

Монах несребролюбивый — самый верный проповедник Небесного Царства, а недугующий сребролюбием — человек злосчастно погибший (прп. Ефрем Сирин, 31, 568).

***

Как бросивший камень в чистый источник мутит его, так ответ монаха, произнесенный с гневом, возмущает душу ближнего (прп. Ефрем Сирин, 31, 586).

***

Весьма многотрудна жизнь монашеская. Если она ни худа, ни хороша, то расхищается. Если имеет подмесь, то как вино, разбавленное водою, скоро портится и, окиснув, бывает уже не драгоценною, но ничего не стоящею, не полезною, но вредною, не наслаждение доставляет, а неприятность (прп. Ефрем Сирин, 31, 614).

***

Горька монахам настоящая жизнь; иметь им собственность — опасно, отказаться от собственности — болезнен-

но, убожество горько, скудость мучительна, подвижничество тяжело, воздержание многотрудно, строгость жизни небезопасна, молчание мучительно. Монах, если обличит, остается должником; если умолчит, ослабеет в ревности к Богу. Будет говорить — это противно. Будет безмолвствовать — это вредно. Правды сказать не может и не смеет не сказать (прп. Ефрем Сирин, 31, 620—621).

***

Монахи, которые живут в богатстве и роскоши, ничем не различествуют от людей мирских, роскошных и сластолюбивых. Они чужды еще ангельского жития, и даже оказываются лжецами. И хотя отреклись уже от мира, однако же опять заботятся о житейском, о богатстве и о своих родных. И образа монашеского не могут еще на себе носить те, которые озабочены богатством житейским (прп. Ефрем Сирин, 32, 144).

***

Первое <делание монаха> — безмолвие, т. е. жизнь, провождаемая без развлечений, в удалении от всякого житейского попечения, чтоб монаху, став выше человеческого ублажения, можно было прилепиться к Богу. Второе — соразмерный пост, т. е. единократное в день вкушение пищи малоценной, и то не до сытости. Третье — соразмерное бдение, т. е. употребление одной половины ночи на псалмопение, воздыхания и слезы. Четвертое — псалмопение, т. е. телесная молитва, состоящая в псалмах и коленопреклонениях. Пятое — молитва духовная, совершаемая умом, удаляющая от себя всякую постороннюю мысль. Шестое — чтение житий святых отцев и их словес; совершенное удаление слуха от учений странных и от всякого

иного, чтобы словесами отцев препобеждать страсти. Седьмое — вопрошение опытных о всяком слове и предприятии, чтобы по неопытности и самоуверенности вздумав и сделав одно вместо другого, не погибнуть, когда вознеистовствует плоть, по бесовскому навету и от вина, потому что возбешение плоти, т. е. похотливость, бывает не только по бесовскому навету, но и от пьянства. Посему должно в меру все сраствoрять, чтобы совершенною неумеренностью не поколебать ревности (прп. Ефрем Сирин, 32, 403).

***

Живущего в монастыре неудержимые выходы могут довести до поползновения на все... от них скорее всего происходят падения (прп. Ефрем Сирин, 32, 405).

***

Прежде образования в словесности монах да образует нрав, потому что благоговейному должно прежде, нежели подвигнет язык к обучению приходящих, учить нравами. Ибо можно видеть, что многие иногда пренебрегают словом, но имеют уважение к нравам (прп. Ефрем Сирин, 32, 406).

***

Отрекшимся от мира и от суетных дел его, возненавидевшим похоти его и гнушающимся забавами его в Евангелии спасения дано обетование воздаяния — непреходящий чертог и нескончаемая жизнь.

Из любви к Господу своему оставили они в мире сем родных, родителей, богатство и имение, ибо слышали, что *блажени нищии духом* (Мф. 5, 3). И за сие ожидает их Горнее Царство.

Тела свои соделали они храмами Духа Святаго, строгостью жизни своей препобедили похоти, несли иго тяжких трудов, из любви к Господу своему презирали они жизнь свою.

Распяли они души свои, пригвоздили ко кресту тела свои и подвижничеством своим умилостивили Творца своего.

Увидели они, что мир преходит, что удовольствия его скоротечны, что все в нем для обладающих им то же, что сонная мечта.

Господь наш в Евангелии Своем обещает блаженство тем, которые усердно и бдительно служат Ему.

К таковым простирает Он десницу Свою, таковым дает награду, таковых посаждает с Собою за трапезою жизни.

На таковых возлагает венцы, и вкушают они блаженство в чертоге Его за скорби, понесенные с Ним с утра до вечера...

Горнее Царство ожидает к себе тех, которые одержали победу в брани и прославились тем. Ангелы, по обычаю своему, нисходят подкреплять борцов во время брани...

Рай отверзает им врата свои; вселяются они в обители света и упокоеваются там...

Ангелы дивятся славе перстных, потому что облекаются они в славу, подобную славе существ духовных. <Облекаются>... ризою Святаго Духа <...>

Лукавый скорбит, что не положил пятен на телах их и не устоял в борьбе с ними.

Они возгнушались чревоугодием и возлюбили воздержание, отгнали от себя плотскую нечистоту и возлюбили целомудрие.

Они избрали себе страдания и возненавидели покой, совлеклись гордости и облеклись в смирение.

Мучится при виде их ненавистник человечества, потому что открыли они коварство его и расторгли путы его.

Победили они врага... и обратили его в бегство... Несчетно взывает он: «Горе, горе мне!» — когда видит, что праведники препобедили его злоухищрения (прп. Ефрем Сирин, 33, 253—255).

***

Если <ты, монах>, и рассуждаешь и чувствуешь одинаково с миром, то подобен ты уже людям мирским и также неверен, хотя почитаешь себя верным и своим Христу (прп. Ефрем Сирин, 35, 457).

***

Небезопасен огонь подле соломы. Небезопасно и тебе, монах, под одним с собою кровом держать жену-девственницу. Положим, что надежда лучших благ разлучила между собою мужчину и женщину, но природа внутри себя скрывает еще тайный недуг. Пока ты держишь себя вдали, в тебе одна искра. Но как скоро сходишься вместе, при дуновении малого ветра воспламенишь пожар (свт. Григорий Богослов, 16, 110—111).

***

...Трудно при плотском сближении избежать плотских восстаний! Поэтому, монахи, держите себя дальше от женщин, потому что и много таких таин брака, которыми привлекаемый взор оскверняет душу (свт. Григорий Богослов, 16, 112—113).

***

Тот монах, кто живет для Бога, и притом для Него единого... (свт. Григорий Богослов, 16, 342).

***

...Монастырь, по моему мнению, есть учреждение, которое имеет целью спасение (свт. Григорий Богослов, 16, 342).

***

...Монах так должен быть настроен в себе, как бы завтра имел он умереть, и так опять поступать с телом своим, как бы имел жить многие лета. Ибо то, говорит, пресекает помыслы уныния и делает монаха ревностнейшим, а это здравым хранит тело и заставляет наблюдать всегда равное воздержание (авва Евагрий, 89, 584).

***

Пришла одному монаху весть о смерти отца его, но он сказал тому, кто извещал его об этом: перестань богохульствовать, ибо мой Отец бессмертен (авва Евагрий, 89, 589).

***

...Один монах, опытнейший в ве́дении духовных вещей... говорил, что все, что ни делают монахи, делают по пяти причинам: ради Бога, по требованию природы, по обычаю, по нужде и ради рукоделия. Он же говорил, что добродетель по существу одна, но видоизменяется в силах душевных подобно тому, как свет солнечный не имеет фигуры, но обыкновенно принимает фигуру отверстий, через которые проходит (авва Евагрий, 89, 589).

***

Для монаха нет праздника, чтобы наполнять чрево (авва Евагрий, 89, 610).

***

...Они <монахи> избрали образ жизни достойный неба и пребывают в нем не хуже Ангелов (свт. Иоанн Златоуст, 44, 99).

***

...Женщины же бойся до того, чтоб даже и не смотреть ей в глаза (свт. Иоанн Златоуст, 45, 903).

***

Твоя жизнь да будет для них <женщин> образцом, покажи себя таким, чтоб женщины стыдились тебя и чтоб ты стал для них примером и началом стыда, так как муж более способен указывать путь, чем женщина, и не присоедини своего легкомыслия к еще более легкомысленной природе женской (свт. Иоанн Златоуст, 45, 903).

***

Не так светло небо, испещренное сонмом звезд, как египетская пустыня, являющая там повсюду иноческие кущи (свт. Иоанн Златоуст, 50, 87).

***

...Знайте, что жизнь, представляющаяся вам трудною и несносною (я говорю о жизни монахов и распявшихся миру), гораздо сладостнее и вожделеннее той, которая ка-

жется вам приятною и удобною (свт. Иоанн Златоуст, 50, 695).

***

Пища у них самая лучшая: они питаются не вареными мясами бессловесных животных, но словом Божиим, сладчайшим *паче меда и сота* (ср.: Пс. 18, 11) (свт. Иоанн Златоуст, 50, 698).

***

...Уста монахов... исполнены благоухания. Таково настоящее их состояние! А будущее их — какое слово может выразить? Какой ум — постигнуть? Их жребий ангельский: неизреченное блаженство, несказанные блага! (свт. Иоанн Златоуст, 50, 699).

***

Воистину монастыри — дома плача: там власяница и пепел, там уединение, там нет ни смеха, ни роя житейских забот, там пост, там возлежание на земле, там все удалено от запаха крови, от шума, смятения и людской суеты (свт. Иоанн Златоуст, 54, 720—721).

***

Монастыри — тихая пристань. Они подобны светочам, которые... светят людям, приходящим издалека, привлекая всех к своей тишине... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 721).

***

Держи в уме крест, под знамением коего ты должен жить, ибо не ты уже живешь, но живет в тебе Распяв-

шийся за тебя <Христос> (см.: Гал. 2, 20), и как Он за нас висел на крестном древе, так и мы, пригвоздивши к страху Господню плоть (см.: Пс. 118, 120), волю и все желания наши, должны не служить страстям нашим, но постоянно умерщвлять их, дабы таким образом исполнить заповедь Господню: ***иже не пришмет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин*** (Мф. 10, 38) (прп. Иоанн Кассиан, 56, 43—44).

***

Так как хитрейший змий не перестает блюсти пяту нашу, т. е. наветует нашему исходу, и до конца жизни нашей старается нас запнуть, уязвить, то ты не получишь пользы от того, что хорошо только начнешь и покажешь ревность только при начале отречения от мира, а конец не будет согласен с началом, если не сохранишь до конца жизни и нищеты, и смирения Христова согласно обещанию своему. А чтобы тебе сохранить их, ты всегда блюди главу змия, т. е. первые помыслы, внушаемые им, и немедля открывай старцу своему. Ибо если ты не будешь стыдиться открывать их старцу, то научишься сокрушать вредоносную главу его (прп. Иоанн Кассиан, 56, 45).

***

Знай, что ты в числе немногих избранных, и смотря на пример и холодность многих, не охладевай, но живи так, как живут немногие, дабы с этими немногими удостоиться тебе Царствия Небесного. ***Ибо много званых, а мало избранных*** (Мф. 22, 14), и мало то стадо, которому Отец благоволил дать Царствие (см.: Лк. 12, 32). Знай, что тяжко грешит тот, кто, обещавшись быть совершенным, делается несовершеннейшим (прп. Иоанн Кассиан, 56, 45).

***

...Живя в общежитии, ты должен соблюдать три правила, кои соблюдал и Псалмопевец, который, по собственному его признанию, как глухой не слышал, как немой не отверзал уст своих, и был, как человек *не слышай и не имый во устех своих обличения* (Пс. 37, 15). Точно так и ты будь слепым, глухим и немым, — *слепым,* чтобы тебе, подобно слепому, не смотреть, кроме избранного тобою для подражания, на неслужащее к назиданию, чтобы соблазнившись, не избрать худшего, — *глухим,* чтобы не внимать, подобно глухому, тем словам, кои произносят непокорные, упорные, порицатели... кои очень легко могут своим примером развратить, — *немым,* по примеру Псалмопевца, который говорит: *рех: сохраню пути моя, еже не согрешати ми языком: положих устом моим хранило, внегда востати грешному предо мною. Онемех и смирихся, и умолчах от благ* (Пс. 38, 2—3), чтобы быть тебе неподвижным и ничего не отвечать, подобно немому, когда слышишь злословия, когда наносят тебе обиды. К сим правилам надобно присовокупить особенно четвертое, которое требует того, чтоб ты, по учению Апостола, был буй в мире сем, чтобы тебе сделаться премудрым (см.: 1 Кор. 3, 18), т. е. не рассуждай о том, что тебе приказано будет, но всегда в простоте сердца и с верою неси послушание, почитая святым, полезным и мудрым только то, что тебе повелевает Закон Божий или старец. Когда ты будешь утвержден в сих правилах, то постоянно пребудешь в сем учении и при всех искушениях и кознях врага не выйдешь из общежития (прп. Иоанн Кассиан, 56, 47).

***

...Кто с холодностью... принимает монашество, в самом начале злоупотребляя именем его, без смирения и должного усердия вступает на путь этого звания, тот, однажды будучи поражен этою бедственною заразою, не может уже ни сам собою умудряться на лучшее, ни принимать вразумление от других... Таким образом он становится хуже мирского человека тем, что теряет сознание, как он беден, слеп и наг, как во многом требует исправления, сколь великую имеет нужду в наставлениях и вразумлении со стороны других, почему не принимает никакого увещания, спасительного слова, не разумея всей тяжести имени монаха, и общего всех мнения, вследствие которого, так как все считают его святым и почитают его как раба Божия, неизбежно в будущем веке он будет подлежать строжайшему суду и наказанию (прп. авва Даниил, 56, 237).

***

Монашеская жизнь — Царство Божие; никакой не подчиняется страсти, превыспренно мыслит и преуспевает в пренебесном (прп. Исидор Пелусиот, 60, 87).

***

Новоначальных монахов не должно как обременять игом правила, чтобы в самом начале не пришли тотчас в отчаяние, так и оставлять необузданными и нетрудящимися, чтобы не впали в леность, но понемногу надлежит увеличивать для них меру восхождения, чтобы, поступая вперед, возрастали подобно Исааку. Ибо что производит

непомерный труд, то дополняет великое нерадение, а именно: труд низлагает, а нерадение расслабляет (прп. Исидор Пелусиот, 60, 155).

***

...Если хочешь стать благоискусным монахом, не угождай своему самовольству и своенравию, но подчини волю свою тем, которые и жизнью, и временем, и трудом возделали уже и привели в устройство Божественный виноградник, и у которых легко тебе научиться деланию. Ибо смешно и срамно в низком ремесле переходить непрестанно от учителя к учителю, а Божественное любомудрие, как что-нибудь маловажное, предоставлять себе самим (прп. Исидор Пелусиот, 60, 156).

***

Самая природа как не позволяет овце пастись с львицею, так вовсе не допускает кичливости водворяться с жизнью монашеской, потому что первая зверонравна и неудержима, а последняя благопокорно приемлет все доброе и с великим терпением переносит горестное. Посему, если изготовился упражняться в монашеской жизни, то откажись от кичливости, чтобы чрез нее не причинил тебе какой беды тот, кто подъял выю против Господа и желает всех иметь соревнователями своего превозношения и падения (прп. Исидор Пелусиот, 60, 210—211).

***

Разумному монаху надлежит быть благоискусным взвешивателем, не допускать, чтобы перетягивала которая-либо сторона весов, и как малоядение приводило в рас-

слабление, так многоядение — в распутство (прп. Исидор Пелусиот, 60, 239).

***

Горе тому монаху, который лжет обету своему и, попирая совесть свою, подает руку диаволу... (прп. Исаак Сирин, 58, 43).

***

Утешение монаху порождается плачем его (прп. Исаак Сирин, 58, 105).

***

Не думай, человек, чтобы во всем иноческом делании было какое-либо занятие важнее ночного бдения (прп. Исаак Сирин, 58, 352).

***

Если монах с рассудительностью пребывает в бдении, то увидишь в нем как бы неплотоносца (прп. Исаак Сирин, 58, 352).

***

Кто в сердце своем приобрел смирение, тот мертв стал для мира, и омертвевший для мира омертвел для страстей. Кто омертвел сердцем для своих близких, для того мертв стал диавол (прп. Исаак Сирин, 58, 412).

***

...Как воин не должен оставлять службы своей для того, чтобы сделаться земледельцем или купцом, ибо иначе

он лишится своего сана, как говорит Апостол: ***никтоже бо воин бывая обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет*** (2 Тим. 2, 4); так и мы <монахи> должны подвизаться и не заботиться ни о чем мирском и служить единому Богу, дабы, как сказано, быть девою, прилежно занятою своим делом и безмолвною (см.: 2 Кор. 11, 2) (прп. авва Дорофей, 29, 31).

***

Мы оставили мир, оставим и пристрастие к нему. Ибо пристрастия, как я сказал, и маловажными и обыкновенными вещами, нестоящими никакого внимания, опять привязывают нас к миру и соединяют с ним, а мы не разумеем этого. Посему, если мы хотим совершенно измениться и освободиться (от мира), то научимся отсекать хотения наши, и таким образом, мало-помалу, с помощью Божиею, мы преуспеем и достигнем бесстрастия (прп. авва Дорофей, 29, 33).

***

Монах есть тот, кто, будучи облечен в вещественное и бренное тело, подражает жизни и состоянию бесплотных (прп. Иоанн Лествичник, 57, 2).

***

Монах есть всегдашнее понуждение естества и неослабное хранение чувств (прп. Иоанн Лествичник, 57, 3).

***

Знайте, что вы <монашествующие> покусились идти путем кратким, хотя и жестоким, на котором одна только

есть стезя, вводящая в заблуждение: она называется самочинием (прп. Иоанн Лествичник, 57, 21).

***

Монах есть тот, кто находится в непрерывном восхищении ума к Богу и спасительной печали (прп. Иоанн Лествичник, 57, 152).

***

Монах есть тот, кто невидимых супостатов, даже и когда они бежат от него, призывает на брань и раздражает, как зверей (прп. Иоанн Лествичник, 57, 152).

***

Монах есть тот, кто имеет такой навык к добродетелям, какой другие — к страстям (прп. Иоанн Лествичник, 57, 152).

***

Монах есть бездна смирения, в которую он низринул <себя> и в которой потопил всякого злого духа (прп. Иоанн Лествичник, 57, 153).

***

Отрекшийся от вещей мирских, как то: жены, имения и прочего, соделал монахом человека внешнего, а еще не внутреннего, отрешившийся же от страстных помыслов соделал таковым и внутреннего человека, т. е. ум. Внешнего человека легко сделать монахом, если только захотеть, но

не мал подвиг сделать монахом внутреннего человека (прп. Максим Исповедник, 91, 220—221).

***

Многодельна жизнь монаха и многотрудна, требует пота и терпения, главнейше же смирения (прп. Феодор Студит, 92, 133).

***

...Схима не что иное есть, как обет потерпеть крест и смерть, Господа ради (прп. Феодор Студит, 92, 173).

***

И монах не достигнет совершенства и венца не получит, если будет поднимать подвиги не по установленным правилам (прп. Феодор Студит, 92, 385).

***

Те, которые любят жизнь мирскую под монашеской одеждой, низвергаются и падают в пропасти, сами того не чувствуя (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 216).

***

Монах — тот, кто не смешивается с миром и с одним Богом непрестанно беседует: видя Его, он и Им видим бывает, и любя — любим и соделывается светом неизреченно сияющим. Будучи прославляем, он тем более считает себя нищим, и принимаемый в домах, является как бы странником (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 224).

***

Оставь весь мир и то, что в мире, один блаженный плач восприими, оплакивай только свои злые деяния, потому что они лишили тебя Творца всех — Христа и (сообщества) святых (Его). Кроме этого, ни о чем другом не заботься. Даже тело твое да будет для тебя как бы чужим. Смотря вниз, как осужденный и ведомый на смерть, всегда воздыхай из глубины сердца. Лицо свое омывай одними только слезами. Ноги же, текшие на худые (дела), отнюдь не омывай водою. А руки твои пусть будут у тебя согбенными, к Богу бесстыдно не простирай их, которые ты часто употреблял для греха (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 89).

***

...(Поистине те суть монахи и одни только те уединяющиеся), которые (пребывают) с одним Богом и одни в Боге, обнажившись от всевозможных помышлений и помыслов и созерцая одного только Бога в уме... утвердившемся во свете, подобно тому как... звезда на небе, или не знаю, как (иначе еще) сказать. Однако они живут в (своих) кельях, как в некоем светлом чертоге, и думают, что пребывают на небе или же и поистине (там) пребывают.

...Ибо они не находятся на земле, хотя и держимы землею, но живут во свете будущего века, в котором витают и шествуют Ангелы... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 93).

***

<Монахи> должны жить в монастыре, как бы на уединенном острове, находящемся среди моря, считая, что весь

мир стал для них совершенно недоступным, словно вокруг всего монастыря их утверждена великая пропасть, так что ни находящиеся в мире не (могут) перейти в монастырь, ни живущие на острове — переправиться к тем, которые там, и, с пристрастием глядя (на них), удерживать в сердце или в уме воспоминания о них, но, как мертвые к мертвым, они, и обладая чувством, должны относиться к ним без ощущения, делаясь (таким образом) поистине как бы добровольно закланными агнцами (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 145).

***

Быть монахом не то есть, чтоб быть вне людей и мира, но то, чтоб, отрекшись от себя, быть вне пожеланий плоти... (прп. Никита Стифат, 93, 102).

***

...Монах должен иметь память Божию вместо дыхания (прп. Григорий Синаит, 93, 228).

***

Монашество есть древо высокорослое и многоплодное, которого корень — отчуждение от всего житейского, ветви — беспристрастие души... плод — богатство добродетелей и боготворная любовь, и неотлучная от них радость (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 163).

***

...Если человек не умертвит всех плотских пожеланий своих и не стяжет... плача, то не может быть монахом. Все житие монаха — плач (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 191—192).

***

Цель монашеского жительства состоит не только в достижении спасения, но, по преимуществу, в достижении христианского совершенства (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 210).

***

Самочинное монашество — не монашество. Это — прелесть! Это карикатура, искажение монашества!.. Это обман самого себя! Это актерство, очень способное привлечь внимание и похвалы мира, но отвергаемое Богом, чуждое плодов Святаго Духа, обильное плодами, исходящими от сатаны (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 269).

***

Мы для того и вступаем в монастырь, чтоб открыть в себе скрытно живущие страсти и отношение нашего естества к духам злобы, которым оно поработилось произвольно. Для того мы разрываем узы с миром, оставляем общество человеков, родственников, имущество, чтоб увидеть наши внутренние узы и расторгнуть их десницею Господа (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 346).

***

Мученики терпели напасти от человеков... Чем разнообразнее и тяжелее был подвиг их... тем большее получали дерзновение к Богу. Иноки терпят напасти от злых духов. Чем большие напасти наносит им диавол, тем большую славу они получат в будущем веке от Бога, тем большего утешения они сподобятся от Святаго Духа здесь, во время земного странствования, среди самих страданий своих (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 351—352).

***

Монаху предстоит борьба с естеством. Наилучший возраст для поступления на эту борьбу есть юношеский. Он еще не окован навыками, в нем произволение имеет много свободы! (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 481).

***

...Все духовные цветы и плоды возросли в тех душах, которые, в удалении от знакомства вне и внутри монастыря, возделали себя чтением Писания и святых отцев, при вере и молитве, одушевленной смиренным, но могущественным покаянием. Где не было этого возделания — там бесплодие (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 564).

***

...Упражнение иноков... состоит в изучении всех заповеданий, всех слов Искупителя, в усвоении их уму и сердцу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 564).

***

Существенное делание монаха — молитва, как то делание, которое соединяет человека с Богом. Все прочие делания служат или приготовительными или способствующими средствами для молитвы... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 148).

***

Подвиг всякого инока — сверхъестествен: он непременно должен быть сопряжен с победою скотоподобного

свойства телесного, соделавшегося по падении принадлежностью каждого человека (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 346).

***

Монашество есть подвиг вышеестественный. Оно есть тоже мученичество в сущности своей... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 346).

***

...Инок — истинная вдовица, для которой мир должен быть мертвым (см.: 1 Тим. 5, 5—6) (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 46).

***

...Все виды монашеской жизни, разнообразные только по наружности, имеют одну цель, она заключается в том, чтоб устранить немощь нашу от обольщений и впечатлений мира, дать должную цену и временной и вечной жизни, употребить первую для получения второй (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 361).

***

...Монастырь есть нравственная врачебница (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 7).

***

Инок, чувствующий влечение к частым выходам из монастыря в мир, ранен стрелою диавола (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 22).

***

Монашеское жительство есть жительство по Евангельским заповедям (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 37).

***

Сущность монашеского жительства заключается в том, чтоб исцелить свою поврежденную волю, соединить ее с волею Божией... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 82).

***

Обрати все внимание <твое> на стяжание любви к ближнему твоему, как на основание твоего жительства и монашеского подвига (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 88).

***

Истинное иноческое преуспеяние заключается в том, когда инок увидит себя грешнейшим из всех человеков (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 103).

***

...Вступающий в иноческую жизнь должен отдаться всецело воле и водительству Божиим, благовременно приготовиться к терпению всех скорбей, какие благоугодно будет промыслу Всевышнего попустить рабу Своему во время его земного странствования (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 124).

***

Главнейшая причина, по которой скорби особенно тягостны для современного монашества, заключается в нем

самом и состоит преимущественно в недостатке духовного назидания (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 138).

***

...Монах до самого гроба находится в опасности подвергнуться какому-либо искушению, не зная, откуда и в каком характере оно возникнет (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 322).

***

Жизнь инока есть не что иное, как деятельное и непрестанное покаяние... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 366).

***

...Монашеская жизнь есть не что иное, как жизнь по Евангельским заповедям, где бы она ни проводилась, среди ли многолюдства, или в глубочайшей пустыне (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 366).

***

Монастырь — общество борющихся с собою Царствия ради Небесного (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 199).

***

Можно... без монастыря вести жизнь монашескую и без монашеской одежды (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 86).

***

В миру свои искушения, в монастыре — свои; и последние, верно, будут покруче (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 175).

***

Один Бог да душа — вот монах... коль скоро не таков кто, то и не монах (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 213).

***

Схима — не подтверждение обетов крещения, а на них новых наложение (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 107).

***

Цель трудов монаха — стяжание подвижнических добродетелей, и внешних и внутренних, и телесных и духовных... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 110).

***

Келья — могила. Из сей могилы мысленно постройте лестницу на небо... и ходите по ней, восхождение в сердце своем полагая... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 119).

***

...Монастыри-то закроют? Монашество не связано с монастырями, как душа с телом. Другим способом начнут монашить (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 88).

***

Не стали чтить монастыри от того, что монахов не стали чтить; а монахов не стали чтить ради того, что мы, монахи, стали никуда негожи (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 88).

***

...Монашество есть жизнь, противоборственная страстям, страстеистребительная, сердцеочистительная (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 108).

***

...Монашество есть прямой путь к чистоте сердечной (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 109).

***

Надлежит иноку постоянно носить в мыслях то убеждение, что он мертв или что носит мертвеца в себе (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 109).

****

Когда авву Захарию спросили: «Какое дело монаха?», то он ответил: «По мне тот монах, кто во всем делает себе принуждение!» (97, 83).

***

Авва Паладий рассказал: «В Фиваидской области в городе Арсиноя был схвачен убийца. После многих пыток он был приговорен к отсечению главы. Приговор должен быть исполнен на том месте, где он совершил убийство,

и стража повела его туда. Посмотреть на его казнь пошли горожане, среди них был один монах. Идя на казнь, преступник увидел монаха и сказал ему: «Отче, должно быть, у тебя нет ни кельи, ни рукоделия?» «Прости меня, брат, — возразил инок, — у меня есть и келья, и занятие». «Так что же ты не сидишь в келье и не предаешься сокрушению о грехах?» — продолжил осужденный. «Правда твоя, брат мой! — отвечал инок. — Я вовсе не забочусь о душе своей, потому-то и иду посмотреть на твою казнь, чтоб хотя через это прийти в сокрушение». — «Ступай лучше, отче, сиди в своей келье и благодари Бога Спасителя нашего. После того как, вочеловечившись, Он умер за нас, человек уже не умирает вечною смертью» (102, 65—66).

***

Как-то авва Моисей пришел к колодцу почерпнуть воды и увидел юного монаха Захарию, который молился, и Дух Божий, в виде голубя, восседал на главе его. Авва Моисей сказал Захарии: «Дай мне наставление для моего жительства». Захария, услышав это, пал к ногам старца, говоря: «Меня ли вопрошаешь, отче?» Старец сказал ему: «Поверь, сын мой, Захария, что я видел Святаго Духа сошедшим на тебя и нахожу нужным для себя вопросить тебя». Тогда Захария снял куколь с головы, положил его под ноги и, истоптав, сказал: «Если человек не будет попран таким образом, то он не может сделаться монахом» (106, 132).

***

Авва Макарий Великий в глубокой пустыне обрел двух монахов-отшельников, достигших христианского совершенства и превосшедших естество, так что они даже не нуж-

дались в одежде. Он спросил у них: «Как могу быть истинным монахом?» Они отвечали: «Если человек не отречется от всего, принадлежащего миру, то он не может быть монахом». Святой Макарий сказал им: «Я немощен и не могу проводить такого жительства, какое проводите вы». На это они отвечали: «Если ты немощен, то безмолвствуй в келье своей, оплакивая грехи свои» (106, 310).

***

Одна блаженная старица рассказывала о себе, что, пришедши к одному старцу, она спросила его о пути спасения, и он сказал ей: «Шатаясь туда и сюда, как делают блудные жены, ты хочешь спастись! Или не знаешь, что ты — жена? Или не знаешь, что диавол через жен борет и прельщает святых? Или не слышишь, что говорит Господь: ***воззревый на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем*** (ср.: Мф. 5, 28). Не знаешь разве, что всякий такой грех взыскан будет с души твоей? Для чего не безмолвствуешь ты в келье своей?» Такими и другими, подобными им, словами научив меня, старец благословил и отпустил. И я, пребедная, в страхе, облитая потом от стыда, пришла в свою келью, и вот ныне исполнилось тридцать три года, как благодатию Христовою не выходила из кельи своей. Так, сестры мои, советую вам не от своего ума, но как слышала и научена великим святым: «Возлюбите безмолвие и молчание — матерь всех добродетелей, да избавит Бог вас безмолвствующих от всех сетей вражиих» (103, 75—76).

***

Когда авва Евлогий посылал иноков в город для продажи рукоделия, он не позволял им задерживаться там

более трех дней, чтобы им не впасть в грех. На вопрос иноков: «Почему другие монахи, пребывая в городах, не чувствуют вреда для душ своих?» — старец ответил: «Поверьте мне, чада мои, со времени принятия мною монашества, я прожил в скиту тридцать восемь лет, не выходя никуда. Но потом, когда мы вышли с аввой Даниилом в город по нужде, то встретили там много монахов, и отверзлись мои очи. Я увидел, что некоторых из них били вороны по лицу; других обнимали обнаженные женщины и шептали им на ухо; с иными играли обнаженные дети мужского пола; иным подносили нюхать мясо и вино. Из этого я понял, что демоны возбуждали в уме каждого монаха брань соответственно той страсти, которою он был одержим. По этой причине, братия, я не хочу, чтобы вы задерживались в городе и подвергались нападению таких помыслов, правильнее же, демонов» (106, 115).

***

Иоанн Сирин рассказал следующее: «Был один старец, который сподобился такого видения: три монаха стояли на берегу моря; вдруг с другого берега послышался голос: «Примите крылья огненные и перелетите ко мне».

Двое из них подлинно получили крылья и тотчас перелетели на другой берег, а третий остался, плача и вопия. Однако через некоторое время и этому были даны крылья, но уже не огненные, а весьма слабые. И вот он, хотя и с величайшим трудом и даже часто потопляясь, все-таки достиг до другого берега, куда отлетели первые иноки.

Что же значило это видение? — Первые монахи, принявшие огненные крылья, — это те, которые жили здесь на земле лишь в Боге и для Бога, и попечения ни о чем

земном не имели, а последний, принявший крылья немощные и слабые, означает тех, которые спасаются через несчастья. Род нынешнего времени, занятый житейскими делами и никогда умом к Богу не возносящийся, только напастями и спасается» (112, 821).

***

Однажды ученики аввы Антония Великого, видя в пустыне бесчисленное множество монахов, прилежавших с великою ревностью по Боге, украшенных всеми добродетелями, спросили авву: «Отец! Долго ли будут продолжаться эти ревность и усердие к уединению, нищете, смирению, любви, воздержанию и прочим добродетелям, которым так тщательно прилежат все это множество монахов?» Муж Божий так отвечал им, вздыхая и проливая обильные слезы: «Наступит время, когда монахи оставят пустыню и устремятся к богатейшим городам; там, вместо вертепов и хижин, которыми усеяна пустыня, они воздвигнут, стараясь превзойти одни других, великолепные здания, не хуже царских палат. Вместо нищеты — стремление к богатству, смирение сердца превратится в гордость, многие будут насыщены знанием, но чужды добрых дел, любовь иссякнет, вместо воздержания явится угождение чреву, и многие монахи озаботятся приобретением себе изысканных яств не менее мирян, от которых они будут отличаться только одеждой и клобуком. Находясь посреди мира, они не стыдятся присваивать себе имя монахов и пустынников. Однако между монахами тех времен некоторые будут лучше и совершеннее нас, потому что блаженнее тот, *кто мог преступити, и не преступи, и зло сотворити, и не сотвори* (Сир. 31, 11), нежели тот, который увлекается к

добру примером многих добрых. Так Ной, Авраам и Лот, проведшие святую жизнь среди нечестивых, справедливо прославляются Писанием (106, 41).

***

Святые отцы Скита спрашивали: «Что же сделали мы?» Отвечал им великий старец Исхирион: «Мы сотворили заповеди Божии». — «А следующие за нами сделают ли что-нибудь?» Отвечал он: «Они достигнут половины нашего дела». — «А после них что?» — «После них люди рода оного не будут иметь дел совсем, придет же на них искушение, и оказавшиеся достойными в этом искушении окажутся выше нас и отцов наших» (98, 55).

МОЩИ

...И по смерти действуют они <святые> как живые, исцеляют больных, изгоняют бесов и силою Господа отражают всякое лукавое влияние их мучительского владычества. Ибо святым мощам всегда присуща чудодействующая благодать Святаго Духа (прп. Ефрем Сирин, 31, 497).

***

Бог обитает в костях сих <мощах>; Им <Богом> совершают они все чудеса (прп. Ефрем Сирин, 34, 55).

***

...Рассмотрим настоящее состояние святых, как оно прекрасно и величественно. Ибо душа их, отшедшая горе́, пребывает в свойственном ей месте и, отрешившись от тела, обитает вместе с подобными ей, а тело, честный и

нескверный ее орган, нисколько не повредивший своими страстями нетления обитавшей в нем души, погребается с большою честью и благоговением, честно полагается в священном месте, как бы какое многоценное сокровище, соблюдаемое до времени пакибытия, во многом не сравнимое ни с какими другими телами, разрушаемыми общею всем и обыкновенною смертию, — и притом в одинаковом по природе веществе. Ибо всеми другими останками большая часть людей гнушается, никто с удовольствием не проходит мимо гроба, а когда нечаянно увидит открытый гроб, то, посмотрев на безобразие того, что лежит там, полный неприятного чувства и с тяжелым вздохом об участи человечества, скорее бежит прочь. Но кто взойдет в какое-либо место, подобное сему, где сегодня мы собрались, где (совершается) память праведного и где святые останки его, тот, во-первых, утешит свою душу великолепием того, что представляется его взорам, видя сей дом, как храм Божий, светло благоукрашенным и величием постройки и благолепием украшений, где и резчик придал дереву вид различных животных, и камнетес каменные плиты довел до гладкости серебра. И живописец украсил искусственными цветами, изобразив на иконе доблестные подвиги мученика, его твердое стояние на суде, мучения, зверообразные лица мучителей, их насильственные действия, пламенем горящую печь, блаженнейшую кончину подвижника, начертание человеческого образа подвигоположника Христа; все это искусно начертав нам красками, как бы в какой объяснительной книге, ясно рассказал подвиги мученика и светло украсил храм, как бы цветущий луг (ибо и живопись молча умеет говорить на стенах и доставлять величайшую пользу)... Если кому счастие доставит возможность прикоснуться к самым останкам, то,

как это вожделенно и какой возвышенной молитвы почитается даром, знают те, кои испытали это и которые сами одушевляемы были этим желанием. Взирающие на них лобызают оные, как самое живое и цветущее жизнию тело, приближая их к глазам, устам, ушам, ко всем чувствам; затем, проливая слезы благоговения и сердечного умиления, приносят молитву о ходатайстве как бы самому в целости видимому мученику, умоляя его, как оруженосца Божия, взывая к нему, как к приемлющему дары (молитвы), когда ему угодно. Из всего сего познай, благочестивый народ, что *честна пред Господем смерть преподобных Его* (Пс. 115, 6). Ибо одно и то же тело у всех людей, будучи составлено из одного и того же вещества; но одно умирает простою смертию, повергается как случится; другое же, облагодатствованное страданием мученическим, так достолюбезно и всем вожделенно, как мы выше сказали. Посему, на основании видимого, будем веровать невидимому, на основании того, что опытом дознаем в мире, — тому, что обещано в будущем. Ибо многие, ценя выше всего чрево, тщеславие и здешний сор, ни во что вменяют будущее, думая, что все ограничивается пределом сей жизни. Но мыслящий так, от малого научись великому, по тени уразумей Первообраз. Кто из царей почитается такою честию? Кто из людей, получивших преимущественную известность, прославляется такою памятью? Кто из военачальников, бравших укрепленные города, порабощавших множество народов, стал так знаменит, как сей убогий воин, новобранец, которого вооружил Павел, которого приготовляли к подвигу Ангелы, которого после победы увенчал Христос? (свт. Григорий Нисский, 25, 200—204).

***

...Бог и оставил нам мощи святых, желая привести нас к одинаковой с ними ревности и дать нам надежное прибежище и утешение в бедствиях, постоянно постигающих нас (свт. Иоанн Златоуст, 45, 641—642).

***

Гробницы мучеников суть не что иное, как безопасные гавани, источники духовных вод, сокровища богатства неистощимые и никогда неисчерпаемые (свт. Иоанн Златоуст, 45, 694).

***

Как источники холодных вод оживляют тела, изнуренные трудом и жаром, так точно и эти гробницы <мучеников> прохлаждают души, опаленные неуместными страстями, и погашают при одном на них взгляде и неуместную похоть, и иссушающую зависть, и пламенный гнев, и все другое, что ни тревожило бы нас (свт. Иоанн Златоуст, 45, 694).

***

Для того Бог и оставил нам тела святых до времени воскресения, чтобы мы имели в них урок величайшего любомудрия (свт. Иоанн Златоуст, 45, 719).

***

...Как изобильные потоки источников не объемлются внутри их собственных недр, но изливаются и текут чрез край, так и благодать Духа, почивающая у костей и оби-

тающая со святыми, изливается также на других... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 292).

***

Если соблазняет тебя, что ради любви мучеников к Богу и за их постоянство чествуется нами прах мученических тел, то спроси тех, которые получили от них <мощей> исцеление, и дознай, в каких страданиях подают они врачевания. Тогда не только не будешь смеяться над тем, что делается, но, конечно, и сам поревнуешь исполняемому (прп. Исидор Пелусиот, 60, 38).

***

Душа, сподобившаяся стать причастницей Божественной благодати, будучи сама освящена, по естественному последствию, освящает и все тело свое; потому что союзя и содержа тело, она находится во всех членах его; почему и благодать Святаго Духа как усвояет себе душу, так усвояет и тело ее. Впрочем, пока душа находится в теле, Всесвятый Дух не проявляет в этом теле всей славы Своей, потому что настоит <предстоит> необходимость, чтоб душа до конца жизни показывала сама доброе произволение свое, т. е. последует ли она, как должно, благодати Святаго Духа. Но когда придет конец и душа отделится от тела, тогда, поелику кончен уже подвиг (состязание, как на ристалищах), и душа, одержав победу, исходит из тела в венце нетления, как добре совершившая подвиг свой, тогда, говорю, благодать Святаго Духа и в теле души сей проявляет Свою освящающую силу, от чего кости голые и целые мощи святых источают исцеления и врачуют всякие болезни. Когда душа отделится от тела со смертию его, тогда она одна, без участия в сем тела, начинает пре-

бывать со всем Божеством, т. е. с Божественною благодатию, и сама бывает бог по благодати; тело же остается одно, без души, только с Божеством и проявляет для людей божественную силу в чудесах (не чрез душу, а прямо от Божества). Тогда ни душа в действиях своих не может встречать препятствий от связности телом, будучи отделена от него, ни тело из-за души не бременится уже лишениями в удовлетворении своих потребностей, т. е. ни алчбою, ни жаждою, ничем другим подобным. Но поелику оба они, и душа, и тело, освободились от всякой нужды и всякого искушения, каким подвергались по причине взаимного союза, то и Божественная благодать как в той, так и в другом действует без всякого препятствия... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 54—55).

***

...Какое слово достойно изобразить и то, что теперь видим; именно — ту славу, которую Бог воздал гробницам святых и останкам их костей, во все времена сохраняющееся ощутимое в них дивное благоухание, источники мира, дарования исцелений, действование сил... (свт. Григорий Палама, 26, 251).

***

...Иконам святых поклоняйся, яко сраспеншихся Христу, крест изображая на лице своем и на память приводя действенно проявившееся в них причастие страстям Христовым. Равным образом чти и гробницы святых и какие-либо останки от костей их: ибо не отступила от них благодать Божия, как и от поклоняемого тела Христова не отступало Божество во время животворящей Его смерти. Делая же сие и славя прославивших Бога, как явившихся

чрез дела совершенными в любви Божией, ты вместе с ними прославлен будешь от Бога, и с Давидом воспоешь: *мне же зело честни быша други Твои, Боже* (Пс. 138, 17) (свт. Григорий Палама, 93, 284).

****

Некогда подвижник Феофан пришел в Соловецкий монастырь, чтобы поклониться мощам преподобных и навестить своих учеников. Придя в церковь к утрени, старец стал в углу и смотрел, как иноки прикладываются к святым мощам. И вот видит он духовными очами, что преподобные Зосима и Савватий как бы сидят при своих раках и одних благословляют, а от других отворачиваются. Поэтому старец заповедал ученикам ежедневно с благоговением прикладываться к мощам святых угодников (113, 150).

***

В 1467 году архиепископ Трифон, слыша о многих чудесах от нетленных мощей преподобного Феодора и сыновей его Давида и Константина, послал протопопа Константина в Ярославль для того, чтобы освидетельствовать святые мощи и убедиться в истинности совершающихся чудес. Протопоп Константин, будучи одержим неверием, прибыл в монастырь, ожидая себе почетной встречи как послу архиерея, и потребовал, чтоб ему открыли святые мощи. Когда ему открыли раку со святыми мощами, он начал дерзостно к ним прикасаться и даже осмелился сорвать у преподобного Феодора часть схимнической одежды. Тотчас невидимая сила Божия поразила нечестивого, и он, онемев, внезапно упал на землю, и тело его как бы помертвело. Ужас объял предстоящих. Когда же сообщили

о случившемся игумену, тот поспешил отслужить молебен с водосвятием при нетленных мощах и окропил омертвевшего святою водою. После сего протопоп Константин ожил через несколько часов, но язык у него оставался нем. Горько, с истинным раскаянием плакал он о грехе своем (107, 279).

МУДРОСТЬ

От ведения же, т. е. мудрости, происходит воздержание и терпение. Ибо мудрый удерживает свою волю и терпит происходящее от сего огорчение, но, почитая себя недостойным наслаждений, бывает благоразумен и благодарен Благодетелю, боясь, чтобы ради многих благ, которые даровал ему Бог в нынешнем веке, не лишиться в будущем. Итак, он трудится в воздержании и в добродетелях, считая себя должником во всем. И ничего, даже и малого, не находит, что мог бы воздать своему Благодетелю, но и самые добродетели почитает большим долгом; ибо получает, а не отдает. Самое то, что он удостоился приносить благодарение Богу, и Бог принимает его благодарение, почитает он большим долгом и всегда благодарит, делая всякое добро, и, всегда смиренномудрствуя, считает себя большим должником и ниже всех (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 21—22).

***

...Начало всех добродетелей есть духовная мудрость, хотя она же составляет и конец их; ибо если она не приблизится к уму, то человек не может сделать ничего доброго, никогда не слышав о ней, а если услышит сколько-нибудь, — это самое и есть уже мудрость (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 1).

***

...Всякая добродетель имеет нужду в сих четырех <мудрость, целомудрие, мужество и правда>, и всякое начинание нуждается в первой из них, т. е. в мудрости, и без нее не может осуществиться. Ибо как может какое-либо дело исполниться без мудрости? Она рождается от разумной части души и находится между лукавством, т. е. чрезмерным мудрствованием, и неразумением. Одно из них влечет мудрость к тому, чтобы поступать лукаво и вредить душе, ее имеющей, и другим, кому возможно. Другое же делает ум нечувствительным и суетным и не допускает его заботиться ни о Божественных вещах, ни о чем-либо полезном для души его самого или ближнего. И одно уподобляется высочайшей горе́, а другое — пропасти; мудр же тот, кто идет по равнине, между ними находящейся. А кто совращается (со среднего пути), тот или падает вниз, в пропасть, или же старается взойти много вверх и, не находя пути, невольно падает вниз... потому что не хочет через покаяние возвратиться к мудрости с высоты горы. Падший же в пропасть умоляет со смирением <Господа>, могущего вывести его на царский путь добродетели. А мудрый не восходит с возношением... (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 88—89).

***

Люди обычно именуются умными, по неправильному употреблению сего слова. Не те умны, которые изучили изречения и писания древних мудрецов, но те, у которых душа — умна, которые могут рассудить, что добро и что зло; и злого и душевредного убегают, а о добром и душеполезном разумно радеют и делают то с великим к Богу

благодарением. Эти одни по истине должны именоваться умными людьми (прп. Антоний Великий, 89, 63).

***

Истинно умный человек одну имеет заботу, вседушно повиноваться и угождать Богу всяческих. Тому и единственно тому поучает он душу свою, как бы благоугодить Богу, благодаря Его за Его благое промышление, в каких бы ни находился случайностях по жизни (прп. Антоний Великий, 89, 63).

***

Чья душа действительно умна и добродетельна, — это обнаруживается во взоре, поступи, голосе, улыбке, разговорах и обращении. В ней все изменилось и приняло благообразнейший вид. Боголюбивый ум ее, как бодренный привратник, затворяет входы для злых и срамных помышлений (прп. Антоний Великий, 89, 67).

***

Умен тот, кто Богу угождает и больше молчит, или, если говорит, то говорит немного — и только нужное и Богу угодное (прп. Антоний Великий, 89, 69).

***

Добрым и мудрым человеком вдруг сделаться нельзя; но сие достигается внимательным обсуждением, упражнением, опытом, продолжительным подвигом и (главное) сильным желанием доброго дела (прп. Антоний Великий, 89, 70).

***

...Не тот мудр, кто много говорит; но тот, кто знает время, когда должно говорить (прп. авва Исаия, 59, 217).

***

Больше всех знает тот, кто говорит: ничего не знаю (прп. авва Исаия, 89, 454).

***

Венец мудрости — себя укорять и ставить себя ниже всех (прп. авва Исаия, 89, 454).

***

Сколько уподобляются глазам совы упражняющиеся в суетной мудрости! И у совы зрение ночью остро, но помрачается, как скоро воссияет солнце; и у них <мудрецов мира сего> весьма изощрено разумение для пустых умозрений, но омрачено к познанию истинного света (свт. Василий Великий, 5, 132).

***

...Мудрость мира сего, введя в обман принявших ее и будучи признана истиною, производит неведение спасительных догматов. Посему мудрость, удаляющая от истины, обращается в ничто... (свт. Василий Великий, 6, 318—319).

***

...Премудрость есть знание вещей божественных и человеческих, так же и их причин (свт. Василий Великий, 8, 168).

***

...Есть и человеческая некая премудрость; это — опытность в делах житейских, по которой называем премудрыми сведущих в одном каком-нибудь из полезных искусств (свт. Василий Великий, 8, 169).

***

...Кто намерен приступить к принятию премудрости, тот приходи, очистив срамоту греха спасительным страхом (свт. Василий Великий, 8, 171).

***

Истинная же мудрость есть распознание того, что должно делать и чего не должно (свт. Василий Великий, 8, 174).

***

О мудрости знаем, что она есть одна из родовых добродетелей, посредством которой мы (люди) делаемся сведущими в том, что добро, и что зло, и что безразлично (свт. Василий Великий, 8, 174).

***

...Ни один благомыслящий не будет высоко думать о своей мудрости... (свт. Василий Великий, 8, 268).

***

Умудрение во всякой о Христе добродетели, служащей к славе Божией, есть сокровище благое... (свт. Василий Великий, 9, 277).

***

Мудр, как змий, кто предлагает учение с осмотрительностью и с разумением, как успешно привести слушателей к благопокорности (свт. Василий Великий, 9, 279).

***

...Косность разумения бывает не по нерадению благодетеля, но по неверию получающих благодеяние. И справедливо обвиняется неразумный, как смежающий очи при восхождении солнечном, чтобы жить во тьме, и не подъемлющий взора для принятия света (свт. Василий Великий, 9, 281).

***

...Можно ли тому, кто несмыслен, не быть мудрым о себе?.. Если кто хочет не быть и несмысленным, и мудрым о себе, тот должен уразуметь волю Господню верою в Него... (свт. Василий Великий, 9, 285).

***

Истинная мудрость делает все по Богу (прп. Ефрем Сирин, 30, 179).

***

Не умудряйся по ветхому человеку, ибо написано: кто хочет *мудр бытии в вас в веце сем, буй да бывает* (1 Кор. 3, 18) (прп. Ефрем Сирин, 31, 143).

***

Путь Господень — первый путь; им шествуют мудрые; а кто не сим путем ходит, тот блуждает в неисходных бедствиях (прп. Ефрем Сирин, 33, 95).

***

Мудрые никогда не отступают от слова Божия, потому что оно источник благ, изливающийся из учений Его (прп. Ефрем Сирин, 33, 95).

***

Не скорби, невежда, что ум твой не подкреплен наукой; жизнь твоя может сделать тебя столько мудрым, что самая простота твоя в состоянии будет умудрить и разумных (прп. Ефрем Сирин, 33, 218).

***

Пусть своею ученостию останавливаешь ты солнце и можешь определить окружность моря; но ежели не имеешь дел, ты еще не премудр и не достиг степени разумных (прп. Ефрем Сирин, 33, 218).

***

Не предавайся много учености, чтобы величаться своею мудростию. Не тот один мудр, кто берется изъяснить сокровенное. Заботься наипаче о том, чтобы на деле исполнить прочитанное, а не объяснить написанное (прп. Ефрем Сирин, 33, 220).

***

Многие читают до утомления, однако же в поступках своих оказываются юродивыми. Другие трудятся, работая, и в мудрости превосходят мудрецов (прп. Ефрем Сирин, 33, 220).

***

Избери себе Божий страх, начало всякой премудрости, и почитай родителей своих, потому что молитва их охраняет тебя (прп. Ефрем Сирин, 33, 354).

***

Предел мудрости смертного — смерть его (прп. Ефрем Сирин, 34, 231).

***

В том состоит мудрость мудрых, чтобы приуготовить себе блаженный конец (прп. Ефрем Сирин, 34, 233).

***

Тот — мудрец, кто прилежно наказывает плоть свою голодом и жаждою, чтобы приучить ее к деятельности, кто душу свою исправляет и упражняет чтением Писания. Тот прекрасен духом и телом, кто очищает себя в сих двух горнилах; чем больше очищает он себя в них, тем паче усугубляется красота его (прп. Ефрем Сирин, 34, 258).

***

...Не хвалитесь мудростию <мира сего>, ибо написано о ней, что она есть глупость пред Богом (см.: 1 Кор. 3, 19)... (прп. Ефрем Сирин, 36, 68).

***

Обуздывай наглость, и будешь великий мудрец (свт. Григорий Богослов, 16, 210).

***

Под мудростию разумей созерцание Сущего (свт. Григорий Богослов, 16, 338).

***

...Мудрые мира сего, Аристотель, или Платон, или Сократ, при основательном своем ведении уподоблялись большим городам, но опустошены были врагами, потому что не было в них Божиего Духа. А люди неученые, став причастниками благодати, подобны малым городам, укрепленным крестною силою (прп. Макарий Египетский, 67, 274).

***

Мудрость занимает середину между хитростью и простотою. Не похвальны ни мудрость змия, ни простота голубя, если каждое из сих свойств взять одно, само по себе, но поведение, держащееся средины между тем и другим, делается добродетелью (свт. Григорий Нисский, 18, 265).

***

...Вся человеческая мудрость, и все знание существующего, и всякая созерцательная сила, и всякое мысленное представление не могут устоять в сравнении с простейшею пищею божественных уроков; потому что млеко истекает из сосцев и есть пища младенцев, а вино по силе и

горячительному свойству делается наслаждением совершеннолетних, однако же совершенное во внешней мудрости ниже младенческого учения в Божественном слове (свт. Григорий Нисский, 20, 30—31).

***

Нельзя стяжать мудрости без борьбы, и нельзя успешно совершить борьбу без благоразумия (авва Евагрий, 89, 577).

***

Мудрость в содружестве с покоем, а благоразумие — с трудом (авва Евагрий, 89, 577).

***

Дело мудрости — в том, чтоб возбуждать ум к непрестанному внимательному бодрствованию (авва Евагрий, 89, 607).

***

Дело разумности состоит в том, чтоб созерцать умные святые Силы... (авва Евагрий, 89, 637).

***

Не занятием, но благодатию приобретается небесная мудрость, по мере веры каждого (свт. Иоанн Златоуст, 49, 295).

***

Истинная мудрость есть вера (свт. Иоанн Златоуст, 49, 732).

***

Особенность мудрых состоит в том, чтобы обличать худо делающих; ничто так не обнаруживает дела мудрости, как то, чтобы жить с пользой для других (свт. Иоанн Златоуст, 55, 116).

***

Господь повелевает нам быть мудрыми подобно змее, во всяком искушении соблюдать главу свою, т. е. веру нашу. Ибо змея, в каких бы затруднительных обстоятельствах ни находилась и каким бы ударам ни подвергалась, сохраняет голову свою невредимою. И ухищренно также совлекает с себя ветхость, проползая сквозь какое-либо тесное отверстие и там слагая свою старость. Посему Господу угодно, чтобы и мы на тесном пути и злострадании совлекались ветхого человека и облекались в человека нового, *обновляемого... по образу* Его (Кол. 3, 10) (прп. Исидор Пелусиот, 60, 85—86).

***

Мудрость, срастворенная с простотою, есть некое божественное достояние, и скажу даже, составляет самую совершенную добродетель. Но если одна от другой бывает отделена; то мудрость впадает в лукавство, а простота кончает глупостию; потому что первая способна делать злое, а последняя обманываться (прп. Исидор Пелусиот, 60, 444—445).

***

Подлинно самая высокая мудрость — правильное понятие о Боге... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 90).

***

Мудрые, по моему определению... суть те, которые украшены умными добродетелями; таковы были имеющие дар слова и мудрость ведения (прп. Исидор Пелусиот, 62, 206).

***

...Нет ничего столько углубленного, низкого и пресмыкающегося по земле, как мирская мудрость, хотя по бесстыдству и берется она парить в высоту (прп. Нил Синайский, 73, 21).

***

В собственном смысле и по естеству премудр единый Господь, Ангелы же и человеки имеют мудрость по причастию (прп. Нил Синайский, 73, 385).

***

Некоторые называют мудрыми тех, которые умеют рассуждать о чувственных вещах; мудры же те, кои обладают <управляют> своими пожеланиями (прп. Марк Подвижник, 69, 24).

***

Делами показывай себя мудрецом, ибо нет слова, которое было бы мудрее дела (прп. Марк Подвижник, 89, 543).

***

Кроткий по Богу из мудрецов мудрец... (прп. Марк Подвижник, 89, 548).

***

Не признавай того истинным мудрецом, кто ради сей жизни порабощает ум свой боязни и страху (прп. Исаак Сирин, 58, 16).

***

Пути премудрости нет конца; она шествует выше и выше, пока не соединит последователя своего с Богом (прп. Исаак Сирин, 58, 89).

***

Будь невеждою <простым> в мудрости своей; а не кажись мудрым, будучи невеждою (прп. Исаак Сирин, 58, 302).

***

О, как удивительна ты, мудрость, как издалека все предусматриваешь? Блажен, кто обрел тебя (прп. Исаак Сирин, 58, 374).

***

Начало Божественной премудрости — скромность и кротость, которая свойственна великой душе и носит на себе немощи людей (прп. Исаак Сирин, 58, 410).

***

Праведник немудрый — светильник при солнце (прп. Исаак Сирин, 58, 414).

***

Мудрый советник — стена упования (прп. Исаак Сирин, 58, 415).

***

Мудр муж тот, кто внимает себе и спешит очиститься от всякой скверны (авва Фалассий, 91, 300).

***

Христианин умудряется сими тремя путями: заповедями, догматами и верою. Заповеди отрешают ум от страстей, догматы вводят его в познание Сущего, а вера — в созерцание Святой Троицы (прп. Максим Исповедник, 91, 220).

***

Мудрый, и уча и учась, желает учиться и учить одному полезному; а кажущийся мудрец, и вопрошая и вопрошаемый, предлагает одно то, что питает любопытство (прп. Максим Исповедник, 91, 232).

***

Явно же, что тот премудр, кто, оставя плоть, как тленное нечто, весь прилепляется к духу, как нетленному (прп. Максим Исповедник, 91, 235).

***

...Того называю я мудрым, кто ведет незапятнанную и безукоризненную жизнь (прп. Феодор Студит, 92, 173).

***

...Любовь... оказывается иной помощницей уму, почившему от неразумного пристрастия к чувственным вещам, тем, что возбуждает ум к словесам премудрости (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 177).

***

...Будь буй из любви к Богу, если желаешь быть премудрее Соломона (прп. Никодим Святогорец, 70, 35).

***

Что такое плотское мудрование? — Образ мыслей, возникший из состояния, в которое приведены человеки падением... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 90).

***

...Хотящий получить небесную премудрость должен оставить свою собственную, земную, <и> как бы она велика ни была, отречься от нее... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 116).

***

Земная мудрость — вражда на Бога: она закону Божию не покоряется и не может покоряться (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 116).

***

Когда веру в Бога заменят соображения человеческие, тогда бедствует человек в волнах житейского моря... Способов человеческих к исшествию из затруднительных обстоятельств он не видит, а воспоминание о Боге выкрадывается непостижимым забвением (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 185).

***

Запечатленных плотским мудрованием, упорно пребывающих в нем, недугующих неисцельно, Господь остав-

ляет: предает их самим себе, предает погибели, принятой произвольно, удерживаемой произвольно (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 295).

****

Однажды авва Иоанн шел из Скита с братиями. Была ночь, и проводник их сбился с пути. Братия сказали авве Иоанну: «Авва, что нам делать? Брат сбился с пути, как бы нам не умереть, блуждая!» Старец отвечал: «Если скажем ему об этом, он опечалится и будет стыдиться нас. Вот что сделаем: я скажусь больным и откажусь от дальнейшего путешествия, и останемся здесь до утра». Они просидели на том месте до утра и не обличили брата (106, 290—291).

***

Паисий, брат аввы Пимена, нашел небольшой сосуд со златницами и сказал старшему брату своему Ануву: «Ты знаешь, что слово аввы Пимена очень жестоко. Пойдем, выстроим себе в другом месте келью и будем там вместе безмолвно жить». Авва Анув отвечал: «Нам не на что выстроить келью». Тогда Паисий открыл ему о своей находке. Это очень опечалило авву Анува, который понял, что находка может послужить причиной душевной погибели Паисия. Однако, не желая смутить брата, он сказал: «Пойдем и выстроим себе келью на той стороне реки». Авва Анув взял у Паисия золото и завернул себе в куколь. Когда они переправлялись через реку и были уже на середине, авва Анув сделал вид, что оступился, и выронил золото в реку. Он начал скорбеть, а Паисий утешал его, говоря: «Не скорби, авва, о златницах, пойдем опять к

брату нашему Пимену». Они возвратились и жили в мире (106, 320).

***

Сказывали об авве Зеноне, что сначала он ни от кого не хотел ничего принимать. И посему делавшие ему приношения уходили от него, скорбя о том. А другие приходили к нему, желая получить от него что-нибудь как от великого старца; но ему нечего было дать им, и они отходили со скорбью. Видя сие, старец сказал: «Что мне делать? И те скорбят, которые приносят, и те, которые хотят получить. Вот что будет лучше: если кто принесет — возьму, а если кто попросит — отдам ему». Так и делал, и сам был спокоен, и все им были довольны (97, 80).

***

Когда спрашивали авву Памво о чем-либо из Писания или касательно жизни, он никогда не отвечал на вопрос тотчас, но говорил, что еще не нашел ответа. Часто проходило месяца три, а он не давал ответа, говоря, что еще не знает, что ответить. Авва Памво из страха Божия был весьма осмотрителен в своих ответах, так что и принимали их с благоговением как изречения Самого Бога. Этой добродетелью, т. е. осмотрительностью в слове, говорят, он превосходил даже Антония Великого и всех святых (101, 34).

***

Авва Нистерой Великий однажды прохаживался по пустыне с одним братом. Увидев дракона, они побежали. Брат потом спросил его: «И ты, отец, боишься?» Старец отвечал ему: «Нет, сын. Я не боюсь, но польза требовала,

чтобы я бежал; иначе мне не убежать бы от духа тщеславия» (97, 177).

МУЖЕСТВО

Свойство мужества состоит не в том, чтобы побеждать и одолевать ближнего, это есть дерзость, стоящая свыше мужества, и не в том, чтобы, по страху искушений уклоняться от... добродетелей, это, напротив, боязнь, находящаяся ниже его, но в том, чтобы пребывать во всяком деле благом и побеждать страсти душевные и телесные, потому что *несть наша брань к крови и плоти,* т. е. к людям... *но к началом и ко властем* (Еф. 6, 12), т. е. к невидимым демонам. И побеждающий мысленно побеждает, или бывает побеждаем страстями (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 92).

***

Мужество есть не что иное, как твердость в истине и сопротивление врагам: когда не уступишь им, они отступят и совсем не покажутся более (прп. Антоний Великий, 89, 110).

***

Мужество сердца есть помощь для души, после Бога... (прп. авва Исаия, 89, 349).

***

Кто благодушествует и мужается в опасности, тот если и умирает, то умирает как доблестный, а если остается живым, то делается славным. Поэтому, если и смерть знаменита, и жизнь славна, то славный мужеством своим

приобретает себе две выгоды, равно как малодушный получает себе в удел двоякое зло, потому что и смерть его позорна, и жизнь его бесславна (прп. Ефрем Сирин, 34, 86).

***

...Смелость (θάρσος) и дерзость (θράσος), хотя близки по имени, однако же всего более различны между собой по действиям; я разумею мужество и трусость. Быть смелым в делах, требующих отважности, есть знак мужества, тогда как ослабевать есть знак боязливости. Но идти и бросаться туда, где больше опасности, а не удерживаться, есть знак дерзости, тогда как уклоняться есть знак осторожности (свт. Григорий Богослов, 12, 185).

***

Мужество есть твердость в опасностях... (свт. Григорий Богослов, 16, 337).

***

Хвалю... благородство и высоту мыслей у стоиков, которые говорят, что внешнее нимало не препятствует блаженству, и что человек доблестный блажен, хотя бы жгли его в фаларидовом быке[1]. А посему, как дивлюсь тем, которые у нас шли на опасности за дело прекрасное или мужественно переносили бедствия, так дивлюсь и тем из внешних, которые близко подходили к нашим... (свт. Григорий Богослов, 17, 274).

[1] Фаларид — тиран агригентский; жил во второй половине VII в. до Р. Х; прославился своей жестокостью: ненавистных ему людей он медленно жарил в медном быке. (Агригент — город, расположенный на юге Сицилии.)

***

Дело <мужества>... в том, чтоб править пятью чувствами и не допускать, чтоб через них осквернялся внутренний наш человек, т. е. дух, или внешний, т. е. тело (авва Евагрий, 89, 607).

***

...Дело мужества — стоять в истине и, хотя бы встретилось противоборство, не уклоняться к несущему... (авва Евагрий, 89, 637).

***

Того признаю подлинно мужественным, кого не привела в замешательство злокозненность врагов. Ибо многие обыкновенно бывают преодолеваемы подобными обстоятельствами, а он и в неблагоприятных обстоятельствах не оказывается удобоуловимым, но и напасти переносит благодушно, и козни обращает в случай к приобретению славы, не унижается до раболепного угодничества, но держится такого образа мыслей, который выше всего, что ни злоумышляют другие, и, по моему суждению, он мужественен. Поелику в благоденствии легко соблюдать и немужественным благоразумие, затруднительные же обстоятельства дают видеть людей добрых, то самым мужественным почитаю того, кто в благоденствии и в трудных обстоятельствах не унижается (прп. Исидор Пелусиот, 62, 187—188).

***

Крайне ленивые тяжелы и на легкие дела, благородные же и мужественные не боятся и весьма трудных, но к ним-то наипаче и готовятся, потому что, как ожидают, и

победа будет блистательнее, и слава громче (прп. Исидор Пелусиот, 62, 299).

***

Немаловажным почитаю мужественно перенести превратность дел. И хотя многие признают более трудным человеку, из счастья впавшему в несчастье, сохранить неуниженный образ мыслей; однако же я почитаю самым трудным делом сохранить скромный образ мыслей из несчастия перешедшему в счастливое состояние. По мне, то и другое служит признаком мужества — и в благоденствии не возгордиться, и в несчастии не унизиться, но иметь одинаковый образ мыслей (прп. Исидор Пелусиот, 62, 380).

****

Брат сказал авве Пимену: «Я замечаю, что, куда ни пойду, везде нахожу себе помощь». Старец отвечал ему: «Бог милосерд к тем, которые носят меч в руках своих. Если мы будем мужественны, Он явит милость Свою» (97, 208).

***

Некий безмолвствовавший инок только что начинал свое молитвенное правило, как схватывала его лихорадка с ознобом и жаром и сильной головной болью. Тогда монах говорил сам себе: «Вот! Уже я болен к смерти: встану же, прежде нежели смерть постигнет меня, совершу мое молитвенное правило». Этими словами он понуждал себя и исполнял свое правило. С окончанием молитвенного правила отступала от него болезнь (106, 370).

***

Святитель Василий Великий показал себя твердым защитником православия в борьбе с арианством. Император Валент, желая ввести арианство в Кессарии, послал к святителю своего префекта Модеста. После многих убеждений к единомыслию с арианами Модест, видя непреклонность святителя, стал угрожать ему лишением имущества, изгнанием, мучением, смертью. «Все это, — отвечал святитель Василий, — для меня ничего не значит: тот не теряет имения, кто ничего не имеет, кроме этих ветхих и изношенных одежд и немногих книг, в которых заключается все мое богатство. Ссылки нет для меня, потому что я не связан местом, и то место, на котором живу сейчас, не мое, и всякое, куда меня ни сошлют, будет мое. А мучения что могут сделать мне? Я так слаб, что разве только первый удар будет чувствителен. Смерть для меня — благодеяние: она скорее приведет меня к Богу, для Которого живу и тружусь и к Которому давно я стремлюсь». Модест был очень удивлен этими словами. А святитель продолжил: «Во всем мы кротки и смиренны, но только не тогда, когда дело идет о Боге...» (121, 31—32).

МУЧЕНИЧЕСТВО

Если вас вызовут на брань, если настанет для вас день вашего ратования, — сражайтесь мужественно, но поборайте неослабно, зная, что вы сражаетесь пред очами... Господа... (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 121).

***

Нисколько не меньше слава мученичества, если кто пострадал не всенародно и не среди многих, лишь бы

пострадал за Христа... (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 276).

***

...Кто не соблюл братской любви, тот не может быть мучеником (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 188).

***

В крещении водою приемлется отпущение грехов, в крещении кровию — венец добродетелей (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 327).

***

...Если Он <Христос> пострадал за грехи чужие, то тем более каждый должен страдать за свои грехи (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 333).

***

...У убиенного отнимается мир, но восстановленному даруется рай, погашается жизнь временная, но настает вечная (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 351).

***

Те, которые удостоились этой почести (мученичества), совершенно освободились от отвратительнейшей бездны мира, — они победили условие насильственной смерти (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 368).

***

Может ли что-нибудь быть величественнее и прекраснее, как, находясь под мечами стольких мучителей, не-

молчно исповедать Господа, Виновника своей свободы и спасения? (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 369).

***

...Должно переносить и терпеть все, и не должно желать кратковременной радости, чтобы потом терпеть всегдашнее мучение (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 371).

***

...Как золото очищается огнем в горниле, так и мы должны все терпеть, чтобы быть чистыми от всякой скверны... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 375).

***

...Смерть соделывает жизнь более безопасною, смерть возвращает погубленную славу... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 381).

***

За язвы, появляющиеся на теле, в Воскресение процветет на нас светлое одеяние, за бесчестие — венцы, за темницу — рай... (свт. Василий Великий, 8, 274).

***

...Когда потребует нужда явиться на суд, предстать пред правителей, терпеть нападения толпы, видеть страшный взор палача, слышать его суровый голос, переносить мучительный вид орудий казни, подвергнуться пытке, подвизаться до смерти: не теряй веры при всем этом, имея

пред очами Христа, ради тебя все сие претерпевшего, и зная, что ради Христа и тебе должно терпеть это. И победишь при этом, потому что следуешь за победителем Царем, Который хочет, чтобы и ты стал участником Его победы (свт. Василий Великий, 9, 34).

***

...Боящийся Господа не терпит вреда в сильном огне... (свт. Василий Великий, 11, 226).

***

...Хотя не время теперь мученичеству, сделаемся мучениками в совести, противостав диавольским умыслам смиренномудрием, терпением, любовию к Богу и к ближнему, угождением друг другу ради Бога, во исполнение заповедей Спасителя... (прп. Ефрем Сирин, 32, 279).

***

Венчавшиеся здесь мечом за Господа нашего славно в венцах своих восторжествуют там победу, потому что тела их посмеялись огню мучителей (прп. Ефрем Сирин, 34, 387).

***

Конечно, всех мучеников должно чествовать... а все прочее почитать ниже их подвига. Ибо хотя многое служит для нас руководством к лучшей жизни, и многое назидает в добродетели, — и разум, и Закон, и Пророки, и Апостолы, и самые страдания Христа, Сего Первого Мученика, Который восшел на Крест и меня возвел с Собою,

чтоб пригвоздить мой грех, восторжествовать над змием, освятить древо, победить сластолюбие, спасти Адама и восстановить падший образ; однако же при столь многих и столь превосходных наставниках не менее поучительны для нас и мученики, сии словесные всесожжения, совершенные жертвы, приятные приношения, сие проповедание истины, обличение лжи, исполнение духовно-разумеваемого Закона, разрушение заблуждения, гонение порока, потопление греха, очищение мира (свт. Григорий Богослов, 13, 248—249).

***

...Самая выгодная купля — каплями крови приобресть Небесное Царство, и за временные блага получить вечность славы (свт. Григорий Богослов, 13, 260).

***

...Закон мученичества таков, чтобы, как щадя гонителей и немощных, не выходить на подвиг самовольно, так, вышедши, не отступать, потому что первое есть дерзость, а последнее — малодушие (свт. Григорий Богослов, 15, 57).

***

Они <мученики> стояли, дрожа от холода; члены их замерзали, но образ мыслей их был непреклонен; они стояли, представляя зрелище подвига для Ангелов, людей и демонов. Ангелы ожидали отрешения (от тела) душ, чтобы, прияв их, вознести в назначенное им место; люди с напряженным вниманием ждали окончания (их подвига),

испытывая силу общей всем природы — в силах ли мы превозмочь столь великие мучения из страха и надежды будущего? Демоны же с особенным вниманием следили за происходящим, сильно желая видеть падение борцов и малодушное уклонение от опасностей; но надежда их была посрамлена укрепляющим Богом... Видели (мученики) изувечение членов, каждый своих собственных и все друг у друга: один лежал с разрушающеюся от холода ногою или пальцами; у другого лежащего природная теплота тела уже готова была до конца охладиться (свт. Григорий Нисский, 25, 247).

***

Мученики, подвергаясь страданиям, не только не малодушествовали, не только не скорбели, но радовались, торжествовали, ликовали (свт. Иоанн Златоуст, 44, 638).

***

Не удивляйтесь, если я мученичество назвал крещением: и здесь Дух витает с великим обилием, и бывает изглаждение грехов и дивное некое, и чудное очищение души, и как крещаемый — водою, так претерпевающие мученичество омываются собственною кровию... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 564—565).

***

...Смерть мучеников не есть смерть, а начало лучшей жизни, вступление в жизнь более духовную, преставление от худшего к лучшему (свт. Иоанн Златоуст, 45, 569).

***

...Мучеником делает не одна только смерть, но и душевное расположение. Не за конец дела, но и за намерение часто сплетается венец мученичества (свт. Иоанн Златоуст, 45, 645).

***

...Мученичество без любви не только не делает учениками <Христа>, но и не приносит никакой пользы тому, кто терпит... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 652).

***

А как можно, скажешь, подражать теперь мученикам? Теперь не время гонения. Знаю это и я; не время гонений, но время мученичества; не время таких подвигов, но время венцов; не преследуют люди, но преследуют бесы; не гонит мучитель, но гонит диавол... Ты не видишь пред собою угольев, но видишь разжженный пламень похоти. Они попирали уголья, а ты попирай огонь естества; они боролись со зверями, а ты обуздывай гнев, этого дикого и неукротимого зверя; они устояли против невыносимых мук, а ты преодолевай непристойные и порочные помыслы, изобилующие в твоем сердце, — так подражай мученикам (свт. Иоанн Златоуст, 45, 724).

***

Смерть мучеников есть поощрение верных, дерзновение Церкви, утверждение христианства, разрушение смерти, доказательство воскресения, осмеяние бесов, осуждение диавола, учение любомудрия, внушение презрения к бла-

гам настоящим... побуждение к терпению, руководство к мужеству, корень и источник, и мать всех благ... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 732).

***

...Чем более страдает тело, тем более душа имеет благих надежд и тем более просветляется, как золото, многоиспытанное действием огня (свт. Иоанн Златоуст, 53, 555).

***

...Гонящий и убивающий нас не отнимает у нас жизни, поэтому не бойся, но дерзай и тогда, когда рассекают тебя на части. Это не только освобождает тебя от тления и тяготящего на тебе бремени, но и тотчас же отсылает тебя к Господу (свт. Иоанн Златоуст, 53, 565).

***

Быть побежденным... не значит умереть на брани, но убояться неприятеля и бросить щит. А если вожделевающему доблестных подвигов изменило тело, по закону включают его в число победителей (прп. Исидор Пелусиот, 62, 146).

***

Здесь... невозможно быть вместе тому и другому, и жестокости и непрерывности мучений, потому что одно враждебно другому: природа по тленности тела не переносит их совокупности. А там, когда настанет нетление, тление же будет изгнано, произойдет и окончание этой борьбы... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 169—170).

***

Хотя поклонники лукавых демонов и неподвижных идолов против проповедующих Божественную проповедь измыслили такие мучения, которых ни словом выразить, ни на деле вынести невозможно, чтобы вместе и поразить их ужасом и совратить с правого образа мыслей; однако же все побеждено сими проповедниками, все преклонилось пред ними, как уготованное к славной победе над враждовавшими и к погибели ополчившихся (прп. Исидор Пелусиот, 62, 241).

***

...Кто доставил святым мученикам венцы оные, если не мучители их? (прп. Зосима, 91, 108).

***

...Не те только мученики, которые прияли смерть за веру во Христа, но и те, которые умирают за соблюдение заповедей Христовых (прп. Исаак Сирин, 58, 33).

***

О, как велики Божии щедроты! Сколько близка бывает благодать Божия к подвизающимся за имя Божие, чтобы им с радостию претерпевать за Него страдания! (прп. Исаак Сирин, 58, 114).

***

Ум не спрославится с Иисусом, если тело не страждет за Христа (прп. Исаак Сирин, 58, 365).

***

Мучеником никто не бывает, не потерпев мучений, и венцом никто не венчается, если надлежащим образом не выдержит успешно борения (см.: 2 Тим. 2, 5) (прп. Феодор Студит, 92, 581—582).

***

...Вы сами, если захотите, можете каждодневно проходить подвиг мученичества, подобно мученикам, можете страдать и терпеть за Христа каждый день, каждую ночь и каждый час. Как же это может быть? Если и вы установите брань с мысленными врагами нашими — демонами, и будете всегда противостоять греху и страстной воле своей. Те противостояли мучителям, а вы противьтесь демонам и пагубным страстям плотским, кои тиранически устремляются на душу нашу каждый день, каждую ночь и каждый час и понуждают нас делать то, что не сообразно с богочестием и чем прогневляется Бог. Итак, если и мы противостанем всему такому, не послушаемся советов лукавых демонов и не станем творить волю плоти и помышлений и питать ее удовлетворением ее бесчинных похотений, то, по всей справедливости, будем и мы мучениками, противовоюющими греху (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 49—50).

***

Когда кто охотно предал себя на мученичество, тот отнюдь не должен даже на крайнее время внимать голосу сродников, жены и детей, которые, придя, начинают с плачем говорить следующее: не жаль ли тебе детей своих? И ты, бессердечный, не пожалеешь вдовства жены своей?

Нищете их не преклонить тебя к состраданию? И о погибели их ты не подумаешь и не пожалеешь? Итак, оставляя детей сиротами, странниками и нищими, и жену свою вдовою, ты предпочитаешь спасти себя самого? И как же ты не будешь осужден более чем убийца, так как, оставив всех нас на погибель, ты ищешь спасения только своей души? — К таким воплям, говорю, он совершенно не должен приклонять слуха и даже за дары убегать от уз и затвора, или через отречение от Тебя, Христос, освобождать себя от них, как умерший уже, он должен оставаться в испытаниях и пребывать в заключении, голоде и жажде, не вспоминая о своих вещах и имениях и не позволяя уму своему, если возможно, даже на краткое время удаляться из заключения, но созерцая в нем Тебя, Владыко всех, и чрез созерцание беспрестанно устремляя к Тебе мысли, даже до смерти твердо держаться одной любви к Тебе. А на тех и смотреть даже совершенно не должен он, которые, уклоняясь и отвергая Тебя, возвращаются на первую блевотину к прежним действиям, к заботам о земных вещах, о жене и детях, и ни под каким предлогом не связываться с этим, ибо он (подвижник) не владеет уже более своею душою (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 114).

****

Однажды сидели братия у аввы Моисея, и он говорил им: «Вот ныне придут варвары в Скит, — вставайте и бегите». Братия спросили: «А ты, авва, почему не бежишь?» Он отвечал: «Я уже столько лет жду этого дня, дабы исполнилось слово Господа Христа, Который говорит: *вси бо приемшии нож ножем погибнут* (Мф. 26, 52)». Братия сказали: «Так и мы не побежим, но умрем с тобою». «Это не мое дело, — отвечал авва Моисей. — Каждый

смотри, как он живет». С ним было семь братий. Авва говорит им: «Вот варвары уже приближаются к дверям». Варвары вошли и убили их. Только один, убоявшись, скрылся за корзинами. Он видел, что семь венцов сошли с неба и увенчали праведников (97, 159).

***

В дни нечестивых царей были мучимы святые за имя Христово. Между ними были две сестры: девы Марфа и Мария. Однажды мимо их дома шел воевода, и, увидев его, девы воскликнули: «Мы христианки!» Воевода разгневался и, поставив их перед собой, начал допрашивать их, требуя от них отречения от Иисуса Христа. В это время подошел отрок в иноческой одежде и воскликнул: «Что говорили Марфа и Мария, и я говорю: я христианин!» Придя в ярость, воевода приказал распять их на трех крестах. Рядом стояла их мать и, молитвенно ободряя их, говорила: «Приимите от Господа небесные венцы». Мария с креста отвечала ей: «Будь спасена и ты, матерь наша, вместе с нами, ибо ты принесла нас в жертву Христу». Так после долгих страданий сестры с отроком Кирионом предали свои души в руки Господа (112, 469).

***

Во времена гонений был брошен в тюрьму один благочестивый инок по имени Аполлоний. К нему приходили язычники и, насмехаясь, поносили его разными богохульными словами. Особенно сильно озлоблялся против святого язычник, по имени Филимон. В ответ на все ругательства Филимона святой Аполлоний отвечал ему: «Да помилует тебя, чадо, Господь и да не вменит тебе во грех твоего поведения!» Эти слова глубоко затронули Фили-

мона, проникли в его душу, и он неожиданно для всех объявил себя христианином и мученически пострадал за Христа вместе со святым Аполлонием (99, 87).

МУЧЕНИЯ ВЕЧНЫЕ

...Если будет когда-нибудь конец вечному мучению, то и вечная жизнь, без сомнения, должна иметь конец. А если не позволяем себе помыслить сего о жизни, то какое основание — полагать конец вечному мучению, когда при том и другом одинаково находится приложение: ***вечный*** (свт. Василий Великий, 9, 291).

***

Приидет страшный оный день, когда не престанешь плакать и взывать в огне от претерпеваемых мучений, и никто не даст тебе ответа, никто не сжалится над твоею душою (прп. Ефрем Сирин, 32, 222).

***

Отшедшим туда невозможно уже избавиться от мучений. Заключенному за грехи нет возможности освободиться от неразрешимых уз (прп. Ефрем Сирин, 32, 235).

***

Там огонь неугасимый, там червь неумирающий, и темное дно адово, и бессмертный вопль, и плач, и скрежет зубов. Нет конца сим страданиям. Нет освобождения по смерти. Никакой вымысл, никакое искусство не избавят от

страшных мучений. Теперь можно избежать сего, если послушаем гласа Господа и Бога нашего, Который, по преизбытку Своего человеколюбия, Сам проповедал, Сам научал сынов человеческих совершенству во всяком слове и во всяком деле, чтобы мы, сделавшись Ему послушными, избавились от мучений и сподобились благ. Итак, необходимо с великим смиренномудрием сохранять словеса Господни, потому что соблюдение заповедей Господних есть совершенство, и соделавшиеся ревнителями заповедей Божиих твердо восходили к совершенству, в правоте сердца ожидая Господа и ежедневно представляя себе славное Его пришествие и сидение на Престоле славы Его, когда отлучит Он праведных от грешных и каждому воздаст по делам его (прп. Ефрем Сирин, 32, 235).

***

Здесь благодетельно смиряться и плакать, а там, отшедшим отсюда, бесполезны будут слезы; будем горько вздыхать и скрежетать зубами, и не будет милующего нас (прп. Ефрем Сирин, 32, 264).

***

Когда грешник будет изгнан от лица Божия, тогда вопля и плача его не вынесут основания вселенной (прп. Ефрем Сирин, 32, 412).

***

Горе тому, кто ввержен будет в геенну, потому что мучение его продолжается век и веки веков (прп. Ефрем Сирин, 33, 113).

***

Огненное море приводит меня в смущение и ужас, и трепещу по причине злых дел, какие совершены мною. Да послужит для меня мостом чрез оное Крест Твой, Сын Бога Живаго, да отступит со стыдом геенна пред Телом Твоим и Кровью Твоею, и да буду спасен щедротами Твоими (прп. Ефрем Сирин, 33, 205).

***

Злые возведут очи свои к добрым, и усугубится горесть их при воззрении на великую славу совершенных, какую приобрели они себе в наследие кратковременною борьбою, тогда как злые, гонясь за ничтожным, стали наследниками мучения (прп. Ефрем Сирин, 33, 241).

***

Не одинаковы роды геенских мучений. Одних ввергают в преисподнюю, других отводят во тьму. Иные остаются вне врат, другие осуждаются собственною своею совестью, одни ввергаются в узы, другие горят в пламени. У одних связаны руки, другие скованы по ногам, одних пожирает червь, другие гибнут в глубине бездны, иных не приемлет Отец, других не исповедует Сын (прп. Ефрем Сирин, 33, 388).

***

...Для жившего безгрешно нет ни тьмы, ни червя, ни геенны, ни огня, ни чего-либо иного страшного по именованию и на самом деле... (свт. Григорий Нисский, 18, 287).

***

...Мучительная жизнь грешников не имеет никакого сравнения с тем, что огорчает чувство в здешней жизни... Ибо, слыша слово *огонь,* научен ты представлять мысленно иное нечто от огня здешнего, потому что огню тому предается, чего нет в здешнем. Ибо тот огнь не угасает... И опять слышишь ты о черве; не обращайся мысленно по одноименности к червю земному. Ибо присовокупление, что червь не умирает, подает мысль разуметь другое какое-то естество сверх известного нам. Итак... делом целомудренных будет взирать не на настоящее, но на то, что будет после, а в течение сей краткой и временной жизни полагать основание неизреченного блаженства, и... сделать для себя чуждым испытание зол, как ныне, в сей жизни, так после сего в вечном воздаянии (свт. Григорий Нисский, 21, 109—110).

***

Будем скрежетать зубами от страданий и нестерпимых мучений, но никто не поможет нам. Будем крепко стенать, когда пламень все сильнее станет охватывать нас, но не увидим никого, кроме мучимых вместе с нами и великой пустыни (свт. Иоанн Златоуст, 44, 14).

***

...Как же душа может быть достаточною для такого множества мучений и оставаться в наказаниях бесконечные веки?.. Как часто многие выдерживают продолжительную и тяжелую болезнь. Если они и скончались, то не потому, чтобы душа исчезла, но потому, что тело исто-

щилось, так что если бы оно не изнурилось, то душа не перестала бы мучиться. Когда же душа получит нетленное и неразрушимое тело, тогда ничто не воспрепятствует мучению продлиться в бесконечность (свт. Иоанн Златоуст, 44, 14).

***

Немало и то будет печалить тогда души наказуемых, когда они представят, что между тем, как в эти краткие дни <жизни> можно было исправить все, они, по своей беспечности, предали себя на вечные муки (свт. Иоанн Златоуст, 44, 15).

***

...Лишение благ причинит такую печаль, такую скорбь и муку, что, если бы и никакое наказание не ожидало здешних грешников, оно само по себе хуже геенских мук будет терзать и возмущать наши души (свт. Иоанн Златоуст, 44, 15).

***

...Если Христос более уже не умрет, то кто разрушит эту смерть? Никто. Следовательно, необходимо вечно терпеть наказание и мучиться, так как не будет уже и чувственной смерти, как здесь, которая дала бы покой телу и разлучила его с душою... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 611).

***

Посмотри здесь на воинов, служащих своим начальникам, как они влекут виновных, как вяжут, как бичуют, как прокалывают бока, как для умножения мук подносят факелы, как отсекают члены тела. Но все это игрушка и

смех в сравнении с будущими мучениями (свт. Иоанн Златоуст, 53, 560—561).

***

...Лишение небесной славы составляет гораздо более тяжкое наказание, чем геенна (свт. Иоанн Златоуст, 55, 699).

***

...Многие из неразумнейших одно считают для себя желательным — избавиться от геенны. Я же считаю наказанием гораздо более тягостным, чем геенна, не находиться в славе Христа... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 701).

***

Если же не сделает она <душа> этого, т. е. не послужит Богу и не исполнит заповедей Его, хотя не в большой мере, то конечно и в день Суда окажется она нездравою от страстей, и будет за то ввержена в огнь геенский, который поглотит ее в своей пещи неугасимой (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 125).

***

Огненные озера суть сладострастные души, в коих, как в зловонных болотах, смрад страстей питает неусыпающего червя невоздержания, неудержимую похоть плоти, — питает также змий, жаб и пьявиц злых похотей, скверных и пагубных помыслов и бесов. Такое состояние отзде <отсюда> приемлет задаток тамошнего мучения (прп. Григорий Синаит, 93, 187).

***

...Идите от Мене, проклятии, во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его (Мф. 25, 41). Ибо, как находящиеся по правую сторону будут иметь жизнь и будут иметь «с избытком»: жизнь — в том, что они — с Богом, и «с избытком» — в том, что они пребывают сынами и наследниками Его Царства; так и, напротив, стоящие по левую сторону тем, что удалились от Бога, потеряв истинную жизнь, потерпят и вящшее зло, которое выражается в том, что они будут счислены вместе с бесами и преданы мучащему огню. Какой же должен быть ужасный оный огонь, который и души, находящихся в телах тех, и бестелесных духов мучит, и в тоже время сохраняет бессмертными, и от которого наш земной огонь растает, согласно написанному: *разгоревшиеся стихии растают* (2 Пет. 3, 12)! Какое нестерпимое прибавление к страданию: никогда не ждать освобождения, ибо тот огонь неугасим! Что же означает и оное насильственное влечение? — ибо оный огонь, как видится, подобен реке, все далее и далее уносящей от Бога, посему Христос не сказал: «уйдите», но «идите» (т. е. непрестанно удаляйтесь) от Мене проклятии, потому что и по причине бедных вы весьма проклятые... *Идите*, говорит им, *в огонь, уготованный не вам, но диаволу и ангелам его* (ср.: Мф. 25, 41), ибо не в этом была Моя первоначальная воля, не для этого Я сотворил вас, не для вас создал этот огонь; сей неугасимый огонь зажжен для неизменных в состоянии зла бесов, к которым и вас причислила, подобная им, нераскаянная ваша воля (свт. Григорий Палама, 26, 53).

***

...Похотями же плотскими и страстями дух умертвивший здесь, там, увы! имеет быть осужден вместе с худож-

ником и виновником всякого зла, и предан нестерпимому и непрестающему мучению: что есть вторая, не имеющая преемства, смерть (свт. Григорий Палама, 93, 258).

****

Один пресвитер, муж чудный и много времени проведший в подвиге, рассказывал следующее: «Была у меня сестра, девица молодая летами, но приобретшая старческий разум. Она проводила все время в посте и воздержании. Однажды сидела она около меня и вдруг упала навзничь и пролежала безгласна и бездыханна целый день и ночь. На следующий день в тот же час, как бы от сна встав, была она в страхе и ужасе. Я спрашивал ее, что с нею было, но она просила подождать, пока пройдет ужас... В слезах провела она много дней, и сама не хотела говорить, и других не хотела слушать, не говорила даже с самыми близкими, часто же имена некоторых вспоминала со слезами и, стеная, оплакивала их.

Наконец, она уступила моим просьбам и начала говорить: «В оный час, когда я сидела около тебя, два неких мужа, седые волосами, сановитые по виду, одетые в белую одежду, пришедши и взявши меня за правую руку, приказали следовать за ними. Один же из них, держащий в руке жезл, простер его к небу и отверз его, приготовляя нам доступ внутрь его. Потом, взявши меня, приводят в некое место, где стояло великое множество Ангелов, двери же и храмины были выше всякого слова. Когда же я вошла внутрь, вижу престол возвышенный и многих стоящих там, красотою и величием превосходящих тех, кои стояли вне. На престоле сидел Некто, Своим светом всех освещающий, Которому все поклонились. Меня тоже привели к Нему на поклонение, и я услышала, что Он повелел показать мне все для вразумления живущих на зем-

ле. Пришедши в некое место, вижу великое множество творений красоты несказанной, облеченных в различные одежды, блистающие золотом и драгоценными камнями, и храмины разнообразные, и живущих в них мужей и жен великое множество в чести и славе. Показывая их, говорили мне: «Это суть епископы, это клирики, это миряне, из них одни в своем служении просияли, другие целомудренно и праведно пожили».

Там я увидела пресвитера своего селения и клириков, которых знаем. Увидела множество дев и вдов, жен, в браке честно поживших; из них многие были знакомы, иные из нашего местечка, другие же из разных мест... одни упражнялись в подвижничестве, другие пожившие честно в своем состоянии, некоторые во вдовстве провели большую часть жизни и сокрушаемы были скорбями и многими бедствиями. Есть из них некоторые в девстве и во вдовстве сначала павшие, и за покаяние и многие слезы опять восстановленные в прежний чин. Взявши меня оттуда, отвели в некоторые места, страшные по виду и ужасные для зрения, исполненные всякого плача и рыданий».

Намереваясь же начать рассказ о сем, в такой пришла она страх, что слезами омочилась вся одежда ее, прерывался ее голос, язык же ее невольно запинался, двигался, не издавая звука. Но, принуждаемая мною, так начала она говорить: «Видела я места столь страшные и ужасные, что ни зрением, ни слухом нельзя понять; о них предстоящие мне говорили, что они приготовлены для всех нечестивых и беззаконных и для тех, которые в мире назывались христианами, но много зла делали. Там видела я печь разжженную и издающую страшное некое клокотание. Я ужаснулась и спросила, для кого приготовлено сие. Мне ответили: «Для вчиненных в клир, из сребро-

любия же и беспечности Церковь Божию оскорбивших и в постыдной жизни проживших без покаяния...» Я же, трепеща, возгласила: «Ужели для находящихся в клире и девстве приготовлены такие бедствия?» Один же из бывших вдали отвечал: «Бедствия, девица, назначены им соответствующие нечестию их против Бога и неправде их против ближнего. Ибо ни тех, кои страдают там, не презирает Бог, ни тех, кои делают неугодное Ему, не оставляет без наказания. Всем за доброе и злое воздает по достоинству Бог Всемогущий». Еще отошедши, остановились мы на месте, полном глубокой тьмы. Все там было наполнено вопля и смущения, жалобного голоса, скрежета зубов и страшного стенания. Там увидела я разных дев и вдов, которые не поступали сообразно своим обетам, вину и наслаждениям прилежали, на псалмопение и молитвы, и посты не обращали никакого внимания, несмотря на то, что своими обещаниями вступили в завет с Христом.

О некоторых же из них говорили, что они человеконенавистно, хотя и правильно, пересказывали о намерениях других, что послужило для некоторых из них к развращению, и сделались они виновными в их погибели. Я же, видя их стенания и плач, не меньше их была объята страхом. Посмотревши внимательно, вижу двух самых любезных мне девиц, объятых огнем и муками... видевши их и восстенавши, по имени позвала я одну из них. Они же взглянули, и лица их покрылись стыдом по причине наказания, которому подверглись, и еще более мучились стыдом и поникли вниз. Я же со слезами спрашивала их, что сделано ими тайного, что утаилось от многих, кто знал их на земле, и в какие впали они худые дела, за которые получили наказание?.. Они же сказали: «Девство погубили мы растлением, на убийства же по причине зачатия решались, воздержание и пост в виду других исполняли,

втайне же делали противоположное, ибо славы только человеческой желали, а на угрожающие мучения не обращали внимания. Но вот все сделанное там тайно обличили здешние бедствия, за славолюбие соответственный принимаем стыд... Но если есть у тебя какая сила и дерзновение ради твоей доброй жизни, помоги нам, испроси хотя немного помилования у мучащих нас». Я же отвечала: «Где же многие увещания и советы вам брата моего? Где мольбы, где великое его попечение, где постоянные молитвы? Ужели всего этого недостаточно для того, чтобы не быть вам здесь?..» Они же, устыдившись, молчали, но затем стали говорить: «Не время теперь обличения и укорения, но утешения и помощи... помоги нам...» Я же, припавши, со слезами молила мучителей облегчить их мучения. Они со страшным взором без успеха отослали меня, говоря: «Справедливо для них, какие посеяли там деяния, за такие пожать плоды; какие там презрели блага, тех здесь не получить, а какими пренебрегали муками, те испытать... Ступай, девица, возвещай там о здешнем — добром и злом, хотя бы многим показалась ты говорящею пустое». Девицы те, узнавши, что бесполезно было мое моление, плача и скрежеща зубами, сказали: «Все терпим мы сообразно со сделанному нами... но, оставивши нас, иди опять в мир... расскажи обо всем этом жившей с нами, ибо и она с нами делала подобное, смеясь над здешним... Возвести ей о наших мучениях, убеди покаяться...» (98, 428—435).

***

В Сергиевом Посаде жили два друга: Николай Иванович Шабунин, заведовавший лаврской аптекой, и некто Сергей Сергеевич Бочкин. Николай был старше Сергея, иногда позволял себе допускать фантазерство по вопросам веры, а Сергей в своих убеждениях был строго правосла-

вен. Иногда их разговоры касались темы вечных мучений. При этом всякий раз Николай фантазировал, как и многие, говоря, что вечных мучений не бывает. «Не может быть, — утверждал он, — чтобы Бог осудил Свое создание на вечные мучения». А Сергей, на основании слов Господа в Святом Евангелии: ***идут сии в муку вечную*** (Мф. 25, 46), считал истиной существование вечной муки. Шабунин обычно упорствовал, и спор друзей кончался тем, что они оставляли этот вопрос до смерти кого-нибудь из них. Кто первый умрет, договорились они, тот должен, если на то будет воля Божия, обязательно явиться из загробной жизни оставшемуся в живых и сказать, есть ли вечное мучение. Николай говорил шутя: «Ну, Сережа, придется мне являться к тебе из загробного мира с ответом о вечных мучениях. Я старше и несомненно умру прежде тебя». Сергей отвечал: «Бог знает, кто из нас умрет первым, может случиться, что я, молодой, умру прежде тебя».

Так и вышло. Прошел год после их разговора. Сергей заболел. Ему сделали операцию, которая оказалась неудачной, и он умер. После его смерти, накануне сорокового дня, Николай, ложась спать, читал книгу профессора Голубинского «О Премудрости и Благости Божией в судьбах мира и жизни человека». Почувствовав усталость, он положил книгу под подушку и уснул. Только он задремал, как ясно видит перед собой Сергея. Лицо его молодо, необычайно красиво и исполнено радости. Одежда на нем изящная, что особенно привлекло внимание Николая, а в его галстуке сияет крупная брошь, переливаясь всеми цветами радуги. Сергей, подойдя к Николаю, сказал: «Есть жизнь светлая, вечная, есть и муки вечные, уготованные собственным произволением грешников». Сергей сказал другу еще несколько слов и в завершение добавил: «Всего сказанного мной ты и не упомнишь, но у тебя лежит под подушкой книга. Прочитай в ней с особенным вниманием

шестую и седьмую главы, и твой ум просветится благодатной истиной о жизни вечной. В этой жизни существуют и неизреченное райское блаженство, и мука вечная». Когда Николай проснулся, то немедленно зажег огонь и с великой радостью прочитал в книге Голубинского указанные места. От прочитанного ум его как бы просветлел, а сердце наполнилось радостью и успокоением. Он искренне благодарил Бога за Его великую милость к нему, а Сергея — за дружескую любовь, которая вечна и не умирает (114, 191—193).

МЫСЛИ

Примышление[1] есть способность открывать неизвестное, отыскивающая дальнейшее при помощи ближайших выводов из первого познания о том, что составляет предмет занятий. Ибо, составив некоторое понятие об искомом, мы, при помощи вновь находимых понятий, соединяя выводы с тем, что понято в начале, ведем до конца начатое нами исследование (свт. Григорий Нисский, 23, 337).

***

...Способность примышления на благо сообщена Богом человеческому естеству; но у злоупотребляющих способностью примышлять она часто служит и содействует изобретениям бесполезным. Итак из того, что примышление может создавать ложное и заведомо не существующее, не следует, что оно не может исследовать подлинно сущее и истинно существующее; самая способность к первому служит для здравомыслящих свидетельством способности и ко второму (свт. Григорий Нисский, 23, 339).

[1] Примышление — способность изобретать, вновь выдумывать.

***

Умозаключающему примышлению не естественно иметь столько силы, чтобы возвысить нас над пределами (нашей) природы, возвести к непостижимому, и недоступное для разумения обнять нашим ведением (свт. Григорий Нисский, 23, 342).

***

Демоны суть властители и творцы ложных мыслей — исчадий тьмы! (прп. Исаак Сирин, 58, 72).

***

Бог хочет изменения в мысли. Мысль делает нас и лучшими, и непотребными (прп. Исаак Сирин, 58, 199).

***

Добрая мысль западает в сердце только от Божественной благодати; помысл лукавый приближается к человеку только для искушения и испытания (прп. Исаак Сирин, 90, 740).

***

Первая мысль, которая по Божию человеколюбию входит в человека и руководствует душу к жизни, есть западающая в сердце мысль об исходе из сего естества. За сим помыслом естественно следует пренебрежение к миру; и этим начинается в человеке всякое доброе движение, ведущее его к жизни. Это же и Божественная сила, сопутствующая человеку, полагает в основание, когда восхощет обнаружить в нем жизнь. И если человек эту, сказанную нами, мысль не угасит в себе житейскими заботами и суесловием, но будет возвращать ее в безмолвии, и оста-

новится на ней созерцанием, и займется ею; то она поведет его к глубокому созерцанию, которого никто не в состоянии изобразить словом. Сатана ненавидит сей помысл и всеми силами нападает, чтоб истребить его в человеке. И если бы можно было, отдал бы ему царство целого мира, только бы развлечением изгладить в уме человека таковый помысл. Ибо знает коварный, что если помысл сей пребывает в человеке, то ум его состоит уже не на этой земле оболыцения, и козни его к человеку не приближаются (прп. Исаак Сирин, 90, 751—752).

***

...Мысленная часть редко держит себя достодолжно, предаваясь мечтам и рассеянности, и деятельная <часть> уклоняется от своего нормального направления... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 28).

МЫТАРСТВА

И праведники, и грешники проходят через искусительный огнь, чтобы выдержать испытание, но проходят праведники и огнь спокоен; едва же увидит он нечестивых, как возгорается пламенем (прп. Ефрем Сирин, 33, 459).

***

С угрозою и бранью дерзко нападает враг на душу, только что исшедшую из тела, являясь горьким и страшным обличителем в падениях ее. Но можно видеть тогда и то, как боголюбивая и верная душа, хотя многократно прежде уязвлена была грехами, не боится его нападений и угроз, а паче его <врага> является сильною в Господе,

окрыляется радостью, воодушевляется мужеством, видя сопровождающие ее Небесные Силы и как стеною ограждающий ее свет веры... (прп. Иоанн Карпафский, 91, 82).

***

Как сыны и наперсники лжи, демоны уличают души человеческие не только в содеянных ими согрешениях, но и в таких, каким они никогда не подвергались. Они прибегают к вымыслам и обманам, соединяя клевету с бесстыдством и наглостью, чтобы вырвать душу из рук ангельских... (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 137).

***

...Грешная душа не допускается подняться в страну, превысшую воздуха: диавол имеет повод обвинять ее. Он препирается с несущими ее Ангелами, представляя ее согрешения, по причине которых она должна принадлежать ему, представляя недостаточество ее в той степени добродетели, которая необходима для спасения и для свободного шествия сквозь воздух (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 144).

***

Великие угодники Божии, совершенно прешедшие от естества ветхого Адама в естество Нового Адама, Господа нашего Иисуса Христа, в этой изящной и святой новизне проходят честными душами своими воздушные бесовские мытарства с необыкновенной быстротой и великой славой. Их возносит на небо Святый Дух... (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 158).

***

Как воскресение христианской души из греховной смерти совершается во время земного ее странствования, точно так таинственно совершается здесь, на земле, ее истязание воздушными властями, ее пленение ими или освобождение от них; при шествии через воздух эти свобода и плен только обнаруживаются (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 159).

***

Для истязания душ, проходящих воздушное пространство, установлены темными властями отдельные судилища и стражи... По слоям поднебесной, от земли до самого неба, стоят сторожевые полки падших духов. Каждое отделение заведует особенным видом греха и истязует в нем душу, когда душа достигнет этого отделения (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 136).

****

Григорий, один из учеников преподобного Василия Нового, желая узнать загробную участь блаженной Феодоры, служившей святому Василию, обратился за помощью к преподобному. Молитва преподобного Василия дошла до Господа, ибо в ту же ночь Григорий увидел в сонном видении блаженную Феодору в светлой обители, уготованной преподобному Василию. Обитель сияла небесною славою... Блаженная Феодора была водворена в этой обители по молитвам преподобного Василия, которому она во время земной жизни своей много лет усердно служила. Увидев блаженную Феодору, Григорий обрадовался и был утешен продолжительною беседою с нею, как с живою. На его вопросы о том, как душа ее разлучилась от тела, как перенесла она муки смертные, что видела во время своей

кончины и как прошла мимо воздушных духов, блаженная Феодора ответила ему следующее:

«Чадо Григорие, ты спрашиваешь о таких страшных вещах, одно воспоминание о которых приводит меня в ужас. Видела я лица, которых никогда не видела, и слышала слова, которых никогда не слыхала. Что еще могу сказать тебе? Страх и ужас, о каких я и не помышляла, встретили меня тогда ради дел моих неправых, но, по молитве и при помощи преподобного Василия, все для меня было легко. Как же мне передать тебе, чадо, ту муку телесную, тот страх и смущение, какие испытывает умирающий! Представь себе нагого человека, брошенного в огонь, — мучение, которое он будет испытывать, будет похоже на то, что испытывает умирающий; ибо как в огне человек жарится, истаевает и обращается в пепел, так и предсмертные мучения и горький час разлучения души от тела разрушают человека. Воистину люта смерть грешников, подобных мне, ибо и я грешила много, а добрых дел не творила. И вот, когда приблизился конец моей земной жизни, настал час разлучения души от тела, увидела я множество эфиопов, стоявших вокруг моего смертного одра. Лица их были черны, как сажа или как смола, очи блестели, как раскаленные уголья, и весь вид их был страшен, как сама геенна огненная. И подняли они невообразимый шум и крик: одни ревели, как скоты и звери, другие лаяли, как собаки, иные выли, как волки, а иные хрюкали, как свиньи. Все они с яростью смотрели на меня, грозились и, скрежеща зубами, устремлялись на меня, как бы намереваясь тотчас же растерзать и съесть меня. И приготовляли они хартии, как бы ожидая, что придет какой-то судья, и развертывали свитки, на которых записаны были все мои дурные дела. Великий страх и трепет объял тогда убогую мою душу. Как ни велико было мое предсмертное мучение, оно было ничто в сравнении с

грозным видением страшных эфиопов и их яростью, — видение это было для меня другою, более мучительною и ужасною смертью. Я отворачивала то туда, то сюда свои глаза, чтобы не видеть их страшных лиц и не слышать их голоса, но все было напрасно: всюду взор мой встречал их бесчисленное множество, и не было у меня никого, кто бы помог мне в моем бедственном положении. Когда же я этими тяжкими муками была доведена до полного изнеможения, увидела я подходивших ко мне в образе прекрасных юношей двух светозарных Ангелов Божиих, красоты которых описать невозможно. Лица их сияли неизреченным светом, глаза смотрели с любовью, волосы на главах их были белы, как снег, и блестели блеском золота; одежды их блистали, как молния, и на груди они были перевязаны крестообразно золотыми поясами. Прекрасные юноши эти подошли к моей постели и остановились около меня с правой стороны, тихо о чем-то разговаривая между собою. Когда я увидела их, сердце мое переполнилось радостью, и я весело взирала на них. При их появлении черные эфиопы затрепетали и отступили несколько подальше. Один из светлых юношей с гневом обратился к эфиопам и сказал: «О, бесстыдные, проклятые, мрачные и злобные враги рода человеческого! Зачем вы всегда спешите первыми прийти к одру умирающих и своими речами устрашаете и смущаете всякую душу, разлучающуюся с телом? Но не радуйтесь очень, здесь вы ничего для себя не найдете; Бог оказал ей Свое милосердие, и нет вам ни части, ни доли в этой душе». Эфиопы, выслушав эти слова Ангелов, заметались, подняли страшный крик и шум, перечисляя все мои злые дела, даже от юности моей соделанные. «Как мы не имеем части в этой душе? А это чьи же грехи? — говорили они, указывая на свитки. — Не она ли сделала вот это и это?» Сказавши это, они стояли и ожидали моей смерти. И вот пришла наконец и сама

смерть. Она рыкала, как лев, и вид ее был страшен. Она имела человеческий образ, но только тела на ней не было никакого, а была она составлена из одних голых костей. Смерть несла с собой различные орудия мучений: мечи, стрелы, копья, барды, косы, серпы, рожны, пилы, топоры, теслы, оскорды, удицы и некоторые другие неизвестные мне орудия. И сказали святые Ангелы смерти: «Чего медлишь? Разреши эту душу от уз плоти, разреши скоро и тихо, потому что она не очень обременена тяжестью грехов». Смерть подошла ко мне, взяла малый оскорд, и прежде всего отсекла мне ноги, потом руки, затем иными орудиями отсекла постепенно все прочие члены моего тела, отделяя сустав от сустава. И вот не имела я уже ни ног, ни рук, все тело мое омертвело, так что я не могла даже пошевелиться; затем, взявши тесьму, смерть отсекла мне голову... После всего этого смерть приготовила в чаше какой-то раствор, поднесла чашу к моим устам и насильно напоила меня этим раствором. Питье это было так горько, что душа моя не могла перенести этой горечи, — она содрогнулась и выскочила из тела, как бы силою исторгнутая оттуда. Тут светоносные Ангелы взяли ее к себе на руки. Обернувшись, увидела я свое тело: оно лежало бездушное, бесчувственное и недвижимое... Бесы, бывшие в образе эфиопов, обступили державших меня Ангелов и, указывая на мои грехи, кричали: «Душа эта имеет множество грехов, пусть даст нам за них ответ!» Тут святые Ангелы начали отыскивать мои добрые дела и, по милости Божией, находили все, что когда-либо, при помощи Господа Бога, сотворено было мною доброго: подала ли я когда-либо милостыню убогому, накормила ли голодного, напоила ли жаждущего, или одела нагого, или приняла в свой дом странника и упокоила его, или святым услужила, или посетила больного и находящегося в темнице и помогла ему, или ходила когда с усердием в церковь и

молилась умильно и со слезами, или когда внимательно слушала церковное пение и чтение, или приносила в церковь ладан, свечи или другое какое-либо приношение, или вливала деревянное масло в лампады, теплящиеся перед святыми иконами, и иконы эти лобызала с благоговением, или когда постилась и во все святые посты, среды и пятницы воздерживалась от пищи, или сколько когда сделала поклонов и молилась по ночам, или когда из глубины сердца воздыхала ко Господу и горько плакала о своих грехах, или с полным сердечным раскаянием исповедывала Богу перед духовным отцом своим все мои грехи и старалась загладить их добрыми делами, или когда сделала для ближнего какое-либо добро и не сердилась на имеющего против меня вражду, или когда перенесла какую-либо обиду и брань и не вспоминала о них и не сердилась на обидчика, или когда воздавала добром за зло, или когда смирила себя, или сокрушалась о чужой беде, сострадала страждущему, или утешала плачущего, или подала кому руку помощи, или помогала кому в добром деле, или удерживала кого от дурного поступка, или когда отвращала очи мои от суеты мирской, или удерживала язык мой от клятвы, лжи, клеветы и пустословия, и все иные самые малые добрые дела мои собрали одно по одному святые Ангелы, чтобы положить их в чашу весов против моих грехов. Эфиопы же, видя это, скрежетали на меня зубами своими, ибо хотели похитить меня из рук Ангелов и низвести на дно адово. В это время неожиданно явился туда же преподобный Василий и сказал святым Ангелам: «Господие мои, эта душа много послужила мне, успокаивая мою старость, и я молился о ней Богу, и Бог отдал ее мне». Сказав это, он вынул из-за пазухи чем-то наполненный золотой мешочек (я полагала, что мешочек тот наполнен чистым золотом) и отдал его святым Ангелам, говоря: «Когда будете проходить мимо воздушных мытарств

и лукавые духи начнут истязать эту душу, давайте из сего мешочка выкуп за ее долги. Я, по милости Божией, богат... и этот мешочек дарю этой душе за то, что она услужила мне». Сказав это, преподобный Василий скрылся. Лукавые же бесы, видя все это, пришли в недоумение и, оглашая воздух плачевными воплями, также скрылись. Тогда угодник Божий Василий пришел снова и принес с собою много сосудов, наполненных чистым маслом и драгоценным миром. Открывая один за другим сосуды, он выливал на меня все, что в них было, и от этого разлилось от меня благоухание, и я поняла, что изменилась и стала очень светла. Затем преподобный Василий снова обратился к святым Ангелам и сказал: «Господие мои, когда вы совершите все, что необходимо для этой души, отведите и поселите ее в уготованном мне доме, пусть живет там». Сказавши это, он стал невидим, а святые Ангелы взяли меня, и пошли мы по воздуху на восток, подымаясь от земли к небу. И проходили мы следующие воздушные мытарства:

Подымаясь от земли к небу, достигли мы первого воздушного мытарства, именуемого мытарством ***праздных и скверных слов,*** и здесь остановились. На этом мытарстве воздушные духи испытывают грехи ***скверных слов, праздных и бесчинных речей.*** И вот вынесли к нам духи мытарства сего множество свитков, в которых записаны были все нехорошие слова, сказанные мною когда-либо, начиная от юности моей, все речи, произнесенные мною бесцельно, легкомысленно и необдуманно, а уже само собой разумеется и все то, что мною сказано было когда-нибудь срамного. Записаны также были все кощунственные дела, содеянные мною в молодости, и все случаи осмеяния кого-либо, к которому так склонна юность. Видела я записанными в тех же свитках все непотребные слова, которые произносил когда-либо мой язык, все не-

приличные восклицания, бесстыдные мирские песни, петые мною, смех, хохот. Показывали нам духи все это и обличали меня, называя и время, и место, и лиц, когда, где и с кем занималась суетными беседами, прогневляла Бога непотребными словами, причем не считала это даже грехом и потому не раскаивалась и не исповедывала этих грехов на исповеди своему духовному отцу. Смотря на эти записи и слушая обличения злых духов, я молчала, точно немая, — молчала потому, что много лет уже прошло с того времени, как все это было, и что многое из того, на что мне указывали, мною самою давно уже было забыто и никогда не приходило мне даже на ум; они же сообщали все сказанное мною с такими подробностями, что я совершенно отчетливо все припоминала, как будто все это происходило только вчера. Я молчала, пристыженная, и трепетала от страха, но святые Ангелы, водившие меня, положили конец моему испытанию в первом мытарстве. Они указали лукавым духам на некоторые из моих добрых дел, совершенных мною впоследствии, а чего недоставало для полного покрытия моих грехов, то добавлено ими было из добродетели моего отца духовного, преподобного Василия, и таким образом искупили меня из первого мытарства, после чего пошли мы далее.

Приблизились мы к другому мытарству, которое именуется мытарством *лжи*. На этом мытарстве человек должен дать ответ за всякое ложное слово, особенно же за клятвопреступление, за призывание имени Господня без нужды, напрасно, за лжесвидетельство, за неисполнение данных Богу обетов, за неискреннее исповедание грехов и вообще за все те случаи, когда человек не говорит правды, а прибегает ко лжи. Духи этого мытарства свирепы и злы. Они с особенною настойчивостью испытывают проходящих мимо этого мытарства. Остановив нас, они чрезвычайно подробно испытывали меня. Тут уличили меня в

том, что я когда-то два раза солгала в самых малых вещах, так что не ставила даже себе этого в грех, а также и в том, что несколько раз, стыда ради, не все открывала на исповеди духовному отцу своему. Других же грехов, как то: клятвопреступления, лжесвидетельства и им подобных, по благодати Христовой, духи второго мытарства не обрели в списке моих грехов. Тем не менее, уличив меня во лжи, они весьма обрадовались и намеревались уже исхитить меня из рук водивших меня, но святые Ангелы противопоставили этим моим грехам некоторые из моих добрых дел, пополнив недостающее добрыми делами духовного отца моего, преподобного Василия. Когда, таким образом, грехи, испытуемые на втором мытарстве, были покрыты, мы беспрепятственно начали подыматься выше.

И достигли мы третьего мытарства, которое называется мытарством *осуждения и клеветы*. Когда нас там остановили, увидела я, какой это тяжкий грех — осуждать своего ближнего, и как много зла в том, когда кто клевещет на ближнего, осуждает его, бесславит, бранит, издевается и смеется над чужими грехами, не замечая своих собственных. Грозные духи этого мытарства подвергают строжайшему испытанию повинных в этих грехах, как антихристов, предвосхитивших сан Христов и сделавшихся судьями и губителями своих ближних, тогда как сами они достойны гораздо большего осуждения. За мною, по благодати Христовой, грехов этого мытарства числилось немного, потому что я в продолжение всей своей жизни остерегалась, чтобы как-нибудь не осудить кого-либо, не наклеветать на кого, ни над кем не насмехалась, никого не бранила. Иногда, впрочем, слушая, как другие клеветали на ближних, осуждали их или смеялись над ними, я мысленно отчасти соглашалась с ними и даже, по неосторожности, к их речам присовокупляла и от себя какое-нибудь слово, но, спохватившись, тотчас же удерживала язык

своей от греха. Однако и это поставлено было мне на вид, как грех осуждения и клеветы, и только благодаря заслугам преподобного Василия я освобождена была от духов этого мытарства, и святые Ангелы повели меня выше.

Подымаясь выше, достигли мы четвертого мытарства, которое именуется мытарством *чревоугодия*. И выбежали к нам навстречу скверные духи этого мытарства, радуясь, что найдут во мне новую для себя добычу. Вид этих духов был отвратителен, они изображали собою разного рода сластолюбивых и чревоугодников, омерзительных пьяниц; одни из них носили чаши и блюда с яствами, другие — чаши и корчаги с разными напитками. Но яства те и напитки возбуждали отвращение, ибо они были похожи на смердящий гной и на блевотину. Духи этого мытарства изображали собою пресыщенных и пьяных, они плясали под музыку и творили все те бесчинства и безобразия, какие обыкновенно творят пирующие в кабаках и трактирах, а также издевались и надругались над приводимыми к их мытарству душами грешников. Эти мерзкие духи остановили и окружили нас, как псы, стараясь обличить меня в грехе чревоугодия. Перечисляли они случаи, когда я тайно ела что-нибудь, или ела через силу без надобности, или с утра, не помолившись и даже не осенив себя крестным знамением, как свинья, начинала есть; указывали они также и на то, сколько раз в святые посты я ела, не дождавшись времени, показанного в церковном уставе, или когда по невоздержанию съедала что-нибудь раньше обеда, или когда за обедом пресыщалась не в меру. Подробно и обстоятельно излагали они все случаи моего пьянства, причем показывали даже все чаши и сосуды, из которых я напивалась; определяли также с точностью и количество чаш, выпитых мною в разное время, говоря: «столько-то чаш выпила ты в такое-то время, на таком-то пиру, с такими-то людьми; а в такое-то время, в таком-то

месте ты выпила столько-то чаш и напилась до рвоты и беспамятства; а вот тогда-то ты выпила столько-то стаканов вина или такого-то напитка и так долго и неистово пировала, плясала под музыку, хлопая в ладоши, пела песни и прыгала, что, когда приводили тебя домой, ты изнемогала от безмерного пьянства». Обличая меня, показывали мне гнусные духи этого мытарства и те чаши, из которых пила я иногда ради гостей поутру в постные дни; или когда, по слабости характера, напивалась допьяна и не считала этого грехом и не каялась, а еще и других подбивала к тому же. Не забыты были и те случаи, когда в воскресные или праздничные дни приходилось мне выпить где-нибудь перед Божественной литургией. Указывая на все эти и другие мои грехи чревоугодия, нечестивые духи радовались, будучи уверены в том, что я от их рук не уйду и что они отведут меня на дно ада. Я же трепетала от страха, видя себя обличенною ими в таком множестве грехов и ничего не имея сказать в свое оправдание. Но святые Ангелы, вынув из подаренной мне преподобным Василием сокровищницы значительное количество его добрых дел, покрыли ими все мои грехи и тем освободили меня от грехов, истязуемых на этом мытарстве. Увидав меня свободною от грехов чревоугодия, духи этого мытарства подняли невообразимый крик и шум, громко и злобно восклицая: «Горе нам! Даром пропали наши труды, тщетной оказалась наша надежда!» Говоря это, они пускали по воздуху свитки, на которых были написаны мои грехи, а я смотрела на все это и радовалась. И пошли мы беспрепятственно далее. По дороге к следующему мытарству святые Ангелы вели между собой следующую беседу: «Поистине великую помощь оказывает этой душе угодник Божий Василий! Если бы он не помогал ей своими трудами и молитвами, то, проходя эти воздушные испытания, ей пришлось бы терпеть большую нужду». Услыхав этот раз-

говор святых Ангелов, я осмелилась обратиться к Ангелам с такими словами: «Господие мои, мне кажется, что никто из живущих на земле не знает того, что здесь бывает и что ожидает грешную душу по смерти». На это святые Ангелы ответили: «Неужели недостаточно еще свидетельствует об этом Божественное Писание, постоянно читаемое в церквах и проповедуемое освященными служителями Божиими?! Но те из людей, которые пристрастились к земной суете, пренебрегают этим свидетельством, не обращают на него должного внимания; они находят поэтому особенную прелесть в том, чтобы ежедневно наедаться до пресыщения и пьянствовать и, таким образом, делают для себя богом чрево; не имея в себе страха Божия, они не помышляют о будущей жизни и забывают слова Священного Писания: *Горе вам, насыщении ныне, яко взалчете* (ср.: Лк. 6, 25), и упивающиеся, яко возжаждете. Они Священное Писание считают баснями и потому не руководятся им в жизни, не заботятся о своей душе, а живут, как евангельский богач, ежедневно устраивая для себя роскошные пиршества с музыкой, и веселятся. Но те, которые милостивы и милосерды, которые благодетельствуют нищим и убогим, помогают нуждающимся в помощи, — те получают от Бога прощение грехов своих и, ради своей милостыни, без особенного затруднения проходят мытарства, ибо в Писании сказано: *Милостыня от смерти избавляет, и может очищать всякий грех. Творящие милостыни и дела правды исполнятся жизни* (ср.: Тов. 12, 9), а тем, которые не стараются милостынями очистить грехи свои, тем невозможно избегнуть этих испытаний: их похищают те мрачные князья мытарств, которых ты видела, предают жестоким мучениям, низводят в преисподняя земли и держат там в узах до Второго Пришествия Христова судити живым и мертвым. И ты не избежала бы той же участи, если бы не получила в дар от преподобного Василия сокровищницы его добрых дел для покрытия твоих грехов».

Беседуя таким образом, дошли мы до пятого мытарства *лености и праздности*. Здесь человек должен дать ответ за все дни и часы своей земной жизни, проведенные в лености и праздности; тут же задерживаются и тунеядцы, т. е. люди, которые сами ничего не делают, а питаются чужими трудами, и те работники, которые берут у хозяев плату за свой труд, а дело, которое им поручено, не делают или исполняют свои обязанности небрежно. На этом же мытарстве истязуются и те, которые не заботятся о прославлении Бога и ленятся идти в воскресенье и праздничные дни в церковь к утрени, к Божественной литургии и к другим службам Божиим. Там же подробно и тщательно испытываются и исследуются леность, уныние, небрежение и нерадение о своей душе как мирских людей, так и духовных, и оттуда многие низводятся в тартар. Много и меня испытывали здесь, и не освободилась бы я от долга духам этого мытарства за грехи мои, если бы не добродетели преподобного Василия, восполнившие недостаток моих добрых дел, но ими я искупилась и была взята оттуда.

После этого проходили мы мимо шестого мытарства, именуемого мытарством *кражи*. На этом мытарстве хотя нас и задержали, но не надолго, потому что грехов этого рода за мной не числилось, кроме одной незначительной кражи, совершенной мною в детстве, по неразумию, и потому и добрых дел на покрытие моих грехов в этом мытарстве потребовалось немного.

Миновав мытарство кражи, пришли мы к мытарству *сребролюбия и скупости,* но и это мытарство, как и предыдущее, миновали мы беспрепятственно, потому что я, благодаря Бога, поспешествовавшего мне, мало заботилась во время моей земной жизни о собирании земных сокровищ, не была сребролюбива и была довольна тем, что Господь, по благости Своей, посылал мне; не была я

также скупа и усердно подавала из того, что имела, нуждающимся.

Подымаясь выше, достигли мы нового мытарства, которое именуется мытарством *лихоимства* или *ростовщичества*. Здесь испытываются люди, отдающие в рост свои деньги и таким образом неправедно собирающие себе богатства земные. Тут же, наравне с ростовщиками, отдают отчет в своих грехах и те, которые так или иначе присваивают себе чужое. Скверные духи этого мытарства, тщательно испытав меня и не найдя во мне грехов этого рода, заскрежетали только в бессильной злобе на меня зубами. Мы же, возблагодарив Бога, продолжали подыматься выше.

И достигли мы следующего мытарства, именуемого мытарством *неправды,* где дают отчет в своих деяниях все неправедные судьи, которые творят суд за деньги и, будучи подкуплены, оправдывают виновных и осуждают невиновных. Здесь же требуют отчета и у тех, которые, наняв работников, удерживают потом под каким-либо предлогом следуемую им плату, а также и у тех, которые при торговле употребляют неправильную меру, обсчитывают, обмеривают и тому подобное, но мы, по благодати Христовой, беспрепятственно миновали это мытарство, ибо весьма немного потребовалось добрых дел для покрытия моих грехов этого рода.

Следующее мытарство, которого мы достигли, называется мытарством *зависти.* Это мытарство мы прошли совершенно беспрепятственно, потому что я никогда никому не завидовала, следовательно, и грехов этого рода за мной не числилось. Правда, здесь же испытывались и другие грехи, как то: *нелюбовь к ближнему, братоненавидение, вражда, ненависть*, но, по милосердию Господа нашего Иисуса Христа, ни в одном из этих грехов я не была повинна. И видела я, как бесы, взирая на меня, яростно

скрежетали зубами, но это меня не устрашило, и мы, радуясь, миновали это мытарство и пошли выше.

Подобным же образом прошли мы и следующее мытарство, именуемое мытарством *гордости,* где гордые и надменные духи истязают тех, кто тщеславен, кто высокого мнения о себе, о своих достоинствах и презирает других, кто непочтителен к отцу и к матери. Здесь же истязаются также и те, которые не повинуются властям, Богом установленным (если не попираются Божии законы). Строго истязаются здесь и все прочие гордостные дела и поступки и даже тщеславные слова. Чтобы покрыть мои грехи по этому мытарству, добрых дел потребовалось немного, и я получила свободу.

Подымаясь выше, достигли мы мытарства *гнева* и *ярости*: но и здесь хотя и свирепы были воздушные истязатели, а получили они от нас весьма и весьма мало, и мы беспрепятственно продолжали наш путь, радуясь о Господе, покрывающего грехи мои молитвами отца моего преподобного Василия.

Встретилось нам мытарство *злопамятства* и *мести,* на котором немилосердно истязаются те, которые питают в сердцах своих злобу на ближнего и воздают злом за зло. Таковых духи злобы с особенною яростью низводят в тартар. Но милосердие Божие и здесь не оставило меня, потому что я никогда и ни к кому не питала в сердце своем злобы; не помнила причиненного мне кем-либо зла, но, напротив, питала благорасположение к обидевшему меня, прощала врагам моим и, насколько в силах была, обнаруживала свою любовь к ним и таким образом зло побеждала добром. Так как грехов этого мытарства за мною не оказалось, то бесы, видя, что я ухожу из их лютых рук свободно, рыдали; мы же, радуясь о Господе, продолжали идти далее. И спросила я водивших меня святых Ангелов: «Господие мои, прошу вас, скажите мне,

откуда эти страшные воздушные духи знают все злые дела всех людей, живущих во всем мире, так же как и мои, и знают и обличают все дела не только явно сотворенные, но и такие, которые никому не известны, кроме сотворивших их?» И отвечали мне святые Ангелы: «Всякий христианин во время Святого крещения получает от Бога Ангела-хранителя, который днем и ночью, в продолжение всей его жизни, даже до смертного часа наставляет его на всякое доброе дело. Ангел-хранитель записывает все добрые дела, которые человек творит в жизни, с тем чтобы человек получил за них от Господа милость и вечное воздаяние в Царстве Небесном. Князь же тьмы, желающий погубить весь род человеческий, также приставляет к каждому человеку одного из подчиненных ему лукавых духов. Этот последний, в свою очередь, ходит за человеком и зорко наблюдает от юности его за всеми его злыми делами, поощряет и подстрекает его кознями своими на всякое зло и собирает все, что сделает человек греховного. Затем злой дух отправляется по мытарствам, относит туда все собранные грехи человеческие и записывает каждый грех в том мытарстве, к которому этот грех относится. Вот почему князьям воздушным и известны все грехи всех людей, живущих во всем мире. Когда же душа человека, разлучившись с телом, стремится взойти к своему Небесному Создателю, тогда лукавые духи, показывая списки ее грехов, удерживают ее. И если душа умершего имеет добрых дел более, нежели грехов, то духи не могут удержать ее; если же окажется, что она имеет грехов более, чем добрых дел, то они задерживают ее на время, затворяют в темнице неведения Бога и мучат, насколько попускает им делать это сила Божия. Мучения продолжаются до тех пор, пока душа, ради молитв Церкви и милостыни родных ее, не получит себе прощения грехов. Если же какая-нибудь душа окажется настолько грешною и недостойною

пред Богом, что для нее потеряна всякая надежда спасения и ее неминуемо ожидает вечная погибель, то духи низводят ее в бездну, т. е. туда, где и для них самих уготовано место для вечных мучений, и там держат ее до Второго Пришествия Господня, после которого начнется для нее уже с телом, вместе с духами злобы, вечное мучение в геенне огненной. Знай также и то, что этим путем восходят и таким истязаниям подвергаются только те, которые просвещены Святым крещением; что же касается тех, которые не веруют во Иисуса Христа Господа нашего, поклоняются идолам, и вообще всех тех, которые не ведают и не исповедуют истинного Бога, то они этим путем не восходят потому, что они еще во время земной жизни живут одними только телами, а души их уже погребены во аде. И когда эти неверные умирают, то бесы без всякого испытания берут их души как бы свою собственность, и низводят их в пропасть.

Пока святые Ангелы беседовали со мною, успели мы прийти к следующему мытарству, которое называется мытарством *убийства*. На этом мытарстве требуют отчета не только за душегубство, но и за всякую нанесенную кому-либо рану, за всякий удар: по плечам ли, или по голове, или по щеке, или по шее, или по чему-либо еще, и даже за то, когда с гневом кто оттолкнет от себя своего ближнего. Все это тщательно испытывается здесь и взвешивается. Но и на этом мытарстве мне пришлось оставить только малую часть моих добрых дел на покрытие моих грехов, и пошли мы беспрепятственно дальше.

За мытарством убийства следовало мытарство *чародейства, колдовства, отравления, нашептывания и призывания бесов*. Духи этого мытарства были похожи на четвероногих гадов, на скорпионов, на змей, ехидн и жаб; вид их был страшен и мерзок, но на этом мытарстве, по милости Божией, я ни в чем не оказалась грешною, а

потому мы миновали его без всякого затруднения. Мерзкие же души этого мытарства кричали мне вслед: «Погоди, придешь ты в блудные места: посмотрим, удастся ли тебе оттуда уйти!»

Когда мы продолжали восходить выше, спросила я водивших меня святых Ангелов: «Господие мои, все ли христиане проходят мытарства и может ли какой-либо человек пройти их без истязаний и страха?» Ангелы отвечали: «Для душ верующих, восходящих на небо, иного пути нет. Все проходят здесь, но не всех так испытывают на мытарствах, как тебя, а только тех, которые из-за стыда не открыли искренно духовному отцу всех своих грехов и не покаялись чистосердечно во время исповеди. Если же кто откроет на исповеди все свои грехи, ничего не утаив, искренно покается и будет сожалеть о содеянном, то грехи его, по милосердию Божию, невидимо заглаждаются, и когда душа его, очищенная от грехов, проходит чрез мытарства и злые воздушные истязатели, открыв свои книги, ничего не находят в них записанным, тогда не могут уже ни страшить ее, ни зла какого-либо причинить ей, и восходит она в веселии ко Господу. И ты, если бы открыла свои грехи перед духовным отцом и получила от него разрешение, то не подверглась бы таким строгим испытаниям и не испытывала бы такого страха во время хождения по мытарствам. Но тебе много еще помогает то, что давно ты уже перестала творить смертные грехи и жила много лет вполне добродетельною жизнью, а наипаче помогают тебе молитвы преподобного Василия, которому ты много и усердно послужила во время земной жизни.

Беседуя, пришли мы к мытарству, именуемому *блудным*. На этом мытарстве человек истязуется за всякое любодеяние, блудные помыслы и мечтания, за согласие на грех, за скверные осязания и страстные прикосновения. Князь этого мытарства, одетый в скверную и смрадную

одежду, окропленную кровавой пеной, сидел на своем престоле... перед ним стояло множество бесов. Увидев меня, они были очень удивлены, что я беспрепятственно дошла до их мытарства; тотчас же поспешили вынести свитки, на которых были записаны все мои блудные дела, и принялись обличать меня. Указывали мне лиц, с которыми я в юности грешила, время, когда грешила, т. е. днем и ночью, и места, на которых соделала грех. Я ничего не имела возразить им в свое оправдание, а потому стояла, объятая стыдом, и трепетала от страха. Но святые Ангелы вступились за меня и начали говорить: «Она давно уже оставила блудную жизнь и после того много лет провела в посте и воздержании, строго соблюдая свою чистоту». На это бесы отвечали: «Мы и без вас знаем это, но она не открыла всех своих грехов на исповеди и не несла за них епитимии, при помощи которой она загладила бы свои грехи, а потому она наша. Итак, или оставьте ее нам и уходите, или выкупите ее добрыми делами. Святые Ангелы указали им на многие из добрых дел, совершенных мною, но так как этого было слишком мало для покрытия моих грехов, то нам пришлось оставить здесь многое из сокровищницы преподобного Василия, и я едва-едва избавилась от лютой беды.

Продолжая подыматься выше, достигли мы семнадцатого мытарства, именуемого мытарство *прелюбодеяния*, где истязуются грехи тех, которые, живя в супружестве, нарушают супружескую верность и оскверняют супружеское ложе. Здесь же должны дать отчет и те, которые насильно оскверняют не желающих прелюбодействовать. Здесь же строго истязуют и тех, которые посвящают себе всецело на служение Богу, причем дают обет целомудрия, но впоследствии нарушают свой обет и впадают в грех прелюбодеяния. На этом мытарстве и за мною оказалось много грехов. Скверные, чуждые сострадания, духи этого мытарства,

уличив меня в прелюбодеянии, хотели уже похитить меня из рук Ангелов и отвести на дно ада. Но святые Ангелы долго спорили с ними; оставив на этом мытарстве все до единого мои добрые дела и много из сокровищницы преподобного Василия, с трудом искупили меня.

Далее приблизились мы к мытарству *грехов содомских*, где истязаются грехи, противные природе человеческой, как мужчины, так и женщины, а также совокупление с бессловесными животными; здесь же истязаются грехи кровосмешения и другие скверные, тайно совершаемые, грехи этого рода, о которых и вспоминать стыдно. Князь этого мытарства имел вид самого скаредного из всех скареднейших и сквернейших бесов. Он и все слуги его были покрыты смердящим гноем; смрад, исходящий от них, был нестерпимый, безобразие их было таково, что не поддается описанию, и все они дышали яростью и зверством неизреченным. Они поспешно выбежали нам навстречу и обступили нас; но, по милости Божией, грехов этого рода они не нашли за мною и потому со стыдом должны были убежать от нас. Мы же, радуясь этому, беспрепятственно миновали мытарства их. И сказали мне святые Ангелы: «Вот ты, Феодора, видела страшные и скверные блудные мытарства; знай же, что редкая душа минует их беспрепятственно, потому что весь мир лежит во зле всяческих скверн и соблазнов, все люди суть сластолюбцы и склонны к блуду, и скверные греховные помыслы постоянно, начиная с самой ранней юности, преследуют человека; поэтому весьма немногим удается сохранить себя от нечистоты блуда, умертвить в себе плотские похоти, а стало быть, очень мало и таких, которые свободно проходят чрез эти мытарства. Большинство смертных, дойдя до этих мытарств, находят здесь для себя погибель: лютые истязатели блудных дел похищают души блудников, подвергают их страшным мучениям и низводят на дно ада. И хвалятся князья

блудных мытарств, говоря: «Мы одни наполняем ад душами грешников больше, чем князья всех остальных мытарств вместе». Феодора, — продолжали Ангелы, — благодари Бога, что, ради молитв преподобного Василия тебе удалось миновать эти мытарства. Далее ты пройдешь уже без страха и не встретишь на пути своем зла».

После этого пришли мы к мытарству *ересей*, на которых истязаются те вольнодумцы, которые, мудрствуя лукаво, неправильно рассуждают о предметах веры, отступают от исповедания православной веры, колеблются, сомневаются и питают недоверие к истине учения Православной Церкви о вере, непочтительно отзываются о священных предметах и тому подобное. Это мытарство я прошла без испытания, и мы уже были недалеко от врат небесных.

Наконец достигли мы мытарства *немилосердия* и *жестокости*. Встретившие нас злобные духи этого мытарства были особенно жестоки, а князь их был невыразимо лют. Он весь иссох от злости и от неукротимой ярости дышал огнем немилосердия. На этом мытарстве без всякой пощады и жалости истязаются души немилосердых. Если даже окажется, что достигший этого мытарства, живя в мире, совершил многие подвиги, но был немилостив и глух к страданиям и мольбам ближних, то все его добродетели и подвиги бессильны бывают искупить грехи немилосердия, и душа такого грешника низводится в бездну ада, заключается там и не получает прощения вовеки. Но мы, по благодати Христовой и ради молитв преподобного Василия, даровавшего от щедрот своих много добрых дел для моего искупления, и это мытарство миновали безбедно. Это было последнее мытарство, и потому я обрадовалась, когда мы благополучно миновали его. И приблизились мы, радуясь и хваля Бога, к самым вратам небесным. Врата эти были светлы, как кристалл, и видно было от них сияние неизреченное. У врат стояли солнцеобразные юно-

ши: увидав меня с Ангелами, они исполнились радости, что я, покрываемая милосердием Божиим, прошла все воздушные мытарства. Солнцеобразные юноши с любовью встретили нас и ввели внутрь... Я видела блаженство, которое никому из живущих на земле не может прийти даже на ум. Привели меня к Престолу неприступной славы Божией, который окружали Херувимы, Серафимы и множество воинства небесного: все они неизреченными песнями славили Бога. Я пала ниц и поклонилась Невидимому и Недоступному для человеческого ума Божеству. Ангелы славили милосердие Божие. Прозвучал голос от Престола. Ангелам повелено было повести меня в обители святых, а также показать все муки вечные... И видела я прекрасные, преисполненные славы, уготованные для любящих Бога обители... Низвели меня также в преисподнюю, где я видела страшные, лютые, нетерпимые муки, уготованные во аде для грешников. Я слышала там ужасающие вопли, раздирающий душу плач и горькие рыдания находившихся в муках грешников. Водившие меня святые Ангелы показали мне муки вечные и сказали: «Смотри, Феодора, от каких тяжких мук избавил тебя Господь ради молитв преподобного Василия». Затем святые Ангелы увели меня оттуда в обитель преподобного Василия и сказали: «Ныне преподобный Василий совершает по тебе память». Тут я поняла, что пришла в это место упокоения через сорок дней после моего разлучения от тела» (120, 35—74).

Н

НАГРАДА

Надлежит твердо стоять и пребывать в вере, в добродетели, в совершении небесной и духовной благодати, чтобы можно было достигнуть почести и венца (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 335).

***

Каждый за свои дела получит свою степень блаженства (прп. авва Исаия, 59, 55).

***

...Для путешественников, идущих по негладкому и неудобопроходимому пути, облегчается труд ожидаемым ими удобным пристанищем; и купцов отважно пускаться в море заставляет желание приобресть товары; и для земледельцев делает неприметными труды надежда плодородия. Посему и общий Наставник в жизни, великий Учитель, Дух истины, премудро и благоискусно предложил наперед награды, чтобы мы, простирая взор далее тех трудов, которые под руками, поспешали мыслию насладиться вечными благами (свт. Василий Великий, 5, 158—159).

***

...Вечный покой предстоит тем, которые в здешней жизни законно подвизались, — покой, не по заслуге дел воздаваемый, но по благодати великодаровитого Бога даруемый уповавшим на Него (свт. Василий Великий, 5, 343).

***

Никто да не обольщает пустыми словами. Невозможно получить венец, оставаясь в покое, удостоиться царской награды, живя роскошно (прп. Ефрем Сирин, 32, 422).

***

На высокой степени достоинства поставлены те, которые прославляются за победные венцы, приобретенные в брани. Им по правде, Господи, даруй жизнь, а мне по благодати (прп. Ефрем Сирин, 33, 196).

***

Господь наш явит щедроты Свои к тем, которые стали близкими к Нему и возлюбили славу Его, и в великий день облечет славою тела их (прп. Ефрем Сирин, 33, 511).

***

Велелепный и преславный чертог на небесах ожидает святых, которые творили дела правды и благоуспешно трудились в вертограде Сына (прп. Ефрем Сирин, 33, 528).

***

...Слава и честь уготованы тому, кто удобопреклонен к добру... (прп. Макарий Египетский, 67, 219).

***

Кто желает быть наследником Христовым, тот пусть вожделевает также соревновать и страданиям Христовым (прп. Макарий Египетский, 67, 453).

***

Что говоришь ты, малодушный и жалкий человек? Тебе надлежит сделать нечто угодное Богу, а ты стоишь с заботою о награде? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 162).

***

Разве ты не знаешь, что награда тебе будет больше, когда ты станешь делать должное, не надеясь на награды? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 162).

***

...Когда совершим что-нибудь доброе, не будем тотчас же требовать воздаяния, но также будем полагаться на Его волю, потому что если Он откладывает, то после делает большее воздаяние (свт. Иоанн Златоуст, 48, 533).

***

Награды назначены не просто за дела, но за расположение (свт. Иоанн Златоуст, 49, 548).

***

...Кто ищет от Бога воздаяния за труды свои здесь и делает добро для настоящего, тот уменьшает свою награду; а кто всех венцов ожидает там, <в загробной жизни>, тот гораздо более достоин воздаяния... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 198).

***

...Не будем искать воздаяния здесь, но особенно тогда и будем радоваться, когда мы, делая добро, терпим зло, потому что там Бог готовит нам награду не только за добрые дела, но и за претерпеваемые искушения (свт. Иоанн Златоуст, 53, 443).

***

...Крайне постыдно домогаться здешних благ, тогда как нам предложено небо и блага вышенебесные (свт. Иоанн Златоуст, 53, 444).

***

...Как венцы, так и наказания следуют не за то, что совершается по природе, но за то, что по воле (свт. Иоанн Златоуст, 53, 806).

***

...Дела большею частию оцениваются по начинаниям, а не по совершению; и венец соплетается за решимость, а не за конец дела (прп. Исидор Пелусиот, 61, 380).

***

...Если и нам желательно, чтобы провозгласили нас победителями и увенчали, то принесем в жертву самих

себя; никакая смертная и житейская страсть да не найдет в нас места, но, расставшись со всем, будем говорить и делать только достойное небес (прп. Исидор Пелусиот, 62, 94).

***

Знай... что если окажешься благоискусным во всем, то неполучение здесь наград послужит тебе не к тому, чтобы вовсе не получать их, но к тому, чтобы получить блистательнейшие. Ибо один получает нечто блистательное здесь, а другой, не получив здесь ничего, приимет там блистательнейший венец. Посему, что может доставить тебе радость, то да не будет для тебя причиною к малодушию. Ибо получившему здесь справедливо умаляется тамошняя награда, а не получившему, очевидно, соблюдается там полная (прп. Исидор Пелусиот, 62, 189—190).

***

...Скажу и о преспеяниях, т. е. если, оказав преспеяние в малом и неважном, здесь насладишься чем-либо для тебя полезным, то не будешь иметь награды там... И, если угодно, поясню сказанное примером. Пусть будут (предположим так) два праведника, высокие по добродетели, но один здесь богатеет, другой беднеет; один прославляется, другой терпит оскорбления; один от всех слышит себе похвалы, а другой — осмеяния. Отшедши туда, одинаковый ли приимут венец? Нет, — говорю я. Хотя, как сказано, и равными показали себя в рассуждении добродетели, но несходство в здешней жизни и равенство в добродетели изменит в неравенство, не потому, чтобы нелицеприятный Судия произнес несправедливый приговор, но потому, что одному с здешнею наградою соразмерит

будущую, а другому определит беспримесное веселие (прп. Исидор Пелусиот, 62, 285—286).

***

...Если бы теперь без замедления и тотчас вознаграждал Господь за добрые дела, то сие было бы более куплею, нежели богочестием... (прп. Нил Синайский, 73, 360).

***

Как из дел и слов открывается мысль, так и из сердечных действий — будущее воздаяние (прп. Марк Подвижник, 69, 10).

***

Раб не требует свободы, как возмездия, но благоугождает, как должник, и ожидает ее, как благодати (прп. Марк Подвижник, 89, 538).

****

Братия упрашивали одного из старцев, чтобы он успокоился от великих трудов своих. Старец сказал им: «Говорю вам, дети мои, что Авраам, увидя великие дары Божии, должен раскаиваться в том, почему он не подвизался еще более» (98, 148).

***

Некий великий старец имел двоих, не всегда послушных ему, учеников. Так как они часто смущали его, то он решил оставить их и ушел в один из общежительных монастырей, выдав там себя за странника и новоначального инока. В монастыре он пробыл три недели и там

за это время ничего не делал по своей воле, исполняя беспрекословно все, повеленное ему. Через три недели он увидал пришедшего к нему некоего в белоснежной одежде, который держал в руках два сосуда: один, наполненный маслом, а другой — пустой. Явившийся отдал старцу пустой сосуд и из наполненного влил в оный малое количество масла. Старец сказал: «Отдай мне сосуд, полный масла». Явившийся отвечал: «Нет, этого сделать нельзя, потому что насколько ты потрудился, настолько я и влил тебе масла». И сказал старец: «Если и малое добро сделал человек, то и за оное приимет от Бога воздаяние, но только по достоинству, что и справедливо» (112, 931—932).

***

Святой Андрей, Христа ради юродивый, будучи юношей, однажды ночью стал на молитву. Диаволу не понравилось это, и он, чтобы отвлечь от молитвы, стал неистово стучать в дверь комнаты, в которой Андрей молился. Андрей ужаснулся от этого стука, оставил молитву и, покрывшись козлиной шкурой, лег на одр. Сатана, видя это, сказал другому бесу: «Вот до чего мы дожили! Доселе одну скверну делал этот, а теперь вот и он вооружается против нас». И, сказавши это, исчез. Между тем Андрей, лежа на одре, заснул и во время сна имел такое видение.

Видит он себя на некотором месте, где по одну сторону стояли бесы, а по другую Ангелы, и казалось, что и те и другие готовились к взаимной борьбе. Бесы вывели из своей среды великого и страшного исполина и, указывая на него, предлагали кому-нибудь из Ангелов сразиться с ним. Ангелы молчали, а бесы хвалились собою. В это время сошел с неба прекрасный юноша, держа в руках три венца. Один венец был украшен золотом и драгоцен-

ными камнями, другой дорогим жемчугом, а третий сплетен из неувядаемых цветов. Все три венца были настолько прекрасны, что красоту их и описать невозможно. Взирая на венцы, Андрей стал думать, как бы ему восхитить хотя один из них, и, подойдя к юноше, сказал: «Не продашь ли ты мне эти венцы? Сам я не могу купить их, но я могу сказать о них моему господину, он даст тебе за них золота сколько хочешь». Юноша улыбнулся на эти слова Андрея и отвечал ему: «Поверь мне, возлюбленный, что если бы ты предложил мне за эти венцы золото всего мира, и тогда я не дал бы тебе даже и одного цветка с них, потому что они не от этого суетного света, а от сокровищ небесных и суть венцы Самого Христа, и венчаются ими только те, которые этих черных, т. е. бесов, побеждают. И если хочешь приобрести их, то ступай, борись с тем исполином-диаволом, и когда его одолеешь, тогда я тебе не один, а и все три отдам». После сего Андрей узрел себя борющимся с диаволом и победившим его. И видит Андрей, что за свою победу он был принят в общение с Ангелами, а от юноши получил те венцы и совет принять на себя подвиг юродства, которым он легче может побеждать демонов. После этого видения Андрей подлинно объявил непримиримую брань диаволу, подвигами юродства победил все козни его и уже самим делом (112, 91).

***

Блаженный Евлогий поведал следующее. Одному старцу было видение. Стоял он в церкви на всенощном бдении перед воскресным днем. Братия пели псалмы Давидовы. Старец увидел, что церковь наполнилась светом и что Ангелы Божии воспевали с братиями. Когда окончилось всенощное бдение, Ангелы вышли из святого алтаря. Поставлены были пред ними корзины как бы хрустальные,

наполненные золотыми, серебряными и медными монетами, просфорами целыми и раздробленными. Также поставлен был небольшой золотой сосуд с миром и золотая кадильница с благовонным фимиамом. Когда братия, прежде чем разойтись по кельям, подходили для поклонения к честному кресту, то Ангелы давали некоторым златницы с изображением Господа нашего Иисуса Христа, другим — серебряники с изображением креста, иным — медные монеты, иным — целые просфоры, иным — укрухи. Одних Ангелы помазывали миром из золотого сосуда, других кадили кадильницею; некоторые не получили ничего; иные же уходили, оставив в церкви полученное ими.

Старец помолился Богу, чтобы открыто ему было значение видения и почему дары не равны, тогда как все вместе совершали псалмопение и бдение. И было открыто ему, что принявшие по златнице суть те, которые на среду, пяток, недельные дни и двунадесятые праздники совершают бдение трезвенно с вечера до утра; принявшие серебряники — те, которые бдят с полуночи до утра; принявшие медную монету — те, которые понуждаются к псалмопению; принявшие целые просфоры прилежат к чтению книг; получили укрухи новоначальные, не вступившие еще в совершенное иноческое житие; помазаны миром послушные во всем отцу своему и отдавшие себя в услужение всем, — помыслы и труды их вменяются пред Богом в миро <мvро>; те же, которые окурены фимиамом кадила, суть вдавшиеся молве и приходящие в чувство только тогда, когда войдут в церковь; не приняли ничего небрегущие о своем спасении, не сопротивляющиеся скверным помыслам и не очищающие сердца от страстей, но предавшиеся сребролюбию и чревообъядению; оставившие в церкви полученные ими дары и ушедшие с пустыми руками суть те, которые увлекаются еллинскими книгами, науками

мира сего, — предавшиеся гордости, тщеславию и человекоугодию (106, 116).

***

«Однажды, — рассказывал Димитрий, послушник Гефсиманского скита Троицкой Лавры, — к нам в деревню подкинули ребенка, завернутого в одеяло. Никто не хотел взять подкидыша. Когда младенца принесли на сходку и стали предлагать бездетным сельчанам взять его на воспитание, то все отказывались, говоря, что тяжело ходить за чужим ребенком. И вот, когда, казалось, что никто не желает принять его на воспитание, выступил многодетный крестьянин, у которого было своих восемь детей, и сказал: «Сейчас я схожу и спрошу свою жену, может быть, она согласится взять его. Среди восьми и девятый прокормится, и Господь ради сироты подаст нужное». Жена охотно согласилась взять сироту. Когда он принес младенца к себе в дом и его развернули, то у него на шее нашли крестик с запиской, что в крещении младенец назван Николаем, и тут же пакет, в котором оказался билет государственного займа на пять тысяч рублей. Добрый муж и жена, прочитав записку и надпись на билете, пришли в недоумение: как им быть? Умолчать об этом не хотели. И вот крестьянин снова побежал на сходку и всем рассказал о своей находке. Тогда те, кто раньше отказывались от младенца, теперь закричали: «Я возьму, я возьму...» Но сход не пожелал удовлетворить их просьбы, а постановил: ребенка оставить в доме того, кто первый согласился его взять.

В тот же день к дому крестьянина подъехала подвода с разным провиантом от неизвестного лица. В дальнейшем такая помощь оказывалась по нескольку раз в месяц. Мальчик в доме приемного отца при заботливом уходе рос и креп. Имея хорошие способности в учении, закончил

земскую школу, затем гимназию и поступил в университет. Он был истинным украшением семьи своего приемного отца и матери, хорошим поведением и послушанием влиял и на остальных детей, помогая им в учении. Благодаря ему наш крестьянин-бедняк стал всеми уважаемым зажиточным поселянином. По окончании образования молодой человек женился на одной из дочерей приемного отца. Так Господь наградил простых людей за их доброту» (114, 95).

НАДЕЖДА

...Насколько <человек>... возлагает надежду на Бога, во всем касающемся души его и тела, настолько находит Его <Божие> промышление о себе, так что считает себя ниже всей твари, от многих даров Божиих: явных и неявных, душевных и телесных, и, от стыда, как великий должник, отнюдь не может превозноситься в каком-либо деле, ввиду благодеяний Божиих (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 123).

***

...Надежда... рождается от твердой веры, от того, что человек вовсе не заботится о своей жизни или смерти, но все попечение возлагает на Бога... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 153).

***

Надежда, чуждая попечений, есть жизнь и богатство, невидимое по чувству, но подтверждаемое благоразумием и существом дел. Ибо и земледельцы трудятся, сея и садя; и мореплаватели терпят также многие бедствия, и дети, обучаясь чтению и прочим наукам, но все они имеют в виду

надежду, потому и трудятся с радостию, и по видимому теряют готовые вещи, по умственному же — терпят для того, чтобы приобрести больше. Часто имеют и недостаток в том, что намерены посеять. Но, может быть, кто-нибудь скажет: из опыта они научаются, что получают приобретение, а в мысленном (не так); никто не воскрес из мертвых, чтобы научить нас. Это происходит от неопытности в духовных дарованиях и познаниях; и не чудо; ибо неопытные и в прежде упомянутом боятся, пока не испытают. И дети, не понимая пользы от обучения грамоте и прочим наукам, бегут от них, но родители, чувствуя эту пользу, как чадолюбивые, насильно принуждают их, а со временем, когда дети получат опытность, то начинают не только любить науки и принуждающих к ним, но и сами с радостью терпят все за познания, которых достигли. Потому и мы должны прежде с верою и терпением идти и не ослабевать в скорбях, тогда, со временем, познаем пользу совершаемого нами. И так с радостью и веселием будем делать должное без труда (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 28—29).

***

Надежда на Бога не допускает колебания, и Господь не благоволит подавать всецелую помощь Свою тому, кто иногда надеялся на богатство, на славу человеческую и на могущество мирское; а иногда надеждою своею признавал Бога; напротив того, человек вполне должен успокоиваться на Божией помощи (свт. Василий Великий, 6, 292).

***

...Надежда делает, что радость обитает в душе добродетельного (свт. Василий Великий, 8, 48).

***

Всего более уповай на руку Великого Царя, которая, едва только покажется, приводит в страх и обращает в бегство сопротивных... (свт. Василий Великий, 9, 33—34).

***

Всем сердцем своим уповай на Господа, и удобно избежишь злодейских козней. Ибо Господь не оставит без призрения работающих Ему (прп. Ефрем Сирин, 31, 109).

***

Будем надеяться на Бога, брат, будем надеяться, хотя видим, что не вдруг и не легко получаем просимое, даже не знаем, что еще воспоследует с нами (прп. Ефрем Сирин, 31, 278).

***

Есть у меня надежда: потому что покаяние сводит большие струпы и благость покрывает всякую гнусную и отвратительную скверну (прп. Ефрем Сирин, 33, 126).

***

Дивлюсь, что доселе еще не исправился я; а между тем каждый день приношу покаяние, поддерживаюсь надеждой, пока не умер (прп. Ефрем Сирин, 33, 185).

***

На Тебя только вся надежда наша, ибо Ты врачуешь язвы наши. Ты источил кровь Свою на струпы грешников, чтобы Тобою исцелились они (прп. Ефрем Сирин, 33, 340).

***

Всякому правому намерению пусть предшествует надежда, она помогает иногда и в худом, и потому не справедливо ли, чтобы еще более содействовала в добре (свт. Григорий Богослов, 16, 288).

***

...Когда кто имеет непрестанную надежду на Бога, — зло как бы истончается и воденеет в нем (прп. Макарий Египетский, 67, 141).

***

...Великие победные награды требуют и великих трудов, и злоба таковым подвижникам наипаче всюду строит козни... (прп. Макарий Египетский, 67, 339).

***

Должно христианину иметь упование, радость и чаяние будущего царства и избавления... (прп. Макарий Египетский, 89, 213).

***

Жизнь телесная ограничивается одним настоящим; а жизнь, предоставляемая надежде, есть собственность души. Но человеческое неразумие погрешает в употреблении той и другой, думая телесную жизнь продлить надеждами, а жизнь душевную тратя в наслаждениях настоящим. Посему-то душа, занимаясь видимым, по необходимости делается чуждою надежды существенной и действительной, по надежде опираясь на непрочное, и сим не овладевает, и чего надеялась, того не имеет (свт. Григорий Нисский, 18, 449).

***

...Сокровищница человеческого ума... есть надежда, в ней хранится всякий запас для нашей жизни (свт. Григорий Нисский, 19, 81).

***

...Надежда будущих благ всегда уменьшает трудности настоящей жизни (свт. Иоанн Златоуст, 47, 715).

***

...Когда видишь наступающие бедствия, не падай духом; это собственно и есть надежда — стоять твердо среди опасностей (свт. Иоанн Златоуст, 48, 357).

***

Нет ничего слабее... надежды <на человека>, она слабее паутины; и не только она слаба, но и опасна, — это знают все те, которые надеялись на людей и погибли вместе с ними. Напротив, надежда на Бога не только тверда, но и безопасна, не подвержена никакой перемене (свт. Иоанн Златоуст, 48, 357).

***

...В том и состоит надежда, чтобы не отчаиваться и не падать духом, не тотчас получая ожидаемое (свт. Иоанн Златоуст, 48, 536).

***

...Каждый из вас, когда впадает в искушения, хотя бы и близок уже был к смерти, не отчаивался в помощи Божией, но ожидал ее до конца (свт. Иоанн Златоуст, 49, 957).

***

...Ничто так не ведет к благой надежде, как добрая совесть (свт. Иоанн Златоуст, 52, 586).

***

Бог венчает надеющегося так же, как и того, кто трудится, бедствует и переносит бесчисленные напасти (свт. Иоанн Златоуст, 52, 668).

***

Ничто так не делает душу мужественною и на все готовою, как добрая надежда (свт. Иоанн Златоуст, 52, 762).

***

Какое богатство столь приличествует человечеству, как богатство благочестивых надежд? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 990).

***

И шлем надежду спасения возьмите (ср.: Еф. 6, 17). Шлем есть защита головы. Поелику голова наша есть Христос, то мы должны ее ограждать всегда надеждою будущих благ, как несокрушимым шлемом во всех искушениях и гонениях, и сохранять... веру в Него ненарушимою, неповрежденною. Ибо у кого отняты другие члены, тот хотя и слаб, однакож может еще как-нибудь жить, а без головы никому нельзя и краткого срока прожить (авва Серен, 56, 284).

***

Упование на Бога — незыблемый столп, не только обещающий избавление от бед, но не допускающий смущаться бедами уже постигшими. Ибо кто освободился от всего человеческого и подкрепляет себя внешним упованием, тот не только приобретет самое скорое избавление от бед, но не тревожится и не смущается бедами постигшими, подкрепляя себя чаянием оного священного якоря. Посему воспользуйся упованием, и будешь выше всех горестей (прп. Исидор Пелусиот, 60, 291).

***

Блаженна душа, чрез жаждание Бога истинно уготовившая себя к принятию даров Его, потому что Он ни в чем не оставляет такой души... (прп. Зосима, 91, 132).

***

Не изнемогай в уповании на Промыслителя своего, потому что дивно Домостроительство Его в присных Ему (прп. Исаак Сирин, 58, 174).

***

Приманка для души — радость, производимая надеждою, процветаемою в сердце (прп. Исаак Сирин, 58, 178).

***

Когда человек в мысли своей лишит свою жизнь надежды, тогда нет ничего дерзостнее его (прп. Исаак Сирин, 58, 223).

***

Не испытав явственного покровительства Божия, сердце не в состоянии надеяться на Бога (прп. Исаак Сирин, 58, 295).

***

...Упоенные и согретые надеждою не знают ни скорби, ни чего-либо мирского (прп. Исаак Сирин, 58, 314).

***

...Надежда на Бога обнаруживается в злострадании за добродетели (прп. Исаак Сирин, 58, 344).

***

Человек не может приобрести надежды на Бога, если прежде, в своей мере, не исполнял воли Его (прп. Исаак Сирин, 58, 375).

***

...Надежда на Бога и мужество сердца рождаются от свидетельства совести... (прп. Исаак Сирин, 58, 375).

***

...Когда душа упоена радостью надежды своей и веселием Божиим, тогда тело не чувствует скорбей, хотя и немощно (прп. Исаак Сирин, 58, 404).

***

Водоворот — безнадежие, которое объемлет ум и влечет его во глубину отчаяния (прп. Иоанн Лествичник, 57, 178).

***

Вкушение даров Господних рождает надежду; ибо невкусивший оных не может не иметь сомнений (прп. Иоанн Лествичник, 57, 249).

***

Оскудение надежды есть истребление любви; с надеждою связаны наши труды; на ней зиждутся подвиги; ее милость Божия окружает (прп. Иоанн Лествичник, 57, 249).

***

Надежда есть упокоение в трудах, она — дверь любви; она убивает отчаяние, она — залог будущих благ (прп. Иоанн Лествичник, 57, 249).

***

Надежда есть обогащение невидимым богатством; надежда есть несомненное владение сокровищем еще прежде получения сокровища (прп. Иоанн Лествичник, 57, 249).

***

Надежду разрушает гневливость... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 250).

***

Где видна надежда Царствия Небесного, там и презрение всего земного (прп. Иоанн Лествичник, 57, 258).

***

Благая надежда есть меч, которым инок побеждает и закалает уныние (прп. Иоанн Лествичник, 90, 575).

***

Надежда есть крепость стоящих по краям ее, справа и слева, — любви и веры... (прп. Максим Исповедник, 91, 270).

***

Надежда бывает для него <ума> необманчивою поручительницею за Божественную помощь, обещая истребление противных сил... (прп. Максим Исповедник, 91, 286).

***

Падши во глубину зол, отнюдь не отчаивайся в возможности воззвания оттуда, хотя бы ты низвергся на последнюю ступень адской злобы (прп. Никита Стифат, 93, 96).

***

В Боге сосредоточивается надежда всех спасающихся: надежда побеждающих грех силою Божию и надежда побежденных грехом на время по Божию попущению, по собственной немощи, неведению, неосторожности, по увлечению, не по намерению (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 463—464).

***

Надо не вешать рук и головы, и не подгибать колен, а бодро стоять... Не попал на дорогу... Мужаться надо... пропадешь... Имеем Спасителя Бога... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 189—190).

***

Надежда на Господа Спасителя, не уничтожая страха смерти, уничтожает убийственную его болезненность, растворяя отрезвляющее его действие на душу, преданность в волю Божию (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 29).

***

Надежду и веру нельзя иметь крепкими без дел и трудов, по делу спасения. Извольте приложить сии деятельные труды, и вера с надеждою тотчас начнут оживать (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 32).

***

Мы, христиане, не к безвестному течем. Почему, если не тяготят кого смертные грехи, несомненно веруем, что двери Царствия отверсты ему. Если же к этому присоединить и кое-какое добро и кое-какие жертвы Господа ради, то тем более сомнение не должно оставаться о блаженстве участи отходящих (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 38—39).

***

Добре творите, что питаете надежду, и упование живо. Они — луч, освещающий путь жизни и веселящий среди неизбежных теснот жизни (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 148).

****

Авва Петр, ученик аввы Исаии, рассказывал: «Когда я посетил авву в болезни и нашел его весьма страждущим,

то он, видя мою о нем печаль, сказал мне: «Что это за страдание, когда есть надежда успокоения? Но меня объемлет страх того весьма мрачного времени, если я отвержен буду от лица Божия, и никто уже не явится на помощь мне, и не будет надежды на успокоение» (98, 41).

***

Один весьма благочестивый брат имел бедную мать. Когда настал великий голод, он, взяв хлебы, пошел отнести их своей матери, и был к нему голос: «Ты заботишься о своей матери или Я пекусь о ней?» Брат, познавши силу голоса, пал лицом на землю, молясь: «Ты, Господи, имей о нас попечение», — и, встав, воротился в свою келью. На третий день пришла к нему мать и говорит ему: «Один монах дал мне небольшой пшеничный хлеб, возьми его и раздроби на малые части, чтобы нам питаться». Брат, услышав это, прославил Бога и, исполнившись надежды, по благодати Божией, преуспевал во всякой добродетели (98, 235).

***

В Константинополе жил богатый купец по имени Феодор. Однажды его корабль потонул, и погибло все его богатство. Феодор любил одного богатого еврея и, придя к нему, стал просить дать в долг золота для торговли. Еврей сказал ему, чтобы он дал залог и тогда пусть возьмет сколько хочет. Христианину нечего было дать. Идя с евреем по улице, он увидел на вратах мозаичный образ Христа, самое дорогое, что он имел, и взял Его свидетелем своим и поручителем. Еврей сказал, что если его друг действительно верует Христу, то он даст ему золота. И дал ему тысячу златниц золота.

Феодор, купив на эти деньги нужное, отправился торговать в Александрию. На обратном пути в Константинополь его корабль утонул. Еврей, услыхав о возвращении Феодора, пришел к нему, надеясь взять свое золото с прибылью, но застал его плачущим в своем доме. Услыхав о потоплении его корабля, он утешал друга и говорил, чтобы он не скорбел, но верил поручившемуся за него Христу.

Видя скорбь купца, он дал ему еще тысячу златниц, привел к вратам, и Феодор опять взял образ Христа в свидетели. Купец отправился торговать, приобрел много богатства и, радуясь, возвращался в свой город. Но и на этот раз все богатство его погибло, ибо разбился его корабль, и он ни с чем вернулся домой.

Узнав о гибели товаров Феодора и с ними и своего золота, еврей призвал его и начал поносить Христа: «Смотри, как прельстились мы, веруя несуществующему Богу. Если бы Он был Сын Божий, на Которого ты надеешься, ты бы не потерпел уже третий раз потопления». Феодор, плача, говорил еврею: «Нет, друже, не хули истинного Бога; все это случилось из-за моих грехов. Но прошу тебя, дай мне еще в третий раз золото и веруй, что ради твоего вразумления я буду спасен и твое с прибылью возвращу тебе». Еврей в третий раз дал ему тысячу златниц, и опять образ Христа Спасителя они взяли в свидетели; при этом еврей сказал Христу: «Если Ты Сын Божий, пусть спасен будет христианин и его золото, чтобы и мне веровать, если же нет, пусть не обольщаются верующие в Тебя». Феодор взял золото, пустил его в оборот, побывав во многих далеких странах, и приобрел много богатства. Возвращаясь домой, Феодор взял четыре тысячи златниц, положил их в ковчежец с письмом, в котором было написано: «Феодор христианин — моему благодетелю Аврааму иудеянину! Вот четыре тысячи златниц золота вложил я в

ковчег и надеюсь, что Христос, мой Свидетель и Поручник, вручит все это в твои руки». Запечатав ковчег, купец бросил его в море, сказав: «Господи Иисусе Христе, Ты Сам знаешь, как доставить этот ковчег моему заимодавцу».

В это время был сильный ветер. Корабли, стоявшие около берега, разбивались от напора волн, и многие жители города вышли на берег. Пришел посмотреть бушующее море и еврей, друг Феодора. И вот, когда он стоял на берегу моря, одна волна выбросила к его ногам ковчег с золотом. Взяв ковчег, Авраам принес его в свой дом и, открыв, нашел в нем письмо Феодора к нему с добавлением на еврейском языке: «Я, Иисус Христос, от Феодора христианина принес тебе золото, чтобы ты не хулил Меня. Я исполнил поручение, чтобы ты имел веру в Меня».

Когда со временем купец вернулся в полном здравии и со многим богатством, то, взяв подарки, пришел к еврею. Авраам взял подарки и, искушая его, спросил о долге. Феодор ответил, что он верит, что Христос, поручившийся за него, отдал ему золото, и оно находится в доме еврея. Еврей же сказал, что он ни от кого не получал своего золота. Тогда Феодор сказал ему, что если он не получал своего золота, то пусть подойдет к образу Христа и поклянется в этом. Но еврей убоялся и вынес письмо, положенное сверх золота. Увидев в своем письме дополнение, Феодор удивился, и они прославили Бога, а Авраам уверовал в Христа и крестился со всем своим домом (112, 127).

НАДМЕННОСТЬ

...Ныне этот змий через надмение, вселяясь в сердца, низлагает и губит род христианский (прп. Макарий Египетский, 67, 210).

***

Так бывает с иными; не имея рассудительности, приобретши же несколько упокоения и дара молитвы, начали они надмеваться, забываться и осуждать других и таким образом низринулись в преисподняя земли (прп. Макарий Египетский, 67, 210).

***

Господь знает немощь человеческую, что человек скоро превозносится; потому останавливает его, и попускает ему быть в непрестанном упражнении и волнении (прп. Макарий Египетский, 67, 211).

***

...Порок надменности большей частью служит началом худой жизни... (свт. Григорий Нисский, 25, 142).

***

Род человеческий вообще склонен к надменности, а женщины настолько более, насколько они слабее, поэтому они больше предаются этой страсти... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 348—349).

***

...Надмение правéдностью уничтожает праведность... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 312).

***

....Надмение грехами причинит нам крайний вред, и будет гораздо виновнее самих грехов (свт. Иоанн Златоуст, 45, 312).

***

Тот, кто делает что-нибудь с надменностию и поступает так, как будто он более дает, чем принимает, — тот не знает, что делает, а потому и теряет награду за такое дело (свт. Иоанн Златоуст, 47, 452).

***

...Надменным называем того, кто требует себе от ближнего больше, чем сколько ему следует, кто себя считает достойным всякой чести, а другого бесчестит (свт. Иоанн Златоуст, 48, 12).

***

В самом деле, нет ничего хуже наглой надменности. Она-то и делает нас напыщенными и в то же время раболепными, а потому в первом случае — смешными, а во втором — отвратительными, и таким образом производит зараз два противоположных порока — гордость и подлое ласкательство (свт. Иоанн Златоуст, 50, 108).

***

Если... мы искореним эту ненасытную страсть <надменность>, то будем и истинно смиренными, и высокими без всякой для себя опасности (свт. Иоанн Златоуст, 50, 108).

***

...Человек надменный... ничтожнее всех; и пузырь надувается, но пуста полнота его; оттого таких людей мы и называем надутыми (свт. Иоанн Златоуст, 53, 12).

***

Действительно, надмевающийся пред людьми легко будет надмеваться и пред Богом. Так рождаются грехи. Они часто восходят снизу вверх (свт. Иоанн Златоуст, 54, 804).

***

Если скрываешь свое поражение, то видно из сего, что ты надменен, величаясь собою в большей мере, нежели как позволяли бы и род твой, и сила твоя, и достоинство. Поэтому или приобрети скромный о себе образ мыслей, или все над тобою будут смеяться (прп. Исидор Пелусиот, 60, 7—8).

***

Проклятая воистину страсть — надменность, состоящая из сочетания двух зол: гордости и тщеславия; из коих гордость отрицается от Творца добродетели и природы, а тщеславие, как природу, так и самую добродетель, подделывает; ибо у гордого ничего не делается по Богу, а у тщеславного ничто не происходит по природе (прп. Максим Исповедник, 91, 286).

НАКАЗАНИЕ

Божию человеколюбию свойственно не молча насылать наказания, но предвещать их, угрозами призывая согрешивших к покаянию, Так предвещал Бог ниневитянам чрез <пророка> Иону, так и на согрешившего Израиля не наслал истребление молча, но, возбудив раба Своего к молитве за народ, предвозвестил, говоря: *и ныне остави Мя... и потреблю* людей сих (Исх. 32, 10) (свт. Василий Великий, 6, 161).

***

Три угрозы возвещены грешникам: плен, мертвость и схождение во ад. Ибо ***пленом*** называется ниспадение из предшествовавшей жизни по обольщению врага, который отвлек нас от райского блаженства; ***мертвостью*** — отчуждение от животворящей заповеди, а ***схождением*** в ад — отлучение от Бога за преумножение греха и за расположение противное добру (свт. Василий Великий, 6, 187).

***

Бог благ, но и правосуден. А правосудному свойственно воздавать по достоинству... (свт. Василий Великий, 9, 78).

***

Налагающему наказание с каким расположением надобно делать сие? — В отношении к Богу с расположением, какого достиг Давид, сказавший: ***видех неразумевающыя и истаях: яко словес Твоих не сохраниша*** (Пс. 118, 158), а в отношении к наказываемому с расположением, какое принял бы Отец и Врач, с состраданием и с сердоболием искусно врачующий своего сына, особливо когда присоединится скорбь и тяжел способ врачевания (свт. Василий Великий, 9, 223).

***

С каким расположением должно принимать наказание? С таким, какое прилично больному и находящемуся в опасности жизни... с полным доверием к любви и опытности наказующего, и с желанием уврачевания (свт. Василий Великий, 9, 243—244).

***

Каков тот, кто огорчается против подвергнувшего его наказанию? — Он не познал ни опасности греха, особливо со стороны Бога, ни выгоды покаяния, и не поверил сказавшему: *любяй же наказует прилежно*... (ср.: Притч. 3, 12) (свт. Василий Великий, 9, 244).

***

...Горе злым и нечестивым! Они, в наказание за дела свои, будут мучимы сатаною. Кто на земле грешил, и оскорблял Бога, и скрывал дела свои, тот будет ввержен во тьму кромешную, где нет ни луча света. Кто таил в сердце своем лукавство и в уме своем зависть, того сокроет страшная глубина, полная огня и жупела. Кто предавался гневу и не допускал в сердце свое любви, даже до ненависти к ближнему, тот предан будет на жестокое мучение ангелам <тьмы> (прп. Ефрем Сирин, 33, 106).

***

Твои удары исполнены любви; Твои наказания пламенеют щедротами; по любви Своей, когда и наказываешь, имеешь в виду только пользу (прп. Ефрем Сирин, 33, 330).

***

Жезлы наказания Твоего срезаны с древа милосердия Твоего; к чему ни коснется жезл Твой, везде удар его приносит великую пользу (прп. Ефрем Сирин, 33, 330).

***

...Твой удар поражает из любви, а не по злобе наказываешь Ты. Нашей пользы желаешь Ты, Господи, потому

что всеми способами доказываешь милосердие Свое (прп. Ефрем Сирин, 33, 331).

***

Нечестивый увлечен будет в такое место, где не слышно никакого хвалебного гласа (прп. Ефрем Сирин, 34, 44).

***

...В Божественных и в человеческих делах равно не подлежит осуждению, кто чего-нибудь не мог, но подвергается ответственности, кто не хотел (свт. Григорий Богослов, 14, 134).

***

...Наказание геенским огнем... угрожающее и уготовляемое только тем, которые живут подобно египтянам, т. е. живут худо, и не поклоняются простертию рук Христовых (свт. Григорий Нисский, 18, 285).

***

...Бог и угрожает нам наказаниями, и часто посылает их — не для того, чтобы отомстить за Себя, но чтобы нас привлечь к Себе (свт. Иоанн Златоуст, 44, 5).

***

Бог не за Себя мстит тем, которые согрешили против Него; ибо никакой вред не достигает до существа Его; но при этом имеет в виду нашу пользу, и то, чтобы мы не увеличивали своего развращения, продолжая оказывать Ему пренебрежение... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 5).

***

...Божество бесстрастно, и наказывает ли, поражает ли, делает это не с гневом, но по промышлению и великому человеколюбию, <поэтому> надлежит иметь крепкое дерзновение и уповать на силу покаяния (свт. Иоанн Златоуст, 44, 5).

***

Христос никогда не осуждал на наказание тех, которые не имеют дарований, но всегда тех, которые не оказывают праведной жизни (свт. Иоанн Златоуст, 44, 327).

***

...Почему, скажешь, одни наказываются здесь, другие там, а не все здесь?.. Потому что, если бы так было, мы все погибли бы; так как все мы подлежим наказанию. С другой стороны, если бы никто не наказывался здесь, очень многие сделались бы еще небрежнее, а многие сказали бы, что нет и Провидения; ибо если и теперь так многие богохульствуют, хотя и видят, что многие из порочных наказываются, то чего они не сказали бы, если бы и этого не было? До какого зла не дошли бы тогда? Посему Бог одних здесь наказывает, а других не наказывает... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 822).

***

...В случае болезней и ран мы оплакиваем не тех, которые лечатся, но больных неизлечимо... Грех есть то же, что болезнь и рана, и наказание — то же, что отсечение и врачевание (свт. Иоанн Златоуст, 44, 851).

***

Никогда не бойся наказания, но бойся греха, навлекающего наказание (свт. Иоанн Златоуст, 44, 851).

***

...Если Бог захочет строго взыскивать за все, что ни делается против Него, мы не проживем и одного дня (свт. Иоанн Златоуст, 45, 225).

***

Бог не сотворил наказания, чтобы подвергнуть ему нас, но — чтобы впадшего в него исторгнуть: ведь мы имеем такового человеколюбивого и милостивого Бога (свт. Иоанн Златоуст, 45, 830).

***

Кто... избавит нас от... наказания, когда мы не только далеки от той заповеди (о любви ко врагам), но не делаем даже и того, что делают мытари? (см.: Мф. 5. 46) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 31).

***

Если уже и теперь, когда есть и страх, и наказания, и мучения, люди не сохраняют любомудрия, то какими бы они были, если бы не терпели никаких тяжелых последствий за свои преступления? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 70).

***

...Закваска всякого нечестия и порока истреблена <потопом>... Видишь, как и самые наказания, Богом насы-

лаемые, являются более благодеяниями и особенно доказывают Его попечительность о роде человеческом? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 256).

***

Как лекарства для болезней, так наказания для проступков (свт. Иоанн Златоуст, 47, 747).

***

...Бог наказывает не всех вдруг и не всех по заслугам, но слегка и постепенно; и часто, наказывая одного, вразумляет чрез него многих других (свт. Иоанн Златоуст, 48, 76).

***

Когда порочные наказываются... тогда праведные делаются более внимательными, так что отсюда происходят два блага: те отстают от порока, и эти более прилепляются к добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 48, 77).

***

Наказание... с правдою есть великое спасение для виновных, подобно тому, как в теле излечение какой-либо раны служит исцелением всего тела (свт. Иоанн Златоуст, 49, 271).

***

Когда наказывает Бог, то не должно полагать надежды ни в обилии войск, ни в крепости городов (свт. Иоанн Златоуст, 49, 313).

***

...Богатые потому наказываются сильнее бедных за свою жестокость, что они и в изобилии не были сострадательны (свт. Иоанн Златоуст, 50, 539).

***

...Хотя бы мы претерпевали тяжкое наказание за прежние свои грехи, но если снова впадаем в те же пороки, то подвергнемся снова и еще тягчайшему наказанию... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 241).

***

Господь медлит наказанием не для того, чтобы совсем не подвергать наказанию, но для того, чтобы, если ты останешься неисправимым, наказать с большей строгостью... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 526).

***

...Для того <Бог> угрожает наказанием... чтобы обуздать склонность к неге (свт. Иоанн Златоуст, 52, 591).

***

...Мы дадим ответ не за свои только грехи, но и за все то, в чем мы служили соблазном для других (свт. Иоанн Златоуст, 52, 798).

***

Настоящее наказание есть более вразумление, нежели осуждение, более врачевание, нежели мучение, более исправление, нежели воздаяние (свт. Иоанн Златоуст, 53, 278).

***

...Для чего же здесь не наказывает Бог? Для того, чтобы показать свое долготерпение, и чрез покаяние доставить нам спасение, чтобы в противном случае не истребить совершенно нашего рода и чтобы не лишить спасения тех, которые чрез перемену порочной жизни на лучшую могут еще спастись (свт. Иоанн Златоуст, 53, 559).

***

Все мы (если сотворим зло) одинаково лишимся Царствия; но наказание в геенне потерпим не все одно и то же, а одни — большее, другие — меньшее <в зависимости от сотворенного> (свт. Иоанн Златоуст, 54, 39).

***

...Нужно плакать и скорбеть не о тех, кто подвергается наказанию, — они ведь влекутся к здравию, — а о тех, кто грешит безнаказанно (свт. Иоанн Златоуст, 55, 537).

***

...Безнаказанность наших грехов приносит нам не меньше вреда, чем самые грехи. Поэтому Он <Бог> и налагает наказание, не только для того, чтобы наказать за прошедшее, но и для того, чтобы исправить на будущее время (свт. Иоанн Златоуст, 55, 677).

***

Кто имеет ум и любит Господа, как должно любить, для того бывает больше утешения, если он подвергается наказанию после того, как прогневит столь Милосердого, нежели в том случае, когда он не терпит наказания (свт. Иоанн Златоуст, 55, 680).

***

Для наказания достаточно удаление от Бога... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1152).

***

Человек нечестивый и беззаконный не может остаться не наказанным, потому что злобою своею не мог <не> повредить праведнику. Ибо терпение и добродетель праведника привлекает награду не тому, кто был причиной его мучений и смерти, но тому, кто великодушно перенес оные. Первый справедливо накажется за зверскую жестокость, по которой он хотел сделать зло, хотя последний и не потерпел от сего никакого зла; потому что терпеливо перенося искушения и скорби, через эту добродетель души своей, он все причиненное ему со злым намерением обратил к улучшению своего состояния и к приобретению блаженства будущей жизни (авва Феодор, 56, 267).

***

Наказание за грехи, какое налагает Бог для нашего исправления, не гневом и не негодованием должно называть, а паче вразумлением. Если же некоторые почитают сие и гневом, то и сим самим возвещают Божие человеколюбие, полагая, что Бог снисходит до состояния страстного ради людей, для которых соделался Он и человеком (прп. Исидор Пелусиот, 60, 198).

***

...Погрешающему в делах великих и осуждение необходимо будет такое же, какова была бы награда соблюдшему служение свое неукоризненным (прп. Исидор Пелусиот, 60, 299).

***

Если, согрешив в чем-либо сносном и удобоисцелимом, потерпим здесь что-либо тяжкое, то сим загладим грехи. Если же согрешим, поступив бесчеловечно и непростительно, то, если и понесем наказание здесь, несмотря на сие, подвергнемся наказанию и там, впрочем более легкому; а если избежим здесь наказания, там потерпим ничем не смягченную и не облегченную казнь (прп. Исидор Пелусиот, 61, 234).

***

...Если некоторые избежали <наказания в сей жизни>, то на зло своей же голове, потому что, отшедши из сей жизни, понесут там тягчайшее наказание (прп. Исидор Пелусиот, 62, 231).

***

Когда терпишь наказание от Бога, не ропщи, потому что Он, хотя и наказывает, но как Отец, и достоин благодарения, как Благодетель... (прп. Нил Синайский, 72, 243).

***

...Бог карает тебя кичливого, чтобы, пришедши в сознание, показал ты в себе перемену на лучшее (прп. Нил Синайский, 73, 197—198).

***

...Не будем негодовать, малодушествовать и падать духом, когда Господь насылает на нас, что прилично нам (прп. Нил Синайский, 73, 221).

***

Каждому тяжесть наказания соразмеряется с намерением его и пристрастием ко греху (прп. Исаак Сирин, 58, 41).

***

...Если случится, что иной радеющий о добродетели искушен будет каким-либо прегрешением, то, без сомнения, близка к нему милость, чтобы загладить его грех (прп. Исаак Сирин, 58, 41).

***

Если все святые были причастны обучительному наказанию, то будем вместе с ними благодарны и мы, когда обучительно наказаны бываем, чтоб сподобиться быть причастными и славы их. ***Егоже любит Господь, наказует, биет же всякого сына, егоже приемлет*** (Притч. 3, 12), (прп. Максим Исповедник, 91, 251).

***

<Те>, которые не соделаются здесь причастными Христу, или обесчестят сие причастие Христу противною тому жизнью, т. е. не поживут по Христу, все такие находятся в опасности подвергнуться там неотменимой уже каре — тягчайшей смерти (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 56).

***

...Не будем впадать в малодушие от Божиего наказания, но, как говорит Псалмопевец, будем до конца исправлять себя благодатию и человеколюбием Господа на-

шего Иисуса Христа... (см.: Тит. 3, 4—5)(свт. Григорий Палама, 26, 30).

****

При жизни святого Андрея, Христа ради юродивого, в Царьграде жил лютый грешник, грабивший мертвецов. Однажды, узнав о погребении в уединенном месте дочери вельможи, он отправился к ее могиле с целью снять с нее драгоценные одежды. На пути встретил его святой Андрей и, предузнав о нечестивом деле, начал уговаривать его не делать этого, в противном же случае угрожал Божиим наказанием. Вместо того, чтобы послушаться святого, тот посмеялся над ним и пошел, куда задумал. Отвалив камень от пещеры, в которой была погребена девица, он раскрыл ее гроб, снял с нее саван, затем драгоценную одежду и, наконец, не устыдился и совсем обнажить ее — взял последнюю рубашку. Но в то самое время, когда он заканчивал свое гнусное дело, повелением Божиим умершая встала из гроба и правой рукой ударила его по лицу, и он тотчас же лишился зрения. «Окаянный! — сказала она. — Хоть бы из-за стыда ты оставил мне последнюю из одежд. Но теперь не будешь красть никогда! И с этого дня узнаешь, что есть Бог, жив Иисус Христос, есть Суд и будет воздаяние по смерти». Ослепший вор после этого волей-неволей оставил свое ремесло и начал кормиться подаянием. Часто жестоко он упрекал себя за свою прежнюю жизнь. «Будь ты проклята, — говаривал он иногда, — моя ненасытная жадность, ради тебя я получил эту ужасную слепоту». Худо тому, кто живет в праздности и занимается воровством (112, 101).

***

Эрон, благовоспитанный юноша, родом из Александрии, безупречной и весьма добродетельной жизни, с прекрасными дарованиями, после великих трудов и подвигов поднялся на мечтательную высоту безумного надмения. Движимый суетным кичением, он возгордился пред святыми отцами и стал поносить всех, в том числе и блаженного Евагрия, говоря: «Последующие твоему учению заблуждаются, потому что не должно следовать другим учителям, кроме Христа». Злоупотребляя еще и свидетельством Слова Божия с превратною целью подкрепить свое безумие, говорил, что Сам Спаситель сказал: «Не нарицайте учителя на земли».

Надобно сказать правду, что, по рассказам людей, живших с Эроном, жизнь его была необыкновенно строгой и точно подвижническая. Некоторые говорили, что часто он принимал пищу через три месяца, довольствуясь одним приобщением Святых Таин, и разве еще что-то, если попадался ему дикий овощ.

Лукавый демон, наконец, так возобладал над ним, что он не мог жить в своей келье, как будто сильный пламень гнал его. Эрон отправился в Александрию, конечно, по Промыслу Божиему. Там он стал посещать зрелища, конские бега и проводить время в корчемницах. Предаваясь таким образом чревоугодию и пьянству, он впал в нечистую похоть любострастия. От нечистоты жизни открылась у него злокачественная болезнь, которая страшно мучила его полгода. Когда сделалось ему легче, он пришел в доброе чувство и возжелал вновь приобщиться к небесной жизни, исповедовал все, что было с ним, пред святыми отцами и через несколько дней скончался (101, 106).

***

Блаженный Геннадий, патриарх Константинопольский, отличался величайшей кротостью, чистотою и воздержанием. Однако было время, когда многие жаловались ему на одного клирика, по имени Харисим, весьма дурного поведения. Патриарх пытался вразумить его, но никакие вразумления на него не действовали; приказал наказать по правилам отеческим и церковным — наказание не принесло ни малейшей пользы: дело дошло до волхования и убийства...

Тогда патриарх призывает к себе одного из апокризиариев[1] и посылает его к святому Елевферию, в храме которого Харисим был чтецом, и поручает сказать ему: «Святой Елевферий, один из твоих воинов много грешит. Или исправь его, или отлучи!» Апокризиарий отправился в храм святого мученика Елевферия и стал пред жертвенником. Обратясь к гробнице мученика, простер руки свои и воскликнул: «Святый мучениче Христов, патриарх Геннадий объявляет тебе через меня грешного: твой воин много грешит, или исправь его, или отлучи!» И на другой день нечестивец был найден мертвым... все были поражены происшедшим и прославили Бога (102, 172).

***

По удалении преподобного Дионисия из обители принадлежащее ему место, известное тем, что там находилась пещера с живительным источником воды, занял пастух. Он построил себе шалаш и скотный двор. Ученики препо-

[1] Апокризиарий — титул высшего духовного лица в IV в.; являлся временным или постоянным представителем епископа или папы, должен был посвящать во епископов и в то же время управлять государственными делами.

добного напрасно просили его вернуться. Наконец преподобный возвратился и, узнав о пастухе, кротко убеждал того оставить обитель и не отнимать достояния иноческого; но пастух не захотел услышать его просьбы и, вместо повиновения, стал еще более досаждать старцу. Тогда преподобный предостерег его: «Если есть воля Божия жить здесь инокам, то ты увидишь это». И нечестивый пастух вскоре увидел следствие своего безрассудства.

Однажды, когда стада его рассыпались по пустынным пажитям вокруг монастыря, от скалы отторгся огромный камень и передавил значительную часть овец. Мало того: в его стадах день ото дня увеличивался падеж, так что в краткое время он лишился всех стад и сам впал в тяжкий недуг, от которого никакие средства не могли восстановить его. Когда же о его несчастии узнали соседи и выведали о причине недуга, то посоветовали обратиться к преподобному и просить у него прощения и исцеления. Больной так и сделал. Преподобный, тронутый его страданиями, благословил его и в течение седмицы, питая братскою трапезою, совершенно возвратил ему здравие (95, 46).

***

Преподобные Савватий и Герман, водрузив крест, поставили келью и поселились на Соловецком острове. Господь, к утешению пустынников, особым образом показал предназначение этого острова.

Прибрежные жители стали завидовать преподобным, считая себя наследственными владельцами всего прибрежья и островов Белого моря. И вот, по общему совету, один рыбак с женою и со всем домом приплыли на остров и поселились недалеко от кельи иноков. Преподобные Савватий и Герман не прерывали порядка своей жизни. Как-

то в воскресный день, рано утром, окончив келейное правило, о. Савватий с кадильницею вышел из кельи покадить крест, водруженный по прибытии на остров, и услышал громкий плач как бы лица, подвергаемого биению. В ужасе преподобный возвратился в келью и рассказал своему другу о слышанном вопле. Преподобный Герман, выйдя из кельи, также услышал стоны и крики и, достигнув места, откуда они раздавались, нашел плачущую женщину, которая рассказала ему следующее: «Когда я шла на озеро к своему мужу, встретили меня двое светлых юношей: схватили и стали бить прутьями, требуя, чтобы ушли мы с этого места, что нам нельзя здесь жить, потому что, по воле Божией, оно предназначено для проживания иноков. После этого юноши сделались невидимыми». Герман, возвратившись в келью, передал Савватию все слышанное от женщины, и оба прославили Бога.

Между тем рыбак, устрашенный видением, взяв жену и свое имущество, отплыл обратно в село, где прежде жил. С этого времени никто из мирских людей не дерзал селиться на острове (113, 20).

***

Один из прежних знакомых преподобной мученицы Евдокии, именем Филострат, вспомнив о прежней греховной жизни ее, по суетному искушению диавола, облекся в монашеское одеяние и, взяв с собою немного золота, пришел в то место, где пребывала Евдокия.

Войдя к ней с желанием убедить ее вернуться к прежней жизни и увидев Евдокию в смиренном виде, на войлочном ложе на полу, он с гневом сказал ей: «Что это значит, Евдокия? Кто тебя, бывшую в царском положении и воеводском могуществе и блестяще жившую в величайшем городе, прельстил обратиться к такому смирению и

отказаться от всех твоих дел и имений? Ныне весь наш город рыдает по тебе. Послушай меня, госпожа моя Евдокия, и не презри всех обращающих через меня свои просьбы к тебе, и пойди со мною; отринув сию смиренную одежду, голод и губительное подвижничество, возвратись к прежней жизни и наслаждайся, как прежде. У тебя нет никого гонящего или унижающего тебя. Зачем ты раньше времени губишь себя?..»

С негодованием слушала Евдокия его слова. Когда тот, высказав все, хотел выйти, она, гневно взглянув на него, дунула ему в лицо, сказав: «Да накажет тебя Господь Иисус Христос, праведный Судия, рабою Которого я, недостойная, удостоилась называться, и да не даст тебе возвратиться туда, откуда ты пришел, поскольку ты сын диавола». При этих словах он упал и испустил дух. Видя это, девы начали говорить между собою: «Что же это значит, человек тотчас умер от дуновения ее, очевидно, она угодила Богу больше нас. Ибо если бы она не обладала таким великим даром, то не умер бы человек от дуновения ее. И что нам делать ныне? Царь, как язычник, услышав сие, может послать войско и сжечь монастырь наш».

Одна из них сказала: «Помолчим сей вечер, а ночью помолимся Господу, и Христос откроет нам причину происшедшего». Когда миновала ночь и девы хотели начать псалмопение, блаженная Евдокия узрела в видении Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего ей: «Встань, Евдокия, прославь Бога твоего и, преклонив колена и помолившись, воздвигни пришедшего к тебе по внушению диавола; тогда познаешь силу Христа, в Которого ты уверовала, ибо по совершении тобою сего знамения большая благодать снизойдет на тебя». Блаженная Евдокия, пробудившись и усердно помолившись Господу в течение многих часов, воскресила умершего. Филострат, воскреснув и немного

придя в себя как бы от сна, узнал, какою силою он воздвигнут, и, бросившись к ногам блаженной, умолял ее, говоря: «Молю тебя, праведная Евдокия, истинная раба Великого Бога, прими меня, кающегося в нечестивых словах, которыми я согрешил пред тобою, ибо я познал, сколь сильному Богу служишь ты». Блаженная Евдокия говорит ему: «Иди с миром путем твоим, поскольку Господь посетил тебя милостью Своею, и ты не чуждайся веры в Бога моего» (108, 25).

***

Однажды святитель Иона, митрополит Московский, исцелил молитвою от смертной болезни дочь великого князя Василия Васильевича. Один человек не поверил чуду и говорил, что великая княжна не по молитвам святого исцелилась, а просто похворала, да и выздоровела. Святитель призвал не верившего и сказал ему: «Чадо, не сомневайся нисколько относительно исцеления княжны, ибо невозможное от человека, возможно суть от Бога. Княжна сверх чаяния выздоровела ради веры благочестивых родителей». Но хулитель не унимался. Чем же кончилось? По попущению Божию он внезапно упал на землю и сделался безгласным, а вскоре и душу изверже, яко дерзнув похулением искусити Духа Святаго. Наказание страшное. Но не постигает ли таковое и нынешних неверующих — хулителей великих дел Божиих? Да, постоянно постигает, кто, как не подобные хулители, то и дело умирают без покаяния? А разве это не то же, что и внезапная смерть? Конечно, то же, даже еще хуже, ибо нераскаянных грешников в будущей жизни ждет другая, несравненно горшая смерти телесной, — смерть вечная, смерть души, вечное разлучение с Богом, вечный мрак, вечное мучение (112, 657).

***

В одном из городов ливанской Финикии был комедиант Гаий. Он, оскорбляя Пресвятую Богородицу, представлял Ее в театре. И вот явилась ему во сне Богородица и говорит: «Какое зло Я причинила тебе? За что ты издеваешься и поносишь Меня?» Пробудившись, комедиант не только не образумился, но еще более поносил Ее. Снова явилась ему Пресвятая Богородица и, вразумляя его, произнесла те же слова. Но и это не подействовало на несчастного. В третий раз явилась ему Пречистая с тем же вразумлением, но комедиант не подумал исправиться. Наконец, однажды, во время полуденного отдыха Она явилась ему и, не сказав ни слова, одним только перстом провела черту по его рукам и ногам. Проснувшись, он почувствовал, что у него отнялись руки и ноги и лежали без движения, как бревна... Всем показывал себя несчастный, громко исповедуя свое нечестие, за которое воспринял достойное возмездие, и то еще ради человеколюбия... (102, 63).

***

В Киеве проживала молодая вдова, у которой был единственный сын, мальчик десяти лет. В нем она души не чаяла и буквально его боготворила. Однажды у нее за столом сидели гости. Речь зашла о красоте природы и Божием величии. Вдова, слыша такие слова, указала на своего сына, который сидел здесь же и ел котлету: «Вот мой бог и мое сокровище. Никого другого я не признаю». Не успела она произнести это, как раздался ужасный крик. Мальчик подавился котлетой и тут же, через несколько минут, скончался. Лицо его было искажено смертельным страданием. Отчаянию матери не было предела. Измученная, с истерзанной душой, она ходила по дому,

как безумная. Мальчика приготовили к погребению. Няня заметила, что на груди у него нет креста, и, обращаясь к матери, сказала: «У Володи нет креста. Может, повесить ему крест на шею?» Но мать, услышав слово «крест», поспешно отвечала: «Нет, не нужно, к чему его вешать на грудь» — и вышла в соседнюю комнату. Няня, как глубоко верующий человек, не могла примириться с мыслью, чтобы ребенок был погребен без креста. Она сняла с себя крест, который берегла от дней своего младенчества, и с глубоким благоговением возложила его на грудь отрока. И вдруг, о чудо! Лицо мальчика, до этого обезображенное конвульсиями, вдруг просветлело и улыбнулось. Няня, видя такое чудо, залилась горячими слезами умиления. Мать, слыша плач няни, вошла в комнату и, видя улыбающееся лицо сына, вскрикнула: «Он жив, он жив!» — «Нет, Володя мертв. Но после того как я возложила на него свой крест, благодать Божия просветила миром его душу и тело». Тогда мать, видя силу знамения креста Господня, засвидетельствованную улыбкой на мертвом лице отрока, признала в этом знамении явление благодати Божией. Припав к иконе, она со слезами умиления и раскаяния молилась о прощении своих согрешений и упокоении сына (114, 119).

НАСЛАЖДЕНИЯ

Все наслаждения вредны рабам Божиим, и за них-то они страдают и терпят наказания (св. Ерм, 94, 214).

***

Под <наслаждениями>... сидит общий враг, выжидая, не совратимся ли когда с правого пути, прельщенные видимым, и не уклонимся ли к его засаде. И весьма опасно,

что когда-нибудь, подойдя к сему неосторожно и не почтя вредною приятность наслаждения, проглотим в первом вкушении сокрытую уду коварства, а потом чрез нее, волею или неволею, сделаемся привязанными к таким вещам, и неприметно увлечемся сластолюбием на страшное перепутье к этому разбойнику, т. е. в смерть (свт. Василий Великий, 8, 278).

***

Наслаждению предшествует похоть, а за наслаждением следует печаль. Итак, рассуди, что по наслаждении приходит печаль. И бегай греха, представляя в мысли стыд от людей, а паче того страх Господень (прп. Ефрем Сирин, 31, 265—266).

***

Не попустим себе до того забываться в наслаждениях, чтобы пренебрегать самое человеколюбие Бога, Который раздражается сим, хотя и не вдруг, не тотчас по преступлении наводит гнев свой на грешников (свт. Григорий Богослов, 13, 28).

***

...Как пишущие на воде, хотя производят рукою письмена, начертывая на влаге изображения букв, но ни одно из начертаний не остается в своем виде, старание же написать ограничивается одним действием писания; потому что за пишущей рукой следует всегда поверхность воды, сглаживающая начертанное: так все старание о наслаждении и вся деятельность обнаруживаются в том, что делается это. А с прекращением действия и наслаждение изглаждается, и не сберегается ничего на последующее время, и в усладившихся не остается никакого следа веселия или ос-

татка в удовольствии прошедшей деятельности (свт. Григорий Нисский, 19, 273).

***

...Когда страсть обладает тобою, мы показались бы тебе пустословами, если бы наслаждение назвали горьким; когда же ты, по благодати Божией, освободишься от недугов, тогда верно узнаешь и злокачественность его <наслаждения> (свт. Иоанн Златоуст, 44, 15).

***

Какая, в самом деле, польза от наслаждения земного? Сегодня оно есть, а завтра его нет; сегодня оно — цвет красивый, а завтра — прах рассеянный; сегодня — огонь пылающий, а завтра — пепел остывший (свт. Иоанн Златоуст, 51, 291).

***

...Страсть к телесному наслаждению происходит в нас необходимо, как происходящая необходимо, она и обуздывается с великим трудом, потому что она внедрена в нас от природы (свт. Иоанн Златоуст, 54, 869).

***

...Кто плачет о том, что его постигла скорбь, тот любит наслаждения (прп. Марк Подвижник, 69, 21).

***

...Окаянен, кто замыкает уши свои, любя суету и ища мимолетных услаждений плотских (прп. Феодор Студит, 92, 326).

***

Невозможно нам, пребывая в плотских наслаждениях, пребывать вместе с тем в состоянии духовном. Потому-то Господь непрестанно преподает возлюбленным своим Чашу Свою. Ею поддерживает в них мертвость для мира и способность жить жизнию Духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 549).

***

Предаваясь пиршествам и увеселениям, вы губите сами себя, вы порабощаете дух телу, вы заглушаете, умерщвляете душу, забываете о Боге, о вечности, утрачиваете самую веру (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 236).

***

Сын мира и века сего, живущий в так называемом неизменяемом благополучии, утопающий в непрестанном наслаждении, развлекаемый непрестанными увеселениями — увы! Забыт, отвергнут Богом (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 365).

НАСМЕШКИ

Не смейся и не осуждай впадшего в искушение, но чаще молись, чтоб самому не впасть в искушение (прп. Ефрем Сирин, 31, 113).

***

Береги сам себя, а над падением другого не смейся (свт. Григорий Богослов, 16, 210).

***

...Какой... вред человеку от поношения и насмешек со стороны подобных ему людей, когда Создавший сердца наши и Разумеющий все дела наши прославляет и венчает его? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 218).

***

Если Сократ, этот законодатель аттических учений, и, потерпев побои, не мстил за сие; то почему ты приходишь в смятение, потерпев... только насмешку? Если будешь поступать любомудренно, то сам ты приобретешь Сократову славу, потерпев меньшее Сократова поругание, а оскорбивший тебя, как стрелою уязвлен будет твоим великодушием или даже, может быть, переменится у него и грехолюбивое сердце, и грехолюбивый язык. И тогда воздаст тебе благодарность, как виновнику такой перемены (прп. Исидор Пелусиот, 60, 7).

***

Не насмехайся над человеком, и во всю свою жизнь не потерпишь насмешки (прп. Нил Синайский, 72, 244).

****

В июне 1881 года в обители преподобного Сергия оказался один приходской священник, некто о. Димитрий, со своей супругой и дочерью Марией. Он поведал наместнику Лавры архимандриту Кониду о великой милости Божией, явленной им и их дочери преподобным Сергием.

Дочь наша Мария, рассказывал он, поехала погостить к помещику нашего прихода и его дочерям. Однажды после обеда девицы вышли на балкон. В это время к балкону

подошел немой мальчик попросить милостыню. Мария, по своему легкомыслию, стала шутить над ним, и он, огорченный, в слезах отошел от балкона. На другой день, утром, дочь наша, проснувшись, к ужасу своему, почувствовала себя немой, о чем, плача, письменно объяснила хозяину дома. Все были перепуганы этим несчастьем и тотчас же послали за мной. Я с нею немедленно отправился в Москву, был у многих врачей, и все они нашли, что язык у больной ничем не поврежден, и недоумевали о ее болезни. Прошло несколько месяцев. Я обратился к Богу с мольбой об исцелении своей дочери. Однажды ночью я и жена моя слышим, что дочь во сне с кем-то разговаривает: мы спешим в комнату больной и тихо подходим к кровати со свечами. В это время Мария пробудилась и говорит нам: «Папочка и мамочка! Какой я видела сейчас дивный сон. Я видела пришедшего ко мне старца неописуемой доброты. Он мне сказал: «Ты наказана немотою за то, что насмеялась над немым мальчиком, но, по предстательству к Богу преподобного Сергия Радонежского, тебе возвращается дар слова. В благодарность за это сходи со своими родителями пешком в обитель преподобного Сергия и поблагодари за милость Божию к тебе».

«Этот долг нами исполнен сегодня», — заключил свой рассказ о. Димитрий. Описанное чудо имело предостерегающее влияние и на остальных детей Муретовых, которые с этого момента хранили великую осторожность в обращении со сверстниками (114, 19).

НАСТАВЛЕНИЯ

Без вопрошения братии отцы не говорили (наставления) служащего ко спасению души, но считали это за

празднословие. И поистине так, ибо когда мы думаем, что больше знаем нежели другой, тогда мы сами по себе произносим слово... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 190).

***

Если ты и сведущ, не отвергай наставления мужей святых, потому что и это есть плод знания (прп. Ефрем Сирин, 30, 184).

***

Ничто не приводит так душу ко спасению и не делает ее столько бодрою к трудам, как если найдется учитель, который проповедует добродетель самим делом, по слову Сказавшего: *Мене смотрите, и такожде творите* (Суд. 7, 17) (прп. Ефрем Сирин, 30, 329).

***

Когда заметишь в себе, что скучно для тебя чтение Божественных Писаний, и неохотно слушаешь духовные наставления; тогда знай, что душа твоя впала в тяжкую болезнь. Ибо это — начало зломудрия, которым болевшие пожали плод смерти (прп. Ефрем Сирин, 30, 340).

***

Кто хочет для других служить зеркалом, тому предварительно надобно рассмотреть себя самого (прп. Ефрем Сирин, 34, 299).

***

Больной врач не стыдится лечиться собственными своими врачевствами; да не стыдится и наставник принимать спасительное вразумление (прп. Ефрем Сирин, 34, 300).

***

...Кто делает наставление, да не оскорбляет наставляемого, да вразумляет же и научая, и умоляя (прп. Ефрем Сирин, 34, 300).

***

Если не умеешь читать, не отходи оттуда, где можно слушать и получать пользу; ибо написано: ***аще узриши мужа разумна, утренюй к нему, и степени дверий его да трет нога твоя*** (ср.: Сир. 6, 36). Сие полезно не только не умеющим читать, но и умеющим; потому что многие читают и не знают, что читают (прп. Ефрем Сирин, 90, 467).

***

...Наставление к прекрасному не бывает без Божиего совета (свт. Григорий Нисский, 19, 26).

***

...Непрерывное наставление внимательным полезно и спасительно, а нерадивым вредно и опасно (свт. Иоанн Златоуст, 45, 148).

***

Кто пользовался большим наставлением, тот, нарушив закон, должен подвергнуться и большему наказанию (свт. Иоанн Златоуст, 52, 328).

***

Тот, кто ревностно занимается научением ближнего, не столько оказывает благодеяние последнему, сколько себе

самому предуготовляет большую награду и приобретает двойную пользу: и от Бога получает большее воздаяние и сам, когда принимается учить брата, начинает вспоминать и постоянно освежать в памяти свои слова (свт. Иоанн Златоуст, 55, 517).

***

...Наставление никогда не будет действительно, если наставник не вкоренит оного в сердце наставляемого собственным примером своим (прп. авва Херемон, 56, 370).

***

Кто со страхом Божиим вразумляет и наставляет согрешающего, тот приобретает себе противоположную проступку добродетель (прп. Марк Подвижник, 89, 578).

***

Когда пожелаешь наставлять кого на добро, упокой его сперва телесно и <тогда> почти его словом любви (прп. Исаак Сирин, 58, 412).

***

Кто немощен душою и исправляет друзей своих, тот подобен человеку, который слеп глазами и указывает другим дорогу (прп. Исаак Сирин, 58, 419).

НАЧАЛЬСТВО

Рассмотри окружающее тебя и знай, что начальники... имеют власть над телом только, а не над душою, — и всегда содержи сие в мысли своей. Почему, когда они приказывают, например, убить или другое что сделать не-

уместное, неправедное и душевредное, не должно их слушать, хотя бы они мучили тело. Бог создал душу свободною и самовластною, и она вольна поступать как хочет — хорошо или худо (прп. Антоний Великий, 89, 67).

***

...Начальник должен, как отец, пекущийся о своих законных детях, обращать внимание на нужды каждого, и, по возможности, употреблять приличное врачевание и попечение, и поддерживать с любовию и свойственным отцу доброжелательством каждый член, действительно немощствующий по душе или по телу (свт. Василий Великий, 9, 384).

***

Мудрый муж отказывается давать, а не получать приказания, исполняя заповедь Сказавшего: ***иже аще хощет в вас вящший быти, да будет вам слуга...*** (Мф. 20, 26) (прп. Ефрем Сирин, 30, 142).

***

Если все захотим приказывать и начальствовать, кто будет подчиненным, или повинующимся? (прп. Ефрем Сирин, 30, 142).

***

...Кто сопротивляется начальнику, который есть отмститель зла, тот Божией воле противится (прп. Ефрем Сирин, 36, 51).

***

...Ничего нет хуже безначалия, подобно тому как нет ничего ненадежнее корабля, который не имеет кормчего (свт. Иоанн Златоуст, 49, 42).

***

<Худой начальник> — это хуже и гораздо бедственнее безначалия, потому что, кто не имеет начальника, тот лишен руководителя, а у кого худой начальник, тот имеет ввергающего в пропасть (свт. Иоанн Златоуст, 49, 43).

***

Подчиненный даст ответ только за себя самого, а начальник и за себя самого и за народ, который вверен его власти (свт. Иоанн Златоуст, 49, 49).

***

...Ничто столько не выказывает с хорошей стороны начальника, как любовь к подчиненным (свт. Иоанн Златоуст, 53, 609).

***

Начальство бывает различных родов: одно то, которым люди начальствуют над народами и городами, устрояя гражданскую жизнь... Другое же начальство — то, которым каждый разумный (человек) начальствует над самим собой... Но у нас есть еще и иное начальство, гораздо высшее начальства гражданского. Какое же? Начальство в Церкви... Это начальство настолько превосходнее граждан-

ского, насколько небо выше земли, и даже гораздо более (свт. Иоанн Златоуст, 53, 610—611).

***

Начальник должен быть светлее всякого светильника и вести жизнь безукоризненную, так чтобы все смотрели на него и по его жизни устрояли свою собственную жизнь (свт. Иоанн Златоуст, 54, 683).

***

Ты начальствуешь над многими людьми? Но какая в том польза, когда ты властвуешь над людьми, а сам состоишь пленником и рабом страстей? Ты раб всяких страстей и гордишься тем, что властвуешь над равными тебе по происхождению? О, если бы ты властвовал над первыми и был равен с последними! (свт. Иоанн Златоуст, 55, 600).

***

Правильное управление и правильное подчинение есть дело мудрого и высший дар Святаго Духа, потому что спасительные правила может постановлять только опытный в добродетели и истинно покоряться старшему может только богобоязненный и смиренный (прп. Иоанн Кассиан, 56, 14).

***

...Избирают в начальники только того, кто научился сам делать то, что он будет приказывать подчиненным своим, и кто сам оказал старшим то послушание, которое будет требовать себе от младших (прп. Иоанн Кассиан, 56, 14).

***

...Если хочешь быть другом Божиим, <то> управляй с твердостью, оказывая справедливость не за дары, не по дружбе, но по достоинству (прп. Исидор Пелусиот, 60, 170—171).

***

Почто гордится земля и пепел (Сир. 10, 9)? Чем высится тление? Почему много о себе думает и превозносится тень? Чем надмевает тебя мечтательная власть? Как не обратишь внимания на оканчивающих жизнь срамно? Как не поревнуешь проведшим ее с пользой? Но скоротечное властвование почитаешь как бы нескончаемою властью (прп. Исидор Пелусиот, 60, 274).

***

Весьма стыдно, желая повелевать подчиненными, оказаться самому не имеющим сил управлять собою (прп. Исидор Пелусиот, 60, 288).

***

Ничего невозможно совершать столько славного у людей и столько похвального пред Богом, как прийти в состояние делать, что хочешь, а хотеть и делать всегда то, что человеколюбиво. Итак, поелику сие — прийти в состояние дается с правом начальствовать, то сраствори с ним человеколюбие, чтобы и после начальствования быть прославляемым. Если же будешь уступать гневу и злоупотреблять властью, то помрачишь славу свою, и оставишь во всех мысль о твоем зверстве. Ибо удостоивать снисхождения падших — дело Божественное, а немилосердно мучить все, что под ногами, — дело зверское и змеиное. Кто

же, оставив сие, т. е. подражание Божеству, захочет уподобляться пресмыкающимся по земле? — Никто, если только не пренебрег он и страх Божий, и мнение людей (прп. Исидор Пелусиот, 60, 289).

***

Слух твой... да будет отверст и готов к просьбам утесняемых нищетою или властительством других... а к сплетням злоречивых и клеветников храни его заключенным и недоступным, строгим взором останавливая их стремление говорить худое (прп. Исидор Пелусиот, 60, 381).

***

<Начальникам> ничто так не полезно... как благочестие... Посему, его поставив целью, старайся направлять ладью начальствования, чтобы подначальные, сколько от тебя зависит, пребывали необуреваемыми. Если дело это требует трудов, то имеет оно и радости... (прп. Исидор Пелусиот, 60, 398—399).

***

Начальник обязан говорить послушнику должное; а когда он ослушивается его, то предвозвещать ему скорби, которые за сие посылаются (прп. Марк Подвижник, 69, 41).

***

Настоятельствующий над братством великим наречется на небесах, если достойно будет управлять подчиненными ему (прп. Феодор Студит, 92, 131).

***

Всякий... ищущий славы Божией и во всяком деле всячески подвизающийся творить не свою, а Господню волю, никогда не возмечтает властвовать над кем-либо другим или представлять себя высшим кого... Но те, которые не имеют такого расположения, но ищут человеческой славы и жаждут богатства и утех, такие (стыдно поистине сказать) суть язычники, а не христиане настоящие... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 488).

****

В обители отца Феодосия жил старец по имени Патрикий. Говорили, что ему было 113 лет. Старец отличался кротостью и смирением. Тамошние отцы рассказывали об этом добродетельном старце, что прежде он был игуменом обители Абазинской, но отказался от игуменства, боясь ответственности. «Только великим людям под силу пасти словесных овец», — говорил он. Пришел в обитель Феодосия, чтобы жить в послушании, рассудив, что это гораздо полезнее для души (102, 89).

***

В монастыре «Башен» жил один старец. После кончины настоятеля обители братия желали избрать его игуменом как великого и богоугодного мужа. Старец умолял их не делать этого. «Оставьте меня, отцы, оплакивать мои грехи. Я вовсе не таков, чтобы заботиться о душах других. Это дело великих отцов, подобных авве Антонию, Пахомию, святому Феодору и другим», — говорил он. Однако не проходило дня, чтобы братия не убеждали его принять

игуменство. Старец продолжал отказываться. Наконец, видя, что братия неотступно просят его, сказал: «Оставьте меня помолиться три дня, и что будет угодно Богу, то и совершу». Тогда была пятница, а в день воскресный, рано утром, старец скончался (102, 15).

***

Авва Арсений говорил: «Сырой кирпич, положенный в основание дома недалеко от реки, не продержится там и одного дня, а обожженный лежит, как камень; так и человек, питающий плотские помыслы и не имеющий, подобно Иосифу, страха Божия, сокрушается, как скоро получит власть, ибо много искушений для таких людей, если они живут в обществе. Потому, зная скудость сил своих, хорошо бежать от ига начальства, впрочем, твердые в вере бывают непоколебимы. Если бы кто стал говорить о святейшем Иосифе, тот сказал бы, что он был неземной человек. Каким он подвергался искушениям? И в какой стране? Там же не было и следов богопочитания. Но Бог отцов всегда был с ним и избавлял его от всякой напасти, и ныне он в Царстве Небесном с отцами своими. Итак, начнем подвиг, познав наперед меру своих сил: ибо при том едва можем избежать Суда Божия» (97, 182).

НЕВЕРИЕ

Однажды преподобный Давид сидел в своей келье, и ему предстал Ангел Господень, возвестивший следующее:

— Давид, Господь Бог простил тебе грехи твои, отселе ты будешь совершать знамения.

— Не могу поверить, — отвечал он Ангелу, — что в столь короткое время я заслужил прощение моих грехов, которые многочисленнее песка морского.

— Если я не пощадил Захарию, не поверившего мне, когда я возвестил ему о рождении сына, но связал язык его в наказание за неверие словам моим, пощажу ли тебя? — сказал Ангел. — Отныне ты лишен будешь дара слова...

— Как?! Когда я был в мире и совершал безбожные дела и кровопролитие, — вскричал Давид, бросившись к ногам Ангела, — я мог говорить, а теперь, желая служить Богу и возносить Ему хвалу, теперь ли свяжешь мой язык?!

— Ты не будешь лишен дара слова во время Божественной службы, а во все остальное время будешь молчать навсегда!

Так и было. И много знамений явил Бог чрез него. Он пел псалмы, но других речей — ни длинных, ни кратких — никто не слыхал от него (102, 132).

***

Преподобному Дионисию случилось быть в местечке, называемом Турия, для исповеди тамошних христиан, так как они питали чувство особенного благоговения и преданности к нему. Однако был там один давний враг сего Божественного таинства и насмехавшийся над всеми, кто исповедовался. Узнав об этом несчастном, святой Дионисий просил, чтобы убедили его прийти к нему для беседы. Тот послушался, но и перед ним начал отвергать силу исповеди, так что преподобный, сильно огорченный его демонским вольномыслием, строго изрек слова апостола Павла: *так как ты развращаешь правые пути Господни и издеваешься над словами Моими и над заповедями Христовыми, несчастный, — то вот рука Господня на тебе, и гнев без милости на доме твоем* (ср.: Деян. 13, 10—11). Пусть через тебя уцеломудрятся и другие!»

С этими словами преподобный удалился в свою пустыню. Суд Божий не замедлил. Едва только удалился преподобный, беззаконник впал со всем домом своим в недуг, от которого умерло его семейство. Тогда некоторые из его сродников известили святого и убедительно просили его прийти и оказать помощь несчастному. Сострадательный старец отправился в селение, но прежде, нежели он прибыл туда, несчастный испустил дух без христианского напутствия. Преподобный горько жалел об этом (95, 213—214).

***

Некто из богатых киевлян заболел проказой. Много лечился он у волхвов и врачей, и у иноверцев искал помощи и не получил, а его состояние только ухудшилось. Один из его друзей дал ему совет пойти в Печерский монастырь и просить отцов, чтобы они помолились о нем. Когда привели больного в монастырь, игумен велел напоить его из колодезя святого Феодосия и помочить ему голову и лицо. И вдруг за неверие свое вскипел он гноем, так что все стали бегать от смрада, который исходил от него. Плача и сетуя, возвратился он в дом свой и от смрада много дней не мог выйти оттуда. И говорил он друзьям своим: «*Стыд покрывает лицо мое. Чужим стал я для братьев моих и незнакомым для сынов матери моей* (ср.: Пс. 68, 8—9), потому что без веры пришел к святым Антонию и Феодосию». И всякий день ожидал он смерти. Наконец пришел в себя, размыслил о своем согрешении и, пришедши к преподобному Алипию, покаялся ему. Блаженный же сказал: «Сын мой! Ты хорошо сделал, что исповедал Богу грехи свои перед моим недостоинством. Пророк Давид говорит: *исповедаю Господу преступления мои, и Ты снял с меня вину греха моего* (Пс.

31, 5)». И много поучивши его о спасении души, преподобный взял сосуд с красками, которыми писал иконы, покрыл ими лицо больного, закрасил гнойные струпья и возвратил ему прежнее благообразие. Потом привел его в Печерскую церковь, дал ему причаститься Святых Таин и велел умыться святой водой. И тотчас спали с прокаженного струпья. Преподобный же Алипий, указывая на исцеленного, сказал бывшим тут: «*Никакой слуга не может служить двум господам* (Лк. 16, 13). Вот он прежде служил врагу грехом чарования, а потом пришел к Богу; прежде отчаивался в своем спасении, и сильнее напала на него проказа за его неверие; *просите*, Господь сказал, *и не просто просите, но с верою просите, и примете* (ср.: Мф. 21, 22). Когда же он покаялся Богу, поставив меня свидетелем, Скорый на милость сжалился над ним и исцелил его» (100, 144—146).

***

В 1711 году пришел в Почаев из Брацлава некий пан Каминский с двумя своими братьями и просил игумена Иосифа Добрянского дозволить им в храме помолиться. Брат его Владислав, увидя нетленные мощи преподобного Иова, усомнился в их святости и подумал, что иноки ради корысти «одного из старцев усушили себе, дабы прельщать людей и собирать сокровище». Затем, отстояв службу, братья пошли в дом свой. В ту же ночь Каминский внезапно был пробужден криком Владислава: «Отселе уже не буду». В недоумении он разбудил брата и спросил его, по какой причине он так кричит и устрашается? «Или ты не видишь страшного сего старца, с палицею, — отвечал Владислав, — грозящего мне, чтобы я не смел хульно говорить о святых Божиих? Спасите меня из рук блаженного Иова». На другой день братья все трое снова прибыли в обитель

Почаевскую и здесь, усердно помолившись над ракою преподобного о прощении грехов своих, клятвенно засвидетельствовали сие событие пред лицом игумена (109, 184—185).

***

Инок Троице-Сергиевой Лавры о. Исаакий поведал о себе: «Родители мои были исполнены веры, благочестия и любви к Богу, чему и я был ими научен. Святое настроение я сохранял до пятого класса семинарии. С вступлением моим в пятый класс нашлись недобрые люди, которые дали мне почитать несколько книг антирелигиозного содержания. Мой юный ум был отравлен, как ядом, и я стал безбожником. Убеждения свои, исполненные неверия, я даже осмелился высказать своему отцу, который говорил мне: «Ох, Иван, не летай в гордости своей так высоко. Смотри, там тебя духовный ястреб-диавол склюет».

Время близилось к окончанию семинарии, а я по убеждению был безбожник. В день выпускного акта все воспитанники семинарии пожелали отслужить молебен Царице Небесной, пред Ее чудотворным образом Смоленской. Торжественное шествие с чудотворной иконой из собора в семинарию должно было проходить по улице, где находились дома падших женщин, которые сами погибали в тяжком грехе и многих собою привлекали на грех блуда. Видимо, Царице Небесной неугодно было идти этой дорогой, и лишь только шествие свернуло на эту улицу, свершилось дивное чудо. Икона Божией Матери встала, и никакая сила не могла двинуть ее с места. Это знамение свидетельствует, сколь противен грех плотской скверны для Царицы Небесной. Оно послужило великим вразумлением для всего народа, в особенности же для питомцев семинарии. И на мою грешную душу подействовало это

чудо. Я мгновенно прозрел душою. Мне ясна стала святая истина о действии благодати Божией, которую исповедует и проповедует Православная Церковь.

Шествие свернуло на другую улицу, и чудотворная икона свободно двинулась дальше по направлению к семинарии.

С того дня, по милости Божией и Царицы Небесной, все мои внутренние чувства непрестанно освящались мыслию о дивном том знамении, бывшем от иконы Царицы Небесной. Верую, что я именно за молитвы моих родителей переродился душою и сердцем. Неверие и злоба против величества Божия во мне бесследно исчезли. А я до сих пор сознаю свою неописуемую виновность пред Богом, и думается, что мне не хватит слез всей моей жизни, чтобы загладить свое преступление и дерзость против Бога» (114, 54—57).

НЕЗЛОБИЕ

Кто незлобив, тот совершен и богоподобен. Он исполнен радования и есть покоище Духа Божия (прп. Антоний Великий, 89, 58).

***

...Велика и прекрасна добродетель незлобия; не одного только того, кто обладает ею, она украшает, но простирается и на ближних, как говорит Премудрый: *сыне, аще премудр будеши, себе премудр будеши и искренним твоим: аще же зол будеши, един почерпнеши злая* (Притч. 9, 12). Итак, прекрасно незлобие, — это подражание Владыке и уподобление Богу, потому что незлобив и свят Господь. Это незлобие есть охрана души, очищение мысли, спокойствие нравов, умирение помыслов, ясность лица, кротость глаз, наставник дружбы, мать любви, спутник

веры, совершенство правды, — одним словом, корнем всякой добродетели и основанием всей благости является незлобие. Оно не знает самого смысла вражды, не ведает необузданности, гнева, не понимает действия злобы. И оно, как царица, превозносится над всеми добродетелями (свт. Иоанн Златоуст, 48, 719).

***

Проведшие жизнь без грехов, жившие в правде — в чем и заключается незлобие — не лишатся благ, получат соответствующие венцы... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 872).

***

...Если по незлобию кто даже и согрешит, <то> Бог исправляет последствия незлобия (свт. Иоанн Златоуст, 49, 941).

***

Незлобие есть мать всякого добра (свт. Иоанн Златоуст, 50, 421).

***

Пусть... <гневающийся> говорит, что он причинил нам тысячу зол, а сам ничего не потерпел (от нас), пусть говорит, что если он и еще поругается над нами, так же не потерпит ничего. Если бы он захотел хвалить нас, то не иначе стал бы проповедовать о нашей добродетели, не иные стал бы употреблять слова, как именно эти, которыми он думает унизить нас. О, если бы все говорили обо мне, что «это — человек холодный и жалкий; все оскорбляют его, а он терпит, все нападают на него, а он не

мстит за себя!». О, если бы прибавили еще, что «он даже и не может сделать этого, хотя бы и хотел», — мне похвала была бы от Бога, а не от людей! Пусть говорят, что мы не мстим по трусости. Это нисколько не вредит нам; Бог видит и уготовляет нам большее сокровище. Если бы мы стали смотреть на тех людей, то лишились бы всего. Будем же смотреть не на то, что о нас говорят, а на то, что нам должно делать (свт. Иоанн Златоуст, 52, 367).

***

...Нет ничего безопаснее, как щадить врагов, равно как нет ничего ненадежнее, как желать отплатить и отмстить за себя (свт. Иоанн Златоуст, 55, 743).

***

...Если не помнишь зла на брата и молишься за ближнего, который оскорбляет и огорчает тебя... конечно, получишь помощь, когда искушает и начинает преодолевать тебя диавол (прп. Нил Синайский, 72, 259).

***

Иного Бог спасает разумностью, а иного простотою и незлобием; ибо ведать тебе надлежит, что Бог не отринет незлобивого (прп. Иоанн Карпафский, 91, 86).

***

...Кто предал себя простоте и добровольному незлобию, в том лукавый уже не находит себе места ни на мгновение (прп. Иоанн Лествичник, 57, 30).

***

Начало блаженного незлобия сносить бесчестия, хотя с огорчением и болезнью души. Середина — пребывать в оных беспечально. Конец же оного, если только оно имеет конец, — принимать поношения, как похвалы. Да радуется первый, да возмогает второй; блажен о Господе, и да ликует третий (прп. Иоанн Лествичник, 57, 91—92).

***

Некоторые взяли на себя труды и подвиги, чтобы получить прощение, но человек, не помнящий зла, опередил их (прп. Иоанн Лествичник, 57, 95—96).

***

Непамятозлобие есть знак истинного покаяния... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 96).

***

Незлобие есть тихое устроение души, свободной от всякого ухищрения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 159).

***

Незлобив, кто искренно молится об оскорбившем; и избавляется от злопамятства, кто не щадит даров ему (авва Фалассий, 91, 306).

****

Пришли к одному старцу разбойники с угрозой: «Хотим взять у тебя вещи». «Возьмите, дети, все, что вам покажется нужным», — отвечал им старец. Забрав с собой

все, разбойники забыли взять одну сумку. Старец взял ее и побежал за разбойниками: «Возьмите, вы ее забыли в моей келье!» Грабители, пораженные незлобием старца, возвратили с раскаянием ему все, что взяли (91, 123).

***

Рассказывали об авве Макарии. В его отсутствие вошел к нему в келью разбойник. Возвратившись, Макарий застал разбойника, который навьючивал на своего верблюда его вещи. Макарий вошел в келью, взял еще несколько вещей и вместе с разбойником положил их на верблюда. Когда же они навьючили, разбойник начал бить верблюда, побуждая встать, но тот не поднимался. Авва Макарий, видя, что верблюд не встает, вошел в свою келью, нашел там маленький земледельческий инструмент, вынес его и, кладя на верблюда, сказал: «Брат, вот чего дожидался верблюд!» Потом, ударив верблюда ногою, сказал: «Встань!» Верблюд, по слову святого, тотчас встал и немного отошел, но потом опять лег и уже не вставал до тех пор, пока не сняли с него всех вещей (97, 155).

***

Некий старец в Ските застал разбойников, грабящих его келью, и сказал им: «Поспешите, прежде нежели придут братья и помешают мне исполнить заповедь Христа, говорящего: *От взимающаго твоя не истязуй* (Лк. 6, 30)» (98, 371).

***

Рассказывали о соседе великого старца, что он, приходя к нему, крал, если что находилось в его келье. Старец же видел это и не обличал, но еще более работал,

говоря: «Может быть, брат этот имеет нужду». Однако старец сильно скорбел, так как много трудился, а находил свой хлеб в оскудении. Когда же старцу приспела кончина, то окружила его братия. Видя оного, крадущего, говорит ему: «Приблизься ко мне!» И, целовавши руки его, говорил: «Братие! Я благодарен рукам сим, потому что чрез них иду в Царство Небесное». Брат, умилившись и раскаявшись, сделался и сам искусным монахом от дел, которые видел у великого старца (98, 51).

***

Однажды в Александрии Синайской, перед дверьми одного дома, стоял старец и продавал свое рукоделие. Один человек, хорошо знавший старца, сказал своим друзьям: «Я слышал, что этот старец есть человек Божий и никогда не торгуется ни с кем, а продает свой товар за цену, какую дадут ему. Подойдемте узнаем, правда ли это?» Подошли к старцу и спросили его: «Продаешь это?» Он отвечал: «Продаю». — «А сколько просишь?» — «Десять медниц». — «Много просишь! — сказали прохожие. — Возьми четыре медницы». Старец сказал: «Ну что же, забирайте». — «Нет, много и это. Возьмем по одной меднице». — «Ну что же, берите и за эту цену». И они, давши ему несколько медниц, забрали его рукоделие и ушли, а старец, взяв свой жезл, пошел в свою хижину. Покупатели догнали его и сказали: «Старче, что ты сделал?» «Да что же я сделал?» — спросил старец. — «Да как же? Ты просил по десяти медниц за каждую часть товара, а потом отдал по цене, какую мы предложили тебе за твое рукоделие, ты согласился и на это. Зачем ты делаешь так?» — «Да у меня уж такой обычай. Сначала я назначаю свою цену, а потом беру, что дадут». Покупатели пали к стопам его и просили у него прощения (112, 649—650).

***

Два старца жили в одной келье, и никогда не возникало между ними ни малейшего неудовольствия. Видя это, один сказал другому: «Поссоримся и мы хотя бы однажды, как ссорятся люди». Другой отвечал: «Вовсе не знаю я, каким образом может породиться ссора». Первый сказал: «Вот поставлю между нами глиняную посуду и скажу: она моя, а ты скажи: она не твоя, а моя. Из этого родится спор, а из спора — ссора». Сговорившись так, они поставили перед собой посуду, и один сказал: «Она — моя». Другой же отвечал: «А я полагаю, что она — моя». Первый опять сказал: «Не твоя она, но моя». Тогда второй отвечал: «А если она — твоя, то возьми ее». Так они и не смогли поссориться (106, 459).

***

Старец, увидев однажды, что юноша, живущий с ним, делает что-то неполезное для души своей, сказал ему: «Не делай этого». Тот не послушался. Старец, видя это, отложил попечение о нем, предоставив ему суд над собою. Юноша запер двери кельи, в которой хранились хлебы, оставив старца без пищи в течение трех дней, и ушел.

У старца был сосед. Узнав, что юноша ушел, он сделал немного кашицы и подавал старцу через стену, чтобы тот поел немного, и при этом говорил: «Что же юноша делает так долго вне кельи?» Старец отвечал: «Когда он удосужится, то возвратится» (106, 519).

***

Однажды некие философы захотели испытать монахов. Увидев хорошо одетого монаха в мантии, они сказали ему: «Ты! Поди сюда». Тот оскорбился грубым обращением и отвечал им сухо.

Случилось проходить мимо них старцу-монаху, мужу великому, из простолюдинов. Они сказали ему: «Эй, ты, монах, злой старец, поди сюда». Он подбежал к ним. Они ударили его по щеке, а он подставил им и другую. Тотчас философы встали, поклонились ему и сказали: «Ты — истинный монах». Они посадили его с собой и стали расспрашивать: «Что делаете вы более нас в этой пустыне? Вы поститесь, и мы постимся; вы обуздываете тело ваше подвигами, и мы обуздываем; что ни делаете вы, мы все то делаем; итак, что же делаете вы, живя в пустыне, большего в сравнении с нами?» Старец отвечал: «Мы пребываем в уповании на благодать Божию и храним наш ум». Философы ответили: «Мы этого не можем» (106, 519).

***

Блаженный Пиор работал во время жатвы у хозяина и по окончании работы напомнил ему о плате. Но тот отложил плату до времени, и авва возвратился в монастырь. В другой раз, когда настало время жатвы, авва жал у него и работал весьма усердно, но опять, ничего не получив, возвратился в монастырь. Также и в третье лето старец, окончив обычную работу у того же человека, ушел от него без всякой платы. Но когда Господь благословил дом человека, у которого работал Пиор, он взял плату и ходил по монастырям, ища святого. И когда нашел его, упал к ногам и, отдавая плату, говорил: «Господь ущедрил меня». Старец же принесенное им велел отдать в церковь (97, 231).

***

Некто из старцев поведал об авве Иоанне Персянине, что он, по изобилию в нем Божественной благодати, до-

стиг совершенного незлобия. Жил он в Аравии Египетской. Однажды он занял у брата золотую монету и купил лен для своего рукоделия. Пришел к нему как-то один брат и начал просить его: «Дай мне, авва, немного льна: я сделаю себе левитон». Авва радостно дал ему. Потом пришел к нему другой брат и также просил его: «Дай мне немного льна на полотенце». Старец дал и этому. И иным многим, просившим у него, давал с радостью, потому что был крайне прост сердцем. Пришел наконец к нему и ссудивший его золотой монетой, желая получить ее обратно. Старец сказал ему: «Я схожу и принесу ее тебе». Не найдя у кого бы занять монету, он пошел к авве Иакову, заведовавшему раздаянием милостыни, чтобы попросить у него златник для возвращения брату, и увидел на дороге лежащий златник. Авва Иоанн не прикоснулся к нему, но, сотворив молитву, возвратился в келью. Брат опять пришел, прося возвращения долга. «Я забочусь об этом», — отвечал старец и опять пошел к авве Иакову. На дороге он увидел златник на том же месте; сотворив молитву, старец возвратился в келью. Брат пришел в третий раз, прося вернуть златник. Старец отвечал ему: «Непременно схожу и принесу тебе». Он пошел на то место, где прежде нашел монету: она лежала там же. Сотворив молитву, он взял ее, принес к авве Иакову и сказал: «Авва! Идя к тебе, я нашел на дороге этот златник, окажи любовь, оповести в окрестности, не потерял ли кто его? Если найдется потерявший, отдай ему». Авва Иаков ходил три дня и объявлял о найденном златнике, но никто не терял его. Тогда старец сказал авве Иакову: «Если никто не потерял этого златника, то отдай его такому-то брату: я должен ему. Я шел к тебе просить милостыни, чтоб отдать долг, и нашел этот златник». Удивился авва Иаков, что старец, будучи должен и найдя монету, не взял ее тотчас и не

отдал долга. Было достойно удивления в авве Иоанне и следующее: если кто приходил к нему взять что-либо взаймы, то он не давал из своих рук просившему, а говорил ему: «Поди, возьми, что нужно тебе». Когда тот возвращал долг, то старец говорил: «Положи на свое место, откуда ты взял». Если же кто не возвращал долга, то старец и не вспоминал о нем (106, 300—301).

***

Рассказывали об авве Геласии, что имел он книгу на пергаменте, стоящую восемнадцать монет, ибо содержала весь Ветхий и Новый Завет. Она лежала в церкви, чтобы читали ее желающие из братий. Один брат-странник пришел навестить старца. Увидев книгу, он захотел взять ее и, украв, удалился. Старец же не погнался за ним, хотя и понимал, кто унес книгу. А странник, придя в город, стал искать, кому бы продать ее. Найдя желающего, назначил цену в шестнадцать монет. Покупающий же говорит брату: «Дай мне сначала лучше рассмотреть книгу, и тогда я дам эту цену». Странник отдал ему книгу. Тот же, взяв ее, принес к авве Геласию посмотреть ее и сказал о цене, какую назначил продавец. Старец говорит: «Купи эту книгу, ибо она хороша и достойна сказанной цены». Вернувшись, покупатель сказал страннику о ней иначе: «Вот я показывал ее авве Геласию, и он сказал мне, что книга не стоит той цены, которую ты просишь». Странник же, услышав это, спросил: «Ничего тебе не сказал еще старец?» Покупатель ответил: «Нет». Тогда странник говорит ему: «Не хочу продавать ее».

Мучимый совестию, он пришел к старцу, раскаиваясь и прося его взять украденное назад. Но старец не хотел брать книгу. Странник же говорит ему: «Если ты не возьмешь ее, то я не буду иметь покоя». Старец отвечает ему:

«Если ты не успокаиваешься, тогда я возьму ее». И странник, получив пользу от поступка старца, пребыл там до своей кончины (106, 85—86).

***

Один авва рассказывал: «Близ нашей киновии жил старец возвышенной души, а подле него жил другой брат. Однажды, в отсутствие старца, тот брат, по внушению диавола, вошел в келью старца и похитил книги и сосуды. Возвратясь, старец заметил пропажу сосудов и пошел к соседу рассказать ему о похищении. И вот видит он свои сосуды посреди кельи. Тот брат не успел еще их спрятать. Старец, не желая ни стыдить, ни обличать брата, сделал вид, будто внезапно почувствовал боль в желудке, и тотчас вышел, пробыв вне кельи достаточно времени для того, чтобы брат успел убрать сосуды. Вернувшись к нему, старец начал с ним разговор о постороннем предмете и не обличил брата. Прошло немного времени, и сосуды нашлись. Брата, уличенного в краже, заключили в тюрьму, а старец, ничего об этом не зная, услышав о его заключении, пошел к игумену.

«Вот старец приходит ко мне, — рассказывал игумен, — с просьбою: «Сделай милость, дай мне несколько яиц и пшеничного хлеба». «Наверное у тебя сегодня гости?» — спрашиваю его. «Да», — отвечал он. Взяв припасы, старец отправился в темницу навестить и утешить брата. При его появлении брат бросился к ногам его со словами: «За тебя я, авва, попал сюда. Это я похитил твои сосуды и книги». — «Да успокоится сердце твое, чадо! Я не за тем пришел сюда. Я даже не знал, что ты здесь из-за меня... Услышав о твоем заключении, я опечалился и пришел к тебе с утешением — освободить тебя из темницы».

Оставив брата, старец отправился к начальству — он был хорошо известен добродетельной жизнью. По просьбе аввы брат был освобожден из темницы» (102, 209—210).

***

Исконный человекоубийца в одном несчастном иноке Лавры возбудил такую ненависть к преподобному Афанасию Афонскому, что тот решился непременно убить своего незлобивого отца. Выточив нож, он тихо пришел ночью к его келье, когда святой возносил прилежную молитву Богу за него же. Войдя он сказал: «Отче, благослови!» — «Глас Иаковль, но руки Исавли». Афанасий праведный, как и Авель, не знал, что вне стоит Каин и зовет его на убиение. Спросив изнутри кельи: «Кто там?», преподобный отворил дверь. Но лишь только дерзкий и коварный сын увидел кроткого своего отца, руки его оцепенели и гибельное оружие упало на землю. Вслед за тем он пал к ногам преподобного и с горьким плачем сказал: «Помилуй, отче, своего убийцу! Прости беззаконие мое и оставь нечестие сердца моего!» Преподобный, зажегши огонь, увидел на земле приготовленный для заклания нож, познал адское намерение своего сына и, удивившись этому, говорит: «На разбойника ли ты пришел, чадо мое? Впрочем, Бог да простит тебе беззаконие твое! Оставь же свои слезы и не объявляй никому об этом деле». Говоря так, святой лобызал его, как своего друга, и, во уверение своего забвения нанесенной ему обиды, дал ему некие дары, а впоследствии всегда любил его и, когда тот умер, оплакивал его более других братий. Так блаженный был непамятозлобив!

Между тем этот отцеубийца, тронутый до глубины души незлобием своего отца, рыдая и сокрушаясь о своем беззаконии, рассказывал всем о высоте отеческой любви

аввы и о своем великом преступлении, и умер с чувством глубокого покаяния (95, 35—36).

***

«Помню, когда мне было шесть лет от роду, — вспоминает архимандрит Кронид, — я жил в доме отца-псаломщика. Как-то наша лошадь ходила привязанной по усадьбе и, нечаянно отвязавшись, зашла на соседнюю полосу, принадлежавшую батюшке Иоанну Десницкому. Отец Иоанн был настоятелем сельской церкви, при которой отец служил псаломщиком, и, несмотря на свою душевную доброту, не чужд был вспыльчивости. Видя нашу лошадь на своей усадьбе, он поймал ее и, как бы в виде залога, провел к себе во двор через свою калитку. Вверху калитки торчал острый гвоздь. Батюшкина лошадь, как менее рослая, проходила в нее свободно, а наша же была более великорослой, и, проходя через калитку, она прорезала себе всю спину, от гривы до хвоста. Видя такую беду, батюшка тотчас же открыл ворота и выпустил нашу лошадь, которая вернулась домой и своим ржанием выражала нестерпимую боль.

Мать и старшие дети, в возмущении, советовали отцу сходить немедленно пожаловаться благочинному, который жил в нашем же селе в 10—15 саженях от дома. Но отец не захотел возбуждать дела на о. Иоанна. Вместо того он встал пред иконою Спасителя и, горько рыдая, просил себе у Него помощи в скорби. Я, видя его плачущим, спрашивал: «Что ты так горько плачешь?» Он отвечал мне: «Я исповедую свою скорбь Всемилостивому Богу и прошу успокоения своему сердцу», — и добавил: «Когда и ты, сынок, будешь в скорби, не озлобляй своего сердца на обидящих тебя, но смиренно и кротко прощай им и мо-

лись за них Господу». Потом, обернувшись к матери и детям, сказал: «Нет, мать и детушки, я не пойду к благочинному жаловаться на батюшку. Отец благочинный не вернет здоровья моей лошадке, а мне надо жить с батюшкой в мире». Он смазал спину лошади дегтем, этим испытанным лекарством, после чего боли у лошади утихли, а через месяц она стала поправляться.

Прошло три дня. Видимо, о. Иоанн Десницкий ожидал жалобы со стороны моего отца, но когда она не последовала, позвал его в кабинет и, опустившись пред ним на колени, сказал ему: «Петр Феодорович! Прости меня, Господа ради, я виноват пред тобой. Испортил нечаянно твою лошадь, которая теперь стала непригодна к работе. Прошу и молю тебя, возьми эти пятьдесят рублей и купи себе коня на рабочую пору». Долго отец не соглашался брать деньги у батюшки, боясь обидеть его. Но все-таки батюшка упросил его взять хотя бы двадцать пять рублей, на которые отец вскоре купил себе коня и работал на нем все лето. Купленная неказистая лошаденка поправилась настолько, что осенью была продана за пятьдесят рублей.

Батюшка после сего был весьма добр и внимателен к отцу и считал его по душе своим другом за его поступок. Когда его перевели на пастырское служение в Москву, то, как только он узнавал, что отец едет в столицу, высылал за ним пролетку, приглашая к себе в гости. И до смерти продолжал относиться к нему с особенной любовью» (114, 99—101).

НЕМОЩИ

Кто боится немощи тела, тот не достигнет естественного состояния (прп. авва Исаия, 59, 87).

***

Если схватит тебя немощь, когда безмолвствуешь в келье, не малодушествуй, но возблагодари Бога... не лучше ли для тебя эта немощь, чем геенна, в которую имеешь пойти? — и она успокоится в тебе (прп. авва Исаия, 89, 295).

***

В деле Господнем извиняемся немощью, а для... дел лукавых мы сильны (прп. Ефрем Сирин, 31, 238—239).

***

Когда хочет, — бывает Он <Бог> огнем, пожигающим всякую негодную и превзошедшую в нас душевную немощь (прп. Макарий Египетский, 67, 29).

***

Так Творец устроил нашу жизнь, ослабляя (через это) стремление тех, которые преданы земному; блеск жизни Он соединил со слабостью, чтобы, когда увлечет тебя красота земных предметов, разрушить ожидаемое счастье (свт. Иоанн Златоуст, 55, 979).

***

Исповедуй Богу немощь свою, чтобы воссияла для тебя возможность благодати... (прп. Нил Синайский, 73, 390).

***

Если всегда будешь памятовать немощь свою, то не преступишь предела осторожности (прп. Исаак Сирин, 58, 290).

***

...Немощь телесную побеждает любовь к Богу и надежда будущих благ (прп. авва Филимон, 91, 363).

***

...Оставлена человеку надежда помилования теперь, когда он обложен естественною некою немощью, какую восприяло человеческое естество по падении, и по причине коей грешит. Но это не может оправдывать его грехов, а должно лишь к тому побуждать, чтобы с чувством благодарения Богу за дарование места прощению скорее прибегать к Нему и испрашивать у Него прощения и силы, — прощения того, в чем согрешил, потому что, хотя он грешил по человеческой немощи, но ему надлежало противостоять греху до смерти... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 86—87).

***

Немощи нрава Господь иной раз оставляет за нами для смирения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 10).

***

Не будь их <немощей>, мы тотчас занесемся выше облак и ставим там престол свой. А в этом пагуба (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 10).

***

...Бога не забудьте благодарить, что смиряет душу вашу немощами (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 78).

***

...Сознание немощей и недостатков не дает парить и выситься душе в самомнении. Помоги вам Господи в сем: ибо самомнение же лишает помощи Божией (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 121).

***

Самое лучшее врачевство для наших немощей — не иметь праздного времени (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 55).

***

Немощность напоминает о смерти; но не пророчит о часе ее (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 215).

НЕНАВИСТЬ

...Две страсти <ненависть и зависть> суть самые злые, ненавистные и Богу, и людям; и ни с чем несообразно быть им в ком-либо из верующих, или рабов Божиих. Почему никто из нас да не хвалится, по крайней глупости своей, и не говорит: я взял верх над братом, и не будет ему пощады. Да ведает говорящий и помышляющий таковое, что он предал душу свою в руки смерти и наследием его будет место плача и скрежета зубов, червя неусыпающего и огня неугасимого (прп. Антоний Великий, 89, 53—54).

***

Без... ненависти ко врагу <диаволу> не открывается слава души. Но сия ненависть в нас превращена в про-

тивоестественное; мы ненавидим ближнего, презираем его, и эта ненависть истребляет все добродетели (прп. авва Исаия, 59, 11).

***

Один предел ненависти — увидеть, что внушавший зависть из счастливого стал несчастным, и возбуждавший соревнование сделался жалким (свт. Василий Великий, 8, 156).

***

...Имеющий ненависть питает в себе диавола (свт. Василий Великий, 9, 68).

***

Какое различие между ненавистью, яростью, гневом и бешенством? — Различие ярости и гнева состоит... в расположении и напряженности, потому что страсть разгневанного заключается в одном расположении, как показывает сие сказавший: ***гневаясь, не согрешайте*** (Пс. 4, 5), а пришедший в ярость обнаруживает в себе уже нечто большее, ибо сказано: ***ярость их по подобию змиину*** (Пс. 57, 5), и: ***бе Ирод гневаяся на тиряны и сидоняны*** (Деян. 12, 20). А сильнейшее движение ярости называется бешенством (παροξυσμός), ненависть же (πικρια) означает еще более страшное укоренение сего порока в человеке (свт. Василий Великий, 9, 203).

***

Не лжив сказавший, что ***ненавидяй брата своего человекоубийца есть*** (1 Ин. 3, 15), и ***во тьме ходит*** (1 Ин.

2, 11), и удобно уловляется всяким грехом (прп. Ефрем Сирин, 30, 9).

***

Ненависть или зависть под покровом благочестия — горькая вода в золотых сосудах, вложи в нее древо жизни, и она сделается сладкою, потому что древом услаждена была вода (Исх. 15, 25) (прп. Ефрем Сирин, 30, 141).

***

...Имеем мы нужду во многих слезах, чтоб освободиться нам от уз ненависти, зависти, гордыни и всякой диавольской скверны (прп. Ефрем Сирин, 30, 513).

***

Как всех добродетелей выше любовь, так и всех грехов тяжелее — ненавидеть брата, ибо ***ненавидяй брата своего человекоубийца есть***, как сказал Апостол (1 Ин. 3, 15). Кто ненавидит брата своего, тот ненавидит Самого Бога (прп. Ефрем Сирин, 32, 112).

***

...Мы исполнены ненависти, а до сего доводит нас обольщение мира, потому что усилился в нас корень страстей, т. е. сребролюбие (прп. Ефрем Сирин, 32, 267).

***

Кто ненавидит брата своего, тот пребывает в смерти (прп. Ефрем Сирин, 32, 368).

***

Если <диавол> станет внушать нам ненависть, врачевством жизни для нас да будет любовь (прп. Ефрем Сирин, 34, 354).

***

...Ненависть не только не терпит рассуждения и научения, а, напротив, спешит на грех и погибель. Такого рода люди суть дети сатаны... (прп. Ефрем Сирин, 37, 47).

***

Не питай ненависти, и притом без причины, к брату своему, за которого Христос умер и, будучи Богом и Владыкой, стал твоим братом (свт. Григорий Богослов, 15, 146).

***

Какой грех, кроме ереси, наиболее тяжек? Рождающий вражду (свт. Григорий Богослов, 16, 342).

***

...Ненависть от раздражительности, раздражительность от гордости, гордость от тщеславия, тщеславие от неверия, неверие от жестокосердия, жестокосердие от нерадения, нерадение от разленения, разленение от уныния, уныние от нетерпеливости, нетерпеливость от сластолюбия... (прп. Макарий Египетский, 67, 268).

***

Ненависть есть отчуждение от неприятного и отвращение от оскорбляющего (свт. Григорий Нисский, 19, 335).

***

Ненависть к демонам много содействует нам ко спасению и много пригодна в делании добродетелей; и, однако же, воспитывать ее у себя как некое доброе порождение мы не в силах, потому что ее рассеивают в нас духи сластолюбия и душу опять воззывают к содружеству и свыкновению с ними (авва Евагрий, 89, 653).

***

...Не будем питать ненависти и к тем, которые подвергают нас искушениям, потому что хотя они делают это, имея собственную цель, но общий Владыка попускает это, желая, чтобы мы и чрез это приобретали духовные блага... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 164).

***

Такова ненависть: не терпит благодушно счастья других; благоденствие ближнего считает за собственное несчастие и изнывает, смотря на блага ближнего (свт. Иоанн Златоуст, 47, 557).

***

...Не будем питать ненависти ни к кому, чтобы и самим заслужить любовь от Бога, — и тогда, хотя бы мы десятью тысячами талантов были должны, Он умилосердится над нами и помилует нас (свт. Иоанн Златоуст, 50, 632).

***

Если нам повелено любить врагов, а мы ненавидим и любящих нас, то какому подвергнемся наказанию? (свт. Иоанн Златоуст, 51, 240).

***

Велик грех (ненавидеть) и не иметь любви; но еще больше грех, если кто на любовь не отвечает любовью (свт. Иоанн Златоуст, 53, 702).

***

Ненависть за Бога гораздо лучше любви за Него; когда любят нас для Бога, то мы делаемся должниками Его за такую честь, а когда ненавидят нас, то Он сам делается должником, за которым остается наша награда (свт. Иоанн Златоуст, 54, 807).

***

Вражду надлежит писать на воде, чтобы скорее исчезала, а дружбу — на меди, чтобы навсегда соблюдалась твердою и непременною. А если вопреки сему поступает... находящийся с тобою в ссоре, то пусть не смущает тебя это, потому что не повредит твоим венцам. И нам заповедано не то, чтобы не быть в ненависти у других (сие не от нас зависит, а может быть, и невозможно, потому что люди доблестные во всяком случае бывают ненавидимы людьми худыми; почему и святые возбуждали к себе ненависть); а напротив того, чтобы не иметь ненависти к людям, ненавидеть же в них порок (прп. Исидор Пелусиот, 61, 242).

***

...Если возненавидим кого-либо из единоверных как злого, то и Бог возненавидит нас как злых... (прп. Марк Подвижник, 89, 494).

***

Видящий в сердце своем след ненависти к какому-либо человеку, за какое-либо падение, совершенно чужд любви к Богу. Ибо любовь к Богу никак не терпит ненависти к человеку (прп. Максим Исповедник, 91, 165).

***

Случилось тебе искушение со стороны брата, и огорчение довело тебя до ненависти, не будь побежден ненавистью, но победи ненависть любовью. Победить же ее можешь так: искренно молясь о нем Богу, приемля приносимое от брата извинение, или сам себя врачуя извинением его, поставив самого себя виновником искушения и положив терпеть, пока пройдет облако (прп. Максим Исповедник, 91, 217).

***

Сподобившийся дара ведения, но питающий огорчение или ненависть к человеку, подобен моющему глаза свои тернием и волчцами (прп. Максим Исповедник, 91, 239).

***

Любящий Бога любит и рожденных от Него, т. е. братий своих; а ненавидящий кого-либо из братий своих, сей от диавола родился, и любви Божией нет в нем (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 105).

***

Если кто имеет к кому ненависть, пусть помирится и возвратится к любви, чтобы его ненависть и вражда с

ближним не послужили свидетельством... того, что он Бога не любит (свт. Григорий Палама, 26, 246).

***

Неприязнь и серчание дозволены только тогда, когда предметом их — дурные помыслы и чувства (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 121).

***

Есть две вещи, которые наводят на нас гнев Божий, тяготящий и теснящий: неприязнь к другим и похоть, а первой бывает большой простор (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 150).

***

С неприязненными чувствами спастись нельзя, как и с похотными (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 251).

****

Старец Филофей, кроме святого Нектария Афонского, имел еще ученика, которого сатана до того озлобил против святого Нектария, что несчастный стал явно говорить старцам Филофею и Дионисию, чтобы прогнали Нектария, иначе он убьет или его, или самого себя. Старцы трепетали от ужаса, слыша о таких демонских замыслах. Напрасно вразумляли они несчастного, убеждали и молили его успокоить свое сердце, подавить чувство злобы и зависти, напрасно грозили ему Судом Божиим и геенной: он ничего не хотел слышать, но требовал исполнения своего желания. Тогда старцы предложили святому Нектарию удалиться от них на малое время, пока завистливый брат придет в чувство.

По прошествии некоторого времени скончался в глубокой старости боголюбивый Филофей. Дионисий, не вынося безнравственного поведения своего ученика, пригласил к себе Нектария в сожитие как брата по духу, а несчастному предоставил искать другое место и другого старца. Дионисий с Нектарием мирно проводили свою жизнь, питаясь от рукоделия и по силам помогая бедным. А несчастный брат их, не придя в чувство смирения и раскаяния, переходил с места на место, потом удалился в мир и там, предавшись невоздержанности, скончался жалким образом посреди городской площади, даже без обычного христианского напутствия.

Вот что значит братоненавидение и зависть! Гибельные следствия их в полной мере испытывает человек еще в настоящей жизни и часто отходит в вечность без всякой надежды на спасение. Надо беречь себя от столь богоненавистных пороков! (95, 31).

***

Некто Феодор поступил в число братии преподобного Кирилла Белоезерского. Спустя некоторое время враг внушил ему такую ненависть к святому, что он не только не мог видеть его, но даже слышать его голоса. Смущаемый помыслами, пришел он к старцу Игнатию-молчальнику исповедать тяжкое состояние своего духа и что, по ненависти к преподобному Кириллу, он хочет оставить обитель. Игнатий несколько его утешил и укрепил молитвою, убедив остаться на испытание еще один год. Но год миновал, а ненависть не угасла. Тогда Феодор решился открыть свои тайные помыслы самому преподобному, но, войдя в его келью, устыдился его седины и ничего не мог выговорить. Он уже хотел выйти, как прозорливый старец сам начал говорить о ненависти, какую питал к нему Феодор. Терзаемый совестью, инок припал к ногам святого и мо-

лил простить ему согрешения, но тот с кротостью отвечал: «Не скорби, брат мой, все обо мне соблазнились; ты один познал истину и все мое недостоинство, ибо кто я, грешный и непотребный?» Он отпустил его с миром, обещая, что впредь уже не будет у него такого искушения, и с тех пор Феодор пребывал в совершенной любви у великого аввы Кирилла (115, 305).

НЕПЛОДСТВО

Моляшеся, говорит Писание, ***Исаак о Ревекце жене своей, яко неплоды бяше*** (Быт. 25, 21)... Почему она была неплодна? И сама она, и муж ее были жизни дивной, и исполненной великого целомудрия. Мы не можем... сказать, что неплодие было следствием грехов... Что же значит этот сонм бесплодных <Сарра, Ревекка, Рахиль...>? Все они были праведны, все жили добродетельно, все получили одобрение от Бога, потому что об них Он говорил: ***Аз есмь Бог Авраамов и Бог Исааков и Бог Иаковль*** (Исх. 3, 6) (свт. Иоанн Златоуст, 46, 370).

***

Но надобно сказать и о причине, по которой те жены были бесплодными... чтобы ты, когда увидишь Деву, рождающую нашего... Господа, не был неверующим... Когда скажет тебе иудей: «Как родила Дева?» — ты скажи ему: «Как родила бесплодная и состарившаяся?.. Так бесплодная приуготовляет путь Деве» (свт. Иоанн Златоуст, 46, 370—371).

***

...Молитва Исаака разрешила бесплодие жены... Не думай, что он призвал Бога и тотчас был услышан; он

провел много времени в молитвах к Богу. Если хотите знать, сколько именно, я скажу вам и это в точности. Двадцать лет провел он, молясь Богу... Он имел великое дерзновение пред Богом, и, однако, не негодовал на медленность дара, но оставался терпеливым, а мы... если не будем услышаны прежде, нежели выскажем просьбу, падаем духом, унываем, оставляем молитву: оттого всегда мы и отходим с пустыми руками. Кто из нас двадцать лет молил Бога об одном предмете?.. (свт. Иоанн Златоуст, 46, 372 — 373).

***

...Когда увидишь мужа и жену, живущих добродетельно, а между тем бездетных, когда увидишь, что они богобоязненны и заботятся о жизни благочестной, но не имеют детей, не думай, что это есть следствие грехов. Многие намерения Божественного Домостроительства недоведомы нам, но за все надобно благодарить Бога, несчастными же считать только тех, которые проводят жизнь в пороках, а не тех, которые не нажили детей (свт. Иоанн Златоуст, 47, 541).

***

Есть много таких безрассудных мужей, которые винят жен, когда они не рождают, не зная того, что способность рождать имеет начало свое свыше, от Божия Промысла, и что для этого ни природа женщины, ни сожитие (с мужем) и ничто другое само по себе недостаточно, но хотя бы и знали, что это обвинение несправедливо, тем не менее упрекают, часто даже отдаляются и неохотно живут с ними (свт. Иоанн Златоуст, 47, 785).

***

Если ты бездетна... попроси священника, чтобы он принял участие в твоей молитве. Подлинно, если ты примешь слова с верою, благословение отцов произрастит добрый и зрелый плод. Когда же сделаешься матерью, посвяти и ты своего сына Богу, а... себя саму сделай царским храмом (свт. Иоанн Златоуст, 47, 807—808).

****

Усердно молилась Царице Небесной мать святого преподобномученика и исповедника Стефана Нового и была услышана. Во Влахернском храме Пресвятая Богородица Сама явилась ей и прорекла, что она родит сына. У бесчадной дотоле жены родился сын, ставший впоследствии великим защитником православия, и сподобившийся мученического венца (112, 325—326).

***

Мать блаженной Феофании, будущей царицы и супруги Льва Мудрого, желая иметь плод от своего супружества, каждый день приходила с супругом в храм Царицы Небесной и изливала пред Нею свое сердце в прилежном молении и говорила: «О Госпоже мира, неплодствие мое да разрешится Твоим ходатайством, и чадородие да приму от Создателя Твоим милосердием». И как с верою просила, так и получила. И благодатию Той, Которой усердно молилась, приняла неплодства своего разрешение и родила дочь, которая в свое время прославилась великими христианскими подвигами (112, 325).

***

Родители преподобной Феодоры были люди рода светлого и преславного. Но горе их было в том, что за многие годы супружества у них не было детей.

Скорбная жена с молитвой обратилась к Пресвятой Богородице и со слезами просила Ее испросить ей у Бога дитя. Плакала и молилась, молилась и плакала. И молитва была услышана, у бездетных родителей родилась дочь Феодора, впоследствии ставшая великой подвижницей, постницей, молитвенницей, и была прославлена в лике святых (112, 325).

***

Родители блаженного Феодорита, епископа Кирского, долгое время не имели детей. Его мать от природы была бесплодна и, будучи воспитана в благочестии, сама не слишком скорбела о своем неплодстве, видя в этом волю Божию. Но отца это очень огорчало, и он, обращаясь к святым мужам, умолял их, чтобы они испросили у Бога разрешение неплодства его супруги. Те, обещая помолиться, убеждали его покориться воле Божией. И только один из них, муж великий, некто авва Македоний, ясно пообещал скорбящему отцу, что он получит сына от Творца всяческих.

Когда прошло три года, а обещание не исполнялось, тогда отец снова пошел к старцу просить о том же. Авва Македоний попросил прислать к нему супругу. Когда она пришла, Божий человек сказал, что он будет молить Бога и она получит дитя, только это дитя должно быть отдано Даровавшему его. Супруга отвечала, что она ищет только спасения души. Блаженный сказал на это: «Щедродаровитый подаст тебе избавление от геенны, и сверх сего

даст сына, потому что искренно молящимся подается по их прошениям вдвое».

Спустя четыре года после обетования она зачала и ходила к Божию человеку поделиться своей радостью, что благословение его приносит плод. В пятый месяц ей угрожала опасность преждевременных родов, и она просила передать авве Македонию, что не надеется стать матерью, и велела напомнить ему о его обетованиях. Он, увидев издали идущего к нему, узнал его, предузнал и причину, по которой тот шел к нему, потому что Господь ночью открыл ему о болезни матери и о спасении ее. Взяв жезл, Македоний пошел, опираясь на него, и, придя в дом больной, приветствовал ее, по своему обыкновению, миром и сказал: «Не унывай и не бойся: Давший не отнимет дара, если ты не нарушишь положенных условий. Ты обещала возвратить дар и посвятить его на служение Богу». «В этой мысли, — сказала мать, — я и желаю, и прошу у Бога милости соделаться матерью, иначе я преждевременные роды считаю лучше, чем чуждое духу веры воспитание сына». «Пей же, — сказал Божий человек, — эту воду, и ты ощутишь помощь Свыше». Она выпила, как было приказано, и опасность преждевременных родов миновала. Вскоре у нее родился сын, впоследствии ставший епископом Кирским (117, 136—137).

НЕРАДЕНИЕ

...Нерадение наше о познании даров <Божиих>... привело нас в леность, а леность предала забвению, от которого воцарилось в нас неразумие (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 19).

***

...Нерадивый и беспечный, не имеющий ревности о богоугождении, если падет от искушений диавола, даже не замечает совершенного им греха, потому что сердце его жестко, как камень, и он подобен мулу, усмиренному и зауздannому, на которого всякий садится без сопротивления с его стороны. В такого рода людях диавол совершает все свои похоти и свое всецелое растление, и куда хочет влечет каждого из них, пока исполнятся неправды его, и он умрет со стенаниями и плачем (прп. Антоний Великий, 89, 60).

***

Нерадивый походит на дом, развалившийся и брошенный жильцами, — который никакой ни у кого не имеет цены, но отвратителен всем, будто проклятый, как жилище ехидн, скорпионов и зверей; никто о нем не печется, как о развалившемся и запустелом. Таково состояние нерадивого! Позаботьтесь хранить ревность и никогда не отлагайте ее, чтоб не подпасть под власть врага (прп. Антоний Великий, 89, 60).

***

Постоянное и искреннее приноси покаяние, — и ни на одну минуту не предашься нерадению и лености (прп. Антоний Великий, 89, 106).

***

Не дадим места в сердцах наших нерадению, дабы зависть (врагов) не отлучила нас от Бога... (прп. авва Исаия, 59, 53).

***

Убегай нерадения, дабы не подвергнуться печали во время воскресения праведных (прп. авва Исаия, 59, 91).

***

Пока нерадит человек о себе самом, дотоле думает в сердце своем, что он друг Божий (прп. авва Исаия, 89, 332).

***

Любовь к Богу прогоняет нерадение, а бесстрашие возбуждает его (прп. авва Исаия, 89, 350).

***

Горе нам, что, оставя божественные молитвы и чтения с размышлением, иждиваем дни наши в пустых мечтаниях и празднословиях! (прп. авва Исаия, 89, 437).

***

Смотрите, никто да не будет нерадив, потому что пришествие Христово внезапно, как страшная молния (прп. Ефрем Сирин, 30, 55—56).

***

Малое нерадение рождает грех, и малая трезвенность отвращает великий вред (прп. Ефрем Сирин, 30, 151).

***

Без гнилости не разводится червь и не истребляется без тщательного присмотра. Без нерадения не зарождает-

ся небрежность, и не искореняется она без рачительности (прп. Ефрем Сирин, 30, 191).

***

У тебя нет предлога к твоему нерадению, потому что святой Бог дал тебе все — рассудок, разумение и духовное ведение. Уразумевай полезное (прп. Ефрем Сирин, 30, 315).

***

<Отчего бывает нерадение?> — Пока душа мечтает о земном, различные пожелания мира сего и суетные удовольствия, представляющиеся душе в помыслах, расслабляют силы ее... (прп. Ефрем Сирин, 30, 587).

***

Кто нерадив во время жатвы, у того дом не будет в обилии. И кто теперь небрежен, тот во время воздаяния останется без утешения праведных (прп. Ефрем Сирин, 31, 113—114).

***

Человек, проводящий в нерадении дни свои, сам себя обманывает, вовсе не помышляя о благах, какие уготовал Господь праведным, и о наказании, уготованном грешным (прп. Ефрем Сирин, 31, 209).

***

В <нерадивом>... лукавый приводит в действие всякого рода плотские похоти, а он не в состоянии заметить сего...

потому что похоть, поселившись в уме его, омрачила очи его (прп. Ефрем Сирин, 31, 210).

***

Будьте внимательны к себе, чтобы, преуспев, не впасть кому в самонадеянность и, вознерадев, не утратить безмерного мздовоздаяния (прп. Ефрем Сирин, 31, 583).

***

Следствием малого нерадения бывают великие и неисцельные язвы (прп. Ефрем Сирин, 31, 616).

***

Поелику и нерадение есть одна из стрел, которою враг многих уязвил и низложил, то приимем терпение, которым препобеждается нерадение... (прп. Ефрем Сирин, 32, 83—84).

***

Нерадивый, если и слушает Писания, возвещающие о будущих наказаниях по смерти, то принимает сие без всякого чувства, как будто наказания назначены кому другому, а сам он не подлежит обвинению (прп. Ефрем Сирин, 32, 113).

***

Нерадение для трезвящихся бывает причиною многих зол, мало-помалу отвлекая от духовной жизни, охлаждая горячность веры и приучая служить удовольствиям, как гос-

подам, потому что не попускает приводить себе на мысль будущие воздаяния по исшествии из этой жизни (прп. Ефрем Сирин, 32, 113).

***

Много суесловов, которые сами себя обольщают, и когда слышат о Суде и наказании, посмеиваясь, говорят: «Не лучше я целого мира! Где целый мир, там и я. Чему же такому быть со мною, что не постигло бы и целый мир? Буду пока наслаждаться благами века сего; что делает целый мир, то делаю и я». Потом, когда исполнился предел жизни его, приходит посланный грозный Ангел, который требует души его и говорит: «Кончив путь твой в этой жизни, иди теперь в другой мир, иди в место свое». И после сего оставляет он приятности жизни сей, которыми думал наслаждаться вечно, и, влекомый лукавыми ангелами, пойдет на место мучения и, увидев оное, придет в трепет... Тогда... Ангелы скажут ему: «Отчего приходишь в робость, жалкий? Что возмущает, что печалит тебя? Чего боишься, бедный? Чего трепещешь, несчастный? Сам ты уготовал себе место сие. Пожни, что посеял» (прп. Ефрем Сирин, 32, 133—134).

***

...Те, которые ради телесного и житейского нерадят о делах духовных и уклоняются от них, терпят великий и постоянный урон, не разумея и не в состоянии... вместить умом Божественного изречения: *никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии* (Лк. 9, 62) (прп. Ефрем Сирин, 32, 145).

***

...В душе, если небрежет о себе в обучении своем добродетели, легко расхищаются добрые ее качества (прп. Ефрем Сирин, 32, 251).

***

Что медлишь, грешник? Почему спокойно сидишь, должник, как будто Заимодавец равнодушно будет молчать о том, что дано тебе взаем? Он доказал тебе долготерпение свое, докажи и ты слезами сокрушение души своей. Он показал чрезмерное к тебе человеколюбие; возврати же ему и данное взаем и рост (прп. Ефрем Сирин, 33, 137).

***

Не останусь праздным и без работы в возделываемом винограднике, потому что и один час потрудившиеся в нем не отходят без награды (прп. Ефрем Сирин, 33, 140).

***

Если не молишься, грешник, и не усильно домогаешься об исцелении своем, то и Врач не приступит, чтобы насильно уврачевать твои язвы и возвратить тебе здравие (прп. Ефрем Сирин, 33, 155).

***

Убойся, грешная душа, и пробудись. Для чего ты спишь, когда время деланию? Подумай сама о себе, пока еще есть для тебя надежда (прп. Ефрем Сирин, 33, 194).

***

Нерадением увеличивается небоязненность; следствием того и другого бывает навык; а навыкшие худому с трудом оставляют оное; потому что всегда следует за сим повреждение духовного плода (прп. Ефрем Сирин, 35, 467).

***

...Много бывает тебе вреда, если предаешься нерадению, хотя бы, по-видимому, испытан ты был в самом таинстве благодати (прп. Макарий Египетский, 67, 117).

***

Если вознерадит, то падает; потому что враги никогда не остаются в бездействии и ведут брань, не предаваясь лености (прп. Макарий Египетский, 67, 117).

***

...Если... ты нерадив и невнимателен к себе самому, то приходят лукавые духи, в ничто обращают и опустошают ум... (прп. Макарий Египетский, 67, 134).

***

Если же кто вознерадит, хотя мало предавшись или мирским делам, или рассеянности, то опять приходит грех и облекается в душу и начинает угнетать человека (прп. Макарий Египетский, 89, 242).

***

...Бог не будет снисходительно переносить нерадение о тех, о которых Сам Он столько печется (свт. Иоанн Златоуст, 44, 87).

***

...Горе тебе, душа; к какой ты призвана чести человеколюбием Божиим и какое получишь место за свое нерадение? Горе тебе, потому что Он привлекал тебя в духовный брачный чертог, а ты, отринув эту славу, низверглась в огонь диавола и в нестерпимые мучения, где плач и скрежет зубов, где нет <Бога>, утешающего и простирающего руку помощи, но все — мрак, стеснение, смущение и страдания, не имеющие ни облегчения, ни конца (свт. Иоанн Златоуст, 44, 276—277).

***

...Нерадивому и изнеженному никогда не могут принести пользы ни богатство, ни здоровье, ни постоянное благоденствие, ни что-либо другое (свт. Иоанн Златоуст, 44, 821).

***

...Не другое что доводит нас до нерадения о своих делах, как пытливость и разведывание о чужих делах, — потому что кто любит злословить и разведывать о чужой жизни, тому некогда позаботиться о собственной жизни (свт. Иоанн Златоуст, 45, 52).

***

Нерадение низвергает и с самого неба... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 311).

***

Немаловажное зло — нерадение о братиях, но достойное крайнего мучения и неизбежного наказания (свт. Иоанн Златоуст, 46, 165).

***

Если жившие до закона, по внушению только природы, достигли столь высокой добродетели, то что можем сказать мы, которые... после пришествия Христова и после бесчисленных чудес так далеки от добродетели? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 197—198).

***

...Когда мы нерадивы, то хотя бы и никто не советовал и не соблазнял, мы сами собою стремимся к нечестию (свт. Иоанн Златоуст, 47, 224).

***

Какое же останется нам оправдание, если мы, после того как столько уже совершено для нашего спасения, сами сделаем все это бесполезным для нас, и своим нерадением о том лишимся спасения? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 225).

***

...Если сами мы нерадим, а всю надежду спасения нашего возлагаем на них одних (праведных), тогда нам не будет от этого лучше, не потому, чтобы праведники были бессильны, а потому, что мы собственным нерадением губим себя (свт. Иоанн Златоуст, 47, 491).

***

Где представляется житейская выгода, там мы охотно решаемся терпеть все, будет ли то тяжкий труд или другое какое-либо затруднение, будет ли угрожать нам стыд или наказание, временное и даже вечное. А для своего спасения, для того чтобы приобрести себе благоволение свыше, мы слабы, нерадивы, расслаблены (свт. Иоанн Златоуст, 47, 589—590).

***

...Если мы будем нерадивы, <то> и легкое покажется нам трудным (свт. Иоанн Златоуст, 49, 584).

***

...Люди, невнимательные к самим себе, легко впадают в пороки, хотя имеют правую веру (свт. Иоанн Златоуст, 51, 426).

***

Если же жившие до закона от... нерадения мало-помалу погрязли в самой глубине зла, то помысли, что потерпим мы, призванные к большим подвигам, если со всей тщательностью не будем обращать на себя внимания и не угасим искры зла, прежде нежели воспламенится целый костер (свт. Иоанн Златоуст, 52, 633).

***

Нерадение и расслабление, обессиливающие труды, сопротивляются добродетели, обнаруживающейся в делах... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 711—712).

***

...Какое будет несчастье, если тварь, для тебя призванная к бытию, преобразится в свободу славы чад Божиих, а мы, бывшие чадами Божиими, по вине которых тварь насладится тем великим блаженством, будем посланы за великое нерадение на гибель и в геенну (свт. Иоанн Златоуст, 52, 729—730).

***

Владыка стал к тебе милостив, потому и бойся, — ведь блага не остаются у тебя неотъемлемыми, если ты сделаешься нерадив... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 741).

***

...Человек слабовольный, нерадивый и беспечный, хотя бы и не было никакого диавола, скоро падает и ввергает себя в бездну порока (свт. Иоанн Златоуст, 55, 550—551).

***

Подобно тому как ходящим по натянутому канату нельзя допускать ни малейшей небрежности, потому что малый промах производит великое бедствие, — промахнувшийся тотчас обрушивается и погибает, — так точно и для нас непозволительно нерадение (свт. Иоанн Златоуст, 55, 849).

***

...Достигнув глубокой старости, не подаешь знака к отступлению <от зла>... когда же покаешься? Устыдись хотя имени — старость (γῆρας), которое составилось из слов: не любить землю (τὸ γῆς ἐρᾶν). Посему, так как

тело разрешится наконец в землю, а душа по воскресении с ним вместе подвергнется жестоким наказаниям (правосудие требует наказать пренебрегавших его), образумься (прп. Исидор Пелусиот, 61, 115).

***

Настоящие скорби сравнивай с будущими благами, и нерадение никогда не расслабит твоего подвига (прп. Марк Подвижник, 69, 22).

***

Часто от нерадения о делании помрачается и разум (прп. Марк Подвижник, 69, 28).

***

Милостыня и молитва возвращают к долгу вознерадевших (прп. Марк Подвижник, 89, 525).

***

От сластолюбия (делания в свое удовольствие) происходит нерадение, а от нерадения — забвение (прп. Марк Подвижник, 89, 526).

***

Горе нерадивым, которые притворствуют и под наружностью чистоты питают собственные свои страсти (прп. Исаак Сирин, 58, 48).

***

Человек, пока в нерадении, боится часа смертного... (прп. Исаак Сирин, 58, 164).

***

Во время нерадения трезвись и возбуждай в себе понемногу ревность, потому что она сильно пробуждает сердце и согревает душевные мысли (прп. Исаак Сирин, 58, 173).

***

...Нерадение обыкновенно приходит на нас или от обременения чрева, или от множества дел (прп. Исаак Сирин, 58, 173).

***

Вникайте умом вашим, братия, в свойство вещей и берегитесь, чтобы не вознерадеть, ибо и малое нерадение подвергает нас великим опасностям (прп. авва Дорофей, 29, 124).

***

Как невозможно по естеству прожить без пищи, так и до конца жизни невозможно ни на минуту предаваться нерадению (прп. Иоанн Лествичник, 57, 213).

***

Нерадение, как друг, благоволит к тебе во время мира, а во время искушений, как враг, восстает на тебя (авва Фалассий, 91, 330).

***

Нерадение довело праотца до падения и вместо утешений райских осудило на смерть (авва Фалассий, 91, 335).

***

...Кто предается нерадению, тот нисходит в бездну пагубы (прп. Феодор Студит, 92, 73).

***

...Бога убойтеся, чада мои, и долгого вашего подвига, и блаженного труда не губите каким-либо нерадением (прп. Феодор Студит, 92, 128).

***

Нерадение, зародившись, мало-помалу увлекает не внемлющего себе в ров погибели (прп. Феодор Студит, 92, 304).

***

Не будем же нерадеть, но да крепимся и мужаемся на делание дела, к коему призвал нас Господь (прп. Феодор Студит, 92, 419).

***

Рожденные для <вечной> радости, если презрят ее и проведут жизнь во тьме и неведении Бога, по воскресении будут претерпевать двоякое мучение, и то поминая, что были рождены для неизглаголанной радости, и то, что презрели ее по легкомыслию и потеряли по своей вине (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 52).

***

...Когда предаемся мы нерадению и творим хотения плоти и мира, не следует нам говорить, что которых предуведал Бог и определил, те и спасутся, сами не понимая,

что говорим. — Да, правду говоришь ты, что Бог предуведал, что ты будешь ленив, беспечен и нерадив, но не определил и не постановил, чтоб ты не имел власти покаяться, если захочешь встать с одра беспечности и возревновать о спасении (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 237).

***

...Кто, получив силу жительствовать по закону Христову, предается нерадению и не творит воли Божией, со стороны того требуется великое удовлетворение чрез понесение должного наказания (церковной епитимии), чтоб исправление его соответствовало мере греха его; причем потребно излияние стольких слез, сколько было воды в купели, в которой он крестился; потребно также усердно умолять Господа, да продлит ему жизнь, чтоб иметь время уврачеваться и не умереть неуврачеванным и не пойти за то в муку вечную. Ибо кто может поручиться, что смерть подождет, пока он уврачуется? Здесь в этой жизни только уместны врачевательные епитимии (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 463).

***

Отсеки укоризненное нерадение и достойное поношения небрежение о заповедях Божиих... (прп. Никита Стифат, 93, 101).

***

...Воистину стыд великий, что те, которые подвизаются на ристалищах в телесных и внешних подвигах, в пять раз больше от всего воздерживаются, чтобы получить какой-нибудь тленный венец из дикой маслины, или из паль-

мовой ветви, или из финиковой, или из лавровой, или из миртовой, или из другого какого растения; а вы, <христиане>, имеющие получить... нетленный венец, проводите жизнь свою в нерадении и беспечности (прп. Никодим Святогорец, 70, 9).

***

Чтобы не впасть тебе в бедственное зло нерадения, которое пресечет твое течение к совершенству и предаст тебя в руки врагов твоих, надлежит тебе бегать всякого рода пытливости (разведывания, что там, что здесь, праздношатайства, разговоров пустых, глазерства), всякого прилепления к чему-либо земному и всякого произвольно делания, или что-хочу-делания, совсем неподходящего к твоему состоянию, а, напротив, должно тебе всячески понуждать себя к охотному и скорому исполнению всякого доброго руководства и всякого повеления настоятелей твоих и духовных отцов, и делать всякое дело в то время и таким образом, как то им желательно. Ко всякому делу, которое имеешь делать, отнюдь не замешкивай приступать, потому что первое недолгое мешкание приведет тебя ко второму, более долгому, а второе к третьему, еще более долгому, и так далее. От этого дело начинается слишком поздно и не поспевает в свое время, или совсем оставляется, как обременительное. Вкусив однажды сладости неделания, начнешь ты любить его и желать паче делания; а удовлетворяя это желание, дойдешь ты мало-помалу до навыка не делать, или до лености, в которой страсть ничегонеделания до того овладеет тобою, что ты даже и сознавать перестанешь, как это ни с чем несообразно и преступно; разве только когда, отяготившись самою этой леностью, опять со всем усердием возьмешься за дела свои. Тогда со стыдом увидишь, как был ты нерадив пред этим

и сколько пропустил должных дел ради пустого и бесполезного что-хочу-делания (прп. Никодим Святогорец, 70, 76—77).

***

...Нерадение, начавшись чуть заметно, проникает все и ядом своим поражает не только волю, вселяя в нее отвращение от всякого труда и от всякого духовного делания и послушания, но ослепляет и ум, не давая ему узреть всю неразумность и лживость помышлений, на коих держится такое настроение воли, и не допуская его представить сознанию те здравые суждения, которые были бы сильны подвигнуть эту разленившуюся волю, сколько можно скорее и со всем усердием исполнить должное дело, не отлагая его до другого времени. Ибо не довольно делать дела скоро, но должно каждое дело делать в свое ему время, какое требуется по свойству его, и со всем вниманием и тщанием, чтоб оно явилось в возможном совершенстве (прп. Никодим Святогорец, 70, 77).

***

...Всякий раз, как, прогнав нерадение, понудим мы себя со тщанием совершать свое должное дело, Ангелы на небесах готовят нам венец славной победы... (прп. Никодим Святогорец, 70, 78).

***

...Для нерадивых не только нет у Бога венцов, но... Он мало-помалу берет обратно от них и те дары, которые дал им за усердное прежде служение Ему, а наконец лишит их и Царствия Своего, если пребудут в нерадении... (прп. Никодим Святогорец, 70, 78).

***

Если злой помысл, усиливаясь ввергнуть тебя в нерадение, станет представлять тебе, что для стяжания добродетели, которую возлюбил ты и возжелал иметь, неизбежно тебе поднять величайший труд, и притом многие дни, что враги твои сильны и многочисленны, а ты один и немощен, что тебе надлежит сделать много, и притом великих дел, чтоб достигнуть такой цели, если, говорю, помысл нерадения станет представлять тебе все такое, не слушай его, а, напротив, так представляй себе дело, что, конечно, надо делать тебе дела, но не много, что и труд надлежит тебе подъять, но очень малый и немногие дни, что и врагов встретишь, но немного, а только одного какого, и этот, хоть против одного тебя и силен был бы, но при помощи Божией, которая всегда присуща тебе ради великого твоего на нее упования, ты несравненно сильнее его. Если будешь так поступать, то нерадение начнет отступать от тебя, вместо же него, под действием благих помышлений и чувств, начнет входить в тебя мало-помалу тщаливая о всем должном ревность и завладеет, наконец, всеми силами души твоей и тела твоего. Таким же образом поступай и в отношении к молитве <...>

Так и во всем поступай, и ведай, что если ты не возьмешься за разум и не станешь так поборать чувств притрудности и обременительности, какие представляет тебе враг, от предлежащих тебе должных дел, то нерадение совсем, наконец, одолеет тебя, так что ты не только тогда, как будет предлежать тебе какой-либо труд, но и когда еще он далеко впереди видится, будешь чувствовать, как будто у тебя гора на плечах, будешь тяготиться тем и мучиться, подобно невольникам, в безвыходном неволь-

ничестве состоящим. Так и во время покоя не будешь ты иметь покоя и без дел будешь чувствовать себя обремененным делами (прп. Никодим Святогорец, 70, 78—80).

****

В начале 1870-х годов в обитель преподобного Сергия поступил из белых диаконов некто о. Иоасаф. У него была дочь-монахиня, жившая в Хотьковском монастыре. Однажды о. Иоасаф служил в храме великомученицы Варвары, что при лаврском больничном корпусе. По исполнении ектении перед Херувимской он вошел в алтарь и только сделал несколько шагов к престолу, как с неописуемой тревогой на лице упал без чувств. Его перенесли в больницу, где он пролежал без сознания три дня. Придя в себя, он рассказал духовному отцу следующее: «Как только я вошел в алтарь, вижу у престола стоящего Ангела в стихаре, препоясанного по персям орарем и с мечом в руке. Он быстро приблизился ко мне, снял с меня стихарь и орарь и, ударяя меня огненным мечом по рукам и ногам, сказал: «Скорее бы изъяли твою душу из тела за такое нерадение к иноческой жизни, но смотри, кто предстательствует за тебя перед Богом», — и указал перстом к жертвеннику. Я увидел преподобного Сергия, коленопреклоненного у жертвенника и горячо молящегося».

Отец Иоасаф, полностью парализованный, лежал без движения около года. В течение всего этого времени он со слезами приносил покаянные молитвы к Богу, испрашивая у него прощения своих грехов. О дне своей кончины он, видимо, был предуведомлен. Утром одного дня о. Иоасаф попросил дочь, которая дежурила у его постели, достать ему погребальные одежды и одеть его. Находясь в полной

памяти, он был напутствован Святыми Таинами и, обращаясь к каким-то невидимым своим посетителям, сказал с чувством радости: «Пришли», — и тут же умер (114, 19).

***

Архимандрит Кронид поведал о себе: «По смерти моего старца я духовно стал слабеть, иноческое правило иногда исполнял не полностью и, незаметно сокращая его, дошел до чтения одних вечерних молитв. Да и те чаще всего читались мною небрежно. А иногда случалось и так, что, ложась спать, я читал только молитву: «Да воскреснет Бог». Совесть моя обличала меня и понуждала читать иноческое правило полностью, но сила воли ослабела во мне настолько, что исправить себя я не мог, пока не последовало вразумление свыше от преподобного Сергия.

Однажды я вижу сон. Будто бы вхожу в Троицкий собор. Он освещен неземным светом и весь переполнен народом. Все стремятся устами прикоснуться к святым мощам преподобного Сергия. Волною народа и меня привлекло к раке святых мощей. Но по мере приближения к ним в душе моей стал проявляться страх и мысль: «А что, если угодник Божий, ведая мое нерадение молитвенное, обличит меня при всем народе?» Вот я уже у самых мощей. Вижу, преподобный лежит в раке как живой, открытый по пояс. Лик его так приятен, милостив и добр, что я заплакал от сознания своей виновности пред Богом и пред ним. Когда я наклонился, чтобы грешными своими устами прикоснуться к святым его мощам, слышу его тихий отеческий голос: «Чадо! Что же ты перестал совершать подвиг молитвы? Что, если наступит время испытания Божия, время скорбей душевных и болезней телесных, откуда тог-

да будешь черпать утешение, силу и крепость для души своей?» Проснулся я, неутешно плача» (114, 20).

НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ

...Нестяжание гораздо лучше милостыни (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 43).

***

Не желающий же ничего сам себя, через заповедь, освобождает от всего тяжкого в нынешнем и в будущем веке. Поелику не желать иметь что-либо, чего не имеешь, — выше всякого покоя и богатства; точно так же, как и желать того, чего не имеешь, есть величайшее мучение прежде вечной муки, и таковой есть раб, хотя бы он и считал себя царем и богатым (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 90).

***

...Если возлюбишь нестяжательность, не лишишься небесного богатства (прп. Ефрем Сирин, 30, 156).

***

Горе́ вознесем ум, возлюбленный; еще немного времени, и прейдем отсюда, *а яже уготовал еси, кому будут*? (Лк. 12, 20) (прп. Ефрем Сирин, 30, 170).

***

Моль все поедает; и на гроб не оставляй своего достояния; лучшая погребальная почесть — доброе имя (свт. Григорий Богослов, 15, 363).

***

...Нестяжательность приближает к небесам, освобождая нас не только от страха, забот и опасностей, но и от прочих неудобств (свт. Иоанн Златоуст, 44, 369).

***

Известно, что не иметь нужды во многом признается величайшим благом... но признается и то, что гораздо высшее благополучие — быть выше даже потребности иметь какую-либо собственность. Посему будем заботиться всего более о душе, о теле же, сколько нужно, а о внешнем — нисколько не станем прилагать попечения. Ибо таким образом и здесь достигнем высшего блаженства, заключающего в себе Небесное Царство (прп. Исидор Пелусиот, 60, 291—292).

***

...Не то, чтобы приобресть много, но то, чтобы иметь нужду не во многом, делает нас неуловимыми и приводит в совершенную безопасность; потому что приобретший много, если и не терпит обид, пребывает в сильном страхе, что может потерпеть обиду; а имеющий нужду не во многом не может даже и потерпеть обиды; а если по видимому и потерпит обиду, то останется в гораздо лучшем положении, нежели не потерпевший обиды, и бóльшую ощутит радость, как ожидающий награды за любомудрие (прп. Исидор Пелусиот, 62, 183).

***

Да не подумает кто-либо, что без труда и легко достигается преспеяние в нестяжательности (прп. Нил Синайский, 72, 99).

***

Предел нестяжательности — так желать не иметь, как иной желает иметь (блж. Диадох, 91, 7).

***

...Преспеяние в нестяжательности доставляет... досуг преспевать в изучении словес Божиих. Пособие же того и другого содействует к скорому возведению целого здания добродетелей (прп. Исаак Сирин, 58, 10).

***

Без нестяжательности душа не может освободиться от мятежа помыслов и, не приведя в безмолвие чувств, не ощутит мира в мысли (прп. Исаак Сирин, 58, 295).

***

...Никто не может приобрести действительной нестяжательности, если не убедит и не уготовит себя к тому, чтобы с радостью переносить искушения (прп. Исаак Сирин, 58, 379).

***

Нестяжательный муж молится чистым умом; а любостяжательный во время молитвы представляет образы вещества (прп. Иоанн Лествичник, 57, 132).

***

Нестяжание есть... невозбраняемое путешествие, вера заповедям Спасителя; оно чуждо печали (прп. Иоанн Лествичник, 57, 132).

***

Он <нестяжательный> не будет говорить человеку о своей нужде, а что приходит, то принимает как от руки Господней (прп. Иоанн Лествичник, 57, 132).

***

Вкусивший вышних благ легко презирает земные; не вкусивший же первых радуется о стяжании последних (прп. Иоанн Лествичник, 57, 133).

***

Безрассудно нестяжательный лишается двоякой пользы: и настоящих благ удаляется, и будущих лишается (прп. Иоанн Лествичник, 57, 133).

***

Нестяжательность духовная есть совершенное бесстрастие, при коем ум удаляется от всего здешнего (авва Фалассий, 91, 325).

***

Кто захочет удобно отрешиться от вещей, но немалый потребен труд для отрешения от пристрастия к ним (авва Фалассий, 91, 328).

***

Нестяжательности не стяжешь, как должно, без бесстрастия, ни бесстрастия без любви, ни любви без страха Божия и чистой молитвы, ни этих без веры и без попечения, коими окрыляемый ум бросает долуплетущее муд-

рование, воспаряет в горнее и обозревает его, ища Владыку своего (прп. Феогност, 91, 386—387).

***

...Нестяжательность есть мать беспопечения; беспопечение — внимания и молитвы; эти — плача и слез; а эти — изглаждают все предвзятое (прежние грехи); по изглаждении же сего удобно... совершается путь добродетели, потому что тогда... совесть соделывается безукоризненною (свт. Григорий Палама, 93, 276).

***

Отречемся от имения нашего, чтоб стяжать способность последовать Господу нашему Иисусу Христу! (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 91).

****

Спросили однажды блаженную Синклитикию: «Нестяжание есть ли совершенное благо?» Она отвечала: «Точно, оно совершенное благо для могущих перенести. Ибо переносящие нестяжание хотя имеют скорбь по плоти, но спокойны душою. Как твердое белье, когда его мнут и сильнее полощут, вымывается и очищается, так и крепкая душа через произвольную нищету еще более укрепляется» (98, 19).

***

Авва Даниил рассказывал об авве Арсении. Пришел к нему чиновник и принес завещание одного сенатора, родственника аввы, который оставил ему очень большое на-

следство. Арсений, взяв завещание, хотел разорвать оное. Но чиновник пал к ногам его и говорил: «Прошу тебя, не раздирай завещания, иначе с меня снимут голову». Тогда авва Арсений сказал ему: «Он умер только теперь, а я умер еще прежде его». И отослал завещание, не приняв ничего (97, 19).

***

Некто просил старца принять деньги на свои нужды. Он не захотел принять, довольствуясь своим рукоделием. Когда же тот не переставал упрашивать старца принять деньги для нужд бедных, то отвечал: «Здесь будет двоякий стыд: я принимаю без нужды и тщеславлюсь чужим даянием» (98, 126).

***

Некто принес старцу денег, говоря: «Вот тебе на твои потребности, ты состарился и болен». Старец был весь покрыт проказой. Старец же ответил: «Ты пришел отнять у меня Питателя моего, питающего меня уже в течение шестидесяти лет. Столько лет я провел в недуге моем и не нуждался ни в чем, потому что Бог доставлял мне все нужное и питал меня», — и не взял денег (106, 464).

***

Однажды в город Острацины, находящийся в Нижнем Египте, пришли греки раздать милостыню. Они взяли с собою приставников, дабы показывали им, кто особенно имеет нужду в подаянии. Приставник привел их к одному изувеченному. Он не захотел принять подаяние, говоря: «Вот я тружусь, плету молодые прутья и ем хлеб от трудов

своих». Потом привели их к хижине одной вдовы с семейством. Когда они постучались в двери, то откликнулась ее дочь; мать в это время ушла на работу — она была портная. Они предложили дочери одежду и деньги, но она не захотела принять, говоря: «Когда ушла мать моя, то сказала мне: будь покойна, Бог восхотел, и я нашла ныне работу, теперь мы имеем пищу свою». Когда же вернулась мать, они стали ее просить принять подаяние, но она тоже не приняла, сказав: «Я имею Покровителя моего Бога, и вы теперь хотите отнять Его у меня!» Увидев такую веру ее, они прославили Бога (98, 1207).

***

В Лавре «Башен» жил старец, отличавшийся полной нестяжательностью. Он сам очень любил подавать милостыню. Однажды пришел к нему бедняк, прося милостыни. Старец, ничего не имея, кроме хлеба, подал его нищему, но тот возразил: «Не нужно мне хлеба. Дай мне одежду». Желая услужить бедняку, старец, взяв его за руку, привел в свою келью. Нищий не нашел в ней ничего, кроме того, что носил на себе старец. Глубоко тронутый святостью старца, нищий развязал свой мешок, вынул из него все, что имел, и положил посреди кельи, сказав: «Возьми это, добрый старец! А себе я найду, что мне нужно, в другом месте» (102, 15).

***

Пришел однажды в Скит неизвестный человек. Он принес с собою много золота и просил настоятеля пустыни раздать золото братии. Пресвитер отвечал: «Братия не

нуждается в этом». Но принесший был очень важным человеком и убедительно просил исполнить его желание. Уступив ему, пресвитер предложил поставить ящик с златницами при входе в церковь. Выходя из храма, никто из братии не только не прикоснулся к златницам, но даже и не взглянул на них. Старец сказал вельможе: «Бог принял твое приношение. Поди раздай златницы нищим». Вельможа покинул Скит с большой пользою для своей души (106, 463).

***

Однажды младшая Мелания прислала пресвитеру Дорофею — бессребренику — пятьсот златниц и просила его раздать их тамошним братиям. Но он, взяв три златницы, остальные переслал отшельнику Диоклу, мужу многозначительному, сказав: «Брат Диокл умнее меня и с пользою может распорядиться ими, потому что лучше меня знает, кому действительно нужно оказать помощь, а мне довольно и этих» (101, 237).

***

Авва Феодор Фермейский имел у себя три хорошие книги. Пошел он к авве Макарию и говорит ему: «Вот у меня есть три хорошие книги, и сам я получаю из них пользу, и братия употребляют их и получают назидание; скажи, что нам полезнее сделать: оставить ли их у себя для собственной пользы и для пользы братий или продать их и полученное раздать нищим?» Старец сказал в ответ: «Первое хорошо, но нестяжательность всего лучше». Услышав это, Феодор пошел и продал книги, а деньги раздал нищим (97, 231).

***

Авва Исидор Пелусиот рассказывал нам следующее: «Во время пребывания моего на Синайской горе был там брат подвижник, весьма красивый собою. В церковь приходил он в ветхой короткой коленной мантии, которая была вся в заплатах. Видя его в таком одеянии посреди множества братий, однажды я сказал ему: «Брат! Ты видишь, что вся братия присутствуют в церкви в приличном одеянии, подобно Ангелам, почему же ты приходишь всегда в такой одежде?» Он отвечал: «Авва! Прости меня, у меня нет другой одежды». Я пригласил его в мою келью, дал ему левитон и все, в чем он нуждался. С этого времени он одевался, подобно прочим братиям, и был вид его, как вид Ангела.

Как-то пришлось отцам послать к императору десять братий по одному делу. В число отправляемых отцы включили и этого брата. Услышав об этом, он пал пред ними и сказал: «Простите меня, ради Господа, я раб одного из тамошних вельмож: если он узнает меня, то снимет с меня монашество и принудит снова вступить в услужение себе». Отцы, поверив сказанному, оставили его. Впоследствии же сделалось известным от одного посетителя, коротко знавшего этого брата, что в мирской жизни он имел сан епарха, но сказал так о себе, чтоб остаться в неизвестности и не произвести молвы между людьми. С такою тщательностью избегали отцы славы мира сего и удобства временной жизни» (106, 306).

***

В одном монастыре вся братия кормилась от труда рук своих. Игумен не принимал от приходящих ни пищи, ни

одежды, ни денег и, как вполне преданный Богу, говорил им: «Возьмите свое и оставьте нас Христу, да Он печется о нас! На осуждение нам послужит то, если будем тешиться от чужих трудов». Пока мыслил и говорил так игумен, до тех пор Бог его любил, и власть дана была ему над бесами, и слава о его добродетели далеко шла. Но лишь только оставил любовь к нестяжанию, произошло вот что. Слава о добродетельной жизни игумена дошла, наконец, до царя. Царь пригласил его во дворец и беседовал с ним, много пользы от него получил и, отпуская, стал давать ему золото. Не устоял старец против соблазна: взял царский дар и, возвратившись в монастырь, нашел, что всего у него недоставало. И вот начал он покупать имения, волов, ослов; призывал наемников. А между тем, заботясь о земном, от Бога становился все дальше и, наконец, совсем лишился Его благословения.

Так, был приведен к нему бесноватый, по обычаю, да изгонит беса. И вот старец говорит: «Выйди из создания Божия». «Нет, уже не послушаю тебя больше», — отвечает бес. «Почему?» — спросил игумен. «Потому, — сказал враг человеческого рода, — что ты ныне уже и сам один из близких к нам. Ты и сам ведь, вдавшись в печаль житейскую, забыл Бога, и потому не выйду, теперь и силы на меня ты не имеешь» (112, 124).

НЕЧЕСТИЕ

...Если кто усовершается и в нечестии, то делается жилищем диавольским, и диавол в нем упокоивается (прп. Ефрем Сирин, 32, 252).

***

Нечестивые в делах своих подобны слепому оку, в котором нет света (прп. Ефрем Сирин, 33, 282).

***

Пока нечестие не будет представлено в гнусном его виде, дотоле предающийся нечестию не перестанет предаваться ему (прп. Ефрем Сирин, 34, 303).

***

Бойся Господа всею силою твоею, и не соревнуй делам нечестивых; потому что огнь их не угаснет, и червь их не умрет (см.: Мк. 9, 44) (прп. Ефрем Сирин, 90, 346).

***

Для меня равно худы — и негодная жизнь, и негодное слово. Если имеешь одно, будешь иметь то и другое (свт. Григорий Богослов, 15, 361).

***

Нечестие называя самою тяжкою болезнию и тьмою, не погрешаешь против истины (прп. Нил Синайский, 72, 342).

***

Горе нечестивому; ибо, когда все просвещаются, он мраком покрывается (прп. Нил Синайский, 90, 302).

***

...Язва, занесенная нечестивцами, угрожает истребить во многих даже самое понятие о Промысле Божием... Откуда, скажи мне, так много речей о судьбе? Отчего многие приписывают все происходящее неразумному течению звезд? Почему некоторые предпочитают счастье и случай? Отчего думают, что все делается без причины и без цели? От тех ли, которые живут скромно и воздержно, или от тех <нечестивцев>, о которых... <говорят>, будто они поддерживают общественную жизнь...

Бог управляет вселенною и теперь, но многие не видят этого вследствие смятения и неустройства в делах, которое эти люди производят больше всех, так что не только извращают общественную жизнь, но вредят и благочестию; и тот не погрешил бы, кто назвал бы общими врагами этих людей, которые живут во вред спасению других, потопляя своими гнусными учениями и нечистою жизнию... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 98—99).

***

Для того-то общий всех Господь и позволил жить вместе и добрым и злым, и благочестивым и нечестивым, чтобы злые получали пользу от добрых, и живущие нечестиво руководились к благочестию (свт. Иоанн Златоуст, 44, 441).

***

Когда ты увидишь, что человек живет в нечестии, и, однако, наслаждается великим благоденствием и не терпит никакого бедствия; то потому более и пожалей его, что он, подвергшись болезни и самой тяжкой заразе, усиливает болезнь, от веселья и неумеренности делаясь худшим; ибо

не наказание есть зло, но грех; он удаляет нас от Бога; а наказание приводит к Богу и прекращает гнев Его (свт. Иоанн Златоуст, 44, 817).

***

Как слепец часто падает в яму, так и он <нечестивый>, не имея страха Божия пред очами, постоянно проводит жизнь в нечестии, — не так, чтобы то в благочестии, то в нечестии, но постоянно в нечестии, не помнит ни геенны, ни будущего суда, ни воздаяния, но, отвергнув все эти побуждения, как узду, подобно ненагруженному кораблю, предается опасным ветрам и буйным волнам, не имея никого, кто бы управлял его душою (свт. Иоанн Златоуст, 48, 128).

***

...Всех... несчастнее человек порочный, погасивший в себе свет страха Божия и отдавшийся в плен нечестию (свт. Иоанн Златоуст, 48, 128).

***

Нечестивый чужд Богу, и, если даже он не будет ввержен в геенну, от блага он уже устранен во всяком случае (свт. Иоанн Златоуст, 54, 926).

***

Подобно тому, как не только крадущие, но и те, которые в силах помешать им, но не делают этого, терпят одинаковое наказание, так точно не только нечестивые, но

и те, которые могут, но не хотят отвлечь их от нечестия, подвергнутся одному и тому же наказанию (свт. Иоанн Златоуст, 55, 518—519).

НИЩЕТА

Нищета есть не что иное, как умеренность во всем, или такое состояние, в котором довольствуются малым (прп. Антоний Великий, 89, 98).

***

Не всегда нищета похвальна, а только когда она с Евангельскою целью принята произвольно. Ибо многие по достатку нищи, а по произволению весьма любостяжательны. Их бедность не спасает, а произволение осуждает. Посему блажен не тот, кто беден, но кто сокровищам мира предпочитает заповедь Христову (свт. Василий Великий, 5, 253).

***

Нищета — наставница благочестию... (свт. Василий Великий, 6, 93).

***

Укоризненно — не нищим быть, а не иметь мужества в перенесении нищеты (свт. Василий Великий, 8, 148).

***

Не потому, что Сам <Господь> не в силах пропитать нищих, оставил их нам; но нам же в благодеяние требует

от нас правды и человеколюбивого плодоношения (свт. Василий Великий, 8, 338).

***

Возлюби вретище; им праведники одержали победу во бранях своих (прп. Ефрем Сирин, 34, 296).

***

Убогая одежда, в какую облекался ты, устроит тебе светлую ризу (прп. Ефрем Сирин, 34, 297).

***

Нищета лучше неправедного приобретения, равно как и болезнь лучше худого здоровья (свт. Григорий Богослов, 16, 205).

***

Не презирай лежащих, как ничего не стоящих. Подумай, кто они, и найдешь их цену. Они носят на себе образ Спасителя нашего. Ибо Человеколюбец дал им собственный образ, чтобы им устыдить несострадательных и нищененавистников; они подобны тем, кои указывают насилующим их на царские изображения, чтобы образом владычествующего устыдить презрителя. Они — сокровищехранители ожидаемых благ, привратники Царствия, отверзающие двери для добрых и заключающие для жестоких и человеконенавистников. Они — и сильные обвинители, и добрые защитники. Защищают же и обвиняют не словом, но видом своим пред Судией. Ибо делаемое для них взывает к Сердцеведцу внятнее всякого глашатая.

Ради них начертан нам и сей Страшный Суд вестниками Божиими, о котором вы часто слышали (свт. Григорий Нисский, 24, 401—402).

***

...Душа убогого... сияет, как золото, блестит, как жемчужина, цветет, как роза. К ней не прикасается ни моль, ни вор, ни попечение житейское. Точно как ангелы живут убогие... Душа убогого не повелевает мужами, но повелевает демонами; не предстоит царю, но предстала Богу; не воинствует с человеками, но воинствует с ангелами; не имеет одного, двух, трех, двадцати сундуков, но имеет такое изобилие, что целый мир вменяет ни во что. Она не имеет сокровища, но имеет небо; не нуждается в рабах, — напротив, ей раболепствуют помыслы, обладающие царями. Помысл, владеющий облеченным в багряницу, до такой степени боится бедняка, что не смеет поднять и глаз своих. Произвольно убогий и над царским венцом, и над золотом, и над всем тому подобным смеется, как над детскими игрушками. Все это кажется ему столь же презренным, как и колесца, и кости, и камешки, и мячи. Он имеет такое украшение, которого не могут даже видеть забавляющиеся этими игрушками (свт. Иоанн Златоуст, 50, 494).

***

...Не сетуй на нищету, потому что нищета дает тебе большую возможность приобрести небо (свт. Иоанн Златоуст, 52, 748).

***

...Нет никого сильнее того, кто становится нищим ради Господа... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 881).

***

Не порицай нищеты, потому что <она> соделывает подвижника неразвлекаемым в исполнении закона (прп. Нил Синайский, 72, 247).

***

Смотрю я на нищету, скачу и радуюсь, истинным богатством признавая добродетель (прп. Нил Синайский, 72, 380).

***

Возлюби с терпением нищету, чтобы собрать <тебе> воедино ум свой от парения (прп. Исаак Сирин, 58, 279).

***

...Ничто не производит в душе такой тишины, как произвольная нищета (прп. Исаак Сирин, 58, 286).

НИЩЕТА ДУХОВНАЯ

...Не те нищи духом, кои отреклись от мира и терпят только внешнюю нищету, но те, кои оставили всякое зло и непрестанно алчут и жаждут памятования о Боге (прп. авва Исаия, 59, 84).

***

Если возлюбишь нищету, то обратишь в бегство демона сребролюбия (прп. Ефрем Сирин, 30, 161).

***

Возлюби нищету Христову, чтобы там обогатиться тебе Христовым Божеством (прп. Ефрем Сирин, 32, 16).

***

Худое стяжание — сребролюбие, поэтому погубим его; худой запас — злопамятство, поэтому отбросим его; пагубное приобретение — невоздержное похотение, им-то более, нежели чем другим, обнищаем, чтобы такою нищетою приобрести себе Царство: ибо *блажени нищии духом* (Мф. 5, 3), т. е. обедневшие таким богатством (свт. Григорий Нисский, 19, 320—321).

***

...Что значит обнищать духом; чем приобретается право стать обладателем Небесного Царствия? Из Писания дознали мы два рода богатства: одно вожделенное, и другое осужденное. Вожделевается богатство добродетелей, осуждается же вещественное и земное, потому что первое делается достоянием души, а последнее может только послужить к обольщению чувствилищ; посему Господь запрещает собирать его, как готовимое на съедение червям и на козни подкапывающим стены (см.: Мф. 6, 19), повелевает же прилагать старание о богатстве сокровищ возвышенных, к которому не прикасается сила тления. Сказав же о черве и татьбе <воровстве>, Господь указал на опустошителя сокровищ душевных. Посему, если нищета

противополагается богатству, то, конечно, по соответствию должно признать, что нищета бывает двоякая: одна отвергаемая, а другая ублажаемая. Посему, кто обнищал целомудрием, или дорогим достоянием — справедливостию, или мудростию, или благоразумием, или оказывается и нищим, и нестяжателем, и убогим по другой какой многостоящей драгоценности, тот бедствует от нищеты, и жалок по нестяжательности того, что для человека дорого. Но кто добровольно обнищал от всего, представляемого порочным, и не отлагает в свои тайники ни одной диавольской драгоценности, но горит духом, и через это собирает себе в сокровище нищету худых дел, тот, по указанию Слова, — в ублажаемой нищете, плодом которой — Небесное Царствие (свт. Григорий Нисский, 19, 364—365).

***

Тот обнищал духом, кто душевное богатство выменял на телесное изобилие, кто земное богатство отряс с себя, как некую тяжесть, чтобы, став выспренним и воздухоносным, взойти горе́ вместе с Богом, как говорит Апостол, воспарив на облаке (см.: 1 Сол. 4, 17). Золото есть тяжелое некое достояние, тяжело и всякое вещество вожделеваемое, как богатство; но легкая некая и горе́ несущаяся вещь — добродетель. А тяжесть и легкость между собою противоположны. Посему невозможно кому-либо стать легким, пригвоздив себя к тяжести вещества (свт. Григорий Нисский, 19, 373—374).

***

...Кто ради Бога обнищает, тот обретет неоскудевающие сокровища (прп. Исаак Сирин, 58, 295).

***

Нищие... духом не имеют... никакого пристрастия к благам мира сего и не помышляют о них с услаждением, но ненавидят их и отвращаются от них (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 34).

***

Что славнее нищенствования духом, доставляющего человеку Царствие Небесное, коему равноценного ничего нет и быть не может ни в настоящей, ни в будущей жизни? Но и то, что не имеет кто более томящей о себе заботы относительно земного и временного, какое, думаешь ты, приносит ему ангельское состояние и какие вечные уготовляет блага? И то опять, что презирает кто все временное и тленное, и все почти необходимое для тела его, так что никогда не заводит споров и ссор из-за них, но всегда хранит мир и любовь в невозмущаемой тем душе своей, какого не достойно воздаяния, каких венцов и дарований? Поистине выше естества заповедь сия и исполнение ее паче слова и разума, потому что Христос бывает для такового все, вместо всего того, что презирает он. Слыша: «Христос», — не на одно голое слово обращай внимание и не смотри на малость речения, но помышляй о славе Божества Его, превосходящего всякий ум и всякое слово, помышляй о красоте Его неизреченной, о милости безмерной, о богатстве недомыслимом, какое богатно со всякою щедростию подает Он таковым, и уразумеешь, что Его одного достаточно для них взамен всего прочего, так как они приемлют в себя Самого Бога, источника и подателя всякого блага. Посему-то никто из сподобившихся возыметь Христа не вожделевает уже ничего другого, и никто из

насытившихся любовию Божиею не имеет уже позыва любить что-либо другое здесь на земле (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 177—178).

***

...Нищим... духом <Господь> обещает Царство Небесное. Нищими же Он называет живущих в нужде и убожестве; но не просто всех людей такого рода. Он ублажает, но именно тех, которые нищи духом, т. е. тех, которые по внутреннему и сердечному смирению и благому произволению таким образом распорядились всем внешним, что проводят жизнь в убожестве (свт. Григорий Палама, 26, 127).

***

Нищие духом — это те, которые скромно, без заносчивости и не ища наслаждений для души или разума, переносят нищету либо волею, либо в благородном расположении духа, хотя и поневоле терпят бедность (свт. Григорий Палама, 26, 146).

***

Четыре вида духовной нищеты показали мы... — в мудровании <самоуничижение>, в содержании тела <воздержание>, в житейском состоянии <нестяжательность>, в искушениях совне находящих <терпение> (свт. Григорий Палама, 93, 273).

ИСТОЧНИКИ

1. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1902.

2. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1902.

3. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1903.

4. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1903.

5. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1900.

6. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1900.

7. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1900.

8. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1901.

9. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 5. ТСЛ, 1901.

10. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

11. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1902.

12. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 1. М., 1843.

13. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 2. М., 1844.

14. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 3. М., 1844.

15. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 4. М., 1844.

16. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 5. М., 1847.

17. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 6. М., 1848.

18. Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. М., 1861.

19. Творения святого Григория Нисского. Ч. 2. М., 1861.

20. Творения святого Григория Нисского. Ч. 3. М., 1862.

21. Творения святого Григория Нисского. Ч. 4. М., 1862.

22. Творения святого Григория Нисского. Ч. 5. М., 1863.

23. Творения святого Григория Нисского. Ч. 6. М., 1864.

24. Творения святого Григория Нисского. Ч. 7. М., 1865.

25. Творения святого Григория Нисского. Ч. 8. М., 1871.

26. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 1. М., 1994.

27. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 2. М., 1994.

28. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 3. М., 1994.

29. Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. 10-е изд. Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни: Свято-Троицкая Лавра, 1913.

30. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 1. М., 1881.

31. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 2. М., 1881.

32. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1912.

33. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1900.

34. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 5. М., 1887.

35. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

36. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1913.

37. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 8. ТСЛ, 1914.

38. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1905.

39. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1886.

40. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 3-е изд. Т. 3. СПб., 1905.

41. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетическая проповедь. 3-е изд. Т. 4. СПб., 1905.

42. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Приношение современному монашеству. 3-е изд. Т. 5. СПб., 1905.

43. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина: Точное изложение православной веры. СПб., 1894.

44. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. 2-е изд. Т. 1: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

45. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 2: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1896.

46. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 3: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1897.

47. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 4: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

48. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 5: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1899.

49. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 6: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1900.

50. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 7: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1901.

51. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 8: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1902.

52. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 9: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1903.

53. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 10: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1904.

54. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 11: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1905.

55. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 12: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1906.

56. Писания преподобного отца нашего Иоанна Кассиана Римлянина. 2-е изд./Пер. с лат. еп. Петра. М., 1892.

57. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. 7-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1908.

58. Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирина, подвижника и отшельника, бывшего епископом града Ниневии: Слова подвижнические. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893.

59. Преподобного и богоносного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского: Духовно-нравственные слова. 2-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1911.

60. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 1. М., 1859.

61. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 2. М., 1860.

62. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 3. М., 1860.

63. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Письма. 2-е изд. Ч. 1. Киев, 1891.

64. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Трактаты. 2-е изд. Ч. 2. Киев, 1891.

65. Творения святых отцев в русском переводе, издаваемые в Московской Духовной Академии/Творения святителя Кирилла Александрийского. Т. 49. Ч. II. ТСЛ, 1882.

66. Творения иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа Иерусалимского. М., 1855.

67. Преподобного отца нашего Макария Египетского: Духовные беседы, послания и Слова. 4-е изд. ТСЛ, 1904.

68. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе: Нравоучительные сочинения. Ч. 1. ТСЛ, 1910.

69. Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника: Нравственно-подвижнические слова. 2-е изд. Сергиев Посад, 1911.

70. Невидимая брань, блаженной памяти старца Никодима Святогорца. 2-е изд.: В 2 ч./Пер. с греч. еп. Феофана. М., 1892.

71. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 1. М., 1858.

72. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 2. М., 1858.

73. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 3. М., 1859.

74. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 1. М., 1874.

75. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 2. М., 1874.

76. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 1. М., 1892.

77. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 2. М., 1890.

78. Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова. Сергиев Посад, 1917.

79. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 1. М., 1898.

80. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 2. М., 1898.

81. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3. М., 1898.

82. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 4. М., 1899.

83. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 5. М., 1899.

84. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 6. М., 1900.

85. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900.

86. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 8. М., 1901.

87. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?/Письма еп. Феофана. 5-е изд. М., 1904.

88. Внутренняя жизнь: Слова епископа Феофана. Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1893.

89. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 1. М., 1883; 3-е изд. М., 1895.

90. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 2. М., 1884.

91. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 3. М., 1888; 3-е изд. М., 1900.

92. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 4. М., 1889.

93. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 5. М., 1890; 3-е изд. М., 1900.

94. Писание мужей апостольских/Пер. прот. Петра Преображенского. 2-е изд. СПб., 1895.

95. Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на Святой Афонской горе просиявших. 3-е изд. Ч. 1, 2. СПб., 1897.

96. Глинский патерик/Схиархим. Иоанн Маслов. М., 1997.

97. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. М., 1845.

98. Древний патерик: Изложенный по главам. М., 1874.

99. Жизнь пустынных отцев/Творение пресвитера Руфина. ТСЛ, 1898.

100. Киево-Печерский патерик/Сост. М. Викторова. Киев, 1893.

101. Лавсаик/Сост. Палладий, еп. Еленопольский. СПб., 1850.

102. Луг духовный/ Творение блаженного Иоанна Мосха. Сергиев Посад: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915.

103. Митерикон: Собрание наставлений аввы Исаии всечестной инокине Феодоре. 2-е изд./Пер. еп. Феофана. М., 1898.

104. Московский патерик/Сост. Е. Поселянин. М.: Изд. Московского дворянства, 1912.

105. Оптинский патерик./Б-ка Московской Духовной Академии. (Машинопись. Инв. № 123611).

106. Отечник/Еп. Игнатий (Брянчанинов). 4-е изд. СПб., 1903.

107. Отечник проповедника/Сост. игум. Марк (Лозинский). ТСЛ, 1996.

108. Палестинский патерик/И. Помяловский. Вып. 3. СПб., 1893.

109. Патерик Волыно-Почаевский/Сост. прот. А. Хойнацкий. М., 1883.

110. Практическая симфония/Сост. Г. Дьяченко. М., 1912.

111. Духовный мир/Сост. Г. Дьяченко. М., 1900.

112. Пролог в поучениях/ Прот. В. Гурьев. М., 1912.

113. Соловецкий патерик. М., 1895.

114. Троицкие цветки с луга духовного/Сост. архим. Кронид (Любимов). ТСЛ, 1997.

115. Троицкий патерик. ТСЛ, 1896. [Репринт].

116. Цветник духовный. 5-е изд.: В 2 ч. М., 1903.

117. История боголюбцев, или повествование о святых подвижниках/Блаж. Феодорит, еп. Кирский. СПб., 1853.

118. Святого отца нашего, Григория Двоеслова, епископа Римского. Собеседования о жизни италийских отцев и бессмертии души. Казань, 1853.

119. Тверской патерик/Краткие сведения о тверских местночтимых святых. Казань, 1907.

120. Житие преподобного отца нашего Василия Нового и повествование о прохождении воздушных мытарств блаженною Феодорою. 5-е изд. Одесса, 1914.

121. Святитель Димитрий Ростовский: Жития Святых. Январь. М., 1993.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Малодушие 5
Медицина 8
Месть 12
Мечтательность 18
Милосердие 19
Милосердие Божие 43
Милостыня 56
Мирность сердца 85
Миролюбие 95
Миротворчество 102
Многословие 108
Молитва 112
Сущность молитвы 112
Молитвенный настрой 116
Истоки молитвы 140
Степени молитвы 146
Чистота сердца 161
Трезвение в молитве 172
Умная молитва 178
Сердечная молитва 181
Чистая молитва 188

Созерцание в молитве 193
Непрестанная молитва 195
Иисусова молитва 201
Молитва Господня 213
Церковная молитва 219
Покаянная молитва 223
Слезная молитва 226
Просительная молитва 229
Дерзновение в молитве 237
Ночная молитва 240
Сила молитвы 242
Польза молитвы 246
Плоды молитвы 254
Молитвенное правило 270
Искушения в молитве 275
Чувства в молитве 284
Рассеянная молитва 287
Прелесть в молитве 295
Молитва о ближних 298
Молитва о врагах 299
Молитва об усопших 302
Молчание 323
Монашество 330
Мощи 364
Мудрость 371
Мужество 388
Мученичество 392
Мучения вечные 404

Мысли 416
Мытарства 418
Награда 441
Надежда 451
Надменность 464
Наказание 467
Наслаждения 487
Насмешки 490
Наставления 492
Начальство 495
Неверие. 502
Незлобие 507
Немощи 520
Ненависть 523
Неплодство 532
Нерадение 536
Нестяжательность 557
Нечестие 566
Нищета 570
Нищета духовная 573
Источники 578

ББК 86.372-574
С-59

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том VI

Издание Московской Духовной Академии
и Введенской Оптиной Пустыни, 2005

249700, Калужская обл., г. Козельск,
Введенская Оптина Пустынь.
Издательский отдел, тел.: (095) 421-71-41

Зак. 1492. Тираж 5000 экз. ГМП «Первая Образцовая типография»
115054, Москва, Валовая, 28

ISBN 5-86594-070-8

© Введенская Оптина Пустынь, 2005

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том VII

Обет — Покой души

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
И ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
2005

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

О

ОБЕТ

...Нарушающий обеты, данные Духу Святому, делает хуже досадителей, пьяниц и проводящих жизнь в праздности, это всякому очевидно (свт. Василий Великий, 9, 389).

***

...Не малый подвиг произнесшему обет — присовокупить к этому и что следует за обетом (свт. Василий Великий, 10, 301).

***

Ничего не обещай Богу (см.: Еккл. 5, 4), даже и малости; потому что все Божие, прежде нежели принято от тебя. И что еще скажу? Не отдав обещанного, ты крадешь это сам у себя. — Какой же необычайный приимешь на себя долг? Да уверят тебя в этом Анания и Сапфира (см.: Деян. 5, 1—2) (свт. Григорий Богослов, 16, 201).

***

...Хотя бы по внушению какой-либо страсти мы и связали себя какою-либо клятвою, чего никто из монахов вовсе не должен бы делать, однакож сторона того и другого дела должна быть исследована здравым суждением ума, и то дело, которое мы постановили сделать, должно быть сравниваемо с тем, к которому вынуждаемся перейти, и без промедления надобно приступать к тому, которое по исследованию старцев будет признано лучшим. Ибо правильнее будет нам оставить данное нами слово (обещание), нежели потерпеть ущерб в деле более полезном и благочестивом. Помним, что разумные и опытные отцы никогда не были упорны и неизменны в таких определениях; но как воск от жара солнца, так они, разумом смягчаясь, по требованию здравого рассуждения без колебания переходили на лучшую сторону. А каких видели, что они упрямо оставались в своих определениях, тех мы всегда признавали неразумными, лишенными рассудительности <...> Мы это говорим не о главных заповедях, без которых вовсе не может состояться наше спасение, а о тех, которые без опасности для нашего состояния можем оставить, или исполнить, например, касательно неослабной строгости поста, постоянного воздержания от вина или масла, касательно безвыходного пребывания в кельи, касательно непрестанного занятия чтением или размышлением; все это без ущерба для нашего звания и намерения можно соблюдать, когда угодно, а можно безупречно и оставить, когда будет необходимо. Впрочем, касательно соблюдения главных заповедей надобно твердо постановить, за них даже и смерти не должно избегать, если это небходимо будет, для них надобно непоколебимо говорить: «Я поклялся и постановил» (авва Иосиф, 56, 491—492).

***

...Не обещать дара Богу — безбедное дело; а дать обет и отказаться от исполнения — достойно осуждения (прп. Исидор Пелусиот, 60, 259).

***

Дал бы Бог соблюстись нам от больших зол, а за эти малости Он не будет слишком взыскателен! Кто говорит такие речи? Христиане, чада Христовы, давшие такие великие обеты Богу, когда крестились, — и особенно монахи, вступившие во вторые соглашения и заветы с Богом; т. е. которые облечены иноческим одеянием вместо добродетели и носят имя монаха вместо святости, которые вошли в соглашение со Христом, что отвергнутся мира и всего что в мире, отвергнутся и родителей, и родных, и друзей, обещали слушаться своих духовных отцов, как Бога, и соблюдать строжайшее подвижничество и внимание, даже до взора очей и праздного слова, т. е. что ни смотреть не будут бесчинно, ни празднословить, — а теперь думают, что не грех и зависть, и осуждение, и ропот, и прекословие, и лживые речи, и следование своей воле, и божба, и скрытное украдение вещей монастырских, чтоб иметь их как свои собственные, или дать другим без ведома настоятеля, и при этом еще думают, что совсем не грех — худо исполнять свои монастырские послушания, т. е. когда поручено кому какое-либо служение братиям, исправлять его с пристрастием, или с лукавством, или с завистью, или бессовестно, или торгашески (преп. Симеон Новый Богослов, 77, 234).

***

В обетах, конечно, разумеются дела, или деятельная сторона... Но главное — душевный строй. Если сей цел, то

изменение какое-либо во внешнем течении дел никакого вреда и ущерба не делает (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 149).

****

Три сестры: Тарсила, Емилиана и Гордиана — благочестивые, богобоязненные девы, пожелали посвятить себя на служение Богу, и в один день приняли иноческий образ. Горя любовию ко Господу и живя в одной келье, они со смирением предали себя в послушание старшим инокиням монастыря, в который поступили. Что, казалось, могло быть лучше такой жизни? Но дьявол нарушил покой мудрых дев, и одна из них объюродела. Мало-помалу Гордиана стала ослабевать в иноческих подвигах, вступила в общение с мирскими девицами, стала сладко есть и пить, а наконец, и вовсе нарушила монашеский обет и вышла замуж.

Тарсила же и Емилиана пребыли в своем подвиге до конца. Первой перед смертью явился ее умерший дядя Феликс, епископ Римской церкви, и сказал: «Готовься в обитель света, я скоро приму тебя». После этого видения Тарсилу постигла болезнь, и она, сподобившись во время оной лицезрения Господа, вскоре блаженно скончалась. Прошло немного времени, и она явилась своей сестре Емилиане и сказала: «Готовься, Рождество Христово я без тебя провела, а в Богоявление будем вместе». «На кого же я оставлю сестру нашу Гордиану?» — спросила Емилия. «Она уже причтена к миру», — ответила Тарсила.

Видение кончилось, и слова Тарсилы сбылись. Емилиана подлинно перед Крещением Господним перешла в вечную жизнь. Что же стало с Гордианой? Увы! «Сии две, — говорит святитель Григорий, папа Римский, — приясте веч-

ную жизнь, сия же (т. е. Гордиана) нескончаемую муку» (112, 453—454).

ОБЕТОВАНИЯ БОЖИИ

Обетование жизни даровал Спаситель наш приемлющим Его, и с сим обетованием снизошла благодать Его и вселилась в рабах Его (прп. Ефрем Сирин, 33, 394).

***

Обетованием Своим вселил Он <Господь> силу свою в приявших Его и соделал их источником жизни посреди смертных (прп. Ефрем Сирин, 33, 394).

***

Горнее Царство обетовал Спаситель приемлющим Его и исполнением обетования здесь еще предварил будущность (прп. Ефрем Сирин, 33, 394).

***

Велики... и неизреченны обетования христианам, и в такой мере велики, что с верою и богатством одной души не идут даже в сравнение вся слава и лепота <красота> неба и земли... (прп. Макарий Египетский, 67, 33).

***

...Если обещает Бог, то хотя бы представлялись тысячи препятствий к исполнению обещанного, не должно смущаться и сомневаться в исполнении (свт. Иоанн Златоуст, 44, 181).

***

Господь... устроял это спасение различным образом. Он творит чудеса и предсказывает некоторые из будущих отдаленных событий, уверяя тогдашних слушателей современными им событиями в истине будущих событий, а для будущих поколений делая достоверными совершенные Им в то время чудеса посредством исполнения Его предсказаний, и таким сугубым доказательством внушая веру в Свое Царство (свт. Иоанн Златоуст, 44, 635).

***

Пророчества Иисуса Христа были двоякого рода: одни из них долженствовали исполниться в настоящей жизни, а другие сбудутся при самой кончине мира; они взаимно подкрепляют себя и с великою силою доказывают истинность тех и других... Когда почти вся вселенная предана была нечестию, что сказал и предвозвестил Господь? *На сем камне созижду Церковь, и врата адова не одолеют ей* (ср.: Мф. 16, 18)... Не то одно удивительно, что Он во всей вселенной устроил Свою Церковь, но и то, что сделал ее непреодолимою, и непреодолимою тогда, как она испытывает столько враждебных нападений... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 635).

***

Он <Господь> предсказывал о будущем со всею истиною и приводил (Свои предсказания) в исполнение; и ничто из сказанного Им не может остаться тщетным, но скорее погибнут земля и небо, нежели что-нибудь из слов

и предсказаний Его окажется изреченным ложно. Посему и Сам Он, указывая на это прежде исполнения событий, ясно сказал о Своих изречениях так: *небо и земля мимоидет, словеса же Моя не мимоидут* (Мф. 24, 35)... они не простые слова, но Слова Божии, которыми созидаются дела; так Бог сотворил небо, так землю, так море, так солнце, так сонмы ангелов, так прочие невидимые силы (свт. Иоанн Златоуст, 44, 640).

***

Они <обетования> не ограничиваются кратким временем и не исполняются при одном поколении, но всем людям, настоящим, будущим и следующим за ними, и далее за этими до скончания века имеющими быть, всем дают понять силу своей истинности. По... предсказанию Церковь с того дня, как оно было изречено, до скончания века пребудет твердою и непоколебимою, цветущею и блистающею, с каждым днем преуспевая, возрастая, укрепляясь и сообщая всем людям, имеющим быть с того времени до Второго пришествия Христова, величайшие блага и неизреченную пользу (свт. Иоанн Златоуст, 44, 640—641).

***

Здесь <в Ветхозаветной истории> явилась тень, а впоследствии открывается истина вещей гораздо превосходнейшая; в жертву за весь мир принесен словесный Агнец. Он очистил всю вселенную. Он освободил людей и привел к истине. Он сделал землю — небом, не природу стихий изменив, а водворив между земными людьми жизнь небесную (свт. Иоанн Златоуст, 47, 524).

***

Как люди, сопровождая свои обещания клятвой, придают им большую твердость, так и Господь, применяя человеческое обыкновение, говорит: *Мною самим кляхся, егоже ради сотворил еси глагол сей и не пощадил еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради* (ср.: Быт. 22, 16) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 525).

***

...Часто обетование не исполняется по малодушию (людей) (свт. Иоанн Златоуст, 55, 103).

***

Когда глаголет или изрекает обетования Бог, тогда да не будет вовсе места рассуждениям, умозаключениям, словесным убеждениям, ибо все это в сравнении с достоинством Глаголющего — ничто... (прп. Исидор Пелусиот, 61, 78).

***

Томилось человечество в страшном рабстве более пяти тысяч лет, по непостижимому суду Божию... обильно наполняло темницы ада, получив от Бога обетование освобождения в самый час впадения в рабство. *Един день пред Господем яко тысяща лет, и тысяща лет яко един день* (2 Петр. 3, 8). Обетование произнесено вместе с изречением наказания за преступление. Удостоено человечество этого обетования потому, что причиною падения было обольщение и увлечение, а не замысел намеренный и обдуманный. По истечении пяти тысяч лет нисшел на землю к изгнанникам, в страну изгнания их, Искупитель —

Вочеловечившийся Бог. Он посетил и преддверие нашей темницы — поверхность земли, и самую темницу — ад. Он даровал спасение всем человекам, предоставив свободному произволению их или принять спасение, или отвергнуть его. Он освободил всех уверовавших в Него, заключенных в подземной бездне возвел на небо, а странствующих на земной поверхности ввел в общение с Богом, расторгнув их общение с сатаною. Богочеловек, восприяв на себя все последствия падения человеческого, кроме греха, воспринял и образ земной жизни... Он явил в деятельности Своей образец для деятельности каждого человека на поприще земной жизни его. Две отличительные черты представляет взорам нашим Евангелие в деятельности Спасителя: точнейшее исполнение воли Божией в делах, зависящих от произвола, и совершенную покорность воле Божией в судьбах Божиих (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 100—101).

***

Установлен Богом (по обетованию) тесный и прискорбный путь из земной жизни к небу: заповедано шествие по этому пути под крестом, путем этим... прошел Вождь христианского племени, Вочеловечившийся Бог... Преступнику дан краткий срок земной жизни единственно для того, чтобы он усмотрел свое состояние падения и отвержения, сознал необходимость спасения, стяжал спасение при посредстве Искупителя человеков, Господа нашего Иисуса Христа.

...Преступник, исповедавший себя преступником, ищущий помилования, должен самою жизнью выразить исповедь в греховности... самою жизнью доказать истину обращения к Богу исполнением воли Божией и покорностью этой воле... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 106—107).

****

Однажды поздним вечером во время молитвы великий чудотворец Сергий услышал голос, звавший его по имени. Сотворив молитву, он открыл окно и увидел необыкновенный свет с неба. «Сергий! Господь услышал молитву твою о чадах твоих!», — говорил голос. Чудотворец увидел множество прекрасных птиц. Небесный голос продолжал: «Так умножится число учеников твоих, и после тебя не оскудеют последующие стопам твоим». Сергий в удивлении и радости позвал ученика своего Симона, и тот успел еще увидеть прекрасных птиц, порхавших в обители Сергиевой и вокруг нее.

Одни из учеников преподобного до гроба оставались в обители отца своего; другие стали основателями монастырей, послуживших образцом благочестия для живущих в шуме мирской жизни; наконец, третьи удалились в непроходимые северные дебри и светили миру дивными подвигами и распространяли веру Христову... (115, 14).

ОБИДЫ

...Когда виновные обижают невинных, то сами терпят ту обиду, которую по видимому наносят другим (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 263).

***

Благодари того, кто обижает тебя, и Бога будешь иметь другом (прп. Антоний Великий, 89, 92).

***

Горе поносителям и обидчикам, потому что они отчуждили себя от блаженной любви (прп. авва Исаия, 89, 442).

***

Как скоро обида разжигает твое сердце, вспомни о Христе и об Его язвах, рассуди, что претерпеваемое тобою весьма маловажно в сравнении со страданиями Владыки, и тогда, как водою, угасишь свою скорбь (свт. Григорий Богослов, 16, 206).

***

Обида есть неблагородный поступок, или неблагородное слово человека неприязненного (свт. Григорий Богослов, 16, 339).

***

...Причастные благодати любят не только благодетелей, но даже хулителей и гонителей, в воздаяние за сии блага ожидая духовной любви. Благами же называю не потому, что прощают обиды, но потому, что благодетельствуют душам обидевших: молятся о них Богу, как бы чрез них прияв блаженство... (прп. Макарий Египетский, 67, 259).

***

Христос повелел молиться за обижающих, а мы строим ковы <козни>... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 138).

***

...Обида состоится, или не состоится, не по желанию наносящих ее, но по расположению тех, которые терпят обиду (свт. Иоанн Златоуст, 45, 41).

***

...Обиды и унижения, соединенные с обидами, происходят не от злобы обижающих, но от слабости обижаемых (свт. Иоанн Златоуст, 45, 41).

***

Если бы мы были мудры, то могли бы и не обижаться и не чувствовать никаких оскорблений. Тебя обидел кто-нибудь, но ты не почувствовал обиды и не опечалился? Тогда ты не обижен: напротив, скорее ты поразил, чем сам поражен. Когда обидевший видит, что его удар не достигает до души оскорбляемых им, тогда сам он сильно терзается; и как обижаемые молчат, то удар обид сам собою обращается назад и поражает того, кем он послан (свт. Иоанн Златоуст, 45, 41).

***

...Ближний обидел и огорчил тебя, и сделал тебе множество зла?

...В этом случае ты сам не мсти ему, чтобы не оскорбить тебе своего Господа: предоставь Богу, и Он устроит дело гораздо лучше, нежели как тебе хочется. Тебе Он повелел только молиться за оскорбившего, а как поступить с ним, — это повелел предоставить Ему. Сам ты никогда не отомстишь за себя так, как Он готов отомстить за тебя, если только Ему предоставишь это, — если не будешь молиться о наказании оскорбившего, но предашь суд в Его волю. В самом деле, хотя бы мы и простили обидевшим, хотя бы примирились с ними, хотя бы молились за них, но, если они и сами не переменятся и не сделаются лучшими, Бог не простит им, не простит, впрочем, для их же пользы. Тебя Он похвалит и одобрит за любомудрие, а (врага) накажет, чтобы он не сделался худшим от твоего любомудрия (свт. Иоанн Златоуст, 45, 229).

***

...Не будем никогда злопамятствовать и питать вражду к тем, кто сделал нам неприятность или другую какую-

нибудь обиду, но, представляя себе, какое благодеяние и дерзновение пред Господом они доставляют нам, а больше всего то, что примирение с оскорбившими нас заглаждает наши грехи, поспешим и не замедлим (примириться с врагами) и, размышляя о происходящей от того пользе, покажем такое расположение к врагам, как если бы они были истинными нашими благодетелями (свт. Иоанн Златоуст, 47, 282).

***

...Не будем... раздражаться обидами, хотя бы досаждающие нам были и хуже нас, но станем укрощать гнев (других) своею кротостию и тихостию (свт. Иоанн Златоуст, 47, 363).

***

...Если мы кротко и терпеливо будем переносить обиды от кого бы то ни было, то тем более великой и щедрой помощи удостоимся свыше (свт. Иоанн Златоуст, 47, 611).

***

Хорошо — не обижать, но гораздо лучше и достойнее любомудрой души — не мстить за обиды (свт. Иоанн Златоуст, 48, 66).

***

...Обижающий ближнего не представляет Бога перед своими глазами; если бы он представлял Его, то и не обижал бы, страшась Судии, не преступал бы закона, приводя на память угрозу Законодателя. Поступают же так не в силу неведения, а вследствие дерзости, подобно тому как разбойники пустыни совершают разбои не потому,

чтобы не знали о судьях и судах, а потому, что не думают о них по своему безумию и не боятся (свт. Иоанн Златоуст, 48, 879).

***

Обиды, несправедливо претерпеваемые нами от кого бы то ни было, Бог вменяет нам или в отпущение грехов, или в воздаяние награды (свт. Иоанн Златоуст, 50, 91).

***

...Те, которые кажутся обиженными, не обижены на самом деле, если только все несчастия переносят с мужеством; напротив, еще более приобретают, получают ли удары от Самого Бога, или от дьявола (свт. Иоанн Златоуст, 50, 92).

***

...Ничто так не удерживает обижающих, как кроткое терпение обижаемых. Оно не только удерживает их от дальнейших порывов, но еще заставляет раскаяться и в прежних, и делает то, что они отходят от обиженных, удивляясь их кротости, и, наконец, из неприятелей и врагов делаются не только их друзьями, но даже самыми близкими людьми и рабами (свт. Иоанн Златоуст, 50, 205).

***

Не кляни обижающего тебя, иначе ты оскорбление претерпишь, а плода лишишься, — понесешь вред, а награды не получишь. А это крайне безумно — претерпевши труднейшее, не перенести легчайшего (свт. Иоанн Златоуст, 50, 209—210).

***

...Обижающие ближних воюют против собственной души своей и оказываются ниже и презреннее всех... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 447).

***

...Осквернять себя обидами и ругательствами — значит лежать на ложе дьявола (свт. Иоанн Златоуст, 50, 532).

***

Смотри, сколько получаешь ты пользы, перенося безропотно обиды от врагов: первая и важнейшая — отпущение грехов; вторая — терпение и великодушие; третья — кротость и человеколюбие, так как тот, кто не способен гневаться на окорбляющих его, тем более будет кроток в отношении к любящим его; четвертая — совершенное истребление гнева, с чем никакое благо не может сравняться... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 631).

***

Подумай, как много ты виновен, и не только не отказывай в прощении обидевшим тебя, но сам спеши к огорчившим тебя, чтобы и у тебя было основание получить прощение, чтобы найти извинение собственных твоих неправд (свт. Иоанн Златоуст, 50, 798).

***

...Оскорбивший обыкновенно одерживает победу над оскорбленным, но это худая победа, так как она причиняет погибель победителю. Между тем обиженный и мнимо побежденный, когда переносит обиду великодушно, без

сомнения получает блистательный венец (свт. Иоанн Златоуст, 50, 843).

***

Во время самых обид приучайся не оскорблять другого, и тогда, будучи оскорбляем, не будешь чувствовать скорби. Представь, что обижающий тебя в исступлении и не в своем уме, и тогда не будешь досадовать на обиду. Случается, что беснующиеся бьют нас, однако мы не только не гневаемся на них, но и жалеем их. Поступай и ты так — пожалей об обижающем, — он ведь одержим лютым зверем — яростию, демоном неистовым — гневом (свт. Иоанн Златоуст, 50, 864).

***

...Более достойно удивления видеть человека, которого оскорбляют и он не возмущается, чем такого, которого бьют, поражают, и он не падает. Но как возможно, скажешь ты, не возмущаться? Обидел ли кто тебя? Огради крестным знамением грудь; вспомни все, что происходило на Кресте, — и все погаснет. Не думай об одних обидах, но вспомни вместе и о добре, какое ты когда-нибудь получил от обидевшего, и тотчас станешь кротким. Особенно же и прежде всего приведи на мысль страх Божий, и вскоре сделаешься умерен и покоен (свт. Иоанн Златоуст, 50, 864).

***

Обидчики все делают, чтобы уязвить другого, но, когда теряют всякую надежду успеть в этом, сами, наконец, укрощаются и отходят уже исправившимися (свт. Иоанн Златоуст, 50, 865).

***

...Обижать заставляет сребролюбие, сносить же обиды — бедность (свт. Иоанн Златоуст, 50, 887).

***

Если... хочешь... отомстить <обидчику>, смолчи, — и тем нанесешь врагу смертельный удар. Если же будешь отвечать на укоризну укоризною, то зажжешь огонь (свт. Иоанн Златоуст, 51, 320).

***

Только тогда ты в состоянии будешь образумить его <обидчика>, когда перенесешь обиду спокойно и с кротостию; только чрез это ты устыдишь его и укротишь его гнев. Никто не исцеляет зла злом, но зло — добром (свт. Иоанн Златоуст, 51, 339).

***

...Ничто так не умилостивляет Бога, как любовь ко врагам и благотворение обижающим нас. Когда кто-нибудь обидит тебя, ты смотри не на него, но на дьявола, который побуждает его к тому; на дьявола изливай весь свой гнев, а о нем даже жалей, так как он находится под влиянием дьявола (свт. Иоанн Златоуст, 51, 570).

***

Если кто хочет пронзить тебя мечом, погрузить руку в гортань твою, ты поцелуй эту руку, потому что Христос облобызал уста, причинившие ему смерть. И ты не подвергай ненависти, но слезами и милосердием воздавай зло-

умышляющему, потому что такой заслуживает нашего сожаления и слез (свт. Иоанн Златоуст, 52, 75).

***

Недостаточно не мстить (это было и в Ветхом Завете); но будем делать все для обидевших нас, как для искренних друзей, как бы для себя самих. Мы — подражатели, мы — ученики Того, Который по распятии употребляет все меры для (спасения) распявших и посылает (к ним) апостолов (свт. Иоанн Златоуст, 52, 94).

***

...Скажешь, чем более (обидчик) видит кротости, тем более нападает. Неужели же ты огорчаешься тем, что он умножает для тебя награды? Но, скажут, он делается неукротимым. Это предлог твоего малодушия; напротив, тогда он делается неукротимым, когда ты мстишь. Если бы Бог знал, что вследствие немстительности оскорбители делаются неукротимыми, то не заповедал бы ее, а сказал бы: мсти за себя; но Он знает, что она <кротость> приносит более пользы (свт. Иоанн Златоуст, 52, 285).

***

Сказал ли он <обидчик> худо (о тебе)? — Ты похвали (его). Поносил ли? — Ты превозноси. Замышлял ли зло? — Ты окажи благодеяние. Воздай ему противным, если точно печешься о его спасении, а не старайся удовлетворить своей страсти мщения (свт. Иоанн Златоуст, 52, 286).

***

Представь человека, который нанес кому-нибудь обиду и не получил наказания; не потому только он достоин слез, что не потерпел наказания за обиду, но и по другой причине. По какой? Потому, что душа его стала бесстыднее (свт. Иоанн Златоуст, 52, 364).

***

Если и любомудрый человек часто может совсем не чувствовать оскорбления, то тем более Бог, Существо бессмертное и неизменяемое, слава непреходящая и неподвижная. Ведь и люди уподобляются Богу в этом отношении тогда, когда они нисколько не чувствуют обиды от тех, которые желают вредить им, когда они не оскорбляются наносимыми им обидами, не чувствуют ударов, когда их бьют, и насмешек, когда другие смеются над ними. «Но возможно ли это?» — спросит кто-нибудь. Возможно, даже весьма возможно всякий раз, как ты не скорбишь по поводу случившегося. «И как возможно, — спросят, — не скорбеть?» А я спрашиваю: как можно скорбеть? Скажи мне: если бы тебя оскорбило собственное твое дитя, то неужели ты эту обиду счел бы за действительную обиду? Неужели ты стал бы скорбеть? Нет. А если бы ты стал обижаться, то не смешон ли ты тогда будешь? Будем и мы таким же образом относиться к ближнему, и тогда не потерпим ничего неприятного (ведь обижающие другого неразумнее детей); не будем требовать, чтобы нас не обижали, но, будучи обижены, перенесем обиду великодушно, так как в этом и состоит истинная честь. Почему же так? А потому, что в этом ты — господин, а в том — другой. Разве ты видел, чтобы пораженный адамант сам ударил?

«Такова, — ответишь ты, — его природа». Но ведь и тебе, по доброй твоей воле, возможно сделаться таковым, каков он по природе. Что же? Разве ты не знаешь, что отроки не опалились в пещи, а Даниил во рве не потерпел никакого зла? И ныне это может случиться. И нас окружают львы, гнев и похоть, имеющие опасные зубы и растерзывающие всякого подвергшегося (их нападению). Будь же таким, как Даниил, и не позволяй этим страстям впиваться зубами тебе в душу. Но, скажешь, Даниилу во всем помогала благодать. Правда, но помогала потому, что ей предшествовала собственная его воля. Таким образом, если и мы пожелаем сделаться подобными ему, то благодать и ныне готова помогать. Как ни голодны звери, они не прикоснутся к твоему ребру. Если они устыдились тогда, когда увидели тело раба, то неужели не усмирятся теперь, когда увидят члены Христовы (а таковы мы — верующие)? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 515).

***

...Если мы бываем бдительны, то не только не подвергаемся обиде, но даже от тех, которые нас обижают, получаем большее благодеяние, чем от других (свт. Иоанн Златоуст, 52, 634).

***

Ничто обыкновенно так не уязвляет наших обидчиков, как то, что мы смеемся над обидами, нам нанесенными. И как любомудрие самые обиды обращает для нас во благо, так следствием малодушия бывает совершенно противное — и себя мы стыдим, и присутствующим кажемся виновными в том, что говорили о нас, и душу свою наполняем смятением, и врага радуем, и Бога огорчаем, и

число грехов своих увеличиваем (свт. Иоанн Златоуст, 52, 635).

***

Когда ты... наносишь обиду, тогда побеждает тебя не человек, а, что гораздо постыднее, низкая страсть, потому что тобою овладел гнев; когда же ты молчишь, ты победил, без труда воздвиг себе трофей и будешь иметь тысячи людей, готовых увенчать тебя и сознающих ложь злословия. Кто возражает, тот своими возражениями показывает, что он уязвлен, а кто уязвляется, тот внушает подозрение в том, что сознается в сказанном о нем; а если ты ответишь смехом, то ты смехом уже опроверг худое о тебе суждение (свт. Иоанн Златоуст, 52, 771).

***

...В брате, которого ты бьешь, скрывается Христос, и ты снова заушаешь Его (свт. Иоанн Златоуст, 52, 877).

***

...Когда человек, которому сделана обида, молится за обидевшего, то получает великое дерзновение (свт. Иоанн Златоуст, 54, 105).

***

...Когда враг причинил тебе вред, в таком случае, размысливши, что он оказал тебе благодеяние, ты, если благоразумен, не только не плати ему равным злом, но еще благотвори. Но ты скажешь: удар весьма ощутителен. Подумай же о том, что ты не только не делаешь добра врагу твоему, но еще наказываешь его, а себе благодетель-

ствуешь, — и ты тотчас начнешь благодетельствовать. Что же? Ужели скажешь, с таким намерением должно делать (добро)? Не с таким намерением должно делать, но когда сердце твое не может перенести (обиды), то, хотя таким образом, преклони его, и ты скоро решишься оставить вражду; после же того будешь благотворить врагу, как другу, — и таким образом получишь будущие блага... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 343).

***

Если тот, кто любит любящих его, окажется в положении нисколько не лучшем язычников, то какое прощение будет иметь тот, кто обижает не сделавших ему никакой обиды? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 593).

***

Если... ты хочешь и себя облагодетельствовать, и обидевшему тебя отомстить, то говори о нем хорошо; если же ты будешь говорить худо, то тебе не поверят как человеку, подозреваемому во вражде (свт. Иоанн Златоуст, 55, 607).

***

Если же ты не делаешь только никакой неправды другим, а отвращаешься от них и смотришь с неудовольствием, и в душе твоей имеется свежая рана, то ты еще не исполнил заповеди, преподанной Христом (свт. Иоанн Златоуст, 55, 615).

***

Тот, кто терпит обиду от какого-нибудь великого человека, находит немалое удовлетворение чувству гордос-

ти в самом превосходстве делающего ему зло; тот же, кто терпит от человека ничтожного и презренного, испытывает гораздо большее огорчение и считает свою скорбь нестерпимой. Но ты обращай внимание не на то, смеются ли над нами люди, а на то, смеются ли справедливо и заслуженно; и если справедливо, то, хотя бы они и не смеялись, мы должны плакать; если же несправедливо, то, хотя бы все смеялись над нами, будем почитать себя счастливыми, а о них плакать как о самых несчастных людях, нисколько не отличающихся от беснующихся... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 622).

***

...Когда кто-нибудь огорчит тебя, подумай о своих согрешениях против Бога, а также о том, что своим смирением перед Ним ты сделаешь более милостивым суд, когда должен будешь давать ответ за них (свт. Иоанн Златоуст, 55, 623).

***

Победа над гневом не в том, чтобы потерпевший или услышавший обиду отплачивал тем же самым, — это было бы крайним поражением, — а в том, чтобы кротко перенести обиду (свт. Иоанн Златоуст, 55, 623).

***

Подобно тому как ступающий на огонь себя самого обжигает... или бьющий по иглам себя самого окровавливает, так точно и старающийся причинить обиду другому себя же самого обижает и становится ничтожнее всякой глины (свт. Иоанн Златоуст, 55, 650).

***

Гневаться и негодовать — служит самым ясным доказательством, что обиды нанесены справедливо; а смеяться над ними — служит таким же доказательством, что не сознаешь за собою ничего худого (прп. Исидор Пелусиот, 61, 72).

***

Помнить зло есть дело души не благородной, а жалкой и худой. Но поелику не все об одном и том же произносят один и тот же приговор, напротив того, одни скорое уврачевание оскорбленного почитают признаком того, что он соглашается со сказанным, а другие — того, что не соглашается; то человеку благоразумному надлежит следовать больше мудрейшим и их приговор признавать твердым; а он таков: как можно скорее принимать врачевство, потому что ложный упрек не простирается дальше слуха. А... если обидчик не находит в этом сытости, но любомудрием обижаемого поощряется к новым обидам, то... такого человека должно бегать, как неукротимого зверя. Ибо написанное кем-то: «И вхожу в сношения, и любомудрствую, потому что уготовляет мне это большую похвалу», показывает, надобно сказать правду, мужа великого, если только любомудрствует он на самом деле, но не превзошедшего в добродетели мужей святых. Ибо святые у нас не хотят сплетать себе венцов из чужих бедствий, но нередко готовы вознерадеть о своей пользе, чтобы только поправить дело ближних; не поведут они других к стремнине, чтобы себе уготовать большую славу, но подадут совет, если могут принести пользу, если же нет, пойдут прочь, чтобы другие не поскользнулись в большую пропасть. Ибо, если что делают, делают это не из любочестия, но заботясь о спасении людей (прп. Исидор Пелусиот, 61, 78—79).

***

Вся опасность... угрожает не обижаемым, но обижающим; им справедливо и мучиться и трепетать. А если сие действительно так, то худо не то, чтобы обиженным быть, но обижать и не уметь переносить обиды (прп. Исидор Пелусиот, 61, 154).

***

Не о том помышляй, чтобы никто не сделал тебе обиды, но о том, чтобы никто, хотя бы и захотел, не мог сделать. А это не от иного чего происходит, но от того, чтобы довольствоваться потребным и не домогаться большего. Ибо желающий большего удобоуловим для всех, и людей, и страстей (прп. Исидор Пелусиот, 62, 184).

***

...И хорошо живущему непременно должно терпеть... обиды от порочных... <Это> сказано не для того, чтобы бегать добродетели, но чтобы упражняющимся в добродетели любомудрствовать, когда терпят неправду. Ибо вооружающаяся на них зависть часто доводит их до осмеяния. Посему, если непременно должно терпеть злоречие, то лучше терпеть несправедливо; терпеть же справедливо принадлежит порочным (прп. Исидор Пелусиот, 62, 296).

***

Должно прощать тому, кто нас обидел, зная, что воздаяние за прощение обид превосходит воздаяние всякой иной добродетели (прп. Марк Подвижник, 89, 501).

***

Лучше от людей обида неправедная, чем от бесов, но угождающий Господу стал победителем той и другой (прп. Марк Подвижник, 89, 524).

***

Старайся никого не опечалить ни словом, ни делом, напротив, даже тех, которые опечалены другими, утешай, сколько можешь (старец Симеон Благоговейный, 77, 588).

***

Всеусильно понудим сердце наше, чтобы оно отпускало ближним все роды обид, какие они ни нанесли бы нам, чтобы получить отпущение наших бесчисленных согрешений, которыми оскорбили мы величество Божие (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 299).

****

Рассказывали об одном монахе, что, если кто обидел его или думал раздражить, тем с большей готовностью он прибегал к тому, говоря, что таковые для тщательных людей бывают виновниками их исправлений, а ублажающие возмущают душу, ибо написано: *блажащии вас льстят вы* (Ис. 3, 12) (98, 362).

***

Брат пришел к старцу в келью и говорит ему: «Отче, я скорблю». Старец спрашивает: «Отчего?» — «Некий брат обидел меня, и меня мучит демон, доколе я не воздам ему». Старец говорит ему: «Послушай меня, чадо, и Бог избавит тебя от этой страсти. Для примирения с братом

пойди в келью свою и молчи, усиленно молясь Богу об обидевшем тебя». Брат сделал, как сказал старец. И в течение семи дней Бог отъял от него гнев ради того принуждения, которое он делал себе, и ради послушания старцу (98, 310—311).

***

Схимонах Марк рассказал следующее: «Я был сильно обижен одним братом. Видя в нем действие врага спасения, стал со слезами молиться Богу, чтобы мне без гнева перенести обиду и не впасть в злопамятование, а обидчика во имя любви простить. Долгое время вынимал за него частицу на проскомидии. Ночью 8 ноября, в день Ангела мирского моего имени и Ангела обидчика, я особенно молился за оскорбителя ночью и на ранней Литургии. Какое-то отрадное чувство наполняло меня.

После обедни приходит в келью мой оскорбитель и, подавая теплый пшеничный хлеб, говорит: «Видел, отче, как ты о мне молился и поминал на проскомидии. Прости меня». Поклонился, оставил хлеб и вышел. Я обрадовался, благодарил Бога. Не слыша удаляющихся шагов брата, отворил двери кельи, осмотрел все кругом, но его нигде не было видно. Это меня удивило. Сердце преисполнилось неизъяснимой радости. Попробовал хлеб: у него был необыкновенно приятный вкус. После чаепития пошел я к имениннику благодарить за посещение и хлеб. Но брат уверял, что не приходил ко мне и хлеба не приносил. Значит, посетил меня не земной гость, а, должно быть, Ангел-хранитель моего обидчика. Когда я все рассказал, благодать Божия коснулась сердца брата, он пришел в умиление и просил прощения. Так, дивным промышлением Божиим, у нас восстановились добрые братские отношения» (96, 410).

***

Некий брат пришел к авве Сисою Фивейскому и сказал ему: «Брат обидел меня, я хочу отомстить за себя». Старец же увещевал его: «Чадо, предоставь лучше Богу дело отмщения». Брат ответил: «Не успокоюсь до тех пор, пока не отомщу за себя». Тогда старец сказал: «Помолимся, брат!» И, встав, старец произнес: «Боже! Боже! Мы не имеем нужды в Твоем попечении о нас, ибо мы сами делаем отмщение наше». Брат, услышав это, пал к ногам старца, сказав: «Не стану судиться с братом, прости меня!» (97, 248).

***

Рассказывали об авве Пимене. Жил он в Скиту с двумя своими братьями, и меньший огорчал их. Авва сказал другому брату: «Меньший брат расстраивает нас; уйдем отселе!» Вышли и оставили его. Тот, видя, что их долго нет, и догадавшись, что они ушли от него, побежал за ними. Авва Пимен сказал: «Подождем брата, он устанет». Когда тот догнал их, то поклонился и сказал: «Куда вы уходите и оставляете меня одного?» Старец ответил ему: «Ты оскорбляешь нас, поэтому мы уходим». Он согласился: «Правда, правда, но пойдем вместе куда хотите!» Старец, видя простоту его, сказал брату своему: «Воротимся, брат; он без намерения делал нам огорчения, это дьявол внушал ему» (97, 223).

***

Авва Пимен говорил: *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). Если кто услышит худое, т. е. обидное слово, и хотя может сам ответить подобным словом, но преодоле-

ет себя и не скажет; или если кто, будучи обманут, перенесет это и не станет мстить обманщику, — тот полагает душу свою за ближнего» (97, 213).

***

Рассказывал об авве Мотие ученик его авва Исаак (оба они были епископы). Авва Мотие сначала построил монастырь в Гераклe. Затем перешел в другое место и там построил монастырь. Но нашелся один брат, который по действию дьявола враждовал на старца и оскорблял его. Старец тогда ушел в свое село, построил себе там еще монастырь и закрылся в нем. Спустя некоторое время пришли к нему старцы того монастыря, из которого авва Мотие удалился, взяли с собою и брата, который огорчал его, пошли за тем, чтобы просить его возвратиться в их обитель. Когда они пришли к тому месту, где жил авва Сорий, оставили там свои милоти и брата, который огорчал старца. Как только они постучались к старцу, тот приставил небольшую лестницу, начал всматриваться, узнал их и спросил: «Где же ваши милоти?» Они ответили, что милоти оставлены рядом с братом, которого назвали по имени. Старец, услышав имя брата, оскорблявшего его, обрадовался, разломал двери и побежал туда, где был брат. Он первым поклонился ему, обнял его и привел в свою келью. Целые три дня авва Мотие утешал их и сам разрешал себе то, чего прежде, по обыкновению, не делал. Наконец, вместе с ними вернулся в монастырь (97, 170—171).

ОБЛИЧЕНИЯ

Если будет нужда обличить в чем-либо брата, и ты увидишь себя подвигшимся на гнев и не владеющим собою, то отнюдь ничего не говори, дабы тебе еще более не

смутиться; но когда приметишь, что и ты, и он находитесь в кротком и мирном устроении, тогда говори не с укором или обличением, но со всяким смирением объясни дело (прп. авва Исаия, 59, 186).

***

...Дополезный конец обличений — людей бранолюбивых и мятежных приводить в мирное состояние (свт. Василий Великий, 6, 87).

***

Сперва должно себя самого исправить от какого бы то ни было недостатка, и тогда уже обвинять в нем другого (свт. Василий Великий, 7, 356).

***

Обличение и выговор должно принимать как врачевство, которым истребляется немощь и восстанавливается здравие (свт. Василий Великий, 7, 404—405).

***

...Выговоры настоятель пусть делает согрешившим без страсти, потому что обличать брата с раздражением и гневом значит не его освобождать от греха, но самого себя ввергать в погрешности (свт. Василий Великий, 9, 166).

***

Если же *жало смерти — грех* (ср.: 1 Кор. 15, 56)... то немилосерд тот, кто умалчивает, а не тот, кто обличает, как немилосерд тот, кто в угрызенном ядовитым животным оставляет яд, а не тот, кто извлекает его. Он же и любовь

расторгает, потому что написано: *иже щадит жезл (свой), ненавидит сына своего, любяй же наказует прилежно* (Притч. 13, 25) (свт. Василий Великий, 9, 183).

***

Не должно равнодушно смотреть на согрешающих, или умалчивать о них. Обличающий должен обличать со всяким сердоболием, в страхе Божием и в намерении обратить грешника. Обличаемый или получающий выговор должен принимать сие охотно, признавая, что в исправлении состоит собственная его польза. Когда обвиняют кого, никто другой при обвиняемом... не должен делать возражений обвиняющему. А если кому обвинение кажется неосновательным, то должен повести слово с обвинителем наедине и убедить его или сам убедиться (свт. Василий Великий, 10, 56).

***

Если брат согрешит, с удовольствием обвиняем его, а если грешим сами, не с приятностию принимаем обличение (прп. Ефрем Сирин, 30,167).

***

...Кто не обличает с дерзновением, тот отзывается о другом худо, потому что нет твердости в том, что говорит он (прп. Ефрем Сирин, 30, 281).

***

Или обличи справедливо, или не злословь тайно; или открыто сделай выговор, или не злоумышляй втайне. Ибо

уничижается правда, когда примешивается к ней низкое коварство (прп. Ефрем Сирин, 31, 449).

***

Если обличения будешь принимать с приятностию, то других станешь обличать с приязнию (прп. Ефрем Сирин, 31, 627).

***

Обличай скромно, и в связи с другими вступай благочестно (прп. Ефрем Сирин, 31, 630).

***

Кто делает выговор, да позволит, не стыдясь, чтобы и ему делали вразумления (прп. Ефрем Сирин, 34, 300).

***

Врач теми же пособиями лечит и свои болезни. Так и строгий обличитель, чем поражает других, тем должен врачевать и свою душу (прп. Ефрем Сирин, 34, 300).

***

...Не думайте, будто вы угождаете вашим братьям, когда, увидя, что они делают что-либо дурное, не обличаете их со всею строгостию (свт. Иоанн Златоуст, 44, 660).

***

В самом деле, если друг обличил тебя справедливо, исправь грех... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 121).

***

Весьма много добра для жизни нашей произойдет от того, если все мы будем и обличать согрешающих, и сами легко переносить обличения во грехах (свт. Иоанн Златоуст, 46, 121—122).

***

...Как отвергающий лекарства неразумен, так и не принимающий обличений безрассуден (свт. Иоанн Златоуст, 46, 122).

***

Великое благо — быть в состоянии сносить обличения; великое благо — уметь обличать, — это (последнее) есть признак величайшей заботливости (о ближнем) (свт. Иоанн Златоуст, 46, 122).

***

Что лекарства для ран, то обличения для грехов (свт. Иоанн Златоуст, 46, 122).

***

Мы потому и тяжки (для других) со своими обличениями, что сами раздражаемся, когда нас обличают. Если бы брат твой узнал, что, обличив тебя, он похвален тобою, то и сам отплатил бы (тебе) тем же, когда бы ты стал обличать его (свт. Иоанн Златоуст, 46, 123).

***

Вот отличие самое важное, вот великая честь, вот слава самого высокого любомудрия — великодушно терпеть обличение (свт. Иоанн Златоуст, 46, 125).

***

Обличения, высказываемые пред всеми, часто делают обличаемых более бесстыдными, и многие из грешников, если видят, что им можно быть незаметными, легко решаются исправиться, а если они уже у многих потеряли хорошее мнение, то иные из них впадают в отчаяние и предаются бесстыдству (свт. Иоанн Златоуст, 48, 270).

***

Обличающий должен много обдумывать, чтобы обличение было принято охотно; нужно много благоразумия тому, кто прилагает это врачевство; лучше сказать, обличающий должен иметь больше мудрости, нежели режущий тело (свт. Иоанн Златоуст, 48, 491).

***

Обличитель несносен для грешников не только тогда, когда они слышат его голос, но и тогда, когда только видят его (свт. Иоанн Златоуст, 49, 418).

***

Если нужно против кого-нибудь восстать, то это можно сделать и без гнева, и даже удобнее и благоразумнее, нежели как с гневом: тогда ничего не потерпишь неприятного (свт. Иоанн Златоуст, 50, 865).

***

Нет стыда в том, когда нас другие исправляют; напротив, стыдно удалять от себя тех, кто исправляет нас, и делать это во вред собственному спасению (свт. Иоанн Златоуст, 52, 108).

***

Восстань против тщеславия; если кто скажет против тебя что-нибудь, не убойся выслушать о себе худое ради Христа (свт. Иоанн Златоуст, 52, 149).

***

Если ты говоришь и правду, но с гневом, то все погубил, будешь ли ты обличать, или вразумлять, или делать что-нибудь другое (свт. Иоанн Златоуст, 52, 166).

***

Если ты видишь согрешающего брата, то обличи его не всенародно, но как повелел Христос: *между тобою и тем единем* (Мф. 18, 15), притом не понося и не нападая на лежащего, но соболезнуя и сокрушаясь; будь и сам готов выслушать обличение, если ты согрешишь в чем-нибудь (свт. Иоанн Златоуст, 53, 450).

***

...Советы твои пусть будут кратки, потому что <грешник> не нуждается в длинных нравоучениях; извинения же пусть будут неоднократны и часты, а больше всего ссылайся на любовь, прикрывая ею строгость речей своих и оставляя дальнейшее на его волю; скажи: «Я только предлагаю и советую тебе это, а послушаться зависит от тебя; я не заставляю и не принуждаю тебя, но предоставляю все собственному твоему рассуждению». Если таким образом мы будем приниматься за обличение, то мы легко сможем исправлять согрешающих (свт. Иоанн Златоуст, 53, 453).

***

Ничто ведь не имеет такого влияния на душу, ничто столько не способно восстановить ее и исправить ее непостоянство (как обличение) (свт. Иоанн Златоуст, 54, 89).

***

Обличающий грешников, если и ничего другого не делает, по крайней мере, не попускает им идти далее (свт. Иоанн Златоуст, 54, 255).

***

Для вас лучше в продолжение краткого времени потерпеть жжение от наших слов, нежели вечно (страдать) от того пламени <геенны> (свт. Иоанн Златоуст, 54, 275).

***

По самому существу... слушание замечаний тягостно, и в особенности, когда это случается с престарелым человеком, а если (замечания делаются) к тому же юношею, то это становится втройне безрассудным. Поэтому и нужно смягчать (обличение) кротостию и дружелюбием. Можно ведь обличать без жестокости, если кто захочет упражняться в этом; только для этого требуется большое благоразумие, однако это возможно (свт. Иоанн Златоуст, 54, 708).

***

Сильное обличение, когда оно делается с кротостию, особенно может трогать. Гораздо скорее можно тронуть кротостию, нежели пристыдить строгостию (свт. Иоанн Златоуст, 54, 797).

***

Действительно, обличение само по себе невыносимо, если оно не растворено утешением. Как при разрезе раны, хотя и спасительном, страждущий не выносит болей сечения и разреза, если не будет употреблено многих средств, смягчающих боль, так и здесь (свт. Иоанн Златоуст, 54, 822).

***

...Мы теперь хотя сами себя называем грешными, недостойными, и говорим многое другое, но если кто-нибудь другой скажет о нас что-либо подобное, то мы раздражаемся, свирепеем. Видишь ли, что у нас нет исповедания грехов и даже благоразумия? Ты сам называешь себя таким; не досадуй же, когда слышишь то же от других, когда обличают тебя другие. Когда другие поносят тебя, тогда чрез это обличаются грехи твои; они на себя налагают бремя, а тебя приводят к любомудрию (свт. Иоанн Златоуст, 55, 225—226).

***

...Обличающему нужна именно великая кротость, чтобы расположить обличаемого перенести болезненное врачевание. Не видите ли у врачей, когда они прижигают или отсекают, с какою кротостию они применяют врачевство? Тем более должны так поступать обличающие, потому что обличение сильнее огня и железа приводит в раздражение. Врачи всячески стараются, чтобы сделать отсечение спокойнее и как можно легче, и для того, приступив к нему и исполнив несколько, останавливаются, чтобы дать отдохнуть больному. Так должно делать и обличения, чтобы обличаемые не отстранились от нас. Если бы при этом нам

пришлось выслушать оскорбления и даже получить удары, мы не должны останавливаться. И подвергающиеся болезненному врачеванию много кричат против врачующих, однако врачи не смотрят ни на что, а только на здоровье страждущих. Так и здесь нужно делать все, чтобы обличение принесло пользу, нужно переносить все, имея в виду предстоящую награду (свт. Иоанн Златоуст, 55, 252).

***

Что делаешь ты, человек?.. Видишь брата, который стремится в пропасть, оставил заботу о спасении, не знает, что нужно делать, — и не протягиваешь руки, не порицаешь, не обличаешь его? Желаешь лучше не навлечь на себя его гнева, не показаться ему неприятным, чем позаботиться о его спасении? Будешь ли ты иметь какое-либо прощение у Бога, какое-либо извинение?.. Оттого-то все и извратилось, оттого-то все в нашей жизни и смешалось в беспорядке, что мы ни сами не выносим мужественно обличений, ни других не желаем обличать. Потому мы и бываем ненавистны со своими обличениями, что сами приходим в ярость, когда нас обличают. Если бы брат твой знал, что, обличив тебя, он заслужит от тебя похвалу, то и сам отплатил бы тебе за обличение такой же платой (свт. Иоанн Златоуст, 55, 519).

***

Когда враг будет поносить тебя за грех, который ты сознаешь за собой, а ты, слыша это, не ответишь ему оскорблением, а горько восстенаешь и станешь умолять Бога, то тотчас же изгладишь весь грех (свт. Иоанн Златоуст, 55, 614).

***

...Когда ты согрешишь, не жди обличения со стороны другого, но прежде, чем будешь обличен, сам осуди свой поступок, потому что, если другой обличит тебя, твое исправление является добрым делом не твоего исповедания, а обличения другого (свт. Иоанн Златоуст, 55, 687).

***

У тех, кто лечит тела, бывает так, что наносящий сечение сам нисколько его не чувствует, а раздирается от болей один только тот, кому производится сечение; у врачующих же души дело обстоит не так, — если только я не ошибаюсь, судя по себе о других, — а сам говорящий первый испытывает боль, когда порицает других (свт. Иоанн Златоуст, 55, 688).

***

Можно и бранить, и обличать, но с мудростью; растворенное ею обличение не бывает противным, тяжким и несносным (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1113).

***

Знаю, что некто давал мне часто такой совет: «Поелику в великих делах преуспевают обыкновенно с великими опасностями, то пользуйся, Исидор, приличною смелостию в слове. Иногда, может быть, и устыдятся не умеющие стыдиться своих грехопадений, ибо нет невозможности и преуспеть тебе. А если потерпишь и неприятное, то потерпишь вместе с Пророками, Апостолами и другими святыми, к которым если не по преспеяниям, то по страданиям быть

причисленным должно быть желательно тебе, человеку не выдающемуся из толпы». Но на это отвечал я, говоря сам в себе: «иное говоришь ты и хорошо, и я готов бываю послушаться тебя, но как мне говорить смело? Высказывать ли начисто все или откровенность срастворять снисходительностию? Знаю, что иные исцелены были сильным выговором, а иные ожесточены и доведены до того, что стали еще хуже; другие же насмеялись и над скромным советом, и над смелым словом, и вменили его ни во что. Посему как же человеку в столь многих недугах употреблять одно врачевство? Как ему врачевать погрешности, происходящие от противоположных недугов? Поэтому-то сказал я самому себе то же, что теперь говорю тебе: «Если бы тебе одному доводилось не иметь успеха в деле, то надлежало бы не вдруг за него приниматься. А если и Моисей, и Илия, и Иоанн, мужи боголюбивые, советами и смелым словом не оказывали пользы людям, однако же не стали поэтому, что требовалось от них, делать того хуже; то надлежит к дерзновению присоединять снисходительность, а врачевание предоставить Божией деснице. Ибо худое все почти люди знают сами собою, а доброго, и от других слыша, дознать не желают» (прп. Исидор Пелусиот, 61, 378—379).

***

Люди лукавые, будучи многочисленнее делающих им выговоры за худые дела и разноглася с ними, нередко приводят их <обличающих> в такое отупение, что не останавливают их <вразумляемых> в падениях с прежним дерзновением. Посему надлежит дерзновение соединять с кротостию и обличения растворять любовию, и тогда уже делать вразумления. Если же и в этом случае не восполь-

зуются вразумляемые, но упорно отвергнут тех, которые достойны самых великих венцов, несомненно и Богом будут прославлены, и людьми благоразумными удостоены одобрения; то уцеломудривающие злых да переносят сие мужественно, и да печалятся не о себе (представляя, что с ними не другое что произошло, а только возбуждено ими о себе другое мнение), но о развращении и безумии вразумляемых ими, которые так неисцельно болеют, что даже злословят врачей (прп. Исидор Пелусиот, 62, 48—49).

***

Если хочешь неосужденно принимать похвалу от людей, сперва возлюби обличение о грехах своих (прп. Марк Подвижник, 69, 14).

***

Есть обличение по злобе и мщению, и есть другое <обличение>, по страху Божию и истине (прп. Марк Подвижник, 89, 524).

***

Переставшего грешить и уже кающегося не обличай более. Если же по Богу, как говоришь, хочешь обличать его, то прежде открой перед ним свои грехи (прп. Марк Подвижник, 89, 524).

***

Лучше с благоговением (благожелательно) молиться о ближнем, нежели обличать его во всяком согрешении (прп. Марк Подвижник, 89, 531).

***

Мужа сильного не обличай в тщеславии, но лучше укажи ему на тяготу будущего бесчестия, ибо этим способом разумный удобнее восприемлет обличение (сам в себе) (прп. Марк Подвижник, 89, 533).

***

Того, кто не состоит в подчинении тебе, не обличай в проступке в лицо, ибо это дело более власти, чем совета (прп. Марк Подвижник, 89, 556).

***

Не берись обличениями врачевать того, кто хвалится добродетелями, ибо один и тот же не может быть и любителем показности, и любителем истины (прп. Марк Подвижник, 89, 560).

***

Кто исправляет брата своего в клети своей, тот исцеляет собственный свой порок. А кто обвиняет кого-либо пред собранием, тот увеличивает болезненность собственных своих язв. Кто втайне врачует брата своего, тот явною делает силу любви своей. А кто стыдит брата перед глазами друзей его, тот показывает в себе силу зависти. Друг, обличающий тайно, — мудрый врач, а врачующий перед глазами многих в действительности есть ругатель (прп. Исаак Сирин, 58, 396—397).

***

Обличение из зависти — ядоносная стрела (прп. Исаак Сирин, 58, 414).

***

Никого не обличай, не поноси, даже и крайне худых по жизни своей (прп. Исаак Сирин, 58, 415).

***

Если кто отвергает от себя праведное или неправедное обличение, тот отвергается своего спасения, а кто принимает оное со скорбию или без скорби, тот скоро получит прощение согрешений (прп. Иоанн Лествичник, 57, 40).

***

...Никто язв своих не видит так хорошо, как видит их ближний; и потому мы обязаны не себе приписывать исцеление наше, но ближнему, и Богу воздавать благодарение о здравии (прп. Иоанн Лествичник, 57, 172).

***

Не удивляйся, видя, что и любимые тобою враждуют на тебя за твои обличения. Ибо легкомысленные люди бывают орудиями бесов, и особенно, против их врагов (то есть рабов Божиих) (прп. Иоанн Лествичник, 57, 199).

***

Не оскорбляйся на того, кто против твоей воли хирургисал (оперировал) тебя (т. е. обличением вывел наружу кроющееся в тебе зло)... (прп. Илия Екдик, 91, 425).

***

Чем больше чувствуешь душевные болезни свои, тем более будь благодарен тому, кто указал тебе их своими об-

личениями. Ибо чрез это он стал виновником для тебя совершенного очищения, без коего ум не может войти в чистую область молитвы (прп. Илия Екдик, 91, 425—426).

***

Когда обличают, или молчать надо, или кротко защищаться, если обличение клеветливо; не для того, чтоб поставить на своем, а чтоб поправить ошибку обличителя, соблазнившегося, может быть, по неведению дела (прп. Илия Екдик, 91, 426).

***

Если, например, кто побранит тебя, праведно или неправедно, или осудит, или оклевещет, — и ты не переносишь такого бесчестия с кротостию, но, оскорбившись тем в сердце своем, не удерживаешь раздражения своего, а бранишь и сам того, кто побранил тебя, или осуждаешь его, или другое что неприятное ему делаешь, или не делая ничего такого, держишь страсть неприязни против него в сердце своем, а не прощаешь ему от всей души, и не молишься о нем Богу, то вот и стал ты врагом Христу, потому что поступаешь противно заповедям Его; стал ты врагом и себе самому и губишь душу свою тем, что сделал (в силу такого непрощения брату) все прежние свои грехи неизгладимыми и непростительными (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 376—377).

ОБЩЕНИЕ

...Душа, смотря на множество живущих беззаконно... не находит времени очувствоваться в собственных своих грехах и сокрушаться покаянием о прегрешениях, напро-

тив же того, чрез сравнение себя с худшими приобретает какое-то мечтательное понятие о заслуге... (свт. Василий Великий, 9, 94—95).

***

...Всякое общение, и умом, и словом, и делом, с чем бы то ни было запрещенным всякому вредно и опасно. Но тем более надобно остерегаться сего жившим прежде во грехах... потому, что душа, имевшая привычку ко греху, по большей части бывает поползновеннее к нему, а потом, как при попечении о больных телом строго наблюдается, чтобы удалять от них нередко и то, что полезно здоровым, так и в рассуждении болезнующих душою потребно еще больше осторожности и попечительности (свт. Василий Великий, 9, 190).

***

...Люди порочные часто и прекрасные дела стараются оклеветать и даже маловажных погрешностей не потерпят оставить неосмеянными. Поэтому нужно с осторожностию вступать в беседы с посторонними (свт. Василий Великий, 9, 343).

***

Надобно отвращаться от человека, который наговаривает на брата. Не должно говорить шуточного. Не должно смеяться и терпеть смехотворцев (свт. Василий Великий, 10, 54).

***

Голос должно соразмерять с потребностию. Не должно отвечать кому-либо, или делать что-нибудь, дерзко или

презрительно, но надобно показывать во всем скромность, и ко всем почтительность (свт. Василий Великий, 10, 55).

***

Дожди размножают сорные травы, а обращение с людьми мирскими производит страсть высокоумия. Но боящийся Господа не превозносится (прп. Ефрем Сирин, 30, 182).

***

Не живи вместе и не советуйся с людьми худыми, чтобы порок не помрачил твоей непорочности, чтоб лукавство не превозмогло в тебе над добротою, и зависть не одержала верх над твоим бесстрастием (прп. Ефрем Сирин, 30, 375).

***

...Отпавшие от добродетели усиливаются запнуть и прочих, чтоб не им одним вести неприличную жизнь (прп. Ефрем Сирин, 30, 396).

***

Люби доброе общество, от худого же сообщества удаляйся. И чародей, и разбойник, и разоритель гробов такими не родились, но научились сему от людей, у которых сатана растлил ум... (прп. Ефрем Сирин, 30, 497).

***

Умно отдаляйся от вредных встреч, чтоб прекрасно покоился внутренний человек (прп. Ефрем Сирин, 30, 509).

***

Не проводи время с лицедеями, чтоб не растлились мысли твои, потому что речи их весьма вредны. Стариков заставляют они поступать по-юношески, а молодых вовлекают в беззаконные дела (прп. Ефрем Сирин, 30, 510).

***

Блудник не может любить гнушающегося страстию, и вор — удаляющегося от неправды; но *подобному себе прилепится муж* (Сир. 13, 20) (прп. Ефрем Сирин, 30, 510).

***

Всегда избегай вредных сходбищ, и душа твоя будет наслаждаться тишиною (прп. Ефрем Сирин, 31, 105).

***

Живя с праведными, и сами будем жить праведно и преподобно. А если и с грешными живем, то постараемся не делам их подражать, но их при содействии благодати привлечь собою на путь спасения (прп. Ефрем Сирин, 31, 215).

***

...Горе тому, кто сближается с людьми злочестивыми и непокорными. Он увидит горькие дни, потому что самоуправство, разъединение со всеми и самоволие доводят человека до оскудения и совершенного лишения духовных плодов и дарований (прп. Ефрем Сирин, 32, 230).

***

Доброго всегда предпочитай недоброму <в общении>. Обращаясь с порочными, и сам непременно сделаешься порочным. От худого человека никогда не принимай милости, потому что он старается чрез это найти у тебя извинение своим делам (свт. Григорий Богослов, 16, 207).

***

...С какими людьми кто постоянно обращается, тем и уподобляется нравом (свт. Иоанн Златоуст, 44, 126).

***

Если дружба с кем-нибудь вредит и влечет к участию в нечестии, то, хотя бы то были родители, удались от них... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 501).

***

Как сообщество злых вредит имеющим сношение с ними, по слову блаженного Павла: *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. 15, 33), так и сообщество добрых весьма полезно сближающимся с ними. Поэтому человеколюбивый Господь наш и попустил жить добрым вместе со злыми, чтобы эти получили пользу от сообщества тех, и не оставались навсегда в грехе, но, имея постоянно пред глазами пример их, извлекали из него себе назидание (свт. Иоанн Златоуст, 47, 34).

***

Как тела часто погибают от заразы испорченного воздуха, так точно и душа часто терпит вред от общения с людьми порочными, и как здоровый глаз, взирая на боль-

ного, поражается, и страждущий чесоткою сообщает свою болезнь и здоровым, так точно случается часто и с душою от общения с людьми порочными (свт. Иоанн Златоуст, 48, 34).

***

Если ты будешь обращаться с людьми добрыми, то таковы будут и твои порождения; а если — со злыми, и при этом не будешь осторожен, то получишь от них великий вред (свт. Иоанн Златоуст, 48, 86).

***

Если же должно избегать людей лживых и коварных, то тем более — развратителей, проповедующих нечестивое учение... которые отклоняют от добродетели и увлекают к пороку (свт. Иоанн Златоуст, 48, 367).

***

Не столько дым и смрад тяготит глаза, сколько обращение со злыми людьми огорчает душу (свт. Иоанн Златоуст, 48, 369).

***

Немаловажное дело — избегать надменных, ненавидеть гордых, отвращаться от них и гнушаться ими; это — величайшая опора добродетели, величайшая ограда смиренномудрия (свт. Иоанн Златоуст, 48, 411).

***

...Если кого следует отвращаться, то именно льстецов, а не оскорбляющих нас: больше приносит вреда лесть, нежели обида (свт. Иоанн Златоуст, 50, 864).

***

Если мы отсекаем сгнившие и неизлечимые члены, опасаясь, чтобы все тело не подверглось той же заразе, и делаем это не из пренебрежения к ним, а из желания предохранить прочие части тела, то тем более должно поступать так по отношению к людям, общество которых зловредно для нас. Если мы можем и их исправить и сами не потерпеть вреда, то должны употребить на то все старание. Если же и они не исправятся, и мы получим вред, в таком случае необходимо их отвергнуть и бросить. От этого и они сами часто получают гораздо более пользы. Потому-то и <апостол> Павел убеждал таким образом: *измите злаго от вас самех* (1 Кор. 5, 13), и: *да изметься от среды вас содеявый дело сие* (1 Кор. 5, 2). Пагубно, истинно пагубно обращение со злыми людьми. Не так скоро пристает зараза и короста губит подвергшихся этой болезни, как злые нравы людей порочных... Пусть же никто не имеет порочного друга (свт. Иоанн Златоуст, 51, 375—376).

***

...Будем обращаться с язычниками снисходительно, с любовью; она — великая наставница; она может и отклонить от заблуждения, и исправлять нравы, и приводить к любомудрию, и из камней делать людей (свт. Иоанн Златоуст, 53, 339).

***

...Если станем развращать других, грехи наши не будут прощены нам. Не видишь ли, как дьявол вознамерился низвергнуть Адама? Было ли прощено ему? Это послужи-

ло поводом к большему наказанию. За то и он так устроя-ет свои сети, чтобы мы несли наказание не за собственные только, но и за чужие грехи. Не станем же думать, что, вводя других в одинаковую с нами погибель, мы сделаем судилище в отношении к нам более кротким; напротив, от этого будет оно строже (свт. Иоанн Златоуст, 54, 375).

***

...Человеколюбец Бог устроил так, что все люди сближены, злые перемешаны с добрыми, чтобы и порок злых отсекался, и добродетель добрых проявлялась блистательнее, таким образом и нерадивые при желании многое приобретали бы от обращения с рачительными (свт. Иоанн Златоуст, 55, 706).

***

Если не будешь водиться срамными предначинаниями и теми, которые ими водятся, то сие приобретет тебе великую у всех славу. Ибо водиться такими предначинаниями неблагородно, а, не водясь ими, водиться теми, которые водятся ими, вредит доброму о человеке мнению. Надобно не подавать о себе и мысли, будто бы делаешь, что делать срамно, и не сводить знакомства с делающими это. Бояться должно злоречия даже и несправедливого, потому что многие, не зная дела в точности, смотрят на молву и судят, что всякий и сам таков же, каким видят близких ему, произнося приговор, не по делам только, но и по людям, с которыми проводит время. Если упражняешься в добродетели, говорят они, то почему же нравится тебе обращение с людьми самыми порочными? (прп. Исидор Пелусиот, 61, 173—174).

***

...Как увенчивается приводящий к добродетели, если и не успеет в этом (потому что сделал свое дело), так и поощряющий к неправде наказывается, если и не будет к тому силен (потому что и он сделал свое дело) (прп. Исидор Пелусиот, 62, 62).

***

Бегай, возлюбленнейший, людей лукавых, обращение с которыми неприметно приводит душу в поврежденное состояние. Ибо многие, обманывая себя самих, что они доблестны и сильны и не терпят вреда от подобных сообществ, — и не чувствовали, как неприметно и постепенно ниспадали в одну с ними бездну (прп. Исидор Пелусиот, 62, 295).

***

...Обращение с людьми развратными гораздо тлетворнее заразительной болезни (прп. Нил Синайский, 72, 78).

***

Как Господь хочет, чтоб человек через человека спасаем был, так дьявол усиливается, чтоб человек через человека погубляем был. Почему не должно прилепляться к мужу презорливому, злоумному и болтливому, чтоб вместе с ним не попасть в ад. Ибо и с праведным кто, сближаясь, едва улучает спасение. Если же кто с лукавнующим станет общаться без опасения, то, как заразу и проказу, сретит кораблекрушение. И кто будет жалеть с веселым лицом подступающего к дракону? Бегай же необученных владеть языком, сеятелей раздоров и мятущихся внутри и вовне (прп. Иоанн Карпафский, 91, 100).

***

Лучше жить со зверями, нежели поселиться с людьми худого поведения (прп. Исаак Сирин, 58, 415).

***

Пребывание с малосмысленными — сокрушение сердцу (прп. Исаак Сирин, 58, 415).

***

Обучи себя не обращаться с другими свободно, и ты спасешься (прп. авва Дорофей, 29, 218).

***

Видел я одного человека, который передал другому свою греховную привычку, а потом, пришедши в чувство, начал каяться и отстал от греха; но так как наученный им не переставал грешить, то покаяние его действительно не было (прп. Иоанн Лествичник, 57, 198).

ОДЕЖДА

Непорочность должна являть себя одинаково во всем, и одежда тела не должна порочить добродетели души (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 131).

***

Жены не должны наряжаться для увеличения красоты, но обязаны иметь все старание и попечение о добрых

делах, и это убранство почитать истинным и приличным для христианок (свт. Василий Великий, 7, 407).

***

Как люди славолюбивые уловляют себе славу и облекающею их одеждою, домогаясь того, чтобы смотрели на них и величали их за дорогое платье, так, очевидно, тому, кто по смирению поставил жизнь свою на последней ступени, и в этом надобно занять последнее между всеми место (свт. Василий Великий, 9, 125—126).

***

Кто желает, чтобы (одежда или обувь) шли к нему, с целью понравиться людям, тот, очевидно, страждет человекоугодием, удаляется от Бога и в самых малоценных вещах выказывает недуг суетности (свт. Василий Великий, 9, 202).

***

Цель одежды одна — служить для плоти покровом, достаточным зимою и летом. Но не гоняйся за приятностию в цвете, за тонкостию и мягкостию в отделке. Ибо разбирать доброцветность одежды есть то же щегольство, каким заняты женщины, которые и щеки, и волосы у себя окрашивают в чужой цвет (свт. Василий Великий, 10, 13).

***

...Внешний наряд дает знать, где сердце наше и ум наш: убранство и изысканность одежды показывают, что, думая о земном, обнажены мы от оной <небесной> славы... (прп. Ефрем Сирин, 30, 86).

***

Лучше носить ветхое и заботиться о душе в страхе Божием, нежели одеваться пышно и жить неблагочинно (прп. Ефрем Сирин, 30, 177).

***

...Не пышностию одежды обращай на себя взоры, но в добрых делах да просветится свет твой пред всеми, чтобы прославлялся Господь (прп. Ефрем Сирин, 30, 520).

***

Если же самая нужда в одеянии есть стыд и срам и происходит от греха, то для чего ты увеличиваешь этот знак осуждения? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 289).

***

...Чем более ты увеличиваешь изысканность (в одежде), тем становишься отвратительнее, удаляя от себя Бога... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 290).

***

Ленивой и беспечной душе свойственно удивляться разноцветному одеянию, с тонким искусством сделанному; душа же благородно мыслящая, чувствующая действительно истинное украшение, гнушается всякой нежной одежды, сильно желая более величественной, чем эта, неизысканной, более благоприличной, наиболее почтенной, всему предпочитая непорочность (свт. Иоанн Златоуст, 45, 905).

***

...Употребление одежд пусть непрестанно напоминает нам о потерянных благах и о том наказании, которое постигло человеческий род за преслушание (свт. Иоанн Златоуст, 47, 157).

***

...Роскошь тела обнаруживает глад души, богатство его одежд выставляет на вид ее наготу (свт. Иоанн Златоуст, 47, 409).

***

...Многие женщины носят шелковые одежды и, поистине, обнажены от одежд добродетели! Таких пусть одевают мужья. Но они не принимают этих одежд <добродетели>, а хотят тех? Сделай сначала так: возбуди в них желание этих одежд, покажи, что они наги, беседуй о будущем Суде, скажи, что там нужны будут нам другие (одежды), а не те (шелковые)... Нагой во время стужи цепенеет, дрожит, стоит скорчившись и поджавши руки, а во время жары не делает этого... и богатые мужи, и богатые жены тем более бывают наги, чем более одеваются... Скажи мне: когда мы рассуждаем о геенне и тех мучениях, не больше ли цепенеют и дрожат эти, нежели те — нагие? Не вздыхают ли они тяжко и не осуждают ли самих себя? Когда они приходят к кому-нибудь и говорят: помолись обо мне, не то же ли самое говорят они, что и те? Впрочем, теперь, что бы мы ни говорили, эта нагота <души> не будет видна вполне; она будет видна там... Когда эти шелковые одежды и драгоценные камни

погибнут и в одних только одеждах добродетели и порока явятся все, когда бедные будут обличены великою славою, а богатые в наготе и безобразии будут влечены на мучения (свт. Иоанн Златоуст, 52, 241).

***

Какая польза от драгоценных одежд? Доколе мы будем пристрастны к этому украшению? Будем одеваться славою Христовою, будем облекаться тою красотою, чтобы нам и здесь получить похвалу, и там сподобиться вечных благ... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 242).

***

Дьявол стоит, скрежеща зубами, всячески стараясь погубить тебя, а ты не перестаешь заниматься этими сатанинскими нарядами (свт. Иоанн Златоуст, 54, 676).

***

...Роскошь в одеждах — знак здешней изнеженности, а не горней светоносности (прп. Исидор Пелусиот, 60, 54).

***

В одеянии своем люби бедные одежды, чтобы уничижить рождающиеся в тебе помышления, т. е. высокоумие сердца. Кто любит блеск, тот не может приобрести смиренных мыслей, потому что сердце внутренно отпечатлевается по подобию внешних образов (прп. Исаак Сирин, 58, 279).

***

Та же <женщина>, которая не для покрытия и согревания тела употребляет одежду, а для показности и щеголяния изяществом и цветностию ее, не только бесплодие души обнаруживает пред смотрящими на нее, но покрывается и бесстыдством блудническим. Таковая и таковой <мужчина> да слышат Того, Кто сказал: *се, иже мягкая носящии, в домех царских суть* (Мф. 11, 8). *Наше бо житие на небесех есть*, говорит святой Павел (Флп. 3, 20). Не допустим же себя ради мягкости одежд с неба низринутыми быть в кровы <жилища> князя века сего (свт. Григорий Палама, 93, 268).

ОСКВЕРНЕНИЕ

...По мнению предков наших, бывает троякая причина <истечения во сне>. Оно происходит или от излишества пищи, или от беспечности духа, или от наветов врага обольстителя. Итак, первая причина есть порок чревобесия, т. е. прожорливости или пресыщения, от которого избыток нечистой влаги истекает. А когда и во время строгого воздержания чистота оскверняется истечением, то это зависит не от настоящего неядения, как вы думаете, а от излишества предыдущего насыщения. Ибо что от прожорливого пресыщения скопилось в членах, то необходимо изливается от раздражения, или бессознательно, хотя тело и было ослаблено Великим постом. Посему не только от роскошной пищи надобно воздерживаться, но и простую пищу надобно умеренно употреблять с равномерным воздержанием; даже и в самом хлебе и воде надобно избегать сытости, чтобы долго могла пребывать в нас приобретенная чистота тела, и некоторым образом подражать ненарушимой чистоте духа, хотя нам необходимо сознаться,

что иногда и без всякого старания духа, по холодности ли тела (темперамента), или по преклонности возраста некоторые редко оскверняются, или вовсе не оскверняются истечением. Но другую заслугу имеет тот, кто легко достигает мирного состояния при беспечности, и иную тот, кто приобретает победу славными подвигами. Ибо мужество этого, побеждающее все пороки, достойно чуда, а того, кому добро легко достается при его беспечности, по моему мнению, надобно считать больше нерадивым, нежели достойным похвалы.

Вторая причина нечистого истечения та, если дух, не занимаясь духовным учением и упражнением, не наставленный в учении о внутреннем человеке, по привычке к постоянной недеятельности, закоснеет в состоянии беспечности, или когда, не остерегаясь нечистых помыслов, остается при таком вялом расположении к высшей чистоте сердца, что всю сущность целомудрия и совершенства поставляет в одной исправности внешнего человека. А следствием безрассудства и нерадения бывает то, что блуждание многоразличных помыслов не только бесстыдно, нагло обнаруживает сокровенное состояние духа, но и всегда остаются в нем семена всех прежних страстей. Доколе это в сокровенности его скрывается, хотя строгим постом тела и обуздывается, однакож спящего обеспокоивают обольстительные мечты, от которых прежде наступления законного времени уже не по необходимости природы, а по обольщению злого духа вытекает нечистая влага, которой если вовсе нельзя воспрепятствовать не столько истощением плоти, сколько осмотрительностию и силою духа, по крайней мере, при содействии благодати Божией надобно привести к качеству простого извержения. И для этого особенно должна быть сдерживаема рассеянность чувств, чтобы дух,

привыкши к этим развлечениям, во сне не увлекался нечистыми возбуждениями сладострастия.

Третья причина (истечения), что хотя правильным и заботливым соблюдением воздержания и сокрушением сердца и тела желаем приобрести постоянную чистоту целомудрия; но на нас, усердно старающихся о пользе плоти и духа, коварнейший враг по зависти нападает так, что усиливаясь низложить надежду нашей совести и смирить нас как бы какою виною, особенно в те дни, в которые мы желали бы с большею чистотою угождать только Богу, — хоть без всякого раздражения плоти или согласия духа, и не через обольщение какою-нибудь мечтою, а простым извержением влаги оскверняет нас, чтобы отлучить нас от Святого приобщения. У некоторых из новичков и тех, которых тела еще не утончены долгим постом, по козням дьявольским случается это обольщение, вероятно, и для того, чтобы и при соблюдении самого строгого поста этою злокозненностью разрушить все их усилия, чтобы, сознав, что они строгим постом не только ничего не преуспели в чистоте тела, но еще более стали оскверняться истечением... страшились учительницы непорочности и питательницы чистоты — строгого воздержания, как враждебного (прп. авва Феона, 56, 567—568).

***

Со всем тщанием, сколько для нас возможно, мы должны стараться, чтобы сохранить неосквернённую чистоту целомудрия, особенно в то время, когда хотим приступить к Святому Жертвеннику, и с бдительною осмотрительностью надобно остерегаться, чтобы чистота плоти, сохранен-

ная в предыдущее время, не была нарушена особенно в ту ночь, когда мы готовимся к Святому причащению. Но если злейший враг, чтобы лишить нас небесного врачевства, обольстит усыпленный дух, только так, что не осквернится никаким... согласием его на услаждение, но произойдет истечение, по естественной ли необходимости, или по действию дьявола без чувства удовольствия, для воспрепятствования нашему освящению, то мы можем и должны благонадежно приступить к благодати спасительной пищи (Евхаристии) (прп. авва Феона, 56, 569).

***

Закон извержения естественные и непроизвольные удостоил очищения для того, чтобы с большим усилием избегали мы произвольных и противоестественных. Ибо и тем, которые пребывают в грехах мнимых, а не действительных, заградивших вход во святилище, пока не очистятся, согрешающим произвольно, и больший внушает страх, и тягчайшим угрожает наказанием. Ибо если невольное не просто бывает извиняемо, то явно, что произвольное неизвинительно, если не будет уврачевано искренним покаянием (прп. Исидор Пелусиот, 61, 88—89).

***

Бывает истечение влаги совсем несознаваемое... а иное бывает с сознанием, но без всякого похотения, и телесного и душевного, и даже с сопротивлением ему во сне. Эти два случая ни к чему не полагают препоны... ни даже к принятию Таин и служению Литургии. Довольно сокрушиться

сердечно и сказать духовнику (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 209).

****

Спросили авву Пимена об осквернениях. Он отвечал: «Если мы будем постоянно работать и внимательно бдеть за собой, то не найдем в себе осквернения» (97, 221).

ОСКОРБЛЕНИЕ

Не тот несчастен, кто терпит, а тот, кто наносит оскорбление... (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 263).

***

Если получишь оскорбление, не имей неприязни к тому, кто нанес тебе его, но скажи: «Я достоин того, чтоб все братия презирали меня» (прп. Антоний Великий, 89, 113).

***

Если кто скажет тебе жестокое слово, не попусти сердцу твоему вознестись над ним, но скорее старайся сделать ему поклон (испрашивая прощения), прежде нежели воздвигнется страсть (гнева) в душе твоей... (прп. авва Исаия, 59, 14).

***

Если брат скажет тебе грубое слово по малодушию, переноси это с радостью, ибо, рассмотрев помыслы свои пред Всеведущим Богом, найдешь, что ты сам согрешил (прп. авва Исаия, 59, 41).

***

...От благотворения оскорбившим <рождается> мир... (прп. авва Исаия, 59, 50).

***

Прежде пригвождения ко Кресту Иисус предан был на биение. Это служит нам наставлением, что мы должны равнодушно переносить от людей всякое оскорбление и обиду (прп. авва Исаия, 59, 73).

***

Кто Бога ради, для сохранения мира, переносит жестокие слова человека грубого и неразумного, тот назовется сыном мира и может стяжать мир в душе, теле и духе (прп. авва Исаия, 59, 83).

***

Кто повергает душу свою пред Богом, тот без смущения переносит оскорбления от людей (прп. авва Исаия, 59, 95).

***

Не желай слышать о бедствии того, кто оскорбил тебя, дабы сердце твое не усладилось мщением (прп. авва Исаия, 59, 95—96).

***

Гордый в сердце своем думает, что он мудр и никогда не оскорблял никого (прп. авва Исаия, 59, 180).

***

Жестокосердый при оскорблении ближнего говорит, что я нисколько в этом не виноват, а смиренномудрый, слыша порицание брата, возлагает вину на себя (прп. авва Исаия, 59, 180).

***

<Христос> подвергся за нас позорнейшей смерти. Почему и мы ради Его заповеди, и за свои грехи, должны терпеливо и равнодушно переносить, если кто справедливо или несправедливо оскорбит нас, или нанесет бесчестие (прп. авва Исаия, 59, 183).

***

...Когда вспомнишь об оскорбляющих и преследующих тебя, не жалуйся на них, но лучше помолись о них Богу, как о виновниках величайших для тебя благ (прп. авва Исаия, 59, 184).

***

Горе людям, кои наносят ближнему оскорбление и бесчестие, ибо они чужды блаженства любви (прп. авва Исаия, 59, 195).

***

Не можешь ты сносить оскорбления? — Молчи и успокойся (прп. Ефрем Сирин, 30, 209).

***

Если же случится потерпеть оскорбление за худое дело, то не будем жестокосердыми, но исправим лучше свою погрешность (прп. Ефрем Сирин, 31, 206).

***

...Если оскорбленный воздашь оскорблением, то нанесешь себе двойную обиду: во-первых, тем, что оскорбленный не перенес сего великодушно, а во-вторых, тем, что на бесстыдный с тобою поступок отвечал злословием (прп. Ефрем Сирин, 31, 206).

***

Не тот, кто оскорбляет, но тот, кто малодушествует и огорчается оскорблением, бывает причиною оскорбления, так как придает ему язвительность (прп. Ефрем Сирин, 37, 564).

***

Если терпим <оскорбление> справедливо, то нам самим более стыдиться должно, и стыдиться не столько потому, что нас бесчестят, сколько потому, что достойны мы бесчестия. Если же терпим несправедливо, то виновны в сем оскорбляющие нас, и потому о них должно более скорбеть, нежели о нас, ибо они терпят зло (свт. Григорий Богослов, 14, 208).

***

...Лучше быть великодушным, и тем, что терпим, показать народу пример великодушия; ибо простой народ не столько убеждается словом, сколько делом — этим безмолвным увещанием. Важным почитаю наказать тех, которые нас обидели; говорю, важным, потому что и это полезно к исправлению других; но гораздо выше и божественнее сего — терпеливо перенести обиду. Первое заграждает уста пороку, а второе убеждает стать добрыми, что гораздо лучше и совершеннее, чем не быть только

злыми. Представим себе, что нам предлежит великое упражнение в человеколюбии, и простим сделанное против нас, чтобы самим сподобиться прощения, и к благости присовокупим благость (свт. Григорий Богослов, 17, 181).

***

...Высшее услаждение — ради Христа быть ненавидимыми, изгоняемыми, за веру в Бога терпеть всякое оскорбление и позор (прп. Макарий Египетский, 67, 342).

***

...Старание оскорблять есть болезнь мышления и несчастие души, в которой искажен здравый смысл (свт. Григорий Нисский, 23, 507).

***

Подлинно великую награду Он <Господь> назначил за перенесение не только гонений, ран, уз, убийства и смерти, но и одного лишь оскорбления и поносительных слов (см.: Лк. 6, 22—23) (свт. Иоанн Златоуст, 44, 50).

***

Как же ты просишь Бога, чтобы Он был милостив (к тебе), когда сам ты немилостив к оскорбившим тебя? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 139).

***

Человек оскорбил тебя? Неужели... из-за этого ты станешь оскорблять Бога? Не примиряться с оскорбившим

значит не столько мстить ему, сколько оскорблять Бога, заповедавшего примирение (свт. Иоанн Златоуст, 44, 555).

***

...Тебе стыдно прийти и поцеловаться с оскорбителем? Нет, это — хвала, это — венец, это — слава, это — польза и сокровище, исполненное бесчисленных благ... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 596—597).

***

...Оскорбил тебя кто — перенеси благодушно; а перенесешь благодушно, когда будешь думать не об обиде только, но и о достоинстве Повелевшего переносить — и перенесешь с кротостию (свт. Иоанн Златоуст, 45, 179).

***

Хотя бы ты потерпел тысячу оскорблений, но еще не побит камнями, как Стефан (свт. Иоанн Златоуст, 46, 129).

***

Кто неразумен и бесчувствен по отношению к Богу, тот гораздо более может оскорбить своего родителя и собственную свою душу (свт. Иоанн Златоуст, 46, 337).

***

...Когда увидишь, что враг огорчает (тебя), не говори ни одного оскорбительного слова, и не желай ему зла за то, что он враждует против тебя; но, вошедши (в церковь), преклонив колена и проливая слезы, моли Бога прекра-

тить скорбь, потушить печаль (свт. Иоанн Златоуст, 47, 787).

***

Как тяжкие раны не сносят легкого прикосновения руки и делаются от того хуже, так и возмущенная душа раздражительна, негодует на все и оскорбляется незначительным словом (свт. Иоанн Златоуст, 47, 794).

***

...Неодинаково действуют на нас оскорбления, когда мы наслаждаемся благополучием, и когда находимся в несчастии: когда постигнет нас неудача, тогда они трогают нас более и поражают сильнее (свт. Иоанн Златоуст, 47, 795).

***

...Мы, подвергаясь оскорблениям, когда нужно извинение и примирение, часто раздуваем пламя, нападаем на оскорбивших, как дикие звери, тесним их, влачим, требуем наказания за сказанные слова, и тем самым, что делаем, подтверждаем, возведенную на нас клевету (свт. Иоанн Златоуст, 47, 798).

***

...Врач заботится о том, как бы вылечить больного от болезни, а не о том, насколько виновен он в своей болезни. И ты будь врачом для оскорбившего тебя: об одном только старайся, как бы уничтожить болезнь его (свт. Иоанн Златоуст, 47, 838).

***

...Человек добродетельный, хотя бы подвергся бесчисленным оскорблениям, не потерпит никакого вреда от причиняющих их, а злоумышляющие против него скорее на себя самих поднимают меч... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 47).

***

Если ты будешь рассудителен и любомудр, то зло обратится на главу оскорбившего, и он жестоко пострадает. Если же ты будешь оскорбляться и негодовать, то сам пострадаешь, — не от него, а от самого себя (свт. Иоанн Златоуст, 50, 631).

***

Оскорбляющие заставляют нас умудряться, когда мы бодрствуем над собой; а те, которые хвалят нас, умножают в нас надменность, возбуждают гордость, тщеславие, беспечность и делают душу изнеженною и слабою (свт. Иоанн Златоуст, 50, 864).

***

Если тебя оскорбит друг или огорчит кто-нибудь из ближних, — помысли тогда о согрешениях своих против Бога и о том, что своею кротостию в отношении к ним ты умилостивишь для себя более и тот (будущий) Суд, — сказано: *оставите и оставится вам* (ср.: Лк. 6, 37), — и гнев тотчас отбежит (от тебя) (свт. Иоанн Златоуст, 51, 40).

***

...Оскорбленная душа нелегко переносит оскорбления; но если подумаем, что прощением обиды мы делаем добро не столько оскорбившему, сколько себе самим, то легко извергнем из себя яд гнева (свт. Иоанн Златоуст, 51, 261).

***

Оскорбил ли кто тебя? Не оскорбляй его взаимно, иначе сам себя оскорбишь... Опечалил ли кто тебя? Не огорчай его с своей стороны, потому что прибыли от этого нет никакой, между тем ты опять сделаешься подобным ему (свт. Иоанн Златоуст, 51, 338—339).

***

Когда терпим что-либо от злых людей, то, взирая на Начальника нашего и Совершителя веры, будем представлять себе, что... терпим за добродетель и за Него. Если станем помышлять об этом, то все будет легко и сносно. В самом деле, если каждый даже хвалится тем, когда страдает за возлюбленных, то будет ли чувствовать какую-либо скорбь тот, кто претерпит что-нибудь за Бога? (свт. Иоанн Златоуст, 51, 516).

***

...Чувствовать огорчение от оскорблений — это зависит не от тех, которые причиняют их, но от тех, которые им подвергаются. Да из-за чего тебе и огорчаться? Если тебя оскорбили несправедливо, в таком случае приличнее всего не негодовать, а жалеть о том (оскорбителе); если же справедливо, то тем более надобно быть спокойным...

Но если совесть укоряет тебя в том, что сказано (обидчиком), в таком случае не огорчайся его словами, но исправься в своих делах (свт. Иоанн Златоуст, 51, 564).

***

Не столько укрощает силу врага человек искусный в борьбе, сколько человек оскорбляемый и не отвечающий тем же, потому что враг, наконец, отступает от него посрамленный и осужденный, во-первых, своею совестью и, во-вторых, всеми видевшими (свт. Иоанн Златоуст, 52, 141).

***

Не сочти бесчестным для себя, когда жена оскорбит тебя. Бесчестно, если ты оскорбляешь ее, а она любомудрствует; тогда ты поступаешь низко, тогда ты терпишь вред; если же ты, будучи оскорбляем, терпишь, то это — великое доказательство твоей силы (свт. Иоанн Златоуст, 52, 151).

***

Оскорбил ли тебя кто? Молчи, благословляй, если можешь: таким образом ты и возвестишь слово (Божие), научишь кротости, внушишь смирение... Не увлекайся в (первую) минуту, и ты тотчас исправишь все; не поддавайся (первому) движению, и угасишь все. Великое утешение — потерпеть что-либо за Христа (свт. Иоанн Златоуст, 52, 285).

***

Я знаю многих, которые не столько страдают от ран, сколько от оскорбления словами, потому что рана касается тела, а это — души (свт. Иоанн Златоуст, 52, 285).

***

Вас оскорбляют? Бывает оскорбляем и Бог. Вас поносят? Бывает поносим и Бог. Вас подвергают оплеванию? Тоже (терпел) и Господь наш. В этом Он имеет общее с нами, а в противном этому — нет. Он никогда несправедливо не оскорблял, — да не будет, — не поносил, не обижал. Следовательно, мы (оскорбляемые) имеем с Ним общее, а не вы (оскорбляющие). Переносить оскорбления свойственно Богу, а оскорблять напрасно — дьяволу. Вот две противные стороны (свт. Иоанн Златоуст, 52, 348).

***

...Потому ты и оскорбляешь, что сам ты — ничто. Человеку несвойственно наносить оскорбления (свт. Иоанн Златоуст, 52, 348).

***

...Когда ты слышишь, что оскорбленный тобою не сказал ни одного обидного слова, не скорбишь ли ты более его? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 348).

***

В том и благородство, в том и свобода, чтобы никому не говорить ничего унизительного, хотя бы иной и был достоин того (свт. Иоанн Златоуст, 52, 349).

***

...Оскорбляющий наносит тебе оскорбление невольно и не по своему желанию, но по принуждению страсти; удержись же. Не видишь ли беснующихся? Как он (беснующийся) подвергается этому не столько от вражды, сколь-

ко от слабости, так и в нас огорчение происходит не столько от свойства оскорблений, сколько от нас самих (свт. Иоанн Златоуст, 52, 433).

***

Как враги, обложившие город и осаждающие его извне, когда возбуждают в нем междоусобную брань, тогда и одерживают победу; так и оскорбляющий, если не возбудит в нас самих страсти, не в состоянии будет преодолеть нас; если мы сами не воспламенимся, то он не будет иметь никакой силы (свт. Иоанн Златоуст, 52, 434).

***

<Кто-то> оскорбил тебя и укорил? Помолись Богу, чтобы Он скорее над ним умилосердился. Он брат твой, разрешил те же самые болезни рождения, он твой сочлен, призван к одной с тобою трапезе. «Но он очень часто нападает на меня», — говоришь ты. Значит, тебе высшая и большая награда, и в этом случае тебе особенно и справедливо отложить свой гнев, так как он получил смертельный удар, его поразил дьявол (свт. Иоанн Златоуст, 52, 581).

***

...Если ты скажешь оскорбительное слово, если огорчишь брата, то огорчишь не его, а оскорбишь Духа Святаго (свт. Иоанн Златоуст, 54, 126).

***

Не видите ли, что пчела, ужаливши, умирает? Через это насекомое Бог научает нас тому, чтобы мы не ос-

корбляли ближних, потому что в таком случае сами наперед подвергнемся смерти. Уязвляя их, мы, может быть, причиняем им некоторую боль, но сами, подобно этому насекомому, уже не останемся живы. Хотя Писание и похваляет пчелу, когда говорит: *коль делателница есть: еяже трудов царие и простии во здравие употребляют* (ср.: Притч. 6, 8), однако ничто не может избавить ее от смерти, и она непременно должна погибнуть. Если же и ее не спасает превосходство в других отношениях... то тем более нас (свт. Иоанн Златоуст, 54, 559).

***

Ничто так не возбуждает презрения, как оскорбление, которое наносит более бесчестия самому оскорбляющему, лишая его должного уважения (свт. Иоанн Златоуст, 54, 848).

***

Кто не получает чести в настоящей жизни, но терпит презрение, не пользуется никаким уважением, но подвергается оскорблению и унижению, тот, если не приобретает ничего другого, то, по крайней мере, освободится от ответственности за получение чести от подобных себе рабов. Между прочим, он получает отсюда и другую пользу. Он делается кротким и смиренным и, если будет более внимателен к самому себе, никогда не станет превозноситься, хотя бы и захотел (свт. Иоанн Златоуст, 54, 851).

***

Оскорбил ли тебя кто-нибудь, обидел, осмеял? Вспомни, что и сам ты делаешь много подобного в отношении к

другим, даже в отношении к Самому Владыке, — и прости и извини <обидчика> (свт. Иоанн Златоуст, 54, 891).

***

...<Кто-то> жестоко оскорбил тебя? Ты благословляй его и смотри, сколько от того приобретешь благ: прекратишь зло, приготовишь себе награду, пристыдишь его, и сам не потерпишь ничего худого (свт. Иоанн Златоуст, 55, 249).

***

Это поистине дело сокрушенного сердца, когда мы не сердимся и не раздражаемся на оскорбителей, а даже и оправдываемся (свт. Иоанн Златоуст, 55, 490).

***

Кто-нибудь оскорбил тебя? Моли Бога, чтобы Он скорее смилостивился над ним: он — брат твой, член твой. Но, скажешь, он чересчур оскорбляет меня. Тем больше, следовательно, будет тебе награда за это. Потому особенно надо оставлять гнев на обидчика, что его ранил дьявол. Не укоряй же его еще и ты и не повергай вместе с ним и самого себя. В самом деле, пока ты стоишь, ты можешь спасти и его; если же ты и себя повергнешь через ответное оскорбление, то кто после этого поднимет вас? Тот ли, раненый? Но лежа он не в состоянии будет сделать этого. Или ты, упавший вместе с ним? Но как же ты, оказавшийся не в силах помочь себе, протянешь руку другому? Того ранил дьявол; не наноси раны еще и ты, а напротив, извлеки и прежнюю стрелу. Если мы будем так обращаться друг с другом, то вскоре же будем все здо-

ровы; а если мы станем вооружаться друг против друга, то не нужно и дьявола для нашей погибели (свт. Иоанн Златоуст, 55, 624).

***

...Когда кто-нибудь оскорбляет тебя, смотри не на обидчика, а на движущего им демона, и весь свой гнев излей на этого последнего, а того, кто возбуждается им, даже пожалей (свт. Иоанн Златоуст, 55, 624).

***

Если оскорбляемый раздражается, то этим самым дает доказательство, что он сознает за собой то, что про него говорят; если же он смеется, то освобождает себя в глазах присутствующих от всякого подозрения. Если же ты желаешь и отомстить обидчику, то и это будет достигнуто с полным успехом, так как и Бог накажет его за его слова, а раньше еще этого наказания и твое любомудрие будет для него как бы смертельным ударом (свт. Иоанн Златоуст, 55, 626).

***

...Мы не убоимся отвне приходящих оскорблений, и никто не может со стороны ввести нас в соблазн, если внутри нас не будут насаждены корни грехов (страсти)... (прп. Иоанн Кассиан, 56, 116).

***

...Какими слезами надобно оплакивать, что некоторые из братий, когда будут раздражены каким-нибудь руга-

тельным словом, несмотря на просьбы другого, желающего прекратить неудовольствие, и несмотря на то, что никак не должно сердиться на брата, по написанному: *Гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф. 5, 22), и: *Солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26), — кричат: если бы это сделал или сказал какой-нибудь язычник или мирянин, то, точно, должно стерпеть. Но кто стерпит брата, допустившего столь тяжкую вину, или произносящего устами такое необыкновенное злословие? Как будто терпение надобно оказывать только по отношению к неверным и святотатцам, а не ко всем вообще, и будто гневливость надобно считать вредною только на язычника, а на брата полезною, тогда как раздражение духа, все равно на кого бы ни было возбуждено, принесет вред ему же самому (авва Иосиф, 56, 458—459).

***

Любомудрый и кроткий, переносящий оскорбления и обиды от врагов, когда оскорбляют — не оскорбляется и когда обижают — не обижается. А если надлежит говорить правду, обиженными и оскорбленными бывают сами обидчики и оскорбители, их и люди осуждают, о них и отзываются худо; а кто выше оскорбления и обиды, тот и здесь будет увенчан от всех похвалами, как препобедивший не только врага, но и раздражительность, и там приимет от Бога самые великие награды. Если же скажешь, что много нужно пота и труда, чтобы оскорбляемому перенести это, то не буду отрицать сего, но скажу, что наибольшими трудами порождаются венцы (прп. Исидор Пелусиот, 62, 108).

***

Оскорбляемому лучше переносить сие в молчании и любомудрствовать... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 172).

***

Незлобивое перенесение оскорблений приносит великую пользу душе. И если бы знал я, что оно хотя полезно, но тяжело, то и тогда было бы для меня крайне прискорбно, избегая настоящей затруднительности, утратить полезное. Если же оно и нетрудно и весьма хорошо (ибо мстить и трудно, и весьма тягостно, и бурею наполняет душу), то всего лучше любомудрствовать (прп. Исидор Пелусиот, 62, 451).

***

...Бог попускает многим оскорблять праведника, доставляя ему случай к приобретению вечной и приснопамятной славы, воздаваемой за перенесение чрезмерных скорбей (прп. Нил Синайский, 73, 241).

***

Ты же, бедная душа, за малое похуление тебя и непочтение, за некое презрение и отвращение, осуждение и оклеветание сидишь, сплетая бесчисленные неприязненные помыслы... Что сам демон может сделать такой душе больше того, что она сама себе делает? Крест Христов видим, о страданиях Его, какие претерпел Он ради нас, читаем каждый день; а сами ни одного оскорбления не переносим. Поистине мы уклонились от правого пути (прп. Зосима, 91, 110).

***

Действо святого ведения, по свойству своему, не мало скорбеть заставляет нас, когда, по некоему раздражению досадив кому-либо, соделываем его врагом себе. За это оно никогда не перестает уязвлять совесть нашу, пока посредством объяснений и извинений не успеем возвести оскорбленного в прежнее к нам благорасположение. С особенною же силою такое сокрушение проявляется, когда кто из людей мира сего прогневляется на нас, хотя бы то и неправедно. Это крайне тяготит нас и озабочивает, так как всяко мы послужили ему в соблазн и преткновение. От сего и ум наш тогда оказывается неспособным к богословствованию, потому что ведение, по существу своему, сущи всецело любовью, не попускает мысли нашей расшириться в порождении Божественных созерцаний, если наперед не восприимет опять в любовь и неправедно гневающегося на нас. В случае, если тот не хочет этого, или удалился от наших мест, надлежит нам, прияв начертание лица его в свое благорасположение с несдерживаемым излиянием души, так во глубине сердца исполнить закон любви. Ибо тем, которые желают иметь ведение о Боге, должно и лица неправо гневающихся представлять в уме с безгневным помыслом. Когда же это будет, тогда ум не только в области богословия станет непогрешительно вращаться, но и в деле любви с полным дерзновением возвысится, как бы восходя со второй степени на первую (блж. Диадох, 91, 66—67).

***

Кто ненавидит огорчающих его, тот ненавидит кротость, и кто бегает от оскорбляющих его, тот бегает покоя о Христе (прп. авва Дорофей, 29, 210).

***

Усердно пей поругание, как воду жизни, от всякого человека, желающего напоить тебя сим врачевством... тогда глубокая чистота воссияет в душе твоей, и свет Божий не оскудеет в сердце твоем (прп. Иоанн Лествичник, 57, 47).

***

Такой-то похулил тебя: возненавидь не его, но хулу и подустившего к тому его демона. Если же ненавидишь похулившего тебя, то ты возненавидел человека и преступил заповедь, и что он сделал словом, то ты совершаешь делом. А если хранишь заповедь, то покажи к нему дело любви и, если в чем можешь, помоги ему, да отвратишь его от зла (прп. Максим Исповедник, 91, 225—226).

***

...<Господь> соделался ради нас человеком, претерпел заушения, оплевания и Крест, и такими страданиями, какие претерпел Он, бесстрастный по Божеству, научает нас некоторым образом и говорит каждому из нас: если хочешь ты, человек, обрести Живот Вечный и быть вместе со Мною, смирись и ты для Меня, как смирился Я для тебя, и, отложив гордое и дьявольское свое мудрование, приими ударения по ланитам, оплевания и заушения, и не постыдись претерпеть все сие до смерти. Если же постыдишься ты пострадать ради Меня и заповедей Моих, как Я пострадал ради тебя, то и Я сочту стыдом иметь тебя с Собою во Второе пришествие Мое, когда приду со славою многою и скажу Ангелам Моим: этот постыдился смирения Моего и не захотел оставить славы человеческой, чтоб уподобить-

ся Мне. Теперь же, когда он погубил тленную славу, а Я прославился бессмертною славою Отца Моего, стыжусь и Я даже смотреть на него; изгоните его вон. Да возьмется нечестивый, и да не видит славы Господней!.. Вот что услышат те, которые по видимости исполняют заповеди Христовы, но, стыда ради человеческого, не стерпевают поруганий, бесчестий, заушений и ран, когда следовало бы претерпеть их за заповеди Господни. Ужаснитесь и вострепещите, людие, слыша сие, и с радостию претерпевайте страсти, какие претерпел Христос для спасения нашего. Бог заушается от какого-нибудь ничтожного раба, чтобы дать тебе пример победы, а ты не хочешь принять заушение от подобострастного тебе человека? Стыдишься, человече, подражать Богу? Как же тебе соцарствовать и спрославиться вместе с Ним в Царстве Небесном, если не потерпишь того же? Если бы Он захотел последовать твоему правилу и устыдился соделаться человеком ради тебя, тогда... что бы такое было (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 457—458).

***

...При встрече напраслин, оскорблений и нападок не обращай внимание на то, сколь неправы причинившие их тебе, а на том одном установись вниманием, что Бог для твоего блага попустил тебе это встретить и что ты этого блага себя лишишь, если допустишь нетерпеливость, раздражение и немирность по сему случаю. И до того не допытывайся, почему именно попустил тебе сие Бог. Веришь, что Бог всегда праведен и милостив? Веруй, что и в настоящем случае Он оказывает над тобою и правду и милость, хотя не видишь как... (прп. Никодим Святогорец, 70, 169).

***

Понудь себя и понасиль радоваться, когда кто скажет тебе оскорбительное слово, или осудит тебя, или презрение тебе покажет. Потому что под таким поношением и бесчестием сокрыто великое сокровище, и если ты благоохотно примешь их, то скоро очень окажешься богатым духовно, о чем знать не будет даже и тот, кто сделает тебе такое благодеяние, т. е. тот, кто нанесет тебе бесчестие. Не ищи никогда, чтоб тебя любил кто в этой жизни и почитал тебя, чтоб тебе свободнее было спострадать Христу Распятому, ни от кого и ни от чего не встречая в том препятствия (прп. Никодим Святогорец, 70, 261).

***

Первое — не выказывать оскорбления вовне; потом внутреннее чувство такое прогонять и заменять добрым чувством в отношении к <оскорбляющим> (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 176).

***

Когда видите, что вас чернят, принимайте то как целительные грязи (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 201).

ОСУЖДЕНИЕ

Если увидишь, что какой-нибудь брат согрешил, не презирай его, не отвращайся от него и не осуждай его, ибо иначе сам впадешь в руки врагов твоих (прп. Антоний Великий, 89, 114).

***

Уха своего не подставляй, чтоб услышать худое (о других), но будь снисходительно жалостлив к людям, и жив будешь (прп. Антоний Великий, 89, 114).

***

Кто всегда размышляет о тех последних наказаниях, коим должен подвергнуться за грехи свои, того мысль не занята осуждением других... (прп. авва Исаия, 59, 76).

***

Кто истинно приносит покаяние, тот не занимается осуждением ближнего, а только оплакивает грехи свои (прп. авва Исаия, 59, 140).

***

Если кто в присутствии твоем начнет осуждать брата своего... скажи осуждающему со смирением: «Любезный брат, прости меня, ибо я грешен и немощен, и повинен тому, о чем ты говоришь, почему не могу сего переносить» (прп. авва Исаия, 59, 204).

***

...У кого сердце в страстях, пред тем никто не свят, но по страстям, кои в сердце его, думает он, что и всякий человек таков же (прп. авва Исаия, 89, 332).

***

...Если увидишь ближнего во грехе: не на это одно смотри, но размысли, что сделал или делает он хорошего,

и, нередко, испытав вообще, а не в частности судя, найдешь, что он лучше тебя (свт. Василий Великий, 8, 272).

***

...Не осуждай за маловажное, как будто сам ты строгий праведник (свт. Василий Великий, 8, 274).

***

Если видишь, что брат грешит, и наутро свидишься с ним, то не признавай его в мысли своей грешником, ибо не знаешь, что, может быть, когда ушел ты от него, сделал он по падении своем что-нибудь доброе и умилостивил Господа воздыханиями и горькими слезами (прп. Ефрем Сирин, 30, 196).

***

Не будем осуждать кого-либо, ибо не знаем, как он ведет себя в келье своей, или как трудится пред Богом... (прп. Ефрем Сирин, 31, 126).

***

Старайся узнавать дело в ясности не для того, чтобы дать суд, но чтобы не осудить... Если удержишься от суда, то себе самому окажешь милость (прп. Ефрем Сирин, 31, 628).

***

Если ближнего своего, согрешившего против тебя, подвергаешь ответственности за то, что согрешил он против

тебя, то сим уличаешь самого себя, что и ты в состоянии был не грешить ни против ближнего своего, ни против Бога (прп. Ефрем Сирин, 34, 36).

***

Кто осуждает других, тому нужно, чтобы не осуждали его собственные его дела (прп. Ефрем Сирин, 34, 299).

***

Разбирай больше сам себя, нежели дела ближних: одно доставляет пользу тебе, другое — ближним (свт. Григорий Богослов, 16, 202).

***

Лучше о себе слышать худое, нежели говорить худо о другом. Ежели кто, желая позабавить тебя, выставляет ближнего на посмешище, то воображай себе, что предметом смеха служишь ты сам, в таком случае слова его всего более огорчат тебя (свт. Григорий Богослов, 16, 204).

***

...Кто судит чужой порок, скорее сам подпадет обвинению, нежели положит конец пороку (свт. Григорий Богослов, 17, 206).

***

Не услаждайся насмешками и не соучаствуй с пересудчицами, потому что их оставит Господь (авва Евагрий, 89, 616).

***

...Несмотря на то что этот грех <осуждения> подвергает такому наказанию, а нисколько не доставляет удовольствия, мы все бежим на зло, как будто стараясь и соревнуя войти в геенскую пещь не одною, а многими дорогами (свт. Иоанн Златоуст, 44, 140).

***

Если бы мы не сделали даже никакого другого греха, то уже этот один <грех осуждения> может свести нас в преисподнюю геенну... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 140).

***

Кто строго расследует чужие проступки, тот не получит никакого снисхождения к своим собственным, потому что Бог произнесет суд соответственно не только свойству наших преступлений, но и твоему суду о других (свт. Иоанн Златоуст, 45, 53).

***

Согрешил кто-нибудь и строго осудил другого, совершившего тот же грех: за это в тот день он подвергнется наказанию не такому, какого требует свойство греха его, но больше чем двойному и тройному, — потому что Бог назначит ему наказание не сообразно с тем, в чем он сам согрешил, но за то, что строго осудил другого, который согрешил в том же (свт. Иоанн Златоуст, 46, 200).

***

...Те, которые разбирают чужие грехи, нисколько не заботятся о своих собственных... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 203).

***

Если же, забывая о себе, ты восседаешь, как судья над другими, то нечувствительно собираешь сам себе только бóльшие бремена грехов (свт. Иоанн Златоуст, 47, 465).

***

...Если и мы хотим уменьшить свои грехопадения, будем всего более заботиться о том, чтобы не осуждать братий наших, а вымышляющих клеветы на них не допускать к себе... и совершенно от них отвращаться (свт. Иоанн Златоуст, 47, 465).

***

Хотя ты и не имеешь судебной власти, а осуждаешь только мыслию, тем не менее делаешься виновным во грехе, когда, не имея никаких доказательств, осуждаешь, как часто случается, по одному подозрению и пустой клевете (свт. Иоанн Златоуст, 47, 465).

***

Если нам не позволено судить о жизни друг друга, то тем более о жизни отцов <т. е. священников> (свт. Иоанн Златоуст, 47, 796).

***

Люди большею частью судят и о других по себе. Так, постоянно пьянствующий нелегко поверит, что есть люди, живущие трезво; привязанный к распутным женщинам считает распутными и тех, кто живет честно; похититель чужого нелегко поверит, что есть люди, которые раздают и свое (свт. Иоанн Златоуст, 47, 850).

***

Человеческий суд никогда не совершается по истине, не только потому, что не соблюдаются права, но и потому, что если бы судья и не был подкуплен деньгами или подарками, если бы был свободен от гнева и доброжелательства, то часто самые обстоятельства бессильны открыть истину: или случается какое-либо недоразумение, или не бывает налицо верных свидетелей (свт. Иоанн Златоуст, 49, 243).

***

...Осуждай не священство, а священника, худо пользующегося хорошим предметом... Сколь многие врачи делались палачами и давали яд вместо лекарства? Но я осуждаю не искусство, а того, кто худо пользуется искусством (свт. Иоанн Златоуст, 49, 412).

***

...Если ты судишь других, желая им добра, то прежде пожелай его себе, имеющему грех и очевиднее, и более; если же нерадишь о самом себе, то ясно, что и брата своего

судишь не из доброжелательства к нему, но из ненависти и желания опозорить его (свт. Иоанн Златоуст, 50, 262).

***

Если уж худо не обращать внимания на свои грехи, то вдвое или втрое хуже судить других, имея в собственных своих глазах бревно, и не чувствуя от того никакой боли; ведь грех тягостнее и бревна (свт. Иоанн Златоуст, 50, 262).

***

...Кто привык нерадеть о своих великих преступлениях и строго судить о малых и незначительных погрешностях других, тот терпит двоякий вред, — как потому, что нерадит о своих грехах, так и потому, что питает ко всем вражду и ненависть и каждый день возбуждается к крайней жестокости и немилосердию (свт. Иоанн Златоуст, 50, 263).

***

Ведь и мы, если невиновны ни в прелюбодеянии... ни в воровстве, зато имеем другие согрешения, достойные многих наказаний. И брата часто называли глупцом, а это подвергает нас геенне, и на женщин смотрели невоздержными очами, а это равняется совершенному любодеянию; но что всего хуже — не участвуем достойным образом в Таинствах, что делает нас повинными Телу и Крови Христовой. Не будем... строгими исследователями чужих дел, но станем помышлять о своих собственных, и тогда мы не

будем так бесчеловечны и жестоки (свт. Иоанн Златоуст, 51, 401).

***

О тебе худо отзывается кто-нибудь? А ты скажи: если бы он знал все, то и не это только сказал бы (обо мне). Вы... удивляетесь сказанному? Но так должно поступать (свт. Иоанн Златоуст, 52, 141).

***

О людях же мы должны заботиться столько, чтобы только не ввести их в искушение и не подать им повода (к осуждению). Если же тогда, как мы не подаем повода, они станут без причины и напрасно осуждать нас, то мы должны смеяться, а не плакать (свт. Иоанн Златоуст, 52, 403—404).

***

...Не будем строгими судьями других, чтобы и у нас не потребовали строгого отчета: а мы ведь обременены грехами, превышающими всякое помилование. Будем иметь больше сожаления к тем, которые грешат, не заслуживая снисхождения, чтобы и мы сами могли надеяться на такую к себе милость, хотя, сколько бы мы ни старались, никогда не будем в состоянии оказать такое человеколюбие, в каком имеем нужду от человеколюбивого Бога. Отсюда не безрассудно ли, когда мы сами находимся в столь великой нужде, строго разбирать дела своих собратий и все делать против самих себя? Таким образом, не столько ты выставляешь его недостойным твоего благодеяния, сколько самого себя — недостойным Божия человеколюбия. Кто строго

взыскивает со своего собрата, с того гораздо строже взыщет Бог (свт. Иоанн Златоуст, 52, 673).

***

Я приказываю тебе не судить <человека> не потому, что действия его не заслуживают осуждения, но потому, что он чужой раб, т. е. не твой, а Божий (свт. Иоанн Златоуст, 52, 794).

***

Потому мы и бываем строгими судьями чужих грехов, а на свои не обращаем никакого внимания, что не знаем Писаний, что не изучаем законов Божественных (свт. Иоанн Златоуст, 54, 304).

***

...Скажешь, священник не подает бедным и нехорошо управляет делами. Откуда тебе это известно? Прежде, нежели узнаешь достоверно, не порицай, бойся ответственности...

Если даже ты узнал, исследовал и видел, и тогда ожидай Судию, не предвосхищай себе права Христова; Ему принадлежит право судить, а не тебе; ты — последний раб, а не господин, ты — овца, не суди же пастыря, чтобы тебе не быть наказану и за то, в чем обвиняешь его. Но как же, скажешь, мне он говорит, а сам не делает? Не сам он говорит тебе, — если ты повинуешься только ему, то не получишь награды, — тебе заповедует Христос...

Но, скажешь, священник должен быть лучше меня. Почему? Потому, что он священник. Чего же он не имеет более, нежели ты? Трудов ли, опасностей, забот или скор-

бей? Чем же он не лучше тебя, имея все это? Но если он и не лучше тебя, то для чего тебе, скажи мне, нужно губить себя самого? Слова твои происходят от гордости. Откуда ты знаешь, что он не лучше тебя? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 769).

***

...Монах <и всякий христианин> подвергается той же вине и порокам, за которые вздумал бы осуждать других. Следовательно, всякому должно судить только себя самого, осмотрительно, осторожно наблюдать за собою во всем, а не расследовать жизнь и поведение других...

Кроме сказанной причины, и потому опасно судить о других, что мы не знаем необходимости или причины, по которой они делают, может быть, правильно пред Богом или извинительно то, чем мы соблазняемся и оказываемся безрассудными судьями их и этим допускаем нелегкий грех, думая о своих братьях иначе, нежели как должно (прп. Иоанн Кассиан, 56, 67).

***

...Если монах <и всякий христианин> с беспощадною, бесчеловечною строгостию осуждает другого, то это верный знак, что он сам предан тем же порокам (прп. авва Херемон, 56, 376).

***

Если истинно намерен ты приносить дары Богу, то не бесчести посредника Даров <священника>, руки которого Бог, по человеколюбию, благоволил употребить на служение Ему. Ибо иерей, если и сквернится, как говорите, какою-либо нерадивою жизнию, сам за себя даст отчет,

но все же есть *ангел Господа Вседержителя* (Мал. 2, 7), как по тайноводству Божественного священнодействия, так и потому, что служит спасению многих (прп. Исидор Пелусиот, 60, 200—201).

***

...Надлежит душевное око от чужих погрешностей обратить на собственные свои, и приучать язык говорить строго не о ближних, но о себе самом, ибо плодом сего бывает оправдание (прп. Исидор Пелусиот, 60, 372).

***

Вразуми согрешающего, но не осуждай падающего, ибо последнее есть дело злоречивого, а первое — желающего исправить (прп. Нил Синайский, 72, 241).

***

...Не охуждай иереев за то, что не все они чисты; не твое дело судить и пересуживать епископов Господних (прп. Нил Синайский, 73, 144).

***

Если видишь, что иной не чище всех нечистых и лукавее всех лукавых людей, то не изъявляй желания осудить его, и не будешь оставлен Богом, и не соделаешься пленником (прп. Нил Синайский, 73, 243).

***

Судить позволительно наиболее славным и чистым из пастырей, которым вверены ключи Царствия, а не пасомым

и носящим на себе следы греховных скверн (прп. Нил Синайский, 73, 243—244).

***

...Великий грех — уязвленному многими беззакониями не обращать внимания на свои грехи, а любопытствовать и говорить о том, что есть худого в других (прп. Нил Синайский, 73, 289—290).

***

Не обморочивай слуха своего пересудами, чтобы, продав себя этой страсти, не стать тебе рабом многих страстей; потому что одна страсть, нашедши для себя место в тебе, в то же гнездо (или стойло) введет и другие страсти; делается же рабом многих страстей владычественный ум тогда, когда, сопрягшись с какою-либо страстию, совсем отбрасывает подвижнические труды (прп. Нил Синайский, 90, 306—307).

***

Кто обвиняет брата своего в пороке его, тот обвинителя себе обретает в Боге (прп. Исаак Сирин, 58, 396).

***

Когда начинает кто при тебе пересуждать брата своего, потупь лицо свое (прп. Исаак Сирин, 58, 413).

***

Если не в состоянии заградить уста осуждающего друга своего, то... остерегись вступить с ним в общение (прп. Исаак Сирин, 58, 416).

***

...От того, что (человек) дозволит себе малое зазрение ближнего, от того, что говорит: «Что за важность, если послушаю, что говорит сей брат? Что за важность, если я скажу одно вот такое-то слово? Что за важность, если я посмотрю, что будет делать сей брат, или тот странник?» — (От сего самого) ум начинает оставлять свои грехи без внимания и замечать грехи ближнего. И от сего потом происходит, что мы осуждаем, злословим, уничижаем (ближних), а наконец впадаем и в то самое, что осуждаем. Ибо оттого, (что человек) не заботится о своих грехах и «не оплакивает, — как сказали отцы, — своего мертвеца», не может он преуспеть ни в чем добром, но всегда обращает внимание на дела ближнего. А ничто столько не прогневляет Бога, ничто так не обнажает человека и не приводит в оставление (от Бога), как злословие, или осуждение, или уничижение ближнего (прп. авва Дорофей, 29, 79—80).

***

...<Господь> грех ближнего уподобил сучку, а осуждение — бревну. Так-то тяжело осуждение, превосходящее всякий грех (прп. авва Дорофей, 29, 80).

***

Итак, чего хотим... мы от нашего ближнего? Чего хотим от чужой тяготы? Есть у нас о чем заботиться, братия! Каждый да внимает себе и своим грехам. Одному Богу принадлежит (власть) оправдывать и осуждать, поелику Он знает и душевное устроение каждого, и силу, и образ воспитания, и дарования, и телосложение, и способности и сообразно с этим судит каждого, как Он Сам Един знает. Ибо иначе судит Бог дела епископа и иначе правителя

(мирского), иначе судит дела игумена и иначе ученика, иначе старого и иначе юного, иначе больного и иначе здорового. И кто может знать все суды сии? Только Един, сотворивший всех, все создавший и все ведущий (прп. авва Дорофей, 29, 82).

***

...Никакой человек не может знать судеб Божиих; но Он един ведает все и может судить согрешения каждого, как Ему единому известно. Действительно, случается, что брат погрешает по простоте, но имеет одно доброе дело, которое угодно Богу более всей жизни, а ты судишь и осуждаешь его, и отягощаешь душу свою. Если же и случилось ему преткнуться, почему ты знаешь, сколько он подвизался и сколько пролил крови своей прежде согрешения; теперь согрешение его является пред Богом как бы делом правды? Ибо Бог видит труд его и скорбь, которые он... подъял прежде согрешения, и милует его. А ты знаешь только сие (согрешение), и тогда как Бог милует его, ты осуждаешь его и губишь душу свою. Почему ты знаешь, сколько слез он пролил о сем пред Богом? Ты видел грех, а покаяния его не видел (прп. авва Дорофей, 29, 83—84).

***

<Некто> видя, что брат его согрешил, вздохнул и сказал: «Горе мне! Как он согрешил сегодня, так согрешу и я завтра». Видишь ли твердость? Видишь ли настроение души? Как он тотчас нашел средство избегнуть осуждения брата своего! Ибо, сказав «так и я завтра», он внушил себе страх и попечение о том, что и он в скором времени может согрешить, и так избежал осуждения ближнего.

Притом не удовлетворился этим, но и себя повергнул под ноги его, сказав: «И он (по крайней мере) покается о грехе своем, а я не покаюсь как должно, не достигну покаяния, не в силах буду покаяться?» Видишь просвещение божественной души? Он не только успел избежать осуждения ближнего, но и себя самого повергнул под ноги его. Мы же, окаянные, без разбора осуждаем, гнушаемся, уничижаем, если что-либо видим, или услышим, или только подозреваем; и, что еще хуже, мы не останавливаемся на своем собственном вреде, но, встречая и другого брата, тотчас говорим ему: «То и то случилось», и вредим ему, внося в сердце его грех. И не боимся мы Сказавшего: *Горе напаяющему подруга своего развращением мутным* (Авв. 2, 15), но совершаем бесовское дело и нерадим о сем. Ибо что иное делать бесу, как не смущать и не вредить? А мы оказываемся помощниками бесов на погибель свою и ближнего... (прп. авва Дорофей, 29, 84—85).

***

...Если человек не будет замечать пороков ближнего, то, с помощью Божиею, родится в нем благость, которою благоугождается Бог (прп. авва Дорофей, 29, 180).

***

...Невеликое дело — не судить того, или сострадать тому, кто находится в скорби и покоряется тебе; но велико — не судить того, кто тебе противоречит, не мстить ему по страсти, не соглашаться с осуждающим его и радоваться вместе с предпочтенным тебе (прп. авва Дорофей, 29, 188—189).

***

Когда помысл склоняет тебя испытать или осудить твоего наставника, как от блуда, отскочи от оного... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 22).

***

Если бы ты увидел кого-либо согрешающего даже при самом исходе души из тела, то и тогда не осуждай его, ибо суд Божий неизвестен людям. Некоторые явно впадали в великие согрешения, но большие добродетели совершали втайне; и те, которые любили осмеивать их, обманулись, гоняясь за дымом и не видя солнца (прп. Иоанн Лествичник, 57, 97).

***

Судить — значит бесстыдно похищать сан Божий, а осуждать — значит погублять свою душу (прп. Иоанн Лествичник, 57, 98).

***

Человекоубийцы-бесы побуждают нас или согрешить, или, когда не грешим, осуждать согрешающих, чтобы вторым осквернить первое... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 98).

***

...За какие грехи осудим ближнего, телесные или душевные, в те впадем сами; и иначе не бывает (прп. Иоанн Лествичник, 57, 98).

***

Как возношение и без другой страсти сильно́ погубить человека, так и осуждение, одно само по себе, может нас погубить совершенно... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 98).

***

Видел я таких людей, которые тайно и скрытно соделывали тяжкие согрешения, а между тем, считая себя лучшими других, безжалостно нападали на тех, которые увлекались в легкие, но явные проступки (прп. Иоанн Лествичник, 57, 98).

***

Как добрый виноградарь вкушает только зрелые ягоды, а кислые оставляет, так и благоразумный и рассудительный ум тщательно замечает добродетели, какие в ком-либо узрит; безумный же человек отыскивает пороки и недостатки (прп. Иоанн Лествичник, 57, 98—99).

***

Не будь строгим судиею тех, которые словами учат о великих добродетелях, когда видишь, что сами они к благому деланию ленивы, ибо недостаток дела часто восполняется пользою оного учения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 204).

***

Не верь помыслу, осуждающему ближнего, потому что имеющий злое сокровище злое и помышляет (авва Фалассий, 91, 295).

***

Бесстрастно говорящий о грехе брата, говорит по двум причинам: или чтобы его исправить, или чтобы принести пользу другому. Если же он говорит самому ли ему, или другому без сих целей, то говорит, осуждая или оклеветывая брата, и такой не избежит оставления от Бога, но непременно впадет или в то же, или в другое прегрешение, и, быв обличен и укорен другими, посрамится (прп. Максим Исповедник, 91, 208).

***

Потребно также внимательно смотреть, не прокрались бы прилоги помыслов тщеславия и самомнения, чтоб не осудить кого, видя, что он делает что-нибудь неподобающее (старец Симеон Благоговейный, 93, 67).

***

Верующий никого не осуждает, веруя, что мы все — в епитимиях, что всех имеет судить Бог, и что каковым судом кто судит других, таковым и сам будет судим (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 437).

***

...Увы и горе тем, которые осуждают и поносят других, будто злых, потому что они будут ввержены злыми бесами во тьму кромешную, где будет плач и скрежет зубов (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 440).

***

...Тот, кто говорит в сердце своем: «Это худо, то глупо или для чего сделано то и то, а не сделано это и это?» —

пусть не прельщается, думая, что не грешит, ибо явный осудитель и, как судящий, осужден будет, хотя бы ни одного осудительного слова не испустил из своих уст и никто не слыхал гласа его (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 235).

***

...По... внешним чертам не следует составлять суждение о людях, потому что они всегда почти бывают в таком случае погрешительны (прп. Никита Стифат, 93, 99).

***

От самолюбия и самомнения порождается в нас и другое... зло — тяжелое, причиняющее нам вред, именно строгий суд и осуждение ближнего, по которому мы потом ни во что ставим, презираем и унижаем его при случае. Каковой злой навык и порок, происходя от гордости, ею питается и возращается, и наоборот, ее питает и возращает; ибо и гордыня наша после всякого действия осуждения подвигается вперед, по причине сопутствующего сему действию самочувствия и самоуслаждения.

Давая себе высокую цену и высоко о себе думая, естественно, свысока смотрим мы на других, осуждаем их и презираем, так как нам кажется, что мы далеки от тех недостатков, каких, как нам думается, не чужды другие. А тут еще и всезлобный враг наш, видя в нас такое недоброе расположение, бодренно стоит близ и, открывая очи наши, научает зорко смотреть за тем, что делают и говорят другие, делать из сего заключения, какие потому у них мысли и чувства, и по этим предположениям составлять о них свое мнение, чаще всего недоброе, с возведением сей недоброты в закоренелый нрав. Не замечают и не видят

эти судьи, что самое начало осуждения — подозрение худобы в других — печатлится в мысли действием врага, и им же оно потом раздувается в уверенность, что они и действительно таковы, хотя на деле ничего такого нет.

Но, брате мой, как враг бодренно следит за тобою, высматривая, как бы посеять в тебе зло, смотри еще паче ты бодренно сам над собою, чтоб не попасть в расставляемые им тебе сети, и как только он представит тебе какой недостаток в ближнем твоем, спеши поскорее отклонить от себя помысл сей, не давая ему засесть в тебе и разростись, и вытесни его из себя вон, чтоб и следа его не оставалось, заменив его помышлением о добрых свойствах, какие знаешь в ближнем сем и какие вообще уместны в людях, прилагая к сему, если еще чувствуешь позыв произнести осуждение, ту истину, что тебе не дано на то власти, и что, присвояя себе эту власть, ты сам в этот момент делаешься достойным суда и осуждения не пред немощными людьми, но пред Всесильным Судиею всех — Богом.

Такой переворот помысла есть самое сильное средство не к отогнанию только случайно находящих помыслов осуждения, но и к тому, чтоб совсем отучить себя от сего порока. Второе же, тоже очень сильное к тому средство, есть не выпускать из ума памятования о своей худости, своих нечистых и злых страстях и делах и соответственно тому непрестанно держать чувство своего непотребства. Того и другого — страстей и дел страстных, — конечно, найдется в тебе немало. Если ты не бросил себя и не махнул рукой, говоря: будь что будет, то не можешь не заботиться об уврачевании этих своих нравственных немощей, губящих тебя. Но если ты делаешь это искренно, то у тебя не должно доставать времени заниматься делами других и судебные составлять о них приговоры; ибо тогда,

если позволишь себе это, в ушах твоих непрестанно будет звучать: врачу, исцелися сам; *изми первее бервно из очесе твоего* (Мф. 7, 5).

К тому же, когда ты строго судишь о каком недобром поступке ближнего, знай, что какой-нибудь корешок этой же самой недоброты есть и в твоем сердце, которое по своей страстности научает тебя строить догадки о других и осуждать их (прп. Никодим Святогорец, 70, 177—179).

***

...Когда придет тебе помысл осудить другого за какую-либо погрешность, вознегодуй на самого себя, как на делателя таких дел и в том же повинного; и скажи в сердце своем: «Как я, окаянный, находясь в том же самом грехе и делая еще более тяжкие прегрешения, дерзну поднять голову, чтоб видеть погрешности других и осуждать их?» Действуя так, ты будешь оружие, которым злой помысл внушает тебе поразить другого, обращать на самого себя и вместо уранения брата пластырь будешь налагать на раны собственные (прп. Никодим Святогорец, 70, 179).

***

Грех осуждения так противен Богу, что Он прогневляется, отвращается от самих угодников Своих, когда они позволят себе осуждение ближнего: Он отъемлет от них благодать Свою... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 426).

***

Осуждение ближнего — признак лицемерства, по всесвятому указанию Евангелия (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 278).

***

Осуждение от самодовольства рождается и самодовольство питает. То и другое показывает, что самость жива и жирна... Ухитритесь истощить их все (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 11).

***

Но как у вас клеится, что ревность жива... и осуждение сбоку?! Смотрите, как бы не обуяло вас кислое благочестие (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 12).

***

...Осуждение же трудно прощается, потому что трудно чувствуется его грешность (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 193).

***

Грех осуждения больше в сердце, чем на языке (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 219).

***

Не судите, — и Бога будете иметь всегда своим защитником (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 13).

***

Чтоб не осуждать других, надо глубоко восчувствовать свою греховность и скорбеть о ней, оплакивая душу, будто мертвую. Некто сказал: «Когда свой мертвец дома, не станешь заботиться о мертвецах в соседстве» (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 86).

****

Один брат спросил авву Пимена: «Как можно достичь того, чтобы не говорить худо о ближнем?» Старец сказал ему: «Мы и братия наши — как бы две картины. Если человек, смотря на себя, находит в себе недостатки, то в брате своем он видит совершенства; а когда сам себе он кажется совершенным, тогда, сравнивая с собою брата, находит его худым» (97, 218—219).

***

Были два брата в киновии, и каждый из них удостоился видеть благодать Божию на брате своем. Однажды случилось, что один из них, выйдя из киновии в пяток, увидел кого-то вкушающего утром пищу и сказал ему: «В пяток ты ешь в такой час?» На следующий день было собрание, и, по обычаю, брат, взглянув на него, увидел, что благодать отступила от него, и опечалился. Когда пришел в келью, говорит ему: «Что ты сделал, брат? Ибо я не вижу на тебе, как видел прежде, благодати Божией». «Я, — отвечал он, — ни на деле, ни в помышлении не знаю в себе ничего худого». — «Не говорил ли ты какого худого слова?» Тот, вспомнив, отвечал: «Да! Вчера увидал я одного вкушающего пищу утром и сказал ему: «Ты в пяток ешь в такой час? Вот мой грех! Но потрудись со мною две недели и помоли Бога, чтобы Он простил мне». Они так и поступили. По прошествии двух недель брат увидел благодать Божию, вновь сошедшую на его брата. Они утешились и возблагодарили Бога (98, 25—26).

***

Брат сказал авве Пимену: «Если увижу брата, о котором слышал, что он пал, то неохотно принимаю его в

келью свою, а брата, имеющего доброе имя, принимаю с радостью». Старец отвечал ему: «Если ты желаешь добра брату, то для падшего сделай вдвое, потому что он немоществует» (106, 337—338).

***

Когда Авва Агафон видел какое-нибудь дело и помысл побуждал его к осуждению, он говорил самому себе: «Агафон, не сделай сам того же», и таким образом помысл его успокаивался (97, 31).

***

В Скиту один брат пал в грех. Братия собрались и послали за аввой Моисеем, но он не хотел идти. Пресвитер опять послал позвать его таким образом: «Иди, тебя ожидает собрание». Авва Моисей встал и пошел. Взяв корзину с дырами и наполнив песком, он понес ее с собой. Братия, вышедшие к нему навстречу, спрашивают его: «Что это такое, отец?» Старец отвечал им: «Это грехи мои сыплются позади меня, но я не смотрю на них, а пришел теперь судить чужие грехи». Братия, услышав это, простили согрешившего брата (97, 156).

***

В одной обители жил отшельник по имени Тимофей. Настоятель, узнав, что один из братий подвергся искушению, спросил совета у Тимофея, что делать с падшим братом. Отшельник посоветовал выгнать его из обители. Когда выгнали брата, его брань (страстное возмущение, действовавшее в нем) перешла к отшельнику Тимофею, и он пришел в опасное состояние. Тимофей, осознав при-

чину появления брани, начал с плачем взывать к Богу: «Господи, согрешил я, прости меня!» И был к нему глас: «Тимофей, знай, что Я попустил тебе искушение именно за то, что ты презрел брата во время искушения его» (106, 337—338).

***

Один брат, посланный преподобным Афанасием Афонским по некоторой монастырской нужде в мир, вознерадел о своем спасении и впал в плотской грех. Возвратившись в лавру, с отчаянием о своем спасении он исповедал преподобному свой грех. Святой, как опытный врач, утешая и убеждая не отчаиваться, но иметь надежду на Бога, оставил его при прежнем монастырском послушании. Узнав об этом, другой монах, именем Павел, соблазнился и стал открыто осуждать как павшего брата, так и преподобного, что тот не изгнал из обители преступника за совершение такого беззаконного и постыдного дела. Преподобный, строго посмотрев на него, сказал: «Павел, что ты делаешь? Себе внимай, а не грехи брата рассматривай. Писано: *мняйся стояти да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12)». С того времени, попущением Божиим, и сам Павел ощутил в себе сильную блудную брань и жестоко страдал уже трое суток, так что начал отчаиваться во спасении; но, что всего хуже, стыдился открыться отцу своему и просить его помощи. Преподобный знал духом все это и сам внушил ему смелость исповедаться. Тогда-то Павел открыл ему свой грех и попросил у него прощение как у отца, к согрешающим сострадательного. Преподобный вразумил его, чтоб он не осуждал падающих, но более сострадал им и молился за них; а потом уже, видя его смирение и сокрушение, помолился о нем Богу и освободил его от этой скверной брани.

Павел ощутил какой-то холод, пролившийся на главу его и распространившийся по всему телу, отчего похотное разжжение в нем тотчас же погасло (95, 43—44).

***

Старец, услышав, что некий брат впал в тяжкий грех, осудил его, сказав: «Великое зло сделал он!» Спустя некоторое время видит он, что Ангел несет к нему душу осужденного брата, и говорит ему: «Вот тот, которого ты судил, умер. Куда велишь теперь определить душу его, в Царство или в муку?» Старец ужаснулся. «Ведь ты судия праведным и грешным, — продолжал Ангел, — так говори же, что прикажешь о душе сей? Помилуешь ее или мукам предашь?» Понял тут старец, что, осудив брата, сам впал в тяжкий грех, и со стенанием и плачем умолял простить его. Долгое время Господь не отвечал ему, но, наконец, сжалился и послал Ангела возвестить ему прощение. «Бог простил тебя, — сказал Ангел, — но с этих пор не забывай, сколь тяжек грех осуждения» (112, 84).

***

Преподобный Иоанн Савваитский рассказывал следующее: «Раз пришел ко мне инок из соседнего монастыря, и я спросил его: «Как живут отцы?» Он отвечал: «Хорошо, по молитвам вашим». Затем я спросил об иноке, который не пользовался доброй славой, и гость сказал мне: «Нисколько он не переменился, отче!» Услышав это, я воскликнул: «Худо!» И только сказал это, тотчас почувствовал себя как бы в восторге и увидел Иисуса Христа, распятого между двумя разбойниками. Я было устремился на поклонение Спасителю, как вдруг Он обратился к предстоявшим

Ангелам и сказал: «Изриньте его вон, это антихрист, ибо осудил брата своего прежде Моего Суда». И когда, по слову Господа, я изгонялся, в дверях осталась моя мантия, и затем я проснулся. «Горе мне, — сказал я тогда пришедшему брату, — зол сей день мне!» «Почему так?» — спросил тот. Тогда я рассказал ему о видении и заметил, что оставленная мною мантия означает, что я лишен покрова и помощи Божией. И с того времени семь лет провел я, блуждая по пустыням, ни хлеба не вкушая, ни под кров не заходя и ни с кем не беседуя, пока не увидел Господа моего, возвратившего мне мантию» (112, 154).

***

Великий подвижник, старец Ксенофонт, отправился на жительство в Валаамский монастырь. Там он стяжал благодать Божию, которая проявлялась при совершении Божественной литургии. Как-то приехали в монастырь весьма неопрятные лютеране. Во время службы они вошли в храм, и, взглянув на них, отец Ксенофонт осудил их в своем помысле. Благодать немедленно скрылась от него. Старец, поняв причину этого, начал каяться пред Богом. Через месяц, не ранее, Ксенофонт вновь сподобился проявления благодати Божией (106, 499).

***

Преподобный отец наш Виталий после шестидесятилетних подвигов в келье святого Спиридона, пришел в Александрию и остался там жить. Желая избежать славы человеческой, он поступал так: днем нанимался на работу и получал за свои труды по сребренику в день. Из этих денег на самую ничтожную сумму он покупал себе бобов,

а затем уходил вечером в дома падших женщин. Отдав им заработанные деньги, он умолял женщин бросить порочную жизнь, а потом все ночи проводил там в пении псалмов и молитве. Уходя же, он всегда брал с падших слово никому не говорить о том, зачем он приходил к ним.

Между тем жители города, не знавшие цели его посещений, повседневно укоряли его и говорили: «Ступай, окаянный, тебя ждут твои блудницы!» или: «Уж лучше бы ты женился, чем срамишь чин монашеский!» Виталий не оправдывался и, утаив добродетель, продолжал свой подвиг и многих спас. Его святость открылась только после смерти преподобного, когда от прикосновения к его телу исцелилась бесноватая и «мнози хромии и слепии исцелеша» (112, 637—638).

***

Наместник Троицкой Лавры архимандрит Кронид вспоминал о своих молодых годах: «В подвиге борения со страстями меня много укреплял мой духовник иеромонах Серафим. Он с любовью, как истинный отец, старался уврачевать мою душу. В обители преподобного Сергия некоторые подозревали его в том, что он будто давал отцу Архимандриту сведения о немощах братии. На самом же деле, как это впоследствии подтвердилось, ничего подобного никогда не было. По своей молодости и неопытности я поверил этой клевете на отца Серафима и сам осуждал его и даже, страшно сказать, осмеивал.

В середине ноября 1884 года отец Серафим пожелал поехать на поклонение в Иерусалим и на Афонскую гору, где и сподобился окончить свою жизнь. Накануне его отъезда я вижу грозный и страшный сон. Мне снилось,

будто я распростерт на тончайшей паутине, которая колеблется над широчайшею пропастью. Вдруг вижу: какое-то страшное чудовище силится подняться из пропасти и поглотить меня. Противоположная сторона пропасти была озарена неописуемым светом. В блистании его виднелся трон, и на нем восседал дивной красоты величественный Муж. По правую и левую сторонам Его находились двое предстоящих, как можно видеть их на иконе «Деисис». И слышу я грозный голос дивного Мужа: «Бросьте его в пропасть за то, что он осуждал и осмеивал своего духовного отца». Ужасу и страху моему не было предела. Я воскликнул: «Всемилостивый Господи! Помилуй меня и прости мои тяжкие согрешения. Я покаюсь, покаюсь!» Крик мой во сне был так пронзителен, что разбудил моего соседа по келье — послушника Алексея Баранова. Тот начал усиленно стучать мне в дверь со словами: «Константин! Константин (мое мирское имя)! Что с вами?» Я, пробудившись, сидя на кровати и не приходя еще в себя, с рыданиями продолжал кричать: «Господи, помилуй меня, помилуй меня!» И только через какое-то время, очнувшись, наконец, отворил дверь своей кельи и смог рассказать о своем страшном сне Алексею (впоследствии игумену Авелю, ризничному Лавры). Немного утешенный им, я после этого сна уже не ложился, а, одевшись, пошел к ранней обедне в церковь Смоленской иконы Божией Матери. Возвратившись с Литургии, я в передней о. Наместника Лавры увидел своего духовного отца, иеромонаха Серафима, который пришел взять благословение на поездку и проститься с архимандритом. Я тогда же искренно испросил себе у него прощения и с облегченным сердцем расстался с ним» (114, 89—91).

***

Рассказывали об авве Марке Египетском. Он прожил тридцать лет, не выходя из своей кельи. К нему обыкновенно приходил пресвитер и приносил ему Святое Причастие. Дьявол, видя подвижническую жизнь аввы, злоумыслил искусить его осуждением. Он внушил одному бесноватому идти к старцу будто бы для молитвы. Одержимый злым духом закричал старцу: «Пресвитер твой имеет гнусные грехи, не позволяй ему более входить к себе». Богодухновенный муж сказал ему: «Сын! Все выбрасывают нечистоту вон, а ты принес ее ко мне. В Писании сказано: *Не судите, да не судими будете* (Мф. 7, 1). Впрочем, если пресвитер и грешник, Господь спасет его, ибо сказано: *молитеся друг за друга, яко да исцелеете* (Иак. 5, 16). После сих слов старец, сотворив молитву, изгнал из человека беса и отпустил его здоровым. Когда, по обыкновению, пришел пресвитер, старец принял его с радостию. И благий Бог, видя незлобие старца, явил ему чудо. Ибо, когда пресвитер приступил к Святой Трапезе, старец увидел, что Ангел Господень сошел с неба и положил руку свою на пресвитера, и пресвитер сделался как бы огненным столпом. Когда же старец с изумлением смотрел на сие видение, услышал голос, говоривший ему: «Человек! Что ты удивляешься сему? Если и земной царь не позволяет вельможам своим предстать пред себя нечистым, а требует от них великолепия, тем паче Божественная сила. Ужели она не очистит служителей Святых Таин, предстоящих пред небесною славою?» — Таким образом мужественный подвижник Христов, Марк Египетский, сделавшись великим, удостоился сего дара за то, что не осудил пресвитера (97, 173—174).

***

Авва Исаия, увидев однажды брата, согрешающего срамным грехом, не обличил его, но сказал: «Если Бог, создавший его, видя это, не пожигает его, кто я, чтобы обличать его?» (89, 454).

ОТКРОВЕНИЕ О ТВОРЦЕ

Если этот временный мир, называемый местом изгнания и осуждения преступивших заповедь Божию, так прекрасен, во сколько же раз более — вечные и непостижимые блага, которые Бог уготовал любящим Его! И если те блага непостижимы по своему превосходству, во сколько же более Бог, все сотворивший из ничего! (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 43).

***

...Из дел нередко познается и такой Художник, Которого мы не видали (свт. Афанасий Великий, 1, 171).

***

...Тварь порядком и стройностью, как бы письменами, дает уразуметь и возвещает своего Владыку и Творца (свт. Афанасий Великий, 1, 171).

***

Каждая стихия не противоборствует другой, стремясь к тому, что свойственно ей по природе, но все они соблюдают между собою согласие, признавая соединившего их Господа (свт. Афанасий Великий, 1, 174).

***

...Видя порядок и стройность вселенной, необходимо представлять Властителя вселенной Бога, и при том одного, а не многих (свт. Афанасий Великий, 1, 176).

***

Хотя и невидим Он очам, но порядок и согласие вещей противоположных дают уразуметь их Правителя, Распорядителя и Царя (свт. Афанасий Великий, 1, 176).

***

...Не напрасно и не без цели, но для полезного некоторого конца, представляющего существам обширное употребление, измышлен сей мир, — если только действительно он есть училище разумных душ, в котором преподается им Боговедение, и чрез видимое и чувственное руководствует ум к созерцанию невидимого... (свт. Василий Великий, 5, 12—13).

***

...Прославим наилучшего Художника, премудро и искусно сотворившего мир, и из красоты видимого уразумеем Превосходящего всех красотою; из величия сих чувственных и ограниченных тел сделаем наведение о Бесконечном, превысшем всякого величия, и по множеству Своея силы превосходящем всякое разумение. Хотя и не знаем природы сотворенного, но и то одно, что в совокупности подлежит нашим чувствам, столько удивительно, что самый деятельный ум оказывается недостаточным для того, чтобы изъяснить как следует самомалейшую часть мира

и чтобы воздать должную похвалу Творцу, Которому слава, честь и держава во веки веков (свт. Василий Великий, 5, 21).

***

...Если ты когда-нибудь, среди ясной ночи смотря на несказанную красоту звезд, составлял себе понятие о Художнике всяческих, Кто сей испестривший небо сими цветами, и почему в видимом мире более необходимого, нежели приятного; и опять, если во время дня трезвенным разумом изучал ты дивные чудеса, то пришел ты сюда готовым слушателем, достойным того, чтобы восполнить собою сие честное и блаженное <зрелище> (свт. Василий Великий, 5, 85—86).

***

...Даровавший нам разумение, чтобы и из малейших творений познавать великую мудрость Художника, да подаст силы из великих тварей приобрести еще большее понятие о Творце; хотя в сравнении с Создателем и солнце и луна не более муравья и мошки. Ибо из них нельзя заимствовать такого умозрения, которое было бы достойно величия Бога всяческих, но могут они возводить нас только к малым некоторым и неясным представлениям, равно как и каждое из самых малых животных или былий (свт. Василий Великий, 5, 105—106).

***

...Вот перед тобой небо украшенное, облеченная в убранство земля, море, изобилующее свойственными ему по-

рождениями, воздух, наполненный летающими в нем птицами! Все, что Божиим повелением приведено из небытия в бытие, даже и то, чего не коснулось ныне слово, уклоняясь от должайшего замедления на сем предмете, и не желая показаться преступившим меру, все сие, трудолюбец, сообразив в уме своем, и во всем изучив премудрость Божию, не преставай никогда удивляться и во всякой твари славить Творца! (свт. Василий Великий, 5, 131—132).

***

У щенка нет еще зубов, однако же ртом защищается уже он от раздражившего. У тельца нет еще рогов, но он уже знает, где у него вырастет оружие. Все сие служит доказательством, что всяким животным природное ему не изучается, и что в существах ничего нет беспорядочного и неопределенного; а напротив того, все носят на себе следы Творческой премудрости, и каждое показывает в себе, что оно снабжено нужным к охранению собственного благосостояния (свт. Василий Великий, 5, 144).

***

...Не плотскими очами познав Бога, уверовали мы в Него, но силою ума посредством видимого усматриваем Невидимого (свт. Василий Великий, 5, 231).

***

Если рассмотришь... камень, то и он служит некоторым указанием силы Создавшего. А то же найдешь, если рассмотришь муравья, или комара, или пчелу; часто и в самых малых вещах видна мудрость Зиждителя. Ибо, Кто распростер небо и наполнил неизмеримую величину морей,

Тот и самое тонкое жало пчелы соделал пустым, как свирель, чтобы чрез него выливался <лечебный> яд (свт. Василий Великий, 5, 231—232).

***

...Чем кто более углубляется в законы, по которым устроена и по которым управляется вселенная, тем яснее созерцает велелепоту Господню, и по мере сил возвеличивает Господа (свт. Василий Великий, 5, 250).

***

...Кто из устройства мира уразумевает Зиждителя, тот познает также Бога из премудрости, видимой в мире (свт. Василий Великий, 8, 169).

***

Поелику развлекаемся земным и не в состоянии умом своим, даже при помощи веры и озарения ведением, проникать в невидимое, то, хотя от видимого заключая о неизреченной силе нетленного Бога, убоимся Его (прп. Ефрем Сирин, 32, 77).

***

...Премудростию Всеустрояющий распорядил все, что ни сделал, чтобы посредством всего, что соделано Им, всех привести к познанию Его (прп. Ефрем Сирин, 33, 396).

***

...Чрез видимое ведет <разум> к тому, что выше видимого и что дает видимому бытие. Ибо чем приведены в

устройство небесное и земное, заключающееся в воздухе и под водою, лучше же сказать, то, что и сего первоначальнее, — небо, земля, воздух и водное естество? Кто смешал и разделил это? Кто содержит во взаимном общении, сродстве и согласии?.. Кто привел сие в движение и ведет в непрерывном и беспрепятственном течении? Не Художник ли всего, не Тот ли, Кто во все вложил закон, по которому все движется и управляется? Кто же Художник сего? Не Тот ли, Кто сотворил и привел в бытие? Ибо не случаю должно приписывать такую силу. Положим, что бытие от случая; от кого же порядок? Если угодно, и то уступим случаю; кто же блюдет и сохраняет те законы, по которым произошло все первоначально? Другой ли кто, или случай? Конечно, другой, а не случай. Кто же сей другой, кроме Бога? Так от видимого возвел нас к Богу богодарованный и всем врожденный разум — сей первоначальный в нас и всем данный закон! (свт. Григорий Богослов, 14, 32—33).

***

Природа, как на общем пиршестве, предложила тебе все и что нужно для тебя, и что служит к твоему удовольствию, чтоб ты, сверх прочего, из самых благодеяний познал Бога, и из своих потребностей приобрел больше сведений о себе самом (свт. Григорий Богослов, 14, 43).

***

...Устроение небесных чудес, взывающее о являемой в существах премудрости и проповедующее в видимом великую славу Божию, по сказанному: *небеса поведают славу Божию* (Пс. 18, 2), по ясности и доброзвучности наставления само делается велегласною трубою, как говорит один

из пророков: вострубил Бог свыше. А кто очистил себя и изострил слух сердца, тот, приняв сей звук, разумею производимый обозрением существ, путеводится им к ведению Божией силы, так что проникает разумом туда, где Сам Бог (свт. Григорий Нисский, 18, 318).

***

...Тот, у кого пред очами... божественная и неопределимая красота, поелику обретаемое вновь непрестанно представляется непременно более новым и необычайным в сравнении с постигнутым уже, хотя и дивится всегда пред ним появляющемуся, но никогда не останавливается в вожделении еще видеть, потому что ожидаемое велелепнее и божественнее всего видимого (свт. Григорий Нисский, 20, 277—278).

***

Душа человеческая на пределах двух естеств, из которых одно бесплотно, духовно и чисто, а другое — телесно, вещественно и неразумно. Как же скоро, освободившись от привязанности к жизни грубой и земной, по причине добродетели, обратит взор к сродному ей и Божественному, то не останавливается в исследовании и изыскании начала существ, — т. е. на том, какой источник красоты их, откуда изливается сила, что источает из себя премудрость, обнаруживающуюся в сущности; приводя же в движение все силы рассудка и всю мысленную способность исследования, с пытливостью домогается постигнуть искомое, пределом постижения поставляя для себя только действенность Божию, даже до нас простирающуюся, которую ощущали в жизни своей. И как воздух, передаваемый землею воде, не останавливается на дне озера, но обра-

зовавшийся пузырек стремится наверх, к сродному себе, и тогда прекращает движение к верху, когда выйдет на самую поверхность воды и смешивается с окружающим воздухом, — так и подобное нечто бывает и с душою, которая исследует божественное; когда от дальнего простирается к ведению превысшего и, постигнув чудеса Его деятельности, не может идти пока далее в любозначительности своей, но дивится и благоговеет пред Тем, Чье бытие познается только потому, что действует. Видит она небесную красоту, блистание светил, быстрое круговращение полюса, чинное и стройное течение звезд, к своему началу возвращающийся круг четырех годовых времен, землю, сообразующуюся с окружающим ее, и собственные свои действия изменяющую по различию движения в том, что выше над нею, многоразличные породы животных, живущих в водах и получивших себе в удел движение по воздуху, и живущих на суше; всякого рода виды растений, разные травы, отличающиеся одна от другой качеством, силою, наружностью, свойства плодов и соков; взирая и на все другое, в чем обнаруживается Божия действенность, душа по чудесам видимого заключает разумом, что есть Уразумеваемый по сим делам. В будущий же век, когда прейдет все видимое, по слову Господа, Который сказал: *небо и земля мимоидет, словеса же Моя не мимоидут* (Мф. 24, 35), и мы перейдем в ту жизнь, которая выше и зрения, и слуха, и мысли, тогда, может быть, не от части уже, не из дел только познаем естество Благого, как теперь, и не из действенности видимого уразумеется нами превысшее, но, без сомнения, иначе будет постигнут род неизглаголанного блаженства, и откроется иной способ наслаждения, которому ныне несвойственно взойти и на сердце человеку. А пока ныне пределом в ведении неиз-

глаголанного душе служит проявляющаяся в существах действенность... (свт. Григорий Нисский, 20, 288—290).

***

...Все сотворенное <должно> почитать чуждым Божеского естества, а служить и чтить <должно> одно несозданное Естество, Которого свойство и признак, что Оно никогда не имело начала бытия и не будет иметь конца (свт. Григорий Нисский, 23, 6).

***

...Величие Сына Божия должно быть познаваемо не из одних чудес, соделанных Им во плоти. Они незначительны, если сравним их с величием прочих дел; а ты взгляни на небо, посмотри на его красоты, пронесись мыслию по всему пространству земли, по глубинам водным, объяв мыслию весь мир и представив в своем разуме премирное Естество, узнай, что это суть истинные дела Пожившего с тобою во плоти (свт. Григорий Нисский, 23, 313).

***

Когда Бог возвещает что-либо, то не должно противоречить словам Его, но возвещаемое от Бога, хотя бы и не было видимо для глаз, нужно считать достовернее того, что подлежит нашим взорам (свт. Иоанн Златоуст, 47, 194).

***

Если из величия и красоты тварей соразмерно познается Виновник, то, чем более мы станем рассматривать великую красоту созданий, тем более приблизимся к Виновнику (свт. Иоанн Златоуст, 47, 727).

***

Вначале Бог Сам беседовал с людьми, насколько людям возможно слышать (слова Божии). Так он пришел к Адаму; так обличил Каина; так говорил с Ноем; так явился странником Аврааму. Но когда природа наша уклонилась ко злу и как бы удалилась в дальнюю чужую страну, тогда уже Бог посылает к нам... Писание... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 728).

***

Творение, поражая зрителя видом (своим), возбуждает в созерцателе вселенной удивление к ее Создателю... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 781).

***

Для чего же Бог, спросишь ты, сотворил цветы столь прекрасными? Для того, чтобы показать Свою премудрость и великое Свое могущество, чтобы мы отовсюду познали славу Его (свт. Иоанн Златоуст, 50, 250).

***

Если взглянешь на небо, испещренное звездами, как бы бесчисленным множеством глаз, то получишь совершенное удовольствие, помыслив тотчас о Создателе (свт. Иоанн Златоуст, 52, 248).

***

...Он поставил пред ними <людьми> Свое творение, которое, при посредстве одного созерцания красоты всего видимого, научало и мудреца, и необразованного, и скифа, и варвара возноситься мыслию к Богу (свт. Иоанн Златоуст, 52, 511).

***

Что скажут язычники в день Суда? Мы не знали Тебя? Но разве вы не слышали голоса неба, воспринимаемого взором, и стройной во всем гармонии, звучащей громогласнее трубы? Разве вы не заметили законов дня и ночи, всегда остающихся неизменными, твердого и непоколебимого порядка зимы, весны и остальных времен года, величия моря во время великой бури и среди волнений? Неужели вы не заметили, что все пребывает в порядке и своею красотою и величием возвещает Творца? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 511).

***

Бога знаем мы не по существу Его, но по великолепию творений Его и Его о них Промыслу. В них, как в зеркале, видим мы беспредельную Его благость, премудрость и силу (прп. Максим Исповедник, 91, 176).

***

Из творений, сотворенных Богом, может он <человек> увидеть и познать Творца, т. е. неба, земли, моря и прочих тварей, особенно же самого человека, который есть животное разумное, зачинающееся так невзрачно, и потом бывающее таким дивным существом, которое мнится быти Богом всего видимого, в силу разумности, его отличающей (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 323).

***

...Как чувственные, должны мы добре воспринимать чувствами впечатления от чувственных вещей, и чрез красоту их востекать к созерцанию Создателя их... (прп. Никита Стифат, 93, 155—156).

***

...Весь этот чувственный мир является как бы каким-то зеркалом того, что находится сверх мира, дабы чрез духовное созерцание сего мира, как бы по некой чудесной лествице, нам востечь к оному высшему миру (свт. Григорий Палама, 26, 33).

***

...Всякий раз, как почувствуешь в творениях Божиих что привлекательное и услаждающее, не останавливайся вниманием на них одних, но, минуя их, перейди помыслом своим к Богу и скажи: «Если творения Твои, Боже мой, так прекрасны, так радостотворны и усладительны, сколь же безмерно прекрасен, сколь безмерно радостотворен и сколь безмерно сладостен Ты Сам, Творче всяческих!»

Если будешь так поступать... то можешь и посредством пяти своих чувств научиться Боговедению, восходя всегда умом своим от тварей к Творцу, так что бытие и благоустроение всего сотворенного будет для тебя книгой Богословия, и ты, находясь еще в сем чувственном мире, соделаешься причастным ведения, свойственного премирному миру (прп. Никодим Святогорец, 70, 88—89).

***

...Весь мир и вся природа есть не что иное, как орган некий, в коем под видимостью невидимо пребывает присущим Сам Устроитель и Художник всего, действуя и видимо проявляя художество Свое, или в видимом и вещественном представляя взору разумных тварей невидимые и невещественные Свои совершенства и действия (прп. Никодим Святогорец, 70, 89).

***

Видимая тварь очень справедливо может быть названа одеждою Бога: невидимый Бог, облеченный в эту одежду, видится: *в велелепоту облекся еси* (Пс. 103, 1) (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 288).

***

И открытые законы, и открытие существования законов, превысших постижения, составляя труд и славу человеческого ума, свидетельствуют ясно, что они произведены и установлены Высочайшим Умом. Необъятен этот Ум, потому что произведение Его — природа — необъятно (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 289).

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ МИРА

...Презрим всякую радость мира сего, потому что издевается он над всеми любящими его (прп. Ефрем Сирин, 30, 75).

***

Да не будут для нас сладостными леность и мирское попечение, чтоб не стали для нас горькими вечный огонь и червь неусыпающий (прп. Ефрем Сирин, 30, 127).

***

Посредством настоящего приобретай мир великий, без труда презирая все здешнее, как одно подражание высшему зрелищу! Покорись Слову, Которое ради тебя стало плотию. Что ж говорит Слово? *Идем отсюду!* (Ин. 14, 31). Для того пришел Я сюда, чтобы переселить в горнее тебя,

низринутого грехом. — Так повелевает Бог; поспешим, как окрыленные. Уготовь себя, как можно скорее, для неба, окрылив Словом драгоценную душу. Не оставляй при себе ничего лишнего, но сбрось с себя всякую тяготу суетной жизни и здешних бедствий! (свт. Григорий Богослов, 16, 18).

***

...Начнем рассуждать об отречениях, коих... три, как это подтверждается и преданием отцев, и свидетельством Священного Писания, и кои каждый из нас непременно должен совершить со всем тщанием.

Первое из них есть то, в котором телесно оставляем все богатства и стяжания мира; второе — то, в коем оставляем прежние нравы и порочные страсти, как телесные, так и душевные; третье — то, в коем, отвлекая ум свой от всего настоящего и видимого, созерцаем только будущее и желаем невидимого...

К этим же трем отречениям приспособлены и три книги Соломона. Так, Притчи приличествуют первому отречению, так как ими отсекается вожделение земных вещей и чувственных пороков; Екклесиаст — второму, так как в нем все, бывающее под солнцем, провозглашается суетным; Песни Песней — третьему, так как в них ум, возвышаясь над всем видимым, погружается в созерцание одних вещей небесных (авва Пафнутий, 56, 208—209).

***

Никакой нет пользы тому, кто, отрекшись от мира, живет сластолюбиво (в свое удовольствие, делая всегда

только то, что нравится и приятно сердцу). Ибо что делал он прежде посредством имения, то же делает и теперь, ничего не имея (прп. Марк Подвижник, 89, 529).

***

...*Мне мир распятся и аз миру* (Гал. 6, 14). Какое же между этим различие? Как мир распинается человеку и человек миру? Когда человек отрекается от мира и делается иноком, оставляет родителей, имения, приобретения, торговлю, даяние (другим) и приятие (от них), тогда распинается ему мир, ибо он отверг его. Это и значат слова Апостола: *мне мир распятся,* потому он прибавляет: и *аз миру*. Как же человек распинается миру? Когда, освободившись от внешних вещей, он подвизается и против самых услаждений, или против самого вожделения вещей и против своих пожеланий, и умертвит свои страсти, тогда и сам он распинается миру и сподобляется сказать с Апостолом: *мне мир распятся, и аз миру* (прп. авва Дорофей, 29, 29).

***

Отречение от мира есть произвольная ненависть к веществу, похваляемому мирскими, и отвержение естества, для получения тех благ, которые превыше естества (прп. Иоанн Лествичник, 57, 3).

***

Все, усердно оставившие житейское, без сомнения, сделали это, или ради будущего Царствия, или по множеству грехов своих, или из любви к Богу. Если же они не имели

ни одного из сих намерений, то удаление их из мира было безрассудное. Впрочем, добрый наш Подвигоположник ожидает, каков будет конец их течения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 3).

***

Исшедший из мира для того, чтобы избавиться от бремени грехов своих, да подражает тем, которые сидят над гробами вне города, и да не престает изливать теплые и горячие слезы, и да не прерывает безгласных рыданий сердца до тех пор, пока и он не увидит Иисуса, пришедшего и отвалившего от сердца камень ожесточения, и ум наш, как Лазаря, от уз греховных разрешившего, и повелевшего слугам Своим, Ангелам: *разрешите его* от страстей и *оставите* его *ити* (Ин. 11, 44), к блаженному бесстрастию. Если же не так, то (от удаления из мира) не будет ему никакой пользы (прп. Иоанн Лествичник, 57, 3).

***

Всем приступающим к сему доброму подвигу, жестокому и тесному, но и легкому, должно знать, что они пришли ввергнуться в огонь, если только хотят, чтобы в них вселился невещественный огонь. Посему каждый да искушает себя, и потом уже от хлеба жития иноческого, который с горьким зелием, да яст, и от чаши сей, которая со слезами, да пиет: да не в суд себе воинствует. Если не всякий, кто крестился, спасется, то... умолчу о последующем (прп. Иоанн Лествичник, 57, 4).

***

Отрекшийся от мира из страха подобен фимиаму, который сперва благоухает, а после оканчивается дымом.

Оставивший мир ради воздаяния подобен мельничному жернову, который всегда одинаково движется; а исшедший из мира по любви к Богу в самом начале приобретает *огонь*, который, быв ввержен в вещество, вскоре возжжет сильный пожар (прп. Иоанн Лествичник, 57, 5).

***

В самом начале отречения, без сомнения, с трудом, понуждением и горестию исполняем добродетели; но преуспевши, перестаем ощущать в них скорбь, или ощущаем, но мало; а когда плотское мудрование наше будет побеждено и пленено усердием, тогда совершаем их уже со всякою радостию и ревностию, с вожделением и Божественным пламенем (прп. Иоанн Лествичник, 57, 6).

***

Не будем презирать или осуждать и такие отречения, которые бывают по обстоятельствам; ибо я видел бывших в бегстве, которые нечаянно встретившись с царем, против своего желания пошли вслед его и, вшедши с ним в чертог, воссели вместе с ним за трапезу. Видел я, что семя, нечаянно упавшее на землю, принесло изобильный и прекрасный плод; как и противное сему случается. Опять видел я человека, который пришел во врачебницу не за тем, чтобы лечиться, а по некоторой другой потребности, но, привлеченный и удержанный ласковым приемом врача, он освободился от мрака, лежавшего на его очах. Таким образом и невольное в некоторых было тверже и надежнее, чем произвольное в других (прп. Иоанн Лествичник, 57, 6—7).

***

Бесы, по отречении нашем от мира, внушают нам ублажать милостивых и сострадательных из мирян, а себя окаявать, как лишивших себя таковых добродетелей. Намерение же сих врагов наших то, чтобы через ложное смирение или в мир возвратить нас, или, если останемся в монашестве, низринуть нас в отчаяние. Иное дело, по высокомерию своему уничтожать живущих в мире; а иное, в удалении от них, охуждать их, с тем, чтобы избежать отчаяния и стяжать надежду спасения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 10—11).

***

Устранившись мира, не прикасайся к нему более; ибо страсти удобно опять возвращаются (прп. Иоанн Лествичник, 57, 15).

***

Ева невольно изгоняется из рая, монах же добровольно выходит из своего отечества; ибо та снова пожелала бы вкусить от древа преслушания, а сей непременно подвергся бы беде от сродников по плоти (прп. Иоанн Лествичник, 57, 15).

****

Некий юноша имел намерение отречься от мира. Часто он решался на это, но помышления отвлекали его, опутывая разными житейскими заботами: он был богат.

Однажды он вышел с решимостью отречься от мира. Демоны окружили его и подняли густую пыль перед ним. Видя это, он разделся, кинул свою одежду в сторону и

обнаженный побежал в монастырь. Бог открыл об этом некоему старцу, сказав: «Встань и приими воина Моего». Старец встал, встретил обнаженного. Узнав о причине обнажения, он удивился и дал юноше монашеское одеяние. К этому старцу всегда приходили братия и спрашивали о различных условиях монашеской жизни, старец давал им ответы. Когда же они после этого случая спрашивали об отречении от мира, тогда он говорил им: «Об этом спрашивайте брата, потому что я не достиг степени его самоотвержения» (106, 467).

***

Некоторый брат, отрекшись мира и пришедши в монастырь, с великою ревностью просил о принятии его в братство. Авва начал представлять ему многие препятствия к удовлетворению прошения его: и тяжесть трудов, которые несет братство, и жестокость своего управления, которого ничье терпение вынести не может. Он советовал брату избрать какой-либо другой монастырь, в котором устав для жительства легче, а не брать на себя того, чего выполнить не может. Эти угрозы не имели никакого действия на брата; напротив того, он начал обещать такое беспредельное послушание во всем, что соглашался идти в огонь, если авва прикажет то ему. Услышав такое обещание, авва не остановился испытать его и приказал ему войти в огромную печь, которую тогда топили, приготовляя для печения хлебов.

Брат, нисколько не отлагая исполнение повеленного и нисколько не рассуждая, вскочил в средину пламени. Пламя погасло, побежденное столь дерзновенной верой, как

некогда верою еврейских отроков. А тот, кто вошел в пламень и о котором полагали, что сгорел, был как бы орошен прохладною росою к удивлению всех. Что удивительного, Христе, если Твоего воина не коснулся огонь, когда авва, движимый Духом Божиим, не остановился дать такое жестокое повеление, а ученик не остановился оказать повиновение этому повелению! (106, 534—535).

ОТЧАЯНИЕ

Если можно исчислить множество щедрот Божиих и измерить великость милосердия Божия, то при сравнении с ними множества и важности грехов будет место отчаянию. А если грехи, как и естественно, и под меру подведены, и исчислены быть могут, а милосердия Божия измерить и щедрот Божиих исчислить невозможно, то не отчаянию время, а познанию милосердия и осуждению грехов, отпущение которых, по написанному, предлагается в Крови Христовой (см.: Еф. 1, 7) (свт. Василий Великий, 9, 186—187).

***

Отчаиваться ли мне в своем спасении? Нимало. Ибо сего только и домогается противник. Как скоро доводит он кого до отчаяния, тотчас низлагает его (прп. Ефрем Сирин, 30, 35).

***

...*Радость бывает на небесах*... (ср.: Лк. 15, 10). Для чего предаешься нерадению, грешник? Для чего отчаива-

ешься? Если на небе бывает радость, когда каешься, то чего тебе страшиться? (прп. Ефрем Сирин, 30, 55).

***

К мертвечине соберутся неясыти: и к душе, которая отчаялась в себе самой, соберутся бесы: *идеже бо труп, тамо соберутся* неясыти (ср.: Мф. 24, 28) (прп. Ефрем Сирин, 30, 170).

***

Отчаяние да не заградит в тебе входа покаянию (прп. Ефрем Сирин, 30, 375).

***

Смотрите, да никто не говорит: много нагрешил я, нет мне прощения. Кто говорит это, тот не знает, что Бог есть Бог кающихся, пришел на землю ради злостраждущих и сказал: *радость бывает о единем грешнице кающемся* (ср.: Лк. 15, 10); и еще: *не пришдох призвати праведных, но грешныя в покаяние* (Лк. 5, 32) (прп. Ефрем Сирин, 31, 346).

***

Не должно, братия, отчаиваться в спасении, имея матерь — покаяние. Не должно, возлюбленные, терять надежду на спасение, когда утешает нас такая матерь. Уловленных зверем вводило оно в рай к Богу, ужели отвратится от нас? Помиловало их, бывших вне Церкви, неужели не умилосердится к нам? Обращается с советами к неуверовавшим еще, ужели отвергнет нас, уже уверовавших? (прп. Ефрем Сирин, 32, 161).

***

Ни один грешник, братия мои, да не впадает в отчаяние, потому что впал в отчаяние Иуда, и изринут из сонма апостолов (прп. Ефрем Сирин, 33, 152).

***

...Когда в скорбях кто, или в треволнении страстей, не должен терять надежду, потому что отчаянием еще более вводится в душу грех и одебелевает в ней (прп. Макарий Египетский, 67, 141).

***

Это <есть> ухищрение лукавого — напоминанием о прежних грехах доводить до отчаяния (прп. Макарий Египетский, 67, 410).

***

Дьявол для того и ввергает нас в помыслы отчаяния, чтобы истребить надежду на Бога, — этот безопасный якорь, эту опору нашей жизни, этого руководителя на пути, ведущем к небу, это спасение погибающих душ (свт. Иоанн Златоуст, 44, 3).

***

...Лукавый, как только заметит, что мы сами тяготимся сознанием злых дел, пришедши и сам еще налагает на нас помысл отчаяния, который тяжелее свинца; и если мы примем его, то увлекаемые тяжестью и оторванные от этой цепи <упования> неизбежно тотчас низринемся в глубину зол... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 3).

***

Только не будем отчаиваться, не будем отказываться от возвращения <к добру>, потому что допустившему себя до такого состояния, хотя бы одарен был безмерною силою и ревностью, они будут бесполезны (свт. Иоанн Златоуст, 44, 4—5).

***

...Лукавый предпринимает все, чтобы внушить нам этот помысл <отчаяния>: после этого уже не нужны будут ему усилия и труды для нашего поражения, когда сами лежащие и падшие не хотят противиться ему. Кто мог избежать этих уз, тот и силу свою сохранит, и до последнего издыхания не перестанет сражаться с ним, и хотя бы испытал множество других падений, опять восстанет и сокрушит врага. Напротив, кто связан помыслами отчаяния и обессилил себя, тот как будет в состоянии победить врага и противостать ему, когда сам бежит от него? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 5).

***

Если бы гнев Божий был страстию, то справедливо иной стал бы отчаиваться, как не имеющий возможности погасить пламень, который он возжег многими злодеяниями... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 5).

***

Тяжко не падение, а то, чтобы, упавши, лежать и уже не вставать, — то, чтобы, произвольно делая зло и пребывая в беспечности, помыслами отчаяния прикрывать слабость воли (свт. Иоанн Златоуст, 44, 9).

***

Посему и дьявол употребляет все усилия, чтобы вкоренить в нас помысл отчаяния, ибо знает, что если мы и немного покаемся, это будет для нас небесплодно (свт. Иоанн Златоуст, 44, 12).

***

...Отчаивающийся в другом может скоро получить прощение, а отчаивающийся в самом себе — никогда (свт. Иоанн Златоуст, 44, 25).

***

...Если <Бог> сотворил нас по единой только благости для того, чтобы мы наслаждались вечными благами, и к этому устрояет и направляет все от первого дня до настоящего времени, то что побуждает нас предаваться сомнению? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 26).

***

...Если бы... <Бог> создал нас для того, чтобы наказывать, то справедливо бы ты сомневался и отчаивался в своем спасении... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 26).

***

Отчаяние гибельно не только потому, что затворяет нам врата... <Небесного> града и приводит к великой беспечности и небрежению, но и потому, что ввергает в сатанинское безумие; ибо и дьявол сделался таким не от чего-либо другого, как оттого, что сперва отчаялся, а потом от отчаяния впал в безумие (свт. Иоанн Златоуст, 44, 28).

***

Что же служит корнем и матерью отчаяния? — Беспечность; вернее, можно назвать ее не только корнем, но и питательницею, и матерью (свт. Иоанн Златоуст, 44, 33).

***

Даже многие из отрекшихся от Христа по причине жестокости мучений опять вступали в борьбу и отходили украшенными венцом мученичества (свт. Иоанн Златоуст, 44, 36).

***

...Сокруши острый меч лукавого, которым он умерщвляет многих. А этот меч есть отчаяние, которое у пораженных отсекает надежду. Крепко это оружие врага, и пленных он удерживает не иначе, как связав этими узами, которые мы, если захотим, скоро можем разорвать благодатию Божиею (свт. Иоанн Златоуст, 44, 43).

***

...Отчаяние сводит в самую бездну зла, тогда как отсутствие отчаяния скоро изводит и оттуда (свт. Иоанн Златоуст, 45, 311).

***

Отчаяние не позволяет встать лежащему... <и> обыкновенно лишает приобретенных благ... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 311).

***

...Не будем никогда отчаиваться, потому что нет ни одного столь сильного оружия у дьявола, как отчаяние (свт. Иоанн Златоуст, 45, 312).

***

Не станем... отчаиваться из-за грехов, не станем унывать, но будем приходить к Богу, припадать, умолять, как сделал это должник, доселе показавший доброе расположение (свт. Иоанн Златоуст, 46, 12).

***

...Пусть никто не отчаивается в своем спасении. Грех не в нашей природе; мы сподоблены воли и свободы. Ты — мытарь? Можешь сделаться евангелистом. Ты — богохульник? Можешь сделаться апостолом. Ты — разбойник? Можешь приобрести рай. Ты — волхв? Можешь поклониться Владыке. Нет такого греха, который не изглаждался бы покаянием (свт. Иоанн Златоуст, 46, 464).

***

Не говори мне: я погиб, — что мне остается делать?.. У тебя есть Врач, Который исцеляет одной волей, Который и может, и хочет врачевать (свт. Иоанн Златоуст, 46, 464).

***

...Нисшедший до самой глубины зол, не отчаивайся в своем спасении, но, помышляя о неизреченном человеколюбии Божием, внимай также Богу, говорящему чрез Про-

рока: *еда падаяй не востает, или отвращаяйся не обратится?* (Иер. 8, 4)... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 296).

***

...Никогда не будем отчаиваться, а станем питаться благими надеждами, зная, что ни трудность дела, ни что-либо другое человеческое не может слишком препятствовать нам, когда благодать Божия благоволит оказать нам собственную щедрость (свт. Иоанн Златоуст, 47, 510).

***

...Не будем отчаиваться в своем спасении. Хотя бы низвергались мы в самую бездну порока, можно опять подняться, сделаться лучшими и вовсе оставить порок (свт. Иоанн Златоуст, 47, 869).

***

...Не столько губит грех, сколько отчаяние (свт. Иоанн Златоуст, 50, 857).

***

...Не от множества грехов происходит отчаяние, но от нечестивого настроения души (свт. Иоанн Златоуст, 53, 81).

***

Не будем... отчаиваться; не столь опасно пасть, как, упавши, лежать; не столь страшно быть раненым, как, будучи раненным, не желать исцеления... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 81).

***

Если ты приходишь в отчаяние, то дьявол, как достигший того, чего хотел, становится возле тебя; а Бог, как оскорбленный хулою, оставляет тебя и увеличивает <тем> твое бедствие (свт. Иоанн Златоуст, 54, 426).

***

...Никто из людей, хотя бы дошедших до крайней степени зла, не должен отчаиваться; хотя бы ты... приобрел навык и даже вошел в природу самого зла, не бойся (свт. Иоанн Златоуст, 55, 117).

***

Душа, раз отчаившаяся в своем спасении, никогда не отстанет от безумия, но, отдав бразды своего спасения безрассудным страстям, носится всюду, внушая ужас встречным, так что все ее избегают и никто не осмеливается удержать, она бежит чрез все места нечестия, пока наконец, увлекаемая в самую бездну погибели, не низвергнет своего спасения (свт. Иоанн Златоуст, 55, 535).

***

Потому-то и Христос, обращаясь среди людей, даровал отпущение величайших грехов: разбойника ввел в рай... мытаря сделал евангелистом, гонителя и хулителя Павла обратил в Апостола всей вселенной, — чтобы и ты, согрешив, не впадал в отчаяние, но исповеданием грехов достиг исцеления (свт. Иоанн Златоуст, 55, 893—894).

***

Впадши в прискорбности, отчаянности и безнадежности (в крайности безвыходные, из которых выпутаться нет надежды) надобно нам и себе то же делать, что делал Давид, — *изливать* сердце свое, и *моление свое* пред Богом и печаль свою, как есть, возвещать Господу (см.: Пс. 141, 3). Ибо мы исповедуемся Богу, яко могущему премудро устроить все, нас касающееся, и беду нашу, если полезно, сделать легкою (удобоносною и удобоисходною), и избавить нас от пагубной и разрушительной печали (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 196).

***

...Согрешить — дело человеческое; отчаяться же — сатанинское и всегубительное; почему и сам дьявол отчаянием низринут в таковую погибель, не захотев покаяться (прп. Нил Синайский, 73, 91).

***

...Отчаившиеся в себе причисляются к нечестивым (прп. Нил Синайский, 73, 245).

***

Отчаиваться бедственнее, чем согрешать. Иуда предатель был малодушен и неискусен в брани, почему впал в отчаяние; и враг, набежав, набросил на него петлю (прп. Иоанн Карпафский, 91, 99).

***

Ничто так не сильно, как отчаяние: оно не знает, чтобы кто победил его десными ли то, или шуими (прп. Исаак Сирин, 58, 223).

***

Нет ничего равного милости Божией: нет ничего больше ее. Посему отчаивающийся сам себя губит (прп. Иоанн Лествичник, 57, 70).

***

Когда печаль и отчаяние в нас усиливаются, тогда мы не можем приносить должного покаяния, ни окаявать себя, ни укорять, хотя в печальном расположении души и не предаемся греху (прп. Иоанн Лествичник, 57, 118).

***

Дух отчаяния веселится, видя умножение грехов... дверь <ему> — множество язв... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 143).

***

Как умирающему невозможно ходить, так и отчаявшемуся невозможно спастись (прп. Иоанн Лествичник, 57, 214).

***

Как страждущему горячкою нет справедливой причины убивать самого себя, так и никому ни в коем случае не должно отчаиваться до последнего издыхания (прп. Иоанн Лествичник, 57, 215).

***

...Когда кто из подвизающихся, сказав себе: доколе же должен я злострадать (терпеть всякие лишения)? — вознебрежет о подвижнических трудах и подвигах, и чрез нерадение о заповедях и оставление всегдашнего покаяния как бы изгладит и раздерет свои с Господом условия, то вместе с сим тотчас лишается и залога обручения (благодати) и совершенно теряет всякую надежду на Бога (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 535).

***

Отчаяние — обличитель предваривших в сердце неверия и самости: верующий в себя и уповающий на себя не восстанет из греха покаянием... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 506).

***

Самый тяжелый грех — отчаяние. Этот грех уничижает Всесвятую Кровь Господа нашего Иисуса Христа, отвергает Его всемогущество, отвергает спасение Им дарованное, — показывает, что в этой душе прежде господствовали самонадеянность и гордость, что вера и смирение были чужды ей (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 467).

***

Если имеете Господа Спасителем, то как уместно отчаиваться? (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 47).

****

Один житель Москвы в 1907 году из-за похищенного ворами имущества впал в глубокое уныние и тоску. Целый

год он не находил утешения: наконец, решил сходить в обитель Преподобного Сергия и попросить его молитвенной помощи. Когда он уже подходил к Сергиеву Посаду, вдруг им овладело отчаяние, мысль о самоубийстве пронзила его. Помысл твердил ему: «Сверни с дороги в лес и там на дереве поясом удавись. У тебя все погибло, помощи ждать неоткуда». Сняв пояс, он уже сделал было петлю, но вдруг заметил, что ветви деревьев тихо раздвигаются и перед ним появился чудный старец. Лицо его дышало неземным состраданием. Грозя ему пальцем, он сказал: «Не дерзай погубить себя и сделаться слугою дьявола. Покайся, и Господь поможет тебе в дальнейшей твоей жизни». Видение на том кончилось.

Потрясенный муж с плачем направился в обитель Преподобного Сергия. Припав к раке преподобного, он долго рыдал с воплем покаяния. Его заметил иеродиакон Анфим, который с любовию спросил: «Из-за чего вы так рыдаете?» Несчастный, успокоившись, рассказал о. Анфиму обо всем случившемся.

У мощей преподобного Сергия этот человек был так утешен, что ушел из обители перерожденный и успокоенный. Впоследствии он сообщил о. Анфиму, что его житейские дела вполне поправились и что он постоянно помнит благодеяние преподобного Сергия (114, 41—42).

ОТШЕЛЬНИЧЕСТВО

Кто живет в пустыне и безмолвствует, тот избавлен от трех браней: от брани чрез слух, от брани чрез язык и от брани чрез видение того, что может уязвлять сердце его (прп. Антоний Великий, 89, 95).

***

...Пустыня есть самое пригодное место для размышления о смерти и верное убежище от увлечения вещами мирскими, покоящими плоть (прп. Антоний Великий, 89, 95).

***

...Удаление от мира состоит не в том, чтоб телом быть вне мира, но чтобы душою оторваться от пристрастия к телу, не иметь у себя ни города, ни дома, ни собственности, ни товарищества, быть нестяжательным, не беспокоящимся о средствах жизни, беззаботным, избегающим всякого сношения с людьми, не знающим человеческих правил, готовым принимать напечатлеваемое в сердце Божественным учением (свт. Василий Великий, 10, 9).

***

Посмотри на дикого осла в пустыне; никто не садится на хребте его. Посмотри на серну в пустыне, никто не стрижет ее волос. <...>

Смотри на животных, и беги в пустыню, и не оставляй ее. Возьми для себя в пример пернатых и не нарушай обета отшельничества. Не ищи обитаемых мест, чтобы на душу свою не навлечь тебе смерти, не оставляй пещер и вертепов, чтобы не стали блаженнее тебя мертвые. Не люби городов и не пренебрегай дебрями (прп. Ефрем Сирин, 34, 294—295).

***

Пещеры, служившие убежищем тебе, уготовят для тебя чертог на небесах (прп. Ефрем Сирин, 34, 296—297).

***

...Жизнь пустынная, отшельническая, удаляющаяся и чуждающаяся общения с людьми, хотя сама по себе важна и высока, даже выше сил человеческих, однако же ограничивается только преуспевающими в оной, отрицается же от общительности и снисходительности — свойств любви, которая, как известно... есть одна из первых достохвальных добродетелей. Сверх того, такая жизнь, как не обнаруживающаяся в делах, не может быть поверяема и сравниваема с другими родами жизни. Напротив того, жизнь общественная, провождаемая в кругу других, кроме того, что служит испытанием добродетели, и распространяется на многих, и ближе подходит к Божию Домостроительству, которое и сотворило все, и связало все узами любви, и наш род, после того как он утратил свою доброту чрез прившедший грех, снова воззвало посредством соединения и обращения с нами (свт. Григорий Богослов, 13, 271—272).

***

Блажен, кто ведет пустынную жизнь, не имеет общения с привязанными к земле, но обожил свой ум (свт. Григорий Богослов, 15, 273).

***

Высока жизнь целомудренных нестяжателей, привитающих в горах; но гордость и их низлагала неоднократно, потому что они, не измеряя своей добродетели другими совершеннейшими образцами, иногда в сердце своем именуют высотою, что невысоко, а нередко, при пламенеющем уме, ноги, как горячие кони, несут их далее цели. Посему или на легких крылах несись все выше и выше, или, оставаясь внизу, совершай безопасное течение, не стра-

шась, что какая-нибудь тяжесть преклонит крылья твои к земле, и ты, вознесшись, падешь жалким падением (свт. Григорий Богослов, 15, 275).

***

...Жизнь пустынная освобождает избравшего оную от мирских треволнений и через молчание соделывает его собеседником Ангелов и, насколько возможно, возвышает ум до созерцаний Божественных (свт. Григорий Нисский, 25, 274).

***

Тело отделить от души может только сочетавший их, душу же от тела — и тот, кто стремится к добродетели (в отшельничестве). Ибо отшельничеством отцы наши называют память о смерти и бегство от тела (т. е. чтоб плотиугодия не творить в похоти) (авва Евагрий, 89, 576).

***

...<Отшельники> гораздо выше и славнее самого царя. Если бы ты мог отворить двери сердца их и увидеть душу их и всю красоту внутреннюю, — ты упал бы на землю, будучи не в состоянии вынести сияния красоты, светлости тех одежд и блеска их совести (свт. Иоанн Златоуст, 50, 705).

***

...Пустыню искать должно совершенным, очищенным от всякого порока, и по совершенном очищении от пороков в обществе братий уходить в нее не по малодушию, а для Божественного созерцания, с желанием высшего ведения,

которое может быть приобретено только в уединении и только совершенными. Ибо какие пороки не уврачеванные мы перенесем в пустыню, они будут скрыты в нас, но не истреблены. Ибо уединение как способно приводить чистых нравами к чистому созерцанию и ясным ведением открывать знание духовных таин, так и пороки неочистившихся не только не очищает, но еще увеличивает. Отшельник дотоле кажется себе терпеливым и смиренным, пока не сталкивается в сношении ни с каким человеком. А когда встретится какой-нибудь случай к раздражению, то он тотчас возвращается к прежней страсти, ибо тотчас обнаруживаются пороки, которые скрывались, и как необузданные и от продолжительного покоя утучневшие кони с рвением вырываются из своих затворов и с большим стремлением и неистовством влекут своего всадника к погибели. Ибо если страсти не будут прежде очищены, то более неистовствуют в нас, когда от людей не бывает повода обнаружить их на деле. По неупражнению, от беспечности мы погубляем и малое терпение, которое, казалось, имели, находясь вместе с братиями, ради стыда их и людского замечания. Как все ядовитые роды змей или звери, пока находятся в пустыне и своих логовищах, пребывают как бы безвредными; однако же из-за этого нельзя считать их безвредными, потому что некому вредить. Ибо это зависит не от доброты их, а от необходимости пустыни. А как улучат удобный случай укусить, они скрытый в них яд и злость души тотчас изливают и выказывают. Потому ищущим совершенства недостаточно не гневаться на человека. Ибо помним, что когда мы пребывали в пустыне, то сердились на писчую трость, когда не нравилась толстота или тонкость ее; так же на ножик, когда иступленным лезвием не скоро перерезывал; тоже на

кремень, если не скоро вылетала искра огня из него, когда мы спешили к чтению, вспышка негодования простиралась до того, что возмущение духа не иначе мы могли подавить и успокоить, как произнесши проклятие на бесчувственные вещи или, по крайней мере, на дьявола. Посему к достижению совершенства недостаточно одного только отсутствия людей, чтобы не на кого было гневаться; если наперед не будет приобретено терпение, то страсть гнева также может устремляться на бездушные вещи и по малым поводам. Находясь в нашем сердце, она не допустит ни приобрести постоянное спокойствие, ни освободиться от прочих пороков; разве в том думаем приобрести какую-нибудь пользу, или врачевство нашим возмущениям, что бездушные, немые вещи не отвечают на проклятия или гнев наш и раздражительность нашего сердца не возбуждают к большему воспламенению безрассудной ярости (прп. Иоанн Кассиан, 56, 110—111).

***

...Поелику отвержение мира есть не что иное, как знак умерщвления и креста, то оно и не может начаться и созидаться на другом основании, как на признании себя духовно умершим для дел этого мира, и на уверенности, что он и телесно имеет умереть в каждый день... (прп. Иоанн Кассиан, 56, 158).

***

...Совершенство пустынножителя состоит в том, чтобы иметь дух свободный от всего земного и соединять его со Христом, сколько дозволяет человеческая слабость (прп. Иоанн Кассиан, 56, 521).

***

Отшельничество хоть и хорошо, но мы не считаем его полезным для всех. Ибо для многих оно не только бесплодно, но и гибельно (прп. Иоанн Кассиан, 56, 612).

***

...Лучше приобретать малый плод в пустыне, нежели домогаться большой пользы в мире, которая хотя бы и была приобретена прибыльным обращением многих, но пребыванием в мире и ежедневным развлечением вовсе утрачивается (авва Авраам, 56, 617—618).

***

Удаление от городской молвы столько полезно в деле спасения, что Сын Божий, оставив города, на вершинах гор ублажил живущих в чистоте; тем самым, чему научал делами Своими, показывая, что не отрешившемуся от земного и не восшедшему на высоту добродетели невозможно удостоиться ублажения от Бога, или улучить будущие блага. Ибо кто мудрствует горняя, тот вселяется там, *идеже есть Христос одесную Бога седя* (ср.: Кол. 3, 1) (прп. Исидор Пелусиот, 60, 55).

***

Немало сведений придало мне уединенное отшельничество. Ибо, кто остается среди мятежей и намерен познать небесное, тот забыл, что посеянное в тернии им и бывает подавляемо (см.: Мк. 4, 7). И кто не отрешился от всего, тот не может познать Бога (прп. Исидор Пелусиот, 60, 228).

***

Ничего не потеряешь ты из того, что оставил для Господа; ибо в свое время оно придет к тебе многократно (умноженно) (прп. Марк Подвижник, 89, 542).

***

...Умерщвление себя для мира состоит не только в удалении человека от общения в собеседовании с тем, что есть в мире; но и в том, чтобы в беседе ума своего не вожделевал мирских благ (прп. Исаак Сирин, 58, 168).

***

...Если не устрашит сердца страх геенны, и любовь не приведет к желанию блаженств, то не возбудится в сердце ненависти к миру сему (прп. Исаак Сирин, 58, 171—172).

***

Надежду... и страх <Божий> утверждают в уме удаление от людей и непрестанная молитва (прп. Исаак Сирин, 58, 311).

***

Если мир и что в мире проходит все, а Бог нетленен и бессмертен, то радуйтесь все, которые ради Его оставили тленное. Тленно же не только богатство и деньги, но и всякое удовольствие и наслаждение греховное есть тля. Одни заповеди Божии свет суть и жизнь, — и так всеми именуются (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 510—511).

****

Жил в миру юноша, желающий стать монахом. Он упрашивал отца отпустить его в монастырь, но тот не соглашался. Однако близкие друзья отца уговорили его, и он отпустил сына. Юноша, оставив родительский дом, поступил в монастырь.

Постригшись в монашество, он начал исполнять монастырские послушания и ежедневно поститься. Потом он стал принимать пищу раз в два дня, наконец, раз в неделю. Настоятель монастыря, видя это, удивлялся и благословлял Бога за его воздержание и подвиг. После некоторого времени юный монах начал убедительно просить настоятеля, чтобы он отпустил его на отшельничество в пустыню. Авва сказал ему: «Сын! Отвергни это помышление, ты не сможешь вынести тяжкого подвига отшельнической жизни, в особенности же искушений и злохитростей дьявола. Если последует искушение, некому будет там успокоить тебя и избавить от возмущений, которые нанесет тебе враг». Но монах еще настойчивее просил об уединении. Авва, видя, что нет никакой возможности удержать его, сотворил молитву и отпустил.

Молодой монах пошел в пещеру и начал безмолвствовать, употребляя в пищу финики, воду пил из источника. Прожил он шесть лет отшельником, никого не видя. И вот приходит к нему дьявол в виде старца-аввы. Лицо у него было страшное. Брат, увидев его, испугался, пал ниц и начал молиться, потом встал. Дьявол сказал: «Помолимся, брат, еще». Они помолились, и, когда окончили молитву, дьявол спросил: «Сколько времени ты здесь живешь?» Он отвечал: «Шесть лет». Дьявол сказал: «Ты мой сосед! А я только четыре дня тому назад узнал, что ты живешь здесь. Моя келья недалеко отсюда, одиннадцать лет я не выходил из нее, вышел только сегодня, узнав, что ты живешь по

соседству. При таком известии я подумал: схожу к этому человеку Божию и побеседую с ним о пользе для наших душ. Скажу ему и о том, что отшельничество наше не приносит никакой пользы, так как мы не причащаемся Святых Тела и Крови Христовых, что я боюсь, как бы нам не сделаться чуждыми Христу, если мы удалимся от этого Таинства. Да будет тебе известно, брат, что в трех милях отсюда есть монастырь, имеющий пресвитера, сходим туда в воскресный день или через две недели, причастимся Тела и Крови Христовых и возвратимся в наши кельи». Совет дьявола понравился брату.

Когда наступил воскресный день, дьявол опять пришел и позвал: «Пойдем, пора». Они отправились в вышеупомянутый монастырь, где был пресвитер. Войдя в церковь, встали на молитву. По окончании молитвы брат оглянулся и, не видя того, кто привел его, подумал: «Куда он ушел? За какой-либо нуждой?» И долго ждал его, но он не приходил. Не найдя, стал спрашивать у братии того монастыря: «Где тот авва, который вошел со мной в церковь?» Они отвечали: «Мы не видели никого, видели только тебя одного». Тогда брат понял, что это был демон, и сказал сам себе: «Смотри, с какой хитростью дьявол извлек меня из моей кельи». Но что из того? Я пришел для доброго дела: причащусь Тела и Крови Христовых и вернусь в свою келью». По совершении Литургии, когда брат хотел возвращаться, его остановил авва того монастыря, сказав: «Не отпущу тебя! Прежде раздели трапезу с нами». По окончании трапезы брат возвратился в свою келью.

И вот опять пришел к нему дьявол в образе мирского молодого человека, осмотрел его с головы до ног и говорит: «Это — он самый!» Потом снова начал смотреть на него. Брат спросил его: «Почему ты так смотришь на

меня?» Он отвечал: «Думаю, что ты не узнаешь меня. Впрочем, как и узнать после столь продолжительного времени! Я — сосед твоего отца». Назвал по имени своего отца, а также отца монаха, сестры и его самого по его прежнему имени и сказал: «Мать и сестра твои умерли уже более трех лет тому назад, а отец умер только что и сделал тебя своим наследником и сказал: «Кому мне завещать имущество, как не сыну, мужу святому, который оставил мир и проводит отшельническую жизнь ради Бога. Ему предоставлю все мои блага». Потом, обратясь к нам, отец твой сказал: «Если кто из вас имеет страх Божий и знает, где находится мой сын, пусть известит его, чтоб он пришел сюда, принял имущество и раздал его нищим за свою душу и за мою». Многие отправились искать тебя, но не нашли, а я, придя сюда по своим делам, узнал тебя. Не медли! Пойди продай все и исполни волю отца». Брат отвечал: «Мне не следует возвращаться в мир». Дьявол сказал: «Если не пойдешь, имущество пропадет, а ты дашь ответ перед Богом. Что плохого в том, что говорю: пойди и раздай имение нищим и сиротам как благой распорядитель, чтоб блудницы и развратные люди не расхитили оставленного бедным? Что отяготительного в том, если ты пойдешь и, во исполнение воли отца, подашь милостыню ради спасения своей души? Потом возвратишься в келью». Обольстив брата, дьявол возвратил его в мир. Он проводил его до города и тут оставил. Монах хотел войти в дом своего отца как уже умершего, но сам отец вышел ему навстречу. Увидев сына, отец не узнал его и громким голосом спросил: «Ты кто?» Монах смутился и не мог ничего ответить. И начал отец его допрашивать, откуда он. Тогда монах в смущении сказал: «Я твой сын». Отец удивился: «По какой причине ты возвратился сюда?» Мо-

нах постыдился объяснить истинную причину своего возвращения, но сказал: «Любовь к тебе заставила вернуться, потому что я очень жалел тебя». Он остался в отцовском доме. По прошествии некоторого времени впал в любодеяние и подвергся тяжкому наказанию от своего отца. Несчастный! Он не прибег к покаянию, остался в мире. По этой причине я говорю, братия, что монах ни при каких обстоятельствах не должен оставлять своей кельи, кто бы ни советовал ему это (106, 486—490).

***

Авва Арсений, еще находясь при царском дворе, молился Богу так: «Господи! Научи меня, как спастись?» И был ему голос: «Арсений! Бегай от людей, — и спасешься» (97, 12).

***

Авва Аммун из Раифа пришел однажды в Клисму посетить авву Сисоя и, видя, что старец скорбит об удалении из пустыни, сказал ему: «Что ты скорбишь, авва? И что ты в такой старости мог бы сделать теперь в пустыне?» Старец, устремив на него печальный взор, сказал: «Что ты говоришь мне, Аммун? Разве не довольно для меня было бы в пустыне и одной свободы ума моего?» (97, 254).

***

Был в этих странах и другой отшельник, живший в окрестностях Сиены. В первое время своего поселения в пустыне, питаясь травами и кореньями трав — песчаная почва производит самые сладкие и благовонные травы — и будучи несведущ в выборе, он часто подвергался болезни

желудка. Нелегко и было различать достоинство корней по запаху: одинаково были они сладки; но в некоторых из них таился смертоносный яд. От такой пищи у отшельника начала повреждаться внутренность, сделались во всем мучительные боли, он не смел уже ничего употребить в пищу, получив чувство опасения ко всем травам и корням.

Наступил седьмой день неядения, отшельник едва дышал, как приходит к нему птица, называемая казуар. Когда птица приблизилась, отшельник кинул ей связочку трав, собранных им прежде, но к которой он не смел прикоснуться. Птица, отбрасывая в сторону ядовитые травы, выбрала для своей трапезы безвредные. Таким образом святой муж, наставленный, что он может вкушать и что должен отвергать, избежал и опасности голодной смерти, и отравления ядовитыми травами (106, 170).

***

В пещерах Святого Иордана жил один отшельник по имени Варнава. Однажды он отправился утолить жажду из Иордана. В ногу его вонзилась спица, и он оставил ее в ноге, не допуская, чтобы врач осмотрел его. Нога начала гноиться, и он принужден был отправиться в лавру «Башен» и взять себе келью. Между тем нарыв в ноге увеличивался со дня на день, а старец говорил всем, навещавшим его: «Чем более страждет внешний человек, тем более возрастает в силе внутренний».

Прошло несколько времени с той поры, как отшельник Варнава ушел из своей пещеры к «Башням». В оставленную пещеру пришел какой-то другой отшельник и, войдя внутрь, увидал Ангела Божия, стоявшего пред престолом, который воздвиг и освятил старец.

— Что ты здесь делаешь? — спросил отшельник Ангела.

— Я — Ангел Господень, — отвечал он, — и этот престол вверен моему смотрению от Бога с той поры, как был освящен (102, 17).

***

Фома из Эги рассказал нам: «Я вышел из Эги после праздника. Стояла страшная стужа. Я зашел в монастырь аввы Феодосия в Скопле. При мне произошло следующее. В той местности жил отшельник, питавшийся травою... По воскресным дням он приходил в монастырь и причащался Святых Таин. Однажды отшельник, придя в соблазн, целых пять недель не являлся, вопреки своему обычаю, в монастырь. Иноки были этим опечалены. Во время моего пребывания в монастыре, в воскресный день, он, наконец, пришел туда. Увидав его, отцы монастыря возрадовались и, пав пред ним, просили прощения. Пал и он пред ними, и затем облобызались. Приняв Пречистое Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, отшельник, будучи в полном здравии, лег посреди церкви и тотчас скончался. Отцы монастыря поняли тогда, что отшельник предузнал свою кончину. Потому-то он и пришел в монастырь, чтобы отойти ко Господу, примирившись со всеми» (102, 81—82).

***

Об авве отшельнике Марке, жившем близ монастыря Пентуклы, рассказывали, что он в течение шестидесяти девяти лет вел такой образ жизни: постился по целым неделям, так что некоторые считали его бесплотным. Трудился день и ночь по заповеди Христа и все раздавал бедным, не принимая за то никакого воздаяния. Узнав об

этом, некоторые христолюбивые люди пришли к нему, прося взять от них то, что принесли в знак своей любви к нему. «Не возьму, — сказал старец, — потому что труды рук моих питают меня и тех, кто во имя Божие приходят ко мне» (102, 19).

***

Рассказывали об одном отшельнике, жившем в ближайших горах. Он был велик в очах Божиих и много лет провел в уединении, питаясь растительностью. Скончался он в малой пещере, а мы, долгое время не видя его, полагали, что он просто удалился в другую пустыню.

Однажды ночью он явился во сне нашему настоятелю авве Юлиану и сказал: «Возьми несколько братий и ступай, перенеси меня сюда из того места, где я лежу на горе под названием «Олень». Авва Юлиан, взяв с собой братий, пошел на указанную гору. Долго происками они останки отшельника, но не нашли: вход в пещеру со временем закрылся сучьями и снегом. После долгих поисков авва Юлиан сказал: «Пойдем, чада, сойдем с горы». Лишь только мы начали спускаться, как вдруг подошел олень и, остановившись недалеко от нас, начал рыть землю. Тогда авва воскликнул: «Поверьте мне, здесь лежит раб Божий!» Расчистив это место, мы нашли тело отшельника, принесли его в обитель и там предали земле (102, 79—80).

ОХЛАЖДЕНИЕ

Если окаменело сердце твое, плачь пред Господом, чтоб источил Он на тебя озарение ведения, и не насмехайся над теми, которые с горячностию сердца вопиют на небо (прп. Ефрем Сирин, 31, 102—103).

***

Часто случается испытывать идущим путем Божиим, как отходят и пересекаются в них святой мир, сладкое уединение внутреннее и любезная свобода, а иной раз от движения сердца поднимается внутри такая пыль, что от нее не видно бывает пути, по которому следует идти. Когда и тебе случится испытать что подобное, ведай, что сие попускает тебе Бог во благо тебе. Это-то и есть та брань, за которую святые Божии увенчались светлыми венцами. Стой же мужественно, воспоминая сие во встретившем тебя испытании. И при этом, как и во время всякого другого смущения, воззревши ко Господу, говори Ему от сердца: «Господи Боже мой! Призри на раба Твоего, и да будет на мне воля Твоя. Ведаю и исповедаю, что истина словес Твоих тверда и обетования Твои неложны. И на них уповая, стою я не колеблясь на пути Твоем». Блаженна душа, которая предает себя таким образом Господу всякий раз, как испытывает смущение и тяготу! И если, несмотря на то, брань упорно стоит, и ты не можешь так скоро, как бы хотелось, согласовать и сраствори́ть волю свою с волей Божией, не скорби и не малодушествуй, но продолжай предавать себя Богу и преклонись благодушно пред определениями Его, — и сим победишь. Смотри, какую брань держал Христос Господь в саду Гефсиманском, когда человечество Его, сначала ужасаясь чаши, взывало: *Отче, аще возможно, да мимоидет Мене чаша сия* (ср.: Мф. 26, 39); а потом, возвратясь в себя и вложив душу Свою в руки Божии, полною и свободною волей, в глубочайшем смирении изрекло: *обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты* (ср.: Мф. 26, 39) (прп. Никодим Святогорец, 70, 273—274).

***

Уже говорил о сухости и охлаждении сердца, и об огорчении, какое испытывает от того душа... Много пользы доставляют душе такое огорчение и сухость сердца, или оскудение духовной радости и сладости, когда принимаем их и переносим со смирением и терпением. И если б человек знал наперед эту пользу, то всеконечно не тяготился бы и не огорчился, когда случилось бы ему испытать такое состояние. Ибо тогда он не считал бы этого горького оскудения внутренних духовных утешений знаком неблаговоления Божия, а видел бы в сем дело особенной к себе любви Его, и потому принял то с радостью, как великую милость Божию. Уже то одно не чуждо утешения, что такие состояния испытывают преимущественно такие лица, которые с особенною ревностию предаются на служение Богу и с особенным вниманием стараются избегать всего, что может оскорбить Его, — и испытывают не в начале своего к Богу обращения, а уже после того, как довольно поработают Ему, когда довольно очистят сердце свое священною молитвою и сокрушением, когда восчувствуют некую духовную сладость, теплоту и радость, и когда вследствие того положат всецело посвятить себя Богу и уже начнут это дело. И не видим, чтобы грешники и те, которые преданы суетам житейским и мирским, испытывали что подобное и подвергались таким искушениям. Из сего ясно видно, что эта горечь есть честная и драгоценная трапеза, к которой Бог приглашает любимцев своих на угощение, и хотя она во время вкушения не так приятна, однако многую приносит нам пользу, несмотря на то, что это не видится, когда вкушаем ее. Ибо душа, находясь в состоянии такой сухости, вкушая эту горечь и страдая от таких искушений и помыслов, о которых одно

воспоминание приводит в трепет, отравляет сердце и совсем почти убивает внутреннего человека, — находясь, говорю, в таком состоянии, душа научается не доверять себе, и не полагаться на свое благонастроение, и приобретает истинное смирение, которого так желает от нас Бог; к тому же воодушевляется взыскать теплейшей к Богу любви, тщательнейшего внимания к своим помыслам и сильнейшего мужества к перенесению таких искушений без вреда, и выходит из борьбы сей с чувствами, обученными к вернейшему различению добра же и зла, как сказал святой Павел (см.: Евр. 5, 14); хотя, повторю опять, она, не видя сих сокровенных благих плодов, смущается и бежит сказанной горечи, так как не желает и малое время пребыть без вкушения духовных утешений, и без них всякое другое упражнение духовное почитает временем напрасно потерянным и трудом бесплодным (прп. Никодим Святогорец, 70, 278—279).

***

Охлаждение разве легкая беда? — Нелегкая беда. Подскочит враг и ну мутить, и не оглянетесь, как свернет вам голову... Так извольте встрепенуться и бодро смотреть за собою: уж нагляделись, натешились... — Теперь пора и построже себя держать (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 171).

***

Господь попускает... <охлаждение>: то для испытания, верна ли душа, то для показания, что есть человек без благодатного осенения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 204).

***

Охлаждение... сердца много имеет причин. Главные из них — самодовольство и самомнение (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 221).

ОЧИЩЕНИЕ

...Пост смиряет тело, бдение просвещает ум, безмолвие приносит плач, плач очищает человека, омывает душу и делает ее безгрешною (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 207).

***

Прилежи молиться со слезами, чтобы Божие милосердие совлекло с тебя ветхого человека, обремененного грехами (прп. авва Исаия, 59, 55).

***

...В какой мере будешь подвизаться и терпеть, работая Господу, в такой будут очищаться и ум твой, и помышления твои (прп. Ефрем Сирин, 31, 138).

***

Не сокрыто ли от тебя, когда приидет и постигнет тебя конец? Но очищение от грехов можешь получить тотчас, если только будешь молить о сем (прп. Ефрем Сирин, 33, 154).

***

...Для смертных и для душ очернившихся самое лучшее врачевство — слезы, обгоревший пепел и безопасное на земле вретище (свт. Григорий Богослов, 15, 291).

***

За хорошим началом следует и прекрасный конец... Вот начало, которое приносит людям хороший конец, — свято трудись над очищением жизни! (свт. Григорий Богослов, 15, 364).

***

...Очищение есть не одно воздержание от худых дел, но приобретение совершенной чистоты, чистоты в совести (прп. Макарий Египетский, 67, 345).

***

Будем всячески стараться очистить себя от скверны (грехов). Очищается же она, во-первых, крещением, а потом и другими многоразличными средствами. Первое из всех этих средств — милостыня (см.: Сир. 3, 30) (свт. Иоанн Златоуст, 51, 410).

***

...Не жертвы очищают людей, а воля Божия (свт. Иоанн Златоуст, 55, 158).

***

Очищение подвижника имеет нужду в твердости, терпении, всегдашней устойчивости и непоколебимом образе жизни (прп. Нил Синайский, 73, 37).

***

Очистить ум только Духа Святаго есть дело. Ибо если не приидет Крепльший Сей, не поймает и не свяжет хищника оного (см.: Лк. 11, 22), то похищенное им никак

не может быть высвобождено. Подобает... всякими добродетелями, наипаче же миром душевным, упокоевать в себе Духа Святаго, чтоб иметь в себе светильник разума всегда светящим; потому что, когда он непрестанно светит в сокровенностях души, тогда не только явны бывают в уме даже малые темные прилоги бесовские, но и бездейственны и неустойчивы, будучи обличаемы Святым оным и преславным Светом. Почему Апостол и говорит: *Духа не угашайте* (1 Сол. 5, 19), т. е. *не оскорбляйте* благостыни *Святаго Духа* (Еф. 4, 30) злыми делами или помышлениями, чтоб не лишиться всепобедительного оного светильника. Ибо не присносущный и животворный угасает при сем Дух, но Его опечаление или, лучше, отвращение оставляет ум наш ожестелым и чуждым света ведения (блж. Диадох, 91, 21).

***

Когда сердце с жгучею некою болью принимает бесовские стреляния, так что боримому думается, будто он носит самые стрелы, — это знак, что душа стала ретиво ненавидеть страсти. И это есть начало очищения ее. Ибо если она не потерпит великих болей от бесстыдства греха, то не возможет потом богато порадоваться и о благотворности правды. После сего желающий очистить сердце свое да разогревает его непрестанно памятью о Господе Иисусе, имея это одно предметом богомыслия и непрестанным духовным деланием. Ибо желающим сбросить с себя гнилость свою не так следует вести себя, чтоб иногда молиться, а иногда нет, но всегда должно упражняться в молитве с блюдением ума, хотя бы жил далеко... от молитвенных домов. Ибо как взявшийся очистить золото, если хоть на короткое время оставит горнило без огня, делает, что очищаемая руда опять ожестевает, так и тот,

кто иногда памятует о Боге, а иногда нет, что кажется приобретает молитвою, то теряет пресечением ее. Но мужу, любителю добродетели, свойственно всегдашнею памятью о Боге потреблять земляность сердца, чтоб таким образом при постепенном испарении худа под действием огня благого памятования душа с полною славою совершенно востекла к естественной своей светозарности (блж. Диадох, 91, 71).

***

Как за неимением воды изглаждают буквы и другими способами, так и души, лишенные слез, очищают и заглаждают грехи свои печалью и воздыханием, и многим сетованием (прп. Иоанн Лествичник, 57, 213).

***

Смирение и злострадание (телесные лишения) освобождают человека от всякого греха; потому <первое> отсекает страсти душевные, а <второе> телесные (прп. Максим Исповедник, 91, 173).

***

Милостыня врачует раздражительную часть души; пост иссушает похоть; молитва очищает ум и уготовляет его к созерцанию Сущего. Ибо по силам души Господь дал нам и заповеди (прп. Максим Исповедник, 91, 173—174).

***

Очищение души есть: по части мысленной — пременение и совершенное оставление дольных прелестных нра-

вов, т. е. житейских забот и попечений, худых склонностей и неуместных гаданий и загадываний; по части вожделевательной — не стремиться ни к чему вещественному и не смотреть на чувство, но быть покорным разуму; по части раздражительной — ничем из приключающегося не возмущаться (прп. Феодор, 91, 347).

***

Ни тело не может очиститься без поста и бдения, ни душа — без милости и истины; а также ни ум — без созерцания и собеседования с Богом (т. е. без молитвы). В ряду этих двоих сия последняя есть самая значительная (прп. Илия Екдик, 91, 424).

***

Итак, те, которые осквернили души свои беззаконными делами греховными и страстными движениями сердца и которые напечатлели в себе образы и подобия бессловесных похотей, да понудятся многими слезами очистить себя и убелить одеяние души своей, потому что другим способом не возможно никому увидеть свет, или Бога, просвещающего сердце каждого человека, грядущего к Нему путем покаяния. Только *чистые сердцем зрят Бога* (ср.: Мф. 5, 8), по слову Господа нашего. Почему умоляю вас, братие мои и чада, подвигнемся на труд содержать сердце свое чистым посредством добронравия и благих расположений, посредством хранения совести и всегдашнего исповедания сокровенных помыслов сердца. Если будем исповедывать их часто, а лучше, если каждый день, с сокрушением и болезнованием сердечным, припоминая все и осуждая себя за все, делом ли сделали что худое, или умом

помыслили недоброе, или слово сказали нехорошее, то чрез это стяжем покаянное и сокрушенное сердце; покаянное же такое сердце извлечет слезы из глубины души; а слезы очистят душу и изгладят все ее прегрешения. Когда же изгладятся все грехи слезами, тогда придет в душу вседействие Святаго Духа, и еще паче начнет напоять ее сладостию слез умиления, коими будет она мысленно питаться, крепнуть более и более и умножать плоды духа, обильно принося их в должное время и заготовляя в них пищу себе на вечную и нескончаемую жизнь. Когда, добре подвизаясь, достигнет она в такую меру, тогда наконец содружается с Богом и делается жилищем Пресвятой Троицы, чисто зрит Творца своего и Бога, беседует с Ним непрерывно, и некоторым образом выходит из тела своего и из мира сего, и восходит на небеса небес, воспаряя туда на крыльях любви Божией и упокоеваясь там от подвигов своих в Божественном некоем и беспредельном свете, в сорадовании ей всех праведников и сликовании святых апостолов Христовых, мучеников и преподобных и всех Небесных Сил бесплотных (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 197—198).

***

Кто сластям и делам телесным в сытость поработал, в сытость пусть пользуется и трудами подвижническими в потах злострадания, чтобы сытость отбить сытостью, сласть горечью, покой трудами телесными и обрести сытость веселия и радования в упокоении. Сим образом ты и насладишься благоуханием целомудрия и чистоты, и вкусишь невыреченной сладости бессмертных плодов духовных (прп. Никита Стифат, 93, 106).

***

Душа, с теплым рвением усиленно очищаемая подвижническими трудами, Божественным светом озаряется и мало-помалу начинает узревать естественно данную ей вначале Богом красоту и расширяться в возлюблении Создавшего ее. Поколику же уясняются ей, по мере очищения ее, лучи Солнца Правды и естественная красота ее обнажается пред нею и ею познается, потолику и она умножает труды подвижнические для большего себе очищения, чтоб чисто уразуметь славу дара, какого сподобилась, и древнее восприять благородство, и сохранить для Создателя своего образ Его чистым и не смешанным ни с чем вещественным. И никогда не послабляет она себе и не перестает прилагать труды к трудам, пока не очистит себя от всякой нечистоты и скверны и не соделает достойною зреть Бога и беседовать с Ним (прп. Никита Стифат, 93, 138).

***

Как после блеска молнии тотчас ожидается и гром, так и там, где воссияло Божественное очищение, утихает буря страстей. А где это, там вместе с сим водворяется в стяжавшем сие залог тамошнего (будущего) блаженства. Но не бывает ни чувства милости Божественной, ни надежды бесстрастия в душе, любящей мир паче Создавшего, питающей пристрастия к видимому и всем желанием вожделевающей плотских удовольствий и наслаждений (прп. Феогност, 91, 379).

П

ПАДЕНИЯ

Как часто ни будешь падать, всегда останется тебе возможность восстать, если только захочешь сего (прп. Ефрем Сирин, 33, 153).

***

...Какое падение сравнится с падением человека, который уязвлен превозношением и не знает низости человеческого возвышения, не знает того, как далек от истинной высоты даже и тот, кто много возвысился над всеми? (свт. Григорий Богослов, 14, 155).

***

Не смейся падению ближнего; сам ходи, сколько можешь, непретковенно, но и лежащему на земле подавай руку (свт. Григорий Богослов, 15, 148).

***

Когда падает человек порочный, тогда тем паче утверждай свою ногу. А когда падает благоуспешный, кре-

пись еще больше. Ибо если совершенные падают, то очень нелегко провести жизнь не поскользнувшись. Вся жизнь для тебя — уголья под ногами, и уголья горячие. Всегда идешь ты по скрытым сетям (свт. Григорий Богослов, 16, 92).

***

Раз или два увлечься и пасть, и притом в чем-нибудь неважном, — это еще извинительно. Уступим нечто и омрачению плоти. Ни в чем не претыкаться свойственно единому Богу. Но падать намеренно, хвалиться худым делом, падать многократно, падать в пороки важные и не стыдиться сего, но смеяться над этим, не хотеть уцеломудриться и наказаниями, какими вразумляются люди самые жалкие, но с открытой головой кидаться в опасность, — это самая ужасная и злокачественная болезнь (свт. Григорий Богослов, 16, 223).

***

Дьявол поборол нас и поверг, следовательно, надобно встать, а не влачиться далее и низвергать себя в пропасть, не прибавлять к его ударам еще своих собственных (свт. Иоанн Златоуст, 44, 24).

***

...<Дьявол> поверг тебя, думая, что ты уже не встанешь; а когда увидит тебя с поднятыми на него руками, то, пораженный неожиданностью, потеряет охоту опять бороться с тобою, а ты сам будешь впредь безопаснее от получения подобной раны (свт. Иоанн Златоуст, 44, 35).

***

Если станешь непрестанно бодрствовать и трезвиться, то будешь выше всякого вреда, потому что причиною падений обыкновенно бывает не свойство искушений, а беспечность искушаемых (свт. Иоанн Златоуст, 45, 60).

***

Для того и описаны нам падения праведных, чтобы и добродетельные, и грешники получили от них величайшую пользу. Грешник не приходит в отчаяние и безнадежность, видя, что другой пал и, однакож, мог опять восстать; а добродетельный будет ревностнее и благонадежнее: когда он увидит, что многие из тех, которые гораздо лучше его, пали, то, вразумляемый страхом их падения, будет всегда бдителен и покажет великую внимательность к самому себе (свт. Иоанн Златоуст, 45, 334—335).

***

Для того и описаны не только добродетели святых, но и прегрешения их, чтобы мы последних избегали, а первым подражали (свт. Иоанн Златоуст, 47, 295).

***

Падшего вначале мы все прощаем по его неопытности, но тот, кто упал после многих переходов, нелегко удостоится прощения или оправдания; такое падение его приписывается нерадению. И не только это бедственно, но и то, что многие соблазняются такими падениями, и поэтому также грех становится непростительным (свт. Иоанн Златоуст, 49, 399).

***

...Мы сами бываем виновниками собственной своей погибели, потому что не приступаем к Богу, не молимся Ему, не призываем Его подобающим образом. А если и приступаем, то делаем это так, как бы не думали получить, — не с подобающею верою все делаем, не с усиленным молением, а нерадиво и беспечно (свт. Иоанн Златоуст, 50, 256).

***

Для того написана история падения <царя Давида>, чтобы ты не на падение его взирал, но удивлялся его восстанию; чтобы ты знал, как после падения должно тебе восставать (свт. Иоанн Златоуст, 50, 301).

***

...Слабый падает и без дьявола. А при его содействии, скажешь, он падает тяжелее? Но легче и наказывается, если он грешит при содействии дьявола: не для всех ведь грехов одинаковые наказания (свт. Иоанн Златоуст, 52, 471).

***

Нерадение низвергает с самого неба, отчаяние приводит к бездне зла, подобно тому как сохранение мужества заставляет сейчас же спасаться оттуда бегством (свт. Иоанн Златоуст, 55, 806).

***

...Невозможно пасть от бесовского прельщения тому, кто свою жизнь располагает не по своему суждению, а по совету преуспевших (авва Моисей, 56, 194).

***

...Никак не должно думать, чтобы падение человека происходило внезапно: сперва он или обольщается каким-либо злым внушением, или от продолжительной невнимательности к самому себе теряет мало-помалу душевную силу, а страсти мало-помалу растут, и он подвергается бедственному падению. Ибо *прежде сокрушения предваряет досаждение, прежде же падения злопомышление* (Притч. 16, 18). Дом никогда не разрушается внезапным падением, но прежде этого или повреждается его основание, или ветшает его кровля, в которую сперва от продолжительного небрежения живущих проникают малейшие капли дождя, а потом, когда он в большей мере раскроется и распадается, льется дождь уже ручьями из многоводных туч. Ибо *в леностех смирится строп, и в празднестве рук прокаплет храмина* (Еккл. 10, 18). Это самое в духовном смысле бывает и с душою, как показывают другие слова того же Соломона: *Капли изгоняют человека в день зимен из дому его* (Притч. 27, 15). Прекрасно сравнивается невнимательность души с оставленною в небрежении кровлею. Ибо чрез эту-то невнимательность сперва проникают в душу малейшие капли страстей, которые по незначительности своей, быв пренебрежены, повреждают здание добродетелей, и тогда льется в нее обильный дождь пороков, чрез которые она в день зимен, т. е. во время постигающего ее дьявольского искушения, изгонится из жилища добродетелей, где некогда посредством благоразумной внимательности к себе утверждала свое пребывание и как в собственном доме обретала покой свой (авва Феодор, 56, 278—279).

***

Падшему не каяться — гибельно, отчаиваться же — еще гибельнее; первое происходит от лености, а послед-

нее — от бесчувственности. Сколько же бесчувственность хуже лености, столько и отчаяние ужаснее лености. Одно есть неисцельное зло, а другое доступно врачеванию, потому что одно есть следствие поврежденной способности судить, а другое — погрешительного суждения и обмана (прп. Исидор Пелусиот, 60, 358).

***

Многие, пав и возобновив борьбу, одержали победу над страстями, которыми прежде, как сознавались, были побеждены. Посему если и ты многократно падал, то приди наконец в себя (прп. Исидор Пелусиот, 62, 154).

***

Когда случайно пошатнешься в добром стоянии, не трепещи, а выпрямись поскорее, спеши возвратиться к прежнему благоустроению печалью, жалением, самоукорением и слез довольным излиянием, в сокрушении духа; в силу коих, исшедши из случившегося падения, внидешь в лоно спасительного радования, полагая в сердце вперед твердо стоять, чтоб опять, прогневив Судию, не иметь нужды в слезах и сокрушении в очищение; ибо если здесь этого не будет, то всеконечно в будущем не миновать нам мук достойных (прп. Феогност, 91, 390).

***

Где нет... самомнения и самонадеянности, там не бывает и вразумительных падений. Почему, когда случится тебе пасть, спешно беги помыслами к смиренному самопознанию и уничиженному о себе мнению и чувству, и докучательною молитвою взыщи у Бога дарования тебе истин-

ного света для познания ничтожности своей и утверждения сердца своего в ненадеянии на себя, чтобы опять не впасть в то же, или еще в более тяжкое и разорительное прегрешение (прп. Никодим Святогорец, 70, 21).

***

Кто... не полагается на себя, но уповает на Бога, тот, когда падет, не слишком дивится сему и не подавляется чрезмерною скорбию, ибо знает, что это случилось с ним, конечно, по немощности его... а далее, ненавидя непотребные страсти, бывшие причиною его падения, спокойно и мирно несет за оскорбление Бога покаянные труды и, вооружаясь зельным <сугубым> упованием на Бога, с величайшим мужеством и решительностию преследует врагов своих даже до смерти (прп. Никодим Святогорец, 70, 26).

***

Всякий раз, как впадешь в какое простительное погрешение, хотя бы то тысячу раз случилось на день, как только заметишь то, не мучь себя и не трать времени напрасно, но тотчас смирись и, сознав немощь свою, обратись уповательно к Богу и воззови к Нему из глубины сердца: «Господи, Боже мой! Я сделал это потому, что уж я таков, что от меня ничего другого и ожидать нельзя, кроме таких погрешений, или чего-нибудь и больше того, если благодать Твоя не поможет мне, оставя меня с одним собою. Сокрушаюсь о сделанном потому особенно, что не отвечаю исправностию жизни Твоим о мне попечениям, но все падаю и падаю. Прости мне и дай мне силу не оскорблять Тебя более и ни в чем не отступать от воли Твоей. Ибо я усердно желаю работать Тебе и благоугождать, и во всем

быть Тебе послушным». Сделав это, не томись думанием, простил ли тебя Бог. Господь близ и внемлет воздыханиям рабов Своих. Успокойся же в этой уверенности и, успокоившись, продолжай обычные занятия, как бы с тобой ничего не случилось.

Так тебе не один раз поступить должно, но если нужно, сто раз и каждую минуту, и в последний раз с таким же совершенным упованием и к Богу дерзновением, как и в первый. Действуя так, ты будешь воздавать великое чествование беспредельной благости Бога, Коего всегда долженствуешь ты созерцать беспредельно к нам благоутробным. Вследствие сего ты непрестанно будешь преуспевать в жизни своей и все подвигаться вперед, не теряя напрасно времени и труда.

Охраняя мир свой внутренний, при падении в указанные выше погрешения, можешь ты еще, поступая так: с внутренним действием сознания своего окаянства и смирения себя пред Богом подвигнись и на теплое воспоминание великих милостей, тебе лично явленных Богом, и тем оживи в себе любовь к Нему, — расположи себя к благодарению и славословию Его и самым делом возблагодари и восславь Его тепло из глубины души. Поелику благодарение и славословие Бога есть самое высшее проявление живого союза нашего с Богом, то плодом падения твоего, если разумно к нему отнесешься, будет с помощью Божией вящшее возвышение твое к Нему. Это следовало бы поиметь во внимании тем, которые слишком мятутся и мучаются при малых погрешениях, чтоб увидеть, как велика слепота их в сем случае и как они сами себе вредят по нерассудительности своей (прп. Никодим Святогорец, 70, 286—288).

***

Падение человека совершилось при посредстве деятельного, опытного познания зла; падение человека заключается в деятельном, опытном познании зла, в усвоении себе зла (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 363).

***

Глубокая и сокровенная тайна — падение человека! Никак не познать ее человеку собственными усилиями, потому что в числе последствий падения находится и слепота ума, не допускающая уму видеть глубину и тьму падения (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 294).

****

Авва Антоний услышал об одном молодом монахе, который сотворил чудо: юноша, увидев старцев, утомившихся в пути, велел диким волам подойти и нести на себе старцев до тех пор, пока не дойдут до аввы Антония.

Старцы рассказали об этом авве Антонию. А он ответил им: «Монах этот, как мне кажется, есть корабль, полный груза, но не знаю, взойдет ли он в пристань». Неожиданно авва Антоний стал плакать и рвать на себе волосы. Ученики спросили: «О чем плачешь, авва?» Старец отвечал: «Сейчас пал великий столп Церкви!» Это он говорил о молодом монахе. «Но пойдите сами к нему, — продолжал он, — и посмотрите на случившееся!» Ученики идут и находят монаха, сидящим на рогоже и оплакивающим сделанный грех. Увидев учеников старца, монах говорит им: «Скажите старцу, чтобы он умолил Бога дать мне десять дней жизни, и я надеюсь очистить грех свой». Но не прошло и пяти дней, как он скончался (97, 6).

***

Преподобный Иаков постник провел в пустыне одиннадцать лет в посте и молитве и достиг такого нравственного совершенства, что удостоился дара чудотворений; но, как подобострастный нам человек, подвергся великому падению.

Один богатый человек привел к нему однажды бесноватую девицу, свою дочь, и просил, чтобы он помолился об ее исцелении. Иаков согласился, и, по молитвам его, девица действительно получила исцеление. Отец ее, опасаясь, чтобы бес не возвратился в нее, стал просить святого оставить ее у себя до полного выздоровления. Иаков и на это согласился.

Но тут дьявол с такой силою напал на Иакова, возбудив в нем нечистую страсть, что он не устоял и пал с девицею. Грех тяжкий, но за ним последовал другой грех! Опасаясь ее родителей и позора, Иаков убил девицу и бежал из пустыни. В это время дьявол уже хотел ввести его и в третий грех, в отчаяние, но сие ему не удалось. Иаков скоро пробудился как бы от глубокого сна, горько заплакал и бил себя в грудь. Затем, исповедав в одном из монастырей пред игуменом и братиею свои грехи, он вошел в одну из пещер и провел в ней долгое время в плаче о грехах своих. Человеколюбивый Господь внял, наконец, его раскаянию и не только простил его, но и возвратил ему дар чудотворений (112, 111—112).

***

Некий брат шел по пустыне. День склонялся уже к вечеру. На дороге встретилась пещера; брат вошел в нее, чтобы провести ночь. По обычаю, он занялся псалмопением; наступила полночь. По окончании бдения брат присел, чтобы дать отдых телу; но внезапно появились бесчислен-

ные полки демонов, которые отовсюду стекались в пещеру: они шли густыми толпами, одни впереди своего князя, другие позади его. Князь был выше всех ростом и страшнее взором. Он сел на возвышенный трон и начал подвергать строгому рассмотрению дела каждого из демонов: повелевал изгонять с великим бесчестием от лица своего тех, которые не возмогли обольстить своих противников, называл их нерадивыми, упрекая со страшной яростью за то, что они растратили продолжительное время и труд бесполезно. Напротив того, тех, которые успели обольстить порученных им людей, он превозносил величайшими похвалами, как храбрейших ратоборцев, служащих образцом для всех, — и вторили все демоны князю общим восторгом и восклицаниями. Между прочими духами пришел в великом веселии некоторый злейший дух, возвещая с великим торжеством, называя монаха, хорошо известного всем, и уверяя, что он его поверг этой ночью в блудное падение, боровшись с ним постоянно в течение пятнадцати лет. Собрание, выслушав эту весть, возликовало, а князь превознес демона величайшими похвалами. Стало рассветать, и все множество демонов исчезло из взора монаха. Он пошел в Пелузию, где жил брат, об обольщении которого заверял нечистый дух. Там жил монах, хорошо знакомый странствующему брату. От него он узнал, что в ту самую ночь, в которую страшный демон возвестил своему князю о гибели несчастного, тот оставил свой монастырь и в соседнем селении впал в любодеяние. Услышав это, монах восстенал и восплакал (106, 538—539).

***

В странах Антиноя проживал один благочестивый подвижник. Многие получали пользу от его слова, равно как

и от его делания. Видя его подвижническую жизнь, враг позавидовал ему и внушил помысл, под видом благочестия, что он должен служить другим, а не люди — ему. Служи, по крайней мере, самому себе: сам продавай в городе свои корзины, покупай нужное для тебя и потом опять возвращайся на твое отшельничество.

Враг старался всюду подстеречь его и уловить, и подвижник, доверясь этому помыслу, вышел из своего затвора. Будучи некогда известен и знаменит у подвижников, но неопытен в борьбе с врагом рода человеческого, встретясь с женщиною, соблазнился ею и, придя к реке, пал с нею.

Помышляя, что враг возрадовался падению его, он близок был к отчаянию, так как оскорбил Самого Бога, и ангелов, и святых, и святых отцов, из коих многие побеждали этого врага. Итак, никому из них не уподобясь, он сильно скорбел и, не подумав об исправлении своего грехопадения, хотел, к совершенной радости врага рода человеческого, броситься в волны реки. Но Милосердный Бог помог ему.

Придя в себя, он решился умолять Бога с плачем и скорбью о прощении греха, — и вернулся в свой монастырь. Заключив дверь, он плакал так, как плачут по умершим, умолял Бога, бодрствовал с постом и изнурял тело свое, но не получил еще удостоверения о своем покаянии. Когда братия неоднократно приходили к нему ради пользы своей и стучались в дверь, он говорил им, что не может отворить. «Я дал слово, — говорит он, — целый год искренно каяться и прошу вас помолиться обо мне». Он не знал, как вести себя, чтобы не соблазнились слушающие, ибо они считали его честным и весьма великим монахом.

Таким образом он провел целый год в усиленном посте и искреннем покаянии. Перед Пасхой, в ночь на Воскре-

сение Христово, подвижник изготовил новый светильник, вложил его в новый сосуд и, с вечера встав на молитву, просил Господа: «Оживотвори меня, сокрушенного! Повели светильнику сему возжечься огнем Твоим, дабы таким образом я, уповая на милость Твоего снисхождения, в остальное время жизни, которое Ты даруешь мне, сохранял заповеди Твои, не отпал от страха Твоего, но служил Тебе с большею ревностию, нежели прежде». Сказав это с горькими слезами, он встал посмотреть, не зажегся ли светильник? И, открыв его, увидел, что он не зажегся. Упав на колени, он опять призывал Господа, говоря: «Знаю, Господи, что брань была для того, чтобы получить мне венец; и я не устоял на ногах своих, сделавшись, напротив, за плотское удовольствие повинным мучению нечестивых. Итак, пощади меня, Господи! Ибо вот я опять исповедаю мою гнусность пред Твоею благостию, пред Ангелами Твоими и всеми праведниками и, если бы не было соблазна, исповедал бы и пред людьми. Ущедри душу мою, да научу и я других. Ей, Господи, оживотвори меня!» Помолившись таким образом трижды, он был услышан. И, восстав, увидел светильник светло горящим, возрадовался надеждою на Бога, укрепился радостью сердца, подивился благодати Божией. Сей огонь светильника он сохранял во все дни свои, подливая масла и оправляя сверху, чтобы не угас. Дух Божий опять вселился в него, и он, смиренномудрый, сделался всем известен по своему исповеданию и благодарению Бога (98, 112—116).

***

Некий брат, пребывавший в Александрийском монастыре, в Енате, впал в грех, и от сильной печали бесы привели его в отчаяние. Но он, как искусный и опытный подвиж-

ник, увидев себя побежденным скорбью, начал понуждать себя к благому упованию и говорил: «Верую щедротам Божиим, что Бог сотворит со мною милость». Когда он так говорил, то бесы возражали: «Почему ты знаешь, что Бог сотворит с тобою милость?» Он отвечал им: «А вы кто? Что вам за дело, сделал ли я, или не сделал? Вы сыны тьмы и геенны и наследники погибели. Если Бог милостив и благ, то вам что до этого?» Таким образом, бесы, будучи посрамлены братом, отступили от него. Брат, уповая на милость и помощь Божию, пришел к покаянию и спасся (106, 451).

***

Один брат пошел почерпнуть воды из реки. Там он встретился с женщиной, мывшей белье, и пал с нею в блуд. По совершении греха он взял водонос с водою и пошел в келью. Бесы напали на него и начали сильно возмущать помыслами, говоря: «Зачем ты идешь в келью? Тебе нет спасения! Возвратись в мир». Брат понял, что они хотят совершенной погибели его. Он отвечал помыслам: «Откуда вы пришли? Зачем смущаете меня, стараясь привести в отчаяние? Я не согрешил; повторяю вам: я не согрешил». Отразив таким образом помыслы, брат пришел в келью и продолжал безмолвствовать в ней по-прежнему. Случившееся Бог открыл старцу, соседу брата, возвестив ему, что этот брат пал и в самом падении одержал победу. Старец пришел к брату и спросил его: «Как ты поживаешь?» Тот ответил: «Хорошо, отец!» Старец опять спросил его: «Не случилось ли с тобою на этих днях чего неприятного?» «Ничего», — отвечал брат. Тогда старец сказал о бывшем ему откровении, и брат поведал ему о случившем-

ся. Старец, выслушав брата, сказал: «Поистине рассуждение твое сокрушило всю силу вражию» (106, 448—449).

***

В монастыре аввы Лота случилось искушение с некиим братом, и он был выслан из монастыря. Он пришел в гору аввы Антония и пробыл тут некоторое времени, по прошествии которого блаженный вернул брата в монастырь его. Но там его не приняли и выслали снова. Брат, возвратясь к авве Антонию, сказал ему: «Не захотели принять меня!» Авва опять послал его, поручив сказать отцам монастыря: «Корабль претерпел крушение и потерял груз свой; с большим трудом корабль этот достиг пристанища, а вы хотите потопить и то, что спаслось от потопления!» Отцы, узнав, что авва Антоний прислал к ним брата, немедленно приняли его с радостью (106, 37).

ПАМЯТЬ

Когда молишься, всеми силами храни память свою, чтобы она не предлагала тебе своего... Память приводит тебе на ум во время молитвы или воображения давних дел, или новые заботы, или лицо оскорбившего тебя. Очень завидует демон человеку молящемуся и всякие употребляет хитрости, чтобы расстраивать такое намерение его; поэтому не перестает возбуждать посредством памяти помыслы о разных вещах и посредством плоти приводить в движение все страсти, чтобы только помешать как-нибудь прекрасному его течению (т. е. труду молитвенному) и к Богу преселению (восхождению вниманием) (прп. Нил Синайский, 90, 228).

***

Врачуется... память постоянною, действием молитвы утвердившеюся, памятью Божиею, в коей, сраствори́вшись с Духом, возводится она из естественного в вышеестественное состояние (прп. Григорий Синаит, 93, 190).

***

...Бодрствуй над собой, и не давай своему воображению и памяти воспоминать прежде виденное, слышанное, обонянное, вкушенное и осязанное, особенно, что было в этом срамного и непотребного. В этом и состоит преимущественно наша брань, и она труднее и неотвязчивее брани с чувствами или употреблением их. Всякий из борющихся знает это по опыту. Чтоб не воспринять что-либо соблазнительное каким-нибудь чувством, с этим управиться легко; но по восприятии управляться с воображением и памятью о том очень трудно. Чтоб, например, видеть или не видеть какое лицо или посмотреть на него страстно или бесстрастно, это не так трудно и не представляет большой брани; после же того, как увидишь и взглянешь на него страстно, уже нелегко, а требуется большая брань и немалый подвиг, чтоб изгнать из памяти своей воображение этого лица. И враг может играть душою твоею, как мячиком, перебрасывая внимание от одного воспоминания на другое, и под ними шевеля пожелания и страсти, и держа тебя таким образом в страстном настроении (прп. Никодим Святогорец, 70, 119).

****

Когда прибирают в доме, стараются освободиться от предметов бесполезных, попусту занимающих место, ко-

торое можно занять чем-нибудь дельным и необходимым. Как бы хорошо очищать таким же образом память нашу! Но, по несчастию, не от нас зависит выметать из нее ненужные и вредные понятия; потому-то следует быть чрезвычайно осторожным в выборе предметов, на которые обращаешь внимание (116, 120—121).

ПАМЯТЬ БОЖИЯ

...Самая природа <наша> учит нас более плакать, <нежели радоваться>, ибо жизнь эта многоболезненна и многотрудна, и, как изгнание, полна грехов. Но если кто постоянно помнит Бога, тот веселится, по слову Псалмопевца: *помянух Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4) Ум, увеселяемый памятью о Боге, забывает скорби мира, и от этого памятования уповает на Бога и бывает беспопечителен. Беспопечительность доставляет радость и располагает к благодарению; а чрез благодарение, соединенное с благоразумием, возрастают дары и дарования. По мере того как умножаются благодеяния, возрастает благодарение и чистая молитва со слезами радости, и вскоре человек избавляется от слез печали и страстных; выходит из (под власти) страстей и так приходит в духовную радость от всякого случая. Чрез приятное смиряется и благодарит, а чрез искушения укрепляется в нем надежда на будущее; и о том и о другом радуется, и любит Бога и всех естественно, как благодетелей, и не встречает во всем творении чего-либо могущего повредить ему. Но, просвещаемый ведением Бога, радуется о Господе о всех творениях, удивляясь Его промышлению о Своих созданиях (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 98—99).

***

Помни, что тебе соприсутствует Бог, пред Коим открыты все советы сердечные (прп. авва Исаия, 59, 30).

***

Приготовляй себя к сретению Его <Бога>, и будешь повиноваться воле Его (прп. авва Исаия, 59, 92).

***

...Представляй себе, что ты всегда находишься пред очами <Бога>... и блюди сердце свое (прп. авва Исаия, 59, 185).

***

Не теряй из виду сего Высокого Зрителя, не теряй из виду Приникающего свыше на дела человеческие. Куда ты ни идешь, что ни делаешь, во тьме ли, или среди дня, надзирает над тобою Божие око (свт. Василий Великий, 5, 240—241).

***

...Невозможно совратиться с правого пути тому, кто не болезнует в душе забвением Бога (свт. Василий Великий, 8, 124).

***

По какой причине человек теряет всегдашнее памятование о Боге? Если он не памятует благодеяний Божиих и оказывается непризнательным к Благодетелю (свт. Василий Великий, 9, 306).

***

Блажен, кто всегда имеет в себе памятование о Боге, потому что на земле будет он всецело, как Ангел небесный, священнодействовать Господу со страхом и любовью (прп. Ефрем Сирин, 30, 525).

***

...Кто всегда имеет пред очами Господа, тот совершеннейшим страхом отражает от себя пристрастие к видимому (прп. Ефрем Сирин, 32, 230).

***

Кто Тебя <Господа> имеет пред очами, того не обольстит никакой грех; кто на Тебя взирает, у того ничем другим не возмущается дух (прп. Ефрем Сирин, 33, 148).

***

Если у кого в мысли Христос, то работает ли он, молится ли, читает ли, Его да имеет своим непреходящим духовным стяжанием (прп. Ефрем Сирин, 35, 451).

***

Бога имей началом и концом всякого дела (свт. Григорий Богослов, 16, 209).

***

Поелику единственное охранение и врачевство для души — с любовию памятовать о Боге и держаться всегда добрых мыслей, то не будем отлагать такового рачения... (прп. Макарий Египетский, 67, 335).

***

Христианин обязан всегда иметь памятование о Боге, ибо написано: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего* (Втор. 6, 5), то есть не только когда входишь в молитвенный дом, люби Господа, но и находясь в пути, и беседуя, и вкушая пищу, имей памятование о Боге и любовь и приверженность к Нему (прп. Макарий Великий, 89, 241).

***

Хочешь ли быть познанным от Бога? Сделай, чтоб ты сколько можно менее был известен людям. Если будешь всегда помнить, что Бог есть Зритель всего того, что ты ни делаешь, душою и телом; то ни в каком деле не погрешишь и Бога будешь иметь Сожителем себе (авва Евагрий, 89, 606).

***

...Когда *ясти будеши, и насытишися, помяни Господа Бога Твоего!..* (ср.: Втор. 8, 10). Видишь, что ни в какое время не следует нам изгонять из своей души это памятование (о Боге), но твердо хранить в совести, быть в постоянной бдительности и никогда не давать себе покоя, но, зная ярость врага нашего, трезвиться и бодрствовать, заграждать ему все входы и никогда не пренебрегать духовною пищею (свт. Иоанн Златоуст, 47, 83).

***

Истинная добродетель в том, чтобы всегда памятовать о Боге, чтобы призывать Его помощь и в благополучии, потому что если мы будем помнить Его в счастии, то и Он

вспомнит о нас в несчастии (свт. Иоанн Златоуст, 48, 839).

***

Бог заповедает не одному Ангелу, а многим охранять все пути того, кто к Нему прибегает... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 908).

***

...Прекрасно памятование о Боге вследствие доставляемой им неистощимой радости... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 864).

***

...Имея в сердце постоянную память о Боге, мы не дадим ни времени грехам, ни оставим места в сердцах своих врагу (свт. Иоанн Златоуст, 52, 967).

***

Если мы будем непрестанно помнить о Боге, то уже не сможем помнить о зле... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 134).

***

...Все внимание наше должно быть всегда устремлено на то одно, чтобы живо возвращать к памятованию о Боге помыслы от их блуждания и круговращения. Как тот, кто хочет верно возвесть и вверху свесть свод купола, шнуром из центра постоянно обводит кругом постройку, и таким образом дает одинаковое всюду направление округлению ее; кто же без этого посредства покусится совершить такое дело, тот, хотя бы обладал большим искусством, не

может соблюсти непогрешительно правильность округлости, и одним взглядом не может определить, на сколько отступил от нее, не прибегая к сказанному указателю правильности, так и дух наш, если, утвердив в себе любительную память Божию, как некий неподвижный центр, не будет потом, из нее исходя и с нею обходя в каждый момент все свои делания и труды, ею, как пробою, определять качество помыслов и начинаний, чтоб одни принимать, а другие отвергать, и ею же, как верным циркулем, давать направление всему делаемому, то никак не построит, как следует, того духовного здания, коего архитектор есть Павел (1 Кор. 3, 10), и не сообщит ему красоты того дома, какой, желая устроить Господу в сердце своем, блаженный Давид взывал: *Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоея* (Пс. 25, 8), но не смысленно возведет в сердце своем дом некрасивый, Духа Святаго недостойный и всегда готовый разрушиться, долженствуя не славу за то получить от чаемого, но не удостоившего зайти в такое жилище посетителя (т. е. Духа Святаго), а плачевно быть подавленным под развалинами своего построения (Собес. 24, 6) (прп. Иоанн Кассиан, 90, 106—107).

***

К созерцанию Бога непостоянное сердце наше должно быть устремляемо постоянно, потому что в изгибах его кроется коварный враг, который старается отвлечь ум от сего спасительного занятия (авва Антоний, 56, 54).

***

...Всякий монах, стремящийся к непрестанному памятованию о Боге, должен навыкнуть постоянно размышлять

в сердце, по прогнании всех разнообразных помыслов, потому что не иначе он возможет удержать ее <мысль о Боге>, как отрешившись от всех телесных забот и беспокойств (авва Исаак, 56, 357).

***

...Святые, которые, постоянно содержа Бога в памяти, как бы на цыпочках ходят по растянутым на высоте <канатам>... Они, сущность своего спасения и жизни поставляя на узкой стезе той веревочки (т. е. памяти Бога), думают, что они тотчас подвергнутся жестокой смерти, если нога их, хоть немного поколебавшись, сойдет с пути или переступит за черту спасительного направления. Те же (акробаты), с удивительным искусством производя воздушное шествие в пустом пространстве, если с осторожным, заботливым равновесием не сохранят стезю, слишком узкую для ступни (по канату), то земля, которая для всех есть как бы природное основание и твердый, крепкий фундамент, бывает для них настоящая, явная погибель, не потому, чтобы природа ее изменилась, а потому, что они по тяжести тела стремглав падают на нее. Так и неистощимая благость Божия, при неизменяемом существе своем, никого не оскорбляет; но мы, уклоняясь от небесного и стремясь к земному, сами себя подвергаем смерти, даже самое уклонение становится смертью уклоняющемуся (прп. авва Феона, 56, 593).

***

Памятуй всегда о Боге, и ум твой сделается небом (прп. Нил Синайский, 72, 234).

***

...Когда утверждено в сердце памятование о Боге, недейственными остаются замыслы сопротивника... (прп. Нил Синайский, 73, 356).

***

Будем стараться, чтобы и на одно мгновение не переводить дыхания без памятования о Боге; потому что памятование о Боге есть величайшее благо (прп. Нил Синайский, 73, 377).

***

Ум, из которого похищена мысль о Боге и который далек стал от памятования о Нем, равнодушно грешит и внешними чувствами; ибо ни слуха, ни языка не в состоянии уже быть пестуном таковый, потому что извнутрь его отошла приверженность к подвижническому труду над собою (прп. Нил Синайский, 90, 243).

***

Во время памятования о Боге умножай моление, чтобы, когда забудешь о Нем, Господь помянул тебя (прп. Марк Подвижник, 69, 10).

***

Если хочешь непрестанно памятовать о Боге, то не отвергай злоключений, будто неправедных, но переноси их, как праведно тебя постигающие. Ибо терпение (в таком духе) каждым случаем пробуждает память (о Боге), а отречение (отказ так терпеть) умаляет мысленное мудрование сердца (к Богу устремление пресекает, обращая к

земле) и чрез отраду (что сбросил тяжесть) производит забвение (Марк Подвижник, 89, 550—551).

***

Ум наш, когда памятию Божиею затворим ему все исходы, имеет нужду, чтоб ему дано было дело какое-нибудь, обязательное для него, в удовлетворение его приснодвижности. Ему должно дать только священное имя Господа Иисуса, Которым и пусть всецело удовлетворяет он свою ревность в достижении предположенной цели. Но ведать надлежит, что, как Апостол говорит, *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). С нашей стороны требуется, чтобы сказанное речение (Господи Иисусе Христе и пр.) умом в себе утесняющимся непрестанно было изрекаемо в сокровенностях его так, чтоб при этом он не уклонялся ни в какие сторонние мечтания. Которые сие святое и преславное имя непрестанно содержат мысленно во глубине сердца своего, те могут видеть и свет ума своего (ясность мысли, или определенное сознание всех внутренних движений). И еще: сие дивное имя, будучи с напряженною заботливостию содержимо мыслию, очень ощутительно попаляет всякую скверну, появляющуюся в душе. *Ибо Бог наш огнь поядаяй есть* всякое зло, как говорит Апостол (Евр. 12, 29). Отсюда наконец Господь приводит душу в великое возлюбление славы Своей; ибо преславное то и многовожделенное имя, укосневая через памятование о нем ума в теплом сердце, порождает в нас навык любить благостыню Его беспрепятственно, потому что нечему уже тогда полагать тому препону. И сие то есть бисер оный многоценный, который стяжавают, продав все свое имение с неизреченною радостию об обретении Его (блж. Диадох, 91, 38).

***

Когда душа возмущается гневом, или отягчается многоядением, или сильною печалью омрачается, тогда ум не может держать памятования о Боге, хотя бы и понуждаем был к тому как-нибудь. Ибо весь будучи омрачен лютостью сих страстей, бывает он тогда совершенно чужд собственного чувства; почему желание не имеет где наложить свою печать, чтоб через то ум мог носить незабвенным и неизменным вид богомыслия, так как тогда память его огрубевает по причине суровства страстей. — Когда же она бывает свободна от таких возмущений, тогда, если иногда и успеет забвение на мгновение украсть мысль о возлюбленном Господе, ум, восприяв свою энергию и живость, тотчас опять с жаром емлется за многовожделенную оную и спасительную ловитву; ибо тогда сама благодать и сбогомыслствует душе и совзывает: Господи Иисусе Христе! (блж. Диадох, 91, 39).

***

Что бывает с рыбою, вышедшею из воды, то бывает и с умом, который выступил из памятования о Боге и парит в памятовании о мире (прп. Исаак Сирин, 58, 45).

***

Во всякое время вспоминай о Боге, и Он вспомянет о тебе, когда впадешь в беды (прп. Исаак Сирин, 58, 297).

***

Человек, далекий от всякого памятования о Боге, носит в сердце своем тревожимую лукавою памятию мысль против ближнего (прп. Исаак Сирин, 58, 396).

***

...Памятование о Боге, когда овладеет пажитию в душе, истребляет в сердце памятование о всем видимом (прп. Исаак Сирин, 58, 397—398).

***

...Водружение нами в себе памятования о Боге есть вселение в нас Бога (прп. Исаак Сирин, 58, 418).

***

Если душа просияла памятованием о Боге и неусыпным бдением день и ночь, то Господь устроит там (внутри) к ограждению ее облако, осеняющее ее днем и светом огненным озаряет ее ночь; во мраке ее просияет свет (прп. Исаак Сирин, 90, 762).

***

Иметь заповедь и стараться сохранять ее — в сем заключается и поминовение, и память Божия (прп. авва Дорофей, 29, 262).

***

Память Иисусова да сраствoрится с дыханием твоим (прп. Иоанн Лествичник, 93, 337).

***

...Да делает всяк свое дело, как пред лицем Бога, а не человеков; и чисто будет дело его... (прп. Феодор Студит, 92, 241).

***

Горе́ смотреть нам надлежит, потому что там глава наша — Христос Господь, там сокровище наше и жизнь вечная (прп. Феодор Студит, 92, 303).

***

...И одно слово отдалит ум от памяти Божией, когда бесы нудят на то, и чувства соглашаются с ними. Велик подвиг и страх — хранить душу (прп. авва Филимон, 91, 362).

***

Сообразно с заповедью должно предпочитать всему заповедь всеобъемлющую, память Божию, о коей говорится: *помни Господа, Бога твоего, всегда* (ср.: Втор. 8, 18). Ибо от чего гибнем, противоположным тому и сохранены быть можем. Губит же нас забвение Бога, мраком покрывая заповеди и обнажая нас от всякого добра (прп. Григорий Синаит, 93, 183)

***

Память Божия, или умная молитва, выше всех деланий; она есть глава и добродетелей, как любовь Божия (прп. Григорий Синаит, 93, 223).

***

Памятование о Боге есть созерцание Бога, Который влечет к себе зрение и устремление ума, и светом Своим озаряет его (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 168).

***

...Шествуя мысленным путем, повторяй слова молитвы и беседуй к Господу, непрестанно вопия и не унывая: неотступно молись, подражая бесстудию вдовицы, склонившей на милость неумолимого судию. Тогда (это будет значить, что) ты духом ходишь, похотям плотским не внимаешь и мирскими помыслами не пресекаешь непрерывность молитвы, но бываешь храмом Божиим, в коем неразвлеченно воспевается Бог. Так проходя мысленную молитву, сподобишься ты наконец достигнуть непрестанного памятования о Боге, войти в недоступные сокровенности ума и в таинственных созерцаниях зреть Невидимого, един Единому уединенно служа Богу, в понятных одному тебе излияниях любви (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 172).

***

Ощущение присутствия Господня наводит на душу спасительный страх, вводит в нее... чувство благоговения, а воображение Господа и святых Его сообщает уму как бы вещественность, приводит его к ложному, гордому мнению о себе... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 147—148).

***

Вообще памятование вездесущия и всемогущества Божия удерживает сердце от того колебания, в которое усиливаются привести его помыслы неверия, опираясь на тщеславие и неправильную любовь к телу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 329).

***

Таково свойство любви! Она непрестанно памятует о любимом: она непрестанно услаждается именем любимого. Имя Господа — паче всякого имени: оно источник услаждения, источник радости, источник жизни (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 252).

***

Что значит пребывать в любви к Господу? Значит непрестанно памятовать о Нем, непрестанно пребывать в единении с Ним по духу (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 308).

***

Живое и постоянное памятование Бога есть видение Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 254).

***

Начало непрестанного памятования Бога уже заключается в тщательном изучении закона Божия, во внимательном чтении Евангелия и всего Нового Завета, в чтении святых отцев Православной Церкви (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 255).

***

Исполнение Евангельских заповедей составляет собою памятование Бога... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 255).

***

Жизнь, всецело посвященная исполнению заповедей, есть постоянное памятование Бога... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 255).

***

...Превосходным средством к памятованию Бога служит молитвенное обращение к Богу пред всяким начинанием, с прошением у Него благословения, наставления, помощи, милости (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 256).

***

Высокое занятие — непрестанное памятование Бога!.. Но эта высота очень опасна, когда лествица к ней не основана на прочном камне смирения (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 497).

***

...Не выпускайте из ума мысли, что Бог видит вас — вы под оком Его состоите, — и блюдитесь от всего неугодного Богу (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 135).

***

Главное, в чем надо упражняться, есть память Божия, или хождение в присутствии Божием (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 163).

***

Положи холодную вещь на солнце — она согреется. Так согреется и душа от памяти о Господе, Который есть Умное Солнце (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 165).

***

Память о Боге Бог Сам прививает к душе. Но для этого душа сама себя должна потомить и потрудить. Трудитесь, всеусильно нудя себя на непрестанное памятование Бога. И Бог, видя, как усердно вы желаете сего, даст вам память о Себе (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 49).

***

Навыкайте не тогда только о Боге думать, когда стоите на молитве, но и всякий час и минуту, ибо Он везде есть (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 117).

***

Умом же совсем не отступайте от Господа, на молитве ли стоите, или другое что делаете (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 123).

***

В сем памятовании <о Боге> надо всячески укрепиться до того, чтобы оно было неотходно от внимания (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 155).

***

...Потому что не помним <о Боге>, позволяем себе много такого, чего не позволили бы, если бы помнили (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 155).

***

Чтобы удобнее навыкнуть памятованию о Боге, для этого у христиан ревностных есть особый прием, именно — непрестанно повторять коротенькую — слова в два-три — молитовку (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 156).

***

Не забывайте только, что память о Боге надо... соединять со страхом Божиим и благоговеинством (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 156).

***

Память Божия — жизнь духа (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 191).

***

Память о том, что Господь всюду есть, — и с вами, и в вас, — эту память навяжите на свой ум и с нею ходите неразлучно — работайте, сидите, спите и бодрствуйте (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 257).

ПАСТВА

Не покоряющиеся посланным от Господа не их только бесчестят, но и Самого Пославшего, и навлекают на себя суд тягчайший, нежели содомляне и гоморряне (свт. Василий Великий, 7, 404).

***

Будь слушателем добрых поучений, и размышлением о них храни свое сердце (свт. Василий Великий, 9, 48).

***

...Врачуемым должно принимать наказания не во вражду и не мучительством почитать попечение, какое настоятель из сердолюбия прилагает о спасении души. Ибо если больные телом столько доверяют врачам, что почитают их благодетелями, даже когда они режут, или прижигают, или утруждают принятием горьких лекарств, то стыдно нам к врачам душ наших, когда суровым своим обращением совершают наше спасение, не иметь такого же расположения... (свт. Василий Великий, 9, 167—168).

***

...Как овцы покоряются пастырю и туда обращаются, куда ведет пастырь, так и подвижники по Богу должны покоряться наставникам, не входя в исследования их приказаний, когда они чисты от греха, но исполняя приказанное со всяким усердием и тщанием (свт. Василий Великий, 9, 377).

***

Хотя бы настоятели наши к нам... были и строптивы (чего да не будет!), однако же будем служить им по доброй совести, как Господу, а не как человекам, зная, что от Бога получим награду (прп. Ефрем Сирин, 30, 569).

***

Овцы, не пасите пастырей и не выступайте из своих пределов; для вас довольно, если вы на доброй пажити <пастбище>. Не судите судей, не предписывайте законов законодателям (свт. Григорий Богослов, 13, 154).

***

Первое место дай Богу, а следующее за тем — иерею, земному Христу, руководителю твоей жизни. Поспешай за ним на крылах, покоряйся ему безмолвно; с ним радуйся, когда простираешься вверх, и ему подчиняйся, когда падаешь, чтобы, пришедши в страх, опять вознестись высоко (свт. Григорий Богослов, 16, 91).

***

...Слушание (поучений) будет небезопасно для вас, если оно не будет сопровождаться делами (свт. Иоанн Златоуст, 44, 759).

***

Подлинно, как прекрасно пастырю быть закланным за овец, так же прекрасно и овцам в самой смерти не отделяться от пастыря; если они будут с ним нераздельно, то не станут бояться волка — дьявола (свт. Иоанн Златоуст, 46, 441).

***

...Не смотри на того <служителя Божиего>, кто принимает честь. Не ради его самого ты должен делать то, что требуется от тебя, но ради Того, Кому он служит, — чтобы ты мог получить от Него щедрое воздаяние (свт. Иоанн Златоуст, 47, 703—704).

***

Господь усвояет Себе как воздаваемую <пастырям> честь, так и презрение (свт. Иоанн Златоуст, 47, 704).

***

Разве Господь ниспосылает тебе Свои воздаяния соразмерно с достоинством или слабостью служителей Своих? Он награждает тебя или осуждает сообразно с твоим расположением (свт. Иоанн Златоуст, 47, 704).

***

Как мы <пастыри> дадим отчет за вас, так и каждый из вас несет ответственность и за слугу, и за жену, и за сына (свт. Иоанн Златоуст, 47, 760).

***

Не только проповеднику нужно быть бодрым, но и слушатели должны быть внимательны, слушатели даже более, чем проповедник (свт. Иоанн Златоуст, 47, 761).

***

Кто всегда теряет (из памяти) то, что ему преподано, тот всегда будет нуждаться в учителе и никогда не узнает ничего (свт. Иоанн Златоуст, 51, 72).

***

...В делах маловажных вы никогда не отказываетесь никакими предлогами и можете найти много свободного времени; а когда надобно внимать слову Божию, то это кажется вам столь излишним и незначительным делом, что будто бы не стоит употреблять на это и малого свободного времени (свт. Иоанн Златоуст, 51, 73).

***

...Не будем досадовать, когда нас врачуют, но лучше будем радоваться, хотя бы способ учения причинял нам

горькие скорби, потому что впоследствии он принесет самый сладкий плод (свт. Иоанн Златоуст, 51, 96).

***

...Священник хотя бы и хорошо устроил свою собственную жизнь, но если не будет с должным усердием заботиться о жизни твоей и всех других, вверенных его попечению, то вместе с порочными пойдет в геенну, и часто, невинный по своим делам, он погибает за ваши беззакония, если не исполнит надлежащим образом всего, что до него касается. Итак, зная, какая великая угрожает опасность священникам, оказывайте им великую любовь. На это указал и <апостол> Павел, когда сказал: *тии бо бдят о душах ваших,* и — не просто, но *яко слово воздати хотяще* (Евр. 13, 17). Потому им надобно оказывать великое уважение (свт. Иоанн Златоуст, 51, 589—590).

***

...Священники, если будут пользоваться у вас надлежащею честию, в состоянии будут устроить и ваши дела, как следует; а если вы будете опечаливать их, то ослабите их руки и сделаете то, что они вместе с вами легко будут увлечены волнами, хотя бы они были и весьма мужественны (свт. Иоанн Златоуст, 51, 590).

***

Даже и тот, кто не состоит учителем и не занимает учительского места, а просто принял Христово учение и стал в ряду Его учеников, и тот уже должен иметь ревность по Богу и воздавать благодарность Благодетелю, смело отверзая уста в защиту истины и против нечестия, по

завету Священного Писания: чадо, *даже до смерти подвизайся о истине, и Господь Бог побо́рет по тебе* (Сир. 4, 32) (свт. Иоанн Златоуст, 51, 686).

***

Ты овца? Повинуйся пастырю своему, не убегай из ограды, люби веру, не уклоняйся от жезла пастыря, так как он поражает тебя не для того, чтобы убить, а для того, чтобы отвратить тебя от заблуждения (свт. Иоанн Златоуст, 52, 994).

***

...Хотя бы жизнь учителя была и небрежна, нам должно быть внимательными к себе и слушать Пророка, который говорит, что будут все *научены Богом*... (Ис. 54, 13) (свт. Иоанн Златоуст, 54, 327).

***

<Любите пастыря>... как дети родителей, потому что чрез них вы родились рождением вечным, чрез них получили Царство, их руками совершается все, чрез них отверзаются вам врата небесные. Пусть никто не противится, пусть никто не прекословит! Кто любит Христа, тот будет любить и священника, каков бы он ни был, потому что чрез него сподобился Страшных Таин (свт. Иоанн Златоуст, 54, 557).

***

...Если любишь Христа, если любишь Царство Небесное, то уважай тех <пастырей>, чрез кого ты получил его! (свт. Иоанн Златоуст, 54, 557).

***

Следует относиться к ним <иереям> с великой заботливостью. Если же вместе с другими нападаете на них и вы, тогда и ваши дела не будут в хорошем состоянии. Пока кормчий чувствует себя хорошо, будут в сохранности и едущие с ним. Если же они станут бранить его и будут относиться к нему со враждой, он будет не в состоянии ни трудиться, ни бодрствовать, ни сохранить своего искусства и, не желая, подвергнет их тысячам опасностей. Так и иерей: если он будет пользоваться со стороны вас заботливостью, он надлежащим образом управит и ваши дела. Если же вы... повергнете их в уныние, тогда отдадите вместе с собой и их во власть волн, хотя бы они были очень храбры (свт. Иоанн Златоуст, 55, 826).

***

Точно ли иереи, делающие худое употребление из жертвуемого, как говоришь ты, виновны пред Богом, сие неизвестно тебе. Не оскорбляй намерения, с каким приносится дар, доведываясь о самом образе его употребления, как будто с тем ты дал, чтобы требовать отчета, а иереев освободить тем от будущей ответственности (прп. Исидор Пелусиот, 60, 121).

***

То же древле делали иудеи — жертвы принося щедро, а учителей и исполнителей закона побивая камнями; это, соревнуя им, сделали и вы, храм Божий украшая пожертвованиями, а пастыря Его подвергая бедам. Значит, ваше приношение даров было не из любви к Богу, а из тщесла-

вия, которое мзду свою получает здесь (прп. Исидор Пелусиот, 60, 200).

***

Начав жить вместе с духовным отцом и восчувствовав пользу от него, не допускай, чтоб кто-либо отдалил тебя от любви к нему и от сожительства с ним; не осуждай его ни в чем; не говори о нем худо, хотя будешь им обличаем и даже биен; уха своего не открывай, когда кто другой станет злословить его; и отнюдь не сдружайся с тем, кто поносит его, чтоб не прогневался на тебя Господь и не изгладил тебя из книги живых (свт. Феодор Едесский, 91, 327).

***

Не будь судиею дел <духовного> отца твоего, но исполнителем заповедей его. Демоны, как обычно им, начнут указывать тебе на недостатки его, чтоб оглушить уши твои для уроков его, и тебя чрез то или сделать немощным и страшливым воином на брани, или одними помыслами неверия расслабить тебя и разленить ко всякому виду добродетели (свт. Феодор Едесский, 91, 327).

***

Нет несчастнее и ближе к погибели людей, не имеющих наставника в пути Божием (прп. авва Дорофей, 29, 70).

***

Лист сначала всегда бывает зелен, цветущ и красив, потом постепенно засыхает, падает, и наконец им пренебрегают и попирают его. Так и человек, никем не управ-

ляемый, сначала всегда имеет усердие к посту, ко бдению, безмолвию, послушанию и к другим добрым (делам); потом усердие это мало-помалу охладевает, и он, не имея никого, кто бы наставлял его, поддерживал и воспламенял в нем это усердие, (подобно листу), нечувствительно иссыхает, падает и становится, наконец, подвластным и рабом врагов, и они делают с ним, что хотят (прп. авва Дорофей, 29, 70).

***

Кто иногда слушается, а иногда не слушается отца, тот подобен человеку, который к больному своему глазу в одно время прикладывает целебную мазь, а в другое известь (прп. Иоанн Лествичник, 57, 43).

***

Всякого наказания достойны перед Богом те больные, которые, испытавши искусство врача и получивши от него пользу, из предпочтения к другому оставляют его прежде совершенного исцеления (прп. Иоанн Лествичник, 57, 45).

***

В присутствии наставника будем обучать себя крайнему молчанию и неведению, ибо молчаливый муж есть сын любомудрия, который всегда приобретает многий разум (прп. Иоанн Лествичник, 57, 46).

***

Когда, будучи непрестанно обличаем от своего наставника, ты почувствуешь, что вера и любовь твоя к нему

возрастают, то знай, что Дух Святый невидимо вселился в твою душу и сила Вышнего осенила тебя (прп. Иоанн Лествичник, 57, 57).

***

...Не радуйся и не хвались, когда ты мужественно терпишь досады и бесчестия; напротив, плачь о том, что ты сделал нечто достойное выговора и возмутил против себя душу наставника (прп. Иоанн Лествичник, 57, 57).

***

Не должно искать таких руководителей, которые бы имели дар пророчества или прозрения, но прежде всего истинно смиренномудрых, и по нраву, и местопребыванию своему приличных нашим недугам (прп. Иоанн Лествичник, 57, 57).

***

Не может кормчий один, без помощи корабельных служителей, спасти корабль... Не может врач исцелить больного, если сей не убедит врача просьбою и открытием язвы с полною доверенностию (прп. Иоанн Лествичник, 57, 258).

***

Если хочешь улучить истинного учителя, мужа святого и духовного, не рассчитывай, что можешь узнать его сам собою, своим рассмотрением, потому что это невозможно. Но прежде всего другого... подвизайся в добрых делах, в

милостынях, в пощении, молитве и молении непрестанном, да будет тебе помощником и содействователем в этом Бог. Коль же скоро с помощию Божиею, по благодати Его, сподобишься найти такого, покажи к нему крайнее внимание и всякое ему благоугождение, великое смирение и благоговение, высокое почитание и веру чистую и несомненную. Чего ради? Ради того, чтоб, к несчастию, не заслужить тебе иначе вместо мзды казнь и муку (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 102—103).

***

Слова (Λόγους) отца твоего духовного и повеления исполняй, ибо они непреткновенно наставляют тебя на путь (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 87—88).

***

Кто верует, что в руке пастыря его находится его жизнь и смерть, тот никогда не воспротиворечит. Неведение же сего рождает прекословие, причиняющее духовную и вечную смерть (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 15).

***

Если же по плоти отцов... <должен почитать и любить>, то сколь более должен ты почитать и любить отцов, родивших тебя по духу, которые из бытия претворили тебя в благобытие, сообщили тебе свет ведения, научили тебя явно истинствовать, возродили банею пакибытия, вложили в тебя надежду воскресения и бессмертия, непрестающего царствия и наследия, и соделали из недостойного достой-

ным вечных благ, из земного небесным, из временного вечным, сыном и учеником не человека, а Богочеловека Иисуса Христа, давшего тебе дух сыноположения, как Сам Он сказал: *и Отца не зовите себе на земли: един бо есть Отец ваш, Иже на небесех. Ниже нарицайтеся наставницы: един бо есть Наставник ваш, Христос* (Мф. 23, 9—10). Всякую убо честь и любовь должен ты воздавать отцам своим духовным, поколику честь к ним возносится ко Христу Господу и к Духу Святому, *в Коем принял ты сыноположение* (ср.: Рим. 8, 15) и к Отцу Небесному, *из Негоже всяко отечество на небесех и на земли именуется* (Еф. 3, 15). Постарайся во всю жизнь иметь духовного отца, и открывать ему всякий грех и всякий помысл, и получать от него отпущение и врачевство: ибо им дано вязать и разрешать души, и все, *что они свяжут на земли, будет связано на небеси, и все, что они разрешат на земли, будет разрешено и на небеси* (ср.: Мф. 18, 18). Сию благодать и власть получили они от Христа; почему повинуйся им и не противоречь им, чтоб не причинить погибели душе своей. Ибо если противоречащий плотским родителям в том, что не воспрещено законом Божиим, по закону предается смерти, то противоречащий духовным отцам не изгонит ли из себя Духа Божия и не погубит ли души своей? Почему советуйся с духовными отцами своими и слушайся их до конца, да спасется душа твоя и наследует вечные и нетленные блага (свт. Григорий Палама, 93, 286).

***

Молчание возлюбите и уединяйтесь, сколько возможно, чтоб быть во единении с Господом. Тогда Он Сам содела-

ется для вас руководителем и учителем... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 169—170).

ПАСТЫРЬ

Сущность пастырства

...Врачевание человека лучше всех деланий и добродетелей (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 152).

***

...Править человеком, самым хитрым и изменчивым животным, по моему мнению, действительно есть искусство из искусств и наука из наук. В чем всякий может удостовериться, если врачевание душ сравнит с лечением тел, изведает, сколько трудно последнее, и разберет, сколько наше врачевание еще труднее, а вместе и предпочтительнее, и по свойству врачуемого, и по силе знания, и по цели врачевания (свт. Григорий Богослов, 12, 26—27).

***

...Наше врачебное искусство гораздо труднее, а следовательно, и предпочтительнее искусства врачевать тела; но оно труднее еще и потому, что последнее мало заглядывает вглубь, более же занимается видимым: напротив того, наше врачевание и попечение все относится к *потаенному сердца человеку* (ср.: 1 Пет. 3, 4), и наша брань — со врагом, внутрь нас воюющим и противоборствующим, который, оружием против нас употребляя нас же самих (что всего ужаснее!), предает нас греховной смерти. А для сего нам нужны: великая и совершенная вера, в большей мере Бо-

жие содействие, но не в малой также, как убежден я, и собственная наша ревность, выражаемая и действительно оказываемая словом и делом, если нужно, чтобы наши души, которые для нас всего предпочтительнее, хорошо были врачуемы, очищаемы и ценимы дороже всего (свт. Григорий Богослов, 12, 29—30).

***

...У нас цель всякого слова и дела — вести к совершенству тех, которые нам вверены (свт. Григорий Богослов, 12, 270).

Образ пастыря

Не всякая рана врачуется одним и тем же пластырем; острые боли утишай прохладительными примочками. Во всем будь мудр, как змея, и незлобив, как голубь. Для того ты вместе и телесен и духовен, чтобы ласково принимал и то, что является тебе наружно, но молись, чтобы тебе открыто было и сокровенное, дабы не иметь ни в чем недостатка, напротив, с избытком обладать всяким дарованием. Как кормчим нужны ветры или обуреваемому — пристань, так настоящему времени нужен ты — для того, чтобы достигнуть Бога. Будь же бдителен, как подвижник Божий. Наградой будет нетление и Жизнь Вечная... (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 309).

***

Пресвитеры... должны быть благосердны, милостивы ко всем, обращать заблуждающих, посещать всякого немощного, не пренебрегать вдов или нищего, *всегда стараться о добром пред Богом и человеками* (см.: 2 Кор. 8, 21), воздерживаться от всякого гнева, лицемерия, несправедли-

вости в суде; удаляться от всякого сребролюбия, не быть легковерными к наговорам на кого-либо, жестокими на суде, зная, что все мы должники греха. И потому если молим Господа, чтобы Он простил нас, то и мы должны прощать. Ибо все мы находимся пред очами Господа и Бога; *каждый из нас должен предстать пред судилище Христово и каждый за себя дать отчет* (см.: Рим. 14, 10, 12). Итак, будем служить Ему со страхом и всяким благоговением, как Он заповедал Сам и благовествовавшие нам Апостолы и Пророки, предсказавшие пришествие Господа нашего. Будем ревностны в добре, будем удаляться от соблазнов, от лжебратий и от тех, которые лицемерно носят на себе имя Господне и вводят в заблуждение людей легкомысленных (сщмч. Поликарп Смирнский, 94, 324).

***

Надобно наперед удостовериться в правомыслии и в опытности старца, — и тогда уже доверяться его слову и беспрекословно принимать его советы. Признак, по которому это можно распознать, есть согласие слова его со Словом Божиим (прп. Антоний Великий, 89, 124).

***

Напрасно учит тот, у кого дела не соответствуют учению (прп. авва Исаия, 59, 181).

***

...Доброму пастырю несвойственно останавливаться на отдых, когда вверенное ему стадо рассыпано (свт. Василий Великий, 6, 328).

***

Предстоятель слова все должен делать и говорить с осмотрительностию и по многом испытании, с целью благоугодить Богу, как человек, имеющий нужду в одобрении и засвидетельствовании даже тех, которые ему вверены (свт. Василий Великий, 7, 401).

***

<Пастыри должны быть как> строители храма Божия, которые приуготовляют душу каждого, чтобы сделать ее соответственною основанию Апостолов и Пророков (свт. Василий Великий, 7, 416).

***

<Пастыри должны быть> как насадители Божиих розг, которые не насаждают ничего чуждого виноградной Лозе, т. е. Христу, и ничего неплодоносного, но со всяким рачением улучшают, что свойственно сей Лозе и плодоносно (свт. Василий Великий, 7, 416).

***

Не будь тяжел в выговорах, обличай нескоро и не со страстным движением, ибо это признак высокомерия... (свт. Василий Великий, 8, 274).

***

Настоятеля да не надмевает сан, чтобы ему не лишиться блаженства, обещанного смиренномудрию (см.: Мф. 5, 3)... Как тот, кто прислуживает многим раненым, очищает гной у каждого с раны и оказывает им пособия

по качеству повреждения, свое служение не считает поводом к превозношению, но скорее к уничижению, томлению и тяготе, тем более тот, кому поручено врачевать недуги братства, как общий всех слуга и о всем обязанный дать отчет, должен много думать и беспокоиться (свт. Василий Великий, 9, 135—136).

***

...Кротость нрава и смирение сердца да отличают настоятеля (свт. Василий Великий, 9, 159).

***

...<Настоятель> должен быть мягкосерд, великодушно переносить, если кто по неопытности не выполнит какой-либо своей обязанности, не потакать грехам, но с кротостию терпеть непослушных и со всем мягкосердием и с умеренностию давать им врачевства, быть способным изобрести способ врачевания, свойственный немощи, не с высокомерием делая выговор, но с кротостию увещевая и наказывая... (см.: 2 Тим. 2, 25), быть рассудительным в делах настоящих, предусмотрительным в рассуждении будущего, иметь силу подвизаться вместе с крепкими, носить немощи бессильных, быть в состоянии все делать и говорить к усовершению живущих с ним (свт. Василий Великий, 9, 159—160).

***

Чти Господа, и не соблазняй мирянина. Подражай пророку Самуилу, потому что он и Богу угождал, и людей назидал (прп. Ефрем Сирин, 30, 140).

***

Если ты... искусен во врачевании и врачуешь, то будь трезвен, чтоб врачуя других, самому не оказаться страждущим. Послушай, что говорит Апостол: *да не хулится наше благое* (ср.: Рим. 14, 16) (прп. Ефрем Сирин, 30, 196—197).

***

Словеса жизни вечной поверяются мужу христолюбивому (прп. Ефрем Сирин, 30, 200).

***

...Если возлюбишь <любовь>... благоуспеешь во всех делах своих... вселится в тебя благодать Божия, и благодать, как источник, будет источать врачевания людям, и благоухание ее возвеселит сердце твое (прп. Ефрем Сирин, 30, 594).

***

Как пастырь, поддерживай плоть свою бесстрастием (прп. Ефрем Сирин, 31, 633).

***

Кто подавил в себе неприличные телесные и душевные пожелания, т. е. в теле блуд, чревоугодие и подобное тому, и в душе гнев, раздражительность, тщеславие и близкое к сему — тот невозбранно должен быть пастырем (прп. Ефрем Сирин, 32, 405—406).

***

Учитель, украшай учение свое доброю жизнью, которая бы соответствовала учености твоей (прп. Ефрем Сирин, 33, 220).

***

Не пренебрегайте же духовным служением, и под предлогом телесных потреб, не будьте нерадивы к Божией службе (прп. Ефрем Сирин, 35, 462).

***

...Беремся лечить других, а сами покрыты струпами... Если бы кто из нас сохранил себя даже сколько можно более чистым от всякого греха, то не знаю еще, достаточно ли и сего готовящемуся учить других добродетели. Кому вверено сие, тот не только не должен быть порочным (сим гнушаются и многие из подчиненных ему); но должен отличиться добродетелью... Он обязан не только изглаждать в душе своей худые образы, но и напечатлевать лучшие, чтобы ему превосходить других добродетелью больше, нежели сколько он выше их достоинством (свт. Григорий Богослов, 12, 25).

***

...Цель всякого духовного начальства — во всем презирать свое для пользы других (свт. Григорий Богослов, 12, 51).

***

...Бог, по благости Своей, вознаграждает веру и делает совершенным начальником того, кто на Него уповает и в Нем полагает все надежды (свт. Григорий Богослов, 12, 81).

***

Безгласное дело лучше неисполнимого слова. Никто никогда не стал высоким без добрых дел, а многие прославились без красного слова. Благодать дается не тому, кто

говорит, но тому, кто хорошо живет (свт. Григорий Богослов, 16, 201).

***

...В деле начальствования предстоятелям трудиться должно более других, а думать о себе смиреннее подначальных, в жизни своей представлять братиям образец служения и на вверенных их начальству смотреть, как на Божий залог (прп. Макарий Египетский, 67, 331).

***

Жительствуйте, с радостью подъемля всякий труд и подвиг... никогда не изнемогая и не расслабевая от нерадения, так, чтобы и самим не падать, и для других не соделоваться виновником греха (прп. Макарий Египетский, 67, 343).

***

...Наставление в добродетели тогда было бы достойным веры, когда бы жизнь согласовалась со словами (свт. Григорий Нисский, 24, 224).

***

Железо для приготовления из него каких-нибудь вещей мы вверяем опытным в кузнечном искусстве, а не тем, кто не знает его, так и души надобно вручать тому, кто хорошо разумеет, как умягчать их огнем Святаго Духа, — тому, кто посредством образования разумных органов каждого бы из вас уготовил в сосуд избранный и благопотребный Богу (свт. Григорий Нисский, 25, 507).

***

...Уроки любомудрия <человек> легче выслушает от того, кто оправдывает их делами (свт. Иоанн Златоуст, 44, 72).

***

...Неспособный управлять самим собою как может подчинять законам других? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 126).

***

...Учительство без дел не только не доставляет никакой пользы, но даже приносит великий вред и осуждение тому, кто проводит жизнь свою в такой беспечности (свт. Иоанн Златоуст, 44, 150).

***

...Сколько одаренные разумом люди отличаются от бессловесных, такое же должно быть различие между пастырем и пасомыми... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 415).

***

...Пастырю надобно иметь много благоразумия и много очей, чтобы со всех сторон наблюдать состояние души (свт. Иоанн Златоуст, 44, 417).

***

...Тот, кто поставлен учить других, должен быть опытнее всех... в спорах (свт. Иоанн Златоуст, 44, 461).

***

...К вере, посредством одиннадцати рыбарей, неученых, простых, не смевших даже открыть и уста, Он <Господь> обратил всю вселенную. Эти неученые и простые рыбари заградили уста философам и как бы на крыльях обтекли всю вселенную, посевая в ней слово благочестия, исторгая терния, истребляя древние обычаи и повсюду насаждая законы Христовы. Ни малочисленность и простота их, ни строгость (возвещаемых ими) повелений, ни привязанность всего рода человеческого к древним обычаям не могли служить для них препятствием, но все это устранила предшествовавшая им благодать Божия, так что они все делали легко, самыми препятствиями возбуждаясь к большей ревности (свт. Иоанн Златоуст, 47, 292—293).

***

...Тому, кто хочет учить смирению и кротости, следовало бы самому подать примеры этих прекрасных добродетелей, чтобы и словами наставлять, и делами поучать (свт. Иоанн Златоуст, 47, 832).

***

Тысячи раз я желал бы сам лишиться зрения, если бы только чрез это можно было обратить ваши души, — так спасение ваше для меня приятнее самого света. Да и что мне пользы от лучей солнечных, когда скорбь из-за вас наводит глубокий мрак на мои очи? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 41).

***

...Укрась душу свою одеждой судии (а она есть кротость), и тогда садись производить суд на своем седалище.

Но, скажешь, не будет бояться? Нет, гораздо больше убоится. В противном случае, хотя бы ты сказал и правду, раб припишет это гневу, а если (скажешь) кротко, то он осудит сам себя; главное же, ты сделаешь угодное Богу... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 152).

***

...Ты не можешь творить знамений и убеждать? Убеждай... тем, чем можешь: человеколюбием, предстательством, кротостью, ласками и всем другим (свт. Иоанн Златоуст, 52, 177).

***

Так всегда нужно поступать тому, кто имеет большую власть, укоризны предоставлять другим, а самому говорить с большею кротостию (свт. Иоанн Златоуст, 52, 297).

***

Если бы можно было исторгнуть и показать мое сердце, то вы увидели бы, как не тесно помещаетесь в нем все вы — и жены, и дети, и мужи. Такова сила любви: она делает душу пространнее неба (свт. Иоанн Златоуст, 52, 389).

***

Поверьте мне, я забываю о собственном спасении, заботясь о вашем, и не имею времени оплакивать свои грехи. Так вы для меня — все. Когда вижу, что вы преуспеваете в добродетелях, то не чувствую собственных бед от радости; а когда вижу, что вы не преуспеваете, то от скорби опять занимаюсь своим... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 389).

***

Добрый пастырь, именно такой, какого и желает Христос, состязается в подвигах с многочисленными мучениками. Ведь мученик однажды за Христа умер, а пастырь, если он таков, каким должен быть, тысячекратно умирает за стадо, он даже каждый день может умирать (свт. Иоанн Златоуст, 52, 833).

***

...Учитель особенно имеет нужду в благодати Божией и мире. Если он без них будет управлять народом, то все распадется и погибнет за отсутствием у него кормила. Хотя бы он и был опытным в управлении, но если не будет иметь этого кормила — благодати и мира от Бога, то потопит корабль и плывущих (свт. Иоанн Златоуст, 54, 843).

***

Потому и Бог дал нам не Ангелов в учители, не Гавриила, сведши свыше, поставил над Своим стадом, но, взяв из самого стада, делает пастыря, из самих овец — начальника над стадом, чтобы он был снисходителен к начальствуемым и, помышляя о собственной немощи, не гордился бы пред пасомыми, но имел бы уздою и основою смирения пригнетение от собственной совести (свт. Иоанн Златоуст, 55, 285).

***

...Лучшим кормчим мы называем не того, кто может направлять корабль по тихому морю, но кто плывущих на нем проводит между скалами, волнами, бурями и ветрами; и врачом того, кто страдающего исторгает от бесчисленных удручающих болезней... и пастырем — того, кто со-

блюдает стадо в безопасности от бесчисленных окружающих волков и других злоумышленников (свт. Иоанн Златоуст, 55, 327).

***

...Когда учитель доброты является первым, утверждающим свои наставления, — он, как только появляется, укрощает даже беснующихся, и совсем ему не нужны внушения и слова, он вводит мир прежде, чем что-либо произнесет (свт. Иоанн Златоуст, 55, 388).

***

...Кто, пренебрегая многими и большими (заповедями), возьмется учить других, тот должен считаться уже не малейшим в Царстве Небесном, а величайшим в муках геенны. И потому тебе надобно остерегаться, чтобы не увлечься к учительству примером тех, которые, приобретя дар слова и искусство состязаться (поелику могут красноречиво и удовлетворительно доказать то, что захотят), слывут владеющими духовным знанием у тех, которые не умеют различать силу и качество его. Ибо иное — иметь развязанность на словах и чистоту речи, а другое — проникать в сущность небесных глаголов и чистым оком созерцать глубокие и сокровенные тайны, чего никак не доставит человеческое учение, светская ученость, а одна чистота духа посредством просвещения Святаго Духа (авва Нестерой, 56, 428—429).

***

Наставники, старающиеся вести жизнь, приличную учителям, не только да блюдут себя неподлежащими упрекам, но да украшаются и божественными преимуществами. Ибо

первое требуется от всякого, а последнее — от достигших верха добродетели, которые, если и ничего не говорят, самим безмолвием, взывающим громче слова, образуют учеников, не слух их услаждая, но просвещая души. Полагающие, что от учителя не требуется ничего, кроме слов, утруждают слух и производят смех; а сияющие делами, хотя и в молчании подвизаются, назидают души взирающих (прп. Исидор Пелусиот, 60, 278—279).

***

Как хорошей породы дерево, когда обременено плодами, покрыто листьями, веселит садовника, услаждает зрителей и покоит проходящих, так и поставленный на учительском месте, когда украшен добродетелью и озаряет словом — и Бога веселит, и людям приносит пользу. Если же будет лишен того или другого, то не окажет великой пользы ученикам. Ибо потребна жизнь ради любящих осуждать, потребно и слово для обличения ересей. Хотя многим и без слова доставляет часто пользу жизнь, однако же, когда видят учителя побежденным в умозаключениях и беседах, поучаемые терпят нередко вред в существенном, увлекаясь искаженными догматами, потому что винят не неопытность учителя, но нетвердость догмата. Если же слово, льясь с силою, низложит противников, то худостью жизни омрачается победа. Недостойным веры почтут учителя, который не делает того, что должно. Посему надлежит озарять и словом, и жизнью (прп. Исидор Пелусиот, 61, 22—23).

***

Больше, обыкновенно, приносит пользы жизнь без слова, нежели слово без жизни. Ибо одна пользует и молча, а другое и взывая возбуждает неудовольствие. Но если со-

единены будут и слово и жизнь, то составят образец всякого любомудрия (прп. Исидор Пелусиот, 61, 57).

***

Сколько можно, избегай... свиданий с женщинами. Ибо священствующим надлежит быть святее и чище поселившихся в горах. Первые имеют попечение и о себе, и о народе, а последние — только о себе, притом первые поставлены на высоте такой чести, что все разведывают и разбирают их жизнь, а последние живут в пещере, или врачуя свои раны, или изучая свои недостатки, а иные и соплетая себе венцы. Если же вынужден будешь свидеться с женщинами, то склони очи долу, и их учи, как надобно смотреть... И ты, сказав немногое, что может сократить и просветить, лети скорее прочь, чтобы продолжительное свидание не расслабило и не расстроило твоих сил, и, овладев тобою, как грозным и величавым львом, не остригло гривы, которая льва действительно делает львом и охраняет царственное его достоинство, не выдергало зубов, не лишило и когтей, которыми преодолевает самых сильных зверей, и потом, сделав гнусным и смешным, не отдало играть малым девам этого страшного и нестерпимого зверя, рыканием только потрясающего горы. Если же хочешь быть в почтении у женщин, хотя это всего неестественнее духовному мужу, пусть не будет у тебя никакого общения с женщинами, и тогда воспользуешься от них славою. Ибо тогда это наипаче делается возможным, когда всего менее сего ищем. Человеку обычно пренебрегать тех, которые ему услуживают, а благоговеть пред теми, которые не льстят. Всего же более сему недугу подвержена женская природа. Женщина, когда ей льстят, несносна; и всего более благоговеет и приходит в изумление пред теми, которые ведут

себя с нею свободно и повелительно. Если же скажешь, что имеешь частые свидания с женщинами, и не терпишь вреда, то я поверю, может быть, но хотел бы, чтобы поверили и все, которые говорят: вода и камни делает гладкими; водная капля, непрестанно падая, выбивает впадину и на скале. А сим намекают и хотят сказать следующее: что крепче камня или что мягче воды и притом водяной капли? Однако же непрерывность препобеждает и естество. Если неудобоподвижное естество приводится в движение и терпит, чего не должно было терпеть, то удобоприводимый в движение произвол, при каком ухищрении может не быть побежден и превращен привычкою? (прп. Исидор Пелусиот, 61, 62—64).

***

Делать и учить — всего превосходнее, а делать и не учить — недостаточно, потому что храмлет на одну сторону. Для этого у человека есть и дар слова. Если бы делать значило учить, то не было бы сказано: *иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царстви Небеснем* (Мф. 5, 19). Ибо какую силу возымеет доблестная жизнь, когда предстоит спор о догматах, и защитник неправого учения неудержимо устремляется против догматов правых? А, не делая, учить — это имеет, по-видимому, листья, но лишено плода, и не остается без осмеяния, посрамления и осуждения (прп. Исидор Пелусиот, 61, 171).

***

Живущего срамно и в высшей степени сильного в слове лучше тот, кто не способен говорить, но славен по жизни и отличается правдою и воздержанием. А кто славен и словом и жизнью, тот ни с кем не сравним, самыми

делами исповедует, что есть суд, и низлагает тех, которые по уклонению от исполнения заповедей, о том, что несомненно будет, думают, будто бы говорится о сем преувеличенно (прп. Исидор Пелусиот, 61, 173).

***

...Или перестань услаждаться чужими бедствиями, пробуждая и раздражая усыпленное непотребство, или, делая это, не приступай к досточтимому алтарю, потому что соблазняешь и не допускаешь приступать к нему многих, которым несносно видеть такую нечистоту, неотступно остающуюся при нескверном жертвеннике (прп. Исидор Пелусиот, 61, 182—183).

***

Кто берется учить других, тому надлежит сперва сделать, потом говорить. А кто не делает, тот не вправе и говорить. Первый сопричтен будет к первоверховным, а второй не только понесет наказание там, но и здесь возбудит смех, потому что соделается для слушателей предметом посмеяния. Посему надлежит или говорить делая, или не делая хранить молчание и связывать язык браздами праводушия, порождающими и раскаяние (прп. Исидор Пелусиот, 61, 225).

***

Думаю, что учителю всеми мерами должно домогаться сих двух преимуществ — чистоты по жизни и достаточной силы в слове (которую если назовет кто тенью дел, не погрешит... против истины), чтобы, как в благоустройство приводить ученика, так и уцеломудривать непокорного. Ибо как обучающие чистописанию, взяв доску,

с великим изяществом выводят буквы, и отдают начавшим обучаться, чтобы, сколько могут, подражали этому; так и нашим наставникам надлежит представлять жизнь свою ученикам, как некий ясно начертанный образец, чтобы, сколько можно, подражали этому (прп. Исидор Пелусиот, 61, 283—284).

***

...Да не думают о себе иные из возведенных на учительскую кафедру, что они, как распоряжающиеся подвигом других, сами свободны от подвигов, да не почитают для себя достаточным провозглашать победивших, но сами, будучи подвижниками и увенчанными за степенность и всякую добродетель, да поощряют подвизающихся, и да провозглашают победивших (прп. Исидор Пелусиот, 61, 291).

***

Самим делом надлежит... убеждать слушателей, что есть Царство Небесное, и услышавших обращать к вожделению оного. Убеждаются же слушатели, когда видят, что учитель делает дела достойные Царствия. А если делающий... дела, достойные осуждения, станет любомудрствовать о Царствии, то как убедить ему слушателей? Ибо поступает он подобно человеку, который убеждает возлюбить вещь убежденных им прежде, что этой вещи и не существует (прп. Исидор Пелусиот, 62, 146).

***

Начальнику... надлежит быть и добрым, и страшным, чтобы живущие хорошо были благонадежны, и погрешающие удерживались боязнию. Одно без другого есть больше

безначалие, нежели начальство. Если бы все подчиненные были любители добродетели, то была бы потребность в одной благости, а если бы все грехолюбивы, то — в одном страхе. Поелику между подначальными необходимо быть и добрым и лукавым, то начальнику должно употреблять в дело и то и другое, чтобы благость поддерживала целомудренных, а страх предостерегал от падения самых порочных (при. Исидор Пелусиот, 62, 242—243).

***

...Невозможно тому овладеть страстями других, кто не преодолел собственных своих. Он делает то же, что и иной военачальник, у которого в собственном его городе междоусобная война, и он не в состоянии привести в согласие этот страждущий междоусобием и мятущийся город, но обещается преодолеть внешних врагов. Ему вправе иные сказать: «Не знаешь, может быть, безумный, что не столько губительны враги иноплеменные, сколько свои домашние. Поэтому надлежит прежде угасить войну внутреннюю, и потом уже бороться с врагами внешними» (прп. Исидор Пелусиот, 62, 248—249).

***

Язык надобно иметь доброречивый и степенный, когда надлежит потерпевших крушение спасать с самого дна порока. Всего же более странным кажется, кто намеревается спасти других, — тому пасть самому. Посему справедливо будет срамоту дел прикрывать, сколько можно, степенностью выражений, чтобы, намереваясь удержать других, не замарать своего языка и, желая избавить их от скверны, не оскверниться самому. Если скажешь, что невозможно говорить степенно и тронуть слушателя, то от-

вечу: кто пренебрегает скромным обличением, тот еще более не тронется нескромным и откровенным. Если не оказывают кому пользы кротость говорящего и степенность выражения, то вовсе уже не будет полезным откровенное изложение сделанного им (прп. Исидор Пелусиот, 62, 416—417).

***

Врач духовный тот, кто стяжал и тело и душу свободные от всякого недуга, и уже не требует никакого врачевства от других (прп. Иоанн Лествичник, 57, 252).

***

Кормчий духовный тот, кто получил от Бога и чрез собственные подвиги такую духовную крепость, что не только от треволнения, но и от самой бездны может избавить корабль душевный (прп. Иоанн Лествичник, 57, 252).

***

Истинный пастырь есть тот, кто может погибших словесных овец взыскать и исправить своим незлобием, тщанием и молитвою (прп. Иоанн Лествичник, 57, 252).

***

Истинный учитель тот, кто непосредственно принял от Бога книгу духовного разума, начертанную в уме перстом Божиим, т. е. действием осияния, и не требует прочих книг (прп. Иоанн Лествичник, 57, 252).

***

Блаженна у врачей небрезгливость, а в наставниках бесстрастие, ибо те без отвращения смело приступают к врачеванию всякой смердящей раны, а сии могут воскресить всякую умершую душу (прп. Иоанн Лествичник, 57, 254—255).

***

Не тот учитель достоин удивления, который способных отроков сделал знающими людьми, но тот, который невежд и тупоумных умудрил и довел до совершенства (прп. Иоанн Лествичник, 57, 256).

***

Истинного пастыря укажет любовь, ибо из любви предал Себя на распятие Великий Пастырь (прп. Иоанн Лествичник, 57, 256).

***

Покажем... им в себе самих образ крайнего смирения, и научим их иметь к нам страх (прп. Иоанн Лествичник, 57, 266).

***

...Как голова снаружи красивая и хорошо убранная, если не имеет в себе ума и всех чувств целыми и здоровыми, всеми считается ни к чему негожею и недостойною почета, так и настоятелю мало быть убрану и краситься только телесными и душевными добродетелями, но надлежит при сем наипаче сиять духовными дарованиями. Ибо добродетели исправляются собственным старанием и

усердием, и приобретаются собственными нашими подвигами и трудами, а духовные дарования суть свободные дары милости, от Христа подаваемые тем, кои подвязаются (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 463—464).

Попечение о пастве

Если любишь только добрых учеников — еще нет тебе за это благодати: лучше худых покоряй кротостию (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 308).

***

...Мы, <пастыри>, как требует наша совесть, должны заботиться, чтобы никто по нашей вине не погиб для Церкви; если же кто-нибудь сам собою и по своей вине погибнет и не захочет приносить покаяния и возвратиться в Церковь, то мы не будем виновны в день Суда... (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 257).

***

...Может ли быть лучшее и совершеннейшее занятие для пастырей Церкви, как помогать исцелению и сохранению овец усердным попечением и спасительным врачеванием? (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 311).

***

...Надобно удостовериться от просящего совета, или раз навсегда повинующегося ему душою и телом, по собственному ли желанию просит он, с теплою верою, и ищет слова, без вопроса учителя, или другая какая-либо потребность вынуждает его лицемерить, как будто он хочет слышать слово, чтобы обоим не уклониться в ложь и

многословие, лукавство и многое другое. И один, как бы вынуждаемый тем, кто его учит, говорит без произволения, и лжет из стыда, и лицемерит, как бы желая делать доброе, а другой лукавит и ласкает учимого им, чтобы постигнуть скрытое в его мысли, и просто: употребляет всякую хитрость и многословие, но как Соломон говорит: *от многословия не избежит греха* (ср.: Притч. 10, 19)... Это сказано не для того, чтобы мы отрекались учить приходящих к нам в подчинение, с твердою верою, особенно же бесстрастно расположенные; но чтобы дерзко, по тщеславию не учили тех, которые не ради дела и не с теплою верою хотят слышать, когда мы сами еще страстные, и не делали сего властительски. Но, как сказали отцы, без вопрошения братии не должно говорить чего-либо для пользы, чтобы доброе было по (свободному) произволению... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 189—190).

***

Кто не принимает наставлений твоих, не говори их тому (прп. Антоний Великий, 89, 101).

***

Тех, которые более немощны в вере, должно щадить и тщательно возводить их к совершенству; впрочем, щадить без нарушения заповеди Божией (свт. Василий Великий, 7, 347).

***

Враждебно расположенных должно вразумлять с незлобием и кротостию, ожидая их покаяния, пока не исполнится мера попечения о них (свт. Василий Великий, 7, 399).

***

Должно быть уступчивым, а не упорно нападать на тех, которые по страху и богобоязненности отказываются принять к себе проповедующего слово (свт. Василий Великий, 7, 400).

***

Должно удаляться тех, которые по бесчувствию не приемлют евангельской проповеди, и не пользоваться их благодеяниями даже в необходимых потребностях тела (свт. Василий Великий, 7, 400).

***

Должно удаляться людей, которые остаются непокорными по употреблении о них попечений всякого рода (свт. Василий Великий, 7, 400).

***

Кому вверено попечение о душах, тот может ли соблюсти сказанное: *аще не обратитеся и будете яко дети* (Мф. 18, 3), потому что имеет дело со многими и различными лицами? — ...Надобно знать, что есть... свое время и смиренномудрию, и власти, и обличению, и утешению, и пощаде, и дерзновению, и снисхождению, и строгости, и вообще всякому делу. Потому иногда должно оказывать смиренномудрие и подражать в смирении детям, особенно когда представляется случай воздать друг другу честь и долг, услужить или помочь чьей-либо телесной потребности, как научил Господь. Иногда же надобно употреблять власть, *юже дал есть Господь в создание, а не на разорение* (ср.: 2 Кор. 13, 10), когда нужда требует дерзновения. И как во время утешения надобно показывать доб-

роту, так во время строгости обнаруживать ревность; а подобно сему поступать и во всяком ином случае (свт. Василий Великий, 9, 226—227).

***

Будь крайне трезвен, когда сеешь семя Господа своего, чтоб враг не подмешал, как плевел, и чего-либо своего; потому что у него в обычае и посредством добра делать зло (прп. Ефрем Сирин, 30, 130).

***

Отважному юноше и старцу не придавай смелости делать неприличное, ибо боящийся Господа попечется о людях своих (прп. Ефрем Сирин, 30, 140—141).

***

Кроткого юношу да возлюбит душа твоя, и не возлагай на него бремени ему не по силам, чтоб спасти тебе душу его о Господе, и получить неувядающий венец славы в явление Архипастыря (прп. Ефрем Сирин, 30, 144).

***

Умный настоятель укрепляет души братии своей вразумлением и учением Господним, а пренебрегающий ими потерпит вред (прп. Ефрем Сирин, 30, 145).

***

Если посещаешь больного, то смотри, чтоб враг не внушил вам мысли заняться празднословием или пересудами, и тем не лишил тебя награды; ибо у дьявола в обычае

это — одному вредить слухом, другому языком; напротив того, надобно утешать болящего Божественным Писанием и страданиями Спасителя (прп. Ефрем Сирин, 30, 566).

***

...Приими того, кто заблуждался и кается, восстал из мертвых, из глубины небогобоязненности и нерадения... Утвердите к нему любовь, *да не како многою скорбию пожерт будет таковый* (ср.: 2 Кор. 2, 7—8) (прп. Ефрем Сирин, 31, 191).

***

Равнодушием своим не будем причинять вреда мирянам, но делами научим их уважать благочестие (прп. Ефрем Сирин, 31, 625).

***

...Вы, настоятели-подвижники, не по страсти гнева или высокоумия наказывайте необразованных и младенствующих братий, но по Христову человеколюбию, с целью духовной пользы, в надежде оказать помощь руководимым вами к Небесному Царствию (прп. Ефрем Сирин, 32, 335).

***

...Как телам неодинаковые даются лекарства и пища — иное пригодно здоровому, иное больному; так и души врачуются различным образом и способом. Свидетели такового врачевания сами болящие. Одних назидает слово, другие исправляются примером. Для иных нужен бич, а для других узда; ибо одни ленивы и неудобоподвижны к добру, и таких должно возбуждать ударами слова; другие сверх

меры горячи духом и неудержимы в стремлениях, подобно молодым, сильным коням, бегущим далее цели, и таких может исправить обуздывающее и сдерживающее слово. Для одних полезна похвала, для других укоризна; но та и другая — вовремя; напротив того, без времени и без основания они вредят. Одних исправляет увещание, других — выговор, и последний или по всенародном обличении, или по тайном вразумлении. Ибо одни привыкли пренебрегать вразумлениями, сделанными наедине, но приходят в чувство, если укорят их при многих; другие же при гласности обличений теряют стыд, но их смиряет тайный выговор, и за такое снисхождение к себе воздают они благопокорностью. Иные, надмеваясь мыслию, что дела их тайны, о чем они и заботятся, считают себя умнее других, и в таких надобно тщательно наблюдать все, даже самые маловажные, поступки; а в других лучше иного не замечать и, как говорится, видя, не видеть, слыша, не слышать, чтобы, подавив их ревностью обличений, не возбудить к упорству и напоследок не сделать дерзновенными на все, истребив в них стыд, — сие средство ко внушению покорности. Иногда нужно гневаться, не гневаясь, оказывать презрение, не презирая, терять надежду, не отчаиваясь, сколько сего требует свойство каждого; других должно врачевать кротостью, смирением и соучастием в их лучших о себе надеждах. Одних полезно побеждать, от других часто полезнее быть самому побежденным; и хвалить или охуждать должно — у иного достаток и могущество, а у иного нищету и расстройство дел. Ибо наше врачевство не таково, каковы добродетель и порок, из которых первая всегда и для всех всего лучше и полезнее, а последний — всего хуже и вреднее; у нас одно и то же, например, строгость или кротость, а равно и прочее, мною исчисленное, не всегда,

даже для одних и тех же, оказывается или самым спасительным, или опасным. Напротив того, для иных хорошо и полезно одно, и для иных другое, первому противное, — сообразно тому, думаю, как требуют время и обстоятельства, и как допускает нрав врачуемого. Хотя, сколько бы кто ни употреблял тщания и ума, невозможно всего изобразить словом и обнять мыслию в такой подробности, чтобы вкратце был виден весь ход врачевания; однако же на самом опыте и на деле делается то известным и врачебной науке и врачу. Вообще же известно нам, что как для ходящего по высоко натянутому канату небезопасно уклоняться в стороны, и малое, по-видимому, уклонение влечет за собою большее; безопасность же его зависит от равновесия: так и в нашем деле, кто по худой жизни, или по невежеству, уклоняется в ту и другую сторону, для того очень опасно, что и сам он впадет в грех, и вовлечет в него управляемых. Напротив того, должно идти самым царским путем и остерегаться, чтобы, как сказано в Притчах, *не уклонися ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27). Таково свойство наших немощей, и от сего столько труда доброму пастырю, обязанному хорошо знать души своих пасомых, и быть вождем их по закону прямого и справедливого пастырства, которое было бы достойно истинного нашего Пастыря (свт. Григорий Богослов, 12, 34—36).

***

...Начальство не может утвердиться принуждением; управляемое с насилием при всяком удобном случае старается освободиться: тем паче наше, не столько начальство, сколько детовождение, всего более соблюдает свободу. Ибо тайна спасения для желающих, а не для насильствуемых (свт. Григорий Богослов, 12, 312).

***

Учи одного только бояться, а именно: своими лжеумствованиями подкапывать веру. Не беда, если победят кого словом, потому что не всем дан дар слова. Страшно отложиться от Божества; потому что упование всем необходимо (свт. Григорий Богослов, 13, 289).

***

У тебя есть правило врачевания, ты ученик Христа, кроткого, человеколюбивого и понесшего наши немощи. Если брат в первый раз воспротивился, потерпи великодушно; если во второй — не теряй надежды — еще есть время к уврачеванию; если и в третий раз, то будь человеколюбивым земледелателем, еще упроси Господина не посекать и не подвергать своему гневу бесплодную и бесполезную смоковницу, но позаботиться о ней и *осыпать ее гноем* (ср.: Лк. 13, 8), т. е. доставить ей врачевание исповеди, обнаружения постыдных дел и опозоренной жизни. Кто знает, переменится ли она, принесет ли плоды и напитает ли Иисуса, возвращающегося из Вифании? Потерпи действительное, или кажущееся тебе, зловоние брата своего — ты, который помазан духовным миром, составленным по мироварному художеству, чтобы сообщить брату свое благоухание (свт. Григорий Богослов, 14, 160—161).

***

...Предстоятели должны пещись о братиях, как способные воспитатели нежных детей, вверенных их отцами. Те, наблюдая нравы детей, на одного действуют ударами, на другого увещанием, на иного похвалою, на иного чем-либо иным тому подобным, не делая ничего, что им по нраву или не нравится; так должны поступать и духовные предстоя-

тели. Если в таком отношении будете друг к другу, учени и наставники, первые — с радостию доверяя приказани а последние — с удовольствием руководствуя братий совершенству, и если в *почтительности* станете *пред реждать друг друга* (ср.: Рим. 12, 10), то на земле буд жить жизнию ангельскою (свт. Григорий Нисский, 2 275—276).

***

...Привлекающий к любомудрию, убедит ли он, или убедит, получит полную награду (ибо он исполнил с дело)... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 124).

***

...Должно исправлять грешника не насилием, а убе дением... так как Бог награждает тех, которые воздерж ваются от пороков по доброй воле, а не по принужден (свт. Иоанн Златоуст, 44, 416).

***

Если легко поступить с тем, кто нуждается в сильн врачевании, и неглубоко разрезать рану тому, кто име нужду в этом, то рану частию уврачуешь, а частию н если же без пощады произведешь надлежащее рассечени то больной иногда может, не вытерпев мучения, вдруг с вергнуть все, и лекарство и перевязку, и устремиться пропасть, сбросив иго и разорвав узы (свт. Иоанн Злат уст, 44, 416).

***

Пекущийся о <бедных> должен быть столь великоду ным, чтобы не только не увеличивать их уныния укори

нами, но, по возможности, облегчать их состояние утешением (свт. Иоанн Златоуст, 44, 441—442).

***

...Город Божий, когда его отовсюду ограждает вместо стены прозорливость и благоразумие пастыря, все покушения врагов обращает к их стыду и посмеянию, а живущие внутри города остаются невредимыми... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 454).

***

...Если намеревающийся побеждать не будет сведущ во всех частях этого искусства, то дьявол и через одну какую-нибудь часть, если она останется в пренебрежении, сумеет провести своих грабителей и расхитить овец; но он не будет (так смел), когда увидит пастыря выступающего с полным знанием и хорошо сведущего во всех его кознях (свт. Иоанн Златоуст, 44, 454).

***

...<Господь> показывает, что иное зависит от дел, а иное от слова, и каждая из этих двух частей имеет нужду одна в другой, чтобы здание было совершенно (свт. Иоанн Златоуст, 44, 460).

***

Это — совершеннейший способ учения, когда и делами и словами приводят поучаемых к той блаженной жизни, которую предписал Христос, ибо одних дел недостаточно для научения (см.: Мф. 5, 19) (свт. Иоанн Златоуст, 44, 460).

***

Священник должен относиться к пасомым так, как бы отец относился к своим малолетним детям; как от этих мы не отвращаемся, когда они оскорбляют, или ударяют, или плачут, и даже когда они смеются и ласкаются к нам, не очень заботимся об этом, так и священники не должны ни надмеваться похвалами народа, ни огорчаться порицаниями, если они будут неосновательны (свт. Иоанн Златоуст, 44, 463).

***

И в этом заслуга пастыря, что пасомые не только в присутствии его, но и в отсутствие показывают полное усердие (свт. Иоанн Златоуст, 44, 493).

***

...По настроению людей употребляется и лекарство врача (свт. Иоанн Златоуст, 44, 583).

***

...Исполненный мудрости учитель лепечет вместе с лепечущими детьми, и этот лепет служит знаком не неведения учителя, но заботливости его о детях... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 587).

***

...Хороший пастух не только отгоняет волков (от своего стада), но и со всею заботливостью лечит заболевших овец: ибо какая польза, когда овцы хоть и избегают па́сти зверей, зато истребляются болезнею? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 667).

***

Если уже преступающие закон не имеют стыда, тем более мы, внушающие не преступать закон, не должны стыдиться постоянного увещания (свт. Иоанн Златоуст, 45, 81).

***

Заблудшего возврати на путь, увечному сделай повязку, павшего подними, немощных поддержи и другое делай, подобное этому (свт. Иоанн Златоуст, 45, 920).

***

...Врачу особенно свойственно обращаться с больными и всегда находиться среди недужных, а не убегать и не удаляться от них (свт. Иоанн Златоуст, 46, 44).

***

Не прибавляй же раны к ранам, объявляя согрешившего, но делай увещание без свидетелей (свт. Иоанн Златоуст, 46, 368).

***

...Будем всегда стараться учить прежде делами, а потом уже словами, чтобы и нам не услышать от Павла: *научая другого, себе ли не учиши?* (ср.: Рим. 2, 21) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 64).

***

Нет пользы от одного слушания <духовных наставлений> без исполнения на деле (слышанного) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 175).

***

...Постараемся исправить падшую душу увещаниями и советами, напоминая ей о величии человеколюбия Божия, о беспредельной благости и безмерном милосердии Его... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 304).

***

...Не оставляйте без попечения братий ваших, и имейте в виду не свою только пользу, но пусть каждый (из вас) старается исхитить ближнего из челюстей дьявола, отвлечь от беззаконных зрелищ и привести в церковь, с любовью и кротостью показывая ему, какой великий вред — там, и какие великие блага — здесь.

...Видя твою настойчивость, когда-нибудь, может быть, и придет в себя и, тронутый твоею заботливостью, отстанет от гибельных удовольствий. И никогда не говори, что я говорил ему и раз, и два, и три, и много раз, но ничего не успел. Не переставай говорить, потому что, чем дальше будешь продолжать, тем больше умножится и твоя награда (свт. Иоанн Златоуст, 47, 445).

***

Нам нужно не только дерзновение, когда мы намереваемся обличать, но еще больше кротость, нежели дерзновение, потому что грешники никого из людей так не отвращаются и не ненавидят, как того, кто намеревается обличать их; они стараются найти предлог уклониться и избежать обличения, поэтому нужно удерживать их кротостью и снисходительностью (свт. Иоанн Златоуст, 49, 418).

***

Для вразумления имеющих ум не нужно упоминать о наказании, а довольно только представить тяжесть греха (свт. Иоанн Златоуст, 50, 213).

***

Подражая <Богу>, и мы должны просить, увещевать и внушать с кротостью, без гнева и ярости (свт. Иоанн Златоуст, 50, 327).

***

...Когда ты увидишь врага истины, исцели его, позаботься о нем, возврати к добродетели, подавай наилучший пример своею жизнью, наставляй неукоризненным словом, покровительствуй и имей попечение, и употребляй все средства к исправлению, подражая наилучшим врачам. Ведь и врачи не всегда одним только способом врачуют болезни; но когда видят, что рана не исцеляется одним лекарством, прилагают другое, а если нужно, третье, иногда рассекают, а иногда обвязывают. Так и ты, <пастырь>, сделавшись врачом души, пользуйся всяким способом врачевания по заповедям Христовым, чтобы получить тебе награду и за свое спасение, и за то, что ты доставлял пользу другим (свт. Иоанн Златоуст, 50, 328).

***

Если мы, приучая зверей к нашим словам, таким образом укрощаем их, то не гораздо ли более чрез... духовное учение <Священное Писание> мы можем исправлять людей, когда там и здесь есть великое различие и между

врачевствами, и между врачуемыми? Ведь и грубость в нас не такова, как в зверях: у них она зависит от природы, а у нас от воли; да и сила слов неодинакова: там она происходит от человеческой мысли, а здесь — от силы и благодати Духа (свт. Иоанн Златоуст, 51, 23).

***

Странно было бы, если бы кто, имея худых детей, желал лучше назваться отцом других, а не тех, которые от него родились; так странно было бы, если бы и мы стали постоянно переменять врученных нам учеников одних на других, присвоять себе начальство то над теми, то над другими, и не иметь ни к кому искреннего расположения (свт. Иоанн Златоуст, 51, 84).

***

Проповедующий внимательным слушателям имеет утешение в их покорности, а кто часто проповедует, а ему не внимают, и, однакож, он не перестает говорить, тот достоин большей чести, потому что ради угождения Богу исполняет с своей стороны все, что следует, хотя бы и никто его не слушал (свт. Иоанн Златоуст, 51, 115).

***

Когда ты наказываешь, или вразумляешь, или делаешь что-нибудь подобное, (делай) без ярости и гнева. Если наказывающий есть врач согрешающего, то как он может исцелить другого, причинив наперед зло себе и не исцеляя самого себя? Скажи мне, если какой-либо врач пойдет лечить другого, поранив наперед руку у себя или ослепив наперед свои глаза, — неужели в таком состоя-

нии он исцелит другого? Нет, скажешь. Так точно и ты, когда кого наказываешь или вразумляешь, то пусть светло смотрят глаза твои. Не возмути ума своего, — иначе как совершишь ты исцеление? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 151—152).

***

Чем ты превозносишься? Тем ли, что учишь посредством слов? Но любомудрствовать на словах легко; научи меня своею жизнью, — вот самый лучший способ учения (свт. Иоанн Златоуст, 52, 277).

***

...Не следует ни пренебрегать, ни слишком заботиться о слабости других. Не видим ли мы, как поступают врачи? Когда можно, они угождают больным; а когда это угождение может принести вред, то уже не делают послабления. Во всем хорошо соблюдать меру (свт. Иоанн Златоуст, 52, 405).

***

...Как мы будем в состоянии других отклонить от идолопоклонства, когда и сами не удалились от него? Ведь мы к себе ближе, чем к ближнему. Когда не можем убедить самих себя, как мы убедим других? Кто не правит хорошо собственным домом, тот не порадеет и о Церкви (свт. Иоанн Златоуст, 52, 548).

***

...Попечение о стаде Христовом является преимущественным признаком любви к Самому Христу, так как для

этого нужна мужественная душа (свт. Иоанн Златоуст, 52, 833).

***

Врач душ! Вырежь мечом духовным распухшие и покрытые гноем язвы гордости, омой водой учения нечистоту страстей, исцели раны, нанесенные душам человеческим грехом, пользуясь для того, как говорит Христос, вином и елеем; вином свяжи, чтобы ослабевший человек не предавался более вожделениям, а елеем смягчи душевные страдания и обещай скорое отпущение прежде соделанных прегрешений. Не пренебрегай нищим, принимая в расчет денежную выгоду, и не презирай богатого из-за отвратительного богатства, но одинаково призывай и бедного и богатого к воздержанию. Не лишай никого надежды, даже и самого отчаянного грешника, чтобы не ввергнуть в бездну греха, но протяни руку свою погибающему, говоря: Господь пришел спасти не праведников, но грешников, — чтобы они, став ревностными и уклонившись от зла, стали творить добрые дела и спаслись. Делай все ради выздоровления больных, питая себя надеждою спасаемых, т. е. радостью, ожидаемою от Бога (свт. Иоанн Златоуст, 52, 993—994).

***

Ты пастырь словесных овец Христовых? Собери овец во двор овчий, обрати заблудших, свяжи надломленных, уврачуй истерзанных волками, отгони волков, созови собак на защиту стада, не сонливых, но лающих и собирающих стадо Господне, а тех отгони. Покажи вечно цветущий Злак, прозябший из Марии, укажи бессмертный Источник крещения, омой водою слез оскверненную овцу, переноси всякий труд и тяготу, чтобы получить тебе неувядаемый

венец славы, когда явится Пастыреначальник Христос (свт. Иоанн Златоуст, 52, 994).

***

Когда ты видишь, что конь несется к стремнине, то накидываешь на него узду, со всею силою удерживаешь его и часто бьешь. И хотя это — наказание, однако такое наказание есть мать спасения. Так поступай и с согрешающими. Свяжи согрешившего, пока не умилостивит он Бога, и не оставляй несвязанным, чтобы он не был еще более связан гневом Божиим. Если я свяжу, то Бог уже не свяжет его, если же я не свяжу, то его ожидают неразрешимые узы... Если они пришли в сокрушение, если переменились, то все сделано; а если нет этого, не поможет время (свт. Иоанн Златоуст, 53, 604).

***

Овца без пастыря — готовый обед для зверей; и душа не запечатленная подвержена козням демонским (свт. Иоанн Златоуст, 53, 904).

***

Не нарушай повелений Владыки, чтобы не быть осужденным, не думай о коварстве, не возвышай одного, не унижай другого; богача не чествуй первым местом за столом и не презирай бедного, не могущего тебе принести даров; но будем соблюдать равенство ко всем. С обвинением не спеши, пустых речей не допускай, по слуху никогда не осуждай: многие обвиняют по зависти и вражде.

...Тот, кому вверено словесное стадо Христово, должен быть кротким и исследовать согрешающих с большою осторожностью; и когда найдешь согрешившим, не извер-

гать тотчас из церкви, чтобы сатана, ухватившись, не сделал человека своим. Когда человек отлучен архиереем, берет его сатана в свои объятия, и не отступает от него, пока он предается ему. Иерей не должен часто отлучать, ни проклинать. Ввиду этого ты, пастырь, не должен без разбора отвергать овцу, ни отлучать от стада; но, когда найдешь согрешившим, позови его наедине и в одном упрекни, в другом побуди его отстать от зла, — и раз, и дважды, и трижды; и если он послушает твоих увещаний, ты приобрел брата своего... Прежде всего снизойди к нему: отпускающему отпустится... И не поноси ничего сокрытого, и не гневайся, что обращается к тебе; если после трех внушений он исправится чрез покаяние — тогда пусть будет принят (свт. Иоанн Златоуст, 53, 957).

***

Мы, <пастыри>, поставлены для поучения вас словом, а не для начальствования и самовластия над вами; наше дело советовать вам и увещевать. Советник говорит, что ему должно, но не принуждает слушателя, предоставляя ему полную свободу — принять или не принять совет. Он будет виновен только в том, если не скажет того, что ему поручено. Потому-то и мы говорим все это, обо всем этом напоминаем, чтобы вам уже нельзя было сказать в тот (последний) день: «Никто нам этого не говорил, никто не объяснил, мы этого не знали и вовсе не считали грехом» (свт. Иоанн Златоуст, 54, 104).

***

Учитель должен назидать и исправлять души учеников не только советом и вразумлением, но и страхом и напоминанием о Боге (свт. Иоанн Златоуст, 54, 106).

***

Дело учителя не только увещевать, но и молиться, и молитвою помогать (ученикам), чтобы они не пали под тяжестью искушений и не были обмануты... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 340).

***

При устроении человеческих дел иногда требуется наставление, а иногда приказание. Если бы поэтому ты стал приказывать там, где следует учить, то ты был бы достоин посмеяния. И наоборот, если бы ты начал учить там, где нужно приказывать, то случилось бы с тобою то же самое. Например: что не должно быть злым, этому следует не учить, а приказывать и запрещать с особенною силою... Если же ты намереваешься говорить о том, что должно... хранить девство, или если думаешь беседовать о вере, то в таком случае необходимым становится учение (свт. Иоанн Златоуст, 54, 706).

***

...Душа, имеющая нужду в наставлении, не может принять что-нибудь полезное, когда оно преподается со строгостью и бранью, и хотя готова слушать, но, будучи приведена в недоумение, не усвоит ничего (свт. Иоанн Златоуст, 54, 798).

***

Так как люди... изнемогают от ран греховных, то ты, <пастырь>, уврачуй их, налагая на раны их умягчающий пластырь — пророческие слова и Евангельское учение, оздоровляя их наставлениями и увещаниями Ветхого и Нового Заветов, убеждая их отстать от греха и оставить дьявольское заблуждение (свт. Иоанн Златоуст, 54, 963).

***

Подобно тому как врачи не заставляют приносить больных, пригвожденных к постели, к себе домой, а сами приходят к ним для излечения болезней, так точно делай и ты по мере своих сил: приложи всякое старание и попечение, чтобы восстановить братьев твоих, немощствующих душою, помня то, что кратка настоящая жизнь (свт. Иоанн Златоуст, 55, 518).

***

Если не можешь дать ответ вопрошающему — не выдумывай что попало в оправдание своего незнания; лучше тебе понести даже нечестие пред человеком, чем нести наказание за ложное учение пред Богом. Если не можешь обратить сотни — позаботься о десятке; если десяти не можешь — не пренебрегай и пятерыми; если и пять не можешь — не презирай и одного. Бог определяет венцы, сообразуясь не с числом исправленных, а с намерением исправляющих (свт. Иоанн Златоуст, 55, 526).

***

Как искусные врачи обыкновенно не только настоящие болезни лечат, но и будущие предупреждают прозорливым искусством и предотвращают их наставлениями и целебным питьем, так и... истинные врачи душ, предотвращая имеющие возникнуть болезни сердец духовным наставлением, как некоторым небесным лекарством, не дозволяют усиливаться в душах юношей, открывая им и причины угрожающих страстей, и средства для здоровья (прп. Иоанн Кассиан, 56, 142).

***

Остерегайся... чтобы того, чему научишься как посредством чтения, так и трудом опытности, когда более зрелый возраст приведет тебя к учительству, по обольщению тщеславия, ты как-нибудь не стал преподавать нечистым людям и не сделал того, что запретил премудрый Соломон: *не води нечестиваго на пажить праведнаго и не прельщайся сытостью чрева* (ср.: Притч. 24, 15), *ибо не полезны глупому утешения* (ср.: Притч. 19, 10) и не нужна мудрость там, где нет чувства, ибо больше водятся неразумием. *Жестокосердый раб не исправится словами, ибо если и поймет, то не послушается* (ср.: Притч. 29, 19). *В уши глупого не говори, потому что он презрит разумные слова твои* (Притч. 23, 9). *Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас* (Мф. 7, 6). Итак, надлежит тебе, закрывая для таких людей тайны духовного смысла, деятельно восклицать: *в сердце моем скрых словеса Твоя, яко да не согрешу Тебе* (Пс. 118, 11). Но, может быть, скажешь: «Кому же надобно сообщать тайны Божественного Писания?» Этому научает тебя премудрый Соломон, говоря: *дайте сикеру находящимся в печали, и вино пить находящимся в болезнях, чтобы они забыли свою бедность и не вспоминали больше о своих болезнях* (ср.: Притч. 31, 6—7), т. е. тем, которые в раскаянии о прежних делах угнетаются печалью и скорбью, обильно изливайте приятность духовного знания, как вино, веселящее сердце человека, напоевайте спасительным словом, чтобы они, погрузившись в непрестанную печаль и смертоносное отчаяние, не были поглощены чрезмерною скорбью. А о тех, которые, находясь в равнодушии и беспечности, не уязвляются

никакой скорбью сердца, говорится так: *кто весел и без скорби бывает, тот в бедности будет* (ср.: Притч. 21, 17) (авва Нестерой, 56, 437—438).

***

Не оставляй без внимания падений в подчиненных тебе, чтобы делаемое ими, а тобою снисходительно переносимое не стало твоим делом; потому что мог ты, но не захотел, уврачевать сего (прп. Исидор Пелусиот, 60, 231).

***

Знаю... некоторых таких настоятелей, которые, будучи невоздержны и расточительны, уцеломудривают подчиненных тем, что падшим определяют тяжкие наказания; и таких, которые, ведя себя строго и целомудренно, оставляют подначальных исполненными тех страстей, над которыми господствуют сами, потому что не налагают наказаний, но оказывают чрезмерную кротость. А посему погрешают одни тем, что сами хуже своих законов, а другие тем, что делают худшими подчиненных, потому что учат их делать, чего не соизволяют делать сами, приучают роскошничать, будучи сами далекими от роскоши, и устроять чужие бедствия, которые сами же облегчают. Посему надобно одним посоветовать, чтобы держались собственных своих слов и не делали противного им, а другим, чтобы предотвращали прегрешения, не дозволяя всякому делать, что ему угодно. Ибо надлежит оказывать снисхождение тем, кому благость служит на пользу, и наказывать тех, кому она делает вред (прп. Исидор Пелусиот, 60, 333).

***

...Лучший способ учения не тот, чтобы сперва дозволить пороку овладеть человеком, впоследствии же употребить меры, как изгнать порок, но тот, чтобы первоначально и сделать, и устроить все то, от чего естество человеческое было бы недоступно пороку (прп. Исидор Пелусиот, 60, 455).

***

Одержимому самою тяжкою болезнию почитать себя здоровым — очевидное и неисцельное безумие. Ибо станет ли таковой искать врача, не зная и того самого, что он болен? Почему надлежит сперва произвести в нем ясное ощущение недуга, а потом призвать к нему врача (прп. Исидор Пелусиот, 61, 26).

***

...Благоговейный и скромный иерей, к узаконениям присоединив страх, и скромность, сраствори властию, сколько зависит от него, изгоняет всякое помышление о грехе в подчиненных ему, уступающих слову словом и врачуя, а непослушных уцеломудривая наказаниями по законам и сим руководя к тому, чтобы впредь не грешили (прп. Исидор Пелусиот, 61, 41).

***

Как нетрудно произносить слова слишком высоким или низким тоном, но соблюдать меру может только знающий музыку — так рассуждать должно и о свободе речи. Одни свободною речью не пользу оказывают, а только оскорбляют, другие пользуются свободою речи, чтобы льстить и

соплетать ненадлежащие похвалы, но соблюдающие наилучшую меру не оскорбляют и не льстят, но со смелостью сраствори почтительность и с выговорами ласковость, таким образом приступают к уврачеванию тех, которые сами себя не знают. Посему и ты, употребив этот способ, приступай к уврачеванию... (прп. Исидор Пелусиот, 61, 172).

***

Если же ученики, видя не только неукоризненную, но и чудную жизнь, не возводятся к добродетели, то сие всякий уже поставит в вину не учителю, не оставившему без исполнения ничего такого, что обязан был сделать, но беспечности учеников. Поелику же иные спрашивают, по какой причине учеников от предосудительных поступков не удерживают страхом, то спросим и мы, каким же страхом подействовать наставнику? Сделать выговор? Но сие, будучи повторено многократно, не возымело силы. Убеждать жезлом? Но сие не позволено. Отлучить? И это было испытано. Изгнать из города? Но у него нет столько власти. Обещать Небесное Царство? Но беспечным кажется это баснею. Угрожать Судом? Но слушатели смеются над этим. Извергнуть из Церкви? Это нетрудно, но не служит к исправлению. Если бы осужденному кем-либо одним вся потом Церковь была недоступна, и вместе с произнесшим сей приговор вознегодовали все, то, может быть, уцеломудрившись, и пришел бы в себя извергнутый. А ныне одним человек осужден, а другой нередко в то же время ему услуживает: отверста ему другая церковь, предлагает ему охранение, дары, даже переселение делается для изверженного дохода, и он не сказывает, что извержен как осужденный, но придумывает какой-либо предлог, по которому отошел добровольно... Падший не делается от сего лучшим, о том же, кто хотел его уцеломудрить, остается

мысль, что он — человек худой. Посему-то... и благоискусные учители (а таковых немного) не в состоянии уцеломудрить согрешающих, потому что захватившие себе это начальство не надлежащим образом (а таковых много), благоискусность других почитая собственным своим бедствием, чтобы порок не погиб, но усиливался больше, покушаются опровергать приговоры негодующих справедливо. О них-то, хотя знаю, что сказанное будет сильно, однако же скажу, может быть, и последует за сим какое-либо исправление. Ибо что пользы оплакивать погибших, когда возможно, сколько от нас зависит, спасти, что еще не погибло? Итак, скажу: кого не должно было бы включать и в число подчиненных, те осмеливаются самовольно вступать на учительскую кафедру, и мечтают владеть алтарем, не овладевшие самими собою, думают управлять другими, не способные управить себя самих; от них-то дела церковные пришли в расстройство (прп. Исидор Пелусиот, 61, 284—286).

***

Поелику принуждать и насильно привлекать к благочестию тех, которые свободны, и в действительности неблагопристойно, и не представляется таковым, то, воспользовавшись, где можно, убеждением, жизнью своею просвещай живущих во тьме (прп. Исидор Пелусиот, 61, 359).

***

Не все люди одержимы одними и теми же болезнями, и не все уступают одному и тому же лечению; но как недугов много, они разнообразны и бывают всякого рода, так много должно быть и различных пособий (прп. Исидор Пелусиот, 62, 55).

***

...По причине многих и разнообразных болезней человеку, во-первых, трудно сознать в себе болезнь, а потом, и дознав это, доведаться, какое пригодно врачевство. Не всем пригодны одни и те же пособия, не все излечиваются одним и тем же: что принесло пользу одному, то повредило другому, и пригодное другому, повредило опять иному... Руководимые словом не уцеломудриваются примерами; но один тем, другой этим приводятся в лучшее состояние. Имеющие нужду в бодце не терпят узды; а ленивые и неудобоподвижные к добру возбуждаются словесным ударом, но более надлежащего горячих и неудержимых, подобно молодым коням, уносящимся за пределы поприща, полезно сдерживать и останавливать. Одни уцеломудриваются похвалами, другие — порицаниями, если те и другие будут благовременны; но противоположные выйдут последствия, если они будут не вовремя. Одни уступают увещанию, другие — выговору. Одни, обличаемые в собраниях, а другие, вразумляемые втайне, изглаживают свои недостатки: ибо одни, уцеломудриваемые всенародным выговором, пренебрегают обыкновенную беседу вдвоем; а другие, всенародными обличениями доводимые до того, что отлагают и стыд, таинственностью и сострадательностью выговора приобучаются к благопокорности. Над одними надлежит во всем наблюдать, — и именно над теми, которых мнимая скрытность, так как о ней стараются, надмевает мыслию, что они мудры; а в других надобно не обращать на иное внимания, чтобы от частого раздражения не дошли до нечувствительности, и напоследок не сделались во всем неудержимыми, отвергнув самое сильное врачевство при убеждении — стыд. На иное надлежит даже и гневаться, не гневаясь в действительности, иное презирать, не прези-

рая внутренно, от иного отказываться, не отказываясь самим делом; иных врачевать снисходительностью, других — отлучением; над одними одерживать верх, а другим, смотря, что кому полезно, по-видимому, уступать над собою победу. Итак, поелику столько недугов и пособий, и не все уступают одному и тому же, а, напротив, иным возбуждаются к худшим проступкам, кто, не просветив души Божиим Духом, в состоянии будет все узнать, и на все иметь достаточные силы? (прп. Исидор Пелусиот, 62, 56—57).

***

...Тому, кто поступает и говорит наилучшим образом, не иметь возможности убеждать — нимало не стыдно; почему Сам Судия не делавшему ничего для спасения ближних, произнес приговор и сказал: *подобаше тебе вдати сребро Мое торжником, и пришед Аз взял бых свое с лихвою* (ср.: Мф. 25, 27). А это значит: тебе надлежало засвидетельствовать, должно было показать неукоризненную жизнь. Ибо явно, что привести доброе дело к концу зависит не от того, кто говорит, но от того, кто слушает, как дает видеть нелицеприятный Христов приговор (прп. Исидор Пелусиот, 62, 92—93).

***

Кто к убеждению другого выполнил все, что ему следовало, но не убедил, тот будет вправе возбуждать удивление, как успевший, и вовсе далек от того, чтобы стать достойным порицания. Если тебе покажется это удивительным, то пусть подтвердит сие <апостол> Павел, который говорит: *кийждо свою мзду пришмет по своему труду* (1 Кор. 3, 8), а не по следствию трудов. Кто не опустил ничего такого, что должно ему было сделать, тот по спра-

ведливости достоин венцов (прп. Исидор Пелусиот, 62, 191—192).

***

Хотя грехопадение подлинно велико, однако же не превышает меру прощения; почему надлежит наказать поспешность, но уделить и прощение. Болезнь, может быть, пойдет, как ни есть, и к уврачеванию, потому что и искусные врачи, когда покрыт кто многими ранами, употребляют врачевание не какого требует точность искусства, но какое переносят силы больного, чтобы, уврачевав раны, не уморить самого больного (прп. Исидор Пелусиот, 62, 320).

***

Спрашивающим будем давать не околичные, косвенные и принужденные ответы, но прямые и свободные, потому что священные глаголы указуют ясные врачевства от всех грехов. Как врачи, предлагая больным одно лекарство за другим, не окажут им пользы, но сделают вред, так и неумеющие против каждого грехопадения употребить верных способов врачевания и во врачебном искусстве неопытные, увеличивают страдания, потому что, намереваясь быть премудрее Божиих словес и уча тому, что им представляется истинным не только себя самих, но и прибегающих к ним, как к пристани, обманывают ложною надеждою, ввергая их в море вопросов (прп. Исидор Пелусиот, 62, 376—377).

***

И врача, как он ни искусен, и врачебных пособий, как они ни многочисленны и ни многоценны, и болезни, как они

ни удобоизлечимы, больше имеет силы произволение больного, если уверит себя, что он болен, и постарается пользоваться врачеванием. Ибо если стечется все сказанное, и не будет оставлено ничего из приводящего к здравию, ничего не возымеет своей силы, как скоро произволение больного противодействует и противоборствует всему этому (прп. Исидор Пелусиот, 62, 393).

***

...Надлежит вооружить язык не столько на обвинение <нечестивого>, сколько на плачевные и молитвенные о нем возглашения. Ибо обвиняемый, как вероятно, более возбуждается к пороку, а оплакиваемый, может быть, и одумается (прп. Исидор Пелусиот, 62, 410).

***

...Не думай одним средством врачевать всех; но, предлагая приемы, соответствующие болезням и силам страждущих, надейся одержать над ними верх (прп. Исидор Пелусиот, 62, 446).

***

От Господа повелено нам врачевать, а не раздражать неполезновенных... (прп. Нил Синайский, 72, 13).

***

Когда вразумляешь падшего, то слова свои сраствоpяй состраданием, тогда и слух его смягчится, и просветится сердце (прп. Нил Синайский, 72, 241).

***

Ревнуй о досточестной жизни, чтобы иметь тебе дерзновение исправлять согрешающих (прп. Нил Синайский, 72, 244).

***

Кто с первого слова не послушает тебя, не принуждай того прением; но лучше на свою привлеки сторону ту прибыль, которую тот отверг. Ибо незлобие выгоднее для тебя, нежели исправность того (прп. Марк Подвижник, 89, 559—560).

***

Если нужно сделать выговор <брату>, то обращай внимание на лицо и выбирай удобное время. Не взыскивай строго за малые проступки, как будто сам ты совершенно праведен, и не часто обличай, ибо это тягостно и привычка к обличениям приводит в бесчувствие и небрежение. Не приказывай властительски, но со смирением, как бы советуя брату, ибо такое слово бывает удобоприемлемо и сильнее убеждает и успокаивает ближнего. Во время же смущения, когда брат тебе сопротивляется, удержи язык твой, чтобы отнюдь ничего не сказать с гневом, и не позволяй сердцу твоему возвыситься над ним, но вспомни, что он брат твой и член о Христе, и образ Божий, искушаемый от общего врага нашего. Сжалься над ним, чтобы дьявол, уязвив его раздражительностью, не пленил его и не умертвил злопамятностью, и чтобы от нашего невнимания не погибла душа, за которую Христос умер. Вспомни, что и ты побеждаешься страстью гнева и, судя по своей собственной немощи, имей сострадание к брату твоему, благодари,

что нашел случай простить другого, чтобы и тебе получить от Бога прощение в больших и более многочисленных (согрешениях), ибо сказано: *отпущайте, и отпустят вам* (Лк. 6, 37) (прп. авва Дорофей, 29, 181).

***

Кто видит, что собор братии чрез него успокоеваем, тот пусть не хвалится этим в уме своем (см.: Лк. 17, 10), ибо воры кругом (прп. Иоанн Лествичник, 57, 47).

***

Видел я неискусного врача, который больного скорбного обесчестил, и тем ничего более для него не сделал, как только ввергнул его в отчаяние. Видел и искусного врача, который надменное сердце резал уничижением, и извлек из него весь смрадный гной (прп. Иоанн Лествичник, 57, 180).

***

Что иногда бывает врачевством для одного, то для другого бывает отравою; и иногда одно и то же одному и тому же бывает врачевством, когда преподается в приличное время, не вовремя же бывает отравою (прп. Иоанн Лествичник, 57, 180).

***

Как корабль, имеющий хорошего кормчего, при помощи Божией, безбедно входит в пристань; так и душа, имея доброго пастыря, удобно восходит на небо, хотя и много грехов некогда сделала (прп. Иоанн Лествичник, 57, 214).

***

Когда тьма и ночь страстей постигла паству, тогда определяй пса твоего, т. е. ум, на неотступную стражу к Богу... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 253).

***

Кровопускание есть скорое извлечение скрытого гноя. Кровопускание есть сильное и жестокое нападение на недугующих, для их спасения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 254).

***

Питие врачебное есть выговор огорчающий, но скоро врачующий болезнь (прп. Иоанн Лествичник, 57, 254).

***

Говоря с братией, усвояй себе самому те согрешения, которые надобно тебе обличить в том или другом из них; таким образом ты всегда будешь свободен от лишней стыдливости (прп. Иоанн Лествичник, 57, 256—257).

***

Часто немощнейший бывает смиреннее сердцем, а потому и судии духовные должны такого легче наказывать (прп. Иоанн Лествичник, 57, 260).

***

...Где тяжки недуги, и злокачественны язвы и струпы, там, без сомнения, и награду великую дают врачующим (прп. Иоанн Лествичник, 57, 265).

***

...Пастырь не всегда должен держаться справедливости по причине немощи некоторых. Видел я, как двое судились у мудрого пастыря, и он оправдал неправого, потому что сей малодушествовал, а обвинил правого, как мужественного и благодушного, чтобы правдою не усилить вражды; впрочем каждому порознь он сказал должное, и особенно недугующему душою (прп. Иоанн Лествичник, 57, 265—266).

***

...Назидательное учение и воспоминание об исходе из сего мира прилично всем словесным овцам и может их очистить от всякой проказы (прп. Иоанн Лествичник, 57, 266).

***

Нигде не видно, чтобы Бог, приняв исповедь, обнаружил грехи покаявшегося, ибо Он отвратил бы этим грешников от исповеди, и недуги их сделал бы неисцельными. Итак, хотя бы мы и дар прозорливости имели; не должны предупреждать согрешивших изъявлением их грехов, но лучше побуждать их к исповеданию гадательными выражениями... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 266).

***

...В принятии к себе приходящих овец да будет он <пастырь> осмотрителен, потому что уклонение от принятия и отказ не во всяком случае возбраняются Богом (прп. Иоанн Лествичник, 57, 266—267).

***

Никакой дар от нас Богу не может быть столь приятен, как приношение Ему словесных душ через покаяние (прп. Иоанн Лествичник, 57, 267).

***

Крепких телом и юных <пастырь> не должен щадить, по ложному милосердию, но утомлять и истощать их, чтобы они благословляли тебя при исходе из этой жизни (прп. Иоанн Лествичник, 57, 269).

***

Достигший совершенной чистоты чрез крайнее бесстрастие, <пастырь>, как божественный судья, может употреблять и строгие меры. Ибо оскудение бесстрастия уязвляет сердце судии и не допускает ему, как бы следовало, наказывать и искоренять зло (прп. Иоанн Лествичник, 57, 269).

***

...Не будь ни слишком благ, ни чрез меру строг, но от того и другого примешивая во всем, тем и другим действуй во благо; болящим болезнуй, скорбящим соскорби, трудящимся спомоществуй (прп. Феодор Студит, 92, 131).

***

Не смотрите на мою нерадивую жизнь, но соблюдайте заповеди Господа нашего Иисуса Христа, Коему, яко праведному и неложному Судии, имеем мы отдать отчет во всем, что ни делаем. Дайте мне, прошу, такое похваление,

да хвалюся, что я один, падши по нерадению моему во глубины ада, воззвал велиим гласом и освободил вас от сетей дьявола. Хотя мне надлежит оплакивать собственное свое нерадение, но я ищу удовольствие видеть вас парящими высоко, выше всех сетей вражеских. Соблюдайте же, возлюбленные, неопустительно все заповеди Христовы, да *спасетесь, аки серна от тенет, и яко птица от сети* (ср.: Притч. 6, 5) (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 286).

***

Паси, говорит Господь, *овцы Моя* (Ин. 21, 16). Пастырь бессловесных овец не заботится о земледелии, ни о торговле, ни о домах, ни о яствах различных и многоценных, ни о славе и почести; нет ему дела и ни до чего другого мирского, и охоты не имеет он пользоваться тем; но, оставя все: и дом, и жену, и детей, — все свое попечение обращает на одну лишь паству свою, ради ее ночи проводя без сна и проходя с нею в отдаленные места, не имея ни крова, ни постели, перенося зной дня и хлад ночи и борясь с воздушными переменами: одних овец блюдет он, и о них всестороннее имеет попечение. Но для тебя, пастыря словесных овец, возможно находиться под кровом дома, иметь одр, постель, трапезу, — и вместе с тем пасти и овец Моих. Как же пасти? Уча их иметь ко Мне (говорит Господь) веру светлую, чистую, не колеблющуюся, и любить Меня от всей души и от всего сердца, как и Я возлюбил их, по любви к ним предав себя на смерть и умерши за них. Доставляя же им вместо пажити животворную пищу Моих заповедей, объясняй им, что они тогда только будут вкушать животворность сей пищи, когда самим делом исполнять станут заповеди Мои, и побуждай

их вкушать от сей пищи каждочасно, чтоб они были всегда насыщенными от Моих благ (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 374).

***

Страшны, братия мои, эти слова: *вот Я — на пастырей, и взыщу овец Моих от руки их, и не дам им более пасти овец, и не будут более пастыри пасти самих себя, и исторгну овец Моих из челюстей их, и не будут они пищею их* (Иез. 34, 10), изреченные Богом на пастырей. Посему станем лучше заботиться о том, чтоб добре пасти самих себя, яко стадо Христово, яко царское священие, подчиняя плоть духу, да не побеждается лучшее худшим, т. е. душа телом. Когда же внидем во глубины смиренномудрия, омоем скверны грехов наших слезами своими, стяжем кротость сокрушением сердца и смиренномудрием, великою жаждою правды Божией привлечем утоление ее неизреченными благами Царства Небесного через утешения Духа Святаго; потом, когда воспримем утробы щедрот и сострадания, стяжем сердце чистое совершенным бесстрастием и узрим свет Божий, т. е. Самого Духа Святаго действующим в нас и глаголящим о сокровенных тайнах Царствия Божия, как лица, посредством глубокого мира сочетавшие воедино мудрование душу и тело, — когда умиротворим себя и сделаем по душе и телу согласным орудием Богу во едином духе, — когда к тому претерпим еще ради Христа множество искушений, скорбей и бед и навыкнем укоряемы благословлять, гонимы терпеть, хулимы молить (см.: 1 Кор. 4, 12 —13), не помня зла никакого, но все то благодушно принимая и претерпевая, и всячести стараясь сохранно прейти искус сей, без малейшего колебания в терпении, которое есть основание добродетелей, — когда таким образом посредством всех сказанных доброде-

телей возрастем возрастом по Христу и востечем в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова, со стяжанием совершенного Боговедения и мудрости словес и таин оных, кои и подает Дух Святый, — когда, говорю, совершится в нас все сие, и мы достигнем полного во всем совершенства, тогда, пожалуй, предадим себя и на пользу братий наших. Впрочем, и тогда не следует нам самим искать этого, но уступать, если Богом будем призваны к тому; не превозношения ради, но чтоб быть рабами всех, как говорит Господь: *и кто хочет быть больший в вас, будь всем раб и всем слуга* (ср.: Мк. 10, 43—44). Но пока не достигнем мы совершенства и бесстрастия, до тех пор да минует нас начальствование над другими, прошу вас (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 379—380).

***

<Пастырь>, не ищи покоя телесного или какого-либо утешения. И ночи и дни иждивай на попечение о вверенных тебе от Бога душах, да не попадет какая-либо из них в зубы врага, быв побеждена или злою похотью, или неразумным гневом, или помыслами тщеславия, но соблюдай все свое стадо целым и безущербным, стараясь представить его Пастыреначальнику, Христу Богу, все плодоносным, исполненным добродетелей и просвещенным Божественным ведением, чтоб ни одной овцы не было, которая имела бы струпы и раны, или была лишена какого члена, или казалась захирелою. Если будешь всегда держать такое попечение о братиях, то спасешь многих, делая их совершенными, не имеющими недостатка ни в чем добром и принося их Христу совсем всех непорочными, всех чистыми от нечистых дел. За это сподобишься ты получить от Бога великое воздаяние, будешь вселен в

скинии апостолов и пастырей Христовых и вечно царствовать с Самим Сыном Божиим. Посему жизнь твоя должна быть пред лицом братий и отцов, как некий образец, чтоб братия брали с него пример. Не люби вещей, ни славы, ни удовольствий и утех, ни трапез с яствами многими и винами, ни щеголеватых одежд. Не будь тщеславен, гневлив, бранчив, злопамятлив, и не воздавай злом за зло. Но будь нестяжателен, ненавидь показливость, почет и всякое удобрение плоти. Будь смирен, нищ духом, сокрушен, тих, кроток, безгневен, несребролюбив, умерен, покоен, благочинен, терпелив, воздержан, немногопопечителен, неусыпен, усерден, ревностен. Пекись о душах, кои имеешь под своим смотрением, как о собственных членах, и будь каждый день готов живот свой положить за них, если потребуется, и никакого дела мира сего не предпочитай любви к братьям. Так как ты всем другим предпочтен и поставлен пасти словесных овец Христовых, то надлежит тебе, по слову Господа, быть ниже всех мудрованием и смирением, еже по Богу; как сильному — носить немощи немощных, как врачу — врачевать болезни братий, которые заболевают душою, как пастырю — возвращать опять в стадо овча отбившееся и заблудшее; то, которое хорошо, старайся сделать преуспевающим в добродетелях, а которое паршиво и не подает надежды на уврачевание, то отдели от стада, чтоб не запаршивели и другие овцы. Подвизайся, чадо мое о Господе, со всем усердием умножать стадо Христово (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 466—467).

***

Делать... то, чему учишь, не принуждай их, но возвещай им слова Мои <Божии> и увещевай соблюдать их, так как они доставляют Жизнь Вечную (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 116).

***

Как в телесных болезнях никто не может точно узнавать причины их и врачевства против них без большой опытности во врачебном искусстве, так и в душевных — без долгого подвижничества. Ибо как удобопогрешительным кажется и на деле очень немногим доступно бывает телесных болезней распознание, в коем упражняется искусство врачей, тем более удобопогрешительно и более трудно, чем оно, распознание болезней душевных. Ибо чем душа превосходнее тела, тем труднее узнавать болезни ее, чем тела сего, всеми чувственно видимого (прп. Никита Стифат, 93, 114—115).

***

Есть некоторые пределы моря, которые прокармливают великих зверей — китов. Посему плавающие в их пределах подвешивают к своим кораблям колокольчики, чтобы вследствие звона их устрашенные звери бежали. И море нашей жизни кормит многих и более опасных зверей, я имею в виду дурные страсти и патронов их — лукавых бесов; пересекает же это море, как бы некий корабль, Божественная Церковь, которая вместо колоколов обладает духовными наставниками, так чтобы гласом священного их учения обратить в бегство духовных зверей. И вот, как образ сего, и Аароново одеяние имело подвешенные благозвучные колокольчики, и торжественно должно было быть слышно их в то время, когда Аарон священнодействовал. Мы же, прекрасным образом обращая букву в дух, соответствующе будем «звенеть» для вас в духовном смысле, и особенно в это постное время, в которое видимые и невидимые звери особенно ополчаются на нас. Видимые: чревоугодие, пьянство и подобное, другие же невидимо сидят в засаде: тщеславие, гордость, самомнение и лицеме-

рие. «Звон» же сей является и приводящим в бегство сих зверей, и охранителем для соблюдающих пост (свт. Григорий Палама, 26, 129).

***

С членами Христовыми — христианами — должно обходиться очень осторожно и благоразумно: должно сострадать им в недугах их, и отсекать только те, которые не подают никакой надежды к выздоровлению, лишь заражают недугом своим других (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 313).

***

...Духовное врачевство не механично... а все от произволения, от определений личных и напряжения своих сил (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 28).

***

...То правда, что каждый иерей должен быть самокомандным в деле защиты истины Божией и хранении своей паствы, но во многих случаях они не знают, что волки понемногу растаскивают овечек из стада (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 56).

Пастырские искушения

Люди, которые кажутся достойными доверия, а между тем учат иному, не должны смущать тебя. Стой твердо, как наковальня, на которой бьют. Великому борцу свойственно принимать удары и побеждать. Особенно же для Бога мы должны все терпеть, чтобы и Сам Он потерпел нас... Вникай в обстоятельства времени. Ожидай Того, Кто выше

времени, — Безвременного, Невидимого, но для нас сделавшегося видимым, — Неосязаемого, Бесстрастного, но для нас подвергшегося страданию, все ради нас претерпевшего (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 309).

***

Откуда бы епископу ни угрожал страх или опасность, он, живя среди опасностей и страхов, приобретает славу чрез эти самые опасности и страхи (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 251).

***

...Не нужно <пастырю> оставлять церковного благочиния или ослаблять священническую строгость из-за того, что... осыпают ругательствами или устрашают угрозами... (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 252).

***

Если, исполняя Домостроительство, помазываешь елеем больного, то храни око, руки и язык, чтоб ни в чем не преступить пределов целомудрия; ибо это прилично благочестию (прп. Ефрем Сирин, 30, 517).

***

Если дух уныния беспокоит тебя... то не увлекайся помыслом уныния; но пребывай на том месте, на котором поставил тебя Бог, рассуждая в себе, какую любовь имел ты к Богу, когда вначале пришел к монастырским дверям. Ту же любовь будем иметь и до конца... (прп. Ефрем Сирин, 30, 556).

***

Если пребываешь... на месте именитом, то смотри, будь побежден высокоумием; не уничижай в мысли бра ев, будто бы принадлежат они к жалкому обществу, и один Господь знает сокровенности сердца. Смотри, чтоб оказалось, что превозносишься ты листьями, тогда как них есть и плоды. Но лучше, сколько можешь, столь смиряй себя, и обретешь благодать пред Господом... (пр Ефрем Сирин, 30, 560).

***

Немалая предстоит опасность приставленному име попечение о стаде, если, против воли Пастыреначальни будет во зло употреблять паствою (прп. Ефрем Сирин, 3 241).

***

Не знаете, братия, нашей скорби! Когда председател ствуем здесь с величием и даем сии законы вам — многи тогда, может быть, бóльшая часть из нас самих (что д стойно слез) не знаем, как взвешивается у Бога кажд мысль, каждое слово и дело, даже не только у Бога, но и весьма многих из людей. Люди — медлительные суд своих дел, но скорые истязатели дел чужих. Им легче и винить других в важнейшем, нежели нас в маловажном; если в них будет еще невежество, то скорее обвинят н в нечестии, нежели себя в посредственном незнании (св Григорий Богослов, 14, 146).

***

Человек ничтожный и презренный, если и поскользне ся и падет, приносит обществу не столь большой вред,

тот, кто стоит наверху добродетели с великою славою, как бы на какой высоте, будучи виден и известен всем и оставляя у всех предмет удивления, когда падет, подвергшись искушению, причиняет великое разрушение и вред; не потому только, что он сам пал с высоты, но и потому еще, что он сделал более беспечными многих из тех, кто взирал на него (свт. Иоанн Златоуст, 44, 10).

***

Как... может укротить надменность других тот, кто сам надмевается? Кто из народа пожелает быть кротким, видя начальника гневливым (свт. Иоанн Златоуст, 44, 434).

***

Полезно ни чрезмерно опасаться и бояться несправедливых обвинений (а предстоятелю неизбежно подвергаться безрассудным укоризнам), ни совершенно пренебрегать ими; но... хотя бы возводимы были на нас людьми неважными, надобно стараться скорее погашать их (свт. Иоанн Златоуст, 44, 463).

***

Если и тот, кто чист от всякой страсти, что, впрочем, невозможно, неизбежно подвергается бесчисленным горестям для исправления погрешностей других, то при собственных слабостях, представь, какую бездну трудов и забот и какие страдания должен перенести желающий преодолеть и свои и чужие пороки! (свт. Иоанн Златоуст, 44, 476—477).

***

...Корабль Церкви волнуют постоянные бури; эти бури не только вторгаются извне, но зарождаются и внутри, и

требуют от священника великой внутренней внимательности и тщательности (свт. Иоанн Златоуст, 44, 472).

***

Если ты простишь согрешившему в день раз, и другой, и третий, то оскорбитель твой, хотя бы был совсем каменный, хотя бы был свирепее... демонов, не будет столько бесчувствен, чтобы опять впасть в тот же грех, но, образумленный многократным прощением, сделается лучше и скромнее (свт. Иоанн Златоуст, 46, 5).

***

...Грехи, сделанные против нас, будем прощать и оказывать снисхождение оскорбившим нас; когда же грех делается против Бога, тогда будем взыскательны.

<...> Это и нам принесет величайшую пользу, и принимающим исправление сделает немало добра (свт. Иоанн Златоуст, 47, 257—258).

***

Если... вы будете строги в обращении, и за это подвергнетесь злословию, радуйтесь. Таково именно свойство соли, что она едкостью остроты своей неприятна на вкус людей сластолюбивых. Злословие, следовательно, необходимо будет преследовать вас, но нисколько не повредит вам; напротив, будет свидетельствовать о вашей твердости. Если же вы, устрашась злословия, оставите подобающую вам твердость, то подвергнетесь тягчайшим бедствиям; вас все будут и злословить, и презирать... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 159).

***

Пусть же сияет твоя жизнь, и не обращай никакого внимания на тех, кто злословит тебя; невозможно ведь, совершенно невозможно, чтобы добродетельные не имели у себя многих врагов (свт. Иоанн Златоуст, 50, 163).

***

Какая надежда учителю, если его паства предана порокам? Какая жизнь? Какое утешение?.. Положим, что <пастырь> не заслуживает осуждения и не подлежит наказанию, но *чист от крови всех* (ср.: Деян. 20, 26), — и тогда он будет терпеть неисцельную скорбь; ведь и отцы, даже когда не подвергаются осуждению за своих детей, и тогда скорбят и страдают (свт. Иоанн Златоуст, 52, 389).

***

Подобно тому как к малым детям нисколько не уменьшается (отеческая) любовь, хотя бы даже дитя, взятое на руки, ударило своего отца по лицу, так и мы нисколько не должны уменьшать нашей любви к внешним, хотя бы мы и переносили от них удары (свт. Иоанн Златоуст, 54, 658).

***

Ночью демоны сами домогаются смущать духовного учителя, а днем через людей окружают его бедами, клеветами и опасностями (прп. Нил Синайский, 71, 198).

***

Если ты получил жребий учить о Господе, а тебя не слушают, то мысленно о сем скорби, а явно не возмущай-

ся тем. Такой ради скорби не будешь осужден наряду с тем, кто не внимает тебе; за возмущение же явное все тем же искушаем будешь (прп. Марк Подвижник, 89, 555—556).

***

Многие, покусившись спасать вместе с собою нерадивых и ленивых, и сами вместе с ними погибли, когда огонь ревности их угас со временем (прп. Иоанн Лествичник, 57, 14).

***

Сколько потребно терпения в перенесении искушений, какие имеют сопровождать <дело пастыря>! Какое надлежит иметь тонкое рассуждение во время браней, какие всеконечно встретит он! Почему внимай добре, отче духовный, и тщательно смотри за сердцем своим, особенно же очисти око ума своего и храни его чистым и не запорошенным, потому что при помощи его ты можешь и за сердцем своим смотреть добре, и право обсуждать порученные тебе дела по настоятельству твоему... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 463).

***

Если по деятельному любомудрию вышел ты расхитить добычи враждебных духов, смотри и внимай, отовсюду вооружив себя оружиями духовными. Ибо знаешь, чьи сосуды похитить вознамерился ты? — супостатов, конечно, но мысленных и бесплотных, тогда как ты, в теле еще сущи, воинствуешь Царю духов и Богу. Знай, что теперь они сильнее, чем прежде, станут нападать на тебя и множайшие против тебя начнут строить козни; пока

или отвоевывая скрытно свою добычу и тебя вместе с нею заберут в плен, и многой горести исполнят душу твою, или ввергнут тебя в злые и болезненные искушения чрез уязвление и озлобление плоти твоей (прп. Никита Стифат, 93, 110).

***

Что на вас смотрят ошибочно, почитая вас святым, это невелик для них грех. Но если вы в самом деле подумаете о себе, как о святом, то это дело небезопасное (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 208).

Обязанности пастыря

...Долг предстоятелей — держаться заповеди и вразумлять как поспешающих, так и неведущих, иначе долженствующие быть пастырями овец соделаются хищниками (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 127).

***

...Как еще страстный и не получивший просвещения в познании подвергается опасности великой, если начальствует некоторыми... так и получивший от Бога бесстрастие и духовное познание, — если не будет приносить пользы душам других (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 148).

***

Предстоятель слова должен не своими только добрыми делами ограничивать свою попечительность, но собственным и исключительным делом возложенного на него попечения почитать исправление вверенных ему (свт. Василий Великий, 7, 389).

***

Всех должно призывать в послушание Евангелию, со всяким дерзновением возвещать слово и свидетельствовать об истине, хотя иные препятствуют сему и, как бы то ни было, гонят даже до смерти (свт. Василий Великий, 7, 390).

***

Учащий должен предположить себе целью — всех возвести в мужа совершенного, в меру возраста полноты Христовой (см.: Еф. 4, 13), и притом каждого в собственном его чине (свт. Василий Великий, 7, 399).

***

Заботься не на земле оставить детей, но возвести на небо; не прилепляйся к супружеству плотскому, но стремись к духовному, рождай души и воспитывай детей духовно. Подражай Небесному Жениху, низлагай восстания невидимых врагов, воюй с началами и властями (см.: Еф. 6, 12), изгоняя их сперва из своей души, чтобы не имели в тебе никакой части, а потом из сердца тех, которые прибегают к тебе, поставляют тебя вождем и защитником охраняемых словом твоим (свт. Василий Великий, 9, 33).

***

...Тот, кому поручено заботиться о всех, будучи обязан дать отчет за каждого, так и должен располагать себя, зная, что если один из братий впадет в грех потому, что он ему не сказал предварительно оправданий Божиих или, впадши в грех, пребывает в нем, не наученный, как испра-

виться, то кровь брата от рук его взыщется... (свт. Василий Великий, 9, 130).

***

...Кому вверено путеводство многих, те обязаны посредством своим людей еще немощных побуждать идти вперед в уподобление Христу... (свт. Василий Великий, 9, 159).

***

...Что исполнено правильно, то надобно подтвердить одобрением, а в чем допущена погрешность, то исправить тщательным и благоразумным наставлением (свт. Василий Великий, 9, 161).

***

...<Пастырь> должен быть готов в угождение Богу и для общей всех пользы подать каждому не только благовествование Божие, но и душу свою, по заповеди Господа... (см.: Ин. 15, 13) (свт. Василий Великий, 9, 222).

***

...Кому поручено начальство и попечение о многих, тот должен знать и изучать обязанности всех, чтобы всех научать воле Божией, показывая каждому его обязанности (свт. Василий Великий, 9, 276).

***

...Наставник не иное что есть, как человек, который представляет собою лице Спасителя, стал посредником

между Богом и людьми, и священнодействует пред Богом спасение покорных ему (свт. Василий Великий, 9, 377).

***

Настоятелю нужно обращать внимание на то, чтобы не делать приказаний, превышающих телесные силы, и через это бессильного не довести до прекословия. Он должен, как отец, одинаково расположенный и близкий ко всем, смотреть на телесные силы каждого, и сообразно с тем размерять и распределять свои приказания (свт. Василий Великий, 9, 386).

***

Начальствующие над духовными обществами должны действовать в духе взаимного доброжелательства и, заботясь друг о друге, не разорять того, что устроено другими, и не принимать просто и без разбора тех, которые оставляют другие братства (свт. Василий Великий, 9, 387).

***

...Искренне и истинно работающим для Господа надобно о том единственно прилагать старание, чтобы привести опять к единству Церкви, так многочастно между собою разделенные (свт. Василий Великий, 10, 218).

***

Немалый ущерб готовит себе пастырь, который спит вне овчего двора; потому что сон пастырей — радость волкам (прп. Ефрем Сирин, 30, 146).

***

Если брат смиряется под руку твою, то разумей, что, не тебя боясь, делает это; и потому памятуй о Господе, для Которого и он терпит, и ты не должен озлоблять его (прп. Ефрем Сирин, 30, 146).

***

Благоразумный служитель не будет нерадив к делу своему, и боящийся Господа не соблазнит братий своих (прп. Ефрем Сирин, 30, 180).

***

Удаляй от овец всякую вредную для них вещь, и не будешь назван лукавым делателем (прп. Ефрем Сирин, 30, 190).

***

Принимай... покаяние от брата, как от посланного Богом, чтоб, уничижив Пославшего, не подвигнуть Его на гнев против себя (прп. Ефрем Сирин, 30, 208).

***

Научай брата своего не тому пути, который отводит в мир, но тому, который вводит в Царство Небесное (прп. Ефрем Сирин, 30, 219).

***

Не желай начальства над душами, чтоб, не пришедши еще в меру бесстрастия, не сделать вреда и себе, и после-

дующим за тобою. А если невольно привлечен, то заботься исполнять не свою волю, но волю <Господа>, вверившего тебе попечение о словесных овцах (прп. Ефрем Сирин, 30, 504).

***

...Игумену надлежит быть самым сведущим и бдительным о спасении подчиненных, у каждого наблюдать его походку, телодвижения и одежду; неприличное обличать, руководить же к лучшему. Учители показывают ученикам очертания не букв только, но и едва заметных знаков препинания, и каждому знаку назначают его место. Подобно и настоятель должен внушать братиям даже до малости все, относящееся ко спасению... В таком случае волки, видя попечительность пастыря, побегут от стада словесных овец (прп. Ефрем Сирин, 30, 505—506).

***

Настоятели должны иметь в виду силы каждого из подчиненных, помня Господа, Который говорит: *иже убо плод приносит, и творит ово сто, ово же шестьдесят, ово тридесять* (Мф. 13, 23), чтоб каждый в своем чине благоугождал Господу (прп. Ефрем Сирин, 30, 561).

***

Тебе... вверена душа? Препояшь чресла свои, как муж; потому что немалый совершаешь подвиг; ты принял на себя дело душ совершенных. Потому весьма трезвись; великого внимания требует дело; не пренебрегай им... (прп. Ефрем Сирин, 31, 145).

***

Не вовсе порицай людей худых, и не всегда хвали добрых. Будь не очень открыт с теми и другими, но и не несведущ в образе их мыслей (прп. Ефрем Сирин, 31, 630).

***

Совершая память святых, воспоминай и тех, которые в немощи, вдов, сирот, странников, бедных, увечных, хромых, слепых, как заповедал Господь наш; и будешь блажен, потому что у них нет, чем воздать тебе, воздастся же тебе в воскресение праведных (прп. Ефрем Сирин, 32, 23).

***

Кто желает настоятельствовать, тот наперед сам на себе пусть учится обязанностям настоятеля, т. е. кто управлял прежде собою, тот способен править и другими (прп. Ефрем Сирин, 32, 405).

***

...Цель... врачевания — окрылить душу, исхитить из мира и предать Богу, сохранить образ Божий, если цел, поддержать, если в опасности, обновить, если поврежден, *вселить Христа в сердца* (ср.: Еф. 3, 17) Духом; короче сказать: того, кто принадлежит к горнему чину, соделать богом и причастником горнего блаженства (свт. Григорий Богослов, 12, 30—31).

***

Учи глупых, соображаясь, сколько можно, с их природой; тогда, может быть, сверх чаяния, сделаешь их благоразумными (свт. Григорий Богослов, 15, 366).

***

Особенно вам, служители алтаря, советую не быть оком, исполненным тьмы (см.: Лк. 11, 34), чтобы не оказаться первыми в порочной жизни. Ибо если свет темен, чем будет самая тьма? (свт. Григорий Богослов, 16, 200).

***

...Хороший пастырь врачует покрытую струпьями овцу, а овца овцу врачевать не может (прп. Макарий Египетский, 67, 284).

***

...Большая часть из подведомых священнику стеснена житейскими заботами, которые делают их менее расположенными к делам духовным. Поэтому учитель должен... сеять ежедневно, чтобы слово учения по крайней мере непрерывностью своею могло укрепиться в слушателях (свт. Иоанн Златоуст, 44, 470).

***

...Вам, принявшим служение Слова, постановлен человеколюбивым Богом закон — никогда не оставлять своего дела и не молчать, хотя бы слушали нас, хотя бы убегали (свт. Иоанн Златоуст, 44, 779).

***

Наш долг не убедить слушателей, но только посоветовать; наше дело предложить увещание, а убедиться — их дело (свт. Иоанн Златоуст, 44, 781).

***

...Если ты повергнешь семена, и слушатель не примет их и не принесет плода послушания, тебе уготована награда от Бога за совет, и ты получишь такое же воздаяние — хотя он не послушался, — какое ты получил бы, если бы он и послушался; потому что ты исполнил все со своей стороны (свт. Иоанн Златоуст, 44, 781).

***

Бог повелел тебе не упрекать в лености, а помогать в бедности; не сделал тебя обличителем нечестия, а поставил врачом нечестия; не для того, чтобы ты порицал беспечность, но чтобы подавал руку лежащему; не для того, чтобы ты осуждал образ жизни, но чтобы утолял голод (свт. Иоанн Златоуст, 46, 71).

***

Получил ли ты дар слова? Не гордись и не надмевайся — это не твой дар; не будь непризнателен за дары Господни, но разделяй их с подобными тебе рабами, не превозносись ими, как своими, и не жалей разделять их с другими (свт. Иоанн Златоуст, 53, 95).

***

Учитель ничего не должен считать для себя обременительным, что клонится ко спасению учеников (свт. Иоанн Златоуст, 54, 493).

***

...Знаем, что иные из глубины порока вошли на самый верх добродетели. Тела связуются естественною необхо-

димостью, души же почтены свободою произволения. Почему, в какой мере произволение удобоподвижнее естества, в такой же сподручнее восстановить душу. А поэтому, нимало не отчаиваясь, попытайся исправить <падшего>. Немалая слава будет тебе пред Богом, хотя успеешь ты в этом, хотя нет; потому что исполнишь все, что зависит от тебя. Почему с таким расположением приступи к делу, как будто несомненно надеешься заслужить одобрение, когда убедишь его восстать, и забота сия да не оставляет тебя ни ночь, ни день. И он, может быть, спасется как-либо, и соблазняющиеся исправятся, и смеющиеся над ним заградят себе уста, и ты улучишь бессмертную славу (прп. Исидор Пелусиот, 60, 341).

***

Если возведенные на степень священного служения и преуспевая... едва могут оказать пользу (потому что подначальные преспеяния их, как они ни велики, усматривают медленнее, а погрешности, как они ни малы, видят скорее), то живущие беспечно и нимало не промышляющие о подчиненных какому пороку не положат начала в тех, которые в грехах начальствующих думают иметь оправдание собственных грехопадений и небоязненно пускаются на всякое беззаконие? Посему имеющим священный сан надлежит наипаче быть заботливыми, как обязанным дать отчет и за себя, и за подчиненных (прп. Исидор Пелусиот, 62, 344).

***

...Надлежит смирять самомнение погрешающих, но не сознающих, что погрешают, и извинять приходящих в чувство (прп. Исидор Пелусиот, 62, 426).

***

...Различие нравов и хитрость разума делают настоятельство весьма трудным, и приступающим к оному должно умастить себя, как на многотрудный подвиг, чтобы и недостатки всех переносить со всяким терпением, и великодушно научать их тому, что сокрыто от них по неведению (прп. Нил Синайский, 72, 39).

***

...Знай, <пастырь>, что обязан ты не меньше страшиться за подначальных, чем и за себя самого, потому что, как за себя, так и за них дашь ответ, однажды приняв на себя дело спасения их (прп. Нил Синайский, 73, 392).

***

При изложении учения не скрывай от присутствующих приличного для них; что благоприлично, излагай яснее, а чего вместить не могут... то предлагай загадочно (прп. Марк Подвижник, 69, 47).

***

Получив жребий управлять братиею, храни чин свой и не умалчивай о должном (сказать или приказать) по причине противоречия (некоторых). В чем послушают тебя, за то получишь награду, по причине добродетели их; в чем же не послушают, прости им, и за то получишь равное (воздаяние) от Того, Кто сказал: *отпустите и отпустится вам* (ср.: Лк. 6, 37) (прп. Марк Подвижник, 89, 559).

***

Никак не соглашайся, когда находящийся у тебя на послушании скажет тебе: дай мне власть некоторое время, для добродетели, попытать то или другое дело и совершать его так и так. Ибо говорящий так явно свою волю исполнять хочет, а заветы добрейшего послушания отметает (прп. Иоанн Карпафский, 91, 84).

***

Немощных и огорченных сердцем подкрепляй словом и всем, сколько достает средств руке твоей, и подкрепит тебя Вседержительная Десница (прп. Исаак Сирин, 58, 19).

***

Тех, которые держатся учения противного твоему, обличай силою добродетелей твоих, а не убедительностию слов твоих. Кротостью и спокойствием уст своих заграждай уста бесстыдству непокорных и заставляй его умолкнуть. Обличай невоздержных благородством жития своего, а тех, у кого бесстыдны чувства — воздержностью очей своих (прп. Исаак Сирин, 58, 281—282).

***

По́том наипаче, а не нагим словом потщимся научаться познанию Божественных истин, ибо не слова, а дела должны мы будем показать во время исхода (прп. Иоанн Лествичник, 57, 182).

***

Насколько овцы... преуспевая безостановочно, последуют своему пастырю, настолько и он должен отдать за них ответ Домовладыке (прп. Иоанн Лествичник, 57, 253).

***

Да мечет пастырь, как камнем, грозным словом на тех овец, которые по лености или по чревоугодию отстают от стада, ибо и это признак доброго пастыря (прп. Иоанн Лествичник, 57, 253).

***

Наставляя низших, сам учись сначала свыше; и от чувственного научайся духовному, и не забывай того, который сказал: *ни от человек, ни человеком проповедую учение* (ср.: Гал. 1, 1, 12). Ибо земное не может исцелить земных (прп. Иоанн Лествичник, 57, 253).

***

Великий стыд для наставника молиться Богу о даровании послушнику того, чего сам еще не стяжал (прп. Иоанн Лествичник, 57, 255).

***

Видал я врачей, которые не предупредили больных о причинах усиления болезни и через то сделались виновными многих трудов и скорбей, и больным и себе (прп. Иоанн Лествичник, 57, 256).

***

Если ты получил от Бога дар предвидеть бури, то явно предвозвещай о них находящимся с тобою в корабле (прп. Иоанн Лествичник, 57, 256).

***

...*Настой*, говорит <апостол Павел>, *благовременне и безвременне* (2 Тим. 4, 2). *Благовременне* — сим обозна-

чает, по мнению моему, такое время, когда обличаемые благодушно переносят обличение; а *безвременне* — когда их оное огорчает. Ибо источники не перестают изливать струи свои и тогда, когда нет и ни одного жаждущего (прп. Иоанн Лествичник, 57, 257).

***

Добрый воевода должен ясно знать состояние и устроение каждого из подчиненных (прп. Иоанн Лествичник, 57, 258).

***

Когда овцы пасутся, пастырь да не перестает употреблять свирель слова, и особенно когда они преклоняются ко сну; ибо волк ничего так не боится, как гласа пастырской свирели (прп. Иоанн Лествичник, 57, 259).

***

При сеянии духовного семени должно рассуждать о времени, о лицах, о количестве и качестве семени (прп. Иоанн Лествичник, 57, 261).

***

Не ленись просить и молить Бога за самых ленивейших; не о том, чтобы они были помилованы, ибо это без их содействия невозможно, но чтобы Господь воздвиг их к усердию (прп. Иоанн Лествичник, 57, 263).

***

Обучай <послушников> словом и собственным примером быть незлобивыми друг к другу, а против бесов —

мудрыми и осмотрительными (прп. Иоанн Лествичник, 57, 263).

***

Убеждением, кротостию и показанием добродетели надобно приводить братий к должному, ибо у нас не тираническая власть, а уважающая свободу и охотное вызывающая подчинение (прп. Феодор Студит, 92, 117).

***

...Пока есть дыхание в ноздрях моих, не перестану напоминать вам о достодолжном по долгу моему, с теплою, однакож, любовию к вам (прп. Феодор Студит, 92, 159).

***

Не гневайтесь... на меня за... обличение: ибо горе мне, если я не стану обличать вас и стоять перед вами за праведное действование... (прп. Феодор Студит, 92, 176).

***

Глава, как глава, смотри, что благопотребно каждому члену, и определив, что кому делать, приводи все и всех в движение <ко спасению> (прп. Феодор Студит, 92, 271).

***

Говорить нам должно, и никак не молчать долго, ибо молчание сон наводит на душу, а сон такой причина есть смерти... (прп. Феодор Студит, 92, 456).

***

...Кто хочет пасти стадо Христово и питать разумных овец, научая их всему <доброму>... чтобы сделать их тучными от добрых дел и многородных добродетелей, тот как может в то же время заботиться о полях и виноградниках и пещись о прочих стяжаниях своих, чтоб сохранить от похищения и ущерба, прогоняя покушающихся на это? (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 378).

***

Всякий духовный наставник должен быть только слугою Жениха Небесного, должен приводить души к Нему, а не к себе... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 519).

***

Положите себе за правило — говорить сестрам всегда с материнским сердцем и доброхотностью, строго без деспотства, снисходительно без поблажек (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 233).

Ответственность пастыря

Горе нам, что мы определяем праведное и благое, рассуждаем об оном и учим, но весьма далеко отстоим от дел праведных и благих (прп. авва Исаия, 59, 128).

***

Горе нам! Будучи исполнены согрешений, мы учим и наставляем тех, кои гораздо лучше нас и превосходят нас (прп. авва Исаия, 59, 189).

***

...Ежели при телесном врачевании не всякому позволено делать над больным употребление лекарства или какого орудия, а только тому, кто приобрел в этом искусство долговременностью, опытом, упражнением в лечении и учением у знающих, то какое же основание всякому без разбора приниматься за врачевание словом, где, если и самая малость опущена из виду, приносит сие весьма великий вред? (свт. Василий Великий, 9, 162—163).

***

Кто преступает пределы чистоты и целомудрия, и требует послушания по прихоти, тот не останется без наказания... (прп. Ефрем Сирин, 31, 145).

***

Как мудрый учитель, не попускай, чтобы осудил тебя первый с тобою встретившийся (прп. Ефрем Сирин, 31, 633).

***

<На Страшном Суде> кровь погибших по нерадению епископов и пресвитеров взыщется от рук их (прп. Ефрем Сирин, 32, 152).

***

...Брать на себя труд — учить других, пока сам еще не научился достаточно, и, по пословице, на большом глиняном сосуде учиться делать горшки, т. е. над душами других упражняться в благочестии, по моему мнению, свойственно только людям крайне неразумным и дерзким, —

неблагоразумным, если они не чувствуют своего невежества, — дерзким, если, сознавая оное, отваживаются на дело (свт. Григорий Богослов, 12, 45).

***

Вести... любомудрую жизнь лучше, нежели принять на себя власть и управление душами, и когда еще сам не научился быть хорошим пасомым, не очистил, как должно, душу свою, обязаться должностью — править паствою, притом в такие времена, когда, смотря на людское крушение и мятежи, всего вожделеннее бегом бежать из общества, удалиться в надежный приют, укрыться от бури и тьмы лукавого... (свт. Григорий Богослов, 12, 64).

***

...Пока не препобеждена мною, по возможности, персть, пока не очищен ум, пока далеко не превосхожу других близостью к Богу; небезопасным признаю принять на себя попечение о душах и посредничество между Богом и человеками, что составляет также долг иерея (свт. Григорий Богослов, 12, 70).

***

Если люди, живущие безукоризненно, едва могут вразумлять беспечных, то, если мы будем подавать им повод (ко греху), не будем ли мы во всех отношениях виноваты в их погибели? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 261).

***

...Грехи человека значительного и многим известного наносят всем общий вред, делая падших более нерадивы-

ми о добрых подвигах, а внимательных к себе располагая к гордости (свт. Иоанн Златоуст, 44, 434—435).

***

<Пастыри>, хотя бы... сделали малейшую погрешность, другим она представляется уже великою, потому что все измеряют грех не важностью самого действия, но достоинством погрешающего (свт. Иоанн Златоуст, 44, 435).

***

Если <пастырь> не досмотрит чего-нибудь малого... то прочие добрые дела его нисколько не помогут ему заградить уста обвинителей; но этот малый проступок затемняет все прочее (свт. Иоанн Златоуст, 44, 435).

***

...За каждый из тех грехов, которые <наказанный> совершит после... врачевания, вместе с ним подлежит наказанию и врач, нехорошо лечивший рану. Каких же наказаний должен ожидать тот, который отдаст отчет не только за грехи, совершенные им самим, но подвергнется крайней опасности и за грехи других? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 446).

***

Если пастырь не умеет хорошо отражать все... ереси, то волк может и посредством одной пожрать множество овец (свт. Иоанн Златоуст, 44, 455).

***

...Множество простых людей, находящихся под... руководством <священника>, когда увидят, что вождь их побежден и не может ничего сказать противникам, будет винить в этом поражении не его слабость, а нетвердость самого учения; по неопытности одного много людей подвергнется крайней гибели (свт. Иоанн Златоуст, 44, 461).

***

Тот, кому вверено служение слова, даст там строгий отчет, не опустил ли по лености или по злорадству чего-либо такого, что бы сказать надлежало, и доказал ли на деле, что изъяснил он все и не скрыл ничего полезного (свт. Иоанн Златоуст, 46, 8).

***

...Не в одних делах, а и в словах тогда дадим отчет. И мы, вверив слугам своим деньги, требуем у них отчета во всем; так и Бог, вверив нам (дар) слова, взыщет за его употребление (свт. Иоанн Златоуст, 46, 8).

***

...Если... брачное сочетание не может быть разрушено человеком, тем более не может быть разлучена Церковь с пастырем (свт. Иоанн Златоуст, 46, 449).

***

Свойство... долга духовного таково, что чем более он уплачивается, тем более возрастает и тем большее достав-

ляет изобилие и несказанное богатство и отдающему, и получающим (свт. Иоанн Златоуст, 47, 200).

***

...Чем больших ты удостоен знамений и страшных таинств, тем большая требуется от тебя святость и тем большему подвергнешься наказанию, если преступишь заповеданное тебе (свт. Иоанн Златоуст, 48, 428).

***

Быть благоразумными особенно нужно тем, от которых зависит спасение других, и столько нужно им иметь в себе добродетели, чтобы можно было уделять ее в пользу других. Если вы не будете такими, то и сами не спасетесь... Через вас и другие заблудившиеся могут образумиться, а если вы утратите свою силу, то погубите с собою и других. Поэтому, чем важнее возложены на вас обязанности, тем более вы должны иметь ревности... Другие, если и много раз согрешат, все-таки могут быть прощены; но учитель, если согрешит, не может ничем извинить себя, и должен понести тягчайшее наказание (свт. Иоанн Златоуст, 50, 158—159).

***

Если хорошо будете жить... то не только обратите всю вселенную, но и будете способствовать к славе имени Божия; напротив, худою жизнью и людей погубите, и дадите повод к хуле имени Божия (свт. Иоанн Златоуст, 50, 160).

***

Немалое наказание ожидает вас <священников>, если вы, признавши кого-либо нечестивым, позволите причаститься этой <Господней> Трапезы. Кровь Его взыщется от рук ваших. Хотя бы кто был полководец, хотя бы высший начальник, хотя бы сам царь, носящий диадему, но если приступает недостойно, то запрети ему: ты имеешь больше власти, нежели он. <...>

Бойся Бога, а не человека. Если будешь бояться человека, то от Бога будешь уничижен, а если будешь бояться Бога, то и от людей почитаем (свт. Иоанн Златоуст, 50, 828—829).

***

...Если одна овца погибнет, сделавшись добычей врага, — по вашей беспечности, — тогда всей своей жизнью вы не загладите этой потери: кровь ее Судия взыщет от руки вашей (свт. Иоанн Златоуст, 51, 705).

***

...Нет ничего хуже начальника, который не приносит подчиненным никакой пользы (свт. Иоанн Златоуст, 52, 84).

***

Кто сам не врач, тому лучше и не иметь у себя лекарств, так как кто не имеет их, тот не может ни излечить, ни повредить; а кто имеет, но не умеет пользоваться ими, тот может повредить (свт. Иоанн Златоуст, 52, 455).

***

Достиг ли ты высокой степени достоинства и получил власть церковную? Не высокомудрствуй; не ты достиг этой чести, а Бог облек тебя ею; береги ее, как чужую, не злоупотребляй ею и не употребляй на то, на что не следует; не гордись и не присвояй себе, но считай себя бедным и бесславным (свт. Иоанн Златоуст, 53, 95).

***

Мы, <пастыри>, дадим ответ за ваши души, но только тогда, когда что-нибудь будет опущено с нашей стороны, когда мы не будем упрашивать вас, не будем увещевать, не будем свидетельствовать против вас (свт. Иоанн Златоуст, 54, 106).

***

...Кто не знает, как нужно учить здравому учению, тот пусть будет далек от учительского престола. Прочие качества можно находить и в подчиненных, как то: непорочность, держание детей в послушании, страннолюбие, справедливость, благочестие... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 849).

***

...Что солнце во вселенной, то и глаз в теле; и как, если солнце по видимому угаснет, все придет в замешательство, так, если угаснет и глаз; и ноги, и руки, и все почти тело сделаются бесполезными. К чему же сказал я это? К тому, что учитель есть глаз в теле Церкви. Посему, если он светел, т. е. сияет лучами добродетелей, то будет светло и все тело, которым он правит и о котором прилагает над-

лежащее попечение. А если он темен, т. е. делает достойное тьмы, то помрачится все почти тело; потому что, хотя иные из состоящих в чине членов и здравы и выполняют, что им следует, и нимало не терпят вреда от испорченности учителя, однако же не имеют столько же, как и он, силы, когда повреждение поедает главнейшие части тела, и порок поощряет и прочих соревновать наставнику, остающихся же здравыми осуждает, и всеми способами старается и их ввергнуть в ту же болезнь (прп. Исидор Пелусиот, 60, 373—374).

***

...Люди, слыша и видя... что мы иному беремся учить, а иное делаем и, думая, что мы смеемся и шутим над тем, что вовсе не смешно, изощряют поэтому языки свои на Промысл Божий, который накажет их, но больше нас, как соделавшихся виновниками такой хулы (прп. Исидор Пелусиот, 61, 383).

***

Ни оправдания, ни извинения не остается тем, которые осмеливаются учить, а делают противное тому, что говорят. Которые не делают, но не берутся и учить, те, вероятно, понесут легчайшее наказание; а которые величаются поучительным словом и не делают того, что говорят, нещадно и непростительно будут наказаны (прп. Исидор Пелусиот, 62, 448).

***

...Погибель подражавших <пастырю> обращается в приращение наказания худо учившему в Церкви и явно де-

лающему достойное осуждения (прп. Нил Синайский, 73, 94).

***

Совершенное восприятие <пастырства> есть предание души своей за душу ближнего во всем. Иное, когда пастырь принимает на себя прежде сделанные грехи, и только. Иное, когда он принимает согрешения после (восприятия) бывающие, и только. Некоторые же, по недостатку духовной силы и по неимению бесстрастия, принимают на свою ответственность пред Богом только тяготу повелений своих. Но и в самом совершенном восприятии, пастырь подлежит суду по мере того, сколько принятый им отсекает пред ним свою волю (прп. Иоанн Лествичник, 57, 262).

***

...Мысленный грех пастыря на суде Божием оказывается важнее греха, на самом деле совершенного послушником; так как и преступление воина легче злоумышления полководца (прп. Иоанн Лествичник, 57, 263).

***

Какое мне оправдание; какое извинение просвещать других, когда сам я тьма, и врачевать немощствующих страстями, когда сам ведом... и увлекаем ими (прп. Феодор Студит, 92, 108).

***

...Чем больше мы почтены, тем большая требуется от нас чистота жизни (прп. Феодор Студит, 92, 109).

***

Велико и страшно стать человеку пред Богом, неумытным Судиею, и давать отчет о всей пастве, соблюлось ли оно в чистоте и непорочности и исправно ли ходило во всех оправданиях Божиих... (прп. Феодор Студит, 92, 312).

***

Если мы не знаем, как надлежит проводить настоящую жизнь, как должно обогащаться добрыми делами и являть себя рабами правды Божией, как обещавшимся безукоризненно работать Живому Богу, — ни того не знаем, какими надлежит нам прежде сделаться самим, чтобы потом руководствовать и других; то скажи мне, как можем мы быть достойны принять на себя попечение о Господнем стаде и охранении его? (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 321).

***

Поостерегись браться пасти других, прежде чем стяжешь верным другом Пастыря Христа; ибо ведай, что имеешь дать ответ не только за свое недостоинство, но и за разумных овец, которых погубишь по своей необученности и своей страстной жизни. Смотри, прошу тебя, не бери на себя чужих долгов, будучи сам должником, хотя бы то и небольшим долгом. Не дерзай давать кому-либо разрешение грехов его, если сам не стяжал еще внутрь сердца своего Вземлющего грех мира. Внимай, брате, чтоб не восхотеть судить другого, прежде чем сделаешься верным судиею себя самого и исследователем собственных своих падений, и прежде чем сам над собою произнесешь праведный приговор и воздашь должное правде слезами и плачем. И тогда уже, как освободишься от закона плоти и от смерти греховной и исполнишься Духа Святаго, тогда

соглашайся на поставление себя благодатию Божию в праведные судьи для суда над другими, яко рукоположенный на то от Бога благодатию Духа. Смотри, как никто из мирских начальников не дерзает восходить на степень судей, прежде чем будет определен на то царем. Если теперь в отношении к человеческим достоинствам соблюдается такой порядок и держится такой страх, чтоб как-нибудь не погрешить пред земным царем, то какое благоговение и какой страх должны мы держать в отношении к Божественному, чтоб не восходить саморукоположенно на достоинства Божии самим от себя и по человеческому суду, прежде чем призваны будем к тому от Бога, и чтоб не впасть за то в руки Бога Живого? Вострепещи, человече, убойся долготерпения Божия и не покажись таким, что имеешь пред Небесным Царем и Богом меньший страх, чем какой мирские начальники имеют пред царем земным, или что нерадишь о богатстве благости и долготерпения Божия по славолюбию и властолюбию. Он есть Властитель всяческих и страшный Судия всех, воздающий каждому по делам его и по помышлениям сердца его. Почему, как мирские власти приносят земному царю честь и страх, так и ты принеси Небесному Царю и Богу, хотя такие же честь и страх, чтоб почитая Его и боясь таким образом, мог ты соблюсти заповеди Его, а чрез такое соблюдение заповедей Его предуготовить себя самого к тому, чтоб сподобиться соделаться жилищем трисиянного света Его, как неложно обетовал Сам Он (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 394—395).

***

...Отче духовный, надлежит тебе прежде сделаться учеником Христовым и добре научиться заповедям Его и таин-

ствам, — и тогда уже браться учить других; надлежит тебе прежде подчиниться и последовать духовному отцу, который провел бы тебя путем, ведущим ко Христу, так чтоб ты достиг Христа, или лучше сказать, чтоб тебя обрел Христос; причем надлежит тебе заметить все повороты и все знаки пути, которым незаблудно проведет он тебя туда, где увидишь ты Христа благодатию Святаго Духа, — и тогда уже руководи и других ко Христу; надлежит тебе прежде самому просветиться истинным светом, а после того вводить и других в сей свет; надлежит тебе прежде самому получить христианскую свободу, а потом берись руководить к ней и других; ибо совершенно бессмыслен и буй есть тот, кто, будучи сам рабом, берется освобождать сорабов своих, восхищая власть господина своего (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 454—455).

***

...Без Духа никто не может ни сам научиться, ни других научить. Почему если кто прежде получения Духа Истины, *егоже мир не может приати, яко не видит Его, ниже знает Его* (ср.: Ин. 14, 17), дерзнет и покусится, еще будучи от мира, в мире взять на себя степень и достоинство учителя и стать духовным отцом и ходатаем за других пред Богом, то не достоин ли он несметного числа молнийных ударов и мук? (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 455).

Пастырство ложное

Которые из суетного лицемерия молятся, чтобы поедать хлеб вдовиц и сирот (см.: Мф. 23, 14), те наемники; которые служат собственной выгоде, гоняются за настоя-

щим, не имеют в виду будущего, те наемники, а не пастыри (свт. Василий Великий, 8, 319).

***

Упивающийся пастырь не спасет вверенных ему овец, а сонливый и сам сделается добычею зверей. Ибо *терния прозябают в руце пияницы* (Притч. 26, 9), а душа воздержного припадает к Богу (прп. Ефрем Сирин, 30, 199).

***

...Если случится, что наставник, хотя проповедует добродетель словом, но нерадит о делах; то по таковому поводу не дадим случая противнику развращать душу нашу, но вспомним Сказавшего: *на Моисеове седалищи седоша книжницы и фарисее: вся, елика аще рекут вам блюсти, соблюдайте и творите: по делом же их не творите: глаголют бо, и не творят* (Мф. 23, 2—3) (прп. Ефрем Сирин, 30, 506).

***

Если обязанный распоряжаться и управлять другими будет неопытнее и слабее всех, то, по неопытности предавая вверенных ему, он будет предводительствовать более для дьявола, нежели для Христа (свт. Иоанн Златоуст, 44, 483).

***

...Представим себе, сколько тяжелых трудов переносят пастухи овец... заботясь о бессловесных. Часто занесенные снегом по три дня сплошь остаются они в таком

положении... <или> по целым месяцам скитаясь по... суровой пустыне, наполненной самыми свирепыми зверями. А если столько забот бывает о бессловесных, то какое извинение будем иметь мы, когда нам вверены разумные души, а мы спим таким глубоким сном? Можно ли тут думать об отдыхе? Можно ли искать покоя? Напротив, для этих овец не должно ли идти повсюду и подвергать себя тысяче смертей? Или вы не знаете цены этого стада? Не для него ли твой Владыка совершил бесчисленные деяния и пролил даже Свою Кровь? А ты ищешь покоя? Что же может быть хуже таких пастырей? Разве ты не понимаешь, что и Христово стадо окружено волками, которые злее и свирепее ливийских? Неужели ты не представляешь себе, какую душу должно иметь тому, кто принимает на себя начальство в Церкви? Народные правители, совещаясь о делах маловажных, дни и ночи проводят в бодрствовании, а мы, подвизающиеся для неба, спим и днем. Кто же после этого избавит нас от наказания за такую беспечность? Если бы даже надлежало резать тело, если бы надлежало испытать бесчисленные смерти, то не следовало ли бы спешить на все это, как на торжество? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 832—833).

***

Пока... Бог попускает ему <священнику> священнодействовать, не уклоняйся принять от него дар, потому что не сам он дает тебе отпущение грехов, но Великий Первосвященник Христос, вверивший ему священство (свт. Иоанн Златоуст, 54, 968).

***

...Когда ты каешься и исповедуешь грехи свои, то священник тут ни при чем, нужен только его язык, а спасение

и отпущение грехов тебе дарует Бог (свт. Иоанн Златоуст, 54, 970).

***

Большое обвинение, когда те, которые должны учить других, сами не приобретают наперед знания (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1176).

***

...Постарайся изникнуть <выйти> из глубины порока, прекрати свое распутство, подумай о кратковременности здешней жизни и неизбежном наказании там. Для чего напрасно, лучше же сказать, назло себе, тратишь время? Представь себе: душа у тебя одна, и ты осквернил ее всеми гнусными страстями. Избавь себя от порока, стыда, позора и мучения, церковь от осквернения, жертвенник от нечистоты, рукоположившего тебя от обвинений, нас от печали, а святых от непрестанных слез (прп. Исидор Пелусиот, 60, 290).

***

Для чего ты не остаешься начальником, но оказываешься под начальством у порока? Посему знай, что понесешь большее наказание, как сам делавший то, что поставлен был воспрещать другим (прп. Исидор Пелусиот, 60, 294).

***

Тот может служить правилом для начальствования и точнейшим указателем умения начальствовать, кто все устрояет к пользе подчиненных. А кто благоустройство начальствования превратил в самоуправство и нестроение,

подначальным готовит труды, а себе уловляет удовольствия, тот делами своими начертывает правило не начальствования, а самоуправства (прп. Исидор Пелусиот, 61, 128).

***

...Или перестань услаждаться чужими бедствиями, пробуждая и раздражая усыпленное непотребство, или, делая это, не приступай к досточтимому алтарю, потому что соблазняешь и не допускаешь приступать к нему многих, которым несносно видеть такую нечистоту, неотступно остающуюся при нескверном жертвеннике (прп. Исидор Пелусиот, 61, 182—183).

***

Весьма смешно тому брать на себя начальство над другими, кто не в состоянии начальствовать над самим собою. Кто не только не подчинил себе своих неистовствующих страстей, но и дал им свободу делать все, что хотят и могут, тот будет смешон, покушаясь исправить других. Он делает то же, что и врач, который, будучи покрыт чирьями, возмется от чирьев лечить ближнего (прп. Исидор Пелусиот, 62, 316—317).

***

Если то, что ты, не знаю почему, предпочтен другим и возведен в священство, надмило тебя и довело до высокого о себе мнения, так что не соревнуешь и тем, которые, хотя состоят в чине подчиненных, но заслуживают одобрение, то сожалею о твоем неразумии. Если же низших не удостоиваешь и того, чтобы посмотреть на них, то сие самое опаснее всего, если окажется, что по делам ты хуже

тех, которые, по твоему мнению, столько ниже тебя по достоинству, и будешь признан уступившим над собою победу тем, над которыми иметь верх нимало не почитал для себя удивительным. Если бы их жизнь дышала беспечностью, и тогда тебе не должно было бы оставлять попечения о добродетели. Ибо немалое расстояние, какое между ними и тобою, лишило бы тебя извинения. Если же они выше и благоискуснее тебя, даже не имея у себя вождя, то смотри (не намерен я сказать что-либо тяжкое), чем кончится зло? (прп. Исидор Пелусиот, 62, 330—331).

***

Для чего так упорно держаться зла? Для чего, что есть сил, оскорбляешь добродетель? Для чего оскверняешь храм? Почему не трепещешь, кощунствуя над Божественными священнодействиями? Для чего людей, обращающих внимание на твою жизнь, заставляешь думать, что терпят они ущерб и в самых тайнодействиях? Для чего язычникам, совершенно готовым войти в Церковь, оказываешь несправедливость, отгоняя их от дверей церковных? Для чего зрелище наполнил ты новыми представлениями? Для чего и в жизнь вносишь новые зрелища? Для чего древние горестные события затмил совершаемым ныне? Если не боишься Бога, потому что пока долготерпит; уважь хотя людей; если не страшишься Суда, то домогайся хотя доброго о тебе мнения; если думаешь, что ничего нет по отшествии из сей жизни (об этом громко вопиют... поступки твои), убойся хотя людского осмеяния. Если же и это ни во что ставишь, устрашись хотя низложения. А тебе справедливо потерпеть это... Смотря, как ты нечистыми руками касаешься священных Таинств, бегут все прочь, решаясь лучше оставаться несподобившимися Таинств, не-

жели Пречистые Дары принять из нечистых и скверных рук... Как наименовав тебя, приближусь к истине? И что изрекши тебе, избавлю тебя от безумия? Что написав, заставлю прекратить непотребство? Или перестань делать такие дела, или отлучи себя от Священной Трапезы, чтобы питомцы Церкви небоязненно уже приступали к Божественным Таинам, без которых невозможно спастись (прп. Исидор Пелусиот, 62, 476).

***

Не сей худого, потому что жатва близко и насадителя терний ожидает огонь (прп. Нил Синайский, 72, 253).

***

Несообразно видеть лисицу между курами, но еще несообразнее видеть пастыря гневливого, ибо лисица губит кур, а сей смущает и погубляет разумные души (прп. Иоанн Лествичник, 57, 260—261).

***

Когда увидишь, что кто-либо делает такие дела <фарисейские>, заботливо ищет славы человеческой и беззаботно преступает заповеди Божии, чтоб угодить людям, то знай, что это прелестник, а не истинный учитель (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 105—106).

***

...Умерщвление падшей воли, совершаемое так величественно и победоносно волею Духа Божия, не может совершаться падшею волею наставника, когда сам настав-

ник еще порабощен страстям (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 71).

***

Когда кто, сам не уврачевавшись, других врачевать хочет, тогда и врач и врачуемый в прелесть пагубную впадают и увеличивают свою проказу взаимно, а не врачуются... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 106).

Пастырское служение

Почти иерея, исполняя заповедь Христову, в которой сказано: *приемляй пророка* с радостью *во имя пророче, мзду пророчу пришмет* (Мф. 10, 41). Если и не знаешь о каком иерее, достоин ли он сана, или недостоин, то не презирай его ради заповеди Христовой. Как не терпят вреда светлое золото, если покрыто оно грязью, а также и самый чистый бисер, если прикоснется к каким-нибудь нечистым и скверным вещам; так подобно сему и священство не делается осквернённым от человека, хотя бы приявший его был и недостоин (прп. Ефрем Сирин, 31, 605—606).

***

...Лучше заслужить презрение как неопытному, нежели подпасть наказанию как опытному (прп. Ефрем Сирин, 31, 629).

***

Велик подвиг и велик труд монахов. Но если кто сравнит труды их со священством, хорошо исправляемым, тот

найдет между ними такое различие, какое между простолюдином и царем (свт. Иоанн Златоуст, 44, 472).

***

Для <пастыря> самая великая и достаточная похвала та, если кто от порока обратится к добродетели, если кто, прежде бывший беспечным, сделается старательным от... увещания... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 577).

***

...Мы, <пастыри>... для пользы тех, кому служим, являемся тягостными, жестокими, несносными и неприятными <в обличениях>, так как мы приносим пользу не тем, чем нравимся, а тем, чем уязвляем. Таков и врач, но он еще не слишком неприятен, потому что он сейчас же дает чувствовать пользу своего искусства, а мы — в будущем (свт. Иоанн Златоуст, 52, 57).

***

Не о своей славе забочусь я (моя слава — ваша добрая жизнь); но — о вашем спасении (свт. Иоанн Златоуст, 52, 83).

***

Не о том будем стараться, чтобы только были многие <в Церкви>, но более о том, чтобы они были отличны (по добродетелям). Когда последнее будет достигнуто, тогда будет и первое. Никто, строя дом, не желает сделать его наперед просторным, но сначала крепким и благонадежным, а потом — и просторным... Если есть могущие просиять в Церкви, то скоро будут и многие; если же нет

первых, то и множество никогда не будет иметь превосходства (свт. Иоанн Златоуст, 52, 231—232).

***

Учить нетрудно, но показать путь, которым с удобством можно достигнуть этого, — вот дело, достойное удивления (свт. Иоанн Златоуст, 52, 644).

***

Подобно тому как блестящая луна, рассеивая ночной мрак, прекрасно освещает как бы факелом путь мореплавателям и путешественникам и таким образом делает беспрепятственным путешествие для каждого, точно так же и учитель Церкви, разливая посредством слова, подобно луне, свет богопознания, приводит к Истине — Христу как тех, которые в настоящем житейском море идут по скорбному пути удовольствий, так и тех, которые ведут христианский образ жизни. И Священное Писание называет обыкновенно учителей Церкви, ведущих святую жизнь, сообразно достоинству их, луною и звездами... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 979—980).

***

Когда научишься всему тому, что Господь заповедал тебе соблюдать, тогда ты приобретешь себе через это многих подражателей (свт. Иоанн Златоуст, 54, 614).

***

...Учителю особенно нужно иметь незлобие, иначе все будет тщетно. Если рыболовы, часто целый день бросая сети и ничего не поймав, не приходят в отчаяние, то тем

более (не должно отчаиваться) нам... Часто случается, что плуг слова, действуя непрестанным внушением, входит в глубину души и истребляет овладевшую ею страсть. Кто слушал тысячу раз, тот должен что-нибудь почувствовать; невозможно, чтобы человек, слушая непрестанно, нисколько не почувствовал. Таким образом может случиться, что человек, уже готовый убедиться, потеряет все от нашего нетерпения, и произойдет то же, как если бы кто-нибудь неискусный в земледелии, насадив виноград и окопав его в первый год, и во второй, и в третий в надежде получить плоды, но, не получив их и потеряв надежду по прошествии трех лет, оставил бы его в четвертый год, именно тогда, когда должен был получить воздаяние за труды свои (свт. Иоанн Златоуст, 54, 797).

***

...Одна приобретенная душа часто может снять с нас <пастырей> бремя бесчисленных грехов и стать для нас искупительной жертвой в день Последнего Суда (свт. Иоанн Златоуст, 55, 518).

***

Преподаватель духовных предметов приобретает двоякую прибыль, ибо польза последует не только в преспеянии слушающего, но и в рассуждении преподающего, потому что не менее и самого себя воспламеняет к желанию совершенства, когда наставляет слушателя (прп. авва Феона, 56, 566).

***

Иерей Божий, поелику приближается к Богу, должен, подобно многоочитым животным (см.: Иез. 10, 12), весь быть оком, и так же, как они, все знать и все видеть. Итак,

поелику не знаешь ты этого, научись со смирением, и не подвергай осмеянию светоносного священства, которое оскорбляешь, всем изменяя, и леностию, и продажею (прп. Исидор Пелусиот, 60, 103).

***

...Прекрасное дело научать людей благости Божией, привлекать их непрерывностью Промысла Божия, и от заблуждения приводить к познанию истины (прп. Исаак Сирин, 58, 309).

***

Пастырь не должен всегда безрассудно смиряться пред подчиненными, но не должен и возноситься всегда несмысленно, взирая в обоих случаях на пример апостола Павла. Господь часто закрывает очи подчиненных не видеть немощей в предстоятеле; а когда сам предстоятель начнет им объявлять свои недостатки, тогда родит в них неверие (прп. Иоанн Лествичник, 57, 259).

***

...Многим произволяющим подобает спастись, но награда дана будет тем, которые по Господе послужили их спасению (прп. Иоанн Лествичник, 57, 267).

***

...Надлежит тебе, пастырю овец Христовых, стяжанною иметь всякую добродетель и телесную, и духовную, — так как ты глава прочего тела братий, — чтобы братия смотрели на тебя, как на первообраз добра, и отпечатлевали в себе самих добрые и богоподобные черты твои. При этом и труба твоя да не знает никогда покоя, но непрестанно да

издает глас: одним братиям предсказывай меч, т. е. гнев Божий, грядущий на упорных сынов противления, чтоб их исправить, или, если не послушаются, свою душу избавить от страшного гнева Божия; других вразумляй, учи и подвигай на всякое добро; но и тех, которые требуют обличения и укора, не оставляй без внимания, но обличай их благовременно и безвременно, запрещай им и всячески старайся отклонить их от недобрых поступков, как заповедует тебе божественный Павел. Милостивость свою являй равно ко всем братиям, и любовь тоже одинаковую имей ко всем, но честь воздавай каждому по добродетели его, как подобает, и мужу добродетельному и духовному не предпочитай даже и того, кого первым имеешь по устроению монастыря (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 465).

***

Научитесь прежде сами делать добро, и тогда беритесь научить и других делать тоже, чтоб слово учения вашего было соединено с делом, и чрез то становилось более удобоприемлемым для тех, кои будут слушать его (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 481).

****

Пресвитер Петр Диосский, когда бывал на общественной молитве, то хотя его и принуждали стоять впереди всех, из уважения к его священству, он, по смирению, всегда становился позади других, исповедуя грехи свои... Это делал он, никого не оскорбляя (97, 242).

***

К одному отшельнику для причащения Святых Таин приходил пресвитер из ближней церкви. Но кто-то нагово-

рил отшельнику на пресвитера, и когда тот по обычаю пришел, чтобы причастить отшельника, последний, объятый соблазном, не отворил ему дверь. Пресвитер, увидев это, ушел.

И вот! Последовал к отшельнику голос: восхитили себе человеки суд Мой. После этого отшельник пришел в исступление: он увидел как бы златой колодезь и золотые сосуд и вервь, и воду особенно хорошего достоинства. Увидел он и как прокаженный черпал воду из колодезя и наполнил ею сосуд. Отшельник пожелал выпить воду, но не смог, потому именно, что черпавший был прокаженный. И опять был к нему голос: почему ты не пьешь этой воды? Что за дело до того, кто бы ни черпал ее? Он только черпает и наливает в сосуд. Отшельник, придя в себя и уразумев значение видения, призвал просвитера и попросил причастить его (106, 500).

***

Однажды у кельи Великого Макария лежал какой-то пресвитер. Голова у него было так изъедена болезнью, что в его темени была видна кость. Он пришел к Макарию, чтобы испросить исцеления; но старец не хотел принять его. Ученик стал упрашивать Макария и говорить ему: «Молю тебя, умилосердись над сим страдальцем, дай ему, по крайней мере, какой-нибудь ответ». Святой ответил: «Он недостоин исцеления, Господь послал ему такую болезнь для его вразумления; если хочешь, чтобы он исцелился, так посоветуй ему с сего времени отказаться от совершения Таинств». Тогда ученик стал упрашивать старца: «Молю тебя, скажи, почему так?» Тот ответил: «Сей пресвитер совершил Литургию в грехе любодеяния и за это теперь наказывается. Если он по страху прекратит то, что дерзал делать по небрежности, Бог исцелит его».

Когда же ученик пересказал это страждущему, то он пообещал не священнодействовать более. После этого святой Макарий принял его и сказал ему: «Веришь ли, что есть Бог, от Которого ничто не скрыто?» Он отвечал: «Верю». Потом Макарий сказал ему: «Ты не должен был прогневлять Бога». Он отвечал: «Не должен, господин мой». Великий Макарий сказал: «Если ты сознаешь грех свой и наказание Божие, которому подвергся за этот грех, то исправься в будущем».

Пресвитер исповедал грех свой и обещался более не грешить и не служить при алтаре, но стать в ряду мирян. Затем святой возложил на него руки, и тот в несколько дней выздоровел, оброс волосами и возвратился домой здоровым, прославляя Бога и благодаря Великого Макария (101, 66—68).

***

В Киликии неподалеку от города Эги, в селении Мардард был храм во имя Святого Иоанна Крестителя. Священником при храме был старец, великий пред Богом и исполненный добродетели. Однажды жители селения пришли к епископу города Эги с просьбой: «Возьми от нас этого старца — нам трудно с ним. В воскресный день он совершает Литургию в девятом часу и не соблюдает установленного чина Божественной службы». Епископ, призвав старца, спросил его: «Зачем ты так поступаешь, старец? Или не знаешь устава Церкви?» «Поистине так, Владыко, — отвечал старец, — и ты справедливо говоришь, но я не знаю, что мне делать. В воскресные дни от самой полунощницы я нахожусь у Святого престола и не начинаю Литургии, пока не увижу Святаго Духа, нисходящего

на престол. Когда же увижу наитие Святаго Духа, немедленно совершаю Литургию». Епископ подивился добродетели старца, и, вразумив жителей, отпустил их с миром, славя Бога (102, 38).

***

Во времена царей Льва и Александра один князь, живший в Пелопонессе, купил себе отрока-скифа и отдал его пресвитеру, чтобы тот прислуживал ему в домашней церкви. Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, выяснилось, что он некрещен. Князь призвал пресвитера и повелел ему окрестить мальчика. По совершении таинства отрок пришел к своему господину, держа свечу. Князь попросил мальчика пригласить к нему крестившего его пресвитера. Отрок, придя в церковь, хотя и видел там священника, но, вернувшись к князю, возвестил, что того, кто крестил его, в храме нет. Князь удивился и послал другого отрока позвать пресвитера. Когда священник пришел, князь спросил новокрещеного, почему он говорит, что в храме нет того, кто его крестил. Отрок же сказал, что крестил его не этот пресвитер, ибо тот, кто совершал таинство над ним, светился, как солнце, а лицо его блистало, как молния. И когда служил тот страшный муж, священник стоял вне храма, связанный железными цепями по рукам и ногам, и держали его два страшных изувера, пока не кончил служение солнцеобразный муж. Услышав это, князь удивился, и страх объял его. Взяв священника под руку, он ввел его в свою комнату и спросил: «Правда ли, что говорит отрок?» Пресвитер, упав пред князем на колени, со слезами сказал: «Так как Господь открыл тебе все, то выслушай мой рассказ. На своей родине, соблазненный врагом душ наших, я впал в согрешение. Когда узнал

об этом мой епископ, то дал мне епитимию — более не священнодействовать. Я, будучи беден, без служения не имел средств на жизнь и пришел в эту страну. Ты, господин мой, умилосердился надо мной и принял в дом свой. Я же, окаянный, поправ свою совесть и правила Божии, забыв вечные и страшные муки, служил до сего дня. Но так как Бог открыл тебе обо мне, я уже более не достоин взирать на тебя, моего господина». Князь ответил ему на это: «Полезнее было бы тебе попросить хлеба, чем ради временной жизни попрать заповедь Божию и дерзнуть приступить к Божественному служению. Но так как Бог человеколюбив и принимает искренно кающихся, то иди в монастырь и кайся прочее время жизни твоей, да милостив будет к тебе Господь за твое нечестие. Я думаю, что нет тяжелее греха, когда иерей, будучи запрещен, дерзнет служить Литургию». Сказав это, князь отпустил иерея в монастырь (107, 474—475).

***

Однажды святитель Василий Великий сказал своим клирикам: «Чада мои, пойдемте со мною и увидим славу Божию». Он вышел из города и направился в дом к пресвитеру Анастасию. Этот пресвитер не принимал пищи в течение недели, а в субботу и воскресенье вкушал только хлеб и воду. Ночи он проводил в молитвах вместе со своей женой. При этом отличался редкой кротостью, благостностью и милосердием к убогим. Предвидев силою Святаго Духа приход архиепископа Василия, Анастасий сказал своей нареченной жене, а на самом деле его сестре, что он идет на поле пахать и чтобы она прибрала комнату и в девятый час, взяв кадильницу с фимиамом и зажженную свечу, встретила архиепископа, ибо он идет в их дом. Она сделала, как ей было сказано. Жена пресви-

тера считалась неплодной, на самом деле она была девою, ибо они жили в чистоте уже сорок лет и строго хранили свою тайну.

Встретив архиепископа Василия с великой честью, она поклонилась ему и взяла у него благословение. Архиепископ, благословив, спросил: «Здорова ли ты, Феогния?» Она удивилась, так как святитель назвал ее по имени, и ответила: «Здорова, святый отче, раба твоя». — «А где Анастасий, брат твой?» Она ответила, что ее муж ушел пахать, отметив про себя, что святитель Василий сказал, что Анастасий — брат ее, и этим опять привел ее в трепет, ибо проник в тайну их жизни.

Когда святитель Василий встретился с Анастасием, пресвитер умыл ему ноги, и они поприветствовали друг друга о Господе. Затем святитель Василий направился в храм и предложил пресвитеру совершить службу. Но Анастасий знал, что меньший от большего благословляется, и потому не дерзал начинать службы. Святитель же сказал ему: «Ко всем своим добрым делам приложи и послушание» и этим побудил его совершить Литургию. За слушанием во время пресуществления Святых Даров достойные видели, что Святый Дух в виде огня окружил пресвитера и алтарь. Причастившись, все воздали славу Богу и пришли к пресвитеру на трапезу.

Святитель Василий стал расспрашивать пресвитера о его жизни и добродетелях. Анастасий называл себя грешником и по смирению говорил, что он недостоин никакой добродетели, что вместе с женой своей он трудится, чтобы платить подати и кормить нищих и странников. Святитель Василий ответил пресвитеру, чтобы он называл свою жену сестрою, ибо она сестра его. Встав, он направился в одну из комнат. Пресвитер стал просить святителя не входить в эту комнату, говоря, что в ней хранится их имущество.

Святой Василий сказал, что потому он и пришел, что в этой комнате их имение. Так как пресвитер все же не отпирал дверей, то епископ своим словом отворил двери, вошел в комнату и нашел там тяжело больного мужа, о котором никто не знал, кроме пресвитера и его сестры. И спросил святитель, почему он хотел скрыть свое богатство? Анастасий отвечал, что он боялся, чтобы болящий не согрешил против архиепископа словом, ибо он гневлив и сварлив. Архиепископ сказал пресвитеру, что он хорошо потрудился для болящего, но в эту ночь он сам хочет послужить ему, чтобы получить награду вместе с ними. Оставшись на ночь с больным, святитель Василий молил Бога, исцеляющего все недуги и все болезни, об исцелении болящего. Утром он вывел болящего совершенно здоровым, прославляющим Бога, святого Василия и добронравного пресвитера Анастасия (112, 116).

ПЕДАГОГИКА

Кто будет воспитываться в худых нравах, тому гораздо полезнее умереть до зрелого возраста, чем долее заражаться, перенимая порочное поведение родителей (свт. Василий Великий, 6, 146).

***

...Немалая польза, если души юношей осваиваются и свыкаются с добродетелью, потому что наставления такого рода, по нежности душ, запечатлеваясь глубоко, остаются в них неизгладимыми (свт. Василий Великий, 8, 300).

***

...Пока душа еще способна к образованию, нежна и, подобно воску, уступчива, удобно запечатлевает в себе

налагаемые образы, надобно немедленно и с самого начала возбуждать ее ко всяким упражнениям в добре, чтобы, когда раскроется разум и придет в действие рассудок, начать течение с положенных первоначально оснований и преподанных образцов благочестия, между тем как разум будет внушать полезное, а навык облегчит преуспеяние (свт. Василий Великий, 9, 112).

***

...Кто воспитает детей благоугодно Богу, тот блажен (прп. Ефрем Сирин, 30, 146).

***

...Нерадение о детях больше всех грехов и доходит до самого верха нечестия (свт. Иоанн Златоуст, 44, 82).

***

Нет нам извинения, когда дети у нас развратны (свт. Иоанн Златоуст, 44, 83).

***

...Хотя бы у нас все наше было благоустроено, мы подвергнемся крайнему наказанию, если нерадим о спасении детей (свт. Иоанн Златоуст, 44, 83).

***

<Бог> не только детей злых в отношении к родителям наказывает, а к добрым благоволит, но точно так же поступает и с родителями, тяжко наказывая нерадящих о детях, а попечительных удостаивая почестей и похвал (свт. Иоанн Златоуст, 44, 86).

***

...Развращение детей происходит не от чего другого, как от безумной привязанности (родителей) к житейскому: обращая внимание только на это одно и ничего не желая считать выше этого, они необходимо уже нерадят о детях с их душой. О таких отцах я сказал бы... что они хуже даже детоубийц. Те отделяют тело от души, а эти то и другую вместе ввергают в огонь геенский... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 87—88).

***

Не так жестоко изострить меч, взять его в правую руку и вонзить в самое горло сына, как погубить и развратить душу, потому что ничего равного ей нет у нас (свт. Иоанн Златоуст, 44, 88).

***

<Родители> будут наказаны не только за свои грехи, но и за влияние на детей, успевают ли они довести их до падения, или нет (свт. Иоанн Златоуст, 44, 111).

***

<Надо> не тогда внушать молодым людям страх <Божий>, когда они сделаются мужами, но наставлять и направлять их в детстве; тогда и впоследствии не было бы нужды в угрозах (свт. Иоанн Златоуст, 44, 117).

***

Самое лучшее учение не то, когда, допустив наперед порокам одержать верх, потом стараются изгнать их, но то,

когда употребляют все меры, чтобы сделать природу нашу недоступной для них (свт. Иоанн Златоуст, 44, 118).

***

...Станем искать Царствия Божия, тогда и детей увидим везде почтенными, и сами прославимся с ними... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 122).

***

Не можем мы обмануть вместе с людьми и Бога, Который испытует сердца, все обнаруживает и везде возлагает на нас ответственность за спасение детей (свт. Иоанн Златоуст, 44, 124).

***

...Оставив всякие отговорки, постараемся быть отцами доблестных детей, строителями Христоносных храмов, попечителями небесных ратоборцев, намащая и возбуждая их, и всячески содействовать их пользе, чтобы и нам быть соучастниками их венцов (свт. Иоанн Златоуст, 44, 124).

***

Это и расстраивает всю вселенную, — то, что мы нерадим о собственных своих детях, заботимся об их приобретении, и душою их пренебрегаем, допуская крайнее безумное дело (свт. Иоанн Златоуст, 46, 336).

***

Недостаточно только сказать или предложить увещание, но должно оградить многим страхом <Божиим>, что-

бы пресечь легкомыслие юности (свт. Иоанн Златоуст, 46, 338).

***

...При жизни и при смерти будем говорить своим собственным детям и убеждать их, что великое богатство, и непогрешимое наследство, и беспечальное сокровище есть страх Божий, и будем стремиться оставлять им не деньги гибнущие, но благочестие пребывающее и неиждиваемое (свт. Иоанн Златоуст, 46, 339).

***

...Помышляй, что у тебя в доме золотые статуи — дети; каждый день настраивай и осматривай их тщательно и всеми мерами упорядочивай и образовывай их душу... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 339).

***

Если ты прекрасно возрастишь сына своего, то и он — своего собственного сына, а этот — своего сына; и как бы некоторая лента и ряд лучшей жизни все пойдет вперед, получив начало и корень от тебя и принося тебе плоды попечения о потомках (свт. Иоанн Златоуст, 46, 340).

***

...Не будем заботиться о том, чтобы собирать богатство и оставить его детям; будем научать их добродетели и испрашивать им благословение от Бога; вот это, именно это — величайшее сокровище, неизреченное, неоскудевающее богатство, с каждым днем приносящее все большее богатство (свт. Иоанн Златоуст, 47, 712—713).

***

Будем... так наставлять наших детей, чтобы предпочитали добродетель всему другому, а обилие богатства считали за ничто (свт. Иоанн Златоуст, 47, 713).

***

Не одно рождение делает отцом, но хорошее образование; и не ношение во чреве делает матерью, но доброе воспитание (свт. Иоанн Златоуст, 47, 781).

***

...Не столько вреда терпишь ты от болезней и трудов (рождения), сколько получаешь, если хочешь, пользы от воспитания детей, находя в нем повод к добрым делам (свт. Иоанн Златоуст, 47, 782—783).

***

...Если рождаемые тобой дети получают надлежащее воспитание и твоим попечением наставлены будут в добродетели, то это будет и основанием твоему спасению, и, кроме награды за собственные добрые дела, ты получишь великую награду и за их воспитание (свт. Иоанн Златоуст, 47, 783).

***

Будем удалять детей не только от зрелищ, но и от слушания соблазнительных и развратных песен, чтобы ими не прельстилась душа их (свт. Иоанн Златоуст, 47, 788).

***

<Детский> возраст нежный — он скоро усвояет себе то, что ему говорят, и, как печать на воске, в душе детей отпечатлевается то, что они слышат. А между тем и жизнь их тогда уже начинает склоняться или к пороку, или к добродетели. Потому, если в самом начале и, так сказать, в преддверии, отклонить их от порока и направить на лучший путь, то на будущее время это уже обратится им в навык и как бы в природу, и они уже не так удобно по своей воле будут уклоняться к худшему, потому что навык будет привлекать их к делам добрым (свт. Иоанн Златоуст, 51, 22).

***

<Необходимо>... не всегда носить детей на руках, чтобы это не обратилось им в привычку и они не сделались слабыми. Потому-то дети, воспитывающиеся на глазах родителей, бывают слабее, так как неблаговременная и неумеренная нежность вредит их здоровью (свт. Иоанн Златоуст, 52, 471).

***

С самого первого возраста ограждайте детей духовным оружием и научайте их запечатлевать рукой чело, и прежде, нежели они будут в состоянии делать это своей рукой, вы сами изображайте на них крест (свт. Иоанн Златоуст, 53, 182).

***

Укоризна хотя и сама по себе может тронуть, но имеет еще большую силу, когда соединяется с похвалой исправным (свт. Иоанн Златоуст, 53, 253).

***

...Способность исправлять кротостью согрешающих есть дар духовный (свт. Иоанн Златоуст, 53, 807).

***

Честь отцов зависит от благопристойности сыновей, или лучше, венцы сыновей украшаются хорошею славою отцов (свт. Иоанн Златоуст, 53, 842).

***

Ужели вовсе не нужно прибегать к наказаниям? Я этого не говорю: нужно, но только не беспрестанно, не без меры, не из желания выместить на других свою досаду... но лишь тогда, когда вредят своей душе. Если ты по этому побуждению взыскиваешь <с провинившихся>, то все будут хвалить тебя и никто не осудит (свт. Иоанн Златоуст, 54, 133).

***

Хочешь ли, чтобы сын твой был послушен? С детства воспитывай его в наказании и учении Господнем. Не думай, чтобы слушание Божественных Писаний было для него делом излишним (свт. Иоанн Златоуст, 54, 185).

***

Не так полезно образовать сына, преподавая ему искусство и внешнее знание, посредством которых он станет приобретать деньги, как научить его искусству презирать деньги (свт. Иоанн Златоуст, 54, 186).

***

...Старайся, чтобы научить его <сына> презирать славу настоящей жизни; от этого он будет славнее и знаменитее (свт. Иоанн Златоуст, 54, 186).

***

...Бог даровал вам <женщинам>... средство спасения, именно — воспитание детей, так что вы можете заслужить спасение не только сами через себя, но и через других (свт. Иоанн Златоуст, 54, 679).

***

Тот, кто хочет научиться чему-нибудь полезному, прежде всего должен быть расположен к учителю; если же этого предварительно не устроено, то не может произойти ничего надлежащего или полезного... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 798).

***

...Сорную траву тогда нужно было исторгать, когда возраст был нежнее и исторгнуть можно было легче; вот тогда бы оставленные без внимания страсти не усилились и не сделались неисправимыми (свт. Иоанн Златоуст, 55, 719).

***

Кто небрежен к своим детям, тот, хотя бы в других отношениях был хорош и порядочен, понесет крайнее наказание за этот грех (свт. Иоанн Златоуст, 55, 719).

***

Подобно тому как кто-нибудь не может рассчитывать на оправдание и снисхождение в собственных грехах, так и родители — в грехах детей (свт. Иоанн Златоуст, 55, 720).

***

Если вы воспитаете своих сыновей, то они в свою очередь воспитают своих, а эти последние опять научат своих; продолжаясь таким образом вплоть до пришествия Христова, дело это доставит всю награду тому, кто послужил корнем (свт. Иоанн Златоуст, 55, 720).

***

...Подобно тому как, если ты видишь лошадь, несущуюся к пропасти, ты набрасываешь на уста ее узду, с силой поднимаешь ее на дыбы, нередко и бьешь, что, правда, составляет наказание, но ведь наказание это — мать спасения, так точно поступай и с детьми твоими, если они погрешают; связывай грешника... чтобы ему еще более не быть связану гневом Божиим (свт. Иоанн Златоуст, 55, 721).

***

...Те отцы, которые не заботятся о благопристойности и скромности детей, бывают детоубийцами и жесточе детоубийц, поскольку здесь дело идет о погибели и смерти души (свт. Иоанн Златоуст, 55, 721).

***

...Неслучайное приобретение — дети, за спасение их мы отвечаем (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1112).

***

Посевающие в своих детях еще в младенчестве справедливое понятие о Божием величии и Промысле, а потом и о добродетели, не только как родители, но и как превосходные наставники, сподобятся Божиих наград, а насаждающие в них понятие о многобожии <или безбожии> и о пороке, как принесшие чад своих в жертву демонам, приимут достойное воздаяние (прп. Исидор Пелусиот, 62, 148).

***

Молодых людей... надобно вразумлять, а не ласкать. Ибо первое говорится о вложении чего-либо в разум, второе же о том, чтобы или вести, к чему желательно, или быть веденным, как желательно. Посему должно удерживать от своей воли, вести к благоприличному и учить, чтобы держались добродетели и удерживались от порока, потому что первая доставляет венцы, последний подвергает наказаниям (прп. Исидор Пелусиот, 62, 323).

***

Крайне дивлюсь, что не всякий человек радуется одному и тому же; напротив того, одни, получив прощение в чем согрешают, возбуждаются тем к добродетели, а другие — к пороку; для одних благость оказывается спасительным пособием, а для других — гибельной отравой; одних укрепляет, других расслабляет; одних пристыжает,

а у других похищает последний стыд. Да и немедленно подвергать наказанию не для всех одинаково бывает полезно. Одни жалуются на это, как на дело бесчеловечное, другие удерживаются от худого по страху, а не по любви; иные, препираясь с правосудием, покушаются делать неправду, а иные, избегая страдания, не делают того, что желали бы сделать, будучи лучше неуцеломудриваемых страхом, но хуже тех, которые делают добро по любви к нему, и хуже в такой мере, в какой сами лучше не боящихся наказания. Ибо одни избегают наказания, а другие — спасения; одни домогаются не потерпеть наказания, а другие — понести оное. Итак, поскольку спрашиваешь, что делать в столь великом замешательстве, то не могу сказать тебе точно; знает это Испытующий сердца; по крайней мере, как думаю, касательно малых грехов, если согрешающие втайне исправляются, надлежит показывать вид, что их и не знаешь; если же обращаются на худшее, после обличения и умеренного наказания, давать прощение, но когда грехи велики, употреблять его бережливее, уцеломудривать согрешающих и отлучением, и запрещением, пока не покаются, и тогда уже принимать (прп. Исидор Пелусиот, 62, 329).

***

Приходящим к тебе детям... часто делай увещания и читай Писание о добродетели и целомудрии, говоря: «Тщательным вашим упражнением, дети, да будет не один труд об образовании дара слова, но и украшение себя добрыми нравами. Ибо душа, чистая от порока, приемлет истинное образование, и всего досточестнее в добродетелях то самое, чем отличается целомудрие. Хотя и всякое непогрешительное состояние есть целомудрие; но некоторые, спра-

ведливо поступая, именование сие усвояют невинности, как действенному украшению, преимущественному пред другими. С таковыми обитает вместе и мудрость. Если сию добродетель пожелаете иметь ко всему вождем, то соделаетесь мужами добрыми и блаженными, а я чрез вас приобрету не меньшую, чем родившие вас, даже лучшую славу» (прп. Исидор Пелусиот, 62, 341).

***

...Кто хочет решительно воспитать детей своих, <пусть> воспитывает их в великой строгости и трудных занятиях, чтобы, отличившись и в науках и поведении, могли они со временем получить плоды трудов своих (прп. Нил Синайский, 73, 139).

***

Сказания же о праведных так же вожделенны слуху кротких, как и постоянное орошение недавно насажденному растению (прп. Исаак Сирин, 58, 39—40).

***

...Если дети по дерзости и бесчинству будут презирать родителей своих, не станут слушать наставления и исполнять повеления их, то хоть и не будут они <тотчас> преданы за то на временную смерть, как определяет Ветхий Закон, но несомненно преданы будут огню вечному и тьме кромешной (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 93).

***

...Ухитритесь так действовать <на ребенка>, чтобы он не замечал, что ему приказывают, а делал то, что хотите,

будто от себя. Господь да умудрит вас (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 87).

***

Поблажки, конечно, не следует допускать, но и строгость надо растворять теплотою любви (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 88).

ПЕЧАЛЬ

Удаляй от себя всякую печаль, потому что она есть сестра сомнения и гнева (св. Ерм, 94, 192).

***

Печаль есть самый злой из всех духов и самый вредный для рабов Божиих и преимущественно пред всеми другими погубляет человека и изгоняет Святаго Духа (св. Ерм, 94, 192).

***

Молитва печального человека никогда не имеет силы восходить к Престолу Божию... потому что... печаль, смешанная с молитвою, не допускает молитве взойти чистою к Престолу Божию. Ибо как вино, смешанное с уксусом, уже не имеет прежней приятности, так и печаль, примешанная к Святому Духу, не имеет той же чистой молитвы (св. Ерм, 94, 194).

***

...Очищайся от злой печали, и будешь жить с Богом; и все будут жить с Богом, которые только отбросят от себя печаль и облекутся в радость (св. Ерм, 94, 194).

***

...Печаль по Богу не налегает на человека (подавляющею тяготою), но говорит ему: не бойся, прииди опять (к Богу), ибо знает Он, что человек немощен, и подает ему силу (прп. авва Исаия, 89, 348).

***

Всякая печаль, которая хотя, по-видимому, не заключает в себе ничего запрещенного, однако же не способствует и к богочестию, есть житейская (свт. Василий Великий, 9, 218).

***

Не давай печали сердцу своему, ибо *мира печаль смерть соделовает, а печаль яже по Бозе* доставляет тебе жизнь вечную (ср.: 2 Кор. 7, 10) (прп. Ефрем Сирин, 30, 156—157).

***

...Печаль же снедает сердце человека, впадшего в нее. Не давай печали сердцу своему, но утешай себя о Господе (прп. Ефрем Сирин, 30, 193).

***

Сатана злоумышленно старается опечалить многих, чтобы взять и чрез отчаяние ввергнуть их в геенну (прп. Ефрем Сирин, 32, 75).

***

Не будь домом горести, чтобы яд ее не заразил самого тебя, после того как сообщишь его ближнему (прп. Ефрем Сирин, 32, 84—85).

***

Печаль, преклонявшая тебя к земле, вознесет чело твое пред Престолом Судии (прп. Ефрем Сирин, 34, 297).

***

...Поелику человек двойствен, т. е. состоит из души и тела, а сообразно с этим двойственна также и жизнь в каждом действии, в нас происходящем, то прекрасно будет рыдающим в телесной жизни, если у них много поводов к оплакиванию сей жизни, приуготовить душе стройное ликование. Ибо чем чаще омрачается жизнь печалью, тем паче для души скопляются поводы к веселию. Мрачно смотрит воздержание; потупляет взор смирение; потерпеть ущерб — повод к слезам; предлог к плачу — не иметь равенства с обладающими. Но *смиряяйся вознесется* (Лк. 14, 11), борющийся с нищетою увенчается, покрытый струпами и во всем показывающий жизнь свою достойною слез упокоится на лоне патриарха... (свт. Григорий Нисский, 19, 309).

***

...Печаль есть лишение удовольствия, или настоящего, или ожидаемого (авва Евагрий, 89, 572).

***

Если хочешь быть без печали, старайся угодить Богу (авва Евагрий, 89, 602).

***

...Дух печали подавляет молитву (авва Евагрий, 89, 611).

***

Все демоны учат душу сластолюбию, один демон печали этого не делает; но расстраивает помыслы вступающих в пустынь, пресекая всякое удовольствие душевное и иссушая ее печалью, так как *мужу же печальну изсыщут кости* (ср.: Притч. 17, 22). Умеренно впрочем нападая, он делает отшельника благоискусным; ибо располагает его презирать все блага мира сего и отвращаться от всякой утехи. Но когда он долго и сильно томит, тогда порождает помыслы, которые советуют отшельнику извести душу свою; или понуждают ее бежать далеко от места того; что помыслив, и пострадал некогда Иов, будучи томим от него, ибо сказал: *аще бы возможно было, сам бых себе убил, или молил бых иного, дабы ми то сотворил* (Иов. 30, 24) (авва Евагрий, 89, 654—655).

***

...Печаль, пока скопляется внутри, помрачает наш ум, а когда разрешится словами молитвы и соединенными с нею слезами и выйдет изнутри вон, то оставляет в душе великую ясность, так как в душу молящегося входит, как некоторый луч, помощь Божия (свт. Иоанн Златоуст, 44, 543).

***

Для того и печаль, чтобы мы пользовались ею к уничтожению наших грехов, а не для того, чтобы скорбели о потере имущества, о смерти или о чем-либо другом тому подобном (свт. Иоанн Златоуст, 45, 76).

***

...Если мы переменимся, попечемся сколько-нибудь о своей душе и отстанем от греха, то не будет нам ничего неприятного и печального (свт. Иоанн Златоуст, 45, 77).

***

Печаль есть рана души, и должно непрестанно лечить ее словами утешения. И не так смягчают телесную опухоль теплые воды, как унимают боль души слова утешения (свт. Иоанн Златоуст, 45, 84).

***

...Как корни дерев сами горьки, а плоды приносят нам весьма приятные, так и печаль о Боге принесет нам великую радость. Кто только часто молился со скорбью и проливал слезы, те знают, какую получили они радость, как очищали совесть, как восставали с благою надеждою (свт. Иоанн Златоуст, 45, 208).

***

Постараемся же иметь попечение о своей душе, и никакая нечаянность не в состоянии будет опечалить нас (свт. Иоанн Златоуст, 45, 210).

***

Как ладья тонет, когда море воздымается и волны восстают со всех сторон, так и душа, когда отовсюду обнимает ее печаль, скоро гибнет, если никто не подаст ей помощи (свт. Иоанн Златоуст, 45, 313—314).

***

...Спасительная печаль о грехах от неумеренности становится гибельною... <Дьявол> смутил Иуду, омрачил чрезмерностью печали, гнал, преследовал, пока не довел до петли, пока не вывел из настоящей жизни и не лишил намерения покаяться (свт. Иоанн Златоуст, 45, 314).

***

Прекрасна печаль в душах искренно кающихся... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 373).

***

Как червь, рождаясь из дерева, губит самое дерево, так и печаль, рожденная грехом, истребляет грех, когда сопровождается покаянием (свт. Иоанн Златоуст, 45, 373).

***

Душа, объятая печалью, не может ничего здравого ни говорить, ни слушать (свт. Иоанн Златоуст, 46, 254).

***

Печали, каковы бы они ни были, причиняются людьми и отображают ничтожность тех, кем они наносятся... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 621).

***

...Ничто не может быть столь полезным врачевством против печали, как употребление вина, только бы неумеренность не уничтожала происходящей от него пользы (свт. Иоанн Златоуст, 47, 299).

***

Почему же она <печаль мирская> производит смерть? Потому, что чрезмерная печаль обыкновенно доводит или до сомнения, или до пагубного богохульства (свт. Иоанн Златоуст, 49, 596).

***

Не будь нечувствителен и неблагодарен; никому не возможно быть всегда в скорбях; этого не перенесет природа (человеческая). Но так как мы всегда желаем быть в радости, то и думаем, что всегда находимся в печали. Кроме того, так как радостное и приятное мы скоро забываем, а печальное всегда помним, то и говорим, что всегда находимся в печалях (свт. Иоанн Златоуст, 50, 550).

***

Если же один более радуется, а другой более скорбит, то происходит это от самого человека, который скорбит по малодушию, а не от природы вещей. Если же хотим всегда радоваться, то много имеем к тому случаев. Если утвердимся в добродетели, то ничто уже нас не будет печалить: добрые надежды внушает она тем, кто приобрел ее, делает их угодными Богу и почтенными пред людьми и дает им неизреченную отраду (свт. Иоанн Златоуст, 50, 550).

***

...Когда мы предаемся излишней скорби об умершем, тогда и Бога оскорбляем, и не доставляем пользы ни себе, ни отшедшему; а когда поступаем напротив — и Богу

благоугождаем, и приобретаем доброе мнение у людей. Если мы и сами не будем падать духом, в таком случае (Бог) скоро уничтожает и остаток скорби; а если будем сильно огорчаться, Он предоставляет нас во власть печали (свт. Иоанн Златоуст, 51, 420).

***

Помрачая зрение души, печаль <об умерших> не только не позволяет ей видеть ничего должного, но и причиняет великий вред (свт. Иоанн Златоуст, 51, 420).

***

...Как возможно, скажешь, не печалиться тому, кто потерял сына, или дочь, или жену? Я не говорю не печалиться, но — не печалиться без меры. В самом деле, если мы помыслим, что их взял Бог, что муж и сын были у нас смертные, то скоро получим утешение (свт. Иоанн Златоуст, 51, 420).

***

Скорбеть здесь — значит требовать чего-то вышеестественного. Если ты родился человеком и смертным, то зачем скорбишь о том, что совершилось сообразно с природой?.. Печалься лучше о грехах: это — хорошая печаль, это — величайшее любомудрие (свт. Иоанн Златоуст, 51, 420—421).

***

Велика сила печали, и много нам нужно мужества, чтобы с твердостью противостоять этой душевной болезни и, извлекая из нее пользу, — так как в ней есть нечто

полезное, — избегать всего излишнего (свт. Иоанн Златоуст, 51, 519).

***

...Что тяжелее печали? Но когда она бывает печалью по Боге, то является гораздо лучше мирской радости; эта последняя обращается в ничто, а та — покаяние во спасение нераскаянно соделывает (свт. Иоанн Златоуст, 53, 606).

***

В ней скорбят ко вреду и после сильной скорби осуждают себя же, а это и служит сильнейшим доказательством того, что скорбящие ею только вредят себе (свт. Иоанн Златоуст, 53, 607).

***

Кто до такой степени рад терпеть зло, что платит причинившему его даже благодеяниями, тот как может уже печалиться? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 627).

***

...С заботливостью нам надобно врачевать и эту болезнь, если желаем законно подвизаться подвигом на духовном поприще. *Ибо как моль одежде, червь дереву, так печаль вредит сердцу человека* (ср.: Притч. 25, 21). Силу этого вредного и гибельного порока Божественный Дух довольно ясно и точно изобразил (прп. Иоанн Кассиан, 56, 114).

***

...Подвиг предлежит нам — притупить жало едкой печали, которая, если при каждом нападении в разных несчастных случаях будет овладевать нашею душою, то всякий раз будет лишать нас способности к Божественному созерцанию, и самый Дух, низвергнув из состояния чистоты, совершенно расслабляет и угнетает, не позволяет ни совершать молитвы с обычною ревностью сердца, ни с пользою заниматься священным чтением, не попускает быть спокойным и кротким с братьями; ко всем обязанностям трудов или богослужения делает нетерпеливым и неспособным, погубив всякий спасительный совет и возмутив постоянство сердца, делает безумным, опьяняет чувство, сокрушает и подавляет мучительным отчаянием (прп. Иоанн Кассиан, 56, 114)

***

...Одежда, изъеденная молью, уже не может иметь никакой цены или приличного употребления; так же и дерево, испорченное червями, не стоит употреблять на украшение даже и посредственного здания, а годно только на сожжение огнем. Так и душа, съедаемая едкою печалью, как одежда, будет бесполезна и для той первосвященнической одежды, которая обыкновенно принимает елей Святаго Духа, стекающий с неба сначала на бороду Аарона, потом на края ее, как это изображается в пророчестве Давида: *как елей на голове, стекающий на бороду, бороду Ааронову, стекающий на края одежды его* (Пс. 132, 2). Она не может быть пригодною и на построение и украшение того духовного храма, основание которого положил мудрый строитель Павел, говоря: *Вы храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас* (ср.: 1 Кор. 3, 16). Какие его древа, это показывает невеста в Песни Песней, говоря:

кровли домов наших — кедры, потолки наши — кипарисы (Песн. 1, 16—17). Такие-то роды деревьев требуются для храма Божия, — благовонные и не гниющие, которые бы не подвергались ни гнилости от ветхости, ни съедению червей (прп. Иоанн Кассиан, 56, 114—115).

***

...(Эта страсть) иногда происходит от порока предшествующего — гнева, или рождается от неудовлетворения желания какой-нибудь корысти, когда кто видит, что он потерял составленную в уме надежду получить какие-нибудь вещи, а иногда без всяких причин, располагающих к этой болезни; по влиянию тонкого врага мы вдруг подвергаемся такой скорби, что не можем с обычной приветливостью принимать посещение даже любезных лиц и родственников наших и что ни было бы сказано ими в приличном разговоре, нам все кажется неблаговременным и лишним и мы не даем им приятного ответа, когда все изгибы нашего сердца наполнены желчной горечью (прп. Иоанн Кассиан, 56, 115).

***

Только в одном случае надобно считать печаль полезною для нас, когда она возникает от покаяния в грехах, или от желания совершенства, или от созерцания будущего блаженства (прп. Иоанн Кассиан, 56, 117).

***

...Печаль, производящая неизменное покаяние ко спасению, бывает послушна, приветлива, смиренна, кротка, приятна, терпелива, как происходящая от любви к Богу, по

желанию совершенства неутомимо простирающимся ко всякой скорби тела и сокрушению духа, и некоторым образом веселая, ободриваемая надеждою своего совершенства, сохраняет всю приятность приветливости и великодушия, имея в себе все плоды Святаго Духа, которые перечисляет Апостол: *плод же духовный есть любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22—23). А бесовская печаль бывает очень сурова, нетерпелива, жестока, строптива, соединена с бесплодною грустью и мучительным отчаянием, подвергшегося ей расслабляя, отвлекает от усердия и спасительной скорби, как безрассудная, прерывает не только действенность молитв, но упраздняет и все сказанные духовные плоды, которые печаль ради Бога доставляет (прп. Иоанн Кассиан, 56, 117).

***

...Кроме той печали, которая происходит от спасительного покаяния, или от ревности к совершенству, или от желания будущих благ, всякая печаль, как мирская и причиняющая смерть, должна быть отвергаема, все равно как дух блуда, или сребролюбия, или гнева, должна быть совершенно изгоняема из наших сердец (прп. Иоанн Кассиан, 56, 117—118).

***

...Эту гибельную страсть мы можем выгнать из себя, если ум наш, постоянно занятый духовным размышлением, будем ободрять будущею надеждою и созерцанием обещанного блаженства. Ибо этим способом все роды печалей, которые происходят или от предшествующего гнева, или от

неполучения прибыли, или от понесения убытка, или от причиненной обиды, или от неразумного смущения духа и приводят нас к смертному отчаянию, мы можем победить, когда постоянно ободривая себя созерцанием будущих, вечных предметов, пребывая непоколебимы, не будем падать духом при настоящих несчастных приключениях, а при счастливых обстоятельствах не станем возноситься, будем смотреть на то и другое, как тленное и скоропреходящее (прп. Иоанн Кассиан, 56, 118).

***

От печали <рождается> брюзгливость, малодушие, раздражительность, отчаяние... (прп. авва Серапион, 56, 254).

***

Часто случается, что неопытный, болезнуя о своих или чужих грехах, неприметным образом поражается стрелою сладострастия; через что начатое для пользы оканчивается срамом и вредом (прп. авва Пинуфий, 56, 536).

***

Душу, погруженную в печаль, ничто не может так возвеселить, как памятование о Боге (прп. Исидор Пелусиот, 61, 177).

***

Как сведущие врачи в начале болезненного припадка неохотно подают пособия, потому что приток влаг, производящих болезнь, делает водянистыми употребляемые лекарства, но дав ослабеть несколько припадку, тогда уже

приступают к врачебному искусству, так и упоенному печалью, когда она еще во всей силе, не должно наносить ударов (иначе напрасно потратим слово, делая его недействительным коллурием), но, приняв ненадолго участие в печали и дав облегчиться несколько скорби, потом уже надлежит начинать врачевание (прп. Исидор Пелусиот, 61, 300—301).

***

Искушение несносной печали и великого уныния можешь уничтожить обильными слезами, благими надеждами и любовью к Сладчайшему Спасителю Христу (прп. Нил Синайский, 73, 26).

***

...Где печаль ради Бога, там, явно, и вечная будет радость (прп. Нил Синайский, 73, 107).

***

Плененный варварами заковывается железом, а пленник страсти связывается печалью (прп. Нил Синайский, 90, 271).

***

Кто презирает мирские удовольствия, того не потревожат печальные помыслы (прп. Нил Синайский, 90, 272).

***

Славолюбивый печалится, когда терпит бесчестие, а смиренный принимает его как сотоварища (прп. Нил Синайский, 90, 272).

***

Не исполнившиеся желания произращают печали, а молитвы и благодарения заставляют их угаснуть (прп. Нил Синайский, 90, 273).

***

Печаль бывает болезнью души и тела; душу берет она пленницей, а плоть иссушает и оставляет на месте (прп. Нил Синайский, 90, 273).

***

...Печаль есть унылость души и бывает следствием гневных помыслов, ибо гнев желает отмщения; неуспех в отмщении порождает печаль (прп. Нил Синайский, 90, 270).

***

Не печалится воздержанный, что не достал снеди; целомудренный, что не улучил срамного непотребства; негневливый, что не удалось отомстить; смиренномудрый, что лишен человеческой почести; нелюбостяжательный, что потерпел неудачу. Они совершенно погасили в себе все такие пожелания; почему и не испытывают печали, ибо бесстрастного не уязвляет печаль, как одетого в броню не пронзает стрела (прп. Нил Синайский, 90, 271).

***

Кто часто печалится и приписывает себе бесстрастие, тот подобен больному, притворяющемуся здоровым, ибо как больной виден по цвету лица, так страстного изобличает печаль (прп. Нил Синайский, 90, 272).

***

Если приобретем миротворную в тяжелых обстоятельствах радость, то легко будем с благодарением отражать ею находящие прискорбности и не допускать в себя рыкающего демона печали, который, ища поглотить душу, наипаче нападает на нее в скорбях, уготовляя место и духу уныния, чтобы вдвоем сильнее омрачить душу и погубить труды ее (прп. Нил Синайский, 90, 256).

***

Сластолюбивый печалится о порицаниях и злостраданиях, а боголюбивый — о похвалах и преизбытке (прп. Марк Подвижник, 69, 49).

***

...Невозможно, чтобы, когда идем путем правды, не встретилась с нами печаль... (прп. Исаак Сирин, 58, 157).

***

Печаль, какую чувствуем при своих поползновениях, вменяется нам благодатью вместо чистого делания (прп. Исаак Сирин, 58, 419).

***

...Псалмопение же, милосердие и нестяжание суть убийцы печали (прп. Иоанн Лествичник, 57, 210).

***

Как часто слишком большое количество дров подавляет и угашает пламень, и производит множество дыма:

так часто и чрезмерная печаль делает душу как бы дымною и темною, и иссушает воду слез (прп. Иоанн Лествичник, 57, 211).

***

Печаль по Бозе очищает сердце, и от нечистых сластей отдаляет его (авва Фалассий, 91, 301).

***

Печаль по Бозе сокрушает сердце; ее же рождает страх адских мук (авва Фалассий, 91, 324).

***

Бегающий всех мирских похотей поставляет себя выше всякой мирской печали (прп. Максим Исповедник, 91, 166).

***

Не бывают без печали ни грешный, ни праведный; но первый печалится о том, что еще не совсем отстал от греха, а второй о том, что еще не овладел всем добром (Илия Екдик, 91, 428).

***

Печаль есть страсть тлетворная для души и тела, и самых мозгов касающаяся (прп. Никита Стифат, 93, 98).

***

...Смерть души будет лукавый мрак, от печали мира сего находящий на душу... (свт. Григорий Палама, 93, 278).

***

Отставшие от сластолюбивого нрава и пристрастие ко всему... отвергшие — притупляют жало печали (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 165).

***

...Погрешают те, которые почитают добродетелью чрезмерную печаль, бывающую у них после учинения греха, не разумея, что это происходит у них от гордости и самомнения, утверждающихся на том, что они слишком много надеются на себя и на силы свои. Ибо думая о себе, что они суть нечто немалое, они взяли на себя многое, надеясь сами справиться с тем. Видя же теперь из опыта своего падения, что в них нет никакой силы, они изумляются как встречающие нечто неожиданное, мятутся и малодушествуют, ибо видят падшим и простертым на земле тот самый истукан, т. е. себя самих, на который возлагали все свои чаяния и надежды. Но этого не бывает со смиренным, который на единого Бога уповает, ничего решительно доброго не чая от себя самого. Почему, и когда впадает в какое бы ни было прегрешение, хотя чувствует тяготу этого и печалится, однакож не мятется и не колеблется недоумениями, ибо знает, что это случилось с ним от его собственного бессилия, опыт которого в падении для него не неожиданная новость (прп. Никодим Святогорец, 70, 27).

***

...Поношения и злохуления, какими преследует нас мир, доставляют истинную нам славу, а его скорби — радость... (прп. Никодим Святогорец, 70, 30—31).

***

Печаль, не соединенная с упованием, чужда благих плодов, (соединена) с плодом зловредным, убийственным (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 463).

ПИСАНИЯ СВЯТЫХ ОТЦЕВ

...Бывает, что сегодня тот же (святой) о том же деле говорит одно, а завтра другое; и это не есть разногласие, если только слушатель имеет ведение или опытность. И опять: один говорит одно, а другой о том же самом изречении Божественного Писания — другое, ибо часто и то и другое внушила Божественная благодать сообразно с временем и состоянием людей (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 107).

***

...Святые, если говорят о естественной вещи, то — по рассмотрению, т. е. по ведению естественному, от видения существующего, т. е. творений, происходящего, вследствие чистоты ума, говорят, с полнейшей точностью о намерении Божием и испытывают Писания (см.: Ин. 5, 39) <...>

Когда же превыше естества представляется чувственная или умственная вещь или написанное изречение, то святые познают его по прозрению, или по откровению, если дается им ведение о сем от Святаго Духа. Если же и не дается, но для пользы остается им это неоткрытым, то они не стыдятся сказать истину и сознаться в человеческой немощи, говоря: *не знаю; Бог ведает*; по слову Апостола (ср.: 2 Кор. 12, 3) (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 108—109).

***

<Одни> отцы... с намерением писали просто, <а другие писали высоко>, соображаясь со временем и с людьми, к которым писали <...> Ибо ежели бы все писали просто, то никто из высоких (ученых) не получал бы пользы, и считал бы написанное за ничто по простоте слова; но так же и из простых никто не получил бы пользы, если бы все писали высоко, потому что не понимал бы силы сказанного (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 109, 111).

***

...Как пчелы приготовляют свои соты из многих и различных веществ, но придают им один вкус, так и мы... будем пользоваться и медом отцев, собранным в различное время, но содержащим одну и ту же благодать и одно духовное учение (свт. Иоанн Златоуст, 49, 844).

***

...Господь наш в священных книгах раскрыл жизнь их <святых>, чтобы не только, слушая о них, мы похваляли, но чтобы и поревновали подражать их жизни (свт. Иоанн Златоуст, 49, 948).

***

...Если мы действительно хотим самым делом достигнуть истинного совершенства добродетелей, то должны вериться тем учителям и руководителям, которые не суесловным рассуждением бредят о нем, но делом и опытом понимая, могут и нас научить, направить к нему и верно указать и путь к достижению его, и которые свидетельствовали, что они достигли его больше верою, нежели заслу-

гами трудов. Приобретенная ими чистота сердца доставляла им ту особенно пользу, что сознавали, что они более и более удручаются грехами. Потому сокрушение о грехах столько каждый день умножалось в них, сколько чистота сердца усовершалась; и они непрестанно от искреннего сердца воздыхали, потому что сознавали, что они никак не могут избежать нечистоты и срама грехов, которые запятнали их чрез многоразличные помыслы. И потому объявляли, что они надеются получить награды в будущей жизни не по заслугам трудов, а по милосердию Господа, не присвояя себе никакого преимущества по сравнению с другими из-за такой осмотрительности сердца; потому что эту самую (осмотрительность) они приписывали не своей тщательности, а благодати Божией; не обольщают себя высоким мнением о себе при виде нерадения низших и холодных (людей), а больше рассматривают тех, о которых знали, что они действительно не имели греха, и в Царстве Небесном уже наслаждаются вечным блаженством, — приобретали постоянное смирение; и таким образом этим рассматриванием вместе избегали падения от возношения, и всегда находили то, к чему стремились, или о чем сетовали, понимали, что при препятствии от тяжести плоти они сами собою не могут достигнуть желаемой чистоты сердца (прп. Иоанн Кассиан, 56, 151).

***

...Мы хотим предостеречь читателя как этих собеседований, так и прежних писаний, чтобы, если по качеству своего состояния и намерения или по общему житию, может быть, что-нибудь в них почтет невозможным и суровым, судил бы о них не по мерке своей способности, а по

достоинству и совершенству говорящих, прежде понял их ревность и намерение, по которому они, истинно умерщи для этой мирской жизни, не связывались никаким пристрастием к плотским родителям, никакими узами мирских дел. Потом должны обратить внимание и на качество тех мест, в которых они пребывали, потому что, находясь в обширнейшей пустыне, отделившись от сообщения со всеми смертными и чрез это получив просвещение чувств, они созерцают и высказывают то, что неопытным и неученым покажется, может быть, невозможным. Впрочем, если кто захочет произнести истинное мнение об этом, может ли быть исполнено, пусть пожелает испытать на деле, поспешит прежде предпринять их намерение с подобным усердием и образом жизни и тогда наконец поймет, что то, что казалось выше способности человека, не только возможно, но и весьма приятно (прп. Иоанн Кассиан, 56, 166—167).

***

...Какую силу имеют слова святых! И поистине, что ни говорили они, говорили от опыта и истины... От того слова и сильны, что изречены деятелями, как и всем делать заповедует некто из мудрых: слова твои да подтверждает жизнь твоя (прп. Зосима, 91, 126—127).

***

Внимай же всякий чтению, потому что словеса святых суть словеса Божии, а не человеческие; влагай их в сердце и блюди добре, потому что словеса Божии суть словеса жизни, и тот, кто имеет их в себе и хранит, имеет Живот Вечный (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 283).

***

Невозможно кому-либо самому научиться художеству добродетелей, хотя некоторые пользовались своим опытом, как учителем. Ибо самому по себе, а не по совету преуспевших действовать — самомнение наводит, или лучше, порождает. Если *Сын ничего от Себя не творит, но как научил Его Отец, тако творит* (ср.: Ин. 5, 19, 20), и *Дух глаголати имать не от Себя* (ср.: Ин. 16, 13): то кто помыслить может, что достиг такой высоты добродетели, на коей не имеет нужды в чьем-либо тайноводстве? Безумие паче нежели добродетель имеющим кажется таковый в самопрельщении. Почему слушаться надлежит тех, кои опытно изведали болезни и труды деятельной добродетели, и под их руководством проходить ее... (прп. Григорий Синаит, 93, 236—237).

***

Если на случайную дорогу, не изведанную делом, едва ли кто решится вступить без верного проводника; если в море никто не пустится без искусного кормчего; если за какую-либо науку или искусство никто не возьмется без знающего дела учителя, — то кто дерзнет приступить к изучению делом искусства искусств и науки наук, вступить на таинственную стезю, ведущую к Богу, и пуститься в беспредельное мысленное море, т. е. в иноческую жизнь, подобную жизни ангелов, с самоуверенностию достигнуть конца, без руководителя, без кормчего и учителя, опытного и истинного? По истине таковый, кто бы это ни был, прельщает себя и, прежде вступления на путь, уже заблудился, как незаконно подвизающийся: как напротив, и шага не сделав, достиг конца тот, кто подчиняет себя отеческим

уставам. Ибо откуда иначе имеем мы узнать, как ополчиться против плоти, или как вооружиться против страстей и бесов? Как без них <отцев> научимся отличать доброе от недоброго, когда к добродетелям прицепляются худые страсти и всегда стоят некако при дверях их? Как без них умудримся обуздывать чувства телесные, и, как струны на гуслях, согласно настраивать силы душевные? Особенно же как без них можно будет нам различать гласы, откровения, внушения, видения божественные, и козни, прелести и призраки бесовские? Одним словом, как сподобимся достигнуть в единение с Богом, и научиться Богодейственным священнодействиям и таинствам, без посвящения в них тайноводителем истинным и просвещенным? (патр. Каллист и ин. Игнатий, 93, 322).

***

Усвой себе мысли и дух святых отцев чтением их писаний. Святые отцы достигли цели: спасения... Как единомысленный и единодушный святым отцам, ты спасешься (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 112).

***

...Беседа и знакомство со святыми сообщают святость (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 112).

***

Писания святых отцев все составлены по внушению или под влиянием Святаго Духа... Руководствующийся ими имеет, без всякого сомнения, руководителем Святаго Духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 112—113).

***

Писания отцев соединяются все в Евангелии; все клонятся к тому, чтоб научить нас точному исполнению заповеданий Господа нашего Иисуса Христа; всех их и источник и конец — Святое Евангелие (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 113).

***

...Сначала более занимайся чтением святых отцев. Когда же они научат тебя читать Евангелие, тогда уже преимущественно читай Евангелие (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 113).

***

Чтение писаний отеческих — родитель и царь всех добродетелей (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 113).

***

Чтение отеческих писаний, по умалении духоносных наставников, соделалось главным руководителем для желающих спастись и даже достигнуть христианского совершенства (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 113).

***

...Книги <святых отцев> подобны богатому собранию врачебных средств: в нем душа может приискать для каждого из своих недугов спасительное врачевство (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 113).

***

Книги святых отцев... подобны зеркалу: смотрясь в них внимательно и часто, душа может увидеть все свои недостатки (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 113).

***

Каждый избери себе чтение отцев, соответствующее своему образу жизни... Каждый, в каком бы звании ни был, почерпай обильное наставление в писаниях отцев (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 114).

***

...Руководство писаниями отеческими сделалось уже единственным руководством ко спасению по конечном оскудении наставников. Кто подчинится этому руководству, того можно признать уже спасенным; кто же водится собственными разумениями, или учением лжеучителей, того должно признать погибшим (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 512).

***

В чтении отеческих писаний нужно наблюсти постепенность и никак не читать их поспешно (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 51).

ПИЩА

...Храни относительно пищи такую меру, чтобы тело имело потребное, и чрез это было способно к отправлению Божией службы (прп. авва Исаия, 59, 25).

***

...Ничего не ешь с услаждением и вожделением, хорошо ли то, или не хорошо (прп. авва Исаия, 59, 25).

***

Горе нам, что мы, употребляя пищу и питие, не предусматриваем, что от излишества их воздвигается в нас брань (прп. авва Исаия, 59, 190).

***

Во всяком же роде снедей надобно предпочитать те, которые легче достать, чтобы, под предлогом воздержания, не хлопотать о яствах более любимых и дорогих, приправляя снеди дорогостоящими сладостями (свт. Василий Великий, 9, 121).

***

Подвижник никак не должен домогаться разнообразия в снедях и, даже под видом воздержания, перемены предлагаемых яств (свт. Василий Великий, 9, 381).

***

Пищу вкушать должно, не выказывая бешеной жадности, но во всем соблюдая твердость, кротость и воздержанность от удовольствий, даже в это самое время имея ум непраздный от мысли о Боге; напротив же того, самое свойство снедей и устройство приемлющего их тела надобно обращать в предлог к славословию Домостроителя вселенной, Которым промышленны различные роды снедей, приспособленные к свойству тел (свт. Василий Великий, 10, 13—14).

***

Лучше есть о Господе и благодарить Господа, нежели не есть и осуждать ядущих и благодарящих Господа (прп. Ефрем Сирин, 30, 151—152).

***

Снеди употребляй простые и необильные, чтобы ум твой не огрубел в объядении, пьянстве и печалях житейских (см.: Лк. 21, 34). Ибо одержимые страстью и блуд ставят не в блуд, и прелюбодеяние не в прелюбодеяние, но все это совершают небоязненно, ничем не отличаясь от свиней в грязи; не памятуют ни о законе, ни о пророках, ни о самом Господе, вочеловечившемся на один образ благочестия, хвалятся они этим, потому что покоряемые владычеству ума, по нерадению и небогобоязненности помрачаются, делая противное (прп. Ефрем Сирин, 30, 443).

***

Не часто ешь, чтобы не омрачить тебе своего ума, и не помногу принимай пищи, чтобы плоть свою не обратить в грязь (прп. Ефрем Сирин, 31, 631).

***

Воздерживайся от желания наслаждаться трапезой, чтобы не стать тебе угодником порока (прп. Ефрем Сирин, 31, 632).

***

Кроме нёба во рту разность влагаемого в гортань ничем не различима; потому что естеством одинаково изменяется

все в зловоние. Видишь ли конец поваренного искусства? Видишь ли последствие поваренных ухищрений? Проси хлеба для жизненной потребности; в этом природа сделала тебя должником телу. А что сверх этого изобретено изнеженностию роскошных, то из числа привсеянных плевел (свт. Григорий Нисский, 18, 441—442).

***

...Если желательно тебе усладить ощущение гортани, то пусть приправою у тебя будет скудость, пусть не прилагается сытость к сытости, побуждение к принятию пищи не притупляется пьянством, но вкушению оной да предшествует у тебя по заповеди пролитие пота (свт. Григорий Нисский, 18, 445).

***

Рцы, да камение сие хлебы будут (ср.: Мф. 4, 3), — сие и доныне говорит он тем, которые искушаются собственным своим пожеланием, и говоря так, всего чаще взирающих на него убеждает уготовлять себе пищу из камней. Ибо когда пожелание выходит из необходимых пределов потребности; что это иное, как не совет дьявола, запрещающий тогда пищу из семян и вызывающий пожелание неестественного? Из камней едят хлебы предлагающие их от любостяжательности, приготовляющие себе дорогие и пышные трапезы из неправд. У них и приготовление вечери — какое-то торжество, ухищренно устроенное на изумление всем, выходящее за пределы необходимого для жизни. Ибо что общего с естественною потребностию имеет не употребляемое в пищу вещество серебра, выставляемое в тяжеловесных и с трудом переносимых приборах? Что

такое ощущение голода? Не желание ли восполнить недостаток в необходимом? Поелику сила утратилась, недостающее снова восполняется приличным прибавлением. Хлеба, или иного чего, годного в снедь, желает естество. А кто вместо хлеба подносит ко рту золото, тот удовлетворяет ли нужде? Посему, когда вместо годного в снедь ищет кто вещества, неупотребляемого в пищу, тогда он прямо заботится о камнях, потому что иного требует естество, а иным занят он. Естество ощущением голода, как бы внятным голосом, едва не говорит, что теперь потребна снедь, потому что должно возвратить снова телу утраченную силу. А ты не слушаешь естества; даешь ему не то, чего просит. Напротив того, заботишься, чтобы на столе у тебя было большее бремя серебра, приискиваешь ковачей этого вещества, любопытствуешь узнать историю чеканимых на веществах изображений, чтобы они в точности передали искусством страсти и нравы, и тебе можно было узнать раздражение воина, когда заносит меч на заклание, и страдание раненого, когда, пораженный смертельно, показывает вид готового заплакать, и рьяность зверолова, и свирепость зверя, и все иное, что с такою изысканностию эти суетные люди искусно изображают на настольных приборах. Естество требует пития; а ты приготовляешь дорогие треножники, лохани, чаши, большие сосуды и тысячи других приборов, не имеющих ничего общего с требуемою нуждою. Ужели в том, что делаешь, не слышишь явно советующего тебе обратить взор на камень? А что, если кто опишет тебе, чем сопровождается эта каменистая пища, эти гнусные зрелища, страстные услаждения слуха, которыми пролагают в себя путь ряду зол приправляющие пищу тем, что разжигает к распутству? Вот совет сопротивника о пище! Это именно, обращая твой взор к

камням, предлагает он тебе вместо законного употребления хлеба! (свт. Григорий Нисский, 19, 407—409).

***

...Приучимся употреблять пищи столько, сколько необходимо только для поддержания жизни, а не для пресыщения и отягощения (свт. Иоанн Златоуст, 44, 791).

***

Не жизнь для пищи, но пища для жизни дарована от начала. А мы, как будто для ядения пришли в мир, так все проживаем на это (свт. Иоанн Златоуст, 44, 791).

***

...Ничто не доставляет такого удовольствия и здоровья, как то, чтобы приниматься за пищу и питье при голоде и жажде, сытость измерять одной нуждою, не переступать ее пределов и не обременять тела сверх его силы (свт. Иоанн Златоуст, 46, 484).

***

...Если некоторые из приходящих сюда <в церковь> чувствуют телесную слабость и не могут оставаться без пищи, таким советую, чтобы они и телесную слабость свою подкрепляли, и не лишали себя этого духовного поучения, а о нем тем более заботились (свт. Иоанн Златоуст, 47, 74).

***

Если употребляем пищу с умеренностью, не будем стыдиться, потому что Господь соединил нас с таким телом, которое не может существовать иначе, как принимая

пищу; только пусть не будет неумеренности; это весьма много способствует здоровью и крепости нашего тела (свт. Иоанн Златоуст, 47, 75—76).

***

Не видите ли каждый день, что от роскошных столов и неумеренного насыщения происходят бесчисленные болезни? Откуда болезни в ногах? Откуда болезни головные? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 76).

***

Как тело нуждается в чувственной пище, так и душа требует ежедневного наставления и пищи духовной, дабы, укрепляясь ею, могла противиться восстаниям плоти и выдерживать постоянную брань... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 83).

***

Когда велишь подавать на стол, принимайся за пищу с воспоминанием о посте, и никогда не впадешь в невоздержание (свт. Иоанн Златоуст, 47, 778).

***

Стол, начинающийся и оканчивающийся молитвой, никогда не оскудеет, но обильнее источника принесет нам все блага (свт. Иоанн Златоуст, 47, 798).

***

...Должно и при начале, и при конце (стола) благодарить Бога, в особенности потому... что, если мы приоб-

ретем этот навык, нелегко впадем в пьянство (свт. Иоанн Златоуст, 47, 799).

***

...Мы созданы не для того, чтобы только есть, пить и одеваться, а чтобы избегать порока и держаться добродетели, руководясь божественным любомудрием (свт. Иоанн Златоуст, 49, 448).

***

...Не все то, что принимается в чрево, обращается в пищу, потому что и в самом существе пищи не все питательно, есть в ней часть, поступающая на извержение, а другая на питание. Поэтому, кто, приняв ее в меру, даст ей совершенно перевариться, с тем это и делается, и она достигает своего назначения; все здоровое и полезное занимает свое место, а излишнее и бесполезное отделяется и извергается; если же она принята чрез меру, тогда и то, что в ней есть питательного, становится вредным (свт. Иоанн Златоуст, 52, 160—161).

***

...Лучше умеренная пища, способствующая здоровью, нежели роскошная, причиняющая вред; та питает гораздо больше этой; та — пища, а эта — болезнь (свт. Иоанн Златоуст, 52, 231).

***

Природа знает меру, и то, что превосходит ее, уже не пища, а скорее нечистота и помет. Питай тело, не умерщвляй его. Потому она и называется пищей, чтобы мы питали тело, а не погубляли его (свт. Иоанн Златоуст, 54, 713).

***

...Не по природе своей чисты или нечисты (яства), но по произволению принимающего их (свт. Иоанн Златоуст, 54, 857).

***

Ты хочешь питать тело? Оставь же лишнее, давай ему необходимое... не нагружай его слишком, чтобы не потопить (свт. Иоанн Златоуст, 55, 246).

***

...Принимаемое в потребном количестве служит и к питанию, и к удовольствию, и к здоровью, а излишнее — ко вреду, к неприятностям и болезням (свт. Иоанн Златоуст, 55, 246).

***

Питает нас только то, что принимается в потребном количестве и может перевариться; а лишнее сверх необходимого не только не питает, но еще приносит вред (свт. Иоанн Златоуст, 55, 246).

***

Лучше кусочек с солью безмолвия и беззаботности, чем запас драгоценных яств в искушениях и заботах (свт. Иоанн Златоуст, 55, 450—451).

***

Есть по потребности значит, когда кто-нибудь определит себе, сколько принимать пищи в день; и если видит, что это определенное им количество пищи отяготило его, и

нужно оное несколько уменьшить, то он и уменьшает его. Или, если оно не отяготило его, но и недостаточно для тела, так что надобно прибавить немного, он прибавляет несколько. И таким образом, хорошо испытав свою потребность, следует потом определенно (мере), и вкушает пищу не для услаждения (вкуса), но желая поддерживать силу своего тела. Однако и то немногое, употребляемое кем-либо в пищу, должно принимать с молитвою и осуждать себя в помысле своем, как недостойного никакой пищи и утешения (при. авва Дорофей, 29, 172—173).

***

...Множество брашен иссушает источники слез (прп. Иоанн Лествичник, 57, 73).

***

Время веселия и утешение пищею для совершенного есть отложение всякого попечения: для подвижника — время борьбы; а для страстного — праздник праздников и торжество торжеств (прп. Иоанн Лествичник, 57, 108).

***

Приготовление трапезы обнаруживает чревоугодников; а молитвенный подвиг показывает боголюбивых; первые, увидевши трапезу, радуются, а последние — сетуют (прп. Иоанн Лествичник, 57, 139).

***

По естеству желаем мы пищи, но для того, чтобы поддерживать жизнь, а не для сластолюбия (прп. Иоанн Лествичник, 57, 204).

***

Пища создана для двух причин — для питания и врачевания. Посему приемлющие оную не в том намерении, и не как следует <...> осуждаются яко сластолюбцы. И в отношении ко всем вещам неправильное их употребление есть грех (прп. Максим Исповедник, 91, 210—211).

***

Подвизающемуся необходимо знать, когда и какими яствами следует питать тело, как врага, и когда следует утешать его и подкреплять, как друга изнемогшего; чтоб по ошибке не предложить ему дружеского питания, когда оно враг, и вражеского, когда оно друг, и, раздражив его тем и другим, не найти его, во время искушения, на стороне борющих врагов (прп. Илия Екдик, 91, 427).

***

Определи также себе правилом — никогда не наедаться досыта, но есть гораздо меньше потребного, — и выдерживай положенное; равно определи и меру воды для питья, — одну или две чаши, и пей в один определенный час дня (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 215).

****

Однажды старцы пришли в Александрию, куда пригласил их архиепископ Феофил, чтобы совершить молитву и разрушить храмы языческие. Когда они вкушали пищу за одним столом с архиепископом, подано было телячье мясо; они ели его, не рассуждая. Архиепископ, взяв кусок мяса, подал старцу, возлежащему подле него, говоря: «Этот ку-

сок хорош, кушай, авва». Старцы отвечали: «До сих пор мы думали, что едим овощи, если же это мясо, то мяса не можем есть» — и не стали есть предложенной им пищи (106, 498).

***

При императоре Феодосии Младшем близ Царьграда поселился монах, вышедший из пустыни Египетской. Однажды Феодосий, проходя мимо его хижины, вздумал зайти и толкнул дверь. Инок отворил и, не зная, кто его гость, принял императора за простого воина. Сотворивши молитву, тот сел и повел беседу с иноком. «Как живут, — спросил, — отцы Египетские?» «Слава Богу, — отвечал старец, — просят о всеобщем спасении». Затем в свою очередь спросил: «Не хочешь ли есть что-нибудь?» «Хочу», — был ответ. Инок поставил хлеб, масло, соль и воду. Гость пил и ел. После трапезы он сказал старцу: «Знаешь ли, кто я?» «Бог тебя знает», — отвечал монах. «Я Феодосий, царь». Инок поклонился ему. Тот продолжал: «О, как блаженны вы, иноки, свободные от суеты мирской! Вот я рожден от царя, но, поверь мне, во всю жизнь мою не вкушал я пищи с таким наслаждением, с каким сегодня вкусил у тебя». — «А знаешь ли, отчего это?», — «Отчего?» — «Оттого, что мы, монахи, с молитвой и благословением приготовляем пищу, потому сладким делается и худое брашно; у вас же много труда несут, изготовляя ее, но благословения не испрашивают, и вкусная пища становится невкусною».

Свидание окончилось, но после оного царь стал оказывать старцу особое уважение. Последний же, не терпя славы человеческой, вскоре снова удалился в Египет (112, 294).

***

Рассказывали об одном старце Фиваидском, авве Антиане: в юности своей он много подвизался, но в старости ослабел и ослеп. По причине его болезни братия много доставляли ему утешения и даже клали ему в рот пищу. Однажды спросили они авву Аио: «Что будет за это многое утешение?» Он отвечал им: «Уверяю вас, если сердце его желает сего утешения и охотно принимает, то, если он съест и один финик, Бог уменьшает за оный награду за труд его. Если же сердце его не желает утешения и он неохотно принимает его, то Бог сохраняет труд его целым, потому что его принуждают против воли. А братия получат награду» (97, 49).

***

Был некто великий старец прозорливый, и случилось ему вкушать со многими братиями, и, когда они ели, старец, сидя за трапезой, молился духом и увидел, что одни едят мед, другие хлеб, а иные сено. Удивился он и просил Бога: «Господи! Открой мне сие таинство, как одна и та же пища, всем предложенная на трапезе для вкушения, представляется так разнообразной и одни едят мед, другие хлеб, а иные сено?» И пришел голос свыше, говоря: «Вкушающие мед — те, которые со страхом, и трепетом, и духовной радостью сидят за трапезой и непрерывно молятся, и молитва их, как фимиам, восходит к Богу, потому они и вкушают мед. А вкушающие хлеб — те, которые благодарят за дарованное от Бога. Ядущие же сено — те, которые ропщут и говорят: «Это хорошо, а это худо». Не должно так рассуждать, а паче славословить Бога и песнопения воссылать Всевышнему, чтоб и в нас исполнилось сказанное: «Аще ясте, аще пиете или иное что творите, вся во славу Божию творити» (98, 415—416).

***

Некоторые отцы спросили авву Мегефия: «Если останется кашица к другому дню, то присоветуешь ли братии есть ее?» Старец отвечал: «Если она испортится, нехорошо принуждать братию есть ее с вредом для своего здоровья. Ее должно бросить. Если же она хороша, то нехорошо бросать ее из одной прихоти и варить другую» (97, 172).

***

Авва Пиор ел на ходу. Кто-то спросил его: «Для чего ты так ешь? Авва отвечал: «Я не хочу заниматься пищей, как делом; потому ем между делом». Еще кто-то спросил его о том же. Старец отвечал: «Так делаю для того, чтобы, когда ем я, душа моя не чувствовала телесного удовольствия» (97, 231).

***

Один брат пришел к авве Силуану в гору Синайскую. Увидев, что братия работают, он сказал старцу: *«Старайтесь не о пище тленной* (Ин. 6, 27*); Мария же благую часть избрала»* (ср.: Лк. 10, 42). Старец сказал своему ученику: «Захария! Подай брату книгу и отведи его в пустую келью». Когда наступил девятый час, брат прислушивался у двери, не посылают ли звать его к трапезе. Но как никто его не звал, он сам, встав, пошел к старцу и говорит ему: «Авва! Неужели братия сегодня не ели?» «Ели», — отвечал старец. «Почему же не позвали меня?» — опять спросил брат. «Потому, — отвечал старец, — что ты человек духовный и не имеешь нужду в такой пище; а мы, как плотские, хотим есть и потому работаем. Ты избрал благую часть, читая целый день, и не хочешь вкушать

плотской пищи». Брат, выслушав это, поклонился старцу и сказал: «Прости меня, авва!» Тогда старец ему говорит: «Так и Мария имеет нужду в Марфе, ибо и Мария похваляется из-за Марфы» (97, 260—261).

***

Говорил авва Иоанн: «Скитские отцы вкушали хлеб с солью и говорили: «Не должно нам обременять себя хлебом с солью». Потому они и были сильны в деле Божием» (97, 106).

ПЛАЧ

...Без плача не бывает очищения, а плача нет во всегдашнем развлечении. И без очищения души не бывает извещения (в спасении); без извещения же — разлучение души от тела бедственно... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 208).

***

...Оплакивание грехов своих доставляет мир и спокойствие (прп. авва Исаия, 59, 47—48).

***

Плач изгоняет все худости (κακίας) без тревог (прп. авва Исаия, 89, 350).

***

...Плачущие о злых делах и о злых своих помышлениях не снизойдут и не внидут в преисподняя земли, но будут восходить, как бы руководством к возвышению в

горняя, употребляя печаль по Бозе (свт. Василий Великий, 6, 353).

***

...Кто производит в других скорбь о проступках, допущенных в жизни, или в познании, так что иные начинают блаженно плакать, тот творит покров плача (свт. Василий Великий, 6, 359).

***

...Человеку мудрому плач усладительнее смеха (прп. Ефрем Сирин, 30, 175).

***

...Будем плакать со страхом и трепетом, чтобы за нерадение здешней жизни не оказаться там под гневом Царя Славы и не быть отосланными во тьму кромешную (прп. Ефрем Сирин, 32, 235).

***

Всегда, во всякое время преисполнен Он <Господь> щедрот, посему плачь, как она <блудница> плакала, и так же, как она, будешь исцелен (прп. Ефрем Сирин, 33, 181).

***

Как скорбен день грешника, любезные и дорогие мои братья! Никакие уста, никакой язык не в состоянии выразить, какой суд ожидает его. Но если пробудится он, обратит взор на самого себя и с воздыханиями, скорбя и болезнуя, станет плакать, то насладится блаженством в чертоге радости и не подвергнется осуждению (прп. Ефрем Сирин, 33, 258).

***

С сокрушением и слезно всякий должен плакать и рыдать о прегрешениях своих; но безмерно более всех надобно плакать и рыдать мне (прп. Ефрем Сирин, 33, 300).

***

...Очи наши да проливают слезы, прежде нежели отойдем туда, где наши слезы будут жечь тела наши (прп. Макарий Египетский, 67, 21).

***

...Плач есть скорбное некое ощущение утраты того, что увеселяет. Если же понят нами плач человеческий, то пусть очевидное послужит некоторым путеуказанием к незнаемому, и сделается явным, что такое плач ублажаемый, за которым следует утешение.

Ибо если здесь плач производится лишением благ, какие у кого есть, и никто не станет оплакивать того, что желает утратить; то надлежит прежде узнать самое благо, что оно такое в действительности, а потом составить понятие о человеческом естестве; ибо сим достигнется и то, чтобы преуспеть в ублажаемом плаче. Например, из живущих во тьме, когда один родился в темноте, а другой привык наслаждаться внешним светом, но насильно стал заключенным, настоящее бедствие не одинаково действует на обоих. Ибо один, зная, чего лишился, тяжелым для себя почтет утрату света; а другой, совсем не знавший такой благодати, проживет беспечально, как выросший во мраке, и рассуждая, что не лишен ни одного из благ. А посему пожелание насладиться светом одного поведет ко всякому усилию и примышлению снова увидеть то, чего

лишен насильно; а другой состарится, живя в темноте, потому что не знал лучшего, признавая для себя благом настоящее. Так и в рассуждении того, о чем у нас речь, кто возмог усмотреть истинное благо и потом уразумел нищету человеческого естества, тот, конечно, почтет душу бедствующею, оплакивая то, что настоящая жизнь не пользуется оным благом. Посему, кажется мне, слово ублажает не печаль, но познание блага, по причине которого человек страждет печалью о том, что нет в жизни сего искомого (свт. Григорий Нисский, 19, 392—393).

***

Плакать (о душе) значит... непрестанно памятовать о своих грехах и мучить совесть этими помыслами, непрестанно измерять то пространство пути, на какое мы отстоим от Царства Небесного (свт. Иоанн Златоуст, 44, 149).

***

...Будем плакать только о грехе; а все прочее — и бедность, и болезнь, и преждевременную смерть, и обиду, и клевету, и какое-нибудь другое из зол, постигающих человека, — все будем переносить благодушно (свт. Иоанн Златоуст, 44, 843—844).

***

Если тот, кто плачет о житейских делах, изгоняет все душевные болезни, то гораздо более оплакивающий свои грехи сделается любомудрым (свт. Иоанн Златоуст, 50, 33).

***

...Плачущие оплакивают грехи свои, а для таких довольно только получить прощение и оправдание. Но как Христос весьма человеколюбив, то Он и не ограничивает награды отменением наказания и оставлением грехов, но еще делает таких людей блаженными, и подает великое утешение (свт. Иоанн Златоуст, 50, 152).

***

Послушайте, жены, которые любите плакать и предаетесь безмерной скорби: вы поступаете по-язычески. Если же скорбеть об умерших свойственно язычникам, то, скажи мне, кому прилично сокрушаться и терзать ланиты? Зачем плачешь ты, если веруешь, что умерший воскреснет, что он не погиб, что смерть есть сон и покой? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 524).

***

Привычка к блуду ищет греха, но и ее излечивает плач покаяния, который являет душу чистейшею солнца, блистающею добродетелями целомудрия (свт. Иоанн Златоуст, 54, 914).

***

...Будем плакать, возлюбленные, будем плакать... чтобы поистине возрадоваться во время действительной радости (свт. Иоанн Златоуст, 55, 143).

***

Не плакать тяжело, возлюбленные, но делать то, что достойно слез; не слез должно убегать, а тех дел, которые достойны слез (свт. Иоанн Златоуст, 55, 195).

***

В сказанном: *над мертвым плачися, исчезе бо свет* (Сир. 22, 9), повелевается не всех умерших оплакивать, но плакать только над тем, кто мертв делами, и кто не ходил путем живых, а потому лишен будущего света (прп. Исидор Пелусиот, 60, 193).

***

Прежде всего молись о приобретении слез, чтобы плачем смягчить тебе ту грубость, какая есть в душе твоей, и, исповедав на себя *беззаконие Господеви* (ср.: Пс. 31, 5), получить от Него оставление грехов (прп. Нил Синайский, 71, 174—175).

***

...Плачущие о своих грехопадениях находят великое утешение (прп. Нил Синайский, 73, 413).

***

Когда подумаешь, что во время молитвы твоей нет тебе нужды плакать о грехах, тогда посмотри, сколь далеко отстоишь ты от Бога, будучи обязан всегда пребывать в Нем, — и прольешь теплейшие слезы (прп. Нил Синайский, 90, 233).

***

...Плач противостоит духу растления (прп. Иоанн Карпафский, 91, 85).

***

Тот плачущий, кто, по упованию будущих благ, все дни жизни своей проводит в алчбе и жажде (прп. Исаак Сирин, 58, 306).

***

Не плач происходит от слез, а слезы от плача. Если человек, находясь среди других, отсекает свою волю и не обращает внимания на чужие грехи, то приобретает плач. Ибо чрез сие собираются его помыслы и, собираясь таким образом, рождают в сердце *печаль по Бозе* (ср.: 2 Кор. 7, 10), а печаль эта — слезы (прп. авва Дорофей, 29, 238).

***

Когда оплакиваешь грехи свои, никогда не слушайся оного пса, который внушает тебе, что Бог человеколюбив; ибо он делает это с тем намерением, чтобы отторгнуть тебя от плача и от бесстрашного страха (прп. Иоанн Лествичник, 57, 73).

***

...Плач есть златое жало, уязвлением своим обнажающее душу от всякой земной любви и пристрастия, и в назирании сердца святою печалию водруженное (прп. Иоанн Лествичник, 57, 76).

***

Плач по Богу есть сетование души, такое расположение болезненного сердца, которое с исступлением ищет того, чего оно жаждет, и, не находя его, с трудом за ним стремится и горько рыдает вслед его (прп. Иоанн Лествичник, 57, 76).

***

Свойство преуспевающих еще в блаженном плаче есть воздержание и молчание уст; преуспевших — безгневие и непамятозлобие; а совершенных — смиренномудрие, жаж-

да бесчестий, произвольная алчба невольных скорбей... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 76).

***

...Как воск тает от огня, так и он <плач> легко истребляется от молвы, попечений телесных и наслаждения, в особенности же от многословия и смехотворства (прп. Иоанн Лествичник, 57, 76).

***

Сетуй внутренно, но не выказываясь, а углубляясь в сердце свое; ибо бесы боятся сетования, как тати псов (прп. Иоанн Лествичник, 57, 78).

***

Не тот достиг совершенства плача, кто плачет, когда хочет, но кто плачет, о чем хочет (т. е. о чем-либо душеполезном) (прп. Иоанн Лествичник, 57, 79).

***

Даже и тот еще не достиг совершенства плача, кто плачет, о чем хочет, но кто плачет, как Бог хочет (прп. Иоанн Лествичник, 57, 79).

***

Благий и праведный наш Судия, как во всем, так без сомнения и в плаче, судит по мере сил естества; ибо я видел, что иные источают малые слезные капли, как капли крови, а другие без труда проливают целые источники слез. Но я судил о труждающихся более по труду, а не

по слезам. Думаю, что и Бог так же судит (прп. Иоанн Лествичник, 57, 79).

***

Плачущим не прилично богословствовать; ибо этим истребляются их слезы (прп. Иоанн Лествичник, 57, 79).

***

С богоугодным плачем часто сплетается гнуснейшая <в греческом переводе: безблагодатнейшая> слеза тщеславия; и сие на опыте благочестно узнаем, когда увидим, что мы плачем и предаемся гневливости (прп. Иоанн Лествичник, 57, 79—80).

***

Стяжавшие плач в чувстве сердца возненавидели самую жизнь свою, как исполненную труда и причину слез и болезней; тела же своего отвращаются, как врага (прп. Иоанн Лествичник, 57, 80).

***

Кто пребывает во всегдашнем плаче по Богу, тот не перестает ежедневно (духовно) праздновать; а кто всегда празднует телесно, того ожидает вечный плач (прп. Иоанн Лествичник, 57, 81).

***

Кто облекся в блаженный, благодатный плач, как в брачную одежду, тот познал духовный смех души (т. е. радость) (прп. Иоанн Лествичник, 57, 81).

***

Видел я в некоторых плач, и видел других, которые плакали о том, что не имели плача. Сии последние, хотя и имеют плач, думают, что оного не имеют, и добрым неведением своим сохраняются от окрадения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 82).

***

...Изумляюсь тому, каким образом плач и так называемая печаль заключают в себе радость и веселие, как мед заключается в соте (прп. Иоанн Лествичник, 57, 83).

***

...Плач есть укоренившаяся от навыка скорбь души, имеющей в себе огонь (Божественный) (прп. Иоанн Лествичник, 57, 84).

***

Плач бывает у многих предтечею блаженного бесстрастия, предукрасив, предочистив душу и потребив вещество (т. е. страсти) (прп. Иоанн Лествичник, 57, 85).

***

В бездне плача находится утешение; и чистота сердца получает просвещение (прп. Иоанн Лествичник, 57, 85).

***

Отгоняй (адского) пса, который приходит во время глубочайшего плача и представляет тебе Бога неумолимым и немилосердым (прп. Иоанн Лествичник, 57, 86).

***

Видел я в некоторых крайний предел плача: от скорби болезненного и уязвленного сердца, они чувственным образом извергали кровь из уст (прп. Иоанн Лествичник, 57, 86).

***

Часто одно слово истребляет плач; но было бы чудно, если бы одно же слово и возвращало оный (прп. Иоанн Лествичник, 57, 87).

***

Я наблюдал за плачем истинного покаяния и не нашел в нем и следа злословия и осуждения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 98).

***

...В сердцах же плачущих — сновидения о последнем Суде и о муках (прп. Иоанн Лествичник, 57, 108).

***

...Плач имеет двоякую силу: истребляет грех и рождает смиренномудрие (прп. Иоанн Лествичник, 57, 188).

***

Как похоронившему отца своего стыдно тотчас по возвращении с похорон идти на брак: так и плачущим о грехах своих неприлично искать в настоящем веке покоя или чести и славы от людей (прп. Иоанн Лествичник, 57, 215).

***

...Поплачем, чтоб вечно радоваться блаженным радованием... (прп. Феодор Студит, 92, 200).

***

Верный человек, добре всегда внимающий заповедям Божиим, когда творя все, что требуют заповеди Божии, помыслит о высоте их, т. е. о том непорочном житии и чистоте (какие они изображают), тогда, исследуя меру свою, найдет себя крайне немощным и бессильным достигнуть оной высоты заповедей, найдет, что он крайне нищ и недостоин принять Бога, или возблагодарить Его и прославить (упокоить в себе), так как не стяжал еще в собственность себе никакого блага (нечем упокоить). Но таковый, помышляя о всем, сказанном мною, с чувством душевным, без всякого сомнения восплачет плачем оным, который есть воистину наиблаженнейший плач, приемлющий и утешение и делающий душу кроткой. Утешение и радость, которые рождает плач, суть залог Царствия Небесного (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 34—35).

***

Возлюбим нищету духовную, т. е. смирение, возлюбим непрестанный деннонощный плач, от которого ежечасно произрождается радость душевная и утешение изливается на тех, кои любят Бога. От плача водворяется и кротость в тех, кои подвизаются во истине. Которые плачут, те также алчут и жаждут правды и всеусердно ищут Царствия Божия, превосходящего всякий ум человеческий. И не это только, но и то, что иной делается милостивым и чистым в сердце, полным мира и миротворцем, также му-

жественным в искушениях, бывает от непрестанного плача. Плач производит в нас ненависть и ко всякому злу. Им возжигается в душе и божественная ревность, которая ни на минуту не дает человеку покоя, но, не допуская его склоняться на зло со злыми, устремляет на все доброе, исполняя вместе с тем душу мужеством и силою к претерпению всех искушений и скорбей (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 41—42).

***

Плач, являющийся тотчас, как родится человек, показывает, что слезы суть неотлучные спутники настоящей жизни. Как ястие и питие потребны для тела, так слезы потребны для души; так что если кто не плачет каждодневно, — не говорю каждочасно, да не отягчу, — явно показывает, что у него душа в расстройстве и гибнет, как истощаемая гладом. Итак если, как доказано, плач и слезы суть спутники человеческого естества, то никто да не отрицается от сего естественного блага; никто да не лишает себя сего блага, по лености и нерадению; никто да не будет жестокосерд по злобе и лукавству, и по гордости души, и да не попустит себе ниспасть в состояние жестокости камня; но да ревнует всяк, прошу вас, со всем усердием и тщанием держать плач и слезы, как заповедь Божию, и хранить их со вниманием в сердце своем, ограждая их там нищетою, смирением, простотою и незлобием души, терпением искушений и непрестанным поучением в Божественных Писаниях, каясь всегда и воспоминая свои прегрешения, — и никто да нерадит о сем спасительном делании плача. Если же кто вознерадит о сем, разленясь и отчаясь во спасении своем, пусть не говорит по крайней мере, что это невозможно и для тех, которые ревнивы и

тщательны. Говорящий так заключает врата Царства Небесного: ибо кто говорит, что невозможно плакать и сокрушаться, тот явно тем утверждает, что невозможно и очиститься, а без очищения никто не спасается, никто не ублажается Господом, никто не узрит Бога (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 430—431).

***

Блаженны те, которые всегда горько плачут о грехах своих, потому что их осенит наконец свет и горькие слезы их преложит в сладость (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 57).

***

Когда же делание плача соединяется с исполнением заповедей Божиих, тогда оно омывает, — о, чудо, — и очищает душу от всякой скверны, и изгоняет из нее всякую страсть и всякую похоть плотскую и мирскую (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 131).

***

...Как может восприять плач тот, кто всегда пространно питает чрево свое и о том только заботится, что поесть да что попить, раболепствуя пред плотию своею, как пред госпожою? (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 266).

***

...Те, которые говорят, что невозможно плакать и слезить каждую ночь и день, обличают этим, что они обнажены от всякой добродетели (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 270).

***

...Как иной царь без войска пред всяким врагом бессилен и удобопобедим для него, — даже не кажется и царем, а одним из обыкновенных людей; равно как опять и войска без царя или военачальника легко рассеиваемы бывают и уничтожаемы, так есть и плач в отношении к другим добродетелям. Посему воображай, что все добродетели новоначальных суть как бы войско, собранное на одном месте, а царь добродетелей, или военачальник, есть блаженный плач и слезы сокрушения. Он ставит в бранный строй все воинство добродетелей, воодушевляет, наставляет и определяет добре, как надлежит воевать, где, когда и какие употреблять оружия и против каких врагов, каких рассылать разведчиков и каких поставлять вокруг стражей, что надлежит говорить с теми, которых присылают враги, сколько и как; ибо иной раз можно одним этим переговором вспять обратить их всех и победить, иной же раз возможно их обратить вспять и победить совсем не приняв их к переговору... Все это распределяет и установляет плач... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 270—271).

***

Бывает и плач без духовного смирения, и те, которые плачут таким образом, тоже думают, что такой плач очищает грехи; но они тщетно обманывают себя, потому что лишены бывают сладости Духа, таинственно порождающейся в мысленном сокровище-хранилище души, и не вкушают благости Господа. Почему таковые скоро воспламеняются гневом и не могут совершенно презреть мира и то, что в мире. А кто не презрит сего совершенно и не стяжет ненависти к сему от всей души, тот никогда не возможет стяжать твердую и несомненную надежду спа-

сения, но всегда влаится <колеблется> сомнением туда и сюда, так как не основал надежды своей на камне (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 531).

***

Плач двоякое имеет действие: и, как вода, погашает слезами весь пламень страстей и омывает душу от скверны, причиняемой ей ими; и опять, как огонь, присутствием Святаго Духа животворит, согревает и обогняет сердце и воспламеняет в нем любовь и вожделение к Богу (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 531).

***

Всякого (Πάντα) исправляет повседневный плач: ведь он слаще пищи и питья... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 88).

***

...Дьявол, когда увидит кого, в плаче живущего, то не замедляет там, боясь смирения, порождаемого плачем (прп. Григорий Синаит, 93, 225).

***

После стяжавших неотъемлемое богатство нищетою в духе, Единый блаженный объявляет причастниками блаженства своего плачущих, говоря: *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5, 4). Почему же Христос Господь так тесно сочетал с нищетою плач? Потому что он никогда не разлучен с нею. Но печаль при мирской нищете смерть души *соделовает,* говорит Апостол; а *печаль* при нищете *по Богу покаяние нераскаянно во спасение души*

соделовает (ср.: 2 Кор. 7, 10). Притом за непроизвольной нищетой следует непроизвольный плач, а за произвольной — произвольный. Поелику ублажаемый здесь плач соединяется с нищетой по Богу, то подразумевается, что он ради ее бывает и от нее, как от причины, во всем зависит, и только в связи с нею духовен и произволен. — Но посмотрим, как блаженная нищета порождает блаженный плач.

Четыре вида духовной нищеты показали мы немного выше, — в мудровании, в содержании тела, в житейском состоянии, в искушениях, совне находящих... От каждого из сих четырех видов нищеты рождается свой особый плач, с соответствующим тому и утешением. От нищеты в содержании тела со смирением, — которую составляет алчба, жажда, бдение и всякое вообще лишение и умерщвление плоти, и сверх того строгое хранение чувств, — рождается не только плач (жалость, скорбение), но и слезы. Ибо как нечувствие, огрубение и ожестение сердца рождаются обыкновенно от упитания и всем довольствования тела, так от воздержания и скудной диеты — сокрушение сердца и умиление, коими уничтожается всякая горечь при телесных лишениях и доставляется тихая сладость жизни с ними. — Без сокрушения сердца невозможно, говорят, избавиться от чувств греховных; сердце же приводит в сокрушение троякое воздержание — в сне, в пище и в телесном покое. Душа, освободившись чрез сердечное сокрушение от таких чувств и от горечи их, восприемлет вместо их духовную отраду. И это есть то утешение, ради коего Господь ублажает плачущих. Святый же Иоанн, духовную нам устроивший лествицу, говорит: жажда и бдение сокрушают сердце; при сокрушенном же сердце исторгаются слезы. Испытавший сие, *возсмеется о сем,* блаженным т. е. смехом (ср.: Лк. 6, 21), утешившись, как

обетовал Господь (Лествица, Слово 6). Так от боголюбезной телесной нищеты рождается плач, блаженно утешающий стяжавших его. А от самоуничижившегося мудрования и божественного во глубине души смирения — как?

Со смирением души всегда сопребывает самоуничижение; а оно в начале в сильнейшее напряжение приводится страхом мук вечных, пред очи представляя страшнейшее оное в одном мучилище сопребывание со врагами, и к сему прибавляя еще страх и от помышления о том, что муки те неизреченны, — что нет слов для выражения их; а нескончаемость их какого еще наддает ужаса! — Жар, холод, тьма, огонь, узы, страшилища, червей неусыпающих грызение — воедино собираются в оном наказании. Но и этим всем еще не представляется весь тогдашний ужас, как он есть, судя по сказанному о противоположном состоянии: *и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). И как бесполезен, как безотраден будет тот, конца не имеющий плач! Здесь в тех, кои в Бога согрешают, приходит в движение от сознания своих прегрешений плач, смягчаемый надеждою помилования. Там же в обличенных и осужденных, при отъятии всякой благой надежды и при отчаянии во спасении, невольное обличение и грызение совести плачем будет безмерно увеличивать належащую муку. И сейчас плач, и всегда плач, и сие сознание непрестаемости его новый рождает плач! Также и тьма на тьму будет, и жжение на жжение без малейшей прохлады. И все объемлет бесконечная бездна отчаяния.

Ныне здесь плач драгоценен. Ибо внемлет ему Бог, даже до нас нисшедший присещением Своим, и плачущим давший обетование утешения, так как Сам есть и именуется Утешителем. Видел ты теперь плач, который от смирившейся души исходит и с собою утешение приносит? Впрочем самоуничижение и одно само по себе, как некое мыслен-

ное точило для умовой части души, тяжело гнетет и сокрушает, и спасительное выжимает вино, веселящее сердце человека, внутреннего нашего человека. Вино же сие есть сокрушенное умиление, которое плачем сокрушает страсти, и душу исполняет блаженной радости, избавив от сей лютой тяготы. Почему *блажени плачущии: яко тии утешатся* (Мф. 5, 4).

От нестяжательности, или что то же, от имущественной бедности, когда она соединяется с нищетою духом (ибо только в таком случае она богоугодна) — от такой нищеты как приходит плач и сущее в нем утешение, — послушай и внемли разумно. Когда человек, оставя все, отрекается от сребра и злата и от всякого имущества, бросив то, или расточив по заповеди, тогда, отторгши душу от заботы о сем, дает он ей возможность обратиться к попечению о себе самой, освободившись от дел житейских, совне развлекающих ее. Когда же ум отторгнется от всего чувственного и, возникнув от потопления заботою о сем, начнет всматриваться во внутреннего человека; тогда, увидев лицо его до отвратительности загрязненным от блуждания долу, во-первых, спешит обмыть его плачем, потом, по снятии с него этого безобразного покрова, так как душа не развлекается более недостойными ее вещами, несмущенно входит во внутренние ее сокровищницы, и там втайне молится Отцу, Который прежде всего дает ему мир помыслов, как готовое вместилище для благодатных дарований, и вместе с ним совершенное смирение, родительницу и хранительницу всякой добродетели, — не то смирение, которое состоит в нетрудных для всякого желающего смиренных словах и позах, но то, которое свидетельствуется благим Божественным Духом и которое созидает дух, *обновляемый во утробах наших* (ср.: Пс. 50, 12). В сих же (мире и смирении), как в крепко ог-

ражденном рае мысленном, возрастают всякого рода древа истинной добродетели, посреде коих воздвизается царский священный чертог любви, а в преддверии, как предначатие будущего века, цветет неотъемлемая неизреченная радость. Ибо нестяжательность есть мать беспопечения; беспопечение — внимания и молитвы; эти — плача и слез; а эти — изглаждают все предвзятое (прежние грехи); по изглаждении же сего удобно прочее совершается путь добродетели, потому что тогда устраняются всякие к тому препоны и совесть соделовается безукоризненною. От всего сего источается радость и блаженный смех душевный (см.: Лк. 6, 21). Тогда горькие слезы претворяются в сладость, *словеса* Божии *сладки* бывают *гортани и паче меда устом* (ср.: Пс. 118, 103), в молитве прошение изменяется в благодарение, поучение в свидениях Божественных бывает в радование сердца с упованием непостыдным, — испытывается то, что вещает псалом: *вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. 33, 9), — веселие праведных, радость обиженных, отрада уничиженных и утешения плачущих Его ради.

Но прострем и далее слово наше, веруя тому, что изрекали святые отцы наши и других к тому же убеждая, как говорит Апостол по писанному: *веровах, темже возглаголах, и мы веруем, темже и глаголем* (2 Кор. 4, 13). Когда изгнана будет всякая, гнездящаяся в нас, страсть, и ум, как уже сказано выше, возвратясь к себе и к другим силам душевным, возделанием добродетелей благоукрасит душу, все простираясь к совершеннейшему, еще и еще деятельные полагая восхождения, паче и паче с Божиею помощию себя омывая: тогда он не только худое отревает, но вообще все привходящее гонит вон, хотя бы оно принадлежало и к доброй части, и востекши выше всего мысленного и всяких немечтательных о нем помышлений, и

все то по любви и ради любви к Богу отложив, *яко глух и нем* (ср.: Пс. 37, 14), предстоит Богу. Тогда ничто внешнее не толчет в двери ума, потому что благодать держит внутреннее в наилучшем настроении и неизреченным — (что предивно) — светом осиявает его, совершенствуя сим внутреннего человека. Когда же таким образом *день озарит, и денница возсияет в сердцах наших* (ср.: 2 Пет. 1, 19), тогда, по пророческому слову, *изыдет* истинный *человек* на истинное *делание свое* (Пс. 103, 23), и, пользуясь светом тем, емлется пути, коим возводится на горы вечные и премирных вещей во свете оном зрителем делается.

Почему божественный Нил говорит: «Состояние ума настоящее есть мысленная высота, цвету небесному подобная, в которую во время молитвы присещает и свет Святыя Троицы». И опять: «Если кто хочет видеть ум в настоящем его состоянии, пусть упразднит себя от всех помышлений, тогда увидит его подобным сапфиру, или небесному цвету. Но этого сделать нельзя без бесстрастия: ибо для сего потребна помощь Божия и Божественного Его света излияние». И Диадох святый говорит также: «Два блага подает нам святая благодать чрез крещение, из коих одно безмерно превышает другое: первое то, что она обновляет нас в воде, и осиявает то, что есть в нас по образу Божию, отъемля всякую нечистоту греховную в нас; другое же то, что она начинает действовать вместе с нами. Итак, когда ум начнет полным чувством вкушать благостыню Святаго Духа, тогда ведать должны мы, что благодать начинает как бы живописать в нас на том, что по образу, то, что по подобию: так что чувство то показывает, что мы образуемся в подобие; совершенство же подобия познаем из просвещения». — И опять: «Духовной любви никто не может стяжать, если вполне удостоверительно не просветится от Святаго Духа: ибо если ум чрез

Божественное просвещение не приимет в совершенстве того, что по подобию, то хотя все другие добродетели может он иметь, совершенной же любви все еще остается непричастным». Равным образом и святой Исаак говорит: «Ум облагодатствованный, во время молитвы, видит свою чистоту подобною небесному цвету, который старцами Израиля назван был местом Божиим, когда узрен был ими на горе». И опять: «Есть чистота ума, в коей, во время молитвы, воссиявает свет Святыя Троицы. Но удостаиваемый света оного ум и соединенному с ним телу сообщает многие знаки божественной красоты, стоя посреде Божественной благодати и дебелой плоти, и сообщая ей силу на то, что ей самой не под силу. Отсюда боговидное и неподражаемое добродетельное настроение, на зло совсем неподвижное, или неудобоподвижное».

Вот до какой высоты возводит блаженный плач смиренных сердцем и нищих духом. Но скажем о нем и еще нечто. — Сопутствует он и всем видам непроизвольной, или мирской нищеты. Ибо как не печалиться тому, кто и деньгами скуден, и голодает невольно, и трудами обременен, и почетом обделен? — Тут плач безутешен, пока продолжается бедность, особенно если терпящий сие не имеет истинного ведения. Ибо таковый не сласти и горести чувственные подчиняет разуму, а сам подчиняется им, и злоупотребляя изворотливостью ума, увеличивает их паче надлежащего не только без пользы, но и с большим для души вредом. Явному подвергает он себя обличению тем, что не крепко верует Евангелию Божию, предшествовавшим ему пророкам, и последовавшим ему ученикам Его, посланным благовествовать, чрез нищету — достающееся, неоскудевающее богатство, чрез бесславия — неизреченную славу, чрез лишения — бесскорбное утешение, чрез претерпение находящих искушений — избавление от веч-

ного томления и скорбения, отложенного тем, кои возлюбили здешнюю распущенную жизнь, и не восхотели узкими вратами и тесным путем пройти в живот. Добре сказал апостол Павел, что *сего мира печаль смерть соделовает* (2 Кор. 7, 10). Ибо если истинная жизнь души есть Божественный свет, от плача по Богу приходящий, как выше сказано словами отцев, то смерть души будет лукавый мрак, от печали мира сего находящий на душу, тот мрак, о котором Василий Великий говорит: «грех, в оскудении добра существование свое имеющий, неправдами мрак мысленный образует». И божественный Марк говорит: «злыми помыслами объемлемый как увидит сокрытый под ним существенный грех, который есть мрак и туман души, от злых помышлений, слов и дел находящий на нее? Не узревший же сего общего греха, когда взмолится о нем и очистится? А неочистившийся, как найдет место чистого естества? Его же не нашедший, как узрит внутреннейшее обиталище Христово?»

Итак, надлежит постоянною молитвою взыскать сие обиталище, и не только стяжать, но и сохранить. Ибо есть такие, которые после того, как получили сие, потеряли. Голое о сем знание, или случайный опыт имеют, может быть, и нескорые на учение, и юные; постоянное же с терпением делание такое не все имеют и благоговейные из старцев, и многоопытные. С сим согласуется и Макарий, небесный по ведению, и весь сонм преподобных.

Но как мрак сей получает существование свое от всех прегрешений; так, если исследуешь и печаль мира сего, найдешь, что она порождается и держится всеми страстями. Она носит образ, и есть как бы начало, преддверие, или залог имеющего приити будущего нескончаемого плача для тех, кои не восхотели избрать себе ублаженный Господом плач, — который не только здесь приносит уте-

шение, служа вместе с тем залогом и вечного радования, но и добродетель крепко твердою делает, делая душу непреклонною на худшее. Ибо обнищавший, смирившийся и уничижившийся по Богу, если, преуспевая на лучшее, не стяжет притом плача, бывает удобопревратен и охоч возвращаться мыслию к тому, что оставил, и вожделевать того, от чего отстал, делая себя таким образом преступником. Если же, пребывая постоянным в расположении к блаженной нищете и внемля ей, водворит он в себе плач, то бывает непреклонен к оставленному позади себя и не отбегает зле к тому, от чего прежде, добре делая, убежал. *Печаль бо, яже по Бозе,* как говорит Апостол, *покаяние нераскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. 7, 10). Почему некто из отцев говорил: «плач делает и хранит». — И не этот только плод от плача, что от него человек делается почти неподвижным на худое, и неудобовозвратным к прежним грехам, но и тот, что грехи сии становятся как бы не бывшими. Ибо так как человек из-за них в начале плачет, то Бог почитает их как бы невольными в нем; что же невольно, то не вменяется в вину. Как плачущий о бедности свидетельствует тем, что она у него непроизвольна, почему вместе с *хотящими богатитися,* или уже богатящимися, *впадает* в *сети* дьявола, и, если, изменясь, не поспешит убежать из сетей сих, предпошлет себя чрез то в муку вечную (ср.: 1 Тим. 6, 9): так в Бога согрешающий, если, раскаявшись, в плаче о грехах проводит дни свои, то праведно грехи его вменяются ему в непроизвольные, и он, вместе с не согрешавшими подобно ему, будет без соблазна для них тещи путем, вводящим в живот вечный.

Таков плод начала плача, которое бывает болезненно, так как с ним соединяется страх Божий. Но простираясь

в предняя, он дивно сочетавается с любовию Божиею и приносит сладчайший и священный плод утешения по благостыни Утешителя, который (плод) вкушает окачествовавшийся плачем (у кого плач стал чертою характера) и который для не испытавших его есть нечто неслыханное, яко неизреченное. Ибо если сладости меда никто не может внятно изъяснить словом не вкушавшим его, то кто изъяснит сладость радости и благодати, кои от Бога, не испытавшим ее? Конечно, никто.

Начало плача есть как бы некое искание обручения Божия, которое кажется недостижимым. Почему при сем произносятся некоторые как бы предобручальные слова теми, кои, по сильному желанию сего, плачут, раздираясь сердцем пред Женихом, и призывая его рыданиями. Конец же плача — брачное в чистоте совершенное сочетание. Почему Павел, назвав великим таинством сочетание супругов во едино тело, говорит: *Аз же глаголю во Христа, и во Церковь* (ср.: Еф. 5, 31—32). Ибо как те бывают едино тело, так Божии един дух бывают с Богом, как негде тот же Апостол сказал: *прилепляяйся же Господеви един дух есть с Господем* (ср.: 1 Кор. 6, 17). — Где те, кои говорят, что благодать, обитающая во святых, есть нечто тварное? Да ведают они, что хулу изрекают на Самого Духа, Коего причастными бывают святые.

Мы же предложим еще и другой, более выразительный пример в уяснение того, о чем у нас речь. Начало плача подобно возвращению блудного сына: ибо и он делателя своего исполняет стыдением, и те же заставляет говорить слова: *Отче, согреших на небо и пред тобою, и несмь достоин нарещися сын твой* (ср.: Лк. 15, 21). Конец же его подобен сретению и объятию Небесного Отца, коих, по богатству неизреченного благоутробия, сподобясь, сын исполняется радостию и дерзновением, лобзание приемлет и

дает, входит в дом вместе с Отцем и с Ним трапезует, небесное при сем вкушая радование.

Приидем же и мы, в блаженной нищете духом, *припадем и восплачемся пред Господем* Богом нашим (ср.: Пс. 94, 6), чтоб и прежние грехи омыть, и неподвижными на зло самих себя соделать, и причастия Духа Утешителя сподобиться и Им пребыть утешаемыми, Ему славу воссылая с Безначальным Отцем и Единородным Сыном, ныне и присно и во веки веков. Аминь (свт. Григорий Палама, 93, 272—281).

***

Плач должен быть неотъемлемым качеством молитвы нашей, ее постоянным, неразлучным спутником и споспешником, ее душою (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 164).

***

Святые отцы называют плач вождем в духовном подвиге. Он должен предводительствовать всеми нашими благочестивыми помышлениями, направлять их к истинной цели (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 165).

***

Неплачущий здесь будет вечно плакать. Невозможно не плакать или здесь произвольно, или невольно там, в муках (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 192).

***

Плач, когда достигнет развития, не может облекаться в многомыслие и многословие: он довольствуется для вы-

ражения необъятного духовного ощущения самою краткою молитвою (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 192).

***

Без умерщвления для мира невозможно стяжать плач и слезы: стяжаваем их по мере умерщвления миру (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 196).

***

Плач есть сердечное чувство покаяния, спасительной печали о греховности и разнообразной, многочисленной немощи человека (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 228).

***

Плачем называется преизобильное умиление, соединенное с болезнованием сердца сокрушенного и смиренного, действующее из глубины сердца и объемлющее душу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 292).

***

Плач — благочестивая печаль верной души, глядящейся в зеркало Евангелия, видящей в этом зеркале бесчисленные свои греховные пятна (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 521).

***

Младенец выражает плачем все свои желания: и твоя молитва пусть всегда сопровождается плачем (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 163).

***

Глубокий плач, плач духа человеческого, подвигнутого к плачу Духом Божиим, есть неотъемлемый спутник сердечной молитвы... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 219).

***

Полезен плач, растворенный упованием на Бога: утешает душу, смягчает сердце, отверзает его ко всем святым, духовным впечатлениям (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 463).

***

...Плачьте почаще; это очень умягчает сердце (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 54).

****

Сказывали также, что во все время своей жизни авва Арсений, сидя за рукоделием, имел платок на груди, по причине слез, падавших из его очей. Авва Пимен, когда услышал, что он почил, прослезившись, сказал: «Блажен ты, авва Арсений, что оплакал себя в здешнем мире! Ибо кто здесь не плачет о себе, тот будет вечно плакать там». Итак, необходимо плакать либо здесь — добровольно, либо там — от мучений (97, 26).

***

Поведали об авве Диоскоре следующее. Он, безмолвствуя в келье, оплакивал себя. Ученик его жил в другой келье. Когда ученик приходил к старцу и заставал его плачущим, то спрашивал: «Отец! О чем ты плачешь?» Старец отвечал: «Плачу о грехах моих». Ученик возражал:

«Ты не имеешь грехов». Старец отвечал: «Будь уверен, сын мой, если б я видел все мои грехи, то мой собственный плач оказался бы недостаточным, я нуждался бы во многих помощниках, чтоб оплакать их, как должно» (106, 106).

***

Некий брат сказал авве Пимену: «Помышления мои не допускают видеть мои грехи, но отцы понуждают меня помышлять о моих грехах». Авва Пимен в ответ поведал об авве Исидоре. Он плакал обыкновенно тогда, когда ученик его находился в другой келье. Однажды случилось, что ученик вошел к нему в то время, когда авва плакал, и спросил его: «Авва! О чем ты плачешь?» Он отвечал: «Оплакиваю мои грехи». Ученик сказал: «Авва! У тебя нет грехов». Старец отвечал на это: «О, сын мой! Если б Бог сделал явными мои грехи для всех, то для их оплакивания недостало бы ни двух, ни трех, ниже многих помощников» (106, 244).

***

Сказывал авва Исаак: «Однажды я сидел у аввы Пимена и увидел, что он пришел в исступление. Я поклонился ему до земли, прося сказать мне, где он был. Вынужденный объявить свою тайну, он сказал: «Мой ум был при кресте Спасителя в те минуты, когда там стояла Богоматерь Мария и плакала. Мне бы хотелось так плакать всегда» (106, 329).

***

Если случалось авве Виссариону прийти в места многолюдные к какому-либо общежительному монастырю, то он садился у ворот и предавался плачу, как бы пловец, вы-

брошенный бурей на берег после кораблекрушения. Нередко кто-либо из братии выходил за монастырь и, найдя его сидящим у ворот, принимал за нищего, ходящего по миру и просящего милостыню. Умилосердившись над ним, брат подходил к нему и спрашивал: «О чем ты плачешь? Если ты нуждаешься в чем, мы дадим тебе все, что можем. Войди в монастырь, раздели с нами трапезу, утешься». Старец отвечал: «Невозможно мне войти под кров человеческого жилища прежде, нежели найду утраченные дом мой и имущество. Потерял я великое богатство по различным причинам. В дополнение ко всему напали на меня морские разбойники, я пережил кораблекрушение, лишился славы своего рода, из знаменитых сделался презренным». Брат, приводимый в соболезнование такими словами, входил в монастырь и, взяв там укрух хлеба, выносил старцу, говорил при этом: «Отец! Прими это, а прочее, о чем ты поведал, — знатность и богатство, силен Бог возвратить тебе». Но старец предавался еще большему плачу и рыданию. «Не осмеливаюсь сказать, — говорил он при этом, — возмогу ли найти потерянное. Подобает мне усердно подчиняться непрерывающимся страданиям, быть в ежедневной заботе по причине бесчисленных моих зол! Подобает мне окончить земное странствование в непрестанном скитании» (106, 284—285).

***

Авва Лонгин имел обильное умиление при совершаемых им молитве и псалмопении. Ученик его однажды спросил: «Таково ли духовное правило, чтоб инок всегда плакал при совершаемых им молитвах?» Старец отвечал ему: «Истинно так, сын мой, таково правило, требуемое Богом. Бог сотворил человека не для плача, но для радо-

сти и веселья, чтоб он прославлял Бога чисто и безгрешно, как прославляют Его Ангелы, но человек, низвергшись в падении, нуждается в плаче. Где нет греха, там нет нужды в плаче» (106, 309).

***

Отцы Нитрийской горы послали великому отцу Макарию в Скит (он был по соседству с пустынной горой) следующее приглашение: «Вместо того чтоб подниматься к тебе всему иноческому населению горы, умоляем тебя прийти к нам, чтобы мы увидели тебя прежде, нежели ты отойдешь ко Господу». Когда Макарий пришел в гору, стеклось к нему все многочисленное братство. Старцы просили его, чтобы он сказал назидательное слово братии. Он, прослезившись, сказал им: «Братия! Очи ваши да испустят слезы прежде отшествия вашего туда, где слезы ваши будут жечь ваши тела». Все заплакали и, пав ниц, сказали: «Отец, молись за нас» (106, 310).

***

Однажды авва Пимен шел с аввой Анувом в окрестностях города Диолка. Увидев там женщину, горько плачущую над могилой, они остановились послушать ее. Потом несколько отойдя, встретили прохожего, и спросил его святой Пимен: «Что случилось с этой женщиной, отчего она так горько плачет?» Прохожий отвечал: «У нее умерли муж, сын и брат». Тогда авва Пимен, обратясь к авве Ануву, сказал: «Говорю тебе, если человек не умертвит всех плотских пожеланий своих и не стяжает такого плача, то он не может быть монахом. Все житие монаха — плач» (106, 331).

***

Некий брат-подвижник совершал молитвенное правило вместе с другим братом и, побеждаемый слезами, оставлял стихословие псалмов, предавался плачу. Однажды второй брат спросил первого: «По причине какого помышления, приходящего тебе на правиле, ты плачешь так горько?» Первый отвечал: «Прости меня, брат! Когда встану на правило, всегда стою как бы перед моим Судией, а себя вижу обвиненным и истязуемым Судией, который говорит: «Зачем ты согрешил?» Заграждаются уста мои, я не нахожу слов для ответа, оставляю стихословие и предаюсь плачу. Прости меня! Я смущаю тебя, и если хочешь, будем совершать правило порознь». Второй брат отвечал: «Нет, отец! Если я и не плачу, но, смотря на тебя, окаяваю себя». Бог, видя смирение второго брата, даровал и ему плач (106, 437—438).

***

Авва Феодор Енатский рассказывал: «Жил некий брат, имевший дар умиления и слез. Случилось, что однажды от собственного сердечного сокрушения он пролил множество слез. Увидев это, брат сказал сам себе: «Поистине это знак, видно, близок день моей смерти». Когда он помышлял это, слезы умножались. Он опять говорил себе: «Точно! Приблизилось время моего переселения». И плач его усиливался с каждым днем (106, 366).

***

Некий старец скончался, но через несколько часов опять пришел в себя. Мы спрашивали его: «Авва! Что ты видел там?» Он, плача, поведал нам: «Я слышал жалобный

голос, вопиющий непрестанно: «Горе мне! Горе мне!» И мы должны взывать так всегда и плакать» (106, 373).

ПЛОТЬ

Жизнь плотская и наслаждение в жизни сей большим богатством и властию бывает смертию для души... (прп. Антоний Великий, 89, 89).

***

Горе нам, что мы плоть свою, имеющую обратиться в прах и пищу червей, питаем в грехах, не боясь ни огня, в коем будем вечно мучиться, ни червя, никогда не усыпающего (прп. авва Исаия, 59, 188).

***

...Когда ум спасет чувства души от пожеланий плоти и минует их, тогда столп созерцания его отделит душу от пожеланий плоти (прп. авва Исаия, 89, 421).

***

...Бог Сына Своего посла в подобии плоти греха, и о гресе осуди грех в плоти (Рим. 8, 3), т. е. Господь удалил от нее грехопадение, пленницею которого была всегда плоть, почему и не принимала в себя Божественной мысли, и самую плоть доведя до удобоприемлемости слова, соделал, что́ мы не по плоти уже ходим, но по духу... (свт. Афанасий Великий, 2, 255).

***

Что такое скверна плоти?.. Скверною плоти будет сообщение с теми, которые делают запрещенное... (свт. Василий Великий, 9, 202).

***

...Остерегайтесь исполнять хотения плоти, чтоб не оказаться нам безответными на Страшном оном Судилище, на котором будет воздаяние всякому, сделал ли кто доброе что или худое (см.: 2 Кор. 5, 10) (прп. Ефрем Сирин, 30, 32).

***

Кто желает плотского успокоения, тот готовит себе много болезней; а долготерпеливый спасается (прп. Ефрем Сирин, 30, 148).

***

Не люби плотского покоя, чтоб не найти себе в нем духовного вреда (прп. Ефрем Сирин, 30, 158).

***

Кто питает плоть тела своего, тот питает злые похоти, и срамные помыслы не оскудеют у него (прп. Ефрем Сирин, 30, 166).

***

От множества снедей делается грубым ум, а доброе воздержание очищает его (прп. Ефрем Сирин, 30, 176).

***

Всех дров в лесу не достанется для огня; и плоть не насытится покоем (прп. Ефрем Сирин, 30, 196).

***

Кто украшает одежды свои и наполняет чрево свое, тот выдержит много браней; а трезвенный страшен противникам (прп. Ефрем Сирин, 30, 203).

***

...В какой мере греет кто, на беду, плоть свою, в такой мере умножает в себе страсти, и напоследок душа, обременяемая худым навыком тела, делается бесплодною (прп. Ефрем Сирин, 31, 158—159).

***

Как огонь не может гореть без дров и другого сгораемого вещества, так и немощная, злокозненная плоть наша, если не обременена пресыщением, не воспламеняется похотию, но бывает покойна и покорна воле Господней (прп. Ефрем Сирин, 32, 270).

***

...Не давай никогда покоя плоти своей, чтобы не сделалась она бременем душе твоей... (прп. Ефрем Сирин, 32, 367).

***

В плотском воспламенении не всякое движение происходит от злокозненности демона, но бывает иногда, что

при крайнем воздержании происходит движение, когда сухие и горячие дыхания возбуждают естество; так признано искуснейшими испытателями естества. Посему должно в меру сраствoрять тело принятием пищи, чтоб при совершенной неумеренности подвижнику не терпеть насилий от движений плоти (прп. Ефрем Сирин, 32, 403—404).

***

Плоть связана самым естеством своим и ничего не может сама себе ни прибавить, ни убавить; но воля имеет возможность восходить до всякой меры (прп. Ефрем Сирин, 34, 151).

***

Гибельная плоть — черная волна зломудренного велиара! Гибельная плоть — корень многовидных страстей! Гибельная плоть — подруга дольнего скоротечного мира! Гибельная плоть — противница небесной жизни! Плоть — мой враг и друг, приятная война, неверное благо, плоть, непрестанно вкушающая плод человекоубийственного древа, брение, грязная цепь, тяжелый свинец, неукротимый зверь, порождение воюющего со мною вещества, негодная кипучесть, гроб и узы царя твоего — небесного образа, который получил я от Бога! Еще ли не положишь конца бесстыдным порокам, не покоришься духу и седине, о окаянная злоумышленница? Тебя одну Христос, когда неблагообразие вещества приводил в благолепие словом, тебя одну образовал собственными руками и напоследок сочетал с Божеством, чтобы возлюбленную тварь, наследницу великой жизни, но которую одуряющий велиар обременил страданиями, спасти и Своею смертию избавить от лютой

смерти. Посему окажи мне уважение, перестань безумствовать и питать непримиримую вражду к душе моей!

Рукою бессмертного Бога и тем бедственным днем, который, наконец, соберет воедино все дела смертных, свидетельствуюсь тебе, что, изнурив и низложив тебя скорбями всякого рода, сделаю бессильнее самих мертвецов, если не остановишь в себе безумия и тока кровей, прикосновением к краю чистых риз Христовых (свт. Григорий Богослов, 16, 24—25).

***

Блажен, кто ведет жизнь бесплотную, и великого образа не обложил примесью тины! Немногое, и то по принуждению, следует за небесными помыслами, а гораздо большее им противится и служит омрачением ума. Я порождение скоротечного; для чего делаешь подобным меня бессмертным? Если во мне Божие дыхание, то для чего, Христе, связываешь меня бренем? Наступила старость, ослабели члены. Но если восставшая плоть, явно или тайно, приходит еще в бешенство и, что всего прискорбнее, таинника небесных жертв делает нечистым, то заклинаю тебя, плоть, великою державою Бога, или черным для нечестивцев днем, удержись от наглости! (свт. Григорий Богослов, 16, 25—26).

***

Не робей слишком плоти, как будто она по природе своей неукротима. Не от Бога тот страх, который делает человека связанным. Не предавайся слишком и плотской неге, чтобы пресыщение, сверх чаяния твоего, не низринуло тебя с стремнины! (свт. Григорий Богослов, 16, 80).

***

Нехорошо, если на жизнь твою кидается плоть — эта рыба прильнуша, останавливающая корабль на всем ходу (свт. Григорий Богослов, 16, 87).

***

Скажи и ты, негодная, зловонная плоть! Поелику я <душа> — владычица — сопряжена с тобою пищеваром, то скажи: чего ты хочешь себе, чтобы удержать в себе дыхание? Я должна тебе немногим, хотя стараешься вынуть у меня многое. Хочешь ли иметь стол, благоухающий от мира и излишних поварских ухищрений, слышать восторгающие звуки музыкальных орудий и рукоплесканий, видеть пляски юных отроков, несвойственные мужам, и круженья дев, неблагочинно обнаженных, так как все это учреждают на пиршествах любители студодеяния, чтобы еще более разгорячить вино, омрачающее ум? Если этого хочешь ты от меня, то скорее получишь удавку. Я ненасытным друзьям предлагаю следующее! Пусть сокроет тебя какой-нибудь приют, или сам собою образовавшийся в каменной горе, или, если надобно тебе и потрудиться, дело нескольких часов. Одеждою пусть будет у тебя или верблюжий волос, по уставу праведников, или даже кожа — покров древней наготы. Для ложа бери, что случилось; а трава и древесные ветви да будут у тебя пурпуровой скатертью, неопасною для сопиршественников. И приятно благоухающая трапеза да предлагается у тебя без дальних приготовлений из тех безыскусственных даров, какие дружелюбная земля расточает всякому. А устроив твое помещение, и напитаем тебя охотно. Хочешь ты есть? Бери себе хлеб, если случится, даже и житный. А для варенья без меры даем тебе соль и дикий лук — некупленный овощ;

другою лучшею приправой пусть будет голод. Хочешь ли ты пить? — Пред тобой струится вода — всегда через край льющаяся чаша, питье, не производящее опьянения, наслаждение, заимствуемое не у виноградной лозы. А если хочешь и пороскошничать, то не пожалеем уксуса. Но тебе и этого будет недостаточно. Ты неутомимо и ненасытно хочешь черпать удовольствие дырявою бочкою. Ищи же себе другого попечителя, а у меня нет досужего времени лелеять своего домашнего врага, который бы уязвил меня, как окостеневшая от стужи, и потом в недре моем отогретая змея. Ты хочешь огромных домов, позолоченных потолков, искусных произведений живописи и мозаики, едва не живых изображений, стен, блестящих разными и искусно подобранными цветами? Хочешь пышной одежды, к которой нельзя и притронуться, хочешь богатых перстней и этого убранства, смешного для тех, которые учатся целомудрию, а еще более смешного для меня, который знаю одну внутреннюю красоту...

«Богомудрый! пройди мимо пламенеющего меча, будь делателем Божественных растений, цветущих разумом, которых лишил меня враг, уловив сластолюбием. Приступи опять к древу вечно пребывающей жизни, а она, как нашел я, есть ведение Всевышнего Бога, Единого Трисиянного Света, к Которому стремится все». Так скажет сам себе всякий, если он мудр. А кто не захочет сказать, тот напрасно провел жизнь. И, о, если бы еще только напрасно, а не в величайшем зле! (свт. Григорий Богослов, 16, 197—199).

***

...В естестве человеческом умопредставляются две жизни: плотская, водящаяся чувствами, и духовная, невещест-

венная, преуспевающая в разумном и бесплотном житии души. Но невозможно соделаться в одно и то же время причастным той и другой жизни; потому что тщательность об одной из них производит лишение в другой. Потому, если будем стараться соделать душу жилищем Божиим, то надлежит плотию выйти из плотской скинии. Чтобы дом наш обновлен был Тем, Кто обновляет нас Своим вселением, сему невозможно совершиться иначе, как разве когда совершится исход скинии отчуждением от жизни телесной (свт. Григорий Нисский, 19, 85).

***

...Нерассудительно относиться враждебно к естеству плоти, ибо не от нее зависит причина зла; если бы это было так, то зло имело бы одинаковую силу у всех, получивших в удел телесную жизнь (свт. Григорий Нисский, 24, 521).

***

Не к добру пространно питающие плоть свою, и попечение о ней простирающие до похоти (см.: Рим. 13, 14) на себя самих после сего пусть жалуются, а не на нее. Напротив те, которые стяжали душевное бесстрастие чрез это самое тело и прилежат посильному (при его же посредстве) созерцанию Сущего, исповедуют благодать Творца (давшего нам тело) (авва Евагрий, 89, 576).

***

Как служанка, служащая порядочной женщине, необходимо и сама делается такою же, хотя бы и не желала этого; так и плоть такой любомудрой души необходимо

сообразует и собственные порывы с ее движениями (свт. Иоанн Златоуст, 44, 356).

***

Не жизнь создана для пищи и питья, но для жизни пища и питье. Так не станем же извращать этого порядка, и не будем так угождать чреву и плотским удовольствиям, как будто бы мы для этого и созданы (свт. Иоанн Златоуст, 47, 213).

***

...Размышляя о происходящем для нас вреде от этого угождения <плоти>, станем укрощать движения плоти, не поленимся и не попустим ей восставать на душу (свт. Иоанн Златоуст, 47, 213).

***

...Тело служит средством и для порока, и для добродетели, подобно оружию, которое у пользующегося им пригодно на дела того и другого рода; так одним и тем же оружием защищаются — и воин, сражающийся за отечество, и разбойник, вооружающийся против граждан; следовательно, вина падает не на оружие, а на того, кто употребляет его во зло. То же самое можно сказать о плоти, которая бывает тем или другим не по собственной природе, а по расположению души (свт. Иоанн Златоуст, 52, 609).

***

Мы соглашаемся, что плоть ниже и недостаточнее души, но вовсе не противоположна ей, не враждебна и не зла, но как гусли — музыканту и как корабль — кормчему,

так и плоть подчинена душе; и гусли, и корабль не противоположны тем, кто управляет и пользуется ими, но и вполне согласны, хотя и неодинакового достоинства с художником... искусство не в гуслях и не в корабле, а в кормчем и в гусляре, не унижает этих предметов, а показывает различие между художником и искусством... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 638).

***

Кто спас душу, Тот <Христос> и сделал плоть благопокорною (свт. Иоанн Златоуст, 52, 644).

***

Если бы победа <над грехом> совершилась не во плоти, это не так было бы удивительно, потому что и закон производил это; но удивительно то, что (Христос), имея плоть, воздвиг победный трофей, и та самая плоть, которая тысячекратно была побеждена грехом, одержала над ним блистательную победу. Смотри же, сколько совершилось необычайного: во-первых, грех не победил плоти, во-вторых, он сам был побежден и притом побежден плотию, — ведь не одно и то же — не быть побежденной и победить того, кто всегда побеждал, — в-третьих, плоть не только победила, но и наказала, так как тем, что (Христос) не согрешил, Он явился непобежденным, а тем, что умер, Он победил и осудил грех, сделав для него страшною ту самую плоть, которая была прежде презираема. Так, Он уничтожил и силу греха, уничтожил и смерть, введенную в мир грехом. Пока грех встречал грешников, он по справедливому основанию наносил им смерть; когда же, нашедши тело безгрешное, предал его смерти, то, как сделавший не-

справедливость, подвергся осуждению (свт. Иоанн Златоуст, 52, 644).

***

Христос уготовал победу, не принявши другой плоти, вместо прежней, и не изменив эту <человеческую> в существе, но, согласившись пребывать в том же самом естестве, достиг того, что оно приобрело венец за победу над грехом, а после этой победы воскресил его и сделал бессмертным (свт. Иоанн Златоуст, 52, 645).

***

Пока она <плоть> сохраняет собственное свое значение, не бывает ничего несообразного; когда же мы позволяем ей все, и она, преступив свои пределы, восстанет на душу, тогда все губит и портит не по собственной своей природе, но вследствие неумеренности и происходящего из нее беспорядка (свт. Иоанн Златоуст, 52, 646).

***

...Христос не только угасил мучительство греха, но и плоть сделал более легкою и духовною, не чрез изменение ее природы, но посредством большего окрыления ее (свт. Иоанн Златоуст, 52, 649).

***

Как железо от пребывания в огне само делается огнем, сохраняя собственную природу, так и у верующих, имеющих Духа, самая плоть перерождается в ту же деятельность, делаясь всецело духовною, во всем распинаемая и окрыляемая вместе с душою (свт. Иоанн Златоуст, 52, 649).

***

Необходимо, чтобы она <плоть> шла позади, а не впереди, чтобы она не управляла нашей жизнью, а принимала законы Духа (свт. Иоанн Златоуст, 52, 657).

***

...Хотя плоть и ниже души, но и она прекрасна (свт. Иоанн Златоуст, 53, 804).

***

Когда она (плоть), возомнив о себе, захватывает власть над возницей, тогда производит бесчисленное множество зол (свт. Иоанн Златоуст, 54, 47).

***

Как хороший и крепконогий конь не обнаруживает достоинства, когда не повинуется вознице, так и плоть тогда лишь хороша, когда мы обуздываем ее порывы (свт. Иоанн Златоуст, 54, 47).

***

...Если мы пригвоздим плоть свою страхом Божиим, то ничто не поколеблет нас; если же оставим ее на свободе, то и слабое нападение может поразить и погубить нас (свт. Иоанн Златоуст, 54, 826—827).

***

...Не будем делать из плоти нашей (тело) бесполезное, негодное или вредное, но будем произращать в ней добрые плоды и плодоносные растения, и прилагать старание, чтобы они не завяли от пресыщения, — так как и они могут

загноиться и породить червей вместо плодов (свт. Иоанн Златоуст, 55, 247).

***

Тогда как похоть плоти неудержимо стремится к одному греховному и находит удовольствие в одном том, что доставляет временный покой; дух, напротив, весь желает прилепиться к делам духовным, оставляя даже самые необходимые потребности плоти, желает предаться исключительно тем одним, не уделяя даже и малой заботы о тленной плоти сей. Плоть услаждается сластями и похотями; духу неприятны даже естественные нужды. Та желает насыщаться сном и наполняться пищею; сему питательнее бдения и посты, и он не хотел бы принимать пищи и сна даже столько, сколько это необходимо для жизни. Та желает изобиловать всякими сокровищами; сей неохотно имеет даже малую часть хлеба на каждодневное содержание. Та желает нежиться и окружать себя толпою ласкателей; сему отраднее житие жестокое и уединение пустыни, удаленной от сопребывания смертных. Та пленяется похвалами и почестями человеческими; сей радуется, если терпит гонения и обиды (прп. авва Даниил, 56, 230).

***

Сколько для плоти, избыточествующей силами, нужно умерщвление, укрощающее надмение страстей, столько же для плоти, изнемогающей и вместе с душою подвергающейся злостраданию, потребна помощь, чтобы подчинялась Божественным заповедям. Посему должно заботиться и о том и о другом, а при недостатке чего-либо одного усовершение трудно (прп. Исидор Пелусиот, 60, 5).

***

...Плоть рвется и скачет, нелегко уступает изнуряющим ее, но нередко, побежденная в юности, за поражения сии вознаграждает себя победами в старости и уничтожает славные памятники, после побед над нею воздвигнутые (прп. Исидор Пелусиот, 62, 227).

***

Пока пища утучняет тело; восстает и самовластвует плотское мудрование, узаконяя подвластным, что ему угодно (прп. Нил Синайский, 71, 9).

***

Давай плоти то, что ей нужно, а не что хочет она получить (прп. Нил Синайский, 72, 235).

***

Изнуряй плоть добрыми трудами, но позаботься не приводить ее в совершенный упадок (прп. Нил Синайский, 72, 236).

***

Всего лучше гнушаться плотолюбивых помыслов, потому что и тело растлевают, и душу оскверняют (прп. Нил Синайский, 72, 248—249).

***

...Плотские нравом извергнуты будут вне Царствия (прп. Нил Синайский, 72, 276).

***

...Не услуживай без меры рабе <плоти> чревоугодием, чтобы, забыв свою меру, не сделалась она самоуправною, и не осмелилась поднять оружие на владельца (прп. Нил Синайский, 72, 336).

***

Скакание плоти и срамное пожелание, наказав бичом поста и словом, убедим безмолвствовать (прп. Нил Синайский, 72, 338).

***

К чему так щедро утучняешь плоть свою, которая, еще немного, и станет пищею червей (прп. Нил Синайский, 72, 343).

***

...Разжжение плоти соделается матерью вечного огня (прп. Нил Синайский, 73, 401).

***

Юношеская плоть, утученная разными яствами и винопитием, делается подобно вепрю, готовому на заклание. Жжением плотских сластей закалается при этом душа, и распалением злой похоти пленяется ум, не могши противостоять влечению плоти. Так, прилив крови — отлив духа. Что касается до вина, то юность да не обоняет даже запаха его, — чтоб двойным пожаром, — внутри от воздействия страсти, и совне от винопития, — разгоревшись сласть плотская не изгнала духовной сладости болезненного умиления и не произвела смятения и ожесточения в

сердце. Даже воды в сытость да не приемлет юность, для сохранения духовного желания (благонастроения); ибо скудость воды много способствует к уцеломудрению тела. Когда испытаешь это на деле, тогда удостоверишься в том собственным опытом (прп. Марк Подвижник, 89, 478).

***

Воля плоти есть естественное движение тела с последующим за ним разжжением без помыслов, — которые укрепляются сном и покоем тела... (прп. Марк Подвижник, 89, 513).

***

В какой мере превозмогает в тебе любовь к плоти, в такой не можешь быть отважным и бестрепетным при многих противоборствиях, окружающих любимое тобою (прп. Исаак Сирин, 58, 11).

***

Все доброе и худое, что ни приключается с плотию, почитай за сновидение (прп. Исаак Сирин, 58, 16).

***

Очищение плоти есть неприкосновенность к плотской скверне (прп. Исаак Сирин, 58, 389).

***

...Плоть сия есть друг неблагодарный и льстивый: чем более мы ей угождаем, тем более она нам вредит (прп. Иоанн Лествичник, 57, 95).

***

Если бывает разжжение плоти, то должно укрощать ее воздержанием, во всякое время и на всяком месте (прп. Иоанн Лествичник, 57, 106).

***

Кто хочет бороться со своей плотию и победить ее своими силами, тот тщетно подвизается; ибо если Господь не разорит дома плотской похоти, и не созиждет дома душевного, то всуе бдит и постится думающий разорить (прп. Иоанн Лествичник, 57, 115).

***

Если свяжу ее постом, то, осудив ближнего, снова предаюсь ей; если, перестав осуждать других, побеждаю ее, то, вознесшись сердцем, опять бываю ею низлагаем. Она и друг мой, она и враг мой, она помощница моя, она же и соперница моя; моя заступница и предательница. Когда я угождаю ей, она вооружается против меня. Изнуряю ли ее, изнемогает. Упокоеваю ли ее, бесчинствует. Обременяю ли, не терпит. Если я опечалю ее, то сам крайне буду бедствовать. Если поражу ее, то не с кем будет приобретать добродетели. И отвращаюсь от нее, и объемлю ее. Какое это во мне таинство? Каким образом составилось во мне это соединение противоположностей? Как я сам себе и враг и друг? (прп. Иоанн Лествичник, 57, 130).

***

Иссохшая тина не привлекает свиней: и плоть, увядшая от подвигов, не упокоивает более бесов (прп. Иоанн Лествичник, 57, 211).

***

Как тучные птицы не могут высоко летать, так и угождающему своей плоти невозможно взойти на небо (прп. Иоанн Лествичник, 57, 211).

***

Как сражающийся со львом, если отвратит от него взор свой, тотчас погибает; так и борющийся с плотию своею, если ее упокоит (прп. Иоанн Лествичник, 57, 213).

***

Кто ум свой отрешил от любления и ласкания плоти, тот Животворящим *Духом умертвил деяния плотские* (ср.: Рим. 8, 13) (авва Фалассий, 91, 310).

***

Не думай отрешиться от склонности к плотскому, если ум твой еще занимается тем, что свойственно плоти (авва Фалассий, 91, 323).

***

Не все пекись о плоти, но, определив ей подвиг, по силе ее, весь ум свой обрати на внутреннее (прп. Максим Исповедник, 91, 222).

***

Если, когда плоть здорова и в довольстве, обычно возрастает сила греха; то явно, что когда она в скудости, юнеть следует силе добродетели. Будем же нести мужественно изможднение плоти, — сию очистительницу душев-

ных скверн и виновницу будущей славы. *Недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18) (прп. Максим Исповедник, 91, 250).

***

...Возлюбим же болезненное преутруждение плоти и возненавидим ее сласти: ибо то вводит в рай и делает причастными благ его; а те изгоняют из него и лишают благ его (прп. Максим Исповедник, 91, 251).

***

...Угождение ему <телу> противно духовной жизни (прп. Феодор Студит, 92, 37).

***

Не будем поблажать телу, которое святые почитали врагом и смиряли его всячески воздержанием... (прп. Феодор Студит, 92, 37).

***

Как со зверем диким, как со львом, живешь ты с этою плотию. Если не простреш на него меча, он тебя похитит, сотрет и убьет (прп. Феодор Студит, 92, 110).

***

Сколько ни корми ее, сколько ни покой, сколько ни услаждай — не превратится ли она все же в червей и в смрадную грязь? (прп. Феодор Студит, 92, 123).

***

Когда немощная плоть начнет изнемогать, напомним себе, что, поблажая ей, усокровиществуем себе гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия, и воспрянем к воодушевленному мужеству (прп. Феодор Студит, 92, 224).

***

Возьмите же ее (плоть) в руки и утесните, и, по слову Апостола: *угодия не творите в похоти* (Рим. 13, 14), но, доставляя ей потребное в мере разумной, пребывайте так, чтобы жить в духе (прп. Феодор Студит, 92, 432).

***

...Сласть плотская удица есть, растлевающая, а не питающая, — смертоносная, а не живительная... (прп. Феодор Студит, 92, 543).

***

Такова всякая плоть: тлением зачинается, тлением и кончается (прп. Феодор Студит, 92, 624).

***

Бедствующие от восстаний сего смертного тела и каждочастною почти войною его утомляемые, пусть не плоть за это осуждают, а самих себя; ибо если бы они не давали ей силы, попечения о ней простирая до похоти, то не бедствовали бы столько от нее. Или не видят они распеньших плоть свою со страстьми и похотьми и мертвость Иисусову в мертвенной плоти своей носящих, как они имеют ее содейственницею паче в добром, — не противо-

борствующею, но покорною и ведомою законом Божиим? (свт. Феодор Едесский, 91, 323).

***

Движение души к доброму должно быть столько сильнее движения ее к худому, сколько мысленные красоты превосходят чувственные; так что и попечение ее о плоти должно быть допускаемо лишь на столько, сколько это необходимо для удовлетворения ее потребностей и поддержания жизни, чтоб иначе не довесть животный организм наш до насильственного расстройства. Но это установить для себя легко; в дело же произвесть весьма трудно, ибо нельзя без труда искоренить устаревшие привычки души (свт. Феодор Едесский, 91, 348).

***

Не сораспялся еще Христу тот, кто имеет естественные движения плотские, и не спогребся еще Ему тот, кто носит помышления и сочувствия плотские... (прп. Илия Екдик, 91, 433).

***

Если не умертвимся плоти, ее похотям и желаниям, то не можем обрести покоя и свободы от злых дел, которая водворяется в нас благодатию Всесвятаго Духа при усиленной с нашей стороны борьбе со страстьми и похотьми, к успешному ведению которой много способствует раздаяние имений (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 196).

***

Кто мудрствует и действует плотски, тот неверен и пуст от благодати Божественной. Ибо если б не был он

неверен, то не был бы пуст и наг от благодати Христовой и не был бы увлекаем от дьявола действовать плотски (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 205).

***

Мудрования же плотского будем всячески бегать, потому что оно неугодно Богу и при нем нет возможности оторваться от наслаждения привременным и вознестись умом к небесному и вечному. Мудрование плотское тому, кто порабощен ему, не дает жить по Богу, но увлекает душу его к бессловесным стремлениям плоти и всего человека делает подобным неразумному животному (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 291).

***

...Отбрось самоугодие и вооружись нещадно против плоти... (прп. Никита Стифат, 93, 101).

***

Когда плоть господствует в нем <человеке>, похоть и гнев сопротивляются душевным желаниям (прп. Григорий Синаит, 93, 194).

***

Тело, говорят богословы, создано нетленным, каковым и воскреснет, как и душа создана бесстрастною... (прп. Григорий Синаит, 93, 195).

***

...Как душа имела свободу согрешить, так тело — возможность подвергнуться тлению (прп. Григорий Синаит, 93, 195).

***

...Плотское вожделение, будучи независимым от воли и явно враждебным закону духа, — хотя у целомудренных, путем силы воли, и держится в рабстве и послабляется только в целях деторождения, — как-то от начала привносит осуждение, будучи тлением, и называемо так, и рождает, конечно, для истления, и является страстным движением человека, не сознающего чести, которую наше естество прияло от Бога, но потом уподобилось животным (свт. Григорий Палама, 26, 155).

***

...Плоть... не должно оставлять без внимания. Иначе как она будет нашею? Как удержим ее за собою? Как отразим подступы к ней лукавого, — особенно когда узнаем, как духовно противодействовать духам злобы... (свт. Григорий Палама, 93, 297).

***

...Для внимающего одним вещественным благам земли, и склонного к плотским удовольствиям, небеса заключены, как для имеющего омраченными мысленные очи свои (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 178).

***

Постараемся мудро устроить состояние плоти нашей, давая ей столь много пищи и сна, чтоб она не изнемогла излишне, и оставалась способною к подвигам; давая их столь мало, чтоб она постоянно носила в себе мертвость, не оживая для движений греховных (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 204).

***

...Плоть, не распятая, а утучняемая и утешаемая обильным питанием, наслаждением и упокоением, не может не сочувствовать греху, не услаждаться им, не может не быть неспособною к приятию Святаго Духа, не может не быть чуждою и враждебною Христу (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 350).

***

...Необходимо для подвижника Христова распятие плоти! Необходимо подчиниться благому игу подвигов для обуздания скотоподобных стремлений плоти, а не для отъятия у нее здоровья и сил, необходимых для самого подвижничества (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 350).

***

Сущии во плоти, т. е. не обуздывающие своей плоти, но допустившие ей преобладание над духом, Богу угодить не могут. И потому, живя во плоти, мы должны жить не для плоти! (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 94).

***

...Многие, упоенные жизнию для плоти, не только забыли о предметах духовных, но начали из упоения своего отвергать существование Бога, невидимого мира, самой души своей (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 231).

***

Главное плоти угодия бегать... Ее надо строго наказать — умертвить (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 32).

***

Над умерщвлением сих <плотских> движений надо потрудиться: ибо они имеют свою основу в естестве, потому живучи очень... пост сильный, постоянный, малоспание, утруждение тела... паче же молитвенное трезвение... достигают, наконец, того, что они стихают (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 175).

***

Самый лукавый враг — плотоугодие... Эта лягавая прикидывается окалевающею, но только поблажь ей... уже и удержи нет... подай одно, подай другое (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 219).

***

...Всякая победа над плотью дает венец. Как врагу невыгодно доставлять венцы; то он и удаляется и не нападает (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 97).

***

Сласть плотская стала отрицанием христианства внутри нас. И ничто так не подавляет радости духовной ныне... как сия сласть (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 106).

***

Вражду и неприязнь непримиримую к плоти имейте... и преследуйте ее своеволие... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 111).

***

Старцы древние писали, что они сурово относились к телу: не его убить имея в виду, а чрез умерщвление плоти

умертвить страсти (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 154).

***

Телесная, плотская, чувственная, — неодобрительная в нравственном отношении жизнь есть та, когда человек, увлекаясь крайне животолюбием и телолюбием, поставляет главною для себя целию и заботою покой тела... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 17).

****

Авва Пимен говорил: «Должно удаляться всего плотского. Человек, близкий к плотскому искушению, подобен человеку, стоящему над глубокою пропастью. Враг человека, в какое бы время ни захотел, легко низвергает его в эту пропасть. Но удаляющийся от всего плотского подобен стоящему далеко от пропасти. Хотя враг повлечет его, чтобы низвергнуть в бездну, но пока будет влечь его с принуждением, Бог пошлет ему помощь» (97, 201).

***

Еще авва Пимен говорил: «Как дым выгоняет из улья пчел, и тогда они перестают работать мед; так и плотские наслаждения изгоняют из души страх Божий и разрушают все доброе делание ее» (97, 200).

***

Авва Антоний говорил: «Думаю, что в теле есть движение естественное, прирожденное ему, но оно не действует, когда душа не хочет, — и показывает в теле только движение бесстрастное. Есть и другое движение, происходящее от питания и разгорячения тела пищей и питьем.

От этого жар крови возбуждает тело к деятельности. Потому-то и говорит Апостол: *не упивайтесь вином, от которого бывает распутство* (Еф. 5, 18). Равно и Господь заповедал ученикам Своим: *смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пиянством* (Лк. 21, 34). В подвижниках же бывает еще иное движение, которое происходит от коварства и зависти демонов. Итак, надобно знать, что в теле бывает троякое движение: одно естественное, другое от безразличного употребления пищи и третье от демонов» (97, 9).

***

Говорил авва Даниил: «Чем тучнее тело, тем немощнее душа, а чем суше тело, тем сильнее душа». Также говорил: «Чем более иссыхает тело, тем душа делается утонченнее; душа чем делается утонченнее, тем делается она пламеннее» (106, 91).

ПОДВИГИ

Подвиг, конечно, один, но он состоит из многих и разнообразных сражений (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 179).

***

Потому и должны мы долгое время пребывать в подвиге, чтобы ум, от долговременности получив привычку, сильным желанием был влеком к Божественному. Ибо если ум и не найдет чего-либо иного, большего чувственных вещей, то (все-таки) уже не привлекается к ним желанием и пребывает в том, к чему он привык по долговременности. Ибо как человеколюбивым и бесстрастным немного вредят житейские дела, потому что они хорошо

их устраивают, так и имеющим великие дарования — ибо они Богу приписывают то, что правильно исполнили (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 159).

***

...Хорошо подвижничество, но с правым намерением. И мы должны считать его не делом, а приготовлением к делу; и не плодом, но почвою, могущею со временем, трудом и помощию Божией произвести растения, от которых бывает плод. Плод сей есть очищение ума и соединение с Богом, Которому слава вовеки (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 54).

***

...<Святые> отцы, ежели по старости и немощи часто и уменьшали телесные делания, но душевные — никогда; ибо вместо телесных подвигов имели они телесную немощь, которая может держать в порядке окаянную плоть, а хранить душу безгрешною, чтобы и ум просветился, без нравственного делания, невозможно (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 71).

***

...Благодать Духа Божия скорее исполняет тех, кои от всего сердца вступают в подвиг и с самого начала определяют себе стоять и ни за что не уступать места врагу, ни в какой брани, пока не победят его. Впрочем Дух Святый, призвавший их, сначала все делает для них удобным, чтобы усладить таким образом вступление в подвиг покаяния, а потом показывает им пути его во всей истине (притрудности). — Помогая им во всем, Он печатлеет в них какие несть труды покаяния, и полагает им пределы и образ, как в отношении к телу, так и в отношении к

душе, пока не приведет их к совершеннейшему обращению к Богу, Творцу своему. Для этого Он постоянно возбуждает их к тому, чтобы приутруждать и тело свое, и душу, дабы то и другое, равно освятившись, равно соделались достойными наследия жизни вечной: (приутруждать) тело — постоянным постом, трудом и частыми бдениями, а душу — духовными упражнениями и тщанием во всех служениях (и послушаниях), совершаемых чрез тело. Об этом (чтоб ничего не делать небрежно, а все со тщанием и страхом Божиим) надобно стараться при всяком телесно совершаемом деле, если желаем, чтоб оно было плодоносно.

Изводя на подвиг кающегося, Дух Божий, призвавший его к покаянию, подает ему и Свои утешения и научает его не возвращаться вспять и не прилепляться ни к чему из вещей мира сего. — Для этого Он открывает очи души и дает ей узреть красоту чистоты, достигаемой трудами покаяния, и чрез то возгревает в ней рвение к совершенному очищению себя вместе с телом, так чтобы оба стали одно по чистоте. — Ибо в этом цель обучительного руководства Духа Святаго, чтоб очистить их совершенно и возвесть их в то первобытное состояние, в котором находились они до падения, истребив в них все, примешанное завистию дьяволею, так чтоб не оставалось в них ничего вражеского. — Тогда тело станет во всем покорствовать велениям ума, который будет властно определять его в пище и питии, и сне и, во всяком другом действии, постоянно научаясь от Духа Святаго, по примеру святого апостола Павла, *умерщвлять тело свое и порабощать* (ср.: 1 Кор. 9, 27) (прп. Антоний Великий, 89, 24—25).

***

Славно духовное подвижничество, но много у него противников. Кто хочет быть совершен в нем, тот не должен

быть работен ничему худому. Кто рабствует чему-либо худому, тот далеко отстоит от предела совершенства (прп. Антоний Великий, 89, 40).

***

Кто старается быть чистым во всех членах своих, тот истинно духовный подвижник. И он-то есть обучивший все чувства свои, и не позволяющий им властвовать над собою, но сдерживающий их и подклоняющий под иго Господне великою чистотою (прп. Антоний Великий, 89, 43).

***

Всякий, желающий быть истинно духовным подвижником, должен стараться держать себя вдали от шумного многолюдства и не приближаться к нему, чтоб быть и телом, и сердцем, и умом вне смятения и круговращения людского; ибо где люди, там и смятение (прп. Антоний Великий, 89, 44).

***

Те, кои проводят жизнь в малых и невысоких подвигах, и опасностей избавляются, и не имеют нужды в особенных предосторожностях. Побеждая же во всем пожелания, они удобно обретают путь, к Богу ведущий (прп. Антоний Великий, 89, 68).

***

Лицо твое всегда должно быть печально, разве когда к тебе придут братья-странники: тогда прими вид радостный (прп. Антоний Великий, 89, 102).

***

Как развалины вне города служат всем для смрадных нечистот, так душа того, кто лениво и вяло проходит уединенническую жизнь, бывает вместилищем всех страстей и нечистот греховных (прп. Антоний Великий, 89, 105).

***

Не скучай из-за помыслов, которые нападают на тебя в келье, зная, что Господь никакого труда твоего (ради Его) не предаст забвению: это послужит тебе к преуспеянию и благодать Божия поможет тебе (прп. Антоний Великий, 89, 109).

***

...Монах, который несколько дней подвизается и потом послабляет себе, потом опять подвизается и опять нерадит, — такой монах все равно что ничего не делает, и никогда не достигнет он совершенства жизни, за недостатком постоянства ревности и терпения (прп. Антоний Великий, 89, 120).

***

Оно <терпение> столько нужно подвижнику, что коль скоро его нет, то и сам он никакой цены не имеет (прп. Антоний Великий, 89, 133).

***

...Боговселенье или жизнь в Боге и есть последняя цель всех подвижнических трудов и верх совершенства (прп. Антоний Великий, 89, 138).

***

Если демоны будут склонять сердце твое к подвигу, превышающему силы твои, не слушай их... (прп. авва Исаия, 59, 25).

***

Труды и подвиги сей кратковременной жизни не только хранят нас от согрешений, но и приготовляют душе венцы, еще прежде исхода ее из тела (прп. авва Исаия, 59, 210).

***

...Человек, если не удручит подвигами тела своего, то не узрит Божественного света (прп. авва Исаия, 59, 212).

***

Где бы кто ни был, да подвизается везде: венец дается не по месту, а по деяниям (свт. Афанасий Великий, 2, 10).

***

...Кто выдержал тысячи подвигов ради добродетели, и для приобретения ее с избытком испытал себя в трудах, тот *жив будет до конца*... (ср.: Рим. 8, 13) (свт. Василий Великий, 5, 309).

***

Если посвящаем себя чистоте жизни, Бог вспомоществует нам в очищении себя от страстей, усовершая нашу старательность и ревность о добре (свт. Василий Великий, 6, 31).

***

...Подвижник не бежит от нужд, не переходит чрез море, но идет им навстречу и подвергается всякому искушению (свт. Василий Великий, 6, 367).

***

Никто, не пробежав поприща, не берет награды. Труды рождают славу; изнурения доставляют венцы (свт. Василий Великий, 8, 204).

***

...Здешняя борьба праведных временна; а победа и тамошние награды вечны (свт. Василий Великий, 8, 342).

***

...Вознамерившийся повиноваться Христу и поспешающий к нищелюбивой и неразвлеченной жизни истинно достоин удивления и ублажения (свт. Василий Великий, 9, 37).

***

Подвижническая жизнь имеет одну цель — спасение души... (свт. Василий Великий, 9, 65).

***

Подвижнику надобно быть свободным от всякого надмения и, идя путем истинно средним и царским, нимало не уклоняться ни в ту, ни в другую сторону, не любить неги и не приводить тела в бессилие излишеством воздержания (свт. Василий Великий, 9, 335).

***

...Все старание да употребит человек, чтобы душевная высота не была унижена восстанием сластолюбивых пожеланий (свт. Василий Великий, 9, 363).

***

Подвижник должен и низкие работы брать на себя с великим старанием и усердием, зная, что все делаемое ради Бога не маловажно, но велико, духовно, достойно небес, и привлекает нам тамошние награды... Если же должен отправить какую-либо низкую работу, то надобно ему знать, что и Спаситель служил ученикам, и не гнушался исправлять маловажные дела; а для человека великое дело быть подражателем Богу, и чрез сии низкие работы возводиму быть на высоту оного подражания. Да и кто назовет уже низким то, к чему Бог прикасался Своею деятельностию? (свт. Василий Великий, 9, 378—379).

***

...Если за труды и заслуги ищет он <подвижник> воздаяний здесь; то жалок тем, что чрез временное вознаграждение теряет вечное (свт. Василий Великий, 9, 379).

***

Если подвижник будет возноситься; то есть у него тяжкий и сильный смиритель, который может низвести до ада. Если же будет смиряться, то блистательно и величественно будет вознесен, потому что Бог собственною силою возвышает смиренного (свт. Василий Великий, 9, 380).

***

...Подвижник, жди Того, Кто прекрасно возвышает, и никак не малодушествуй ради настоящего. Ибо ты борец и делатель Христов, условившийся целый день провести в борьбе и претерпеть зной целого дня (см.: Мф. 20, 12). Почему же, не исполнив еще меры дня, домогаешься упокоения? Дождись вечера, предела здешней жизни, и тогда Домовладыка придет и отсчитает тебе плату (свт. Василий Великий, 9, 380—381).

***

Не надобно желать себе лучшей одежды или обуви, а должно выбирать такую, которая похуже, дабы и в этом показать смиренномудрие, и не явиться любящими наряды, самолюбивыми и чуждыми братолюбия, потому что домогающийся первенства отпал от любви и смиренномудрия (свт. Василий Великий, 9, 386).

***

...Если и женщины желают жить по-евангельски, предпочитают девство браку, порабощают мудрование плотское и живут в ублажаемом плаче; то они блаженны за сие избрание, в какой бы земле ни находились (свт. Василий Великий, 11, 69).

***

Подвиг ваш временный, а воздаяние и похвала вечные; труд ваш краток, а упокоение и совершенство нестареющие (прп. Ефрем Сирин, 30, 109).

***

Один течет поприщем и подвизается из любви ко Христу, а другой из тщеславия (прп. Ефрем Сирин, 30, 133).

***

Велик и начавший, но не как продолживший; велик и первый, но не как совершивший (прп. Ефрем Сирин, 30, 158).

***

Дом, построенный на песке, не устоит; и подвижничество, к которому примешано что-нибудь, непродолжительно (прп. Ефрем Сирин, 30, 170).

***

Выгоду будем оценивать, смотря по удовлетворительности; и узнаем, какая польза от нашего подвига (прп. Ефрем Сирин, 31, 626).

***

Неизбежный подвиг уже при дверях. Все восприимем на себя щит веры; с любовью почерпнем из Божественного Источника спасительные для души нашей надежды. Разумею же, возлюбленные братия, несозданную Единосущную Троицу, сей Источник, источающий жизнь (прп. Ефрем Сирин, 32, 137).

***

...Сперва должно упражняться в трудах и приобрести венец в подвиге, чтобы таким образом вкусить и Божественной благодати. Горечь подвига заменяется сладостию

упокоения, и суровость жизни заменяется благодатию (прп. Ефрем Сирин, 32, 261).

***

...Не будем нерадеть о душах своих, потому что душе нет и цены. Охотно претерпим искушения, всякую скорбь и тесноту; будем укрощать тело, порабощая его строгим постом, всенощными бдениями, возлежаниями на голой земле, трудами, и вообще суровою жизнию, чтобы душа наша со дня на день обновлялась (прп. Ефрем Сирин, 32, 283).

***

Как при возделывании, например, винограда, все попечение и весь труд предприемлются для будущего наслаждения плодами, и как скоро в винограднике не найдено плодов, все труды возделывания стали напрасны и суетны: так, если с совершенною несомненностию и духовным ощущением не познаем в себе действенностию Духа произведенных плодов любви, мира, радости и смирения, долготерпения, веры (см.: Гал. 5, 22) и других, какие исчислил Апостол, то напрасным оказывается подвиг девства, и суетным труд молитвы, поста и бдения. Ибо это такие душевные и телесные труды, которые должны быть совершаемы в надежде духовных плодов. Плодоносие же Духа в добродетелях есть духовное наслаждение нетленным удовольствием, производимое Духом в сердцах верных и смиренных (прп. Ефрем Сирин, 32, 345).

***

Псалом непрестанно да будет в устах твоих, ибо призываемое Божие имя прогоняет бесов. Где псалом, там и Бог (прп. Ефрем Сирин, 32, 401).

***

Очи, которые и отягчаемые сном бодрствовали, и ноги, которые утомлялись, стоя пред Тобою, <Господи>, да не будут лишены упования и да не утратят мзды своей в день воздаяния (прп. Ефрем Сирин, 33, 320).

***

За мучительный холод возвеселит тебя новое вино. Голод, каким изнурял ты плоть свою, принесет тебе эдемское блаженство. За жажду, томившую внутренности твои, потечет для тебя источник жизни... За то, что плоть твоя прильпнула к костям, тело твое насытится благ (прп. Ефрем Сирин, 34, 297).

***

...Охотно иди по негладкой стезе. А если восходишь вверх, смотри, не скользок ли путь, чтобы не падая достигнуть тебе цели и пройти сквозь узкие врата. Там свет, и слава, и успокоение от всех бедствий (свт. Григорий Богослов, 16, 80).

***

Убежав из Содома, спасшись от пепла сей жизни и от страшных угроз Божия огня, не озирайся на Содом; иначе отвердеешь вдруг в камень и останешься памятником греха и ужасной смерти. Ноги твои не на содомской уже земле; не медли же и на соседственных равнинах, близких к огню, но, как можно скорее, спасайся в гору, чтобы не настиг тебя огненный дождь! (свт. Григорий Богослов, 16, 80).

***

Не слишком себя обнадеживай, и не во все теряй надежду. Одно ослабляет, другое низлагает. В чем-нибудь

преуспевай, другого держись, сколько ни есть, а к иному не будь завистлив; недовершенное не сделает бесполезным труд совершенного тобою пути (свт. Григорий Богослов, 16, 201).

***

И из угодных Богу одни совершают доброе плавание, а другие, будучи не хуже первых, встречают затруднение в плавании. Кто же, кроме Тебя, Слово, знает тому причины! Не превосходнее ли идти стезею крутою и негладкою, нежели путем удобным? Впрочем, скажу, какая у меня об этом мысль. Лучше то и другое вместе — и идти, и идти к совершенству. А если сие невозможно, то труды предпочитаю бесславному и недоброму спасению. Конечно, многое должно возносить к Богу меня, которого утомляют и плоть, и стечение дел. Что же мне делать, если не достигаю обеих желанных целей? Приуготовь себя, как можно скорее, и к небу окрыли душу драгоценную для Слова. Не оставляй при себе ничего излишнего, сбрось с себя всю тяготу суетной жизни и здешних зол. Я предстоятель таинственной трапезы; я очищаю людей, которых приношу Тебе в дар посредством бескровных и совершенных учений. О приснотекущая Светлость, Источник света! Я сам имею нужду в очищении и потому знаю, как тяжело очищать пятна нечистоты. Заметьте сие, пастыри людей, и трепещите! (свт. Григорий Богослов, 17, 83—84).

***

...Мера подвига твоего заключается в том, чтобы тебе не прелюбодействовать в мыслях, но противостоять умом и внутренно вести брань, бороться с пороком и не слушаться его, не соуслаждаться им в помыслах (прп. Макарий Египетский, 67, 124).

***

Какое приобретение от поста, молитвы, бдения, когда нет мира, и любви, и прочих плодов духовной благодати... (прп. Макарий Египетский, 67, 341).

***

Если не находим в себе обильных плодов любви, мира, радости, кротости, смирения, простоты, веры и долготерпения: то тщетны и напрасны были все наши подвиги... (прп. Макарий Египетский, 67, 349).

***

...В том весь подвиг, о том все рачение у человека, чтобы противиться лукавому и лукавым помыслам (прп. Макарий Египетский, 67, 388).

***

Те только в состоянии будут пройти подвиг до конца, которые всегда по собственной воле своей любили Единого Бога и отрешились от всякой мирской любви (прп. Макарий Египетский, 89, 195).

***

...Любомудренная и суровая жизнь, будучи непривлекательна и неприятна для чувства, исполнена благих надежд, услажденная собственным своим плодом. Ибо когда Делатель наш раскроет в свое время гранатный плод жизни и покажет красоту заключенного в нем, тогда вкушающим сладостно будет причащение собственных своих плодов (свт. Григорий Нисский, 18, 330).

***

...С приложением новых подвигов добродетели любомудрие постоянно возводит душу к большей чистоте (свт. Григорий Нисский, 25, 342).

***

...Подвиги определяются не мерою искушений, но значительностию деяний (свт. Иоанн Златоуст, 44, 210).

***

...Самое трудное дело — приступить к началу подвига, а по вступлении труд бывает уже не так велик (свт. Иоанн Златоуст, 44, 344).

***

Вступи на путь, ведущий к небу, вступи на путь тесный и узкий, — и поди по нему. Как же ты можешь и вступить на этот путь, и идти по нему? Изнуряя и порабощая свое тело, потому что на тесном пути много препятствует тучность от пресыщения (свт. Иоанн Златоуст, 45, 48).

***

Если будешь иметь в виду трудность подвигов, дело покажется тяжелым и невыносимым, а если будешь смотреть на награду, оно будет легко и удобоносимо (свт. Иоанн Златоуст, 45, 354).

***

Как ратоборцу в борьбе нужно сражаться в поту, в пыли, в зное, в трудах и страданиях, так и праведнику здесь нужно много терпеть и все переносить великодушно,

если он хочет получить там светлые венцы (свт. Иоанн Златоуст, 45, 466).

***

...Как для ревностного и бодрого волею человека ничто не может служить помехою, так нерадивому и ленивому все может помешать (свт. Иоанн Златоуст, 45, 773).

***

Подвизайся в мудрости тихо, с достоинством, и страхом, и заботою о том, что тебя видит Бог, удаляй излишнюю веселость (свт. Иоанн Златоуст, 45, 900).

***

Если же вменяются нам в оставление грехов и искушения, и болезнь, и немощь, и изможение плоти, которые мы терпим непроизвольно и не сами себе причиняем, тем более (вменяются) подвиги, совершаемые нами добровольно и с усердием (свт. Иоанн Златоуст, 46, 10).

***

Во внешних подвигах борьба доставляет труд, а венцы — удовольствие; но здесь не так, а еще прежде венцов самые подвиги приносят великую радость (свт. Иоанн Златоуст, 46, 155).

***

...Без нужды говорить о собственных подвигах — крайне безумно... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 318).

***

...Малые подвиги, здесь совершаемые, даруют нам великое дерзновение там <в загробном мире>... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 254).

***

Таков наш Господь: когда видит благомыслящую душу, немного заботящуюся о настоящем, тогда являет о ней великое промышление (свт. Иоанн Златоуст, 47, 581).

***

Подвизающимся в этой жизни предстоит брань не с людьми, а с демонами и бесплотными силами. Вот почему и вождем у них не какой-нибудь человек, не Ангел, а сам Бог. И оружия этих воинов соответствуют характеру брани: они изготовлены не из кожи и железа, а из истины, правды, веры и всякого вида любомудрия (свт. Иоанн Златоуст, 50, 13).

***

Если во время этого подвига ты и упадешь не один раз, не отчаивайся, но опять вставай, и подвизайся, и не отступай до тех пор, пока не увенчаешься блистательным венцом победы над дьяволом, и стяжания добродетели не скроешь в безопасном хранилище. Когда же утвердишь себя в навыке такого благого любомудрия, то уже не будешь более преступать каких-либо заповедей по нерадению... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 121).

***

...Не будем скорбеть, если на пути жизни случатся с нами многие несчастия. Пусть путь прискорбен и врата тесны; но не таков тот град, к которому ведут они (свт. Иоанн Златоуст, 50, 269).

***

Можно ведь, живя и в городе, подражать любомудрию пустынножителей; и женатый и семейный может и молиться, и поститься, и приходить в умиление (свт. Иоанн Златоуст, 50, 572).

***

Горе тому, кто не предавался подвигам, потому что он предан будет неумолимым ангелам! (свт. Иоанн Златоуст, 52, 945).

***

...Во время подвига Господь Сам помогает борющимся, и в час победы сидит в качестве раздаятеля наград; укрепляет на борьбу, и Сам же немного спустя возлагает венцы; соратоборствует, сообщает борцу силу, дает средства для победы, и вслед за тем Сам же воздает награды как победителю (свт. Иоанн Златоуст, 52, 949).

***

...Подвизающимся нельзя во время борьбы ни напиваться, ни прелюбодействовать, чтобы не ослабить сил, ни заниматься чем-нибудь другим; но, воздерживаясь совер-

шенно от всего, они занимаются только упражнениями (свт. Иоанн Златоуст, 53, 223).

***

Надобно подвизаться, пока мы еще на поприще <земном>, а по окончании зрелища бесполезно плакать и рыдать, как делал богач, который хотя плакал и рыдал, но напрасно и тщетно, потому что пропустил время, в которое надлежало это делать (свт. Иоанн Златоуст, 53, 230—231).

***

Подвизающемуся в такое время <после пришествия Христа>, в которое излились столь великие дары, столь великая благодать, легко получить награду (свт. Иоанн Златоуст, 53, 580—581).

***

Хотя мы должны все относить к Богу, однакож и сами должны быть деятельными, должны брать на себя труды и подвиги (свт. Иоанн Златоуст, 54, 607).

***

Нужно иметь не только начало славное, но еще более славный конец <...> Те, которые в начале весело и гордо выступили на поприще, а потом упали духом и ослабели... они и лишились награды, и не признаны Владыкой (свт. Иоанн Златоуст, 55, 200—201).

***

...Чтобы нам достигнуть этого <истинных благ>, поревнуем добродетели мучеников, мужеству, ревности, вере, презрению настоящего, желанию будущего. Можно преуспевать во всем этом и вне гонения. Пусть даже костер и не разложен впереди, зато в наличности страсть, сильнее (его); пусть и нет звериных зубов, зато теснит ярость мучительнее зверя; пусть и не стоят по сторонам палачи, терзая бока, зато лежит внутри зависть, съедающая дух мучительнее всякого палача. Итак, нужно нам, приготовившись к борьбе с этими страстями и поставив оплотом против них силу любомудрых помыслов, так совершать настоящую жизнь, и быть всю жизнь в подвиге, чтобы, потрудившись немного времени, непрестанно быть увенчанными, и наслаждаться вечных благ, всегда будучи с Господом и вкушая того сожительства, превосходящего всякое слово и мысль... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 301).

***

...Если ты хочешь сделать великими свои подвиги, не считай их великими, но признавай, что спасаешься благодатию, чтобы сделать Бога своим должником не только за добрые дела, но и за такую твою признательность (свт. Иоанн Златоуст, 55, 532).

***

Если отсечем причины страстей (поводы к возбуждению их) и займемся духовными деланиями на короткое лишь время, а не пребудем в сем чине жизни навсегда, это самое имея занятие; то легко опять возвращаемся к плот-

ским страстям, никакого другого не получив от того (доброго начинания) плода, кроме всеконечного омрачения ума и глубочайшего ниспадения в вещественное (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 169).

***

Тому, кто подвизается внутри, в каждое мгновение надобно иметь следующие четыре (делания): смирение, крайнее внимание, противоречие (помыслам) и молитву. Смирение — чтобы, как брань у него идет с соперниками — гордыми демонами, всегда иметь в руке сердца помощь Христову: ибо Господь ненавидит гордых. Внимание — чтобы всегда держать сердце свое не имеющим никакого помысла, хотя бы он казался добрым. Противоречие — дабы, как только уразумеет, кто пришел, тотчас с гневом воспротиворечить лукавому, как говорится: и *отвещаю поношающым ми слово* (Пс. 118, 42), — *не Богу ли повинется душа моя* (Пс. 61, 2)? Молитву — дабы после противоречия тотчас из глубин сердца возопить ко Христу с воздыханием неизглаголанным. И тогда сам подвизающийся увидит, как враг его поклоняемым именем Иисуса, как прах ветром развевается и гонится прочь, или как дым исчезает со своим мечтанием (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 169—170).

***

Если, начав жительствовать во внимании ума, с трезвением сочетаем смирение и с прекословием совокупим молитву, то будем добре шествовать мысленным путем, как с светильником света, с поклоняемым и святым именем Иисуса Христа, — как выметая и очищая от греха, так и

украшая и убирая дом сердца своего. Если же на одно свое трезвение или внимание понадеемся, то скоро, подвергшись нападению врагов, падем, быв низринуты. И начнут тогда во всем одолевать нас эти коварнейшие злокозненники, а мы начнем больше и больше опутываться злыми пожеланиями, как сетями, — или и совершенному закланию подвергнемся от них, не имея в себе победоносного меча, — имени Иисус-Христова. Ибо только сей священный меч, будучи непрестанно вращаем в упраздненном от всякого образа сердце, умеет обращать их вспять и посекать, попалять и поедать, как огонь солому (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 200).

***

Подвижнику Христову никогда не бывает недостатка в ратоборстве; но чем более он возрастает в успехах победы, тем более сильное ратоборство по порядку наступает. Ибо по покорении плоти какое множество противников, какое полчище врагов, раздражаемых его триумфами, восстает против победителя — воина Христова! Это — для того, чтобы воин Христов, от праздности мирного состояния разленившись, не стал забывать о славных подвигах своего противоборства и, от бездейственной беспечности расслабев, не лишился награды. Итак, если с возрастанием добродетели хотим взойти к высшим степеням триумфов, то в том же порядке должны вступить в подвиги сражений, и сначала с Апостолом говорить: *бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и порабощаю тело мое* (1 Кор. 9, 26—27), чтобы преодолев на этом сражении, опять с ним (Апостолом) мы могли говорить: *наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправи-*

телей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной (Еф. 6, 12). Ибо иначе мы никаким образом не возможем сразиться с ними и не заслужим того, чтобы вступить в духовную брань, если будем низложены в сражении с плотью и разбиты в борьбе с чревом (прп. Иоанн Кассиан, 56, 60—61).

***

...Главное старание у нас, постоянно желаемое, неизменное назначение (цель) сердца должно состоять в том, чтобы дух всегда прилеплялся к божественным предметам и к Богу, а все прочее, не имеющее отношения к этому, хотя бы и казалось великим, надобно считать вторым или низшим, или даже вредным (прп. Иоанн Кассиан, 56, 172).

***

О подвигах, какие проходишь ты... будь уверен, что настоящее служит для нас невидимым поприщем, на котором боремся не с чувственными зверями, но с мысленными страстями. Страсти же, если овладеют нашими силами, не телу только угрожают опасностию, но и самой душе приносят смерть. А если нами будут преодолены и обратятся в бегство; то и венцов и великих провозглашений сподобимся мы, как бывает нередко даже здесь, несомненно же, после настоящей жизни; потому что будущему веку предоставлены награды, как настоящему — борения (прп. Исидор Пелусиот, 60, 2—3).

***

Иоанновой пищи, его пития и ложа недостаточно, доблестный мой, для полноты подвига ищущим этого; напротив того, для совершенства потребен и дух Иоаннов

<Предтечи>. Посему если хвалишь нашу воздержанность, то преуспевай с нами и в кротости, которая отклоняет от себя всякое высокоумие (прп. Исидор Пелусиот, 60, 109).

***

В Божественном Писании имеешь цветущие плоды посеяваемого тобою; видишь победные знамения добрых твоих подвигов; потому что за добровольную нищету и здесь и там сторичные блага обещает тебе благий Пастырь и Спаситель; а за вступление на поприще и за борьбу со страстями нетленный венец соплетает <апостол> Павел, этот мужественный борец со страстями и их победитель (прп. Исидор Пелусиот, 60, 134).

***

Носить напоказ рубище и бороду не служит еще, братия, удостоверением в подвижничестве. Пребывание в городах среди народной молвы не показывает приверженности к отшельничеству (прп. Исидор Пелусиот, 60, 138).

***

...Если хотим подвизаться законно; то будем подвизаться подвигом добрым, с безыскусственностью в наружном виде, в тишине уединения, при добродетели бесстрастия, с сохранением безмолвия, с умеренностью в пище (при. Исидор Пелусиот, 60, 139).

***

Подвижничество, друг, есть подражание всем заповедям Господним и хранилище оных; оно не гневливо, не опро-

метчиво, не кичливо, не сребролюбиво, не самолюбиво, покорно, всякому услуживает, вовсе чуждается тела, пребывает в свойстве только с духом; у него язык благодарный, полезная во всем молитва, неподвижно оно к злословию, делает все из послушания, по мановению вождя, которого и время, и труды, и Божественное определение приставили к кормилу настоятельства, как знающего и отклоняющего порывы ветров (прп. Исидор Пелусиот, 60, 164).

***

...Трезвись, бодрствуя во брани; ибо бранию почитай, и с уверенностию признавай, подвижническое поприще, окруженное мысленными стрелами, которые гораздо опаснее чувственных мечей, и которые называет разжженными тот, кто в точности на опыте познал их силу (прп. Исидор Пелусиот, 60, 179).

***

Не тем уподобляй себя, друг, которые с радостию приняли Божественную проповедь, но не препроводили семени в глубину разумения; ибо, пустив ростки вверх и разослав корни по земле, скорее, нежели произносится слово, они засохли, не принесши зрелого плода, но соделавшись жертвою искушений. Напротив того, уподобляй себя тем, которые, глубоко укоренившись, пустили от себя много корней и стволов, и стали многоплодны, у которых класы, красуясь и обременяясь плодом, тяготеют и клонятся вниз, и ко времени жатвы как бы сами на себя призывают серп жнецов. Ибо хорошо знают, что Христос повелел таковых Ангелам вносить в небесные уделы, чтобы там они сопразднствовали, соцарствовали и приобщились нескончаемой радости (прп. Исидор Пелусиот, 60, 372—373).

***

Когда отречешься от всех вещей, внимай темным помыслам, которые станут укорять тебя в обеднении, представляя тебе теперешнее — скудость во всем, нищету и бесславие, чтоб таким злокознеством привести тебя в раскаяние о такой славной добродетели. Но если вникнешь в разумность такого подвижничества, то найдешь скорее, что за то самое, в чем укоряют тебя, соплетется тебе венец (прп. Нил Синайский, 90, 257).

***

Начнем же отрешаться от настоящих благ, пренебрежем имущество и деньги, и все, что погружает в себя и потопляет помысл. Обуреваемые выбросим груз, чтоб мог спастись кормчий — ум и с плавателями — помыслами. Если плывущие морем во время бури небрегут о своих товарах и своими руками бросают и дорогие вещи в море, имущество ставя ниже жизни; то почему же мы для лучшей жизни не пренебрегаем того, что душу влечет в бездну? Почему у нас не столько силен страх Божий, сколько у тех страх моря? Те из любви ко временной жизни невысоко ценят утрату того, что везут; а мы, говоря о себе, что вожделеваем вечной жизни, не пренебрегаем и малости, но решаемся лучше погибнуть с ничтожным грузом, нежели спастись, лишившись его. — Посему умоляю, совлечемся всего. Борцы не вступают в борьбу одетыми; закон борьбы изводит их на поприще обнаженными. В жар ли, в холод ли, — так, они выходят, оставляя одежды вне поприща. Если же кто из них откажется обнажить себя, то должен отказаться и от борьбы. А мы, дав обет подвизаться, не только не совлекаемся одежды (имуществ), но, тысячи бремен неся на плечах, вступаем в под-

виг, доставляя тем противникам множество удобств схватить нас (прп. Нил Синайский, 90, 258).

***

Бороться должно нагому, и не только нагому, но и умащенному. Обнажение делает, что борца не за что ухватить противнику, а умащение елеем, если и будет он схвачен, дает ему возможность ускользнуть из рук схватившего. Почему противники стараются осыпать друг друга землею, чтобы, пылью придав шероховатость гладкости елея, сделать противника удобоудержимым, когда будет схвачен. Но что там — пыль, то в нашем подвиге дела земные, а что там — елей, то здесь не имение попечений (прп. Нил Синайский, 90, 259).

***

Скрывай язык свой в деятельном прохождении подвижничества (т. е. вместо языка пусть говорят подвиги); ибо в таком случае и молча будешь иметь свидетелями о жизни твоей достойных веры сожителей своих — труды. О ком свидетельствуют какие-либо наличные труды, тому нет нужды свидетельствовать о себе языком своим (прп. Нил Синайский, 90, 280).

***

Как скрываешь от людей грехи свои, так скрывай от них и труды свои. Ты стыдишься открывать о срамных делах своих, чтоб не подвергнуться поношению и уничижению, — что полезно было бы для души твоей. Бойся показывать и труды свои, чтобы грех человекоугодия не принес пагубы душе твоей. Если одному Богу открываешь

постыдные падения; то не открывай людям своих противоборствий оным, чтоб не сочли их увенчанием победы (прп. Нил Синайский, 90, 280—281).

***

Не наряжайся в красивые одежды, чтобы явственнейше не облечься тебе в демона тщеславия; ибо не лепота одежд указывает, что ты носишь одежду добродетелей, но подвижнические труды, как золотые украшения, свидетельствуют о лепоте одеяния души твоей (прп. Нил Синайский, 90, 281).

***

Иногда демоны возвеличивают подвижнические труды в помыслах, а иногда уничижают их, как ни к чему не служащие, чтобы где вложить высокоумие, а где посеять отчаяние. Возвеличивают они труды тех, которых не могут довести до разленения, чтобы ввести их в высокоумие, а тем, которые не соглашаются вдаваться в высокоумие, твердят одно то, что подвиги их ни к чему не служат, чтоб, приведя их чрез то в разленение, ввергнуть в отчаяние (прп. Нил Синайский, 90, 309).

***

Подвиги не суть что-либо особое от заповедей. Они суть заповеди. Покажи мне подвиги, кроме заповедей. Если укажешь на молитву — это есть заповедь; если скажешь о низложении помыслов — это есть заповедь (трезвитеся и бодрствуйте); если о посте и бдении, и сие тоже есть заповедь; если укажешь на самоумерщвление, и это заповедь (да отвержется себе); и какое бы ни сказал

ты дело подвижнической добродетели — все они суть заповеди (при. Марк Подвижник, 89, 486).

***

Цель подвижничества — тончайшее исполнение заповедей (прп. Марк Подвижник, 89, 486).

***

Подвизающимся надобно, начав (подвиг добродетели), доводить его до конца. Молодым же и старым, имеющим здоровое тело и не боящимся ни труда, ни озлобления, полезнее со всем усердием любить всегдашний пост; мерою вкушать хлеб и от времени до времени (мерою же) пить воду так, чтобы оканчивать еду, чувствуя еще некоторый голод и жажду, дабы наслаждение (пищею и питием) не было препятствием необходимому служению Богу. Если, вкушая означенную пищу, будем насыщаться вдоволь, то скоро пожелаем других яств. Если же не будем насыщаться, то всегда будучи голодны, если и будем желать насыщения, будем желать насытиться хоть бы и хлебом (прп. Марк Подвижник, 89, 513).

***

Подвизающимся надобно всегда соблюдать мысль свою неволнующеюся, чтобы ум верно мог различать набегающие помыслы, и, различая, добрые и богопосланные влагал в сокровищницу памяти, а непотребные и демонские извергал вон из влагалищ естества. И море, когда стоит покойно, бывает видно для рыболовов до самых последних глубин своих, так что тогда не укрывается от них ни одна почти из движущихся там живых тварей; когда же оно

взволновывается ветрами, тогда скрывает в непроницаемой мутности своей то, что во время приятной тишины щедро давало видеть; отчего в ту пору искусство рыболовные хитрости устрояющих остается без дела. Это же случается претерпевать и созерцательному уму, особенно когда глубина души возмущается гневом неправедным (блж. Диадох, 91, 19—20).

***

Не до того только времени трудиться должно, пока увидишь плод; но надобно подвизаться до самого исхода (прп. Исаак Сирин, 58, 167—168).

***

...Кто хочет отбыть или уклониться от этого <подвигов>, тот бывает добычей волков (прп. Исаак Сирин, 58, 200—201).

***

...Невозможно... подвижнику душу свою избавить от погибели, если щадит он тело свое (прп. Исаак Сирин, 58, 229).

***

Претерпи трудность подвига, в который введен ты для испытания, чтобы приять от Бога венец, и упокоиться по исшествии из сего мира... (прп. Исаак Сирин, 58, 361—362).

***

Сего же <желания Духа и вожделения Его> невозможно кому-либо ощутить без безмолвия, подвижничества и

упражнения в определенном для сего чтении (прп. Исаак Сирин, 58, 363).

***

Хотя бы мы и великие подвиги проходили в жизни нашей, но если мы не приобрели болезнующего сердца, то все они притворны и суетны... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 86).

***

Какие подвиги показал ты без тела, те только и относи к твоему тщанию; ибо и тело не твое, а творение Божие (прп. Иоанн Лествичник, 57, 152).

***

Если бы мы и бесчисленные смерти за Христа претерпели, то и тогда не исполнили бы должного; ибо иное есть кровь Бога, а иное кровь рабов, по достоинству, а не по существу (прп. Иоанн Лествичник, 57, 152).

***

В продолжение ночи большую часть времени посвящай молитве, а меньшую назначай для псалмопения. Днем же опять уготовляйся по твоим силам (прп. Иоанн Лествичник, 57, 231).

***

Искусный и опытный подвижник есть духовный земледелец, узреваемое посредством чувств в видимых вещах, как дикое дерево, пересаживающий на духовное поле и обретающий при сем сокровище, — благодатное узрение

проявления Божией премудрости в сотворенных вещах (прп. Максим Исповедник, 91, 231).

***

Вводимому на путь благочестия не должно руководствоваться одною благостию к исполнению заповедей, но и памятованием о строгости судов Божественной правды почаще быть возбуждаему на подвиги... (прп. Максим Исповедник, 91, 248).

***

Падать духом и малодушествовать пред подвигами случается от того, что душа заснула (прп. Феодор Студит, 92, 171).

***

...Что есть подвижническая жизнь, как не обуздание страстей, властвование над помыслами и непрестанная борьба с невидимыми врагами (прп. Феодор Студит, 92, 534).

***

...Хотя Христос с ними <людьми> всегда сущий, есть трудяйся в них, но и они, при всей немощи своей, большой подъемлют труд, чтоб только удержать с собою Христа. Потому что все хитрости и все козни дьявола обращены на то, чтоб соблазнить их отторгнуться от рук Христа, и в самопрельщении расположить их говорить или хотя думать, что это-де мы сами по себе и своим поспешеством породили такое и такое благое помышление, или сказали такое и такое разумное слово... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 49—50).

***

Кто постится, злостраждет, совершает бдения, подает милостыни, тот делает все это, чтоб обрести благоволение и милость у Бога. Ибо если на поприще настоящей жизни, мрачном и полном греха, не станем мы произвольно утеснять себя постами, бдениями и другими злостраданиями, и не станем оказывать милостивости к другим людям; то и Бог не захочет помиловать нас и простить нам грехи наши (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 159).

***

...Возненавидьте мир и все, что в мире; возненавидьте плоть и страсти, от нее рождающиеся; возненавидьте всякую похоть злую и лихоимание, даже до малейшей вещи. И это все легко будет нам сделать, если будем содержать в мысли, какую великую славу, радость и упокоение имеем мы получить чрез то (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 13).

***

Кто подвизается и проводит жизнь, как заповедует Святое Евангелие, тот может питаться всегда и жить одним хлебом и водою, — и быть при этом еще крепче и здоровее тех, которые едят много разнообразных яств (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 199).

***

...Когда кто постится, или бдения совершает, или томит себя алчбою и жаждою, или спит на голой земле, или слезы проливает, или переносит поношения и другие искушения находящие, пусть не думает, что он (потому самому) уже служит Богу, или пользует такими подвигами другого ко-

го, но только себя самого, если терпеливо проходит их и особенно, если при том блюдет смирение и действует с духовным разумом; ибо если не таким образом он проходит их, то и себе самому не приобретет чрез то никакой пользы (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 297).

***

Одеваемся в смиренные власяные одежды? Спим на голой земле, и большая часть из нас носит вериги? Для чего? Для того, конечно, чтоб обуздать и укротить это тело буйное, чтоб оно, не быв удерживаемо уздою, не бросилось подобно необузданному мулу в стремнины, и не низвергло и себя, и седока своего, ум, в ров пагубы и огня вечного (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 300).

***

Кто воздерживается во внешнем, в том, что всем видно, тот оглашается и похваляется, как подвижник, теми, кои не умеют добре видеть внутреннее. Но если такой тайно творит волю сердца своего, то он не люб Богу, как нечистый, — и хотя бы тысячи лет провел, так подвизаясь, никогда не найдет пользы от одних внешних подвигов (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 384).

***

Не от дел только злых должно подвижнику удаляться, но надобно стараться быть свободным и от помыслов и мыслей противных (заповедям и воле Божией), — и всегда быть заняту в себе душеспасительными и духовными воспоминаниями, пребывая беспопечительным о вещах житейских (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 513—514).

***

Бог не попускает тем, которые всеусердно текут к Нему, совсем ниспасть (с той лествицы), но, видя их изнемогающими, содействует им и помогает, простирая к ним свыше руку силы Своея и к Себе возводя, — содействует и явно и неявно, и ведомо и неведомо, — пока они, прошедши всю лествицу, к Нему Самому приближатся, и всецело с Ним соединясь, забудут все земное, с Ним сопребывая там и сожительствуя, — *аще в теле, аще ли кроме тела, не вем* (ср.: 2 Кор. 12, 2), — и неизреченных наслаждаясь благ (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 541).

***

Бывает смерть прежде смерти физической, и прежде воскресения тел бывает воскресение душ, — делом, опытом, силою и истиною. Ибо когда смертное мудрование уничтожается бессмертным умом и мертвенность изгоняется жизнию, тогда душа, как бы воскресшая из мертвых, узревает чисто себя саму, как узревают себя пробудившиеся от сна, и познает истинно Бога, ее воскресившего, о Коем помышляя, и Коего благодаря, выходит она за пределы чувств и всего мира, преисполненная неизреченной сладости, и тем заставляет утихнуть всякое мертвенное движение (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 563—564).

***

...Всякое подвижничество и всякие деяния совершаются нами, чтобы мы, как свеча, приобщились Божественного света, когда душа, как один воск, вся предлагается неприступному Свету... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 204).

***

Подвиги и труды духовные рождают радование душевное, коему предшествует умирение страстей. Вследствие сего, что для людей, чувственности порабощенных, тяжко и неприятно, то для души, в духовных трудах пребывающей, и священными по́тами любовь к Богу стяжавшей, и вожделением Божественного ведения уязвленной, легко и весьма сладостно. Для тех, как преданных упокоению тела и наслаждению чувственными удовольствиями, труды и подвиги добродетели неприятны и жестоки, так как они не предпринимали сланость удовольствий сих отмывать потоками слез, а для этой (т. е. для души, работающей Богу), они вожделенны и сладостны. Так как она гнушается удовольствиями, причиняющими ей зло, и отрясла всякое к ним пристрастие, и всякое самолюбивое угождение телу, то для нее прискорбно одно — покой от трудов и пресечение подвигов. Таким образом, что для тех служит к плотскому веселию, то душе, всецело расположившейся к Божественному, причиняет скорбь, а что ей доставляет духовное радование, в том для тех причина воздыханий и мучений (прп. Никита Стифат, 93, 87—88).

***

Труды мучительными кажутся вначале для всех, вводимых в по́ты и подвиги духовные. Когда же они начнут охотно упражняться в них для возращения в себе добрых расположений, и достигнут до средины преуспеяния в том; тогда труды сии являются для них источником дивной некоей отрады и утешения. А когда, наконец, мертвенное сие мудрование плоти пожрется бессмертною жизнию, подаемою присещением Духа Святаго, в тех, кои, пребывая в

неутомимых трудах, простираются к последним пределам добродетели, тогда лица такие исполняются неизреченною радостию и веселием, потому что чрез это в них самих открываются чистый источник слез и сладкие струи свыше дождем льющегося утешения (прп. Никита Стифат, 93, 88).

***

...Только что выступившему на подвиги ничто так не препятствует исполнять делом заповеди, как всезлобнейшее самолюбие (жаление плоти) (прп. Никита Стифат, 93, 89).

***

Как в телесных болезнях никто не может точно узнавать причины их и врачевства против них, без большой опытности во врачебном искусстве, так и в душевных — без долгого подвижничества (прп. Никита Стифат, 93, 114).

***

Если *от дела закона не оправдится всяка плоть пред Богом* (ср.: Рим. 3, 20), то кто одними подвижническими трудами и потами совершенным явится пред Богом? Ибо деянием (деятельною жизнию) мы приходим только в навыкновение добродетели и пресекаем действо страстей, но этим одним не делаемся совершенными в меру исполнения Христова (прп. Никита Стифат, 93, 154—155).

***

...Многие из верных и ревностных христиан тела свои многими подвижническими трудами и телесными делания-

ми изможди и утончили; но, как они при сем не имеют умиления от сокрушенного и благолюбивого сердца, и милосердия от любви к ближним и к самим себе, то оставлены пустыми, лишенными исполнения Духа Святаго и удаленными от истинного познания Бога, имея мысленные ложесна свои неплодными и слово бессольное и бессветное (прп. Никита Стифат, 93, 159).

***

...Как земля не воздает полезных плодов, если не трудиться на ней, так и душа, без наличия духовных подвигов, не произведет ничего богоугодного и служащего ко спасению (свт. Григорий Палама, 26, 67).

***

...Относительно нас: целомудрие и праведность, смирение и претерпение так или иначе причиняющих нам зло, и раздача имущества, еще же и злострадание тела в постах и бдениях, и, одним словом сказать, — распятие себя со страстьми и похотьми во исполнение заповедей Божиих, — не только является выявлением насколько истинно мы верем обещаниям Христовым, но и, так сказать, делает Бога в свою очередь должником дарования нам вечной и незыблемой жизни, и наслаждения, и славы, и царства (свт. Григорий Палама, 26, 82).

***

...К подвизающейся душе приходит Христос, и неизреченную подает радость сердцу, — и сей радости духовной ничто ни из сластей мира, ни из лютых горестей его, взять от него никогда не может. Благие размышления, спасительные памятования, Божественные созерцания и слова

премудрости, служа подвижнику, сохраняют его на всех путях его богоугодной деятельности (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 165).

***

...Только ради исполнения заповедей были установлены все молитвы, пощения, бдения, уединения; и потому ничем этим не хвались, если пренебрегаешь исполнением заповедей (прп. Максим Грек, 68, 25).

***

Мне случалось видеть старцев, занимавшихся исключительно усиленным телесным подвигом, и пришедших от него в величайшее самомнение, величайшее самообольщение. Душевные страсти их, гнев, гордость, лукавство, непокорство, получили необыкновенное развитие (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 222—223).

***

В наше время, при совершенном оскудении боговдохновенных наставников, нужна особенная осторожность, особенная бдительность над собою. Они нужны при всех... подвигах: наиболее нужны при молитвенном подвиге, который из всех подвигов — возвышеннейший... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 224).

***

Собственные подвиги, которыми инок <и любой христианин> усиливается победить и изменить свойство падшего естества, суть только свидетели истинного произво-

ления. Победа и изменение естества принадлежат единому Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 335).

***

...При борьбе с вожделениями естества... телесные подвиги должны быть благоразумны и умеренны... плотское вожделение только обуздывается этими подвигами... побеждается оно смирением и молитвенным плачем, привлекающими к подвижнику Божественную благодать... усиленные телесные подвиги более вредны, нежели полезны, когда они, излишне ослабляя телесные силы, препятствуют заниматься молитвою, плачем и делами смирения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 343).

***

Духовный человек, хотя бы немощен был по телу, выдерживает несравненно больший подвиг, нежели к какому способен человек плотский и душевный (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 353).

***

Телесный подвиг, не сопровождаемый душевным, более вреден, нежели полезен, он служит причиной необыкновенного усиления душевных страстей... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 369).

***

...Опытные наставники монашества воспрещали <новоначальным> усиленный подвиг поста, бдения, затвора, при каковых... духи скоро начинают являться чувственно, и

удобно могут обмануть подвижника к его повреждению и погибели (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 53).

***

Созидание души, основанное не на исполнении заповедей, но на одних подвигах, непрочно, суетно; не может оно выдержать ни скорбей от человеков, ни искушений от бесов, чуждо света, полно мрака и самообольщения (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 60).

***

Благоразумный и умеренный телесный подвиг освобождает тело от тяжести и дебелости, изощряет его силы, содержит его постоянно легким и способным к деятельности (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 94).

***

...Одного собственно подвига недостаточно для служителей Божиих к укрощению падения, гнездящегося в естестве, постоянно стремящегося восстановить свое владычество: им нужна помощь от Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 160).

***

...Телесный подвиг, еще не озаренный духовным разумом, всегда имеет в себе много суетного и излишнего (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 356).

***

(Телесный подвиг) существенно необходим для изгнания страстей действиями противоположными требованиям

страстей: он необходим для насаждения в сердце добродетелей, по указанию Евангелия (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 371).

***

Христианам, живущим посреди мира, не должно касаться возвышенных иноческих деланий, особливо безмолвнических (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 453).

***

Не думайте, что возвышенный подвиг, для которого еще не созрела душа ваша, поможет вам! Нет! Он больше расстроит вас: вы должны будете оставить его, а в душе вашей явится уныние, безнадежие, омрачение, ожесточение (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 502).

***

Тщетны, бесплодны, часто душевредны подвиги, и самые возвышенные, когда они не растворены чувством покаяния (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 528).

***

Оставление телесных подвигов соделывает человеков подобными скотам, давая свободу и простор телесным страстям; излишество их делает человеков подобными бесам, способствуя распложению и усилению душевных страстей (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 273).

***

...Одно телесное делание не может обойтись без фарисейства... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 373).

***

Строгие подвиги без духа жизни истинной... не пользу приносят для нравственного строя, а расстройство и пагубу (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 227).

***

Погашение страстных помыслов и движений до совершенного их исчезновения... и есть цель подвижничества (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 160).

***

Главнейший же подвиг есть хранение сердца от страстных движений и ума — от таких же помыслов (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 68).

***

Подвиг, о коем звонят, есть пустой, — гроша не стоит (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 167).

***

Хоть они <подвиги> необходимы, но они суть подмостки. Здание строится посреди их, но они не здание. Здание в сердце (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 172).

***

...Была у святых отцев мудрость — не вымышлять строгостей, а брать их на себя по какому-либо случаю, больше по нуждам внутренней жизни (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 187).

***

Стань ударять на внешние подвиги, тотчас в гордыню духовную попадешь (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 207).

***

Подвиги телесные тем сподручны нам, что тело ко всему может привыкнуть. Пока не привыкнет, кричит; а когда привыкнет, замолчит (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 223).

****

Сказывали об авве Арсении, что по вечерам в субботу на воскресный день он становился спиной к солнцу и, подняв руки свои к небу, молился до того времени, как солнце начинало светить ему в лицо, и только тогда он садился (97, 20).

***

Илия Пустынник в юности стал монахом, ушел в дальнюю пустынь, провел в ней семьдесят лет и никуда из оной не выходил. Тропа к его келье была настолько узка, что с трудом проходили ею, потому что острые камни окружали ее. Илия сидел в очень малой пещере. И было ему от роду сто десять лет.

Отцы говорили о нем: «Никто не помнит, чтобы он вышел из кельи куда-нибудь на близ лежащую гору. Вкушал он, будучи старцем, утром и вечером по три сухаря и по три масличные ягоды, а в юности вкушал только однажды в неделю. Приходящим к нему инокам, ради их пользы душевной, говорил следующее: «Не давайте себя во

власть сатане. У него пред всяким грехом монашеским три силы, приходящие на монаха. Первое — забвение, второе — леность, третье — похотение. Если придет в монаха забвение, у него рождается леность, от лености же возрастают похоти, а от похоти падает человек. Если же кто примет в себя страх Божий, от того бежит леность и не зачинается в нем злая похоть. И тогда не победит нас сатана, и во грех не введет, и мы благодатию Божиею спасемся» (112, 354—355).

***

Авва Макарий поведал: «Постясь неделю, я молился Богу, чтоб Он открыл мне образ жизни двух братьев, поселившихся невдалеке. По прошествии недели пошел я к ним посмотреть, как они живут.

Отворив дверь, они приветствовали меня молча. Я помолился и сел. Тогда старший дал знак младшему выйти, сам сел и стал плести корзину, не говоря ни слова. В девятом часу постучал и вошел младший, приготовил немного кашицы и, по знаку старшего, поставил стол, положил на него три сухих хлеба. Я сказал: «Встаньте, поедим». Встали мы и поели. Потом принес он кружку воды, и мы пили. Когда же настал вечер, они спрашивают меня: «Пойдешь ты от нас?» «Нет, — отвечал я, — усну здесь». Они постелили для меня рогожу, а для себя — в углу с другой стороны, сняли с себя пояса и верхние одежды и легли на одной рогоже напротив меня. Как только они легли, я начал молиться, чтобы Бог открыл мне их образ жизни. Тогда отверзлась крыша, и стало светло, как днем; они не видели света. Думая, что я сплю, старший толкает в бок младшего; оба встают, опоясываются и воздевают руки к небу. Тут я увидел, что демоны, как мухи, кружились около младшего; одни хотели сесть на уста его, другие

на глаза; и я видел, что Ангел Господень с огненным мечом ограждал его и отгонял демонов. А к старшему они не могли приближаться. Под утро они опять легли. Я сделал вид, будто просыпаюсь.

Старший сказал мне: «Хочешь ли, мы пропоем двенадцать псалмов?» «Хорошо», — отвечал я. Тогда младший пропел пять псалмов и после каждого шестого стиха пел одно аллилуиа. И при пении каждого стиха огненный луч исходил из уст его и восходил на небо. Подобным образом, когда и старший отверзал уста для пения, из них выходила как бы огненная ветвь и достигала неба. И я тоже проговорил несколько стихов и, уходя от них, сказал: «Помолитесь обо мне!» Они поклонились молча. И так узнал я, что старший уже был совершен, а младшего еще искушал враг. Через несколько дней старший брат почил, а в третий день после него и младший». Когда отцы приходили к авве Макарию, он водил их в келью умерших братий и говорил: «Пойдите, посмотрите, где мучились юные странники!» (97, 151—152).

***

Святой Афанасий, впоследствии патриарх Константинопольский, служа два года трапезником, не имел ни отдельной кельи, ни постели, ни даже рогожины, — не только летом, но и зимой, когда бывает там снег и холод. Сон его был самый краткий, в молитве и бдении он проводил ночи, стихословя Псалтырь. Пища его состояла из остатков братской трапезы, потому что он любил повторять вслед за евангельской женой: *пси питаются от крупиц, падающих от трапезы господей своих* (ср.: Мф. 15, 27). Масла же и вина в течение трех лет, пока трудился в монастыре, или иного какого телесного утешения не позволял

себе. Взирая на временный огонь в печи, он вспоминал огнь геенский, неугасимый и отсюда стяжал плач и слезы (95, 373).

***

Авва Христофор поведал: «После отречения от мира, чадо мое, я имел горячую иноческую ревность: днем я пел каноны, по ночам уходил в пещеру, туда, где покоятся святой Феодосий и прочие святые отцы, и там молился. Входя в пещеру, я на каждой ступени клал по сто земных поклонов, всех ступеней — восемнадцать. Ступив на пол, я оставался там до тех пор, пока не ударяли в било. Тогда я возвращался к службе. Таким образом я провел десять лет: в посте, великом воздержании и подвиге. Однажды, по обычаю, прихожу в пещеру. Исполнив все поклоны по ступеням, я хотел было сойти на пол пещеры, как вдруг пришел в восторженное состояние и увидел, что весь пол наполнен свечами. Одни горели, а другие — нет. Два мужа в мантиях — все в белом — приготовляли эти свечи. «Зачем вы наставили столько свечей, — спросил я, — что и войти нельзя помолиться?» «То свечи отцов!» — отвечали мне. «Почему же одни горят, а другие нет?» — «То их воля: желающие зажгли свои...» — «Сделайте милость — горит ли моя свеча, или нет?» — спрашиваю я. «Молись, и мы зажжем», — было мне ответом. «Молись! — подхватил я. — Да что же я делал... даже до последнего часа?!» Но тут я пришел в себя и, оглянувшись, никого уже не видел более. Тогда сказал сам себе: «Христофор, если желаешь спастись, ты должен усилить свой подвиг». Утром я удалился из монастыря и ушел на гору Синай, не взяв ничего, кроме одежды, которую носил. Там я подвизался пятьдесят лет... Наконец, слышу голос: «Христофор, Христофор, возвратись в обитель, где ты подвизался добрым под-

вигом, чтобы окончить жизнь вместе с отцами твоими». И спустя немного времени святая душа его почила с радостью о Господе (102, 96—97).

***

Ловец диких зверей пустыни пришел на гору аввы Антония. Увидев, что авва утешает братию, он соблазнился этим. Старец, желая успокоить его и показать, что нужно иногда предоставлять братии некоторое послабление, сказал ему: «Вложи стрелу в лук свой и натяни его». Охотник натянул. Старец опять говорит ему: «Натяни еще более». Охотник отвечал: «Если сверх меры натянуть лук, то он переломится». На это авва Антоний сказал: «Так бывает и в деле Божием. Если будешь сверх меры напрягать силы братии, то они скоро отпадут от дела Божия; необходимо по временам давать им послабление». Ловец пошел от старца с большою пользою, а братия, утвердившись в правильности воззрения на свой подвиг, разошлись по кельям (106, 38—39).

***

Сказывали об авве Арсении, что, когда он заболел, пресвитер перенес его из Скита в церковную больницу и поместил на постели, а под голову положил небольшую подушку.

Когда один старец пришел навестить авву Арсения, то увидел его на постели, а под его головой — подушку, соблазнился и сказал: «Таков-то авва Арсений! Вот на чем он почивает!» Пресвитер, видя это, отвел его в сторону и спросил: «Какая у тебя была работа в деревне?» Он отвечал: «Я был пастухом». «Как ты жил?» — еще спросил пресвитер. — «В больших трудах жил я». — «А ныне

как живешь ты в келье?» — «Ныне живу я гораздо спокойнее». Тогда пресвитер говорит: «Видишь ли ты сего авву Арсения? В мире был он отцом царей; тысячи слуг, опоясанных золотом, — все в ожерельях, в шелку — предстояли ему, и драгоценные ковры были под ногами его! Ты, будучи пастухом, не имел в мире того успокоения, какое теперь имеешь; а он имел в мире все удовольствия, теперь же не имеет их. И как ты теперь покоишься, а он терпит нужду». Услышав это, старец пришел в сокрушение, поклонился и сказал: «Прости меня, авва, согрешил я. Совершенная правда, что авва Арсений смиряется, а я покоюсь». И, получив пользу, старец удалился (97, 23—24).

***

Поведали об авве Исаии, что он однажды пришел на гумно и сказал владельцу: «Дай мне пшеницы!» «А жал ли ты, авва?» — спросил владелец. «Нет», — отвечал старец. Владелец возразил: «Как же ты хочешь получить пшеницу, когда ты не жал?» На это старец сказал: «Разве не получает пшеницу тот, кто не жал?» «Не получает», — отвечал владелец. Выслушав это, старец ушел с гумна. Братия, бывшие свидетелями поступка, поклонились авве и просили объяснить его поступок. Старец сказал: «Я сделал это с целью показать, что не получит от Бога награды тот, кто не будет подвизаться» (106, 134).

***

Мать Синклитикия говорила: «Много подвигов и трудов сначала предстоит приходящим к Богу, но за ними — неизглаголанная радость. Ибо как желающие воспламенить огонь сперва задыхаются от дыма и испускают сле-

зы, а потом уже достигают, чего ищут, так и мы должны воспламенять в себе Божественный огонь со слезами и трудами. Ибо Писание говорит: *Бог наш огнь поядаяй есть* (Евр. 12, 29) (98, 11).

***

Авва Тифой сидел в своей келье, а брат стоял близ него. Авва, не видя его, вздохнул. Не заметил он брата потому, что был в восхищении. Но, придя в себя, поклонился брату и сказал: «Прости меня, брат! Еще не сделался я монахом, потому что вздохнул при тебе» (97, 275).

***

Авва Даниил рассказывал: «Пришли мы однажды к авве Пимену и обедали с ним. После обеда он сказал нам: «Пойдите, братия, отдохните немного». Братия пошли, а я остался, чтобы поговорить с ним наедине, и пошел в его келью. Но он увидел, что я иду к нему, и лег, будто бы он хочет спать. Таково было правило у старца — делать все втайне» (97, 217).

***

Брат, воздерживавшийся от пищи и хлеба, пришел к старцу. В это время старца посетили странники; и он приготовил для них немного кашицы. Когда сели вкушать, воздерживающийся брат поставил перед собою моченый горох и ел его. Когда же встали из-за стола, старец отвел того брата в сторону и сказал ему: «Брат! если ты придешь к кому-либо, не обнаруживай перед ним жительства своего; если же хочешь никогда не нарушать принятых тобою обычаев, то пребывай в келье, не выходи никуда». Брат признал справедливость слов старца и с того време-

ни, когда приходил к братии, уже следовал общему порядку жительства (106, 497—498).

***

Некогда во время праздника братия вкушали трапезу в церкви. Один из братии не ел вареной пищи. Прислужнику сказали об этом, и тот, подозвав другого брата, сказал: «Такой-то брат не ест вареного, принеси ему соли». Тогда встал один из старцев и сказал брату: «Лучше бы тебе сегодня есть в своей келье мясо, нежели услышать таковое слово перед всеми» (106, 497).

***

Ученик блаженного Иоанна Милостивого, пресвитер Евлогий, великий подвижник, постился по два дня и был прославляем людьми. Он пришел в Панефос к авве Иосифу, надеясь увидеть у него еще более строгое подвижничество. Старец принял его радостно и предложил на трапезе все, что у него было. Увидя это, ученики Евлогия сказали старцу: «Пресвитер ничего не вкушает, кроме хлеба и соли». Но авва Иосиф продолжал есть молча. Евлогий провел у него три дня и не слышал, чтобы старец и ученики его занимались псалмопением, не видел, чтоб они молились, потому что подвиг их был тайный.

И Евлогий со своими учениками ушел, не получив пользы. По смотрению Божию они сбились с дороги, и им пришлось вернуться обратно. Подойдя к келье старца, они услышали, что там совершается псалмопение. Они постучались. Авва Иосиф принял их с любовию. Было жарко, и Евлогию подали чашу с водой. Вода была из реки, но с морской примесью; такую воду всегда употребляли жившие с аввою Иосифом. Евлогий не мог пить этой воды и

спросил старца: «Что это значит?» Старец отвечал: «Брат, несколько недостаточный рассудком, прибавил по ошибке в речную воду морской». Евлогий пал к ногам старца и сказал ему: «Авва! ради Бога, открой мне тайну подвижничества вашего, потому что, когда мы были здесь, вы не занимались псалмопением; а когда мы возвратились к вам, то застали вас поющими. Также: вода прежде у вас была хорошая, а теперь она оказалась соленой». Старец отвечал на это: «Сын мой! малая чаша вина и свежая вода были поставлены ради любви, а ту воду, которую ты вкусил теперь, братия употребляет постоянно. Иноку должно всегда содержать подвиг свой втайне, — не делать напоказ ничего, до самой безделицы». И научил старец Евлогия рассуждению помыслов, отсекши от него все начинания из самолюбия и человекоугодия. Евлогий сказал старцу: «Жительство ваше — точно по Богу!» Он получил большую душевную пользу, начал с того времени вкушать предлагаемую ему пищу, а подвиг свой хранил втайне (106, 114—115).

***

Авва Даниил пришел в Иеромополь и сказал ученику своему: «Пойди в монастырь женский и, постучавшись во врата, скажи игуменье, что я пришел. Этот монастырь называется монастырем аввы Иеремии, в коем живет триста постниц». Ученик пошел и постучался во врата. Подошла привратница и тихим голосом изнутри сказала ему: «Спасайся! Благословен приход твой! Чего ты желаешь?» Он отвечал: «Имею нечто сказать игуменье». Привратница сказала на это: «Великая не беседует ни с кем, но скажи, чего желаешь, и я передам ей». Он отвечал: «Пойди передай ей, что некоторый монах имеет нужду переговорить с нею». Привратница поспешно пошла и поведала

игуменье. Пришла игуменья и сказала тихим голосом: «Спасайся, брат, чего ты желаешь?» Монах отвечал: «Окажи любовь, дозволь мне провести эту ночь здесь с другим братом, чтоб нас не съели звери». Игуменья сказала ему: «Брат, никогда мужчина не входил сюда. Легче будет для вас, если съедят вас внешние звери, нежели внутренние». Брат отвечал: «Здесь авва скитский, Даниил». Она, услышав это, отворила обе половины ворот и вышла навстречу старцу со всеми постницами. Они устлали одеждами своими весь путь от ворот до того места, где стоял старец, и, кланяясь ему, целовали ноги его. Таким образом с великою радостию и веселием ввели его в монастырь. Игуменья велела принести лохань, влила в нее воду, согретую с благовонными травами, и, поставив постниц в два лика, сама своими руками умыла ноги старцу, также и ученику его.

Монахини представляли собою чудное зрелище: они были безгласны, как камни, и беседовали одна с другою знаками. Походка и вид их были ангельские. Старец спросил игуменью: «Нас ли стыдятся сестры, или они всегда таковы?» Игуменья отвечала: «Сестры твои, владыка, всегда таковы; но молись о них». Старец сказал ей: «Скажи ученику моему, чтоб он научился у них молчанию, потому что, живя со мною, он так много говорит».

Одна из сестер лежала посреди монастыря и спала; на ней было рубище. Старец спросил игуменью: «Кто это лежит?» Она отвечала ему: «Одна из сестер, преданная страсти пьянства. Что делать с нею, не знаю. Выгнать ее из монастыря? — боюсь греха. Оставить ли ее так? — но она смущает сестер». Старец сказал ученику своему: «Возьми умывальницу и возлей на нее воды». Он сделал так. Она встала, как встают упившиеся вином. При этом

игуменья сказала: «Владыка, такова она всегда, какою ты видишь ее теперь». И ввела игуменья авву Даниила в трапезу, предложила вечерю сестрам и сказала: «Авва! Благослови сестрам твоим вкусить с тобою». Он благословил им. Великая и вторая по ней сели с ним. Старцу предложили моченое сочиво, невареную зелень, финики и воду; перед учеником его поставили немного хлеба, вареной зелени и вина, растворенного водою; инокиням же предложили различную вареную пищу, и рыбу, и вина в достаточном количестве. При этом никто не произнес ни одного слова. Когда встали из-за трапезы, старец сказал игуменье: «Что вы это сделали? Лучшую пищу следовало употребить нам, а употребили ее вы». Игуменья отвечала старцу: «Владыка! ты монах, и потому я предложила тебе пищу монашескую; ученику твоему, так как он ученик старца, предложена пища также монашеская; мы же — новоначальные, и потому употребили пищу новоначальных». Старец сказал на это: «Бог да исполнит любовь вашу: потому что мы извлекли большую пользу из действий ваших».

Когда все разошлись спать, старец сказал ученику своему: «Пойди посмотри, где будет спать пьяная, лежавшая посреди монастыря». Он посмотрел и сказал старцу: «Там, где сестры исправляют телесную нужду, близ отхожего места». Старец сказал ученику: «Побдим эту ночь». Когда уснули все инокини, старец взял ученика и подошел к тому месту, где лежала мнимая пьяная. Они увидели, что она встала и вознесла руки к небу; слезы ее потекли подобно потоку, и творила она бесчисленное множество коленопреклонений. Когда же слышала, что какая-либо из сестер приходила для исправления телесной нужды, то повергалась на землю и представлялась спящею и храпящею. Так проводила она начало каждой ночи. И ска-

зал старец ученику своему: «Призови ко мне игуменью и вторую по ней, призови их тайно». Он пошел и призвал игуменью и вторую по ней, и они всю ночь смотрели на подвиг мнимой пьяной. Тогда игуменья начала говорить с плачем: «О, сколько зла делала я ей!» Когда ударили в било церковное, игуменья поведала всем инокиням виденное ею, и все предались великому плачу. Сестра же, уразумев, что тайна ее открыта, пришла, не примеченная никем, туда, где отведен был ночлег для старца, похитила жезл его и милоть, вслед за этим отворила ворота монастыря и ушла, оставив на воротах надпись: «Матери и сестры! Простите меня, согрешившую пред вами, и молитесь обо мне». При наступлении дня начали искать ее и не нашли; пришедши к воротам, увидели их отворенными и надпись на них. Блаженную нигде не могли сыскать и очень много плакали и рыдали о ней в монастыре. Старец сказал игуменье: «Я ради нее пришел сюда, и Бог любит таких пьяниц». И начали все постницы исповедовать старцу, какое оскорбление каждая нанесла ей. Старец, сотворив молитвы о сестрах, немедленно вышел из монастыря и пошел в келью свою, благодаря и славословя Бога, ведущего сокровенных рабов Своих и не попущающего им долго пребывать утаенными, но открывающего их в увеление всех, не только при жизни, но и по смерти их, в похвалу и славу святого имени Своего (106, 95—98).

***

Один отец рассказывал об авве Сисое Каламонском: «Однажды он, желая победить сон, привесил себя к утесу в Петре. Ангел пришел, снял его и запретил повторять это, дабы не подать примера другим» (97, 255).

***

Один брат пришел в Хермейскую гору к авве Феодору, старцу великому по жизни и добродетелям, и сказал ему: «Отец! Что мне делать? Душа моя погибает». Старец на это: «Почему так, сын мой?» Брат отвечал: «Когда я проводил жизнь мирянина, много постился и упражнялся в бдениях, имел обильные слезы и умиление, ощущая в себе ревность; ныне же, когда отрекся от мира и сделался иноком, не вижу в себе ни одной добродетели». Старец сказал ему: «Поверь мне, сын, в мирской жизни ты преуспевал по причине гордыни и похвалы человеческой; они споспешествовали тебе, тонко действуя в тебе. Делание твое неприятно было Богу, и дьявол пренебрегал тобою, не воздвигая против тебя браней и не препятствуя такому преуспеянию твоему; ныне же, видя, что ты вышел на войну против него, он вооружился против тебя. Но Богу угоднее один псалом, ныне произносимый тобою со смирением, нежели тысячи псалмов, которые ты произносил, будучи мирянином; также приятнее Ему нынешний незначительный пост твой всенедельного поста, которым ты постился прежде». Брат сказал на это: «Отец! Ныне я вовсе не пощусь: все добродетели взяты от меня!» Старец: «Брат, довольно для тебя того, что имеешь, терпи с благодарением, и будет тебе благо». Но брат настаивал на своем: «Точно, погибла душа моя». Тогда старец сказал: «Брат! Опасаясь, чтоб не ослабить твое смиренномудрие, я не хотел говорить тебе того, что вынужден высказать, видя то уныние, в которое ты приведен дьяволом. Выслушай внимательно слова мои. Мнение твое, что ты имел добродетели, пребывая в мирской жизни, принадлежит к отраслям гордости; так и фарисей погубил все свои добрые дела. Теперь же, когда ты думаешь, что решительно не имеешь

ни одного доброго дела, одной этой смиренной мысли уже достаточно для твоего спасения; так был оправдан и мытарь, не сделавший ни одного доброго дела. Грешный или ленивый человек, но сокрушенный и смиренный сердцем, угоднее Богу, нежели человек, делающий много добрых дел и зараженный самомнением». Брат, услышав это, ощутил в душе утешение и разрешение своего недоумения. Он поклонился старцу до земли и сказал: «Ныне, при помощи твоей, спасена душа моя» (106, 364—366).

***

Однажды, сидя в келье, авва Арсений услышал голос, который говорил ему: «Ступай, и я покажу тебе дела человеческие». И, встав, вышел. Тут Ангел Божий показал ему человека, который, нарубив тяжелое бремя дров, пытался поднять их и не мог. Вместо того чтобы отложить тяжести, человек этот снова начинал рубить дрова и прилагать к бремени. И так поступал много раз. Затем Ангел показал Арсению другого человека, который, стоя при колодце, черпал воду из оного и наливал в очень малое ведро; от этого вода снова изливалась в колодезь. «Подожди еще немного, — сказал затем Ангел, — и я покажу тебе еще нечто». И вот увидел авва Арсений церковь и двух мужей, сидевших на конях и силившихся внести бревно во врата храма; но поелику бревно они держали поперек ворот и ни один из них не хотел повернуть дерево в длину, то оба они и остались вне церкви.

Показавши все это, Ангел дал Арсению следующее объяснение виденного им. «Оставшиеся, — сказал он, — вне храма суть творящие добродетели с гордостью и не хотящие ходить смиренным путем духовным; ради этого они остаются вне Царствия Небесного. Секущий же дрова служит подобием тех, которые во многих грехах живут и,

вместо того чтобы загладить их покаянием, к старым грехам прилагают еще новые. Черплющий же воду есть образ человека, который и добрые дела творит, и грехов не оставляет, и потому погубляет награду, которую бы должен получить от Бога. Достоит же, — заключил свое объяснение Ангел, — всякому человеку с чистотою добродетели стяжати, да не вотще трудится» (97, 21—22).

***

Двое из отцов просили Бога открыть им, в какую они пришли меру; и был им голос с неба: «В египетском селении есть мирянин по имени Евхарист, и жена его называется Марией. Вы еще не пришли в меру их». Два старца, собравшись, пошли в селение, нашли дом Евхариста и в ней жену его. «Где муж твой?» — спросили они ее. Она отвечала: «Он пастух и пасет овец» — и пригласила их войти.

Вечером возвратился Евхарист с овцами. Увидев старцев, он приготовил им трапезу и принес воды обмыть ноги их. Старцы говорят ему: «Не вкусим ничего, пока не расскажешь о своей жизни». Евхарист со смирением только и сказал: «Я пастух, а это жена моя». Старцы продолжали просить его, но он не хотел говорить. Тогда старцы сказали: «Бог послал нас к тебе». Услышав слово сие, Евхарист убоялся и начал рассказывать им: «Овец сих мы получили от своих родителей и, если, по милости Божией, бывает какой прибыток от них, делим его на три части: одну для бедных, другую для странников, а третью для собственного употребления. С того времени, как я взял себе жену, мы не осквернялись, и она доселе дева. Каждый из нас спит особо; по ночам носим мы власяницы, а днем свои одежды. До сих пор об этом не знал ни один чело-

век». Услышав сие, старцы удивились и возвратились, славя Бога (97, 74).

***

Однажды, когда преподобный Макарий молился, услышал он голос: «Макарий! Ты не достиг еще такого совершенства в добродетельной жизни, как две женщины, проживающие вместе в ближайшем городе». Получив такое откровение, преподобный взял посох и пошел в тот город. Найдя дом, где жили те женщины, Макарий постучался в дверь. Тотчас одна из женщин вышла на стук и, увидав преподобного, с великой радостию приняла его в свой дом. Призвав к себе обеих женщин, преподобный сказал им: «Ради вас я принял на себя такой великий подвиг, придя сюда из дальней пустыни, ибо я желаю знать ваши добрые дела, о которых и прошу рассказать мне, ничего не скрывая». «Поверь нам, честный отче, — отвечали женщины, — что мы еще прошлую ночь разделяли ложе свое со своими мужьями; какие же добродетели ты желаешь найти в нас?» Но преподобный настаивал. Тогда, убежденные им, женщины сказали: «Мы не были родственницами между собою прежде, но потом вышли замуж за двух братьев и вот уже пятнадцать лет живем все вместе в одном доме; во все время совместной жизни мы не сказали друг другу ни одного злобного или дурного слова и никогда не ссорились между собою... Недавно единомысленно решили оставить своих плотских супругов и удалиться в сонм святых дев, служащих Богу. Но мы не можем упросить наших мужей, чтобы они отпустили нас, хотя с большою настойчивостью и многими слезами молили их об этом. Не получив желаемого разрешения, мы заключили завет с Богом и между собою: не произносить ни одного мирского слова до самой смерти нашей». Выслушав их рассказ, преподоб-

ный Макарий сказал: «Поистине Бог не ищет ни девы, ни замужней, ни инока, ни мирянина, но свободного намерения, принимая его как самое дело, и добровольному произволению всякого человека подает благодать Святаго Духа, управляющего жизнью каждого, желающего спастись» (121, 616).

***

Авва Исаия говорил: «Как-то мы, три отшельника, пришли к авве Николаю, жившему у потока Ветасимского. Войдя к нему в пещеру, мы увидели там одного мирянина. Началась душеспасительная беседа. Авва Николай обращается к мирянину: «Скажи же ты нам что-нибудь». «Что ж я, мирской человек, могу сказать вам полезного? О, если бы я себе самому мог принести пользу!» — отвечал тот. «А все-таки ты можешь сказать что-нибудь», — возразил старец. Тогда мирянин поведал: «Вот уже двадцать два года, как солнце никогда не видело меня за едой, кроме субботних и воскресных дней. Я живу работником в селе у одного богатого, но неправедного и жадного человека. Прожил я у него пятнадцать лет, работал день и ночь. Он не хочет мне платить и ежегодно немало обижает меня. Но я сказал себе: Феодор, если ты вынесешь жизнь у этого человека, он приготовит тебе Царство Небесное вместо платы, какую ты заслужил... Тело свое я сохранил доселе чистым от прикосновения к женщине». Выслушав это, мы получили великую пользу для души (102, 143—144).

***

В Анкире Галатийской, в самом городе, жил знатный сановник Севериан со своею женой Воспорией. Доходы со своих поместий они тратили на бедных, несмотря на то что у них было четыре сына и две дочери. Тем детям,

которые обзавелись семьями, они выделили часть имущества, а остальным сказали: «После нашей смерти все будет ваше, а пока мы живы, будем собирать плоды своих стяжаний и делиться ими с церквами, монастырями, странниками и со всеми нуждающимися. Их молитвы и вам, дети, и нам доставят вечную жизнь, вместо сей временной и многотрудной».

Когда настал сильный голод и люди страдали от него, тогда сановник Севериан с женой отворили житницы своих поместий и отдали свои запасы на пропитание бедным. Образ их жизни был самый скромный; одежды чрезвычайно простые и дешевые, в издержках они были весьма бережливы, употребляли пищу простую и столько, сколько нужно было для поддержания жизни; строго соблюдали пред Богом целомудрие; большую часть времени проводили в полях; особенно любили оставаться в безмолвии; всегда удалялись городов (и рождающихся там пороков), чтобы чрез участие в веселии народном не увлечься городским шумом и не уклониться от воли Божией. За их добродетельную жизнь Господь им уготовил вечные блага (101, 257—259).

***

Авва Иоанн рассказывал: «В киновии зашел я в келью одного старца. Там я видел каменную плиту, на которой тот молился. Делая поклоны, старец продолбил плиту в тех местах, где касались его руки и колени. Глубина ямок была в четыре пальца. Сколько же он положил поклонов?» (102, 220).

***

...Один старец пришел к другому. Тот, сварив несколько чечевиц, сказал: «Совершим малое молитвословие». Тогда один из них прочел всю Псалтырь, а другой наизусть

прочел двух больших Пророков. Когда настало утро, пришедший старец удалился, — они забыли о пище (98, 74).

***

Брат, одолеваемый искушениями, рассказал об этом авве Ираклию. Тогда авва, подкрепляя его, поведал ему следующее: «Один старец много лет имел у себя ученика весьма послушного. Однажды, боримый искушениями, ученик, поклонившись, обратился к старцу: «Сделай меня монахом». Тот ответил: «Осмотри место, и сделаем тебе келью». Отойдя на одну версту, ученик нашел место. Они сделали келью, и старец сказал брату: «Делай, что я скажу тебе: когда захочешь, ешь, пей, спи, только до субботы не выходи из своей кельи и тогда приходи ко мне». Брат два дня исполнял заповедь старца, но в третий день стал скучать и недоумевал: «Что это сделал со мной старец?» Встав, пел он много псалмов и вкусил пищи уже по захождении солнца; после сего пошел спать на свою рогожу и видит, что на ней лежит эфиоп и скрежещет на него зубами. В сильном страхе побежал он к старцу и, стуча в дверь, умолял: «Авва! Умилосердись надо мною, отвори скорее!» Старец, зная, что он не сохранил его наставления, не отворял ему до утра. Поутру, сжалившись, старец ввел его к себе. Ученик сказал: «У меня, отец, есть нужда до тебя; я видел черного эфиопа на моей рогоже, когда пошел спать». Старец отвечал: «Это ты потерпел за то, что не исполнил моего наставления». Старец, по возможности, наставил его правилам монашеской жизни и отпустил. Брат скоро сделался добрым монахом (97, 89).

***

Один из отцов поведал: «В кельях был старец-подвижник, имевший одежду из рогожи. Пришел он однажды к

авве Аммону. Авва увидел его в такой одежде и сказал: «Это не принесет тебе никакой пользы». Подвижник спросил старца: «А что же мне делать? Три помысла приходят ко мне. Первый предлагает скитаться по пустынным местам; второй — уйти в страну, в которой никто не знает меня; третий — затвориться в хижине, никого не видеть и употреблять пищу через день».

Авва Аммон отвечал: «Исполнение каждого из этих помыслов будет неполезно для тебя. Лучше безмолвствуй в хижине твоей, ежедневно употребляй пищу с умеренностью, имей в сердце твоем слово мытаря «Боже! Милостив буди мне грешнику» и возможешь спастись» (106, 62).

***

Жили два единодушных отшельника. Они совершали молитвенный подвиг и вели богоугодную жизнь. Случилось одному из них стать начальником киновии, другой же остался отшельником и, будучи совершенным подвижником, творил великие чудеса, исцелял бесноватых, изрекал пророчества, и врачевал недугующих. Первый, услышав, каких дарований удостоился его единомышленник, уединился от людей на три седмицы, прилежно моля Бога открыть ему, как же тот чудодействует и почему знаменит у людей, а я ничего подобного не получил. И явился ему Ангел Господень, говоря: «Тот живет пред Богом, стеная и плача пред Ним день и ночь, алча и жаждя ради Господа, а ты, заботясь о многих, имеешь общение со многими. Итак, достаточно с тебя утешения человеческого» (98, 463).

***

На Синае некоторые из отцов рассказали об отшельнике авве Сергии: «Во время пребывания его на Синае

эконом приставил его смотреть за лошаками. Однажды они шли по дороге и повстречали льва, который улегся, преграждая им путь. Увидев его, лошаки и их погонщики в ужасе разбежались. Тогда авва Сергий, взяв из своей сумы один хлеб, подошел ко льву и говорит ему: «Прими благословение отцов и уйди с дороги, чтобы нам пройти». Лев взял хлеб и удалился (102, 116—117).

***

Авва Стефан из Каппадокии рассказывал: «Однажды в Раифе, на празднике Тайной Вечери, я пришел в церковь. Совершалась Литургия, и все отцы предстояли в храме, и вот я вижу, как вошли два отшельника. Они были наги, и никто из отцов не заметил этого, кроме меня. Причастившись Святых Таин, они вышли из храма. Я пошел следом за ними, повергся пред ними и сказал: «Сотворите милость, возьмите меня с собой». Поняв, что я увидел их наготу, они сказали мне: «Ты в хорошем месте. Будь спокоен». Но я снова стал упрашивать их, чтобы взяли меня с собой. Они ответили мне: «Не можешь быть с нами. Оставайся на своем месте. Тут хорошо». Помолившись обо мне, они, на моих глазах, вступили на воды Красного моря и пошли чрез него (102, 114).

***

На святой горе Синай был игумен по имени Георгий, великий подвижник. Когда он сидел в своей келье в Великую Субботу, ему пришла мысль: «Пойду-ка я встречу Светлое Христово Воскресение во Святом граде и причащусь Святых Таин в храме Воскресения Христова». Целый день старец держал эту мысль в уме и молился. Вечером приходит ученик и говорит: «Благослови, отче,

идти на правило». Старец отвечал: «Иди и, когда настанет час Святого причащения, приди за мною». Сам все время оставался в келье.

Во время Святого причащения в храме Воскресения в Иерусалиме старец появился возле блаженного архиепископа Петра, и он преподал ему Святые Таины вместе с другими пресвитерами. Архиепископ спросил своего синкелла[1] Мину:

— Когда прибыл авва Синайский?

— Молитвами твоими, владыко... Я не видел его, владыко, раньше... только теперь увидал...

— Скажи ему, чтобы не уходил, — приказал архиепископ синкеллу. — Я желаю, чтобы он разделил со мною трапезу.

Синкелл передал слова архиепископа старцу. Тот ответил:

— Да будет воля Божия!

Богослужение окончилось, старец поклонился Святому гробу... и — очутился в своей келье. Ученик стучится к нему и говорит: «Повели, отче! Пришло время причащения». Старец встал и пошел в церковь вместе с учеником.

Между тем архиепископ Петр, опечаленный тем, что старец не пришел на трапезу, послал после праздника старцу послание, также и епископу Фаранскому авве Фотию и к отцам синайским, чтобы привели к нему авву Георгия. Письма были доставлены по назначению. Тогда авва, со своей стороны, послал к архиепископу трех пресвитеров: авву Стефана, каппадокийца, великого старца, авву Зосиму и авву Дулкетия, римлянина. В сопроводительном письме старец оправдывался и писал: «Да не будет того, Святейший Владыко, чтобы я презрел святого

[1] Синкелл — высокообразованный клирик, помогавший епископу в решении важнейших вопросов и сопровождавший его на соборах.

вестника вашего. Да будет ведомо Вашему Блаженству, что чрез шесть месяцев встретимся пред лицем Господа Христа Бога нашего, и там я поклонюсь Вам».

Пресвитеры вручили письмо архиепископу и сказали, что старец уже много лет не ходил в Палестину. Представили ему и послание епископа Фаранского, удостоверявшего в том, что старец уже около семидесяти лет не отлучался со Святой горы Синай. Тогда архипастырь Петр выставил свидетелями бывших за Литургиею в день Пасхи епископов и клир, подтвердивших, что они видели старца и приветствовали его святым целованием (христосовались с ним). По прошествии шести месяцев старец и архиепископ действительно скончались, согласно предсказанию (102, 117—119).

***

Рассказывал один отшельник братиям, находящимся в Раифе: «Помыслил я некогда идти в пустыню внутреннюю, не найду ли кого-нибудь более меня живущего и работающего Христу. И, прошедши четыре дня и ночи, нашел пещеру и, войдя, никого не нашел в ней. Я подумал: «Конечно, должен прийти раб Божий, где бы он ни был». Наконец, на исходе дня, вижу, идут буйволы и пустынник, прикрытый только своими волосами. Когда он подошел ко мне, то, подумав, что я дух, стал на молитву, ибо, как говорил после, много был искушаем нечистыми духами. Я, поняв сие, сказал ему: «Раб Божий, я человек, посмотри на следы мои и осяжи меня, что я плоть и кровь». Когда же он совершил молитву, то после слова «аминь» посмотрел на меня и, утешенный, позвал меня в пещеру и спросил: «Как зашел ты сюда?» Я же ответил: «Я пришел в пустыню сию, чтобы найти рабов Божиих, и не лишил меня Бог того, чего желал я». Потом спросил его, как он

здесь оказался, как долго проживает, чем питается, и как, будучи наг, не нуждается в одежде? Он отвечал: «Я жил в киновии фиваидской, и было у меня занятие ткача. Пришел же мне помысл: выйди и живи сам по себе, и можно тебе будет безмолвствовать, и принимать странных, и получить большие награды, чем за труды рук твоих. Когда я согласился на помысл, тотчас и исполнил его на деле.

Построил монастырь, люди стали заказывать работу; когда же накапливались у меня излишки, я старался раздавать то бедным и странным. Враг же наш, дьявол, позавидовал мне и уловил тем самым, что старался я делать против него. Ибо, видя девицу, раз уже заказавшую мне работу, внушил ей сделать мне новый заказ, а потом появилась привычка и излишняя доверенность, осязания рук, и смех, и сожительство. Зачавши — породили грех. Когда же я провел в нем месяцев шесть, помыслил в себе: «Ныне ли, завтра ли, или чрез много лет, подвергшись смерти, я вечное получу наказание. Ибо растливший мужнюю жену по закону подвергается наказанию и вечному мучению. Каких же мук заслуживает растливший невесту Христову?» Так подумав, убежал я в пустыню, оставив все жене. И, придя сюда, нашел эту пещеру, и источник, и это финиковое дерево, на котором плод приносят мне двенадцать ветвей, и в каждый месяц плод приносит одна ветвь, чего достаточно мне на тридцать дней, а после сего созревает другая. Со временем выросли волосы мои, и когда износились одежды, то ими я прикрыл свое тело».

На мой вопрос: «Не трудно ли было ему вначале?» он сказал: «Сначала я весьма страдал, так что на земле лежал от боли печени и не мог стоя совершать молитвословие, но лежа на земле, взывал к Всевышнему. Когда же был я в пещере в скорби великой и болезни, так что не мог выйти

из нее, вижу, вошел ко мне муж и, став вблизи меня, сказал: «Чем страдаешь ты?» Я показал ему место. Он же, соединив прямо пальцы руки своей, рассек место как бы мечом и вынул печень, показал мне раны и, рукой соскоблив их, положил в платок, и опять вложил печень, и рукою замазал место, и произнес: «Вот стал ты здоров, работай Владыке Христу, как следует». И с того времени я стал здоров и без труда живу здесь». Стал я просить его, чтобы позволил жить мне с ним пещере, но он ответил: «Не сможешь ты вынести нападений бесовских». Тогда, убедившись в сем, попросил я с молитвою отпустить меня. И, помолившись, он отпустил меня» (98, 455—458).

***

Авва Евгений, игумен монастыря Святого Сергия, рассказал нам об авве Александре киликиянине. «Пред концом своей жизни старец не вставал с одра уже в течение трех месяцев. За десять дней до своего отшествия ко Господу, по зависти дьявола, старец подвергся сатанинскому нападению. Старец сказал дьяволу: «К вечеру пришел-то ты, несчастный! Не много это значит... Я ведь ослаб и лежу неподвижно на одре своем. Нечестивый, ты против воли обнаружил свое бессилие... Если бы ты был на самом деле могуч и силен, ты должен был бы подступить ко мне пятьдесят или шестьдесят лет назад. Тогда я, с помощью укрепляющего меня Христа, показал бы тебе твое бессилие, низринул бы гордыню твою и сокрушил бы непреклонную выю твою. А теперь... не моя это слабость, это сокрушившая меня дряхлость. Впрочем, я благодарю Бога. Отходя к Нему, я скажу Ему об обиде, которой подвергся от тебя: после стольких лет подвига и злострадания, при самой кончине, ты столько жестоко напал на меня»...

Это повторял он каждый день, а на десятый — с полным спокойствием, в мире предал дух свой Господу Христу» (102, 168—169).

***

Ходил некто из отцов по пустыне и увидел в пещере сидящую женщину. Показалась она ему зверем. И начал он кричать и заклинать ее: «Если ты человек, выйди, чтобы я мог побеседовать с тобой». Она же сказала: «Иди, человек, ради Господа моего, зачем хочешь ты видеть меня, я женщина, и притом нагая». Он же дал ей одежду и сандалии, и когда она, одевшись, стала пред старцем, он сказал ей: «Ради Бога, открой мне, кто ты?» Она же отвечала: «Я была дочь патриция, и захотели родители мои выдать меня замуж и сделать моего избранника наследником нашего имения. Я, видя, что все в мире суета, убежала ночью и пришла на скалу сюда, и исполнилось мне здесь семьдесят лет, и не видала я человека, кроме тебя. Есть у меня сосуд с водой и моченые бобы, ибо умножает их Бог». И ел их старец, и пил ее воду, и укрепился весьма, и, возблагодарив Бога, хотел вернуться в келью свою. Она же, раздевшись, сказала ему: «Возьми свое, честный старец». Он же сказал ей: «Оставь у себя, святая мать». Жена не согласилась, но сказала ему: «Пойди принеси другую одежду и другие сандалии и скорее приходи».

Он ушел и, приготовив все, что нужно, вновь пришел к пещере, но вход в нее был прикрыт большим камнем. Сотворив молитву, отвалил камень и, войдя внутрь пещеры, нашел жену почившей. Тогда он, облачив ее одеждой, со слезами похоронил святое тело. Старец от самой юности был слеп на один глаз, и, сотворив поклонение и облобызав честные ее останки, неожиданно прозрел, и прославил Бога, давшего жене такую благодать и терпение. Помолив-

шись, он привалил камень и удалился, удивляясь и благодаря Бога, открывшего ему такое сокровище (98, 467—468).

***

На расстоянии двадцати тысяч шагов от Иерусалима есть обитель Сампсона. Двое отцов из этой обители отправились для молитвы на гору Синай. Возвратившись в монастырь, они рассказали нам: «Поклонившись на святой горе, мы уже шли обратно и заблудились. Много дней носились мы по пескам пустыни, как по морю. Однажды заметили мы издали небольшую пещеру и направились к ней. Приблизившись, увидели источник и близ него незначительную растительность и следы человека. «Поистине здесь живет раб Божий!» — сказали мы друг другу. Вошли в пещеру, но никого не увидели, только услышали чей-то стон... Тщательно осмотрев все, мы нашли что-то вроде яслей и кого-то лежащего там... Подойдя к рабу Божию, мы попытались побеседовать с ним, однако ответа не дождались. Тогда мы дотронулись до него; тело еще не остыло, но душа уже отошла ко Господу. Тогда мы поняли, что он скончался, как мы вошли в пещеру. Взяв тело, мы вырыли могилу в той же пещере. Один из нас снял свой плащ, и мы стали завертывать тело старца для погребения. Тут только мы увидели, что то была женщина... И воздали хвалу Богу, воспели погребальные песни и похоронили ее...» (102, 155—156).

ПОКАЯНИЕ

Сущность покаяния

Покаяние грешников имеет в себе жизнь, а нераскаянность — смерть (св. Ерм, 94, 224).

***

В покаянии — спасение, а неразумие — смерть покаяния (свт. Василий Великий, 9, 44).

***

<Покаяние> это — древо жизни, потому что воскрешает многих умерших грехами (прп. Ефрем Сирин, 32, 154).

***

Покаяние есть жертвенник Божий, потому что согрешающие при посредстве его умилостивляют Бога. Даже безубыточно оно для приносящего покаяние, чтобы разумели мы, какое расстояние между Законом и Евангелием. Под Законом иные нередко отказывались объявлять грехи свои, по причине издержек, и скупость в принесении жертв служила покровом пороку. Христос, пришедши, устранил и сие, даровав покаяние — сей безубыточный жертвенник (прп. Ефрем Сирин, 32, 162).

***

Покаяние есть и Божия трапеза, потому что чрез него вкушает Бог спасение человеческое... покаяние есть чудный хлеб Божий: Бог вкушает в нем исповедание совести, Он пиет в покаянии слезы умиления; в нем наслаждается благоуханной вонею — искренним чувством воздыханий, потому что они для Бога, как благоухающее вино. Вот многообразные брашна Божии: воздержание, пост, бдение, прилежная молитва, покорность со смирением, ибо сие благоугоднее Богу других жертв (прп. Ефрем Сирин, 32, 164).

***

Покаяние в жертву приносит согрешивших, но и опять оживотворяет их; умерщвляет, но и опять воскрешает из мертвых. Как же это? Слушай: берет оно грешных и делает их праведными. Вчера были мертвы, сегодня живы они для Бога покаянием; вчера были чужие, а сегодня свои Богу; вчера беззаконны, а сегодня святые (прп. Ефрем Сирин, 32, 167).

***

Начало покаянию полагается на словах, потому что словесное исповедание есть предначатие покаяния. Потому и мытарю дается предначатие спасения; несовершенно освободил его Господь от долга, потому что несовершенное еще принес он покаяние (прп. Ефрем Сирин, 32, 201).

***

Поелику лукавый по зависти нападает на немощь нашу, то Господь наш против язвящих стрел его дал тебе спасительное врачевство — покаяние... (прп. Ефрем Сирин, 33, 135).

***

Покаяние есть зеркало, поэтому лукавый не оставляет его в нас, чтобы не увидели мы в нем себя и не смыли своих нечистот (прп. Ефрем Сирин, 34, 306).

***

Покаяние есть врачевство, истребляющее грех; оно есть дар небесный, чудесная сила, благодатию побеждающая силу законов, почему оно ни блудника не отвергает, ни прелюбодея не отгоняет, ни пьяницы не отвращается, ни

идолослужителем не гнушается, ни поносителя не отметает, ни хулителя не гонит, ни гордеца, но всех пременяет, потому что покаяние — горнило греха (свт. Иоанн Златоуст, 45, 362).

***

...Покаяние, тягостное и страшное для грешника, есть врачевство грехов, средство, истребляющее беззаконие, иждивение слез, дерзновение к Богу, оружие на дьявола, меч, отсекающий его голову, надежда на спасение, устранение отчаяния... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 379).

***

Грех есть рана, покаяние — врачевство (свт. Иоанн Златоуст, 45, 380).

***

Что для тела раны и лекарства, то для души грехи и покаяние. Но грех сопровождается стыдом, а покаяние дает дерзновение (свт. Иоанн Златоуст, 45, 380).

***

...Сатана, зная, что за грехом следует стыд, который легко может отвратить от него согрешающего, а покаяние сопровождается дерзновением, которое в силах привлечь кающегося, извратил естественный порядок, и стыд отдал покаянию, а дерзновение — греху (свт. Иоанн Златоуст, 45, 381).

***

Покаяние — корень благочестия (свт. Иоанн Златоуст, 49, 710).

***

Покаяние же состоит в том, чтобы уже не делать впредь того же, а кто принимается за прежние дела, тот уподобится *псу, возвращающемуся на свою блевотину* (ср.: 2 Петр. 2, 22), и тому, который, по пословице, бьет шерсть над огнем и черпает воду решетом (свт. Иоанн Златоуст, 51, 223).

***

Покаяние — помощница наша к достижению Царства Небесного, вход в рай, наслаждение вечным веселием; покаяние — избавление от грехов, очищение бесчестия; покаяние — мать спасения, ниспровержение дьявола, уничтожение пороков; покаяние разрешает узы грехов, спасает отчаявшиеся души, просвещает помраченных, обращает к Богу отверженных, призывает заблудших; покаяние — отрада и утешение всех отчаянных; покаяние — целебное и спасительное средство для всякой душевной и телесной немощи (свт. Иоанн Златоуст, 52, 917).

***

Покаяние — прогнание дьявола и ниспровержение демонов (свт. Иоанн Златоуст, 52, 983).

***

Он <Давид> имел сокрушенное и смиренное сердце, и это-то особенно и очищало грехи его, потому что в этом и состоит исповедание, это и есть покаяние (свт. Иоанн Златоуст, 53, 511).

***

Во-первых, <покаяние состоит> из сознания своих грехов и исповедания их... Во-вторых, (покаяние состоит) из великого смиренномудрия; оно есть как бы золотая цепь, если взять ее за начало, следует вся... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 92).

***

Покаяние, тяжкое и страшное для грешника, есть исцеление прегрешений, источение слез, уничтожение неправды, дерзновение к Богу, оружие против дьявола, меч, отсекающий ему голову, надежда на спасение, отнятие отчаяния (свт. Иоанн Златоуст, 55, 802).

***

Никто да не отрицает, что Божий дар есть покаяние... (прп. Нил Синайский, 73, 266).

***

...Дело покаяния совершается тремя следующими добродетелями: очищением помыслов, непрестанною молитвою и терпением постигающих нас скорбей, и все сие должно быть совершаемо не только наружным образом, но и в умном делании, так, чтобы долго потрудившиеся сделались чрез сие бесстрастными (прп. Марк Подвижник, 89, 497).

***

...Оно <покаяние> есть с исполненною сокрушения молитвою приближающееся к Богу неослабное прошение

об оставлении прошедшего, и болезнование о хранении будущего (прп. Исаак Сирин, 58, 204—205).

***

Покаяние есть вторая благодать, и рождается в сердце от веры и страха <Божия>... (прп. Исаак Сирин, 58, 390).

***

...Покаяние есть второе возрождение от Бога (прп. Исаак Сирин, 58, 390).

***

Покаяние есть возобновление крещения. Покаяние есть завет с Богом об исправлении жизни...

Покаяние есть всегдашнее отвержение телесного утешения. Покаяние есть помысл самоосуждения и попечение о себе, свободное от внешних попечений... Кающийся есть непосрамленный осужденник... Покаяние есть очищение совести (прп. Иоанн Лествичник, 57, 58—59).

***

Покаяние есть примирение с Господом чрез совершение благих дел, противных прежним грехам (прп. Иоанн Лествичник, 57, 59).

***

Покаяние есть дщерь надежды и отвержение отчаяния (прп. Иоанн Лествичник, 57, 59).

***

Покаяние есть крепкое утеснение чрева, уязвление души в глубоком чувстве (прп. Иоанн Лествичник, 57, 59).

***

Покаяние есть добровольное терпение всего скорбного (прп. Иоанн Лествичник, 57, 59).

***

...Удаление от зла есть начало покаяния (прп. Иоанн Лествичник, 57, 215).

***

Добровольное терпение всего скорбного есть настоящий спасительный путь покаяния (прп. Иоанн Лествичник, 90, 537).

***

Что значит покаяться? Значит: сознаться, раскаяться в грехах своих, оставить грехи свои... и уже более не возвращаться к ним. Таким образом многие грешники претворились в святых... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 99).

***

Покаяние должно сопутствовать вере во Христа, предшествовать крещению во Христа; а после крещения оно исправляет нарушение обязанностей уверовавшего во Христа и крестившегося во Христа (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 101).

***

...Сущность покаяния заключается в смирении и сокрушении духа нашего, когда дух восплачет по причине смирения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 204).

***

Без покаяния невозможно ни признать Искупителя, ни пребывать в исповедании Искупителя. Покаяние есть сознание своего падения, соделавшего естество человеческое непотребным, осквернённым, и потому постоянно нуждающимся в Искупителе... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 508—509).

***

Покаяние есть подвиг, есть жительство, преподанные и заповеданные Богом всему человечеству, без исключений (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 430).

***

Существо покаяния — в пременении на лучшее (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 255).

***

Сущность Таинства покаяния состоит в разрешении <священником> сказанного греха (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 241).

Покаяние как добродетель

...Кающиеся, отжените от себя лукавства этого века, вас погубляющие. Облекитесь же во всякую добродетель,

чтобы вы могли соблюсти... заповеди, и ничего не прибавлять ко грехам вашим. Ибо если снова не будете грешить, то загладите прежние грехи (св. Ерм, 94, 211).

***

...Господь дал покаяние тем, которых видел, что сердца их будут чисты, и что они будут служить Ему от всего сердца. А тем, в которых видел лукавство и неправду, и что они притворно к Нему обратятся, не дал покаяния, чтобы они снова не осквернили имени Его (св. Ерм, 94, 220).

***

Благословен Бог покаяния, и благословен Богом тот, кто любит покаяние, и подклоняет выю Его воле, доколе по воле Божией не возродится свыше (прп. авва Исаия, 59, 168).

***

Блажен, кто любит покаяние, спасающее грешных, и не согласился поступать худо, став неблагодарным пред Спасителем нашим Богом (прп. Ефрем Сирин, 30, 525).

***

...Из всего досточестного велико и спасительно покаяние. Посему, однажды отрезвившись, не погружайся в опьянение, ежедневно греша, то строя, то разоряя, то сплетая, то распуская, подобно детям, которые много раз прилежно строят свои дома, и потом, опрокинув, обращают все в кучу (прп. Ефрем Сирин, 32, 27).

***

Через него <покаяние> земля стала небом, потому что наполнилась святыми — этими земными ангелами (прп. Ефрем Сирин, 32, 154).

***

Это <покаяние> обильный прибыток у Бога, потому что приводит к Нему человеков и толпами собирает грешников (прп. Ефрем Сирин, 32, 154).

***

Бог увеселяется им <покаянием>, как силой Своего творчества, потому что кого грех пытается погубить, тех воссозидает оно к Божией славе (прп. Ефрем Сирин, 32, 154).

***

Змий убеждает нечествовать и готовит огорчение, а покаяние советует не тревожиться и не отчаиваться в спасении (прп. Ефрем Сирин, 32, 155).

***

Враг убеждает согрешить, а покаяние готово принять согрешающего. Враг побуждает сделать беззаконие, а покаяние советует обратиться. Один нудит к отчаянию, а другое обещает надежду спасения (прп. Ефрем Сирин, 32, 155).

***

Дьявол не дает нечестивым одуматься, представляя им суровость покаяния. А покаяние, видя хитрость его, под-

ходит с лаской и говорит: «Приведите только себе на память Бога, и я потружусь за вас. Представьте в уме Его милосердие, и я буду ходатайствовать за вас с воздыханиями. Слегка только воздохните, грешники, в покаянии, и сделаю вас Божиими слугами» (прп. Ефрем Сирин, 32, 156).

***

Если бы не было покаяния, давно бы погиб род человеческий. Если бы не оно вскоре простерло руку защиты, не стоял бы доныне мир (прп. Ефрем Сирин, 32, 159).

***

Видишь ли, как покаяние без ущерба сохраняет все Богу? Видишь ли, что сперва представляется оно грешникам не суровым, но снисходительным и легким. Не предложило оно поста, не потребовало ни воздержания, ни бдения, но пригласило начать исповеданием. С легчайшего полагает начало, зная, что совесть благосознательна. Она берет душу на свое попечение и старается, чтобы долг ее был взыскан (прп. Ефрем Сирин, 32, 159—160).

***

Никто, желая получить, чего не имел, не губит того, что имеет. Как же Богу и Отцу уступить обладание теми, которых стяжал Кровью Сына Своего! Никто не расточает охотно того, что собрал с трудом. Как же Богу без сожаления отвергнуть тех, которых приобрел из язычников трудами апостольскими! Ужели напрасно предопределил Он пришествие Сына Своего, или ни во что вменил излияние Крови Его, или хочет уничтожить домостроительство смерти Его, или нимало не почтил славы Воскресения Его, так

что легко отвратится от нас, спасенных сими таинствами. Он послал Духа Святаго и освятил Церковь... Мы — стадо Его, и Он — наш Пастырь и ныне, как и в раю. Он дал покаяние, как очистительную воду. Если в чем прегрешим, им омываемся... Если в чем согрешим, омывшись покаянием, делаемся чистыми (прп. Ефрем Сирин, 32, 161).

***

В Церкви же и грешники кающиеся делаются иереями, потому что самих себя приносят в жертву Богу. О, как действенна благодать покаяния! Она и согрешивших рукополагает во иереи (прп. Ефрем Сирин, 32, 163).

***

Покаяние праздник творит Богу, потому что и небо призывает на пир. Ангелы радуются, когда покаяние приглашает их на вечерю. Все небесные чины пиршествуют, возбуждаемые к веселию покаянием (прп. Ефрем Сирин, 32, 167).

***

И Закон и Евангелие три дня объявляют грешникам на покаяние. Почему же это? Потому что отпущение грехов по чрезвычайной благости подает благодать Троицы... Потому что Единосущной Троицей совлечено с человечества осуждение смерти... Чрез три дня уничтожена смерть; чрез три дня дается отпущение, потому что чрез три дня совершилось и воскресение. Все могло бы совершиться во мгновение, но по причине таинства Троицы в три дня связала врага благодать... чтобы показана была тайна Божества (прп. Ефрем Сирин, 32, 177).

***

О, как велика в нем <покаянии> сила, — оно умилостивило Бога, изрекшего уже приговор! С кротостию приступило к Нему, напомнило воззреть на Свою благодать и сделало, что приговор переменен в отпущение. О, как велика радость покаяния, — оно склоняет Бога отменить наказание, когда грех овладел уже родом человеческим! Покаяние сретило ангелов гнева и возмогло их преодолеть, чтоб не наводили пагубы; удержало мечи, удержало серпы, чтоб не пожинали рода человеческого. Ангелы-мстители, видя его, пришли в изумление, и покаяние сказало им: «Под защиту свою беру преступников закона, ручаюсь за род человеческий, даю Владыке обеспечение за людей. Для чего пришли вы теперь переменять мои условия? Имею определенный срок. У меня заключен с Богом договор, когда представить Ему необратившихся. Для чего пришли вы противиться правам моим? Могу призвать на вас суд, у меня много свидетелей, которые уверят Владыку моего. Есть у меня доказательства, по которым могу получить отсрочку для представления человечества Богу». Итак, отводит оно ангелов Богу, начинает ходатайствовать за человечество и в защиту говорит: «Знаешь, Владыка, созданного Тобой человека, знаешь, что сотворен он из персти, что естество его слабо, что крепость его удобосокрушима; если не уснет вечером, не остается в живых; если не поест только день, в опасности его жизнь. Зимой цепенеет, летом опаляется от зноя, вечером не видит, ночью не смеет ходить; если походит, изнемогает; если остается в бездействии, кружится у него голова; если сидит, ему скучно; если станет говорить, утомляется; если принужден лежать, ему трудно; если долго постоит, приходит в изнеможение. И ты, Владыка, хочешь, чтобы такая немощь скоро восторжествовала над грехом! Много у человека

помыслов, непостоянных дум в душе, сомнительных действий, неправильных дел; видимое ему препятствует, сокровенное поражает его неожиданностью; стоять против козней он не готов; к отражению того, что тревожит его, скуден умом; против злоумышляющих немощен душой; заботлив в попечении о теле, многопопечителен о пропитании жены и детей. И Ты, Владыка, хочешь, чтобы такое естество скоро восторжествовало над грехом! Что же, о Владыка, в силах оно сделать против дьявола?.. Велика сила у змия, обольщение его глубоко; грех, по причине его приятности, распростерся широко, страсти посредством вкушения делаются близкими к телу, грех тревожит плоть похотью, повреждение преоборает душу суетной славой, лукавство увлекает к себе ум. Что же в состоянии сделать сей жалкий против такого множества противников?.. Помилуй, Владыка, пощади создание Свое, умилосердись к брению, которое восхотел Ты прославить, удержи угрозу, останови скорое наказание, отложи смертный приговор для меня — покаяния. Расширь пределы щедрот Своих, увеличь меру милосердия Своего; отверзи благоутробие Свое, удиви милостию Своею и благодать Свою распространи на долгие времена. Я — ходатайница за человечество, беру его на свою ответственность и постараюсь привести к Тебе, сколько дозволит это природа».

И видя Бог покаяние, уступил желанию, склонился на прошения... определил, чтобы покаяние предводительствовало немощным естеством и дал ему власть над немощью человеческою; определил срок суда и повелел покаянию не преступать своих пределов в день Суда, не изъявлять желания продолжить власть свою, а скорее стать обвинителем, что человек пренебрегал стольким терпением; не просить милости, чтоб срок был отложен, но с негодованием приступить к отмщению...

И покаяние соглашается на сии повеления, и стремительность ангелов превращает в спокойствие. Бог прекратил угрозы, и ниневитяне спасены. Покаяние исходатайствовало, и город возвратил себе благоденствие. Под городом разумеется вся вселенная и под ниневитянами все человечество... пощада Ниневии распространилась на всех. Христос воскрес, и человечеству благовествуется воскресение. Определение Божие от одного простирается на весь род (прп. Ефрем Сирин, 32, 178—180).

***

Велико покаяние на земле, потому что душам служит лествицею к восхождению туда, откуда свержены они грехом. Оно восстановляет естество и возвращает ему собственное его достоинство (прп. Ефрем Сирин, 32, 181).

***

Покаяние проповедует оставление грехов, но не терпит, чтобы пренебрегали им. С обращающимися оно неразлучно и отвращается от пребывающих во грехе (прп. Ефрем Сирин, 32, 207).

***

Покаяние, братия, есть ковчег милосердия. Устремимся же к сему другу человечества (прп. Ефрем Сирин, 33, 122).

***

...Покаяние распростирает крыла свои, чтобы с любовью объять всякого, кто ни придет к нему. О, покаяние, ты образ благодати; так же любишь грешников, как и Господь твой! (прп. Ефрем Сирин, 33, 123—124).

***

Кто же смежит вежди свои пред зерцалом Писания и, при таком множестве покаявшихся, не приложит врачевства сего к язвам своим? (прп. Ефрем Сирин, 33, 127).

***

Если самому тебе стали несносны расслабление твое, гнойные струпы и язвы твои, то есть у тебя весьма искусный Врач, Который находит для Себя славу в твоем исцелении (прп. Ефрем Сирин, 33, 154).

***

Блажен, кто исправил себя покаянием и жизнью своей умилостивил Господа нашего! Если преселится он в ту страну, то упокоится в Царстве, в пристани святых, избавится от Суда и страшных ужасающих мучений, какие ожидают сатану, которого осуждение бесконечно. Блажен, кто и не услышит об оном (прп. Ефрем Сирин, 33, 258).

***

Притеките к покаянию, грешники, потому что мир сей цветет недолго и скоро преходит. Блаженны кающиеся; Суд ожидает грешников, которые не творили дел праведных. Если будешь судить по правде Твоей, Господи, то кому можно оправдаться на Суде? (прп. Ефрем Сирин, 33, 502).

***

Через покаяние является человек прекрасным и благородным и избегает скверн, а потому красота сия, сокрытая в его внутренности, уличает его в том, что сам он виновен в своей нечистоте (прп. Ефрем Сирин, 34, 35—36).

***

...Все рожденные могут достигать покаяния, посему, кто не может раскаиваться, тому лучше было бы не родиться (прп. Ефрем Сирин, 37, 146—147).

***

...Когда не осталось в них <содомлянах>, так сказать, искры покаяния, — по суду Божию стали добычей огня (прп. Макарий Египетский, 67, 409).

***

...Тот, Кто ищет быть любимым нами и для этого делает все, Кто не пощадил даже Единородного для нашей любви и почитает вожделенным, чтобы мы когда бы то ни было примирились с Ним, как не примет и не полюбит кающихся? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 27).

***

...Воспользуемся спасительным врачевством покаяния, или лучше — получим от Бога врачующее нас покаяние, потому что не мы Ему приносим его, а Он нам даровал его (свт. Иоанн Златоуст, 45, 367).

***

Нет греха, как бы он ни был велик, побеждающего человеколюбие Божие, если мы в надлежащее время приносим покаяние и просим прощения (свт. Иоанн Златоуст, 47, 173).

***

От тебя не требуется никаких трат или издержек, — только обратись к Нему <Богу> с плачем и тотчас преклонишь Его на милость к тебе (свт. Иоанн Златоуст, 48, 701).

***

Предведение Божие не препятствует покаянию, потому что Бог знает наперед и то, что грешникам можно раскаяться, если они пожелают (свт. Иоанн Златоуст, 48, 861).

***

Помышление о грехах и страх свойственны приходящему и прибегающему к милосердию Божию. Если мы находимся с Ним <Богом> в дружественных отношениях, то, хотя бы весьма много согрешили против Него, однако мы ничего не боимся, по любви к верному Другу. Если же мы сомневаемся полагаться на Его любовь, то это отсутствие веры будет зависеть от нас самих (свт. Иоанн Златоуст, 49, 184).

***

Через грех дьявол низводит нас в геенну, — через покаяние Христос вводит нас в Царство Небесное (свт. Иоанн Златоуст, 52, 898).

***

...Посредством греха нас уязвил дьявол, — посредством покаяния исцелил Христос; тот прочно укоренился чрез

грех, — Господь секирою покаяния с корнем уничтожил грех (свт. Иоанн Златоуст, 52, 898).

***

Остановим же бурный натиск греха якорем покаяния, чтобы беспрерывное дуновение вожделений не заставило нас претерпеть крушение (свт. Иоанн Златоуст, 52, 900).

***

Открой Ему исповеданием болезнь твою, чтобы Он незримо возложил спасительное врачевство, потому что Он не пришел призвать праведников, но грешников к покаянию (свт. Иоанн Златоуст, 52, 951).

***

О, покаяние! Ты восходишь от земли на небо, превышаешь силы ангельские, приближаешь чрез посредство Духа Божия к Престолу Господню, становишься собеседником Бога, ты из сокровищ Божиих, как бы из своих собственных, получаешь жизнь и с дерзновением даруешь ее тем, которые обладают тобою (свт. Иоанн Златоуст, 52, 983—984).

***

О, покаяние! Ты целительница страстей, ты смягчаешь грозный приговор, погашаешь пламень ярости, смиряешь гнев и возжигаешь неугасимый светильник дружбы. О, покаяние! Зародившись в сердце человека, ты тотчас пребываешь и на небесах... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 984).

***

О, покаяние! Ты расторгаешь узы грехов и спасаешь охраняемые тобою души (свт. Иоанн Златоуст, 52, 984).

***

О, покаяние! Ты несокрушимый оплот души, укрепленный город, в котором царствует Отец, Сын и Дух Святый. О, покаяние! Ты сокрушаешь жало смерти, попираешь дьявола, умерщвляешь змея, прославляешь Христа и даешь жизнь. О, покаяние! Ты в скорби рождаешь радость, в слезах находишь утешение и посредством слез избавляешь от вечного плача. О, покаяние! Ты сеешь со слезами и пожинаешь с радостию. О, покаяние! Ты рубищем уготовляешь блестящую брачную одежду Христа. О, покаяние! Ты изгоняешь из души свойства Каина и вселяешь любовь и радость непорочности. О, покаяние! Ты уничтожаешь зловоние грехов и сообщаешь благоухание добрых дел. О, покаяние! Ты сожительница мира и дружбы, союзница любви, цветок, благоухающий надеждой, пасущиеся на тебе златорунные агнцы изливают пурпуровые лучи Троицы (свт. Иоанн Златоуст, 52, 985).

***

Мы опять отпали, но Он <Господь> и после того не наказывает нас, а даровал врачевство покаяния, которое может уничтожить и изгладить все грехи наши, только если мы знаем, в чем состоит это врачевство и как им нужно пользоваться (свт. Иоанн Златоуст, 55, 91—92).

***

О, всемогущее покаяние! Совершается оно на земле и производит перемену на небесах (свт. Иоанн Златоуст, 55, 968).

***

Для искренно ищущих врачевания не может быть недостатка в средствах к исцелению у истиннейшего Врача душ, особенно для тех, которые по отчаянию или беспечности не пренебрегают своими недугами, не скрывают опасности своих ран или по строптивости духа не отвергают врачевства покаяния, но со смиренным и благоговейным духом прибегают к Небесному Врачу для исцеления болезней, приключившихся по ошибке ли от незнания, или по нужде (авва Иоанн, 56, 524).

***

Хотя и нелегко воротить назад потерянное время (при самом быстром своем полете, не дозволяет оно согрешившим возвращаться для исправления того, в чем погрешили); однако же Божественное человеколюбие, будучи выше и причин, и законов, и времен, допускает к Себе кающихся, и к их усердию примешав собственную Свою благость, и краткость времени растворив усилением раскаяния, подает врачевство падшим (прп. Исидор Пелусиот, 62, 336).

***

Прекрасное покаяние имеет столько силы, что во мгновение времени освободит от тысячи грехопадений и на самом одре борющегося со смертию, если прибегнет к покаянию (прп. Нил Синайский, 73, 127).

***

...С сокрушением бия в перси, соучастником молитвы делая целый лик слезных помыслов, трость покаяния обмакнув в сосуд с черными, как ночь, слезами, источенными от скорби и печали, на распростертой хартии сердца своего написав прошение и представив Господу, не будет он уничижен Иисусом Христом, умершим за грешников (прп. Нил Синайский, 73, 275).

***

Покаяние всегда прилично всем грешникам и праведникам, желающим улучить спасение (прп. Исаак Сирин, 58, 360).

***

...Нет невозможности раскаяться и к Богу обратиться даже и дошедшему до последнего предела зла (прп. Феодор Студит, 92, 572).

***

Не будем мы наказаны в будущем веке за то, что грешили, и не будем осуждены по сей причине, получив естество изменчивое и непостоянное, но за то, что, согрешив, не покаялись, и не обратились от злого пути ко Господу, получив власть и время имея на покаяние. Бог благ и милосерд к кающимся, хотя изображается Он угрожающим и гневающимся, но это на зло и грех, а не на нас, которых всегда готов принять, коль скоро увидит слезу сокрушения на лице нашем. Да и вообще Он бывает таков к нам, каковы дела и расположения наши, каждому воздавая по достоинству его жизни (прп. Феогност, 91, 389—390).

***

...Кроме пути покаяния, нет другого пути, ведущего ко спасению (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 164).

***

Верующий во Христа если и умрет смертию греховною, то опять оживет покаянием (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 506).

***

Печаль мысли о грехах есть честный дар Божий; носящий ее в персях своих с должным хранением и благоговением, носит святыню. Она заменяет собою все телесные подвиги, при недостатке сил для совершения их (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 162).

***

Покаяние — всемогуще, как установление Всемогущего Бога. Нет греха, который бы устоял против лица покаяния. Оно — дар, данный падшему естеству человеческому; оно — остаток нашей первобытной непорочности, как сознание этой непорочности и сетование о потере ее; оно — воззвание крещения; оно — связь земли с небом, лествица к небу (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 49).

***

Человечество, само собою, не могло бы прибегнуть к покаянию: оно призвано и призывается к нему бесконечною благостию Божиею (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 430).

***

Дана человеку Всеблагим и Премудрым Богом естественная способность к покаянию: эта естественная способность возбуждается Богом и... осеняется Божественною благодатию... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 438).

***

Бог бесконечно благ и бесконечно могущественен... обнажи перед Ним твою язву... прося прощения и исцеления, и получи их (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 541).

***

Он <Господь> побуждает вас искать прощения грехов у Него Самого, конечно готов будучи и даровать сие прощение. Идите же к Нему с полною верою и не давайте врагу разорять вашу веру и упование спасения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 133).

***

Возгревайте покаянные чувства — дух сокрушен, — и Господь никогда не отступит от вас (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 85).

***

Кто чрез грех теряет благодать Крещения, тот возвращает себе силу Крещения чрез покаяние и, восстановив здесь опять образ Божий, начинает снова, познанием истины и трудами доброделания, воображать в себе и подобие Божие (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 92).

Необходимость покаяния

...Положил Господь покаяние, ибо Он сердцеведец... знал слабость людей и великую злобу дьявола, по которой он будет вредить рабам Божиим и коварствовать над ними. Поэтому Милосердый Господь сжалился над Своим созданием и положил такое покаяние, над которым и дана мне власть... после этого великого и святого призвания (крещения), если кто, будучи искушен от дьявола, согрешил, — имеет одно покаяние. Если же часто будет грешить и творить покаяние, — не послужит это в пользу человеку, так делающему, ибо с трудом он будет жить в Боге (св. Ерм, 94, 185).

***

Покайся, грешник, смело полагаясь и взирая на безмерное человеколюбие Христа, сказавшего: *не бо приидох призвати праведники, но грешники на покаяние* (Мф. 9, 13) (прп. Ефрем Сирин, 30, 57—58).

***

Приступая же к Нему <Христу>, приступай не с лицемерием, не с двоедушием, но с чистой совестью. Прежде нежели скажешь что-нибудь неважное или важное, Он предвидит, о чем будешь говорить. И прежде, нежели отверзешь уста свои, наперед знает, что у тебя в сердце. Не колеблись и не скрывай своего недуга. Врач не жесток, но сострадателен, врачует словом (прп. Ефрем Сирин, 31, 273—274).

***

...Не будем отчаиваться в своем спасении. Согрешили мы? Покаемся. Тысячекратно согрешили? Тысячекратно

принесем покаяние. Бог радуется о всяком добром деле, преимущественно же о душе кающейся, ибо весь преклоняется к ней, приемлет ее собственными руками и призывает, говоря: *приидите ко Мне вси труждающийся...* (Мф. 11, 28)... (прп. Ефрем Сирин, 31, 347).

***

Знаешь, согрешил ли ты, и душевный ли у тебя грех или плотской, как знаешь, так приноси и покаяние. Ибо для покаяния нет ничего невозможного: даже мертвую душу может оно живой представить Богу. Грех душевный может привести к смерти, сказал <апостол> Иоанн (см.: 1 Ин. 5, 16). Посему приноси покаяние так, как бы отчаивался ты в жизни, и умерщвлением тела удалишь от себя душевную смерть (прп. Ефрем Сирин, 32, 199—200).

***

Если какой человек сделает что-либо недозволенное и держит в себе это скрытно, то скрытностью своей более радует внушившего сие беса, нежели самим делом (прп. Ефрем Сирин, 32, 406).

***

Не медли, кающийся, пока возможен вход в Брачный Чертог. Приготовь себе светлую ризу, потому что нужны брачные одежды. Облекись в белую ризу для вечери, пока не явился внезапно Жених (прп. Ефрем Сирин, 33, 137).

***

Если в продолжение дня прибыл у тебя еще один мучительный гнойный струп, то вечером приступи к порогу

Врача, и Он исцелит твои гнойные язвы (прп. Ефрем Сирин, 33, 154).

***

Если ты, грешник, и в один день согрешаешь седмьдесят крат седмерицей, Бог не заключает для тебя двери щедрот, если только каешься (прп. Ефрем Сирин, 33, 154).

***

Как часто ни стал бы просить ты у Него, всякий раз даст Он без отказа. Принеси от души покаяние и несколько слез капни на уязвляющий тебя грех; и пагубная язва совершенно будет заживлена на членах твоих (прп. Ефрем Сирин, 33, 155).

***

Правда, трудно и тяжело сделать усилие, чтобы подойти ко входу и, достигнув преддверия покаяния, оттолкнуть и низринуть врага, который тут сильно дышит и налегает. А после того и он, будучи однажды побежден и павши там, где был силен, не оказывает такого неистовства, и мы уже, имея больше ревности, весьма удобно совершим этот добрый подвиг (свт. Иоанн Златоуст, 44, 28).

***

Много... различных путей покаяния (Бог) дал нам для того, чтобы отнять у нас всякий предлог к нерадению (свт. Иоанн Златоуст, 45, 331).

***

Если у тебя есть грехи, не отчаивайся... и если каждый день согрешаешь, каждый день кайся (свт. Иоанн Златоуст, 45, 379).

***

Если иудеи, освободившись от иноплеменников, были утешены, то тем более мы, освободившись от греха, должны радоваться и восхищаться, и хранить вечно эту радость, а не нарушать и не осквернять ее, снова предаваясь тем же порокам (свт. Иоанн Златоуст, 48, 391).

***

Дьявол, зная, что исповедание греха есть избавление от греха, склоняет душу к бесстыдному упорству. Но ты, возлюбленный, когда согрешишь, говори: я согрешил (свт. Иоанн Златоуст, 48, 488).

***

Когда кто-нибудь лишится дочери, то часто проводит большую часть своей жизни в слезах и рыданиях; а мы погубили душу и не плачем; лишились спасения и не сокрушаемся? (свт. Иоанн Златоуст, 49, 428).

***

...Хотя грехи и превышают прощение, обратимся все же к покаянию, и мы удостоимся венцов (свт. Иоанн Златоуст, 50, 107).

***

Когда сам ты, согрешивший, не хочешь знать и того, что согрешил, то о прощении каких грехов будешь просить Бога? О тех, которых не знаешь? (свт. Иоанн Златоуст, 50, 146).

***

...Тот, кто стыдится открыть человеку грехи, а не стыдится грешить пред очами Божиими, и затем не желает ни

сознаться в своих грехах, ни покаяться, будет посрамлен в тот день <Страшного Суда> не пред одним или двумя, а пред всей вселенной (свт. Иоанн Златоуст, 51, 679).

***

Подобно тому как Господь, зная немощь нашего тела, дал людям искусство врачевания и повелел земле производить растения, пригодные для врачевания, точно так же, зная склонность души к падению и раны греха, Он дал покаяние, как бы врачевство для душ, и вложил в божественные и священные письмена средства к покаянию, как бы травы, чтобы каждый из нас имел в них целительный пластырь и, прикладывая его к себе при содействии веры, избежал болезни (свт. Иоанн Златоуст, 52, 899).

***

...Бог ничего от нас не требует, кроме покаяния; потому Он желает, чтобы мы всегда радовались и прибегали к покаянию (свт. Иоанн Златоуст, 53, 911).

***

...Отречение Петра — полезно: горько оплакав (свое отречение), он научил всех, как достигается прощение (свт. Иоанн Златоуст, 54, 922).

***

В грехе он <дьявол> не допускает человеку стыдиться, потому что знает, что если грешник почувствует стыд, то убежит от греха; а в покаянии заставляет его стыдиться,

зная, что стыдящийся не покается (свт. Иоанн Златоуст, 55, 498).

***

Если ты не потрудишься этим прекраснейшим трудом покаяния, то в будущем мире, несомненно, испытаешь тяготу и мучительные труды иным образом (свт. Иоанн Златоуст, 55, 502).

***

Для того ведь Бог и наперед оказывает нам благодеяния, и согрешивших опять удостоивает прощения, и наказания тотчас не наводит, чтобы всеми средствами привлечь нас к покаянию... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 503).

***

...Грешившие и не желающие покаяться сберегают самим себе сокровище гнева... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 697).

***

То же самое, что мы делаем в ветхих домах: когда они разрушаются, мы убираем разрушающееся и поправляем новым, никогда не переставая заботиться. Если сегодня ты пришел в ветхость от греха, восстанови себя назавтра покаянием (свт. Иоанн Златоуст, 55, 802).

***

Если не можешь поститься, как ниневитяне, тогда омой, как блудница, слезами грехи твои. Если не в состоянии дать милостыни, раскрой грехи твои и прибегни к милосер-

дию Божию вместе с Давидом, говоря: *помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей* (Пс. 50, 3). Ведь это не укушение ехидны, чтобы я стал накладывать на укушенное место лекарство, и не грязная нечистота, чтобы я стал омывать ее водою; это — рана от укушения дьявола, она нуждается в сострадании Твоего <Божиего> человеколюбия (свт. Иоанн Златоуст, 55, 808).

***

Хотя различным людям полезны разные советы, но врачевство покаяния всем, думаю, потребно (свт. Иоанн Златоуст, 55, 963).

***

Всего лучше — не грешить и быть ближе к Богу; но хорошо, и согрешив, преобороть себя и немедленно восстать от падения. Итак, поелику первого, как невозможного, без сомнения, ты не достиг; то приложи попечение о втором, как о возможном и удобном, чтобы не поработило тебя мучительное отчаяние (прп. Исидор Пелусиот, 60, 218).

***

Если сделано нами что-либо нечистое, омоем это покаянием; потому что образ Божий должны мы представить в себе чистым (прп. Нил Синайский, 72, 252).

***

Иному, если и впал в пасть зверю, разумею дьяволу, можно избавиться от сего покаянием... (прп. Нил Синайский, 72, 353).

***

Никто столько не благ и не милосерд, как Господь; но некающемуся и Он не прощает (прп. Марк Подвижник, 69, 35).

***

Если дьявол не перестает бороться с нами, то и покаяние не должно быть никогда упраздняемо (прп. Марк Подвижник, 89, 500).

***

В отношении деятельной жизни, мы без покаяния не можем сделать ничего достойного; но (Господь) много милует нас за намерение наше. Понуждающий себя и держащийся покаяния до самой кончины, если в чем и погрешит, спасется за понуждение себя; ибо сие Господь обещал в Евангелии. Кто говорит, что он не имеет нужды в покаянии, тот считает себя праведным и называется в Писании порождением злым; ибо через мнение о своей праведности, являясь как бы совершившим покаяние, сам того не зная, вместо распятия совокупляется со страстями: ибо самомнение и кичливость суть страсти (прп. Марк Подвижник, 89, 500—501).

***

Непроизвольным болям Промышлением Божиим подвергается тот, кто не берется совершить покаяние с болями произвольными (авва Фалассий, 91, 301).

***

Если же погрешили в шествии своем и попали на стремнины греховные, поспешите возвратиться, прежде чем свечереет век сей седьмый и настанет оный осьмый,

несущий с собою Суд и воздаяние (прп. Феодор Студит, 92, 69).

***

...Открывающий все свое духовному отцу чист, как солнце (прп. Феодор Студит, 92, 393).

***

Когда мы крестились, были еще несмысленными младенцами, и по возрасту, и по уму, и не понимали, коль великое получили освящение; потом же хоть и познали сие, но, увлекаемые юностию, осквернили себя грехами своими, потеряли благодать Святого крещения и продолжаем каждодневно осквернить и души, и тела свои, преступая заповеди Божии. Возвратим же себя опять в прежний чин покаяния, которое теперь осталось единственным путем к нашему спасению, и положим в сердце всеусильно трудиться в делании всякого рода добрых дел, о коих знаем, что они угодны Христу Господу, да запечатлеемся опять печатию Духа Святаго и поживем прочее время жизни нашей непорочно, имея Христа Спасителя всемощным пособником себе, от Коего вследствие сего получим и ту милость, что сделаемся достойными познать тайны Бога нашего, сокровенные от век и от родов (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 176—177).

***

...Бог положил и среди сего рая, т. е. посреди сонма верующих, или посреди Церкви, спасительное древо покаяния, чтоб те, которые, по своему нерадению впадая в грехи, испадают от жизни вечной, опять посредством покаяния возвращались к сей жизни, еще в светлейшей и блистатель-

нейшей славе. Ибо если б не благоволил устроить сие для нас человеколюбивый Бог, не благоволил то есть даровать нам покаяние, то не спасся бы ни один человек. Оставим же всякую другую заботу и одно восприимем попечение о том, чтоб достодолжно каяться, сколько достанет у нас сил на то, да сподобимся и настоящих и будущих благ во Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава во веки веков (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 241).

***

Есть два обличения: одно здесь во спасение, а другое — там в осуждение. Ныне, в настоящей жизни, входя в свет чрез покаяние, самоохотно и самопроизвольно, мы хотя обличаемся и осуждаемся, но, по благости и человеколюбию Божию, обличаемся и осуждаемся тайно и сокровенно, во глубине души нашей, во очищение и прощение грехов наших. И только один Бог вместе с нами знает и видит сокровенности сердец наших. И кто здесь, в настоящей жизни, бывает судим таким судом, тому нечего бояться другого какого истязания. Но тогда, во Второе пришествие Господне, на тех, которые не хотят внити в свет и быть им судимы и осуждаемы, но ненавидят его, откроется свет, сокрытый ныне, и сделает явными все их сокровенности. И все мы, ныне укрывающие себя и не хотящие объявить сокровенности сердец наших чрез покаяние, раскрыты будем тогда действием света пред лицем Бога и пред всем прочим, — что такое есть мы ныне (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 319).

***

...Мы все бесстрашно грешим, не заботясь ни о пресечении зла, ни добра не делая; поэтому и не каемся, погру-

зившись во глубину зол и бесчувственно пребывая в этом (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 231—232).

***

Не устремись безрассудно, не рассмотрев тщательно риз твоих, в ветхом, смрадном рубище, на брак к Сыну Божию, на соединение с Ним... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 105).

***

...Покаяние необходимо не только для того, чтоб уверовать во Христа: оно необходимо для пребывания в вере, для преуспеяния во Христе; оно необходимо для живой веры во Христа (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 10).

***

И для такой <верной закону Божию> души необходим подвиг покаяния... и такая душа часто томится... боримая страстями, предаваемая недоумению и неизвестности о милости Божией к себе... Уже овладевает ею безнадежие; уже видит она в себе окончательное истощение и способностей и жизни... и тогда, внезапно, отверзаются двери чертога (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 445).

Степени покаяния

Первый путь покаяния есть осуждение грехов... осуди и ты грехи свои: этого достаточно для Господа к твоему оправданию, потому что осудивший грехи свои не так скоро решится опять впасть в них. Пробуди внутри у себя обличителя — твою совесть, дабы там — на судилище Господнем не иметь тебе обличителя. Вот один путь покаяния, прекраснейший! Есть и другой, не хуже этого, со-

стоящий в том, чтобы не злопамятствовать на врагов, сдерживать гнев, прощать грехи сорабам, потому что в таком случае простятся нам и наши грехи против Господа... Хочешь знать и третий путь покаяния? Это пламенная и усердная молитва, возносимая притом от самой глубины сердца... Если же хочешь знать и четвертый (путь покаяния), то назову милостыню: она имеет великую и несказанную силу... скромность и смиренномудрие, не менее всех сказанных средств заглаждают грехи... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 294—295).

***

...Покаяние, бывающее... всегда до самой смерти, с болезнованием и скорбением сердечным, делает мало-помалу то, что мы начинаем проливать горькие слезы, которыми отмывается и очищается скверна души нашей. Из этого (болезненного) покаяния рождается потом покаяние чистое (отрадное), превращающее горькие слезы в сладкие, вселяющие в сердце наше непрестанное некое радование и делающие нас достойными и способными узреть неприступный оный свет, который если не восподвизаемся со всем усердием узреть, то не можем ни освободиться от страстей, ни стяжать добродетели, ни сподобиться достойно, со слезами по Богу, причащаться Божественных Таин, ни возыметь чистое сердце, ни достигнуть того, чтобы вселился в нас Дух Святый, осязательно для чувства нашего, ни удостоиться узреть Бога, как Его узревали святые, ни в сей жизни, ни в будущей (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 277).

Действенность покаяния

Все те... которые от всего сердца покаются и очистятся от всех дел неправды... и не присоединят еще чего-

либо к своим преступлениям, получат от Господа исцеление прежних грехов своих... (св. Ерм, 94, 223).

***

Ничто не содействует так прощению грехов, как незлобие, и не служит так примирению (совести с Богом) относительно грехов, как покаяние и отсечение худого (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 179).

***

Как земля без семени и воды не может приносить плода, так и человек не может совершать покаяния без смиренномудрия и удручения тела подвигами (прп. авва Исаия, 59, 79).

***

...Покаяние без поста недейственно (свт. Василий Великий, 8, 7).

***

...Грехи, которые могут быть отплачены, и за которые можно воздать чем-либо в несколько крат большим, очищаются сим способом <милостыней>. И сей, говорю, способ не сам по себе достаточен к очищению, но предварительно имеет нужду в Божием милосердии и в Крови Христовой... (свт. Василий Великий, 9, 294).

***

...Когда он <человек> осуждает или уничижает кого, то опять разоряет свое покаяние (прп. авва Исаия, 89, 328).

***

Покаяние приносить должно от всего сердца. Кающийся обязан быть постоянно одним и тем же, а именно, всегда быть тем, чем начал. Если у кого будет в чем недостаток, это уже признак несовершенного обращения. Если он изменится, то сим обличается, что в рассудке нет твердого основания. Такой человек приносит покаяние, как обучающееся дитя, и как битый плачет по нужде, а не по произволению. Мирские законы обращают страхом, но не переменяют сердечного расположения. Так и ты приносишь покаяние с такой мыслью: «если найду случай, опять предамся пороку». Не желаю тебе, кающийся, постоянно плакать и на краткое время предаваться безрассудству; не желаю тебе безвыходно быть в церкви и вести себя в ней, как на торжище. Не думай, что есть часы для Бога, чтоб преспевать тебе в мудрости, и есть часы для дьявола, в которые должно предаваться распутству. Не рассчитывай, что есть время для благочестия, и есть время для беззакония. Так поступают лицедеи: они в обществе люди добропорядочные, а на зрелище бесчестные смехотворы; в свете заслуживают вероятие, а на зрелище обманщики. Но ты и на торжище будь таким же, каков в церквах, так же точен в делах, в помыслах, в поступках, в словах, как точен в исповеди (прп. Ефрем Сирин, 32, 184).

***

Покаяние не имеет нужды в шуме и пышности, но нужна ему исповедь. Будь умерен и в том и в другом, не слишком обилен, а также и не краток, потому что то и другое обращается в вину приступающему к молитве (прп. Ефрем Сирин, 32, 185).

***

И после крещения, согрешив, можно нам покаяться, но не должно быть небрежными, понадеявшись на покаяние (прп. Ефрем Сирин, 32, 206).

***

...Если, услаждаясь грехом, будешь коснеть в нем, то покаяние отвратится от тебя, потому что знал ты, как оно хорошо, и предпочел ему грех (прп. Ефрем Сирин, 32, 207).

***

Не будь сегодня кающимся, а наутро грешником, и один день — в числе грешников, а другой — в числе кающихся (прп. Ефрем Сирин, 33, 134).

***

Не с двоедушным сердцем приближайся к Испытующему все помышления наши и не двояким путем иди к Ведущему сокровенное (прп. Ефрем Сирин, 33, 135).

***

Он <Бог> не ведет счета долгам твоим, потому что не требовал у меня отчета в долгах. Покажи Ему только покаяние, и отымет у тебя беззакония твои (прп. Ефрем Сирин, 33, 139).

***

При таком попечительном Враче не буду скрывать немощей своих от Его целебных пособий, потому что и на

мои струпы в обилии изливает Он врачевства Свои (прп. Ефрем Сирин, 33, 140).

***

Если кающийся и по обращении своем впадает в грех, то пусть прибегает опять к покаянию; оно разрешит греховные узы (прп. Ефрем Сирин, 33, 153).

***

Если и тысячи раз согрешишь, но потом опять прибегнешь к покаянию, то снова очистишься от скверн и от соделанных тобой беззаконий (прп. Ефрем Сирин, 33, 153).

***

Если, ложась спать ночью, и греху дал ты место с собой на ложе; то наутро иди с покаянием в дом ко Врачу, и Он исцелит тебя (прп. Ефрем Сирин, 33, 154).

***

От того, кто просит оставления грехов, <Господь> требует только произволения, потому что произволение заменяет собой всесожжения и жертвы (прп. Ефрем Сирин, 33, 156).

***

...Вредит покаянию коснение в одних и тех же грехах (свт. Иоанн Златоуст, 44, 33).

***

...Не устыдимся исповедать грехи свои, потому что велика сила исповеди и много может сделать она. Вот и

разбойник <на кресте> исповедался и нашел отверстый рай; исповедался — и получил дерзновение, будучи разбойником, просить Царства (свт. Иоанн Златоуст, 45, 460).

***

...Ничто так не умилостивляет Бога, как исповедание грехов. А это бывает тогда, когда избегают обществ, заглушающих страх ко грехам и располагающих к беспечности (свт. Иоанн Златоуст, 48, 489).

***

Согрешивший, если будет бодрствовать, покаянием скоро исправляет свой проступок; а кто отчаивается и не кается, тот потому и остается без исправления, что не употребил врачевства покаяния (свт. Иоанн Златоуст, 50, 857).

***

К Нему <Богу> прибегай с покаянием и слезами. Покайся — и не сомневайся, покайся — и не унывай более, не отчаивайся в своем спасении. На небе радость, когда ты каешься, а ты медлишь? Ангелы ликуют, а ты понурил голову? Ради тебя пришел Врач душ, а ты скрываешь рану? (свт. Иоанн Златоуст, 51, 713).

***

Если же ты желаешь как следует покаяться, то бодрствуй над грехом и постарайся сохранить в безопасности остальное (свт. Иоанн Златоуст, 51, 986).

***

Ее <душу>, устаревшую от грехов, ввергни в горнило покаяния; ударяй ее с великой высоты молотом, т. е. исповеданием грехов; воспламени огонь Духа (свт. Иоанн Златоуст, 52, 249—250).

***

...Непрестанно пребывай в покаянии, которое является основанием нашего спасения, так как мы не знаем ни дня, ни часа, в который придет Господь наш (свт. Иоанн Златоуст, 52, 886).

***

Если в настоящей жизни мы покажем хотя некоторое тщание <к покаянию>, то получим величайшую пользу; а если отойдем отсюда, нисколько не исправившись, то, как бы сильно мы ни раскаивались там, не будет нам никакой пользы (свт. Иоанн Златоуст, 53, 230).

***

Не на свое покаяние надейся. Разве твое покаяние может в самом деле очистить такие скверны? Если бы было одно только покаяние, тебе действительно следовало бы бояться; но так как с покаянием соединяется Божие милосердие, то надейся, потому что оно превосходит твою злобу (свт. Иоанн Златоуст, 55, 497).

***

Кающийся должен не гневаться и не сердиться, а сокрушаться как виновный, как не имеющий дерзновения,

как осужденный, который должен получить спасение по одной только милости, как человек, оказавшийся неблагодарным к благодетелю, отверженный и достойный бесчисленных наказаний (свт. Иоанн Златоуст, 55, 501).

***

Тот, кто омывается и снова затем валяется в той же самой грязи, равно как и тот, кто разрушает, что построил, и строит, чтобы опять разрушить, не получает ничего, кроме напрасных трудов и мучений (свт. Иоанн Златоуст, 55, 684).

***

...Пока еще мы каемся и уязвляемся воспоминанием о порочных делах, необходимо, чтобы слезы раскаяния, происходящие от исповедания вины, угашали мучительный огонь совести. Но если по милости Божией совесть более не будет терзать смиряющегося и сокрушающегося таким образом, и воспоминание о грехах будет усыплено, то из этого должно заключить, что таковой уже удовлетворил за грехи и совсем очищен от них. Впрочем забыть грехи не иначе можно, как только когда искоренятся пороки и страсти прежние и сердце сделается совершенно чистым. Но известно, что такая чистота возможна не для тех, кои по нерадению, беспечности не занимаются очищением себя от пороков, а для тех, кои с сокрушением и постоянною ревностию исправляют порчу, причиненную грехами, и всею силою души взывают к Богу: *беззаконие мое познах и греха моего не покрых* (Пс. 31, 5); *быша слезы моя мне хлеб день и нощь* (Пс. 41, 4); они удостоятся услышать: *отъях яко облак беззакония твоя, и яко примрак грехи*

твоя (Ис. 44, 22); *Аз есмь, Аз есмь заглаждаяй беззакония твоя Мене ради и грехи твоя, и не помяну* (Ис. 43, 25), и освободившись от уз грехов своих, которыми всякий связывается (см.: Притч. 5, 22), с благодарностию воспоют Господу: *растерзал еси узы моя. Тебе пожру жертву хвалы* (Пс. 115, 7—8) (авва Пинуфий, 56, 532—533).

***

Прекрасно и похвально покаяние, но для немногих бывает возможно. Посему Бог, Который желает нам жизни, приобретаемой обращением, да изведет из сердца твоего воду, и она да соделается для тебя второй баней и добровольной купелью, очищающей совесть твою от скверны, так что доставишь радость Ангелам, которых ты, согрешив, опечалил (прп. Исидор Пелусиот, 60, 231).

***

Не оставляй неизглаженным греха даже и самого малого, чтобы впоследствии он не повлек тебя к большему злу (прп. Марк Подвижник, 69, 20).

***

Господь всем заповедует: *покайтеся* (Мф. 4, 17), чтоб даже и духовные и преуспевающие не пренебрегали этим повелением, не оставляя без внимания и самых тонких и малых погрешностей; ибо сказано: *уничижаяй малая, по мале упадет* (Сир. 19, 1). И не говори: как может пасть духовный? Пребывая таким, не падает: когда же допустит в себя что-либо малое из противного, и пребудет в нем, не покаявшись, то сие малое, укоснев и возрастя, уже

не терпит оставаться отдельно от него, но влечет его к соединению с собою, как бы некою цепью, долговременною привязанностию привлекая насильно. И ежели вступив с ним (с сим злом) в борьбу посредством молитвы, отвергнет его, то останется в своей мере духовного возраста. Если же конечно сведен будет (с обычной степени) возрастающим усилием того, что обладает им, сокращая борьбу и труд молитвы, то неизбежно будет прельщаться и другими страстями. Итак, постепенно будучи отводим каждою по мере своего отведения, лишается Божественной помощи; и наконец бывает сведен и в большие преступления иногда и нехотя, от понуждения предварительно возобладавшего им. Но ты скажешь мне: не мог ли он, будучи в начале зла, умолить Бога не впасть в конечное зло? И я тебе говорю, что мог, но презрев малое, и собственною волею восприняв его в себя, как ничтожное, он уже не молится о сем, не зная, что сие малое бывает предначинанием и причиною большего: так бывает в добром и злом! Когда же страсть усилится, и при помощи его произволения найдет себе в нем место, то она уже против его воли насильно возносится на него. Тогда уразумев беду свою, он молит Бога, ведя брань с врагом, которого по незнанию защищал прежде, препираясь за него с людьми. Иногда же, и будучи услышан от Господа, не получает помощи, потому что она приходит не как думает человек, но как устроят Бог к пользе нашей. Ибо Он, зная нашу удобопреклонность и презрительность, много вспомоществует нам скорбями, дабы, избавившись бесскорбно, мы не стали усердно делать те же согрешения. А потому и утверждаем, что необходимо терпеть постигающее нас и весьма прилично пребывать в покаянии (прп. Марк Подвижник, 89, 498—499).

***

Понуждающий себя и держащийся покаяния до самой кончины, если в чем и погрешит, спасется за понуждение себя... (прп. Марк Подвижник, 89, 500—501).

***

Если хочешь приносить Богу неукоризненное исповедание, то, не воспоминая по виду (в подробностях) прежних своих поползновений, терпи мужественно последствия их (прп. Марк Подвижник, 89, 553).

***

...Надобно непрестанно внимать чувству сокрушенного исповедания (питать сие чувство), чтоб совесть наша как-нибудь не обманула себя, подумав, что уже довольно сокрушалась и исповедовалась Богу. Ибо суд Божий гораздо строже суда нашей совести, хотя бы кто и ничего не знал за собою худого с полным удостоверением, как учит премудрый наш Павел: *но ни сам себе востязую: ничесоже бо в себе свем, но ни о сем оправдаюся: востязуяй же мя, Господь есть* (1 Кор. 4, 3—4). Если же мы не будем достодолжно и об этих (невольных и неведомых) грехах исповедоваться, то во время исхода нашего страх некий неопределенный найдем в себе. А нам, любящим Господа, надлежит желать и молиться, чтоб в то время оказаться непричастными никакому страху: ибо кто тогда будет находиться в страхе, тот не пройдет свободно мимо князей адских, потому что эту боязливость души они считают за признак соучастия ее в их зле, как это в них самих есть. Обрадованная же любовию Божиею душа в час разрешения от тела, с Ангелами мира несется выше всех темных

полчищ, потому что такая душа некако окрылена бывает духовною любовию, имея в сей любви полное без всякого недостатка исполнение закона. Почему исходящие из сей жизни с таким дерзновением и во Второе пришествие Господне восхищены будут со всеми святыми. Те же, которые во время смерти хотя мало поражаемы бывают страхом, будут оставлены тогда в толпе всех других людей, как состоящие под судом, чтоб, испытаны быв огнем суда, должный им по делам их удел получили они от Благого Бога нашего и Царя Иисуса Христа. Ибо Он есть Бог правды, и Его есть на нас любящих Его богатство благ Царствия Его, в век и во все веки веков (блж. Диадох, 91, 73—74).

***

Держа памятование о своих погрешениях, не ленись ударять в перси свои, чтоб такими ударами разбить и умягчить окаменелое сердце, как каменщики <золотоискатели> разбивают металлоносную почву; и обретешь в нем жилу злата, и возрадуешься о сокровенном сокровище (прп. Иоанн Карпафский, 91, 102).

***

Непрестанно открывай немощь свою пред Богом, и не будешь искушаем чуждыми, как скоро останешься один без Заступника своего (прп. Исаак Сирин, 58, 20).

***

Покаяние и частые сношения с людьми — то же, что разбитая бочка (прп. Исаак Сирин, 58, 411).

***

Как огонь противен воде, так и кающемуся несродно судить (прп. Иоанн Лествичник, 57, 97).

***

Которые не имеют расположения приносить покаяние, те чаще и грешат; а которые не по расположению грешат, тем удобоисполнимее покаяние, в котором к тому же редко и потребность бывает (прп. Илия Екдик, 91, 423).

***

...Если какой грешник, вняв тому, что говорит Иоанн Богослов: *всяк согрешаяй, не виде Его, ни позна Его* (ср.: 1 Ин. 3, 6), придет в чувство и, познав, какому бедствию подпал он из-за грехов своих, приимет свет покаяния и начнет нести подвиги покаянные, посредством... дел, — поста, молитвы и прочего, чтобы Бог, видя сокрушение сердца его, смирение и ревность, возблагоутробствовал к нему и примирился с ним: то Бог, видя смирение его и труд, оставляет все грехи его, примиряется с ним и являет в нем знамения сего помилования и примирения. Таковые знамения суть — упокоение от страстей, которые его одолевали, ненависть ко греху, страх Божий, держимый во всяком месте, так как Бог вездеприсущ, сокрушение и умиление сердечное, благоговение, внимание ума к Божественным песням, к чтению и слушанию Божественных Писаний. Ибо невозможно, чтоб в ком-либо оказались сии доброты духовные прежде умилостивления Бога и примирения с Ним. Когда же Божественная благодать примиряется с душою, тогда осеняет ее, объемлет ее некиим образом

невидимо и делает то, что ум человека того установляется и собирается в себя, бывши дотоле непостоянным и рассеянным (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 358—359).

***

...Кто зла держится как добра, тот с великим затруднением приходит в покаяние и совсем не соглашается принимать такие целительные врачевства. Ибо как возможно, чтоб решился на такое духовное себя-врачевание тот, кто не верует и даже в мысли не держит, что болен душою или пал? (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 242).

***

Взялся ты нести покаяние — да не идут же вслед тебя любоимение, утехи, честь, украшения, несдержанность чувств... парения мыслей, пленение ума, распущенность... (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 164—165).

***

...Благодать нисходит... на всякого кающегося. Но ему сопутствовать должна решимость, обетом скрепленная, не поблажать себе потом, а строго блюсти и охранять себя от всяких падений, не только больших, но и малых, с присовокуплением усердной молитвы о благодатной к тому помощи (прп. Никодим Святогорец, 70, 124).

***

Сила покаяния основана на силе Божией: Врач всемогущ, — и врачевство, подаваемое Им, всемогуще (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 97).

***

Установитель покаяния — Творец твой, создавший тебя из ничего. Тем легче Он может воссоздать тебя, претворить твое сердце: соделать сердце боголюбивое из сердца грехолюбивого... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 99).

***

Сознанием грехов моих, раскаянием в них, исповеданием их, сожалением о них повергаю все бесчисленное их множество в пучину милосердия Божия (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 119).

***

Не наследовал я покаяния, потому что еще не вижу греха моего. Я не вижу греха моего, потому что еще работаю греху. Не может увидеть греха своего наслаждающийся грехом, дозволяющий себе вкушение его — хотя бы одними помышлениями и сочувствием сердца (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 122).

***

Внимание и сокрушение духа — вот та клеть, которая дана в пристанище кающимся грешникам. Она — преддверие святилища. В ней будем укрываться и заключаться от греха (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 265—266).

***

Господь призывает человека к покаянию и спасению до последней минуты его жизни. В эту последнюю минуту еще отверсты двери милосердия Божия всякому, толкущему в них (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 112).

***

Покаяние в смертном грехе тогда признается действительным, когда человек, раскаявшись в грехе и исповедав его, оставит грех свой (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 115).

***

Тот, кто желает раскрыть в себе глубокое чувство покаяния, употребляет в орудие к достижению такого состояния краткую молитву, произнося ее со всевозможным вниманием и благоговением (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 29).

***

Покаяние для ожесточенного сердца — невозможно: надо, чтобы сердце смягчилось, исполнилось соболезнования и милости к своему бедственному состоянию греховности. Когда обымется и преисполнится сердце милостию: тогда только оно делается способным к покаянию... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 43).

***

Если же приступишь к Таинству покаяния с небрежением, с лукавством, скрытностию, то совершишь начинание сатанинское, наругаешься Всемогущему и Всевидящему Богу... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 66).

***

Покаяние требует содействия воли человеческой воле Божией; воскресение из смерти греховной есть действие

единой воли Божией... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 439—440).

***

...Необходимы для вступления в подвиг истинного покаяния отречение от мира и отречение от себя, от своих похотений и пристрастий (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 460).

***

Зная силу сего Таинства <покаяния>, что оно уничтожает все его <вражии> труды и хлопоты о погибели грешащих, он всячески старается пресекать плодотворность его, — и или совсем от него отклоняет, или наводит неверие в силу его и безнадежие получить прощение чрез него (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 133).

***

Первое в производстве покаяния есть войти в себя <увидеть себя> (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 92).

***

Милостивый Бог дает нам надежду прощения вины, если сокрушенно раскаемся и положим твердое намерение избегать прежних грехов и не прогневлять ими Бога (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 134).

***

Главное в покаянии есть болезнь сердца о своей неисправности пред Господом и твердое намерение старать-

ся впредь быть во всем исправною (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 152).

Истинное покаяние

Кто воздает злом за зло, тот далеко отстоит от истинного покаяния (прп. авва Исаия, 59, 140).

***

Не тот исповедует грех свой, кто сказал: «Согрешил я», и потом остается во грехе; но тот, кто, по слову псалма, *обрел грех свой, и возненавидел* (ср.: Пс. 35, 3) (свт. Василий Великий, 6, 50—51).

***

Покаяние же требует, чтобы человек сперва возопил в себе, и сокрушил сердце свое, потом стал добрым примером для других, а для сего соделал себя слышимым, и объявил образ покаяния (свт. Василий Великий, 6, 352).

***

Кающиеся должны горько плакать и прочее, что свойственно покаянию, изъявлять от сердца (свт. Василий Великий, 7, 306).

***

Согрешили мы, возлюбленные? Покаемся, потому что Господь приемлет покаяние истинно кающихся (прп. Ефрем Сирин, 30, 153).

***

Истинное же покаяние состоит в том, чтоб удалиться от греха и возненавидеть оный... И тогда Бог с радостью приемлет приходящего к Нему (прп. Ефрем Сирин, 31, 346).

***

Некоторые из кающихся снова возвращаются ко греху, потому что не знали скрывающегося в них змия, а если и знали, то не совершенно удалили его от себя, ибо позволили остаться там следам его образа; и он вскоре, как бы зачавшись в утробе, снова восстановляет полный образ своей злобы. Когда видишь кающегося и снова согрешающего, то разумей, что он не переменился в уме своем, потому что в нем еще все пресмыкающиеся греха. — Признак же приносящего твердое покаяние — образ жизни собранный и суровый, отложение кичливости, самомнения, а также очи и ум всегда устремленные к вожделенному Иисусу Христу, с желанием, по благодати Христовой, стать новым человеком... (прп. Ефрем Сирин, 32, 183).

***

Грешу я ежедневно и непрестанно приношу покаяние; но оно не истинно; потому что тотчас приходит опять грех и обращает его в ничто (прп. Ефрем Сирин, 33, 129).

***

У мытаря и блудницы научился я умолять об изглаждении моих рукописаний. На гонителе Павле познал я милосердную благость Твою (прп. Ефрем Сирин, 33, 140).

***

Сокровище Божества отверсто было пред грешницей, чтобы через приближение свое к Нему соделалась она образцом для кающихся (прп. Ефрем Сирин, 33, 167).

***

...Наше покаяние... в сравнении с покаянием ниневитян — не более как тень (прп. Ефрем Сирин, 34, 123).

***

Истинно кающийся — всегда в страхе, и во время тишины, когда полон упования, непрестанно памятует о наказании (прп. Ефрем Сирин, 34, 123).

***

Слушайте и содрогнитесь: хотя море благости и исполнено щедрот, но, если человек не приносит покаяния, не получит милости в день Суда (прп. Ефрем Сирин, 34, 238).

***

...Истинное покаяние не то, которое произносится лишь на словах, а то, которое утверждается делами и, исходя из самого сердца, истребляет скверну нечестия (свт. Иоанн Златоуст, 45, 367).

***

Недостаточно сказать, что я — грешник, но должно вспомнить и о самих грехах, о каждом в отдельности (свт. Иоанн Златоуст, 45, 709).

***

Совершенное покаяние состоит в том, чтобы более не делать тех грехов, в коих мы признаемся, или в коих обличает нас совесть; а доказательством того, что удовлетворено за грехи и что они прощены нам, служит то, если истреблено из наших сердец и расположение к ним. Надобно помнить, что тот еще не разрешен от грехов, кто во время покаяния и удовлетворения за них представляет себе образы их и воспоминает о них. Из этого следует, что тогда должно почитать себя разрешенным и прощенным в прежних грехах, когда сердце и воображение уже не оольщаются ими. Итак, в совести нашей есть неложный свидетель, который еще прежде суда уверяет нас об окончании покаяния и даровании нам прощения; кратко сказать, в том, что нам прощены прежние грехопадения, должно уверять нас то, если истреблены из сердец наших желание их и пристрастие к настоящим удовольствиям (авва Пинуфий, 56, 531—532).

***

Истинно кающийся подвергается осмеянию безумных. И это есть для него знак угождения Богу (прп. Марк Подвижник, 69, 20).

***

Истинно кающийся не полагает, что труд его служит заменою прежних грехов, но им умилостивляет Бога (прп. Марк Подвижник, 69, 32).

***

Признак прилежного покаяния заключается в том, что человек почитает себя достойным всех случающихся ему

видимых и невидимых скорбей, и еще больших (прп. Иоанн Лествичник, 57, 70).

***

...Истинное покаяние с исповедию и слезами, как некими пластырями и лекарствами, омывает и очищает рану сердца, и самую язвину, какую до сердца открыло жало мысленной смерти, — потом извлекает вон червя, который сделал себе внутри нору и жил там, и убивает его, — наконец залечивает рану и место ее делает совершенно здоровым, так что даже и следа ее не остается. Это... знают... только те, которые имеют сердце, ищущее здравия притрудно, со слезами и покаянием (при. Симеон Новый Богослов, 77, 339).

***

...Бог не забудет прежних твоих трудов и потов, коль скоро ты сокрушенное о падениях своих носишь сердце... (прп. Никита Стифат, 93, 96).

***

Истинная молитва есть голос истинного покаяния. Когда молитва не одушевлена покаянием, тогда она не исполняет своего назначения, тогда не благоволит о ней Бог (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 161).

***

Явный грешник — грешник, впавший в смертные грехи... способнее к покаянию того мнимого праведника, который по наружному поведению неукоризнен, но в тайне

души своей удовлетворен собою (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 278).

***

...Нет греха, который бы противостоять мог действию покаяния искреннего... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 232).

Слезное покаяние

Подлинно блаженное дело — не грешить, а согрешающим — не отчаиваться, но плакать о том, в чем согрешили, чтобы слезами опять улучить блаженство (прп. Ефрем Сирин, 32, 12).

***

Прекрасный и богоугодный праздник — покаяние со слезами. Это праздник, на котором сопразднует Господь (прп. Ефрем Сирин, 32, 23).

***

Если один обычай влечет тебя ко Врачу, то не получишь здравия. Слезами только и сокрушением врачуется болезнь твоя (прп. Ефрем Сирин, 33, 155).

***

Вошла она <грешница> в слезную купель, чтобы очиститься в ней; а если бы устыдилась Света, то вышла бы из купели без оставления грехов.

Взяла она с собой миро и слезы и пришла к Виновнику святыни, чтобы при омовении ее соблюден был весь чин Крещения.

Немного воды влила она и смешала с драгоценным миром; и таким образом совершено там таинство Святого крещения.

Первосвященник Своей рукой изгладил и разрешил вины грешницы, которой прегрешения, скверны и студные дела были многочисленны (прп. Ефрем Сирин, 33, 167).

***

Как любит Бог грешника, когда приступает он к покаянию и, с полными слез очами, воздыхая и рыдая, взывает Ему: «Господи наш, избавь меня от огня! Молю Тебя, приими слезы моего убожества. Добровольно грешил я пред Тобой, но добровольно и каюсь» (прп. Ефрем Сирин, 33, 203).

***

Если будешь плакать ты, грешник, и сокрушаться о своих согрешениях, и с верой умолять Господа, Он оставит тебе беззакония твои, и излиются на тебя щедроты Его, потому что жаждет и желает Он обращения твоего (прп. Ефрем Сирин, 34, 69).

***

Велик огонь греха, но угасает от немногих слез, потому что слеза гасит пожар греховный и омывает зловоние греха (свт. Иоанн Златоуст, 45, 372).

***

...Восплачь о грехе, чтобы тебе не восплакать о наказании; оправдись пред Судьей прежде, чем предстанешь пред судилищем (свт. Иоанн Златоуст, 45, 373).

***

Твои грехи записаны в книге; твои слезы могут послужить для них губкой. Плачь — и они сотрутся; плачь — и книга окажется на небе чистою. Сокрушение о грехах — великая губка; велика сила слез (свт. Иоанн Златоуст, 48, 656).

***

Плачь и стенай, когда согрешишь, не о том, что будешь наказан, так как это ничего не значит, но о том, что ты оскорбил своего Владыку, Который столь кроток, столько тебя любит, столько заботится о твоем спасении, что и Сына предал за тебя. Вот о чем плачь и стенай и делай это непрестанно, потому что в этом и состоит исповедание (свт. Иоанн Златоуст, 53, 512).

***

...Если не очищу скверны грехов моих слезами моими, но отыду из настоящей жизни осквернённым, то праведно буду предан поруганию и Богом и Ангелами, и ввергнут в неугасимый огнь вместе с демонами (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 140).

***

...Ни плач не бывает без покаяния, ни слезы без плача, но три сия соединены неразлучно между собою, и одному чему-либо из сего невозможно явиться без других (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 271).

***

Известно вам, как теплота покаяния и горячесть слез оных, исходящих из самой глубины сердца, испаряют и

сожигают, как огнь, всю греховную скверну, и душу оскверненную ею делают совершенно чистою; и не только это, но душа при сем получает еще богатое осияние Божественного света, благодатию Духа Святаго, преисполняется милостию Божиею и благими плодами (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 286—287).

***

Прежде плача и слез, — никто да не прельщает нас пустыми словами, и сами себя да не прельщаем, — нет в нас покаяния, ни истинного намерения перемениться, ни страха Божия в сердцах наших; не сознали еще мы себя виновными и не осудили, и душа наша не была еще в чувстве будущего Суда и вечных мук. Ибо если б мы осудили себя, если б возымели такие движения сердца, если б были в таких чувствах, то тотчас извели бы и слезы. Без этого же ни жестокосердие наше никак не может умягчиться, ни душа наша стяжать духовное смирение, ни мы не в силах сделаться смиренными. А кто не таков, тот не может соединиться с Духом Святым; не соединившийся же с Ним чрез очищение себя от всего страстного, созерцания Бога и Боговедения сподобиться не может, и недостоин сокровенно научаемым быть добродетелям смирения (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 529—530).

***

Скорби и болезни покаяния заключают в себе семя утешения и исцеления. Это таинство открывается плачем... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 202).

***

...Слезы покаяния с покаянными подвигами, особенно же с милостынеподаянием, изглаждают все грехи (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 138).

Дела покаяния

На словах прилежно каюсь, а делами весьма далек от покаяния (прп. Ефрем Сирин, 30, 290).

***

...Постараемся мы сотворить дела достойные покаяния, чтобы не понести нам иначе двойного наказания, как уничижившим благодать Божию и не помянувшим благодеяний Божиих (прп. Ефрем Сирин, 31, 165).

***

Приносишь ты покаяние в идолослужении? Бегай гаданий, наблюдений полета птиц и других примет — это части идолослужения, когда по сим признакам прорицают, звездочетствуют, обращаются с вопросами к... гадателям (прп. Ефрем Сирин, 32, 169).

***

Приносишь ты покаяние в блуде? Осуждай всякий блуд, потому что им порождены всякие распутства. Берегись смеха, шуток, сквернословия, чревоугодия — это пути к блуду (прп. Ефрем Сирин, 32, 169—170).

***

Приносишь покаяние в лукавстве? Бегай раздражительности, ненависти, зависти, противной робости и всякой низости (прп. Ефрем Сирин, 32, 170).

***

Приносишь ты покаяние в сделанной неправде? Отжени от себя всякую неправду, потому что от неправды прозябли все излишества сребролюбия (прп. Ефрем Сирин, 32, 170).

***

Приносишь покаяние в том, что поссорился? Приучи язык свой отвечать кротко (прп. Ефрем Сирин, 32, 170).

***

Приносишь покаяние в безрассудстве? Не только уклоняйся зрелищ, но и во всяком месте удаляй от себя смех и всякую мирскую забаву. Ибо подобные сим вещи принуждают возвращаться к прежнему (прп. Ефрем Сирин, 32, 170).

***

...Если приносишь покаяние в чревоугодии, то приноси покаяние во всяком угождении чреву, потому что посредством самых малостей вкрадывается оно снова, и что легко пренебрегается, тем вводит ум в погрешность (прп. Ефрем Сирин, 32, 173).

***

...Должен ты принести твердое покаяние, как Петр, потому что твердо грешил. Скажи мне: когда творил ты блуд, вместе с телом не действовала ли и душа твоя? Как

же теперь хочешь целомудриться одним телом? Когда грабил ты, вместе с плотью не напрягался ли и ум твой? Как же теперь хочешь одной наружностью доказать свое постоянство? Законы не судят, если дело не обличено, не наказывают тех, которые имеют только вид убийцы. Так и Бог не приемлет покаяния, не оказывающего в себе твердого дела. Многие подражают в походке царям, а другие в поступках подражают мучителям, но за это одних не судят, как мучителей, а другим не кланяются, как царям. Так и кающиеся, если нетвердо принесут покаяние, будут то же, что подражатели (прп. Ефрем Сирин, 32, 174—175).

***

В подвиге покаяния да увидит тебя наступивший конец, в святом ратоборстве да застигнет тебя смерть (прп. Ефрем Сирин, 33, 134).

***

Если же исповедание грехов доставляет такое утешение, то гораздо более — очищение их делами (свт. Иоанн Златоуст, 44, 27).

***

...Великий (путь) покаяния ты имеешь в милостыне, которая может освободить (тебя) из уз греховных... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 330—331).

***

...Покаяние без милостыни мертво и лишено крыльев; не может окрылиться покаяние, не имея крыла милостыни (свт. Иоанн Златоуст, 45, 373).

***

Стыдись грешить, но не стыдись каяться (свт. Иоанн Златоуст, 45, 380).

***

...Пусть наше покаяние не ограничивается только одними словами, так как нелепо было бы, если бы оно состояло только в словах и Церковь Господа нашего Иисуса Христа не созидалась посредством дел (свт. Иоанн Златоуст, 52, 899).

***

Покаяние свидетельствуется не словами, а делами (свт. Иоанн Златоуст, 54, 970).

***

...Он <Господь> отпускает согрешивших, если они принесут разрешительный от греха выкуп — слезы покаяния, труд перемены душевного расположения, — проявления милосердия: ибо *хвалится милость на суде,* по Писаниям (Иак. 2, 13) (свт. Кирилл Александрийский, 65, 56).

Плоды покаяния

...Верьте вы, которые по грехам своим отчаялись в спасении и, прилагая грехи к грехам, отягощаете жизнь свою: если обратитесь ко Господу от всего сердца вашего, и будете творить правду в остальные дни своей жизни и служить Ему по воле Его, то Он уврачует прежние грехи ваши; и будете иметь силу господствовать над делами дьявола (св. Ерм, 94, 199).

***

Господь не увещал бы к покаянию иначе, как только потому, что обещает помилование кающимся (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 233).

***

Не обращай в уме своем грехов, некогда совершенных тобой, чтоб они опять не возобновились. Будь уверен, что они прощены тебе в то время, как ты предал себя Богу и покаянию, и нимало в том не сомневайся (прп. Антоний Великий, 89, 111).

***

Бог дал человеку власть... изменяться чрез покаяние и соделываться посредством оного совершенно новым (прп. авва Исаия, 59, 164—165).

***

...Когда оставит человек грехи свои и обратится к Богу, тогда покаяние его возрождает его и делает его всего новым (прп. авва Исаия, 89, 462).

***

Кающимся недостаточно ко спасению одно удаление от грехов, но потребны им и плоды достойные покаяния (свт. Василий Великий, 7, 307).

***

Сколько сами желаем, столько и прощает Благий Бог (прп. Ефрем Сирин, 30, 297).

***

...Как вода угашает огонь, так чистое покаяние угашает ярость и отвращает гнев (прп. Ефрем Сирин, 31, 148).

***

...В нем <покаянии> состоит духовная лихва, потому что покаяние жнет, чего не сеяло. Тело сеет тление, а покаяние, и его пожиная, возводит до чистоты. Порок сеет страсти, а покаяние, исторгая их, посевает доблестное житие (прп. Ефрем Сирин, 32, 154).

***

Покаяние — многообильный плод... потому что всякими способами приносит Богу доблестные дела. Это многоплодное поле, потому что возделывается во всякое время (прп. Ефрем Сирин, 32, 154).

***

Кающийся сам себя делает из меди золотом и также из дерева камнем. Когда принесет покаяние законно, сам себя воскресит из мертвых и из тьмы сделается светом. Следовательно, благочестивый может и созидать, потому что покаяние делается в нем началом Божественной силы (прп. Ефрем Сирин, 32, 176).

***

Страшный райский Херувим, стрегущий вход в рай, позволяет идти туда тебе, кающийся, новый наследник рая (прп. Ефрем Сирин, 33, 136).

***

Чем воздала Тебе, <Господи>, оная блудница, когда оставил Ты ей все долги ее? — Купила только мира и пришла помазать ноги Твои.

Дорога и прекрасна была любовь ее, победоносна была вера ее; потому что за миро и слезы очей своих получила от Тебя оставление грехов.

У нее грехи, миро и слезы, а у Тебя милость и полнота щедрот. Слезами своими омыла она ноги Твои и волосами своими отерла их.

Миром помазала члены Твои и получила от Тебя прощение в грехах. Маловажен принесенный ею дар в сравнении с полученным оставлением грехов.

В пламенеющий поток погружена была осквернённая сия грешница, и капли слез из очей ее угасили этот огненный поток.

Каплями слез оросила она святые ноги Твои; и река огненная угасла, и запаление не обратило ее в пепел.

Из очей осквернённой и нечистой грешницы истекшие воды пали на огненные волны; и они обратились вспять и не попалили ее (прп. Ефрем Сирин, 33, 151—152).

***

Господь весьма любит кающихся; у Него готово прощение грешнику, только бы оставил он лукавство свое, и получит оставление грехов (прп. Ефрем Сирин, 33, 152).

***

Имей сострадание, грешник, к телу своему, покрытому гнойными струпами и нечистотами; ибо Врачу, как скоро

будешь просить Его, нетрудно уврачевать твои болезни, обвязать твои язвы (прп. Ефрем Сирин, 33, 153).

***

К животворному Огню, который прикровен был плотью и воспламенял мир, приблизилась она <евангельская блудница> телом своим; от сего и сама воспылала огнем, и потреблены в ней терния грехов... (прп. Ефрем Сирин, 33, 168).

***

Кто угрызен ядоносным змием, который угрыз праотца нашего Адама, тот с воздыханиями умоляй Врача, и Он, по щедротам Своим, исцелит его от угрызения (прп. Ефрем Сирин, 33, 180).

***

Никогда Он <Бог> не отвергает искреннего раскаяния; но хотя бы кто дошел до самой крайней порочности, а потом решился бы возвратиться опять оттуда на путь добродетели, и такого Он принимает и приближает к Себе, и делает все, чтобы привести его в прежнее состояние (свт. Иоанн Златоуст, 44, 8).

***

...Если кто окажет неполное раскаяние, то и краткого и малого Он не отвергает; даже и за него назначает великую награду (свт. Иоанн Златоуст, 44, 8).

***

...Как подавшего чашу холодной воды ожидает воздаяние, так и покаявшийся в злых делах своих, хотя бы и не оказал покаяния соразмерного с грехами, и за это получит воздаяние (свт. Иоанн Златоуст, 44, 12).

***

...Обратившимся через покаяние можно просиять много и светло, а часто даже и более тех, которые не падали с самого начала... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 29).

***

...Отпущение грехов — источник спасения и воздаяние покаяния (свт. Иоанн Златоуст, 45, 362).

***

Не по виду лишь притворяйтесь кающимися, а покажите плоды покаяния *пред очима Моима* (ср.: Ис. 1, 16), которые испытывают тайники сердца (свт. Иоанн Златоуст, 45, 367).

***

<Покаяние> отверзает человеку небо, оно возводит его в рай, оно побеждает дьявола (свт. Иоанн Златоуст, 45, 379).

***

Во грехе — гной, во грехе — поношение, во грехе — посмеяние; в покаянии — дерзновение, в покаянии —

свобода, в покаянии — очищение грехов (свт. Иоанн Златоуст, 45, 381).

***

...Умершее тело не восстает человеческой силой, а умершая душа восстает через покаяние (свт. Иоанн Златоуст, 45, 385).

***

Нет такого греха, который не изглаждался бы покаянием. Для того Христос и избрал крайние степени нечестия <гонителя Савла и мытаря Матфея для обращения их>, чтобы никто при конце не мог чем-нибудь оправдаться (свт. Иоанн Златоуст, 46, 464).

***

Разве Он <Бог> требует от нас чего-либо трудного и тягостного? Требует сокрушения сердца, смирения ума, признания во грехе, усердного прошения (о прощении) и (за это) дарует не только исцеление от ран и очищение от грехов, но и делает праведным того, кто доселе обременен был бесчисленными тяжестями грехов (свт. Иоанн Златоуст, 47, 182).

***

...Если Он <Бог> увидит, что и мы обратились к добродетели и уклонились от греха, и ревнуем о совершении добрых дел, то примет и наше обращение <покаяние> и, освободив нас от бремени грехов, подаст нам дары Свои (свт. Иоанн Златоуст, 47, 239).

***

Кто сознает и исповедует свой грех и, поколебавшись, не предастся беспечности и отчаянию, но восчувствует грех, тот тотчас же заметит даруемую Богом помощь и помилование (свт. Иоанн Златоуст, 48, 919—920).

***

Покаемся же и своим покаянием склоним Бога к тому, чтобы Он и положил конец войнам, и укротил варваров, и прекратил вражеские мятежи, и дал нам наслаждение всеми благами (свт. Иоанн Златоуст, 49, 710).

***

...Исповедуй все грехи твои подробно, чтобы узнать, сколь велик долг, который тебе прощается, и таким образом возбудишь в себе благодарность к своему Благодетелю (свт. Иоанн Златоуст, 50, 146).

***

...Нет ни одного греха, который бы не покорился и не был препобежден силою покаяния или, справедливее, благодатию Христовою (свт. Иоанн Златоуст, 50, 256).

***

Таково именно свойство, такова сила покаяния, этого драгоценного приобретения, — что оно снова возвращает кающемуся его прежнее достоинство, которое он имел до падения... <а> некоторые стали даже более совершенными (свт. Иоанн Златоуст, 52, 885).

***

С появлением света рассеивается тьма, — когда является покаяние, уничтожается грех (свт. Иоанн Златоуст, 52, 900).

***

...Покаяние восстановляет падшую душу, соделывает ее из отчужденной дружественною Богу; покаяние ободряет душу истерзанную, укрепляет колеблющуюся, исцеляет сокрушенную, делает здоровой уязвленную (свт. Иоанн Златоуст, 52, 917).

***

...Покаяние воздвигает душу проклятую, исправляет увечную, исцеляет сокрушенную и делает здравой израненную (свт. Иоанн Златоуст, 52, 983).

***

...Оно <покаяние> поднимает душу, преисполненную им, в беспредельную высоту, очищает в источнике слез ее греховную старость и облекает ее новизною Духа (свт. Иоанн Златоуст, 52, 984).

***

Сокрушенно вздыхая из глубины сердца, покаяние умилостивляет Бога, а источая из глаз слезы умиления, оно просвещает крещением осквернённые души. О, покаяние! Ты, происходя из смертного человека, являешься средством, доставляющим бессмертие. Преисполненная тобою душа говорит: *я черна, но красива* (Песн. 1, 4): черна вслед-

ствие горького плача о грехах, красива благодаря прекрасному сиянию, изливаемому покаянием (свт. Иоанн Златоуст, 52, 984).

***

Покаяние делает сокрушенную душу твердой, как металл, и тотчас изменяет сердце, покрытое терниями (свт. Иоанн Златоуст, 52, 984).

***

Покаявшийся после греха достоин не скорби, а ублажения, как вступивший в лик праведников (свт. Иоанн Златоуст, 53, 102).

***

Покаяние открывает нам Царство Небесное, вводит в рай и доставляет наслаждение вечными благами (свт. Иоанн Златоуст, 54, 964).

***

Действие же покаяния состоит в том, что оно соделавшихся новыми и потом чрез грехи опять обветшавших избавляет от этой ветхости и возвращает в состояние обновления... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 89—90).

***

...Если ты будешь исповедовать грехи, как должно исповедовать, то душа смирится, потому что совесть, терзая ее, делает смиренною. Со смиренномудрием должно соединять <сокрушенное сердце>... Сокрушенное сердце не возмущается, не оскорбляет, но всегда готово терпеть стра-

дания, а само не восстает. В том и состоит сокрушение сердца, когда оно, хотя само бывает оскорбляемо, хотя терпит зло, остается спокойным и не возбуждается к мщению. После смиренномудрия нужны напряженные молитвы и обильные слезы днем и ночью... А после столь усиленных молитв нужно великое милосердие. Оно в особенности делает сильным врачевство покаяния. Как во врачебных средствах, хотя лекарство содержит в себе много трав, но главную — одну, так и в покаянии подобною многоцелебною травою бывает милосердие, и даже от него зависит все (свт. Иоанн Златоуст, 55, 92).

***

...Велика сила покаяния, если оно делает нас чистыми, как снег, и белыми, как волна, хотя бы грех предварительно запятнал наши души (свт. Иоанн Златоуст, 55, 117).

***

Когда же Бог изглаждает грехи, то не оставляет ни шрама, не попускает остаться и следу, но вместе со здоровьем дарует и благообразие, вместе с освобождением от наказания дает и оправдание, и делает согрешившего равным несогрешившему. Хотя бы у человека были тысячи ран, но если он покается и сделает что-нибудь доброе, Бог так изглаждает их, что не остается ни шрама, ни следа, ни знака грехов (свт. Иоанн Златоуст, 55, 498).

***

...Для того, кто покаянием сотрясает с себя греховную смерть, воссиявает истинный свет (прп. Исидор Пелусиот, 62, 250).

***

...Уязвленные врагом, если не пренебрегут трудов покаяния, несомненно спасшись, похвалятся в день Суда... (прп. Нил Синайский, 72, 292).

***

...Велика сила покаяния, если делает нас белыми, как снег, убеляет, как волну, хотя бы предшествовавший грех в продолжительное время очернял и преображал душу негодными делами (прп. Нил Синайский, 73, 217).

***

Если и ненавистны мы Богу за грехи наши, то снова будем возлюблены за покаяние (прп. Нил Синайский, 73, 223).

***

...Возможно и по совершившемся падении снова покаянием достигнуть первоначального бесстрастия и прежней силы. Ибо всякий, кто с покаянием и молением просит, в надлежащее время снова приимет силу свыше и бесстрастие (прп. Нил Синайский, 73, 223).

***

...Заставляем демонов сетовать и горько плакать, когда прикоснемся к покаянию (прп. Нил Синайский, 73, 399).

***

...Великой сподобляются радости таковые <люди>, и слез сладких, и помышлений божественных, за то, что бо-

лезнование и сокрушение возделали в сердцах своих (прп. Иоанн Карпафский, 91, 84).

***

Когда человек памятует прежние свои грехи, и наказывает себя, тогда и Бог прилагает попечение о том, чтобы упокоить его (прп. Исаак Сирин, 58, 379).

***

Покаяние порождает соблюдение заповедей; а заповедей соблюдение очищает душу (авва Фалассий, 91, 301).

***

Пока ум наш стужаем бывает от греха, дотоле, знай, не улучили еще мы оставления его; ибо верно не сотворили еще мы плодов, достойных покаяния. Плод покаяния есть бесстрастие души; бесстрастие же есть изглаждение греха. Не имеем еще мы совершенного бесстрастия, если иногда стужаемы бываем от страстей, а иногда нет. Не улучили мы, значит, и совершенного оставления грехов. От прародительского греха освободились мы через Святое крещение, от тех же грехов, на которые дерзали мы по крещении, освобождаемся не иначе, как посредством покаяния (прп. Максим Исповедник, 91, 161).

***

Поелику же всякий кающийся смиряется, то ради сего Бог дает благодать Свою ему, яко смиренному, чтоб ненавидел и похотные и злые дела, и всегда помнил немощь свою и, помня ее, сострадал подобострастным себе чело-

векам и был снисходителен к немощам их, никого не осуждая во грехах их, чтоб был кроток и терпелив и обретал покой в душе своей. Дошедши до сего, начнет уже он петь Господу песнь нову, хвалу Богу нашему, т. е. начнет приносить благодарение Богу от чистого и сокрушенного сердца, потому что чистое сердце и есть сердце сокрушенное и смиренное. А всякое другое псалмопение, кроме такого, тщетно есть и бесполезно. Тому, кто не таким образом поет, невозможно беседовать с Богом посредством молитвы, хоть бы он трудился над этим много и долго; но устами будет он петь и произносить молитвы, а умом будет помышлять о том, что преогорчает Бога и подвигает Его на гнев (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 164—165).

***

...Какое показывает человек покаяние, такое же обретает и дерзновение и к Богу присвоение, удостоиваясь ясно сознать сие и беседовать с Богом, как друг с другом, лицом к лицу (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 299).

***

...Оно-то <покаяние> разгоняет неведение наше и приводит нас сначала к познанию человеческих вещей, самих себя и своего состояния, а потом к познанию и того, что выше нас, — вещей божеских, тайн веры нашей, недозримых и недоведомых для не кающихся. Этого познания никто не может стяжать, не исправив наперед сказанных мною добродетелей, хотя бы был первым философом в мире. А кто не стяжет такого познания, тот всю жизнь свою проведет в глубочайшей тьме неведения (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 86).

***

Тот, кто кается, тому свойственны следующие делания: он сокрушается, плачет, постится, лишает себя сна, спит на голой земле, охотно всем служит и переносит всякие неприятности и скорби, помышляя всегда о грехах своих, — и как почитает себя достойным великого наказания, без смущения претерпевает все, случающееся с ним, чтоб получить прощение грехов таким терпением своим (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 295).

***

Через покаяние совершается отмытие скверны прежних непотребных дел, а после такого очищения бывает причастие Святаго Духа; но не просто, а в силу веры, расположения (крепкой решимости стоять не падая) и смирения кающихся от всей души; и не только после проявления таких расположений, но и после того, как получится разрешение грехов от духовного отца и восприемника (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 533).

***

Через покаяние они <люди> делаются сынами Твоего Божественного Света (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 41).

***

...Неведение перстного ума, как мгла и мрак глубокий, покрывая очи душевные, отемненной и омраченной ее <душу> соделывает к уразумению Божественных и человеческих вещей, не могущей устремлять взора своего к озарениям Божественного Света, или вкушать благ оных,

которых око не видало, о которых ухо не слыхало, которые и на сердце человеку не входили (ср.: 1 Кор. 2, 9). Но, открывая очи свои покаянием, она все сие видит чисто, слышит внятно и разумеет разумно. И не только это, но и восхождения разумений о сем полагает в сердце своем. Вкусивши же потом и сладости сего, просвещается она в разуме и словом премудрости поведает всем о дивных благах оных, которые уготовал Бог любящим Его, и всех убеждает взыскать причастия их многими подвигами и слезами (прп. Никита Стифат, 93, 138).

***

Покаяние рождает молитву, и в сугубом количестве рождается от дщери своей (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 149).

***

...Чтобы последовало к нам благоволение Божие, нужно предочищение себя покаянием. В покаянии совмещаются все заповеди Божии. Покаянием вводится христианин сперва в страх Божий, потом в Божественную любовь (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 74).

***

Зрение греха своего и рождаемое им покаяние суть делания, не имеющие окончания на земле; зрением греха возбуждается покаяние; покаянием доставляется очищение; постепенно очищаемое око ума начинает усматривать такие недостатки и повреждения во всем существе

человеческом, которых оно прежде, в омрачении своем, совсем не примечало (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 127).

***

Чувство покаяния хранит молящегося человека от всех козней дьявола: бежит дьявол от подвижников, издающих из себя благоухание смирения, которое рождается в сердце кающихся (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 162—163).

***

При крещении мы рождаемся водою и Духом; при покаянии возрождаемся слезами и Духом (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 395).

***

...Спасемся мы от гнева <Божия> покаянием, которое исправляет все проступки наши, поддерживает нас во все время земного странствования нашего, извлекает нас из всякой греховной пропасти, как бы она ни была глубока (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 65).

***

Покаяние очищает душу от всех согрешений, восстановляет разрушенное святилище Божие (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 412).

***

Благодать Божия, осенив кающегося, разрушает в нем царство греха, водворяет Царство Божие, соделывается до-

стоверным залогом на получение вечных благ (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 440).

***

Кающемуся и дается благодать, которая образует в нем решимость угождать Господу, не щадя живота (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 227).

***

...Когда они <грешники> обращаются к Нему <Богу> с покаянием и желанием исправиться и обещанием, и приступают к сему, тогда Господь оставляет всех праведных и обращается к грешникам... и милует их (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 111).

***

Грехи под действием разрешения духовного отца тотчас прощаются. Но след их остается в душе, — и он томит. По мере подвигов в противлении греховным позывам следы сии изглаждаются... и томление то умаляется (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 174—175).

***

То и располагает к покаянию, что действием благодати открывается ясновидение себя, Бога и своей участи (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 255).

***

И от наказания покаяние освобождает. В разрешении <в Таинстве исповеди> рукописание грехов раздирается.

Человек объявляется невинным (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 256).

***

Кающемуся двери рая отворяются и объятия Отца Небесного простерты к нему (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 89—90).

***

...После искреннего раскаяния быстро начинает исправляться внутренний строй и добрый нрав (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 110).

Истинность покаяния

Сам себя переплавляешь ты, согрешивший, сам себя воскрешаешь из мертвых. Поэтому, если делаешь что вполовину, то сам себе наносишь обиду. Если немного и в малости недоделанное недостаточно и несовершенно, то кольми паче, сделанное вполовину?.. Если не всецело приносишь покаяние, то вполовину делаешься праведным (при. Ефрем Сирин, 32, 170).

***

Приносящие покаяние только напоказ, творят не один грех, но многие грехи, потому что и других располагают приносить наружное только покаяние. Они издеваются, и гораздо хуже оскорбителей людской чести, потому что отваживаются посмеваться Самому Богу. Таковым не только не отпускается, но прилагается еще грех. Это лицемер, а не служитель благочестия; издевается над благоговением и прилагает нечестие, носит на себе личину добрых

нравов и скорее возбудит в зрителях смех (прп. Ефрем Сирин, 32, 175).

***

...Есть, человек, покаяние, потому что нет ничего невозможного для Бога. Нет покаяния для тех, которые торгуют покаянием. Кто в надежде на покаяние пребывает во грехе, тому нет покаяния (прп. Ефрем Сирин, 32, 206).

***

Как, говорят, моющийся, потом опять марающийся в грязи не получает никакой пользы; так и каявшийся в течение трех дней и опять возвратившийся к прежнему не сделал никакого успеха (в добродетели) (свт. Иоанн Златоуст, 45, 55).

***

Пока несчастье пред глазами, всякий готов исправиться; но миновало устрашающее зрелище, и он тотчас забывает о своем решении (свт. Иоанн Златоуст, 48, 695).

***

Припомни тяжкие падения падших в древности, и покаявшихся, а также высоту и честь, каких сподобились они после сего; и приимешь смелость в покаянии своем (прп. Исаак Сирин, 58, 17).

Время покаяния

Пусть каждый исповедует свой грех, пока согрешивший находится еще в этом мире (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 163).

***

Для того, кто живет еще в этом мире, никакое покаяние не поздно (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 248).

***

Не должно отлагать времени своего исправления, потому что утренний день неверен для нас: многие, замыслив многое, не дожили до утрешнего дня (свт. Василий Великий, 10, 56—57).

***

...Если в чем согрешили и преткнулись, уврачуем это слезами, пока есть время покаянию. Время покаяния коротко, Царствию же Небесному нет конца (прп. Ефрем Сирин, 30, 71).

***

Не говори: «сегодня согрешу, а завтра покаюсь». Но лучше сегодня покаемся, ибо не знаем, доживем ли до завтра (прп. Ефрем Сирин, 30, 153).

***

Если не каешься ты в молодости своей и в возрасте полном сил, когда в состоянии перенести всякий труд и выдержать подвиг, то состарившись, не будешь ли представлять в предлог бессилия старости? (прп. Ефрем Сирин, 30, 217).

***

Не полагайся на лукавого, который внушает тебе обманчивые помыслы и говорит: «еще ты молод; еще много

лет должно тебе жить, потому теперь веселись и не печаль души своей; в старости своей должно тебе приносить покаяние» (прп. Ефрем Сирин, 30, 217).

***

...Если еще в юности своей похищен будешь отсюда, что тогда делать тебе, <если не принес покаяния>? Поэтому оставь путь вражеский и послушай гласа истинного Владыки, Который сказал: *бдите убо и молитеся яко не весте дне ни часа* (ср.: Мф. 25, 13) (прп. Ефрем Сирин, 30, 217—218).

***

Выжидаю в надежде покаяния и обманываю себя сим суетным обещанием, пока не умру (прп. Ефрем Сирин, 30, 290).

***

Иному... помысл нередко внушает и говорит: «...ты молод еще, в старости своей покаешься». И если достигнет старости, опять представляет ему помысл: «Теперь ты состарился и имеешь нужду в покое». Посему необходимо... ежедневно работать Господу со страхом и трепетом, ибо кто сказал нам, что доживем до старости? А если и доживем, то будет ли у нас добрый помысл, если с сего уже времени нерадим о своем спасении? (прп. Ефрем Сирин, 31, 216—217).

***

Горе тому, кто говорит: «В настоящее время наслаждусь плотию, а в старости покаюсь», потому что, подобно

сети, внезапно накроет его смерть, и ожидание его погибнет (прп. Ефрем Сирин, 31, 535).

***

Не откладывай, друг, со дня на день обращения своего ко Господу, чтобы не вышел на тебя внезапно приговор Страшного Судии, призывающий тебя к Нему для возвращения того, что приобрел ты на Его таланты, и чтобы тебе вместо похвал, связанному по рукам и ногам, не быть осужденным во тьму кромешную. Пока еще есть время, постарайся припасть к Судии, чтобы Он простил тебе все грехи (прп. Ефрем Сирин, 32, 77).

***

На суде нет покаяния, потому что дело Судии не прощать, но произносить суд о поступках, в которых признаются (прп. Ефрем Сирин, 32, 206).

***

Покаянию нет определенного времени, нет и предела его продолжению; потому что нет такого времени, которое бы не было годно для покаяния (прп. Ефрем Сирин, 33, 153).

***

Знаешь, что теперь, прежде смерти, есть еще время к обращению; посему и не сомневайся в оставлении грехов, если будешь молить о сем (прп. Ефрем Сирин, 33, 154).

***

Когда я был молод, тогда грешил и утешался тем, что покаюсь в старости. Но пришла смерть; крепкая секира ее отсекла ветви мои, а я не достиг еще старости. Нет теперь места покаянию, потому что смерть полагает ему конец. Грехи мои ждут меня пред правосудием (прп. Ефрем Сирин, 33, 235).

***

Место покаянию — в этом преходящем мире, а в том непреходящем мире не будут приняты ни молитвы, ни слезы (прп. Ефрем Сирин, 33, 245).

***

...Покаяние ценится не по продолжению времени, но по душевному расположению (свт. Иоанн Златоуст, 44, 9).

***

Покаемся же здесь... и познаем Господа Своего, как познать надлежит. Тогда только должно будет отринуть надежду на покаяние, когда мы будем во аде, потому что там только бессильно и бесполезно это врачевство, а доколе мы здесь, оно если и в самой старости будет употреблено, оказывает великую силу (свт. Иоанн Златоуст, 44, 11—12).

***

Для отшедшего туда <в мир иной> невозможно покаяться; никакой ратоборец по выходе из ристалища и по закрытии зрелища не может продолжать борьбу (свт. Иоанн Златоуст, 44, 43).

***

Доколе мы здесь, дотоле имеем добрые надежды, а когда отойдем туда <в геенну>, то уже не в нашей власти будет покаяться и смыть с себя грехи (свт. Иоанн Златоуст, 44, 802).

***

Бог не требует для покаяния продолжительного срока: сказал твой грех — и ты оправдан, покаялся — и помилован; не время оправдывает, а усердие кающегося уничтожает грех (свт. Иоанн Златоуст, 45, 368).

***

Здесь <на земле> судилище без свидетелей, и ты, согрешивший, ведешь суд с собой самим; там же <на Суде> все грехи будут приведены в средину зрелища вселенной, если наперед не изгладим их здесь (свт. Иоанн Златоуст, 45, 705).

***

Покаяние имеет место и несказанную силу, пока еще не определено наказание (на последнем Суде). Поэтому умоляю, доколе это дивное лекарство может быть действительным, воспользуемся им и, пока мы еще в настоящей жизни, примем врачевство покаяния... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 173).

***

Для Господа не нужны многие дни и (продолжительное) время <покаяния>... Если Он оказал такое человеколюбие ниневитянам за то, что они совершили трех-

дневное покаяние, тем более не презрит нас, если только мы покажем искреннее раскаяние, и, отстав от греха, вступим на путь добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 47, 239).

***

...Пока мы находимся в настоящей жизни, то для нас возможно исправиться и избежать наказания; а когда отойдем туда, то будем плакать тщетно, потому что *уготова на суд престол Свой* (Пс. 9, 8) (свт. Иоанн Златоуст, 48, 116—117).

***

Пока ты еще дышишь, в последний день, на самой постели, даже лежа при последнем издыхании и оставляя поприще этой жизни, и тогда покайся. Ограниченность времени не стесняет человеколюбия Божия (свт. Иоанн Златоуст, 48, 652).

***

Только в настоящей жизни возможно покаяние, а на долю будущей остаются угрозы и суд (свт. Иоанн Златоуст, 48, 700—701).

***

Не расслабляй себя избытком долготерпения <Божия> и не имей намерения навсегда отдаться удовольствиям. Не говори: пока еще понаслаждаюсь любовью, пока попользуюсь молодостью, немного спустя придет время покаяния, завтра покаюсь, во время старости буду беречь жизнь. Тщетны подобного рода рассуждения, дурны решения тво-

ей воли, плохим советником служит для тебя твоя похоть. Ты говоришь: сегодня согрешу, а завтра покаюсь. Хозяин ли ты завтрашнего дня? Кто тебе поручится за завтрашний день? Если ты вникнешь как следует, то окажется, что и сегодняшним днем ты вполне располагать не можешь: одна часть сегодняшнего дня прошла, а другая ведь еще впереди; та уже не твоя, а эта пока еще не твоя. Ты говоришь: сегодня я воспользуюсь удовольствием, а завтра покаюсь. То, что в твоих руках, ты отдаешь удовольствию; а то, что не твое, покаянию? Воспользуйся лучше моим советом: сегодняшний день отдай покаянию, а греху не оставляй даже и завтрашнего (свт. Иоанн Златоуст, 51, 975).

***

Кто желает, всякое время удобно для покаяния (свт. Иоанн Златоуст, 53, 880).

***

Не говори: будет еще время, когда нужно обратиться. Многие похищены были смертию в то самое время, как предавались корыстолюбию, и отошли на явное мучение. Бойся, чтобы и тебе не подвергнуться тому же без всякой надежды на оправдание (свт. Иоанн Златоуст, 55, 503).

***

Если небо совьется, как свиток (см.: Апок. 6, 14), звезды и Орион падут (см.: Ис. 13, 10), *земля и все, что на ней сгорит* (ср.: 2 Петр. 3, 10), и *вся нага и объявлена* (Евр. 4, 13) приуготовляется к великому дню пришествия Господня, то почему же нерадишь ты и не готовишься, как обязанный дать отчет, но, как надеющийся остаться

неповинным, отлагаешь покаяние? Посему смотри, чтобы не пришло тогда тебе на мысль раскаяться, когда останется место одному отчаянию (прп. Исидор Пелусиот, 60, 121—122).

***

Всего лучше неповрежденная и ничем не страждущая лепота души; если же трудно сохранить ее, то лучше терпеть вред в чем-либо малом и удобоизлечимом, а не в существенном. Когда слышишь, что дано нам покаяние, не приступай поэтому небоязненно ко греху в надежде, что непременно будешь исцелен; но знай, что, во-первых, многие не имели времени на покаяние, подвергшись наказанию среди самых прегрешений; что сверх сего покаяние врачует обыкновенно немощи нескоро, потому что потребны труды, пост, бдение, милостыня, молитвы и все сему подобное, чтобы уврачевать прежние язвы. В-третьих, надлежит не терять из мысли, что и в увраченном струпе рубец изобличает бывшую болезнь. Ибо не одно и то же — тело неповрежденное и уврачеванное, не одно и то же — одежда целая и разодранная, хотя бы каким-нибудь искусством и приведена была, по-видимому, в такое состояние, что нелегко распознать, где была разодрана. Но если душа и будет восстановлена в прежнюю лепоту, то, как сказал я, непросто восстановляется, но после тьмочисленных трудов, слез и наказаний, какие согрешившая душа налагает сама на себя (прп. Исидор Пелусиот, 61, 200—202).

***

О, сколько будешь терзаться и воздыхать, раскаиваясь в сделанном напрасно тогда, когда уже не будет приемлем

кающийся, потому что прошло определенное на то время! (прп. Нил Синайский, 73, 319).

***

Смотри, брат, чтобы, по надежде на покаяние, собрав себе множество зол, не пожать тебе греха, и не остаться без помилования (прп. Нил Синайский, 73, 399—400).

***

Смотри, человек воздержания, под предлогом покаяния не обольщайся неизвестными надеждами. Ибо многие, пав, немедленно похищены смертию, а другие не в силах были встать (от падения), привычкою к сластям похотным связанные, как законом. Почему знаешь ты, человек, будешь ли жив, покаешься ли, что назначаешь себе годы жизни? — Падая от этого, ты поблажаешь плоти своей, тогда как надлежало бы тебе паче предаться памятованию о смерти, чтоб в сердце своем поживее представить страшное определение суда, и тем угасить мудрование распаленной плоти (прп. Нил Синайский, 90, 254).

***

Покаяние же, как полагаю, не ограничивается ни временем, ни какими-либо делами, но совершается посредством заповедей Христовых, соразмерно с оными (прп. Марк Подвижник, 89, 497).

***

Если мы и до смерти будем подвизаться в покаянии, то и таким образом еще не исполним должного, ибо ничего

достойного Царствия Небесного не сделали (прп. Марк Подвижник, 89, 500).

***

...Только здесь, в настоящей жизни, где бывает преступление заповедей Божиих, только здесь бывает и отменение страшных судных определений за то, по беспредельной Божией милости, ради искреннего и совершенного покаяния (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 320).

***

Срок покаяния каждому кающемуся назначается Богом по всесвятому, недоведомому суду Его (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 441).

Духовная епитимия

Покаяние не должно быть менее преступления (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 173).

***

Сколь много мы согрешили, столь тяжко должны и плакать (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 173).

***

Тот, кто считает себя повинным пред Богом и покается, должен понести справедливое и выносимое оскорбление и бесчестие в отношении себя со стороны других (свт. Григорий Нисский, 19, 29).

***

Согрешившему нельзя избегнуть воздаяния иначе, как покаянием, соответствующим согрешению (прп. Марк Подвижник, 69, 33).

****

Брат спрашивал авву Пимена: «Я сделал великий грех и хочу каяться три года». «Много», — отвечал ему авва Пимен. «Или хотя бы один год», — говорит брат. «И то много», — сказал опять старец. Бывшие у старца спросили, не довольно ли сорока дней? «И это много», — повторил старец. «Если человек, — прибавил он, — покается от всего сердца и более уже не будет грешить, то и в три дня примет его Бог» (98, 31).

***

Один воин спросил старца: «Принимает ли Бог раскаяние?» И старец, наставив его многими словами, задал ему вопрос: «Скажи мне, возлюбленный, если у тебя разорвется плащ, выбросишь ли его вон?» Воин говорит ему: «Нет! Но я зашью его и опять буду носить». Тогда старец спросил: «Если ты так щадишь свою одежду, то тем паче Бог не пощадит ли Свое творение?» И воин, уверившись в этом, ушел с радостью (98, 315).

***

Рассказывали об авве Сисое, что, когда он заболел, пришли к нему старцы и спросили его: «Что ты видишь, авва?» «Вижу, — отвечал он, — что уже идут за мною, и прошу их, чтобы дали мне немного времени на покаяние».

Один из старцев говорит ему: «Если и дадут тебе еще время, сможешь ли теперь принести спасительное покаяние?» «Хотя и не могу сего сделать, — отвечал авва, — но поплачу несколько о душе моей, и сего довольно для меня» (97, 257—258).

***

Однажды авва Патермуфий посетил брата и застал его лежащим на одре болезни. Брату нелегко приходилось расставаться с жизнью: он трепетал...

— Отчего ты, чадо, не готов к своему исходу? Видно, совесть, изобличительница твоего нерадения, не отступает от тебя...

И больной взмолился:

— Прошу тебя, отче, исходатайствуй пред Богом, да продлит хотя немного мою жизнь, чтобы мне очиститься.

— И ты просишь еще время для покаяния, когда уже настал конец твоей жизни?! — воскликнул старец. — Что же ты делал раньше, в продолжение всей жизни? Разве не мог ты лечить тогда свои язвы? Нет?! Ты к старым прилагал свежие!..

Но еще усерднее молил его умирающий.

— Если ты к старому злу не станешь прибавлять нового, мы помолимся о тебе. Бог благ и долготерпелив и продлит еще ненадолго жизнь твою, чтобы ты мог уплатить твои долги...

И, преклонив колена, старец начал молиться. Потом, поднявшись, обратился к больному со словами:

— Вот, Господь дает тебе еще три года жизни — только бы ты всем сердцем обратился к покаянию.

И, взяв его за руку, воздвиг с одра болезни.

Выздоровевший немедленно последовал за аввою в пустыню.

Через три года авва привел брата на то место, где он лежал на одре болезни. Собралось много братий, и все пришли в изумление: точно Ангел Божий, а не человек стоял пред ними — так глубоко было его обращение к Богу!

Старец всю ночь беседовал с братией о плодах покаяния и обращения к Богу, приводя в пример брата. А брат тихо засыпал и... заснул навеки! (99, 60—61).

***

Брат безмолвствовал в одном монастыре, и молитва его была такая: «Господи! Нет во мне страха Твоего; пошли мне или тяжкий недуг, или напасть, чтоб хотя таким образом пришла окаянная душа моя в страх Твой. Знаю, что грех мой сам по себе непростителен: много согрешил я пред Тобою, Владыко, согрешил много и тяжко, но ради милости Твоей, по святой воле Твоей, прости мне грех мой. Если же и этого не может быть, то помучь меня здесь, чтоб здешними муками была несколько ослаблена мука будущая. Начни казнить меня отселе, Владыко, но не в гневе Твоем, а в человеколюбии». Брат провел целый год, молясь таким образом в сокрушении и смирении сердца, в строгом посте. Между тем постоянно соприсутствовала ему мысль, какое значение имеют слова Господа *блажени плачущии: яко тии утешатся* (Мф. 5, 4). Однажды, когда брат, объятый печалию, по обычаю, сидел на земле и плакал, напал на него тонкий сон. Явился ему Христос, воззрел на него милостиво и сказал тихим голосом: «Что с тобою? О чем ты плачешь?» Брат отвечал Господу: «Господи! Я пал». Явившийся сказал на это: «Восстань». Брат отвечал, сидя на земле: «Не могу встать, если Ты не прострешь руки Твоей и не восставишь меня». Господь про-

стер руку и воздвиг его и снова спросил: «Что ты плачешь, о чем скорбишь?» Брат отвечал: «Господи! Как мне не плакать и не скорбеть, когда я столько прогневал Тебя!» Тогда явившийся простер руку Свою, приложил ладонь к сердцу брата и, погладив его сердце, сказал ему: «Не скорби, Бог поможет тебе. Я уже не буду карать тебя, потому что ты сам наказал себя. Ради тебя Я пролил кровь Мою, пролью и человеколюбие Мое на всякую душу, приносящую покаяние».

Брат, пришедши в себя по окончании видения, ощутил сердце свое исполненным неизъяснимой радости и приял извещение, что Бог сотворил милость с ним. Прочее время жизни своей он провел в великом смирении, славословя Бога, и отошел ко Господу в этом настроении исповедания (106, 436—437).

***

Один брат спросил старца: «Если случится человеку, по действию дьявола, впасть в искушение, бывает ли польза для соблазняющихся чрез него?» Тогда старец рассказал ему следующее: «В киновии Египетской был один именитый дьякон. Некий должностной гражданин, гонимый архонтом[1], пришел в киновию со всем своим домом. Дьякон, по действию дьявола, пал с женой его, и положил срам на всех. Пошел он к любимому им старцу и все рассказал ему. У старца внутри его кельи было одно темное потаенное место. Дьякон начал упрашивать его, говоря: «Погреби меня здесь живого и никому не открывай сего». Он вошел в этот мрак и принес истинное покаяние.

[1] Архонт — верховный правитель в Афинах в XI в. до Р. Х.

Когда же в тех краях наступила засуха, то при совершении общей молитвы одному из старцев было открыто, что если не выйдет и не помолится дьякон, скрытый таким-то старцем, то дождь не пойдет. Слышавшие подивились и, пошедши, вывели дьякона из потаенного места. Он помолился, и река наполнилась водой. И те, кто соблазнился поступком дьякона, получили большую пользу от его покаяния и прославили Бога» (98, 97—98).

***

Однажды пришел блаженный Павел Простый, ученик аввы Антония, в монастырь для посещения и наставления братии. После обычных взаимных приветствий они пошли в церковь к молитвенному правилу. Блаженный Павел, остановясь у входа и глядя на каждого входящего в церковь, внимал тому душевному расположению, с которым тот входил. Он, по особому дару благодати Божией, видел состояние души каждого, подобно тому как мы друг у друга видим лица. Все входили со светлыми и веселыми лицами, с каждым шел Ангел, радуясь о нем; но одного из братии увидел Павел с лицом черным; все тело его было темно; с обеих сторон держали его демоны и влекли к себе, вдевая узду в его ноздри; святой Ангел, печальный и плачущий, следовал издали. Расстроенный Павел сидел у церковных дверей и горько скорбел о брате. Увидев внезапную перемену в старце, его слезы и скорбь, братия, полагая, что он увидел что-либо достойное сожаления, упрашивали его сказать о причине плача; предлагали ему войти в церковь с ними, но он сидел у дверей и продолжал горько оплакивать виденное им.

По окончании церковного молитвословия Павел вновь внимательно смотрел на выходящих... И вот, видит он, что муж, у которого прежде лицо было черно, выходит из церкви с лицом светлым; тело его было чисто, демоны, которые прежде держали его, шли вдали, а возле него шел Ангел в веселии и радости о нем. Павел пришел в восторг и, благословляя Бога, взывал: «О, неизреченное милосердие Божие и благость! О, Божественная милость и неисчислимые щедроты!» Поспешно взошел он на возвышенное место и громким голосом сказал: «Приидите, видите дела Господа, как они страшны, как они достойны всякого удивления! Приидите, видите Того, Кто хочет всем человекам *спастися и в разум истины прити* (1 Тим. 2, 4). Приидите, поклонимся, и припадем пред Ним, и скажем: «Ты один можешь отпущать грехи!»

На голос Павла стеклась все братия монастыря, желая услышать, что он скажет. Павел поведал все виденное им, и просил он брата сказать причину, по которой Бог даровал ему такое внезапное изменение. Обличенный Павлом, тот поведал всем: «Я грешник, и в течение долгого времени жил, предаваясь любодеянию; ныне, войдя в Святую Божию Церковь, услышал голос читаемого пророка Исаии, правильнее же — глас Бога, говорившего чрез Пророка: *Измыйтеся, и чисти будете, отымите лукавства от душ ваших пред очима Моима... Научитеся добро творити... И аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю... И аще хощете и послушаете Мене, благая земли снесте* (Ис. 1, 16—19). Я приведен был этими словами в необыкновенное умиление и, вздохнув от глубокого сознания греховности моей, возопил мысленно к Богу: «Боже, пришедый *в мир грешников спасти!* (ср.: 1 Тим. 1, 15).

Вот! Ныне же даю Тебе обещание, исповедуя его сердцем и утверждая словом, что уже не буду более делать этого греха, что отрицаюсь от всякого беззакония и послужу Тебе отселе чистою совестию. Господи! От сего дня и часа приими меня, приносящего покаяние и припадающего Тебе, отрицающегося от всякого греха». Дав эти обеты, я вышел из церкви, положив завет в душе моей, не делать ничего неблагоугодного пред очами Господа». Услышав это, вся братия воскликнула ко Господу громким голосом: *«Возвеличишася дела Твоя, Господи: вся премудростию сотворил еси* (Пс. 103, 24)» (106, 347—349).

***

Два брата, будучи побеждены блудною похотию, согрешили. После же стали говорить друг другу: «Что пользы для нас в том, что мы, оставив ангельский чин, пали в эту нечистоту и потом должны будем идти в огонь и мучение? Пойдем опять в пустыню». Придя туда, они просили отцов назначить им покаяние, исповедав то, что они сделали. Старцы заключили их на год, и обоим поровну давались хлеб и вода. Братья были одинаковы по виду. Когда исполнилось время покаяния, они вышли из заключения, и отцы увидели одного из них печальным и совершенно бледным, а другого — с веселым и светлым лицом, и подивились сему, ибо братья принимали пищу поровну. Посему спросили они печального брата: «Какими мыслями ты был занят в келье своей?» «Я думал, — отвечал он, — о том зле, которое я сделал, и о муке, в которую я должен идти, и от страха *прильпе кость моя плоти моей* (Пс. 101, 6)». Спросили они и другого: «А ты о чем размышлял в келье твоей?» Он отвечал: «Я благодарил Бога, что Он исторг

меня от нечистоты мира сего и от будущего мучения и возвратил меня к этому ангельскому житию, и, помня о Боге, я радовался». Старцы сказали: «Покаяние того и другого — равно пред Богом» (98, 17—18).

***

В Скиту вместе с аввою Пафнутием жил один брат, искушаемый помыслом блуда. Он говаривал: «Если я возьму десять жен, и тогда не насытить мне своей похоти». Старец увещевал его: «Не делай так, сын мой, это искушение от демонов». Но брат не послушался, пошел в Египет и взял жену. Через некоторое время случилось старцу прийти в Египет, где он встретил брата, несущего корзинки с черепками. Старец не узнал его, но тот сам напомнил о себе, сказав: «Я ученик твой». Старец, видя брата в таком унижении, заплакал и говорит: «Как это ты оставил прежнее честное состояние и дошел до такого уничижения? Не взял ли ты десяти жен?» Брат отвечал со вздохом: «Я взял только одну жену и вот тружусь, чтобы достать ей хлеба». «Пойдем опять к нам», — сказал старец. — «Но возможно ли покаяние, авва?» — «Возможно». Брат оставил все и последовал за старцем. Искушенный опытом, по возвращении в Скит он сделался добрым монахом (97, 236).

***

Инокиня женского монастыря, выйдя однажды из обители, впала, по действу дьявола, в смертный грех. В монастырь уже не вернулась, а осталась в миру и несколько лет проводила греховную жизнь. Наконец, пришла в себя, образумилась, пожелала обратиться к Богу. Внутренне раскаялась и пошла снова в монастырь, где жила прежде,

чтобы благочестивой жизнью загладить свои грехи. Но как только она подошла к монастырским воротам, внезапно упала и умерла. После же ее смерти один епископ имел видение. Видел он Ангелов, которые приняли душу умершей, и бесов, споривших за душу ее. Ангелы говорили: «Она долго жила в монастыре и работала Богу много лет, значит, она наша», а бесы утверждали, что она возвращалась в монастырь в лености, значит, им принадлежит. Ангелы на это сказали им: «Бог видел ее помышления, ее внутреннее раскаяние и то, что она шла в монастырь, чтобы начать новую жизнь, и потому принял ее покаяние, а что она умерла скоропостижно, не наше это дело, а Божие». Тогда бесы, посрамленные, бежали (112, 830—831).

***

Дева-подвижница, вместе с другими двумя девственницами, подвизалась лет десять. Но, обольщенная одним певцом, она согрешила с ним и, зачавши во чреве, родила. Наконец, почувствовав сильную ненависть к обольстителю, стала глубоко сокрушаться духом и дошла до такой степени раскаяния, что, сохраняя строгое воздержание, хотела уморить себя голодом. Со слезами молилась она и просила Бога: «Боже великий, вземлющий согрешения всех нас и безмерный грех всего мира, не хотящий смерти грешников и погибели падших, но милующий всякое создание, ибо воля Твоя та, чтобы все спаслись! Если тебе угодно, спаси и меня погибшую...»

Ребенок, пожив немного, умер. С сего времени она не хотела встречаться с обольстителем и, предавшись строгому воздержанию, тридцать лет служила больным и увечным женщинам. Этим она так умилостивила Бога, что одному

святому пресвитеру было откровение, что эта подвижница угодила Богу более покаянием, нежели девством (101, 285—286).

***

Блаженная Феодора рассказывала: «Девица знатного рода, увидев одного юношу и разжегшись к нему сатанинской страстью, пала с ним. Несколько дней спустя, придя в себя, раскаялась в своем грехе и тайно от всех покинула город, переодевшись в мужское платье. Пришедши к моей бедности, она рассказала мне все о себе и просила кельи. Я дала ей оную с радостью, и она заключила себя в ней. Пищу вкушала она через два дня, кроме воскресенья и субботы, и в сии два дня беседовала только со мной; она никогда уже потом не видела человеческого лица и предала себя такому строгому подвижничеству, что только по голосу можно было узнавать в ней человека. Прожив таким образом двадцать лет, она в мире отошла ко Господу» (103, 83—84).

***

При царе Маврикии во Фракии был свирепый и жестокий разбойник. Не находя возможности взять его силой, царь решил для его усмирения употребить противоположное средство — милость, и послал ему свой крест со словами: «Не бойся». Этот необыкновенный поступок тронул сердце разбойника. Он сам явился к царю, пал к его ногам, раскаялся и обещал исправиться. Царь простил разбойника, и он остался жить в городе.

Вскоре бывший разбойник тяжко заболел и однажды, во время болезни, увидел во сне Страшный Суд. Пробу-

дившись, он почувствовал приближение смерти и, ужаснувшись своих грехов, стал с горькими слезами просить в них прощения... С плачем исповедовав грехи свои, он скончался. В час его смерти живший в том же доме врач видел во сне следующее. Много бесов явилось к одру разбойника, держа в руках рукописание его грехов, и за ними два Ангела с весами. На одну сторону весов бесы положили хартии грехов умершего. «Что мы положим на свою сторону? — сказали Ангелы. — Нет у нас ничего, ибо только десять дней прошло, как он отошел от злых дел! Разве вот только плат, смоченный слезами его, которые он проливал перед смертью?» — и положили плат. И, о бездна милосердия Божия! Плат перетянул все грехи разбойника, и хартии бесов исчезли. Ангелы взяли душу умершего, а бесы бежали посрамленными. Вот что значит плакать и сокрушаться о своих грехах (112, 116—118).

***

Однажды преподобный Нифонт увидел двух Ангелов, несущих душу человека на небо, не допуская истязать ее на воздушных мытарствах. Бесы, воздушные мытари, начали утверждать: «Зачем вы эту душу не отдаете нам? Ведь она наша». Ангелы сказали: «А чем вы докажете, что она ваша?» «Да она, — отвечали бесы, — до смерти только одно зло делала, и нет греха, которого бы она не сотворила; она была порабощена страстями и без покаяния разлучилась с телом. А кто умер рабом греху, тот наш». Один из Ангелов отвечал им: «Так как вы всегда лжете, то вам не верим; пусть будет призван Ангел-хранитель этой души, ему и дадим веру, ибо он лжи не скажет». Ангел-хранитель явился, и его спросили: «Что, душа эта покаялась или в грехах оставила тело?» «Подлинно, человек сей

грешник был, — отвечал Ангел-хранитель, — но когда стал болеть, тогда со слезами исповедовал Богу грехи свои и с воздетыми на небо руками усердно просил Бога о помиловании». Тогда Ангелы удержали у себя душу, и бесы были посрамлены. Но они не успокоились и снова возопили: «Уж если этот человек мог быть помилован, то, значит, спасется и весь мир, и всуе мы трудимся?» «Да, — отвечали Ангелы, — все грешники, исповедующие грехи свои смиренно и со слезами, от Бога получат прощение, а кто умирает без покаяния, тем Бог Судья». И с этими словами подошли ко вратам небесным, и спасена была душа та (112, 323—324).

***

Состояние души, желающей принести покаяние, авва Иоанн изображал такой притчею. В одном городе была красавица блудница, имевшая много любовников. Князь сделал ей предложение: «Обещайся жить целомудренно, и я согласен, чтобы ты была моей супругою». Она согласилась. Князь женился на ней и взял ее в дом свой. Узнав об этом, прежние ее любовники совещались между собой: если мы пойдем прямо в дом, то князь подвергнет нас пытке. Вот что сделаем: пойдем сзади дома и свистнем ей. Она узнает наш свист и выйдет к нам; тогда уже мы не будем виноваты.

Так и сделали. Но она, услышав свист, заткнула уши, убежала во внутреннюю комнату и заперла за собою двери. Авва объяснил притчу так: «Блудница — душа; ее любовники — страсти; князь — Христос; внутренняя комната — вечная обитель; свистящие любовники — демоны. Если душа будет постоянно прибегать к Богу, то демоны и страсти, убоявшись, удаляются от нее» (106, 289—290).

***

Говорили о некой девице, что у нее умерли родители и она осталась сиротою. Размыслив, она сделала дом свой странноприимным для отцов Скита. Она жила таким образом, принимая странных, и в удобное время служила отцам. Через некоторое время истощилось ее имущество, и она начала нуждаться. Сблизились с нею развратные люди и отклонили ее от доброй цели. После сего она стала жить так худо, что дошла до блудодейства. Услышали о сем отцы и очень опечалились. И, призвавши авву Иоанна Колова, говорят ему: «Мы слышали о той сестре, что она худо живет. Когда могла, она оказывала нам любовь свою, а теперь мы окажем свою любовь и поможем ей. Потрудись сходить к ней, и по мудрости, которую дал тебе Бог, воздвигни ее». Авва Иоанн пошел к ней, и обратился к привратнице: «Скажи обо мне госпоже». Она же отослала его, говоря: «Вы прежде объедали ее, а теперь она бедна». Авва Иоанн продолжал настаивать: «Скажи ей, ибо я много могу сделать ей пользы». Слуги же ее, насмехаясь, говорили ему: «А что ты можешь дать ей, что хочешь видеться с нею?» Привратница пошла и сказала о старце госпоже своей. «Эти монахи всегда снуют около Красного моря и ищут жемчужин», — ответила та. Потом, нарядившись, говорит: «Позови его».

Когда он вошел, она приняла его, сидя на роскошном ложе. Авва же Иоанн, подошедши к ней близко и смотря ей в лицо, сказал: «Что ты унижаешь Иисуса, что дошла до этого?» Услышав это, она совершенно оцепенела. И старец, приклонив главу свою, начал горько плакать. Девица спрашивает: «Авва, о чем ты плачешь?» Старец поднялся и, снова приклонивши голову, со слезами говорит ей: «Вижу, что сатана смеется тебе в лицо, как же мне не плакать?»

Девица, услышав это, поражена была еще более, и спрашивает его: «Есть ли покаяние, авва?» Он отвечает: «Есть». Тогда она произносит: «Возьми меня, куда хочешь». «Пойдем», — сказал старец. И она встала, чтобы следовать за ним. При этом авва Иоанн заметил, что девица не сделала никаких распоряжений и ничего не сказала о доме своем, — и удивился.

Когда они пришли в пустыню, наступил вечер. Авва, сделав из песка как бы небольшое возглавие для нее и сотворивши крестное знамение, говорит ей: «Усни здесь». Сделав и себе ложе недалеко от нее и окончив молитвы, старец заснул. Проснувшись же в полночь, он видит как бы некий светлый путь, сходящий от неба до самой девицы, и Ангелов Божиих, возносящих душу ее. Встав и подойдя к ней, он увидел, что девица умерла. Авва повергся на землю, моля Бога, — и услышал глас: «И один час покаяния ее принят лучше покаяния многих медлящих и не являющих ничего подобного такому покаянию» (97, 299—301).

***

Некий брат смиренный проводил уединенную жизнь в Египте. У него была в городе сестра-блудница, погубившая многие души. Старцы часто уговаривали этого брата и едва могли уговорить его, чтобы он сходил к сестре для ее увещания и отвращения от греховной пагубы.

Когда брат приближался к месту ее жительства, один из знакомых, увидев его, поспешил войти к ней и известил о пришествии брата из пустыни. Услышав это, она вне себя от радости оставила своих любовников, которых в то время угощала, с открытой головою выбежала навстречу брату. Он сказал ей: «Сестра моя любезнейшая! Пощади душу твою, потому что многие погибают через тебя. Рас-

суди, какие муки уготованы тебе, если не прибегнешь к покаянию». Она содрогнулась и сказала ему: «А есть ли для меня какая-нибудь надежда на спасение?» Он отвечал: «Если б ты только пожелала, то и доселе есть тебе надежда на спасение». Она упала к ногам брата и просила его, чтобы он увел ее с собою в пустыню. Тогда сказал он: «Пойди, покрой голову твою, и следуй за мной». «Пойдем скорее! — отвечала она. — Лучше мне пройти между толпою людей безобразною и с открытою головою, чем возвращаться в работный дом грехов».

Во время пути брат поучал ее покаянию. Увидя идущих навстречу монахов, он сказал ей: «Сойди с дороги, пока монахи пройдут: не все знают, что ты мне сестра». Она послушалась. Монахи прошли, и он позвал сестру: «Пойдем, продолжим путь наш». Но она не отвечала ему. Брат осторожно подошел к ней и нашел ее умершей, а ноги ее были все в ранах, потому что она шла без обуви. Тогда, плача и рыдая, возвестил он старцам о случившемся. Они рассуждали о спасении ее и были несогласны между собой. Но Бог открыл одному из старцев, что покаяние блудницы принято, потому что она отвергла всякое попечение обо всем, принадлежащем миру сему, пренебрегла всем для исцеления язвы своей, тяжко воздыхала о грехах своих и оплакала их (106, 471—472).

***

Как-то авва Серапион шел через египетскую деревню и, увидев блудницу, которая стояла у своей горницы, сказал: «Ожидай меня вечером: приду к тебе и останусь с тобою». «Хорошо, авва!» — отвечала блудница.

Вечером старец пришел к ней и спросил: «Приготовила ли ложе?» — «Приготовила, авва!» Старец запер дверь и

сказал: «Подожди немного, я только исполню наше обычное правило», и начал свое молитвословие. Читая Псалтырь, он после каждого псалма молился о ней, прося Бога, да дарует ей покаяние и спасение. И Бог услышал его. Блудница стояла в трепете и молилась подле старца. Когда старец окончил Псалтырь, она пала на землю. Старец взял Апостол, много прочитал из него и окончил свое молитвословие. Блудница пришла в сокрушение и, узнав, что старец пришел к ней не для греха, но чтобы спасти душу ее, поверглась пред ним и сказала: «Сделай милость, авва! Отведи меня туда, где я могу угодить Богу». Старец повел ее в женский монастырь и поручил матери-настоятельнице, сказав: «Прими сию сестру и не налагай на нее бремени или заповеди, как на других сестер, но давай ей, что она захочет, и, если захочет уйти, отпусти ее».

Через несколько дней женщина сказала настоятельнице: «Я, великая грешница, хотела бы вкушать пищу через два дня». Спустя какое-то время она сказала: «Много грехов у меня, и я хотела бы поститься до сорока дней». Наконец еще через несколько дней она упрашивала настоятельницу так: «Сильно оскорбила я Бога моими беззакониями: сделай же милость, отведи меня в келью, запри ее и подавай мне в окно немного хлеба и рукоделье». Настоятельница исполнила ее просьбу, и бывшая блудница в оставшиеся дни своей жизни благоугождала Богу (97, 264—265).

***

Блаженная Феодора рассказывала: «Была в одном городе блудница, которая с детства матерью своею отдана была в служение дьяволу. Однажды, пришедши ко мне, она открыла все свои беззакония и пожелала узнать, воз-

можно ли для нее покаяние. Я рассказала ей о евангельской блуднице, спасенной Господом и Богом нашим. Она пришла в сокрушение и спросила: «Могу ли я спасаться при тебе?» Я согласилась, и она, поспешно возвратясь в город, предала огню все свое имущество, стяжанное блудом, и глубокой ночью вернулась ко мне. Закрывшись в келье, она только сказала: «Господа ради, госпожа моя, пусть никто не знает обо мне до самой кончины моей». Потом, взяв работу, работала для пропитания своего, ни с кем никогда не беседуя и не видя лица даже жены, ибо для мужей и совсем недоступно было то место. Подвиг наложила она на себя такой, что в пять дней съедала только шесть унций[1] хлеба и выпивала один литр воды, а о слезах ее, плаче и рыдании кто может рассказать по достоинству? Ибо она не только ночью, но и днем не переставала проливать слезы. Проведя в келье своей пятнадцать лет, она отошла ко Господу, и Господь при ее кончине сотворил много чудес (103, 81—83).

***

Авва Иоанн из Келлий поведал: «В Египте была блудница необыкновенной красоты и очень богатая. Ее посещали люди знатные. Однажды она пришла к церкви и хотела войти в нее, но иподиакон, стоявший у дверей, не допустил ее, сказав: «Ты недостойна войти в дом Божий, потому что ты в нечистоте». Блудница настаивала, чтоб ее впустили, но иподиакон не допускал ее. Они начали спорить. Епископ, услышав шум, вышел к дверям. Блудница сказала: «Иподиакон не пускает меня в церковь». Епис-

[1] Унция — 27,288 грамма.

коп отвечал: «Невозможно войти тебе, потому что ты в нечистом». Пораженная этим, блудница воскликнула: «Отселе я уже не буду блудодействовать!» Епископ сказал на это: «Если ты принесешь сюда имение твое, то поверю, что престанешь от греха». Блудница принесла епископу свое имущество, он бросил его в огонь. После этого блудница, обливаясь слезали, вошла в церковь со словами: «Если здесь так поступлено со мною, то что было бы там?» Она принесла покаяние и сделалась избранным сосудом» (106, 299—300).

***

...Монах, проживавший в дальней пустыне и много лет подвизавшийся в добродетели, уже в старости подвергся искушению от демонов. Он любил безмолвие и, проводя дни в молитвах, песнопениях и созерцании, имел несколько Божественных видений, достиг почти бестелесной жизни. Нисколько не думал о том, как напитать свое тело, питался же более всего сладостию видений и надежд. Все желание свое устремлял к Богу в ожидании часа, когда воззван будет из сего мира; между тем, тело у него не ослабело от напряжения, и душа не теряла бодрости — такой твердый навык приобрел он в благочестии!

Бог в определенное время посылал ему на трапезу хлеб, которым он и питался. Всякий раз, как ощутит в себе потребность пищи, входил он в пещеру и находил там хлеб. По принесении Богу молитвы подкреплял себя и потом услаждался песнопениями. Так он с каждым днем совершенствовался, и почти уверен был в лучшем жребии своем, как бы уже имея его в руках, что и было причиною того, что он едва не пал от постигшего его затем искушения.

Когда он дошел до такой уверенности, в сердце его неприметно вкралась мысль, что он выше других и что знает и имеет больше прочих людей; в таких мыслях он стал уже полагаться на себя; отсюда скоро рождалась в нем беспечность. Уже не с такою бодростию вставал он от сна для песнопений, ленивее стал к молитве и пение его было непродолжительно; душа захотела покоиться; ум пал долу, и помыслы стали блуждать; беспечность втайне была уже любима. И только прежний навык, как оплот, несколько останавливал подвижника в этом стремлении и сохранял до времени. Еще входя по вечерам после обычных молитв в пещеру, он иногда находил на трапезе хлеб, посылаемый ему от Бога, и питался им; но не изгонял из ума негодных тех мыслей, не думал, что невнимательность губит труды, и не старался об уврачевании зла. Небольшое уклонение от обязанностей казалось ему маловажным.

И вот, страстная похоть, овладев его мыслями, повлекла его в мир. Но он пока еще удерживался; следующий день провел в обычных подвигах и после молитвы и песнопений, войдя в пещеру, по-прежнему нашел приготовленный ему хлеб, впрочем не такой чистый, как прежде, но с сором. Он удивился и несколько опечалился, однако съел его и укрепил себя. Настала третья ночь, и зло утроилось. Ум его еще более предался любострастным помыслам, и воображение представило ему нечистые мечты так живо, как бы они сбывались на самом деле. Несмотря на это, еще и на третий день он продолжал свои подвиги: молился и пел псалмы, но уже не с чистым расположением, и часто оборачивался и смотрел по сторонам. Доброе дело его прерывали разные мысли. Вечером, почувствовав потребность в пище, взошел он в пещеру, и хотя нашел хлеб

на трапезе, но как бы изъеденный мышами или собаками, а вне пещеры сухие остатки. Тогда начал он стенать и плакать. Однако, вкусив хоть и не столько, сколько ему хотелось, он успокоился. Тут помыслы во множестве напали на него, победили его ум и, как пленника, повлекли его в мир.

Он оставил свою пустыню и той же ночью пошел в селение. Настал день. Инок, палимый зноем, изнемог и начал смотреть вокруг себя, нет ли где монастыря, в котором бы ему можно было отдохнуть. Вблизи, действительно, был монастырь. Благочестивые и верные братия приняли его, как родного отца, омыли ему лицо и ноги и, помолившись, предложили трапезу, прося принять ее с любовью. После трапезы братия молили его преподать им слово спасения, как избегать сетей дьявола и побеждать нечистые помыслы. Беседуя с ними, как отец с детьми, он поучал их быть мужественными в трудах, уверяя, что они скоро обратятся для них в великое наслаждение. Много еще говорил им старец весьма назидательно о подвижничестве. По окончании наставления он невольно подумал о себе и стал рассуждать, как он, вразумляя других, сам оставался невразумленным. Тогда увидел он свое поражение и немедленно возвратился в пустыню оплакивать свое падение...

С того времени он во всю жизнь плакал и, не получая более пищи от Бога, своими трудами доставал себе пропитание. Заключившись в пещере и постлав на полу вретище, он дотоле не вставал с земли и не прекращал своего плача, пока не услышал голос Ангела во сне: «Бог принял твое покаяние и помиловал тебя; только смотри, не обольщайся. Придут посетить тебя братия, которых наставлял

ты, и принесут тебе на благословение хлебы; раздели их вместе с ними и всегда благодари Бога» (101, 141—145).

***

Зинаида Николаевна Курихина была воспитана в вере и благочестии, любила храм Божий. Но, выйдя замуж, она совершенно отошла от Бога.

В полном расцвете сил Зинаида Николаевна после случайной простуды вдруг заболевает скоротечной чахоткой. Изнемогая в страданиях от чахотки и к тому же терпя мучительные приступы от болезни желудка, она не могла найти душевного покоя, так как с утратой веры в Бога у нее не было и смиренной покорности воле Его. Душа ее страдала безгранично, и она была близка к отчаянию. А смерть была уже рядом. Ночь перед своей кончиной она провела в неописуемом страдании. К утру в изнеможении забылась легким сном, и ей видится удивительный сон. Будто бы она на необъятном для взора поле, которое наполнено бесчисленным количеством народа. Казалось, весь мир собран на этом поле. С небесной высоты, видит она, внезапно заблистал ослепительный свет, в нем явился, подобно молнии, Спаситель мира, Господь Иисус Христос. Лик Его был так добр и милостив, что передать человеческим языком невозможно. Весь народ со слезами и радостью воскликнул: «Господи! Приди и спаси нас!» Он приблизился к плачущим и рыдающим. Старушка с простертыми к Нему руками сквозь сильные рыдания произносила: «Господи! Возьми меня к Себе. Я всего лишена, и страданию моему нет предела». И слышит она ответный голос Господа: «Успокойся, раба Моя. И лютая твоя скорбь сменится вечной неизреченной радостью». Приблизившись к

больной, Господь милостиво воззрел на нее и спросил: «Что с тобой, Моя раба?» Она, чувствуя свою виновность пред величеством славы Его, свое сердечное удаление от Него, испугалась и не знала, что Ему ответить. Только одно успела проговорить: «Господи, у меня нестерпимо болит горло и желудок». Еще милостивее воззрел Он на нее и сказал: «Завтра же после покаяния твоего ты будешь совершенно здорова» — и стал невидим.

Когда Зинаида Николаевна пришла в себя, тотчас же послала за своей крестной матерью, которой и рассказала подробно о своем видении. Та выслушала ее с большим вниманием и сказала: «Знаешь ли, дорогая и милая Зинуша! Тебя Всемилостивый Господь к покаянию призвал. Я советую тебе немедленно исповедаться и приобщиться Святых Христовых Таин». Зинаида Николаевна со слезами на глазах и с особенным чувством умиления отвечала: «Я согласна и искренне желаю покаяться». Тотчас же послали в храм, и приглашен был для исповеди Зинаиды Николаевны игумен Власий. Но он ранее пяти часов вечера прийти к ней не мог. И она все это время не вкушала никакой пищи, готовясь встретить драгоценного Гостя во Святых Таинах. Слезная исповедь Зинаиды Николаевны была исполнена глубочайшего сокрушения духа. И приобщилась она Святых Христовых Таин с такой верой и умилением, что как бы видела воочию Христа Спасителя. Игумен Власий затем прочитал больной благодарственные молитвы и поздравил ее с принятием Святых Таин. Больная была в необычайной радости и веселии и казалась совершенно здоровою. Благословив больную и простившись с ней, отец Власий не успел еще дойти до выходной двери из дома, как его спешно вернули, сообщив, что больная скончалась (114, 93—95).

***

Поведал некоторый старец: «По прошествии семнадцати дней пребывания моего в пустыне я нашел хижину, при ней пальмовое дерево и стоящего мужа, которому отросшие волосы служили и одеждою. Страшен был вид его. Увидев меня, он встал на молитву. Когда я заключил молитву словом «аминь», он понял, что я человек, взял меня за руку и спросил: «Каким образом пришел ты сюда? Все ли принадлежащее миру сохраняется доселе? Продолжаются ли гонения на христиан?» Я отвечал: «За молитвы истинных служителей Господа Иисуса Христа странствую по этой пустыне; что же касается до гонений, то они прекращены властию Христовою. Теперь ты расскажи мне, прошу тебя, каким образом ты пришел сюда?» Он, плача и воздыхая, начал говорить: «Я был епископом. Когда наступило гонение, я подвергся многим пыткам; впоследствии, не вынеся мук, принес жертву идолам; опомнившись, познал преступление мое и предал самого себя смерти в этой пустыне; живу здесь сорок девять лет, исповедуясь Богу и умоляя Его отпустить мне грех мой. Бог даровал мне пропитание от этой пальмы, но я не был утешен дарованием прощения до сорок восьмого года, а в этот год извещен о прощении». Он внезапно встал, поспешно вышел из хижины и пребыл долгое время в молитве. Окончив молитву, он подошел ко мне. Я взглянул на лицо его и затрепетал от страха: лицо его сделалось как бы огненным. Но он сказал мне: «Не бойся. Бог послал тебя для того, чтобы ты совершил мое погребение и предал тело земле». Едва окончил он эти слова, как лег и, протянув руки и ноги, скончался. Разорвав пополам свою верхнюю одежду, половину оставил я себе, а другой половиною обернув тело епископа, похоронил его в земле. После погребения его немедленно засохла пальма и развалилась

хижина. Я много плакал, умоляя Бога, не благоволит ли Он даровать мне эту пальму, чтоб остальное время жизни моей я мог провести на этом месте. Прошение мое не было исполнено. Я вернулся к братиям, которым рассказал все, убеждая их не приходить в отчаяние, но обретать Бога покаянием» (106, 539—541).

ПОКЛОНЫ

Если в каком-либо случае сделаешь погрешность, не прикрывай сего ложью от стыда, но с поклоном проси прощения, (у кого должно), и погрешность твоя простится тебе (прп. авва Исаия, 59, 14).

***

Если кто скажет тебе жестокое слово, не попусти сердцу твоему вознестись над ним; но скорее старайся сделать ему поклон (испрашивая прощения), прежде нежели воздвигнется страсть (гнева) в душе твоей; ибо гнев возбуждается негодованием (прп. авва Исаия, 59, 14—15).

***

...Каждым коленопреклонением и восклонением от земли на самом деле показываем, что чрез грех пали мы на землю, и человеколюбием Сотворшаго нас воззваны на небо (свт. Василий Великий, 7, 284).

***

...Если же кто-нибудь из них начинал распрю с ближним, то другой брат, тут случившийся, делал поклон, и тем укрощал их гнев (прп. Иоанн Лествичник, 57, 26).

***

Не оставляй коленопреклонений. — Преклонением колен изображается падение в грех, с подразумением в нем и исповедания греха; восстанием же с колен обозначается покаяние, с намеком на обет добродетельной жизни. Каждое коленопреклонение совершай с мысленным призыванием Христа, чтобы, припадая ко Господу душою и телом, Бога душ и телес соделать к себе удобопременительным (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 173).

***

Господь повергался на колени во время молитвы своей: и ты не должен пренебрегать коленопреклонениями, если имеешь достаточно сил для совершения их. Поклонением до лица земли, по объяснению отцев, изображается наше падение, а восстанием с земли — наше искупление. Пред начатием вечернего правила особенно полезно положить посильное число поклонов: от них тело несколько утомится и согреется, а сердцу сообщится чувство благочестивой печали; тем и другим приготовится чтение правила усердное и внимательное (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 174).

***

При совершении правила и поклонов никак не должно спешить; должно совершать и правила, и поклоны с возможною неспешностию и вниманием. Лучше менее прочитать молитв и менее положить поклонов, но со вниманием, нежели много без внимания (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 174).

***

Лучше всего положить поклоны прежде чтения вечерних молитв, т. е. поклонами начинать правило. От поклонов тело несколько утомится и согреется, а сердце придет в состояние сокрушения: из такого состояния подвижник усерднее, теплее, внимательнее помолится. Ощутится совсем другой вкус на молитвах, когда они будут читаться после поклонов (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 101).

***

Поклоны надо полагать весьма неспешно, одушевив телесный подвиг плачем сердца и молитвенным воплем ума... дай телу твоему самое благоговейное положение, какое должно иметь рабу и созданию Божию в присутствии Господа Бога его (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 101).

***

Не заботься о количестве поклонов, все внимание обрати на качество молитвы, совершаемой с коленопреклонениями... Гораздо сильнее подействует небольшое число поклонов... нежели большое, исполненное наскоро для счета (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 102).

***

Вменив себе в непременную обязанность при совершении поклонов обильное душевное делание, состоящее из внимательности, неспешности, благоговения, намерения принести Богу покаяние, (человек) усмотрит... какое количество поклонов выносит его телосложение (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 102).

***

Поклоны, совершаемые для числа, неодушевленные правильным умным и сердечным деланием, более вредны, нежели полезны <...> Надо припомнить, что поклоны согревают кровь... (а это) способствует возбуждению умственной деятельности... Бедный подвижник единственно по той причине, что не имеет понятия о истинном душевном делании, предается душевредной умственной деятельности, предается тщеславным помыслам и мечтаниям... Самомнение вскоре начинает проявляться в тайном осуждении ближних и в явном расположении поучать их... Таков плод телесного подвига, если он не будет одушевлен намерением покаяния и не имеет целью одно покаяние, если подвигу самому по себе дается цена (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 102—103).

***

Поклоны при Иисусовой молитве оставляются на произвол и усердие... На малых узлах кладите поясной поклон, а на больших — земной. Сколько? Сколько душе угодно, однако же определив это однажды навсегда... Лучше время определить для сей молитвы: четверть часа, или больше, или меньше (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 112—114).

***

Стоять перед иконою и класть поклоны — не есть еще молитва, а только принадлежность молитвы (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 33—40).

***

Установившись так внутренно, стань пред иконами, перекрестись, поклонись, и начинай обычное молитвословие.

Читай не спешно — вникай во всякое слово, — мысль всякого слова доводи до сердца, сопровождая это поклонами — с крестом. В этом — все дело приятного Богу и плодоносного чтения молитвы (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 35).

***

Поклоны неотложно должны быть при Иисусовой молитве, и чем больше, тем лучше. Если ты один в келье, то почаще становись на поклоны и твори их сколько хочешь с молитвою Иисусовой. Утром и вечером побольше их клади (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 58).

***

...Числа поклонов лучше не определять, и времени. Молитесь, кладя поклоны, пока сердце требует, и не перечьте ему, ибо враг будет подходить, толкуя: будет, уже много молился... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 146).

***

Как только свобода, кладите поклоны в чувствах сокрушения и смирения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 175).

***

Кладущий поклоны с рассеянною головою есть трость ветром колеблемая (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 217).

***

«Количеством ли молитв и поклонов себя определить или о внимании более заботиться?» — Без внимания мо-

литва не молитва. Следовательно, это главное. Но при этом надо и правилом определить количество молитв и поклонов. Это для домашнего молитвословия... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 168—169).

***

Поклоны — телесная работа. С ними надо соединять мысль о Боге и чувство к Нему (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 179).

***

Поклоны надо класть. Ими подогревать надо сердце, когда оно станет охладевать (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 179).

***

Поклоны — поклонами, а главное — жизнь исправная (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 184).

***

Поклоны хорошо класть... Все молитвенники советуют это делать, а бухать об пол нет нужды (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 206).

***

Но за всеми один грех стоит... сделают поклон, другой... и подавай им, что хочется... вынь да положь. Если же не дается по желанию их, поднимают ропот и хулят Божие промышление. Вот ничего и не получают. Это — вынь да положь — означает командование Богом. Не надо так, а вот как: «Господи, Ты видишь, что мне то и то

нужно, то и то тяготит меня. Помоги мне и устрой меня, как святой воле Твоей угодно, а не как желает воля моя!..» (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 163—164).

***

Много помогают согреванию сердца поклоны. Их и кладите почаще — поясные и земные (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 121).

****

Некоторый муж, по имени Исидор, из князей города Александрии, отрекшись мира, удалился в монастырь. Всепреподобный настоятель монастыря, принимая его, сказал, что он весьма коварен, суров, зол и горд. И, желая проверить Исидора, предложил ему: «Если ты истинно решился взять на себя иго Христово, то хочу, чтобы ты прежде всего обучался послушанию». Исидор ответил ему: «Как железо кузнецу, предаю себя тебе, святейший отче, в повиновение». Тогда великий отец, утешенный таким ответом, немедленно назначил обучительный подвиг Исидору и сказал: «Хочу, чтобы ты, истинный брат, стоял у ворот обители и всякому входящему и исходящему человеку кланялся до земли, говоря: помолись обо мне, отче, я одержим злым духом». Исидор так послушался своего отца, как Ангел Господа. Когда же он провел семь лет в этом подвиге и пришел в глубочайшее смирение и умиление, тогда приснопамятный отец, после семилетнего законного искуса и беспримерного Исидорова терпения, пожелал его, как достойнейшего, причислить к братии и сподобить рукоположения. Но Исидор умолял пастыря, чтобы ему позволили завершить подвиг на том же послушании, не ясно намекая на то, что кончина его приближается и что Господь призывает его к

Себе; что вскоре и сбылось. Ибо, когда настоятель оставил его на том же месте, Исидор, по прошествии десяти дней, через бесславие свое со славой отошел ко Господу; а в седьмой день после успения своего взял ко Господу и привратника оной обители, которому говорил при жизни: «Если я получу дерзновение ко Господу, то ты вскоре и там неразлучен со мною будешь». Так и случилось, в достовернейшее доказательство непостыдного сего послушания и богоподражательного смирения (57, 28—29).

ПОКОЙ ДУШИ

Объятому желанием небесного не должно, не говорю — искать покоя (телесного), но и наслаждаться им, когда он имеется (свт. Иоанн Златоуст, 44, 142).

***

...Ничто так немалоспособно пользоваться покоем, как человеческая природа (свт. Иоанн Златоуст, 44, 170).

***

...На месте борьбы и среди подвигов не может наслаждаться покоем тот, кто хочет быть увенчанным (свт. Иоанн Златоуст, 44, 820).

***

...Праведник, и наслаждаясь покоем, остается светлым, как золото, погруженное в воду, и, подвергшись искушению, делается еще светлее, как золото, испытываемое огнем, а грешник, и вкушая покой, расплывается и гниет, как сено и глина, брошенные в воду, и подвергшись искушению,

сгорает и гибнет, как сено и глина от огня (свт. Иоанн Златоуст, 45, 60).

***

...Если хочешь быть веселым и наслаждаться покоем и удовольствием, — не удовольствия ищи и не покоя, но старайся, чтобы душа твоя обладала мужеством и была способна к терпению, потому что, если не будешь иметь этих качеств, — тебя не только победит искушение, но еще скорее погубит и низложит покой (свт. Иоанн Златоуст, 45, 60).

***

Ничему так не несвойственен покой, как человеку. Потому Бог и сделал путь его узким и тесным; даже не только дела добродетели, но и дела житейские Он соединил с трудом, и последние гораздо более (свт. Иоанн Златоуст, 48, 392).

***

...Чтобы нам наслаждаться покоем и здесь и там, со всем тщанием будем насаждать в душах наших матерь всех благ, т. е. смиренномудрие (свт. Иоанн Златоуст, 50, 34).

***

...Ничто столько не служит к душевному спокойствию, как свобода от забот и попечений, особенно если, освободившись от этих забот и попечений, можно не иметь ни в чем недостатка, имея помощником Бога, Который заменяет Собою все (свт. Иоанн Златоуст, 50, 355).

***

...Кто хочет достигнуть покоя, тот (здесь) пусть терпит скорби... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 783).

***

Не будем искать спокойствия, потому что Христос возвестил скорби ученикам Своим... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 56).

***

Закон образно повелевает шесть дней делать, а в седьмой упраздняться от дел. Дело души состоит в благотворении имением, т. е. делами; упразднение же ее, или покой в том, чтобы, по слову Господа, продать все свое и дать нищим, и успокоившись через такую нестяжательность, празднствовать в мысленном уповании. В сей-то покой и святой Павел поощряет нас войти со тщанием, говоря: *потщимся убо внити во оный покой* (Евр. 4, 11) (прп. Марк Подвижник, 89, 552).

***

Когда же кто с радостию переносит труды и скорби, тогда может сильно обуздывать и помыслы, потому что помыслы сии трудами приводятся в бездействие. Когда человек памятует прежние свои грехи и наказывает себя <вольными скорбями>, тогда и Бог прилагает попечение о том, чтобы упокоить его (прп. Исаак Сирин, 58, 385).

***

...Если человек не узнает, что такое скорбь, то не узнает и что такое покой (прп. авва Дорофей, 29, 25).

***

Если кто смущается на оскорбляющего его брата, то сие происходит или от того, что он в это время находится не в хорошем расположении духа, или от того, что имеет неприязнь против него. Этому есть много и других причин, о которых уже было говорено. Но главная причина всякого смущения, если мы основательно исследуем, есть то, что мы не укоряем самих себя. От того проистекает всякое подобное расстройство, от того мы никогда не находим покоя. И нечего удивляться, когда слышим от всех святых, что нет другого пути, кроме сего. Мы видим, что никто, минуя путь сей, не обрел покоя, а мы надеемся получить спокойствие, или полагаем, что идем правым путем, никогда не желая укорять самих себя (прп. авва Дорофей, 29, 90).

***

Добре и бесспорно верно сказали отцы, что не найдет человек покоя иначе, как стяжав и утвердив в себе такое внутреннейшее расположение, что в мире только и есть, что Бог да он, отнюдь ни к чему не обращаясь умом своим, но Его единого вожделевая, и к Нему единому прилепленным пребывая (свт. Феодор Едесский, 91, 342).

***

...Бог поступил с отпадшим человеком так, чтоб он не находил себе покоя в настоящей жизни в вещах мира сего, и чрез то вынуждаем был опять возвращаться ко Всеблагому Богу, Господу и Владыке всяческих, Отцу, Промыслителю, Упокоителю, Искупителю и Спасителю, и всегда находиться при Нем, дабы таким образом и человек находил успокоение, и Бог, Отец его, имея при Себе его, сына, радовался о нем (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 70).

***

Горе, душа, тем, которые здесь имеют упокоение, потому что там они восприимут вечную муку (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 65).

***

Как долг неотложный имеет всякий христианин, когда потеряет сердечный мир, делать все от него зависящее, что может способствовать к восстановлению его; так не меньше того обязательно лежит на нем не допускать, чтоб какие-либо случайности текущей жизни возмущали сей мир, разумею: болезни, раны, смерть сродников, войны, пожары, внезапные радости, страхи и скорби, воспоминания о прежних проступках и ошибках, словом — все, чем обычно волнуется и тревожится сердце. Потому обязательно не допускать тревог и волнений в таких случаях, что поддавшись им, человек теряет самообладание и лишается возможности ясно понимать события и верно видеть подобающий образ действования, а то и другое дает врагу доступ взволновать его еще более и направить на какой-либо шаг, трудно поправимый, или совсем непоправимый.

Я не то хочу сказать: не допускай скорби, потому что это не в нашей власти, а то: не допускай скорби возобладать твоим сердцем и взволновать его, держи ее вне, за пределами сердца и спеши так ее умягчить и укротить, чтоб она не мешала тебе и здраво рассуждать и право действовать. Это, при помощи Божией, в нашей власти... (прп. Никодим Святогорец, 70, 119—120).

***

Всяким хранением храни, брате, совесть свою чистою и в мыслях, и в словах, и в делах, да будет она всегда

безукоризненна и никогда да не осуждает и не грызет тебя ни за что. Если будешь так делать, она большую приобретет у тебя силу и во внутреннем твоем и во внешнем действовании и, став госпожою над всем, станет добре править твоею жизнию. Чистая совесть и жизнь твою сделает безукоризненною: ибо тогда она будет чутка и сильна на добро и против зла. Она закон, Богом начертанный в сердцах людей, в освещение путей их и в руководство во всем достодолжном, как учит апостол Павел, называя ее *делом законным, написанным в сердцах* (Рим. 2, 15); основываясь на чем, святой Нил такой дает каждому урок: «во всех делах своих, как светильником, пользуйся руководством совести».

В четырех отношениях должно тебе блюсти совесть свою безукоризненною: в отношении к Богу, к себе самому, к ближним и ко всем вещам, кои в руках у тебя.

Все это тебе ведомо; напомню, однакож, тебе главнейшее. — *В отношении к Богу* — пребывай в памяти Божией и ходи в присутствии Божием; сознавай себя носимым и хранимым силою Божиею, и ведомым к тому концу, для которого Он воззвал тебя к бытию; и себя и все свое посвящай на служение Богу и во славу имени Его; в Нем живи, на Него уповай и Ему предай участь свою, и временную и вечную.

В отношении к себе самому, — будь справедлив к себе и каждой части своего естества отдавай должное: *дух* твой, ищущий Бога, небесного и вечного, да властвует над душою и телом, которых назначение устроять временную жизнь: *душа,* подчиняясь внушениям духа, выю ума да подклоняет богооткровенной истине и ею да освещает всю область своего ведения, — волю да держит в порядках заповедей Божиих, не давая ей, в противность им, уклоняться к своим похотениям, — сердце да учит на-

ходить вкус только в вещах божественных и в том, что носит отпечатки и служит выражением божественного, — и в сем духе да ведет свои дела и порядки житейские и общественные; *телу* давай нужное и, соблюдая в сем строгую мерность, имей законом — никогда ни в чем *не творить плоти угодья в похоти* (ср.: Рим. 13, 14). Храня сие, будешь добрым правителем себя самого, и истинным себе благодетелем.

В отношении к ближним, — чти всех, как образы Божии, всем благожелай и благодетельствуй по силе, пред всеми смиряйся и всем угождай в пределах добра, радуйся с радующимися и соскорби скорбящим, никого не осуждай и не уничижай, даже в мысли и чувстве, от ищущих у тебя совета и вразумления не скрывай истины, когда знаешь, сам же в учители никому не навязывайся, паче же всего блюди мир и согласие со всеми, с готовностию на всякие для того с своей стороны жертвы, и всевозможно избегай соблазнить кого.

В отношении к вещам, — почтительно относись ко всем, как творениям Божиим; какие Бог дает тебе во владение, храни и употребляй во славу Божию, — будь всякою мерой их доволен и благодари за них Бога, — ни к чему не пристращайся и на все смотри, как на способы и орудия внешние, чтоб свободно распоряжаться ими и не иметь в них связы и препон в добрых начинаниях своих, — не допускай в себе почивания на них, как на хрупких опорах, не хвались своими, не завидуй чужим, не скупись и не будь расточителен не на доброе...

Добре хотящие жити, ревнители о спасении все так и действуют, всячески стараясь ни в чем из того не погрешить и ничем не запятнать своей совести. При всем том, однакож, то мысли и чувства, то слова, а то и дела неправые проскользают, иной раз незаметно, а то и заметно, и

запыляют чистый лик совести, так что к концу дня редкий не бывает похож на путника, шедшего по пыльной дороге, у которого всюду набивается пыль, и в глаза, и в нос, и в рот, и в волосы, и все лицо покрывает. По сей причине и положено всякому, ревнующему о спасении, вечером испытывать свою совесть и, уяснив себе все неправости, допущенные днем в мыслях, словах и делах, очистить их покаянием, т. е. делать то же, что делает запылившийся путник: путник умывается водой, а ревнующий о спасении очищает себя покаянием, сокрушением и слезами (прп. Никодим Святогорец, 70, 242—245).

****

Авва Пимен рассказывал, что авва Пафнутий говорил: «Во дни жизни старцев я всегда ходил к ним по два раза в месяц, пребывая на расстоянии двенадцати миль от них. Я открывал им всякий свой помысл. Старцы всегда говорили мне одно и то же: «Куда бы ты ни пришел, храни смирение и будешь спокоен» (97, 235—236).

***

Авва Сисой говорил: «Будь смирен, отвергайся своей воли, ни о чем (земном) не заботься, — и ты будешь спокоен» (97, 256)

ИСТОЧНИКИ

1. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1902.

2. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1902.

3. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1903.

4. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1903.

5. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1900.

6. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1900.

7. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1900.

8. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1901.

9. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 5. ТСЛ, 1901.

10. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

11. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1902.

12. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 1. М., 1843.

13. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 2. М., 1844.

14. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 3. М., 1844.

15. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 4. М., 1844.

16. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 5. М., 1847.

17. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 6. М., 1848.

18. Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. М., 1861.

19. Творения святого Григория Нисского. Ч. 2. М., 1861.

20. Творения святого Григория Нисского. Ч. 3. М., 1862.

21. Творения святого Григория Нисского. Ч. 4. М., 1862.

22. Творения святого Григория Нисского. Ч. 5. М., 1863.

23. Творения святого Григория Нисского. Ч. 6. М., 1864.

24. Творения святого Григория Нисского. Ч. 7. М., 1865.

25. Творения святого Григория Нисского. Ч. 8. М., 1871.

26. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 1. М., 1994.

27. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 2. М., 1994.

28. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 3. М., 1994.

29. Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. 10-е изд. Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни: Свято-Троицкая Лавра, 1913.

30. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 1. М., 1881.

31. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 2. М., 1881.

32. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1912.

33. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1900.

34. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 5. М., 1887.

35. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

36. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1913.

37. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 8. ТСЛ, 1914.

38. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1905.

39. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1886.

40. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 3-е изд. Т. 3. СПб., 1905.

41. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетическая проповедь. 3-е изд. Т. 4. СПб., 1905.

42. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Приношение современному монашеству. 3-е изд. Т. 5. СПб., 1905.

43. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина: Точное изложение православной веры. СПб., 1894.

44. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. 2-е изд. Т. 1: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

45. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 2: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1896.

46. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 3: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1897.

47. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 4: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

48. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 5: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1899.

49. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 6: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1900.

50. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 7: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1901.

51. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 8: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1902.

52. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 9: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1903.

53. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 10: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1904.

54. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 11: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1905.

55. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 12: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1906.

56. Писания преподобного отца нашего Иоанна Кассиана Римлянина. 2-е изд./Пер. с лат. еп. Петра. М., 1892.

57. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. 7-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1908.

58. Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирина, подвижника и отшельника, бывшего епископом града Ниневии: Слова подвижнические. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893.

59. Преподобного и богоносного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского: Духовно-нравственные слова. 2-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1911.

60. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 1. М., 1859.

61. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 2. М., 1860.

62. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 3. М., 1860.

63. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Письма. 2-е изд. Ч. 1. Киев, 1891.

64. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Трактаты. 2-е изд. Ч. 2. Киев, 1891.

65. Творения святых отцев в русском переводе, издаваемые в Московской Духовной Академии/Творения святителя Кирилла Александрийского. Т. 49. Ч. II. ТСЛ, 1882.

66. Творения иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа Иерусалимского. М., 1855.

67. Преподобного отца нашего Макария Египетского: Духовные беседы, послания и Слова. 4-е изд. ТСЛ, 1904.

68. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе: Нравоучительные сочинения. Ч. 1. ТСЛ, 1910.

69. Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника: Нравственно-подвижнические слова. 2-е изд. Сергиев Посад, 1911.

70. Невидимая брань, блаженной памяти старца Никодима Святогорца. 2-е изд.: В 2 ч./Пер. с греч. еп. Феофана. М., 1892.

71. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 1. М., 1858.

72. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 2. М., 1858.

73. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 3. М., 1859.

74. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 1. М., 1874.

75. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 2. М., 1874.

76. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 1. М., 1892.

77. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 2. М., 1890.

78. Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова. Сергиев Посад, 1917.

79. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 1. М., 1898.

80. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 2. М., 1898.

81. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3. М., 1898.

82. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 4. М., 1899.

83. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 5. М., 1899.

84. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 6. М., 1900.

85. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900.

86. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 8. М., 1901.

87. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?/Письма еп. Феофана. 5-е изд. М., 1904.

88. Внутренняя жизнь: Слова епископа Феофана. Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1893.

89. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 1. М., 1883; 3-е изд. М., 1895.

90. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 2. М., 1884.

91. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 3. М., 1888; 3-е изд. М., 1900.

92. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 4. М., 1889.

93. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 5. М., 1890; 3-е изд. М., 1900.

94. Писание мужей апостольских/Пер. прот. Петра Преображенского. 2-е изд. СПб., 1895.

95. Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на Святой Афонской горе просиявших. 3-е изд. Ч. 1, 2. СПб., 1897.

96. Глинский патерик/Схиархим. Иоанн Маслов. М., 1997.

97. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. М., 1845.

98. Древний патерик: Изложенный по главам. М., 1874.

99. Жизнь пустынных отцев/Творение пресвит. Руфина. ТСЛ, 1898.

100. Киево-Печерский патерик/Сост. М. Викторова. Киев, 1893.

101. Лавсаик/Сост. Палладий, еп. Еленопольский. СПб., 1850.

102. Луг духовный/ Творение блаженного Иоанна Москва. Сергиев Посад: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915.

103. Митерикон: Собрание наставлений аввы Исаии всечестной инокине Феодоре. 2-е изд./Пер. еп. Феофана. М., 1898.

104. Московский патерик/Сост. Е. Поселянин. М.: Изд. Московского дворянства, 1912.

105. Оптинский патерик/Б-ка Московской Духовной Академии. (Машинопись. Инв. № 123611).

106. Отечник/Еп. Игнатий (Брянчанинов). 4-е изд. СПб., 1903.

107. Отечник проповедника/Сост. игум. Марк (Лозинский). ТСЛ, 1996.

108. Палестинский патерик/И. Помяловский. Вып. 3. СПб., 1893.

109. Патерик Волыно-Почаевский/Сост. прот. А. Хойнацкий. М., 1883.

110. Практическая симфония/Сост. Г. Дьяченко. М., 1912.

111. Духовный мир/Сост. Г. Дьяченко. М., 1900.

112. Пролог в поучениях/ Прот. В. Гурьев. М., 1912.

113. Соловецкий патерик. М., 1895.

114. Троицкие цветки с луга духовного/Сост. архим. Кронид (Любимов). ТСЛ, 1997.

115. Троицкий патерик. ТСЛ, 1896. [Репринт].

116. Цветник духовный. 5-е изд.: В 2 ч. М., 1903.

117. История боголюбцев, или повествование о святых подвижниках/Блаж. Феодорит, еп. Кирский. СПб., 1853.

118. Святого отца нашего, Григория Двоеслова, епископа Римского. Собеседования о жизни италийских отцев и бессмертии души. Казань, 1853.

119. Тверской патерик: Краткие сведения о тверских местночтимых святых. Казань, 1907.

120. Житие преподобного отца нашего Василия Нового и повествование о прохождении воздушных мытарств блаженною Феодорою. 5-е изд. Одесса, 1914.

121. Свят. Димитрий Ростовский: Жития Святых. Январь. М., 1993.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обет 5
Обетования Божии 9
Обиды 14
Обличения 33
Общение 48
Одежда 57
Осквернение 62
Оскорбление 66
Осуждение 86
Откровение о Творце 117
Отречение от мира 129
Отчаяние 136
Отшельничество 148
Охлаждение 162
Очищение 166
Падения 173
Память 187
Память Божия 189
Паства 205
Пастырь 217
Сущность пастырства 217
Образ пастыря 218
Попечение о пастве 238

Пастырские искушения 278
Обязанности пастыря 285
Ответственность пастыря 300
Пастырство ложное 312
Пастырское служение 319
Педагогика 330
Печаль 343
Писания Святых Отцев 361
Пища 368
Плач 382
Плоть 414
Подвиги 440
Покаяние 509
Сущность покаяния 509
Покаяние как добродетель 517
Необходимость покаяния 534
Степени покаяния 544
Действенность покаяния 545
Истинное покаяние 562
Слезное покаяние 567
Дела покаяния 571
Плоды покаяния 574
Истинность покаяния 592
Время покаяния 593
Духовная епитимия 603
Поклоны 627
Покой души 634
Источники 642

ББК 86.3

С-59

СОКРОВИЩНИЦА Д

Том I

Издание Московской Дух
и Высокопреосвященной Ор

2-11720. Книжечный инв. № 1
Высокопреосвященной Ор
Издательский отдел, 1993 г.

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том VIII

Помощь Божия — Пьянство

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
И ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
2007

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

П

ПОМОЩЬ БОЖИЯ

Познавший немощь свою, из многих искушений, и телесных и душевных страстей, познает бесконечное могущество Бога, как Он избавляет смиренных, вопиющих к Нему претрудною молитвою от сердца. И таковому молитва бывает уже сладостна. Видя, что без Бога ничего не может сделать, и, страшась падения, он подвизается быть неотступно при Боге; удивляется же, помышляя, как Бог его избавил от стольких искушений и страстей, и благодарит Могущего избавить его, а с благодарением получает смирение и любовь, и отнюдь никого не смеет судить, зная, что как Бог помог ему, так может и всем помочь, когда восхощет... Может быть, иной и успевает бороться со многими страстями и побеждать их, а себя считает немощным (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 23).

***

Не надейся на свои силы, и помощь Божия будет сопри-сутствовать тебе (прп. авва Исаия, 59, 95).

***

...Дела обличают нас, когда в скорбях скорее прибегаем ко всему прочему, только не к Богу. Больно у тебя дитя? Ищешь ворожею или вешающего на шеи младенцам пустые надписи или, наконец, идешь ко врачу и за лекарствами, пренебрегши Того, Кто может спасти. Возмутил тебя сон? Бежишь к снотолкователю, устрашился ты врага! Ищешь заступника в ком-нибудь из людей. Вообще при всякой нужде обличаешь сам себя, что на словах называешь Бога прибежищем, и на деле домогаешься помощи от бесполезного и суетного. Но праведнику истинная помощь — Бог (свт. Василий Великий, 5, 212).

***

Всякий человек имеет нужду в великой помощи, потому что, по немощи, естественно в нем находящейся, с ним встречается много горестного и трудного. Посему, ища убежища от всех бедствий, как бы удаляясь в безопасное место или, по причине неприятельского нашествия, укрываясь на какой-то острой вершине горы, окруженной крепкою стеною, прибегает он к Богу, только пребывание в Нем признавая для себя успокоением (свт. Василий Великий, 5, 291).

***

...Бог — наш помощник и споборник всякого сражающегося противу козней диавола, и посылает служебных духов к требующим спасения (свт. Василий Великий, 5, 293).

***

...Тот получает помощь от скорби, кто человеческую помощь презирает, как суетную, и утверждается в надежде

на могущего спасти нас, утверждается же о Христе Иисусе, Господе нашем... (свт. Василий Великий, 5, 327).

***

Всего более уповай на руку Великого Царя, которая, едва только покажется, приводит в страх и обращает в бегство сопротивных... (свт. Василий Великий, 9, 33—34).

***

Кто хочет иметь помощь от Бога, тот не изменяет долгу; а кто не изменяет долгу, тому никогда не изменяет Божие содействие (свт. Василий Великий, 9, 323).

***

...Не надобно доводить себя до того, чтобы осуждала в чем-либо собственная совесть, и в таком состоянии призывать Божию помощь; призывать же ее должно не с нерадением, не скитаясь умом туда и сюда. Такой не только не получит просимого, но еще более преогорчит Владыку (свт. Василий Великий, 9, 323—324).

***

...Получаем ли скорее или медленнее, пребудем благодарными Господу, потому что все, что ни делает Владыка, домостроительствует ради нашего спасения; только мы да не будем из малодушия прекращать прошения (свт. Василий Великий, 9, 327).

***

Никогда не спотыкнется, кому Ты <Господь> бываешь опорой, никогда не падет, кто утверждается в Тебе (прп. Ефрем Сирин, 31, 148).

***

...Без Божия покровительства человек ничто. Велика злокозненность врагов наших, но преимущественнее ограждающая человека помощь Божия; только мы не даем видеть сего очам своим (прп. Ефрем Сирин, 31, 300).

***

...Божественная сила не без причины приходит не ко всем, но оставляя тех, которые по нерадению изменяют собственному своему спасению, уделяет помощь свою решившимся делать что надлежит (прп. Ефрем Сирин, 32, 346).

***

...Спаситель наш отвсюду подает и надежду, и помощь всякому, кто хочет приблизиться к Нему и исповедать Его Сыном Божиим (прп. Ефрем Сирин, 33, 166).

***

Как скоро взор Твой, Господи всяческих, обращается на мглу грехов моих, она исчезает передо мною, и беспрепятственно, со всею ревностию, начинаю ходить путем заповедей Твоих, укрепляясь надеждою на Тебя и освободясь от мрака заблуждений (прп. Ефрем Сирин, 33, 204).

***

Лукавый сатана изблевал на меня яд свой, растлил и низложил меня грехом. Но поелику иду я Твоим путем, а Ты всемогущ, то питает надежду немощь моя, что Ты, презря его, окажешь мне помощь оставлением грехов, и посрамится растлитель мой (прп. Ефрем Сирин, 33, 205—206).

***

От Тебя всякая сила. Тобой побеждают доблестные. Ты возводишь их на высоту доброй жизни. Твоя любовь укрепляет немощных и робких. И мое время, Господи, не проходит бесполезно (прп. Ефрем Сирин, 33, 230).

***

К Тебе прибегаю, Господи Иисусе, в Кресте Твоем ищу защиты; потому что снял Ты с меня сатанинское иго, чтобы стать мне делателем в винограднике Твоем, прославлять, чтить и величать Тебя, и Отца Твоего, и Духа Святаго (прп. Ефрем Сирин, 33, 310).

***

Когда даст Бог, ничего не сделает зависть; а когда не даст, не поможет никакой труд (свт. Григорий Богослов, 15, 369).

***

...Где восседает и правит душою Сам Господь, там всегда одерживает Он победу, искусно и постоянно правя браздами и путеводствуя колесницу души к небесному и божественному образу мыслей (прп. Макарий Египетский, 67, 10).

***

Достойною же помощи <Божией>... делается такая душа, которая все почитает излишним, не упокоевается ни на чем в мире, одного ждет к своему упокоению, а именно, что будет упокоена и обрадована Его благостию... (прп. Макарий Египетский, 67, 39).

***

...Божиею силою низлагает он <человек> мир и силы порока, которые осе́тили душу в мире, и в пучине мира опутывают ее мрежами всякого рода пожеланий (прп. Макарий Египетский, 67, 49).

***

...Человек сам собою не в состоянии избавить себя от противления, от скитания помыслов, от невидимых страстей и козней лукавого (прп. Макарий Египетский, 67, 176).

***

Богу легко все совершить в одно мгновение, только ты имел бы любовь к Нему (прп. Макарий Египетский, 67, 201).

***

...Когда увидит <Господь> рачительность твою в искании Его, тогда явится и откроется тебе, подаст помощь Свою... (прп. Макарий Египетский, 67, 237).

***

...Дух Святый подкрепляет христиан, поддерживая и руководствуя душу в чувстве (прп. Макарий Египетский, 67, 302).

***

...В том особенный дар Божий, что Он верным рабам, в их лишении, дарует более, чем можно надеяться (свт. Григорий Нисский, 25, 249).

***

...Будем непрестанно прибегать к Богу и во всякой печали искать Его утешения, во всяком несчастии — Его избавления, Его милости, во всяком искушении — Его помощи (свт. Иоанн Златоуст, 45, 341).

***

Пусть возделывают люди землю... и прилагают большую заботливость, пусть в воздухе будет благорастворение... Если не будет соизволения Владыки, все тщетно и напрасно, и от множества трудов и усилий не последует никакого успеха... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 341).

***

Но как можем мы привлечь к себе помощь Духа и расположить Его пребывать в нас? — Добрыми делами и хорошей жизнию (свт. Иоанн Златоуст, 46, 281).

***

...Если Он <Господь> увидит, что мы обращаемся (к добру), делаемся скромны и вообще полагаем хотя некоторое начало (добродетельной жизни), то и со Своей стороны окажет нам помощь, соделывая для нас все легким и удобным и не давая нам даже и почувствовать (тяжесть) подвигов добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 47, 290).

***

...Божии распоряжения — они чу́дны и необычайны! Когда люди начинают уже отчаиваться в своих делах, тогда-то Бог и являет непреоборимую во всем силу Свою (свт. Иоанн Златоуст, 47, 350).

***

...Ве́дущий сокровенные помышления наши, как скоро видит, что мы являем в себе здравый ум и усердно подвизаемся в добродетели, немедленно и от Себя подает помощь, облегчая для нас труды, укрепляя немощь нашего естества... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 460).

***

Зная слабость человеческой природы, Он <Господь>, чтобы мы не падали духом в тяжких трудах, часто среди трудов подает нам и помощь, и награды, — и труд наш облегчая, и ревность усиливая (свт. Иоанн Златоуст, 47, 463).

***

Мановению Божию все повинуется и покоряется, и тогда трудное становится легким, и невозможное — возможным. Только бы мы имели твердую веру в Него и, взирая на величие силы Его, становились выше всего человеческого (свт. Иоанн Златоуст, 47, 510).

***

...Хотя бы <мы> не имели никакой надежды на спасение, но как скоро Богу угодно будет (помочь нам), мы не будем иметь нужды ни в чьей помощи, а одна помощь Божия доставит нам все (свт. Иоанн Златоуст, 47, 514).

***

...Нет ничего сильнее (человека), огражденного высшею <Божией> помощию, и нет ничего слабее лишенного этой помощи... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 514).

***

...Нет безопаснее человека, который пользуется помощию <Божией> свыше (свт. Иоанн Златоуст, 47, 563).

***

Когда мы делаем все, что зависит от нас, тогда в обилии получаем и Божию помощь (свт. Иоанн Златоуст, 47, 568).

***

...Если кто захочет располагать свои дела по воле Божией, то получает свыше такое содействие, что чувствует это в самом ходе своих дел (свт. Иоанн Златоуст, 47, 571).

***

Если Он <Господь> ***солнце Свое сияет на злыя и благия и дождит на праведныя и неправедныя*** (Мф. 5, 45), то тем более не презрит отвращающихся от зла, убегающих от неправды, но удостоит их особого промышления и во всем покажет Свое попечение (свт. Иоанн Златоуст, 47, 585).

***

...Когда мы пользуемся благоволением свыше, то не только можем избегать наветов злых людей, но если и лютые звери нападут на нас, мы не подвергнемся никакой беде (свт. Иоанн Златоуст, 47, 615).

***

...Как без высшей помощи мы не в силах сделать ничего как должно, так, с другой стороны, без приложения от

себя собственных усилий не можем удостоиться и вышней помощи (свт. Иоанн Златоуст, 47, 634).

***

Если Он <Господь> увидит, что мы со своей стороны прилагаем все возможное старание и угодное Ему предпочитаем человеческому, то покажет и Сам такое о нас попечение, что мы сделаемся во всем непреоборимыми (свт. Иоанн Златоуст, 47, 649).

***

...Помощь свыше приходит с щедростию тогда, когда и мы покажем много добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 47, 670).

***

Кто удостоился этой <Божией> помощи, тот и среди бед посмеётся им и не поставит их ни во что, потому что Господь все творит для него и благоустрояет, во всем споспешествует ему и тяжкое делает легким (свт. Иоанн Златоуст, 47, 670).

***

Как же можем мы всегда иметь с собою Господа и получать от Него благопоспешение во всем? — Если мы будем всегда трезвиться и бодрствовать... будем помнить, что все должно делать с таким тщанием, чтобы никогда не подвергнуться осуждению от Господа, — что никому невозможно укрыться от Его неусыпного Ока, и что грешник непременно должен подвергнуться наказаниям (свт. Иоанн Златоуст, 47, 670—671).

***

Если мы хотим удостоиться помощи свыше, должны просить того, что согласно со справедливостью, чтобы силой свойством крещения склонить к себе Спасающего правые сердцем (свт. Иоанн Златоуст, 48, 73).

***

Как художнику свойственно строить, кормчему — управлять кораблем, солнцу — светить, так Тебе <Богу> свойственно защищать сирот, простирать руку помощи бедным... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 131).

***

...Надейся на милость Его <Божию>, нисколько не сомневаясь, и ты непременно получишь просимое; а получив, не будь неблагодарным и непризнательным к Благодетелю, но устрой памятник благодеяния Его, вознеси благодарственную песнь Господу (свт. Иоанн Златоуст, 48, 150).

***

Если ты хочешь видеть силу непобедимую, прибежище неизменное, крепость непреодолимую, ограду непоколебимую, то прибегни к Богу, обратись к Его силе (свт. Иоанн Златоуст, 48, 209).

***

Если потерпевшие кораблекрушение и несущиеся на досках, призывая людей, находящихся вдали, немедленно располагают их к человеколюбию, хотя не имеют с ними

ничего общего, но стали известны им только по случившемуся несчастию, то тем более Бог, человеколюбивый и по существу Своему благий, избавит находящихся в несчастии, если только они захотят прибегнуть к Нему и искренно призвать Его, оставив надежды человеческие (свт. Иоанн Златоуст, 48, 339).

***

...Если Бог не подаст Своей помощи, то все напрасно; а когда Он подаст Свою помощь, тогда и сон приятен, тогда будет и покой, и жизнь, свободная от опасностей и исполненная мира (свт. Иоанн Златоуст, 48, 395).

***

Бог не лицеприятен и не помогает одним, а другим нет, но подает Свою помощь всем, кто к Нему обращается (свт. Иоанн Златоуст, 48, 871).

***

Когда Бог нам враг, то хотя бы у нас были и блага, и друзья, от них не будет никакой пользы; когда же Бог к нам благорасположен, то ничто враждебное не может повредить нам (свт. Иоанн Златоуст, 49, 311).

***

...Когда Бог утешает, то хотя бы тысячи горестей с тобой случились, все победишь, потому что Бог всегда награждает труды с преизбытком (свт. Иоанн Златоуст, 50, 152).

***

...Бог Своими дарами не предваряет наших желаний, но когда мы начнем, когда обнаружим желание, тогда и Он подает нам многие способы к спасению (свт. Иоанн Златоуст, 51, 122).

***

...Когда Он <Бог> видит, что Его верные терпят притеснения, Он не спешит со Своею помощию, чтобы дать людям возможность благодеяниями притесняемым устроять свое спасение (свт. Иоанн Златоуст, 51, 611).

***

...Бог везде неразлучен с любящими Его; содержатся ли они в темнице, находятся ли в изгнании, или в бездне моря, заключены ли в яме, или где бы то ни было подвергаются опасности, Бог не оставляет их, содействуя им, и укрепляя их, и облегчая их труды (свт. Иоанн Златоуст, 51, 769).

***

...Будем всячески стараться о том, чтобы снискать себе небесную помощь, чтобы не испытать и настоящих горестей, и сподобиться будущих благ... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 51).

***

Кто помнит Бога, у того в сердце гнездятся все блага радости; там источник, изобилующий благами, там мед, и сот, и зажженный светильник, там в сокровении сокровищница Святой Троицы. Отец, и Сын, и Святый Дух

приходят и у него жительствуют; и он уже не оглашаемый человек, а богоносимый ангел (свт. Иоанн Златоуст, 53, 831).

***

...Ни тело, ни душа сами по себе, если не получат помощи свыше, не в состоянии совершить ничего великого и доблестного (свт. Иоанн Златоуст, 54, 46).

***

Доколе находимся в руке Божией, никто не может похитить нас, потому что она крепка. Когда же ниспадем из руки Его и лишимся Его помощи, тогда мы погибли, доступны всем на расхищение, всем на попрание... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 270).

***

...Мы нуждаемся в помощи Божией, как бы в некотором ветре, чтобы наш парус, точно каким сильным дуновением, подвигаем был к любви Божией (свт. Иоанн Златоуст, 54, 608).

***

...Нам следует наперед избирать доброе, и когда мы изберем, тогда и Он <Бог> оказывает Свое содействие (свт. Иоанн Златоуст, 55, 115).

***

...Если мы будем всегда созерцать Бога умом, если будем постоянно помнить о Нем, то для нас все окажется

легким, все сносным, все мы будем переносить удобно и станем выше всего (свт. Иоанн Златоуст, 55, 215).

***

...Если ты придешь поклониться Богу и примешь участие в здешнем (церковном) занятии, то более легкими станут для тебя и предстоящие (житейские) дела (свт. Иоанн Златоуст, 55, 490).

***

...Когда Бог находится с нами и защищает нас, все печали исчезают... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 543).

***

...Никакая сила не превозможет того, кто огражден высшею помощию, и нет никого слабее, чем тот, кто лишен ее, хотя бы он был окружен тысячами войск (свт. Иоанн Златоуст, 55, 775).

***

Бог постоянно ожидает, не позовет ли Его кто-нибудь из Его слуг, и никогда не оставит без ответа, если Его позовут, как должно (свт. Иоанн Златоуст, 55, 823).

***

Бог есть ревнитель и особенно гневается, когда мы не обращаемся к Его помощи, (поэтому) приводит в такое положение, которое вынуждает нас искать Его помощи (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1152).

***

...Мало того, чтобы начала только спасения были положены благодатию Божиею, если притом они не будут возводимы и к совершенству тем же милосердием и непрестанною помощию Его. Ибо не свободная воля, но *Господь решит окованыя,* не наша сила, но *Господь возводит низверженныя,* не прилежное чтение, но *Господь просвещает слепцы,* не наша осторожность, но *Господь хранит пришельцы* (Пс. 145, 7—9), не наше мужество, но *Господь утверждает вся низпадающия* (ср.: Пс. 144, 14). Впрочем, это говорим мы не с тем, чтобы упразднить всякое свое попечение или труд и заботу, как будто бы они напрасно были употребляемы, но с тем, чтобы показать, что как самое попечение не может у нас родиться без помощи Божией, так и все труды наши не сильны доставить нам совершенную чистоту, если она не будет дарована благостию и содействием Господа (прп. авва Пафнутий, 56, 218—219).

***

...Мы должны быть уверены, научаясь как из опытов вещей, так и из бесчисленных свидетельств Священного Писания, что мы своими силами, без подкрепления помощи Божией, не можем победить стольких врагов и всегда должны приписывать Ему нашу победу (прп. авва Пафнутий, 56, 252).

***

...Боже, в помощь мою вонми: Господи, помощи ми потщися (Пс. 69, 2). Этот стишок по достоинству выбран из всего состава Священного Писания. Ибо он объемлет все расположения, какие только могут относиться к природе человеческой и прилично прилагаются ко всякому со-

стоянию и всем случаям; именно он заключает призывание Бога во всех опасностях, заключает смирение благочестивого исповедания, заключает постоянное бодрствование с заботливостью и страхом, содержит сознание своей слабости, чаяние услышания, надежду на настоящую и всегда присущую помощь. Ибо кто непрестанно призывает своего покровителя, тот уверен, что Он всегда присущ.

(Этот стих) содержит горячность любви и расположения, содержит усмотрение наветов, страх врагов которыми, видя себя окруженным днем и ночью, сознается, что без помощи своего Защитника он не может избавиться от них.

Этот стишок есть непреоборимая стена для всех, подвергающихся нападению демонов, непроницаемая броня и крепкий щит. Он находящимся в унынии и смущении духа или угнетаемым печалью или какими-нибудь помыслами не допускает отчаиваться в средствах к спасению, показывая, что Тот, Кого призывает, всегда призирает на нашу борьбу и присущ нашим мольбам. А когда мы имеем духовный успех и веселие сердца, то он увещевает, что вовсе не должно превозноситься, надмеваться счастливым состоянием, которое мы не можем удержать без покровительства Бога, когда умоляем Его не только всегда, но и скоро помочь нам.

Этот... стишок всякому из нас необходим и полезен во всяком состоянии. Ибо кто всегда и во всем желает себе помощи, тот показывает, что он не только в обстоятельствах трудных и печальных, но и в счастливых и радостных равно имеет нужду в помощнике Боге, чтобы Он содействовал ему как от тех избавиться, так и в этих (счастливых обстоятельствах) пребывать, зная, что слабость человеческая ни в том, ни в другом не устоит без Его помощи... Когда хочу заняться чтением для утвержде-

ния сердца, а беспокоящая болезнь головы не дозволяет, и в третьем часу сон склоняет лицо мое к священной книге, и я принужден определенное для покоя время пропустить или предварить; наконец, тяжелый гнет сна заставляет меня прервать положенное по уставу богослужение и псалмопение, также надобно мне вопиять: *Боже, в помощь мою вонми: Господи, помощи ми потщися.*

Вижу, что я крайне ослабел от того, что, по наваждению диавольскому, отлетел от очей моих сон и от век моих удалилось всякое отдохновение ночного покоя, — с воздыханием мне надобно молиться: *Боже, в помощь мою вонми: Господи, помощи ми потщися.* Опять, когда я нахожусь в борьбе со страстями, вдруг щекотание плоти уязвляет меня, и обольстительным удовольствием во время сна заставляет меня склониться к согласию, то, чтобы разгорающийся чуждый огонь не сожег благовонные цветки целомудрия, надобно мне взывать: *Боже, в помощь мою вонми: Господи, помощи ми потщися.* Чувствую ли, что возбуждения похоти прекратились и жар в детородных членах моих охладел, то, чтобы родившаяся эта добродетель и благодать Божия дольше или постоянно пребывали во мне, с усердием надобно мне говорить: *Боже, в помощь мою вонми: Господи, помощи ми потщися.* Беспокоит ли меня страсть гнева, сребролюбия, печали и принуждает меня нарушать предпринятую и любезную для меня кротость, то, чтобы возмущением гнева не увлечься в желчную раздражительность, с глубоким стенанием мне надобно взывать: *Боже, в помощь мою вонми: Господи, помощи ми потщися.* Искушает ли меня уныние, тщеславие, гордость и дух мой обольщается тонким помыслом о нерадении или холодности других, то, чтобы не возобладало надо мною это гибельное внушение врага, со всем сокрушением сердца мне надобно молиться: *Боже, в по-*

мощь мою вонми: Господи, помощи ми потщися. Благодать ли смирения и простоты по отвержении гордости приобрел я постоянным сокрушением духа, то, чтобы опять не наступила на меня нога гордости, рука грешника не изгнала меня (см.: Пс. 35, 12) и не потерпеть мне большего поражения от возношения своею победою, всеми силами мне надобно восклицать: *Боже, в помощь мою вонми: Господи, помощи ми потщися.* Возмущаюсь ли разными, бесчисленными блуждениями души и непостоянством сердца, не могу ли удержать рассеяния помыслов и самую молитву свою не могу изливать без перерыва, без мечтаний, суетных образов, без воспоминания о словах и делах и чувствую себя стесненным такою сухостию этой бесплодности, что вовсе не сознаю в себе никакого возникновения духовных чувств, то, чтобы мне освободиться от этой нечистоты души, от которой не могу избавиться многими стонами и воздыханиями, необходимо буду взывать: *Боже, в помощь мою вонми: Господи, помощи ми потщися.* Чувствую ли, что посещением Святаго Духа я опять владею душою, достиг постоянства помыслов, бодрости сердца с неизреченною радостию и восхищением духа, полнота духовных чувств преизобилует, при внезапном озарении Господа получил ли я откровение священнейших разумений, прежде вовсе сокрытых от меня; то, чтобы мне удостоиться дольше пребывать в этом, заботливо и часто надобно мне взывать: *Боже, в помощь мою вонми: Господи, помощи ми потщися.* Тревожат ли меня ночные ужасы демонов... беспокоят ли мечтания нечистых духов, самая надежда спасения и жизни у меня исчезает от страшного трепета, то, прибегая к спасительной пристани этого стишка, всеми силами я буду взывать: *Боже, в помощь мою вонми: Господи, помощи ми потщися.* Опять, когда утешением Господа буду ободрен, воодушевленный Его при-

шествием, буду чувствовать, что как будто я огражден бесчисленными тысячами ангелов, так что кого я прежде боялся больше смерти и которых прикосновение, даже приближение я чувствовал с трепетом духа и тела, вдруг осмеливаюсь искать сойтись с теми, вызывать их на борьбу, то, чтобы по благодати Божией дольше продлилась во мне сила такой стойкости, всеми силами мне надобно взывать: *Боже, в помощь мою вонми: Господи, помощи ми потщися.* Итак, молитва этого стишка с неослабным постоянством должна быть изливаема, чтобы избавиться от несчастий, а в счастии сохраниться от превозношения.

Размышление об этом стишке... постоянно должно обращаться в твоей груди. Во всяком деле, или служении, или в пути не переставай воспевать его и размышлять о нем и во время сна, и во время обеда, и в последних потребностях природы. Это размышление сердца, сделавшись для тебя как бы спасительным образцом, не только сохранит тебя невредимым от всякого нападения демонов, но и, освободив от всех пороков земной нечистоты, приведет тебя к невидимому, небесному созерцанию и сообщит неизреченную и немногими испытанную горячность молитвы. Засыпай с размышлением об этом стишке, пока через постоянное упражнение в этом привыкнешь воспевать его даже и во сне. По пробуждении пусть он первый встречается тебе во время бодрствования, пусть он предваряет все помышления; когда встаешь с постели, пусть он заставляет тебя преклонять колена, отсюда пусть ведет тебя на всякую работу и дело, пусть он сопровождает тебя во всякое время; ты будешь размышлять о нем по заповеди Законодателя, сидя в доме, ходя по пути, засыпая и пробуждаясь; напишешь его на пороге и дверях уст твоих; поместишь его на стенах твоего дома и во внутренних покоях твоей груди (см.: Втор. 6, 7—9), так чтобы у тебя

было это возвышенное пение, когда кланяешься на молитве, когда поднимаешься и когда приступаешь ко всякому необходимому употреблению жизни, пусть будет эта готовая и постоянная молитва (авва Исаак, 56, 357—361).

***

...Бог, подобно нежнейшему отцу и сострадательному врачу, во всех нас все производит, именно: у иных Он производит начало спасения и воспламеняет усердие к Нему, у других приводит к концу дела, к усовершению в добродетелях, иных удерживает, без ведома их, от близкого падения, от погибели, а другим подает случай и удобства к спасению, препятствует стремительным порывам к смертоносным расположениям, иным хотящим и текущим вспомоществует, других не хотящих и противящихся привлекает и склоняет к доброму расположению... Православные отцы, которые достигли совершенства сердца не суетным рассуждением на словах, а самым делом — подвигом, утверждают, что Бог в каждом человеке возбуждает желание добра, — впрочем, так, что человек по свободному произволению может стремиться и к противному; во-вторых, благодать Божия помогает упражняться в добродетелях, но не исключается при этом и произволение, и, в-третьих, утверждает в добродетели, не стесняя при этом свободы. Итак, Творец всюду производит все, возбуждая, содействуя и утверждая без нарушения данной Им же свободы (прп. авва Херемон, 56, 419—420).

***

Кто не изменяет благоприличию... тому никогда не изменит Божия помощь (прп. Исидор Пелусиот, 61, 209).

***

Если неопустительно и со всею рачительностию будем делать все, что от нас зависит, то должно нам тогда призывать на помощь Божию силу. Она придет и всеми способами доставит победу. Если же не сделано нами ничего должного, то напрасно наше призывание; потому что не терпит она посмеяния и не приходит к тем, которые сами себя охотно ввергают в необъятное море (прп. Исидор Пелусиот, 61, 383).

***

Не только в том, что не в нашей силе... но и в том, что в нашей силе, не возможем привести сего к совершенному скончанию, если не снизойдет к нам великая помощь от Божественного Промысла. Снизойдет же она непременно к тем, которые без уклончивости привнесут от себя все от них зависящее и не опустят ничего служащего к тому. Ибо помощь сия, побуждая нехотящих, тех, которые хотят и все делают, и употребляют все средства, непременно возведет на самый верх преуспеяния (прп. Исидор Пелусиот, 62, 88).

***

Как выгодное местоположение города влечет за собой и выгодное благорастворение погоды, так и для души благорасположением к добродетели уловляется божественное содействие (прп. Исидор Пелусиот, 62, 158).

***

Желающему воспользоваться непрепобедимою помощию надлежит просить чего-либо такого, что согласно с законом справедливости, чтобы самою сущностию проше-

ния привлекалась всепомоществующая сила; потому что она, незванно приходя к обиженным, не приходит к призывающим не по действительной нужде, а по любостяжательности (прп. Исидор Пелусиот, 62, 340).

***

Кто упражняется в добродетели, тому справедливо призывать в помощь Божию силу. А кто вовсе не заботится о добродетели, тот, если и призывает, не послушает его Бог; потому что с благоволением взирает только на того, кто исполняет все от него зависящее (прп. Исидор Пелусиот, 62, 420).

***

Великое нечто человек, когда помогает ему Бог, а коль скоро оставлен он Богом, познает немощь естества своего (прп. Нил Синайский, 72, 268).

***

Но и содействие свыше требует также нашего произволения (прп. Нил Синайский, 73, 127).

***

Печется же о нас Бог, когда и мы печемся о деле духовном (прп. Нил Синайский, 73, 244).

***

Хотя и почтены мы свободою произволения; однако же без содействия свыше не можем на пути настоящей жизни совершить ни одного доблестного дела (прп. Нил Синайский, 73, 410).

***

Для всякой добродетели потребны и труд, и время, и то, чтобы желать ее искренно, особенно же потребно для нее содействие Божие. Ибо если Бог не посодействует произволению нашему, всуе будет труд наш, так же как и труд земледельца, обработавшего и засеявшего свои земли, если не одождит Бог на семя его. Содействие же Божие требует наших молитв и молений; ибо ими только привлекаем мы помощь Божию в заступление нас. Если вознерадим о молитве, то как Бог призрит на труд наш? Тоже если и будем молиться, но лениво и рассеянно, или скоро скучать за молитвою, ничего получить не сподобимся, как я всегда говорил вам: ибо Бог смотрит на наше произволение и, судя по нему, подает дары (прп. Зосима, 91, 118).

***

Не обеднел Господь Иисус и не обессилел, чтобы даровать и нам такие же блага, какими обогатил Он святых патриархов, если бы видел, что мы во благо себе и славу Его пользуемся тем, что уже даровал Он нам. Но как видит, что мы по своей неустроенности во вред себе обращаем данные уже Им нам невеликие и немногие дары; то, как человеколюбивый, и не вверяет нам больших, чтобы мы не погибли вконец. Если бы Он видел, что мы во благо себе обращаем немногое данное уже, то, конечно, не был бы бессилен даровать нам и большее... (прп. Зосима, 91, 119).

***

В скорби должно просить Божией помощи. Без нужды же искушать Бога опасно (прп. Исаак Сирин, 58, 100).

***

...Прежде нежели скажем или сделаем что-нибудь, испытаем, согласно ли это с волею Божиею; и тогда, помолившись, скажем или сделаем сие и повергнем немощь нашу пред Богом, и благость Его поможет нам во всем... (прп. авва Дорофей, 29, 184).

***

Поддерживает Господь всех падающих и восставляет всех поверженных долу, по милосердию Своему (авва Фалассий, 91, 294).

***

Невозможно освободиться нам от неразумия, если не воцарится в нас Сын Божий и Слово Божие, Господь наш Иисус Христос, благодатию Святаго Духа. И сие-то есть истина, которую пришел Господь засвидетельствовать. Если не восцарствует в нас Христос, то невозможно, чтобы в нас, собственными нашими средствами, было что-либо благоугодное Ему, но мы будем обладаемы врагом рода человеческого, диаволом, не чувствуя и не понимая того. Где царствует Бог, там нет рабства диаволу, но все служение единому Богу (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 364).

***

Действование Божие в трудящихся о спасении начинается с первых минут обращения к Богу, и самое обращение оно же совершает. Но оно возрастает по мере того, как трудящийся, отклоняясь от себя, к Богу прилепляется и, убеждаясь в своем бессилии, утверждается в уповании

на силу Божию. Когда, наконец, он всего себя предаст Богу, Бог бывает в нем действующим и в указании должного, и в исполнении его. Это — верх христианского совершенства... (прп. Никодим Святогорец, 70, 232).

***

...Без воли Божией и тысячи людских помощников не помогут (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 111).

***

От Бога ничего не утаено... Все Он видит. И молитву всякую слышит, а исполняет ее не по нашему желанию, а как нам спасительно (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 116).

***

Помощь Божия всегда готова и всегда близ, но она уделяется только ищущим и трудящимся, и притом тогда, когда ищущие переиспытывают все свои средства... и полным сердцем начнут взывать: Господи, помоги! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 41).

***

Сознание бессилия — настоящее преддверие к получению помощи Божией! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 90).

***

...Бог не станет делать, пока не увидит болезненного труда собственно нашего (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 250).

***

Помощь Божия будет сопутствовать вам... Но она помощна борющимся, а не поддающемуся первому удару искушения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 97).

****

Великую силу имеет тот, кто подвизается в течение всей жизни и ежедневно, до последнего издыхания, осторожен по отношению к искусителю, которым преследуется. Я молил Бога, чтобы Он показал мне воинство, окружающее и защищающее монаха, и увидел монаха, окруженного светильниками; множество Ангелов с обнаженными мечами в руках охраняли его как зеницу ока, и вот — голос с неба, говорящий: «Не допустите ему покоя, доколе праведный живет в сем мире». Увидев такое ополчение, отовсюду объемлющее монаха, я вздохнул и сказал сам себе: «О Антоний! Все это дано монаху, и при всем этом превозмогает его диавол: монах нередко падает». И пришел ко мне глас от Милосердого Господа: «Диавол никого не может ниспровергнуть. Такой власти он не имеет, потому что Я пришел, восприняв на Себя человечество, и стер в прах могущество его. Но человек сам, своим похотением и сладострастием сокрушает себя и падает». Я сказал: «Неужели каждому монаху дана такая сила?» И были показаны мне многие монахи, сподобившиеся ее. Тогда я воскликнул и сказал: «Блажен род человеческий, в особенности же иноческое воинство, имея столь милосердного, столь человеколюбивого Бога» (106, 13).

***

Авва Моисей однажды был искушаем блудным помыслом. Не имея сил сидеть в келье, он пошел и поведал об

этом авве Исидору. Старец убеждал его возвратиться в свою келью, но тот не соглашался и говорил: «Не могу». Авва Исидор взял его с собою, возвел на крышу и говорит ему: «Смотри на запад». Моисей взглянул и увидел там бесчисленное множество демонов: они были в смятении и с шумом устремились на брань. Авва Исидор опять говорит ему: «Посмотри и на восток». Авва Моисей взглянул и увидел бесчисленное множество святых Ангелов, облеченных славой. Затем сказал ему авва Исидор: «Вот те, которых посылает Господь на помощь святым; а те, что на западе, воздвигают брань против нас. Но помощников наших гораздо более». Тогда авва Моисей, возблагодарив Бога, ободрился и возвратился в свою келью (97, 156).

***

Как-то один старец-отшельник заболел. Он не имел при себе никого, кто бы послужил ему, и потому вставал с одра и употреблял в пищу то, что мог найти в своей келье. Так прошло много дней, и никто за это время не посетил его. По прошествии тридцати дней Господь послал Своего Ангела для служения старцу. Так прошло еще семь дней. Тогда вспомнили о нем отцы и сказали: «Пойдем навестим старца, может быть, он болен». Они пришли и постучали в дверь, в это время Ангел отступил от больного. Старец же закричал: «Братия, уходите отсюда». Тогда братия сняли двери с петель, вошли и спросили: «Почему он кричал?» Отшельник отвечал: «Тридцать дней я томился в болезни, и никто не посетил меня. Вот уже семь дней, как прислуживает мне Ангел, посланный Господом, а когда вы пришли — он покинул меня». Сказав это, отшельник мирно отошел ко Господу. Братия удивились и прославили Бога, говоря: «Господь не оставляет уповающих на Него» (106, 496).

***

Рассказывали об авве Данииле. Когда варвары пришли в Скит и отцы убежали, старец сказал: «Если Бог не печется обо мне, зачем мне жить?» — прошел среди варваров, и они не видели его. Тогда сказал он сам себе: «Бог позаботился обо мне. Сделай же и ты, как надобно человеку, — беги, подобно отцам!» (97, 82).

***

Авва Стефан Трихина рассказывал об одном старце, жившем в лавре святого Саввы: «Однажды старец отправился в Кофилу и, пробыв немного близ Мертвого моря, возвращался обратно в свою келью. Был страшный зной, и старец сильно изнемог. И начал он молиться Богу, простирая руки к небу: «Господи, Ты видишь, что я не могу продолжать своего пути от зноя». И тотчас окружило его облако и сопутствовало ему до самой кельи, на расстоянии двенадцати миль».

Тот же авва Стефан поведал нам еще об одном старце: «Пришли к старцу в лавру родственники, чтобы повидаться с ним. Им указали его келью, и они, подойдя, постучались в дверь. Узнав своих, старец молил Бога, да не будет видим ими. И, отворив дверь, вышел из кельи, не будучи замечен. Удалившись в пустыню, он пробыл там до тех пор, пока не ушли его родственники» (102, 70).

***

Однажды Аполлоний, живший во времена Иулиана Отступника, узнал, что один из его братий взят и содержится в заключении. Тогда он с братией посетил его и, утешая, советовал сохранить твердость в несчастии и не страшиться опасностей.

«Настало время борьбы, — говорил он. — Души верных должны подвергнуться испытанию, да явится верность каждого». Такими и подобными словами он укреплял дух юноши. В это время пришел сотник и сильно разгневался на то, что они осмелились войти в темницу. Он запер тюрьму, заключив в ней Аполлония и пришедших с ним. Приставив многочисленную стражу, сотник удалился.

В полночь внезапно явился Ангел Господень, блистая лучезарным сиянием, и отверз двери темницы. Стражи были поражены ужасом. Бросившись к стопам святых, они молили их удалиться. «Лучше нам умереть за вас, — говорили они, — чем противиться Божией силе, о вас пекущейся».

Рано утром прибежал в темницу сотник вместе с другими начальниками, также моля о том, чтобы все задержанные вышли из темницы. «Дом мой обрушился от сильного сотрясения земли, и лучшие из слуг моих погибли», — говорил он.

Святые воспели песнь Богу и, удалившись в пустыню, пребыли все вместе, имея, по примеру апостолов, одну душу и одно сердце (см.: Деян. 4, 32) (99, 40—41).

***

Однажды, по зависти диавола, попущением Божиим, сарацины, приплыв на двух кораблях, захватили святого Евфимия Афонского и его учеников Иоанна Колова и Симеона и хотели было увезти с собой. Пользуясь попутным ветром, сарацины подняли паруса и пустились в обратный путь. Вдруг корабль, на котором находились преподобные, встал как вкопанный, тогда как другой, на котором были вещи и несколько книг, принадлежащих святым, продолжал плыть. Это чудо изумило варваров, и

один из них, поняв причину такого явления, говорит своим товарищам: «Ужели мы, глупые, не можем понять, что это случилось с нами за сделанное насилие рабам Божиим? Если не хотим погрузиться в море, давайте скорее освободим их». Товарищи согласились с ним, и все они, упав к ногам святых, просили у них прощения, которое тут же получили. После сего корабль двинулся сам собой, и, вернувшись на остров, они дали святым полную свободу. Преподобные стали просить у них и свои вещи, необходимые им, но варвары презрели их прошение и отправились в путь. Когда же отплыли от острова на довольное расстояние, внезапно подул противный ветер и пригнал их опять к тому же острову. Изумившись этому, варвары тотчас же отдали святым все у них похищенное; только один из них, взбешенный всем происшедшим, схватил Иоанна Колова и бил его до тех пор, пока товарищи не остановили его. Тогда святой Евфимий сказал им: «Арабы! если бы освободили нас без обиды, то мирно достигли бы отечества своего, а теперь, нанеся обиду брату, вы обидели Бога и скоро узнаете, как велико это зло». Так все и вышло, по слову святого.

На обратном пути встретились они с римскими военными кораблями, которые захватили в плен тот самый корабль, на котором находился обидчик святых, а другой, сверх чаяния, спасся. Так сохранены были святые и прославился Бог; враг же диавол остался посрамленным... (95, 263—265).

***

Когда святой великомученик Стратилат был распят на кресте и, кроме ужасных страданий от этого мучения, терпел и страшные истязания, то среди них, изнемогший и

духом, и телом, наконец, воскликнул: «Господи, Господи, Ты мне предрек, что Ты со мною; зачем же ныне оставил меня? Вот пришло время помощи! Помоги мне, поелику я переношу все эти страдания ради Тебя и из любви к Тебе терплю такое мучение. Укрепи меня, Господи, или возьми душу мою от меня, ибо более не могу терпеть». Сказав это, мученик умолк. Мучитель Ликиний подумал, что святой умер, и, отдав повеление оставить тело его на кресте до утра, удалился. В полночь же явился Ангел, отрешил тело святого от креста, облобызал его и сказал: «Радуйся, Феодор, воин Христов! Дерзай и укрепляйся именем Христа, истинного Бога; вот с тобою Бог. И зачем ты говорил, что Он оставил тебя? Докончи подвиг твой и придешь к Господу взять уготованный тебе венец». Сказав это, Ангел стал невидим, а святой вновь стал хвалить и благодарить Бога (112, 742).

***

Преподобномученик Макарий Новый, претерпевая муки за Христа, был связан и вниз головой опущен в сухой мрачный колодец. Один раз в день его вытаскивали оттуда, били, а потом опять туда опускали. В таком мучении доблестный воин Христов пробыл девяносто дней.

...В одну из ночей колодец внезапно осветился необычайным светом, и затем разлилось райское благоухание и послышалось ангельское пение... Мучитель-судья, узнав о чуде, велел привести к себе святого и спросил, что за свет сходил в колодец, какое слышалось в нем пение, откуда чудное ощущалось там благоухание? Святой отвечал: «Кто верует во Христа, тот не только может увидеть это, но и другое, гораздо большее сего», — и начал было приводить ему примеры от Священного Писания, которому научился он на Святой Горе. Находившиеся там магометане слушали

святого со вниманием. Но мучитель, убоявшись, что они уверуют во Христа, велел вывести мученика из Бруссы в овраг и там отсечь ему голову, что и было с поспешностью исполнено (95, 62—67).

***

Когда мучили святого Константина, судья повелел бить его, и тотчас же дали ему пятьсот палочных ударов в спину и пятьсот по ногам, так что сошли все ногти с ног его, а кровью его обагрился весь пол. Но храбрый воин Христов, мужественно претерпевая боль, только взывал: «Помяни меня, Господи, во Царствии Твоем!» Нечестивцы, подумав, что он уже умер — ибо от жестокого избиения лишился чувств, — подняли его с земли и бросили, как бездушного, в темницу. В то время, когда блаженный едва живой лежал в темнице и был уже при дверях смерти, Сам Владыка Христос предстал пред ним и божественною Своей силой исцелил его раны, возвратил ему здравие и даже восстановил ногти его ног. Через три дня мучитель повелел слугам извергнуть из темницы тело мученика; но слуги, придя туда, нашли его совершенно здравым, без всякого признака прежних ран (95, 181—182).

***

Один из отцов передал следующий рассказ воина, бывшего знаменосца: «Во время войны в Африке с мавританами мы потерпели поражение от варваров и подверглись преследованию, во время которого многих из наших убили. Один из неприятелей настиг меня и уже поднял копье, чтобы поразить меня. Увидев это, я начал взывать к Богу: «Господи Боже, явившийся рабе Твоей Фекле и избавив-

ший ее от рук нечестивых, избавь и меня от настоящей напасти и спаси меня от злой смерти. Я удалюсь в пустыню и проведу остаток моей жизни в уединении». И, обернувшись, я уже не увидел никого из варваров. Немедленно удалился я в эту лавру Копраты. И вот, по милости Божией, прожил в этой пещере тридцать пять лет» (102, 26—27).

***

...Патриарх Римский приказал епископу города Панорма явиться в Рим. На пути туда корабль, на котором плыл епископ, выдержал страшную бурю. Во время бури один из матросов, именем Варак, находился в лодке, привязанной к кораблю. Но от сильного порыва ветра веревка порвалась, и лодка с Вараком скрылась из глаз бывших на корабле. Полуразбитый корабль, хотя и с большими трудностями, успел достигнуть безопасной пристани на острове Устика. Прошло три дня, а лодки с матросом не было видно. Епископ, любивший Варака, повелел молиться о душе его. Когда починили корабль, епископ и бывшие на нем отправились в дальнейшее плавание и, через несколько дней достигнув берегов Италии, остановились в городе Тупорте. Тут, к величайшему изумлению, они нашли целым и невредимым того матроса, о ком молились и кого считали уже погибшим. Обрадованный епископ стал расспрашивать его, как же он при такой страшной буре, пробыв на море столько дней, остался живым? Матрос рассказал, что он целые сутки — день и ночь — боролся с волнами, держась за края лодки и стараясь удержать равновесие, наконец, силы его от голода и непомерных усилий истощились, и он впал в забытье. Но тут явился ему неизвестный муж и предложил пищу. Подкрепленный ею,

он снова продолжал бороться с бурей, и вскоре один из плывших мимо кораблей взял его и тем спас ему жизнь. «В какой день это с тобою случилось?» — спросил епископ. Оказалось, это был именно тот самый день, когда епископ велел совершить молитвенную службу о его душе (112, 817—818).

***

В странах сирийских был город, называвшийся Рамель, и в нем созидалась церковь во имя Святого великомученика Георгия. Церковь предполагалась огромная, и требовалось много столбов на ее утверждение. Приобрести такие столбы и доставить их на место стройки стало главной заботой христиан. В это время одна жена, имевшая великую любовь к великомученику, купила на свои средства один столб, но не знала, как его доставить на место. Она привезла его к морскому берегу и стала умолять привезшего другие столбы, чтобы он переправил по морю и ее столб. Однако человек тот отказал ей, положил в корабль только свои столбы и с ними отплыл. Женщина, от скорби упав на землю, горько плакала и горячо молила великомученика, чтобы он помог доставить и ее столб к месту построения церкви. И великомученик услышал ее молитву. В сонном видении она узрела его в воинских доспехах. «О чем ты скорбишь, жена, и какая причина твоей печали?» — спросил он. Она отвечала, что желала бы помочь строительству храма, но не может. Святой, сойдя с коня, сказал: «Где бы ты хотела поставить столб твой?» Женщина ответила: «По правую сторону храма». Святой перстом написал на столбе, что он должен быть поставлен при втором столбе по правую сторону храма. Потом сказал ей: «Теперь ты сама помоги

мне». И вместе с женщиной бросили столб в море. Этим сон закончился. На другой день столб оказался близ строящейся церкви, в том месте, где и указал святой. Царь и народ, видя такое чудо, ужаснулись и прославили Бога. Они поставили столб по правую сторону храма, как и было написано перстом великомученика (112, 639—640).

***

Инок Киево-Печерского монастыря, именем Никон, был взят половцами в плен и содержался в оковах. Три года каждый день с бранью вязали его, бросали в огонь, резали ножами, заковывали руки и ноги, ставили жечься на солнце, морили голодом и жаждой, так что он иногда день, иногда два и три оставался без всякой пищи. И за все это он благодарил Бога и молился Ему. Зимой же выбрасывали его на снег и на мороз. Все это делали окаянные половцы, желая получить с него хороший выкуп. Он же сказал им: «Христос избавит меня от рук ваших; я уже получил извещение об этом: явился мне брат мой Евстратий, которого вы продали жидам на распятие. Осудятся они со сказавшими: *возьми, возьми распни Его* (Ин. 19, 15); *кровь Его на нас и на детях наших* (Мф. 27, 25). Вы же вечно будете мучиться с Иудою, как предатели, нечестивые беззаконники. И вот что сказал мне святой Евстратий: «На третий день ты будешь в монастыре, ради молитв святых Антония и Феодосия и других черноризцев, спасшихся с ними». Половчанин подумал, что блаженный хочет бежать, и обрезал ему икры, чтобы он не смог ходить. И строго стерегли его... Вдруг в шестом часу он сделался невидим, и всем слышен был голос: «Хвалите Господа с небес!»

Так преподобный был невидимо перенесен в Печерскую церковь Пресвятой Богородицы в то время, когда начали петь причастен. И стеклась к нему вся братия и спрашивали его: «Как же пришел ты сюда?» Он сперва хотел утаить преславное то чудо; но братия, видя на нем железа тяжкие и раны неисцелимые, видя, что все тело его сгноилось от ран, и сам он в оковах, и кровь еще каплет с перерезанных икр, не поверили ему, и он поведал им истину. И не давал снять железа с рук и ног своих. Игумен же сказал: «Брат! Если бы хотел Господь в нужде тебя иметь, не вывел бы Он тебя оттуда. Покажи же теперь послушание воли нашей». И, сняв с него железо, перековали их на вещи, нужные для алтаря.

Спустя долгое время половчанин, державший в плену блаженного, пришел в Киев для переговоров о мире. Он вошел в монастырь Печерский и увидел этого старца. Рассказав о нем игумену и всей братии, он уже не вернулся в свой дом, но вместе со своим родом принял крещение и сделался иноком. Здесь, в монастыре, окончили они жизнь свою в покаянии, служа своему пленнику (100, 33—35).

***

Один христолюбец заказал блаженному Алипию написать икону к празднику Успения Божией Матери. Через несколько дней Алипий разболелся, икона же не была еще закончена. Боголюбец начал докучать ему, но блаженный сказал: «Сын мой, не приходи ко мне, не докучай мне, положись в своей печали на Господа, и Он сделает, как Ему угодно. Икона твоя в праздник станет на своем месте». Этот человек поверил слову блаженного и в радости отошел в дом свой. Накануне Успения пришел он, чтобы

взять икону. Видя же, что она не написана, а блаженный Алипий сильно болен, он стал укорять его, говоря: «Зачем ты не дал мне знать о своей немощи? Я дал бы другому писать икону, чтобы праздник был светел и честен. А теперь, удержав икону, ты посрамил меня». Блаженный же кротко отвечал ему: «Сын мой! Разве я по лености сделал это? Да неужели же Богу невозможно написать словом икону Своей Матери? Я, как открыл мне Господь, отхожу из этого мира, и Бог всячески утешит тебя». И с печалью ушел от него христолюбец. После его ухода явился светлый юноша и, взяв краски, начал писать икону. Алипий подумал, что владелец ее разгневался на него и прислал другого иконописца. Сначала пришедший был как человек, но скорость дела показала в нем бесплотного. То он выкладывал икону золотом, то растирал на камне краски и ими писал. В три часа окончил он икону и сказал: «Отче! не нужно ли еще что-нибудь сделать и не ошибся ли я в чем?» Преподобный сказал: «Ты хорошо сделал. Бог помог тебе так искусно написать эту икону. Он Сам через тебя сделал ее». Настал вечер, и юноша стал невидим вместе с иконой. Владелец же иконы всю ночь провел без сна от печали, что на праздник не будет иконы, называл себя грешным и недостойным такой благодати. Он встал и пошел в церковь, чтобы там оплакать свои согрешения. И, отворив двери церкви, вдруг увидел икону, сияющую на своем месте, и упал от страха, думая, что это какое-то привидение явилось ему. Но, оправившись немного от испуга, он понял, что это действительно была икона. В великом ужасе и трепете вспомнил он слова преподобного и пошел разбудить своих домашних. Они же с радостью пошли в церковь со свечами и, видя икону, сияющую светлее солнца, пали ниц и поклонились ей (100, 149—151).

***

В тот год зима была продолжительная и суровая; припасы, заготовленные летом, истощились. Преподобный Зосима недоумевал, чем ему прокормиться до лета; время от времени смущала его мысль: придется умереть голодной смертью. Преподобный Зосима не поддавался унынию и утешался упованием на Промысл Божий, столько раз уже благодеявший ему. Скоро Господь помог Своему подвижнику. К Зосиме пришли два незнакомца и вручили ему запас хлеба, муки и масла, говоря: «Возьми, отец, и употребляй, а мы, если Господь повелит, придем к тебе». Преподобный в изумлении не спросил, откуда они, а незнакомцы ушли и более не возвращались. Ясно было, что это посещение Божие и что Промысл Божий хранил Своего избранника (113, 26).

***

Преподобный Иринарх не раз помогал жителям сурового Севера в их борьбе с природой. Такую помощь получили от него в 1629 году жители Двинской страны, промышлявшие в море. Сильным ветром занесло суда их в море, где они и плавали во льдах много дней. Бедствующие усердно молились Богу об избавлении от погибели. Когда настала ночь, одному из кормчих явился во сне старец в священническом облачении, украшенный длинной седой бородой, с крестом в руке. «Встаньте, — сказал он, — молитесь Богу, призывайте на помощь Соловецких чудотворцев, и Господь вскоре окажет вам милость». После этого он осенил всех крестом и на вопрос: «Кто он и откуда?» — отвечал: «Я игумен Соловецкого монастыря Иринарх». Кормчий, проснувшись и осмотревшись вокруг, никого не увидел. В ту же ночь преподобный явился и на

другом судне, повелел не унывать, но уповать на милость Божию, назвался Иринархом и своим посохом указал путь к Анзерскому острову. Это видение укрепило ослабевших промышленников. Вскоре ветер, переменив направление, понес одно судно к берегу, где охотники нашли на льду множество морских зверей, и вернулись домой с богатой добычей; а другое судно пристало к Анзерскому острову, и плывшие на нем, хотя и без добычи, возвратились домой, сохранив свою жизнь.

Подобным образом жители Варзуги весной плавали в море для добычи морских зверей, но ничего не поймав, возвращались домой. Встретив большую льдину, они вытащили на нее свои суда и спокойно легли спать. Во сне одному из них явился старец и сказал: «Вставайте, Бог даст вам добычу». Промышленник, проснувшись, увидел близ судна старца, который на вопрос: «Кто он?» — назвал себя соловецким игуменом Иринархом и стал невидим. Товарищи, разбуженные им, выскочили из судов своих и нашли на льду чрезвычайное множество морских зверей... Изловив их, они возвратились домой, прославляя угодника Божия.

Жители Сумского острога, промышляя в море на пятнадцати судах, пристали у Анзерского острова к льдине. Втащив на нее свои суда, они легли спать. Оставленный ими сторож, задремав, вдруг услышал голос: «Зачем спишь? Вставайте и затащите суда свои подальше на лед». Проснувшись, он увидел перед собой высокого роста старца. Назвав себя соловецким игуменом Иринархом, тот стал невидим. Но сон одолевал сторожа. Опять явился ему старец и вскричал: «Вставайте! Ваши суда может повредить лед». Между тем на море поднялась великая буря. Тогда сторож поспешил разбудить товарищей, которые едва успе-

ли оттащить свои суда дальше на лед; некоторые снасти были уже унесены волнами (113, 83—85).

***

...Однажды враг положил на сердце некоторым береговым жителям ограбить подвижника Елеазара, внушив им мысль, будто у него большие богатства. Эти люди приплыли к острову и приблизились к бедной келье старца. Предугадывая их намерение, преподобный обратился к Богу с молитвой о помощи. Жители, не успев ничего сделать, как бы обезумев, стали бессмысленно кружиться около кельи. Сжалившись над ними, преподобный Елеазар вышел и спросил: «Зачем, дети, вы пришли и чего хотите?» Но несчастные, не отвечая, продолжали кружиться. Тогда подвижник молил Бога о разрешении пришельцев от невидимых уз, и молитва его была услышана; очнувшись, жители пришли в себя и с раскаянием просили у старца прощения. Преподобный простил их и, наставив никогда не желать чужой собственности, отпустил домой (113, 90).

***

В одно время анзерскому строителю Исаии, мужу добродетельному, нужно было отправиться в Соловецкий монастырь. Хотя и было время зимнее, но пролив, разделяющий острова Соловецкий и Анзерский, был свободен от льдин. Строитель поплыл на небольшой лодке с одним из братии. На обратном пути они были застигнуты льдами. Окружив лодку, ледовый массив понес ее в открытое море. Путники в ужасе выскочили из лодки на льдины и направились поспешно к берегу. Между тем Исаия оступился и едва не погиб: ему явился преподобный Елеазар и спас

его от смерти. До анзерского берега, куда путники пробирались, было еще неблизко, а движущийся лед уносил их в противоположную сторону. К несчастью, наступила ночь. В изнеможении путники обратились ко Господу с усердной молитвой об избавлении от опасности и стали призывать на помощь преподобного Елеазара. И вот при тусклом свете луны они увидели, что на другом конце льдины стоит преподобный Елеазар и направляет ее к анзерскому берегу. Обрадованные иноки хотели приблизиться к святому и поклониться ему, но он стал невидим. Между тем льдина очутилась у самого берега Анзерского острова, и путники вышли на берег благополучно (113, 100).

***

Мирно и покойно текла жизнь старца Наума в монастыре на пустынном острове. Но вскоре постигло его искушение, которое, впрочем, послужило к его славе. При новом настоятеле было усмотрено, что Наум проживает в монастыре, не имея увольнительного свидетельства от своего сельского общества; решено было выслать его на место жительства. В уповании на Промысл Божий, без малейшего прекословия, Наум покорился своей участи; посадили его в баркас и отправили с попутчиками-поморцами. Противный ветер принудил плавателей остановиться у Заяцкого острова. Проходит день, другой, неделя; ветер не сменяется; еще неделя — ветер тот же. Смущенные корабельщики признали причиной такого неблагополучия присутствие с ними Наума и решили отвезти его обратно в монастырь. Таким образом, он опять возвратился на Соловецкий остров, а поморцы с переменившимся ветром отправились домой. Такое событие, удивив всех, послужило явным знаком покровительства Божия изгнаннику, который и был отпущен опять в свой скит (113, 157—158).

***

Когда распространилась молва, что архимандрит Кирилл Белозерский, пришедший из Москвы, устраивает в пустыне монастырь, то живший по соседству боярин Феодор подумал, что архимандрит принес с собой много денег, и послал своих слуг ограбить его. Две ночи сряду подходили они к обители и видели вокруг нее ратных людей. Феодор решил, что пришел кто-нибудь из московских вельмож к преподобному Кириллу, и послал узнать, кто это. Ему отвечали, что более недели как никого из посторонних не было в обители. Тогда Феодор пришел в чувство и, поспешив в обитель, со слезами исповедал преподобному Кириллу грех свой. Преподобный сказал ему: «Будь уверен, сын мой Феодор, что ничего нет у меня, кроме одежды, которую видишь на мне, и нескольких книг». Боярин с того времени стал благоговейно уважать преподобного Кирилла и каждый раз, приходя к нему, приносил рыбы или что-нибудь другое (115, 303—304).

***

Вскоре после кончины преподобного Макария поселились в том месте любители пустынной жизни, воздвигли над гробом его храм и завели монашеское общежитие. В 1522 году толпы татар окружили Унжу и трое суток осаждали слабый город, но, устрашаемые видением грозного черноризца, не могли взять его. На четвертый день они бросили огонь в город, и тот загорелся. Народ в ужасе повторял одно: «Святый Макарий, помоги нам!» И неожиданно пошел дождь, пожар был потушен, а татары в ужасе бросились бежать из города. Достойные видели в это время преподобного на облаках, заливающего пожар. Пленные татары говорили, что им виделся старец на коне, в

иноческой одежде, вторгнувшийся в их полки и метавший в них стрелы. В это же время другой отряд татар из трехсот человек хозяйничал в Макариевой пустыни; враги хотели осквернить раку, обитую серебром, но внезапно ослепли. Это навело ужас на всех; они бросились бежать, и многие утонули в озере Унже (115, 351—352).

ПОМЫСЛЫ

Причины возникновения помыслов

...В отношении мыслей... от произвольных мы впадаем в невольные и от ведомого в неведомое. Но потому, что первое кажется нам легким и сладким, мы приходим и во второе невольно и неведомо для нас. Если бы мы сначала пожелали сохранить заповеди и оставаться такими, какими соделались через крещение, то не впали бы в это зло и не нуждались бы в трудах и в скорбях покаяния. Однако и опять если желаем, вторичная благодать Божия, т. е. покаяние, может возвести нас к первой доброте. Если же и о покаянии не стараемся, то по необходимости, подобно нераскаянным демонам, пойдем с ними в вечную муку, более по своей воле, нежели невольно (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 19).

***

...Все помыслы бывают трех устроений: человеческий, демонский и ангельский. Человеческий помысл бывает, когда взойдет на сердце простая мысль о каком-либо создании... Демонский же помысл бывает сложный — из мысли и страсти <...> Ангельский же помысл есть бесстрастное ведение вещей, т. е. истинное знание, — средина между обеими стремнинами, охраняющее ум и отделяющее

правое намерение от окружающих его шести сетей диавольских. (Шести) говорю, т. е. превышения и унижения, от (уклонения) в правую сторону, и в левую, от (уклонения) вовнутрь или вне правого намерения (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 103—104).

***

Как губка, поднесенная к чему-нибудь влажному, раздувается и вбирает в себя влагу, так и человек, нетвердый помыслом, если сближается или долго беседует с рассуждающими по плотскому, вбирает в себя вред; посему, упившись сим, и без вина делается опьяневшим; от того самого, что наполнен вредным, не принимает уже духовного слова: занявшее его и овладевшее им неумеренное пожелание служит препятствием духовному слову, преграждая ему вход. А если кто рассмотрит сие в подробности, то найдет, что не в одной страсти сластолюбия, но и во всяком запрещенном деле бывает то же самое (прп. Ефрем Сирин, 32, 54).

***

Всех порочных помыслов восемь: первый помысл — чревоугодия, второй — блуда, третий — сребролюбия, четвертый — гнева, пятый — печали, шестой — уныния, седьмой — тщеславия, восьмой — гордости. Чтобы все сии помыслы тревожили или не тревожили нас, это не в нашей воле; но чтобы они пребывали или не пребывали в нас, и возбуждали или не возбуждали страсти, это в нашей воле. Но иное дело — приражение, иное — сдружение, иное — страсть, иное — борьба, иное — соизволение, приближающее к делу и уподобляющееся оному, иное — самодеятельность, иное — пленение. Приражение есть простое напоминание, делаемое врагом, например:

делай то или то; так враг сказал Христу, Богу нашему: *рцы, да камение сие хлебы будут* (Мф. 4, 3); и это, как сказано, не в нашей воле. Сдружение же есть принятие помысла, внушаемого врагом, и как бы занятие им и с удовольствием соединенное собеседование с ним, происходящее по нашему произволению. Страсть есть вследствие сдружения образовавшийся навык к помыслу, внушаемому врагом, и как бы постоянное о нем помышление и мечтание. Борьба есть противление помысла, клонящееся или к истреблению страсти в помысле, или к соизволению на страстный помысл, как говорит Апостол: *Плоть бо похотствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противятся* (Гал. 5, 17). Пленение есть принужденное, невольное увлечение сердца, преобладаемого предубеждением и долговременной привычкой. Соизволение есть изъявление в помысле согласия на страсть; а самодеятельность — самое действие, по соизволению страстного помысла. Посему, кто равнодушно рассуждает, или своим противоречием и твердостью в самом начале отражает от себя первое, то есть приражение, тот за один раз пресекает все остальное. Истребляется же чревоугодие воздержанием, блуд — божественною любовию и влечением к будущему; сребролюбие — сострадательностию к бедным; гнев — добросердечием и любовию ко всем; мирская печаль — духовною радостию; уныние — терпением, твердостью и благодарностью пред Богом; тщеславие — тайным деланием добродетелей и постоянною молитвою с сердечным сокрушением; гордость — тем, чтобы никого не осуждать и не уничижать подобно хвастливому фарисею, но почитать себя последним из всех. Таким образом ум, освободившись от сказанных выше страстей и вознесшись к Богу, еще здесь начинает жить блаженной жизнью, приняв залог Святаго Духа и, по отшествии отсюда, с бесстрастием и истинным ведением поставляется во свете Святой

и Блаженной Троицы, вместе с Божественными Ангелами сияя во все беспредельные веки (прп. Ефрем Сирин, 32, 390—391).

***

Вкрадывается какой противный помысл, подобно скрытному какому татю, истребляющему чистые помышления; изринут и изгнан быть должен он из ума. Ибо по удалении его в безопасности сохранится у нас сокровище благ. Если же вредоносный не изринут, то никакой не будет выгоды от приобретения; потому что богатство утечет по злоумышлению подкапывающих стены (свт. Григорий Нисский, 19, 323).

***

Нечистые помыслы, закосневая в нас по причине страстей, низводят ум во всегубительство и пагубу. Ибо как помысл о хлебе закосневает в алчущем по причине алчбы и помысл о воде в жаждущем по причине жажды, так и помысл о деньгах и других стяжаниях закосневает по причине любоимания, и срамные помыслы по причине страсти похотной. Таким же образом объясняется и закосневание наше на помыслах тщеславия и других каких. Невозможно, чтобы ум, погружаемый и утопающий в таких помыслах, предстал пред Богом и украсился венцом правды. Этими помыслами расхищен был треокаянный оный ум, который, по притче евангельской, отказался от вечери Боговедения (см.: Лк. 14, 17—18). Равным образом и тот, связанный по рукам и ногам и ввергенный во тьму кромешную, из этих помыслов имел сотканную одежду, которую Звавший признал недостойною такой брачной вечери. Брачное одеяние есть бесстрастие разумной души, отвергшейся мирских похотей (авва Евагрий, 89, 581).

***

Есть восемь главных помыслов, от которых происходят все другие помыслы. Первый помысл чревоугодия и после него — блуда; третий — сребролюбия; четвертый — печали; пятый — гнева; шестой — уныния; седьмой — тщеславия; восьмой — гордости. Чтобы эти помыслы тревожили душу или не тревожили, это не зависит от нас; но чтобы они оставались в нас надолго или не оставались, чтобы приводили в движение страсти или не приводили — это зависит от нас (авва Евагрий, 89, 603).

***

Есть восемь помыслов, от которых рождается всякий грех: у тех, кои ведут уединенную жизнь, — помысл уныния, тщеславия, гордости, скупости, печали; а у тех, кои живут под начальством других (в киновиях), — чревоугодия, гнева и блуда (авва Евагрий, 89, 608).

***

...Мы должны знать, что три начала наших помыслов: от Бога, от диавола и от нас. От Бога бывают, когда Он удостоивает нас посетить просвещением Святаго Духа, возбуждая нас к высшему преуспеянию, и вразумляет нас спасительным сокрушением о том, что мы мало преуспели или, пребывая в беспечности, были побеждены чем-либо; или когда открывает нам небесные тайны, волю и намерение наше обращает к лучшим действиям <...>

От диавола происходят помыслы, когда он старается низложить нас как услаждением пороков, так и тайными наветами, с тонкой хитростью ложно представляя зло под видом добра и преобразуясь перед нами в ангела света... А от нас помыслы происходят, когда естественно воспоминаем то, что мы делаем, или сделали, или слышали...

эту троякую причину мы постоянно должны наблюдать, и все помыслы, возникающие в нашем сердце, зорким суждением разбирать, сначала исследуя происхождение их, причины и виновников, чтобы можно было знать, как мы должны относиться к ним, смотря по достоинству внушивших их, чтобы нам сделаться искусными монетчиками, коих высшее искусство и наука состоит в том, чтобы испытывать, какое золото самое чистое и какое меньше очищено огнем; разумно различать медный, дешевый динарий, если он цветом блестящего золота походит на драгоценную монету, и не только верно узнавать монеты, изображающие лицо тиранов, но с проницательным искусством различать и те, которые хотя имеют истинный образ царя, но незаконно изображены; потом тщательно исследовать взвешиванием на весах, не уменьшены ли они против законного веса. Что все это мы должны делать духовно, это Евангелие доказывает примером монетчика (см.: Мф. 25, 27). Во-первых, мы должны тщательно исследовать все то, что вошло в наши сердца, или предложен нам какой-либо догмат, очищено ли это Божественным, небесным огнем Святаго Духа, или принадлежит к иудейскому суеверию, или происходит от надменности мирской философии и носит только личину благочестия (прп. авва Моисей, 56, 182—184).

***

Приражение сатанинское есть в одном только помысле представляющееся явление лукавой вещи (дела), которое и самому тому, чтобы приблизиться к уму нашему, находит (удобство) лишь по нашему маловерию. Ибо когда по получении нами заповеди ни о чем не иметь попечения, но *всяцем хранением блюсти свое сердце* (ср.: Притч. 4, 23) и искать внутрь нас сущего Царствия Небесного, отступит

ум от сердца и от вышесказанного взыскания, тотчас дает место диавольскому приражению и бывает доступен лукавому совету. Но даже и тогда диавол не имел власти приводить в движение наши помыслы, иначе бы он не пощадил нас, наводя понудительно всякую злую мысль и не попуская помышлять ничего благого; но он имеет только власть внушать превратное в помысле только первой мысли, чтобы искушать наше внутреннее расположение, куда оно клонится, к его ли совету, или к заповеди Божией, поелику они друг другу противятся. Когда приражение помысла ненавидимого пребывает внутри и закосневает, то это зависит не от нового нашего расположения, но от прежнего восприятия. Такое приражение стоит на месте неподвижно одномысленным; негодование сердечное возбраняет ему перейти во многомыслие и страсть. Одномысленный (голый) помысл, ненавидимый внимающим себе, не имеет силы увлекать ум в многомыслие. Это бывает только при сердечном с ним сострастии. А потому если мы совершенно отступим от всякого сострастия, то явление (в уме) прежде принятых образов всегда будет одномысленно, и вредить нам более не может, или осуждать совесть нашу.

Когда ум познает безуспешность своего противления прежде принятым образам (впечатлениям) и исповедует Богу прежнюю свою вину, тотчас упраздняется и самое сие искушение, и ум снова имеет власть внимать сердцу и *всящем хранением* блюсти оное молитвой, покушаясь войти во внутреннейшие и безопасные клети сердца, где уже нет ветров лукавых помыслов, бурно реющих и низвергающих душу и тело в стремнины сладострастия и в поток нечистоты; нет широкого и пространного пути, устланного словами и образами мирского мудрования, который обольщает последующих ему, хотя бы они и были весьма

мудры; ибо чистые внутреннейшие клети души и дом Христов приемлют внутрь себя ум наш, обнаженный и не приносящий ничего от века сего, будет ли то оправдываемо разумом, или нет; разве только *три сия,* поименованные Апостолом, *веру, надежду и любовь* (ср.: 1 Кор. 13, 13). Итак, кто любит истину и желает трудиться сердечно, тот, по сказанному выше, может не увлекаться и прежде принятыми впечатлениями, но внимать своему сердцу, преуспевать (в достижении) ко внутреннейшему и приближаться к Богу, только да не небрежет о трудах молитвы и жительстве (по Богу); ибо не может не трудиться сердцем тот, кто внимательно воздерживает себя всякий день не только внешне, но и внутренне от мысленных парений и плотских сластей (прп. Марк Подвижник, 89, 490—492).

***

Когда сердце полно желания удовольствий, тогда возникают пагубные помыслы и слова (прп. Марк Подвижник, 89, 534).

***

Износит сердце и само из себя помышления добрые и недобрые: впрочем, помышления недобрые произращает оно не из естества своего, но иные из них имеет оно потому, что память о недобром обратилась в нем в навык по причине прежних прельщений, большую же часть их, и притом наиболее злых, зачинает оно от злодейства демонов. Мы же все их чувствуем исходящими как бы из сердца; почему некие подумали, что в уме нашем вместе пребывают и благодать, и грех, приводя в подтверждение сего и слова Господа: *а исходящее из уст — из сердца*

исходит, и это оскверняет человека. Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния и прочее (ср.: Мф. 15, 18—20). Не знают же они, что ум наш, по действу тончайшего некоего чувства, и тех злых помыслов, кои влагаются в него злыми духами, делается собственником; так как по действу плоти, тело, падкое на угождение себе, на это паче, не знаем как, увлекает душу, по причине сращения своего с нею; ибо плоть безмерно любит ласкательства прелести. По сей причине и помыслы, всеваемые в душу демонами, кажутся исходящими из сердца, усвояем же мы их себе, когда вожделеваем соуслаждаться ими: что, укоряя, Господь, как само Божественное являет слово и изрек вышеприведенные глаголы. Ибо когда кто соуслаждается помыслами, лукавым сатаной в него всеваемыми, и память о них как бы напишет в своем сердце, не явно ли, что потом он из собственной своей произращает их мысли? (блж. Диадох, 91, 57—58).

***

Есть три источника, из которых получаются помыслы: чувства, память и полносочие тела; докучливее же из них те, которые исходят из памяти (авва Фалассий, 91, 293).

***

Ум получает страстные помыслы следующими тремя путями: через чувство, через состояние тела, через воспоминание. Через чувства — когда производящие на них впечатление вещи, как такие, к которым мы имеем страсть, возбуждают в уме страстные помыслы; через состояние тела — когда несоблюдение воздержания в питании, или действием демонов, или какою-нибудь болезнию изменив-

шееся состояние тела побуждает его к страстным помыслам, или к восстанию на Промысл; через воспоминание — когда память возобновляет помышления о вещах, к коим мы пристрастны, и возбуждает в уме сим образом страстные помыслы (прп. Максим Исповедник, 91, 190).

***

...Помыслы приходят в движение от страстей: ибо если бы не было в душе страстей; то страстные помыслы не беспокоили бы ее (свт. Феодор Едесский, 91, 322).

***

Начало и причина помыслов лежит в разделении преступлением человека единовидной и простой памяти, которая через сие потеряла и Божию память и, сделавшись из простой сложною и из единовидной разнообразною, стала губима своими собственными силами (прп. Григорий Синаит, 93, 190).

***

Помыслы суть слова бесов и предтечи страстей... (прп. Григорий Синаит, 93, 191).

***

Помыслы есть движение безвидного прилога каких-либо вещей (прп. Григорий Синаит, 93, 191).

***

Три у нас в душе части или силы — мысленная, желательная и раздражительная. От этих трех сил, по при-

чине повреждения их, рождаются и троякого рода неправые помыслы и движения. От силы мысленной рождаются помыслы: неверия, неблагодарности к Богу и ропотливости, богозабвения, неведения божеских вещей, нерассудительности, всякого рода хульные помыслы. От силы желательной рождаются помыслы: сластолюбия, славолюбия, сребролюбия, со всеми их многочисленными видоизменениями, составляющими область самоугодия. От силы раздражительной рождаются помыслы гнева, ненависти, зависти, мщения, злорадства, зложелательства и все вообще злые помыслы. Все такие помыслы и движения следует тебе побеждать показанными приемами, стараясь всякий раз восставлять и водружать в сердце противоположные им добрые чувства и расположения: вместо неверия — несомненную в Бога веру, вместо ропотливости — искреннее благодарение Бога за все, вместо богозабвения — непрестанную углубленную память о Боге Вездесущем и Всесодержащем, вместо неведения — ясное созерцание или в уме перебирание всех спасительных истин христианских, вместо нерассудительности — чувства, обученные в рассуждении добра и зла, вместо всяких хульных помыслов — богохваление и славословие; равным образом вместо сластолюбия — всякое воздержание, постничество и самоумерщвление, вместо славолюбия — смирение и жажду безвестности, вместо сребролюбия — довольство малым и нищетолюбие; также вместо гнева — кротость, вместо ненависти — любовь, вместо зависти — сорадование, вместо мщения — прощение и мирность, вместо злорадства — сострадание, вместо зложелательства — доброхотство... Мысленную силу свою укрась непрестанным к Богу вниманием, молитвой и ведением Божеских истин, силу желательную — полным самоотвержением и отрешением от всякого самоугодия, силу раздражительную — любовью; и,

верное слово, свет ума твоего никогда не помрачится в тебе и сказанные недобрые помыслы не возмогут найти места в тебе. Если ты самодеятельно будешь восставлять в себе утром, вечером и в другие часы дня исчисленные добрые чувства и расположения, то враги невидимые не приблизятся к тебе; ибо в таком случае ты будешь походить на полководца, который непрестанно осматривает ополчение свое и строит его в боевой порядок, а на такого нападать, враги это знают, неудобно. Останови побольше внимание свое на последнем пункте — на действиях противоположных тем, к каким влекут страстные помыслы, и на водружение в сердце противоположных страстям чувств и расположений. Только этим способом можешь ты искоренить в себе страсти и стать в более безопасное положение. Ибо, пока корни страстей остаются внутри, они всегда будут производить из себя свои порождения и ими затуманивать лик добродетелей, а иногда и совсем закрывать и вытеснять. В таких же случаях мы подлежим опасности опять впасть в прежние грехи и сгубить все труды свои (прп. Никодим Святогорец, 70, 50—52).

Последствия воздействия помыслов

Горе нам, что грехи умножаются в нас от злых и нечистых помыслов, а мы не внимаем, что это удаляет нас от Бога и подвергает нападению злобных духов (прп. авва Исаия, 59, 191).

***

Когда некие будут говорить о помыслах, борющих тебя, не желай слушать их, чтобы не было это тебе поводом к брани (прп. авва Исаия, 89, 292).

***

Лукавые помыслы, начавшись в душе, остановившись же в сердце, не ограничиваются им; но выходят из сердца и как бы вырастают из него, пронзая плоть и являясь наружу (свт. Василий Великий, 6, 28).

***

...Два способа, которыми непристойные мысли приводят в смущение здравый рассудок: или душа по собственному нерадению блуждает около того, что для нее неприлично, и от одних мечтаний переходит к другим самым бессмысленным; или бывает сие по злоумышлению диавола, который старается представлять уму предметы непристойные и отводить его от созерцания и внимательного рассматривания предметов похвальных (свт. Василий Великий, 9, 356).

***

Если хочешь узнать сердечные помышления, обрати внимание на уста; от них узнаешь, о чем заботится и старается сердце — о земном или о небесном, о духовном или о плотском... (прп. Ефрем Сирин, 30, 87).

***

...Отчего же иногда душа побеждается помыслами? Оттого, что душа не противится помыслам, но дозволяет входить им внутрь, и они, находя там себе пищу, понемногу расстроивают душу (прп. Ефрем Сирин, 30, 168).

***

Кто увлекается своими пожеланиями и приятностью помыслов, тот легко сделается пленником, а воздерживающийся спасется (прп. Ефрем Сирин, 30, 169).

***

Как желуди питают свиней, так злые помыслы питают злые вожделения (прп. Ефрем Сирин, 30, 194).

***

...Соизволение на оные <помыслы> признается за самое дело (прп. Ефрем Сирин, 30, 263).

***

...Если же помыслами соглашаешься на дело, то оскверняешься самою нечистотою (прп. Ефрем Сирин, 30, 265).

***

...Господь сказал, что соизволение на помыслы сквернит человека (см.: Мф. 15, 18—20), ибо известно Ему, что в теле действует душа (прп. Ефрем Сирин, 30, 265).

***

...Если впадет <кто> в одни помыслы, то <ими ближних>... не оскверняет, потому что они не видят, но сам оскверняется и подпадает суду (прп. Ефрем Сирин, 30, 266).

***

Не знаешь разве, что худые помыслы ежечасно перед тобой, как темное облако, и препятствуют тебе трезвиться перед Богом (прп. Ефрем Сирин, 30, 314).

***

...Занятие суетными мыслями рождает и дела суетные; а занятие добрыми мыслями приносит и добрый плод (прп. Ефрем Сирин, 30, 410).

***

Питай в себе сильную ненависть к лености, к соперничеству, ко всякому злонравию и зависти... Ибо если вначале расслабят тебя помыслы, то потерпишь и утомление, и ущерб (прп. Ефрем Сирин, 31, 140—141).

***

Как меч подсекает жилы коню и низлагает всадника, так и злонравная мысль утомляет душевные силы и предает душу печали; печаль же расстроивает впадших в нее (прп. Ефрем Сирин, 31, 316).

***

Будем бегать недоброго помышления; потому что помышление судится наравне с поступком (прп. Ефрем Сирин, 31, 460).

***

Как дева, обрученная мужу, если ее обольстят другие, делается мерзкою в очах мужа, так и душа, увлекаемая нечистыми помыслами и дающая на них согласие, мерзо-

стна Небесному Жениху своему, Христу (прп. Ефрем Сирин, 32, 33).

***

Не расслабляй тела своего винным воспламенением, чтобы не напали на тебя лукавые помыслы и самые худые мысли. Хотя и соблюдешь себя от телесного общения, но будешь участвовать в деле худой мыслью, приобщившись тени и идолу того же греха. А если занят ты сим идолом, сей тенью и мыслью, беседуя ли о чем, или делая что, то всякий раз будешь раскаиваться; всегда станешь созидать и всегда разорять. Идолы греха непрестанно стоят перед очами ума; человек мечтательно созерцает их, распространяет с ними беседу, услаждает мысль о них; помысл его ослабевает, и он побеждается невидимо, а грешит явно. Всякому зрителю кажется он явно исполненным благоговения; а сам, может быть, мучится внутренно своей совестью, всегда жалея, непрестанно огорчаясь тем, что имеет обличительницей совесть свою. Это обычное следствие худого пожелания; как скоро, увлекшись им, сделал грех, по следам за ним идет скорбь. По наружности человек показывает благоговейное лицо, а внутренно вовсе не имеет дерзновения пред Богом (прп. Ефрем Сирин, 32, 71—72).

***

Часто телесные действия прерываются по многим причинам, и человеческий страх нередко предотвращает их; действия же ума производятся небоязненно, и без труда приходят в исполнение. Так, например, нередко кто-нибудь из вас, друзья, обращал невоздержанный взор и увлекался своим помыслом, но потом тотчас проходил мимо. Таковой уподоблялся подстреленной серне, которая неред-

ко избегает из рук уловцев, но уходит, унося в себе вонзенную стрелу. Ибо кто из вас побежден помыслом, тот уже не целомудр пред Богом. Если бы не страх людской и не стыд, человек вместе с душою своею часто растлевал бы и тело. Посему он не увенчается уже, как целомудренный, но если не покается, непрестанно будет нести наказание как человекоугодник. А если и был он когда-нибудь завлечен и побежден своим помыслом, то уврачует язву свою покаянием (прп. Ефрем Сирин, 32, 142—143).

***

Если позволишь скитаться помыслу, то уподобишься человеку, который держит в руках лук, но не умеет наметить стрелу в противника и пускает ее наугад (прп. Ефрем Сирин, 32, 298).

***

Если нечистый помысл найдет себе вход в душу твою, он представляется ей сладостным и занимает ее собой, чтобы умертвить, и делается лукавый помысл как бы сетью в душе, если не будет прогнан молитвой, слезами, воздержанием и бдением (прп. Ефрем Сирин, 32, 373).

***

Помышления мои оковали меня и ввергли в сеть коварного диавола. Я обнадеживал себя, что мысли мои сокровенны и не записаны в этой великой книге у Судии; но вот, все они ясно у меня перед глазами на суде и ждут меня там, чтобы получил я за них воздаяние. Увы мне,

Господи наш! В каком я страхе! Награда за преступления мои — геенна (прп. Ефрем Сирин, 33, 234—235).

***

Кто не наносит себе смерти делами, того убивает он <диавол> помыслами (прп. Ефрем Сирин, 34, 341).

***

...Порочное помышление может иметь ту же силу, как и порочное дело (прп. Ефрем Сирин, 34, 352).

***

Нечистый помысл может иметь силу прелюбодейства... (прп. Ефрем Сирин, 34, 352).

***

...В человеке проносятся душевные и греховные помышления, и если греховному помышлению случится упредить, задерживает оно душу, мешает и препятствует ей приблизиться к Богу и одержать победу над грехом (прп. Макарий Египетский, 67, 10).

***

Лице Божие отвращается от страшного смрада суетных помыслов тьмы и лжи — живущих в такой душе страстей: закрадываются в нее злые и страшные черви, т. е. лукавые души и темные силы... пресмыкаются там... поядают и растлевают ее (прп. Макарий Египетский, 67, 117).

***

Демонскому помыслу противостоят три помысла, отсекая его, когда он закоснеет в уме: ангельский, наш, исходящий от нашего произволения, когда оно устремляется к лучшему, и другой наш, подаемый человеческим естеством, коим движимые и язычники любят, например, детей своих и почитают родителей своих. Доброму же помыслу противостоят только два помысла: демонский и наш, исходящий из нашего произволения, уклонившегося к худшему. Ибо от естества не исходит никакой худой помысл; так как из начала мы не были злы, потому что Господь сеял доброе семя на селе своем. Было время, когда не было зла, и будет время, когда его не будет. Семена добродетелей неизгладимы. Удостоверяет меня в этом тот евангельский богач, который и осужден, будучи во аде, милосердовал о братьях своих, а милосердие есть наилучшее семя добродетели (авва Евагрий, 89, 581—582).

***

Помысл сластолюбивый — жестокий деспот (авва Евагрий, 89, 603).

***

Все демонские помыслы вносят в душу представления чувственных вещей, и ум, приняв отпечаток их, вращает их в себе. Следовательно, по предмету помысла можно узнавать, какой приблизился к нам демон: например, если в мысли моей предстанет лицо причинившего мне вред или обесчестившего меня, то этим обличается, что приблизился бес злопамятства; если опять вспомнятся деньги или слава, по предмету этому нельзя не узнать, кто беспокоит

нас; равным образом и при других помыслах, по предмету их можешь определить, кто представляет и влагает их. Не говорю, впрочем, чтобы все воспоминания об этих вещах бывали от бесов, потому что и самому уму, когда человек приводит его в движение, обычно воспроизводить воображения того, что было; но только те из воспоминаний бывают от бесов, которые вместе возбуждают раздражение или вожделение, что неестественно. По причине растревожения этих сил ум мысленно любодействует и бранится, и не в состоянии уже бывает держать в себе помышление о Боге, Законоположнике своем, так как Светозарность сия (т. е. невозмутимое богомыслие) появляется во владычественном уме, под условием пресечения помышлений, вращающихся в вещах во время молитвы (авва Евагрий, 89, 618—619).

***

Как тело растлевается блудом, так и душа оскверняется сатанинскими помыслами, превратными правилами, нечистыми мыслями (свт. Иоанн Златоуст, 45, 338).

***

Если кто принимает в сердце неправедные мысли, то пути его не бывают успешны (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1123).

***

Всякий помысл воспроизводит в уме образ какого-либо чувственного предмета: ибо ассирианин (враг), будучи сам умной силой, не иначе может прельщать, как пользуясь чем-либо привычным для нас, чувственным (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 207).

***

Качество помыслов, которые в течение дня небрежно охраняются, обнаруживается во время ночного покоя, и потому когда случится какое-нибудь такое обольщение, то вину этого надобно поставлять не во сне, а в нерадении предшествующего времени, и это есть обнаружение внутри скрывающейся болезни, которую ночное время не породило начально, а скрывающуюся во внутренних изгибах души вывело на поверхность кожи во время покоя сна, обличая скрытую горячку страсти, которую мы произвели в течение дня, питаясь вредными помыслами. Так как и болезни телесные не в то время зачинаются, в какое по видимому обнаруживаются, а произошли они от нерадения в прежнее время, когда кто неразумно питаясь пищей, противной здоровью, произвел в себе вредные смертоносные соки (прп. Иоанн Кассиан, 56, 78—79).

***

...Всякий срамный помысл, образуемый в мысли, есть сокровенное изваяние <кумир> (прп. Нил Синайский, 72, 51).

***

Если сердце ввергается в омрачение нечистых помыслов... то уже насильно и по неволе увлекается к страстному делу (прп. Нил Синайский, 72, 52).

***

Помыслы гневливого — ехиднины порождения, снедают породившее их сердце (прп. Нил Синайский, 90, 267).

***

...Помыслы... тогда задают свою работу душе, когда захватят ее праздною от помышлений, яже по Богу (прп. Нил Синайский, 90, 276).

***

Увлекаемый помыслами, ослепляется ими, и действия греха видит, причины же сих действий видеть не может (прп. Марк Подвижник, 69, 23).

***

Корни помыслов суть явные пороки, которые мы руками, и ногами, и устами защищаем всегда (прп. Марк Подвижник, 69, 40).

***

Когда мы подлежим действию злых помыслов, то должны обвинять самих себя, а не прародительский грех (прп. Марк Подвижник, 69, 40).

***

Иногда без согласия нашего какой-нибудь помысл, скверный и ненавидимый нами, как разбойник, неожиданно напав на нас, насильно содержит у себя ум наш. Однако же знай наверное, что и сей помысл произошел от нас самих; ибо или по крещении мы предавали себя такому худому помыслу, хотя не исполняли его делом; или по собственной воле держим в себе некоторые семена зла, почему и утверждается в нас лукавый; и он лукавыми семенами удержав нас, не отойдет, пока не отбросим их; скверный же помысл, пребывающий в нас через делание

зла, тогда изгонится, когда принесем Богу труды, достойные покаяния (прп. Марк Подвижник, 89, 487).

***

Христос Господь, избавив нас от всякого насилия (благодатию в крещении), не возбранил приражение помыслов к сердцу нашему; дабы одни, будучи ненавидимы от сердца, тотчас были истреблены; другие же, сколько мы их любим, столько и пребывали, чтобы обнаруживались и благодать Христова, и воля человеческая, — что она любит, — труды ли ради благодати, или помыслы ради самоугодия (прп. Марк Подвижник, 89, 487).

***

Когда заметишь, что помысл обещает тебе человеческую славу, знай наверно, что он готовит тебе пристыжение (прп. Марк Подвижник, 89, 528).

***

Когда посевается в тебе лукавый некий помысл, или из числа сих издалека приходящих, или из числа предзанятых тобой прежде, и часто появляется в уме твоем; тогда за верное признай, что скрывает он тебе сеть (прп. Исаак Сирин, 58, 175).

***

Душа движением изменчивых помыслов не приводится в покой (прп. Исаак Сирин, 58, 311).

***

Лукавый помысл не приближается к душе, разве только для искушения и испытания (прп. Исаак Сирин, 58, 395—396).

***

Как облака закрывают солнце, так и греховные помыслы помрачают и губят ум (прп. Иоанн Лествичник, 57, 212).

***

...Не вращайте в уме лукавых помыслов, — ибо таковые попадают в плен... (прп. Феодор Студит, 92, 180).

***

...Злые помыслы ужаливают, подобно змиям, вливая в душу яд, который со всем тщанием надлежит поскорее изъять, как только это случится, чтобы промедлением не сделать рану трудно излечимой (прп. Феодор Студит, 92, 432).

***

...Когда страстные воспоминания совсем изгладятся из сердца, до того, что и не приближаются к нему, тогда это служит признаком отпущения прежних грехов. Ибо пока душа страстно к чему-либо греховному относится, дотоле надо признавать присущим в ней владычество греха (свт. Феодор Едесский, 91, 321).

***

Действие помышлений невещественно; но они напоминают и влекут к вещественному и бывают причиной плотских грехов (прп. Григорий Синаит, 93, 191).

***

...Если оно <сердце> преисполнено нечистых и лукавых мыслей, то такой человек становится достойным того, чтобы Бог от него отвратился (свт. Григорий Палама, 26, 127).

***

Греховные и суетные помыслы, мечтания и ощущения тогда могут несомненно повредить нам, когда мы не боремся с ними, когда услаждаемся ими и насаждаем их в себе (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 291).

***

Помысл греховный, будучи принят и усвоен уму, входит в состав образа мыслей или разума, и лишает его правильности, а греховное чувствование, закоснев в сердце, делается как бы его природным свойством... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 298).

***

...Собеседованием и смешением с помыслами, принадлежащими области сатанинской... созерцанием мыслей и мечтаний, приносимых демонами, повреждается душевное око (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 362).

Борьба с помыслами

Рассудительное имей сердце при помыслах (находящих) — и они пооблегчатся у тебя (прп. авва Исаия, 89, 348).

***

Прежде всего должны мы всеми мерами удерживать помысл, установив над ним трезвенный надзор ума, чтобы не дозволить душе предаваться необдуманным стремлениям по увлечениям тела (свт. Василий Великий, 9, 327).

***

...Надобно не только бдительно наблюдать за помыслами, но по возможности удаляться от близкого общения с тем, что всего более, приближаясь к нам, приводит нам на память страсти, тревожит и смущает рассудок и производит в душе брани и борения. Ибо ту брань, которая невольно постигает нас, принимать на себя необходимо, но весьма безрассудно воздвигать самим против себя брань произвольную (свт. Василий Великий, 9, 331).

***

...Когда душа, ослабив твердость и собранность мысли, пробудит в себе первые встретившиеся ей воспоминания о предметах без разбора взятых, тогда помысл, невежественно и безрассудно увлекаясь воспоминаниями об этих предметах и долго на них останавливаясь, из одного заблуждения переходит в другое, еще далее его заводящее, пока, наконец, не вринется в гнусные и ни с чем не сообразные мысли. Но таковое нерадение и такую рассеянность души

должно исправлять и отклонять от себя более собранным и строгим вниманием ума, и в каждую настоящую минуту надобно занимать непрестанно душу размышлением о том, что прекрасно (свт. Василий Великий, 9, 356).

***

Когда же диавол предпринимает строить свои козни и с великою силою старается в безмолвствующую и в покое пребывающую душу впустить свои помыслы, как разжженные какие-то стрелы, внезапно воспламенить ее и произвести в ней продолжительные и неистребимые воспоминания однажды в ней впечатленного, тогда трезвением и усильнейшею внимательностью должно отражать таковые нападения, подобно тому как борец самою строгою осторожностью и изворотливостью тела отклоняет от себя удары противоборцев, и между тем все, т. е. и прекращение брани, и отражение стрел, приписывать должно молитве и призыванию помощи свыше (свт. Василий Великий, 9, 356—357).

***

Хотя бы во время... молитв он <враг> и стал влагать лукавые мечтания, душа да не перестает молиться, и да не почитает собственными своими произращениями эти лукавые всеяния врага, эти мечтания неистощимого в кознях чудодея... но рассудив, что появление неприличных мыслей бывает в нас по безотвязности изобретателя лукавства, тем усильнее да припадает к Богу, и да молит Его рассыпать лукавую преграду остающихся в памяти непристойных помыслов, чтобы стремлением ума своего беспрепятственно, без всякого промедления и мгновенно востечь к Богу, когда нашествия лукавых помышлений нимало не будут пресекать пути. Если же и продолжится таковое вос-

стание помыслов по безотвязности воюющего с нами, то и в этом случае не должно приходить в отчаяние и оставлять подвиги на половине дела, но терпеть дотоле, пока Бог, видя нашу стойкость, не озарит нас благодатью Духа, которая обращает в бегство наветника, очищает и наполняет Божественным Светом ум наш и дает, что мысль наша в неволненной тишине служит Богу с веселием (свт. Василий Великий, 9, 357).

***

Если кто из вас, братия, имеет у себя нечистые и срамные помыслы, то да не предается в нерадении отчаянию, но да обратит сердце свое к Богу и, воздыхая, со слезами скажет: *востани, Господи...* (Пс. 34, 23), *вскую оставил...* (Пс. 21, 2) (прп. Ефрем Сирин, 30, 125).

***

Лукавому помыслу так же худо давать возрастать в душе, как и траве на гряде с овощами (прп. Ефрем Сирин, 30, 168).

***

Остров, лежащий среди моря, может ли остановить волны, чтобы они не ударяли в него? По крайней мере, остров противится волнам. Так и мы не можем остановить помыслов, но можем противиться помыслам (прп. Ефрем Сирин, 30, 168).

***

Кто совершенно совлекся мирского образа мыслей, тот пребывает неуязвимым; а кто не совлекся, тот часто принимает на себя удары (прп. Ефрем Сирин, 30, 207).

***

Иов приносил жертвы за детей своих, говоря: может быть, в сердцах своих рассуждали они о чем худом (см.: Иов. 1, 5) (прп. Ефрем Сирин, 30, 262).

***

Некто из святых сказал: «Думай о хорошем, чтобы не думать о худом, потому что ум не терпит быть в праздности» (прп. Ефрем Сирин, 30, 410).

***

Блажен, кто разжигаемый страхом Божиим всегда имеет в себе теплоту Святаго Духа, и попалил терния и волчцы лукавых помыслов (прп. Ефрем Сирин, 30, 527).

***

Лукавый помысл, если найдет себе доступ в душу, услаждает ее лукавыми мыслями, чтобы потом умертвить; и делается лукавый помысл как бы сетью в душе, и ничем не изгоняется из души, разве только молитвою, слезами, воздержанием и бдением (прп. Ефрем Сирин, 30, 540).

***

Если когда нечистые помыслы тревожат ум твой, возлюбленный, то не отчаивайся, но приводи себе на память Божии щедроты (прп. Ефрем Сирин, 30, 601).

Хочешь ты стать руководителем души? Отвсюду приведи себя в безопасность... чтобы не погрязнуть тебе в сластолюбивых помыслах и не потерпеть крушения в пристани (прп. Ефрем Сирин, 31, 105).

***

Не расслабевай, брат, от приходящих тебе помыслов; ибо это — начало борения (прп. Ефрем Сирин, 31, 137).

***

...Когда придет тебе на мысль лукавый помысл, воззови ко Господу со слезами, говоря: «*Господи, будь милостив ко мне грешному* (ср.: Лк. 18, 13) и прости меня, Человеколюбец! Отгони от нас лукавого, Господи!» (прп. Ефрем Сирин, 31, 138).

***

Как положившие только начало будем ежедневно приводить в порядок свои помыслы. Ибо таким образом укрепимся более в силах (прп. Ефрем Сирин, 31, 194).

***

...Да не смущают тебя помыслы твои, не отступай с того места, где преспеваешь ты о Господе. Ибо верим Сказавшему: *вам же и власи главныи вси изочтени суть* (Мф. 10, 30)... (прп. Ефрем Сирин, 31, 202).

***

<Есть> восемь помыслов, которыми производится все худое: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, безвременная печаль, уныние, тщеславие, гордость. Они-то ведут брань со всяким человеком... Если хочешь препобедить чревоугодие, возлюби воздержание, имей страх Божий, и победишь. Если же хочешь препобедить блуд, возлюби бдение и жажду, помышляй всегда о смерти, и никогда не имей бесед с женщиной, и победишь. Если хочешь препобедить сребролюбие, возлюби нестяжательность и нерасточительность. Если хочешь препобедить гнев, приобрети кротость и великодушие и содержи в мысли, сколько зла делали иудеи Господу нашему Иисусу Христу, и, однако же, Он, как человеколюбец Бог, не гневался на них, а напротив того, молился за них, говоря: *Отче, отпусти им* грех сей: *не ведят бо, что творят* (Лк. 23, 34). Если хочешь преодолеть безвременную печаль, никогда не печалься о чем-либо временном; но если тебя язвят словом, или беспокоят, или бесчестят, не печалься, а напротив того, радуйся. Тогда только печалься, когда согрешишь; но и в сем случае соблюдай меру, чтобы не впасть в отчаяние, и не погибнуть. Если хочешь препобедить уныние, займись хотя ненадолго каким-нибудь рукоделием, или читай, или часто молись. Если хочешь препобедить тщеславие, не люби похвал, ни почестей, ни хороших одежд, ни первоседания, ни предпочтения, а напротив того, люби, чтобы порицали и бесчестили, возводя на тебя ложь: и укоряй сам себя, что ты грешнее всякого грешника. Если хочешь препобедить гордость, что ни делаешь, не говори, что делается сие собственными твоими трудами или собственными твоими силами, но постишься ли, проводишь ли время во

бдении, спишь ли на голой земле, поешь ли псалмы, или прислуживаешь, или кладешь много земных поклонов, говори, что при Божией помощи и при Божием покровительстве делается сие, а не моею силою и не моим старанием (прп. Ефрем Сирин, 31, 591—592).

***

Ненавистник же добра, к искушению нашему, сливает вещи, чтобы правитель — ум не умел различать доброго и худого; посему, при скоплении в нас суетных помыслов... прибегнем скорее к духовному учению... (прп. Ефрем Сирин, 32, 24).

***

...Новоначальным нужно реже заводить разговор о тайных помыслах; потому что самое напоминание производит немалое движение, сообщая душе нечистоту и понемногу воспламеняя ее и приводя в страсть. Надобно же такие помыслы открывать святым и опытным старцам; потому что одолеваемые необузданной страстью часто, начав речь о целомудрии, устремляются к разрушению и уничтожению сей добродетели. Посему желающему покаяться надобно крепко взяться за целомудренный помысл, плоть изнурять добрыми трудами, и непрестанным памятованием о Боге очистить мысль от всего худого и гнусного. Через сие ум наш исполняется Божией благодати; обитающая же в уме и обладающая им благодать Божия бывает препятствием злокозненным <помыслам>, заграждая им доступ, когда намереваются войти (прп. Ефрем Сирин, 32, 55).

***

Кто всякую горечь подавлял в своих помыслах, у того в членах потекут источники сладостного веселия (прп. Ефрем Сирин, 34, 386).

***

...Каждый должен произвести борьбу в помыслах, чтобы в сердце его воссиял Христос (прп. Макарий Египетский, 67, 275).

***

...Признай себя храмом Божиим и старайся не изображать в сердце мысленных идолов (прп. Макарий Египетский, 67, 324).

***

...Без Бога и самому собой невозможно человеку... освободиться и от борьбы с помыслами; возможно же противиться помыслам и не услаждаться ими (прп. Макарий Египетский, 67, 464).

***

Не питай пространно плоть твою, и скверные помыслы оскудеют в тебе (авва Евагрий, 89, 610).

***

Как не удерживаешь скорпиона за пазухой, так не держи худого помысла в сердце своем (авва Евагрий, 89, 611).

***

...Если же зародится внутри (худая мысль), тотчас прогонять ее благочестивым размышлением (свт. Иоанн Златоуст, 47, 29).

***

...В душе нашей одни помыслы — неразумные и скотские, другие — зверские и дикие; их нужно побеждать, одолевать и покорять власти разума (свт. Иоанн Златоуст, 47, 69).

***

Не думай, что только совокупление <блудное> составляет грех; осуждению подлежит сама мысль (свт. Иоанн Златоуст, 47, 205).

***

Если какой-нибудь помысл смущает нас, то приведем себе на мысль это изречение: ***како сотворю глагол злый сей и согрешу пред Богом*** (Быт. 39, 9), — и всякое непозволительное пожелание тотчас исчезнет (свт. Иоанн Златоуст, 47, 671).

***

Если в нас рождается какой-нибудь скверный помысл, то надобно подавлять его внутри и не допускать ему переходить в слова (свт. Иоанн Златоуст, 48, 454).

***

Не пленяйтесь беспорядочными зрелищами, не оскверняйте своих мыслей чуждыми песнями. Ты можешь обуз-

дать свои мысли, хотя бы привычка и увлекала тебя в ту сторону. Ты не раб, а свободный, и не насильно берут тебя в плен и порабощают, но ты сам по своей воле продаешь себя греху (свт. Иоанн Златоуст, 51, 844).

***

Все же нечистые и постыдные помыслы и всякие искушения плоти должны <мы> изгонять страхом и любовью Христовой и образом Креста Его (свт. Иоанн Златоуст, 52, 954).

***

Если же когда и случится, что диавол увлечет ум, то не должно долго останавливаться на помыслах, чтобы согласие на дело не было вменено пред Богом в день Суда, когда Бог будет судить сокровенное людей (свт. Иоанн Златоуст, 52, 964).

***

Властвуй над своими помыслами, чтобы быть господином всего, потому что данная нам власть над животными должна сделать нас способными и к властвованию над самими собою (свт. Иоанн Златоуст, 52, 968).

***

...Если какой-нибудь помысл проникнет насильно, следует задушить его внутри и не допускать, чтобы он обнаружил себя в словах, но иссушить его в самом корне, тща-

тельно охранять в безопасности дверь, и злым желаниям не позволять и родиться, а зародившиеся уже подавлять (свт. Иоанн Златоуст, 52, 968—969).

***

Тот, кто угождает своему чреву и в то же время хочет побороть блудные мысли, уподобляется человеку, желающему маслом тушить огонь (свт. Иоанн Златоуст, 54, 965).

***

Он <Христос> пришел поселиться у тебя, а ты вводишь к себе злые помыслы (свт. Иоанн Златоуст, 55, 170).

***

Не в нашей воле совершенно не допускать на ум что-либо <греховное>... такие мысли часто как-то приходят ему, но если кто мудр, устраняется от них, а склоняется к лучшим и заключающим много полезного... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1327).

***

Как невозможно Красному морю узрену быть на тверди небесной между звездами и как нельзя человеку, ходящему по земле, не дышать здешним воздухом, так невозможно нам очистить сердце свое от страстных помыслов и изгнать из него мысленных врагов, без частого призывания имени Иисус-Христова (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 171).

***

...Небезопасно прежде приобретения умом большой опытности в брани попускать помыслам входить в сердце наше, — особенно вначале, когда душа наша еще сочувствует демонским прилогам, соуслаждается ими и охотно устремляется вслед их; но должно, как только они будут сознаны, тотчас, в самый момент нахождения их и приражения, отсекать их. Когда же ум, долгое время пребывая в таком дивном делании, обучится сему подвигу, все в нем разузнает и навык приобретет в ведении такой брани, так что верно будет распознавать помыслы и, как говорит Пророк, будет в состоянии легко ловить *лисы малые* (Песн. 2, 15): тогда можно искусно попускать им входить внутрь, сражаться с ними с помощью Христовой, обличать и извергать вон (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 176).

***

Наука наук и искусство искусств есть умение управляться со злотворными помыслами. Самое лучшее против них средство и искусство — смотреть с помощью Господа за появлением прилога их, и мысль свою всегда хранить чистою, как храним око телесное, им же самим острозорко усматривая могущее случайно повредить его и всячески стараясь не допускать до него даже порошинки (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 192).

***

Горечью от яда худых помыслов исполняется сердце наше, когда, вознерадев по причине забвения, надолго от-

водимы бываем от внимания и молитвы Иисусовой. Но когда по любви к Божественному, с крепким усердием, прилежно начнем в нашем детелище мысленном (в мысленной мастерской, в сердце) совершать вышереченное, (т. е. внимание и молитву), оно опять исполняется сладости в чувстве услаждения Божественным некиим радованием. Тогда-то твердые полагаем мы намерения всегда ходить в безмолвии сердечном, и не ради чего другого, а ради ощущаемой от него в душе приятной сладости и отрадности (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 192).

***

Как снег не породит пламени, вода не родит огня, терн — смокв, так сердце каждого человека не освободится от бесовских помыслов, слов и дел, если не очистит своего внутреннего, не сочетает трезвения с молитвой Иисусовой, не стяжет смирения и душевного безмолвия, и не будет со всем усердием тещи, поспешая в предняя (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 192—193).

***

Помыслы, против воли нашей втеснившиеся и стоящие в сердце, обыкновенно изглаждает молитва Иисусова с трезвением из глубин помышления сердечного (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 196).

***

Прекословие обыкновенно преграждает дальнейший ход помыслам, а призывание имени Иисус-Христова изгоняет

их из сердца. Как только образуются в душе прилог представлением чувственного какого-либо предмета, как то: оскорбившего нас человека, или женской красоты, или сребра и злата, или когда все это одно за другим побывает в мысли нашей; тотчас обличается, что привели в такое мечтание сердце наше духи злопамятства, блуда и сребролюбия. Если ум наш опытен, обучен и навы́к блюсти себя от приражений и видеть ясно, как днем, обольстительные мечтания и прелести лукавых, — то тотчас отпором, прекословием и молитвою Иисус-Христовою легко угашает разжженные стрелы диавола, не позволяя страстному мечтанию увлекать вслед себя и наши помыслы, а помыслам сим согласоваться с призраком прилога, или дружелюбно беседовать с ним и вдаваться в многомыслие, или сосложиться с ним, — за чем с некоторою необходимостию, как ночь за днем, следуют худые дела (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 197).

***

Как без большого корабля нельзя переплыть морской пучины, так без призывания Иисуса Христа невозможно изгнать прилога помысла лукавого (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 197).

***

Что помыслы наши не что иное суть, как одни мечтательные образы вещей чувственных и мирских, этого многие не знают. Когда же побудем мы подольше трезвенно в молитве, тогда молитва освобождает наш ум от всякого вещественного образа лукавых помыслов и дает ему познавать словеса супостатов (может быть значение помыслов вообще, что́ они суть; или планы и виды врагов при

всевании помыслов), и ощутить пользу молитвы и трезвения (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 201).

***

Если истинно хочешь покрыть стыдом помыслы, достодолжно безмолвствовать и без труда трезвенствовать сердцем, да прильнет к дыханию твоему молитва Иисусова, — и в немного дней увидишь это на деле (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 207).

***

Как если, когда вредоносные яства, недавно принятые, произведут в теле болезненную тревогу, вкусивший их, лишь только почувствует сей вред, поспешит извергнуть их вон, то остается невредимым; так и ум, когда, поглотив принятые им порочные помыслы и почувствовав душевредную горечь их, поспешит молитвой Иисусовой, из глубин сердца возглашаемой, извергнуть их вон и далеко отбросить их от себя, то через это избежит всякого от них вреда, как по милости Божией научение от других и вместе с ним собственный опыт предали трезвенствующим разуметь настоящее дело (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 209).

***

...Пока сильный дух наш, будучи вооружен, охраняет дом свой страхом Божиим, ограждая входы сердца своего, то будет в безопасности и все имущество его, т. е. стяжания трудов, и добродетели, приобретенные долгим временем. Если же сильнейший прившедши победит его, т. е. диавол посредством согласия с помыслами, то расхитит

его орудия, на которые он надеялся, т. е. память Священного Писания и страх Божий; и добычу его разделит (см.: Лк. 11, 22), т. е. заслуги добродетели рассеет всякими противными пороками (прп. Иоанн Кассиан, 56, 80).

***

...По начальному повелению Божию заботливо должны мы блюсти зловредную голову змея (см.: Быт. 3, 15), т. е. начатки худых помыслов, которыми диавол пытается вползти в нашу душу, чтобы, если голова его по нашему нерадению проникнет до нашего сердца, не вползло и остальное его тело, т. е. согласие на сластолюбие. Если он войдет, то ядовитым жалом, без сомнения, умертвит плененный дух (прп. Иоанн Кассиан, 56, 80).

***

Не возмущаться духу... помыслами невозможно, но принять их или отвергнуть — это возможно всякому, кто (при помощи Божией) употребит для сего старание. Как возникновение их не зависит от нас, так отвержение или принятие их состоит в нашей воле. Впрочем, из того, что мы сказали, что невозможно помыслам не приражаться к духу, не все надобно приписывать набегу помыслов или тем духам, которые стараются всеять их в нас, иначе не останется в человеке свободного произволения и в нас не будет старания о своем исправлении. Но большею частию от нас зависит, чтобы исправилось качество помыслов и возникали в сердцах наших духовные — святые или земные — плотские мысли. Если разумно и тщательно поучаемся в законе Божием, упражняемся в псалмах и пении, пребываем в посте и бдении, непрестанно памятуем о будущем, о Царстве Небесном, о геенне огненной и о всех

делах Божиих, то злые помыслы уменьшаются и не находят места. Когда же, напротив, занимаемся мирскими заботами и плотскими делами и вдаемся в суетные и праздные беседы, тогда злые помыслы умножаются в нас (прп. авва Моисей, 56, 181).

***

...Ум всегда бывает подвижен и многозаботлив. В книге премудрого Соломона о нем написано так: *земная храмина подавляет многозаботливый ум* (Прем. 9, 15). Он по состоянию природы своей никогда не может быть праздным, и если кто намеренно не будет упражнять его известными действиями и постоянно занимать его ими, то необходимо ему по своей подвижности рассеиваться и повсюду летать, пока долговременным упражнением и употреблением узнает, какие предметы должно напечатлевать в своей памяти, которыми бы должно было непрестанно заниматься, пока долгим занятием приобретет крепость и таким образом в состоянии будет отражать противные внушения врага, которыми развлекался, и пребывать в том состоянии и качестве, какого желает. Следовательно, мы не должны приписывать это развлечение нашего сердца ни человеческой природе, ни Богу, Творцу ее. Ибо истинно изречение Священного Писания, что *Господь сотворил человека правым, а люди вдались во многие помыслы* (ср.: Еккл. 7, 29). Следовательно, от нас зависит качество помыслов. Ибо *помысл добрый,* говорится, *приближается к знающим его, и муж благоразумный найдет его.* А все, что может быть найдено, подлежит нашему благоразумию и тщательности; если же не будет найдено, то, без сомнения, это надобно вменить нашей беспечности или неблагоразумию, а не пороку природы. Согласно с этой мыслию

и Псалмопевец говорит: *блажен муж, емуже есть заступление его у Тебе, Господи, восхождения в сердцы своем положи к Тебе* (ср.: Пс. 83, 6). Видите, что в нашей власти состоит положить в сердцах своих или восхождение, т. е. помыслы, устремляющиеся к Богу, или нисхождения, т. е. ниспадающие к земному и плотскому. Если бы помыслы не состояли в нашей власти, то Господь не порицал бы фарисеев: *для чего вы мыслите худое в сердцах ваших?* (Мф. 9, 4). И через Пророка повелел, говоря: *удалите худые помыслы ваши от очей Моих* (ср.: Ис. 1, 16). *Доколе будут медлить в тебе порочные мысли твои* (ср.: Иер. 4, 14). И в день Суда не потребовался бы от нас отчет в качестве помыслов, как и дел, как через пророка Исаию угрожает Господь, говоря: *вот Я приду собрать дела и помышления их со всеми народами и языками* (ср.: Ис. 66, 18). Так же во время страшного и ужасного испытания мы не заслуживали бы ни осуждения, ни оправдания свидетельством помыслов, по изречению блаженного Апостола, который так говорит: *мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую, в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков* (Рим. 2, 15—16) (прп. авва Серена, 56, 282—283).

***

...Когда ум обращен к предметам гнусным, земным, то душе невозможно заниматься помыслами добрыми (прп. авва Пинуфий, 56, 536).

***

Не подумай когда-нибудь нерадеть о помыслах (прп. Марк Подвижник, 69, 16).

***

Если хочешь, чтобы тебя не беспокоили злые помыслы, то принимай уничижение души и скорбь телесную... во всякое время, во всяком месте и во всяком деле (прп. Марк Подвижник, 69, 51).

***

Лукавый помысл, для низлагающих его в себе, есть знак любви к Богу, а не греха, ибо не приражение помысла есть грех, но дружеская с ним беседа ума (прп. Марк Подвижник, 89, 486).

***

Приражение помысла не есть ни грех, ни правда, но обличение самовластной нашей воли. Потому-то и попущено ему приражаться к нам, дабы преклоняющихся к заповеди удостоить за верность венцов (победных), а преклоняющихся к самоугодию, за неверность показать достойными осуждения. Но и сие надлежит знать нам, что не тотчас после каждого нашего изменения дается по оному суд, оказались ли мы искусными или достойными отвержения, но когда во все наше пребывание в сей жизни будем испытаны приражениями, побеждая и будучи побеждаемы, падая и восстая, блуждая и будучи наставляемы на добрый путь, тогда только в день исхода, по сочтении всего, соразмерно сему будем судимы или похваляемы (прп. Марк Подвижник, 89, 492).

***

Не презирай (не небреги) никакого помысла по нерадению. Ибо никакое помышление не утаено пред Богом (прп. Марк Подвижник, 89, 528).

***

Не говори: я и не хочу, а он (помысл) приходит. Ибо, конечно, если не это самое, то причины сего верно любишь (прп. Марк Подвижник, 89, 532—533).

***

Тот невоздержник, кто питается помыслами, ибо хотя бы они были и полезны, но полезнее надежды быть не могут (прп. Марк Подвижник, 89, 542).

***

Много подвига и труда требуется в молитвах, чтобы достигнуть невозмутимого состояния мысли... (прп. Иоанн Карпафский, 93, 247).

***

...Человек даже до смерти, пока он в жизни этой плоти, не может не иметь помыслов и брани (прп. Исаак Сирин, 58, 31).

***

Если... <пришедший> помысл омрачен, и ты сомневаешься в нем и не можешь ясно постигнуть, свой он или тать, помощник или наветник, скрывающийся под доброю личиною, то вооружимся на него усильною и самою скорою молитвою со многим бдением и день и ночь (прп. Исаак Сирин, 58, 175).

***

При алчущем и смиренном чреве никак не проникают в душу срамные помыслы (прп. Исаак Сирин, 58, 188).

***

Не верь, брат, что внутренние помыслы могут быть остановлены без приведения тела в доброе и чинное состояние (прп. Исаак Сирин, 58, 413).

***

Если не можешь держать в порядке свои помыслы, то хотя чувства свои сделай благоустроенными (прп. Исаак Сирин, 58, 416).

***

...Когда Евагрий подвергся брани от хульных помыслов, то он, как муж разумный, зная, что хула происходит от гордости и что когда смиряется тело, то вместе с ним смиряется и душа, провел сорок дней на открытом воздухе, так что тело его... стало производить червей, подобно тому как случается у диких животных; и такой труд он подъял не ради хулы, но ради смирения (прп. авва Дорофей, 29, 48—49).

***

...Я в юности моей многократно и сильно бывал искушаем бесом блуда и трудился, подвизаясь против таких помыслов, противореча им и не соглашаясь с ними, но представляя себе перед глазами вечные муки. Пять лет поступал я так ежедневно, и Бог облегчил меня от сих помыслов. Брань сию упраздняет непрестанная молитва с плачем (прп. авва Дорофей, 29, 219).

***

Без болезни сердечной никто не получает дарования различать помыслы... (прп. авва Дорофей, 29, 227).

***

Нечистые и постыдные помышления обыкновенно рождаются в сердце от беса блуда, сего сердцеобольстителя; но их исцеляет воздержание и вменение их ни во что (прп. Иоанн Лествичник, 57, 129).

***

...Враг скверных и нечистых помыслов есть сокрушение сердца (прп. Иоанн Лествичник, 57, 210).

***

Не приучай... простосердечных иноков к тонкоразборчивости помыслов; но лучше, если можно, и тонкоразборчивых приучай к простоте; это дело преславное (прп. Иоанн Лествичник, 57, 269).

***

Преутруждай тело и чаще молись — и скоро избавишься от предвзятых помыслов (авва Фалассий, 91, 311).

***

Если хочешь избавиться от помыслов, уврачуй страсти: и тогда удобно изгонишь их из ума. Именно в отношении к блудной страсти — постись, совершай бдение, трудись и уединяйся; относительно гнева и печали, ни во что вменяй славу, и бесславие, и прочие вещи земные; относительно злопамятства, молись за оскорбившего — и избавишься (прп. Максим Исповедник, 91, 198).

***

Кто слепотствует в страстных помышлениях, омой зраки очей своих в купели слез и, прозрев бесстрастием, славь Господа (прп. Феодор Студит, 92, 147).

***

...Если он <человек> мужественно отгоняет неуместные помыслы, то исполняется тишины... (прп. Феодор Студит, 92, 438).

***

Будем же стоять доблестно против приражения помыслов, уничтожая их прежде возгорения от них похоти, и тем пресекая сланое море греха... (прп. Феодор Студит, 92, 519).

***

Питающий змею на лоне своем и лукавый помысл в сердце оба умерщвлены будут: тот в теле, поражен будучи ядовитым жалом, а этот, в душу вложив смертоносный яд (помысла). Но как поспешно побиваем мы порождение ехидн, так и помыслам злым не дадим порождаться в сердце, чтобы потом не страдать от них горько (свт. Феодор Едесский, 91, 326).

***

...Истязуй помыслы на пороге сердца (при входе в него), наши ли они, или от сопротивных; и родные нам и благие вводи во внутреннейшее хранилище души и храни их там, как в некрадомой сокровищнице, а противнические бичами разумного рассуждения помучив, тотчас из-

гоняй, не давая им покоища и места даже в окрестностях души своей, или лучше совсем избивай их мечом молитвы и Божественнейшего поучения, чтобы от такого истребления татей страх напал и на самого начальника их. Ведай, что кто так тщательно истязует помыслы, тот бывает истинным ревнителем и об исполнении заповедей (свт. Феодор Едесский, 91, 336).

***

...В отношении к помыслам, когда найдет какой из них, я встречаю его как огонь со слезами, и он исчезает (прп. авва Филимон, 91, 368).

***

Невозможно тому, кто предается злым помыслам, быть чисту от грехов по внешнему человеку. Тем, кои не искореняют из сердца злых помыслов, невозможно не обнаруживать их в соответственных злых делах. Причина того, что иной блудно смотрит, заключается в том, что прежде внутреннее око соблудило и омрачилось. Также причина желания слышать срамное заключается в охотном слушании душевными ушами всего, что скверные демоны нашептывают внутри в пагубу нам. Должны мы очищать себя в Господе внутри и вовне; каждый из нас должен хранить свои чувства и каждодневно очищать себя от страстных воздействий и прегрешений (прп. Филофей Синайский, 91, 417).

***

Узда... неудержимому помыслу — однословная молитва (прп. Илия Екдик, 91, 435).

***

Помыслами, а не делами сначала борют душу демоны; но главное, конечно, у них в виду дела (прп. Илия Екдик, 91, 469).

***

...Вот причина, почему так непостоянен и удобопревратен помысл человеческий! Он может установиться и стоять на одном только тогда, когда отвергнет все тленное, тварное и видимое, прейдет окружающую его тьму и сраствориться с вечным, невидимым, постоянным и пребывающим. Ибо каково то, чем занят бывает помысл, таково бывает и состояние помысла: занимаясь постоянным — он постоянствует; занимаясь непостоянным — волнуется. Треволнения мира показывают, что блага его — не настоящие блага; а треволнения помысла дают разуметь, что состояние его — не достодолжное. Но каков помысл здесь, такова будет участь души там (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 242).

***

...Мы всякий помысл страстный, приемлемый во чрево мысленное, действом огневого бега путем заповедей Божиих и силы Духа, претворяли в благое и спасительное деяние добродетели... (прп. Никита Стифат, 93, 136).

***

Из новоначальных никто никогда не оттоняет помысла, если Бог не оттонит его. Только сильным свойственно бороться с ними и прогонять их... Ты же, когда приходят

помыслы, призывай Господа... Не терпя сердечной теплоты, молитвой подаемой, они, как огнем палимые, отбегают (прп. Григорий Синаит, 93, 218).

***

...Видит ли кто в себе жестоко борющий блудный помысл, да познает он, что он еще не распял себя. Как же ему распять? Пусть избегает любопытных взглядов на женщин и неподобающей близости с ними, а также и неуместных бесед; пусть убавит материал, питающий вожделение; пусть не допускает чрезмерного употребления вина, опьянения, обжорства, многоспания; и с этим удалением от зла пусть присоединит и смиренномудрие, в сокрушении сердца призывая Бога в помощь против страстей... (свт. Григорий Палама, 26, 116—117).

***

...Беспокоит ли тщеславный помысл? А ты наедине и перед судом своей совести приведи себе на память Господень совет о сем в Евангелии, говорящий: не ищи показывать себя превосходящим других; добродетели, насколько имеешь, совершай втайне, имея в виду только Бога и будучи видим только Им одним, и Отец Твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (см.: Мф. 6, 1—6, 18). Если же и после того, как ты нанес решительный удар возбудителям каждой из страстей, тебя снова обеспокоит внутренний помысл — не бойся; пусть он будет для тебя поводом для получения венцов; ибо он уже не склоняет и не оказывает действия, но является лишь бессильным движени-

ем, как побежденный в твоей борьбе о Бозе (свт. Григорий Палама, 26, 117).

***

...Как если на угли положишь что-нибудь ароматное, ты привлечешь и удержишь приходящих, а если нечто зловонное и неприглядное, то оттолкнешь их и отвратишь, — так и относительно помыслов: если возымеешь священную заботу и тщание о них, сделаешь себя достойным Божественного посещения: потому что это-то и есть благоухание аромата, которое Господь обоняет; если же будешь питать дурные, и грязные, и земные помыслы, то будешь далек от Божественной неги, сделав себя, увы, достойным того, чтобы Бог отвратился от тебя! ***Яко не пребудут беззаконнщы пред очима Твоима*** (ср.: Пс. 5, 6), говорит Богу Псалмопевец. Потому что когда Закон предписывает: помнить во всем Господа Бога, сидя, и ходя, и лежа, и вставая (см.: Втор. 6, 7), и Евангелие говорит: испытайте Писания и в них обрящете Живот Вечный (см.: Ин. 5, 39), и Апостол увещевает, говоря: ***Непрестанно молитеся*** (1 Фес. 5, 17), — то и задерживающий свой ум в земных помыслах, конечно, является преступником, а не тем ли более тот, кто погрязает в дурных и грязных? (свт. Григорий Палама, 26, 199—200).

***

Помыслы отгоняй и не позволяй им пробегать через сердце и закосневать в нем. Закоснение страстных помыслов, оживляя страсти, умерщвляет ум. Почему как только приразятся они, с первого их появления в уме, спеши

поразить их стрелою молитвы. Если они будут настаивать, толкая в двери внимания и возмущая мысль, то знай, что они получают подкрепление от скрытного, предварившего сие нападение, возжелания их; почему как бы право какое имея на душу, ради того, что пошатнулось уже произволение, они тревожат и докучают. В таком случае надобно предавать их поруганию через исповедание; ибо злые помыслы тотчас обращаются в бегство, как только бывают оглашаемы. Как при появлении света отбегает тьма, так перед светом исповедания исчезают страстные помыслы, которые и сами суть тьма. Когда, например, в помыслах имели место тщеславие и похотная страсть, то они тотчас прогоняются стыдом при исповедании их и злострадании при несении наложенной за них епитимии. После сего всякого рода помыслы, находя мысль свободною уже от страстей и занятою непрестанною сокрушенною молитвою, стремительно отбегают со стыдом (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 174).

***

Если подвижник, напрягаясь пресечь (молитвою) смущающие его помыслы, отсекает их на время и уничтожает частое их появление, совсем же не освобождается от них, но остается в состоянии борющего и боримого, — то это оттого, что он лелеет причины смущающих его помыслов — покой плоти и мирское честолюбие, из-за которых он не спешит и исповедать свои помыслы. Почему и покоя не имеет, держа в себе то, что дает врагам право ратовать против него... Но когда подвизающийся, укрепившись памятованием о Боге, возлюбит уничижение и озлобление плоти, и исповедует помыслы свои, не боясь стыда, враги тотчас удаляются, и мысль, сделавшись свободною, не-

престанную держит молитву и непресекаемое созерцание Божественного (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 174—175).

***

Когда почувствуешь, что душа твоя уязвляется... страстию или помыслом страстным, не мятись от этого, но усугубь внимание и напрягись не допустить их до сердца, став против них лицом с сопротивлением им, сердце держа за собой недосязаемым для них и чистым пред Богом, Которого таким образом ты всегда будешь иметь сущим внутрь тебя, в глубине твоего сердца, ради чистоты настроения его. В то же время осеняй свое внутреннее убеждением, что все бывающее с тобой и в тебе бывает для испытания тебя и обучения, чтобы ты научился наконец верно распознавать, что спасительно для тебя, и, следуя тому, сподобился получить венец правды, уготованный тебе благостию Божиею (прп. Никодим Святогорец, 70, 262—263).

***

Хочешь ли научиться отгонять скоро и с силой помыслы, насеваемые общим врагом человечества? Отгоняй их, когда ты один в келье, гласною внимательною молитвою, произнося слова ее неспешно с умилением (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 186).

***

Когда явятся тебе помысл и мечтание греховные, нисколько не обращай внимания на них. Лишь увидишь их умом твоим, тем усиленнее затвори ум в слова молитвы... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 355).

***

Помыслы не грешны, когда человек сам не возбуждает их и возбудившихся не по воле его не удерживает (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 119).

***

Помыслы надо гнать, не удерживать их произвольно. Сочувствие или сласть, как только покажется, — подавлять надо всеми силами... Тут главный пункт внутренней брани... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 119—120).

***

Борьба с помыслами конца не имеет (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 181).

***

...Помыслы — не вменяются, когда не приемлются (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 247).

***

...Когда мысли лезут сами, душа же их не хочет и противится им, тут нет греха, а борьба добрая (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 85—86).

***

Иногда мысль пролетит сквозь голову — недобрая... Это вражья стрела. Пускает ее враг, когда внимание желает отвлечь от молитвы и занять чем-либо небожеским (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 116).

***

Если, заметив страстный помысл, вы остановитесь на нем произвольно вниманием, вы виновны, зачем занялись тем, о ком знаете, что он враг Божий и вам (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 207).

***

...Если сразу прогоните страстный помысл, то всей борьбе положите конец (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 208).

Откровение помыслов

...Для демонов нет большей радости, как когда человек скрывает свои помыслы, лукавые ли они, или благие (прп. авва Исаия, 59, 28).

***

Не открывай своих помыслов перед всеми, дабы это не послужило ближнему претыканием (прп. авва Исаия, 59, 64).

***

...Открывай помыслы свои отцам твоим, чтобы благодать Божия покрыла тебя (прп. авва Исаия, 89, 331).

***

...Как змей, извлеченный из темной норы на свет, старается убежать и скрыться, так и злые помыслы, будучи обнаружены откровенным признанием и исповедью, стараются бежать от человека (прп. авва Моисей, 56, 194).

***

...Ничто столько не вредит монахам <и христианам> и ничто столько не радует бесов, как утаивание своих помыслов от духовных отцов (прп. авва Моисей, 56, 195).

***

Знай, что кто бывает борим каким-нибудь страстным помыслом, или скорбит от оного и не исповедует его, тот сам укрепляет его против себя, т. е. подает помыслу силу более бороть и мучить его (прп. авва Дорофей, 29, 187).

***

...Скрывающий свои помыслы пребывает неисцелен и исправляется только частым вопрошением о них отцов духовных (прп. авва Дорофей, 29, 257).

***

...Обременение ума помыслами врачуется доверчивым исповеданием их (прп. Феодор Студит, 92, 582).

***

Если вознерадим мы часто открывать помыслы свои, то впадем в большие страсти и затем, стыдясь открыть их, впадем в ров нечаяния (старец Симеон Благоговейный, 93, 76).

***

Против усиленного и учащенного нападения греховных помыслов и ощущений, называемого... бранью, нет лучше-

го оружия для новоначального, как исповедь (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 149).

***

Помыслы, хотя и греховные, но мимоходящие, не усиливающиеся усвояться в душе, не нуждаются в немедленной исповеди (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 150).

Помыслы хульные

Не только перед скончанием мира диавол ***возглаголет словеса на Вышнего,*** как говорит Даниил (ср.: Дан. 7, 25), но и ныне бывает, что он через наши помыслы воссылает тяжкие хулы на самое небо, и Самого Вышнего бесславит и создания Его и Святые Христовы Таинства. Мы же, твердо стоящие на камне ведения, не должны бояться сего и дивиться дерзости этого нечестивца, но верою и теплейшею молитвою вооружась и вышнего сподобясь пособия, смело отвещать врагу (прп. Иоанн Карпафский, 91, 82).

***

...От злого корня и злой матери происходит злейшее исчадие, т. е. от скверной гордости рождается несказанная хула. Посему нужно и ее вывести на среду: ибо это немаловажное что-нибудь, но самый лютый из наших врагов и супостатов. И, что еще ужаснее, мы не можем без затруднения сказать, открыть, исповедать врачу духовному сии помыслы. Посему они часто многих повергали в отчаяние и безнадежность, истребив всю надежду их, подобно червю в дереве (прп. Иоанн Лествичник, 57, 154).

***

Часто во время Божественной литургии и в самый страшный час совершения Таин сии мерзкие помыслы хулят Господа и совершаемую Святую Жертву. Отсюда явно открывается, что сии нечестивые, непостижимые и неизъяснимые слова внутри нас не душа наша произносит, но богоненавистник бес, который низвержен с небес за то, что и там хулить Бога покушался. И если мои сии бесчестные и нелепые изречения, то как же я, приняв оный небесный Дар, поклоняюсь? Как могу благословлять и в то же время злословить? (прп. Иоанн Лествичник, 57, 154—155).

***

Никто не должен думать, что он виновен в хульных помыслах, ибо Господь есть сердцеведец и знает, что такие слова не наши, но врагов наших (прп. Иоанн Лествичник, 57, 155).

***

Когда мы станем на молитву, то сии нечистые и неизрекаемые помыслы восстают на нас, а по окончании молитвы тотчас от нас отходят; ибо они не имеют обыкновения бороться с теми, которые против них не вооружаются. Безбожный сей дух не только хулит Бога и все Божественное, но и слова срамные и бесчестные произносит в нас, чтобы мы или оставили молитву, или впали в отчаяние. Сей лукавый и бесчеловечный мучитель многих отвлек от молитвы, многих отлучил от Святых Таин; некоторых тела изнурил печалью, иных истомил постом, не давая им ни малейшей ослабы (прп. Иоанн Лествичник, 57, 155).

***

Кого дух хулы беспокоит, и кто хочет избавиться от него, тот пусть знает несомненно, что не душа его виновна в таких помыслах, но нечистый бес, сказавший некогда Самому Господу: *сия вся Тебе дам, аще пад поклонишимися* (Мф. 4, 9). Посему и мы, презирая его и вменяя за ничто влагаемые им помыслы, скажем ему: *иди за Мною сатано; Господу Богу моему поклонюся и Тому единому послужу* (ср.: Лк. 4, 8); болезнь же твоя и слова твои обратятся на главу твою, и на верх твой снидет хула твоя в нынешнем веке и в будущем (см.: Пс. 7, 17) (прп. Иоанн Лествичник, 57, 156).

***

Бес этот <хулы> часто старается нападать на простейших по уму и незлобивейших, которые более других беспокоятся и смущаются от сего; о них можно сказать по справедливости, что все сие бывает с ними не от превозношения их, но от зависти бесов (прп. Иоанн Лествичник, 57, 156).

***

Перестанем судить и осуждать ближнего, и мы не будем бояться хульных помыслов; ибо причина и корень второго есть первое (прп. Иоанн Лествичник, 57, 156).

***

Помыслы злые суть сущее зло, и не очистившийся от них не научится истинному ведению (авва Фалассий, 91, 306).

***

...Взирая убо горе́, не возлагайте на себя неудобоносных бремен: разумею недобрые пожелания вражеские (прп. Феодор Студит, 92, 41).

Блуждание помыслов

Обычно помыслы кружатся в голове. Это пустые. Но вы смотрите за ними, которые как стрелой пронзают сердце и оставляют там след (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 117).

***

Мысли блуждать начинают от умаления страха и охлаждения сердца (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 221).

***

Чтобы мысли не блуждали, надо возыметь такое чувство, чтобы быть неисходно в сердце с Богом... и сторонним помыслам места не будет (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 86).

***

Понаблюдайте за собою и увидите, что большая часть времени проходит у нас именно в... пустомыслии и блуждании мыслей (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 22).

***

Блуждание помыслов... — это болезнь, хотя всеобщая и повсюдная, но не естественная, а нажитая нами произвольно (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 44).

Чистота помыслов

...Насколько мы преуспеваем в навыке мыслей по Богу, настолько Божественное желание влечет нас достигнуть разумения и поклонения Отцу *духом и истиною* (Ин. 4, 24)... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 80).

***

...Когда кто-либо достигнет благих мыслей, то должен быть строго внимательным, чтобы видения сии оставались в нем и не лишился он благодати за нерадение или за возношение... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 81).

***

Нечистые помыслы никак не могут приблизиться к душе, которая имеет всегдашнее умиление по Богу (прп. Ефрем Сирин, 31, 97).

***

В какой мере кто безмолвствует, в такой мере делаются чистыми его помыслы (прп. Ефрем Сирин, 31, 193).

***

Блаженны очистившие себя от лукавых помыслов; потому что в них обитает Дух Святый (прп. Ефрем Сирин, 31, 534).

***

Не предавай души твоей помышлениям злым, да не осквернят они сердца твоего, и чистой молитвы да не отдалят от тебя (авва Евагрий, 89, 616).

***

Оставляя не только гнусные, но и все земные помыслы, мы должны устремлять ум к небесным предметам и, как слуги, быть там, где Господь наш (см.: Ин. 12, 26) (прп. авва Пинуфий, 56, 536).

***

Справедливо вменяется не в легкий, а в тяжкий грех нечестия, когда кто, изливая молитву Господу, вдруг увлекшись суетным, недобрым помыслом, удаляется от лица Его, как будто Бог не видит и не слышит (прп. авва Феона, 56, 591).

***

Ничего не помышляй и ничего не делай без намерения по Богу; ибо безрассудно путешествующий напрасно будет трудиться (прп. Марк Подвижник, 69, 12—13).

***

Как огонь не может долго пробыть в воде, так и скверный помысл в боголюбивом сердце (прп. Марк Подвижник, 69, 36).

***

Постоянно утруждай себя молитвами пред Богом в сердце носящем чистый помысл, исполненный умиления; и Бог сохранит ум твой от помыслов нечистых и скверных... (прп. Исаак Сирин, 58, 19).

***

Без тишины помыслов ум не подвигнется в сокровенные таинства (прп. Исаак Сирин, 58, 295).

***

Когда входишь в область умирения помыслов, тогда отъемлется у тебя множество слез, и потом приходят к тебе слезы в меру и в надлежащее время (прп. Исаак Сирин, 58, 340).

***

...Надлежит всегда памятовать, что невозможно, чтобы всегда были добры помыслы (от которых обыкновенно рождаются подобные им слова и дела), если в ум не вселится прежде Христос Господь, о чем и должно нам подвизаться, сколько сил есть, т. е. чтобы в ум наш вселился Христос Господь (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 89).

***

...Когда плотские помыслы подавлены в нас, тогда душу, находящуюся в покое, воспринимает благодать Духа и устраивает ее способной вкусить будущих оных и неизреченных благ, которые око страстного и беспечного человека не видело, и ухо не слышало, и на сердце такого человека не всходило; и это вкушение является также залогом этих духовных благ, и сердце, приявшее залоги их, становится духовным и восприемлет полную уверенность в своем спасении (свт. Григорий Палама, 26, 213).

****

Брат сказал авве Пимену: «Авва, у меня много помыслов, и я в опасности от них». Старец вывел его из кельи и сказал ему: «Раскрой полы одежды твоей и удержи ветер». Брат отвечал: «Я не могу сделать этого». И сказал старец: «Если не можешь сделать этого, то не можешь возбранить

и помышлениям, чтобы они не приходили, но твое дело — противиться им» (97, 195—196).

***

Брат спрашивал авву Пимена о борьбе с восстающими помыслами. Старец отвечал ему: «Это дело подобно тому, как если бы у человека в левой руке был огонь, а в правой чаша с водой. Если запылает огонь, то он берет из чаши воду и гасит огонь. Огонь — это внушение врага, а вода — усердная молитва пред Богом» (97, 218).

***

Однажды пришли к блаженной Феодоре семь сестер и спросили ее о неподобных и скверных помыслах. Блаженная прослезилась и сказала: «Не слышите ли, что говорит Господь: *вам же и власи главныи вси изочтени суть* (Мф. 10, 30). Власы суть помыслы, а глава их — ум. Всякий помысл, сопровождаемый соуслаждением и согласием, подлежит суду, и Бог вменяет вожделение жены — в блуд, гнев — в убийство, ненависть — в человекоубийство... Итак, не говорите, добрые мои сестры, что помыслы не вредят нам, когда одно сосложение с ними судится как дело». Слыша сие, монахини прославили Бога и, поблагодарив ее, удалились с великой пользой (103, 81).

***

Однажды авва Силуан вошел в келью брата, принявшего подвиг юродства. Тот сидел на скамейке, справа и слева от него стояли две корзины. Как скоро он увидел старца, то, по обыкновению, начал смеяться. Старец го-

ворит ему: «Оставь это теперь и объясни мне, что значит твое сидение?» Он опять засмеялся. Авва Силуан сказал: «Ты знаешь, что, кроме субботы и воскресенья, я не выхожу из кельи, но ныне вышел среди седмицы, — ибо Бог послал меня к тебе». Устрашенный, брат повергся перед старцем: «Прости мне, отец, я каждое утро сажусь, имея перед собой сии камешки, и если родится во мне добрый помысл — кладу камешек в эту корзину, а если злой — кладу в левую корзину, вечером считаю камешки; и если найду их больше в правой корзине, то вкушаю пищу, а если в левой — то не вкушаю. И если утром опять придет ко мне злой помысл, то говорю себе самому: «Смотри, что ты делаешь, — ты опять не должен есть» (98, 174—175).

***

Скитский пресвитер, настоятель одной из четырех церквей Египетского Скита, побывал у одного старца. Увидев подвижническое жительство старца и учеников, пресвитер спросил: «Имеете ли какие откровения от Бога?» Старец отвечал: «Не имеем». Тогда пресвитер сказал: «Мы совершаем непродолжительные молитвословия, и Бог открывает нам все тайны, а вы несете такой подвиг бдения, пощения, безмолвия, и говоришь, что Бог не открывает вам никаких тайн; это оттого, что вы питаете греховные помышления в сердцах ваших, они отлучают вас от Бога, и Бог не открывает вам тайн Своих». Отцы, услышав это, удивились и говорили друг другу: «Скверные мысли отлучают от Бога» (106, 429).

***

Один брат в течение девяти лет был борим помышлениями, чтобы выйти из иноческого общежития. Когда на-

ступал вечер, он говорил: «Завтра выйду». При наступлении же утра говорил помышлениям: «Понудим себя пробыть здесь сегодня, ради Господа». Когда в таких борениях прошло девять лет, Господь отъял от него это искушение (106, 493—494).

***

Один старец поведал следующее: «Однажды из монастыря пошел я во Святой град на поклонение Святому Кресту. Поклонившись, уже на выходе, вижу одного брата, стоящего при входе в храм. Два ворона смело летали перед лицом его, препятствуя войти в храм. Поняв, что это демоны, я говорю ему: «Брат, зачем стоишь ты и не идешь в храм?» «Прости, отче, — отвечал он, — я борюсь с помыслами. Один внушает мне: войди, поклонись Святому Кресту, а другой говорит: нет, ступай назад и исполни свое дело. В другой раз поклонишься». Услышав это, я взял его за руку и ввел в храм. Вороны тотчас улетели. Заставив его поклониться Святому Кресту и Святому Христову Воскресению, я отпустил его с миром» (102, 127).

***

Однажды преподобный Пимен пошел к некоему старцу с намерением вопросить о трех помыслах. Придя к нему, он забыл один из помыслов. После беседы со старцем Пимен возвратился к своей келье; но только он взялся за ключ, чтобы открыть дверь, как вспомнил то, о чем забыл спросить. Оставив ключ в замке, он снова пошел к старцу. На вопрос: почему он так скоро вернулся? — Пимен ответил: «Я взялся за ключ, чтобы открыть келью, и вспомнил о забытом помысле, и, не отворив ее, возвратился». Расстояние между кельями было значительным. Старец

сказал ему: «Ты пастырь ангелов, имя твое прославится во всей земле Египетской» (106, 318).

***

Поведал авва Евстафий: «Живя в мире, я никогда не вкушал пищи прежде захождения солнца. Когда я сидел в лавке, книга не выходила из рук моих; рабы мои продавали и принимали товар, а я непрестанно упражнялся в чтении. По средам и пятницам я раздавал милостыню нищим. Когда начинался звон, я спешил в церковь, и никто прежде меня не приходил в нее. Когда я выходил из церкви, то приглашал с собой бывших тут убогих в дом мой, и они разделяли со мной трапезу. Когда я стоял в церкви, на всенощном бдении, никогда не вздремнулось мне, и признавал я себя великим подвижником. Все прославляли и почитали меня.

Но когда умер мой сын, вельможи города пришли ко мне, чтобы утешить меня, но я не мог утешиться. От великой скорби я впал в болезнь и был близок к смерти. По прошествии семи месяцев едва поправился. Провел я в доме моем после этого еще четыре года, подвизался по силе моей и не прикасался к жене моей: я жил с ней, как с сестрой. Когда же случалось мне видеть монаха из Скита, я приглашал его в дом мой вкусить со мной хлеба. У этих монахов я расспрашивал о чудесах, совершаемых святыми отцами, и мало-помалу пришло ко мне желание монашества.

Жену мою я отвел в женский монастырь, а сам пошел в Скит к авве Иоанну, с которым был знаком. Он постриг меня в монашество. Кроме меня было у него еще двое учеников. Все, видя меня особенно усердным к церкви, уважали меня. Провел я в Ските около пяти месяцев, и начал очень беспокоить меня блудный бес, принося мне

воспоминания не только жены моей, но и рабынь, которых я имел в доме моем. Не было мне отдыха от брани ни на час. На святого старца я смотрел, как на диавола, и святые слова его казались мне уязвляющими меня стрелами. Когда я стоял в церкви на бдении, то не мог открыть глаз от сна, овладевавшего мной, так что не однажды приходил я в отчаяние. Борол меня и бес чревоугодия, борол до того, что я часто крал остатки хлеба, ел и пил тайно. Что говорить много! Помышления мои настраивали меня выйти из Скита и бежать на восток, поселиться в городе, в котором никто не знает меня, там предаться любодеянию или жениться. Старец, видя изменение во мне, ежедневно увещевал меня, говоря: «Сын мой, лукавые помыслы нападают на тебя и смущают душу твою, и ты не исповедуешь мне их». Но я отвечал ему: «Отец! у меня нет никаких помыслов, но я размышляю о грехах моих и скорблю о них». Обуреваемый такими сквернымі и лукавыми помыслами, провел я пятнадцать месяцев. Однажды, накануне воскресного дня, увидел я во сне, что нахожусь в Александрии, прихожу поклониться святому апостолу и евангелисту Марку. Внезапно встретило меня множество эфиопов. Они схватили меня и, окружив, разделились как бы на два лика. Они принесли мне черную змею, связали ею мои руки, а другую змею свернули в кольцо и накинули мне на шею, еще других змей положили на мои плечи, а они прицепились к ушам моим, также змеею препоясали меня, по чреслам моим. Потом привели женщин эфиоплянок, которых я имел некогда в дому моем, и начали они целовать меня и плевать мне в лицо. Нестерпим был для меня смрад их! Змеи начали есть ноги мои, лицо и глаза, а эфиопы, стоявшие вокруг меня, отворили уста мои и влагали в них огненной ложкой нечто, говоря: «Ешь и насыться». Также они принесли чашу, говоря: «Подайте

вина и воды и напоите его». И напоили они меня горящей смолой, смешанной с серой. После этого они начали меня бить огненными жезлами, говоря: «Отведем его в город Едесса и надругаемся над ним и там». Находясь в таком бедствии, я увидел двух светоносных мужей необычайной красоты: они выходили из церкви святого Марка. Эфиопы, увидев их, убежали, а я начал взывать к ним: «Помилуйте меня!» Они спросили: «Что случилось с тобой?» «Я шел в церковь поклониться святому Марку и попал на разбойников, — отвечал я. — Вот, вы видите, что они сделали со мной». Один из светоносных мужей сказал мне на это: «И хорошо, что сделали, с тобой следует поступить еще хуже. Но никто не может разрешить тебя от этих уз, кроме аввы Иоанна, у которого ты живешь и от которого отлучен твоим неверием». Затем светоносные мужи оставили меня и ушли, а я начал взывать к ним: «Заклинаю вас Единосущной Троицей! Помилуйте меня!» Когда я кричал таким образом, пришли два брата и разбудили меня. Я был облит слезами. Встав, я поспешил к авве Иоанну, припал к святым ногам его и раскаялся, рассказав ему по порядку все виденное мной. Старец сказал мне: «Эфиопы суть бесы, змеи — скверные помыслы, которых ты не исповедуешь мне; огненная змея — брань беса блудного; жены эфиоплянки суть помышления лукавые, обольщающие и вместе губящие тебя; снедающая тебя змея есть злоречие; огненная лжица, отверзшая твои уста, суть бесы осуждения; чаша, которой напоили тебя, есть душевное расположение твое, происходившее от принятых лукавых помыслов, и то отвращение, которое ты ощущал ко мне и к братии; смолой и серой означается тот хлеб и та вода, которые ты ел и пил украдкой, тайно. Знай, сын мой, что добродетели, которые ты совершал в мире, смешаны были с возношением и гордостью. Твои бдения, твое пощение,

твое неопустительное хождение в церковь, милостыни, которые ты раздавал, — все это делалось под влиянием похвалы человеческой. По этой причине и диавол тогда не хотел нападать на тебя. Ныне же, увидев, что ты вооружился на него, и он восстал на тебя. На будущее время завещаю тебе, сын мой, когда в себе имеешь смущение, бурю от лукавых помыслов, скажи об этом мне, отцу твоему, или братиям, которые живут с тобой, и уповай на Бога, что помогу тебе, как помог многим». Сделав это наставление, старец отпустил меня в мою келью. С этого времени я начал открывать мои помышления и уже пребывал во всяком покое» (106, 118—121).

***

В Фиваиде один старец безмолвствовал в вертепе. У него был ученик подвижник. Старец имел обычай по вечерам поучать ученика и делать ему душеполезные наставления; после наставления он молился и отпускал ученика спать. Случилось, что их посетили благочестивые миряне, которым было известно великое воздержание старца, получив от него утешение, они ушли. Вечером старец, как обычно, поучал и наставлял брата. Во время беседы напал на него сон, а брат стоял, ожидая, когда старец проснется и сотворит молитву над ним. Старец не просыпался. Ученик, сидя долго, хотел было потихоньку уйти и лечь спать; но он понудил себя, противостав помышлению, и остался. После этого сон начал склонять его, но он не ушел. До семи раз смущал его помысл уйти, но он твердо противостоял ему. После полуночи проснулся старец и, увидев ученика сидящим близ себя, спросил: «Отчего ты до сих пор не ушел?» Ученик отвечал: «Оттого, отец, что ты не отпустил меня». — «Почему ты не разбудил меня?» — «Я не посмел нарушить твой сон». Они встали и начали

служить утреню; по окончании утрени старец отпустил ученика. Оставшись один, старец пришел в исступление. И вот некто показывает ему место прославленное, трон и над троном семь венцов. Старец спросил: «Кому все это принадлежит?» Ответ был: «Ученику твоему даровал Бог и место это, и трон за его жительство, семь же венцов он заслужил в эту ночь». Услышав это, старец удивился, с трепетом позвал ученика и спросил: «Скажи мне, что сделал ты этой ночью?» Он отвечал: «Прости меня, отец! Я ничего не сделал». Старец, думая, что он не говорит по смирению, сказал: «Поверь, я не успокоюсь, если не скажешь мне, что ты сделал или что помышлял ты ночью». Брат, не зная за собой никакого дела, не находил, что сказать, и потому отвечал старцу: «Прости меня, отец! Я ничего не сделал, разве только то, что до семи раз был склоняем помышлениями уйти и лечь спать, но не пошел, потому что не был отпущен тобою по обычаю». Старец, услышав это, тотчас понял, что ученик столько раз был увенчан Богом, сколько раз противился помышлениям. Он ничего из виденного не возвестил брату, чтобы не нанести ему вреда, но поведал это духовным отцам. Научимся, что за победу и над малыми помышлениями Бог венчает нас. Благо человеку понуждать себя ради Бога во всяком деле: *Царствие Небесное нудится и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12) (106, 495—496).

***

Когда однажды авва Антоний Новый в полуденный час сидел и очищал одежду свою от нечистот, приступили к нему бесовские помыслы и возмутили его: вспомнилось ему пустынное, вернее же самочинное жительство, и пришла на ум мысль покинуть училище послушания. Он отвечал им: «Когда я жил в пустыне и безмолвии, вы го-

ворили мне, что этот подвиг не приносит никакой душевной пользы. Когда же я пришел сюда, вы ублажаете и похваляете мой прежний подвиг безмолвия, желая отнять у меня венец, доставляемый послушанием». Колеблемый этими помышлениями, причинявшими ему скорбь, Антоний мужественно терпел бесовскую напасть... (106, 75).

***

Некоторый старец подвергся тяжкому искушению от помыслов, которое продолжалось десять лет. Он пришел уже в отчаяние и говорил сам себе: «Погубил я душу мою; как решительно погибший, возвращусь в мир!» Когда он покинул свою келью, то услышал голос: «Десятью годами борьбы твоей ты уже увенчан. Возвратись на место свое: Я избавлю тебя от всякого злого помышления». Он тотчас вернулся и пребыл в начатом монашеском подвиге. Не должно отчаиваться при нашествии помыслов. Если противимся ревностно помыслам, то борьба с ними сплетает нам светлейшие венцы (106, 465).

***

«В день открытия мощей преподобного Серафима Саровского, — рассказывал о себе архимандрит Кронид, — я, придя от ранней Литургии, в скорби от обуреваемых помыслов забылся в полудремоте. Дальше даже не могу дать себе отчет, в полусне это было или наяву, только вижу, как от входной двери моей кельи подходит ко мне преподобный Серафим. Я упал перед ним на колени и в плаче и рыдании стал просить его: «Помоги мне, угодник Божий, избавиться от мучающих меня помыслов». И слышу в ответ его ласковый отеческий голос: «Веруй несомненно в Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Хрис-

та, пришедшего в мир спасти страждущих. Читай Святое Евангелие ежедневно, будь кроток и смирен и обрящешь покой душе своей».

Придя в себя после этих слов утешения, я ощутил великую радость. После того явления не скажу, чтобы помыслы исчезли, но я укрепился в борьбе с ними и уже не смущался от них, как прежде» (114, 140).

***

Святая Екатерина Синайская продолжительное время была смущаема хульными и сквернымн помыслами. Когда же явившийся ей Господь отогнал от нее бесов, она возопила к Нему: «Где был доселе, о сладкий мой Иисусе?» Отвечал Господь: «В сердце твоем был». Она же сказала: «И как могло это быть, когда мое сердце было исполнено мыслями скверными?» Отвечал же Господь: «А потому разумей, что был в сердце твоем, что ты ни единого любления не имела к нечистым мыслям, но старалась их отвергать, и, не имея сил, болезновала, и этим сотворила Мне место в сердце твоем» (120, 161).

***

Брат, будучи возмущаем демонами хулы, пошел к авве Пимену с намерением открыть свой помысл. Однако, ничего не сказав старцу, возвратился. Видя опять, что этот злой дух сильно возмущает его, снова пошел к старцу, но, стыдясь открыться ему, воротился, ничего не сказав. И так поступал он несколько раз. Старец знал, что брат мучается помыслами, но стыдится исповедать их. И когда брат опять пришел к нему и ничего не сказал, авва Пимен обратился к нему: «Что с тобой, брат? Ты уходишь, ничего не сказав мне?» Брат отвечал: «Что я могу сказать тебе,

отец?» Старец говорит: «Я чувствую, что тебя борют помыслы, но ты не хочешь открыться мне, опасаясь, чтобы я не пересказал их кому. Поверь мне, брат: как эта стена не может говорить, так и я никому не открываю чужого помысла». Ободрившись, брат сказал старцу: «Отче, я нахожусь в опасности погибнуть от духа хулы; ибо он старается убедить меня, что нет Бога, чего не допускают и не думают даже язычники». «Не возмущайся этим помыслом, — отвечал старец, — ибо плотские брани хотя приключаются нам часто от нерадения нашего, но этот помысл находит на нас не от нашего нерадения, но есть наваждение самого змия. Потому, когда приходит к тебе сей помысл, встань и молись, и, оградив себя крестным знамением, говори в себе, как бы самому врагу: «Анафема тебе и наваждению твоему, твоя хула да будет на тебе, сатана, сам я верую, что есть Бог, промышляющий о всем, а этот помысл не от меня происходит, но от тебя, зложелателя. И я верую, — заключил старец, — что Бог избавит тебя от такой скорби». Выйдя от старца, брат удалился и поступил по его наставлению. Демон, увидя, что умысел его обнаружен, отступил от него, по благодати Божией (98, 209—211).

***

«Однажды вечером, за всенощной в храме Зосимы и Савватия, — рассказывал архимандрит Кронид, — вдруг неожиданно пронеслась в моей голове страшная, ужасная мысль неверия, сомнения и богохульства. Это совершилось так мгновенно и внезапно, что, подобно молнии, обожгло меня адским огнем. Затем помыслы этого рода полились сплошной рекой в моем сознании. Я онемел от страха и ужаса. В моей душе совершилось что-то неописуемое и

непостижимое, ужасное и страшное. По приходе из храма в келью помыслы не оставляли меня. Воистину эти страдания были неземные. Я лишился пищи и сна.

После этого проходят дни, недели, месяц, проходит год, два, три, четыре, а адские мысли непроизвольно текут и продолжают преследовать меня. Я не находил нигде себе места успокоения от тоски и печали и даже в отчаянии, грешный, просил у Господа смерти. Эта мысленная брань была неописуема тяжка. Представьте себе состояние боримого, когда два мира внутри его: один мир светлый — веры и надежды на Бога и пламенного желания спасения, а другой — мир темный, внушающий одни только пагубные и богохульные мысли и неверие. Нестерпимая брань особенно посещала меня во время совершения Божественной литургии. Когда я предстоял престолу Божию перед Святейшим Святых и низводя молитвой действие Святаго Духа, Пресуществителя Святых Даров, в этот же самый момент меня продолжали мысленно насиловать скверные помыслы неверия и сомнения. Оттого моим покаянным слезам не было предела. Даже иеродиакон Ионафан, сослуживший мне, видя мой горький плач, приписал мне повреждение ума. Но он, конечно, так думал по неведению. Он не знал, что совершается в глубине моей души. Единственным моим утешением и радостью было в свободные минуты читать житие Нифонта Кипрского Чудотворца, который сам страдал подобными мыслями в течение четырех лет... Пагубные мысли нападали на меня с особой силой под великие и двунадесятые праздники. От всего этого мои нервы были расстроены: мысли уныния и отчаяния преследовали меня всюду. Теряя самообладание, я принужден был прятать от самого себя ножи, вилки, бечевки и всякие другие вещи и орудия, содействующие са-

моубийству. Не хватает у меня слов описать все и слез оплакать ужасы и страдания, перенесенные мной. Были моменты, когда я ночью, бессильный владеть собой, выскакивал из кельи, шел к собору, бегал вокруг него, плакал навзрыд и не мог дождаться минуты, пока откроют собор и я смогу у раки преподобного Сергия выплакать свою скорбь и невыносимые тяготы. Вспоминаю я теперь слова подвижников: «Ищи себе старца и руководителя не столько святого, сколько опытного в духовной жизни». И этот совет мне пришлось испытать на самом себе. Когда в своих великих страданиях я обратился к одному духовному ученому лицу и поведал ему свою мысленную скорбь, он выслушал меня и сказал: «Что ты, Господь с тобой, разве можно допускать такие мысли?» Вышел я от него, непонятый им, ни жив ни мертв от безысходной печали. Всю ночь не спал. Утром я отправился в живописный класс, а по пути зашел к заведующему мастерской иеромонаху Михею. Он, увидев меня, с удивлением воскликнул: «Отец Кронид! Что случилось?.. Тебя узнать невозможно! Лицо какое-то особенно страдальческое, исполнено печали, что невольно выдает твои душевные муки. Говори, что с тобой?» Тогда я ему поведал о всех своих внутренних скорбях и мыслях. Он со слезами на глазах выслушал меня и с особым чувством сострадания и христианской любви, как бы сам переживая со мной мои муки, сказал мне: «Успокойся, отец Кронид. Это великая брань, наносимая врагом, бывает со многими людьми. И мы с тобой не первые. Многие, очень многие страдают ею. Я и сам страдал этой бранью семь лет и дошел до такого состояния, что однажды, придя в Успенский собор к вечерни, от мыслей неверия, богохульства даже не смог там оставаться. Выбежав из храма, я направился в келью своего духовного отца

иеромонаха Авраамия, при этом весь дрожал и сказать ничего не мог. Старец несколько раз спрашивал меня: «Что с тобой, что с тобой, скажи мне?» После обильных слез я только смог вымолвить: «Батюшка, я погибаю!» Тогда старец говорит мне: «Ты ведь не услаждаешься этими мыслями и не соизволяешь на них? Что же ты так нестерпимо тревожишься? Успокойся! Господь видит твои душевные мучения, и Он тебе во всем поможет». Потом прочитал надо мной разрешительную молитву, благословил и отпустил меня с миром, и с того дня, при помощи Божией, помыслы эти совершенно исчезли. А иногда они изредка появляются, но я не придаю им значения, они исчезают, и я быстро успокаиваюсь».

Слова отца Михея, как драгоценный бальзам, пролились на мою душу, и я с того времени получил значительное ослабление в мысленной брани» (114, 79—83).

ПОНОШЕНИЕ

Глава Его <Христа> была уязвлена терновым венцом за нас, дабы мы с самоукорением переносили все поношения без смущения (прп. авва Исаия, 59, 73).

***

...Поношение и уничижение от людей ради Господа много способствует к очищению грехов (прп. Ефрем Сирин, 31, 188).

***

...Имеющему ум стыдно не слушать поношающего, но на сказанное отвечать (свт. Григорий Нисский, 23, 14).

***

...Когда кто станет поносить тебя, помысли о том наказании, которому он подлежит, — и не только не будешь гневаться, но и прольешь слезы (свт. Иоанн Златоуст, 51, 320).

***

Если же ты, подвергшись поношению, станешь огорчаться, то через это будешь поносить сам себя, потому что заставишь думать, что сказанное о тебе справедливо (свт. Иоанн Златоуст, 51, 320).

***

Если поносит тебя кто — не ожесточайся, но плачь и стенай не о том, что тебя поносят, но о грехе, который подверг тебя такому бесчестию (свт. Иоанн Златоуст, 53, 512).

***

Того ли домогаешься, чтобы Бога иметь тебе помощником? Смотри: помогал ли сам нуждающемуся, когда имел к тому возможность? Просишь ли у Него приложить тебе и богатство? Всмотрись, во благо ли распоряжался тем, что имеешь? Желаешь ли, чтобы Бог соделался благосклонным к тебе Судиею? Будь непамятозлобив ко врагам. Хочешь ли пользоваться Его человеколюбием? Сам будь снисходителен к подчиненным. Хорошо улучать спасение как воздаяние и дом, а не всякий раз, как милость, что свойственно неблагодарному (прп. Исидор Пелусиот, 60, 221).

***

Поношение человеческое причиняет скорбь сердцу, но бывает причиною чистоты для того, кто его переносит (прп. Марк Подвижник, 89, 524).

***

Мы... в каждом деле устремляемся на ближнего, порицая и укоряя его, как нерадивого и не по совести поступающего. Как только услышим хотя (одно) слово, тотчас перетолковываем его, говоря: если бы он не хотел смутить меня, то он не сказал бы этого. Где пророк Давид, который сказал о Семее: *Оставите его, и тако да проклинает, яко Господь рече ему проклинати Давида* (2 Цар. 16, 10). Мужу ли убийце говорил Бог, чтобы он проклинал пророка? Как, ужели Господь сказал ему (сие)? Но пророк, имея разум (духовный) и зная, что милости Божией ничто так не привлекает на душу, как искушения, и особенно наносимые и налагаемые во время скорби и нужды, сказал: *Оставите его проклинати Давида, яко Господь рече ему*. Для чего? *Негли призрит Господь на смирение мое, и возвратит ми благая вместо клятвы его* (2 Цар. 16, 12). Видишь ли, как разумно поступал пророк? Посему-то он и остановил хотевших отомстить проклинающему... Мы же не хотим сказать о брате нашем, что Господь ему сказал, но если услышим (оскорбительное) слово, то поступаем подобно собаке, в которую когда кто-нибудь бросит камнем, то она оставляет бросившего и бежит грызть камень. Так делаем и мы: оставляем Бога, попускающего напастям находить на нас к очищению грехов наших, и обращаемся на ближнего, говоря: зачем он мне это сказал? зачем он мне это сделал? И тогда как мы могли бы получать большую пользу от подобных (случаев), мы делаем противное, и вредим сами себе, не разумея, что Промыслом Божиим все устраивается на пользу каждого (прп. авва Дорофей, 26, 97—98).

***

Поношение есть... омовение душевных страстей... известно, что некоторые люди в мире, осыпавши кого-нибудь

ругательными словами в лицо, говорят: «Я такого-то хорошо омыл» (прп. Иоанн Лествичник, 57, 92).

***

...Поношение и посрамление падают на того, кто изрыгает их, а кто бесстрастно принимает их, тому принадлежит победа... (прп. Феодор Студит, 92, 100).

ПОПЕЧЕНИЯ

Воздерживайся от многих попечений, и никогда не согрешишь (св. Ерм, 94, 204).

***

Как никто не может смотреть одним глазом на небо, а другим на землю, так и ум не может вместе соединить попечение о Божественном и мирском (прп. авва Исаия, 59, 78).

***

Да не будет для нас сладостным мирское попечение, чтобы не испытать нам горечи вечного огня и червя неусыпающего! (прп. Ефрем Сирин, 30, 55).

***

...Возлюбленные, уготовьте сердца свои к принятию Евангелия, и да не подавляет ума вашего многое попечение о житейском (прп. Ефрем Сирин, 30, 67).

***

Обрежь пальму, и даст побеги вверх: очисти душу от житейских попечений, и возрастет в добродетели (прп. Ефрем Сирин, 30, 137).

***

...У кого попечение о большом добре, того большему искушению подвергает лукавый... (прп. Макарий Египетский, 67, 373).

***

Для чего не столько же, как о теле видимом, заботимся и о душе бестелесной и невидимой, тогда как попечение о ней не только удобно и лѐгко, но и не требует издержек и никакого труда? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 198).

***

...*Не пещись* (ср.: Лк. 12, 22) не значит не трудиться, но — не привязываться к вещам житейским, т. е. не заботиться о покое на завтра, но считать эту заботу излишней. Можно и трудиться... и ни о чем не пещись. Попечение и труд — не одно и то же (свт. Иоанн Златоуст, 51, 290).

***

Мы нуждаемся... в тройном <попечении>: в одном — чтобы нам быть свободными от порочности, в другом — чтобы приобрести себе добродетель; а после этого — чтобы соблюсти приобретенную; здесь даже больше всего нужно

труда, потому что тот лукавый демон, завидуя и нашей красоте, больше нападает на преуспевших (свт. Иоанн Златоуст, 55, 302).

***

Может ходить и тот, кто связан узами житейских дел и попечений, но неудобно; ибо часто и те ходят, у которых железные оковы на ногах, но они много претыкаются и получают от этого язвы (прп. Иоанн Лествичник, 57, 7).

***

Кто истинно возлюбил Господа, кто истинно желает и ищет будущего Царствия, кто имеет истинную скорбь о грехах своих, кто поистине стяжал память о вечном мучении и Страшном Суде, кто истинно страшится своего исхода из сей жизни, тот не возлюбит уже ничего временного, уже не позаботится и не попечется ни об имениях и приобретениях, ни о родителях, ни о славе мира сего, ни о друзьях, ни о братьях; словом, ни о чем земном; но, отложив все мирское и всякое о нем попечение, еще же, и прежде всего, возненавидев самую плоть свою, наг и без попечений и лености последует Христу, непрестанно взирая на небо и оттуда ожидая себе помощи, по слову святого, сказавшего: *прильпе душа моя по Тебе...* (Пс. 62, 9); и по изречению иного приснопамятного: *аз же не утрудихся, последуяй Тебе, и дне,* или покоя *человеча не пожелах,* Господи (ср.: Иер. 17, 16) (прп. Иоанн Лествичник, 57, 10).

****

Поведал о себе авва Виссарион. По посещении святого града Иерусалима и встречи со святым старцем Герасимом

возгорелся я ревностию по христианской жизни и монашеству. Расточив все имение свое, оставил я только один участок земли, чтобы отдать его в женский монастырь. Но прежде пошел к Исидору Пелусиотскому и поведал о намерении моем отдать землю монастырю. Между тем один из сенаторов предлагал мне за этот участок семьдесят фунтов золота; продать и ему или нет? Старец отвечал: «Если имение стоит семьдесят фунтов, то отдай его за пятьдесят, пожертвуй постницам, — и будешь иметь великую награду от Бога и от человеков. Если же отдашь им имение, то ввергнешь их в молвы, в нерадение и леность; расстройство может дойти до распутства; словом сказать, ты ввергнешь их в погибельную пропасть». Я не обратил внимания на наставления старца и поступил по своему усмотрению, отдал село монахиням. Потом поместился в скит, провел в нем 16 месяцев, и увидел себя в сонном видении ночью в Вифлееме на молитве. Церковь была исполнена света, там находились мужи, певшие святолепную песнь, и Жена, красоты неизреченной. Меня объял страх, и я захотел уйти оттуда. Но один из мужей сказал мне грозным голосом: «Скажи мне, Евсевий, какой же ты дашь ответ о женском монастыре, которому ты отдал имение и тем прогневал Господа Бога? Я поражу тебя смертью, если не исправишь поврежденного тобой». Я сказал ему: «Господин! Я отдал имение с рабами и чередами волов с целью оказать вспоможение монахиням, а не с тем, чтобы прогневать Бога». Тогда облеченная в багряницу Жена отверзла уста и сказала мне: «Чадо! Бог приял твое благое произволение, но диавол, ненавистник душ наших, нашел в этом деле повод, чтобы уязвить души и тела монахинь. Если б было полезно монахиням имение, то Бог мог бы послать им серебро и золото проливным дождем и покорить в услужение города и села. Но это не полезно для

отрекшихся от мира ради Царствия Небесного. Они должны во многом поте и труде, в смиренномудрии и безмолвии приближаться к Богу, а не в чревообъядении, тщеславии и богатстве». Потом, простерши руку, Она указала мне на того, кто прежде беседовал со мной: это — Иоанн Креститель, учитель и наставник монахов. Креститель сказал: «Госпожа и Матерь Господня! С тех пор как человек этот передал имение свое постницам, монастырь сделался никуда не годным. В нем не стало ни страха Божия, ни трезвения, ни рассуждения, ни умиления, ни труда, ни скромности, ни поста, ни бдения, ни сердечного сокрушения, ни истязания помыслов, ни чистоты, ни кротости».

Проснувшись и придя в себя, я взял посох, немного хлеба и пошел к авве Исидору, и пересказал ему о бывшем мне видении. Старец сказал: «Не говорил ли я тебе, что владение землею, на которой устроено хозяйство, вредно для иноков, в особенности для инокинь. Если начнут приходить мужчины, чего требует хозяйство, то диавол не оставит тех и других без язвы. Несвойственно монахам, в особенности же монахиням, прилепляться к земным попечениям»... Так хотящий подавать милостыню монахам и монахиням да подает им или хлеб, или крупу, или деньги, или шерсть, или лен. Такая милостыня позволяет иноку безмятежно безмолвствовать в келье, она есть милостыня, совершенная и благоприятная Богу (106, 80—82).

***

...Брат сказал старцу: «Если я получаю откуда-либо нужное мне, в таком случае велишь ли ты мне заниматься рукоделием?» Старец ответил: «Если имеешь откуда-либо нужное тебе, то и в таком случае не оставляй рукоделия

твоего; делай, сколько можешь, только не вдаваясь душой в попечение» (106, 386).

ПОРОК

Горе нам, что диавол уловляет нас сластолюбием, болезнями, нуждами и всеми кознями своими: однако мы не хотим оставить своих пороков (прп. авва Исаия, 59, 195).

***

Хотя все пороки имеют между собой связь, выходя из одного и того же сердца; однако же, при оправдании в преступлении, не имеют они между собой ничего общего (свт. Афанасий Великий, 2, 24).

***

...<Порок> — это лукавое и противное Христовой заповеди употребление того, что дано нам Богом для доброй цели... (свт. Василий Великий, 9, 83).

***

...Порок есть не что иное, как оскудение добродетели (свт. Василий Великий, 9, 331).

***

...Душа, как скоро привыкнет к отступничеству, наполняется сильной невоздержностию, любостяжательностию, ненасытностию, лживостию и всяким злонравием, и наконец, погружаясь в крайнее зло, низвергается в бездну порока (свт. Василий Великий, 9, 369).

***

Как порог в реке обращает в другую сторону стремление вод, так порок отвращает ведение от сердца (прп. Ефрем Сирин, 30, 157).

***

Не трудно дойти до порока, но страшно и тяжело пребывать в том же пороке (прп. Ефрем Сирин, 30, 190).

***

Порок, когда следуют за ним, чернит своих делателей, а добродетель, когда упражняются в ней, преуспевших делает светлыми (прп. Ефрем Сирин, 30, 412).

***

Порок ослепляет разум, а покаяние, возжегши светильник, издали указует ему Бога (прп. Ефрем Сирин, 32, 155).

***

Желаешь ли преодолеть в себе порок — преодолеешь смирением (прп. Ефрем Сирин, 33, 119).

***

Если осуждается порок в нас, полезно это нашей душе. Если же осужден будет в других, принесет эту пользу членам нашим. И подавлен он будет и здесь, и там... Если никто не преследует порока, то растет его наглость, и у всякого он уже во вратах (прп. Ефрем Сирин, 34, 303).

***

...Порок есть дело удобно возбуждающее к соревнованию и без труда исполняемое... всего легче сделаться порочным, хотя бы никто нас в том не руководствовал (свт. Григорий Богослов, 12, 23—24).

***

...Порок... есть нечто неподводимое под правила, и у человека нет средств делать злых добрыми (свт. Григорий Богослов, 12, 109).

***

Избегать порочной жизни могут и худые люди; потому что открытый порок для многих ненавистен (свт. Григорий Богослов, 15, 315).

***

Добродетельному стыдно быть защитником порочных; это почти то же, что собственною ногою стать на стезю порока (свт. Григорий Богослов, 15, 362).

***

Человек не вдруг умирает с голода; но для порочных худая жизнь есть смерть (свт. Григорий Богослов, 16, 205).

***

Если же говоришь, что противная сила крепче, и порок вполне царствует над человеком, то обвиняешь в несправедливости Бога... (прп. Макарий Египетский, 67, 21).

***

...Части порока так же между собой связаны, как на доброй стороне связаны между собой и одни от других зависят добродетели (прп. Макарий Египетский, 67, 268).

***

Привыкшие к обольщениям порока, когда слышат о Боге, как бы обеспокоенные неприятной беседой, огорчаются в уме (прп. Макарий Египетский, 67, 293).

***

...Смерть диаволу, если порок не приведен в исполнение и бездейственен (прп. Макарий Египетский, 67, 335).

***

Порок ласкает и манит душевную волю мирскими пожеланиями и плотскими удовольствиями (прп. Макарий Египетский, 67, 399).

***

Душа, сподобившаяся вместить в себе силу свыше и оный Божественный огнь, имея в членах своих сраствореннyю любовь небесного благого Духа, совершенно отрешается от уз порока (прп. Макарий Египетский, 67, 408).

***

Хотя порок пребывает в самом естестве, однако же преобладает там только, где находит себе пажить (прп. Макарий Египетский, 89, 247).

***

...Когда дар Божий и благодать приумножаются в человеке и богатеет он в Господа, тогда порок, хотя отчасти и остается в человеке, не может вредить ему и не имеет никакой над ним силы, или никакой в нем доли (прп. Макарий Египетский, 89, 247—248).

***

...Все, происшедшее от скотского бессловесия и взятое в отдельности, при худом употреблении ума стало пороком; как и наоборот, если рассудок восприимет власть над таковыми движениями, то каждое из них превратится в вид добродетели. Так раздражительность производит мужество, робость — осторожность, страх — благопокорность, ненависть — отвращение от порока, сила любви — вожделение истинно прекрасного, а величавость нрава возвышает над страстями, и образ мыслей сохраняет непорабощенным злу. Такой вид возношения духа похваляет и великий Апостол, повелевая постоянно ***мудрствовать горняя*** (ср.: Кол. 3, 2). Так можно найти, что всякое таковое движение, возносимое возвышенностью мысли, сообразуется с красотою того, что по образу Божию. Но поелику есть какая-то тяжелая и вниз стремящаяся наклонность греха, то чаще бывает иное; ибо тяжестью бессловесного естества более увлекается вниз владычественное души, нежели сколько тяжелое и перстное возносится вверх возвышенностью мысли. Посему нередко окаянство наше делает, что не узнаем Божия дара; потому что плотские страсти налагаются, подобно гнусной личине, на красоту того, что по образу <Божиему> (свт. Григорий Нисский, 18, 151—152).

***

...Не имел бы и силы порок, не прикрашенный ничем хорошим, привлекающим обольщаемого к пожеланию (свт. Григорий Нисский, 18, 157).

***

...Порок не столько могуществен, чтобы превозмогать ему добрую силу, и безрассудство естества нашего не выше и не тверже Божественной премудрости. Да и невозможно превратному и изменяемому быть сильнее и постояннее того, что всегда то же и водружено в добре. Совет же Божий всегда и непременно непреложен, а нашей природы превратность нетверда даже и во зле (свт. Григорий Нисский, 18, 160—161).

***

...Так как порок не простирается в беспредельность, но ограничен необходимыми пределами, то по сему самому за пределом зла следует преемство добра; а таким образом... всегдашняя подвижность нашей природы опять, наконец, возвращается на добрый путь, припамятованием прежних несчастий уцеломудреваемая не отдаваться снова в плен подобным бедствиям. Поэтому нам снова будет возможно течение на поприще добра, потому что порок по природе своей ограничен необходимыми пределами (свт. Григорий Нисский, 18, 162).

***

Быть в Сущем значит быть действительно; но если что отпало от Сущего, то оно уже и не в бытии; потому что быть в пороке не значит в собственном смысле быть (свт. Григорий Нисский, 19, 52—53).

***

Вот верх благ, венец надежд, предел всякого блаженства — естеству не возмущаться более пороком... (свт. Григорий Нисский, 19, 54).

***

Как добродетель оставляет замечательные черты в жизни и в разумении, так и порок усматривается в том и другом (свт. Григорий Нисский, 19, 76).

***

...Порок не остается навсегда хранимым сам собою, но всякий раз бывает порождаем иным, когда благородное, бодрое, скорое и высоковыйное в нашем естестве ползается в вожделение сочетания с безгласным и бессловесным (свт. Григорий Нисский, 19, 142).

***

...Порочность не состоятельна сама по себе, но составляется лишением добра. А доброе всегда одинаково, и постоянно пребывает, и составляется без всякого предварительного лишения чего-нибудь. Умопредставляемое же противоположным доброму, в сущности, не существует. Ибо что не существует само по себе, то вовсе не существует. И порочность есть лишение Сущего, а не бытие (свт. Григорий Нисский, 19, 276—277).

***

...Расположенность к пороку приносит погибель любящему зло (свт. Григорий Нисский, 19, 343).

***

Если же, по твоему мнению, рачение о добром трудно, то сравни с противоположной жизнию, и найдешь, сколько труднее порок, если примешь во внимание не настоящее, но что будет после. Ибо кто услышал о геенне, тот уже не с трудом каким и усилием будет удаляться от греховных удовольствий; а напротив того, и одного страха, овладевшего помыслами, достаточно ему, чтобы изгнать из себя страсти (свт. Григорий Нисский, 19, 449).

***

...Если в жизни добродетельной напечатлеваются черты самого Божества, то явно, что жизнь порочная делается образом и лицом противника (свт. Григорий Нисский, 19, 450).

***

...По искоренении порока на его место вводится добродетель; а по преуспеянии в этом, мудрование плоти не восстает уже против духа, и не может восстать, потому что умерщвлена его сила противиться, но делается готовым ко всякому надлежащему служению, пребывая благопокорным и послушным владычеству духа. Ибо когда прогнан воитель — защитник порока, а на место его вошел ратоборец добродетели, облекшийся в броню правды и вооруженный мечом духовным, оградившийся защитительным вооружением — шлемом спасения, щитом веры, имеющий на себе всякое духовное вооружение (см.: Еф. 6, 14—17); тогда раб — тело боится своего господина и с готовностью принимает повеления преобладающего, по которым при служении тела преспевает добродетель (свт. Григорий Нисский, 20, 258).

***

Невозможно представить иного происхождения пороку, кроме отсутствия добродетели. Как за отъятием света последует мрак, а при свете его нет: так, пока в естестве добро, порок сам по себе неосуществим; удаление же лучшего делается происхождением противоположного (свт. Григорий Нисский, 21, 19).

***

...Господь внедрил в нас такое расположение к добродетели и такое отвращение от порока, что ее одобряют все и непричастные к ней, а порок осуждают и отвращающиеся от него и предающиеся ему (свт. Иоанн Златоуст, 44, 286).

***

...Зараженный... каким-нибудь пороком очень скоро отстанет от него и исцелится, если всегда будет ходить в церковь и постоянно слушать поучения; но кто прервал связь с этим собранием, уклонился от отеческого наставления и убежал из врачебницы, тот, хотя и кажется здоровым, скоро подвергнется болезни (свт. Иоанн Златоуст, 44, 670).

***

Будем заботиться о добродетели и избегать порока, потому что первая приносит пользу и живым, и отшедшим, а последний вредит с обеих сторон, подвергая их позору и уводя к вечным наказаниям (свт. Иоанн Златоуст, 45, 711).

***

...Неправое учение обыкновенно ведет за собой дурную жизнь, так и развратная жизнь часто производит неправые учения (свт. Иоанн Златоуст, 46, 241).

***

...От порочного и развратного (человека) все отвращаются и ненавидят, хотя бы он приобрел многий достаток (свт. Иоанн Златоуст, 46, 338).

***

...Вся порочность происходит от нашего легкомыслия, от того, что мы не с начала и не с первого возраста руководим детей к благочестию (свт. Иоанн Златоуст, 46, 340).

***

Худые навыки, усиливаясь с течением времени, производят такой вред, что люди, однажды предавшись разврату, уже не могут покориться никакому убеждению и, как пленники, влекутся туда, куда направляет их диавол. Он, наконец, управляет ими и делает те гибельные внушения, которым юноши с удовольствием следуют, имея в виду только настоящее услаждение и не думая о скорбях в будущем (свт. Иоанн Златоуст, 47, 643).

***

Так обыкновенно действует порок: всегда враждуя против добродетели, он свои преступления старается ей приписывать (свт. Иоанн Златоуст, 47, 669).

***

Порок доставляет кратковременное удовольствие и продолжительную скорбь, а добродетель — кратковременный труд и продолжительную пользу, а вместе удовольствие (свт. Иоанн Златоуст, 47, 813).

***

Как гной, скопившийся в светлом зрачке глаза, ослепляет и помрачает свет его, так и ум, занятый пороками, помрачается и ослепляется в душе нашей (свт. Иоанн Златоуст, 48, 24).

***

...Нет ничего хуже человека, преданного порокам, хотя бы он был царем; и напротив, нет ничего выше человека, стяжавшего добродетель, хотя бы он был узником (свт. Иоанн Златоуст, 48, 58).

***

Как гнилые раны очищаются горькими лекарствами, прижиганиями и отсечениями, так и пороки останавливаются наказанием (свт. Иоанн Златоуст, 48, 75).

***

Нет ничего бессильнее человека порочного; он побеждается собственным своим оружием; как железо гибнет от ржавчины и мех от моли, так и грешник от порока (свт. Иоанн Златоуст, 48, 122).

***

...Нет ничего ничтожнее и бессильнее порока, хотя бы он был окружен бесчисленным богатством, хотя бы имел великую внешнюю власть (свт. Иоанн Златоуст, 48, 313).

***

Что может быть несчастнее человека, живущего порочно, который, кроме того, что раболепствует имуществу, еще оскорбляется достоинствами других, славу других считает собственным наказанием, призывает суд сам на себя,

терзается своей совестью, мучится в своей душе, становится палачом для самого себя? (свт. Иоанн Златоуст, 48, 320—321).

***

...В самом пороке уже заключается наказание; ты сам, еще прежде наказания, причиняешь себе наказание, рождая зло в самом себе (свт. Иоанн Златоуст, 48, 367).

***

Как добродетель заключает в себе самой награду еще прежде венцов, так порок заключает в себе самом мучение еще прежде наказания (свт. Иоанн Златоуст, 48, 389).

***

Пусть никто не осуждает нас, что мы назвали человека порочного худшим дикого зверя. Зверь хотя не имеет кротости от природы, но легко может быть обманут и проявить себя тем, что он есть; а от человека, замышляющего зло и принимающего на себя различные виды, остеречься гораздо труднее, нежели от дикого зверя; часто он одевается шкурой овцы, а внутри скрывает волка; поэтому многие неосторожные и впадают в его сети (свт. Иоанн Златоуст, 48, 467—468).

***

Если кратковременный порок есть тяжкое зло, то какое прощение, какое оправдание могут иметь те, которые постоянно упражняются в нем и никогда не насыщаются? (свт. Иоанн Златоуст, 48, 471).

***

...Порочным пожеланиям не нужно дозволять рождаться, а зарождающиеся подавлять внутри и иссушать в самом корне (свт. Иоанн Златоуст, 48, 484).

***

...Природа сама в себе не заключает порока, но принимает его <по свободному произволению души>, увлекаясь беспечностью (свт. Иоанн Златоуст, 48, 488).

***

Непорочный есть тот, кто свободен от всякого преступления, скверны и нечистоты, не имеет никакого порока, беззакония и греха; он же и блаженный, потому что по отшествии из здешней жизни удостоится истинного блаженства, просветится светом Боговедения и вселится в покое и наслаждении вечной жизни, т. е. Царства Небесного... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 782—783).

***

Таков порок: он часто, еще не слыша обличения, тяготится самим присутствием людей, живущих честно (свт. Иоанн Златоуст, 49, 47).

***

(Человек), предавшийся неправым действиям, хотя бы был окружен тысячью стен, ничем не отличается от безоружного и незащищенного (свт. Иоанн Златоуст, 49, 179).

***

Если ты будешь иметь огонь порочного пожелания, то представь огонь тамошнего мучения, и твой огонь погаснет (свт. Иоанн Златоуст, 49, 583).

***

Памятование о таковых словах <о геенне>, как бы некоторое лекарство горькое, может истребить всякий порок, если оно будет постоянно жить в нашей душе (свт. Иоанн Златоуст, 49, 589).

***

Удовольствия порока кратковременны, а скорбь постоянна; от добродетели же, напротив, радость нескончаемая, а труд — только временный (свт. Иоанн Златоуст, 51, 235).

***

Если... бояться Бога значит иметь мудрость (см.: Притч. 1, 7), а порочный не имеет этого, то, без сомнения, он лишен мудрости; а лишенный истинной мудрости бессмысленнее всех (свт. Иоанн Златоуст, 51, 276).

***

Кто порочен по жизни, тот не может ни отказаться от развращенного учения, ни пребывать в здравой вере; не принимает все это по большой необходимости (свт. Иоанн Златоуст, 52, 42).

***

Порочная жизнь унижает догматы о воскресении, о бессмертии души, о суде и принимает много противного: судьбу, необходимость, неверие в Промысл. Душа, погрязшая в

многочисленных пороках, старается изобретать для себя подобного рода утешения, чтобы не скорбеть при мысли, что есть Суд и что нас ожидает воздаяние за добро и зло. Такая жизнь производит бесчисленное множество зол, делает людей зверями и даже бессмысленнее зверей; что есть в каждой породе зверей порознь, то она часто соединяет в одном человеке и низвращает все (свт. Иоанн Златоуст, 52, 412).

***

Я не думаю, чтобы можно было из живущих порочно найти хотя одного человека, который бы не держался какой-либо из многочисленных сатанинских мыслей, что есть судьба, что все происходит случайно и устрояется без порядка и рассуждения (свт. Иоанн Златоуст, 52, 412—413).

***

Таковы все люди порочные, сознающие за собой множество зол: они часто пробуждаются от сна с беспокойными мыслями, со смущенными глазами; все возбуждает в них подозрение, все приводит их в ужас, душа их исполнена тяжкого предчувствия и боязни, смущается и изнывает от страха и ужаса. Ничего не может быть бессильнее, ничего безумнее такой души; как беснующиеся не способны владеть собой, так и она собой не владеет. Как она может прийти в сознание, подвергшись такому омрачению? Между тем если бы она любила тишину и спокойствие, то могла бы познать свое благородство. Но когда ее возмущает и устрашает все: и сновидения, и слова, и действительные явления и подозрения, — то как она может прийти в самосознание, находясь в таком неспокойном и расстроенном состоянии? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 413).

***

Самое ужасное действие порока состоит в том, что впавшим в него он не дает видеть всю опасность собственной гибели; напротив, валяясь в грязи, они воображают, будто наслаждаются благоуханиями; потому-то они и не могут освободиться, а будучи полны червей, гордятся, точно украшены драгоценными каменьями. Они даже и не желают истребить их, но откармливают и разводят в самих себе до тех пор, пока не передадут их червям будущего века, так как здешние — приспешники будущих, а лучше — не только приспешники, но родоначальники тех, никогда не умирающих червей, по сказанному: ***червь их не умирает*** (Мк. 9, 44). Они-то возжигают и геенну, никогда не угасающую. Итак, чтобы этого не было и с нами, иссушим источник зол, угасим пещь, исторгнем снизу корень порока, так как, если худое дерево срубишь поверх земли, никакой не сделаешь пользы, потому что снизу останется корень порока, из которого опять пойдут худые отпрыски (свт. Иоанн Златоуст, 52, 613—614).

***

Если ты говоришь... о приятности порока, то скажи и о конце его: ведь он ведет к смерти, как добродетель руководит нас к жизни (свт. Иоанн Златоуст, 52, 630).

***

Когда овладевает душой порочное пожелание, тогда разумное око ее, помрачившись, подобно как телесные очи помрачаются облаком и тьмой, не может видеть ничего: ни пропасти, ни геенны, ни страха, и она, будучи, наконец, не в состоянии противиться силе пожелания, делает-

ся удобопреклонной ко греху; перед очами ее как бы воздвигается непроницаемая стена, которая не позволяет лучу правды просветить разум ее, потому что порочные помыслы, порождаемые пожеланием, со всех сторон окружают ее (свт. Иоанн Златоуст, 53, 104).

***

Когда ты поносишь кого-нибудь, это голос не души, но твоего гнева; когда срамословишь, то не она так говорит, но твое безрассудство; когда злословишь — это говорит ненависть; когда обманываешь — это дело любостяжания: все это не душе принадлежит... Эти пороки принадлежат прившедшим в душу страстям (свт. Иоанн Златоуст, 53, 530).

***

...Пороки противны природе, так что если они более господствуют над нами, то это... служит признаком большой с нашей стороны лености (свт. Иоанн Златоуст, 54, 19).

***

...Если ты имеешь много телесных преимуществ, а душевных не имеешь, то как же ты не хуже бессловесных? Представь себе кого-либо самого порочного, живущего в неге и изобилии: конь способнее его к войне, вепрь крепче, заяц быстрее, павлин красивее, лебедь благозвучнее, слон больше, орел зорче, все птицы богаче. Почему же ты достоин чести обладать бессловесными? По разуму... опять ты хуже их, потому что, когда ты, имея разум, бываешь глупее бессловесных, то лучше было бы, если б ты сначала не был разумным (свт. Иоанн Златоуст, 54, 287).

***

Порок есть тьма, есть смерть, есть ночь; (вследствие его) мы не видим того, что нужно, не делаем того, что должно (свт. Иоанн Златоуст, 54, 551).

***

...В пороке... за удовольствием следуют болезни и мучения, так что от этого само удовольствие пропадает (свт. Иоанн Златоуст, 54, 631).

***

...Человек порочный не только там, но и здесь несет наказание, постоянно живя в страхе, ни на кого не смея взглянуть с дерзновением, трепеща, бледнея, томясь (свт. Иоанн Златоуст, 54, 700).

***

...Когда сребролюбие, самолюбие и непокорность соединяются вместе, то чего еще недостает для совершенной погибели? Тогда все развращается и образуется огромное болото грехов (свт. Иоанн Златоуст, 54, 805).

***

Оставаясь порочным в старости, он <человек> показывает, что в юности он был таким не по неведению, не по неопытности, не по (молодому) возрасту, а по нерадению... Кто и в старости бесчинствует по-прежнему, то можно ли такому человеку и называться старцем, когда он не почитает даже своего возраста? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 73).

***

...Кто по собственной воле предается порокам, тот достоин не слез, а рыдания... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 192).

***

...Будем убегать от порока, избирать добродетель, чтобы прежде всего был милостив к нам Бог, а потом, чтобы и от геенны нам освободиться и насладиться вечных благ... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 341).

***

...Тех, кем не овладел еще порок, увещаю не поддаваться ему, — потому что легче остерегаться от впадения в порок, нежели после впадения освободиться от него, — а тем, кто уже пленен и сокрушен, возвещаю полную надежду на спасение, если только они пожелают поспешить обратиться к покаянию (свт. Иоанн Златоуст, 55, 498).

***

...Никто, пребывающий в пороке, пусть не отчаивается... потому что он может превзойти и совершенных (свт. Иоанн Златоуст, 55, 501).

***

...Нет никого из проводящих жизнь в пороке, кто не испытывал бы безмерных мук, как в то время, когда замышляет злые дела, так и тогда, когда осуществляет свой замысел на деле (свт. Иоанн Златоуст, 55, 595).

***

...Если мы живем порочно, то, хотя бы никто не порицал нас, мы оказываемся всех несчастнее... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 619).

***

...Целый город порочный не будет в состоянии увлечь и приобщить к собственному наказанию и мучению хорошо живущего человека (свт. Иоанн Златоуст, 55, 709)

***

Порок есть мрак, возлюбленный; он есть смерть, есть ночь: ничего не видим из того, что надлежит, ничего не делаем из того, что приличествует. Как мертвецы безобразны и вонючи, так и души порочных исполнены великой нечистоты; глаза их смежены, уста сомкнуты, недвижимы остаются они на ложе порока, лучше же сказать — они даже жалче тех, которые терпят это. Те мертвы в том и другом отношении, а они бесчувственны относительно добродетели и живы относительно порока. Если кто ударит мертвеца, он не почувствует, не станет мстить, но будет точно сухое дерево; так и душа, утратившая жизнь, поистине засыхает: тысячи ран каждодневно она получает и не чувствует, остается ко всему невосприимчивой (свт. Иоанн Златоуст, 55, 848).

***

...Некоторые пороки возникают без всякого предшествующего повода от природы, а по произволу одной развращенной, злой воли, как то: зависть и самое сребролюбие, которые, не имея в нас никакого основания со стороны

природного инстинкта, снискиваются отвне. Впрочем, сколь легко предостеречься и удобно уклониться от них, столь же жалкой делают душу, когда займут и овладеют ею, и едва допустят употребить лекарства для исцеления ее; потому что или не заслуживают того, чтобы исцелиться скорым врачеванием те, которые уязвлены тем, чего могли не знать... или, по крайней мере, потому, что, имея худое основание, неспособны строение добродетелей возводить до верха совершенства (прп. Иоанн Кассиан, 56, 86).

***

...<Отцы> говорят, что невозможно кому-либо совершенно очиститься от плотских пороков, если не сознает, что весь труд и старание его не могут быть достаточны для достижения такого совершенства, и если не убедится, будучи научен не столько наставлением преподающего, сколько расположением, усилием и опытом собственным, что достигнет его не иначе, как по милосердию и при помощи Божией. Ибо для получения столь величественной и столь превосходной награды за чистоту и непорочность, каков бы ни был употреблен труд поста, бдения, чтения, уединения, отшельничества, не может быть достоин того, чтобы получить ее по заслугам своего старания или труда. Ибо собственный труд или человеческое старание никогда не заменит Божественного дара, если он, по милосердию Божию, не будет сообщен желающему (прп. Иоанн Кассиан, 56, 150).

***

...Со всем постоянством должно нам заботиться о том, чтобы и внутренний наш человек отверг и расточил все собранное им в прежнем состоянии богатство пороков,

кои, внутренне сроднившись с телом и душой, составляют неотъемлемую нашу собственность, так что и по исходе не перестанут сопровождать нас, если не будут отсечены и отвергнуты, пока еще пребываем в теле сем (прп. авва Пафнутий, 56, 212).

***

...Более гибельны и труднее для уврачевания те пороки, которые проявляются под личиной добродетелей и под образом духовных предметов, нежели те, которые совершаются явно для плотского удовольствия. Ибо этим, как явные, открытые недуги, скорее обличают и врачуются. А те, как прикрывающиеся видом добродетелей, то остаются неисцельными и всех, обольщенных ими, делают опасно и отчаянно больными (прп. авва Даниил, 56, 239).

***

Когда у тебя благополучно кончится брань с плотскими пороками и увидишь, что ты избавился от нечистоты их и от жизни мирской, то, надмившись успехом брани и победы, не приписывай этого своей силе и мудрости, думая, что победу над духовными непотребствами и плотскими пороками ты одержал своими трудами, старанием и свободным произволением. Ты, без сомнения, вовсе не можешь преодолеть их ни в чем, если Господь не сообщит тебе помощи и не будет покровительствовать тебе (прп. авва Серапион, 56, 253).

***

...Всякий порок в нашем сердце имеет свое место, которое занимая в нашей душе, вытесняет... созерцание выс-

ших святых предметов и непрестанно противится им. Ибо добродетели не могут вместе с пороками ужиться... Но когда пороки будут побеждены... добродетелями, воюющими против них, то место, которое занимал в нашем сердце дух похоти или блуда, потом займет целомудрие; какое захватила ярость, то присвоит терпение; какое занимала скорбь, причиняющая смерть, тем возобладает спасительная печаль, полная радости; какое попирала гордость, то почиет смирение, и таким образом по изгнании каждого порока места их займут противоположные расположения — добродетели, которые справедливо называются... душами, видящими Бога; по изгнании из сердца всех страстей они займут не чужие владения, а собственные возвратят (прп. авва Серапион, 56, 258—259).

***

...Сильнее <бесноватых> удручаются те, которые хотя по телу по видимому не бывают одержимы бесами, но по душе гибельнее бывают обладаемы именно предающиеся их порокам и удовольствиям. Ибо, по изречению Апостола, *кто кем побежден, тот тому и раб* (2 Пет. 2, 19). Разве в том безнадежнее болезнь бесноватых, что они, будучи рабами бесов, не сознают того, что они терпят от них нападение и подверглись господству их. Впрочем, мы знаем, что и святые мужи за какие-нибудь самые легкие погрешности были предаваемы по телу сатане или большим недугам; поелику милосердие Божие не допускает, чтобы оказалось в них и самое малое пятно греховное в день Страшного Суда или нечистота в сердце их, — Бог очищает их в настоящей жизни, чтобы переселились в вечность, как золото или серебро, очищенное огнем, не

имея нужды ни в каком очищении посредством наказания (прп. авва Серапион, 56, 297).

***

...Если мы не будем чисты от всех пороков и трезвенны от упоения всех страстей, то и без употребления пьянственного вина, и без роскошных пиршеств сердце наше отягчится пьянством и объядением, еще более вредным (прп. авва Исаак, 56, 327).

***

...Вера страхом будущего Суда и мучений отклоняет нас от скверны пороков; надежда ожиданием небесных воздаяний, отторгая ум наш от настоящего, заставляет презирать все плотские удовольствия; любовь, огнем своим воспламеняя в душе нашей любовь ко Христу и к преспеянию в духовных добродетелях, побуждает с совершенной ненавистью отвращаться всего, что противно им. Хотя эти три добродетели ведут нас, по-видимому, к одному концу, т. е. побуждают воздерживаться от всего запрещенного, но степенями своего превосходства много различаются между собой. Две первые свойственны тем людям, которые стараются преспевать в добродетелях, но не имеют еще постоянного расположения к ним; третья же особенно принадлежит Богу и тем людям, которые восстановили в себе образ и подобие Божие (прп. авва Херемон, 56, 371).

***

Великое находится различие между тем, кто страхом геенны или надеждой будущего воздаяния погашает в себе пламень пороков, и между тем, кто ужасается порочности и нечистоты по чувству любви Божественной, — кто обла-

дает благом чистоты единственно по любви к святости и делает все, не обращая уже внимания на обещанную в будущем награду или наказание, но услаждаясь сознанием настоящего доброго дела своего. В таком состоянии человек, хотя бы не имел ни одного свидетеля дел своих, не решится воспользоваться случаем к греху и не может увлечься самыми сокровенными обольстительными помыслами; ибо, питая искреннейшую любовь к добродетели, он не только не приемлет сердцем ничего противного ей, но и с величайшим ужасом отвращается сего. Поистине иное дело иметь ненависть к порокам и плотским сквернам по чувству удовольствия, получаемого от совершения доброго дела, иное — обуздывать беззаконные похоти, имея в виду будущую награду; иное опять бояться настоящего вреда, и иное — страшиться будущего наказания. Наконец, гораздо более значит не хотеть ради самого добра отстать от добра, нежели из боязни зла не соглашаться на зло. Ибо в первом случае добродетель является свободной, а в последнем как бы принужденной, как бы против воли, насильно исторгнутой страхом наказания или желанием награды. Ибо, кто по побуждению страха уклоняется от обольщений пороков, тот, по отнятии страхом полагаемого препятствия, снова обратится к тому, что любит, и потому не всегда будет тверд в своей добродетели и... не будет иметь твердого и непрерывного мира внутренней чистоты (прп. авва Херемон, 56, 373—374).

***

Очевидный... признак души, не очищенной еще от скверны пороков, состоит в том, когда кто не имеет чувства сожаления к чужим проступкам, но произносит на них строгий суд (прп. авва Херемон, 56, 376).

***

...Истребить в собственной плоти нечистое вожделение — это есть большее чудо, нежели изгнать нечистых духов из чужих тел; силой терпения укротить мятежные движения гнева — это есть славнейшее знамение, нежели повелевать князьями, владычествующими в воздухе (см.: Еф. 2, 2; 6, 12); избавить собственное сердце от мучительных недугов уныния — это гораздо важнее, нежели исцелить телесные немощи и болезни другого; вообще врачевать болезни собственной души есть славнейшая добродетель и высшее совершенство, нежели врачевать болезни чужого тела. Ибо чем душа выше тела, тем важнее ее здравие, и чем существо ее драгоценнее и превосходнее, тем тягче и гибельнее ее падение (прп. авва Нестерой, 56, 446).

***

...Нам надобно знать, что не потому только мы должны очищаться от всякого порока, что он возмущает наше чувство, но потому, что он не довольствуется тем, чтобы господствовать одному без соучастия других, а, введши свирепую толпу всех страстей, разнообразным пленом опустошает покоренный ему дух (прп. авва Феона, 56, 568).

***

...Сребролюбие, тщеславие, гордость и множество всяких пороков соединяются нераздельным союзом. Таким образом, если и один какой-нибудь порок начнет усиливаться в нас, то он будет доставлять приращение и прочим (прп. авва Феона, 56, 569).

***

Всех пороков один источник и начало; а по качеству той части и (так сказать) члена, который в душе поврежден, получает различные названия страстей и повреждений (прп. авва Авраам, 56, 618).

***

Так как все мудрецы различают в душе тричастную потребность, то и недугом каким-нибудь повреждается или разумная, или раздражительная, или вожделевательная часть. Когда какой-нибудь из этих способностей овладеет вредная страсть, то от причин ее дается имя и пороку. Ибо если разумную часть поразит язва пороков, то произведет пороки тщеславия, возношения, зависти, гордости, предрассудков, спорливости, ересей. Если поранит раздражительную способность, то породит ярость, нетерпеливость, печаль, уныние, малодушие, жестокость. Если повредит вожделевательную часть, то произведет чревобесие, блуд, сребролюбие, скупость и другие вредные земные пожелания (прп. авва Авраам, 56, 619).

***

Что порок везде невыгоден, в настоящем — худой сожитель, а в будущем — сильный обличитель — это подтвердят тебе многие (прп. Исидор Пелусиот, 60, 156).

***

Земледельцы с корнем выдергивают вырастающие вместе с пшеницей плевелы, чтобы чистый плод иметь под руками во время жатвы. Посему и тебе надлежит отсекать

помрачающие ум пороки, чтобы здравая и непричастная никакой страсти совесть возделывала *брашно, пребывающее в живот* (Ин. 6, 27) (прп. Исидор Пелусиот, 60, 243).

***

...Порок имеет приятность пагубную, а добродетель — трудную и славную, потому что добрая слава с приятностью орошается по́том. Посему надлежит порока избегать, а добродетели держаться неослабно (прп. Исидор Пелусиот, 60, 288).

***

Порок отлучил людей от Бога и разлучил между собой; посему со всей стремительностью надлежит бежать от порока и идти вслед добродетели, которая приводит нас к Богу и связует нас друг с другом (прп. Исидор Пелусиот, 60, 395).

***

Не нападая через меру на людей и не клевеща на разумный род, но с великой пощадой Священное Писание изрекло: *человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс. 48, 12). Ибо если исследуем в точности, то мы в опасности уподобляться не только скотам, но и неукротимым зверям; лучше же сказать, любитель гнусных страстей и их превосходит. И подлинно удивительно и странно то, что каждый зверь порабощен одному недостатку, а почитаемый человеком, совместив в себе все в совокупности недостатки, простирается далее их неразумия. И чтобы слова сии не показались тебе преувеличением, рассмотрим дело беспристрастно. Когда скачет кто, как вол, бьет ногами, как осел,

ржет на женщин, как женонеистовый конь, предается обжорству, как медведь, утучняет тело, как меск, помнит зло, как верблюд, гневлив, как лев, хищен, как волк, язвит, как скорпион, хитр, как змея, соблюдает яд лукавства, как ехидна, собирает деньги, или, лучше сказать, грехи, как мухи едкую пыль; тогда возможно ли кому сего звероНравного причислить к людям, не усматривая в нем черт естества кроткого, но примечая смрад какой-то, по языческому баснословию, скиллы, химеры и гидры. Если же спросишь: поэтому что же надобно делать? — то отвечу тебе: должно непрестанно иметь в руках духовное зеркало, разумею Божественные Писания, в которых заключаются и история мужей добрых, и постановленные Богом спасительные законы. Ибо это зеркало не показывает только безобразие, но и прелагает оное, если пожелаем, в неизобразимую красоту (прп. Исидор Пелусиот, 60, 397—398).

***

Хотя язва тяжела и готовит бессмертную смерть, однако же, если призовешь Божию помощь, препобеждающую страдания и всякий порок, то не останется и следа сей язвы (прп. Исидор Пелусиот, 60, 454).

***

...Порок и без другого наказания сам есть наказание, а добродетель и без венцов — венец (прп. Исидор Пелусиот, 61, 104).

***

...Гораздо хуже и больше заслуживает наказания — хвалить погрешающих, нежели погрешать... Кто, погрешив,

осуждает грех, тот возможет со временем исправиться, имея в осуждении греха весьма великую помощь к тому, чтобы раскаяться; а кто хвалит порок, тот лишает себя помощи покаяния... поелику соизволение есть приговор развращенного сердца и души неисцелимо больной, то похваляющий грех справедливо называется гораздо более беззаконным, нежели погрешающий; ибо один весьма скоро удалится от греха, а другой вовсе не удалится, хотя и превозможет тот или другой приговор (прп. Исидор Пелусиот, 61, 451).

***

Лучше не даваться в плен пороку, а плененному — знать, что пленен, и скорее отрезвляться, как бы от некоего опьянения. Ибо кто пленен, а не думает о своем плене, тот неисцельно болен (прп. Исидор Пелусиот, 62, 148).

***

Бегайте... порока; он силен на то, чтобы любителей своих приводить в неистовство и делать неразумными... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 149).

***

Порок, когда неудержимо неистовствует и не допускает уцеломудрения, обыкновенно одним только наказанием может быть остановлен (прп. Исидор Пелусиот, 62, 312).

***

Злоухищрение порока велико и многосложно, но ты преборай его добродетелью (прп. Исидор Пелусиот, 62, 386).

***

Тогда возненавидишь порок, когда рассудишь, что это — демонский блещущий над нами меч (прп. Нил Синайский, 72, 241).

***

Кто не ожидает, что даст отчет в сделанном им, тот, конечно, будет держаться всякого порока (прп. Нил Синайский, 72, 363).

***

Всякий порок оканчивается непозволенным наслаждением... (прп. Марк Подвижник, 69, 12).

***

Причина всякого порока есть тщеславие и сласть (прп. Марк Подвижник, 69, 17).

***

Должно возненавидеть сребролюбие, тщеславие и сласть, как матерей пороков и мачех добродетелей (прп. Марк Подвижник, 69, 17—18).

***

Допустив в себе начало порока, не говори: он не победит меня. Ибо насколько ты предался ему, настолько уже побежден им (прп. Марк Подвижник, 69, 23).

***

Самомнение и гордость суть причины хулы; сребролюбие же и тщеславие — немилосердия и лицемерия (прп. Марк Подвижник, 69, 36).

***

Как добродетель обыкновенно рождается от скорбей и бесчестия, так и порок от сластей и тщеславия (прп. Марк Подвижник, 69, 45).

***

Страх Божий понуждает нас вести борьбу с пороком; и, когда мы боремся, Господь истребляет его (прп. Марк Подвижник, 69, 51).

***

...Через упражнение в <пороке> мы принимаем некоторый чуждый и противный естеству навык, т. е. приходим в навык некоего губительного недуга, так что, если даже пожелаем, не можем исцелиться без многой помощи, без многих молитв и многих слез, которые могли бы преклонить к нам милосердие Христово (прп. авва Дорофей, 29, 134).

***

Не желай знать пороков ближнего твоего и не принимай на него подозрений, внушаемых тебе врагом; если же они и возникают в тебе, по греховности нашей, то старайся обращать их в добрые помышления (прп. авва Дорофей, 29, 184).

***

Как свежая рана удобно излечивается, так противное сему бывает с многовременными душевными язвами, которые неудобно врачуются, хотя и врачуются (прп. Иоанн Лествичник, 57, 213—214).

***

Невозможно улучить милость от Бога тому, кто, оставя Его, раболепствует плотским сластям (авва Фалассий, 91, 300).

ПОСЛУШАНИЕ

Если вы будете терпеливы, послушны и покорны отцам своим, то прекрасное воздаст вам Господь воздаяние; и вот тот труд, который помянется перед лицем Господа. Кто повинуется отцам своим, тот Господу повинуется, и кто Господу повинуется, тот и отцам своим повинуется (прп. Антоний Великий, 89, 57).

***

Выходя на дело (послушания), храните себя от лености и дерзости (прп. авва Исаия, 59, 8).

***

Кто живет с отцом или братом своим, пусть не совещается ни о чем с кем-либо из посторонних, но о всем — с тем, кто живет с ним: в этом мир и послушание (прп. авва Исаия, 89, 311).

***

Предай сердце свое в послушание отцам своим — и благодать Божия будет обитать в тебе (прп. авва Исаия, 89, 331).

***

Если сердце твое всем существом своим возненавидело грех и отстало от того, что порождает грех его, и ты,

положив перед собою мучение (вечное) с разумом, отстранился от всего, что влечет к нему (греху), и молишься с разумом Создателю своему, да сопребывает Он с тобою, ничем Его не опечаливая, но плача перед Ним и говоря: «Дело Твоей милости есть избавить меня, я же, без помощи Твоей, не имею сил избежать от рук их (врагов моих)», и (при этом) внимаешь сердцем своим, чтобы не опечалить и того, кто учит тебя по Богу; то это есть по естеству Иисуса. Ибо если человек и все сотворит, послушания же, смирения и терпения не стяжет, то уклоняется в то, что не по естеству. Но предай все сердце свое в послушание Богу, моляся Ему во истине и говоря: «Господи! Пред Тобою есмь; удостой меня (познания) воли Твоей; ибо сам я не знаю, что мне полезно; Ты побори (врагов моих); ибо я не уразумеваю злокозненности их». И если ты будешь делать то, что по естеству Иисуса, то Он не попустит тебе заблудиться ни в чем. Но если ты какую заповедь сотворишь, а не предашь Ему себя всецело в послушание, то Он нимало не попечется о тебе (прп. авва Исаия, 89, 361—362).

***

...Должно ли оказывать послушание всякому и приказывающему что бы то ни было? Различие между теми, которые дают приказание, не должно препятствовать послушанию тех, кому дается приказание, потому что Моисей не преслушал Иофора, посоветовавшего ему доброе (см.: Исх. 18, 19—24). Но поелику есть немалая разность в самых приказаниях (потому что иные противны заповеди Господней, или нарушают ее, или разным образом искажают примесью запрещенного; а другие согласны с заповедию, иные же, хотя, по-видимому, и не согласны,

но содействуют ей и служат как бы пособием для заповеди), то необходимо помнить сказанное Апостолом: ***Пророчествия не уничижайте. Вся же искушающе, добрая держите. От всякия вещи злыя огребайтеся*** (1 Сол. 5, 20—22) (свт. Василий Великий, 9, 227).

***

Когда же приказывает нам кто-нибудь нечто противное Господней заповеди, нарушающее или искажающее оную, тогда благовременно сказать: ***повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком*** (Деян. 5, 29)... (свт. Василий Великий, 9, 228).

***

...Если нам приказывают что-либо согласное с заповедию Господнею, или содействующее ей, то надобно принимать сие усерднее и тщательнее, как волю Божию... (свт. Василий Великий, 9, 228).

***

Никто не должен быть господином даже себе самому; но каждый, как отданный Богом в услужение единодушным братиям, сообразно с сим обязан и рассуждать обо всем, и делать все, впрочем, пребывая в собственном своем чине (свт. Василий Великий, 10, 55).

***

Блажен, кто приобрел истинное и нелицемерное послушание; потому что такой человек подражатель Благому нашему Учителю, Который ***послушлив был даже до смерти*** (ср.: Флп. 2, 8). Итак, подлинно блажен, в ком есть

послушание; потому что, будучи подражателем Господу, делается Его сонаследником. В ком есть послушание, тот со всеми соединен любовию. В ком есть послушание, тот приобрел великое достояние, великое богатство. Послушливый всем благоугоден, всеми восхваляется, всеми прославляется. Послушливый вскорости возвышается, вскорости показывает успехи. Послушливому приказывают, и он не противоречит; дают повеление, и он не извращает его; делают выговор, и он не гневается. Он готов на всякое доброе дело. Им не легко овладевает вспыльчивость. Если слышит упрек — не смущается; от оскорблений не приходит в воспламенение, в печалях — радуется, в скорбях — благодарит. Он не переселяется с места на место, не переходит из обители в обитель. Увещания не пугают его; на том месте пребывает, куда призван, и не предается унынию. Отца не уничижает и брата не бесчестит; не уклоняется от пребывания в монастыре. Не любит предаваться покою, не пленяется местоположениями, не услаждается воздухом, но, по слову святого Апостола, пребывает в том месте, куда призван (см.: 1 Кор. 7, 20). Итак, подлинно много плодов послушания; и потому блажен, кто приобрел оное (прп. Ефрем Сирин, 30, 20—21).

***

Хорошо послушание ради Бога соблюдаемое... посему узнавай, какое послушание благоугодно Богу (прп. Ефрем Сирин, 30, 149).

***

Послушание, соблюдаемое ради Бога, исполнено святыни даже до смерти (прп. Ефрем Сирин, 30, 149).

***

Слушай, возлюбленный, того, кто вразумляет тебя о Господе, чтобы мог ты принести плоды Господу Богу (прп. Ефрем Сирин, 30, 207).

***

...<Не будьте>, когда нас слушаются, принимающими это с приятностию, а когда от нас требуют послушания, — с неудовольствием, в приказаниях строгими, а в исполнении приказаний мрачными и ропщущими (прп. Ефрем Сирин, 30, 231).

***

...Если хочешь стать сосудом избранным, то не имей негодования на наставника; но преуспевай в покорности о Господе и в смиренномудрии... (прп. Ефрем Сирин, 30, 418).

***

Жизнь святых делается, брат, светлою, когда возвеличена послушанием (прп. Ефрем Сирин, 30, 419).

***

Блажен, кто послушен ближнему по Богу и терпит скорби с благодарением, ибо таковый будет увенчан, став исповедником о Господе (прп. Ефрем Сирин, 30, 344).

***

Если ты, возлюбленный, пребываешь на послушании у отца духовного, не полагай сам себе устава, говоря: «Не

можно сделать того или этого». Ибо если не станешь делать, а потом по принуждению сделаешь, то не избегнешь обвинения в преслушании. Посему надобно предоставить себя Божию управлению; потому что не одни и те же помыслы бывают в душе. Но если приказанное не по силам нам, то не с гневом воспротивимся приказанию... но просительно и, умоляя жалобным голосом, представим настоятелю, что дело не по нашим силам (прп. Ефрем Сирин, 30, 560—561).

***

Прилагай старание не раболепствовать собственной своей воле, но будь послушен боящимся Господа и, по милости Божией, сокрушишь главу змиеву (прп. Ефрем Сирин, 31, 112).

***

...Если видишь, что юный по своей воле восходит на небо, то удержи его, потому что полезно ему это. То же разумей и о человеке, который стар годами, но юн умом. Ибо Премудрый говорит в притчах: *Путие безумных прави пред ними: а мудрый приимет совет* (ср.: Притч. 12, 15). Послушаем и того, который говорит: *юнии, повинитеся старцем: вси же друг другу повинующеся, смиреномудрие стяжите: зане Бог гордым противится, смиренным же дает благодать* (1 Пет. 5, 5) (прп. Ефрем Сирин, 31, 216).

***

И как мы не змии, когда не оказываемся послушными Богу, пребываем же в преслушании, внушенном змием? (прп. Макарий Египетский, 67, 188).

***

...Человек в преслушании умер страшною душевною смертию и принял клятву на клятву... (прп. Макарий Египетский, 67, 299).

***

Преслушанием же погружена душа в море забвения и в глубину заблуждения, и стала обитать во вратах адовых, и, как бы на великое расстояние удалившись от Бога, не могла к Нему приблизиться и совершенно познать Создавшего (прп. Макарий Египетский, 67, 394).

***

Если бы люди сохранили... достоинство и не исказили образа Божия преслушанием, то не были бы наказаны смертью (свт. Иоанн Златоуст, 48, 864).

***

...Младшие без ведома или позволения старца не только не смеют выходить из кельи, но не решаются самопроизвольно удовлетворять и общей естественной нужде. Поэтому все, что ни приказывает старец, они без всякого исследования спешат исполнить, как Божеское повеление, так что иногда с полным доверием, усердием, без всякого колебания принимаются за исполнение невозможных приказаний и из уважения к своему старцу не думают о невозможности его приказания (прп. Иоанн Кассиан, 56, 31).

***

...<Древние монахи>, сидя в кельях своих и занимаясь рукоделием и размышлением, как скоро услышат звук уда-

ряющего в дверь, который зовет их на молитву, или к какому-либо делу; то каждый тотчас выходит из своей кельи, так что занимавшийся письмом бросает писать на том месте, где застанет призыв, не смея даже докончить начатой буквы, потому что они не столько пекутся о совершении дела и своей пользе, сколько о том, чтобы доказать свое послушание, которое они предпочитают не только рукоделию, чтению, молчанию, покою в келье, но даже всем добродетелям, так что они готовы претерпеть все невыгоды для того, чтобы только ни в чем не нарушить доброго послушания (прп. Иоанн Кассиан, 56, 32).

***

Послушание Божиему повелению обыкновенно дарует жизнь и бессмертие, а непослушание — мертвенность и тление (прп. Нил Синайский, 72, 364).

***

Тот еще не есть верный раб, кто утверждается на одном простом ведении, но кто изъявляет свою веру послушанием Христу, давшему заповеди (прп. Марк Подвижник, 69, 27).

***

Кто попускает послушнику противоречить себе там, где не следует, тот обольщает его в этом деле и допускает отвергать обеты повиновения (прп. Марк Подвижник, 69, 48).

***

Послушание есть, как достоверно известно, первое в числе вводных (новоначальных) добродетелей добро; ибо

оно отсекает кичение и порождает в нас смиренномудрие <...> Итак, тем, которые восприемлют борьбу с гордынею диавольскою, прежде всего должно возревновать о сей добродетели, — и она, предшествуя, незаблудно покажет им потом все стези добродетелей (блж. Диадох, 91, 29).

***

Человеческой природе, чтобы хранить пределы послушания Богу, потребен страх (прп. Исаак Сирин, 58, 33).

***

Послушание есть совершенное отречение от своей души, действиями телесными показуемое... послушание есть умерщвление членов телесных при живом уме (прп. Иоанн Лествичник, 57, 20—21).

***

Послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 21).

***

Послушание есть действие без испытания, добровольная смерть, жизнь, чуждая любопытства, беспечалие в бедах, неуготовляемое пред Богом оправдание, бесстрашие смерти, безбедное плавание, путешествие спящих (прп. Иоанн Лествичник, 57, 21).

***

Кто совершенно отвергся самочиния и в том, что он почитает добрым, духовным и богоугодным, тот уже достиг цели, прежде нежели вступил в подвиг, потому что послу-

шание есть неверование себе самому во всем добром, даже до конца жизни своей (прп. Иоанн Лествичник, 57, 21).

***

Отцы... блаженное послушание назвали исповедничеством, без которого никто из страстных не узрит Господа (прп. Иоанн Лествичник, 57, 22).

***

Неповинующийся словом, без сомнения, не повинуется и делом; ибо кто в слове неверен, тот непреклонен и в деле (прп. Иоанн Лествичник, 57, 40).

***

Повиновение рождается от зазрения самого себя и от желания душевного здравия (прп. Иоанн Лествичник, 57, 210).

***

Восхотев жить с духовными братиями, у дверей их отрекись от своих хотений: ибо другим способом не возможешь ты быть в мире ни с Богом, ни с живущими с тобою (прп. Максим Исповедник, 91, 219).

***

Соблюдший убо через послушание заповедь — и правду исполнил, и единение любви к Заповедавшему сохранил неразрывным (прп. Максим Исповедник, 91, 236).

***

Исполняя послушания, должны мы так действовать, как бы прямо от Самого Бога получили на то повеление (прп. Феодор Студит, 92, 25).

***

...Обогащайтесь плодами послушания вашего и в них напояйтесь вином умиления, веселящим священные сердца ваши... (прп. Феодор Студит, 92, 66).

***

Прошу и молю, стойте, терпите доблестно, благодушествуйте, мужайтеся, помышляя, какой славы сподобятся треблаженные и святые послушники (прп. Феодор Студит, 92, 97).

***

Истинный послушник есть только тот, кто душу свою предал настоятелю и пребывает в воле его даже до крови (прп. Феодор Студит, 92, 158).

***

Если перенесете иго подчинения, то освободитесь от греховных страстей и востечете к установлению Божию (прп. Феодор Студит, 92, 158).

***

...Не впадайте в преслушание, ибо преслушливые обнажают себя для стрел врага... (прп. Феодор Студит, 92, 180).

***

...Из мира перенесетесь вы к Богу и, временную жизнь оставляя, перейдете к жизни бесконечной, если до конца будете являть опыты верного послушания (прп. Феодор Студит, 92, 226).

***

...Послушание стяжавший есть подражатель Христов... (прп. Феодор Студит, 92, 392—393).

***

...Когда воля своя бывает отсечена, тогда путь легок, и спасение удобно... (прп. Феодор Студит, 92, 466).

***

Хорошее для тебя приобретение — отсечение воли: оно покажет тебя мучеником в совести (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 87).

***

...Если тебе определено прислуживать, исполняй свое послужение с такою чистою и нелестною любовию, как бы ты служил самому Христу, а не человекам... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 213).

***

...Ничему другому не радуется так Бог, как нашей скорости (в исполнении воли Его), так как лучше скорое послушание с бедностию, нежели медлительность со множеством имений (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 9).

***

...Для разленившихся к исполнению заповедей и возжелавших изгнать мутное омрачение, нет лучшего и пригоднейшего врача, как нерассуждающее с верою во всем послушание. Оно есть живительное, многосоставное врачевство добродетелей для тех, кои пьют его, и нож, за раз очищающий язвины ран (прп. Григорий Синаит, 93, 203).

***

Послушание, действуя всецело по заповедям, устрояет лествицу из разных добродетелей, и их, как восхождения, располагает в душе (прп. Григорий Синаит, 93, 209).

***

Чудо же, воистину непостижимое и неизреченное, сотворил наш человеколюбивый Господь, что одною добродетелию или, лучше, одною заповедию можно немедленно восходить на небеса, как одним преслушанием низошли мы и нисходим в ад (прп. Григорий Синаит, 93, 209).

***

...Послушание ради смирения ко всякой добродетели способно (прп. Григорий Синаит, 93, 231—232).

***

...Охотное послушание есть действие, более обнаруживающее мужества и твердости духа, чем подчинение себе великих царей и повелевание ими... (прп. Никодим Святогорец, 70, 31).

***

Совет и послушание чисты и угодны Богу только до тех пор, пока они не осквернены пристрастием (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 519).

***

Послушания должно проходить со всею тщательностию, со строгим хранением совести, веруя, что такое прохождение послушаний необходимо для нашего спасения (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 8).

***

Настоящее послушание слушается, не видя оснований и не смотря на свое нехотение. Такому послушанию обетована особая благодать — благодать сохранения от всякого вреда, при исполнении послушания. Когда послушание оказывается ради Господа, тогда Господь берет на свое попечение слушающегося и блюдет его (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 210).

***

На деле так бывает, что то только послушание и действует плодотворно на образование нрава, которое совершается наперекор своей воле и своим соображениям (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 240).

***

Верно, и писательство имеет свой предел... Ведь и порядок естества требует послушания, — не ему, а Источнику его. И надо благодушно покориться (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 254).

****

В монастырь к авве пришел брат и просился принять его. Первым условием для сего ему назвали закон повиновения. Когда он обещал совершенную покорность во всем, авва — у него в руках случайно оказался стираксовый сухой жезл — воткнул его в землю и приказал вновь пришедшему поливать его водой до тех пор, пока тот не прорастет.

Исполняя приказание настоятеля, брат приносил ежедневно на своих плечах воду, которую должно было брать за две мили в реке. Протек год; о плоде труда не могло быть и надежды, но добродетель послушания продолжала свой подвиг. И следующий год протек в тщетных трудах брата. В продолжение третьего года, когда брат ни днем ни ночью не прекращал поливки, жезл прозяб. Деревцо, образовавшееся из этого жезла, стоит у входа в монастырь, свидетельствуя зеленеющими ветвями, что заслуживает послушание, что может вера (106, 535).

***

Мы знали некоего брата, происходившего от знатной фамилии. Оставив богатых родителей, он с великой ревностью пришел в монастырь. Старец, чтобы испытать его смирение, приказал ему возложить на плечи свои десять больших корзин, в продаже которых тогда и не было надобности, носить по улицам города и продавать. К поручению присовокуплено было условие — с целью долее удержать новоначального в таком положении, чтобы он не продавал всех корзин разом, если б кто и пожелал купить их все, но продавать по одной. Брат исполнил это со всей покорностью: ради любви ко Христу он возложил корзины на плечи свои, нося их по улицам, продавал их так, как

ему было приказано, и вырученные деньги принес в монастырь (106, 537).

***

Некоему старцу пустыннику один поселянин доставлял все необходимое. Однажды поселянин не приходил несколько дней, и старец остался и без пищи, и без нужного для рукоделия. Это опечалило его. Оказавшись без работы и без средств к пропитанию, он сказал ученику своему: «Сходишь ли в селение позвать поселянина, обыкновенно доставляющего нам все нужное?» Ученик отвечал: «Сделаю, отец, как повелишь». После этого они долго ждали и терпели недостаток, а служитель не приходил. Тогда старец опять сказал ученику: «Сходишь ли в селение и приведешь ли поселянина?» Ученик отвечал: «Сделаю то, что велишь». Так отвечал брат потому, что боялся идти в селение по причине соблазна; вместе с тем он обещал пойти, чтобы оказать послушание отцу. Знал это и старец, но, стесняемый нуждою, сказал ученику: «Уповаю на Бога отцов наших, что Он покроет тебя от всякого искушения». По совершении молитвы он отпустил его. Брат пришел в селение, отыскал дом, в котором жил служивший им поселянин, и постучал в двери. В доме никого не оказалось, кроме дочери поселянина. Она отворила дверь, и брат начал расспрашивать ее об отце, почему он долго не приходит к ним. Она пригласила монаха войти в дом и, схватив его за руку, повлекла насильно. Он противился, но она пересилила его и ввела за собою в дом. Монах, видя, что его влекут ко греху и что помышления его склоняются к тому же, восстенал из глубины сердца и возопил к Богу: «Господи! Ради молитв отца моего, пославшего меня, спаси меня в этот час!» Лишь сказал он

это, — оказался внезапно стоящим у реки близ монастыря своего, и возвратился к отцу своему неосквернённым (106, 466—467).

***

Два родных брата по плоти вступили в монастырь. Один из них был великий подвижник, другой имел великое послушание. Когда авва приказывал ему: «Сделай это», он делал, и опять: «Сделай другое», и он делал. Все любили и хвалили его. Подвижник заразился завистию к нему. «Искушу я ныне, — говорил он сам с собою, — брата моего, имеет ли он истинное послушание». Придя к авве, он сказал ему: «Отпусти брата моего со мною, мне нужно сходить в такое-то место». Авва согласился. Путешествуя вместе, они пришли к реке, в которой было множество крокодилов. Подвижник сказал брату: «Спустись к реке и переправься через нее». Тот послушался. Крокодилы лизали тело его, не причинив ему никакого вреда. Подвижник, увидя это, сказал брату: «Выйди из воды, пойдем далее». Продолжая путь, они нашли мертвое тело, лежавшее на дороге. Подвижник сказал брату: «Если бы мы имели с собой что-нибудь из старого платья, то покрыли бы им мертвеца». Младший брат отвечал: «Помолимся и, может быть, Бог воскресит его». Когда они встали на молитву, мертвец ожил, а подвижник похвалился: «Подвижничество мое было причиной воскресения мертвеца». Бог открыл все это авве монастыря, как подвижник искушал брата крокодилами и как воскрес мертвец. Когда они возвратились в монастырь, авва сказал ему: «Зачем ты поступил так с братом своим? Знай, что его послушание было причиной воскрешения мертвеца» (106, 465—466).

***

Рассказывали, что у аввы Силуана был ученик по имени Марк, который имел великое послушание и был хороший писарь. Кроме Марка, у старца было еще одиннадцать учеников. Они скорбели о том, что старец любил Марка больше всех. Старцы, услышав об этом, опечалились. Как-то пришли они к авве Силуану и укоряли его. Авва, взяв их с собою, вышел из кельи, начал стучаться в двери каждого своего ученика, говоря: «Брат такой-то, пойди сюда, ты мне нужен», — но ни один из них не спешил тотчас же выйти к нему. Старец пришел к келье Марка, постучался и сказал: «Марк!» — и тот, услышав голос старца, выбежал к нему в ту же минуту, и он дал ему поручение. Силуан сказал старцам: «Где же, отцы, прочие братия?» Потом он вошел в келью Марка, взял тетрадь его и увидел, что он начал писать одну букву, но, услышав голос старца, бросил перо, не докончив ее. Тогда старцы сказали Силуану: «Справедливо ты любил его, и мы любим, и Бог любит его» (97, 166).

***

Один старец рассказывал о святителе Василии Великом. Посетив однажды киновию, после духовного наставления он спросил настоятеля: «Есть ли у тебя здесь брат, который бы отличался послушанием?» «Владыка! — отвечал настоятель, — все рабы твои и ищут спасения». Святитель Василий опять спросил его: «Есть ли кто у тебя, имеющий истинное послушание?» Тогда настоятель привел к нему одного брата. Святитель Василий велел ему прислуживать при трапезе. После принятия пищи брат подал ему воды умыться, а святитель Василий говорит ему: «Пойди, и я подам тебе умыться». Брат допустил святителя подать

ему воды. Святитель Василий сказал брату: «Когда пойду в храм, приходи и ты: я сделаю тебя диаконом». После этого святитель Василий, за его послушание, сделал его и пресвитером (97, 50).

***

Однажды Антония посетили братия, великие и совершенные мужи. Случилось прийти вместе с ними и Павлу. Много говорили о пророках и Спасителе нашем. Павел в простоте сердца спросил: «Кто жил на земле прежде: Христос или пророки?» Блаженный Антоний, смутившись немного от детской простоты такого вопроса, с ласковым движением, присущим ему при обращении с простецами, приказал ему молчать и идти домой. Тот, исполняя все слова Антония, как заповеди Божии, возвратился к себе в келью и совсем перестал говорить, как бы получив на то повеление. Узнал об этом Антоний и недоумевал, почему ему вздумалось хранить молчание, когда он ему того не заповедал. Повелев ему говорить, спросил: «Скажи мне, зачем ты хранишь молчание?» «Ты, отче, — отвечал Павел, — сказал мне, чтобы я шел домой и молчал». Антоний был изумлен... Попросту сказанное слово было так свято соблюдено... «Ну! — воскликнул он, — он всех нас пристыдил. Мы не слушаем того, что нам говорят с неба, а он исполняет всякое слово, случайно сорвавшееся с языка...» Желая научить его полному послушанию, святой Антоний запрещал ему спрашивать о цели и назначении любого поручения. Так, однажды он приказал ему в течение всего дня черпать воду из колодезя и выливать на землю; в другой раз — расплетать и снова сплетать корзины или распарывать одежду и снова сшивать, и многое другое в таком же роде... И научился Павел без всякого противо-

речия исполнять все, что бы ему ни приказывали, хотя бы то и противоречило смыслу... Таким-то образом достиг Павел высоты духовного совершенства (99, 110—111).

***

Благочестивые аввы Ор и Афре жили в большом согласии до самой смерти. Авва Афре имел великое послушание, авва Ор — великое смирение. Провел я у них несколько дней, наблюдая за ними, и увидел я весьма чудное дело, которое сделал авва Афре. Кто-то принес им небольшую рыбу. Авве Афре хотелось приготовить ее для старца; он разрезал ножом рыбу, как вдруг позвал его к себе авва Ор. Афре оставил нож в рыбе и поспешил на зов. Я подивился его великому послушанию, почему он не сказал: «Подожди немного, пока я разрежу рыбу». Я спросил его: «Авва Афре! Откуда ты приобрел такое послушание?» «Это не мое, — отвечал он, — а старца». Потом он сказал: «Пойди, посмотри, каково его послушание». Он сварил немного рыбы и, нарочно испортив варево, подал его старцу. Старец ел, не говоря ни слова. Авва Афре спросил его: «Хорошо ли, старец?» «Весьма хорошо», — отвечал авва Ор. Потом авва Афре принес ему рыбу, весьма хорошо приготовленную, и сказал ему: «Испортил я, старец?» «Да, — отвечал он, — немного испортил». Тогда сказал мне авва Афре: «Видишь ли, каково послушание старца?» После этого я ушел от них и, по силам моим, старался исполнять, что видел у них» (97, 229—230).

***

Житель Антиохии пришел к одному затворнику и умолял принять его и сделать иноком. Затворник отвечал:

«Если хочешь, чтобы я принял тебя, пойди, сначала продай имение и раздай нищим, и тогда уже приходи сюда». Проситель исполнил предложенное и возвратился к старцу. Тогда тот дал ему новую заповедь — пребывать в молчании. Он и это обещал исполнить и, действительно, не говорил пять лет. Дивиться начал старец терпению и послушанию инока и вздумал еще испытать его. «Нет, — сказал, — мне в тебе нужды, и потому ступай от меня в монастырь в Египет». А между тем думал: «Что он, начнет говорить или нет?» Инок пошел и, однако, по-прежнему не говорил ни слова. Удивляться, наконец, начал и игумен, принявший его, и, желая испытать, нарушит ли он свое молчание, или нет, поручил ему отправиться с известным делом в один из монастырей, находившийся за рекой, и тоже думал, не скажет ли: «Не могу перейти реку». Опять ни слова не сказал инок и отправился в путь. Пришедши к реке и видя, что перейти ее нет возможности, он молча, молитвенно преклонил колена, и, о чудо, к нему подплыл крокодил, взял его и перенес на другую сторону. Исполнив поручение игумена, он подошел к реке, и снова крокодил перенес его обратно. И так, соблюдая заповедь, инок пребыл в молчании (112, 138—139).

***

Преподобный отец наш Антоний Новый, сын славных и богатых родителей, оставив богатство и славу и возлюбив иноческое житие, поселился на горе. Там провел он много лет в безмолвии, удручая себя многими трудами и подвигами. Случилось ему однажды читать Лествицу Божественных добродетелей. В конце статьи о послушании он нашел следующие слова: «Если жительствующий в безмолвии познает свою немощь и, оставив безмолвие, предаст себя в обучение послушанию, то он, быв слеп, без

труда прозрел о Христе». Обдумывая эти слова, Антоний говорил сам себе: «После стольких трудов и подвигов иноческих я — еще слеп! Хочу же когда-нибудь и прозреть».

Оставив келью свою и пустынное житие, он поселился в одной из общежительных обителей и под руководством опытного настоятеля проходил с полным самоотречением многие послушания. Игумен, удостоверившись в терпении Антония, видя, что он достаточно был подвергнут опытам страдальческого послушания, и что он положил в помысле своем претерпеть всякое искушение и злострадание, призвал его к себе и наедине сказал ему: «Отец! Бог да воздаст тебе мзду за душевную пользу, принесенную братству твоим пришествием к нам и жительством твоим по Боге. Братия мои никогда не получали такого назидания, какое получили твоим богоподражательным послушанием». Сказав это, игумен выдал ему одежду, обувь и все нужное, наравне с прочией братией, и отныне, когда замечал, что Антоний нуждается в чем-либо, сам тайно приносил нужное к нему в келью. Пожив богоугодно, Антоний скончался о Господе и принял венец послушания (106, 73—78).

***

Один из отцов видел четыре чина на небе: первый чин состоял из больных, благодарящих Бога; второй — из занимающихся странноприимством и тщательным служением ближним; третий — из жительствующих в пустыне, лишенных человеческого общества; четвертый — из тех, которые повинуются духовным отцам и находятся в послушании у них ради Бога. Чин проходящих послушание украшался золотою цепью и венцом и имел бóльшую славу, нежели три первых чина. Я сказал тому, кто показывал мне все это: «Почему этот чин, меньший других, имеет бóльшую славу?» Он отвечал мне: «Потому что занимаю-

щиеся страннопримством делают это по собственной воле. Подобным образом вступившие в отшельническую жизнь в пустыне по собственной воле оставили общество человеческое. Но чин, предавший себя послушанию, находится в совершенной зависимости от Бога и от духовных отцов, почему и имеет бóльшую славу». Благое дело — послушание, проходимое ради Бога! Наследуйте, хотя отчасти, о чада, эту добродетель! Послушание — спасение для всех верующих. Послушание — родительница всех добродетелей. Послушание — дверь в Царство Небесное. Послушание отверзает небеса и возвышает человека от земли. Послушание сожительствует Ангелам. Послушание — пища всех святых; воспитанные им, как млеком, они при посредстве его достигли совершенства (106, 512—513).

ПОСТ

Что такое пост

Пост — дар древний, неветшающий, нестареющийся, но непрестанно обновляемый и цветущий во всей красоте (свт. Василий Великий, 8, 6—7).

***

Пост — добрая стража души, надежный сожитель телу, оружие людей доблестных, училище подвижников. Он отражает искушения, умащает подвизающихся в благочестии; он сожитель трезвости, делатель целомудрия; он во бранех совершает дела доблестные, во время мира учит безмолвию; освящает назорея, совершает священника, ибо без поста невозможно отваживаться на священнодействие не только в нынешнем таинственном и истинном служении, но и в подзаконном (свт. Василий Великий, 8, 10).

***

Возлюби прекраснейший пост — дело досточестное и богоугодное. Пост — колесница, возносящая на небо. Пост рождает пророков, умудряет законодателей. Пост — доброе предохранение для души, надежный сожитель телу... Пост — доблесть во бранях. Пост угашал силу огненную. Пост заграждал уста львов. Пост возводит молитву на небо... Пост — матерь здравия. Пост — наставник юности, украшение старцев, добрый спутник путешественникам <...> Пост — мир в домах. Пост — попечитель и предохранение девства. Пост — путь к покаянию. Пост — виновник слез. Пост не любит мира, ни того, что в мире. Посему не будем унывать постясь, потому что Ангелы в каждой церкви записывают постящихся (прп. Ефрем Сирин, 32, 16).

***

Посту... радуются святые пророки, о нем ликуют апостолы и мученики, потому что все они с неутомимою ревностию подвизались в посте (прп. Ефрем Сирин, 33, 108).

***

...Посту радуется и Христос Господь наш, если только постимся с любовию, надеждою и верою (прп. Ефрем Сирин, 33, 108).

***

...После того как враг, приразившись ко Христу, отступил от мужественной плоти, побежденный сорокадневным

невкушением пищи; к большему посрамлению преткнувшегося в сем опыте, дан закон о вожделенном истощании в подвигах (свт. Григорий Богослов, 16, 142).

***

И это <пост> есть истинный праздник, где спасение душ, где мир и согласие... спокойствие, тишина, любовь, радость, мир, кротость и бесчисленные блага (свт. Иоанн Златоуст, 47, 2).

***

...Пост есть успокоение наших душ, украшение старцев, наставник юношей, учитель целомудренных... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 8).

***

Люблю пост, потому что он — мать смиренномудрия и источник всякой мудрости (свт. Иоанн Златоуст, 47, 757).

***

Пост — собеседник девственниц, пост — умножение домов, пост — защитник кающихся, пост — супруг молитвы, пост — основание богатства, пост — утешение бедных, пост — помощник изнуренных, пост отгоняет сон и побуждает к песнопению, пост — вода, напояющая нас и уготовляющая нам источник бессмертия. О, пост! Ты хлебом располагаешь души наши к благочестию и солью уничтожаешь зловоние грехов наших (свт. Иоанн Златоуст, 52, 915).

***

Пост есть лекарство, разрушительное для греха, и мягкая мазь для души, очищающая с целию благочестия (свт. Иоанн Златоуст, 53, 962).

***

...Пост — защита души и непобедимое оружие тела (свт. Иоанн Златоуст, 53, 962).

***

...Пост — очищение мысли, сожитель воздержания, упражнение в благочестии, иго правды (свт. Иоанн Златоуст, 53, 964).

***

Пост — и уничтожение смерти, и освобождение от гнева... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 964).

***

Отец поста, возлюбленные, есть закон Божий; мать его — воздержание, терпение, добродетель; дочери его — подвиг, чистота, целомудрие; его родные сыновья — Моисей, Илия, Даниил, Иоанн Креститель и весь лик святых, в особенности же — пустынножителей и подвижников; его ближайшие родственники — вера, надежда и любовь; его друзья — мир, кротость, согласие; его слуги — славословие, псалмопение непрестанное, молитва чистая; сожительствует с ним страх Божий; плоды же их сожительства — святость, непорочность, дерзновение к Богу, Царство Небесное, жизнь вечная (свт. Иоанн Златоуст, 54, 919—920).

***

К какому роду добрых дел должно причислить пост, — к числу ли существенно добрых, каковы суть: правда, мудрость, мужество и воздержание, которые вовсе не могут перейти в противную сторону, или к числу средних, т. е. таких, кои сделать иногда, может быть, полезно, иногда опустить не предосудительно... а иногда похвально опустить. Если мы причислим пост и воздержание к существенно добрым делам, то, без сомнения, употребление пищи и пития надобно будет почесть делом худым и преступным. Ибо что противно главному добру, то непременно надобно считать главным злом. Но так думать не позволяет нам Священное Писание. Ибо если мы будем поститься на том основании, что будто грешно употреблять пищу, то не только не получим никакого плода от воздержания, но еще, по Апостолу, подвергнемся тягчайшему обвинению за нечестие потому, что будем *удаляться брашен, которые Бог сотворил для ядения со благодарением верным и познавшим истину; ибо всякое создание Божие хорошо, и ничто не гнусно, если приемлется с благодарением* (ср.: 1 Тим. 4, 3—4); ибо кто что считает скверным, тому то и скверно (см.: Рим. 14, 14). Потому никто не был осуждаем за одно употребление пищи; и если евшие осуждаются, то это потому, что с употреблением пищи соединяется или последует за оным нечто предосудительное...

Из сказанного видно, что пост относится к числу средних добрых дел, потому что как соблюдение его не оправдывает нас, так и за нарушение его мы не подвергаемся осуждению, если, кроме употребления пищи, нет преступления заповеди, достойного наказания (прп. авва Феона, 56, 547—548).

***

...Он <пост> не есть сам по себе благо, или сам по себе необходим; он с пользою соблюдается для приобретения чистоты сердца и тела так, чтобы, притупив жало плоти, человек приобрел умиротворение духа; он не есть благо неизменно и всегда, потому что мы по большей части не терпим вреда от прерывания его; он иногда обращается даже в погибель души, если неблаговременно соблюдается. Но и то не есть существенное зло, что кажется противным ему, т. е. приятное по природе своей вкушение пищи, которое нельзя считать злом, если с ним не соединяются невоздержность, сластолюбие или другие какие-либо пороки, потому что *то не сквернит человека, что входит в уста, а что исходит из уст, то сквернит человека* (ср.: Мф. 15, 11) (прп. авва Феона, 56, 550).

***

Пост — ограждение всякой добродетели, начало борьбы, венец воздержных, красота девства и святыни, светлость целомудрия, начало христианского пути, матерь молитвы, источник целомудрия и благоразумия, учитель безмолвия, предшественник всех добрых дел (прп. Исаак Сирин, 58, 96).

***

Пост с рассудительностию — обширная обитель для всякого добра (прп. Исаак Сирин, 58, 97).

***

Пост есть насилие естества, отвержение всего, что услаждает вкус, погашение телесного разжжения, истреб-

ление лукавых помышлений, освобождение от скверных сновидений, чистота молитвы, светило души, хранение ума, истребление сердечной бесчувственности, дверь умиления, воздыхание смиренное, радостное сокрушение, удержание многословия, причина безмолвия, страж послушания, облегчение сна, здравие тела, виновник бесстрастия, разрешение грехов, врата рая и небесное наслаждение (прп. Иоанн Лествичник, 57, 110—111).

***

...Пост есть орудие к духовной жизни, хотя и телесное, впрочем, если им предводительствует святое смирение (прп. Феодор Студит, 92, 56).

Цель поста

Если бы постилась Ева и не вкусила с древа, то мы не имели бы теперь нужды в этом посте (свт. Василий Великий, 8, 7).

***

...Святой пост употребим на брань с диаволом, потому что без поста и молитвы никто не может победить лукавого (прп. Ефрем Сирин, 33, 108).

***

Да содержат же святый пост сей преимущественно иереи, в чистоте, непорочно, свято, без всякой скверны. Да содержат его также строже прочих диаконы, и да служат Богу свято, ратоборствуя с лукавым. Да содержат сей пост и все старцы, облекаясь в сетование о прежних своих грехах и беззакониях. Да содержат сей святый пост

мужья вместе со своими женами, храня себя чистыми от всяких обольщений, какие непрестанно вымышляет лукавый. Да содержат пост сей и девы, чтобы им, когда паки приидет Господь наш во славе, войти с Ним вместе в Брачный Чертог. Да содержат святый пост сей и родители, и да просят при сем детям своим Божия милосердия. И юность, возлюбленные, да содержит пост сей; потому что ей надобно мужественно сражаться с человекоубийцею диаволом. Даже и дети, как самые малые, так и более взрослые, да содержат совокупно святый пост сей, иные до трех, а иные до шести и до девяти часов. Вся Церковь и все ее чада, всякого состояния и чина, да постятся и с горячею любовию да просят и умоляют Бога. Да постятся и молятся в сие время поста богатые, и да уделяют милостыни сиротам, бедствующим и нищим. Да постятся и молятся в сей святый пост нищие, умоляя Спасителя нашего, чтобы удовлетворил их нуждам. Да постятся и молятся Христу во время поста сего сироты, взывая к Богу, чтобы стал для них Отцом и Господом. Много да постятся вдовы, умоляя Христа, чтобы вместо мужей Он пропитал и охранял их во вдовстве (прп. Ефрем Сирин, 33, 109—110).

***

Пей воду из ручья, чтобы напоила тебя водами своими эдемская река. Питайся древесными листьями, чтобы вкусить тебе плодов древа жизни (прп. Ефрем Сирин, 34, 296).

***

...Христос противопоставляет пост искушениям, а у нас знаменует он умерщвление со Христом и служит пред-

празднственным очищением. Христос постился сорок дней, потому что Он Бог; а мы соразмерили пост с силами; хотя ревность убеждает некоторых простираться и сверх сил (свт. Григорий Богослов, 14, 303).

***

Пост узаконен для чистоты души; если же он оскверняется иного рода намерениями и действиями, то для чего напрасно тратим воду, которую пьем? Для чего возделывать эту несмываемую и чрезмерную грязь? Что пользы от телесного поста, если нечист ум? Ибо никакой нет пользы, если колесница прочна и упряжь в порядке, а возница не в своем уме. Что пользы в корабле, хорошо устроенном, если кормчий будет пьян? Пост — основание добродетели. Но как основание дома и дно корабля, хотя бы были весьма твердо положены, бесполезны и не имеют никакой цены, если следующее за тем в них построено неискусно: так и от воздержания сего нет никакой пользы, если к нему не приложатся и за ним не последуют и прочие правые дела. Страх Божий да учит говорить, что прилично, не говорить пустого, знать время, и меру, и слово необходимое, и ответ уместный; не говорить безмерно, не осыпать собеседников градом слов. Ибо потому нежнейшая из перепонок, прикрепляющая язык к нижней полости рта, и называется уздою, чтобы не говорить беспорядочного и неблагопристойного; (язык) да благословляет, а не злословит, поет, а не поносит, хвалит, а не порицает. Опрометчивая рука да свяжется памятованием о Боге, как цепью. Мы потому постимся, что поношениями и заушениями оскорбили нашего Агнца перед пригвождением; итак, мы, ученики Христовы, не поревнуем иудейскому обычаю (свт. Григорий Нисский, 24, 397—398).

***

...Нам не будет никакой пользы от множества трудов и подвигов в течение поста, если не будем в состоянии вкусить Священной Трапезы <Причащения> с чистою совестию (свт. Иоанн Златоуст, 45, 223).

***

Не постящийся может получить извинение, ссылаясь на немощь телесную, но не исправившемуся в грехах нельзя получить оправдания (свт. Иоанн Златоуст, 45, 224).

***

Когда постишься, то думай не об изнурении от поста, но о легкости, происходящей от этого изнурения (свт. Иоанн Златоуст, 45, 758).

***

...Воздержание от пищи принято для того, чтобы ослабить силу плоти и этого коня сделать нам покорным (свт. Иоанн Златоуст, 47, 64).

***

Он <Бог> и поста, и воздержания требует от нас не просто для того только, чтобы мы пребывали в неядении, но для того, чтобы, удаляясь от житейских дел, употребляли все свободное от них время на занятия духовные (свт. Иоанн Златоуст, 47, 74).

***

Если от постоянного хождения сюда <в Церковь> и увещания не приобретем ничего и из постного времени не

извлечем чего полезного для своей души — все это не только не доставит нам никакой пользы, но и послужит к большему осуждению нашему, когда при такой (о нас) заботливости (со стороны Церкви) мы останемся все такими же, — когда гневливый не сделается тихим, вспыльчивый не обратится к кротости, завистливый не перейдет к доброжелательству, сребролюбец не оставит своей страсти и не расположит себя к подаянию милостыни и питанию бедных, распутный не сделается целомудренным, гоняющийся за суетною славою не научится презирать ее и искать истинной славы, не заботящийся о любви к ближнему не воспрянет и не приучит себя не только к тому, чтобы быть не хуже мытарей... но и к такому состоянию души, чтобы кротко смотреть и на врагов и показывать к ним великую любовь (свт. Иоанн Златоуст, 47, 87).

***

Посты установлены ради того, чтобы мы воздерживались от изнеженности и обретались готовыми для милосердия; если кто не делает этого, то труды его тщетны (свт. Иоанн Златоуст, 49, 353).

***

...Цель поста — чистое приобщение <Святых Таин>; а если мы в продолжение таких дней не исполним этого, то, тщетно и напрасно изнурив себя, без венцов и наград сойдем с поприща поста (свт. Иоанн Златоуст, 49, 427).

***

Поистине пост — питатель всякой святости и мать благочестия. Требуется, чтобы мы не только постились, но постились благочестно. Многие постятся и ради занятий

общественными делами, но это не зачисляется им в пост (свт. Иоанн Златоуст, 49, 744).

***

...Примем пост, как драгоценный дар, святое сокровище, изображение истины, начало благочестия, основу духовного учения, умерщвление страстей, отгнание греха, бич пороков, сподвижника девства, губителя демонов, запрещение диаволу, низложение идолов, украшение Церкви, силу царей, похвалу иереев, вразумление мужей, целомудрие жен, воспитание чад, свободу рабов, утешение бедных (свт. Иоанн Златоуст, 49, 851—852).

***

Будем же и мы сохранять пост, эту пристань душ, врачевство тел, умирение помыслов, умерщвление страстей, — пост, который ограждает чужое имущество, предупреждает обиды сиротам, является заступником вдов, не позволяет нам погрязать в житейских суетах, жизнь смертных делает равноангельской, научает прилежать закону Божию день и ночь (свт. Иоанн Златоуст, 49, 852).

***

Христос посредством поста желает возвратить тебе, уже возрожденному водою, и Духом, и Божественным огнем, прежнее достоинство (свт. Иоанн Златоуст, 52, 909).

***

Пост есть образ жизни ангелов, и, что еще важнее, — постился Сам Спаситель, не потому, что Он нуждался во врачевании постом, но для того, чтобы показать нам пример поста ко спасению (свт. Иоанн Златоуст, 52, 911).

***

...Возьми пост в спутники себе на всю жизнь, чтобы он оберегал тебя, избавил тебя от смерти, спас тебя от искушений и привел тебя к пристани Царства Небесного... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 911).

***

Если бы пост не служил средством ко спасению и достижению вечной жизни, Бог не заповедал бы с самого начала поститься (свт. Иоанн Златоуст, 52, 911).

***

...Научил нас Христос, постившийся сорок дней, чтобы внушить нам с готовностию прибегать к этому спасительному средству, которым возделывается душевная нива, посредством которого вырываются тернии, укрощаются страсти, разрушаются дела диавола... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 924).

***

Кто предается пище и удовлетворяет страсть желудка, тот теряет духовный плод души; а кто постом иссушает плоть и избегает обжорства, тот заготовляет себе, как сокровище, надежду лучшего (свт. Иоанн Златоуст, 53, 962).

***

Потому ты и воздерживаешься от снедей, чтобы тебя питал Дух, и удаляешься от телесных яств, чтобы исполниться духовных приношений (свт. Иоанн Златоуст, 53, 962).

***

Пост — истинное воздержание от грехов (свт. Иоанн Златоуст, 53, 964).

***

...(Пост) составляет не телесное, а духовное упражнение. Если бы он был телесным упражнением, то питал бы тело. Если же он истощает, утончает и иссушает тело, то, значит, не составляет телесного (упражнения) (свт. Иоанн Златоуст, 54, 699—700).

***

Кто постится искренно и нелицемерно, тот подражает Христу, на земле уподобляется ангелам, соревнует пророкам, входит в общение с апостолами и, посредством поста достигнув перерождения своей природы, делается из неправедного праведным, из злого добрым, из нечестивого благочестивым, и таким образом усвояет себе Христа, сокровище жизни... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 920).

***

...Он <пост> всех нас располагает к труду и сеянию <добра>; он не отталкивает от себя ни женщин, ни стариков, ни юношей, ни даже малых детей, но всем открывает двери, всех принимает, чтобы всех спасти, как ниневитян (свт. Иоанн Златоуст, 54, 924).

***

Смысл поста не в том, чтобы мы с выгодой не ели, но в том, чтобы приготовленное для тебя съел бедный вместо тебя (свт. Иоанн Златоуст, 54, 932).

***

Ради чего, в самом деле, пост? Он — вместо креста: мы получили большее, отдаем меньшее. (Господь) распят для тебя, терпит жажду и пьет уксус с желчью. Неприятно это питье, велик этот пост. Но ты ведь уже не вкушаешь желчи и стоишь твердо, — ты уже на кресте не висишь? Не будь же неблагодарен к Иисусу, не плачься, что ты постишься; плачься о том, что ты не постишься всегда (свт. Иоанн Златоуст, 54, 932).

***

...Ты не согрешил — поэтому постись, а согрешил — и поэтому постись; постись также, чтобы не грешить и чтобы пребыть в том, что ты приобрел (свт. Иоанн Златоуст, 54, 933).

***

...Он <пост> обеспечивает бессмертие, приближает нас к ангелам, потому что сам по себе он и есть не что иное, как посильное (с нашей стороны) подражание ангелам (свт. Иоанн Златоуст, 54, 933).

***

...Касательно образа поста не может удобно соблюдаться одинаковое правило; поелику не у всех тел одинакова крепость, и соблюдается (пост) силою не одной души, как прочие добродетели. И потому, поелику он состоит не в одном мужестве духа, а соразмеряется и силою тела, то касательно этого мы приняли такое определение, преданное нам, что различны должны быть время, способ и качество питания, именно по неодинаковому состоянию тел

или по возрасту и полу; но у всех должно быть одно правило укрощения плоти для воздержания сердца и укрепления духа. Ибо не для всех возможно соблюдать пост по неделям; некоторые не могут быть без принятия пищи более трех или двух дней, а иным по болезни или старости трудно пробыть без пищи до заката солнечного; не для всех одинаково питательны овощи, или зелие, или сухой хлеб. Иному для насыщения нужно два фунта, а другой чувствует тягость, если съест фунт или полфунта; но все воздержники имеют одну цель, чтобы, принимая пищу по мере способности, не вдаться в пресыщение. Ибо не только качество пищи, но и количество расслабляет душу, возжигая в ней, как и в утучненной плоти, вредоносный, греховный огонь (прп. Иоанн Кассиан, 56, 51).

***

Милосердие, терпение и любовь или те заповеди касательно... добродетелей, в которых заключается главное добро, должны быть соблюдаемы не для поста, а, напротив, пост для них. Ибо надобно стараться, чтобы те добродетели, которые составляют истинное добро, были приобретаемы постом, а не для поста должны быть совершаемы действия тех добродетелей. Итак, для того полезно сокрушение плоти, для того к нему должно быть присоединяемо врачевство воздержания от пищи, чтобы через него мы могли достигнуть любви, в которой заключается неизменное и без всякого исключения времени постоянное добро. Ибо изучение медицины, золотарства <золочения> и прочих существующих в этом мире искусств бывает не для инструментов, нужных для производства их, а, напротив, инструменты приготовляются для упражнения в искусстве; они как полезны искусным, так излишни для не знающих самого искусства. Они как весьма много спос-

пешествуют тем, которые для производства своего дела употребляют их в посредство: так вовсе не могут приносить пользу тем, которые, не зная, для какого дела они сделаны, довольствуются одним обладанием их, потому что сущность их пользы поставляют только в содержании их, а не в совершении работы. Итак, существенное благо есть то, для которого делается то, что считается средним; а само главное добро делается не по другой причине, а только ради своей доброты (прп. авва Феона, 56, 549—550).

***

Пост, хотя как орудие, благоустрояющее хотящих к целомудрию, имеет цену, но не перед Богом. Почему подвижникам благочестия не должно высокоумствовать по поводу его, но от единой веры в Бога чаять достижения своей цели. И мастера по какому-либо искусству в совершенстве своей искусности удостоверяют не добротностию своих орудий, но терпеливо заканчивают какое-либо изделие, и оно уже служит показателем, насколько они искусны в своем мастерстве (блж. Диадох, 91, 32).

***

Потребно и тела умерщвление, и соразмерное воздержание в пище и питии, чтобы оно не сделалось необузданным и не стало насиловать помысла (свт. Григорий Палама, 93, 270).

***

...Подвиг поста полезен и нужен не единственно для тела; он полезен и нужен преимущественно для ума и сердца (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 86).

***

...Постом сохраняется в должной чистоте и трезвенности ум наш, в должной тонкости и духовности наше сердце (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 89).

Подготовка к посту

...Когда будете поститься, — разрушь всякий союз неправды и раздери всякую неправедную запись; уничтожь стеснения насильственного торга, отпусти измученных на свободу и отбрось всякую злонамеренную предосторожность. Раздробляй алчущим хлеб твой и бедных без крова введи в дом твой; если видишь нагого, одень и единоплеменников своих не презирай. Тогда откроется ранний свет твой, и одежды твои скоро воссияют; и правда твоя будет тебе предшествовать, и слава Божия будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Бог услышит тебя, и когда еще говоришь ты, Он скажет: вот Я, — если отринешь от себя и союз, и совет злых, и слово роптания, и от сердца дашь алчущим хлеб. В этом, братья, открывается попечение и милосердие Божие, ибо Он людям, которых снискал для Возлюбленного Своего, определил веровать в простоте... (ап. Варнава, 94, 27—28).

***

Воздержание же от пищи само по себе недостаточно к тому, чтобы сделать пост похвальным; а надобно, чтобы и в прочем соответствовало поведение, т. е. и речи, и обращения, и сближение должно иметь с теми, от кого можно получить пользу, так чтобы воздержание от пищи было дополнением подвижничества (свт. Василий Великий, 6, 47).

***

...Намереваясь поститься, не будь уныл по-иудейски, но покажи себя веселым по-Евангельски... (см.: Мф. 6, 16—17) (свт. Василий Великий, 8, 23).

***

...У кого в сердце есть лживость, ненависть и осуждение, тот пусть очистит прежде душу свою, и тогда уже приходит, и постится, и молится (прп. Ефрем Сирин, 33, 111).

***

...Не будем, и вступая в пост, упиваться и после поста опять предаваться пьянству, дабы не случилось того же, что бывает, когда кто ударяет ногою больное тело, только что оправляющееся от болезни, и этим снова повергает его в более тяжкую болезнь (свт. Иоанн Златоуст, 45, 349).

***

Если ты подошел к посту по желанию, то не будь мрачен, но радуйся: он очищает твою душу от яда (свт. Иоанн Златоуст, 53, 962).

***

...Есть много людей, которые, готовясь сражаться с постом, как бы с диким зверем, ограждают себя объядением и, до крайности обременив и омрачив себя, весьма неразумно встречают тихое и кроткое лицо поста (свт. Иоанн Златоуст, 55, 507).

***

Если помыслы немощи и злострадания гонят вас из града пощения, бегите в другой, в град молитвы и благодарения (блж. Диадох, 91, 102).

Мера поста

...Изнурение тела как бы приучает нас к победе. Впрочем, не так должно поступать с плотию, чтобы естественную ее силу расслабить и привести в совершенное бездействие воздержанием и чтобы от чрезмерного расслабления дошла она до невозможности следовать за умом (свт. Василий Великий, 6, 49).

***

...Алчет ли кто, не обвиняется, если вкусит умеренно, потому что взалкал по природе (прп. Ефрем Сирин, 30, 88).

***

...Если сверх меры будешь утруждать тело, то и в этом случае обращается оно в тягость душе, которою овладевают робость и уныние, и делается она раздражительною, и ленивою к песнословию, и к молитве, и благому послушанию (прп. Ефрем Сирин, 30, 108—109).

***

До крайности простертый пост и пресыщение пищей предосудительны, потому что и далеко простертое воздержание и наполнение себя пищей одинаково худы. Одно делает подвижника бессильным и совершенно неспособным к деятельности; а другое через меру возбуждает плот-

ские страсти и воздвигает сильную брань на душу (прп. Ефрем Сирин, 32, 404).

***

Пусть мы сложили с себя самый труд поста, но не прекратим любви к нему и не изгладим памяти о нем (свт. Иоанн Златоуст, 47, 778).

***

...К самоубийцам должно причислить того, кто не изменяет строгих правил воздержания и тогда, когда нужно подкрепить ослабевшие силы принятием пищи... (прп. авва Феона, 56, 549).

***

...Не ревность к благочестию, а неразумие докажет тот, кто захочет строго держаться правил поста и тогда, как по времени праздничному делается разрешение на пищу (прп. авва Феона, 56, 549).

***

Воздержание же в пище так надлежит соблюдать, чтобы никто никогда не доходил до почитания мерзким какого-либо из яств. Это бесовское дело и есть клятвы близ. Ибо мы не потому воздерживаемся от некоторых яств, что они по природе злы, — да не будет! — но для того, чтобы, воздерживаясь от них, соразмерно укротить пламенеющие члены плоти; еще же и для того, чтобы остающаяся у нас от потребления пища была обращаема в удовлетворение насущной нужды бедных, — что есть признак искренней любви (блж. Диадох, 91, 30).

***

Остерегайся, чтобы не изнемогло слишком тело твое, и от того не усилилось против тебя нерадение, и не охладило душу твою вкушением его делания (прп. Исаак Сирин, 58, 174).

***

Должно внимать себе и в том, чтобы скудость наслаждения пищею не наполнять излишеством сна, равно и напротив... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 201).

***

Как всякое начало трудно, так и начало поста, по случаю изменения в пище, и в предметах нашего действования встречает некое неудобство и затруднение; но терпением и неотступностию в держании его они облегчаются и смягчаются... (прп. Феодор Студит, 92, 405).

***

Сколько вредно невоздержание, столько вреден, или еще более, неумеренный пост. Слабость тела, происходящая от малоядения, не позволяет совершать молитв в должном количестве и с должною силою (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 145).

***

Благослови Господи вам надлежащим образом постничествовать по силам вашим, без поблажек, но и не сверх сил (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 31).

***

Не убивать тело призваны, а только *не творить плоти угодия в похоти* (ср.: Рим. 13, 14). Закон — разумное содержание тела без поблажек (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 165).

***

Пост — одно из первых дел монаха и христианина. Но против поста неумеренного нельзя не восставать. Этот пагубен (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 207).

***

Лучше не связывать себя <в посте>... неизменным постановлением, как бы узами; а когда так, когда иначе, только без льгот и саможаления; но и без жестокости, доводящей до изнеможения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 228).

Истинный пост

Сила жизненная легко переваривает пищу умеренную и простую и претворяет ее в плоть питаемого, а приняв дорогие и разнообразные снеди, потом, будучи не в состоянии переварить их совершенно, производит разные роды болезней (свт. Василий Великий, 8, 8).

***

...Пользу поста не ограничивай одним воздержанием от снедей: потому что истинный пост есть устранение от злых дел (свт. Василий Великий, 8, 17).

***

...Наиболее опытные постом истребляют излишнее, чтобы под бременем утучненной плоти не сокрушились силы (свт. Василий Великий, 8, 27).

***

Истинный пост — удаление от зла, воздержание языка, подавление в себе гнева, отлучение похотей, злословия, лжи, клятвопреступления; воздержание от сего есть истинный пост (свт. Василий Великий, 8, 28).

***

Время поста определяет не воля каждого, но потребность того, что относится к богочестию... (свт. Василий Великий, 9, 233).

***

Сам Спаситель наш содержал пост и научил нас, как должны мы поститься, вести брань с лукавым и одолевать сатану... Будем и мы содержать пост сей ревностно, как научены Господом нашим, чтобы некогда иметь нам часть в Царстве Его (прп. Ефрем Сирин, 33, 109).

***

...Пост разумею не тот, который содержат многие, но тот истинный, — воздержание не от пищи только, но и от грехов: потому что пост сам по себе не может спасти соблюдающих его, если не будет сообразен с поставленным законом (свт. Иоанн Златоуст, 45, 48).

***

...Честь поста составляет не воздержание от пищи, но удаление от грехов, так что, кто ограничивает пост только воздержанием от пищи, тот более всего бесчестит его... Пусть постятся не одни уста, но и зрение, и слух, и ноги, и руки, и все члены нашего тела <...> Пусть постится и слух; а пост слуха в том, чтобы не принимать злословия и клеветы... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 50).

***

...Каждый пусть подумает сам с собою, какой недостаток исправил, какое доброе качество приобрел, какой грех откинул, какое пятно смыл, в чем сделался лучше. И если он найдет, что от поста у него оказалась прибыль в этой прекрасной купле, и убедится, что много позаботился о своих ранах, то пусть приступает <к причащению>. Но если он был беспечен и может похвалиться только постом, а ни одного из добрых дел не сделал, то пусть остается вне и войдет тогда, когда очистится от всех грехов (свт. Иоанн Златоуст, 45, 224).

***

...Один только пост не вводит на небо, если не имеет своей сестры — милостыни, потому что она соединена с ним, и между ними не только братские и тесные отношения, но милостыня служит даже опорою поста (свт. Иоанн Златоуст, 45, 907).

***

Постящемуся более всего нужно обуздывать гнев, приучаться к кротости и снисходительности, иметь сокрушен-

ное сердце, изгонять нечистые пожелания представлением того неусыпающего огня и нелицеприятного суда, быть выше денежных расчетов, в милостыне показывать великую щедрость, изгонять из души всякую злобу на ближнего... С великим усердием <должен> творить молитвы и исповедания перед Богом и, сколько возможно, помогать себе милостынею (свт. Иоанн Златоуст, 47, 64—65).

***

Постящемуся надлежит быть спокойным, тихим, кротким, смиренным, презирающим славу настоящей жизни (свт. Иоанн Златоуст, 47, 65).

***

...Каждую неделю, или даже и каждый день, будем осматривать себя и исторгать из своей души пороки, а сокровище добродетелей преумножать, *уклонимся*, как увещевает Пророк, *от зла, и сотворим благо* (ср.: Пс. 33, 15): это и есть истинный пост. Гневливый пусть исторгнет из души благочестивым размышлением обладающую (им) страсть и да возлюбит кротость и смирение. Беспечный и необузданный, с пристрастием взирающий на красоту телесную, обуздав свой помысл и напечатлев в недре души своей закон Христов, который говорит: *иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцы своем* (Мф. 5, 28), пусть убегает страсти невоздержания и упражняется в целомудрии. Невоздержный языком и без рассуждения говорящий обо всем, что ни случится, пусть подражает блаженному Пророку и говорит: *положи, Господи, хранение устом*

моим, и дверь ограждения о устнах моих (Пс. 140, 3); пусть никогда не произносит слов без размышления и как случилось... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 125).

***

...Каждый пусть испытает себя, сделал ли он что доброго в прошедшее время <поста>... устроил ли что ко благу ближнего, исправил ли какие-либо из своих недостатков... и если совершил какие добрые дела, пусть заботится об их приращении, и никогда пусть не прекращает этой прекрасной заботы. Если же кто видит себя еще во власти (греховной) привычки и все в тех же грехах, таковой сделай насилие своей душе, потребуй отчета в такой беспечности... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 239—240).

***

С постом всегда должна быть соединена молитва. И что это правда, послушай, как говорит Христос: *сей же род не исходит, токмо молитвою и постом* (Мф. 17, 21). И об апостолах также сказано: *помоливша*ся и постившеся, *предаша их Господеви, в Негоже увероваша* (ср.: Деян. 14, 23). И еще говорит Апостол: *не лишайте себе друг друга, точию по согласию до времене, да пребываете в посте и молитве* (1 Кор. 7, 5). Видишь, как пост нуждается в содействии молитвы? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 320).

***

Как птица не может летать без помощи крыльев, так и пост не может течь без двух своих крыльев — молитвы и милостыни (свт. Иоанн Златоуст, 49, 781).

***

Если ты не можешь поститься, то по крайней мере можешь не роскошествовать, — а и это не маловажно и не далеко от пощения, и может укротить неистовство диавола (свт. Иоанн Златоуст, 50, 590).

***

Тот, кто молится как должно, и при том постится, немногого требует; а кто требует немногого, тот не будет сребролюбив; а кто не сребролюбив, тот любит подавать и милостыню (свт. Иоанн Златоуст, 50, 590).

***

Если слабо у тебя тело, чтобы поститься беспрестанно, то оно не слабо для молитвы и для пренебрежения удовольствиями чрева (свт. Иоанн Златоуст, 50, 590).

***

Кто молится с постом, тот имеет два крыла, легче самого ветра (свт. Иоанн Златоуст, 50, 590).

***

Ошибается, конечно, тот, кто полагает пост лишь в воздержании от пищи. Нет, мы должны поститься постом приятным, угодным для Господа. Истинный пост есть удаление от зла, обуздание языка, отложение гнева, укрощение похотей, прекращение клеветы, лжи и клятвопреступления: оскудение всего этого и составляет истинный пост (свт. Иоанн Златоуст, 51, 860).

***

Пост же состоит не только в воздержании от пищи, но и воздержание от сластолюбия есть вид поста. Это-то в особенности я заповедую: воздерживайтесь не от пищи, а от сластолюбия (свт. Иоанн Златоуст, 52, 254).

***

Если ты хочешь после поста уврачевать свое тело, сделавшееся слабым, то врачуй его воздержанием, чтобы душа твоя, подобно легко нагруженному кораблю, возвышалась над волнами нечестия; если поднимутся искушения вожделений, она будет готова противоборствовать и управлять помыслами, чтобы сохранить от крушения наш корабль (свт. Иоанн Златоуст, 52, 911).

***

Ты постишься? Умилостивь того, кого ты обидел; не завидуй никогда брату, не питай ни к кому ненависти. Ты постишься? Не предавайся тщеславию (свт. Иоанн Златоуст, 52, 917).

***

Не принимай на себя поста относительно хорошего, вкушая чего сладко; но будь долготерпелив в ожидании более сладких учений (свт. Иоанн Златоуст, 53, 962).

***

Ты постишься, не касаясь мяса; постись, удерживаясь и от клеветы, чтобы через нее не есть тебе мяса братьев, не отведать их тела (свт. Иоанн Златоуст, 53, 964).

***

Какая польза тело свое удручать, а к вдовам и сирым не иметь сожаления? Если хочешь поститься, возненавидь сребролюбие: великое зло сребролюбие (свт. Иоанн Златоуст, 54, 964).

***

Ты постишься? Оставь блуд, оставь прелюбодеяние, избегай клеветы, злословия, лжи, вражды, хуления и всякого излишества (свт. Иоанн Златоуст, 54, 964).

***

Если постишься, возлюбленный, окажи участие бедному, одень нагого, отри слезы вдовицы, утешь плачущих сирот. Если имеешь достаток, помоги; если не имеешь, то по крайней мере не похищай чужого (свт. Иоанн Златоуст, 54, 964).

***

Ты постишься? Беги корыстолюбия, грабительства, ссоры и душепагубной зависти (свт. Иоанн Златоуст, 54, 964).

***

Если ты постишься для Бога, избегай всякого дела, которое ненавидит Бог, и Он примет твое покаяние, как милостивый и человеколюбивый (свт. Иоанн Златоуст, 54, 964).

***

Ты постишься? Напитай голодных, напой жаждущих, посети болящих, не забудь заключенных в темнице, пожалей измученных, утешь скорбящих и плачущих; будь

милосерд, кроток, добр, тих, долготерпелив, жалостлив, незлопамятен, благоговеен, неспорлив, истинен, богочестив, — чтобы Бог и пост твой принял, и плоды покаяния даровал тебе получить в изобилии (свт. Иоанн Златоуст, 54, 965).

***

...Весьма справедливо думали отцы, что пост и воздержание состоят в умеренности, и что все вообще домогающиеся совершенной добродетели, принимая пищу, необходимую для поддержания тела, должны воздерживаться, когда еще хочется есть (прп. Иоанн Кассиан, 56, 52—53).

***

...Монах так должен поститься, как бы имел прожить в теле сто лет, а страсти душевные обуздывать, обиды забывать, скорби отвергать, болезни и лишения пренебрегать так, как бы имел умереть в каждый день. В посте благоразумие внушает монаху всегда поступать с ровною строгостию, чтобы под предлогом слабости тела не переходить от строгости к гибельной распущенности, а в подавлении страстей спасительное великодушие подает силы не увлекаться видимым благополучием настоящего мира, не унывать в несчастиях и скорбях и пренебрегать ими, как маловажными и ничтожными, постоянно имея взор ума своего устремленным туда, куда ежедневно и ежеминутно можем переселиться (прп. авва Макарий, 56, 73).

***

...Господь не почитает поста существенно добрым делом, потому что он не сам по себе, но при других добрых

делах угоден Ему, и что от случайных причин он бывает не только напрасен, но даже ненавистен Богу, как об этом Он Сам свидетельствует у Иеремии: *поститися будут, не услышу прошения их* (Иер. 14, 12) (прп. авва Феона, 56, 549).

***

...Мы, несмотря на сильное желание его <поста>, почитаем его делом добрым только тогда, когда он сообразен с временем и когда соблюдается мера в нем. Посему и не полагаем надежды на один пост; но, сохраняя его, хотим достигнуть через него чистоты сердечной и апостольской любви, чем самым и доказывается, что пост (для коего не только назначены определенные времена, в которые и должно соблюдать его и оставлять, но определены и качество, и способ) относится к числу средних добрых дел, а не существенно добрых, потому что существенное добро должно быть всегда соблюдаемо, а существенное зло никогда не должно быть допускаемо (прп. авва Феона, 56, 551).

***

Если подвизаетесь законно, то не надмевайтесь тем, что поститесь. Если же величаетесь этим, то лучше ешьте мясо (прп. Исидор Пелусиот, 60, 264).

***

...Если кто постится или по тщеславию, или думая в себе, что он совершает добродетель, таковый постится неразумно, и потому начинает после укорять брата своего, почитая себя чем-то великим; и оказывается, что он не только положил один камень и снял два <из доброде-

телей>, но и находится в опасности разрушить всю стену через осуждение ближнего. А кто разумно постится, тот не думает, что он совершает добродетель, и не хочет, чтобы его хвалили, как постника, но думает, что через воздержание приобретет целомудрие, а посредством сего придет в смирение, как говорят отцы: «Путь к смирению суть труды телесные, совершаемые разумно»... (прп. авва Дорофей, 29, 162).

***

...Через меру напрягаться в подвигах своих не будем, чтобы с успехом в духовном соблюсти и здравие телесное (прп. Феодор Студит, 92, 406).

***

Хорош пост, если при нем сохраняется настроение духа — мирное, кроткое, благостынное, благопослушное, смиренное, сострадательное и всякое другое доброе расположение. Но диавол всячески ухитряется вложить в постящихся противное тому, явить их дерзкими, гневливыми, яростными, надутыми и сделать, чтобы от поста было для них больше вреда, чем пользы... (прп. Феодор Студит, 92, 409).

***

Пост и воздержание есть добродетель, от которой увядают греховные сласти и похоти и замирает огонь плоти, — и это есть дело собственного нашего произволения; но чтобы кто держал пост и воздержание без всякого чувства прискорбности и приболезненности сего подвига и еще более, чтобы кто достиг чистоты и совершенного бесстрастия, сие есть дар Божий, весьма высокий (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 281).

***

...Во время поста и молитвы, молю, если что когда и действительно имели против кого-нибудь, простим и будем полны любви, более того — будем следящими друг за другом с целью побуждения к любви и добрым делам и, говоря друг о друге хорошо, и в самих себе рассуждая и помышляя благая перед Богом и перед людьми, — дабы нам поститься похвальным и непорочным постом, и чтобы на основании его наши прошения были благоуслышаны Богом, так чтобы, по благодати, подобающим образом и Отцем Его именовать и возмочь со дерзновением говорить Ему: *Отче, остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим* (ср.: Мф. 6, 12) (свт. Григорий Палама, 26, 76).

***

...Ведая, что всякий гордец является нечистым и неприемлемым перед Богом и что мы, являясь должниками Богу во многих и великих вещах и отваживаясь воздать некую малейшую часть долга, должны поститься и молиться с сокрушением сердца и самоукорением, оставляя в пренебрежении, как бы не существующее, то — что позади, устремляясь же к лежащему впереди, — дабы наш пост был чистым и богоугодным, и в храме Божием были внимание и выдержка (свт. Григорий Палама, 26, 76—77).

***

...В нас, совершающих вместе телесный и духовный пост и молящихся, содействием благих Ангелов, огонь телесной страсти будет погашен, и гнев — как бы львиный — будет укрощен, и мы станем участниками пророческой пищи — в надежде будущих благ и вере, и умном

созерцании, и нам будет дано наступать на аспида, и скорпиона, и на всю силу вражию.

Но не такого рода пост и не таким образом совершаемый — более родствен злым ангелам: ибо им — свойственны неядение, связанное с гневом и ненавистью, и высокомерие, и противление Богу, — и мы, будучи рабами и служителями добра, противостоим им. *Яко несть наша брань к крови и плоти,* говорит Апостол, *но к началом, и ко властем, и к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12). Конечно, будем употреблять в противление им не только пост, но и латы праведности для нашей защиты, и шлем спасительной милостыни, и щит веры, еще же и могущественнейший в обороне меч духовный, который есть спасительное слово Божие к нам; потому что таким образом нам надлежит вести доблестную борьбу и сохранить непоколеблемую веру, и угасить все разжженные стрелы лукавого, и, показавшись победителями во всем, улучить небесные и святые венцы, радуясь вместе с Ангелами, в Самом Христе Господе нашем, Которому подобает всякая слава, держава, честь и поклонение, со Безначальным Его Отцем и Всесвятым и Благим и Животворящим Духом... (свт. Григорий Палама, 26, 79—80).

***

...Если будем соблюдать истинный пост, то и здешний огонь плоти поперем и угасим и будущую пещь без ущерба пройдем, когда (по слову апостола Павла) огонь испытает дела каждого (см.: 1 Кор. 3, 13) (свт. Григорий Палама, 26, 130).

***

...Разрешите, мы вам покажем, в чем заключается благоугодный и истинный пост: потому что должно вам знать,

что мы восхваляем телесный пост не сам по себе, но как средство, содействующее иному, более душеполезному деланию; потому что, как и божественный Павел говорит, плотское делание (само по себе) мало приносит пользы (см.: Рим. 8, 6—8). Посему-то, богоносные отцы, говорящие на основании опыта, не одобряют многодневных невкушений пищи, но признают за лучшее — вкушение пищи единожды в день, и то вкушение не до насыщения, и такой пост они называют соразмерным и разумным. Это же и Писание говорит, предупреждая, чтобы мы не прельщались насыщением желудка и услаждением гортани, но (лишь) удовлетворяли естественную потребность в пище, в то время как качество и количество ее должны быть соразмерены с силами и состоянием питаемого тела, чтобы по силе и оно, и его здоровье были сохранены. Ибо если соответственно немощи, немощный ест от данных кушаний, не прибавляя к необходимому того, что совершенно излишне и бесполезно, и нуждается в питье, а не ищет опьянения и нуждается в умеренном употреблении, а не ищет неумеренности, невоздержности и злоупотребления, — то, вследствие необходимого употребления большего количества или лучшего качества пищи, он не лишится святыни поста. Итак, это — начало истинного и богоугодного поста; конец же (цель), ради чего он был узаконен и находится в чести у христиан, — это очищение души. Ибо что за польза воздерживаться от телесной еды, а в то же время поддаваться плотским помыслам и страстям? Что за прибыль воздерживаться от вина, а в то же время томиться жаждой и пьянеть, хотя и не от вина, но, как говорится в Писании: увы! пьяным не от вина (см.: Ис. 29, 9), когда душа мятется гневом и завистью? Что за выгода воздерживаться от пышных трапез, а в то же время душу не иметь сокрушенной, и — *плоть изменить елеа ради*

(ср.: Пс. 108, 24), душу же не смирить в посте, как смирял себя Давид? Что за приобретение освободиться от мглы испарений, происходящих от изобильных яств, заботами же и суетными мыслями делать наш ум непригодным, а вместе с тем приводить в негодность и наши молитвы к Богу? — Посему добрый пост есть тот пост, который совершается с целью угашения страстей, приведения души в смирение, возненавидения гордыни, погашения гнева, отъятия злопамятства, совершения созерцания и молитвы и очищения. Если ты материально благоденствуешь, то излишек еды да послужит тебе на облегчение нуждающихся. И если ты будешь соблюдать пост таким образом, то не только станешь участником страстей и смерти Господней, но и совоскреснешь с Ним и совоцаришься со Христом в нескончаемые веки: ибо через пост такого рода став сроден подобию смерти Его, ты будешь участником и Воскресения и наследником жизни в Нем. Постящийся, если бы и подвергся искушению, побеждает искушающего; а если бы не подвергся искушению, сохраняет мир душевный и телесный, удручая и покоряя тело, по примеру <апостола> Павла, который боялся, дабы оно не стало негодным (гибельным для души) (см.: 1 Кор. 9, 27). Если же сего боялся <апостол> Павел, то насколько больше нам достоит бояться?! Итак, постящийся покоряет тело и делает душу испытанной; утучняющий же плоть, имеющую в скором времени истлеть, питающийся не столько для того, чтобы жить, сколько — живущий для того, чтобы есть, как те животные, которые подготовляются нами на заклание, и прибавляющий к необходимому излишнее, дабы утучнить ее или возбудить к низменным страстям, или вообще ради удовольствий, связанных с телом, не иное что делает, как уготовляет более обильную пищу для червей (свт. Григорий Палама, 26, 131—132).

***

Пост приемлется Богом, когда предшествует ему великая добродетель — милость; посту приготовляется награда на небе, когда он чужд лицемерства и тщеславия; пост действует, когда сопряжена ему другая великая добродетель — молитва. И как действует? не только укрощает страсти в человеческом теле — вступает в борьбу с духами злобы, побеждает их (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 96—97).

***

Не считайте его <пост> важным делом вашим. Важно внимание к движениям сердца и очищения их покаянием всякую минуту (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 235).

Духовный пост

Постись... следующим постом: не лукавствуй в жизни своей, но служи Богу чистым сердцем; соблюдай Его заповеди, ходи в Его повелениях и не допускай никакой злой похоти в сердце твоем. Веруй в Бога, и если исполнишь это, и будешь иметь страх Божий, и удержишься от всякого злого дела, то будешь жить с Богом. Делая это, ты совершишь великий и угодный Богу пост (св. Ерм, 94, 205).

***

...Пост... при исполнении заповедей Господа очень хорош, и соблюдай его таким образом: прежде всего воздерживайся от всякого дурного слова и злой похоти, и очисти сердце твое от всех сует века сего. Если соблюдешь это, пост будет праведный. Поступай же так: исполнивши вышесказанное, в тот день, в который постишься, ничего не

вкушай, кроме хлеба и воды; и, исчисливши издержки, которые ты сделал бы в этот день на пищу, по примеру прочих дней, остающееся от этого дня отложи и отдай вдове, сироте или бедному; таким образом ты смиришь свою душу, и получивший от тебя насытит свою душу и будет за тебя молиться Господу. Если будешь совершать пост так... то жертва твоя будет приятна Господу, и этот пост будет написан, и дело, таким образом совершаемое, — прекрасно, радостно и угодно Господу. Если ты соблюдешь это с детьми своими и со всем домом твоим, то будешь блажен; и все, кто только соблюдут это, будут блаженны и, что ни будут просить от Господа, получат (св. Ерм, 94, 207).

***

Для чего умерщвляешь тело свое постом, томишь душу свою голодом и жаждою, если не приемлешь с любовию брата своего, против которого во внутренности своей имеешь гнев и ненависть? Ни молитва твоя, ни пост твой нимало не помогут тебе, пока не сделаешься совершенным в любви и уповании веры (прп. Ефрем Сирин, 33, 112).

***

...Что за польза нам воздерживаться от пищи, если не изгоним из души порочных привычек? (свт. Иоанн Златоуст, 45, 68).

***

Как можно, постясь, не поститься? Это бывает тогда, когда кто-нибудь воздерживается от яств, а не воздерживается от грехов. Как можно, не постясь, поститься? Это бывает тогда, когда кто-нибудь вкушает пищу, но не ус-

лаждается грехом. Этот пост лучше того, и не только лучше, но и легче... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 482).

***

...<Мы> должны воздержанием очистить свой ум и облегчить душу, дабы она, погрязши в невоздержании, не сделала для нас пост бесполезным и бесплодным (свт. Иоанн Златоуст, 47, 3).

***

Тело через пост освящается; душа, если ее не питать, гибнет. Пусть же тело постится постом воздержания от грехов, а душа насыщается Божественным учением (свт. Иоанн Златоуст, 49, 742—743).

***

...Один телесный пост не может быть достаточным к совершенству сердца и чистоте тела, если не будет соединен с ним и пост душевный. Ибо и душа имеет свою вредную пищу, которою, будучи утучнена, и без обилия (телесной пищи) впадет в сладострастие. Злословие есть пища ее, и притом приятная; гнев есть также пища ее, хотя вовсе не легкая; хотя на час питает ее несчастною пищею, а вместе поражает и смертоносным вкусом. Зависть есть пища души, которая растлевает ее ядовитыми соками и благополучием чужого успеха непрестанно мучит ее бедную. Тщеславие есть пища ее, которая приятным вкусом на время услаждает ее, а после делает пустою, лишает всякой добродетели, оставляет бесплодною, лишенною всех духовных плодов, так что не только погубляет заслуги необычайных трудов, но еще навлекает большое наказание. Всякая похоть и блуждание непостоянного серд-

ца есть корм души, питающий ее вредными соками, а после оставляет ее не причастною небесного хлеба и питательной пищи. Итак, при посте, воздерживаясь от этих страстей, сколько у нас есть силы, мы будем иметь полезный пост телесный. Утруждение плоти, соединенное с сокрушением духа, составит приятнейшую Богу жертву и достойную обитель святости в сокровенности чистого, благоукрашенного духа. Но если, постясь телесно, мы будем запутаны гибельными пороками души, то истомление плоти не доставит нам никакой пользы, при осквернении драгоценнейшей части (души), которая бывает жилищем Святаго Духа. Ибо не столько тленная плоть, сколько чистое сердце бывает храмом Божиим и жилищем Святаго Духа. Следовательно, постясь по внешнему человеку, вместе должно воздерживаться от вредной пищи и по внутреннему, которого святой Апостол особенно убеждает представить чистым Богу, чтобы удостоиться принять в себя Гостя — Христа, говоря, что ***во внутреннем человеке Христос верою вселяется в сердца ваши*** (Еф. 3, 16—17) (прп. Иоанн Кассиан, 56, 62—63).

***

...Пост тогда сделается жертвою приятною Богу, когда он будет украшен плодами любви (авва Феодор, 56, 69).

Плоды поста

Пост препосылает молитву на небо, делаясь для нее как бы крыльями, при восхождении горе́. Пост — приращение домов, матерь здравия, воспитатель юности, украшение старцев, добрый спутник путешественникам, надежный сожитель супругам (свт. Василий Великий, 8, 12).

***

...Пост служит и поводом к веселию. Как жажда придает питию сладость и предшествовавший голод делает трапезу вкусной, так и пост делает приятным вкушения яств (свт. Василий Великий, 8, 13).

***

...Не для будущего только полезен пост, он драгоценен и для плоти (свт. Василий Великий, 8, 14).

***

У постящегося и цвет лица почтенный; он не переходит в бесстыдную багровость, но украшен целомудренной бледностью; взор у него кроткий, походка степенная, лицо осмысленное, не обезображиваемое неумеренным смехом; у него мерность в речи, чистота в сердце (свт. Василий Великий, 8, 14).

***

Пост есть оружие для ополчения против демонов... (свт. Василий Великий, 8, 16).

***

...Пост указывает меру и в делах супружеских, удерживая от неумеренности даже в том, что дозволено законом: по согласию отделяет время на то, *да пребываете в посте и молитве* (1 Кор. 7, 5) (свт. Василий Великий, 8, 16).

***

Путешественникам выгодный спутник — пост; ибо как роскошь заставляет обременять себя тяжестями и носить с

собою нужное для наслаждения, так пост делает их легкими и свободными в действии (свт. Василий Великий, 8, 22).

***

...Услышав о посте, не испугайтесь (его, как) страшного начальника: он страшен не нам, но демонам. Если кто одержим злым духом, покажи ему лицо поста, и он, оковываемый страхом и удерживаемый как бы какими цепями, станет неподвижнее самых камней, особенно когда увидит в союзе с постом сестру и подругу поста — молитву (свт. Иоанн Златоуст, 45, 342).

***

...Пост является источником удовольствия. Ведь как томящийся жаждой находит всякое питье приятным и с голоду кажется вкусным и самый простой обед, так и пост заставляет ценить последующее разрешение на пищу (свт. Иоанн Златоуст, 51, 861).

***

...Чего только не исцеляет пост? Какого душевного недуга не уничтожает? Изгоняя пресыщение и неумеренность, он обновляет сердце; уничтожая роскошь жизни, подавляет пыл гнева, утишает жестокую ненависть, снимает бремя вожделений, уничтожает горячку страстей, изгоняет надменное тщеславие, отгоняет бессонные заботы, снимает гной с глаз, очищает душевные и телесные чувства, — так как этот художник получил силу врачевания свыше от Творца. Итак, кто любит здоровье, пусть усердно предается посту, который не требует платы за исцеление, но еще и сам прибавляет награду. Какую же награду дает

он? Прекрасно узнать и это. Он дает в награду не оболы, но целомудренные помыслы, не золото, но добрые нравы, не серебро, но чистоту членов, не драгоценные камни, но благоговейные мысли, не блестящие одежды, но безгрешные телесные чувства. Дает в награду блудницам — целомудрие, пьяницам — трезвость, скупым — щедрость, сребролюбцам — любовь к бедным, братоненавистникам — братолюбие и гостеприимство, малодушным — великодушие, а что важнее всего — животворя, он приближает к Богу (свт. Иоанн Златоуст, 52, 907).

***

...Пост создает ангельскую жизнь и усовершает духовное тело... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 962).

***

Как убитый враг не внушает тебе страха, так <постом> умерщвленное тело не возмутит твоей души (прп. Нил Синайский, 71, 203).

***

...Мы, если будем сеять семя молитвы, не удручив прежде тело свое постом, то вместо правды принесем плоды греха (прп. Марк Подвижник, 69, 160).

***

Как неразумный земледелец, если он со многими издержками обработал свое поле и оставил его незасеянным, потрудился в убыток себе; так и мы, если, поработив тело свое большим вниманием к себе, не будем сеять семена молитвы, то выйдет, что мы потрудились против самих себя. Но, может быть, кто-нибудь скажет: если в молитве

заключается главное дело правды, то какая надобность в посте? Всячески большая: ибо как бедный земледелец, если посеет на поле, заросшем дурною травою, не обработав вновь земли, то вместо пшеницы пожнет терние; так и мы, если будем сеять семя молитвы, не удручив прежде тело свое постом, то вместо правды принесем плоды греха. Ибо тело сие из той же земли, и если не будет возделано с таким же прилежанием, как и земля, то никогда не произрастит плода правды (прп. Марк Подвижник, 89, 514).

Польза поста

...Пресыщение угождает одному чреву, а пост приносит пользу душе (свт. Василий Великий, 8, 5—6).

***

...Елей умащает борца, а пост укрепляет подвижника благочестия. Поэтому, сколько отнимешь у плоти, столько придашь душе, чтобы сиять ей духовным здравием... (свт. Василий Великий, 8, 21).

***

Ангелы в каждой церкви записывают постящихся. Смотри же, ради кратковременного наслаждения яствами не лишись ангельской записи... (свт. Василий Великий, 8, 21).

***

Полезен пост во всякое время для подъемлющих его: потому что на постящегося не смеют нападать демоны, охранители же жизни нашей — ангелы деятельнее пребывают с теми, которые очистили душу постом (свт. Василий Великий, 8, 21).

***

Для старцев легким делает труд давнее знакомство с постом... (свт. Василий Великий, 8, 22).

***

...Мирским воинам, по мере трудов, увеличивают выдачу жизненных припасов; а духовные воины, чем у кого меньше пищи, тем больше имеют достоинства (свт. Василий Великий, 8, 22).

***

Дети, как цветущие растения, да орошаются водою поста (свт. Василий Великий, 8, 22).

***

Пост охраняет младенцев, уцеломудривает юного, делает почтенным старца: ибо седина, украшенная постом, достойнее уважения (свт. Василий Великий, 8, 24).

***

Пост — самое приличное убранство женщин, узда во цвете лет, охранение супружества, воспитатель детства (свт. Василий Великий, 8, 24).

***

Жизнь наша не была бы так многоплачевна и исполнена уныния, если бы пост был главным правителем нашей жизни (свт. Василий Великий, 8, 25).

***

Приимите его <пост>, здоровые: это охранитель вашей телесной крепости (свт. Василий Великий, 8, 26).

***

...Польза поста открыта всякому роду жизни, всякому состоянию тела: пост везде одинаково приличен — и в домах, и на торжищах, и ночью, и днем, в городах и в пустынях (свт. Василий Великий, 8, 27).

***

Пост отражает искушения, умащает на подвиг благочестия; он сожитель трезвенности, виновник целомудрия (прп. Ефрем Сирин, 32, 16).

***

Пост не допускает злопамятства. А собирающие в памяти свои огорчения и сделанное им зло, хотя, по-видимому, молятся и постятся, подобны людям, которые черпают воду и вливают ее в разбитую бочку (прп. Ефрем Сирин, 32, 16—17).

***

...Не почитай для себя тягостным поста, потому что он препровождает тебя к вечному веселию (прп. Ефрем Сирин, 32, 147).

***

...Пост, возлюбленные, отверзает дверь небесную, потому что подъемлет нас с земли и возносит в высоту... Пост, возлюбленные, радует Ангелов и Хранителей наших, пото-

му что посредством поста и молитвы делаемся их сродниками (прп. Ефрем Сирин, 33, 108).

***

С помощью... святого поста человек возносится на небо и воспаряет в рай, если только постится в совершенной чистоте. Сим святым постом человек прославляет Бога, и всякому, кто ревностно соблюдает пост, отверзает Он дверь милосердия (прп. Ефрем Сирин, 33, 110).

***

О, как велик ты, день поста! Блажен, кто проводит тебя, как должно. Всякий, кто подчиняется тебе, на крыльях возносится на небо (прп. Ефрем Сирин, 33, 110).

***

Пост скромности придал более красоты, нежели благовонные мази, пепел возвысил в царских очах лепоту ее более, нежели какое-нибудь драгоценное миро (прп. Ефрем Сирин, 34, 229).

***

Потому пост и есть добро, что он устраняет заботы души и, прекращая угнетающую ум дремоту, обращает все помыслы к ней самой (свт. Иоанн Златоуст, 44, 320).

***

Постящийся есть духовное миро, — он и глазами, и языком, и всем обнаруживает благоустройство души (свт. Иоанн Златоуст, 45, 121).

***

...Если оружие <пост> было нужно нам еще до начала войны с похотями, то гораздо более необходимо споборничество поста по открытии такой брани со стороны похотей и демонов (свт. Иоанн Златоуст, 45, 343).

***

...Пост есть мать и здоровья телесного (свт. Иоанн Златоуст, 45, 349).

***

...Господь, как чадолюбивый Отец, желая очистить нас от грехов, сделанных нами в какое бы то ни было время, и даровал нам врачевство в святом посте (свт. Иоанн Златоуст, 47, 1).

***

Как невоздержность в пище бывает причиною и источником бесчисленных зол для рода человеческого, так пост и презрение (удовольствий) чрева всегда были для нас причиною несказанных благ (свт. Иоанн Златоуст, 47, 3).

***

Как легкие суда скорее переплывают моря, а обремененные большим грузом затопают, так и пост, делая ум наш более легким, способствует быстро переплывать море настоящей жизни, стремиться к небу и к предметам небесным... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 5).

***

...Пост есть пища для души, и как телесная пища утучняет тело, так и пост укрепляет душу, сообщает ей

легкий полет, делает ее способною подниматься на высоту и помышлять о горнем, и поставляет выше удовольствий и приятностей настоящей жизни (свт. Иоанн Златоуст, 47, 5).

***

Так как человеческая природа нерадива и более склонна к невоздержанию и роскоши, поэтому человеколюбивый Господь, как любящий Отец, изобрел для нас врачевство в посте, дабы и отвлечь нас от (мирских) удовольствий, и обратить от забот житейских к делам духовным (свт. Иоанн Златоуст, 47, 74).

***

Пост смиряет тело и обуздывает беспорядочные вожделения, душу же просветляет, окрыляет, делает легкою и парящею горе́ (свт. Иоанн Златоуст, 47, 75).

***

Почему называем ее <Страстную седмицу> великой? Потому что в продолжение ее совершились для нас великие и неизреченные благодеяния (свт. Иоанн Златоуст, 47, 312).

***

...Молитвы совершаются со вниманием особенно во время поста, потому что тогда душа бывает легче, ничем не отягчается и не подавляется гибельным бременем удовольствий (свт. Иоанн Златоуст, 47, 320).

***

...Желающим любомудрствовать время поста — это духовная весна для души, это истинное умирение помыслов (свт. Иоанн Златоуст, 47, 726—727).

***

...Нам приятна весна поста, потому что она успокоивает обыкновенно у нас волны не вод, но безумных пожеланий, и приготовляет нам венец не из цветов, но из (даров) духовной благодати... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 727).

***

Как те, кого мы любим, доставляют нам большое удовольствие не только тогда, когда бывают у нас, но и тогда, когда мы вспоминаем о них, так и дни поста с их собраниями, общими собеседованиями и другими добрыми плодами, какие мы получали от него, радуют нас и при воспоминании; если мы вспомним обо всем этом, то получим и в настоящее время большую пользу (свт. Иоанн Златоуст, 47, 777).

***

...Познай и научись, что, омывшись водами крещения, не должно предаваться удовольствиям, пьянству и обильным яствам, но наблюдать пост. Потому-то и Сам Христос постился, — не потому, что Ему нужен был пост, но для нашего научения. Служение чреву было виною грехов, бывших до крещения. Поэтому как врач, излечив больного, запрещает ему делать то, от чего произошла болезнь,

так и здесь Христос после крещения установил пост (свт. Иоанн Златоуст, 50, 131).

***

...Пост много придает крепости; он научает великому любомудрию, человека делает ангелом и укрепляет противу сил бестелесных (свт. Иоанн Златоуст, 50, 590).

***

Кто постится, тот становится легким и окрыляется, и с бодрым духом молится, угашает злые похоти, умилостивляет Бога и смиряет надменный свой дух (свт. Иоанн Златоуст, 50, 590).

***

Вот предстоит Четыредесятница, представляя тебе духовную купель, исцеляющая в течение года не единственного только больного, но целый народ (свт. Иоанн Златоуст, 52, 907).

***

Ведь невозможно, совершенно невозможно пребывать с Богом тем, которые прежде не позаботились уврачевать себя постом (свт. Иоанн Златоуст, 52, 907).

***

Пост избавляет от рабства и дает свободу, возвращает из плена в отечество, пост исцеляет душевные раны, пост обновляет растленную грехами душу, возбуждает ее, укрепляет ум, внушает страх Божий, уничтожает страсти, смиряет помыслы. Во дни поста угасают похоти, процветают

добродетели, является в большей чистоте красота целомудрия, и тело обращается в душу, делаясь, вопреки природе, духовным (свт. Иоанн Златоуст, 52, 910).

***

Не отвращайся, возлюбленный, от поста, так как он есть мать добродетелей, корень благ, источник целомудрия, страж благочестия, совоскормленник святых, сожитель ангелов, враг диавола, друг Духа Святаго; ради него оставляют нас похоти и удаляются демоны, ослабевает гнев, умерщвляются вожделения, оживают и воссиявают в нас добродетели; благодаря ему утихают страсти и унимается мятеж удовольствий, а ум плывет как бы по спокойному морю и, благополучно преодолевая, при посредстве этого воздержания, треволнения бури злых дел, приводит корабль к пристани добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 52, 910).

***

Пост обращает в бегство демонов, разрушает власть диавола, особенно если пост имеет союзницей своей и молитву... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 911).

***

Пост возводит мысль на небо и окрыляет ее к бессмертной природе (свт. Иоанн Златоуст, 53, 962).

***

Как, при наиболее худых болезнях, устраняется телесный гной, когда делаются присыпки из чего-нибудь самого

острого и стягивающего, таким же образом и плесень греха, проникшую в душу, иссушает стягивающий пост, понемногу смягчая; (потом), очистив совершенно, он уничтожает (ее) (свт. Иоанн Златоуст, 53, 962).

***

Обратись к жизни праведных и найдешь, что они прославились больше всего через пост (свт. Иоанн Златоуст, 53, 962).

***

Не допускает он <пост> к себе коварного удовольствия и поборает восстающую страсть (свт. Иоанн Златоуст, 53, 962).

***

Он <пост> умеет и старцев умудрять, и око мысли соблюдать в чистоте (свт. Иоанн Златоуст, 53, 964).

***

Пост умеет бедного делать богатым: не позволяет не вовремя трату, дает самостоятельность меры... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 964).

***

Пост и тело сохраняет в большем здравии: не отягчаясь пищею, оно не принимает вещества болезней, но, становясь легким, укрепляется для принятия даров (свт. Иоанн Златоуст, 53, 964).

***

Он <пост> умеет и богатого делать правителем собственного имущества, не позволяя ему безбоязненно его поглощать... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 964).

***

Великое дерзновение к Богу дарует добровольный пост, очищающий тела воздержанием, освящающий душу приближением к Богу, отвлекающий от всего земного и располагающий желать небесного (свт. Иоанн Златоуст, 54, 919).

***

Пост, возводящий любящих его на небеса, поставляет их перед Христом и вводит в общение со святыми (свт. Иоанн Златоуст, 54, 919).

***

Прекрасен труд поста, потому что он облегчает душу нашу от тяжести грехов и легким делает бремя заповедей Христовых (свт. Иоанн Златоуст, 54, 924).

***

Прекрасен сев поста, потому что и грехи наши он подавляет, как сорную траву, и правду, как цвет, поднимает и возращает (свт. Иоанн Златоуст, 54, 924).

***

Пост изнуряет тело жаждою, но зато душа радуется в чаянии благ (свт. Иоанн Златоуст, 54, 926).

***

Некоторые огорчаются, видя трудность закона о посте, и закрывают глаза на проистекающую от него пользу. Не знаешь разве, что и львы во рве научены были поститься и не тронули Даниила? Если уже львы оказались послушными повелению и не обнаружили своей природной кровожадности, были как бы знакомыми, а не нападали, как чужие, то не постараемся ли и мы пользоваться постом? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 928).

***

Постящиеся знают, как пост укрощает пожелания, а те, кому случалось испытать это на деле, подтвердят, что он смягчает нрав, подавляет гнев, сдерживает порывы сердца, бодрит ум, приносит спокойствие душе, облегчает тело, устраняет невоздержание, предупреждает увлечение вином и головные боли; при нем (у человека) и вид хороший, и взор веселый (свт. Иоанн Златоуст, 54, 929).

***

Пост отвращает гнев Божий (свт. Иоанн Златоуст, 54, 930).

***

Чего ты лишился из-за поста? Вина ли? Не вина, конечно, но воспаления в теле, головной боли, тяжкого дыхания. Зато подумай, что ты получаешь взамен: мир, тишину, успокоение (свт. Иоанн Златоуст, 54, 932).

***

...Добро пожаловать <пост>, о, матерь благ и добродетелей, исполни нас небесного благоухания, открой нам рай евангельской жизни, дай насладиться духовными плодами воздержания, укрась нас венцом целомудрия, очисти жизнь нашу от скверны, уврачуй души, изъязвленные похотью, потуши страсти, распаляемые вином, обуздай лихорадочные припадки уныния, упраздни диавольские зрелища, положи конец этому бешенству, прекрати это бесчеловечное зверонравное делание, запрети ветрам нечистых духов, введи постящихся в порядок жизни бестелесных, покажи почтенную седину старца, взборозди нашу ниву плугом воздержания, образумь мужей, погрязших в распутстве, укрась жен, подвизающихся в целомудрии, вдохнови юношей к жизни ангельской! (свт. Иоанн Златоуст, 54, 945—946).

***

Благодаря посту — опять Адам в раю, опять благодушествует, снова украшается образом Божиим, снова возводится к первообразной красоте (свт. Иоанн Златоуст, 54, 946).

***

Ты постишься? Удержи язык свой от зла и уста свои от лести и коварства: этого достаточно тебе для спасения (свт. Иоанн Златоуст, 54, 964—965).

***

...Когда оно <чрево> в оскудении, пожелания... остаются более покойными и невозбужденными (прп. Нил Синайский, 72, 75).

***

...Заботящиеся о пользе поста должны беречься вреда его, т. е. тщеславия... (прп. Марк Подвижник, 69, 160).

***

Пост как приносит пользу тем, которые разумно к нему приступают, так и вредит неразумно его начинающим. Посему заботящиеся о пользе поста должны беречься вреда его, т. е. тщеславия, и хлеб, который вкушаем по окончании назначенного себе поста, должны мы разделять на дни невкушения пищи, чтобы, вкушая ежедневно по малой части, мы могли покорить мудрование своей плоти и иметь сердце твердым к полезнейшей молитве, дабы таким образом, силою Божиею быв сохранены от возношения, мы имели попечение все дни жизни нашей пребывать в смиренномудрии, без которого никто никогда не может благоугодить Богу (прп. Марк Подвижник, 89, 514).

***

Оно <пощение> очистит грехи твои и беззакония, сделает душу степенною и важною, освятит ум, отгонит бесов, Бога приблизит (прп. Марк Подвижник, 89, 597).

***

Как скоро начнет кто поститься, вожделевает уже с этого времени умом своим прийти в вожделение собеседования с Богом (прп. Исаак Сирин, 58, 96).

***

...Тело постящееся не терпит того, чтобы целую ночь проспать на постели своей (прп. Исаак Сирин, 58, 96).

***

Как здоровым глазам свойственно вожделение света, так посту, соблюдаемому с рассудительностию, свойственно вожделение молитвы (прп. Исаак Сирин, 58, 96).

***

Когда на уста человеку налагается печать постов, тогда помысл его поучается в умилении, сердце его источает молитву, на лице у него грусть, и срамные помыслы далеки от него, не видно веселости в очах его, враг он похотений и суетных бесед (прп. Исаак Сирин, 58, 96—97).

***

Никто никогда не видал, чтобы рассудительный постник стал рабом худого вожделения (прп. Исаак Сирин, 58, 97).

***

...До поста род человеческий не знал победы, и диавол никогда не испытывал поражения своего от нашего естества... (прп. Исаак Сирин, 58, 97).

***

Пост стяжавшему его напоминает заповеди Духа (прп. Исаак Сирин, 58, 98).

***

Кто пребывает в нем <посте>, у того ум непоколебим и готов сретить и отразить все лютые страсти (прп. Исаак Сирин, 58, 98).

***

Облеченный в оружие поста во всякое время распаляется ревностию (прп. Исаак Сирин, 58, 98).

***

...Когда тело изнемогает в посте и смирении, тогда душа укрепляется молитвою (прп. Исаак Сирин, 58, 117).

***

...Голод много способствует к укрощению чувств (прп. Исаак Сирин, 58, 177).

***

...<Пост> есть истребитель сластолюбия... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 188).

***

...Пост угашает и невольные разжжения плоти (прп. Иоанн Лествичник, 57, 212).

***

Властвующий над чревом иссушает похоть, и блудным помыслам не раболепствует ум его (авва Фалассий, 91, 306).

***

...Тело не может очиститься без поста и бдения... (прп. Илия Екдик, 91, 424).

***

Не отсечешь борющих тебя страстей, если наперед не перестанешь возделывать землю, из которой они заимствуют себе пищу (прп. Илия Екдик, 91, 428).

***

Пост делает нас способными зреть умно духовный воздух, в коем всегда сияет умное Солнце Правды, Господь наш Иисус Христос (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 280).

***

Пост мало-помалу утончает греховный покров, лежащий на душе, и рассеивает мысленный мрак ее, как солнце рассеивает туман (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 280).

***

Пост, как врач душ наших: у одного христианина смиряет плоть, у другого укрощает гнев; от одного отгоняет сон, другого возбуждает на большее доброделание; у одного очищает ум и делает его свободным от злых помыслов, у другого вяжет неудержимый язык и страхом Божиим, как уздою, удерживает его, не позволяя ему говорить праздные и гнилые слова, а у иного не дает глазам смотреть туда и сюда и любопытствовать, что делает тот или другой, но всякого располагает внимать себе самому и свои собственные рассматривать грехи и недостатки (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 280).

***

Пост, взяв в помощники себе бдение, оттоняет ожестение сердца, и из того, кто прежде был ядца и пийца, извлекает потоки слез сокрушения, — что позаботимся, прошу вас, братия, возыметь и все мы (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 280—281).

***

...В какой мере кто станет утончать тело свое, соразмерно с тем будет насыщаем пищею и утешением духовными (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 13).

***

Благоразумное пощение, приявшее в спутники себе бдение с богомыслием и молитвою, скоро делателя своего приводит к пределам бесстрастия, когда у него при сем и душа в преизбытке смирения будет обливаема слезами и воспламеняема любовию к Богу (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 135).

***

...Как чревоугодие производит многочисленный рой грехов, так пост является корнем всех добродетелей и началом Божественных заповедей (свт. Григорий Палама, 26, 72).

***

...Пост и воздержание служат на пользу не только добродетели, но и благочестию; ибо долженствует, чтобы пост был сопряжен с воздержанием. Почему? — Потому что сытость презренными яствами препятствует чувству

очистительной скорби и печали о Бозе и сердечному сокрушению, которое претворяет несклонное к покаянию раскаяние в покаяние спасительное. Ибо без наличия сокрушенного сердца нельзя достигнуть истинного покаяния. Сокрушает же сердце и заставляет скорбеть о своих грехах ограничение в пище, и в сне, и удержание чувств. Посему, подобно тому, как оный евангельский богач, говоря самому себе: ***яждь, пий, веселися*** (Лк. 12, 19), сделал себя, несчастный, достойным вечного огня, так и мы, братия, напротив, велим себе воздерживаться и поститься, и бодрствовать и ограничивать себя, и смиряться и злострадать ради нашего спасения. Ибо таким образом и настоящую жизнь мы прекрасно и богоугодно совершим и унаследуем вечное благобытие... (свт. Григорий Палама, 26, 73).

***

Пост же и воздержание умиряют плотское разжжение, угашают яростный гнев и страстность, в душе создают ясное небо — чистое и как бы безоблачное, — очищая ее от паров, происходящих от множества еды, и от мрака, как следствия сего. Благодаря посту и воздержанию внешний человек вянет; насколько же он вянет, настолько внутренний человек обновляется, как говорит Апостол (см.: 2 Кор. 4, 16). Упитанный желудок, сказал некто, не рождает тонкого ума; следовательно, суживаемый от поста и воздержания, он, по необходимости, и ум делает тонким. Таким образом, благодаря сему совершается все прекрасное и хорошее. Пост и воздержание — это двойное кольцо стен, и живущий за ними наслаждается большим покоем, как бы гражданин Иерусалима. Ибо Иерусалим в переводе означает «мир» (свт. Григорий Палама, 26, 90).

***

Если и вся жизнь человека является благоприятным временем для приобретения спасения, то насколько больше таким благоприятным временем является это время поста; ибо и Начальник и Вождь нашего спасения, Христос, начал с поста и, находясь на его поприще, низложил и посрамил диавола, возбудителя страстей, всячески нападавшего на Него. Как невоздержание чрева, будучи уничтожителем добродетелей, является родительницей страстности, так, напротив, — воздержание, уничтожая скверны, прибывшие нам вследствие невоздержания, бывает матерью бесстрастия. Если же и тогда, когда и нет в нас страстей, невоздержание вводит и ввело их, то как же ему не умножить и не укрепить их, когда они уже — налицо, между тем как пост уменьшает их и уничтожает? Пост и (общее) воздержание шествуют рука об руку, хотя по времени, у разумно наблюдающих их, то одному, то другому отдается предпочтение. Строго говоря, мы не будем разделять их друг от друга; но в течение честных пяти будничных дней седмицы будем более держаться поста (во всей его строгости), а по субботам и воскресеньям будем более внимать воздержанию (т. е. общей умеренности в пище)... (свт. Григорий Палама, 26, 96).

***

...Пост и невоздержание так взаимно противоположны, как жизнь — смерти. И заповеданный пост является ровесником жизни и естества человеческого, и дан он от Бога Адаму в раю изначала ради сохранения вложенной в него Богом жизни и Божественной благодати. Невоздержание же является советом, приводящим к смерти тела и

души, и дан он от диавола Адаму коварным образом через Еву, с той целью, чтобы они отпали от жизни и стали чуждыми данной Богом Божественной благодати (свт. Григорий Палама, 26, 129—130).

***

Причина действия поста на духов злобы заключается в его сильном действии на наш собственный дух. Укрощенное постом тело доставляет человеческому духу свободу, силу, трезвенность, чистоту, тонкость (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 97).

***

Пост и вообще постническая жизнь — лучшее средство к хранению здоровья и процветанию его... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 154).

Мнимый пост

Что пользы поститься телом, когда душа наполнена тысячами зол? (свт. Василий Великий, 5, 138).

***

...Нет выгоды и от поста, о котором все разглашают (свт. Василий Великий, 8, 6).

***

Не притворяйся сетующим, уловляя себе наружностию славу, что ты воздержан (свт. Василий Великий, 8, 6).

***

Но кто, постясь, ненавидит брата своего, тот перед Богом тоже, что предающийся объядению; потому что он исполнен обмана и ненависти, и утратил любовь нашего Господа (прп. Ефрем Сирин, 33, 110—111).

***

Пост есть лекарство; но лекарство, хотя бы тысячу раз было полезно, часто бывает бесполезным для того, кто не знает, как им пользоваться (свт. Иоанн Златоуст, 45, 48).

***

Всего нелепее было бы в отношении яств воздерживаться и от позволенной пищи, а глазами пожирать и то, что запрещено. Ты не ешь мяса? Не вкушай же и глазами нескромности (свт. Иоанн Златоуст, 45, 50).

***

Можно ведь и понести труд поста, и не получить награды за пост. Как? Когда от пищи мы воздерживаемся, а от грехов не удерживаемся; когда мяса не едим, а поедаем домы бедных; когда вином не упиваемся, а упиваемся злою похотию; когда весь день проводим без пищи, и весь же день бываем на бесстыдных зрелищах. Вот и труд поста, и никакой награды за пост, когда ходим на зрелища беззакония (свт. Иоанн Златоуст, 45, 351).

***

Какая... польза от поста, когда ты целый день воздерживаешься от пищи, а между тем предаешься игре в кости

и тратишь весь день в пустословии... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 48).

***

Подобно тому, как кто, будучи связанным, содержится в темнице и своими узами ударяет <расстраивает> своих ближних, точно так же и пост бывает обвинением постящихся, когда они причиняют бедным вред (свт. Иоанн Златоуст, 49, 352).

***

Я назвал бы в тысячу раз блаженнейшим ядущего, чем постящегося и творящего неправду. Говорю это не для того, чтобы уничтожить пост, а чтобы призвать к благочестию. Не еда — зло, а грех — зло... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 743).

***

Какая польза в посте, когда душа исполнена лукавства, когда обвиняете других, когда осуждаете их, сами имея бревна в глазах своих, и все делаете для того, чтобы показать себя? (свт. Иоанн Златоуст, 50, 334).

***

Если ты постишься без милостыни, то пост твой не есть пост, и такой человек хуже обжоры и пьяницы, и притом настолько, насколько жестокость хуже роскошества (свт. Иоанн Златоуст, 50, 783).

***

...Иные, воздерживаясь по заповеди поста от пищи, мало-помалу дошли до того, что гнушаются пищей; а это

приносит им величайшее наказание (свт. Иоанн Златоуст, 50, 858).

***

Какая польза воздерживаться от пищи и оскверняться блудом? Ты не ешь мяса, но зато терзаешь плоть брата своего. Какая прибыль в том, чтобы не увеселяться вином и упиваться богатством? Какая польза не есть хлеба и опьяняться гневом? Какая прибыль изнурять себя постом и в то же время злословить ближнего? Какая польза воздерживаться от пищи и похищать чужое? Какая необходимость иссушать тело и не питать алчущих? Какая польза терзать члены и не оказывать милости вдовам и сиротам? Какая выгода проводить время в созерцании и сокрушении и в то же время не оказывать покровительства сиротам, удрученным несчастиями?..

Ты постишься? В таком случае избегай прелюбодеяния, избегай блуда, избегай клеветы, избегай лжи, злословия, вражды, богохульства и всякой суеты. Ты постишься? Избегай тогда любостяжания, хищения, раздора и губящей душу зависти. Ты постишься? Избегай гнева, блуда, ревности, клятвопреступления и всякой несправедливости. Ты постишься? Избегай объядения, матери всякого нечестия, которое удаляет нас от Самого Бога, — объядения, которое низвергает нас в пучину погибели. Если ты постишься ради Бога, то избегай всякого дела, которое ненавидит Бог, и Он примет твое покаяние с благосклонностию (свт. Иоанн Златоуст, 52, 916—917).

***

Какая... будет нам польза от поста или бдения, если язык наш предается невоздержанию, питается пищею сквер-

нее мяса псов, делается кровожадным, извергает грязь и превращает уста наши в проток нечистот, или даже еще хуже? (свт. Иоанн Златоуст, 53, 454).

***

Пьянство не есть товарищ поста, но враг и противник (свт. Иоанн Златоуст, 53, 965).

***

...Если бы человек постился по причине грехов и в то же время продолжал пребывать в грехах, чего бы он достиг? Это все равно, как если бы, омывшись от грязи, опять начать в ней валяться. Должно прежде всего прекратить самый грех (свт. Иоанн Златоуст, 54, 930).

***

Хлеба не есть, а гневом опьяняться? Какая польза изнемогать от поста и злословить ближнего? Какая польза воздерживаться от пищи и похищать чужое? Какая надобность изнурять свое тело и не накормить голодного? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 964).

***

...Когда мы сыты, то думаем, что можем поститься; а когда пройдет немного времени, то иные у нас рождаются мысли (свт. Иоанн Златоуст, 55, 35).

***

Пост бесполезен для тех, кои хотят посредством его заслужить людскую похвалу, имя святых, как о них гово-

рится в Священном Писании, что они получат мзду свою в настоящее время (см.: Мф. 6, 16), равно как бесполезен и для тех, кои постятся не так, как угодно Богу (прп. авва Феона, 56, 549).

***

Хорошее (дело) — пост, бдение, странническая жизнь; однако это только труды наружной благой жизни, но чин христиан есть более внутренний, нежели сии (телесные добродетели), и никто не должен (только) на них надеяться. Ибо случается с некоторыми, что они бывают причастны благодати, и злоба (вражия), укрывающаяся еще внутри их, строит ковы: добровольно уступает им, и не действует, но заставляет человека думать, что ум его очистился и вводит потом человека в самомнение, что он совершенный христианин; и потом, когда человек не думает (внимать себе, предполагая), что он свободен, и делается беспечным, тогда злоба нападает на него разбойническим образом, втайне делая засаду, и искушает его, и низводит в преисподнее земли. Ибо, если разбойники или воины, будучи двадцатилетними, умеют неприятелям строить ковы, делают засады, подстерегают (врагов), и нападают на них с тылу, и окружают их со всех сторон, и избивают: тем более (все сие умеет делать) злоба, которая живет столько тысяч лет и дело которой состоит в том, как бы погублять души. Умеет она делать тайную засаду в сердце, и в некоторые времена не действовать, чтобы ввести душу в самомнение о своем совершенстве. Основание христианства есть сие, чтобы человек, сколько бы (дел) правды ни совершал, не успокоивался на них и не почитал бы себя за нечто великое, но был бы нищ духом. И если сделается причастником благодати, чтобы он не подумал, что достиг-

нул чего-либо, и чтобы не возомнил о себе, что он великий человек, и чтобы не начинал учить; и проводя добрую жизнь в великом пощении, странничестве и молитве, и быв причастником благодати, невысоко думал о душе своей. Но по истине такое начало благодати было ему тогда в особенности ради того, чтобы он нес труд, алчбу и жажду, чтобы он не был насыщен в (своем стремлении), и не почитал себя праведным и богатым в благодати, но чтобы рыдал и плакал, как плачет мать, которая имела единородного сына, который, когда она воспитала его, неожиданно умер (прп. Марк Подвижник, 89, 515—516).

***

...Кто принужденно от других взойдет на камень поста без собственного желания, тот не устоит, но будет сдвигнут с сего основания похотением и низринется в тайноядение, начав есть скрытно; начавший же есть скрытно пожрен будет злым диаволом (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 281—282).

***

Невозможно и плоть наполнять досыта брашнами, и духовно наслаждаться умными и божественными благами (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 13).

***

...Иные... соблюдают подолгу положенные посты, не отказываются, однакож, удовлетворять желание поесть вдоволь и сладко, чем вполне уничтожается достоинство поста... (прп. Никодим Святогорец, 70, 46).

***

...Если будем сеять семена молитвы, не истончив плоти, то вместо правды плодопринесем грех... Когда тело будет истончено постом, а душа не возделается молитвою, чтением, смиренномудрием, тогда пост делается родителем многочисленных плевелов — душевных страстей: высокоумия, тщеславия, презорства (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 135).

***

Если ж пост не украсится плодом покаяния, то и постный подвиг останется тщетным. Этого мало: он принесет нам вред, усилив в нас самомнение и самоуверенность (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 20).

***

Пост — это сильное орудие — когда он предоставлен самому себе, когда из орудия он уже претворяется как бы в цель жизни, в цель тщеславия — <тогда> делается для подвижника орудием самоубийства (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 103).

***

...Как на ниве, тщательно обработанной земледельческими орудиями, но не засеянной полезными семенами, с особенною силою вырастают плевелы, так в сердце постящегося, если он, удовлетворяясь одним телесным подвигом, не оградит ум подвигом духовным, т. е. молитвою, густо и сильно вырастают плевелы самомнения и высокомудрия (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 103).

Отвержение поста

...Отвергающие пост и гоняющиеся за роскошью, как за блаженством жизни, ввели этот великий рой зол, и сверх того повреждают собственные тела свои (свт. Василий Великий, 8, 25).

***

...Самое воздержание от пищи Он <Бог> заповедует для того, чтобы мы, обуздывая вожделения плоти, делали ее послушною в исполнении заповедей. А если мы решимся не принимать помощи от поста ради слабости телесной и будем предаваться большей беспечности, то сами, не ведая того, причиним себе величайший вред (свт. Иоанн Златоуст, 47, 74—75).

***

Если и при посте оказывается у нас недостаток... добрых дел, то тем более покажем мы нерадение (о них), когда не будем пользоваться врачевством поста (свт. Иоанн Златоуст, 47, 75).

***

Кто нерадит о посте, тот и в других подвигах расслаблен, нерадив, немощен, показывает тем начало и худой признак расслабления души своей, и воюющему с ним дает случай к победе... (прп. Исаак Сирин, 58, 98).

***

Как от семени пота постов произрастает колос целомудрия, так от сытости — распутство, и от пресыщения — нечистота (прп. Исаак Сирин, 58, 188).

***

Какие добродетели ни наздашь ты на основании поста, все они будут непоколебимы и непотрясаемы, как назданные на твердом камне. А когда примешь это основание, т. е. пост, и на место его положишь насыщение чрева и другие неуместные пожелания, тогда все добродетели будут потрясены и разнесены от худых помыслов и от потока страстей, как песок разносится ветром, — и все здание добродетели рушится. Итак, чтобы не случилось этого и с нами, будем с радостию стоять на твердом основании поста, будем стоять, добрые братия мои, будем стоять со всем нашим желанием (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 281).

***

Пост есть закон и повеление Бога, и тех, которые преступают сей закон Божий, берет в свою власть первый преступник воли Божией диавол и мучит их, как тиран. Хотя это не тотчас случается, потому что Бог долготерпит на нас, ожидая покаяния нашего, однако же всячески не убежим от рук сего врага нашего, в сей ли жизни или в будущей, если пребудем во грехе и не покаемся (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 282).

***

...Быть может, ты щадишь плоть и бежишь от поста, как от носителя истощения; но — напротив! — именно пресыщение приводит к возникновению подагры, и мигрени, и иных болезней; а пост является матерью здоровья; так что не только блудник согрешает против своего тела, но и чревоугодник грешит тем же, делая его слабым и более болезненным (свт. Григорий Палама, 26, 91—92).

***

...Если мы станем безрассудно уклоняться от поста, то нас ожидают карающие наказания, и рассечение, и жжение; ибо то, что не поддается лечению, Христос рассечет и предаст неугасаемому огню на вечную кару. Ибо, как тогда не постившись в раю, мы были изгнаны в эту многоболезненную жизнь, так и ныне, если не будем поститься и не будем, по силам, жить воздержанно, то будем ввержены в неугасимую и нестерпимую оную геенну (свт. Григорий Палама, 26, 92).

***

Инок, небрегущий о посте, колеблет все здание добродетелей своих: не устоять этому зданию, если здатель не опомнится, и не позаботится благовременно об укреплении основания (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 354).

****

Когда Навуходоносор, царь Вавилонский, отводил иудеев в плен в Вавилон, то вздумал взять для воспитания при своем дворе несколько детей из лучших семейств еврейских. Между этими детьми были двенадцатилетний отрок Даниил и три его товарища: Анания, Азария и Мисаил. Получая обильную, но запрещенную законом Моисеевым пищу с царского стола, они не захотели осквернять ею и просили поставленного над ними приставника, чтобы он давал им в пищу только овощи и воду. Приставник сначала отказал им, сказав: «Боюсь царя; если он увидит вас изнуренными, тогда лишит меня жизни». На это Даниил отвечал: «Давай нам такую пищу в продолжение десяти дней; и если после сего времени отроки, вкушающие царскую пищу, окажутся полнее нас, то откажи нам в нашей

просьбе, в противном же случае исполни ее». Приставник согласился — и что же? По окончании срока *явишася лица их блага и крепка плотию паче отроков ядущих от трапезы царевы* (ср.: Дан. 1, 1—15) (112, 283—284).

***

...Авва Макарий одному брату, спросившему его: «Почему он в пустыне чувствует голод и с третьего часа, а в киновии, часто постясь целую седмицу, не чувствовал голода», — ответил: «Это оттого, что здесь нет свидетеля твоего поста, который бы питал и подкреплял тебя своими похвалами; а там похвалы людей и тщеславие насыщали тебя» (56, 250).

***

Однажды авва Пахомий, идя по дороге, встретил людей, несущих мертвого человека. Вдруг он видит двух Ангелов, идущих позади одра, и, размышляя о них, просил Бога, чтобы Он открыл ему, что это значит. И подошли Ангелы к нему, и спросил он их: «Зачем вы, будучи Ангелами, сопровождаете мертвого?» И ответили ему Ангелы: «Один из нас Ангел среды, другой — пятка. И поскольку душа сия при жизни не оставляла поста в среду и пяток, то мы сопровождаем тело сие. Так как даже до смерти своей сохранял он пост, то и мы прославляем его, добре подвизавшегося для Господа» (98, 406—407).

***

Однажды татары взяли в плен двух братьев-бояр. Один из них постился в понедельник, не вкушая в этот день скоромной пищи. Когда же агаряне начали принуждать

братьев есть их кушанья, они не покорились и оставались голодными целый день. На другой день не привыкший поститься не выдержал и начал есть агарянские яства. Брат же, соблюдавший пост по понедельникам, продолжал оставаться голодным. Агаряне начали бить его и принуждать к повиновению. Пребывая три дня без пищи, перенося побои, брат не покорился. Видя его крепость и терпение, агаряне связали его и бросили под телегу. В полночь явился ему светоносный муж и говорит ему: «Встань». Он отвечал: «Как же мне встать? Я связан крепко». Пришедший второй раз говорит ему: «Вставай, не бойся». Страдалец начал вставать, и тотчас развязались веревки. И сказал ему светоносный муж: «Не бойся и следуй за мной». И повел его через орду, мимо бесчинствующих татар. Выведя его из стана, чудный муж повелел ему взобраться на дерево и сказал: «Ничего не бойся, только молчи». Брат спросил своего избавителя: «Кто ты, господин?» «Я — Ангел понедельника», — ответил светоносец и стал невидим. Брат же был в великой радости и трепете.

Когда агаряне обнаружили исчезновение одного из пленников, то стали истязать его брата и предали его злой смерти. Они сожгли его на огне, как палят свиней. Когда рассвело, вся орда двинулась на поиски бежавшего, но никто из них не взглянул на дерево, где скрывался беглец. Когда опасность миновала, он слез с дерева, пришел на русскую землю и, не заходя к родным, направился в Пафнутьев монастырь и принял пострижение (107, 443—444).

***

По дороге в Галичскую сторону у преподобного Макария и его спутников закончились запасы хлеба. Голод начал терзать тех, кто не привык к посту. Преподобный

Макарий стал молиться, и вот нашли они завязшего в узком месте лося. Это было во время апостольского поста, за три дня до праздника. Путники просили у Макария дозволения утолить голод лосем. Он не благословил им нарушить пост и убеждал потерпеть до праздника святых апостолов Петра и Павла. «Поверьте, братие, — прибавил старец, — лось будет в ваших руках, когда придет время разрешить пост; потерпите еще три дня, — Господь сохранит жизнь вашу». Путники послушались преподобного и, надрезав ухо лосю, отпустили его, а преподобный молил Господа, чтобы Он укрепил слабых путников. По милости Всемогущего даже малые дети остались живы, пробыв без пищи до праздника святых Апостолов. В праздник преподобный Макарий, отойдя в сторону от прочих, преклонил колена и, воздав благодарение Творцу, молил Его пропитать голодных спутников его. И вот неожиданно явился тот самый лось, которого отпустили на свободу. Его поймали, и святой старец с радостию благословил его для трапезы. «Надейтесь же, друзья мои, на Господа, — прибавил преподобный. — Он не оставит нас». И точно, после того то попадался им лось, то без труда ловили оленя, и так благополучно дошли до Унжи (115, 350).

***

...Архимандрит Кронид поведал о себе: «Проезжая однажды через Москву на родину, я остановился у своего дяди, помощника начальника Николаевского вокзала, который вел светский образ жизни. Он ни в среду, ни в пяток пост не соблюдал. Бывая в семье дяди, я, садясь за стол и зная, что этот день среда или пятница, все же вкушал молоко или яйца. В моем сознании тогда обычно возникала мысль: «Что я за человек, чтобы для меня спе-

циально приготовляли пищу отдельно». Потому я ел все, что мне предлагали. За год до своего пострижения в монашество вижу как-то раз сон. Будто бы я стою в каком-то храме. Храм необычен, как бы небесной красоты, и весьма обширен. Сзади правого клироса вижу икону больших размеров с изображением Богоматери и Предвечного Младенца на Ее руках. Божия Матерь была изображена в рост человека, в короне. Черты ее напоминали изображение на Черниговской иконе Божией Матери. Видя чудный лик Богоматери и поражаясь Ее красотой, я преклонил свои грешные колена перед святым образом и стал просить милости и предстательства Ее перед Господом. К моему ужасу, я увидел, что Матерь Божия отворачивает от меня Свой лик. Тогда я в страхе и трепете воскликнул: «Матерь Божия, Матерь Божия... что Ты отвращаешь Свой Божественный лик от меня, недостойного!» И слышу Ее ответ: «Ты в среду и пяток позволяешь себе вкушать скоромную пищу и не почитаешь страданий Сына Моего. Этим оскорбляешь Его и Меня». На этом видение закончилось. Но оно было уроком для моей души на всю последующую жизнь» (114, 119—120).

ПОХВАЛА

В то время, когда ветер дует ровно, всякий мореплаватель может высоко думать о себе и похвастать собою; но только при внезапной перемене ветров открывается искусство опытных кормчих (прп. Антоний Великий, 89, 27).

***

...Никто из нас да не хвалится, по крайней глупости своей, и не говорит: я взял верх над братом, и не будет

ему пощады. Да ведает говорящий и помышляющий таковое, что он предал душу свою в руки смерти и наследием его будет место плача и скрежета зубов, червя неусыпающего и огня неугасимого (прп. Антоний Великий, 89, 54).

***

Если станут хвалить тебя за дела твои, не радуйся тому и не услаждайся тем: утаивай их, сколько можешь; не позволяй себе кому-либо говорить об них, и всячески постарайся достигнуть того, чтобы люди не хвалили тебя (прп. Антоний Великий, 89, 110).

***

Если охотно слушаешь похвалы о себе, то нет в тебе страха Божия (прп. авва Исаия, 59, 141).

***

Горе нам, что мы исполнены гнусных дел, при всем том услаждаемся похвалами человеческими (прп. авва Исаия, 59, 194).

***

Не хвали, чего не видел, а что слышал, о том не говори, как видевший (прп. авва Исаия, 89, 290).

***

...Вовсе не хвалиться, не говорить себе самому похвал и не слушать с приятностию, когда хвалит другой... (свт. Василий Великий, 9, 55).

***

Похвала же о Господе бывает, когда человек добрые дела свои приписывает не себе самому, но Господу (свт. Василий Великий, 9, 280).

***

Человек, который хвалит ближнего в его отсутствие, то же, что и собирающий доброе в свою сокровищницу (прп. Ефрем Сирин, 30, 160).

***

Хвали другого, но не думай высоко о себе, когда тебя хвалят, ибо опасно, чтобы не оказаться тебе ниже похвал. И другого хвали, не торопясь, но прежде дознай опытно, чтобы не понести тебе стыда, когда окажется он худым (свт. Григорий Богослов, 22, 204).

***

...Никакая похвала не истинна, которая не составляет собственности похваляемых; собственною же похвалою мы называем ту <Божественную>, которая пребывает всецело неотъемлемою от нас навсегда (свт. Григорий Нисский, 25, 131).

***

...Пристрастные к похвалам не только тогда, когда их порицают напрасно, но если их и не часто хвалят, терзаются в душе как бы каким голодом... Невозможно, чтобы море когда-нибудь не волновалось; невозможно, чтобы и душа такого человека оставалась без забот и скорби (свт. Иоанн Златоуст, 44, 464).

***

Хвалить и удивляться человеку следует не за одежды, равным образом и не за тело, а за душу (свт. Иоанн Златоуст, 45, 214).

***

Хвалить без разбора все, доброе и худое, свойственно не другу, но льстецу и насмешнику... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 120).

***

Кто слышал похвалы за молитву и сознал свое усердие, тот впал бы в гордость, если бы имел многих свидетелями похвал; а теперь, незаметно получив похвалу, он далек от всякого тщеславия (свт. Иоанн Златоуст, 46, 368).

***

...Почему и для чего ты ищешь похвалы от людей? Разве не знаешь, что эта похвала так же, как тень или что-либо еще более ничтожное, разливается по воздуху и исчезает? Притом и люди так непостоянны и изменчивы: одни и те же одного и того же человека сегодня хвалят, а завтра порицают (свт. Иоанн Златоуст, 47, 38).

***

Какая польза человеку, если вся вселенная удивляется ему и восхваляет его, а Создатель всяческих и непогрешимый Судия осудит его в тот Страшный день? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 218).

***

...Не будем дорожить похвалою человеческою и не будем всячески добиваться славы от людей, но ради Того Единого, Который испытует сердца и утробы, будем совершать дела добрые и убегать нечестия (свт. Иоанн Златоуст, 47, 218).

***

Добродетельному человеку, идущему тесным и скорбным путем и исполняющему заповеди Христовы, невозможно заслужить от всех людей похвалу и удивление, потому что велика сила зла и вражда к добродетели. Поэтому Господь, зная, что человеку, строго подвизающемуся в добродетели и от Него одного ожидающему похвалы, невозможно пользоваться похвалою и доброю славою от всех людей, называет несчастными тех, которые из-за похвалы людской небрегут о добродетели. Похвала от всех может служить величайшим доказательством того, что (хвалимые) немного заботятся о добродетели. Да и как будут все хвалить добродетельного, если он станет исхищать обижаемых от обижающих, терпящих зло от желающих делать зло? Опять, если он захочет исправлять согрешающих и хвалить живущих добродетельно, то не естественно ли, что одни будут его хвалить, а другие — порицать? Поэтому (Господь) говорит: *горе, егда добре рекут вам вси человецы* (Лк. 6, 26) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 218).

***

Как же можешь ты сделать, чтобы каждый день вспоминали о тебе и превозносили тебя похвалами даже и по смерти? Если богатство свое раздашь в руки нищих... Та-

кая память бессмертна, такая память будет для тебя виновницею тысячи сокровищ, такая память облегчит тебя от тяжких грехов и даст тебе великое дерзновение перед Господом (свт. Иоанн Златоуст, 47, 315—316).

***

Великость похвал обыкновенно угрызает совесть не менее грехов (свт. Иоанн Златоуст, 47, 817).

***

...Сколько вреда делают нам друзья, когда хвалят и ласкают нас, столько же пользы приносят враги, говоря о нас дурно, хотя и справедливо, если только мы захотим надлежащим образом воспользоваться их порицаниями. Ведь друзья, из любви, часто и льстят нам; а враги обличают наши грехи. По самолюбию мы не видим своих недостатков, а они по вражде смотрят за нами внимательнее и своим злословием поставляют нас в необходимость исправиться; и вот вражда их становится для нас источником величайшей пользы, потому что, вразумляемые ими, мы не только познаем свои грехи, но и отстаем от них (свт. Иоанн Златоуст, 47, 860—861).

***

Грешника хвалят во грехах его и благословляют в беззакониях его. Это первая пропасть, которая может погубить невнимательного (свт. Иоанн Златоуст, 48, 128).

***

...Лучше принимать тех, которые укоряют и вразумляют, нежели тех, которые хвалят и льстят при самой поги-

бели, потому что последние развращают беспечных и располагают к большим порокам (свт. Иоанн Златоуст, 48, 128).

***

...Те, которые хвалят нас, умножают в нас надменность, возбуждают гордость, тщеславие, беспечность и делают душу изнеженною и слабою (свт. Иоанн Златоуст, 50, 864).

***

...Если хочешь, чтобы тебе удивлялись, одевай других, — и ты получишь тысячи похвал. А вместе с людьми тогда восхвалит тебя и Бог (свт. Иоанн Златоуст, 51, 177).

***

...Пожелаем лучше, чтобы над нами смеялись, нежели хвалили нас. Тот, над кем смеются, не терпит никакого зла; а кого хвалят, тот терпит великий вред (свт. Иоанн Златоуст, 52, 454).

***

Уклоняйся от людских одобрений и тогда получишь многие похвалы и у Бога, и людей (свт. Иоанн Златоуст, 52, 718).

***

Сколько, по твоему мнению, должно быть хвалящих тебя? Сто человек или вдвое, втрое, вчетверо больше, даже, если хочешь... во сто раз больше; пусть будет, если угодно, две, четыре, десять тысяч рукоплещущих; но они ничем не отличаются от каркающих ворон, а если ты представишь себе зрелище Ангелов, то эти рукоплещущие

окажутся ничтожнее червей, а их одобрения слабее паутины, дыма, сновидения (свт. Иоанн Златоуст, 52, 718).

***

Похвала от людей ненадежна и часто проистекает не из доброго намерения; а похвала от Бога остается навсегда и сияет светло, потому что, когда воздает похвалу Ведущий все прежде исполнения и непричастный никакой страсти, тогда добродетель обнаруживается с несомненностию (свт. Иоанн Златоуст, 53, 108—109).

***

Будем же взирать только на то, как бы похвалил нас Бог; если это мы будем иметь в виду, то никогда не станем искать похвалы от людей, но, если даже это случится, станем презирать, осмеивать, гнушаться, настроим себя так, как бы мы, протягиваясь к золоту, хватились за грязь (свт. Иоанн Златоуст, 54, 852).

***

...Ты, сам о себе говоря много дурного, негодуешь, если не слышишь себе от других тех похвал, какие воздаются великим праведникам (свт. Иоанн Златоуст, 55, 226).

***

Если хвалит безумный, это хуже брани; если бранит разумный, это равно похвале... Сказал и некоторый мудрец: если <кто>, восхваляя, произнесет это громким голосом, принимай слова, как поношение (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1113).

***

Как делающим напоказ здешними рукоплесканиями умаляется тамошнее воздаяние; так здесь подвергающие предварительному следствию подлежащих тамошнему наказанию освобождают их от вины и наказания там (прп. Исидор Пелусиот, 60, 121).

***

Хорошо, как уверен я, руководишь ты юных служителей Церкви; но худо то, что хвалишь их. Смотри, чтобы не совратили их похвалы, не отняли у них вкуса к сладости трудов, ослабив в них усилие самомнением (прп. Исидор Пелусиот, 60, 129).

***

...Перестань так хвалить; неразумных доведешь сим до падения, а благоразумных заставишь краснеть (прп. Исидор Пелусиот, 60, 282).

***

Хотя слово, как писал ты, породило рукоплескание, однако же и рукоплескание придало силы слову, став подпорою родившему слово. Но поелику рукоплескание хотя часто подкрепляет слово, но портит нрав произносящего оное, приводя его к нерадивости, то советую твоему благоразумию воздавать наипаче благодарение Богу, давшему такую благодать. Если же угодно хвалить (ибо, как сказал ты, невозможно не вознаградить слова рукоплесканиями); то, как угодно, хваля слово, не соплетай безмерных похвал мне, чтобы не сделать меня нерадивым (прп. Исидор Пелусиот, 61, 369).

***

...Похвалы надобно слагать умеренно и не слишком в них распространяться; потому что многие, растаяв от излишества похвал, теряют готовность к трудам (прп. Исидор Пелусиот, 62, 409).

***

Похвалы надмевают до безумия, и своею усладительностию уничтожают в деле то, чем заслуживало оно награду (прп. Нил Синайский, 71, 13).

***

...Под татями <разумеются> отвне привходящие похвалы (см.: Мф. 6, 20), и безрассудством и кичливостию внезапно расхищающие драгоценности, собранные многим трудом добродетели (прп. Нил Синайский, 72, 107).

***

Никто не говорит о мне лжи, кроме хвалящих и ублажающих меня... (прп. Зосима, 91, 109).

***

И по принятии благодати в нашем произволении состоит — ходить по плоти или по духу. Но невозможно ходить по духу возлюбившим похвалу человеческую и послабление телу; и невозможно жить по плоти внутренно предызбирающим будущее более настоящего. Потому надлежит нам возненавидеть похвалу человеческую и упокоение тела, через которые и без нашего хотения прозябают в нас лукавые помыслы... (прп. Марк Подвижник, 89, 507).

***

Принимай лучше поносящего тебя, чем хвалящего, который, по Писанию, ничем не разнится от клянущего (см.: Притч. 27, 14) (прп. Иоанн Карпафский, 91, 79).

***

Похвала коварного — скрытая сеть (прп. Исаак Сирин, 58, 414).

***

Если кого-нибудь хвалят, не должен ли он отвечать, говоря как бы со смирением? Молчать гораздо полезнее. Ибо если кто отвечает, то это значит, что он принимает похвалу, а сие есть уже тщеславие. Даже и то, когда думает, что он отвечает смиренно, есть уже тщеславие; ибо если он те же слова, которые он сам говорит о себе, услышит от другого, то не может перенести их... Но случается, что похваливший, заключив из молчания его, что принял похвалу, соблазнится сим; как же должно поступать? Неизвестное подвизающийся должен предоставить Богу, да известит Он Сам слышащего. Почему знать, может быть, хваливший получил пользу от его молчания, полагая, что он не принял похвалы, а он думает, что тот соблазнился. Если соблазнившийся сам обнаружит сие, тогда должно объяснить ему со смиренномудрием, говоря: «Прости меня, брат, я ничего не сознаю в себе доброго, потому и не нашел, что тебе отвечать; но помолись о мне Господа ради...» Случается, что иной действительно грешен и со смиренномудрием, а не по тщеславию говорит истину: неужели он и тогда не должен отвечать? Не должен, хотя бы и так было; ибо если он смиренномудрствует на время, но слушающий считает его смиренномудрым, и это

будет тяготить его; потому что Господь сказал: *горе, егда добре рекут вам вси человецы* (Лк. 6, 26), относя это к грешникам, которые не имеют дел, а получают похвалу (прп. авва Дорофей, 29, 236—237).

***

Людям великим свойственно переносить обиды мужественно и с радостию, святым же и преподобным — выслушивать похвалу без вреда (прп. Иоанн Лествичник, 57, 144—145).

***

Видал я плачущих, которые, будучи похвалены, за похвалу воспылали гневом; и как случается в торговле, променяли одну страсть на другую (прп. Иоанн Лествичник, 57, 145).

***

...Похвалы возвышают и надмевают душу; когда же душа вознесется, тогда объемлет ее гордость, которая возводит до небес, и низводит до бездн (прп. Иоанн Лествичник, 57, 148).

***

От Тебе похвала моя, в Церкви велицей... (Пс. 21, 26) в будущем веке: а прежде того не могу принимать ее безопасно (прп. Иоанн Лествичник, 57, 170).

***

Разбойники <бесы и люди, хвалящие нас> — лютейшие слуги тщеславия, которые похищают наш груз и труды добродетелей (прп. Иоанн Лествичник, 57, 178).

***

Укор возбуждает энергию в душе, а похвала расслабляет ее и делает ленивою на добро (прп. Илия Екдик, 91, 426).

***

Похвала человеческая окрадывает наши добродетели, когда совершаем их явно, когда не стараемся скрывать их, — и мы неприметным образом увлекаемся к человекоугодию, лукавству, лицемерству (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 512).

***

Дурно, когда все кругом похваливают... Поневоле станешь считать себя святым, и начнешь читать наставления всем (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 185).

***

Похвалы рождают самовосхваление и самочувствие; злые чувства — передовые проводники к тщеславию и гордости (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 79).

****

Как-то старцы сидели за обедом. Авва Алоний прислуживал им. Старцы похвалили его, но он ничего им не отвечал. После один из них наедине спрашивает его: «Почему ты не отвечал на похвалы старцев? Авва Алоний говорит ему: «Если бы я ответил им, то показалось бы, будто я считаю себя достойным похвалы» (97, 200).

***

Авва Иоанн был *духом горящий* (ср.: Рим. 12, 11). Пришедший к нему брат похвалил его рукоделие. Авва, занимавшийся в то время плетением веревки, промолчал. Посетитель повторил похвалу. Авва опять промолчал. И в третий раз брат похвалил рукоделие. Тогда авва сказал ему: «Приходом твоим ты удалил Бога от меня» (106, 293).

***

Двенадцать лет авва Иоанн Фивейский служил больному старцу, авве Аммою. Хотя Иоанн много трудился для старца, но старец в течение всех двенадцати лет ни разу не сказал ему: «Спасайся!» Когда же настало время кончины аввы Аммоя и собрались к нему старцы, то он взял Иоанна за руку и сказал ему: «Ты — спасен! ты — спасен!» — и, обратившись к старцам, присовокупил: «Это ангел, а не человек» (106, 67).

***

Авва Висарион сказал: «Когда пребываешь в мире и не ощущаешь в себе брани, тогда особенно смиряйся, чтобы не похвалиться спокойным и радостным состоянием, принадлежащим не тебе, и за похваление не быть предану брани по немощи нашей, чтобы мы не погибли окончательно» (106, 80).

***

Спросили авву Пимена: «Полезно ли хвалить ближнего?» Старец ответил на это: «Полезнее ничего не говорить о нем» (106, 337).

***

Один старец сказал своему ученику: «Если кто прославляет тебя и ты с услаждением принимаешь похвалу, то нет в тебе страха Божия» (106, 221).

ПОХОТЬ

Похоть злая люта и с трудом усмиряется: она страшна, и своею лютостью сокрушает людей, особенно если впадает в нее раб Божий и не будет благоразумен, то жестоко пострадает от нее. Но она сокрушает таких людей, которые не имеют одеяния хотения доброго и погрузились в дела этого века: их-то она предает смерти (св. Ерм, 94, 197).

***

...Облекись в хотение правды, и, вооружись страхом Господним, противостой злой похоти. Ибо страх Божий обитает в хотении добром. И злая похоть, видя тебя вооруженным страхом Господним, и противящимся ей, убежит от тебя далеко, и не явится к тебе, боясь твоего оружия; и одержав победу, и увенчанный за нее, предайся хотению правды и, воздав ему полученную тобою победу, служи ему по его воле. И если послужишь доброму хотению и покоришься ему, то можешь владычествовать над злою похотью и управлять ею, как тебе угодно (св. Ерм, 94, 197).

***

Злая похоть есть дочь диавола. Поэтому должно удаляться злой похоти, чтобы жить с Богом. А те, которые поддадутся злой похоти и не воспротивятся ей, умрут навеки, потому что она смертоносна (св. Ерм, 94, 197).

***

...В теле бывают троякого рода плотские движения. Первое есть движение естественное, прирожденное ему, которое, однакож, ничего не производит (греховного, совесть тяготящего) без согласия души, а только дает ощущать, что оно есть в теле. Другое движение в теле происходит от слишком обильного питания тела пищею и питием, когда рождающийся от этого жар крови поднимает в теле брань против души и склоняет ее к нечистым похотям. Потому-то и говорит Апостол: ***не упивайтеся виномъ, в немже есть блуд*** (Еф. 5, 18). Равно и Господь заповедует ученикам Своим в Евангелии: ***внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством*** (Лк. 21, 34)... Третье движение бывает от злых духов, которые по зависти искушают этим и покушаются расслабить взыскавших чистоты (иноков уже), или уклонить с пути хотящих войти в дверь чистоты (т. е. еще только вступить в иночество) (прп. Антоний Великий, 89, 23).

***

Необходимо согласно и равно нести труды покаяния и душой, и телом, стремясь к совершенной чистоте. И когда ум сподобится такой благодати, чтобы без саможаления и поблажки вступить в борьбу со страстьми, тогда ему присущи внушения, указания и подкрепления Духа, помощью которых он успешно начинает отрешать от души все нечистые приражения, исходящие от похотей сердца. Дух сей, сочетавшись с умом (или духом человека), ради решимости строго исполнять узнанные заповеди, направляет его к тому, чтобы отгонять от души все страсти, как примешивающиеся к ней со стороны тела, так равно и ее собст-

венные... Он научает его держать в порядке тело — все, с головы до ног: глаза, чтобы смотрели с чистотою; уши, чтобы слушали в мире (или мирное) и не услаждались наговорами, пересудами и поношениями; язык, чтобы говорил только благое, взвешивая каждое слово и не допуская, чтобы в речь вмешалось что-либо нечистое и страстное; руки, чтобы были приводимы прежде в движение только на воздеяние в молитвах и на дела милосердия и щедродательности; чрево, чтобы держалось в должных пределах в употреблении пищи и пития, сколько нужно только для поддержания тела, не попуская похотению и сластолюбию увлекать себя за эту меру; ноги, чтобы ступали право и ходили по воле Божией, направляясь к служению добрым делам. Таким образом, тело все навыкает всякому добру и изменяется, подчиняясь власти Святаго Духа, так что, наконец, становится в некоторой мере причастным тех свойств духовного тела, какие имеет оно получить в воскресение праведных (прп. Антоний Великий, 89, 24—25).

***

Не ходите вслед похоти очес своих и не расслабляйтеся сердцем своим. Ибо злая похоть развращает сердце и омрачает ум. Дальше отходите от нее, да не прогневается на вас живущий в вас Дух Божий (прп. Антоний Великий, 89, 57).

***

Станем подвизаться за чистоту даже до смерти и всячески блюсти себя от скверных похотей: для того будем остерегаться взирать на красоту жен (прп. Антоний Великий, 89, 57).

***

Возбуждаемая воспоминанием похоть есть корень страстей, родственных тьме. Находясь в сем похотном воспоминании, душа не знает о себе, что она есть вдуновение Бога, и бросается на грех, не помышляя о крайней беде, в какой будет находиться по смерти, — безумная (прп. Антоний Великий, 89, 91).

***

Похоть плоти есть насыщение чрева множеством разных яств, за которыми следует нечистота блудная (прп. Антоний Великий, 89, 112).

***

Похоть очес имеет предметом своим вещественные блага, при обладании коими око или возносится, или влагает в сердце нечистые виды (прп. Антоний Великий, 89, 112).

***

...Не возможешь соблюсти себя от греха и очиститься от плотских похотей, если не получишь божественной помощи (прп. авва Исаия, 59, 86).

***

Возненавидь похоть яств, чтобы Амалик не преградил тебе путь (прп. авва Исаия, 89, 548).

***

Похоть не перестает жалить и мучить невоздержанного, пока не произведет в душе греховного струпа, который,

при воспоминании гнусных дел, издает зловоние (свт. Василий Великий, 6, 266).

***

Сокруши похоть прежде, нежели похоть сокрушит тебя (прп. Ефрем Сирин, 30, 148).

***

Кто занимается красотою женщины, тот в душе своей насаждает пожелание красоты ее, а кто замедляет у дверей дома ее, тот уподобляется идущему по льду; потому что недалеко от него поползновение (прп. Ефрем Сирин, 30, 181).

***

Если беспокоит тебя дух блуда, запрети ему, говоря: «Господь да потребит тебя, исполненный зловония, бес нечистоты!» Ибо знаем сказавшего: *мудрование плотское вражда на Бога* (Рим. 8, 7) (прп. Ефрем Сирин, 30, 185).

***

Подавляй в себе похоть, возлюбленный, пока она не подавила тебя; потому что покоряющихся ей приводит она во дно адово (прп. Ефрем Сирин, 30, 206).

***

Внимательность ума и ожидание суда уничтожат внутреннее щекотание и иссушат усиливающуюся похоть; и в таковой душе произойдет тишина (прп. Ефрем Сирин, 30, 511).

***

...Будем бегать всякой юношеской похоти, чтобы... не быть отсеченными, уподобившись согнившему члену и отсекаемому благотворно для прочих членов тела. Господь сказал: *се, здрав еси: ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. 5, 14) (прп. Ефрем Сирин, 31, 194).

***

...Зверь, если привык к плотоядству, чаще удовлетворяет сей страсти. А ты <диавол> хочешь меня уверить: если однажды удовлетворишь похоти, не будет она более тревожить (прп. Ефрем Сирин, 31, 221).

***

<Демон блуда приводится в бездействие> не только воздержностью от снедей, но и воздержанием очей, *еже не видети суеты* (Пс. 118, 37) (прп. Ефрем Сирин, 31, 227).

***

Похоть — матерь греха... *похоть заченши раждает грех, грех же содеян раждает смерть* (Иак. 1, 15) (прп. Ефрем Сирин, 31, 251).

***

Она <похоть> отвлекает нас от небесного и привязывает к земному (прп. Ефрем Сирин, 31, 251—252).

***

Если враг возбуждает в тебе плотскую похоть, скажи ему: «Да не будет того, чтобы оскорбил я Духа Святаго Божия...» (прп. Ефрем Сирин, 31, 297).

***

Имеем великого защитника — Святаго Духа, при содействии Которого удобно возможем угасить все диавольские разжженные стрелы срамных похотей и воспламенение плоти (прп. Ефрем Сирин, 31, 357).

***

Корень похоти бесстыден. Если посекаешь его каждый день, то прозябает он каждый час. Вырви, брат, корень похоти из сердца своего, чтобы не прозябала и не вырастала она ежечасно. Хотя тысячи раз будешь ее посекать, она двукратно большее число раз станет отраждаться, пока совершенно не вырвешь ее корня (прп. Ефрем Сирин, 32, 69).

***

...Поелику был я расслаблен и служил похотям, то и не принадлежу к сонму победителей, а стал наследником геенны (прп. Ефрем Сирин, 33, 204).

***

Иный зарывает и скрывает золото свое, чтобы не похитил кто; а между тем похоть похищает у него рассудок, и делается он игралищем блудных жен (прп. Ефрем Сирин, 33, 352).

***

Плотская похоть в теле то же, что закваска в муке: она порождается человеком, как огонь — железом, и, как скоро порождена внутри его, пожирает и растлевает его (прп. Ефрем Сирин, 33, 352).

***

И в верных нередко действуют угрызения похотения; но кто взирает на Вознесенного на древо, тот прочь гонит от себя страсть, страхом заповеди, как бы врачевством каким, рассеяв силу яда (свт. Григорий Нисский, 18, 360—361).

***

Похоть пламенеющую угашают алчба, труд и отшельничество (прп. Евагрий, 89, 597).

***

Голод и жажда заморяют похоти злые; бдение же доброе очищает смысл (прп. Евагрий, 89, 616).

***

...Чем более мы усиливаем похоть и чем больше доставляем ей пищи, тем более усиливается в нас и томление (свт. Иоанн Златоуст, 44, 250).

***

...Сила похоти так велика, как сила огня и железа; и если душа выступит не приготовленною и не будет противиться ее влечениям, то скоро погубит себя (свт. Иоанн Златоуст, 44, 317).

***

Как выпивший много вина и обессиленный им произносит неприличные слова и видит одно вместо другого, так и объятый нечистою похотью, как бы вином каким, не

произносит ни одного здравого слова, а (говорит) только срамные, развратные, низкие и смеха достойные (слова) и видит одно вместо другого; слеп ко всему, что перед глазами, а везде только и видит ту, к которой питает страсть... не слышит, кажется, ничего, но о ней только и думает, о грехе только и мечтает; все подозревает, всего боится, и ничем не лучше какого-нибудь животного, пораженного стрелою (свт. Иоанн Златоуст, 44, 742).

***

...Не должно давать огню похоти пищи — внешнего созерцания, но всячески прикрывать его и погашать благочестивыми мыслями, обуздывая дальнейшее распространение пламени и не позволяя ему сокрушать твердость нашего духа (свт. Иоанн Златоуст, 45, 724).

***

Похоть естества есть огонь; огонь неугасимый и постоянный, есть пес бешеный и неистовый; хотя бы тысячи раз ты отгонял его, он тысячи раз нападает и не отстает; жесток пламень угольев, но этот — пламень похоти — еще хуже; мы никогда не имеем перемирия в этой войне, никогда не имеем отдыха в настоящей жизни, но борьба постоянная, чтобы и венец был светел (свт. Иоанн Златоуст, 45, 724).

***

...Бедствие могло бы совершенно обуздать сладострастную похоть, да и вообще ничто так не способно потушить этот пламень и это неистовство, как сильная скорбь и великое несчастие (свт. Иоанн Златоуст, 47, 291).

***

Такова-то эта злая и неукротимая похоть: как скоро она возьмет верх над рассудком, то не оставляет в нем никакого чувства благопристойности, а все окутывает тьмой и мраком ночи (свт. Иоанн Златоуст, 47, 483).

***

...Пагубная страсть <похоти> побуждает человека, порабощенного ею, решаться на все, пока низведет его до дна адова (свт. Иоанн Златоуст, 47, 639).

***

...Похоть, управляемая с умеренностью, делает тебя отцом, так как она бывает полезною для рождения детей; а если не умеряется, то часто ввергает тебя в блуд и прелюбодеяние (свт. Иоанн Златоуст, 48, 551).

***

(Похоть) отделяет от пути, ведущего к добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 51, 443).

***

...Как ни велика сила похоти, но если ты оградишь себя страхом Божиим, то победишь ее неистовство (свт. Иоанн Златоуст, 53, 596).

***

...И роскошь, и богатство, и леность, и нерадение, и праздность — все это приводит нас к гнусной похоти (свт. Иоанн Златоуст, 54, 516).

***

Как птице, попавшейся в сеть, нет никакой пользы от крыльев и она совершенно напрасно бьет ими, так точно и тебе нет никакой пользы от ума, если ты сильно пленен злою похотью (свт. Иоанн Златоуст, 55, 504).

***

...Те, которые противятся плотским похотям, попирают начала, побеждают духов злобы... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1046).

***

...Невозможно подавить разжжение плоти, пока не будут совершенно истреблены побуждения прочих главных пороков... Тот никогда не может подавить возбуждения пламенной похоти, кто не обуздывает страсти пресыщения. Чистота внутреннего человека измеряется совершенством этой добродетели... Каким образом тот погасит пылающий жар похоти, воспламеняющийся не от одного вожделения тела, но и от порочности души, кто не может укротить гнев, прорывающийся по невоздержности одного сердца? Или каким образом обуздает сладострастные возбуждения плоти и души, кто не может победить простой порок гордости? (прп. Иоанн Кассиан, 56, 54—55).

***

...Как подавит внедренную в плоти похоть <тот>, кто не может отвергнуть страсть к деньгам, которая не насаждена в нас, чужда нашей природе? (прп. Иоанн Кассиан, 56, 55).

***

Как будет торжествовать победу души над плотью, кто не силен уврачевать болезнь печали? (прп. Иоанн Кассиан, 56, 55).

***

...Плотские движения... по распоряжению Творца с пользой насаждены в нашем теле для рождения детей и распространения потомства, а не для делания бесчестных дел блудных, прелюбодеяний, которые осуждаются законом (прп. Иоанн Кассиан, 56, 85).

***

...Если скажем, что эти движения (похоти и гнева) вложены в нас Творцом, то поэтому Он не будет виновным, когда мы, злоупотребляя ими, пожелаем обратить их на вредные дела и захотим печалиться о бесплодных, мирских выгодах, а не для спасительного покаяния и исправления пороков; или когда будем гневаться не на самих себя для своей пользы, а, вопреки запрещению Господню, — на братьев наших. Ибо если бы кто железо, данное для необходимого, полезного употребления, захотел обратить на убиение невинных, то из-за этого он не может обвинять Творца вещества, когда сотворенное им для необходимого употребления, для удобства хорошей жизни, человек употребит на вредное дело (прп. Иоанн Кассиан, 56, 86).

***

Чтобы плотская похоть не переходила в дело, необходимо должен быть удален обольстительный предмет и изображение его; а душе, чтобы она не воспринимала его и в помыслах, весьма полезно внимательное чтение Священ-

ного Писания, трезвенная бдительность и удаление в уединение (прп. авва Серапион, 56, 242).

***

...Никто не возможет прекратить войну похоти, восстающую на свою плоть, если кто наперед не будет снабжен оружием кротости (прп. авва Херемон, 56, 387).

***

...Плотская похоть никак не может не усиливаться, и трудно бывает, чтобы огонь, которому хотя бы и тщательно пища доставлялась, был заключен в назначенных пределах так, чтобы не прорывался вовне и не сожигал всего, к чему ни прикоснется. Если ему и всегда встречается свое препятствие, так что не допускается разгораться вовне, однако же он воспламеняется и тогда, как стесняется; поелику самая воля бывает виновна и привычкою к совокуплению очень скоро увлекается к излишествам прелюбодеяния (прп. авва Феона, 56, 562).

***

Если неистовствует и с яростью восстает на тебя пожелание плоти твоей, и разгорячает ее зной лености, то напомни ей о будущем огне, и угаснет; потому что здешнее распаление блуда имеет концом тамошнюю пещь (прп. Исидор Пелусиот, 60, 243).

***

Если не заслуживают извинения и те, которые постами, возлежаниями на голой земле и другими суровостями обуздывали тело, а тем укрощали неразумное владычество

страстей, но однажды только покорились похоти, то какое же найдут себе извинение те, которые сами себя доводят до непотребства, возбуждая оное роскошью... (прп. Исидор Пелусиот, 61, 381).

***

Если... похотливость готовит мучение, а чистота — венец святыни, то по какой причине гонишься за тем, чего надлежит бегать, и бегаешь того, за чем позволительно гнаться? (прп. Исидор Пелусиот, 62, 300).

***

Воспоминание о плотских похотях возмутительно, потому что не только не дает беседовать с Богом, но даже ум, по видимому молящийся, оскверняет мечтаниями гнусных представлений. Хорошо пребывать непрестанно в молитве и ум упражнять в собеседовании с Богом. Но так ли это бывает у нас? — Часто отвлекаясь от слов молитвы, следуем за уводящими нас помыслами, не отрекаясь от них и не огорчаясь ими, — что было бы признаком несогласия воли с внушающими недолжное. Хотя наружность показывает молитвенный вид, — ибо, преклонив колена, смотрящим на нас кажемся молящимися, — но мыслью представляем что-либо приятное, благосклонно разговариваем с друзьями, с гневом злословим врагов, пируем с гостями, строим дом родственникам, садим деревья, путешествуем... и большую часть всего этого перебираем в мыслях, на все, что не подскажет помысл, соглашаясь так, как угодно страсти расположить к этому сердце наше (прп. Нил Синайский, 90, 243).

***

Корень срамной похоти есть человеческая похвала... (прп. Марк Подвижник, 89, 529).

***

Плоть похотствует на духа, а дух на плоть (ср.: Гал. 6, 17); ходящие же духом — похоти плоти не совершают (прп. Марк Подвижник, 89, 541).

***

Как огонь не может укоснеть в воде, так и скверный помысл в боголюбивом сердце. Ибо всякий боголюбивый и трудолюбив; самоохотный же труд естественно есть враг похоти (прп. Марк Подвижник, 89, 567).

***

Все бесловесные похоти подвизающимся так должно возненавидеть, чтобы эта ненависть к ним обратилась у них в навык (блж. Диадох, 91, 30).

***

...Если ты будешь похотствовать, хотя бы ты сегодня и не прелюбодействовал, но похоть не перестанет внутренно смущать тебя, пока не вовлечет и в самое действие (прп. авва Дорофей, 29, 23).

***

Есть средства, которые останавливают движение страстей и не дают им возрастать; и есть другие, которые ума-

ляют их и ведут к истощанию. Так пост, труд и бдение не дают возрастать похоти; а уединение, созерцание, молитва и возлюбление Бога умаляют ее и ведут к исчезновению. Так и в рассуждении раздражимости: великодушие, незлопамятность и кротость останавливают ее и не дают ей возрастать, а любовь, милостыня, доброхотство и человеколюбие умаляют ее (прп. Максим Исповедник, 91, 186).

***

...Угасите жжение похоти и сподобитесь пить прохлаждающую и животворящую воду в Животе Вечном... (прп. Феодор Студит, 92, 168).

***

Похоть страстную увядает воздержание с смиренномудрием... (прп. Феодор Едесский, 91, 349).

***

<Узда> бессловесному похотению — воздержное питание... (прп. Илия Екдик, 91, 481).

***

Бесы сласти греховной часто приступают, как огнь и как углие огненное. Эти сластолюбивые бесы разжигают вожделетельную силу души, но, приводя при сем в смятение и рассудительную, омрачают душу. Причина похотного жжения, смятения мыслей и омрачения души главным образом лежит в страстной сласти (прп. Григорий Синаит, 93, 210).

***

Телесное вожделение увядает от исповеди более, нежели от поста и бдения... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 490).

***

Особенно тяжкое впечатление производит на нас услаждение плотскими вожделениями. Отцы называют их сквернителями духовного храма Божия (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 358).

***

Больше всего блюдитесь от похотной сласти. Ее преследуйте как самого главного врага (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 120).

***

Побеждать свои хотения, зная, что лучше им отказать, нежели их послушаться, есть Богу приятная жертва, за которую Он воздаст внутренним утешением (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 231).

***

Против страсти похотной — пост и молитва и неотступная память Божия со страхом, что стрела правды Божией может поразить при самом деле греховном... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 186—187).

****

Преподобный Илий-пустынник монахом стал еще в юности, ушел в дальнюю пустынь, провел в ней семьдесят лет и никуда из нее не выходил. Тропа к его келье была

настолько узка, что проходили с трудом, потому что острые камни облегали ее. И Илия сидел в такой малой пещере, что едва можно было видеть его. Было ему от роду сто десять лет. Отцы говорили о нем: «Никто не помнит, чтобы он вышел из кельи когда-нибудь на близлежащую гору. Вкушал он, будучи старцем, утром и вечером по три сухаря и по три масличных ягоды, а в юности пищу вкушал только раз в неделю. Приходящим к нему инокам, ради их душевной пользы, говорил следующее: «Не давайте себя во власть сатане. Для вовлечения монаха во грех он использует три соблазна. Первый — забвение, второй — леность, третий — похотение. Если придет к монаху забвение, у него рождается леность, от лености же возрастают похоти, а от похоти падает человек. Если же кто примет в себя страх Божий, от того бежит леность и не зарождается в нем злая похоть. И тогда не победит нас сатана и во грех не вринет, и мы благодатью Божией спасаемся» (112, 354—355).

***

К некоторому старцу обратился юный инок, очень ревностный по жительству, с целью преуспеяния своего и исцеления. В простоте исповедал он старцу, что очень беспокоят его плотское вожделение и дух любодеяния: он надеялся найти в молитвах отца утверждение подвигу своему и врачевание от полученных язв. Старец начал упрекать его самыми жестокими словами, объявляя ему, что он, допустив себе искушение таким порочным вожделением, сделался недостойным имени монаха, а достойным всякого презрения. Вместо утешения он нанес ему столь тяжкую язву упреками, что монах вышел из кельи старца в величайшем унынии, в смертельной печали и отчаянии. Он шел угнетенный тоскою, углубленный в помышления

уже не об уврачевании страсти, но об удовлетворении ее. Внезапно встречает его авва Аполлос, опытнейший между старцами. По чертам лица и по отчаянному виду юноши угадав о внутреннем смущении и тяжком унынии, которыми втайне волновалось сердце, авва Аполлос спросил о причине такого состояния. Юноша исповедал, что идет в мирские селения, как не способный, по определению его старца, к монашеской жизни; не имея возможности обуздать похотений плоти подвигом и не находя врачеваний против действий ее, он решился, оставя монастырь, возвратиться в мир и жениться. Святой Аполлос постарался смягчить его самым милостивым словом, уверяя, что и его самого ежедневно беспокоят нечистые помышления и ощущения: тем естественнее подвергаться им человеку юному. По этой причине никак не должно предаваться отчаянию, не должно удивляться, как бы чему необычайному, усиленному действию брани, в которой получается победа не столько подвигом, сколько милостью и благодатью Божией (106, 420—421).

***

Однажды диавол воздвиг в многотрудном теле святого преподобномученика Игнатия такую плотскую брань, что он, сожигаемый адским огнем плотской похоти, пал на землю и долго лежал, как полумертвый, потом, получив себе малую ослабу, пришел к старцу Акакию и поведал ему свою беду, просил у него утешения; добрый старец утешил его словами Божественными и примерами святых мужей. После сего блаженный подвижник пришел в храм, взял в руки икону Богоматери и, облобызав ее, со слезами просил помощи у Приснодевы. Благодатию Богоматери окружило его некое неизреченное благоухание, и смертоносная брань оставила его (95, 286).

***

В одном из египетских общежитий был юноша, который не мог погасить пламени плотского вожделения никакими воздержаниями или подвигами. Настоятель, желая помочь брату, поступил так. Он повелел одному из братий, мужу суровому, затеять с юношей ссору, а потом прийти еще и пожаловаться на него. Это было исполнено, и свидетели дали показание не в пользу юноши, который, видя несправедливость, начал плакать. Он ежедневно проливал слезы в уединении у ног Христа. И когда старец спросил его о блудных помыслах, юноша ответил: «Отец! Мне житья нет, до этого ли мне?» (106, 475).

***

Ученик некоторого святого старца был борим духом любодеяния, но при помощи благодати Божией мужественно противостоял скверным и нечистым помышлениям сердца своего, очень прилежа посту, молитве и рукоделию. Блаженный старец, видя усиленный подвиг его, сказал ему: «Хочешь, сын мой, я помолюсь Господу, чтобы Он отъял у тебя брань?» Ученик ответил: «Отец, хотя я и тружусь, но вижу и чувствую в себе благой плод; по причине этой брани я пощусь более и более упражняюсь в бдениях и молитвах. Но молю тебя, помолись Милосердному Господу, чтобы дал мне силу выдержать брань и подвизаться законно». Старец сказал: «Ты верно понял, что этою невидимою бранью с духами посредством терпения совершается вечное спасение твоей души» (106, 424—425).

***

Поведали братия, что они шли однажды в селение, посланные аввою, и на старшего из них нападал бес до

пяти раз, чтобы ввергнуть его в грех блуда. Брат подвизался против помысла в течение нескольких часов, отражая его молитвою. Когда братия возвратились, лицо искушаемого брата было смущено, он упал в ноги отцу и сказал: «Помолись, авва, я впал в блуд» — и рассказал о случившемся. Прозорливый старец увидел на голове брата пять венцов и сказал ему: «Ободрись, венцы свидетельствуют, что ты не был побежден, но победил, не исполнив на деле того, на что влачил тебя помысл» (106, 425).

***

Некоторого брата беспокоила страсть любодеяния: днем и ночью он ощущал в сердце своем как бы жало огненное. Но брат боролся, не уступая помыслам и не соглашаясь с ними. По прошествии многого времени отступила от него страсть, не преодолев его по причине трезвения его. И немедленно воссиял свет в сердце его (106, 475).

***

Один брат был сильно искушаем демонами блуда, ибо четыре демона, преобразясь в вид красивой женщины, в течение двадцати дней усиливались вовлечь его в постыдное смешение. Но так как он мужественно подвизался и остался непобедимым, то Бог, видя его подвиг, даровал ему то, что впредь он уже не имел плотского разжжения (98, 106).

ПРАВДА

Блаженны все делающие правду: они не погибнут вовек (св. Ерм, 94, 165).

***

...Правда имеет путь прямой, а неправда — кривой. Но ты ходи путем прямым, а кривой оставь. Кривой путь не ровен, имеет множество преткновений, скалист и тернист, и ведет к погибели тех, которые ходят по нему. А те, которые следуют прямому пути, ходят ровно и без претыкания, потому что он не скалист и не тернист (св. Ерм, 94, 188).

***

...При отсутствии правды все неправедно и без нее не может устоять. Она называется рассуждением и во всяком начинании назначает должное, чтобы не было в чем-либо недостатка, по оскудению, и преувеличения, по излишеству. Ибо хотя (эти вещи) и кажутся противоположными одна другой, потому что одна стоит выше, а другая ниже правды, но обе отчасти склоняются к несправедливости. Как и линия, если имеет выпуклость или вогнутость, уклоняется от прямого направления, и весы также на какую сторону наклонятся, та и превышает другую. Тот же, кто может сохранять праведность, не падает вниз через неразумие, невоздержность, боязнь и излишество и не ползает на чреве, как змий, ядя землю и служа постыдным страстям, но и не возносится вверх преувеличением, дерзостию, окаменением и недостаточностию, мудрствуя чрезмерно и поступая лукаво, превыше своего достоинства (см.: Рим. 12, 3), но мудрствует с целомудрием и терпит со смирением, зная, что он, по благодати, получил то, что имеет, по слову Апостола, и не отрицает сего. Ибо несправедливо поступает в отношении себя и ближнего, наиболее же Бога, если приписывает себе благие дела. Но если думает, что имеет от себя что-либо благое, то *еже мнится имея,*

возмется от него (Лк. 8, 18), как говорит Господь (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 94—95).

***

То велико для человека, чтобы он оставил свою правду, о коей думает, что она по Богу есть, и соблюл слово того, кто учит его по Богу. Вот и человек Божий, авва Нистерой, который видел славу Божию, имея живущими с собою сыновей сестры своей, никаких не давал им приказаний, но каждого оставил на свою ему волю, не заботясь о них, хороши ли они были, или худы. Также о Каине и Авеле говорили: кто научил их делать то или это, когда не было еще ни Закона, ни Писания? (Конечно, Бог); потому что, если Бог не научит человека, всуе трудится он (прп. авва Исаия, 89, 326—327).

***

...Правда есть способность воздавать за все по достоинству... (свт. Василий Великий, 8, 176).

***

Человеку здравомыслящему более всего должно избегать того, чтобы жить для славы, сообразоваться с мнением большинства, а неправый разум ставить вождем жизни; но, хотя бы пришлось противоречить всем людям или за прекрасное навлечь на себя бесславие и опасности, и в таком случае не должно решаться на извращение правильно дознанного (свт. Василий Великий, 8, 312).

***

...Если возлюбишь путь правды, то обретешь вечную жизнь (прп. Ефрем Сирин, 30, 105).

***

...Истина горька для старающихся быть скрытными, и обличение кажется жестоким особенно для людей, которые хотят, чтобы о них хорошо думали другие (прп. Ефрем Сирин, 30, 278).

***

Если кто и справедливо употребит злоречие, то правда его исполнена неправды (прп. Ефрем Сирин, 31, 448—449).

***

Избери себе делание правды — этот полезный для тебя труд. Воспользуйся сею скоротечною жизнью и имей непрестанно перед глазами тот страх и ужас, какой ожидает тебя в день испытания (прп. Ефрем Сирин, 33, 302).

***

...Приобретем себе правду, и тогда Царство будет наше; потому что соблюдается оно праведным. Будем же делать правду (прп. Ефрем Сирин, 33, 334).

***

Делание правды ни для кого не затруднительно. Пусть каждый делает, сколько может; правда и не требует от него большего. Пусть всякий по силам своим несет на себе возлагаемое на него правдою; потому что иго Божие легко и для всякого удобоносимо (прп. Ефрем Сирин, 33, 334).

***

Труд правды подает только случай Подателю за малое наградить великим богатством; потому что не укоряется и за малое приумножение правды, кто приумножает (прп. Ефрем Сирин, 34, 280).

***

Господь, преподав многие заповеди о любви, повелел искать правды Божией; ибо знал, что она матерь любви (прп. Макарий Египетский, 67, 258).

***

Делай правду, совершаемую во внутреннем человеке, где поставлен Христов алтарь вместе с нескверным святилищем, да свидетельство совести твоей похвалится Крестом Христа, очищающего совесть твою от мертвых дел, и послужишь Богу духом своим, узнаешь, Кому поклоняешься, по сказанному: ***мы поклоняемся, Егоже вемы*** (ср.: Ин. 4, 22) (прп. Макарий Египетский, 89, 249).

***

...Справедливостью умерщвляется неправда, и скромностью убивается кичливость (свт. Григорий Нисский, 18, 263).

***

...Правда делается камнем для неправды, и ее убивает, и хранится в лоне поразившего (свт. Григорий Нисский, 19, 317).

***

Как по отношению к тем, которые показывают себя благопокорными, Он <Бог>, по свойственной Ему благости, отменяет свои приговоры, приемлет обращающихся и избавляет от угрожающего наказания, так, напротив, когда Он обещает даровать или какие-нибудь блага, или время для покаяния, но видит, что люди сделались недостойными, тогда отменяет Свои обетования (свт. Иоанн Златоуст, 47, 244).

***

...Лучше терпеть неправду, чем причинять ее, так как для терпящих неправду суд Божий является благодеянием, а для виновных в ней наказанием, лишая их обетования (свт. Иоанн Златоуст, 48, 735).

***

Все грехи и все виды зла называются неправдой; за них приходит гнев Божий на сынов человеческих, или, лучше сказать, на сынов непослушания. От них охраняйте себя, братие, утверждайтесь же в воле Божией. И тогда Бог дарует вам богатые милости и щедроты Свои, потому что Он есть наш Спаситель (свт. Иоанн Златоуст, 48, 811).

***

Правда не знает изменчивости времени, равным образом человеческих затруднений, все этого рода вещи от ее лица оттоняются, пренебрегаются, презираются (свт. Иоанн Златоуст, 49, 179).

***

...Добродетель — великая защитница правды... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 781).

***

Не будем же ненавидеть свои души, не будем любить неправду. Прибыли от ней и теперь, без сомнения, мало или вовсе нет, а в будущем — много вреда (свт. Иоанн Златоуст, 51, 327).

***

...Если кто скажет о нас неправду — будем жалеть о нем, потому что он навлекает на себя наказание и мучение, назначенное за злоречие, и становится даже недостойным читать Священное Писание... А если бы он сказал и правду — и в этом случае он достоин сожаления. Ведь и фарисей говорил правду; но тем нисколько не повредил тому, кто слушал его, а, напротив, еще принес ему пользу, а себя самого лишил бесчисленных благ... Таким образом, в том и другом случае, кто оскорбляет тебя, терпит вред, а не ты. Ты, напротив, если будешь внимателен, приобретешь сугубую пользу: с одной стороны, ты умилостивишь Бога своим молчанием, а, с другой, — сделаешься гораздо скромнее, найдешь в сказанных о тебе словах повод к исправлению своих поступков и научишься пренебрегать славою человеческою (свт. Иоанн Златоуст, 51, 565).

***

Пост и молитва избавляют от смерти; а правда выше их обоих (свт. Иоанн Златоуст, 53, 964).

***

Как броня хранит от поранений, так и правда (спасает нас) (свт. Иоанн Златоуст, 54, 208).

***

...Кто говорит правду, хотя бы был самым последним из людей, и самого царя царственнее (свт. Иоанн Златоуст, 55, 631).

***

Плод правды — совершенство добродетели; из него вырастает древо жизни (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1106).

***

...Чтобы не подвергнуться козням, будем паче исследовать и делать правду... (прп. Нил Синайский, 73, 202).

***

...Пока душа мирским водится мудрованием, дотоле хотя и видит правду, как-нибудь попираемую иными, равнодушною к тому остается: ибо занята будучи вся своими похотениями, о правде Божией не имеет попечения. Когда же она начнет быть выше своих страстей и похотей, тогда, и по отрешению от настоящих вещей и по любви к Богу, она не может уже равнодушно видеть даже во сне правду Божию оставляемою, но гневается и возмущается на злотворцев... (блж. Диадох, 91, 50).

***

...Услаждение, сокрытое в правде, вкушаем не тогда, как делаем правду, но когда любовь к правде снедает сердце наше... (прп. Исаак Сирин, 58, 246).

***

Когда вступишь на путь правды, тогда прилепишься к свободе во всяком деле (прп. Исаак Сирин, 58, 278).

***

...Не голыми словами прославляется обыкновенно Бог, но делами правды, много паче слов провозглашающими о Божеском велелепии (прп. Максим Исповедник, 91, 286).

***

...Радость есть признак совершения всякой правды... (прп. Феодор Студит, 92, 566).

***

Смешай с простотою воздержание и со смиренномудрием сочетай истину — и окажешься сотрапезником правды... (прп. Илия Екдик, 91, 426).

***

Писаный закон, страхом удерживая от неправды, приучает к правде; со временем же навык в сем пораждает правдолюбивое расположение, от коего пребывает твердое

к добру настроение, наводящее забвение предшествовавшей порочности (прп. Максим Исповедник, 91, 287).

***

Правда Божественная явилась человечеству в Божественном милосердии и повелела нам уподобиться Богу совершенным милосердием, не какой другой добродетелью (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 522).

***

Истина есть Слово Божие, Евангелие; истина есть Христос. Познание Истины вводит в душу Божественную правду, изгнав из души падшую и осквернённую грехом правду человеческую: вшествие свое в душу Божественная правда свидетельствует Христовым миром (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 223—224).

***

Блажен, кто праведен правдой Божией, упование его сосредоточено во Христе, источнике его правды. Несчастлив тот, кто удовлетворен собственной человеческой правдой: ему не нужен Христос, возвестивший о Себе: *не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние* (Мф. 9, 13) (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 24).

***

Милость, исходящая из поврежденного человеческого естества, противна правде: милость, изливающаяся из заповедей Евангелия... находится в неразрывном союзе с правдой Божией, служит выражением ее (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 109).

***

Чудный союз милости с правдой видим в образе действий Богочеловека: этот образ действия отражается в поведении истинных учеников Христовых (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 191).

ПРАВЕДНОСТЬ

Кто еще в живых, того нельзя называть блаженным по неизвестности окончания жизни; но кто исполнил возложенные на него обязанности и заключил жизнь неукоризненным концом, того безопасно уже можно назвать блаженным (свт. Василий Великий, 5, 180).

***

Жизнь праведных являет одни блага будущего века. Путь спасаемых сколько обещает благ будущих, столько представляет трудов в настоящем (свт. Василий Великий, 5, 184).

***

Ежели когда в сердце твоем как бы ниспадший свет произвел внезапную мысль о Боге и озарил твою душу, так что ты возлюбил Бога, а презрел мир и все телесное, то из сего слабого и малого подобия познай полное состояние праведных, которые равномерно и непрерывно возрастают в веселии о Боге. Тебя по временам и редко посещает сия радость, по смотрению Божию, чтобы малое ее вкушение приводило тебе на память, чего ты лишился; а в праведнике постоянно Божественное и небесное веселие; потому что в нем, несомненно, обитает Дух, первый же *плод духа*

есть любы, радость, мир (ср.: Гал. 5, 22) (свт. Василий Великий, 5, 227—228).

***

Вся жизнь праведника исполнена скорбей; это путь тесный и скорбный (свт. Василий Великий, 5, 251).

***

Праведник и ныне пьет воду живую и обильнее испиет ее впоследствии, когда будет вписан в гражданство во граде Божием. Но ныне пьет он в зерцале и в гадании, по малому постижению Божественных умозрений; а тогда вдруг примет в себя полноводную реку, которая весь град Божий может наводнить веселием. Какая же это будет река Божия, как не Дух Святый, пребывающий по мере веры в достойных, уверовавших во Христа? (свт. Василий Великий, 5, 295).

***

Не называй себя праведным и непорочным перед Господом; ибо что утаилось от тебя, то явлено перед Богом. Должно же верить, что если Ему предоставим себя, то будет плод от нашего делания... (прп. Ефрем Сирин, 30, 86).

***

Нечестивым не понравится благочестивый настоятель, и праведнику — всякая неправда (прп. Ефрем Сирин, 30, 207).

***

...Блаженна страна, блажен город, блаженно поколение, в которых много праведных; гораздо же блаженнее сами праведники, через которых спасается мир, потому ублажения и похвалы соблюдаются праведным (прп. Ефрем Сирин, 32, 120).

***

Потому и мир стоит доныне, что имеет в себе сию соль и сие светило <праведных>. Ибо из рода в род есть служащие Господу, иначе и мир не стоял бы (прп. Ефрем Сирин, 32, 120).

***

Праведность — самые быстрые крылья, возносящие праведных с земли на небо (прп. Ефрем Сирин, 32, 126).

***

...Праведники прекрасно называются живыми; потому что в здешней жизни услаждаться непрестанным созерцанием Бога и не делать или не терпеть никакого зла действительно есть жизнь (прп. Ефрем Сирин, 32, 195).

***

Праведники взойдут на духовные степени, чтобы стать братьями и сродниками горним; потому что не ходили они плотскими путями, но и во плоти были духовными; и за сие вместе с духами насладятся блаженством в Царствии (прп. Ефрем Сирин, 33, 240).

***

Райская дверь сама собою отверзется для праведных, как скоро приближатся они к ней; с честью сретит их стерегущий ее Херувим, ударяя в струны цевницы. Узрят они Жениха, Который явится и с победною песнею придет от Востока. Он даст им крыла, чтобы могли немедленно лететь на воздусех и поклониться Ему (прп. Ефрем Сирин, 33, 459).

***

Приявший баню пакибытия подобен молодому воину, только что внесенному в воинские списки, но еще ничего не выказавшему воинственного или мужественного. Как он, повязавши пояс и облекшись хламидою, не считает себя тотчас же храбрым, и, подходя к царю, не разговаривает с ним дерзновенно, как знакомый, и не просит милостей, раздаваемых трудившимся и подвизавшимся: так и ты, получив благодать, не думай обитать вместе с праведными и быть причтенным к их лику, если не претерпишь многих бед за благочестие, не будешь вести борьбы с плотью и затем с диаволом, и мужественно не противостанешь всем стреляниям лукавых духов (свт. Григорий Нисский, 24, 448—449).

***

Праведным же называется не только тот, кто не служит жадности, но и тот, кто неповинен ни в какой дурной страсти (свт. Иоанн Златоуст, 49, 298).

***

...Праведник... пребывает безбоязненным и твердым. Хотя бы его во многом обвиняли многочисленные лжесви-

детели, однако ему никто не может повредить (свт. Иоанн Златоуст, 49, 334).

***

Хотя быть праведным значит не присвоивать себе чужого; но праведностью же называется и совокупность добродетелей (свт. Иоанн Златоуст, 50, 39).

***

...Если грех вооружил смерть, то вполне ясно, что праведность, сообщаемая благодатью... уничтожает ее и ниспровергает все царство греха... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 599).

***

...Обнажим себя от денег, чтобы не обнажиться от праведности. Облачение, состоящее в деньгах, повреждает эту одежду (оправдания)... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 117—118).

***

Чувственные наклонности также лишают нас этой одежды <праведности>: они огонь, а такой огонь сожигает эту одежду (свт. Иоанн Златоуст, 54, 118).

***

Богатство также есть моль: как моль поедает все и не щадит даже шелковых одежд, так и богатство <одежд праведности> (свт. Иоанн Златоуст, 54, 118).

***

Закон по большей части запрещает зло; между тем не через это, но через добрые дела человек становится праведным (свт. Иоанн Златоуст, 54, 631).

***

Праведники потому и достойны удивления, что они радуются благам братьев так же, как своим собственным (свт. Иоанн Златоуст, 55, 228).

***

...Праведность — уничтожение и исчезновение смерти (свт. Иоанн Златоуст, 55, 299).

***

Один человек, праведно живущий, в состоянии будет избавить весь народ от гнева Божия (свт. Иоанн Златоуст, 55, 709).

***

Праведность есть совокупность и соединение всего хорошего и доброго (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1009).

***

...Праведность не только спасает приобретших ее, но и возбуждает многих к ревности по ней и переносит от смерти к вечному бессмертию (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1103).

***

Она <праведность>, окружая и ограждая важнейшие части нашей груди, противостоя смертоносным ранам страстей, отражает удары противников и не допускает стрелам диавола проникать во внутреннего нашего человека. Ибо она все покрывает, все терпит, все переносит (см.: 1 Кор. 13, 7) (прп. авва Серен, 56, 284).

***

Многие из людей... не потому, что любят правду, но потому, что применяют себя к держащимся еще менее правды, по сравнению с худшими составляют мнение о праведности, не вникая в Божественные заповеди, каковы они сами в себе, и не по их правилу благоустрояя собственную свою жизнь, но измеряя свое поведение поступками нерадивых ближних. Посему-то сказано и то, что желал ты дознать: ***всяк муж является себе праведен*** (ср.: Иов 4, 17), потому что слеп он для преспеяния ближнего, но зорко видит их недостатки, как и коршуны, мимо пролетая часто луга и сады, бросаются на мертвые тела. Посему Писание присовокупило: ***управляет же сердца Господь*** (ср.: Притч. 16, 9), или устранивших от себя такое мнение, или благоустроивших жизнь свою по Божественным заповедям, или превзошедших свойственное человеку и доблестным житием достигших высшего жребия и достоинства по сказанному: ***Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго вси*** (Пс. 81, 6) (прп. Исидор Пелусиот, 61, 266).

***

Всякий праведник, судимый сам по себе, оправдится; но сравниваемый с Богом, или судимый сравнительно с Ним, не оправдится (прп. Исидор Пелусиот, 62, 67).

***

...Чем больше умножается наша праведность, тем больше возрастает духовное возмужание; и наконец ум, в совершенство пришедши, весь прилепляется к Богу и осиявается Божественным светом, — и ему открываются неизреченности таинств. Тогда истинно познает он, где мудрость, где сила, где разум для познания всего, где долголетие и жизнь, где свет очей и мир. Ибо пока занят он борьбою со страстями, дотоле не имеет возможности насладиться сим; так как и добродетели и пороки слепым делают ум: те, чтобы не видел добродетелей, а эти, чтобы не видел пороков. Но когда восприимет он покой от брани и сподобится духовных дарований, тогда, непрестанно бывая воздействуем благодатию, весь соделывается световидным, и становится не отклоним от созерцания вещей духовных. Таковый не привязан ни к чему здешнему; но перешел от смерти в живот (прп. авва Филимон, 91, 373—374).

***

В том и праведность, чтобы иметь причастие и общение со Христом Господом (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 204).

***

...Пред лицем Бога... вся наша праведность не больше драных рубищ... (свт. Григорий Палама, 26, 23).

****

Однажды встретился со мной некто и говорит: «Сделай меня праведным». Я спросил: «Может ли сделаться праведным, кто грешен?» Но как он сказал, что уже не грешит,

то ответил я: «Если говоришь правду, то сделался, чем желал» (62, 233).

***

Скажу несколько слов о брате, живущем со мной от самой юности... Узнал я, что он с давнего времени проводил самую добродетельную жизнь с ревностью и обуздывал страсти; знаю верно, что он и ел не с жадностью, да и постился не чрезмерно; победил страсть к сребролюбию, весьма далек был от тщеславия, довольствовался всегда тем, что есть; не украшался одеждами; благодарил, когда ему оказывали презрение или неуважение; подвергался опасностям за искренних друзей... Он плакал о людях, находившихся в нужде и в недостатке от бедности, и отдавал им все, что имел, кроме разве своего тела; знаю, что он плакал и о грешниках и своими слезами приводил их к покаянию (101, 307—309).

***

Авва Иоанн рассказал о старце Стефане следующее: «Он очень ослаб и заболел. Тогда врачи заставили его есть мясное. У блаженного старца был в миру брат, человек благочестивой, богоугодной жизни. Однажды брат-мирянин пришел к брату-пресвитеру и, застав его за вкушением мясной пищи, смутился тем, что, после таких великих подвигов воздержания, под конец жизни брат разрешил себе мясную пищу. Внезапно духовными очами он увидел перед собой незнакомца, говорившего ему: «Зачем ты соблазняешься тем, что старец вкушает мясо? Или ты не знаешь, что он делает это по необходимости и послушания ради. Воистину тебе не следовало соблазняться. Хочешь ли видеть, какой славы достоин брат твой? Обратись назад и

смотри». И, обратившись, он увидал своего брата пригвожденным ко кресту, как Христос.

Вот какой славы сподобился брат твой! Воздай же славу Тому, Кто прославляет истинно любящих Его» (102, 60—61).

***

...Один из братии просил авву Гелена, чтобы он дозволил ему жить с ним в пустыне. «Ах, — ответил авва Гелен, — тяжел и многотруден подвиг — противостоять искушениям злых духов!» Но юноша еще усерднее настаивал на своем желании, обещая, что он все будет терпеливо переносить, лишь бы авва позволил ему разделять его подвиги. Тогда, взяв его с собой в пустыню, он повелел ему жить в соседней пещере.

Ночью к юноше в пещеру слетелись злые духи. Сначала они возмущали его душу гнусными и нечистыми помыслами и затем, неистово ринувшись на него, грозили ему смертью... Юноша опрометью бросился вон и, прибежав в келью святого Гелена, рассказал, что пришлось ему испытать. Авва немногими словами успокоил его, ободряя к вере и терпению. Отведя юношу обратно в его пещеру, он провел пальцем на песке близ нее некую черту и сказал, обращаясь к злым духам: «Именем Господа нашего Иисуса Христа запрещаю вам переступать эту черту!» И юноша не терпел более прежнего беспокойства (99, 70—71).

***

После продолжительного подвижничества авва Пафнутий молил Бога открыть ему, кому из праведных людей он был бы подобен. Ангел явился ему и сказал: «Ты подобен такому-то флейтисту, который живет в городе». Поспешно отправился к нему авва Пафнутий и стал расспрашивать

об образе жизни и делах его. Флейтист сказал ему, что он человек грешный, нетрезвой, развратной жизни и только недавно перестал разбойничать и сделался флейтистом. Когда же Пафнутий стал выпытывать у него, что доброго сделал он когда-либо, флейтист отвечал, что не знает за собой ничего доброго, кроме того, что однажды, будучи разбойником, ночью избавил от разбойников одну христианскую деву, которую они хотели обесчестить, и проводил ее до селения.

«В другой раз, — продолжал он, — я встретил красивую женщину, блуждающую по пустыне. Она горько плакала. Я спросил о причине ее слез. «Не спрашивай меня ни о чем, господин, — сказала она, — и не любопытствуй о несчастной, но возьми меня и отведи куда хочешь, как рабу свою. Ибо после того, как мужа моего много раз били в продолжение двух лет за то, что он должен казне триста златниц, и заключили в темницу, а трех моих любезнейших сыновей продали, я скрываюсь бегством, переходя с места на место, и так как меня часто ловили и каждый раз били без пощады, то и брожу теперь по пустыне и вот уже третий день остаюсь без пищи». Я сжалился над нею и привел ее в пещеру, дал ей триста златниц и проводил до города; так я освободил ее с детьми и мужем».

Авва Пафнутий сказал ему: «Бог открыл мне о тебе, что ты имеешь добрые дела. Посему, когда Бог так печется о тебе, брат, ты не оставляй души своей в пренебрежении на волю случая».

Флейтист тотчас бросил свою флейту и, променяв благозвучие музыкальной песни на духовное сладкопение, последовал за сим мужем в пустыню. В продолжение трех лет подвизался он, сколько мог, проводя жизнь свою в пении псалмов и в молитвах; наконец, перешел на небо и

почил, сопричисленный к ликам святых и чинам праведных.

Авва Пафнутий вновь стал молить Бога открыть ему, кому из праведных он подобен... Был к нему глас Божий: «Ты подобен старшине ближайшего селения». Авва Пафнутий немедленно отправился к нему. Когда он постучался в дверь, хозяин, по обычаю, вышел и принял гостя. Омыв ему ноги и предложив трапезу, он просил его вкусить пищи. После трапезы авва Пафнутий стал у него расспрашивать о его делах: «Расскажи мне свой образ жизни, ибо ты праведен и превзошел многих монахов, как открыл мне Бог». Тот отвечал ему, что он человек грешный и недостойный имени монахов. Когда же Пафнутий стал настоятельно расспрашивать его, он отвечал так: «Я не имел нужды рассказывать о своих делах; но поскольку ты говоришь, что пришел по повелению Божию, то расскажу тебе о себе. Вот уже тридцатый год, как я разлучился со своей женой, прожив с нею только три года и прижив от нее трех сыновей, которые помогают мне по моим делам. Я до сих пор не оставлял страннолюбия. Никто из поселян не похвалится, чтобы он принял странника прежде меня. Бедный или странник не выходил из моего дома с пустыми руками, не получив прежде нужного для пути. Не пропускал я бедного, удрученного несчастьями, без того чтобы не подать ему достаточного утешения. Не был я лицеприятен к своему сыну на суде. Чужие плоды не входили в дом мой. Не было вражды, которой бы я не примирял. Никто не обвинял моих сыновей в неприличных поступках. Стада мои не дотрагивались до чужих плодов. Не засевал я первый своих полей, но, предоставляя их всем, сам пользовался только тем, что оставалось. Не допускал я, чтобы богатый притеснял бедного. Во всю

жизнь мою никого не огорчал; никого никогда не осуждал. Вот что, как помню, сделал я по воле Божией».

Услышав о добродетелях сего мужа, авва Пафнутий облобызал его голову и сказал: «Да благословит тя Господь от Сиона, и узриши благая Иерусалима. Тебе недостает еще главной из добродетелей — многомудрого познания о Боге, которое не можешь ты без труда приобрести, если не отвергнешься мира, не возьмешь креста и не последуешь за Спасителем». Услышав сие, тот немедленно, не сделав даже никаких распоряжений о своем имуществе, последовал за аввой в горы.

Продолжая неусыпно молиться Богу и еще более подвизаясь в посте, авва Пафнутий опять молил Бога открыть ему, кому он подобен. И опять сказал глас Божий: «Ты подобен купцу, ищущему хороших жемчужин. Встань же и не медли; с тобою встретится муж, которому ты подобен». Он пошел и увидел одного александрийского купца. Сей был муж благочестивый и христолюбивый; имея сто кораблей, торговал на двадцать тысяч златниц, и теперь возвращался из Верхней Фиваиды. Все свое имущество и всю прибыль от торговли он раздавал бедным и монахам. Он и авве Пафнутию вместе со своими сыновьями нес десять мешков овощей. «Что это, любезный?» — спросил авва Пафнутий. Тот отвечал: «Это плоды торговли, приносимые Богу, для подкрепления праведных». «Что же, — сказал авва Пафнутий, — ты не принимаешь нашего имени?» Когда тот признался, что очень желает сего, Пафнутий сказал ему: «Доколе будешь ты заниматься земной торговлей и не примешься за небесную куплю? Предоставь это другим, а сам, когда время так благоприятно, последуй за Спасителем, к Которому немного позже и ты придешь». Купец, нисколько не отлагая, приказал сыновьям разделить между бедными все, что у него осталось, а сам от-

правился в горы и стал молиться Богу. Прошло немного времени, и он, оставив тело, соделался небожителем (101, 189—195).

***

Поведал авва Иоанн: «Некий старец жил в затворе, и был знаменит в городе, и в окрестности имел великую славу. Ему было открыто, что один из святых приблизился к кончине, и было повелено проститься с ним прежде его отшествия. Старец сказал сам себе: «Если пойду днем, то стечется ко мне народ и окажет мне великую почесть; лучше пойду вечером...» С намерением пройти незаметно, он вышел из кельи, но вот явились два Ангела с пылающими светильниками, посланные от Бога, чтобы освещать путь старцу. На это зрелище сбежался весь город. Насколько старец думал избежать славы, настолько был прославлен! Исполнились над ним слова Писания: ***всяк смиряяйся вознесется*** (ср.: Лк. 14, 11)» (106, 292).

***

Рассказывал авва Палладий братии о мотивах, побудивших его принять иночество: «В Фессалониках, за три версты от городской стены, жил отшельник родом из Месопотамии по имени Давид. То был муж весьма добродетельный, любвеобильный и строгой жизни. Он провел в затворничестве около семидесяти лет. По ночам стража охраняла стены города от варваров. Воины стояли на стене, обращенной к той стороне, где в затворе жил старец. В одну из ночей видят они, что из всех окон кельи старца исходит огонь. Вообразив, что варвары подожгли ее, они бросились туда, но, найдя, что келья цела и старец невредим, остановились в изумлении. На следующую ночь

воины снова увидели огонь и это повторялось не раз. Необычайное явление стало известно всему городу, так что многие даже проводили ночи на стене, чтобы увидеть дивный огонь. Я сам видел это чудо не раз и не два, а многократно. И сказал я сам себе: «Если и в этом еще мире Бог прославляет рабов Своих столь великой славой, что же будет в будущем веке, когда лицо их просияет как солнце?!» Вот, чада мои, это и было причиной того, что я принял иноческий образ» (102, 64).

***

Однажды вошел к авве Силуану ученик его Захария и нашел его в состоянии исступления: руки его были простерты к небу. Затворив дверь, Захария вышел. Потом он приходил в шестом и девятом часу и находил старца в том же положении. В десятом часу он опять пришел к нему и нашел его погруженным в молчание. «Отец, что с тобою?» — спросил Захария. Старец отвечал: «Сегодня мне нездоровилось». Тогда Захария пал к ногам его и, обняв их, так говорил ему: «Не оставлю тебя, доколе не поведаешь мне виденного тобою». Старец сказал ему: «Я был взят на небо и видел славу Божию; так стоял я доселе, а теперь отпущен» (106, 354).

***

Пришли мы в селение за шесть миль от Росса. Два мирских старца приняли нас в храме. Селение стояло у подножия горы. В храме они указали нам каменную плиту. «В этой гробнице покоится великий отшельник», — сказали старцы. «Откуда вы знаете об этом?» — спросили мы. «Семь лет тому назад жители этого селения стали замечать по ночам на вершине горы свет, как бы от огня. Не звери ли это? — думали мы. Несколько дней мы наблю-

дали этот свет. Однажды взошли на вершину и не нашли никаких следов: ни света, ни чего-либо опаленного в лесу. Снова ночью видим тот же свет... Так в течение трех месяцев — огни... Как-то собрались несколько человек и ночью, с оружием в руках на случай встречи со зверями, пошли на вершину горы, на место, где появлялся свет, и остались там до утра. Утром увидели небольшую пещеру: из нее-то и являлся свет. Входим и видим умершего отшельника. На нем была власяница из козьей шерсти и плащ из пальмовых листьев. В руках — серебряное распятие. При нем хартия, на которой написано: «Я, смиренный Иоанн, скончался 15-го индикта». Просчитав время, мы нашли, что скончался он семь лет тому назад, а он был таким, как будто только что умер. Подняв его, мы принесли и похоронили в церкви» (102, 82—83).

***

В Феополе один из старцев поведал нам: «Однажды по надобности взошел я на гору Аман и нашел там пещеру. Войдя в нее, увидел отшельника, склонившегося на колена, с руками, простертыми к небу. Волосы, ниспадая с головы его, касались земли. Полагая, что он жив, я поклонился ему со словами: «Помолись обо мне, отче!» Ответа не было. Тогда я приблизился к нему, чтобы приветствовать его, но, дотронувшись, увидал, что он мертв... Отойдя немного, вижу другую пещеру, вхожу и нахожу в ней старца. «По добру ли пришел, брат? Заходил ли в другую пещеру к старцу?» — «Да, отче...» — «Получил ли что-нибудь там?» — «Нет...» — «Да, уж 15 лет прошло, как старец скончался». А между тем он был в таком состоянии, как будто почил только час назад. Старец совершил молитву о моих нуждах, и я удалился, славя Бога» (102, 84).

***

Одному старцу были показаны места, где по смерти покоятся святые. И вот в одном чудном месте он увидел некоего мужа и спросил: «Чем ты занимался в мире?» «Я, — отвечал тот, — был работником у одного злого человека, терпел от него все до конца, платы не получал, а делал он мне одно только зло. За это после смерти и принесли меня сюда»...

Потом старец увидел другого человека, также в чудном и славном месте, и спросил его, чем он заслужил сие? В ответ услышал: «Я был прокаженным и с благодарностью, даже до конца, перенес свою болезнь, и за это, после смерти, получил место сие». Наконец, старец увидел третьего мужа, но не в столь славном месте, и спросил: за что он здесь? Сей сказал: «Я долгое время был монахом и постоянно трудился для спасения своей души, впоследствии сделали меня епископом» (112, 846).

***

Некоторые старцы сподобились неоднократно видеть покойного отца Филарета Глинского поющим на клиросе с братией. Однажды ученик его, схиархимандрит Илиодор, горя любовью к братиям Глинской обители, молился Господу, да откроет ему о числе спасшихся и спасающихся. Господь внял молитве Своего угодника. Старец Илиодор, стоя в храме, видел, что не только храм, но и алтарь уставлен большими и малыми светильниками: иные из них горели, другие предназначались к горению. Отцу Илиодору, естественно, желалось знать участь своего достойного учителя, батюшки игумена Филарета. И вот во сне отец Илиодор видит себя в монастырском соборе, который наполнился крылатыми монахами, блиставшими небесным светом. Между ними, как солнце среди звезд, стоял игумен

Филарет, и от блистания небесной славы невозможно было смотреть на него (96, 71).

ПРАЗДНИКИ

Достойным же образом чтит и верно празднует их <праздники> ревнитель заповедей Божиих. А нечистые и оскверненные грехами и в праздник не празднуют (прп. Ефрем Сирин, 31, 390).

***

Всякий праздник и всякое деяние Господа нашего Иисуса Христа — нам верным спасение и похвала. Но похвала похвал — Крест; но праздников праздник — когда *за ны пожрен бысть Христос* (1 Кор. 5, 7), лучше же сказать, когда восстал из мертвых *Агнец Божий, вземляй грехи мира* (Ин. 1, 29) (прп. Ефрем Сирин, 31, 390).

***

...Все... праздники святы и досточестны и, различаясь между собой в славе, осияваются блистанием Божества (прп. Ефрем Сирин, 31, 390).

***

Прекрасный и богоугодный праздник — покаяние со слезами, воздержание от грехов, познание Бога и вожделение вечных благ. Когда так празднуют, и на небесах бывает радость, и Церковь веселится, и ликует, и созывает всех праведных, говоря: радуйтесь со мною, *яко сын мой*

сей мертв бе прегрешениями и *оживе* покаянием (Лк. 15, 24) (прп. Ефрем Сирин, 31, 390—391).

***

В сени Закона, данного через Моисея, Бог повелел, чтобы в субботу каждый упокоевался и ничего не делал. А сие было образом и сению истинной субботы, даруемой душе Господом. Ибо душа, сподобившаяся избавиться от срамных и нечистых помыслов, субботствует истинную субботу, и покоится истинным покоем, пребывая праздной и свободной от всех темных дел. Ибо там в прообразовательной субботе, хотя упокоевались телесно, но души связаны были лукавством и пороками; а сия истинная суббота есть истинное успокоение души, пребывающей праздною и очистившейся от сатанинских помыслов, покоящейся в вечном Господнем покое и в радости.

Ибо Господь призывает человека к покою, говоря: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). И те души, которые покоряются и приходят, Он упокоевает от сих тяжких, обременительных и нечистых помыслов; делаются они праздными от всякого беззакония, субботствуют субботу истинную, приятную и святую, празднуют духовный праздник неизглаголанной радости и веселия, совершают от чистого сердца служение чистое и благоугодное Богу. И это есть истинная и светлая суббота. Посему будем и мы умолять Бога, чтобы и нам войти в покой сей, упраздниться от срамных, лукавых и суетных помышлений, а таким образом прийти в возможность служить Богу от чистого сердца и праздновать праздник Духа Святаго. И блажен, кто войдет в сей покой (прп. Макарий Египетский, 89, 266—267).

***

Праздник делает обыкновенно не многочисленность, а добродетель собирающихся, не драгоценность одежд, а красота благочестия, не обилие трапезы, а душевное усердие (свт. Иоанн Златоуст, 47, 822).

***

...Кто живет в правде и добродетели, тот и без праздника празднует, получая чистую радость от своей совести; а кто живет в грехах и в пороке и сознает за собой много злого, тот и в праздник менее всех празднует (свт. Иоанн Златоуст, 47, 823).

***

Как совершалась она <пасха> у тех <иудеев>, она была напоминанием о спасении первенцев иудейских, когда первенцы иудейские не погибли вместе с египетскими, будучи сохранены таинственно кровью жертвы пасхальной; совершающаяся же у нас Пасха есть причина спасения всех людей, начиная с первозданного (человека), который во всех (нас) сохраняется и остается живым (свт. Иоанн Златоуст, 51, 924).

***

Пасха по переводу значит «прохождение», — когда губитель, избивая первенцев, проходил (мимо) дома евреев. Мимо нас губитель действительно прошел, так как он совершенно навсегда оставил нас, воздвигаемых Христом к вечной жизни. Таким образом, установление ветхозаветной пасхи следует рассматривать духовно и созерцать верою, сообразно с апостольскими толкованиями (свт. Иоанн Златоуст, 51, 925).

***

Пасху празднуем и мы, но не как избавление от временной смерти, подобно тем <иудеям>, и не как освобождение от временного рабства, но как совершенное избавление от смерти... Смерть первенцев миновала тех, которые принесли в жертву прообразовательного агнца и помазали кровью части дверей, нас же смерть, начавшаяся от первозданного (человека), минует, не будучи в силах удержать тех, которые вкусили жертвы Божественного Агнца и запечатлены верою в спасительную Кровь (свт. Иоанн Златоуст, 51, 937).

***

<Рождество Христово> — праздник увенчания всех добродетелей, источник и корень всех благ наших; праздник, которым небо отверзто, Дух ниспослан, средостение уничтожено... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 787).

***

Не оставайся же в неведении, что Бог и древле соединял, и ныне соединяет с праздниками напоминания о благодеяниях, чтобы празднующие, имея их в свежей памяти, обращались не к пьянству, но к благодарению и добродетели (прп. Исидор Пелусиот, 60, 378).

***

Праздники проводи не в винопитиях, но в обновлении ума и душевной чистоте. Наполняя же чрево яствами и винопитиями, прогневишь паче того, кому посвящается празднество (свт. Феодор Едесский, 91, 326).

***

...Если хочешь разумно и благочестно праздновать праздники, да будет у тебя празднеством не свет лампад, которые спустя немного погашаются, но чистая лампада души твоей, т. е. ведение небесных и божественных вещей, которое подается Духом Святым тому, кто есть израильтянин — человек высокого и созерцательного ума. Оно да сияет в тебе все дни жизни твоей паче лучей солнечных. Оно да светится во всех христианах чистым светом слова, так чтобы благодатию Духа Святаго исполнялась в них заповедь: *тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5, 16). Вместо многих лампад да будут в тебе светлосиятельные помышления, из которых составляется ткань на украшение добродетелей и через которые для имеющих правое умное зрение явным бывает все благообразие духовного храма души твоей. Вместо благовонных курений да облагоухает тебя благоухание Святаго Духа неизъяснимое. Вместо множества народа да будут с тобой сонмы святых Ангелов, которые бы славили Бога за твои добрые дела и радовались о спасении и преспеянии души твоей. Вместо друзей, вельмож и царей да спразднуют тебе, как други твои духовные, святые, паче вельмож и царей досточтимые. Сии святые да будут возлюбленными твоими, предпочтительно перед всеми, чтобы они по смерти твоей приняли тебя в вечные кровы свои, как Авраам принял Лазаря на лоно свое.

Вместо трапезы, обремененной разными яствами, да будет тебе единый Хлеб животный, который для чувств видится хлебом, а мысленно есть Тело Христово. Сей есть Хлеб, сходящий с неба и дающий живот миру, от которого вкушающий не только питается, но и животворится и вос-

ставляется как бы из мертвых. Сей Хлеб да будет для тебя и пищей, и услаждением, ненасытимыми и неистощимыми. Вино же, которое в сем Таинстве воистину есть Кровь Божия, да будет для тебя светом неизреченным, сладостью несказанной и радованием вечным. Если будешь пить от сего вина достойно, то не вжаждешься вовеки, только пей с чувством душевным и с мирным настроением душевных сил. И добре вникни в смысл глаголемого. Если причащаешься небесного хлеба и вина, т. е. Тела и Крови Христовых, с чувством и сознанием того, что они суть, то ведай, что причащаешься их достойно; если же не таким образом причащаешься, то ешь и пьешь недостойно. Причащаясь с чистым сердцем и верою, ты являешься достойным таинственной трапезы; если же ты не удостоиваешься сего, то не имеешь единения со Христом (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 339—341).

ПРАЗДНОСЛОВИЕ

...Бегай людей, и спасешься; потому что беседы не дозволяют уму ни своих согрешений видеть, ни коварств демонов, чтобы человек мог сохранить себя самого, — ниже благодеяний Божиих и действий Его Промысла, чтобы через это приобрел он познание Бога и смирение (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 27).

***

Исходя на поделие, не празднословьте и не позволяйте себе вольничать; но каждый в страхе Божием да внимает себе и духу своему, также поучению и молитве, в тайне (в клети сердца) (прп. авва Исаия, 89, 292).

***

Не стыдись лица его <пустослова> и, боясь опечалить его, не потерпи, чтобы тебе говорилось то <неполезное> (прп. авва Исаия, 89, 327).

***

Не должно произносить праздного слова, от которого нет никакой пользы. Ибо говорить или и делать даже доброе не к созиданию веры значит оскорблять Святаго Божия Духа (свт. Василий Великий, 7, 335).

***

...Привычка к словам негодным служит некоторым путем и к делам. Посему со всяким охранением надобно оберегать душу, чтобы, находя удовольствие в словах, незаметно не принять чего-нибудь худого, как иные с медом глотают ядовитые вещества (свт. Василий Великий, 8, 298).

***

Будь ленив к празднословию, а благоразумен и сведущ в спасительном слышании Божественных Писаний (свт. Василий Великий, 9, 43).

***

Не должно празднословить и говорить что-нибудь такое, что не служит ни к пользе слушающих, ни к необходимому и дозволенному нам Богом употреблению... (свт. Василий Великий, 10, 54).

***

Всякое вообще слово, которое не клонится к предположенной о Господе потребе, есть слово праздное. И опас-

ность подобного слова такова, что если сказанное и хорошо, но не направлено к созиданию веры, сказавший иное не приводит себя в безопасность добротой слова, но тем самым, что сказанное не к созиданию клонилось, оскорбляет Духа Святаго Божия (свт. Василий Великий, 11, 191).

***

Поелику уста отверсты, не имеют ни дверей, ни стражи, то слово наше выходит безразлично, а со словом расхищается и сердце... (прп. Ефрем Сирин, 30, 87).

***

...Бывает слово праздным, именно когда человек исповедуется и не исправляется, когда говорит, что кается, и снова грешит (прп. Ефрем Сирин, 30, 281).

***

...Худой отзыв о другом есть праздное слово; потому что, как скоро видит очерняемого, умолкает (прп. Ефрем Сирин, 30, 281).

***

...Кто от себя сложил ложь, тот предается празднословию; потому что пересказывал, что не было сделано и чего не видал (прп. Ефрем Сирин, 30, 281).

***

...Что такое праздное слово? — Обещание веры, не исполненное на деле. Человек верует и исповедует Христа, но остается праздным, не делая того, что повелел Христос (прп. Ефрем Сирин, 30, 281).

***

То <слово праздное>, которое... учит делать доброе, а само не делает (прп. Ефрем Сирин, 30, 282).

***

...Только проходящие духовную жизнь услаждаются такими речами, предмет которых добродетель; склонные же к жизни, преданной страстям, не терпят слушать о духовном, но смеются над этим, и кто говорит, того гонят от себя прочь. Беседуя же о страстях и удовольствиях, не знают сытости и согласны лучше лишиться пищи и сна, нежели положить конец такому пустословию (прп. Ефрем Сирин, 30, 492).

***

Кто празднословит во время Божией службы, тот подвергнется сугубому порицанию за то, что отвлекает от молитвы и псалмопения как того, с кем разговаривает, так вместе и тех, которые стоят близ него (прп. Ефрем Сирин, 31, 294—295).

***

...Как в детях напечатлеваешь первые правила нравственности для того, чтобы они впоследствии избегали пороков, так и в отношении к слову не должно сказывать дерзости и необузданности даже в суждениях о вещах маловажных, чтобы не приучиться к такому злоупотреблению в суждениях о важнейшем. Ибо легче не поддаться пороку вначале и избежать его, когда он только к нам близок, нежели пресечь и стать выше его, когда он уже сделал в нас успехи; как и камень легче подпереть и удержать в начале, нежели поднять вверх во время его падения (свт. Григорий Богослов, 14, 169).

***

Лучше спать, чем проводить время в пустословии (прп. авва Евагрий, 89, 611).

***

...Вместо слов, произнесенных безрассудно, будем произносить молитвы... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 707).

***

Праздное слово есть слово, несообразное с делом, ложное, дышащее клеветой, а также, по изъяснению некоторых, и пустое слово, например, возбуждающее неприличный смех, срамное, бесстыдное, неблагопристойное (свт. Иоанн Златоуст, 50, 445).

***

...Неумеренная говорливость предает во власть демонам печали и гнева... (прп. Нил Синайский, 73, 216).

***

Не желай слышать о чужих лукавствах, потому что при этом черты тех лукавств написываются и в нас (прп. Марк Подвижник, 89, 533).

***

Если случайно кто попадет в круг людей пусторечивых, пусть себя виновным считает в таких речах, если не по поводу настоящего, то по поводу прошедшего (потому что сам прежде с ними болтал) (прп. Марк Подвижник, 89, 533—534).

***

Да не будет у вас ни смеха неприличного, ни развлечения рассеивающего и разнеживающего, ни долгих праздных бесед... (прп. Феодор Студит, 92, 43).

***

Не будем любомудры на словах, а когда дойдет до дела, оказываемся чуждыми того, что говорим (прп. Феодор Студит, 92, 122).

***

Праздное слово не есть только слово бесполезное; но праздным должно называть и такое слово, которое говорим, прежде чем делом сделаем и искусом познаем то, о чем говорим (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 418).

***

Если бы кто подвигся на празднословие, то для пресечения сего бесчиния вставай и делай поклон (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 174).

***

Пусторечие есть дверь к осуждению и клеветам, разносительница ложных вестей и мнений, сеятельница разногласий и раздоров. Оно подавляет вкус к умственным трудам и всегда почти служит прикрышкой отсутствия основательного ведения. После многословия, когда пройдет час самодовольства, всегда остается некое чувство тоски и разленения (прп. Никодим Святогорец, 70, 104).

****

Авва Сисой однажды сказал: «Поверь, вот уже тридцать лет молюсь я Богу так: «Господи Иисусе! Защити меня от языка моего». Но и доныне каждый день я падаю и согрешаю языком моим» (97, 248).

***

Авва Макарий Великий однажды в Скиту сказал братиям, распуская собрание: «Бегите, братия!» Один из старцев спросил: «Куда же мы побежим дальше сей пустыни?» Авва, положив перст на уста, сказал: «Сего бегите» (97, 146).

***

Сказывали об авве Аммое, что когда он шел в церковь, то не позволял ученику своему идти возле себя, но приказывал следовать издали. Если ученик приближался, чтобы спросить о чем-либо, Аммой, дав ответ, немедленно отсылал от себя, говоря: «Не позволяю тебе оставаться близ меня по той причине, чтобы в беседу нашу о душевной пользе не вкралось праздное слово» (106, 66).

***

Между святыми старцами был муж великий, которому Христос даровал такую благодать, что он, по действию Святаго Духа, видел то, чего другие не видят. Он сказывал, что однажды сидели многие братия и беседовали между собой. Когда шел душеспасительный разговор и приводимы были для назидания изречения из Священного Писания, тогда стояли между братиями святые Ангелы, на

лицах их сияла радостная улыбка; они с удовольствием внимали беседе о Господе. Когда же разговор переходил к предметам суетным, Ангелы огорчались и тотчас уходили далеко от беседующих, а среди тех появлялись нечистейшие, покрытые струпами, кабаны. Это были демоны: они принимали вид кабанов и увеселялись пустословием и многословием монахов.

Увидев это, блаженный старец ушел в свою келью и всю ночь плакал и рыдал; стенания и слезы изливались из сердца его о горестном недуге падения нашего. Он увещевал и наставлял отцов и братий по монастырям, говоря: «Охраняйтесь, братия, от многословия и суетных бесед, от которых рождаются для души вред и погибель...» (106, 456—457).

***

Авва Кассиан рассказывал о некоем старце, живущем в пустыне. Старец этот умолял Бога даровать ему, чтобы он никогда не дремал, когда идет духовная беседа, и тотчас погружался в сон, если кто станет злословить или пустословить, чтобы это не доходило до слуха его. Он говорил: диавол старается о пустословии (между людьми) и есть враг всякого духовного назидания. При этом приводил такой пример. Когда я беседовал с братиями о пользе, на них нападал такой глубокий сон, что не могли двигать веждами. Желая обнаружить действие демона, я заговорил о пустом предмете. Они обрадовались, и сон тотчас прошел. И сказал я: «Доколе мы рассуждали о духовных делах, очи всех нас отягчены были сном. Когда же вышло от меня праздное слово, все вы с охотой проснулись. Посему прошу вас, замечайте действие лукавого демона, внимайте самим себе, берегитесь дремоты, когда делаете или слушаете что духовное» (98, 36—37).

***

Однажды братия из Скита вошли на корабль, чтобы отправиться к авве Антонию. Здесь они встретили незнакомого им старца, который плыл в ту же сторону. Братия, беседуя между собой, говорили об изречениях отцев и из Писания, также и о своих рукоделиях. Старец все молчал. Выйдя на пристань, они узнали, что и он также идет к авве Антонию.

Когда пришли они к авве Антонию, он сказал: «Добрых братий ты нашел, авва». «Они хороши, — отвечал старец, — но у них двор не имеет ворот: кто хочет, подходит к стойлу и отвязывает осла». Это сказал он потому, что они говорили все, что ни приходило им на ум (97, 7).

***

В стране Тавенисийской была инокиня честной жизни, но не воздержная на язык. Когда она скончалась, то как жертвовательница была погребена в церкви. В первую же ночь по ее погребении церковный сторож, по откровению Божию, увидел умершую, выброшенную перед жертвенником. Половина тела ее казалась горевшей, другой же половины тела огонь не коснулся. Утром сторож показал всем, бывшим в храме, место, на котором умершая инокиня казалась ему горевшей, а мрамор на этом месте был опален. Явно отсюда, что умершая в загробной жизни осуждена за свой язык; а потому празднословы не должны говорить, что слова — вода и что им в будущей жизни за празднословие ничего не будет (112, 377—378).

ПРАЗДНОСТЬ

Ослабление же <подвига> бывает тогда, когда человек от всей души пожелает покоя, а покой, говорят святые,

обыкновенно вредит юным и здоровым (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 131).

***

...Некто премудрый, показывая, что праздность научила всякому злу, и, беседуя о слугах, говорит: *вложи его в дело, да не празден будет* (Сир. 33, 28) (свт. Иоанн Златоуст, 46, 187).

***

Если бы праздность была добром, то все произращала бы земля незасеянная и невозделанная; но она не производит ничего такого (свт. Иоанн Златоуст, 46, 188).

***

Если кто живет в праздности, то хотя бы он и был здоров, он несчастнее одержимых горячкой: эти имеют извинения в своей болезни и могут найти сострадание, а те, позоря телесное здоровье, справедливо всеми ненавидятся, как преступающие закон Божий и причиняющие вред трапезе немощных и делающие свою душу худшей (свт. Иоанн Златоуст, 46, 189).

***

Тело, остающееся в праздности и бездействии, бывает болезненно и безобразно, а движущееся, трудящееся и переносящее тяжести бывает благообразнее и здоровее; то же бывает и с душой (свт. Иоанн Златоуст, 46, 471).

***

Нет, подлинно нет ничего в мире, что не испортилось бы от бездействия (свт. Иоанн Златоуст, 51, 188).

***

Положим, например, что человеку целомудренному, или отличающемуся какой-либо другой добродетелью, не нужны были бы никакие подвиги... к чему бы привело такое ослабление? Не к гордости ли и высокомерию? (свт. Иоанн Златоуст, 51, 233).

***

Нет ничего бесполезнее человека, который проводит все время в бездействии и роскоши (свт. Иоанн Златоуст, 52, 316—317).

***

Удовольствие от кушаний и от бездействия отнюдь не таково (как кажется), но все это кратковременно и скоропреходяще. Не будем же заботиться о такой жизни. Если мы посмотрим, кто приятнее проводит время, трудящийся ли и живущий в бедности или предающийся роскоши, то найдем, что первый. Во-первых, самое тело последнего изнежено и расслаблено; потом, телесные чувства его не в здравом состоянии, но слабы и безжизненны; а без этого нет и приятного ощущения здоровья. Какой конь бывает полезнее, утучняемый в бездействии или употребляемый на работу? Какой корабль — плавающий или стоящий без движения? Какая вода — текучая или стоячая? Какое железо — употребляемое в деле или не употребляемое? То блестит и уподобляется серебру, а это покрывается ржавчиной и остается бесполезным и даже теряет часть вещества своего. Нечто подобное происходит и в празднолюбивой душе: как бы ржавчина покрывает ее и истребляет ее светлость и все прочее. Чем же можно уничтожить эту ржавчину? Оселком скорбей; они делают душу полезной и способной на все. Скажи мне, может ли она посекать

страсти, когда острие ее притупилось и гнется, как олово? Может ли наносить раны диаволу? И кому может быть приятен человек, утучняющий плоть свою и движущийся наподобие тюленя? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 317).

***

Бездействие вредит всему и даже телесным членам. Если глаз или уста, или желудок и какой угодно член не исполняет своего дела, то впадает в крайнюю болезнь; но ничто так не терпит от этого, как душа (свт. Иоанн Златоуст, 52, 318).

***

Праздность и роскошь негодны ни к чему, а только служат для тщеславия и удовольствия (свт. Иоанн Златоуст, 52, 318).

***

Всего неприличнее и несвойственнее христианину — искать праздности и покоя; ничто так не противно призванию нашему и воинствованию, как сильная привязанность к настоящей жизни. Твой Владыка был распят, а ты ищешь покоя? Твой Владыка был пригвожден, а ты предаешься удовольствиям? Это ли дело благородного воина? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 331).

***

Она <праздность> — нововводительница и имеет великую способность обучать новым порокам (прп. Нил Синайский, 72, 133).

***

...Праздность для многих служит причиной многого худого, бездействием, умножая как обычные уже пороки, так научая тем, которые пока не были еще обычными (прп. Нил Синайский, 72, 133).

***

...Праздность, наипаче для невежд, есть начало худых дел... (прп. Нил Синайский, 72, 392).

***

Остерегайтесь, возлюбленные, праздности, потому что в ней сокрыта дознанная смерть... (прп. Исаак Сирин, 58, 357).

***

Никогда не оставайся совершенно праздным... чтобы праздность не научила тебя всякому злу... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 211).

***

...Настоящий покой не вовне, а внутри, и источником имеет не внешнюю обстановку, а внутреннее благоустроение (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 19).

***

Праздное время в заговоре со всеми духами против бедной души... духом налетят и начнут теребить душу... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 37).

****

Один старец имел ученика, который жил рядом с ним, но в особой келье. Однажды старец слышал бесов, вопиявших: «Горе нам от этих монахов: и к старцу приблизиться не можем, и к ученику его тоже, потому что последний разоряет и строит, и никогда не видим его праздным». Слыша это, старец понял, что от него самого гонит бесов присущая ему благодать Божия, а об ученике недоумевал: «Что это значит — разоряет и строит?» Вечером он пришел к ученику и спросил: «Как живешь?» Ученик отвечал: «Хорошо, отче». Старец стал выпытывать, не впадает ли он в уныние. Ученик указал на лежавшие около него камни и сказал: «Из этого камня я строю стены, а потом разрушаю их и, поступая так, не ощущаю уныния». Великий старец понял, почему бесы не могли приблизиться к его ученику: никогда не видали его праздным, — и поощрил ученика к продолжению трудов. Другим же старец говорил: «Знаю, что своим деланием ученик мой не приносил никакого прибытка ни себе, ни другим; но зато, поскольку не был празден, бесы не находили времени, чтобы приблизиться к нему» (112, 919—920).

ПРЕВОЗНОШЕНИЕ

Возношение и неразумие ослепляет тех, которые не хотят в упразднении себя видеть свою немощь и неразумие (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 207).

***

...Превозношение всего чаще производит в нас гнев (свт. Василий Великий, 9, 11).

***

Если подвижник будет возноситься, то есть у него тяжкий и сильный Смиритель <Господь>, который может низвести до ада (свт. Василий Великий, 9, 380).

***

Для чего сами себя обманываем, как знатные какие в мире люди, превозносясь друг над другом и уничижая тех, кто скромнее? Знаем, что, по учению Господа, ***еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом*** (Лк. 16, 15) (прп. Ефрем Сирин, 30, 44).

***

Превозноситься значит то же почти, что укорять Бога собственными своими заслугами (прп. Ефрем Сирин, 30, 48).

***

...Если кто даст ближнему дар, но начнет над ним превозноситься, то милости его обратятся в ничто, и истребит он приязнь в ближнем (прп. Ефрем Сирин, 30, 48).

***

Превозношение ослепляет умные очи; а смирение просвещает их любовью, ибо *научит кроткия путем Своим* (Пс. 24, 9) (прп. Ефрем Сирин, 30, 157).

***

Если хорошо у тебя сложены члены, то не надмевайся телесной крепостью; но рассуди, какими и сколькими опас-

ностями окружено тело... и вчера еще бывший цветущим возраст сегодня увядает, обезображенный с трудом излечимыми болезнями (прп. Ефрем Сирин, 30, 514).

***

Не возвеличивай себя прежде искушения; потому что постигшее искушение нередко пристыждает, по видимому стоявших твердо (прп. Ефрем Сирин, 30, 517).

***

Не превозносись в славе — и не впадешь в отчаяние (прп. Ефрем Сирин, 31, 628).

***

...Никто да не превозносится суетной мудростью, или силой, или богатством, потому что все посохнет, как трава... Что же есть у <нас>... такого, что не Богом дано? Не сам ли Господь сотворил небо, и землю, и все, что на них? ...Кто же сотворил сие, кто размножает живых тварей через чадородие и обилие потребного, которым пользуется? ...Не Сам ли Господь, животворящий все? Кто рудокопам в рудокопнях запасает руды? ...Кто взором приводит в колебание землю, как лист или прут, плавающий на воде? Не Сам ли Господь? ...Итак, справедливо будет признаться, что никто ничего не имеет у себя, но все принадлежит Создателю (прп. Ефрем Сирин, 32, 121).

***

Дивлюсь, до чего простирается дерзость человека: если умер, согнивает; а пока жив, превозносится (прп. Ефрем Сирин, 33, 186).

***

Не уязвляйся мыслью, уносясь в порывах своих за облака. Часто падение поднимало с земли в высоту, а возвышение низлагало на землю. У Бога положен такой закон: благоволить к плачущим и обсекать крылья высокомерным (свт. Григорий Богослов, 16, 78).

***

Самые чистые по своей природе помыслы бывают поползновенны и падают... И в чистой природе есть возможность превозношения (прп. Макарий Египетский, 67, 66).

***

Ради тебя Бог смирил Себя; а ты и ради себя не смиряешься, но превозносишься и кичишься (прп. Макарий Египетский, 67, 206).

***

И то, что написано в законе, и то, что возвещено пророками, и то, что проповедано апостолами, и то, чему наставляет Евангелие благочестия, — все это как бы истекает из одного плодотворного и питательного источника, будучи внушено Духом Святым. Даже более того: всякое разумное слово, всякая справедливая мысль, всякое достойное дело — все это восходит своим началом к тому же источнику и имеет значение постольку, поскольку находит себе основание в Духе Святом. Ввиду этого, если бы кто стал превозноситься человеческой мудростью, утверждаясь исключительно на человеческих рассуждениях, а Божие отвергнул, такого оставалось бы признать человеком

ничтожным и не заслуживающим никакого доверия (свт. Иоанн Златоуст, 51, 754).

***

Неисцелимая болезнь есть гнилое превозношение, повод к человеконенавистничеству, гордое падение, высота, от себя низвергающаяся, мечтание и тень, трость, ветром колеблемая, дым, поднимающийся на воздух и рассеивающийся в ничто (свт. Иоанн Златоуст, 54, 915).

***

...Не будем величаться богатством, равно как и ничем другим. Если величающийся духовными благами губит себя, то тем более гордящийся плотскими (свт. Иоанн Златоуст, 55, 530).

***

Если ты назовешь себя достохвальным, то становишься непотребным, хотя бы был достойным похвалы... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 534).

***

У людей в обычае, хотя и чуждо это Божественным законам, превозноситься над многими или родом, или мудростию, или имуществом, или красотой, или чином. Но все это нимало не помогает гордости тех, которые из земли взяты и снова в землю обратятся (прп. Исидор Пелусиот, 60, 69).

***

Для многих первоначальные успехи были виной несказанных зол; ибо, воздвигнув себе не по достоинству один

или два победных памятника, когда самая дерзость подавала надежду, превознесшись неожиданной удачей и решившись на дела большей важности, подвергали крайней опасности и заслуженное первоначальной успешностью. Почему надобно рассуждать о себе сообразнее с естеством человеческим и, как преуспевая, не терять из виду и горестного, помышлять о внезапных переменах, и не думать и не выражаться о себе сверх меры, так и погрешая, вразумлять человеческую немощь и не желать, чтобы все для вас, как для Бога, пребывало бессмертным (прп. Исидор Пелусиот, 60, 367—368).

***

...Помысл, подвигнутый добрыми делами к превозношению, уничтожает приобретенное... (прп. Нил Синайский, 72, 107).

***

Не будем превозноситься никогда над нерадивым и хвалиться, если, по видимому имеем и чистое тело... (прп. Нил Синайский, 73, 376—377).

***

...Когда, поступая праведно, превознесешься над согрешившим, он немедленно оправдается паче тебя (прп. Нил Синайский, 73, 377).

***

...Возношение рождает пренебрежение, преслушание и погибель, как и смиренномудрие рождает послушание и спасение души. Разумею же истинное смиренномудрие не в словах только или во внешнем образе смирение, но

собственно смиренный залог, утвердившийся в самом сердце (прп. авва Дорофей, 29, 24—25).

***

Находясь в общежитии, внимай себе, и отнюдь не старайся в чем-нибудь показываться праведнее других братий. Иначе ты сделаешь два зла: братию уязвишь своею ложною и притворною ревностию и себе дашь повод к высокоумию. Будь ревностен, но в душе своей, нисколько не выказывая сего во внешнем обращении: ни видом, ни словом каким-либо, ни гадательным знаком. И сокровенной даже ревности последуй не иначе, как если ты уже перестал уничижать ближнего. Если же ты на это не воздержан, то будь подобен братиям твоим и самомнением не отличайся от них (прп. Иоанн Лествичник, 57, 46—47).

***

Неусыпно наблюдай душевным твоим оком за возношением; ибо между обольщениями нет ничего губительнее сей страсти (прп. Иоанн Лествичник, 57, 231).

***

...Что можно найти несмысленнее человека, который, будучи весь покрыт проказой, гордится потому только, что носит светлые и позлащенные одежды, хотя сам в себе срамен и полон безобразия? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 269).

ПРЕЛЕСТЬ

...Кто желает повелевать нечистыми духами, или чудесно подавать здравие болящим, или являть перед народом

какое-либо из дивных знамений, тот хотя призывает имя Христово, но бывает чужд Христа; поелику, надменный гордостию, не следует Учителю смирения... Посему-то отцы наши никогда не называли тех монахов добрыми и свободными от заразы тщеславия, которые хотели слыть заклинателями, и для сего с величайшею надменностию разглашали о себе, что они уже заслужили или надеются скоро получить эту благодать (прп. авва Нестерой, 56, 445).

***

Находясь в искушении, чувствовал я радость, слезы и утешения и по младенчеству думал, что это плод духовный, а это была прелесть вражия (прп. Иоанн Лествичник, 90, 523).

***

Никто пусть не думает, что он действительно сделался чадом Божиим, если не стяжал еще в себе Божеских черт (прп. авва Фалассий, 91, 300).

***

...Не допускайте самолюбия, саморассуда, своеумия, ибо слово отеческое все такое почитает источником всяких прелестей... (прп. Феодор Студит, 92, 140).

***

...Она <прелесть> для многих, по множеству и разнообразию ее козней и осечений, неудобораспознаваема и почти непостижима. Прелесть, говорят, в двух видах является, или лучше, находит — в виде мечтаний и воздействий, хотя в одной гордости имеет начало свое и причи-

ну. Первая бывает началом второй, а вторая началом третьей, еще — в виде исступления. Началом мнимого созерцания фантастического служит мнение (притязательное на всезнайство), которое научает мечтательно представлять Божество в какой-нибудь образной форме, за чем следует прелесть, вводящая в заблуждение мечтаниями и порождающая хуление, а далее наделяющая душу страхованиями и наяву, и во сне. Ибо за возгордением следует прелесть (от мечтаний), за прелестию — хуление, за хулением — страхование, за страхованием — трепет, за трепетом — исступление из ума. Таков первый образ прелести от мечтаний.

Второй образ прелести в виде воздействий бывает вот каков: начало свое имеет она в сладострастии, рождающемся от естественного похотения. От сласти сей рождается неудержимость несказанных нечистот. Распаляя все естество и омрачив ум сочетанием с мечтаемыми идолами, она приводит его в исступление опьянением от палительного действа своего и делает помешанным. В сем состоянии прельщенный берется пророчествовать, дает ложные предсказания, предъявляет, будто видит некоторых святых, и передает слова, будто ими ему сказанные, опьянен будучи неистовством страсти, изменившись нравом и по виду став как бесноватый. Таковых миряне, духом прелести водимые, называют блаженными, юродивыми: они приседят и пребывают при храмах святых некиих, ими якобы будучи одуховляемы, воздействуемы и мучимы, и от них людям возвещая откровения; но их следует прямо называть бесноватыми, прельщенными и заблуждшими, а не пророками, предсказывающими и настоящее, и будущее. Бес непотребства, омрачив их ум сладострастным огнем, сводит их с ума, мечтательно представляя им некоторых святых, давая слышать слова их и видеть лица.

Но бывает, что бесы эти сами являются и смущают их страхованиями: подчинив их игу велиара, они против воли толкают их на грехи делом, как преданных им рабов, имея потом проводить их в ад (прп. Григорий Синаит, 93, 214—215).

***

Ведать подобает, что прелесть три главных причины имеет, по коим находит: гордость, зависть бесов и наказательное попущение. Этих же причины суть: гордости — суетное легкомыслие (или тщеславие), зависти — преспеяние, наказательного попущения — греховная жизнь. Прелесть от зависти и гордого самомнения скорое получает исцеление, особенно если кто смирится. Но прелесть наказательная — предание сатане за грех — часто попущает Бог своим оставлением даже до смерти. Бывает, что и неповинные, для спасения, предаются на мучительство (бесов). Ведать подобает, что и сам дух гордостного самомнения дает предсказания иногда в тех, кои не тщательно внимают сердцу (прп. Григорий Синаит, 93, 215).

***

Великая противоборница истины и в пагубу вводительница человеков есть ныне прелесть, через которую в душах нерадивцев воцарился мрак неведения, отчуждающий их от Бога (прп. Григорий Синаит, 93, 215).

***

Диавол обычай имеет, особенно для новоначальных, представлять под видом истины прелесть свою, преображая лукавое свое в духовное (прп. Григорий Синаит, 93, 225).

***

...Они <подвижники> постятся, чтобы смирить плоть свою буйную; совершают бдения, чтобы изощрять око свое умное; спят на голой земле, чтобы не разнеживаться сном; связывают язык молчанием и уединяются, чтобы избежать и малейших поводов к учинению чего-либо оскорбляющего Всесвятого Бога; творят молитвы, выстаивают службы церковные и иные совершают дела благочестия для того, чтобы внимание их не отходило от вещей небесных; читают о жизни и страданиях Господа нашего не для другого чего, как для того, чтобы лучше познать собственную свою худость и благосердую благость Божию, — чтобы научиться и расположиться последовать Господу Иисусу Христу с самоотвержением и крестом на раменах своих и чтобы паче и паче возгревать в себе любовь к Богу и нелюбие к себе.

Но с другой стороны, эти же добродетели тем, которые в них полагают всю основу своей жизни и своего упования, могут причинить больший вред, нежели явные их опущения, — не сами по себе, — потому что они благочестны и святы, — а по вине тех, которые, не как должно, пользуются ими, — именно когда они, внимая только сим добродетелям, внешно совершаемым, оставляют сердце свое тещи в собственных своих волениях и в волениях диавола, который, видя, что они соступили с правого пути, не мешает им не только с радостью подвизаться в этих телесных подвигах, но и расширять и умножать их, по суетному их помыслу. Испытывая при сем некоторые духовные движения и утешения, делатели сии начинают думать о себе, что возвысились уже до состояния чинов ангельских, и чувствуют в себе присутствие Самого Бога; иной же раз, углубившись в созерцание каких-либо отвлеченных, не зем-

ных вещей, мечтают о себе, будто совсем выступили из области мира сего и восхищены до третьего неба <...>

...Они находятся в великой опасности. Имея внутреннее свое око, т. е. ум свой помраченным, им смотрят они и на самих себя, и смотрят неверно. Помышляя о внешних своих делах благочестия, что они хороши у них, они думают, что достигли уже совершенства, и, возгордеваясь от этого, начинают осуждать других.

После сего нет уже возможности, чтобы кто-либо из людей обратил таковых, кроме особого Божия воздействия. Удобнее обратится на добро явный грешник, нежели скрытный, укрывающийся под покровом видимых добродетелей (прп. Никодим Святогорец, 70, 13—15).

***

Они <святые> предостерегают от прелести... всякого упражняющегося какою бы то ни было добродетелию. Источник прелести, как и всякого зла, — диавол, а не какая-нибудь добродетель (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 222).

***

Всякий человек более или менее склонен к прелести: потому что «самая чистая природа человеческая имеет в себе нечто горделивое» (см.: преп. Макарий Великий, Беседа 7, глава 4) (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 224).

***

Как гордость есть вообще причина прелести, так смирение — добродетель, прямо противоположная гордости, — служит верным предостережением и предохранением от прелести (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 228).

***

Величайшая прелесть признавать себя свободным от прелести (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 230).

***

Прелесть есть повреждение естества человеческого ложью. Прелесть есть состояние всех человеков без исключения, произведенное падением праотцев наших (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 230).

***

...Прелесть есть усвоение человеком лжи, принятой им за истину (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 231).

***

Верный Слову Божию... действуя под руководством Евангелия против собственного самообольщения, укрощая страсти, этим уничтожая мало-помалу влияние на себя падших духов, он мало-помалу выходит из состояния прелести в область истины и свободы... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 232).

***

Одержимые по большей части преданы сладострастию, несмотря на то что приписывают себе возвышеннейшие духовные состояния, беспримерные в правильном православном подвижничестве... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 253).

***

Все частные виды самообольщения и обольщения бесами... происходят или от неправильного действия ума, или

от неправильного действия сердца (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 257).

***

...Род прелести, основывающийся на высокоумии, называется святыми отцами «мнением» и заключается в том, когда подвижник примет ложные понятия о духовных предметах и о себе, сочтет их истинными (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 68—69).

***

...Бегайте самоценения... Прелесть, когда кто чувствует себя чем-то... *ничтоже сый* (Гал. 6, 3) (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 122).

***

Из этих трех — своевкусия, своеволия и самомнения — слагается пагубный дух прелести (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 206).

***

Если человек в прелести, это тотчас обнаружится в его взоре, несколько диком и особенно в упорстве стоять на своем (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 210).

****

Некто Авраамий, египтянин, рачительный монах, вел в пустыне жизнь весьма суровую и строгую. Но ум его поражен был крайним самомнением. Придя в церковь, он вступил в спор с пресвитерами и говорил: «И я рукоположен в нынешнюю ночь в пресвитера Самим Иисусом

Христом, и вы должны принять меня как пресвитера, готового священнодействовать». Святые отцы вывели его из пустыни и, заставив вести иную, более простую, жизнь, исцелили его от гордости. Приведя его в сознание собственной немощи, доказали, что он обольщен был демонами гордости, и святыми своими молитвами восстановили и его в прежнюю добродетельную жизнь (101, 248).

***

Был некто Валент, родом из Палестины, по духу гордый... Этот Валент долго жил в пустыне. Много изнурял он плоть свою и по жизни был великим подвижником, но потом, обольщенный духом самомнения и гордости, впал в крайнее высокомерие, так что сделался игралищем бесов. Однажды, в глубокий вечер, когда уже было темно, он плел корзины и уронил шило на пол. Долго не находил его, как вдруг, по наваждению бесовскому, явился в келье зажженный светильник; с ним нашел он потерянное шило. Это дало новую пищу его надмению; в упоении гордости подвижник еще более возмечтал о себе, так что стал наконец презирать и самые Таины Христовы... Диавол же, уверившись, что Валент совершенно предался его обману, принимает на себя вид Спасителя и ночью приходит к нему, окруженный сонмом демонов во образе ангелов, с зажженными светильниками. Один из демонов в образе ангела подходит к нему и говорит: «Ты благоугодил Христу своими подвигами и жизнью, и Он пришел видеть тебя. Итак, ничего другого не делай, а только, став вдали, поклонись Ему, — потом иди в свою келью». Валент вышел и, увидев множество духов со светильниками на расстоянии около стадии, упав, поклонился антихристу. Оболь-

щенный до того простер свое безумие, что на другой день сказал при всей братии: «Я не имею нужды в приобщении: сегодня я видел Христа». Тогда святые отцы, связав его цепями, в течение года лечили его молитвами, разнообразными унижениями и суровой жизнью, пока не истребили его гордость, как говорится, противное врачуя противным (101, 103—105).

***

Один молодой инок, немного пожив в монастыре, стал проситься у игумена на житие в пустыне. Сколько опытный старец ни уговаривал его, чтобы не спешил приводить в исполнение свое намерение, инок оставался непреклонен, и старец уступил. Ушел инок в пустыню и, найдя пещеру, поселился в ней. Начал упражняться в богомыслии, молитве, посте. Чего бы, кажется, лучше такой жизни? Но диавол не дремал. Сначала он стал смущать инока злыми помыслами, а когда это не помогло совратить его с пути, начал действовать иначе. Преобразившись в ангела света, он явился неопытному подвижнику и сказал: «Знай, что ради твоей чистоты и доброго жития послал меня Господь служить тебе». «Да что же я сделал такого, чтобы служили мне ангелы?» — воскликнул изумленный монах. Бес отвечал: «Все, что ты сделал доселе, велико и высоко перед Богом. Ты оставил мир и сделался монахом; ты постоянно утруждаешь себя молитвами и постом; ты даже в пустыню ушел. Как же ангелам не служить тебе?» Задели за живое монаха эти слова бесовские, и стал он думать: «А что, ведь и в самом деле, должно быть, я велик и высок перед Богом!» Диавол же между тем продолжал свое дело и все являлся ему, а чтобы поскорее погубить его, к прежним козням присоединил новую. Некий чело-

век, будучи окраден ворами, задумал спросить о своей покраже упомянутого инока. В это время диавол, явившись последнему, сказал: «Человеку, который придет к тебе, укажи, что украденное у него лежит в таком-то месте». Окраденный действительно пришел, и монах через указание покражу возвратил ему. За эту услугу человек тот прославил его по всей стране той как пророка, и вот стало стекаться к монаху множество народа, и всем он предсказывал, и слава его повсюду распространялась. Наконец, диавол окончательно задумал погубить его. Явившись ему снова, он сказал: «Знай, отче, что ради ангелоподобного и непорочного твоего жития скоро явятся к тебе другие ангелы и с телом возьмут тебя на небеса, и там будешь вечно царствовать со всеми святыми». Услышав это, инок смутился и через приносившего к нему пищу брата попросил к себе на совет игумена. Сей не замедлил прийти. «Ах! — увидев его, воскликнул прельщенный, — чем я заплачу тебе, отче, за все, что ты сделал для меня?» «Да что же я сделал для тебя?» — спросил игумен. «Да как же, — отвечал монах, — через тебя я сподобился принять ангельский образ, ради тебя вижу ангелов и завтра через них имею быть вознесенным на небеса». Из себя вышел старец, выслушав бредни прельщенного, и, строго укорив его, в заключение сказал: «Не выйду же от тебя дотоле, пока сам своими глазами не увижу того, что готовится тебе». И, затворившись, остался с иноком в вертепе. Наступил час исполнения диавольского обещания, и инок, увидев бесов, воскликнул: «Вот, отче, пришли!» Тогда игумен, охватив его рукою, сказал: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помоги прельстившемуся рабу и не предай его нечистым бесам в обладание!» Бесы окружили прельщенного и старались вырвать его из рук старца. Но последний запретил им, и они, не имея возможности взять того, кто

был почти совсем уже в их руках, схватили его мантию и скрылись.

Когда похищенная мантия слетела сверху и пала на землю, старец сказал иноку: «Видишь ли, безумный, что сделали бесы с твоей мантией? Ведь точно так же они хотели поступить и с тобой, и ты бы предал им окаянную свою душу». Затем он снова взял его в монастырь, заставил служить в пекарне и поварне и участвовать в прочих службах монастырских, и этим, смирив его помыслы, спас его (112, 363—365).

***

Однажды, когда авва Исаакий сидел после полуночного песнопения, по обычаю потушив свечу, вдруг в пещере его засиял свет, как от солнца, так что смотреть было невозможно. И пришли к нему два прекрасных юноши с лицами блестящими, как солнце, и сказали: «Исаакий! Мы ангелы, и вот идет к тебе Христос: пойди и поклонись Ему». Он же не понял бесовского наваждения... и, даже не перекрестившись, поклонился, как Христу, бесовскому действию. Тогда бесы подняли радостный крик: «Ну, Исаакий, теперь ты уже наш!» Они ввели его в келейку, посадили и сами стали садиться с ним рядом. И вся келья и улица в пещере наполнились бесами. И сказал тот, что назывался Христом: «Возьмите сопели, бубны и гусли и играйте: Исаакий нам попляшет». И ударили они в сопели, бубны и гусли и начали играть Исаакием. Наконец, измучив, оставили его еле живого и ушли, насмеявшись над ним.

Наступил рассвет, и когда Антоний, принеся ему хлеб, по обычаю, подошел к окошечку и сказал: «Господи, благослови, отец Исаакий!» Но ответа не было. «Скончался

уже», — подумал Антоний и послал в монастырь за Феодосием и братией. Откопали загороженный вход, вошли и взяли Исаакия, думая, что он умер. Но когда вынесли его и положили перед пещерой, то увидели, что он жив. Тогда игумен Феодосий сказал: «Это, должно быть, от бесовского действия». Его положили на постели, и Антоний стал служить ему... Вскоре, однако, Антоний был вынужден удалиться в Чернигов. Тогда Феодосий пошел с братией, взял Исаакия и, положив у себя в келье, стал служить ему. Он был так расслаблен телом, что не мог повернуться ни на один бок. Феодосий же сам своими руками обмывал и убирал его. И так делал он целых два года. Чудно и дивно! Два года лежал этот больной, ни воды не пил, никакой пищи, ни хлеба, ни зелени не ел, языком не промолвил; нем и глух лежал два года! Феодосий же просил за него Бога и читал над ним молитвы день и ночь, пока, наконец, на третий год больной проговорил, стал слышать и на ноги становиться, и ходить, как ребенок. И не подумал он, чтобы пойти в церковь; стали его насильно водить и так мало-помалу приучили. Потом научился он ходить на трапезу. Его сажали отдельно от прочей братии и клали перед ним хлеб, но он не брал, если ему не вкладывали в руку. И сказал Феодосий: «Положите перед ним хлеб, а в руку не вкладывайте: пусть сам ест». Он же целую неделю не ел, а потом понемногу огляделся, стал вкушать хлеб и так выучился есть. Так избавил его преподобный Феодосий от козней диавола.

Со временем окреп Исаакий, и взял верх над бесами, и ни во что не ставил их ужасы и мечтания. Он говорил им: «В первый раз в пещере вы прельстили меня, потому что я не знал ваших козней. А теперь уже со мной Господь Иисус Христос, Бог мой, и молитва отца моего Феодосия, и я надеюсь, что побежду». Несколько раз бесы

начинали досаждать ему и говорили: «Ты ведь поклонился нашему старшине и нам». Он же говорил: «Старшина ваш антихрист, а вы бесы», — клал на лице своем крестное знамение, и они исчезали. Иногда приходили они к нему ночью, пугали его призраками; как будто, например, пришло множество народу с заступами и лопатами и говорят: «Раскопаем пещеру и погребем здесь этого человека». А иные говорили ему: «Беги, Исаакий: хотят тебя закопать». Он же отвечал: «Если бы вы были люди, то пришли бы днем, а вы — тьма и во тьме ходите, и тьма берет вас». Он знаменовал их крестом, и они исчезали. В другой раз приходили стращать его в образе медведя, или лютого зверя, или вола; иногда ползли к нему змиями, жабами, мышами и всякими гадами. Но ничего не могли они ему сделать и сказали: «Победил ты нас, Исаакий!» Он же сказал: «Вы победили меня в образе Иисуса Христа и ангелов, не будучи достойны показываться в таком виде. Теперь же вы делаете, как следует, являясь в образе зверей, скотов, змей и гадов: каковы вы скверные, злые, таковы и в видении». И тотчас скрылись от него бесы, и с тех пор не было ему вреда от них. Он сам рассказывал, что три года была у него эта борьба. Он же вел жизнь строгую и воздержную, в крепком посте и бдении (100, 13—17).

***

Был во дни преподобного игумена Никона один брат, именем Никита. Желая прославиться у людей, а не ради Бога, замыслил он уйти в затвор и начал проситься у игумена. Игумен запрещал ему, говоря: «Сын мой! Нет тебе пользы сидеть праздно: ты еще молод. Лучше тебе оставаться среди братий своих: работая им, ты не лишишься мзды своей. Сам ты видел брата нашего, святого

Исаакия, как прельщен он был от бесов. Только и спасла его великая благодать Божия и молитвы преподобных отцов Антония и Феодосия, которые и доныне многие чудеса творят». Никита же сказал: «Никогда не прельщусь я, как он. Прошу же у Господа Бога, чтобы и мне подал Он дар чудотворения». Преподобный Никон возразил: «Выше сил прошение твое. Берегись, брат мой, чтобы, вознесшись, не упасть. Велит тебе наше смирение служить святой братии. Ради их дастся тебе венец за послушание твое». Но Никита не хотел никак внять тому, что говорил ему игумен, и как захотел, так и сделал: заложил свои двери и никогда не выходил. Прошло несколько дней, и прельстил его диавол. Во время своего пения услышал Никита голос молящегося с ним и обонял запах благоухания несказанного. И этим прельстился он, говоря сам в себе: «Если бы это был не ангел, то не молился бы со мною и не было бы здесь обоняния Духа Святаго». И стал он прилежно молиться, говоря: «Господи! Явись мне так, чтобы я мог видеть Тебя». Тогда был к нему голос: «Не явлюся: ты еще молод, — вознесшись, не упади». Затворник же со слезами говорил: «Нет, не прельщусь я, Господи! Игумен мой научил меня не внимать обольщениям диавола. Все же, что Ты повелишь мне, я исполню». Тогда душепагубный змий принял власть над ним и сказал: «Невозможно человеку в теле видеть меня. Но вот я посылаю ангела моего: он пребудет с тобой, и ты станешь исполнять волю его». И тотчас стал перед ним бес в образе ангела. Упав, поклонился ему инок, а бес сказал: «Ты не молись, а только читай книги, и через это будешь беседовать с Богом, и из книг станешь подавать полезное слово приходящим к тебе. Я же постоянно буду молить о твоем спасении Творца своего». Прельстился Никита и перестал молиться, а прилежно занимался чтением и поучал приходящих к нему;

видя же беса, постоянно молящегося о нем, радовался ему, как ангелу, творящему за него молитву. С приходившими к нему Никита беседовал о пользе души и начал пророчествовать. И пошла о нем слава великая, и дивились все, как сбывались слова его. Посылает однажды Никита к князю Изяславу сказать ему: «Нынче убит Глеб Святославич в Заволочье. Скорее пошли сына своего Святополка на престол в Новгород». Как он сказал, так и было, и через несколько дней пришла весть о смерти Глеба. И с тех пор прослыл затворник пророком, и крепко слушались его князья и бояре. Но бес будущего не знал, а знал только то, что сам сделал или научил злых людей — убить ли, украсть ли, — то и возвещал. Когда приходили к затворнику, чтобы услышать от него слово утешения, бес, мнимый ангел, рассказывал, что случилось через него самого, и Никита пророчествовал. И всегда сбывалось пророчество его. Никто не мог состязаться с ним в знании книг Ветхого Завета: он наизусть знал Бытие, Исход, Левит, Числа, Судей, Царств и все пророчества по чину (по порядку). Вообще все книги еврейские на память знал; Евангелия же и Апостола, этих святых книг, в благодати преданных нам на наше утверждение и исправление, он не хотел ни видеть, ни слышать, ни читать и другим не давал беседовать с собой о них.

И из этого все поняли, что прельщен он от врага. Не могли стерпеть этого преподобные отцы. Пришли они к прельщенному, помолились Богу и отогнали беса от затворника, и после того он не видел его более. Потом вывели его из пещеры и спрашивали о Ветхом Завете, чтобы услышать от него что-нибудь. Никита же клялся, что никогда не читал книг, и из еврейских книг, которые прежде наизусть знал, теперь не ведал ни единого слова; да, попросту сказать, ни одного слова не знал, так что блажен-

ные отцы едва грамоте его научили. После этого предал себя Никита на воздержание и послушание, и на чистое, смиренное житие, так что всех превзошел в добродетели, и впоследствии был поставлен епископом в Новгороде за премногую свою добродетель (100, 78—81).

***

Отец архимандрит Онуфрий о себе рассказал следующее: «Окончил я курс канонической школы в 19 лет. Душа моя была полна желания посвятить свою жизнь служению Богу. С этой целью я прибыл в Гефсиманский скит, что при Сергиевой Лавре. Он тогда только что открылся. Игумен скита отец Анатолий, видя мою юность, долго не принимал меня, но, уступив моим слезам, наконец, решил принять. Послушание мне дано было при больнице — служить больным. Старцем моим был назначен иеросхимонах Феодот, который прибыл из молдавского Нямецкого монастыря; это был старец строгий и к себе, и ко всем прочим. Горя непреодолимым желанием спастись, прихожу я однажды к отцу Феодоту и прошу его благословения класть келейно по нескольку сот земных поклонов. Старец, удивленно взглянув на меня, спросил: «Разве ты не бываешь на братском правиле, где читаются три канона — Спасителю, Божией Матери и Ангелу Хранителю, акафист и исполняется пятисотница?» Когда я ему сказал, что на правиле бываю, тогда он строго взглянул на меня и сказал: «С тебя довольно и того, что исполняет вся братия». Но я продолжал слезно просить, чтобы он сверх братского правила благословил мне класть земные поклоны в келье. С неохотой старец сказал мне: «Ну, клади по десять поклонов». Получив благословение на поклоны в келье, я стал класть ныне десять, завтра двадцать и с каждым днем прибавлял и прибавлял и дошел до двух тысяч поклонов в

день. Жажда к молитве во мне развивалась с каждым днем все более и более. На молитве я готов был умереть. Мое желание молиться разгорелось до того, что я стал замечать, что лик Царицы Небесной, перед которым я молился, иногда начинал блистать светом. Блистание света с каждым днем все усиливалось и усиливалось. Радость в душе моей в силу этого столь была велика, что я представлял себя стоящим уже не на земле, а на небе. К еще большей моей радости, я стал замечать, что Матерь Божия с иконы мне улыбается, а сам я кладу поклоны, как бы не касаясь пола на аршин, совершая молитву на воздухе. Видя такое дивное, неописуемое явление, ниспосланное мне с неба, как мне думалось тогда, за мою веру и любовь к Богу, я мнил себя удостоенным этой великой Божией милости за свою чистую, святую жизнь. Преисполненный таких мыслей и чувств, я решил своими переживаниями поделиться со старцем.

В глухую полночь спешу к нему однажды в келью и бужу его. Когда открыл он мне дверь кельи, я упал к его ногам в порыве той же прелестной радости и воскликнул: «Батюшка, батюшка, какая у меня радость, какая у меня радость!» Старец сурово спросил меня: «Какая у тебя радость?» «Батюшка, дорогой мой! — воскликнул я. — Моя радость состоит в том, что, когда я молюсь, Матерь Божия ликом Своим озаряет келью неизреченным светом. Она улыбается мне с иконы, а сам я, когда молюсь, поднимаюсь от пола приблизительно на аршин, и молитва моя совершается на воздухе». Лицо старца стало еще суровее. Он спрашивает меня: «Да ты сколько поклонов-то земных кладешь?» «Батюшка, вы благословили мне класть по десять поклонов, а я, грешный, кладу по две тысячи в день». Старец пришел в неописуемый гнев и громко воскликнул: «Ах ты, мальчишка негодный! Как ты осмелился самоволь-

но дойти до такого множества поклонов? Тебе не Матерь Божия улыбается во свете и не благодать Божия поднимает тебя на воздух, а ты пошел на самоволие и гордость. Ты в прелести и самообольщении помышляешь, что уже сподобился за свои мнимые подвиги великих Божиих дарований и святости. Несчастный, ты действием диавола вошел в совершенную духовную прелесть». Лицо старца стало еще грознее, и он крикнул на меня: «Если я узнаю, что ты осмелишься продолжать самовольные поклоны в келье, тогда я пойду к игумену и буду просить, чтобы он немедленно выгнал тебя из обители как негодного, самовольного послушника, исполненного бесовской гордости и самообольщения». Затем он отпустил меня с видимой глубокой скорбью. После этого отец Феодот, мой старец, все последующее время моей жизни в скиту относился ко мне с особенной отеческой любовью и попечением. Благодаря ему Господь помог мне исцелиться от тяжкого духовного недуга и выйти благовременно из гибельной прелести (114, 68—73).

***

«В 1889 году к нам в Лавру, — вспоминал отец Кронид, — на послушание прибыл очень красивый молодой человек... Звали его Александр Дружинин. Он был москвич. Я представил его отцу Наместнику, и его приняли в число братии. Послушание ему было дано в трапезной служить странникам. Каждый день я его видел в Троицком соборе на братском молебне в два часа ночи. Время от времени спрашивал его: «Как поживаешь, привыкаешь ли?» Он отвечал иногда со слезами умиления: «Живу, как в раю». Я в таких случаях невольно благодарил Бога за его душевное устроение.

Прошло полгода. Александру Дружинину дано было новое послушание — заведовать овощными подвалами, и дана келья, в которой он стал жить один... Прихожу к нему через неделю и замечаю, что мой знакомый в каком-то экстазе. Видимо, он совершал усиленный подвиг молитвы. Прошло еще несколько месяцев. Однажды при посещении я спрашиваю его: «Брат Александр, ты за всеми монастырскими службами бываешь?» Он смиренно отвечает: «За всеми». — «И за братскими правилами бываешь?» — «Бываю, — произнес он и добавил: — я ежедневно в храме Зосимы и Савватия бываю за всенощной и стою утром раннюю и позднюю Литургию». Тогда я ему говорю: «Скажи ты мне, с чьего благословения ты взял на себя подвиг усиленной молитвы? Утреня, вечерня и ранняя Литургия — полный круг церковных служб, а правило братское завершает обязанности инока. Но поздняя Литургия и всенощная есть не обязательное для всех повторение обычных служб. Я хорошо знаю, что во время поздней Литургии с братской кухни приходят к тебе за продуктами, а тебя в келье нет. Тогда поварам приходится искать тебя по церквам, что, несомненно, в их сердцах вызывает ропот и неприязнь. Подумай, такая молитва будет ли для тебя полезна? Да не оскорбится любовь твоя речью моей. Беру на себя смелость спросить тебя еще об одном. Много раз я прихожу к тебе и вижу, что ты находишься в подвиге. Кто же тебя на это благословил? Помни, брат Александр, что жить в монастыре и творить волю свою — дело вредное для души. Смотри, как бы своевольная молитва не ввела тебя в гордость и самобольщение и не стала тебе в грех. Молю и прошу тебя, ради Бога, не твори никаких подвигов без ведома своего духовного отца». Слушал меня юный подвижник с видимым неудовольствием. От него я вышел с тяжелым предчувствием чего-то недоброго.

Прошел еще месяц. Сижу я однажды в своей келье, читаю книгу, часа в два дня. Вдруг неожиданно дверь моей кельи с шумом отворяется и торжественно с громким пением «Достойно есть» входит брат Александр Дружинин. Он кладет земной поклон перед моей келейной иконой и вдруг начинает продолжать земные поклоны. Глаза его горели каким-то недобрым, зловещим огнем, и весь он, видимо, был возбужден до крайности.

Не дождавшись конца его поклонов, я встал и, обращаясь к нему, ласково сказал: «Брат Александр! Я вижу, что ты заболел душой. Успокойся, сядь посиди и скажи мне, что тебе надо». В ответ на мои слова он с сильным озлоблением закричал: «Негодный монах, сколько лет ты живешь в монастыре и ничего для себя духовного не приобрел. Вот я живу один год, а уже сподобился великих Божественных дарований. Ко мне в келью ежедневно является множество архангелов от престола Божия. Они приносят семисвечник и воспевают со мной гимны неописуемой славы. Если бы ты был достоин слышать это неизреченное пение, ты бы умер, но так как ты этого недостоин, я тебя задушу». Видя его нечеловеческое злобное возбуждение и зная, что все, находящиеся в прелести, физически бывают чрезвычайно сильны, я говорю ему: «Брат Александр, не подходи ко мне. Уверяю: я выброшу тебя в окно». Уловив момент, я постучал в стену соседа по келье, который тотчас же и вошел ко мне на помощь. С появлением соседа я стал смелее говорить ему: «Брат Александр, не хотел ты меня слушать, и, вот видишь, в какую ты попал адскую беду. Подумай: ты хочешь меня задушить. Святых ли людей это дело? Осени себя знамением креста и приди в себя». Но Дружинин продолжал выражать угрозу задушить меня как негодного монаха и еще говорил мне: «Подумаешь, какой наставник явился ко

мне в келью с советом: много не молись, слушай духовного отца. Все вы для меня ничто». Видя такую нечеловеческую гордость и злобу и бесполезность дальнейшего разговора с ним, я попросил соседа вывести его вон из моей кельи.

В тот же день после вечерни брат Александр снова явился ко мне и торжественно сообщил, что ныне за вечерней на него сошел Святый Дух. Я улыбнулся. Видимо, это его обидело, и он мне говорит: «Что ты смеешься? Пойди спроси иеромонаха отца Аполлоса, он видел это сошествие». В ответ на это я сказал: «Уверяю тебя, дорогой мой, что никто не видел этого сошествия, кроме тебя самого. Умоляю тебя, поверь, что ты находишься в самообольщении. Смирись душой и сердцем, пойди смиренно покайся». Но больной продолжал поносить меня и грозить. Лишь пришел я на другой день от ранней Литурии, брат Александр снова явился ко мне и заявил, что Господь сподобил его ныне дивного видения в храме преподобного Никона. От Иерусалимской иконы Божией Матери, что стоит над Царскими Вратами, заблистал свет ярче молнии, и все люди, стоявшие в храме, будто бы попадали и засохли, как скошенная трава. Спрашиваю его: «А ты-то почему от этого света не иссох?» «Я, — отвечал он, — храним особой милостью Божией ради подвигов моих. Этого не всякий достоин». Говорю ему: «Видишь, брат Александр, как тебя диавол обольстил, возведя тебя в достоинство праведника, и тем увеличил твою гордость. Поверь мне, что стоявшие с тобой в храме пребывают в духовном здравии, а все, что ты видел, есть одна духовная прелесть бесовская. Образумься, осознай свое заблуждение, слезно покайся, и Господь помилует тебя». «Мне каяться не в чем; вам надо каяться!» — закричал он.

Видя такое буйство несчастного и опасаясь припадков безумия, я тотчас же написал письмо его другу Ивану

Дмитриевичу Молчанову, по просьбе которого Дружинин был принят в Лавру. В письме было описано состояние больного. Через три дня Молчанов был уже у меня. Я все объяснил ему о Дружинине и, зная, что он хорошо знаком с настоятелем Николо-Пешношского монастыря игуменом Макарием, посоветовал ему тотчас же отвезти к нему несчастного. В тот же день Дружинин был отправлен в Пешношский монастырь. Когда Иван Дмитриевич объяснил отцу игумену о болящем, тот спокойно сказал: «Милостью Божией он поправится у нас. И свои такие бывали». Александру Дружинину было назначено игуменом послушание чистить лошадиные стойла на конном дворе. Брат Александр вначале протестовал, говоря: «Такого великого подвижника вы назначаете на такое низкое послушание! Я должен подвизаться в храме и совершать духовные подвиги для назидания прочим». Игумен, в успокоение его души, говорил: «Ты лучше всего и можешь показать добрый пример смирения и кротости через исполнение возложенного на тебя послушания. А относительно молитвы не беспокойся. За тебя в храме будет молиться вся братия». И действительно, по благословению отца игумена, за больного крепко молилась вся братия.

Прошло полгода. Александр Дружинин за все это время в храме бывал только по праздникам и за ранней Литургией. Целый день кидая навоз, он настолько утомлялся, что вечером ложился спать без дневных молений и спал как мертвый. Подвиги совершать ему уже было некогда. Мысль, что он святой, с каждым днем в нем слабела, и видения у него постепенно прекратились. Целый год он был на послушании в конюшне и о своих мнимых подвигах забыл. Затем его перевели в хлебопекарню, где тоже труд нелегкий. Через два года Дружинин переведен был на более легкие послушания. На лице его тогда проявился приятный отпечаток смирения.

Семь лет подвизался он в Пешношском монастыре. Здесь его постригли в монашество с именем Афанасий. Впоследствии он перешел в Московский Симонов монастырь, где за смиренную добрую иноческую жизнь был рукоположен в сан иеродиакона.

Когда я был на послушании в Петрограде, в должности начальника Троицкого Фонтанного подворья, отец Афанасий Дружинин приезжал ко мне повидаться. Когда я спрашивал его, помнит ли он то, что было с ним в Лавре во время его духовного недуга, он отвечал: «Все помню, но только теперь сознаю весь ужас моего душевного состояния» (114, 73—79).

ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ

Если... кто-нибудь будет иметь жену, верную в Господе, и найдет ее в прелюбодеянии, то грешит ли муж, если живет с нею?.. Доколе не знает греха ее, муж не грешит, если живет с нею. Если же узнает муж о грехе своей жены и она не покается, но будет оставаться в своем прелюбодеянии, то муж согрешит, если будет жить с нею, и сделается участником в ее прелюбодействе. Что же делать... если жена будет оставаться в своем пороке? Пусть муж отпустит ее, а сам остается один. Если же, отпустивши свою жену, возьмет другую, то и сам прелюбодействует. Что же... если жена отпущенная покается и пожелает возвратиться к мужу своему, то не должна ли быть принята мужем ее?.. Если не примет ее муж, он грешит и допускает себе грех великий; должно принимать грешницу, которая раскаивается, но не много раз. Ибо для рабов Божиих покаяние одно. Поэтому ради раскаяния не должен муж, отпустив жену свою, брать себе другую. Такой образ действия одинаково относится как к мужу, так и к жене (св. Ерм, 94, 183—184).

***

...Прелюбодейство не в том только, если кто оскверняет плоть свою; прелюбодействует и тот, который делает свойственное язычникам. И если кто пребывает в таких делах и не раскается, то удаляйся от обращения с ним, иначе и ты будешь причастен греху его (св. Ерм, 94, 184).

***

...Любодеяние воспламеняется сперва в душе сластолюбца, а потом производит телесное растление (свт. Василий Великий, 5, 162).

***

...Жена, наряжающаяся для того, чтобы возбудить к себе вожделение невоздержных, *уже любодействова в сердце своем* (ср.: Мф. 5, 28) (свт. Василий Великий, 6, 106).

***

...Если муж, отказавшийся от жены, перешел к другой, то и он прелюбодей, потому что жену доводит до прелюбодейства, и живущая с ним вместе есть прелюбодейца, потому что отвлекла к себе чужого мужа (свт. Василий Великий, 11, 13).

***

...Оставившая мужа, если перешла к другому, есть прелюбодейца; а оставленный женою муж достоин извинения, и живущая с ним вместе не осуждается (свт. Василий Великий, 11, 13).

***

Если муж отлучился и не является, то жена его, прежде удостоверения о смерти его вступившая в сожитие с другим, прелюбодействует (свт. Василий Великий, 11, 45).

***

Живущая с прелюбодеем во все это время есть прелюбодейца (свт. Василий Великий, 11, 46).

***

Горе прелюбодею! Оскверняет он брачную одежду и со стыдом изгоняется из Царского Брачного Чертога (прп. Ефрем Сирин, 30, 72).

***

...Прелюбодеяние искореняет в себе <тот>, кто око обращает долу, а душу ко Господу; а кто возобладал над чревом, тот возобладал и над взором (прп. Ефрем Сирин, 31, 228).

***

И тать, и прелюбодей чувствуют стыд, когда видит их один человек; в каком же стыде должны предстать там, когда будут взирать на них и небо и земля! (прп. Ефрем Сирин, 33, 101).

***

Совершенно удалите от себя прелюбодейства и лжесвидетельства; потому что в ров погибели ввергают они тех, которые делаются в них виновными (прп. Ефрем Сирин, 33, 114).

***

Не затаивай в себе прелюбодейной любви к миру; а затаивает ее тот, кто дал в себе место хотя тонкому корню порока; от этого корня раскинется туда и сюда множество ветвистых стеблей (свт. Григорий Богослов, 16, 88—89).

***

По учению нашего закона не должно с похотливым желанием и очей устремлять на чужую жену, потому что бесстыдный взор — начало бесстыдной любви, и только избегающий такого взора избежит и греха. Как же ты, открывающая перед мужчинами пояс любви, сохранишь себя вдалеке от греха прелюбодеяния? (свт. Григорий Богослов, 16, 234).

***

...Взирающий на женщину *ко еже вожделети ея* (Мф. 5, 28), будет ли он тем или другим <мирянином или монахом>, одинаково будет наказан за это прелюбодеяние (свт. Иоанн Златоуст, 44, 107).

***

...Любодеяние состоит не только в соитии или совокуплении телесном, но и в бесстыдном взгляде (свт. Иоанн Златоуст, 45, 352).

***

Вина прелюбодеяния зависит не только от тех, которым наносится позор, но и от тех, которые наносят его (свт. Иоанн Златоуст, 46, 209—210).

***

Если предающиеся блуду прежде брака осуждаются и наказываются... то тем более — после брака... потому что это дело не только блуд, но признается и прелюбодеянием; это тяжелее всякого греха (свт. Иоанн Златоуст, 46, 214).

***

Когда муж обращается сердцем к другой, то, разделяясь в душе и управляемый уже самим диаволом, наполняет свой дом всякою скорбию. А если и жена увлечется подобною же страстью, то все, так сказать, до самого дна перевертывается: скрывая друг от друга, один подозревает жену, другая — мужа; там, где надлежало быть согласию и единению, люди, которые должны быть плоть едина (см.: Мф. 19, 5)... доходят до такого разъединения между собою, как будто бы уже совсем разведены были (свт. Иоанн Златоуст, 47, 596).

***

Тягчайшее наказание, непростительный грех, если, имея дома у себя жену, (муж) оскверняет себя с блудницами и творит прелюбодеяние... Отсюда — распри, ругательства, разорение домов и ежедневные ссоры... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 789).

***

Искушения этого греха <любострастия> сильны, и ничто так не волнует этого <юношеского> возраста, как эта страсть. Поэтому оградим их отвсюду советами, увещаниями, страхом и угрозами (свт. Иоанн Златоуст, 47, 800).

***

Для чего ты занимаешься чужой красотой? Для чего засматриваешься не на твое лицо? Для чего стремишься в пропасть? Для чего ввергаешь себя в сети? Ограждай свои глаза; прикрывай свое зрение; положи закон очам своим; послушай Христа, Который, угрожая, поставляет бесстыдный взгляд наравне с прелюбодеянием (см.: Мф. 5, 28) (свт. Иоанн Златоуст, 48, 182).

***

Что пользы в удовольствии, если оно рождает червей, если подвергает предающегося ему непрестанному страху, вечному мучению? Не гораздо ли лучше, немного воздержав силу своих помыслов, сподобиться вечной радости, нежели за малое удовлетворение порочных пожеланий мучиться бесконечно? (свт. Иоанн Златоуст, 48, 182).

***

...Пусть не входит в Церковь никто из предающихся этому прелюбодеянию, но пусть будет он отвержен и вами и станет общим врагом (свт. Иоанн Златоуст, 49, 566).

***

Кто любит смотреть на красивые лица, тот больше всего сам возжигает в себе пламя страсти и, делая душу пленницею страсти, скоро затем приступает и к совершению пожелания (свт. Иоанн Златоуст, 50, 191).

***

...Кто привык засматриваться на телесную красоту, уловлять прелестные взоры, услаждать таким зрелищем

свою душу и не сводить глаз с миловидных лиц, тот уже любодействует (свт. Иоанн Златоуст, 50, 191).

***

Если хочешь смотреть и услаждаться взором, то смотри постоянно на свою жену и люби ее: этого не воспрещает никакой закон. Если же ты будешь назирать чужую красоту, то оскорбишь и жену свою, отвращая от нее глаза свои, и ту, на которую смотришь, так как касаешься ее вопреки закону (свт. Иоанн Златоуст, 50, 193).

***

Не говори: что в том, если я пристально посмотрю на красивую женщину? Если ты в сердце учинишь прелюбодеяние, то скоро осмелишься сделать это и плотию (свт. Иоанн Златоуст, 50, 859).

***

Если многие и от своей жены воздерживаются, когда наступает время поста или время молитвы, то какой огонь собирает себе тот, кто не довольствуется даже своею (женою), но имеет еще связь и с другою? (свт. Иоанн Златоуст, 51, 426).

***

Если через сожитие (муж и жена) составляют одно тело, то и живущий с блудницею необходимо становится одним с нею телом (свт. Иоанн Златоуст, 51, 427).

***

...<Корень> прелюбодеяния — похотливый взгляд глаз (свт. Иоанн Златоуст, 53, 805).

***

...(Прелюбодеяние) не есть следствие стремления к совокуплению, а следствие тщеславия, чувственного раздражения и чрезмерного сладострастия (свт. Иоанн Златоуст, 54, 19).

***

Как в прелюбодеянии одинаково виновен, совершит ли его кто-нибудь с женою царя, или с женою бедного, или с женою раба, потому что грех судится не по различию лиц, но по злому расположению решившегося на это... И даже я назвал бы скорее прелюбодеем того, кто совершает прелюбодеяние с какою-нибудь незначительною женщиною, нежели — с самою царицею, потому что здесь богатство, красота и многое другое могли служить обольщением, — а там нет ничего такого, и, следовательно, там прелюбодеяние бывает гораздо более (свт. Иоанн Златоуст, 54, 778).

***

Беги прелюбодеяния, помня, что, впадая в него, то сразу и нарушителем закона являешься, и тело свое убиваешь, и себя срамишь, и душу свою подвергаешь мучениям, и род свой бесчестишь, и Бога прогневляешь (свт. Иоанн Златоуст, 54, 953)

***

...Прелюбодейство... нарушает условия брака, унижает благородство детей, расторгает родственные связи и расстроивает всю жизнь человеческую (прп. Исидор Пелусиот, 61, 132).

***

...<Блудный> муж против супруги своей... *во свое тело согрешает* (1 Кор. 6, 18), а блудодействующая жена во свое же тело согрешает, т. е. против мужа, соделавшегося ее телом. Почему другие грехи суть кроме собственного своего тела, по закону составленного воедино. Ибо если муж нарушит клятву, или убьет, или украдет, или что другое тяжкое сделает, грех не простирается на жену, равно как если и жена убьет, или нарушит клятву, грех не переходит на мужа; один блуд касается супружеского сожительства и союза, и каждый из супругов наносит другому обиду, если впадает в блуд. Он делает подозрительною законность детей, и весь дом колеблет в самом основании. Почему и Христос сказал, что мужу необходимо терпеть все недостатки жены, потому что не к нему они относятся, и только за один блуд повелел изгонять от себя жену (см.: Мф. 19, 9); так как обида сия простирается на супруга (прп. Исидор Пелусиот, 62, 40—41).

ПРЕСЫЩЕНИЕ

...Пресыщение — начало всякого вреда (свт. Василий Великий, 8, 16).

***

Переполнять свое чрево и обременять себя яствами достойно проклятия, как сказал Господь: *горе вам, насыщенни ныне* (Лк. 6, 25). Через это и самое тело делается неспособным к деятельности, склонным ко сну и готовым к повреждениям (свт. Василий Великий, 9, 120).

***

Воздержание изможда́ет плоть, а многоядение делает грубым ум (прп. Ефрем Сирин, 30, 159).

***

Не будь пристрастен к мясам и винопитию, чтобы не сделать тебе ум свой неспособным к принятию духовных дарований (прп. Ефрем Сирин, 30, 320).

***

Многоядение и многопитие в настоящем только имеют приятность, а на следующий день оставляют в помысле неприятность и расслабление (прп. Ефрем Сирин, 30, 573).

***

Пресыщение делает наглым, а я тебе... желаю позаботиться о том, что вечно питаемую душу удерживает в должных пределах (свт. Григорий Богослов, 15, 361).

***

Никакое пресыщение не бывает целомудренно; потому что огню свойственно сожигать вещество (свт. Григорий Богослов, 15, 368).

***

...Не говорим: не будь чрева, но — да не будет пресыщения; потому что не чрево рождает пресыщение, а наша беспечность (свт. Иоанн Златоуст, 45, 175).

***

Что пользы, скажи мне, расторгаться от пресыщения через меру и преступать пределы потребности? Это и телу вредит, и душу лишает благородства (свт. Иоанн Златоуст, 46, 824).

***

...Тот, кто преступает пределы потребности <в пище>, потом уже не в состоянии будет вкушать удовольствие; это особенно хорошо знают те, которые сами испытали это, получив себе через это бесчисленные виды болезней... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 824—825).

***

Не ядение худо, — да не будет! Вредно объядение и пресыщение до обременения чрева; через это уничтожается и удовольствие от пищи (свт. Иоанн Златоуст, 47, 74).

***

От чего эти многоразличные болезни и расстройство? Не оттого ли, что, преступая меру, мы обременяем чрево слишком тяжелым грузом? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 407).

***

Ничто столько не противно и не вредно телу, как пресыщение; ничто столько не разрушает, не обременяет и не губит его, как неумеренное употребление пищи (свт. Иоанн Златоуст, 50, 470).

***

Как раб, когда возложат на него что-либо свыше сил, в сильном негодовании оскорбляет своего господина, так и чрево, которому сделали насилие <пресыщением>, часто губит и портит, вместе с прочими членами, и самый мозг. Потому хорошо устроил Бог, соединив с неумеренностью такие вредные следствия, чтобы ты, если по доброй воле не хочешь поступать благоразумно, хотя невольно, из-за страха и великого вреда, научился умеренности... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 470—471).

***

...Не так сильное течение рек размывает берега и обрушивает их, как сластолюбие и пресыщение подрывает все опоры нашего здоровья (свт. Иоанн Златоуст, 51, 147).

***

Не готовимся ли мы заклаться в жертву, что так утучняем себя? Для чего ты приготовляешь червям роскошную трапезу? Для чего увеличиваешь количество жира? Для чего умножаешь источники пота и зловония? Для чего делаешь себя не годным ни к чему?.. Для чего зарываешь душу? Для чего ограду ее делаешь толще? Для чего (наводишь на нее) великий дым и облако, когда испарения, как бы какая мгла, поднимаются отвсюду? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 256—257).

***

От пресыщения рождается как блуд, так и идолослужение... Хотя трудно преодолеть похоть и силу желудка, однако я <апостол Павел> обуздываю его, не предаюсь этой страсти, но всячески стараюсь, чтобы не увлечься ею.

Не думайте, что я успеваю в этом без труда; нет, это для меня — подвиг, воздержание и борьба с природою, которая непрестанно восстает и домогается свободы; но я не уступаю, а укрощаю и подчиняю ее с великими усилиями (свт. Иоанн Златоуст, 53, 224).

***

Дай мне кого хочешь, и я скорее расторгну его пресыщением, чем голодом: бесспорно, последний сноснее первого. Голод можно перенести дней двадцать; а пресыщения не перенесть и два дня (свт. Иоанн Златоуст, 54, 363).

***

Кто в состоянии описать ту жестокую бурю, которая поднимается вследствие пресыщения и устремляется равно на душу, как и на тело? Подобно тому, как сплошная густая туча не дает воссиять лучам солнца, так и пары, которые источают вино и пресыщение, подобно некоему утесу, ударяя в мозг и образуя там густой туман, не позволяют рассудку получить больше простора и погружают пьяного в великий мрак (свт. Иоанн Златоуст, 54, 711).

***

Послушайте, вы, которые все время проводите на пиршествах и в пьянстве и которые презираете бедных, томящихся и умирающих от голода в то время, когда вы постоянно умираете от наслаждений. Вы становитесь причиною двух смертей: одной, которая постигает этих несчастных, и другой, которая убивает вас самих, и притом и та и другая есть следствие неумеренности (свт. Иоанн Златоуст, 54, 713).

***

...Есть, скажете, некоторое удовольствие в пресыщении. Не столько удовольствия, сколько неприятностей. Удовольствие ограничивается только гортанью и языком; когда трапеза кончилась или когда пища съедена, ты становишься подобным тому, кто и не участвовал (в трапезе), и даже гораздо хуже его, потому что ты выносишь оттуда тяжесть, расслабление, головную боль и склонность ко сну, похожему на смерть, а часто и бессонницу от пресыщения, одышки и отрыжки, и тысячу раз проклинаешь свой желудок, вместо того чтобы проклинать невоздержность... Пресыщение производит то же, что делает голод, или даже гораздо худшее. Голод в короткое время изнуряет и доводит человека до смерти; а пресыщение, разъедая тело и производя в нем гниение, подвергает его продолжительной болезни и потом тягчайшей смерти. Между тем голод мы считаем несносным, а к пресыщению, которое вреднее его, стремимся. Откуда в нас такая болезнь? Откуда такое безумие? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 246).

***

Подобно тому как корабль, нагруженный больше того, что может вместить, будучи обременяем тяжестью груза, идет ко дну, так точно и душа, и природа нашего тела, приняв пищу в размерах, превышающих свои силы, переполняется и, не выдерживая тяжести груза, погружается в море погибели и губит при этом и пловцов, и кормчего, и штурмана, и едущих, и самый груз. Как, следовательно, бывает с кораблями, находящимися в таком состоянии, так точно и с пресыщающимися. Как там ни тишина моря, ни искусство кормчего, ни множество корабельщиков, ни надлежащее снаряжение, ни благоприятное время года, ни что другое не приносит пользы обуреваемому таким обра-

зом кораблю, так и здесь ни учение и увещание, ни наставление и совет, ни страх будущего, ни стыд, ни порицание присутствующих, ни что другое не может спасти обуреваемую таким образом душу (свт. Иоанн Златоуст, 55, 567).

***

...Ничто так не любезно демону, как сластолюбие и пресыщение (свт. Иоанн Златоуст, 55, 569).

***

...Особенно невозможно искренно призывать Господа тому, кто предан объядению и пьянству (свт. Иоанн Златоуст, 55, 983—984).

***

...Испарение слишком обильно принимаемой пищи, (действуя) на область мозга, помрачает способность мышления, приводя сердце в смятение (свт. Иоанн Златоуст, 55, 984).

***

Пресыщение не знает бдения; кичливость не знает покоя; подвижничество имеет нужду в бодрствовании и кротости. Посему, если желаешь быть подвижником, не давай в себе места пресыщению и гордости. А если не владеешь чревом, то для чего напрасно занимаешь место и расслабляешь подвижников? (прп. Исидор Пелусиот, 60, 88).

***

Хотя бы и твердо пребывал он <человек> в пристани целомудрия, однако же пресыщение склоняет его предаться

тому, чего никогда не хотел бы он допустить в сердце свое (прп. Исаак Сирин, 58, 188—189).

***

Бегайте бессловесного пресыщения и всегдашнего насыщения вдоволь... (прп. Феодор Студит, 92, 205).

***

...Имеется и иного рода пресыщение и дурное пьянство, которое бывает не от еды и не от напитков и проистекающих от них удовольствий, но — от гнева на ближнего, и ненависти, и злопамятства, и проистекающих от них зол... (свт. Григорий Палама, 26, 75).

***

Обжорливость — не что иное, как дурной навык, безрассудное, неудовлетворимое удовлетворение поврежденного злоупотреблением естественного желания (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 378).

ПРИВЫЧКА

...Привычка, закосневая в нас, получает силу природы; а если не даем ей свободы, то ослабевает и мало-помалу истребляется. И хорошую привычку, и худую питает время, как дрова питают огонь. Потому нам и должно всею силою поучаться в добром и делать доброе, чтобы получить в нем навык; и тогда само собою, по привычке, без труда будем делать представившееся добро, как и отцы через малое победили великое (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 24).

***

...Знаю таких, которые в юности поползнулись в плотские страсти и до самой седины, по привычке к злу, пребывают во грехах. Как свиньи, валяясь в тине, непрестанно более и более облипают грязью, так и эти люди, через сластолюбие, с каждым днем покрывают себя новым позором (свт. Василий Великий, 5, 166).

***

...Немалый это подвиг — преодолеть свою привычку, потому что обычай, утвердившийся долговременностию, получает силу природы... (свт. Василий Великий, 9, 94).

***

Во всем трудно побеждать привычку: потому что она имеет великую силу увлекать и порабощать себе душу и выставлять на вид некоторую хорошую сторону; от чего каждый привычкою приобретает известный нрав и пристрастие. Но по самой природе ничего не должно так остерегаться, как того, чтобы совершаемого по привычке не счесть заслуживающим заботы и предпочтения (свт. Григорий Нисский, 24, 328—329).

***

Привычка сильна, способна одолевать и увлекать душу, особенно когда ей содействует удовольствие... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 90).

***

...Воля от привычки делается второю природою (свт. Иоанн Златоуст, 45, 548).

***

...Не будем безрассудно раболепствовать привычке, а станем устроять свою жизнь согласно с разумом (свт. Иоанн Златоуст, 47, 3).

***

...Когда начнешь исправлять худую привычку, то хотя бы раз, хотя бы два, три раза, хотя бы двадцать раз преступил закон, не отчаивайся; вставай и принимайся опять за тот же труд — и непременно останешься победителем (свт. Иоанн Златоуст, 50, 202).

***

Человек, попавший во власть дурной привычки, даже и когда захочет, нелегко может освободиться от рабства. Привычка — вторая природа, и притом природа, с которой человеку приходится бороться (свт. Иоанн Златоуст, 51, 801).

***

Велика сила привычки и в добрых и в злых делах; она сама влечет нас, без всякого труда с нашей стороны (свт. Иоанн Златоуст, 54, 801).

***

Как свинья, валяясь в грязи, чувствует удовольствие, так и душа, одержимая дурной привычкой, даже и не чувствует зловония грехов (свт. Иоанн Златоуст, 55, 536).

***

...Великое дело привычка; так она сильна, что обращается в природу. Иные утверждали, что привычка — вторая

природа, а другие полагали, что и природа препобеждается привычкою, говоря: капля за каплей воды пробивает и камень, хотя что тверже камня и что мягче воды, однако же непрерывность ударов превозмогает природу (прп. Исидор Пелусиот, 62, 295).

***

...От привычки происходит навык, а навык обращается в природу; превратить же и изменить природу трудно (прп. Нил Синайский, 72, 71).

***

Бойся привычек больше, нежели врагов. Питающий в себе привычку то же, что человек, который дает пищу огню, потому что мера силы того и другого зависит от количества вещества. Если привычка потребует чего однажды и требование ее не будет исполнено, то в другой раз найдешь ее слабою; а если однажды исполнишь ее волю, то во второй раз найдешь, что нападает она на тебя с гораздо большею силою (прп. Исаак Сирин, 58, 413).

***

Как железо невольно повинуется магниту, так и закосневшие в злых привычках поневоле увлекаются ими (прп. Иоанн Лествичник, 57, 212).

***

Особенно великий подвиг и тяжелый труд должны бывают испытывать в начале те, которые, прежде своей решимости изменить мирскую и плотскую жизнь на жизнь богоугодную и предаться делам любви и искреннего работания Богу, связали себя злыми навыками через частое

удовлетворение желаний своей плотской и страстной воли. В них окрест свободного произволения, хотя с одной стороны стоят возжеланные им требования разумной воли, Богом воздействуемые, но зато и с другой <стороны> стоят все еще не без сочувствия встречаемые пожелания воли плотской и страстной и, противоборствуя первым, влекут его на свою сторону с такою силою, как иной раз влекут ужем подъяремное животное; и только благодать Божия дает им силу устаивать в однажды принятом намерении. Время противоборства им и неуступание победы ослабляют силу их; но борьба от этого не прекращается (прп. Никодим Святогорец, 70, 45).

***

...Для приобретения добрых навыков необходимо делать больше дел добрых, чем для навыков недобрых требовалось дел недобрых; потому что худые навыки скорее укореняются, имея помощником и споспешником себе живущий в нас грех или самоугодие (прп. Никодим Святогорец, 70, 52).

***

Для погибели человека достаточно одного порочного навыка: он будет постоянно открывать вход в душу всем грехам и всем страстям (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 377).

***

Решительное произволение, осеняемое и укрепляемое благодатию Христовою, может победить самые закоснелые навыки (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 381).

***

Насильственная борьба против порочных навыков вменяется Богом человеку в мученичество, и одержавший в этой борьбе победу венчается венцом исповедников, как подвизающийся ради закона Христова (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 381).

***

Бойтесь привыкнуть к святыне и потом смотреть на нее, как на обычные вещи... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 226).

ПРИМЕР

Не бери пример с того, кто слабее тебя, но с того, кто совершеннее тебя. Да будут тебе в образец и пример те, которые возлюбили Господа от всего сердца своего и постоянно прилежат добрым делам; не стыдись просить у них себе уроков жизни, потому что они совершенны в добродетелях (прп. Антоний Великий, 89, 106).

***

Не подражай тем, кои заботятся о прохлаждениях мирских, иначе ни в чем не будешь иметь успеха; но соревнуй тем, которые ради Господа скитались (и скитаются) в горах и пустынях (см.: Евр. 11, 38), да приидет на тебя сила свыше (прп. Антоний Великий, 89, 106).

***

Блажен, кто стал прекрасным образцом для ближнего и не уязвил совести подобного себе раба делами недо-

зволенными; он будет благословляем о Господе (прп. Ефрем Сирин, 30, 344).

***

...Да не научит тебя страшный змий говорить: «Если старцы поступают худо, что делать мне еще юному?» Но слушай Господа, который говорит: ***мнози бо суть звани, мало же избранных*** (Мф. 20, 16) (прп. Ефрем Сирин, 31, 125).

***

...Старшие должны быть для младших образцом всякой добродетели, чтобы не подать нам ***вину хотящым вины*** (2 Кор. 11, 12). Ибо если сами непокорны, то как младших научим послушанию? Если сами чревоугодники, или преданы пьянству, или сребролюбивы, то как младших себя научим воздержанию и терпению? Если сами непредусмотрительны, или многоречивы, или непостоянны, то как младших себя научим степенности и постоянству? (прп. Ефрем Сирин, 31, 146).

***

Прочь от меня ты, который берешь в пример немощных, а не совершенных! Немощные делают стыд сами себе, а совершенные — наша слава (свт. Григорий Богослов, 16, 115).

***

Как от одной горящей лампады пламя передается и всем прочим светильникам, которые прикасаются к ней; и, несмотря на то, первый свет не уменьшается, хотя через сообщение в равной мере уделяется и заимствующим свой свет от него, так и святость сей жизни преемственно

распространяется от преуспевшего в оной на приближающихся к нему; ибо истинно пророческое слово, что обращающийся с преподобным, неповинным и избранным и сам делается таковым (см.: Пс. 17, 26—27). Если же ты ищешь признаков, по которым бы нельзя было обмануться в избрании для себя хорошего примера, то начертать их легко. Если ты увидишь мужа, который, стоя посредине между жизнью и смертью, из той и другой извлекает полезные для себя уроки любомудрия, так что ни недеятельности смерти не допускает в усердии к исполнению заповедей, ни живет всецело жизнью, поелику отрешился от мирских похотей, в отношении к тому, в чем выражается плотская жизнь, оставаясь недеятельнее мертвых, а в отношении к делам добродетели, составляющим признак живущих духом, являясь одушевленным, деятельным и сильным, — то такового мужа поставь себе правилом в жизни; пусть он будет для тебя руководителем Божественной жизни, как для кормчих вечно сияющие звезды: подражай и старости его и юности, или лучше, подражай его старости во время юности, — и юности во время старости. Ибо ни время возраста, склонявшегося уже к старости, не ослабило в нем мужественной души, ни юность не была деятельною в того рода деятельности, которая свойственна юности, но какое-то было в нем удивительное соединение противоположеностей того и другого возраста, лучше сказать — изменение свойств: в старости юношеская крепость сил к добру, а в цветущей юности неподвижность в отношении к злу (свт. Григорий Нисский, 24, 389—390).

***

Когда, смотря на нас, люди назидаются и прославляют Бога, тогда и мы удостоимся от Него большего благоволения (свт. Иоанн Златоуст, 47, 58).

***

Если предшествует дело, то, хотя за ним и не следует учение, самые дела гораздо яснее слов поучают тех, кто смотрит на нас (свт. Иоанн Златоуст, 47, 64).

***

Ничто так не приводит на путь истины, как непорочная жизнь, потому что люди смотрят не столько на слова, сколько на дела наши (свт. Иоанн Златоуст, 47, 64).

***

...Сколько бы мы... ни разглагольствовали о терпении, но если, когда наступит время, не покажем терпения на деле, не столько принесет пользы слово, сколько повредит дело... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 64).

***

(Неверующих) не столько обращают чудеса, сколько жизнь (христиан); жизни же ничто так не благоустрояет, как любовь (свт. Иоанн Златоуст, 47, 485).

***

Немалая польза от повествования о весьма великих преспеяниях. Души спящие возбуждает оно к добродетели, души ленивые делает деятельными, а возлюбивших порок научает стыдиться и приводит к покаянию <...>

Поелику немалую приносят пользу доблестные деяния людей древних, то в собраниях и беседах будем всегда предлагать на среду их доблести; потому что многие ду-

шевные болезни, и тайные, и явные, найдут для себя в этом пригодное врачевание (прп. Исидор Пелусиот, 62, 88—89).

ПРИМИРЕНИЕ

Не столько повредит тебе враг, что бы он ни делал, сколько ты вредишь самому себе, не примиряясь с ним и попирая законы Божии (свт. Иоанн Златоуст, 44, 555).

***

Если же ты будешь ждать, чтобы враг наперед пришел и попросил прощения, то ты не получишь такой пользы: он предвосхитит награду и приобретет себе все благословение; а когда ты сам придешь, то не останешься ниже его, но победишь гнев, преодолеешь страсть, обнаружишь великое любомудрие, послушавшись Бога, и сделаешь более приятною последующую жизнь, избавившись от хлопот и тревоги (свт. Иоанн Златоуст, 44, 597).

***

...Тяжелое и трудное дело — скоро примириться с врагом, тяжелое и трудное не по своему свойству, но по нашему нерадению (свт. Иоанн Златоуст, 46, 174).

***

Трудно начать и сделать приступ к примирению; а когда он сделан каким бы то ни было образом, тогда все последующее будет легко и удобно (свт. Иоанн Златоуст, 46, 175).

***

Если ты примиришься здесь, то избавишься от суда там... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 179).

***

В этом-то <примирении со своими врагами> и состоит врачевство душ наших, в этом — исцеление ран наших, в этом — самый лучший путь угождения Богу, в этом — самое верное отличие боголюбивой души, когда... мы все исполняем ради закона Господня и не поддаемся неблагородным мыслям, но становимся выше страстей, представляя себе благодеяния, ежедневно оказываемые нам Богом (свт. Иоанн Златоуст, 47, 283—284).

***

...Нелегко и неприятно пойти к тому, кто враждует и злобствует против нас, стать и начать разговаривать с ним. Но если ты размыслишь о высоком достоинстве этой заповеди <примирения>, о великости награды и о том, что польза от этого доброго дела обращается не на него, а на тебя, то все покажется тебе легким и удобным (свт. Иоанн Златоуст, 47, 284).

***

Оказывай услуги детям врагов своих и при жизни, и по смерти их, — при жизни, чтобы таким образом примириться с их отцами, по смерти, чтобы привлечь на себя великую милость от Бога... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 870).

***

Сколько зла происходит от раздражения и гнева! И что особенно тяжело — когда мы находимся во вражде, то не

хотим сами положить начало примирению, но ожидаем других; каждый стыдится прийти к другому и примириться. Смотри, разойтись и разделиться не стыдится, напротив, сам полагает начало этому злу; а прийти и соединить разделившееся стыдится, подобно тому, как если бы кто отрезать член не усомнился, а сростить его стыдился. Что скажешь на это, человек? Не сам ли ты нанес великую обиду и был причиною вражды? Справедливость требует, чтобы сам же ты первый пришел и примирился, как бывший причиною вражды. Но если (другой) обидел и тот был причиною вражды? И в этом случае следует (начать примирение) тебе, чтобы тебе больше удивлялись, чтобы тебе иметь первенство как в одном, так и в другом: как не ты был причиною вражды, так не тебе быть и причиною ее продолжения; может быть, и тот, сознав вину свою, устыдится и вразумится. Но он высокомерен? Тем более ты не медли прийти к нему; он страдает двумя болезнями: гордостью и гневом. Сам ты высказал причину, почему ты первый должен прийти к нему: ты здоров, ты можешь видеть, а он во тьме; таковы именно — гнев и гордость. Ты свободен от них и здоров; приди же к нему, как врач к больному. Говорит ли кто-нибудь из врачей: такой-то болен, поэтому я не пойду к нему? Напротив, тогда врачи и идут к больному, когда видят, что он сам не может к ним прийти; о тех, которые могут (прийти сами), они менее заботятся, как о больных неопасно, о лежащих же — напротив. А не тяжелее ли всякой болезни гордость и гнев? Не подобны ли этот сильной горячке, а та — развившейся опухоли? Представь, каково страдать горячкою и опухолью. Иди же, угаси его огонь; ты можешь сделать это при помощи Божией; останови его опухоль как бы примочкою. Но что, скажешь, если оттого самого он еще более возгордится? Тебе нет до этого нужды; ты сделаешь свое

дело, а он пусть отвечает сам за себя; только бы нас не упрекала совесть, что это произошло от опущения с нашей стороны чего-нибудь должного... Оно <Священное Писание> повелевает идти, примириться и благотворить врагу не с тем, чтобы собрать на него горящие уголья (см.: Рим. 12, 20), но чтобы он, зная это, исправился, чтобы трепетал и боялся этих благодеяний больше, чем вражды, и этих знаков любви больше, чем обид. Для враждующего не столько опасен враг, причиняющий ему зло, сколько благодетель, делающий ему добро, потому что злопамятный вредит хотя немного и себе, и ему, а благодеющий собирает уголья огненные на главу его. Поэтому, скажешь, и не должно делать ему добра, чтобы не собирать на него угольев? Но разве ты хочешь собрать их на собственную голову? Это и происходит от памятозлобия. А что, если я еще более усилю (вражду)? Нет; в этом виновен будешь не ты, а он, если он подобен зверю; если и тогда, как ты благодетельствуешь, оказываешь ему честь и желание примириться, он упорно будет продолжать вражду, то он сам на себя собирает огонь, сам сожигает свою голову; а ты нисколько не виновен (свт. Иоанн Златоуст, 52, 434—436).

***

Поелику мы по большей части обиженных и оскорбленных братий презираем, или, по крайней мере, говоря, что они оскорбились не по нашей вине, мы пренебрегаем ими, то Врач душ, знающий все сокровенное, желая с корнем исторгнуть из наших сердец поводы к гневу, повелевает нам прощать, примиряться с братиями нашими и не иметь памяти об обиде или оскорблении их, не только когда мы оскорблены ими, но и когда знаем, что они имеют нечто против нас, справедливо ли или несправед-

ливо, также заповедует нам, чтобы мы, оставив свой дар, т. е. прекратив свои молитвы, поспешили прежде сделать удовлетворение им и, таким образом наперед уврачевав брата, приносили чистые дары наших молитв (см.: Мф. 5, 24). Ибо общий всех Господь не благоволит к нашему служению, когда Он что в одном приобретает, то в другом теряет от возникшей скорби. Ибо во вреде всякого человека одинакова бывает потеря для Того, Кто одинаково желает и ожидает спасения всех Своих рабов. И потому, когда брат имеет нечто против нас, молитва наша будет недейственна, все равно как если бы и мы в раздраженном духе питали вражду против него (прп. Иоанн Кассиан, 56, 108—109).

***

...Если Евангельское слово повелевает нам удовлетворять гневающимся даже за прошедшее и самое малое неудовольствие, происшедшее от маловажных причин, то что будет с нами, жалкими, когда мы с упорным притворством пренебрегаем новые и важные причины, допущенные по нашей погрешности, и, надмеваясь диавольскою гордостью, стыдясь смириться, не признаем себя виновниками братской скорби и, по упорному духу не желая покоряться заповедям Господним, спорим, что никак не должно соблюдать их или невозможно исполнить. От того и бывает, что, думая, что Господь заповедал невозможное или несообразное, мы, по Апостолу, становимся не исполнителями, а судьями закона (см.: Иак. 4, 11) (авва Иосиф, 56, 458).

***

И с неприятелями, друг, когда просят мира, надлежит примиряться. Ибо кто не примиряется, но даже тех, кото-

рые просят, выражая свою нужду, и не вступают уже в равный бой, мучит, не обуздав гнева милосердием, не дав в себе места чувству естественного сродства и свойства, тот утратит выгоды победы, от всех потерпит укоризны, как дикий зверь, и не избежит наказания от Бога (прп. Исидор Пелусиот, 60, 320).

***

Примирение нас друг с другом всего важнее для Бога Слова. Ибо Тот, Кто примирил небесное с земным, прекращает и наши вражды, не дозволяя возникнуть им, и возникшие исторгая с корнем (прп. Исидор Пелусиот, 62, 13).

***

«Ты взыскуешь, — говорит Он <Господь>, — человеколюбия; а обиженный <тобой> ищет отмщения; ты называешь Меня милосердным, а он — правдивым; ты просишь снисхождения, а он вопиет, что не оказано ему помощи. Успокой его, справедливо вопиющего, и не будешь лишен Моего благоволения; примирись с обиженным, и тогда умоляй о Моем примирении с тобою. Не продаю за дар справедливо требуемого другим отмщения; не унижаю неподкупного судилища; не оказываю благоволения к обидевшему, пока сетует обиженный. Не малый, но крайне высокий и великий даю тебе дар — отлагаю исследование дела, не произношу немедленно решительного приговора; даю тебе время удовлетворить обиженного» (прп. Исидор Пелусиот, 62, 14).

****

Был в Александрии вельможа, который, несмотря на все увещания святителя Иоанна Милостивого, не хотел и

слышать о примирении со своим врагом. Святитель пригласил его в свою домовую церковь на Божественную литургию. В церкви никого не было из богомольцев; служил сам патриарх, а на клиросе был только один певец, которому вельможа и стал помогать в пении. Когда они начали петь молитву Господню «Отче наш», запел ее и святитель; но на словах «хлеб наш насущный даждь нам днесь» он вдруг замолчал сам и остановил певца, так что вельможа один пропел слова молитвы: «и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Тут святитель сказал ему: «Смотри, сын мой, в какой страшный час и что говоришь ты Богу: остави мне, как и я оставляю! Правду ли ты говоришь? Оставляешь ли?» Эти слова так поразили вельможу, что он весь в слезах бросился к ногам архипастыря и воскликнул: «Все, что ни повелишь, владыко, все исполнит раб твой». И в тот же день помирился со своим врагом и от всего сердца простил ему все обиды (112, 588—589).

***

Некоторый инок-отшельник пришел на малое время в один из скитов, и здесь старец скитянин, имевший свободную келью, пригласил в нее пришельца на житие. Странник-монах поселился в ней. К нему стали приходить многие; одни приносили ему все необходимое, а другие искали беседы с ним; пришлец всех с любовию принимал к себе. Все это возбудило зависть в старце, хозяине кельи, и он стал роптать. «Сколько лет я здесь живу, — говорил он, — и никто ни разу не приходил ко мне, а этот только что поселился, и все спешат к нему». Затем сказал своему ученику: «Пойди скажи ему, чтобы уходил из кельи: она мне самому нужна». Ученик пошел, но вместо повеленного

сказал: «Отец мой прислал меня спросить о твоем здоровье». Монах принял это за правду и отвечал: «Скажи отцу твоему, чтобы помолился обо мне: я не совсем здоров». Пришел послушник к своему старцу и сказал ему так: «Монах велел сказать, что он нашел другую келью и уходит отсюда». Прошло несколько дней; пришлец не уходил. Старец хозяин опять посылает юного ученика сказать, что если скоро не уйдет, то он сам придет и выгонит его жезлом. Ученик опять употребил хитрость. «Старец мой, — сказал он пришельцу, — услыхал, что ты сильно нездоров, и прислал меня навестить тебя». Пришлец отвечал: «Скажи твоему отцу, что, по молитвам его, я чувствую себя теперь хорошо». Вернулся ученик к своему учителю и сказал так: «Монах объявил мне, что он через неделю непременно уйдет». Прошла неделя, гость все не уходил. Тогда старец хозяин взял жезл и пошел выгонять его. Ученик на минуту задержал старца: «Отче, погоди немного, я сбегаю и посмотрю, нет ли кого у него, а то может выйти соблазн». А сам, между тем, прибежав к пришельцу, говорит: «Отец мой идет звать тебя к себе и угостить». Услышав это, старец гость вышел на встречу своему хозяину, издали поклонился ему и воскликнул: «Я не стою того, чтобы ты заходил за мною, я без зова приду к тебе». Тут только старец понял благоразумную хитрость своего ученика, умилился душою, бросил жезл и поспешил приветствовать своего гостя, на которого за несколько еще минут перед этим сильно гневался. По приветствии он ввел гостя к себе и стал беседовать с ним, как с другом. Когда последний ушел, он спросил ученика: «Говорил ли ты ему что-нибудь из того, что я велел тебе?» Ученик отвечал: «Нет». Старец обрадовался, понял, что злоба его на пришельца была наущением диавольским и, упав к ногам своего ученика, сказал: «Отселе не я тебе отец, а ты мне, и не ты

мой ученик, а я твой; ибо ты своим благоразумием спас и меня, и гостя» (112, 597—599).

***

Два старца имели вражду друг на друга. Одному из них случилось занемочь. Некто из братии пришел навестить старца, а тот стал просить брата: «С таким-то старцем я в ссоре и желал бы, чтобы уговорил ты его и мы бы примирились. И сам я рад бы для кого-нибудь сделать доброе дело». Брат отвечал: «По просьбе твоей, авва, поговорю с ним». Но, выйдя от него, брат рассуждал сам с собою: «Может быть, старец не примет моих слов, может быть, выйдет еще огорчение». По устроению же Божиему один из братии принес пять смокв и небольшое число тутовых ягод. Брат, выбрав одну смокву и несколько ягод, отнес в келью к старцу и сказал: «Кто-то принес это к старцу, а он говорит мне: «Возьми и отдай такому-то старцу». Старец, услышав это, пришел в удивление и сказал: «Мне прислал он это?» Брат говорит: «Да, авва». И старец взял принесенное, спросил: «С добрым делом пришел ты?» Брат, расставшись со старцем, пошел в свою келью и, взяв две смоквы и несколько тутовых ягод, понес к другому старцу и, поклонившись, сказал: «Возьми это, авва; прислал тебе такой-то старец». И так тремя смоквами и несколькими тутовыми ягодами довел их до примирения. А старцы не знали, что сделал брат. Один из них сказал: «Примиримся ли мы теперь?» «Да, авва, твоими молитвами», — отвечал брат. Старец сказал: «Слава Богу!» И старцы помирились при благодати Божией (30, 381).

***

Один старец рассказывал: «У меня был искренний друг, диакон лавры. Не знаю, с чего он возымел подозрение в

одном поступке с моей стороны, причинившем ему скорбь, и стал мрачно смотреть на меня. Видя угрюмый взор его, я просил его объяснить мне причину. «Вот что ты сделал!» — сказал он мне. Вовсе не зная за собой такого поступка, я принялся уверять его, что не делал ничего подобного. «Прости меня, но я не удовлетворен твоими оправданиями», — сказал брат. Удалившись к себе в келью, я начал испытывать свое сердце — не сделано ли в самом деле мною чего-либо подобного — и не нашел ничего. Однажды видя, как он держал Чашу для преподавания Святых Даров, я с клятвою стал уверять его, что я не виновен в том, что он приписывает мне. Но он и тут не убедился моими словами. Обращаясь снова к себе самому, я стал припоминать изречения святых отцев и, доверившись им, обратился к своим мыслям. «Диакон искренно любит меня, — говорил я сам себе, — и, побуждаемый любовью, прямодушно говорит мне о том, что у него на сердце, чтобы я трезвился, бодрствовал над собою и не совершил бы чего-либо подобного. Положим, бедная душа моя, ты и не совершила этого. Но не совершено ли тобою множество других злых дел и все ли они тебе известны? Что ты творила вчера, или третьего дня, или десять дней тому назад? Помнишь ли ты об этом? Так не совершила ли ты и того, что тебе приписывают, а потом позабыла, как и первое?» И, размышляя таким образом, я так расположил свое сердце, как бы и в самом деле я сделал это, но позабыл, как и другие свои дела. И стал я благодарить Бога и диакона, что через него Бог дал мне познать грех мой, и я мог раскаяться в нем. После таких размышлений я встал и пошел к диакону просить у него прощения и благодарить за то, что он помог мне познать грех. Но лишь только я постучался к нему в дверь, он, отворив, бросается мне в ноги со словами: «Прости меня, что диа-

вол, издеваясь надо мною, внушил мне подозрение на тебя! Воистину Сам Бог вразумил меня, что ты невинен». И начал он говорить, что не дозволит мне принести ему извинение» (102, 267—268).

***

Некий брат был в обиде на другого брата, который, узнав об этом, пришел для примирения к нему, но тот не отворил ему дверей. Тогда брат пошел к некоему старцу и рассказал ему о случившемся. Старец отвечал: «Посмотри, нет ли тому причины в тебе самом? Не признаешь ли себя правым в своем сердце? Не имеешь ли намерения обвинить брата, а себя оправдать? По этой причине Бог не коснулся его сердца и он не отворил тебе дверей. Но то, что скажу тебе, верно: хотя бы он был виноват перед тобою, положи в своем сердце, что ты виноват перед ним, и оправдай брата. Тогда Бог вложит в его сердце желание примириться с тобой». Брат, услышав это, поступил по слову старца, пошел к брату, постучался в дверь. Тот сразу же отворил дверь и, прежде чем пришедший попросил прощения, обнял его от души, и водворился между ними мир (106, 517).

ПРИСТРАСТИЕ

...Да не увлекают тебя житейские прелести, когда диавол будет влагать злые помышления в душу твою; но тотчас вспомни о небесных благах и скажи себе самому: если захочу, в моей состоит власти победить и это восстание страсти; но я не побежду, если захочу удовлетворить моему желанию. Таким-то подвизайся подвигом, могущим спасти душу твою (прп. Антоний Великий, 89, 81).

***

Пристрастие к земным вещам возмущает ум и сердце, презрение же оных доставляет успокоение (прп. авва Исаия, 59, 94—95).

***

Сердце, падшее с высоты небесных мыслей, бесы делают привязанным к вещам земным. А когда пренебрежет оно тленным, тогда приимет нетленное (прп. Ефрем Сирин, 30, 170).

***

Поелику земное влечет к себе долу, и страсти омрачают сердечные очи во брани, то посему самому лукавый одолевает в брани нас, земных, исполненных попечения о земном и раболепствующих страстям... (прп. Ефрем Сирин, 30, 542).

***

Пристрастие к ненасытному сну подобно страсти чревоугодия. Если кто привык есть много, то и природа требует многого; а если привык кто к воздержанию, то природа не требует многоядения (прп. Ефрем Сирин, 31, 162).

***

...Кто любит что-нибудь в мире сем и привязывается к какой бы то ни было мирской и тленной вещи, тот на вещь сию меняет Небесное Царство. Кто что любит, то и бывает для него богом, как сказано: ***имже бо кто побежден бывает, сему и работен есть*** (2 Пет. 2, 19) (прп. Ефрем Сирин, 32, 36).

***

...Признак неверия — связывать себя сими земными вещами (прп. Ефрем Сирин, 32, 266).

***

Всякая земная связь, всякое пристрастие, к чему бы то ни было вещественному, как бы ни было это маловажно, в пристращающемся производит удовольствие и приятное ощущение, хотя неразумное и впоследствии вредное, и вожделевательную силу души так сильно в этом порабощает, что покорившийся страсти лишением любимого ввергается в раздражительность, в печаль, в гнев, в памятозлобие. А если сверх пристрастия нечувствительно и неисцельно овладеет человеком хотя небольшая привычка, тогда, увы! Она делает, что плененный неразумным пристрастием до конца предается ему по причине сокрытого в нем удовольствия, потому что удовольствие похоти, по сказанному выше, многообразно и находит себе удовлетворение не только в блуде и других телесных наслаждениях, но и в прочих страстях (прп. Ефрем Сирин, 32, 388—389).

***

Какое может иметь оправдание тот, кто сотворен для благоугождения человеколюбивому Богу и наслаждения благами будущего Царствия, но нисколько не заботится об этом, а предается житейским делам и мирским заботам (прп. Ефрем Сирин, 34, 521).

***

Ничто не лишает столько свободы, как прилепление к вещам житейским и пристрастие ко всему блестящему.

Таковой служит не одному, не двум, не трем, а бесчисленным господам (прп. Ефрем Сирин, 36, 500).

***

Ничто так не гнусно, как памятование только о перстном <земном> (свт. Григорий Богослов, 16, 116).

***

Всякое пристрастие опасно. Пристрастие к любимому — двойная опасность. Пристрастие к молодой девице — тройное жало. Если же она прекрасна, то это еще большее зло. И если представляется возможность супружества, то самая внутренность сердца стала пищею огня (свт. Григорий Богослов, 16, 120).

***

Что возлюбил человек в мире, то и обременяет ум его, овладевает им и не позволяет ему собраться с силами (прп. Макарий Египетский, 67, 47).

***

Душа, отрешившаяся от земного пристрастия, делается несущеюся горе́ и скорою в этом движении выспрь, воспаряя от дольнего в высоту. И как свыше ничто не пресекает ее стремления (естество добра к себе привлекает возводящих к нему взоры); то, конечно, непрестанно становится она выше и выше себя самой, по вожделению небесного (свт. Григорий Нисский, 18, 343).

***

Подлинно одно из труднейших дел — отвергнуть пристрастие и старую привязанность, расторгнуть многосложные соблазны, окрылиться и вознестись до сводов небесных. Как у мучеников тяжел подвиг, так и у этих бывает продолжительная скорбь (свт. Иоанн Златоуст, 44, 271).

***

...Какое различие в том, обладается ли кто страстию к стяжаниям обширным и величественным или к чему-нибудь маловажному? Тот тем большего достоин осуждения, кто, презрев большее, привязывается к меньшему (прп. авва Даниил, 56, 239—240).

***

...Не иметь вредно, а иметь с пристрастием (прп. Зосима, 91, 105).

***

Бывает, что иной, презрев многие сокровища, пристращается к игле, и сие пристрастие причиняет ему смущение и тревоги. Тогда игла заступает у него место сокровищ (прп. Зосима, 91, 111).

***

...Душа, привязанная ко многим вещам, не пребывает верною божественным наставлениям (прп. Исаак Сирин, 58, 285).

***

Отцы наши... распяв себе мир, предались подвигам и распяли и себя миру; а мы думаем, что распяли себе мир,

потому только что оставили его и пришли в монастырь; себя же не хотим распять миру, ибо любим еще наслаждения его, имеем еще пристрастие к снедям, к одеждам; если у нас есть какие-нибудь хорошие рабочие орудия, то мы пристрастны и к ним, и позволяем какому-нибудь ничтожному орудию произвести в нас оное (мирское пристрастие)... Мы думаем, что, вышедши из мира и придя в монастырь, оставили все мирское; но (и здесь), ради ничтожных вещей, исполняем пристрастия (мирские). Это происходит с нами от многого неразумия нашего, что, оставив великие и многоценные вещи, мы посредством каких-нибудь ничтожных исполняем страсти наши; ибо каждый из нас оставил то, что имел; имевший великое, оставил великое, и имевший что-нибудь, и тот оставил, что имел, каждый по силе своей. И приходя в монастырь, маловажными вещами исполняем пристрастие наше. Однако мы не должны так делать; но как мы отреклись от мира и вещей его, так должны отречься и от самого пристрастия к вещам и знать в чем состоит сие отречение (прп. авва Дорофей, 29, 29—30).

***

...Мы оставили мир, оставим и пристрастие к нему. Ибо пристрастия, как я сказал, и маловажными, и обыкновенными вещами, не стоящими никакого внимания, опять привязывают нас к миру и соединяют с ним, а мы не разумеем этого. Посему если мы хотим совершенно измениться и освободиться (от мира), то научимся отсекать хотения наши, и таким образом, мало-помалу, с помощию Божиею, мы преуспеем и достигнем бесстрастия (прп. авва Дорофей, 29, 33).

***

Если кто думает, что не имеет пристрастия к какой-нибудь вещи, а, лишившись ее, печалится сердцем, то вполне прельщает самого себя (прп. Иоанн Лествичник, 57, 13).

***

Пристрастие к кому-нибудь из родственников или из посторонних весьма вредно: оно может мало-помалу привлечь нас к миру и совершенно погасить огонь нашего умиления. Как невозможно одним глазом смотреть на небо, а другим на землю, так невозможно не подвергнуться душевным бедствиям тому, кто мыслями и телом не устранился совершенно от всех своих родственников и неродственников (прп. Иоанн Лествичник, 57, 18).

***

Пристрастие <рождается>... иногда от блуда, иногда от сребролюбия, иногда от объядения, иногда от тщеславия и от многих других причин (прп. Иоанн Лествичник, 57, 183).

***

...Все, что чуждо пристрастия и всякой нечистоты, и делается единственно для Бога, а не ради иного чего-нибудь, вменится нам во благое, хотя бы оно и не совсем было благо (прп. Иоанн Лествичник, 57, 196).

***

Беспристрастие к вещам чувственным возводит к видению мысленных (прп. Иоанн Лествичник, 57, 211).

***

...Насколько ум прилепляется к вещам мира сего, настолько порабощается им и презирает заповедь Божию, преступая ее небоязненно (прп. Максим Исповедник, 91, 137).

***

Изгоняется из души... пристрастие безмолвием и вниманием (прп. Илия Екдик, 91, 429).

***

...Пристрастие к... вещам и суетные помыслы опутывают <человека>, как вервями, и во время молитвы совлекают его долу, как бывает с привязанною птицею, когда она пытается подняться на воздух (прп. Илия Екдик, 91, 439).

***

Поистине бедны мы и пренесчастны, далеки будучи от жизни вечной и Царства Небесного, потому что не стяжали еще в самих себе Христа, но имеем еще в себе мир живым, поколику живем в нем и мудрствуем земная. А кто таков, тот явно враг есть Богу, потому что пристрастие к миру есть вражда на Бога... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 39).

***

Как тот, кто на пламень разжженной печи набрасывает земли, угашает оный, так и житейские попечения и всякий вид пристрастия к чему-либо, даже последнему и ничтожному, истребляет возжегшуюся вначале теплоту сердца (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 526).

***

...Зачем ты, о душа, все еще стремишься к земле? Зачем обольщаешься здешними вещами? Получив нетленное, зачем ты льнешь к тленному? Нашедши будущее, зачем прилепляешься к настоящему? Старайся, душа, постоянно обладать ими, вся прилепись к ним, душа моя, чтобы и по смерти ты находилась в тех вечных благах, которые приобрела ты отсюда, и с ними предстала бы Творцу и Владыке, радуясь с Ним во веки веков (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 67).

***

Если же какое пристрастие к земным благам вяжет тебя, то ты подобен орлу, уловленному сетью за ноготь и не могущему взлететь ввысь (прп. Феогност, 91, 384).

***

Когда видишь вещи, красивые на вид и ценимые на земле, помысли, что все они ничтожны, как сор какой, сравнительно с красотами и богатствами небесными, которые несомненно получишь ты по смерти, если презришь весь мир (прп. Никодим Святогорец, 70, 92—93).

***

Тщетно сияет солнце с чистого неба для очей, пораженных слепотою, — и вечность как бы не существует для сердца, обладаемого пристрастием к земле, к ее великому, к ее славному, к ее сладостному (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 383).

***

Все зараженные суетными и греховными пристрастиями, по неложному свидетельству Евангелия, отрекаются от участия в духовном браке Сына Божия, соделывают сами себя недостойными блаженного соединения с Ним (см.: Мф. 22, 5) (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 9).

***

Одно ничтожнейшее пристрастие может держать христианина прикованным к земле и вполне отнять у него духовное преуспеяние (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 252).

***

...Пристрастие к земле умерщвляет душу вечною смертию; она оживляется словом Божиим, которое... возносит мысли и чувствования ее к небу (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 323).

***

...Всякое пристрастие к чему-либо, хоть и не грешному, тоже на идолослужебной части находится (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 125).

****

«Мне, — рассказывал Арсений, — подарили прекрасный чайный прибор. Я несколько раз приглашал игумена Филарета Глинского посмотреть и обновить подарок.

Наконец, он пришел и говорит: «Ах, хорош, хорош! Он тебе нравится?» — «Очень нравится». Тогда он берет поднос с посудой и бросает на пол, и все разбивается вдребезги. «Ах, батюшка, что вы сделали?» — невольно восклик-

нул я. «То, — отвечал отец Филарет, — чтобы ты не имел пристрастия к вещам».

Арсений стал впоследствии архимандритом, первым настоятелем возобновленной Святогорской пустыни, отличался строгостью жизни, умел и других приводить ко спасению (107, 477).

ПРИЧАЩЕНИЕ

Причащение — дар Божий

<Причащение> — это такой дар, который составляет и соединяет нас с Богом (прп. авва Исаия, 59, 58).

***

...Душа наша — святая невеста Бессмертного Жениха. Совершается же брак, когда Божественные Таины бывают вкушаемы и испиваемы святою душою (прп. Ефрем Сирин, 31, 91—92).

***

Духовен хлеб сей, как и Даятель его; духовных оживотворяет Он духовно (прп. Ефрем Сирин, 34, 166).

***

Это — Чаша, которая содержит в себе все питие; это — Таинство, в котором — Он Сам (прп. Ефрем Сирин, 34, 166).

***

...Предлагаемое здесь (причащение) есть спасительное врачевство для наших ран, богатство неоскудевающее и

доставляющее нам Царство Небесное (свт. Иоанн Златоуст, 45, 463).

***

Когда видишь, что священник преподает тебе Дары, представляй, что не священник делает это, но Христос простирает к тебе руку (свт. Иоанн Златоуст, 50, 521).

***

Приобщением называется причастие Божественных Таин, потому что оно дарует нам единение со Христом и соделывает нас соучастниками Царства Его (прп. Исидор Пелусиот, 60, 142).

***

<Святой Хлеб> — Плоть, Плоть досточестная, достопоклоняемая, животворная, которая оживотворяет людей, омертвевших в грехопадениях (прп. Нил Синайский, 73, 229).

***

Ужасался он <преподобный Филимон> гласа иереева, который возглашает... Святая святым. Ибо в это время, говорил он, вся церковь полна бывает святых Ангелов и Сам Царь Сил, таинственно священнодействовав, и хлеб и вино претворив в Свое Тело и Кровь, через Святое причащение вселяется в сердца наши. Почему, присовокуплял он, надлежит нам лишь непорочно и чисто, и, как бы вне плоти бывая, без всякого сомнения и колебания, дерзать на Святое причастие Пречистых Христовых Таин, чтобы сделаться причастными бывающего от них просвещения (прп. авва Филимон, 91, 375).

***

В Крови Христовой — душа Его. Ясно ощущается при причащении Святых Таин прикосновение души Христовой к душе причащающегося, соединение души Христовой с душою причащающегося (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 121).

Значение причащения

Чаша, которую подал Он <Христос> ученикам, немного содержала в себе пития, но весьма велика ее сила, и она не иссякает (прп. Ефрем Сирин, 34, 166).

***

Единый преломленный Им хлеб не истощается, единая растворенная Им чаша не исчерпывается (прп. Ефрем Сирин, 34, 166).

***

...Христиане пищею для себя имеют оный Небесный Огнь; он для них упокоение, он очищает, и омывает, и освящает сердце их, он приводит их в возрастание; он для них — воздух и жизнь (прп. Макарий Египетский, 67, 107—108).

***

Возлюбивший прекрасное, сам будет прекрасен; потому что благость Пребывающего в нем в себя претворяет приявшего ее. Посему-то всегда Сущий предлагает нам Себя в снедь, чтобы мы, прияв Его в себя, соделались тем же, что Он. Ибо говорит: ***Плоть бо Моя истинно есть брашно, и Кровь Моя истинно есть пиво*** (Ин. 6, 55). Посему

кто любит сию Плоть, тот не бывает другом собственной своей плоти, и кто с любовию расположен к сей Крови, тот соделается чистым от крови чувственной. Ибо Плоть Слова и Кровь, какая в этой Плоти, имеют в себе не один какой-либо благодатный дар, — но сладостны для вкушающих, желательны для вожделевающих, достолюбезны для любящих (свт. Григорий Нисский, 19, 341—342).

***

Вкушать Тело Христово есть истинная сила (авва Евагрий, 89, 602).

***

Кровь Агнца (Христова) спасительная для тебя, если ты приступаешь к ней с верою, если чувства свои и помышления, через которые входит смерть вслед за грехом, помажешь верой, как бы кровью, все равно как Израиль мазал входы кровью. Ведь если страсть не войдет в тебя через главу, слух, обоняние, вкус и осязание, а затем и через рассудок, тогда и смерть не овладевает тобою, но ты, нося в теле умерщвление Христа, будешь иметь и являющуюся в теле твоем жизнь; и смерть, ведущая свое начало от первозданного Адама, пройдет мимо тебя, как погибель первенцев миновала дома евреев (свт. Иоанн Златоуст, 52, 941).

***

Приобщаясь, мы... соединяемся со Христом. Как Тело (Христово) соединено со Христом, так и мы через этот Хлеб соединяемся с Ним... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 237).

***

Эта Трапеза есть сила для души нашей, крепость для сердца, основание упования, надежда, спасение, свет и жизнь. Отошедши туда с этою Жертвою, мы с великим дерзновением вступим в священные обители, как бы огражденные со всех сторон золотым оружием. Но что я говорю о будущем? Это Таинство и здесь делает для тебя землю небом (свт. Иоанн Златоуст, 53, 242).

***

Бог-Слово, священно совершив в Себе Самом наше восстановление, Сам Себя потом принес за нас в жертву через Крест и смерть, и всегда дает жрему быти Пречистому Телу Своему, и каждодневно предлагает его нам в душепитательную обильную трапезу, чтоб, вкушая Его и пия Пречестную Кровь Его, в чувстве души соделовались мы через сие причащение лучшими, нежели каковы есмы, сраствояясь с ними, претворяясь из худшего в лучшее, и едино соделоваясь с сугубым Словом сугубо — и телом и душою разумною, яко с воплощенным Богом, и нам по плоти единосущным: так что мы не свои, но Того есмы, Кто едино сотворил нас с Собою через Бессмертную Трапезу, и тем нас соделал по домостроительству, что есть Сам Он по естеству.

Если, испытаны быв в трудах добродетелей и предочищены слезами, приступая, вкушаем от Хлеба сего и от Чаши сей пием, то сугубое Слово, с двумя естествами нашими в кротости нашей сраствояясь, всецело претворяет нас в Себя Самого, яко воплощенное и нам, по человечеству, единосущное, и всех боготворит, и Себе, яко сообразных с Ним и братий, усвояет, яко Бог и Отцу Единосущ-

ный. Если же приступаем, будучи сраствореныс веществом страстей и осквернены скверною греховною, то Оно, приближаясь к нам, естественным Ему грехоистребительным огнем пожигает, и попаляет нас всех, и жизненность нашу подсекает, не благоволением благости Своей, а отвращением к нечувствию нашему, будучи к тому понуждаемо (прп. Никита Стифат, 93, 141).

***

Обыкновенная пища сынов ветхого Адама, общая им с бессловесными животными, истребляемая пищеварением, и не могущая устранять смерти... недостойна наименования пищи, когда явился Хлеб насущный, Хлеб Небесный, Хлеб, уничтожающий смерть, преподающий Вечную Жизнь (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 244—245).

***

...Нет греха человеческого, которого бы не могла омыть Кровь Господа Бога Спасителя нашего Иисуса Христа (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 466).

***

...Святое причащение с верою всегда спасительно и плодотворно (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 111).

Приготовление ко причащению

Если хочешь причаститься Тела Христова, то блюдись, чтобы не было в сердце твоем гнева или ненависти против кого... (прп. авва Исаия, 59, 205).

***

С каким намерением должно есть Тело и пить Кровь Господню? В воспоминание Господня послушания даже до смерти, чтобы живущие жили уже не для себя, но для Умершего за них и Воскресшего (свт. Василий Великий, 7, 332).

***

Что свойственно тем, которые едят Хлеб и пиют Чашу Господню? — Соблюдать непрестанное памятование об Умершем за нас и Воскресшем... Жить к тому не себе, но Умершему за них и Воскресшему (свт. Василий Великий, 7, 418).

***

...Мужи и жены, богатые и бедные, рабы и свободные, старцы и юноши, со тщанием притекайте к Божественной литургии, принеся Господу от трудов рук своих на благословение дому и всем в доме. И стойте с великим страхом и трепетом, ни с кем не разговаривая, но... проливая слезы, воздыхая, молясь, от всего сердца взывая, прося, чтобы не оказался кто недостойным приятия Божественных Таин... (прп. Ефрем Сирин, 32, 23).

***

Будь простодушно верным; со всею верою причащайся Пречистого Тела Владычнего, в полном убеждении, что истинно вкушаешь Самого Агнца. Таины Христовы — бессмертный огонь. Посему не будь пытлив, чтобы не опалиться тебе в причащении Таин (прп. Ефрем Сирин, 32, 384).

***

...Надобно чистою душою принимать в себя свыше сходящую Пищу, которую не сеяние при помощи земледелия произрастило нам, но которая есть готовый несеяный и неоранный Хлеб, сходящий свыше, обретаемый же на земле (свт. Григорий Нисский, 18, 305).

***

Если прикасающиеся к краю одежды Его <Христа> привлекали на себя чудодейственную силу, то не гораздо ли в большей мере привлекут ее приемлющие в себя всего Христа? Приступить же с верою значит не только принять предложенное <Тело и Кровь>, но прикоснуться к нему с чистым сердцем, с таким расположением, как бы приступали к Самому Христу (свт. Иоанн Златоуст, 50, 520).

***

Повинны мы в нечестии против Господа, когда без достаточной готовности тела приступаем к соединению с Его Телом, которое Он дал нам для того, чтобы мы, соединившись с Ним, могли бы соединиться с Духом Святым (свт. Иоанн Златоуст, 51, 932).

***

Если никто не примет просто царя, — что я говорю: царя? — если к одежде царской никто просто не посмеет прикоснуться нечистыми руками, хотя бы в сокровенном месте, хотя бы наедине, хотя бы никого другого не было, тогда как одежда есть не что иное, как ткань червей, а краска, которой ты удивляешься, есть кровь мертвой рыбы, и, однако, никто не решится взять ее нечистыми руками;

если, говорю, к человеческой одежде никто не посмеет прикоснуться просто, — то как мы дерзнем принимать с неуважением Тело всех Бога, Тело непорочное, чистое, соединенное с Божественным естеством, Которым мы существуем и живем, Которым сокрушены врата смерти и отверсты своды небесные? Нет, умоляю, не будем губить себя бесстыдством, но будем приступать к Нему с трепетом и со всякою чистотою. Когда ты увидишь Его предложенным, то скажи самому себе: через это Тело я уже не земля и пепел, уже не пленник, а свободный; через него я надеюсь достигнуть небес и уготованных там благ — бессмертной жизни, жребия Ангелов, соединения со Христом; смерть не устояла, когда это Тело было пригвождаемо и уязвляемо; солнце сокрыло лучи свои, увидев это Тело распинаемым; раздралась в то время завеса, распались камни, потряслась вся земля; оно — то самое Тело, которое было окровавлено, прободено копием и источило всей вселенной спасительные источники — Кровь и воду <...>

Итак, будем приступать к нему с пламенною любовью, чтобы нам не подвергнуться наказанию, так как, чем более мы облагодетельствованы, тем более будем наказаны, если окажемся недостойными благодеяний (свт. Иоанн Златоуст, 53, 240—242).

***

Если ты приступаешь к Евхаристии (благодарению), то не делай ничего недостойного благодарения, не посрамляй брата, не презирай алчущего, не упивайся, не оскорбляй Церкви. Ты приступаешь, чтобы благодарить за те блага, которые получил: воздавай же отплату и со своей стороны и не отделяйся от ближнего (свт. Иоанн Златоуст, 53, 272).

***

...Не одно и то же поститься прежде <причащения> или после: должно быть воздержным и в то и в другое время, но особенно после принятия Жениха; прежде для того, чтобы сделаться достойным принятия, а после для того, чтобы не оказаться недостойным полученных даров. Неужели же, скажешь, должно поститься после причащения? Я не говорю этого, я не принуждаю; хорошо, разумеется, делать и так, однакоже и не насилую, а лишь увещеваю не предаваться безмерному пресыщению... Или не знаешь, сколько зол происходит от пресыщения? Неуместный смех, непристойные речи, пагубные шутки, бесполезное пустословие и многое другое, о чем и говорить неприлично. Все это делаешь ты после того, как причастился Трапезы Христовой, в тот самый день, в который удостоился прикоснуться языком своим к Плоти Его. Потому, чтобы этого не было, пусть каждый соблюдает в чистоте свою десницу, язык и уста, которые послужили преддверием при вшествии Христа, и, предложив свою чувственную трапезу, обращает мысли свои к той духовной Трапезе, к Вечери Господней, к бдению учеников в ту священную ночь; или, лучше сказать, если тщательно вникнем, то и теперь — та же ночь. Будем же бодрствовать вместе с Владыкой и благоговеть вместе с учениками Его. Непрестанно следует молиться, а не пьянствовать, особенно же в праздник. Праздник не для того, чтобы нам бесчинствовать и умножать грехи свои, но чтобы очистить и те, какие есть у нас. Знаю, что говорю это напрасно, но не перестану говорить. Если вы не все послушаетесь, то не все же и не послушаетесь; а если все не послушаетесь, то мне будет тем большая награда, а вам тем большее осуждение. А чтобы с вами этого не случилось, я не перестану говорить; частым повторением, может быть, и трону вас.

Итак, увещеваю: чтобы причащение не послужило к нашему осуждению, напитаем Христа, напоим, оденем; это достойно такой Трапезы. Ты слышал священные песни, видел брак духовный, насладился Царской Трапезы, исполнился Святаго Духа, приобщился к лику Серафимов, сделался сообщником горних Сил? Не нарушай же такой радости, не теряй сокровища, не предавайся пьянству — этому источнику скорби, утешению диавола, виновнику бесчисленных зол, от которого и сон, подобный смерти, и головокружение, и болезни, и забвение, и смертное изнеможение. Ты, конечно, не решился бы в пьяном виде встретиться даже с другом: как же осмеливаешься, скажи мне, предаваться такому пьянству, имея в себе Христа? Но ты любишь удовольствия? Поэтому-то и перестань предаваться пьянству. И я желаю тебе удовольствия, но удовольствия истинного, никогда не увядающего. Какое же это удовольствие истинное и всегда цветущее? Призови к обеду Христа, раздели с Ним свои, или лучше, Его же (блага): вот в чем заключается бесконечное и всегда цветущее удовольствие! А удовольствия чувственные не таковы; они как скоро являются, тотчас же исчезают, и наслаждающийся ими находится нисколько не в лучшем, а даже в худшем состоянии, нежели не наслаждающийся. Этот находится как бы в пристани, а тот как бы увлекается потоком и осаждается болезнями, не имея возможности преодолеть такую бурю. Потому, чтобы не случилось этого, будем соблюдать умеренность; тогда сохраним и тело здоровым, и душу спокойною, освободимся от настоящих и будущих зол, от которых избавившись и да сподобимся все мы Царствия Небесного, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 275—276).

***

Если мы не приступаем к чувственной трапезе, страдая горячкою и приливом дурных соков, чтобы не подвергнуться смерти, то тем более нам не должно касаться этой Трапезы <Крови и Тела Христова> с порочными пожеланиями, которые хуже горячки (свт. Иоанн Златоуст, 53, 277).

***

Ты и царя не осмелишься облобызать, когда изо рта у тебя дурной запах: как же ты с зловонною душою дерзаешь лобызать Царя Небесного? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 29).

***

Когда ты приступаешь даже к чувственной пище, ты моешь свои руки, полощешь рот; а намереваясь приступить к духовной пище, ты не обмываешь своей души, но приходишь, будучи исполнен нечистоты? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 657).

***

...Как без внимания приступать к той таинственной Трапезе — опасно, так вовсе не приобщаться — голод и смерть. Эта Трапеза есть двигатель нашей души, сила, связующая наш разум, основание дерзновения, надежда, спасение, свет, жизнь. Уходя туда <по ту сторону> с этой Жертвой, мы с великим дерзновением достигнем священных врат, точно огражденные со всех сторон золотым оружием. Да что я говорю о будущем? Здесь это Таинство делает для тебя землю небом. Раскрой же врата неба и взгляни на них — на врата даже не неба, но неба небес, — и тогда ты увидишь то, о чем было говорено. То, что там

ценнее всего, это я покажу тебе лежащим на земле. Как в Царских Чертогах всего ценнее не стены, не золотая крыша, но тело царя, восседающее на троне, — так и на небесах всего дороже Тело Царя. Но ты можешь видеть его и на земле. Я покажу тебе не Ангелов, не Архангелов, не небо и небеса небес, но Самого Владыку их. Видишь ли, как ценнейшее из всего открыто для тебя на земле? И ты не только видишь, но и касаешься, и не только касаешься, но и вкушаешь и, взявши, уходишь домой? Очисти же душу, приготовь ум к восприятию этих Таинств (свт. Иоанн Златоуст, 55, 801).

***

...<Мы> должны считать себя недостойными причащения Святого Тела Христова, во-первых, потому, что величие этой Небесной Манны таково, что никто, обложенный этою бренною плотию, не принимает эту Святую Пищу по своей заслуге, а по незаслуженной милости Господней; потом, потому, что никто в брани с этим миром не может быть так осмотрителен, чтобы не уязвляли его хоть редкие или легкие стрелы грехов, ибо невозможно, чтобы человек не согрешил или по неведению, или нерадению, или по легкомыслию, или увлечению, или по рассеянности помыслов, или по нужде какой-либо, или по забвению (прп. авва Феона, 56, 574—575).

***

Молящийся получить насущный хлеб, конечно, не весь приемлет его, как он есть сам в себе хлеб, но как может приять приемлющий. Всем просящим дает Себя Хлеб Животный (см.: Ин. 6, 35), как человеколюбивый, не всем, однакож, поровну; но соделавшим великие дела правды

больше, а тем, кои скудны такими делами, меньше: каждому сколько может приять достоинство (или благонастроение) его ума (прп. Максим Исповедник, 91, 242).

***

Если же... прежде чем покажешь достодолжное покаяние, дерзнешь ты причаститься Тела и Крови Христовых, то демоны, видя, как презрел ты Бога и причастился недостойно, все устремятся на тебя и, схватив тебя немилостиво и бесчеловечно, низринут опять в ров прежнего непотребства. Тогда вместо христианина сделаешься ты христоубийцею и будешь осужден вместе с теми, кои распяли Христа... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 278).

***

...Желаешь ли никогда не причащаться без слез — делай то, что поешь и читаешь сам каждодневно, — и дойдешь до того, что всегда будешь причащаться со слезами (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 272).

***

Для достижения цели, с которою приступаем к сему Божественному Таинству <причащению>, надлежит нам иметь некие особые расположения, совершать особые некие дела и употреблять особые некие меры — прежде причащения, во время причащения и после причащения. Прежде причащения надлежит через Таинство покаяния и исповеди очистить себя от всякой скверны грехов... и исполнить, что на исповеди наложит духовный отец, соединяя с сим твердую решимость от всего сердца, всею душою, всею силою и всем помышлением служить единому

Господу Иисусу Христу и делать одно, Ему благоугодное. Так как Он в сем Таинстве дает нам Тело Свое и Свою Кровь, с душою и Божеством и всею силою воплощенного домостроительства; то, помышляя о том, как ничтожно даемое нами Ему сравнительно с тем, что Он нам дает, положим в сердце, по крайней мере, все для нас возможное всеусердно делать во славу Его, и если б нам пришлось овладеть самым высшим даром, какой когда-либо приносили Ему земные и небесные разумные твари, изъявим готовность принести то без размышления Его Божескому Величию.

Возжелав принять сие Таинство, чтобы силою его победить и поразить врагов своих и Господних, с вечера еще, или даже раньше того, начинай помышлять, как сильно Спаситель наш, Сын Божий и Бог желает, чтобы ты с приятием сего Таинства дал Ему место в сердце своем, дабы, соединясь с тобою, помочь тебе изгнать оттуда все страсти твои и победить всех врагов твоих.

Сие желание Господа нашего столь велико и пламенно, что сего никакой тварный ум не может вместить в совершенстве. Ты, впрочем, чтобы хоть сколько-нибудь подойти к сему, потрудись поглубже напечатлеть в уме своем следующие два помышления: первое, как неизреченно радостно Всеблагому Богу пребывать в преискреннем общении с нами, как удостоверяет Сама Священная Премудрость, говоря: ***веселяшеся о сынех человеческих*** (Притч. 8, 31); и второе, как сильно ненавидит Бог грех и потому, что он препятствует соединению Его с нами, столь для Него желательному, и потому, что он прямо противоположен Божеским Его совершенствам. Будучи по естеству беспредельно благим и чистым Светом и неизреченною Красотою, не может Он не гнушаться безмерно грехом, который не что иное есть, как крайнее зло, мрак, растление, мерзость и

срамота в душах наших. И сие Божие нетерпение греха столь велико, что с самого начала его все промыслительные о нас Божеские деяния и установления Ветхого и Нового Завета направляемы были к истреблению его и изглаждению следов его, особенно же предивное страдание Спасителя нашего Иисуса Христа, Сына Божия и Бога...

Уразумев из таких помышлений и созерцаний, сколь великое имеет Бог желание внити в сердце твое, чтобы вконец победить там твоих врагов, кои суть и Его враги, ты не можешь не ощущать в себе живого вожделения прият Его, да совершит Он в тебе такое действие и самым делом. Воодушевившись же таким образом полным мужеством и восприяв дерзновение от верного надеяния, что в тебя может прийти небесный Архистратиг твой Иисус, вызывай почасту на брань ту страсть, которая тебя беспокоит и которую желаешь преодолеть, и поражай ее ненавистью, презрением и отвращением, восстановляя в то же время в себе молитвенное желание противоположной ей добродетели с готовностью и на соответственные тому дела, такие именно и такие. Вот что следует делать тебе вечером перед причащением.

Утром же, немного прежде Святого причастия, пройди одним взором ума все увлечения, неправости и прегрешения, содеянные тобой со времени предшествовавшего причащения доселе, помянув при том, с каким бесстрашием и ослеплением все сие делалось, как будто не было у тебя Бога, Судии и Воздаятеля, видевшего то, и чтобы избавить тебя от таковых дел, подъявшего страшные страсти и поносную смерть на Кресте, которые ты попирал, когда, склоняясь на грех, срамные похотения свои ставил выше воли Бога, Спасителя твоего. Стыдом да покроется лицо души твоей при сознании такой неблагодарности и такого

бесстрашия. Однакож не попусти себя потоплену быть от смущения при сем и всякое нечаяние далеко отжени от себя. Се долготерпеливый Господь, преклонясь на милость раскаянием твоим и изъявленною тобой готовностью служить отселе Ему единому, паки грядет к тебе и в тебя, чтобы безмерною бездною благости Своей потопить и поглотить бездну неблагодарности твоей и твоего бесстрашия и маловерия. Приступи же к Нему со смиренным чувством недостоинства, но и с полным благонадежием, любовию и преданностью, уготовляя Ему в сердце своем пространную скинию, да вселится Он весь в тебя. Как и каким образом? Изгнанием из сердца всякого помышления о чем-либо тварном, а не только пристрастия и сочувствия к тому и заключением двери его, да не внидет в него ничто и никто, кроме Господа.

По причащении же Святых Таин войди тотчас в сокровенности сердца своего и, поклонившись там Господу с благоговейным смирением, простри к Нему мысленно такую беседу: «Ты видишь, Всеблагий мой Господи, как легко впадаю я в грехи на пагубу себе, и какую силу имеет надо мной борющая меня страсть, и сколько сам я бессилен освободиться от нее. Помоги мне и усиль бессильные усилия мои или паче Сам восприими оружия мои и ими вместо меня порази вконец сего неистового врага моего».

После сего, наконец, обратясь к Небесному Отцу Господа нашего Иисуса Христа и нашему, вместе с Ним в Таинах сих благоволением Своим в тебя нисшедшего, и к Духу Святому, благодатию Своею тебя возбудившему и приготовившему к принятию Тела и Крови Господних и по принятии их теперь обильно тебя осеняющему, поклонись Богу Сему Единому, в Троице Святой славимому и

нам благодеющему, и, воздав благоговейное Ему благодарение за великую к тебе милость, в сей момент явленную, как дар некий, предложи непреклонное решение, готовность и порывы к борьбе со своим грехом, в чаянии преодолеть его силою Единого Бога Триипостасного. Ибо ведай, что, если не будешь употреблять всех своих усилий к преодолению своей страсти, помощи от Бога не получишь и, если, усиливаясь всеусердно, на одни свои силы надеешься, успеха никакого иметь не будешь. Усиливаться усиливайся всеусердно, но успеха ожидай от одной помощи Божией. Придет, несомненно, помощь и, сделав твои бессильные усилия всесильными, подаст тебе удобную победу над тем, с чем борешься (прп. Никодим Святогорец, 70, 213—217).

***

Вот только чего требует Он <Бог> от тебя: 1) чтобы ты возболел сердцем своим об оскорблении Его; 2) чтобы ты паче всего ненавидел грех — всякий, и большой и малый; 3) чтобы ты всецело всего себя предал Ему и со всем расположением и любовью сердечною одно имел попечение — всегда и во всем, во всяком деле быть в воле Его и в полной покорности Ему единому; 4) чтобы ты имел крепкую в Него веру и твердо уповал, что Он помилует тебя, очистит тебя от всех грехов твоих и охранит от всех врагов твоих, видимых и невидимых (прп. Никодим Святогорец, 70, 223).

***

Попекись затем день от дня все более и более преизбыточествовать верою в силу сего Пресвятого Таинства Евхаристии и не переставай изумляться сему дивному Та-

инству, помышляя, как Бог под видом хлеба и вина являет тебе Себя и существенно бывает в тебе, чтобы содевать тебя наиболее святым, преподобным и блаженным. Ибо блаженны... *не видевши и веровавше* (Ин. 20, 29). И не желай, чтобы в сей жизни Бог являл Себя тебе под другим каким видом, кроме сего Таинства. Старайся возгревать в себе теплое желание сего Таинства, и каждодневно преуспевай и в ревностной готовности творить одну волю Божию, и в духовной мудрости ее делать царицей и правительницей всех твоих дел: и душевных, и духовных, и телесных. Всякий раз, как причащаешься, причащаясь сей Жертвы Бескровной, и себя самого приноси в жертву Богу, т. е. изъявляй полную готовность, по любви к Господу, за нас пожершемуся, терпеть всякую напасть, всякую скорбь и всякую напраслину, какие могут встретиться в течение жизни твоей (прп. Никодим Святогорец, 70, 225).

***

Достойное причащение Святых Таин возможно только при постоянно благочестивой жизни, или после решительного раскаяния в жизни греховной и решительного оставления ее, засвидетельствованного и запечатленного принесением покаяния по наставлению Святой Церкви (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 127).

***

Величие Таинства возлагает на нас соответствующие обязанности. Мы должны не только души, но и тела наши представить в *жертву живу, святу, благоугодну Богови* (Рим. 12, 1) (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 132).

***

...Служитель Божий, хотя борется еще со страстями, но уже причащается достойно Тела и Крови Христовых, когда причащается их в сокрушении духа и в полном сознании своего недостоинства (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 133).

***

Если приступаете с верою в Господа, присущего в Таинах, с благоговением и готовностью все силы свои посвятить на служение Ему единому, — то нечего колебаться недостоинством (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 83).

***

Достойным вполне причастником никто почесть себя не может. Все упокоиваются на милости Божией. И вы так делайте (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 83).

***

Чтобы достойно причаститься, надо душу очистить покаянием (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 119).

***

Приступая к Святым Таинам, приступайте в простоте сердца, с полною верою, что Господа приемлете в себя, и с соответственным тому благоговеинством (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 153).

Плоды причащения

...Ты в молитве беседуешь с Всецарем Богом, вкушая Тело Единородного Сына Его и пия Кровь Его; веселись

же в радовании, что удостоился стать храмом Его (прп. Ефрем Сирин, 30, 501).

***

Что делать мне с грехами своими, не знаю; не видит ум мой, чем мне смыть и очистить себя. Если бы вздумал я омыться водами; то малы для меня моря, и реки недостаточны, чтобы очистить меня. Если омою себя Кровию и водою из ребр Сына Божия, то очищусь, и излиются на меня щедроты (прп. Ефрем Сирин, 33, 305).

***

Кто вкушает Хлеба Небесного, тот, без сомнения, делается небесным (прп. Ефрем Сирин, 34, 166).

***

Она <Чаша Крови Господней> не производит пьянства, не производит расслабления; она не расслабляет сил, а возбуждает силы; не ослабляет нерв, но напрягает нервы; она производит бодрость; она служит предметом благоговения для ангелов, предметом ужаса для бесов, предметом почитания для людей, предметом любви для Владыки (свт. Иоанн Златоуст, 45, 485).

***

Чем делаются причащающиеся? Телом Христовым, не многими телами, а одним телом. Как хлеб, составляясь из многих зерен, делается единым, так что хотя в нем есть зерна, но их не видно и различие их неприметно по причине их соединения, так и мы соединяемся друг с другом и со Христом. Мы питаемся не один одним, другой — дру-

гим, но все одним и тем же Телом (свт. Иоанн Златоуст, 53, 237).

***

...Мы делаемся со Христом одна плоть, по причастию, и мы гораздо более, чем дитя (в отношении к родителям) (свт. Иоанн Златоуст, 54, 171).

***

...Пусть язык, приобщившийся Тела Господня, не произносит ничего неприятного (свт. Иоанн Златоуст, 54, 660).

***

...Мы, сподобившиеся этой печати, вкусившие этой Жертвы, участвующие в Бессмертной Трапезе, будем сохранять свое благородство и честь, так как отпадение небезопасно (свт. Иоанн Златоуст, 55, 124).

***

Когда мы, недостойные, сподобимся со страхом и трепетом причаститься Божественных и Пречистых Таин Христа Бога и Царя нашего, тогда наиболее покажем трезвения, хранения ума и строгого внимания, да Огонь сей Божественный, т. е. Тело Господа нашего Иисуса Христа, потребить грехи наши и наши — малые и большие — скверны. Ибо, входя в нас, Он тотчас прогоняет из сердца лукавых духов злобы и отпущает нам прежде бывшие грехи; и ум наш тогда оставляется свободным от беспокойной докучливости лукавых помыслов. Если после сего, стоя у дверей сердца, будем тщательно сохранять ум свой,

то, когда опять будем сподоблять Святых Таин, Божественное Тело более и более будет просвещать ум ваш и делать его блестящим, подобно звезде (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 178—179).

***

Ту самую пренепорочную Плоть, которую принял Он <Господь> от Пречистой Марии Богородицы и в коей от Нее родился, преподает нам в Таинстве, и, вкушая ее, мы имеем внутрь себя, разумеется каждый достойно причащающийся, всего воплощенного Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия и Сына Девы, Пренепорочной Марии, седящего одесную Бога и Отца, по слову Его же Самого: ***ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем*** (Ин. 6, 56). Вселяясь же в нас, Он не познается сущим в нас телесно, яко плод чрева, как был в Пресвятой Деве, но есть бестелесно в нас, и соединяется с существом и естеством нашим неизреченно, и нас обоготворяет, так как мы соделываемся сотелесниками Ему, бывая плоть от Плоти Его и от костей Его (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 396).

***

Страшному подлежит осуждению не только тот, кто недостойно, при нечистоте плоти и духа, причащается Тела и Крови Господа (ибо делается за сие повинным Телу и Крови Господа); но и тот достойно осуждается и наказуется, кто причащается без плода и пользы. По двум причинам осуждается таковый за свое бесплодие: первая та, что он это Таинство, столь спасительное и благотворное, показывает бесплодным и бесполезным в себе самом, не делая ничего доброго (будто в укор ему); вторая та, что причащается неблагодарно, так как после того не являет

никакого благодарения Богу через исполнение заповедей Его. Если Христос Господь не оставил ненаказанными тех, которые праздное произносят слово, не тем ли паче осудит Он того, кто столь великое Таинство являет бесплодным в себе самом? Кто причащается Тела и Крови Христовых в воспоминание Христа Господа, что Он умер и воскрес нашего ради спасения, тому надлежит не только быть чистым от всякой скверны плоти и духа, чтобы не вкушать Тела и не пить Крови Господа во осуждение себе; но должно еще делом показать, что действительно воспоминает Христа Господа, умершего и воскресшего за нас, именно тем, чтобы являть себя мертвым греху, миру и себе, и живым Богови о Христе Иисусе, Господе нашем. Но кто после причащения не приносит добрых плодов, а, напротив, творит грехи и неправды, тому место с неверными, нечестивыми и некрещеными... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 422—423).

***

Если, по Божественному Слову, те, которые вкушают Плоть Господа и пиют Кровь Его, имеют Живот Вечный, а мы, когда причащаемся, не чувствуем, чтобы при сем было в нас что-либо паче того, что бывает от обыкновенной пищи, и не сознаем, что получаем иную жизнь, то очевидно, что мы причащаемся только хлеба, а не Бога. Ибо если Христос есть Бог и человек, то и святая Плоть Его не есть плоть только, но плоть и Бог нераздельно и неслиянно, и поколику Плоть, т. е. поколику она есть под видом хлеба, — видится телесными очами, а по Божеству не видится телесными очами, но видится мысленными очами души, т. е. умом (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 55—56).

***

Кто вкушает Тело Сына Божия и пиет Кровь Его, тот, если не знает чувством и опытом душевным, что в Боге пребывает, а Бог в нем, поистине еще не причащался достойно Пречистых Таин. Ибо как возможно тому, кто соединился с Богом, не знать о том, хотя бы был он и не совсем чувствительного сердца? Также, если вкушающий Тело и пиющий Кровь Христовы имеет Живот Вечный и на суд не идет, но перешел от смерти в живот, то явно, что кто не сознает, что имеет в себе Живот Вечный и перешел от смерти в живот, — так же, как иной знает, что из темного дома перешел в светлый и блестящий, — таковый не познал еще Таинства домостроительства Божия и не вкусил Жизни Вечной (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 450—451).

***

...Солнце всецело изображается в каждой смиренной, но чистой капле росы: так и Христос в каждой христианской православной церкви всецело присутствует и предлагается на Священной Трапезе. Он сообщает свет и жизнь причастникам своим, которые, приобщившись Божественному Свету и Животу, сами делаются светом и жизнью... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 360).

***

<По принятии Святых Таин Христовых> поймите славу вашу, вникните в настоящее достоинство ваше: каждый из вас — сосуд Божественного Таинства; каждый из вас — храм, в котором Сын Божий с предвечным Отцом Своим и поклоняемым Духом таинственно и вместе существенно

обитает. Уже теперь вы не свои: вы Божии. Вы куплены Богом ценою Крови Сына Его (см.: 1 Кор. 6, 19—20) (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 77).

***

...Святое причастие да будет для вас в вечную пищу душе вашей (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 41).

***

Господь любит причащающихся и милостиво снисходит к недостаткам в должном настроении души. Потом само причащение мало-помалу и исправит сии недостатки (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 83).

***

Многие наперед вожделевают получить от Святого причастия то и то, а потом, не видя того, смущаются и даже в вере в силу Таинства колеблются. А вина — не в Таинстве, а в этих излишних догадках. Ничего себе не обещайте, а все предоставьте Господу, прося у Него одной милости — укрепить вас на всякое добро в угодность Ему (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 153—154).

Искушения перед причащением

В час приношения (Бескровной Жертвы) сопротивляйся помыслам твоим и чувствам твоим, чтобы стоять со страхом Божиим, и достойно причаститься Святых Таин, и через сие получить от Господа исцеление (прп. авва Исаия, 59, 18—19).

***

Относительно Святого причастия... хульные помыслы или неверие... прямо от врага (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 103).

***

Что испытываете нападки и особенно, когда поговеть решаетесь, это вражья уловка. Он силится сам или отклонить от говения, или испортить его. — Но когда сопротивлялись и не уступили... то это знак победы, а не поражения, и не только не мешает приступлению к Таинствам, напротив, служит лучшим украшением сего дела Божия, т. е. причащения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 140).

Как часто нужно причащаться

...Время приобщения определяется не праздником и торжеством, но чистою совестию и безукоризненною жизнию (свт. Иоанн Златоуст, 44, 554).

***

...Одно только время для приступания к Таинам и причащения — когда чиста совесть (свт. Иоанн Златоуст, 53, 277).

***

Кого нам одобрить? Тех ли, которые причащаются однажды, или тех, которые — часто, или тех, которые — редко? Ни тех, ни других, ни третьих, но причащающихся с чистою совестию, с чистым сердцем, с безукоризненною жизнию (свт. Иоанн Златоуст, 55, 153).

***

...Мы не должны устраняться от причащения Господня из-за того, что сознаем себя грешниками; но еще более и более с жаждою надобно поспешать к нему для уврачевания души и очищения духа, однакоже с таким смирением духа и верою, чтобы, считая себя недостойными принятия такой благодати, мы желали больше врачевства для наших ран. А иначе и в год однажды нельзя достойно принимать причащение, как некоторые делают, которые, живя в монастырях, достоинство, освящение и благотворность Небесных Таинств оценивают так, что думают, что принимать их должны только святые, непорочные; а лучше бы думать, что эти Таинства сообщением благодати делают нас чистыми и святыми. Они подлинно больше гордости высказывают, нежели смирения, как им кажется; потому что когда принимают их, то считают себя достойными принятия их. А гораздо правильнее было бы, чтобы мы с тем смирением сердца, по которому веруем и исповедуем, что мы никогда не можем достойно прикасаться Святых Таин, в каждый Господский день принимали их для уврачевания наших недугов, нежели, превознесшись суетным убеждением сердца, верить, что мы после годичного срока бываем достойны принятия их (прп. авва Феона, 56, 605).

***

Причащаться Господа в Таинстве Тела и Крови можно только в определенные времена, кто как может и как усердствует, не более, однакож, одного раза в день. Внутренно же, в духе, причащения Ему можем сподобляться каждый час и каждое мгновение, т. е. пребывать, по благодати Его, в непрестанном общении с Ним и, когда бла-

говолит Он, сердцем ощущать сие общение. Причастившись Тела и Крови Господа, Его Самого, по обетованию Его, приемлем, и Он вселяется в нас со всеми благодатями Своими, давая и сердцу, к тому готовому, ощущать сие. Истинные причастники всегда бывают вслед за причастием в осязательно благодатном состоянии. Сердце вкушает тогда Господа духовно.

Но как мы и телом стеснены, и внешними делами и отношениями окружены, в коих по долгу должны принимать участие, то духовное вкушение Господа... день от дня ослабляется, заслоняется и скрывается. Скрывается ощущение вкушения Господа; но общение с Господом не пресекается, если, к несчастью, не привзойдет какой грех, расстроивающий благодатное состояние. Со сладостью вкушения Господа ничто сравниться не может; почему ревнители, ощутив оскудение ее, спешат восставить его в силе и, когда восставят, чувствуют, что как бы снова вкушают Господа. Это и есть причащение Господа духовное.

Оно имеет таким образом место между одним и другим причащением Его в Таинах Святых. Но оно может быть и непрерывно в том, кто всегда блюдет сердце свое чистым и непрерывным имеет внимание свое и чувство к Господу. При всем том, однакож, оно есть дар благодати, даемой труженикам на пути Господнем, усердным и к себе безжалостным.

Но и то, когда кто по временам вкушает Господа в духе, есть дар благодати. От нас только жаждание сего дара, и алкание, и усердное взыскание. Есть, впрочем, дела, открывающие ему путь и споспешествующие принятию его, хотя он всегда приходит как бы невзначай. Дела сии суть чистая с детским воплем из сердца молитва и особые акты самоотвержения в ряду добродетелей. Когда

нет на душе греха, когда нетерпимы бывают мысли и чувства греховные, т. е. когда она чиста и к Богу вопиет, то что может воспрепятствовать Господу, присущему, дать душе Себя вкусить, а душе ощутить сие вкушение? Так и бывает, если только Господь не видит, что для блага души нужно несколько продлить алчбу Его и жажду неудовлетворенною. Между актами самоотвержения паче всего сильно в сем отношении смиренное послушание и повержение себя под ноги всех, обнажение себя от стяжаний, благодушное перенесение напраслин, все в духе полного предания себя в волю Божию. Такие деяния наипаче уподобляют действующего Господу, и Господь присущий дает Себя вкусить душе его. И всех заповедей Божиих усердное и чистое исполнение имеет плодом своим вселение Господа в сердце, с Отцом и Святым Духом (см.: Ин. 14, 23).

Духовное Господа причащение не должно смешивать с мысленным воспоминанием о причащении Его в Таинствах Тела и Крови, хотя бы это сопровождалось сильными какими ощущениями духовными и жаждущими порывами к действительному причастию Его в Таинах Святых. Не должно также смешивать и того, что дается присущим в храме при совершении Таинства Евхаристии. Они сподобляются освящения Божия и Божия благоволения, как участвующие в принесении Бескровной Жертвы верою, сокрушением и готовностью жертвовать собою во славу Божию, и по мере сих расположений; но это не то, что причастие, хотя оно тут же может совершиться (прп. Никодим Святогорец, 70, 226—228).

***

Если найдете возможным почаще причащаться, не будет худо (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 78).

***

Говеть можно непрестанно и причащаться почасту, как дух потребует (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 93).

***

Почаще причащаться хорошо. Но исполнение этого подлежит рассмотрению. И рассматривайте всякий раз, удобно ли и пригодно ли? (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 216).

Недостойное причащение

Приступающий к приобщению без разумения намерения, для которого дается причащение Тела и Крови Христовых, не получает от сего пользы; а причащающийся недостойно — осуждается (свт. Василий Великий, 7, 331).

***

...Кто с недостойною душою приступает к Божественным Таинам, тот сам себя осуждает, не очистив себя к принятию Царя в Брачный Чертог свой (прп. Ефрем Сирин, 31, 91).

***

Уста, вкушавшие Плоть Твою, да не рыдают вместе с устами, заплевавшими Тебя в лице (прп. Ефрем Сирин, 33, 392).

***

Ту руку, которая принимала часть Святого Тела Твоего, не ввергай в огонь вместе с рукой, которая Тебя, Твор-

ца своего, ударила по ланите (прп. Ефрем Сирин, 33, 392).

***

Кто приемлет Его <Тело и Кровь> только телесно, тот приемлет безрассудно и без пользы (прп. Ефрем Сирин, 34, 166).

***

...На тех, которые недостойно причащаются Божественных Таин, особенно нападает и постоянно входит диавол, как и тогда в Иуду (свт. Иоанн Златоуст, 45, 423).

***

Христос дал нам в пищу святую Плоть Свою, Самого Себя предложил в жертву: какое же будем иметь оправдание, когда, принимая такую пищу, так грешим? Вкушая Агнца, делаемся волками! Снедая Овча, бываем хищны, как львы! (свт. Иоанн Златоуст, 50, 521).

***

...Не столько опасно приступать к этому Таинству бесноватым, сколько тем, которые, как говорит <апостол> Павел, *попирают Христа, Кровь Завета не почитают за святыню, и ругаются над благодатию Духа* (ср.: Евр. 10, 29). Приступающий во грехах хуже бесноватого. Последний не наказывается, потому что он беснуется; а приступающий недостойно предается вечному мучению (свт. Иоанн Златоуст, 50, 828).

***

Если бы тебе поручено было держать на руках царского сына во всем великолепии порфиры и диадемы, то ты, без сомнения, отверг бы все прочее земное. А теперь ты принимаешь не сына царя человеческого, а Самого Единородного Сына Божия, и как не трепещешь, скажи мне, как не оставляешь пристрастия ко всему житейскому и вместо того, чтобы восхищаться одною этою драгоценностью, склоняешься к земле, предаешься страсти к деньгам и любви к золоту? Можешь ли иметь какое-нибудь извинение, какое-нибудь оправдание? (свт. Иоанн Златоуст, 53, 242—243).

***

Когда тебе случится съесть за обедом что-нибудь приятное, ты остерегаешься, чтобы другим дурным кушаньем не испортить прежнего; а приняв Духа <в Евхаристии>, предаешься сатанинским удовольствиям (свт. Иоанн Златоуст, 53, 274).

***

...Так как священники не знают всех грешников и людей, недостойно причащающихся Святым Таинам, то Бог часто делает это <наказывает этих людей, как Иуду> и предает их сатане. Когда случаются болезни, когда наветы, когда скорби и несчастья, когда постигают тому подобные (бедствия), — то это происходит от этой причины (свт. Иоанн Златоуст, 54, 656).

***

Не в том состоит дерзость, что часто приступают, но в том, что (приступают) недостойно, хотя бы даже кто-либо

один раз во всю жизнь сделал это (свт. Иоанн Златоуст, 54, 656).

***

Ты сподобляешься Трапезы духовной, Трапезы Царской и потом опять оскверняешь уста нечистотою? Ты намащаешься миром и потом опять наполняешься зловонием? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 154).

***

...Скорее душу свою положу, чем дозволю причаститься Крови Владычней недостойно, и скорее пролью собственную свою кровь, чем допущу до причастия столь страшной Крови недостодолжным образом (свт. Иоанн Златоуст, 55, 547).

***

...Духовные немощи и смерти происходят от такого <недостойного> причащения. Ибо многие, которые недостойно причащаются, становятся немощны верою, слабы духом, т. е. подвергаются недугам страстей, засыпают сном греха, от этого смертного усыпления никак не пробуждаются для спасительной заботливости (прп. авва Феона, 56, 570).

***

...Если бы мы считали себя недостойными принятия Таинств, всякий раз, как подвергаемся ране греховной, то прилагали бы старание, чтобы, исправившись через покаяние, мы могли достойно приступить к ним, и не наказывались от Господа, как недостойные, жестокими бичами немощей для того, чтобы, хоть таким образом сокрушаясь,

мы прибегли к уврачеванию наших ран, чтобы иначе, быв признаны недостойными краткого вразумления в этом веке, не были осуждены в будущем вместе с грешниками этого мира (прп. авва Феона, 56, 570).

***

Падающие и не осмеливающиеся приступать к Священным Таинам благосознательны и скоро могут достигнуть того, чтобы не грешить. А согрешающие и осмеливающиеся нечистыми руками касаться Пречистых Таин... достойны тьмочисленных наказаний. Ибо, по неложному слову <апостола> Павла, делают они себя *повинными Телу и Крови Господни* (ср.: 1 Кор. 11, 27). Почему к первым не с такою силою приступает диавол, зная, что, хотя они и падают, но, сознавая сие, хранят уважение к Божественному, а на последних, которые грешат и не сознают того или хотя и сознают, но пренебрегают тем и осмеливаются касаться Священных Таин, диавол, справедливо почитая сие признаком совершенного бесчувствия и развращения, нападает всеми силами. Так поступил он и с предателем. Ибо вошел в него не потому, что пренебрег, как думаешь ты, Владычнюю Кровь, но потому, что из лукавства Иуды заключил о неисцелимой уже болезни его. Поелику Иуда замышляет предать, но не отказывается от приобщения, то диавол увлекает его. А если бы он увидел его сохраняющим благоговение к Божественному Таинству и отрекшимся, то, может быть, миновал бы его, как еще трезвенного. Но поелику увидел, что он отуманен любостяжательностью, что нет уже в нем правого помысла, но выходит он из себя от ненасытного упоения, а сверх того, осмелился прикоснуться, к чему в таком состоянии и касаться не

надлежало, то, познав его бесчувствие, всецело вошел в него (прп. Исидор Пелусиот, 61, 359—361).

***

Хлеб сей для тех, которые не возвысились над чувственным, является простым хлебом, хотя таинственно он есть свет невместимый и неприступный, — равно как и вино таинственно есть свет, жизнь, огнь, вода живая. Итак, когда вкушаешь ты Божественный Хлеб сей и пьешь сие Вино радования, а между тем не ощущаешь, что зажил жизнью бессмертною, восприняв в себя силу светоносную и огненную, как пророк Исаия приял в уста угль горящий, и что испил Кровь Господню, как воду живую... если, говорю, не ощущаешь в себе, что приял нечто из того, о чем я сказал теперь; то как думаешь, что приобщился Жизни Вечной, приступил к неприступному Свету Божества, причастен стал света непрестающего? Нет, брате мой, нет; ничего такого не совершилось с тобою, так как ты не чувствуешь в себе ничего из сказанного. Но Свет оный светит на тебя, а ты слеп и не освещаешься; и Огнь оный испускает на тебя теплоту, а ты остаешься хладным; и Жизнь оная вошла в тебя, а ты не чувствуешь и пребываешь мертвым; и вода живая протекла по душе твоей, как желобу, но не осталась в тебе, потому что не нашла в тебе достойного себе вместилища, чтобы вселиться внутрь тебя. Посему если ты сим образом причащаешься Пречистых Таин без того, чтобы ощущать какую-либо благодать в душе своей, то причащаешься только по видимости, а в себя самого ничего не принимаешь. Ибо которые достойно приступают к сим Таинствам и достодолжно приготовляются к принятию в них Сына Божия — сего Хлеба Животного, сходящего с неба, к тем Он прикасает-

ся ощутительно и с теми соединяется несмесно, давая осязательно испытывать Свое благодатное присутствие (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 342—343).

***

Горе <недостойно> причащающемуся, потому что, причащаясь после срамных дел, не очищенных покаянием и епитимиями, он все больше и больше подпадает власти диавола, а наконец, и совсем им завладевается; и Бог совершенно оставляет такого за его срамность и нечистоту, и особенно за его бесстыдство и дерзость, как пишет Святое Евангелие об Иуде, что, как только причастился он поданного ему Христом Господом хлеба сей Божественной Вечери, тотчас *по хлебе тогда вниде в онь сатана* (Ин. 13, 27). Горе священнику, причащающему его, что удостоивает причастия недостойного и преподает Пречистое Тело и Честную Кровь Христа Спасителя тому, кто недостоин даже преступать порога храма Божия, с кем запрещено вместе вкушать и простую пищу всякому христианину... Преподающий такому Таины праведно подлежит осуждению и за то, что через это он человека, грешащего по уклонению от правого помысла и по легкомысленной небрежности, делает совершенным врагом Богу. Священник или духовный отец не должен преподавать такому Таины, но должен подвигнуть его на покаяние словами кроткими и умилительными, помянув ему о тех страшных муках адских, которые непременно имеют испытать грешники; должен вразумить его и поруководить, как слепого, и попечалиться о нем, как бы о вышедшем из ума и страждущем от искушения и насилия диавольского, и помолиться Господу, да отверзет слух души его и поможет ему хоть немного прийти в чувство и познать нечестие свое, и опять через покаяние возвратиться в среду верных, потому что

такой есть неверный нечестивец (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 280—281).

***

Следовало бы им <некоторым христианам> послушаться того, кто возбраняет им недостойное причастие, и благодарить его, потому что он избавляет их от величайшей беды, больше которой нет и никогда не было, так как недостойно причащающиеся повинны бывают Крови Христа Господа, т. е. будут осуждены вместе с Иудою и распинателями Господа. А что может быть хуже и тягчее, как подпасть такому же осуждению, какому подпадут распеншие Господа? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 282).

***

...Как невозможно огню и воде вместе находиться в одном и том же сосуде, так невозможно вместе находиться в одном и том же христианине и Пречистому Телу Христову, и мерзости греха (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 283).

***

Если любящий грех и недостойно причащающийся Пречистых Таин Тела и Крови Спасителя не подвергается тотчас вразумительным мучениям, то всячески не избежит вечных мучений там, где червь неусыпающий и огонь неугасающий. Итак, если таковый не боится вечного жжения и нестерпимых мук вместе с диаволом во веки веков, то пусть бесстрашно причащается. Если же боится, то лучше для него, воздержавшись некоторое время от причащения Пречистых Таин, покаяться, поплакать перед Богом, потрудиться по силе своей над изменением произволения

своего и пресечь злой навык свой греховный, и тогда уже причаститься без опасности для души своей; и ижденется из него сатана, который, живя в нем, насильственно подвигал его на распутство и всякую нечистоту (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 283).

***

Подобает нам знать, что есть пять классов людей, которым воспрещается от святых отцев приступать ко Святому причастию: первый — оглашенные, как еще некрещенные; второй — крещеные, но возлюбившие срамные и неправедные дела, как отступники от святой жизни, для коей крещены, как то: блудники, убийцы, лихоимцы, хищники, обидчики, гордецы, завистники, злопамятливые, которые все, будучи таковыми, не чувствуют, что суть враги Богу и находятся в бедственном положении, почему не сокрушаются, не плачут о грехах своих и не каются; третий — бесноватые, если они хулят и поносят Божественное Таинство сие; четвертый — те, которые пришли в чувство и раскаялись, прекратили греховные дела свои и исповедались, но несут наложенную на них епитимию стоять вне церкви определенное время; и пятый — те, у которых еще не созрел плод покаяния, т. е. которые не дошли еще до решимости посвятить Богу всю жизнь свою и жить прочее во Христе жизнью чистою и безукоризненною. Эти пять классов, очевидно, недостойны Святого причастия. Достоин же причаститься Пречистых Таин тот, кто чист и непричастен грехов, о коих мы сказали. Но когда кто-либо из таких достойных осквернится каким-либо осквернением, как человек, тогда, конечно, и он недостойно причастится, если не отмоет покаянием того, чем осквернился. Таким образом, и тот есть ядый и пияй недостойне, кто, будучи достоин, не приступил достойно

ко Святым Таинам... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 284—285).

***

Те, которые причащаются Божественных Таин недостойно, пусть не думают, что через них, так просто, соединяются с Богом; потому что этого не бывает с ними и быть не может никогда, пока они таковы. Одни те, которые через причащение Божественной Плоти Господней удостоиваются зреть умным оком, осязать умным осязанием, вкусить умными устами невидимое, неосязаемое и невкусимое Божество, — одни эти ведают, яко благ Господь. Они не чувственный только хлеб вкушают и не чувственное только вино пиют, чувственно, но в то же самое время вкушают и пиют мысленно Бога, двоякими чувствами — души и тела: вкушают Плоть чувственно, Бога же мысленно и соединяются таким образом и телесно, и духовно со Христом, Который двойствен по естествам, яко Бог и человек, и бывают сотелесники с Ним и сообщники славы Его и Божества. Сим-то образом соединяются с Богом причащающиеся достойне — вкушающие от Хлеба и пиющие от Чаши, с ведением и созерцанием силы Таинства и с чувством душевным. А те, которые причащаются недостойне, бывают пусты от благодати Святаго Духа и питают только тело свое, а не души свои (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 341).

***

Кто верует, тот не причащается недостойно Пречистых Таин, но очищает себя от всякой скверны, от чревоугодия, от злопамятства, от дел злых и слов срамных, от смехов бесчинных, от скверных помыслов, от всякой нечистоты и от всякого греховного внутри движения, — и таким об-

разом приемлет Царя славы; напротив, в тех, которые недостойно причащаются Пречистых Таин, стремительно врывается диавол и входит в сердце их, как случилось с Иудою, когда он причастился Вечери Господней... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 440).

***

...Как некогда Иуда-предатель, приняв хлеб от Меня <Христа> недостойно, съел его, как часть обыкновенного хлеба, и потому сатана вошел в него тотчас и бесстыдным предателем Меня — Учителя (своего) соделал, воспользовавшись им, как слугою и рабом, и исполнителем своей воли; так случается в неведении и с теми, которые недостойно, дерзко и самонадеянно прикасаются к Моим Божественным Таинам (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 230).

***

...Неверию <в воздаяние> подвергаются почти все причащающиеся недостойно. Приступая к Христовым Таинам из смрада греховного, повергаясь в смрад греховный после принятия Таин, не видя над собою немедленного наказания, они полагают, что никогда не последует никакого наказания (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 129).

****

Святой Макарий Александрийский рассказывал о бывшем ему страшном видении. Братия приступали к принятию Святых Таин. Лишь только иные простирали ладони для принятия Святых Таин, то эфиопы, опережая священника, клали на руки их уголья, между тем как Тело Христово, преподаваемое священником, возносилось обратно к

алтарю. Напротив, когда более достойные из причастников простирали руки к алтарю, злые духи отступали от них и далеко убегали с великим ужасом. Видел он также, что Ангел Господень предстоял алтарю, участвуя в преподании Святых Таин. И с того времени почила на нем благодать Божия, открывавшая ему, как во время бдений, при чтении псалмов и молитвах, кто-нибудь из братии, по внушению злых духов, предавался помышлениям, и не укрывались от него ни недостатки, ни достоинства братий, приступавших к алтарю (99, 105).

***

Прибыв в Селевкию, близ Антиохии, мы встретились с епископом города аввой Феодором. Он рассказал нам о событии, происшедшем при его предшественнике на епископской кафедре — блаженном Дионисии. Жил там весьма богобоязненный купец. Был он, однако, приверженец ереси Севера. Слуга же его принадлежал к Святой Кафолической и Апостольской Церкви. По обычаю страны, в Святой Четверток он принял Святые Дары. Завернув их в чистое полотно, положил в свой шкаф. После праздника Святой Пасхи купцу понадобилось по торговым делам послать слугу в Константинополь. Тот отправился, но, позабыв про Святые Дары, оставил их в своем шкафу, а ключ вручил хозяину. Однажды хозяин, отомкнув шкаф, нашел полотно с находившимися там Святыми Дарами. Смутившись, он не знал, как ему поступить. Принять их он не решался, не принадлежа к Кафолической Церкви. Так на этот раз он и оставил их в шкафу, рассудив, что его слуга, возвратившись, примет их. Но пришел снова святой день Великого Четверга, а слуга еще не возвратился. Тогда хозяин решился предать огню Святые Дары, чтобы они не остались еще на год. Отворив шкаф, он видит, что все

Святые Частицы произрастили стебли и колос... Страх и трепет объяли его при виде нового и необычайного чуда. Взяв Святые Дары, он, громко вопия: «Господи помилуй!» — со всем домом немедленно поспешил в святой храм к святому епископу Дионисию. Это столь великое и страшное, превосходящее всякий ум и понимание чудо видели не двое, или трое, или немногие, но все собрание... Все благодарили Бога за неизреченное и недомыслимое знамение. Многие, уверовав, присоединились к Святой Кафолической и Апостольской Церкви (102, 75—76).

***

В воскресный день собрался один брат, чтобы, по обыкновению, идти в церковь, но тут пришел ему от диавола помысл: «Куда идешь? В церковь? И зачем? Или затем, чтобы получить хлеба и вина? И скажут тебе, что это Тело и Кровь Господа; не подвергай себя посмеянию». Брат не пошел в церковь. Братия же ожидали его, ибо такой был обычай, чтобы не начинать молитвословия, пока не соберутся все. Тогда пошли к нему, говоря: «Может быть, занемог брат», — и, найдя его в келье, спросили, почему он не идет в церковь. Он же, хотя и стыдясь сказать о причине, все же отвечал: «Простите меня, братия, я встал, по обыкновению, и приготовился идти в церковь, и сказал мне помысл, что это не Тело и Кровь Христовы то, что ты идешь принять, но простой хлеб и вино. Итак, если хотите, чтобы я шел с вами, уврачуйте помысл мой о Святом причащении». «Вставай, пойдем с нами, и мы будем просить Бога о том, чтобы Он открыл тебе Божественную силу, во Святой Церкви присутствующую», — сказали иноки. И много помолившись Богу, чтобы явлена была брату сила Божественных Таинств, начали совершать службу, а его поставили посреди церкви. И до отпус-

та он не переставал слезами орошать свое лицо. После службы спросили его: «Если что открыл тебе Бог, расскажи нам, чтобы и мы получили пользу». Он же с плачем начал говорить им: «Когда был канон псалмопения и прочитано было учение Апостольское и вышел диакон читать Евангелие, я видел, что кровля церкви раскрылась и видно было небо, и каждое слово Евангелия было как огонь и восходило до небес. Когда же было окончено Святое Евангелие и вышли клирики из диаконика, имея Святых Таин Причастие, я видел, что опять отверзлись небеса и сходил огонь и с огнем множество святых Ангелов, и среди них другие два чудных лица, красоты которых нельзя и рассказать. И было сияние их, как молния, и среди двух лиц малый отрок. Святые Ангелы встали вокруг Святой Трапезы, а два лица над нею с отроком посредине. Когда были окончены святые молитвы и приблизились клирики раздробить хлебы причащения, я видел, что два лица взяли нож и закололи младенца и источили кровь его в потир и, рассекши тело его, положили наверху хлебов и сделались хлебы телом. Когда подходили братия к причастию, давалось им Тело, и когда говорили они: аминь, — становилось оно хлебом в руках их. Когда и я подошел, дано мне было Тело, и я не мог вкусить его и услышал голос: «Что не принимаешь?..» А я сказал: «Милостив будь ко мне, Господи! Тела не могу я вкусить». И сказал мне: «Если бы мог человек вкушать тело, тело и обреталось бы, как ты видишь, но поскольку никто не может вкушать мясо, посему учредил Господь хлебы для причастия. Итак, с верою ли примешь то, что держишь в руке твоей?» И я сказал: «Верую, Господи». Тогда тело, которое держал я в руке, стало хлебом, и, возблагодарив Бога, принял я святую просфору. Окончилась служба, и я видел опять младенца, и когда клирики потребили Святые Дары, опять

открылась кровля церкви, и Божественные Силы вознеслись на небеса. Услышав сие, братия вспомнили слова Апостола: *Пасха наша за ны пожрен бысть Христос* (1 Кор. 5, 7). И в умилении пошли в кельи свои, прославляя и хваля Бога, творящего такие великие чудеса (98, 393—395).

***

Поведал авва Арсений Великий о некоем скитянине, который говорил, что в Святом причащении мы приемлем не Тело Христово, но образ Тела Христова в виде хлеба. Об этом услышали два старца. Они пришли к нему и сказали: «Отец! Мы слышали о некоем брате, что он произнес мнение, не согласное с учением правой веры, а именно, что в Святом причащении мы принимаем не Тело Христово, но образ Тела Христова в виде хлеба». Старец отвечал: «Говорил это я». Они начали его убеждать: «Не думай так, отец, но исповедуй по преданию Святой Соборной Апостольской Церкви. Мы веруем, что хлеб есть само Тело Христово, а в Чаше — сама Кровь Христова — отнюдь не образы. Хотя непостижимо, каким образом хлеб может быть Телом, но так как Господь сказал: *Сие есть Тело Мое* (Мф. 26, 26), — то мы веруем, что хлеб есть истинное Тело Христово». Старец на это сказал: «Если я не буду удостоверен самым опытом, то пребуду в сомнении». Они предложили ему: «Будем молиться Богу в течение всей следующей недели, чтобы Он объяснил нам Таинство, и веруем, что Бог откроет». Старец с радостью принял предложение. Он молил Бога так: «Господи! Ты знаешь, что я не верю не по злонамеренному упорству. Господи Иисусе Христе, открой мне об этой тайне, чтобы я не пребывал в заблуждении по причине неверия». Также и старцы, придя в свои хижины, молили Бога в

течение всей недели: «Господи Иисусе Христе! Открой об этой тайне старцу, чтобы он не пребывал в неверии и не погубил труда своего». И послушал их Бог.

По прошествии недели они пришли в церковь, сели все трое на одной циновке, и отверзлись им очи. Когда был предложен хлеб на Святой Трапезе, увидели эти три старца младенца вместо хлеба. Иеромонах простер руку, чтобы преломить хлеб, и в это время сошел с неба Ангел Господень с ножом в руке и заклал младенца, а Кровь из него излил в Чашу. Иеромонах преломлял хлеб, а Ангел резал младенца на малые части. Когда приступили к принятию Святых Таин, неверовавшему старцу подано было кровавое мясо. Увидев это, старец испугался и возопил: «Господи! Верую, что хлеб есть Тело Твое!» И тотчас мясо в его руке стало Хлебом. Он причастился и прославил Бога. Старцы сказали ему: «Бог вещает, что люди не могут употреблять сырого мяса, а потому Он прикрыл Свое Тело видом хлеба, а Кровь видом вина», — и возблагодарили Бога, не попустившего подвигу этого старца сделаться тщетным (106, 52—53).

***

Однажды, когда преподобный Сергий совершал Божественную литургию, его ученик Симон видел, как небесный огонь сошел на Святые Таины в минуту их освящения и как этот огонь двигался по Святому престолу. Озаряя весь алтарь, он как бы вился около Святой Трапезы, окружая священнодействующего преподобного Сергия. А когда тот захотел причаститься Святых Таин, Божественный огонь свился «как бы некая чудная пелена» и вошел внутрь Святого Потира. Таким образом, угодник Божий причастился этого огня «неопально, как древле ку-

пина, неопально горевшая...». Ужаснулся Симон от такого видения и в трепете безмолвствовал, но не укрылось от преподобного Сергия, что ученик его сподобился видения. Причастившись Святых Таин Христовых, он отошел от Святого престола и спросил Симона: «Чего так устрашился дух твой, чадо мое?» «Я видел благодать Святаго Духа, действующего с тобой, отче», — отвечал тот. «Смотри же, никому не говори о том, что ты видел, пока Господь не призовет меня из этой жизни», — заповедал ему преподобный Сергий (115, 8—9).

***

Дмитрий Александрович Шепелев рассказал о себе настоятелю Сергиевой пустыни архимандриту Игнатию следующее. Он воспитывался в Пажеском корпусе. Однажды в Великий пост, когда воспитанники говели и уже приступали к Святым Таинам, юноша Шепелев выразил шедшему возле него товарищу свое решительное неверие в то, что в Чаше — Тело и Кровь Христовы. Когда ему преподаны были Святые Таины, он ощутил во рту вкус мяса. Ужас объял молодого человека: он был вне себя, не находил сил проглотить Частицу. Священник заметил происшедшую с ним перемену и приказал ему войти в алтарь. Там, держа во рту Частицу и исповедуя свое согрешение, Шепелев пришел в себя и проглотил преподанные ему Святые Дары (107, 481).

ПРОИЗВОЛЕНИЕ

Произволение, будучи свободно, есть как бы земледелатель какой, прививающий к природе нашей и худые, и добрые навыки, какие ему угодно. Худые навыки приви-

вает <произволение> следующим образом: голодом — чревоугодие, жаждою — многопитие, сном — изнеженность, воззрением — худую мысль, истиною — ложь... Благие добродетели <произволение> прививает следующим образом: пищею — воздержание, жаждою — терпение, сном — неусыпность, ложью — истину, воззрением — целомудрие. Произволение наше... как земледелатель, во мгновение ока искореняет худые навыки, прививает же доброе, преодолевая природу (прп. Ефрем Сирин, 30, 88—89).

***

Что принято землею, на том земледелец ищет плода: и что одобрило произволение, в том Бог требует отчета (прп. Ефрем Сирин, 30, 263).

***

...Соизволение ценится как самое дело, потому что основа делу полагается произволением (прп. Ефрем Сирин, 30, 265).

***

...Если произволение одолевается естеством, то <Бог> взыскивает за ненасытность и за нарушение устава Божия (прп. Ефрем Сирин, 30, 265).

***

Бог требует от нас только совершенной решимости, и Сам подает нам силы и дарует победу... (прп. Ефрем Сирин, 31, 123).

***

Намерение есть уже дело; потому что в нем, как все производящем, водружено основание нашей свободы (прп. Ефрем Сирин, 31, 461).

***

Подлинно, не красота причина блудодеяния и не безобразие причина целомудрия... Не природа тела, а произволение души бывает причиной того и другого (свт. Иоанн Златоуст, 46, 235).

***

...Всегда намерение, когда оно исходит из добродетели, получает полный венец (свт. Иоанн Златоуст, 46, 541).

***

...Так как все, после вышней благодати, зависит от нашего произволения, поэтому и согрешающим уготованы наказания, и живущим добродетельно воздаяния и награды (свт. Иоанн Златоуст, 47, 202).

***

Прекрасно богатство для того, кто делает из него доброе употребление и хорошо им распоряжается. Прекрасна бедность для того, кто умеет переносить ее великодушно. Прекрасна и слава для того, кто пользуется ею для покровительства угнетенных. Прекрасно и бесславие для того, кто решился быть любомудрым. Прекрасно и начальство для того, кто начальствует по справедливости и прав начальнических не употребляет к обиде низших. Прекрасна и сила для того, кто расточает ее на защиту слабейших.

Посему будем винить не самые вещи, которые могут быть орудиями и добродетели, и порока, но собственное свое произволение, которое, по преизбытку нерадения, предает поруганию и красоту оружий (прп. Исидор Пелусиот, 61, 212—213).

***

В устремлениях произволений вся сила. Горячее произволение в один час может принести Богу более благоугодного Ему, нежели труды долгого времени без него. Произволение вялое и ленивое бездейственно (прп. Зосима, 91, 106).

***

...Желающий, с помощию Божиею, достигнуть... благого устроения не должен говорить, что добродетели велики и он не может достигнуть их, ибо, кто так говорит, тот или не уповает на помощь Божию, или ленится посвятить себя чему-либо доброму. Назовите какую хотите добродетель... и вы увидите, что от нас зависит исполнить ее, если хотим... Не обращай внимания на то, как далеко ты отстоишь от сей добродетели, чтобы не начать ужасаться... Не увлекайся такими размышлениями и не думай, чтобы добродетель превышала твои силы и была неудобоисполнима, но положи только начало с верою в Бога, покажи Ему твое произволение и старание и увидишь помощь, которую Он подаст тебе для совершения добродетели (прп. авва Дорофей, 29, 162—163).

***

...Каждый получает вред или пользу от своего (душевного) устроения, и никто другой не может повредить ему; но если мы и получаем вред, то вред сей происходит... от

устроения души нашей; ибо мы можем от всякого дела... получить и пользу, и вред. И скажу вам пример, дабы вы узнали, что это действительно так. Положим, что кому-нибудь случилось стоять ночью на некотором месте, — не говорю, чтобы то был монах, но кто-нибудь из городских жителей. И (вот) мимо него идут три человека. Один думает о нем, что он ждет кого-нибудь, дабы пойти и соделать блуд; другой думает, что он вор; а третий думает, что он позвал из ближнего дома некоего друга своего и дожидается, чтобы вместе с ним пойти куда-нибудь в церковь помолиться. Вот трое видели одного и того же человека, на одном и том же месте, однако не составили о нем сии трое одного и того же помысла; но один подумал одно, другой другое, третий еще иное, и очевидно, что каждый сообразно с своим устроением (прп. авва Дорофей, 29, 178—179).

***

Душа по естеству и сущности своей неизменна; вместе с нею равным образом неизменным создан от Творца Бога и ум. Они водятся произволением и по своей воле упражняются или в добродетелях, или в пороках, и за то наследуют на всю вечность или свет, или тьму. По своей воле... и по своему произволению прилепляются они или к добру и бывают добрыми, или ко злу и бывают злыми (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 350).

ПРОМЫСЛ

...Без Него <Бога> никто не может делать доброго, ни зла невольно терпеть, если не попустит Бог, для наказания согрешающего, и для спасения души его (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 28).

***

...Все существующее Бог сотворил к нашей пользе. Ангелы охраняют и научают нас. Демоны искушают, чтобы мы смирялись и прибегали к Богу; через них мы спасаемся и избавляемся от возношения и нерадения, по страху искушений. И опять, сладостное в мире сем: здоровье... благоденствие, крепость (сил), покой, радость, свет, знание, богатство, успех во всем, мирное устроение, наслаждение, честь, власть, изобилие, и все, считаемое хорошим в этой жизни, приводит нас к благодарению и благоразумию в отношении Благодетеля и к тому, чтобы любить Его и делать по силе своей доброе, считая это естественным своим долгом и полагая деланием добра воздать за (полученные) дары, хотя это и невозможно, но (самое делание есть) больший долг. Мнимые же бедствия: болезнь, злополучие... бедность, неудачи во всем, боязнь, лишения, бесчестие, удручение, скудость и все противоположное прежде сказанному приводит нас к терпению, смирению и благой надежде в будущем, и не только сие, но и в нынешнем веке это бывает для нас причиною великих утешений. Итак, Бог все хорошо устроил для нас чудесным образом по неизреченной Своей благости. Желающий познать это, как должно, пусть подвизается о приобретении добродетелей, чтобы все упомянутое принимать с благодарением, и доброе и кажущееся противным, и во всем пребывать без смущения... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 169—171).

***

...(Господь) неразумных устрашает искушениями, чтобы они удалялись от делания греха, и телесными благодеяниями укрепляет, чтобы не отчаивались. Итак, всегда де-

лает это Бог, по беспредельной Своей благости, чтобы спасти всех и избавить от сетей диавола, или даруя нам, или не посылая нам благодеяния, и познавая, и подавая дарования и разумения для того, чтобы каждого сделать благоразумным (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 124—125).

***

То, чем держится мир, есть промышление Божие, и нет ни одного места, которого не касалось бы сие промышление. Промышление же есть самосовершительное Слово Божие, Образователь входящего в состав мира сего вещества, Устроитель и Художник всего бывающего. Никак невозможно веществу принять прекрасное устройство без рассудительной силы Слова, которое есть образ, ум, мудрость и промышление Божие (прп. Антоний Великий, 89, 90—91).

***

В том, что существует, нет ничего беспорядочного, ничего неопределенного, ничего напрасного, ничего случайного. Не говори: злая случайность или недобрый час. Это слова людей невежественных (свт. Василий Великий, 5, 232).

***

...Если домогаешься узнать: для чего жизнь грешника продолжается, а дни пришествия праведнику сокращаются? Для чего неправедный благоденствует, а праведный угнетается? Для чего похищен смертию отрок, прежде нежели пришел в совершенный возраст? От чего войны? Для чего кораблекрушения, землетрясения, засухи, излишество дождя? Для чего сотворено вредное для людей?

Для чего один — раб, другой — свободен? Один богат, другой беден? Даже много разности как между грешащими, так и преуспевающими в добродетели: иная продана содержателю непотребного дома и по неволе живет во грехе; а другая с малолетства досталась доброй госпоже и воспитана в правилах целомудрия: за что же последняя облагодетельствована, а первая осуждена? И какое каждому воздаяние от Судии? Когда все это приходит тебе на мысль, рассуди, что *судьбы Божии бездна* (ср.: Пс. 35, 7) и, будучи заключены в Божественных сокровищах, не для всех удобопостижимы. А верующему дано обетование от Бога: *дам ти сокровища сокровенная, невидимая* (ср.: Ис. 45, 3). Посему, когда удостоимся ведения лицом к лицу, тогда узрим и *в сокровищах* Божиих бездны (свт. Василий Великий, 5, 236).

***

На пребывающих в свойственном себе чине и на исполняющих обязанности природы человеческой Господь призирает свыше, а над теми, которые дошли до крайнего повреждения, надзирает иначе, — снисходя к ним Сам (свт. Василий Великий, 5, 240).

***

...Все встречающееся с тобою принимай за благо, зная, что ничего не бывает без Бога (прп. Ефрем Сирин, 31, 523).

***

Все от Бога — и благое, и скорбное, и недостойное; но одно — по благоволению, другое — по домостроительству,

третье — по попущению. И по благоволению — когда живем добродетельно, ибо угодно Богу, чтобы проводили мы жизнь безгрешную, жили добродетельно и благочестиво. По домостроительству — когда, впадая в ошибки и погрешая, бываем вразумляемы; по попущению же — когда и вразумляемые не обращаемся (прп. Ефрем Сирин, 32, 395).

***

...Подъемлет и носит Он <Господь> мир, как питающая млеком своим матерь с любовию носит плод, порожденный из чрева ее.

Милосердый Отец родил нас и питает Кровию Сына Своего. Так матерь дает сосцы свои детищу своему, чтобы напитать его...

Младенец не умеет обратиться в другую какую-нибудь сторону и в другом где-нибудь месте искать себе пищи, а не у матери своей.

Также и мир от Тебя только, Творец, заимствует поддержание жизни, и никто не может дать ему пищу, кроме Тебя одного.

Не нужно ему и просить, чтобы получить от Тебя поддержание жизни; потому что, и не прося, имеет у себя пищу. Не просьба младенца заставляет матерь дать ему сосцы свои. Она подает ему сосцы свои, хотя младенец и не просит; питает его млеком, хотя не слышит молений его; держит его на персях, хотя и не просил он о сем прежде.

Так Праведный дает просимое нами не ради молитвы нашей, но питает нас по собственным Своим щедротам; потому что сотворил нас (прп. Ефрем Сирин, 33, 331—332).

***

Да не дивятся... непостигающие недомыслимой глубины Божиих распоряжений, по которым все совершается! Да не дивятся предоставляющие мироправление Художнику, Который, конечно, премудрее нас, и творение Свое ведет к чему и как Ему угодно без всякого же сомнения к совершенству и уврачеванию, хотя врачуемые и огорчаются! (свт. Григорий Богослов, 12, 112).

***

...Не будем почитать Бога таким несовершенным художником, каковы мы; не будем находить неустройства в управлении миром, потому единственно, что нам неизвестен образ управления (свт. Григорий Богослов, 13, 37).

***

...Бог Всеведец управляет человеком, изрекая ему повеления не противоречащие, как делает какой-нибудь несведущий ум, и не изменяющиеся, что ставится в вину даже смертным (свт. Григорий Богослов, 15, 246).

***

...У нас Единый Бог правит этою вселенной, как Ему угодно; Сам, по собственным Своим мановениям и законам, премудро приводит все в движение и взаимное сопряжение, хотя, по-видимому, и не все идет благопоспешно. Ибо и в древности, и ныне многим из самых мудрых затруднительными казались примечаемые в здешней жизни несообразности <...>

А если ты не знаешь законов, это не значит, чтобы не знало их и Слово. Ибо, если ты не знаешь живописи, не следует, чтобы не знал ее и живописец. Или, если тебе

неизвестны свойства линий, не следует, чтобы они были так же неизвестны геометру, как и тебе. Иное сам ты постиг, а с иным согласись благоразумно. И то уже признак разума, чтобы покоряться разуму. Ежели все ясно, то скажи: где место вере? Ибо вера есть непытливое согласие (свт. Григорий Богослов, 16, 40—41).

***

Надобно без ропота принимать, куда ни будет повернуто кормило, которым Бог изводит меня из борьбы и жизни, пока не взойду в тихую пристань, если только не напрасно построил Он этот корабль, но для доброго и благоуспешного конца (свт. Григорий Богослов, 16, 44).

***

Отрицание Промысла есть мятеж против Бога. Разве скажешь, что Бог подчинен судьбе и невольно несет на Себе насильственные узы! Так умствователи запутываются в собственных своих учениях (свт. Григорий Богослов, 17, 40).

***

Поелику все устрояется разумом и премудростию, то по всей необходимости должно признать и все, что ни бывает, не чуждым сего разума и присущей в нем премудрости (свт. Григорий Нисский, 18, 164).

***

Почему же мы будем исследовать (действия) Бога, Который так превосходит нас во всем, Который есть Сама Премудрость и никогда не ошибается (свт. Иоанн Златоуст, 44, 185).

***

Мы должны быть убеждены в одном только, что Богом все посылается для нашей пользы, а самого способа не исследовать, и не роптать, и не унывать, когда не знаем его (свт. Иоанн Златоуст, 44, 185).

***

...Бог не только создал тварь, но и сохраняет Свое создание. Укажешь ли ты на Ангелов, или Архангелов, или на высшие Силы, и вообще на все видимое и невидимое — все находится под Его промышлением, и если бы стало вне Его деятельности, то распалось бы, разрушилось бы и погибло бы (свт. Иоанн Златоуст, 44, 614).

***

...Бог не оставляет нашей души ни в постоянном покое, ни в продолжительной скорби, устрояя то и другое по Своей мудрости (свт. Иоанн Златоуст, 45, 62).

***

...<Бог> не попускает нам наслаждаться всегда покоем, чтобы мы не сделались беспечнее; но не попускает также быть и в непрерывной скорби, чтобы мы не упали духом и не пришли в отчаяние (свт. Иоанн Златоуст, 45, 62).

***

...Не будем судить о Промысле Божием только по настоящему, а станем судить и по будущему (свт. Иоанн Златоуст, 45, 466).

***

Не будем приписывать управления миром демонам, не будем думать, что о настоящих делах никто не промышляет, не будем противопоставлять Промыслу Божию тирании какого-то рока и судьбы (свт. Иоанн Златоуст, 45, 798).

***

...Когда увидишь, что порочный человек веселится, когда увидишь, что превозносится, когда увидишь, что одерживает верх над врагами, мстит за себя обидчикам, не терпит никакой потери, что к нему отовсюду притекают богатства, что все почитают и льстят ему, а что ты сам находишься в совершенно противоположном состоянии, что с тобою оскорбительно обходятся, что на тебя клевещут, злоумышляют, то не подумай, что ты — в числе отверженных, но, смотря на <апостола> Павла, испытывавшего твою же участь, воспрянь духом, восстанови помыслы, не упади под действием уныния (свт. Иоанн Златоуст, 45, 799).

***

...Если ты увидишь, что кто-либо живет справедливо, истощается болезнью и взирает на то, что благочестиво, то ублажай его и считай достойным соревнования, хотя бы его окружали бесчисленные цепи и хотя бы беспрестанно он жил в темнице... хотя бы работал в рудниках, хотя бы терпел что-нибудь ужасное в другом роде. Блажен этот человек, хотя бы у него выкалывали глаза, хотя бы жгли его, хотя бы понемногу изнурялось его тело. Если же ты увидишь, что другой, живущий распутно и порочно и совершающий крайние злодеяния, наслаждается большой че-

стью, восходит на самый царский трон, надевает на себя диадему, имеет багряницу и владычествует над всей вселенной, то оплачь такового и по этой причине и называй несчастным. Поистине нет ничего тягостнее так настроенной души, хотя бы ей была подчинена вся вселенная (свт. Иоанн Златоуст, 45, 799—800).

***

Ничто не находится вне зависимости от Господних определений, потому что все следует и служит Божественному повелению (свт. Иоанн Златоуст, 45, 845).

***

...Какое можешь иметь себе извинение, какое снисхождение, предаваясь такому безумию и глупости, когда желаешь постигнуть непостижимое и доискиваешься основания всякого Промышления Божиего? (свт. Иоанн Златоуст, 46, 500).

***

Все промышление <Божие> и даже большую часть его показать было бы нелегко: так оно бесконечно и неизреченно проявляется в малом и великом, в видимом и невидимом (свт. Иоанн Златоуст, 46, 509).

***

Он <Бог> для того и оказывает нам многие благодеяния, прежде нежели мы сделаем что-либо доброе, и удостаивает нас прощения, когда мы согрешим, и наказания

(за грехи) насылает не вдруг, — для того, чтобы всем привлечь нас к Себе — и благодеяниями, и долготерпением (свт. Иоанн Златоуст, 47, 289).

***

...Должно все предоставить Создателю естества нашего и принимать с веселием и великой радостью все, что ни определит Он, и смотреть не на то, чем кажутся нам происшествия, а на то, что угодно Богу. Он, лучше нас зная, что нам полезно, знает и то, как устроить наше спасение (свт. Иоанн Златоуст, 47, 322).

***

...Нередко и через неверных предзнаменуется будущее по устроению Божию... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 429).

***

Если наш разум не может постигнуть их <судеб Божиих>, то тем более будем благоговеть перед Его судьбами и за все прославлять Его (свт. Иоанн Златоуст, 47, 430).

***

...Мы и сами не так (хорошо) знаем, что для нас полезно, как Он <Господь> знает, и не столько сами мы заботимся о себе, сколько Он печется о нашем спасении и все творит и совершает так, чтобы только вести нас к добродетели и исхитить из рук диавола (свт. Иоанн Златоуст, 47, 439).

***

Так всегда Господь творит и устрояет, и каждое событие так направляет, что верно служащие Ему, как светила просиявают, и добродетель их делается известною повсюду (свт. Иоанн Златоуст, 47, 508).

***

...Не должны мы... много испытывать, много рассуждать о том, что бывает от Бога; а за все выражать Ему нашу признательность и удивляться добродетелям праведников (свт. Иоанн Златоуст, 47, 541).

***

...Когда Вышняя Десница являет свое промышление, тогда все делается легким и сносным, и люди жестокие оказываются кротчайшими (свт. Иоанн Златоуст, 47, 670).

***

...Не сомневайся в Промысле Божием, но удивляйся Его попечению, как Он, несмотря на то, что между людьми есть и злые и добрые, всем предоставил вселенную и солнце и подает дожди (свт. Иоанн Златоуст, 48, 32).

***

Как река, разделяясь на множество потоков, орошает страну, по которой протекает, так и промышление Божие окружает нас со всех сторон, обильно изливаясь, стремительно притекая и наполняя все. Оно не только доставляет нам безопасность и непреодолимую помощь, но и духовную радость (свт. Иоанн Златоуст, 48, 210).

***

Если бы Он <Бог> действовал только по правосудию, то все погибло бы; а если бы только по человеколюбию, то многие сделались бы еще более беспечными. Поэтому для спасения людей он разнообразит Свои действия, совершая тем и другим их исправление (свт. Иоанн Златоуст, 48, 306—307).

***

...Бог печется не только о жизни, но и о смерти праведных, и не только о смерти, происходящей по естественному закону, но и о бывающей часто по особой воле Его (свт. Иоанн Златоуст, 48, 351).

***

...Не земля, не вода, не воздух, не солнечный луч и не что-нибудь другое произращает плоды, но все — от Него <Бога> (свт. Иоанн Златоуст, 48, 449).

***

...Солнце есть самая светлая звезда, однако больные глазами не видят света его; так точно и Промысл Божий яснее всякого солнца, но люди с превратными мыслями и закрытым слухом имеют нужду в великом попечении, чтобы раскрылся ум их (свт. Иоанн Златоуст, 48, 526).

***

Как врача мы уважаем не только тогда, когда он питает, но и тогда, когда изнуряет голодом, не только когда выводит на улицу, но и когда заключает дома, не только

когда намащает, но и когда жжет и отсекает, — потому что, хотя эти действия противоположны, но имеют в виду одну цель, — так и Бога должно прославлять за все, и тем более, что там человек, а здесь Бог, и что те действия часто имеют противоположный исход, а дела Божии совершаются с величайшею премудростию и промышлением (свт. Иоанн Златоуст, 48, 548—549).

***

Как мать не смотрит на то, хороши ли ее дети, но исполняет закон природы, — так, и даже более, Бог постоянно печется, никогда не оставляет, всегда действует в одной и той же мере (свт. Иоанн Златоуст, 49, 535).

***

...Никто столько не старается сделать нас совершенными, великими и во всем благопризнательными, как сотворивший нас Бог. Потому-то Он благодетельствует часто и против воли, и еще чаще — без ведома нашего (свт. Иоанн Златоуст, 50, 290).

***

Если же кто скажет: как делает Отец, когда Он в день седьмой почил от всех дел Своих, — тот пусть узнает образ Его делания. Каким же образом Он делает? Промышлением, сохранением всего сотворенного. Когда ты видишь восходящее солнце, бегущую луну, озера, источники, реки, дожди и движение природы — в семенах, в телах наших и в бессловесных животных, — и все прочее, чем держится вселенная, то и познавай в этом непрестающее делание Отца... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 244—245).

***

Он <Бог> ничего не делает без цели и как случится, хотя сам ты и не постигаешь тайны премудрости (свт. Иоанн Златоуст, 52, 703).

***

В том-то главным образом и состоит Промысл, что причины для нас непостижимы. Если бы это не превышало нашего разумения, то, пожалуй, кто-нибудь и в самом деле счел бы человека причиною всего (свт. Иоанн Златоуст, 54, 162).

***

...Нужно убедиться только в том, что все устрояется для нас Богом на пользу, а каким образом — об этом не спрашивать, равно как не беспокоиться и не унывать, если мы не знаем этого. Знать это и невозможно, и неполезно; первое — потому что мы смертны, второе — потому что скоро впадаем в гордость (свт. Иоанн Златоуст, 55, 550).

***

Когда мы увидим расстройство и замешательство в делах, не будем обвинять Бога и думать, что течение настоящей жизни не предусмотрено; истинное расстройство и замешательство не в течении дел, а в находящемся в таком состоянии помысле; и для него не будет никакой пользы от благоустройства в делах, хотя бы он пользовался величайшим благоустройством, пока он не уничтожит расстройства и замешательства, находящихся в нем самом... Око нашего ума, пока будет здраво, хотя бы увидело по видимому и неустройство, будет видеть прекрас-

ный порядок, а если будет повреждено, то, хотя бы ты возвел его на самое небо, и там найдет великое неустройство и замешательство (свт. Иоанн Златоуст, 55, 551).

***

Бог не попускает людям ни оставаться всегда в несчастьях, чтобы они не впадали в отчаяние, ни в покое, чтобы они не делались беспечными, но разнообразно устрояет их спасение, переменяя одно на другое (свт. Иоанн Златоуст, 55, 553).

***

...Нежно любящие отцы ни в каком случае не дозволят себе дать детям нож или горящие уголья, когда те просят их, потому что хорошо знают, что удовлетворение такой просьбы пагубно для них. Так точно и Бог не может дать просящим гибельного в качестве полезного, поскольку знает, что это будет им на погибель (свт. Иоанн Златоуст, 55, 577).

***

Бог, невидимый всей созданной твари, не имеющий количества и величины, всюду присутствующий и над всем надзирающий, все обнимающий, так что нет места вне Его владычества, открывает Себя каждому соответственно: святым Ангелам, как святым, посылая (им) неизреченные повеления, а злому (духу), как злому, давая согласие на испытание людей (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1015).

***

Не испытывай напрасно суда Владыки; люби только устрояемое Его мудростью. То, что даст тебе, принимай с

радостью; во время бедствий, как и при благополучии, являй достойное последнего, полученного прежде (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1039).

***

Мы должны благодарить Бога не только за то, что Он сотворил нас разумными, одарил властью свободного произволения, даровал благодать крещения, сообщил знание закона и помощь, но и за то, что Он доставляет нам ежедневным промышлением Своим, именно освобождает нас от наветов врагов, содействует нам, чтобы мы могли победить плотские пороки, покрывает нас без нашего ведома от опасностей, ограждает от грехопадения, помогает и просвещает нас, чтобы мы самую помощь могли понимать и познавать, тайно вдыхает сердечное сокрушение о нерадении и грехах наших, посещает нас спасительным вразумлением, иногда даже влечет нас к спасению, наконец, самый свободный произвол наш, который склоннее бывает к порокам, направляет к лучшему делу и, посещая Своим наказанием, обращает на путь добродетелей (прп. Иоанн Кассиан, 56, 154).

***

...Мы непоколебимо должны быть уверены, что в мире вовсе ничего не бывает без Бога, но что все происходит или по Его воле, или по Его попущению; именно все доброе совершается по Его воле и с Его содействием; противное же сему бывает только по Его попущению, когда покровительство Божие, оставляя нас за нечистоту и ожесточение сердца, попускает тиранствовать над нами диаволу или бесчестным плотским страстям (прп. авва Пафнутий, 56, 222).

***

...Оскорбления наши не охлаждают Его попечения о нашем спасении; неправды наши не отвлекают Его от главного намерения. Он непрестанно покровительствует нам и так любит создание Свое, что Промысл Его не только сопутствует нам, но еще непрестанно предваряет нас (прп. авва Херемон, 56, 407).

***

Кормилица, прежде нежели дитя станет ходить, носит его на руках, а когда приходит время ходить, учит его ходить, сперва поддерживая за руки, потом приучая ходить одного, впрочем, наблюдая, чтобы не упало; когда же вырастет, то для укрепления сил позволяет бороться со сверстниками или переносить соразмерные силам тяжести. Так и Отец Небесный иных носит на руках, иных оставляет собственному произволу для упражнения сил, впрочем, так, что всегда вспомоществует труждающемуся, слышит призывающего, не оставляет ищущего Его, иногда избавляет от напасти и незнающего (прп. авва Херемон, 56, 416).

***

От Божественного Промысла зависит — оказать помощь пловцам, а дел пусть требует каждый сам от себя. Посему и мы, зная, что Божественною десницею дано естеству стремление к добродетели, привнесем от себя труды. Ибо таким образом достигнут будет счастливый конец (прп. Исидор Пелусиот, 60, 280).

***

Когда действует сила Божия, да не имеет место вопрос: как? Ибо хотя многое и бывало, и бывает выше естества и

последовательности помыслов, однако же нет ничего выше Бога, зиждущего все удобно и сверх ожидания (прп. Исидор Пелусиот, 62, 99).

***

Не все, что кажется нам полезным, приносит непременно пользу. Многие, победив многих, им нимало не повредили и себя привели в худшее положение. Почему и полагал я, что погрешил против истины сказавший: «Блажен тот, у кого лук заботливости, когда ни захочет, выпадает». Если бы он был мудр, надлежало бы ему сказать: «Блажен тот, у кого лук заботливости, где полезно, выпадает». Ибо многие, успев в делах славных и достойных соревнования, сим самым побудили себя на дела злые. Они, высоко думая о делах прежних, смелее приступили к последним. А многие, не имев успеха, к собственной пользе обучились не решаться на дела труднейшие. Посему, так как знать и подавать полезное принадлежит Божественному Промыслу, то у Него будем просить сего, а что дано нам, то возлюбим, хотя бы казалось оно нам и неполезным (прп. Исидор Пелусиот, 62, 182—183).

***

Достоверно знай, что Господь зрит на сердца всех людей: и за тех, которые ненавидят первое появление лукавых помыслов, тотчас заступается, как обещал, и не допускает, чтобы множество многомыслия (их), восставши, осквернило ум и совесть их; а тех, которые не низлагают первые прозябения помыслов верою и надеждою на Бога, но услаждаются ими, оставляет как неверных без помощи быть биемыми последующими помыслами, которых не уда-

ляет, ибо видит, что мы любим первое их приражение, а не ненавидим их при первом появлении (прп. Марк Подвижник, 89, 493).

***

К каким делам благоволит Бог, тем и вся тварь содействует; а от которых Он отвращается, тем и вся тварь противится (прп. Марк Подвижник, 89, 557).

***

...Нет человека, который бы не состоял под Его Промыслом... (прп. Исаак Сирин, 58, 10).

***

...Как доброе некое врачевство для слабых глаз, содержи в уме Промысл Божий, которым охраняется все от начала и доныне... (прп. Исаак Сирин, 58, 40).

***

Промысл никогда не попускает, чтобы живущие в искушениях впадали в руки демонские... (прп. Исаак Сирин, 58, 158).

***

Часто, и не зная сытости, читай в книгах учителей о Промысле Божием: потому что они руководствуют ум к усмотрению порядка в тварях и делах Божиих... (прп. Исаак Сирин, 58, 282).

***

Если веруешь, что Бог промышляет о тебе, к чему тебе беспокоиться и заботиться о временном и о потребном для плоти твоей? (прп. Исаак Сирин, 58, 295).

***

...Если не веруешь, что Бог промышляет <о тебе> и потому, кроме Его, сам заботишься о потребном для тебя, то ты самый жалкий из всех людей (прп. Исаак Сирин, 58, 295).

***

...Мы знаем о Боге, что Он любит и щадит Свое создание, что Он есть источник премудрости и знает, как устроить все касающееся до нас, и что Ему нет ничего невозможного, но все служит воле Его. Мы должны также знать, что все, что Он ни делает, делает для нашей пользы, и должны принимать это... с благодарностью, как от Благодетеля и Благого Владыки, хотя бы то было и скорбное. Ибо все бывает по праведному суду, и Бог, Который столько милостив, не презирает ни малейшей нашей скорби (прп. авва Дорофей, 29, 148).

***

...Мы не знаем (путей) Промысла Божия, и потому должны предоставлять Ему устроять все, касающееся до нас... (прп. авва Дорофей, 29, 205).

***

Промысл Божий делает многое сверх нашего соображения и надежды. И иногда предполагаемое нами на опы-

те бывает иначе; и одним словом: во время искушения нужно иметь долготерпение и молиться, а не желать, как я сказал, и не полагать, что можно человеческими помыслами преодолеть помыслы бесовские (прп. авва Дорофей, 29, 206).

***

Бедственно любопытствовать о глубине судеб Божиих; ибо любопытствующие плывут в корабле гордости (прп. Иоанн Лествичник, 57, 199).

***

Как врачи, тело врачующие, не одно и то же для всех предлагают лекарство, так и Бог, врачуя душевные болезни, не один, для всех пригодный, знает способ врачевания, но каждой душе подавая благопотребное, совершает исцеления. Возблагодарим же Его, будучи врачуемы, хотя бы бывающее с нами и муку имело: ибо конец блажен (прп. Максим Исповедник, 91, 250—251).

***

Божественный, яко воистину, предел и закон промышления в течении событий есть наказывать так, чтобы несчастиями научить благодарности тех, которые в лучшем состоянии оказались неблагодарными, испытание настоящих прискорбностей соделывая путем к признанию Божественной силы, действовавшей в предыдущем благобытии: дабы иначе, если бы Провидением попущено было нам беспрепятственно надмеваться тем, что в нас есть хорошего, совсем не впасть нам в богопротивную гордыню, возмечтав, что стяжание добродетели и ведения достига-

ется собственными нашими естественными силами, а не благодатию (прп. Максим Исповедник, 91, 272—273).

***

...Поелику все другие твари, кроме существ разумных, т. е. Ангелов и людей, не имеют разума, как неразумные, то Бог промышление о них творит просто, без того, чтобы они знали о сем, так как они не имеют разума. И об Ангелах и людях, существах разумных, Он тоже имеет всегда промышление, но так как они суть твари разумные и естественно имеют разум, то Он хочет, чтобы они знали и сами Творца и Промыслителя своего Бога. Для того и созданы они разумными, с естественным разумом, чтобы, познавая Творца своего и Промыслителя, всегда прославляли Его и благодарили, не только за себя самих, но и за все прочие твари. Почему Бог, будучи Царем всех тварей, над одними людьми хочет царствовать по воле их, как и над Ангелами царствует по воле их. И если люди не хотят, чтобы Бог царствовал над ними, то Он не делает им в этом насилия, чтобы не отнять у них через то самовластного произволения; ибо как возможно быть твари разумною, если она не имеет своей воли? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 365).

***

...Лучшим Промыслом относительно нас управляются дела, и часто мало, или даже и совсем не заботясь, мы пребываем с Богом... и нам подобает быть благодарными за этот дар и смиренными пред лицем Даровавшего, а не надмеваться (свт. Григорий Палама, 26, 24).

***

При наружном действии человеков и бесов, которые суть лишь слепые орудия Божественного Промысла, совершается таинственный высший суд — суд Божий (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 176).

***

Вверься в простоте сердца Тому, у Кого и власы главы твоей сочтены: Он знает, какого размера должна быть подана тебе целительная Чаша (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 548).

***

...<Люди> — слепые орудия во всемогущей деснице Промысла... — приводят в исполнение то, что Он повелевает или попускает (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 568).

***

Чтобы увидеть Бога в Промысле Его, нужна чистота ума, сердца и тела. Для стяжания чистоты нужна жизнь по заповеди Евангелия (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 79).

***

Нет слепого случая! Бог управляет миром, и все, совершающееся на небе и в поднебесной, совершается по суду Премудрого и Всемогущего Бога, непостижимого в премудрости и всемогуществе Своем, непостижимого в управлении Своем (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 77).

***

Должно... видеть и созерцать судьбы Божии оком веры, оком духовного разума и, не дозволяя себе бесплодных суждений по началам человеческим, погружаться благоговейно в священное недоумение, в священный духовный мрак, который вместе и чудный свет, которым закрыт Бог от умственных взоров и человеческих, и ангельских (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 81—82).

***

Необходимо благоговеть перед непостижимыми для нас судьбами Божиими во всех попущениях Божиих, как частных, так и общественных, как в гражданских, так и в нравственных и духовных (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 84).

***

Яд греха, ввергнутый падением в каждого человека и находящийся в каждом человеке, действует по Промыслу Божию в спасающихся к существенной и величайшей пользе их (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 145).

***

Течение жизни сокрыто от нас, и случайности ее бывают так непонятны, что нам ничего не остается, как взывать: Буди воля Твоя, Господи! Ибо знаем, что от Господа идет всегда одно добро (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 98—99).

***

Тут все от Господа, от мала до велика, и се есть средство в деле приготовления к будущей жизни. Такой же

смысл болезней и здоровья... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 109).

***

...Все строит Господь, и наилучшим для нас образом (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 115).

****

Рассказывают, что авва Антоний, будучи однажды приведен в недоумение глубиною Божия домостроительства и судов Божиих, помолился и сказал: «Господи! Отчего некоторые из человеков достигают старости и состояния немощи, другие умирают в детском возрасте и живут мало? Отчего одни бедны, другие богаты? Отчего тираны и злодеи благоденствуют и обилуют земными благами, а праведные угнетаются напастями и нищетою?» Долго он так размышлял, и был ему глас: «Антоний! Внимай себе и не подвергай исследованию судьбы Божии; потому что это — душевредно» (106, 38).

***

В пустыне Никополиса жил отшельник, и ему прислуживал благочестивый мирянин. В это же время в городе, утопая в грехах, жил богач. Когда он умер, сошелся весь город вместе с епископом для погребения тела, которому предшествовали возжженные свечи. Свидетелем пышных похорон стал и мирянин. Как обычно, он понес хлебы в пустыню и увидел, что отшельника съел зверь. Он пал ниц перед Господом, говоря: «Не встану с земли до тех пор, пока Бог не покажет мне, что это значит. Один, утопавший во грехах, похоронен с таким великолепием, а другой, служивший Тебе день и ночь, подвергся такой смерти!» И явился ему Ангел от Господа и сказал: «Грешник, о

котором ты говоришь, имел немного добрых дел, принадлежавших веку сему, и получил награду за них здесь, но зато там не обрел никакого упокоения. Отшельник же был украшен всеми добродетелями, но, как человек, имел за собой немного погрешностей и наказание за них понес здесь, чтобы предстать перед Богом чистым». Утешенный этими словами, благочестивый мирянин пошел в свой дом, прославляя Бога за Его судьбы, яко праведны суть (106, 525).

***

Один отшельник просил Бога, чтобы Он дал понять ему пути Своего Промысла, и наложил на себя пост. Однако Бог не открыл ему того, что ему хотелось знать. Инок все-таки не переставал молиться, и, наконец, Господь вразумил его. Когда он отправился к одному, вдалеке живущему от него, старцу, ему явился в образе монаха Ангел и предложил быть спутником. Отшельник был очень рад предложению, и они пошли вместе. На ночлег они остановились у одного благочестивого мужа, и сей принял их с таким почетом, что даже пищу подал на серебряном блюде. Тотчас после трапезы Ангел взял блюдо и бросил в море. Старец удивился, однако ничего не сказал. Пошли далее и на другой день остановились также у благочестивого мужа, и этот также принял их с радостию, и ноги им умыл, и всякое внимание оказал. Но когда отшельник со спутником стали собираться в путь, принявший их привел к ним своего малолетнего сына, чтобы благословили его. Но вместо благословения Ангел, коснувшись отрока, взял душу его. Ни старец от ужаса, ни отец от отчаяния ни слова не могли произнести, и старец выбежал вон, а спутник, не отставая, последовал за ним. На третий день

пути им остановиться негде было, кроме одного полуразрушенного и всеми брошенного дома, и они приютились в нем. Старец сел вкусить пищи, а спутник, к его изумлению, опять начал странное дело. Он стал разрушать дом и, разрушив, начал опять строить его. Видя это, старец не вытерпел: «Да что ты: бес или Ангел? Что ты делаешь?» — с гневом воскликнул он. «Да что ж я делаю?» — возразил тот. «Как что? — продолжал старец, — третьего дня у доброго человека блюдо отнял и бросил в море; вчера отрока лишил жизни, а сегодня для чего разрушил и снова начал строить дом сей?» Тогда Ангел сказал ему: «Не дивись, старче, сему и не соблазняйся о мне, но выслушай, что я скажу тебе. Первый принявший нас муж, действительно, во всем богоугодно поступает, но блюдо, брошенное мною, приобретено им неправдою, а потому я и бросил его, чтобы он не погубил через него награды своей. Второй муж тоже угоден Богу, но если бы вырос малолетний сын его, то был бы страшный злодей, поэтому я и взял душу его за добро отца его, чтобы и он спасся». «Ну, а здесь-то что ты делал?» — спросил старец. Ангел продолжал: «Хозяин дома был человек безнравственный и из-за этого обнищал и скрылся. Дед же его, строив дом, спрятал в стене золото, и некоторые знают о том. Посему-то я и разорил его, чтобы отныне никто не искал здесь золота и через него не погиб». Ангел так заключил речь свою: «Возвратись, старче, в келью свою и не мучайся без ума, ибо так глаголет Дух Святый: *судове Господни — глубина многа, неиспытаема и недоведома человеком* (ср.: Рим. 11, 33); посему ты и не испытывай их — не будет тебе это на пользу». Ангел затем стал невидим, а пораженный старец раскаялся в своем заблуждении и после рассказывал всем с ним происшедшее (112, 200—202).

***

Однажды вышел преподобный Агапий к морю постирать свою одежду. Там его взяли в плен агаряне и продали одному агарянину, у которого святой находился двенадцать лет в оковах и ежедневно работал с усердием. С полной верой и горячими слезами день и ночь молился Агапий Пресвятой Богородице, скорой всем с верой прибегающим к Ней Помощнице, дабы Она, как Сама знает, освободила его от горького плена и тяжкой работы. Вняла, наконец, Всемилостивая молениям раба Своего. В одну ночь, явившись ему во сне, Она велит ему идти без всякого страха к своему старцу. О, чудо! — пробудившись, Агапий видит, что цепи с него спали и двери отверзты. Святой понял, что это сделано чудодействием Богородицы, и, тотчас же без всякого препятствия выйдя из дома агарянина, прибыл на Святую Гору к своему старцу. Тот, однако, увидев его, опечалился, ибо думал, что он тайно убежал от своего господина, и сказал ему: «Чадо! Агарянина ты обманул, но Бога никто и никогда не обманет; в час Всеобщего Суда ты должен будешь отдать ответ за те сребреники, которые истратил твой господин на покупку тебя, чтобы иметь тебя помощником в своих нуждах; поэтому, если ты истинно желаешь себе спасения, иди назад к своему господину и служи ему. Поступив так, ты будешь истинным рабом Божиим и верным Его служителем; когда же Бог просветит господина твоего, то он сам тебя отпустит». Любящий Бога и Богом возлюбленный Агапий, приняв слова своего старца, как от Бога, возвратился к купившему его. Агарянин, неожиданно увидев его, удивился. Как он ушел от него и почему возвратился? — спрашивал его. Святой подробно объяснил ему все дело. Изумился варвар добродетели Агапиева старца и высоте святой христианской веры, а с тем вместе смягчилась от умиления и зачерствелая

душа его. Вскоре, взяв с собою Агапия и двух сыновей своих, пришел он на Святую Гору к Агапиеву старцу и просил у него себе и своим детям крещения. Быв надлежащим образом утверждены в вере Христовой, варвары эти были крещены, а затем приняли на себя и ангельский образ и, богоугодно пожив в добродетельном послушании старцу, а по смерти его — Агапию, отошли в Царствие Небесное радоваться с прочими преподобными отцами во Христе Иисусе... (95, 259—260).

ПРОРОЧЕСТВА

...Он <пророк> говорит не от себя, но что внушила ему благодать Духа, то и произносит своим языком для научения рода человеческого (свт. Иоанн Златоуст, 47, 24).

***

Они <пророки> духовными глазами видели уже то, что имело совершиться спустя много лет; поэтому и говорили обо всем так, как будто бы созерцали то перед глазами (свт. Иоанн Златоуст, 47, 77).

***

...Души пророков, очистившись наперед собственной добродетелью, принимают дар Духа и, проникнувшись этим светом, получают ведение будущего (свт. Иоанн Златоуст, 49, 9).

***

...В древности пророчества изрекаемы были не для того, чтобы иудеи только узнавали будущее, но чтобы,

узнав, получали отсюда пользу, чтобы от страха угроз они делались более благоразумными и от обещания благ — более усердными к исполнению добродетели, познавая из того и другого и силу Божию, и попечение Его о них (свт. Иоанн Златоуст, 49, 84—85).

***

Нам не нужны предсказания, так как Бог дал нам такой образ жизни, что мы можем проводить спокойную жизнь и без предсказания (свт. Иоанн Златоуст, 49, 240).

***

Чтобы кто-либо не сказал, что астрологи могут предсказывать будущее, Пророк говорит: «Они не возвестили тебе ничего иного, кроме тоски, которой подвержены они сами, постоянно наблюдая звезды и будучи бессильны знать что-либо» (см.: Иез. 22, 28) (свт. Иоанн Златоуст, 49, 277).

***

Не ищи ясности в пророчествах, где тени и гадания, подобно тому как в молнии ты не ищешь постоянного света, но довольствуешься тем, что она только блеснет (свт. Иоанн Златоуст, 49, 531).

***

...Пророчеству свойственно говорить не только о будущем, но и о прошедшем, как это особенно встречается у Моисея (свт. Иоанн Златоуст, 49, 611).

***

Пророчество есть по преимуществу дело Божие, которому демоны даже подражать не могут, сколько бы ни усиливались (свт. Иоанн Златоуст, 51, 127).

***

В чудесах еще может быть и некоторое обольщение <демонов>; но предсказывать будущее с точностию свойственно только одному Вечному Существу (свт. Иоанн Златоуст, 51, 127).

***

Божественная и Пречистая Сила, источник премудрости, начало, причина и корень всякого разумения и всякой добродетели, восхотев в древнейшие писания вложить предречения о будущем, совершила дело сие премудро, превыше всякого слова и всякой похвалы. Если когда встречалось нечто такое, что могло вместить в себе образ будущих благ, то в этом иное очертывала только, иное же уясняла красками и черты образа делала светлыми и живыми. Из сего-то произошли две великие выгоды: первая — что изрекаемое и древним не казалось странным, и не смеялись они над этим, потому что из сказанного могли извлекать нечто полезное, а вторая — что потомки постигают непреложность пророчества. При сем поклоняться и удивляться должно Божественной благодати, что такое трудное дело совершила удобно. Поэтому и толкователям, если возможно объяснить все без натяжки, надлежит делать это с усердием, а если сие невозможно, не объяснять, чего не следует, с натяжками, чтобы и в местах, требующих объяснения, не породить подозрения в искажении

смысла, а иудеям, еллинам и еретикам не подать повода ко Христу относить и что-либо уничижительное и низшее Его достоинства; но уничижительное проходить мимо или почитать приличествующим вочеловечению, если может принять соответствующие сему черты, о высоком же соглашаться, что сказано сие относительно к одному достоинству, если же что сказано в рассуждении совершившегося в то самое время, соглашаться, что о сем именно изречено сие, и не делать неприличных натяжек (прп. Исидор Пелусиот, 60, 327—328).

ПРОСЛАВЛЕНИЕ БОГА

...Если кто делает что-нибудь, то должен помнить о Творце предлежащей вещи; т. е. если видишь свет, не забудь о Даровавшем его тебе; если видишь небо и землю, море и все существующее, удивляйся и прославляй Создателя; если надеваешь на себя одежду, познавай, чей она дар, и воспевай Промышляющего о твоей жизни. И просто: всякое движение да будет тебе поводом к славе Божией, и вот — ты непрестанно молишься. От всего этого радуется душа, по слову Апостола (см.: 1 Сол. 5, 16—17), ибо памятование о Боге веселит ее... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 169).

* ***

Возвеличивает же славу тот, кто может показать законы, по которым все создано, по которым все содержится, по которым, после здешнего домостроительства, все приведется на суд. Кто возмог сам созерцать все в подробности, в ясных и неслитных представлениях, и после того, как сам созерцал, может и другим изобразить благость Божию и праведный суд Его, — тот приносит Господу славу и

честь, равно как и тот, кто проводит жизнь, сообразную с таковым созерцанием; потому что свет его светится перед человеками, и Отец Небесный прославляется от него и словом, и делом, и всякого рода доблестями. Но не приносит Господу славы и чести, кто пристрастен к славе человеческой, кто уважает деньги, кто дорого ценит плотские удовольствия, кто дивится учениям, чуждым богочестия: ибо как добрыми делами приносим славу Господу, так худыми делами производим противное (свт. Василий Великий, 5, 200).

***

Посей славословие <Бога>, чтобы пожать тебе венцы, и почести, и похвалы в Царстве Небесном (свт. Василий Великий, 5, 213).

***

...Разумно поспешающий к блаженству возносит Бога; а идущий противоположным путем (невозможно и выразить, в какой степени) унижает Бога (свт. Василий Великий, 5, 216).

***

Чтит и прославляет Бога, кто исполняет волю Его, а бесчестит Бога, кто преступает закон Его (свт. Василий Великий, 5, 421).

***

В какой мере Божие славословие, распространенное спасенными верою, умножается на земле, в такой же пренебесные силы, радуясь нашему спасению, воспевают и славословят Бога (свт. Василий Великий, 6, 172).

***

...Когда Бог прославляется и благословляется людьми, тогда Он, обыкновенно, подает обильнейшее благословение Свое тем, ради которых Сам благословляется (свт. Иоанн Златоуст, 47, 309).

***

Не будем... считать... хвалу делом маловажным, но прежде уст пусть возносит ее жизнь наша, и прежде языка пусть взывает наше поведение. Тогда и молча мы можем хвалить Бога и, взывая, будем совершать стройную песнь жизнию (свт. Иоанн Златоуст, 48, 322).

***

...Должно хвалить <Бога> не только словами, но и делами, и Бог желает особенно такой хвалы, такой славы... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 322).

***

Какое, по твоему мнению, существует расстояние между Богом и человеком? Разве не такое же, какое между людьми и червями? Впрочем, указав и такое расстояние, я еще ничего не сказал, да и вообще нельзя об этом сказать ничего определенного. Но неужели ты пожелаешь от червя иметь великую и громкую себе славу? Итак, если ты и при сильном стремлении к славе не пожелал бы этого, то будет ли нуждаться в твоем прославлении Тот, Кто свободен от такого желания и бесконечно выше тебя? Однако, и не имея нужды в твоем прославлении, Он говорит, что желает его ради тебя. И если Он не погнушался сделаться рабом ради тебя, то почему ты удивляешься, что по тому

же побуждению Он принимает и другое? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 577).

***

...Если бы не было обещано и никакой награды, то удостоиться славить Бога само по себе было бы славою (свт. Иоанн Златоуст, 52, 577).

***

...Проводящие достойную удивления жизнь, хотя безмолвствуют, но славят Бога, когда через них другие славят Его (свт. Иоанн Златоуст, 52, 729).

***

Небеса славят Бога не тем, что они издают звук, но посредством созерцания побуждают других к славословию; однако же и о них говорится, что они возвещают славу Божию (свт. Иоанн Златоуст, 52, 729).

***

...Слава Богу воздается тогда, когда мы живем в союзе и единении, когда единодушно благословляем Бога, переносим того, кто немощнее нас, и не презираем отторгающегося члена (свт. Иоанн Златоуст, 52, 820).

***

Божество ни в чем не нуждается. Итак, для чего же Он желает, чтобы мы восхваляли и прославляли Его? Для того, чтобы через это соделать теплее нашу любовь к Нему (свт. Иоанн Златоуст, 54, 11).

***

...Если мы будем воздавать Ему честь, то через это себе самим доставим честь. Подобно тому как человек, который открывает глаза для того, чтобы видеть солнечный свет, себе самому доставляет через это пользу, удивляясь красоте этого светила... Так точно и даже гораздо больше (бывает, когда обращаемся) к Богу: кто с удивлением взирает на Бога и воздает ему честь, тот снискивает самому себе спасение и получает величайшую пользу... Каким же образом, спросят, Бог прославляется, если он ничего не приемлет от славы, нами воздаваемой? Таким же, как говорится о Нем, что он терпит голод и жажду: все наше Он присвояет Себе, чтобы, по крайней мере, этим привлечь нас... Чтобы хотя бы этим внушить нам страх; а мы, несмотря даже на это, не приближаемся к Нему (свт. Иоанн Златоуст, 54, 618).

***

В теле прославляет <Бога> тот, кто не предается блуду, кто не упивается, кто не пресыщается, кто не печется о внешнем украшении, кто настолько показывает заботливости о себе, насколько это нужно только для здоровья, кто не прелюбодействует, равно как и та, которая не намащает себя благовониями, не расписывает красками своего лица, которая довольна тем видом, каким наделил ее Бог, и ничего не прибавляет к тому искусственного (свт. Иоанн Златоуст, 54, 649).

***

Тогда прославляем Бога, когда мы во всех отношениях бываем праведны; за то и сами будем прославлены... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 652).

***

...*Хвалите Его во гласе трубнем* (Пс. 150, 3)... Если домогаешься разъяснить себе понятие об этой упоминаемой в Писании музыке, то должно разуметь о ней так: хвалите Господа *во гласе трубном,* т. е. в памятовании о воскресении, которое, как написано, будет *по звуку трубному* (ср.: 1 Кор. 15, 52). *Хвалите Его во псалтири и гуслех,* т. е. языком и устами, когда, как бы в бряцало какое, ударяет в нас Дух. *Хвалите Его в тимпане и лице,* т. е. во плоти и в душе, от которой, подобно ликам, восходят прошения к Богу. *Хвалите Его во струнах и органе,* т. е. в сердце и во всей внутренности, что Пророк и назвал *органом. Хвалите Его в кимвалех доброгласных* (Пс. 150, 3—5), т. е. устами, которыми псалмопение приводится в стройное сладкозвучие (прп. Исидор Пелусиот, 60, 256—257).

***

Прославляет Бога в себе не тот, кто словами только благоговейно чтит Бога, но кто ради Бога из-за заповедей терпеливо переносит страдания и труды. Таковой взаимно Богом прославляется славою сущею в Боге, нося в себе благодать бесстрастия как награду за добродетель по причастию. Ибо всякий, прославляющий Бога в себе... прославляется через бесстрастное озарение Божественными лучами в состоянии созерцания (прп. Максим Исповедник, 91, 243).

***

Никто не может истинно благословлять Бога, если он не освятил тело добродетелями и душу не просветил истинными познаниями. Благорасположение к добродетели есть лицо умозрительствующего ума, как на небо, подъемлемое

на высоту истинного ведения (прп. Максим Исповедник, 91, 275).

***

Слава Богу есть делание и хранение заповедей Его; всякий христианин, который не славит Бога исполнением повелений Его и хранением заповедей Его, хуже неверного (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 254).

****

Некогда пришел преподобному Елиазару помысл: творю ли я угодное Богу и что значат мои труды и моления? Он помолился с особенным усердием: «Владыко, Боже, Отче Вседержителю, вразуми меня, как прославлять пресвятое имя Твое!» После этой молитвы он услышал небесный голос: «Всякий день молись, говоря: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение... Господи прибежище был еси нам в род и род... Сподоби, Господи, в день сей без греха сохранитися нам» (113, 98—99).

ПРОСТОТА

Простота есть утвердившийся навык души, которая сделалась чуждою всякого различия и неспособною к лукавству. Лукавство есть искусство, или, лучше сказать, безобразие бесовское, которое потеряло истину и думает утаить это от многих (прп. Иоанн Лествичник, 57, 159).

***

Первое свойство детского возраста есть безразличная простота; и доколе Адам имел ее, дотоле не видел наготы

души своей и ничего постыдного в наготе плоти своей. Похвальна и блаженна и та простота, которая бывает в некоторых от природы, но не так, как претворенная из лукавства через многие поты и труды; ибо первая покрывает нас от многоразличия и страстей, а вторая бывает причиною высочайшего смиренномудрия и кротости, почему и награда первой невелика, а последней преславна (прп. Иоанн Лествичник, 57, 160).

***

Все, хотящие привлечь к себе Господа, приступим к Нему, как ученики к Учителю, с простотою, без притворства, без двоедушия и лукавства, без пытливости. Он, будучи прост и незлобен, хочет, чтобы и души, приходящие к Нему, были просты и незлобивы; ибо кто не имеет простоты, тот не может когда-либо увидеть смирение (прп. Иоанн Лествичник, 57, 160).

***

Видел я таких людей, которые прежде были праводушны, а потом у лукавых научились лукавить. Я удивился, как могли они так скоро потерять свое природное свойство и преимущество. Но сколь удобно праводушным людям измениться в лукавых, столь трудно лукавым переродиться в простосердечных (прп. Иоанн Лествичник, 57, 160).

***

Если разум надмевает многих, то, напротив, невежество и неученость некоторым образом умеренно смиряют (прп. Иоанн Лествичник, 57, 161).

***

Неудобь богатии внидут в Царствие Небесное (ср.: Мф. 19, 23); неудобно и мудрецы, и безумные мира сего войдут в простоту (прп. Иоанн Лествичник, 57, 161).

***

Борись и старайся посмеиваться своей мудрости. Делая так, обрящешь спасение и правость о Христе Иисусе, Господе нашем (прп. Иоанн Лествичник, 57, 161).

****

Авва Петр рассказывал, что Макарий Великий очень просто обходился со всеми братиями. Некоторые говорили ему: «Для чего ты так ведешь себя?» Авва Макарий отвечал: «Двенадцать лет служил я Господу моему, чтобы даровал Он мне благодать сию, а вы советуете мне оставить ее!» (97, 144).

***

Принял однажды Павел Препростый бесноватого, который, словно бешеная собака, кусал всякого, подходившего к нему. Усердно молился Павел, да изженет демона, мучившего несчастного. Но исцеление не совершалось... Павел в простоте своего сердца вдруг, подобно малому дитяти, воскликнул: «Не буду ж я есть сегодня, если Ты не исцелишь его!» Бог послушал Павла, как слуга капризного хозяина, и бесноватый получил здравие. Такую веру и упование на Господа имел Павел! (99, 111).

***

Один из отцов рассказывал: был старец святой и чистой жизни. Когда он совершал святую Литургию, то видел

Ангелов, стоявших по правой и левой стороне, но, будучи несведущ в Божественных догматах, по простоте и незлонамеренно, во время службы говорил не то, что должно, не сознавая своей ошибки.

По Промыслу Божию к нему пришел один брат, бывший диаконом, сведущий в догматах. Старцу пришлось при нем совершать Литургию. «Отче, — заметил ему брат, — то, что ты сказал во время священнодействия, не согласно с православной верой, но заимствовано у еретиков». Старец при виде Ангелов, предстоящих священнодействию, не обратил внимания на эти слова. Но диакон не переставал утверждать: «Ошибаешься, старче! Не принимает этого Церковь...» В следующий раз старец спросил у Ангелов:

— Вот что говорит мне диакон — правда ли это?

— Послушайся его: он правильно говорит, — ответили ему Ангелы.

— Почему же вы не сказали мне этого?

— Бог так премудро устроил, чтобы люди были исправляемы через самих людей.

С тех пор старец, возблагодарив Бога и брата, правильно служил Литургию (102, 246—247).

ПРОШЕНИЯ

Бог слушает любящих Его и ищущих Его от всего сердца своего и снисходит им во всех их прошениях. Прошения же тех, кои не от всего сердца своего приступают к Нему, но раздвоены сердцем и, что ни делают, выставляют то на вид для получения славы и похвалы человеческой, — не слушает, но гневается на них, так как дела их напоказ. И исполняется над ними слово псалма, который говорит: *Бог разсыпа кости человекоугодников* (Пс. 52, 6). По сей причине сила Божия не действует в

них, так как они нетверды сердцем во всех делах, к которым приступают. И не знают они Божественной сладости, ее тихости и веселия (прп. Антоний Великий, 89, 36).

***

...И знающие Бога погрешают в различении вещей, поступая невежественно при прошении себе полезного, одного прося как блага, хотя то часто не служит им на пользу, и от другого уклоняясь, как от зла, хотя это принесло бы им иногда и много пользы. Например: болен ли кто? Избегая тягостей болезни, молится он о здоровье. Потерял ли деньги? Скорбит об утрате. Но часто и болезнь полезна, когда она вразумит грешника; и здоровье вредно, когда пользующемуся им послужит пособием ко греху. Так и деньги иным обратились в средство к распутству; а нищета уцеломудрила многих, имевших худые стремления. Итак, не убегай, чего не должно, и не прибегай, к кому не должно. Но пусть у тебя будет одно избегаемое — грех и одно прибежище в несчастиях — Бог (свт. Василий Великий, 5, 291—292).

***

...Прежде всего надобно знать, что не всего, чего хотим, позволено нам просить и что не во всяком случае умеем просить полезного... (свт. Василий Великий, 9, 285).

***

...С великою осмотрительностию должно делать прошения, сообразно с волей Божией. А неуслышанным надобно знать, что потребно или терпение, или усиление молитвы... (свт. Василий Великий, 9, 286).

***

Если просишь у Бога своего чего-нибудь, то проси не так, чтобы непременно получить от Него, но предоставляя сие вместе Ему и Его воле. Например, часто угнетают тебя скверные помыслы, и ты печалишься о сем, и хочешь умолить Бога, чтобы освободиться тебе от брани. Но нередко на пользу тебе служит это, брат мой. Ибо сказываю, что часто бывает это с тобою, чтобы ты не превозносился, но был смиренномудр. Посмотри на сего столпа апостолов, как ему, к его же пользе дан был: ***пакостник плоти аггел сатанин, да пакости ему деет*** (ср.: 2 Кор. 12, 7). Для чего же? Да не превозносится. Если такому мужу дан был этот урок, чтобы не превозносился, то кольми паче нам немощными и мнящим себе быти что (см.: Гал. 6, 3), нужно терпеть мучение, чтобы не превозноситься. Также, если постигла тебя какая скорбь или теснота, не проси, чтобы непременно тебе избавиться от них, потому что и сие, брат мой, нередко бывает полезно: сказываю тебе, часто случается, что во время молитвы небрежешь ты о своем спасении, как было с израильтянами. Ибо сказано: ***И яде Иаков, и насытися, и отвержеся возлюбленный: уты, утолсте, разшире: и остави Бога сотворшаго его*** (Втор. 32, 15). И еще, если просишь о получении чего-либо, не проси, чтобы получить это непременно. Ибо сказываю: ты, как человек, часто почитаешь для себя полезным, что нередко бывает для тебя бесполезно. Но если оставишь волю свою и решишься ходить по воле Божией, то будешь безопасен. Он предведущий все, прежде нежели приходит сие в исполнение, по снисхождению Своему, пасет нас; а мы не знаем, полезно ли нам то, о чем просим. Многие, достигнув вожделеваемого ими, впоследствии приходили в раскаяние, а нередко впадали и в великие беды. Не исследовав тщательно, есть ли на сие воля Божия, но, думая,

что это для них хорошо, и под какими-нибудь предлогами, имеющими вид правды, введенные в обман диаволом, подверглись крайним опасностям. Многие таковые дела сопровождаются часто раскаянием, потому что следовали мы в них собственному своему пожеланию. Послушай, что говорит Апостол: *Не вемы якоже подобает молитися* (ср.: Рим. 8, 26). Ибо *вся ми леть суть, но не вся на пользу: вся ми леть суть, но не вся назидают* (1 Кор. 10, 23). Итак, что полезно и назидательно для каждого из нас, знает Сам Бог, потому и предоставь это Ему. Говорю же сие не с тем, чтобы воспрепятствовать тебе обращаться с прошениями своими к Богу; напротив того, умоляю еще тебя просить Его о всем, от малого до великого. И вот что говорю тебе: когда молишься, и открываешь перед Ним, что у тебя на сердце, говори Ему так: *Обаче Твоя воля, а не моя* (ср.: Лк. 22, 42). Если полезно, как Сам ведаешь, так и сотвори! Ибо так написано: *открый ко Господу путь твой и уповай на Него: и Той сотворит* (Пс. 36, 5). Взирайте и на Господа нашего Иисуса Христа, Который домостроительно молится и говорит: *Отче, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты* (ср.: Мф. 26, 39). Посему, брат мой, если просишь чего у Бога, твердо стой в своем прошении, открываясь перед Ним и говоря: «Ежели есть, Владыка, воля Твоя, чтобы состоялось сие, то соверши и сделай успешным. А ежели нет на сие воли Твоей, не попусти совершиться сему, Боже мой!.. Не предай меня совещанию и неразумию моему, но как Сам ведаешь, так и упаси меня по снисхождению Своему!» Если же молишься по причине скорби и помыслов, то говори: *Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеши мене. Помилуй мя, Господи, яко немощен есмь* (Пс. 6, 2—3). Смотри, что говорит Пророк: «Воззри, Владыка и виждь, что я — земля и пепел, и не могу пере-

нести сего. Не предай меня грехам моим, *да не премолчиши от мене, и уподоблюся нисходящим в ров* (ср.: Пс. 27, 1); но дай славу имени Твоему, Непамятозлобивый, не помяни грехов моих и услыши меня. И, *если возможно, да мимоидет* от меня скорбь, *обаче не якоже аз хощу, но якоже Ты* (ср.: Мф. 6, 39); подкрепи только и сохрани душу мою, и буду в состоянии перенести сие, да обрету благодать перед Тобою и в нынешнем и в будущем веке». И возверзи на Него печаль свою, и сотворит Он, что полезно для тебя. Ибо знай, что Он, как благий, хочет всего нужного к нашему спасению. Потому и душу Свою положил Сей добрый Пастырь (прп. Ефрем Сирин, 32, 301—302).

***

...Братия мои, без лености и нерадения да умоляет всякий о щедротах; пусть ударяет только в дверь Господню; Господь ответит ему с искреннею любовию (прп. Ефрем Сирин, 33, 152).

***

Господь — премудрый Раздаятель. Он смотрит на пользу просящего; и как скоро видит, что просимое им вредно или, по крайней мере, бесполезно ему, не исполняет просимого и отказывает во мнимом благодеянии. Он выслушивает всякую молитву; и тот, чья молитва не исполняется, получает от Господа столько же спасительный дар, как и тот, чья молитва бывает исполнена (прп. Ефрем Сирин, 33, 225).

***

Всеми возможными способами Бог показывает, что Он Милостивый Податель. Дарит нас Своею любовию и явля-

ет нам милосердие Свое. А потому и не отвечает ни на одну неправильную молитву, исполнение которой принесло бы нам смерть и погибель. Однакоже и в этом случае, отказывая в просимом, не оставляет нас без весьма полезного дара; в том самом, что устраняет от нас вредное, отверзает уже нам дверь щедрот Своих.

В Сем Подателе не находит себе места неразумие просящего. Немудрому, который по простоте своей, вопреки разуму, просит себе вредного, Бог подает премудро. Отказывает же в дарах тому, кто не исполняет повелений Его. Всякий другой образ действования был бы неразумием для всеведения Подателя.

Посему будь уверен, что всякое прошение, которое не бывает исполнено, несомненно вредно, а то прошение, которое услышано, полезно. Раздаятель праведен и благ и не оставит твоих прошений неисполненными, потому что в благости Его нет злобы и в правде Его — зависти.

Если Податель медлит исполнением, то не потому, что раскаивается в обетовании, напротив того, хочет Он видеть терпение твое. Когда наступит полдень, в который труженики испытывают на себе тяжесть и зной, тогда громогласно можешь требовать себе награды, и вместо одного дара даст Он тебе два — упование и благодать.

Если ты, проситель, неотступно ударяешь в дверь Подателя, то, пока и ничего не дал Он тебе, подает уже терпение, а оно выше всего тобою просимого.

О чудный Податель! Когда и отказывает в просьбе, и тогда дает такой дар, который дороже всего желаемого просителем.

Он — премудрый Раздаятель; рассмотрению подвергает и просьбу, и время. Как скоро признает просьбу вредною, медлит и не исполняет, отлагая до лучшего времени. И хотя прискорбно это просителю, который желает исполнения

просьбы в такое даже время, когда это не было бы для него полезно, однако же Бог делает свое, чтобы в большей мере исполнить просьбу впоследствии, в такое именно время, когда это будет для него полезнее (прп. Ефрем Сирин, 33, 226—227).

***

Будем просить величайшего богатства; тогда не откажет нам <Бог> и в пропитании. Будем просить, чтобы сподобиться нам великой трапезы; тогда даст и насущный хлеб (прп. Ефрем Сирин, 33, 335—336).

***

Будем домогаться вечного; тогда не откажет <Бог> и во временном (прп. Ефрем Сирин, 33, 336).

***

Унизительно было бы, Господи, просить у Тебя одного хлеба, когда дал Ты нам в снедь Святое Тело Твое. Посему и без прошения нашего дай нам хлеб — эту пищу животных (прп. Ефрем Сирин, 33, 336).

***

Всякое неразумное прошение приносит огорчение просящим... дверь Его <Божия> заключена для просящих лукаво (прп. Ефрем Сирин, 34, 240—241).

***

...Намереваясь просить, прежде нежели прибегнешь к Подателю, рассмотри прошение свое, чисто ли оно, вни-

мательно вникни в причину, побуждающую к прошению. Если побуждение, по которому просим, влечет за собою вред, то <Господь>, уврачевавший сынов Зеведеевых, да заградит источники наших прошений (прп. Ефрем Сирин, 34, 242).

***

...<Бог> может дать нам все, но не дает того, что пагубно (прп. Ефрем Сирин, 34, 242).

***

Уста могут просить всего, но Бог исполняет только то, что полезно (прп. Ефрем Сирин, 34, 243).

***

...<Господь> никогда не отказывает в дарах. Если же и отказывает иногда до времени, отказывает для того, чтобы дар стал драгоценнее для приемлющих и чтобы приемлющий был прилежнее в молитве. Если бы дар подаваем был тотчас, то прекратилась бы молитва (прп. Ефрем Сирин, 34, 245).

***

Господь жаждет, чтобы Его жаждали, напоевает желающих пить; приемлет за благодеяние, если просят у Него благодеяния, доступен, великодаровит; с большею приятностию дает, нежели иные приемлют сами. Только не обнаружим в себе низкой души, прося того, что маловажно и недостойно Дающего (свт. Григорий Богослов, 14, 300).

***

...Прошение должно соразмерять с тем, кого просишь. Ибо равно неприлично, как малого просить о великом, так великого просить о малом; одно неуместно, другое мелочно (свт. Григорий Богослов, 17, 132).

***

...Получить желаемое нами делается для нас возможным, только когда дознаем, как надлежит сего испрашивать (свт. Григорий Нисский, 18, 388).

***

...Бог, всеми мерами приучая человека обращать взоры к Нему, для сего самого бывает нередко внимателен и к маловажным прошениям, чтобы благодеянием в малом получивший сию милость вызван был на пожелание высшего. Посему и ты, если такой-то человек, по Божиему Промыслу, из невидных сделался известным и знаменитым или приобрел что-либо другое, чего домогаются люди в этой жизни, начальство или богатство, или блистательное положение, представляй себе цель этого, а именно, что Божие в этом человеколюбие служит для тебя доказательством великого Божия могущества, чтобы ты, получив детские игрушки, воссылал к Отцу прошения о важнейшем и совершеннейшем. А таково все, что приносит пользу душе. Ибо всего неразумнее будет, если приступающий к Богу станет просить Вечного — о временном, Небесного — о земном, Всевышнего — о пресмыкающемся по земле, Дарующего Небесное Царство — об этом земном и низком благополучии, Наделяющего неотъемлемым — о кратковременном пользовании чужим достоянием, и отъятие ко-

торого необходимо, и наслаждение которым кратковременно, и распоряжение опасно (свт. Григорий Нисский, 18, 398).

***

...Не всякому просящему возможно получить то, чего желает, но тому, кто делами приобрел себе право просить с дерзновением (свт. Григорий Нисский, 18, 451).

***

...Врач наших душ не станет давать просящим того, что будет во вред им (свт. Иоанн Златоуст, 46, 29).

***

Просите того, что прилично просить от Бога, чтобы получить вам и просимое (свт. Иоанн Златоуст, 47, 321).

***

...Единственным делом с нашей стороны да будет постоянно пребывать в молитве и не роптать на нескорое исполнение (наших прошений), но показывать великое терпение. Бог медлит исполнить наши прошения не потому, чтобы отвергал их, но потому, что хочет научить нас усердию (к молитве) и постоянно привлекать нас к Себе (свт. Иоанн Златоуст, 47, 322).

***

...Не будем просить у Господа нашего ничего житейского. Он и не ожидает нашего напоминания, а, хотя бы

мы и не просили, Сам дарует нам потребное. ***Яко солнце Свое сияет на злыя и благия и дождит на праведныя и неправедныя*** (Мф. 5, 45). Послушаем Его, когда Он, убеждая нас, говорит: ***Ищите прежде Царствия Божия, и сия вся приложатся вам*** (ср.: Мф. 6, 33)... Итак, не проси, как главного, того, что должен получить в виде прибавления (свт. Иоанн Златоуст, 47, 584—585).

***

Совершенно недостойно от столь щедрого и обладающего таким всемогуществом <Бога> просить того, что разрушается вместе с настоящею жизнию и подлежит многим переменам и случайностям. А таково все человеческое: укажешь ли на богатство, или власть, или славу человеческую (свт. Иоанн Златоуст, 47, 585).

***

...Господь и в словах молитвы, полагая для нас правила и пределы, до которых должны простираться прошения наши о житейских предметах, повелел нам говорить следующие слова, исполненные всякой мудрости: ***хлеб наш насущный даждь нам днесь*** (Мф. 6, 11), т. е. дневную пищу (свт. Иоанн Златоуст, 47, 585).

***

...<Бог> часто медлит исполнять наше прошение, не желая мучить нас медленностию, но отсрочкою дара научая постоянной внимательности (свт. Иоанн Златоуст, 48, 588).

***

Так как мы часто, получив просимое, после получения ослабляем усердие в молитвах, то Он <Бог>, желая усилить нашу ревность в молениях, откладывает дар (свт. Иоанн Златоуст, 48, 588).

***

Ты часто просишь бесполезного и вредного; но Он <Бог>, более заботясь о твоем спасении, смотрит не на прошение, но прежде того всегда на пользу для тебя (свт. Иоанн Златоуст, 48, 589).

***

Если плотские родители не все дают просящим детям, не потому, чтобы не обращали на них внимания, но потому, что весьма заботятся о них, то тем более Бог, и больше любящий, и больше всех знающий полезное, поступает таким образом (свт. Иоанн Златоуст, 48, 589).

***

Бог отвращает Свое лице от некоторых из молящихся Ему по многим причинам: или когда просят не того, что Богу было бы прилично дать, а им — полезно получить, или когда и полезного просят, но неблаговременно было бы получить им то, что Бог находит нужным дать. А бывает и так, что просят о том, что служит ко греху (свт. Иоанн Златоуст, 48, 726).

***

Не напрасно... отвергает Бог многие наши просьбы, а к нашей же пользе, потому что весьма многие желания

бывают гибельны для людей, хотя Бог часто и исполняет их для грешников. Зачем же Он исполняет? Чтобы они не обвиняли Его... в бессилии. Исполняя, Он наказывает получающих желаемое, чтобы устрашить и нас, чтобы мы не утруждали Бога непозволительными просьбами (свт. Иоанн Златоуст, 48, 839).

***

Я, скажешь, много раз просил и не получил. Несомненно это потому, что ты худо просил, или с неверием, или с гордостью, или же неполезного тебе, если же просил часто и полезного, то не с настойчивостью... Если же ты просишь не с усилием и великой настойчивостью, то не получаешь. Сначала нужно пожелать, а пожелания, просить истинно с верою и терпением полезного каждому, причем тебя ни в чем не осуждала совесть, как просящего нерадиво или легкомысленно, и тогда ты получишь, раз того хочет Бог. Ведь Он лучше тебя знает, что полезно тебе, и, может быть, вследствие этого отлагает исполнение просьбы, премудро заставляя тебя быть прилежным к Нему, чтобы ты знал, что значит дар Божий, и хранил данное со страхом. Все ведь, что приобретается с великим усилием, стараются сохранять, чтобы, потеряв полученное, не погубить и великих усилий и, отвергнув благодать Господа, не оказаться недостойным вечной жизни (свт. Иоанн Златоуст, 52, 956).

***

Когда ты молишься до изнеможения и не получаешь просимого, то подумай, сколько раз ты слышал, как просил у тебя нищий, и ты не внимал ему, между тем он не досадовал, не оскорбил тебя. Ты поступал так по жестоко-

сердию; но Бог по человеколюбию делает и то, что не внемлет тебе. Итак, если ты не считаешь себя заслуживающим порицания за то, что по жестокосердию не внимаешь подобному тебе рабу, то можешь ли порицать Владыку, когда Он не внимает рабу Своему по человеколюбию? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 570).

***

Как же, спросит кто-нибудь, я могу быть уверен в том, что получу просимое? Если ты не просишь ни о чем несогласном с тем, что Он <Бог> готов тебе дать, если (не просишь) ни о чем таком, что недостойно царя, если ни о чем житейском, если (просишь) одних только духовных (благ), если приступаешь без гнева, если имеешь чистые, преподобные руки — те, которые творят милостыню (свт. Иоанн Златоуст, 54, 672—673).

***

Если ты просишь Его <Бога> с милостынею, то Он благоволит к тебе; если просишь Его с милостынею, то даешь Ему в заем и получишь прибыток (свт. Иоанн Златоуст, 54, 763).

***

Не будем же роптать на замедление в даровании просимого, а скорее покажем по этому самому великую твердость и терпение (свт. Иоанн Златоуст, 55, 484).

***

Бывает иногда полезнее не получить. Если бы для нас не было часто полезно не получить, Бог несомненно дал

бы; между тем не получить с пользою — значит получить (свт. Иоанн Златоуст, 55, 484—485).

***

...Получим ли просимое, не получим ли, будем настойчивы в своем прошении и будем благодарить не только в случае успеха, но и в случае неуспеха (свт. Иоанн Златоуст, 55, 485).

***

...Когда мы просим чего-либо против врагов, то не только не бываем услышаны, но и раздражаем Бога (свт. Иоанн Златоуст, 55, 485).

***

...Мы бываем не услышаны... когда молимся, продолжая оставаться во грехах своих (свт. Иоанн Златоуст, 55, 485).

***

Разве Бог не мог бы даровать и прежде (исполнения) наших просьб. Но он ждет для того, чтобы получить от нас самих повод праведно удостоить нас Своим попечением (свт. Иоанн Златоуст, 55, 485).

***

Чтобы молящийся был услышан, это зависит, во-первых, от того, если мы достойны получить; во-вторых, если мы молимся согласно с законами Божиими; в-третьих, если молимся непрестанно; в-четвертых, если не просим

ничего житейского; в-пятых, если исполняем все должное и со своей стороны, и, наконец, если просим полезного. Как от этих условий зависит быть услышанным, так от противных условий — быть неуслышанным, хотя бы молящиеся были праведники (свт. Иоанн Златоуст, 55, 485).

***

Услышана твоя просьба? Возблагодари за то, что ты услышан. Не услышана? Пребудь тверд, чтобы быть услышанным (свт. Иоанн Златоуст, 55, 486).

***

Бог хочет, чтобы мы часто просили Его и бывает за это весьма благодарен, потому что Он единственный Должник, Который, когда от Него требуют, благодарит и дает то, чего мы не давали взаймы (свт. Иоанн Златоуст, 55, 486).

***

Ты не знаешь полезного тебе, человек: часто просишь вредного и обманчивого. Но Он <Бог> гораздо более пекущийся о твоем спасении, не молитве твоей внимает, но прежде молитвы предусматривает полезное для тебя (свт. Иоанн Златоуст, 55, 488).

***

Если нам заповедуется воздерживаться от житейских благ и тогда, когда они есть, то как оказываемся мы жалки и несчастны, когда просим у Бога того, что Он повелел и имея отвергать? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 497).

***

Как и петь надлежит с разумением, и молиться с трезвенностию, так и просить не того, что нам кажется хорошим, но того, что Сам Дающий признает добрым и полезным. Ибо многие, по причине богатства, провели жизнь спокойную, но, наконец, по различным козням утратили и настоящую, и будущую жизнь; домогшись начальства, доставляющего поводы к кражам... лишились и того, что имели; постаравшись вступить в супружество с благообразною женщиною и думая, что в этом найдут для себя радости, через сие-то самое и подверглись наиболее опасностям и войнам; потщившись приобрести в высшей степени телесную силу и крепость, после того как вели зверскую жизнь и не познали благородства души (потому что омрачены были в них наилучшие ее силы), наконец, сделались пищею зверей, претерпев бесславную и окаянную кончину. Посему, оставив все это, будем просить у Бога того, что Сам Он признает для нас полезным (прп. Исидор Пелусиот, 61, 211—212).

***

...Когда у Пречистого Ума просит <кто> того, чего делать не хочет, тогда желает обмануть не людей только, но и Самого Судию (прп. Исидор Пелусиот, 61, 393).

***

Проси у Бога не приятного, но одного полезного. Если попросишь первого, Бог не даст; а если и получишь, оно пропадет (прп. Нил Синайский, 72, 247).

***

Много раз, молясь, просил я, да будет мне, что казалось благом для меня, и настаивал на прошении, неразумно нудя волю Божию, а не Богу предавая устроить лучше то, что Он ведает полезным для меня. Но, получив (просимое), бывал потом в великой скорби, и именно за то, что не просил, — да будет лучше по воле Божией; ибо дело оказывалось для меня не таким, как я думал (прп. Нил Синайский, 90, 226—227).

***

...Проси неотступно и с несомненным расположением, хотя несовершенен ты в добродетельной жизни, немощен и ничего недостоин, — и получишь великое (прп. Иоанн Карпафский, 91, 87).

***

...Кто просит чего, руководствуясь страхом Божиим; такой смело да надеется, что прошение его исполнится. Но, послушай, брат, если просишь семени для своего поля, то удобри прежде поле к принятию семени (прп. Варсануфий, 29, 224).

***

...Кто испрашивает что-либо, тот должен знать, что испрашивает, и ясно то представлять, чтобы, когда получит, возблагодарить Подателя и всегда пребыть ему благодарным. Если же кто, молясь, сам не знает, чего испрашивает, то как узнает он, что получил просимое, и, следовательно, как станет благодарить Бога, Который подал ему то? А не возблагодарив, повинен будет осуждению,

как неблагодарный... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 143—144).

***

...Когда умоляешь о чем Бога и Он медлит услышать тебя, ты все продолжай молиться, держа в сердце твердое и живое упование на помощь Его. Ибо за Ним никогда не остается усердная молитва, и на нее всегда готовы от Него излиться богатые милости, превышающие самое чаяние молящихся, если к тому нет нравственных препятствий с их стороны и если они не находятся в таком состоянии, что для них лучше, чтобы неисполненным осталось прошение их, — в каковом случае Он, вместо просимого, посылает иное какое благо, благопотребное для них, ведомо ли для них или неведомо. В сем разуме справедливо иметь убеждение, что молитва никогда не бывает не услышанною, а бывает только то, что посылаемое вследствие ее есть не то, о чем просят, не зная, что то неполезно для них и что оно невидимым оставляется, потому что увидеть то небезвредно для получающих. Будь же всегда терпелив в молитве и уверен будь, что молитва никогда не остается бесплодною. Если не получаешь просимого, верь, что получаешь или получишь иное вместо его благо; и если не видишь и не увидишь сего, не пытай, почему это, а лучше вместо того обратись к своему недостоинству и наполни душу твою помышлениями и чувствами смирения. Если воспроизведешь и утвердишь в себе такие чувства вследствие молитвы, то, пусть даже ты за нее совершенно ничего не получишь, не только видимо, но и невидимо, самые сии чувства приими как плод молитвы, и для тебя спасительный, и Богу благоугодный паче всего (прп. Никодим Святогорец, 70, 186—187).

***

...Когда прошение твое не будет исполнено Богом, покорись благоговейно воле Всесвятого Бога, Который, по неведомым причинам, оставил твое прошение неисполненным (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 142).

***

Иногда немедленно бывает услышано наше прошение, иногда же, по словам Спасителя, *Бог долготерпит о нас* (ср.: Лк. 18, 7), т. е. нескоро исполняет просимое нами: Он видит, что нужно остановить на время это исполнение для нашего смирения... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 142).

***

Не будь безрассуден в прошениях твоих, чтобы не прогневить Бога малоумием твоим: просящий у Царя царей чего-нибудь ничтожного уничижает Его (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 151).

***

...Проси того, что считаешь себе нужным и полезным, но исполнение и неисполнение твоего прошения предоставляй воле Божией... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 167).

ПРОЩЕНИЕ

Христианин не должен помнить зла, но обязан от сердца прощать тем, которые согрешили перед ним (свт. Василий Великий, 7, 359).

***

На согрешившего и покаявшегося не должно помнить зла, а надобно простить ему от сердца (свт. Василий Великий, 10, 56).

***

Прости брата своего, если согрешил он против тебя, и Господь простит тебе прегрешения твои (прп. Ефрем Сирин, 30, 136).

***

...Как осмелимся просить у Бога отпущения прежних своих грехопадений, не забыв еще прежнего образа жизни? Или как облечемся в *новаго человека, созданнаго по Богу,* не совлекшись человека ветхого, *тлеющаго в похотех прелестных* (ср.: Еф. 4, 24, 22)? (прп. Ефрем Сирин, 31, 143).

***

...У кого между собою вражда, и не примирились они в жизни, те найдут себе неумолимое осуждение. И братоненавистники отосланы будут в тьму кромешную, как возненавидевшие Христа, сказавшего: *любите друг друга, прощайте друг другу согрешения* (ср.: Еф. 4, 32) (прп. Ефрем Сирин, 31, 270).

***

От всего сердца станем прощать друг другу; потому что мы рабы нелживого Бога, Который сказал: *аминь, аминь говорю вам, если не будете от всего сердца отпускать друг другу прегрешений, то и Отец ваш Небесный не*

отпустит вам прегрешений ваших (ср.: Мф. 6, 15)... А мы иногда и трех раз в день не прощаем друг другу (прп. Ефрем Сирин, 31, 385—386).

***

Нужно ли тебе получить прощение во грехах, получишь его за смирение (прп. Ефрем Сирин, 33, 119).

***

...Господь не прощает того, кто не прощает брата своего (прп. Ефрем Сирин, 33, 111).

***

Если ты, человек, не прощаешь всякого согрешившего против тебя, то не утруждай себя постом и молитвою. Если брату своему, на которого за что-нибудь прогневан, не оставляешь долга его, то совершенно напрасно постишься и молишься: Бог не приимет тебя (прп. Ефрем Сирин, 33, 111—112).

***

Прощение преступнику дается даром, однако же не без труда для него, так и оставление грехов есть дело милосердия, однакож приобретается не без слез (прп. Ефрем Сирин, 33, 144).

***

Если Милосердый врачует кого, то не требует от него иного воздаяния, кроме сетования, слез и исключительной любви (прп. Ефрем Сирин, 33, 156).

***

Кто домогается прощения, желает испро́сить у Него <Господа> оставления долгов своих, тот орошай слезами дверь Его, и будет очищен от прегрешений своих (прп. Ефрем Сирин, 33, 180).

***

Оставляются долги тем, кто просит о помиловании. Но смотри, не питай ненависти к братиям своим, когда просишь оставления долгов (прп. Ефрем Сирин, 33, 212).

***

...Опасайтесь того, *чтобы солнце не зашло* (ср.: Еф. 4, 26) и (чтобы) не оставило нам прегрешение дня. Ведь если наступит тьма, и вы дойдете до прегрешения, то и враг овладеет тогда нами, и его дух отвратит и отклонит нас от той чистой молитвы ночной, которую мы воссылаем к Богу (прп. Ефрем Сирин, 36, 193—194).

***

...Прощение нередко ведет ко спасению, обуздывая обидчика стыдом, из состояния страха приводя его в чувство любви и самое твердое благорасположение (свт. Григорий Богослов, 13, 125).

***

Прощай — получивший прощение; милуй — помилованный. Человеколюбием приобретай человеколюбие, пока есть к тому время (свт. Григорий Богослов, 15, 147).

***

...Чем более кто согрешил против нас, тем более должны мы спешить к примирению с ним, потому что он становится причиной прощения нам большего числа грехов (свт. Иоанн Златоуст, 45, 233).

***

...Если мы искренно хотим примириться, то не отступим (от врага), пока не победим его своими усиленными просьбами, пока не привлечем к себе и не заставим прекратить вражду против нас. Разве ему через это мы оказываем какую-либо милость? Нет, на нас самих переходят плоды доброго дела: мы этим привлекаем на себя благоволение Божие, приобретаем себе прощение грехов, получаем великое дерзновение пред Господом (свт. Иоанн Златоуст, 47, 283).

***

Если... пренебрежем эту заповедь <прощения>, то какому подвергнемся осуждению, поступая вопреки словам своим, дерзая произносить слова молитвы <Отче наш> безрассудно и легкомысленно, скопляя для себя более и более огня (геенского) и возбуждая против себя гнев Господа? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 283).

***

Если нужно будет и извиниться, и попросить у них (врагов) прощения, не откажемся и от этого, хотя бы мы сами были обижены. Таким способом мы приготовим себе великую награду и твердое упование (свт. Иоанн Златоуст, 47, 870).

***

...Бог для того только и требует от нас... снисхождения к ближним нашим, чтобы Самому иметь случай прощать нам великие согрешения наши (свт. Иоанн Златоуст, 50, 167).

***

Доколе... <люди> будут оставаться твоими должниками, до тех пор и Бог не будет твоим Должником; напротив, как скоро простишь их, тогда можешь приступить к Богу и требовать от Него воздаяние себе за такой добрый поступок (свт. Иоанн Златоуст, 50, 167).

***

Ты прощаешь другого, потому что сам имеешь нужду в прощении, а Бог прощает, Сам ни в чем не имея нужды <...> Ты виновен в бесчисленных грехах, а Бог безгрешен (свт. Иоанн Златоуст, 50, 225).

***

...Ничто так не уподобляет нас Богу, как то, когда мы прощаем людей злых, которые обижают нас (свт. Иоанн Златоуст, 50, 227).

***

Ты сам первый судия твоим делам, а потом уже судит их Бог. Ты пишешь себе закон прощения и наказания и изрекаешь себе приговор того или другого; таким образом от тебя зависит — помянет ли, или не помянет Бог грехи твои (см.: Мф. 6, 12) (свт. Иоанн Златоуст, 51, 261).

***

Будем... не Богу только говорить: не помяни согрешений наших, но и самому себе пусть каждый говорит: да не помянем согрешений братий наших против нас (свт. Иоанн Златоуст, 51, 261).

***

...Если он <обидчик> сделал что-нибудь оскорбительное и враждебное, то оставим это и изгладим из памяти так, чтобы не осталось и следов. Если же от него не было нам ничего доброго, то тем больше нам награды, больше хвалы, если мы прощаем (свт. Иоанн Златоуст, 51, 261).

***

Тот, кто прощает деньги, сделавшему у него заем, делает прекрасное и достойное удивления дело: но такая милость касается тела, хотя он приемлет себе воздаяние сокровищами духовными и относящимися к душе. Но тот, кто простил грехи, принес пользу душе, и своей собственной, и того, кто получил прощение, потому что... сделал более кротким не только себя, но и его. Мы, не столь преследуя обидевших нас, уязвляем их души, сколько, прощая их, приводим их в смущение и стыд (свт. Иоанн Златоуст, 52, 139).

***

Человек, простивший своему ближнему, не может не получить совершенного прощения (от Бога), потому что Бог несравненно человеколюбивее нас... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 325).

***

Почему ты соделался чадом <Божиим>? Потому что тебе прощено. На том же основании, на каком удостоен ты столь высокой чести, и сам ты прощай ближнему (свт. Иоанн Златоуст, 54, 143).

***

...Когда ты призываешь правосудие Божие на своего ближнего, тогда этим самым увеличиваешь тяжесть своих грехов... Если ты хочешь, скажет Он <Бог>, чтобы Я был строгим исследователем проступков, сделанных против тебя, то как ты просишь о снисхождении к тому, в чем ты согрешил против Меня? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 661).

***

...Если мы сами виновны в столь многих грехах, то должны со всею готовностию прощать оскорбляющих и обманывающих нас и не помнить зла (свт. Иоанн Златоуст, 54, 890).

***

Если ты отпустишь ближнему согрешения, то все твои грехи, которые должны будут открыться тогда, будут истреблены уже здесь, и ты отойдешь отсюда, не влача с собою ничего из своих грехов (свт. Иоанн Златоуст, 55, 616).

***

Насколько отстоит сто динариев от десяти тысяч талантов, настолько же велико различие между нашими грехами пред Богом и проступками ближних в отношении к нам (свт. Иоанн Златоуст, 55, 976).

***

Не будем... думать, когда <прощаем ближних>... что мы благодетельствуем другому или что оказываем ему большую милость: мы сами пользуемся благодеянием и извлекаем из этого для себя большую пользу; равно как, если не делаем, мы не причиним другим особенного вреда, а себе приготовим страшное наказание в геенне (свт. Иоанн Златоуст, 55, 977).

***

Хотя обязанный просить у тебя извинения и не просит, и не беспокоится о том, почему и ты мог бы почесть для себя извинительным не прощать ему сделанных против тебя проступков: однако же ты, несмотря на то, дай ему оное, если можно, его позвав к себе, а если то невозможно, сам в себе, и не показывая своими поступками, что желаешь отмстить (прп. Исидор Пелусиот, 62, 156—157).

***

Должно прощать тому, кто нас обидел, зная, что воздаяние за прощение обид превосходит воздаяние всякой иной добродетели. А если мы не можем сего делать по причине возобладавшего нами греха, то должны при бдении и злострадании молить Бога, чтобы Он умилосердился над нами и подал нам таковую силу. При этом во всякое время, на всяком месте и при всяком деле мы должны иметь одно намерение, дабы при различных обидах от людей радоваться, а не скорбеть: радоваться же не просто и не без рассуждения; но потому, что имеем случай простить согрешившему (против нас) и получить прощение собственных наших грехов. Ибо в этом заключается ис-

тинное Боговедение, которое многообъятнее всякого ведения и с помощью которого мы можем умолять Бога и быть услышаны; это есть плодоносие веры, этим доказывается вера наша во Христа; через сие можем взять крест свой и последовать Христу; это есть мать первых и великих заповедей, ибо посредством сего можем возлюбить Бога от всего сердца и ближнего как самого себя; для сего должны мы поститься, пребывать во бдении и удручать свое тело, дабы сердце наше и внутреннее расположение отверзлись, приняли это в себя и уже не извергали. Тогда за то, что мы прощаем ближнему согрешения, найдем, что благодать, сокровенно данная нам при Святом крещении, будет действовать в нас уже не безызвестно, но ощутительно для нашего сознания и чувства (прп. Марк Подвижник, 89, 501—502).

***

Добродетели прощать обиды препятствуют две страсти: тщеславие и сластолюбие, а потому прежде всего должно отречься от них в уме и потом уже стараться о приобретении и этой добродетели (прп. Марк Подвижник, 89, 502).

***

Прощение грехов есть освобождение от страстей, от которых не избавившийся благодатию еще не улучил прощения (авва Фалассий, 91, 296).

***

...Прощение врагам нашим и делание им добра есть истинное великодушие — одна из величайших черт Богоподобия... (прп. Никодим Святогорец, 70, 31).

***

...Верный признак отпущения нам грехов состоит в том, когда мы ощутим в сердце нашем, что мы точно простили ближним все согрешения их против нас (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 513).

***

Все, желающие приступить к подвигу поста и молитвы, все, желающие пожать обильные плоды от своего покаяния... услышьте Завет Божий — и отпустите, простите ближним согрешения их перед вами (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 44—45).

***

Оставление нами согрешений ближним нашим есть признак, что Дух Божий вселился в нас, царствует в нас, управляет, руководит волею нашею (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 246).

ПСАЛМОПЕНИЕ

Псалом — тишина души, он вознаграждает миром. Псалом — посредник дружбы, единение разъединенных, примирение враждующих. Псалом — привлечение ангельской помощи; оружие против страха нощного, успокоение от дневных трудов, безопасность младенцев, украшение пожилым, утешение старцам, самое приличное убранство женщинам (прп. Ефрем Сирин, 32, 10).

***

...Хотя к делу простираешь руку, уста да поют, а ум да молится. Псалом да будет непрестанно в устах твоих.

Призываемое имя Божие прогоняет бесов, освящает псалмопевца (прп. Ефрем Сирин, 32, 10).

***

Где псалом с сокрушением, там и Бог с Ангелами. А где песни чуждого, там гнев Божий и горевоздаяние за смех (прп. Ефрем Сирин, 32, 11).

***

Псалом — радость боголюбцев, он оттоняет празднословие, прекращает смех, напоминает суд, возбуждает душу к Богу, сликовствует с Ангелами (прп. Ефрем Сирин, 32, 11).

***

...<Псалом> делает светлыми праздники, он производит печаль по Богу. Псалом и из каменного сердца вызывает слезы. Псалом — дело Ангелов, небесное жительство, духовное кадило. Псалом — просвещение душ, освящение тел (прп. Ефрем Сирин, 32, 11).

***

...Псалмопение и молитва при смиренном помысле возвышают ум над недозволенными страстями и душу делают более мужественною к вожделению небесных благ (прп. Ефрем Сирин, 32, 230).

***

...Поелику все, что согласно с естеством, любезно естеству, а музыка... согласна с нашим естеством, то посему великий Давид к любомудрому учению о добродетелях при-

соединил и сладкопение, в высокие догматы влив как бы некую сладость меда, при помощи которой естество наше некоторым образом изучает и врачует само себя. А врачевством естеству нашему служит стройность жизни, какая, по моему мнению, прикровенно внушается сладкопением. Ибо, может быть, сие самое служит призванием к высокому состоянию жизни, к тому, что живущих добродетельно нрав не должен быть грубым, странным, со всеми разногласным, не издавать, как и струна, сверх меры высокого звука, потому что стройность струны, будучи доводима до излишества, непременно нарушается; но и, напротив того, не должен ослаблять своей силы до непомерности сластолюбием, потому что душа, расслабленная таковыми страстями, делается глухою и немою; и все прочее также должно при времени повышать и понижать, имея в виду, чтобы у нас в нравах сохранялись всегда стройность и добрый лад, без непомерной распущенности и чрезмерной натянутости (свт. Григорий Нисский, 19, 13—14).

***

...<Пророк> Давид, придавая божественным словам... безыскусственное сладкогласие, хочет сладкопением при известном течении речи истолковать смысл сказуемого, когда самый тон голоса открывает, сколько возможно, мысль, заключающуюся в речениях. Посему такая это приправа снеди, которою, как бы сладостями какими, придается приятность пище уроков (свт. Григорий Нисский, 19, 15).

***

...Путь к блаженству указан нам... высоким любомудрием в псалмах, и путеводимых ими на высоту возводит он всегда к тому, что еще важнее и выше в добродетель-

ном житии, а именно человеку указывает возможность достигнуть такой меры блаженства, что о превышающем сию меру и разум не в состоянии по каким-нибудь догадкам и предположениям заключить что-либо, и слово не находит, что сказать о следующем за нею по порядку, да и самая надежда, которая во всем простирается далее и далее, оставляя позади себя наше пожелание, как скоро приближается к превышающему упование, остается в бездействии, а что выше сего, то лучше чаемого, как свидетельствует и самое любомудрие псалмопения усмотренным в нем порядком (свт. Григорий Нисский, 19, 59).

***

Псалмы и песни духовные всегда привлекают ум к памяти о добродетелях, охлаждая при том жар гнева и поганую похоть (авва Евагрий, 89, 477).

***

Демонские песни приводят в движение нашу похоть и ввергают душу в срамные мечтания... (авва Евагрий, 89, 577).

***

Великое дело молиться неразвлеченно; но петь неразвлеченно — еще больше (авва Евагрий, 89, 577).

***

В нашем хоре участвуют и горние Силы, потому что и горние хоры, Херувимы и Серафимы, исполняют то же дело: непрестанно воспевают Бога (свт. Иоанн Златоуст, 48, 91).

***

Для чего употребляется пение? Послушай. Бог, видя, что многие из людей нерадивы, тяготятся чтением духовных писаний и неохотно принимают на себя этот труд, и желая сделать этот труд вожделенным и уничтожить чувство утомления, соединил с пророчествами мелодию, чтобы все, услаждаясь стройностию напева, с великим усердием возносили Ему священные песнопения (свт. Иоанн Златоуст, 48, 151).

***

...Ничто так не возвышает и не окрыляет душу, не отрешает ее от земли, не избавляет от уз тела, не располагает любомудрствовать и презирать все житейское, как согласное пение и стройно составленная божественная песнь (свт. Иоанн Златоуст, 48, 151).

***

От мирских песен может произойти вред, погибель и много других зол, потому что все то, что есть в них дурного и безнравственного, проникая в душу, расслабляет ее и развращает. Напротив, духовные песни доставляют великую пользу, великое назидание, великое освящение и служат руководством ко всякому любомудрию, потому что и слова их очищают душу, и Дух Святый скоро нисходит в душу, поющую эти песни (свт. Иоанн Златоуст, 48, 152).

***

...Так как душа наша имеет склонность к этому роду наслаждения <песням>, то, дабы злые духи введением развратных песен не испортили всего, Бог для ограждения от

них установил псалмы, от которых бывает и удовольствие, и вместе польза (свт. Иоанн Златоуст, 48, 152).

***

Как туда, где грязь, бегут свиньи, а где цветы и благоухания, там пребывают пчелы, так и туда, где развратные песни, собираются бесы, а где песни духовные, туда нисходит благодать Духа и освящает уста и душу. Говорю это не для того, чтобы вы только хвалили меня, но чтобы вы и детей, и жен учили петь такие песни не только при занятии пряжею и при других работах, но особенно за трапезою. Так как диавол строит козни большею частию во время пиршеств, при помощи упоения, пресыщения, непристойного смеха и душевного расслабления, то особенно тогда, и перед трапезою, и после трапезы, нужно защищать себя от него оградою псалмов и, вставши из-за стола, вместе с женою и детьми воспевать Богу священные песни (свт. Иоанн Златоуст, 48, 152).

***

...Те, которые призывают к себе Давида с Псалтирью, через него призывают к себе Христа. А где Христос, туда ни один бес никогда не осмелится не только войти, но и заглянуть; напротив, мир, любовь и все блага польются туда, как из источников (свт. Иоанн Златоуст, 48, 153).

***

...Где псалом, молитва, ликование пророков и боголюбезное настроение духа поющих, — там собрание безошибочно можно назвать Церковью (свт. Иоанн Златоуст, 48, 153).

***

...Мы, наслаждаясь благоденствием и дарами Божиими, должны возносить Богу благодарственные песни, чтобы, если от упоения и пресыщения войдет в нашу душу что-нибудь нечистое, псалмопением прогнать все нечистые и порочные пожелания (свт. Иоанн Златоуст, 48, 153).

***

Можно петь и без голоса, когда душа внутри издает звуки, потому что мы поем не для людей, но для Бога, Который может слышать сердца и проникать в сокровенную глубину нашей души (свт. Иоанн Златоуст, 48, 154).

***

...Кто поет псалом, тот, хотя был бы крайне развратным, стыдясь псалма, обуздывает силу сладострастия и, хотя бы обременен был бесчисленными пороками и одержим унынием, услаждаясь удовольствием, облегчает свои мысли, окрыляет ум и возвышает душу (свт. Иоанн Златоуст, 48, 430).

***

Душа есть некоторый отличный музыкант, есть художник; а тело есть орудие, заменяющее псалтирь, флейту и лиру (свт. Иоанн Златоуст, 48, 584).

***

Если ты впал в искушение, ты почерпнешь здесь <в Псалтири> обильное утешение; если согрешишь, найдешь здесь тысячи готовых лекарств; впадаешь ли в бедность

или в какое несчастие, она <Псалтирь> укажет тебе многие пристани (свт. Иоанн Златоуст, 48, 601).

***

...Всегда псалмопение является торжеством для радующихся, утешением для унывающих и некоторым святым заклинанием; оно не похоже на те заклинания, какие представляются в баснословии, но оно укрощает страсти, как диких зверей, обуздывает невоздержание, погашает несправедливость, поддерживает правду, низлагает хульные замыслы, убивает постыдные мысли, возвещает Божественный закон, проповедует Бога, разъясняет веру, заграждает уста еретиков, созидает Церковь (свт. Иоанн Златоуст, 48, 683).

***

...Духовные песни, внушаемые Святым Духом и располагающие ум к пристойности в словах и к скромности в мыслях, и самую душу делают скромной, потому что душа, отзываясь на слова и поддаваясь мыслям, приобретает навык во всем том, что составляет сущность духовной песни (свт. Иоанн Златоуст, 48, 717).

***

...<Пророк> желает, чтобы Бога прославляли устами чистыми, а очищаются они, когда человек отвергает грех от всего сердца (свт. Иоанн Златоуст, 48, 878).

***

Подобно тому как двери закрывают дворы и никто не может очутиться внутри двора, если не войдет через дверь, так точно и мы, прежде чем не исповедуемся, не можем

воспевать, потому что нужны чистое сердце и уста, свободные от греховной скверны, если мы хотим угодить Богу жертвою наших песнопений (свт. Иоанн Златоуст, 48, 942).

***

Не подумай, что псалмопение — нечто маловажное. Хотя, по-видимому, оно только чарует слух, но в действительности пробуждает душу (свт. Иоанн Златоуст, 49, 705).

***

<Нам> нужны постоянно духовные песнопения. В этом и состоит наше превосходство над бессловесными животными, хотя в других отношениях мы им значительно и уступаем (свт. Иоанн Златоуст, 50, 25).

***

...Срамные песни отвратительнее всякой внешней нечистоты, и, что всего вреднее, вы не только не скучаете, слушая их, но и восхищаетесь, тогда как надлежало бы гнушаться ими и бежать (свт. Иоанн Златоуст, 50, 410).

***

...Имеющим уста, день и нощь отверстые на песнословие Божие, с готовностию отверзается сокровище небесных благ (прп. Нил Синайский, 73, 394).

****

Некий отшельник увидел демона, побуждающего другого демона прийти и разбудить спящего монаха. И слышит такой ответ: «Не могу этого сделать, ибо, когда я его

бужу, он встает и попаляет меня псалмами и молитвой» (98, 241)

***

Поведал некий ученик: «Однажды мы совершали правило. Я читал псалмы и пропустил одно слово, не обратив на это внимания. Когда мы окончили службу, старец сказал мне: «Я, совершая мое служение, представляю себе, что передо мной горит огонь, потому ум мой не может уклониться направо или налево. Где же был твой ум, когда ты пропустил слово псалма? Разве ты не знаешь, что, молясь, ты стоишь перед Богом и говоришь Богу?» (106, 436).

***

Старец говорил нам: «Поверьте мне, чада, ничто так не возмущает, не беспокоит, не раздражает, не уязвляет, не уничтожает, не оскорбляет и не вооружает против нас демонов и самого виновника зла сатану, как постоянное упражнение в псалмопении. Все Священное Писание полезно, и чтение его не мало причиняет неприятности демону, но ничто не сокрушает его, как Псалтирь. Это подобно тому как среди народа, если одна часть его прославляет царя, то другая не оскорбляется этим, не вооружается против прославляющих и только, подвергшись оскорблениям, возмущается и поднимается против них, так и демоны: они не столько огорчаются и возмущаются чтением Священного Писания, как пением псалмов. Упражняясь в псалмопении, мы, с одной стороны, возносим молитву Богу, с другой — проклинаем диавола. Так мы молимся, произнося: *помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое* (Пс. 50, 1—3), также: *не отвержи мене от лица Твоего, и Духа Твоего Святаго не отими от мене* (Пс. 50, 13);

не отвержи мене во время старости, внегда оскудевати крепости моей, не остави мене (Пс. 70, 9). С другой стороны, проклинаем демонов: *да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его вси ненавидящий Его* (Пс. 67, 2); равным образом: *расточи языки, хотящия бранем* (ср.: Пс. 63, 4). *Видех нечестиваго, превозносящаяся и высящаяся, яко кедры ливанския, и мимо идох, и се не бе, и взысках, и не обретеся место его* (Пс. 36, 35—36), и еще: *меч их да внидет в сердца их* (Пс. 36, 15), или также: *ров изры и ископа и, и падет в яму, юже содела. Обратится болезнь его на главу его, и на верх его неправда его снидет»* (Пс. 7, 16—17) (102, 182).

ПЬЯНСТВО

...От пьянства ум начинает помрачаться; от этого — грешить; а от греха умирает (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 19).

***

Не люби употреблять вина до упоения, дабы тебе не лишиться божественного веселия (прп. авва Исаия, 59, 91).

***

Не люби вина до опьянения, чтобы не быть лишену обрадования Божия (прп. авва Исаия, 89, 348).

***

...Пьянство есть начало безбожия, как омрачение разума, которым обыкновенно наипаче познается Бог (свт. Василий Великий, 6, 177).

***

Если много выпито вина, оно, как мучитель, ворвавшийся в крепость, с высоты ее производит в душе неумолкающие мятежи, не отказывая себе ни в каком беззаконном требовании; но прежде всего поработив самый рассудок, смешивает и приводит в расстройство весь порядок, установившийся вследствие обучения, голос делает шумным, возбуждает непристойный смех; опрометчивый гнев, необузданные вожделения, неистовую и бешеную страсть ко всякому беззаконному удовольствию (свт. Василий Великий, 6, 203).

***

Пьянство вводит в невоздержность... (свт. Василий Великий, 8, 17).

***

Дым гонит прочь пчел, а неумеренное винопитие отгоняет духовные дарования (свт. Василий Великий, 8, 18).

***

Пьянство не дает место Господу; пьянство отгоняет Духа Святаго (свт. Василий Великий, 8, 18).

***

...В душу, оскверненную пьянством, не войдут пост и молитва (свт. Василий Великий, 8, 23).

***

Постящегося приемлет Господь внутрь священных оград, но не допускает упивающегося, как скверного и чуждого святыни (свт. Василий Великий, 8, 23).

***

...Бегай пьянства, чтобы оно еще более не отделило тебя от Бога (свт. Василий Великий, 8, 28).

***

Пьянство — вражда на Бога... (свт. Василий Великий, 8, 28).

***

...Вино должно подавать помощь природе, но не позволительно до того напиваться неразбавленным вином, чтобы оно производило помрачение рассудка; потому что скорбь не вытекает вместе с вином... (свт. Василий Великий, 8, 74).

***

...Пьянство — матерь порока, противление добродетели, делает мужественного — робким, целомудренного — похотливым, не знает правды, отнимает благоразумие (свт. Василий Великий, 8, 210).

***

Пьянство — этот добровольно накликаемый бес, через сластолюбие вторгающийся в душу... (свт. Василий Великий, 8, 210).

***

Как вода враждебна огню, так неумеренность в вине угашает рассудок (свт. Василий Великий, 8, 210).

***

У них <упившихся> сон тяжелый, почти непробудный, удушающий, близкий к действительной смерти, а бодрст-

вование бесчувственнее самого сна... (свт. Василий Великий, 8, 211).

***

Жизнь <упившихся> есть сновидение (свт. Василий Великий, 8, 211).

***

...Жалок одержимый бесом, а упившийся, хотя терпит то же, недостоин сожаления, потому что борется с произвольно накликанным бесом (свт. Василий Великий, 8, 213).

***

Пьянство — утрата рассудка, истощение силы, безвременная старость, кратковременная смерть (свт. Василий Великий, 8, 217).

***

...<Упившийся> низложен без меча, убит без врагов (свт. Василий Великий, 8, 217).

***

Вино потопляет рассудок и ум и возбуждает, подобно рою пчел, страсти и сластолюбие (свт. Василий Великий, 8, 218).

***

Пост да уврачует пьянство; псалом — срамные песни; слезы да будут врачевством смеха (свт. Василий Великий, 8, 220).

***

Горе злоязычному, а вместе с ним и упивающемуся! Они причисляются к убийцам и мучатся с прелюбодеями (прп. Ефрем Сирин, 30, 72).

***

Не ходи... к упивающимся, чтобы не погубить тебе внезапно богатства целомудрия (прп. Ефрем Сирин, 30, 209).

***

Кто любит упиваться, тот утратит многое: ибо говорит и делает он, чего не должно, богатство свое, как чужое, расхищает и отдает врагам, потому что упоение омрачило у него ум (прп. Ефрем Сирин, 31, 293).

***

Пьянство не приемлет Господа. Пьянство удаляет от нас Духа Святаго (прп. Ефрем Сирин, 32, 16).

***

Не услаждайся вином, и не приманит тебя плоть (авва Евагрий, 89, 637).

***

...Кто проводит время в пьянстве, разгуле и объядении, тот подпал жестокой власти самого диавола (свт. Иоанн Златоуст, 44, 779).

***

Что, в самом деле, достойно большего сожаления, чем пьянство? Пьяница живой мертвец; пьянство — демон са-

мозваный, недуг, не имеющий прощения, падение, лишенное оправдания, общий позор рода нашего. Пьяница не только бесполезен в собраниях, не только в делах частных и общественных, но и по одному просто виду противнее всех, дыша зловонием (свт. Иоанн Златоуст, 45, 12).

***

...Верх зла <пьянства> в том, что этот недуг делает для пьяницы недоступным небо и не дозволяет достичь вечных благ, так что вместе с позором здесь и там ожидает страдающих этим недугом тягчайшее наказание (свт. Иоанн Златоуст, 45, 13).

***

Хочешь быть далеко от пьянства? Избегай увеселений и роскошных столов, и с корнем вырви этот порок (свт. Иоанн Златоуст, 45, 167).

***

...Опьянение есть не что иное, как неестественное исступление души, извращение помыслов, недостаток рассуждения, отсутствие соображения. А это происходит не от одного опьянения вином, но и от опьянения гневом и непристойною похотью (свт. Иоанн Златоуст, 45, 482).

***

Не от вина происходит пьянство, — вино есть создание Божие, а создание Божие не причиняет ничего худого, — но порочная воля производит пьянство (свт. Иоанн Златоуст, 45, 482).

***

Будем же воздерживаться от пьянства; не говорю: будем воздерживаться от вина, но: будем воздерживаться от пьянства (свт. Иоанн Златоуст, 45, 482).

***

...Пьяный бывает хуже... бесноватого. Бесноватого все мы жалеем... а на этого гневаемся и негодуем. Почему? Потому что у того болезнь от (диавольской) напасти, а у этого от беспечности; у того от козней врагов, а у этого от козней собственных помыслов (свт. Иоанн Златоуст, 45, 483).

***

...Пьянство есть несчастие, над которым смеются, болезнь, над которою издеваются, произвольное беснование, — оно хуже умопомешательства (свт. Иоанн Златоуст, 45, 483).

***

...Пьянство, овладевая умом пьянствующих, как бы распутным юношею, и пленив их рассудок, заставляет их истрачивать весь запас мыслей неосмотрительно и без всякой осторожности (свт. Иоанн Златоуст, 45, 483).

***

Бессловесные животные пьют дотоле, пока чувствуют жажду, и ограничивают пожелания потребностию, а этот (пьяница) по невоздержанию своему простирает пожелание далее потребности и становится безрассуднее бессловесных (свт. Иоанн Златоуст, 45, 483).

***

Пьянство есть добровольное неистовство, утрата рассудка... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 483).

***

Такой человек <пьяница> неприятен для друзей, смешон для врагов, презирается слугами, отвратителен для жены, несносен для всех, противнее самых бессловесных (свт. Иоанн Златоуст, 45, 483).

***

Пьяный не знает, что нужно говорить и о чем молчать, но постоянно открыт рот его; нет ни затвора, ни дверей на устах его; пьяный не умеет распоряжаться речами своими с рассуждением, не умеет расположить богатства мыслей, не умеет одно приберечь, а другое издержать, но все тратит и извергает (свт. Иоанн Златоуст, 45, 483).

***

Особенно же тяжело то, что эта болезнь <пьянство>, полная стольких зол и производящая столько несчастий, даже и не считается виной... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 483).

***

Пьяный жалок более мертвого. Этот лежит бесчувственный и не может делать ни добра, ни зла; а тот способен делать зло и, зарыв душу, как в могиле, в своем теле, мертвым являет свое тело (свт. Иоанн Златоуст, 45, 484).

***

Вот прекрасное опьянение: насыщай душу свою Духом, чтобы не насыщать ее пьянством; наперед займи этим свою душу и свои помыслы, чтобы не нашла места в них та бесстыдная страсть (свт. Иоанн Златоуст, 45, 484).

***

...Даже и удовольствием не может воспользоваться пьяница, потому что удовольствие — в умеренности, а в неумеренности — бесчувственность (свт. Иоанн Златоуст, 45, 711).

***

Кто самого солнца не может видеть от густого облака опьянения, тот как может наслаждаться радостию? (свт. Иоанн Златоуст, 45, 711).

***

Что может быть несчастнее пьяницы, когда он за малое удовольствие лишится наслаждения... Царством <Небесным>? (свт. Иоанн Златоуст, 45, 711).

***

Всегда, возлюбленные, пьянство зло, но особенно в день <памяти> мучеников. Здесь вместе с грехом есть и величайшее оскорбление, и глупость, и унижение Божественных вещаний, поэтому может быть и двойное наказание (свт. Иоанн Златоуст, 45, 712).

***

...Не то худо, чтобы употреблять вино в меру, но предаваться пьянству и вследствие неумеренности утрачивать здравый смысл (свт. Иоанн Златоуст, 47, 74).

***

Как судно переполненное скоро погружается и тонет, так и человек, предавшись объядению и пьянству, несется в бездну, потопляет свой разум и лежит, наконец, как живой труп, часто могущий еще сделать что-либо худое, а на добро способный не более мертвых (свт. Иоанн Златоуст, 47, 76).

***

...Может ли быть что несчастнее человека, преданного пьянству, каждый день наполняющего себя вином и теряющего рассудок? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 301).

***

...Дурное дело пьянство; оно может притупить чувства и помрачить разум. Человека разумного и получившего владычество над всем, оно делает как бы мертвым и бездейственным... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 301).

***

...Пьянство есть своевольный демон, который хуже настоящего демона помрачает ум и отнимает у одержимого им всякую скромность (свт. Иоанн Златоуст, 47, 304).

***

Пьянство... само по себе может служить вместо всякого наказания, наполняя души смятением, исполняя ум мраком, делая его пленником, подвергая людей бесчисленным болезням внутренним и внешним (свт. Иоанн Златоуст, 49, 67—68).

***

...<Пьянство> прежде всего повреждает ум, потом приводит к скупости, так как тому, кто не имеет ничего, чтобы уплатить, нужно предаваться скупости. А узы скупости железны, подобно тому как если ты свяжешь какой-либо член узами, то вместе с ним влачится и все тело, куда бы ни влачились узы. Недостаточно и этого: пьяница теряет силу, становится скупым, грабителем, гневливым, ревнивцем, жестоким и безумным (свт. Иоанн Златоуст, 49, 348).

***

Не презирай вина, но презирай пьянство (свт. Иоанн Златоуст, 50, 591).

***

Ужели вино... причиною такого зла <пьянства>? Нет, не вино, а невоздержание тех, которые злоупотребляют вином. Итак, лучше скажи: исчезни пьянство, погибни роскошь! А если скажешь: пропади вино, то можешь вслед за тем сказать: ...пропади ночь — потому что есть воры, пропади свет — потому что есть клеветники; да погибнут жены — потому что есть блудницы. Таким образом ты все, наконец, захочешь истребить (свт. Иоанн Златоуст, 50, 591).

***

...Употребляй меньше вина, потому что от пьянства рождается блудодеяние, сквернословие и прочие дурные похоти (свт. Иоанн Златоуст, 50, 592).

***

Целомудрие ли стяжал кто-либо, стыдливость ли, пристойность ли, кротость ли, смирение ли — все это пьянство повергает в море нечестия (свт. Иоанн Златоуст, 50, 593).

***

Нельзя пьянице видеть Царствия Небесного... И что я говорю: Царствия Небесного? Пьяный не видит и настоящих предметов; пьянство дни превращает для нас в ночи, свет во тьму; пьяный, смотря во все глаза, не видит и того, что у него под ногами (свт. Иоанн Златоуст, 50, 593).

***

<Пьянство> — многообразный и многоглавый зверь... здесь вырастает у него блуд, там гнев, здесь тупость ума и сердца, а там постыдная любовь (свт. Иоанн Златоуст, 50, 715).

***

Не одних пьяниц постигнет наказание, но вместе с ними и соучастников их, — и весьма справедливо, потому что они самих себя губят и о спасении ближних нерадят (свт. Иоанн Златоуст, 50, 781).

***

Храм Божий — это те, в ком обитает Дух Божий; храмом идолов являются те, которые оскверняют себя пьянством и невоздержанием (свт. Иоанн Златоуст, 51, 860).

***

Как в осажденном городе бывает великое беспокойство и смятение, когда вторгаются в него неприятели, так бывает и в душе, когда нападает на нее пьянство и сластолюбие (свт. Иоанн Златоуст, 52, 254).

***

...Когда мы не пьяны, то думаем, что можем преодолеть эту страсть; а когда предадимся ей, то уже не думаем (свт. Иоанн Златоуст, 55, 35).

***

...Не вино производит пьянство, но злая воля и неумеренное его употребление (свт. Иоанн Златоуст, 55, 75).

***

Христос хочет обитать у тебя; а ты попираешь Его объядением, пьянством? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 170).

***

Предающиеся пьянству, чем более вливают в себя вина, тем более распаляются жаждой, и каждый глоток делается поджогой жажды; в конце концов, удовольствие пропадает, между тем жажда делается неутолимой и приводит на самый край пьянства тех, кто стал его пленником...

больше всего можно удивляться безумию людей, преданных пьянству, что они не хотят пощадить себя даже и в той мере, в какой другие щадят мехи... Разве для того дано тебе горло, чтобы ты наполнял его до самого рта перекисшим вином и иною гнилью? Не для того, а чтобы ты воссылал святые молитвы Богу, читал Божественные законы и подавал ближним полезные советы (свт. Иоанн Златоуст, 55, 571).

***

...Человек, когда предается объядению и пьянству, падает в бездну, потопляет разум и лежит затем, как живой мертвец, который часто может делать зло, а в отношении ко всему доброму находится в ничуть не лучшем состоянии, чем мертвец (свт. Иоанн Златоуст, 55, 572).

***

Если и Ной искушен был плодом собственного своего делания, не знав, что с ним стало от вина; и Лот, обезумленный вином, невольно на старости соделался отцом; и Ирод, став игралищем упоения, кровью святого Иоанна обагрил трапезу свою и сердце; и все неразумные проступки людей возникли от вина; то для чего навлекаешь на себя произвольное безумие и не заботишься о целомудренной соразмерности? (прп. Исидор Пелусиот, 60, 129—130).

***

Пьянство... служит причиною стольких зол, что Слышатель неизреченных глаголов в раю поставляет его вне Царствия Божия. Посему не будем пренебрегать сей великой болезни, как малого недуга (прп. Исидор Пелусиот, 60, 164).

***

Пей вина как можно меньше; на сколько убавляется его мера, на столько же оно и благодетельно пиющим (прп. Нил Синайский, 72, 236).

***

Горе ругателю и вместе с ним пьянице! В один ряд поставляются они с убийцами и наказываются вместе с прелюбодеями (прп. Нил Синайский, 72, 254).

***

Ужасный порок — пьянство! Это страсть, недуг, входящий в телосложение послаблением желанию, принимающий от навыка силу естественного качества (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 378).

****

В монастырь аввы Антония сделано было приношение, в котором был небольшой бочонок вина. Один из старцев, налив в малый сосуд и из него в чашу, поднес ее авве Сисою. Авва выпил; поднес потом вторую, он принял и вторую. Когда же старец предложил ему третью, авва не принял и сказал: «Перестань, брат! Или ты не знаешь, что есть сатана?» (97, 249).

***

Однажды в Скиту сделано было для братии угощение. Одному из старцев подали чашу вина. Он отказался выпить ее, сказав подавшему: «Унеси от меня эту смерть». Прочие, увидев это, также не стали пить вина (106, 482).

***

Пришла однажды сестра к блаженной Сарре и принесла с собою снеди и вино. Сотворив метание, подала это блаженной. Та все взяла, кроме вина, присовокупив: «Возьми от меня смерть». Потом, посмотрев на принесшую, сказала: «Как ты, юная, дерзаешь касаться вина или даже обонять запах его?» Монахиня ответила: «Госпожа моя, если не пью вина, тяготится мое чрево». Говорит ей святая: «А если не отяготится чрево, если не поболишь им, если не утончится тело твое и не станет как древо сухое, то как вселится в душу твою благодать Духа? Побойся Бога. Вот уже 59 лет я в келье сей, и благодатию Христовою никогда не вкушала вина...» (103, 55).

***

Однажды бес сказал одному египетскому пустынножителю: «Соверши один из грехов — убийство, блуд или пьянство, и после этого я не буду уже искушать тебя». Пустынник подумал: «Убийство страшно и по земным, и по небесным законам; блуд — стыдно губить чистоту и касаться скверны; упиться же один раз — небольшой грех, протрезвею. Пойду упьюсь и буду жить спокойно». Взяв рукоделие, пошел в город, продал все и напился. По действию сатаны случилось ему беседовать с прелюбодейной женщиной. Он впал в грех с нею, но пришел муж ее и начал бить пришельца. Пустынник начал с ним драться и, одолев, убил мужа. Таким образом, он совершил все три греха; каких грехов он боялся и гнушался трезвым, смело совершил пьяный и через то погубил многолетние свои труды (107, 78—79).

ИСТОЧНИКИ

1. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1902.

2. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1902.

3. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1903.

4. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1903.

5. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1900.

6. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1900.

7. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1900.

8. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1901.

9. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 5. ТСЛ, 1901.

10. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

11. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1902.

12. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 1. М., 1843.

13. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 2. М., 1844.

14. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 3. М., 1844.

15. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 4. М., 1844.

16. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 5. М., 1847.

17. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 6. М., 1848.

18. Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. М., 1861.

19. Творения святого Григория Нисского. Ч. 2. М., 1861.

20. Творения святого Григория Нисского. Ч. 3. М., 1862.

21. Творения святого Григория Нисского. Ч. 4. М., 1862.

22. Творения святого Григория Нисского. Ч. 5. М., 1863.

23. Творения святого Григория Нисского. Ч. 6. М., 1864.

24. Творения святого Григория Нисского. Ч. 7. М., 1865.

25. Творения святого Григория Нисского. Ч. 8. М., 1871.

26. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 1. М., 1994.

27. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 2. М., 1994.

28. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 3. М., 1994.

29. Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. 10-е изд. Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни: Свято-Троицкая Лавра, 1913.

30. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 1. М., 1881.

31. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 2. М., 1881.

32. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1912.

33. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1900.

34. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 5. М., 1887.

35. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

36. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1913.

37. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 8. ТСЛ, 1914.

38. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1905.

39. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1886.

40. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 3-е изд. Т. 3. СПб., 1905.

41. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетическая проповедь. 3-е изд. Т. 4. СПб., 1905.

42. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Приношение современному монашеству. 3-е изд. Т. 5. СПб., 1905.

43. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина: Точное изложение православной веры. СПб., 1894.

44. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. 2-е изд. Т. 1: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

45. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 2: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1896.

46. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 3: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1897.

47. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 4: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

48. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 5: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1899.

49. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 6: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1900.

50. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 7: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1901.

51. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 8: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1902.

52. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 9: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1903.

53. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 10: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1904.

54. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 11: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1905.

55. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 12: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1906.

56. Писания преподобного отца нашего Иоанна Кассиана Римлянина. 2-е изд./Пер. с лат. еп. Петра. М., 1892.

57. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. 7-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1908.

58. Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирина, подвижника и отшельника, бывшего епископом града Ниневии: Слова подвижнические. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893.

59. Преподобного и богоносного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского: Духовно-нравственные слова. 2-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1911.

60. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 1. М., 1859.

61. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 2. М., 1860.

62. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 3. М., 1860.

63. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Письма. 2-е изд. Ч. 1. Киев, 1891.

64. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Трактаты. 2-е изд. Ч. 2. Киев, 1891.

65. Творения святых отцев в русском переводе, издаваемые в Московской Духовной Академии/Творения святителя Кирилла Александрийского. Т. 49. Ч. 2. ТСЛ, 1882.

66. Творения иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа Иерусалимского. М., 1855.

67. Преподобного отца нашего Макария Египетского: Духовные беседы, послания и Слова. 4-е изд. ТСЛ, 1904.

68. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе: Нравоучительные сочинения. Ч. 1. ТСЛ, 1910.

69. Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника: Нравственно-подвижнические слова. 2-е изд. Сергиев Посад, 1911.

70. Невидимая брань, блаженной памяти старца Никодима Святогорца. 2-е изд.: В 2 ч./Пер. с греч. еп. Феофана. М., 1892.

71. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 1. М., 1858.

72. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 2. М., 1858.

73. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 3. М., 1859.

74. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 1. М., 1874.

75. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 2. М., 1874.

76. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 1. М., 1892.

77. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 2. М., 1890.

78. Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова. Сергиев Посад, 1917.

79. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 1. М., 1898.

80. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 2. М., 1898.

81. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3. М., 1898.

82. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 4. М., 1899.

83. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 5. М., 1899.

84. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 6. М., 1900.

85. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900.

86. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 8. М., 1901.

87. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?//Письма еп. Феофана. 5-е изд. М., 1904.

88. Внутренняя жизнь: Слова епископа Феофана. Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1893.

89. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 1. М., 1883; 3-е изд. М., 1895.

90. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 2. М., 1884.

91. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 3. М., 1888; 3-е изд. М., 1900.

92. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 4. М., 1889.

93. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 5. М., 1890; 3-е изд. М., 1900.

94. Писание мужей апостольских/Пер. прот. Петра Преображенского. 2-е изд. СПб., 1895.

95. Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на Святой Афонской горе просиявших. 3-е изд. Ч. 1, 2. СПб., 1897.

96. Глинский патерик/Схиархим. Иоанн Маслов. М., 1997.

97. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. М., 1845.

98. Древний патерик: Изложенный по главам. М., 1874.

99. Жизнь пустынных отцев/Творение пресвит. Руфина. ТСЛ, 1898.

100. Киево-Печерский патерик/Сост. М. Викторова. Киев, 1893.

101. Лавсаик/Сост. Палладий, еп. Еленопольский. СПб., 1850.

102. Луг духовный/ Творение блаженного Иоанна Мосха. Сергиев Посад: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915.

103. Митерикон: Собрание наставлений аввы Исаии всечестной инокине Феодоре. 2-е изд./Пер. еп. Феофана. М., 1898.

104. Московский патерик/Сост. Е. Поселянин. М.: Изд. Московского дворянства, 1912.

105. Оптинский патерик/Б-ка Московской Духовной Академии. (Машинопись. Инв. № 123611).

106. Отечник/Еп. Игнатий (Брянчанинов). 4-е изд. СПб., 1903.

107. Отечник проповедника/Сост. игум. Марк (Лозинский). ТСЛ, 1996.

108. Палестинский патерик/И. Помяловский. Вып. 3. СПб., 1893.

109. Патерик Вольно-Почаевский/Сост. прот. А. Хойнацкий. М., 1883.

110. Практическая симфония/Сост. Г. Дьяченко. М., 1912.

111. Духовный мир/Сост. Г. Дьяченко. М., 1900.

112. Пролог в поучениях/ Прот. В. Гурьев. М., 1912.

113. Соловецкий патерик. М., 1895.

114. Троицкие цветки с луга духовного/Сост. архим. Кронид (Любимов). ТСЛ, 1997.

115. Троицкий патерик. ТСЛ, 1896. (Репринт).

116. Цветник духовный. 5-е изд.: В 2 ч. М., 1903.

117. История боголюбцев, или повествование о святых подвижниках/Блаж. Феодорит, еп. Кирский. СПб., 1853.

118. Святого отца нашего, Григория Двоеслова, епископа Римского. Собеседования о жизни италийских отцев и бессмертии души. Казань, 1853.

119. Тверской патерик: Краткие сведения о тверских местночтимых святых. Казань, 1907.

120. Маргарит или избранные душеспасительные изречения, руководящие к вечному блаженству. М., 1882.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Помощь Божия 5
Помыслы 48
Причины возникновения помыслов 48
Последствия воздействия помыслов 59
Борьба с помыслами 73
Откровение помыслов 103
Помыслы хульные 105
Блуждание помыслов 108
Чистота помыслов 109
Поношение 125
Попечения 128
Порок 133
Послушание 165
Пост 187
Что такое пост 187
Цель поста 193
Подготовка к посту 204
Мера поста 206
Истинный пост 209
Духовный пост 224
Плоды поста 227
Польза поста 231
Мнимый пост 251
Отвержение поста 259
Похвала 265
Похоть 279

Правда 299
Праведность 309
Праздники 326
Празднословие 331
Праздность 339
Превозношение 344
Прелесть 350
Прелюбодеяние 373
Пресыщение 381
Привычка 388
Пример 393
Примирение 397
Пристрастие 407
Причащение 417
Причащение — дар Божий 417
Значение причащения 419
Приготовление ко причащению 422
Плоды причащения 436
Искушения перед причащением 442
Как часто нужно причащаться 443
Недостойное причащение 447
Произволение 463
Промысл 467
Пророчества 496
Прославление Бога 499
Простота 505
Прошения 508
Прощение 527
Псалмопение 537
Пьянство 547

УДК 27-9
ББК 86.372-574
С-59

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том VIII

Издание Московской Духовной Академии
и Введенской Оптиной Пустыни, 2007

249700, Калужская обл., г. Козельск,
Введенская Оптина Пустынь.
Издательский отдел, тел.: (095) 421-71-41

Зак. 3532. Тираж 5000 экз. ОАО «Первая Образцовая типография»
115054, Москва, Валовая, 28

ISBN 5-86594-072-4

© Введенская Оптина Пустынь, 2006

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том IX

Рабство — Слух

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
И ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
2007

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

Р

РАБСТВО

Рабство телесное

Притяжах рабы и рабыни (Еккл. 2, 7). За какую, скажи мне, цену? Какое из существ нашел ты равноценным этому роду? Какой монетой оценил разум? Сколько оволов поставил за образ Божий? За сколько статиров купил богозданную природу? ***Рече Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию*** (Быт. 1, 26). И этого по Божию подобию сущего князя всей земли, от Бога наследовавшего власть над всем, что на земле, скажи мне, кто продает и кто покупает? Одному Богу возможно это; лучше же сказать, и Сам Бог не может сего. ***Нераскаянна бо,*** как сказано, ***дарования Его*** (ср.: Рим. 11, 29). Поэтому естества нашего не поработит и Бог, Который призвал в свободу нас, самовольно поработившихся греху. Если же Бог не порабощает свободного, кто владычество свое поставил выше Божия? Как будет продан князь всей земли и всего, что на земле? Ибо совершенно необходимо, чтобы вместе было продано и достояние покупаемого. Во сколько же оценим то, что в целой земле? А если это неоценимо, то скажи мне, какой цены достоин тот, кто выше сего? Если

наименуешь целый мир, то и тогда не найдешь достойной цены. Ибо Ведущий, как в точности оценить естество человеческое, сказал, что и целый мир — недостойный выкуп за душу человеческую (см.: Мф. 16, 26). Посему, когда продается человек, не иное что выводится на торжище, как господин земли. А поэтому вместе с ним провозглашена будет продажною и тварь, т. е. земля, море, острова и все, что на них. Итак, чем же будет платить за это покупающий? Что получит продающий, когда такое приобретение последует за обменом? Но небольшая книжка, письменный договор, отчисление оволов обманули тебя, будто бы ты стал владыкою образа Божия. Какое безумие! Если договор утратится, если писание источит моль, или смоет упадшая откуда-нибудь капля воды, где у тебя будут поручительства? Где у тебя права на владычество? (свт. Григорий Нисский, 19, 258—259).

***

Вот, в самом деле, брата <Хама>, рожденного одной и той же матерью, происшедшего из одной и той же утробы, грех сделал рабом и, лишив свободы, привел в подчинение. Отсюда-то началось рабство (свт. Иоанн Златоуст, 47, 307).

***

До того времени <греха Хама> между людьми не было такой изнеженности и такой роскоши, чтобы один нуждался в услужении других, но каждый служил сам себе, все были в равной чести и не было никакого неравенства. А как явился грех, то и нарушил свободу и уничтожил достоинство, дарованное людям от природы, и ввел раб-

ство, дабы это было постоянным уроком и внушением роду человеческому — убегать рабства греха и стремиться к свободе добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 47, 307).

***

...Первый человек за преступление подвергся осуждению смерти и положил начало жизни в печалях и трудах, а Хам ввел рабство (свт. Иоанн Златоуст, 47, 307—308).

***

И будет, сказано, ***Ханаан отрок раб братиям своим*** (ср.: Быт. 9, 25). Ты не воспользовался, говорит, по надлежащему честию, не вынес счастия — быть равным по достоинству (с братьями), — потому хочу, чтобы ты вразумился подчинением (свт. Иоанн Златоуст, 47, 308).

***

...<Но> рабству теперь одно имя: раб тот, кто делает грех. А что Христос, пришедши на землю, уничтожил и это (рабство) и оставил одно только имя его или, лучше сказать, уничтожил и самое имя, об этом послушай <апостола> Павла, который говорит: ***имущии же верных господий да не нерадят о них, понеже братия суть*** (1 Тим. 6, 2). Видишь, как добродетель только явилась, то и привела в братское сродство тех, которые дотоле связаны были именем рабства (свт. Иоанн Златоуст, 47, 308).

***

А вот самое тяжкое рабство, когда хвалящиеся свободою раболепствуют (свт. Иоанн Златоуст, 47, 311).

***

Бог для того дал нам руки и ноги, чтобы мы не имели нужды в слугах; и не нужда ввела сословие рабов, — иначе вместе с Адамом был бы сотворен и раб, — но это есть следствие греха и наказание за преслушание (свт. Иоанн Златоуст, 53, 421).

Рабство духовное

...Кто боится Господа и соблюдает Его заповеди, тот есть раб Богу. Но это рабство, в котором и мы находимся, не есть рабство, но праведность, ведущая к сыновству. Господь наш избрал апостолов и вверил им благовестие Евангелия. Данные ими заповеди установили для нас прекрасное рабство, чтобы мы господствовали над всеми страстями и совершали прекрасное служение добродетели. Но когда мы приступим ближе к благодати, Господь наш Иисус Христос скажет и нам, как сказал Апостолам Своим: ***Я уже не называю вас рабами, но друзьями Моими и братьями: потому что все, что слышал от Отца Моего, сказал вам*** (ср.: Ин. 15, 15). Приступившие к благодати опытно познают движения Духа Святаго и свое уразумевают духовное устроение; уразумевши же и познавши это, взывают, говоря: ***неприяхом духа работы в боязнь, но Духа сыноположения, о Нем же вопием: Авва Отче!*** (ср.: Рим. 8, 15) (прп. Антоний Великий, 89, 29).

***

Славно духовное подвижничество, но много у него противников. Кто хочет быть совершен в нем, тот не должен быть работен ничему худому. Кто рабствует чему-либо худому, тот далеко отстоит от предела совершенства (прп. Антоний Великий, 89, 40).

***

Свободен тот, кто не рабствует сластям (чувственным удовольствиям), но господствует над телом посредством рассуждения и целомудрия, и с полной благодарностью довольствуется тем, что подает ему Бог, хотя бы то было очень умеренно... (прп. Антоний Великий, 89, 73—74).

***

...Как от всестороннего воздержания порождается крепость пребывания в добродетели, так от небрежности в сем отношении всякое тиранство греха. Смотрите же, не возвращайтесь опять к сему рабству, освободившись от него через вступление в настоящее звание ваше с подобающими обетами и не навлекайте на свою голову двоякой муки — за падения после крещения и после принятия схимы (прп. Феодор Студит, 92, 62).

***

Днесь послушаемся гласа Его, и не станем более прогорчевать Его, не поползнемся, как древние (евреи в пустыне) на ропот по причине неверия, и потечем не ленясь в землю обетованную, в которую доходят путем тесным и прискорбным. Если бы тогдашние послушали Иисуса Навина, вождя своего и Халева Иефониева, то имели бы наследовать обетованное Богом. Но как они тяготились и малодушествовали идти тем путем трудным, и убоялись сопротивления встречаемых народов, несмотря на помощь непобедимой силы Божией, то преданы были истреблению, — и погибла память их с шумом. То же самое сбудется и с нами ныне. Ибо если вы будете слушаться нас недостойных и не дадите хребта, не засядете так же за котлы плотоугодия, помышляя о рабстве египетском, и

о рабстве страстям мира сего, от коего освобождены вы благодатью и благоволением Божиим, но воодушевитесь вместе с нами и восстанете бодренно, с сердцем пламенеющим ревностью, обувши ноги во уготование благовествования мира, облекшись в броню веры несомненной, и всякой молитвою молясь на всяко время духом (см.: Еф. 6, 14—18), — то мы с вами и путь духовный совершим благоуспешно, попирая и препобеждая встречающиеся инородные и варварские страсти, и Иордан прейдем мысленно через слезы, и наследуем землю оную, на которой произрастает бессмертная жизнь и плодородие ум превышающих благ (прп. Феодор Студит, 92, 102—103).

***

...Кто, в здравом уме находясь, решится предать себя в рабство, будучи господином? Кто, обладая всыновлением Богу, согласится называться породою диавола? Кто, отбросив неизреченное благородство добродетели, изберет причислиться к низкородной страстной жизни? Кто от богатства духовного взыщет перейти в бедноту и оскудение в душе? Кто предпочтет потерять Царство Небесное, чтобы приобрести огонь и тьму, и другие страшные муки вечные? Не здравоумных это дело и не непотерявших смысла шаг, но неких безумных и бесчувственных, чтобы созданные по образу и подобию Божию для наследия вечных благ произвольно через бессловесное сластолюбие низошли в глубины ада на вечное осуждение (прп. Феодор Студит, 92, 169).

***

...Воспомянем же оные дни юности нашей, когда мы или ходили в неведении, как во тьме, или влаялись в течении дел суетных, как в волнах морских, или погру-

жались в плотские удовольствия, как в бездну водную; затем помянем, как оттуда вызвал нас благой Бог и, простерши руку, исторг и путь мирный показал, внушив нам притещи к сему светлому и святому образу жития; присовокупим и то, что между тем, как столько и толиких родных наших, знаемых, друзей и приятелей остались в том же горьком положении, мы одни, как от египетского рабства, избавлены от него, и возведены на высокую гору жительства сего, и отсюда взирая долу, видим, как люди, вращаясь как в глубочайшем некоем рве, всуе мятутся, друг друга толкают, друг друга сбивают с ног, домогаясь в поте лица, как чего-то великого, земных благ непостоянных, скоро преходящих и тленных, и что еще сожалетельнее, имея в воздаяние за то попасть в ад на вечное мучение... (прп. Феодор Студит, 92, 204—205).

***

Вы, как видится, некие израилиты есте, избавленные от руки фараона невидимого, от горького плинфоделания в рабстве страстям и от темного Египта мирской суеты, которые потом, при прохождении пустыни подвижнической прискорбной жизни, когда встретились тяжелые прискорбности, не возблагодарили Бога и не воздали славу Ему, чтоб, ради такого доброго расположения, пришло потребное по Божиему промышлению, но возроптали на Бога, говоря как бы: лучше бы нам умереть в Египте, припоминая котлы египетские и разумея под ними каждый, что наиболее услаждало его в мире (прп. Феодор Студит, 92, 221—222).

***

...Даю вам слово верное, перед невидимым Богом и избранными Его Ангелами, что, нудя себя, по слову Госпо-

да, что *Царствие Божие нудится* (ср.: Мф. 11, 12), нудя себя и утесняя во всем, как вы себя утесняете, по причине тесноты и прискорбности пути вашего, перейдете вы от смерти в живот, от тления в нетление, от тьмы в свет, от рабства к всыновлению Богу, из юдоли плача в Царство Небесное пресветлое и всерадостное (прп. Феодор Студит, 92, 358).

***

Нерадение наше отгоняя и ревность возбуждая, Апостол сказал: *Господь близ; ни о чемже пецытеся, но во всем молитвою и молением со благодарением прошения ваша да сказуются к Богу* (Флп. 4, 5—6). Не будем же нерадеть, но да крепимся и мужаемся на делание дела, к коему призвал нас Господь. Ибо это Он призвал нас из общенародного пребывания к монашеской жизни, это Он облек нас в ризу спасения и одеждою веселия одел; это Он искупил нас от клятвы законныя, быв по нас клятва. *В свободе убо, еюже Христос нас свободи, будем стоять и опять под иго работы не отдадим себя* (ср.: Гал. 5, 1). Не допустим себя опять стать добровольными рабами страстей. Раб, златом искупленный, никак не согласится опять поступить в рабство; но куда-нибудь подальше удалившись от места своего рабства, радуется там, что сподобился освободиться от рабского тиранства; хотя рабство не есть уже что-либо особенно злое. Ибо Апостол говорит: *раб ли призван был еси? да не печалишися; но аще и можеши свободен быти, болше поработи себе. Призванный бо о Господе раб, свободник Господень есть; такожде и призванный свободник, раб есть Христов* (ср.: 1 Кор. 7, 21—22). И однако, все же верно, что освободившемуся нежелательно опять жить под игом рабства. — Кольми паче мы, освобождены будучи от греха, должны

как можно дальше держать себя от него (прп. Феодор Студит, 92, 403—404).

***

...О дар неизъяснимый! От чего и к чему привел Он <Бог> нас? От смерти в живот, из тьмы в свет, из рабства на свободу, от вражды в искреннее содружество, и до того простер милость, что соделал нас *сообразными образу Сына Своего* (ср.: Рим. 8, 29) (прп. Феодор Студит, 92, 436).

***

...Вам же можно помышлять о сем и без страха, вам, говорю, благопослушным, и все попечение возложившим на силу послушания: ибо такова действительно жизнь в истинном послушании. Но какое оправдание перед страшным Престолом Христовым уготовят себе те, кои отвращаются от послушания и живут в одиночку, кружатся туда и сюда и не находят, где твердо стать ногами своими? Увы, какая горесть! Как зло увлекательно! Как обратились вспять право шествовавшие путем монашеского жития? *Лучше бо бе им не познати пути правды, нежели познавшым возвратитися вспять от преданныя им святыя заповеди. Случися бо им истинная притча: пес возвращься на свою блевотину, и: свиния, омывшися, в кал тинный* (2 Пет. 2, 21—22). Что ты, друже, что ты? Ярмо раба тянешь?! Так оправдываются оставляющие обитель, чтобы жить в одиночку, говоря, что в обители рабство. Ты, сбросивший иго мира, бежавший от него и освободившийся от всех обычаев плотских? Уж не взять ли тебе и жену! Ибо эти две вещи неразлучные суть принадлежности мира и того, что в мире. — Для тех же, кои

ведут крестоносную жизнь, чуждо то и другое. — Но причина сему, как обычно, грех. Поелику мы страстолюбивы и сребролюбивы, то само собою прилагается к нам и женолюбие. Затем, чтобы не было свидетеля и обличителя того, что бывает отай <сокрыто>, брата иметь сожителем не хотим, а избираем одиночество, или прямее, рабство любостяжательности, как совсем уже продавшие себя греху и ставшие рабами плоти и крови. Отсюда разложение внутреннего строя; отсюда соблазны; отсюда падения... (прп. Феодор Студит, 92, 438—439).

***

...Что же скажем на это мы бедные, и что подумаем? Возвратимся ли опять на грех? Возжелаем ли рабства? Изберем ли бесчестие, тление и осуждение? — Да не будет. — ***Иже бо умрохом греху, как еще будем жити в нем? Или не разумеете, яко елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещением в смерть: да якоже воста Христос от мертвых славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни ходити начнем*** (ср.: Рим. 6, 2—4)... (прп. Феодор Студит, 92, 488).

***

...О, сколь неизреченно Божие человеколюбие! Пришел Владыка в рабском зраке к убегшему рабу, чтобы освободить его от рабства диаволу. Пришел свет истинный взыскать драхму погибшую, чтобы вызвать его из мрака греховного. Не необходимо ли потому и нам смиренным, подражая всеблагому Господу, о каждом из вас и болезновать, и говорить, и самую душу за него полагать?.. (прп. Феодор Студит, 92, 569).

***

И блаженна душа, помышляющая о сем <о скоротечности жизни и внезапной смерти> день и ночь, проводящая временную жизнь, как странница, пришельствующая здесь и чающая блаженной оной и нескончаемой жизни, о коей говорит Апостол: *чаяние бо твари откровения сынов Божиих чает. Суете бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю, на уповании, яко и сама тварь свободится от работы истления в свободу славы чад Божиих* (Рим. 8, 19—21). Видишь, что обещается? Что все претворится в нетление и тварь из рабства преложится в свободу. — Каков убо будет день оный, о коем говорит святой Давид: *лучше день един во дворех Твоих паче тысящ* (Пс. 83, 11); и святой Петр апостол: *день един... яко тысяча лет* (ср.: 2 Пет. 3, 8) (прп. Феодор Студит, 92, 585—586).

***

...Написано: *кто хочет друг быти миру, враг Божий бывает* (ср.: Иак. 4, 4). Или не знаете, что любовь к миру сему не дает душе с вожделением отнестись к исходу из тела? Ибо как Израиль стремился освободиться от рабства египетского и войти в землю обетованную, так и нам надобно усильно желать освободиться от работы тлению в теле сем и внити *во внутреннейшее завесы, идеже предтеча о нас вниде Иисус* (Евр. 6, 19—20), т. е. в сокровищницу благ Вышнего Иерусалима... (прп. Феодор Студит, 92, 610).

РАВНОДУШИЕ

Кто при любви своей равнодушен к недостаткам любимого, тот ненавидит <его>, сам того не сознавая (прп. Ефрем Сирин, 34, 321).

***

Если мы не будем и к добродетели стремиться с любовию и охотою, и к пороку не будем питать великой ненависти, то не в состоянии будем ни избежать вреда от этого, ни достигнуть той (свт. Иоанн Златоуст, 47, 210).

***

Ты навлекаешь на себя величайшую ответственность, если, видя заблудшего, не хочешь помочь ему... Не может оправдать нас то, что у него есть свой ум, потому что и мы, многократно преподававшие наставления другим, часто в отношении к себе оказывались несостоятельными и не могли помочь самим себе. Так же рассуждай и о другом заблуждающемся, что он скорее может получить добрый совет от тебя, нежели от себя, и не говори: какая мне до него нужда?.. Оттого и происходят все роды зла, что мы считаем чужим принадлежащее нашему собственному телу (свт. Иоанн Златоуст, 53, 451).

***

Воспримем же все сие <день Страшного Суда> в чувство и пребудем в нем, усердно делая все, к чему это побуждать будет нас. Ибо кто равнодушен к этому, будьте уверены, что он уловлен страстями, дремлет в беспечности, тяжкосердствует, сластолюбствует, завидует, легкомысленничает, ленится, уткнувшись, как медведь в лапы, того только ищет, чтобы поесть и попить, рыкает, как лев, не получив удовлетворения своих злых пожеланий, прыгает, как леопард, от одного удовольствия к другому, ухитряется, как лисица, достигать искомого по своему сердцу, злится, как верблюд, в отмщении ближнему за какое-либо случайное опечаление, ржет, как конь, женонеистовствуя

на тела человеческие и скотские, бесстыдствует, как волк, в продерзости на погубление души своей и братней (прп. Феодор Студит, 92, 320).

***

...Для нас <монахов> удобно целый день заниматься делами спасения, если только захотим: утром разумно петь оную давидскую песнь: ***заутра услыши глас мой, заутра предстану Ти, и узриши мя*** (Пс. 5, 4); в третий час: ***Духа Твоего Святаго не отъими от мене*** (Пс. 50, 13); в час шестой: ***Избави мя от нападения беса полуденнаго и от стрелы, летящие во дни*** (ср.: Пс. 90, 5—6); в девятый: ***приклони, Господи, ухо Твое и услыши мя*** (Пс. 85, 1); вечером: ***благослови, душе моя, Господа...*** и следующие за сим (Пс. 103, 1). Если мы каждодневно так будем поступать, и друг друга возбуждать, и просвещать благими словесами и делами, а не расслаблять и омрачать беспечным равнодушием и пусторечием, то можем сим образом спастися, потому что от утра до вечера можем совершать одно достодолжное... (прп. Феодор Студит, 92, 344).

***

...Восстав от сна, поспешим на молитву; оттуда пришедши, возьмемся усердно за дело, — воспевая и поя в сердцах наших Господеви, и вместе работая руками. Прошел день? С благодарением и сокрушением отойдем ко сну; да таким преемством дел исполнится и в нас сказанное святым Давидом: ***день дни отрыгает глагол, и нощь нощи возвещает разум*** (Пс. 18, 3). Да не пройдут у нас ни день в равнодушии к делам и в пленениях мысленных и сердечных, ни ночь в поблажках покой плоти и в срамностях, не говорю — делом: да не будет! — но ниже

мысленно: так как слово истины требует, чтобы у нас не тело только было чисто, но и душа (прп. Феодор Студит, 92, 583).

РАДОСТЬ

...Делом исполнить какую-либо заповедь с радостью, во славу Божию, — вот что есть радость о Господе (прп. Антоний Великий, 89, 131).

***

Тебя по временам и редко посещает сия радость, по смотрению Божию, чтобы малое ее вкушение приводило тебе на память, чего ты лишился; а в праведнике постоянное божественное и небесное веселие, потому что в нем несомненно обитает Дух; первый же ***плод духа есть любы, радость, мир*** (ср.: Гал. 5, 22). Итак, ***радуйтеся, праведнии, о Господе*** (Пс. 32, 1). Господь для праведных есть как бы вместилище, вступившему в которое, по всей необходимости, должно благодушествовать и веселиться. И праведный делается местом для Господа, приемлющим Его в себя... Посему, пребывая в самом Господе и, сколько можем, созерцая чудеса Его, из созерцания сего будем таким образом приобретать сердцем своим веселие! (свт. Василий Великий, 5, 228).

***

Апостол... приглашает всегда радоваться не всякого, но того, кто подобен ему самому, не живет уже во плоти, но имеет живущего в себе Христа; потому что общение с

Высочайшим из благ никак не допускает сочувствия с тем, что беспокоит плоть (свт. Василий Великий, 8, 46).

***

...А надежда воскресения, а наслаждения ангельскими благами, Царство на небесах, обетованные блага, превосходящие силу разумения и слова! Как же всего этого признавать достаточною причиною к непрекращающейся радости и к непрестанному веселию (свт. Василий Великий, 8, 47—48).

***

<Разве> тот, кто пресыщает чрево, забавляется звуками свирели, возлежит на мягком ложе... проводит жизнь, достойную радости? ...Имеющим ум прилично о нем плакать, ублажать же должно тех, которые настоящую жизнь проводят в надежде будущего века и настоящее обменивают на вечное (свт. Василий Великий, 8, 48).

***

Соединившиеся с Богом, хотя пребывают в пламени, как три отрока в Вавилоне, хотя заключены вместе со львами, хотя поглощены китом, должны и нами быть ублажаемы, и сами проводить жизнь в радости, не скорбя о настоящем, но увеселяясь надеждою на уготованное нам впоследствии (свт. Василий Великий, 8, 48).

***

...Надежда делает <так>, что радость обитает в душе добродетельного (свт. Василий Великий, 8, 48).

***

Радование о совершившемся по заповеди Господней во славу Божию есть радость о Господе. Посему, когда исполняем заповеди Господни, или терпим что-либо за имя Господне, тогда должны мы радоваться и сорадоваться друг другу (свт. Василий Великий, 9, 259).

***

...Кого не возмущает ни один порок, сопровождает же всякая добродетель и все, что есть прекрасного, тот справедливо может веселиться непоколебимым и нескончаемым веселием, потому что веселие — спутник добродетели и благости (свт. Василий Великий, 9, 328).

***

Блажен, кто всегда исполнен духовной радости и неленостно несет благое иго Господне; потому что будет он увенчан во славе (прп. Ефрем Сирин, 30, 526).

***

...Когда у нас радость, будем ждать скорби, чтобы при избытке радости не забыть о слезах (прп. Ефрем Сирин, 30, 604).

***

Идущий... путем Христовым всегда радуется и веселится о Духе Святом, ожидая блаженного упования великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа (прп. Ефрем Сирин, 31, 223).

***

Почему... радость на небесах бывает больше о грешниках, приносящих покаяние, чем о праведниках, которые не согрешили? Потому что радость обыкновенно бывает после печали. Итак, поелику печаль бывает у тех, кои согрешили, то пусть будет и радость (им), когда они раскаиваются (прп. Ефрем Сирин, 37, 209).

***

...Одни только те, которые полагают свою радость в Господе, знают, как велика эта радость, и насколько она превосходит всякое сравнение (свт. Иоанн Златоуст, 44, 358—359).

***

Если желаешь радости, не ищи ни денег, ни телесного здоровья, ни славы, ни власти, ни веселия, ни роскошных трапез, ни шелковых одежд, ни многоценных полей, ни блистательных домов и ничего другого тому подобного, но устремись к любомудрию по Богу и держись добродетели; тогда ничто ни из настоящего, ни из ожидаемого не сможет опечалить тебя (свт. Иоанн Златоуст, 45, 209).

***

Радость... духовную и разумную производит не что иное, как сознание добрых дел, — посему, кто имеет добрую совесть и такие же дела, тот может постоянно праздновать (свт. Иоанн Златоуст, 45, 504).

***

...Духовная радость честно и благопристойно приводит душу в единение с Богом, наполняет сладостью также и тех, кто находится с таким человеком в сношениях (свт. Иоанн Златоуст, 45, 905).

***

...Сильная радость часто сопровождается такими же последствиями, какими и чрезмерная скорбь... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 696).

***

...Радость по Богу бывает продолжительна и тверда, надежна и постоянна, не нарушается никакими неожиданными обстоятельствами, но еще более возвышается от самых препятствий (свт. Иоанн Златоуст, 48, 46).

***

Праведники становятся блаженными вследствие своей радости. Они не услаждаются никакими житейскими благами, а одним только Богом... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 934).

***

Веселие же и радость суть умножение скорби. Остерегайся думать о радости, которая есть причина слез. Те, которые среди таких слез охватываются радостью, никогда не будут иметь здравия души (свт. Иоанн Златоуст, 49, 274).

***

Подобно тому как бесконечен Бог, так и радость, которая исходит от Бога, бесконечна; она всегда течет, всегда

цветет и никогда не иссякает; нечестивые же лишены такой радости (свт. Иоанн Златоуст, 49, 281).

***

Если кто радуется о благах <земных>, то радость его бывает временна: когда богатство его истощится, то вместе с ним исчезнет и радость. Подобно тому как свежие весенние цветы бывают приятны для глаз, а поблекшие неприятны, таким же образом и богатство отнимает радость от ума и, может быть, само первое отойдет от нас, или мы от него. Иной, может быть, будет радоваться из-за прекрасной жены, но и она — владение непрочное, радость временная, веселие преходящее, соединенная со многими огорчениями и подозрениями: потому-то эта радость временна. Но если ты полюбишь Господа, то милосердие Его будет вечным... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 367).

***

<Радость о Господе> — самая высокая радость, ею радовались и апостолы; это — радость, приносящая пользу; она имеет свое начало, корень и основание в узах, в бичеваниях, в гонениях, в худой молве, и вообще в предметах скорбных, но конец ее вожделенный (свт. Иоанн Златоуст, 52, 158—159).

***

...Если мы желаем наслаждаться радостью, то больше всего иного будем избегать порока и станем следовать добродетели, потому что иначе невозможно достигнуть радости, хотя бы мы взошли даже и на царский престол (свт. Иоанн Златоуст, 52, 495).

***

...Радуйся успехам брата, и вот — Бог прославляется и через тебя, и все скажут: благословен Бог, имеющий таковых рабов, свободных от всякой зависти, взаимно радующихся счастью друг друга (свт. Иоанн Златоуст, 52, 558).

***

Радость... по Богу сильнее всякого оружия, и кто имеет ее, того ничто не может привести в уныние и малодушие; напротив, он все переносит мужественно (свт. Иоанн Златоуст, 53, 466).

***

Настоящая <земная> радость всегда смешана с печалью и никогда не бывает чистою; а та <вечная> радость действительная, непритворная, не заключающая в себе ничего неискреннего, не имеющая никакой примеси... Получить ее возможно не иначе, как избирая здесь не приятное, но полезное, и даже испытывая некоторую скорбь добровольно, и с благодарностью перенося все случающееся (свт. Иоанн Златоуст, 55, 143).

***

Вознамерившимся охранять человеческое благородство, видя быструю изменчивость естества, надлежит ограничивать неумеренность радости и не предаваться слишком и печали, и радости; потому что одна, если не будет растворяема рассудительностью и обуздываема благоразумием, ведет к смерти; а другая, если не наложены на нее бразды ожидаемой перемены, доводит до падения и нарушения благоприличий (прп. Исидор Пелусиот, 61, 235—236).

***

Бывает иногда, что неумеренная радость больше печали вредит душе, потому что радость окрыляет душу, делает ее неблагоразумною и приводит в забвение своего естества, а печаль смиряет самомнение, низлагает надменность, напоминает о нашем естестве и побуждает к добродетели. Посему надлежит быть выше и радости, и печали; и нашествие той и другой переносить умеренно и разумно (прп. Исидор Пелусиот, 62, 392—393).

***

Людей переменчивых и нетвердых и радость, и печаль выводят из надлежащего состояния, одна окрыляя и возбуждая к буйству, а другая унижая и делая робкими. Людей же твердых, непоколебимых, стоящих на прочном основании благоразумия, ни радость, ни печаль не выводят из должного состояния; потому что усмиряют скакания одной как бы уздою какою, сдерживая помыслом, и оказываются победителями другой, ограничивая ее неумеренность (прп. Исидор Пелусиот, 62, 411).

***

Если душа неколеблющимся и немечтательным движением воспламенится к любви Божией, влеча некако в глубину сей неизреченной любви и самое тело, — в бодрствовании ли то... или при погружении в сон воздействуемого святою благодатию подвижника, между тем как душа совершенно ни о чем другом не помышляет, кроме того одного, к чему возбуждена, — то ведать надлежит, что это есть действо Святаго Духа. Будучи вся преисполнена приятных чувств от неизреченной оной божественной

сладости, она и не может в ту пору помышлять ни о чем другом, а только чувствует себя обрадованною неистощимою некоею радостью. Если же при таком возбуждении ум восприимет колебание некое сомнительное, или нечистое какое помышление, и если при сем святым Господним именем будет пользоваться для отвращения зла, а не паче по одной любви к Богу, — то ведать надлежит, что утешение то — от прельстителя, и есть только призрак радости. Радость такая совне навевается, и является не как качество и постоянное расположение души; видимо, тут враг хочет опрелюбодействовать душу. Видя, что ум начинает проявлять верную опытность своего чувства, он и своими некими утешениями, кажущимися благими, подступает утешать душу, в ожидании, что она, будучи развлекаема этою блажною мокротною сластью, не распознает своего смешения с обольстителем. По сим признакам можем мы распознавать *духа истины и духа лестча* (1 Ин. 4, 6). Никому, впрочем, невозможно ни Божественной благости чувством вкусить, ни горести бесовской ощутительно испытать; если кто не удостоверится в себе, что благодать во глубине ума его сотворила себе обитель, а злые духи гнездятся негде окрест членов сердца. Бесы же отнюдь не хотят, чтобы люди как-нибудь удостоверялись в этом, дабы ум, верно зная это, не вооружался... непрестанною памятью о Боге (блж. Диадох, 91, 24—25).

***

Радость о Боге крепче здешней жизни: и кто обрел ее, тот не только не посмотрит на страдания, но даже не обратит взора на жизнь свою: и не будет там иного чувства, если действительно была сия радость (прп. Исаак Сирин, 58, 165).

***

Рукою смирения отвергай приходящую радость как недостойный ее, чтобы не обольститься ею, и не принять волка вместо пастыря (прп. Иоанн Лествичник, 57, 85).

***

С самого начала, когда младенец начнет познавать отца своего, он весь бывает исполнен радости и печали; радости, потому что опять зрит вожделенного; а печали, потому что столь долгое время лишен был видения любезнейшей ему красоты. Матерь также иногда скрывает себя от младенца и, видя, с какою скорбию он ищет ее, веселится; и таким образом учит его всегда прилепляться к ней и сильнее воспламеняет любовь его к себе. ***Имеяй уши слышати да слышит*** (Мф. 13, 9), глаголет Господь (прп. Иоанн Лествичник, 57, 85—86).

***

Для вкушения духовного радования душе недостаточно одного покорения страстей, если не стяжет и добродетелей через исполнение заповедей (прп. Максим Исповедник, 91, 234).

***

...Радуйтесь, чада мои, радуйтесь, не видимое имея в виду, а невидимое, ибо видимое временно, а невидимое вечно (прп. Феодор Студит, 92, 141).

***

...Радость есть признак совершения всякой правды... (прп. Феодор Студит, 92, 566).

***

...Все, что есть в теле <человека> и в мире сем, покроет земля и поглотит смерть; а радости <Божественной>, которую приял он, по причине здравия души своей, ничто такое не может взять от него, потому что она не от мира сего. Эта радость породилась в нем не от славы человеческой, ни от богатства многого, ни от здравия телесного, ни от похвал людских, ни от другого чего, сущего под небесем, но уготовилась горькою болезнию души его и сретением действа Святаго Духа Божия, сущего превыше небес. Почему смерть не будет иметь над нею власти, потому что в ней не найдется ничего достойного укора, но будет она как очищенное вино, которое против солнца светится насквозь, и чистейше являет цвет свой, и радует и осиявает лице того, кто пьет его против солнца (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 176).

***

Внимай еще, как бы не пострадать чего из-за обильной радости духовной и умиления; а постраждешь, если подумаешь, что они суть плод собственного твоего труда, а не благодати Божией, потому что за это они взяты будут от тебя, — и ты много поищешь их в молитве, и не обрящешь, и узнаешь, какое потерял ты дарование благодати (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 578).

***

Радость не совне, а из всего строя нравственно-религиозного. Для нас, христиан, она зарождается исповеданием великих благ от рождения Сына Божия плотию... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 106).

***

Хочешь радоваться? — понеси прежде крест. Радость — цель; крест — средство (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 96).

***

...Без крестоношения нет истинных радостей (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 96).

***

Оттого и не стало у человека радости жизни, что стал жить не настоящий человек, а иной греховный человек, которому несвойственно радоваться (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 97).

***

...Для того чтобы возвратить нам себе радость жизни, надобно умертвить в себе сего греховного и пришлого человека (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 98).

****

Лица иноков обители аввы Аполлония сияли дивным веселием и радостью — неким божественным восторгом, какого не встретишь у других людей на земле. Мы не видели там ни одного печального лица. Если же кто-либо иногда казался омраченным скорбью, авва Аполлоний тотчас спрашивал о причине печали. И часто, при нежелании брата открыть причину скорби, он сам открывал, что таилось у него в душе, как приходилось сознаваться в этом испытавшему на себе прозорливость аввы. Тогда он начи-

нал увещевать его, что вовсе не должно быть места скорби у тех, для кого спасение — в Боге и надежда — в Царствии Небесном. «Пусть предаются скорби язычники, — говорил он, — пусть плачут иудеи, пусть рыдают грешники — праведным прилична радость! Если уж те, кто любит все земное, радуются тленным ненадежным предметам — нам ли не гореть восторгом, если мы только подлинно ожидаем небесной славы и вечного блаженства. Не этому ли учит нас Апостол: *всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите* (ср.: 1 Сол. 5, 16—18)» (99, 50).

***

Однажды, видя преподобного Григория Синаита выходящим из своей кельи с радостным лицом, один брат в простоте сердца спросил его о причине радости. Как чадолюбивый отец, преподобный Григорий ответил так: «Душа, прилепившаяся к Богу и снедаемая любовию к Нему, восходит выше творения, живет выше видимых вещей и, наполнившись вся желанием Божиим, никак не может укрыться, ведь и Господь обещал ей, говоря: *Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве* (Мф. 6, 6), и опять: *да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5, 16); ибо тогда сердце прыгает и веселится, ум бывает весь в приятном волнении, лицо весело и радостно, по словам мудрого: *сердцу веселящуся, лице цветет* (Притч. 15, 13)» (95, 324—325).

***

Преподобный Серафим Саровский как-то открыл своему собеседнику: «Однажды я молил Господа, чтобы Он ввел меня в общение с Ним и показал бы мне Свои не-

бесные обители. И Господь не лишил меня Своей милости. Он исполнил мое желание и прошение; вот я восхищен был в эти обители, только не знаю, с телом или вне тела. Бог весть — это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я вкушал там, сказать невозможно». После продолжительного молчания, вздохнув от глубины души, преподобный Серафим сказал: «Ах, если бы ты знал, какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небе, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клеветы с благодарением... Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания... Там радость и сладость неизглаголанные, там праведники просветятся, как солнце. Но если такой небесной славы не мог изъяснить и сам апостол Павел, то какой же другой язык человеческий может изъяснить славу и красоту горнего селения, в которой водворяются праведных души» (112, 506).

***

Мать Синклитикия говорила: «Много подвигов и трудов предстоит приходящим к Богу, но за ними — неизглаголанная радость. Желающие разжечь огонь сначала задыхаются от дыма и испускают слезы, а потом уже достигают, чего ищут; так и мы должны воспламенять в себе Божественный огонь со слезами и трудами. Ибо Писание говорит: *Бог наш огнь поядаяй есть* (ср.: Евр. 12, 29) (98, 11).

***

Когда святому Пахомию Афонскому сообщили, что турецкое правительство решило предать его смерти, он с радостью, прославляя Бога, выслушал эту весть и следующую ночь провел в славословии и молитвенном подвиге.

Утром, в суде Пахомий с прежним дерзновением исповедал Господа Иисуса, за что и был отдан исполнителям смертного приговора. Множество турок и христиан следовали за ним, когда связанного повлекли его на место казни. Турки неистовствовали над страстотерпцем, оплевывая и понося его, а христиане шли, чтобы увидеть его блаженную кончину. Святой Пахомий, достигнув места казни, в тайной молитве за всех преклонил колена. Палач стал уговаривать его не губить своей жизни, отречься от Христа и наслаждаться земными благами, которые дает ему Магомет и его верные рабы. «Делай то, что тебе приказано, — отвечал святой Пахомий, — и не теряй напрасно времени». Палач отсек ему голову и Пахомий получил славный венец мученичества (95, 146).

РАЗДОР

Нарушившие мир Господень неистовым раздором не могут достигнуть награды мира (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 186).

***

Неизгладимая и тяжкая вина раздора не очищается даже страданием (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 188).

***

Пребудьте в терпении и не давайте расслабляться сердцам своим во время бедствий ваших, но воздавайте за них благодарение, чтобы получить воздаяние от Господа. Да будет у всех вас мир, истина, любовь к Богу и взаимное благорасположение, и да не будет у вас раздоров, ни клеветы, ни противоречий, ни злой зависти и ни неповиновения, ни гордости, ни обиды кому из людей, ни осмеяний, ни тщеславия, ни ненависти, ни взаимного недружелюбия.

В какой обители бывают такие действия, там вселяется гнев Божий. При том знайте, что жизнь наша в мире сем очень коротка; потому подорожите ей и не иждивайте ее в нерадении, чтобы не застал вас час переселения из сей жизни, когда вы гневаетесь друг на друга, и следовательно, должны быть причислены к человекоубийцам, по Писанию: *всяк ненавидяй брата своего человекоубийца есть* (1 Ин. 3, 15). Щадите друг друга, да пощадит вас Господь. Ибо это внушает Он Сам, когда говорит: *отпущайте, и отпустят вам* (Лк. 6, 37). Если кто из вас потерпит клевету, пусть примет это с радостью, и все свое предаст Господу, Который есть праведный Судья и Мздовоздаятель... А кто вознесет клевету на ближнего, пусть спешит смирить себя перед Господом и испросит прощение у ближнего своего, да пощадит его Господь. Не попускайте солнцу заходить во гневе вашем, как учит нас Писание (см.: Еф. 4, 26); но с корнем исторгайте из сердец ваших томящие вас злые помышления, какие имеете друг на друга, чтобы таким образом пресекать всякий зародыш недружелюбия, корень которого — ненависть и зависть. Эти две страсти суть самые злые, ненавистные и Богу, и людям; и ни с чем несообразно быть им в ком-либо из верующих, или рабов Божиих. Почему никто из нас да не хвалится, по крайней глупости своей, и не говорит: я взял верх над братом, и не будет ему пощады. Да ведает говорящий и помышляющий таковое, что он предал душу свою в руки смерти и наследием его будет место плача и скрежета зубов, червя неусыпающего и огня неугасимого (прп. Антоний Великий, 89, 54—55).

***

Как при потрясении основания ниспровергается все здание, так и при супружеских раздорах разрушается вся наша жизнь (свт. Иоанн Златоуст, 46, 381).

***

...Во время мира не должно быть воспоминания о раздоре, чтобы радость была на небе, радость на земле, радость и духовный восторг в Церкви Божией (свт. Иоанн Златоуст, 46, 442).

***

Восходите на гору Божию и в дом Его святой, по слову Исаии, велегласнейшего Пророка (ср.: Ис. 2, 3). Никто не отставай, никто не приседай, друг другу помогайте, состоя в крепкой между собою любви, друг друга поощряйте, друг другу соревнуйте, друг другу подражайте. Да не будет у вас ни смеха неприличного, ни развлечения рассеивающего и разнеживающего, ни долгих праздных бесед; раздор же и непослушание ниже да именуются в вас... (прп. Феодор Студит, 92, 36—37).

***

Говорю это я вам, потому что слышу, что у вас бывают пустоболтания и споры, смуты, раздражения и неистовства, брани, ругательства и раздоры, хотя и не у всех. Спрашиваю вас, братия, откуда это? От каких причин породилось это? Ни от чего другого, думаю, как от недостатка смирения. Молю убо вас словами Апостола: *не дети бывайте умы, но злобою младенствуйте* (1 Кор. 14, 20), не болтайте попусту без всякой пользы и, желая поставить на своем, не риторствуйте и не буесловьте, износя то и то, и разные выставляя причины. *Кто,* вопрошает Пророк, *есть человек хотяй живот, любяй дни видети блага!* И сам же отвечает: *удержи язык твой от зла, и устне твои еже не глаголати льсти: уклонися от зла, и сотво-*

ри благо, взыщи мира и пожени и (ср.: Пс. 33, 13—15) (прп. Феодор Студит, 92, 166).

***

Причина же сему <раздору и немирности> оскудение любви. Ибо если по Апостолу: *любы долготерпит, милосердствует, не завидит, не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине, вся покрывает, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит* (ср.: 1 Кор. 13, 4—7), то явно, что когда ее нет, то в нас берет силу противное тому — неверие, безнадежие, нетерпение, раздор, дерзость. Но как, находясь в таком настроении, можем мы достойно именоваться учениками Господа, когда Сам Он говорит решительным словом Своим: *о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 35); и опять в другом месте: *аще вы пребудете во словеси Моем, воистинну ученицы Мои будете. И уразумеете истину, и истина свободит вы* (Ин. 8, 31—32). Итак, если мы не имеем любви истинной, но ведем вражды, брани и раздоры, то мы не Христовы ученики, а враги Христовы, хотя и тяжко слово сие. После сего зачем и жить нам, бедным? Зачем дышать этим воздухом, если мы делаем не то, чем благоугождается Господь? (прп. Феодор Студит, 92, 559—560).

РАЗДРАЖИТЕЛЬНОСТЬ

Не говори с раздражением, но да будут слова твои с мудростью и разумом, равно как и молчание твое... (прп. Антоний Великий, 89, 103).

***

Раздражение есть упоение души, оно так же выводит душу из ума, как и вино (свт. Василий Великий, 8, 17).

***

...Раздражение есть какое-то воспламенение и скорое испарение страсти... (свт. Василий Великий, 8, 152).

***

...Если в состоянии будешь целомудренным рассудком подсечь горький корень раздражительности, то сим уничтожишь много страстей в самом их начале (свт. Василий Великий, 8, 153).

***

Лучше улыбкою пресечь раздражение, нежели свирепствовать неукротимо (прп. Ефрем Сирин, 30, 175).

***

Раздражительность в человеке — ров для него; а кто преодолел в себе раздражительность, тот миновал этот ров (прп. Ефрем Сирин, 30, 191).

***

Что же такое раздражительность? Это страсть наглая и бесстыдная, за которой следует печаль и раскаяние... (прп. Ефрем Сирин, 30, 193).

***

Человек раздражительный и шумливый щедр на клятвы, а безмолвствующий разумен (прп. Ефрем Сирин, 30, 193).

***

Что яд аспидов, то раздражительность и памятозлобие; потому что они и лицо изменяют, и мысль возмущают, и жилы расслабляют, и производят в человеке недостаток сил к совершению дел, а кротость и любовь отдаляют все это (прп. Ефрем Сирин, 30, 194).

***

Пища для огня — дрова, а пища для раздражительности — высокоумие (прп. Ефрем Сирин, 30, 198).

***

Хочешь ли укротить раздражительность? Возьмись за смиренномудрие, и ходи путем кротких и смиренных (прп. Ефрем Сирин, 30, 198).

***

Раздражительность, когда не преступает меры, служит оружием соревнованию. Без сильного желания неудобопостижим Бог. Но знаю и наставника в добре; это — рассудок. Если же все это обращено будет на худшее, то раздражительность произведет оскорбления и злодеяния, пожелание распалит нас к гнусному сластолюбию, а рассудок не только не подавит сего, но еще поможет своими ухищрениями. Так добрые дарования отдаются во власть нашему растлителю! Но нехорошо Божий дар мешать со злом (свт. Григорий Богослов, 16, 166).

***

...Раздражительность живет вместе с пристрастием к деньгам, хотя бы имел их человек, или нет (прп. Макарий Египетский, 67, 261).

***

...Худые дела зависят одно от другого, ненависть от раздражительности, раздражительность от гордости, гордость от тщеславия, тщеславие от неверия, неверие от жестокосердия, жестокосердие от нерадения, нерадение от лени, лень от уныния, уныние от нетерпеливости, нетерпеливость от сластолюбия, прочие части порока также между собой связаны, как на доброй стороне связаны между собою и одни от других зависят добродетели (прп. Макарий Египетский, 89, 215).

***

Мир страждет недугом порока и не знает того. Есть нечистый огнь, который воспламеняет сердце, пробегает по всем членам и побуждает людей к непотребству и к тысячам злых дел. И те, которые раздражаются и соуслаждаются, внутренне, в сердце, совершают блуд, а когда зло таким образом найдет себе пищу, впадают и в явный блуд. То же разумей и о сребролюбии, о тщеславии, о надменности, о ревности, о раздражительности. Как если позван кто на обед и предложено ему множество снедей, так и грех внушает отведать всего, и тогда услаждающаяся душа обременяется... (прп. Макарий Египетский, 89, 217—218).

***

...Если уничтожить в нраве кичливость, то не будет времени породиться страсти раздражения; потому что причиною такового недуга в раздраженных бывает обида и бесчестие. Бесчестие же не касается того, кто обучил себя смиренномудрию. Если у кого помысл чист от человеческого обольщения и видит он ничтожество естества, какое и ему дано в удел, также какое начало его состава и к

какому концу стремится краткость и скоротечность здешней жизни, видит сопряженную с плотию нечистоту, и бедность естества, которое само по себе недостаточно было бы к поддержанию собственного своего состава, если бы недостатков его не восполняло обилие бессловесных, а сверх сего видит скорби, печали, бедствия и многообразные виды болезней, которым подлежит человеческая жизнь и от которых никто не изъят и не свободен по естеству, — то тщательно всматривающемуся в это чистым оком души не легко будет вознегодовать на недостатки воздаваемых ему почестей. Напротив того, обманом почтет почесть за что-либо оказываемую ему ближним, потому что в естестве нашем ничего такого нет, что может стоять в ряду вещей досточестных, кроме одной только души, которой честь составляется не чем-либо взыскуемым в этом мире. Ибо тщеславиться богатством, или величаться родом, или мечтать о славе, или мысленно присвоять себе верх над ближним, чем и ограничиваются человеческие почести, — все это служит душе в посрамление и укоризну, так что человек рассудительный не согласится чем-либо подобным сему осквернить чистоту души. Вести же себя так не иное что значит, как глубоко укорениться в смиренномудрии, по преуспеянии в котором раздражение даже не будет иметь и входа в душу. А когда нет раздражения, преспевает ***тихое и безмолвное житие*** (1 Тим. 2, 2); оное же не иное что есть, как кротость, которой конец блаженство и наследие небесной земли о Христе Иисусе Господе нашем (свт. Григорий Нисский, 19, 385—386).

***

Гнев и ненависть умножают сердечное раздражение, а милостыня и кротость погашают его (авва Евагрий, 89, 572).

***

Когда по какому-нибудь поводу раздражительная часть души нашей приходит в тревогу, тогда демоны предлагают нам отшельничество, как вещь добрую, чтобы, устранив причины огорчения, не освободились мы от смущения... (авва Евагрий, 89, 572).

***

Не отложит человек страстных воспоминаний, если не позаботится уврачевать пожелательной и раздражительной части своей, первую истончая постом, бдением и спанием на голой земле, а вторую укрощая долготерпением, непамятозлобием и милостынею. Из этих двух страстей составляются все почти демонские помыслы, ввергающие ум во всякую беду и пагубу. Но избавиться от страстей невозможно никому, если он не презрит совсем ястие и питие, имущество и славу, еще же и самое тело свое, ради тех, кои часто покушаются поражать его через них (т. е. бесов). Потому всякая настоит нам необходимость подражать бедствующим на море, которые выбрасывают вещи по причине натиска ветров и высоко поднимающихся волн. При этом надобно, однако же, тщательно внимать, чтобы, выбрасывая подобным образом вещи, не делать этого, да видимы будем людьми. Ибо через это мы потеряем мзду свою и подвергнемся еще горше прежнего крушению, когда подует на нас ветром своим демон тщеславия. Почему и Господь наш, поучая в Евангелиях правителя нашего — ум, говорит: *внемлите милостыни вашея не творити пред человеки, да видими будете ими: аще ли же ни, мзды не имате от Отца вашего, Иже есть на небесах* (Мф. 6, 1). И опять: *егда молишися*, говорит, *не буди якоже лицемери, яко любят в сонмищих и в стогнах*

путий стояще молитися, яко да явятся человеком: аминь глаголю вам, яко восприемлют мзду свою (Мф. 6, 5). И опять говорит: *егда же поститеся, не будите якоже лицемери сетующе, помрачают бо лица своя, яко да явятся человеком постящеся: аминь глаголю вам, яко восприемлют мзду свою* (Мф. 6, 16). Но внемлите здесь Врачу душ, как Он милостынею врачует раздражительность, молитвою очищает ум, а постом умерщвляет похотение, из коих составляется новый человек, обновляемый по образу Создавшего его (см.: Кол. 3, 10—11), в коем, по причине бесстрастия, *несть мужеский пол, ни женский, а по причине единства веры и любви, несть Еллин и Иудей, обрезание и необрезание, варвар и Скиф, раб и свободь, но всяческая и во всех Христос* (ср.: Гал. 3, 28; Кол. 3, 11) (авва Евагрий, 89, 580—581).

***

Когда демоны, воюющие против похотной части, в сонных мечтаниях показывают нам встречи с знаемыми, пирования с родными, хоры жен и другое что подобное, чем обычно питается похоть, и мы увлекаемся тем, то, значит, мы болим этою частию своею, и страсть эта в нас сильна. Но когда они обладают нашею раздражительною частью, то заставляют нас (в мечтаниях сонных) ходить по страшно обрывистым местам, наводят на нас людей вооруженных, или ядовитых змей и зверей плотоядных. Если теперь мы (во сне) мест тех ужасаемся, а зверьми и людьми гонимые предаемся бегству, то нам надобно попещись о своей раздражительной части и, призывая Христа Господа во время бдений, пользоваться показанными прежде врачевствами (авва Евагрий, 89, 586).

***

Очень много способствует видам демонов и для всякого их злоухищрения бывает весьма полезна наша раздражительность, приходя в движение не как требуется от нее естеством. Почему ни один из них не отказывается возбуждать ее днем и ночью. Но когда видят, что она связана кротостью, тогда наперед стараются под какими-нибудь правыми будто предлогами разрешить ее, чтобы, пришедши в напряжение, она стала пригодною для возбуждения их зверских помыслов. Почему ни по праведным, ни по неправедным делам не должно попускать возбуждаться ей, чтобы не дать таким образом опасного меча в руки внушающих нам недоброе, — что, как я знаю, делают многие по самым ничтожным поводам, воспламеняясь более, нежели сколько подобает. Из-за чего, скажи мне, так скоро приходишь ты в бранное положение, если презрел снеди, деньги и славу? Зачем питаешь пса, дав обет ничего не иметь? Если он лает и бросается на людей, то явно, что ты имеешь нечто внутри и желаешь то сберечь. Я уверен, что таковый далек от чистой молитвы, зная, что гнев есть губитель такой молитвы. Сверх того, дивлюсь, как забыл он святых: Давида, который вопиет: ***престани от гнева и остави ярость*** (Пс. 36, 8), Екклезиаста, который заповедует: ***отстави ярость от сердца твоего, и отрини лукавство от плоти твоея*** (Еккл. 11, 10), Апостола, который повелевает воздевать во всякое время и ***на всяком месте преподобныя руки без гнева и размышления*** (ср.: 1 Тим. 2, 8). Не другому чему научает нас гадательно и древний обычай — изгонять из дома собак во время молитвы, ибо этим дается разуметь, что в молящихся не должно быть гнева. Некто и из языческих мудрецов утверждал, что желчь и бедро не вкушаются богами, сам не

разумея, как думаю, что говорил: ибо полагаю, что желчь символ гнева, а бедро — скотского вожделения (авва Евагрий, 89, 620—621).

***

Как желудок не может принимать здоровой и твердой пищи, когда он слаб, так и душа надменная и раздражительная, делаясь бессильною и расслабленною, не может принимать духовного слова (свт. Иоанн Златоуст, 52, 478).

***

...Раздражаться по поводу незначительных случаев свойственно людям малодушным, жестоким и удрученным горем... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 730).

***

...Раздражающийся — игрушка диавола, мастерская демонов, служитель, достойный их злости (свт. Иоанн Златоуст, 55, 389).

***

...Кто желает побеждать раздражающихся — пусть благородно переносит оскорбления и удары, — и он увидит много перемены в обезумевшем и поражающем; если же он, побежденный гневом, будет стараться отразить равным (оружием) врага — не будет никогда предела гневу и борьбе, но вечно безумствующие и желающие побеждать друг друга поношениями и ударами увлекутся в безграничную войну и борьбу, замышляя друг против друга, навязывая клеветы, осмеливаясь ложно клясться... как собаки неистовствуя и ища врага... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 391).

***

...Находясь в раздражении, мы не в состоянии будем ни сказать, ни услышать что-либо здравое; освободившись же от страсти, и сами никогда не произнесем обидного слова, и в словах других не услышим обиды (свт. Иоанн Златоуст, 55, 614).

***

...Мы знаем... некоторых из братий такого упорного и жестокого нрава, что когда почувствуют, что души их возмутились против брата или брат против них, то для прикрытия скорби своего духа, которая произошла от обоюдного раздражения, уходя от тех, которых должны бы были успокоить смиренным удовлетворением и лаской, начинают воспевать некоторые стихи псалмов в укор им. Хотя они думают, что подавили сердечное огорчение, но укоризною усиливают его, тогда как тотчас могли бы прекратить, если бы хотели быть более сокрушенны и смиренны, так что пристойное сокрушение уврачевало бы и сердца самих, и успокоило бы души братий. А таким малодушием они еще усиливают порок своей гордости, и более питают, нежели подавляют страсть к ссорам... (прп. авва Иосиф, 56, 457).

***

Многие смеются над тобою, как над человеком злопамятным, прибегающим к худой защите, к раздражительности, которую Творец дал в помощь душе, чтобы подкреплять телесные силы во время лености и расслабления. Посему если осмеивающие тебя говорят правду, то ясно, что не знаешь ты цели Сотворшего, железо употребляя на убийства, красоту на обольщение, язык на хулы, и Подателя благ делая виновником зла. Посему обуздай скорее

раздражительность, чтобы не низвергла <она> тебя стремглав в погибель (прп. Исидор Пелусиот, 60, 164—165).

***

...Как вино, вливаемое сверх сытости, наполняет собою все отверстия, полости и оболочки чувства, и разумность превращает в безумие, так и раздражение, выходя из собственного своего чина, приводит ум в упоение, делая мысль неистовою, и бесчинными поступками нарушая чин трезвенности. Посему будем воздерживаться от того и другого, ни питием, ни раздражительностью не осаждая твердыни ума (прп. Исидор Пелусиот, 60, 267).

***

Поелику как скоро раздражение порвет бразды возницы — рассудка, мысль уносит часто человека за пределы естества, то апостол Павел, примыслив в такой беде, не только самое лучшее, но и скоро действующее, врачевство, сказал: ***солнце да не зайдет во гневе вашем*** (Еф. 4, 26), т. е. прежде нежели это солнце придет на запад, познайте свое естество, угасите раздражение, успокойте мысль, возлюбите родство, преобладающее и над зверями, чтобы настоящая ночь не соделала страсть неизлечимою. Ибо диавол, нашедши тогда удобное время, сильнее раскалит случившееся, подстрекнет на мщение, поощрит на вражду, побудит к жалобам, произведет злопамятство и породит из сего тысячи зол. Богомудрый же Павел, чтобы пресечь это, повелел как можно скорее примиряться; почему и присовокупил: ***ниже дадите места диаволу*** (Еф. 4, 27), который и малое страдание неприметно обращает в великое, и удобоисцеляемое делает трудным к исцелению, или и неисцельным (прп. Исидор Пелусиот, 60, 457).

***

Крайне дивлюсь, почему звери, по природе дикие, воспользовавшись человеческим искусством, нередко делаются кроткими, а человек, природное им зверство прилагающий в неестественную для них кротость, свою естественную для него кротость изменяет в противоестественное зверство, свирепое делая кротким, а себя кроткого обращая в свирепого. Ибо льва укрощает и делает ручным, а свою раздражительность доводит до свирепости более, нежели львиной. И хотя встречаем там два самые великие препятствия: то, что лев лишен рассудка, и то, что он раздражительнее всех, однако же, по преизбытку данной человеку от Бога мудрости, преодолевает природу. Итак, по какой причине в зверях препобеждающий естество в себе вместе с естеством предает и благо произвола? Кто льву дарует преестественное, тот себе не соблюдает и естественного, но, усиливаясь неукротимых зверей ввести в человеческое благородство, себя самого низводит с властительского престола и доводит до зверского неистовства (прп. Исидор Пелусиот, 61, 239—240).

***

Раздражение (φνμὸς) и гнев (ὀργὴ), кажется мне, суть почти одно и то же; но первое указует на быстрое движение страсти, похищающее и способность мыслить, а последний — на долговременное пребывание в страсти. Почему первое называется так от слова воспламенение (ἀναφυμίαδις), а второй от слова вскисать (ὀργᾶν) и желать отмщения (ἀμύνης ἐρᾶν) (прп. Исидор Пелусиот, 62, 137).

***

Почитающие себя победителями в двух жестоких страстях, разумею раздражение и любостяжание, одерживают

победу, которая тягостнее всякого поражения. Ибо бывает и такая победа, которая хуже поражения, и не должно радоваться победе, которая приобретается несправедливо. Доставляемое ею удовольствие, веселя на малое время, с течением времени порождает вечный стыд (прп. Исидор Пелусиот, 62, 221).

***

...Наложи бразды на раздражительность, чтобы, наскочив на рассудок, не угасила и благоразумия (прп. Исидор Пелусиот, 62, 264).

***

Сдерживай в себе раздражительность; потому что, выходя из меры, делается она матерью неистовства (прп. Нил Синайский, 72, 236).

***

...Поговорим немного и о неразумной страсти гнева, которая во время своего движения и воздействия опустошает всю душу, приводит ее в смятение и омрачает, и человека делает подобным зверю, такого особенно, который легко поползновенен и быстро преклонен на нее. Страсть эта крепится, поддерживается и делается непреодолимою от гордости, и пока сие диавольское древо горести (см.: Евр. 12, 15), т. е. гнева и раздражительности, напояется злою водою гордости, дотоле оно разрастается, и цветет, и приносит обильный плод беззакония. Таким образом, это здание лукавого в душе бывает неразоримо, пока имеет подкрепу и поддержку в основах гордости. Посему если хочешь, чтобы это древо беззакония (разумею страсть огорчения, гнева и раздражительности) иссохло в

теле и сделалось бесплодным, чтобы секира Духа пришла и посекла его, и оно было брошено в огнь, по слову Евангельскому, и исчезло со всякою злобою, если хочешь, чтобы этот дом беззакония, который лукавый назло строит в душе, собирая в помыслах отовсюду, как камни, основательные и неосновательные предлоги от дел или слов и уготовляя здание злобы в душе, подложив в твердое ему основание помыслы гордости, если хочешь, чтобы этот дом был разорен и раскопан, — то возымей смирение Господа незабвенным в сердце своем. Кто Он и чем стал ради нас? С какой высоты света Божества, открытого в меру и горним существам и славимого на небесах всяким разумным естеством — Ангелов, Архангелов, Престолов, Господств, Начал, Властей, Херувимов, Серафимов и всех прочих неименуемых Умных Сил, которых имена не дошли до нас, — и в какую глубину смирения человеческого низошел Он по неизреченной благости Своей, во всем уподобившись нам, сидящим во тьме и сени смертной, состоящим в плену у врага, по причине преступления Адамова, и обладаемым от него через действующие в нас страсти.

Итак, Владыка всякой твари видимой и невидимой не постыдился нас, бедствующих в таком пленении и обладаемых горькой смертью, но смирил Себя и, восприяв (на себя) Человека, коему Владычным определением присуждено нести скорби, как епитимию, уподобился нам во всем, кроме греха, т. е. кроме страстей бесчестия. Что Владычным определением наложено на человека за грех преступления (прародительского), как епитимия, как то: смерть, труд, алчба, жажда и подобное, — все то Он воспринял, став тем, кто мы есть, чтобы нам сделаться тем, кто Он есть: *Слово плоть бысть* (Ин. 1, 14), чтобы плоть стала Словом, *Богат сый обнища, да мы нищетою Его*

обогатимся (ср.: 2 Кор. 8, 9), по великому человеколюбию Он уподобился нам, чтобы и мы уподобились Ему всякою добродетелью. Ибо с тех пор, как пришел Христос, человек, бывший (и в начале) по образу и подобию, воистину обновляется благодатью и силой Духа Святаго, достигая в меру совершенной любви, вон изгоняющей страх и не могущей более подвергаться падению, ибо *любы николиже отпадает* (1 Кор. 13, 8), потому что Бог, говорит Иоанн, *любы есть и пребываяй в любви, в Бозе пребывает* (1 Ин. 4, 16). Такой меры сподобились апостолы и все, которые, подобно им, подвизались в добродетели и представили себя Господу совершенными, с совершенной приверженностью во всю жизнь свою последовав Христу.

Итак, если будешь ты всегда без забвения содержать в уме таковое смирение, какое по неизреченному человеколюбию из любви к нам показал Господь, т. е. вселение Бога-Слова в ложесна, восприятие человека, рождение от жены, постепенность телесного возрастания, бесчестие, досады, поношения, поругания, укорения, биения, оплевания, насмешки, наругания, червленую хламиду, терновый венец, приговор на Него правителей, вопли против Него беззаконных иудеев, единоплеменных Ему: *возми, возми, распни Его* (Ин. 19, 15), крест, гвозди, копье, напоение оцтом и желчью, торжествование язычников, насмешки проходивших мимо и говоривших: *аще Сын еси Божий, сниди со креста и веруем в Тя* (ср.: Мф. 27, 42) и прочие страдания, которые Он претерпел ради нас: распятие, смерть, тридневное погребение, сошествие в ад, — потом и плоды страданий: воскресение из мертвых, опустошение ада и смерти через изведение собравшихся к Господу душ, вознесение на небеса, седение одесную Отца, превыше всякого начала и власти и всякого именуемого имени (см.: Еф. 1, 21), честь, слава и поклонение от всех Ангелов Первенцу

из мертвых, по причине Его страданий, по Апостольскому слову, которое гласит: *сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе, Иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба прият, в подобии человечестем быв, и образом обретеся якоже человек, смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя. Темже и Бог Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякого имене, да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних,* и прочее (Флп. 2, 5—10)... Вот на какую славу и высоту, по правде Божией, вознесли человека Господня вышесказанные страдания!

Итак, если будешь с теплым расположением без забвения хранить в сердце своем такие помышления, то не возобладает тобою страсть огорчения, гнева и раздражительности. Ибо когда взято будет из-под них основание, т. е. когда истребится страсть гордости углублением в смирение Христово, тогда все здание беззаконного гнева, ярости и печали легко разорится само собою. Какое жестокое и каменное сердце не сокрушится, не умилится и не смирится, если будет всегда иметь в уме такое ради нас смирение Божества Единородного и помнить исчисленные перед сим страдания Его? Не сделается ли оно, напротив, охотно землею, пеплом и попранием для всех людей, по Писанию? Когда же душа, смотря на смирение Христово, так смирится и сокрушится, тогда какая раздражительность может овладеть ею? Какой гнев и какое огорчение приразятся? (прп. Марк Подвижник, 89, 478—481).

***

Как некое злое родство, похоти наши и приражения помыслов действуют совокупно одни с другими. Каждый

помысл, укоснев в своем любителе, передает его своему ближнему, так что человек, привычкою сильно влекомый к первому, вторым уже и против воли бывает увлекаем. Ибо кто может избегнуть гордости, будучи исполнен тщеславия? Или кто, насытившись сна и предавшись наслаждению, не будет побежден помыслом блуда? Или кто, предав себя лихоимству, не будет связан немилосердием? А наслаждающиеся всем этим, как избегнут раздражительности и гнева? (прп. Марк Подвижник, 89, 487—488).

***

Когда вследствие обиды раздражится утроба твоя и сердце твое, не печалься, что смотрительно пришло в движение лежавшее внутри прежде, но радуясь низлагай возникшие внутри помыслы, зная, что вместе с тем, как они истребляемы бывают при первом приражении, истребляется обычно и зло, лежащее под ними и их приводящее в движение, а если помыслам позволяют коснеть и часто появляться, то и зло обычно получает приращение (прп. Марк Подвижник, 89, 559).

***

Каково течение воды на покатом месте, такова сила раздражительности, когда найдет себе доступ в ум наш (прп. Исаак Сирин, 58, 412).

***

Если кто-нибудь... тебе досадит, или как-нибудь опечалит тебя, то ты, по слову отцев, помолись о нем, как об оказавшем тебе великую пользу и о врачующем сластолюбие твое. Через это раздражительность твоя будет умень-

шаться; ибо, по словам святых отцев, любовь есть узда раздражительности (прп. авва Дорофей, 29, 205).

***

Раздражительность есть удобопреклонное движение нрава и безобразие души (прп. Иоанн Лествичник, 57, 88).

***

Как при явлении света исчезает тьма, так и от благовония смирения истребляется всякое огорчение и раздражительность (прп. Иоанн Лествичник, 57, 88).

***

Ничто так не противно кающимся, как смущение от раздражительности, потому что покаяние требует великого смирения, а раздражительность есть знак великого возношения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 89).

***

Если присмотримся, то увидим, что многие из гневливых усердно упражняются во бдении, посте и безмолвии; а намерение у диавола то, чтобы под видом покаяния и плача подлагать им вещества, питающие их страсть (прп. Иоанн Лествичник, 57, 91).

***

...Душа человеческая имеет три силы — мыслительную, раздражительную и желательную. Дело мыслительной силы — веровать во Святую Троицу; дело раздражительной — гневаться на змия искусителя, отнюдь не подпуская его к себе; дело желательной — вожделевать и любить

сотворившего нас Бога. Но диавол, изменив и извратив сии душевные силы, начал устроять нам через них пагубу. Как? Силу желательную в праотце нашем Адаме соблазнив ко вкушению запрещенного; силу раздражительную в Каине возбудив к убиению брата его Авеля; силою мыслительной уклонив человечество к идолопоклонству. Вот каков образ действования завистливого врага нашего!.. (прп. Феодор Студит, 92, 470).

***

Страсти раздражения суть: гнев, горечь, бранчливость, вспыльчивость, дерзость, надменность, кичение и другие подобные (прп. Григорий Синаит, 93, 193).

***

В безгневии и кротости легко преуспеешь, если будешь все отклонять от себя, и душу подвигать к любви, больше молчать, умеренно насыщаться пищей, и всегда молиться, как сказали отцы: «раздражительную часть души обуздай любовью, желательную воздержанием увядь, разумную молитвой окрыли; и свет ума никогда не помрачится в тебе» (патр. Каллист и ин. Игнатий, 93, 396).

***

С раздражительностью бороться надо. Первый шаг — не поддаваться... стиснуть зубы и отойти... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 249).

РАЗУМ

Молитесь — да дарует вам Бог благодать все ясно видеть и разуметь, чтобы вы верно могли различать, что

добро и что зло. Написано у апостола Павла, что *совершенных же есть твердая пища* (Евр. 5, 14). Это суть те, которые долгим и тщательным подвигом обучили чувства свои и намерения относительно добра и зла, сделались сынами Царствия и приписаны к Божественному усыновлению. И Бог даровал им мудрость и рассуждение во всех делах их, чтобы не прельстил их, — ни человек, ни диавол. Должно вам знать, что враг искушает верных видом добра, и многих успевает прельщать, оттого что у них нет рассуждения и мудрости. Посему блаженный Павел, когда узнал эти богатства разума, которые определены верным и которых великости нет предела, написал к ефесеям: *да даст вам Бог духа премудрости и разума, просвещенна очеса сердца вашего, яко уведети вам, яко есть упование звания вашего, и кое богатство славы достояния вашего, и кое богатство славы достояния Его во святых* (ср.: Еф. 1, 17—18) (прп. Антоний Великий, 89, 38).

***

Как зрение имеем мы от Бога для того, чтобы распознавать видимое — что бело и что цвету черного, так и разум дарован нам от Бога для того, чтобы различать, что душе полезно (и что вредно)... (прп. Антоний Великий, 89, 74).

***

Те души, которые не обуздываются разумом и не управляются умом, который бы остепенял, удерживал и направлял (куда следует) страсти их, т. е. скорбь и удовольствие, — такие души погибают, как неразумные животные, потому что у них разум увлекаем бывает страс-

тями, как кучер лошадьми, вышедшими у него из повиновения (прп. Антоний Великий, 89, 82).

***

Бог, будучи благ и независтен (щедродателен), дал человеку свободу в отношении к добру и злу, одарив его разумом, чтобы созерцая мир и что в мире, познавал он Сотворившего всяческое для человека (прп. Антоний Великий, 89, 86).

***

Ведение Бога и страх Божий суть врачевство против страстей плоти. Почему когда в душе есть неведение Бога, тогда страсти, оставаясь неисцеленными, портят душу. Она тогда растлевается от живущего в ней зла, как от долговременного вреда. Но Бог не виновен в этом, потому что Он даровал людям ведение и разум.

Бог исполнил человека ведением и разумом, стараясь очистить страсти и самопроизвольное зло и по Своей благости желая преложить смертное в бессмертие (прп. Антоний Великий, 89, 91).

***

Бог приличнейшим образом положил преграду злу в людях тем, что даровал им ум, ведение, разум и различение добра, чтобы, познавая зло, что оно вредит нам, мы убегали его. Но безумный человек идет вслед зла и даже величается им, и, как бы в сеть попавшись, бьется он, будучи опутан им внутри, не имея сил возникнуть когда-либо из-под него, чтобы увидеть и познать Бога, все создавшего во спасение и обожение людей... (прп. Антоний Великий, 89, 93).

***

Не говори с раздражением, но да будут слова твои с мудростью и разумом, равно как и молчание твое. Подражай премудрым отцам нашим, которых слова всегда были полны мудрости и разума, равно как и молчание их (прп. Антоний Великий, 89, 103).

***

Язык твой всегда да следует разуму, потому что слова, чуждые разума, суть колючие остны и иглы (прп. Антоний Великий, 89, 103).

***

Если откроется тебе в словах Писания какой-либо переносный (аллегорический) смысл — толкуй их аллегорически, но не разоряй и буквы (или буквального смысла), чтобы не верить своему разуму более, чем Святому Писанию, ибо это — знак гордости (прп. авва Исаия, 89, 298—299).

***

...Блюди себя от лжеименного разума, противящегося здравому учению, как сказал Апостол (см.: 1 Тим. 6, 20; 1, 10) (прп. авва Исаия, 89, 299).

***

Кто утверждается на собственном своем разуме и держит свою волю, тот привлекает к себе толпы бесов и не может быть от Духа (Божия), приносящего сердцу печаль (или сокрушение).

Кто, видя словеса Писания, творит их по собственному своему разуму, и на нем утверждает себя, что так есть (на нем утверждаясь, полагает, что так должно понимать слова те), — таковой не знает славы Божией и богатства Его; а кто, видя, говорит: не знаю, — человек есмь, и воздает славу Богу, — в таковом обитает богатство Божие, по силе его и по помыслу его (прп. авва Исаия, 89, 316).

***

Блаженны очи, с разумом стыдящиеся простертися к Богу и старающиеся язвы свои уврачевать с разумом, сознающие грехи свои и молящиеся об отпущении их... (прп. авва Исаия, 89, 395).

***

Служение же Богу какое другое есть, как не то, чтобы не иметь в уме ничего, чуждого (Бога), когда благословляем Его, ни похотения, когда молимся Ему, ни злобы, когда поем Ему, ни ненависти, когда поклоняемся Ему, ни злой ревнивости, полагающей нам препоны, когда приседим Ему, ни срамной сласти в членах наших, когда воспоминаем о Нем: ибо все сие мрачные стены суть, объемлющие бедную душу, и не может она чисто служить Богу, имея в себе это. Препоны полагает это ей в воздухе, и не дает ей сретить Бога, и в сокровенности благословить Его, и помолиться Ему в сладости любви, в приятности сердца и в желании святом, чтобы просветиться от Него.

От того ум помрачается всегда и не может преуспеть по Богу, что не заботится разумно отсечь сие. Невозможно же ему озаботиться отсечь сие, если не станет он беспо-

печительным о делах века сего... (прп. авва Исаия, 89, 397—398).

***

...Перенесение поношения и уступление воли своей ближнему по Богу, чтобы не дать войти посреде врагу, обнаруживает человека-деятеля, ибо, если кто бодренный имеет ум и с разумом есть под ногами Господа Иисуса, то он станет заботиться отсечь свою волю для того уже, чтобы не быть отлученным от возлюбленного своего Господа... (прп. авва Исаия, 89, 424).

***

Не в том мудрость, чтобы говорить, но в том, чтобы знать время, когда подобает говорить. С разумом молчи, с разумом и говори. Прежде начала речи подумай о том, что сказать, чтобы дать подобающий ответ. Не хвались своим разумом. Больше всех знает тот, кто говорит: ничего не знаю. Венец мудрости — себя укорять и ставить себя ниже всех (прп. авва Исаия, 89, 454).

***

...Служение Богу что есть, если не то, чтобы ничего не иметь в уме чуждого, когда он молится, ни сласти (чувственной), когда благословляет Бога, ни гнева, когда поет Ему, ни ненависти, когда величает Его, ни злого рвения и зависти, когда приседит Ему и памятует о Нем. Ибо все это мрачное есть стена, окружающая бедную душу, и она, имея это в себе, не может чисто служить Богу. Ибо оно удерживает ее в воздухе и не допускает ей сретить Бога (предстать Ему умно), втайне благословить Его и помо-

литься Ему в сладости сердца, да просветится от Него. Ум всегда омрачается и не может преуспевать в жизни по Богу того ради, что не печется отсекать все сие разумно.

Когда ум ревнует избавить чувства душевные от плотских пожеланий и провести их (перевезти, как на лодке) в бесстрастие и самую душу отделить от плотских пожеланий, тогда, если бесстыдные страсти устремятся на душу, чтобы овладеть чувствами ее и увлечь их в грех, и ум начнет втайне непрестанно вопиять к Богу, то Бог, видя это, пошлет помощь Свою и прогонит их в одно мгновение (прп. авва Исаия, 89, 459—460).

***

Итак, сын возлюбленный, имея по благодати Христовой естественный разум, сохраняй всегда в себе такое делание и такое благое размышление, не позволяй себе быть, как мрачным облаком покрываемому пагубным забвением, ни преграждаемому в шествии разленением, осуечающим ум и отклоняющим его от должной жизни, ни омрачаемому в помысле неведением — этой причиной всех зол, — ни увлекаемому нерадением всезлым, ни прельщаемому плотской сластью, ни преодолеваемому чревонеистовством, ни пленяемому в уме пожеланиями и оскверняемому в себе самом сосложением с блудными помыслами, ни побеждаемому гневом, рождающим братоненавидение, если по какому-либо жалкому и окаянному предлогу опечаливая и опечаливаясь начнешь собирать в памяти злые помыслы против ближнего, ни отклоняемому от чистой к Богу молитвы, ни отводимому в плен умом, чтобы зверским помыслом подсматривать за единодушным братом. (Ибо если попустить все это, то) за такой бессловесный нрав, полный плотского мудрования, связан будучи в совести, предан будешь до времени в научительное наказание

злым духам, которым покорялся, пока ум, оскудев всеконечно и поглощен будучи печалью и унынием, по причине потери преспеяния по Богу за предшествовавшие вины, снова начнет со всяким смирением воспринимать начало пути спасения, после многих трудов в молитвах и всенощных бдениях получив разрешение грехов своих смиренным исповеданием их пред Богом и ближними. Так начинает он опять истрезвляться и, просвещаемый светом Евангельского ведения, по благодати Божией познает, что кто не предаст себя всецело на крест в смиренном мудровании и самоунижении и не повергнет себя перед всеми на попрание, унижение, презрение, онеправдывание, осмеяние и поругание, чтобы переносить все это с радостью Господа ради, не ища ничего человеческого, ни славы, ни чести, ни похвалы, ни сладкого ястия и пития, ни (красных) одеяний, — тот истинным христианином быть не может (прп. авва Исаия, 89, 472—473).

***

...Разум приобретает успехи от размышления, а рассудительность — от воздержания... (прп. Ефрем Сирин, 30, 279).

***

...Души твердые, если руководствует и управляет ими разум, — великое приобретение для добродетели; при недостатке же знания и разума они то же самое и для порока (свт. Григорий Богослов, 14, 136).

***

Ум и разумение христиан по общению и причастию Святаго Духа достигают постоянства, твердости, безмятеж-

ности и покоя, не рассеиваются и не волнуются уже непостоянными и суетными помыслами, но пребывают в мире Христовом и в любви Духа, как и Господь, рассуждая о таковых, сказал, что прешли они *от смерти в живот* (Ин. 5, 24). Обновлением ума, умирением помыслов, любовью и небесною приверженностью ко Господу от всех людей в мире отличается новая тварь — христианин. Для того было и пришествие Господне, чтобы истинно уверовавшие в Господа сподобились этих духовных благ (прп. Макарий Египетский, 89, 225—226).

***

...Сердце имеет много естественных помыслов, которые тесно с ним связаны, а ум и совесть дают вразумления и направления сердцу и усыпляют естественные помыслы, возникающие в сердце, потому что у души много составов, хотя она и одна (прп. Макарий Египетский, 89, 243).

***

Когда ум начнет творить молитвы нерассеянно, тогда вся брань деннонощная сводится на брань с раздражительною частью души.

Признак бесстрастия, когда ум начнет видеть собственный свой свет, станет покойным относительно сонных мечтаний и легко (и правильно) понимать вещи.

Когда ум во время молитвы не воображает ничего мирского, значит, он окреп.

Ум, с помощью Божией совершивший поприще деятельной жизни и достигший ведения (созерцания), мало уже чувствует и совсем не чувствует движений неразумной части души: ведение (созерцание) восхищает его горе и отделяет от чувственного (авва Евагрий, 89, 576—577).

***

...Как птичке, попавшей в сеть, нет пользы от крыльев, и напрасно и тщетно бьет она ими, так и тебе нет пользы от разума, если ты попал под власть злой похоти: сколько бы ни бился, ты — в плену (свт. Иоанн Златоуст, 45, 174).

***

Для того крылья у птиц, чтобы избегать сетей; для того у людей разум, чтобы избегать грехов (свт. Иоанн Златоуст, 45, 174).

***

В том... заключается отличительное свойство разумного человека, чтобы быть скромным, кротким, снисходительным, смиренным, тихим, не водиться и не увлекаться рабским гневом, или другими страстями, но разумом побеждать внутренние беспорядочные движения, охранять свое высокое достоинство и не унижаться, по беспечности, до зверского состояния бессловесных (свт. Иоанн Златоуст, 47, 363).

***

Тому, кто привязан к настоящему, невозможно и питать в себе любовь к тем неизреченным благам: у него пристрастие к настоящему омрачает разум, точно так, как какая-нибудь нечистота залепляет телесные глаза и не позволяет ему видеть, что нужно (свт. Иоанн Златоуст, 47, 385).

***

...Он (Авраам) в самом начале приготовил себя, помощию только врожденного нашему естеству разума, не имея

никакого постороннего наставника, но, еще будучи воспитан неверными родителями, приготовил... себя к тому, что удостоился Божественного откровения (свт. Иоанн Златоуст, 47, 388—389).

***

Ничто не производит столько мрака, сколько ум человеческий, рассуждающий обо всем по-земному и не принимающий озарения свыше (свт. Иоанн Златоуст, 51, 160).

***

...Может помрачиться наш ум не только от неуместного любопытства, но и от развращенного образа жизни (свт. Иоанн Златоуст, 51, 160).

***

Бог даровал нам разум для того, чтобы он познавал и принимал сообщаемое от Бога, а не для того, чтобы он считал самого себя достаточным для себя (свт. Иоанн Златоуст, 53, 65).

***

На какое бы благо ты ни указал, не найдешь ни одного, которое бы так прославляло человека, как боговдохновенный разум (свт. Иоанн Златоуст, 55, 990).

***

...Посредством ума <человек близок> к Владыке существующего; мыслительной силой он распоряжается созданным; способностью наблюдения исследует небо... мудростью побеждает опасности волнующегося моря; преду-

смотрительностью поддерживает существующий порядок, знанием указывает (значение) явлений; владеет красотой существующего, подобно Творцу (свт. Иоанн Златоуст, 55, 991).

***

Ум ослепляется сими тремя страстями: сребролюбием, тщеславием и желанием удовольствий...

Разум и вера — совоспитанники естества нашего — притупились ни от чего иного, как от них (прп. Марк Подвижник, 89, 529).

***

...Мы путь совершаем в жизни сей, путь тесный и прискорбный, долгий и тяжелый. И инаковым пути сему быть нельзя, так как всю жизнь должно нам сохранять девство и целомудрие и соблюдать подчиненность и послушание; и при этом *помышления низлагать и всякое возношение взимающееся на разум Божий и пленять всяк разум в послушание Христово* (ср.: 2 Кор. 10, 4—5), и все другое делать, что с сим неразрывно связано... (прп. Феодор Студит, 92, 557).

***

...Молящийся телесно и не имеющий еще духовного разума подобен слепцу, который взывал: *Сыне Давидов, помилуй мя* (Мк. 10, 48) (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 453).

***

...Ни юность нисколько не вредит, ни старость не пользует, когда нет разума и страха Божия (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 456).

***

Умным зрением приемлем свет Божественный, ведение сокровенных таин Божиих; душевным вниманием восхождение (возникновение) в сердце помыслов располагаем с разумом (или распоряжаемся ими, различая хорошие от худых); разумным рассуждением, как вкусом распознаем виды разумений, и те, которые произрастают от горького корня, или преобразуем в сладкую пищу для души или совсем отбрасываем, а которые от былий добрых и злачных отраждаются, те приемлем... (прп. Никита Стифат, 93, 84).

***

Оружиями веры и *мечем духовным, иже есть глагол Божий* (ср.: Еф. 6, 17), победив духа сребролюбия, закалаем его, и вместе с тем с помощью слова премудрости востекаем к созерцанию существующего, словом разума становимся выше ничтожества видимых благ, и в царских дворах любви упокоеваемся под действием многобогатых сокровищ упования (прп. Никита Стифат, 93, 93).

***

Разум находит и аскетических пять чувств: бдение, богомыслие, молитву, воздержание и уединение. Кто сочетает с сими чувствами свои чувства, именно — зрение с бдением, слух с богомыслием, обоняние с молитвой, вкус с воздержанием, осязание с уединением, — тот скорее очистит ум свой и, утончив его ими, соделает его бесстрастным и зрительным (преп. Никита Стифат, 93, 108).

***

Посмеиваются над благочестием и посмеваемы бывают делами те, которые совершили свое отречение не как сле-

дует, и с самого начала не восхотели пользоваться учителем и руководителем, а своему последовав разуму и *перед собою показавшись себе разумными* (ср.: Ис. 5, 21) (прп. Никита Стифат, 93, 114).

***

Молчание с разумом рождает смиренное о себе думание (прп. Григорий Синаит, 93, 206).

***

Плотский разум, падшая человеческая природа возникла из падения, имеет начальной причиной своей грех, отвержена Богом, постоянно враждует на Бога, постоянно отвергается Богом (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 403).

***

Духовный разум — ощущение живота бессмертного, по определению Духоносцев. Самый этот разум — признак воскресения. Так, напротив, плотское мудрование — невидимая смерть души... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 11).

***

Духовный разум состоит в познании Истины верою. Сперва приобретается познание веры; вера, усвоившись христианину, изменяет его разум откровением ему Истины, которая — Христос (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 138).

***

Нужно... предаться водительству веры: при этом водительстве, в свое время, по значительных подвигах в бла-

гочестии, Бог дарует верному рабу Своему разум Истины, или разум духовный (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 472).

***

Разум... есть существенная часть души, и его никак отнять нельзя, не уничтожив души (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 192).

РАЙ

...Желающие возвратиться туда <в рай>, отсекают все свои плотские хотения, дабы возвести ум в прежнее состояние (прп. авва Исаия, 59, 10).

***

...Такова страна живых <рай>: в ней нет ночи, нет сна — образа смерти; нет пищи, нет пития — сих подкреплений нашей немощи, нет болезни, нет страданий, ни врачевства, ни судилищ, ни куплей, ни искусств, ни денег — этого начала зол, предлога к браням, корня вражды. Это — страна живых, не умирающих грехом, но живущих истинною жизнью во Христе Иисусе (свт. Василий Великий, 5, 345).

***

Не должно и по воскресении ожидать чего-либо свойственного сему веку, но надобно знать, что в будущем веке жизнь ангельская и свободная от всяких нужд (свт. Василий Великий, 7, 377).

***

...Не рай ли мысленный и духовный есть место вечного наслаждения? Ибо такой рай не будет иметь конца; в нем

все пребывает непоколебимым. Так новые небеса распростругся в нетлении, и новая земля сраствориться вечностью и блаженством (прп. Ефрем Сирин, 32, 189—190).

***

Светлее сияет рай, нежели солнце в этом мире, исполненном тьмы; и мысленные наши очи слишком темны для того чтобы прозреть в обитель радостей; тьма распростерта в воздухе, и они не видят в высоту. Поэтому сыны земли смотрят только на землю (прп. Ефрем Сирин, 33, 250).

***

Нет плача в чертоге праведных; там нет воздыханий; там непрестанно песнопения, хвалы и вечное радование (прп. Ефрем Сирин, 33, 397).

***

Возлюби пустынное жилище, чтобы жилищем твоим соделался рай (прп. Ефрем Сирин, 34, 296).

***

Как велико и число, и различие степеней, так же велико и число, и различие в достоинстве поселяемых; первая степень назначена покаявшимся, средина — праведникам, высота — победителям, Чертог Божества над всем превознесен (прп. Ефрем Сирин, 34, 364).

***

Среди обитателей рая нет обнаженных, потому что все облечены славою; никто не прикрывается там листьями и

не предстает посрамленным; в Господе нашем нашли они себе утраченную Адамом одежду (прп. Ефрем Сирин, 34, 378).

***

Никто не утруждается там <в раю>, никто не алчет, потому что никто не грешит. Никто не чувствует там раскаяния, потому что нет там кающихся. Подвизавшиеся на поприще не выходят там на подвиг и пребывают в покое. Нет там старости, потому что нет и смерти: нет там предаваемых погребению, потому что нет и рождающихся.

Нет у них печали, потому что свободны от всяких страданий; нет у них опасения, потому что далеки от всяких сетей. Нет там противника, потому что брань кончена. Непрестанно себя и друг друга именуют блаженными, потому что прекратились их брани, венцы получены и в кущах их покой (прп. Ефрем Сирин, 34, 388).

***

Райское благоухание насыщает без хлеба; дыхание жизни служит питием, чувства утопают там в волнах наслаждений, какие изливают на всех и во всех возможных видах. Никто не чувствует обременения в этом сонме радостей, и все непрестанно без пресыщения упоеваются ими, изумевая пред величием Божиим.

Ныне алчут и насыщаются плоти, а там вместо плотей души ощущают голод, и душа вкушает сродную ей пищу. Паче всякой снеди душа услаждается Тем, Кто питает все, Его насыщается лепотами, перед Его изумевает сокровищами. Тела, заключающие в себе кровь и влагу, достигают там чистоты одинаковой с самою душою (прп. Ефрем Сирин, 34, 397—398).

***

Какие уста изобразят рай? Какой язык опишет славу его? Какой ум составит в себе подобие лепоты его? Сокровенное лоно его недоступно созерцанию (прп. Ефрем Сирин, 34, 401).

***

В благословенной стране блаженства <в раю> нет ни вредоносного холода, ни палящего зноя. Там пристань радостей, там собрание всяких утех; там обитель света и веселия; там раздаются повсюду звуки гуслей и цевниц, слышны всею Церковью воспеваемые *осанна* и *аллилуия* (прп. Ефрем Сирин, 34, 404).

***

Весьма многие из людей хотят сподобиться Царствия без трудов, без подвигов, без пролития пота; но сие невозможно (прп. Макарий Египетский, 89, 195).

***

...Чудно и дивно то, что превыше небес, чего нет ни в сокровищах царских, ни в словесах мудрости, ни в славе мирской (прп. Макарий Египетский, 89, 225).

***

...Рай есть жилище живых и не принимает мертвых грехом... (свт. Григорий Нисский, 24, 349).

***

Рай есть слово Божие; наслаждение в нем — причастие Святаго Духа... (прп. Марк Подвижник, 69, 149).

***

Рай есть любовь Божия, в которой наслаждение всеми блаженствами... (прп. Исаак Сирин, 58, 391).

***

Царство Небесное предлежит нам. Восхитим его деланием заповедей Божественных (прп. Феодор Студит, 92, 109).

***

...Не сам всяк, но Христос со всяким входит опять в рай; т. е. всякий человек тогда получает вход в рай, когда причастным делается Божественной благодати Христовой и верою опять стяжает то, что имел в начале и что потерял неверием, не поверив словам Божиим, а поверив словам змия (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 332).

***

...Рай... и град святой, и всякое место упокоения есть один только Бог (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 76).

***

...Соделавшие божественные (дела) будут находиться во свете (будущих) благ, а делатели зла — во тьме наказаний. Посредине же будет страшная пропасть, разделяющая одних от других, как Сам Ты открыл Уготовавший это (см.: Лк. 16, 26). Ибо эта (пропасть) посредине будет ужаснее всякой пытки и муки для человека, попадающего (в нее), для того, кто несчастным образом стремглав летит и низвергается в (эту) бездну мучений и хаос погибели, откуда трудно взойти находящимся в муках, чтобы

перейти на землю праведных (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 120).

***

...Насколько чистейший хлеб дороже и слаще помета, настолько и несравненно более горнее превосходит дольнее для тех, которые хорошо отведали (его) (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 127).

***

В ненасытном созерцании Бога и в непрестанном горении любовью к Нему заключается высшее и существенное наслаждение небожителей (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 73).

***

Восставьте веру в Господа, рай для нас крестом отверзшего! Входят во врата сии крестоносцы (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 152).

***

Будущий рай — не совне навевающий блаженство, а внутри его устрояющий — как неистощимо бьющий ключ радостей и утешений (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 10).

****

К Иоасафу, когда он был еще юношей, послан был Богом преподобный Варлаам. Он научил его вере, крестил, помолился о нем Богу и, дав целование о Христе, возвратился в пустыню. По отшествии его Иоасаф стал усиленно подвизаться и постоянно проводил время в мо-

литвах и слезах. Трудно, конечно, было юному христианину, окруженному язычниками, нести первое время крест свой. Но Господь не оставил его. В первые же дни своей новой христианской, жизни, во сне он сподобился видения. Он узрел себя восхищенным в рай, и там ему показаны были все те блага, которых ни слово человеческое не может передать, ни око видеть. Перед ним открылся чудный город, сиявший золотом и драгоценными камнями, и множество ангелов пели и славили Бога. Иоасаф обратился к ним, прося остаться с ними; но услышал, что для того чтобы быть в раю, должно ему возвратиться в мир и подвизаться. Это видение еще более усилило желание Иоасафа служить Господу. Он усугубил свои подвиги и наконец ушел к Варлааму в пустыню. Там стало еще труднее, но Господь укрепил его новым видением. Ему явились ангелы, которых он видел прежде. Они снова ввели его в Небесный нерукотворенный град. Тут он увидел еще двух ангелов, держащих два светлых, неизреченной красоты венца. Иоасаф спросил: «Кому они назначены?» И услышал, что один предназначен ему за то, что он спас множество душ и украшен постничеством, а другой, ради него, дается его отцу. После этого видения, говорит сказание, Иоасаф «в еще большее подвизание вниде и по мале времени прейде в пресветлый оный град и неизреченный» (112, 196—197).

***

Один благочестивый муж рассказывал о видении рая: «Поставлен я был на некотором ровном месте, где все было хорошо, весело и приятно, а в стороне от него было еще лучшее место, злачное и прекрасное, всей прелести которого словами передать невозможно. Посреди сидел ста-

рец многочестный, а около него были дети, число которых превосходило число песка морского. Желая узнать, кто сей старец, я спросил о нем сопутствоваших мне апостолов Андрея и Иоанна, и они сказали, что это Авраам, а место, где были дети, называется лоном его. Поклонившись величайшему из патриархов, я приведен был своими путеводителями на место, называемое Елеон, где росло бесчисленное множество деревьев и под каждым была сень. Тут я увидел людей, из которых многих я знал: одни воспитывались при царском дворе, другие были простыми гражданами, некоторые земледельцами, а иные иноками. Все они уже умерли. Когда я хотел расспросить подробно о видимом мною месте, апостолы предварили меня и сказали: «Ты желаешь знать, что есть сей великий и прекрасный Елеон и что все, что ты видишь в нем? Знай, что он есть дом Отца Небесного, в котором обители многи суть. И эти обители всем разделяются, смотря по их благочестию и по мере добродетелей» (112, 99—100).

***

Был в некотором монастыре черноризец, по имени Евфросин, неграмотный, но смиренный и богобоязненный. Он предал себя со всею покорностью в послушание игумену и братии. Ему поручили служение в поварне, и он трудился здесь много лет. Евфросин никогда не роптал, не прекословил, исполняя порученное ему дело со всевозможным тщанием... Игумен того монастыря Власий был украшен всеми добродетелями. Он с юности вступил на путь служения Богу и угождал Ему постом и молитвой. Однажды у него возникло непреодолимое желание узнать, в какое место вселяются души монахов, подвизающихся во время земной жизни. Возложив на себя пост и бдение, он

начал молить Бога, чтобы Он открыл ему это. Три года проводил он в келейном ночном бдении. Всеблагой Бог, никогда не презирающий молящихся Ему с верою, исполнил желание игумена. Как-то ночью стоял он на молитве и внезапно ощутил себя в состоянии исступления. Ему представилось, что он ходит по какому-то великому полю: на поле был рай Божий. Что такое рай — невозможно передать на человеческом языке. Блаженный Власий, войдя в рай, увидел деревья благовоннейшие, осыпанные различными плодами, и насыщался одним их благоуханием. Здесь он увидел монаха Евфросина, сидящего под одной из яблонь на золотом престоле. Удостоверившись, что это — он, игумен подошел к нему и спросил его: «Сын мой, Евфросин! Что ты здесь делаешь?» Евфросин отвечал: «Владыко! Я за твои молитвы в этом месте святого рая поставлен в страже Богом». Игумен сказал: «Если я попрошу у тебя что-нибудь, имеешь ли ты власть дать что-либо?» Еврофсин отвечал: «Чего ни попросишь, получишь». Игумен, показав ему на одну из яблонь, сказал: «Дай мне с этой яблони три яблока». Евфросин старательно снял три яблока и отдал их игумену. Тот принял их в мантию и тотчас пришел в себя. Он оказался в своей келье. В его мантии лежали три яблока. Зазвонили к утрени. По окончании богослужения игумен приказал братии, чтобы никто из них не выходил из церкви. Призвав из поварни Евфросина, спросил его: «Сын мой! Где ты был этой ночью?» Евфросин стоял, опустив глаза в землю, и молчал. Но старец не перестал его допрашивать. Тогда Евфросин отвечал: «Там, авва, где ты видел меня». — «Где же я видел тебя?» — «Там, где ты просил у меня, чтобы я дал тебе три святые яблока, которые ты и взял». Тогда игумен повергся к ногам его. Вынув яблоки из мантии своей, положил их на святой дискос и сказал братии: «Эти ябло-

ки, которые вы видите, — из святого рая. В течение трех лет я молил Бога, пребывая без сна все ночи, чтобы Он показал мне, в какое место отходят по смерти души благочестиво подвизающихся монахов. В эту ночь благодатию Божиею я возведен был в святой рай, видел его неизреченные блага и нашел в нем нашего брата Евфросина, который дал мне эти три яблока. Умоляю вас, не уничижайте и не бесчестите неграмотных. Они, с верой служа братии, оказываются у Бога выше всех». Когда игумен говорил это братии, Евфросин вышел из церкви и тайно ушел из монастыря, избегая славы человеческой. Игумен разделил яблоки между братиями: больные иноки, вкусив райских яблок, исцелились... (106, 124—126).

РАСКАЯНИЕ

Говорите, что вы грешники, и оплакивайте все, в состоянии нерадения вами наделанное. За это благоволение Господа будет с вами, и будет действовать в вас: ибо Он благ и отпускает грехи всех, обращающихся к Нему, кто бы они ни были, так что не помянет об них более. Однако же Он хочет, чтобы те (помилованные) сами помнили о прощении грехов своих, доселе соделанных, чтобы, забыв о том, не допустить чего в поведении своем такого, из-за чего принуждены будут дать отчет и в тех грехах, которые были уже им прощены, — как это случилось с тем рабом, которому господин отпустил весь долг, которым он был должен ему. Ибо — когда, забыв об этой милости, он неправедно поступил с сорабом своим, господин его потребовал от него весь бывший на нем долг, уже отпущенный было ему, — за то, что он не сжалился над сорабом своим и не отпустил ему ста динариев — суммы ничтожной

сравнительно с той, которая была ему отпущена (см.: Мф. 18, 23—34). Посмотрим на Давида пророка. Когда после того, как он согрешил с женой Урии, пророк Нафан обличил его за это и за то, что он сделал с мужем ее, — он, выслушав обличение, тотчас раскаялся и смирился. Почему пророк Нафан сказал ему: уже отпустил тебе Бог грехи твои (см.: 2 Цар. 12—13). Но Давид, получив отпущение грехов, не забывал об них и память о них предал потомству. Это сделано в память всем родам, из рода в род. *Научу беззаконныя путем Твоим* (Пс. 50, 15), говорит он, чтобы все грешники научились из примера его, подобно ему, каяться во грехах своих и, когда они будут прощены, не забывать о них, но всегда помнить. Подобное сказал Сам Бог, через пророка Исаию: *Аз есмь заглаждаяй грехи твоя, и не помяну. Ты же помяни* (ср.: Ис. 43, 25—26). Оказал он также и через пророка Иеремию: *обратися ко Мне доме Израилев... и не утверждy лица Моего на вас, яко милостив Аз есмь, и не прогневаюся на вы во веки. Обаче вижды беззаконие твое, яко в Господа Бога твоего преступила еси и расточила еси пути твоя* (ср.: Иер. 3, 12—13). Таким образом, когда Господь отпускает нам грехи наши, мы должны не отпускать их себе самим, но всегда помнить о них через возобновление раскаяния в них (прп. Антоний Великий, 89, 39—40).

***

Остен грехов моих не стал еще непрестанно уязвлять сердце мое (т. е. не пришло еще болезненное сокрушение о грехах). Бремя грехов моих еще не отяготело надо мною (не подавляет меня тяготой своей, не чувствую тяготы грехов). Не познал еще я вполне, как следует, силы огня,

иначе подвизался бы не впасть в него. Глас слышится в ушах моих, что ад предлежит мне, так как поистине не очистил еще я сердца своего. Раны на теле моем сделались опасными, но еще не воссмердели, чтобы искать врачевства. Я прикрываю от людей раны от стрел и не могу терпеть, чтобы касался их врач. Он предложил мне наложить примочки (или припарки) на раны, но я не крепок сердцем, чтобы стерпеть едкость их. Врач добр и не требует с меня вознаграждения, но леность моя не дозволяет мне сходить к нему. Приходит он сам ко мне поврачевать меня и находит меня едящим то, что растравляет раны. Он упрашивает меня перестать отныне (принимать такие яства), но сласть вкушения их обольщает сердце мое. Когда поем, раскаиваюсь, но раскаяние мое неистинно. Присылает мне (врач свое) ястие (говоря): поешь, чтобы оздороветь, но злой навык не дает мне принять его. Конец всего этого, — не знаю, что мне делать?

Восплачьте же со мною все братия, знающие меня, да придет ко мне помощь паче силы моей и возобладает мною, чтобы я сделался достойным быть учеником Его (Господа моего), ибо Его сила во веки веков (прп. авва Исаия, 89, 342—343).

***

Блаженны те, кои возлюбили живот вечный, когда они не претыкаются. Итак, подвизаться надлежит в труде и поте, сокровенно в сердце, против томящего тебя помысла (чувства оскорбления), чтобы не попустить стреле его уязвить сердце твое. Но трудно тебе будет уврачевать его, если не будешь ты всегда иметь перед очами своими грехов своих. Когда услышишь, что кем-нибудь учинено тебе зло некое, противопоставь сему доброе желание свое — не

воздать ему в сердце своем, не поносить его, не осуждать и не оглашать, предав его в уста всех, и думай после сего: во мне нет ничего худого. Если в тебе есть страх геенны, то он препобедит в тебе злые (помыслы), внушающие тебе воздать ближнему твоему, говоря тебе: несчастный! молишься ты о грехах своих, и Бог терпит тебя до днесь, не обнаруживая их (перед всеми); ты же, гневаясь на ближнего, бросаешь его в уста всех. Не явно ли, что ты не раскаян во грехах своих, когда никакого не имеешь в сердце своем снисхождения (к ближнему)? (прп. авва Исаия, 89, 365—366).

***

Горе нам, что не памятуем ныне грехов своих, а когда душа наша обнажится от тела, тогда все их, и словами, и делами, и помышлениями (содеянные), в преболезненном и прегорьком раскаянии, за раз увидим напечатленными и написанными в памяти сердец наших! (прп. авва Исаия, 89, 441).

***

Приступите, выслушайте и содрогнитесь! Как ни преисполнено щедротами море благодати, непокаявшемуся, в день Суда, никто не источит даже и малой милости (прп. Ефрем Сирин, 33, 214).

***

Никогда <Бог>... не отвергает искреннего раскаяния; но хотя бы кто дошел до самой крайней порочности, а потом решился бы возвратиться опять оттуда на путь добродетели, и такого Он принимает и приближает к Себе, и делает все, чтобы привести его в прежнее состояние (свт. Иоанн Златоуст, 44, 8).

***

...Слушайте и утешайтесь: хотя и страшна карающая правда; но если человек кается, одна капля слез уничтожает рукописание долгов его (свт. Иоанн Златоуст, 48, 238).

***

...Страждущие неизлечимою болезнею, согрешающие и нераскаивающиеся в своих грехах, навлекают на себя строгое наказание Божие (свт. Иоанн Златоуст, 48, 246).

***

...Нам нужны теперь глубокое раскаяние и обильные слезы, как потому, что мы грешим и остаемся бесчувственными, так и потому, что грехи наши велики и превышают прощение (свт. Иоанн Златоуст, 50, 107).

***

Есть раскаяние от глубины души, и есть раскаяние лишь притворное; потому-то одни спасаются, а другие подвергаются осуждению (свт. Иоанн Златоуст, 54, 97).

***

...Своим раскаянием можете погасить этот <вечный> огонь; а если вы не раскаетесь, то никто не в силах избавить от наказания (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1171).

***

Всякое раскаяние, по отъятии свободы, таково, что ни радости оно не источает, ни дает право на награду приобретшим оное (прп. Исаак Сирин, 58, 18).

***

...К уклонившимся же с пути обращусь со следующим словом Пророка: *сынове человечестии! вскую любите суету и ищете лжи?* (ср.: Пс. 4, 3), — ища исполнения волей своих, по возбуждению страстей ваших, не полагая перед очами страха Божия, ни суда неумытного, ни огня неугасимого, ни тьмы кромешной, ни скрежета зубов и тартара невообразимо страшного, но так бесстрашно и дерзко, так лживо и легкомысленно судя о Боге при беспутных начинаниях ваших. Доколе будете вы забывать суды Его? Доколе будете не приходить в чувство раскаяния? Доколе будете полагать лукавые советы в душах своих, придумывая извинения во грехах и предаваясь суетным чаяниям? — восставьте себя, наконец, от падения, разгоните окружающую вас тьму, пресеките безумные стремления ваши. От кого бежите вы? От кого отрицаетесь? Не от Духа ли Святаго, Коего прияли в день избавления?.. (прп. Феодор Студит, 92, 276).

***

Для чего другого сеет земледелец, как не для того, чтобы потом и пожать? Для чего трудится торговец, как не для того, чтобы получить прибыль? Так и слово учения раздаять поставленный для чего другого это делает, как не в надежде преуспеяния и усовершенствования слышащих? — В отношение же к вам, по грехам моим, слово мое остается совершенно бездейственным. Сею много и много тружусь, но никакого плода не вижу. Говорю, оглашаю, напоминаю — и иногда на час сила слова моего доходит до слуха вашего душевного, но вы тотчас скорее того опять все забываете и остаетесь в тех же прегрешениях. Плачу об этом и раздираюсь сердцем, не имея сил пресечь вашу беспорядочность. Конечно, такая безуспеш-

ность зависит от бессилия смиренных слов моих. Пусть, впрочем, в этом на моей стороне вина. Но разве вы не слышите словес Божественного Писания? Не оглашают ли они каждодневно слуха вашего спасительными догматами? — Что вопиют, кроме того, и святые отцы? Что возвещают? О чем свидетельствуют? Чем угрожают? — Не приводят ли они пред очи ваши страшного оного и неумытного судилища, потрясающего оного окончательного решения Божия, оного поражающего отвержения и мук бесконечных, огня неугасимого, червя ядовитого, не умирающего, тьмы тьмущей, тартарской преисподней и прочего, что при этом помышляется? — Не показывают ли они, насупротив этого, Царства Небесного — Жизни нескончаемой, славы неприступной, света неизреченного, недомыслимых красот рая, лона Авраамова, скинии святых, дворов праведных, чинов Ангельских, радований неизъяснимых? — И при всем том никакого не видно у вас исправления, ни даже раскаяния. — Какого, впрочем, слова можем мы послушать, когда только и ищем, чтобы удовлетворить свои плотские страсти и пристрастия, когда совсем опустились, только и на уме держим, как бы что поесть и попить, какое бы слово смешное выпустить на разорение своей души и души слышащего, что бы придумать, чтобы прикрыть вину свою или свалить ее на другого, — и обще скажу, когда мы души свои сделали не детелищем преподобия и правды, а всякого беззакония и неправды? (прп. Феодор Студит, 92, 350—351).

***

...Всякий день станем проводить со всем вниманием и бдительным самоохранением, рано утром, по знаку, тотчас живо вставая, и сон прогоняя, и по трезвенной молитве в

келье и в общем собрании принимаясь всякий за свое дело, — келарь в келарне, повар в поварне и прочие все всякий на своем месте: нигде ропот, нигде преслушание, нигде крик, нигде противоречие, — ниже злость, скрытно держимая, чтобы по наружности только казаться мирным, внутри же питать злобу и, как только случай, ужалить, подобно змию, или отомстить, подобно мстительному верблюду. — Случилось оскорбление и прошло. Но искренно ли совершилось раскаяние или прощение? Не распалитесь опять помыслами и не покуситесь *воздать злом за зло, или досаждением за досаждение, напротив благословите, ведяще, яко на се звани бысте, да благословение наследите. Хотяй бо живот любити и видети дни благи, да удержит язык свой от зла, и устне свои, еже не глаголити льсти. Да уклонится от зла и сотворит благо, да взыщет мира и да держится его. Зане очи Господни на праведные, и уши Его в молитву их: лице же Господне на творящия злая* (ср.: 1 Пет. 3, 9—12) (прп. Феодор Студит, 92, 425).

***

К получению спасения нам предлежит еще только, по апостольской заповеди, наздавать, на основании веры своей правой, злато, серебро и камение честное, а не дрова, сено и хврастие (см.: 1 Кор. 3, 12) — сию пищу огня. Кто так утвержден, того ничто не может поколебать в его вере в Господа. *Христос ны искупил есть от клятвы законныя, быв по нас клятва,* как написано (Гал. 3, 13). Не попустим же себе опять попасть под клятву. Христос омыл нас в крови Своей, банею пакибытия и обновлением Духа Святаго; не дадим же себе отнюдь опять возвратиться к срамным делам, от которых отказались. Если же не сде-

лаем так, то, в день откровения Своего, Он может сказать нам: Я сделал вас Своими стелесниками, вы же уды Мои сотворили удами блудничими; Я омыл вас от грехов ваших, так что вы *не имели скверны, или порока, или нечто от таковых* (ср.: Еф. 5, 27), — вы же опять обложили себя зловонием страстей и очернили себя скверной грехов; Я исполнил вас обильно умным светом через Духа Святаго, а вы ум свой сделали жилищем неистовых страстей; Я сделал вас сонаследниками вечных благ, вы же избрали быть лучше сонаследниками противника Моего: *отыдите же от Мене проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его* (ср.: Мф. 25, 41). Но да не будет нам никогда услышать такой страшный глас и испытать такой нестерпимый гнев. Почему со всяким рвением возревнуем стяжать чистоту, слезы, сокрушение сердечное, исполняя свои послушания безропотно, бодрствуя в деле Божием день и ночь, чтобы враг, прокравшись, не поглотил невнимательной души. Когда бы нам и при бдении избежать козней змия! При дремании же как достигнуть сего! Но скажет кто: немощно и поползновенно естество наше. Согласен с этим и я, в том же естестве состоя. Но прошу вот о чем: как только случится что такое, тотчас да будут — раскаяние, исповедание, сокрушение сердца, и живое стремление к восстановлению прежнего доброго состояния. Так действуя каждодневно, достигнем искомого; достигши искомого, и желанный глас: *придите* — услышать сподобимся, — и Царствия Небесного наследниками сделаемся (прп. Феодор Студит, 92, 480—481).

***

...Делает недостойным прощения не великость и множество грехов, а одна нераскаянность (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 30).

***

Кто придумывает... извинения <во грехах>, от того не жди раскаяния (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 133).

***

...У кого нет раскаяния, тот не возьмется и за самоисправление (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 133).

РАСКОЛ

Кто следует за вводящим раскол, тот не наследует Царствия Божия. Кто держится чуждого учения, тот не сочувствует страданию Христову (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 297).

***

Где разделение и гнев, там Бог не обитает. Впрочем, всем кающимся Господь прощает, если они возвращаются к единению Божию (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 299).

***

<Раскол> — это если разногласят между собою по некоторым церковным винам или вопросам, допускающим уврачевание (свт. Василий Великий, 11, 6).

***

Раскол держится крайним невежеством (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 92).

***

Когда уяснятся условия спасения, уяснится и то, что все раскольнические догматы — не догматы, а пустошь! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 92).

****

В одно утро, повествует раскольник Иоанн Сорокин, после келейной молитвы, в которой со слезами просил Бога: «Скажи мне, Господи, путь, воньже пойду», — я заснул и увидел во сне, будто нахожусь в каком-то великолепном чертоге, и слышу над собою голос: «Иди в Церковь, потому что вне Церкви спастись нельзя». Я отвечал: «В Церкви находится много соблазна и плевел». Голос говорил: «Что тебе до этого? Ты будешь избранее пшеницы». Я еще сказал: «Есть в Австрии церковь с епископами и священством». Голос отвечал: «Австрийская церковь — не Церковь, потому что она отделилась от Восточной Церкви, и нет в ней спасения». Этим закончился знаменательный сон, и вот Иоанн, от самого рождения ни разу не переступивший порога церковного, пришел в храм в навечерие Богоявления Господня. С этого времени он ежедневно начал ходить в храм, со слезами раскаиваясь в своих заблуждениях, и 17 апреля 1860 года, с разрешения Святейшего Синода, был присоединен к Православной Церкви (113, 204—205).

***

Известен пример смиренного обращения из раскола известного московского протоиерея отца Валентина Свенцицкого. Он был настроен против Святой Православной патриаршей Церкви и не мог спокойно слышать имя митрополита Сергия, и своей ненавистью заражал соприкасавшихся с ним людей. Но, несомненно, какая-то тайная добродетель, соделанная им в жизни, была упомянута милосердием Божиим незадолго до его кончины и породила в нем кротость и смирение. Благодать Божия внезапно ясным лучом осветила его внутреннее состояние, и он во свете ее познал свое гибельное заблуждение. Смиренно каясь перед смертью, он написал блаженнейшему митро-

политу Сергию искреннее покаянное письмо, где исповедал, что, будучи объят гордостью и непокорством, отступил от истины Православия, но об этом глубоко сожалеет. Митрополит Сергий, в ответ на такое чистосердечное покаяние, выраженное в смиренном к нему обращении, немедленно послал ему телеграмму, в которой сообщил, что он с отеческой любовью прощает и принимает его в лоно Святой Православной Церкви. Получив телеграмму, протоиерей Валентин преисполнился радостью и духовным веселием. Обливая слезами телеграмму, он повторял: «Вот когда я приобрел мир и радость для души своей», — и с этими словами тихо и мирно скончался. Отпевание его совершено было на месте первого его служения, в церкви Троицы в Листах на Сретенке (114, 186—187).

***

Когда при малолетних царях Иоанне и Петре Алексеевичах раскольники, после прений о вере в Грановитой палате, вышли из нее и вошли на Лобное место с криками: «Победихом, победихом!» — тогда, пишет святой Димитрий Ростовский, Сам Господь Бог, не стерпев хулений тех на Церковь Свою, обличил еретическое мудрование их внезапною казнью: «злой бо дух порази предводителя еретического Никиту Пустосвята, и абие пад на землю Никита, оцепене и бесновашеся. Тогда все люди, видяще на нем Божие отомщение, познаша, яко явный еретик Никита и хульник Церкве святыя и враг Божий» (112, 175).

РАССЕЯННОСТЬ

...Не можем преуспевать ни в соблюдении всякой... заповеди, ни в самой любви к Богу и в любви к ближнему, блуждая мыслями туда и сюда (свт. Василий Великий, 9, 90).

***

Рассеянность происходит от праздности ума, не занимающегося необходимым. А ум остается в праздности и беспечности от неверия в присутствие Бога, испытующего сердца и утробы (свт. Василий Великий, 9, 191).

***

Можно ли достигнуть нерассеянности во всем и во всякое время, и как сего достигают?.. — Для сего не должно давать душе времени быть праздною от размышлений о Боге и о Божиих делах и дарах, также от исповедания и благодарения за все (свт. Василий Великий, 9, 262).

***

Человек рассеянный в праздник работает, и в рабочий день прислуживает (прп. Ефрем Сирин, 30, 173).

***

...Развлечения и парения мысли непрестанно возобновляют тайные язвы (прп. Ефрем Сирин, 30, 304).

***

Многими молитвами должно собирать рассеянные мысли (прп. Ефрем Сирин, 37, 292).

***

Блажен, кто, в общении со многими, не развлекается многим, но преселил к Богу всецелое сердце (свт. Григорий Богослов, 15, 273).

***

...Три средства рассеивающийся ум делают постоянным: бдение, размышление и молитва. Непрестанное упражнение в них и непрерывное внимание доставляют душе постоянную твердость (прп. авва Исаак, 56, 364).

***

...Парения ума никто не может преодолеть, разве только изучением духовного ведения (прп. Исаак Сирин, 58, 362).

***

...Если ты, пребывая в келье, рассеиваешься мыслями, укоряй себя во всем и повергни немощь твою перед Богом. Он поможет тебе и укрепит тебя преуспеть о Нем (прп. авва Дорофей, 29, 222—223).

***

Рассеянность, столько вредная вообще, в особенности вредна в деле Божием, в деле спасения, требующем бдительности и внимания постоянных, напряженных (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 373).

***

Рассеянность окрадывает молитву. Помолившийся с рассеянностью ощущает в себе безотчетливую пустоту и сухость. Постоянно молящийся с рассеянностью лишается всех плодов духовных, обыкновенно рождающихся от внимательной молитвы... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 164—165).

***

...Лютая рассеянность и многопопечительность непременно соединены с глубоким неведением себя, а такое неведение всегда очень довольно, гордо собою (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 108).

***

Когда при молитве мы подвергаемся постоянной рассеянности, это служит признаком, что сердце наше находится в плену у земных пристрастий и попечений, которые не допускают ему устремиться всецело к Богу и пребывать при Нем (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 257).

РАССУДИТЕЛЬНОСТЬ

...Всякое дело, для того чтобы быть хорошим, требует рассуждения, и без рассуждения мы не познаем естества вещей (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 79).

***

...Рассуждение есть свет, показывающий тому, кто его имеет, время, начинание, предприятие, устроение человека, крепость, знание, возраст, силу, немощь, произволение, усердие, сокрушение, навык, незнание, силу тела, сложение, здоровье и болезненность, нрав, место, занятие, воспитание, веру, расположение, намерение, поведение, небоязненность, понимание, природный ум, старание, бодрость, медлительность и подобное. Потом естество вещей, употребление их, количество, виды, намерение Божие, заключающееся в Божественных Писаниях, смысл каждого изречения... Рассуждение изъясняет все это, и не только это, но и намерение толкования святых отцов; ибо не то

именно нужно, что делается, но для чего делается, говорит святой Нил. И делающий что-либо, без ведения сказанного, может быть и много трудится, но ничего не успевает достигнуть... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 133—134).

***

Признаки рассуждения суть: неложное познание доброго и противного, потом познание Божественной воли, при всех предприятиях (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 144).

***

Получивший, по благодати Божией, дарование рассуждения от многого смиренномудрия должен всею силою хранить это дарование и отнюдь ничего не делать нерассудительно, чтобы, согрешая в ведении, по нерадению, не подпасть большему осуждению. А еще не получивший сего дарования отнюдь не должен утверждать своего разумения, или слова, или дела, без вопрошения (опытных), твердой веры и чистой молитвы, без которых не может он достигнуть неложного рассуждения.

Оно рождается от смиренномудрия и имеющему его рождает прозрение... т. е. чтобы предвидеть скрытые козни врага и отсекать прежде времени поводы к ним, по слову Давида: *и на враги моя воззре око мое* (Пс. 53, 9) (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 144).

***

...Рассуждение... есть свет, и рождающееся от него прозрение есть самое нужное из всех дарований. Ибо что наиболее нужно человеку, как не то, чтобы видеть тай-

ные хитрости демонов и охранять свою душу при содействии благодати (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 146).

***

...Без рассуждения ничто не бывает добрым, хотя незнающим кажется и очень добрым: или потому, что не своевременно, или сверх надобности, или сверх меры вещи, или крепости сил человека, или знания его, и по многому другому (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 45).

***

...Имеющий... дарование рассуждения получил его через смиренномудрие и потому все познает по благодати... (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 45).

***

Рассуждение знает время, потребность, устроение человека, свойство его, силу, ведение вопрошающего, произволение его, намерение Божие, смысл каждого изречения Божественного Писания и многое другое. Не имеющий рассуждения может быть и много трудится, но не достигает цели. Если же найдется человек, имеющий рассуждение, то он бывает руководителем слепых и светом для находящихся во тьме, и к нему должны мы во всем обращаться и принимать от него все, хотя может быть, по неопытности нашей, и не то находим, чего желаем. Однако имеющий рассуждение из того наиболее бывает познаваем, что он может и нежелающих и неохотных расположить к тому, что он говорит. Ибо через него действует Дух, испытающий все и совершающий Божественные дела, так, что

может и не хотящий ум заставить вернуть... (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 62).

***

Рассуждение есть око души и ее светильник, как глаз есть светильник тела: так что если это око светло будет, то и все тело (наших деяний) светло будет, *если же око сие темно будет, то и все тело темно будет*, как сказал Господь... (ср.: Мф. 6, 23) (прп. Антоний Великий, 89, 122).

***

...Рассуждением он <человек> расстроивает и уничтожает все направленные против него козни врага, верно различая, что хорошо и что худо (прп. Антоний Великий, 89, 122—123).

***

Не должно смешивать того, что между собою несродно; но для каждого дела или слова надобно знать собственное его время (свт. Василий Великий, 7, 323).

***

...По признакам, объявленным нам в Писании, узнавая о настоящем времени, каково оно, и соображаясь с сим, должно располагать свои дела (свт. Василий Великий, 7, 324).

***

...Что такое значит иметь рассудительность? Предохранять другого от соблазна, и избирать что лучше и что ведет ко спасению (прп. Ефрем Сирин, 30, 171).

***

Во всем, что ни встретится с тобою, веди себя умно и помни, что от Бога подана тебе помощь (прп. Ефрем Сирин, 30, 185).

***

...Для рассудительных бедность лучше и полезнее богатства, немощь и болезнь — здравия, искушение — спокойствия, и насколько более славными и сильными делают они подвижников (свт. Иоанн Златоуст, 45, 70).

***

...Некоторые часто жестоко сокрушали себя постом и бдением, пребывали в пустынном уединении, доходили до такой нестяжательности, что не оставляли себе и на один день пищи, и до того исполняли долг милостыни, что не оставалось у них имения для подаяния. Но после всего этого они... уклонились от добродетели и впали в порок. Что же было причиною их прельщения и падения? По моему мнению, не иное что, как недостаток в них рассудительности. Ибо она научает человека идти царским путем, удаляясь крайностей с обеих сторон: с правой стороны не попускает ему обольщаться чрезмерным воздержанием, с левой — увлекаться к нерадению и расслаблению. Рассудительность в Евангелии называется глазом и светильником души... (см.: Мф. 6, 21—22). Это потому, что рассудительность, исследуя все мысли и дела человека, отлучает и отстраняет всякое зло и Богу неугодное дело, и удаляет от него всякое обольщение (прп. авва Моисей, 56, 190).

***

...В ней <рассудительности> состоит премудрость, в ней разум и смысл, без коих нельзя ни созидать внутренний наш дом, ни собирать духовное богатство, как сказано: *с премудростию зиждится дом и с разумом исправляется, и с чувством* (смышленостью) *исполняются сокровища богатства* (ср.: Притч. 24, 3). Она называется крепкою пищею, свойственною тем, которые навыком приучили чувства к различению добра и зла (см.: Евр. 5, 14). Из этого ясно открывается, что без дара рассудительности не может стоять никакая добродетель или пребывать твердою до конца. Ибо она есть матерь, хранительница и управительница всех добродетелей (прп. авва Моисей, 56, 191).

***

...Истинная рассудительность приобретается только истинным смирением, коего первым оказательством будет — открывать отцам не только то, что делаем, но и о чем думаем, ни в чем не доверять своему помыслу, но во всем следовать наставлениям старцев и считать хорошим или худым только то, что они признают таким. Такое действование не только способствует монаху безопасно пребывать в истинной рассудительности и на правом пути, но и сохранит его невредимым от всех сетей диавольских (прп. авва Моисей, 56, 194).

***

Всею силою и со всем тщанием мы должны стараться смирением приобрести себе благой дар рассудительности, которая может сохранить нас невредимыми от чрезмерности с обеих сторон. Ибо, как говорят отцы, крайности с

той и с другой стороны равно вредны — и излишество поста, и пресыщение чрева, чрезмерность бдения, и продолжительность сна и прочие излишества. Ибо знаем мы некоторых непобежденных чревоугодием, но низложенных безмерным постом и впавших в ту же страсть чревоугодия по причине слабости, происшедшей от чрезмерного поста (прп. авва Моисей, 56, 199).

***

Кто хочет вкушать чистую радость, тому надлежит прежде обдумать и потом переходить к слову и делу. Поелику сказанное или сделанное нелегко возвратить; то надобно поверить приточнику, который говорит: делай с советом, если не хочешь ночью и днем мучить себя раскаянием, и самым делом оправдать этот совет (прп. Исидор Пелусиот, 61, 426).

***

Выше всякой добродетели рассудительность (прп. Исаак Сирин, 58, 52).

***

Святая сила есть дарование солнца рассудительности, поставленного между светом и созерцанием (прп. Исаак Сирин, 58, 186).

***

...Прозорливость и рассудительность не могут действовать в том <человеке> или услуживать тому, кто проводит жизнь в делах суетных (прп. Исаак Сирин, 58, 359).

***

Честь разумной природы — рассудительность, различающая добро от зла... (прп. Исаак Сирин, 58, 393).

***

Хранение рассудительности лучше всякого жития, каким бы способом и в какой бы человеческой мере оно проводимо ни было (прп. Исаак Сирин, 58, 420).

***

Рассуждение есть совесть неосквернённая и чистое чувство (прп. Иоанн Лествичник, 57, 175).

***

Рассуждение в новоначальных есть истинное познание своего устроения душевного; в средних оно есть умное чувство, которое непогрешительно различает истинно доброе от естественного, и от того, что противно доброму; в совершенных же рассуждение есть находящийся в них духовный разум, дарованный Божественным просвещением, который светильником своим может просвещать и то, что есть темного в душах других (прп. Иоанн Лествичник, 57, 175).

***

...Рассудительность... рождает бесстрастие, от которого рождается совершенная любовь (прп. Максим Исповедник, 91, 227).

***

...Соответственно недостаточности деятельной жизни и разумности получается меньшая мера (прп. Илия Екдик, 91, 425).

***

...Она <рассудительность> больше всех добродетелей, по свидетельству великих отцев наших (патр. Каллист и ин. Игнатий, 93, 361).

***

Кто плотски и противоестественно живет и действует, тот совсем потерял свою рассудительность; а кто, отклонясь от зла, положил начало творить благое... тот как только еще вводимый в область добра и ухо приклоняющий к учению, приникает мало никако к некоему чувству рассудительности, свойственной новоначальному. Кто же по естеству и душевно, т. е. смысленно и разумно живет и действует, почему и называется средним, — тот, по своей мере, и видит, и обсуждает и то, что его касается, и то, что касается подобных ему. Кто наконец выше естества и духовно живет, тот, как прошедший за предел страстного, новоначального и среднего, и благодатию Христовой достигший совершенства, т. е. всуществленного просвещения и совершеннейшей рассудительности, видит себя самого и обсуждает наияснейше, а также и всех видит и обсуждает определительно верно, сам не будучи ни от кого видим и обсуждаем верно, хотя у всех на виду находится, как говорит Апостол: ***духовный возстязует убо вся, а сам той ни от единаго возстязуется*** (ср.: 1 Кор. 2, 15). Из сих первый подобен шествующему в глубокой ночи и непоницаемой тьме; почему, как блуждающий в непроглядной тьме и мраком покрытый, не только себя не видит и не обсуждает, но и того не разумеет, куда направляется и где полагает стопы свои... Второй подобен шествующему в светлую ночь, звездами освещаемую; почему, мерцаниями звезд будучи мало некако осияваем, понемногу ступает, часто спотыкаясь ногами о камни нерассудительности и подвергаясь падениям... Третий подобен шествующему в ночи полнолунной и тихой; почему, лучами лунными направляем будучи, идет менее заблудно и в предняя простирается, — себя видит, как в зерцале, и обсуждает, равно как и сшедствующих ему... Четвертый подобен шествую-

щему в полдень чистейший, светлыми лучами солнца освещаемый; почему таковой и сам себя совершенно видит... и обсуждает полно и верно, и других многих, лучше же сказать, всех восстязует... сам шествуя незаблудно и последующих ему ведя непреткновенно к настоящему Свету, Животу и Истине... (патр. Каллист и ин. Игнатий, 93, 361—362).

***

...Во всяком разумном существе без числа бывают перемены, и с каждым человеком ежечасно происходят изменения. И рассудительный имеет много случаев уразуметь это. Но испытания, каждый день бывающие с ним, особенно могут умудрить его в этом, если он трезвенно бодрствует над собою... (патр. Каллист и ин. Игнатий, 93, 363).

***

В рассуждении соединены премудрость, разум, духовное чувство, различающее добро от зла, без которых ниже зиждется наш внутренний дом, ниже может быть собрано духовное богатство (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 204).

***

...Изучение Слова Божия и жизнь по Слову Божию да доставят нам духовное рассуждение, которое есть дверь в чертог добродетелей... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 205).

***

Предание себя воле Божией, искреннее благоговейное желание, чтобы она совершалась над нами, есть необхо-

димое, естественное последствие истинного духовного рассуждения (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 318).

***

...Дар духовного рассуждения... ниспосылается от Бога исключительно инокам, шествующим путем смирения и смиренномудрия, следующим образом: рассуждение в обширном смысле состоит и познается в непогрешительном постижении Божественной воли во всяком времени, месте и деле, что свойственно одним чистым по сердцу, телу и устам (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 86).

***

...Ко вниманию всегда надо прилагать рассуждение, чтобы обследовать как должно происходящее внутри и требуемое внешностью (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 17).

****

Рассказывали об авве Агафоне, что пришли к нему некоторые, услышав, что он имеет великую рассудительность. Желая испытать, не рассердится ли он, спрашивают его: «Ты Агафон? Мы слышали о тебе, что ты блудник и гордец». «Да, это правда», — отвечал он. Опять спрашивают его: «Ты, Агафон, клеветник и пустослов?» «Да», — отвечает он. И еще говорят ему: «Ты, Агафон, — еретик?» «Нет, я не еретик», — отвечал он. Затем спросили его: «Скажи нам, почему ты на все, что ни говорили тебе, соглашался, а последнее слово не перенес?» Он отвечал им: «Первые пороки я признаю за собой, ибо это призна-

ние полезно душе моей; а признать себя еретиком — значит отлучение от Бога, а я не хочу быть отлученным от Бога моего». Выслушав это, они удивились рассудительности его и отошли, получив назидание (98, 27—28).

***

Случилось неким отцам войти в дом одного христолюбивого человека. В числе их был авва Пимен. За столом предложили им мясо. Все стали есть, кроме аввы Пимена. Старцы, зная его рассудительность, дивились, почему он не ест. Когда встали из-за стола, спросили его: «Ты Пимен, а что сделал?» Старец отвечал им: «Простите мне, отцы! Вы ели, и никто не соблазнился; но если бы я стал есть, то многие приходящие ко мне братия соблазнились бы и стали бы говорить: Пимен ел мясо, почему же и нам не есть?» И старцы удивились его рассудительности (97, 222).

***

Однажды в Скиту несколько старцев вкушали вместе пищу. В числе их был и авва Иоанн Колов. Некий пресвитер, муж великой святости, встал, чтобы подать трапезовавшим по чаше воды. Но из уважения к пресвитеру никто не согласился принять от него, кроме Иоанна Колова. Старцы удивились и сказали ему: «Как ты, меньший из всех, осмелился принять услужение от пресвитера?» Он отвечал: «Когда я встаю подавать чашу, то радуюсь, если все ее принимают, как получающий большую награду. По этой же причине теперь и я принял чашу, желая доставить ближнему воздаяние. Как бы он огорчился, если б никто не принял от него чаши» (106, 295).

***

Пришли однажды к авве Ахиле три старца. Об одном из них шла худая молва. Один из старцев попросил: «Авва, сделай мне невод». Ахила отвечал: «Не сделаю». Другой старец сказал: «Окажи эту милость, чтобы в монастыре нам иметь что-нибудь на память о тебе!» Авва отвечал: «Мне недосуг». Обратился к нему и третий, о котором шла худая молва: «Сделай, авва, мне невод, чтобы мне иметь что-нибудь из твоих рук». Ахила тотчас согласился: «Для тебя сделаю».

После наедине два старца спросили авву: «Почему, когда мы просили тебя, ты не захотел для нас сделать, а ему пошел навстречу?» Ахила отвечал им: «Я сказал вам: не сделаю, и вы не оскорбились, веря, что мне некогда. Если я ему так ответил бы, то он бы подумал: старец, услышав о моих грехах, не захотел сделать для меня. Я тотчас стал отрезать веревку и благодаря этому ободрил его душу, чтобы он не был поглощен печалью» (97, 39).

***

Рассказывали об авве Зеноне, что сначала он ни от кого ничего не хотел принимать. И поэтому делавшие ему приношение уходили от него недовольные. А другие приходили к нему, желая получить что-нибудь как от великого старца. Но ему нечего было давать им, и они отходили тоже печальные. Видя это, старец сказал: «Что мне делать? И те скорбят, которые приносят, и те, которые хотят получить. Лучше будет, если кто принесет — взять, а если кто попросит — отдать». Делая так, и сам он был спокоен, и все были им довольны (97, 80).

***

Однажды скитские братия собрались для рассуждения о праотце Мелхиседеке. Пригласить же в собрание авву Коприя позабыли. Спустя некоторое время они позвали его и предложили ему вопрос о праотце Мелхиседеке. Коприй трижды приложил палец к устам, говоря каждый раз: «Горе тебе, Коприй! Горе тебе, Коприй! Ты оставил делание, заповеданное тебе Богом, и исследуешь то, чего Он не требует от тебя». Братия, услышав это, разошлись по кельям (106, 307).

***

Когда спрашивали Памво о чем-либо из Писания или касательно жизни, он никогда не отвечал на вопрос тотчас, но говорил, что еще не нашел ответа. Часто проходило месяца три, а он не давал ответа, говоря, что еще не знает, что отвечать. Памво, из страха Божия, был весьма осмотрителен в своих ответах, так что их и принимали с благоговением, как бы изречения Самого Бога. Говорят, этими добродетелями, т. е. рассудительностью и осмотрительностью в слове, он превосходил даже Антония Великого и всех святых (97, 228).

***

Пустынник Авит, узнав о великих подвигах подвижника Маркиана, пришел его навестить. Когда они насладились беседой и узнали добродетели друг друга, то в девятый час вместе совершили молитвословие, а Евсевий, ученик Маркиана, вошел к ним, неся еду и хлеб. Великий Маркиан сказал благочестивому Авиту: «Пойди сюда, возлюбленнейший мой, и вкусим вместе от этой трапезы». Он же

отвечал: «Не помню, чтобы я когда-нибудь принимал пищу прежде вечера, а часто даже по два и по три дня провожу без пищи». Великий Маркиан сказал: «Ради меня измени ныне свое обыкновение, потому что я, имея болезненное тело, не могу дожидаться вечера». Когда и этими словами он не убедил Авита, то вздохнул и сказал: «Я очень беспокоюсь и душевно мучаюсь: ты предпринял такой труд, чтобы увидеть человека трудолюбивого и любомудрого, а увидел корчемника и человека невоздержного». Но чудный Авит опечалился этими словами и сказал, что для него приятнее было бы употребить мясо, чем услышать это о Маркиане. Тогда великий Маркиан сказал: «И мы, любезный, проводим жизнь, подобно тебе, держимся того же порядка подвижничества, предпочитаем труды покою, пост ценим выше пищи и принимаем ее обыкновенно при наступлении ночи, но вместе с тем знаем, что дело любви дороже поста. Первое есть дело Божественного законоположения, последнее же — нашего произволения. Но Божественные законы должно уважать гораздо более трудов, предпринимаемых нами по собственной воле». Так рассуждая, приняв немного пищи и восхвалив Бога, они прожили вместе три дня и разлучились телом, но не духом. Итак, как не подивиться мудрости этого мужа, который знал и время поста, и время любомудрия, и время братолюбия, и различие отдельных добродетелей, когда одна должна уступать другой и какой по временам предоставлять преимущество (117, 56).

***

Когда Иоанн Мосх был в великой Антиохии, один пресвитер той Церкви рассказал ему о происшествии, о котором он слышал от патриарха Анастасия: «Один монах

из монастыря аввы Севериана был послан на служение в Елевферопольскую область и дорогой зашел к одному христолюбивому земледельцу. У него была дочь. Мать ее уже скончалась. Монах прожил там три дня. Всегдашний враг людей — диавол — внушил брату нечистые помыслы и страсть к девице, и он искал удобного случая причинить ей насилие. Диавол, внушивший нечистую похоть, позаботился и об этом. Отец девицы по неотложному делу отправился в Аскалон. Монах, видя, что в доме никого нет, кроме него и девушки, приступил к ней с явным намерением обесчестить ее. Увидев его в сильном волнении, в пылу нечистой похоти, девица сказала: «Успокойся и не спеши причинить мне бесчестье. Отец мой не вернется домой ни сегодня, ни завтра. Выслушай сперва, что я тебе скажу. Видит Бог, я готова удовлетворить твою страсть». И, стараясь перехитрить монаха, девушка начала говорить: «Скажи мне, мой брат, сколько времени ты прожил в монастыре?» — «Семнадцать лет». — «Имел ли ты сношение с женщинами?» — «Нет». — «И теперь ты не прочь ради одного часа перечеркнуть весь свой подвиг? О, сколько раз ты проливал слезы, чтобы представить Христу плоть свою незапятнанной! И неужели из-за минутного наслаждения ты готов теперь сгубить все свои труды? Предположим, я послушаю тебя. Но если ты падешь со мной, возьмешь ли ты меня к себе и будешь ли кормить?» — «Нет», — ответил монах. «Так я тебе скажу сущую правду! — воскликнула девушка. — Если ты обесчестишь меня, будешь виновником многих зол». «Каким образом?» — спросил монах. «Во-первых, — отвечала девушка, — ты погубишь свою душу, а затем и моя погибшая душа взыщется с тебя. Знай, и я клянусь Тем, Кто сказал: «Не лги», — знай, что, если ты обесчестишь меня, я немедленно удавлюсь, и ты

окажешься убийцей и будешь судим как убийца! Чтобы не случилось этого, иди-ка лучше в свой монастырь и там прилежно помолись обо мне». Монах пришел в себя, отрезвился и, оставив дом земледельца, возвратился в свой монастырь. Пав к ногам игумена, чистосердечно раскаялся и молил, чтобы ему никогда больше не отлучаться из монастыря. Прожив еще три месяца, он отошел ко Господу» (102, 51—52).

***

Говорили об авве Агафоне, что все его действия проистекали из духовного рассуждения. Так поступал он по отношению к своему рукоделию и к своей одежде. Не носил он одеяния, которое можно было бы назвать излишне хорошим или излишне плохим. Для продажи рукоделия он ходил в город сам и с сохранением внутреннего безмолвия продавал рукоделие желавшим его купить. Покупателям он говорил цену; деньги, которые они подавали, принимал молча, никогда не пересчитывая их. Он говорил: «Что полезного для меня в том, если буду препираться с ними и дам им повод к употреблению божбы, даже если б при этом я получил излишние деньги и раздал их братии? Бог не хочет от меня такой милостыни, Ему не благоугодно, чтобы примешивался грех в дело любви» (106, 57—58).

***

Брат спросил авву Пимена: «Я получил наследство, что мне делать с ним?» Старец сказал: «Ступай и приди ко мне через три дня, тогда скажу тебе». Тот пришел в назначенное время, и старец ответил: «Что сказать тебе, брат? Если скажу: отдай свое наследство в братскую трапезу, — там устраиваются вечери. Если скажу: отдай родственни-

кам, — за это не получишь никакой награды. Если скажу: отдай нищим, — ты оставишь это без внимания. Итак, делай, что хочешь. Мне до этого дела нет» (97, 197).

РЕВНОСТЬ

Будем бодрствовать и постоянно возгревать благую ревность в доме ума нашего, чтобы не назвали нас нерадивыми и ленивыми. Над ревностным и бодренным страсти никогда не возьмут верха. Если и падет он когда, по козням искусителя, ревность и бодренность тотчас восстановляет его (прп. Антоний Великий, 89, 61).

***

Когда есть в человеке эта прекрасная ревность и благопопечение, то она от всех падений и повреждений восставляет и предостерегает его, так что человек такой бывает местом упокоения Духу Святому и, счастливо совершив путь свой, удостоивается в мире внити в покой святых (прп. Антоний Великий, 89, 62).

***

...Ревность... надобно возгревать... Во-первых, памятью о смерти... Всем напечатлеть в уме и сердце, что этот день, который мы проживаем, есть последний. Во-вторых, приведением на мысль того, что будет по смерти (прп. Антоний Великий, 89, 125).

***

Есть в уме ревность, свойственная естеству, без которой невозможно преуспеяние в (деле) Божием (прп. авва Исаия, 59, 11).

***

Будь горящ духом, подобно святым, чтобы водвориться с ними в Царствии Небесном (прп. Ефрем Сирин, 30, 204).

***

<Бог> — сокровище милости, требует от нас хотя малой ревности, и вскоре одаряет и обогащает тех, которые ищут Его с полным сокрушением (прп. Ефрем Сирин, 30, 365—366).

***

Приидите, братия мои, будем ревностны в посте, в молитвах, в чистой любви, чтобы вместе с постниками и благословенными праведниками взойти нам на небо и возлечь на Вечери блаженств (прп. Ефрем Сирин, 33, 297).

***

...Если кто по природе ревнив или предался этой страсти по какому-нибудь несправедливому предлогу, то скажи мне, что может быть злосчастнее такой души? Сравнивая войну и бурю с такой семьей, ты можешь найти здесь верное пособие: все полно печали, подозрения, несогласия и смятения. Одержимый этим неистовством нисколько не лучше бесноватых или больных сумасшествием: так часто он бросается, отступает, и раздражается на всех, и беспрерывно вымещает свой гнев на людях, просто присутствующих и ни в чем неповинных, будь ли то раб, или сын, или кто другой. Всякое удовольствие исчезает и все наполняется унынием, скорбию и неудовольствием <...> Эта болезнь обыкновенно производит не только уныние, но и

невыносимое раздражение... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 345—346).

***

...До смерти борись за истину, и Господь будет побоpать за тебя (свт. Иоанн Златоуст, 45, 25).

***

Так как он <Авраам> еще в раннем возрасте ни в чем не последовал заблуждениям отца, но показал ревность к угождению Богу, то еще в земле халдейской удостоился небесного посещения (свт. Иоанн Златоуст, 47, 389).

***

Когда ревность тратится на дела излишние, тогда душа делается бессильною к произведению зрелого и совершенного плода благочестия (свт. Иоанн Златоуст, 48, 499).

***

...Как огонь, чем больше объемлет дров, тем сильнее становится, так и ревность, чем больше возбуждает благочестивых помыслов, тем больше вооружается против остального рода мыслей (свт. Иоанн Златоуст, 52, 82).

***

...Богу приписывается ревность не для того, чтобы ты представлял в Боге какую-нибудь страсть (Божество бесстрастно), но чтобы все знали, что Бог все делает не ради чего-либо другого, а ради тех самих, о ком ревнует, и не для того, чтобы получить Самому какую-нибудь прибыль, а чтобы их спасти (свт. Иоанн Златоуст, 53, 663).

***

...Ревность человеческая... имеет целью собственное успокоение, не то чтобы не были оскорблены любимые, но чтобы любящие не потерпели чего, и не потеряли уважения, или не унизились в глазах любимых... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 663).

***

Ревнивы те души, которые сильно пламенеют к любимым ими; и ревность может рождаться не иначе, как от сильной любви (свт. Иоанн Златоуст, 53, 663).

***

Бывает ревность... похвальная, когда кто-нибудь ревнует подражать другому в добродетели; но бывает ревность и злая — желание отклонить добродетельного от добродетели... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 789).

***

Не словесное провозглашение, но деятельное служение дает в человеке видеть ревнителя божественных наставлений (прп. Исидор Пелусиот, 60, 117).

***

То, что праведно, должно исхищать из рук поносящих то и попирающих с безгневным воодушевлением; потому что ревность по благочестию одерживает победу не ненавидением (гневным), а обличением и убеждением (любовным) (блж. Диадох, 91, 10).

***

...Против... беса, чрезмерную ревность возбуждающего, будем бороться усугублением смирения и любви... (блж. Диадох, 91, 72).

***

За постоянство и ревность враги отмщают, заушая душу различными и несказанными искушениями (прп. Иоанн Карпафский, 91, 81).

***

...Добродетель, без которой не производится доброе... называется ревностью... (прп. Исаак Сирин, 58, 150).

***

Огонь не возгорается в сырых дровах; и божественная горячность не возжигается в сердце, любящем покой (прп. Исаак Сирин, 58, 285).

***

...Дерзновение бывает следствием преспеяния в добродетелях и доброй совести (прп. Исаак Сирин, 58, 375).

***

Ощутивши пламень <ревности по Богу>, беги; ибо не знаешь, когда он угаснет, и оставит тебя во тьме (прп. Иоанн Лествичник, 57, 14).

***

Будь ревностен, но в душе своей, нисколько не выказывая сего во внешнем обращении, ни видом, ни словом

каким-либо, ни гадательным знаком (прп. Иоанн Лествичник, 57, 46).

***

...Сокровенной даже ревности последуй не иначе, как если ты уже перестал уничижать ближнего... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 46—47).

***

Ревностные наиболее должны внимать себе, чтобы за осуждение ленивых не подвергнуться самим еще большему осуждению (прп. Иоанн Лествичник, 57, 50).

***

Нам дана ревность, чтобы мы ревновали добродетелям; а мы ревнуем порокам (прп. Иоанн Лествичник, 57, 204).

***

На все стремительно готовый в братстве и по душевным подвигам, и по телесным трудам, как звезда небесная светит и световодит многих (прп. Феодор Студит, 92, 32—33).

***

Будьте же тверды и утверждайтесь еще и еще, паче и паче, действуя усерднее, живее... (прп. Феодор Студит, 92, 142).

***

Ревность, как огнь, да горит в утробах наших, и ничто не устоит перед очами нашими, но побегут даже и бесы... (прп. Феодор Студит, 92, 157).

***

Добр убо пост, потому что укрощает страсти и плоть подчиняет духу; добры слезы, потому что омывают сердце от грехов и чистым его представляют Богу; добра молитва, потому что окрыляет ум и соделывает его собеседником с Богом; добра любовь, потому что всюду презирает свое в пользу ближнего; добра ревность, потому что облегчает труды и юным делает дух, и старца располагает с юношескою быстротою действовать.

Будем же благодушны и ревностны: когда время псалмопения, усердно поспешим на него; когда время работы, будем работать усильно; когда время молчания, помолчим разумно; когда время беседования, поговорим в меру; одним словом, будем все делать благообразно и по чину, как нам заповедано, удерживая себя от всякой смуты и задора (прп. Феодор Студит, 92, 536).

***

...Ни мир и житейские дела не мешают исполнять заповеди Божии, когда имеется ревность и внимание (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 456).

***

Не хочет Бог, чтобы делание ревностных подвижников оставалось не искушенным, но чтобы подвергалось большим испытаниям. Почему напускает на них огонь искушений и на время скрывает даемую им свыше благодать, а духам злобы иной раз попускает взволновывать тишину помыслов их, чтобы видеть склонение души, кому она больше угодить хочет, — Творцу ли и благодетелю своему, или мирскому чувству и сласти удовольствия чувственного... (прп. Никита Стифат, 93, 115).

***

Как разнообразие яств возбуждает желание ко вкушению их, так разнообразные виды добродетелей (духовных совершенств) пробуждают ревность ума (к стяжанию их). Почему шествуя мысленным путем, повторяй слова молитвы и беседуй с Господом, непрестанно вопия и не унывая... (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 172).

***

...Ревнитель о совершенстве в духе удобно отклонится не от дел только лукавых, но и от помыслов страстных и от мечтаний неподобных... Говорит святой Исаак: «Страшен бесам и вожделен Богу и Ангелам Его, кто с пламенною ревностию искореняет возращаемое в нем от врага терние» (патр. Каллист и ин. Игнатий, 93, 381).

***

Блюди себя от помыслов, которые представляются святыми и разжигают неразумную по ним ревность, о которых иносказательно говорит Господь: ***внемлите же от лживых пророк, иже приходят к вам в одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы. От плод их познаете их*** (Мф. 7, 15). Плод же есть томление и крушение духа. Ведай, что все, что удаляет тебя от смирения и от внутреннего мира и спокойствия, под каким бы то красным видом ни представлялось, все это — лживые пророки, которые, прикрываясь овчею одеждою, т. е. лицемерною ревностью облагодетельствовать ближнего безразборно, суть воистину волки хищные, похищающие у тебя смирение, мир и спокойствие, столь необходимые для всякого, кто

желает прочно успевать в духовной жизни. И чем более какое дело по видимости представляется окрашенным святостью, тем строжайшему должно оно быть подвергнуто тобой исследованию, без задора, однако же, и тревожности. Если случится иной раз впасть при этом в ошибку, не поддавайся малодушию, но смирись пред Богом и, сознав немощь свою, возьми из сего урок на будущее время. Ибо, может быть, Бог попустил это, чтобы смирить в тебе какую-либо черту гордыни, сокрытой в тебе и тебе самому неведомой (прп. Никодим Святогорец, 70, 262).

***

...Надо весьма остерегаться плотской и душевной ревности, представляющейся по наружности благочестивой, в сущности — безрассудной и душевредной (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 275).

***

...Ревность плотского мудрования всегда сопряжена с разгорячением крови... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 278).

***

Пока есть ревность, присуща и благодать Святаго Духа. Она — огонь. Огонь поддерживается дровами. Дрова духовные — молитва... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 24—25).

***

...Есть ревность по Богу? Значит, есть жизнь Христова в вас... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 24).

***

Бывает <охлаждение ревности> вследствие излишнего напряжения душевных сил, бывает и вследствие упадка сил телесных или нездоровья (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 149).

****

Авва Лот пришел к авве Иосифу и говорит ему: «Авва! По силе моей держу себя нескверным от помыслов; итак, что мне еще делать?» Старец же, вставши, простер руки свои к небу, — и десять пальцев его были, как десять огненных свечей. И сказал ему: «Если хочешь, то будь весь огнем» (98, 39).

***

Афанасий, архиепископ Александрийский, просил авву Памво прийти из пустыни в Александрию. Придя в город, авва увидал там актрису и заплакал. Бывшие с ним спросили: «Отчего ты заплакал?» «Две вещи тронули меня, — отвечал старец. — Во-первых, погибель этой женщины, а во-вторых, то, что у меня нет столько ревности делать угодное Богу, сколько имеет эта женщина, чтобы угождать развратным людям» (97, 227).

***

Блаженный Иоанн Колов оставил мир в юном возрасте и с родным братом Даниилом удалился в скит, где оба приняли монашество. Они поместились на жительство в одной келье и подвизались в посте и молитве. Через некоторое время Иоанн сказал брату: «Я решил нисколько не заботиться о теле, не хочу употреблять пищи и пития, приготовленных на огне, но хочу пребывать в этой пусты-

не без попечения, подобно бесплотному ангелу». Сказав это, он тотчас снял бывшую на нем одежду и нагой вышел из кельи в пустыню. В эту ночь случился сильный мороз. Не стерпев его, Иоанн возвратился в келью к брату своему и начал стучаться в дверь. Брат, желая вразумить его, долгое время не подавал голоса. Потом сотворил молитву и сказал: «Кто там стучится так настойчиво в мою дверь?» Иоанн отвечал: «Это я, брат твой Иоанн, не могу вынести мороза и возвратился послужить тебе». Даниил отвечал на это: «Не прельщай меня, демон! Уйди, я не отворю тебе. Как смеешь говорить, что ты мой брат? Разве не знаешь, что брат мой — ангел, что он небрежет о теле, не нуждается в пище? Уйди от меня!» Тогда Иоанн сотворил молитву и сказал: «Я брат твой, Иоанн! Ныне узнал, не стерпев мороза, что на мне плоть». Когда он покаялся, брат отворил дверь и принял его в келью и при этом сказал ему: «Брат, на тебе плоть. Для нее ты должен трудиться, доставляя пищу и питие» (106, 285—286).

***

Авва Христофор поведал: «После отречения от мира, чадо мое, я имел горячую иноческую ревность; днем я пел каноны, по ночам уходил в пещеру, туда, где покоятся святой Феодосий и прочие святые отцы, и там молился. Входя в пещеру, на каждой ступени я полагал по сто земных поклонов, а всех ступеней восемнадцать. Пройдя все ступени, я оставался там до тех пор, пока не ударяли в било. Тогда я возвращался к службе. Таким образом я провел десять лет в посте, великом воздержании и подвиге. Однажды, по обычаю, прихожу в пещеру. Исполнив все поклоны по ступеням, я хотел было сойти на пол пещеры, как вдруг пришел в восторженное состояние.

Я увидел, что весь пол пещеры наполнен свечами. Одни горели, а другие — нет. Два мужа в белых мантиях приготовляли эти свечи. «Зачем вы наставили столько свечей, — спросил я, — так что и войти нельзя помолиться?» «То свечи отцов!» — отвечали мне. — «Почему же одни горят, а другие нет?» — «На то их воля: желающие зажгли свои». — «Сделайте милость, горит ли моя свеча?» «Молись, и мы ее зажжем», — было мне ответом. «Молись! — подхватил я. — Да что же я делал даже до последнего часа?!» Но тут я пришел в себя и огляделся, но никого больше не увидел. Тогда сказал сам себе: «Христофор, если желаешь спастись, должен усилить свой подвиг».

Утром я удалился из монастыря и ушел на гору Синай, не взяв ничего, кроме одежды, которую носил. Там я подвизался пятьдесят лет... Наконец слышу голос: «Христофор, Христофор, возвратись в обитель, где ты подвизался добрым подвигом, чтобы окончить жизнь вместе с отцами твоими». И спустя немного времени после этой беседы святая душа его с радостью почила о Господе (102, 126).

РЕШИМОСТЬ

Когда Он <Господь> видит, что наша решимость (исправиться) тверда, и что мы приступаем с пламенным усердием, то не медлит и не отлагает, но скоро являет нам свою благость и говорит: *еще глаголющу ти, реку: се пришдох* (ср.: Ис. 58, 9) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 279).

***

...От Господа же венцы вам соплетаются каждодневно, если в благом произволении своем держите твердую решимость скорее все претерпеть, нежели изменить чему-либо из заповеданного нам. Ибо заповедь Господня жизнь веч-

ная есть, нарушение же ее — смерть; почему необходимо нам исповедать истину и не согласоваться с теми, кои противятся ей, жертвуя за сие всякими житейскими преимуществами, славою и честью у царей, архиереев и у других. Ибо *что пользы,* как написано, *если кто мир весь приобрящет, а душу свою отщетит* (ср.: Мф. 16, 26). Для того наша твердость и наши подвиги (прп. Феодор Студит, 92, 337).

***

...Вы — добрые купцы, все оставившие и вместо всего купившие добрый-предобрый и предорогой маргарит — Христа, когда решились взять крест и идти вслед Его, в преподобии и правде... (прп. Феодор Студит, 92, 460).

****

У одного ювелира было много драгоценных камней и жемчуга. Однажды он сел с детьми на корабль, чтобы отправиться в чужую страну и там заняться своим ремеслом и торговлей. По устроению Божиему на корабле он полюбил одного мальчика, который прислуживал ему, за что и получал помощь от купца, питаясь от стола его. Однажды мальчик услышал, как матросы шептались между собой и договаривались бросить ювелира в море, чтобы овладеть его камнями. Войдя, по обычаю, к ювелиру для услуг, мальчик не мог скрыть своей грусти. «Что ты сегодня так грустен?» — спросил купец. Мальчик, подавляя скорбь, молчал. «Скажи мне, что с тобой?» — расспрашивал купец. Тогда мальчик рассказал слышанное. «Это верно?» — спросил купец. — «Да, так они решили между собою». Тогда купец зовет детей и говорит им: «Что бы я ни сказал вам, исполняйте немедленно и без всяких рас-

суждений». Потом, развернув полотно, сказал им: «Принесите мне ларцы!» Те принесли. Раскрыв ларцы, он начал вынимать и раскладывать камни на полотне. Вынув все, он сказал: «Так вот от чего зависит моя жизнь? И ради этих камней я подвергаюсь опасности и бурям на море и даже должен подвергнуться близкой смерти, не взяв с собою ничего из этого мира?! Бросайте все в море!» Дети немедленно побросали все в море. Матросы были поражены таким поступком, так разрушился их замысел (102, 252—253).

***

Некоторый юноша имел намерение отречься от мира. Часто он решался на это, но помышления отвлекали его, опутывая разными житейскими заботами, так как он был богат. Однажды он вышел с решимостью отречься от мира. Демоны окружили его и подняли пыль перед его лицом. Видя это, он разделся, кинул свою одежду в сторону и обнаженный побежал в монастырь.

Бог открыл об этом одному старцу, сказав: «Встань и приими воина Моего». Старец встал и встретил обнаженного. Узнав причину его наготы, он удивился и дал юноше монашеское одеяние. Когда к этому старцу приходили братия и спрашивали о разных условиях монашеской жизни, старец давал им ответ. Когда же они вопрошали об отречении от мира, тогда говорил им: об этом спрашивайте брата, потому что я не достиг степени его самоотвержения (106, 467—468).

***

В некоем городе жил юноша, который сотворил много зла, и ремеслом его было то, что он обкрадывал мертве-

цов. Но вот однажды благодать Божия коснулась его сердца, ужаснулся он своих злых дел, вспомнил Божий суд и решил в покаянии и смирении провести остаток жизни. Он пришел в пещеру, где лежали обворованные им мертвецы, сначала горько плакал, не смея даже произнести имени Божия, а потом и совсем затворился в одной из пещер. Тут и началась ужасная для него бесовская брань. Прошла неделя его жития в гробницах, явились бесовские полчища и возопили: «Где же этот скверный и нечистый, который, пресытившись грехом, теперь хочет показать себя целомудренным и благочестивым? Неужели думаешь быть помилованным, содеяв столько зол? Выходи скорее отсюда и приступай к своим прежним делам. Блудницы и скупщики краденого уже ждут тебя. Что же ты не идешь, чтобы удовлетворить свои скверные желания? Смотри, если не пойдешь, то мы возьмем свое. И к чему так морить себя? И ты, окаянный, думаешь избежать муки? Не наш ли ты? И потому не всем ли нам повинен? Посмеешь ли что-либо на все это ответить нам?» Так вопили бесы. Но юноша, по вере в беспредельное милосердие Божие к кающимся грешникам, укреплялся Божией помощью и силой, и бесам ничего не отвечал. Долго-долго бесы мучили его своими воплями, но, видя, что они мало помогают, начали по попущению Божию причинять зло и его телу. Бесы много раз так сильно били его, что оставляли едва живым. Бывали времена, что юноша не мог даже шевельнуть ни одним своим членом. Между тем родные разыскали его. Не зная его намерений, они всячески убеждали его возвратиться домой, но юноша не слушал их. Бесы же продолжали его мучить, а родные приходили к нему и снова умоляли уйти из пещеры. Юноша говорил им: «Нет, лучше умру я в этих гробницах, чем возвращусь в мир на смерт-

ные грехи». И сколько близкие ни увещевали его, он остался непреклонным, и они вынуждены были возвратиться домой. Тогда бесы снова напали на юношу с таким остервенением, что едва не убили его. Но это уже было последнее их нападение, — видя юношу непоколебимым, терпеливым и мужественным, они, наконец, удалились от него, вопия: «Да, благодатию Божией и своим терпением ты одолел нас!» После этого юноша уже не видел зла от бесов и, без обиды сказано, жил в гробах до своей смерти (112, 9).

РОДИТЕЛИ

Изо всех сил своих чти отца своего, и не нарушай уставов того, кто родил тебя о Господе; в таком случае не одолеют тебя лукавые бесы... (прп. Ефрем Сирин, 30, 144—145).

***

Легко отречется и великого Бога <тот>, кто отрекся отца (свт. Григорий Богослов, 15, 363).

***

...Немалая награда ожидает нас за почтение к родителям; нам заповедано чтить их, как владык... (см.: Сир. 3, 7) (свт. Иоанн Златоуст, 44, 74).

***

Был у иудеев один священник, человек скромный и кроткий; имя ему было Илий. Этот Илий делается отцом двух сыновей. Видя, что они предаются нечестию, он не

удерживал их и не останавливал, или вернее, он удерживал и останавливал, но делал это не с надлежащим усердием. А поступки этих сыновей состояли в любодеянии и чревоугодии <...>

Он выставлял на вид грех, показывал его ужас, объявлял и угрожающее за него тяжкое и страшное осуждение; однако же так как не все сделал, что следовало, то и сам погиб вместе с ними. Следовало бы и усилить угрозы, и прогнать их с глаз своих, и наказать бичами, и быть гораздо более строгим и суровым (свт. Иоанн Златоуст, 44, 83—84).

***

Для того Он <Господь> и вложил такое влечение в природу родителей, чтобы поставить их как бы в неизбежную необходимость заботиться о детях. И самим детям Он заповедует многое относительно их родителей, награждая послушных, а неблагодарных наказывая, и таким образом делая их еще более любезными для родителей. Так, когда кто сделает нас властными над кем-либо, то этою честию он налагает на нас сильнейшее обязательство заботиться о нем... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 86).

***

Дабы родители, получив повеление воспитывать детей, не пренебрегали Его <Божиими> повелениями, Он присоединил естественную необходимость. А чтобы эта связь не была ослабляема оскорблениями со стороны детей и не расторглась, Он оградил ее наказаниями и от Себя, и от самих родителей, таким образом и детей весьма строго подчиняя (родителям), и в родителях возбуждая любовь к

детям. И не этим только, но и другим еще... способом Бог крепко и тесно связал нас с ними. Он не только детей злых в отношении к родителям наказывает, а к добрым благоволит, но точно так же поступает и с родителями, тяжко наказывая нерадящих о детях, а попечительных удостоивая почестей и похвал (свт. Иоанн Златоуст, 44, 86).

***

...Бог не будет снисходительно переносить нерадение о тех, о которых Сам Он столько печется. Ибо невозможно, чтобы один и тот же (Бог) и столько делал Сам для спасения (детей), и оставлял без внимания нерадение о них (со стороны родителей). Так Он не оставит этого без внимания, но будет сильно негодовать и гневаться... Если мы имеем повеление неусыпно заботиться о душах их <детей>, *яко слово воздати хотяще* (Евр. 13, 17), тем более отец, который родил сына, воспитал и постоянно живет с ним. Как не может он прибегать к извинению и оправданию в своих собственных грехах, так точно и в проступках детей (свт. Иоанн Златоуст, 44, 87).

***

...Развращение детей происходит не от чего другого, как от безумной привязанности (родителей) к житейскому: обращая внимание только на это одно и ничего не желая считать выше этого, они необходимо уже нерадят о детях с их душою. О таких отцах я сказал бы... что они хуже даже детоубийц <...> Не так жестоко изострить меч, взять его в правую руку и вонзить в самое горло сына, как погубить и развратить душу; потому что ничего равного ей нет у нас (свт. Иоанн Златоуст, 44, 87—88).

***

...Это зло, что вы не советуете детям ничего полезного... не было бы так велико! Но теперь вы увлекаете их еще к противному... Когда отцы убеждают детей заниматься науками, то в их разговоре с детьми не слышно ничего другого, кроме таких слов: «такой-то человек низкий и из низкого состояния, усовершившись в красноречии, получил весьма высокую должность, приобрел большое богатство, взял богатую жену, построил великолепный дом, стал для всех страшен и знаменит». Другой говорит: «такой-то, изучив италийский язык, блистает при дворе и всем там распоряжается». Иной опять указывает на другого, и все — на прославившихся на земле, а о небесном никто не разу не вспоминает; если же иной попытается напомнить, то он прогоняется, как человек, который все расстроивает (свт. Иоанн Златоуст, 44, 89).

***

...Когда... с самого начала, у́чите их <детей> не другому чему, как основанию всех пороков, вселяя в них две самые сильные страсти, т. е. корыстолюбие, и еще более порочную страсть — суетное тщеславие. Каждая из них и порознь может извратить все; а когда они обе вместе вторгнутся в нежную душу юноши, то... извращают все доброе и наносят столько терния, столько песку, столько сору, что делают душу бесплодною и не способную ни к чему доброму (свт. Иоанн Златоуст, 44, 89).

***

...Неразумные в отношении к Богу презирают и родителей... служащие Создателю оказывают и родителям многую честь (свт. Иоанн Златоуст, 46, 338).

***

...Хам нанес оскорбление отцу, забыл о почтении, какое дети обязаны воздавать родителям, обнаружил прегрешение (отца), хотел и братьев увлечь и сделать сообщниками в своей дерзости (свт. Иоанн Златоуст, 47, 306).

***

Вы, конечно, знаете, как часто отцы готовы бывают вытерпеть наказание за детей своих и как для них гораздо мучительнее видеть детей страдающими, нежели самим страдать... Он <Ханаан> подвергся проклятию не только за грех отца <Хама>, но, без сомнения, и для того, чтобы в нем (сыне) отец понес тем большее наказание... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 307).

***

...Если мы будем внимательны, то все это появившееся в жизни за грехи прародителей нисколько не сможет повредить нам, а останется одним только названием (свт. Иоанн Златоуст, 47, 307).

***

...Ни отцы за детей, ни дети за отцов не подвергаются наказанию, но каждый наказывается за свои грехи, об этом говорят пророки во многих местах (свт. Иоанн Златоуст, 47, 307).

***

Но узнав, какому наказанию подвергся открывший наготу отца, надобно уже выслушать и то, каких наград удостоиваются оказавшие такое уважение и почтение к

отцу. *И рече,* сказано, (Ной): *благословен Господь Бог Симов: и будет Ханаан отрок его...* (ср.: Быт. 9, 26). Ной, благословивши Бога, как бы обязал Его к большему благословению и приобрел Симу большее воздаяние, нежели когда бы он сам от себя благословил его. Как в том случае, когда Бог за нас благословляется, Он удостоивает нас великого Своего благословения, так, напротив, когда другие из-за нас хулят Его, тогда мы подвергаемся тем большему осуждению за то, что подали повод к этому (свт. Иоанн Златоуст, 47, 308—309).

***

Видишь, как он (Ной) налагает на (Хама) отеческое наказание, которое скорее есть вразумление, нежели наказание. Он был ведь отец, и отец чадолюбивый; и хотел не столько наложить достойное наказание, сколько пресечь дальнейшее распространение зла (свт. Иоанн Златоуст, 47, 309).

***

...<Авраам>, благоугождая Богу, оказывал почтение и к родителям своим; но и <сам> был так много любим отцом своим, что ради его (и отец) удалился оттуда <из Месопотамии>, и по любви к сыну решился оставить отечество свое и поселиться в чужой стране (свт. Иоанн Златоуст, 47, 389).

***

<Авраам> готов был... даже без родственников, один сам собою предпринять странствование, но... добродетель этого мужа и его любовь к родителям побуждала и отца сопутствовать ему (свт. Иоанн Златоуст, 47, 389).

***

...Оскорбляющий родителей наносит обиду не только им, но и всем людям. ...Так как оскорбление наносится общей (человеческой) природе... В самом деле, такой человек — общий неприятель и враг всех — и Бога, и природы, и законов, и всей вообще нашей жизни (свт. Иоанн Златоуст, 47, 749).

***

Честь отцов зависит от благопристойности сыновей, или лучше, венцы сыновей украшаются хорошею славою отцов (свт. Иоанн Златоуст, 53, 842).

***

...Почтение к родителям есть дело весьма необходимое для нас... (свт. Кирилл Александрийский, 65, 41).

***

Если чтишь Бога, то почитай и родивших тебя. Если боишься Бога, то в продолжение всей жизни бойся отца и матери (прп. Нил Синайский, 73, 257).

****

Некий человек имел сына весьма почтительного и послушного. Один злой человек, желая поссорить их, сказал юноше: «Поклянись мне в том, что как я научу поступить тебя по отношению к отцу твоему, так ты и поступишь». Тот, не подозревая ничего плохого, поклялся. Злой человек и говорит: «Иди и сейчас же поссорься с отцом твоим, и досади ему, и нанеси ему раны сердечные языком твоим и гляди с наглостью на лицо его. Да смотри же, непремен-

но все исполни, что я говорю тебе. Не забывай, что ты дал клятву мне». Юноша, услышав эти слова, понял, с кем он имеет дело, и ответил злому наушнику: «Вижу я в тебе человека лживого, врага отцу моему и желающего погибели души моей. Поэтому знай, что тебе никогда не соблазнить меня, как соблазнил змей Еву, и никогда не ввести в преступление твоей злобой и хитростью. Я ненавижу твой безбожный совет и никогда не перестану повиноваться отцу моему ради спасения моей души» (112, 521—522).

***

Преподобномученик Нектарий в юности обманным путем был обращен в магометанство. Когда, одетый в турецкое платье, он пришел к своей матери, то благочестивая и мужественная женщина и мать, увидев его в таком одеянии, сказала: «Не являйся ко мне! Я не знаю, кто ты такой». Юноша сознался, что он стал магометанином. Но добрая и истинная христианка с еще большей силой произнесла: «Прочь отсюда! Я не родила тебя турком, а родила христианином Николаем; удались отсюда сейчас же, чтобы не видели тебя глаза мои». Слова доброй матери до глубины пронзили сердце сына. Теперь только осознал он важность своего бедствия и с великой скорбью, не сказав ни одного слова благочестивой своей матери, удалился от нее. Придя в себя, он стал молиться от всей души Богу и Отцу щедрот, чтобы Он помиловал его, как познавшего беззакония свое и имеющего грех свой и свою вину, чтобы Он Сам, имиже весть судьбами, наставил его на правый путь. Удалившись на Афон, он принес там искреннее покаяние в отступничестве и принял монашество. А через некоторое время добровольно и бесстрашно исповедал Христа перед турецкими властями, за что и принял мученическую кончину (95, 88—90).

***

Святитель Иоанн Златоуст, лишившись в молодости отца, ушел в Афины. Изучив там философию и книжную мудрость, он возвратился на родину, в Антиохию, а потом решил уйти из мира и принять иноческий образ. Задуманное, однако же, нескоро ему удалось привести в исполнение, и вот почему.

Его мать Анфуса, узнав о его намерении, сильно огорчилась и решила остановить его. Призвав его к себе, она, со слезами, сказала ему: «Божиим изволением суждено, чадо, тебе сиротство, а мне вдовство. Ты знаешь, ничто не могло заставить меня вступить во второй брак и привести другого мужа в дом твоего отца. Но как трудно мне было пережить эти годы! Во вдовстве я пребывала как в буре или в печи огненной, перенося всевозможные искушения, и только ты один был в это время моим утешением, ты, в котором я видела образ твоего родителя. Вот и имение его все сохранено мной, и все приготовлено для тебя на годы твоего мужества. Пожалей же меня, останься со мной и похорони. Тогда можешь свое желание привести в исполнение». Иоанна тронули мольбы матери, он отложил свое намерение стать иноком, дождался ее смерти и сам похоронил ее. Только после этого, раздав свое имение, освободив рабов, он ушел в монастырь и принял монашеский постриг (112, 140—141).

РОПОТ

Ничто так не бывает причиною отвращения Божия и наказания человека, как ропот... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 150).

***

...Не ропщите ни на кого, подозревая его в чем-либо с худой стороны (прп. авва Исаия, 59, 8).

***

Воздерживайся от ропота, дабы не уязвили тебя (мысленные) змеи! (прп. авва Исаия, 59, 91).

***

...Проклятия достоин и жалок, кто не приобрел послушания, предается же ропоту (прп. Ефрем Сирин, 30, 21).

***

Ропотник, когда дают ему приказание, противоречит, к делу негоден; в таком человеке нет даже и доброго расположения: потому что он ленив, и лень неразлучна с ропотом (прп. Ефрем Сирин, 30, 22).

***

У ропотника всегда готов предлог. Если приказано ему заняться делом, он ропщет; а вскоре развращает и других. «И это на что, — говорит он, — и другое к чему? И пользы нет в этом деле» (прп. Ефрем Сирин, 30, 22).

***

Всякое дело ропотника не стоит одобрения, и негодно и чуждо всякой добродетели (прп. Ефрем Сирин, 30, 22).

***

Ропотник любит трапезовать и гнушается постом (прп. Ефрем Сирин, 30, 22—23).

***

Ропотник и ленив: он умеет наушничать, знает, как сплести речь; он изворотлив и многоизобретателен, и никто не превзойдет его в многословии; он всегда клевещет одному на другого (прп. Ефрем Сирин, 30, 23).

***

...Для чего роптать <в скорбях>, скажи мне, и произносить богохульные слова? Разве боль сделается оттого легче для тебя? Даже если бы она и сделалась легче, и тогда не следовало бы решаться на это, и терять спасение души, заботясь доставить облегчение своему телу (свт. Иоанн Златоуст, 48, 400).

***

Если малодушие заставляет тебя роптать, то нужно истребить и этот корень, содержать дверь <уста> крепко и хранить строго (свт. Иоанн Златоуст, 48, 484).

***

Роптание есть знак ленивого и бездеятельного ума (свт. Иоанн Златоуст, 49, 355).

***

Тяжел, несносен ропот; он близок к хуле... Ропот — это неблагодарность. Ропщущий неблагодарен Богу; а не-

благодарный Богу подлинно есть и хульник (свт. Иоанн Златоуст, 54, 291).

***

Лучше ничего не делать, нежели делать с ропотом, так как при этом и самое дело теряет цену (свт. Иоанн Златоуст, 54, 291).

***

Ропот свойствен рабам непризнательным и бесчувственным... какой сын ропщет, трудясь на пользу отца и трудясь для самого себя? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 291).

***

Какие бы дела ни совершал человек ропщущий, он унижается и теряет награду, подобно израильтянам, — а вы знаете, какому подверглись они наказанию за ропот (свт. Иоанн Златоуст, 55, 267).

***

Для того ведь диавол и наводит тысячи бедствий, чтобы низвергнуть тебя в этот ров <хулы и ропота>. И если он видит, что ты хулишь, то легко умножает и усиливает скорбь, чтобы ты под влиянием мук опять предавался ропоту; а если видит, что переносишь мужественно, и чем более усиливается страдание, тем более ты благодаришь Бога, то тотчас же отстает, видя уже тщетность и бесполезность своих козней. Зачем ты ропщешь, человек, и извергаешь хулы, если подвергнешься когда-нибудь неожиданному несчастью? Разве ты сделаешь легче страдание, если будешь хулить? Наоборот, ты усилишь его и сделаешь скорбь гораздо более тяжкой. Но ты не можешь молчать,

будучи пронзаем скорбью? Тогда вместо хулы возблагодари, восхвали, прославь Бога.

Если ты произнесешь хулу, то и помощь Божию оттолкнешь, и диавола сделаешь более сильным против себя; а если возблагодаришь, то и козни лукавого демона отразишь, и попечение Бога-Покровителя привлечешь к себе (свт. Иоанн Златоуст, 55, 574).

***

Те же, которые не переносят вразумления Божия с благодарностью, а предаются ропоту, кроме того, что не получают от того никакой пользы, еще и подвергают себя крайним бедствиям (свт. Иоанн Златоуст, 55, 640).

***

Господь сносит всякие немощи человеческие, не терпит же человека всегда ропщущего и не оставляет без вразумления (прп. Исаак Сирин, 58, 396).

***

...Мера каждому — труд и усердие. А у болящего какая мера? Скажет кто: ибо он работать не может. Ему мера — благодарение, безропотность и терпение (прп. Феодор Студит, 92, 209—210).

***

Ропщет кто, грех ему есть: не будем же роптать, ни выходить из себя... ибо мы земля и пепел, пыль и прах... (прп. Феодор Студит, 92, 254).

При отцах наших не было ропота, но каждый принимал с благодарением, что давалось, и от этого горькое было сладко и неприятное приятно; ныне же мы ропщем, осуждая то и это, не только сами в себе, но и при всех, чтобы побольше наделать ропотников и побольше Бога преогорчить (прп. Феодор Студит, 92, 486).

***

...Никто также не отказывайся от своего послушания, но благопокорно исполняй его, хоть бы смерть: это будет настоящее монашеское совершенство. И ропотлив никто не будь, осуждая наше место <место, где подвизаешься>, яко не имеющее того и этого. Таковой повинен суду возроптавших в пустыне, коих пагуба изумительна... (прп. Феодор Студит, 92, 491).

***

...Внимая да внимаем себе, братие, — все вместе: и кои здесь, и кои в отлучке, — всеусердно да исправляем заповеди Господни, *и да разумеваем друг друга в поощрении любве и добрых дел* (Евр. 10, 24), не дозволяя себе жить беспечно, не творя волю плоти и помышлений, не вдаваясь в ропотливость, подобно древним ропотникам, не искушая Господа подобно тогдашним искусителям, — может ли Он и на будущее время то и то сделать для нас... (прп. Феодор Студит, 92, 537—538).

***

Кто ропщет за обыкновенными службами, тяготится ими и не соблюдает радения о них во все продолжение

славословия Божия, тот поистине не познал, как много сладки в гортани любящих Бога словеса Божии, и насколько слаще они паче меда и сота в устах пришедших в познание Его, но совсем плоть есть, и мудрование имеет плотское, и чувство плотское, и не может вкусить и духовно восчувствовать блага, какие даровал нам Бог (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 227—228).

***

...Проводник искушения к душе есть помышление ропотливое, всегда движимое в сердце... (патр. Каллист и ин. Игнатий, 93, 330).

***

Ропот и негодование при скорбях и напастях есть отречение от креста (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 87).

***

...Признающий себя грешником, и вместе с тем ропщущий и вопиющий с креста своего, доказывает тем, что он поверхностным сознанием греха лишь льстит себе, обманывает себя (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 357).

***

Не позволим себе зловредного ропота, в особенности не позволим себе душепагубной хулы, которые часто слышатся из уст ослепленного, ожесточенного грешника, терзающегося и бьющегося на кресте своем, тщетно порывающегося избавиться от креста. При ропоте и хуле крест делается невыносимою тяжестью, увлекающею во ад распятого на нем (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 95—96).

***

Ропот на посланную скорбь, ропот на Бога, пославшего скорбь, уничтожает божественную цель скорби: лишает спасения, подвергает вечной муке (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 234).

РОСКОШЬ

Сравни же одно с другим, как пост возводит к Богу, так и как роскошь делается предательницею спасения! (свт. Василий Великий, 8, 10).

***

Ничего не должно издерживать сверх потребности и для пышности: это — злоупотребление (свт. Василий Великий, 10, 55).

***

Большая роскошь порождает страсти и недуги... (прп. Ефрем Сирин, 30, 137).

***

...Как болезнь изменяет тело, так и роскошь живущему роскошно не дозволяет замечать, когда нарушены им уставы природы (прп. Ефрем Сирин, 32, 257).

***

...Живущему в роскоши невозможно войти в Царство Божие... (прп. Ефрем Сирин, 32, 365).

***

Если и с тобою Евин советник вступит в беседу о том, что прекрасно для взора и приятно для вкуса, и при хлебе станешь искать такой-то снеди, приготовленной с такими-то приправами, а потом вследствие сего прострешь пожелание далее необходимых пределов, то увидишь тогда, как пресмыкающийся вслед за сим неприметно прокрадется к любостяжательности. Ибо от пищи необходимой, перейдя к лакомым снедям, перейдет и к тому, что приятно для глаз, будет домогаться светлых сосудов, красивых слуг, серебряных лож, мягких постелей, прозрачных, с золотою насыпью, покрывал, престолов, треножников, купален, чаш, рогов, холодильников, ковшей, лоханей, светильников, курильниц. А через это входит похоть любостяжательности, и домогается подобных вещей, но, чтобы в заготовлении оных не было недостатка, потребны доходы на приобретение требуемого. Поэтому надобно иному быть в печали, живущему вместе проливать слезы, многим сделаться бедствующими, лишившись собственности, чтобы вследствие их слез за столом этого человека было блистательно. А когда змий обовьется вокруг этого, и наполнит чрево, чем было желательно, тогда вслед за сим по пресыщении человек более и более вовлекается в неистовство непотребства; и это есть крайнее из зол человеческих (свт. Григорий Нисский, 18, 444—445).

***

Природа делает необходимым для людей жилище; но по этой потребности сластолюбие, вползая в паз души, превратило сию потребность в безмерную трату на дорогие убранства, и изменило предмет заботы; потом этот зверь — сластолюбие — проползает к каким-то виноградникам, купелям, садам и украшениям вертоградов. После сего воору-

жается гордостию, облекается в кичливость, присвоивая себе начальство над соплеменными. За сим тянется след сребролюбия, за которым по необходимости следует невоздержание, — это последняя и крайняя часть уподобления в сластолюбии зверю (свт. Григорий Нисский, 19, 270).

***

Что же влечет за собою роскошь? Где ни появится это зло, оно, как болезнь, необходимо влечет за собою и свои дурные последствия. Решившиеся иметь роскошный и изнеженный стол необходимо вовлекаются в постройку великолепных зданий и издерживают много богатства на обширные дома и изысканное украшение их; при этом заботятся о красоте одров, убирая их цветными и всячески испещренными коврами; делают очень дорогие серебряные столы, одни гладко отполированные, другие изукрашенные резьбою, так чтобы вместе и служить им для гортани, и насыщать взор изображенными на них событиями. Обрати со мною внимание и на остальное: чаши, треножники, кружки, рукомойные сосуды, блюда, бесчисленные роды стаканов; шутов, актеров, музыкантов, певчих, острословов, певцов, певиц, танцовщиц, всю свиту распутства, отроков, женственно прельщающих волосами, бесстыдных девиц, по нескромности сестер Иродиады, убивающих Иоанна, — находящийся в каждом богоподобный и любомудрый ум.

В то время как все это совершается внутри дома, у ворот приседят бесчисленные Лазари: одни — покрыты тяжкими язвами, другие — с выбитым глазом, иные — оплакивают потерю ног, а некоторые из них совершенно ползают, потерпев лишение всех членов. Но, взывая, они не бывают услышаны, ибо мешает шум труб, песни самовольных певцов и грохот сильного смеха. Если же как-

нибудь бедные посильнее постучат в двери, дерзкий привратник немилостивого господина, выскочив откуда-нибудь, оттоняет их палками, зовет беспощадных собак и бичами растравляет их раны. И отходят други Христовы, о которых прежде всего говорят заповеди, не получив ни куска хлеба, ни кушанья, с одним прибытком обид и ударов. Внутри же, где идет работа мамоне, — одни, как переполненные водою корабли, извергают пищу, другие засыпают около стола, на котором стоят перед ними стаканы. Двойной грех обитает в этом доме: один — пресыщение упивающихся, другой — изгнание голодных нищих.

Если Господь видит это, (а Он конечно видит), то что, по вашему мнению, последует за такую жизнь, — скажите вы, ненавистники нищих? Или не знаете, что их ради Священное Евангелие провозглашает и подтверждает своим свидетельством все сии страшные и ужасные примеры? Описан там тяжко скрежещущий зубами и стенающий (богач), роскошествовавший в виссоне и содержимый в бездне зол (см.: Лк. 16, 19—31). Другой опять, подобный сему, осужден на нечаянную смерть; вечером он совещался об утренней пище и не дожил до луча утреннего (см.: Лк. 12, 16—21). Не будем мертвы для веры, и бессмертны для наслаждения. А такого образа мыслей держимся мы, когда желаем всем жертвовать плотскому обольщению, как домовладыки, не имеющие наследников, как постоянные господа на земле, во время жатвы заботящиеся о посеве, а во время посева надеющиеся порадоваться жатве, сажающие платан и ожидающие тени высокого дерева; сажающие финиковое зерно и ожидающие сладости плодов. И это часто бывает в старости, когда близка зима смерти, а жизни остается не ряд годов, а три или четыре дня!

Итак, помыслим, как существа разумные, что жизнь наша преходяща, что время текуче, непостоянно и неудер-

жимо, как какой-нибудь речной поток, который все, что ни попадет в него, несет к конечной гибели. И, о если бы, будучи краткою и скоропреходящею, жизнь была безотчетна! Но в том состоит ежечасная опасность, что не только за дела, но и за слова, произнесенные нами, должны мы дать ответ перед неподкупным судилищем (свт. Григорий Нисский, 24, 408—411).

***

Сотоварищем роскоши явилась болезнь любостяжания; ибо чтобы иметь для нее готовые средства и возможность, материал для приобретения желаемого получают от любостяжания. А любостяжание открыло путь неверности; оно, по слову Соломона, есть сокрушенный сосуд (см.: Притч. 23, 27), который, сколько бы его ни наполняли водою, постоянно оказывается пустым. Таким образом, не тело производит стремление к злу, но свободная воля, которая целесообразную потребность извращает в вожделение того, что недозволено (свт. Григорий Нисский, 24, 522—523).

***

Она <роскошь> делает людей изнеженными, женоподобными, дерзкими, тщеславными, невоздержными, надменными, бесстыдными, раздражительными, жестокими, подлыми, корыстолюбивыми, низкими и вообще не способными ни к чему полезному и необходимому... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 361).

***

...Если избежишь роскошества, то отнимешь повод и к любостяжанию, и к хищничеству, и к пьянству, и к тыся-

че зол, — заранее отсечешь корень греха (свт. Иоанн Златоуст, 45, 176).

***

...Люди, живущие среди постоянной роскоши, заболевают тяжкими и неисцелимыми болезнями... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 827).

***

Я не говорю, чтобы ты стремился к суровой жизни, вопреки желанию: излишнее только отбросим, то, что выходит за пределы необходимого, отсечем (свт. Иоанн Златоуст, 45, 828).

***

Воистину раболепствующий перед удовольствиями находится в общении с демонами и соревнует их неистовству... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 838).

***

Находящие себе удовольствие в неумеренных радостях и забавах, кажется, не знают того, что касается их самих, отягчив свою душу некоторою забывчивостью и даже не ожидая пришествия Господня (свт. Иоанн Златоуст, 45, 900).

***

Роскошь воспрещена не только в Новом Завете, где больше уже требуется любомудрия, большие предлагаются подвиги, великие труды, многочисленные награды и неизреченные венцы, но не позволялась и в Ветхом, когда

находились еще под тенью, пользовались светильником и вразумляемы были понемногу, как дети, питаемые молоком <...> Удовольствие кратковременно и непродолжительно, а скорбь от него постоянна и бесконечна... Таково ведь все человеческое и плотское: не успеет появиться — и улетит. Таково веселие, такова слава и власть человеческая, таково богатство, таково вообще благополучие настоящей жизни; оно не имеет в себе ничего прочного, ничего постоянного, ничего твердого, но убегает скорее речных потоков и оставляет с пустыми руками и ни с чем тех, которые прилепляются к этому (свт. Иоанн Златоуст 47, 6).

***

...Весьма многие жены, по великой изнеженности, пренебрегая заповедь апостольскую... украшаются с великой роскошью, да и не одни жены, но и изнеженные мужи доводят себя до слабости жен, надевая на руки перстни и украшаясь множеством дорогих каменьев, чего надлежало бы им стыдиться и краснеть, то пусть и эти, и те, послушав наших слов, обратят лучше эти драгоценности, приносящие много вреда и мужам, и женам, на украшение души и ее ими украсят. Надетые на тело, даже красивое, они делают его безобразным; напротив, возложенные на душу, даже безобразную, доставляют ей великую красоту. Но как, скажешь, возможно возложить эти драгоценности на душу? Опять руками бедных: они, принимая подаяние, сообщают душе подающего красоту. Им отдай свои драгоценности... а они доставят такую красоту твоей душе, что ты видом своим привлечешь к себе Самого Истинного Жениха, и приобретешь бесчисленные блага... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 199).

***

Доколе... будем мы, например, показывать такую жадность к собиранию денег? Что это за умоисступление — каждый день увлекаться этой мучительною страстию и никогда не чувствовать сытости, но быть едва ли не хуже и пьяных? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 336).

***

Имение (сребролюбца) нередко разделяют между собой многие, а грехи, сделанные им из-за этого имения, уносит с собой он один, подвергается за них мучительному наказанию и ни в чем не находит никакого утешения... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 336).

***

Для чего, скажи мне, позволяешь ты быть снедаему ржавчиной золоту и серебру, которые следовало бы передать в руки бедных, чтобы, положив их в это безопасное хранилище, в свое время, когда особенно будешь нуждаться в их помощи, мог ты получить от них пособие? Напитанные тобой здесь, они в тот день отверзут тебе двери дерзновения и примут тебя в вечные кровы свои. Не допустим также, чтобы и одежды наши снедаемы были молью или без употребления тлели в кладовых, когда столь многие нуждаются в одежде и ходят почти нагими. Предпочтем моли наготствующего Христа и оденем Его, неимущего одежды, ради нас и нашего спасения... Эти блага... гибнущие, согнивающие, напрасно и без нужды расходуемые, постарайся употребить с пользой, чтобы тебе не потерпеть убытка от их потери, а приобрести от них, напротив, величайшую прибыль. Крайне и даже безмерно бесчеловечно — тратя столь многое для своего наслаж-

дения, излишнее заключать в сундуки и кладовые, не желать облегчить нужды единокровных, отдавать лучше ненужное нам на съедение моли, или червям, на расхищение ворам, и подвергнуться за это наказанию, чем распорядиться им по надлежащему и получить за то награду (свт. Иоанн Златоуст, 47, 387).

***

Не на наше ведь только наслаждение мы должны употреблять то, что Он даровал нам, но и на то, чтобы облегчать нужды ближних. Итак, какого прощения достойны могут быть те, которые показывают изнеженность в одеждах, стараются облекаться шелковыми тканями, а что особенно худо, еще гордятся этим, тогда как им следовало бы стыдиться, страшиться и трепетать, что не по нужде и не для пользы облекаются такими одеждами, но для неги и тщеславия, для того, чтобы удивлялись ими на торжищах. Человек, имеющий одинаковую с тобою природу, ходит нагой, не имея и грубой одежды, чтобы прикрыться, но тебя и самая природа не влечет к состраданию, ни совесть не побуждает к вспоможению ближнему, ни мысль о том (последнем) Страшном дне, ни страх геенны, ни величие обетований, ни то, что общий наш Господь все, оказанное нами ближним, усвояет Себе (свт. Иоанн Златоуст, 47, 408).

***

...Такие люди, облекаясь в дорогие одежды, думают, что становятся уже выше человеческой природы, а не помышляют, сколь великой ответственности подвергают себя, худо распоряжаясь тем, что им вверено от Господа, и охотнее дозволяя моли истреблять свои одежды, нежели желая дать какую-нибудь часть из них сорабам, и таким

образом уже приготовляют для себя жесточайший огнь геенны (свт. Иоанн Златоуст, 47, 408).

***

Такая забота о теле и такое украшение его свидетельствуют о безобразии души, роскошь тела обнаруживает глад души, богатство его одежд выставляют на вид ее наготу. Невозможно ведь, чтобы тот, кто печется о душе и дорого ценит ее благообразие и красоту, заботился о внешнем украшении, точно так же, как невозможно занятому наружностию, красотою одежды, золотыми украшениями приложить надлежащее старание о душе. В самом деле, может ли когда-либо возвыситься к познанию своих нужд, или войти в размышление о предметах духовных душа, совершенно предавшая себя земному, пресмыкающаяся, так сказать, по земле, никогда не могущая вознестись мыслию горе́, но поникшая долу под собственною тяжестию бесчисленных грехов (свт. Иоанн Златоуст, 47, 409).

***

Будем же, умоляю вас, избегать во всем излишества и не переступать пределов наших нужд. Истинное богатство и неоскудеваемое имение состоит в том, чтобы желать только нужного и надлежащим образом употреблять излишнее (свт. Иоанн Златоуст, 47, 409).

***

Не будем же искать покоя или роскошной жизни; желание этого прилично не мужественному человеку, а червю, более животному неразумному, нежели имеющему разум (свт. Иоанн Златоуст, 48, 387).

***

...Если ты увидишь людей, которые живут в... изобилии, но ведут жизнь порочную, то, хотя бы вся вселенная считала их блаженными, ты считай их жалкими и несчастными... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 519).

***

...Не будем считать блаженными тех, которые живут роскошно, но будем помышлять о кончине их: здесь плотяность и тучность, а там червь и огонь... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 584).

***

...Если бы можно было увидеть душу человека, живущего в роскоши и нечестии, то ты увидел бы, что гораздо лучше лежать связанным во гробе, нежели быть окованным цепями греховными; лучше иметь на себе лежащий камень, нежели тяжкий покров бесчувственности (свт. Иоанн Златоуст, 50, 311—312).

***

Как терние, с какой бы стороны ни брали его, окровавляет руки, так и роскошь вносит язву и в ноги, и в руки, и в голову, и в глаза — словом, во все члены; она безжизненна и бесплодна, как терние, и гораздо больше его вредна, и вредна для существеннейших частей. В самом деле, она преждевременно приближает к старости, притупляет чувства, омрачает мысль, ослепляет проницательный ум, наполняет тело влагами, скопляет гной, причиняет множество болезней и производит большую тяжесть

и непомерную тучность, от чего и бывают постоянные падения, частые крушения (свт. Иоанн Златоуст, 50, 469).

***

...Ничто так не любезно демону, как роскошь и пьянство — источник и мать всех зол (свт. Иоанн Златоуст, 50, 590).

***

Она <роскошь> делает людей свиньями и хуже свиней. Свинья валяется в грязи и питается калом, а сластолюбивый человек приготовляет себе стол отвратительнейший, придумывая непозволенные связи и беззаконную любовь. Такой нимало не различается от бесноватого: он так же бесстыдствует и неистовствует. О бесноватом мы, по крайней мере, жалеем, а этого отвращаемся и ненавидим (свт. Иоанн Златоуст, 50, 591).

***

...Все люди веселые, роскошные, живущие для богатства, для почести и чрева хотя и слушают иногда, что (им) говорят <о Боге>, но на деле не показывают ничего великого и возвышенного, потому что однажды навсегда прилепились к брению и праху (свт. Иоанн Златоуст, 51, 7).

***

От нее <роскоши> сугубая брань, т. е. и тела, и души, сугубая буря, сугубые болезни, и притом болезни неисцельные, сопровождающиеся великими несчастиями (свт. Иоанн Златоуст, 52, 159).

***

Возложи на человека очень сильного и большого тяжесть, превышающую силы его, и увидишь его вместе с ношею поверженным и лежащим на земле. Навали слишком много груза на корабль, и причинишь страшное кораблекрушение. Таковы плоды и роскоши (свт. Иоанн Златоуст, 52, 160).

***

Тот, кто проводит роскошную и распущенную жизнь, представляется счастливее всех, но на самом деле он всех несчастнее, потому что предает душу свою во власть жестоким владычицам и мучителям <страстям> (свт. Иоанн Златоуст, 52, 590).

***

...От ваших пиров рождаются у вас худые пожелания; отсюда распутные дела, отсюда жены ваши оказываются в презрении, а блудницы в чести; отсюда гибель домов, бесчисленные бедствия, все приходит в беспорядок, и вы, оставивши чистый источник, устремляетесь к грязному болоту (свт. Иоанн Златоуст, 52, 789).

***

Роскошь пагубна не только для души, но и для утучняемого тела (свт. Иоанн Златоуст, 53, 411).

***

Не смотри на роскошествующих только тогда, когда они возлежат, но посмотри на них тогда, когда они встанут, последуй за ними и увидишь, что они более походят

на скотов и бессловесных, нежели на людей (свт. Иоанн Златоуст, 53, 413).

***

Не говори мне об удовольствии роскоши; оно не простирается далее гортани; как скоро пища миновала язык, она тотчас пропадает, оставляя за собою много неприятного (свт. Иоанн Златоуст, 53, 413).

***

...Пусть никто не ожидает при неге увидеть небо — этого нельзя! При роскоши пусть никто не надеется пройти узким путем <Христовым> — это невозможно! (свт. Иоанн Златоуст, 54, 553).

***

Жить роскошно отнюдь не значит жить без горестей; напротив, самая роскошь рождает бесчисленные горести, болезни, неудовольствия; а если и нет этого, (то живущий в роскоши часто грустит) без всякой причины (свт. Иоанн Златоуст, 54, 761).

***

Будем пренебрегать золотыми одеждами; будем пренебрегать деньгами, чтобы не пренебречь нам своего спасения... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 172).

***

...Входя во вселенную, Он <Господь> входил в уничиженном виде, попирая спесь, останавливая безумие, убеждая, чтобы все умеряли себя, не бесчестили бедность, не

презирали нищету, не очаровывались богатством, не думали, что человеческая пышность есть великое (дело), но — что она слабее тени, ничтожнее листьев, обманчивее сновидений (свт. Иоанн Златоуст, 55, 333).

***

...Когда ты стараешься украшать стены, пол и все прочее, а на душу, одетую в грязные лохмотья, томящуюся голодом, исполненную язв, терзаемую тысячами псов, не обращаешь внимания, то какому, скажи мне, не подвергнешься ты наказанию? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 535).

***

Рассказывают про одного языческого философа, что он, войдя в богатый дом, блещущий множеством золотых украшений, мраморов и колонн, и видя, что пол повсюду устлан коврами, плюнул в лицо господина дома; и когда, затем его стали обвинять, сказал, что он вынужден был плюнуть ему в лицо, так как нельзя было сделать этого нигде в другом месте дома. Видишь ли, как смешон и презрен для всех, имеющих ум, тот, кто украшает только внешность? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 535).

***

Не так речные потоки размывают и заставляют оседать берега, как роскошь и удовольствия легко подрывают все опоры нашего здоровья (свт. Иоанн Златоуст, 55, 571).

***

...Если ты любишь славу и честь, то старайся украшать не дом, не коня, а свою душу, между тем как теперь не

может быть ничего презреннее тебя, когда душа твоя пуста, а ты выставляешь на вид красоту дома или коня (свт. Иоанн Златоуст, 55, 633).

***

...Здешняя расточительность навлекает там наказание, а настоящее злострадание и обуздание пожеланий приуготовляет будущее наслаждение благами (прп. Исидор Пелусиот, 60, 98).

***

...Если положишь конец роскоши, возбуждающей в тебе прихотливые неистовства (потому что она в тебе сделалась корнем и матерью непотребства), то угаснет и пламень невоздержности. Ибо как скоро отнято будет горючее вещество, погаснет, без сомнения, усиливаемый и возметаемый этим огонь. А если ты подкладываешь горючее вещество в огонь, то как ему ослабеть и потухнуть? Если сам раздражаешь покоящегося зверя, кто укротит его, когда он встревожен и пришел в бешенство? Содержа в уме и это, и что сродно с ним, навсегда перестань роскошествовать (прп. Исидор Пелусиот, 61, 241).

***

...Кто предпочитает жизнь изнеженную и гонится за пышною трапезою, тот низок и мал в душе, не имеет благодатных даров, но дорог в жизни; потому что, сам ничего не стоя, издерживает весьма много (прп. Исидор Пелусиот, 61, 364).

***

Большая и непрерывная роскошь побуждает к противоестественной любви и вредит как вообще здоровью тела,

так и благородству души. Посему перестаньте предаваться ей, обучите себя употребить в дело если не посты, то довольство малым — эту подлинно целомудренную роскошь, и не будьте... общим для всех посмешищем. Если же ввергаетесь в бездну непотребства, то не изъявляйте негодования на смеющихся над вами и вините собственную свою роскошь... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 163).

***

Роскошь, эта матерь и питательница всякого невоздержания, когда обильною трапезою, украшенною всякими яствами и сладостями, вкус зрителей возбуждает к пожеланию и, обременяя мысль вкушающих, побуждает иного к вкушению; тогда приводит ум в крушение, погружая в глубину страстей. Посему берегись роскоши и чти довольство малым, хорошо зная, что гнусное дело не может сделаться добрым, будучи прикрашиваемо общим согласием делающих, хотя бы стояли за него все витии и софисты, а также и хорошее дело не изменится в противоположное, если и один только окажется, лучше же сказать, никто не окажется его любителем. Посему, оставив в стороне решение многих, держись самой добродетели (прп. Исидор Пелусиот, 62, 335).

***

...Содержание роскошное вредит и душе, и телу, не давая места в одной — благоразумию, а в другом — здоровью... возбуждает пожелания противоестественные. Роскошь, наполнив чрево, ведет к пожеланиям сладострастным. Поэтому пользоваться должно содержанием умеренным, а презирать роскошное (прп. Исидор Пелусиот, 62, 449).

***

...<Кои> думают достигнуть знаменитости роскошью и тем явно выставляют на позор свое безумие, предосудительное вменяя себе в похвалу и думая тем обратить на себя внимание и заслужить удивление, за что достойны они презрения и осмеяния (прп. Нил Синайский, 72, 138).

***

Не люби роскоши, потому что <она> внушает приверженность к настоящей жизни, а той и другой порождается вражда на Бога (прп. Нил Синайский, 72, 235).

***

Должно отказаться от роскоши; потому что <она> вовлекает в дела, от которых после трезвения бывают воздыхания (прп. Нил Синайский, 72, 248).

***

...Если любишь быть другом Христовым, ненавидь злато и его ненасытное любление, так как оно к себе обращает помышление любящего его и отрывает его от сладчайшей любви к Господу Иисусу, которая является не в виде слова, а в виде действования по заповедям Его. Если вожделеваешь злата, то увы! Конечно, приобретешь его, если приобретением считаешь, а не крайнею потерею любовь к нему, предпочтительно пред любовью ко Христу. Но ведай, что при сем Христа всячески потеряешь, а вместе с Ним потеряешь и Бога, без Коего нет спасения человекам (прп. Никита Стифат, 93, 128).

С

САМОВОСПИТАНИЕ

...Во всем уподобляясь пчелам, должны вы изучать сии <светские> сочинения. Ибо и пчелы не на все цветы равно садятся, и с тех, на какие сядут, не все стараются унести, но, взяв, что пригодно на их дело, прочее оставляют нетронутым. И мы, если целомудренны, собрав из сих произведений, что нам свойственно и сродно истиною, остальное будем проходить мимо. И как срывая цветы с розового куста, избегаем шипов, так и в сих сочинениях, воспользовавшись полезным, будем остерегаться вредного (свт. Василий Великий, 8, 299).

***

Если же кто говорит, что в усовершении нравов довольно ему изучения Божественных Писаний, тот поступает подобно тому, кто учится строить и никогда не строит, обучается искусству ковать, но не намерен прилагать уроков к делу (свт. Василий Великий, 9, 98—99).

***

...Всего труднее знать и врачевать себя самого, потому что людям прирождено самолюбие, и каждый, по пристрастию к самому себе, превращает истинный суд. Удобнее

же может познавать и врачевать нас другой, потому что судящего о других страсть самолюбия не затрудняет в истинном распознавании (свт. Василий Великий, 9, 378).

***

Кто вразумляет сам себя, тот вразумляет и другого; кто учит себя, тот учит ближнего... (прп. Ефрем Сирин, 30, 185).

***

Обуздывай смех, и гневу полагай предел, всеми же мерами гони от себя праздное слово (свт. Григорий Богослов, 15, 364).

***

Вещественное и страстное расположение, к которому особенно поползновенна природа человеческая, это женственное в жизни, когда рождается, угодно бывает мучителю; а твердость и неослабность добродетели, это мужеское порождение, враждебно мучителю и подозрительно тем, что может восстать против его власти. Посему, что как ни есть изменяется, тому, конечно, должно непрестанно рождаться; потому что в природе удобопревратной не увидишь ничего, пребывающего всегда одинаковым; а так родиться зависит не от постороннего побуждения, подобно тому как рождают что-либо телесное; напротив того, по собственному произволению совершается подобное рождение, и мы бываем некоторым образом отцами себя самих, рождая себя такими, какими сами желаем, и по собственному своему произволению уроками добродетели или порока, образуя себя в какой желательно нам пол, мужеский или женский (свт. Григорий Нисский, 18, 259).

***

Совершенствуй самого себя подобно тому, как земледелец возделывает ниву: вырви грех, подобно плевелам, как терние, уничтожь беззаконие, как ветвь дикой маслины, как дикое бесплодное дерево, истреби грех (свт. Иоанн Златоуст, 52, 900).

***

...Тот, кто вполне добродетелен, руководствуется не страхом и не желанием приобресть Царство, но Самим Христом... Но мы будем помышлять о благах в Царстве и о мучениях в геенне и, по крайней мере, таким образом будем правильно образовывать и воспитывать себя, будем таким образом побуждать себя к исполнению того, что должны исполнить (свт. Иоанн Златоуст, 54, 584).

***

Исторгнем из души своей гнев, порочные похоти, склонность к чувственным удовольствиям и роскоши, сребролюбие, навык к клятвам и клятвопреступлениям. Если мы будем таким образом возделывать самих себя, сначала исторгая терние, а потом насаждая небесное семя, то сможем получить обещанные блага (свт. Иоанн Златоуст, 55, 202).

***

Держите нож в руках <страх Божий> и, мало-мало что неправое, режьте себя без жалости и будете жрица, себя жрущая <приносящая> в жертву Господу (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 18).

***

Есть одно воспитательное средство. Память о Господе непрестанная с молитвой к Нему (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 30).

***

...Сделайте себя теплопроводною, и Он <Господь> исполнит вас теплотою Своею (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 47).

САМОИСПРАВЛЕНИЕ

...Не имеющий возможности сделать тело из безобразного красивым, может душу свою, хотя бы она низошла до крайнего безобразия, возвести на самый верх красоты и таким образом сделать ее достолюбезною и привлекательною, вожделенною не только для добрых людей, но и для Самого Царя и Бога всех... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 21).

***

...Сообразив свои недостатки, станем мало-помалу исправлять их; определим для себя исправить в настоящий месяц один недостаток, в следующий затем — другой, а еще в следующий — третий. Таким образом восходя как бы по некоторого рода ступеням, мы достигнем Неба по лествице Иаковлевой... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 565).

***

...Победить и умертвить свои недобрые склонности и похотения, как бы они ни были незначительны, большей достойно похвалы, чем взятие многих крепостей, чем раз-

битие сильных полчищ, добре вооруженных, чем даже творение чудес и воскрешение мертвых (прп. Никодим Святогорец, 70, 31).

***

Чем сильнее возлюбишь ты... притрудность или безжалостное к себе самоутруждение в подвигах, тем скорейшую и полнейшую одержишь ты победу над собой и тем, что в тебе противоборствует высокому добру, а вследствие того преисполнишься всякою добродетелию и благонастроением, и мир Божий водворится в тебе (прп. Никодим Святогорец, 70, 47—48).

САМОКОНТРОЛЬ

Каждый день рассуждай, в чем погрешил; и если помолишься о том, Бог простит тебе (прп. авва Исаия, 89, 292).

***

Рассматривай в себе каждодневно, какую страсть победил ты, прежде чем вознесешь к Бо́гу прошения свои (прп. авва Исаия, 89, 344).

***

Обсуждай себя здесь каждый день, в чем недостаточествуешь, и не будешь в затруднении в час нужды смертной (прп. авва Исаия, 89, 348).

***

Рассматривай же себя, брате, каждодневно, если желаешь узнать сердце свое, что есть в нем перед Богом, — не

осуждение ли (там брата), или ненависть (к нему), или зависть, или презорство? (прп. авва Исаия, 89, 410).

***

Горе нам, что не посматриваем на то, что находится внутри чрева нашего, и потому побеждаемы бываем сластолюбием и гордостию! (прп. авва Исаия, 89, 440).

***

Рассматривая делание каждого дня, сравнивай его с деланием предшествующего и поспешай к исправлению (свт. Василий Великий, 9, 51).

***

По прошествии дня и по приведении к концу всякого дела, телесного и духовного, прежде упокоения, совесть каждого должна быть подвергнута испытанию собственного его сердца (свт. Василий Великий, 9, 63—64).

***

...Надобно всякое дело совершать, как бы оно делалось перед очами Господа, и всякую мысль слагать, как бы Господь назирал ее (свт. Василий Великий, 9, 92).

***

...Обозрение прошедшего весьма полезно, чтобы снова не впадать нам в подобные грехи... (свт. Василий Великий, 9, 150).

***

...Что ты ни производил бы делом или словом, имей свидетелем совесть свою, что совершаемое тобою делается по Богу, и спасешься (прп. Ефрем Сирин, 31, 305).

***

...Произведем строгое испытание не только дел своих, но и слов, и помышлений, и строго исследуем, как проведен каждый день, какой грех сделан в продолжение сего дня, сколько дней прожито худо, и какое движение или помышление возбудило нас к недоброму движению. И постараемся по мере грехов своих показать и покаяние. Наложим наказание на совесть и подвергнем ее сильному уреканию, чтобы по восстании от греха, страшась мучительности прежних ран, не осмелиться нам снова впасть в ту же пучину. Веди в совести запись и замечай в ней ежедневные грехи свои, и пусть эта записная книга каждый день будет раскрыта перед тобой; взвешивай сам в себе, что доброго и лукавого тобою сделано; приводи себе в память реку огненную, червя неусыпающего и горький ад, чтобы страхом мучений приумножать в себе доброе и истреблять лукавое. Будем плакать прежде времени, чтобы не скрежетать зубами во время и не плакать во времена. Сею жертвою благоугождается Бог; сими водами орошаемый человек приносит плод, сими водами омывается персть, сими водами угашается огонь, просветляется тьма, разрешаются узы, обращаются заблуждавшие, спасаются все, и Бог прославляется; сими водами и Петр омыл прившедшую в него скверну, ибо, ***изшед вон, плакася горько*** (Мф. 26, 75) (прп. Ефрем Сирин, 32, 369—370).

***

Блажен, кто внимательно испытывал самого себя, замечал в себе многочисленные, едва приметные недостатки, ограждал себя от греха, чтобы умилосердился к нему Бог на нелицеприятном Своем суде (прп. Ефрем Сирин, 33, 476).

***

Смотри, чтобы из-за видимости не ускользнула у тебя действительность (свт. Григорий Богослов, 16, 210).

***

Если же ежедневно будем грешить и ранить нашу душу, никогда не вникая в это, то подобно тому как получающие непрерывные раны, а потом нерадеющие о них приобретают себе лихорадки и навлекают невыносимую смерть; так, конечно, и мы вследствие этого непрерывного бесчувствия навлекаем на себя неминуемое наказание... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 708).

***

...Будем ежедневно исследовать силу ее (души), и не перестанем испытывать самих себя; будем требовать у себя отчета и в том, что в нас входит, и в том, что выходит, — что мы сказали полезного и какое произнесли слово праздное, а также что полезного ввели в душу через слух и что внесли в нее могущее повредить ей (свт. Иоанн Златоуст, 47, 29).

***

...Будем бдительны и не станем безрассудно следовать обычаю других, но каждый день будем испытывать свою

жизнь и смотреть, в чем мы согрешили и что сделали доброго, и таким образом исправлять свои согрешения, дабы нам стяжать и вышнюю милость, и быть угодными Богу... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 225).

***

Не будем оставлять без внимания даже грехов, почитаемых малыми; но каждый день будем требовать от самих себя отчета и в словах, и во взглядах и подвергать себя наказанию, дабы избавиться наказания в будущем веке (свт. Иоанн Златоуст, 47, 650).

***

...Не прежде засыпай ты, человек, пока не размыслишь о грехах, совершенных тобою в продолжение дня; тогда, без сомнения, в следующий день ты будешь не так скор на подобные предприятия (свт. Иоанн Златоуст, 48, 25).

***

Имей книгу в своей совести и записывай в ней ежедневные грехи. Например, так: когда ты ложишься в свою постель и тебя никто больше не развлекает, то прежде чем предаться сну, возьми эту книгу и подумай о своих грехах, рассуждая сам с собой: не согрешил ли я сегодня словом ли, или делом? (свт. Иоанн Златоуст, 48, 656).

***

Посади в совести своей судиею разум, и поставь перед его судилищем все твои беззакония, исследуй все грехи души твоей, потребуй от нее со всею строгостью подробного отчета и скажи ей: зачем ты отваживалась делать то

и то? А если она будет уклоняться и разбирать дела других, скажи ей: не за чужие грехи я сужу тебя, не за них должна ты отвечать, — что тебе до того, что худ такой-то? Ты зачем согрешила в том-то и в том-то? Отвечай; не показывай на других, смотри на свои дела, а не на чужие. Таким образом вводи ее, как можно чаще, в этот подвиг. Потом, когда уже ей нечего будет сказать и она начнет укрываться от суда, уязвляй ее, поражай ее, как рабу кичливую и любодейную. Каждый день открывай для нее это судилище, представляй ей реку огненную, червя ядоносного и другие мучения; не попускай ей продолжать связь с диаволом и не принимай от нее таких бесстыдных оправданий: он приходит ко мне, он устрояет мне ковы, он искушает меня! Но скажи ей: если ты сама не захочешь, все это будет тщетно. А если она заговорит: но я сплетена с телом, облечена плотию, живу в мире, пришельствую на земле, — скажи ей: все это один лицемерный предлог и пустые оттоворки! Вот и этот святой облечен был плотию, и этот жил в мире и пришельствовал на земле, и однако же они вели жизнь достославную; да и ты сама, когда делаешь добро, делаешь это, будучи обложена плотию. Пусть ей и больно это слышать, ты не переставай ее наказывать: не бойся, не умрет она от твоих ударов; напротив, ты еще избавишь ее от смерти (свт. Иоанн Златоуст, 50, 448).

***

Если бы мы неизменно пребывали в страже над собою, не предаваясь пресыщению и усыплению и не оскверняя Божия образа, т. е. не допуская подменивать доброе семя, то сеятель плевел не нашел бы к нам доступа и не возрастил бы в нас достойных огня плевел (прп. Исидор Пелусиот, 60, 124).

***

...Будем внимательны к себе, и не станем осмеивать других, ибо в нас самих много такого, за что смеемся над другими (прп. Нил Синайский, 72, 234).

***

Кто любит истинный и прямой путь, тот, когда смутится чем, всегда сильно укоряет и обличает самого себя... (прп. Зосима, 91, 110).

***

Старайся дознать свои худые дела, а не ближнего, и хранилище ума твоего не будет окрадено (прп. Марк Подвижник, 69, 13).

***

Кто не пребывает в рассматривании своей совести, тот не примет на себя и телесных трудов ради благочестия (прп. Марк Подвижник, 69, 25).

***

Всякому надлежит как бы на весах взвешивать житие свое (прп. Исаак Сирин, 58, 174).

***

...Каждый из нас пусть рассматривает... в каком он находится устроении. Добровольно ли он действует по страсти и удовлетворяет ей? Или, не желая действовать по ней, побеждается ею? Или действует по страсти, увлекаясь привычкою, и, сделав это, скорбит и кается, что так поступил? Или подвизается разумно остановить страсть? Или подви-

зается против одной страсти ради другой, как мы сказали, что иной молчит по тщеславию, или по человекоугодию, или вообще по какому-нибудь человеческому помыслу? Или он начал искоренять страсть, и разумно ли искореняет ее и делает противное страсти? Каждый пусть знает, где он находится, на каком поприще (прп. авва Дорофей, 29, 122).

***

Необходимо всегда внимать себе и во всяком случае сохранять себя в законе Божием, не уклоняясь от заповедей ни на десно <право>, ни на шуе <лево>, но царский средний совершая путь, где пребывает спасение, незаблудность и благопоспешество (прп. Феодор Студит, 92, 346).

***

...Прошу и молю, держите себя строго, как взаперти, пока не избежим от здешних врагов и скользких случайностей и не переселимся туда, где будем безопасны от падений и окрадения (прп. Феодор Студит, 92, 360).

***

Потребно также внимательно смотреть, не прокрались бы прилоги помыслов тщеславия и самомнения, чтобы не осудить кого, видя, что он делает что-нибудь неподобающее (старец Симеон Благоговейный, 93, 67).

***

...Братия мои, будем непрестанно испытывать и исследовать себя самих, со всем вниманием и тщанием, каждый день и каждый час, если возможно, и приводя на ум

заповеди одну за другою, по каждой из них осматривать и обсуждать себя самих. Если найдем, что исполнили какую, возблагодарим Господа Бога нашего и постараемся соблюдать ее и в последующее время. Если же окажется, что не исполнили какой, покаемся в том и восподвизаемся исполнять ее, чтобы иначе, презревши ее, не нарещися *меньшими в Царстви Небеснем* (ср.: Мф. 5, 19) (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 208).

***

Всякому надлежит рассматривать себя и внимать себе разумно, чтобы ни на надежду одну не полагаться без плача по Богу и смирения, ни опять на смирение и слезы не полагаться без споследования им надежды и радости духовной (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 530—531).

***

Добре хотяще жити (Евр. 13, 18), ревнители о спасении все так и действуют, всячески стараясь ни в чем из того не погрешить и ничем не запятнать своей совести. При всем том, однако же, то мысли и чувства, то слова, а то и дела неправые проскользают, иной раз незаметно, а то и заметно, и запыляют чистый лик совести, так что к концу дня редкий не бывает похож на путника, шедшего по пыльной дороге, у которого всюду набивается пыль, и в глаза, и в нос, и в рот, и в волоса, и все лицо покрывает. По сей причине и положено всякому ревнующему о спасении вечером испытывать свою совесть и, уяснив себе все неправости, допущенные днем в мыслях, словах и делах, очистить их покаянием, т. е. делать то же, что делает запылившийся путник: путник умывается водой, а ревную-

щий о спасении очищает себя покаянием, сокрушением и слезами.

Испытание должно исследовать все, доброе и недоброе, правое и неправое, по всем вышеозначенным сторонам. Что увидишь правым по существу дела, посмотри, право ли оно по побуждению и намерению, право ли по образу совершения, и право ли ты взглянул на то по совершении, не сделал ли ты то для показности, или из человекоугодия, или по самоугодию, — к месту ли то, ко времени ли, к лицу ли, — и после того не потрубил ли ты перед собой и не помечтал ли о себе, не воздав славы Богу. Правое дело право воистину, когда оно делается из покорности воле Божией и во славу Божию, с полным самоотвержением и самозабвением.

Что увидишь неправым, рассмотри, как случилось, что ты сделал то, когда держишь постоянно желание делать одно правое, какие были к тому поводы и причины внутренние и внешние, как бы тебе следовало править собой в данном случае, чтобы не погрешить, и почему ты это не сделал; затем, осудив себя, а никого и ничего другого, разумно определи, как следует тебе держать себя, чтобы впредь не погрешить в таких же или подобных обстоятельствах, и предпиши то себе в закон с решимостию и исполнять его без уклонения и поблажки себе или человекоугодию, пользуясь таким образом для удобрения нивы сердца своего и нечистотами.

Кончив испытание, за все исправное возблагодари Бога, никакой не присвояя себе в том части; ибо воистину *Он есть действуяй в нас и еже хотети, и еже деяти* (ср.: Флп. 2, 13), и *без Него не можем мы творить ничего доброго* (ср.: Ин. 15, 5). Возблагодарив же Бога, забудь то, подражая святому Павлу, чтобы по его же при-

меру с большим усердием *простираться в предняя* (ср.: Флп. 3, 13). Во всем же неисправном покайся и сокрушись перед Господом, окаявая себя, что на твоей трапезе предложения никогда не приносишь Ему совершенно чистых хлебов, а все с мякиной и сором, и твердое полагая намерение строго следить за собой в следующий день, чтобы ничего не прорывалось недолжного, не только в делах и словах, но и в мыслях и чувствах.

Внимающие себе все сие, т. е. и испытание, и только что указанное заключительное его действие, совершают среди самого течения дел дня; так что вечером испытание совести бывает у них только повторением дневного, его исправлением и пополнением. И нельзя не согласиться, что такой образ действования лучше и естественнее. От совести не укроешь, что допущено недоброго; заметив же то, она тотчас и беспокоиться начинает. Не естественнее ли тотчас же и успокоить ее самоосуждением, сокрушением и определением вперед быть исправным, чем оставлять это до вечера? (прп. Никодим Святогорец, 70, 244—246).

***

Сколько можно строже разбирай дела свои, и углубляйся в производство их, и потом суд произноси над собою нещадный. Чем глубже будешь вникать во все, бывающее в тебе и от тебя, и неправое устранять, а в правом утверждаться, тем скорее очистится совесть твоя: подобно как чем глубже роются, ископывая колодец, тем чище бывает в нем вода... Начинай и оканчивай обсуждение дел своих усердною молитвой, да даст тебе Господь очи увидеть сокровенности сердца своего... (прп. Никодим Святогорец, 70, 247).

***

...Строгое держание себя есть долг сознанного рабства Богу... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 191).

САМОЛЮБИЕ

Кто угождает самому себе и свое мнение предпочитает мнению прочих, тот сим показывает, что нет в нем страха Божия (прп. авва Исаия, 59, 93).

***

...Кто любит самого себя не настоящею любовью, тот самолюбив. Дает же знать о себе, если, что ни делает, делает ради себя, хотя бы сделанное было и согласно с заповедию. Ибо ради своего успокоения пренебречь чем-либо из потребного для брата, или по душе, или по телу, значит уже сделать и для других явным порок самолюбия, которого конец есть погибель (свт. Василий Великий, 9, 203).

***

...Заботиться ради самого себя есть улика в самолюбии... (свт. Василий Великий, 9, 295).

***

...Не будем самолюбивы; ибо от самолюбия, как ветви какие, отрождаются пороки. Истребляется же самолюбие любовию, которая всех влечет к единомыслию и связывает воедино (прп. Ефрем Сирин, 30, 507).

***

...Забвение, леность и неведение... рождает сластолюбивая и покойная жизнь, привязанность к людской славе и развлечению. А первоначальная причина и самая негодная матерь всему этому есть самолюбие, т. е. неразумная привязанность и страстная приверженность к телу, разлияние и рассеянность ума вместе с острословием и сквернословием, подобно всякой вольности в речах и смеху, приводящие ко многому худому и ко многим падениям (прп. Ефрем Сирин, 32, 388).

***

Корень и источник всех зол, от которого все они происходят, — чрезмерное самолюбие. Преданный этой страсти не наблюдает даже и за своими делами (свт. Иоанн Златоуст, 54, 803—804).

***

Кто самолюбив, тот в особенности и не любит себя; а кто братолюбив, тот и любит себя гораздо более (свт. Иоанн Златоуст, 54, 804).

***

Зараза и ограниченность самолюбия сокращает и умаляет любовь, которая широка и простирается на всех (свт. Иоанн Златоуст, 54, 804).

***

Нет яда, паче яда аспида и василиска; и нет зла, паче зла самолюбия. Исчадия же самолюбия — ...змеи летаю-

щие, суть сии: самохваление в сердце, самоугодие, чревонеистовство, блуд, тщеславие, зависть и вершина всех зол гордость, которая не только людей, но и ангелов свергает с небес и вместо света покрывает мраком (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 212).

***

Кто мать страстей — самолюбие — отвергнет, тот, при помощи Божией, удобно отложит и все другие страсти, как то: гнев, печаль, злопамятство и прочие. Кто же одержим первым, тот, хотя бы не хотел, уязвляется и последними. Самолюбие же есть страстная любовь к телу (прп. Максим Исповедник, 91, 178).

***

Берегись матери зол, самолюбия, которая есть неразумная любовь к телу. Ибо от него с кажущеюся благословностию рождаются три первые и родовые, страстные и неистовые помыслы, а именно: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, — заимствуя поводы от необходимой потребности телесной; а от этих рождается все племя страстей. Вот почему и надлежит, как сказано, весьма остерегаться самолюбия, и противоборствовать ему с великою бдительностию. Ибо с истреблением его истребляются и все его порождения (прп. Максим Исповедник, 91, 188).

***

Самолюбие... состоит причиною всех страстных помыслов; ибо от него рождаются три главнейших помысла вожделевательной части души: чревоугодия, сребролюбия и тщеславия. Потом от чревоугодия рождается помысл блудный; от сребролюбия любостяжательный; от тщеславия

гордостный; прочие же все следуют за каждым из сих трех, как то: помысл гневный, печальный, злопамятный, унывный, завистливый, клеветливый... Сии страсти связуют ум предметами вещественными и клонят его к земле, налегая на него, подобно тягчайшему камню, тогда как ум по природе легче и тонее <тоньше> огня (прп. Максим Исповедник, 91, 205).

***

...Самолюбие и плотское мудрование людей, отторгши их друг от друга и криво истолковав закон, рассекло единое естество (единоестественных) на многие части и, введши в силу ныне всех обдержащее жестокосердие, таким настроением вооружило природу саму против себя (т. е. людей друг против друга) (прп. Максим Исповедник, 91, 253—254).

***

Самолюбие бывает родительницею неисчетных страстей. Почему, когда кто исторгнет из сердца своего самолюбие, тогда легко возьмет силу и над другими страстями, при содействии Господа. Ибо из него обыкновенно рождаются гнев, печаль, злопамятство, сластолюбие и необузданная дерзость; и побежденный им неизбежно побеждается и прочими страстями. Самолюбием же называем мы страстное расположение и любовь к телу с исполнением плотских пожеланий (свт. Феодор Едесский, 91, 342).

***

...Только что выступившему на подвиги ничто так не препятствует исполнять делом заповеди, как всезлобнейшее

самолюбие (жаление плоти). Оно служит препоною к преуспеянию даже и ревностным. Оно влагает в них мысль о неисцельных болезнях и страданиях тела (если станут строго жить), и тем охлаждает жар ревности душевной и склоняет ее отказаться от злострадания (произвольных лишений) ради добродетели, как навета против самоугодливой жизни (прп. Никита Стифат, 93, 89).

***

Во главе всех добродетелей шествует искренняя вера, при коей душа не колеблющеюся водится мыслию, но всецело отметает самолюбие (прп. Никита Стифат, 93, 89).

***

Есть же самолюбие — неразумная любовь к телу, или саможаление, которое делает монаха самолюбивым, душелюбивым и телолюбивым и отдаляет его от Бога и Царствия Его... (прп. Никита Стифат, 93, 89—90).

***

<Душевно живущие>, одержимы будучи самолюбием, сею питательницею пагубных страстей, все попечение обращают они на сохранение здоровья и услаждение плоти.

...Держась такого образа жизни и поведения, оземленяют они ум, отучневший от страстей, и делаются неспособными к приятию мысленных и божественных вещей, коими душа отторгается от земли и вся устремляется к мысленным небесам... будучи чужды Духа Святаго, они не причастны и даров Его; почему и плодов божественных не увидишь в них...(прп. Никита Стифат, 93, 112—113).

***

Самолюбие — питательница пагубных страстей (прп. Никита Стифат, 93, 122).

***

Ничто так расслабленною, беспечною и несмысленною не делает душу и ревностных подвижников, как самолюбие, сия кормилица страстей. Внушая предпочитать покой тела трудам о добродетели и предусмотрительным почитать благоразумием не отягчать себя делами произвольно, особенно удобными и небольшими потами по исполнению заповедей, оно обыкновенно отнимает у души охоту и ревность к прохождению поприща безмолвия и производит в ней сильное и непреодолимое разленение на дела (прп. Григорий Синаит, 93, 202—203).

***

Воистину совершенно плоть сущие и самолюбие лобызающие всегда работают сластолюбию и тщеславию; в них и зависть укоренена... (прп. Григорий Синаит, 93, 211—212).

***

Заботящийся о красоте, много думающий о себе по знатности предков, по блеску одежд и по другим таким вещам, обличает в себе детскую незрелость ума, ибо все такое — прах; праха же что ничтожнее? (свт. Григорий Палама, 93, 267—268).

***

Никогда не говори о себе самом, о своих делах или о своих родных, исключая случаев, когда это необходимо, но

и при этом говори, сколько можешь, короче и скорее. Когда видишь, что другие говорят о себе с излишком, понудь себя не подражать им, хотя бы слова их казались смиренными и самоукорительными (прп. Никодим Святогорец, 70, 105).

***

Самолюбие и привязанность к временному и суетному — плоды самообольщения, ослепления, душевной смерти. Самолюбие есть извращенная любовь к себе (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 88).

***

...Самолюбие есть искаженная любовь падшего человека к самому себе. Самолюбие боготворит свой падший, лжеименный разум, старается во всем и постоянно удовлетворять своей падшей, ложно направленной воле. Самолюбие выражается по отношению к ближним или посредством ненависти, или посредством человекоугодия, т. е. угождения страстям человеческим, а к предметам мира, которыми оно всегда злоупотребляет, посредством пристрастия. Как святая любовь есть ***союз совершенства*** (Кол. 3, 14) и составляется из полноты всех добродетелей, так самолюбие есть та греховная страсть, которая составляется из полноты всех прочих разнообразных греховных страстей (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 117).

***

Правильная любовь к себе заключается в исполнении животворящих Христовых заповедей: ***сия есть любы, да ходим по заповедем Его,*** сказал Иоанн Богослов (2 Ин. 1, 6) (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 260).

***

Нечисто оно <сердце> от самолюбия, в коем живут и действуют все страсти... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 160).

САМОМНЕНИЕ

Ничто не производит так скоро... невидимую погибель, как самомнение и самоугодие (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 150).

***

...Самомнение и самоугодие есть скрытая погибель, потому что мы возвращаемся при них назад и не замечаем того (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 67).

***

Чем кто невнимательнее к себе, тем более почитает себя угодным Богу (прп. авва Исаия, 59, 66).

***

Пока жив, не верь себе, доколе не минуешь всех властей темных (прп. авва Исаия, 59, 92).

***

...Не будь напыщен гордым мнением о себе, дабы не впасть в руки врагов твоих (прп. авва Исаия, 59, 209).

***

Кто утверждается на собственном своем разуме и держит свою волю, тот привлекает к себе толпы бесов и не

может быть от Духа (Божия), приносящего сердцу печаль (или сокрушение) (прп. авва Исаия, 89, 316).

***

Не высокомудрствуй, будто ты добр; ибо не можешь вверить себя врагам своим (прп. авва Исаия, 89, 348).

***

...Страшное кичение — думать, что ни в ком не имеешь нужды, но внимать только себе самому, как единственно способному присоветовать лучше (свт. Василий Великий, 6, 73).

***

...Кто ублажает и возвышает сам себя, того гораздо справедливее было бы назвать мнимым мудрецом и суемудрым, нежели великим по уму (свт. Василий Великий, 6, 283).

***

Если, разгордевшись, исполнились мы суетного о себе мнения и высокомерия, то впадаем в неизбежный суд диавола (свт. Василий Великий, 10, 129).

***

...Если будет тревожить тебя страсть самомнения, то скажи борющему тебя: «Иди от меня прочь, лукавый помысл. Что я за человек? И в какой преуспел я добродетели, что внушаешь мне подобные мысли? Святые ***камением побиени быша, претрени быша, искушени быша, убийством меча умроша*** (Евр. 11, 37). И что говорить о

подобострастных мне человеках? Сам Владыка всяческих за нас *Крест претерпе, о срамоте нерадив* (ср.: Евр. 12, 2). А я, все время жизни своей проведя во грехах, какой дам ответ в день Суда?» И сим отгонишь от себя высокоумие (прп. Ефрем Сирин, 30, 551).

***

...Самомнение отнимает у человека большую часть того, что он есть... (свт. Григорий Богослов, 12, 48).

***

...Приверженный и рачительный раб должен суд о приверженности вверить Владыке, а не себя вместо Владыки делать судиею, восписывающим <воссылающим> похвалы житию своему (прп. Макарий Египетский, 67, 334).

***

...Когда человек подумает о себе: «Я уже свободен» и предастся нерадению, тогда кроющийся порок наступает на человека разбойнически, искушает его и низводит до преисподних земли (прп. Макарий Египетский, 67, 351).

***

...Самомнение есть ослепление души, никак ей не позволяющее познавать свою немощь (прп. Макарий Египетский, 67, 393).

***

...Самомнение — мерзость перед Господом. Оно и вначале изринуло человека из рая, когда, услышав сказанное:

будете яко бози (Быт. 3, 5), доверчиво предался он этой суетной надежде (прп. Макарий Египетский, 67, 419).

***

Кто полагается на свою твердость, падет; кто же смиряет себя, вознесен будет (авва Евагрий, 89, 612).

***

Если ты имеешь много заслуг и не знаешь за собою ничего худого, но считаешь себя имеющим дерзновение, то всякая молитва твоя недействительна... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 544).

***

...Признак крайнего безумия, возлюбленный, величать себя похвалами без всякой нужды и нужды настоятельной; это не значит говорить по Господу, а больше служит знаком глупости и лишает нас всякой награды за многие подвиги и труды (свт. Иоанн Златоуст, 45, 544).

***

...Великое зло — говорить о себе что-нибудь великое и дивное... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 544).

***

Пусть кто-нибудь совершит бесчисленные подвиги и сотворит всякую добродетель; но если он станет высоко думать о себе, то будет самый жалкий и несчастный человек (свт. Иоанн Златоуст, 47, 326).

***

...Кто сознает в себе и бесчисленные совершенства, но, если только он не думает о себе, как о последнем между всеми, его совершенства не принесут ему никакой пользы (свт. Иоанн Златоуст, 47, 362).

***

Не мал и этот недостаток, когда кто считает себя мудрым и во всем полагается на свои суждения: отсюда и происходит вышесказанное, т. е. что называют доброе злым, а злое добрым... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 70).

***

...Нет ничего презреннее и бесчестнее... человека надменного, славолюбивого и очень много о себе думающего (свт. Иоанн Златоуст, 50, 642).

***

Кто говорит о себе самом что-либо великое, тот делает собственное свидетельство подозрительным и нередко таким образом восстановляет против себя многих из слушателей... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 85).

***

...Не возносись безумно выше того, что ты есть, и не думай больше, чем подобает человеческой природе; не надмевайся, если тебя хвалят, не ищи славы и не считай себя чем-то великим, потому что иначе будешь как птица, не имеющая опоры и носимая то туда, то сюда (свт. Иоанн Златоуст, 52, 968).

***

...Ты одобряешь себя, отвергаемый Богом; ты венчаешь себя в самохвальстве, но погубил венец свой через осуждение; ты хвалишь себя, как безгрешного, а оказался повинным во грехе; ты выдвигаешь себя, как исполнившего закон, а прикоснувшись к закону, оскорбил Законодателя; кричал перед всеми о своих добродетелях и превратил их в грехи (свт. Иоанн Златоуст, 54, 917).

***

Ради чего и почему, человек, ты много думаешь о себе? Спустись с тщетной твоей высоты, рассмотри ничтожность своей природы; ты земля и пепел, прах и пыль, дым и тень, трава и цвет травный. И живя с такою природою, ты высоко думаешь о себе, скажи мне? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 600).

***

...Если богоугодный и боголюбивый мудр и сведущ, имеет созерцательную и деятельную добродетель, первую как душу, вторую как тело, то почему напрасно почитаем себя любомудрствующими, не заботясь о доблестной жизни и прилагая только попечение об одном краснословии? (прп. Исидор Пелусиот, 62, 90).

***

...Менее вредно нерадение, нежели сколько вредит обыкновенно самомнение... (прп. Нил Синайский, 72, 194).

***

Многие, полагаясь на себя по причине некоторых добродетелей и не ожидав, что войдут к ним осуждающие и

расхищающие душу демоны, думали о себе высоко (прп. Нил Синайский, 73, 244).

***

...Полагающемуся на свой разум или на свое суждение невозможно повиноваться или последовать доброму делу ближнего (прп. авва Дорофей, 29, 188).

***

Если хочешь быть мудр и вместе скромен, а не рабствовать страсти самомнения, то всегда ищи в вещах, что скрыто от твоего разума, и, найдя, что многое и различное неизвестно тебе, ты подивишься своему невежеству, и смиришь свое мудрование. А познав свое ничтожество, познаешь многие великие и дивные вещи. Мечтание же о своих знаниях не дает успевать в познаниях (прп. Максим Исповедник, 91, 209—210).

***

Мнящий о себе, что достиг уже верха добродетелей, никак не станет уже искать источной причины благ, одному себе приписывая силу преуспевать в добре, и сам себя за то лишая утверждения и ограждения спасения, т. е. Бога. А кто чувствует в себе естественную скудость сил на добро, тот не перестает спешно идти к Могущему воспомнить недостающее ему (прп. Максим Исповедник, 91, 273).

***

Внимай еще, как бы не пострадать чего из-за обильной радости духовной и умиления; а постраждешь, если подумаешь, что они суть плод собственного твоего труда, а

не благодати Божией, потому что за это они взяты будут от тебя, — и ты много поищешь их в молитве, и не обрящешь, и узнаешь, какое потерял ты дарование благодати (старец Симеон Благоговейный, 93, 67).

***

Я, Господи, если бы и захотел почесть, что мое самомнение, бывшее причиною лишения Твоего благодатного утешения, произошло у меня от бесов, не могу тем извинить себя, ибо знаю, что с теплым усердием творящие волю Твою легко сопротивляются им (старец Симеон Благоговейный, 93, 67).

***

...Если кто не позаботится наперед долгим молением, с милостынею, постом и бдением, познать себя самого и свою немощность, то он не может познать и того, что без духовного отца, руководителя и учителя, нельзя человеку соблюсти, как должно, заповеди Божии, жить вполне добродетельно и не быть уловлену сетьми диавольскими; а кто этого не познает, тому как избежать притязательного самомнения, что он не имеет нужды в научении, совете, внушении и помощи со стороны других? И остается он исполненным гордости, не сознавая, что ничего не знает, и пребывает в глубине неведения, или, вернее сказать, погибели. И этого самого не может он понять, что находится в числе гибнущих, так как это неведение то имеет свойство, что бывает каким-то густым покрывалом на умных очах души, и не дает им видеть ясно истину, когда любит мир и вещи мирские. Ибо поскольку ум удаляется от памятования о Боге, о смерти и о будущем суде и не помышляет о благах, уготованных праведникам, и о му-

ках, ожидающих грешников, — вечном огне, кромешной тьме и скрежете зубов, но всецело весь предан бывает заботам житейским и призрачным благам мира, богатству, славе, утехам, всему прочему, что в мире люди считают славным и светлым, — поколику ум предан бывает всему такому, потолику он более и более грубеет, расстраивается, омрачается и некоторым образом весь покрывается непроницаемым покровом; следствием чего бывает выпадение из круга его познания заповедей Божиих и совершенное о них забвение (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 107—108).

***

Великое зло, когда кто впадает в самомнение, думает, что знает, когда не знает, или что имеет, когда не имеет: ибо, думая, что знает или что имеет, не заботится уже познавать и стяжавать и остается ни при чем (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 244).

***

Всякий, мнящийся быти мудрым, потому что прошел все науки и сведущ во внешней мудрости, никогда не сподобится проникнуть в тайны Божии и увидеть их, если прежде не смирится и не сделается в чувствах сердца своего буиим, вместе с самомнением отвергая и приобретенную ученость (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 38).

***

Равное зло есть и перед Богом, и перед людьми, во Христе живущими, как то, когда кто страстен делами, так и то, когда кто надменен в добродетелях духом самомнения (прп. Никита Стифат, 93, 92).

***

Напыщенный и в самомнении умом прельщающийся никогда во свете смирения не улучит благодати умиления, ради коего даруется свет премудрости Божией тем, кои сокрушены сердцем, как написано: *во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35, 10). Его покрывает ночь страстей, в коей расхаживают все дубравные звери человеческого естества и скимны самомнения, — бесы, говорю, тщеславия и блуда, рыкая, ищут, кого поглотить и воврещи в чрево отчаяния (прп. Никита Стифат, 93, 105).

***

Для живущего по-человечески и увлекаемого духом самомнения жизнь настоящая бывает морем зол, погружая умную часть его души в море сластных утех и удовольствий, и троечастность его неистово поражая свирепыми волнами страстей, под действием духа злобы. Ему угрожает страшная опасность крайнего отчаяния, пока ладья его и кормило душевное сокрушаются сластьми плотскими и кормчий — ум остается во глубине греха и в смерти духовной; если море зол не укроет наконец волны свои в глубине смирения, море сластей не превратит своих течений в обильные дожди слез и не преложится в сладость светоносного умиления (прп. Никита Стифат, 93, 105—106).

***

Если он <человек>, уразумев козни вражью <самомнение>, укроется в крепость смирения, зазрев себя (или в чувстве презрения к себе), то избегает бедственности гордыни и вводится в пристань спасения (прп. Никита Стифат, 93, 136).

***

...Они <бесы> не могут равнодушно видеть, как человек прелагается в ангельское естество; почему не ленятся тайно пускать в него стрелу самомнения... (прп. Никита Стифат, 93, 136).

***

Ничто другое поистине так не расстроивает состояния безмолвия и не лишает его Божественной помощи, как следующие главные страсти: дерзость, чревоугодие, многоглаголание и суетная забота, надмение и госпожа страстей — самомнение. Кто охотно попускает себе с ними свыкаться, тот с продолжением времени омрачаясь все более и более, делается наконец совсем обуморенным (прп. Григорий Синаит, 93, 202).

***

...Без <терпения и смирения> вступивший в безмолвие будет всегда совоспитанницею своему нерадению иметь самомнение, от коих размножаются пленения и парения, ввергающие нас в расслабление (прп. Григорий Синаит, 93, 203).

***

Горе́, в Царские Божественные Чертоги, нет другого кратчайшего пути восхождения малою лествицею добродетелей, как умерщвление пяти противных послушанию страстей, именно: преслушания, прекословия, самоугодия, оправдания и пагубного высокого о себе мнения (прп. Григорий Синаит, 93, 209).

***

Ведать подобает, что и сам дух гордостного самомнения дает предсказания иногда в тех, кои не тщательно внимают сердцу (прп. Григорий Синаит, 93, 215).

***

Если же кто мечтает достигнуть высокого с самомнением, не истинное, а сатанинское имея желание, то такого удобно опутывает он <диавол> сетями своими, как раба своего (прп. Григорий Синаит, 93, 225).

***

...Кто право живет и безукоризненно обращается со всеми, удаляясь от человекоугодия и высокоумия, тому, хотя бы и бесчисленные против него поднял искушения весь бесовский полк, это не повредит, как говорят святые отцы. Которые же самонадеянно и самовольно действуют, эти вреду удобно предаются. Почему безмолвствующий должен всегда держать царский путь. Ибо излишество во всем сопровождается обычно самомнением, а за этим последует прелесть (прп. Григорий Синаит, 93, 226).

***

Прекословие и спорливость происходят от самомнения, сожительницы неверия и высокоумия; как напротив, непрекословие и неспорливость происходят от верного и смиренномудрого настроения (патр. Каллист и ин. Игнатий, 93, 318—319).

***

...Как может благодать, для просвещения и помощи, войти в того человека, который думает о себе, что он есть нечто великое, что сам все знает и не нуждается ни в чьей сторонней помощи? (прп. Никодим Святогорец, 70, 18).

***

Эта, однако же, духовная немощь наша <самомнение>, весьма трудно притом замечаемая и сознаваемая, паче всего в нас противна Богу, как первое исчадие нашей самости и самолюбия и источник, корень и причина всех страстей и всех наших падений и непотребств. Она затворяет ту дверь в уме или духе, через которую одну обыкновенно входит в нас благодать Божия, не давая благодати сей внити внутрь и возобитать в человеке (прп. Никодим Святогорец, 70, 18).

***

Чтобы избегать тебе, сколько можешь... сердечного самомнения и действовать без всякого на себя надеяния, а с единым упованием на Бога, всякий раз настраивайся так, чтобы сознание и чувство своей немощности у тебя предшествовало созерцанию всемогущества Божия, а то и другое предшествовало каждому деянию твоему (прп. Никодим Святогорец, 70, 25).

***

...Добрые дела наши, если строго их разберем, не дадут нам открыть уста для восхваления себя перед другими, или для трубления внутри перед собой. Если же мы приведем

при этом на память все дела свои неодобрительные — пустые, суетные, бесполезные, вредные, богопротивные, каковых, конечно, найдется не мало; то что тогда должны почувствовать? Может быть, скажет кто: взвесь ту и другую сторону, и какая перетянет, по той и суди себя. Но такого рода прием в этом случае неуместен. Дела идут изнутри. Если есть дела недобрые, то, значит, внутреннее наше не в добром порядке; а оно-то и определяет нашу цену перед Богом — самую существенную цену. Если оно не может быть одобрено, то и весь человек недостоин одобрения (прп. Никодим Святогорец, 70, 146).

***

...Мнящий о себе, что он исполнен благодати, никогда не получит благодати; мнящий о себе, что он свят, никогда не достигнет святости (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 248).

***

Самомнение и гордость в сущности состоят в отвержении Бога и в поклонении самому себе. Они — утонченное, труднопонимаемое и трудноотвергаемое идолопоклонство (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 25).

***

Какой страшный недуг душевный — самомнение! Оно в делах человеческих лишает гордого помощи и совета ближних, а в деле Божием, в деле спасения, оно... лишает... дара Божия, принесенного с неба Сыном Божиим... лишает Божественного откровения и соединенного с при-

нятием этого откровения, блаженнейшего общения с Богом (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 170).

***

Тщеславные, гордые понятия, из которых составляется самомнение, разрушают в человеке тот духовный престол, на который обыкновенно восседает Святой Дух, разрушает то единственное условие, которое привлекает к человеку милость Божию (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 348).

***

Самомнение есть недуг духа нашего, непримечаемый не внимающими своему спасению, но недуг столько сильный и важный, что он поставляет человека, по душе, его в числе духов отверженных, враждебных Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 380).

***

Самомнение вскоре начинает проявляться в тайном осуждении ближних, в явном расположении поучать их (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 103).

***

Преуспевшим в самомнении демоны начинают являться в виде ангелов Света, в виде мучеников и преподобных, даже в виде Божией Матери и Самого Христа, ублажают их на жительство, обещают им венцы небесные, этим возводят на высоту самомнения и гордыни. Такая высота есть вместе и погибельная пропасть (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 347).

***

Самомнительный, признающий в себе какое-нибудь достоинство, не может отразить бесовского обольщения извне, будучи объят и окован им внутри (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 379).

***

Самонадеянность и самомнение всегда соединены с тонким, часто непримечаемым, презрением ближних (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 433).

***

Коль скоро начнут показываться помыслы, что вы хороши... знайте, что вы сбиваетесь с дороги... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 175).

***

Как только на себя саму склонится у вас мысль, благодать умалится и, если не опомнитесь, совсем перестанет действовать, тогда плач и вопль мног (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 207).

***

Не забывайте блюсти себя от самоцена. Это тоненькая змейка и не заметишь, как проскользнет... и надмит сердце... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 219).

***

Этот бес <самомнения> хитрее всех бесов и успевает пролезть в душу в самую незаметнейшую скважину. За-

сядет там и все сгубит (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 240).

***

Возьмите меч или держите всегда — смирения и уничижения, и безжалостно отсекайте, и непрестанно отсекайте главу первому злодею нашему <самоцену> (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 155).

***

Большая нам беда от чувства праведности. Зарубите себе на памяти, что коль скоро придет сие чувство, хотя в слабой мере, значит дело ваше пошло криво... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 179—180).

***

От самоцена самомнение; ради самомнения благодать отходит: ибо мерзок Господу всяк высокосердый (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 80).

****

Диавол ожесточил сердце Евагрия, как сердце фараона, и он, будто пылкий юноша, впал в самомнение и колебался душой, ни с кем не говоря ни слова, переменил одежду, и ум его обуяло ораторское тщеславие. Но Бог, Который удерживает всех нас от гибели, поверг его в беду: послав на него горячку и тяжкую болезнь в продолжение шести месяцев, изможднл его плоть, которая препятствовала ему быть добродетельным. Когда врачи уже сомневались в его выздоровлении, не находили способа вылечить его, блаженная Мелания сказала: «Не нравится мне, сын

мой, твоя долгая болезнь. Скажи мне, что у тебя на душе, ибо не эта твоя настоящая болезнь». Он признался ей во всем. Блаженная сказала ему: «Дай мне перед Богом слово, что ты решишься вести монашескую жизнь, и хотя я грешница, но помолюсь Господу, чтобы дано было тебе время обращения и продолжение жизни». Он согласился. Когда она помолилась, он в несколько дней выздоровел. По выздоровлении получил от нее иноческое одеяние и отправился на Нитрийскую гору, что в Египте, где прожил два года, а на третий удалился в пустыню (101, 223).

***

Монах Ирон пятьдесят лет провел в пустыне и превзошел всех живущих в ней иноков своим равноангельским житием. Но гордость погубила и такого подвижника. Он вообразил, что соседние с ним иноки держатся не такого устава, какого бы, по его мнению, следовало держаться. И стал относиться к ним с презрением. Диавол, заметив зародившееся в старце самомнение, не замедлил приложить старание, чтобы погубить его, и достиг своего. Он явился ему в образе светлого ангела, а самообольщенный монах принял его за действительно такового. Диавол предложил старцу броситься в колодец, говоря, что-де за святую жизнь ему от этого вреда не будет. Старец послушался, и... вытащили его из колодца едва живым. На третий день он скончался (112, 371).

САМОНАДЕЯННОСТЬ

...Во всяком случае отсекай волю свою, не надейся на свою правду, но всегда имей перед очами грехи свои (прп. авва Исаия, 59, 208).

***

Кто надеется на правду свою, и последует воле своей, тот не избежит козней вражеских, не найдет себе покоя, не уразумеет своих недостатков, и трудно ему получить милость Божию в час исхода своего из тела (прп. авва Исаия, 89, 59).

***

Не надейся на силу свою — и помощь Божия будет сшествовать тебе (прп. авва Исаия, 89, 351).

***

Горе тому человеку, который полагается на собственную силу свою, или на подвиг свой, или на природные свои дарования, а не возлагает всей надежды своей на Бога; потому что от Него единого крепость и сила (прп. Ефрем Сирин, 35, 464).

***

Да не надеемся же на самих себя, ибо Писание говорит, что надеющийся на себя самого падет падением ужасным (см.: Притч. 11, 28) (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 174—175).

***

...Прельстились те, которые, возложив упование на самих себя, сочли, что не имеют нужды ни в каком путеводителе... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 3—4).

***

...Но слышу, что иные из вас, по самонадеянности, держат себя небрежно: смотрят бесстыдно друг на друга,

пустословят и смеются; иные же сплетают руки с руками и прикасаются устами к устам и щеками к щекам. Плача сие достойно. ***Вняжет ли кто огнь в недра, риз же не сожжет ли? Или ходити кто будет на углиех огненных, ног же не сожжет ли?*** (Притч. 6, 27—28). Так и такие дела делающий не останется без падения... (прп. Феодор Студит, 92, 309).

***

Не увидеть тебе двора мира в благостыне помыслов и не войти в храм любви с радостию во всякой милостивости и тихости сердца, пока надеешься на себя и на дела свои (прп. Никита Стифат, 93, 95).

***

Хотя бы ты все, относящееся к деятельной жизни, прошел, не надейся на себя при этом, будто достиг уже бесстрастия и можешь беззаботно вращаться в мире; чтобы в таком случае, набрав страстных видов, по возвращении к себе, не встретил ты в этом чего-либо неблагоприятного порядкам жизни своей. Но всегда, под пестунством страха, усердно пекись о своем изменчивом и превратном естестве, благоразумно удаляясь от причин страстей. Ибо бесстрастие, в высшей степени неизменное, бывает лишь в достигших совершенной любви и непрестанным созерцанием держимых выше всего чувственного и восшедших на верх смирения, которых уже не касается пламя страстей, пресекаемое гласом Господа, ради преложения их (совершенных) в нетление (прп. Феогност, 91, 384—385).

***

Которые же самонадеянно и самовольно действуют, эти и вреду удобно подвергаются (прп. Григорий Синаит, 93, 226).

***

Если они <самонадеянные>, скорбя о падении, укоряя и браня себя за то, в то же время замышляют: сделаю то и то, следствия падения загладятся, и у меня опять все пойдет как следует, — то это верный знак, что и прежде падения своего они надеялись на самих себя, а не на Бога. И чем скорбь их при этом мрачнее и безотраднее, тем обличительнее, что они слишком много уповали на себя и очень мало на Бога... (прп. Никодим Святогорец, 70, 25—26).

***

Берегись себя самого, как злейшего какого врага своего, и не следуй воле своей, ни уму своему, ни своему вкусу и чувству, если не хочешь потеряться. Потому держи всегда наготове оружие против себя самого, и когда хотение твое склонится на что-нибудь, хотя бы святое, положи его одно, обнаженное от всего стороннего, пред Богом твоим с глубочайшим смирением, умоляя Его, да будет в этом Его, а не твоя воля; и сделай это, с искренносердечным преданием себя в волю Божию, без всякой примеси самолюбия, зная, что сам в себе ты ничего не имеешь и сам по себе ничего сделать не можешь в деле твоего спасения (прп. Никодим Святогорец, 70, 261—262).

***

Не должно дерзностно бросаться в пучину скорбей: в этом самонадеянность гордая (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 549).

***

...Пока остается хоть малое чаяние чего-либо от своих способов, Господь не вмешивается сюда... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 41).

****

Сказал авва Анатолий: «Монах должен вполне полагаться на старцев, по возможности спрашивать, сколько ему делать шагов или сколько пить капель в своей келье, чтобы в чем-нибудь не погрешить». Брат, погрешивший в этом, нашел в пустыне уединенное и тихое место и просил своего отца: «Позволь мне поселиться здесь. Я надеюсь на Бога и на твои молитвы, ибо я хочу много потрудиться». И не позволил ему авва, говоря: «Истинно знаю я, что ты много хочешь трудиться, но потому, что ты имеешь старца, которого не слушаешь, не можешь надеяться, что твое дело угодно Богу, и потому, что ты дерзаешь думать, что исполняешь дело совершенно монашеское, этим погубляешь свой труд и рассуждение» (107, 507).

САМООБЛАДАНИЕ

...Великое приобретение, если сдерживаешь слово, готовое разразиться, когда совне ударяют в твое сердце. Укрощая слово, ты укрощаешь и волнение гнева; и хотя не без труда, однако укротишь его. Если не даешь свободы языку, когда он кичится и приходит в дикую ярость, но

держишь его в узде, то отвратишь обиду. С покорением вождя покорится царь страстей, и ты отдохнешь от мучительного треволнения (свт. Григорий Богослов, 15, 353).

***

...Поистине царь есть тот, кто побеждает гнев, и зависть, и сладострастие, подчиняет все законам Божиим, сохраняет ум свой свободным и не позволяет возобладать душою страсти к удовольствиям (свт. Иоанн Златоуст, 44, 125—126).

***

...Лучше тот, который, при малых познаниях, владеет страстями, чем соединяющий с ораторским искусством худые и гордые мысли (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1119).

***

Попробуйте, выйдя за дверь, налагать на сердце панцирь... решимость, что бы ни повстречалось неисправного — не поддаваться серчанию (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 54).

***

Без противления саможалению нельзя быть доброму самоуправлению (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 88).

САМООПРАВДАНИЕ

Не оправдывай себя паче другого, чтобы, оправдавшись по собственному приговору, не быть осужденным по приговору Божию (свт. Василий Великий, 8, 271).

***

...Никто да не дерзнет сказать: «Я не согрешил». Кто говорит это, тот слеп, смежил очи, сам себя обманывает и не знает, как окрадывает его сатана и в словах, и в делах, то через слух, то через глаза, то через осязание, то через помыслы. Ибо кто похвалится, что у него невинно сердце и все чувства чисты? Никто не безгрешен, никто не чист от скверны, никто из человеков не свободен совершенно от вины, кроме Того единого, Кто ***нас ради обнищал богат сый*** (ср.: 2 Кор. 8, 9). Безгрешен Он один — вземлющий грех мира, желающий спастись всем человекам, не хотящий смерти грешников... (прп. Ефрем Сирин, 31, 346—347).

***

...Подлинно когда оправдание соединится с волею, то это есть совершенная смерть, великая опасность, великий страх; тогда окончательно падает несчастный. Ибо кто заставит такого верить, что другой человек более его знает, что ему полезно? Тогда он совершенно предается своей воле, своему помыслу, а, наконец, враг, как хочет, устраивает его падение. Поэтому сказано: ***лукавый злодействует, егда сочетавается с праведным, ненавидит же гласа утверждения*** (Притч. 11, 15). Ибо не только самое наставление ненавидит лукавый, но даже и самого голоса, произносящего оное, не может слышать, даже ненавидит и самый голос наставления, т. е. то самое, когда говорят что-либо, служащее к наставлению (прп. авва Дорофей, 29, 72).

***

Пока не состоится решение над подсудимым, ему дается слово самооправдания — говорить судье о том, что

наделал; по раскрытии же дел его и произнесения над ним решения судии, он уже ни мало, ни много не противоречит тем, кои наказывают его (во исполнении приговора) (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 15—16).

САМООСУЖДЕНИЕ

Кто не укоряет себя, тот побеждается гневом (прп. авва Исаия, 59, 95).

***

...Осудивший сам себя свободен от обвинения, по причине покаяния, особливо если и в прочем соблюдает себя от поползновения... (свт. Василий Великий, 9, 189).

***

...Главное дело не в том, чтобы обвинять себя, но в том, чтобы обвинять себя первому, а не выжидать обличений от других (свт. Иоанн Златоуст, 44, 746).

***

Ты осудил свой грех? Через это ты сложил с себя бремя (свт. Иоанн Златоуст, 44, 833).

***

Будь судьею над самим собою и над своими прегрешениями. В этом тебе никто не препятствует, а между тем ты и грехи свои таким образом исправишь, и не потерпишь от этого никакого вреда (свт. Иоанн Златоуст, 47, 465).

***

...Если здесь будем судить самих себя в повседневных прегрешениях наших, то избавимся от строгости будущего суда (свт. Иоанн Златоуст, 47, 650).

***

...Осуждающие сами себя за свои грехи предупреждают и отклоняют от себя суд Божий... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 246).

***

Осуждающий сам себя вдвойне умилостивляет Бога — и сознанием грехов своих, и готовностию не делать их на будущее время (свт. Иоанн Златоуст, 53, 278).

***

...Если будем осуждать самих себя, то, конечно, не допустим многих грехов, но сделаем много доброго, будем кроткими и умеренными, и получим все блага, обещанные любящим Бога... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 181).

***

Неужели, скажешь, называть себя самого грешником значит тщеславиться? Да, этим путем мы приобретаем славу людей смиренных, становимся предметом удивления, похвал... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 225).

***

Будем же осуждать и наказывать сами себя: таким образом мы умилостивим Судию (свт. Иоанн Златоуст, 55, 256).

***

Будем осуждать самих себя, и Судия умилостивится; ибо, как благий, радуется Он, видя, что грешник расточает бремя свое (прп. Нил Синайский, 72, 252).

***

...Если хочешь ни здесь, ни там не понести наказания, требуй отчета у себя самого. Ибо если сами себя осуждаем, то не будем осуждены (прп. Нил Синайский, 73, 244).

***

Никто не может искренно любить или веровать иначе, как если он не имеет себя самого осудителем себя. Ибо когда совесть наша тревожима бывает обличениями, тогда уму не попускается чувствовать благоухания премирных благ, но он тотчас же раздвояется сомнением: в силу предшествовавших опытов веры теплым движением вожделенно устремляется он к ним, но уже не может любовно воспринять их в чувстве сердца по причине, как я сказал, частных угрызений обличающей совести. Впрочем, если мы очистим себя теплейшею молитвою и вниманием, то опять улучим сие вожделенное благо, еще с большим опытным в Боге вкушением его (блж. Диадох, 91, 18).

***

...Святой Антоний сказал: «Великий подвиг человека состоит в том, чтобы он перед лицем Божиим возлагал все согрешение свое на себя и ожидал бы искушения до последнего издыхания» (прп. авва Дорофей, 29, 96).

***

...Без самопосрамления невозможно избавиться от вечного стыда (прп. Иоанн Лествичник, 57, 43).

***

...Надлежит нам всегда осуждать и укорять себя, чтобы полным осуждением загладить невольные грехи... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 172).

***

За дурное наказывать себя поклонами хорошо... Сколькими? Смотря по делу... двумя... пятью, десятью... Только со страхом и верою... да чтобы никто не видал (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 158).

****

Один брат спросил авву Пимена: «Что мне делать? Меня давит какая-то тяжесть». Старец отвечал: «И на малых, и на больших суднах пловцы имеют пояса, и если нет попутного ветра, то спускают канат, а пояса берут на плечи себе и тащат понемногу судно, пока Бог не пошлет ветра; а когда увидят, что настает мрак, они пристают к берегу и вбивают кол, дабы судно не ушло. Этот кол есть самоосуждение» (97, 218).

***

Один брат сказал авве Феодору: «Я хочу исполнять заповеди». Старец отвечал ему: «И авва Феона так же некогда говорил что хочет при помощи Божией исполнить намерение свое. Принеся в пекарню муку, он испек из нее хлебы. Когда попросили у него бедные, он отдал им хлебы; когда же попросили еще другие, отдал им корзины и

одежду, которую носил, и взошел в келью свою, опоясанный мафорием; при всем этом он осуждал себя за то, что не исполнил заповеди Божией» (97, 284).

САМООТРЕЧЕНИЕ

...Каждый должен себя подчинить ближнему своему Бога ради (прп. авва Исаия, 59, 58).

***

Отречение же от себя состоит в совершенном забвении прошедшего и отказе от своих желаний (свт. Иоанн Златоуст, 52, 967).

***

Желай, чтобы дела твои устроялись не как тебе представляется, но как угодно сие Богу... (прп. Нил Синайский, 71, 189—190).

***

Начало умерщвления и душевной воли, и членов тела бывает прискорбно; средина иногда бывает с прискорбием, иногда без прискорбия, а конец уже без всякого ощущения и возбуждения скорби. Тогда в скорби и болезни сердечной бывает сей блаженный и живой мертвец, когда увидит, что исполняет свою волю; ибо страшит его бремя собственного осуждения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 21).

***

Некоторые из имеющих дар рассуждения хорошо определили отвержение самого себя, сказав, что оно есть вражда на тело и брань противу чрева (прп. Иоанн Лествичник, 57, 115).

***

...Тот, кто оставил все свои вещи и деньги, избавился и от самых страстей сих, если не освободит при сем и ока души своей от воспоминаний житейских и помышлений худых, никогда не увидит умного Света, Господа нашего Иисуса Христа и Бога... (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 12).

***

Оставим все земное — не богатство только, и золото, и другие вещи житейские, но и самое похотение к ним совершенно изгоним из душ наших. Возненавидим не только удовольствие тела, но и бессловесные движения его, и постараемся умертвить его трудами и подвигами: ибо через него возбуждаются похоти и приводятся в дело. И пока оно живо, по всей необходимости душа наша бывает мертвою — труднодвижною или и совсем неподвижною на всяку заповедь Божию... (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 13).

***

Кто совершенно отрекся самочиния, тот всего, что почитает добрым, духовным и богоугодным, уже достиг, прежде нежели вступил в подвиг, потому что послушание есть неверование себе самому во всем добром, даже до конца жизни своей (патр. Каллист и ин. Игнатий, 93, 317).

***

При самоотвержении, при преданности воле Божией, самая смерть не страшна; верный раб Христов предает свою душу и вечную участь в руки Христа... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 389).

***

У верующего во Христа обнажен против чувств сердечных меч Христов, и он насилует свое сердце, посекая мечом послушания Христу не только явные порочные стремления, но и те стремления, которые, по видимому кажутся добрыми, по самой же вещи противоречат Евангельским заповедям (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 503).

***

Что значит погубить душу свою ради Христа и Евангелия, что значит ненавидеть душу свою? Это — познать и признать падение и расстройство естества грехом; это — возненавидеть состояние, произведенное в нас падением, и умерщвлять его отвержением поведения по своим разумениям, по своей воле, по своим влечениям... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 358).

***

Кто хочет быть истинным христианином, т. е. уверовать во Христа, усвоить себе Христа и быть усвоену Христом — тот должен *отречься от себя* (ср.: Мф. 16, 24) (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 180).

***

...Начало самоотвержения — в уме: покорившись Христу, он постепенно приведет к этой блаженной покорности и сердце, и тело... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 494—495).

****

Видели мы одного старца, по имени Аммоний. У него были прекрасные келья, двор, колодезь и прочие необходи-

мые вещи. Когда приходил к нему брат, желавший спасаться, и просил его найти ему келью для жилья, авва Аммоний тотчас выходил, приказав ему не выходить из своей кельи, пока он не найдет для него удобного жилища, и, оставив ему свою келью со всем, что в ней было, сам уходил далеко и поселялся в какой-нибудь малой келье (101, 201).

***

Один из старцев Скита послал ученика своего в Египет привести верблюда, чтобы отвезти сделанные им корзины. Когда ученик вел верблюда, другой старец, встретившись с ним, сказал: «Если бы я знал, брат, что ты идешь в Египет, то я попросил бы тебя привести и для меня другого верблюда». Брат передал это своему старцу. Тот, движимый великою любовию, сказал ученику: «Пойди, сын мой, отведи верблюда к нему и скажи, что мы еще не готовы: исполни нужду твою. Ты же пойди с этим верблюдом в Египет и снова приведи к нам его, чтоб отвезти и наши сосуды». Брат поступил так, как было приказано ему. Он пошел к другому старцу и сказал: «Отец мой говорит: так как мы еще не готовы, то возьми верблюда и исполни твою нужду». Старец навьючил верблюда и пошел в Египет. Там, когда он снял с верблюда поклажу, брат взял верблюда, чтобы опять отвести его в Скит. Отправляясь в путь, он сказал старцу: «Помолись о мне». Старец спросил его: «А куда ты идешь?» «Иду в Скит, — отвечал брат, — чтобы привезти сюда и наши корзины». Старец, услышав это, пришел в умиление, пожалел о случившемся и сказал со слезами: «Простите меня, сладчайшие! Любовь ваша похитила плод у меня» (106, 468)

***

Один старец, когда сделал свои корзины и уже перевязал их веревками для отправки, услышал, что его сосед говорил: «Что же мне делать? Торговый день приблизился, а мне нечем связать корзины». Старец немедленно развязал собственные корзины, а веревки принес к соседу, говоря: «Вот! Эти излишние у меня. Возьми и перевяжи ими корзины твои». По великой любви он сделал так, чтобы дело брата было окончено; его же собственное дело осталось незаконченым (106, 468—469).

***

Как-то один милостивый старец, не имевший своей собственности, придя в одно селение, увидел на рынке мертвого нищего без всякой одежды. На самом же старце, по заповеди Евангельской, была одна срачица да еще на плечах небольшая епанча. Кроме этого одеяния, он ничего не имел. Под мышкой старец всегда носил Евангелие, для испытания себя в послушании Слову Божию и для того, чтобы исполнять его самим делом. Этот муж вел такую чудную и неукоризненную жизнь, что будто земной ангел свято шел небесным путем. Итак, когда увидел он мертвое тело, тотчас же снял с себя епанчу и прикрыл ею мертвеца.

Отойдя немного, он встретился с нищим, совершенно раздетым, остановился и начал размышлять: «Зачем я, отрекшись от мира, одеваюсь в одежду, тогда как мой брат мерзнет от стужи? Если я попущу ему умереть, то, конечно, буду причиной смерти ближнего. Что ж? Разорвать ли мне свою одежду и разделить на части, или всю ее отдать

тому, который сотворен по образу Божиему? Но какая польза будет от того, если я разорву ее по частям?» Рассудив таким образом, он сказал: «Неужели я потерплю какой вред, когда сделаю больше, чем повелено?» И этот добрый подвижник усердно и скоро позвал бедняка в сени одного дома, надел на него свою срачицу и отпустил его, а сам остался нагим, закрылся руками и присел. У него оставалось Слово Божие, которое делает людей богатыми.

В это время, по Промыслу Божиему, мимо проезжал один блюститель порядка со своим товарищем. Он узнал старца и сказал своему товарищу: «Посмотри, не авва ли Виссарион этот старец». Тот отвечал: «В самом деле, он». Тогда блюститель порядка сошел с коня и спросил святого: «Кто раздел тебя?» Авва протянул руку с Евангелием и сказал: «Вот оно меня раздело!» Блюститель порядка немедленно снял с себя одежду и сказал: «Вот тебе, совершенный воин!» Святой взял ее и тотчас тайно удалился из мира, неся с собой как бы малую монашескую одежду (107, 509—510).

САМОПОЗНАНИЕ

Нет ничего лучше — как знать свою немощь и неведение, и ничего хуже — как не знать этого (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 148).

***

...Не может человек видеть своего нрава и исправлять его, если не будет иметь свободы (от забот) и не позаботится о сем (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 205).

***

Познавшему себя даруется познание всего; и повинующемуся Богу повинуется все, когда смирение воцарится в членах его (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 56).

***

Познай самого себя и убегай того, что для тебя гибельно (прп. авва Исаия, 59, 59).

***

...Всего, кажется, труднее познать самого себя. Не только глаз, рассматривающий внешнее, не может быть употреблен к рассмотрению самого себя, но и самый ум наш, проницательно усматривающий чужую погрешность, медлителен в познании собственных своих недостатков (свт. Василий Великий, 5, 148).

***

Познай себя самого, из чего и каким сотворен ты... и через сие удобно достигнешь красоты Первообраза (свт. Григорий Богослов, 15, 360).

***

Есть тебе дело, душа моя, и, если угодно, дело немаловажное. Исследуй сама себя, что ты такое, куда тебе стремиться, откуда ты произошла и где должно остановиться; действительно ли то жизнь, какою теперь живешь, или есть и другая, кроме нее? (свт. Григорий Богослов, 16, 19).

***

Кто возмог познать достоинство души своей, тот может познать силу и тайны Божества... (прп. Макарий Египетский, 67, 207).

***

...Будь внимателен к себе; смотри, обрела ли душа твоя путеводствующий ее свет, истинную пищу и истинное питие, т. е. Господа? (прп. Макарий Египетский, 67, 249).

***

Кто не познал себя, тот исключается из стада овец, делается же принадлежащим к стаду козлов, которым отведено место по левую руку (свт. Григорий Нисский, 20, 57).

***

Незнающий самого себя как же познает то, что выше его? Приученный к незнанию себя самого не ясно ли научается сим самым не касаться ничего из сокровенного вне его? (свт. Григорий Нисский, 23, 311).

***

...Знание самого себя бывает средством очищения грехов, происходящих от неведения (свт. Григорий Нисский, 24, 500).

***

Подлинно, не знать самих себя — крайнее безумие, хуже умопомешательства. Последнее есть болезнь неволь-

ная, а первое есть следствие развращенной воли (свт. Иоанн Златоуст, 48, 126).

***

...Немалая мудрость, когда можем сознавать, чего мы стоим. Тот наиболее знает самого себя, кто считает себя за ничто (свт. Иоанн Златоуст, 50, 291).

***

Как познавший самого себя познает все, так не знающий себя не может узнать и ничего другого (свт. Иоанн Златоуст, 50, 291).

***

Как любящий внешнюю славу и много уважающий настоящие блага, сколько бы ни старался, не может познать себя самого, так, напротив, презирающий земное удобно познает самого себя. А познавший самого себя через то самое будет преуспевать и во всех других добродетелях. Итак, чтобы нам приобрести это благое знание, освободимся от всего временного, что столь сильно воспламеняет нас, и, познавши свою бедность, станем оказывать всевозможное смирение и любомудрие, чтобы получить нам и настоящие, и будущие блага... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 291).

***

Подлинно ничто столько не препятствует человеку познать себя, как прилепление к житейскому; и наоборот, ничто столько не побуждает его прилепляться к житейским делам, как неведение самого себя (свт. Иоанн Златоуст, 50, 291).

***

Подобно тому как кто-либо, нашедши драгоценное вещество, например жемчуг, или перл, или другое что-либо подобное, и пренебрегши им, как не сведущий в таких вещах, понес бы великую потерю, так и мы, если не будем знать своей природы, то совершенно пренебрежем ею; если же познаем ее, то окажем великое попечение и получим величайшую пользу, потому что из нее бывает царская одежда, из нее... все царское. Не будем же злоупотреблять ко вреду своему собственною природою. Малым чем умалил нас Бог от ангел, т. е. смертью; но и это мы получили на малое время. Итак, ничто не препятствует нам приблизиться к ангелам, если мы захотим (свт. Иоанн Златоуст, 51, 294).

***

...Познавший самого себя, т. е. кто не остается в неведении о грехопадениях, в какие впадал, но хранит мудрое правило: «познай самого себя», — тот и в преспеяниях, хотя и превознесся иногда, предавшись ненадолго высокомерию, не думает о себе высоко, но, изучая собственное свое естество и свою немощь и не мечтая о себе выше естества человеческого, приходит в сознание себя самого (прп. Исидор Пелусиот, 62, 207).

***

...Когда познаешь себя самого, тогда возможешь познать и Бога и, как должно, обозреть мыслию твари (прп. Нил Синайский, 73, 385).

***

Очень немного таких, которые точно знают все свои падения и которых ум никогда не отторгается от памятования о Боге. Как телесные наши очи, когда здравы, могут все хорошо видеть до малейших комаров и мушек, летающих в воздухе; а когда бывают запорошены, или влажным чем покрыты, тогда что велико и всегда им встречается, то видят, хоть слабо, а что мало, того совсем не ощущают чувством зрения: так и душа, когда вниманием к себе прогонит омрачение, случающееся с нею от миролюбия, тогда, и малые свои падения почитая очень великими, слезы к слезам прилагает с великим благодарением, сокрушаясь о том, как сказано: *праведныи исповедятся имени Твоему* (Пс. 139, 14); а когда одержима бывает миролюбивым расположением, тогда, если совершит убийство или другое что, достойное наказания, чувствует еще немного, других же падений никаких и заметить не может, даже нередко почитает их за добродетели и не стыдится с жаром защищать их, несчастная (блж. Диадох, 91, 20).

***

...Познать себя есть полнота ведения о всем, и в подчинении души твоей подчинится тебе все (прп. Исаак Сирин, 58, 366).

***

Познавший себя достиг разума страха Господня и, ходя в оном, достигает врат любви (прп. Иоанн Лествичник, 57, 168).

***

Рассматривай, как сильно действует в тебе всякая страсть и всякая добродетель, и узнаешь свое преуспеяние (прп. Иоанн Лествичник, 57, 214).

***

Кто познал немощь естества человеческого, тот получил опытное познание и Божией силы помогающей. И таковый при помощи ее иное уже совершив, а другое стараясь совершить, никогда не уничижает никого из людей. Ибо знает, что как ему помогла она и избавила его от многих страстей и бед, так сильна помочь и всем, когда восхощет, и наипаче подвизающимся Его ради; хотя по неким судьбам всех вдруг от страстей не освобождает, но, яко благий и человеколюбивый Врач, каждого притекающего к Нему исцеляет в свое время (прп. Максим Исповедник, 91, 185).

***

...Как только прозришь ты <силою Господа>, прежде и в начале всего познаешь самого себя и состояние свое, а потом и все другое, что тебе потребно знать. Следствием этого будет то, что ты от всей души начнешь почитать несравненно высшими себя и святыми не только благочестивых и добродетельных людей, но и всякого вообще человека, большого и малого, праведного и грешного, даже тех, которые грешат явно. И сие да будет тебе и всякому другому явным знамением, что ты получил отпущение всех грехов твоих, если придешь в эту меру и достигнешь этого доброго состояния. Ибо святое смирение на этой мере находится, и тому, кто достигает сей меры, оно первым даром дает то, чтобы он думал, что из всех людей никого

нет грешнее и ничтожнее его, и чтобы всем чувством души, с полным убеждением, одного себя почитал грешным и верил, что он один имеет <может> погибнуть и быть преданным на вечные муки (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 109).

***

Как око ничего не может видеть без света, так и душа не может увидеть свою немощь, если не будет таинственно просвещена Христом (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 163).

***

...Всякому человеку необходимо знать себя самого, что он — ничто. Того, кто не знает себя самого, что он ничто, не может спасти Сам Всемогущий Бог при всем том, что желает спасти его. И если бы кто принес Богу в дар весь мир (что, конечно, невозможно), а не думал о себе, что есть ничто, не может спастись никоим образом (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 270).

***

Кто добре познает и уразумеет, что он создан из ничего и что нагим вошел в мир сей, тот познает и Творца своего, и Его единого будет бояться и любить, и Ему единому служить от всей души своей, ничего из видимых вещей не предпочитая Ему. Убеждаясь из познания себя самого, что странник есть для всего земного или, лучше сказать, и для всего небесного, он всю ревность души своей отдает на служение Творцу своему и Богу. Ибо если он странник для земного, из которого взят (при сотворении), среди которого живет и проводит век свой, тем

паче странник для небесного, от которого так далек и по образу бытия своего здешнего, и по образу жизни своей. Кто же убедится таким образом из познания себя самого, что странник есть на земле, и будет содержать в мысли, что как нагим вошел в мир сей, так нагим и выйдет из него, тому что предлежит, кроме плача и рыдания, не о себе только одном, но и о всех сродных с ним и подобострастных ему людях? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 333).

***

Блаженны те, которые просвещаются Божественным Светом, и видят немощность свою, и постигают срамоту души своей, потому что они будут плакать во всю жизнь свою и омоются слезами своими (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 57—58).

***

...Познай, наконец, не то, что окрест тебя, а что такое ты сам... (прп. Никита Стифат, 93, 102).

***

...Отказавшемуся однажды от многомятежия жизни и пагубной суетности ее, полезно, со многим вниманием и безмолвием, тщательно исследовать внутреннее свое, пока познает, что находит в себе Бога, так как Царствие Божие внутрь нас есть. Ибо, и таким образом действуя, едва кто сможет в продолжение многих лет изгладить из души худые образы (воображения) и древнюю вполне восстановить красоту для Того, Кто даровал ее (прп. Никита Стифат, 93, 114).

***

Познай себя самого; и это есть воистину истинное смирение, научающее смиренномудрствовать и сокрушающее сердце, и сие самое делати и хранити понуждающее. Если же ты не познал еще себя, то не знаешь и того, что есть смирение, и делания и хранения его еще не коснулся: ибо познание есть конец делания заповедей (прп. Никита Стифат, 93, 121—122).

***

Когда кто познает себя — а это требует многого совне охранения, упразднения от дел мирских и строгого испытания совести, — тогда тотчас внезапно приходит в душу и божественное некое паче слова смирение, приносящее сердцу сокрушение и слезы теплого умиления: так что тогда испытывающий его в себе действие почитает себя землею и пеплом, червем, а не человеком, недостойным даже и животной сей жизни, за превосходство сего дара Божия, в коем пребыть сподобившийся исполняется неизреченным некиим опьянением умиления, входит в глубину смирения и, из себя исшедши, ни во что вменяет все внешнее — яства, пития, одеяния тела, — как изменившийся добрым *изменением десницы Вышняго* (ср.: Пс. 76, 11) (прп. Никита Стифат, 93, 122).

***

Познай свое ничтожество и постоянно содержи в мысли, что ты сам собою не можешь делать никакого добра, за которое оказался бы достойным Царствия Небесного...

Ищи помощи в сем у Бога в теплых и смиренных молитвах; ибо это Его есть дар. И если ты желаешь по-

лучить его, то тебе надлежит прежде водворить в себе убеждение, что ты не только не имеешь такого о себе сознания, но что и стяжать его совсем не можешь сам собой; затем дерзновенно предстоя перед величием Бога и твердо веруя, что по безмерному Своему благоутробию Он всеконечно дарует тебе такое себя познание, когда и как знает, не допускай уже отнюдь ни малейшего сомнения, что ты действительно получишь его.

Привыкай всегда опасаться за себя и бояться бесчисленных врагов своих, которым не можешь ты противостоять и малое время; бойся долгого их навыка вести с нами брань, их вселукавства и засад, их преображения в Ангелов света, их бесчисленных козней и сетей, которые тайно расставляют они на пути твоей добродетельной жизни.

Если впадешь в какое-либо прегрешение, как можно живее обращайся к узрению немощности своей и сознанию ее. На тот конец Бог и попустил тебе пасть, чтобы ты лучше познал слабость свою, и таким образом не только сам научился презирать себя самого, но возжелал быть презираемым и от других, по причине толикой слабости своей. Ведай, что без такого желания невозможно возродиться в тебе и укорениться благодетельному неверию себе, в котором основание и начало истинного смирения и которое само имеет основу в сказанном опытном познании своего бессилия и своей ненадежности (прп. Никодим Святогорец, 70, 19—21).

***

...Необходимо для желающего стать причастником Света Небесного познать самого себя (прп. Никодим Святогорец, 70, 21).

***

...Кто хочет познать немощность свою из самой действительной своей жизни, тот пусть, не говорю много дней, но хоть один день, понаблюдает свои помыслы, слова и дела — о чем думал, что говорил и делал. Несомненно, найдет он, что большая часть его помыслов, слов и дел были погрешительны, неправы, неразумны и худы. Такой опыт впечатлительно даст ему понять, сколько он нестроен в себе и немощен; а от такого понятия, если он искренно желает себе добра, доведет до восчувствования, сколь нелепо ожидать какого-либо добра от себя одного и надеяться на себя (прп. Никодим Святогорец, 70, 22).

***

...Смиренное самопознание должно предпочитать всем другим самым высоким познаниям... (прп. Никодим Святогорец, 70, 31).

***

Достигший самовоззрения посредством духовного подвига видит себя окованным страстями, видит действующих в себе и собою духов отверженных (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 294).

***

Кто засмотрится в сердце свое, тот забудет, что на земле находятся грешники, кроме его одного... Глядя в себя, рассматривая свои греховные пятна, он убеждается, что для спасения его единое средство — милость Божия, что он раб неключимый... Нуждаясь сам в милости, он

обильно изливает ее на ближних, имеет для них — одну милость (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 412).

***

Из ясного, по возможности твоей, понимания себя яснее и правильнее будешь смотреть на все, что подлежит твоим взорам вне тебя (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 92).

***

...Только те, которые свергли с себя узы мира и предали себя в истинное и исключительное служение Богу, могут открыть в себе плен свой, свое рабство, свою вечную смерть (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 368).

***

Зрение себя является в нищете духа, а не в самодовольстве и самонадеянности (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 456).

***

Познание себя... приводит к живому и обширному познанию Бога, приводит к верному и правильному управлению и распоряжению собою (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 433).

***

Искреннее сознание сих <порочных> черт под корень их подкапывает и дает возможность взять их на лопату (отвращение) и выбросить вон (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 38).

****

Один брат спросил авву Пимена, как может человек достигнуть того, чтобы не говорить худо о ближнем? Старец сказал ему: «Если человек, смотря на себя, находит в себе недостатки, то в брате своем видит совершенства. А когда сам себе он кажется совершенным, тогда, сравнивая с собой брата, находит его худым» (107, 356).

***

Три благочестивых мужа, стремящихся к спасению, приняли монашество. Один избрал себе в делание — примирять ссорящихся, другой — посещать больных, а третий ушел для безмолвия в пустыню.

Первый, заботясь о том, чтобы прекратить распри между людьми, не мог примирить всех ссорящихся. Побежденный унынием, он пришел к тому, который избрал своей добродетелью служение больным, но и того нашел малодушествующим, признавшим, что исполнение принятой им добродетели превышает его силы. Договорившись, они пошли повидаться с третьим братом, удалившимся в пустыню. Придя, они поведали ему о своем смущении и просили сказать, что доставило ему пустынножительство. Помолчав немного, он налил воды в лохань и сказал: «Поглядитесь в воду». Она была возмущена. По прошествии некоторого времени он опять сказал им: «Теперь поглядитесь в воду, она уже устоялась». Взглянув в воду, они увидели в ней свои лица, как в зеркале. Тогда он сказал им: «Подобное этому совершается с человеком, когда он находится среди людей. Он не может видеть своих грехов по причине непрестанно возмущающего его отвлечения. Когда он удалится в уединение, особенно в уединение

пустыни, тогда он усматривает свои согрешения» (106, 472—473).

САМОУБИЙСТВО

...Насильно разлучающий душу с телом и предающий себя или удавлению, или закланию, будет ли прощен? Таковых древние и после смерти признавали проклятыми и бесславными, даже руку самоубийцы, отрубив, погребали отдельно и вдали от прочего тела, почитая непристойным, как послужившей убийству, воздавать ей ту же с остальным телом честь. Если же рука и по смерти подвергаема была наказанию людьми, то получит ли какое помилование душа, подвигнувшая и руку? (прп. Исидор Пелусиот, 62, 324).

***

Смертные грехи суть следующие: ересь, раскол, отступничество от веры христианской, богохульство, волшебство и колдовство, человекоубийство и самоубийство, блуд, прелюбодеяние, противоестественные блудные грехи, пьянство, святотатство, грабеж, воровство и всякая жестокая бесчеловечная обида. Из смертных грехов только для одного самоубийства нет покаяния; прочие же смертные грехи, по великой, неизреченной милости Божией к падшему человечеству, врачуются покаянием (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 374).

***

...Отчаяние — злейший грех между всеми грехами. Созревшее отчаяние обыкновенно выражается самоубийством или действиями, тождественными самоубийству. Самоубийство — тягчайший грех! Совершивший его лишил себя

покаяния и всякой надежды спасения. Святая Церковь не совершает о нем никакого поминовения, не удостоивает отпевания и лишает погребения на христианском кладбище. За самоубийством следуют по тяжести своей грехи смертные, каковы: убийство, прелюбодеяние, ересь и другие подобные им. Эти грехи хотя и менее пагубны, нежели самоубийство и ведущее к самоубийству отчаяние, хотя совершившему их остается возможность покаяния и спасения, но называются смертными (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 467—468).

***

О самоубийцах Церковь не молится, ибо они умирают в смертном грехе неразрешенном — не очищенном покаянием... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 129).

****

Житель города Унжи, преданный пьянству, часто, будучи нетрезвым, жестоко бил жену свою. Не в силах более переносить его жестокости, она решила утопиться в колодце. Но так как она была благочестива и имела особую веру к угоднику Божиему Макарию, готовя всегда в день его памяти трапезу для нищих, то преподобный не дал ей погубить душу свою. Уже она подошла к колодцу, но внезапно увидела старца-инока и в ужасе отступила. Он сказал ей: «Отойди от колодца и не дерзай исполнить злой умысел свой, чтобы не постигли тебя горькие муки в вечной жизни. Я, Макарий Желтоводский, пришел избавить тебя от утопления и вечной смерти». Смущенная, бросилась она к ногам старца, но, когда поднялась с земли, уже не увидела его перед собою и с миром возвратилась в дом

свой. Опомнился и ее муж — оставил нетрезвую жизнь (115, 353).

***

Жизнь послушника Василия Милонова, в миру отставного гвардейского полковника, замечательна обращением его к вере в Бога. В молодости он был неверующим, служил в гвардии, в Петербурге и среди друзей выделялся разнузданным нравом. Все святое было ему нипочем. Он кощунствовал над святыней, смеялся над всяким выражением христианского благочестия, отрицал веру в Бога и вечную жизнь. Мать его, глубоко верующая и благочестивая старушка, просила его остепениться, но напрасно. Сын ее продолжал кутить и развратничать, а она молилась за него усердно Богу, и Господь внял ее мольбам.

Однажды, после попойки в кругу друзей, Милонов вернулся к себе на квартиру и прилег отдохнуть. Не успел он закрыть глаза, как слышит голос из-за печки: «Милонов, возьми пистолет и застрелись». Это его очень изумило. Он думал, что кто-то над ним шутит, но, осмотрев комнату, никого не нашел и решил, что это игра воображения. Однако голос опять ясно послышался в прежнем месте и на этот раз весьма настоятельно требовал взять пистолет и застрелиться. Встревоженный, он крикнул денщика и рассказал ему, что дважды слышал неведомый ему голос из-за печки, призывающий взять пистолет и застрелиться. Денщик, верующий человек, сказал, что это явное бесовское наваждение, посоветовал барину перекреститься и помолиться Богу. Милонов, давно не крестившийся и не молившийся, отругал денщика и, посмеявшись над его суеверием, не захотел его больше слушать. Но денщик умолял его послушаться совета и, когда послышится опять голос,

осенить себя крестным знамением: «Тогда увидите, что и Бог, и бес существуют. Голос тот сразу же умолкнет, так как это бесовское искушение. Диавол хочет привлечь вас к самоубийству, чтобы навеки погубить душу». Отпустив денщика и немного успокоившись, Милонов опять услышал прежний голос из-за печки и решил перекреститься. Голос мгновенно умолк. Это произвело на него глубочайшее впечатление. Он задумался и стал вспоминать свою жизнь. Невольный ужас напал на него, и он решил навсегда оставить прежнюю жизнь и остальные дни посвятить покаянию. После этого случая он подал в отставку и, надев простой овчинный тулуп, пешком пошел в Киево-Печерскую Лавру.

Лаврское начальство затруднялось его принять без ведома митрополита. Митрополит очень удивился, когда увидел перед собой полковника в нищенской одежде. Но когда Милонов рассказал ему всю свою жизнь, он не советовал ему оставаться в Лавре, как обители городской и шумной, а благословил отправиться в пустынную обитель Глинскую к старцу, игумену Филарету, и под опытным его руководством подвизаться во спасение своей души. Милонов так и сделал. Пришел в Глинскую пустынь, открылся игумену Филарету и был принят в число братии (96, 174—175).

***

Один прихожанин рассказал московскому протоиерею И. Виноградову следующее: «Когда я был еще молодым, то ездил от хозяина по фабрикам обозом и продавал пряжу на большие суммы денег. Однажды, проверяя себя после продажи сырья, я не мог найти ни в пряже, ни в деньгах десяти тысяч рублей. Проверял себя несколько раз, а все

не досчитывался. Смущению моему не было предела. Меня убивала мысль, как я скажу хозяину о недостаче, разве он мне поверит? Сочтет меня вором, и если не отдаст под суд, то по меньшей мере выгонит меня как вора. Я буду навсегда заклеймен этим позорным именем, а жену и родившегося у меня сына будут называть «жена вора и сын вора». Все это рисовалось в моем воображении, и я, в отчаянии, замыслил погубить себя. На пути к фабрике, куда ехал с пряжей, мне предстояло переезжать большую реку по мосту. За рекой виднелся мужской Никольский монастырь. Я решил сесть на последнюю подводу и, когда стану переезжать реку, спрыгнуть с воза, броситься под мост и утопиться никем не замеченным.

Обоз мой уже приближался к реке. Волнению моему не было предела от невыносимой смертельной тоски и ужаса предстоящей смерти. В момент таких душевных страданий со мной совершилось что-то непонятное. Я впал в бессознательное состояние и ясно увидел перед собой в полном святительском облачении святителя Николая. Он, как попечительный отец, с чувством христианской любви сказал мне: «Раб Бога Всевышнего, Василий! Призови в помощь имя Христа Бога. Осени себя крестным знамением и не губи себя отчаянием, да не будешь вечным рабом диавола на погибель свою. Пряжу на десять тысяч рублей на такой-то фабрике ты отпустил в долг и, по действию диавольскому, забыл записать».

И когда я пришел в себя после благодатных слов святителя Николая Чудотворца, воз, на котором я лежал, уже стоял напротив Святых врат монастыря, и над ними я увидел изображенного в полный рост святителя Николая, точно такого же, как только что предстал мне в забытьи. В душе теплилась неописуемая благодарность к святителю

Христову Николаю за его беспредельную милость ко мне, грешному. Его благодеяния я не забуду до самого предсмертного вздоха» (114, 130—132).

***

Своего младшего сына, Ивана, Анна Семеновна устроила в магазин приказчиком. Сняв с божницы маленькую икону святителя Николая и благословляя его иконой, она с рыданием воскликнула: «Тебе, Святитель Божий, отче Николае, поручаю сына своего! Сохрани и соблюди его на всех путях его жизни от поспешения диавольского и настави на добрый путь спасения».

Вскоре Иван Иванович начал свою работу в магазине. Первое время он выполнял ее успешно, но, к сожалению, у него вскоре появилась отцовская слабость к вину. Он запил, потерял место в магазине и в отчаянии решил утопиться. «Мысль о самоубийстве, — рассказывал он впоследствии, — терзала мою душу, понуждая меня безотлагательно совершить задуманное. Накануне того дня, когда я решил утопиться, вижу ночью во сне перед собой святителя Божиего Николая в полном облачении. Сияя небесным светом, он, обращаясь ко мне, строго сказал: «Несчастный, что ты задумал по безумию своему губить себя и быть вечным рабом диавола! Призови в помощь Бога, покайся, не забывай молитвы и любви к тебе матери твоей. Иди в Благовещенский собор. Там при входе в храм, на правой колонне увидишь икону Николая Мирликийского. Поставь ему на последние имеющиеся у тебя две копейки свечку, а дальнейшую твою жизнь предай воле Божией». В это мгновение я просыпаюсь и немедля иду в Благовещенский собор. Войдя в него, я действительно увидел на правой колонне икону святителя Николая и, когда при-

стально взглянул на нее, поражен был сходством иконного изображения и видом явившегося ко мне ночью. Я поставил перед иконой на имеющиеся у меня две копейки свечу и всю утреню и обедню проплакал теплыми, благодарными слезами к святителю Николаю, спасшему мою жизнь. Кончилась Литургия. Выхожу из собора и не знаю, куда мне идти. На паперти чувствую, что кто-то идущий сзади тихо ударяет меня по плечу. Оглянулся и вижу перед собой одного знакомого человека. Я когда-то имел счастье сделать ему доброе дело. Он с видимой радостью говорит мне: «Иван Иванович! Ты мне очень нужен. У меня для тебя есть хорошее место. Пойдем сейчас ко мне, а потом я сведу тебя к будущему твоему хозяину». Я говорю ему: «Послушай, как ты можешь меня представить хозяину в таком ужасном костюме? Он отвернется от меня!» «Относительно этого не беспокойся, — успокоительно отвечал друг, — все, начиная с белья, я дам тебе свое». У него на квартире я переоделся, и мы с ним пошли смотреть мое новое место работы. Я был принят на службу с жалованьем и квартирой. Так, благодаря предстательству и помощи святителя Николая и за молитвы моей дорогой матери, я избежал вечных мук (114, 209—211).

***

Поразительно обращение к Богу Иннокентия Михайловича Сибирякова, бывшего строителя Андреевского скита на Афоне. Сын весьма богатых родителей и рано осиротевший, он, в окружении дурных друзей, встал на путь разврата и пьянства. В чаду распутных увлечений на него напала неизъяснимая смертельная тоска, которая стала настолько невыносимой, что он решил застрелиться. За день до того Сибиряков задумал сделать предсмертное рас-

поряжение об имуществе. В связи с этим ему необходимо было побывать в Государственном банке. Когда ему подали экипаж, он, выходя на парадное крыльцо, заметил вблизи подъезда молодую женщину, бедную, исхудавшую от голода, в рубище. Держа ребенка на руках, она грустно просила оказать ей помощь. Бедность и страдальческое лицо женщины тронули Сибирякова до глубины души. Его сердце наполнилось чувством глубокого сострадания к ней. Отдав ей все наличные деньги, он, садясь в экипаж, подумал: «Разве велика моя помощь бедной?.. Ей хватит этих денег не больше, чем на два месяца. Обеспечу я ее и ребенка на всю их жизнь. Пусть поминают мою душу». И, отъезжая от крыльца, он издали крикнул ей: «Часа через два или три приди сюда. Я еще тебе помогу» — и уехал. Когда он произносил эти слова, его сердце неожиданно наполнилось ощущением столь сильной неземной радости, какой он никогда прежде не испытывал. Такова благодатная сила милосердия! Проезжая мимо Казанского собора, он вспомнил, как часто привозила его сюда мать к иконе Божией Матери и как пламенно она молилась перед ликом Царицы Небесной. У него появилось непреодолимое желание помолиться в соборе. Оставив экипаж, он вошел в храм, подошел к Казанской чудотворной иконе Божией Матери и пристально взглянул на нее. Лик Царицы Небесной показался ему живым и таким милостивым, будто милость эта была не земная, а небесная. Склонив колена перед Богоматерью, он в одно мгновение почувствовал всю свою вину перед Богом за свою бесплодно прожитую, порочную жизнь. Не смея просить себе прощения, он, плача, только находил в себе силы повторять: «Матерь Божия, спаси меня!» Долго плакал он, и слезы облегчили его сердце. Наконец он поднялся от иконы и, выходя из Ка-

занского собора, почувствовал себя совершенно обновленным душой. В банк для окончания своих дел он не поехал. Отчаянные мысли в нем вовсе исчезли. Напротив, жизнь для него стала теперь настолько дорога, что он почувствовал в ней неоценимое сокровище. Приближаясь к подъезду своего дома, он еще издалека увидел ту бедную женщину с ребенком, которой обещал помощь, и рад был видеть ее, как Самого Христа. Она явилась причиной его душевного воскресения. Обеспечив ее и ребенка на всю жизнь, он отпустил их с миром, прося молитвенно помнить его до конца. Опасаясь влияния прежних друзей, Сибиряков быстро ликвидировал все свои дела и вскоре выехал на Афонскую гору. Здесь остался предварительно на испытательный срок в качестве богомольца, а потом вступил в число братства Андреевского монастыря. Жизнь свою Иннокентий Михайлович Сибиряков ознаменовал бесчисленными благодеяниями и закончил ее, соорудив на свои средства величественный собор в Андреевском скиту на Афоне, где и скончался в 1901 году в сане иеросхимонаха (114, 93—94).

САМОУКОРЕНИЕ

Ничто не производит так скоро болезнования души, как мысль о смерти, и — невидимого преуспеяния, как самоукорение и отсечение своих хотений... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 150).

***

...Самоукорение есть невидимое преуспеяние, потому что человек хорошо совершает путь свой и не замечает этого... (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 67).

***

...Кто сам себя укоряет, того оправдывает и прославляет Бог (прп. Антоний Великий, 89, 136).

***

Не будем ждать обличителя, но ранее займем его место и, таким образом, своею откровенностью сделаем Судию более милостивым (свт. Иоанн Златоуст, 44, 32).

***

...Самоукорение... умеет избавлять душу от самоугодия, тщеславия и гордости (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 197).

***

Главная причина всякого смущения, если мы основательно исследуем, есть та, что мы не укоряем самих себя. Оттого проистекает всякое расстройство, оттого мы никогда не находим покоя. И нечего удивляться, когда слышим от всех святых, что нет другого пути, кроме этого. Мы видим, что никто, минуя этот путь, не обрел покоя; а мы надеемся получить спокойствие или полагаем, что идем правым путем, никогда не желая укорять самих себя. Поистине если человек совершит и тьмы добродетелей, но не будет держаться этого пути, то он никогда не перестанет оскорбляться и оскорблять других, теряя через то все труды свои. Напротив, какую радость, какое спокойствие имеет тот, кто укоряет самого себя! Куда бы ни пошел укоряющий себя, как сказал авва Пимен, какой бы ни приключился ему вред, или бесчестие, или иная какая-либо скорбь, он уже предварительно считает себя достойным всякой

скорби и никогда не смущается. Есть ли что беспечальнее такого состояния? (прп. авва Дорофей, 29, 90—91).

***

Если мы во всем, что с нами ни случается, считаем виновными самих себя, а не других, то это приносит нам много добра и доставляет великое спокойствие и преуспеяние. И тем более (должны мы это делать), что ничего не бывает с нами без промысла Божия (прп. авва Дорофей, 29, 92).

***

Сколько полезно укорять себя и обвинять в греховности перед Богом, в тайне душевной клети, столько вредно делать это перед людьми (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 314).

***

Самоукорение есть иноческое делание, есть умное делание, противопоставленное и противодействующее болезненному свойству падшего естества, по которому все люди, и самые явные грешники, стараются выказывать себя праведниками... Самоукорение есть насилие падшему естеству... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 320).

***

Упражнение в самоукорении вводит в навык укорять себя. Когда стяжавшего этот навык постигнет какая-либо скорбь — тотчас в нем является действие навыка, и скорбь принимается как заслуженная (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 323).

***

Не трудись над разбором, кто прав и кто виноват, ты ли, или ближний твой, постарайся обвинить себя и сохранить мир с ближним при посредстве смирения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 510).

****

Авва Пимен рассказывал об авве Исидоре: «Помыслы говорили ему: «Ты великий человек!» Но авва Исидор отвечал им: «Неужели я подобен авве Антонию? Или я сравнялся с аввою Памво, или с другими отцами, благоугодившими Богу?» Говоря так, он успокаивался. Когда же враги старались привести авву Исидора в малодушие, внушая, что после всех своих подвигов он будет ввержен в муку, авва Исидор говорил им: «Если я и ввержен буду в муку, то и там вас найду под ногами моими» (97, 90).

***

Находясь совершенно один в келье, почти столетний старец Марк, у которого уже и зубов не было, все еще боролся с самим собой и с диаволом, и говорил: «Чего ты еще хочешь, старик? И вино ты пил, и масло употреблял, чего же еще от себя хочешь? Седой обжора, чревоугодник — сам ты себя позоришь!» Потом, обращаясь к диаволу, говорил: «Отойди же, наконец, от меня, диавол, ты состарился со мной в нерадении. Под предлогом телесной немощи заставил ты меня употреблять вино и масло и сделал сластолюбцем. Ужели и теперь еще я тебе что-нибудь должен? Нечего более тебе у меня похитить, отойди же от меня, человеконенавистник». Потом, как бы шутя, отвечал самому себе: «Ну ты же, болтун, седой обжора, жадный старик, долго ли быть мне с тобой?» (101, 73).

***

Об этом происшествии рассказал Иоанну Мосху один старец: «Как-то я прожил немного времени в лавре аввы Герасима. Там был у меня возлюбленный мною брат. Однажды мы сидели вместе и разговаривали о пользе душевной. Мне пришлось вспомнить слова аввы Пимена: «Каждому надлежит укорять себя во всем». «Я, отец мой, — сказал брат, — на опыте узнал силу и душевную пользу этих слов. У меня был искренний друг — диакон лавры. Не знаю, с чего он возымел подозрение в одном поступке с моей стороны, причинившем ему скорбь, но только стал мрачно смотреть на меня. Видя угрюмый его взор, я просил объяснить мне причину. «Вот что ты сделал!» — сказал он мне. Вовсе не зная за собой такого поступка, я принялся уверять его, что не делал ничего подобного. «Прости меня, но я не удовлетворен твоими оправданиями», — сказал брат. Удалившись к себе в келью, я начал испытывать свое сердце, не сделано ли в самом деле мною чего-либо подобного, — и не нашел ничего. Однажды, видя, как он держал святую чашу для причащения, я с клятвою стал уверять его, что не виновен в том, что он приписывает мне. Но он и тут не убедился моими словами. Обращаясь снова к себе самому, я стал припоминать изречения святых отцов и, доверившись им, обратился к своим мыслям. «Диакон искренно любит меня, — говорил я себе, — и, побуждаемый любовью, прямодушно говорит мне о том, что у него на сердце, чтобы я трезвился, бодрствовал над собою и не совершил бы чего-либо подобного. Положим, бедная душа моя, ты и не совершила этого. Но не совершено ли тобою множество других злых дел и все ли они тебе известны? Где то, что творила ты вчера, или третьего дня, или десять дней тому назад?

Помнишь ли ты об этом? Так не совершила ли ты и того, что тебе приписывают, а потом позабыла, как и другое?» И, размышляя таким образом, я так расположил свое сердце, как бы и в самом деле я сделал это, но позабыл, как и другие свои дела. И стал я благодарить Бога и диакона, что через него Бог дал мне познать грех мой и я мог раскаяться в нем. После таких размышлений я пошел к диакону просить у него прощения и благодарить за то, что он помог мне познать грех. Но лишь только я постучался к нему в дверь, он, отворив, бросается мне в ноги со словами: «Прости меня, диавол, издеваясь надо мной, внушил мне подозрение на тебя! Воистину Сам Бог вразумил меня, что ты не виновен». И начал говорить, что не дозволит мне принести ему извинение. «В этом нет никакой надобности». Получив отсюда великое назидание, я прославил Господа» (102, 267—268).

***

Областной правитель, слышав об авве Моисее, пришел однажды в Скит, чтобы увидеть его. Сказали об этом старцу; он встал и побежал к болоту. Встретившиеся с ним спрашивают его: «Скажи нам, старец, где келья аввы Моисея?» Авва отвечал им: «Чего вы хотите от него? Он глупый человек». Правитель, когда пришел в церковь, сказал клирикам: «Я слышал о делах аввы Моисея и пришел видеть его. И вот, встретился с нами старец на дороге в Египет. Мы спросили у него: «Где келья аввы Моисея?» А он отвечал нам: «Чего вы хотите от него? Он глупый человек». Выслушав это, клирики опечалились. Они спросили: «Каков по виду этот старец, который так поносил святого?» Им отвечали: «Старец был в ветхой одежде, высокий и черный». Тогда клирики сказали: «Это сам авва Моисей.

Он сказал так, не желая встретиться с вами». Правитель вернулся домой, получив большую пользу (97, 158).

***

Авва Иаков рассказывал: «Приходил я однажды к авве Матою и, уходя от него, сказал ему, что хочу отправиться в Келлии. Авва Матой сказал: «Поклонись от меня авве Иоанну». Я пришел к авве Иоанну и говорю ему: «Авва Матой тебе кланяется». Старец говорит мне: «Да, авва Матой воистину *израильтянин, в немже льсти несть* (Ин. 1, 47)». Через год опять пошел я к авве Матою и передал ему поклон от аввы Иоанна. Старец сказал мне: «Я недостоин приветствия от такого старца». Если услышишь, что какой-нибудь старец почитает ближнего выше себя, то знай, что он достиг уже великого совершенства. Ибо в том-то и состоит совершенство, чтобы предпочитать себе ближнего» (97, 163).

***

Как-то архимандрит Иаков спросил у настоятеля Пешношского монастыря отца Мефодия: «А много ли у вас овечек?» Тот ему отвечал: столько-то. Тогда архимандрит снова стал спрашивать: «Ну, а козлища-то есть?» «Есть, есть один козел. Вот, вот он», — отвечал старец, стуча пальцем себя в грудь. После такого ответа вопросов уже не было... (121, 81).

САМОУНИЧИЖЕНИЕ

Почитай другого не просто лучшим себя, но и высшим, что означает великое превосходство, — и для тебя не будет ни странно, ни больно видеть (другого) почитаемым;

даже если он и обидит тебя, ты перенесешь великодушно, потому что ты признал его лучшим себя; бранить ли тебя он станет — снесешь; зло ли какое причинит — стерпишь молча. Когда ты однажды в душе своей совершенно убедился, что он лучше тебя, то не будешь гневаться, какое бы зло ни сделал он тебе, не будешь и завидовать ему. Тем, которые гораздо выше, никто не завидует, потому что каждый думает, что высшим все принадлежит (свт. Иоанн Златоуст, 54, 260).

***

Почитай себя грешнейшим паче всякого человека (старец Симеон Благоговейный, 93, 66).

***

Всем чувством почитай себя муравьем и червем, чтобы сделаться человеком Богосозидаемым: ибо если не будет того прежде, не последует и это (прп. Феогност, 91, 377).

***

Есть семь разных деланий и расположений, вводящих и руководящих к... богоданному смирению, кои взаимно входят в состав друг друга и друг от друга происходят: молчание, смиренное о себе думание, смиренное говорение, смиренное одеяние, самоуничижение, сокрушение и последность (иметь себя во всем последним) (прп. Григорий Синаит, 93, 206).

***

Со смирением души всегда сопребывает самоуничижение; а оно вначале в сильнейшее напряжение приводится

страхом мук вечных, перед очи представляя страшнейшее оное в одном мучилище сопребывание со врагами, и к сему прибавляя еще страх и от помышления о том, что муки те неизреченны, — что нет слов для выражения их; а нескончаемость их какого еще наддает ужаса! (прп. Григорий Синаит, 93, 274).

***

...Самоуничижение и одно само по себе, как некое мысленное точило для умной части души, тяжело гнетет и сокрушает, и спасительное выжимает вино, веселящее сердце человека, внутреннего нашего человека (свт. Григорий Палама, 93, 275).

***

Чем грешнее себя чувствовать будете, тем путь ваш правее (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 180).

***

Много есть добрых чувств, но чувство негожества есть основное; так что коль скоро нет его, все не впрок (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 180).

****

Брат говорил авве Сисою: «Я замечаю за собою, что памятование о Боге всегда со мною». Старец отвечал ему на это: «Не важное дело, что ты размышляешь о Боге, но то важно — видеть себя ниже всякой твари. Ибо такое уничижение и труд телесный приводят к смиренномудрию» (97, 250).

***

Авва Пимен спросил пришедшего к нему авву Нестероя: «Откуда ты стяжал добродетель сию, что, когда бывает скорбь в киновии, ты не говоришь и не сетуешь?» И брат, после долгих уговоров старца, отвечал: «Прости меня, авва! Когда я взошел в киновию, вначале сказал помыслу моему: ты и осел — одно и то же. Когда осла бьют, он не говорит, когда ругают его, он ничего не отвечает. Так и ты, как Псалмопевец говорит: *скотен бых у Тебе, и аз выну с Тобою* (Пс. 72, 22—23), т. е. как скот был я перед Тобою, но я всегда с Тобою» (98, 336).

***

Некая женщина была больна раком и, узнав об авве Лонгине, захотела встретиться с ним. Он жил в девяти милях к западу от Александрии. Когда же искала его женщина, случилось сему блаженному собирать дрова. Увидев его, женщина спросила: «Авва, где живет раб Божий авва Лонгин?» Он же сказал: «Чего ты хочешь от него? Не ходи к нему, ибо он обманщик. Что тебе нужно?» Женщина же показала больное место. Старец, перекрестив его крестным знамением, отпустил ее, сказав: «Ступай, Господь исцеляет тебя, авва Лонгин же не может помочь тебе». Женщина ушла, поверив слову, и вскоре была исцелена.

Когда же она рассказала о своем исцелении и указала приметы старца, то все поняли, что это и был сам авва Лонгин (97, 136).

***

Пришел один начальник в монастырь посмотреть на авву Симона. Братия предупредили старца, сказав ему:

«Авва, приготовься! Один начальник, услышав о тебе, идет принять от тебя благословение». «Хорошо, я приготовлюсь», — сказал авва Симон. Надев на себя кентон (платье, сшитое из многих разноцветных лоскутков) и взяв в руки хлеб с сыром, авва сел у двери и стал есть. Начальник пришел со своей свитой. Увидев старца, они посмотрели на него с презрением и сказали: «Это и есть тот отшельник, о котором мы слышали?» — и тотчас удалились (97, 262).

СВОБОДА

Среди двух путей стоит человек, т. е. праведности и греха, и на какой хочет — вступает и идет по нему. Стезя же, которою он пошел, и ведущие его по ней, или Ангелы и люди о Боге, или демоны и злые люди доводят его до самого конца пути того и против желания. Добрые — к Богу и в Царство Небесное, а грешные — к диаволу и в вечное мучение. Но никто не причиною погибели, как только своя воля... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 11).

***

...Нам, еще по страху мучений и искушений любящим доброе, отнюдь неполезна свобода, но охранение себя и удаление от вещей; чтобы, хотя удалением от вредного, для нашей немощи, могли мы бороться с помыслами. Ибо начальствующих духов побеждают бесстрастные начальники, уже победившие постыднейшие страсти, а находящиеся в повиновении у отца духовного (подвизаются против) подчиненных духов (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 180).

***

Свободными почитай не тех, которые свободны по состоянию, но тех, которые свободны по жизни и нравам. Не должно, например, называть истинно свободными знатных и богатых, когда они злы и невоздержны, потому что такие суть рабы чувственных страстей. Свободу и блаженство души составляют настоящая чистота и презрение привременного (прп. Антоний Великий, 89, 67).

***

Свободен тот, кто не рабствует сластям (чувственным удовольствиям), но господствует над телом посредством рассуждения и целомудрия и с полною благодарностью довольствуется тем, что подает ему Бог, хотя бы то было очень умеренно (прп. Антоний Великий, 89, 73—74).

***

Бог, будучи благ и независтен (щедродателен), дал человеку свободу в отношении к добру и злу, одарив его разумом, чтобы, созерцая мир и что в мире, познавал он Сотворившего всяческая для человека. Но человек неправедный может желать и не разуметь этого, может, к своему несчастью, не веровать и мыслить противно истине. Такую имеет человек свободу в отношении к добру и злу! (прп. Антоний Великий, 89, 86).

***

Не почитай себя свободным, доколе прогневляешь Владыку своего. Там свободы нет, где сердце вожделевает чего-либо принадлежащего миру... (прп. авва Исаия, 59, 79).

***

Бог хочет, чтобы все были причастными жизни Его. Бедствия же не волею Его производятся, но навлекаются достоинством согрешивших. Посему Бог каждому дарует жизнь по собственному хотению; но каждый сам себе собирает гнев *в день гнева и откровения* и *праведнаго суда Божия* (ср.: Рим. 2, 5) (свт. Василий Великий, 5, 220).

***

Какому пленнику делается такая милость, какая сделана мне, т. е. или добровольно оставаться в неволе, или, если угодно, стать свободным. Бог предоставил тебе на выбор то и другое — или по воле своей налагать на себя раны, или по своей же свободе уврачеваться от ран (прп. Ефрем Сирин, 33, 135).

***

Свобода наша по собственной своей воле делается и победительницею, и побежденною (прп. Ефрем Сирин, 33, 239).

***

Сладкое по природе — сладко здоровому, а больному горько. Так и свобода воли горька грешникам и сладостна праведникам (прп. Ефрем Сирин, 34, 34).

***

Бог дал свободу человеку, которого создал по образу Своему, чтобы он властвовал над желанием, что Бог имеет по (самой) Своей природе... (прп. Ефрем Сирин, 37, 87—88).

***

Человек имеет такую природу, что и тот, кто во глубине порока и работает греху, может обратиться к добру, а тот, кто связан Духом Святым и упоен небесным, имеет власть обратиться ко злу (прп. Макарий Египетский, 67, 128).

***

Свобода, возможная для человека, простирается на то, чтобы противиться диаволу, а не на то, чтобы при этой возможности непременно иметь и власть над страстями (прп. Макарий Египетский, 67, 185).

***

...Человек имеет волю согласоваться с Духом, и имеет волю оскорблять Его (прп. Макарий Египетский, 67, 215).

***

Если бы Сам Господь, если бы и сатана, брали во власть свою насильно, то человек не был бы для себя виновником того, что впадает он в геенну, или получает Царство (прп. Макарий Египетский, 67, 390).

***

Господь и у совершенных взыскует душевного изволения на служение Духу, чтобы взаимное было согласие (прп. Макарий Египетский, 67, 414).

***

Сопротивная сила и ум равномощны между собою и равную имеют силу, как сатана преклонять и лестию во-

влекать душу в волю свою, так опять и душа прекословить и ни в чем не повиноваться ему; потому что обе силы могут только побуждать, а не принуждать ко злу и добру (прп. Макарий Египетский, 89, 188).

***

...Мы, люди, у себя дома, в своем естестве и произволе, имеем причины и света и тьмы, делаясь тем, чем сами пожелаем (свт. Григорий Нисский, 18, 284).

***

Свобода... усматривается в середине... между связанностью мелочами и самовольством (свт. Григорий Нисский, 20, 245).

***

Говорят, Бог, если бы хотел, мог и упорно противящихся принужденно привлечь к принятию проповеди. Но где будет их свобода? Где похвала преуспевающим? Одних неодушевленных и бессловесных можно чужою волею приводить к чему угодно; словесное же и разумное естество, если перестало действовать свободно, утратило вместе и дар разумности. Ибо на что будет употреблять разум, если власть избирать, что заблагорассудится, лежит на другом? Если же произволение остается недейственным, то по необходимости уничтожается добродетель, встретившая себе препятствие в неподвижности произволения. Если же нет добродетели, то жизнь теряет цену, ум уступает место судьбе, отъемлется похвала у преуспевающих, грех непобедим, различие в жизни не определено. Ибо кто еще будет вправе осуждать невоздержного или хвалить целомудренного,

когда у всякого готов этот ответ: из всего, что бывает с нами, ничто не в нашей воле, но человеческие произволения могущественнейшим владычеством приводятся к тому, что угодно обладающему. Итак, не благости Божией вина, что не во всех бывает вера, но расположения принимающих проповедь (свт. Григорий Нисский, 21, 79).

***

Никто не свободен, кроме того, кто живет для Христа: он стоит выше всех бедствий, и если он не захочет сам сделать себе зла, то другой никогда не будет в состоянии сделать ему это (свт. Иоанн Златоуст, 44, 42).

***

Ты скажешь: я человек, почтенный свободою. Ты почтен не для того, чтобы употреблять свободу на прекословие, а для того, чтобы употреблять эту честь на послушание Почтившему. Бог почтил тебя не для того, чтобы ты оскорблял Его, но чтобы прославлял (свт. Иоанн Златоуст, 44, 509).

***

Не безнаказанность делает тело свободным, но жизнь постоянно добродетельная (свт. Иоанн Златоуст, 45, 92).

***

Такова уж человеческая природа: когда она, делая грехи, не бывает обуздываема, но пользуется свободою, то идет все далее и низвергается в пропасть (свт. Иоанн Златоуст, 47, 256).

***

Подлинно, тот только свободен, тот только владыка и могущественнее царей, кто не порабощен страстям (свт. Иоанн Златоуст, 50, 603).

***

Совершенная свобода состоит в том, чтобы вовсе ни в чем не нуждаться, а следующая за нею — нуждаться в немногом, и эту-то свободу имеют преимущественно ангелы и их подражатели. А достигнуть этого, пребывая в смертном теле, — подумай, сколько в этом славы! (свт. Иоанн Златоуст, 51, 541).

***

Бог предложил людям вместо учения мир, дал им разум и рассудок, способный понимать то, что должно. Но они ничем из этого не воспользовались для своего спасения, и даже извратили то, что получили. Итак, что же надлежало делать? Неужели привлекать их силою и поневоле? Но это не значит делать их добродетельными. Оставалось предоставить их самим себе, что Бог и сделал, чтобы люди, посредством личного опыта узнав все то, к чему они так сильно стремились, сами наконец бежали от позора. Ведь если какой-либо царский сын к бесчестию отца пожелает быть с ворами, убийцами и грабителями гробниц и общество таких людей предпочтет отцовскому дому, то отец, конечно, оставит его, чтобы собственным опытом он мог убедиться в безмерном своем неразумии (свт. Иоанн Златоуст, 52, 514).

***

Христос... освободил нас от ига рабства и предоставил нам свободу делать, что хотим, не для того, чтобы мы

употребляли эту свободу на зло, но чтобы пользовались ею как средством к получению большей награды, восходя к совершеннейшей мудрости (свт. Иоанн Златоуст, 53, 801).

***

...Свободен только тот, кто стяжал свободу внутреннюю, равно и раб только тот, кто покорствует бессмысленным страстям (свт. Иоанн Златоуст, 54, 754).

***

Все от Бога, но не так, чтобы нарушалась наша свобода (свт. Иоанн Златоуст, 55, 114).

***

Господь не предупреждает нашего желания, чтобы не нарушилась наша свобода; когда же мы изберем, тогда Он подает нам великую помощь (свт. Иоанн Златоуст, 55, 115).

***

...Что несвойственно душе, то не делает ее свободною. Когда она довольствуется немногим, тогда она истинно свободна; а когда нуждается во многом, тогда она — раба и хуже невольников (свт. Иоанн Златоуст, 55, 234).

***

Чистая и подлинная свобода — вовсе ни в чем не иметь нужды; и это, будучи выше естества человеческого, божественно. Вторая по ней свобода — иметь нужду в немногом, и это возможно и доступно людям. Поэтому постараемся достигнуть второй свободы, так как первая

для нас пока еще недоступна (прп. Исидор Пелусиот, 60, 294).

***

...Поскольку тот один всех свободнее и выше по начальству, даже самих царей царственнее, кто свободен от страстей; то возлюбим добродетель и избавимся от лукавого этого рабства, почитая достойным ублажения и домогательства не право начальства, не богатство, не что-либо сему подобное, но одно то, чтобы стать свободным от страстей (прп. Исидор Пелусиот, 61, 182).

***

Черты души свободной: нековарность, кротость, человеколюбие, мужество, правдивость, целомудрие, снисходительность, ласковость, щедрость и то, чтобы брать верх и решать дела по суду, а не по милости, а также и прочее с этим сродное. Признак же души несвободной — отдаваться в плен страстям противоположным и изгонять из себя всякую добрую мысль (прп. Исидор Пелусиот, 61, 191).

***

...Настоящая свобода ликовствует в безмолвиях, а не в этих для всякого видимых начальственных чинах (прп. Исидор Пелусиот, 61, 254).

***

Бог мог бы делающих худое остановить и против их воли, но не останавливает насильно, чтобы не стеснялась человеческая свобода. Поэтому по собственному хотению и по собственному изволению человек или увенчивается, или наказывается (прп. Нил Синайский, 73, 177).

***

...Бог смотрит на наше произволение и, судя по нему, подает дары (прп. Зосима, 91, 118).

***

Если все невольное происходит от произвольного, по Писанию, то нет для человека такого врага, как он сам себе (прп. Марк Подвижник, 69, 38).

***

В веке несовершенном нет совершенной свободы (прп. Исаак Сирин, 58, 136).

***

Если скажем, что Бог обучает людей без их о том познания, то это значит уже сказать, что Бог хочет соделать их подобными волам и ослам и не имеющими ни в чем свободы... (прп. Исаак Сирин, 58, 163).

***

Не связывай свободы своей тем, что служит к наслаждению, чтобы не сделаться тебе рабом рабов (прп. Исаак Сирин, 58, 279).

***

...Невежественная свобода... есть матерь страстей... Ибо неуместной свободы конец — жестокое рабство (прп. Исаак Сирин, 58, 358).

***

Остерегайся собственной своей свободы, предшествующей лукавому рабству (прп. Исаак Сирин, 58, 360).

***

Не давай, человек, свободы какому-либо из чувств своих, чтобы не дойти до невозможности снова возвратиться к свободе (прп. Исаак Сирин, 58, 419).

***

Бог, яко благий, создавая всякую душу по образу Своему, приводит ее в бытие самодвижною (свободною) (прп. Максим Исповедник, 91, 229—230).

***

...Человек был самовластен тогда, когда был свободен от греха; как же скоро предал он свободу свою, то вместе со свободою потерял и самовластие и стал рабом греха (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 60).

***

Поскольку... только в желании нашем сохранилось самовластие ваше, то нам надобно, во-первых, возжелать освобождения от рабства, потом взыскать освободителя нашего Христа, а когда найдем Его, припасть к стопам Его и испрашивать у Него себе свободы: ибо никого нет свободного, кроме Христа и свободника Христова. Христос милует нас и спасает от рабства, просвещая ум наш, да ясно зрит или познает, правое и святое, и силою нас снабжая избегать непотребного и творить потребное. Ибо и то, чтобы зреть правое, не в нашей состоит власти; но как для того, чтобы видеть нам видимое, потребен для нас свет солнца, так для того, чтобы видеть нам духовное, потребен

для нас свет Христов, который, просвещая нас, снимает повязку тьмы с очей ума и дает ему ясно видеть правое и богоугодное. А затем преисполняет нас силою, которою, освобождая нас от страстей, дает нам свободу верно следовать познанной святой воле Его. Такова свобода о Христе Иисусе Господе нашем... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 62).

***

Как нож, на зло ли кто его употребляет, или на добро, не прелагается из своего естества в другое... так и человек действует и содевает, как сказано, что хочет, но из естества своего не выступает (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 41).

***

То, что всегда возможно для тебя делать, есть приносить в жертву Богу волю свою; и ничего больше этого не желай ты. Имея вследствие сего всегда свободу и ничем ни с какой стороны не будучи связан, будешь ты всегда радоваться и мирствовать в себе. В этой свободе духа состоит то великое благо, о котором слышишь ты в писаниях святых. Она не иное что есть, как крепкое пребывание внутреннего человека в себе самом, по которому он не исходит вне желанием взыскать что-либо вне его. И все время, как будешь ты держать себя так свободным, будешь вместе с тем внушать ту божественную и неизъяснимую радость, которая неразлучна с Царствием Божиим, водворяющимся внутрь нас, как сказал Господь: *се бо, Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21) (прп. Никодим Святогорец, 70, 272).

***

Я раб Бога моего, несмотря на то что мне даны свободная воля и разум для управления волею. Воля моя свободна почти только в одном избрании добра и зла: в прочих отношениях она ограждена отовсюду (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 96).

***

Имея свободу избрания, крещеный приглашается Святым Духом к поддержанию единения с Искупителем, к поддержанию в себе естества обновленного, к поддержанию состояния духовного... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 382).

***

Неведомой премудростию Божиею, по искуплению рода человеческого Господом нашим Иисусом Христом, предоставлена людям свобода в изображении жизни и смерти, в принятии Искупителя и искупления или в отвержении их (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 135).

***

Хотя греховность и побеждена в праведных людях, хотя вечная смерть уничтожена присутствием в них Святаго Духа, но им не предоставлена неизменяемость в добре на всем протяжении земного странствования, не отнята и у них свобода в избрании добра и зла... Земная жизнь до последнего часа ее — поприще подвигов произвольных и невольных (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 159).

***

Для освобождения от порабощения падшему естеству Господь заповедует распятие естества, т. е. отвержение его разума и его воли, пригвождение действий ума и влечений сердца к заповедям Евангелия (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 177).

***

...Искупленному человеку предоставлена свобода или воспользоваться дарованным искуплением и возвратиться в рай, или отвергнуть искупление и остаться сопричисленным к сонму падших ангелов (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 322).

***

Человек всегда свободен (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 43).

СВОЕВОЛИЕ

Великое делание инока в том и состоит, сказано в старчестве, чтобы, когда враги предлагают одно, он предлагал другое, а когда они другое, он это ставил на вид, зная, что в жизни сей отнюдь ничего нет неизменного, *но претерпевый до конца, той спасен будет* (ср.: Мф. 10, 22), а желающий, чтобы дела совершались, как он хочет, не знает, куда идет; но как слепой, колеблемый всяким ветром, что с ним случится, тому весь совершенно и предается, и как раб боится печального, как пленник порабощается самомнению, думая, по неразумной радости, что он знает то, чего никогда не знал, — что это такое, и

откуда; если же говорит, что знает, тогда еще более ослепляется. Это бывает от неукорения себя, что называется самоугодием и есть незаметная погибель; как говорит святой Макарий в главах об иноке, который погиб после того, как, молясь с другими братиями, был в восхищении ума и видел горний Иерусалим, (погиб) потому, что счел себя достигшим сего, а не большим должником. Ибо как весьма страстные, даже и того не видят, от тумана страстей, что явно многим, так и бесстрастные многим недоведомое знают, по чистоте ума (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 171—172).

***

...Везде можем спастись, если оставим свои хотения; если же не сделаем этого, то не будем иметь покоя и не можем познать и исполнять Божественной воли. Ибо наша собственная воля есть преграда, отделяющая нас от Бога, и если не разрушится преграда, то мы не можем познать и исполнять угодного Богу, но находимся вне этого и бываем насилуемы врагами по неволе, и не хотя (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 202—203).

***

Многие, долгое время пребывая в монашестве и девстве, не научились... науке чистоты, потому что, презрев наставления отцов своих, последовали желаниям сердца своего; по какой причине взяли над ним верх злые духи-душегубители, поражая их скрытными стрелами ночь и день и не давая им покоя ни в каком месте, так что сердца их заняты то гордостью, то тщеславием, то нечес-

тивою завистию, то осуждением, то гневом и яростию, то сварами и другими премногими страстями. — Таковых часть будет с пятью юродивыми девами за то, что неразумно проводят все время свое — не обуздывают языков своих, не хранят чистыми очей своих и тел от похотей, и сердец своих от нечистот, и других вещей, плача достойных, потому что они нечисты, — довольствуясь одною одеждою льняною, которая есть только образ девства: почему лишаются и елея небесного для возжжения лампад своих; и Жених некогда не отворит им дверей чертога Своего, и скажет им, как сказал в притче девам юродивым: *аминь глаголю вам: не вем вас* (Мф. 25, 12) (прп. Антоний Великий, 89, 52).

***

...Самопроизвольное наше желание (многого) наполняет нас смятением, и мы блуждаем во тьме греховной жизни, не зная себя самих (прп. Антоний Великий, 89, 64).

***

Человек, без совета делающий дела свои, походит на город неогражденный, в который, кто ни захочет, входит и расхищает его сокровища (прп. Антоний Великий, 89, 123).

***

Утверждающийся на собственном разуме и следующий своей воле плодит в себе вражду к другим и чужд того духа, от коего рождается сокрушение сердца (прп. авва Исаия, 59, 48).

***

...Постоянно понуждайте себя, чтобы отсекать собственную волю: ибо собственная воля губит все добродетели (прп. авва Исаия, 59, 135).

***

Отсечение собственной воли... связывает добродетели любезным союзом мира (прп. авва Исаия, 59, 136).

***

...Тот бывает врагом Богу, кто следует своей воле (прп. авва Исаия, 59, 141).

***

Кто следует своей воле, тот не имеет мира даже с благочестивыми людьми: ибо в сердце его обитают нетерпение, гнев и ссорливость (прп. авва Исаия, 59, 179).

***

...Кто признает полезным, что ему угодно, тот ненадежный судия справедливого, походит же на слепцов, которых водят слепцы (свт. Василий Великий, 11, 270).

***

...Если ты желаешь быть с демонами, если ты стремишься в геенну огненную, то делай, что тебе угодно, живи, как хочешь, — никто тебе не препятствует (свт. Иоанн Златоуст, 54, 937).

***

...Диавол никаким другим пороком столько не возносит монаха <христианина> на стремнины и не приводит к смерти, как тем, что убеждает его пренебрегать советы отцов и последовать своему мнению и своей воле (прп. авва Серапион, 56, 195).

***

...Что ни в чем не надлежит поступать своевольно и неосмотрительно, но в продолжение всей жизни должно иметь поведение целомудренное и строгое, — это явно всякому, не лишенному разума и доброго смысла (прп. Исидор Пелусиот, 62, 469—470).

***

...Самочинник, без евангельского ведения и руководства шествующий, часто претыкается, и впадает во многие рвы и сети лукавого, часто заблуждается и подвергается великим бедам, и не знает, куда наконец придет. Многие проходили большие подвиги самоумерщвления и большие понесли Бога ради труды и поты; но самочиние, нерассудительность и то, что не считали нужным обращаться за спасительным советом к ближнему, сделали такие труды их небогоприятными и тщетными (прп. Марк Подвижник, 89, 475).

***

...Достигший отсечения своей воли достиг места покоя... (прп. авва Дорофей, 29, 2).

***

...Мы оправдываем самих себя, что держимся своей воли и следуем самим себе. Все это исчадия гордости, враждебной Богу (прп. авва Дорофей, 29, 27).

***

...Ничто не приносит такой пользы людям, как отсечение своей воли, и поистине от сего человек преуспевает более, нежели от всякой другой добродетели (прп. авва Дорофей, 29, 33).

***

...Тогда только человек видит непорочный путь Божий, когда оставит свою волю. Когда же повинуется своей воле, то не видит, что непорочны пути Божии; но если услышит что-либо, относящееся к наставлению, он тотчас порицает это, уничижает, отвращается от сего и действует напротив; ибо как ему перенести что-либо или послушаться чьего-либо совета, если он держится своей воли! (прп. авва Дорофей, 29, 72).

***

...Почему он <враг> любит полагающихся на себя? — Потому что они помогают диаволу и сами себе строят козни. Я не знаю другого падения монаху, кроме того, когда он верит своему сердцу (прп. авва Дорофей, 29, 74—75).

***

Видел ли ты падшего, — знай, что он последовал самому себе. Нет ничего опаснее, нет ничего губительнее сего (прп. авва Дорофей, 29, 75).

***

Отсечение своей воли есть кровопролитие, и для достижения сего человек должен потрудиться до смерти и отвергать свою волю (прп. авва Дорофей, 29, 213).

***

Велик благочестиво отвергший свое имение, но свят, кто отвергается своей воли. Первый сторицею имением или дарованиями обогатится; а последний жизнь вечную наследует (прп. Иоанн Лествичник, 57, 133).

***

Пустыня приняла многих благоискусными и потом отвергла их, как неискусных, обличив сластолюбие их, которому они подверглись через самочиние (прп. Иоанн Лествичник, 57, 223).

***

...Тому, кто творит свою волю, — пусть будет это даже в малом чем — невозможно последовать Господу нашему и соблюсти Его заповеди (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 220).

***

Старающийся умертвить свою волю должен творить волю Божию, — вместо своей воли вводить в себя волю Божию, насаждать и внедрять ее в сердце свое (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 542).

***

Кто страха ради Божия отсекает свою волю, тому Бог, неведомо для него, так что он не знает, как то бывает,

дарует Свою волю и соделывает ее неизгладимою в сердце его, открывая при сем очи сердца его, чтобы он познал ее (т. е. что это Божия воля), и силу подавая исполнять ее. Творит же сие благодать Святаго Духа, а без нее ничего не бывает (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 542).

***

...От здравствующих Бог требует посильного дела. И будем делать, одного того всячески стараясь избегать, чтобы не окрадать самих себя тщеславием перед другими и самомнением перед собою, якобы делающие нечто великое... (прп. Феодор Студит, 92, 19).

***

Допустившие себе последование своим пожеланиям и плотскому мудрованию увлеклись ими, поработились им, забыли Бога и вечность, истратили земную жизнь напрасно, погибли погибелью вечною.

Нет возможности исполнять вместе волю свою и волю Божию: от исполнения первой исполнение второй оскверняется, соделывается непотребным (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 90).

***

...От деятельности по своей воле и по своему разуму немедленно явится попечительность о себе, предстанут уму различные соображения, предположение, опасения, мечты, уничтожат внимательную молитву (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 279).

****

Однажды ученик аввы Силуана, Захария, без согласия аввы вышел из кельи и, взяв с собой братию, разломал

ограду сада и продлил ее. Старец, узнав об этом, взял свою милоть, вышел из кельи и говорит: «Братия, помолитесь обо мне!» Братия, увидев его, пали к ногам его и говорили: «Скажи нам, отец, что с тобою случилось?» Старец отвечал им: «Я не войду в келью свою и не скину с себя милоти, пока не переставите ограду на прежнее место». Братия снова разломали ограду и поставили ее на прежнее место. Тогда старец возвратился в свою келью (97, 261).

***

Один брат, приняв иноческий образ, тотчас заключился в кельи, говоря: «Я отшельник». Старцы, услышав о том, пришли к нему и вывели из кельи, затем заставили его обходить кельи монахов, каяться и говорить: «Простите меня! Я не отшельник, но новоначальный монах». И сказали старцы: «Если увидишь юношу, по своей воле восходящего на небо, удержи его за ногу и сбрось его оттуда, ибо ему это полезно» (98, 35).

***

Был в дни преподобного игумена Никона один брат, по имени Никита. Этот инок, желая прославиться, замыслил великое дело не Бога ради и стал проситься у игумена пойти в затвор. Игумен запрещал ему, говоря: «Сын мой! Нет тебе пользы сидеть праздно, ты еще молод. Лучше тебе оставаться среди братии, работая им, ты не лишишься мзды своей. Сам ты видел брата нашего, святого Исаакия, как прельщен был он от бесов. Только и спасли его великая благодать Божия и молитвы преподобных отцов Антония и Феодосия, которые и доныне многие чудеса творят». Никита же сказал: «Никогда не прельщусь я, как он. Прошу же у Господа Бога, чтобы и мне подал Он дар

чудотворения». Никон в ответ сказал: «Выше сил прошение твое. Берегись, брат, чтобы, вознесшись, не упасть. Велит тебе наше смирение служить святой братии. Ради них дастся тебе венец за послушание твое». Но Никита никак не хотел внять тому, что говорил ему игумен. Он как захотел, так и сделал: заложил свои двери и никогда не выходил. Прошло несколько дней, и прельстил его диавол. Во время своего пения услышал Никита голос молящегося с ним и обонял запах несказанного благоухания. И этим прельстился он, говоря сам с собой: «Если бы это был не ангел, то не молился бы со мной и не было бы здесь обоняния Духа Святаго». И стал он прилежно молиться: «Господи! Явись мне так, чтобы я мог видеть Тебя». Тогда был к нему голос: «Не явлюсь: ты еще молод, вознесшись, не упади». Затворник же со слезами говорил: «Нет, не прельщусь я, Господи! Игумен мой научил меня не внимать обольщениям диавола. Все же, что Ты повелишь мне, я исполню». Тогда душепагубный змий принял власть над ним и сказал: «Невозможно человеку в теле видеть меня. Но вот я посылаю ангела моего, он пребудет с тобой, и ты станешь исполнять волю его». И тотчас явился ему бес в образе ангела. И поклонился ему инок, как ангелу, и сказал ему бес: «Ты не молись, а только читай книги и через это будешь беседовать с Богом, и из книг станешь говорить полезное слово приходящим к тебе. Я же постоянно буду молить о твоем спасении Творца своего». Прельстился Никита и не стал больше молиться, а прилежно занимался чтением и поучал приходивших к нему. Видя же беса, постоянно молящегося о нем, радовался ему, как ангелу, творящему за него молитву. С приходившими к нему Никита беседовал о пользе души и начал пророчествовать. И пошла о нем слава великая, и дивились все, что сбывались его слова. Посылает однажды Никита к князю Изяславу сказать: «Нынче убит Глеб Свя-

тославич в Заволочье. Скорее пошли сына своего Святополка на престол в Новгород». Как он сказал, так и было, и через несколько дней пришла весть о смерти Глеба. И с тех пор прослыл затворник пророком, и крепко слушались его князья и бояре. Но бес будущего не знал, а что сам сделал или научил злых людей — убить ли, украсть ли, — то и возвещал. Когда люди приходили к затворнику, чтобы услышать от него слова утешения, бес, мнимый ангел, рассказывал, что случилось через него самого, и Никита пророчествовал. И всегда сбывалось пророчество. Никто также не мог состязаться с ним в знании книг Ветхого Завета: он его знал наизусть. Евангелие же и Апостол, эти святые книги, данные нам на наше утверждение и исправление, он не хотел ни видеть, ни слышать, ни читать и с другими не беседовал о них. И из этого все поняли, что прельщен он от врага. Не могли стерпеть этого преподобные отцы. Они пришли к прельщенному, помолились Богу и отогнали беса от затворника. Потом вывели его из пещеры и спрашивали о Ветхом Завете, чтобы услышать от него что-нибудь. Никита же клялся, что никогда не читал книг. Из еврейских книг, которые прежде наизусть знал, теперь не ведал ни единого слова. Попросту сказать, ни одного слова не знал, так что блаженные отцы едва научили его грамоте. После этого предал себя Никита на воздержание, и послушание, и чистое, смиренное житие, так что всех превзошел в добродетели и впоследствии стал епископом в Новгороде (100, 78—81).

***

«В 1889 году к нам в Лавру, — вспоминал отец Кронид, — на послушание прибыл очень красивый молодой человек, брюнет с черными глазами, звали его Александр Дружинин. Он был москвич. Я представил его отцу на-

местнику, и его приняли в число братии. Послушание ему было дано в трапезной: служить странникам. Каждый день я его видел в Троицком соборе на братском молебне в два часа ночи. Время от времени спрашивал его: «Как поживаешь, привыкаешь ли?» Он отвечал иногда и со слезами умиления: «Живу как в раю». Я в таких случаях невольно благодарил Бога за его душевное устроение. Прошло полгода. Александру Дружинину было дано новое послушание — заведовать овощными подвалами, и дана келья, в которой он стал жить один. Как-то прихожу к нему и замечаю, что мой знакомый в каком-то экстазе. Видимо, он совершал усиленный подвиг молитвы. Прошло еще несколько месяцев. Однажды, при посещении, я спрашиваю его: «Брат Александр, ты за всеми монастырскими службами бываешь?» Он смиренно отвечает: «За всеми». — «И за братскими правилами бываешь?» — «Бываю, — произнес он и добавил, — я ежедневно в храме Зосимы и Савватия бываю за всенощной и стою утром раннюю и позднюю Литургии». Тогда я ему говорю: «Скажи ты мне, с чьего благословения ты взял на себя подвиг усиленной молитвы? Утреня, вечерня и ранняя Литургия — полный круг церковных служб, а правило братское завершает обязанности инока. Но поздняя Литургия и всенощная есть не обязательное для всех повторение обычных служб. Я хорошо знаю, что во время поздней Литургии с братской кухни приходят к тебе за продуктами, а тебя в келье нет. Тогда поварам приходится искать тебя по церквам, что, несомненно, в их сердцах вызывает ропот и неприязнь. Подумай, такая молитва будет ли для тебя полезна? Да не оскорбится любовь твоя речью моей. Беру на себя смелость спросить тебя еще об одном. Много раз я прихожу к тебе и вижу, что ты находишься в подвиге. Кто же тебя на это благословил? Помни, брат Александр, что жить в

монастыре и творить волю свою — дело вредное для души. Смотри, как бы своевольная молитва не ввела тебя в гордость и самообольщение и не стала тебе в грех. Молю и прошу тебя, ради Бога, не твори никаких подвигов без ведома своего духовного отца». Слушал меня юный подвижник с видимым неудовольствием. От него я вышел с тяжелым предчувствием чего-то недоброго. Прошел еще месяц. Сижу я однажды в своей келье, читаю книгу, часа в два дня. Вдруг неожиданно дверь моей кельи с шумом отворяется и торжественно, с громким пением «Достойно есть», входит брат Александр Дружинин. Он кладет земной поклон перед моей келейной иконой и вдруг начинает продолжать земные поклоны.

Глаза его горели каким-то недобрым, зловещим огнем, и весь он, видимо, был возбужден до крайности. Не дождавшись конца его поклонов, я встал и, обращаясь к нему, ласково сказал: «Брат Александр! Я вижу, что ты заболел душой. Успокойся, сядь, посиди и скажи мне, что тебе надо». В ответ на мои слова он с сильным озлоблением закричал: «Негодный монах, сколько лет ты живешь в монастыре и ничего для себя духовного не приобрел. Вот я живу один год, а уже сподобился великих божественных дарований. Ко мне в келью ежедневно являются множество архангелов от Престола Божия. Они приносят семисвечник и воспевают со мной гимны неописуемой славы. Если бы ты был достоин слышать это неизреченное пение, ты бы умер, но так как ты этого недостоин, я тебя задушу». Видя его нечеловеческое, злобное возбуждение и зная, что все находящиеся в прелести физически бывают чрезвычайно сильны, я говорю ему: «Брат Александр, не подходи ко мне. Уверяю, я выброшу тебя в окно». Уловив момент, я постучал в стену соседа по келье, который тотчас же и вошел ко мне на помощь. С появлением соседа я стал

смелее говорить ему: «Брат Александр, не хотел ты меня слушать и вот видишь, в какую ты попал адскую беду. Подумай: ты хочешь меня задушить. Святых ли людей это дело? Осени себя знамением креста и приди в себя». Но Дружинин продолжал выражать угрозу задушить меня как негодного монаха и еще говорил мне: «Подумаешь, какой наставник явился ко мне в келью с советом: много не молись, слушай духовного отца. Все вы для меня ничто». Видя такую нечеловеческую гордость, злобу и бесполезность дальнейшего разговора с ним, я попросил соседа вывести его вон из моей кельи. В тот же день после вечерни брат Александр снова явился ко мне и торжественно сообщил, что ныне за вечерней на него сошел Святой Дух. Я улыбнулся. Видимо, это его обидело, и он мне говорит: «Что ты смеешься? Пойди спроси иеромонаха отца Аполлоса, он видел это сошествие». В ответ на это я сказал: «Уверяю тебя, дорогой мой, что никто не видел этого сошествия, кроме тебя самого. Умоляю тебя, поверь, что ты находишься в самообольщении. Смирись душой и сердцем, пойди, смиренно покайся». Но больной продолжал поносить меня и грозить. Лишь пришел я на другой день от ранней Литургии, брат Александр снова явился ко мне и заявил, что Господь сподобил его ныне в храме преподобного Никона дивного видения. От Иерусалимской иконы Божией Матери, что стоит над Царскими вратами, заблистал свет ярче молнии, и все люди, стоявшие в храме, будто бы попадали и засохли, как скошенная трава. Спрашиваю его: «А ты-то почему от этого света не иссох?» «Я, — отвечал он, — храним особой милостью Божией ради подвигов моих. Этого не всякий достоин». Говорю ему: «Видишь, брат Александр, как тебя диавол обольстил, возведя тебя в достоинство праведника, и тем увеличил твою гордость. Поверь мне, что стоявшие с тобой

в храме пребывают в духовном здравии, а все, что ты видел, есть одна духовная прелесть бесовская. Образумься, осознай свое заблуждение, слезно покайся, и Господь помилует тебя». «Мне каяться не в чем, вам надо каяться!» — закричал он. Видя такое буйство несчастного и опасаясь припадков безумия, я тотчас же написал письмо его другу Ивану Димитриевичу Молчанову, по просьбе которого Дружинин был принят в Лавру. В письме было описано состояние больного. Через три дня Молчанов был уже у меня. Я все объяснил ему о Дружинине и, зная, что он хорошо знаком с настоятелем Николо-Пешношского монастыря игуменом Макарием, посоветовал ему тотчас же отвезти к нему несчастного. В тот же день Дружинин был отправлен в Пешношский монастырь. Когда Иван Димитриевич объяснил отцу игумену о болящем, тот спокойно сказал: «Милостью Божией он поправится у нас. И свои такие бывали». Александру Дружинину было назначено игуменом послушание: чистить лошадиные стойла на конном дворе. Брат Александр вначале протестовал, говоря: «Такого великого подвижника вы назначаете на такое низкое послушание. Я должен подвизатьея в храме и совершать духовные подвиги для назидания прочим». Отец игумен, в успокоение его души, говорил: «Ты лучше всего и можешь показать добрый пример смирения и кротости через исполнение возложенного на тебя послушания. А относительно молитвы не беспокойся. За тебя в храме будет молиться вся братия». И действительно, по благословению отца игумена, за больного крепко молилась вся братия. Прошло полгода. Александр Дружинин за все это время в храме бывал только по праздникам и за ранней Литургией, целый день кидая навоз, он настолько утомлялся, что вечером ложился спать без дневных молений и спал как

мертвый. Подвиги совершать ему уже было некогда. Мысль, что он святой, с каждым днем в нем слабела, и видения у него постепенно прекратились. Целый год он был на послушании в конюшне и о своих мнимых подвигах забыл. Затем его перевели в хлебопекарню, где тоже труд нелегкий. Через два года Дружинин переведен был на более легкие послушания. На лице его тогда проявился приятный отпечаток смирения. Семь лет подвизался он в Пешношском монастыре. Здесь его постригли в монашество с именем Афанасий. Впоследствии он перешел в Московский Симонов монастырь, где за смиренную добрую иноческую жизнь был произведен в сан иеродиакона. Когда я был на послушании в Петрограде, в должности начальника Троицкого Фонтанного подворья, отец Афанасий Дружинин приезжал ко мне повидаться. Когда я спрашивал его, помнил ли он то, что было с ним в Лавре во время его духовного недуга, он отвечал: «Все помню, но только теперь сознаю весь ужас моего душевного состояния» (114, 73—79).

СВОЙСТВА БОЖИИ

Бог... не имеет ни начала, ни конца, так же как и Его совершенства, ибо Он никогда не был без них, но всегда был и есть преблагий и праведный, всепремудрый, непобедимый, бесстрастный, неописанный, беспредельный, неисследимый, непостижимый, бесконечный, присносущий, несозданный, неизменный, непреложный, истинный, несложный, невидимый, неосязаемый, необъятный, совершенный, превысший всего существующего, неизъяснимый, неудоборазумеваемый, многомилостивый, всещедрый, многоблагоутробный, вседержитель, всевидящий. И, как говорит великий Дионисий, Он, имея добродетели, не по-

нуждает Себя к исполнению каждой, как добродетельные люди, но производит благое, желая его, и употребляет добродетели, как орудия, самопроизвольно. Ангелы же и добродетельные люди получили от Него, по благодати, вместе с бытием и добродетели, которыми, подражая Ему, сделались праведными, благими и премудрыми. И они, как творения, имеют нужду в помощи и снисхождении Вседержителя, без которой не могут иметь ни добродетели, ни премудрости; потому что творения склонны к изменению, и, как совокупленные из различного, называются сложными, а Бог бесплотен, прост, безначален, Единый Бог во Отце и Сыне и Святом Духе поклоняемый и прославляемый всем творением (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 85—86).

***

Бог видит всех сынов человеческих. Ни один не избегает Его зрения; не закрывают ни тьма, ни стены; нет никакого препятствия очам Божиим. Он не только видит каждого, но видит и сердца, которые создал Сам, не примешав к ним ничего худого (свт. Василий Великий, 5, 241).

***

...Примечаю, что как, простираясь мыслию в века будущие, называем нескончаемою жизнь, никаким пределом не ограничиваемую, так, восходя помышлением, в века давние и, как в необъятное какое море, погружая взор в бесконечность Божией жизни, поскольку не можем найти никакого начала, от которого бы она произошла, но представляем жизнь Божию простирающеюся далее и далее вне всего мыслимого, то эту безначальность жизни именуем нерожденностию (свт. Василий Великий, 7, 37).

***

...Величия Божия и славы Божией, которые и словом необъемлемы, и умом непостижимы, невозможно ни изобразить, ни представить одним речением или понятием. Богодухновенное же Писание, с помощью многих речений, обращающихся в нашем употреблении, едва приблизило их к понятию чистых сердцем, и то представив как в зеркале (свт. Василий Великий, 9, 24).

***

...Богодухновенному Писанию известны как беспредельность познания, так и непостижимость Божественных таин для природы человеческой в настоящей жизни... (свт. Василий Великий, 9, 25).

***

Серафимы трепещут перед Божиим величием, Херувимы содрогаются перед Ним. Если Бог является тварям Своим, исчезают они как дым. Если мирам открывает могущество Свое, обращаются в ничто, как солома в огне. А если в чьей душе вселяется Бог и обитает в ней, как гость, то может ли какой страх объять душу эту и какой-либо ужас приблизиться к ней? (прп. Ефрем Сирин, 33, 97—98).

***

Не знают Херувимы, чему уподобляется могущество, которому служат они престолом; оно далеко от взора их, хотя носят его на себе (прп. Ефрем Сирин, 33, 260).

***

...Если Бог захочет кого остановить и удержать в руке Своей, то это всего неизбежнее, всего неодолимее. Он пре-

дускоряет быстрых, перехитряет хитрых, низлагает сильных, смиряет высоких, укрощает дерзновенных, подавляет всякую силу (свт. Григорий Богослов, 12, 78—79).

***

У Бога все перед очами, и что будет, и что было, и что есть теперь. Для меня такой раздел положен временем, что одно впереди, другое позади; а для Бога все сливается в одно, и все держится в мышцах великого Божества (свт. Григорий Богослов, 15, 229).

***

Бог знает все наперед, именно знает: не Сам определяет будущее, но по предведению знает то, что должно быть и будет. Иное ведь дело — что устрояет Он Своим промыслом, иное — что предусматривает Он относительно наших поступков... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 837).

***

...Что комары в сравнении с человеком, то вся тварь в сравнении с Богом. И что я говорю: комары? Если все люди перед Богом не более, как капля и как пылинка на весовой чашке (см.: Ис. 40, 15), то с комарами (в этом случае) можешь сравнивать невидимые силы (свт. Иоанн Златоуст, 54, 25).

***

Бог действительно везде присутствует, а потому, принимаешь ли пищу, располагаешься ли спать, гневаешься ли, похищаешь ли что, предаешься ли удовольствиям или что другое делаешь, — вспомни о присутствии Божием, и ни-

когда не предашься смеху, никогда не воспламенишься гневом (свт. Иоанн Златоуст, 54, 286).

***

Только Богом могут быть проникаемы все духовные и разумные существа, потому что Он один весь везде и во всем пребывает, так что и помышления людей, внутренние движения и все сокровенности духа Он видит и освещает (прп. авва Серен, 56, 289).

***

Велико, проницательно и неусыпно око Божественного Правосудия; не только назирает делаемое явно, но преследует и то, на что отваживаются втайне, и подмечает движения сердечные. Посему имея такового Судию, будем держаться добродетели и удерживаться от порока, потому что за добродетель вознаградит, а за порок накажет (прп. Исидор Пелусиот, 61, 372).

***

...Никто не укроется от пресветлого и неусыпного Ока, если сделает что и в тайне: потому что все перед Ним обнажено, хотя бы казалось то и скрытным (прп. Исидор Пелусиот, 61, 433—434).

***

...Убоимся Бога, ибо Он страшен; и будем чтить Его, потому что Он благ; станем просить у Него, что прилично Ему дать, а нам полезно получить; ибо сему готов Он внять. Падая, будем каяться, потому что Он благодателен и приемлет кающихся искренно; но нимало не будем нера-

дивы, ибо Он всесилен и не может быть обманут; напротив того, возлюбим Его со всею горячностию, — потому что к любящим Его снисходителен, по мере любви их (прп. Исидор Пелусиот, 61, 434).

***

Бог все наперед знает и что было, и что есть, и что будет; все знает Он прежде события, и видит то так, как бы оно было присуще и совершалось пред лицем Его, потому что все от Бога имеет свое бытие и существование и все прежде бытия находится в Его творческом уме, — первообразы всех вещей находятся там внутри (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 235).

***

...Поучись... возвысить ум свой от чувственного к божественному, именно через перехождение от него к размышлению о воплощении Бога Слова и о святейших таинствах Его жизни, страдания и смерти. Все чувственные вещи мира сего могут служить поводом к такому размышлению и созерцанию, если после того, как прежде, смотря на них, пройдешь мыслию, что Всевышний Бог есть первая причина, давшая им бытие и все, что есть в них — силы, совершенства, действия, положение между другими тварями, помыслишь, сколь великою и безмерною является благость сего Самого Бога, когда Он, будучи единым началом всякого созданного бытия, восхотел низойти до такого смирения и умаления, чтобы соделаться человеком, пострадать и умереть за людей, попустив делу собственных рук Своих вооружиться против Себя и распять Себя (прп. Никодим Святогорец, 70, 90).

***

Богу все возможно: чудес нет для Него. Слабо помышление человека: чего мы не привыкли видеть, то представляется нам делом несбыточным, чудом невероятным. Дела Божии, на которые мы постоянно и даже равнодушно смотрим, — дела дивные, чудеса великие, непостижимые (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 90).

СВЯТОТАТСТВО

...Можно назвать <святотатцами и тех, кто присвояют себе дары Божии> и себе самим восхищающими славу, которая подобает Богу (свт. Василий Великий, 9, 280).

***

Святотатство в Ветхозаветном Писании признано достойным не меньшего осуждения, как и убийство, и похитивший посвященное Богу равно подвергались побиению камнями (см.: Нав. 7, 25). В церковном же обыкновении, не знаю как, последовало некоторое послабление, так что очищение этого недуга принято более легкое. Ибо предание отцов таким назначило епитимию менее продолжительную, чем за прелюбодеяние. Во всяком же виде греха прежде всего надобно обращать внимание на то, каково расположение врачуемого и для врачевания достаточным считать не время (ибо какого исцеления можно ожидать только от времени), но добрую волю того, кто врачует себя покаянием (свт. Григорий Нисский, 25, 442).

***

Плохой расходчик (в монастыре) возмущает души братий, а кто растрачивает монастырское добро, святотатствует (авва Евагрий, 89, 612)

***

Насколько великий грех — святотатство, о том и сказать нельзя... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 770).

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ

Благодатность Священного Писания

Кто действительно вкусил видения Писаний, тот знает, что сила и простейшего изречения Писания, и наиболее премудрого одна и та же и направлена к тому, чтобы спасти человека, а не причастный этого видения часто соблазняется, не зная того, что обучение земной мудрости много помогает, если оно делается колесницею для премудрости свыше (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 111).

***

...Намерение Божественного Писания состоит в том, чтобы (предложить) могущее спасти душу и открыть некоторым тайны Божественных Писаний и значение существующего, т. е. цель, для которой каждая вещь получила бытие, чтобы просвещать ум и возбуждать его к люблению Бога и познанию величия Его, неизреченной Его премудрости и промысла — от попечения Его о Своих творениях. Дабы от этого ведения человек боялся преступать заповеди Божии и познавал свою немощь и неразумие, и через то смиренномудрствовал, любил Бога и не презирал Его заповедей, как делают не имеющие деятельного познания (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 124).

***

Понуждай себя поучаться в псалмах — и это сохранит тебя от пленения... (страстей) (прп. авва Исаия, 89, 330).

***

...Книга... Псалмов объемлет в себе полезное из всех книг. Она пророчествует о будущем, приводит на память события, дает законы для жизни, предлагает правила для деятельности. Короче сказать, она есть общая сокровищница добрых учений и тщательно отыскивает, что каждому на пользу. Она врачует и застарелые раны души, и недавно уязвленному подает скорое исцеление, и неповрежденное поддерживает; вообще же, сколько можно, истребляет страсти, какие в жизни человеческой под разными видами господствуют над душами. И при этом производит она в человеке какое-то тихое услаждение и удовольствие, которое делает рассудок целомудренным (свт. Василий Великий, 5, 155—156).

***

Псалом — тишина душ, раздаятель мира; он утишает мятежные и волнующиеся помыслы; он смягчает раздражительность души и уцеломудривает невоздержанность. Псалом — посредник дружбы, единение между далекими, примирение враждующих. Ибо кто может почитать еще врагом того, с кем возносит единый глас к Богу? Посему псалмопение доставляет нам одно из величайших благ — любовь, изобретая совокупное пение вместо узла к единению и сводя людей в один согласный лик.

Псалом — убежище от демонов, вступление под защиту Ангелов, оружие в ночных страхованиях, упокоение от дневных трудов, безопасность для младенцев, украшение в цветущем возрасте, утешение старцам, самое приличное убранство для жен. Псалом населяет пустыни, уцеломудривает торжища. Для нововступающих — это начатки учения, для преуспевающих — приращение ведения, для

совершенных — утверждение; это глас Церкви. Он делает празднества светлыми; он производит *печаль, яже по Бозе* (2 Кор. 7, 10). Ибо псалом и из каменного сердца вынуждает слезы. Псалом — занятие Ангелов, небесное сожительство, духовный фимиам. Это — мудрое изобретение Учителя, устроившего, чтобы мы пели и вместе учились полезному. От этого и уроки лучше напечатлеваются в душах. Ибо с принуждением выучиваемое не остается в нас надолго; а что с удовольствием и приятностию принято, то в душах укореняется тверже.

Чему же не научишься из псалмов? Не познаешь ли отсюда величие мужества, строгость справедливости, честность целомудрия, совершенство благоразумия, образ покаяния, меру терпения и всякое из благ, какое ни наименуешь? Здесь есть совершенное богословие, предречение о пришествии Христовом во плоти, угроза судом, надежда воскресения, страх наказания, обетования славы, откровения таинств. Все, как бы в великой и общей сокровищнице, собрано в книге Псалмов... (свт. Василий Великий, 5, 156—157).

***

...Книга Притчей есть образование нравов, исправление страстей и вообще учение жизни, заключающее в себе множество правил для деятельности (свт. Василий Великий, 8, 166).

***

...<Книга> Екклесиаста касается естествословия и открывает нам суету того, что в этом мире, чтобы не почитали мы для себя вожделенным преходящего и душевных забот не тратили на суетное (свт. Василий Великий, 8, 166).

***

Как путнику во время жара дорога́ чаша холодной воды, так слово Божие орошает душу (прп. Ефрем Сирин, 30, 137).

***

Что сладкий мед устам человека, то словеса Божии душе боящихся Господа (прп. Ефрем Сирин, 30, 210).

***

Создавший нас Бог, зная немощь ума нашего и злокозненность сопротивника, даровал нам Божественные Писания, как оружейную храмину и сокровища исцелений (прп. Ефрем Сирин, 32, 82).

***

...Как труба звуком своим во время брани, и в юных борцах возбуждает готовность идти на сопротивников, так Божие Писание возбуждает твою ревность к добру и укрепляет тебя к борьбе со страстями (прп. Ефрем Сирин, 32, 95).

***

Евангелие ни одного свободного человека не принуждает силой к тому, чтобы делаться праведником (прп. Ефрем Сирин, 32, 161).

***

Великая мрежа учения Твоего, Господи, распростерта на все множество людей. Мытарям и блудницам поставлена сеть, уловляющая в Небесное Царство (прп. Ефрем Сирин, 33, 137).

***

Прекрасно иметь ум отверстый всегда для Божия слова; через сие приобретается ведение небесных законов (свт. Григорий Богослов, 15, 362).

***

...Все Богодухновенное Писание для читающих есть закон не только явственными заповедями, но и историческими повествованиями, разумеющих глубоко обучающий ведению таин и чистому образу жития (свт. Григорий Нисский, 20, 3).

***

...Слово в сей книге <Песнь Песней> повелевает слышащим, хотя живем во плоти, не обращаться к ней мыслями, но иметь в виду единую душу. И все выражающие любовь речения чистыми и неосквернеными воспитывать превышающему всякий ум благу, которое одно в подлинном смысле сладостно, вожделенно и достолюбезно, и наслаждение которым служит всегдашним поводом к большему вожделению, причастием благ усиливая пожелание (свт. Григорий Нисский, 20, 26).

***

Богодухновенное Писание, как называет его Божественный апостол, есть писание Святаго Духа. Цель его есть польза человеков; ибо, говорит он: ***всяко писание богодухновенно и полезно есть***; эта польза многоразлична и многообразна, как говорит Апостол, ***ко учению, ко обличению, ко исправлению, к наказанию еже в правде*** (2 Тим. 3, 16). Но эту пользу нельзя получить читающим с перво-

го раза; Божественное, как бы какою завесою, скрывается телом Писания, так как законодательство и история как бы покрывают созерцаемое умом. Потому-то о тех, которые смотрят только на тело Писания, Апостол говорит, что они имеют покрывало на сердце (см.: 2 Кор. 3, 15) и не могут провидеть славу духовного закона, так как им препятствует наложенное на лицо законодателя покрывало (свт. Григорий Нисский, 23, 71).

***

...Мы, волнующиеся, как бы среди моря, и впадающие во множество грехов, всегда нуждаемся в постоянном и непрерывном утешении от Писаний (свт. Иоанн Златоуст, 44, 810).

***

Виноградник, раз быв обобран, остается без плода, с одними листьями; но не так бывает с духовным виноградником Божественных Писаний; но, хотя бы мы взяли все, что видим, в нем остается еще более (свт. Иоанн Златоуст, 44, 826—827).

***

Действием благодати Духа вещания Господа преданы письменно для того, чтобы мы, получая отсюда предохранительные врачевства против наших страстей, могли избежать угрожающего нам наказания (свт. Иоанн Златоуст, 44, 870).

***

Благодать же Духа... внушает любомудрие всем, кто внимает ей, и часто бывает достаточно взять отсюда одно

только речение, чтобы иметь средства на весь путь жизни (свт. Иоанн Златоуст, 45, 7).

***

<Священное Писание> доставляет нам великое утешение, не только в потере имущества, не только в утрате детей или в другом подобном несчастии, но и в обстоятельствах греховных (свт. Иоанн Златоуст, 45, 334).

***

Источник Евангельских учений имеет отверзтые потоки, и если кто-либо, испытывая жажду, пьет из этого источника, тот получает себе жизнь; получает же жизнь по духу и закону заповедей, испытывая радость, более приятную, чем вино (свт. Иоанн Златоуст, 45, 871).

***

Сладость духовных словес не знает пресыщения, потому что она увеселяет не чрево, а сердце, и приводит помыслы благочестивых к божественной любви (свт. Иоанн Златоуст, 45, 871).

***

...Не по множеству рек только, но и по естеству своему удивителен этот источник <Священное Писание>, потому что в нем не потоки воды, а дары Духа. Этот источник отделяется в каждую душу верующих и не уменьшается; разделяется и не истощается; распределяется и не убавляется: во всех он находится всецело, и в каждом всецело (свт. Иоанн Златоуст, 46, 75).

***

...Мы вливаем в ваши души этот духовный дождь малопомалу — потому что Писания подобны духовным облакам, а слова и мысли их подобны дождю, который гораздо лучше обыкновенного дождя, — и вливаем в вас этот духовный дождь для того, чтобы слова наши проникли в самую глубину (свт. Иоанн Златоуст, 46, 77).

***

...Не только слаще меда, но и драгоценнее золота и всякого камня и чище всякого серебра удовольствие, получаемое от Божественных изречений (свт. Иоанн Златоуст, 46, 203).

***

Писание... говорит и о добродетелях праведников, и о недостатках, чтобы мы последних избегали, а первым подражали (свт. Иоанн Златоуст, 46, 381).

***

Если ты внимаешь Писанию, то оно удаляет от тебя уныние, доставляет удовольствие, истребляет злобу, укореняет добродетель, не допускает бедствовать в вихре забот, подобно обуреваемым волнами. Море бушует, а ты плывешь в тишине: у тебя кормчим чтение Писания, а этого каната не расторгает искушение обстоятельств (свт. Иоанн Златоуст, 46, 409).

***

Таково свойство этого сокровища <Священного Писания>: делая богатыми приемлющих его, само оно никогда

не оскудевает, потому что его изливает обильно источник Духа Святаго (свт. Иоанн Златоуст, 47, 127).

***

Так как блаженные пророки говорили по внушению Божественного Духа, то поэтому написанные Духом (священные книги) содержат в себе скрытое (в них) сокровище (свт. Иоанн Златоуст, 47, 187).

***

...Всякий желающий может извлекать из него (Священного Писания) свойственное удручающей его страсти врачевство и получать скорое исцеление, только бы не отвергал целительного врачевства, но принимал с признательностию (свт. Иоанн Златоуст, 47, 296).

***

...Из всех недугов, обременяющих человеческую природу, нет ни одного — ни душевного, ни телесного, который не мог бы получить врачевства из Писания (свт. Иоанн Златоуст, 47, 296).

***

Велика... польза, которая от <Священного Писания> происходит: во-первых, от чтения их образуется язык; потом, и душа окрыляется и делается возвышенною, будучи озаряема светом Солнца Правды, освобождаясь в это самое время (чтения) от нечистоты порочных помыслов и наслаждаясь великим миром и спокойствием (свт. Иоанн Златоуст, 47, 297).

***

...Можно... (в Писании) получить врачевство, соответственное каждому несчастию, постигающему человеческую природу, отринуть всякую скорбь житейскую и не сокрушаться ни от каких обстоятельств... Поэтому... внимательно слушайте чтение Божественного Писания, и не только когда бываете <в храме>, но и дома берите в руки священные книги и с усердием извлекайте из них пользу для себя (свт. Иоанн Златоуст, 47, 297).

***

Оно <Священное Писание> есть духовная пища, которая укрепляет ум и делает душу сильною, твердою и мудрою, не позволяя ей увлекаться неразумными страстями, напротив, еще облегчая полет ее и вознося ее, так сказать, на самое небо (свт. Иоанн Златоуст, 47, 297—298).

***

...Здесь (в Писании) можно хорошо узнать, как скор на помощь (нам) Промысл Божий, (узнать) мужество праведников, благость Владыки и обилие воздаяний. Им-то можно возбудить себя к соревнованию и подражанию любомудрию доблестных мужей и (не дать себе) ослабеть в подвигах добродетели, но твердо полагаться на обетования Божии и прежде их исполнения (свт. Иоанн Златоуст, 47, 373—374).

***

(Нечестивые) не могут слышать Писаний, потому что не желают слышать о своих наказаниях. Писания, хотя не мучат злых прямо, однако всем им угрожают. Слыша тако-

вые угрозы, нечестивые постоянно изнывают (свт. Иоанн Златоуст, 49, 282).

***

Как ароматы издают благовоние не по количеству своему, а по своей природе, так и Божественные Писания не множеством слов, но силою содержащегося в них доставляют нам всякую пользу (свт. Иоанн Златоуст, 49, 570).

***

Аромат благовонен и сам по себе, по своему свойству, а когда бросишь его на огонь, тогда он обнаруживает всю свою приятность: так и Божественное Писание весьма приятно и само по себе, а когда оно проникнет в нашу душу, как бы попав в кадильницу, тогда наполняет весь дом благовонием (свт. Иоанн Златоуст, 49, 570).

***

Как пчелы приготовляют свои соты из многих и различных веществ, но придают им один вкус, так и мы в сотах Священного Писания, составленных многими и различными пророками, найдем и почерпнем одно общее учение (свт. Иоанн Златоуст, 49, 844).

***

Слово, произнесенное от Божественного Писания, сильнее огня умягчает ожесточенную душу и делает ее способною на все прекрасное (свт. Иоанн Златоуст, 50, 25).

***

...Оно <Священное Писание> приводит нас к Богу и отверзает путь богопознания; оно производит овец, оно охраняет и не позволяет приходить волкам. Подобно какой-либо надежной двери, оно заграждает вход еретикам, поставляет нас в безопасности от всего, и не позволяет впасть в заблуждение. И если мы сами не откроем этой двери, то будем недоступны врагам. По ней мы распознаем всех — как пастырей, так и не пастырей (свт. Иоанн Златоуст, 51, 388).

***

...Источник света — Слово Божие; будучи исполнено света и источая свет, оно просветляет и озаряет души верных. Само из себя и само по себе оно светит и пользующихся им просвещает; и не просто души верных просвещает, но и сообщает им имя света (свт. Иоанн Златоуст, 51, 680).

***

Как имеющий у себя закаленную сталь, так и знающий <послания апостола> Павла бывает силен; как владеющий острым мечом, так и этот бывает неприступен (свт. Иоанн Златоуст, 52, 478).

***

Слово Божие — это жемчуг, сияющий через все, выражающий много силы не во множестве речений, но в их краткости. Но будьте внимательны, и вы увидите, сколько сокровища открывает нам эта сила изречения (свт. Иоанн Златоуст, 55, 323).

***

...Слово Божие — питание души. Для созданной по образу мироустроителя — Слова, почтенной разумом и удостоенной разумной свободы, что может быть естественнее слова, питающего ее (душу), наставляющего и быстро возвращающего к ее собственному достоинству? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 365—366).

***

Если звери легко уступают заклинаниям чародеев, — чему удивляешься, что слова Христа быстро изменяют дикую душу в тихую и уравновешенную? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 389—390).

***

Иные хвалятся собеседованием с вельможами, начальниками и царями, а ты хвались перед ангелами Божиими, собеседуя со Святым Духом через Божественное Писание, потому что Дух Святый через него говорит (свт. Иоанн Златоуст, 55, 447).

***

...Как труба, звуча во время войны, воодушевляет молодых и храбрых против неприятелей, так и Божественные Писания возбуждают твое усердие к добру и укрепляют в борьбе со страстями (свт. Иоанн Златоуст, 55, 940).

***

Премудрость Божия... растворила чашу словес, т. е. Божественные Писания, не медом, не млеком, не вином, но назиданием и любомудрием наполненную и божественны-

ми дарованиями приукрашенную чашу, которая вкушающих из нее возбуждает к добродетели и благочестию, внушая вознерадеть о земном и стремиться к небесному, — чашу, содержащую в себе не ухищрения, не лжеумствования, не какие-либо неуместные и опытом неподтверждаемые мудрования об естествословии, но деяния мужей самых именитых и славных, уподобляясь которым в делах и словах, приобретешь лепоту добродетели. Не умолчала же она о жизни и о наказании падших, чтобы, дознав это, если захочешь, соревновал ты доброму и избегал худого (прп. Исидор Пелусиот, 60, 280—281).

***

Учения Закона и Пророков суть предуготовительные уроки нового и евангельского любомудрия. Они дают законы руке, а Евангелие — душе. Они исправляют и направляют деятельность, а Евангелие — сердце. Они подобны учителю-грамматику, а Евангелие — высокому философу (прп. Исидор Пелусиот, 62, 45).

***

Всякое слово Христово являет милость, правду и мудрость Божию, и силу их через слух влагает в души тех, которые охотно слушают его (прп. Марк Подвижник, 89, 560).

***

...Писание не отнимает у нас ничего данного нам от Бога для употребления, но обуздывает неумеренность, и исправляет безрассудность (прп. Максим Исповедник, 91, 223).

***

Слово Божие есть свет и огонь, поскольку освещает естественные помыслы и попаляет неестественные; равно как поскольку разгоняет мрак чувственной жизни для тех, которые через исполнение заповедей стремятся к чаемой лучшей жизни, а тех, которые самоохотно по любви к плоти держатся этой темной ночи жизни (чувственной), казнит огнем суда и осуждения (прп. Максим Исповедник, 91, 266).

***

...Все Божественное Писание, Ветхое и Новое, руководит естественно больное человеческое естество к Иисусу Христу, Который есть единственный Врач душ и телес наших. Кто остается непричастным Его Божественной благодати, тот остается и неуврачеванным, а кто причащается Его благодати, у того душа перестает уже быть больною (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 67—68).

***

С достоверностию можно утверждать, что руководствующийся в жительстве Евангелием не остановится принести полное удостоверение в том, что он не знает за собою ни одного доброго дела (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 309).

***

Святое Евангелие можно уподобить зеркалу. Каждый из нас, если захочет, увидит в нем состояние души своей и то всемогущее врачевание, которое предлагается всемогущим врачом, Богом (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 344).

***

Евангелие лишает человека того, чем он владеет неправильно (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 432).

***

Евангелие — тот вертоград, в котором может найти Христа Мария, — верная душа, пребывающая в покаянии... за городом, — вне любви к миру (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 508).

***

Как о своих помыслах, так и о помыслах ближнего, о его советах советуйся с Евангелием (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 77).

***

Слово Божие уподобляется зеркалу... Душа, читая Слово Божие и там исчисленные заповеди рассматривая, не может не видеть, исправна ли она в тех заповедях, или неисправна... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 127).

Толкование и изучение Священного Писания

В Божественных Писаниях находятся многие тайны сокрытыми, и мы не знаем намерения Божия в произносимом нами... Когда же кто-либо поищет блаженным плачем, тогда находит: ибо в этом состоит делание страха, через которое бывает откровение тайн (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 194).

***

...Для исследования и истинного уразумения сказанного в Писании потребны хорошая жизнь, чистая душа и

христоподражательная добродетель, чтобы ум, преуспев в этом, был в состоянии достигать желаемого и приобретать оное, в такой только мере естеству человеческому возможно познание о Божием Слове (свт. Афанасий Великий, 1, 263).

***

...Кто без исследования упорно будет останавливаться на голой букве <Писания>, держась первого представляющегося ему смысла, тот, вдавшись в иудейские и бабьи басни, состарится в совершенной скудости достолепных понятий о Боге (свт. Василий Великий, 7, 35).

***

Должно не на собственных рассуждениях утверждаться и отвергать сказанное Господом, но знать, что глаголы Господни достовернее собственного удостоверения (свт. Василий Великий, 7, 315).

***

...Каждому изучать нечто из Богодухновенного Писания прилично и необходимо и для утверждения в богочестии, и для того, чтобы не привыкать к человеческим преданиям (свт. Василий Великий, 9, 221).

***

...Самый главный путь, которым отыскиваем то, к чему обязывает нас долг, есть изучение Богодухновенных Писаний, потому что в них находим мы правила деятельности, и в них жития блаженных мужей, представленные в письменах, подобно каким-то одушевленным картинам жизни по Богу, предлагаются нам для подражания добрым делам (свт. Василий Великий, 10, 10—11).

***

Возлюбленный мой, будь как пчела, и из Божественных Писаний собери себе богатство и некрадомое сокровище, и предпошли оное в небо (прп. Ефрем Сирин, 30, 183).

***

Недостаток в человеке — не знать Писания; но двойной недостаток имеет тот, кто знает оное и пренебрегает им (прп. Ефрем Сирин, 30, 199).

***

Есл́и изучил ты все Божественное Писание, то смотри, да не надмевает тебя этим помысл, потому что все Богодухновенное Писание учит смиренномудрию (прп. Ефрем Сирин, 30, 414—415).

***

Истолкователи несуществующей мудрости мира сего: ***премудрость бо мира сего буйство у Бога есть*** (1 Кор. 3, 19) прилежно занимаются чтением; не тем ли паче должны мы вникать в словеса Божии и изучать их для спасения душ своих? (прп. Ефрем Сирин, 31, 151).

***

...Всегда так моли Бога, чтобы просветил ум твой и открыл тебе силу слов Своих, потому что многие, понадеявшись на разумение свое, подверглись заблуждению, ***глаголющеся быти мудри, объюродеша*** (Рим. 1, 22), не уразумев написанного, впали в хулы и погибли (прп. Ефрем Сирин, 32, 99).

***

Если кто, по Божию человеколюбию освободившись от греха, прилежно изучает словеса Божии, но при таковом занятии не преуспевает в добродетели, то надобно бояться, что этот человек снова будет пленен грехом (прп. Ефрем Сирин, 32, 405).

***

...Поелику есть Владычняя заповедь... испытывать Писания (см.: Ин. 5, 39), то хотя бы ум наш, не постигая величия мыслей, оказался отстающим от истины, чтобы не показаться также презрителями Господней заповеди, совершенно необходимо, по мере сил, преуспевать в рачении о слове. Поэтому, сколько можем, испытаем и предлагаемое Писание. Ибо Давший заповедь испытывать, без сомнения, даст для этого и силу, как написано: ***Господь даст глагол благовествующым силою многою*** (Пс. 67, 12) (свт. Григорий Нисский, 19, 205).

***

...Внутрь Божественного святилища тайноводствует ум Песнею Песней, в которой написанное есть некое брачное уготовление, а подразумеваемое — единение души человеческой с Божественным (свт. Григорий Нисский, 20, 18).

***

...Снова обращу речь к притчам, чтобы какой-нибудь страстный и плотской ум, издающий еще мертвенное зловоние ветхого человека, значения Богодухновенных мыслей и речений не низвел до скотского неразумения, но чтобы каждый, в исступлении ума, став вне вещественного мира, бесстрастием возвратившись некоторым образом в рай, и чистотою уподобившись Богу, в таком уже состоя-

нии вступил уже во святилище <таин>, проявляемых нам в книге <Песнь Песней>. Если же у кого душа не уготована к такому слышанию, то да внемлет он Моисею, который узаконяет нам не отваживаться восходить на духовную гору, не омыв прежде одежд на сердцах наших и не очистив душ приличными окроплениями помыслов... (свт. Григорий Нисский, 20, 20—21).

***

Как добрая кормилица, Писание признает людей собственными своими чадами, лепечет иногда с ними и, подобно им употребляет некоторые именования, хотя не погрешает в ведении совершенного. Ибо говоря, что Бог имеет уши, глаза и прочие члены тела, не преподает такого учения в виде определения, что Божество сложно, но излагает догматы сказанным способом, от переносного значения того, что у нас, к разумению бесплотного возводя людей, которые не могут приступить к сему непосредственно. Оно говорит, что Бог есть Дух и присущ везде, куда бы кто ни пошел, научает нас Его простоте и неописуемости. Так, следуя обыкновению, называет и Тремя Мужами, чтобы не отступить от общего, от того, что в употреблении у многих; и с точностию именует Единым, чтобы не преступить предела, когда дело касается до естества вещей. И одно почитаем снисхождением, оказанным к пользе и выгоде младенствующих, а другое называем догматом, изложенным к утверждению и сообщению совершенства (свт. Григорий Нисский, 21, 185—186).

***

Когда Бог объявляет что-нибудь, то сказанное должно принимать с верою, а не исследовать дерзко (свт. Иоанн Златоуст, 44, 504).

***

Таково свойство этого богатства: чем более станешь проникать в глубину, тем более будут истекать божественные мысли; это источник неиссякающий (свт. Иоанн Златоуст, 44, 827).

***

...Будьте искусными торжниками, — не с тем, чтобы вы, стоя на площади, пересчитывали серебро, но чтобы исследовали слова со всяким тщанием (свт. Иоанн Златоуст, 46, 86).

***

<Тот>, кто не имеет никакого дела, но постоянно занимается Писанием, — тому не нужны вступления, не нужно приготовление; нет, он, лишь только услышит говорящего, понимает смысл речи... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 125—126).

***

Надобно с великой благодарностью принимать слова (Писания) и, не выступая за пределы нашей природы, не испытывать того, что выше нас... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 25).

***

...Чем больше кто старается вникать в <Священное Писание>, тем больше может усматривать заключающееся в нем сокровище и приобретать из него великое и несказанное богатство (свт. Иоанн Златоуст, 47, 102).

***

...Напрягите свой ум, отриньте рассеянность и житейские заботы и таким образом внимайте словам (Писания).

Это Божественные законы, ниспосланные с неба для нашего спасения (свт. Иоанн Златоуст, 47, 110).

***

...Мы должны приступать к Божественным словам не иначе, как будучи руководимы благодатию свыше и получив просвещение от Святаго Духа (свт. Иоанн Златоуст, 47, 187—188).

***

Для уразумения содержащегося в Божественном Писании нужна не человеческая мудрость, но откровение Духа, дабы мы, узнав истинный смысл написанного, могли получить оттуда великую пользу (свт. Иоанн Златоуст, 47, 188).

***

Кто в этой жизни преуспевает в испытании Божественных Писаний, тот не тратит своей жизни на удовольствия и греховные страсти, но живет по Духу и действует по Духу, исследуя Писания, и вместе с тем всецело всем сердцем ищет Бога (свт. Иоанн Златоуст, 48, 784).

***

...Господь повелел испытывать Писания; но, конечно, испытающие нуждаются в озарении свыше, как для того, чтобы найти искомое, так и для того, чтобы сохранить найденное (свт. Иоанн Златоуст, 48, 793).

***

Кто думает и рассуждает по собственному своему изволению, тот обольщает себя, а кто научается решению

недоумений от Писания, тот имеет своим учителем саму Истину (свт. Иоанн Златоуст, 49, 798).

***

...Кто станет слушать, что читается в нем <Священном Писании>, без рассуждения и все принимать буквально так, как сказано, тот может предполагать много нелепого о Боге... Если же кто будет вникать в глубину смысла, то избежит всякой такой нелепости (свт. Иоанн Златоуст, 51, 97).

***

Не для того дано Писание, чтобы мы имели его в книгах, но чтобы начертывали его в сердцах наших (свт. Иоанн Златоуст, 51, 210).

***

Будем же исследовать Писания, чтобы не коснулся нас грядущий душепагубный голод; будем усердны к Писаниям, чтобы не заблуждаться и не увлекаться всяким ветром (свт. Иоанн Златоуст, 51, 697).

***

Когда мы имеем дело с Божественными Писаниями, не должно спешить изъяснять их, едва услышим, чтобы не было стеснения мысли, но предварительно уверившись в благодатном содействии свыше, тогда уже только следует приступать к спокойному и неторопливому рассмотрению в должном порядке (свт. Иоанн Златоуст, 51, 829).

***

...В <Священном> Писании... бездна вопросов. Поэтому приучайтесь не изыскивать только разрешение вопро-

сов, но и не задавать их, потому что никогда не будет конца нашим вопросам... Самое лучшее разрешение таких вопросов есть вера, т. е. убеждение, что Бог устраивает все праведно, человеколюбиво и на пользу и что причины этого постигнуть невозможно (свт. Иоанн Златоуст, 52, 223—224).

***

Любознательность в <Евангельской сокровищнице> украшает души и направляет к небу земной навык (свт. Иоанн Златоуст, 53, 901).

***

Тот, кто знает Писания, как должно знать, не соблазняется ничем случающимся, все переносит мужественно, иное принимает верою и приписывает непостижимому Домостроительству Божию, а для иного видит основания и находит примеры в Писаниях. Не исследовать всего и не домогаться познания всего — это ясный признак знания (свт. Иоанн Златоуст, 54, 816).

***

Извращающие Божественные изречения и толкующие их принужденно по собственному своему изволению погрешают неизвинительно. Ибо не будут иметь оправдания, представляющего в предлог обольщение и заблуждение, потому что пали по злонамеренности, а не по простоте, и не укроются от спокойного и кроткого Ока, вопреки которому осмелились учить, обезумев от порока (прп. Исидор Пелусиот, 61, 39—40).

***

...Священные и небесные глаголы, поелику изречены и написаны на пользу всему человечеству, сраствореныясностию; потому что от ясности услаждающиеся другими доблестями слова... не терпят никакого вреда, как скоро уразумевают смысл сказанного. Все же, занимающиеся земледелием, искусствами и другими житейскими делами, получают пользу от ясности, в кратчайшее мгновение времени познавая и что прилично, и что справедливо, и что полезно. Ибо до такой краткости доведено божественное нравоучение, что по оному изволение каждого служит пределом добродетели. Сказано: ***Вся убо, елика аще хощете, да творят вам человецы, тако и вы творите им: се бо есть закон и пророцы*** (Мф. 7, 12). Что в сравнении с этою добродетелию, с этой краткостию, с этою ясностию Платоновы разговоры, или Гомеров листок, или кодексы законодателей, или Демосфеновы книги... Пусть право рассудят смеющиеся над грубостию речений, и произнесут беспристрастный приговор. Сколько разговоров написал ученейший Платон, желая показать, что такое справедливость? И кончил он жизнь, не высказав ничего ясного, никого не убедив, даже лишившись самой свободы. Сколько написал Аристотель, опровергая Платона и осмеивая его учения? Но и он нималой не принес пользы, кроме того, что произвел на свет искусство словопрения. Сколько написали стоики, ограждаясь от Аристотеля? Но и их учения угасли. Поэтому пусть сравнят с поименованными мудрецами ясность Божественных словес, и прекратят свое пустословие, примут Божественный образ речи <Священных> Писаний, имеющий в виду не любочестие, но пользу слушающих (прп. Исидор Пелусиот, 61, 479—480).

***

Божественное Писание о том, чему хотело научить нас, нечто даже и тем, которые не имеют острого ума, так ясно и очевидно изрекло, что не только никакою тенью сокровенного смысла не помрачено или не прикрыто, но и не имеет никакой нужды в пособии толкования, выражает свои понятия и мысли в собственном, буквальном значении слов. А некоторые места так прикровенны и как бы затемнены таинственностию, что в исследовании и уразумении их представляется для нас неизмеримое поле упражнения и заботы. Это так Бог устроил по многим причинам, во-первых, для того, чтобы Божественные тайны, не имея никакого прикровения духовного разумения, не открывались всем людям, т. е. как верным, так и неверным с одинаковым знанием и пониманием; через это между нерадивыми и рачительными не было бы такого различия касательно добродетели и благоразумия; потом для того, чтобы и между самыми верующими, когда простирается перед ними неизмеримое поле разумения, обличалось нерадение беспечных и открылась ревность и тщательность усердных. Потому Божественное Писание хорошо сравнивается с тучным, плодоносным полем, которое рождает и приносит много таких плодов, которые полезны для пищи людей без сварения на огне; некоторые, если наперед от варения и умягчения не потеряют жестокость своей терпкости, признаются негодными для употребления людей или вредными; а некоторые признаются удобными для употребления в том и другом виде, так что и невареные они при своей терпкости не противны или не вредны, однакож сваренные на огне становятся более полезными. Многие растения также вырастают в пищу только неразумных скотов и животных или зверей и птиц, а в пищу людям неполез-

ны, которые, оставаясь в своей суровости, без всякого уварения на огне, доставляют животным жизненную сытость. Подобное усматриваем и в этом плодоносном саду духовных Писаний, в котором некоторые места сияют ясным, очевидным буквальным значением, так что не имеют нужды в высшем истолковании, только простым буквальным смыслом достаточно питают слушающих, как например: *слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть, и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душею твоею и всеми силами твоими* (Втор. 6, 4—5). А некоторые изречения если не будут утончены аллегорическим изъяснением и умягчены испытанием духовного огня, то без причинения расстройства никак не послужат спасительною пищею для внутреннего человека, и от принятия их последует больше вред, нежели какая-либо польза, каково следующее: *да будут чресла ваши препоясана и светильники горящи. У кого нет* меча, *продай одежду свою и купи меч* (ср.: Лк. 12, 35; 22, 36). *Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10, 38). Некоторые весьма строгие монахи, имеющие ревность Божию, но не по разуму, понимая это просто, сделали себе деревянные кресты и, нося их постоянно на плечах, всем видящим доставили не назидание, а смех. А некоторые изречения удобно и необходимо прилагаются к тому и другому пониманию, т. е. как историческому, так и иносказательному, так что то и другое изъяснение доставляет жизненные соки душе, каково следующее: если *кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую* (Мф. 5, 39). *Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 10, 23; 19, 21). Произ-

ращает оно и сено скотам, каковою пищею наполнены все поля Священного Писания, именно содержит простое и чистое повествование истории, от которого все более простые и менее способные к совершенному и чистому разумению, по состоянию и мере своей делаются здоровее и сильнее только к работе и труду деятельной жизни (прп. авва Серен, 56, 306—308).

***

...О том, что ясными словами выражено, мы можем твердо определить и смело произнести свое мнение. А те предметы, которые, предоставляя нашему размышлению и упражнению, Дух Божий поместил в Священном Писании, желая, чтобы о них заключали по некоторым знакам и предположениям, неспешно и осторожно должны быть обсуждаемы, так что удостоверение или утверждение их зависит от произвола рассуждающего или принимающего. Ибо иногда, когда об одном предмете произносится различное мнение, то и другое может считаться разумным и без ущерба для веры может быть принято или положительно, или в среднем смысле, т. е. так, чтобы не принимать их с полной уверенностью и не отвергать совершенно; и за первым следующее мнение не должно отвергать, когда ни то ни другое из них не оказывается противным вере, каково то, что Илия пришел в лице Иоанна (см.: Мф. 11, 14) и опять придет перед Пришествием Христовым; и мнение о мерзости запустения, которая стояла на месте святом (см.: Дан. 9, 27), под которою разумеют изображение Юпитера, которое было поставлено в храме Иерусалимском, и еще будет стоять она с пришествием антихриста; также понимают и все то, что изображается в

Евангелии (см.: Мф. 24), что исполнилось и перед пленением Иерусалима и в конце мира исполнится. Из этих ни одно мнение не опровергает другого, и первое разумение не упраздняет последующего (прп. авва Серен, 56, 308).

***

Божественные и небесные глаголы нелюбителям прекрасного представляются только простыми письменами, а для премирных любознателей суть цветущие луга, на которых обильно растут чистые цветы, орошенные небесным нектаром. Ибо достаточно одного только произнесения их, чтобы приводить в изумление; а уразумевающих не в праздности оставаться убеждают они, но заставляют все духовное чувство обращать на них, так чтобы прежде, нежели в точности рассмотрено настоящее, вожделевать следующего за ним, а рассмотрев и это, взыскать чего недостает, и, узрев сие третие, не имеет уже более, чему бы можно было удивляться; потому что уразумевающие, погружая мысль внутрь письмен, приходят в столь великое удивление и исполняются столь великой благодати, что забвение препобеждает в них то, чему удивлялись прежде, и не могут они уже вмещать ничего земного, хотя бы стеклось к ним все, чего ревностно домогаются другие (прп. Исидор Пелусиот, 61, 372—373).

***

Не станем насильственно толковать пророчества и для соглашения пророческих выражений впадать в пустые разглагольствия; но будем сказанное исторически понимать благоразумно, и изреченное пророчественно — в умозрительном смысле, насильственно не превращая и ясно исто-

рического в умозрение, и что должно понимать умозрительно — в историю, но тому и другому приспособляя пригодный и сообразный смысл. Если же найдем такое пророчество, которое сохраняет в себе и историю, и к которому удобоприложимо умозрение непринужденно, то должно им пользоваться и в том, и в другом смысле (прп. Исидор Пелусиот, 62, 113—114).

***

Хотя, как говоришь ты, многие изречения Священного Писания легко можно наклонять и принужденно прилагать, к чему кто пожелает, вопреки подлинному смыслу; однако же истина и препобеждала, и препобеждает, и будет препобеждать всех, осмеливающихся злонамеренно, или исказить, или перетолковать эти изречения (прп. Исидор Пелусиот, 62, 328).

***

Непрестанное изучение Писания — свет для души; потому что оно указывает душе полезные запоминания о том, чтобы остерегаться от страстей, пребывать в любви к Богу и в чистоте молиться (прп. Исаак Сирин, 58, 279).

***

Духовное ведение подобно дому, построенному посреди эллинского и мирского знания, в каком доме находится, как сундук какой, крепко-накрепко замкнутый, знание Божественных Писаний и неизреченное богатство, скрытое в этом знании Писаний, т. е. Божественная благодать. Этого богатства не могут видеть входящие в дом, если не будет для них открыт сундук; сундука же этого невозможно от-

крыть никакою человеческою мудростию. Почему все люди, мудрствующие по-мирски, не знают духовного сокровища, которое лежит в сундуке духовного ведения. И как, если кто подымет этот сундук на плечи, не может еще по одному этому видеть сокровище, которое внутри его; так если кто прочитает и даже на память заучит все Божественные Писания, и может прочитать их все, как один псалом, не может по одному этому постигнуть благодать Святаго Духа, которая сокрыта в них: ибо ни того, что находится внутри сундука, нельзя обнаружить посредством самого сундука, ни того, что сокрыто в Божественных Писаниях нельзя открыть посредством самих Писаний. Каким же образом это можно, послушай.

Предположи, что ты видишь небольшой сундучок, крепко запертый отовсюду, и, судя по тяжести его и по внешней видимой тебе красоте его, догадываешься или от другого кого узнаешь, что внутри его находится богатое сокровище; предположи также, что ты схватил этот сундучок на плечи и убежал с ним. Спрошу тебя теперь: какая тебе от него польза, если он навсегда останется для тебя запертым и ты не откроешь его и не увидишь во всю жизнь свою сокровищ его — ни блеска многоценных камней и маргарит, ни золота, что внутри его? Какая тебе польза, если ты не ухитришься достать хоть малость какую из тех сокровищ и купить себе что съестное или из одежд, а пробережешь тот сундук всю жизнь запертым, как мы сказали, и запечатанным, полным великих и многоценных сокровищ, тогда как ты умираешь от голода, жажды и наготы? Конечно никакой. То же самое, брате мой, бывает и в духовных вещах. Сундук, скажем так, есть Евангелие Христово и прочие Божественные Писания, которые имеют внутри себя сокрытую вечную жизнь и вместе с нею

неизреченные блага небесные, как говорит Христос: *испытайте Писаний, яко вы мните в них имети живот вечный* (Ин. 5, 39). Человек же, который поднял сундук на плечи, положим, изображает того, кто выучил на память все Божественные Писания, всегда имеет их в устах и хранит в памяти душевной, как в сундуке, содержащем многоценные камни — заповеди Божии, в которых живот вечный, а вместе с заповедями Божиими и добродетели, как маргариты. Ибо от заповедей рождаются добродетели, а от добродетелей явными делаются таинства, сокрытые в букве Писания. Тогда преуспевают в добродетелях, когда хранят заповеди; и опять тогда хранят заповеди, когда ревнуют о добродетелях, а посредством добродетелей и заповедей открывается для нас дверь ведения, или, лучше сказать, она открывается Иисусом Христом, Который сказал: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя... и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21). Таким образом, когда вселится в нас Бог и откроет нам Себя заведомо (сознательно, осязательно), тогда и мы прозрим к ведению, т. е. уразумеем действенно те Божественные таинства, которые сокрыты в Божественных Писаниях. Другим же каким-либо способом достигнуть сего невозможно. И пусть никто себя не обманывает, думая, что открыл иначе как этот сундучок ведения и вкусил благ, которые внутри его, т. е. достиг причастия их и созерцания их (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 442—444).

***

...Постарайся, чтобы Евангелие усвоилось твоему уму и сердцу... тогда и деятельность твоя удобно соделается Евангельскою (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 109).

***

Кто углубляется постоянно в Писание, изучает его в смирении духа, испрашивая у Бога разумение молитвою; кто направляет по Евангельским заповедям все дела свои, все сокровенные движения души, тот непременно соделывается причастником живущего в них Святаго Духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 8).

***

...Что значит — последовать Христу? Значит: изучать Евангелие, иметь Евангелие единственным руководителем деятельности ума, деятельности сердца, деятельности тела (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 95).

***

Дух произнес Священное Писание, и только Дух может истолковать его. Вдохновенные Богом мужи, пророки и апостолы написали его; вдохновенные Богом мужи, святые отцы истолковали Его (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 516).

***

Должно заняться со всевозможной тщательностью и вниманием изучением Святого Евангелия... чтобы для каждого поступка, для каждого помысла имел в памяти готовое наставление Евангелия (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 37).

***

Новоначальный... должен сперва заняться изучением Нового Завета; духовное понимание Ветхого Завета придет

в свое время: оно — достояние преуспевших (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 266).

Понимание Священного Писания

...Вникая во всякое чтение и псалмопение, несколько просвещенный (благодатию) везде находит видение, и богословие, и каждое Писание — подтверждаемое другим. А у кого ум еще не просвещен, тот думает, что Божественные Писания разногласны между собою; однако нет сего в Божественных Писаниях. Никак. Но некоторые из Писаний свидетельствуются другими Писаниями, а некоторые имели поводом время или лицо, и потому всякое изречение Писания непогрешительно. Иной же образ (понимания) есть дело нашего неведения. И никто не должен порицать Писания, но всею силою соблюдать их в том виде, как они находятся, а не по своему хотению, как делали эллины и иудеи. Не хотя сказать: «не знаю, что это», по самомнению и самоугодию они порицали Писание и естество вещей, и понимали их, как им казалось, а не по воле Божией; потому и обольстились и уклонились во все злое. Всякий ищущий смысла Писания не утверждает никогда своего разумения, ни хорошего, ни худого... Ибо, если кто-либо искажает смысл Писания или порицает его для того, чтобы утвердить свое знание или скорее — неведение, — нет на земле безумнее такого! Какое это понимание — представлять смысл Писания таким, каким он хочет, и осмеливаться изменять слова Писания? Тот понимает, кто видит изречения непоколебимыми и, премудростию Духа, обретает сокровенные тайны, подтверждаемые Божественными Писаниями (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 119—121).

***

...Одно и то же изречение много раз встречается в Божественном Писании; однако это не есть многословие, но для того (сделано), чтобы частым напоминанием и весьма ленивых в слушании, с удивлением, человеколюбиво привести к памятованию и пониманию говоримого, и чтобы слово не прошло скоро мимо ушей, по краткости встретившегося изречения, особенно когда мы заняты бываем житейскими вещами, ничего не зная даже и отчасти (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 193—194).

***

Слово Божие не хочет все передать нам ясно, и опять не хочет оставлять все неясным, но (говорит) так, как нам полезно. Великое и это благодеяние Божие, говорит Иоанн Златоуст, что некоторые места Божественного Писания весьма ясны, а некоторые неясны; чтобы одними мы утверждались в вере и любви, и от многого непонимания не впали в неверие и уныние, а другими возбуждаемы были к изысканию и труду, избавились от гордости и приобрели смирение, через то, что не можем постигнуть. И таким образом от того и от другого получали плод смирения и любви к Богу, если ощущаем изливающиеся на нас дары Его (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 67—68).

***

Кто, читая слова Писания, исполняет их по своему разуму и с упорством утверждает, что именно так должно их понимать, как он, тот не знает славы Божией и сокровищ Его. Кто же, при рассматривании (слов Писания), так говорит: не знаю (так ли), ибо я человек, — и

воздает славу Богу, в том обитает богатство Божие (прп. авва Исаия, 59, 48).

***

...Нужна чистота в жизни для того, чтобы и для преуспеяния в нравственной добродетели распознаваемо было прикровенное в Писании. Но кроме чистоты жизни, нужно и продолжительное занятие Писанием, чтобы важность и таинственность Божия слова через непрестанное поучение напечатлелись в душе (свт. Василий Великий, 6, 12).

***

...Если и слушать Слово <Божие> тяжело для твоего терпения, то тем паче тяжело для тебя исполнение его на деле... Заключай из этого о себе, что ты... нерадив... (прп. Ефрем Сирин, 30, 137—138).

***

Когда садишься читать или слушать читающего <Священное Писание>, помолись прежде Богу, говоря: «Господи Иисусе Христе! Отверзи уши и очи сердца моего, чтобы услышать мне словеса Твои, и уразуметь их, и исполнить волю Твою... Ибо на Тебя уповаю, Боже мой, чтобы просветил Ты сердце мое» (прп. Ефрем Сирин, 32, 99).

***

...Предлагается нам Песнь Песней, как полное изложение боговедения и любомудрия. Она есть истинная скиния свидения, в которой покровами, завесами и опонами служат некие слова и речения, выражающие любовь, пока-

зывающие отношение к любимому, также изображение красоты, упоминание телесных членов, и видимого на лице, и сокрытого под облачением одежды. А что внутри, то в подлинном смысле есть некий пресветлый светильник, и кивот, исполненный таин, и благоухающая кадильница, и очищение греха, оное всезлатое кадило благочестия, эта красота завес — благообразное исткание из доброцветности добродетелей, эти незыблемые столпы помыслов, неподвижные стояла догматов и красота верхов, которыми истолковывается благодать во владычественном <свойстве> души и омывальницы душ; и все, что относится к небесному и бесплотному житию, что закон предписывает. выражаясь загадочно, можно находить в сокрытых под буквою понятиях, если только, в купели Слова омыв всю скверну гнусной мысли, попечением о жизни соделаем себя способными к вступлению во Святая святых, а не останемся не узревшими чудес внутри скинии, подвергшись смерти за то, что, вопреки предписанию закона, касались мертвого понятия или какого-либо нечистого помышления. Ибо закон духовный не дозволяет таковым входа, если кто, коснувшийся какой-либо мертвой и мерзкой мысли, не омоет, по Моисееву Закону, ризу совести своей (свт. Григорий Нисский, 20, 38—40).

***

Поскольку... Песнь Песней содержит в себе некоторые понятия, трудно постигаемые и по неясности покрытые тайною, то настоит для нас потребность в большей внимательности, лучше же сказать, в большем содействии молитв, и путеводительстве Святаго Духа, чтобы нам в изумлении от сих высоких чудес не потерпеть того же, что

обыкновенно бывает с нами, когда смотрим на звезды; потому что, и их красоте дивясь издали, не можем придумать никакого способа к познанию их сотворения, напротив того, по причине красоты их, наслаждением служит для нас пребывать в удивлении видимому. Ибо подлинно некиими звездами представляются и эти лучи, и осияния Божественных сих словес, блистательнейшие и превосходнейшие душевных очей, *по высоте небесней от земли,* как говорит Пророк (Пс. 102, 11). А если и с нашею душою произойдет то же, что слышим об Илии, и мысль наша, восхищенная на огненной колеснице, став превыспреннею, преложится к небесным красотам (Святым же Духом будем представлять себе тот огонь, которого Господь приходил *вовргщи на землю* (Лк. 12, 49), уделяемый ученикам в виде языков); то и для нас небезнадежным сделается приблизиться к сим звездам, разумею божественные понятия, которые посредством небесных и духовных словес осиявают наши души (свт. Григорий Нисский, 20, 255—256).

***

...Как глухим, посредством знаков и движений рук, означаем, что должно делать, не потому, что сами не имеем собственного голоса, когда это делаем, но потому, что для неслышащих совершенно бесполезно изъяснение посредством слов, — так, поскольку человеческое естество некоторым образом глухо и не слышит ничего горнего, то благодать Божия, говорим мы, *многочастне* глаголавшая *во пророцех* (Евр. 1, 1), руководит нас к уразумению горнего, сообразуя речения святых пророков с тем, что нам ясно и привычно, а не предлагает научения собственного собственному величию (ибо как в малом вместилось бы вели-

кое?), но снисходит к скудости нашей силы (свт. Григорий Нисский, 23, 362—363).

***

Видишь, какое великое благоразумие необходимо нам при рассматривании сокровища Божественных Писаний? Если же мы будем просто, поверхностно и невнимательно слушать сказанное в них, то не только произойдут... несообразности, но и окажется много противоречий в словах их (свт. Иоанн Златоуст, 44, 571).

***

...В Божественном Писании ничего не сказано просто и напрасно, но и незначительное слово заключает в себе скрытое сокровище (свт. Иоанн Златоуст, 47, 77).

***

Божественное Писание все излагает нам, снисходя к человеческой немощи (свт. Иоанн Златоуст, 47, 160).

***

Так как <Священное Писание> есть учение Божественное, а не человеческое, то и можно видеть, что все оно противоположно мудрости человеческой (свт. Иоанн Златоуст, 47, 399).

***

<Языческие писатели> пишут историю только для того, чтобы изложить рассказ о событиях, представить войны и сражения, и приобрести себе славу этими писаниями. А законодатель <пророк Моисей> пишет не так: он везде изла-

гает историю великих праведников, чтобы повествование об их жизни служило для потомков добрым наставлением. Поэтому же он повествует не о праведниках только, но и о грешниках, чтобы мы одним подражали, а примера других избегали, и через то и другое преуспевали в добродетели и усердии (свт. Иоанн Златоуст, 49, 608—609).

***

...Нужно тщательное исследование, нужна кроме того и постоянная молитва, чтобы хотя немного прозреть в святилище Слова Божия (свт. Иоанн Златоуст, 51, 135).

***

Желающие получить какой-либо плод от того, что прочитывается <в Священном Писании>, не должны оставлять без внимания ни одного слова. Потому-то и заповедано нам исследовать Писания, что многое, что с первого взгляда представляется простым, заключает в себе глубокий сокровенный смысл (свт. Иоанн Златоуст, 51, 371).

***

Когда мы слушаем Евангелие, братие, будем усвоять образ мыслей, достойный этого названия. Часто многие, по обычному употреблению имен, не знают силы самих дел. А Евангелие есть объяснение дела, потому что оно благовествует нам многопетое домоправление Спасителя... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 366).

***

...Желающий понимать Священное Писание должен заниматься не столько чтением толкователей, сколько очи-

щением сердца от плотских пороков. Если эти пороки будут истреблены, то по снятии покрывала страстей душевные очи будут созерцать тайны Священного Писания. Ибо оно не с тем открыто от Святаго Духа, чтобы мы его не знали; темно же оно от того, что душевные наши очи закрываются покровом пороков; а если им возвращено будет естественное их здравие, то и одного чтения Священного Писания достаточно будет для уразумения истинного смысла его, и не будет нужды в пособии толковников, подобно тому, как телесные глаза не нуждаются ни в какой науке для видения, если только они чисты и нет темноты. От того-то и у самих толкователей произошло столько разностей и погрешностей, что, приступая к толкованию Священного Писания, не заботятся об очищении духа: по причине нечистоты сердечной они не только не видят света истины, но еще придумывают много противного вере (прп. авва Феодор, 56, 69).

***

...Тогда Божественные Писания для нас яснее становятся, как бы жилы и мозги их открываются, когда опытность наша не только приобретает, но и предваряет понимание их, и смысл слов раскрывается нам не через изъяснение, а через дела. Ибо, воспринимая то же расположение сердца, с каким воспет или написан псалом, становясь как бы сочинителями его, мы больше предваряем разумение его, нежели последуем, т. е. постигая прежде силу слов, нежели знание, при размышлении о них мы некоторым образом припоминаем, что в нас произошло или происходит при ежедневных случаях, что породило в нас наше нерадение, или приобрело усердие, или доставило Божественное Провидение, или обольстило внушение врага, или похитило легкое, тонкое забвение, или причи-

нила человеческая слабость, или ввело в обман тупое незнание; воспевая псалмы, мы это воспоминаем. Ибо мы находим все эти расположения, выраженные в псалмах, так что то, что произошло с нами, ясно усматривая как в чистом зеркале, действительнее познаем, и таким образом научившись из действий, как учителей, мы не как услышанное, а как совершенное нами осязательно понимаем, не как усвоенное памятию, а как впечатленное в самую природу вещей, порождаем из внутреннего расположения сердца, так что проникаем смысл их не по связи чтения, а по предшествующей опытности, и таким образом дух наш достигает той чистоты молитвы... которая не только не занимается видением какого-либо образа, но и не развлекается никаким голосом, никаким произношением слов, при горячем напряжении ума, при неизреченном восторге сердца, с непобедимою живостию духа возносится, и которую дух, ставши вне всех чувств и видимых вещей, изливает Богу неизъяснимыми стонами и воздыханиями (прп. авва Исаак, 56, 362—363).

***

...Никто не может достигнуть правильного испытания свидетельств Божиих (Священного Писания), если наперед деятельным поведением не будет непорочно поступать по пути Христову (прп. авва Нестерой, 56, 436).

***

Обрати взор и на Божественную Премудрость, растворенную в низких словах и примерах. Если бы на Свое только достоинство взирал Бог, а не на пользу тех, которые будут читать <Священное Писание>, то употребил бы слова и примеры небесные и Божественные. Напротив

того, поскольку давал закон людям, которые немощны и имеют нужду в словах человеческих (в таком только случае могли они удобно понимать и то, что выше их), то Божественные уроки растворил речениями простыми, чтобы и женщина, и ребенок, и самый неученый из всех людей приобретали некую пользу и от одного слышания. Ибо, озаботившись о спасении многих и даже несведущих, слово, по человеколюбию Законоположника страстворенное такою ясностию, никого не лишает посильной пользы. Не вознерадело же оно и о более мудрых; потому что в такой ясности, как некие сокровища, сокрыты учения столько таинственные, что самые мудрые и ученые люди приходят в недоумение от глубины мыслей и часто не могут проникнуть в непостижимость премудрости (прп. Исидор Пелусиот, 60, 284—285).

***

Не думай... сразу уловить то, что едва уловляется с пролитием великого пота и после многих подвигов; но, предначав трудами и молитвами, приступай к уловлению тех мыслей в Священном Писании, которыми разумение наше изощряется до большей проницательности (прп. Исидор Пелусиот, 60, 368).

***

Не возносись в сердце твоем разумением Писаний, дабы не впасть умом в дух хулы... (прп. Марк Подвижник, 69, 8).

***

Во всем, что встретится тебе в Писаниях, доискивайся цели слова, чтобы проникнуть тебе в глубину мысли свя-

тых и с большею точностию уразуметь оную (прп. Исаак Сирин, 58, 13).

***

Постоянно упражняй себя в размышлении, читая Божественные Писания, с точным их разумением, чтобы, при праздности ума твоего, не осквернялось зрение твое чужими скверна́ми непотребства (прп. Исаак Сирин, 58, 19).

***

Молитву почитай ключом к истинному смыслу сказанного в Божественных Писаниях (прп. Исаак Сирин, 58, 400).

***

Во Святом Писании различать можно плоть и дух, как бы оно было неким духовным человеком. И кто сказал бы, что буква Писания есть плоть, а смысл его — дух или душа, тот не погрешил бы против истины. Явно же, что тот премудр, кто, оставя плоть, как тленное нечто, весь прилепляется к духу, как нетленному (прп. Максим Исповедник, 91, 235).

***

В отношении... к Божественному Писанию, то, чтобы читать оное, в нашей состоит власти; а то, чтобы понимать читаемое, и от нас самих зависит, и не от нас. От нас зависит старание и внимание, какие надлежит иметь при чтении; <а> чтобы понимать читаемое, есть дело благодати Божией. Но то, чтобы удерживать в уме и помнить понятое, есть дело единой благодати Божией. Почему немного таких, которые удерживают это в уме, как и вообще

спасаемых избранников немного. Чтение научает человека тому, что руководит его к Богу и делает Божиим; а молитва делает то, что Бог милосердствует к человеку и просвещает ум его, чтобы понимал и помнил прочитываемое. То, что написано об иных мирских делах, читающие могут понимать и сами, но вещей божественных и спасительных никому не возможно понять или помнить без просвещения от Святаго Духа (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 75).

***

...Тот, у кого... все Божественное Писание на устах, не может понять и постигнуть таинственную и Божественную славу и силу, сокрытую в нем, если не будет исполнять заповедей Божиих и не сподобится получить Утешителя, Духа Истины, Который бы раскрыл перед ним слова Божественного Писания, как книгу, и показал ему таинственно славу, которая внутри их, — при этом же показал бы силу и блага Божии, сокрытые в них, вместе с Вечною жизнию, преисполненною тех благ, которые сокрыты и неведомы для всех нерадивых презрителей заповедей Божиих. И достойно сокрыты. Ибо так как они прилепили все чувства свои к суете мирской, пристрастились к обманчивым благам настоящей жизни и омрачились через то умом своим, то и не могут вознестись горе́, чтобы помышлять о мысленной красоте неизреченных благ Божиих (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 447).

***

...Все Божественное Писание всеми, содержащимися в нем, о Боге мыслями и речениями представляет только, что Бог есть, а не то, что́ Он есть (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 100).

***

...Читаемое в Писании настоящим образом познается, когда делом исполняется (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 308).

***

Молись в сокрушении духа Господу, чтобы Он открыл тебе очи видеть чудеса, сокровенные в законе Его, который — Евангелие (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 108).

***

Зрение грехов, зрение того падения, в котором находится весь род человеческий, есть особенный дар Божий. Испроси себе этот дар, и понятнее будет для тебя книга Небесного Врача — Евангелие (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 109).

***

Для любящего душу свою, для того, кто не решается на самоотвержение, закрыто Евангелие: он читает букву; но слово жизни, как Дух, остается для него под непроницаемою завесою (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 110).

***

...Точного и совершенного раскрытия Евангелия невозможно стяжать в себе собственными усилиями: это — дар Христов (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 111).

***

Евангелие, как откровение Бога, превысшего всякого постижения, недоступно для падшего разума человечес-

кого. Необъятный разум Божий объемлется верою... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 497).

***

...Правила Церкви требуют, чтобы Писание было понимаемо так, как объясняют святые отцы, а отнюдь не произвольно... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 50).

***

Неведение новоначального и преобладание в нем страстей не дают ему возможности понимать Писание как должно и держаться с должною твердостию (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 139).

***

Слово Божие не может говорить так или иначе; оно одно (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 70).

Чтение Священного Писания

Прилежи чтению Писаний, и они исторгнут тебя из нечистоты (или: будут разгонять нечистые помыслы).

Если будешь постоянно и усердно заниматься чтением Писаний и исполнять заповеди, то Божие милосердие пребудет с тобою (прп. Антоний Великий, 89, 96).

***

Тайное поучение и чтение (Священного Писания) есть дом души недоступный для врагов, столп неподвижный, пристанище тихое и безмятежное, верно спасающее душу (прп. авва Исаия, 59, 219).

***

Когда заметишь в себе, что скучно для тебя чтение Божественных Писаний и неохотно слушаешь духовные наставления, тогда знай, что душа твоя впала в тяжкую болезнь. Ибо это — начало зломудрия, которым болевшие пожали плод смерти (прп. Ефрем Сирин, 30, 522).

***

...Будь трезвен, чтобы чтением доставить пользу и себе самому, и слушающим тебя (прп. Ефрем Сирин, 31, 219).

***

Когда... начинаешь читать Божие Писание, старайся читать, как обязанный пересказать, что́ слышал (прп. Ефрем Сирин, 31, 632).

***

...Чтение Божественных Писаний приводит в собранность блуждающий ум и дарует ведение о Боге (прп. Ефрем Сирин, 32, 96).

***

Когда же читаешь <Священное Писание>, читай с усердием и прилежно; с великим вниманием останавливайся на каждом стихе, и не листы только переворачивать старайся, но, если нужно, не поленись и дважды, и трижды, и несколько раз прочесть стих, чтобы уразуметь силу его (прп. Ефрем Сирин, 32, 99).

***

Где священные книги и чтения, там веселие праведных и спасение душ (прп. Ефрем Сирин, 32, 401).

***

Прилежно читай Писание, потому что в нем научишься мудрости (прп. Ефрем Сирин, 33, 354).

***

Как только кто касается Евангелия, то тотчас благоустрояет ум свой, и при одном только взгляде на него отрешается от (всего) житейского. Если же присоединится и внимательное чтение, то душа, как бы вступая в таинственное святилище, очищается и делается лучшею, так как с нею беседует Бог через эти Писания... Даже если ты и не понимаешь содержащегося в них, от самого чтения бывает великое освящение. Впрочем, невозможно, чтобы ты одинаково не понимал всего; благодать Духа для того именно и устроила, что эти книги сложили мытари, рыбари, пастыри овец и коз, люди простые и неученые, чтобы никто из простых людей не мог прибегать к такой оттоворке, чтобы всем было удобопонятно то, что говорится, чтобы и ремесленник, и слуга, и вдовая женщина, и необразованнейший из всех людей получили пользу и назидание... ибо не для суетной славы, как внешние (мудрецы), но для спасения слушателей сложили все это те, которые в начале удостоились благодати Духа (свт. Иоанн Златоуст, 44, 812—813).

***

Великая защита от грехов — чтение Писаний; а незнание Писаний — великая стремнина и глубокая пропасть; великая потеря для спасения — не знать ничего из Божественных постановлений. Это незнание породило ереси; оно привело к развратной жизни; оно перевернуло все вверх дном; ибо невозможно, чтобы без плода остался тот,

кто постоянно с усердием занимается чтением (Писаний) (свт. Иоанн Златоуст, 44, 814).

***

...Чтение Божественных Писаний есть не только луг, но и рай, потому что цветы эти имеют не одно лишь простое благоухание, но и плод, который может питать душу (свт. Иоанн Златоуст, 45, 6).

***

...Чтение Божественного Писания ободряет и оживляет скорбящие и одержимые печалию души, уничтожая силу и жар скорби, доставляя утешение, которое приятнее и сладостнее всякой тени (свт. Иоанн Златоуст, 45, 334).

***

Прекрасно... чтение Писаний; но прекрасно в том случае, когда за ним следует дело, так как если ты читаешь, а не делаешь, то чтение бывает тебе в осуждение и в повод к наказанию (свт. Иоанн Златоуст, 45, 906).

***

Подлинно, чтение Божественных Писаний есть духовный луг и рай сладости, рай сладости превосходнейший того рая. Этот рай Бог насадил не на земле, а в душах верующих; этот рай Он поставил не в Эдеме и не ограничил одним местом на востоке, но распространил по всей земле и распростер до пределов вселенной (свт. Иоанн Златоуст, 46, 74).

***

...От всех порочных помыслов, как бы из среды пламени, избавляет душу чтение Божественных Писаний (свт. Иоанн Златоуст, 46, 76).

***

Подлинно, ни величие славы, ни высота власти, ни присутствие друзей и ничто другое из вещей человеческих не может утешать в скорби так, как чтение Божественных Писаний (свт. Иоанн Златоуст, 46, 76).

***

...Вещи тленны и скоропреходящи, — почему и утешение от них скоропреходящее, а чтение Писаний есть собеседование с Богом (свт. Иоанн Златоуст, 46, 76).

***

...Читающий постоянно Божественные Писания и стоящий при их потоках, хотя бы не имел никакого толкователя, постоянным чтением, как бы некоторыми корнями, приобретает себе великую пользу (свт. Иоанн Златоуст, 46, 77).

***

...Приятен луг, приятен сад, но гораздо приятнее чтение Божественных Писаний. Там — увядающие цветы, а здесь — цветущие мысли; там — дыхание эфира, а здесь — веяние Духа; там служит оградою терновник, а здесь охраняет Промысл Божий; там — пение кузнечиков, а здесь —

речи пророков; там — удовольствие от зрения, а здесь — польза от чтения; сад — в одном каком-либо месте, а Писания — во всей вселенной; сад подчинен переменам времен года, а Писания и зимою и летом украшены листьями, обременены плодами (свт. Иоанн Златоуст, 46, 409).

***

Не столько имеет значение воскресение мертвых (для познания истины), сколько чтение Писаний (свт. Иоанн Златоуст, 46, 901).

***

Чтение Божественного Писания подобно сокровищу. Как получивший из сокровища и малую частицу приобретает себе великое богатство, так и в Божественном Писании даже в кратком речении можно найти великую духовную силу и неизреченное богатство мыслей (свт. Иоанн Златоуст, 47, 14).

***

...Будем заниматься чтением Божественного Писания с наибольшим тщанием... если и нет у нас наставника — человека, то Сам Господь, проникая в сердца наши, просвещает ум, озаряет смысл, открывает нам сокровенное и таким образом бывает для нас наставником в предметах, неведомых нам, лишь бы только мы хотели сделать то, что от нас зависит (свт. Иоанн Златоуст, 47, 374).

***

...Будем... совершать чтение <Священного Писания> с великим благоговением, с полным вниманием, чтобы быть достойными руководиться Духом Святым в разумении на-

писанного и получить отсюда великую пользу (свт. Иоанн Златоуст, 47, 374).

***

...Никакое время не может служить препятствием к чтению Слова Божия; не только дома, но и ходя по торжищу, и совершая путешествие, или находясь в многолюдном собрании и занимаясь делами, можно нам упражняться в этом чтении... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 376).

***

Видя наше расположение к духовному знанию <через чтение Священного Писания>, Владыка наш не презрит нас, но подаст озарение свыше и просветит наш ум (свт. Иоанн Златоуст, 47, 376).

***

Не будем же... пренебрегать чтением (Писания), но понимаем ли содержащееся (в нем), или не понимаем, (во всяком случае), будем как можно чаще обращаться к нему. Постоянное упражнение в чтении напечатлевает неизгладимо в памяти (прочитанное) и часто, чего сегодня мы не могли понять при чтении, то вдруг понимаем, снова приступив к чтению завтра, потому что человеколюбивый Бог невидимо просвещает наш ум (свт. Иоанн Златоуст, 47, 376—377).

***

Читающий <Священное Писание> поверхностно приходит в великое недоумение, а тщательно вникающий... увидит последовательность и точную связь мыслей (свт. Иоанн Златоуст, 48, 225).

***

Через чтение и слушание Божественных Писаний жизнь наша еще более совершенствуется... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 784).

***

...Одного чтения недостаточно, если не будет при том и разумения. Как тот, кто принимает пищу, но не переваривает ее, не будет жить, так и тот, кто читает, но нисколько не понимает читаемого, не достигнет истины... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 547).

***

Кто живет в мире и каждый день получает новые раны, для того особенно и нужно врачевство. Поэтому считать излишним чтение Писания гораздо хуже, чем не читать его. Такая мысль — сатанинское внушение (свт. Иоанн Златоуст, 50, 24).

***

...Все мы, нерадящие о чтении Писаний... терпим от этого вред и... скудность. В самом деле, когда мы приведем в благоустройство дела свои, если не знаем тех самых законов, по которым должно приводить их в благоустройство? Богачи, влюбленные до безумия в богатство, часто выколачивают свои одежды, чтобы их не подъела моль. А ты, видя в себе забвение, губительнее моли, повреждающее твою душу, не прибегаешь к Писанию, не истребляешь в себе язвы, не украшаешь своей души, не вглядываешься пристально в образ добродетели, не рассматриваешь членов и ее главы (свт. Иоанн Златоуст, 50, 492).

***

Как приятно чтение Писания — приятнее всякого луга, усладительнее сада, и особенно когда с чтением соединяется разумение! Луг, красота цветов, зелень деревьев, роза, плющ и мирт услаждают зрение, но, по прошествии немногих дней, вянут. А чтение Писания окружает дух стеною, очищает совесть, изгоняет низкие страсти, насаждает добродетель, делает помысл возвышенным, не допускает погружаться в неожиданные обстоятельства дел, ставит выше диавольских стрел, переселяет на самое небо, освобождает душу от уз тела, дает легкие крылья — все хорошее, что кто бы ни назвал, поселяет в душе слушателей (свт. Иоанн Златоуст, 55, 310—311).

***

Чтение Божественного Писания ограничивает блуждающий ум и дарит знание о Боге... чистосердечно занимающийся Божественным Писанием получает знание о Боге... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 447).

***

Старайся читать Божественное Писание и постоянно пребывать во святой молитве. Сколько раз будешь с Богом через него, столько раз освящаются твои тело, душа и дух (свт. Иоанн Златоуст, 55, 447).

***

Когда будешь читать, смотри, чтобы тебя не отвлек враг, нанося тебе обиду, подвергая тебя испытаниям и говоря: прежде всего, сделай вот это дело, поскольку оно невелико, и тогда беззаботно будешь читать. Когда он это

подсказывает и заохочивает к этому делу, он все это внушает, чтобы занятием удержать тебя от чтения и приобретения пользы. Когда диавол увидит человека, читающего с напряжением и с пользою, — он нападает этими средствами и многими иными, ища, чтобы препятствовать ему. Итак, не доверяйся ему, но будь как бы жаждущий олень, желающий пойти на источники вод, т. е. к Божественному Писанию, чтобы из него пить, — и оно утолит твою жажду, сожигающую тебя сильным желанием (свт. Иоанн Златоуст, 55, 448).

***

Многие читают Божественные слова, но не все извлекают пользу, не все получают прибыль, по той причине, что не углубляются в сказанное, — неумело ударяют по этим гуслям (свт. Иоанн Златоуст, 55, 524).

***

Слышу, что занимаешься ты Божественными книгами и всякому приводишь из них приличные свидетельства, а между тем ты любостяжателен, с неистовством кидаешься на чужое добро. И весьма для меня удивительно, что при непрестанном чтении не уязвила тебя и не произвела перемены в твоем расположении божественная любовь, которая не только возбраняет любить чужое, но научает расточать даже и собственное. Поэтому или читая разумей, или не разумея снова читай (прп. Исидор Пелусиот, 60, 19).

***

Чтение Священных Писаний почитай напутствием к спасению, как питающее достойными уважения примера-

ми и добротолюбие, и мужество внимающих ему со тщанием (прп. Исидор Пелусиот, 60, 337).

***

Если пожелаешь с доброю мыслию и разумно читать Священные Писания, то устремишься исполниться не только любви к божественному любомудрию, но и той приверженности к догматам, в которой находит себе основание небу приличный образ жития (прп. Исидор Пелусиот, 61, 422).

***

Как из желания поддержать жизнь обыкновенно едим, пьем, говорим, слушаем, так и к чтению словес Божиих должны мы прилепляться сердцем, не зная в этом и сытости (прп. Нил Синайский, 73, 15).

***

Чтением... Богодухновенных Писаний люди приобретают многие блага (прп. Нил Синайский, 73, 110).

***

Призывай Бога, чтобы Он отверз очи сердца твоего, и тогда увидишь пользу молитвы и чтения, уясняемого опытом (прп. Марк Подвижник, 69, 8).

***

Слова Божественного Писания читай делами, а не многословь, тщеславясь одним простым пониманием... (прп. Марк Подвижник, 69, 15—16).

***

Читай Евангелие, завещанное Богом к познанию целой вселенной, чтобы приобрести себе напутствие в силе Промысла Его о всяком роде и чтобы ум твой погрузился в чудеса Божии (прп. Исаак Сирин, 58, 282).

***

Чтение Писаний иное бывает для тех, которые только вводятся в жизнь благочестия, иное для тех, которые прошли до середины преуспеяния, иное для тех, которые востекают к совершенству. Для одних оно бывает хлебом трапезы Божией, укрепляющим сердца их на священные подвиги добродетели, который и силу крепкую подает им на борение с духами, в страстях действующими, и соделывает их мужественными борцами против демонов, так что они говорят: ***уготовал еси предо мною трапезу сопротив стужающим мне*** (Пс. 22, 5). Для других оно — вино чаши божественной, веселящее сердца их, в исступление их приводящее силою помышлений, ум их вземлющее от письмени убивающего и в глубины Духа испытательно вводящее, и всего его соделывающее породителем и находителем уразумений, — так что и им свойственно говорить: ***и чаша Твоя упоявающи мя, яко державна*** (Пс. 22, 5). А для третьих — елеем Божественного Духа, умащающим их душу, укрощающим и смиряющим ее преизбытком Божественных озарений и всю ее восторгающим превыше тела, так что и она хвалясь вопиет: ***умастил еси елеом главу мою... И милость Твоя поженет мя вся дни живота моего*** (Пс. 22, 5—6) (прп. Никита Стифат, 93, 139—140).

***

Когда занимаешься чтением Слова Божия, представляй, что под каждым словом сокровенно присущ Бог, и прини-

май их как бы исходящими из Его Божественных уст (прп. Никодим Святогорец, 70, 95).

***

Когда читаешь Божественные Писания, не то имей в виду, чтобы только прочитывать лист за листом, но с размышлением вникай в каждое слово, и когда какие слова заставят тебя углубиться в себя, или произведут движение сокрушения, или радостию духовною и любовию исполнят сердце твое, остановись на них. Это Бог приблизился к тебе; смиренно приими Его отверзтым сердцем, так как Он Сам хочет, да приобщишься Его. Если ради этого придется тебе оставить неисполненным, что положено было для этого духовного упражнения (т. е. чтения), не беспокойся об этом. Ибо цель всех духовных упражнений, как и сего, есть сподобиться вкушения Бога, и когда оно дано, нечего останавливаться на средствах к нему. Равным образом и когда размышляешь о каком божественном предмете, особенно о какой-либо части страданий Христа Господа, на том, от чего придешь в умиление, остановись и подольше займи тем внимание свое, чтобы продлилось и чувство то святое.

Одно из больших препятствий к сохранению внутреннего мира есть, брате мой, связание себя, как непреложным законом, определением прочитывать в день столько-то кафизм из Псалтири, столько-то глав из Евангелий и Посланий апостольских. Положившие себе это за правило обыкновенно спешат все прочитать, не заботясь о том, приходит ли сердце в умиление от прочитываемого и в уме порождаются ли какие-либо духовные мысли и созерцания; и когда не придется им всего прочитать, тревожно смущаются и мятутся не о том, что лишились духовных от

чтения плодов на созидание внутреннего своего человека, а что не все прочитано (прп. Никодим Святогорец, 70, 269—270).

***

...Раскрывая для чтения книгу — Святое Евангелие, вспомни, что она решит твою вечную участь. По ней мы будем судимы... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 108).

***

Не довольствуйся одним бесплодным чтением Евангелия; старайся исполнять его заповедания, читай Его делами. Это — книга жизни, и надо читать ее жизнию (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 108).

***

...Сначала более занимайся чтением святых отцов. Когда же они научат тебя читать Евангелие, тогда уже преимущественно читай Евангелие (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 113).

***

Научись читать Евангелие: от него услышишь истину, в нем увидишь истину. Истина откроет тебе падение твое и узы лжи, узы самообольщения, которыми невидимо связана душа всякого человека, не обновленного Святым Духом (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 119).

***

При... чтении <Евангелия> тщательно замечай все завещания и заповедания Христа, чтобы по ним можно было

направлять свою деятельность, видимую и невидимую (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 299).

***

Не забывайте всякий день читать Слово Божие, и размышлять, и до чувства доводить, и питать тем душу свою. Душа будто обсахарится, и станет тверже и прочнее (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 224).

***

Дело не в <том>, как читать <Священное Писание>, а чтобы читать. Там движется Дух Божий, и движет душу читающего (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 70).

***

...Чтение <Священного Писания> с предшествующею молитвою душу скрепляет и дает ей силу на целый день (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 115).

Ложное и дерзновенное толкование Священного Писания

...Исследование Писаний с пытливостию приводит ко вражде и спору... (прп. авва Исаия, 59, 47).

***

Кто, не очистив себя от страстей, занимается вопросами: почему то или то говорится в Писании, тот работает страсти любопытства (прп. авва Исаия, 59, 48).

***

...Нам надобно заботливо наблюдать, чтобы ложное толкование Священного Писания, подделываясь под чистое золото, не обмануло нас драгоценностию металла. В этом хитрый диавол старался искусить также и Господа Спасителя, как простого человека, когда злонамеренным толкованием повреждая то, что надобно разуметь вообще о лицах всех праведников, он старался в частности приложить к Тому, Кто не нуждался в охранении Ангелов, говоря: <Бог> *Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею* (Пс. 90, 11—12). Драгоценные изречения Священного Писания лукавым пониманием извращая и выводя противный и вредный смысл, диавол представляет нам как бы изображение лица тирана под блеском фальшивого золота; или когда поддельною монетою старается обмануть нас, т. е. внушает желать какого-либо благочестивого дела, которое, происходя не от законного правила старцев, под предлогом добродетелей ведет к порокам, или обольщая неумеренным и несоответственным постом, или чрезмерным бдением, или беспорядочными молитвами, или несообразным чтением, приводит к вредному концу (прп. авва Моисей, 56, 184).

***

...Божественное Писание должен ты толковать со знанием дела и разумно исследовать силу его, а не отваживаться, как ни есть, касаться неприкосновенных и непостижимых тайн, дозволяя сие рукам недостойным. Ибо дерзостный Озия, осмелившись возложить так руку на неприкосновенное, за дерзость сию подвергся проказе и невольно изринут из святилища, потому что вход внутрь

оного заграждал закон пораженным проказою. Написано же сие в наставление нам, чтобы мы и дерзких поступков избегали, и не подвергались наказаниям (прп. Исидор Пелусиот, 60, 17).

***

Извращающие Божественные изречения и толкующие их принужденно по собственному своему изволению погрешают неизвинительно. Ибо не будут иметь оправдания, представляющего в предлог обольщение и заблуждение, потому что пали по злонамеренности, а не по простоте, и не укроются от спокойного и кроткого Ока, вопреки которому осмелились учить, обезумев от порока (прп. Исидор Пелусиот, 61, 39—40).

***

Кто касается предмета высокого и покушается истолковать смысл Священных Писаний, тому надлежит иметь язык степенный и ясный, а сердце благочестивое и благоговейное, следовать за Писаниями, а не указывать им путь, и не по собственному своему изволению навязывать им смысл. Ибо осмеливающимся искажать и перетолковывать их угрожает весьма великая опасность, касающаяся самой души (прп. Исидор Пелусиот, 61, 309—310).

***

Осмелившиеся искажать или перетолковывать Божественные глаголы пали в грех, который выше всякого оправдания и извинения; ибо, думая, что измыслили нечто более мудрое, и себя самих, и поверивших им ввергли в море невежества. Извращая многие речения священных словес, увлекая и насильно ведя слушателей, к чему сами

желали, отступили от воли Законодателя, не то выражая, что имел в мысли Он, но подкрепляя собственные свои изволения (прп. Исидор Пелусиот, 62, 386).

Нерадение о Священном Писании

Как не жаждущему и не алчущему невозможно с удовольствием наслаждаться пищею, так невозможно найти удовольствие и в слове истины тому, кто не жаждет учения Святаго Духа (свт. Иоанн Златоуст, 49, 700).

***

...Несведущие в Божественных Писаниях не могут быть названы людьми домовитыми: они и сами у себя ничего не имеют, и от других не заимствуются, но, томясь голодом, нерадят о себе (свт. Иоанн Златоуст, 50, 492).

***

Если... мы не станем внимать тому, что глаголет нам Дух Святый <в Евангелии>, то не только не очистим прежних ран, но еще и другие получим (свт. Иоанн Златоуст, 51, 20).

***

Подобно тому как лишенные... света не могут прямо идти, так и не взирающие на луч Божественного Писания вынуждаются много и часто грешить, так как поистине ходят в самой глубокой тьме (свт. Иоанн Златоуст, 52, 484).

***

....От незнания Писания произошли бесчисленные бедствия: отсюда произросла великая зараза ересей, отсюда —

нерадивые жития, бесполезные труды (свт. Иоанн Златоуст, 52, 484).

***

...Презирающие Божественное учение теряют через это презрение самое человеческое достоинство и лишаются благородства своего происхождения... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 524).

***

Если не возлюбишь блаженных и подлинно Божественных словес Писания, то уподобишься скотам несмысленным и бессловесным (прп. Нил Синайский, 73, 14).

****

Одна бедная женщина лежала больной, и смерть ее была уже недалеко. Женщина эта была вдова и все время своего вдовства проводила в молитве и слезах. Теперь настал час разлучения с миром. Вокруг ее постели стояли ее взрослые дети и глазами, полными любви, смотрели на умирающую мать. Собрав последние силы, она еще раз приподнялась и, взглянув на детей сияющим радостью взором, сказала: «Дети, я оставляю вам огромное сокровище». Дети посмотрели на мать с удивлением и сказали: «Милая матушка, как же это может быть? Разве была когда-нибудь вдова беднее тебя?» «Так, дети мои, — отвечала мать, — но я все-таки оставляю вам большое сокровище, оно принесет вам благословение!» С этими словами она подала им свою Библию, которая лежала у нее под подушкой, и сказала: «Знайте, дети, что нет ни одного листка в этой книге, который бы не был орошен моими слезами; вот это и есть сокровище, которое я оставляю вам;

исполняйте все, что в ней написано, и вы будете счастливы». Дети с благоговением приняли последний дар матери. Слова ее глубоко запали в их сердца. Они старались исполнять, что требует от нас Слово Божие, и были людьми благочестивыми, добрыми и счастливыми. Они всем повторяли, что Библия есть сокровище, которому нет цены на земле (122, 223—224).

***

Один инок, придя к своему духовному отцу, сказал: «Отче! я брошу читать Слово Божие, так как не понимаю читаемого». «Чадо, — сказал ему старец, — овцы, когда найдут тучное пастбище, с жадностию хватают траву и проглатывают ее не жевавши, стараясь только как можно больше захватить; а потом, наевшись, уже пережевывают ее. Так и ты, пока имеешь время и возможность, как можно больше, без лености, читай Божественные книги, и темное для тебя будет светлым. Ибо, или ради навыка непонятное поймешь, или от отцев и учителей Церкви узнаешь, или, если некому будет растолковать тебе, просветит тебя Сам Господь» (112, 113).

СВЯЩЕНСТВО

Величие служения священства

Священство — есть высшее из всех благ, каким пользуются люди (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 176).

***

Оно <таинство священства> касается превыспренних сводов, невозбранно восходит в самые небеса Небес, свет-

ло и свободно пролагает стези вместе с бесплотными среди Ангелов (прп. Ефрем Сирин, 31, 600).

***

О, какой высокий сан имеет странное и чудное священство! Блажен, кто чисто и неукоризненно жительствует в сем достоинстве (прп. Ефрем Сирин, 31, 603).

***

Сподобился ты, брат, сана священства? Приложи старание благоугождать Воеводе чистотою, и праведностию, и божественною мудростию, и светлым девством. Будь пламенным ревнителем, как целомудренный Иосиф, чистым, как Иисус, странноприимным, как Авраам, нищелюбивым, как Иов, любвеобильным, как Давид, кротким, как Моисей, заблудшегося возврати на путь, хромого подкрепи, падшего восставь, немощных защити и делай все тому подобное (прп. Ефрем Сирин, 31, 607).

***

Кто приял истинное священство и подчинил себя великому Архиерею, тот, конечно, и сам пребывает иереем во век, и смерть не возбраняет ему пребывать оным навсегда (свт. Григорий Нисский, 24, 393—394).

***

...Священство... столько выше (всякой) власти, сколько дух превосходнее плоти... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 423).

***

Священнослужение совершается на земле, но по чиноположению Небесному... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 424).

***

...Когда ты видишь Господа закланного и предложенного, священника, предстоящего этой Жертве и молящегося, и всех окропляемых этою драгоценною Кровию, то думаешь ли ты, что ты еще находишься среди людей и стоишь на земле, а не переносишься ли тотчас на небеса... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 425).

***

...Что священники совершают на земле, то Бог довершает на небе и мнение рабов утверждает Владыка. Не значит ли это, что Он дал им всю небесную власть? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 426).

***

<Священники> возведены на такую степень власти, как бы уже переселились на небеса, превзошли человеческую природу и освободились от наших страстей (свт. Иоанн Златоуст, 44, 426).

***

Люди, живущие на земле <священники>, и еще обращающиеся на ней, поставлены распоряжаться небесным, и получили власть, которой не дал Бог ни Ангелам, ни Архангелам... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 426).

***

Какая власть может быть больше этой <священнической>? *Отец суд весь даде Сынови* (Ин. 5, 22); а я вижу, что Сын весь этот суд вручил священникам (свт. Иоанн Златоуст, 44, 426).

***

Кто размыслит, как важно то, что человек, еще облеченный плотию и кровию, может присутствовать близ блаженного и бессмертного Естества, тот ясно увидит, какой чести удостоила священников благодать Духа (свт. Иоанн Златоуст, 44, 426).

***

Все начинают судить о нем <священнике> не как о существе, облеченном плотию и имеющем человеческую природу, но как об Ангеле, не причастном никаким слабостям (свт. Иоанн Златоуст, 44, 435).

***

Если кто удостоится получить эту честь <священство> и будет в ней ходить достойно и беспорочно, то она доставляет ему жизнь и нетленный венец... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 919).

***

Почтим... все чистосердечно имеющих степень священства, зная, что если кто любит друзей царя, то такого еще более любит царь (свт. Иоанн Златоуст, 45, 919).

***

Возлюбим же иереев Божиих, так как они — друзья Божии и всегда ходатайствуют за нас <пред Богом>... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 919).

***

...Посмотри на мужей и жен, целующих руки священника. Почему они не целуют голову?.. Потому что им (рукам) придана великая сила, они — служительницы неизреченных тайн, ими каждый возрождается к новой жизни (свт. Иоанн Златоуст, 49, 340).

***

Насколько чище лучей солнечных должна быть рука, раздробляющая эту Плоть <Агнца>, уста, наполняемые духовным огнем, язык, обагряемый страшною Кровию? Помысли, какой чести ты удостоен, какою наслаждаешься трапезою! При виде чего трепещут Ангелы и на что не смеют взглянуть без страха, по причине сияния, отсюда исходящего, тем мы питаемся, с тем сообщаемся и делаемся одним телом и одною плотию со Христом (свт. Иоанн Златоуст, 50, 826—827).

***

...Насколько велика разность между душою и растением, настолько и начальство над душою превосходнее начальства над растениями (свт. Иоанн Златоуст, 53, 612).

***

То, что вручено священнику, может даровать только Бог, и чего бы ни достигла человеческая мудрость, она

окажется меньшей, чем благодать (свт. Иоанн Златоуст, 55, 827).

***

Священство поставлено как бы в средине между естеством Божеским и человеческим, чтобы одному служить, а в другом производить перемену на лучшее. Посему, кто думает о священстве выше сего, в том, кажется мне, нет благоразумия (прп. Исидор Пелусиот, 61, 93).

***

...Украшенные божественным священством и достойно достигшие предстоятельства, если сохранят и телесную непорочность, поистине будут священнее и освященных (прп. Исидор Пелусиот, 61, 129).

Образ священника

...Те, которые в Церкви Божией избираются в духовный сан, не должны ничем отвлекаться от Божественного служения, не должны связываться хлопотами и занятиями мирскими... (свт. Киприан Карфагенский, 63, 113).

***

...Священники должны быть смиренны, так как Господь и его апостолы были смиренны (свт. Киприан Карфагенский, 63, 303).

***

Да не надмевает тебя степень церковного чина, но более да смиряет; ибо преуспеяние души — преуспеяние в смирении; а лишение и бесчестие рождаются от высоко-

мудрия. В какой мере будешь приближаться к высшим священным степеням, в такой мере смиряй себя, боясь примера сынов Ааароновых. Познание богочестия — познание смирения и кротости. Смирение — подражание Христу, а превозношение, вольномыслие и бесстыдство — подражание диаволу (свт. Василий Великий, 9, 51).

***

Он <священник> должен не знать даже меры в добре и в восхождении к совершенству, почитать не столько прибылию то, что приобретено, сколько потерею то, что не достигнуто, пройденное же обращать всегда в ступень к высшему, и не высоко думать о себе, если и многих превосходит, но признавать уроном, если не соответствует в чем сану. Ему должно измерять успехи свои заповедию, а не примером ближних (порочны ли они, или успевают несколько в добродетели), не взвешивать на малых весах добродетель, какою обязаны мы Великому, от Которого все, не думать, что всем прилично одно и то же; так как не у всех один и тот же возраст... (свт. Григорий Богослов, 12, 25).

***

Блажен, кто, восприяв на себя власть над народом, чистыми и великими жертвами примиряет Христа с земнородными (свт. Григорий Богослов, 15, 274).

***

...<Необходимо>, чтобы намеревающийся быть священнослужителем перед Богом, тело свое представить в священнодействие, и соделаться не мертвенным закланием в

жертве живой и в служении словесном, не повреждал души каким-либо грубым и многоплотяным облачением жизни, но чистотою оной, подобно какой-либо паутинной нити, утончал все житейские предначинания, приближался к тому, чтобы стать парящим горе, легким, воздушным и сокрушить в себе это телесное естество (свт. Григорий Нисский, 18, 328—329).

***

Священство есть достояние божественное, а не человеческое, учит же <пророк Моисей> сему так: жезлы каждого колена, означив именами давших, Моисей полагает при алтаре, чтобы жезл, отличенный от прочих некиим Божественным чудом, соделался свидетельством рукоположения свыше (см.: Чис. 17, 2—7). И поскольку это исполнилось, жезлы других колен остались тем же, чем были, а жезл иерея, укоренившись в себе самом, не от посторонней какой влаги, но вложенною в него божественною силою, произрастил ветвь и плод; и плод пришел в зрелость; плодом же был орех; то по совершении сего все подвластные Моисею обучались благочинию. По причине же плода, произращенного жезлом иерейским, надобно прийти к мысли, сколько воздержною, строгою и суровою надлежит быть жизни в священстве по внешнему ее поведению, а внутренно, втайне и невидимо какую содержать в себе питательность, что в орехе обнаруживается, когда питательное со временем созреет, твердая оболочка распадется, и деревянистый этот покров на питательном плоде будет сокрушен. Если же дознаешь, что жизнь какого-либо так называемого иерея похожа на яблоко, благоуханна, цветет как роза (весьма же многие из них украшаются виссоном и червленицею, утучняют себя дорогими яствами, пьют ***вино процеженное,*** мажутся ***первыми водами*** (ср.: Ам.

6, 6), и все, что только по первому вкушению кажется сладким, признают необходимым для жизни приятной), — то прекрасно будет сказать тебе при этом Евангельское слово: *вижу плод, и по плоду не узнаю древа священства* (ср.: Мф. 12, 33). Инаков плод священства; а иной этот; тот плод — воздержание, а этот — роскошь; тот земною влагою не утучняется, а к этому с дольних мест стекается много потоков наслаждений, с помощью которых такой красотою рдеет зрелый плод жизни (свт. Григорий Нисский, 18, 363—364).

***

...Священнодействующему нужно быть столь чистым, как бы он стоял на самых небесах посреди тамошних Сил (свт. Иоанн Златоуст, 44, 425).

***

...Душа священника должна со всех сторон блистать красотою, дабы она могла и радовать и просвещать души взирающих на него (свт. Иоанн Златоуст, 44, 434).

***

Даже и того, кто отличался бы великим благочестием, немало полезным для этой власти <священника>, и его не осмелюсь тотчас избрать, если он не окажется имеющим вместе с благочестием и великое благоразумие (свт. Иоанн Златоуст, 44, 437).

***

<Священник> должен быть важным и негордым, суровым и благосклонным, властным и общительным, беспристрастным и услужливым, смиренным и нераболепным,

строгим и кротким, чтобы он мог удобно противостоять всем препятствиям... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 439—440).

***

Священник должен иметь душу чище самих лучей солнечных, чтобы никогда не оставлял его без Себя Дух Святый... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 468).

***

Он <священник> так приступает к Богу, как бы ему вверен был весь мир и сам он был отцом всех, прося и умоляя о прекращении повсюду войн и усмирении мятежей, о мире и благоденствии, о скором избавлении от всех тяготеющих над каждым бедствий частных и общественных. Посему он сам должен столько во всем превосходить всех, за кого он молится, сколько предстоятелю следует превосходить находящихся под его покровительством. А когда он призывает Святаго Духа и совершает страшную Жертву и часто прикасается к общему всем Владыке, тогда, скажи мне, с кем наряду мы поставим его? Какой потребуем от него чистоты и какого благочестия? Подумай, какими должны быть руки, совершающие эту службу, каким должен быть язык, произносящий такие слова, кого чище и святее должна быть душа, приемлющая такую благодать Духа? Тогда и Ангелы предстоят священнику, и целый сонм небесных сил взывает, и место вокруг жертвенника наполняется ими в честь Возлежащего на нем (свт. Иоанн Златоуст, 44, 471).

***

Тот, кто молится... за всю вселенную, и умилостивляет Бога за грехи всех, не только живых, но и умерших, —

тот каким сам должен быть? Даже дерзновение Моисея и Илии я почитаю недостаточным для такой молитвы (свт. Иоанн Златоуст, 44, 471).

***

Священник должен быть не только чист так, как удостоившийся столь великого служения, но и весьма благоразумен и опытен во многом, знать все житейское не менее обращающихся в мире и быть свободным от всего более монахов, живущих в горах (свт. Иоанн Златоуст, 44, 472).

***

Выходящий на поприще священства в особенности должен презирать славу, преодолевать гнев, быть исполнен великого благоразумия (свт. Иоанн Златоуст, 44, 474).

***

...Как золото, смешанное с грязью, не терпит вреда и блестящий маргарит не испытывает изменения, когда войдет в соприкосновение с некоторыми нечистыми видами, таким же точно образом и священство не оскверняется никем... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 919).

***

...Нужно, чтобы священник, бодрствуя, вел подвижническую жизнь и чтобы последняя была зеркалом для народа... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 707—708).

***

...Иерею Божию, священнодействующему пред Богом, надлежит быть мирным и тихим, не хищником, не ковар-

ным, не сребролюбивым, чтобы прежде всего в его душе Бог был совершен, и потом изменял бы так по своему образу свой народ (свт. Иоанн Златоуст, 53, 897).

***

Звание наставника и священника весьма важно и достойно удивления, и воистину Божеское указание потребно для того, чтобы для этого был избран человек достойный (свт. Иоанн Златоуст, 54, 652).

***

...Если Христову служишь алтарю, то по Христовым заповедям проходи свое служение; будь кроток и смирен сердцем. У тебя в руках не гражданская какая-либо власть, надмевающаяся кичением и пышностию, но мирное и безмятежное служение (прп. Исидор Пелусиот, 60, 106—107).

***

Если иерей наименован и должен быть образом стада (см.: 1 Пет. 5, 3) и светом Церкви (см.: Мф. 5, 14), то нравам его необходимо отпечатлеваться в подчиненных, как печати на воске. Посему если хочешь быть светом, то не терпи шутливости и смехотворства, чтобы не научить многих бесчинию. Иерей — *Ангел Господа Вседержителя есть* (Мал. 2, 7). Ангел же не знает смеха, служа Богу со страхом (прп. Исидор Пелусиот, 60, 185—186).

***

Определяя ведущий к нему <священству> путь, сказываю, что приступивший к сему начальствованию прежде

нежели понес на себе власть законов, не ко благу подначальных проходит сие домостроительство. А кто в чине подчиненного упражнялся, и оказался благоискусным в начальнических добродетелях, тот приступает к прохождению служения, имея самое высокое доброе качество — опытность. Первый, предпринимая благоустроять других прежде, нежели благоустроил себя, погрешает против истины, а другой, благоустроив прежде себя и изведав дело на опыте, окажется способным благоустроять других. Первый, прежде нежели обучился владеть оружием, замышляет о том, чтобы поставили его военачальником, а другой, став благоискусным воином, будет и благоискуснейшим военачальником. Один, будучи неопытен в управлении движениями войск, думает быть предводителем, а другой, подвизавшись в таких упражнениях, поставляется воеводою (прп. Исидор Пелусиот, 61, 45—46).

***

Тем, на кого возложен драгоценнейший венец священства, должно украшаться добродетелями, нежели богатствами, приличным для себя удовольствием почитать целомудрие, и не уступать над собою власти чреву и страстям, которые от чрева, потому что надлежит не власть почитать чем-то служащим к удовлетворению пожеланий, но терпение признавать властию, а если предстоит опасность за добродетель или благочестие, не бежать от смерти; убоявшись, подвергнутся они осмеянию, если не с охотою пойдут туда, приходящим куда есть надежда достигнуть чего желали здесь в продолжение жизни; желали же сопребывания с Богом (прп. Исидор Пелусиот, 61, 68—69).

***

Поелику любомудрствовать на словах легко, а на деле трудно, и одно услаждает слух, а другое обучает души, то посему Бог удостоенных священнического служения взывает... *священницы глаголите в сердце Иерусалиму* (Ис. 40, 2). Поскольку любомудрствующие на словах не только наскучивают слушателям, но, поступая противно тому, что сами говорят, заставляют над ними смеяться; то Бог требует от них добродетели в делах, которая трогает душу слушателей. Посему-то освященному надлежит быть священным; потому что неосвященному непозволительно священствовать (прп. Исидор Пелусиот, 61, 266—267).

***

Для священнодействующего украшение добродетели — богатство, целомудрие — услаждение, довольство малым — утеха, успех подчиненных в добродетели — веселие. Если же кто, водясь правилами противными сему, хвалится именем священства, то он не священ и недостоин права начальства (прп. Исидор Пелусиот, 61, 354).

***

...Хотя священство возвышеннее и достоинством больше даже и царской власти, однако же приявшим оное надлежит не превозноситься им над другими, но самым приличным и соответственным для него украшением почитать благоразумную кротость, представляя себе в уме, что священство выше всякой человеческой почести и всякого сана, но, по Божественной благодати и по Божиему распределению, сподобившиеся оного прияли на себя оное

ради пользы других, и несправедливо было бы оскорблять оное самоуправством (прп. Исидор Пелусиот, 62, 402).

***

...Священникам надлежит быть мудрыми и учительными; потому что поставленный над словесным стадом должен быть трезвен и учителен (свт. Кирилл Александрийский, 65, 384).

***

Будем же непрестанно о себе самих рассуждать и постараемся, сколько можем, и других отклонять от покушения — искать и брать недостойно... власть <священства>, чтобы и их избавить от осуждения и самим пожить прочее безопасно. Кто, впрочем, исследуя себя с точностию, находит, что он свободен от всякого славолюбия и даже следа не имеет сластолюбия и плотской похотливости, чист также совершенно от сребролюбия и злопамятства, имеет безгневие и совершенную кротость, стяжал такую любовь к Богу, что лишь только услышит одно имя Христа, тотчас начинает гореть пламенем к Нему и проливать слезы, плакать при этом и о братиях своих, почитая грехи других собственными своими и от всей души имея себя самого грешнейшим паче всех, — и наконец видит в себе благодать Святаго Духа, просвещающую его богатно и делающую сердце его солнцем, — видит, что в нем явно совершается чудо купины, так что он горит, поскольку душа его соединена с неприступным огнем Божества, и не сгорает, поскольку она свободна от всякой страсти, — еще смиряется так, что почитает себя недостойным и недовольным

<непригодным> для такой степени, зная немощь человеческого естества, но питает дерзновенное упование на Божественную благодать и силу, ею подаемую, и если с готовностию решается на такой шаг, то делает это понуждаемый теплым веянием и мановением благодати, и с отвержением при сем всякого человеческого помысла, и с желанием живот свой положить за братий, во исполнение заповеди Божией и любви к ближнему, — при всем же сказанном имеет еще ум, обнаженный от всякого мерзкого воспоминания, и одеян в светлую одежду смирения, так что ни к тем, которые содействуют ему по такому предмету, не имеет особенного расположения и любви, ни на тех, которые противятся тому, не держит ни малого зла в сердце и не ненавидит их, но равно относится ко всем с благорасположением, простотою и незлобием сердца, — кто все такое имеет, тот пусть решается принять предлагаемое ему достоинство. Однако же и при этом всем да не дерзает он приступить к сему без воли и разрешения отца своего духовного. Пусть смирится перед ним и решается на такое дело, как бы по приказанию его и с молитвою его, приемля такой сан единственно для спасения братий. Впрочем, так следует поступать ему, если знает, что духовный отец его имеет явно благодать Святаго Духа и сподобился приять свыше ведение и премудрость, чтобы не сказал ему при сем того, что противно воле Божией, но по сущему в нем дару, сказал то, что Богу угодно и для души его полезно, — дабы не оказалось, что он слушается человека, а не Бога. Если найдет он доброго содейственника и советника в духовном муже, то принятие им сана будет более безопасно и мудрование более смиренно (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 461—462).

***

...<Иерей> должен быть чист не только телом, но и душою и при этом непричастен никакому греху. Во-вторых, он должен быть смирен не по внешнему только держанию себя и обычаю действовать, но и по внутреннему настроению. Потом, когда предстоит священной и Святой Трапезе, должен всеконечно, видя чувственно Святые Дары, мысленно созерцать Божество. И не это только, но и Самого Того, Кто невидимо присущ в Дарах, должен он стяжать и иметь обитающим в себе, в сердце своем сознательно, чтобы таким образом с дерзновением мог он возносить моления к Богу и, как друг с другом беседуя, говорить: ***Отче наш, Иже еси на небесех, да святится имя Твое*** (Мф. 6, 9); потому что молитва сия показывает, что произносящий ее имеет живущим в себе сущего по естеству Сыном Божиим, со Отцом и Святым Духом... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 569).

***

Не обольщайтесь, братие, и отнюдь не дерзайте прикоснуться или приступить к Неприступному естеством. Ибо кто не отречется ***от мира и того, что в мире*** (ср.: 1 Ин. 2, 15), и не отвержется души своей и тела, и весь, всеми чувствами не сделается мертвым, ни на что из приятного в мире сем не взирая с пристрастием, ничего совершенно не желая из вещей мира и не услаждаясь никакими речами человеческими, кто не сделается глухим и слепым для мирских дел и обычаев, действий и слов, хотя и видя то, что оку свойственно видеть, но не дозволяя ничему войти внутрь, в сердце, и запечатлеваться в нем чертам и образам этих (предметов), равно и слушая то, что воспринимает слух человеческий, но пребывая как бы бездушным

и бесчувственным камнем и не помня ни звуков, ни значения слов, — тот не может таинственную и Бескровную Жертву приносить чисто по естеству чистому Богу (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 167).

***

...Кто прежде не оставит мира, и от души не возненавидит (всего) мирского, и искренно не возлюбит единого Христа, и ради Него не погубит душу свою, не заботясь ни о чем для человеческой жизни, но как бы ежечасно умирая, не будет много плакать о себе и рыдать, и не будет иметь желания только к Нему одному, и через многие скорби и труды не сподобится воспринять Божественного Духа, которого дал Он Божественным апостолам, дабы через Него изгнать всякую страсть, и легко исправить всякую добродетель, и стяжать обильные источники слез, откуда очищение и созерцание души, откуда познание Божественной воли, откуда просвещение Божественным озарением и созерцание неприступного света, откуда бесстрастие и святость дается всем, сподобившимся видеть и иметь Бога в сердце, и быть Им хранимыми и хранить неповрежденными Его Божественные заповеди, — тот да не дерзнет принимать священство и предстоятельство над душами или стать начальником (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 232—233).

***

...Сподобившийся быть служителем Христовым сам совершенно не должен иметь ничего своего, ни приобретать чего-либо мирского, кроме необходимого для тела и только; все же прочее принадлежит бедным и странникам, и его церкви (в которой он служит). Если же, напротив, он

дерзнет для своих расходов безвременно пользоваться этим со властию и принадлежащее странникам раздавать сродникам, и строить дома, и покупать поля, и набирать толпу рабов, — то, увы, какой суд (ожидает) его? Без сомнения, он подобен человеку, все приданое жены своей худо расточившему по неразумию, который, будучи схвачен и не имея (чем) уплатить, когда с него требуют для нее денег, конечно, для возмещения его супруги, предается в темницу на заключение. Так будет и с нами, священниками и священнослужителями, которые ради себя самих, и сродников, и друзей злоупотребляют церковными доходами и совершенно не пекутся о бедных, но строят дома, бани, монастыри, башни, дают приданое и устраивают браки, церкви же свои, как чужие, презирают и нерадят о них (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 233—234).

***

Приявшему священство и от всех страстей надлежит быть чисту, особенно же от блуда и злопамятства, о коих даже легких помышлений иметь не следует... (прп. Феогност, 91, 381).

***

Блистателен чин священства и священное облачение, но <только>... тогда, когда посвященный имеет при сем внутри и душу, блестящую чистотой (прп. Феогност, 91, 392).

***

Не осилив же отстать и очиститься от страстного расположения, по причине долговременной привычки, как дерзаешь ты, окаянный, касаться того, что и для Ангелов

неприкосновенно? Итак, или вострепещи и воздержись от Божественного священнодействия и тем умилостиви правду Божию, или как бесчувственный и неисправимый, попускай себя впасть в руки Бога живого, Который не пощадит тебя человеколюбно, но накажет немилосердо за то, что ты бесстыдно дерзаешь приступать к царской брачной вечери, с душою осквернённою и в рубищах, когда ты недостоин даже входа в Царский Чертог, а не только возлежания на Его вечери (прп. Феогност, 91, 392).

Служение священника

Можно убить, но нельзя победить священника Божия, держащегося Евангелия и сохраняющего заповеди Христовы (свт. Киприан Карфагенский, 63, 268).

***

<Таинством священства> спасен мир и просвещена тварь... Им отъято с земли беззаконие, им водворяется на земле целомудрие; через него приведен в бездействие падший диавол; развратные стали освященными сосудами, блудники чистыми и нескверными; неразумные соделались вождями правды, беззаконники добрыми и благочестивыми. Через него упразднена держава смерти, ад утратил свою силу, клятва Адамова разрешена, Небесный Чертог уготован. Им человеческая природа возводится на степень бесплотных (прп. Ефрем Сирин, 31, 601).

***

Священство же с полным дерзновением воспаряет с земли на небо до созерцания Самого Невидимого, и при-

падши, молится Владыке о рабах, вознося слезы и воздыхания сослужителей, и с горячностью предлагая их в дар своему Владыке, вместе с молением и покаянием, и испрашивая у благосердого Царя прощения, помилования и милости, чтобы снисшел Дух Утешитель и освятил Дары, предлагаемые на земле, а как скоро принесены, соделавшиеся Страшными Таинами, исполненными бессмертия, потому что предстоящий иерей совершает молитву о всех. Тогда души приступают и в Страшных Таинах приемлют очищение от скверн (прп. Ефрем Сирин, 31, 602).

***

...Возлюби иереев Божиих; ибо они други Благого Бога и ходатайствуют за нас и мир (прп. Ефрем Сирин, 31, 605).

***

...Когда бы все стали избегать сего начальствования <священства> или, правильнее назвать, служения, тогда бы прекрасной полноте Церкви недоставало значительнейшего и она не была бы уже прекрасною... (свт. Григорий Богослов, 12, 18).

***

...Язык иерея, любомудрствующий о Господе, восставляет болезнующих (свт. Григорий Богослов, 17, 249).

***

Предстоит священник, низводя... Святаго Духа; совершает продолжительное моление... чтобы благодать, нис-

шедши на Жертву, воспламенила через нее души всех и соделала их светлейшими очищенного огнем серебра (свт. Иоанн Златоуст, 44, 425).

***

...Справедливо мы должны... почитать <священников> более отцов своих; эти родили нас *от крове и от похоти плотския* (ср.: Ин. 1, 13), а те суть виновники нашего рождения от Бога, блаженного *пакибытия* (Мф. 19, 28), истинной свободы и благодатного усыновления (свт. Иоанн Златоуст, 44, 426—427).

***

Священники иудейские имели власть очищать тело от проказы или, лучше, не очищать, а только свидетельствовать очищенных (см.: Лев. 14); и ты знаешь, как завидно было тогда достоинство священническое. А наши (священники) получили власть не свидетельствовать только очищение, но совершенно очищать — не проказу телесную, но нечистоту душевную (свт. Иоанн Златоуст, 44, 427).

***

Потому и не вверено священство ни Ангелу, ни Архангелу — так как они безгрешны, — дабы по строгости они внезапно не поражали молниею грешников из народа; но человеку, рожденному от человека, вверено это седалище, и он сам подвержен похоти и греху, чтобы, встретив какого-нибудь грешника, он вследствие собственных прегрешений был более человеколюбивым к этому грешнику (свт. Иоанн Златоуст, 45, 775).

***

Царю вверены тела, а священнику — души; царь прощает недоимки денежные, а священник — недоимки греховные; тот заставляет, этот убеждает; тот действует повелением, этот — советом; тот имеет оружие чувственное, этот — оружие духовное; тот ведет войну с варварами, а я веду войну с бесами. Последняя власть больше; потому царь и преклоняет голову под руки священника, и всегда в Ветхом Завете священники помазывали царей (свт. Иоанн Златоуст, 49, 412).

***

Священник стоит посредником между Богом и родом человеческим, низводя на нас оттуда благодеяния и вознося туда наши прошения, примиряя со всею природою разгневанного Бога, и нас, разгневавших Его, избавляя от рук Его... Священство важнее самой царской власти и есть высшая власть... Хотя царский престол кажется нам важным по прикрепленным к нему камням и облекающему его золоту, но царь получил власть распоряжаться делами земными и больше этой власти не имеет ничего, а престол священства утвержден на небесах, и священнику вверено устроять тамошние дела (свт. Иоанн Златоуст, 49, 417).

***

...Угроза царя подобна гневу льва для тех, которых взоры устремлены к земле; а для человека, который имеет в виду небо и готов лучше положить душу свою внутри святилища, нежели спокойно взирать на оскорбление священных законов, он маловажнее всякого пса. Подлинно, нет ничего бессильнее преступающего божественные за-

коны, равно как нет ничего сильнее защищающего божественные законы (свт. Иоанн Златоуст, 49, 418).

***

Священник есть как бы общий отец целой вселенной, поэтому прилично ему заботиться о всех, подобно тому как заботится Бог, Которому он посвятил себя (свт. Иоанн Златоуст, 54, 658).

***

Бог действовал и через волов при кивоте, когда хотел спасти народ свой (см.: 1 Цар. 6). Разве жизнь священника или добродетель его может совершить что-нибудь подобное? Дары Божии не таковы, чтобы они зависели от священнической добродетели; все происходит от благодати; дело священника — только отверзать уста, а все совершает Бог; священник же исполняет только видимые действия (свт. Иоанн Златоуст, 54, 771).

***

...Священник, совершающий крещение и приносящий Бескровную Жертву, руками своими участвует в этом деле, а освящает и силу сообщает его действиям Святой Дух (свт. Иоанн Златоуст, 54, 970).

***

Бог возжигает светильник — иерея, и поставляет на свещнике — на светоносной его кафедре, чтобы, как молниями, озарял Церковь и догматами, и деяниями, свободными от всякой тьмы; а народы, видя лучи животворного

светения, к ним направляли шествие и прославляли Отца светов (прп. Исидор Пелусиот, 60, 22).

***

Многобедственный из пророков Иеремия видел ореховый жезл — изображение священства, в котором видимое и наружное и, как сказал бы иной, первоначальное есть нечто вяжущее, суровое и имеющее вкус острый, а сокровенное и внутреннее постоянно, твердо и имеет силу укреплять. Посему и многотрудное в священстве надлежит переносить мужественно, и наград за оное ожидать ревностно (прп. Исидор Пелусиот, 60, 33—34).

***

...Божественные постановления сподобившимся священства повелевают преимущественно перед всеми быть в трудах и подвигах, чтобы подначальные, видя трудящимися тех, которые имеют право приказать, от стыда делались ревностнейшими к доблестной жизни. Обыкновенно же возбуждает не столько слово, сколько нрав учащих (прп. Исидор Пелусиот, 60, 467).

***

Потоками слез паче снега убеленный, со светлою в чистоте совестию касайся Святых Таин, как святый, внешним ангелоподобным благообразием являя внутреннюю души красоту (прп. Феогност, 91, 381).

***

...Как если кто возжжет от одного светильника другой, а от другого еще третий и, передачей от одного к другому

сохраняя, имеет всегда постоянный свет, так и через рукоположение апостолов на их преемников, и от них, в свою очередь, на иных и затем последующих, переданная благодать Божественного Духа протекает через все поколения и просвещает всех вверяющих себя духовным пастырям и учителям (свт. Григорий Палама, 26, 244).

Обязанности священника

...Ему <предстоятелю> надобно превосходством своей добродетели привлекать народ к порядку и не силою обуздывать, но доводить до порядка убеждением. Ибо все, что делается недобровольно, кроме того, что оно насильственно и непохвально, еще и непрочно (свт. Григорий Богослов, 12, 26).

***

...<Священник> должен стоять с Ангелами, славословить с Архангелами, возносить жертвы на горний жертвенник, священнодействовать со Христом, воссозидать создание, восстанавливать образ Божий, творить для горнего мира и, скажу более, — быть богом и творить богами <людей> (свт. Григорий Богослов, 12, 62).

***

...<Священники> часто спасали страждущую и готовую погибнуть душу, то употребляя кроткое наказание, то удерживая от падения при самом начале, не только внушением и учением, но и помощию молитв (свт. Иоанн Златоуст, 44, 427).

***

...Кому... вверено <тело Христово — Церковь>, должен содержать его в великом благосостоянии и превосходной

красоте, всюду наблюдать, чтобы какая-нибудь *скверна, или порок, или нечто от таковых* пятен не повредили ее доброты и благолепия (ср.: Еф. 5, 27) (свт. Иоанн Златоуст, 44, 453).

***

...Если же кто рассмотрит обязанности его <священника> в отношении к Богу, то найдет, что те обязанности <к народу> ничтожны: столь большей и тщательнейшей ревности требуют эти... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 470—471).

***

...Если ради Духа Божия прияли власть <отпускать грехи>, то грехами своими удаляющие от себя Духа не имеют, конечно, сей власти; имеют же только знающие Духом Святым, кто достоин оставления и кто осуждения (прп. Исидор Пелусиот, 61, 288—289).

***

Внимай, какой удостоен ты равноангельной чести и старайся со всякою добродетелию и чистотою пребывать непорочным на сей степени <священства>, на какую призван (прп. Феогност, 91, 381).

***

Возжелав нетления и бессмертия, благочестно и благоговейно совершай животворные и нетленные Таины, желая вместе и преселения отсюда, как совершенным ставший через веру (прп. Феогност, 91, 382).

***

...Трезвенно и болезненно, во-первых, о себе самом приноси с сокрушением и слезами мироспасительную Священную Жертву во очищение: ибо кто так, как ты, поболезнует о тебе и станет приносить о тебе Жертву, когда умрешь? Посему, прозревая имеющее быть, как бы уже похороненного поминай себя, в ходатайство о спасении твоем предлагая Богу сии Святые Дары на Трапезе, воспоминая Его вольное здесь и человеколюбивое заколение (прп. Феогност, 91, 393—394).

Ответственность священника

Как добрые дела <священников> приносят пользу, побуждая многих к соревнованию, так и проступки их делают более нерадивыми о делах добродетели и располагают к уклонению от похвальных трудов (свт. Иоанн Златоуст, 44, 434).

***

За один разговор свой он <священник> подвергается такому множеству нареканий, что часто, обремененный их тяжестью, падает от уныния; его судят и за взгляд; самые простые действия его многие строго разбирают, примечая и тон голоса, и положение лица, и меру смеха (свт. Иоанн Златоуст, 44, 445).

***

Кто вручит власть <священства> человеку вредному для Церкви, тот будет виновен в дерзких его поступках (свт. Иоанн Златоуст, 44, 451).

***

...<Священнику> нужна гораздо большая чистота, чем <прочим>, а кому нужна большая чистота, тому более предстоит случаев очерниться, если он постоянным бодрствованием и великим напряжением сил не сделает душу свою неприступною для этого (свт. Иоанн Златоуст, 44, 469).

***

Не думаю, чтобы в среде священников было много спасающихся; напротив — гораздо больше погибающих, и именно потому, что это дело требует великой души (свт. Иоанн Златоуст, 52, 38).

***

...Если только и один кто отойдет (из этой жизни) без посвящения в таинства — не ниспровергнет ли это всего спасения <священника>? Ведь погибель и одной души составляет такую потерю, которой не может выразить никакое слово. Если спасение ее имеет такую цену, что и Сын Божий сделался для этого человеком и столько претерпел, то подумай, какое наказание повлечет за собою ее погибель! (свт. Иоанн Златоуст, 52, 38).

***

Когда ты сильно возжелаешь священства, то противопоставь геенну, противопоставь отчет, какой там нужно дать... противопоставь степень наказания. Если ты согрешишь просто, как человек, ты не потерпишь ничего подобного; если же согрешишь, будучи священником, — ты погиб (свт. Иоанн Златоуст, 52, 39).

***

Насколько велико достоинство имеющего священство, настолько больше у него и опасностей, потому что одно исправное прохождение епископства может вознести на небо, и одна неисправность в этом деле может ввергнуть в геенну (свт. Иоанн Златоуст, 54, 842).

***

...Священник... хотя бы и устроил собственную жизнь хорошо, а о твоей не будет иметь тщательной заботы, пойдет вместе с порочными в геенну, и часто, не будучи предан собственными грехами, погибает от чужих (свт. Иоанн Златоуст, 55, 546).

***

...Станем же бояться Бога и почитать священников Его, оказывая им всякую честь, чтобы нам воспринять воздаяние от Бога и за собственные свои подвиги, и за великое о тех попечение... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 827).

***

Говорят иные, будто бы желаешь ты священства, вещи для многих, особливо же для тебя, недоступной. Поэтому, или исправь жизнь свою, или откажись от этого вожделения — вступить в неприкосновенные для тебя святилища (прп. Исидор Пелусиот, 60, 16).

***

...Не одно и то же — грешить мирянину и священнику; и это явствует из Закона, потому что за согрешившего иерея повелевает приносить такую же жертву, как и за

весь народ (см.: Лев. 4, 3). Но если бы грех не был равносилен, то Закон не постановил бы приносить ту же жертву. Большим же делается грех не по естеству, а по достоинству совершающего. Ибо если падет <тот>, кто должен держать в порядке других, то сие падение делается более важным по достоинству падшего (прп. Исидор Пелусиот, 60, 382).

***

...Священство прилично только некоторым и немногим, именно же держащимся той мысли, что оно есть отеческая попечительность, а не самоуправное самозаконие (прп. Исидор Пелусиот, 60, 384).

***

Всякий, думаю, знает, что священство гораздо выше царства и больше имеет трудов; потому что с окончанием одного труда возникает новый труд, и угрожает опасность в том, что более необходимо, и потому что одному вверено Божественное, а другому смертное. Но всякому, думаю, известно и то, что многие, неосмотрительно признав для всякого человека возможным начальствовать или над душами, или над телами, вторглись в это, и тысячи зол причинив и себе, и подчиненным, впоследствии с бесславием низринулись в бездну погибели. Посему после всего этого крайне дивлюсь, почему некоторые, и в этом самом не благоустроив всего до них касающегося, но обременяясь тысячами хлопот, когда не должно было бы оставлять их даже и в чине подчиненных... отважились приступить к священству, которое столько выше царства... Но, может быть, не зная своего положения, не следуя в точности изречению мудрецов языческих: «Познай себя самого», —

а также не зная и о достоинстве священства, что при высоте имеет оно и опасности, думая, что оно — несудимая власть, а не служение, подлежащее ответственности, взялись они за дело, которое должно было бы для них оставаться недоступным (прп. Исидор Пелусиот, 61, 175—176).

***

Не одинаковое... понесем наказание, если согрешим, и прежде нежели сподобились священства, и сподобившись оного; в последнем случае наказание будет гораздо тягчайшее. Ибо тем, которые, сподобившись такового сана, не сделались лучшими, справедливо подвергнутся строжайшему наказанию. Величие сана естественным образом делается напутием к большему наказанию (прп. Исидор Пелусиот, 62, 343).

***

...Как на корабле, когда сделает ошибку пловец, небольшой это делает вред плывущим с ним; а когда кормчий — это уготовляет общую погибель; так грехопадения подчиненных не столько вредят обществу, сколько им самим, а грехи имеющих священный сан распространяют вредоносность на всех... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 343—344).

***

Страшно и крайне страшно вступать ныне в священство. Одно из двух приключится с вступающим: или живя по древним и апостольским правилам, будет ненавидим и злокозненно преследуем теми, которые вкравшийся ныне вредный и беззаконный обычай хранят, как божественный закон, и живущих право осуждают на изгнание; или сам,

подклонясь под иго, и своего не пощадит спасения, и соблазнит других многих, за которых понесет жестокие наказания. Посему блаженное дело — не быть когда-либо пленену таковою любовию. Если же кто и не плененный будет рукоположен; то да держится первоначальной цели, и с дерзновением да обновит древние и апостольские порядки, не содействуя в грехопадениях тем, которые изменяют ныне священству, и думают о себе, что им возможно все говорить и делать (прп. Исидор Пелусиот, 62, 435—436).

***

...Сколько пагубно падение предстоятеля для последующих ему, столько, напротив, благотворно и спасительно, когда епископ твердостию в вере подает собою пример братьям (свт. Киприан Карфагенский, 63, 115).

***

Совершенно извращается весь устав веры и истины, если строго не соблюдается то, что повелено относительно духовных действий (свт. Киприан Карфагенский, 63, 398).

***

Сподобившись Божественного и честного священства, прежде всего себя самого обязан ты всегда иметь принесенным в жертву умерщвлением страстей и сластей плотских и таким образом дерзать приступать к животворной и страшной Жертве, если не желаешь быть сожженным Божественным огнем, как какое-либо легко сгорающее вещество. Ибо если Серафим не дерзнул без клещей прикоснуться к углю (см.: Ис. 6, 6), как ты коснешься без

бесстрастия? Через него же ты будешь иметь и язык освященным, и уста очищенными, и душу непорочную вместе и с телом, и самые руки паче всякого злата блестящими, как слуг преестественного огня и жертвы.

Сознай поглубже силу сказанного, потому что каждодневно зришь это спасительное Божие Таинство... и если не имеешь извещения от Духа Святаго, что ты благоприятный посредник между Богом и человеками, как равноангельный, то на пагубу себе не дерзай на всесвятое и страшное священнодействие Божественных Таин, перед коими Ангелы благоговеют и от коего всеблаговейно воздерживались многие из святых, чтобы... не быть изъяту из среды живых, по суду Всевышнего (прп. Феогност, 91, 380—381).

***

Плоти Божией и жрецом, и общником через причащение соделавшись, сообразным быть обязан стал ты и подобию смерти Его, ***не ктому себе живя,*** но, по Апостолу, распеншемуся и ***умершему*** за тебя (ср.: 2 Кор. 5, 15). Если же для плоти и мира страстно живешь ты, то уготовляешь себя после смерти на вечное мучение, если прежде кончины произвольно не перестанешь совершать Бескровную Жертву. Кому неизвестно, что многие из недостойно священнодействующих восхищены быв отселе внезапною смертию, пересланы прямо в тамошние мучилища (прп. Феогност, 91, 382).

***

Храни Божественный дар <священства>, яко зеницу ока, чтоб, причастившись без должного внимания, не быть с высоты низринуту в бездну, из которой трудно будет тебе найти выход (прп. Феогност, 91, 390).

***

Дерзновенно подшедши под иго священства, право твори пути свои и право правь слово истины, со страхом и трепетом содевая через то свое спасение. Ибо Бог наш есть огонь поядаяй; и если ты коснешься Его, как злато или и серебро, то не бойся пожжения, как вавилонские отроки в пещи; если же ты травяной и тростниковый, из удобо возгорающегося вещества, как земная мудрствующий, то бойся, чтобы не быть пожжену небесным огнем, если не убежишь от гнева, как Лот, воздержанием от страшных таин, или не поспешишь омыться в слезах покаяния. Только осырившись водою слезною, ты станешь неопалим и неуязвим для огня правды, как некогда слабое растение купины. В таком случае я не знаю, есть ли какой из грехов (на кои мы так скоры по немощи своей), который не был бы изглаждаем Божественным огнем в служении, совершаемом с полною чистотою, или действенным очищением (прп. Феогност, 91, 391).

***

Получение спасения достигается добродетелию и в низком состоянии, а не досточестным священством, требующим и жития равноангельного (прп. Феогност, 91, 392).

***

...Или будь бесстрастен по-ангельски, как бы вне мира и плоти сущи мудрованием, и таким образом вступи на эту небесную лестницу, или, сознав свою немощь, устрашись высоты, угрожающей и падением великим для неисправных, и держись за жизнь, общую большинству, не меньше, однако же, той особной, приводящей к Богу и присвояю-

щей Ему, в которой, если и пасть тебе случится, удобнее для тебя восстать покаянием, благодатию Всемилостивого Бога нашего (прп. Феогност, 91, 392—393).

***

Благоговея перед Владычными страстями и перед истощанием за нас Бога-Слова, а также и перед жертвою и сраствореним в нас Животворящего и Божественного Тела и Крови, коих не только причастия, но и священносовершения сподобляемся мы, смиряй себя, как овча заколения, почитая всех воистину превосходящими тебя, и всячески блюдись, как бы не уязвить чьей-либо совести. Без очищения же себя не дерзай прикасаться Святых Таин, чтобы не пожжену быть, как сено, Божественным огнем и, как воск растаяв, не разлиться.

И воистину, если будешь, как должно, совершать сие Божественное, всечестное и страшное священнодействие, и совесть ни в чем не будет укорять тебя, то ни в чем другом не обретешь ты столь удостоверительного упования спасения, как в нем. Ибо от него получится тобою благо, паче всякого другого делания и созерцания. — Если же не так, то сам смотри, что сие значит. — И всеконечно лучше, по сознанию своей немощи, отказаться от высокого чина священства, нежели с сознанием своего недостоинства и нечистоты принять его и носить, и показываясь для многих высоким, быть на деле по недостоинству подобным трупу, достойным плача.

Служение честного священства и его умилостивление Бога и неотступное за всех перед Ним ходатайство столько превосходит всякое псалмопение и молитву, сколько солнце звезды. Ибо Самого Единородного приносим мы в жертву, — Его, по человеколюбию туне заклавшегося за греш-

ников, предлагаем и приводим в умоление не только об оставлении грехов, но и о даровании всего, в чем имеем нужду, и о чем молимся: и Тело, с Божеством соединенное, как некий угль, попаляет всякое беззаконие и сердца просвещает с верою приступающих; равным образом и Божественная и всечестная Кровь, паче всякого иссопа, омывает и очищает всякую нечистоту и скверну тех, кои дерзают приступать к Святым Таинам со всевозможным сокрушением и уповательным умилением. Где можно получить что-либо такое? (прп. Феогност, 91, 397—398).

Недостойное священство

...Если кто по обличении во грехе удален от священнослужения, и не покорился правилам, но сам себе присвоил председательство и священнослужение, а с ним вместе отступили и другие, оставив повсеместную Церковь, то сие есть недозволенное сборище (свт. Василий Великий, 11, 6).

***

...Бог не благоволит к приявшим рукоположение по высокомерию (прп. Ефрем Сирин, 31, 606).

***

...Я... прихожу в ужас, видя, на что отваживаться имеют обычай некоторые безумцы, которые решаются бесстыдно и опрометчиво искать священства, и принимают оное, не быв призваны Христовою благодатию, не зная того, что огнь и смерть собирают себе они бедные (прп. Ефрем Сирин, 31, 607).

***

Нечистому приступать к жертвоприношению значит оскорблять Бога (свт. Григорий Богослов, 15, 361).

***

...Нельзя священникам скрыть свои недостатки; и малые из них скоро делаются известными (свт. Иоанн Златоуст, 44, 434).

***

Величайшее наказание заслужат те, которые, достигнув этой власти <священства> собственными усилиями, будут худо исполнять это служение или по нерадению, или по нечестию, или по неопытности (свт. Иоанн Златоуст, 44, 450).

***

...Если же кто осмелится недостойно захватить эту честь <священства>, то он доставляет самому себе кромешную тьму и немилостивый суд (свт. Иоанн Златоуст, 45, 919).

***

Ничто... так не раздражает Бога, как священнослужение недостойное (свт. Иоанн Златоуст, 50, 433).

***

Никому нельзя следовать за Христом надлежащим образом иначе, как оставив всякую грубую и низкую заботливость. Ныне же священники Божии хлопочут и о собирании винограда, и о жатве, и о продаже, и о покупке вещей. Служившие сени были совершенно свободны

от всего этого, хотя им и вручено было служение телесное; а мы, призываемые в самое святилище небес, входящие в истинное Святое Святых, принимаем опять на себя заботы, свойственные купцам и корчемникам. Отсюда и большое небрежение о Писании, и леность в молитвах, и нерадение о всем прочем. Нельзя же ведь с одинаковым старанием делить себя на то и другое (свт. Иоанн Златоуст, 50, 851).

***

...Бог действует и через недостойных, и благодать крещения нисколько не терпит вреда от жизни священника; иначе и приемлющий терпел бы вред (свт. Иоанн Златоуст, 53, 76).

***

...Благодать действует и через недостойных <священников>, не ради их, но ради ищущих пользы... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 566).

***

...Тайноводствуемый в рассуждении спасительных залогов <крещаемый> не терпит вреда, если священник и нехорошей жизни, но сам он несомненно (надлежит быть твердо уверенным в этом) воспользуется оными божественными и превосходящими всякое слово благодеяниями, а священник даст страшный отчет в собственной своей жизни, и в такой же мере увеличится его наказание, в какой воздавалась ему честь. Ибо кто и почтенный священством не соделывается добрым, тот по справедливости достоин большего наказания. Посему никто из приемлющих на себя Божественное оное тайнодействие, которое приявшим отверзает небеса, да не заботится о том, что

терпит от сего вред в рассуждении залогов спасения; и когда сам впадет в грех, да не думает в жизни иерея найти для себя благовидное оправдание. Говорю же сие не потому, что все иереи таковы, да не будет сего! Если на некоторых и падает сей упрек, то иные не подлежат ему. И если некоторые не оказали преспеяний, то не все же лишены оных. Напротив того, желаю показать, что, хотя бы и все были таковы, просвещаемый не терпит нималого вреда. А если ты почитаешь сие за человеческие только рассуждения, то попытаюсь уверить тебя Божественным словом. Что было мерзостнее Валаама? Однако же язык его употреблен Богом для благословений. Что сквернее Каиафы? Однако же он пророчествовал, и благодать касалась языка, но не касалась сердца. Если же хочешь узнать нечто более необычайное, то при помощи врана, птицы нечистой, питал Бог небошественного Илию. Посему не сомневайся, если и посредством некиих грешных иереев (ибо не надлежит, да это и несправедливо, обвинять всех) подаются Божественные и преестественные дарования (прп. Исидор Пелусиот, 60, 302—303).

***

...Как ты, непотребный <священник>, освящаешь других? Как ты, нечистый, очищаешь? Как ты, раболепный, приуготовляешь сынов Божиих? Самому тебе должно очиститься и потом очищать; не святотатствовать и тогда уже стать священником.

...Перестань губить не свою только душу, но и многие другие, за которые умер Христос. Размысли, к чему клонится это зло, когда тех, кого искупил Христос, отдав за них не золото, но честную Кровь Свою, ты губишь своею жизнью? (прп. Исидор Пелусиот, 60, 329—330).

***

Когда человек, не имеющий права и недостойный священства, насильственно восхищает себе начальство, тогда лепота начальнической власти изменяется в неурядство; потому что начальнику обыкновенно подражает и подначальственное (прп. Исидор Пелусиот, 60, 467—468).

***

...Чем большей сподобились они <недостойные священники> чести, тем большее понесут наказание за то, что не исправило их благодеяние... (прп. Исидор Пелусиот, 61, 268).

***

Сан священства для решившихся жить недостойно сей почести делается приращением наказания (прп. Исидор Пелусиот, 61, 298).

***

..Те, которые должны оставаться вне ограды, не будучи посвящены, безрассудно с усилием приступят к Божественному тайнодействию, то понесут крайнее наказание (прп. Исидор Пелусиот, 61, 428).

***

Древле священство и царскую власть, когда погрешала, исправляло и уцеломудривало, а ныне само ждет от нее вразумлений, не потому что утратило собственное достоинство, но потому что кому вверено оно, те не подобны бывшим при наших предках. Прежде, когда священством были увенчаны жившие жизнию Евангельскою и апос-

тольскою, священство по праву было страшно для царской власти; а ныне царская власть страшна священству, лучше же сказать, — не священству, но тем, которые, по-видимому, священствуют, своими же поступками оскорбляют священство. Почему, кажется мне, и царская власть справедливо делает, потому что, желая не священство, которое признает Божественным, оскорбить, но наказать оскорбляющих его, уцеломудривает пользующихся им, не как должно (прп. Исидор Пелусиот, 62, 312—313).

***

...И сушею, и морем обносится... слово, что никому из живущих хорошо не будет уже вверяемо священство, не потому что нет достойных этого сана, но потому что достойные не только сокрыты во многолюдной толпе, но даже ненавидимы, терпят наветы и изгнания, как обличающие жизнь многих (прп. Исидор Пелусиот, 62, 318).

***

Не жалуйтесь... на Божественный Промысл за то, что если не повелел, то и не воспрепятствовал священнодействовать <недостойному>; напротив того, подивитесь Его долготерпению, которое в скором последствии времени, если <он> не образумится, таким подвергнет его наказаниям, что жалующиеся ныне восхвалят нелицемерный приговор (прп. Исидор Пелусиот, 62, 364).

***

Кто славен делами добродетели, тот бывает подлинным украшением священства; а кто, не имея внутри себя при-

знаков достоинства, но прикрываясь чуждым ему благолепием, величается только саном одним, тот, по суду истины, причисляется к людям поддельным (прп. Исидор Пелусиот, 62, 377).

***

...Посвяти себя чтению Священного Писания, и оно тебя соделает иереем. Ибо если покоришься законам его, и то, что получил ты <священство> недолжным образом, вручено тебе будет, как должно (прп. Исидор Пелусиот, 62, 458).

***

...Негоден к священнодействию духовно слепой, т. е. совершенно неразумный и поврежденный умом и помыслом (свт. Кирилл Александрийский, 65, 324).

***

Как некоторые из <нерадивых>... не трепещут вступать на степень диаконства и иерейства и священнодействовать Пречистое Тело и Кровь Господа? Поистине недоумеваю. Конечно, слепота ума и сопутствующие ей нечувствие и неведение, и рождающееся от них самомнение делают то, что такие попирают, как прах, истинное золото и многоценный камень Господа нашего Иисуса Христа. Но горе таковым за эту их страшную дерзость, по коей осмеливаются они восходить на такие степени, с такою великою богонебоязненностию и небрежением о божественных вещах, как будто малых и ничтожных, и это для того только, чтобы казаться выше других. И кто после этого будет называть их христианами? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 230).

***

Торгующий... нагло Божественными (таинствами) и продающий благодать Духа грешит, конечно, против Самого Бога (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 233).

Осуждение священства

Восстающий против (священника) не человека уничижает, а Бога и Христа Иисуса, первородного и одного только первосвященника Отчего (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 176).

***

...Кто ставит сети своему учителю, тот нечестив и беззаконен; почему и осужден будет вместе с тем, кто Благодетеля и Учителя своего предал в руки беззаконных (прп. Ефрем Сирин, 30, 516).

***

...Кто презирает священника, тот презирает и Господа его (прп. Ефрем Сирин, 37, 134).

***

Безумно не уважать власть священников, без которой невозможно получить спасения и обетованных благ (свт. Иоанн Златоуст, 44, 426).

***

Хотя бы священник был нечестив, но Бог, видя, что ты из благоговения к Нему почитаешь даже недостойного чести, Сам воздаст тебе награду (свт. Иоанн Златоуст, 54, 768).

***

Если ты его <священника> презираешь, то презираешь не его, а рукоположившего его Бога. А откуда, скажешь, известно, что Бог рукоположил его? Но если ты не имеешь убеждения в этом, то суетна твоя надежда; если Бог ничего не совершает через него, то ты ни крещения не имеешь, ни Таин не причащаешься, ни благословений не получаешь, и, следовательно, ты — не христианин.

Что же, скажешь, неужели Бог рукополагает всех, даже и недостойных? Всех Бог не рукополагает, но через всех Сам Он действует — хотя бы они были и недостойными — для спасения народа (свт. Иоанн Златоуст, 54, 768).

***

...Если Царь царствующих поставил над тобою начальником священника, то по какому праву ты отвергаешь его и унижаешь? Земному царю, назначающему кого-либо в начальники, ты не пойдешь указывать, не скажешь ему: он недостоин этого сана. А если ты тут не можешь помешать царю — возвысить кого он хочет или кого изберет, то как осмеливаешься Владычнему повелению об иерее противиться на том основании, что он-де грешник? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 969).

***

...Если же поставил Христос <священников>, неужели мы выскажем по отношению к нему <священнику> небрежение, неужели оскорбим его, неужели обременим бесчисленными поношениями? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 826).

***

Мы, которым не дозволено судить братьев наших, неужели станем изощрять язык свой против священников?

Разве достойно какого извинения то, когда в своем глазу мы не замечаем бревна, в чужом же глазу тщательно рассматриваем сучок? Разве ты не знаешь, что, судя так, ты готовишь себе суд еще тяжелее? Я говорю это, не оправдывая тех, кто правит священство недостойно, но сожалея и плача над ними. Однако, я говорю, что на этом основании они не могут быть судимы подчиненными, хотя бы жизнь их и заслуживала сильного порицания... Ведь если Бог сделал слышным Свой голос через ослицу и если через прорицателя даровал духовные благословения, действуя через неразумные уста и через нечистый язык Валаама, ради иудеев, которые оскорбляли Его, — тем более Он устроит все Свое ради вас, благомыслящих, хотя бы священники были очень дурны, и пошлет Духа Святаго (свт. Иоанн Златоуст, 55, 826—827).

***

Священство есть божественное достояние, оно драгоценнее всякого имущества. Оскорбляют же оное паче всех те, которые исправляют дело худо, и которых не надлежало бы вовсе посвящать, чтобы малосмысленные не осмеливались на самое священство обращать вины проходящих оное худо. Ибо, оставив в стороне оскорбляющих его, обращаются с жалобами на священство, когда ему надлежало бы найти защиту себе, как терпящему поругание от людей мерзких, которым непозволительно и касаться его. Ибо если в мирских начальственных должностях иное есть самая должность, а иное проходящий оную не как должно и должность остается в своем чине и достоинстве, а поругавший оную несет крайнее наказание, — то по какой причине в священстве смешивают сии вещи, и грехи исправляющих оное не как должно покушаются приписывать самому священству? Посему пусть умолкнут уничижа-

ющие священство за <недостойных>... и сами на себя не изощряют карающего меча; но их, если не соглашаются стать любомудрыми, да порицают, как губителей, как врагов благочестия и добродетели, священство же прославят и увенчают, как определяющее всякому, что кому следует. Ибо при его содействии и возрождаемся, и причащаемся Божественных Таин, без которых невозможно стать причастными небесных наград, по неложным изречениям самой Истины, изрекающей в одном месте: ***аще кто не родится водою и духом не войдет в Царство Небесное*** (ср.: Ин. 3, 5)... (прп. Исидор Пелусиот, 60, 316—317).

***

...Если без сих Таинств <крещения и причащения> невозможно сподобиться Божественного жребия, таинства же сии совершаются не иным кем, как священством, то как же тот, кто пренебрегает священством, не оскорбляет Божественного и не пренебрегает душу свою? Посему, чтобы не было этого с нами, будем чествовать священство, оплакивать же недостойно проходящих оное, и грехопадения последних не приписывать священству, требующему нашей защиты (прп. Исидор Пелусиот, 60, 317).

***

Поскольку писал ты о своем удивлении, какое страшное это дело — священнодействовать... <недостойному> почитающему себя пресвитером, не кажется страшным рукоположившему его беззаконно, — то скажу на сие: справедливо (в этом никто не будет спорить) негодуешь ты по своему ненавидящему лукавого и любящему доброе нраву; но я признал бы справедливым посоветовать тебе еще

следующее — блюсти язык чистым от злоречия. Если он, как писал ты, достоин тысячи смертей, не сделавшись лучшим от восприятой им почести, но даже священство употребив в оружие порока и отваживаясь, на что и отважиться страшно; то, если не одумается, нелицеприятным Судиею подвергнут будет самым тяжким наказаниям, потому что Бог не неправдив; но не будешь прав и ты, если станешь сквернить свои уста, осмеивая его гнусные поступки (прп. Исидор Пелусиот, 60, 434—435).

***

...Если... не принимаем мы их <священников> с полным убеждением и верою, как святых, но смотрим на них, как на грешников, как можем мы надеяться, что нам даровано через них совершенное отпущение грехов? Ибо Господь говорит: *по вере ваю буди вама* (Мф. 9, 29). И точно, по мере веры нашей, насколько веруем в них, так получим и отпущение грехов наших (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 118).

***

...Предположи в уме своем, что царь земной прислал к тебе какого-либо из самомалейших слуг своих, одетого бедно, в ветхие рубища, не на коне, а на плохом ослике или даже пешком, но который принес тебе грамоту за царскою печатию, написанную собственноручно царем, и в этой грамоте царь провозглашает тебя братом своим и другом и обещает спустя несколько времени сделать тебя соучастником с собою в царствовании, увенчать главу твою царским венцом и облечь тебя в царское одеяние, — скажи мне, как бы ты отнесся к этому слуге? Принял бы его и почтил, как царского слугу, и ради таких великих и истин-

но царских обещаний и такой светлой славы тебя ожидающей, возрадовался вместе с ним, облагодетельствовал его по силе своей и наобещал благодетельствовать и после всегда — или презрел бы его и отослал с пустыми руками и бесчестием, по тому одному, что он одет в бедные одежды и пришел пешком? Если предположим, что ты презрел бы его таким образом и царь узнал об этом, то похвалил бы он тебя за это или бы укорил и осудил? Если бы сам ты был этим царем, то не почел ли бы укором и бесчестием себе такого презрения, оказанного слуге твоему? И этого поношения его не признал ли бы поношением себе? Конечно, так бы было. Ты так разгневался бы на него, как бы он тебе самому оказал презрение, как бы в лице тебя укоряя, что имеешь таких слуг, и сказал бы: «Кто поставил его судьею над слугами моими? Не слугу моего он укорил, что по своей небрежности носит он такие бедные и испачканные рубища, а меня самого, что я немилосерд и держу слуг в таких лохмотьях». Таким образом ты раскаялся бы, что наделал таких обещаний этому презрителю слуги твоего ради сего самого презрения и верно не принял бы его, когда бы он пришел к тебе, за то, что он, дерзкий, восхитил собственный твой суд и осудил слугу твоего... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 119—120).

Искушения священства

Если дух уныния беспокоит тебя... то не увлекайся помыслом уныния; но пребывай на том месте, на котором поставил тебя Бог, рассуждая в себе, какую любовь имел ты к Богу, когда вначале пришел к монастырским дверям. Ту же любовь будем иметь и до конца... (прп. Ефрем Сирин, 30, 556).

***

Душу священника обуревают волны, большие тех, какие бывают от ветров, возмущающих море (свт. Иоанн Златоуст, 44, 429).

***

...Корабль Церкви волнуют постоянные бури; эти бури не только вторгаются извне, но зарождаются и внутри, и требуют от священника великой внутренней внимательности и тщательности (свт. Иоанн Златоуст, 44, 472).

***

...Раны священника нуждаются в большей помощи и такой, в какой раны всего вообще народа; а они не нуждались бы в большей помощи, если бы не были тягчайшими; тягчайшими же они бывают не по своей природе, но по достоинству священника, который совершает эти грехи (свт. Иоанн Златоуст, 44, 477—478).

***

...Потому она <власть священства> вверена человеку, чтобы он, сознавая свои прегрешения и имея опыт, был снисходителен к грешникам и не раздражался гневом, и чтобы Церковь не оскудела через такой образ действий (свт. Иоанн Златоуст, 45, 776).

***

Если... вы будете строги в обращении и за это подвергнетесь злословию, радуйтесь. Таково именно свойство соли, что она едкостью остроты своей неприятна на вкус людей сластолюбивых. Злословие, следовательно, необходимо бу-

дет преследовать вас, но нисколько не повредит вам; напротив, будет свидетельствовать о вашей твердости. Если же вы, устрашась злословия, оставите подобающую вам твердость, то подвергнетесь тягчайшим бедствиям; вас все будут и злословить, и презирать... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 159).

***

Душа священника ничем не отличается от корабля, обуреваемого волнами; со всех сторон она уязвляется от друзей, от врагов, от своих, от чужих (свт. Иоанн Златоуст, 52, 38).

***

Для того Бог и попустил самим священникам рабствовать страстям, чтобы они из собственного опыта научились снисходительно относиться и к другим (свт. Иоанн Златоуст, 55, 538).

***

...Душу приявшего священный сан обуревает страшный утес — тщеславие (прп. Нил Синайский, 73, 404).

***

Сколько потребно терпения в перенесении искушений, какие имеют сопровождать <священника>! Какое надлежит иметь тонкое рассуждение во время браней, какие всеконечно встретит он! Почему внимай добре, отче духовный, и тщательно смотри за сердцем своим, особенно же очисти око ума своего и храни его чистым и не запорошенным, потому что при помощи его ты можешь и за

сердцем своим смотреть добре, и право обсуждать порученные тебе дела по настоятельству твоему... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 463).

***

Если по деятельному любомудрию вышел ты расхитить добычи враждебных духов, смотри и внимай, отовсюду вооружив себя оружиями духовными. Ибо знаешь, чьи сосуды похитить вознамерился ты? — супостатов, конечно, но мысленных и бесплотных, тогда как ты, в теле еще сущи, воинствуешь Царю духов и Богу. Знай, что теперь они сильнее, чем прежде, станут нападать на тебя и множайшие против тебя начнут строить козни; пока или отвоевывая скрытно свою добычу и тебя вместе с нею заберут в плен, и многой горести исполнят душу твою, или ввергнут тебя в злые и болезненные искушения чрез уязвление и озлобление плоти твоей (прп. Никита Стифат, 93, 110).

****

Был один священник, который недостойно приступал к Божественному тайнодействию из-за овладевшей им блудной страстью. Вскоре он тяжело заболел, и никакие средства не помогали ему. Уразумев причину болезни, он дал обет, что не приступит более никогда к священнодействию, и тотчас исцелился, и следа от болезни не осталось (91, 392).

***

Некогда авва Матой отправился из Раифа в страну магдалов. С ним был его брат. Там епископ задержал стар-

ца и сделал его пресвитером. Однажды, когда они беседовали, епископ сказал: «Прости меня, авва! Знаю, что ты не желал быть пресвитером, но я осмелился это сделать, чтобы получить от тебя благословение». Старец сказал ему со смирением: «В сердце у меня было небольшое желание, но вот что меня затрудняет: я должен расстаться с братом моим, а один я не смогу исполнять всех молитв». Епископ сказал старцу: «Если желаешь, то рукоположу и его». Авва Матой отвечал: «Достоин ли он, я не знаю. Одно только знаю, что он лучше меня». Епископ рукоположил и брата его. Но оба брата скончались, не приступив к престолу для совершения Евхаристии.

Старец прежде говорил: «Верую в Бога, что я ни подвергнусь великому осуждению за то, что по рукоположении не разу не совершил Литургии, ибо рукоположение есть достояние людей чистых» (97, 163—164).

***

Петр, пресвитер Диосский, когда бывал на общественной молитве, то хотя его и принуждали стоять впереди всех, из уважения к его священству, по смирению своему всегда становился сзади других, исповедуя свои грехи. Делал он это, никого не оскорбляя (97, 242).

***

Один иерей и вместе монах, славившийся благочестием и многими по внешней видимости почитаемый досточестным, внутри же скрытно сластолюбствовавший и осквернявшийся, когда, совершая Божественную литургию, дошел до Херувимской песни и, преклонив, как обычно, выю перед Святою Трапезою, начал читать: *никтоже дос-*

тоши... внезапно оказался мертвым, потому что душа оставила его в этом положении... (91, 382).

***

К некоему отшельнику приходил пресвитер из ближней церкви и преподавал ему Святые Таины. Кто-то наговорил на пресвитера, и, когда тот, по обычаю, пришел, отшельник, объятый соблазном, не отворил ему дверей. Пресвитер, увидев это, ушел. И был к нему голос: «Восхитили себе человеки суд Мой». После этого отшельник пришел в исступление. Он увидел как бы золотой колодец, золотой сосуд, золотую вервь и воду особенно хорошего достоинства. Увидел он при этом какого-то прокаженного, который черпал воду и наполнял ею сосуд. Отшельник хотел пить, но не мог, потому что черпавший был прокаженный. И опять был к нему голос: «Почему ты не пьешь эту воду? Что за дело тебе до того, кто черпает ее? Он только черпает и наливает сосуд». Отшельник, придя в себя и рассмотрев значение видения, призвал пресвитера и, как прежде, просил его преподать ему Святое Причастие (106, 109).

***

При храме во имя Святого Иоанна Крестителя в селении Мардард, что в Киликии, священником был старец, великий перед Богом и исполненный добродетели. Однажды жители селения пришли к епископу с просьбой: «Возьми от нас этого старца — он не угоден для нас. В воскресный день он совершает Литургию в девятом часу и не соблюдает установленного чина Божественной службы». Епископ, призвав старца, спросил его: «Зачем ты так поступаешь, старец? Или не знаешь устава Святой Церкви?» «Поистине так, Владыко, — отвечал старец, — и ты

справедливо говоришь. Но я не знаю, что мне делать? В воскресные дни от самой полунощницы я нахожусь у Святого престола и не начинаю Литургии, пока не увижу Святаго Духа, нисходящего на Святой престол. Когда же увижу наитие Святаго Духа, немедленно совершаю Литургию». Епископ подивился добродетели старца. Вразумив жителей селения, он отпустил их с миром и хвалой Богу (102, 36).

СЕРДЦЕ

Да будет сердце твое перед всеми чисто и ко всем благосклонно, чтобы обрести в себе мир Божий (прп. авва Исаия, 59, 49).

***

Простота и смиренное о себе мнение очищает сердце от зла (прп. авва Исаия, 59, 49).

***

Мы должны сохранять сердце наше непорочным во всякой святыне, если желаем, чтобы Бог обитал в нем с веселием (прп. авва Исаия, 59, 68).

***

...Умоляю тебя, не давай послабления сердцу своему, доколе ты находишься в теле (прп. авва Исаия, 59, 178).

***

Горе нам, что сердце наше от попечений о суетном грубеет и расслабевает (прп. авва Исаия, 59, 194).

***

Как черта делается кривою, когда прямое направление преломляется то в выпуклое, то в вогнутое; так и сердце делается строптивым, когда его то возвышает высокомерие, то унижают скорби и тесноты (свт. Василий Великий, 5, 180).

***

Кто есть чистый сердцем? — Кто не знает за собой презрения к заповеди Божией или недостаточного, или небрежного исполнения оной (свт. Василий Великий, 9, 300).

***

...Может быть, скажешь мне, что стыдно иметь нечистое лицо? Знай же, что нечистота ног и лица твоего при чистом сердце светлее солнца сияет перед Богом и перед святыми Силами (прп. Ефрем Сирин, 30, 112).

***

Написано: *делайте не брашно гиблющее, но пребывающее в живот вечный* (ср.: Ин. 6, 27). Пусть руки твои делают *благое,* чтобы мог ты и имеющему нужду подать (см.: Еф. 4, 28). И пусть сердце твое всегда будет обращено ко Господу, и тогда будешь делать *брашно пребывающее, а не гиблющее* (прп. Ефрем Сирин, 30, 180).

***

Если окаменело сердце твое, плачь перед Господом, чтобы источил Он на тебя озарение ведения, и не насме-

хайся над теми, которые с горячностию сердца вопиют на небо (прп. Ефрем Сирин, 31, 102—103).

***

Пока сердце пребывает в добре, дотоле и Бог в нем пребывает, дотоле оно служит источником жизни; потому что от него исходит доброе. Но как скоро уклоняется от Бога и делает беззакония — становится оно источником смерти, потому что из него исходит злое. Сердце — Божия обитель; потому имеет нужду в охранении, чтобы не вошло в него злое, и Бог не удалялся из него (прп. Ефрем Сирин, 33, 349—350).

***

...Сердце твое — святой жертвенник: может ли... водворяться в тебе нечистая похотливость? В тебе священнодействует Дух Святый: должны ли... грехи и благоухание заменять смрадом нечистой похоти? (прп. Ефрем Сирин, 33, 350).

***

Дивно сие, братия мои; весьма досточудно, возлюбленные мои; непостижимо для горних и неизреченно для дольних. Недоступный для всякого ума входит в сердце и обитает в нем; Сокровенный от Огнезрачных обретается в сердце. Земля не выносит стопы Его; а чистое сердце носит Его в себе. Небо — мало для пяди Его, а сердце — обитель Его. Небо объемлет Он горстию Своею, и одна пядень пространства — жилище Его. Если распростретсяся — вся тварь не заключит Его в пределы свои; но если взыщет сердца, то и малое сердце вмещает Его. Малое

место избирает в человеке для жилища Своего; и делается человек храмом Божиим, в котором обитает и пребывает Бог. Душа — храм Его, а сердце — святой жертвенник, на котором приносятся хвала, славословие и жертвы; иереем же бывает Дух, Который стоит и священнодействует там (прп. Ефрем Сирин, 33, 350).

***

...В том состоит чистота сердца, чтобы, видя грешников или немощных, иметь к ним сострадание и быть милосердым (прп. Макарий Египетский, 67, 114).

***

...В сердце есть какая-то беспредельная глубина; есть там и пиршественные горницы, и опочивальни... есть там рабочая храмина дел правды и неправды; есть там смерть, есть там и жизнь... (прп. Макарий Египетский, 67, 126).

***

...В сию меру <сопребывания с Господом> не вдруг достигают люди, и то разве трудами, скорбию, великим подвигом. Ибо есть и такие, внутри которых, хотя соприсущна или действующая и упокоевающаяся в них благодать, пребывает и порок; и в одном сердце действенны два рода жизни — жизнь света и жизнь тьмы (прп. Макарий Египетский, 67, 150).

***

...Нелегкое дело — приобрести чистое сердце; много нужно человеку борения и труда, чтобы чистыми иметь

совесть и сердце, и всецело искоренить в себе зло (прп. Макарий Египетский, 67, 205).

***

...Как земледелец печалится о скудной ниве, так и Господь скорбит о скудном и не приносящем плода сердце (прп. Макарий Египетский, 67, 246).

***

К чему привязано сердце человека и к чему влечет его пожелание, то бывает для него богом. Если сердце вожделевает всегда Бога, то Бог есть Господь сердца его (прп. Макарий Египетский, 67, 277).

***

Само сердце — малый сосуд, но там есть змии, там есть львы, там есть ядоносные звери, там есть все сокровища порока, там пути негладкие и строптивые, там пропасти; но там также и Бог, там Ангелы, там жизнь и царство, там свет и апостолы, там сокровища благодати, там есть все (прп. Макарий Египетский, 67, 280).

***

Уединение с любовью очищает сердце; отдаление же от других с гневом возмущает его (авва Евагрий, 89, 609).

***

...Когда растлено сердце, то что пользы в остальном теле? (свт. Иоанн Златоуст, 45, 354).

***

...В человеке, когда сердце погибло, тщетно уже здоровье остального тела (свт. Иоанн Златоуст, 45, 354).

***

...Когда сердце, не будучи отягчено яствами, не погружается в земное, то оно не имеет нужды в долгом времени, чтобы воспрянуть <от сна>, но тотчас является трезвенным (свт. Иоанн Златоуст, 54, 722).

***

Подлинно, ничто так не делает сердце любомудрым, как скорбь и печаль по Боге (свт. Иоанн Златоуст, 55, 490).

***

...Не в том беда, что мы не имеем чистого сердца, а в том, что, не имея его, мы еще и не приходим к тому, что может сделать его чистым (свт. Иоанн Златоуст, 55, 526).

***

Сердце, непрестанно хранимое, которому не попускают принимать виды, образы и мечтания темных и лукавых духов, обыкновенно рождает из себя помыслы световидные. Ибо как угль рождает пламень, так много паче обитающий от Святого крещения в сердце нашем Бог, если находит воздух сердца нашего чистым от ветров злобы и охраняемым стражбою ума, возжжет мысленную силу нашу к созерцанию, как пламень восковую свечу (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 188).

***

...Чистота сердечная, т. е. блюдение и охранение ума... все страсти и всякое зло отсекает от сердца и искореняет из него, и вместо того вводит в него радость, благонадежие, сокрушение, плач, слезы, познание себя самих и грехов своих, памятование смерти, истинное смирение, безмерную любовь к Богу и людям и божественное рачение сердечное (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 190).

***

Кто со всем рачением хранит чистоту сердца, тот наставником в ней будет иметь законоположителя ее — Христа, Который таинственно будет изрекать ему волю Свою (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 208).

***

...Спаситель говорит: ***всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцы своем*** (Мф. 5, 28). Указывая на невоздержные глаза, Он осуждает не столько их, сколько внутреннее чувство, которое худо пользуется их служением для видения. Ибо сердце бывает больно, уязвлено стрелою похоти и смотрит с вожделением, — благодеяние зрения, дарованное ему Творцом, по своей порочности обращает к служению худым делам и скрытую в нем самом болезнь похоти обнаруживает по поводу смотрения. Потому и предписывается спасительная заповедь тому, по чьей порочности происходит злокачественная болезнь по случаю видения. Ибо не говорится: всяким хранением блюди свои глаза, которые и должно бы главно хранить, если бы из них происходило

действие похоти, ибо глаза исполняют для души простую должность видения, а больше ничего; но говорится: *всяким хранением блюди свое сердце* (ср.: Притч. 4, 23); к нему преимущественно должно быть приложено врачевство, потому что оно везде может злоупотреблять служением глаз (прп. Иоанн Кассиан, 56, 79).

***

Сердце называется сокровенною клетию души, в нем бывает много таких беззаконий, которые видит одно недремлющее Око (прп. Нил Синайский, 73, 246).

***

Широта сердца есть упование на Бога, а теснота его — забота житейская (прп. Марк Подвижник, 89, 548).

***

...Требуется великий подвиг и много потребно времени провести в молитвах, чтобы достигнуть начатков безмятежного устроения сердца... (прп. Иоанн Карпафский, 91, 90).

***

Преспеяние сердца — помышление о своем уповании (прп. Исаак Сирин, 58, 178).

***

Сердце жестокое и немилосердое никогда не очистится (прп. Исаак Сирин, 58, 178).

***

...Будучи страстными, мы отнюдь не должны веровать своему сердцу; ибо кривое правило и прямое кривит (прп. авва Дорофей, 29, 188).

***

Безболезненность сердца ослепляет ум... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 73).

***

Сердце правое свободно от различия вещей, и безопасно плавает в корабле незлобия (прп. Иоанн Лествичник, 57, 197).

***

Соделавший сердце свое чистым не только познает смысл и значение вещей второстепенных и после Бога сущих, но, прошедши все их, зрит некако и Самого Бога: в чем — крайнейший предел благ. Посетив такое сердце, Бог удостоивает Духом начертывать на нем Свои письмена, как на скрижалях Моисеевых, в такой мере, в какой оно само себя возрастило доброю деятельностью и созерцанием, по заповеди, таинственно повелевающей: ***расти и множитися*** (ср.: Быт. 35, 11) (прп. Максим Исповедник, 91, 244—245).

***

Что мужественнее сокрушенного и смиренного сердца, которое без труда побеждает всех демонов и совсем отгоняет их от себя? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 177).

***

Чистым... сердце делают не одна, не две, не десять добродетелей, а все вместе, слившись, так сказать, во едину добродетельность, достигшую последних степеней совершенства. Однако же и в таком случае добродетели — одни — не могут сделать сердце чистым, без воздействия и присещения Духа Святаго. Ибо как ковач, как бы искусно ни умел он действовать орудиями, ничего не может сработать без содействия огня, так и человек пусть все делает со своей стороны (для очищения сердца), пользуясь для сей цели добродетелями, как орудиями, но без присещения огня Духа все делаемое им останется бездейственным и бесполезным для его цели, так как это — одно — не имеет силы очищать нечистоту и скверну души (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 532—533).

***

...Как может быть чисто сердце у того, кто оскверняется нечистыми помыслами, как зеркало затемняется пылью? (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 562).

***

Чисто сердце, я полагаю, у того, кто не только не бывает тревожим и тяготим какою-либо страстию, но и не помышляет даже ни о чем худом или мирском, хотя бы и хотел того, и одну память о Боге держит в себе с неудержимою любовию. Ибо око души, ум, когда ничто не мешает его созерцанию, чисто в чистом свете видит Бога (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 562).

***

Сердце чисто есть и называется то, которое не находит в себе никакого помышления мирского, но все прилеплено к Богу и сочетано с Ним так, что не вспоминает уже ничего мирского, ни печального, ни радостного, но превитает в созерцании, возносясь до третьего неба, восторгаясь в рай и видя наследие благ, обетованных святым, — применительно к чему представляет потом, сколько возможно сие для немощи человеческой, и блага вечные. Вот что служит знамением чистоты сердечной и верным признаком, по которому всякий может определить меру своей чистоты и видеть себя как в зеркале (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 563).

***

...Сколько очищается сердце, столько приемлет и Божественной благодати, и опять: сколько приемлет оно благодати, столько и очищается (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 31—32).

***

Истинное святилище, еще прежде будущего жития, есть без помыслов сердце, воздействуемое Духом. Ибо там все совершается и говорится духовно; и не стяжавший сего отсюда хотя ради некоторых добродетелей есть камень, пригодный к созиданию божественного храма, но не есть храм и священнодействитель Духа (прп. Григорий Синаит, 93, 181).

***

Сердце твое... создано Богом для того одного, чтобы оно любило Его единого и служило Ему обителию (прп. Никодим Святогорец, 70, 255).

***

Сердце человеческое похоже на гирю часовую и на руль корабельный. Облегчи или утяжели гирю, тотчас изменится движение всех колес часовых, и стрелки часов перестанут быть верными указателями времени. Подвинь направо или налево руль, тотчас изменится движение корабля, и он сойдет с того направления, которого держался прежде. Так, когда сердце приходит в смятение, все внутреннее наше приходит в беспорядочное движение и самый ум теряет правость умствования своего. Вот почему необходимо поскорее умирять сердце, как только оно смутится чем-либо, внутренним или внешним, во время ли молитвы, или во всякое другое время (прп. Никодим Святогорец, 70, 257).

***

Кто засмотрится в сердце свое, тот забудет, что на земле находятся грешники, кроме его одного (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 412).

***

То сердце, в котором движется одно добро, есть сердце чистое, способное к Богозрению (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 522).

***

Какое направление примут силы сердца, в такое направление устремляются силы тела, и преобразуется влечение тела, сообразно влечению сердца, из плотского и скотоподобного в духовное, святое, ангелоподобное (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 243).

***

В сердце, которое не ограждено и не запечатлено памятованием Бога и страхом Божиим, удобно входят все страсти, в него входит нравственный мрак, в него входит неведение Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 272).

***

Когда сердце вкусит сладость духовную, тогда только оно может отторгнуться от услаждения плотскою сладостию, без наслаждения оно быть не может (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 413).

***

Охлаждение... сердца много имеет причин. Главные из них самодовольство и самомнение (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 221).

***

Где сердце? — Где отзывается и чувствуется печаль, радость, гнев и прочее, там сердце (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 165).

***

Доброе настроение сердца отзывается тихим радостнотворным чувством, подобным чувству здравия (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 93).

***

Дело сердца — чувствовать все, касающееся нашего лица (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 26).

***

В сердце осаждается все, что входит в душу совне и что вырабатывается ее мыслительною и деятельною стороною. Через сердце же проходит и то все, что обнаруживается душою вовне (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 26).

***

Когда очистится кто от страстей, пусть дает волю сердцу, но пока страсти в силе, давать волю сердцу — значит явно обречь себя на всякие неверные шаги (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 29).

***

...Каков кто в сердце, таковым зрит его Бог с высоты Своего престола и соответственно тому принимает его (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 6).

СКВЕРНОСЛОВИЕ

Хочешь быть далеким от скверных слов? Избегай не только скверных слов, но и беспорядочного смеха и всякой похоти (свт. Иоанн Златоуст, 45, 177).

***

...Высказав перед всеми сквернословные речи, срамит этими словами не других, а себя, высказав их и осквернив ими свой язык и разум (свт. Иоанн Златоуст, 52, 349).

***

Лучше извергать гнилость изо рта, нежели сквернословие (свт. Иоанн Златоуст, 53, 530).

***

Бог вложил в уста твои благовоние, а ты влагаешь в них слова зловоннее всякого трупа, убиваешь самую душу и соделываешь ее нечувствительною (свт. Иоанн Златоуст, 53, 530).

***

Не сквернословь. Неужели это трудно? Но если бы и не было повелено, не следовало ли бы нам самим сделать это, чтобы не показаться бесчестными? Напротив, сквернословие трудно, как видно из того, что человек стыдится в душе и краснеет, когда случится ему сказать что-нибудь подобное, и даже не решится сказать, если не будет в пьяном виде (свт. Иоанн Златоуст, 55, 127).

****

«В 1894 году, — рассказывал архимандрит Кронид, — в обитель преподобного Сергия прибыл помолиться прихожанин сельского храма деревни Кетилово Московской губернии Волоколамского уезда крестьянин Яков Иванович. Лицо его было печально, и на глазах виднелись слезы. Когда я спросил о причине его скорби, он зарыдал, как ребенок, и, несколько успокоившись, с тяжким вздохом сказал: «Ох, батюшка, скорбь моей души так велика, что я дохожу до уныния. Иногда и рад бы умереть. У меня есть сын Василий, восьми лет, одержимый странными припадками, которые выражаются излиянием хулы на святыню и невыносимым сквернословием. Были такие случаи. Накажу я его строго и запру в подвале, а он и там продолжает сквернословить и хулить все святое. Лицо его делается при этом черным, и страшно на него смотреть. Печаль моя за его душу столь велика, что я подчас теряю

надежду на свое и его спасение». Выслушав, говорю отцу: «Ясно, тут дело диавольское. Диавол всемерно стремится погубить тебя и твоего сына. Думаю, что есть какая-то особая причина, что диавол осмелился приблизиться к чистой и невинной душе мальчика. Скажи мне по совести, не ругался ли ты сам когда-либо сквернымн словами и не был ли свидетелем этой брани твой сын?» Снова залился слезами Яков Иванович и сквозь рыдания проговорил: «Да, я сам виноват в грехах сына. Трезвый я не ругаюсь, но в нетрезвом состоянии я — первый сквернослов на улице и ругаюсь в своем доме, при детях. Это мой тяжкий грех перед Богом и людьми». «Кайся, Яков Иванович, — говорю я ему, — слезно кайся. Этот грех и служит причиной сквернословия и хулы твоего сына. Но не падай духом и не предавайся унынию и отчаянию. Помни, что нет греха, который бы превышал безграничное милосердие Божие. Кстати, ты теперь находишься в стенах обители преподобного Сергия, этого великого заступника и ходатая за всю Русскую землю и за всех притекающих к нему. Проси слезно его ходатайства перед Престолом Божиим за тебя и твоего сына о даровании вам исцеления душевных и телесных немощей. Веруй, что по вере будет тебе радость. Не блещет так молния во всей вселенной, как быстро достигает молитва родителей до Престола Божия и низводит на их детей святейшее благословение Всемогущего Господа. Молитва твоя и жены твоей могуча и может помочь в исцелении сына и всего вашего семейства».

Видимо, Яков Иванович горячо молился преподобному Сергию. Из обители он уехал в мире и духовной радости. Ровно через год мне пришлось быть на родине и встретиться с Яковом Ивановичем в храме. Вид его был спокойный и мирный. На мой вопрос, как его домашние дела, он с душевной радостью отвечал: «Слава Богу! Не забыл

меня Господь за молитвы преподобного Сергия милостью Своей». И рассказал мне следующее: «Как вернулся я из Троице-Сергиевой обители, сын мой Василий заболел. В течение двух месяцев он таял, как свеча, и за все время своей болезни был необыкновенно кроток и смирен сердцем. Никто не слыхал из уст его гнилого, бранного слова. Любовь его ко мне была поражающая. За два дня до своей смерти он попросил меня позвать священника. Исповедовался со слезами и полным сознанием своей виновности перед Богом, в умилении приобщился Святых Христовых Таин и умер в полной памяти. Перед самой смертью он поцеловал меня, мать и всех присутствующих и тихо-тихо, как бы уснув, скончался. Его кончина для моей души была великим утешением и радостью. Сам же я, по возвращении из обители преподобного Сергия, перестал пить, не произношу больше бранных слов». Яков Иванович после свидания со мной прожил еще двадцать лет, ведя трезвую христианскую жизнь» (114, 14).

СКОРБИ

Неизбежность скорбей

Всегда ожидай каких-либо великих и страшных искушений, скорбей, бедствий и смерти, чтобы они не постигли тебя неготовым (прп. авва Исаия, 59, 185).

***

Как живущему на земле невозможно избегнуть этого воздуха, так человеку, живущему в этом мире, невозможно не быть искушенным скорбями и болезнями (прп. Ефрем Сирин, 30, 412).

***

Бог может и сегодня же прекратить все бедствия; но Он не прекратит скорби, пока не увидит, что мы очистились, пока не увидит, что в нас произошла перемена и (наступило) покаяние, твердое и непоколебимое... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 62).

***

...Золотых дел мастер не вынимает золота из горна, пока не увидит, что оно хорошо не очистилось. Так и Бог не отведет этой тучи <скорбей>, пока совершенно не исправит нас (свт. Иоанн Златоуст, 45, 62).

***

Для верующего неизбежно терпеть скорби, потому что *вси хотящии благочестно жити о Христе гонимы будут* (ср.: 2 Тим. 3, 12) (свт. Иоанн Златоуст, 46, 301).

***

...Хотя бы мы и не решились потерпеть для Христа некоторые скорби, все же совершенно необходимо будет потерпеть их, только иным образом (свт. Иоанн Златоуст, 50, 769).

***

Если ты (для Господа) не хочешь терпеть скорби, то все же будешь терпеть скорби по другим причинам, но без всякой для себя пользы (свт. Иоанн Златоуст, 53, 695).

***

Ты думаешь, что люди, проводящие жизнь без трудов, свободны от скорбей? Нет. Как невозможно человеку не испытать смерти, так и прожить без скорбей (свт. Иоанн Златоуст, 54, 761).

***

Невозможно приблизиться к Богу без скорби; без нее и праведность человеческая не сохраняется неизменною (прп. Исаак Сирин, 58, 90).

***

Для всякого благочестивого неизбежны скорбь, теснота, и лишения; и это не к ущербу, а к усилению и возвышению его благочестия (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 73).

***

...Когда скорби придут сами собой — не убойся их, не подумай, что они пришли случайно, по стечению обстоятельств. Нет, они попущены непостижимым Промыслом Божиим... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 549).

***

Скорби — удел нашего времени, которому в удел не даны ни подвиг мученичества, ни подвиг монашества (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 462).

***

...Скорби, посылаемые человеку Промыслом Божиим, суть верный признак избрания человека Богом (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 129).

***

...Когда вначале — хорошо... жди чувствительных прискорбностей... и прискорбности эти бывают тем чувствительней, что встречаются после приятностей (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 84).

Причины скорбей

Тот скорбит и плачет, если ему худо в этом веке, кому не может быть хорошо после этого века, кто здесь исчерпывает все наслаждения жизни, для кого здесь оканчивается всякое утешение... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 242).

***

От несчастий мира тот испытывает казнь, для кого в мире вся радость и слава (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 242).

***

Как черви всего чаще заводятся в деревьях менее твердых, так скорби зарождаются в людях более изнеженного нрава (свт. Василий Великий, 8, 53).

***

От того, что не хотим ради Господа потерпеть малой скорби, невольно впадаем во многие и тяжкие скорби (прп. Ефрем Сирин, 30, 216).

***

...Когда увидишь доброго в несчастии, разумей, что скорбь служит очищением... (свт. Григорий Богослов, 13, 175).

***

...Горестное посылается от Бога достойным того, каждый же сам для себя бывает виновником этих бичей, собственным своим произволом уготовляя себе ожидающие его скорби (свт. Григорий Нисский, 18, 286).

***

Для того и болезни тела, для того и скудость плодов, для того и голод, чтобы мы из-за этих бедствий всегда прилеплялись к Нему <Богу> и таким образом через временные скорби сделались наследниками вечной жизни (свт. Иоанн Златоуст, 45, 340—341).

***

Бог хочет научить нас презирать настоящее, не прилепляться и не привязываться к нему. Для того Он и назначил здесь скорби и труды и все приятное и радостное сделал скоропреходящим (свт. Иоанн Златоуст, 48, 75).

***

Он <Бог> весьма любит нас, потому и попускает нам подвергаться скорбям, чтобы мы искренне прилеплялись к Нему. Как матери, устрашая непослушных детей различными страшилищами, заставляют их прибегать к своим недрам, и делают это не с тем, чтобы огорчать их, но чтобы привязать их к себе, так и Бог, всегда желая привязать нас к Себе, как сильно любящий или больше всякого любящего, попускает тебе впадать в такие нужды, чтобы ты постоянно упражнялся в молитве, постоянно призывал Его и, оставив все прочее, помышлял о Нем (свт. Иоанн Златоуст, 48, 340).

***

Как землю нужно пахать и копать, так и для души, вместо заступа, нужны искушения и скорби, чтобы она не произрастила худых трав, чтобы смягчилась ее жестокость, чтобы она не возгордилась (свт. Иоанн Златоуст, 48, 395).

***

Потому... настоящая жизнь стала тяжелою и исполненною многих трудов, чтобы более косные из людей, охотно пребывающие в настоящем, будучи выталкиваемы отсюда и изнемогая под тяжестью этой жизни, убегали удовольствий и пристрастия к настоящей жизни, а стремились бы к небесной любви и спешили бы к тому дню... Так многие, будучи в рабстве плоти и во власти житейских забот, охотно пребывают в них, наподобие гнездящихся зверей, то, чтобы отсечь пристрастие их к этому, Он <Господь> дал им в удел много печали, боязни, забот, дум, борьбы, опасностей, робости, большой рой телесных страстей, осаду от тела и много другого, чего в одном слове не сказать, чтобы, ужасаясь хотя облака этих зол, они пожелали возвратиться в неволнуемую пристань и наслаждаться непрестанной тишиной, в которой нет зол, примешанных к благу, но чистое благо, действительное благо (свт. Иоанн Златоуст, 55, 300—301).

***

Христос сказал: ***в мире скорбни будете*** (Ин. 16, 33). Посему как же ищешь покоя, когда изрек это Подвигоположник? Тогда бы естественно было соблазняться, когда бы происходило противное сказанному Им. Если же все бывает согласно со сказанным, то почему соблазняешься?

Кто во время ратоборств ищет покоя, тот остается неувенчанным, и смешивает времена (прп. Исидор Пелусиот, 62, 341).

***

Прискорбный случай разумному напоминает о Боге, и равномерно огорчает забывающего о Боге (прп. Марк Подвижник, 69, 13).

***

Скорби, постигающие людей, суть порождения их собственных худых дел... Если же мы перенесем их в молитве, то опять обретем приращение в добрых делах наших (прп. Марк Подвижник, 69, 28).

***

Скорби находят за прежде бывшие грехи, принося с собою сродное каждому прегрешению (прп. Марк Подвижник, 69, 45).

***

Кто противится постигающим его скорбям, тот сам, того не зная, противится повелению Божию (прп. Марк Подвижник, 69, 50).

***

Из случающегося с нами печального ничто не постигает нас несправедливо, но все бывает по праведному суду Божию. Иные терпят за свои злые дела, а иные за ближнего (прп. Марк Подвижник, 89, 508).

***

Нечистотою сластей, как ржавчиною, покрытую душу очищает болезненный труд, и совсем истребляет в ней всякую склонность к вещественному, когда она делом познает вред от любления его; чего ради Бог попускает диаволу, по праведному суду, угнетать людей мучительными скорбями (прп. Максим Исповедник, 91, 258).

***

Благ сущи Бог и, желая совершенно исторгнуть из нас семя зла, т. е. похотение сластолюбное, лишающее ум Божественной любви, попускает диаволу наводить на нас прискорбности и страдания, чтобы через прискорбности и очистить душу от яда предшествовавших похотений и внедрить в нее ненависть и совершенное отвращение от настоящих, льстящих одной чувственности, — как ничего полезного (кроме мучительных последствий) не доставивших при прежнем удовлетворении их, и чтобы таким образом самую мучительную и человеконенавистную силу врага сделать обстоятельною причиною возвращения к добродетели тех, которые произвольно погрешили против нее (прп. Максим Исповедник, 91, 261).

***

...Отчего подверглись мы всем скорбям сим? Не от гордости ли нашей? Не от безумия ли нашего? Не от того ли, что мы не обуздываем злого произволения нашего? Не от того ли, что мы держимся горького своеволия нашего? Да и от чего же более? Не был ли человек по сотворении своем во всяком наслаждении, во всякой радости, во вся-

ком покое, во всякой славе? Не был ли он в раю? Ему было повелено не делать сего, а он сделал. Видишь ли гордость? Видишь ли упрямство? Видишь ли непокорность? (прп. авва Дорофей, 29, 25).

***

Бесчестие и другие скорби... обнаруживают таящийся грех во глубине души. Скорбь по той причине и называется искушением, что она открывает сокровенное состояние сердца (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 370).

***

Грех — причина всех скорбей человека и во времени, и в вечности. Скорби составляют как бы естественное последствие, естественную принадлежность греха, подобно тому как страдания, производимые телесными недугами, составляют неизбежно принадлежность этих недугов, свойственное им действие... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 156—157).

***

Вы в скорби оттого, что в борьбе, в борьбе оттого, что закон Христов духовен, требует распятия (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 448).

***

Грешников намеренных и произвольных, в которых нет залога к исправлению и покаянию, Господь не признает достойными скорбей, как непринявших учения Христова (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 130).

***

Горестей на земле более, чем радостей. То и другое посылает Бог, то для возбуждения от нравственного усыпления, то для пресечения неправостей и грехов, то для покаянного их очищения, то для возвышения покорности Богу, все устрояющему, для подаяния повода явить мужество и терпение во славу Божию и другие высокие добродетели (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 113).

Польза скорбей

Всякая скорбь, соединенная с терпением, хороша и полезна, а без терпения есть отвращение Божие и бесполезна, если только кто-либо не уврачует ее смиренномудрием: ибо другого врачевства не существует (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 114).

***

Удовольствие и радость чувствуем мы после того, как испытываем скорбное: ибо несладко пьет тот, кто не томился жаждою, несладко ест, кто не голодал, несладко засыпает, кого сильно не клонила дремота, не сильно чувствует радость, кто прежде не был в скорби, — так и вечными благами не насладимся мы, если не презрим маловременные (прп. Антоний Великий, 89, 83).

***

Скорби служат нам пособием к сохранению заповедей Божиих (прп. авва Исаия, 59, 182).

***

...Болезнь, бедность, бесславие, смерть и другие человеческие скорби не должно и включать в число зол, потому что противоположное им не причисляется нами к величайшим благам; и скорби эти частию бывают по природе, а частию оказываются для многих послужившими в пользу (свт. Василий Великий, 5, 30).

***

...Скорби для хорошо приготовленных есть как бы укрепляющая пища и упражнение в борьбе, приближающие подвижника к отеческой славе... (свт. Василий Великий, 5, 247).

***

...Если *скорбь терпение соделовает, терпение же искусство* (Рим, 5, 3—4), то избегающий скорби лишает себя опытности (свт. Василий Великий, 5, 251).

***

...Как никто не получает венца, не имея у себя противника, так и опытным можно оказаться не иначе, как через скорби (свт. Василий Великий, 5, 251—252).

***

...Как врач, хотя производит в теле труды и страдания, однако же благодетелен, потому что борется с болезнию, а не с больным, так благ и Бог, Который частными наказаниями устрояет спасение целого (свт. Василий Великий, 8, 126).

***

...Болезни в городах и народах, сухость в воздухе, бесплодие земли и бедствия, встречающиеся с каждым в жизни, пресекают возрастание греха (свт. Василий Великий, 8, 129).

***

...<Скорбями> Бог истребляет зло, а не от Бога зло. И врач истребляет болезнь, а не влагает ее в тело (свт. Василий Великий, 8, 130).

***

...Скорби и искушения полезны человеку: делают душу благоискусною и твердою, если она мужественно, охотно, с доверенностью к Богу и с упованием переносит все случающееся, с несомненною верою ожидая избавления от Господа и милости Его (прп. Ефрем Сирин, 31, 527).

***

Как стечение облаков вначале делает воздух мрачным, а когда пойдет из них дождь, и облака утратят одну за другой скопившиеся в них снежинки, тогда снова делают весь воздух тихим и ясным: так и душевная скорбь, пока заключена внутри, омрачает наш помысл, а когда истощит себя в молитвенных словах слезами и выйдет наружу, тогда производит в душе большую ясность, низведя в ум молящегося, подобно некоему лучу, мысль о Божией помощи (прп. Ефрем Сирин, 32, 408).

***

Ничто не оттоняет так от нас леность и нерадение, как болезненное чувство и скорбь, которые собирают ум воеди-

но, и возвращают его в самого себя. Кто так скорбит и молится, тот после молитвы в состоянии будет водворить в душе своей великую приятность (прп. Ефрем Сирин, 32, 408).

***

Золото испытывается в горниле, а добродетельный — в скорбях. Часто скорбь бывает легче состояния невредимости (свт. Григорий Богослов, 15, 363).

***

Моими страданиями и скорбями да не утешается порочный и да не смущает слабого ума добрый! Кто без болезней соделал хорошего лучшим? А страждущий знает, что и болезнь ему помощник, что она или врачевство для оскверненных, или борьба и слава для очищенных (свт. Григорий Богослов, 16, 17).

***

...Бог, зная твою немощь, по смотрению Своему посылает тебе скорби, чтобы стал ты смиренным, и ревностнее взыскал Бога (прп. Макарий Египетский, 67, 211).

***

...Не должно удивляться, если терпят от кого скорби, чтобы освободиться через то от порока (прп. Макарий Египетский, 67, 284).

***

...Если чужие несчастия способны вразумлять нас, то гораздо более те, которые мы потерпели сами (свт. Иоанн Златоуст, 44, 35).

***

...Скорбию, как бы в каком священном месте, душа научается ничтожеству человеческой природы, кратковременности настоящей жизни, тленности и непостоянству житейского, обманчивости совершающегося на позорище (мира) (свт. Иоанн Златоуст, 44, 148—149).

***

Скорбь — великое дело, великое для того, чтобы человек стал доблестным и научился добродетели терпения (свт. Иоанн Златоуст, 44, 183).

***

...Все, что бы ни случилось, будет нам на пользу, и если ты будешь иметь такое убеждение, то скоро отгонишь от себя и то, что называешь верхом своих несчастий (свт. Иоанн Златоуст, 44, 198).

***

Ничто так не отгоняет беспечности и рассеянности, как скорбь и печаль; она отовсюду сосредоточивает душу и обращает ее к самой себе (свт. Иоанн Златоуст, 44, 543).

***

Когда же увидишь порочного в несчастии, утешайся, не потому только, что он становится лучшим, но и потому, что заглаждаются здесь многие из грехов его (свт. Иоанн Златоуст, 44, 853).

***

...Покой и веселие обыкновенно ведут к беспечности, тогда как скорбь приводит к заботливости и заставляет

душу, рассеянную вовне и развлеченную многими предметами, обращаться к самой себе... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 59).

***

...Будем смотреть не на скорбь и печаль настоящую, а на пользу, которая из нее происходит, на плод, который она рождает (свт. Иоанн Златоуст, 45, 59—60).

***

Если у тебя есть грехи, они легко истребятся и попалятся скорбию. Если же у тебя есть добродетель, от скорби она сделается светлее и блистательнее (свт. Иоанн Златоуст, 45, 60).

***

...Как от покоя произошла скорбь, так и от скорби надобно ожидать покоя (свт. Иоанн Златоуст, 45, 62).

***

...Не будем более скорбеть о потере имущества, но станем скорбеть тогда только, когда грешим. В этом случае великая польза от скорби. Лишился ты чего? Не скорби: этим нисколько не пособишь. Согрешил? Скорби: это полезно. Вникни в разум и премудрость Божию. Два плода породил нам грех: скорбь и смерть (свт. Иоанн Златоуст, 45, 76).

***

...От скорби мы получаем немало пользы еще прежде воскресения тем, что душа наша становится испытаннее, мудрее и разумнее, и избавляется от всякой робости (свт. Иоанн Златоуст, 45, 472).

***

(Скорбь) приносит двоякую пользу: во-первых, делает нас более ревностными и внимательными; во-вторых, дает нам не малое право на то, чтобы быть услышанным (в молитве) (свт. Иоанн Златоуст, 45, 494).

***

...Скорбь рождает терпение — эту матерь всех благ, эту необуреваемую пристань, эту основу мирной жизни, более крепкую, чем скала, более твердую, чем алмаз, более могущественную, чем всякое оружие, более надежную, чем все крепостные стены (свт. Иоанн Златоуст, 46, 707).

***

Человек твердый, бодрый и трезвенный от этого <действия искушений> еще более укрепляется, и чем более умножаются скорби, тем более возрастает его мужество... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 13).

***

...Здешние скорби располагают нас благоугождать Богу... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 254).

***

Как ненастное время есть самое лучшее для земледелия, так и скорбь — для попечения о душе (свт. Иоанн Златоуст, 48, 118).

***

...Бог не препятствует постигать нас скорбям, но, когда они постигли, Он помогает нам, доставляя нам таким

образом пользу и опытность... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 209).

***

...Чем более потерпишь несчастий, ведя строгую жизнь, тем сделаешься крепче... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 282).

***

...Скорбь — учительница любомудрия, мать благочестия (свт. Иоанн Златоуст, 51, 75).

***

Где скорбь, там гнев невозможен; где печаль, там нет места злобе; где сокрушение духа, там не может быть негодования. Душа, терзаемая скорбию, не имеет и времени раздражаться, но горько сетует и еще горше плачет (свт. Иоанн Златоуст, 51, 398).

***

Ничто так не располагает душу к любомудрию, как бедствие, искушение и угрожающая скорбь (свт. Иоанн Златоуст, 51, 403).

***

Если же скорбь есть великое благо для мужей великих и чудных, то тем более для нас (свт. Иоанн Златоуст, 52, 157).

***

Скорби удерживают нас от пристрастия к настоящему миру; мы благодушно ожидаем смерти и не бываем при-

вязаны к благам телесным, а в том и состоит важнейшая часть любомудрия, чтобы не быть привязанным и пристрастным к настоящей жизни... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 373).

***

...Ничто так не содействует любви и общению, как скорбь; ничто так не соединяет и не связывает души верующих; ничто столько не способствует нам — учителям, чтобы слова наши выслушивались со вниманием... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 373).

***

Великое благо — скорбь; это мы можем видеть и на детях своих; ничему полезному они не могут научиться без скорби. Но мы еще более, нежели они, имеем нужду в скорби (свт. Иоанн Златоуст, 52, 376).

***

...Если бы не было диких зверей и непостоянства ветров, ни болезней, ни печалей, ни скорбей и ничего подобного, то чем сделался бы человек?

Мне кажется, не подвергаясь ничему такому, он уподобился бы более свинье, чем человеку, стал бы предаваться объядению и пьянству. А теперь заботы и беспокойства — для него упражнение и училище любомудрия, средства доброго воспитания. Еще представь, что кто-нибудь воспитывается в царских чертогах, не зная ни скорбей, ни забот, ни беспокойств, не имея случаев ни ко гневу, ни к недовольству; пусть делается и исполняется все, чего бы он ни пожелал, и пусть все готовы служить ему: не может

ли такой человек сделаться неразумнее всякого животного? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 471).

***

Если бы мы скорбели о грехах, если бы воздыхали о прегрешениях, то ничто другое не печалило бы нас, потому что эта скорбь отгоняет всякую печаль (свт. Иоанн Златоуст, 53, 83).

***

...Скорбь искореняет высокомерие, отсекает всякое нерадение, приучает к терпению, обнаруживает ничтожество дел человеческих и приводит к великому любомудрию. Ей уступают все страсти: зависть, ревность, похоть, властолюбие, пристрастие к богатству, плотская любовь, гордость, высокомерие, гнев и весь остальной рой (душевных) недугов (свт. Иоанн Златоуст, 53, 694).

***

Что огонь для золота, то скорбь для души: она стирает с нее скверну, делает ее чистою, светлою и ясною. Скорбь вводит в Царство, а беспечальная жизнь в геенну (свт. Иоанн Златоуст, 53, 695).

***

Скорбящий о потере богатства не вознаграждает тем убытка; скорбящий об умершем не воскрешает его; скорбящий по причине болезни не только не избавляется от болезни, но еще усиливает ее. Только скорбящий о грехах приобретает пользу от скорби, потому что истощает и истребляет грехи (свт. Иоанн Златоуст, 53, 806).

***

...У нас бесчисленное множество поводов к скорбям. Один только есть путь, избавляющий от этой несообразности, — путь добродетели. И он, конечно, не чужд горестей, но горестей не напрасных, а приносящих благо и пользу (свт. Иоанн Златоуст, 54, 762).

***

Для успокоения будет другое время; достигать совершенства нам следует посредством скорбей (свт. Иоанн Златоуст, 55, 56).

***

...Великое благо скорбь; она производит два величайших дела: очищает грехи и делает нас мужественными. Но что скажешь, если она преодолеет и погубит? Нет, не скорбь делает это, а наша леность (свт. Иоанн Златоуст, 55, 232).

***

...Как крепкие деревья устремляющийся на них напор ветра, качающий во все стороны, не вырывает, а делает еще более крепкими посредством таких напоров, так и сильную душу, живущую благочестиво, приражения скорбей не сокрушают, а приучают к большему терпению, и не могут вредить добродетели человека (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1021).

***

Будь готов к скорбям, и приобретешь большую пользу (прп. Нил Синайский, 72, 247).

***

Поношение человеческое причиняет сердцу скорбь, но для терпящего оное бывает причиною чистоты (прп. Марк Подвижник, 69, 12).

***

Пусть всякая невольная скорбь научает тебя помнить о Боге, и ты не будешь иметь недостатка в побуждении к покаянию (прп. Марк Подвижник, 69, 13).

***

Всякая скорбь по Богу есть существенное дело благочестия... (прп. Марк Подвижник, 69, 13).

***

Рассуждай о конце всякой невольной скорби, и найдешь в нем истребление греха (прп. Марк Подвижник, 69, 14).

***

Познавший истину не противится скорбным приключениям. Ибо знает, что они приводят человека к страху Божию (прп. Марк Подвижник, 69, 44).

***

...Господь для пользы нашей попускает на нас скорби и делает нам через то много добра: во-первых, через это обнаруживаются тайно владеющие нами (злые) мысли; по обнаружении же их Господь подает нам и смиренномудрие истинное и непритворное; потом дарует нам и избавление

от суетного вознощения, и совершенное открытие всякого таящегося в нас зла (прп. Марк Подвижник, 89, 509).

***

В невольных болезненных прискорбностях сокрыта милость Божия, которая влечет переносящих оные к покаянию и избавляет от вечного мучения (прп. Марк Подвижник, 89, 551).

***

Не отказывайся от скорбей, потому что ими входишь в познание истины... (прп. Исаак Сирин, 58, 36).

***

...Скорби рождают смирение (прп. Исаак Сирин, 58, 155).

***

Кто уходит от скорбей, тот, конечно, разлучается несомненно и с добродетелию (прп. Исаак Сирин, 58, 155).

***

Как лекарства истребляют нечистоту худых соков в теле, так и жестокость скорбей очищает сердце от лукавых страстей (прп. Исаак Сирин, 58, 229).

***

Малая скорбь ради Бога лучше великого дела, совершаемого без скорби, потому что добровольная скорбь дает доказательство веры любовью (прп. Исаак Сирин, 58, 365).

***

Бог близок к скорбящему сердцу того, кто к Нему вопиет в скорби (прп. Исаак Сирин, 58, 423).

***

Скорби привлекают к душе милость Божию, подобно тому как ветры наносят дождь. И как продолжительный дождь, действуя на нежное растение, производит в нем гниение и портит плод его, а ветры постепенно осушают и укрепляют оное, так бывает и с душою: нерадение, беспечность и покой расслабляют и рассеивают ее, искушения же, напротив, скрепляют и соединяют с Богом... (прп. авва Дорофей, 29, 155—156).

***

...Блаженны алчущие скорби и жаждущие бесчестий, ибо они насытятся пищею ненасыщаемою (прп. Иоанн Лествичник, 57, 76).

***

Спастися искренне желает тот, кто не противится врачевательным лекарствам; лекарства же эти суть скорби и печали, разными несчастиями наводимые. Противящийся же бедам не знает ни того, какой торг идет у нас здесь, на земле, ни того, с какою прибылью отойдет он отсюда (прп. Максим Исповедник, 91, 210).

***

Когда душа находится под тяжестью скорбей и утесняема бывает искушениями, то подвигается на слезы, а слезы очищают душу и делают ее жилищем Всесвятаго Духа (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 196).

***

...Мы очищаемся от скверн греха или произвольными трудами, или невольными скорбями (прп. Никита Стифат, 93, 114).

***

Всякую беду, находящую совне, принимай мужественно, потому что она дает повод к спасительному терпению — терпению, за которое на небесах дарованы будут покой и отрада (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 175).

***

Скорби и искушения признаются Священным Писанием и отцами величайшим даром Божиим, служат предуготовительным обучением к безмолвию... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 565).

***

...Поврежденная природа наша постоянно нуждается, как в противоядии, в скорбях: ими погашается в ней сочувствие к греховному яду страстей, в особенности к гордости... ими выводится служитель Божий из напыщенного неправильного мнения о себе в смиренномудрие и духовный разум (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 107).

***

Богочеловек провел земную жизнь Свою в лишениях и скорбях. Этим Он освятил лишения и скорби истинно верующих в Него, возвысил земные лишения и скорби превыше земного благоденствия (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 287).

***

Никакой произвольный подвиг, никакое произвольное лишение и злострадание не могут принести той пользы душе, какую приносят ей посылаемые Богом невольные скорби (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 371).

***

Путь тесный подъемлет с земли, выводит из омрачения суетою, возводит на небо, возводит в рай, возводит к Богу, поставляет перед лицем Его, в незаходимый свет для вечного блаженства (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 3).

***

Сердце наше, обреченное по падении на прозябание терния и волчцов, особенно способно к гордости, если оно не будет возделано скорбями (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 132).

***

Скорби... нам необходимы для того, чтобы мы имели случай прощать ближних и тем получить отпущение собственных своих согрешений (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 298).

***

...Сердце, возделанное скорбями, напоенное уничижением, особенно способно к возвышеннейшей добродетели (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 442).

***

Блажен не только тот, кто безвинно подвергается искушениям, блажен и тот, кого Господь наказует за грехи и

вытесняет скорбями с широкого пути на путь заповедей Божиих (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 442).

***

...Неприятное посылается во благо: для очищения, для смирения, для укрепления доброго нрава и упования на Бога (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 12).

***

Прискорбности вас не оставляют... Того ради, что любит вас Бог... Любит и чистит, чтобы были чисты и горели, как алмаз на солнце... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 9).

***

Душа, не испытанная скорбями, никуда негожа (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 237).

***

...Скорби — лучшее училище благочестия и совершенства для имеющих восседать на престолах в Царстве Христовом (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 35).

Перенесение скорбей

Душе умной и подвизающейся не должно тотчас падать духом и устрашаться, когда случится что скорбное, чтобы не быть осмеянною за боязливость (прп. Антоний Великий, 89, 78).

***

...Если когда случится с тобою что-либо неприятное, прежде всего, упорядочив свои мысли, не подвергайся сму-

щению, а потом упованием на будущее облегчай для себя настоящее (свт. Василий Великий, 8, 56).

***

...Приемля удары от Бога, Который с благостию и премудростию устрояет жизнь нашу, будем просить у Него сперва познания тех причин, по которым поражает Он нас, а потом избавления от скорбей... (свт. Василий Великий, 9, 172).

***

...Ни утраты, ни болезни, ни прочие неприятности в жизни не коснутся человека рачительного, пока ум его пребывает в Боге... (свт. Василий Великий, 11, 254).

***

Для Бога терпи скорби настоящей жизни и не напрасно будешь водиться упованием святых, а иго врага приносит с собою печаль, от которой родится смерть (прп. Ефрем Сирин, 31, 104).

***

Воспротивимся всякому восстанию врага, с вожделением имея всегда перед очами смерть для Господа; и, как сказал Господь, ежедневно подъемля на себя крест, т. е. смерть, будем следовать за Ним, и с легкостию переносить всякую скорбь, как тайную, так и явную. Ибо если ожидаем претерпеть смерть за Господа и с желанием имеем ее всегда перед очами, то кольми паче с легкостию, охотою и радостию претерпим скорби, сколько бы тяжки они ни были. Ибо если с нетерпеливостию почитаем скорби тяж-

кими и обременительными, то это потому, что не имеем перед очами смерти для Господа, и мысль не всегда устремлена к Нему с любовию... (прп. Ефрем Сирин, 31, 531—532).

***

Горе тебе, душа, что не выносишь никакой скорби, причиняемой тебе братом, ни даже жесткого слова, но тотчас вступаешь в противоречие и сопротивление, а за это теряешь венец терпения и кротости, и будешь навеки осуждена с памятозлобивыми... (прп. Ефрем Сирин, 31, 597).

***

...Все скорби, причиняемые лукавым, если человек переносит их мужественно, находя себе опору и утверждение в надежде и великодушии, делают его еще более благоискусным (прп. Ефрем Сирин, 32, 36).

***

Не здесь обещал нам Бог даровать покой и Царство Свое; ибо век сей назначил быть для нас училищем, местом искуса и подвига. Посему не будем унывать, когда приключаются с нами огорчения и скорби, а, напротив того, станем более радоваться, что идем путем святых. Ибо Господь наш Иисус Христос, податель жизни нашей, все Домостроительство Свое во плоти совершил страданиями (прп. Ефрем Сирин, 32, 278).

***

Скорби о себе ради Бога, потому что Он сожалеет о тебе (прп. Ефрем Сирин, 34, 48).

***

...Не превозноситесь скорбями вашими, — и тот, кто терпел гонение более сотоварища своего, да не превозносится над ближним своим, но кротко и благосклонно каждый да считает своего ближнего выше себя (прп. Ефрем Сирин, 36, 205).

***

Как мужественный юноша выдерживает борьбу, и на удары, ему наносимые, ответствует ударами, так и христиане должны переносить скорби и внешние, и внутренние брани, чтобы, принимая на себя удары, побеждать терпением (прп. Макарий Египетский, 89, 250).

***

Самое приличное для скорбящих врачевство есть молчание, так как оно пораженную во время скорби душу успокаивает безмолвием. Если же кто в то время, когда душа еще надрывается страданием, приступает к ней со словами, — рана скорби делается неисцелимой, напоминание о несчастиях растравляет ее подобно терниям (свт. Григорий Нисский, 25, 407).

***

...После того как нам открыто Царствие Небесное и обещано воздаяние в будущей жизни, уже непристойно исследовать, почему (на земле) праведные живут в скорбях, а порочные в спокойствии. Если там каждого ожидает воздаяние по заслугам, то для чего возмущаться здеш-

ними обстоятельствами, счастливыми и несчастными? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 186).

***

...Кто здесь переносит скорби благодушно, тот и здесь и там будет блистать и наслаждаться славою бессмертною и истинною (свт. Иоанн Златоуст, 44, 198).

***

Хотя бы кто отнял у нас имущество, хотя бы изрезал (наше) тело, все это для нас ничто, когда душа у нас остается здравою (свт. Иоанн Златоуст, 44, 384).

***

Если душа при всякой... неприятности станет беспокоиться и раздражаться, то она не может быть бодрою, изнемогая от печали (свт. Иоанн Златоуст, 44, 465).

***

...Ничто, случающееся с нами, не в состоянии будет опечалить нас, если будем возносить молитву напряженную и усердную; посредством ее мы избавимся от всего, что бы нас ни постигло (свт. Иоанн Златоуст, 44, 546).

***

...Скорбеть не предосудительно, но предосудительно от скорби говорить или делать что-нибудь, неугодное Богу (свт. Иоанн Златоуст, 45, 547).

***

...Мы не падаем духом, испытывая скорби и бедствия, но, как бы более и более преуспевая в чести и славе, особенно хвалимся среди приключающихся бедствий (свт. Иоанн Златоуст, 46, 156).

***

Душе благородной и боголюбивой свойственно терпеть скорби и злострадать, но мужественно переносить искушение и благодарить Того, Кто попускает скорби, — это знак величайшего мужества, это свойственно душе бодрственной и освободившейся от всего человеческого (свт. Иоанн Златоуст, 46, 301).

***

Имея... в виду, с одной стороны, мимолетность и временность скорби, а с другой — постоянство и вечность наград, мужественно переносите все, не смущаясь встречающимися неприятностями (свт. Иоанн Златоуст, 46, 657).

***

...Возлюбленный, находясь в скорби, не отчаивайся, не малодушествуй, но тогда особенно и возвышайся духом, потому что тогда молитвы твои чище и благоволение Божие полнее, и все время проводи так, чтобы жизнь твоя была прискорбною... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 366).

***

...Когда ты видишь, что кто-нибудь отчаивается во время скорби, или произносит какие-нибудь непристойные слова, то причиною этого считай не скорбь, а малодушие

говорящего, потому что скорбь по существу своему обыкновенно производит противное: внимание, душевное сокрушение, глубокое размышление, преспеяние в благочестии (свт. Иоанн Златоуст, 48, 495).

***

Особенно сильна бывает скорбь в том случае, когда ею невозможно ни с кем поделиться... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 535).

***

Иным кажется, что они получат великую пользу, если безмерно станут скорбеть о грехах; но это относится к умыслам диавольским, как показал на себе Иуда, который оттого и удавился (свт. Иоанн Златоуст, 50, 853).

***

...Не навлекая ее <скорбь> сами на себя, когда она постигает нас, будем переносить ее благодушно, как виновницу множества благ, чтобы нам сподобиться благоволения Божия и благ, уготованных любящим Его... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 376).

***

...Что сказать о людях... которые под влиянием скорби нередко изменяются к худшему? Такая порча бывает следствием не скорби, но людской слабости. Если кто, имея больной желудок, не может принять горького лекарства, которое бы его очистило, и погибает, то мы обвиняем не лекарство, а слабость органа; так и здесь причина в слабости души. Если человек испортился в нужде, то тем

более подвергнется этому в довольстве. Если он падает, когда связан — а таков человек в нужде, — то тем более упадет, когда развязан. Если в тесных обстоятельствах портится, то еще легче испортится в благополучии. Но как я могу, спросишь, не испортиться под влиянием несчастий? Если поймешь, что хочешь или не хочешь, но ты должен перенести то, что терпишь, и если станешь переносить с благодарением, то получишь весьма большую пользу, а если будешь сетовать, негодовать и роптать, то и несчастия своего этим не убавишь, и воздвигнешь еще большую бурю (свт. Иоанн Златоуст, 52, 591).

***

...Когда подвергнешься скорби, не будь нетерпелив и не спеши освободиться от нее, но расположи душу свою ко всякому терпению, и тогда скоро освободишься от скорби: для того Бог и посылает ее, чтобы вразумить. Таким образом, если мы с самого начала умеем переносить скорби и не ропщем, то Он скоро освобождает нас от них, потому что все уже (с нашей стороны) исполнено (свт. Иоанн Златоуст, 54, 882).

***

...Скорбящему нужно скорбеть не о том, что он подвергается наказанию, а о том, что своими грехами он раздражает Бога (свт. Иоанн Златоуст, 55, 618).

***

...Для удрученных скорбью нет ничего полезнее вначале, как тишина и молчание (свт. Иоанн Златоуст, 55, 620).

***

Если Христос столько потерпел за нас, бывших врагами, то на что мы сможем сослаться, если ничего за Него не потерпим? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 704).

***

Тени и колесу уподобляй житейские скорби и радости, потому что непостоянны, как тень, и вертятся, как колесо (прп. Нил Синайский, 72, 243).

***

При постигших бедствиях не давай ослабевать доброй надежде и не выпускай из рук рог Божественного упования (прп. Нил Синайский, 72, 321).

***

...С усердием должны мы прибегать к Нему <Богу> без всяких жалоб или ропота, но во всякой скорби ограждаясь благою надеждою (прп. Нил Синайский, 73, 301—302).

***

Тир значит затруднительность или скорбь. Но после затруднения и скорби, насылаемых на нас демонами, когда перенесем их великодушно, увидим возрождающееся для нас лучшее, упокоивающее нас от предшествовавшего труда, состояние, которое дарует нам Бог свыше. Таково, думаю, псаломское изречение: *дщи Тирова с дары* (Пс. 44, 13), потому что большую часть божественных дарований примечаем зарождающимися в душе после затруднения и скорби (прп. Нил Синайский, 73, 307).

***

Кто в сих <скорбях> терпелив, тот и в прочем получит помощь (прп. Марк Подвижник, 69, 9).

***

Кто переносит настоящие скорби с надеждою получения будущих благ, тот обрел ведение истины, и удобно избавится от гнева и печали (прп. Марк Подвижник, 69, 46).

***

Достоверно знайте, что если мы не переносим постигающих нас скорбей с верою и благодарением, то не можем познать скрытого в нас зла; если же явно не познаем его, то ни настоящих злых помыслов не можем отвергнуть, ни очищения от прежних зол взыскать, ни относительно будущего не можем получить твердой уверенности (прп. Марк Подвижник, 89, 509).

***

Постигающие нас скорби и обличения, по-видимому, не бывают подобны нашим винам, но в духовном отношении сохраняют всю правду...

Как воины, если они будут обличены в каком-либо преступлении, подвергаются наказанию биения, но не то самое зло терпят, какое сделали, так и все мы бываем наказываемы постигающими нас скорбями своевременно и прилично к покаянию, но не подобообразно, ни в то же время, и ни теми же вещами. Это, т. е. отсрочка времени и несходство постигающих нас скорбей с нашими винами, и

приводит многих в неверие правде Божией (прп. Марк Подвижник, 89, 510).

***

И удобно, и вместе душеполезно твердо переносить всякую скорбь, людьми ли она причиняется, или бесами, зная, что мы заслуженно подлежим всякой тяготе и никого, кроме себя самих, за то не укоряя. Другого укоряющий в своих прискорбностях уклоняется от правого подобающего суждения (прп. Иоанн Карпафский, 91, 81).

***

Прежде нежели найдет на тебя скорбь, молись Богу: и во время горести найдешь Его, и услышит тебя (прп. Исаак Сирин, 58, 300).

***

Не упрекай скорбящих сердцем, чтобы тебя не поразил жезл их; и взыщешь утешителей, и не найдешь (прп. Исаак Сирин, 58, 303).

***

...Всякий, приступающий к перенесению скорби, сперва укрепляется верою, а потом приступает к скорбям (прп. Исаак Сирин, 58, 380).

***

Когда угодно Богу подвергнуть человека большим скорбям, попускает впасть ему в руки малодушия (прп. Исаак Сирин, 58, 385).

***

...Веруй, что все случающееся с нами, до самого малейшего, бывает по Промыслу Божию, и тогда ты без смущения будешь переносить все находящее на тебя (прп. авва Дорофей, 29, 184).

***

...Не допустим себе падать от них <скорбей> духом, но, несмотря на них, с юношескою бодростию будем исполнять заповеди Господни (прп. Феодор Студит, 92, 170).

***

Нищий духом, по самому духу сей нищеты, не только не смущается находящими скорбями, но считает себя повинным еще большим, как нуждающийся в сильнейших врачевствах покаяния (свт. Григорий Палама, 93, 272).

***

...Сам Бог хочет, чтобы ты потерпел встретившуюся тяготу и скорбь, от недоброты ли других людей происшедшую, или твоими неправыми делами на тебя навлеченную, ты не думай и не говори, как делают некоторые: нет, это не от Бога, это несправедливо и злодейственно, а Бог не хочет злодейств, и с отвращением отвращается от них и от творящих их. Этим хотят они оправдать свою нетерпеливость и порывы гнева и мстительности при встрече напраслины; но делают только то, что восстают против Божиего определения и покушаются сбросить с себя спасительный крест, Богом для блага их на них наложенный, подъятием которого и благодушным несением они, несомненно, благоугодили бы Ему. А что получают? Креста сбросить не сбра-

сывают, Бога оскорбляют, покоя же себе не получают. Напротив, к скорби прилагают немирность и бесполезное раздражение, и делают свое состояние невыносимым, тогда как если бы благодушно перенесли случившееся, то и мирными бы себя имели, и Божие благоволение привлекли на себя, и плода духовного вкусили бы богатно (прп. Никодим Святогорец, 70, 163).

***

Когда находишься в какой скорби, переносимой тобою с благодарением, внимай добре, да не прельстит тебя враг или твое самолюбие возжелать избавиться от нее. Ибо от этого потерпишь ты две потери: первая та, что, хотя восприяв такое желание и согласившись на него, ты не потеряешь тотчас добродетели терпения, однако же значительно поколеблешь ее, от чего она, мало-помалу ослабевая, по причине неисполнения желания избавиться от належащей скорби, ввергнет тебя наконец в состояние нетерпеливости; вторая та, что терпение твое с этого момента начнет быть подневольное: Бог же доброхотна дателя любит и награждает. Следовательно, с сего времени, хоть терпеть все же будешь, ибо одно желание избавиться от скорби не избавляет от нее, — но терпение твое будет безнаградное. Бог воздаст тебе за терпение скорби до того часа, до которого ты терпел благодушно, не ища избавления, со времени же восприятия такого желания Бог уже ничего не воздаст тебе за твое неохотное терпение. Напротив, если ты, отражая и подавляя находящее желание избавления от скорби, всецело будешь предавать себя в благую волю Божию, изъявляя готовность охотно потерпеть и стократно большие скорби, чем настоящая, если угодно будет Господу наслать на тебя их, то, хотя бы стра-

дание твое настоящее продолжалось час какой и даже менее того, Бог примет его за самое долгое и с этим соразмерит воздаяние тебе (прп. Никодим Святогорец, 70, 172).

***

Когда находишься в затруднении, не делай никакого шага, не воздев прежде очей своих к распятому на Кресте Христу Господу. Там увидишь ты большими буквами написанным, как и тебе следует держать себя во встреченной тобою прискорбности. Спиши то оттуда на себя самого не буквами, а действиями своими, именно, — когда почувствуешь припадки самолюбивого саможаления, не внимай им и в малодушии не сходи с креста, но прибегни к молитве и терпи со смирением, стараясь победить свою волю и восхотеть твердым хотением, да будет на тебе воля Божия. Если с таким плодом отойдешь ты от молитвы, радуйся и торжествуй. Если же не достигнешь этого, то душа твоя останется постною, не вкусив свойственной ей пищи. Подвизайся, чтобы ничто, даже на малейшее время, не вселялось в душу твою, кроме единого Бога. Ни о чем не печалься и ничем не огорчайся. Не обращай очей своих на лукавства других и на худые их примеры; но будь как малое дитя, которое по незлобию своему не замечает их и минует их безвредно (прп. Никодим Святогорец, 70, 274).

***

Когда окружат скорби, нужно учащать молитвы, чтобы привлечь к себе особенную благодать Божию. Только при помощи особенной благодати можем попирать все временные бедствия (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 549).

***

...Едва скажет человек молитвенно Богу от всего сердца своего: да совершится надо мною, Господь мой, воля Твоя, — так и утихает волнение сердечное. От слов этих, произнесенных искренне, самые тяжкие скорби лишаются преобладания над человеком (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 96).

***

С креста <в скорбях> мы способны исповедовать и славословить Бога, в благополучии мы способнее к отвержению Его (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 292).

***

Во время скорбей и опасностей, видимых и невидимых, особенно нужна нам молитва: она, будучи выражением отвержения самонадеянности, выражением надежды на Бога, привлекает к нам помощь Божию (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 326).

***

Таково достоинство скорбей земных, когда они переносятся с благодушием! Они — дар Божий! Они — знамение усыновления Богу! (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 371).

***

Благодушное терпение посылаемых Богом скорбей есть распятие на кресте своем. Исповедник своей греховности делается исповедником Искупителя и с креста своего вос-

ходит в рай для вечного наслаждения небесными радостями, которых верными залогами служат земные скорби (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 372).

***

Скорби и искушения действуют гибельно на сынов погибели, зло низлагает их, они не умеют победить его и прежние свои законопреступления навершают новыми законопреступлениями (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 146).

***

...Противящийся и ищущий отклонить от себя скорбный путь действует против своего спасения, стремится в слепоте своей разрушить порядок и способ спасения, установленный Богом для всех рабов Его (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 147).

***

...Неприятности Бог попускает для испытания и нам самим показания, насколько прочно наше доброе внутреннее направление... что и обязывает нас держать себя в таких случаях благодушно, веруя, что Сам Бог смотрит на нас в эту минуту... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 245).

***

Бойтесь крутых неприятностей... и готовьтесь их встретить, и Бога молите наперед, чтобы тогда подал вам мудрость и силу (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 182).

Утешения в скорбях

Измеряй горе свое не в отдельности взятое: в таком случае оно покажется тебе несносным. Но сравни его со всем человеческим, и в этом найдешь для себя утешение в горести (свт. Василий Великий, 10, 22).

***

Вспомни о Боге. Он не только успокаивает малодушие и скорбь, но производит и радость (свт. Григорий Богослов, 12, 256).

***

...Скорби, искушения и все случающиеся с нами неприятности не менее радостей доказывают Божие о нас попечение (свт. Иоанн Златоуст, 44, 171).

***

Но как можно, скажешь ты, человеку не скорбеть? Напротив, я скажу: как можно скорбеть человеку, почтенному словом, и разумом, и надеждами будущих благ? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 844).

***

Господь всяческих, имея попечение о наших немощах, не всегда ведь попускает терпеть и скорби нам, чтобы они не слишком отягчали немощь нашу, — напротив, Сам скоро подает нам Свою помощь, укрепляя наше сердце и ободряя дух; равно и в благополучии не всегда оставляет нас, чтобы мы, сделавшись беспечными, не склонились ко злу (свт. Иоанн Златоуст, 47, 438).

***

...Бог помогает не как-нибудь, но обильною Своею помощию подает великое утешение в скорбях. Он подает нам не такую помощь, какая бывает нужна по свойству скорбей, но гораздо большую (свт. Иоанн Златоуст, 48, 209).

***

Бог может доставить людям, впавшим в скорби, столько же отрады, облегчая их скорби, сколько имеют ее люди, пользующиеся счастьем (свт. Иоанн Златоуст, 48, 462).

***

...Господу не безызвестны страдания наши. Он знает не только как Бог, но и как Человек, познавший и испытавший самым делом; Он много пострадал, потому может и нам сострадать (свт. Иоанн Златоуст, 55, 31).

***

...По мере приключающихся нам горестей находим равносильную отраду у Бога (прп. Нил Синайский, 73, 212).

***

...Чем более разнообразные скорби и наказания посылает на тебя Господь, тем в большей мере оказывается Он простирающим к Тебе искреннюю любовь (прп. Нил Синайский, 73, 366).

***

Паче всякой молитвы и жертвы драгоценны перед Господом скорби за Него и ради Его... (прп. Исаак Сирин, 58, 313).

***

К душе же скорбящего являет Господь великое человеколюбие, соразмерно с жестокостию страданий в скорби его (прп. Исаак Сирин, 58, 424).

***

Немощные душою должны познавать посещение Господне и Его милость к ним из телесных болезней, бед и искушений внешних (прп. Иоанн Лествичник, 57, 193).

***

Сие благо <скорби> в разных лицах разно сознается и чувствуется. Иной сознает: это благость Божия на покаяние меня ведет; другой чувствует: грех ради моих послал мне это Господь, чтобы очистить меня от них, несу епитимию Божию. Третьему приходит на мысль: испытывает меня Господь, искренно ли я служу Ему. Со стороны смотрящие на подвергшегося скорбям могут и четвертое подумать: это ему — да явятся дела Божии на нем. Но такое решение может иметь дело не иначе как по окончании прискорбностей, и именно при явной помощи Божией. В душе же скорбящего уместны только три первые чувства. И они все такого свойства и силы, что какое бы из них ни взошло на сердце, всякое может утешить поднимающуюся бурю скорби и водворить в сердце мирное благодушие (прп. Никодим Святогорец, 70, 121).

***

Тем, которым попускаются скорби, невозможно было бы устоять в них, если бы не поддерживала их тайно помощь и благодать Божия... без скорби человек не способен к тому таинственному утешению, которое дается ему

соразмерно его скорби (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 317).

***

У вас горе за горем... Знаете, что это значит? Что Бог помянул вас. Необычно так думать, но так есть. И помянул не в гневе, а в милости. Вам видны только лишения и потери, а милость, сокрытая под этим и в этом, не видна... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 107).

Благодарение за скорби

...Что дает нам Врач душ наших, произвольный или невольный труд, то должны мы принимать с радостью и быть благодарными Его человеколюбию. Благодетельствуя нам, Он умножил скорби: произвольные через покаяние и невольные через искушения и наказания, чтобы желающие произвольно потерпеть избавлялись от болезни и будущих, а может быть, и настоящих мучений; неразумные же, хотя по страху мучений и многоразличных искушений, исцелялись благодатию Врача (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 8).

***

Терпеливо носите беды и скорби, какие с вами случаются, и благодарение воздавайте за них Господу с великим смирением, да вкусите радость от трудов ваших... (прп. Антоний Великий, 89, 53).

***

Венец нетления, добродетель и спасение человека есть и благодарно переносить несчастье (прп. Антоний Великий, 89, 91).

***

С веселием взираю на Него <Христа>, даже когда посылает мне скорби; радуюсь, что через печали делает меня легче, как золото, которое было смешано с прахом и потом очищено (свт. Григорий Богослов, 16, 72).

***

...Потеря имущества, или телесная болезнь, или неуспех в делах, или оскорбление, или клевета, или какое-нибудь другое бедствие... не только не повредит нам, но может принести нам величайшую пользу, если мы будем переносить это с благодарностью, и доставит нам большие награды (свт. Иоанн Златоуст, 44, 533).

***

Не всегда зима и не всегда лето; не всегда волны и не всегда тишина; не всегда ночь и не всегда день: так и не всегда скорбь, но наступит и покой, если только мы будем во время скорби непрестанно благодарить Бога... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 62).

***

...Когда тебя в настоящей жизни обнимает скорбь, прославляй Бога; когда подвергаешься и бедствиям, также благодари, нисколько не смущайся, потому что промышление Божие бесконечно и неисследимо, и все получит свой должный конец в настоящей ли жизни, или в будущей (свт. Иоанн Златоуст, 46, 527).

***

...Скорби или искушения служат свидетельством великого промышления и попечения о нас человеколюбца

Бога. И потому мы не должны домогаться всеми мерами только жизни спокойной и беспечальной, но и в благополучии, и в скорбях равно должны воссылать благодарение Господу... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 695—696).

***

...Скорбь, переносимая с благодарностью, может служить основанием к великому снисхождению и делать Бога милостивым к нам (свт. Иоанн Златоуст, 48, 53).

***

Если ты, возлюбленный, подвергнешься болезни, горячке или ранам, и боль будет заставлять тебя сказать какую-нибудь хулу, но ты воздержишься, будешь благодарить и славить Бога, то получишь такую же награду <Иова> (свт. Иоанн Златоуст, 48, 399—400).

***

Знать, когда должны кончаться наши скорби, принадлежит Богу, Который их попускает, а переносить эти скорби со всею благодарностью — есть дело ума нашей благопризнательности (свт. Иоанн Златоуст, 50, 169).

***

В скорбях благодари, и облегчится греховное иго (прп. Нил Синайский, 72, 234).

***

Наследникам Евы необходимо скорбеть, но когда переносим скорби с благодарением, для нас клятва обращается в благословение (прп. Нил Синайский, 72, 252).

***

...С благодарностью терпи скорби, чтобы ими загладились все твои грехопадения (прп. Нил Синайский, 73, 388).

***

Когда постигнет тебя (скорбное) искушение, то не изыскивай, для чего и отчего оно пришло, (но старайся), как бы оное перенести с благодарностью, без печали и злопамятства (прп. Марк Подвижник, 69, 50).

***

...С благодарением и разумно переноси находящее на тебя <скорби>; если имеешь грехи, то как сладкое, если же не имеешь их, то как очищающее тебя от страстей или ходатайствующее (тебе) Царство Небесное (прп. авва Дорофей, 29, 206—207).

***

Поскольку... безумие и слепота гордыни так близки к людям и так сильны в них, то Всеблагий Бог определил, чтобы вместе с радостным находили на нас и прискорбности, чтобы через то научились мы быть смиренными, а не гордиться. Можешь удостовериться в этом от пакостника плоти, пособника сатанина, томившего апостола Павла, который чудеса творил и такою предельною укрощался славою Божию. <Вот> почему нам надлежит благодарить Бога более за скорби, чем за утешение, и радоваться прискорбному, как радуемся обвеселяющему (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 270).

***

Каждодневно будь готов к подъятию всякой скорби, помышляя, что скорби суть избавление от многих долгов,

и благодари за них (когда встретятся) Святого Бога (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 575).

***

Если скорби о Христе суть дар Божий, даруемый Богом истинному христианину, то христианин обязан благодарением за скорби опытно доказать свое христианство, должен исповедать и принять дар Божий благодарением за дар (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 286—287).

***

Извольте держать в мысли, когда находят скорби, что это нам Господь дорогу в Царствие Свое пролагает, или даже более — берет за руку и ведет. Потому не упирайтесь ногами и не кричите, а благодушно с благодарностью переносите скорби... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 30).

***

Переходите от радостного к ожиданию прискорбного — и то́ же готовьтесь благодарить: ибо от Господа все ко благу нашему — вечному (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 121).

Воздаяния за скорби

...Страдание от настоящих бедствий совершенно ничтожно для тех, кто надеется на будущие блага (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 242).

***

Болен ли ты? Благодушествуй, потому что *егоже любит Господь, наказует* (Евр. 12, 6). Беден ли ты? Веселись, потому что ожидают тебя Лазаревы блага. Терпишь ли бесчестие за имя Христово? Ты блажен, потому что бесчестие твое обратится в ангельскую славу (свт. Василий Великий, 5, 326).

***

...Скорби, претерпеваемые здесь за Божий закон, будут семенем грядущих благ (свт. Василий Великий, 6, 251).

***

За скорбями следует блаженство в Царствии Небесном (свт. Василий Великий, 8, 284).

***

Если же не терпишь скорбей, то не ожидай и тамошних венцов, как не выходивший здесь на подвиги и труды, какие назначены для получения венцов (свт. Василий Великий, 9, 380).

***

...Если в настоящее время и скорби потерпишь за слово, т. е. за истину, знай, что впоследствии будешь царствовать (свт. Василий Великий, 9, 380).

***

...Если кто не падает под скорбию, но в надежде на Бога несет бремя печали, то за терпение готова ему великая награда от Бога (свт. Василий Великий, 11, 267).

***

Радость века сего полна печали, а скорбь и воздыхание доставляют радость и жизнь вечную (прп. Ефрем Сирин, 30, 385).

***

Если мы узники Спасителя нашего Бога, то не постыдимся носить на себе узы скорбей, но с радостию будем терпеть их, ожидая пришествия Его с Небес, когда и нас причислит к лику святых, потому что ставшие общниками *страстем Его такожде к утешению общниками* будут (ср.: 2 Кор. 1, 7) (прп. Ефрем Сирин, 30, 413).

***

...Какие бы скорби ни терпели мы ради Господа, имеют ли они какое сравнение с будущею, обетованною нам, вечною жизнию, или с утешением Святаго Духа, свыше подаваемым душам, пребывающим в терпении, или с избавлением от греховной тьмы, и с теми долгами, какие лежат на нас от множества грехов наших... (прп. Ефрем Сирин, 31, 529).

***

Каждая сретившая тебя скорбь уготовит тебе высокое достоинство (прп. Ефрем Сирин, 34, 297).

***

Если будут окружать тебя скорби, то знай, что они отверзут тебе райскую дверь (прп. Ефрем Сирин, 34, 298).

***

...И в скорбях, ради Него претерпенных, *хвалимся, зная, что скорбь производит терпение* (ср.: Рим. 5, 3) в нас, и мы переносим испытания, ибо имеем надежду, которая никогда не смутит нас (прп. Ефрем Сирин, 36, 17).

***

Скорбь не остается без утешения (свт. Григорий Богослов, 12, 257).

***

Когда же душа войдет в оный град святых, — тогда только возможет пребыть без скорбей и искушений, потому что нет там заботы, или скорби, или труда, или старости, или сатаны, или брани, а есть там покой, радость, мир и спасение (прп. Макарий Египетский, 89, 275).

***

Следствием скорбей настоящей жизни, как и естественно, соделается то, что не будем погрешать. А когда преуспеем в этом, предоставится нам в уповании обещанная благодать веселия (свт. Григорий Нисский, 19, 396).

***

...Когда увидишь, что кто-либо печется о добродетели и терпит бесчисленные искушения, ублажи его и подражай ему, потому что ему и здесь разрешаются все грехи, и там уготовляются многие награды за терпение... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 816).

***

...Если наши добродетели велики и многочисленны, а грехи малочисленны и незначительны, между тем мы потерпим какое-либо бедствие, то, сложив с себя здесь и эти немногие грехи, мы там получим чистое и совершенное воздаяние за добрые дела (свт. Иоанн Златоуст, 44, 816).

***

...Скорбь много пользы приносит нам и здесь, делая нашу душу более разумною и любомудрою, но после она доставит нам и бесчисленные блага в будущем, блага, неравноценные трудам, но далеко превосходящие подвиги и в количестве, и в качестве (свт. Иоанн Златоуст, 45, 472).

***

...От скорбей происходит величайшая слава, хвала и радость, а известно, что слава доставляет и удовольствие, потому что где удовольствие, там, конечно, есть и слава... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 156).

***

<Господь> не потому попускает нам испытывать скорби, что оставляет нас, но потому, что желает за подвиги увенчать нас светлым венцом (свт. Иоанн Златоуст, 47, 679).

***

...Пусть никто не плачет, подвергаясь сиротству и бедности, потому что в какой мере возрастают они, в такой же мере увеличивается и помощь Божия (свт. Иоанн Златоуст, 48, 132).

***

Искусство, являющееся из скорби, внушает нам надежду на будущее, и пребывание в искушениях заставляет вас иметь хорошие надежды на будущее (свт. Иоанн Златоуст, 52, 20).

***

...Кто здесь не имеет скорби, тот чужд и радости (о Боге) (свт. Иоанн Златоуст, 52, 159).

***

Будь терпелив в скорбях, потому что венцы подвизающимся в них (прп. Нил Синайский, 72, 250).

***

Если после великой радости постигла вас горесть, то ожидай, что Бог, призванный в помощь, великую печаль преложит, без сомнения, на веселие еще большее прежнего (прп. Нил Синайский, 72, 288).

***

Где скорбь, где великий плач, там, когда придет время, будет великая радость (прп. Нил Синайский, 73, 187).

***

За скорби уготовано людям благое, а за тщеславие и наслаждение — злое (прп. Марк Подвижник, 69, 11).

***

Если кто, явно согрешая и не каясь, не подвергался никаким скорбям до самого исхода, то знай, что суд над ним будет без милости (прп. Марк Подвижник, 89, 530).

***

...Скорбями великими и неисчетными сплетается тебе венец (прп. Иоанн Карпафский, 91, 81).

***

Чем больше здесь (на земле) попечалимся и поскорбим, победствуем и поугнетаемся, тем большие там встретим утешения (прп. Феодор Студит, 92, 299).

***

...(По смерти) жалеть будете, что не пришлось вам понести гораздо больших подвигов, скорбей и теснот, чем понесли (прп. Феодор Студит, 92, 333).

***

...<Господь> *биет же всякого сына, его же приемлет* (Евр. 12, 6) болезнями и скорбями, чтобы к Себе его притянуть и иметь всегда с Собою, и за труды и подвиги, с благодарностью переносимые, увенчать его венцом терпения и сделать сыном приятным (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 72).

***

Которые претерпевают в настоящей жизни скорби и искушения, ради богоугодной цели, те покупают себе веч-

ные блага и нескончаемое радование; через смерть телесную они покупают себе жизнь вечную и бессмертную вместе с бессмертным и вечным Богом (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 289).

***

<Скорби> надо терпеть. Господь послал <их> на очищение. Покоритесь смиренно Его святой воле. Когда благодушно покоритесь, Он пошлет вам другого рода милость — внутреннюю вместо внешней (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 248).

Скорби праведных

...***Возваша праведнии*** (Пс. 33, 18): взыскали не чего-нибудь маловажного, земного, низкого. Потому и Господь внял их голосу, ***и от всех скорбей их избави их*** (Пс. 33, 18), не столько освобождая их от огорчений, сколько приуготовляя к тому, чтобы они были выше всего приключающегося (свт. Василий Великий, 5, 265).

***

...Утверждающий, что скорбь не прилична праведнику, не иное что говорит, как одно с утверждающим, будто бы борцу не приличен противоборник (свт. Василий Великий, 5, 267).

***

...Скорби в настоящем мире не составляют чего-либо нечаянного для избравших благочестивую жизнь (свт. Василий Великий, 10, 49).

***

Когда терпишь невольную скорбь, как вольную, тогда заключай по сему, что пришел ты в меру мужа доблестного и смиренного (прп. Ефрем Сирин, 30, 49).

***

Святые отцы, будучи боголюбивыми, в страданиях и искушениях соделались благоискусными и от Небесного Бога со славою и похвалами прияли неувядающий венец; в скорбях приобретя себе похвалу и имя, стали прекрасным образом для последующих родов (прп. Ефрем Сирин, 30, 290—291).

***

Развлекаемые земным от земного и испытывают скорби, а стремящиеся к духовному о духовном и болезнуют. Но последние будут блаженны, потому что плод их обилен о Господе (прп. Ефрем Сирин, 30, 412).

***

Радуйся в скорбях, потому что венцы соплетаются из различных цветов, и праведники многими скорбями входят в радость Господа своего (прп. Ефрем Сирин, 30, 504).

***

Другому, Царь, дай славу без трудов; а для меня вожделенно — приобрести Тебя страданиями и скорбями (свт. Григорий Богослов, 16, 17).

***

Припомни всех прославившихся в те <прошлые> времена и увидишь, что все они скорбями достигли дерзновения перед Богом (свт. Иоанн Златоуст, 44, 199).

***

...Возьми в руки его книгу <Иова> и вникни в бездну его несчастий, и в них найдешь великое утешение в своих (свт. Иоанн Златоуст, 44, 210).

***

Когда диавол, отняв у него <Иова> имущество и поразив его тело, увидел его приносящим благодарение (Богу), то не посмел более приступать, но потерпел постыдное и решительное поражение и отступил, сделав подвижника Божия более славным (свт. Иоанн Златоуст, 44, 533).

***

Если совокупятся даже все бедствия человеческие, то и они не возмутят души боголюбивого и любомудрого, и не принудят оставить добродетель... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 821).

***

...Душу святую и живущую благочестиво напоры искушений и скорбей не низвергают, но возбуждают еще к большему терпению, как и блаженного Иова сделали они более славным и досточтимым (свт. Иоанн Златоуст, 45, 61).

***

Скорби содействуют святым к тому, чтобы быть кроткими и смиренными, а не надмеваться от знамений и заслуг (свт. Иоанн Златоуст, 55, 14).

***

Великое, действительно великое утешение для нас — страдания Христа и апостолов. Этот путь к добродетели (Христос) считал столь прекрасным, что и Сам шел по нему, не имея в том нужды; скорбь признавал Он так полезною для нас, как бы она была источником радости.

...Если ты ученик, то подражай Учителю — это свойственно ученику. Если же Он шел по скорбному пути, а ты идешь по радостному, то ты идешь не по тому пути, по которому Он шел, а по другому. Какой же ты последователь, когда не следуешь? Какой ты ученик, когда не подражаешь учителю? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 232).

***

...Подлинно, *егоже бо любит Господь, наказует, бие же всякого сына, егоже приемлет* (Притч. 3, 12). И в этом нет ничего несообразного. Ибо те, которые пользуются дружбою царей, всего более подвергаются опасности на войнах, приемлют раны, посылаются в чужие земли. И это-то наиболее дает им право иметь дерзновение перед царем и с тем, кто выше их, обходиться наконец, как с равным, потому что носят на телах раны — эти залоги дружбы. Если же спросишь: а что из сего тем, для кого служит это преткновением? Отвечу: для них служит это преткновением по их несмысленности, а не по свойству дела, потому что воздаяние за труды не здесь, напротив того, здесь подвиги, награды же после сего. Поэтому

да не ищут упокоения во время подвигов, и да не смешивают времен. Но скажешь, может быть: я немощен. Бог промышляет и о тебе, и здесь наказывает Он многих порочных, и награждает иных праведных. Посему если соблазняют тебя те праведники, которые в скорби, то да назидают те, которые в покое и чести; и если служат для тебя преткновением те порочные люди, которые благоденствуют, то да исправят те, которые несут наказание и мучатся (прп. Исидор Пелусиот, 60, 450—451).

***

Не думай, что всякая скорбь находит на людей за грехи. Ибо некоторые благоугождающие (Богу) бывают искушаемы (прп. Марк Подвижник, 69, 24).

***

Что краше души, с разумом и рассуждением подъемлющей всякие скорби и злострадания, ради претерпения которых она имеет еще наследовать и радость всяческих? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 177).

***

...Рабам Божиим, шествующим путем заповедей Божиих, посылаются особенные скорби в помощь их деятельности... Эти очистительные скорби именуются попущениями или судьбами Божиими (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 326).

***

Скорби были от начала века знамением избрания Божия. Они были знамением Богоугождения для патриархов,

пророков, апостолов, мучеников, преподобных. Все святые прошли тесным путем искушений и скорбей, терпением их принесли себя в благоприятную жертву Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 350).

****

Один инок, находясь в Александрии, вошел в церковь помолиться. Тут он увидел одну почтенную женщину в скромной одежде, которая, упав перед иконой Спасителя, восклицала: «Оставил мя еси, Господи, помилуй мя, Милостиве!» Слыша ее плач и видя ее слезы, инок подумал: «Видно, она вдова и кто-то обижает ее». Когда она кончила молитву, инок спросил ее: «Кто же это тебя так обижает, что ты так горько жалуешься Богу?» Женщина со слезами отвечала: «Я нахожусь в мире, и никто меня даже до сего времени ничем не обидел. И вот о том я и плачу, что за мое небрежение Бог оставил меня и три года никакою скорбью меня не посетил. В это время ни сама я не болела, ни сын мой, даже из домашней птицы ни одна у меня не пропала. И вот, размышляя об этом, я и думаю, что Бог прогневался на меня, и умоляю Его, чтобы Он хоть чем-нибудь посетил меня». Удивился инок боголюбивой и крепкой душе женщины и прославил за нее Бога (112, 595).

***

Скитские старцы поучали: «Если случится тебе скорбь на том месте, где ты живешь, то не оставляй места во время скорби. Если же поступишь иначе, то, куда ни пойдешь, везде найдешь то, от чего бежишь. Претерпи, доколе не пройдет скорбь: тогда пойди, куда хочешь, чтобы отшествие твое не причинило соблазна другим и не произве-

ло смущения в живущих в том месте, откуда ты выходишь» (106, 387).

***

Амма Феодора поведала: «Некий инок, одолеваемый множеством скорбей, сказал сам себе: уйду отсюда. С этими словами он начал одевать сандалии и вдруг увидел в углу кельи беса, который также обувался и который сказал ему: «Из-за меня ли ты выходишь отсюда? Знай, что на всяком месте, куда бы ты ни пошел, там я уже буду прежде тебя» (106, 370).

***

Святой Иоанн Златоуст, будучи изгнан из Царьграда, утешая своего друга, епископа Кириака, бывшего тоже в изгнании, писал: «Не скорби много, брате Кириаче, а возьми пример с меня. Когда меня изгоняли из Царьграда, я не обратил на это внимания, но говорил сам в себе: «Если меня хотят изгнать, пусть изгоняют, ибо Господня земля и исполнение ее — вселенная. Если хотят рассечь меня пополам, пусть рассекают, тогда я буду подобен Иоанну пророку. Если захотят меня в бездну морскую вринуть, тогда я вспоминаю Иону. Если бросят меня в ров, тогда я буду представлять себе Даниила, брошенного в ров львиный. Если меня камнями побьют, тогда я воспроизведу в душе своей представление о первомученике и архидиаконе Стефане. Если голову мою отсекут, предо мною станет Иоанн Креститель. Если захотят имущество мое взять, я стану подобен Иову. *Наг,* говорил он, *изыдох от чрева матери моея, наг и отыду*... (Иов 1, 21). Итак, молю тя, брате, отвержи плач, и жалость, и уныние от себя и о нас воспоминание твори к Богу» (112, 419).

***

Один брат, живший в Кельях, возмущался от уединения. Пошел он к авве Феодору Фермейскому и рассказал ему это. Старец сказал ему: «Пойди, усмиряй свои помыслы, неси послушание и живи с другими». Он ушел в Гору и жил там с людьми. Но потом опять пришел к старцу и сказал: «Не нахожу покоя и среди людей». Старец отвечал ему: «Если ты ни один, ни с другими не находишь покоя, то зачем пошел ты в монашество? Не для того ли, чтобы переносить скорби? А сколько лет, скажи мне, находишься ты в монашестве?» «Восемь лет», — отвечал брат. Старец ответил ему: «Я уже семьдесят лет в иноческом образе и ни в один день не находил покоя, а ты через восемь лет хочешь иметь покой?» (98, 109).

***

Один брат, впав в искушение, от скорби оставил монашеское правило. Он желал положить новое начало, но скорбь препятствовала ему, и он говорил сам в себе: «Когда же я смогу увидеть себя таким, каким был я прежде?» В упадке духа он не мог начать монашеского дела. Пошел он к одному старцу и открыл ему свою скорбь. Старец, слышав о последствиях его скорби, рассказал ему следующую притчу: «Один человек имел поле, которое от беспечности его запустело и заросло негодною травою и тернием. После возымел он намерение возделать поле, и говорит своему сыну: пойди, очисти поле. Сын, придя очищать поле и увидев на нем множество травы и терния, впал в уныние, говоря сам в себе: могу ли я когда истребить все это и очистить поле? Упав на землю, он заснул и так делал много дней. После сего приходит к нему отец посмотреть, что сделал он, и нашел его ничего не делающим. Он сказал ему: «Почему ты доселе ничего не сделал?» Юно-

ша отвечал отцу своему: «Как только я пришел трудиться и увидел множество травы и терния, то объят был скорбью, и я пал на землю и спал». Тогда сказал ему отец: «Сын мой! возделывай каждый день столько, сколько занимала твоя постель, и таким образом подвигай свое дело вперед и не унывай». Выслушав это, сын так и поступал, и в недолгое время очистилось поле. Так и ты, брат, трудись понемногу и не унывай, и Бог Своею благодатью восстановит тебя в прежнее состояние». Ушедши от него, брат пребывал в терпении и поступал так, как научил его старец. И таким образом, получив успокоение, преуспевал при помощи Христа (98, 124—125).

СКРОМНОСТЬ

Спрашивают тебя — отвечай пристойным и смиренным голосом, а не спрашивают — храни молчание (свт. Василий Великий, 10, 48).

***

Великое благо — не говорить о себе ничего великого... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 543).

***

...Тот, кто приучил себя к скромному образу жизни, всегда спокоен и наслаждается довольствием; не столько огорчает его то, что он не имеет роскошного стола, сколько услаждает то, что он не страшится неизвестности будущего (свт. Иоанн Златоуст, 52, 159).

***

...Нескромный не может быть целомудренным, т. е. устойчивым и здравым, но заблуждается, выходит из границ

и бывает неразумнее всякого безумного... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 754).

***

...Возрастающая с добродетелями скромность живущих так делает подобными Богу. А высокоумие не только отъемлет настоящее, но и с самых небес низлагает высоковыйного, чему и подверглась *денница восходящая заутра* (Ис. 14, 12) (прп. Исидор Пелусиот, 60, 10).

***

Взойдем на высоту смиренномудрия (ибо не нисхождением, а восхождением признаю оное), если истребим в себе гибельное надмение гордыни и во ад низводящее воспаление высокомерия, будем во всем соблюдать скромность, и не оставим без внимания всего того, что послужит к ее ущербу; потому что душа обыкновенно идет в ряд со своими делами и обыкла принимать отпечаток и образ того, что сама предначинает. Посему да будет у нас и наружность степенная, и взор кроткий, и брови неподнятые вверх, и поступь не борзая, и одежда самая необходимая, и седалище смиренное, и пища простая, и постель, не превышающая потребности, и утварь недорогая, и дом приличный христианам, а также и слово, и голос, и обращение с ближними да показывают паче скромность, а не кичливость. Ибо так, соблюдая во всем скромность, взойдем на небесную высоту (прп. Исидор Пелусиот, 61, 218).

***

Приучить себя надлежит... к скромному образу мыслей, скромным же называю <того, кто> не льстивый перед

высшими, но снисходительный к низшим, не раболепный, но кроткий, не лицемерия исполненный, но не лукавый, благородный, не знающий корчемства (прп. Исидор Пелусиот, 61, 253).

***

...Скромен тот, кто делает, что благоприлично, но не надмевается перед ближним, не предпочитает себя всем, но сохраняет себя в надлежащем чине, приличном людям свободным (прп. Исидор Пелусиот, 61, 290).

***

Скромным и высокомудренным называю того, кто, преуспев в великом, не домогается славы за великие дела, но в молчании сокрывает преимущества, и не восстает на ближних. Ибо тем, что делал великое, показал он высокий образ мыслей, а тем, что скрывал — скромный (прп. Исидор Пелусиот, 61, 368).

***

Надлежит быть скромным и в слове, и в наружности, и в голосе, и во взоре, и в походке. Многие, и богатствам не обладая, не имея у себя ни жилища, ни чистого одеяния, в походке своей обнаруживают такую изнеженность, что возбуждают смех (прп. Исидор Пелусиот, 62, 346—347).

***

Приучись быть скромным: не дозволяй себе никакой дерзости, даже не позволяй себе прикасаться к ближнему

без крайней нужды, — и навык скромности сделает для тебя удобною великую добродетель целомудрия (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 377—378).

СЛАВА ИСТИННАЯ

Кто ищет славы Божией, тот старается истребить в себе всякую нечистоту (прп. авва Исаия, 59, 214).

***

Не желай любить славных мира сего, чтобы слава Божия не удалилась от тебя (прп. авва Исаия, 59, 214).

***

Бегай же тщетной славы и сподобишься славы Божией в будущем веке (прп. авва Исаия, 89, 454).

***

...Если станешь искать славы не на земле, то обретешь ту истинную и светлую славу, которая вводит тебя в Небесное Царство (свт. Василий Великий, 8, 91).

***

Заботься всегда о вечной славе: потому что настоящая слава ежедневно обманывает (свт. Григорий Богослов, 15, 368).

***

Не видеть себе чести у людей, но иметь, хотя малую, вечно пребывающую славу на небесах, для меня жела-

тельнее, нежели всем обладать, но быть в удалении от Бога (свт. Григорий Богослов, 16, 63).

***

Не узрели еще мы славы нетленного: потому что еще стоим под действием ночной тьмы (прп. Макарий Египетский, 67, 187).

***

...Ничего не станем делать из-за людской славы, потому что нет нам никакой пользы ни от поста, ни от молитвы, ни от милостыни, ни от других дел, если делаем это не ради Того Единого, Который знает и тайное и скрытое во глубине души нашей... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 65).

***

Убегай этой суетной славы, возлюбим славу истинную и пребывающую вовеки, и пусть ни страсть к богатству не обольщает нас, ни пламя похотное сожигает, ни зависть и ненависть не сушат, ни гнев не воспламеняет (свт. Иоанн Златоуст, 47, 212).

***

Как велика слава, которую получают творящие добродетель: она превыше всех подвигов, какие бы кто ни совершал; пусть он достигнет самой высоты, но и тогда будет еще ниже ее (свт. Иоанн Златоуст, 47, 254).

***

...Если хочешь, чтобы о тебе помнили, если ищешь истинной славы, <то>... показывай великую щедрость к

подобным тебе (см.: Деян. 9, 40—41) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 316).

***

Если ты желаешь и домогаешься оставить по себе память, то я укажу тебе путь к ней, истинный и несомненный, — старайся быть добродетельным (свт. Иоанн Златоуст, 48, 242).

***

Подобно тому как луна имеет затмение и разные обороты, так и слава Христа в настоящей жизни у некоторых — именно у нечестивых — меркнет, а у благочестивых — возвышается (свт. Иоанн Златоуст, 48, 896).

***

...Истинная слава состоит в том, чтобы презирать славу, считать ее за ничто, а все делать и говорить только в угождение Богу (свт. Иоанн Златоуст, 51, 32).

***

Если мы хотим быть прославлены от Бога, будем соблюдать не обычаи мирских подвигов, а закон, данный от Бога для подвигов духовных; будем все переносить с долготерпением (свт. Иоанн Златоуст, 51, 42).

***

Здешняя слава — слава пустая и суетная, имеющая только имя, без дела, а та слава, небесная, есть слава истинная, в которой прославляют не люди, но Ангелы, и Архангелы, и Сам Владыка Архангелов (свт. Иоанн Златоуст, 51, 190).

***

...Каково различие между славою и бесчестием, таково же различие между славою небесною и человеческою, лучше же сказать, гораздо больше, до бесконечности (свт. Иоанн Златоуст, 52, 716).

***

Уклоняйся от людских одобрений, и тогда получишь многие похвалы и у Бога, и у людей (свт. Иоанн Златоуст, 52, 716).

***

Слава состоит в страдании за Христа... И чем больше мы терпим бесчестие, тем большей сподобимся славы... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 591).

***

...На земле нет славы, но истинная слава на небесах; кто хочет прославиться, тот (здесь) пусть терпит бесчестие... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 783).

***

...Кто небрежет о славе человеческой, тот сподобляется славы Божией, и вместе с душою прославляется и тело его (прп. Исаак Сирин, 58, 365).

***

Если прободаемые острыми жалами мирской славы любят произвольные труды, то уязвленным острейшими стрелами премирного прославления тем справедливее будет с гораздо большим юношеским жаром выступать на подвиг трудов (прп. Исидор Пелусиот, 62, 158—159).

***

...Бог, имея собственно Ему принадлежащую славу, небоязненно сообщает ее всем, не терпя от этого ничего для Себя оскорбительного (прп. Нил Синайский, 72, 161).

***

...Презрите земную славу, чтобы получить небесную (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 375).

***

Слава Христова есть крест и страсти, которые Он подъял ради нас, чтобы нас прославить (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 223).

***

Те, которые, забыв свою славу, единственно ищут того, чтобы прославился Бог и был познан человеками, прославляются Богом (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 509).

***

...Деятельность человека, желающего стяжать славу Божию, заключается в тщательном и постоянном богоугождении или в последовании Господу с крестом своим на раменах... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 268).

СЛАВОЛЮБИЕ

Слава человеческая мало-помалу рождает гордость (прп. авва Исаия, 59, 34).

***

Не ищи дружества со славными мира, чтобы не погасла в сердце твоем слава Божия (прп. авва Исаия, 59, 49).

***

Кто любит славу человеческую, тот подвергается лжи, а кто отражает ее от себя щитом смирения, в сердце такого человека возрастает вящший страх Божий (прп. авва Исаия, 59, 49).

***

Кто любит человеческую славу, тот не может быть свободен от страстей, но рвение и зависть обитают в нем (прп. авва Исаия, 59, 82).

***

Кто пленяется желанием славы человеческой и опутывается мирскими заботами, тот не оплакивает грехов своих искренно (прп. авва Исаия, 59, 140).

***

...Удаляйся желания власти, чести, славы и похвалы, как язвы, смерти и погибели душевной, и как вечной муки (прп. авва Исаия, 59, 184).

***

...Люди, приобретшие известность делами мира сего... утверждены на гнилом основании, пусты по внутреннему человеку, проводят жизнь в непостоянстве дел мира сего.

Посему как трость сгорит от углия огненного, так по слову пророка <Исаии> сожгутся корни их от пламени разгоревшегося (см.: Ис. 47, 14) (свт. Василий Великий, 6, 205—206).

***

Христианин не должен быть пристрастен к славе человеческой и привязан к чести, превышающей меру, но обязан исправлять тех, которые оказывают ему такую честь или думают о нем более надлежащего (свт. Василий Великий, 7, 367).

***

...Искать славы от людей есть доказательство неверия и отчуждение от богочестия... (свт. Василий Великий, 9, 196).

***

...Надобно врачевать недуг славолюбия противным — упражнениями в смиренномудрии (упражнением же в смиренномудрии служит занятие делами унизительными), чтобы таким образом, придя в нестроение смиренномудрия, не впадать уже в... <другие> отрасли славолюбия... (свт. Василий Великий, 9, 304).

***

...Домогающийся этой славы <земной> отступает от собственных суждений, почитает же достоуважительным то, чему могут подивиться первые из встретившихся с ним. Хотя бы они, будучи порочны или неразумны, стали дивиться худому, все-таки желающий похвал то и сделает,

что, по его мнению, предполагают хорошим эти судии собственных его предначинаний (свт. Василий Великий, 9, 352).

***

Славолюбие — душевный недуг, лукавая страсть (прп. Ефрем Сирин, 30, 178).

***

Если видишь, что человек на земле достиг великого достоинства, не дивись этому; но дивись тому, кто возненавидел земную славу (прп. Ефрем Сирин, 30, 195).

***

...Не люби человеческой славы, ибо она не останется при тебе вовек... (прп. Ефрем Сирин, 31, 156).

***

Горе тебе, душа, что любишь славу человеческую, и почести, и нарядные одежды, и приобретение вещественного; посему в день Суда будешь мерзка перед Богом, и отринута от лица Его, и сопричислена к надменным бесам (прп. Ефрем Сирин, 31, 598).

***

Если пренебрежешь тленною славой, то сделаешь себя славным перед Единым Богом, и тем приведешь в бездействие змия, потому что прародителям внушил он пожелание славы Божества (прп. Ефрем Сирин, 32, 197).

***

Когда человек далек от памятования о Боге и от страха Божия, тогда необходимо ищет он славы и домогается похвалы от тех, кому служит. Такого же человека Господь обличает, что он неверный... (прп. Ефрем Сирин, 32, 337).

***

Славные и могущественные — до двери только гроба; и хищники и грабители — до двери так же гроба (прп. Ефрем Сирин, 33, 389).

***

Смотрите, чтобы не уловила тебя в обман суетная слава, — это западня для людей, не далеких умом (свт. Григорий Богослов, 15, 364).

***

...Здешняя слава — ветер, ничтожная милость ничтожных. Если она и справедлива, то ничего не прибавляет. А если не истинна, обращается даже во вред... (свт. Григорий Богослов, 16, 135).

***

...Не за всякою славою гонись, и гонись не слишком; лучше быть, нежели считаться добрым. А если не можешь себя умерить, лови славу, но не суетную и не новую. Что пользы обезьяне, если примут ее за льва? (свт. Григорий Богослов, 16, 203).

***

Если же любишь ты человеческую славу, хочешь, чтобы кланялись тебе, ищешь себе покоя, то совратился ты с пути (прп. Макарий Египетский, 67, 95).

***

...Кто имеет в виду высшую жизнь, для кого красота есть чистота души, богатство — нищета, отечество — добродетель, город — самые царственные обители Божии, тот земную славу будет считать позором (свт. Григорий Нисский, 25, 131).

***

Кто не достигает искомой славы — печален бывает, а кто получает ее — гордится (авва Евагрий, 89, 611).

***

...Слава человеческая как цвет травный, слава же Господня пребывает вовек (авва Евагрий, 89, 615).

***

...Разве драгоценна слава, которая пропадает, как цвет травный? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 39).

***

...Преданный этой жесточайшей госпоже (страсти к славе) не только не приобретает ничего хорошего, но еще принужден бывает постоянно терпеть много неприятного и вредного. Она господствует над теми, которые предаются ей, и чем больше получает угождений от этих рабов, тем больше надмевается над ними и тем тягчайшими изнуряет их повелениями; а тем, которые отвергают и презирают ее, она не может мстить. Таким образом она свирепее и тирана, и всякого зверя; потому что от ласкового обращения часто делаются кроткими и тиран, и зверь, а эта страсть тогда особенно и свирепствует, когда ей больше

повинуются, и если найдет кого послушным себе и готовым на все, то не откажется ни от каких приказаний ему. Она имеет своею сотрудницею еще другую (страсть), которую безошибочно можно назвать ее дочерью. Когда сама она, быв воспитана и возращена, уже крепко укоренится в нас, тогда порождает гордость, которая не меньше ее самой может низвергать в пропасть душу предавшихся ей (свт. Иоанн Златоуст, 44, 382—383).

***

У нее <славы человеческой> только имя блистательно, а на деле она приводит преданных ей в состояние противоположное этому названию, и нет никого, кто бы не смеялся над делающим что-нибудь для славы (свт. Иоанн Златоуст, 44, 383).

***

Если в самом деле ты ожидаешь воскресения и воздаяния, то для чего так заботишься о житейской славе? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 211).

***

...Кто совершает духовные подвиги и (за них) ищет человеческой славы, тот здесь уже получает себе награду и в Боге уже не имеет должника (свт. Иоанн Златоуст, 47, 325).

***

Если ты, человек, хочешь приобрести себе вечную память, то не названия свои давай зданиям, а воздвигай трофеи добрых дел, которые и в настоящей жизни сохра-

нят твое имя и в будущей доставят тебе вечный покой (свт. Иоанн Златоуст, 48, 242).

***

Ничто так не делает имени человека бессмертным, как добродетель. Это доказывают мученики, доказывают останки апостолов, доказывает память живущих добродетельно (свт. Иоанн Златоуст, 48, 242).

***

<Земная> слава остается славою дома или, лучше сказать, не остается, а разрушается вместе с домом, и не приносит никакой пользы живущему в нем, потому что была не его славою (свт. Иоанн Златоуст, 48, 251).

***

Кто хочет, чтобы все говорили о нем хорошо, тот часто губит свою душу, питая любовь к славе человеческой, оказывая услуги людям в том, в чем не должно, угождая в том, в чем не следует, чтобы купить себе их расположенность (свт. Иоанн Златоуст, 48, 269).

***

Высоким делают человека не кони, везущие колесницу, а высота добродетели, возносящая до сводов небесных. Если увидишь другого <человека>, сидящего на коне, сопровождаемого множеством жезлоносцев, разгоняющих перед ним народ на площади, не ублажай и его за это, но наперед узнай его душу и тогда составляй о нем мнение,

соответственное ее качествам (свт. Иоанн Златоуст, 48, 576).

***

...Слава человека — правая вера, ревность по Боге, любовь, кротость, смирение, усердие в молитвах, любомудрие милостыни, целомудрие, умеренность и все прочие виды добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 48, 576).

***

...Если хвастовство не дозволительно упражняющимся в добродетели, то насколько больше оно не дозволительно для уклоняющихся от добродетелей (свт. Иоанн Златоуст, 49, 124).

***

Не обращай внимания на плотскую славу, но думай о будущем бедственности их; чем славнее она является теперь, тем жалче будет впоследствии, когда в один миг времени отпадет величие ее (свт. Иоанн Златоуст, 49, 219).

***

Не только должно искать славы, но так же должно принимать и бесчестие, из которого происходит слава (свт. Иоанн Златоуст, 49, 321).

***

Если кто приобретает имя через бурные дела, то память о таковом погибнет вследствие забвения о злых делах (свт. Иоанн Златоуст, 49, 341).

***

Какую принесут пользу умершему украшенные здания? Хотя бы много говорили: этот дворец или эта гробница принадлежит такому-то, однако в этом нет никакой пользы, а даже великий вред. Такой (человек) подвергается обвинению как скупой, неимущий, малодушный, хищник, грабивший сирот и вдов, чтобы соорудить себе гробницу или поставить памятник. А этот памятник стоит как бесполезное изобретение, являясь обвинителем зла его самого, памятником о его преступлениях. Даже те, которые охотно пожалели бы умершего, теперь не пожалеют; он сделал не иное что, как оставил для живых бессмертное обвинение, оставив памятник, бесполезный для имени и славы (свт. Иоанн Златоуст, 49, 341).

***

Позаботься, человек, оставить себе имя и память в лице помнящих людей, которые бы иногда возвещали о твоих добродетелях, которые бы говорили: мы жили через тебя, через тебя мы освободились от бедствий, через тебя мы приняли утешение и избавились от несчастий. Вот эта память, это имя, — когда пользуются благами люди, помнящие и мудрые, а не камень, не известь, не земля, т. е. люди, которые ради тебя воздают благодарность Богу (свт. Иоанн Златоуст, 49, 341—342).

***

...Ничто так не распространяет славы о человеке, как блеск добродетели, хотя бы этот человек и старался всеми мерами скрыть его (свт. Иоанн Златоуст, 50, 161).

***

Ничто, истинно ничто так не делает людей законопреступными и несмысленными, как желание славы народной (свт. Иоанн Златоуст, 50, 434).

***

Любящий славу, когда он находится в счастливых обстоятельствах, ставит себя превыше всех, а когда в несчастных, то готов сам себя зарыть в землю (свт. Иоанн Златоуст, 50, 434).

***

Поистине ничто столько не унижает людей, как слава народная, делающая их боязливыми, подлыми, льстецами и лицемерами (свт. Иоанн Златоуст, 50, 434).

***

Завидуя имеющему славу, ты поступаешь подобно тому, кто, увидев связанного, наказываемого бичами и влекомого бесчисленными зверями, завидует его ранам и язвам (свт. Иоанн Златоуст, 50, 434—435).

***

Ищущий славы то вдруг от радости поднимается вверх, то снова легко погружается, бывает всегда в тревоге и никогда в покое (свт. Иоанн Златоуст, 50, 435).

***

...Невозможно тому, кто... раболепствует временной славе, получить славу от Бога (свт. Иоанн Златоуст, 51, 30).

***

Человек, увлекаемый славой, не способен мыслить что-либо великое и благородное; он необходимо становится постыдным, низким, бесчестным, ничтожным (свт. Иоанн Златоуст, 51, 31).

***

...Можно достигнуть и той и другой славы <земной и небесной>, но только в том случае, если будем желать не обеих, а одной — славы небесной (свт. Иоанн Златоуст, 51, 184).

***

...Если бы слава земная была и долговечна, — какую пользу могла бы она принести для души? Никакой. Она даже причиняет величайший вред, делая людей рабами... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 283).

***

...Пристрастие к земной славе вредит и посту, и молитве, и милостыне, и делает тщетными все наши добрые дела (свт. Иоанн Златоуст, 52, 262).

***

Не будем слишком заботиться о славе от людей и печись о ней больше надлежащего. Мы живем для Бога, а не для людей; наше гражданство на небе, а не на земле. Там уготованы награды и воздаяния за наши труды, оттуда ожидаем почестей, оттуда — венцов (свт. Иоанн Златоуст, 52, 403).

***

Неужели ты не приводишь себе на память, что твой Владыка искал твоей славы, а не Своей, ты же ищешь не Его славы, а своей? Конечно, если бы ты искал Его славы, то ты достиг бы и своей, а ища своей прежде Его, никогда не достигнешь и этой (свт. Иоанн Златоуст, 52, 559).

***

...Неужели ты не понимаешь, что, будучи человеком знаменитым и всем известным, ты имеешь бесчисленное множество обвинителей, если согрешишь, а оставаясь в неизвестности, ты будешь в безопасности (свт. Иоанн Златоуст, 52, 717).

***

...Кто презрел эту славу <человеческую> и не заботится о том, чтобы другие прославляли его, тот выше всех (свт. Иоанн Златоуст, 53, 557).

***

...Земная слава — только тень славы. Видя написанный на картине хлеб, никто не прикасается к картине, хотя бы мучился ужасным городом. Не гоняйся же и ты за тенью — ведь это тень славы, а не слава (свт. Иоанн Златоуст, 53, 721).

***

Пристрастие к славе есть своего рода безумие, которое гораздо сильнее безумия, производимого в человеке бесом или обнаруживаемого при сумасшествии. Последнее извинительно, а первое не имеет никакого оправдания, потому

что здесь самая душа повреждена, и ее суждения неправильны, погибельны (свт. Иоанн Златоуст, 53, 722).

***

Как бурный и противный ветер, устремляясь к спокойной пристани, делает ее опаснее всякой скалы и всякого плавания на море, так точно и любовь к славе, овладевая (человеком), все разрушает и приводит в беспорядок (свт. Иоанн Златоуст, 54, 92).

***

Раб славы не может быть истинным рабом Божиим (свт. Иоанн Златоуст, 54, 260).

***

Богатство, слава и все подобное есть сонное мечтание. Спящий не видит того, что есть, и действительно существует, а о том, чего вовсе нет, зрит как о существующем (свт. Иоанн Златоуст, 54, 550).

***

...Презирай славу и будешь в славе (свт. Иоанн Златоуст, 55, 205—206).

***

Когда человек, привязанный к славе, благоденствует, он считает себя выше всех других; когда же терпит противное, готов зарыть себя в землю, будучи поглощаем печалью (свт. Иоанн Златоуст, 55, 511).

***

Если похваляющийся действительно добрыми делами заслуживает порицания и лишается всякой награды за них, то не смешнее ли всех оказывается тот, кто надмевается ничего не стоящими делами и впадает в гордость из-за здешней славы (свт. Иоанн Златоуст, 55, 600).

***

Справедливо... людская слава названа у древних тщеславием; действительно, она совершенно тща внутри, не имея ничего полезного... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 602).

***

...Когда что мы делаем для славы человеческой, то по изречению Господа мы собираем себе сокровище на земле, и следовательно то, как сокрытое и закопанное в земле, будет расхищено разными бесами, или истреблено едкою ржавчиной тщеславия, или съедено молью гордости, так что не послужит ни к какой пользе и выгоде скрывающему (прп. авва Моисей, 56, 187).

***

...Славолюбивым <называть должно> того, кто величается тем, что делает... (прп. Исидор Пелусиот, 61, 369).

***

...Представив себе, что слава в этой жизни малозначительнее паутины и ничтожнее сновидений, возведи ум свой к премирному и удобно утешишь смятение души. Кто желает той и другой славы, тому невозможно достигнуть обеих. Можно достигнуть обеих, когда возлюбим не обе, но одну, именно небесную. Кто любит обе, тот не получит

ту и другую. Посему, если вожделеваешь славы, возлюби божественную, за нею нередко следует и здешняя слава (прп. Исидор Пелусиот, 62, 232).

***

Внешняя слава усиливает внутреннее бесславие; и мнимое здоровье, внушая человеку мысль, что он действительно здоров, не дозволяет допускать врачевания (прп. Исидор Пелусиот, 62, 334).

***

Славолюбивый не то же, что тщеславный. Один, упражняясь, а другой не упражняясь в добродетели, уловляет славу; один желает принадлежащего, а другой непринадлежащего ему уважения; один величается собственною красотою, а другой готов украшаться чужою; один высоко думает о собственных своих сокровищах, а другой — о сокровищах, нисколько ему не принадлежащих; одному желательно, чтобы почитали его по праву, а другому — чтобы и без права; посему первый если и не совершен (ибо надлежит упражняться в добродетели, и не желать себе славы), но лучше другого и дальше отстоит от него, нежели насколько славолюбивый ниже совершенного; лучше же сказать, если надлежит выразиться точно, несправедливо славолюбивого сравнивать с тем, кто не сделал ничего доброго, но присвояет себе славу сделавшего, справедливее же сравнивать с тем, кто и сделал доброе, и пренебрег славою сделавшего (прп. Исидор Пелусиот, 62, 354).

***

Помысла славолюбия трудно избежать, кажется, потому что все, что ни делает человек к искоренению его, оказывается началом другого славолюбия. Посему тех, ко-

торые не имеют добрых дел, не желают прославляться, как неудобоизлечимых должно учить, говоря: «упражняйтесь в добродетели, и тогда ищите славы»; а тех, которые гордятся делами, но и славы не пренебрегают, как удобоизлечимых должно учить, говоря: «важнее будут и добрые дела, когда будете пренебрегать славу, которая и пасть стыдиться, и устоять не в состоянии, но легко может обратиться в ничто. Ибо хотя приличного себе ищет, однако же этому еще не время. Придет время, когда воссияете, как солнце». А тех, которые выше славы человеческой, должно прославлять, как любомудрых (прп. Исидор Пелусиот, 62, 396).

***

Что слава мира сего — лилия, т. е. цветок, распускающийся почти на один день, а слава добродетели неувядаема и нескончаема — это подтвердит всякий, не лишенный разума и доброго смысла. Если же многие домогаются мирской славы и пренебрегают добродетель, то сие нимало неудивительно, потому что и больные отказываются от здоровых снедей, находят же приятность в снедях вредных для здоровья; а похотливые жене целомудренной предпочитают наложницу. Но здравомысленным надлежит заимствовать суждения не у больных, а у здоровых (прп. Исидор Пелусиот, 62, 470).

***

Слава и знатность не в местах, не в одеждах, не в сане, не во власти, но только в душевной доблести и любомудрии (прп. Нил Синайский, 71, 68).

***

Мала, ничтожна, малодневна и ничем не отлична от весенних цветов эта смешная и позорная слава, воздавае-

мая тебе людьми, но велик и тяжел последующий за ней стыд. Посему, если не хочешь быть постыженным, не желай и быть прославленным этой непрочной, легко уничтожаемой и умаляемой славой (прп. Нил Синайский, 72, 396).

***

...Славолюбивый подобен любодейной деве, которая, гоняясь за своими возлюбленными, за то более и бывает ими ненавидима, что неистово их любит (прп. Нил Синайский, 73, 250—251).

***

...Не иначе можно достигнуть славы, как только избегая ее, а пока гонимся за славою, она бежит от нас (прп. Нил Синайский, 73, 396).

***

Если хочешь неосужденно принимать похвалу от людей, сперва возлюби обличение о грехах своих (прп. Марк Подвижник, 69, 14).

***

Превознесшись похвалами, ожидай бесчестия... (прп. Марк Подвижник, 69, 20).

***

Кто ищет похвалы, тем обладает страсть (прп. Марк Подвижник, 69, 21).

***

Если увидишь, что кто-либо лицемерно тебя хвалит, то ожидай от него в свое время порицания (прп. Марк Подвижник, 69, 22).

***

Кто с ведением убегает смертной славы, тот ощутил в душе своей будущий век (прп. Исаак Сирин, 58, 277).

***

Лучше, чтобы многие называли тебя невеждою за простоту, нежели мудрым и совершенным по уму, ради славы (прп. Исаак Сирин, 58, 286).

***

Мирская слава есть утес в море, покрытый водами, и неизвестен он пловцу, пока корабль не станет на нем дном своим и не наполнится водою (прп. Исаак Сирин, 58, 400).

***

Как облеченный в шелковую одежду, если бросить на него рубище нечистое, отбегает, чтобы не замарать своего драгоценного одеяния, так и святые, будучи облечены в добродетели, убегают человеческой славы, чтобы не оскверниться ею. А ищущие славы подобны нагому, который желает найти хотя малое рубище или иное что-либо, дабы покрыть свой стыд; так и необлеченный в добродетели ищет славы человеческой (прп. авва Дорофей, 29, 45).

***

Быть свободным от славолюбия и тщеславия могут только те, которые совлеклись ветхого человека (прп. авва Дорофей, 29, 252).

***

От естества есть в душе желание славы, но только горней (прп. Иоанн Лествичник, 57, 204).

***

Как огонь не рождает снега, так ищущий земной славы не получит небесной (прп. Иоанн Лествичник, 57, 212).

***

Как восходящие по гнилой лестнице подвергаются опасности, так и всякая честь, слава и могущество сопротивляются смиренномудрию... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 213).

***

Любящему суетную славу или привязанному к чему-либо вещественному свойственно досадовать на людей за временное, или злопамятствовать на них, или ненависть иметь к ним, или рабствовать срамным помыслам; боголюбивой же душе все это чуждо (прп. Максим Исповедник, 91, 219).

***

Никто пусть не думает, что славолюбие и сребролюбие принадлежат к телесным страстям... Сказанные две страсти суть порождения неведения. Не испытав и не познав истинных благ, мысленных или духовных, душа придумала блага ложные, богатством думая утешиться в оскудении духовными благами; о богатстве печется она вместе с этим и для удовлетворения сластолюбия и славолюбия, и для него самого, почитая его неким благом. О чем скажем, что все это есть порождение неведения истинных благ. Славолюбие не по причине скудости потреб телесных бывает, ибо им не телесное что-либо удовлетворяется, но по причине неиспытания и неведения первого блага и истинной славы (свт. Феодор, еп. Едесский, 91, 357).

***

Не ищите славы, и найдете ее не только в будущем веке, но и здесь, тотчас, блестяще (прп. Феодор Студит, 92, 55).

***

В чем истинная и божественная слава, если не в том, чтобы быть бесславным среди людей Бога ради (прп. Феодор Студит, 92, 164).

***

...Кто любит славу человеческую, не христианин есть истинный, а некий изрядный воин диавола (при. Симеон Новый Богослов, 76, 150).

***

...Хотя бы мы исправили всякую добродетель и не оставили ни одной заповеди Христовой, ни большой, ни малой, хотя бы творили чудеса, но если потом возлюбим только славу человеческую и взыщем ее, то погубим мзду всех прочих наших добродетелей. Ибо, ища славы человеческой и предпочитая ее славе Божией, мы подлежим суду, как идолопоклонники, поколику служим твари паче Творца. Но и тот, кто не ищет, а только принимает с радостью и самоуслаждением славу мира сего, и, когда ему дают ее, сердце его радуется о ней, будет осужден, как блудник. Такой похож на человека, который, желая сохранить девство, чуждается женщин, не ходит к ним и не заводит с ними знакомства, но, когда к нему придет какая женщина, принимает ее с радостью... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 20).

***

Горе, душа, жаждущим славы человеческой, потому что они лишаются тогда славы Божией (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 65).

***

...Тот, кто стал превыше всего видимого и приблизился к Богу, лучше же кто сам наименовался Богом, захотел бы искать славы или роскоши от долу лежащих? Ибо они поистине для него — позор и поношение, уничижение и бесчестие. Слава же для него и утеха и богатство — Бог Троица и (все) Божие и Божественное (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 69).

***

Не вкусив Божественной славы, мы не можем презреть земную славу (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 232).

***

Кто <ищет> славы человеческой, которая ничтоже есть, ищет как бы она чего-либо стоила... тот... в демона превращается через высокоумие и гордыню (прп. Никита Стифат, 93, 84).

***

Что тебе в славе человеческой, о человек, или, лучше, в пустом имени славы, которое не только не имеет того, что именует, но и лишает того? (свт. Григорий Палама, 93, 269).

***

...Ищущий славы от людей, от самых ради ее дел, обыкновенно встречает бесславие. Заботящийся о красо-

те, много думающий о себе по знатности предков, по блеску одежд и по другим таким вещам, обличает в себе детскую незрелость ума, ибо все такое — прах; праха же что ничтожнее? (свт. Григорий Палама, 93, 267—268).

***

Путь искателя славы человеческой — постоянное и разнообразное человекоугодие (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 287).

***

Как же избежать самовосхваления? — Надо перенести похвалу на другое лицо (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 101).

****

Один брат пришел однажды к авве Феодору и пробыл при нем три дня, прося у него наставления. Но авва не отвечал ему, и брат ушел печальный. Ученик аввы говорит ему: «Авва! Почему не дал ты брату наставление? Он ушел печальным». Старец отвечал ему: «Правда, я не говорил с ним, ибо он торговщик. И хочет прославиться чужими изречениями» (97, 281—282).

***

Игумен одного общежительного монастыря, имевшего около двухсот братий, был нищелюбив. Со временем человеческая слава пленила его, и он стал проявлять любовь и к богатым и боярам и за это был прославляем ими. Однажды к этому игумену в монастырь пришел Господь в образе убогого старца и сказал привратнику, чтобы он сходил к игумену и доложил, что такой-то брат с большим

трудом пришел к нему. Привратник застал игумена беседующим с богатыми, и, постояв немного, он сказал игумену об убогом, не зная, что это Христос. Тот начал бранить его за то, что впустил пришельца и что разве не видит он, что игумен беседует с людьми. Привратник ушел ни с чем. Но долготерпеливый Господь ожидал игумена. Через некоторое время один богач пришел в монастырь. Его сразу же встретил игумен во вратах обители. Здесь, увидев игумена с богатым, Христос стал упрашивать его, что имеет нечто сказать ему. После обеда, провожая богатого до ворот, игумен опять пренебрег просьбу убогого и незлобивого Старца. Вечером он тоже не стал принимать Его. Уходя, Старец сказал привратнику: «Так скажи игумену, что ради прежних его трудов и прежнего жития его приходил Я к нему, желая дать ему благословение, но он не захотел, и, так как ищет он славы человеческой, Я пошлю к нему вельмож всей страны. Благ же и Царства Моего он не ищет и не получит их» (112, 98).

***

Некто из святых, именем Филагрий, живя в пустыне Иерусалимской, прилежно занимался работой. Так он добывал себе пропитание. Однажды, когда на рынке продавал свое рукоделие, кто-то уронил кошелек с тысячей монет. Старец, найдя его, остановился на том же месте говоря: «Конечно, потерявший вернется». И вот, потерпевший идет и плачет. Старец отвел его в сторону и отдал ему кошелек. Тот обрадовался находке и хотел дать старцу что-нибудь из денег, но авва не принял. Тогда потерпевший начал кричать: «Пойдите посмотрите, что сделал человек Божий!» Но авва скрылся и уже выходил из города, не желая славы (97, 279).

***

«Помню, — рассказывает наместник Троице-Сергиевой Лавры, архимандрит Кронид, — в обители преподобного Сергия жил в качестве послушника один молодой, с виду изящный человек, по имени Александр. Он обладал сильным и приятным голосом. Его чистый тенор выделялся своей мелодичностью среди голосов поющей братии и невольно располагал сердца молящихся. Жил он в обители три года и своим пением радовал всю обитель. К сожалению, нашлись у Александра советники, которые и посоветовали ему пойти в консерваторию, и тогда он сделается мировым певцом. Послушник увлекся мыслью знакомых, ушел из обители и поступил в столичную консерваторию. Прошло после этого пять или шесть лет. Однажды я вышел прогуляться от Троицкого собора к Святым вратам. На пути встретился мне какой-то незнакомый человек с лицом, перевязанным платком. Он, называя меня по имени сиплым голосом, попросил милости, как бывшему певчему этой обители. Спрашиваю его: «Кто ты такой и как твое имя?» Тогда он отвечает: «Я тот знаменитый певец — тенор Александр, которого все начальство обители так ценило. Но я не сумел сохранить Божиего дара, послушался недобрых советов и в компании друзей, распутством и вином, погубил себя и голос. В настоящее время я скитаюсь без крова и пристанища и болен венерической болезнью». Смотря на этого человека, страждущего, но не венчаемого от Бога, я готов был и сам плакать, помня его погибшие дарования (114, 48).

СЛАДОСТРАСТИЕ

Кто члены свои предает сладострастию, тот будет скорбеть не только в будущем, но и в настоящем веке, если не

покается скоро; ибо уподобится брошенному рубищу, которое сперва все таскают, а напоследок гнушаются им и попирают ногами (прп. Ефрем Сирин, 31, 288).

***

Неумеренное сладострастие препятствует всякому душевному благоустройству, возбуждая к ссорам, уча делать вред и обманывать, внушая зависть (прп. Ефрем Сирин, 32, 256).

***

...Когда сладострастный пленяется всякою красотою телесною, тогда он ничем не различается от беснующегося (свт. Иоанн Златоуст, 50, 319).

***

Не одно и то же... увидеть внезапно и уязвиться, и потерпеть то же тщательно гоняющемуся за чужою красотой, потому что увидевший внезапно и уязвившийся может целомудренным помыслом и стрелу извлечь, и рану залечить. Лучшее же врачевство от такой страсти — пост и то, чтобы не смотреть больше на уязвившую, а если будет это необходимо, налагать узду на свои очи и потуплять их к земле, из которой расцвел этот цвет и в которую, в скором времени увянув, разрешится. А кто непрестанно и со тщанием смотрит, тот если не соделает греха телом, то совершил его уже душою. Ибо услуживая страсти зрением, самое преступление согласием на оное приводит в исполнение. Если бы сил души его не расслабляла похоть, не спешил бы он увидеть ту, от которой надлежало спасаться бегством. Посему и Божие Слово тех, которые не просто увидели и уязвились (ибо часто случается, что бывает

это и ненамеренно), но смотрят и вменяют это себе в дело, назвало прелюбодеями... (см.: Мф. 5, 28) (прп. Исидор Пелусиот, 61, 58—59).

***

Не возжигай пламени, не давай пищи огню, не смотри с любопытством на благообразные лица, не заглядывайся на чужие красоты, не ходи на зрелища, где тучи удовольствий, не утучняй плоти забавами, не утопляй в вине враздодержца-рассудка; тогда не подымется вверх пламень, не разгорится костер, не сделается страшным зверем, не проторгнется, как от порывистых ветров, чистота разумения (прп. Исидор Пелусиот, 62, 397).

***

Когда зарождается в тебе помысл сладострастия, противоставь ему стыд от людей и оскорбление Богу (прп. Нил Синайский, 72, 236).

***

Когда сердце предается сладострастию, то рождаются в нем пагубные помыслы и слова, и от дыма мы узнаем лежащее внутри вещество (прп. Марк Подвижник, 69, 23).

***

Змий сладострастия многообразен: невкусившим сласти греха он внушает, чтобы только однажды вкусили ее и перестали, а вкусивших коварный побуждает воспоминанием опять к совершению греха (прп. Иоанн Лествичник, 57, 124).

***

...Сласть плотская — удица есть, растлевающая, а не питающая, смертоносная, а не живительная... (прп. Феодор Студит, 92, 543).

***

...Сладострастен тот, у кого действие греха слабее помысла, хотя им овладает страсть внутри... (прп. Илия Екдик, 91, 474).

***

Изгоняется из души страстность постом и молитвою, сладострастие — бдением и молчанием... (прп. Илия Екдик, 91, 474).

***

...Любящий срамные и безместные дела, любит их не сам от себя, но по действу сатаны, который прельщает сначала, отворив ему только дверь сладострастного стремления, чтобы он вложил туда лишь голову свою, т. е. положил только начало греху, но потом мало-помалу с укреплением навыка греховного и весь входит он в него, завладевает всеми силами души, почивает в сердце его как на одре, и действом своим возжигает в нем любовь к срамным делам, чтобы он предавался им с услаждением, подобно тому как бесноватые нередко едят кал свой с удовольствием и наслаждением. Это следует поиметь в мысли тому, кто по великому человеколюбию Божию, действом присещения Божия, получает некоторый отдых от сатанинских на грех влечений, чтобы прийти в себя и прибегнуть ко Христу, Который один силен и демонов из-

гнать, и всякую болезнь душевную и телесную уврачевать (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 283).

СЛАСТОЛЮБИЕ

Не будь сластолюбив, ибо сластолюбивых Бог не слушает (прп. Антоний Великий, 89, 112).

***

Человек сластолюбивый (только приятного ищущий) ни на какое дело негож (прп. Антоний Великий, 89, 112).

***

Если неразумные твари догадливы и искусны в попечении о собственном своем спасении, и если рыба знает, что ей избрать и чего ей бегать; что скажем мы, отличенные разумом, наставленные законом, побужденные обетованиями, умудренные Духом и при всем том распоряжающие своими делами не разумнее рыб? Ибо они умеют промышлять несколько о будущем, а мы, отринув надежду на будущее, губим жизнь в скотском сластолюбии (свт. Василий Великий, 5, 115).

***

...Великая приманка ко злу есть сластолюбие, ради которого всего более мы, люди, гадки ко греху, которым всякая душа, как угодою, увлекается в смерть (свт. Василий Великий, 9, 117).

***

...Кого не преклоняет к себе и не разнеживает сластолюбие, тот чрез воздержание преуспел вовсе избежать грехов (свт. Василий Великий, 9, 117).

***

Как можно достигнуть того, чтобы не преодолевало сластолюбие в снедях? — Решившись предпочтение полезного иметь всегда вождем и учителем в том, что приемлется для употребления, будет ли это приятное, или неприятное (свт. Василий Великий, 9, 232).

***

Убежищем от сластолюбия служит, во-первых, часто и трезвенно молиться, а потом предоставлять владычество уму и чистой мысли, не произносить бесчинного слова, несообразного с приличной потребностью, в той уверенности, что Господь есть непогрешительный Судия (прп. Ефрем Сирин, 30, 511).

***

Как прекрасно преодолевать сластолюбие и быть выше плотских похотей! У кого в сердце есть страх Божий, того не коснется скверна сластолюбия (прп. Ефрем Сирин, 31, 76).

***

...Сластолюбие не ограничивается одною роскошью и телесными наслаждениями, но имеет место во всем, что любим по душевному произволению и пристрастно (прп. Ефрем Сирин, 32, 389).

***

...Услаждение вкуса... есть матерь всех по порядку зол. Ибо кому неизвестно, что корнем почти <всех> погрешностей в жизни служит заботливость о гортани? От нее зависят: роскошь, пьянство, чревоугодие, беспорядочное поведение, многоядение, пресыщение, разгульная жизнь, скот-

ское и неразумное падение в страсти бесчестия (свт. Григорий Нисский, 18, 461—462).

***

...В естестве человеческом для мгновенного наслаждения нет никакого хранилища, в котором бы могли запасать для себя удовольствие, со всем тщанием приобретенное. Но когда сластолюбцам кажется, что овладели они чем-то, как обманчивый какой-то призрак, мгновенно исчезает и обращается это в ничто, и по удалении таковой мечты остается один ее след — стыд, отпечатлевающий в них глубокий и неизгладимый образ того, что прошло, так что, подражая в искусстве ловцам, можно по следам распознать природу зверя. Ибо ловцы, когда добыча и невидима, по следу узнают животное (свт. Григорий Нисский, 19, 17).

***

...Как змею невозможно втащить за край хвоста, потому что чешуя естественным образом упирается вопреки втаскивающим, так невозможно начинать с крайних частей души, чтобы выжить из нее вторгшееся сластолюбие, если кто не заградит этому злу первого входа. Почему Наставник добродетели повелевает блюсти его главу, главою называя начало порока, в котором, если оно не допущено, бездейственным остается прочее. Ибо кто враждебно противостал удовольствию вообще, тот не поддается частным приражениям страсти. А кто допустил в себя начало страсти, тот с этим вместе принял в себя целого зверя (свт. Григорий Нисский, 19, 270).

***

Люди сластолюбивые и изнеженные бывают недовольны и дорогою трапезою... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 224).

***

Сластолюбие подобно бурному потоку, истребляет все; его не удерживает никакое препятствие; оно отлучает от Царствия (свт. Иоанн Златоуст, 52, 256).

***

...Велика власть сластолюбия — оно заставляет нас делать даже то, о чем не смеем и говорить (свт. Иоанн Златоуст, 54, 712).

***

Чем больше мы предаемся сластолюбию, тем больше исполняемся зловония, когда тело, подобно меху, со всех сторон раздувается, когда отрыжка, испытываемая нами, расстроивает мозг близ стоящих, когда из тела со всех сторон истекают смрадные пары, как бы из печи, вследствие сильного накаливания, исполненной внутри зловония. Если же внешние члены в такое приходят расстройство, то что, по твоему мнению, должен испытывать внутри мозг, будучи беспрестанно помрачаем испарениями? В каком положении находятся ручьи кипящей крови, когда ей преграждают свободное обращение? Чему подвергаются другие внутренности — печень и селезенка? Что испытывают самые вместилища помета? И хуже всего то, что о (настоящих) вместилищах помета мы заботимся, чтобы они не засорялись и не извергали помета вверх, для того употребляем всевозможные меры, и шестами подталкиваем, и лопатами раскапываем; между тем вместилищ нашего чрева мы не только не очищаем, но даже засоряем и загромождаем, и никакого не обращаем внимания на то, что помет поднимается кверху, туда, где сам царь, т. е. мозг, имеет свое пребывание. Мы делаем все это потому что взираем на него не как на досточтимого царя, а как на какого-

нибудь нечистого пса. Бог для того поместил вдали эти члены, чтобы от них ничто не терпело вреда. Но мы противодействуем этому и все растлеваем неумеренностью. И кто может перечислить другие, проистекающие отсюда бедствия? Затвори стоки вместилищ (нечистот) — и ты увидишь, что тотчас появится зараза. Следовательно, если отвне встретившееся зловоние рождает заразу, то ужели то, которое находится внутри тела, и со всех сторон окружено тесными пределами тела, и нигде не имеет стока, не причиняет бесчисленных болезней как душе, так и телу? И ужаснее всего то, что многие негодуют на Бога, говоря, что это такое? Он Сам определил, чтобы мы носили в себе помет. А между тем сами умножают помет. Но Бог для того так устроил, чтобы по крайней мере таким образом отвратить нас от сластолюбия, чтобы по крайней мере через это убедить нас в том, что мы не должны прилепляться к мирским благам. А ты, невзирая на это, не только не перестаешь предаваться сластолюбию, но даже до самого горла, даже до следующего обеденного времени, даже долее, нежели продолжается само наслаждение, продолжаешь пресыщаться (свт. Иоанн Златоуст, 54, 714—715).

***

...Душа, преданная сластолюбию, не может ничего, ни слышать, ни говорить. Она становится изнеженною, вялою, робкою, несвободною, боязливою, исполненною лютости неведения, лести, ярости, лености — полною всех пороков и чуждою противоположных им добродетелей (свт. Иоанн Златоуст, 54, 715).

***

Все удовольствие доставляемое вкушением пищи, исчерпывается временем глотания: когда проглатываемое ми-

нует то, что в горле, где сосредоточено чувство вкуса, его как будто бы и не было (свт. Иоанн Златоуст, 54, 983).

***

Кто целомудрием и воздержанием обуздывает сластолюбие, для многих кажущееся неодолимым, тот, имея душу, свободную от всякой гнусной страсти, вправе восхищаться многими и славными победами (прп. Исидор Пелусиот, 61, 309).

***

Матерь сластолюбия — чревоугодие (прп. Нил Синайский, 72, 78).

***

Бегай... сластолюбия — этой матери погибели и смерти, не слушай слов его, потому что оно, как волк, ласкает агнцев (прп. Нил Синайский, 73, 400).

***

Сластолюбие есть диавольская уда, влекущая к погибели (прп. Нил Синайский, 73, 414).

***

Сластолюбие — питатель неусыпающего червя. Сластолюбие — смерть бессмертной души (прп. Нил Синайский, 73, 415).

***

Сластолюбивое (одних приятностей ищущее) сердце во время исхода бывает темницею и узами для души; а трудолюбивое (любящее себя озлоблять и утруждать наперe-

кор себе, Господа ради) есть отверстая дверь (в другую жизнь) (прп. Марк Подвижник, 89, 522).

***

Блажен, кто заградил себе уста от всякого сластолюбия, отлучающего его от Создателя (прп. Исаак Сирин, 58, 50).

***

В сластолюбивом теле не обитает ведение Божие (прп. Исаак Сирин, 58, 306).

***

Кто иногда плачет, а иногда наслаждается и говорит смешное, тот, вместо камней, бросает хлебом на пса сластолюбия; по видимому он отгоняет его, но самым делом привлекает его к себе (прп. Иоанн Лествичник, 57, 78).

***

Рыба спешит убежать от удочки; а душа сластолюбивая отвращается безмолвия (прп. Иоанн Лествичник, 57, 119).

***

Сластолюбие и лукавство суть родительницы всех зол; одержимый ими не узрит Господа... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 184).

***

...Христианин, предающийся плотской сласти, уже не Христов раб, а раб греха и диавола... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 150).

***

...Хоть бы кто, подобно тридцативосьмилетнему расслабленному, долгие годы лежал на одре сластолюбия и беспечности, и увидит, что Владыка Христос — или мысленно воздействием благодати, или в лице какого-либо духовного мужа, грядет к нему и говорит: ***хощеши ли здрав быти?*** (ср.: Ин. 5, 6), да восприимет тотчас слово с радостью и скажет: ***ей, Господи, хощу, но человека не имам, который вверг бы меня в купель покаяния*** (ср.: Ин. 5, 7); и если Господь скажет ему: ***встань, возьми одр твой и гряди вслед Меня*** (ср.: Ин. 5, 8), — да восстанет с готовностью и да грядет со тщанием по стопам Того, Кто так свыше воззвал его... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 234).

***

Постами, бдениями и молитвами... трудами телесными и отсечением своей воли в смирении душевном ставим мы духа сластолюбия безуспешным, порабощаем его себе слезами покаяния и, вводя в узилище воздержания, делаем недвижимым и бездейственным... (прп. Никита Стифат, 93, 93).

***

...Сластолюбивые бесы разжигают вожделевательную силу души, но, приводя при сем в смятение и рассудительную <силу>, омрачают душу (прп. Григорий Синаит, 93, 192).

***

Когда мы ***плотиугодия творим в похоти*** (ср.: Рим. 13. 14), тогда это сластолюбие — грешная страсть, начало

плотских страстей, и болезнь души... (свт. Григорий Палама, 93, 269).

СЛЕЗЫ

Горе нам, что так окаменены сердца наши, что часто, напряженно ища сокрушения слез, не успеваем в этом по причине крайнего нерадения и разленения (прп. авва Исаия, 89, 437).

***

...Плач требует соразмерности с разумом касательно того, о ком, сколько, когда и как должно проливать слезы (свт. Василий Великий, 8, 50).

***

Моли Господа и проливай слезы перед Его благостию; тогда памятозлобие не водворится в душе твоей, и молитва твоя будет *яко кадило* (Пс. 140, 2) перед Ним (прп. Ефрем Сирин, 30, 188).

***

Вода угашает пламень в доме, а слезы во время молитвы угашают злые вожделения (прп. Ефрем Сирин, 30, 214).

***

...У людей бывают трех различных родов слезы. Бывают слезы о вещах видимых, и они очень горьки и суетны. Бывают слезы покаяния, когда душа возжелает вечных благ, и они весьма сладки и полезны. И бывают слезы раскаяния там, где *плачь и скрежет зубом* (Мф. 8, 12),

и эти слезы горьки и бесполезны, потому что вовсе безуспешны... (прп. Ефрем Сирин, 30, 217).

***

...Угодно Небесному Врачу, чтобы каждый собственными своими слезами врачевал себя и спасался (прп. Ефрем Сирин, 30, 294).

***

Приступи, грешник, к Доброму Врачу, принеси слезы — это наилучшее врачевство (прп. Ефрем Сирин, 30, 294).

***

Прольем слезы, пока еще время принятию слез, чтобы, отшедши в тамошний век, не плакать бесполезно: ибо там ни во что вменяются слезы (прп. Ефрем Сирин, 30, 297).

***

Ради немногих слез, пролитых в это краткое время <жизни>, и ради покаяния Бог прощает все грехопадения (прп. Ефрем Сирин, 30, 298).

***

О, сила слез! До чего простерлась ты? — С великим дерзновением невозбранно входишь ты в самое небо (прп. Ефрем Сирин, 30, 305).

***

Слезами просветляется душа по дару Господню, как в зеркале отражая в себе небесное (прп. Ефрем Сирин, 30, 600).

***

Святые и чистые слезы по Богу всегда омывают душу от грехов, очищают ее от беззаконий. Слезы по Богу во всякое время дают дерзновение перед Богом (прп. Ефрем Сирин, 31, 97).

***

Слезами оросите, кающиеся, дверь дома примирения; потому что там найдете Иисуса, Которого лобызала блудница; и Он готов оставлять долги бедному человеческому роду (прп. Ефрем Сирин, 33, 180).

***

...Блажен, кто сколько-нибудь времени плакал здесь; потому что слезы его прекратились, и их уже нет, и наслаждается он непреходящим блаженством (прп. Ефрем Сирин, 33, 200).

***

Слышал я, что слезы очей приятнее Тебе <Господи> золота, и серебра, и драгоценных камней. Приими же, Господи, слезы очей моих, да благоугодны Тебе будут слова моления моего, и, по щедротам благодати Твоей, прости мне долги мои (прп. Ефрем Сирин, 33, 276).

***

Да не иссякнут слезы в очах у тебя, исполненный грехов и неправд. Проси щедрот у Бога, чтобы в день праведного Суда простил тебе долги твои... (прп. Ефрем Сирин, 33, 302).

***

Ежечасно проливай перед Судиею слезы сокрушения о гнусных делах своих. Бездна мучений ожидает тебя за дела твои и в воздаяние за непотребства твои. Сугубо плачь о себе, чтобы Правдивый и услышал тебя, и примирил с тобою (прп. Ефрем Сирин, 33, 321).

***

Слезы, льющиеся на мертвую плоть, не возвращают ее к жизни; а если они пролиты о душе — воскрешают и возвращают ее к жизни (прп. Ефрем Сирин, 34, 51).

***

Не ради плоти даны тебе слезы, скорбь и печаль, но ради души дал тебе их Бог, чтобы ее возвращал ты ими к жизни (прп. Ефрем Сирин, 34, 51).

***

...В дар Богу принеси плач, источи слезы из очей своих; твоими слезами и Божиею благостию мертвая душа твоя возвращена будет к жизни... (прп. Ефрем Сирин, 34, 51).

***

Не презирай слез ты, который сам претерпел достойное многих слез, и потом помилован (свт. Григорий Богослов, 15, 147).

***

Христиане имеют у себя утешение Духа, слезы, плач и воздыхание, и самые слезы составляют для них наслаждение (прп. Макарий Египетский, 67, 123).

***

Слеза, проливаемая действительно от великой скорби и сердечной тесноты, при ведении истины и с разжжением внутренности есть пища души... (прп. Макарий Египетский, 67, 189).

***

Слезы — тщательный страж для спасающихся добродетелию (свт. Григорий Нисский, 18, 261).

***

Тяжела печаль, и неудобоносно уныние; но слезы к Господу сильнее их (авва Евагрий, 89, 616).

***

...Твои глаза пусть прольют слезы; и слезы могут погасить костер грехов (свт. Иоанн Златоуст, 45, 695).

***

...Будем омывать нечистоты свои слезами; велик плод этих рыданий, велико назидание и утешение (свт. Иоанн Златоуст, 45, 695).

***

Не так источники вод делают сады цветущими, как потоки слез напояют плод молитвы, содействуя ему достигнуть наибольшей высоты (свт. Иоанн Златоуст, 47, 801).

***

...Всегда хорошо плакать <о грехах>, но особенно во время ночи, когда никто не препятствует этому дивному

удовольствию, когда желающий может предаваться ему с полной свободою (свт. Иоанн Златоуст, 48, 56).

***

...Как семена имеют нужду в дожде, так мы — в слезах (свт. Иоанн Златоуст, 48, 392).

***

Я требую слез, проливаемых не напоказ, а из сокрушения, проливаемых тайно, в уединенной комнате, без свидетелей, в тишине и в безмолвии, слез из глубины сердца, от внутренней скорби и печали, проливаемых единственно для Бога (свт. Иоанн Златоуст, 50, 67).

***

Как мирская радость бывает смешана с печалью, так слезы по Боге произращают всегдашнюю и неувядающую радость (свт. Иоанн Златоуст, 50, 67).

***

Незначительные ручейки от дождя уносят легкие стебельки: значительной же глубины реки и речки, бурные горные потоки бывают в состоянии увлекать с собой глубокосидящие в воде пни и тяжелые камни. Взвесь <и ты> свои грехи. Если прегрешение твое незначительно, достаточно и немногих слез; если грех велик, то больше должен быть и поток слез. Если же у тебя есть и уверенность в жизни, и готовность плакать, и сердце сокрушенное, и еще не все слезы ты выплакал о себе самом, то удели и мне часть слез: плачь о грехах брата (свт. Иоанн Златоуст, 51, 984).

***

Не тогда должно плакать, когда мы бедны, но когда грешим. Только это одно достойно слез, а все прочее достойно даже смеха (свт. Иоанн Златоуст, 53, 587).

***

Когда мы уговариваем брата, живущего во грехе, — следует плакать, если только мы соболезнуем и вздыхаем о нем. Когда кого убеждаем, а тот не слушает и идет на погибель — нужно плакать. Это слезы разумные. Но если кто сделался беден, или заболел телесно, или умер — плакать не следует, потому что это не стоит слез (свт. Иоанн Златоуст, 54, 462).

***

Не всякое излияние слез происходит от одного расположения или одною силою. Иначе плач бывает от уязвления нашего сердца сознанием грехов, о чем говорится: *Утомлен я воздыханиями моими; каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постелю мою* (Пс. 6, 7). Еще: *проливай ручьем слезы день и ночь, не давай себе покоя, пусть не умолкает зеница ока твоего* (ср.: Плач. 2, 18). Иначе происходит от созерцания вечных благ и от желания будущей славы, ради которой истекают обильные источники слез, от несдержимой радости и безмерной живости, когда душа наша жаждет к Богу — Источнику Живому, говоря: *когда приду и явлюсь пред лице Божие! Слезы мои были для меня хлебом день и ночь* (Пс. 41, 3—4), с плачем и сетованием ежедневно взывая: *горе мне, что пришелствие мое продолжилось, много пришелствовала душа моя* (ср.: Пс. 119, 5—6). Иначе текут слезы, хотя без представления своих грехов, но от страха геенны и от воспоминания о Страшном Суде, стра-

хом которого пораженный Пророк молится Богу, говоря: *не вниди в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается пред Тобой ни один из живущих* (ср.: Пс. 142, 2). Есть также и другой род слез, который происходит не от сознания своих грехов, а от сожаления об ожесточении и грехах других, как плакал Самуил о Сауле, пророк Иеремия и Господь Иисус Христос об Иерусалиме (см.: 1 Цар. 15, 35; Лк. 19, 41). Пророк Иеремия говорит: *Кто даст голове моей воду и глазам моим источник слез, и я буду плакать день и ночь об убитых дщери народа моего* (ср.: Иер. 9, 1). Таковы же и те слезы, о которых говорит: *Я ем пепел, как хлеб, и питие мое с плачем растворяю слезами* (ср.: Пс. 101, 10). Ясно, что эти слезы происходят не от того расположения духа, от какого текут у Псалмопевца, когда он от лица кающегося говорит: *утомлен я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою* (Пс. 6, 7); но от скорбей этой жизни, от теснoты и горестей, какими праведники угнетаются в этом мире. Это ясно доказывает не только содержанием псалма, но и надписание, которое от лица нищего... так пишется: *молитва нищего, когда он унывает, и изливает пред Господом печаль свою* (ср.: Пс. 101, 1). Итак, от этих слез много отличаются те, которые при ожесточении сердца выжимаются из сухих глаз и которые не считаем совсем бесплодными, ибо они происходят от доброго намерения, особенно у тех, которые не могли еще достигнуть совершенного знания, или вполне очиститься от скверны прежних или настоящих пороков (прп. авва Исаак, 56, 342—343).

***

Те, которые уже утвердились в расположении к добродетелям, не должны (насильственным) образом исторгать течение слез, и не очень много надобно домогаться плача

по внешнему человеку; да если бы он как-нибудь был произведен, то никогда не может достигнуть до плодовитости самопроизвольных слез. Ибо своими усилиями более развлекая душу молящуюся, он будет понижать, погружать вниз, низведет с небесной высоты, на которой изумительный дух молящегося неуклонно должен быть утвержден, и по ослаблении внимания к молитве заставит его скорбеть о бесплодных каплях слез (прп. авва Исаак, 56, 343).

***

...Слезы покаяния не только не укоризненны, но и приятны Богу, как фимиам (прп. Исидор Пелусиот, 60, 128).

***

Пользуйся слезами к успешности всякого твоего прошения, потому что Владыка с великою радостью приемлет молитву, принесенную в слезах... (прп. Нил Синайский, 71, 175).

***

Прекрасная баня для души — слезы во время молитвы; но после молитвы помни, о чем ты плакал (прп. Нил Синайский, 72, 252).

***

Нет порока, которого бы не истребляли спасительные слезы покаяния (прп. Нил Синайский, 73, 322).

***

Когда во время молитвы своей изливаешь потоки слез, отнюдь не возносись тем сам в себе, как будто ты выше

многих. Это помощь свыше приняла молитва твоя, чтобы ты, усердно исповедовав грехи свои, слезами умилостивил Владыку (прп. Нил Синайский, 90, 224).

***

Бывают слезы сожигающие и бывают слезы утучняющие. Посему все те слезы, которые исходят из сущности сердца от сокрушения о грехах, иссушают и сожигают тело, а нередко и самое владычественное в душе, во время излияния слез, ощущает от них вред. И сперва человек по принуждению вступает на эту степень слез, и ими отверзается ему дверь войти на вторую ступень, лучшую первой; и это есть страна радости, в которой человек приемлет милость. Это уже слезы, проливаемые по благоразумию: они и укращают, и утучняют тело, и исходят непринужденно сами собою; и не только, как сказано, утучняют тело человеческое, но и вид человека изменяется. Ибо сказано: ***сердцу веселящуся, лице цветет: в печалех же сущу, сетует*** (Притч. 15, 13) (прп. Исаак Сирин, 58, 93—94).

***

<Слезы, проливаемые без понуждения>, положены уму как бы некиим пределом между телесным и духовным, между состоянием страстным и чистотою (прп. Исаак Сирин, 58, 100).

***

Пока не приимет человек сего дарования <слез>, совершается дело его еще во внешнем только человеке, и еще вовсе не ощутил он действенности того, что сокрыто в духовном человеке. Ибо когда человек начнет оставлять

телесное настоящего века, и оказывается преступившим сей предел того, что в естестве действительно есть внутреннее, тогда скоро достигает сей благодати слез. И слезы сии начинаются в первой обители сокровенного жития и возводят человека к совершенству любви Божией (прп. Исаак Сирин, 58, 100).

***

...Когда ум совершенно бывает в сем мире, тогда совершенно лишается он... слез. И это есть признак, что человек погребен в страстях (прп. Исаак Сирин, 58, 100).

***

...Слезы, проливаемые по благоразумию: они и украшают, и утучняют тело, и исходят непринужденно, сами собою... (прп. Исаак Сирин, 58, 101).

***

...Если приобретем сию благодать слез, лучшую и превосходнейшую прочих дарований, то, при помощи ее, достигнем чистоты (прп. Исаак Сирин, 58, 105).

***

...Никто не знает помощи, бывающей от плача, кроме тех одних, которые предали души свои делу сему (прп. Исаак Сирин, 58, 106).

***

Проливать слезы и плакать — это дарование бесстрастных (прп. Исаак Сирин, 58, 106).

***

Слезы во время молитвы — признак Божией милости, которой сподобилась душа в покаянии своем, — признак того, что молитва принята и слезами начала входить на поле чистоты. Ибо, если не будут отъяты в людях помыслы о преходящем, и не отринут они от себя мирской надежды, и не возбудится в них пренебрежение к миру, и не начнут они уготовлять доброго напутствия к исшествию своему, не начнут в душе восставать помыслы о том, что будет там, то глаза не могут проливать слез, потому что слезы суть следствие беспримесного и невысокопарного размышления, многих, частых и неуклонно пребывающих помыслов, памятования о чем-то тонком, совершающемся в уме, и памятованием сим приводящем сердце в печаль. От сего-то слезы умножаются и наиболее усиливаются (прп. Исаак Сирин, 58, 138).

***

Когда достигнешь области слез, тогда знай, что ум твой вышел из темницы мира сего... (прп. Исаак Сирин, 58, 339).

***

...Крещение очищает нас от прежде бывших зол, а слезы очищают грехи, сделанные и после крещения... Если бы человеколюбие Божие не даровало нам оных, то поистине редки были бы и едва обретались бы спасающиеся (прп. Иоанн Лествичник, 57, 76—77).

***

Когда душа и без нашего страдания и попечения бывает склонна к слезам, мягка и проникнута умилением, тогда

поспешим, ибо Господь пришел к нам и без нашего зова и дал нам губу боголюбезной печали и прохладную воду благочестивых слез на изглаждение рукописания согрешений. Храни сей плач как зеницу ока, пока он малопомалу от тебя не отойдет, ибо велика сила оного, и далеко превосходит силу того плача, который приходит от нашего тщания и умышления (прп. Иоанн Лествичник, 57, 79).

***

...Ибо в них <чистых и нелестных слезах> нет ни окрадения, ни возношения, но очищение, преуспеяние в любви к Богу, омовение от грехов и освобождение от страстей (прп. Иоанн Лествичник, 57, 80).

***

Как огонь пожигает хворост, так и чистые слезы истребляют всякие внешние и внутренние скверны (прп. Иоанн Лествичник, 57, 80).

***

Не верь слезам твоим прежде совершенного очищения от страстей, ибо то вино еще не надежно, которое прямо из точила заключают в сосуд (прп. Иоанн Лествичник, 57, 81).

***

...Тот — поистине предохранен от падения, который, вследствие памятования смерти и грехов своих, всегда орошает ланиты свои живыми водами чувственных очей (прп. Иоанн Лествичник, 57, 81—82).

***

Кто слезами своими внутренне гордится и осуждает в уме своем неплачущих, тот подобен тому, кто испросил у царя оружие на врага своего, и убивает им самого себя (прп. Иоанн Лествичник, 57, 82).

***

Бог не требует... и не желает, чтобы человек плакал от болезни сердца, но чтобы от любви к Нему радовался душевным смехом (прп. Иоанн Лествичник, 57, 82).

***

Отними грех, и излишни будут болезненные слезы чувственным очам; ибо когда нет раны, то не нужен и пластырь (прп. Иоанн Лествичник, 57, 82).

***

Часто случается, что и слезы надмевают легкомысленных; потому и не даются некоторым. Таковые, стараясь снискать и не находя их, окаявают себя, осуждают и мучают себя воздыханиями и сетованием, печалию души, глубоким сокрушением и недоумением. Все сие безопасно заменяют для них слезы, хотя они ко благу своему вменяют это ни во что (прп. Иоанн Лествичник, 57, 82).

***

Слезы от страха сами в себе имеют трепет и хранение; слезы же от любви прежде совершенной любви в некоторых людях бывают окрадываемы; разве только великий оный и приснопамятный огонь возжжет сердце во время действия. И поистине удивительно, как смиреннейшее в

свое время бывает тверже (прп. Иоанн Лествичник, 57, 86–87).

***

Как вода, мало-помалу выливаемая на огонь, совершенно угашает его, так и слеза истинного плача угашает всякий пламень раздражительности и гнева (прп. Иоанн Лествичник, 57, 87).

***

Есть вещи, которые иссушают источники наших слез; и есть другие, которые рождают в них тину и гады. Через первые Лот беззаконно совокупился с дочерьми; а через вторые диавол пал с неба (прп. Иоанн Лествичник, 57, 87).

***

...Добры слезы, потому что омывают сердце от грехов и чистым его представляют Богу... (прп. Феодор Студит, 92, 536).

***

Стяжем очистительные слезы, кои рождают сокрушенное сердце и смиренное мудрование (прп. Феодор Студит, 92, 649).

***

...Плач, источающий непрестанные слезы, о которых желал бы я многое сказать, но не нахожу достаточно слов, какими мог бы достодолжно беседовать о них. Чудо неизъяснимое! Текут слезы вещественные из очей вещественных и омывают душу невещественную от скверн греховных; падают на землю, но низвергают демонов и освобождают душу от невидимых уз греха. О, слезы! Вы,

источаясь от действия божественного просвещения, отверзаете самое небо и низводите Божественное утешение. От сего утешения и от сладости духовной, какие испытываю, опять говорю и многократно буду повторять то же, что где слезы с истинным ведением, там и осияние Божественного света, а где осияние сего света, там и дарование всех благ, там внутри сердца отпечатлена и печать Святаго Духа, от Которого произраждаются и все плоды жизни. От слез плодоприносится Христу кротость, мир, милостивость, сердоболие, доброта, благостыня, вера, воздержание. От слез происходит то, что иной любит врагов своих и умоляет о них Бога, радуется в искушениях и хвалится скорбями, смотрит на грехи других, как на свои собственные, и плачет о них, и с готовностью предает жизнь свою на смерть за братий своих (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 36—37).

***

Как невозможно без воды вымыть загрязненное платье, так невозможно и душу омыть и очистить от скверн греховных без слез (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 263).

***

...Человек долг имеет ни единого дня в продолжение всей своей жизни не пропускать без слез, насколько это зависит от него самого; и если не имеет их, долг имеет, пока жив, искать их от всей души; ибо никаким другим способом невозможно очиститься от грехов и стать чистым сердцем (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 273—274).

***

...Слезы... от сердца источаемые, суть благоприятная жертва, Богу приносимая, в очищение скверны и срамоты

оной страстной сласти (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 276).

***

Слезы, проливаемые от покаянного сокрушения... как река, потопляют и разрушают все твердыни греха (прп. Никита Стифат, 93, 109).

***

Не вкусившие сладости слез умиления и не ведающие, какова благодать их и каково действо, думают, что они ничем не разнятся от тех, кои проливаются по умершим, придумывая при сем многие виды предположений пустых и недоуменных умозаключений. Но они естественно прирождены; и когда гордость ума склонится к смирению, и душа смежит очи свои от прелести видимых благ и устремит их к одному видению первого невещественного света, отрясет всякое к миру чувство, и свыше утешения Духа сподобится, — тогда слезы, как воды источника, исторгаются из нее, услаждают чувства ее и исполняют мысли ее всякого радования и света Божественного; и не это только, но и сокрушают сердце, и ум в видении лучшего соделывают смиренномудрым. Всему этому невозможно быть в тех, которые плачут и рыдают по иным причинам (прп. Никита Стифат, 93, 133—134).

***

Невозможно открыть источник слез без глубочайшего смиренномудрия, ни опять смиренномудрым быть без умиления, производимого наитием Духа, ибо умиление от смиренномудрия, и смиренномудрие от умиления Святым порождаются Духом. Они, как звенья цепи, держась друг за

друга и единою благодатию связуясь, составляют неразрывный союз духовный (прп. Никита Стифат, 93, 134).

***

Лицо тела и души должно умывать слезами. Они тогда появятся на глазах молящегося и постящегося, когда сердце его преисполнится милости к ближним, сострадания ко всему человечеству без исключения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 160).

***

Слезы, как свойство падшего естества, заражены недугом падения подобно всем прочим свойствам. Иной бывает особенно склонен к слезам по природе и при всяком удобном случае проливает слезы: такие слезы называются естественными. Есть и греховные слезы. Греховными слезами называются слезы, проливаемые по греховным побуждениям...

И естественные, и греховные слезы, немедленно по появлении их, повелевается нам святыми отцами прелагать на богоугодные, т. е. изменять побуждения слез: приводить себе на память согрешения наши... суд Божий, — и плакать по этим причинам (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 194).

***

Причина слез — зрение и сознание своей греховности... Причина слез — нищета, будучи сама собою блаженство, она рождает другое блаженство — плач, питает, поддерживает и усиливает его (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 194—195).

***

Труд, предваряющий слезы, заключается в благоразумном воздержании от пищи и пития, в благоразумном бдении, в нестяжании, в отвлечении внимания от всего окружающего нас, в сосредоточении его к самим себе (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 196).

***

Слезы, проливаемые о грехах, сначала бывают горьки, изливаются при болезни и томлении духа, которые дух сообщает и телу. Мало-помалу начинает соединяться со слезами утешение, состоящее в особенном спокойствии в ощущении кротости и смирения... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 198—199).

***

Когда же дар слезный усилится в нас Божиею милостию, тогда укрощается внутренняя борьба, утихают помыслы, начинает действовать в особенном развитии умная молитва духа, насыщая и увеселяя внутреннего человека (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 199).

***

Горькими слезами должно оплакивать утраченную непорочность; горькими слезами должно омыть с души нечистоту... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 399).

***

Купель слезная дана для очищения грехов, соделанных после омовения в купели крещения (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 416).

***

<Слезы> — это маргариты духовные... но от показывания они тускнеют... и теряют свой блеск и цену свою (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 159).

***

Слезы во время молитвы и в церкви, и дома благотворны... но показывать их не надо (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 159).

***

...Лучше дома слезить, а в церкви прятать слезы, оставляя в сердце слезливое настроение... или дух сокрушен и сердце сокрушенное и смиренное. Сие всегда иметь старайтесь (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 159).

***

<Слезы> скрывать надо. Ибо тщеславие около них увивается, как пес около сытого корма (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 219).

***

Если после слез ваших бывает движение самодовольства, хоть маленькое, то слезы ваши не на добро (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 233).

****

Братия спросили одного старца: «Как нам спасаться?» «Мы должны постоянно плакать, — отвечал старец. — Так, одному авве случилось некогда потерять сознание, и, по прошествии многого времени, опять прийти в себя».

Братия спросили его: «Что ты видел там, авва?» Он сказал нам со слезами: «Я слышал там плач говорящих непрестанно: «Горе мне! горе мне!» Так и мы должны взывать непрестанно» (98, 42).

***

Авва Арсений, сидя за рукоделием, всегда вешал платок на грудь, из-за слез, падавших из его очей.

Авва Пимен, когда услышал, что авва Арсений почил, прослезившись, сказал: «Блажен ты, авва Арсений, что оплакал себя в здешнем мире! Ибо кто здесь не плачет о себе, тот будет вечно плакать там». Итак, необходимо плакать либо здесь — добровольно, либо там — от мучений (97, 26).

***

Авва Диоскор, безмолвствуя в келье, оплакивал себя. Когда ученик приходил к старцу и заставал его плачущим, то спрашивал: «Отец! О чем ты плачешь?» Старец отвечал: «Плачу о грехах моих». Ученик возражал: «Ты не имеешь грехов». Старец отвечал: «Будь уверен, сын мой, если б я видел все мои грехи, то мой собственный плач оказался бы недостаточным, я нуждался бы во многих помощниках, чтобы оплакать их, как должно» (106, 106).

***

Отцы Нитрийской горы послали великому отцу Макарию в Скит следующее приглашение: «Вместо того чтобы подниматься к тебе всем братиям, умоляем тебя прийти к нам, чтобы мы увидели тебя прежде, нежели ты отойдешь ко Господу». Когда Макарий пришел в гору, собралось к нему все многочисленное братство. Старцы попросили его, чтобы он сказал назидательное слово братии. Он, прослезившись, произнес: «Братия! Очи ваши да испустят слезы

прежде отшествия вашего туда, где слезы ваши будут жечь ваши тела». Все заплакали и, пав ниц, только и смогли сказать: «Отец, молись за нас» (106, 310).

***

Однажды авва Пимен вместе с аввой Анувом проходил в окрестностях города Диолка. Увидев там женщину, горько плачущую над могилой, они остановились послушать ее. Потом немного отойдя, встретили прохожего, и спросил его авва Пимен: «Что случилось с этой женщиной, отчего она так горько плачет?» Прохожий отвечал: «У нее умерли муж, сын и брат». Тогда авва Пимен, обратясь к авве Ануву, сказал: «Говорю тебе, если человек не умертвит всех плотских пожеланий своих и не стяжает такого плача, то он не может быть монахом. Все житие монаха — плач» (106, 331).

***

Некий брат-подвижник совершал молитвенное правило вместе с другим братом и, побеждаемый слезами, оставлял пение псалмов, и предавался плачу. Однажды второй брат спросил первого: «По причине какого помышления, приходящего тебе на правиле, ты плачешь так горько?» Первый отвечал: «Прости меня, брат! Когда встану на правило, всегда стою как бы перед моим Судией, а себя вижу обвиненным и истязуемым Судией, который говорит: «Зачем ты согрешил?» Заграждаются уста мои, я не нахожу слов для ответа, оставляю стихословие и предаюсь плачу. Прости меня! Я смущаю тебя, и, если хочешь, будем совершать правило порознь». Второй брат отвечал: «Нет, отец! Если я и не плачу, но, смотря на тебя, окаяваю себя».

Бог, видя смирение второго брата, даровал и ему слезы и плач (106, 437—438).

***

Авва Феодор Енатский рассказывал: «Жил некий брат, имевший дар умиления и слез. Однажды, молясь, он пришел в особое умиление и от сердечного сокрушения пролил множество слез. Увидев это, брат сказал сам себе: «Поистине это знак — видно, близок день моей смерти». Когда он помышлял это, слезы умножались. Он опять говорил себе: «Точно! Приблизилось время моего переселения», и плач его усиливался с каждым днем (106, 366).

***

Братия спросили у аввы Феодора Енатского: «Отчего слезы не всегда приходят сами собою, но иногда добываются с большим трудом?» Старец отвечал: «Слезы подобны ненастью и дождю, а монах подобен делателю. Когда он увидит дождь, то должен позаботиться, чтобы ни малейшая часть его не погибла, но чтобы он весь взошел в сад и напоил его. Истину говорю вам, дети мои, нередко выпадает во все лето один дождливый день, и действует благотворнее всех прочих дней, и спасает все: и потому, когда заметим пришествие его, воспрянем, сохраним особенное трезвение, упразднимся в прилежных молитвах к Богу, потому что не знаем, придет ли еще когда слезный дождь». «Как возможет человек сохранить слезы, когда они придут?» — спросили его братия. Старец же ответил: «Прежде всего, он должен в тот день и в то время не выходить к иному брату, должен избегать излишнего употребления пищи, а сердцем отнюдь не помыслить, что он плачет, — должен прилежать молитве и чтению: впрочем, когда плач придет к нам, тогда он сам укажет на то, что возбуждает, и на то, что препятствует пришествию его» (106, 366—367).

***

При царе Маврикии во Фракии наводил на всех страх свирепый и жестокий разбойник. Не находя возможности взять его силой, царь решил для его усмирения употребить противоположное средство — милость, и послал ему свой крест со словами: «Не бойся». Этот необыкновенный поступок тронул сердце разбойника. Он сам явился к царю, пал к его ногам, раскаялся и обещал исправиться. Царь простил разбойника, и он остался жить в городе.

Вскоре бывший разбойник тяжко заболел и однажды, во время болезни, увидел во сне Страшный Суд. Пробудившись, он почувствовал приближение смерти и, ужаснувшись своих грехов, стал с горькими слезами просить прощения... С плачем исповедовав грехи свои, он скончался.

В час его смерти врач, живший в том же доме, увидел во сне следующее: многожество бесов явились к одру разбойника, держа в руках рукописание его грехов, и за ними два Ангела с весами. На одну сторону весов бесы положили хартии грехов умершего. «Что мы положим на свою сторону? — сказали Ангелы. — Нет у нас ничего, ибо только десять дней прошло, как он отошел от злых дел! Разве вот только плат, смоченный слезами, которые он проливал перед смертью?» — и положили плат. И, о бездна милосердия Божия! Плат перетянул все грехи разбойника, и хартии бесов исчезли. Ангелы взяли душу умершего, а бесы бежали посрамленными. Вот что значит плакать и сокрушаться о своих грехах (112, 116—118).

***

Однажды преподобный Нифонт увидел двух Ангелов, несущих душу человека на небо, не допуская бесам истя-

зать ее на воздушных мытарствах. Бесы, воздушные мытари, начали утверждать: «Зачем вы эту душу не отдаете нам? Ведь она наша». Ангелы сказали: «А чем вы докажете, что она ваша?» «Да она, — отвечали бесы, — до смерти только одно зло делала, и нет греха, которого бы она не сотворила; она была порабощена страстями и без покаяния разлучилась с телом. А кто умер рабом греху, тот наш». Один из Ангелов отвечал им: «Так как вы всегда лжете, то вам не верим; пусть будет призван Ангел-хранитель этой души, ему и поверим, ибо он лжи не скажет».

Ангел-хранитель явился, и его спросили: «Что, душа эта покаялась или в грехах оставила тело?» «Подлинно, человек сей грешник был, — отвечал Ангел-хранитель, — но когда стал болеть, тогда со слезами исповедовал Богу грехи свои и с воздетыми на небо руками усердно просил Бога о помиловании». Тогда Ангелы удержали у себя душу, а бесы были посрамлены. Но они не успокоились и снова возопили: «Уж если этот человек мог быть помилован, то, значит, спасется и весь мир, и всуе мы трудимся?» «Да, — отвечали Ангелы, — все грешники, исповедующие грехи свои смиренно и со слезами, от Бога получат прощение, а кто умирает без покаяния, тем Бог Судья». И с этими словами они подошли ко вратам небесным, и спасена была душа та (112, 323—324).

***

Авва Моисей сказал: «Слезами человек достигает добродетелей; слезами получается оставление грехов. Потому, когда ты плачешь, не возвышай голоса воздыхания, и да не ведает шуйца твоя, что творит десница. Шуйца означает тщеславие» (98, 36).

***

Брат спросил авву Пимена: «Что мне делать с грехами своими?» Старец отвечал: «Кто хочет очиститься от грехов, очищает их слезами, и желающий стяжать добродетели приобретает их слезами, так как плач есть путь, указанный нам Писанием и отцами нашими, которые говорили: плачьте, кроме этого, иного нет пути» (97, 194).

***

Брат спросил авву Пимена: «Что мне делать? Меня тревожат сильные возмущения». «Во всякой скорби, — отвечал старец, — будем плакать перед Богом, пока он не сотворит с нами милость Свою» (97, 194).

***

Мать Синклитикия говорила: «Много подвигов и трудов сначала предстоит приходящим к Богу, но за ними — неизреченная радость. Ибо как желающие воспламенить огонь сперва задыхаются от дыма и испускают слезы, а потом уже достигают, чего ищут; так и мы должны воспламенять в себе Божественный огонь со слезами и трудами. Ибо Писание говорит: *Бог наш огнь поядай есть* (Евр. 12, 29)» (98, 39).

***

Некий брат, приняв монашество, поселился в Нитрийской горе. По соседству с его кельей была келья другого брата, и слышал этот брат, что сосед его ежедневно оплакивал грехи свои. Когда долго не приходили ему слезы, он обличал душу свою, говоря ей: «Что не плачешь ты, ока-

янная, и не рыдаешь? Если ты не хочешь плакать, то я заставлю тебя плакать». С этими словами он брал лозу и бил себя ею по обнаженному телу, доколе не появлялись слезы.

Живший близ его брат удивлялся этому и молил Бога открыть ему, хорошо ли поступает так мучающий себя. В одну ночь он увидел во сне брата, увенчанного венцом и стоящего в лике мучеников, причем некоторый муж приблизился к видевшему сон и сказал: «Насладись зрением доблестного мученика. И ты пострадай ради Христа, и сподобишься одного венца с мучениками» (106, 437)

***

Два брата отреклись от мира и, уйдя в Нитрийскую гору, пребывали в послушании. Бог дал им дарование слез. Однажды один святой старец увидел в видении обоих братьев: они стояли на молитве, держали в руках написанные бумаги и поливали их слезами. У одного из них написанное удобно измывалось, — у другого с трудом, и виделось написанным как бы бледными чернилами. Старец помолился Богу, чтобы видение было объяснено ему. Ангел Господень предстал старцу и сказал: «Написанное на бумагах, которое ты видел, это — грехи их. Один согрешил по естеству, и потому написанное измывается удобно; другой же впал в грехи нечестия и осквернился через естество, почему и нуждается в большем труде для покаяния». С того времени старец постоянно говаривал этому брату: «Потрудись, брат! Бледное измывается с трудом». Впрочем, старец не открывал ему видения до смерти его, чтобы не охладить усердия его, а только говорил: «Потрудись, брат! Бледное измывается с трудом» (106, 438).

***

Некий старец пребывал с учеником в горе Антония Великого. Однажды, по своим делам, он пошел в Египет, взяв с собою и ученика. Придя в город и пробыв там неделю, они увидели, что жители того города, мужчины и женщины, рано утром выходят на кладбище к гробам и оплакивают мертвецов своих даже до третьего часа (т. е. до девяти утра). Смотря на это, старец сказал ученику своему: «Брат! видишь ли, как рано они начинают плач свой? Поверь мне: если и мы не будем поступать так, то наследуем вечную погибель».

Возвратившись в келью, они устроили себе пещеры на значительном расстоянии один от другого, ежедневно выходили к гробам, и, сидя возле них, каждый оплакивал душу свою, как оплакивают мертвеца. Если когда после утрени ученик засыпал, то старец будил его, говоря: «Брат, встань: уже с час времени, как те, которых мы видели, плачут на гробах».

Брат постоянно жаловался старцу: «Отец, у меня жестокая душа: не могу плакать». Старец отвечал ему: «Понуждай себя, чадо, потерпи некоторое время в труде над собою; Бог, видя труд твой, пошлет благодать Свою и поможет тебе, тогда уже будешь плакать без труда. Говорю тебе, сын мой, когда сердце будет уязвлено стрелою, то уже нет для него исцеления. Точно так, когда Бог уязвит сердце слезами и плачем, то болезненное чувство уже не отступает от сердца: сердце пребывает болезнующим до наступления смерти. Имеющий сердце, уязвленное плачем, куда бы он ни пошел, всюду носит с собою плач и болезнь. Делает ли он какое дело, ест, или пьет, или спит, и при всем этом душа его непрестанно занята плачем» (106, 438—439).

***

В одном из египетских общежитий был юноша-грек, который не мог погасить пламени плотского вожделения никаким воздержанием, никаким усиленным подвигом. Когда было рассказано об этом искушении отцу монастыря, то он поступил следующим образом: старец приказал одному из братий, мужу важному и суровому, чтобы тот затеял с юношею ссору, осыпал его ругательствами и, по нанесении оскорблений, пришел жаловаться на него. Все это было исполнено; были призваны свидетели, которые дали свидетельство в пользу мужа.

Юноша, видя, что он невинно поруган, начал плакать. Ежедневно он воздыхал, ежедневно проливал слезы; будучи преисполнен огорчения, он пребывал один; лишенный всякой помощи, он лежал у ног Иисуса. В таком положении юноша провел целый год. По прошествии года старец спросил юношу о помышлениях, которые прежде беспокоили его, не стужают ли они его сейчас? Юноша отвечал: «Отец! Мне жития нет! До блуда ли мне?» Таким образом юноша плачем и слезами преодолел страсть любодеяния и спасся (106, 475).

***

Некий брат спросил старца: «Душа моя желает слез, когда вижу старцев, проливающих слезы, но слезы не приходят, и смущается душа моя: отчего это?» Старец ответил: «Сыны Израилевы после путешествия, продолжавшегося сорок лет, вошли в обетованную землю. Слезы — земля обетованная. Если войдем в нее, не будем страшиться браней. Но Богу благоугодно удручать душу скорбями, чтобы она непрестанно желала войти в эту землю» (106, 373).

***

Один брат усильно просил авву Сисоя сказать ему назидательное слово, и авва сказал: «Пребывай трезвенно, бодрствуя над собою в келье твоей, и мысленно предстань Богу, ощутив Его присутствие, со многими слезами, в сокрушении духа, и найдешь покой» (106, 351).

***

Глинский схимонах Евфимий перед своей кончиной просил напутствовать его Святыми Таинствами. Просьба была исполнена: над ним совершили Таинство Елеосвящения и Святого Причащения. По принятии Тела и Крови Христовых он сидел на постеле, мирно ожидая своего переселения в иной мир. При светлой улыбке из его глаз лились слезы. Один из братии по простоте своей спросил старца: «Батюшка, что вы плачете, разве и вы боитесь умирать?» Старец, не переставая улыбаться, посмотрел на него и сказал: «Чего мне бояться? Идти к Отцу Небесному и бояться! Нет, брат, я, по благости Божией, не боюсь, а слезы, что ты видишь, — это слезы радости. Столько лет душа моя стремилась ко Господу, а теперь я скоро предстану Тому, к Кому всю мою жизнь стремилась моя душа, вот слезы и текут». Мирно пребывая в сердце с любимым Господом Иисусом, он скоро испустил последний тихий вздох, с которым его блаженная душа оставила земное многотрудное тело и потекла к любимому Господу со страхом и радостью (107, 186—187).

СЛУЖЕНИЕ БОГУ

...Не от всякого дар благоприятен Богу, но только от того, кто приносит <его> от чистого сердца (свт. Василий Великий, 5, 198).

***

Очистите сердца, чтобы плодоносить Духу и, став преподобными, прийти в состояние разумно петь Господу (свт. Василий Великий, 5, 219).

***

...Намеревающийся истинно последовать Богу должен отрешиться от уз житейского пристрастия; а сие достигается совершенным удалением от прежних нравов и забвением оных (свт. Василий Великий, 9, 90—91).

***

Из совершаемого нами о Господе, иное совершается по душевному намерению и решению, а иное производится с помощью тела, или тщанием, или терпением. Посему, что зависит от душевного намерения и решения, тому сатана никоим образом воспрепятствовать не может; а в том, что приводится в исполнение с помощью телесной деятельности, Бог нередко попускает препятствия для испытания и обличения того, кто встречает препятствие... (свт. Василий Великий, 9, 296).

***

Ты никогда не будешь щедрее Бога, хотя бы и пожертвовал всем, что имеешь, хотя бы отдал вместе с имуществом и самого себя, ибо и то самое, чтобы отдать себя Богу, человек получает от Него же. Сколько ты ни уплатишь Ему, все еще больше того будет оставаться на тебе, и ничего не дашь ты своего, поелику все от Бога. И как нельзя опередить своей тени, которая постольку подвигается вперед, поскольку мы идем вперед, и всегда в равном расстоянии нам предшествует; как нельзя телу вырасти выше головы, всегда над ним возвышающейся, — так и

нам невозможно превзойти дарами своими Бога (свт. Григорий Богослов, 13, 25).

***

...Никто не возможет служить Богу, разве только тот, кто всех совершеннейшим соделался в мире (свт. Григорий Нисский, 18, 375).

***

Если хочешь в теле служить Богу, подобно бестелесным, старайся непрестанно иметь сокровенную в сердце твоем молитву... (авва Евагрий, 89, 633).

***

Любовь Христова так одушевила его <апостола Павла>, что если бы ему предстояло терпеть для Христа и вечные наказания, он никогда не отказался бы и от этого, потому что он служил Христу не так, как (служим) мы, наемники, страшась геенны и желая Царствия (свт. Иоанн Златоуст, 44, 144).

***

Если мы будем заботиться о божественном, то Сам (Бог) позаботится о нашем, и мы переплывем море настоящей жизни с совершенною безопасностью и, путеводимые великим Кормчим — Богом всяческих, войдем в пристань Его человеколюбия (свт. Иоанн Златоуст, 47, 117).

***

Кто служит Ему <Господу> только тогда, когда находится в безопасности, тот показывает этим еще не большой знак любви и не чисто любит Христа (свт. Иоанн Златоуст, 51, 230).

***

Люди велят тебе угождать им с ущербом для тебя самого; а Христос, напротив, за каждое твое даяние воздает тебе сторицею и к тому прилагает еще жизнь вечную (свт. Иоанн Златоуст, 51, 283).

***

Только сердце, свободное от всего плотского, истинно может служить Богу и духом соединяться со Христом (свт. Иоанн Златоуст, 51, 934).

***

Чем усерднее мы будем служить Богу, тем больше получим себе пользы, тем больше будет выгоды для нас самих. Не будем же лишать самих себя столь великого приобретения. Бог самодоволен и ни в чем не нуждается; воздаяние же и польза возвращается опять к нам (свт. Иоанн Златоуст, 54, 741—742).

***

Мы весьма блаженны были бы, если бы для Бога делали столько же, сколько делаем для людей из тщеславия, страха или уважения (свт. Иоанн Златоуст, 54, 890).

***

...Решившись служить Богу, пребывай в страхе Божием и приготовь душу свою не к покою, бездействию и наслаждению, а к искушениям и огорчениям (см.: Сир. 2, 1); ибо *многими скорбьми подобает внити в Царствие Божие* (Деян. 14, 22); потому что узки врата и тесен путь, вводящие в жизнь, и немногие находят их (см.: Мф. 7, 14) (прп. авва Пафнутий, 56, 45).

***

Кто покорит себя Богу, тот близок к тому, чтобы покорилось ему все (прп. Исаак Сирин, 58, 366).

***

Чтобы был кто рабом Ему <Богу>, не хочет Он, чтобы был по принуждению и насилию, а произвольно: подобно тому как иной бедный и ничего не имущий, когда удостоится сделаться царским служителем, радуется и веселится, что именуется и есть раб царя, — так и Бог хочет, чтобы человек был рабом Его по своей воле, и радовался и в великую славу, и честь вменял именоваться и быть рабом Божиим (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 60).

***

Бог бестелесен и невидим, почему и служить Ему надлежит не телесно только, и не видимо только. Служить Богу только телесно и видимо есть дело несообразное, как говорит и пророк Давид: *аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо, всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 18—19). Сокрушение же сердца бывает в уме и помышлении, а ум наш и помышления наши невидимы. Итак, будучи обязаны воздавать Богу невидимому — невидимое служение, мы должны служить Ему умом и помышлением. Это и есть подобающее и сообразное служение, — Невидимому приносить — невидимое и Мысленному — мысленное. Но потом уже и вместе уже с этим надлежит приносить и видимое, с душою и телесное, да угождение Богу от нас будет всем существом. Бог *ни от рук человеческих угождения приемлет* (Деян. 17, 25). Если и приемлет Он телесные и чувственные приношения,

то знать надлежит, когда и как приемлет, именно когда они приносятся от чистого сердца (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 78).

***

...Чего же ради, братие, мы не прибегаем к сему благоутробному Богу, так много нас возлюбившему? Чего ради не отдаем жизни своей на смерть за любовь Христа и Бога нашего, за нас умершего? Разве не видим, как многие люди, по пристрастию к благам тленным, переносят большие труды, подвергаются великим опасностям, уезжают в далекие места, оставляя жен и детей и всякие житейские утешения, и ничего не ставят выше и краше того, что вожделели, и покоя себе не дают, пока не достигнут цели своей? Но если эти, ради временных и тленных благ, поднимают такой подвиг и для получения их подвергают опасности и душу свою, и жизнь свою, то не всячески ли подобает нам предать на смерть и души свои, и телеса свои любви ради к Царю царствующих и Господу господствующих, Творцу, Вседержителю и Властителю всех тварей? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 175).

***

...Если мы не презрим совершенно самой жизни своей и тела своего с готовностью на самое мученичество... и всякую смерть, совсем изгнав из памяти все, что служит к поддержанию жизни тленного тела сего, то невозможно нам быть друзьями и братьями Христа, ни сопричастниками и сонаследниками Его, и не придем мы никогда в созерцание и опытное познание сказанных таинств Божиих (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 60).

***

Желающий приступить к Богу для служения Ему должен предаться руководству страха Божия (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 190).

***

Служение Богу заключается в непрестанном памятовании Бога и Его велений, в исполнении этих велений всем поведением своим видимым и невидимым (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 282).

***

Служение и поклонение Богу Духом и Истиною есть та *благая часть,* есть то блаженное состояние, которое, начавшись во время земной жизни, не прекращается, как прекращаются телесные подвиги, с окончанием земной жизни. *Благая часть* пребывает неотъемлемою принадлежностию души в вечности, в вечности получает полное развитие (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 356).

****

Авва Исаия сказал: «Блаженны те, кто трудится в познании истины: они успокоили себя от всякой скорби и коварства демонов, и тем более от рабства тому, кто препятствует человеку во всяком добром деле, когда они предали себя на служение Богу» (98, 108).

***

Когда у аввы Иакова от слабости отказали ноги, ученики посоветовали ему омывать их водой. Сосуд с водой находился тут же. Один из учеников хотел прикрыть его,

чтобы приходившие к блаженному не видели сосуда. Блаженный, заметив это, сказал: «Для чего ты закрываешь сосуд?» Ученик отвечал; «Чтобы его не было видно тому, кто к тебе приходит». «Оставь, дитя, — ответил старец, — не скрывай от людей того, что явно перед Богом». Ибо, желая жить только для одного Бога, он не заботился о людском мнении. «Какая польза, — говорил он, — если люди будут видеть во мне большее благочестие, а Бог — меньшее? Ведь воздавать награды будут не они, а Бог щедродатель» (117, 168).

***

Рассказывал один старец, который удостоился епископства в городе Оксиринхе: «Однажды вздумалось мне выйти во внутреннюю пустыню, которая при оазисе, с мыслью: не найду ли в ней какого старца, служащего Богу. И, взяв несколько сухих хлебцев и дня на четыре воды, отправился в путь. Когда прошел я четыре дня и пища истощилась, не знал я, что мне делать. Ободрившись же, предал себя Богу и шел еще четыре дня без еды. Не перенеся тяжести пребывания без пищи и трудности пути, дошел я наконец до малодушия и лег на землю. Но некто, придя, перстом своим коснулся уст моих, как врач инструментом касается глаза, и тотчас укрепил меня, так что казалось мне, что я не ходил и не был голоден. Когда же увидел я такую силу во мне, то, встав, пошел по пустыне. Но прошли еще четыре дня, и я ослабел опять, и простер руки мои к небу. Тогда укрепивший меня прежде, перстом своим помазав уста мои, вновь укрепил меня, так что я смог идти дальше.

Шел я семнадцать дней и нашел шалаш, пальмовое дерево, и воду, и мужа, который стоял, и волосы головы его служили ему одеждою, и были они все седые. Был он

страшен на вид. Увидев меня, он встал на молитву, и, когда окончил ее, я сказал: «Аминь». Тогда понял он, что я человек, и, взяв меня за руку, спросил: «Как пришел ты сюда? И существует ли еще всё в мире, и есть ли сильные гонения?» Я же сказал: «Ради вас, истинно работающих Владыке Христу, пришел я в сию пустыню, а гонения прекратились, по благодати Божией; расскажи же мне, как пришел ты сюда?» Он же с рыданием и плачем сказал: «Я был епископом, и, когда было гонение, много мук претерпел я, и не смог вынести мучений, а напоследок принес жертву. Когда же пришел в себя и уразумел беззаконие мое, то пожелал умереть в сей пустыне, и живу здесь сорок девять лет, раскаиваясь и умоляя Бога, не отпустит ли Он греха моего. Пищу мне дает Бог от сей пальмы; а утешения прощения я не получал сорок восемь лет, но в сем году был утешен и им». Когда он сказал сие, тотчас встал, быстро вышел и стал на молитву на многие часы. Когда же окончил молитву, пришел ко мне. Я же, увидав лицо его, пришел в ужас и трепет, ибо оно сделалось как огонь, и говорит он мне: «Не бойся, Господь послал тебя, чтобы ты похоронил мое тело». И только произнес сие, то тотчас почил. Я же разорвал одеяние свое, половину оставив себе, а другою половиною обернул его святое тело и скрыл его в землю. И как скоро похоронил его, тотчас пальма иссохла и хижина упала. Я же много плакал, прося Бога, не даст ли Он мне пальму и я закончу в сем месте жизнь свою. Когда же этого не случилось, сказал я сам себе: нет воли Божией на то, чтобы жить мне на этом месте. И, сотворив молитву, опять вернулся в мир, чтобы рассказать братиям о почившем, и просил их я не отчаиваться и с терпением искать Бога (98, 398—399).

***

Рассказывал некто из отцев: «В некотором месте скончался епископ, и пришли жители к митрополиту, прося, чтобы рукоположил им нового епископа вместо скончавшегося. И говорил им митрополит: «Дайте мне такого, о котором знаете, что он способен пасти стадо Христово, и я рукоположу его в епископа». Они же сказали: «Мы не знаем никого, если ангел твой не укажет нам его». «Все ли вы здесь?» — спросил митрополит. И ответили: «Нет». Он же сказал им: «Ступайте, и соберитесь все, и тогда приходите ко мне, чтобы по согласию всех вас был избран епископ». Они пошли, собрались все и пришли, прося рукоположить им епископа. И говорит им: «Скажите мне, кого вы хотите?» Они же сказали: «Мы никого не знаем, если ангел твой не укажет нам». И сказал им: «Все ли вы здесь?» Они же сказали: «Все мы здесь». И опять спросил: «Никто из вас не остался вне?» И сказали: «Никто из нас не остался, кроме того, кто держит осла у первенствующего из нас». Говорит им архиепископ: «Согласны ли будете принять того, кого укажу я?» И сказали все: «Будем согласны и просим тебя, чтобы, на кого укажет тебе Бог, того и дал ты нам». И велел митрополит ввести того, который держал осла у первого из них, и говорит им: «Согласны ли вы будете, если рукоположу вам сего?» Они же сказали: «Да». Архиепископ рукоположил его.

Случилось же бездождие великое, и молил Бога сделавшийся епископом, чтобы послал Бог дождь. И услышал он голос: «Пойди с утра к таким-то воротам и кого увидишь входящего первым, останови его, и он помолится, и будет дождь». Так он и сделал и, выйдя с клиром своим, сел; и вот входит некоторый старец-эфиоплянин, неся вязанку дров, чтобы продать в городе. Встав, епископ остановил

его и стал просить: «Помолись, брат, чтобы пошел дождь». Старец же не хотел, но, уступив просьбам, помолился, и вот пошел дождь, как потоки с неба, и если бы не помолился опять, то и не перестал бы. И просил старца епископ, говоря: «Окажи любовь, брат, расскажи нам о жизни твоей, чтобы и мы были ревностны».

И сказал старец: «Прости меня, авва. Вот, как видишь меня, выхожу я, и рублю для себя эту небольшую вязанку дров, и вхожу в селение, и продаю ее, и более двух хлебцев не оставляю себе, остальное же отдаю бедным и сплю при церкви, и опять выхожу за город, и делаю так же. Если же бывает зима, день или два остаюсь голодным, пока не настанет опять хорошая погода, чтобы можно было мне выйти и рубить дрова». И, получив великую пользу от делания старца, они возвратились, прославляя Бога (98, 400—401).

***

Жили два единодушных отшельника. Они совершали чрезмерный подвиг и вели жизнь богоугодную. Случилось одному из них стать начальником киновии, другой же остался отшельником и, будучи совершенным подвижником, творил великие чудеса, исцелял бесноватых, изрекал предсказания и врачевал недугующих. Тот же, который стал киновиархом, услышав, каких дарований удостоился его единомышленник, уединился от людей на три седмицы, прилежно моля Бога открыть ему, как тот чудодействует и почему знаменит у многих, хотя он сам ничего подобного не получил. И явился ему Ангел Господень, говоря: «Тот живет перед Богом, стеная и плача перед Ним день и ночь, алча и жаждая ради Господа, а ты, заботясь о многих, имеешь общение со многими. Итак, достаточно с тебя утешения человеческого» (98, 401—402).

***

Рассказывал один старец, что жил некто во внутренней пустыне много лет и получил дар прозрения, мог беседовать и с Ангелами.

Два монаха услышали об этом подвижнике и, выйдя из келий, пошли к нему с верою. После многих дней пути подошли они к пещере старца и увидели недалеко от пещеры, некоего как бы человека, стоящего на одной из гор. И был голос к ним: «Братие, братие!» Они же спросили его: «Кто ты и чего хочешь?» Он же говорит им: «Скажите авве, с которым будете беседовать, чтобы он вспомнил о моей просьбе».

Они же, придя к старцу, приветствовали его и, припав к ногам его, просили, чтобы он наставил их на путь спасения. И, наученные им, много получили пользы. Тогда рассказали они старцу о человеке, которого видели, и о его просьбе. Авва же, услышав, вспомнил, кто это был, но сделал вид, что не знает его, говоря, что никто, кроме него самого, не живет здесь. Они стали упрашивать его рассказать, кто же был виденный ими. Тогда авва сказал им: «Дайте мне слово, что никому не станете говорить обо мне, как бы о некоем из святых, пока не отойду ко Господу, и расскажу вам о нем». Когда они согласились, старец сказал: «Тот, кого видели вы, есть Ангел Господень, который, придя ко мне, просил немощь мою, говоря: «Моли Господа, чтобы я был восстановлен на место мое, потому что исполнилось уже определенное Богом касательно меня время». Когда же я спросил его: «Что за причина запрещения твоего?» — он ответил: «Случилось, что в некотором селении многие люди грехами своими весьма прогневали Бога, и Он послал меня с милостью наказать их; я же, видя, что они весьма нечестивы, большую язву нанес им, так что многие погибли, и за сие удален от лица пославшего меня Владыки». Я же стал сомневаться:

«Как могу я молить Бога за Ангела?» А он говорит: «Если бы не знал я, что слышит Бог ближних рабов Своих, не пришел бы и не беспокоил тебя». Я же подумал о неизреченном милосердии Господа и о Его беспредельной любви к людям, вспомнил, что удостоил Он их говорить с Ним и видеть Его, и святые Ангелы Его служат им и беседуют с ними, как творил сие с блаженными рабами Своими Захариею, и Корнилием, и Илиею. И прославил я милосердие Его, будучи удивлен сим».

И после того, как он рассказал это, блаженнейший авва тотчас же почил. И погребли его братия с песнопениями и молитвами (98, 402—403).

***

Ходил некто из отцов по пустыне и, зайдя в пещеру, увидел сидящую женщину, и показалась она ему зверем. Начал он кричать и заклинать ее, говоря: «Если ты человек, выйди, чтобы я мог побеседовать с тобою». Она же ответила: «Иди, человек, зачем хочешь ты видеть меня, я женщина, и притом нагая ради Господа моего». Он дал ей одежду свою и сандалии, и, взяв их, она оделась и обулась и стала перед старцем.

«Ради Бога, открой мне, кто ты?» — вопросил старец. «Я была дочерью патриция, — сказала она, — и захотели родители мои выдать меня замуж и сделать жениха моего наследником имения нашего. Я же, видя, что все в мире суета, убежала ночью и пришла на скалу сию, и исполнилось мне семьдесят лет, и до сего дня я не видала человека, кроме тебя. Имею я сей сосуд с водой и моченые бобы, ибо умножает их Бог». И ел их старец, и пил ее воду, и укрепился весьма. Возблагодарив Бога, хотел он пойти в келью свою. Она же, раздевшись, сказала ему: «Возьми свое, честный старец». «Оставь у себя, святая мать», —

отвечал он. Она не соглашалась и сказала ему: «Пойди, принеси другую одежду и другие сандалии и скорее возвращайся». Он же пришел к себе, приготовил, что нужно, вернулся обратно и увидел, что ко входу в пещеру привален большой камень. Сотворив молитву, отвалил камень и, войдя внутрь пещеры, нашел ее почившей и, надев на нее одежду и сандалии, со слезами похоронил святое тело.

Старец был слеп на один глаз от самого своего рождения. Когда же он поклонился и облобызал ее честные останки, вдруг стал им видеть. Он прославил Бога, давшего ей такую благодать и терпение, и, сотворив молитву, опять привалил камень к пещере и пошел в свою келью, дивясь и благодаря Бога, открывшего ему такое сокровище (98, 405—406).

СЛУХ

...Уши — не для того, чтобы принимать клевету и худые слова, но для слышания слова Божия и всякого голоса, который доходит до нас от людей, птиц и других (существ), и прославления ради сего их Творца... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 141).

***

Храни уши свои, а иначе сам на себя навлечешь брань страстей (прп. авва Исаия, 59, 96).

***

Не старайся вслушиваться, что говорят другие, и не вкладывай головы своей в средину беседующих, чтобы и самому тебе не быть осмеянным, и их не сделать злоречивыми (свт. Василий Великий, 9, 48).

***

Любодействует ухо, если внимает не доброму... Если внимает шуточным песням и речам, также любодействует, потому что входящие в него шутки оскверняют его (прп. Ефрем Сирин, 33, 347).

***

Испроси себе Хранителя уху твоему, чтобы не слушало оно худого, не отверзалось и не допускало в себя, что может возмутить и уклонить сердце от Господа (прп. Ефрем Сирин, 33, 349).

***

Слух напрягай для одних добрых вещаний, а для речей срамных и бесстыдных заграждай его дверью (свт. Григорий Богослов, 13, 152).

***

...Слышать, что надобно, так же дорого, как и говорить нужное (свт. Григорий Богослов, 17, 201).

***

И ухо отворяет окна смерти, вместе с тем, что слышит, принимает в душу многие страсти: страх, печаль, раздражение, удовольствие, вожделение, неумеренный смех... (свт. Григорий Нисский, 18, 461).

***

...Бог дал нам слух не для того, чтобы нам воспринимать хульные речи, но чтобы слышать спасительные догматы (свт. Иоанн Златоуст, 53, 219).

***

В день будущего вселенского суда потребуется у тебя отчет не за праздное только слово, но также за праздное и напрасное слышание (прп. Нил Синайский, 73, 276).

***

Надлежит тебе блюсти и уши свои. И, во-первых, не слушай срамных и сладострастных речей, песней и музыки, от которых блажью наполняется душа и разнеживается, и сердце разгорается плотскою похотью...

Во-вторых, не слушай шумных и смехотворных речей, пустых и баснословных рассказов и выдумок, а если невольно услышишь, не услаждайся ими и не одобряй их. Непристойно христианам находить удовольствие в таких речах, а только тем развращенным людям...

В-третьих, не слушай с услаждением пересудов, наговоров и клевет, какие иные распространяют о ближних своих; но или пресекай их, если можешь, или удаляйся, чтобы не слышать их...

В-четвертых, не слушай пустых и суетных речей, в которых проводит время большая часть миролюбцев, и не услаждайся ими...

В-пятых, наконец, блюдись вообще от слушания всяких слов и речей, могущих действовать на тебя душевредно, в числе которых не последнее место занимают лести и похвалы льстецов... Но люби слушать Божественные словеса, священные песни и псалмы, и все, что честно, свято, премудро и душеполезно; особенно же люби слушать поношения и укоры, когда кто осыпает тебя ими (прп. Никодим Святогорец, 70, 99—100).

ИСТОЧНИКИ

1. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1902.

2. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1902.

3. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1903.

4. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1903.

5. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1900.

6. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1900.

7. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1900.

8. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1901.

9. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 5. ТСЛ, 1901.

10. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

11. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1902.

12. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 1. М., 1843.

13. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 2. М., 1844.

14. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 3. М., 1844.

15. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 4. М., 1844.

16. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 5. М., 1847.

17. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 6. М., 1848.

18. Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. М., 1861.

19. Творения святого Григория Нисского. Ч. 2. М., 1861.

20. Творения святого Григория Нисского. Ч. 3. М., 1862.

21. Творения святого Григория Нисского. Ч. 4. М., 1862.

22. Творения святого Григория Нисского. Ч. 5. М., 1863.

23. Творения святого Григория Нисского. Ч. 6. М., 1864.

24. Творения святого Григория Нисского. Ч. 7. М., 1865.

25. Творения святого Григория Нисского. Ч. 8. М., 1871.

26. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 1. М., 1994.

27. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 2. М., 1994.

28. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 3. М., 1994.

29. Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. 10-е изд. Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни: Свято-Троицкая Лавра, 1913.

30. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 1. М., 1881.

31. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 2. М., 1881.

32. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1912.

33. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1900.

34. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 5. М., 1887.

35. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

36. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1913.

37. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 8. ТСЛ, 1914.

38. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1905.

39. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1886.

40. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 3-е изд. Т. 3. СПб., 1905.

41. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетическая проповедь. 3-е изд. Т. 4. СПб., 1905.

42. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Приношение современному монашеству. 3-е изд. Т. 5. СПб., 1905.

43. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина: Точное изложение православной веры. СПб., 1894.

44. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. 2-е изд. Т. 1: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

45. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 2: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1896.

46. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 3: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1897.

47. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 4: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

48. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 5: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1899.

49. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 6: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1900.

50. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 7: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1901.

51. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 8: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1902.

52. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 9: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1903.

53. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 10: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1904.

54. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 11: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1905.

55. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 12: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1906.

56. Писания преподобного отца нашего Иоанна Кассиана Римлянина. 2-е изд./Пер. с лат. еп. Петра. М., 1892.

57. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. 7-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1908.

58. Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирина, подвижника и отшельника, бывшего епископом града Ниневии: Слова подвижнические. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893.

59. Преподобного и богоносного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского: Духовно-нравственные слова. 2-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1911.

60. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 1. М., 1859.

61. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 2. М., 1860.

62. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 3. М., 1860.

63. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Письма. 2-е изд. Ч. 1. Киев, 1891.

64. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Трактаты. 2-е изд. Ч. 2. Киев, 1891.

65. Творения святых отцев в русском переводе, издаваемые в Московской Духовной Академии/Творения святителя Кирилла Александрийского. Т. 49. Ч. 2. ТСЛ, 1882.

66. Творения иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа Иерусалимского. М., 1855.

67. Преподобного отца нашего Макария Египетского: Духовные беседы, послания и Слова. 4-е изд. ТСЛ, 1904.

68. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе: Нравоучительные сочинения. Ч. 1. ТСЛ, 1910.

69. Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника: Нравственно-подвижнические слова. 2-е изд. Сергиев Посад, 1911.

70. Невидимая брань, блаженной памяти старца Никодима Святогорца. 2-е изд.: В 2 ч./Пер. с греч. еп. Феофана. М., 1892.

71. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 1. М., 1858.

72. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 2. М., 1858.

73. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 3. М., 1859.

74. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 1. М., 1874.

75. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 2. М., 1874.

76. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 1. М., 1892.

77. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 2. М., 1890.

78. Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова. Сергиев Посад, 1917.

79. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 1. М., 1898.

80. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 2. М., 1898.

81. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3. М., 1898.

82. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 4. М., 1899.

83. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 5. М., 1899.

84. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 6. М., 1900.

85. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900.

86. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 8. М., 1901.

87. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?//Письма еп. Феофана. 5-е изд. М., 1904.

88. Внутренняя жизнь: Слова епископа Феофана. Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1893.

89. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 1. М., 1883; 3-е изд. М., 1895.

90. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 2. М., 1884.

91. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 3. М., 1888; 3-е изд. М., 1900.

92. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 4. М., 1889.

93. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 5. М., 1890; 3-е изд. М., 1900.

94. Писание мужей апостольских/Пер. прот. Петра Преображенского. 2-е изд. СПб., 1895.

95. Афонский патерик, или жизнеописание святых, на Святой Афонской горе просиявших. 3-е изд. Ч. 1, 2. СПб., 1897.

96. Глинский патерик/Схиархим. Иоанн Маслов. М., 1997.

97. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. М., 1845.

98. Древний патерик: Изложенный по главам. М., 1874; 3-е изд. М., 1899.

99. Жизнь пустынных отцев/Творение пресвит. Руфина. ТСЛ, 1898.

100. Киево-Печерский патерик/Сост. М. Викторова. Киев, 1893.

101. Лавсаик/Сост. Палладий, еп. Еленопольский. СПб., 1850.

102. Луг духовный/ Творение блаженного Иоанна Мосха. Сергиев Посад: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915.

103. Митерикон: Собрание наставлений аввы Исаии всечестной инокине Феодоре. 2-е изд./Пер. еп. Феофана. М., 1898.

104. Московский патерик/Сост. Е. Поселянин. М.: Изд. Московского дворянства, 1912.

105. Оптинский патерик/Б-ка Московской Духовной Академии. (Машинопись. Инв. № 123611).

106. Отечник/Еп. Игнатий (Брянчанинов). 4-е изд. СПб., 1903.

107. Отечник проповедника/Сост. игум. Марк (Лозинский). ТСЛ, 1996.

108. Палестинский патерик/И. Помяловский. СПб., 1893. Вып. 3.

109. Патерик Вольно-Почаевский/Сост. прот. А. Хойнацкий. М., 1883.

110. Практическая симфония/Сост. Г. Дьяченко. М., 1912.

111. Духовный мир/Сост. Г. Дьяченко. М., 1900.

112. Пролог в поучениях/ Прот. В. Гурьев. М., 1912.

113. Соловецкий патерик. М., 1895.

114. Троицкие цветки с луга духовного/Сост. архим. Кронид (Любимов). ТСЛ, 1997.

115. Троицкий патерик. ТСЛ, 1896. (Репринт).

116. Цветник духовный. 5-е изд.: В 2 ч. М., 1903.

117. История боголюбцев, или повествование о святых подвижниках/Блаж. Феодорит, еп. Кирский. СПб., 1853.

118. Святого отца нашего, Григория Двоеслова, епископа Римского. Собеседования о жизни италийских отцев и бессмертии души. Казань, 1853.

119. Тверской патерик: Краткие сведения о тверских местночтимых святых. Казань, 1907.

120. Маргарит или избранные душеспасительные изречения, руководящие к вечному блаженству. М., 1882.

121. Цветник Пешношский. М., 1898.

122. Воскресное чтение. Киев, 1861.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рабство 5
Рабство телесное 5
Рабство духовное 8
Равнодушие 15
Радость 18
Раздор 32
Раздражительность 35
Разум 53
Рай 67
Раскаяние 76
Раскол 85
Рассеянность 87
Рассудительность 90
Ревность 107
Решимость 118
Родители 122
Ропот 130
Роскошь 137
Самовоспитание 155
Самоисправление 158
Самоконтроль 159
Самолюбие 170
Самомнение 177
Самонадеянность 194

Самообладание 198
Самооправдание 199
Самоосуждение 201
Самоотречение 205
Самопознание 210
Самоубийство 224
Самоукорение 232
Самоуничижение 238
Свобода 242
Своеволие 255
Свойства Божии 270
Святотатство 276
Священное Писание 277
Благодатность Священного Писания 277
Толкование и изучение
Священного Писания 292
Понимание Священного Писания 310
Чтение Священного Писания 323
Ложное и дерзновенное толкование
Священного Писания 337
Нерадение о Священном Писании 340
Священство 342
Величие служения священства 342
Образ священника 347
Служение священника 361
Обязанности священника 367
Ответственность священника 369
Недостойное священство 378
Осуждение священства 385
Искушения священства 390
Сердце 396
Сквернословие 409

Скорби 412
Неизбежность скорбей 412
Причины скорбей 415
Польза скорбей 421
Перенесение скорбей 437
Утешения в скорбях 453
Благодарение за скорби 456
Воздаяния за скорби 460
Скорби праведных 467
Скромность 475
Слава истинная 478
Славолюбие 482
Сладострастие 506
Сластолюбие 510
Слезы 518
Служение Богу 547
Слух 560

УДК 27-29
ББК 86.372-574
С-59

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том IX

Издание Московской Духовной Академии
и Введенской Оптиной Пустыни, 2007

249700, Калужская обл., г. Козельск,
Введенская Оптина Пустынь.
Издательский отдел, тел.: (095) 421-71-41

Зак. 384. Тираж 5000 экз. ОАО «Первая Образцовая типография».
115054, Москва, Валовая, 28

ISBN 978-5-86594-073-9 © Введенская Оптина Пустынь, 2007

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том X

Смерть — Страннолюбие

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
И ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
2008

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

С

СМЕРТЬ

Сущность смерти

Смерть — святым блаженство, праведным — радость, а грешникам — скорбь, нечестивым — отчаяние (прп. Ефрем Сирин, 33, 403).

***

Что же такое смерть? То же, что снятие одежды: тело, подобно одежде, облекает душу, и мы через смерть слагаем его с себя на краткое время, чтобы опять получить его в светлейшем виде (свт. Иоанн Златоуст, 45, 75).

***

Что такое смерть? Временное путешествие, сон, который дольше обыкновенного (свт. Иоанн Златоуст, 45, 75).

***

...Когда пришел Христос и умер за жизнь мира, то смерть уже не называется смертью, а сном и успением (свт. Иоанн Златоуст, 45, 438).

***

Смерть... есть не что иное, как совершенное уничтожение тления, потому что смерть разрушает не просто тело, но тленность его (свт. Иоанн Златоуст, 45, 478).

***

...Смерть не тело погубляет, а истребляет тление; сущность же остается вовеки, чтобы воскреснуть в большей славе... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 240).

***

Смерть — палач неумолимый, смерть — приговор неотвратимый, смерть — насильник рода нашего нелицеприятный, смерть — убийца незамаскированный, смерть — путник природный, смерть без доклада является перед лицом царей, смерть — хищник, и днем и ночью с одинаковым искусством совершающий свое дело, смерть — грабитель, похититель правды, смерть только для праведных является желанным гостем. Слыша это, возлюбленные, будем бодрствовать и трезвиться, чтобы не уснуть опять сном греховным (свт. Иоанн Златоуст, 54, 948).

***

Власть смерти и истинная смерть есть та, когда умерший уже не имеет возможности возвратиться к жизни; если же после смерти он оживет, и притом лучшею жизнью, то это не смерть, а успение (свт. Иоанн Златоуст, 55, 151).

***

...Грех — дрова, а смерть — огонь. В чем находила она свойственную ей пищу, то и пожирала. Не нашедши

же ее во Христе, естественным образом угасла, лучше же сказать, умерла (прп. Исидор Пелусиот, 61, 66).

***

Смерть собственно есть отдаление от Бога; жало же смерти — грех, которое Адам, прияв в себя, стал в одно время изгнан и от древа жизни, и от рая, и от Бога, за чем необходимо следовала и телесная смерть (прп. Максим Исповедник, 91, 195).

***

Первый, который подъял эту смерть, был сатана, как справедливо, вследствие непослушания, отверженный от Бога, который затем, через злостный совет, увлекши нас в непослушание Богу, сделал нас вместе с собою участниками ее. Но Христос, Своею жизнью по человеку, через дела явив всякое послушание, освободил наше естество от этой смерти. Подобало же, конечно, не только то самое человеческое естество, которое было в Нем воспринято, но и весь человеческий род обессмертить и возвести к общению с оною жизнию, которая со временем и для тела будет ходатаем вечной жизни, как (напротив) оная смерть души явилась причиной смерти и для тела. Посему было вместе и весьма необходимо, и весьма полезно как показать сие домостроительство, так и представить Его образ жизни для подражания: ибо Бог предлежит созерцанию для подражания Ему, как для человека, так и для добрых Ангелов. Поскольку же с высоты сего созерцания мы некогда спали вниз, сами себя лишив сего, то, по преизбытку человеколюбия, снисходит к нам вышний Бог, отнюдь не уменьшая Своего Божества; и, пожив вместе с нами, представляет Себя в пример возвратного, подъемного пути к жизни (свт. Григорий Палама, 26, 158).

***

Смерть — великое таинство. Она — рождение человека из земной временной жизни в вечность (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 69).

***

...Смерть — дверь в отечество для блаженной жизни (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 232).

Смерть — начало вечности

...<Смерть> это и не есть исшествие, а только переход, или переселение в вечность, по окончании временного пути (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 264).

***

...Через временную смерть мы переходим к бессмертию, и вечная жизнь не иначе может настать для нас, как по исшествии нашем отселе (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 264).

***

...Самое тление в смерти не имеет уже власти над людьми, ради Слова, вселившегося в них посредством единого тела (свт. Афанасий Великий, 1, 202).

***

Наподобие семян, ввергаемых в землю, мы, разрешаясь, не погибаем, но, как посеянные, воскреснем, потому что смерть упразднена по благодати Спасителя (свт. Афанасий Великий, 1, 217).

***

Теперь же, поелику Спаситель воскресил тело, смерть уже не страшна, но все верующие во Христа попирают ее, как ничтожную, и скорее решаются умереть, нежели отречься от веры во Христа (свт. Афанасий Великий, 1, 225).

***

...Если прежде смерть была сильна, а потому и страшна, ныне же, по пришествии Спасителя, после смерти и воскресения тела Его, смерть пренебрегается, то явно, что она упразднена и побеждена Христом, восшедшим на Крест (свт. Афанасий Великий, 1, 227).

***

Разлучение души и тела признавая освобождением от всякого зла, ожидай наслаждения вечными благами, причастниками которого сделались все святые (свт. Василий Великий, 10, 95).

***

...Если бы надежды христиан ограничивались сею жизнию, то справедливо было бы признать прискорбным раннее разлучение с телом. Но если для живущих по Богу началом истинной жизни есть разрешение души от сих телесных уз, то для чего нам печалиться, как неимеющим упования? (свт. Василий Великий, 10, 203).

***

По Его <Божиему> мановению одна жизнь меняется на другую <вечную> действием смерти, чтобы через испы-

тание еще более возвысилось достоинство Его дара (прп. Ефрем Сирин, 33, 396).

***

И грех, и смерть отъял от смертных Господь всяческих, и род человеческий не работает уже державе смерти.

И вот, доказательство этому представлено на земле во святых, а вечность подтвердит сие покоем, исполненным блаженства (прп. Ефрем Сирин, 33, 396—397).

***

...От Христа и доныне смерть для нас есть один сон и разлучение души с телом до дня обновления нашего (прп. Ефрем Сирин, 33, 487).

***

С Адама началась смерть, и течение ее простерлось до Христа. Христос упразднил державу ее, отнял жало у греха, и во всех родах проповедуется, что смерть во Христе побеждена <Его> человечеством (прп. Ефрем Сирин, 33, 505).

***

По Твоему, <Господи>, повелению душа разлучается с телом, чтобы вознестись ей в ту житницу жизни, где все святые ожидают великого дня Твоего, надеясь в оный облечься славою и воздать Тебе благодарение (прп. Ефрем Сирин, 33, 506).

***

Пока смерть связывала одного <Христа> на Кресте, многие, кои связанными находились в преисподней, были

освобождены узами одного <Христа> (прп. Ефрем Сирин, 37, 308).

***

Смерть поела жизнь, которая скрывалась в смертных телах, и не знала, что жизнь съедается под (видом) того же Тела (т. е. в Таинстве Евхаристии). Алчущая смерть поспешила поглотить Его, но поспешила и выпустить Его из своей власти. Так как смерть вошла посредством слуха Евы, то через слух Марии вошла жизнь, и поскольку человек впал в долги посредством древа, то Христос пришел и посредством древа уничтожил их (прп. Ефрем Сирин, 37, 310—311).

***

...Всякая добрая и боголюбивая душа, как скоро, по разрешении от сопряженного с нею тела, освободится отселе, приходит в состояние чувствовать и созерцать ожидающее ее благо, а по очищении или по отложении (или еще не знаю, как выразить) того, что ее омрачало, услаждается чудным каким-то услаждением, веселится и радостно шествует к своему Владыке, потому что избегла здешней жизни, как небесного узилища, и свергла с себя лежавшие на ней оковы, которыми крылья ума влеклись долу. Тогда она в видении как бы уже пожинает уготованное ей блаженство (свт. Григорий Богослов, 12, 262—263).

***

...Истребителем нашим была смерть, которую Господь тогда привел в бездействие, когда, пребывая недвижимым на том месте, где находился, казался нам субботствующим, поборол же силу смерти, пролагая Собою путь всем умершим к воскресению от смерти (свт. Григорий Нисский, 19, 97—98).

***

...Видя умершего, не на то смотри, что он сомкнул глаза и лежит безгласным, но на то, как он воскреснет и получит неизъяснимую, изумительную и дивную славу, и от настоящего внешнего вида возводи помыслы к надежде будущего (свт. Иоанн Златоуст, 44, 840).

***

...Дай мне только твердую веру в Царствие Небесное и умертви меня, ежели хочешь, сегодня же. Я поблагодарю тебя за смерть, потому что через нее ты скоро переселяешь меня к тем благам (свт. Иоанн Златоуст, 45, 75).

***

Подобно тому, как свет, угасая вечером, не погибает, а только скрывается и, сокрывшись, является вновь, так и человек, погруженный во гроб, как бы на западе, сберегается для востока воскресения (свт. Иоанн Златоуст, 49, 741).

***

...Пусть никто не отчаивается за умерших: для Бога — все живы, бодрствуя и погружаясь в сон по Его воле (свт. Иоанн Златоуст, 54, 987).

***

...Имея разрушить наше тело, Он <Бог> прежде изводит обитающую в нем душу, как из жилища, чтобы, построивши более великолепное, снова ввести ее в него с большей славою (свт. Иоанн Златоуст, 55, 764).

***

...Как в Адаме усилилась смерть, так изнемогла она в смерти Христовой (прп. Нил Синайский, 72, 258).

***

Конец настоящей жизни несправедливо, думаю, называть смертью, а скорее избавлением от смерти, удалением из области тления... (прп. Максим Исповедник, 91, 307—308).

***

Поелику христиане после Креста и Воскресения Христова удостоверены, что, умирая, преходят от смерти в живот и в радость сопребывания со Христом, то вожделевают паче смерти. Ибо если Дух Христов есть жизнь души, то какая польза получившему Его жить в этом мире и через то устраняему быть от той радости, которая подается сопребыванием со Христом? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 48).

***

Смерть, попранная теперь и посрамленная Воскресением Христовым, тогда, после всеобщего Воскресения, совсем будет упразднена... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 56).

***

Господь прошел сею сению смертною, чтобы для нас сделать удобнейшим путь сей (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 243).

Неизбежность смерти

Покажем себя истинно верующими; не будем оплакивать кончины друзей наших и, когда наступит день собственного нашего призыва, пойдем неукоснительно и благодушно на голос зовущего нас Господа (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 266).

***

Небесные существа бессмертны по сущей в них доброте, а земные стали смертными по причине находящегося в них самопроизвольного зла, которое у неразумных умножается от разленения их и неведения Бога (прп. Антоний Великий, 89, 71).

***

Смерти избежать невозможно, и нет способов. Зная сие, истинно умные люди, опытно навыкшие добродетелям и боголюбивому помыслу, встречают смерть без стенаний, страха и плача, имея в мысли, что она, с одной стороны, неизбежна, а с другой — избавляет от зол, каким подвергаемся мы в жизни сей (прп. Антоний Великий, 89, 78).

***

Как телу, когда совершенно разовьется во чреве, необходимо родиться, так душе, когда она достигнет положенного Богом предела ее жизни в теле, необходимо выйти из тела (прп. Антоний Великий, 89, 83).

***

...Смерть, воцарившись, овладела <людьми>... потому что преступление заповеди возвратило их в естественное

состояние, чтобы как сотворены были из ничего, так и в самом бытии, со временем, по всей справедливости потерпели тление (свт. Афанасий Великий, 1, 196).

***

...Смерть превозмогала над нами по силе уже закона, и невозможно было избежать закона, так как он, по причине преступления, постановлен был Богом (свт. Афанасий Великий, 1, 198).

***

Тогда не было бы в Боге правды, если бы, когда сказано Богом, что умрешь, человек не умер (свт. Афанасий Великий, 1, 198).

***

Смерть насылается на тех, которые достигли предела жизни, какой от начала положен в праведном суде Бога, издалека предусмотревшего, что полезно для каждого из нас (свт. Василий Великий, 8, 126).

***

...Не Бог сотворил смерть, но мы сами навлекли ее на себя лукавым соизволением (свт. Василий Великий, 8, 134).

***

Что же странного, если смертный умер? Но нас огорчает безвременность!

Неизвестно, не благовременно ли это; потому что не знаем, как избрать, что полезно душе и как определить срок человеческой жизни (свт. Василий Великий, 10, 22).

***

День смерти — горький день, потому что разлучаются в оный друг с другом тело и душа, разлучаются с болезнью, печалью, слезами и воздыханиями. Все люди облекутся тогда в душевную скорбь; ибо увидят, как ничтожно все, что любим, как все наши удовольствия исчезают подобно сновидению (прп. Ефрем Сирин, 33, 222).

***

Поелику Адам преступил заповедь Твою, то им и рожденными от него возобладала смерть (прп. Ефрем Сирин, 33, 327).

***

Не знает <ангел смерти>... что такое просьба, ни во что ставит всякое моление, никакой плачевный вопль не трогает его, никакие болезненные стенания не возбуждают в нем сострадания. Не обращает он внимание на дары, не прельщается золотом, разлучает матерь с детьми ее; и они остаются сирыми, лишаясь ее сообщества. Нимало не щадит он прекрасных, нимало не милует сильных, губит красоту лица и в гной обращает ее в шеоле. Опаляет привлекательный цвет кожи, и красота тела исчезает мгновенно; мраком покрывает свет очей, заграждает слух глухотою. В смрад превращает всякое убранство; все украшения попирает во гробе; всякие уста заставляет взывать: увы! всякий голос облекает болезненностью (прп. Ефрем Сирин, 33, 444—445).

***

Вот дом, построенный нашею праматерью, это — гроб, тьма, мучение! Вот брачная сень, какую падшая праматерь

уготовила и снарядила дочерям своим! (прп. Ефрем Сирин, 33, 445).

***

Увидел и приметил я теперь, возлюбленные, что смерть образ Божией правды, потому что похищает всех равно. Не стыдится ни царя, ни великого, ни малого; но поемлет всех вместе: и царя, и бедного, и нищего. Как правда, в день воздаяния, не смотрит на лица, так и смерть, в день кончины, не щадит никого. И царя, как и всякого другого, поемлет бедным и обнаженным, и его связывает, как последнего из людей, и его ввергает в шеол, — туда же, где и все. И власть, и величие отъемлет у князей, потому что уже ни величия, ни власти нет у того, кто вошел во врата смерти. Сгнетает она высокорослых, сильных и гордых, заставляет, наклонясь, входить в тесную дверь гроба, в котором заключает их. Надменных и горделивых вводит и заключает она в жилище мертвых; с угнетенными и несчастными равняет их в шеоле. Смиряет она гордого, уничижает превознесенного и, наравне с незнатными и простолюдинами, в наследие дает им тление в шеоле.

Приди же, мудрец, и рассмотри здесь Божию правду, и прославь Правосудного, Который не взирает на лицо великого и богатого; посмотри на царя в его порфире, в величии, в славе. Потом посмотри, как обратился он в персть, и прославь вечно Превознесенного.

Посмотри на царя, когда украшен он великолепными царскими одеждами, и потом посмотри, когда он в шеоле, среди мертвых, когда моль и червь стали для него постелью. Смотри: повелевал и высился он, как бог, и вот, с уничиженными в шеоле, как и все прочие, истлевает безмолвно.

К такому великому равенству (увидел я) приводит смерть, которая поемлет всякого; и общее всех тление служит для нас образом Божией правды.

Страшный день смерти, возлюбленные, подобен великому дню отмщения; и тот и другой равно правдивы (прп. Ефрем Сирин, 33, 484—485).

***

Царя не спасает порфира, драгоценные камни и великолепные царские украшения. Власть царей преходит, и смерть в одну кучу слагает тела их, и исчезают они, как будто бы и не было их.

Она поемлет судей, которые производили суды и умножали грехи свои. Она берет к себе властителей, злочестиво царствовавших на земле.

Внезапно похищает богатых и корыстолюбцев, поражает грабителей и прахом наполняет уста их.

У нее — и мореходец, который древом покорял себе волны; к себе увлекает она и мудреца, не уведавшего истинной мудрости. Прекращается там мудрость и мудрых, и ученых; конец там мудрости трудившихся над исчислением времен.

Там не крадет тать; добыча его лежит подле него; оканчивается там рабство; раб лежит рядом со своим господином.

Не трудится там земледелец; смерть положила конец работам его. Связаны члены у тех, которые мечтали, что миру нет и конца.

Смерть поникшими делает надменные и без стыда похотствовавшие очи. Не нужна там красивая обувь, потому что связаны ноги.

В прах обращаются там одежды, тела окованы неразрешимыми узами. Ни домы, ни пиршественные храмины, ни ложницы не сходят в шеол.

Владетели поемлются отсюда, а домы остаются другим. Ни стяжания, ни награбленное нами богатство не сопровождают нас (прп. Ефрем Сирин, 33, 489).

***

Слышал я однажды — смерть и сатана спорили между собою, кто из них имеет больше власти над человеком. Смерть указывала на свое могущество, с каким препобеждает всех; сатана указывал на свою злокозненность, с какою вводит всякого в грех.

Пойдем, послушаем, как спорят о победе побежденные, никогда не побеждавшие и не побеждающие: «Не превозносись, смерть, над праведниками! Если приходят к тебе сыны твоего Господа; то по повелению Самого Господа». — «Тот только слушает тебя, лукавый, кто хочет; а ко мне идет и кто хочет, и кто не хочет». — «У тебя, смерть, тяжелое иго мучительства, а у меня привлекательные сети и путы». — «Слушай, лукавый: твое иго сокрушает всякий, кто ни захочет, моего же ига никому не избежать». — «На тех только, смерть, возлагаешь ты иго свое, которые больны, а я показываю власть свою больше на здоровых» (прп. Ефрем Сирин, 33, 491—492).

***

Смрадною стала земля, в которой заключены мертвецы, потому что вся она наполнилась мертвыми телами. Истлела благолепная красота и обратилась в гной среди мерт-

вых. Приятность и привлекательность тел в шеоле изменилась в червей. Великий праздник при гробах; там и живые, и мертвые; мертвые погребены в земле, а живые плачут при гробах. Сотлели суставы и самый вид человеческих тел; не отличишь ни раба от господина его, ни безобразного от красивого. Как жнец, пришла смерть и пожала человечество. От матернего лона отторгла она младенцев, из колыбелей похитила детей, пояла юношей с поля и дев из теремов. Увела обрученных с брачного пира и обратила его в плач и сетование; бездыханными повергла новобрачных и разорила брачный их чертог. Конец положила ликованиям и песням и исторгла плачевные вопли. Поспешал иной выйти из города, и тут сретила и поразила его смерть. Другой толкнул в дверь, и смерть ответила ему из внутренности дома. Иной проходил по стогнам, и смертью вдруг пресечено его шествие. Другой приготовился в путь, и вот стала перед ним смерть. Иной готовит пир, но смерть не дает ему повеселиться... Где кого встретила смерть, там и приготовила ему могилу. Обезлюдели и запустели дома, а могилы полны даже через край.

У всякого гроба отверста пасть, а у всякого дома затворена дверь. Не стало смеха на земле; исчезла там всякая радость. Царствуют там плач и воздыхания, усилились сетования и скорбь; болезненно вопиет сама земля, и умоляет она Бога: «Повели, Господи, алчной смерти удержать опустошительную руку свою; я стала как вдова; смертные объемлют меня болезни». Безлюдны сделались улицы; опустели и необитаемы дома; на стогнах не слышно человеческого голоса. По милосердию Твоему, Господи, вонми жалобным крикам бессловесных животных. Гумно плачет о своем владельце; земледелец оставил работу свою; стадо плачет о пастухе; рассеяно, разогнано оно по горам. Уныло ржет конь и горько плачет о своем господине.

Вот погибли наши нивы, потому что не стало земледельцев; плачут виноградники и луга, служившие пажитью скоту. Заключи, Господи, двери шеолу, загради зев смерти, запечатай уста гробам, в которых яростно зияет смерть. Запустение царствует в домах, пустота — на торжищах; смрадны стали жилища от болезней и струпов, полны зловония торжища от мертвых тел. И вне, и внутри, и там, и здесь, повсюду царствует воня тления. Смерть поставила у нас точило, о котором молва ходит по целой вселенной, и в это точило ввергла она все земные народы и истоптала их, как грозды. Не предадим, братия, забвению того, какой праздник составила себе у нас смерть. Если бы и каменное было у нас сердце, и тогда должны бы мы были почувствовать, что постигло нас. Да не будет с нами того, чтобы во время гнева <Божия> нам плакать, а как скоро освободились от наказания, заставлять плакать сирот. Не сегодня только будем милостивыми, а наутро закоснелыми ненавистниками; напротив того, все, и во всякое время, с чистым сердцем будем умолять Бога, чтобы удалил от нас губительную язву и, по милосердию Своему, удержал гнев Свой и чтобы, когда при конце придет Он во славе, с Ним вместе и мы вошли в чертог (прп. Ефрем Сирин, 33, 495—498).

***

...К чему клонится каждое событие в мире, почему у одного жизнь продолжается до отдаленной старости, а другой столько времени пользуется жизнью, чтобы вздохнуть раз воздухом и тотчас перестать жить. Ежели ничего нет в мире без Бога, все же зависит от Божиего произволения, а Божество премудро и промыслительно: то, конечно, и сему есть разумная причина, заключающая в себе признаки

Божией премудрости и вместе промыслительной попечительности (свт. Григорий Нисский, 21, 333).

***

Смерть не стесняется условиями возраста, она не боится находящихся в цвете лет; не над стариками только имеет власть (свт. Григорий Нисский, 24, 436).

***

...Когда увидишь, что кто-либо из ближних отошел отсюда, не ропщи, но умились сердцем, войди в самого себя, испытай совесть, помысли, что и тебя немного после ожидает такой же конец (свт. Иоанн Златоуст, 44, 841).

***

...Не будем скорбеть, что мы стали смертными, но будем благодарить, что смертью открыто нам поприще мученичества; через тленность мы получили возможность наград, отсюда имеем мы повод к подвигам (свт. Иоанн Златоуст, 45, 754).

***

Лучше смерть за Бога, нежели жизнь со стыдом и леностию. Когда хочешь положить начало Божиему делу, сделай прежде завещание, как человек, которому уже не жить в этом мире, как приготовившийся к смерти и отчаявшийся в настоящей жизни, как достигший времени срока своего. И действительно имей это в мысли, чтобы надежда продлить настоящую жизнь не воспрепятствовала тебе подвизаться и победить, потому что надежда продлить сию жизнь расслабляет ум. Посему никак не умудряйся до

излишества, но вере дай место в уме своем; содержи в памяти многие дни, оставшиеся позади, и неисповедимые века после смерти и суда, и да не приходит на тебя когда-либо расслабление, как не приходило на Премудрого, который говорит: *что тысяча лет нынешняго века не равняется и одному дню в веке праведных* (ср.: Пс. 89, 5) (прп. Исаак Сирин, 58, 315).

***

Слова и определения Божии делаются законом естества. Почему и определение Божие, изреченное Им вследствие преслушания первого Адама, т. е. определение ему смерти и тления, стало законом естества, вечным и неизменным (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 319—320).

Смерть — конец грехам и страданиям

Если и умрешь <за Христа>, не будешь побежден, но тогда-то и одержишь самую совершенную победу, до конца сохранив в себе истину непоколебимою и дерзновение за истину неизменным. И перейдешь от смерти к вечной жизни, от бесчестия у людей к славе у Бога, от скорбей и мучений в мире к вечным упокоениям с Ангелами. Земля не приняла тебя в свои граждане, но примет небо; мир гнал, но понесут Ангелы представить тебя Христу, и наречешься другом, и услышишь вожделеннейшую похвалу *добре, благий рабе и верный* (ср.: Мф. 25, 23) (свт. Василий Великий, 9, 34).

***

Не скорблю о том, что отхожу; через это избегаю грехов. И то полезно грешнику, что прекращается жизнь

его на земле; через это, не приобретая выгод, не увеличивает он и потерь своих (прп. Ефрем Сирин, 33, 381).

***

Не по гневу Твоему, Господи, страждем мы, и не по ярости Твоей оканчивается и проходит жизнь наша, и остаемся мы ни с чем. Смертный предел полагается нам ради грехов наших для того, чтобы не грешили мы более (прп. Ефрем Сирин, 33, 512).

***

Что бывает с железом в огне, когда плавильная печь отстраняет все бесполезное, то совершается с телом через смерть, когда через разрешение смертью отстраняется все излишнее (свт. Григорий Нисский, 24, 524).

***

Смерть есть успокоение, освобождение от житейских трудов и забот (свт. Иоанн Златоуст, 44, 841).

***

<Бог> наказанию смерти подвергнул его <Адама> для того, чтобы он, сделавшись через преслушание повинным греху, не грешил в бесконечность (свт. Иоанн Златоуст, 47, 256).

***

...Смерть есть освобождение от всех неожиданных бедствий, и скончавшийся с доброю надеждою уже не подлежит неизвестности, но находится в безопасности (свт. Иоанн Златоуст, 48, 342).

***

...Даже и смерть бывает лучше жизни: та избавляет тебя от бурь и опасностей, а эта поставляет тебя среди их и подвергает бесчисленным наветам и нуждам, из-за которых ты почтешь и жизнь не жизнью (свт. Иоанн Златоуст, 50, 420).

***

...Смерть есть утешение для младенцев, смерть — освобождение для рабов, отдохновение для труждающихся, расплата для должников, смерть — это избавление для удрученных заботами, облегчение для утомленных, смерть — препятствие для греха (свт. Иоанн Златоуст, 52, 926).

Смерть праведников

Честна смерть тех, которые ценою крови своей приобретают бессмертие, которые получают венец за свое мужество (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 119—120).

***

Из того, что без всякого различия, вместе с людьми неправедными умирают и праведные, никак не должно заключать, будто один конец и добрым, и злым. Нет, праведные призываются к радости, а нечестивые к мучениям; рабам верным определяется скорая награда, а вероломным — наказание (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 259).

***

...Смерть для праведных — сон, вернее же сказать, — отшествие к лучшей жизни... (свт. Василий Великий, 8, 235).

***

Мучительность раскаяния <грешника>... превышает самый страх смерти и разлучения. Напротив того, праведные, святые и подвижники веселятся в час смерти и разлучения, имея перед очами своими великий труд своего подвижничества, бдения, молитвы, посты, слезы, возлежания на голой земле и вретища; душа их ликовствует, потому что по разлучении с телом своим желает войти в покой (прп. Ефрем Сирин, 30, 309).

***

Если был ты тружеником, то не скорби о приближении доброго сего преселения, потому что возвращающийся домой с богатством никогда не остается в печали (прп. Ефрем Сирин, 30, 518).

***

Смерть, которая страшна всякому и ужасает смертных, богобоязненному представляется пиршеством (прп. Ефрем Сирин, 33, 97).

***

Смерть праведных есть конец борьбы со страстями плоти; по смерти ратоборцы прославляются и приемлют победные венцы (прп. Ефрем Сирин, 33, 366).

***

Телесный только сотлевает покров, обветшав от болезней, а душа, как она есть, навсегда остается живой и нетленной... Душа <умерших> живет и мыслит; Творец блюдет ее в Едеме, а тело их хранится в земле; до воз-

вращения вверено оно ей, как залог (прп. Ефрем Сирин, 33, 366).

***

В день смерти радуются только праведные, которые в напутие себе приобрели дела праведные и имеют брачные одежды (прп. Ефрем Сирин, 33, 370).

***

Смерть — упокоение святым, которые изнуряли себя трудами и подвигами, прилежно изучая Писания Святаго Духа, пребывали в бдении, посте и молитве (прп. Ефрем Сирин, 33, 384).

***

...Когда <праведные души> отходят от тела, тогда лики Ангелов приемлют души их в собственную свою область, в чистый век, и таким образом приводят их ко Господу (прп. Макарий Египетский, 67, 178).

***

<Смерть> для любомудрствующего беспечальна, потому что тому, кто презирает богатства, удовольствия и роскошь, для которых многие желают жить, по необходимости легко переносить и переселение отсюда (свт. Иоанн Златоуст, 44, 129).

***

Как боец спешит уйти с ристалища, чтобы избавиться от ран... так и ведущий добродетельную, строгую и суро-

вую жизнь желает смерти... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 89).

***

...<Апостол> Павел, идя на смерть, призывал других сочувствовать ему <участвовать в его радости>, потому что смерть есть отдых и избавление от трудов, воздаяние за подвиги, награда за борьбу и венец. Поэтому вначале по умершим бывали рыдания и плач, а теперь — псалмы и песнопения... Смерть тогда <до Рождества Христова> была смертью, а теперь не так, но бывают песнопения, молитвы и псалмы; все это показывает, что смерть заключает в себе удовольствие — ведь псалмы символ радости... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 679).

***

...Будем считать несчастными не умирающих в чужой стране, а умирающих во грехах и ублажать не тех, которые отходят дома и на постели, а тех, которые отходят с добродетелью... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 741).

***

...Те, кто со тщанием подвизается в добродетели, когда переселяются из здешней жизни, то поистине как бы отпускаются на свободу от злострадания и от уз... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 395).

***

Скончавшийся с добрыми делами стоит на камне, достиг пристани, избег всех препятствий, свободен от всякого страха и смятения, — пребывает в постоянном спокойствии отшедший отсюда таким образом (свт. Иоанн Златоуст, 48, 343).

***

Смерть будет драгоценной не от того, что иной умрет в своем доме, на ложе или среди семейных, но от того, что мы будем умирать храбро и мужественно за истину (свт. Иоанн Златоуст, 49, 147).

***

...Блаженными должно считать тех, которые мужественно умирают за истину и в гробницу несут, как одежду, хорошую жизнь, которая гораздо драгоценнее золотых одеяний (свт. Иоанн Златоуст, 49, 147).

***

...Хочу сказать то, чтобы каждый, когда позовут туда <в загробный мир> его самого или ближнего, с радостью и веселием и сам шел, и других идущих приветствовал (свт. Иоанн Златоуст, 49, 599).

***

...Свергающий с себя тяжкую власть смерти сокрушает и силу диавола (свт. Иоанн Златоуст, 55, 45).

***

...Успение любителей добродетели... есть окончание скорбей и начало благ. Ибо конец подвигов есть начало венцов (прп. Исидор Пелусиот, 61, 321).

***

...Безрассудные малый близкий покой предпочитают отдаленному Царству, не зная, что лучше претерпеть му-

чения в подвиге, нежели упокоиться на ложе земного царства и быть осуждену за леность. Мудрым вожделенна смерть, только бы не подпасть обвинению, что какое-либо из дел своих исполнили без трезвенности. Почему и говорит мудрый: *будь бодрствен и трезвен ради жизни своей* (ср.: 1 Фес. 5, 6), потому что сон ума сроднен истинной смерти и есть ее образ (прп. Исаак Сирин, 58, 374).

***

Как иной торговец, нашедши множество предметов многоценных, продаваемых, однако же, за ничтожную цену, поспешно с радостью даст эту цену, чтобы поскорее завладеть такими драгоценностями, так и подвизающийся за заповедь Божию с готовностью и радостью решается на смерть, веруя несомненно, что покупает себе вечные блага этой смертью, которая в сравнении с ними ничто (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 289).

***

Какое несказанное и невыразимое утешение, когда душа с уверенностью во спасении отделяется от тела, слагая его как одежду! Ибо, как бы во обладании сущи уповаемых благ, она оставляет его, беспечально, с миром идя к Ангелу, свыше сходящему к ней с радостью и веселием, и вместе с ним беспрепятственно проходя воздушное пространство, никакому не подвергаясь нападению со стороны духов злобы, но в радости восходя с дерзновением и благодарными возгласами, пока достигнет поклонения Творцу и там получит определение быть помещенною в сонме подобных ей и равных в добродетели, до общего Воскресения (прп. Феогност, 91, 394).

***

...Смерть всегда является бедствием для тех, которые привержены к сему миру, которые нагими в конечном итоге берутся отсюда, и все, что было ими любимо, оставляют. Для презирающих же вещи сего мира и ищущих обрести познание о будущем мире и старающихся делать то, что идет на пользу перед лицом сего будущего века, приходящая смерть не приносит ущерба, но, лучше сказать, переносит их от суетных и непостоянных вещей в невечерний день, в бессмертную жизнь, в богатство неиждиваемое, в чистую радость, в вечную славу, в то, что истинно есть и неизменно пребывает... (свт. Григорий Палама, 26, 206).

***

Они не поклонились ни зверю, ни иконе его, ни антихристу... не прияли ни на челах, ни на десницах начертаний врага Божия, но усвоив себе ум Христов, постоянно выражали его в образе мыслей и образе действий, не щадя крови своей для запечатления верности Христу, и потому воцарились со Христом. Для них нет смерти (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 118).

***

Плавание кончено; ненужная ладья разбита и брошена, а пловец пошел с накупленными товарами к Царю града великого, чтобы получить должный почет и барыши с процентами (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 6).

***

К готовому смерть никогда не приходит рано (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 78).

***

Кто в жизни славит Господа, того и смерть будет в славу Его (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 18).

Смерть грешных и нераскаянных

...От кого или когда мы ни претерпели бы смерть — это ничего не значит для нас, надеющихся за свою смерть и кровь получить от Господа награду. А вот чью кончину надо горько оплакивать — это тех, которых так ослепляет диавол, что они, не помышляя о вечных геенских муках, стараются предобразить пришествие антихриста, уже приближающегося (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 270—271).

***

Смерть равно постигает и грешника, и праведника, но различие между ними большое. Как смертные, оба они умирают, — и неудивительно, но один — без награды и может быть осужденный, а другой — блажен и в нынешнем, и в будущем веке (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 89).

***

...Хотя смерть от Бога <попускается>, однако же, без сомнения, смерть не зло; разве кто назовет злом смерть грешника, потому что для него перехождение отсюда бывает началом мучений во аде (свт. Василий Великий, 8, 125).

***

Если кто упование свое возлагает на мир сей, то суетно упование его, потому что, когда и не чает, постигнет его конец. Тогда, в час исшествия своего, вспомнит он о

грехах своих, и содрогнутся вежди очей его, потому что приведет он себе на память срамные дела свои (прп. Ефрем Сирин, 33, 275—276).

***

Добрые в день отшествия не чувствуют ни страха, ни болезни, а злые трепещут смерти, зная, что ожидает их суд (прп. Ефрем Сирин, 33, 403).

***

Никакая смерть так не горька, как смерть нечестивого грешника. Нечестие его возжигает огонь и неугасимый пламень, отчаяние и утрату всякой надежды. Избави нас, <Господи>, от такой смерти и помилуй по благости Твоей (прп. Ефрем Сирин, 33, 509).

***

...Если повинна <душа> во грехах, то приходят толпы демонов, и недобрые ангелы и темные силы поемлют душу ту и берут в собственную свою область (прп. Макарий Египетский, 67, 178).

***

...Если душа в сей жизни... подчинялась и повиновалась <демонам> и была их рабою, то тем паче удерживается ими и в их остается власти, когда отходит из мира (прп. Макарий Египетский, 67, 178).

***

...Не умереть тяжко, но тяжко — разгневать Владыку (свт. Иоанн Златоуст, 44, 851).

***

...Перестань плакать о смерти и плачь о грехах своих, чтобы загладить их (свт. Иоанн Златоуст, 45, 75—76).

***

Не говори... мне о том, кого несут на позолоченном ложе, в сопровождении всего города, кого славословит народ, на кого набросаны в великом изобилии шелковые и золотые одежды: это значит не что иное, как только предлагать обильнейшую трапезу червям (свт. Иоанн Златоуст, 45, 739).

***

...Тот, кто умер во грехах и корыстолюбии, если отойдет, оставив детей, то оставляет их наследниками вражды к нему и покидает среди неприятелей; если же окончит жизнь бездетным, то в зданиях и в прочих владениях, которые он приобрел хищением и любостяжанием, оставляет бессмертное себе осуждение (свт. Иоанн Златоуст, 45, 740).

***

Не смерть — зло, а худая смерть — зло (свт. Иоанн Златоуст, 48, 299).

***

...Не смерть причиняет скорбь, а нечистая совесть. Поэтому перестань грешить, и смерть будет для тебя вожделенною (свт. Иоанн Златоуст, 48, 342).

***

...Если умерший был грешник и много оскорбил Бога, в таком случае должно плакать или, лучше, — не плакать

только, потому что отсюда для него нет никакой пользы, но и делать то, что может принести ему некоторое облегчение: милостыню и приношения. А впрочем, и в этом случае нужно радоваться, потому что у него отнята возможность грешить. Если же — праведник, то еще более должно радоваться, потому что он находится в безопасности и уже избавился от неизвестности будущего (свт. Иоанн Златоуст, 51, 419—420).

***

Будем совершать постоянные за него <умершего грешника> молитвы, будем давать милостыню, и хотя бы он был недостоин, Бог умилосердится через нас (свт. Иоанн Златоуст, 55, 875).

***

...<Смерть> — час страшный и нестерпимый для одержимых грехами, для имеющих неочищенные покаянием падения, для живущих беспорядочно, бесчинствующих и своенравных, — но сладостный и многожеланный для боголюбивых, благочестивых и добродетельных, благопокорливых и смиренных (прп. Феодор Студит, 92, 453).

***

...Какая вам польза защищать мир от смерти и временного рабства, самим же повседневно быть рабами страстей и бесов через дела (свои) и наследниками огня неугасимого... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 227—228).

***

С бранью и укорами, дерзко приступает враг к душе, исшедшей из тела, как горький и страшный обличитель падений ее (прп. Феогност, 91, 421).

***

Умирающие вне веры и Церкви <без покаяния> похожи на самоубийц... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 129).

Смерть младенцев

Залогом у Тебя, <Господи>, да будут дети <умершие>, да вкушают они блаженство горе́ на небесах, да предстоят там молитвенниками за всех нас, потому что детская молитва чиста. Благословен Дарующий детям блаженство в чертоге Своем!

Восприял некогда Спаситель наш детей на руки Свои, благословляя их перед сонмами народа, а тем показал, что любит Он детство, потому что чисто оно и далеко от всякой скверны. Благословен Вселяющий детей в чертоге Своем! Праведный видит, что лукавство умножилось на земле, и над всеми владычествует грех; потому посылает Ангела Своего поять отселе сонм прекрасных детей и призывает их в чертог радостей.

Как лилии в поле, пересаженные в рай дети и, как жемчужины в венце, переселенные в царство младенцы неумолчную воспевают там хвалу.

Кто не будет радоваться, видя детей, отводимых в брачный чертог? Кто станет оплакивать юность, если избегает она греховных сетей? И нас, Господи, вместе с ними возвесели в брачном чертоге! Хвала Тому, Кто изводит отселе юность и переселяет ее в рай! Хвала Тому, Кто поемлет детей и оставляет их в чертоге блаженств! Безопасно там радуются они (прп. Ефрем Сирин, 33, 459—460).

***

Хвала Тебе, Боже наш, из уст грудных младенцев и детей, которые, как чистые агнцы в Едеме, упитываются в Царстве!

По сказанному Духом Святым (см.: Иез. 34, 14), пасутся они среди деревьев, и архангел Гавриил — пастырь сих стад. Выше и прекраснее степень их, нежели девственников и святых; они — чада Божии, питомцы Духа Святаго. Они — сообщники горних, друзья сынов света, обитатели чистой земли, далекие от земли проклятий.

В тот день, когда услышат они глас Сына Божия, возрадуются и возвеселятся кости их, преклонит главу свою свобода, которая не успела еще возмутить дух их.

Кратки были дни их на земле, но блюдется жизнь их в Едеме; и родителям их всего желательнее приблизиться к их обителям (прп. Ефрем Сирин, 33, 460).

***

Если же кто без исследования примет такое мнение, что исшедший так <в младенчестве> из жизни непременно будет причастником благ, то окажется из сего, что блаженнее жизни не быть причастным жизни; если для умершего в младенчестве причастие благ несомненно, хотя бы родился он от варваров, или был зачат от незаконного брака, а у прожившего определенное и узаконенное природою время, без сомнения, к жизни больше или меньше примешивается скверна порока; или если намерен совершенно быть вне общения со злом, то для сего самого потребно ему много потов и трудов, потому что не без усилий преспевает в добродетели усердствующий о ней и не без труда бывает для людей отчуждение от удовольствий, так что пользующемуся долговременной жизнью непременно должно потерпеть одно из двух огорчений, или в настоящей жизни бороться с многотрудностью добродетели, или в будущем мучиться при воздаянии скорбями за порочную жизнь. Но для умирающих прежде времени нет ничего подобного. Напротив того, преждевременно преставившихся немедленно встречает добрый жребий, если только спра-

ведливо мнение так думающих. Посему вследствие этого и неразумие окажется предпочтительнейшим разума, и добродетель представится ничего поэтому нестоющею. Ибо если не бывает никакой утраты в причастии благ у неучаствующего в добродетели, то суетное и бесполезное дело трудиться о ней, когда на суде Божием берет первенство состояние неразумное (свт. Григорий Нисский, 21, 335—336).

***

Если воздаяние благ делается по справедливости, то в числе каких будет окончивший жизнь в младенчестве и в продолжении сей жизни не сделавший ни добра, ни зла, чтобы за сие сделано ему было воздаяние по достоинству? На сие... отвечаем, что ожидаемое благо хотя по природе свойственно человеческому роду, однако же оно же самое в некотором смысле называется и воздаянием. И сия мысль уяснится опять тем же примером. Предложим в слове, что два человека имеют зрение, постигнутое каким-то недугом, и один из них с большим тщанием предал себя врачеванию, перенося все предписания врачебного искусства, как бы трудны они ни были; а другой пусть до невоздержности расположен будет к баням и употреблению вина, не принимая от врача никакого совета и к сохранению здравия глаз. Посему, смотря на конец, постигающий того и другого, говорим, что оба достойно восприемлют плоды своего произволения, именно один — лишение света, а другой — наслаждение светом. Ибо, что по необходимости следует, то по неточному словоупотреблению называем воздаянием. Это можно сказать и на вопрос о младенцах; наслаждение оной жизнью свойственно человеческой природе; но как всеми почти живущими в плоти обладает болезнь неведения; то очистивший себя надлежащими вра-

чеваниями и как бы гной, какой с душевного ока смывший неведение, достойно пользуется выгодою рачения, вступая в жизнь для него естественную, избегающий же очистительных средств добродетели и обольстительными удовольствиями болезнь неведения делая в себе неисцельною, по противоестественному расположению, отчуждаются от того, что естественно, и делается неимеющим части в свойственной и приличной нам жизни; не искусившийся же во зле младенец, поскольку душевным очам его никакая болезнь не препятствует в причастии света, пребывает в естественном состоянии, не имея нужды в очищении к восстановлению здравия, потому что в начале не приял в душу болезни.

И мне кажется, что настоящий образ жизни по некоторому сходству и близок у него с жизнию ожидаемою. Ибо как первый младенческий возраст воспитывается насыщаемый сосцем с молоком, потом за сею пищею следует другая, сообразная возрасту, свойственная и пригодная питаемому, пока не придет он в совершенство, так, думаю, и душа свойственной естеству ее жизни приобщается в некотором порядке и в последовательности всегда посредством приличного ей, сколько вмещает и может, приемля предлагаемое в блаженстве <...> Невозможно сказать, что в одинаковом состоянии муж и младенец, если и никакая болезнь не коснулась ни того, ни другого из них (ибо как ощутят равное услаждение непричащающиеся одного и того же); напротив того, хотя о муже и о младенце подобным образом говорится, что не страждут какою-либо болезнию, пока тот и другой не подлежит страсти, однако же наслаждение приятным неодинаково в них совершается (мужу можно увеселяться словами, быть первым в делах, с похвалою проходить начальственные должности; прославляться благодеяниями нуждающимся, сожительствовать с

супругою, если найдется ему по сердцу, управлять домом, иметь все приятности, какие только можно находить в преходящей сей жизни, занимательные для слуха и для зрения, ловли, бани, телесные упражнения, пиры, забавы, и если еще есть что иное сему подобное; а младенцу забава — молоко, объятия кормилицы и тихое движение, наводящее сон и услаждающее; другого же веселия, которое было бы выше сего, несовершенство возраста не имеет возможности и вместить). Сим образом, воспитавшие души добродетелию в настоящей жизни и, как говорит Апостол, обучившие духовные чувствия свои, если переселятся в оную бесплотную жизнь, то соответственно тому навыку и той силе, какие приобретены, причастятся божественного наслаждения, больше или меньше, по настоящей силе каждого, участвуя в предлежащих благах (см.: 2 Пет. 1, 5—8). Душа же, не вкусившая добродетели, хотя пребывает непричастною зол, следствий греха, как вначале еще необъятая недугом порока, в той жизни, которую предшествующее слово определило состоящею в богопознании и в общении с Богом, столько участвует на первый раз, сколько вмещает питаемое, пока, как бы некоею приличною снедию, приведенная в мужество созерцанием Сущего не соделается вместительною для больших, свободно в обилии, причащаясь действительно Сущего (свт. Григорий Нисский, 21, 343—347).

***

...Почему находящийся в таком возрасте <младенчестве> изводится из жизни? Что достигается через это промыслом Божественной Премудрости? Но если говорить о детях, которые служат обличением беззаконного зачатия и потому истребляются родившими, то несправедливо будет

отчета в делах порочных требовать у Бога, Который нехорошо в этом сделанное повергает суду. Если же кто из воспитываемых родителями и пользующихся попечительным за ними уходом и усердными о них молитвами при всем том не наслаждается, однако же, жизнью, по причине до смерти одолевающего недуга (в этом, без сомнения, состоит единственная причина), то гадаем о подобном этому так: совершенному промыслу свойственно не только врачевать обнаружившиеся немощи, но и промышлять, чтобы и первоначально не впал кто в запрещенное. Ибо Тому, Кто будущее знает наравне с прошедшим, справедливо воспрепятствовать продолжение жизни младенца до совершенного возраста, чтобы силою предведения предусмотренное зло не было совершено, если младенец останется в живых, и чтобы жизнь того, кто будет жить с таким произволением, не сделалась пищею греха (свт. Григорий Нисский, 21, 350—351).

***

Преждевременная кончина младенцев не ведет к мысли, что скончавший так жизнь несчастлив, или что равен он очистившим себя в настоящей жизни всякою добродетелию; потому что Бог, по лучшему Своему промышлению, предотвращает безмерность зол в тех, которые стали бы жить во зле. А что некоторые из злых живут долго, это не опровергает высказанной мысли, потому что по милости к родившим не допускается до них зло. Но теми, которые не имели от родителей какого-либо дерзновения перед Богом, не передается этот род благодеяния и происшедшим от них. Или тот, кому смерть воспрепятствовала сделаться худым, оказался бы гораздо худшим приобретших известность порочностью, если бы невозбранно стало жить дурно. Или если некоторые дошли до самой крайней меры

порочности, то апостольский взгляд на это успокаивает пытливость тем, что Творящий все с премудростию умеет и посредством зла соделывать нечто доброе. Если же кто достиг крайности в дурной жизни... и ни на что полезное не выкован художеством Божиим, то это служит к приращению веселья живших хорошо, как дает разуметь пророчество, чего да не вменяет кто-либо в маловажное из благ и в недостойное Божия промышления (свт. Григорий Нисский, 21, 359—360).

***

Если уже Бог с таким долготерпением попускает жить и тем, которые всю жизнь проводят во зле, то тем более не попустил бы умереть так этим детям, если бы предвидел, что они совершат что-либо великое (свт. Иоанн Златоуст, 50, 92).

***

...Мы считаем особенно блаженными умирающих детей, потому-то все мы говорим: о, если бы мы умерли, будучи детьми! Итак, не будем предаваться печали, когда увидим, что наших детей постигает та участь, которой мы желали бы и для себя. Ведь это только для нас чаша смерти исполнена опасности, для детей же она спасительна, и то, что во всех возбуждает ужас, желанно для них, что для нас является началом имеющего постигнуть нас там наказания, становится для них источником спасения. За что, в самом деле, потребовали бы отчета у тех, которые совершенно не испытали греха? За что подверглись бы наказанию те, которые не имели познания ни добра, ни зла? О, блаженная смерть счастливых детей! О, смерть невинных! Ты поистине начало новой вечной жизни. О, конец,

становящийся началом бесконечной радости! (свт. Иоанн Златоуст, 52, 931).

***

<Младенцы, умершие без крещения>, предаются беспредельному милосердию Божиему (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 129).

Смерть душевная

Если мы употребляем все старание и все средства для избежания смерти телесной, то тем паче должны стараться избежать смерти душевной: ибо кто хочет спастись, тому нет к тому никакого препятствия, разве только нерадение и разленение души (прп. Антоний Великий, 89, 71).

***

Истинная смерть внутри — в сердце, и она сокровенна; ею умирает внутренний человек (прп. Макарий Египетский, 67, 130).

***

...Когда человек, оставив всеплодие благ, по преслушанию насытился тлетворным плодом, имя же плоду сему смертоносный грех, тогда немедленно умер для лучшей жизни, жизнь божественную обменяв на неразумную и скотскую. И поелику единожды примесилась к естеству смерть, то мертвость вошла и в рождающихся по преемству. От сего и нас прияла в себя мертвенная жизнь, так как самая жизнь наша некоторым образом умерла. Ибо в прямом смысле мертва жизнь наша, лишенная бессмертия. Посему между двумя сими жизнями занимает средину, кто позна-

ется среди двух жизней, чтобы истреблением худшей доставить победу непотерпевшей изменения. И человек, как тем, что умер истинной жизни, впал в эту мертвую жизнь, так, когда умирает этой мертвой и скотской жизни, преставляется в жизнь всегда живую, и поэтому несомненно, что невозможно прийти в блаженную жизнь, не став мертвым греху (свт. Григорий Нисский, 20, 303).

***

Отмены телесной смерти невозможно достигнуть на земле, и, однако, это не удерживает сетующих от плача; а душевную смерть только и можно уничтожить здесь... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 4).

***

Умереть худо... значит не насильственной смертью умереть, но умереть во грехах (свт. Иоанн Златоуст, 45, 73).

***

...Когда ты слышишь о смерти души, то не подумай, что душа умирает: она бессмертна; а смерть души есть грех и вечное наказание (свт. Иоанн Златоуст, 45, 488).

***

Существуют различные роды мертвенности: есть мертвенность телесная, по которой Авраам, будучи мертв, не был мертвым, как и сказано: *несть Бог, Бог мертвых, но живых* (ср.: Мф. 22, 32). Есть мертвенность душевная, которую разумел Христос, говоря: *остави мертвых погребсти своя мертвецы* (Мф. 8, 22); есть и другая мерт-

венность, достойная похвалы, происходящая посредством любомудрия, о которой говорит апостол Павел: *умертвите уды ваша, яже на земли* (Кол. 3, 5); наконец, есть мертвенность, производящая предыдущую и бывающая в крещении, как сказано: *ветхий наш человек распятся* (ср.: Рим. 6, 6), т. е. умерщвлен (свт. Иоанн Златоуст, 52, 612).

***

Есть смерть телесная, есть и духовная. Подвергнуться первой не грешно и не страшно, потому что это дело природы, а не доброй воли; явившись вследствие первого грехопадения, смерть телесная потом сделалась необходимою для нашей природы, хотя и она скоро упразднится. Другая же смерть — духовная, так как происходит от доброй воли, подвергает ответственности и не имеет никакого извинения (свт. Иоанн Златоуст, 54, 32—33).

***

Надобно знать, что как человек имеет тело и душу, то смертей у него две: одна смерть души, другая — смерть тела: равно как и два бессмертия — душевное и телесное, хотя то и другое в одном человеке, ибо душа и тело один человек.

...Как смерть тела есть отделение от него души, так смерть души есть отдаление от нее Святаго Духа, Которым осеняему быть человеку благоволил создавший его Бог, чтобы он жил подобно Ангелам Божиим, кои, будучи всегда просвещаемы Духом Святым, пребывают неподвижными на зло (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 22—23).

***

...Вот настоящая смерть, когда душа разъединяется с Божественною благодатию и сочетавается с грехом. Имеющие ум должны избегать такой смерти и страшиться. Для добре мудрствующих она страшнее самой муки геенской. Ее и мы всеусильно избегать будем. Все бросим, все оставим, от всего отречемся и во взаимных отношениях, и в делах, и в желаниях, что отвлекает и отделяет нас от Бога и такую причиняет смерть. Кто будет бояться сей смерти и беречься от нее, тот не убоится приближения смерти телесной, имея обитающею в себе истинную жизнь, которая наипаче смертью приобретает неотъемлемость. Ибо как смерть души есть настоящая смерть, так и жизнь души есть настоящая жизнь. Жизнь же души есть единение с Богом, как жизнь тела — единение его с душою (свт. Григорий Палама, 93, 279).

***

Смерть души бедственнее смерти тела; умершее тело воскреснет... душа, умерщвленная злом, — жертва вечной смерти (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 117).

***

Душу может убить одна мысль, содержащая в себе какой-нибудь вид богохульства, тонкий, вовсе неприметный для незнающих (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 117).

***

Забывая о смерти телесной, мы умираем смертию душевною (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 120).

Страх смерти

Бояться смерти может только тот, кто не хочет идти ко Христу, а не хотеть идти ко Христу свойственно только тому, кто не верит, что он начнет царствовать со Христом (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 251).

***

...<Боязнь смерти> происходит... от недостатка веры, — от того, что никто не верит в истину обещанного Богом... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 253).

***

Смерти должен бояться только тот, кто, не будучи возрожден водою и духом, готовит себя в жертву пламени геенскому... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 259).

***

Смерти должен бояться тот, кто, по исходе из сего мира, будет вечно мучиться и для кого продолжение пребывания здесь служит только временною отсрочкою страдания и стенаний (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 259).

***

Смерть для людей, кои понимают ее, есть бессмертие, а для простецов, не понимающих ее, есть смерть. И этой смерти не следует бояться, а (бояться надобно) погибели душевной, которая есть неведение Бога. Вот что ужасно для души! (прп. Антоний Великий, 89, 71).

***

Увы, увы, как страшен час смертный, когда душа разлучается с телом! Тогда будут сопутствовать не отец сыну, не матерь дочери, не жена мужу, не брат брату, но только дела каждого и что он сделал доброго или худого. Поэтому пошлем перед собою дела добрые, чтобы, когда сами пойдем, они приняли нас во град святых (прп. Ефрем Сирин, 31, 259).

***

Приидет день, братия, непременно приидет, и не минует нас день, в который человек оставит все и всех, и пойдет один, всеми оставленный, униженный, пристыженный, обнаженный, беспомощный, не имея ни заступника, ни сопутника, неготовый, безответный, если только день сей застигнет его в нерадении, — *в день, в оньже не весть, и в час, в оньже не чает* (ср.: Мф. 24, 50), тогда как он веселится, собирает сокровища, роскошествует, предается нерадению. Ибо внезапно приидет один час, и всему конец; небольшая горячка, и все обратится в тщету и суету; одна глубокая, мрачная и болезненная ночь, и человек пойдет, как подсудимый, куда поведут поемлющие его. Много тогда тебе, человек, нужно будет путеуказателей, много помощников, много молитв, много содействующих в этот час разлучения души. Велик тогда страх, велик трепет, великое таинство, велик переворот для тела при переходе в тамошний мир. Ибо если и на земле, переходя из одной страны в другую, имеем нужду в каких-нибудь путеуказателях и руководителях, то кольми паче будут они нужны, когда переходим в беспредельность века, откуда никто не возвращался? Еще повторяю: много нужно тебе помощников в оный час. Наш этот час, а не иной какой;

наш путь, наш час, и час страшный; наш это мост, и нет по оному проходу; это общий для всех конец, общий и для всех страшный; трудная стезя, но по которой должны проходить все; путь узкий и тесный, но все на оный вступим, это горькая и страшная чаша, но все испием ее, а не иную; велико и сокровенно таинство смерти, и никто не может объяснить оного. Страшно и ужасно, что тогда испытывает на себе душа; но никто из нас не знает сего, кроме тех одних, которые предварили нас там, кроме тех одних, которые изведали сие на опыте (прп. Ефрем Сирин, 32, 237—238).

***

Господь вселенной страшно угрожал всем именем смерти, и ужас ее для того простер на смертных, чтобы больше они не грешили (прп. Ефрем Сирин, 33, 396).

***

Страх смертный вложил Творец в грешников, чтобы, ради смерти, возненавидели люди грех (прп. Ефрем Сирин, 33, 396).

***

Если кто истинно достоин слез, то это те, которые еще боятся и трепещут смерти, которые не веруют воскресению (свт. Иоанн Златоуст, 44, 47).

***

...Если боишься смерти, бойся и сна; если сокрушаешься об умерших, то сокрушайся об ядущих и пиющих: как это дело естественное, так и то... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 75).

***

<Христианин>, ты воин, и непрестанно стоишь в строю; а воин, который боится смерти, никогда не сделает ничего доблестного (свт. Иоанн Златоуст, 45, 77).

***

...Станем трепетать не перед смертью, а перед грехом. Не смерть родила грех, но грех произвел нам смерть, смерть же стала врачевством греха (свт. Иоанн Златоуст, 45, 739).

***

Если... смерть представляется страшною, то причиною этого слабость людей (свт. Иоанн Златоуст, 48, 342).

***

Почему ты боишься смерти за Бога, если, как признано, умереть необходимо? Если это так, то лучше умереть за Бога (свт. Иоанн Златоуст, 49, 257).

***

...Узник тогда особенно скорбит, когда выводят его на суд; тогда особенно трепещет, когда приближается к судилищу, когда должен дать отчет. Вот почему много ходит и рассказов об ужасах при последнем конце и страшных явлениях, которых самый вид нестерпим для умирающих, так что лежащие на одре с великою силою потрясают его и страшно взирают на предстоящих, тогда как душа силится удержаться в теле и не хочет разлучиться с ним, ужа-

саясь видения приближающихся ангелов. Если мы, смотря на страшных людей, трепещем, то каково будет наше мучение, когда увидим приближающихся грозных ангелов и неумолимые силы, когда они душу нашу повлекут и будут отторгать от тела, когда много будет она рыдать, но вотще и без пользы? (свт. Иоанн Златоуст, 50, 552).

***

Если следует бояться смерти, то, конечно, такой, которая постигает нас по заслугам, потому что принявший несправедливую смерть через это самое вступает в общение со всеми святыми (свт. Иоанн Златоуст, 55, 771).

***

...Страх смертный печалит мужа, осуждаемого своею совестью (прп. Исаак Сирин, 58, 15).

***

Человек, пока в нерадении, боится часа смертного; а когда приблизится к Богу, боится сретения суда; когда же всецело поступит в предняя, тогда любовию поглощается тот и другой страх. Почему же это? Потому что, когда остается кто в ведении и житии телесном, ужасается он смерти; когда же бывает в ведении духовном и в житии добром, <тогда> ум его всякий час бывает занят памятованием будущего суда, так как право стоит он по самому естеству, движется в духовном чине, занимается своим ведением и житием, и хорошо устроен для того, чтобы приблизиться к Богу (прп. Исаак Сирин, 58, 164—165).

***

Не скорби о телесных повреждениях, потому что совершенно возьмет их у тебя смерть. Не бойся смерти, потому что Бог все уготовал, чтобы соделаться тебе выше ее (прп. Исаак Сирин, 58, 404).

***

Боязнь смерти есть свойство человеческого естества, происшедшее от преслушания; а трепет от памяти смертной есть признак нераскаянных согрешений. Боится Христос смерти, но не трепещет, чтобы ясно показать свойства двух естеств (прп. Иоанн Лествичник, 57, 71).

***

Как олово отличается от серебра, хотя и подобно ему по виду, так и различие между естественным и противоестественным страхом смерти для рассудительных ясно и очевидно (прп. Иоанн Лествичник, 57, 72).

***

Слезы об исходе из сей жизни рождают страх; а когда страх породит безбоязненность (т. е. упование), тогда воссияет радость; когда же достигнет конца радость нескончаемая, прозябает цвет святой любви (прп. Иоанн Лествичник, 57, 85).

***

...Для грешника весть о переселении отселе в другую жизнь обыкновенно бывает страшна и трепетна (прп. Феодор Студит, 92, 314).

***

Страх смерти — спасительный страх; но <бывает>, спасительность сия уничтожается отсутствием упования спасения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 29).

Памятование о смерти

Всегда поминай об исходе из тела и не выпускай из мысли вечного осуждения; если будешь так поступать, вовеки не согрешишь (прп. Антоний Великий, 89, 107).

***

Ежедневно имейте смерть перед очами, внимательно размышляя о том, как будете разлучаться с телом... (прп. авва Исаия, 59, 7).

***

Кто помышляет о близости смерти, тот удобно удерживается от грехов (прп. авва Исаия, 59, 96).

***

...Хотя бы и далек был день скончания всего мира, однако же близок собственный день исхода для каждого из нас, то есть скончание одного человека... (свт. Василий Великий, 6, 313).

***

Кто имеет у себя перед глазами этот <смертный> день и час и всегда помышляет об оправдании на непогрешительном судилище, тот или вовсе не согрешит, или согрешит весьма мало, потому что грешим мы по отсутствию в нас страха Божия (свт. Василий Великий, 10, 303).

***

Всегда памятуй... о страшном судилище Божием, и это будет для тебя подпорою; и ты отразишь злоумышляющих против души твоей (прп. Ефрем Сирин, 30, 201).

***

Блажен, кто ежечасно помышляет о смерти, и привел в себе в бездействие постыдные страсти, гнездящиеся в сердцах у нерадивых, потому что таковый будет утешен в час кончины своей (прп. Ефрем Сирин, 30, 526).

***

...Со всяким человеком неразлучна мысль о смерти. Но неверующие худо ею пользуются, сетуя только о разлуке с приятностями жизни. Верующие же употребляют ее в пособие и врачевство от постыдных страстей (прп. Ефрем Сирин, 32, 114).

***

Великое, подлинно, и страшное видим таинство. Видим, что возраст там изглажден. Видим, что всякое телесное благообразие там изменилось. Видим, что всякая красота лица стала там бесполезною. Видим, что всякое приятное око там угашено. Видим, что всякие доброглаголивые уста там запечатлены. Видим, что всякий борзый язык там умолк. Видим, что всякая красота зубов там рассыпалась. Видим, что всякое плетение волос там сгнило. Видим, что всякая красота возраста там сокрушена. Видим, что всякая начальственная власть там прекратилась, всякое самоуправство и высокомерие там кончилось, всякое юношеское презорство утихло, все суетные человеческие усилия и вся-

кий труд там кончились, успокоились, прекратились. Говорим, и никто не слушает; плачем, и никто не внимает. По именам призываем лежащих, говоря: «Куда отошли вы, братия наши? Где обитаете? Где ваше местопребывание? Для чего оставили нас так внезапно? Подайте нам голос, побеседуйте с нами, как беседовали некогда, отвечайте нам». «Мы, — говорят отшедшие от нас, пребывающих еще в жизни, — мы, т. е. душа каждого из нас, находимся в месте, приличном душе, по достоинству ее. А этот прах, перед вашими глазами лежащий в могиле, этот пепел, который видите, это зловоние, эти согнившие кости, эти нечистые черви — тела тех юношей и отроковиц, которые были некогда для вас вожделенны. Этот пепел — та самая плоть, которую заключали вы в свои объятия и ненасытно лобызали. Эти оскаленные зубы — то самое лицо, которое день и ночь покрывали вы несчетными лобзаниями. Этот гной и отвратительная влага — та самая плоть, в объятиях которой предавались вы греху. Посему смотрите и в точности уверьтесь, остающиеся еще во плоти, в этой суетной жизни, знайте, что, обнимая на ложах своих юных сожительниц, обнимаете вы прах и тину. Знайте, что, когда лобзаете члены их, лобзаете вы смрад и гнилость. Вразумитесь, что, когда возгораетесь к ним любовью, предмет вожделения вашего — черви, пепел, смрад. Не предавайтесь заблуждению, неразумные юноши и девы. Не обольщайтесь суетною красотою юности, потому что и мы, лежащие перед вашими глазами, согнившие мертвецы, некогда, во время жизни своей, как и вы теперь, были видны и величавы, умащались благовониями, были любимы, наслаждались и благоденствовали; и вот, как видите, все это стало брением, прахом, пеплом и зловонием. Не обманывайте больше самих себя; но у нас, которые предварили

вас, и теперь в могиле, научитесь, и уцеломудритесь, и уверьтесь, что есть суд во аде, есть нескончаемые мучения, есть непроницаемая светом тьма и безотрадная геенна, есть неусыпающий червь, немолчный плач, непрестанный скрежет, неисцельная скорбь, есть нелицеприятный Судия, беспощадные служители, есть горький и вечный плач» (прп. Ефрем Сирин, 32, 243—245).

***

Имей всегда смерть перед очами, брат мой, и не бойся разлучения с телом своим; всегда, каждый день, как человек смысленный и духовный, жди смерти и представления Господню Престолу; каждый день уготовляй светильник свой, как человек мудрый и усердно осматривающий его ежечасно в слезах и молитвах. Все то время, в которое ты, брат, не видишь для себя опасности, пребывай тщательным. Ибо наступает время, которое исполнено боязни, страха и смятения, и по причине смутности своей не дает и помыслить о лучшем (прп. Ефрем Сирин, 32, 373).

***

Даже смерть боится приближаться к боящемуся Бога, и тогда только приходит к нему, когда повелено ей разлучить душу его с телом (прп. Ефрем Сирин, 33, 97).

***

В каждую продолжительную ночь будем помышлять о смерти, которая заградит уста наши и наложит на нас молчание (прп. Ефрем Сирин, 33, 317).

***

Вот день, который побуждает очи к слезам, руки к биениям в перси, уста к рыданию. Ты, Господи, утешь меня!

Вот день, который многих призывает к плачу. Кто входит и исходит, — у всякого уста исполнены рыдания. Да утешит нас благость Твоя!

Вот день, который нарушает обеты обрученных и, вместо брачного чертога, готовит гроб. Да возвеселит их Твоя брачная вечеря.

Вот день, который разлучает тело с жизнью и вместо благовоний умащает его перстью. Озари его некогда блаженством!

День смерти — горестный день. Всех заставляет он проливать слезы, всех приводит в скорбь. Сподоби нас, Господи, увидеть день Твой!

Вот день, который отделяет и отъемлет член от единого тела братий и ближних. Ты, Господи, воссоедини его снова!

В день смерти отходят и отлучаются родители, оставляют детей своих сиротами и беспризорными! Ты, Господи, воспитай их!

В этот день брат разлучается с братьями, уменьшается число их, и в перстах оказывается уже недостаток. Ты, Господи, восполни число их!

В сей день супруг разлучается с супругою, одиноким остается ребро, потому что нет уже подружия его. Да свидятся они друг с другом в Едеме!

Вот день, который разлучает друзей, как двух волов, отрешенных от единого ярма. Соедини их снова Твоею любовию!

День рождения твоего обрадовал родителей твоих, день кончины твоей опечалил наследников твоих. Да увидят они тебя в Едеме (прп. Ефрем Сирин, 33, 451—452).

***

Не забывайте, братия, где вы ныне и где будете наутро. Иные вчера беседовали в домах, и ныне молчат в гробах. Блажен, кто в этот день помнит о будущем дне (прп. Ефрем Сирин, 33, 454).

***

Помни непрестанно страшную смерть, как будто она у тебя перед глазами; и встретишь ее менее грозною (свт. Григорий Богослов, 15, 360).

***

Если мы постоянно и каждый день будем взирать на неизвестность кончины, то не скоро впадем в грехи... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 731).

***

Как хлеб необходимее всякой другой пищи, так память о смерти важнее всех дел (свт. Иоанн Златоуст, 54, 965).

***

Одно из всех благ человеческих самое великое — это смирение сокрушенного сердца, всегда размышляющего о дне смерти... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 982).

***

Добрый педагог и телу, и душе есть незабвенная память о смерти, и то, чтобы, минуя все посреде сущее (т. е. между настоящею минутою и часом смерти), ее всегда перед собою зреть, и тот самый одр, на котором имеем лежать, разлучаясь с телом, и прочее (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 186).

***

Будем, если можно, непрестанно памятовать о смерти, ибо от этого памятования рождается в нас отложение всех забот и сует, хранение ума и непрестанная молитва, беспристрастие к телу и омерзение ко греху, и почти, если сказать правду, всякая добродетель, живая и деятельная, из него проистекает (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 201).

***

Ночью и днем взирай на последний день. Никакая любовь к настоящей жизни да не привлекает тебя к земле (прп. Нил Синайский, 72, 233).

***

Всегда ожидай, но не бойся смерти; то и другое — истинные черты любомудрия (прп. Нил Синайский, 72, 250).

***

Блажен, кто памятует о своем отшествии из этой жизни и воздерживается от привязанности к наслаждениям мира сего, потому что многократно усугубленное ублаже-

ние приимет во время отшествия своего, и не оскудеет для него ублажение сие. Он есть рожденный от Бога; и Святый Дух кормитель его; из лона Духа сосет он живоносную пищу и к веселию своему обоняет воню Его (прп. Исаак Сирин, 58, 47).

***

Памятование о смерти — добрые узы для внешних членов (прп. Исаак Сирин, 58, 178).

***

Когда приближаешься к постели своей, скажи ей: «В эту ночь, может быть, ты будешь мне гробом, постель, и не знаю, не приидет ли на меня в эту ночь, вместо сна временного, вечный, будущий сон». Поэтому, пока есть у тебя ноги, иди вослед делания, прежде нежели связан ты узами, которых невозможно уже будет разрешить. Пока есть у тебя персты, распни себя в молитве, прежде нежели пришла смерть. Пока есть у тебя глаза, наполняй их слезами, прежде нежели покрыты они прахом. Как роза, едва подует на нее ветер, увядает, так, если внутри тебя дохнуть на одну из стихий, входящих в состав твой, ты умрешь. Положи, человек, на сердце своем, что предстоит тебе отшествие <в будущую жизнь>, и непрестанно говори себе: «Вот у дверей уже пришедший за мною посланник. Что же я сижу? Преселение мое вечно, возврата уже не будет» (прп. Исаак Сирин, 58, 178—179).

***

Первая мысль, которая по Божию человеколюбию входит в человека и руководствует душу к жизни, есть западающая в сердце мысль об исходе сего естества. За сим

помыслом естественно следует пренебрежение к миру; и этим начинается в человеке всякое доброе движение, ведущее его к жизни. И как бы основание какое полагает в человеке сопутствующая ему Божественная сила, когда восхочет обнаружить в нем жизнь. И если человек эту сказанную нами мысль не угасит в себе житейскими связями и суесловием, но будет возвращать ее в безмолвии, и остановится на ней созерцанием, и займется ею, то она поведет человека к глубокому созерцанию, которого никто не в состоянии изобразить словом. Сатана ненавидит сей помысл и всеми своими силами нападает, чтобы истребить его в человеке. И если бы можно было, отдал бы ему царство целого мира, только бы развлечением изгладить в уме человека таковой помысл. И если бы мог, как сказано, то сделал бы это охотно. Ибо знает коварный, что если помысл сей пребывает в человеке, то ум его стоит уже не на этой земле обольщения, и козни его к человеку не приближаются. Будем же разуметь это не о том первом помысле, который напоминанием своим возбуждает в нас память смертную, но о полноте сего дела, когда влагает оно в человека неотлучную память о смерти, и когда помышлением о ней человек поставляется в состояние непрестанного удивления. Первый помысл есть нечто телесное, а сей последний есть духовное созерцание и дивная благодать. Сие созерцание облечено светлыми мыслями. И кто имеет оное, тот уже не входит более в разыскания о сем мире, и не привязан к своему телу (прп. Исаак Сирин, 58, 405—406).

***

Память смерти есть повседневная смерть, и память исхода из сей жизни есть повсечасное стенание (прп. Иоанн Лествичник, 57, 71).

***

Как хлеб нужнее всякой другой пищи, так и помышление о смерти нужнее всяких других деланий. Память смерти побуждает живущих в общежитии к трудам и постоянным подвигам покаяния и к благодушному перенесению бесчестий. В живущих же в безмолвии память смерти производит отложение попечений, непрестанную молитву и хранение ума. Впрочем, сии же самые добродетели суть и матери, и дщери смертной памяти (прп. Иоанн Лествичник, 57, 72).

***

Истинный признак того, что человек помнит смерть в чувстве сердца, есть добровольное беспристрастие ко всякой твари и совершенное оставление своей воли (прп. Иоанн Лествичник, 57, 72).

***

Тот, без сомнения, благоискусен, кто ежедневно ожидает смерти; а тот свят, кто желает ее на всякий час (прп. Иоанн Лествичник, 57, 72).

***

Живая память смерти пресекает невоздержание в пище; а когда сие пресечено со смирением, то вместе отсекаются и другие страсти (прп. Иоанн Лествичник, 57, 73).

***

Должно знать, что память смертная, как и все другие блага, есть дар Божий... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 75).

***

Кто умертвил себя для всего в мире, тот истинно помнит смерть, а кто еще имеет какое-либо пристрастие, тот не может свободно упражняться в помышлении о смерти, будучи сам себе наветник (прп. Иоанн Лествичник, 57, 75).

***

Как невозможно, чтобы голодный не вспоминал о хлебе, так невозможно и тому спастись, кто не вспоминает о смерти и о последнем Суде (прп. Иоанн Лествичник, 57, 213).

***

Помышляя о <смерти>, я изумляюсь, ужасаюсь, трепещу и молюсь, да дано будет мне здесь омыть слезами бесчисленные грехи мои и очистить себя немного... (прп. Феодор Студит, 92, 143).

***

Память о смерти всегда спасительно действует, и тем паче, когда стоим перед лицом умершего... (прп. Феодор Студит, 92, 326).

***

...Блаженна душа, помышляющая о <смерти>... день и ночь, проводящая временную жизнь как странница, пришельствующая здесь и чающая блаженной оной и нескончаемой жизни... (прп. Феодор Студит, 92, 604).

***

...Где память о смерти — там покаянные чувства, сокрушение, слезы, охлаждение ко всему земному, услаждение небесным, просвещение, вожделение лучшего и пренебесного (прп. Феодор Студит, 92, 615).

***

...Много есть полезных сказаний, от коих душа приходит в умиление и сокрушение; но ни одно из них не имеет столько назидания, как весть о смерти (прп. Феодор Студит, 92, 628).

***

Не будем же никогда забывать о смерти, чтобы не восхитила нас смерть вечная (прп. Феодор Студит, 92, 629).

***

Да очищается паче и паче душа твоя от злых воспоминаний и да просвещается добрейшими помышлениями, держа всегда в уме сказанное, — что во время исхода сластолюбивое сердце — темница и узы, а трудолюбивое — дверь отверстая. Ибо воистину чистым душам, по исходе из их тела, сопутствуют Ангелы, руководя их к блаженной жизни; души же, осквернившиеся и не очистившиеся покаянием, перехватывают... бесы (свт. Феодор Едесский, 91, 325).

***

Кто, добре искупая время жизни своей, непрестанно бывает занят помышлением и памятью о смерти и через это самое мудро исхищает ум из страстей, тот обыкновен-

но острее зрит повсечасные приражения бесовских прилогов, нежели тот, кто проводит жизнь без памяти смертной, надеясь очистить сердце действием одного разума, а не тем, чтобы всегда хранить печальную и плачевную мысль. Таковый, мняся своим быстроумием держать в руках все пагубные страсти, не ведая, как связуется одною, худшею всех, падает в высокоумие (как чающий преуспеть в чем-либо) без Бога. Ему надлежит сильно трезвиться, чтобы за надмение не лишиться смысла. Ибо, как говорит апостол Павел (см.: 1 Кор. 8, 1), души, отсюда и оттуда набирающиеся знания, обыкновенно надымаются перед теми, которые, как им кажется, меньше их знают, по той причине, как я думаю, что в них нет искры назидающей любви. А кто имеет непрестанное помышление о смерти, тот острозорче, чем тот, кто не имеет его, замечая приражения демонов, удобно прогоняет их и попирает (прп. Филофей Синайский, 91, 412).

***

...Помышлением о смерти мучь душу свою, и памятью о Христе Иисусе собирай расточенный ум свой, особенно ночью, когда ум обычно бывает более чист и светел, ясно созерцая Бога и все Божественное (прп. Филофей Синайский, 91, 415).

***

Много поистине добродетелей совмещает в себе углубленная память о смерти. Она есть родительница плача, руководительница к всестороннему воздержанию, напоминательница о геенне, матерь молитвы и слез, страж сердца, источник самоуглубления и рассудительности, которых чада сугубый страх Божий и очищение сердца от страстных помыслов — объемлют много Владычных заповедей.

В таком сердце зрится тогда борение и подвиг, выдерживаемые с крайним трудом. И об этом-то вся забота у многих из борцов Христовых (прп. Филофей Синайский, 91, 419).

***

Ничего нет страшнее памяти смертной и дивнее памяти Божией; та вселяет спасительную печаль, а эта исполняет духовным веселием (прп. Илия Екдик, 91, 478).

***

Память смертную постоянно имей, ибо она есть виновница смирения (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 88).

***

Если мы не способны желать смерти по хладности нашей ко Христу и по любви к тлению, то, по крайней мере, будем употреблять воспоминание о смерти как горькое врачевство против нашей греховности, потому что *смертная память* — так святые отцы называют это воспоминание, — усвоившись душе, рассекает дружбу ее с грехом, со всеми наслаждениями греховными (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 382).

***

Чтобы помнить смерть, надо вести жизнь сообразно заповедям Христовым. Заповеди Христовы очищают ум и сердце, умерщвляют их для мира, оживляют для Христа: ум, отрешенный от земных пристрастий, начинает часто обращать взоры к таинственному переходу своему в вечность — к смерти; очищенное сердце начинает предчувствовать ее (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 382).

***

Благодатная память смерти предшествуется собственным старанием воспоминать о смерти. Принуждай себя воспоминать часто смерть, уверяй себя в несомненной истине, что ты непременно, неизвестно когда, умрешь — и начнет приходить само собою, являться уму твоему воспоминание о смерти, воспоминание глубокое и сильное: оно будет поражать смертоносными ударами все твои греховные начинания (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 385).

***

«Воспоминание о смерти — дар Божий», — сказали отцы: он дается исполнителю заповедей Христовых, чтобы усовершить его в святом подвиге покаяния и спасения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 385).

***

Постоянное памятование смерти есть благодать дивная, удел святых Божиих, преимущественно предавшихся тщательному покаянию в нерушимом безмолвии (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 179).

***

Спасительно для нас, убийственно для греха — воспоминание о смерти, рожденной грехом (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 447).

***

...Почитание себя мертвым развивает дух сокрушения и умиления — корень и плод покаяния и слез (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 110).

***

Память смерти не подавляет и не угрюмость наводит, а только возбуждает сторожевую бдительность над собою (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 84).

***

Мысль о смерти никогда не лишнее дело держать, тем паче при болезненных припадках (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 170).

***

Блаженна память об исходе; она с памятию о Господе — крепкая основа христианскому благонастроению духа (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 215).

***

...Напрасно думают, будто память смертная отравляет жизнь. Не отравляет, а научает быть осторожным и воздерживаться от всего, отравляющего жизнь. Если бы побольше помнили о смерти, меньше было бы беспорядков в жизни, и частной, и общей (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 118).

Приготовление к смерти

...Кто чистым душевным оком взирает на обольщения этой жизни и стал выше заботящихся о здешнем, тот, без сомнения, поймет, что ест ли он, пьет ли, спит ли, трудится ли, рассеивает ли себя, всякий день и час природа приближает его к старости и к концу временной жизни; и поэтому, презирая все, как уметы, старается освободиться от пристрастия к жизни, чтобы не иметь никакого

общения с тем, что в человеческой жизни есть худого... Кто имеет в виду добродетельную жизнь, обогащает себя добродетелью, которой не ограничивает никакой человеческий предел, тот может ли без сокрушения и слез проходить настоящую жизнь, и преклонится ли своею душою к пресмыкающемуся по земле и попираемому ногами? Станет ли еще дивиться земному богатству, или человеческому могуществу, или чему иному, чего домогаются люди по неразумию? (прп. Ефрем Сирин, 32, 117—118).

***

...Будем содержать в уме конец настоящей жизни, чтобы ожидание будущего страха пробудило усыпленный ум наш к совершению и хранению добрых дел (прп. Ефрем Сирин, 32, 234).

***

Царство — в тебе, а вне тебя — геенна. Вне тебя — смерть, и дверь к ней — грех. А злые дела и мучения за них — вдали от тебя. Не выходи же к тому, что вне тебя, чтобы вместе с тем не погибнуть и тебе (прп. Ефрем Сирин, 33, 349).

***

Ничто не избавляет от смерти; ничто не спасает от гроба. Не спасут ни братья, ни родители, ни дети, ни сын, ни знатный дом, ни славный род, ни друг, ни возлюбленный. Не спасут ни золото, ни серебро, ни красота, ни убранство, ни пышность одежд, ни наряды, ни дар, ни приношение. Не спасут ни богатство, ни имение, ни чин, ни могущество. Сопроводят только до гроба и оставят там, как чужие.

Нет пользы умершему ни в слезах, ни в сердечной печали, ни в скорби, ни в воплях; ему сопутствуют дела его, деяния его сопровождают его. Только молитвы и милостыни идут с ним, сопровождают его; только вера в истинное учение, как всеоружие, прикрывает его собою (прп. Ефрем Сирин, 33, 446—447).

***

Приидите, братия, посмотрите на это тление во гробах. Как самовольно властительствует смерть, как губит она человечество и расхищает его с презорством! Посрамила она Адама, попрала гордыню мира. Человечество низошло в шеол, предается там тлению, но некогда воспримет жизнь. Обнови же воскресением тварь Свою, Исполненный щедрот!

Приидите, посмотрите на этих червей, которые покрывают тлеющие тела, во множестве поверженные смертью во граде мертвых Гамона (см.: Иез. 39, 16). Там, как видимый образ разрушения, лежат мертвые тела, изъеденные молью и червями, которые не уважают никакой гордыни, посрамляют всякого заблудшего, гонявшегося за суетами этого скорбного мира.

Приидите, любезные и прекрасные, и во гробе, этом месте скорбей, увидите страшное зрелище: сотлевает там всякая красота, в прах обращается всякий наряд, и, вместо благоухания, смрад тления гонит прочь всякого приходящего; почему никто не может туда взойти и посмотреть на ближнего своего.

Приидите сюда, князья и сильные, предающиеся гордыне, посмотрите, до какого уничижения доходит род наш, и не высоко цените громкие свои титла; им конец — смерть. Лучше всяких мудрых книг мертвые тела сии всех, взирающих на них, учат, что всякий человек низойдет, наконец, в сию глубину уничижения.

Приидите, славные земли, величающиеся и превозносящиеся своими преимуществами, и вместе с нами посмотрите на сие посрамление в шеоле. Одни из них были некогда властелинами, другие — судьями; они величались венцами и колесницами, но теперь все попираются ногами, смешаны в одну кучу праха; как одинакова их природа, так одинаково и тление.

Склоните взор свой в сии гробы, юноши и дети, красующиеся своими одеждами, гордящиеся своею красотой, и посмотрите на обезображенные лица и составы, подумайте об этом жилище скорбей. Не надолго человек остается в мире, а потом переселяется сюда. Поэтому возненавидьте суету, она обольщает своих служителей, рассыпается во прах и не достигает конца своих стремлений.

Приидите вы, безумные корыстолюбцы, которые собирали кучи золота, строили величественные дома и гордились имением, рабами и наемниками, мечтали, что любимый вами мир уже ваш; приидите, и устремите взор во гробы, и посмотрите: там бедный и богатый смешались вместе, как будто и были они одно (прп. Ефрем Сирин, 33, 455).

***

Приидите, смертные, обратим внимание на род наш, который истребляет и губит рука человекоубийцы — смерти, и у Господа нашего будем просить щедрот, пока мы еще здесь — в стране кающихся, потому что там нет уже места покаянию (прп. Ефрем Сирин, 33, 508).

***

Какой же плач приличен тебе, душа, которую умертвил губительный змей, Божий образ запечатлев горькою смертью? Плачь, плачь, окаянная; это одно для тебя полезно. Покину дружеские и веселые пиры; покину великую славу

красноречия и благородство крови; покину домы с высокими кровлями и все земное счастье; покину даже сладостный солнечный свет, самое небо и блистательные звезды, которыми оно увенчано. Все это оставлю тем, которые будут после меня; а сам, с повязкой на голове, как мертвец и бездыханный, возлягу на одр, последним сетованием утешу сетующих, получу ненадолго похвалу и беспрекословную любовь, потом камень и под ним неумирающее тление. Впрочем, не от этого смущается мое сердце; трепещу единственно правдивых Божиих весов (свт. Григорий Богослов, 16, 21).

***

Цвет опал, приблизилось время жатвы. Побелели у меня волосы; гумно призывает к себе колос; уже нет незрелости в ягоде; близко собирание гроздов. Точило моих злостраданий уже истаптывается. О мой злой день! Как избегну его? Что со мною будет? Как страшен мне грех; как страшно оказаться полным терний и гроздов гоморрских, когда Христос станет судить богов, чтобы каждому воздать по его достоинству, и назначить страну, сколько взор вынесет света! Одна мне надежда, что под Твоим руководством, Блаженный, в сии краткие дни обращусь еще к Тебе (свт. Григорий Богослов, 16, 34).

***

...*Время рождати, и время умирати* (Еккл. 3, 2), т. е. пришло время, и я родился; придет время, и я умру. Если все обратим на сие внимание, то не пойдем, оставив это сокращенное шествие, кружиться с нечестивыми, добровольно блуждая по круговратному пути жизни, увле-

каясь властительством, знатностью и богатством, которыми, будучи замедляемы на таком множестве путей этого мира, не находим исхода из лабиринта сей жизни, тем самым, что, по-видимому, употребляем усилие, смешивая для себя признаки непогрешительного пути. Сколько блаженны, говорит Екклесиаст, те из людей, которые, оставив коловратные обольщения жизни, приводят себя на сокровенный путь добродетели. А на этом пути тот, кто не обращает душу ни к чему здешнему, но со тщанием устремляется к предложенному в уповании верою (свт. Григорий Нисский, 19, 299).

***

...Побойся вора: так Христос называет наш исход отсюда, потому что он постигает без нашего ведома (свт. Иоанн Златоуст, 44, 41).

***

Для того (Бог) и сделал неизвестною нашу кончину, чтобы мы сделали известною свою заботливость и осмотрительность (свт. Иоанн Златоуст, 45, 294).

***

Мы видим умерших и разрешившихся в прах и через то, что видим, воспитываемся (свт. Иоанн Златоуст, 45, 942).

***

Не случайным учителем любомудрия вошла смерть в нашу жизнь, воспитывая ум, укрощая страсти души, утишая волны и водворяя тишину (свт. Иоанн Златоуст, 46, 514).

***

...Многие часто строят гробницы великолепнее домов. Они трудятся и беспокоятся или для врагов, или для червей и праха, расточая. имущество без всякой пользы. Таков образ мыслей у тех, которые ничего не надеются <получить> в будущем. Но при этом мне нужно оплакивать и многих других, которые, и надеясь на будущее, подражают не имеющим никакой надежды в будущем, созидая гробницы, воздвигая великолепные памятники, зарывая золото в землю, расточая имущество свое на других и, таким образом, оказываясь хуже тех людей (свт. Иоанн Златоуст, 48, 241—242).

***

...Бог желает, чтобы смерть происходила не только по природе, но также по праведности или по грехам, чтобы мы имели возможность своею праведностью избегать несвоевременной смерти (свт. Иоанн Златоуст, 49, 206).

***

Не всегда должно презирать жизнь, и не всегда должно избегать конца жизни. Напротив — всегда должно избегать злого конца (свт. Иоанн Златоуст, 49, 334).

***

...День Господень придет, как тать ночью, не для того, чтобы похитить, но чтобы сделать нас осторожнейшими (свт. Иоанн Златоуст, 49, 576).

***

...Чтобы нам воскреснуть не для осуждения, перестанем скорбеть о смерти, а примем на себя печаль раская-

ния, позаботимся о добрых делах и о лучшей жизни, будем думать о прахе и умерших для того, чтобы помнить, что и мы смертны, и чтобы, при таком воспоминании, нам не пренебрегать своим спасением, пока есть время, пока еще возможно, т. е. или приносить лучшие плоды, или исправляться, если мы согрешили по неведению, чтобы нам, если день смерти застигнет нас нечаянно, не пришлось искать времени для покаяния и не находить его, просить милости и возможности загладить грехи и не получить желаемого (свт. Иоанн Златоуст, 49, 606—607).

***

...Когда кто будет умирать, пусть родственники умирающего... убеждают его перед кончиною оставить что-нибудь бедным (свт. Иоанн Златоуст, 51, 583).

***

...Будь готов к тому, что Господь каждый день может потребовать твою душу. Не делай так, чтобы сегодня покаяться, а завтра забыть об этом, сегодня плакать, а завтра плясать, сегодня поститься, а завтра упиться вином... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 714).

***

...Пусть те, которые придут взять душу нашу, не найдут нас, подобно тому веселящемуся богачу, пребывающими в ночи невоздержания, во тьме нечестия, во мраке любостяжания, но пусть застанут нас в день поста, в день святости, в день братолюбия, во свете благочестия, во утре веры, милостыни и молитвы, чтобы, найдя нас сынами дня, они привели нас к Солнцу правды, не в качестве

воздвигнувших житницы нечестия, но как совершенно опустошивших их, и после того, как мы обновили себя постом и покаянием, благодатию Христа... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 909).

***

...Взойдем в гроб, пока еще находимся в живых; посмотрим, чем станем мы спустя короткое время, и не будем заблуждаться; посмотрим, какому подвергнемся мы разрушению, и исправимся; посмотрим, во что мы, наконец, обратимся, и позаботимся о кончине. Вы все, взирающие на красоту, полюбопытствуйте, что становится с нею во гробе; вы, надмевающиеся начальством и властью, взгляните на гробы и убойтесь Бога; вы, питающие друг к другу вражду и злопамятство и не прощающие, приидите и научитесь, как прощать. Взгляни с вниманием на гроб, посмотри на лежащих там тех, которые когда-то были царями, посмотри на тех, которые были когда-то начальниками, теперь же в гробах. Посмотри на страшное зрелище останков и скажи: какой там царь, какой начальник, какой воин, какой военачальник, какой богатый и какой бедный, какой юноша и какой старик, какой красивый и какой эфиоплянин? Можешь ли сказать ты, что все это не представляет собою праха, что все это не пепел, не зловоние? Или что все, что было когда-то милым, теперь не возбуждает отвращения? О, безумие! Что это за великое таинство предо мною? Тот, кто вчера был для меня желанным, сегодня лежит предо мною, возбуждая отвращение; кто вчера был членом моим, на того гляжу сегодня, как на чуждого; кого недавно я обнимал, к тому сегодня не хочу даже и прикоснуться; обливаю его слезами, как близкого мне, и в то же время бегу от гноя его, как будто он совершенно чужд мне. Чувство сострадания побуждает

меня подойти к тому, кто уже издает смрад, но меня удерживают сделать это тление и черви. Я представляю себе недавний образ умершего, но никак не могу усмотреть его в нем. Куда девалась красота лица? Вот оно уже почернело. Где выразительные и красивые глаза? Вот они померкли навсегда. Где красота волос? Вот она уже пропала. Где высоко поднятая шея? Она уже сокрушена. Где полный жизни язык? Он уже умолк. Где красота рук? Она пропала. Куда девался высокий рост? Он исчез. Где великолепные одежды? Они уже сгнили. Где благовонное миро и ароматы? Сгнили и они. Где веселие юности? Вот миновало и оно. И вообще, где преисполненный гордости человек? Вот он снова обратился в прах. Однако не останавливайся мыслию только на гробе, но перейди затем и к воскресению; пойми и верь, что находящийся перед тобою умерший снова воскреснет и умолкнувший ныне язык снова получит способность говорить тогда, когда преклонится перед Богом всякое колено небесных, и земных, и преисподних, и всякий язык исповедует Его... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 930—931).

***

Если бы каждый знал, что он завтра непременно умрет, то перед этим днем он ни от чего не стал бы удерживаться... и наделал бы тысячу злодейств, мстя врагам.

Человек развратный, потеряв надежду на продолжение здешней жизни, ни во что ставит даже облеченного в порфиру. Тот, кто был бы уверен, что ему непременно должно умереть, старался бы отомстить врагу, и тогда уже, насытивши наперед свою душу, восприял бы смерть. Скажу, в-третьих, и еще нечто иное: люди, привязанные к жизни и слишком пристрастные к здешним благам, истаи-

вали бы от уныния и печали. Например, если бы кто-нибудь из юношей знал, что скончается прежде (нежели достигнет) старости, то мучился бы так, как мучаются ожиданием смерти самые робкие животные, когда их поймают. Кроме того, и самые неустрашимые мужи тогда не заслуживали бы награды. В самом деле, если бы они знали, что именно после трех лет должны умереть, а прежде не могут, то какое право имели бы они на награду за то, что решались на опасные подвиги?.. Тот только совершенно ясно обнаруживает мужество и презрение к здешней жизни, кто в каждой опасности видит для себя смерть и знает, что он останется жив, если не решится на опасность, но потеряет жизнь, если отважится на нее <...> Видите ли, какую великую пользу приносит нам незнание времени смерти? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 546—547).

***

...Осмеивай смерть, как мертвую, шути гибелью, как бессильною, приветствуй кончину из-за Меня <Господа>, как начало внутренней жизни (свт. Иоанн Златоуст, 55, 432).

***

Пойди к гробнице, посмотри на прах, на пепел, на червей, на отвратительный вид места; посмотри и рыдай горько. И если бы наказание ограничилось только прахом! Но ты теперь от этого гроба и от этих червей перенесись мыслью к тому бессмертному червю, к скрежету зубов, ко тьме кромешной, к огню неугасимому, к тем страшным, невыносимым мукам, к жизни бесконечной (свт. Иоанн Златоуст, 55, 773).

***

Пойдем ко гробам, прошу; взглянем на рассеянную природу, на провонявшие кости, на истлевшие тела; посмотри и, если ты мудрый, если разумный, скажи мне: кто тут царь и кто частный человек, кто свободный и кто раб, кто мудрец и кто простец. Где тут красота юности, где прелесть взгляда, где прекрасные глаза, где блестящее лицо? Не все ли пыль, не все ли зола, не все ли пепел, не все ли мрак, не все ли тление и смрад? Размышляя об этом и памятуя о последнем дне, будем, пока есть время, творить добро, чтобы нам удостоиться Царства Небесного... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 885—886).

***

Если посмотришь на оставшиеся кости, еще более горькими слезами будешь оплакивать суетность жизни. Лицо обратилось в пепел, чернее сажи; глаза провалились, подвергшись гниению; рот открыт и служит часто проходом для пресмыкающихся (свт. Иоанн Златоуст, 55, 981).

***

Мир спешит уже к концу; ибо не солжет Истина, предсказавшая, что будет скончание. Хотя некоторым кажется, что конец еще далек; однако же время для каждого ежедневно истощается, готовится к кончине, близится к пределу. Для престарелых кончина известна, а для цветущих возрастом неизвестна жизнь. У жизни не один срок, смерть поедает всякий возраст, всем надлежит бодрствовать и ожидать того, что непременно будет. Но мы всего ожидаем больше, нежели этого; о том всякий час мечтаем и того надеемся, что неожиданно и безнадежно; а что во всяком случае и непременно будет, нередко же и готово

уже совершиться, о том и помыслить не удостаиваем; будучи смертны и бренны по телу, замышляем как бессмертные. О душе бессмертной нерадим, лучше же сказать, и не думаем, что душа есть; смертное же тело почитая бессмертным, на него употребляем всю свою тщательность. Посему будем ли иметь какое извинение, бессмертную присуждая на смерть, а смертное удостаивая всякой чести, вредя одной, чтобы украсить другое, заставляя гладом истаивать душу, чтобы могло скакать и нежиться тело? Первенство надлежит уступить душе, а телу давать второе место; оно не сопротивно душе, но ее орудие и гусли; оно имеет нужду в попечении о нем, а не в бесполезном наслаждении; в пище, а не в неге; в довольстве малым, а не в пресыщении, чтобы ему быть не врагом, но споборником души (прп. Исидор Пелусиот, 62, 347—348).

***

Не всякое желание смерти достойно одобрения. Некоторые люди, насилием привычки увлекаемые в согрешения, желают смерти по чувству смирения; другие не хотят покаяться и призывают смерть из отчаяния; иные же не боятся ее потому, что в превозношении своем почитают себя бесстрастными; а бывают и такие (если только в нынешнее время найдутся), которые, по действию Духа Святаго, желают своего исшествия отсюда (прп. Иоанн Лествичник, 57, 72).

***

Некоторые испытывают и недоумевают, почему Бог не даровал нам предведения смерти, если воспоминание о ней столь благотворно для нас? Эти люди не знают, что Бог чудным образом устраивает через это наше спасение.

Ибо никто, задолго предузнавши время своей смерти, не спешил бы принять крещение или вступить в монашество, но каждый проводил бы всю жизнь свою в беззакониях и на самом уже исходе из сего мира приходил бы к крещению или к покаянию, но от долговременного навыка грех делался бы в человеке второю природою, и он оставался бы совершенно без исправления (прп. Иоанн Лествичник, 57, 72).

***

...Будем стоять добре готовыми, в нетерпеливом ожидании приять мановение к исходу от Бога всех и Владыки преставления нашего (прп. Феодор Студит, 92, 118).

***

...Любовь к миру сему не дает душе с вожделением отнестись к исходу из тела (прп. Феодор Студит, 92, 629).

***

...Если умрет <человек>... не уврачеванным, то вечно будет плакать о том в аде, не чая когда-либо освободиться от огненного жжения оного. Сего-то ради надлежит нам горько плакать о том жалком состоянии, в какое мы пришли (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 123).

***

...Себе всегда внимай, имея смерть перед очами своими и тщательно присматривая, какою бы добродетелью прославить Господа... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 222).

***

Видеть, как отходят из сей жизни, есть самая лучшая наука жизни... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 163).

***

<Необходимо>... постоянно ждать смерти... и веруя, что Господь оставил еще пожить, для очищения грехов, всю заботу на то обращать (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 153).

Искушения в смертный час

Велик страх, братия, в час смерти, когда душа со страхом и сетованием разлучается с телом, потому что в этот час разлучения предстают душе дела ее, добрые и худые, какие деланы ею днем и ночью. Ангелы со тщанием поспешают исторгнуть ее из тела, а душа, видя дела свои, боится выйти из тела. И душа грешника со страхом разлучается с телом и с трепетом идет предстать бессмертному судилищу. Принуждаемая же выйти из тела, смотря на дела свои, говорит им со страхом: «Дайте на один час сроку мне, чтобы выйти». Дела же ее, собравшись все вместе, отвечают душе: «Ты нас сделала, с тобою пойдем мы к Богу» (прп. Ефрем Сирин, 30, 538).

***

Не знаете разве, братия мои, какому страху и какой нужде подвергаемся в час исшествия своего из сей жизни, при разлучении души с телом? Велик страх, великое совершается там таинство! К душе приступают добрые Анге-

лы и множество небесного воинства, также все сопротивные силы и князи тьмы; те и другие хотят поять душу или назначить ей место. Посему если душа приобрела здесь добрые качества, вела жизнь честную и была добродетельна, то в день ее исшествия добродетели сии, какие приобрела здесь, делаются добрыми ангелами, окружают ее и не попускают к ней прикасаться какой-либо сопротивной силе; но в радости и веселии со святыми Ангелами поемлют ее и относят ее ко Христу, Владыке и Царю славы, и поклоняются Ему вместе с нею и со всеми небесными Силами. И наконец, отводится душа в место упокоения, в неизглаголанную радость, в вечный свет, где нет ни печали, ни воздыхания, ни слез, ни заботы, где бессмертная жизнь и вечное веселие в Небесном Царстве со всеми прочими благоугодившими Богу. Если же душа в этом мире жила срамно, предаваясь страстям бесчестия и увлекаясь плотскими удовольствиями и суетою мира сего, то в день исшествия ее из этой жизни те страсти и удовольствия, какие приобрела она в жизни сей, делаются лукавыми демонами, и окружают бедную душу, и не позволяют приблизиться к ней Ангелам Божиим; но вместе с сопротивными силами, князьями тьмы, поемлют ее жалкую, проливающую слезы, унылую и сетующую, и отводят в места темные, мрачные и печальные, где блюдутся все грешники на день Суда и вечного мучения, куда низринут диавол со своими аггелами (прп. Ефрем Сирин, 32, 355—356).

***

...Тело засыпает в смерти, а душа пробуждается, припоминает свои сновидения в этом мире, стыдится их и краснеет. От внезапного изумления приходит в ужас, содро-

гается и трепещет, когда обнаруживается тайное; она уподобляется человеку, пробудившемуся от сна, сокрушается напрасною печалью, что время ее протекло, как сонная мечта, мучается при виде злых дел, которые окружают ее отвсюду. Как глубокая тьма, перед нею все скверные дела ее, и не знает она, куда бежать, где укрыться, потому что злые дела ее стоят перед нею. Тогда приступает к душе лукавый и начинает свои истязания. Требует у нее, чтобы ясно представила сновидения мира сего. Требует у нее того богатства, которое лишило ее славы; ставит ее обнаженную, издевается, ругается над нею. Требует у нее того ненавистного нечестия, которое низвергает ее в геенну. Требует тех хищений, которые ввергают ее во тьму; требует у нее той зависти, того обмана, которые производят в ней скрежет зубов; требует у ней того гнева, той вражды, которые готовят ей мучение. Приводит к ней и делает явными все гнусные дела, не оставляет сокрытым ни одного проступка, чтобы не поставить ей на вид. Таковы-то горькие представления, которые вынуждает у души лукавый, стоя перед нею. Поелику душа обольщалась сонными мечтами, то мечты сии делаются для нее мучением (прп. Ефрем Сирин, 33, 359—360).

***

В великой скорби и печали бывает душа, когда влекут ее туда и сюда, принуждая идти. Демоны хотят, чтобы с ними шла она в геенну, Ангелам желательно, чтобы с ними достигла она обители света. В это время недороги ей ни друзья, ни братья, ни возлюбленные, ни ближние, ни знакомые, ни во что ставит она и богатство, и имение, а помышляет единственно о том, сколько у нее грехов и как они

велики. Душа носится тогда вокруг тела и говорит ему: «Прощай, меня берет смерть, и я отхожу». А тело говорит душе: «Иди с миром, возлюбленная душа! Сотворивший нас Господь да избавит нас от геенны» (прп. Ефрем Сирин, 33, 492).

***

С угрозою и бранью дерзко нападает враг на душу, только что исшедшую из тела, являясь горьким и страшным обличителем в падениях ее (прп. Иоанн Карпафский, 91, 89).

***

...Тело в некоторых <людях> во время разрешения и пресечения союза с душою <при смерти>... страждет, подобно женам при трудных родах (прп. Никита Стифат, 93, 144).

***

Хотя вся жизнь наша на земле есть непрестанная брань и нам предлежит вести ее до самого конца; но главнейшая и решительная брань ожидает нас в час смерти. И кто падет в сей момент, тому уже не встать. И не дивись сему. Ибо если враг дерзал приступать к безгрешному Господу в конце земных дней Его, как сказал Сам Господь: *Грядет бо мира сего князь, и во Мне не имать ничесоже* (Ин. 14, 30), то что может удержать его от нападения на нас грешных в конце нашей жизни?.. Самые неутомимые борцы, всю жизнь неопустительно боровшиеся с демонами и избегшие их сетей и устоявшие против нападений их, в конце жизни подвергаются князем века сего осмотру, не окажется ли в них чего-либо грешного; и те, у которых

найдутся раны или пятна и отпечатки греха, удерживаются им в своей власти, а те, у которых не найдется ничего такого, минуют его свободно и упокоеваются со Христом.

Если так есть дело, то нельзя не поиметь сего в виду и наперед не готовиться встретить час тот, чтобы благоуспешно прейти его. Приготовлением к тому должна служить вся жизнь. Ты окажешься добре приготовленным к тому часу, если в продолжение всей данной тебе временной жизни будешь мужественно бороться со врагами своего спасения. Приобретши во время жизни добрый навык побеждать врагов, ты и в час смерти легко стяжешь венец победы. Также чаще помышляй со вниманием о смерти, приводя на мысль все имеющее тогда случиться. Если будешь так поступать, то час тот не неожиданно застанет тебя; почему не устрашит тебя или не сильно устрашит, и душа твоя, не расслабляемая страхом, окажется более крепкою и сильною к подъятию брани и преодолению врага. Мирские люди бегают помышления и воспоминания о смерти, чтобы не пресекать своих чувственных утех и наслаждений, которые несовместимы с памятью смертною. От этого у них все более и более растет и крепнет привязанность к благам мира, не встречая ничего поперечащего ей. Зато, когда придет время разлучиться с жизнью и со всеми любимыми вещами и утехами, они непомерно мятутся, мучаются и ужасаются.

Чтобы такое помышление о смерти принесло весь свой плод, надлежит тебе при сем, поставляя себя мысленно в состояние умирающего, в теснотах и томлениях предсмертных, представлять живо и могущие напасть на тебя тогда искушения вражеские, с воспроизведением вместе и тех мыслей и чувств, какие сильны отразить их (прп. Никодим Святогорец, 70, 248—249).

***

Четыре главных и опаснейших искушения, каковым в час смерти обыкновенно подвергают нас враги наши — демоны: 1) колебания веры, 2) отчаяние, 3) тщеславие, 4) разные образы, — в какие облекаются демоны и какие представляют отходящим.

Что касается до первого, то, когда злокозненный враг начнет всевать в тебя помыслы неверия или, явясь видимо, заговорит против веры, ты, не входя с ним в спор, сам в себе восставь веру в то, на что он нападает, и скажи ему со святым негодованием: «Отойди прочь с глаз моих, сатана, отец лжи. Я и слушать тебя не хочу; от всей души всегда веровал и верую во все, во что верует мать моя, Святая Церковь. И этого для меня довлеет». И отнюдь не допускай помыслов неверия, и стой твердо, по слову Писания: *аще дух владеющего найдет на тя, места твоего не остави* (ср.: Еккл. 10, 4). Сознай живее и держись сего сознания, что тут одна козни диавола, покушающегося смутить тебя в последний твой час. Если не сможешь твердо стоять умом, стой бодренно желанием и чувством, не позволяй им преклониться к внушаемому, хотя бы оно прикрываемо было изречениями Писания, приводимыми душегубцем-врагом; ибо что бы из Писания ни напоминал он тебе, все то на пагубу тебе направляется посредством кривого толкования и извращения истины словес Божиих. Если змий сей злокозненный спросит тебя: «А чему учит Церковь?» — не отвечай и внимания не обращай на слова его, презирая его; но ведая, что он есть одна ложь и лукавство и что начал говорить с тобой, чтобы поймать тебя на словах, погрузись в созерцание веры в верующем сердце своем. Впрочем, если чувствуешь себя крепким в вере и сильным в помысле и желаешь посрамить врага,

ответь ему, что Святая Церковь верует тому, что единая есть истина. Если он опять спросит: «Какая же это истина?» — скажи ему: «Та, в которую она верует, именно, что Христос Господь крестом поразил тебя во главу и сокрушил власть твою». И затем прилепись взором ума своего к созерцанию распеншегося за нас Господа, и помолись Ему: «Боже мой, Творче и Избавителю! Ускори на помощь мне и не дай мне поколебаться, даже малейше, в истине святой веры Твоей, — но благоволи, чтобы я, как родился по благости Твоей в истине сей, так, в ней же пребывая, кончил и жизнь мою смертную во славу имени Твоего».

Второе искушение в час смерти, которым враг покушается поразить нас в конец, есть страх при воспоминании множества грехов наших. Страха сего миновать нельзя; но он умиряется верою в искупление грехов наших крестною смертью Христа Спасителя. Враг же, помрачая сию веру, страх за грехи раздувает до того, что он подавляет всякую надежду спасения и поражает безнадежием и отчаянием. Почему, брате мой, наперед готовься к отражению сего нападения и отселе еще замышляй, приближаясь к вратам смерти крепче держать победное наше знамение — Крест Христов, т. е. водруженною в сердце иметь крепкую веру в искупительную силу крестной смерти Господа. Когда же, самым делом вступая в сии врата, ощутишь нападки нечаяния, прежде всего поспеши сознать, что они суть действия вражеские, а не естественные порождения воспоминания своих грехов. Такому воспоминанию свойственно порождать смирение, сокрушение и скорбь сердечную об оскорблении Бога праведного, но и всемилостивого; почему оно, хотя поражает страхом, но таким, который не погашает надежды на милость Божию и, будучи ею растворяем, дает место дерзновенному упованию спасения,

отражая всякое чувство отверженности. Ведая сие, ты не можешь не признать, что коль скоро воспоминание грехов подавляет тебя и ввергает в отчаяние, погашая всякую надежду спасения и поражая страхом отверженности, то все это есть наваждение диавольское. Сознав же это, тебе уже нетрудно будет паче упования возуповать; что и разгонит всякое нечаяние.

Упование паче упования погружает в созерцание милосердия Божия, в бездну коего восчувствовавший его и повергает предельное множество грехов своих, утверждаясь на крепком убеждении, что Бог спасения нашего хощет и ищет, а не пагубы. Крепиться же сие убеждение может и всегда, а наипаче тогда только на беспредельной силе крестной смерти Господа Спасителя. Почему, как всегда надлежит нам укрываться под сенью Креста, так тем паче тогда. И вот какою молитвою прилично тебе, вступая во врата смерти, возмолиться ко Господу Богу твоему: «Господи! Множество имею я причин опасаться, чтобы Ты не осудил меня и не отверг за грехи мои по правде Твоей; но еще большее имею дерзновение надеяться на помилование по беспредельному милосердию Твоему, во Христе Иисусе, Искупителе нашем и Спасителе. Почему умоляю безмерную Твою благость, пощади меня, бедную тварь, осуждаемую грехами своими, но омываемую бесценною кровию Сына Твоего и Бога нашего, да воспрославлю Тебя вовеки. Всего себя предаю в руки Твои; сотвори со мной по милости Твоей. Ты — единый Владыка жизни моей».

Третье искушение в час смерти бывает искушение тщеславием и самоценением, внушающими уповать на себя самого и дела свои. Почему, как всегда, так наипаче в час смерти, отнюдь не допускай вниманию своему останавливаться на себе и своем и вдаваться в довольство собой и

делами своими, хотя бы ты преуспевал в добродетелях паче всех святых. Но довольство твое все да будет в Боге и уповай всецело на одно милосердие Его и страдания Господа Спасителя, да спасешься, всячески уничижая себя перед очами своими до последнего издыхания своего. И если случится, что тебе придет на ум какое-либо твое доброе дело, помышляй, что это Бог совершил его в тебе и тобой, а не ты, и что оно от Него единого произошло.

Прибегай под кров милосердия Божия; однако же не позволяй себе чаять его, как какого воздаяния тебе за многие и великие брани, выдержанные тобой, и победы, одержанные в них. Стой всегда в спасительном страхе, исповедуя искренно, что все твои рвения, усилия и подвиги были бы тщетны и бесплодны, если бы Бог не взял их под крыло благоволения Своего, не посодействовал им и не действовал в них. На сие милостивое благоволение Божие и теперь возложи все упование свое.

Если последуешь этим советам моим, то, будь уверен, враги твои в час смерти никакого не будут иметь успеха в нападениях своих на тебя. И откроется тебе свободный путь, коим с радостию прейдешь ты из юдоли земной в небесный Иерусалим, вожделенное отечество твое.

Если б враг наш, злой, лукавый и упорный, никогда не утомляющийся искушать нас, восхотел в час смерти смутить тебя и соблазнить какими-либо призраками, видениями и преображениями в ангела светла, ты стой твердо в сознании своей скудости и своего во всем ничтожества. И скажи ему с сердцем мужественным и небоязненным: «Возвратись, окаянный, во тьму свою. Как недостойному мне не подобают видения и откровения. Одно мне нужно — безмерное благоутробие Господа моего Иисуса Христа, молитвы и заступления Владычицы нашея Богородицы

и Приснодевы Марии и всех святых». Хотя бы, по некоторым явным признакам, подумалось тебе, что видишь истинные видения, Богом тебе данные; и в таком случае не спеши верить им, а скорее погрузись в сознание своего недостоинства и ничтожества. Не бойся, что оскорбишь тем Бога, потому что Ему никогда не бывают неприятны наши смиренные чувства. Если такие видения нужны для тебя, то Бог знает, как сделать, чтобы ты не закрывал от них очей своих, обезвинив твою косность в веровании, что они от Бога, подающий благодать смиренным не отнимет ее за действия, какие они творят по смирению.

Таковы наиболее употребительные оружия, какими враг нападает на нас в последний час смертный. Но он употребляет на это и всякую другую страсть, какою кто из умирающих обладаем был в жизни и на какую наиболее был падок, и старается возбудить ее, чтобы он отошел в страстном настроении, имеющем решить и участь его. Посему-то прежде приближения часа брани оной великой, надлежит нам, возлюбленные, вооружиться против сильнейших страстей своих и, мужественно вступив в брань с ними, преодолеть их и очиститься от них, чтобы облегчить себе победу и тогда, в час твой последний, который может найти в каждое мгновение. Всякому в сем отношении говорит Господь: *воюй их, дондеже скончаеши их* (1 Цар. 15, 18) (прп. Никодим Святогорец, 70, 250—255).

Состояние души после смерти

...В смерти никому не будет уже возможности болезнь, причиненную ему грехом, уврачевать памятованием о Боге, потому что исповедь имеет силу на земле; а во аде сего нет (свт. Григорий Нисский, 19, 200).

***

Никто не говори... пустых и безрассудных речей: такой-то умер бесчестнее пса — при нем не было никого из знакомых; не сделано ему и приличного погребения... То только худо, если он не имел для своего прикрытия одежды добродетели... Хотя бы кто расстался с жизнью в своем доме, в присутствии жены и детей, в собрании родственников и знакомых, но, если не имел добродетели, люта смерть его (см.: Пс. 33, 22). Напротив, стяжавший добродетель, хотя бы умер на чужбине, поверженный на землю... хотя бы впал в руки разбойников, хотя бы сделался добычею зверей, честна будет смерть его (см.: Пс. 115, 6) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 707—708).

***

Честь для умершего составляют не плач и рыдания, но священные песни, и псалмопения, и добрая жизнь... <Праведный> отойдет с ангелами, хотя бы и никого не было при его останках. А человек развратный, хотя бы целый город провожал его, не получит из того никакого плода (свт. Иоанн Златоуст, 51, 420).

***

Никто без страдания не расстается с телом, и это Бог устроил... для пользы, чтобы не много было насильственных смертей. Ведь если и при этом диавол успевает побуждать к самоубийству и весьма многих доводит до стремнин и пропастей, то, если бы не такова была любовь души к телу, многие тотчас устремлялись бы к этому даже от самой ничтожной печали (свт. Иоанн Златоуст, 51, 600).

***

Если всякий человек — должник смерти и невозможно не уплатить сего долга, избыть которого не возмогли ни цари, ни самоуправные властелины, ни вельможи, ни мудрые, ни праведные (потому что требует оного Божий приговор), то об иных, для кого кончина — начало наказаний, — должно сожалеть и плакать; а тех, кого окончание подвигов приводит к началу венцов, — прославлять и провозглашать победителями. Ибо, отыскав предел высочайшего блаженства, вознерадев о всем ином, украшали они одну душу, соделывали для нее храмом чистоты и тело, которое, в воскресение преобразясь в лучшее, вместе с душою будет жить жизнию бессмертною (прп. Исидор Пелусиот, 62, 388—389).

***

...Если смерть каждого есть заключение (жизни), и после смерти для всех равно наступит (состояние) бездеятельности, и никто не возможет сотворить ничего ни доброго, ни злого, то каждый, конечно, каковым окажется (тогда), Спасителю мой, таким и будет (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 119).

***

Теперь, в настоящей жизни, смерть в своем находится времени и есть (для всех) наказание за первое Адамово преступление, (для грешников) пресечение грешности, (для праведников) — упокоение от священных подвигов; но в будущей жизни как упразднится жизнь мира сего, так и смерть престанет наконец и будет упразднена; тогда, как рождаться не будут люди и жить по образу настоящей жизни, так и умирать не будут, как теперь, и смерть уп-

разднится. Но будет тогда... другая смерть, тягчайшая и горчайшая теперешней, т. е. вечное мучение (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 56).

***

В Православной Церкви... есть верование, по коему умершие с покаянием и причащением, но не успевшие понести исправительных подвигов или епитимий, восполняют сие молитвами о них Церкви, и милостынями за них, и, конечно, своими там молитвами. Они живут в надежде и не страдают... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 130).

***

По смерти бывает частный суд, на котором определяется участь грешников... Но окончательное решение их участи последует на всеобщем Страшном Суде. До того они только ждут сего страшного момента... ужасаются и страдают от того (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 130).

Скорбь об умерших

Имеющим несомненную веру в воскресение из мертвых несвойственно скорбеть об усопших... (свт. Василий Великий, 7, 367).

***

...Не должно скорбеть о почивших (см.: 1 Сол. 4, 13), потому что скорбь эта свойственна только неимущим упования... Возможно ли людям это исполнить, когда в каждом есть какое-то естественное отвращение от смерти; кто видит умирающих, те с трудом сносят зрелище; а к кому

приближается смерть, те, сколько можно, от нее бегут. Да и господствующие законы признают ее крайним из преступлений и крайним из наказаний; поэтому какая же возможность почитать ни за что исшествие из жизни, даже кого-либо из чужих, не только и близких, когда они оканчивают жизнь? К тому же видим... что и все человеческое старание имеет в виду то, что продлить нам время жизни; потому у нас и дома придуманы для жительства, чтобы тела в окружающем их воздухе не страдали от холода или жара. И земледелие что иное, как не заготовление потребного для жизни? Забота же о жизни, конечно, происходит от страха смертного. Что такое врачебное искусство? Отчего оно почтенно у людей? Не от того ли, что средствами своими, по-видимому, борется несколько со смертью. И брони, и щиты, и воинская обувь, и шлемы, и оборонительные оружия, и ограды стены, и железом кованные ворота, и доставляющие безопасность рвы, и подобное тому, почему иному делается все это, как не по страху смерти? Поелику же естественным образом так страшна смерть, то легко ли послушаться того, кто велит остающемуся в живых не предаваться скорби об умершем? (свт. Григорий Нисский, 21, 202—203).

***

...Скорбь чрезмерная <о смерти ближних> свойственна душе безрассудной, умоисступленной и слабой. Поскорби, поплачь, но не ропщи, не малодушествуй, не негодуй; воздай благодарение Взявшему и, украсив отшедшего, препроводи его к Нему в светлой погребальной одежде. Если станешь роптать, то оскорбишь и умершего, и прогневаешь Взявшего, и повредишь самому себе; но если будешь благодарить, то и его украсишь, и прославишь Взявшего, и

сделаешь пользу самому себе (свт. Иоанн Златоуст, 44, 840).

***

Подлинно... <смерть> — это долг, которого невозможно заплатить никакими деньгами, — долг, от которого не избавляет ни мужество, ни мудрость, ни могущество и которого не могут отклонить от себя, наконец, и сами цари. Я, конечно, посоветовал бы тебе усилить свою печаль, если бы это дело происходило от нерадения или от скупости, тогда как можно было бы тебе своими средствами откупиться от него или отсрочить его; но если это Божие определение, твердое и неизменное, то мы напрасно скорбим и спрашиваем себя: почему такой-то умер... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 595).

***

...Скажет кто-нибудь: как же ты запрещаешь оплакивать умерших, когда и праотцы плакали, и <пророк> Моисей, раб Божий, и затем многие пророки?.. Те, которые жили до Закона или находились под тенью Закона, оплакивали своих мертвецов; но свет Евангелия не может так помрачаться. И они справедливо плакали, потому что еще не приходил с небес Христос, Который осушил этот источник слез Своим Воскресением. Они справедливо плакали, потому что смертный приговор оставался еще в силе (свт. Иоанн Златоуст, 49, 596).

***

...Мы, живущие уже под благодатью, имеющие верную надежду воскресения, получившие запрещение всякого се-

тования, почему так упорно оплакиваем своих мертвецов по примеру язычников, поднимаем безрассудные вопли, как бы в некоторого рода опьянении разрываем одежды, обнажаем грудь, поем пустые слова и причитания около тела и гробницы усопшего? Для чего, наконец, окрашиваем платье в черный цвет, если только не для того, чтобы не только слезами, но и самою одеждою показать себя поистине неверующими и жалкими? Все это, братие, должно быть чуждо нам, непозволительно; а если бы и было позволительно, то не было бы прилично... Если бы даже и действительно в груди его была такая печаль, то и в таком случае следовало бы в безмолвии умерять скорбь рассудительностью, а не разглашать о ней с душевным легкомыслием (свт. Иоанн Златоуст, 49, 604).

***

Язычник, не знающий Бога, должен плакать <об умершем>, потому что он, как только умрет, прямо идет на казнь. Должен сокрушаться и иудей, который, не веруя во Христа, обрек свою душу на погибель. ...Но кто освящен благодатию, запечатлен верою, честен по поведению или неизменен в невинности, того, когда он отойдет из здешнего мира, надобно ублажать, а не оплакивать, тому надобно завидовать, а не скорбеть о нем сильно, — впрочем, завидовать умеренно, так как мы знаем, что в свое время и мы сами последуем за ними (свт. Иоанн Златоуст, 49, 606).

***

...Не поставляю непременным законом того, будто совершенно уже не нужно плакать о <умерших> детях, и,

если бы я стал утверждать это, я сказал бы то, что совершенно невозможно. Ведь и я повинуюсь законам природы и не противлюсь умеренной скорби, так как и я смертен, рожден матерью и обладаю одинаковыми с другими природными свойствами <...>

Будем плакать как верующие и не будем вести себя непристойно, подобно неверным; будем плакать так, как оплакивал Лазаря Христос, — Он и заплакал для того, чтобы показать тебе меру и предел. Зачем, в самом деле, нужно было Ему плакать о том, кого Он спустя немного <времени> хотел воскресить? Это Он сделал для того, чтобы ты узнал, в какой мере нужно предаваться плачу, чтобы мы обнаруживали и свойственное природе нашей сострадание и не позволяли себе подражания неверным... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 932).

***

...Если бы ты стал плакать и рыдать о ком-нибудь, введенном в царские чертоги и увенчанном, то я не назвал бы тебя его другом, а явным врагом и неприятелем. Но, скажешь, я оплакиваю не его, а себя? И это несвойственно любящему — желать, чтобы он еще беспокоился о тебе и подвергался неизвестности (твоего) будущего, тогда как ему следует быть увенчанным и идти к пристанищу, или чтобы он обуревался волнами, тогда как ему можно быть в пристани (свт. Иоанн Златоуст, 53, 429).

***

Не раздражай Бога <плачем об умершем>, но умилостивляй Его; если перенесешь мужественно, то отсюда будет некоторое утешение и умершему, и тебе... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 430).

***

Заплакал Иисус, чтобы показать нам свое сострадание и человеколюбивое расположение к роду нашему; заплакал Иисус, чтобы делом убедительнее, чем словом, научить нас плакать с плачущими; заплакал, но не предался горю, с одной стороны, совершенно отклоняя отсутствие слез, как нечто жестокое и бесчеловечное, а с другой — удаляясь отчаяния, как неблагородного и не свойственного мужу; заплакал, узаконивая сострадание (свт. Иоанн Златоуст, 54, 992).

***

Вникни, какой смысл в этих <погребальных> песнопениях. Но ты не внемлешь им, а беснуешься от скорби. Будь внимателен и благоразумен хотя бы при погребении других, чтобы тебе найти врачевство при своем погребении (свт. Иоанн Златоуст, 55, 46).

***

Не испускай стонов, но возблагодари Бога и прославь Отнявшего, — и это будет нисколько не ниже Авраама: как тот отдал сына по повелению Божию, так и ты не сетовал, когда Бог взял его. Если ты, видя твоего сына умершим, возблагодаришь Бога, то получишь награду не меньшую, чем тот, кто привел сына своего и отдал его как жертву. И если ты остановишь рыдания и сетования и всех станешь побуждать к славословию, ты получишь бесчисленные награды и свыше, и от земли; люди будут удивляться тебе, ангелы рукоплескать, Бог награждать... Когда увидишь глаза закрытые, и уста сомкнутые, и тело недвижимое, ты думай не о том, что вот эти уста уже не

издают звука, эти глаза не видят, эти ноги не ходят; но думай о том, что уста эти будут говорить лучшее, глаза увидят большее, ноги будут вознесены на облаках, и что тленное это тело облечется в бессмертие, и что ты получишь превосходнейшего сына (свт. Иоанн Златоуст, 55, 766).

***

Будем плакать об умерших <во грехах> — я не препятствую. Будем плакать, но не бесчинно — не рвя на себе волос, не обнажая плеч, не царапая лицо, но с тихой душой источая необильные слезы. Это принесет нам пользу, потому что оплакивающий так умершего сам гораздо лучше позаботится, чтобы с ним не случилось того же самого (свт. Иоанн Златоуст, 55, 772).

***

...Это великая тайна премудрости Божией. Как бы покидая какой дом, идет душа и приводится к своему Владыке, а ты скорбишь? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 874).

***

Не плачь над умершим, это — общий путь; и кто достиг конца, тот блажен (прп. Нил Синайский, 72, 251).

***

Если кто с благодарением и мужественно перенес утрату любимого, то назовут его любомудренным и великодушным, и будет прощено ему много прежних грехов (прп. Нил Синайский, 72, 393).

***

Я всегда был той мысли, что по умершим не траур надо надевать, а праздничные наряды, и не заунывные петь песни, а служить благодарственный молебен. У нас все кверху ногами перевернулось (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 6—7).

***

...Немножко не сплакнуть и не сгрустнуть нельзя <об умершем>. Но силою представления пересилить можно, и утишить и совсем прогнать скорбь (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 7).

***

Я не умею горевать об отходящих, когда уверен, что они отходят ко Господу. Как горевать о них, когда они радуются? (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 66).

***

Мы обычно думаем, что вот зарыли в землю бедную... сыро, мрачно, тяжело. А ее там нет, она при вас смотрит на плачущих и покачивает головою; чего это плачут, ибо ей там лучше (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 136).

****

Один старец пришел в город, чтобы продать сделанные им корзины. Распродав их, он сел — так случилось ненамеренно — на пороге дома одного богатого человека, который был при смерти. Около дома старец увидел черных коней и на них черных и страшных всадников, с огненными жезлами в руках.

Всадники доехали до дверей дома, спрыгнули с лошадей и, оставив их у ворот, поспешно вошли один за другим в дом. Умирающий богач, увидев их, воскликнул громким голосом: «Господи! Помоги мне!» А они сказали ему на это: «Теперь-то вспомнил ты о Боге, когда солнце померкло для тебя? Почему же до сего дня не взывал ты Его, доколе светил для тебя день? Но ныне, в этот час, уже нет тебе ни надежды, ни утешения» (106, 527).

***

Хрисаорий был очень богат, но столько же обладал и пороками: был надменным и гордым, преданным пожеланиям своей плоти, корыстолюбивым и жадным. Но Господь решил положить конец его порокам и поразил телесной болезнью. Хрисаорий был близок к смерти и перед тем, как душе выйти из тела, увидел черных и страшных духов, которые стояли перед ним и готовы были схватить его душу и отвести в адскую темницу.

Он затрепетал, стал просить отсрочки и испуганным голосом звал своего сына, монаха Максима: «Максим, беги, я тебе никогда не делал ничего худого, поддержи меня своею верою». Встревоженный Максим тотчас прибежал; с плачем и трепетом собралось и все семейство. Злых духов, от которых так сильно страдал Хрисаорий, домашние не могли увидеть, но узнали о присутствии их из смущения, бледности и трепета больного. От ужаса он вертелся на постели, стараясь спрятаться от их страшных взоров, но, куда бы он ни повернулся, всюду видел их. Стесненный ими до чрезвычайности, он отчаялся уже в своем освобождении и стал кричать: «Дайте отсрочку хоть до утра! Хоть до утра!» Но во время этого крика душа его была взята из тела.

Из этого очевидно, что это видение было не для него, а для тех, кого еще ожидает долготерпение Божие. Ибо какую пользу принесло ему то, что он видел перед смертью мрачных духов и не получил просимого (107, 178—179).

***

Один монах пользовался большой любовью среди своих братий. Внешне он был доброго поведения и казался благочестивым во всем, но на самом деле жил совсем не так. Это выяснилось только при конце его жизни.

Перед всеми он являлся постящимся, но имел обыкновение есть тайно. Как-то он заболел и уже приближался к своей смерти. Чувствуя свою кончину, он позвал к себе всех братий, живших в монастыре. Братия надеялись услышать от такого, по их мнению, великого мужа, что-нибудь важное и утешительное. Но в смущении и трепете брат рассказал, какому врагу он был предан перед смертью. Умирающий говорил: «Когда вы думали, что я пощусь вместе с вами, я тайно ел и вот теперь предан дракону для пожрания, который своим хвостом опутал мои колена и ноги, а голову засунул в мой рот и высасывает из меня душу». С этими словами он умер. Дракон, которого он видел, не ждал, пока брат освободится от него покаянием.

Очевидно, он имел видение для пользы слушателей; сам же не избежал врага, которому так явно был предан (107, 179).

***

...Священник одного московского храма, отец Николай, переживал с величайшей скорбью, как своего рода семейное несчастье, совершенное неверие в Бога своей жены.

У них родилась дочь Мария, прелестный ребенок, подобный ангелу. Когда Марии исполнилось пять лет, она не

отходила от отца ни на шаг. Для нее величайшим удовольствием было участвовать во всех его молитвах, сопровождать в храм и вместе с ним возвращаться домой. Добрые уроки отца Николая благотворно действовали на юную чистую душу дочери. Девочка, развивавшаяся не по летам, была радостью и утешением родителей.

Когда ей исполнилось семь лет, она неожиданно заболела. Пригласили доктора, который, освидетельствовав больную, сказал, что у нее дифтерит. Прошло три дня, и доктор сообщил отцу Николаю, что девочка безнадежна. Мать Марии была в отчаянии, и отец Николай боялся, что она не перенесет смерти дочери. Сам отец Николай, как истинный слуга Божий, верил, что все совершается промыслительно. Наступил смертный час девочки. Видя отчаяние своей матери, умирающая сказала ей: «Мама! Не проси у Бога и не желай продолжения моей жизни. Я в ней сгорю» — и скончалась. В момент исхода ее души из тела мать промыслительно увидела, как от тела девочки, подобно молнии, отделилось ее точное подобие и вспорхнуло к небу.

Этот момент был решающим в обращении супруги отца Николая к Богу. Она стала верующей и после смерти дочери неотлучно сопровождала его в храм. Она участвовала и в его домашней молитве, став истинной спутницей его жизни (114, 177—178).

***

Один брат спросил старца: «Спасает имя или дело?» «Дело, — ответил старец и продолжил, — знаю я, как молился однажды брат, и пришел ему такой помысл, чтобы увидеть души грешника и праведника, разлучающихся от тела. Бог же не отказал ему в этом желании.

Как-то в одном монастыре был болен некий великий отшельник, и приближался его смертный час. И видит брат большой запас свечей и лампад, приготовляемых для отшельника; и весь город плачет о нем, думая, что Бог только ради него спасал весь город и давал всем хлеб и воду. «Если случится с ним что-нибудь, — говорили все горожане, — то мы умрем».

Когда же настал час смерти отшельника, то видит брат тартар адский и слышит голос: «Так как душа его не утешила Меня ни одного часа, и ты ее не милуй, владей душою его, ибо не получит покоя вовеки». И тот, к кому относилось сие повеление, опустив огненный трезубец в сердце подвижника, долгое время мучил его и исхитил душу его.

После сего пошел брат в город и видит на площади, лежащего больного странника, не имеющего, кто бы позаботился о нем. Пробыл брат около него до самой смерти и во время успения его увидел он архангелов Михаила и Гавриила, пришедших за душой странника. И сели архангелы около него: один справа, а другой слева — и хотели взять душу его. Она же не хотела оставлять тело. Тогда сказал архангел Михаил архангелу Гавриилу: «Восхить ее, и пойдем». «Повелено нам от Владыки нашего безболезненно взять ее, потому не можем насильно принуждать ее», — возразил архангел Гавриил. Тогда архангел Михаил возгласил: «Господи, что повелишь о душе сей, поскольку не хочет она выходить?» И услышал он: «Вот посылаю Давида с гуслями и всех поющих, дабы она, услышав сладкопение их, вышла с радостью, чтобы не принуждать ее». И когда сошли все, и окружили душу, и воспели песни, и она легко выскочила на руки архангела Михаила, и вознесли ее с радостью (98, 420—422).

***

Когда преподобному Пахомию сообщили, что турецкое правительство решило казнить его, он с чувством невыразимой радости, прославляя Бога, выслушал эту весть и всю следующую ночь провел в славословии и молитвенном подвиге.

Утром его привели к судье для конечного приговора. Пахомий с прежним дерзновением исповедал Господа Иисуса Христа, за что и был отдан палачам.

Его повлекли на место казни, и множество турок и христиан последовало за ним. Первые из них насмехались над страстотерпцем, оплевывая и понося его, а христиане желали проводить его и увидеть его блаженную кончину. Когда святой Пахомий достигнул места казни, то преклонил колена в тайной молитве за всех. Палач не хотел обезглавить его и шептал ему вполголоса, чтобы он не губил напрасно своей жизни, а лучше отрекся бы от своего Христа и наслаждался земным блаженством, которое дарует ему Магомет и верные рабы его.

«Делай то, что тебе приказано, — отвечал Пахомий, — и не теряй напрасно времени!» — и голова дивного страстотерпца была отсечена.

Таким образом святой Пахомий получил венец мученичества. Святое тело его через три дня было взято христианами и похоронено (95, 146—147).

***

Два отшельника, старец и его ученик, жили близ обители аввы Феодосия в Скопеле. Старец скончался, и его ученик, совершив молитву, похоронил его в горе.

Прошло несколько дней. Ученик отшельника спустился с горы и, проходя мимо селения, встретил человека, тру-

дившегося на своем поле. «Почтенный старец, — сказал он ему, — сделай милость, возьми лопату и заступ и пойдем со мною». Земледелец тотчас пошел за ним. Взошли на гору. Отшельник указал мирянину на могилу своего старца и сказал: «Копай здесь!» Когда тот вырыл могилу, отшельник стал на молитву и, окончив ее, спустился в могилу, лег рядом со своим старцем и предал душу Богу. Мирянин, зарыв могилу, вознес благодарение Богу. Сойдя с горы на расстояние брошенного камня, земледелец подумал: «Я должен был бы взять благословение у святых!» Но, вернувшись, он уже не мог найти их могилы (102, 110—111).

***

В дни нечестивых царей мучили благочестивых христиан за имя Христово. Среди них были две сестры — девы Марфа и Мария. Однажды мимо их дома шел воевода, и, увидев его, сестры воскликнули: «Мы — христианки!» «Убирайтесь, вы еще молоды, и убивать вас не стоит», — сказал им воевода. Марфа отвечала: «О, воевода, смерть мученическая есть не смерть, но жизнь вовеки!» Воевода разгневался и начал допытываться. Мария сказала: «Что говорила сестра, то подтверждаю и я: мы — христианки!» В это время подошел отрок в иноческой одежде и тоже признался: «Что говорили Марфа и Мария, то же говорю и я. И я — христианин!» Пришедший в ярость военачальник велел распять их на крестах. Около них стояла их мать и, одобряя их, говорила: «Спаситесь же, дети мои, вы уже взяли венец у Христа». Мария с креста отвечала ей: «Будь спасена и ты, матерь наша, вместе с нами, ибо ты принесла нас в жертву Христу». И сказала еще палачу: «Подожди немного и дай нам помолиться». Палач согласился, и Марфа запела: *«К Тебе возвожу очи мои, Живущий на*

небесах! Вот, как очи рабов обращены на руку господ их, как очи рабы — на руку госпожи ее, так очи наши — к Господу, Богу нашему, доколе Он помилует нас (ср.: Пс. 122, 1—2)». По окончании молитвы Марфа сказала: «Если кто из братий хочет, то пусть приходит и прощается с нами». Мария же засомневалась: «Нужно ли приглашать? Ведь и так, пожалуй, много народу придет». Марфа отвечала: «Не стыдись, сестра, что мы умираем позорной смертью за Христа. Ведь сегодня же мы будем в Иерусалиме Небесном». И много народу собралось проститься со святыми. Началась казнь, сестры и отрок предали Господу души свои. Мать видела казнь своих детей, ободряла и укрепляла их (112, 469—470).

***

Когда авва Иосиф Панефосский умирал, сидели около него старцы. Посмотрев на дверь, он увидел диавола, сидевшего у двери. Тогда, подозвав к себе своего ученика, сказал: «Подай жезл. Он думает, что я состарился и не могу управиться с ним». Ученик исполнил просьбу. Авва взял жезл, и старцы увидели, как диавол, в образе собаки, пробрался в дверь и исчез (106, 304).

***

Когда умирал брат Захария, вопросил его авва Моисей: «Что видишь?» Захария отвечал: «Авва, не лучше ли умолчать об этом?» Моисей сказал: «Умолчи, сын мой».

Бывший здесь авва Исидор, пресвитер, воззрев на небо, сказал: «Веселись, Захария, чадо мое! Тебе отворились врата Царствия Небесного». Тогда Захарий испустил дух и погребен был отцами в Скиту (106, 133).

***

Святой Иоанн Молчальник возымел желание увидеть, как разлучается душа от тела, и, когда просил о сем Бога, был восхищен умом во святой город Вифлеем, где увидел на паперти одной церкви умирающего мужа-странника: душу его принимали ангелы и возносили с песнопениями и благоуханием на небо.

Тогда святой Иоанн пошел в Вифлеем и узнал, что в тот самый день и час преставился этот человек. Найдя его святые останки на паперти, он похоронил его и возвратился в свою келью (108, 17).

***

Когда приближалась кончина аввы Арсения, ученики его пришли в смятение. А он говорит им: «Еще не настал час; когда же настанет, скажу вам. Но я буду судиться с вами на Страшном Суде, если вы отдадите кому-либо останки мои». «Что же нам делать? — спросили ученики. — Мы не знаем, как похоронить тебя!» Старец отвечал им: «Ужели не знаете, как привязать к ноге моей веревку и тащить меня на гору?»

Когда же приблизилась его кончина, братия увидели, что старец плачет. Они говорят ему: «Правда ли, что и ты, отец, страшишься?» Он отвечал им: «Правда. Настоящий мой страх всегда был со мною с того самого времени, как я сделался монахом». После этого он почил (97, 25).

***

Рассказывали об авве Сисое, что перед смертью лицо у него просияло как солнце и он сказал отцам: «Вот пришел авва Антоний». Немного погодя опять говорит: «Вот при-

шли Ангелы взять меня, а я прошу их, чтобы на некоторое время оставили меня для покаяния».

Старцы сказали ему: «Ты не имеешь нужды в покаянии». Он отвечал: «Нет, я уверен, что еще и не начинал покаяния». А все знали, что он совершен. Вдруг лицо его опять заблистало подобно солнцу. Все пришли в ужас, а он говорит им: «Смотрите, вот Господь... Он говорит: «Несите ко Мне избранный сосуд пустыни...» — и тотчас предал дух. Вся храмина наполнилась светом и благоуханием (97, 250).

***

Когда настало время кончины аввы Агафона, он три дня лежал без движения с открытыми глазами и смотрел в одну сторону. Братия, окликнув его, спросили: «Авва, где ты?» Он отвечал: «Предстою суду Божию». Братия удивились: «Отец! Неужели и ты боишься?» Он отвечал: «Хотя я старался всеусильно исполнять заповеди Божии, но я человек и не знаю, угодны ли дела мои Богу». Братия опять спросили: «Неужели ты не уверен, что дела твои благоугодны Богу?» Старец сказал: «Невозможно удостовериться мне в этом прежде, нежели предстану Богу, потому что иной суд Божий и иной — человеческий». Когда братия хотели еще задать вопрос, он сказал им: «Окажите любовь, не говорите со мною, потому что я занят», — и с радостью испустил дух свой.

Братия видели, что он скончался, как бы приветствуя своих возлюбленных друзей (106, 61).

***

Когда авва Иоанн Колов уходил из этой жизни, отходил в радости, как бы возвращаясь на родину, смятенные

братия окружили одр его. Они просили его, чтобы он оставил им какое-либо особенно важное наставление, которое помогло бы им достичь христианского совершенства. Он воздохнул и сказал: «Никогда я не исполнял моей воли и никого не учил тому, чего сам прежде не сделал» (106, 297).

***

Один благочестивый старец, достигнув глубокой старости, слег на смертный одр. Братия окружили его и горько плакали о разлуке с ним. Старец же, напротив, был полон радости и, открыв глаза свои, тихо улыбнулся; спустя немного опять улыбнулся и через несколько минут тишины улыбнулся в третий раз. «Мы плачем, а ты радуешься», — сказали ему братия. «Да, — отвечал старец, — радуюсь. В первый раз я порадовался тому, что все вы боитесь смерти, в другой потому, что вы еще не готовы к ней, а в третий потому, что иду от трудов на покой» (112, 94).

***

Поведал некий старец. Два брата жили по соседству с ним. Один — странник, другой — туземец. Первый жил немного нерадиво, другой был великий подвижник. Настало время, и странник скончался в мире. Прозорливый старец, сосед их, увидел множество Ангелов, сопровождавших его душу. Когда он приблизился ко входу на небо, на вопрос о нем припел голос свыше: «Ясно, что он был немного нерадив, но за странничество его отворите ему вход в небо». После этого скончался и туземец, и собрались у него все его знакомые. Старец увидел, что Ангелы не припли для сопровождения его души, и удивился. Упав ниц перед Богом, он спросил: «Почему странник, живший

не столь благочестиво, сподобился такой славы, а этот, будучи подвижником, не удостоен ничем подобным?» И последовал ответ: «Подвижник, умирая, видел своих плачущих родственников, и этим душа его была утешена, а странник хотя и был нерадив, но не видел никого из своих. Находясь в таком состоянии, он плакал сам, и Бог утешил его» (106, 524).

***

Однажды ученик иеросхимонаха Иисуса тайно, через замочную скважину, посмотрел, как тот, будучи болен, проводив из кельи иноков, встал на колени посреди кельи и начал молиться со слезами Богу, Пресвятой Богородице и святым угодникам, часто поминая устроенную им святую киновию и братию. После молитвы он лег на одр и перекрестился. Через несколько минут опять встал и на коленях стал молиться Господу с воздетыми руками так: «Господи Боже мой! Благодарю Тебя, что призрел на смирение мое и сподобил меня скончаться в православной вере в Тебя, в исповедании и исполнении заповедей Твоих! Приими, Владыко Преблагий, в мире дух мой, а Твоих рабов, которых во едино стадо через меня грешного собрал, сохрани...» Непродолжительна была эта молитва добродетельного подвижника, и он лег на одр.

В эти минуты на лице умирающего старца появилась видимая перемена, оно сияло необъяснимым спокойствием и радостью. Он лежал уже недвижим, в молчании и как будто с кем душевно беседовал. Вдруг старец воскликнул: «Благословен Бог отцев наших! Если так, то уже не боюсь, но в радости отхожу от мира сего!» С этими словами в келье появился необыкновенный свет, разлилось великое благоухание и слышен был пресладкий глас многих, неизвестно где поющих псаломскую песнь: *яко пройду в место*

селения дивна даже до дому Божия, во гласе радования и исповедания, шума празднующего (Пс. 41, 5).

В эту минуту блаженный на одре своем руки сложил на груди крестообразно, и душа его отлетела в обители небесные, куда постоянно стремилась во все течение своего земного странствования (113, 130—131).

***

Как-то ночью 2 января 1833 года после утрени, стоя на крыльце своей кельи, отец Филарет Глинский увидел сияние на небе и чью-то душу, ангелами с пением возносимую на небо. Долго смотрел он на это чудное видение и, подозвав к себе братий, указал им на необыкновенный свет и сказал: «Вот так отходят души праведных! Ныне в Сарове почил отец Серафим». Видеть сияние сподобились лишь двое из братий. Позже выяснилось, что в ту самую ночь скончался преподобный Серафим Саровский (96, 64).

***

Когда старец схимонах Евфимий Глинский приблизился к кончине, он просил напутствовать его Святыми Таинствами. Просьба была исполнена, над ним совершили Таинство Елеосвящения и Святого Причащения. По принятии Тела и Крови Христовых он сидел на постели, мирно ожидая своего переселения в иной мир. При светлой улыбке из глаз его текли слезы. Один из братии по своей простоте спросил отходящего старца: «Батюшка, что вы плачете? Разве и вы боитесь умирать?» Старец посмотрел на него с приятной улыбкой и сказал: «Чего мне бояться? Идти к Отцу Небесному и бояться! Нет, брат, я по благости Божией не боюсь, а что ты видишь мои слезы, это слезы радости. Сколько лет душа моя стремилась ко Господу, а теперь приближается желанное время,

я скоро предстану Тому, к Кому всю мою жизнь стремилась душа моя, и увижу Его; вот слезы и текут».

Мирно пребывая в сердце своем с любимым Господом, он скоро испустил тихий последний вздох, с которым блаженная его душа оставила земное многотрудное тело и потекла к Господу со страхом и радостью (96, 295).

***

Иеромонах Троице-Сергиевой Лавры отец Мануил, служивший при храме Петроградского Троицкого подворья, сообщил: «Однажды часов в десять вечера позвали меня напутствовать одного больного старца. Лицо его было светло и приятно, и весь он дышал благочестивым чувством преданности воле Божией. После исповеди я поспешил приобщить его, так как он был очень слаб, а соборован он был еще раньше.

По принятии Святых Христовых Таин он подал мне знак, чтобы подошел к нему. Лицо его сияло светом радости. Когда я приклонил ухо к его устам, он тихо спросил меня, показывая вдаль: «Батюшка! Видите ли вы Ангела светлого, блистающего, как молния?» Я сказал, что ничего не вижу. Он употребил последнее усилие, чтобы сотворить крестное знамение, и скончался» (114, 170).

***

«Однажды зимой, — рассказывает один странник, — я зашел для ночлега на постоялый двор. Хозяйка, накормив меня ужином, постелила спать на полатях, говоря, что там мне будет спокойно спать. Когда я улегся, то вижу, что над дверью есть окошко в соседнюю комнату. Через него видно все, что там делается. Вскоре послышался стук в дверь дома. Я увидел через окошко, как в комнату вошел

пожилой, хорошо одетый мужчина и с ним юноша, по-видимому его сын. Путники поужинали, затем встали на молитву и долго и усердно молились. Наконец они улеглись спать. Я тоже заснул.

Вдруг ночью я проснулся как бы от сильного толчка и вижу: в комнате два светоносных юноши. Один облачен в священнические одежды, другой — в диаконском стихаре и препоясан орарем. Священник держит в руках потир и, указывая на спящего мужчину, говорит другому светоносному мужу в сане диакона: «Приподними его, я его приобщу». Светоносный священник причастил мужчину прямо из потира. Указывая на мальчика, лежащего на постели лицом вниз, он сказал: «Поверни его и тоже приподними», — и затем причастил и его. После этого видение кончилось.

Как только свет померк, я услышал страшный треск. Оказалось, что в этой комнате обвалился ветхий потолок, и отец с сыном были раздавлены насмерть. Блаженная кончина двух путников, вероятно, была подготовлена их предыдущей светлой жизнью». Так по жизни человека Господь нередко предуготовляет его кончину напутствием в Вечную Жизнь (114, 179—180).

***

Один священник рассказал случай из своей пастырской практики: «Произведен я был в священники на приход близ нашей северной столицы, где живет много православных финнов. Помню, день клонился к вечеру. Посмотрев в окно, я увидел подъезжающего к дому молодого финна. Он, войдя ко мне, помолился святым иконам и приветствовал меня. Я спросил его: «Что привело тебя ко мне?» Финн ответил: «У моего отца родился сын, которого необходимо окрестить на дому. Наша приходская церковь от нас далеко, да, кстати, и отцу нездоровится, и он просит

приобщить его». Я сказал финну: «Теперь уже поздно. Распряги лошадь, поставь на отдых, а сам подкрепись у меня, чем Бог послал, и отдохни». Финн так и сделал.

Прошло два часа. Сколько я ни старался уснуть, никак не мог. Наконец, не в состоянии бороться с преследовавшей меня мыслью о том, что больной меня ждет и мне необходимо спешить к нему, я стал будить его сына с просьбой собираться и ехать. Молодой финн стал уверять, что его отец не так слаб и что можно обождать до утра. Но неотвязная мысль упорно твердила мне, что надо ехать немедленно. Финн с неохотой внял моей просьбе, запряг лошадей, и мы отправились в путь.

Вот уже шестнадцать верст мы проехали благополучно. На горизонте заблистали огоньки той деревни, куда мы ехали. Еще несколько мгновений — и наша лошадь доставила нас к дому финна, который имел нужду в пастырской помощи. При выходе из повозки в ночной полутьме я увидел в окне дома высокую фигуру хозяина. Он протирал запотевшие стекла в окне. Тогда я подумал: «Напрасно было предпринимать ночной путь из опасения, что больной умрет без напутствия Святыми Таинами». Войдя в дом, я, видя новорожденного малютку слабым, поспешил его окрестить и затем приступил к исповеди самого отца. На исповеди я узнал, что финн весьма благочестив. В течение всей своей жизни он ежедневно слезно просил Господа о даровании ему христианской кончины и напутствования перед смертью Святыми Таинами. После искренней, слезной исповеди и благоговейного причащения больной лег на лавку в передний угол и попросил позволения немного отдохнуть. Я сел рядом с ним и стал записывать в памятную книжку имя новорожденного младенца. Вдруг чувствую позади себя судорожную дрожь больного. Когда я оглянулся и посмотрел на него, то понял, что он уже скончался» (114, 180—182).

***

Блаженный Исихий Хоривит, живший сначала в небрежении и лености, после тяжкой болезни решил исправиться и, для утверждения себя в новой жизни, положил за правило помышлять о смерти постоянно. Такое помышление не только отвлекло его от грехов, но и поставило на высокую степень добродетели. Двенадцать лет он пробыл безвыходно в своей келье молчальником, вкушал только хлеб и воду, и день и ночь плакал о своих грехах. Когда наступил для него час смертный, братия вошли к нему и стали умолять, чтобы хоть теперь он что-нибудь сказал им в назидание. Убежденный опытом, какую пользу приносит человеку память смертная, Исихий воскликнул: «Простите меня, братия! Кто имеет память смертную, тот никогда не может согрешить». И с этими словами предал дух свой Господу. И подлинно, братие: *Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши* (ср.: Сир. 7, 39), учит премудрый сын Сирахов (112, 93—94).

***

Индийский царь Авенир, до принятия крещения бывший злым гонителем христиан, однажды издал повеление, чтобы все жившие в его царстве монахи в продолжение трех дней непременно оставили его страну и искали себе убежище, где знают; тем же, которые не исполнят его повеление, угрожал смертью. Вскоре после этого, во время поездки на охоту, Авениру встретились два инока. Увидя их, царь пришел в сильное раздражение и с гневом сказал им: «Что же? Разве вы не знаете, что в три дня вы все должны были оставить мою страну?» «Знаем, — отвечали иноки, — и вышли из твоей страны; а что ныне проходим ею, то это для того, чтобы доставить пищу оставшимся здесь братиям». «Да какая же им пища нужна, — вскри-

чал царь, — когда они осуждены на смерть? Разве вы не знаете, что все приговоренные к смерти находятся в ужасе и печали и не требуют пищи?» «Нет, царь, не все осужденные на смерть в страхе и печали находятся, — отвечали иноки. — Ужасаются смерти только те из них, которые ничего хорошего не ожидают для себя в жизни будущей, и к земным благам настолько привязаны, что с величайшим трудом расстаются с ними. Мы же, оставивши сей мир и все, что в нем, и проходя ради Христа узкий и прискорбный путь, смерти не боимся, потому что любовь имеем лишь к небесному, и смерть вожделенна для нас как скорейшее прехождение к жизни лучшей и вечной». «Но, однако, — сказал царь, — вы вышли из моей страны, значит, на самом деле боитесь смерти». «Нет, царь, не ради страха смерти мы вышли из твоей страны, — отвечали иноки, — а ради жалости к тебе, чтобы не подвергнуть тебя за умерщвление нас вящему осуждению. А уж если нашей смерти непременно желаешь, то опять повторяем тебе, что она для нас не страшна». Слыша это, Авенир еще более разгневался и тотчас повелел предать иноков злой смерти — сжечь. «И тако, заключает сказание, смерть приняша, Христовы угодники огнем и мученический подвиг, и венцы получиша» (112, 214—215).

***

Жили два брата, у которых было много детей. Братья приучали детей к трудолюбию и благодаря общему труду разбогатели. Однажды старший брат призвал к себе детей младшего брата и сказал им: «Брат мой, а ваш отец, знает такой день, потрудившись в который можно обогатиться и потом уже жить без труда. Я знал его, но сейчас уже забыл, какой же это день, потому идите к вашему отцу, и он расскажет вам о нем».

Дети с нетерпением поспешили к отцу и стали просить его, чтобы он указал им тот день, после которого можно было жить уже без труда. Отец ответил: «Я и сам, дети, забыл этот день, но ступайте и потрудитесь год, а за это время, может быть, вы и сами узнаете о дне, дающем беспечальное житие». Дети послушались отца и трудились целый год, но такого дня не нашли. Когда они пришли к отцу и сказали ему об этом, то отец отдал им должное за труд и сказал: «А вы вот что сделайте, разделите год на четыре части: весну, лето, осень и зиму. Трудитесь и, возможно, найдете этот день». Дети так и сделали, но такого дня, в который можно было бы обогатиться и более уже не трудиться, опять не нашли. Отец по завершении года опять отдал им награду за труд и при этом сказал: «В дальнейшем поступите так: разделите год на двенадцать месяцев, и опять трудитесь, и найдете этот день». Дети и это повеление отца исполнили, но опять такого дня, в который можно было бы обогатиться и после которого уже не трудиться, не нашли. Тогда дети сказали отцу: «Мы много трудились и опять указанного тобой дня не нашли, а поскольку утомились и средства к жизни приобрели, то более трудиться не станем». Отец же ответил им: «День, который я указал вам, есть день нашей смерти, а потому вы его и не нашли, ибо он постигает нас весьма часто и тогда, когда мы вовсе о нем и не думаем. А потому должно трудиться для спасения души день и ночь и готовиться к смерти, после которой не нужно более страдать и трудиться» (112, 339—340).

СМЕХ

...Не отверзай уст своих... для смеха, ибо это есть признак рассеянной и нерадивой души (прп. авва Исаия, 59, 14).

***

...Где смех, там нет ни благочиния, ни страха Божия, ни внутреннего душевного хранения (прп. авва Исаия, 59, 46).

***

Если прорвется между вами какое смехотворное слово, остерегайтесь позволять гласу (смеха) вашему возвыситься до услышания, ибо это знак необученности и бесстрашия Божия, потому что нет стражи внутри вас... (прп. авва Исаия, 89, 314).

***

Душевную радость изъявить светлою улыбкою не противно приличию, поколику только выражается написанное: *сердцу веселящуся, лице цветет* (Притч. 15, 13). Но смеяться громко, всем телом приходить в невольное сотрясение свойственно человеку необузданному, неискусному, не умеющему владеть собой... (свт. Василий Великий, 9, 116).

***

...Не возбуждай врага, надрывая щеки смехом; пусть они безобразно искривляются у тех, которые разливаются от радости и держат дом не взаперти. А у тебя пусть промелькнет на лице тихая улыбка и как можно скорее появится румянец и закроет собою веселие. А румянец внушает уважение смотрящим... (свт. Григорий Богослов, 16, 89—90).

***

Для людей здравомыслящих достоин смеха как вообще всякий смех, так еще более смех блуднический. Неумеренный смех бывает и до слез. Лучше быть угрюмым, нежели рассеянным (свт. Григорий Богослов, 16, 203).

***

...Когда увидишь смеющихся, подумай, что смеющиеся теперь будут некогда весьма горько плакать и скрежетать зубами, и вспомнят об этом смехе... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 238).

***

Смех делает слабыми узы целомудрия, смех отталкивает, смех не воспоминает о страхе Божием, смех не боится угрозы геенны, смех — путеводитель блуда, шутливость — изобличение необузданного человека, смехотворство производит то, что мы впадаем в беспечность, смехотворство — повод к презрению (свт. Иоанн Златоуст, 45, 899).

***

...Убойся того, чтобы диавол, заметив твою веселость и громкий смех, отсутствие страха к Богу и забвение того, что полезно, не вошел в твою душу и не посеял своих плевел (свт. Иоанн Златоуст, 45, 901).

***

Не смех — зло, но зло то, когда он бывает без меры, когда он неуместен... Способность смеха внедрена в нашу

душу для того, чтобы душа иногда получала облегчение, а не для того, чтобы она расслаблялась (свт. Иоанн Златоуст, 55, 142—143).

***

Берегись излишнего смеха; он расслабляет душу, а душа, расслабев, легко свергает с себя узду закона (прп. Нил Синайский, 72, 238).

***

Безвременный смех... иногда рождается от беса блуда, а иногда от тщеславия, когда человек сам себя внутренне бесстыдно хвалит; иногда же смех рождается и от наслаждения (пищею) (прп. Иоанн Лествичник, 57, 183).

***

Почитай... смех блудодеянием... (прп. Феодор Студит, 92, 26).

***

Да не будет у вас смеха в преогорчение Господа... (прп. Феодор Студит, 92, 96).

***

Кто верует, тот не смеется, но рыдает и плачет о грехах своих, ибо слышит, что смеющиеся в этой жизни будут плакать и рыдать в будущей (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 436).

***

Старайтесь навыкнуть, и навыкнете так, что будете видеть смешное и не надсмеетесь (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 13).

****

Отцы рассказывали: «Однажды, когда братия ели на вечери любви, один брат рассмеялся за столом, а авва Иоанн Колов, увидев это, заплакал и сказал: «Что это у брата на сердце, что он рассмеялся? Он должен был бы плакать, потому что ест вечерю любви» (98, 43).

***

Некий брат чем веселее был духом, тем больше бесчестили его и насмехались над ним. Он говорил: «Бесчестящие нас и насмехающиеся над нами доставляют средства к преуспеванию, а хвалящие нас вредят нашим душам». Писание говорит: *человек, льстящий другу своему, расстилает сеть ногам его* (Притч. 29, 5) (106, 459).

***

Один благочестивый человек, питавший особенную любовь к святому великомученику Артемию, взял свечей и масла и пошел к его мощам. По пути ему встретился знакомый и спросил: «Куда, друг, свечи и масло несешь?» «Иду помолиться святому Артемию», — был ответ. Встретившийся, насмехаясь, сказал: «Не забудь, друг, от него болезнь захватить и сюда принести, когда назад пойдешь». Шедший к великомученику не ответил на насмешку и,

совершив при мощах святого молитву, пошел домой. Что же? На обратном пути его действительно застигла жестокая болезнь: он почувствовал нестерпимую боль в теле, оно местами стало отекать, и он не в состоянии был дойти до дома. Так как на пути стоял дом того самого насмешника, то ему ничего не оставалось, как побрести туда. И, придя, он почувствовал, что болезнь его еще более усилилась. На него напало нечто вроде беснования, язык его онемел, и казалось, он вот-вот умрет. Однако через некоторое время он пришел в себя и, полагая, что болезнь приключилась из-за насмешника, сказал: «За что я так страдаю? Не из-за слов ли моего друга?» Тот же, со своей стороны, начал укорять больного и снова насмехаться. Между ними дело дошло уже до явной ссоры, так что многие останавливались и спрашивали о причине ссоры. Больной пересказал им о своей встрече с другом по пути к святому Артемию и о его кощунстве и, сказав это, тотчас почувствовал себя совершенно здоровым. Но, о ужас! Его болезнь мгновенно перешла на кощунника, который начал кричать: «Увы мне! Горе мне!» Присутствовавшие ужаснулись, видя это, и прославили Бога и святого угодника: «Праведен суд Божий! Ты бо, еже искал еси, обрел, и прочии тобою да вразумлены будут не вменять в хулу и посмех чудеса, бывающая от Бога святыми Его угодники» (112, 121—122).

***

Места смеху не находил святой Антоний в жизни инока и, когда ученики спросили его: «Можно ли нам когда-нибудь смеяться?» — ответил: «Господь наш осуждает смеющихся, когда говорит: *Горе вам, смеющимся ныне, яко*

возрыдаете и восплачете (Лк. 6, 25). Итак, верному монаху не должно смеяться, нам должно паче плакать о тех, коими хулится имя Божие, по той причине, что они преступают закон Его и всю жизнь свою иждивают, погрязая во грехах. Будем рыдать и плакать, непрестанно умоляя Бога, чтобы Он не попустил им ожестеть во грехах и смерть не застала их прежде покаяния» (89, 135).

СМИРЕНИЕ

Смирение — великая добродетель

Святое смирение превыше естества, и неверный не может его иметь, и считает противоестественным... (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 110).

***

...Как гордость и возношение ума низвергли диавола с высоты небесной в бездну, так смирение и кротость возвышают человека от земли на небо (прп. Антоний Великий, 89, 135).

***

Без смирения, хотя бы кто много постился, или удручал себя тяжкими подвигами, или старался исполнить заповеди — все труды такого тщетны (прп. авва Исаия, 59, 56).

***

Смиренномудрие — сокровище-хранительница добродетелей (свт. Василий Великий, 9, 355).

***

Без смиренномудрия напрасны всякий подвиг, всякое воздержание, всякое подчинение, всякая нестяжательность, всякая многоученость (прп. Ефрем Сирин, 30, 43).

***

...Как начало и конец доброго — смиренномудрие, так начало и конец худого — высокоумие (прп. Ефрем Сирин, 30, 43).

***

...Великий дар — смиренномудрие; велика слава, велик успех и велика честь приобретших оное. С ним непреткновенное течение, в нем всесовершенная мудрость (прп. Ефрем Сирин, 30, 52—53).

***

Велико преспеяние и велика слава — смиренномудрие, и нет в нем падения (прп. Ефрем Сирин, 30, 175).

***

...Как тело имеет нужду в одежде и когда тепло, и когда настает стужа, так и душа имеет всегдашнюю нужду в облечении себя смиренномудрием (прп. Ефрем Сирин, 30, 515).

***

Прекрасное и превосходное приобретение — смиренномудрие; об этом знают все, непостыдно носившие на себе иго его. Предпочти лучше ходить нагим и необутым, неже-

ли быть обнаженным смиренномудрия; потому что любящих оное покрывает Господь (прп. Ефрем Сирин, 30, 515—516).

***

Все сокровища заключены в смирении; все блага, все духовные богатства можно найти в нем. Сочти и перечисли их, если можешь, потому что в смирении есть все (прп. Ефрем Сирин, 33, 119).

***

Смирение — стезя к Царству, дверь небесная, сад райский, трапеза сладостей, начало благ, источник благословений, упование, не посрамляющее никого из притекающих к нему (прп. Ефрем Сирин, 33, 119).

***

...Смиренномудрие есть великая высота, честь и достоинство (прп. Макарий Египетский, 67, 169).

***

Великая высота есть смирение, и почесть, и достоинство есть смиренномудрие (прп. Макарий Египетский, 67, 360).

***

...Как высокоумие есть великое унижение, так, наоборот, смиренномудрие есть великое возвышение и безопасное достоинство (прп. Макарий Египетский, 67, 456).

***

Смирение души есть оружие несокрушимое (авва Евагрий, 89, 629).

***

Смиренномудрие есть основание нашего любомудрия. Хотя бы кто бесчисленное сверху построил — милостыню ли, молитвы ли, пост ли, всякую ли добродетель, но если в основание предварительно не положил этого, то все будет строиться тщетно и напрасно и легко разрушится... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 320).

***

Хотя бы ты отличался постом, молитвою, милостынею, целомудрием или другою какою добродетелию, все это без смирения разрушится и погибнет (свт. Иоанн Златоуст, 50, 150).

***

...Нужно иметь не одно только мужество и благоразумие, но и добродетель смиренномудрия и простоты. Когда мы не имеем этих добродетелей, то сколь бы ни велики были наши дела, спасение наше сомнительно (свт. Иоанн Златоуст, 50, 597).

***

Без него <смирения> невозможно, невозможно спастись; хотя бы кто постился, молился, подавал милостыню, но если делает с гордостию и не имеет смирения — все это мерзко; а если делается со смирением, то вожделенно, достолюбезно и благонадежно (свт. Иоанн Златоуст, 51, 217).

***

Нет ничего равного смиренномудрию: оно — источник, корень, питатель, основание и союз всего доброго; без него мы жалки, скверны и нечисты (свт. Иоанн Златоуст, 52, 277).

***

Смиренномудрие есть причина всего добра (свт. Иоанн Златоуст, 54, 260).

***

Никого нет выше смиренного. Как там, где нет света, все темно и мрачно, так и когда нет смиренномудрия, все наши тщаливые по Богу труды — суетны и бесплодны (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 184).

***

Смирение есть наставник всех добродетелей; оно есть крепчайшее основание небесного здания; оно есть собственный и великий дар Спасителя (прп. авва Нестерой, 56, 445).

***

По моему мнению, смиренномудрие — порождение души высокой и парящей к небу, а гордость — души низкой и весьма худой... (прп. Исидор Пелусиот, 61, 224—225).

***

Люби смирение, от него великая высота, которая и пасть не может (прп. Нил Синайский, 72, 237).

***

Если бы мы старались о смиренномудрии, то не было бы нужды в наказании нас... (прп. Марк Подвижник, 89, 535).

***

Смиренный сердцем из силачей силач (прп. Марк Подвижник, 89, 548).

***

Сокровище смиренномудрого внутри Его, а это — Господь (прп. Исаак Сирин, 58, 45).

***

...Без смирения напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание (прп. Исаак Сирин, 58, 202).

***

...Оно <смирение> может сокрушить крепость многих грехов (прп. Исаак Сирин, 58, 202).

***

...Без смирения и дела бесполезны, даже уготовляют нам много худого (прп. Исаак Сирин, 58, 202).

***

Смиренномудрие есть риза Божества. В него облеклось вочеловечившееся Слово и через него беседовало с нами в теле нашем (прп. Исаак Сирин, 58, 234).

***

Смирение есть некая таинственная сила, которую, по совершении всего Божественного жития, восприемлют совершенные святые (прп. Исаак Сирин, 58, 237).

***

Смирение велико... и сильно́ привлечь в душу благодать Божию (прп. авва Дорофей, 29, 40).

***

...Поистине нет ничего крепче смиренномудрия, ничто не побеждает его. Если со смиренным случится что-либо скорбное, он тотчас обращается к себе, тотчас осуждает себя, что он достоин (того), и не станет укорять никого, не будет на другого возлагать вину и таким образом переносит (случившееся) без смущения, без скорби, с совершенным спокойствием, а потому и не гневается, и никого не прогневляет (прп. авва Дорофей, 29, 41).

***

...Что такое... смирение и как оно рождается в душе, никто не может выразить словами, если человек не научится сему из опыта; из одних же слов нельзя сему научиться (прп. авва Дорофей, 29, 45).

***

Не бросай орудия, без которого нельзя возделать плодоносную землю. Орудие это, соделанное великим Богом, есть смирение: оно искореняет все плевелы с поля Владыки и подает благодать обитающим на нем. Смирение не

падает, но воздвигает от падения тех, которые имеют его. Возлюби всем сердцем плач, ибо и он соучастник благого сего делания (прп. авва Дорофей, 29, 215).

***

Будь как царь в сердце твоем, сидя на высоком престоле смирения... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 81).

***

Некоторые для получения крайнего бесстрастия и богатства дарований... всуе изнуряют тело свое, но сии бедные не знают того, что не труды, но более всего смирение есть матерь этих благ (прп. Иоанн Лествичник, 57, 147).

***

...Смиренномудрие есть безыменная благодать души, имя которой тем только известно, кои познали ее собственным опытом; оно есть несказанное богатство... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 163).

***

...Смирение есть такое хранилище сокровищ, которое для хищников неприступно (прп. Иоанн Лествичник, 57, 163—164).

***

...Одна только добродетель смиренномудрия такова, что бесы подражать ей не могут (прп. Иоанн Лествичник, 57, 166).

***

Где нет света, там все мрачно; и где нет смиренномудрия, там все наши дела суетны (прп. Иоанн Лествичник, 57, 166).

***

...Мы не можем сказать, в чем собственно состоит сила и существо сего солнца (смиренномудрия); однако по его свойствам и действиям можем постигать его существо (прп. Иоанн Лествичник, 57, 167).

***

Священная двоица — любовь и смирение; первая возносит, а последнее вознесенных поддерживает и не дает им падать (прп. Иоанн Лествичник, 57, 169).

***

Смирение есть духовное учение Христово, мысленно приемлемое достойными в душевную клеть. Словами чувственными его невозможно изъяснить (прп. Иоанн Лествичник, 57, 170).

***

Многие получили спасение без прорицаний и осияний, без знамений и чудес; но без смирения никто не внидет в Небесный чертог (прп. Иоанн Лествичник, 57, 171).

***

Хотя сила Господня и в немощи совершается, однако отринет Господь несмиренномудрого делателя (прп. Иоанн Лествичник, 57, 184).

***

...Велик божественный дар смиренномудрия! И нет никого из святых, который бы угодил Богу не этим достоинством (прп. Феодор Студит, 92, 88).

***

Это <смиренномудрие> всеобъемлющая добродетель, коею... отгоняется гордость, попирается славолюбие, поражается своенравие, умерщвляется сластолюбие, — вводится... кротость, мир, любовь, сострадание, терпение, любомудрие... (прп. Феодор Студит, 92, 317).

***

...Господь наш Иисус Христос, будучи Бог непостижимый, недоведомый и неизглаголанный, в продолжение всей Своей во плоти жизни, облечен был в смирение; так что святое смирение праведно должно именоваться и Божественною добродетелию, и Владычнею заповедию и облачением. Также Ангелы и все оные светлые Божественные силы проходят и хранят сию добродетель, ведая, каким падением пал возгордившийся сатана... (прп. Филофей Синайский, 91, 406—407).

***

Опора богатства — золото, а добродетели — смиренномудрие. И как тот, у кого золото не спорится, беден бывает, хотя совне не кажется таким: так и без смирения добродетельный не бывает благоплоден.

Как без злата торговец — не торговец, хотя бы очень способен был к тому. так без смиренномудрия подвизаю-

щийся не увидит благих плодов добродетели, хотя бы очень много полагался на свое благоразумие.

Как в исполнении всех заповедей надобно преуспевать, так и в смиренномудрие глубже и глубже должно погружаться тому, кто боится, как бы не оказаться чуждым среди возлежащих на брачной вечери (прп. Илия Екдик, 91, 426).

***

Смирение есть как бы неокрадомая сокровищница, устрояемая в том уме, который носит убеждение, что только силою благодати, приемлемой от Христа, имеются в нем... добрые качества, т. е. истина, кротость и правда (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 31—32).

***

Поистине одна только есть печать Христова — осияние Духа Святаго, хотя много есть видов воздействий Его и много знамений силы Его. Первейшее всего другого и необходимейшее есть смирение, так как оно есть начало и основание (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 36).

***

Степень самопознания и боговедения определяется степенью смирения и кротости (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 165—166).

***

Два главнейших дела есть в настоящей жизни: одно есть величайшее добро, а другое — величайшее зло; первое

как верховное благо возводит человека на небеса, а другое, как крайнее зло, низводит его в преисподняя ада; то есть истина, а это ложь; то есть великое упокоение, а это скорбь безмерная. Первое есть верх разумности, второе край безумия. Первое родственно и свойственно человеку, второе враждебно и чуждо. Первое есть вся прямота, второе вся кривость. Первое радость и веселие, второе печаль и томление. Какие же это дела? — Смирение и гордость: одно есть весь грех — это гордость; а другое — вся правда — это смирение (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 268).

***

Все же прочие добродетели вокруг этой царицы добродетелей <смирения> являются как бы стражами, подругами и служанками, сопровождающими госпожу (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 25).

***

Потщимся же все приобрести смирение — (несказанную) красоту... наших душ, для которой нет имени, и (только) по опыту она ведома тем, кто стяжал ее (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 58).

***

Духовное место, на котором одном заповедано приносить духовные жертвы, — смирение (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 127).

***

...Смирение — добродетель прямо противоположная гордости — служит верным предостережением и предохранением от прелести (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 228).

***

<Смирение> есть Евангельская добродетель, совокупляющая силы человека воедино миром Христовым, превыше всякого человеческого постижения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 306).

***

Смиренномудрие есть образ мыслей, заимствованный всецело из Евангелия, от Христа. Смирение есть сердечное чувство, есть залог сердечный, соответствующий смиренномудрию (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 316).

***

Смирение есть неизъяснимая благодать Божия, непостижимо постигаемая одним духовным ощущением души (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 318).

***

Смирение — жизнь небесная на земле (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 536).

***

Истинное смирение — Божественное таинство: оно недоступно для постижения человеческого. Будучи высочайшею премудростию, оно представляется буйством для плотского разума (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 536).

***

Без добродетели смирения не могут быть истинными и богоугодными все прочие добродетели (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 433).

***

Гонитесь за смирением, всегда отбегающим. Оно есть след Христов, благоухание Христово, одеяние Христово! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 199).

Признаки истинного смирения

Смиренномудрие есть порождение ведения, а ведение — есть порождение искушений. Познавшему себя дается ведение всего. И повинующийся Богу покоряет себе всякое мудрование плоти; а после сего повинуется ему все, когда смирение воцарится в членах его (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 22).

***

Смиренномудрый, когда бывает оскорблен, порицает и обвиняет себя самого, а не другого кого-либо, и потому терпит, ища освобождения от Бога, и, получив его, радуется и терпит с благодарением, и, приобретя в этом опытность, получает познание (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 114).

***

Признаки смиренномудрия суть сии: когда имеющий всякую добродетель, телесную и душевную, считает себя тем более должником перед Богом, как много получивший, по благодати, будучи недостойным того. И если случится с ним какое-либо искушение, от демонов или от людей, считает себя достойным таковых и других больших, чтобы хотя немного освободиться от долга и получить облегчение от мучений, ожидающих его на суде. Если же не терпит искушений, то много скорбит и подвизается, ища, в чем бы понудить себя, и, когда найдет это, снова принимает как

дар от Бога, и смиряется; не находя же, что мог бы воздать Благодетелю, всегда трудится и все более считает себя должником (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 124—125).

***

Кто смиренномудр, тот должен иметь всякую добродетель и более как должник (во всем этом) поистине веровать, что он ниже всей твари. Если же он не таков, то это самое удостоверяет, что он хуже всей твари, хотя бы и думал, что ведет жизнь равноангельную, ибо и действительный ангел, при стольких добродетелях и премудрости, не мог угодить Творцу без смирения. Что же сказать после этого мнящему о себе, что он ангел, без смирения, — причины всех благ, существующих и имеющих быть, от которого рождается рассуждение, просвещающее концы, а без него — все мрачно. Она есть свет и называется светом, и потому мы, прежде всякого слова и начинания, нуждаемся в этом свете, чтобы могли видеть и прочее и удивляться. Удивляемся и Богу, как в первый и господственный день Он прежде сотворил свет, чтобы последовавшие создания не оставались невидимыми, как бы не существующие... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 145).

***

Смирение же состоит в том, чтобы человек считал себя грешником и думал, что он ничего доброго не делает перед Богом; чтобы прилежал молчанию и себя вменял ни во что; чтобы не упорствовал ни перед кем, настаивая на своем слове; чтобы отлагал свою волю, лицо опускал долу, смерть имел перед очами, остерегался лжи, пустых не произносил слов, настоятелю не возражал, терпеливо сно-

сил обиды и нудил себя благодушно переносить всякие притрудности и прискорбности. Постарайся, брат, соблюдать сии правила, чтобы не была бесплодною жизнь твоя (прп. Антоний Великий, 89, 108).

***

...Если подвизаемся добрым подвигом, то должно нам крайне смиряться перед Господом, чтобы Он, ведающий немощь нашу, покрывал нас десницею Своею и хранил; ибо, если вознесемся гордостью, Он отнимет покров Свой от нас, и мы погибнем (прп. Антоний Великий, 89, 135).

***

Божественная помощь, надежда, кротость, благая совесть, отвержение своей воли (и понуждение себя ко всему благому) суть признаки смиренномудрия... (прп. авва Исаия, 59, 40).

***

...Смирение не имеет даже языка, чтобы сказать о ком, что он нерадив или горд; не имеет очей, чтобы замечать чужие погрешности; не имеет ушей, чтобы слышать то, что не приносит пользы душе... (прп. авва Исаия, 59, 56).

***

Смирение состоит в том, когда человек считает себя грешником, не сделавшим ничего доброго перед Богом (прп. авва Исаия, 59, 109).

***

Могущий сносить жесткое слово (человека) грубого и неразумного, ради Бога и ради мира помыслов, — сей наречется сыном мира (прп. авва Исаия, 89, 371—372).

***

Смирение есть — думать о себе, что ты грешник и ничего доброго не делаешь перед Богом (прп. авва Исаия, 89, 382).

***

...Оставление воли своей для ближнего с разумом есть смирение (прп. авва Исаия, 89, 401).

***

Кто чужд всякого надмения, ничем человеческим не гордится, тот и сердцем сокрушен, и духом смирен (свт. Василий Великий, 5, 266).

***

Смиренномудрие, по определению Апостола, состоит в том, чтобы всех почитать превосходнейшими себя самого (см.: Флп. 2, 3) (свт. Василий Великий, 9, 260).

***

Во всем, что ни сделано нами доброго, душа причины успеха в деле должна приписывать Господу, нимало не думая, чтобы она в чем-либо добром успевала собственною силою. Ибо таким расположением, обыкновенно,

производится в нас смиренномудрие (свт. Василий Великий, 9, 355).

***

...С бóльшим тщанием надобно... смирять себя для очищения души и не допускать в нее того, что ненавистно Богу. Ибо в смиренной душе обитает Отец, и Сын, и Святой Дух (прп. Ефрем Сирин, 30, 50—51).

***

Высокоумие во всякое время домогается чести, а смиренномудрие в славе не превозносится, и в бесславии не беспокоится, потому что ожидает награды от Господа (прп. Ефрем Сирин, 30, 156).

***

Признак смиренномудрия — обеими руками удовлетворять потребности брата так, как бы и сам ты принимал пособие (прп. Ефрем Сирин, 30, 175).

***

Если двое новоначальных живут со старцем: кто из двоих больше перед Господом? — Тот, кто смиряет себя перед братом своим в страхе Божием (прп. Ефрем Сирин, 30, 206).

***

Смиренный не унижается в лишении и бедности и не оказывается надменным в благоденствии и славе, но постоянно пребывает в той же добродетели (прп. Ефрем Сирин, 30, 401).

***

Смиренный всеми силами стремится к благоговению (прп. Ефрем Сирин, 30, 401).

***

Смиренный почитает не только высших, но и низших себя (прп. Ефрем Сирин, 30, 401).

***

Смиренный не установляет собственной своей воли, прекословя истине, но повинуется истине... Смиренный не клевещет брату на брата (это сатанинское дело), но служит для них миротворцем, не воздавая злом за зло (прп. Ефрем Сирин, 30, 401).

***

Смиренный не завидует успеху ближнего, не радуется его сокрушению, а, напротив того, радуется с радующимися и плачет с плачущими (прп. Ефрем Сирин, 30, 401).

***

...Смирен же тот, кто делами проповедует добродетель (прп. Ефрем Сирин, 30, 401).

***

Смиренный не упрямится и не ленится, хотя бы и в полночь позвали его на дело... (прп. Ефрем Сирин, 30, 401—402).

***

Смиренный не знает ни досады, ни лукавства, но с простотою и непорочностию служит Господу во святыне, в мире и в радости духовной. Смиренный не упивается вином, не предается чревоугодию, боясь заповеди Господней... Смиренный ненавидит самолюбие, почему не домогается первенства... (прп. Ефрем Сирин, 30, 402).

***

...Плод страха Господня — смирение. Смирение же обнаруживается не в уничижении только перед старшими, но и в присвоении чести младшим (прп. Ефрем Сирин, 31, 295).

***

Отличительные черты и признаки человека, имеющего истинное смирение, суть следующие: почитать себя грешным паче хорошего перед Богом, укорять себя во всякое время, на всяком месте и за всякое дело, никого не хулить, и не находить на земле человека, который был бы гнуснее, или грешнее, или нерадивее его самого, но всех всегда хвалить и прославлять, никого никогда не осуждать, не уничижать и не оклеветывать, во всякое время молчать и без приказания или крайней нужды ничего не говорить; когда же спросят, и есть намерение, или крайняя нужда заставляет говорить и отвечать, тогда говорить тихо, спокойно, редко, как бы по принуждению и со стыдом; ни в чем не выставлять себя за меру, ни с кем не спорить ни о вере, ни о другом чем, но если говорит кто хорошо, сказать ему: да; а если худо, отвечать: сам знаешь; быть в подчинении и гнушаться своею волею, как чем-то пагубным; иметь взор поникший всегда в землю, иметь перед

глазами смерть свою, никогда не празднословить, не пустословить, не лгать, не противоречить высшему; с радостью переносить обиды, уничижения и утраты, ненавидеть покой и любить труд, никого не огорчать, не уязвлять ничью совесть. Таковы признаки истинного смирения; и блажен, кто имеет их, потому что здесь еще начинает именоваться домом и храмом Божиим, и Бог вселяется в нем, и делается он наследником Небесного Царства (прп. Ефрем Сирин, 32, 397).

***

...Нет смиренномудрия, чтобы грешнику почитать себя грешником: ибо смиренномудрие состоит в том, чтобы, сознавая в себе многое и великое, не воображать о себе ничего великого... (прп. Ефрем Сирин, 32, 408—409).

***

Вот смиренномудрие — быть высоким по заслугам и унижать себя в уме (прп. Ефрем Сирин, 32, 409).

***

Разве не знаешь, что смирение не столько познается в мелочах (ибо тогда может оно быть только напоказ и иметь ложный вид добродетели), сколько испытывается в делах важных? По мне, смиренномудр не тот, кто о себе говорит мало, при немногих и редко, и не тот, кто униженно обращается с низшим себя; но тот, кто скромно говорит о Боге, кто знает, что сказать, о чем помолчать, в чем признать свое неведение; кто уступает слово имеющему власть говорить и соглашается, что есть люди, которые его духовнее и более преуспели в умозрении. Стыдно

одежду и пищу выбрать не дорогую, а дешевую, доказывать смирение и сознание собственной немощи мозолями на коленях, потоками слез, также постничеством, бдением, возлежанием на голой земле, трудом и всякими знаками унижения, но касательно учения о Боге быть самовластным и самоуправным, ни в чем никому не уступать, поднимать бровь перед всяким законодателем, тогда как здесь смирение не только похвально, но и безопасно (свт. Григорий Богослов, 14, 150—151).

***

Иметь смиренномудрие значит не думать о себе и того, чего бы заслуживал... (свт. Григорий Богослов, 16, 339).

***

...Если же ты носишь в совести великое бремя грехов и при этом признаешь себя последним из всех, то ты будешь иметь великое дерзновение перед Богом, хотя еще нет смиренномудрия в том, чтобы грешник считал себя грешником. Смиренномудрие состоит в том, чтобы, сознавая за собою много великого, ничего великого о себе не думать... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 544).

***

...Смиренномудрие бывает тогда, когда равный повинуется равному (свт. Иоанн Златоуст, 44, 595).

***

В том-то и состоит истинное смиренномудрие, чтобы смиряться во всем и называть себя меньшим (свт. Иоанн Златоуст, 45, 324).

***

...Смиренномудрие разумею не то, что на словах и на языке, а то, что в сердце, от души, в совести, — что видеть может один Бог (свт. Иоанн Златоуст, 46, 147).

***

Есть много видов смирения; конечно, иногда приобретается смирение путем скорбей, и несчастий, и притеснений от людей. Но истинное смирение бывает тогда, когда мы обращаемся от грехов наших... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 823).

***

Смиренный же будет благодарить Бога не за блага только, но и за то, что считается противным; и что бы он ни терпел, он не будет думать, что потерпел незаслуженно. Так и мы, чем более преуспеем в добродетели, тем более станем смирять самих себя, потому что и это составляет великую добродетель (свт. Иоанн Златоуст, 50, 291).

***

...Смиренный не уловляется никакою страстию; его не может возмутить ни гнев, ни любовь к славе, ни зависть, ни ревность. А что может быть выше души, чуждой этих страстей? (свт. Иоанн Златоуст, 50, 670).

***

Ты смиренномудрствуешь, имея высокие заслуги? Смирение нисколько тебе не вредит: в очах Божиих ты остаешься таким, каков ты на самом деле. Если ты смиряешь себя, не ожидая удара судьбы, тогда и уничижение — откуда бы оно тебя ни постигло — не будет для тебя

неожиданностью: ты выступишь на борьбу готовым (свт. Иоанн Златоуст, 51, 767).

***

Иные бывают смиренны со смиренными и надменны с надменными; это — не смиренномудрие. Другие бывают не таковы, но относительно каждого лица в разное время наблюдают и смирение, и важность; это преимущественно и есть смиренномудрие (свт. Иоанн Златоуст, 52, 383).

***

Смиренномудрый и при величии своем не думает о себе много, зная свое смирение, а ничтожный и при малости своей много о себе воображает (свт. Иоанн Златоуст, 53, 12).

***

Кто называет себя землею и пеплом, тот высок, потому что говорит это по смиренномудрию; а кто не почитает себя землею и пеплом, но превозносится и высокомудрствует, тот низок, потому что малое почитает великим (свт. Иоанн Златоуст, 53, 12).

***

Не обращайся с одним смиренно, а с другим дерзко; сохраняй смирение со всяким, друг ли он твой, или враг, знатный или ничтожный человек: в этом состоит смирение (свт. Иоанн Златоуст, 54, 85).

***

...Смиренномудрие — когда кто делает это <служит другим> для угождения Богу и уничижается, чтобы совер-

шить что-либо великое и достойное похвалы (свт. Иоанн Златоуст, 54, 264).

***

Что ж такое смиренномудрие? Смиренно думать о себе; а смиренно думает не тот, кто по необходимости уничижен, но кто сам себя уничижает (свт. Иоанн Златоуст, 54, 267).

***

Когда кто-нибудь, имея возможность думать о себе высоко, думает смиренно, то он смиренномудр. Если же кто, не имея такой возможности, думает смиренно, тот еще не смиренномудр (свт. Иоанн Златоуст, 54, 267—268).

***

Если необходимость заставляет смириться против воли, то это дело не ума и воли, а необходимости; смиренномудрие же потому так и называется, что оно есть усмирение мысли (свт. Иоанн Златоуст, 54, 268).

***

Кто не сознает в себе ничего доброго, скромен в словах, снисходителен, лучше же сказать, признателен, тот... еще не смиренномудр. Кто смиренномудрствует после многих преспеяний, тот умеет вести себя в собственном смысле скромно (прп. Исидор Пелусиот, 61, 17).

***

Смиренномудрие есть не осуждение совести, но признание благодати Божией и Его милосердия (прп. Марк Подвижник, 69, 39).

***

Предел смиренномудрия — решительное забвение своих добрых дел (блж. Диадох, 91, 7).

***

Как душа непознаваема и невидима телесными очами, так и смиренномудрый не познается среди людей (прп. Исаак Сирин, 58, 214).

***

Не всякий безмолвник смиренномудр, но всякий смиренномудрый — безмолвник (прп. Исаак Сирин, 58, 215).

***

...Истинно смиренномудр, кто имеет в сокровенности нечто достойное гордости, но не гордится, и в помысле своем вменяет это в прах (прп. Исаак Сирин, 58, 237).

***

Совершенство смирения в том, чтобы с радостью сносить ложные обвинения (прп. Исаак Сирин, 58, 307).

***

Если хочешь узнать, смиренномудр ли ты, то испытай себя... не приходишь ли ты в смятение, когда тебя обвиняют (прп. Исаак Сирин, 58, 308).

***

Истинное смирение есть порождение ведения, а истинное ведение есть порождение искушений (прп. Исаак Сирин, 58, 367).

***

Человек, достигший того, чтобы познать меру своей немощи, достиг совершенства смирения (прп. Исаак Сирин, 58, 396).

***

Кто в сердце своем приобрел смирение, тот мертв стал для мира и, омертвевший для мира, омертвел для страстей (прп. Исаак Сирин, 58, 412).

***

Кто несмыслен, тот не имеет смирения. И кто не имеет смирения, тот не будет смыслен. Не смиренномудр, кто не мирен; и немирный не смиренномудр... (прп. Исаак Сирин, 58, 416).

***

...Не презирать даяния ближнего есть (дело) смиренномудрия; и должно принимать оное (даяние) с благодарностью, хотя бы оно и было мало и незначительно (прп. авва Дорофей, 29, 189).

***

...Кто соединяет смирение с трудом, тот скоро достигает (цели). Имеющий смирение с самоуничижением также достигнет, ибо самоуничижение заменяет труд. А кто имеет одно только смирение, тот хотя и успевает, но не так скоро. Желающий приобрести истинное смирение отнюдь ни в каком случае не должен почитать себя чем-нибудь. В сем состоит истинное смирение (прп. Варсануфий, 29, 234).

***

Смирение состоит в том, чтобы ни в каком случае не почитать себя за нечто, во всем отсекать свою волю, повиноваться всем и без смущения переносить то, что постигает нас отвне. Таково истинное смирение, в котором не находит себе места тщеславие. Смиренномудрый не должен стараться выказывать свое смирение на словах, но довольно для него говорить: «прости меня» или «помолись о мне». Не должно также самому собою вызываться на исполнение низких дел, ибо и то и другое ведет к тщеславию, препятствует преуспеянию и более делает вреда, нежели пользы; но когда повелят что-либо, не противоречить, а исполнять с послушанием — вот что приводит к преуспеянию (прп. Варсануфий, 29, 235—236).

***

Не тот показывает смиренномудрие, кто охуждает сам себя... но тот, кто, будучи укорен другим, не уменьшает к нему любви (прп. Иоанн Лествичник, 57, 145).

***

Когда начнет в нас процветать священный грозд смирения, тогда мы, хотя и с трудом, возненавидим всякую славу и похвалу человеческую, оттоняя от себя раздражительность и гнев (прп. Иоанн Лествичник, 57, 163).

***

Кто с добродетелью смиренномудрия соединился браком, тот кроток, приветлив... милосерд, паче же всего тих, благопокорлив, беспечален, бодр, неленостен... бесстрастен... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 165).

***

В том, кто совокупляется со смирением, не бывает ни следа ненависти, ни вида прекословия, ни вони непокорства, разве только где дело идет о вере (прп. Иоанн Лествичник, 57, 165).

***

Если помысл наш уже не хвалится природными дарованиями, то это знак начинающегося здравия... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 166—167).

***

...Если в истинном чувстве души будем думать, что каждый ближний наш превосходнее нас, то милость Божия недалека от нас (прп. Иоанн Лествичник, 57, 168).

***

...Глубочайшего смиренномудрия признак, когда человек ради уничижения в некоторых случаях принимает на себя такие вины, каких и нет в нем (прп. Иоанн Лествичник, 57, 170).

***

Птицы боятся и вида ястреба, а делатели смирения — и гласа прекословия (прп. Иоанн Лествичник, 57, 171).

***

Смиренномудрый всегда гнушается воли своей, как погрешительной, даже и в прошениях своих ко Господу... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 172).

***

...Для смиренного тягость и жало — верить самому себе: как гордому трудно последовать словам и мнению других (прп. Иоанн Лествичник, 57, 172).

***

Боящийся Господа имеет смиренномудрие всегдашним своим собеседником, и по его напоминаниям восходит к любви и благодарению Бога (прп. Максим Исповедник, 91, 169).

***

...В <смирении> — мудрость, разум, благоговение, воздержание, безмолвие, и всякое другое добро и есть, и видится, и славится (прп. Феодор Студит, 92, 89).

***

Истинное боговедение с богобоязненностью рождают смиренномудрый нрав, а смиренномудрие порождает нрав кроткий; кротость же и смирение, в нрав обратившиеся, приближают к Богу. Эти две добродетели слияны одна с другой и показывают человека богобоязненного, и по мере смирения и кротости, в какой имеет их богобоязненный человек, явно бывает, сколько близок он к Богу, как, напротив, гордость и гневливость показывают, как далек человек от Бога (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 272).

***

...Кто имеет смирение, тот все скорбное переносит с радостью, и сердце его нимало не уязвляется... Смирен и тот, кто хотя уязвляется немного... но не допускает себя до

смущения и за это малое чувство уязвления сердца оскорблением, т. е. что опечалился немного, а не с радостью принял случившееся, осуждает себя и укоряет; и, вошедши в келью свою и себя самого рассуждая, сокрушается и плачет, и, припадая к Богу, исповедуется Ему как бы погубивший все труды свои (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 204).

***

Если бы мы имели смирение, то не презирали бы рабов Божиих (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 233).

***

Одобрение миром смиреннословия уже служит осуждением ему. Господь заповедал совершать все добродетели втайне, а смиреннословие есть вынаружение смирения напоказ человекам (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 314).

***

Смирение не видит себя смиренным. Напротив того, оно видит в себе множество гордости... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 536).

***

Смирение никогда не гневается, не человекоугодничает, не предается печали, ничего не страшится (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 539).

***

Смириться — значит сознать свое падение, свою греховность, по причине которых человек сделался существом

отверженным, лишенным всякого достоинства... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 27).

***

<Смиренномудрие> есть правильное понятие человека о человечестве: следовательно, оно есть правильное понятие человека о самом себе... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 170).

***

Смирение есть Христов образ мыслей и тот сердечный залог, происходящий от этого образа мыслей, которыми умерщвляются в сердце и извергаются из него все страсти (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 358).

***

...Простота есть неразлучная черта смирения, почему, когда нет простоты, нет и смирения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 87).

***

Главная черта смирения — чувствовать, что я ничто и если есть что, все то Божие (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 87).

***

Чувство благодарения за внутреннее добро, с помощью Божией, есть тоже проявление смирения как самоуничижение за свое худо (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 64).

Виды смирения

С каким смирением должно принимать услугу от брата? — Как раб от владыки и с тем смирением, какое показал апостол Петр, когда прислуживал Господь. В его примере узнаем и опасность, какой подвергаются не принимающие услуги (свт. Василий Великий, 9, 244).

***

...Есть много видов смиренномудрия; смиренномудрие можно видеть в слове и в деле, в отношении к начальникам и в отношении к подчиненным (свт. Иоанн Златоуст, 52, 383).

***

С добрыми надлежит быть смиренным, и с дерзкими вести себя высоко. Поелику одни признают добродетелью скромность, а другие мужеством — дерзость; то надлежит перед одними оказывать смиренномудрие, а перед другими — мужество, истребляющее в них высокое мнение о дерзости, чтобы благоразумием своим и первым принести пользу, и смирить других. Ибо не всем одно и то же приятно, не все одними и теми же пособиями исцеляются; но каков род болезней, таково и число врачевств (прп. Исидор Пелусиот, 62, 303—304).

***

Рассмотрим теперь, в чем состоят... два смирения. Первое смирение состоит в том, чтобы почитать брата своего разумнее себя и по всему превосходнее и, одним словом, как сказали святые отцы, чтобы «почитать себя ниже всех». Второе же смирение состоит в том, чтобы

приписывать Богу свои подвиги, — сие есть совершенное смирение святых. Оно естественно рождается в душе от исполнения заповедей. Ибо как деревья, когда на них бывает много плодов, то самые плоды преклоняют ветви книзу и нагибают их; ветвь же, на которой нет плодов, подымается вверх и растет прямо. Есть же некоторые деревья, которые не дают плода, пока их ветви растут вверх; если же кто возьмет камень, привесит к ветви и нагнет ее книзу, тогда она даст плод; так и душа, когда смиряется, тогда приносит плод, и чем более приносит плода, тем более смиряется. Так и святые, чем более приближаются к Богу, тем более видят себя грешными (прп. авва Дорофей, 29, 43—44).

***

Если не знаешь полезного, то последуй знающим; и это есть смирение, и получишь благодать Божию (прп. авва Дорофей, 29, 262).

***

Иное дело смиренномудрствовать; иное дело подвизаться для приобретения смиренномудрия, а иное дело хвалить смиренномудрого. Первое принадлежит совершенным, второе — истинным послушникам, а третье — всем православным христианам (прп. Иоанн Лествичник, 57, 166).

***

Иное есть говорить смиренные слова и иное — иметь смиренное мудрование. Иное опять есть смирение, а иное — цвет смирения и иное — плод его. Иное есть красота плода его, а иное — сладость его и иное — действия,

бывающие от плода сего. Из этого, сказанного мною о смирении, иное есть в нашей, а иное — не в нашей власти. В нашей власти — помышлять о том, что располагает нас к смирению, мудрствовать о том, рассуждать, говорить и то делать; но само святое смирение, с его существенными свойствами, дарами и действами, не в нашей власти, но есть дар Божий, чтобы не вздумал кто хвалиться даже и этим (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 399).

***

Ино смиреннословие, ино смирение и ино смиренномудрие. Смиреннословие и смирение проявляются подвизающимися во всяком злострадании... и во внешних трудах добродетели, так как они все обращаемы бывают на делания и занятия телесные, почему при них душа, не всегда бывая в твердом благонастроении, при встрече искушения смущается. А смиренномудрие, дело некое сущи Божественное и великое, бывает в одних тех, кои наитием Утешителя переступили уже средину, т. е. далеко прошли вперед кратчайшим путем добродетели посредством всякого смирения (прп. Никита Стифат, 93, 119).

***

Насколько же небо больше земли и душа тела, настолько Духом Святым подаемое совершенным смиренномудрие и совершеннее, и больше истинного смирения (прп. Никита Стифат, 93, 120).

***

Говорящие или делающие что-либо без смирения подобны строящему храмину зимою или без цемента. Опы-

том, разумом обрести и понять смирение есть достояние (очень) весьма немногих. Словом о нем разглагольствующие подобны измеривающим бездну. Мы же, слепые, мало нечто о сем великом свете гадающие, говорим: смирение истинное ни слов смиренных не говорит, ни видов смиренных не принимает, не нудит себя смиренно о себе мудрствовать и не поносит себя, смиряясь. Хотя все такое начатки суть, проявления и разные виды смирения, но само оно есть благодать и дар свыше. Два есть смирения, как говорят святые отцы: почитать себя низшим всех и Богу приписывать добрые дела свои. Первое есть начало, второе — конец. Тем, кои взыскивают его, предлагается иметь с разумом следующие три в себе помышления: что они грешнее всех людей; что они срамнее всех тварей как сущие в состоянии неестественном; что они окаяннее бесов, как рабы бесов. Смиряющемуся так говорить надлежит: есть ли на свете грешники, коих грехи, не говорю, превосходили бы, но хоть равнялись бы моим? Нет, душа моя; мы с тобою хуже всех людей, мы — земля и пепел под ногами их. И как мне не считать себя срамнейшим всех тварей, когда... по бесчисленным беззакониям своим я стал ниже естества? Поистине звери и скоты чище меня грешного; почему я ниже всех, как до ада низведший себя и как в аде лежащий еще прежде смерти. Кто же не ведает и не чувствует, что грешник хуже и бесов, как раб их и подданный, уже отсюда с ними во тьму кромешную заключенный? Воистину хуже бесов обладаемый ими; и потому с ними наследую я бездну, окаяннейший. В преисподней, во аде и бездне прежде смерти обитающий, как в самопрельщении дерзаешь называть себя праведным, сделав себя злыми делами грешником непотребным и бесом? Горе прельщению и заблуждению твоему, бесный, пес нечис-

тый, за сие в огнь и тьму осуждаемый! (прп. Григорий Синаит, 93, 205—206).

***

Есть семь разных деланий и расположений, вводящих и руководящих к... богоданному смирению, кои взаимно входят в состав друг друга и друг от друга происходят: молчание, смиренное о себе думание, смиренное говорение, смиренное одеяние, самоуничижение, сокрушение и последность (иметь себя во всем последним). Молчание с разумом рождает смиренное о себе думание. От смиренного же о себе думания рождаются три вида смирения: смиренное говорение, смиренных и бедных одеяний ношение и самоуничижение. Сии же три вида рождают сокрушение, бывающее от попущения искушений и именуемое промыслительным обучением и от бесов смирением. Сокрушение же легко делом заставляет душу чувствовать себя сущею ниже всех и всех последнейшею, яко всеми превосходимою. Два же сии вида приносят совершенное и богодарное смирение, которое именуется силою и совершенством всех добродетелей, — и оно-то Богу приписывает добрые дела. Итак, первое из всех руководств ко смирению есть молчание, из которого рождается смиренное о себе думание; а это рождает три вида смирения. Три эти рождают один — сокрушение; а сокрушение рождает седьмой вид смирения — почитание себя низшим всех, которое называется промыслительным смирением. Промыслительное же смирение приносит богодарное, совершенное, непритворное, истинное смирение. Первое из этих (промыслительное) так приходит; когда человек, будучи оставлен самому себе, побежден бывает, порабощен и восгосподствован всякою страстию и помыслом, тогда, будучи побеждаем духом

(вражеским), и не находя помощи ни от дел, ни от Бога и ни от чего совсем, и готов будучи пасть даже в отчаяние, смиряется он во всем, сокрушается, низшим всех себя имеет, последнейшим и рабом всех, худшим даже самых бесов, как их тиранству подлежащий и ими побеждаемый. Вот это и есть промыслительное смирение, в силу которого от Бога дается второе, высшее, которое есть божественная сила, вседейственная и всетворная. Его ради видя себя органом Божественной силы, человек ею совершает дивные Божии дела (прп. Григорий Синаит, 93, 206—207).

***

...Смирение <родительница и хранительница всякой добродетели> — не то смирение, которое состоит в нетрудных для всякого желающего смиренных словах и позах, но то, которое свидетельствуется благим Божественным Духом и которое созидает дух, *обновляемый во утробах наших* (ср.: Пс. 50, 12) (свт. Григорий Палама, 93, 275).

***

Начало смирения — нищета духа; средина преуспеяния в нем — превысший всякого ума и постижения мир Христов; конец и совершенство — любовь Христова (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 539).

Смиренный настрой

...Если не будет в человеке крайнего смирения, смирения всем сердцем, всем умом, всем духом, всею душою и телом — то он Царствия Божия не наследует (прп. Антоний Великий, 89, 31—32).

***

Возлюби смирение, и оно покроет все грехи твои (прп. Антоний Великий, 89, 110).

***

...Если праведники показывали в себе столько смирения, то сколько смиренными должно быть нам, грешникам! (прп. Ефрем Сирин, 30, 47).

***

...Если имеем нужду в милосердии, то употребим в дело смиренномудрие, чтобы смиренномудрием привлечь на себя щедроты Господни (прп. Ефрем Сирин, 30, 50).

***

Кто хочет сдвинуть камень, тот не сверху, а снизу подложит рычаг и тогда легко поворотит камень. Это образец для смиренномудрия (прп. Ефрем Сирин, 30, 207).

***

...Смиренномудрие да будет у тебя и основанием, и облачением ответа; речь же твоя пусть будет ясна, приветлива в любви Божией (прп. Ефрем Сирин, 30, 547).

***

Будь смирен в юности своей, чтобы возвыситься в старости; насаждай в душе своей добрые навыки, чтобы жизнь твоя была исполнена радостей (прп. Ефрем Сирин, 33, 354).

***

Смиряй душу свою до праха, чтобы прах твой воскрес и восстал (прп. Ефрем Сирин, 34, 296).

***

...Чем больше станем мы преуспевать в добродетели, тем более постараемся смирять себя и быть скромными. Хотя бы мы взошли на самый верх добродетелей, но если добросовестно сравним свои добрые дела с благодеяниями Божиими, то ясно увидим, что наши добродетели не равняются и малейшей части того, что сделано для нас Богом (свт. Иоанн Златоуст, 47, 327).

***

Не столько грешнику, сколько добродетельному нужно заботиться о смирении. Почему так? Потому что грешник понуждается к смирению совестию, а добродетельный, если не очень бодрствует над собою, как будто подъятый ветром, превозносится и тотчас омрачается... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 217).

***

Поистине тот больше всего знает себя, кто считает себя за ничто. Ничто так не любезно Богу, как считать себя в числе последних (свт. Иоанн Златоуст, 55, 530).

***

Не пренебрегай смиренного; он стоит тверже тебя... (прп. Нил Синайский, 71, 221).

***

...Праведным, которые подражают своему Владыке, всего вожделеннее смиренномудрие (прп. Нил Синайский, 73, 45).

***

...Что бы ни потерпел смиренный, или ни услышал, он берет от сего повод к тому, чтобы себя самого похулить и уничижить (прп. Зосима, 91, 109).

***

Уста смиренномудрого изрекают истину, а кто противоречит ей, тот подобен слуге, ударившему Господа в ланиту (прп. Марк Подвижник, 69, 8).

***

Кто презрительно говорит о смиренномудром и не признает его живым человеком, тот как бы на Бога отверзает уста свои (прп. Исаак Сирин, 58, 236).

***

Будь нищ ради смирения, и не будь богат ради бесстыдства (прп. Исаак Сирин, 58, 281).

***

Всю жизнь свою признавай себя грешником, чтобы во всей жизни своей быть тебе оправданным (прп. Исаак Сирин, 58, 302).

***

Уничижай себя ради Бога — и не узнаешь, как умножится слава твоя (прп. Исаак Сирин, 58, 302).

***

...Желающий найти истинное смирение и покой душе своей да научится смиренномудрию и увидит, что в нем всякая радость и всякая слава, и весь покой... (прп. авва Дорофей, 29, 25).

***

Не знаю, сделал ли я когда что-либо доброе; но если Бог покрывал меня, то знаю, что покрывал потому, что я никогда не считал себя лучшим брата своего, но всегда ставил брата своего выше себя (прп. авва Дорофей, 29, 64).

***

Да не будет душа твоя рвом, который иногда источает животворную воду смирения, а иногда иссыхает от зноя славы и возношения; но да будет она источником бесстрастия, всегда изводящим из себя реку нищеты (прп. Иоанн Лествичник, 57, 165).

***

...Если <человек> смирен действием покаяния, то, конечно, не пропустит ни одного дня и ни одной ночи без слез, плача и сокрушения (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 205).

***

Всем чувством почитай себя муравьем и червем, чтобы соделаться человеком Богосозидаемым: ибо если не будет того прежде, не последует и сие. Сколько спустишься вниз в чувстве о себе, столько подымешься вверх в действительности. Когда в ничто вменяешь себя перед лицем Господа, подобно Псалмопевцу (см.: Пс. 38, 6), тогда бываешь сокровенно велик из малого; и когда сознаешь себя ничего не имеющим и не знающим, тогда ты богат и деянием, и разумом, похвальными у Господа (прп. Феогност, 91, 377).

***

Видите ли... добродетель, свидетельствуемую у праведных в дополнение к полноте любви, как бы благовременно воздвигнутую кольцевую стену (защищающую все добродетели), именно — смирение? ...Они утверждают, что они недостойны провозглашения и похвал, как не совершившие никакого добра, те, о которых свидетельствуется, что они ничего не оставили несоделанным. Посему думается мне, Господь и провозглашает их открыто, дабы были явлены люди такого рода и через смирение возвысились и справедливо обрели благодать от Него, которую Он обильно дарует смиренным (свт. Григорий Палама, 26, 51—52).

***

Не трудись над разбором, кто прав и кто виноват, ты ли, или ближний твой, постарайся обвинить себя и сохранить мир с ближним при посредстве смирения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 510).

***

...Водимый смирением, чем более богатеет добродетелями и духовными дарованиями, тем делается скуднее, ничтожнее перед собственными взорами... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 539).

***

Блаженна душа, которая сознала себя вполне недостойною Бога, которая осудила себя, как окаянную и грешную! Она — на пути спасения; в ней нет самообольщения (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 123).

***

...Видение гордых есть ужасная слепота; а невидение смиренных есть способность к видению Истины (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 172).

***

Хорошо быть у ног ближних своих образом своих мыслей: тогда делается доступным для человека Евангелие Христово (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 447).

***

Были люди, которые одним смирением без подвигов спаслись; а без смирения никто не спасался и не спасется (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 169).

Как приобрести смирение

Кто не гордится в счастье — приобретает славу смирения... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 322).

***

Истинно смиренномудрствующий никогда не перестает укорять самого себя, хотя бы и весь мир на него нападал и его бесчестил; чтобы не только невольно спастись, как имеющие терпение, но и добровольно спешить к страданиям Христовым, ибо таковой научился из них величайшей из всех добродетелей, в которой обитает Дух Святый. Она есть дверь царства, т. е. бесстрастия. Вошедший ею идет к Богу, и без нее напрасен труд и многоскорбен путь. Она дарует всякое спокойствие тому, кто имеет ее в сердце, ибо в ней обитает Христос. Ради нее пребывает благодать, и ею сохраняются дарования. Она рождается от весьма многих добродетелей, т. е. от послушания, терпения, нестяжания, нищеты, страха Божия, ведения и других, главнейшая же из них — рассуждение, просвещающее действия ума. Однако да не подумает кто-либо, что просто и как случится можно сделаться смиренномудрым. Это дело превыше естества, и сколь велико это дарование, почти столь же многого требует труда, и благоразумия, и терпения, против восстающих на него искушений и демонов, ибо оно минует все их сети (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 55—56).

***

Смирение рождается от ведения, а ведение рождается от искушений (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 56).

***

...Стяжите себе смирение и не ходите с гордостью сердца, свойственною диаволам. Кто ходит с гордостью сердца, тот причастник диаволов (прп. Антоний Великий, 89, 57).

***

Старайся проходить следующие, мною тебе предлагаемые, подвиги: труд, нищету, странничество, лишения (ничего неимение) и молчание. Они сделают тебя смиренным, а смирение принесет тебе отпущение грехов (прп. Антоний Великий, 89, 108).

***

Не завидуй тому, кто идет вверх; но лучше всех людей считай высшими себя, чтобы с тобою был Сам Бог (прп. Антоний Великий, 89, 110).

***

Того, кто слабей тебя в добродетелях, считай равным себе; равного же себе в добродетелях почитай гораздо превосходящим тебя в совершенстве (прп. Антоний Великий, 89, 110).

***

Если станут хвалить тебя за дела твои, не радуйся тому и не услаждайся тем: утаивай их сколько можешь; не позволяй себе кому-либо говорить о них, и всячески постарайся достигнуть того, чтобы люди не хвалили тебя (прп. Антоний Великий, 89, 110—111).

***

Люби труды, всем себя подчиняй, уста свои держи заключенными — и достигнешь смирения; смирение же привлечет отпущение всех грехов твоих (прп. Антоний Великий, 89, 111).

***

Приучи язык свой говорить: прости мне, и придет к тебе смирение (прп. Антоний Великий, 89, 111).

***

Будь готов при всяком слове (обличительном), которое слышишь, говорить: прости мне; потому что такое смирение расстроивает все козни врага (прп. Антоний Великий, 89, 111).

***

Знай, что смирение есть не иное что, как... всех людей почитать лучшими себя. Твердо содержи в уме своем, что ты виновен во многих грехах, — голову свою держи поникшею долу, а язык твой пусть будет готов сказать тому, кто нанесет тебе обиду: прости мне, владыко мой! Постоянным же предметом помышления твоего да будет смерть (прп. Антоний Великий, 89, 111).

***

Прежде всего, не считай себя чем-либо, — и это породит в себе смирение; смирение же породит науку (опытность и здравомыслие); наука же родит веру; вера же родит упование; упование же родит любовь; любовь же родит повиновение, а повиновение родит неизменное постоянство (твердость в добре) (прп. Антоний Великий, 89, 111).

***

Исполняет дело смирения тот, кто хранит молчание, кто считает себя за ничто, кто неспорлив, кто повинуется

всем... Кто тщательно размышляет о смерти, хранит себя от лжи, удаляется от праздных и неполезных бесед, кто не противоречит старшим, кто не настаивает на своем мнении, кто переносит оскорбления, ненавидит покой, охотно несет труды и никого не прогневляет (прп. авва Исаия, 59, 109—110).

***

Кто рассматривает грехи свои, тот приближается к смирению (прп. авва Исаия, 59, 136).

***

Смирение состоит в том, чтобы отсекать свою волю перед ближним в разуме (прп. авва Исаия, 59, 136).

***

Приобучай язык твой произносить слова, служащие к миру, и вселится в тебя смирение (прп. авва Исаия, 59, 209).

***

Если кто скажет тебе жесткое слово, не воздымай на него сердца своего, но поспеши положить ему поклон, прежде чем родится в сердце твоем неудовольствие на него (или чувство обиды), потому что вслед за этим быстро приходит гнев (прп. авва Исаия, 89, 297).

***

Если кто поносить будет тебя, не противоречь ему, пока замолчит; потом, если, испытав себя, найдешь в себе

то, что слышал от него, покайся, что ты согрешил, — и благодать Божия примет вас опять (прп. авва Исаия, 89, 306).

***

Приучи язык свой говорить: прости, — и смирение низойдет на тебя (прп. авва Исаия, 89, 343).

***

...Стяжавший смиренномудрие на себя переносит порицание ближнего, говоря: это я погрешил (прп. авва Исаия, 89, 439).

***

Знай, что труд, нищета, самостеснение и молчание приводят к смирению... (прп. авва Исаия, 89, 460).

***

...Кто преуспел в высшем смирении, тот, слыша укоризны, поелику сам себя сознает еще более достойным унижения, не смутится душою оттого, что бесчестят его словами. Но если назовут его бедным, — знает, что он действительно нищ во всем и скуден, и всякий день имеет нужду в подаянии от Господа. Если назовут его человеком низкого происхождения и неизвестным в свете, у него давно напечатлено в сердце, что он создан из персти (свт. Василий Великий, 5, 328—329).

***

Скрывай себя от людей суетных; обнаруживай же себя, всего чаще перед Богом (свт. Василий Великий, 9, 44).

***

Это закон христианской победы: кто согласился иметь меньше, тот увенчивается... (свт. Василий Великий, 11, 29).

***

...Тот велик перед Богом, кто смиренномудренно уступает ближнему, и не стыдясь принимает на себя обвинения, даже и несправедливые, чтобы через это даровать Церкви Божией великую выгоду — мир (свт. Василий Великий, 11, 101).

***

Если перед братиями своими окажешься чистым, как золото, то и тогда почитай себя сосудом непотребным, и избежишь гордыни, ненавистной Богу и людям (прп. Ефрем Сирин, 30, 195).

***

Не только взор пусть будет поникшим долу, но и сердце да не превозносится над другим (прп. Ефрем Сирин, 30, 205).

***

...Смиряйте себя послушанием, любовию, воздержностию, уничижением (прп. Ефрем Сирин, 30, 231).

***

...Во всех делах своих приобрети себе смиренномудрие, которое есть матерь послушания (прп. Ефрем Сирин, 31, 140).

***

...Чтобы знать тебе, какое благо — не воображать о себе ничего великого, начертай словом две колесницы. Впряги праведность и высокоумие и еще грех со смиренномудрием и увидишь, что колесница греха упредит праведность не по собственной силе греха, но по крепости сопряженного с ним смиренномудрия, и также первая колесница останется назади не по немощи праведности, но по тяжести и дебелости высокоумия. Ибо как смиренномудрие, по превосходной своей высоте, преодолевает тяжесть греха и предваряет в восхождении к Богу, так высокоумие, по великой своей тяжести и дебелости, в состоянии взять верх над не обремененною ничем праведностию и легко увлечь ее долу (прп. Ефрем Сирин, 32, 409).

***

Любишь ли чистоту, <смирением> приобретешь чистое сердце; вожделеваешь ли святости, оно сделает тебя святым; желаешь ли стать совершенным, оно — путь совершенных: и на всякую высоту взойдешь ты смирением (прп. Ефрем Сирин, 33, 119).

***

...Подклони выю свою под иго сие <смирение>, ученик, желающий благоугодить Богу; трудись под игом смирения, и труд твой угоден будет Богу (прп. Ефрем Сирин, 33, 119).

***

Ради тебя Бог смирил Себя; а ты и ради себя не смиряешься, но превозносишься и кичишься (прп. Макарий Египетский, 89, 259).

***

Смиряйся перед Богом, и возвысит тебя десница Его (авва Евагрий, 89, 642).

***

Раб не только поносил <Христа>, но и ударил, и не просто ударил, но в ланиту; нет ничего поноснее такого удара; однако Господь все перенес, чтобы ты наилучшим образом научился смиренномудрию (свт. Иоанн Златоуст, 44, 502).

***

...Христос, начиная возводить в душах учеников великое здание любомудрия, наперед полагает увещание к смиренномудрию, как твердое и непоколебимое основание, — первую и нижнюю часть здания... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 147).

***

Ничто, точно ничто, не может так обуздывать и воздерживать нас, как смиренномудрие, когда т. е. мы бываем скромны, смиренны и никогда нисколько не мечтаем о себе (свт. Иоанн Златоуст, 46, 147).

***

Сколько бы нужно было мытарю потрудиться в посте, в возлежании на земле, в бодрствовании, в раздаянии бедным имущества, в долговременном ношении вретища и посыпании головы пеплом, чтобы успеть очистить свои грехи! Но не сделавши ничего такого, он очистил все грехи одним только словом; укоризны и оскорбительные слова, которыми (фарисей) думал унизить его, доставили ему

венец праведности без усилий, без трудов, в короткое время (свт. Иоанн Златоуст, 47, 861).

***

Не иначе ведь можно сделаться смиренным, как любовию к божественному и презрением к настоящему (свт. Иоанн Златоуст, 53, 12).

***

Размыслим о нашей природе, подумаем о своих грехах, познаем, кто мы, и это будет нам достаточным поводом для смирения во всем (свт. Иоанн Златоуст, 55, 530).

***

Не дожидайся дня своей смерти, чтобы узнать свое ничтожество; исследуй человека еще при жизни, проникни мысленно в его внутренности и увидишь всю нашу ничтожность. Однако не падай духом. Не по ненависти к нам, а щадя нас, Бог так создал нас, желая доставить великие поводы к смиренномудрию (свт. Иоанн Златоуст, 55, 600).

***

Поелику сокровище смиренномудрия высокотворно и Богу любезно, имеет силу истреблять всякое зло в нас и все Богу ненавистное, то сего ради неудобно стяжавается. Удобно, может быть, найдешь ты в ином человеке частные некие деяния многих добродетелей, но, поискав в нем благоухание смирения, едва ли найдешь его. Потому много потребно радения и усилий, чтобы стяжать сие сокровище. Писание и диавола называет нечистым за то, что с самого

начала отверг он это благое сокровище смиренномудрия и возлюбил гордость (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 180).

***

Есть много действий ума, могущих снискать нам благий дар смиренномудрия, если не будем нерадеть о своем спасении, как то: воспоминание согрешений — словом, делом и помышлением, — и другое многое, мысленно пересматриваемое, споспешествует к смиренномудрию. Располагает к истинному смирению и то, когда кто вращает в уме непрестанно добродетели ближних, и другие естественные их преимущества превозносит, сравнивая свое с их-ним. Видя таким образом ясно в уме своем свою худость и то, сколько отстоит он от совершенства других, человек, естественно, станет считать себя землею и пеплом, и даже не человеком, а псом некиим, потому что от всех земле сущих разумных тварей во всем отстает и всех их скуднее и нищетнее (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 180—181).

***

Какое кто имеет расположение к человеку, крайне его оскорбившему и обидевшему, такое же, или еще худшее, должны мы иметь и к самим себе, если хотим исполнить величайшую и первейшую заповедь, т. е. блаженное смирение, — Христово жительство, воплощенную жизнь Бога (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 203).

***

Смирения же нельзя приобресть без наготы (т. е. без отвержения мира, всех богатств и нужных вещей, без

нестяжательности). Без нее никак не возможно приобресть ни готовности к повиновению, ни силы терпения, ни спокойствия кротости, ни совершенства любви, без которых сердце наше вовсе не может быть жилищем Святаго Духа... (прп. Иоанн Кассиан, 56, 162).

***

...Никаким образом не может в душе нашей созидаться здание добродетелей, если наперед не будет положено в нашем сердце основание истинного смирения, которое, будучи крепко утверждено, могло бы поддерживать верх совершенства и любви; именно нужно, чтобы сначала с искренним расположением сердца мы изъявляли нашим братиям истинное смирение, заботясь, чтобы ни в чем не обидеть или не оскорбить, чего мы никак не возможем исполнить, если из любви ко Христу не будет утверждено в нас истинное самоотвержение, которое состоит в оставлении всего имущества и нестяжательности... (прп. Иоанн Кассиан, 56, 163).

***

Надобно знать, что вообще тот мужественнее, кто свою волю подчиняет воле брата, нежели тот, кто бывает упорным в защищении и удержании своих мнений. Ибо тот, снося и терпя ближнего, получает название здорового и сильного, а этот — немощного и как бы больного, к которому иногда надобно и полезно бывает так относиться и быть благосклонным, чтобы даже и в необходимых вещах делать какую-нибудь уступку для его спокойствия и мира. Касательно этого никто не должен думать, что он уменьшит на сколько-нибудь свое совершенство, если снисходя послабит на несколько принятую строгость, напро-

тив, должен знать, что он гораздо более приобретет для великодушия и терпения (прп. авва Иосиф, 56, 463).

***

...Надобно стяжать истинное смирение сердца, которое состоит не в притворстве наружном и на словах, а в искреннем уничижении духа. Оно проявится в ясных признаках терпения не тогда, когда кто сам будет тщеславиться своими пороками, невероятными для других, но когда не оскорбится, если припишут ему другие, и с кротостию сердца, благодушием перенесет обиды, причиненные другими (прп. авва Пиаммон, 56, 505).

***

Более чистый взгляд большее и замечает, неукоризненная жизнь порождает большую скорбь самоукорения, исправление нравов и рачительная ревность к добродетелям умножают стенания и воздыхания. Ибо никто не может быть доволен тою степенью совершенства, до какой преуспел; и кто чем чище будет духом, тем более видит себя нечистым, более находит причины к смирению, нежели к возношению; и чем скорее стремится к высоте, тем более видит, что ему еще больше остается, куда стремиться (прп. авва Феона, 56, 604—605).

***

Если желательно тебе... увеличить свои преспеяния, то невысоко о себе думай, и тогда они соделаются большими; не почитай себя уже сделавшим все, и тогда будет тебе больше славы. Ибо если грешник, почитая себя тем, что он действительно делается праведником, как мытарь, то пра-

ведник, признавая себя грешником, не соделается ли еще более праведным и достославным? Если благосознательность грешнику доставила венец (ибо не по смиренномудрию, но самую истину сказал он о себе), то смиренномудрие не соплетет ли праведнику тьмочисленных венцов? (прп. Исидор Пелусиот, 61, 319—320).

***

...Запечатлей добродетель скромными о себе мыслями. Ибо прекрасный охранительный знак и для всякого уважительную печать наложишь сим на сокровищницу преспеяний (прп. Исидор Пелусиот, 62, 425).

***

В какой... мере удручаешь тело свое... в такой же смиряй паче сердце свое, в ничто вменяй... себя, чтобы, когда найдет себе доступ в тебя тщеславие, не пожать тебе вместо пшеницы крапиву и чтобы не погибли труды твои (прп. Нил Синайский, 73, 24).

***

Смиренномудрый и упражняющийся в духовном делании, читая Божественное Писание, все будет относить к себе, а не к другим (прп. Марк Подвижник, 69, 7).

***

Как кающемуся несвойственно высокомудрствовать, так и произвольно согрешающему невозможно смиренномудрствовать (прп. Марк Подвижник, 69, 39).

***

Если смиренномудрие нисколько не вредит совершенному, то пусть он не оставляет и причину его — покаяние (прп. Марк Подвижник, 89, 520).

***

Не легко приобретаемое дело есть смирение: ибо чем выше оно, тем больших трудов требует стяжание его. Приходит же оно к причастникам святого ведения двумя способами: когда подвижник благочестия находится в середине духовного преуспеяния, тогда смиреннейшее о себе мудрование держится у него или ради немощи телесной, или ради неприятностей со стороны враждующих на ревнителей о праведной жизни, или ради лукавых помыслов; когда же ум в полном чувстве, и удостоверительно озарится святою благодатию, тогда душа начинает иметь смиренномудрие как бы естественным своим расположением. Ибо, будучи напаяема и насыщаема Божественною благодатию по благости Божией, не может уже она надыматься и напыщаться славолюбием, хотя бы непрестанно исполняла заповеди Божии, но почитает себя ничтожнейшею паче всех, в чувстве общения Божественной благостыни, (т. е. что она такова по милости Божией). То смиренномудрие сопровождается большей частью печалью и упадком духа, а это радостью со стыдением всемудрым; то, как я сказал, приходит к тем, кои находятся посредине подвигов, а это ниспосылается приближающимся уже к совершенству. Почему то нередко от житейских благопоспешений некако подавляется, а это, хотя бы кто предложил ему все царства мира, не колеблется, и самых страшных стрел греха не только не боится, но даже и совсем не чувствует;

потому что, будучи вседуховно, не имеет уже оно чувства для внешней славы. Доходит, однако же, до сего — последнего подвижник не иначе, как прошедши через то, первое, всяким образом: ибо благодать не даст нам богатства второго, если наперед не умягчит произволения нашего испытаниями, через обучительное попущение приражения страстей, в период первого (блж. Диадох, 91, 69—70).

***

Вспомни о падении сильных, и смиряйся в добродетелях своих (прп. Исаак Сирин, 58, 17).

***

Пока не достигнем истинного ведения, т. е. откровения таин, посредством искушений приближаемся к смирению... Без оскорблений ум не может пребыть в смирении, а без смиренномудрия не может чисто заняться молитвою к Богу (прп. Исаак Сирин, 58, 155).

***

...Странническая жизнь, нищета и пребывание в уединении — вот от чего рождается смирение и очищается сердце (прп. Исаак Сирин, 58, 210).

***

Не всякий, кто скромен и безмолвен, или благоразумен, или кроток по природе, достиг уже степени смиренномудрия (прп. Исаак Сирин, 58, 237).

***

Кто любит блеск, тот не может приобрести смиренных мыслей, потому что сердце внутренно отпечатлевается по подобию внешних образов (прп. Исаак Сирин, 58, 279).

***

Смирение всегда приемлет от Бога милость... Умаляй себя во всем перед всеми людьми, и будешь возвышен перед князьями века сего. Предваряй всякого своим приветствием и поклоном, и будешь почтен паче приносящих в дар офирское золото.

Унижай себя, и увидишь в себе славу Божию. Ибо где произрастает смирение, там источается Божия слава. Если будешь стараться пребывать в явном уничижении, то Бог соделает, что от всех людей будешь прославляем; если же в сердце своем будешь иметь смирение, то в сердце твоем покажет тебе Бог славу Свою (прп. Исаак Сирин, 58, 301).

***

Указанием любви и ведения служит смирение, которое рождается от доброй совести о Христе Иисусе, Господе нашем (прп. Исаак Сирин, 58, 304).

***

...В какой мере умножает <человек молитвы>, в такой смиряется сердце. Ибо всякий молящийся и просящий не может не смириться (прп. Исаак Сирин, 58, 329).

***

Кто просвещает ум свой для достойного воздаяния Богу, тот и душою, и телом снисшел во глубину смиренномудрия (прп. Исаак Сирин, 58, 397).

***

Когда кто хорошо обучится искусству и занимается им, то, по мере упражнения в оном, врач или софист приобретает некоторый навык, а сказать не может и не умеет объяснить, как он стал опытен в деле; душа приобрела навык... постепенно и нечувствительно, через упражнение в искусстве. Так и в смирении: от исполнения заповедей бывает некоторая привычка к смирению, и нельзя выразить это словом (прп. авва Дорофей, 29, 46).

***

...Почему... телесные труды приводят к смирению? Какое отношение имеют телесные труды к расположению души?.. Так как душа, по преступлении заповеди, предалась... прелести сластолюбия и самозакония и возлюбила телесное и некоторым образом стала как бы нечто единое с телом и вся сделалась плотию, как сказано: *не имать пребывати дух мой в человецех сих... зане суть плоть* (ср.: Быт. 6, 3), и бедная душа как бы сострадает телу и сочувствует во всем, что делается с телом; посему-то... и телесный труд приводит душу в смирение. Ибо иное расположение души у человека здорового и иное у больного; иное у алчущего и иное у насытившегося. Также... иное расположение души у человека, едущего на коне, иное у

сидящего на престоле и иное у сидящего на земле, иное у носящего красивую одежду и иное у носящего худую. Итак, труд смиряет тело; а когда тело смиряется, то вместе с ним смиряется и душа (прп. авва Дорофей, 29, 48).

***

...Каждый молящийся Богу: «Господи, дай мне смирение» — должен знать, что он просит Бога, дабы Он послал ему кого-нибудь оскорбить его. Итак, когда кто-либо оскорбляет его, то он и сам должен досадить себе и уничижить себя мысленно, чтобы в то время, когда другой смиряет его извне, он сам смирял себя внутренно (прп. авва Дорофей, 29, 122).

***

Смиренномудрый... не любопытствует о предметах непостижимых, а гордый хочет исследовать и глубину судеб Господних (прп. Иоанн Лествичник, 57, 165).

***

Кто познал себя во всяком чувстве души, тот как бы посеял на земле, а кто так не посеял, в том невозможно процвести смиренномудрию (прп. Иоанн Лествичник, 57, 168).

***

Тогда ты достоверно узнаешь, что святое существо сей добродетели <смиренномудрия> есть в тебе, когда будешь исполнен неизреченного света и несказанной любви к молитве (прп. Иоанн Лествичник, 57, 168).

***

Невозможно пламени происходить от снега; еще более невозможно быть смиренномудрию в иноверном или еретике (прп. Иоанн Лествичник, 57, 168).

***

...<Бог> радуется, видя, что мы усердно стремимся к бесчестию, чтобы потрясти, уязвить и уничтожить суетное наше тщеславие (прп. Иоанн Лествичник, 57, 171).

***

...Путь к смирению... — послушание и правость сердца, которые естественно сопротивляются возношению (прп. Иоанн. Лествичник, 57, 173).

***

Смиренномудрие рождается от чистой молитвы, со слезами и болезнованием. Ибо она, призывая всегда на помощь Бога, не попускает безумно полагаться на свою силу и мудрость и превозноситься над другими, — две лютые болезни горделивой страсти (прп. Максим Исповедник, 91, 211).

***

Деятельность... вместе с Божественною любовью множащаяся, не получая знания выше того, что следует делать, делает делателя смиренномудрым (прп. Максим Исповедник, 91, 277).

***

Соразмерно страху <Божиему> и вместе с ним возрастает и смирение, от смирения же исчезают все страсти, а с ними прогоняется и полчище демонов (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 25).

***

Даже тот, кто имеет хотя некоторое самомнение, как может удержать в себе... смирение? Никоим образом, конечно... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 58).

***

Считай себя худшим всех (это сделает тебя первым во Царствии)... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 88).

***

Покаянием разгоняется облак неведения, покрывающий ум, и снемлется покрывало, лежащее на нем. Когда же размрачится ум, тогда познаем и самих себя, и состояние свое, каково оно; увидим еще раны и скверны души нашей, и затем начнем не только мудрствовать и говорить смиренно, но станем стыдиться и солнца, и звезд, и всех тварей Божиих, созданных ради нас, стыдиться оттого, что прогневали Бога, создавшего все сие ради нас, и погрешили против Него, преступив не одну, а все заповеди Его. Оттого не будем сметь поднять глаза свои, чтобы посмотреть на эти твари, и станем почитать себя недостойными того, чтобы вкушать от плодов земли, сами на себя произнеся определение, что праведно будет умереть нам от алчбы и жажды. Не будем сметь также взглянуть и посмот-

реть на икону Христа Господа и святых Его, сознавая себя скверными, нечистыми и многогрешными. Будет нам казаться, что самим иконам стыдно от нас и дел наших; оттого не будет у нас доставать смелости приблизиться к ним и приложиться; крайне стыдно нам будет к чистому и святому прикоснуться нечистыми и осквернеными устами своими. Даже в храм Божий намереваясь войти, будем чувствовать, как объемлет нас страх и трепет, сознавая, что входим недостойные, боясь, как бы не разверзся пол храма и не низринул нас живых во ад.

Сему и большему сего всегда будет поучать нас святое смирение, и, изменяя нас, переустрояя и претворяя, до того проникнет все естество наше, что потом мы, хоть бы и хотели, не возможем уже подумать или сказать о себе что-либо великое и высокое... <Смирение> научит нас не вступать без проводника на стезю, которой не ведаем. Оно возвестит нам, что, желая каяться, мы не должны приступать к Богу без посредника и руководителя. Поелику если оно побуждает нас стыдиться неба, и земли, и всякого творения Божия, сущего в них, со страхом благоговеинствовать перед иконою Спасителя и святых Его, не сметь взирать на сии иконы или, приблизясь, лобызать их; не тем ли паче заставит оно нас не приближаться без посредника к Самому Творцу и Владыке всяческих Богу? Ибо хотя Он и человеколюбив, но много радуется о нашем смирении и сокрушении, и очень хвалит, когда кто почитает себя недостойным приблизиться к Нему самому собою, без посредника (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 110—111).

***

...Что есть смиренномудрие? То, чтобы познать и сознавать свою человеческую немощь. Но чтобы познал и

сознал кто человеческую немощь, сие бывает не иначе, как от просвещения, свыше Христом Господом посылаемого тем, которые веруют в Него. И другим каким-либо способом познать самого себя и сознать свою немощь нет никакой возможности (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 163).

***

Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Пс. 50, 19). Этою жертвою спасались, спасаются и будут спасаться все цари, вельможи, благородные, низкородные, мудрые, неученые, богатые, бедные, нищие, воры, обидчики, лихоимцы, развратники, убийцы и всякий род грешников. Глубина смирения — сей спасительной жертвы — должна быть измеряема мерою грехов, т. е. по мере грехов, какие наделал человек, да будет у него и смирение с сокрушением, но и самые праведники, и преподобные, и чистые сердцем, и все спасенные спасаются не иным чем, как этою жертвою. И милостыня, и вера, и удаление от мира, и самый великий подвиг мученичества, и всякие другие жертвы возжигаются от воспламенения сей жертвы, т. е. сокрушения сердечного. Это такая жертва, для которой нет греха, побеждающего человеколюбие Божие. Для сей единой жертвы (чтобы была и сохранялась) бывают болезни, скорби, тесноты, самое падение, страсти душевные и сопутствующие им страсти телесные, — все для того, чтобы всяким богобоязненным приносима была Богу сия жертва. Кто стяжет сию жертву сокрушения со смирением, тому некуда пасть, потому что он имеет себя ниже всех. И Бог сошел на землю и смирил Себя даже до смерти не для чего другого, как для того, чтобы в верующих в Него созидать сердце сокрушенное и смиренное (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 271).

***

...Бог ничего... так не любит и так не желает видеть в нас, как искреннее сознание своей ничтожности и полное убеждение и чувство, что всякое в нас добро, в нашем естестве и нашей жизни, происходит от Него единого, как источника всякого блага, и что от нас не может произойти ничего истинно доброго, ни помысл добрый, ни доброе дело. Почему Сам же Он и печется промыслительно насадить этот небесный росток в сердцах возлюбленных другов Своих, возбуждая в них неценение себя и утверждая ненадеяние на себя, иногда через благодатное воздействие и внутреннее озарение, иногда внешними ударами и скорбями, иногда нечаянными и почти непреодолимыми искушениями, а иногда и другими способами, для нас не всегда понятными (прп. Никодим Святогорец, 70, 19).

***

Для стяжания... смирения понудь себя и напрягись принять в любительные объятия свои всякие неудовольствия и прискорбности, как сестер родных, и всячески убегать славы и почестей, желая паче быть от всякого уничижаемым и незнаемым и ни от кого не получать попечения и утешения, кроме Единого Бога. Утверди в сердце своем, убедясь в благотворности его, такой помысл, что Бог есть единое благо твое и единое убежище, а все другие вещи суть для тебя терния, которые, если вложишь их в сердце свое, причинят тебе вред смертоносный. Если же случится тебе потерпеть от кого посрамление, не печалься о том, но перенеси то с радостию, держа уверенность, что тогда Бог с тобой. И не желай другой чести, и не ищи ничего другого, как страдать за любовь к Богу и за то, что служит к

наибольшей для Него славе (прп. Никодим Святогорец, 70, 260—261).

***

Смирение рождается от послушания... Смирением вводится в душу мир Божий. Мир Божий есть духовное место Божие, духовное небо, вошедшие в это небо человеки соделываются равноангельными... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 275).

***

...Желающий приобрести смирение должен с тщательностью... исполнять все заповедания Господа нашего Иисуса Христа. Делатель Евангельских заповедей может прийти в познание своей собственной греховности и греховности всего человечества... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 307).

***

В отвержении оправдания, в обвинении себя и в прошении прощения при всех тех случаях, при которых в мирской жизни прибегают к оправданиям... заключается... великая таинственная купля святого смирения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 312).

***

...Питаясь святою пищею смирения, можно пребывать в святом дому терпения. Когда же недостанет этой пищи, то душа выходит из дому терпения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 320).

***

Будем удостаивать себя ада, чтобы Бог удостоил нас неба (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 488).

***

Чтобы мы усвоили себе смирение, попущаются нам различные напасти, напасти от демонов, от человеков, от многообразных лишений, от извращенного и отравленного грехом нашего естества (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 433).

***

Никого не осуждайте, всех почитайте святыми, а себя одну грешною (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 8).

***

Смирение и дух сокрушенный должны составлять фон вашей жизни, как и всякого, в истинном духе Христовом живущего (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 230).

***

Навыкайте, главное, все доброе относить ко Господу, как к причине... и Его благодарить... Это начало смирения! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 82).

***

Лучший, или единственный верный, путь к смирению есть послушание и отречение от своей воли. Без сего можно развить в себе сатанинскую гордыню, смиренничая в слове и положении тела (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 162).

***

Приучайте себя всячески к тому, чтобы больше радоваться, когда с вами презрительно обходятся, укоряют или даже обижают, нежели когда ласкают и приветствуют. В этом самый надежный путь к смирению! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 188).

Плоды смирения

...Смиренномудрием разрушаются все козни вражии (прп. авва Исаия, 59, 12).

***

Людям смиренным Сам Бог открывает грехи их, чтобы они познали их и покаялись... (прп. авва Исаия, 59, 83).

***

Смирение не уязвляет совести ближнего (прп. авва Исаия, 59, 94).

***

Смиренномудрый... не имеет никакой скорби, кроме скорби о грехах своих (прп. авва Исаия, 59, 215).

***

...Смирение приносит прощение всякого греха (прп. авва Исаия, 89, 343).

***

Как земля не может принести плода без семени и воды, так человек не может покаяться без смиренномудрия и труда телесного (прп. авва Исаия, 89, 344).

***

Труд, нищета, странничество, злострадание и молчание рождают смирение; а за смирение прощаются все грехи (прп. авва Исаия, 89, 480).

***

Смиренномудрие часто спасает и того, кто сделал многие и великие грехи (свт. Василий Великий, 8, 271).

***

...Навык смирения как бы отсекает душевную раздражительность... (свт. Василий Великий, 9, 111).

***

Если же <кто> будет смиряться, то блистательно и величественно будет вознесен, потому что Бог собственною силою возвышает смиренного (свт. Василий Великий, 9, 380).

***

...Кто служит ближнему в смиренномудрии, тот прославится (прп. Ефрем Сирин, 30, 141).

***

...Смиряй душу свою перед Господом и обретешь благодать (прп. Ефрем Сирин, 30, 145).

***

Как железо все утончает и покоряет, так и смирение по Богу разрушает козни врага (прп. Ефрем Сирин, 30, 158).

***

Блаженны добровольно унижающие себя, потому что там <на небесах> будут возвышены (прп. Ефрем Сирин, 30, 386).

***

Все дела свои делай в смиренномудрии, во имя Спасителя нашего Иисуса Христа, и через это плод твой вознесен будет до неба (прп. Ефрем Сирин, 31, 100).

***

Возлюби смиренномудрие и никогда не впадешь в диавольскую сеть, потому что, воспаряя на быстрых крыльях, всегда будешь гораздо выше вражиих сетей (прп. Ефрем Сирин, 31, 101).

***

Упражняйся в смиренномудрии, чтобы не утратить плода добрых дел. А если отринешь оное, то и сам будешь причтен к трудящимся всуе (прп. Ефрем Сирин, 31, 104).

***

Кто не хочет добровольно смирять себя по благочестию, тот будет смирен поневоле... (см.: Иов. 12, 21) (прп. Ефрем Сирин, 31, 204).

***

Люби смиренномудрие. Ибо смирение по Богу — необоримая стена перед лицом врага, утес, о который ударяются и сокрушаются орудия и разжженные стрелы лукавого (прп. Ефрем Сирин, 31, 296).

***

Смирением вооружились апостолы, им побеждали истинно верующие; оно доставляло победу и древним, и новым. Препояшьтесь же сим оружием, ученики Христовы, потому что им приобретете победу и сделаетесь наследниками Царствия. Кто любит победу, тот вооружайся сим оружием; кто желает войти в Царство, входи сими вратами. Смирение — путь к Царствию. Это — дверь небесная, это — лествица, по которой человек восходит на небо. Им Бог снизошел с высоты до обители земнородных, им потомки Адамовы восходят из глубины до обители горних. Им приобретается всякое благо, им преодолевается всякая напасть (прп. Ефрем Сирин, 33, 115).

***

Грешник, если приобретет себе смирение, делается праведником... (прп. Ефрем Сирин, 33, 115).

***

Смирением человек более благоугождает Богу, нежели жертвами и приношениями. Через него достигают совершенства праведные; приемлются Богом кающиеся, примиряются с Ним грешники, оправдываются виновные (прп. Ефрем Сирин, 33, 115).

***

Смирение есть источник, из которого истекает все доброе; напротив того, гордость есть кладезь, из которого течет все худое (прп. Ефрем Сирин, 33, 115).

***

Кто облечен смирением, в том живет все доброе, а кто облечен гордостию, в том пребывает все худое (прп. Ефрем Сирин, 33, 115).

***

Смирение и грешников возводит к совершенству, а гордость и совершенных доводит до порока (прп. Ефрем Сирин, 33, 115).

***

Смиренному, если и согрешит, легко принести покаяние, а гордый, если и праведен, легко делается грешным (прп. Ефрем Сирин, 33, 116).

***

Господь наш верхом всех добродетелей поставляет любовь; но кто же богат любовию, как не смиренный? Смирением приобретается как любовь, так надежда и вера (прп. Ефрем Сирин, 33, 116).

***

Оно <смирение> пост делает истинным постом; оно охраняет девственников, дает цену милостыне; оно жертву делает угодною Богу (прп. Ефрем Сирин, 33, 116).

***

Смирение наделяет непорочных благословениями и делает их наследниками светлого чертога в Небесном Царстве (прп. Ефрем Сирин, 33, 117).

***

Желательно тебе стоять высоко? Усердно возлюби смирение; оно без усилий делает человека праведным (прп. Ефрем Сирин, 33, 117).

***

Смиряющиеся грешники и без добрых дел оправдываются, а праведные за гордыню губят и многие труды свои (прп. Ефрем Сирин, 33, 117).

***

У кого есть смирение, с тем Сам Христос, а кто исполнен гордости, в том невидимо водворяется лукавый (прп. Ефрем Сирин, 33, 117).

***

...Смирение, сей источник всех благ, твердо храни в душе своей, ученик; оно источает тебе все прекрасное: приближает тебя к Богу, вводит в содружество с Ангелами, открывает тебе сокровеннейшие тайны, исполняет тебя всякой премудрости, обнажает перед тобой глубины, показывает тебе недоведомое. Оно преклоняет перед твоей славою и покоряет ей высокомерие гордых; посевает мир внутри тебя, славу окрест тебя, чистые помыслы в сердце твоем, и делает светлым лицо твое.

Смирение не дает места раздражительности в сердце твоем и искореняет гнев в душе твоей, далеко гонит от тебя прочь ненависть, зависть и злобу, а, напротив того, исполняет тебя любви, мира, радости и веселия; не радости людей, думающих о земном, не веселия сильных земли, но радости духа, веселия мудрости. Оно приобретает

тебе благорасположение всякого человека и делает тебя боголюбезным. Ангелы радуются, видя тебя, а бесы приходят в смущение. Даже завистливые, которые ненавидят тебя, внутренне изумляются тебе, потому что упоены они яростию, а твое сердце спокойно и мирно. Никто в дольнем мире не живет такою высокою жизнию, как смиренный, и только совершенные из людей достигают высоты смирения. Приятно и сладостно иго смирения; кто несет его на себе, тот проходит высокое и великое служение (прп. Ефрем Сирин, 33, 118—119).

***

Им <смирением> очищаются грешные, оправдываются виновные, возвращаются на истинный путь заблудшие, спасаются погибшие, торжествуют сражающиеся, увенчиваются победители (прп. Ефрем Сирин, 33, 119).

***

...Оно <смирение> приблизит тебя к Богу, и Бог возвеселится о тебе и тебя возвеселит, и сделаешься сосудом в честь к славе Господа твоего (прп. Ефрем Сирин, 33, 121).

***

Кто... смиряет себя перед Богом и людьми, тот может сохранить данную ему благодать (прп. Макарий Египетский, 67, 273).

***

Если же кто не соблюдает великого смиренномудрия, то предается он сатане и обнажается от данной ему Божественной благодати, и тогда обнаруживается его само-

мнение, потому что он наг и беден (прп. Макарий Египетский, 67, 273).

***

...Смиренный никогда не падает: да и куда ему пасть, когда он ниже всех? (прп. Макарий Египетский, 67, 360).

***

...После смиренномудрия узаконяет <Господь> нам кротость, потому что естественно держаться одному другим, и состоянию смиренномудрия быть как бы матерью какою кроткого навыка (свт. Григорий Нисский, 19, 385).

***

...Смиренномудрие своею превосходною высотою преодолевает тяжесть греха и быстро восходит на небо... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 544).

***

Ничто так не способствует достижению высоты, славы и чести и не доставляет величия, как добродетель смиренномудрия... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 580).

***

Эта добродетель одна и сама по себе достаточна к умилостивлению Бога... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 147).

***

...Сколько бы кто ни сделал добра, без смиренномудрия погубит и испортит все (свт. Иоанн Златоуст, 46, 147).

***

Не только за милостыню, но и за смиренномудрие Он <Господь> приготовил тебе многие награды (свт. Иоанн Златоуст, 46, 346).

***

...Если ты унижаешь самого себя, Он <Господь> непрестанно будет прославлять тебя перед всеми... Он не хочет уменьшить награду за труды твои (свт. Иоанн Златоуст, 50, 31).

***

С помощью этой добродетели <смиренномудрия> мы сможем без волнений переплыть и море настоящей жизни и достигнуть тихой пристани благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 34).

***

Как гордость есть источник всякого нечестия, так смирение есть начало всякого благочестия. Потому-то Христос и начинает <заповеди> со смирения, желая с корнем исторгнуть гордость из души слушателей (свт. Иоанн Златоуст, 50, 150).

***

...Святых мы почитаем за то, что они, будучи выше всех, перед всеми смиряли себя; потому-то они и доселе остаются высоки, и величия их не потребила и самая смерть (свт. Иоанн Златоуст, 50, 669).

***

...Никто так не страшен демонам, как смиренный (свт. Иоанн Златоуст, 52, 881).

***

Смиренный угоден и приятен всем, живет в постоянном мире и не имеет никакой причины ко вражде (свт. Иоанн Златоуст, 53, 10).

***

Ничто так не делает христианина достойным удивления, как смиренномудрие (свт. Иоанн Златоуст, 53, 11).

***

...Сколько доброго рождает в нас смиренномудрие?.. Терпения ли в напастях? Незлобия ли? Человеколюбия ли? Трезвенности ли? Внимательности ли? Все эти добродетели (происходят) от смиренномудрия... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 284—285).

***

Как при наступлении света удаляется тьма, так смирение изгоняет всякий гнев и горечь (свт. Иоанн Златоуст, 54, 965).

***

...Смиренномудрие не только согревает существующий (плод), но обычно рождает даже не существовавший (свт. Иоанн Златоуст, 55, 354).

***

Когда грех бывает соединен со смиренномудрием, то он бежит с такою легкостью, что побеждает и опережает правду, соединенную с гордостью; а если сочетать смирение с правдой, то куда не дойдет оно, каких небес не

пройдет? Без сомнения, оно станет с великим дерзновением около самого Престола Божия посреди ангелов (свт. Иоанн Златоуст, 55, 528).

***

...Если же назовешь себя негодным, то становишься полезным, хотя бы был и негодным (свт. Иоанн Златоуст, 55, 534).

***

Самое прочное основание здравию <духовному> — смиренномудрие, которому научает естество наше. Ибо оно, как прах и пепел, громко сказует о себе, из чего оно произошло, и самой действительностью смиряет гордыню страждущих высокомерием (прп. Исидор Пелусиот, 61, 395).

***

...Смиренномудрие человека возводит на небо, и уготовляет к ликостоянию с ангелами (прп. Нил Синайский, 71, 220).

***

Блажен, кто высок по жизни и смирен по образу мыслей; он подражает Христу, и с Ним совоссядет (прп. Нил Синайский, 72, 255).

***

Демоны нередко наводят на смиренномудрых унижение и поношения, чтобы, не стерпя незаслуженного презрения,

оставили они смиренномудрие; но кто в смирении мужественно переносит бесчестие, тот сим самым возносится паче на высоту любомудрия (прп. Нил Синайский, 90, 279).

***

Возлюби смирение во всех делах своих, чтобы избавиться от неприметных сетей, какие всегда находятся вне пути смиренномудренных (прп. Исаак Сирин, 58, 35—36).

***

Кто уничижает и умаляет самого себя, того упремудрит Господь (прп. Исаак Сирин, 58, 47).

***

Смирение и без дел многие прегрешения делает простительными (прп. Исаак Сирин, 58, 202).

***

...Смиренномудрый непрестанно охраняет себя от всего многого; и тогда оказывается, что во всякое время он в тишине, в покое, в мире, в скромности, в благоговении (прп. Исаак Сирин, 58, 215).

***

В смиренномудром никогда не бывает поспешности, торопливости, смущения, горячих и легких мыслей, но во всякое время пребывает он в покое (прп. Исаак Сирин, 58, 215).

***

За смиренномудрием следует кротость и собранность в себя, т. е. целомудрие чувств, соразмерность голоса, немногословие, небрежение о себе, бедная одежда, ненадменная походка, наклонение очей долу, превосходство в милосердии, скорое излияние слез, уединенная душа, сердце сокрушенное, неподвижность к раздражению, нерасточенные чувства, малость имущества, умаление во всякой потребности, перенесение всего, терпение, небоязненность, твердость сердца, происходящая от возненавидения временной жизни, терпение в искушениях, веские, а не легкие мысли, угашение помыслов, хранение тайн целомудрия, стыдливость, благоговение, а сверх всего этого непрестанное безмолвствование и всегдашнее обвинение себя в неведении.

Смиренномудрому никогда не встречается такая нужда, которая приводила бы его в смятение или смущение. Смиренномудрый иногда, будучи один, стыдится себя самого (прп. Исаак Сирин, 58, 216).

***

Даже демоны, при всей наглости и досаде своей, при всей высоковыйности своего мудрования, когда приходят к нему <смиренному>, делаются как прах... (прп. Исаак Сирин, 58, 237).

***

...Смирение усовершает душу Божественными созерцаниями (прп. Исаак Сирин, 58, 239).

***

За смиренномудрием следует воздержность и во всем ограниченность... Смиренномудрие, по причине постоянно-

го самоограничения, приходит в созерцание, украшает же и душу целомудрием... (прп. Исаак Сирин, 58, 280).

***

У людей почтено богатство; а у Бога досточестна душа смиренная (прп. Исаак Сирин, 58, 290).

***

Молитва смиренномудрого как бы прямо из уст в уши <Господа> (прп. Исаак Сирин, 58, 312).

***

...Ни самый страх Божий, ни милостыня, ни вера, ни воздержание, ни другая какая-либо добродетель не может быть совершенна без смиренномудрия (прп. авва Дорофей, 29, 39).

***

...Смирение... покрывает душу и от всякой страсти, и от всякого искушения (прп. авва Дорофей, 29, 41).

***

Смирение охраняет глаза от развлечения и всего человека от всякого зла (прп. Варсануфий, 29, 226).

***

Ничто не приносит столько пользы ближним, как смиренный и непритворный нрав и слово (прп. Иоанн Лествичник, 57, 147).

***

Если от одной этой страсти <гордости>... некто ниспал с неба, то должно исследовать, не возможно ли смирением и без других добродетелей взойти на небо? (прп. Иоанн Лествичник, 57, 151).

***

В сердцах гордых рождаются хульные слова, а в душах смиренных небесные видения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 153).

***

...Смиренномудрие хранит сожителя своего невредимым от всякого смертоносного яда (прп. Иоанн Лествичник, 57, 165).

***

Солнце освещает все видимые твари, а смирение утверждает все разумные действия (прп. Иоанн Лествичник, 57, 166).

***

Покаяние восставляет падшего; плач ударяет во врата небесные, а святое смирение отверзает оные (прп. Иоанн Лествичник, 57, 166).

***

Кто смирил себя внутренно, тот не бывает окрадываем через уста; ибо чего нет в хранилище, того и дверь сия не износит (прп. Иоанн Лествичник, 57, 166).

***

Кто просит от Бога меньше того, чего он достоин, тот, конечно, получит более, нежели чего стоит (прп. Иоанн Лествичник, 57, 172).

***

Если гордость некоторых из ангелов превратила в бесов, то, без сомнения, смирение может и из бесов сделать ангелов (прп. Иоанн Лествичник, 57, 174).

***

...Бог... двери милосердия Своего не заключит для тех, которые стучатся со смирением (прп. Иоанн Лествичник, 57, 196).

***

...Блаженно и преблаженно святое смирение, ибо оно как юным, так и состарившимся подает твердость и силу в покаянии (прп. Иоанн Лествичник, 57, 208).

***

Смирение и злострадание (телесные лишения) освобождают человека от всякого греха, потому что то отсекает страсти душевные... (прп. Максим Исповедник, 91, 173).

***

Святые были благи и человеколюбивы, благоутробны и милосерды, оказавшись одинаковое имеющими ко всему

роду расположение любви, силою коей через всю жизнь верно сохраняя наилучшее из всех благ, разумею, смирение, сию хранительницу благ и разрушительницу противоположного им зла... (прп. Максим Исповедник, 91, 288).

***

...Будем со смирением <все делать>... и увидим, коль сладок, коль достолюбезен, коль пресветл плод сей добродетели, делающий нас подражателями Богу... (прп. Феодор Студит, 92, 81).

***

...<Смиренномудрие> есть источник добродетелей, источающий всякую благостыню или, лучше, рай богонасажденный, произращающий всеплодие бессмертия (прп. Феодор Студит, 92, 317).

***

В душе смиренных упокоевается Господь, в сердце же гордых — страсти бесчестия: ибо ничто так не усиливает их против нас, как высокомудрые помыслы; и напротив, ничто так действенно не исторгает с корнем из души эти былия злые, как блаженное смирение, которое справедливо потому названо страстеубийцею (свт. Феодор Едесский, 91, 325).

***

Где истинное смирение, там и глубина смиренномудрия; где смиренномудрие, там и воссияние Святаго Духа; где воссияние Святаго Духа, там обильное излияние света Божия и Бог с премудростью и ведением таин Его; где это,

там Царствие Небесное, и сознание Царствия, и сокровенные сокровища боговедения, в которых и явление духовной нищеты; где чувство духовной нищеты, там радостотворный плач и непрестанные слезы, которые очищают душу от всяких люблений и пристрастий и делают ее всю световою (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 35).

***

...Таинственное общение с Господом нашим Иисусом Христом, Богом Всевышним приносит три действенные плода: жизнь, бессмертие и смиренномудрие. Жизнь и бессмертие действуются через смирение, и опять вследствие жизни и бессмертия действует смирение. Смирение требуется и прежде жизни и бессмертия, и после, и есть таким образом и первое, и третье: первое, потому что есть причина прочих двух, т. е. жизни и бессмертия; третье, как их объемлющее и удерживающее. — Итак, который христианин не стяжал себе смирения Христова, так чтобы оно составляло естественное как бы его свойство, ничего уже не получит от Христа, и Христос ничтоже пользует ему. Таковый не знает ни Бога, ни себя самого; ибо если бы знал, что без Христа невозможно сделать ничего истинно доброго и спасительного, то, конечно, смирился бы и, как в царское одеяние, облекся бы в смирение Христово, посредством коего христиане делаются царями, царствуют и господствует над страстями и демонами силою Его.

По мере истинного и совершенного смирения бывает и мера спасения. Родитель же и отец смиренномудрия есть ум, просвещаемый благодатию Христовою и помощию сего Божественного света ясно видящий немощь свою, как, напротив, отец высокомудрия и гордости есть ум, покры-

тый мраком неведения, от какового мрака и когда бы избавиться и нам всем и, просветясь светом Божественным, прийти в смиренномудрие, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 273).

***

Когда будешь иметь... смиренное мудрование... то тотчас придет к тебе Господь, обымет тебя и облобызает, дарует Дух правый в сердце твое, Дух избавления и прощения грехов твоих, увенчает тебя дарами Своими и сделает славным мудростию и ведением. Ибо что другое так любезно и благоприятно Богови, как сердце сокрушенное и смиренное и мудрование самоуничиженное? В таковом-то смиренномудрии души обитает и почивает Бог, — и всякий навет врага против нее остается безуспешным; все греховные страсти исчезают в ней и, напротив, множатся плоды Духа Святаго, как то: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, смиренномудрие и воздержание от всех страстей; засим потом следует Божественное ведение, премудрость Слова, бездна сокровенных помышлений и таин Христовых. Кто достигнет до такого состояния и окачествуется так, тот изменяется благим изменением и бывает земным ангелом; телом сообращается он с людьми в мире сем, а духом ходит на небесах и сообращается с ангелами и от неизреченной радости распространяется в любви Божией, к которой никто никогда не может приблизиться, если прежде не очистит сердца своего покаянием и многими слезами и не достигнет глубины смиренномудрия, чтобы приять в душу свою Святаго Духа, благодатию и человеколюбием Господа на-

шего Иисуса Христа (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 66—67).

***

...Смирение рождает плач, а плач питает матерь свою, т. е. смирение, и возращает его (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 131).

***

То дело, которое делается не со смиренномудрием и духовным разумом, каково бы оно ни было, никакой не приносит пользы тому, кто его делает (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 297—298).

***

Чем более кто нисходит в глубину смирения и осуждает себя самого как недостойного спасения, тем более плачет и изводит источники слез; по мере слез и плача источается в сердце его духовная радость, а вместе с нею соисточается и совозрастает надежда и дает вернейшее удостоверение во спасении (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 530).

***

Сначала от плача по Богу бывает смирение; от него приходят потом радость и веселие неизреченные; окрест же смирения по Богу вырастает надежда спасения. Ибо чем кто грешнейшим всех людей считает себя от всей души, тем более вместе с смирением разрастается в нем надежда, цветет внутрь сердца его и исполняет его удостоверением, что он несомненно имеет быть спасен посредством смирения (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 530).

***

...Если <человек>... станет молча переносить наносимое ему или противо отвечать с великим смирением, то сделает <древнего змия>... немощным и расслабленным (и совсем убьет) (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 14).

***

Где глубокое смирение, там и слезы обильные; а где есть сие, там есть и присещение Святаго Духа... (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 53).

***

Смирение есть нечто величайшее в добродетелях; ибо в ком оно вкоренится через искреннее покаяние и в спутницы к себе приимет молитву с воздержанием, тех тотчас делает свободными от страстей, мир силам их подает, сердце очищает слезами и исполняет его тишины в нашествии Духа. Когда же они так настроятся, тогда для них уясняется через то слово ведения Божия, и они входят в созерцание таин Царствия Божия и познания тварей. Но поколику они углубляются в глубины Духа, потолику погружаются и в глубину смиренномудрия; а от сего возрастает в них познание своих мер и немощи человеческого естества и увеличивается любовь к Богу и ближним, так что они убеждены бывают, что почерпают освящение от одного приветствия и близости обращающихся с ними (прп. Никита Стифат, 93, 122—123).

***

Ничто так не окрыляет души к вожделению Бога и возлюблению Его, как смиренномудрие, умиление и чистая молитва. Смиренномудрие сокрушает дух, источает потоки

слез и, представляя перед очи создания невеликость наших человеческих мер, научает видеть свою немощность (прп. Никита Стифат, 93, 123).

***

Сохрани... добрый залог обогатительного смирения, в которое складываются на сохранение сокровенные сокровища любви, в коем хранятся маргариты умиления, — и Царь Христос Бог покоится, как на престоле, окованном златом, разделяя дары Духа Святаго питомцам Его и великих сподобляя их удостоений: слова ведения Его, неизреченной Его премудрости, узрения божественных вещей, предузрения вещей человеческих, животворного умертвия в бесстрастии и соединения с Ним теснейшего, для соцарствования с Ним в Царствии Отца и Бога... (прп. Никита Стифат, 93, 123).

***

Странное скажу тебе слово, но не дивись. Если и не достигнешь бесстрастия по причине, может быть, тиранских предрасположений, но, находясь во время исхода в глубоких чувствах смирения, ничем не меньше бесстрастного вознесешься на облаках. Ибо пусть сокровище бесстрастных составлено бывает из всякой добродетели; но драгоценный камень смирения паче всех их досточестен и высок, и стяжавшему его доставляет не только умилостивление перед Богом, но и вход вместе с избранными в брачный чертог Царствия Его (прп. Феогност, 91, 394).

***

Почему же смирение возносит на высоту праведности, а гордость низводит на дно греховности? — Потому что мнящий о себе высоко, и то перед лицем Бога, справедли-

во бывает оставлен Богом, поскольку он не считает, что нуждается в Его помощи. Считающий же себя за ничто и потому взирающий на милость свыше, справедливо вызывает к себе Божие сострадание и получает от Него помощь и благодать. Ибо говорится: *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать* (Притч. 3, 34) (свт. Григорий Палама, 26, 21—22).

***

Смирение, соединенное с покаянием, является подобным некоему облаку. Оно и источники слез из очей изводит, и выделяет достойных от недостойных, и возвышает и Богу представляет туне оправданных в силу благорасположенности намерения (свт. Григорий Палама, 26, 28).

***

...Смирение успокаивает нервы, укрощает движение крови, уничтожает мечтательность, умерщвляет жизнь падения, оживляет жизнь о Христе Иисусе (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 129).

***

...В противоположность тщеславию, которое разносит помыслы человека по вселенной, смирение сосредоточивает их в душе: от бесплодного и легкомысленного созерцания всего мира переводит к многоплодному и глубокому самовоззрению, к мысленному безмолвию... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 319).

***

Из совершенного смирения и из совершенной покорности воле Божией рождается чистейшая, святая молитва (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 326).

***

...Мы должны смириться извне и внутри себя, чтобы соделаться причастниками славы Христовой в сем и будущем веке (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 289).

***

Ради его <смирения> все простит Бог и все недостатки подвигов не взыщет; а без него никакие строгости не помогут (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 199).

***

Трудно победить того, кто облечен смирением (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 121).

***

...Кто через смирение всего себя предал Богу, за того во всем действует Сам Бог (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 121—122).

Ложное смирение

Не знаю, не от сильного ли помрачения страстьми приходит человек в такое безумие, что считает себя, может быть, равным ангелам, и даже большим их, думая спастись без смиренномудрия, лишившись которого прежде бывший Денница, и без другого греха, сделался тьмою. Что же потерпит не имеющий смирения смертный и персть, не говорю уже грешник; может быть, по слепоте своей, он не верит, что грешен. «Конечно, — говорит Златоуст, — совершенный человек будет равноангельным, как сказал Господь, т. е. при воскресении мертвых, а не в нынешнем веке; но и тогда не ангелами, сказано, а равноангельными

будут люди; ибо не могут они оставить своей природы, но — будут как ангелы — неизменны, по благодати, освобождены от всякого насилия, будут иметь власть самопроизвольную и непрестанное веселие и любовь к Богу, *яже око не виде* (ср.: 1 Кор. 2, 9)» (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 175).

***

...Которые утратили высокость и возвышение души, низложенные грехом на землю и как бы пригвожденные к земле изгибаются подобно пресмыкающемуся змию и уже не в силах прийти совершенно в прямое положение, те смиренны, но не духом; почему смирение их непохвально. Но которые имеют благодать Святаго Духа, те добровольно смиряют себя перед низшими, с Апостолом называя *себе самех рабами* всякого человека (ср.: 2 Кор. 4, 5) о Христе... (свт. Василий Великий, 5, 266).

***

...Мысль о себе, что дошел до высоты смирения, служит поводом к возношению... (свт. Василий Великий, 6, 101).

***

...Уклонившийся с пути смирения не поставит кущи своей в селениях праведных (прп. Ефрем Сирин, 31, 100).

***

...Никто да не почитает нетрудным и удобно приобретаемым преуспеяние в смиренномудрии. Напротив того, такое дело труднее всякого, какого бы то ни было добродетельного предначинания. Почему же? Потому что, когда

человек, приняв в себя добрые семена, уснул, врагом жизни нашей укоренено в нас главное из противоположного сеяния — плевелы гордости. Ибо чем сам он свергнул себя на землю, тем же самым и бедный человеческий род вовлек с собою в общее падение; и для естества нашего нет другого такого же зла, как этот недуг, производимый (и) гордостью (свт. Григорий Нисский, 19, 367).

***

...Грех, будучи соединен со смиренномудрием, совершает течение с такою легкостию, что превосходит и упреждает праведность, соединенную с гордостию... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 320).

***

...Относительно смирения люди бывают подобны кузнечикам. Зимой кузнечик в окоченении и не может двинуться: он цепенеет от холода и потому смирен, легко может быть пойман и взят руками; отогревшись же немного на солнце, он вспархивает, не в состоянии сидеть по-прежнему на месте, носится в воздухе. Так и человек: среди скорбей отличается смирением, благочестием, кротостью, добротой. Но приходит счастье, и человек является во всей наготе (свт. Иоанн Златоуст, 48, 694).

***

...Никогда не превозносись своим смирением! Может быть, вам кажутся смешными слова мои, что смирение превозносится; но не удивляйтесь: оно превозносится, когда бывает неискренним. Как и каким образом? Когда оно бывает для того, чтобы показаться перед людьми, а не перед Богом, когда оно имеет в виду свое прославление и

тщеславие; и тогда оно — дело диавола. Как многие тщеславятся тем, что они нетщеславны, так превозносятся и смирением по высокомерию... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 896).

***

Ты для того и смиренномудрствуешь, чтобы избежать высокомерия; а если через это ты впадаешь в высокомерие, то лучше тебе и не быть смиренным (свт. Иоанн Златоуст, 54, 898).

***

Когда придет тебе на мысль удивляться своему смирению, то представь себе Владыку своего, как Он уничижил Себя, — и ты не станешь больше удивляться себе самому, не станешь хвалить себя самого, но посмеешься над собою, как не сделавшим ничего (свт. Иоанн Златоуст, 54, 898).

***

Ты смиренен, смиреннее всех людей? Не величайся этим, не поноси других и не губи похвалы своей. Ты смиряешься для того, чтобы освободиться от гордости; поэтому если ты по причине смирения впадаешь в гордость, то лучше не смиряться (свт. Иоанн Златоуст, 55, 531).

***

Смиренномудрствуй паче, а не только говори смиренно, чтобы не иметь вблизи себя обличения словам в делах; лучше, чем сказать в словах, показывай дела, чтобы слова

были то же, что и дела, а не опровергались слова делами (прп. Исидор Пелусиот, 60, 197).

***

Верному надлежит смиряться перед всеми, ибо смиряться только перед некоторыми значит иметь смирение ложное (прп. Нил Синайский, 72, 240).

***

Как вода и огонь противятся друг другу при совокуплении, так словоправдание и смирение сопротивляются одно другому (прп. Марк Подвижник, 69, 19).

***

Не будь учеником самохвала, чтобы вместо смиренномудрия не научиться гордости (прп. Марк Подвижник, 89, 520).

***

Кто соступил со стези блаженного смирения и шествие творит вне ее, по правую или левую сторону, а не следует прямо за Господом нашим и Богом Иисусом Христом, тот как может войти в брачный чертог Христов, вместе со Христом? Если же он не войдет туда, то как может увидеть славу Христову? А если не увидит ее, как может возвещать о ней и явною ее творить другим? Или как дерзнет он говорить что-либо о том, чего не знает и чего не видел никогда? Если же покусится учить о таковых вещах, то найдется ли в мире другой человек, более его несмысленный? (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 87).

***

Есть мнимое смирение, происходящее от нерадения и лености и от сильного осуждения совести. Возымевшие его нередко почитают его виною спасения; но оно не есть таково воистине, потому что не имеет радостотворного плача, который бы соединен был с ним (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 531).

***

Недостаток смирения, от которого недуг фарисейства, крайне препятствует духовному преуспеянию (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 414).

***

Ничто так не враждебно смирению Христову, как смиренномудрие своевольное, отвергшее иго послушания Христу... святотатственно служащее сатане (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 535).

***

Может быть и произвольное смиренномудрие: его сочиняет для себя душа тщеславная, душа обольщенная и обманутая лжеучением... льстящая самой себе... ищущая лести от мира... всецело устремившаяся к земному преуспеянию... забывшая о вечности, о Боге (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 535).

***

Ложное смирение видит себя смиренным; смешно и жалостно утешается этим обманчивым, душепагубным зрелищем (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 537).

****

Два монаха жили в тесной дружбе. Один из них в чем-то заподозрил другого и охладел к нему. На вопрос брата о причине сего сказал: «Ты сделал то и то». Брат начал уверять, что не было этого, но тот не поверил ему. И вот подумал обвиненный: может, и сделал я что-то, но забыл, как все забываю, а брат помог вспомнить мне грех. И он начал благодарить Господа и брата, через которого Господь сподобил его познать грех свой. Пошел просить прощения, но тот первый поклонился ему в ноги и сказал: «Прости меня, открыл мне Господь, что невиновен ты» (91, 127—128).

***

Когда приходил какой-либо брат к преподобному Макарию Египетскому как святому и великому старцу, он ничего не говорил с ним; но если кто обращался к нему с укоризнами, хотя и несправедливыми, того принимал с радостью (67, 14).

***

Однажды припомнил блаженный Зосима о некоем брате, рассказавшем ему, что он имел авву весьма кроткого, которого за великую его добродетель и чудеса, им творимые, вся страна почитала как ангела Божия. В один день брат сей, движимый врагом, подошел к нему и начал злословить его при всех. Старец спокойно стоял при сем, смотря на уста его, и потом сказал: «Благодать Божия во устах твоих, брате мой!» Он же, еще более вознеистовствовав, закричал: «Знаю я, ты это говоришь, бессмысленный и чревонеистовый старик, чтобы показать себя кротким». Старец сказал на это: «Истинно так, брате мой; то,

что ты говоришь, справедливо». После сего некто спросил старца: «Неужели ты не смутился, старец Божий?» «Нет, но чувствовал в душе моей, что она была как бы покрываема Христом», — ответил он. К сему блаженный присовокупил: «Поистине должно благодарить таковых и почитать их, если кто страстен, врачами, врачующими раны души его, а кто бесстрастен, благодетелями, доставляющими ему Царство Небесное» (91, 122—123).

***

Один брат спросил старца: «Что есть смирение?» Старец отвечал: «Смирение есть дело великое и Божественное; путем же к смирению служат телесные труды, совершаемые разумно, также считать себя ниже всех и постоянно молиться Богу, это путь к смирению; самое же смирение Божественно и непостижимо» (29, 47).

***

Один из старцев заболел и в течение многих дней не мог употреблять никакой пищи. Ученик его убедительно просил, чтобы он позволил приготовить для него немного киселя. Старец согласился. У них был один сосуд с медом, а другой, похожий, сосудец с маслом, выжатым из льняного семени. Масло это уже испортилось и не годилось ни для какого употребления, разве что для лампады. Брат по ошибке положил в приготовленную им пищу масло, думая, что кладет мед. Старец отведал и, не сказав ничего, молча стал есть. Когда была подана третья порция, старец взмолился: «Сын! Я не могу больше». Тот, желая, чтобы он еще поел, сказал: «Авва! Кисель хорош, и я поем его». Как только он попробовал, то понял, что совершил ошибку.

Он припал к ногам старца: «Увы мне, авва! Я убил тебя. Какой грех возложил ты на меня, ничего не сказав мне!» Старец отвечал ему: «Не огорчайся, если бы благоугодно было Богу, чтобы я вкусил хорошей пищи, то ты положил бы меду, а не того, что положил» (106, 457).

***

Рассказывали, что, когда братия приходили к авве Пимену, он отсылал их прежде к авве Анувию, потому что Анувий был старше его летами; но авва Анувий говорил им: «Идите к брату моему Пимену, он сам имеет дар слова». Если же где находился авва Анувий вместе с Пименом, то авва Пимен совсем не говорил в присутствии его (97, 211).

***

Некогда авва Макарий, идя с горы в свою келью, нес ветви. На пути встретился ему диавол с серпом. Диавол хотел толкнуть авву Макария, но не мог. И говорит ему: «Велика в тебе сила, Макарий, потому что я не силен против тебя. Если ты что делаешь, то это делаю и я. Ты постишься, а я совсем не ем, ты бодрствуешь, а я совсем не сплю. Одно только есть, чем ты меня побеждаешь». Авва Макарий говорит ему: «Что же это такое?» Диавол ответил: «Смирение. И поэтому я не силен против тебя» (98, 333—334).

***

Однажды, когда святой Макарий сидел в своей келье, предстал ему Ангел, посланный от Бога, и сказал: «Макарий, не бойся нападения невидимых врагов, потому что наш благий Владыка не отступит от тебя и не престанет

поддерживать тебя. Мужайся, укрепляйся, храбро побеждай начала и власти противные; но деланием твоим не превозносись, чтобы Божественная помощь не оставила тебя, чтобы ты не пал падением...» Блаженный Макарий отвечал, обливаясь слезами: «Чем превозноситься мне, когда душа моя, подобно блуднице, питается смрадом нечистых помышлений, приносимых бесами?» (106, 311).

***

Некоему старцу явился диавол, преобразившись в Ангела света, и сказал ему: «Я архангел Гавриил, послан к тебе». Старец на это отвечал: «Смотри, не к кому ли другому ты послан? Потому что я недостоин того, чтобы посылались ко мне ангелы». Диавол тотчас исчез. Старцы говорили: «Если и поистине явится к тебе Ангел, не прими его легковерно, но смирись, говоря: «Я, живя во грехах, недостоин видеть Ангелов» (106, 515).

***

Авва Пафнутий вспоминал: «Во дни жизни старцев я всегда ходил к ним по два раза в месяц, проходя двенадцать миль, и открывал им всякий помысл свой. Старцы всегда говорили мне одно и то же: «Куда бы ты ни пришел, храни смирение — и будешь спокоен» (97, 235—236).

***

Однажды в Фиваиду к старцу привели человека, одержимого бесом, чтобы он исцелил его. Старец, после многих прошений, говорит демону: «Изыди из творения Божия!» Демон спросил его: «Скажи мне, кто суть козлища в

Евангелии, а кто агнцы?» «Козлищи — это я, — отвечал старец, — а агнцев знает Бог». И демон, услышав, возопил гласом великим: «Вот я исхожу по твоему смирению», — и вышел в тот час (98, 47).

***

В одном многочисленном общежитии египетском, недалеко от города Панефиса, был авва и пресвитер Пинуфий, которого все уважали за его лета, жизнь и священство. Видя, что при всеобщем к нему уважении он не может упражняться в вожделенном смирении и послушании, тайно удалился в крайние пределы Фиваиды; там, сложив образ монашеский и одевшись в одежду мирскую, пришел в киновию тавеннских монахов, зная, что она строже всех и что по отдаленности страны, по обширности монастыря и по множеству братий он легко мог тут остаться неузнанным. Здесь очень долго пребывая при воротах и кланяясь в ноги всем братиям, упрашивал принять его. Наконец, приняли его с большим презрением, думая, что он, уже глубокий старик, всю жизнь проведя в мире, вздумал поступить в монастырь в преклонном возрасте, когда уже не может раболепствовать своим удовольствиям, говорили, что он идет в монастырь не по чувству благочестия, но чтобы иметь пропитание, и, как неспособного к тяжким работам, старика приставили к саду и отдали под надзор одного из младших братьев. Здесь он упражнялся в вожделенном смирении и повиновался приставнику своему с такою ревностию, что не только усердно смотрел за садом, но еще делал вообще все дела, которые для всех казались трудными или низкими или за которые боялись приняться; притом весьма многое делал ночью и тайно, так что не знали, кто это делал. Таким образом от прежних своих братий, которые

искали его по всему Египту, он укрывался три года; наконец, один человек, пришедший из Египта в тавеннский монастырь, едва мог узнать его по уничиженному виду и по низкой должности, которую он исправлял, ибо он окапывал землю у оливковых деревьев и, нося навоз на своих плечах, осыпал им корни. Когда сей, видя его и долго оставаясь в недоумении касательно признания его, наконец подошел поближе к нему и, как признал его по лицу и голосу, тотчас упал ему в ноги. Этим сначала он привел всех видящих в недоумение, для чего это он сделал тому, кто, как новичок, недавно пришедший из мира, считался у них последним; а потом поражены были большим удивлением, когда он открыл его имя, которое и у них было в большой славе. Когда все братия стали просить у него прощения в том, что так долго, по неведению, держали его в чине вновь поступающих, он плакал о том, что, по зависти диавола, лишился возможности упражняться в смирении и окончить жизнь в послушании, для чего он нашел было, после долгого искания, самый лучший случай. После сего против воли отвели его в прежнюю киновию, наблюдая в пути, чтобы он как-нибудь не убежал от них (56, 41—42).

***

Авва Даниил поведал: «В Вавилоне дочь одного идолопоклонника имела в себе беса. Отец ее был знаком с монахом, который говорил ему: «Никто не возможет исцелить твоей дочери, кроме известных мне отшельников, но и те, если будешь просить их, не захотят сделать этого по смирению. Вот как поступим: когда они придут на торг, то сделаем вид, что хотим купить у них рукоделие. А когда они придут к тебе в дом за деньгами, то попросим их, чтобы

они сотворили молитву, и я верую, что исцелеет дочь твоя».

Они пошли на торг; там ученик одного из старцев сидел и продавал корзины. Они пригласили его в дом, чтобы там отдать деньги за товар. Едва монах вступил на порог, как беснующаяся выбежала ему навстречу и ударила по щеке. Он обратил ей другую щеку по заповеди. Демон ощутил муку и возопил: «О, беда! Заповедь Иисуса Христа изгоняет меня!» Девица немедленно очистилась.

О случившемся поведали старцам. Они прославили Бога, сказав: «Обычно гордыне диавола падать перед смирением заповеди Христовой» (106, 92).

***

Человек, мучимый бесом и источавший во множестве пену от действия жившего в нем демона, ударил по щеке старца-отшельника. Старец подставил ему другую щеку. Демон, не вынесши действия смирения, тотчас вышел из беснующегося (106, 514).

***

Некий брат жил в общежитии, и все обвинения, которые возлагали на него братия, даже обвинения в любодеянии, принимал на себя. Некоторые из братий начали роптать на него, говоря: «Сколько он сделал зла и не хочет даже работать!» Настоятель, зная его подвиг, говорил братиям: «Для меня приятнее одна циновка работы этого брата, сделанная со смирением, нежели все ваши, сделанные с гордостию». Чтобы доказать судом Божиим, каков этот брат, авва велел принести циновки работы братий и обвиненного брата; потом развели огонь, и авва положил

в огонь все циновки. Работа роптавших братий сгорела, но циновка брата осталась неповрежденною. Братия, увидев это, умолкли, просили прощения у брата и отселе считали его своим отцом (106, 486—487).

***

К авве Антонию пришли старцы; между ними был и монах Иосиф. Старец, желая искусить его, завел речь от Писания и стал спрашивать объяснение у всех, начиная с младших. Каждый толковал текст по своему разумению, а старец находил их объяснения неудовлетворительными; потом, обратясь к монаху Иосифу, сказал: «Ты как объяснишь это слово Писания?» Иосиф отвечал: «Я не знаю». Тогда авва Антоний сказал: «Однако монах Иосиф нашел тот путь, на котором говорят: *не знаю*» (106, 40).

***

Однажды блаженный Антоний молился в келье своей, и был к нему глас: «Антоний! Ты еще не пришел в меру кожевника, живущего в Александрии». Услышав это, старец встал рано утром и, взяв посох, поспешно пошел в Александрию. Когда он пришел к указанному ему мужу, муж тот крайне удивился, увидев у себя Антония. Старец сказал кожевнику: «Поведай мне дела твои, потому что из-за тебя пришел я сюда, оставив пустыню». Кожевник отвечал: «Я не знаю ничего хорошего за собою, чтобы я сделал когда-либо. Обычно встаю рано с постели и, прежде нежели выйти на работу, говорю сам себе: все жители этого города, от большого до малого, войдут в Царствие Божие за добродетели свои, а я один пойду в вечную муку за

грехи мои. Эти же слова повторяю в сердце моем, прежде нежели лягу спать». Услышав это, блаженный Антоний ответчал: «Поистине, сын мой, ты, как искусный ювелир, сидя спокойно в доме твоем, стяжал Царство Божие. Я хотя всю жизнь мою провожу в пустыне, но не стяжал духовного разума, не достиг в меру сознания, которое ты выражаешь словами твоими» (106, 41).

***

Поведал о себе авва Антоний: «Я видел все сети диавола распростертыми поверх земли. Увидев это, я вздохнул и сказал: «Горе роду человеческому! Кто же сможет освободиться от этих сетей?» На это сказано мне: «Смиренномудрие спасется от них, и они не могут даже прикоснуться к нему» (106, 43).

***

Прибыв в Скит, святой Арсений объявил пресвитерам о своем намерении принять монашество. Они отвели его к старцу, исполненному Святаго Духа, Иоанну Колову. Старец захотел подвергнуть Арсения испытанию. Когда они сели за трапезу, чтобы вкусить хлеба, старец не пригласил Арсения, и оставил его стоять. Он стоял, устремив глаза в землю и помышляя, что стоит в присутствии Бога, перед Его ангелами.

Когда начали есть, старец взял сухарь и кинул Арсению. Арсений, увидя это, подумал о поступке старца так: «Старец, подобный ангелу Божию, познал, что я подобен псу, даже хуже пса: съем же хлеб так, как его едят псы». После этого размышления Арсений встал на четвереньки и в этом положении подполз к сухарю, взял его устами,

отнес в угол и там съел. Старец, увидев смирение его, сказал пресвитерам: «Из него будет искусный инок». По прошествии времени Иоанн дал ему келью близ себя и научил подвизаться о спасении своем (106, 47—48).

***

Однажды диакон патриарха Александра начал укорять его перед всем клиром. Блаженный поклонился ему, сказав: «Прости меня, господин мой и брат» (106, 73).

***

Как-то авва Иоанн сидел в Скиту. Братия, обступив его, вопрошали его о своих помыслах. Увидел это один из старцев и, побежденный завистью, сказал ему: «Иоанн! Ты подобен блуднице, которая украшает себя и умножает число любовников своих». Иоанн обнял его и сказал: «Истину говоришь, отец мой» (106, 292—293).

***

К авве Серапиону пришел некий брат и старец предложил ему, по принятому между монахами обычаю, сотворить молитву, но брат отказался, называя себя грешным, недостойным и самого монашеского образа. Старец хотел умыть ему ноги, но он не допустил, отказавшись теми же словами. Авва предложил ему разделить с собою трапезу. Когда они вкушали пищу, старец начал с любовию говорить ему: «Сын мой! Пребывай в твоей хижине и внимай себе и деланию твоему, потому что хождение с места на место не принесет тебе такой пользы, какую принесет безмолвие». Брат, услышав это, сильно огорчился, и это

огорчение не могло укрыться от старца. Тогда авва Серапион сказал ему: «До сего времени ты называл себя грешником и говорил о себе, что недостоин и жизни, а только я сказал с любовью о полезном для тебя, как ты и разгневался! Если хочешь стяжать истинное смирение, то приучайся мужественно претерпевать наносимые оскорбления от других, а пустым смиренномудрием не облекайся». Брат, выслушав это, просил у старца прощения, сознаваясь в ошибочности своего поведения. И пошел от него, получив большую пользу (106, 355).

***

Один брат находился в церкви, где происходила вечеря любви. Он сел за трапезу, чтобы подкрепиться пищею с братиею. Некоторые братия спросили: «А этот зачем здесь?» И ему сказали: «Встань и выйди вон». Он встал и вышел. Другие огорчились тем, что его выгнали, и позвали его назад. После этого один из братии спросил его: «Что помышлял ты, когда тебя сперва выгнали, а потом снова позвали?» Он отвечал: «Положил в сердце моем, что равен псу, который выходит, когда его выгоняют, а когда призывают, приходит» (106, 514).

***

Некий из отцов рассказывал: «Два епископа жили недалеко друг от друга. Один из них был богат и силен, а другой — смирен. Случилось так, что они не поладили, и сильный искал случая причинить зло другому. Узнав об этом, смиренный сказал своему клиру: «Мы победим его благодатию Божиею». «Владыко! Кто же сможет сладить с ним?» — возразили ему. «Потерпите, чада, — сказал он, — и увидите милость Божию».

Когда у богатого епископа был праздник святых мучеников, смиренный епископ собрал свой клир и сказал им: «Следуйте за мною и смотрите, делайте то, что я буду делать, и мы победим его». Пришли они на праздник, когда окончилось у него молебствие и собрался у него весь город. Смиренный епископ с клиром своим падает к ногам сильного епископа: «Прости нам, владыко, мы рабы твои». Он, пораженный и умиленный тем, что сделал смиренный, сам упал в ноги его, говоря: «Ты будешь мой владыка и отец». И с того времени воцарилась между ними великая любовь. Смиренный сказал клиру своему: «Не говорил ли я вам, чада, что мы победим его благодатию Христовою?» Так и вы, когда имеете вражду к кому-нибудь, делайте то же — и победите благодатию Господа нашего Иисуса Христа» (98, 302—303).

***

Святой Нифонт, патриарх Константинопольский, после удаления из Константинополя и Валахии, тайно пришел под видом поселянина в афонский монастырь святого Дионисия. Как неведомый пришелец, он был сделан погонщиком мулов и ухаживал за рабочим скотом. Но Бог в видении открыл его тайну игумену. Представилось ему, что он находится в храме. Тут является Предтеча Господень и говорит ему: «Собери братство, и выйдите навстречу патриарху Нифонту. Высота смирения его да будет образцом для вас. Он — патриарх, а снизошел до состояния одного из ваших рабочих». Пораженный сим, игумен долго не мог прийти в себя. Потом, когда успокоилась его мысль, приказал ударить в доску. Собралась братия, и он рассказал им о видении Предтечи Господня. Тогда все узнали в своем рабочем патриарха Нифонта. Пока это происходило, свя-

той работник отправился в лес по дрова. Когда же он возвращался со своего послушания, все вышли к кладбищенской церкви навстречу ему и, как патриарху, почтительно поклонились. Тронутый до слез неожиданным торжеством собственного своего смирения, Нифонт повергся перед всеми и плакал. «Кончился искус терпения твоего, Вселенныя светильниче, — сказал ему настоятель, целуя святительскую десницу, — довольно смирения твоего для смирения собственной нашей немощи». Плакал блаженный Нифонт, глубоко потрясенный событием. Плакали братия, а наипаче те, которые по неведению огорчали его и, прося прощения, лежали у ног его. «Для того, отцы и братия мои, скрыл меня Господь от вашей любви, — сказал, наконец, святой Нифонт, — что сам я просил Его о том, чтобы во смирении моем помянул меня Господь» (95, 142—143).

***

В одном городе был епископ, который, по диавольскому наущению, впал как-то в смертный грех. Горько раскаявшись в своем падении, епископ, чтобы получить прощение, поступил следующим образом. Когда в церковь собралось множество народа, он вышел на середину храма и перед всеми открыто исповедовал свой грех. После этого, считая себя, по глубокому смирению, недостойным святительского сана, он снял с себя омофор, положил его на престол и сказал народу: «Простите меня, братие, теперь я уже больше не могу быть у вас епископом». Видя великое смирение и сокрушение своего пастыря, все, кто был в храме, с плачем воскликнули: «Пусть грех твой на нас ляжет, отче, только не лишай нас своего пастырства». Долго они умоляли епископа остаться с ними. Уступая, с

одной стороны, молению своей паствы, а с другой, желая чем-либо искупить свой грех перед Богом, епископ, наконец, воскликнул: «Ну, если уж непременно хотите, чтобы я остался у вас, то я сделаю это, но только при одном условии: если вы дадите мне слово беспрекословно исполнить то, что я сейчас повелю вам». Все дали слово. Тогда епископ приказал запереть церковные двери и сказал: «Знайте же теперь, что тот из вас не будет иметь части у Бога, кто сейчас не попрет меня своими ногами». И с этими словами простерся ниц на земле. Все ужаснулись, но, не смея нарушить данного слова и боясь прещения епископа, стали проходить через него. И что же? Когда переступил через него последний человек из тех, кто был в церкви, голос с неба сказал: «Ради великого его смирения Я простил его грех!» Все услышали этот голос и прославили Бога (107, 152—153).

***

Петр, пресвитер Диосский, когда бывал на общественной молитве, то, хотя его и принуждали стоять впереди всех из уважения к его священству, по смирению своему всегда становился сзади других, исповедуя свои грехи. Делал он это, никого не оскорбляя (97, 242).

***

Некий старец пребывал в пустыне отшельником и помышлял сам в себе, что он совершенен в добродетелях. Он молил Бога, говоря: «Покажи мне, в чем заключается совершенство души, и я исполню это». Богу благоугодно было смирить его помышления, поэтому и было ему сказано: «Пойди к такому-то архимандриту и сделай все, что бы он ни приказал тебе». Бог открыл и архимандриту о прише-

ствии к нему отшельника, прежде чем тот пришел, причем повелел: «Такой-то отшельник придет к тебе, скажи ему, чтобы он взял плеть и пошел пасти твоих свиней». Пришел отшельник в монастырь, постучался во врата, его ввели к архимандриту. Приветствовав друг друга, они сели. И сказал отшельник архимандриту: «Скажи, что мне сделать, чтобы спастись?» Архимандрит спросил: «Исполнишь ли, что бы я тебе ни приказал?» Отшельник отвечал: «Исполню». На это архимандрит сказал: «Возьми длинную плеть, пойди и паси свиней». Отшельник немедленно исполнил это. Знавшие его прежде и слышавшие о нем, когда увидели, что он пасет свиней, говорили между собой: «Видели ли вы великого отшельника, о котором шла такая молва? Он сошел с ума! Он взбесился! Он пасет свиней!» Бог, видя его смирение и то, что он терпеливо перенес человеческое бесчестие, повелел ему снова возвратиться на свое место (106, 513).

***

Авва Иоанн Персидский рассказывал о блаженнейшем епископе Римском Григории Великом: «Я ходил в Рим на поклонение мощам святых апостолов Петра и Павла. Однажды я увидел, что идет папа Григорий, и ему предстояло проходить мимо меня. Я решился поклониться ему. Заметив мое намерение, каждый из его свиты один за другим говорили мне: «Авва, не кланяйся!» Но я не понимал, почему это, и считал неприличным не поклониться папе. Когда папа приблизился ко мне, заметив мое намерение поклониться ему, — говорю, как перед Богом, братия! — папа первый бросился передо мной на колени и не встал до тех пор, пока я не поднялся на ноги. И облобызал меня с великим смиренномудрием, из своих рук дал мне три

номисмы и приказал дать мне еще кусуллий (одежду) и все нужное. Я прославил Бога, даровавшего ему такое смирение, милосердие и любовь ко всем» (107, 551—552).

СНИСХОДИТЕЛЬНОСТЬ

Уха своего не подставляй, чтобы услышать худое (о других), но будь снисходительно жалостлив к людям, и жив будешь (прп. Антоний Великий, 89, 114).

***

...Более сильным надобно щадить имеющих нужду в пощаде, как немощные члены, и таким образом исполнять долг духовной любви. Ибо и нога в теле не восстает против руки, не принуждает ее к своим делам, и целая рука не накладывает на мизинец тяжести своей работы: но каждый член действует тою силою, какую получил от природы, поддерживая члены слабые. Когда такой порядок будет соблюдаться в обществе духовном, тогда окажется, что мы поистине *тело Христово, и уди от части* (1 Кор. 12, 27), всегда сохраняющие стройное согласие и безмятежное единение друг с другом... (свт. Василий Великий, 9, 387).

***

Подражай в образе жизни святым — кому в благоговении и страхе Божием, кому в смиренномудрии, кому в самоуничижении и самоосуждении, кому в безмолвии, кому в кротости... кому в приятности обхождения, приветливости и снисходительности... (прп. Ефрем Сирин, 90, 442—443).

***

Будь справедлив в снисходительности: находишься ли в пути, или на корабле, или в келье; живешь ли вместе с юным или со старцем. Трудись с ведением и рассуждением, чтобы ничего не пропало из сделанного тобой (прп. Ефрем Сирин, 30, 493).

***

...Взирай на тех, которые со страхом и доброй совестью служат Господу, и их подражай жизни... Я говорю тебе это не как выдающий себя за праведника и неукоризненного в делах, потому что осуждены дела мои и исполнены бесчестия. Напротив того, привел я себе на память... каким опáсностям подвергаются новоначальные от недозволенного обращения с другими и от нерассудительной снисходительности... (прп. Ефрем Сирин, 32, 67).

***

Если ты ни в чем не виновен перед Богом и ничем не заслужил наказания, то не имей сострадания и к тем, которые виновны перед тобою. А если сознаешь себя виновным перед Богом, то оказывай снисходительность и сам, потому что у Бога милость взвешивается милостью (свт. Григорий Богослов, 16, 206).

***

Снисходительность и кротость не везде полезны; бывают случаи, когда учителю нужна и строгость. Так, когда ученик ленив и упрям, нужно употребить против него и наказание, чтобы возбудить его от лености (свт. Иоанн Златоуст, 51, 288).

***

Если зависим от Бога и имеем нужду испрашивать у Него снисхождения, то будем прощать долги подчиненным, чтобы через это приобрести возможность не быть должниками перед Богом (прп. Исидор Пелусиот, 60, 174—175).

***

Справедливо будет оказывать снисхождение тому, кого благость не поощряет к большим грехопадениям; а наказание должно преследовать того, кто не пользуется благостью (прп. Исидор Пелусиот, 60, 359).

***

...Приобретем и мы любовь, приобретем снисходительность к ближнему, чтобы сохранить себя от пагубного злословия, осуждения и уничижения, и будем помогать друг другу, как своим собственным членам (авва Дорофей, 29, 86).

***

Если ты настоятель братии, пекись о них с сокрушенным сердцем и снисходительным милосердием, наставляя и обучая их добродетелям делом и словом, а более делом, потому что примеры действительнее слов (авва Дорофей, 29, 181).

***

Не знают себя и своей пользы те послушники, которые, заметив благосклонность и снисходительность своего наставника, просят его назначить им служения по их желаниям. Пусть они знают, что, получивши их, они совер-

шенно лишаются исповеднического венца, потому что послушание есть отвержение лицемерия и собственного желания (прп. Иоанн Лествичник, 57, 51).

***

...Если случится, что по какой-либо нужде или состоянию телесному, например по болезни или по другой подобной причине, мы не сможем исполнить... телесных добродетелей, то имеем снисходительное прощение от Господа, ведущего и причины тому... (прп. Максим Исповедник, 91, 188).

***

Будьте снисходительны, помня, что суд без милости ожидает того, кто сам судит немилосердно (см.: Иак. 2, 13) (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 194).

****

Пришел один брат к авве Пимену и сказал: «Я засеваю себе поле и после делаю вечерю любви». Старец отвечал: «Хорошо ты делаешь». Брат ушел от него с радостью и еще больше радел о вечерях любви. Авва Анувий, услышав об этом, сказал авве Пимену: «Не боишься ли Бога, что дал ты такой ответ брату?» Старец промолчал.

Через два дня авва Пимен послал за братом и при авве Анувии спросил его: «Что ты мне говорил в тот раз? Ум мой занят был тогда другим». Брат отвечал: «Я говорил, что засеваю свое поле и после делаю вечерю любви». Авва Пимен сказал ему: «Я думал, что ты говорил о своем брате, мирянине. Если ты сам так делаешь, то это неприлично монаху». Брат, услышав это, огорчился и сказал: «Кроме

этого, я не знаю никакого другого дела, а потому не могу не засевать своего поля».

После ухода брата авва Анувий поклонился старцу и сказал: «Прости меня». Авва Пимен говорит ему: «Я и прежде знал, что это не монашеское дело, но снисходительно сказал так и тем возбудил в нем ревность к преуспеянию в любви. Теперь он ушел от нас в огорчении и опять то же будет делать» (107, 282—283).

***

Однажды пресвитер Пелусиотский, услышав, что некоторые братия часто бывают в городе и ведут себя там беспечно, пришел к ним в кельи и снял с них монашеские одежды. Но после больно стало его сердцу, и он раскаялся.

Волнуемый помыслами, пришел он к авве Пимену, неся с собой одежды братии, и рассказал старцу обо всем. Старец спросил его: «Нет ли и в тебе еще чего-нибудь от ветхого человека? Совлекся ли ты его?» Пресвитер отвечал: «И во мне есть еще ветхий человек». Старец сказал ему: «Вот и ты таков же, как и братия! Если и немного имеешь ветхости, уже подлежишь греху».

Тогда пресвитер, проявив снисходительность, призвал к себе братий, попросил у них прощения (их было одиннадцать), облек их в монашеские одежды и отпустил (107, 336).

СОБЛАЗН

...Немощные по слабости сердца своего легко соблазняются, потому что не видят грехов своих (прп. авва Исаия, 59, 40).

***

...Все противоположное воле Господней есть соблазн (см.: Мф. 15, 21—23) (свт. Василий Великий, 7, 340).

***

Должно избегать и такого дела или слова, которое дозволено Писанием, когда другие чем-либо подобным располагаются ко греху или к тому, что теряют, сколько ни есть, усердия к добру (см.: 1 Кор. 8, 4—13) (свт. Василий Великий, 7, 340).

***

Для того чтобы не соблазнить кого, должно делать и то, что не есть необходимо (см.: Мф. 17, 24—27) (свт. Василий Великий, 7, 341).

***

В исполнении воли Господней, хотя и соблазняются некоторые, должно показывать непреклонное дерзновение (см.: Мф. 15, 11—14) (свт. Василий Великий, 7, 341).

***

Соблазняет <тот>, кто преступает закон словом или делом и другого вводит в беззаконие, как змий Еву и Ева Адама; или кто препятствует исполнить волю Божию... или кто настраивает мысль немощного к чему-либо запрещенному (свт. Василий Великий, 9, 207).

***

Соблазн же бывает от многих причин. Ибо соблазн или происходит по вине соблазняющего, или случается самому

соблазняемому быть виною соблазна; и в них опять бывает сие различно, иногда по злонравию, а иногда по неопытности или того, или другого. Бывает и то, что при правом преподавании слова делается более видимым злонравие соблазняющихся. Подобно этому и в делах, ибо соблазняемый соблазняется, когда кто или исполняет заповедь Божию, или без опасения пользуется тем, что в его воле. Поэтому, когда люди претыкаются о что-нибудь сделанное или сказанное по заповеди и соблазняются этим... тогда надобно припомнить ответ о таковых Господа, когда *приступльше ученицы, реша Ему: Веси ли, яко фарисее слышавше слово соблазнишася? И Он отвечал им: всяк сад, егоже не насади Отец Мой Небесный, искоренится. Оставите их: вожди суть слепи слепцем; слепец же слепца аще водит, оба в яму впадут* (ср.: Мф. 15, 12—14) (свт. Василий Великий, 9, 207—208).

***

...<Если> страшно соблазнять брата тем, что в нашей воле, что сказать о соблазняющих тем, что они делают или говорят запрещенное? И особливо, когда соблазняющий или оказывается имеющим в преизбытке ведение, или принадлежит к священной степени? Таковый обязан служить для других как бы правилом и образцом, и если пренебрег хотя малым чем из написанного, или сделал что запрещенное, или не выполнил предписанного, или вообще умолчал о чем подобном, за сие одно подлежит такому суду, что, как сказано, кровь согрешающего *от руки его взыщется* (ср.: Иез. 33, 8) (свт. Василий Великий, 9, 209).

***

...Соблазнять многих, не имея при сем в виду никакого доброго дела, почитаю небезопасным для поступающего так (свт. Василий Великий, 9, 332).

***

Всего более остерегайся соблазнить кого-нибудь, чтобы не быть тебе исключенным из Небесного Царства вместе с творящими соблазны (прп. Ефрем Сирин, 30, 153).

***

Не соблазняй брата и не сговаривайся с ним на грех, чтобы не прогневался на тебя Господь и не предал тебя в руки злых людей (прп. Ефрем Сирин, 30, 163).

***

Хочешь избежать соблазнов и пересудов? Приложи дверь к устам своим о Господе и *отврати очи* свои, *еже не видети суеты* (Пс. 118, 37), и избежишь того и другого: пересудов — молчанием, соблазнов — хранением очей. А если не препобедим в себе этого, то, куда ни пойдем, в себе самих будем носить врагов своих. Победи их, возлюбленный, и будешь иметь покой, где бы ты ни жил (прп. Ефрем Сирин, 31, 187).

***

Если обольщает тебя что-нибудь запрещенное, вспомни, кто ты был и от чего погиб (свт. Григорий Богослов, 15, 146).

***

Кто соблазняет мирян, не останется без наказания... (авва Евагрий, 89, 613).

***

...Когда может произойти какая-нибудь великая польза, и притом превосходящая соблазн, то не нужно обращать внимания на соблазняющихся; а когда не может быть ничего больше, кроме соблазна немощных, то, хотя бы они соблазнялись тысячу раз неосновательно, надобно щадить их; ибо и Бог осуждает на наказание тех, которые соблазняют и подвергают падению, потому что соблазнять другого без всякой пользы — дело крайне нечестивое.

<...> Что говоришь ты? Соблазняющийся немощен? Поэтому он и достоин пощады, а не поражения. Он имеет раны? Поэтому мы и не станем растравлять их, а лечить. Он подозревает злобно и безрассудно? Поэтому мы и будем устранять подозрение, а не усиливать; ибо, делая вопреки этому, ты грешишь против Самого Христа (свт. Иоанн Златоуст, 44, 282).

***

...Немощь соблазняющихся не только не достаточна для нашего оправдания, но она особенно и служит к нашему осуждению; ибо, чем более мы чисты от соблазнительного дела, тем более нам следовало бы щадить немощь их (свт. Иоанн Златоуст, 44, 282).

***

...Соблазны попускаются для того, чтобы не уменьшалась твердость мужественных... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 528—529).

***

Ничто столько так не вредит нашей вере, как то, когда мы подаем соблазн неверующим (свт. Иоанн Златоуст, 47, 50).

***

...Когда <неверующие> заметят в ком-либо из нас хотя малую небрежность, тотчас изощряют язык против всех нас вообще, и из-за беспечности одного произносят общий приговор обо всем христианском народе (свт. Иоанн Златоуст, 47, 50).

***

Что же такое соблазны? Препятствия на прямом пути (свт. Иоанн Златоуст, 50, 605).

***

Соблазны... пробуждают людей от усыпления, делают их осмотрительными и проницательными, и не только того, кто хранит себя от них, но и падшего скоро восстановляют; они научают его осторожности и делают неуловимым (свт. Иоанн Златоуст, 50, 605—606).

***

...Будем же всячески стараться, чтобы не соблазнить ближнего. Хотя бы жизнь наша была самая праведная, но если она служит соблазном для других, теряет всю цену. Но как возможно, чтобы праведная жизнь соблазняла? (Это бывает), когда сообщество с другими людьми навлекает на нее худую молву. Когда мы, надеясь на себя, обращаемся с людьми порочными, то, если сами и не тер-

пим вреда, соблазняем других... Пусть я не подозреваю ничего худого, а равно и никто другой из более совершенных; но простодушнейший брат терпит вред от твоего совершенства. А надобно обращать внимание и на его немощь (свт. Иоанн Златоуст, 51, 376).

***

Не так пагубно самому согрешить, как ввести в грех других... Поэтому, видя, что другие грешат, не только не будем подталкивать их на грех, но постараемся извлечь их из бездны порока, чтобы за гибель других нам самим не подвергнуться казни (свт. Иоанн Златоуст, 51, 781).

***

Если (соблазн) зависит от нас, то горе нам; если же не от нас, то ничего... Что же будет, скажешь, если я исполняю должное, а другой произносит хулу? Тебе ничего, а ему (горе), потому что хула произнесена им (свт. Иоанн Златоуст, 52, 404).

***

Когда из-за того, что другой соблазняется, может остановиться дело, благоугодное Богу, тогда не должно обращать на него внимания; напротив, когда через него мы не поставляемся в необходимость оскорбить Бога, тогда следует позаботиться (свт. Иоанн Златоуст, 52, 405).

***

...Когда мы поставляемся в необходимость допустить великое зло из-за того, что другой соблазняется, то мы не должны обращать на него внимания. Он сам, а не мы

виновны, потому что угодить ему невозможно без вреда (свт. Иоанн Златоуст, 52, 405).

***

...Если ты заботишься о своем спасении, доказывай это не словами, а делами, <чтобы>... никто никогда не хулил Бога. Потому постарайся исправить ее <жизнь>, так как язычник опять спросит (тебя): откуда мне знать, что Бог заповедал возможное? Вот ты, будучи христианином по самому рождению и воспитанный в этой превосходной религии, ничего такого не исполняешь. Что ты скажешь на это? Без сомнения, станешь отвечать: я укажу тебе других, которые исполняют, именно: монахов, обитающих в пустынях. Но не стыдно ли тебе признавать себя христианином и отсылать к другим, как будто ты не можешь доказать того, что и сам совершаешь дела христианские? Язычник тотчас возразит тебе: какая мне необходимость ходить по горам и исследовать пустыни? ...Если невозможно философствовать, живя в городах, то это может быть большим обвинением христианской жизни, для осуществления которой необходимо оставить города и бежать в пустыни (свт. Иоанн Златоуст, 52, 811).

***

...Кто может быть жесточе человека, который бьет больного? А соблазн тяжелее всякого удара: он нередко причиняет даже смерть (свт. Иоанн Златоуст, 53, 196).

***

Более всего, друг, бойся кого-либо соблазнить; ибо доброе в людях не трезво, и едва стоит, когда и никто не колеблет (прп. Исидор Пелусиот, 60, 385).

***

Если, когда делаем все и всякий повод к соблазну исторгаем с корнем, иные по зложелательству порицают нас; то хотя сие и прискорбно, но не стоит большой заботливости. Ибо, так как и совесть свидетельствует, и Судия знает, и добрые люди хвалят, остается надежда, что и порицание людей негодных обратится в ничто (прп. Исидор Пелусиот, 61, 62).

***

...Кто впал в великий грех, но тайно и никого не соблазнив, тот понесет меньшее наказание, нежели кто прегрешил меньше, но открыто и с соблазном для многих (прп. Исидор Пелусиот, 62, 308).

***

...Виновник соблазна будет подлежать крайнему наказанию... как убийца... (свт. Кирилл Александрийский, 65, 77).

***

Окаянен падающий, но тот окаяннее, кто и сам падает и другого увлекает к падению, потому что он понесет тяжесть двух падений и тяжесть сласти иного (прп. Иоанн Лествичник, 57, 115).

***

Видел я одного человека, который предал другому свою греховную привычку, а потом... начал каяться и отстал от греха; но так как наученный им не переставал грешить, то

покаяние его действительно не было (прп. Иоанн Лествичник, 57, 198).

***

...Старайся избирать и делать то, что небезвредно для ближнего (прп. Феодор Студит, 92, 76).

***

Когда люди, близкие к нам по плоти, вознамерятся отвлечь нас от последования воле Божией, окажем к ним святую ненависть... Святая ненависть к ближним заключается в сохранении верности к Богу, в несоизволении порочной воле человеков... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 92).

***

Благое произволение человека укрепляется вдали от соблазнов... напротив того, оно, будучи приближено к соблазнам, начинает мало-помалу ослабевать и, наконец, совершенно извращается (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 337).

***

Чтобы ослабить и, с Божией помощию, совершенно искоренить из сердца своего соблазн на ближнего, должно при свете Евангелия углубляться в себя, наблюдать за своими немощами... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 423).

***

Соблазн есть болезненный взгляд на немощи ближнего, при котором эти немощи возрастают до необъятной, уродливой величины (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 423).

***

...В наше время, в которое так умножились соблазны, должно особенно внимать себе, не обращая внимания на жительство и дела ближних и не осуждая соблазняющихся: потому что тлетворное действие соблазна удобно переходит от увлеченных соблазном на осуждающего их (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 495).

***

Соблазны, когда немощный человек стоит перед ними лицом к лицу, убивают его вечною смертью... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 431).

***

...Все худое, соблазняющее <надобно> посекать противлением, молитвою и ненавистью (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 101).

***

Запасайтесь твердостью на случай соблазна совне или внутрь (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 110).

****

Поведали об авве Агафоне, что он в течение долгого времени строил с учениками своими келью. Не прошло еще недели, как они стали жить в ней, авва увидел на месте том что-то вредное для души и сказал ученикам своим то, что Господь сказал апостолам: *востаните, идем отсюду* (Ин. 14, 31). Ученики очень огорчились и сказали старцу: «Если у тебя было намерение переселиться отсюда, зачем мы подвергались такому труду, строя келью долгое время? И люди начнут соблазняться на нас и гово-

рить: вот они опять переселяются, не могут ужиться на одном месте». Старец отвечал: «Если переселение наше будет соблазном для одних, то для других оно послужит назиданием. Найдутся и такие, которые скажут: «Блаженны эти иноки, переселившиеся ради Бога и презревшие свою собственность ради Него». Я решительно говорю вам, что немедленно иду. Кто хочет, пусть идет, а кто не хочет, пусть остается». Ученики пали к ногам его, прося, чтобы он согласился взять их с собою (106, 59).

***

Один брат сказал авве Пимену: «Смущаюсь и хочу оставить место жительства моего». Старец же спросил его: «По какой причине?» Брат отвечал: «Потому что доходит до меня слух о некоем брате, наносящий вред душе моей». Старец сказал: «Слух, дошедший до тебя — несправедлив». Брат сказал: «Отец, будь уверен, что справедлив, потому что брат, передавший мне его, верен». Старец сказал: «Он не верен! Если бы был верен, то не передавал бы злого слуха». Брат отвечал: «И я собственными глазами видел соблазн». Услышав это, старец посмотрел на землю и, подняв с нее небольшой сучок, спросил: «Что это?» Брат сказал: «Это сучок». Потом посмотрел старец на потолок хижины и, указав на поперечное бревно, на котором держался потолок, спросил: «А это что?» Брат отвечал: «Это бревно». Старец сказал ему: «Положи в сердце своем, что твои грехи подобны бревну, а грехи брата твоего подобны этому малому сучку» (106, 339—340).

***

Некто из отцов рассказывал об авве Феодоре Фермейском: «Пришел я однажды к нему вечером и застал одетым

в разодранный левитон; грудь его была обнажена, и куколь лежал перед ним. В это время какой-то сановник пришел повидать его. Когда он постучался, старец вышел отворить и, встретив его, сел в дверях, чтобы поговорить. Я взял конец мафория и прикрыл его плечи. Но старец сбросил его. Когда сановник ушел, я сказал ему: «Авва, что ты сделал? Человек приходил к тебе за назиданием, а не затем, чтобы соблазняться». Старец ответил мне: «Что ты говоришь, авва? Неужели мы все еще служим людям? Мы сделали, что нужно, а прочее нас не касается. Кто ищет назидания, пусть назидается, кто хочет соблазняться, пусть соблазняется. Я буду встречать людей так, как меня застанут». И приказал своему ученику: «Если кто придет, желая видеть меня, не говори ему что угодно, как бывает у людей. Если я ем, говори: «Он ест». Если сплю, говори: «Спит» (97, 287).

***

В одном монастыре все братия кормились от труда рук своих. Игумен не принимал от приходящих ни пищи, ни одежды, ни денег и, как вполне преданный Богу, говорил им: «Возьмите свое отсюда и оставьте нас Христу, да Он печется о нас! На осуждение нам послужит то, что мы, имея возможность кормиться трудами рук своих, будем пользоваться чужими трудами». До тех пор, пока игумен так мыслил и говорил, Бог его любил, и власть дана была ему над бесами, и слава о его добродетели далеко шла. Но лишь только оставил он любовь к нестяжательности, как произошло вот что. Слава о добродетельной жизни игумена дошла, наконец, до царя. Он послал за ним, желая испросить его молитв. Игумен явился, и царь беседовал с ним, получив многую пользу, и, отпуская, стал давать ему золото. Не устоял старец против соблазна, взял царский дар и,

возвратившись в монастырь, узнал, что всего у него недостает. Тогда он начал покупать имения, волов, ослов, призывать наемников. А между тем, заботясь о земном, от Бога становился все дальше и дальше и, наконец, совсем потерял его благословение. Так однажды привели к нему бесноватого, чтобы изгнал беса. И вот старец говорит ему: «Выйди из создания Божиего». — «Нет, уже больше не послушаю тебя», — отвечал бес. «Почему?» — спросил игумен. «Потому, — сказал враг рода человеческого, — что ты ныне и сам один из близких к нам. Ты и сам ведь, вдавшись в печаль житейскую, забыл Бога, и потому не выйду теперь, и силы на меня ты не имеешь» (112, 124).

***

Рассказывали об авве Арсении, что, когда он заболел в Скиту, пресвитер перенес его в церковную больницу, положил на постель, небольшая подушка была у него под головой. Один старец пришел посетить авву Арсения. Увидев его на постели и под головой у него подушку, соблазнился и сказал: «Таков-то авва Арсений! Вот на чем он почивает!» Пресвитер отвел его в сторону и спросил: «Какая у тебя была работа в деревне?» Он сказал: «Я был пастухом». «Как ты жил?» — спросил далее пресвитер. Он отвечал: «В больших трудах я жил». Пресвитер спросил: «А ныне как живешь ты в келье?» Старец отвечал: «Ныне живу я гораздо спокойнее». Тогда пресвитер говорит: «Видишь ли ты этого авву Арсения? В миру он был отцом царей; тысячи слуг, опоясанных золотом, в ожерельях и шелках, предстояли ему, и драгоценные ковры были под его ногами! Ты, будучи пастухом, не имел в миру такого успокоения, которое теперь имеешь, а он имел в миру все удовольствия, теперь же не имеет их. И как ты теперь

покоишься, так он терпит нужду». Услышав это, старец пришел в сокрушение, поклонился и сказал: «Прости меня, авва, я согрешил. Совершенная правда, что авва Арсений смиряется, а я покоюсь». И, получив пользу, старец удалился (97, 23).

***

Старца спросили: «Как может ревностный брат не соблазниться, когда видит некоторых иноков возвращающихся в мир?» Старец ответил: «Пусть вообразит себе собак, преследующих зайцев. Когда одна из них увидит зайца, то бросается за ним, а другие бегут за ней, но потом возвращаются назад. Первая же, которая увидела зайца, одна гонится, доколе его не поймает. Ее не отвлекают от цели собаки, воротившиеся назад, она не смотрит ни на стремнины, ни на чащи в лесу, ни на колючие кусты и, пробегая сквозь терния, часто бывает изранена, но не перестает бежать. Так и ищущий Владыку Христа неуклонно стремится к Кресту, побеждая все встречающиеся ему соблазны, доколе не достигнет Распятого» (98, 122).

***

Авва Иоанн, по прозванию Молива, рассказывал о старце Стефане. Он сильно ослаб и заболел. Тогда врачи заставили его есть мясное. У блаженного старца был в миру брат, человек благочестивой, богоугодной жизни. Однажды брат-мирянин пришел к брату-пресвитеру и, застав его за вкушением мясной пищи, смутился, что после великих подвигов воздержания под конец жизни брат разрешил себе мясную пищу. И вот внезапно, в состоянии духовного восторга, он увидел перед собой незнакомца, говорившего ему: «Зачем ты соблазняешься тем, что старец вкушает

мясо? Или ты не знаешь, что он делает это по необходимости и послушания ради? Воистину тебе не следовало соблазняться. Хочешь ли видеть, какой славы достоин твой брат? Обратись назад и смотри». Повернувшись, он увидел своего брата пригвожденным ко кресту, как Христос. «Вот какой славы сподобился брат твой! Воздай же славу Тому, Кто прославляет истинно любящих Его!» (102, 79).

***

Некий человек имел весьма почтительного и послушного сына. Один злой человек, желая поссорить его с отцом, сказал: «Поклянись мне в том, что, как я научу тебя, так ты и поступишь по отношению к своему отцу». Неопытный юноша, не подозревая ничего худого, поклялся. Злой человек затем говорит: «Ступай же и сейчас же поссорься с отцом, досади ему и нанеси сердечные раны словом, глядя с наглостью в его глаза. Да смотри же, непременно исполни все, что я тебе говорю. Не забывай, что ты мне дал в этом клятву». Сын, услышав такие слова, понял, наконец, с кем имеет дело, и злому наушнику отвечал: «Я вижу в тебе человека лживого, врага моему отцу и желающего погибели моей душе. Поэтому знай, что тебе никогда не соблазнить меня, как соблазнил змий Еву, и никогда не ввести в заблуждение злобой и хитростью. Я ненавижу твой безбожный совет и никогда не перестану повиноваться своему отцу ради спасения моей души. И уши свои я ограждаю крестным знамением, чтобы не слышать слов твоих и чтобы избежать лести твоей».

Так и Апостол повелевает нам удаляться от всякого лукавого человека и молиться Богу, чтобы делать добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть (см.: 2 Кор. 13, 7) (112, 521).

***

Входя однажды в селение святой Екатерины, преподобный Дионисий увидел бесчинные игры и хороводы девиц с юношами. Сильно огорченный столь явными соблазнами и сатанинским торжеством разврата, блаженный приблизился к толпе девиц и кротко сказал им: «Для чего вы, будучи девицами, так бесстыдно играете с юношами, поете соблазнительные песни, возбуждающие сладострастие и в вас, и в них, и забываете, что смерть и суд Божий близок». Девицы смутились и молчали, кроме одной, которая отличалась особенным бесстыдством. Она насмешливо отвечала: «Ах, вы, лжемонахи! Что тебе за нужда до нас? Знай себя. Сами-то живете вы дурно, а других учите целомудрию?» «Благословен Бог, устрояющий все на пользу! — строго произнес тогда старец. — Чтобы и другие научились скромности, ты будешь примером того, как грозно карает Господь девическое бесстыдство». Сказав это, он удалился.

Вслед за тем на несчастную девицу, прежде чем она дошла до дома своего отца, напал бес: испуская пену, она билась о землю и была в самом жалком положении. Пораженные родители не понимали, что с ней происходит. Тогда одна из подруг несчастной, бывшая свидетельницей ее бесстыдства перед святым старцем, рассказала им о случившемся. Они отыскали преподобного и, припадая к его стопам, смиренно просили за свою несчастную дочь. Незлобивый старец был тронут их слезами и, помолившись, исцелил бесновавшуюся. В благодарность Господу Богу за такое милосердие она посвятила Ему свое девство и кончила жизнь в покаянии (95, 48).

Враг, всегда завистливый к подвижническим успехам святых людей и ненавидящий добро, видя Филофея на высоте духовного совершенства и не имея собственных сил повредить ему, избрал орудием своих козней одну девицу. Несчастная, Бог весть по каким побуждениям сердца вступившая в женский монастырь в числе непорочных агниц Христовых, имела свободный вход в обитель, где подвизался Филофей, так как настоятель был ее духовным старцем. Она постоянно встречалась с преподобным, пленилась его видом, и начала искать удобный случай, чтобы осуществить задуманный грех. Враг, со своей стороны, не замедлил предоставить ей его и бедная в своем бесстыдстве решилась не только объясниться в своей укоризненной страсти к непорочному Филофею, но и насильно влекла его к соблазну и исполнению ее беспутного желания. Напрасно божественный Филофей напоминал о ее долге, об обетах ангельского образа, о Страшном Суде Божием. Она не только не внимала его убеждениям, но, видя его непреклонность, как у древнего Иосифа, все бесстыднее нападала на него, как новая египтянка. Сначала Филофей в надежде на исправление несчастной скрывал от всех ее укоризненную склонность. Но впоследствии, видя ее опасное положение и не доверяя собственным чувствам в ратовании и брани подобного рода, вынужден был открыться во всем игумену, убеждаясь к тому немало и в том, что мог и другой кто-либо впасть в искусительные сети женской страсти и погубить свой постнический труд. Следствием этого было то, что несчастную выслали из обители как повинную в соблазне (95, 284—285).

***

Некий брат вопросил старца: «Отец! Что же мне делать! Я не могу преодолеть помышлений». Старец отвечал: «Я никогда не подвергался нападению помышлений». Соблазнился брат, пошел к другому старцу, говорит ему: «Вот что сказал мне такой-то старец! Я соблазнился на него, потому что сказанное им неестественно человеку». Второй старец отвечал: «Не без причины сказал тебе это слово человек Божий: пойди и со смирением попроси, чтобы он объяснил тебе сказанное им». Брат возвратился к первому старцу и сказал ему: «Авва! прости меня: я поступил безрассудно, что ушел от тебя, не простившись с тобою. Но объясни мне, прошу тебя, каким образом ты пребываешь без борьбы с помыслами?» Старец отвечал: «С того времени, как я — монах, не вкусил я досыта ни хлеба, ни воды, ни сна, и это не попустило меня до такой борьбы с помыслами, о какой ты спрашивал». Брат вышел от старца, получив помощь от его слова (106, 458).

***

Однажды монахи из Египта пришли в Скит для свидания со старцами этой пустыни. Увидя, что они изможденны и от великого воздержания едят поспешно, соблазнились. Настоятель понял это. Он не захотел отпустить египетских братий, не исцелив их. Обратившись к братиям, он сказал: «Попоститесь, и продолжайте воздержание ваше». Посетители египтяне хотели уйти, но настоятель остановил их, и они присоединились к постящимся. С первых дней они уже почувствовали изнеможение, потому что им предлагали пищу единожды за двое суток; живущие же в Скиту употребляли пищу раз в неделю. Когда наступила суббота,

сели египтяне за трапезу вместе со старцами. Египтяне начали торопливо есть; тогда один из скитских старцев удержал руку одного из них, говоря: «С тихостию кушай, как приличествует монаху». Египтянин оттолкнул руку старца: «Оставь меня! Я не ел ничего вареного в течение целой недели». Старец на это заметил: «Если вы, вкушая пищу через день, так изнемогли, то зачем вы соблазнились на братий, которые каждую неделю проводят в таком воздержании?» Они просили прощения, и ушли, получив назидание и умиротворение (106, 503—504)

СОВЕРШЕНСТВО

От страха <Божиего> (приходит подвизающийся) в благочестие, от благочестия — в ведение, от ведения — в совет, т. е. рассудительность, от нее — в крепость, от крепости — в разум, и от разума приходит в премудрость. Через все упомянутые делания и ведения сподобляется человек чистой и совершенной молитвы, происходящей от мира, любви к Богу и вселения Святаго Духа. И это есть сказанное: «Приобрети Бога в себе», и явление, и вселение Божие... чтобы тело и душа были, по возможности, как у Христа, безгрешны и чтобы ум по Христе мыслил согласно благодати Духа и премудрости, что и составляет ведение Божественных и человеческих вещей (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 47—48).

***

...Если отсекает <человек> ради Его <Бога> свои хотения, то Бог Сам, с неизреченною радостью, приведет его к достижению совершенства, без его ведома (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 129).

***

Здесь же <в земной жизни> никто не может быть совершенным, но получает только залог обетованных благ (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 175).

***

...Есть демоны начальствующие и есть подчиненные. Начальствующие: тщеславие, самомнение и подобные; подчиненные же: чревоугодие, блуд и таковые. Достигшие совершенной любви имеют (над ними) власть, потому что без понуждения себя делают доброе и радуются, когда делают его, не желая никогда его оставлять, и когда, может быть, невольно встретят препятствие, это мучит их, и они, влекомые Божественной любовью, тотчас убегают в безмолвие и к деланию, как к наслаждению своему обычному. Таковым говорят отцы: несколько молись, несколько читай, несколько поучайся, несколько работай, несколько храни ум, и так проводи время. Говорят же это потому, что бесстрастные обладают сами собой и не бывают пленяемы никаким хотением, вне должного, но где хотят, там и имеют ум, и телу повелевают, как рабу. А мы должны быть под законом и правилами, чтобы невольно и нехотя, как бы понуждаемые долгом, делали доброе, потому что еще более любим страсти и наслаждения, т. е. телесный покой и свои хотения; и куда враг хочет, туда и уводит ум наш; также и тело, имея беспорядочные стремления, чего хочет, то и делает, как неразумное. И поистине: где нет управления ума, там все бывает неразумно и не по естеству... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 180—181).

***

...Если хотите получить Его <великого огненного Духа>, так чтобы Он пребыл в вас, принесите прежде труды

телесные и смирение сердца и, восторгая помышления свои на небо, день и ночь, взыщите с правотою сердца Духа сего огненного, — и Он дастся вам... Пребудьте в молитвах с приболезненным исканием от всех сердец ваших, — и дастся вам. Ибо Дух тот обитает в правых сердцах. И Он, когда принят будет, откроет вам высшие тайны, отгонит от вас страх людей и зверей, и будет у вас небесная радость день и ночь; и будете в этом теле как те, кои уже находятся в Царствии Небесном (прп. Антоний Великий, 89, 35).

***

...Вы, если хотите достигнуть этой меры, в которой верх совершенства, отступите от всех, которые носят... имена... монашества и девства, яснозрения же сего и рассуждения не имеют; ибо если вы вступите в общество с ними, то они не дадут вам преуспевать, а еще погасят жар ваш, потому что в них нет никакого жара, а есть хлад вследствие того, что они ходят по своим желаниям. Итак, если они придут к вам и заведут с вами мирские речи, сообразно со своими желаниями, не соглашайтесь на это. Ибо написано у апостола Павла: *Духа не угашайте, пророчествия не уничижайте* (1 Сол. 5, 19—20). Знайте, что Дух ничем так не погашается, как суетными беседами (прп. Антоний Великий, 89, 38—39).

***

...Утончим тела свои, чтобы иметь силу держать себя в порядке, ибо если мы поработим тело и отдадим его в рабство души, то плотские помышления, любовь к которым есть вражда Богу, умерщвлены будут через умерщвление плоти. Тогда просветится душа и соделается храмом Богу (прп. Антоний Великий, 89, 43).

***

...В уединении и безмолвии удобнее можем мы победить врага и достигнуть совершенства (прп. Антоний Великий, 89, 44).

***

Твердо знайте, что ни преуспеть или возрасти и сделаться совершенными вы не можете, ни уметь верно различать добро от зла вы не будете, если не будете повиноваться отцам вашим. Отцы наши сами так поступали: повиновались отцам своим и их наставления слушали; от того преуспели, возросли и сделались сами учителями... (прп. Антоний Великий, 89, 49).

***

...Величайшее совершенство души и дело весьма Богу угодное есть то, когда нет зла в человеке (прп. Антоний Великий, 89, 92).

***

Напрягайся непрестанные изливать молитвы со слезами, чтобы сжалился над тобою Бог и совлек с тебя ветхого человека (прп. Антоний Великий, 89, 107).

***

...Не желайте ни слышать, ни говорить того, что не приносит вам (душевной) пользы... (прп. авва Исаия, 59, 8).

***

...Если ты познал себя, если течет в тебе источник Святаго Духа, то это служит верным знамением, что вра-

ги твои рассеяны и погибли... (прп. авва Исаия, 59, 106—107).

***

...Невозможно подвижнику противоборствовать врагам и достигнуть совершенства, если обладают им страсти (прп. авва Исаия, 59, 158).

***

...Не верь себе, будто ты достиг до чего-то достойного Бога, зря себя (находящемся еще) в стране врагов своих (прп. авва Исаия, 89, 390).

***

Если... увидишь во время молитвы, что совершенно никакое зло не обличает тебя, тогда ты истинно свободен и вшел на святой Его покой, по воле Его (прп. авва Исаия, 89, 390).

***

Как птица не может полететь одним крылом... так и душа не может преуспеть по Богу, будучи связана чем-либо из мирского (прп. авва Исаия, 89, 407).

***

...Усиленного воздержания от пищи еще недостаточно для совершенства, если душа не будет вполне воздерживаться от того, что питает грех (свт. Василий Великий, 6, 47).

***

Вот высота человека, вот слава и величие его — знать истинно великое, прилепляться к нему и искать славы у Господа славы (свт. Василий Великий, 8, 268).

***

...Кого не возмущает ни один порок, сопровождает же всякая добродетель и все, что есть прекрасного, тот справедливо может веселиться непоколебимым и нескончаемым веселием... (свт. Василий Великий, 9, 328).

***

...Как живописцы, когда пишут картину с картины, часто всматриваясь в подлинник, стараются черты его перенести в свое произведение, так и возревновавший о том, чтобы соделаться совершенным во всех частях добродетели, должен при всяком случае всматриваться в жития святых, как бы в движущиеся и действующие какие изваяния, и что в них доброго, то через подражание делать своим (свт. Василий Великий, 10, 11).

***

...Как борцов подъятые во время подвига труды ведут к венцам, так и христианина испытание в искушениях ведет к совершенству (свт. Василий Великий, 10, 202).

***

Кто же муж совершенный? Кто в действительности любит Господа, и ближнего своего любит, как себя самого (прп. Ефрем Сирин, 30, 132).

***

Бог знает и природу, и произволение, и силы каждого, и всевает Слово Свое, и требует дел по мере сил наших... (прп. Ефрем Сирин, 30, 264).

***

Кто желает совершенства, тот пусть изберет странническую жизнь. В ней он найдет совершенство и познает путь к совершенству (прп. Ефрем Сирин, 34, 292).

***

Надобно требовать должного совершенства, но не выступая из пределов свойственного нам любомудрия и сил человеческих (свт. Григорий Богослов, 12, 155).

***

И я согласен, что один, в сравнении с другим, имеет более или менее способности; но одной способности недостаточно к совершенству, и разум должен возбудить способность, чтобы природа пришла в деятельность... (свт. Григорий Богослов, 14, 224—225).

***

...Надобно, не с умозрения начав, оканчивать страхом (умозрение необузданно, очень может завести на стремнины), но, научившись начаткам у страха, им очистившись и, так скажу, утончившись, восходить на высоту (свт. Григорий Богослов, 14, 258).

***

Первое, чистое естество — Троица, а потом ангельская природа; в-третьих же, — я, человек, поставленный в равновесии между жизнью и болезненною смертью, я, которому предназначена величественная цель, но достигаемая с трудом, если только, хотя несколько, отверста мною дверь греховной жизни, ибо такой подвиг предназначен Богом моему уму. И тот из нас совершеннейший, кто среди многих зол носит в себе немногие кумиры греха, кто, при помощи Великого Бога, храня в сердце пламенную любовь к добродетели, поспешает на высоту, а грех гонит от себя прочь, подобно тому как ток реки, влившейся в другую быструю и мутную и неукротимую реку хотя и смешивается с нею, однако же превосходством своей чистоты закрывает грязный ее ток. Такова добродетель существа сложного; большее же совершенство предоставлено существам небесным. А ежели кто еще на земле увидел Бога или, восхитив отселе на небо тяжелую плоть, востек к Царю, то сие — Божий дар. Смертным же да будет положена мера! (свт. Григорий Богослов, 15, 254).

***

Не думай о себе слишком высоко, и не полагайся на свой ум, хотя ты и очень велемудр. Если и видишь кого ниже себя, не превозносись, как всех превозшедший и находящийся близко к цели. Тот не достиг еще цели, кто не увидел предела своего пути. Много надобно иметь страха, но не должно приходить и в излишнюю робость. Высота низлагает на землю, надежда возносит к небу, а на великую гордыню гневается Бог. За иное можешь взяться руками, иного касайся только надеждою, а от иного вовсе

откажись. И то признак целомудрия — знать меру своей жизни. Равно для тебя худо — и отложить благую надежду, и возыметь слишком смелую мысль, что нетрудно быть совершенным. В том и другом случае твой ум стоит на худой дороге. Всегда старайся, чтобы стрела твоя попадала в самую цель, смотри, чтобы не залететь тебе далее заповеди Великого Христа, остерегайся и не вполне исполнить заповедь; в обоих случаях цель не достигнута. И излишество бывает часто бесполезно, когда, желая новой славы, напрягаем стрелу сверх меры (свт. Григорий Богослов, 15, 255—256).

***

На пути к совершенству никогда не останавливайся. Худо сходить непрестанно в глубину. И ты, который только выходишь из бездны греха, еще стоишь (свт. Григорий Богослов, 15, 361).

***

Непрестанно простирайся на дела более и более совершенные, умудряемый Богом; паче же всего предметом твоих попечений да будет Троица (свт. Григорий Богослов, 15, 363).

***

...Совершеннейшие бывают совершенными потому, что образует их Дух или Слово. Ибо в человеке сокрыта искра благочестия, как в некоторых камнях сила огня. Ударами железа извлекается свет из кремней; так и Слово изводит из смертных сокрытое в них благочестие (свт. Григорий Богослов, 16, 69).

***

Немалыми мерами измеряй путь своей жизни. Ежели ты определил возвращающегося назад или самого порочного, то не думай, что достиг уже предела добродетели. Превзойти немногих — не верх еще совершенства. Для тебя мерою должны быть заповедь и Бог. А ты далеко еще от Бога, хотя идешь и быстрее других. Имей в виду не то, сколь многих стал ты выше, но то, сколь многих остаешься еще ниже, и желай быть всех совершеннее. Выше тебя широкое небо; а ты высок между низкими (свт. Григорий Богослов, 16, 78).

***

Слышал я, что рыбам и луна, и солнце, и звезды представляются под водою, не потому что они действительно там, но потому что рыбы, видя слабые отражения действительности, сими неясными изображениями услаждаются, как самыми светилами; а настоящих небесных светил, никогда не выходя на поверхность седого моря, рыбы и не видывали; в противном случае и они, может быть, отличили бы, что такое свет и что такое игра света в воде. Так, некоторые, поелику не видели истинной высоты Царя, едва поднимутся несколько, уже думают, что стоят на самой высоте. Но ты хотя иное приобрел, а иное надеешься приобрести, однако же непрестанно простирай взор вперед, восходи и к прочему по многим ступеням. Всего хуже — останавливаться. Спеши приобретать одно за другим, пока Христос не возведет тебя на последнюю ступень (свт. Григорий Богослов, 16, 78—79).

***

Никогда не делай ничего постыдного, хотя оно нравится многим, и не оставляй доброго дела, хотя оно и ненавистно порочным. Старайся поступать так, чтобы заслу-

жить славу. А если она удаляется от тебя, не огорчайся ложной молвою, но благоразумно иди своим путем. Пусть другие лают понапрасну; они не сделают никакого вреда Божественной любви, и зависть выплачет только себе глаза (свт. Григорий Богослов, 16, 79—80).

***

Всякая добродетель возводит праведника на одну степень выше. Кто не знает брачного ложа, тот равен ангелам. Кто подвизается в воздержании, тот старается сравниться с девами. Кто соблюдает супружескую верность, тот сделался равен воздержному. Только подвизайтесь в целомудрии, чтобы достигнуть высших степеней (свт. Григорий Богослов, 16, 117).

***

Возвышайся более жизнию, нежели мыслию. Жизнь может сделать тебя богоподобным, а мысль доведет до великого падения. И жизнь устрой не по малой мерке. Как бы ни высоко взошел ты, все будешь еще стоять ниже заповеди (свт. Григорий Богослов, 16, 203).

***

И только после долговременных упражнений, кто избежал многих искушений, тот делается совершенным (прп. Макарий Египетский, 67, 132).

***

Воздержание от видимых худых дел не есть еще совершенство... но очищение ума — вот совершенство! (прп. Макарий Египетский, 67, 416).

***

...Все доброе приписывай Господу, а худое своей немощи (прп. Макарий Египетский, 67, 420).

***

...Кто хочет истинно благоугождать Богу, принять от Него небесную благодать Духа, возрастать и усовершенствоваться о Духе Святом, тот должен принуждать себя к исполнению всех заповедей Божиих и покорять сердце, даже против воли <своей>... (прп. Макарий Египетский, 89, 205).

***

Совершенные христиане, сподобившиеся войти в меру совершенства и соделаться приближенными Царю, всегда посвящают себя в дар Кресту Христову (прп. Макарий Египетский, 89, 264).

***

<Совершенства> не вдруг достигают люди, и то разве трудами, скорбью, великим подвигом (прп. Макарий Египетский, 89, 265).

***

В том, что прекрасно по естеству, хотя и невозможно улучить все, для имеющих ум великая выгода не остаться не улучившим и части. Посему должно прилагать все тщание о том, чтобы не вовсе лишиться возможного совершенства, но столько приобресть оного, сколько успеем узнать искомое. Ибо, может быть, иметь у себя прекрасное для того, чтобы всегда желать, приобрести его еще боль-

ше, есть уже совершенство человеческой природы (свт. Григорий Нисский, 18, 227).

***

...Совершенная жизнь такова, что никакое описание совершенства не останавливает дальнейшего преуспеяния в оной, но непрестанное возрастание в усовершении жизни для души есть путь к совершенству (свт. Григорий Нисский, 18, 373).

***

...Кто в течение всей жизни достигает большей и большей высоты... многими восхождениями, тот не сомневался стать еще выше себя самого, так что жизнь его, подобно орлу, во всем, думаю, усматривается надоблачною, превыспреннею, парящею в эфире мысленного восхождения (свт. Григорий Нисский, 18, 373).

***

...Вот в подлинном смысле совершенство — не раболепно, не по страху наказания удаляться от порочной жизни, и не по надежде наград делать добро, с какими-нибудь условиями и договорами торгуя добродетельною жизнью; но теряя из вида все, даже что по обетованиям соблюдается надежде, одно только почитать для себя страшным — лишиться Божией дружбы, и одно только признавать драгоценным и вожделенным — соделаться Божиим другом, что, по моему рассуждению, и есть совершенство жизни (свт. Григорий Нисский, 18, 379).

***

...Достигшим уже совершенства в жизни добродетельной и очистившим себя... прилично хвалить Бога и быть в таком состоянии, в каком, как веруем, пребывает естество ангельское. Ибо у них, известно нам, нет другого занятия, как только хвалить Бога, и у совершенных в добродетели нет иной заботы, как только устроять жизнь свою, чтобы была хвалою Богу (свт. Григорий Нисский, 19, 89).

***

...Для того, кто действительно восстал, никогда не прекратится нужда восставать непрестанно, и для поспешающего ко Господу не истощится путь к продолжению божественного течения. Всегда надлежит восставать, и приближающимся даже к цели в течении своем никогда не успокаиваться (свт. Григорий Нисский, 20, 138).

***

...Истинное совершенство и состоит в том, чтобы никогда не останавливаться в приращении к лучшему и не ограничивать совершенства каким-либо пределом (свт. Григорий Нисский, 24, 262).

***

Последний предел деятельной жизни — любовь... (авва Евагрий, 89, 578).

***

...Мирянину и монаху должно достигать одинаковой высоты... в случае падения получат одинаковые кары (свт. Иоанн Златоуст, 44, 110).

***

...Нельзя быть совершенным... не отказавшись от всего, не только от денег и дома, но даже от души своей... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 371).

***

...Чем больше мы приобретаем совершенств, потому что и диавол становится тогда лютее, тогда делается более свирепым, когда видит, что мы заботливо устрояем свою жизнь (свт. Иоанн Златоуст, 45, 10).

***

Совершенства естественные служат к похвале и чести не обладающих, а Того, Кто дал их (свт. Иоанн Златоуст, 45, 155).

***

Желающий жить по образу и подобию Божию должен быть презираемым всеми, стать предметом насмешек, неуважения как на словах, так и в делах (свт. Иоанн Златоуст, 45, 922).

***

...Нам надо иметь много различных добродетелей, чтобы освободиться от дольнего и достичь горнего (свт. Иоанн Златоуст, 48, 871).

***

Насколько ты высок, настолько смиряй себя. Когда восходишь на высоту, тогда тебе нужно остерегаться, чтобы не упасть (свт. Иоанн Златоуст, 49, 411).

***

...Если хочешь быть добрым, никто не препятствует, или, лучше, диавол хотя и старается препятствовать, но не может, когда сам ты избираешь лучшее и таким образом Самого Бога делаешь своим защитником (свт. Иоанн Златоуст, 50, 256).

***

Кто хочет быть добрым, тому ничто препятствовать не может, хотя бы прежде он был одним из самых порочных (свт. Иоанн Златоуст, 53, 219).

***

Совершенным мы называем того, кто при вере проводит и жизнь правую (свт. Иоанн Златоуст, 55, 88).

***

Мельничный осел не может подвинуться вперед, шагая по колесу, к которому привязан (шагает, а все на одном месте, пока не остановят колеса); и ум не подвигнется вперед в совершенство — творной добродетели (т. е. в трезвении, ведущем к совершенству), если не упорядочит своего внутреннего (остановив кружение там помыслов). Ибо таковой слепотствует всегда внутренними очами, не имея возможности видеть добродетель и светозарного Иисуса (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 195).

***

Начало и ограждение нашего спасения есть страх Господень. Ибо от него зависит и начало обращения, и очищение от пороков, и охранение добродетелей у тех, которые руководствуются им на пути к совершенству. Сей страх,

проникая душу человеческую, производит отвращение к мирским вещам, заставляет забыть родителей и весь мир; а отвращением и оставлением всех стяжаний приобретается смирение, которое открывается в следующих признаках: человек, имеющий это, во-первых, умерщвляет свою волю; во-вторых, не только дела, но и помыслы свои открывает старцу своему, ничего не скрывает; в-третьих, все делает по суду старца и ничего по своему и, желая его наставлений, охотно слушается их; в-четвертых, во всем соблюдает послушание, кротость, постоянство терпения; в-пятых, не только не обижает никого, но и за свои обиды не взыскивает и не оскорбляется ими; в-шестых, ничего не делает такого, что не согласно с общим уставом или не одобряется примером большинства; в-седьмых, доволен всяким состоянием, как бы оно ни было низко, и все повелеваемое ему исполняет как худой, недостойный раб; в-восьмых, считает себя не только на словах, но в искреннем расположении сердца худшим всех; в-девятых, удерживает свой язык и не говорит громко; в-десятых, не смеется легкомысленно. Вот в каких признаках обнаруживается истинное смирение! Оно скоро доведет тебя до любви, чуждой страха, воодушевившись которою ты, то самое, что прежде исполнял из-за страха наказания, начнешь исполнять без труда, как естественное, и уже не из страха наказания, но по любви к самому добру и по услаждению добродетелями (прп. авва Пинуфий, 56, 46).

***

...Вот каким образом беспрепятственно восходят к высшему совершенству: по словам Священного Писания (см.: Притч. 1, 7), начало нашего спасения и премудрости есть страх Господень; от страха Господня рождается спасительное сокрушение сердечное, а от сего отречение от мира,

т. е. нищета и презрение всех стяжаний; от нищеты происходит смирение; от смирения же происходит умерщвление воли; а умерщвлением воли истребляются все пороки; по истреблении пороков добродетели плодятся и возрастают; при возрастании добродетелей приобретается чистота сердца, а чистотою сердца приобретается совершенство апостольской любви (прп. Иоанн Кассиан, 56, 48).

***

...Ничья воля или подвиг, хотя бы кто хотел и подвизался, не могут быть настолько достаточны, чтобы обложенный плотию, противоборствующею духу, в состоянии был достигнуть верха совершенства и награды за непорочность и чистоту, если не будет вспомоществуем милосердием Божиим, так чтобы заслуживал достигнуть того, чего очень желает или куда стремится (прп. Иоанн Кассиан, 56, 148).

***

...Вовсе невозможно достигнуть евангельского совершенства без <собственных> усилий и трудов; также и этими одними трудами никто не может достигнуть совершенства без благодати Божией. Ибо как мы говорим, что человеческие усилия сами по себе не могут достигнуть совершенства без помощи Божией, так утверждаем, что только трудящимся и старающимся оказывается милосердие и благодать Божия... (прп. Иоанн Кассиан, 56, 150).

***

...По преданиям и наставлениям (святых отцев), мы должны так стремиться (к совершенству), упражняясь в

посте, бдении, молитве, сокрушении сердца и тела, чтобы все это гордость не сделала напрасным. Ибо надобно верить, что мы не только не можем достигнуть совершенства нашим тщанием или трудом, но и самые эти труды, усилия и занятия, в которых упражняемся для него, не можем совершать без помощи Божией, без воодушевления, вразумления и увещания благодати, которую обыкновенно Бог вливает в наши сердца, милостиво посещая нас, или через другого, или Сам Собою (прп. Иоанн Кассиан, 56, 152).

***

...Тогда только мы удостоимся обладать истинным совершенством... когда ум наш, освобожденный разумным очищением от всякой страсти и услаждения земного, не стесняясь узами бренной плоти, при непрестанном размышлении о Божественных Писаниях и созерцании духовном, так далеко входит в область невидимого и до того углубляется в высшие бестелесные предметы, что не чувствует ни своего положения телесного, ни даже облежащего его вещества; возносится до такого восхищения, что не только не ощущает никаких звуков телесным слухом и не обращает внимания на проходящих мимо людей, но не замечает даже груды дерев и других огромных предметов, находящихся перед его глазами. Поверить, впрочем, сему и понять силу сего состояния может только тот, кто собственным опытом дознал то, о чем здесь говорится; тот, чьи очи сердечные Господь так отвлек от всего настоящего, что он считает то не только преходящим, но как бы несуществующим, как бы дымом исчезающим, чем-то разрешившимся в ничто (прп. авва Пафнутий, 56, 209—210).

***

...Мы всегда должны быть твердо уверены, что никак не можем достигнуть совершенства своими трудами и подвигами, хотя бы со всею неутомимостью упражнялись во всякой добродетели; одни человеческие усилия не могут иметь такой цены и силы, чтобы возводить на высоту святости и блаженства, если Сам Господь не будет притом содействовать нам и направлять сердце наше к тому, что для нас полезно (прп. авва Пафнутий, 56, 216).

***

...Когда <человек>, будучи смиряем чувственными страстями и сознавая себя нечистым по причине плотского осквернения, придет в сокрушение и прибегнет к источнику всякой чистоты и совершенства, то, гнушаясь тем холодным состоянием неверия, в коем находился, горя же духом, удобнее взойдет к совершенству (прп. авва Даниил, 56, 237).

***

...Ум никак не может быть в одном и том же качестве, подобно тому как если бы кто стал усиливаться плыть в лодке на веслах против течения бурной реки, то необходимо должен был бы или подниматься вверх, превозмогая силою мышц своих речное течение, или, если ослабеют руки, спускаться вниз по течению реки. Итак, если заметим, что мы ничего более не приобретаем, то это очевидный признак нашей утраты; если в какой-либо день не почувствуем, что мы простерлись вперед, то не должны сомневаться, что мы непременно отступили назад; поелику ум человеческий, как я сказал, не может постоянно пребывать в одинаковом состоянии, и ни один из святых,

доколе находится в сей плоти, не достигнет той высоты добродетелей, чтобы мог уже остаться неподвижным. Они, по необходимости, всегда в чем-нибудь или увеличиваются, или уменьшаются; и во всей твари не может быть такого совершенства, которое бы не терпело изменения <...> Мы должны с неослабным старанием и ревностью устремляться к подвигам добродетели и непрестанно упражняться в оных, дабы по недостатку преуспеяния тотчас не последовало оскудение. Ибо, как мы сказали, в одном и том же состоянии ум не может пребывать, т. е. чтобы не получал приращения в совершенстве добродетелей, или не терпел ущерба в оном. Ибо не приобресть значит утратить, поелику оставляющий желание преуспевать в совершенстве недалек от опасности потерять оное (прп. авва Феодор, 56, 276—277).

***

Вот... цель всего совершенства, чтобы дух, очищенный от всякой плотской нечистоты, ежедневно возвышался к небесному, пока всякая деятельность его, всякое стремление сердца сделается одною и постоянною молитвою (прп. авва Исаак, 56, 355).

***

...Мы не иначе можем достигнуть... истинного совершенства, как возлюбивши Бога единственно по побуждению любви, а не почему-либо другому; поелику и Он прежде возлюбил нас единственно ради нашего спасения; а не по какой-либо другой причине. Для сего-то мы должны стараться с пламенною ревностью восходить от страха к надежде, от надежды на степень любви к Богу или к

совершенству добродетелей, чтобы, снискав расположение к добру, могли пребывать в оном неуклонно, сколько это возможно для человеческой природы (прп. авва Херемон, 56, 373).

***

Божественное Писание побуждает свободную волю нашу стремиться к различным степеням совершенства, смотря по состоянию и мере духовных способностей каждого. Оно не могло предложить одинакового для всех венца совершенства, потому что не у всех одинаковы силы к достижению оного, или не все имеют одинаковое расположение и стремление к тому; потому Слово Божие и назначило различные степени и различные меры в самих совершенствах. Это ясно показывает различие самих евангельских блаженств (прп. авва Херемон, 56, 377).

***

...Деятельное совершенство двояким образом составляется. Первый образ его состоит в том, чтобы познать свойство всех пороков и способ врачевания их; второй — в том, чтобы наблюдался порядок добродетелей и дух наш усовершался в них, так чтобы он служил им уже не по принуждению, как бы покоряясь насильственной власти, но как бы естественным благом услаждался, питался и трудным, тесным путем проходил с удовольствием. Ибо тот как возможет постигнуть способ добродетелей, который есть вторая степень в деятельной науке, или тайны духовных небесных предметов, которые находятся на высшей степени созерцания, кто не мог уразуметь свойство своих пороков и не старался истребить их? Следовательно, тот не может взойти на высоту, кто не победит на ровном пути, тем более не поймет внешнего тот, кто не мог

уразуметь находящегося в нем самом. Впрочем, надобно знать, что нам должно подвизаться с двояким намерением, как для изгнания пороков, так и для приобретения добродетелей. И это мы говорим не по своей догадке, а научаясь из слов Того, Кто один знает силы и способ своего произведения и говорит: *вот Я поставил тебя сегодня над народами и царствами, чтобы искоренять и разрушать, губить и истреблять, созидать и насаждать* (ср: Иер. 1, 10). В истреблении вредных предметов здесь означаются четыре необходимые действия: искоренять, разрушать, губить, истреблять. А в совершении добродетелей и приобретении того, что относится к правде, означаются только два действия: созидать и насаждать. Отсюда ясно видно, что гораздо труднее исторгать и истреблять застарелые страсти тела и души, нежели насаждать и созидать духовные добродетели (прп. авва Нестерой, 56, 421).

***

...Желающему достигнуть высшего совершенства не много будет пользы довести покаяние до конца, т. е. удерживаться от непозволенных дел, если не будет неутомимо упражняться в тех добродетелях, кои служат доказательством того, что удовлетворено за грехи. Ибо недостаточно воздерживаться от гнусных пороков, противных Богу, если не будет чистой, совершенной и богоугодной ревности к добродетели (прп. авва Пинуфий, 56, 537).

***

Живописцы и ткачи, работающие шелковые ткани, искусственные свои произведения испещряют множеством красок и нитей, чтобы составилась совершенная картина или одежда. И преспеяние по Богу состоит не в чем-либо

одном, потому что требует для совершенства всех добродетелей (прп. Исидор Пелусиот, 60, 228).

***

Закон Божий требует, чтобы мы... были совершенны, однако же не иначе достигнуть совершенства, как при постепенном восхождении и преспеянии, будучи сперва напоеваемы молоком, *яко новорождени младенцы, и о нем возрастая во спасении* (ср.: 1 Пет. 2, 2) (прп. Исидор Пелусиот, 60, 248).

***

...Имея веру, как душу, добродетель, как тело, и дар слова, как красивый наряд, и здесь соделаться славными, и там предстать в торжестве благоискусными и увенчанными (прп. Исидор Пелусиот, 62, 238).

***

...Всякое совершенство — во Христе, закон же нисколько не приводил к совершенству... (см.: Евр. 7, 19) (свт. Кирилл Александрийский, 65, 47).

***

...<Нет>... предлога ссылаться на бессилие тем, которые по собственному долговременному навыку не делают ничего, служащего к пользе... (прп. Нил Синайский, 71, 5).

***

...Невозможно иначе достигнуть совершенства, как достаточно оставив пристрастие к плотскому сродству (прп. Нил Синайский, 72, 59).

***

...Пространство велико, и, чтобы достигнуть конца, нужны скорее крылья, нежели ноги... (прп. Нил Синайский, 72, 114).

***

Сколько преуспеваешь в законе, столько же признавай себя далеким от совершенства (прп. Нил Синайский, 72, 233).

***

...Желающий, по Писанию, возраста *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова достигнути* (ср: Еф. 4, 13) не должен предпочитать молитве различные служения и без нужды, как случится, брать оные на себя; но и встречающихся по некоторой надобности, и по смотрению Божию, не должно уклоняться и отвергать оные от себя, под предлогом молитвы; но ему (надобно) познавать различие (между молитвою и другими занятиями) и служить смотрению Божию без испытания. Кто мудрствует иначе, тот не верует, что одна заповедь бывает по Писанию и выше, и главнее другой, и не хочет, по слову Пророка, *направлятися ко всем заповедям* (ср.: Пс. 118, 128), встречающимся ему по смотрению Божию.

Необходимые и смотрительно встречающиеся нам дела неизбежны, но безвременные занятия должно отвергать, предпочитая им молитву, в особенности же отвергать те, которые вовлекают нас в большие траты и собрания излишних имений. Ибо насколько кто ограничит их о Господе и отсечет излишнее вещество их, настолько и мысль удерживает от развлечения, а сколько удержит мысль, столько и чистой молитве дает место и показывает искреннюю веру во Христа. Если же кто-либо по маловерию или

по какой-либо другой немощи не может этого делать, то, по крайней мере, да познает истину и по силе своей, да простирается вперед, обвиняя себя в младенчестве (прп. Марк Подвижник, 89, 505).

***

Кто доблестно победил страсти телесные, и довольно подвизался против лукавых духов, и изгнал их умышления из страны души своей, тот должен молиться, чтобы ему дано было чистое сердце и дух правый обновлялся во утробе его (см.: Пс. 50, 12), т. е. чтобы он совершенно избавился от злых помыслов, и по дару благодати исполнился Божественных мыслей, и таким образом соделался мысленным миром Божиим, светлым и великим, состоящим из нравственных, естественных и богословских созерцаний (прп. Марк Подвижник, 89, 518).

***

Не ищи совершенства... в добродетелях человеческих, ибо совершенного в них нет: совершенство... сокрыто в Кресте Христовом (прп. Марк Подвижник, 89, 523).

***

Предел совершенного изменения в сладостном вкушении Бога — вменять в радость прискорбность смерти (блж. Диадох, 91, 7).

***

Содержи всегда в памяти превосходящих тебя добродетелью, чтобы непрестанно видеть в себе недостаток против их меры... (прп. Исаак Сирин, 58, 17).

***

...Всякая чистота, приобретенная скоро, в короткое время и с малым трудом, скоро теряется и оскверняется (прп. Исаак Сирин, 58, 32).

***

...Кто всех равно любит по состраданию и безразлично, тот достиг совершенства (прп. Исаак Сирин, 58, 48).

***

Совершенство всего поприща заключается в следующем: в покаянии, в чистоте и в усовершении себя. Что такое покаяние? Оставление прежнего и печаль о нем. Что такое чистота? Кратко сказать: сердце, милующее всякую тварную природу. Что такое усовершение себя? Глубина смирения, т. е. оставление всего видимого и невидимого, (видимого, т. е. всего чувственного и всего мысленного) и попечения о том (прп. Исаак Сирин, 58, 208).

***

Доброе делание и смиренномудрие делают человека богом на земле (прп. Исаак Сирин, 58, 314).

***

...Нет предела усовершению, потому что совершенство и самых совершенных подлинно нескончаемо (прп. Исаак Сирин, 58, 360).

***

...Через сокрушение сердечное человек делается послушным заповедям, освобождается от зла, приобретает

добродетели и потом восходит в покой свой (прп. авва Дорофей, 29, 27).

***

Поелику каждый оправдывает себя... каждый позволяет себе ничего не соблюдать, а от ближнего требуем исполнения заповеди, потому мы и не можем прийти в познание доброго (прп. авва Дорофей, 29, 96).

***

...Кто вначале понуждает себя, то, продолжая подвизаться, он мало-помалу преуспевает и потом с покоем совершает добродетели, поелику Бог, видя, что он понуждает себя, подает ему помощь (прп. авва Дорофей, 29, 114—115).

***

...Хотя мы еще не достигли совершенства, но самое сие желание есть уже начало нашего спасения; от этого желания мы начнем с помощию Божиею и подвизаться, а через подвиг получаем помощь к стяжанию добродетелей (прп. авва Дорофей, 29, 115).

***

...Желающий, с помощию Божиею, достигнуть... благого устроения, не должен говорить, что добродетели велики, и он не может достигнуть их, ибо кто так говорит, тот или не уповает на помощь Божию, или ленится посвятить себя чему-либо доброму (прп. авва Дорофей, 29, 162).

***

Усиленно обуздывай органы чувств твоих: зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания, и преуспеешь благодатию Христовою (прп. авва Дорофей, 29, 216).

***

Брат, если сердце твое день и ночь с болезнью не будет искать Господа, ты не можешь преуспеть. Если же, оставив все прочее, займешься сим, то достигнешь сего... (прп. Варсануфий, 29, 235).

***

...Не унывай, падая и восставая, поползаясь и укоряя себя, пока Господь не окажет тебе милости, которой ты желаешь; только не будь нерадив (прп. Варсануфий, 29, 264).

***

Одни совершенные могут всегда распознавать, какое помышление возникает в душе от собственной ее совести, какое происходит от Бога и какое от бесов (прп. Иоанн Лествичник, 57, 210).

***

Не примеряй себя к слабейшим из людей, а лучше расширяй себя в меру заповедей о любви. Примеряясь к людям, впадешь в пропасть высокомерия; а расширяя себя в меру любви, достигнешь высоты смиренномудрия (прп. Максим Исповедник, 91, 198).

***

...Что благодать Божия производит по порядку добродетельной жизни, то, и достигши совершенства, опять подвигается к возрастанию: ибо здесь тако бывает, что конец одного служит началом другого. Кто пресек в себе живущие в нем тленные страсти деятельною добродетелию, тот вместе с сим начал другие божественнейшие преобразования от *славы в славу* (2 Кор. 3, 18) (прп. Максим Исповедник, 91, 234).

***

Страх геенны понуждает... (новоначальных) избегать греха; желание воздаяния благ придает готовности преуспевающим в делании добродетелей; а таинство любви восторгает ум превыше всего тварного... (прп. Максим Исповедник, 91, 237).

***

Не останавливайтесь, и не предавайтесь лености в служении Богу, и, смотря на притрудность в настоящее время, не лишите себя наслаждения, которое в веке будущем (прп. Феодор Студит, 92, 37).

***

...Подвизайтесь добре, пресекайте искушения, отбрасывайте с пути вашего всякие камни и преткновения и бодро восходите на гору небесного жития, пока придет чаемый день (прп. Феодор Студит, 92, 83).

***

...Оградите себя страхом Божиим и паче и паче, возвышайтесь в небесном восхождении своем (прп. Феодор Студит, 92, 137).

***

Не будем ослабевать восходя, ни падать духом, видя высокость восхождения (прп. Феодор Студит, 92, 303).

***

Нельзя... мерить свое преуспеяние длительностью времени... но смотреть, соответствуют ли длительности времени число и степени добродетелей наших? (прп. Феодор Студит, 92, 313).

***

...Преспеянию вовеки не будет конца, так как остановка (или замедление) в возрастании положит конец Бесконечному, (внесет) постижение совершенно Непостижимого и Невместимого всеми сделает (предметом) пресыщения (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 122).

***

...Невозможно сразу воспринять всего Духа человеку душевному и сделаться бесстрастным (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 159).

***

...Хранящие... три (добродетели)... <смирение, покаяние и непрестанный плач> и пребывающие в добром их делании, вскоре, как бы не замечая, возводятся к славе, очищению, бесстрастию и Божественному созерцанию; и не бывают более улавливаемы руками ненавистника, но получают от Бога прощение всех грехов и вместе всех согрешений, и таким образом соделываются сынами Вышнего, и богами по благодати, и благопотребными орудиями, совершающими всякое добро... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 255—256).

***

Надобно начинать с меньшего и, постепенно преуспевая, восходить к более и более совершенной святыне и чистоте. И хотя бы мы прожили в этой жизни тысячи лет, никак не возможем достигнуть полного совершенства святыни, но долг имеем подвизаться ради нее непрестанно так, как бы теперь только положили начало (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 138).

***

Достигший в меру совершенства бывает мертв и не мертв, а живущ паче жизнью в Боге, с Коим пребывает, так как он не живет более сам по себе, как говорит Апостол: *живу же не к тому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Бывает он также слеп и не слеп; он смотрит не естественными очами, так как стал выше всякого естественного зрения, получив новые очи, несравненно лучшие естественных очей, которыми и смотрит выше естества. Бывает бездейственен и недвижим, как исполнивший всякое собственное действие. Бывает немыслящ, как соделавшийся едино с Тем, Кто выше всякой мысли, и почивший там, где нет места действию ума, т. е. движению его в воспоминании, или помысле, или размышлении. Не имея возможности постигнуть и познать непостижимое и дивное, он некоторым образом опочивает на сем совершенным почитием, оным недвижением блаженного нечувствия, т. е. не любопытно наслаждаясь неизъяснимыми благами, с чувством, однако же, верным и определенным.

Кто не сподобился достигнуть в такую меру совершенства и проникнуть до таких благ, тот пусть винит себя одного, а не говорит в извинение, что это дело невозможно или что бывает в нас совершенство, такое, однако же, о котором мы и не знаем. Удостоверяем будучи Божествен-

ным Писанием, да ведает он, что дело сие возможно, и в истинной своей силе бывает в действительности, и совершается заведомо с сознанием его; но, по причине неисполнения и нарушения заповедей Божиих, всякий, собственно, сам себя лишает таких благ, соответственно своей неисправности (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 557).

***

На очистительной степени стоят вводимые в священные подвиги. Свойственны ей — отложение образа перстного человека, освобождение от всякой чувственной страсти, облечение в нового человека, обновляемого Духом Святым. Дела ее — ненависть к чувственному, изможднение плоти, удаление от всего, что может возбуждать страстные помыслы, раскаяние в содеянном; при сем — омытие слезами слапости греха, благоустроение нрава благодатию Духа, умиленным сокрушением очищение внутреннего сткляницы, т. е. ума, от всякой скверны плоти и духа, и влияние в него вина слова, веселящего сердце человека очищаемого и принесение его Царю духов для вкушения. Конец же — действенное разжжение себя огнем подвижничества, трудами подвижническими изверженне из себя всякого яда греховного, закаление себя через погружение в воду сокрушения и соделание себя мечом, сильно посекающим страсти и бесов. Достигший сего угасил силу естественного огня, заградил уста львов — свирепых страстей, стал силен духом, из немощного соделался крепким и, как другой Авситидианин (Иов), воздвиг себе трофей терпения, победив искусителя (см.: Ев. 11, 32—34).

На просветительной степени стоят действием священных подвигов преуспевшие в первом бесстрастии. Свойственны ей — водворение в уме образа здравых словес или

здравых на все воззрений и причастие Духа Святаго. Дело ее — очищение ума действием Божественного огня, мысленное сердечных очей отверстие и рождение слова с высокими помышлениями разума. А конец — слово премудрости, уясняющее все сущее и бывающее, ве́дение божеских и человеческих вещей и откровение таин Царствия Небесного. Достигший сего мысленным деланием ума, на колеснице огненной носим бывает четверицею добродетелей и, как другой Фесвитянин (Илия), еще живой вземлется в мысленный воздух и обходит небесные области, став выше всего земного.

На таинственной или совершительной степени стоят пришедшие уже в меру возраста Христова. Свойственно им — пресекать воздух, возноситься выше всего, вращаться в кругу горних Чинов небесных, приближаться к первому Свету, и глубины Божии исследовать духом. Дело сей степени — исполнять зрителя таких предметов — ум ведением путей Промысла, законов правды и истины и разрешения гаданий, притч и темных словес Божественного Писания. Конец же — тайноводствовать того, кто столь усовершен, к сокровенным тайнам Божиим, исполнять его неизреченною премудростью через сочетание с ним Духа и в великой Церкви Божией являть его мудрым богословом, просвещающим людей богословскими поучениями. Достигший сей меры действом глубочайшего смиренномудрия и сокрушения, восхищаем бывает до третьего неба богословия, как другой некий Павел, и слышит неизреченные глаголы, которые не леть есть слышать и человеку, под влиянием чувств состоящему, вкушает неизреченные блага, коих око не видело и о коих ухо не слыхало, и делается служителем таин Божиих, став устами Его, и совершает их для людей словом, почивая при сем блаженным покоем в Боге,

совершенный в совершенном, и с богословами в общении пребывая с высочайшими силами Херувимов и Серафимов, коим принадлежит слово премудрости и вместе слово разума (прп. Никита Стифат, 93, 151—153).

***

Всякий ревнитель совершенства достигает его через подъятие произвольных и непроизвольных трудов и лишений, из коих одни совне находят, другие у себя дома устрояются (свт. Григорий Палама, 93, 272).

***

...Для достижения <совершенства>... тебе необходимо сначала подавлять свои собственные воления... и совсем их погасить и умертвить; а чтобы успеть в этом, должно тебе непрестанно себе противиться в худом и принуждать себя на доброе, иначе должно непрестанно бороться с собою и со всем, что благоприятствует твоим волениям, возбуждает и поддерживает их. Уготовься же на такое борение и на такую брань, и ведай, что венец — достижение возжеланной тобою цели — не дается никому, кроме доблестных воителей и борцов (прп. Никодим Святогорец, 70, 16).

***

...Пусть никто не мечтает стяжать истинное христианское благонастроение и христианские добродетели и работать Богу, как подобает, если не хочет нудить себя на отвержение и поборение всяких страстных движений плотской воли, не только больших, но и малых, которым он прежде привык удовлетворять охотно и любительно. В том-то, что по саможалению не хотят себя понуждать и себе

отказывать решительно во всем, и лежит главная причина, почему так мало достигающих полного совершенства христианского. Ибо когда они, с трудом победив большие страстные склонности, не хотят потом нудить себя на препобеждение малых, кажущихся ничтожными, то поелику сии малые суть порождения и выражения больших, удовлетворяя им, питают они сии последние, которые потому все продолжают жить и действовать в сердце, хотя обнаруживаются не в больших размерах. Сердце потому при этом остается страстным и нечистым и, главное — нимало не отрешенным от самоугодия и саможаления, которые всегда оставляют в сомнительном достоинстве всякие дела богоугождения (прп. Никодим Святогорец, 70, 45—46).

***

Совершенство христианства — в совершенной любви к ближнему. Совершенная любовь к ближнему — в любви к Богу, для которой нет совершенства, для которой нет окончания в преуспеянии (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 128).

***

Ничтожное, незаметное упование на что-либо вне Бога может остановить ход преуспеяния, в котором и вождь, и ноги, и крылья — вера в Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 297).

***

Совершенство состоит в явном причастии Святаго Духа, Который, вселившись в христианина, переносит все желания его и все размышление в вечность (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 341—342).

***

Спасение возможно при сохранении имения, в жизни посреди мира; для снискания совершенства требуется предварительное отрешение от мира. Спасение необходимо для всех; снискание совершенства предоставлено произволяющим (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 341).

***

...Совершенство христианское, будучи жительством в Боге, есть бесконечное поприще преуспеяния, как бесконечен Бог (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 341).

***

Христианское совершенство есть дар Божий, а не плод человеческого труда и подвига; подвигом доказывается только действительность и искренность желания получить дар... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 344).

***

Нестяжание и отречение от мира есть необходимое условие к достижению совершенства. Ум и сердце должны быть всецело устремлены к Богу; все препятствия, все поводы к развлечению должны быть устранены... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 344).

***

Для достижения совершенства, вслед за истощанием имения на нищих, необходимо взять крест свой. Оставлению имения должно последовать отвержение от самого себя, в чем и заключается принятие креста, или произ-

вольное и постоянное подчинение скорбям... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 346—347).

***

Всецелое соединение воли человеческой с волею Божиею есть состояние совершенства, какого может только достичь разумное создание Божие (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 243).

***

Не ищи... совершенства христианского в добродетелях человеческих: тут нет его; оно таинственно хранится в Кресте Христовом (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 477—478).

***

Всякий путь ума и сердца, когда цель его — Бог, бесконечен... преуспеяние в премудрости Божией — бесконечно; преуспеяние в любви к ближнему, когда оно в Боге — бесконечно (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 504).

***

Он <Господь> возводит нас к высшему преуспеянию по тесному пути самоотвержения и смирения... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 358).

***

Без труда и напряжения умного не достигнете ничего духовного (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 121).

***

Совершенство, мало-мальски видное, приходит после трудов и трудов, после годов и годов, а не с первых начатков и не с первых дней (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 146).

***

...Возьмите страх Божий и память смертную, и они научат вас всему (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 244).

****

Братия аввы Пимена сказали ему: «Пойдем отсюда. Здешние монастыри беспокоят нас, и мы губим души свои. Вот и дети своим плачем не дают нам безмолвствовать». Авва Пимен отвечал им: «Из-за голосов ангельских хотите ли вы уйти отсюда!» (97, 220).

***

Один старец пришел в келью аввы Иоанна и застал его спящим. Ангел стоял близ него и веял над ним. Старец увидел это и ушел. Когда авва встал, то спросил ученика своего: «Не приходил ли кто в то время, когда я спал?» Ученик отвечал: «Приходил такой-то старец». И уразумел авва Иоанн, что этот старец равен ему по духовному преуспеянию и что он видел Ангела (106, 292).

***

Авва Стефан, родом из Ливии, около шестидесяти лет жил между Мармарикой и Марестом. Достигнув высокого

совершенства в подвижничестве и в познании человеческого сердца, он удостоился такой благодати, что всякий, у кого была какая-нибудь печаль, побеседовав с ним, отходил от него без печали. Аммоний и Евагрий рассказывали о нем следующее: «Пришли мы к нему в такое время, когда у него открылась в самом опасном месте ужасная болезнь. При нас и лечил его какой-то врач. Предоставив в его распоряжение больные части тела, святой муж плел корзины и разговаривал с нами. При отсечении зараженных частей он оставался неподвижен и проявлял такое терпение, как будто резали чье-нибудь чужое тело или как будто у него отсекали не члены, а волосы. Казалось, что он совсем не чувствовал боли. Так укрепляла его помощь Божия! Когда же мы об этом скорбели и недоумевали, как муж такой жизни впал в такую болезнь и подвергся таким врачебным мерам, блаженный Стефан, уразумев наши помыслы, сказал: «Не соблазняйтесь этим, дети. Бог ничего не делает ко вреду, но все для нашей пользы. Видно, Господь посчитал эти члены достойными наказания, а в таком случае лучше им здесь пострадать, чем по отшествии из этой жизни». Так, вразумив нас и этими словами укрепив в терпении, он научил нас мужественно переносить скорби» (107, 598).

***

В монастыре святого Феодосия рассказывал о настоятеле этой обители, авве Георгии, ученик его, авва Феодосий, сам отличавшийся благостью, кротостью и смирением. «В течение двадцати лет я наблюдал за ним, — говорил авва Феодосий, — не увижу ли авву Георгия возмущенным хотя один раз, и никогда не видел. Кто так смиренно опускал очи, как отец наш святой Георгий? Кто так затворял слух свой, как он, блаженный? Кто обуздывал так

свой язык, как отец наш? Какой солнечный луч озарял так землю, как отец наш просвещал сердца всех нас?» (102, 134—135).

***

Подобно оленю, жаждущему животворных струй источника, преподобный Симон Афонский прошел по всем монастырям Святой Горы в чаянии найти себе желанного руководителя. При каждой встрече с иноками испытанной жизни пришелец расспрашивал об иноческих добродетелях. Наконец, среди множества иноков он нашел искомого старца, совершенного во всех отношениях подвижника. Единственным правилом всех своих действий после глубокого раскрытия перед старцем обстоятельств минувшей жизни он поставил безусловную покорность всему, что бы ни повелел ему старец. Он решил исполнять в точности и без всякого размышления каждое из его отеческих слов так, как если бы слова эти исходили не из уст старца, а от Самого Бога. Такая покорность ученика радовала учителя. Впрочем, чтобы не подать ему повода к тщеславным помыслам и вместе с тем усовершенствовать его в опытах крестной жизни и безусловного послушания, старец, вместо хвалы и снисхождения, не только постоянно бранил его, но даже нередко и бил. А блаженный принимал это с великой радостью и благодарением. Следствием этого, при содействии благодати, было с его стороны то, что, когда старец вместо побоев и унижения начал проявлять по отношению к нему внимательность, он скорбел и считал это ущербом в деле спасения. Таким образом, между ними воцарилась такая взаимность сердечной любви, которая составляет счастье и радость как родителей, так и детей и которой, к сожалению, иногда не пользуются ни те, ни другие. Сладкие плоды любви со стороны преподобного

проявлялись в неподражаемом благоговении и привязанности к старцу. Эта привязанность простиралась до того, что он, когда старец спал, лобызал его ноги и даже то ложе, на котором старец обычно отдыхал после своих трудов или молитвенно беседовал с Богом. Что все это он делал из чистых побуждений сердца, он сам же и объяснял. Он говорил, что сколько, с одной стороны, должны мы любить Бога, приведшего нас из небытия в бытие, столько же, с другой — старца, ибо и он, при помощи Божией, преобразует в нас внутреннего человека, некоторым образом восстанавливает и обновляет образ Божий, падший и сокрушенный нашим небрежением и тяжкими грехами. Так глубоко проникнут был преподобный чувством важности и необходимости безусловного повиновения старческой, а не собственной воле. Подобным образом мыслей о добродетельной жизни преподобный Симон скоро прославился по всей Горе, так что равные с ним по возрасту благоговели перед ним, а старшие любили его, потому что и те и другие в его юном возрасте видели старческий разум, в подвигах — неподражаемое терпение, в разуме — совершенство (107, 569—570).

***

Старцы Сир, Исаия и Павел посетили авву Ануфа. Стал авва вспоминать о подвигах и заслугах каждого из них перед Богом. И сказал ему тогда авва Павел: «Господь открыл нам, что через три дня Он отзовет тебя из мира этого к Себе. Поведай же нам о своей духовной жизни, о подвигах, которыми ты угодил Богу. Тебе нет опасности от тщеславия, ты скоро оставишь этот мир. Так оставь же в назидание потомкам и память о своих подвигах».

«Не помню за собой великих подвигов, — сказал в ответ авва Ануф. — Вот только с той поры, как во время

гонений исповедал я имя Спасителя нашего, я остерегался, да не изыдет после исповедания истины ложь из уст моих. И раз, возлюбив небесное, да не уклонюсь с пристрастием к земному — и во всем этом благодать Божия помогала мне. Да и не нуждался я ни в чем земном: Ангелы Божии приносили мне пищу, которую я желал иметь. И знал я, по милости Божией, обо всем, что происходит в мире... Сердце мое всегда просвещалось светом Божиим, и, озаряемый им, я не нуждался во сне — всегда разгоралось во мне желание видеть Его. По милости Божией, мой Ангел-хранитель не отступал от меня, научая меня каждой добродетели в здешнем мире. И этот свет неугасимо сиял в душе моей. И все прошения мои исполнял Господь без промедления, часто являл Он мне тьмы Ангелов, предстоящих Ему. Видел я и лики праведных, и сонмы мучеников, и соборы иноков, и всех святых, в чистоте сердца немолчно прославляющих Господа. Видел я и сатану, и аггелов его, осужденных на огонь вечный, равно как и вечное блаженство, уготованное праведным». Вот что и многое другое рассказал он старцам в течение трех дней, а затем предал дух свой Богу (99, 65—67).

***

Оставшись после родителей сиротой, Амун на двадцать втором году от роду принужден был своим дядей вступить в супружество. Не сумев воспротивиться настоятельному требованию дяди, он решил обвенчаться, пробыть в брачном покое и выполнить все брачные обряды. Но как только все провожавшие их в брачный покой вышли, блаженный Амун запер дверь и начал беседовать со своей блаженной супругой: «Приди сюда, госпожа и сестра моя, я поговорю с тобой. В нашем браке ничего особенно хорошего нет. И правильно мы сделаем, если с нынешнего

же дня станем спать порознь. Сохраняя таким образом свое девство, мы угодим и Христу». Вынув потом из-за пазухи Библию, как бы от лица Апостолов и Самого Спасителя, начал он читать юной девице, не знакомой с Писанием, изъясняя ей большую часть прочитанных мест своим богопросвещенным умом и наставляя ее в девственной и непорочной жизни, так что она, исполнившись благодатью Христовой, сказала: «И я, господин мой, решилась с радостью проводить святую жизнь и буду делать все, что повелишь мне». «Я повелеваю и прошу, — отвечал он, — чтобы каждый из нас жил отдельно». Но это еще было тяжело для нее, и она сказала: «Останемся в одном доме, только ложе у нас будет разное». Так жил он с ней в одном доме лет восемнадцать. Весь день работал в саду и в роще. Вечером, придя домой и помолившись, он вместе с супругой вкушал пищу, потом возносил ночные молитвы и совершал молитвословия. Рано поутру уходил в свой сад. Когда они оба достигли бесстрастия — воздействовали молитвы святого Амуна, — наконец, блаженная говорит ему: «Я хочу сказать тебе нечто, господин мой. Если ты меня послушаешь, я удостоверюсь, что ты меня истинно по Богу любишь». Он сказал ей: «Говори, что ты хочешь сказать». Она продолжала: «Ты муж благочестивый и подвизаешься в правде, и я ревную твоему житию, нам действительно лучше жить отдельно. Многие получат от этого пользу; теперь же, когда ты непорочно живешь со мной о Господе, твое столь великое совершенство любомудрия от всех сокрыто мной. Это неблагоразумно». Поблагодарив ее и воздав хвалу Богу, Амун говорит ей: «Хорошо ты придумала, госпожа и сестра моя. Если тебе угодно, оставайся в этом доме, а я построю себе другое жилище». Разлучившись с ней, он пошел внутрь горы Нитрийской. Прожив еще двадцать два года в пустыне и достигнув совершенства в доб-

родетели, святой Амун скончался или, лучше сказать, почил в монашеской жизни шестидесяти двух лет от роду (107, 109—110).

СОВЕСТЬ

Если же не захотим повиноваться ей <совести>, то она умолкнет и оставит нас, и мы впадем в руки врагов наших, которые уже не пощадят нас... (прп. авва Исаия, 59, 31—32).

***

Соперником называется совесть: ибо она сопротивляется человеку, желающему исполнить волю плоти своей (прп. авва Исаия, 59, 32).

***

...Если человек не послушает ее <совести> внушений, то она предает его врагам (прп. авва Исаия, 59, 32).

***

Кто попирает свою совесть, тот изгоняет из сердца своего добродетели (прп. авва Исаия, 59, 94).

***

...Утвердись в страхе Божием, храня и исполняя все, что должно тебе делать, не полагая преткновений совести своей, но будь к ней внимателен, чтобы и она была стражем твоим и показывала каждый раз, во что ты впадаешь, а не оставляла тебя, попуская впасть в руки врагов твоих (прп. Ефрем Сирин, 31, 595).

***

Грех низлагает совесть, а покаяние служит ей жезлом к упокоению (прп. Ефрем Сирин, 32, 155).

***

Совесть имеет естественное к Нему <Богу> стремление и отвергает вкравшуюся прелесть. Часто грех бесстыдно вторгается, но совесть, воспользовавшись обстоятельствами времени, берет верх (прп. Ефрем Сирин, 32, 157).

***

...Блажен, кто отрекся от мира, пребывает в сообществе святых мужей, в подчинении духовным отцам, и проводит жизнь свою с чистой совестью, потому что не будет он постыжен в воскресение праведных (прп. Ефрем Сирин, 32, 230).

***

...Невозможно убежать от сего одного — от внутреннего в нас самих судилища <совести>, на которое одно взирая можно идти прямым путем (свт. Григорий Богослов, 14, 209).

***

Видишь, что совесть не дает своего согласия на... помыслы, повинующиеся греху, но тотчас обличает их, ибо она не лжет и, всегда обличая, свидетельствует, что будет говорить перед лицем Божиим в день Суда (прп. Макарий Египетский, 67, 127).

***

...(Наша) природа <совесть> имеет способность точно отличать хорошее от нехорошего... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 122).

***

...Подлинно нет между людьми ни одного судии, столь неусыпного, как наша совесть. Внешние судьи и деньгами подкупаются, и лестью смягчаются, и от страха потворствуют, и много есть других средств, извращающих правоту их суда; а судилище совести ничему такому не подчиняется, но хотя бы ты давал деньги, хотя бы льстил, хотя бы угрожал или другое что делал, она произносит справедливый приговор против греховных помыслов, и согрешивший осуждает сам себя, хотя бы никто другой не обвинял его. Притом совесть делает это не однажды, не дважды, но многократно и во всю жизнь; и хотя бы прошло много времени, она никогда не забывает сделанного, но сильно обличает нас и при совершении греха, и до совершения, и особенно — по совершении... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 832).

***

...Хотя бы однажды, или дважды, или трижды, или тысячу раз ты не послушал ее <совести> голоса, она снова будет говорить и не отстанет до последнего твоего издыхания; и в доме, и на распутиях, за трапезою, и на торжище, и на пути, а часто и в самых сновидениях она представляет нам образы и виды соделанных грехов.

...Бог не сделал обличение совести ни непрерывным (ибо мы, непрестанно быв обличаемы, не снесли бы этой тяжести), ни столь слабым, чтобы она, после первого или второго увещания, прекратила его. Если бы она стала угрызать нас каждый день и час, мы были бы подавлены унынием; а если бы, напомнив однажды или дважды, перестала обличать, мы не много получили бы пользы. Поэтому Он сделал это обличение хотя и всегдашним, но не непрерывным; всегдашним, чтобы мы не впали в беспечность, но, слыша всегда ее напоминания, пребыли до самой кончины

бдительными; не непрерывным и не непрестанным, чтобы мы не падали духом, но ободрялись, получая некоторое облегчение и отраду (свт. Иоанн Златоуст, 44, 833—834).

***

Обличение совести есть как бы некоторый священный якорь, не допускающий нас совершенно погрузиться в бездну греха (свт. Иоанн Златоуст, 44, 834).

***

...Бог и устроил, чтобы обличение совести восставало на нас с промежутками времени, так как оно весьма жестоко, и обыкновенно уязвляет грешника сильнее всякого острия (свт. Иоанн Златоуст, 44, 834).

***

...Имеющие порочную совесть, стараясь найти утешение и не желая омыть грехи покаянием, придумали господство судьбы и неверие воскресению (свт. Иоанн Златоуст, 46, 285).

***

...Добрая совесть обыкновенно бывает от жизни и правых дел (свт. Иоанн Златоуст, 46, 285).

***

Бог показал Свою любовь к роду человеческому <тем>, что в каждом из нас поставил нелицеприятное судилище — совесть, которая делает строгое различие между добром и злом; а это-то особенно и лишит нас всякого оправдания, что мы впадаем в грехи не по неведению, но по

беспечности душевной и по нерадению о добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 47, 34).

***

...Человеколюбивый Владыка, созидая вначале человека, и вложил в него совесть, как неумолкающего обличителя, который не может быть обманут или обольщен (свт. Иоанн Златоуст, 47, 138).

***

Хотя бы учинивший грех и совершивший беззаконное дело успел укрыться от всех людей, от этого судии <совести> он скрыться не может, напротив, всегда носит внутри себя этого обличителя, который беспокоит его, мучит, карает, никогда не утихает... требует отчета в проступках, и поставляет на вид и тяжесть грехов, и угрожающее ему наказание, и, как усердный врач, не перестает прилагать свои врачевства, хотя и видит, что ее не послушают, не отступает, но продолжает постоянно заботиться (свт. Иоанн Златоуст, 47, 138—139).

***

Именно в том ее и дело <совести>, чтобы непрерывно напоминать (о грехе) и не давать... (грешнику) дойти когда-либо до забвения о проступках его, но выставлять их на вид ему, чтобы хотя через это сделать нас не столь склонными к повторению прежних грехов (свт. Иоанн Златоуст, 47, 139).

***

...Блудник, или прелюбодей, или другой подобный грешник не может быть спокойным, хотя бы от всех скрыл

(свое преступление); имея такого строгого судью <совесть>, пугается... и знающих, и незнающих (о его поступке) и таким образом носит у себя в душе постоянную бурю и непрерывное волнение. У такого человека и сон не сладок, но полон страха и боязни... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 181).

***

...Если сделавший... грех решится, как следует, воспользоваться помощью совести, принести раскаяние в своих делах и показать рану Врачу, который исцеляет не укоряя, принять от Него врачевство... открыть Ему и исповедать все подробно, то он скоро исправит грехи свои, потому что признание во грехах заглаждает их (свт. Иоанн Златоуст, 47, 182).

***

...Никто не должен оправдывать себя тем, что небрежет о добродетели по неведению, или потому, что не имеет руководителя на пути ее. У нас есть достаточное руководство — совесть, и невозможно, чтобы кто-нибудь лишен был ее помощи (свт. Иоанн Златоуст, 47, 575—576).

***

У кого совесть чиста и свободна от всякого порока, в том будет обитать Сам Господь всяческих... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 649).

***

...Силу ее <совести> и решение суда (ее) мы узнаем по состоянию лица. Когда внутренно обличает она в грехе, то

покрывает внешний вид смущением и большим унынием (свт. Иоанн Златоуст, 47, 781).

***

...Совесть, путем внутреннего внушения, научает всему, что должно делать... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 781).

***

...Если бы кто раскрыл совесть каждого, то нашел бы множество червей, множество гноя и нестерпимое зловоние, — я разумею гнусные и злые пожелания, которые отвратительнее червей (свт. Иоанн Златоуст, 50, 739).

***

...Что для тела мороз, то для души худая совесть (свт. Иоанн Златоуст, 53, 540).

***

Не переносит душа... суда совести и поступает так же, как человекоубийца: сперва поставляет себя в такие обстоятельства, чтобы не поймали, а потом убивает. Находясь перед судом совести, не скоро переходит к преступлению, — и знает, и притворяется, что не знает, чтобы не мучиться совестью и страхом, и не ослабить себя для убийства (свт. Иоанн Златоуст, 54, 377).

***

Бог вложил в нас судилище неподкупное и никогда неизменное, хотя бы мы впали в глубину зла; потому и сами порочные люди осуждают самих себя и, если кто-

нибудь назовет их тем, что они на самом деле, стыдятся, гневаются, обижаются. Так, если не на деле, то на словах они в совести осуждают свои поступки или, лучше, осуждают и на деле. Ведь если они скрытно и тайно совершают дела свои, то этим дают ясное доказательство того мнения, которое имеют они об этих делах (свт. Иоанн Златоуст, 55, 197).

***

И во время совершения греха, и прежде совершения, и после совершения наша совесть является суровым обличителем (свт. Иоанн Златоуст, 55, 683).

***

Бог, сотворив человека, напечатлел в его природе знание закона, который если бы человеком по намерению Господа был сохранен, как получен, то не было бы необходимости давать другой, который после обнародован посредством письма. Ибо было бы излишне отвне подавать средство, если бы насажденное внутри еще имело силу (прп. авва Серен, 56, 319).

***

Достойны одобрения те, которые руководятся врожденным законом и делают, что должно, потому что естество человеческое само в себе имеет точное и неподкупное судилище добродетелей... (прп. Исидор Пелусиот, 61, 438).

***

Вместо светильника, при рассмотрении поступков своих, употребляй совесть; она показывает тебе, какие по-

ступки в жизни твоей добры и какие худы (прп. Нил Синайский, 72, 252).

***

Тайны каждого знает Бог и совесть; с этого самого всякий и должен начинать свое исправление (прп. Марк Подвижник, 69, 14).

***

Ища врачевания, заботься о совести, и что она тебе говорит, делай и получишь пользу (прп. Марк Подвижник, 69, 14).

***

Совесть есть естественная книга. Деятельно читающий оную, на опыте познает Божественное заступление (прп. Марк Подвижник, 69, 25).

***

Добрая совесть приобретается молитвой, а чистая молитва — совестью (прп. Марк Подвижник, 69, 26).

***

Нельзя без облака пролиться дождю, а без доброй совести угодить Богу (прп. Марк Подвижник, 69, 35).

***

Когда Бог сотворил человека, Он всеял в него нечто Божественное, как бы некоторый помысл, имеющий в себе, подобно искре, и свет, и теплоту; помысл, который просвещает ум и показывает ему, что доброе и что злое, —

сие называется совестью, а она есть естественный закон. Это те кладези, которые, как толкуют святые отцы, искапывал Исаак, а филистимляне засыпали (см.: Быт. 26). Последуя сему закону, т. е. совести, патриархи и все святые, прежде написанного закона, угодили Богу. Но когда люди, через грехопадение, зарыли и попрали ее, тогда сделался нужен закон написанный, стали нужны святые пророки, нужно сделалось самое пришествие Владыки нашего Иисуса Христа, чтобы открыть и воздвигнуть ее (совесть); чтобы засыпанную оную искру снова возжечь хранением святых Его заповедей.

Ныне в нашей власти или опять засыпать ее, или дать ей светиться в нас и просвещать нас, если будем повиноваться ей. Ибо когда совесть наша говорит нам сделать что-либо, а мы пренебрегаем сим и когда она снова говорит, а мы не делаем, но продолжаем попирать ее, тогда мы засыпаем ее, и она не может уже явственно говорить нам от тяготы, лежащей на ней, но как светильник, сияющий за завесою, начинает показывать нам вещи темнее. И как в воде, помутившейся от многого ила, никто не может узнать лица своего, так и мы, по преступлении, не разумеем, что говорит нам совесть наша, так что нам кажется, будто ее вовсе нет у нас. Однако нет человека, не имеющего совести, ибо она есть... нечто Божественное и никогда не погибает, но всегда напоминает нам полезное; а мы не ощущаем сего, потому что, как уже сказано, пренебрегаем ею и попираем ее (прп. авва Дорофей, 29, 49—50).

***

...Потщимся, братия, хранить совесть нашу, пока мы находимся в этом мире, не допустим, чтобы она обличала

нас в каком-либо деле; не будем попирать ее отнюдь ни в чем, хотя бы то было и самое малое. Знайте, что от (пренебрежения) сего малого и в сущности ничтожного мы переходим и к пренебрежению великого (прп. авва Дорофей, 29, 50—51).

***

...Берегитесь, братия, пренебрегать малым, берегитесь презирать его, как малое и ничтожное; оно не малое, ибо через него образуется худой навык. Будем же внимать себе и заботиться о легком, пока оно легко, чтобы оно не стало тяжким: ибо и добродетели, и грехи начинаются от малого и приходят к великому добру и злу. Поэтому заповедает нам Господь блюсти свою совесть и как бы особенно увещевает (каждого из нас), говоря: *посмотри, что ты делаешь, несчастный! Опомнись, помирись с соперником твоим, пока ты на пути с ним* (ср.: Мф. 5, 25). Потом указывает бедственные последствия от несоблюдения сей заповеди: *да некогда предаст тя судии, а судия слугам, и всадят тя в темницу* (ср.: Мф. 5, 25). А затем что? — *Аминь глаголю тебе: не изыдеши оттуда, дондеже воздаси последний кодрант* (ср.: Мф. 5, 26). Ибо совесть обличает нас, как я уже сказал, и в добре, и во зле, и показывает нам, что делать; и опять она же осудит нас в будущем веке. Поэтому и сказано: *да некогда предаст тя судии* (ср.: Мф. 5, 25) и прочее (прп. авва Дорофей, 29, 51—52).

***

...Хранение совести многоразлично: ибо человек должен сохранять ее в отношении к Богу, к ближнему и к вещам. В отношении к Богу хранит совесть тот, кто не

пренебрегает Его заповедями и даже в том, чего не видят люди и чего никто не требует от нас, он хранит совесть свою в отношении к Богу втайне. Например: обленился ли кто в молитве, или страстный помысл вошел в сердце его, а он не воспротивился ему и не восстягнул себя, но принял его; также, если кто, видя ближнего, делающего или говорящего что-либо, и, как (обыкновенно) случается, осудил его; короче сказать, все, что бывает втайне, чего никто не знает, кроме Бога и совести нашей, должны мы хранить; и сие-то есть хранение совести в отношении к Богу. — А хранение совести в отношении к ближнему требует, чтобы не делать отнюдь ничего такого, что, как мы знаем, оскорбляет или соблазняет ближнего делом, или словом, или видом, или взглядом: ибо и видом, как я часто повторяю, даже и взглядом можно оскорбить брата. Короче сказать, человек не должен делать ничего такого, о чем знает, что он делает это с намерением оскорбить ближнего. Сим оскверняется его совесть, сознающая, что это сделано с тем, чтобы повредить брату или опечалить его; и сие-то значит хранить свою совесть в отношении к ближнему. А хранение совести в отношении к вещам состоит в том, чтобы не обращаться небрежно с какою-либо вещью, не допускать ей портиться и не бросать ее как-нибудь; а если увидим что-либо брошенное, то не должно пренебрегать сим, хотя бы оно было и ничтожно, но поднять и положить на свое место (прп. авва Дорофей, 29, 52—53).

***

Должно внимать себе, не перестала ли совесть наша обличать нас, не ради чистоты нашей, но как бы утомившись (прп. Иоанн Лествичник, 57, 70).

***

...Совесть есть слово и обличение Ангела-хранителя, данного нам при крещении (прп. Иоанн Лествичник, 57, 250).

***

Учитель истинный есть совесть, которой слушающийся пребывает непреткновен (авва Фалассий, 91, 294).

***

Тех только одних не обличает совесть, которые или достигли верха добродетели, или ниспали в самую глубь зла (авва Фалассий, 91, 294).

***

Чистая совесть восторгает душу, нечистый же помысл низвергает ее долу в преисподнюю (авва Фалассий, 91, 295).

***

...Совесть чистою соделывают труды подвижнические, именно: пост, бдение, терпение, великодушие (авва Фалассий, 91, 304).

***

Трезвение до блистания очищает совесть. Совесть же, будучи так очищена, изгоняет извнутрь всякую тьму, подобно свету вдруг воссиявающему по снятии лежащего на нем покрова. А по изгнании тьмы совесть, при непрерывно продолжающемся истинном трезвении, снова показывает то, что было забыто или что скрывалось, не будучи

сознаваемо. В то же время она, посредством трезвения же, научает невидимому состязанию с врагами, ведомому умом, и в войне в мыслях, — научает как метать копья в этом единоборстве, как искусно бросать (во врагов) стрелы помышлений благих, не допуская, чтобы их стрелы поражали ум, подобно стреле устремляя его укрываться у Христа, сего, вместо пагубной тьмы, желанного Света. Кто вкусил сего света, тот понимает, о чем я говорю. Вкушение сего света гладом паче томит душу, которая им питается, но никогда не насыщается, и чем более его вкушает, тем более алчет. Сей свет, влекущий к себе ум, как солнце очи, свет, неизъяснимый сам в себе, соделывающийся, однако же, истолковываемым, только не словом, а опытом того, кто приемлет воздействие его или, точнее сказать, кто уязвляется им, — заповедует мне молчать, хотя ум все еще хотел бы наслаждаться беседою о том, о чем идет теперь речь (прп. Филофей Синайский, 91, 413).

***

Не будем ложными умствованиями отклонять требования совести, потому что она внушает нам спасительное и деятельное и всегда изрекает, в чем долг наш и к чему мы обязаны, особенно когда бывает очищаема живым, деятельным и тонким трезвением ума. В этом случае она, по причине чистоты своей, обычно износит ясный суд (о всем встречающемся, суд достодолжный и решительный), исключающий всякое колебание. Ради всего этого не должно сбиваться с пути ложными умствованиями, ибо она внутри возвещает нам жизнь, угодную Богу, и, строго обличая душу, если она осквернила смысл грехами, показывает способ исправления прегрешений, внушая сердцу падшему по-

каяться, и указывая ему врачевство со сладостным убеждением (прп. Филофей Синайский, 91, 415).

***

Кто противится греху и плоти, того она <совесть> утешает; а кто подчиняется им, тех мучение ее преследует, пока не покаются (прп. Григорий Синаит, 93, 203).

***

Он <Бог> вложил в нас врожденный закон, как бы некую не знающую компромисса норму, и непогрешимого судью, и незаблуждающегося наставника, — собственную совесть в каждом из нас, — дабы если случится в душе нам смутиться мыслью, не иметь нам нужды в ином наставнике для понимания добра... (свт. Григорий Палама, 26, 33).

***

Всяким хранением храни... совесть свою чистой и в мыслях, и в словах, и в делах, да будет она всегда безукоризненна и никогда да не осуждает и не грызет тебя ни за что. Если будешь так делать, она большую приобретет у тебя силу и во внутреннем... и во внешнем действовании, и, став госпожою над всем, станет добре править твоею жизнью. Чистая совесть и жизнь твою сделает безукоризненною, ибо тогда она будет чутка и сильна на добро и против зла. Она закон, Богом начертанный в сердцах людей, в освящение путей их и в руководство во всем достодолжном...

В четырех отношениях должно тебе блюсти совесть свою безукоризненною: в отношении к Богу, к себе самому, к ближним и ко всем вещам, кои в руках у тебя...

...В отношении к Богу — пребывай в памяти Божией и ходи в присутствии Божием; сознавай себя носимым и хранимым силою Божиею и ведомым к тому концу, для которого Он воззвал тебя к бытию; и себя и все свое посвящай на служение Богу и во славу имени Его; в Нем живи, на Него уповай и Ему предай участь свою, и временную, и вечную.

В отношении к себе самому — будь справедлив к себе и каждой части своего естества отдавай должное: дух твой, ищущий Бога, небесного и вечного, да властвует над душою и телом, которых назначение устроять временную жизнь; душа, подчиняясь внушениям духа, выю ума да подклоняет богооткровенной истине и ею да освещает всю область своего ведения; волю да держит в порядках заповедей Божиих, не давая ей, в противность им, уклоняться к своим похотениям; сердце да учит находить вкус только в вещах Божественных и в том, что носит отпечатки и служит выражением Божественного, и в сем духе да ведет свои дела и порядки житейские и общественные; телу давай нужное и соблюдай во всем строгую мерность, имей законом — никогда ни в чем *не творити плоти угодия в похоти* (ср.: Рим. 13, 14). Храня сие, будешь добрым правителем себя самого и истинным себе благодетелем.

В отношении к ближним — чти всех, как образы Божии, всем благожелай и благодетельствуй по силе, перед всеми смиряйся и всем угождай в пределах добра, радуйся с радующимися и соскорби скорбящим, никого не осуждай и не уничижай, даже в мысли и чувстве, от ищущих у тебя совета и вразумления не скрывай истины, когда знаешь, сам же в учители никому не навязывайся, паче же всего блюди мир и согласие со всеми, с готовностью на всякие для того со своей стороны жертвы, и всевозможно избегай соблазнить кого.

В отношении к вещам — почтительно относись ко всем, как к творениям Божиим; какие Бог дает тебе во владение, храни и употребляй во славу Божию, будь всякою мерой их доволен и благодари за них Бога, ни к чему не пристращайся, на все смотри, как на способы и орудия внешние, чтобы свободно распоряжаться ими и не иметь в них связи и препон в добрых начинаниях своих, и не допускай в себе почивания на них, как на хрупких опорах, не хвались своими, не завидуй чужим, не скупись и не будь расточителен не на доброе. Все сие исполнять каждодневно всякому приходится в том или другом виде, чуть не на каждом шагу. Если так *добре будешь жить, добру будешь иметь и совесть*, подражая святому Павлу (ср.: Евр. 13, 18) (прп. Никодим Святогорец, 70, 242—244).

***

Здравое состояние и правильное действие совести возможно только в недре Православной Церкви, потому что всякая принятая неправильная мысль имеет влияние на совесть: уклоняет ее от правильного действия (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 369).

***

Свидетель верный — непорочная совесть: она избавит душу, внимающую советам ее, от согрешений до наступления смерти и от вечных мук по смерти (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 370).

***

Храни совесть по отношению к Богу, исполняй все повеления Божии, как видимые всем, так и никому не видимые... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 371).

***

Храни совесть по отношению к ближнему, не довольствуйся одной благовидностью твоего поведения к ближнему... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 371).

***

Храни совесть <по отношению> к самому себе. Не забывай, что ты — образ и подобие Бога, что ты обязан представить этот образ в чистоте и святости Самому Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 371).

***

Храни совесть к вещам, удаляясь излишества, роскоши, небрежения, помня, что все вещи... творения Божии, дары Божии человеку (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 371).

***

Обличителем и обвинителем каждого подсудимого <на Страшном Суде> будет совесть его, внезапно исцеленная от слепоты, от обаяния грехом, внезапно одаренная тончайшим самовоззрением (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 455).

***

Сожженная совесть ничего не чует... грешит со сознанием — и горя мало (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 141).

***

Совесть есть законодатель, блюститель закона, судия и воздаятель. Она есть естественная скрижаль завета Божия, простирающегося на всех людей (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 33).

***

Совесть всегда есть наш нравственный рычаг (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 160).

***

Совесть... есть голос Вездесущего Бога в душе (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 243).

***

Кто в мире с нею <совестью>, тот в мире и с Богом (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 243).

****

Сказывал авва Исаак, пресвитер Келлий: «Видел я брата, которому захотелось съесть колос пшеницы во время работы, когда он жал на поле. «Позволь мне съесть один колос», — обратился он к владельцу поля. Тот, услышав это, удивился и сказал: «Авва, ты же съешь свое, и меня ли надо спрашивать!» Так строго хранил брат свою совесть» (106, 247).

***

Пришли однажды к авве Памво два брата, и один из них сказал ему: «Авва! Я пощусь по два дня и ем только по два куска хлеба, спасу ли через это душу свою, или я в заблуждении?» «А я, авва, — сказал другой брат, — от рукоделия своего каждый день вырабатываю по два стручка, немного оставляю в пищу себе, а прочее отдаю в милостыню, спасусь ли, или погибну?» Авва не дал им ответа, хотя они долго просили его.

По прошествии четырех дней они хотели возвратиться в свое место, но клирики утешали их: «Не печальтесь,

братия, — говорили они, — Бог не оставит вас без награды. У старца такой обычай, что не вдруг говорит он, если не внушит ему Бог». Братия вошли к старцу и сказали ему: «Помолись о нас, авва!» «Вы хотите идти от нас?» — спросил старец. «Да», — отвечали они. Размышляя о их подвигах, авва писал на земле и говорил: «Памво постится два дня и ест два куска хлеба: монах ли он поэтому? — Нет! Памво вырабатывает два стручка и дает их в милостыню, монах ли он поэтому? — Нет еще!» Потом он сказал им: «И эти дела хороши, но если притом и совесть твоя будет безукоризненна перед ближним твоим, тогда спасешься». Братия, довольные таким наставлением, пошли с радостью (97, 226).

***

«Однажды в юности, проходя мимо кладбища, — рассказывал Кир Лука, — я увидел при одной могиле стоящего человека, черного, как потухший уголь, и звавшего меня к себе. Когда я подошел к нему в испуге и онемении, он сказал мне: «Я написал в моем завещании, чтобы раздали бедным такую-то сумму денег за избавление моей души, почему же до сих пор не сделали этого? Ступай, скажи, чтобы раздали непременно, а иначе я навсегда останусь в том положении, в каком ты меня видишь». Испугавшись такого явления, я не сказал никому ничего от робости. Зато до сих пор мучаюсь угрызениями совести» (112, 843).

***

Авва Патермуфий, придя к брату, застал его на одре болезни. Брат нелегко расставался с жизнью: совесть тяжко смущала его, он трепетал. «Отчего ты, чадо, не готов к исходу? Видно, совесть — изобличительница твоего нерадения — не отступает от тебя». И больной взмолился:

«Прошу тебя, отче, исходатайствуй перед Богом, да продлит, хотя бы ненамного, мою жизнь, чтобы мне очиститься». «И ты просишь еще короткого срока для покаяния, когда уже настал конец твоей жизни? — удивился старец. — А что ж ты делал раньше? Разве не мог ты во время своей земной жизни лечить свои язвы?.. Нет?! Ты к старым прилагал свежие!» Еще более начал молить его умирающий. «Если ты к старому злу не станешь прибавлять нового, — отвечал старец, — мы помолимся о тебе. Бог благ и долготерпелив и продлит еще ненадолго твою жизнь, чтобы ты мог уплатить свои долги». И, преклонив колена, старец начал молиться. Потом, поднявшись, обратился к больному со словами: «Господь дает тебе еще три года жизни, только бы ты всем сердцем обратился к покаянию». И, взяв его за руку, воздвиг с одра болезни.

Выздоровевший немедленно пошел в пустыню за аввой. Прошло три года, и авва привел брата на то место, откуда они уходили. И все пришли в изумление: точно ангел Божий, а не человек стоял перед ними — так глубоко было его покаяние перед Богом! Между тем собралось множество братии. Старец поставил его посреди всех, привел его в пример и всю ночь беседовал с братией о плодах покаяния и обращения к Богу. Во время беседы брат тихо засыпал и заснул навеки (99, 60).

СОВЕТ

Кто увещевает или подает совет гордому, тот походит на льющего воду в дырявый сосуд или на того, кто простирает речь к пролетающей птице (прп. Антоний Великий, 89, 58).

***

Ко всем имей приятельское расположение, но не всех имей советниками (прп. Антоний Великий, 89, 100).

***

Ничего не предлагай кому-либо в правило, прежде чем сам исполнишь то делом (прп. Антоний Великий, 89, 101).

***

Если спрашиваешь у старцев совета против нападения искушений, то не слушай помыслов, кои в сердце твоем будут говорить тебе больше, нежели старцы (прп. авва Исаия, 59, 44).

***

...Совет есть священное какое-то дело, единение воли, плод любви, доказательство смиренномудрия (свт. Василий Великий, 6, 73).

***

В жизни человеческой весьма нужен и полезен совет, потому что никто не может сам один удовлетворить себе во всем, но имеет нужду в помощниках, еще более при избрании полезного, чем при отправлении телесных действий, так что человек, не имеющий советника, подобен кораблю без кормчего, предоставленному на произвол туда и сюда порывающих ветров. Если же при рассмотрении чего-либо маловажного берем советников, то как не искать нам *дивных советников* (см.: Ис. 3, 3), когда идет дело о душе и о полезном для души? (свт. Василий Великий, 6, 118).

***

...Если кому представится случай искать совета в деле нужном, пришедши в дом сей <храм> — общее место совещаний о душах, да найдет слово утешения, произво-

дящее в душах как бы некий свет для отыскания нужного (свт. Василий Великий, 6, 119).

***

Когда спрашивают другого, <а не тебя>, сожми уста твои, чтобы язык твой, понуждаемый опрометчивым сердцем, прорвавшись, не поразил кого из строгих в подвижничестве, и самого тебя не вверг в узы укоризн (свт. Василий Великий, 9, 48).

***

...Как иной подает руку падшему и восставляет его, так слово совета и истины восставляет душу ленивую и нерадивую (прп. Ефрем Сирин, 30, 123).

***

Если в состоянии ты подать совет о Господе, подай; и получишь награду (прп. Ефрем Сирин, 30, 196).

***

Не слушай советов у людей худых, потому что они сделали себя рабами чрева и плотских страстей (прп. Ефрем Сирин, 30, 510).

***

Кто, не посоветовавшись, делает дело, тот подобен человеку, который на своих ногах гонится за пернатыми, не подумав наперед, станет ли у него сил догнать (прп. Ефрем Сирин, 31, 185).

***

Подавая совет, не произноси решительного приговора, потому что не знаешь таин Божиих (прп. Ефрем Сирин, 31, 628—629).

***

Лукавый совет для приемлющих оный может стать смертоносным ядом (прп. Ефрем Сирин, 34, 352).

***

Глаз другое видит, а себя не видит, даже и другого не видит, если очень слеп. Посему надобно во всяком деле иметь советника. И руке нужна рука, и ноге — нога.

Ежели следуешь советам добродетельных, то не стыдись, когда станут осмеивать тебя порочные (свт. Григорий Богослов, 16, 207).

***

...Не отваживайся, как учитель, подавать советы слушателям, если великою и продолжительною попечительностию не укрепил для этого сил своих (свт. Григорий Нисский, 18, 276).

***

...Достоин одобрения исполняющий свою обязанность, порицания же и осуждения достоин не убеждающийся добрыми советами. А кто вину убеждаемого обращает на неубедившего, тот малосмыслен, как незнающий свойства вещей Божественных и человеческих (прп. Исидор Пелусиот, 62, 155).

***

...Пока еще зелены и не приобрели мы зрелого грозда, не пожелаем давать советы и учить других, чтобы не сде-

латься нам игрушкою демонов (прп. Нил Синайский, 73, 52).

***

Ни один советник не достоин такого доверия, как человеколюбец Бог... (прп. Нил Синайский, 73, 321).

***

Неподчиненного тебе не обличай в проступке, ибо это есть более дело власти, чем совета (прп. Марк Подвижник, 69, 48).

***

Глупый советник — слепой страж (прп. Исаак Сирин, 58, 414).

***

Неприемлющий совета не правыми путями шествует, но всегда носится по стремнинам и пропастям (прп. авва Фалассий, 91, 313).

***

Советник благочестивый, но неопытный скорее может смутить, нежели принести пользу (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 454).

***

...Совет, наставление, руководство необходимы для того, кто вознамерился перейти от плотской жизни к жизни благочестивой, из порабощения греху к духовной свободе (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 459).

***

Обращаться за советами то туда, то сюда не одобрительно. Всем советник, Богом определенный, духовник, которым обычно бывает приходской священник (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 3).

***

...Не стыдитесь говорить: не могу сказать, когда не ведаете ясно дела... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 126).

***

Кто сам в воде и в опасности утонул, тому не следует протягивать руку другому утопающему, а то оба утонут... один другого утопит (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 101).

***

...Что знаете, то сказывайте... в простоте, а чего не знаете, о том говорите: не знаю (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 184).

***

Отказать... в слове, когда знаете, что сказать, так же худо, как не подать милостыню, когда есть из чего (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 192).

****

Однажды некие братия пришли в монастырь аввы Антония, чтобы посоветоваться с ним о привидениях, которые являлись им, и спросить, с десной ли стороны эти видения или от диавола? Братия, отправляясь в путь, взяли

с собой осла, который по дороге умер. Когда они пришли к старцу, и прежде, чем успели задать свой вопрос, он спросил их: «Отчего осел ваш умер по дороге?» Они отвечали: «Откуда знаешь это, отец?» Старец сказал: «Демоны поведали мне». «А мы и пришли, — сказали братия, — спросить тебя и посоветоваться с тобой о подобном. Нам являются привидения, которые иногда говорят, по-видимому, правду, но мы боимся быть обманутыми». Тогда старец сделал им увещание, чтобы они нисколько не внимали этим привидениям, потому что они — от диавола (106, 36).

***

Жил в миру юноша, желавший стать монахом. Он упрашивал отца отпустить его в монастырь, но тот не соглашался. Тогда отца уговорили близкие друзья, и юноша, оставив родительский дом, вступил в монастырь. Постригшись в монашество, он начал исполнять различные послушания и ежедневно поститься. Потом он стал принимать пищу раз в два дня, наконец, раз в неделю. Настоятель монастыря, видя это, удивлялся и благословлял Бога за его воздержание и подвиг. Прошло немного времени, и юный монах начал убедительно просить настоятеля отпустить его на отшельничество в пустыню. Авва сказал ему: «Сын! Отвергни это помышление, ты не сможешь вынести тяжкого подвига отшельнической жизни, особенно же искушений и злохитростей диавола. Если последует искушение, некому будет там успокоить тебя и избавить от возмущений, которые нанесет тебе враг». Но монах еще усиленнее просил об уединении. Авва, видя, что нет никакой возможности удержать его, сотворил молитву и отпустил. Юноша пошел в пещеру и начал безмолвствовать, употребляя в пищу финики, а воду — из источника. Про-

жил он шесть лет отшельником, никого не видя. И вот приходит к нему диавол в виде старца-аввы. Лицо у него было страшное. Брат, увидев его, испугался, пал ниц и начал молиться, потом встал. Диавол сказал: «Помолимся, брат, еще». Они помолились, и, когда окончили молитву, диавол спросил: «Сколько времени ты здесь живешь?» Он отвечал: «Шесть лет». Диавол сказал: «Ты мой сосед! А я только четыре дня тому назад узнал, что ты живешь здесь. Моя келья недалеко отсюда, одиннадцать лет я не выходил из нее, вышел только сегодня, узнав, что ты живешь по соседству. При таком известии я подумал: «Схожу к этому человеку Божию и побеседую с ним о пользе для наших душ. Скажу ему и о том, что отшельничество наше не приносит никакой пользы, поскольку мы не причащаемся Святых Тела и Крови Христовых, так что я боюсь, как бы нам не сделаться чуждыми Христу, если мы удалимся от этого Таинства. Да будет тебе известно, брат, что в трех милях отсюда есть монастырь, имеющий пресвитера, сходим туда в воскресный день или через две недели, причастимся Тела и Крови Христовых и возвратимся в наши кельи». Совет диавола понравился брату. Когда наступил воскресный день, диавол опять пришел и позвал: «Пойдем, пора». Они отправились в вышеупомянутый монастырь, где был пресвитер. Войдя в церковь, встали на молитву. По окончании молитвы брат оглянулся и, не видя того, кто привел его, подумал: «Куда он ушел? За какой-либо нуждой?» И, не дождавшись его, стал спрашивать у братии: «Где тот авва, который вошел со мной в церковь?» Они отвечали: «Мы не видели никого, видели только тебя одного». Тогда брат понял, что это был демон, и сказал себе: «Смотри, с какой хитростью диавол извлек меня из моей кельи. Но что из того? Я пришел для доброго дела: причащусь Тела и Крови Христовых и вернусь в свою келью». По совершении Литургии, когда брат хотел воз-

вращаться, его остановил авва того монастыря, сказав: «Не отпущу тебя! Прежде раздели трапезу с нами». По окончании трапезы брат возвратился в свою келью. И вот опять пришел к нему диавол в образе мирского молодого человека, осмотрел его с головы до ног и говорит: «Это он самый!» Потом снова начал смотреть на него. Брат спросил его: «Почему ты так смотришь на меня?» Он отвечал: «Думаю, что ты не узнаешь меня. Впрочем, как и узнать после столь продолжительного времени! Я сосед твоего отца, сын такого-то. Твоего отца разве не так-то зовут? А имя матери твоей не такое ли было? Сестру твою так-то зовут. Твое прежнее имя было такое-то. Мать и сестра твои умерли уже более трех лет тому назад, а отец умер только что и сделал тебя своим наследником, говоря: «Кому мне завещать имущество, как не сыну, мужу святому, который оставил мир и проводит отшельническую жизнь ради Бога. Ему предоставлю все мои блага». Потом, обратясь к нам, сказал: «Если кто из вас имеет страх Божий и знает, где находится мой сын, пусть известит его, чтобы он пришел сюда, принял имущество и раздал его нищим за свою душу и за мою». Многие отправились искать тебя, но не нашли, а я, придя сюда по своим делам, узнал тебя. Не медли! Пойди, продай все и исполни волю отца». Брат отвечал: «Мне не следует возвращаться в мир». Диавол сказал: «Если не пойдешь, имущество пропадет, а ты дашь ответ перед Богом. Что плохого в том, что говорю: пойди и раздай имение нищим и сиротам, как благой распорядитель, чтобы блудницы и развратные люди не расхитили оставленного бедным? Что отяготительного в том, если ты пойдешь и, во исполнение воли отца, подашь милостыню ради спасения своей души? Потом возвратишься в келью». Обольстив брата, диавол возвратил его в мир. Он проводил его до города и тут оставил. Монах хотел войти в дом своего отца как уже умершего, но сам отец

вышел ему навстречу. Увидев сына, отец не узнал его и громким голосом спросил: «Ты кто?» Монах смутился и не мог ничего ответить. И начал отец его допрашивать, откуда он. Тогда монах в смущении сказал: «Я твой сын». Отец удивился: «По какой причине ты возвратился сюда?» Монах постыдился объяснить истинную причину своего возвращения, но сказал: «Любовь к тебе заставила вернуться, потому что я очень жалел тебя». Он остался в отцовском доме, а по прошествии некоторого времени впал в любодеяние и подвергся тяжкому наказанию от своего отца. Несчастный! Он не прибег к покаянию, остался в мире. По этой причине я говорю, братия, что монах ни при каких обстоятельствах не должен оставлять своей кельи, кто бы ни советовал ему это (106, 487—490).

***

Одна блаженная старица рассказывала о себе: «Придя к одному старцу, я спросила у него совет о том, как спастись, и он сказал мне: «Шатаясь туда и сюда, как делают блудные жены, ты хочешь спастись? Или не знаешь, что ты — жена? Или не знаешь, что диавол через жен борет и прельщает святых? Или не слышишь, что говорит Господь: *всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Не знаешь разве, что всякий такой грех взыскан будет от твоей души? Для чего не безмолвствуешь ты в келье своей?» Этими и другими подобными словами научив меня, старец благословил и отпустил. И я, бедная, в страхе пришла в эту келью. Вот уже исполнилось тридцать три года, как, благодатию Христовой, не выходила я из своей кельи. Так, сестры мои, я советую вам не от своего ума, но как слышала и научена великим святым:

«Возлюбите безмолвие и молчание — матерь всех добродетелей, да избавит Бог вас, безмолвствующих, от всех сетей вражьих» (103, 75).

***

Жизнь послушника Василия Милонова, в миру отставного полковника гвардейской артиллерии, замечательна обращением его из неверующего в верующего и кающегося. По его собственному признанию, в молодости он был вполне неверующий человек и, служа в гвардии в Петербурге, отличался в кругу товарищей разнузданностью нрава. Все святое ему было нипочем: он кощунствовал над святыней, смеялся над всяким выражением христианского благочестия, отрицал саму веру в Бога и вечную будущность человека. Мать его — старушка, женщина глубоко верующая и благочестивая, просила его остепениться, но напрасно. Сын ее продолжал кутить и развратничать, а она молилась за него усердно Богу, и Господь, хотящий всем спастись, внял ее мольбам. Однажды, после попойки в кругу товарищей, Милонов вернулся к себе на квартиру и прилег отдохнуть. Не успел закрыть глаза, как слышит голос из-за печки: «Милонов, возьми пистолет и застрелись». Это его очень изумило: он думал, что кто-то над ним шутит. Осмотрел комнату, никого не нашел и решил, что это игра воображения. Но голос снова ясно послышался из прежнего места и на этот раз весьма настоятельно требовал взять пистолет и застрелиться. Встревоженный, он крикнул денщика и рассказал ему, что слышал уже несколько раз неведомый ему голос из-за печки, призывающий взять пистолет и застрелиться. Денщик — верующий человек — сказал, что это явно бесовское наваждение. Он посоветовал барину перекреститься и помолиться Богу. Милонов, давно не крестившийся и не молившийся,

выбранил денщика за такое предложение, посмеялся над его суеверием и больше не хотел его слушать. Но денщик умолял последовать его совету: когда послышится голос, осенить себя крестным знамением. «Тогда увидите, что и Бог, и бес существуют, голос сейчас же прекратится, ибо ясно, что он бесовского происхождения и хочет склонить вас к самоубийству, чтобы погубить вашу душу». Отпустив денщика и несколько успокоившись, Милонов опять услышал прежний голос из-за печки и решился перекреститься. Голос мгновенно умолк. Это поразило его. Он стал задумываться, вспоминать свою прежнюю жизнь. Невольный ужас напал на него, и он решил навсегда расстаться с прежними привычками и остальные дни свои посвятить покаянию в грехах. Нимало не медля, подал он в отставку и, надев простой овчинный тулуп, пешком пошел в Киев с намерением поступить для покаяния в Киево-Печерскую лавру. Лаврское начальство затруднилось его принять и заставило лично явиться к митрополиту. Тот очень удивился, видя перед собой полковника в нищенской одежде. Но когда Милонов откровенно рассказал ему свою жизнь, он не советовал оставаться в лавре, как обители городской и шумной, а велел отправиться в пустынную Глинскую обитель к старцу-игумену Филарету и под его опытным руководством подвизаться для спасения своей души. Милонов так и сделал, пришел в Глинскую пустынь, открылся игумену Филарету и был принят в число братии (96, 174).

***

«Помню, — рассказывал бывший наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Кронид, — в обители преподобного Сергия жил в качестве послушника один моло-

дой, с виду изящный человек по имени Александр. Он обладал сильным и приятным голосом. Его чистый первый тенор выделялся своей мелодичностью среди голосов поющей братии и невольно располагал сердца молящихся к Богу. Жил он в обители три года и своим пением поистине украшал всю обитель. К сожалению, нашлись в Лавре у Александра советники, которые внушили ему стать известным певцом, предварительно усовершенствовав свои певческие способности в консерватории. Послушник внял этому совету, ушел из обители и поступил в столичную консерваторию.

Прошло лет пять или шесть. Однажды я вышел прогуляться от Троицкого собора ко святым воротам. На пути встретился мне какой-то незнакомый человек с лицом, перевязанным платком на месте носа. Он, называя меня по имени, сиплым голосом просил себе милостыню, как бывшему певцу этой обители. Спрашиваю его: «Кто ты такой и как твое имя?» Тогда он ответил: «Я тот знаменитый певец — тенор Александр, которого все начальство обители так уважало и любило. Но я не сумел сохранить Божиего дара, послушался недобрых советов и в компании недобрых товарищей распутством и вином погубил себя и голос. В настоящее время скитаюсь без крова и пристанища и обременен венерической болезнью». Смотря на этого человека, страждущего, но не венчаемого от Бога, я готов был и сам плакать, помня, как он пошел *в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно* (Лк. 15, 13)» (114, 91—92).

***

Исконный враг людей, желающий погибели душ человеческих, видя подвиги избранных слуг Божиих, не дрем-

лет и старается всячески отвлечь их от спасительного пути. Так, во время смиренного прохождения отцом Иовом послушаний в поварне и трапезе не однажды являлся ему ненавистник добра — искуситель — в образе известного ему врача и стал ему советовать как бы с состраданием: «Возлюбленный! Следует тебе поберечь свое здоровье, чтобы, изнурив плоть трудом и воздержанием, не ослабеть под игом, которое ты взял на себя Христа ради. Бог не желает трудов или поста выше сил, а ищет сердца чистого и смиренного. Ты при своей старости работаешь для черноризцев, как купленный раб, не привыкший к таким трудам. Не следует тебе так трудиться и потому, что ты священноинок. Довольно с тебя и того, что, оставив славу и честь в миру, ты пришел в убожество и принял на себя тяжкие труды ради пищи. Я даже удивляюсь, как ты можешь принимать суровую пищу после сладких брашен. Блюди, чтобы недуги твои не умножились сверх меры, тогда и я не возьмусь помочь тебе, и ты прежде времени умрешь. Если совета моего не послушаешь, то мне будет очень жаль». «Хорошо не щадить плоти, чтобы она не восставала на брань с духом, — отвечал отец Иов своему мнимому знакомцу, — хотя бы плоть и изнемогала, но сила Божия в немощах совершается. Святой Апостол сказал больше: «Недостойны страсти нынешнего времени к хотящей славе явиться в нас». Пост есть мать целомудрия, ты внимай себе с подобными». Услышав такой ответ, враг тотчас исчез (113, 115—116).

***

Некий человек, живший в Царьграде, тяжко заболел и, будучи объят ужасом смерти, решил привлечь к себе милость Божию через милостыню. Он раздал нищим трид-

цать литр золота, и милостыня действительно спасла его: он выздоровел. Что после этого, казалось, оставалось делать ему, как день и ночь не благодарить Бога за свое спасение? Но нет! Крепко затужил он о своем золоте, и мысль о розданной во время болезни милостыне не давала ему покоя. Мучимый ею, он пришел к одному из друзей и открыл ему всю свою скорбь. Этот человек был благочестивый и милостивый и решил вразумить сребролюбца. «Брось этот диавольский совет, — сказал он ему, — и Бога, воскресившего тебя из-за милостыни, не гневи. Иначе, кто знает, может, Он поразит тебя внезапной смертью и тогда без покаяния умрешь». Но скупец этими словами не вразумился. Тогда друг сказал ему: «Ну, если не слушаешь меня, так пойдем со мной в церковь, там твои деньги я тебе возвращу, только скажи перед Богом, что не ты сотворил милостыню во время болезни, а я». Сребролюбец очень рад был такому предложению, и оба пошли в церковь. Там, получив от друга золото и сказав, чего он требовал, сребролюбец спокойно было пошел домой, но, увы, дома своего увидеть ему уже не пришлось. В дверях церкви он внезапно упал и тотчас же испустил дух. Ужас объял присутствовавших, которые в этой внезапной смерти явно увидели Божие наказание за его скупость и неблагодарность. Друг взял у умершего свое золото и тут же раздал его бедным (112, 393—394).

***

Одна богатая женщина в Корице имела сына и украшала ему голову множеством серебряных монет и другими излишними нарядами. Святой священномученик Косма неоднократно советовал женщине раздать все эти украшения бедным детям, если хочет, чтобы сын ее был жив, но

женщина не слушалась его. Наконец, святой Косма говорит ей: «Если не снимешь с ребенка нарядов, то вскоре лишишься его». Но так как она и в этот раз не повиновалась совету святого, то на следующий день нашла своего сына в постели мертвым и только тогда поняла, что Бог наказал ее за непослушание (95, 117).

СОЗЕРЦАНИЕ

...Человек, пока не совершит всякий труд в деятельных добродетелях, не может достигнуть свободы истинного созерцания (прп. авва Исаия, 59, 34).

***

Блажен, кто приобрел созерцание будущих благ и вечного мучения мысленными очами и прилежно потрудился улучить вечные блага (прп. Ефрем Сирин, 30, 386—387).

***

...Намеревающемуся приступить к созерцанию всего сущего должно очистить себя во всем, быть чистым и нескверным по душе и по телу, омывшим с себя нечистоту соответственно душе и телу, — чтобы могли мы оказаться чистыми перед Тем, Кто видит сокровенное, и чтобы благоприличие в видимом сообразно было внутреннему расположению души (свт. Григорий Нисский, 18, 312).

***

Созерцание... Бога совершается не по видимому и не по слышимому, и никаким из обыкновенных понятий не объемлется; ибо сего *око не виде,* и *ухо не слыша,* и это

не есть что-либо из входящего обыкновенно *на сердце человеку* (ср.: 1 Кор. 2, 9). Напротив того, намеревающемуся приступить к уразумению высокого надлежит предочистить нрав свой от всякого чувственного и бессловесного движения, омыв ум от всякого мнения, составляемого по какому-либо предположению, и отлучив себя от привычного собеседования с своею сожительницею, т. е. с чувственностью (она есть как бы супруга и сожительница нашей природы); и когда станет кто чист от всего этого, тогда уже осмеливаться ему приступить к горе́ (ср.: Исх. 19, 10) (свт. Григорий Нисский, 18, 313).

***

...Созерцание не совершает душу само по себе, если нет дел, показывающих преспеяние в нравственной жизни... (свт. Григорий Нисский, 20, 341).

***

Душа трепещет и ужасается, долго занимаясь вышними созерцаниями (свт. Иоанн Златоуст, 44, 520).

***

Созерцание и ве́дение обыкновенно бывают путеводителями и виновниками строгой жизни через то, что сердце, ими восхищенное горе́, приходит в презрение земных удовольствий и всякой чувственной сласти житейской, как вещей ничтожных.

И обратно, жизнь внимательная, во Христе Иисусе совершаемая, бывает отцом созерцания и ве́дения и родителем Божественных восхождений и мудрейших помышле-

ний, сочетавшись с супругою — смирением... (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 198—199).

***

Заслуги всех... добродетелей, хотя сами по себе хороши и ценны, однако же в сравнении со славным созерцанием они затмеваются. Ибо многих святых, занятых упражнением хотя в добрых делах, однако же земных, отвлекают от созерцания высочайшего блага (Бога) и замедляют в стремлении к Богу (прп. авва Феона, 56, 587).

***

Созерцание есть ощущение Божественных таин, сокровенных в вещах и в их причинах (прп. Исаак Сирин, 58, 21).

***

Мысленное созерцание есть естественное ве́дение, присоединенное к естественному состоянию; и оно называется естественным светом (прп. Исаак Сирин, 58, 186).

***

Духовное созерцание действует в нас в области чистоты (прп. Исаак Сирин, 58, 263).

***

...Созерцание же есть духовное воззрение ума для того, чтобы постигать, что было и будет, и от всего приходить в изумление (прп. Исаак Сирин, 58, 263—264).

***

...Сперва должно приобрести любовь, которая есть первоначальное созерцание Святой Троицы; а после того и без даяния, естественно, будет... созерцание духовного (прп. Исаак Сирин, 58, 267).

***

Если же созерцание истинно, то обретается свет, и созерцаемое усматривается близким к действительности (прп. Исаак Сирин, 58, 268).

***

...Созерцание нового мира духом откровения, которым ум услаждается духовно, есть действие благодати, а не тень ве́дения... (прп. Исаак Сирин, 58, 270).

***

<Созерцание> иногда дается по благодати за горячность веры, а иногда за делание заповедей и за чистоту (прп. Исаак Сирин, 58, 270).

***

...Все созерцания, какие язык в состоянии обнаружить в телесной области, суть мечтания душевных помыслов, а не действие благодати (прп. Исаак Сирин, 58, 272—273).

***

...<Молитвенное созерцание> бывает следствием истинного безмолвия (прп. Исаак Сирин, 58, 408).

***

Ум, устремляясь к созерцанию духовных предметов, имеет от того неотступную сладость (авва Фалассий, 91, 299).

***

Если, отсекши на время причины страстей, займемся мы духовными созерцаниями, но не всегда в них будем проводить время, имея это одно себе дело, то легко опять обращаемся на плотские страсти, не получив от того другого плода, кроме простого знания с самомнением, коего конец есть самого познания мало-помалу помрачение и всеконечное ума к предметам вещественным уклонение (прп. Максим Исповедник, 91, 207).

***

Как без солнечного света глаз не может воспринимать чувственное, так без духовного света ум человеческий никогда не может воспринять духовного созерцания. Ибо чувственный свет естественно освещает чувство к восприятию видения вещей чувственных; а свет духовный осиявает ум к созерцательному постижению сверхчувственного (прп. Максим Исповедник, 91, 284).

***

Кто хочет узреть оный <Божественный> Свет, тот должен следующее в сердце хранить: (блюстись от) телесных страстей и непотребных скверн, божбы и всякого гнева и возмущения, и рассеяния и памятозлобия — и совершенно людей не судить, а быть в самом помысле и сердце чистейшим от плотских скверн, кротким, смиренным, спокойным, откровенным и чадом мира, воздержным в пище и

питии и неослабно заниматься молитвой; началом же и концом во всем этом иметь главу добродетелей — любовь (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 279—280).

***

Представь в уме своем, что весь этот мир есть мрачная, бессветная темница и что свет нашего солнца есть то же, что свет малого светильника, который слабо освещает всех находящихся в этой темнице, а вне его — Триипостасный Свет, высший всякого света, всякого слова и разума, неизреченный, недомыслимый и неприступный, освещающий все такое, что невидимо, неведомо и неизъяснимо для находящихся в темнице мира сего. (Хотя есть некоторые, которые думают, что понимают то и созерцают, при помощи Божественных Писаний; но есть и такие, и не большая ли часть таких, которые совсем не знают, что кроме этих видимых вещей есть невидимые и непостижимые.) Итак, когда мы со всем рвением, со всею верою и любовию взыщем не того, чтобы увидеть тот Свет, что вне сей темницы мира, и те вещи, что находятся в том Свете и о том мире (ибо никто еще из взыскавших таковое не сподобился и никогда не сподобится узреть то), но взыщем наперед сохранить заповеди Божии, покаяться, сокрушиться и смириться, тогда откроется и для нас как бы малое некое отверстие в этом видимом крове небесном, а через него покажется несколько и невещественный оный и мысленный Свет, сущий превыше небес, который как только увидит душа, вся приходит в восхищение и стоит пораженная видением сего нового и преславного чуда, никогда не виданного ею дотоле; будучи же восхи́щена на небо, нудится пребыть там, углубляясь мыслью в недомыслимый оный Свет, яко невечерний и непрестающий, и погружать-

ся в созерцание его день и ночь, и желания уже не имеет опять возвратиться в темницу мира и смотреть на вещи, которые в нем. И вот это-то созерцание, как я сказал, есть созерцание новоначальных, которые недавно вышли на подвиг добродетелей. Но когда человек пребудет долгое время в таком созерцании оного Света, не возвращаясь вспять в мир, тогда отверзается ему небо ли, или око сердца его, то есть ум, — не может он того сказать определенно, — отверзается, говорю, ум ли паче, или небо, — и Свет оный входит входит внутрь души его, Свет пресветлый и предивный, и просвещает его соразмерно с тем, сколько может вмещать его человеческое естество или сколько он того достоин. Если он пребудет в сем Свете, то и Свет сей пребудет в нем, который, будучи просвещаем, он будет узревать и домышлять таинство за таинством и чудо за чудом, восходя от созерцания к созерцанию, что все если бы кто из таковых восхотел описать, недостало бы ни бумаги, ни чернил и времени, думаю, недостало бы изложить все подробно. Истиннее же сказать, как можно описать или пересказать то, чего нельзя выразить словом, как неизреченное и неизглаголанное? Находясь же в сем Свете или, лучше сказать, с сим Светом, он не как в исступлении бывает, но видит, в каком состоянии сам находится и в каком состоянии находятся другие; также он предузнает и предсказывает, что, когда выйдет из этой темницы мира и тела — и особенно по воскресении, — тогда всеконечно увидит и невечерний оный Свет, сколько возможно будет ему увидеть его, и блага, сущие в нем, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). Но поелику он узрит их так, как они суть уготованы от Бога любящим Его и ими восприняты, то очевидно, что со вступлением во Свет оный мы

не лишимся способности познавать и видеть друг друга, но, вкусив осияния оного и созерцания Света оного чистейшего, как Бога будем знать и видеть, так и друг друга, в чистейшем и неизреченном веселии и радовании во веки веков (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 416—418).

***

...Не знаю, что больше радует меня, созерцание или услаждение, то есть красота ли и радостотворное блистание чистых лучей солнца, или питие и вкушение вина, которое имею в устах моих. Хочу смотреть на то, то есть на лучи солнца, а меня влечет это, т. е. вино сокрушения, кажущееся сладчайшим; и когда опять обращусь к тому, то есть к Свету Божественной благодати, опять большее ощущаю услаждение от сладости вкушения вина; не насыщаюсь ни зрением тех лучей солнца, не питием сего вина. Когда кажется мне, что насытился питием, тогда красота ниспосылаемых лучей заставляет меня еще больше жаждать, и я оказываюсь опять алчущим и жаждущим; и чем больше усиливаюсь наполнить утробу мою, тем в десять раз больше палим бываю жаждою и вожделением блестящего пития того.

Таким образом, всякий, судимый этим добрым судом покаяния, не будет уже бояться никакого другого суда или мучения, не будет страшиться и искушений, находящих на него, ибо жаждание его (духовная) не престанет вовек, и питие оное сладкое, светлое и блестящее не пресечется никогда; а эта сладость, подаемая питанием, и это радостотворное блистание, исходящее от солнца, отгоняет от души всякую печаль и делает человека всегда радующимся; и никто не может повредить ему, никто не может воспрепятствовать ему напояться вдоволь от источника спасения. Миродержитель, господствующий над миром злобою своею,

властитель земного, начальник тьмы, лукавый диавол, царствующий над всеми водами морскими и играющий миром, как иной играет малою птичкою, держимою в руках, не посмеет и со всем воинством своим, и со всею силою своею приблизиться к нему и прикоснуться даже к пяте ноги его, а не только смело взглянуть на него. Ибо блистание вина и лучи солнца сильно сияют в лице того, кто пьет его, проходят во внутренности его и передаются рукам, ногам и всем членам его, и делают его всего огнем сильным во всех частях его, чтобы опалять врагов, приближающихся к нему. И бывает он любимцем Света, другом Солнца и возлюбленным Ему сыном, в силу чистого и светлого вина того, изливающегося в него подобно лучам солнца и света. Питие сего вина бывает для него питанием и очищением скверны загнивших плотей его, а очищение сие — совершенным здравием; здравие же такое не позволяет ему вкусить другой какой-либо вредной снеди, но производит в нем некое безмерное и теплейшее вожделение пить одно то вино, чтобы питием таким очищать себя паче и паче и тем созидать свое здравие: ибо красота здравия и благодать благообразия, приносимого здравием, не знает насыщения (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 177—178).

***

...Пока многими трудами и слезами не обретешь места бесстрастия для изможденной души твоей, и не внидешь в святилище ведения Божия, и через ипостасную Премудрость Его не прозришь разумно в последние концы человеческих дел, и, презрев дольняя, жаждательнейше, подобно еленю, не востечешь на высшие горы созерцания (прп. Никита Стифат, 93, 88).

***

Когда кто познает себя, а это требует многого совне охранения, упразднения от дел мирских и строгого испытания совести, тогда тотчас внезапно приходит в душу и Божественное некое паче слова смирение, приносящее сердцу сокрушение и слезы теплого умиления, — так что тогда испытывающий его в себе действие почитает себя землею и пеплом, червем, а не человеком, недостойным даже и животной сей жизни, за превосходство сего дара Божия, в коем пребыть сподобившийся исполняется неизреченным некиим опьянением умиления, входит в глубину смирения и, из себя исшедши, ни во что вменяет все внешнее: яства, пития, одеяния тела, — как изменившийся добрым *изменением десницы Вышняго* (ср.: Пс. 76, 11) (прп. Никита Стифат, 93, 122).

***

...Чем выше восходит он <человек> на высоту созерцания, тем большую против себя возбуждает зависть губительных бесов, ибо они не могут равнодушно видеть, как человек прелагается в ангельское естество; почему не ленятся тайно пускать на него стрелу самомнения. Если он, уразумев козни вражию, укроется в крепость смирения, зазрев себя (или в чувстве презрения к себе), то избегает бедственности гордыни и вводится в пристань спасения. Если же нет, то, оставлен будучи помощию свыше, предается в руки духов злобы, требующих его, как своего по духу, на невольное обучение наказательное за то, что произвольно не явил себя обученным и искусным. Эти обучительно-наказательные духи суть духи сластолюбия и плотолюбия, злобы и гнева, кои и смиряют его лютыми нападениями, пока познает свою немощь и, оплакав свое

падение, побудит отменить обучительное наказание (прп. Никита Стифат, 93, 136).

***

Воздержись от высших созерцаний, если ты не достиг еще крайнего бесстрастия, не гонись за тем, чего догнать нельзя, и не ищи того, что выше сил твоих (прп. Феогност, 91, 378).

***

Утверждаем, что есть восемь главных предметов созерцания: первый — Бог, невидимый безначальный и несозданный, причина всего сущего, Троичное Единое и пресущественное Божество; второй — чин и стояние Умных Сил; третий — составление видимых вещей; четвертый — домостроительное снизшествие Слова; пятый — всеобщее Воскресение; шестой — страшное Второе Христово Пришествие; седьмой — вечная мука; восьмой — Царствие Небесное. Четыре первые — прошедшие и совершившиеся, а четыре последние — будущие и еще не проявившиеся, ясно, однако же, созерцаемые и признаваемые стяжавшими благодатию полную чистоту ума. Приступающий же к сему без света благодати да ведает, что он строит фантазии, а не созерцания имеет, мечтательным духом будучи опутываем фантазиями и мечтающий (прп. Григорий Синаит, 93, 213).

***

...Восход к созерцанию есть деятельная жизнь (прп. Никифор Уединенник, 93, 240).

***

Ум, очищенный Чашею Христовою, соделывается зрителем духовных видений; он начинает видеть всеобъемлю-

щий, невидимый для плотских умов Промысл Божий... видеть Бога в великих делах Его — в создании и воссоздании мира (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 550).

***

Должно... видеть и созерцать судьбы Божии оком веры, оком духовного разума и, не дозволяя себе бесплодных суждений по началам человеческим, погружаться благоговейно в священное недоумение, в священный *духовный мрак*, который вместе и чудный свет, которым закрыт Бог от умственных взоров и человеческих, и ангельских (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 81—82).

****

Авва Диокл начал свое образование грамматикою, потом посвятил себя философии, и, наконец, благодать привлекла его к любомудрию небесному. На двадцать восьмом году жизни, оставив мирские науки, он восприял учение Христово и вот уже тридцать пятый год живет в пещерах. Он говорил нам: «Ум, переставши созерцать Бога мыслию, становится или демоном, или скотом». Когда мы стали расспрашивать, как это бывает, он сказал: «Ум человека, как скоро удаляется от созерцания Бога, по необходимости впадает во власть или демона похоти, который увлекает его к распутству, или злого духа раздражительности, от которого рождаются безумные порывы». Сладострастное вожделение называл он свойством скотским, а порыв раздражительности — демонским. Я возразил ему: «Как возможно, чтобы ум человека непрестанно был с Богом?» «В каждой мысли и в каждом деле, — отвечал он, — участвует душа, но с Богом бывает она только тогда, когда благочестиво и благоговейно размышляет о Нем» (101, 239—240).

***

Некоторые старцы, достойные духа созерцаний, неоднократно видели покойного отца Филарета Глинского на клиросе с братией. Однажды его ученик, схиархимандрит Илиодор, горя любовью к братиям Глинской обители, которые с ним полагали начало или вместе жили, молился Господу, чтобы открылось ему число спасшихся и спасающихся. Господь, вняв молитве Своего угодника, утешил его видением. Старец Илиодор, стоя в храме, видел, что не только храм, но и алтарь уставлен большими и малыми светильниками: иные из них горели, другие предназначались к горению. Но отцу Илиодору хотелось, естественно, знать участь своего достойного учителя, батюшки игумена Филарета. И Господу угодно было не оставить его в недоумении. Во сне отец Илиодор увидел себя в монастырском соборе, который наполнился монахами, блиставшими небесным светом. Между ними, как солнце среди звезд, стоял отец игумен Филарет. Лицо его было так светло, что от блистания небесной славы на него невозможно было смотреть (96, 71).

***

Один монах жил в далекой пустыне и много лет подвизался в добродетелях. Наконец, уже в старости, подвергся он искушению демонов. Подвижник любил безмолвие и, проводя дни в молитвах, песнопениях и созерцании, имел несколько Божественных видений и в бодрственном состоянии, и во сне. Он почти уже достиг бестелесной жизни: нисколько не думал о том, как напитать свое тело. Забыв обо всем добровольно, он все желание свое устремлял к Богу в ожидании часа, когда воззван будет из этого мира, питался же более всего сладостью видений и надежд. Между тем и тело у него не слабело от напряжения, и

душа не теряла бодрости, — такой твердый навык приобрел он в благочестии. Впрочем, Бог, милуя его, в определенное время посылал ему на трапезу хлеб на два-три дня, которым он и питался. Всякий раз, ощутив потребность в пище, он входил в пещеру и находил там ее. По принесении Богу молитвы подкреплял себя ею и потом услаждался песнопениями. Молитва и созерцание были постоянными его занятиями. Так он с каждым днем совершенствовался и, подвизаясь в настоящем, ближе становился к ожидаемому будущему и почти был уверен в своем лучшем жребии, как бы уже имея его в руках, что и было причиной того, что он едва не пал от постигшего его затем искушения. Когда он дошел до такой уверенности, в сердце его неприметно вкралась мысль, что он выше других и что он знает и имеет больше прочих людей. С такими мыслями он стал уже полагаться на себя. Отсюда вскоре возникла в нем беспечность, сначала небольшая, потом она росла все больше и стала заметной. Он уже не с такой бодростью вставал для песнопений, ленивее стал в молитве, и пение его не так было продолжительно. Душа захотела покоиться, ум пал долу, и помыслы стали блуждать. Беспечность втайне была уже любима, и только прежний навык, как оплот, несколько останавливал подвижника в этом стремлении и охранял его до времени. Еще, входя по вечерам после обычных молитв в пещеру, он иногда находил на трапезе хлеб, посылаемый ему от Бога, и питался им, но не изгонял из ума негодных мыслей, не думал, что невнимательность губит труды, и не старался об уврачевании зла. Небольшое уклонение от обязанностей ему казалось маловажным. И вот страстная похоть, овладев его мыслями, повлекла его в мир. Но он пока еще удерживался. Еще один день провел он в обычных подвигах и после молитвы и песнопений, войдя в пещеру, по-прежнему на-

шел приготовленный ему хлеб, впрочем, не так тщательно приготовленный и чистый, как прежде, а с сором. Он удивился и несколько опечалился, однако съел его и укрепил себя. Настала третья ночь, и зло утроилось. Ум его еще скорее предался любострастным помыслам, и воображение представляло ему нечистые мечты так живо, как бы они сбывались на самом деле. Несмотря на то, еще и на третий день он продолжал свои подвиги, молился и пел псалмы, но уже не с чистым расположением. Он часто оборачивался и смотрел по сторонам. Его доброе дело прерывали разные мысли. Вечером, почувствовав потребность в пище, вошел он в пещеру и, хотя нашел хлеб на трапезе, но как бы изъеденный мышами или собаками. Тогда начал он стонать и плакать, но не столько, сколько нужно было для укрощения нечистой похоти. Однако же, вкусив, хоть и не столько, сколько ему хотелось, он расположился на покой. Тут помыслы во множестве напали на него, победили его ум и, как пленника, тотчас повлекли в мир. Он оставил свою пустыню и ночью пошел в селение. Настал день, а до селения было еще далеко. Инок, палимый зноем, изнемог и начал смотреть вокруг, нет ли где монастыря, в котором можно было бы отдохнуть. Вблизи, действительно, был монастырь. Благочестивые и верные братия приняли его как родного отца, омыли ему лицо и ноги и после молитвы предложили трапезу, прося принять с любовью, что у них было. После трапезы братия молили его преподать им слово спасения, как избегать сетей диавола и побеждать нечистые помыслы. Беседуя с ними, как отец с детьми, он поучал их быть мужественными в трудах, уверяя, что они скоро обратятся для них в великое наслаждение. Много еще говорил им старец весьма назидательного о подвижничестве. По окончании наставления он невольно подумал о себе самом и стал рассуждать, как

он, вразумляя других, сам оставался невразумленным. Тогда увидел он свое положение и немедленно возвратился в пустыню оплакивать свое падение. С того времени он всю жизнь плакал. Не получая больше пищи от Бога, своими трудами доставал себе пропитание. Заключившись в пещере и постлав на полу вретище, он до тех пор не вставал с земли и не прекращал своего плача, пока не услышал голос Ангела, сказавшего ему во сне: «Бог принял твое покаяние и помиловал тебя, только смотри не обольщайся. Придут посетить тебя братия, которых наставлял ты, и принесут тебе на благословение хлебы, раздели их вместе с ними и всегда благодари Бога» (101, 141—145).

СОКРУШЕНИЕ

Сокрушение... сердца есть истребление человеческих помыслов. Кто презрел настоящее, предал себя Слову Божию и владычественное в себе предоставил помышлениям превышечеловеческим и Божественным, тот будет иметь сокрушенное сердце и соделает его жертвою, не уничижаемою от Господа (свт. Василий Великий, 5, 265—266).

***

...Сокрушение есть дар Божий, подаваемый или для возбуждения вожделения, чтобы душа, вкусив сладость подобной скорби, старалась полюбить эту скорбь, или в доказательство того, что душа, при тщательнейшем попечении, может быть во всегдашнем сокрушении и что нимало не извинительны отвергшие его по нерадению. А если кто и принуждаемый не может прийти в сокрушение, сие служит обличением его небрежения в другое какое-нибудь время (потому что без размышления, без многого и непрерывного

упражнения невозможно приступить к чему-нибудь вдруг и превозмочь сие), а вместе показывает, что душа обладает другими страстями, которые не дозволяют ей свободно действовать в том, чего она хочет... (свт. Василий Великий, 9, 188).

***

Прекрасно сокрушение сердечное; оно врачует человеческие души (прп. Ефрем Сирин, 30, 510).

***

Когда кто плачет, тогда никак не согрешит; и никто в сердечном сокрушении не замышляет зла. При сердечном сокрушении приходят слезы, а за слезами следуют умаление зла, удержание себя от худых дел (прп. Ефрем Сирин, 30, 510).

***

Если хочешь, чтобы Бог даровал тебе слезы сокрушения и бесстрастие, непрестанно приводи себе на память смерть и гроб свой (прп. Ефрем Сирин, 31, 593).

***

...Где сокрушение, слезы и смиренномудрие, там нет нестроения и чего-либо худого, напротив же того, там благоустройство и все доброе (прп. Ефрем Сирин, 32, 232).

***

Оплачьте наготу мою, возлюбленные братия мои; прогневал я Христа порочною своею жизнию. Как Благий, сотворил Он меня и дал мне свободу, а я, как достойный

ненависти, воздал Ему злом, нечестивыми делами своими (прп. Ефрем Сирин, 33, 203).

***

...Дверь Божия отверста еще, и если кто ударяет в нее с сокрушением, то готовы для него щедроты; избавится он от мучения и не осужден будет в тот день, в который всякий приемлет мзду свою (прп. Ефрем Сирин, 33, 274—275).

***

Восстань, душа, состарившаяся во грехах, и обновись покаянием. Из сокрушения и слез раствори себе врачевство и врачуй язвы падшего в тебе образа (прп. Ефрем Сирин, 33, 323).

***

Как трудно и невозможно смешать огонь с водою, так, думаю, невозможно совместить наслаждение (земными благами) с сокрушением; потому что они противоположны и взаимно исключают друг друга (свт. Иоанн Златоуст, 44, 143).

***

Как легкая пыль не может устоять против напора сильного ветра, так и множество нечистых пожеланий не может выдержать устремившейся против них силы сокрушения, но исчезает и рассеивается скорее всякой пыли и дыма (свт. Иоанн Златоуст, 44, 143).

***

...<Сокрушение> есть мать слез и трезвенности; оно делает душу легкою и окрыленною... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 143).

***

Сетующему должно сетовать не о том, что он наказывается, но о грехах, которыми он оскорбляет Бога... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 245).

***

Немаловажное дело и один день провести в сокрушении о грехах, устремить свой взор к высшему любомудрию и дать душе, хотя немного, успокоиться от житейских попечений (свт. Иоанн Златоуст, 44, 814).

***

Как совершенное равнодушие ко грехам пагубно и порождает в нас крайнюю бесчувственность, так непрерывное и чрезмерное сокрушение о них вредно. Чрезмерное уныние, нередко отнимая естественную рассудительность, может подавить душу и сделать неспособною ни к чему доброму (свт. Иоанн Златоуст, 44, 834).

***

Для грешника нет большей пользы, как всегда иметь в уме и перед глазами свои грехи и как можно чаще сокрушаться и испытывать себя. Ничто скорее этого не умилостивляет гнев Божий: ни посты, ни лежание на земле, ни бдение, ни иное прочее в этом роде (свт. Иоанн Златоуст, 49, 303).

***

Всякий, кто бы то ни был, не говори только: я грешник, но и старайся избавить себя от этой славы; не говори только, но и сокрушайся. Если ты сокрушаешься, то прилагаешь старание; если не стараешься, то и не сокруша-

ешься; если же не сокрушаешься, то издеваешься (свт. Иоанн Златоуст, 52, 325).

***

Ничто столько не располагает души к любомудрию, как сокрушение. Нет ничего сладостнее, чем плач по Боге (свт. Иоанн Златоуст, 54, 215).

***

Предадимся же мысленно скорби <о грехах> здесь, чтобы там не испытать скорби от наказания, но чтобы насладиться вечными благами... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 196).

***

...Часто плод спасительного сокрушения обнаруживается неизреченною радостию и бодростию духа, так что от чрезмерности неудержимой радости переходит в какой-то вопль, который доходит до кельи соседа при услаждении сердца и великом восхищении. А иногда дух погружается в такое молчание при глубокой тишине в уединении, что исступление от внезапного озарения прекращает всякий звук голоса, и все чувства изумленный дух удерживает внутри или воздыхает и желания свои изливает к Богу неизъяснимыми стонами. А иногда он исполняется столь великим искушением и скорбию, что иначе нельзя привести его в надлежащее состояние, как излиянием слез (прп. авва Исаак, 56, 341).

***

...Мы должны стараться возбуждать в себе сокрушение более размышлением о добродетелях, о Царстве Небесном, нежели вредным воспоминанием о своих грехах; ибо до

тех пор не перестанешь обонять вредное зловоние из нечистой ямы, пока будешь стоять при ней или станешь ворочать грязь в ней (прп. авва Пинуфий, 56, 536).

***

Без сокрушенного сердца невозможно освободиться от порока; а сердце приводится в сокрушение трояким воздержанием, разумею воздержание от сна, от пищи и от телесного покоя (прп. Нил Синайский, 72, 239).

***

От всего сердца вопиющие к всеведущему Господу, хотя бы дошли до крайней опасности, несомненно сподобятся помощи свыше (прп. Нил Синайский, 72, 327—328).

***

Сетование о грехах имеет услаждающую скорбь, и горечь его, приправляемая благою и полезною надеждою, оказывается подобною меду, а потому питает душу, уясняет мысли, утучняет сердце и цветущим делает телесный состав (прп. Нил Синайский, 72, 355—356).

***

Сокрушение сердца бывает одно мягкое и полезное, которое ведет к умилению; другое же жестокое и вредное, которое ведет к смущению (прп. Марк Подвижник, 69, 9).

***

Кто один час провел, воздыхая о душе своей, тот выше доставляющего пользу целому миру своим лицезрением (прп. Исаак Сирин, 58, 180).

***

Сокрушение происходит от грехопадения. Падающий сокрушается, и хотя бездерзновенен, однако с похвальным бесстыдством предстоит на молитве, как разбитый, на жезл надежды опираясь и отгоняя им пса отчаяния (прп. Иоанн Лествичник, 57, 169—170).

***

...Кто не знает себя и не чувствует, в каком бедном находится он состоянии (и не ищет того), у того попусту пропадут посты и милостыни, какие совершает. Ибо жертва, Богу приятная, есть только дух сокрушен, и только за такую жертву подается отпущение грехов, как для такой жертвы бывает и пост, и молитва, и милостыня. Вот таинство христианской жизни, и вот как должен поступать всякий христианин! (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 161).

***

...Пусть кто заберет все свое имущество и раздаст бедным, пусть постится, совершает бдения, спит на голой земле, творит молитвы день и ночь, а не взыщет от Бога стяжать себе сердце сокрушенное и смиренное... никакой не получит... пользы от трудов своих. Почему надлежит взыскать ту единую стезю, на которой стяжавается сердце сокрушенное и смиренное, ибо кто стяжет такое сердце, тот будет шествовать по земле, как бы шествовал горе́ — в Царствии Небесном. И в последний час смерти сокрушенные и смиренные сердцем получают удостоверение, что помилованы милостивым Богом, отходят радуясь и веселясь. Так велик сей, ни с чем несравнимый, дар Божий. Он есть основание восхождения по лествице добродетелей и нисхождения дара чудотворений и знамений, есть воскре-

сение душ, бывающее еще в настоящей жизни, прежде общего воскресения тел, есть избавление, для которого Бог и Отец дал Сына Своего, чтобы всякий верующий не погиб, а имел жизнь вечную и, имея сию вечную жизнь, знал Единого истинного Бога и Его же послал Он, Иисуса Христа (см.: Ин. 17, 3) (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 272).

***

...От всей души взыщем... умиленное сокрушение, царицу добродетелей. Кто взыскивает его от всей души и от всего сердца, тот и находит. И лучше скажу — оно само идет и находит того, кто ищет его с таким усердием; и пусть имеет кто сердце жесточайшее меди, или железа, или даже адаманта, как только придет оно, тотчас делает его мягчайшим воска. Ибо умиленное сокрушение есть некий огнь божественный, растапливающий горы и камни и превращающий их в луга и сады; оно изменяет души, его приемлющие, и бывает внутрь их источником, источающим живую воду, которая непрестанно бьет ключом, течет как из какого родника и наполняет души, приемлющие Слово Божие с теплою верою.

Перво-наперво оно омывает скверну грехов у тех, которые делаются причастными его, потом, вслед за омытием скверны грехов, оно отмывает и страсти и отбрасывает их, срывая будто струпы с ран, разумею — лукавство, зависть, тщеславие и все порождения их. И не только это делает, но как некий пламень огня пробегает (по всему составу нашему), мало-помалу жжет и опаляет эти страсти, как терния, и, наконец, совсем уничтожает их. Это умиленное сокрушение сначала делает то, что стяжавший его горит сильным желанием совершенно избавиться и очиститься от страстей, потом возбуждает желание тех благ, которые уго-

тованы от Бога любящим Его. И все это делает божественный оный огнь сокрушения посредством слез. А без слез, как я сказал, ни в нас, ни в других каких никогда не бывало ничего такого и не будет... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 269).

***

...Если придем в сокрушение, то с помощью благодати Божией легко избавимся от всякого мятежа страстей и от бури вражеских искушений, — и достигнем безмятежной пристани бесстрастия.

Это, братия мои, не достигается в один день или в одну неделю, но исправляется с помощию благодати Божией, более или менее продолжительное время, трудом и потом, смотря по ревности и усердию каждого, также смотря по мере его отрешения от всего видимого и мысленного и еще смотря по горячности его покаяния и непрестанного умного делания, т. е. умной молитвы, непрестанно движущейся во глубине сердца его. Вот как исправляется сие — у одного скорее, у другого медленнее (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 281).

***

В сердце сокрушаемся? — для того, чтобы приять радость и утешение, которые порождает сей плач сердечный (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 300).

***

Безмерное и безвременное сокрушение сердца о чем-либо чувственном омрачает и возмущает ум. Оно изгоняет из души чистую молитву и умиление, а всаждает в нее болезненное томление сердечное. Отсюда жестокость и не-

чувствие безмерное; а через это демоны обыкновенно наводят отчаяние на взявшихся жить духовно (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 17).

***

Истинное... сокрушение тогда улучишь, когда воздержанием, бдением, молитвою и смирением, иссушив сросшуюся с плотию твоею сласть похотную, сораспнешься Господу Иисусу и не будешь уже жить страстно, а начнешь жить Духом, сообразуясь с надеждою *вышнего звания и избрания* (ср.: 2 Пет. 1, 10) (прп. Феогност, 91, 387).

***

Воздыхай, пока, совлекшись дольнего, не облечешься в вышнее жительство и не преобразишься по образу создавшего тебя Иисуса Христа (прп. Григорий Синаит, 93, 211).

***

Без сокрушения сердца невозможно, говорят, избавиться от чувств греховных; сердце же приводит в сокрушение троякое воздержание — во сне, в пище и в телесном покое (свт. Григорий Палама, 93, 273—274).

***

Душа, освободившись через сердечное сокрушение от... <греховных> чувств и от горечи их, восприемлет вместо них духовную отраду (свт. Григорий Палама, 93, 274).

***

Соответственно... сокрушению и умилению сподобляется он <человек> и милостивого утешения и, долгое пребы-

вая время в сих чувствах со смирением, переустроивает, наконец, вожделетельную силу души (свт. Григорий Палама, 93, 300).

***

Внимание и сокрушение духа — вот та клеть, которая дана в пристанище кающимся грешникам. Она — преддверие святилища. В ней будем укрываться и заключаться от греха (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 265—266).

***

Надо сокрушаться, что хоть немного еще прожито времени, но все же есть в нем часть, прожитая попусту. Сокрушение сердца о своей неисправности перед Богом составляет опору решимости быть вперед исправною перед Ним (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 141).

***

От страха Божия... *дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно* (Пс. 50, 19). Чувство сокрушения да не отходит от сердца! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 252).

***

Дух сокрушен, покаянные чувства и слезы не сокращают силы, а придают их, ибо поставляют душу в отрадное состояние (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 154).

***

Настоящее сокрушение умеет не мешать чистому радованию духовному и с ним дружески уживаться, скрыва-

ясь некако под ним (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 154—155).

****

В Александрии был воин по имени Иоанн. Он каждый день с утра до девятого часа сидел в монастыре близ входа в храм Святого Петра. Одет он был во вретище и плел корзинки, все время молчал и ни с кем не разговаривал. Во время работы он только одно возглашал с умилением: *Господи, от тайных моих очисти меня* (Пс. 18, 13), да не постыжусь в молитве». Произнеся эти слова, он снова погружался в продолжительное молчание, а затем снова, по прошествии часа или более, повторял то же восклицание. Так он возглашал раз семь в течение дня, ни слова не говоря ни с кем. В девятом часу он снимал вретище, одевался в воинские одежды и шел к месту службы. С ним я пробыл около восьми лет и нашел много назидания и в его молчании, и в его образе жизни» (102, 89).

***

В Фиваидской области, в городе Арсиное, схвачен был убийца. После долгих пыток он был приговорен к отсечению головы. Его нужно было отвести на казнь за шесть миль от города, на то место, где он совершил убийство. Вместе с другими за осужденным шел монах — посмотреть на казнь. Преступник увидел монаха. «Отче, — обратился он, — должно быть, у тебя нет ни кельи, ни рукоделия?» «Прости меня, брат, — возразил инок, — у меня есть и келья, и занятие». «Так что ж ты не сидишь в келье и не предаешься сокрушению о грехах?» — спросил осужденный. «Правда твоя, брат мой, — отвечал инок, — я вовсе не забочусь о своей душе. Потому-то и иду посмотреть на

твою казнь, чтобы хотя бы через это прийти в сокрушение». — «Ступай-ка лучше, отче, сиди в своей келье и благодари Бога, Спасителя нашего. После того как, вочеловечившись, Он умер за нас, человек уже не умирает вечной смертью» (102, 86).

***

Авва Феодор Енатский рассказывал: «В Келлиях жил некий брат, имевший дар умиления и слез. Случилось, что однажды от собственного сердечного сокрушения он пролил множество слез. Тогда брат сказал себе: «Поистине это — знак; видно, близок день моей смерти». Когда он помышлял это, слезы умножались. Он опять говорил себе: «Точно! Приблизилось время моего переселения», — и плач его усиливался с каждым днем» (106, 366).

***

Брат безмолвствовал в одном монастыре и постоянно молился так: «Господи! Нет во мне страха Твоего, пошли мне или тяжкий недуг, или напасть, чтобы таким образом пришла окаянная моя душа в страх Твой. Знаю, что грех мой сам по себе непростителен: много согрешил я перед Тобой, Владыко, согрешил много и тяжко. Но ради милости Твоей, по святой воле Твоей, прости мне грех мой. Если же и этого не может быть, то помучь меня здесь, чтобы здешними муками была несколько ослаблена мука будущая. Начни казнить меня отселе, Владыко, казнить не в гневе Твоем, а в человеколюбии». Брат провел целый год, молясь таким образом в сокрушении и смирении сердца, в строгом посте. Между тем постоянно ему сопутствовала мысль: какое значение имеют слова Господа: *блаженны плачущие, ибо они утешатся* (Мф. 5, 4). Однаж-

ды, когда брат, объятый печалью, по обычаю, сидел на земле и плакал, напал на него тонкий сон. Явился ему Христос, воззрел на него милостиво и сказал тихим голосом: «Что с тобой? О чем ты плачешь?» Брат отвечал: «Господи! Я пал». Явившийся сказал на это: «Восстань». Брат отвечал, сидя на земле: «Не могу встать, если Ты не простреш руки Твоей и не восставишь меня». Господь простер руку и воздвиг его и сказал тихо: «Что ты плачешь, о чем скорбишь?» Брат отвечал: «Господи! Как мне не плакать и не скорбеть, когда я столько прогневал Тебя?» Тогда Явившийся простер руку Свою, приложил ладонь к сердцу брата и, погладив его, сказал: «Не скорби! Бог поможет тебе. Я уже не буду карать тебя, потому что ты сам наказал себя. Ради тебя Я пролил Кровь Мою, пролью и человеколюбие Мое на всякую душу, приносящую покаяние». Брат, придя в себя, ощутил свое сердце исполненным неизъяснимой радости, так как приял известие, что Бог сотворил милость с ним. Прочее время своей жизни он провел в великом смирении, славословя Бога, и отошел к Богу в мирном устроении (106, 436).

***

Один старец рассказывал, что некий брат желал удалиться в пустыню, но ему не позволяла родная мать. Он не оставлял своего намерения и говорил: «Я хочу спасти свою душу». Мать долго уговаривала его, но, будучи не в силах удержать, наконец, отпустила. Удалившись и сделавшись монахом, он в беспечности проводил свою жизнь. Случилось так, что мать его умерла. Через некоторое время он сам впал в сильную болезнь и в исступлении был восхи́щен на суд, где вместе с прочими судными встретил и свою мать. Когда она увидела его, изумилась и сказала: «Что это, сын мой, и ты осужден на это место! Где же твои

слова «хочу спасти душу»?» Смущенный, он стоял с поникшей головой и не знал, что ответить матери. И слышит опять голос: «Возьмите его отсюда. Я послал вас в киновию за другим монахом, соименным этому, из такой-то пустыни». Когда кончилось видение, он пришел в себя и рассказал о нем присутствующим. Для удостоверения своего видения он попросил одного инока сходить в ту киновию и узнать, не скончался ли там брат, о котором он слышал. Посланный, придя туда, увидел, что это действительно так. После этого, когда брат выздоровел, то стал затворником и сидел, помышляя о своем спасении, каялся и плакал о том, что прежде проводил жизнь в беспечности. Таково было его сокрушение, что многие уговаривали его сделать себе послабление, чтобы не потерпеть какого-либо вреда из-за безудержного плача. Он же говорил: «Если я не снес упрека от своей матери, то как могу перенести в день Судный стыд перед Христом и святыми Ангелами?» (106, 470).

***

Старец ради нашей душевной пользы поведал следующее: «Однажды два брата пошли к авве Зенону. Каждый виделся с ним наедине и исповедал ему свои помыслы. После этого оказались они вместе, и один спросил: «Когда мы ходили к старцу, получил ли ты пользу от исповеди?» «Да, — отвечал тот, — за его молитвы Бог исцелил меня». Спросивший сказал на это: «Я хотя и исповедал, но не ощутил исцеления». — «А как ты исповедался старцу?» — «Я сказал ему: «Авва! Помолись обо мне, такой-то помысл беспокоит меня». Брат сказал на это: «Я, исповедуя ему свои помыслы, поливал слезами его ноги, и за его молитвы Бог исцелил меня». Старец, рассказывая нам это, хотел объяснить, что те, которые исповедуют свои помыслы от-

цам, должны исповедовать их со всей искренностью, с сокрушением сердца, как бы перед Самим Богом, тогда они могут получить милость. Исповедь же, совершаемая с небрежением или с намерением искусить старца, не только не приносит пользы, но и служит к осуждению (106, 130).

***

Авва Иоанн Колов умолил Бога, и отняты были у него страстные вожделения. Он ощутил ненарушимое спокойствие. Тогда он пришел к некоему отцу и сказал: «Вижу себя спокойным, не имеющим никакой брани». Старец отвечал ему: «Иди и умоли Бога, чтобы возвратились брани и то сокрушение сердца и смирение, которые ты имел прежде: по причине браней душа приходит в преуспеяние». Иоанн испросил у Бога возвращения браней, и, когда они пришли, он уже не молился об освобождении от страстей, но говорил: «Господи! Даруй мне терпение в брани» (106, 288).

***

Демон всегда злобен, лукав, хитер, бесстыден. После нескольких поражений он избрал новое средство к низложению святого Петра Афонского, средство самое хитрое, а потому только горше посрамился он в своих злоухищрениях. Окаянный демон преобразился в одного из слуг святого Петра и явился к нему в пещеру. С крайним бесстыдством стал обнимать и лобызать своего господина, потом сел и начал беседу, прикрытую самой ловкой и бесстыдной лестью, сопровождая ее слезами. «От многих слышали мы, господин мой, честь моя и свет мой, — говорил бес, — что варвары и безбожники, схватив тебя на войне, увели пленным в Самарскую крепость. Вдруг мы слышим, что Он, Всеблагой, извел тебя из той гнусной темницы и под

Своим руководством привел в Рим. Но Богу снова было угодно повергнуть нас в глубокую печаль и неутешный плач: нам неизвестно было, куда ты скрылся из Рима. Когда же не могли не только найти тебя, но даже и слышать, что с тобой, мы начали усердно просить великого Чудотворца Николая. Святой Николай, теплый помощник всем с верой призывающим имя его, не презрел нас, недостойных, и скоро открыл нам тебя, многоценное наше сокровище. И вот я, любящий тебя сильнее всех твоих рабов, предварил их и пришел к тебе, моему господину. Ясно, что теперь тебе, господин мой, ничего другого не остается, как принять на себя труд отправиться со мной в наш славный дом и явлением своим в кругу домашних и друзей неизреченно обрадовать их. Ты сам знаешь, как много в нашем месте людей, преданных страстям, которые для обращения от диавольской лести к истинному богопознанию имеют нужду в богомудром наставнике. Великая тебе готовится от Бога награда, если ты этих обольщенных диаволом возвратишь законному Владыке Богу».

Святой, сам не постигая причины своего волнения во время бесстыдной демонской беседы, начал смущаться и невольно чувствовал неприятный трепет сердца. Но иначе и быть не могло: при демонских явлениях человеку его душа всегда смущается; в присутствии же Ангела Божия она радуется и чувствует неизъяснимое удовольствие. Находясь в этом гнетущем состоянии, святой плакал и, орошая лицо свое слезами, говорил демону: «Знай, человече, что в это место привел меня не Ангел, не человек, а Сам Бог и Пресвятая Богородица, и потому без Их воли я не могу выйти отсюда». Демон, лишь только услышал пресвятое имя Пренепорочной, вдруг исчез, как призрак. Святой Петр не мог надивиться злоумышлению, коварству и дерзости демона и, от всей души возблагодарив Бога и Цари-

цу Небесную, начал снова подвизаться со смирением и сокрушением сердца в молитве, воздержании и посте, так что достиг в меру истинной любви и чистоты ума (95, 500—501).

***

...В один монастырь поступил вслед за своим братом и более по необходимости, чем по собственной воле, весьма неспокойный инок по имени Феодор. Ему тяжело было, если кто-то говорил что-нибудь о его спасении, потому что он и слышать не хотел ни о чем добром. Клятвой, гневом и насмешками свидетельствовал он, что никогда не хотел святой монашеской жизни. Во время язвы, которая истребила значительную часть жителей города, он заболел и приближался уже к смерти. При последнем издыхании Феодора сошлись братия сопровождать молитвой его исход. Тело его стало уже холодеть, и в одной только груди сохранилась жизненная теплота. Братия тем ревностнее молились, чем яснее видели его близкий конец. Вдруг он закричал к предстоящим громким голосом, прервав их молитву: «Отойдите, отойдите, я отдан на съедение дракону, но он не может пожрать меня по причине вашего присутствия. Мою голову он уже проглотил, дайте ему возможность, чтобы он не мучил меня, но сделал со мной, что хочет. Если я отдан ему на съедение, то зачем из-за вас терплю замедление?» Тогда братия стали успокаивать его: «Что это ты говоришь, брат? Положи на себя знамение святого креста». С великим криком он отвечал: «Хочу перекреститься, но чешуя дракона препятствует мне». Услышав об этом, братия простерлись на земле со слезами и стали еще усерднее молиться об его избавлении. Вдруг больному стало лучше, и он воскликнул: «Благодарение

Богу! Дракон, намеревавшийся пожрать меня, бежал. Отгоняемый вашими молитвами, он не мог стоять здесь. Молитесь о моих грехах, потому что я готов раскаяться и совсем оставить мирскую жизнь». Так человек, который, как сказано было, стал уже холодеть, был сохранен для жизни, чтобы всем сердцем обратиться к Богу. После того, изменив свои мысли, он долго подвизался с сокрушением сердца, и тогда только душа его разрешилась от тела» (107, 178).

СОМНЕНИЕ

Сомнение... есть земной дух, от диавола, и силы не имеет (св. Ерм, 94, 192).

***

...Гибельно и ужасно... сомнение, и многих, даже твердых в вере, совсем отторгает от веры. Ибо сомнение это есть дочь диавола, и сильно злоумышляет на рабов Божиих (св. Ерм, 94, 192).

***

Кто уверовал в Бога, тот не должен колебаться сомнением, что потерпит лишение во время своего служения. Маловерный же, не имея твердого упования на Бога, осуждается как неверный (прп. Ефрем Сирин, 31, 496).

***

Под сомнением рассуждай о том, чего не знаешь; если и ошибешься, не потерпишь вреда (прп. Ефрем Сирин, 31, 629).

***

Сомнение сердца привводит в душу боязнь (прп. Исаак Сирин, 58, 11).

***

Сомневаться в суждениях и долго не решаться на избрание чего-либо из двух есть признак непросвещенной свыше и тщеславной души (прп. Иоанн Лествичник, 57, 196).

***

Не входи в спор, не в рассуждение с сомнениями и возражениями, порождаемыми лжеименным разумом; мечом веры посекай главы этих змей, едва они выставят свои главы из своего логовища! (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 480).

****

В 1918 году Тихон, митрополит Уральский, посетив Троице-Сергиеву Лавру, в присутствии патриарха Тихона сообщил о себе следующее: «Мирское имя мое Иван Иванович Мещерский. По специальности я врач, жил с матерью и теткой в одном из губернских городов на Волге. По своему мировоззрению я был совершенно неверующим и не стеснялся высказывать своих сомнений в присутствии матери и тетки. Те сильно печалились о моем неверии и, несомненно, молились Богу о моем вразумлении и спасении моей души. Очевидно, Господь внял их молитвам, посетив меня вразумляющим сном.

Однажды, вернувшись из театра, я заговорил с матерью и теткой на религиозные темы и при этом насмешливо отозвался о их вере. Это их так обидело и огорчило, что они встали на колени и стали горячо молиться Гос-

поду о моем вразумлении. Я же, поужинав и вдоволь наговорившись на тему о неверии, лег спать. И вижу ужасный сон, в котором изображалась загробная участь грешников. Сон был настолько ярок и страшен, что душа моя едва не разлучилась с телом. Это сонное переживание отразилось так, что я поседел. Не имея ни одного седого волоса, я проснулся с прядями седых волос на голове и... уверовал. Но враг нашего спасения еще долго не оставлял меня. Он со своими клевретами часто являлся мне во сне. Злые духи, такие мерзкие, с длинными носами и окропленные какой-то скверной жидкостью, дерзали целоваться со мной. Все эти видения укрепляли меня в вере и надежде на Бога, к Которому я прибегал в своих молитвах, прося избавить меня от этих видений. Вскоре я принял монашество, а впоследствии Господь посетил меня благодатью священства и архиерейства. Так Господь молитвами моей матери и тетки спас мою душу от погибели и промыслительно поставил меня в церковь пасти словесное стадо Христово» (114, 97—99).

***

Поведал авва Арсений Великий о некоем скитянине, великом подвижнике и славном по вере, но погрешавшем в ней по невежеству. Скитянин говорил, что в Святом Причащении мы приемлем не Тело Христово, но образ Тела Христова в виде хлеба. Об этом услышали два старца. Зная, что говоривший велик по жительству, они поняли, что он говорит это не по злонамеренности, а по неведению и простоте. Они пришли к нему и сказали: «Отец! Мы слышали о некоем брате, что он произнес мнение, несогласное с учением правой веры, а именно, что в Святом Причащении мы принимаем не Тело Христо-

во, но образ Тела Христова в виде хлеба». Старец отвечал: «Говорил это я». Они начали его убеждать: «Не думай так, отец, но исповедуй по преданию Святой, Соборной, Апостольской Церкви. Мы веруем, что хлеб есть само Тело Христово, а в чаше — сама Кровь Христова, а отнюдь не образы. Хотя непостижимо, каким образом хлеб может быть Телом, но так как Господь сказал о хлебе «сие есть Тело Мое» (Мф. 26, 26), то мы веруем, что хлеб есть истинное Тело Христово». Старец на это сказал: «Если я не буду удостоверен самим опытом, то пребуду в сомнении». Они предложили ему: «Будем молиться Богу в течение всей следующей недели, чтобы Он объяснил нам Таинство, и веруем, что Бог откроет». Старец с радостью принял предложение. Он молил Бога так: «Господи! Ты знаешь, что я не верю не по злонамеренному упорству. Господи Иисусе Христе, открой мне об этой тайне, чтобы я не пребывал в заблуждении по причине неверия». Также и старцы, придя в свои хижины, молили Бога в течение всей недели об этой тайне и говорили: «Господи Иисусе Христе! Открой об этой тайне старцу, чтобы он не пребывал в неверии и не погубил своего труда». И послушал их Бог. По прошествии недели они пришли в церковь, сели все трое на одной циновке, и отверзлись им очи. Когда был предложен хлеб на Святой Трапезе, тогда увидели эти три старца Младенца вместо хлеба. Когда же иеромонах простер руку, чтобы преломить хлеб на Святой Трапезе, то сошел с неба Ангел Господень с ножом в руке, заклал Младенца, Кровь из него излил в чашу. Когда иеромонах преломлял хлеб, Ангел резал Младенца на малые части. Когда приступили к принятию Святых Тайн, неверовавшему старцу подано было кровавое мясо. Увидев это, старец испугался и возопил: «Господи! Верую, что хлеб есть Тело Твое!» И не-

медленно мясо в его руке оказалось хлебом, по обычаю Таинства. Он причастился, прославя Бога. Старцы сказали ему: «Бог вещает, что люди не могут употреблять сырого мяса, а потому Он прикрыл Свое Тело видом хлеба, а Кровь — видом вина». Два старца возблагодарили Бога, не попустившего подвигу третьего старца сделаться тщетным (106, 52).

***

В 1711 году пришел в Почаев из Брацлава некий пан Каминский с двумя своими братьями и просил игумена Иосифа Добрянского дозволить им в храме помолиться. Брат его Владислав, увидя нетленные мощи преподобного Иова, усомнился в их святости и подумал, что иноки ради корысти «одного из старцев усушили себе, дабы прельщать людей и собирать сокровище». Затем, отстояв службу, братья пошли в дом свой. В ту же ночь Каминский внезапно был пробужден криком Владислава: «Отселе уже не буду!» В недоумении он разбудил брата и спросил его, по какой причине он так кричит и устрашается? «Или ты не видишь страшного сего старца с палицею, — отвечал Владислав, — грозящего мне, чтобы я не смел хульно говорить о святых Божиих? Спасите меня из рук блаженного Иова». На другой день братья все трое снова прибыли в обитель Почаевскую и здесь, усердно помолившись перед ракой преподобного о прощении грехов своих, клятвенно засвидетельствовали сие событие перед лицом игумена (109, 184—185).

***

Инок Троице-Сергиевой Лавры о. Исаакий рассказал о себе: «Родители мои были исполнены веры, благочестия и

любви к Богу, чему и я был ими научен. Святое настроение я сохранял до пятого класса семинарии. С вступлением моим в пятый класс нашлись недобрые люди, которые дали мне почитать несколько книг антирелигиозного содержания. Мой юный ум был отравлен, как ядом, и я стал безбожником. Убеждения свои, исполненные неверия, я даже осмелился высказать своему отцу, который говорил мне: «Ох, Иван, не летай в гордости своей так высоко. Смотри, там тебя духовный ястреб-диавол склюет».

Время уже близилось к окончанию семинарии, а я по убеждению был безбожник. В день выпускного акта все воспитанники семинарии пожелали отслужить молебен Царице Небесной, перед Ее чудотворным образом Смоленской. Торжественное шествие с чудотворной иконой из собора в семинарию должно было проходить по улице, где находились дома падших женщин, которые сами погибали в тяжком грехе и многих собою привлекали на грех блуда. Видимо, Царице Небесной неугодно было идти этой дорогой, и лишь только шествие свернуло на эту улицу, свершилось дивное чудо. Икона Божией Матери встала, и никакая сила не могла двинуть ее с места. Это знамение свидетельствует, сколь противен грех плотской скверны для Царицы Небесной. Оно послужило великим вразумлением для всего народа, в особенности же для питомцев семинарии. И на мою грешную душу подействовало это чудо. Я мгновенно прозрел душою. Мне ясна стала святая истина о действии благодати Божией, которую исповедует и проповедует Православная Церковь.

Шествие свернуло на другую улицу, и чудотворная икона свободно двинулась дальше по направлению к семинарии. С того дня, по милости Божией и Царицы Небесной, все мои внутренние чувства непрестанно освящались мыслию о дивном том знамении, бывшем от иконы Царицы

Небесной. Верую, что я именно за молитвы моих родителей переродился душою и сердцем. Неверие, сомнение и злоба против величества Божия во мне бесследно исчезли. А я до сих пор сознаю свою неописуемую виновность перед Богом и, думается, что мне не хватит слез всей моей жизни, чтобы загладить свои сомнения и дерзость против Бога» (114, 54—57).

***

Синесий, епископ Киринейский, после довольно продолжительного времени и долгих увещаний обратил ко Христу язычника, философа Евагрия, и крестил его со всем его домом. Через год после крещения Евагрий, как видно все еще колебавшийся сомнениями в некоторых истинах христианского учения, пришел однажды к Синесию, вручил ему довольно большую сумму золотом и сказал, чтобы Синесий все это раздал нищим, а ему бы дал собственноручную расписку в том, что Господь возвратит ему розданное в Будущей Жизни. Епископ дал Евагрию расписку, а золото отдал нищим. После этого Евагрий прожил несколько лет и слег на смертный одр. Перед смертью он позвал своих детей и, отдавая им расписку Синесия, завещал, чтобы они положили ее с ним в гроб. Дети обещали исполнить завещание и, когда Евагрий скончался, положили в гроб расписку Синесия. Прошло два дня после погребения Евагрия, и на третий день он явился во сне Синесию и говорит: «Приди на мой гроб и возьми свою расписку. Свой долг, как ты меня уверял, я получил и теперь, в удостоверение этого, со своей стороны оставляю тебе собственноручную расписку в получении». Проснувшись, Синесий позвал сыновей Евагрия и спросил, не положили ли они чего в гроб с их покойным отцом.

Они отвечали: «Ничего, Владыко, кроме какой-то хартии, которую отец просил положить с ним». Тогда Синесий, рассказав им свой сон, пригласил некоторых из клира и многих из благородных лиц города и пошел с ними к гробу Евагрия. Когда гроб открыли, то у мертвого нашли в руках писание и, когда раскрыли его, увидели, что в нем рукой умершего написано было следующее: «Я, Евагрий, философ, тебя, преподобного епископа Синесия, приветствую. Получил я долг, который через тебя дал Христу Богу Спасителю, и теперь уже более не потребую от тебя никакого отчета в золоте, которое некогда дал тебе и через тебя Христу Богу, Спасителю нашему». Все удивились о чуде и прославили Бога (112, 610—611).

***

«Однажды вечером во время всенощной в церкви Зосимы и Савватия, — рассказывал о себе архимандрит Кронид, — вдруг неожиданно, как молния, пронеслась в моей голове страшная, ужасная мысль неверия, сомнения и богохульства. Это совершилось так мгновенно и внезапно, что, подобно молнии, обожгло меня адским огнем. Затем помыслы этого рода полились сплошной рекой в моем сознании. Я онемел от страха и ужаса. В моей душе совершалось что-то неописуемое и непостижимое, ужасное и страшное. По приходе из храма в келью помыслы не оставляли меня. Воистину эти страдания были не земные, а скорее адские. Я лишился пищи и сна. После этого проходят дни, недели, месяц, проходит год, два, три, четыре, а адские мысли непроизвольно текут и продолжают преследовать меня. Я не находил себе нигде места успокоения от тоски и печали и даже в отчаянии, грешный, просил себе у Господа смерти. Эта мысленная брань была неописуемо

тяжка. Представьте себе состояние боримого, когда два мира внутри него: один мир светлый — веры и надежды на Бога и пламенного желания спасения, а другой — мир темный, внушающий одни только пагубные и богохульные мысли и неверие. Нестерпимая брань особенно посещала меня во время совершения Божественной литургии. Когда предстоял я престолу Божию перед Святейшим Святых, низводя молитвой действие Святаго Духа, пресуществителя Святых Даров, меня в этот же самый момент продолжали мысленно мучить скверные помыслы неверия и сомнения. Оттого моим покаянным слезам не было предела. Даже иеродиакон Ионафан, сослуживший мне, видя меня столь горько плачущим, приписал мне повреждение в уме. Но он, конечно, так думал по своему неведению. Он не знал, что совершается в глубине моей души. Единственным моим утешением и радостью было в свободные минуты раскрывать книгу «Жития святых» и там читать о Нифонте, Кипрском чудотворце, который сам страдал подобными помыслами в течение четырех лет. Пагубные мысли нападали на меня с новой силой под великие и двунадесятые праздники. Под влиянием этого мои нервы были расстроены, мысли уныния и отчаяния преследовали меня всюду. Теряя самообладание, я принужден был прятать от самого себя ножи, вилки, бечевки и всякие другие вещи и орудия, содействующие самоубийству. Недостает у меня слов описать все и слез оплакать ужасы и страдания, вынесенные мной. Были моменты, когда я ночью, бессильный овладеть собой, выскакивал из кельи, шел к собору, бегал вокруг него, плакал навзрыд и не мог дождаться минуты, пока отопрут собор и я смогу у раки преподобного Сергия выплакать свою скорбь и невыносимые тяготы. Вспоминаю я теперь слова подвижников: «Ищи себе старца и руково-

дителя не столько святого, сколько опытного в духовной жизни». И этот совет мне пришлось испытать прежде всего на самом себе. Когда в своих великих страданиях я обратился к одному духовному ученому лицу и поведал ему свою мысленную скорбь, он выслушал меня и сказал: «Что ты, Господь с тобой, да разве можно допускать такие мысли?» Вышел я от него непонятый им, ни жив ни мертв от безысходной печали. Всю ночь не спал. Утром, едва переставляя ноги, я, по своей обязанности, отправился в живописный класс, а по пути зашел к заведующему живописной мастерской иеромонаху отцу Михею. Он, увидев меня расстроенным, с удивлением воскликнул: «Отец Кронид! Что с тобой? Тебя узнать невозможно! Лицо какое-то особенно страдальческое, исполнено печали, что невольно выдает твои душевные муки. Говори, что с тобой?» Тогда я ему поведал о всех своих внутренних скорбях и мыслях. Он со слезами на глазах выслушал меня и с особым чувством сострадания и христианской любви, как бы сам переживая со мной мои муки, сказал мне: «Успокойся, отец Кронид. Это великая брань, наносимая врагом, бывает со многими людьми. И мы с тобой не первые. Многие, очень многие страждут ею. Я и сам страдал этой бранью семь лет и дошел до такого состояния, что однажды, придя в Успенский собор к вечерне, от мыслей неверия и богохульства даже не смог там оставаться. Выбежав из храма, я направился в келью своего духовного отца, иеромонаха Авраамия, при этом весь дрожал и сказать ничего не мог. Старец несколько раз спрашивал меня: «Что с тобой, что с тобой, скажи мне?» После обильных слез я только смог вымолвить: «Батюшка, я погибаю!» Тогда старец мне говорит: «Ты ведь не услаждаешься этими мыслями и не соизволяешь на них? Что же ты так нестерпимо тревожишься?

Успокойся! Господь видит твои душевные мучения, и Он тебе во всем поможет». Потом прочитал надо мной разрешительную молитву, благословил и отпустил меня с миром, и с того дня при помощи Божией сомнительные помыслы совершенно исчезли. А иногда они изредка появляются, но я не придаю им значения, они исчезают, и я быстро успокаиваюсь». Слова отца Михея, как драгоценный бальзам, пролились на мою душу, и я с того времени получил значительное ослабление мысленной брани» (114, 79—83)

СОСТРАДАНИЕ

...Если увидишь брата малодушествующего или немощного, то прекрасно иметь к нему сострадание (прп. Ефрем Сирин, 30, 209).

***

...Сострадательность не в том, чтобы помогать ближнему в пороке, но чтобы содействовать брату в духовном, как ему иметь умиление и слезы (прп. Ефрем Сирин, 30, 413—414).

***

Великой скорби и болезней исполнено тело наше. Потому, зная немощь естества своего, не будем гордыми и несострадательными, но взаимною сострадательностию станем умилостивлять Создателя, Который может и сделать больным и потом исцелить, низвести во ад и возвести из ада. Если и попользуется недолго здоровьем тело наше, то не знаем, что *родит находяй день* (ср.: Притч. 27, 1) (прп. Ефрем Сирин, 30, 514).

***

Прекрасная помощь тебе в тот день <Суда>, если оказывал ты здесь сострадание к нищим (прп. Ефрем Сирин, 32, 246).

***

Всякий мореплаватель близок к кораблекрушению, и тем ближе, чем с большею отважностию плывет. Так и всякий, обложенный телом, близок к бедам телесным, и тем ближе, чем бесстрашнее ходит с поднятым челом, не смотря на лежащих перед ним. Доколе плывешь при благоприятном ветре, подавай руку потерпевшему кораблекрушение, доколе наслаждаешься здоровьем и богатством, помоги страждущему. Не дожидайся того, чтобы узнать из собственного опыта, какое великое зло есть бесчеловечие и какое великое благо есть сердце, отверстое терпящим нужду. Не желай дожить до того, чтобы Бог вознес руку Свою (см.: Пс. 73, 3) на возносящих выю свою и пренебрегающих убогих. Вразумись чужими бедами. Дай хоть самую малость бедному; и то не будет малостью для того, кто во всем нуждается, и для Самого Бога, если подаяние будет по силе. Вместо великого дара принеси усердие. Ничего не имеешь? Утешь слезою. Великое врачевство злополучному, когда кто от души пожалеет о нем; несчастие много облегчается искренним соболезнованием (свт. Григорий Богослов, 13, 32—33).

***

...Да не будет речи о том, трудное ли дело, которое должно исполнить, но о том, полезно ли оно для совершающих. И если польза от него велика, то ради пользы должно не обращать внимания на трудность; трудное вначале, со временем, силою привычки, сделается приятным.

Должно также к сказанному нами присовокупить и то, что даже в самой этой жизни сочувствие к несчастным полезно для здоровых. Ибо для всех благоразумных милосердие есть прекрасный залог, который мы вверяем другим при их несчастиях. Поелику одна природа управляет всем человечеством, и никто не имеет прочного какого-либо ручательства в постоянстве своего благополучия, то постоянно должно помнить Евангельское увещание, которое советует: *елика аще хощем да творят нам человецы, то творить и им* (ср.: Мф. 7, 12). Итак, пока благополучно плаваешь, простирай руку потерпевшему крушение, одно для всех море, одни бури, одни мятущиеся волны; подводные камни, утесы, скалы и прочие опасности житейского мореплавания одинаково страшат плавателей. Пока ты не страдаешь, пока безопасно переплываешь море жизни, не проходи немилосердно мимо потерпевшего крушение. Кто порукою тебе в постоянстве благополучного плавания? Ты не достиг еще пристани успокоения. Жизнь твоя еще не дошла до берега; еще ты носишься по морю жизни. Каким выкажешь себя к потерпевшему несчастие, такими готовишь себе и сопутников твоего плавания. Да устремимся все мы к пристани упокоения, благополучно направляемые в предлежащем нам житейском плавании Духом Святым! Да будет присуще нам делание заповедей и кормило любви! Верно направляемые ими, мы достигнем земли обетованной, где находится великий град, которого художник и зиждитель есть Бог наш... (свт. Григорий Нисский, 24, 432—433).

***

...Не удивляйся, что нам должно сожалеть о наказуемых, когда наказывает их Бог, ибо и Сам наказующий Бог не желает делать это: *хотением не хощу смерти грешника,* говорит Он (ср.: Иез. 18, 23). Итак, если наказующий

не хочет наказывать, то гораздо более нам нужно сострадать наказуемым; может быть, таким образом мы обратим их, может быть еще спасем их (свт. Иоанн Златоуст, 44, 276).

***

...Покажи, что ты по великому добродушию хочешь собственное благо сделать общим; закинь приятную уду сострадания и таким образом, раскрыв сокровенное, извлеки из бездны погибели погрязшего в ней умом (свт. Иоанн Златоуст, 44, 764).

***

...Чтобы не подпасть совершенному осуждению, будем сострадательны к бедным. Через это мы сделаемся достойными благ как здесь, так и там... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 480).

***

Праведник, когда его собственная жизнь нуждается в исправлении, плачет и печалится о том, чтобы свой грех совершенно загладить; но когда видит грехи других, тогда, оставив свой грех, начинает уже оплакивать грехи других... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 684—685).

***

Научимся сострадать несчастиям ближних; тогда научимся переносить от них и зло (свт. Иоанн Златоуст, 52, 139).

***

Если насаждаешь, то насади не в ненасытной утробе, чтобы плод не был извержен вон, но насади в чреве алчу-

щем, чтобы плод достиг неба. Утешь страждущую душу бедного, чтобы не скорбела твоя утучневшая (свт. Иоанн Златоуст, 52, 214—215).

***

...Будем иметь душу сострадательную, будем иметь сердце, способное сочувствовать страждущим; не будем жестокими и бесчеловечными. Хотя бы ты не мог оказать никакой помощи, — плачь, скорби, сетуй о случившемся, — и это не останется бесполезным для тебя. Если мы должны сострадать тем, которые праведно наказываются Богом, то тем более тем, которые несправедливо терпят от людей (свт. Иоанн Златоуст, 52, 380).

***

Бог наказывает, а я должен сострадать наказываемым? Да. Этого желает Наказывающий. Он и Сам не радуется, когда наказывает, но также весьма скорбит. Если же и Сам наказывающий не радуется, то не радуйся и ты. Но скажешь, когда наказываются справедливо, то, конечно, не должно скорбеть? Должно скорбеть о том, что они сделались достойными наказания... мы должны оказывать им братское расположение и отеческую любовь (свт. Иоанн Златоуст, 52, 381).

***

...Не будем радоваться о тех, кого постигают наказания, но будем жалеть их, будем скорбеть, будем плакать о них, чтобы и за это получить нам воздаяние (свт. Иоанн Златоуст, 52, 382).

***

Не чуждайся... сострадания, на том основании, что ты далеко стоишь от несчастья. Когда твой ближний терпит

зло, ты должен несчастье его считать общим. Разделяй с ним слезы, чтобы облегчить печаль его, разделяй радость, чтобы упрочить веселие, укрепить любовь и самому раньше его получить пользу, так как посредством плача ты делаешься милостивым, а посредством радости очищаешься от зависти и недоброжелательства (свт. Иоанн Златоуст, 52, 768).

***

...Будем же человеколюбивы и сострадательны к сорабам, чтобы и в настоящей жизни избежать сетей, и в день будущий получить от... <Бога> прощение... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 142).

***

...Сострадание к людям, находящимся в несчастии, доставляет нам великое дерзновение перед Богом (свт. Иоанн Златоуст, 54, 762).

***

...Кто не хочет сострадать другим, тот пострадает сам (свт. Иоанн Златоуст, 54, 810).

***

...Если ты упражняешься даже в высшем любомудрии, а о других, погибающих, не радишь, то не будешь иметь никакого дерзновения перед Богом (свт. Иоанн Златоуст, 55, 472).

***

Жалей ближнего, и сжалится над тобою Бог... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 851).

***

Будем сострадательны, будем милосердны, чтобы таким образом благоугодить Богу и достигнуть благ, обещанных любящим Его... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 852).

***

...С желающими рассказать о своих бедствиях надобно обходиться кротко, и после того уже, как облегчат словами свое страдание, предлагать возможное врачевство. Ибо если вначале заградим их уста, то приобретем о себе такое мнение, что мы несострадательны; и помощь нашу соделаем недействительною, отъяв у нее силу. А если приложим врачевство по облегчении боли, то получим две выгоды: признают нас сострадательными, и во врачевании не будем безуспешны (прп. Исидор Пелусиот, 61, 79—80).

***

...Неприятно и не заслуживает одобрения сострадание, когда страждет кто по собственному изволению (прп. Исидор Пелусиот, 61, 488).

***

Кто подает вид, что скорбит о чужих бедствиях, имеет же возможность поправить дело и отказывается, тот сим самым, что не помог, предоставляет на себя самое сильное доказательство, что он не чувствует и скорби, а только показывает притворную доброту (прп. Исидор Пелусиот, 62, 338).

***

Не оставляй в пренебрежении сострадательность, она благого Владыку низвела с неба (прп. Нил Синайский, 72, 251).

***

Плачь о грешнике, а не о нищем, ибо последний увенчивается, а первый терпит наказание (прп. Нил Синайский, 72, 251).

***

Воздохни о согрешающем ближнем, чтобы вместе с тем воздохнуть и о себе, ибо все мы повинны во грехах и подлежим наказанию (прп. Нил Синайский, 72, 253).

***

Смотри... чтобы за несострадательность не быть когда-нибудь преданным... какому-либо неожиданному и несносному искушению (прп. Нил Синайский, 73, 104).

***

Стяжавший утробы щедрот — любовь и сострадание — прежде себя самого радует и пользует, а потом и ближнего, как, напротив, злость ранит и уязвляет прежде того, кто имеет ее. Хотя и кажется, что он вред причиняет ближнему, в имении, или в чести, или в самом даже теле, но в самом деле он себя самого лишает живота вечного (прп. Зосима, 91, 114).

***

Имеющий какое-либо дарование духовное и сострадущий неимущим — сим состраданием хранит свой дар; а кичливый потеряет его, бием будучи помыслами кичения (прп. Марк Подвижник, 89, 520).

***

Знак сострадательности — прощение всякого долга... (прп. Исаак Сирин, 58, 397).

***

Принимай участие в страданиях всякого, а телом своим будь далеко от всех (прп. Исаак Сирин, 58, 415).

***

...Иной служит больному, но служит для того, чтобы иметь награду, это... неразумно. И потому, если с ним случится что-либо скорбное, то это легко удаляет его от сего доброго дела, и он не достигает конца его, потому что делает оное неразумно. А разумно служащий служит для того, чтобы приобрести милостивое сердце, чтобы приобрести чувство сострадания; ибо кто имеет такую цель, тот, что бы ни случилось с ним, скорбь ли извне, или сам больной помалодушествует против него, он без смущения переносит все это, взирая на свою цель и зная, что более больной благотворит ему, нежели он больному. Поверьте, что кто разумно служит больным, тот освобождается и от страстей, и от браней. Я знаю брата, который терпел брань от нечистых помыслов и освободился от нее тем, что разумно служил больному, страдавшему водяною болезнью. И Евагрий говорит о некоем великом старце, что он одного из братий, смущаемого ночными мечтаниями, освободил от таковых мечтаний, повелев ему поститься и служить больным; и вопрошаемый о сем говорил, что сии страсти ничем так не погашаются, как состраданием (прп. авва Дорофей, 29, 161—162).

***

...Если будешь сострадать ближним, то получишь помощь, если же удержишь себя от сострадания, желая взойти в то, что выше твоей меры, то знай, что потеряешь и то, что имеешь (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 67—68).

****

Когда настал сильный голод в городе Едессе, святой Ефрем, этот божественный муж, сжалившись над поселянами, пришел к богатым гражданам и сказал им: «Отчего вы не имеете сострадания к погибающим людям и гноите свое богатство к осуждению душ ваших?» Они, придумав будто бы благовидную отговорку, сказали святому: «У нас некому доверить раздачу хлеба голодным, потому что все занимаются торговлей». Добродетельный Ефрем сказал им: «Отныне я буду вместе с вами попечителем о бедных». Взяв у них серебро, он устроил дома с разными отделениями, поставил в них до трехсот кроватей, заботился о больных и кормил голодных, погребал умиравших, а у кого была еще надежда на жизнь, за теми ухаживал. Одним словом, всем, кто прибегал к нему, он каждодневно давал пристанище и продовольствие из того, что ему доставляли. По прошествии года, когда настало благоденствие и все пошли по своим домам, этот достославный муж, не имея уже дела для себя, опять вернулся в свою келью и спустя месяц умер, наследовав блаженную землю кротких. Сверх других его подвигов Бог напоследок доставил ему и это служение для получения славнейших венцов за кротость нрава (101, 242).

***

В кельях Хузива жил один пустынник. Старцы того места рассказывали о нем следующее. Живя еще в своем селении, он поступал таким образом. Если случалось ему видеть, что кто-то из односельчан по бедности не мог засеять своего поля, он выходил ночью и со своим скотом и своими семенами засевал поле. Таким же состраданием отличался старец, когда удалился в пустыню и стал жить в кельях Хузива. Он выходил на дорогу, ведущую от священ-

ного Иордана ко Святому Граду, взяв с собой хлеба и воды. Если замечал кого-то утомившегося, то брал его ношу и провожал до святой горы Елеонской. Возвращаясь обратно по той же дороге, нес поклажу других до Иерихона. Можно было видеть иногда, как старец обливается потом под большой тяжестью и несет на плечах поклажу одного, а иногда и двух отроков. Иногда он чинил чью-то износившуюся обувь, для чего брал с собой необходимые инструменты. Одних поил водой, которую носил с собой, других кормил хлебом. Когда встречал нагого, то снимал с себя одежду и отдавал ему. Можно было видеть, как он трудился в течение целого дня. Если случалось ему находить мертвого на дороге, он совершал над ним чин погребения и хоронил (102, 29—30).

***

Поведали об авве Агафоне, что он, отправляясь однажды в город для продажи своего рукоделия, нашел там больного странника, поверженного на улице, и не нашлось никого, кто принял бы на себя попечение об этом страннике. Старец остался при нем, на деньги, полученные за свое рукоделие, нанял хижину, а оставшиеся употреблял на нужды больного. Так провел он четыре месяца, до выздоровления странника, и только тогда авва Агафон возвратился на свое место (106, 56).

***

Авва Аполлон в продолжение 25-летнего пребывания на горе Нитрийской подвизался таким образом: покупая в Александрии на деньги, приобретенные собственными трудами, все необходимое для лечения и келейных нужд, он снабжал ими всю братию во время болезни. Бывало, с

раннего утра до девятого часа дня ходит он около обителей и монастырей по всем кущам, отворяет двери и смотрит, не лежит ли кто. С собою он носил изюм, гранатовые яблоки, яйца, пшеничный хлеб — все, что бывает нужно больному. Такой полезный образ жизни вел раб Христов до глубокой старости (101, 39—40).

***

Святой Андрей, Христа ради юродивый, встретил однажды в Царьграде на торжище инока, вокруг шеи которого обвился страшный змей. Инок этот был украшен многими добродетелями, но, к несчастью, скуп и сребролюбив. Многие, принимая его за святого, давали ему золото для раздачи бедным. Он же это золото складывал в свою сокровищницу. Видя его во власти диавола, Андрей сжалился над ним и подошел к нему. Монах же, думая, что это один из нищих, сказал Андрею: «Бог да помилует тебя, брат, подать же мне тебе нечего». Отойдя от него на несколько шагов, Андрей был удивлен, заметив, что над головой инока на воздухе были начертаны слова: «Змий сребролюбия — корень всякому беззаконию». Но он еще более удивился, когда, оглянувшись назад, увидел Ангела и беса, спорящих за душу инока. Диавол доказывал, что монах, как сребролюбец и потому идолослужитель, принадлежит ему, а Ангел, указывая на многие добродетели старца, утверждал, что он достоин милости Божией. Продолжительный спор их был решен свыше. Голос с неба сказал Ангелу: «Ты не имеешь части в нем, ибо только милостивые получают от Меня прощение и наследуют обители небесные». После этого Ангел тотчас оставил инока. Сострадательный Андрей, скорбя о его погибели, решился во что бы то ни стало вырвать его из челюстей змея. Для этого он подкараулил инока в уединенном месте и, взяв

его за правую руку, сказал: «Раб Божий, выслушай без гнева раба твоего. Скажи, за что ты, бывший друг Божий, стал другом диавола? Объясни, почему ты, имевший крылья Серафима и взор светлый, как молния, сделался столь темен образом? Поведай, чем ты довел себя до такой погибели? Не тем ли, что порабощаешь себя бесу сребролюбия?» И с этими словами показал ему диавола, который, не смея из-за Андрея близко подойти к иноку, стоял вдали и свирепо глядел на него. Пораженный видением и словами Андрея, инок раскаялся и тут же от всего сердца дал обещание избавиться от сребролюбия и быть милостивым. Тотчас, по раскаянии старца, змей с его шеи исчез, другой бес, стоявший вдали, также стал невидим, и к раскаявшемуся снова приступил Ангел-хранитель. С того времени инок действительно исправился, скупость заменил щедростью и стал нескудно раздавать золото убогим, постоянно благодаря Бога и Его угодника святого Андрея за свое обращение от греха к добродетели (112, 238).

***

У одного игумена в монастыре было двадцать иноков. Один из них был ленив: не соблюдал постов, неумеренно пил и особенно был невоздержан на язык. Старец-игумен постоянно уговаривал его исправиться и даже умолял. «Брат, — говорил он ему, — позаботься о своей душе, ведь ты не бессмертный, а потому и муки не миновать тебе, если не опомнишься». Инок же шел наперекор старцу, нисколько не обращал внимания на его слова и в таком небрежении скончался. Сильно загрустил сострадательный старец о его душе и стал молиться. «Господи Иисусе Христе, Истинный Бог наш, — говорил он, — покажи мне, где теперь душа инока?» И часто просил он об этом Бога и,

наконец, был услышан. Однажды напал на него ужас, и увидел он огненную реку и множество людей в ней, опаляемых огнем и громко стонавших. К величайшему огорчению, между страждущими он увидел и умершего в небрежении своего ученика, находившегося по самую шею в пламени. «Не ради ли того, чтобы избежал ты этой муки, я умолял тебя, — воскликнул тогда игумен, — чтобы ты хоть сколько-нибудь позаботился о своей душе, чадо мое? Видишь ли теперь, до чего ты довел себя?» «О отче, — отвечал инок, — слава Богу и за то еще, что по твоим молитвам получила отраду хотя бы голова моя!» Этим видение и кончилось (112, 260—261).

***

Был один отшельник, имевший под своим присмотром другого отшельника в келье за десять миль от него. И сказал ему однажды помысл: «Позови брата, чтобы пришел и взял хлеб». И стал он раздумывать: «Из-за хлеба утружу я брата идти десять миль, лучше отнесу ему половину хлеба». И, взяв, пошел в келью брата. На пути повредил палец на ноге, и, когда пошла кровь, он, стеная, начал плакать от боли. Пришел Ангел и спросил у него: «Что ты плачешь?» «Палец поранил и чувствую боль», — отвечал ему отшельник. «Надо ли из-за этого плакать? — сказал Ангел. — Не плачь. Ибо шаги, которые ты делаешь ради Господа, исчисляются и за великую цену считаются перед лицем Господа. И чтобы ты знал, вот перед тобой беру кровь твою и возношу к Богу». Тогда с благодарностью завершил он путь и, отдав монаху половину хлеба, рассказал ему о человеколюбии Божием и затем возвратился в свою келью. Через день опять, взяв половину хлеба, пошел к другому монаху. Случилось же, что и тот, другой, возрев-

новал сделать так же. Встретились они на дороге. Первый, сделавший доброе дело, стал говорить: «Имел я сокровище, и ты захотел похитить его». Другой же отвечал: «Где написано, что тесные врата для тебя одного отверсты? Допусти и нас войти вместе с тобой». И когда они спорили, вдруг является Ангел Господень и говорит им: «Спор ваш, как благоухания, вознесся к Господу» (98, 386).

СОТЕРИОЛОГИЯ

Путь ко спасению

...Пусть <незаконно живущие> и не воображают, что можно наследовать жизнь и спасение, не повинуясь епископам и священникам... (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 107).

***

Будем ревновать о доброй и боголюбивой жизни не ради человеческой похвалы, но изберем добродетельную жизнь ради спасения души; ибо каждодневно видится смерть перед глазами нашими, — и все человеческое ненадежно (прп. Антоний Великий, 89, 77).

***

Началом же спасения и Царствия Небесного бывает для души любовь (прп. Антоний Великий, 89, 89).

***

...Не одно странничество спасает человека, но исполнение заповедей... (прп. авва Исаия, 89, 358).

***

В покаянии — спасение, а неразумие — смерть покаяния. Скрывай себя от людей суетных; обнаруживай же себя, всего чаще, перед Богом (свт. Василий Великий, 9, 44).

***

...Кто хочет спастись, тот старайся, и кто желает войти в Царство, тот не будь нерадив... (прп. Ефрем Сирин, 30, 83).

***

Человек благоразумный соблюдет заповеди, а кто соблюдет их, тот приобрел рай вечных утех (прп. Ефрем Сирин, 30, 182).

***

Начало и конец для верных — вера, надежда и любовь... (прп. Ефрем Сирин, 30, 201).

***

Ничто не приводит так душу ко спасению и не делает ее столько бодрою к трудам, как если найдется учитель, который проповедует добродетель самим делом... (прп. Ефрем Сирин, 30, 506).

***

Желает ли кто быть небесным? Питай всегдашнюю ненависть к тому, что на земле, и, гнушаясь этим, подвизайся как совершенный, и желай Небесного Царства (прп. Ефрем Сирин, 30, 543).

***

...Кто действительно желает бессмертной жизни и вожделевает Небесного Царства, тому надобно стать выше и больше всего, что есть в веке сем, простираться далее всех пределов, полагаемых миром, и выше всякой земной славы, расторгнуть все узы вещества, возлюбить небесную славу Христову, и к любви сей не примешивать ничего иного, и ничего не любить в сем веке, или в сей жизни (прп. Ефрем Сирин, 32, 37).

***

В какой мере предается каждый телесному и душевному подвигу со всяким услаждением добрыми делами, в такой же мере приобретает он причастие Святаго Духа к духовному возрастанию в обновлении ума; по благодати и туне получая спасение, а по вере, любви и подвигу свободного произволения входя в преспеяние и меру, чтобы как по благодати, так и по правде стать наследником вечной жизни и не всецело Божиею силою и благодатию, без собственного человеческого содействия и старания, возрастая в преспеяние, и не всецело собственною силою и крепостию, без содействия и помощи Духа, имея возможность прийти в совершенную волю Божию и в меру чистоты (прп. Ефрем Сирин, 32, 321—322).

***

Спаситель наш Иисус, уча истине, проложил нам путь, ведущий к небу, сказав: сердце ваше да не будет на земле, возненавидьте лукавство, и наследуете жизнь (см.: Мф. 6, 19—21) (прп. Ефрем Сирин, 33, 520).

***

...Прекрасно созерцание, прекрасна и деятельность; первое потому, что возносится превыше земного, и входит во Святая Святых, и возводит ум наш к тому, что сродно с ним; другая потому что, приемля к себе Христа и служа Ему, доказывает любовь свою делами. Каждая из сих добродетелей есть особливый путь ко спасению, и несомненно приводит к одной какой-либо из вечных и блаженных обителей (свт. Григорий Богослов, 13, 5).

***

...Много путей ко спасению, много путей, ведущих к общению с Богом. Ими надобно идти, а не одним путем слова. Достаточно учения и простой веры, какою без мудрований по большей части спасает Бог. А если бы вера доступна была одним мудрым, то крайне беден был бы наш Бог (свт. Григорий Богослов, 17, 43).

***

...Иным бывает спасение и посредством страха, когда удаляемся от зла, взирая на угрозы наказанием в геенне; а иные преуспевают в добродетели по упованию награды, предоставленному жившим благочестиво, приобретая доброе не по любви, но по ожиданию воздаяния. Но кто стремится душою к совершенству, тот гонит от себя страх... (свт. Григорий Нисский, 20, 12—13).

***

...Кто намерен душу и тело по закону благочестия привести Богу и воздать Ему непорочное и чистое служение, тот, соделав руководительницею жизни благочестивую веру,

которую возглашают по всему Писанию уста святых, с доверчивою и послушною душою должен предаться течению добродетели, отрешив себя от уз жизни, всецело и единственно предав себя вере и жизни Божией, ясно зная, что в ком благочестивая вера и непорочная жизнь, тому присуща и сила Христова, а в ком Христова сила, от того бежит зло (свт. Григорий Нисский, 24, 264).

***

...Каким путем мы оказались вне рая, будучи изгнаны в лице прародителя, таким же и теперь можем опять, если пойдем, возвратиться в первобытное блаженство. Какой же это путь? Удовольствие, внушенное лестию, было началом падения; потом за страстию удовольствия последовали стыд и страх и то, что они уже не смеют явиться перед взоры Создателя, но скрываются в листьях и тени; после сего облекаются мертвыми кожами, и таким образом посылаются для жительства в это полное болезней и трудов место, где брак изобретен как утешение для смертных. Итак, если мы хотим здесь разрешиться и быть со Христом, то должны начать свое отрешение с брака. Как странствующие вдали от своего отечества, когда возвращаются туда, откуда отправились, сперва оставляют то место, на котором последнем случилось им быть на пути, так и тем, которые возвращаются ко Христу, сие слово советует оставить прежде всего, как бы последний какой ночлег, брак, поелику он оказывается последним пределом нашего удаления от райской жизни; потом удалиться от тяжкой заботы о земном, на которую осужден человек после грехопадения; затем — сбросить покровы плоти, совлечься кожаных одежд, т. е. мудрования плоти, и отрекшись от всех сокровенных постыдных дел, не укрываться уже более под те-

нию смоковницы, т. е. горестной жизни, но отбросив покровы, сделанные из скоропреходящих листьев сей временной жизни, опять предстать пред очи Создателя; удаляться от обманчивых удовольствий вкуса и зрения; держаться советов уже не ядовитого змия, но одной только заповеди Божией. А она состоит в том, чтобы стремиться к одному добру и удаляться от вкушения зла, так как все дальнейшее зло получило у нас начало от того, что мы не захотели оставаться в неведении зла. Посему-то и повелено было прародителям не приобретать познания ни о добре, ни о том, что противоположно ему, но удаляясь от познания как добра, так и зла, наслаждаться чистым, несмешанным и непричастным злу благом. А это благо, говорю я, состоит не в ином чем, как в пребывании только с Богом, дабы наслаждаться сим постоянно и непрестанно, не примешивая к сему наслаждению ничего, влекущего к противному. И если позволено будет сказать дерзновенно, может быть, таким образом кто-либо будет восхищен от сего мира, который во зле лежит, в рай, где восхищенный <апостол> Павел слышал и видел неизреченное и незримое, о чем *не леть есть человеку глаголати* (2 Кор. 12, 4) (свт. Григорий Нисский, 24, 347—349).

***

Для чего же <Господь> пришел?.. Для того, чтобы, извлекши тебя из пучины греха, возвести *на гору* (Пс. 23, 3), если для восхождения ты воспользуешься царскою колесницею, т. е. добродетельным образом жизни. Ибо нельзя взойти на оную гору, если не будут сопутствовать тебе добродетели; для сего ты должен быть *неповинен рукама* (Пс. 23, 4), не осквернен никаким лукавым делом, *чист сердцем* (Пс. 23, 4), не обращаясь душою своею ни

к чему суетному, и не измышлять против ближнего никакого коварства. Награда за сие восхождение есть *благословение* (Пс. 23, 5), Господь дарует таковому назначенную Им *милость* (Пс. 23, 5). *Сей* есть *род ищущих* Его, восходящих на высоту посредством добродетели и *ищущих лице Бога Иаковля* (Пс. 23, 6) (свт. Григорий Нисский, 25, 94).

***

Ненависть к демонам много содействует нам ко спасению, и много пригодна в делании добродетелей... (авва Евагрий, 89, 624).

***

Начало спасения — самоукорение (авва Евагрий, 89, 637).

***

Жизнь праведная и без чудес получит венцы и ничего тогда не потеряет; а жизнь беззаконная и с чудесами не может избегнуть наказания (свт. Иоанн Златоуст, 44, 147).

***

С правым же исповеданием догматов соединим и праведность жизни и дел, чтобы нам не на половину совершать свое спасение (свт. Иоанн Златоуст, 44, 602).

***

...Невозможно спастись никому, кто не упражняется постоянно в духовном чтении; но и то еще хорошо, если мы, пользуясь непрестанно этим врачевством, успеем спастись когда-нибудь (свт. Иоанн Златоуст, 44, 811).

***

Кроме воздержания от пищи, есть много путей, могущих отворять нам двери дерзновения перед Богом. Кто вкушает пищу и не может поститься, тот пусть подает обильнейшую милостыню, пусть творит усердные молитвы, пусть оказывает напряженную ревность к слушанию Слова Божия; здесь нисколько не препятствует нам телесная слабость; пусть примиряется с врагами, пусть изгоняет из души своей всякое памятозлобие. Если он будет исполнять это, то совершит истинный пост, такой, какого именно и требует от нас Господь (свт. Иоанн Златоуст, 47, 74).

***

...Кто решится быть внимательным, и бодрым, и усердно заботиться о своем спасении, тому ничто не воспрепятствует (свт. Иоанн Златоуст, 47, 223).

***

...Поспешим на добрые дела — ведь иначе и спастись невозможно, — очистим грехи наши и таким образом удостоимся милосердия от Самого Владыки... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 525—526).

***

Нам невозможно иначе спастись, если не пойдем таким путем. Постараемся даже более, чем любящих нас, любить тех <врагов наших>, как способствующих нам в достижении бесчисленных благ (свт. Иоанн Златоуст, 47, 564).

***

Как змий выставляет все свое тело, чтобы только спасти голову, так и тебе нужно оставить все прочее для спасения души (свт. Иоанн Златоуст, 48, 340).

***

Если ты хочешь достигнуть высших селений, то убегай удовольствий, попирай гордость житейскую, презирай богатство, славу и власть; избери бедность, сокрушение духа, покаяние, источники слез и стремись ко всему, чем можно приобрести спасение. Избравший это и сам находится вне опасности, и молитвы его делаются возвышеннейшими. Если ты таким образом устроишь себя и с таким сердцем будешь взывать к Богу, то Он непременно услышит тебя (свт. Иоанн Златоуст, 48, 366).

***

Бог устроил много путей для того, чтобы обилием их сделать для нас восхождение к Нему легким. Одни из людей сияют девством, другие прославляются брачною жизнию, иные украшаются вдовством; одни отвергли все, другие — половину; те восходят праведною жизнию, эти — покаянием (свт. Иоанн Златоуст, 48, 399).

***

Недостаточно одной добродетели для спасения нашего, но нужно, во-первых, тщательное слушание Слова и всегдашнее памятование о нем; потом нужно мужество; далее — презрение богатства и, наконец, — бесстрастие ко всему житейскому. Слышание Слова потому поставляет Он

<Бог> прежде всего прочего, что оно прежде всего нужно (свт. Иоанн Златоуст, 50, 468).

***

Много путей ко спасению даровал нам Бог; только бы сами мы не были нерадивыми! (свт. Иоанн Златоуст, 52, 206).

***

...Прежде всего убоимся греха, так как от него мучение, от него геенна, от него всякое зло. И не только убоимся, но и будем убегать его и стараться всегда благоугождать Богу. В этом и состоит Царствие, в этом жизнь, в этом тысячи благ. Таким образом, мы еще и в этой жизни приобщимся Царствия Небесного и будущих благ... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 578).

***

Презирай свое, и получишь Божие; Сам Он желает этого. Презирай землю, и получишь Царство Небесное; там пребывай, а не здесь... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 833).

***

...Чтобы избавиться от геенны, нужно удерживаться от порока, а чтобы достигнуть Царствия, нужно прилеплятся к добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 55, 695).

***

...Если для того, чтобы овладеть каким-нибудь предметом, нам недостаточно захотеть, но нужно еще приложить

деятельность, то тем более для того, чтобы взойти на небо, нам нужна деятельная добродетель (свт. Иоанн Златоуст, 55, 704).

***

...Хотя благодать Божия и произвол человеческий, по-видимому, друг другу противны, но оба согласно действуют и в деле спасения нашего равно необходимы, если не хотим отступить от правил истинной веры. Когда Бог видит, что мы хотим склониться к добру, то направляет и укрепляет нашу готовность... Но если мы не хотим добра или охладели к нему, то дает нам спасительные советы, через кои доброе расположение образуется или возобновляется (прп. авва Херемон, 56, 410).

***

Если любишь спасение, то делай все, ведущее ко спасению. Ибо желающему, чтобы сделалось что-нибудь, свойственно не препятствовать приведению сего в исполнение, но употреблять все меры, чтобы это исполнилось (прп. Исидор Пелусиот, 60, 296).

***

...Не насилием и самоуправством, но убеждением и добродушием уготовляется спасение человеков. Почему всякий полновластен в собственном спасении, чтобы и увенчиваемые, и наказываемые справедливо получали то, что сами избрали (прп. Исидор Пелусиот, 60, 394).

***

...Если позаботимся о своем спасении, то окажем великое благодеяние не другому кому, но себе самим (прп. Нил Синайский, 73, 224).

***

Спастись, получить отпущение прегрешений и сподобиться Небесного Царствия не иначе возможно верующему, как со страхом и любовию приобщившись таинственных и пречистых Тела и Крови Христа Бога (прп. Нил Синайский, 73, 366).

***

Если хочешь спастись, возлюби истинное слово и никогда безрассудно не отвращайся обличений (прп. Марк Подвижник, 69, 20).

***

Желающий переплыть мысленное море долготерпит, смиренномудрствует, бденничает, воздерживается. Если же понудится войти (в этот подвиг) без сих четырех, то измучит только сердце, а переплыть не может (прп. Марк Подвижник, 89, 541).

***

Если хочешь спастись и в познание истины прийти, напрягайся всегда возвышаться над чувственным и надеждою прилепляться к единому Богу. Обращаясь таким образом с понуждением себя внутрь, встретишь начала и власти, ведущие с тобою брань приражениями помыслов; но побеждая их молитвою и пребывая благонадежным, возымеешь благодать Божию, избавляющую тебя от грядущего гнева (прп. Марк Подвижник, 89, 552).

***

...Если мы поистине хотим спастись, то мы должны всею силою и со всем усердием любить истину и охранять

себя от всякой лжи, чтобы она не отлучила нас от истины и жизни (прп. авва Дорофей, 29, 106).

***

...Невозможно душе пребывать в одном и том же состоянии, но она всегда преуспевает или в лучшем, или в худшем. Поэтому каждый желающий спастись должен не только не делать зла, но обязан делать и добро... Если кто-нибудь привык обижать, то он должен не только не обижать, но и поступать по правде; если он был блудник, то он должен не только не предаваться блуду, но и быть воздержным; если был гневлив, должен не только не гневаться, но и приобрести кротость; если кто гордился, то он должен не только не гордиться, но и смиряться. И сие-то значит: *уклонися от зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15). Ибо каждая страсть имеет противоположную ей добродетель... (прп. авва Дорофей, 29, 143).

***

Сперва должно быть положено основание, т. е. вера: ибо *без веры,* как говорит Апостол, *невозможно угодить Богу* (ср.: Евр. 11, 6), и потом на сем основании человек должен строить здание равномерно: случилось ли послушание, он должен положить один камень послушания; встретилось ли огорчение от брата, должен положить один камень долготерпения; представился ли случай к воздержанию, должен положить один камень воздержания. Так от всякой добродетели, для которой представляется случай, должно полагать в здание по одному камню и таким образом возводить оное со всех сторон, полагая то камень сострадания, то камень отсечения своей воли, то камень

кротости и т. п. И при всем том должно позаботиться о терпении и мужестве; ибо они суть краеугольные камни, ими связывается здание и соединяется стена со стеною, почему они не наклоняются и не отделяются одна от другой. Без терпения и мужества никто не может совершить ни одной добродетели. Ибо если кто не имеет мужества в душе, тот не будет иметь и терпения, а у кого нет терпения, тот решительно ничего не может совершить. Поэтому и сказано: *в терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19).

Строящий должен также на каждый камень класть известь; ибо если он положит камень на камень без извести, то камни выпадут и дом обрушится. Известь есть смирение, потому что она берется из земли и находится у всех под ногами. А всякая добродетель, совершаемая без смирения, не есть добродетель (прп. авва Дорофей, 29, 158—160).

***

Если кто слаб телом и сделал много тяжких беззаконий, то да шествует путем смирения и свойственных ему добродетелей, ибо он не найдет другого средства ко спасению (прп. Иоанн Лествичник, 57, 214).

***

Старайся научаться разуму и делу спасения более от трудов, а не из одних книг (прп. Иоанн Лествичник, 57, 231).

***

Если хочешь улучить спасение, отрекись от плотских сластей и восприими воздержание, любовь и молитву (авва Фалассий, 91, 292).

***

Начало и конец спасения каждого есть премудрость, которая, начиная, прежде порождает страх, а потом, усовершившись, к концу порождает любовь (прп. Максим Исповедник, 91, 278).

***

Всякий ревнитель спасения прилежит и делам добродетелей, и святым помышлениям, ибо без добродетели и ве́дения никогда никто не успевал еще улучить спасение: дело добродетели есть приводить в чин движения телесные, здравым рассуждением, как уздою, искусно удерживая их от неуместных поползновений; а дело ве́дения есть добре обдумывать и разумно обсуждать, как следует действовать, и потом располагать к исполнению того (прп. Максим Исповедник, 91, 287—288).

***

...Спаситесь все; для сего понудьтесь и поревнуйте представить себя Богу чистыми, как и созданы были в начале, нося подобие Божественного образа (прп. Феодор Студит, 92, 127).

***

Будем же трезвенствовать, будем тем занимать ум, что ведет к блаженству вечному и к тому обращать намерения свои и труды (прп. Феодор Студит, 92, 153).

***

...Нет другого более действенного во спасение врачевства, как откровение помыслов... (прп. Феодор Студит, 92, 227).

***

...Вера, любовию споспешествуемая, совершает спасение наше (прп. Феодор Студит, 92, 409).

***

Спасение же наше иначе не может состояться, если не изменится ум наш и не соделается иным действием силы Божией, так чтобы стал он умом обóженным, т. е. бесстрастным и святым. Обóженным бывает тот ум, который внутри себя имеет Бога. Впрочем, чтобы стал таковым ум сам от себя, это невозможно. Только тот ум, который соединяется с Богом посредством веры и познает Его через делание заповедей, — только такой наивернейше сподобляется видеть Его и созерцательно; ибо через посредство веры, какую имеет он во Христа, вселяется Христос внутрь его и делает его обóженным. Сохраняется же ум обóженным через то, если всегда поучается в том, что есть Христово, и непрестанно внимает закону Его; ибо поколику внимает кто закону Христову, потолику соблюдает и заповеди Его (и через это содержит себя обóженным); как опять кто имеет ум обóженным, тот потому самому всегда поучается в том, что Христово, непрестанно внимает закону Его и творит заповеди Его (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 37—38).

***

...Возможности нет вступить кому-либо на путь спасения и тем паче шествовать по нему, если не получит он наперед таинственной благодати Всесвятаго Духа... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 50).

***

Великое благо есть веровать во Христа, потому что без веры во Христа никому невозможно спастись; но надобно и научиться слову истины, и познать его. Благо есть научиться слову истины и знать его необходимо; но надобно и крещение приять во имя Святой и Живоначальной Троицы, для оживления души. Благо есть крещение приять и через него новую жизнь духовную, но надобно, чтобы и чувством ощущена была сия таинственная жизнь, или умное в духе просвещение. Благо есть восприять чувством умное в духе просвещение, но надобно являть и дела света. Благо есть делать дела света, но надобно облечься и во смирение и кротость Христову для совершенного уподобления Христу. Кто достигнет сего и сделается кроток и смирен сердцем, так как бы это были естественные его расположения, тот, несомненно, внидет в Царство Небесное и в радость Господа своего. Впрочем, и все те, которые текут путем Божиим, по указанному мною порядку, если случится, что естественная смерть пресечет посреде сие их течение, не будут отогнаны от дверей Царствия Божия, и двери сии не будут затворены перед ними, по беспредельной милости Божией. Но которые не текут таким порядком, тех суетна и вера, если какую имеют во Христа Господа... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 315).

***

...Те, которые думают спастись без труда, не спасутся, так как спасение не бывает без труда; так и те, которые чают устроить спасение своим умом и своими силами, не могут спастись, так как спасение не утверждается на разуме и силах того, кто желает спастись, а есть милость Божия

во Христе Иисусе. Ин есть получающий спасение и ин Дающий его (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 360—361).

***

...Да не дерзаем основывать упование спасения своего на частных некоторых, являемых нами, добродетелях, как то: на посте, бдении и спании на голой земле и других разных злостраданиях телесных, с небрежением о показанном делании заповедей Божиих, в той мысли, что можем и без него спастись с одними этими телесными добродетелями, потому что это невозможно... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 15).

***

...Мы все, братия мои, должны презреть настоящее, как и мученики, потому что никому невозможно получить нетленное, если он не вменит в уметы тленное, ни стяжать вечное, если он прилеплен к временному... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 51).

***

...Вот каким образом может, кто желает, подняться от земли и взойти на небо, во-первых, нужно подвизаться умом и укротить страсти, во-вторых, упражняться в псалмопении, т. е. молиться устами, потому что, когда умалятся страсти, тогда молитва уже естественно доставляет удовольствие и сладость даже языку и вменяется в благоугодную перед Богом, в-третьих, молиться умно и, в-четвертых, восходить в созерцание. Первое свойственно новоначальным, второе — преуспевающим, третье — подходящим к последним степеням преуспеяния, а четвертое — совершенным (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 189).

***

...Не тот уже и спасен, кто целым сохранил данный талант, т. е. данный ему дар благодати, но тот, кто и умножил его; не тот ублажается, кто удаляется от зла, но тот, кто и добро делает; не тот любовь свою к Царю являет, кто не входит в согласие с врагами его, но тот, кто и вооружается против них, и противовоюет им по любви к Царю (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 295—296).

***

Когда не станет возмущать тебя никакая страсть, Божественное же желание будет возрастать внутри тебя, в сердце твоем, когда при том не станешь ты бояться смерти, почитая ее сном, а паче вожделевать будешь разрешения с телом, тогда стяжаешь ты, как должно, залог спасения, и Царствие Небесное будешь носить внутри себя, радуясь радостью неизреченною (прп. Феогност, 91, 380).

***

Пойди же ты мне, возжелавший спасения, теки с жаром, и, не зная утомления, пока достигнешь, — ищи притрудно, проси непрестанно, толцы терпеливо, пока улучишь, водрузив на верху лествицы, как знамя, твердую веру и смирение. Достигшим же желаемого почитай себя не тогда, когда получишь отпущение грехов, но когда перестанешь бояться восстания всяких страстей, без страха и с дерзновением готов бывая изыти из тела (прп. Феогност, 91, 383).

***

В Царские Божественные Чертоги нет другого пути... как умерщвление пяти противных послушанию страстей,

именно: преслушания, прекословия, самоугодия, оправдания и пагубного высокого о себе мнения (прп. Григорий Синаит, 93, 209).

***

...Не все одним путем шествовали и одного правила держались до конца. Многие от деятельной жизни переходили к созерцанию и, престав от дел, воссубботствовали по духовному закону и о Боге Едином веселились, насыщаемы будучи Божественною сладостию, по благодати не попущавшую им петь или о другом чем помышлять, и всегда в изумлении пребывали, как достигшие конца желаний, хотя отчасти. Другие же до конца деятельную проводили жизнь и спасение улучили, почив в чаянии приять воздаяние в будущем. Некоторые в смерти получали удостоверение в спасении или по смерти издавали благоухание в показание сего — это те, которые сохранили благодать крещения, но, по причине пленения, или неведения ума, не вкусили ощутимого, хотя таинственного, общения с нею, пока жили. Иные то и другое благоискусно совершают, т. е. пение и молитву, и так проводят жизнь богатую, имея благодать, как приснодвижную, и ни в чем не встречая препон. Другие до конца наипаче безмолвие держали, несмотря на то что были простецами, и единые с Единым Богом соединившись, в единой молитве полное почерпали довольство (прп. Григорий Синаит, 93, 239).

***

Всем нужны старание, усилие и внимательность, но не всем в равной степени, потому что для тех, кто облечен в славу, богатство и власть и кто усердно прилежит к наукам и обладанию мудростью, усилия и старания нужны в

большей мере, если желают спастись, так как стали они как бы более неукротимыми (свт. Григорий Палама, 26, 147).

***

...Мысль... открывает прошения души все видящему Богу, неотступностью в молитве и непрестанным сокрушением сердца отверзает человеколюбные утробы милосердого Бога и приемлет богатство спасения (Феолипт, митр. Филадельфийский, 93, 170).

***

Научись молиться Богу правильно. Научившись молиться правильно, молись постоянно, и удобно наследуешь спасение. Спасение является от Бога в свое время, с неоспоримым сердечным извествованием о себе, молящемуся правильно и постоянно (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 140).

***

Дела спасения суть дела веры, дела Нового Завета. Этими делами исполняется не человеческое разумение, не человеческая воля, но воля Всесвятого Бога, открытая нам в заповедях Евангелия (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 335).

***

Погиб человек по свободному произволению, и спастись предоставляется ему по свободному произволению. *Покайтесь и веруйте* (Мк. 1, 15) (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 11).

***

Человекам, во время земной жизни их, даются различные положения непостижимою судьбою... Все эти положения не случайные; их, как задачи к решению, как уроки для работы, распределяет Промысл Божий с тем чтобы каждый человек в положении, в котором он поставлен, исполняя волю Божию, изработал свое спасение (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 234).

***

Кто хочет спастись, тот должен принадлежать единой Святой Православной Церкви, быть ее верным сыном, во всем покоряться ее установлениям (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 366).

***

Невинный и Всесвятой Господь, пострадав принятым Им человечеством за виновное и зараженное грехом человечество, предоставил страдания в путь спасения для всех Своих последователей, для всего Своего духовного племени и родства... Вместе с тем Он изливает в страдания рабов Своих из Своих страданий неизреченное духовное утешение, в деятельное доказательство верности спасения и верности пути страдальческого, ведущего ко спасению (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 127).

***

Спасение во всяком положении можно совершать. Главное в благонастроении сердца. А по нему прилаживайте и телесную, и внешнюю жизнь (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 6).

Спасение только в Боге

Насколько мы что-нибудь делаем и сколько благодарим Благодетеля, настолько же, и еще гораздо более, мы бываем должны Ему. Он неоскудевающий и ни в чем не имеющий нужды, а мы без Него не можем ничего сделать доброго. Сподобившийся воспевать Бога сам более приобретает, ибо получает великий и досточудный дар; и сколько воспевает, настолько более делается должником, и не находит конца или пресечения — познанию Бога, или благодарению, или смирению, или любви, — не от века сего сии (добродетели), чтобы иметь им конец. Они принадлежат бесконечному оному веку, не имеющему конца, но более — возрастание ведений и дарований, и сподобившийся сего, делом и словом, освобождается от всех страстей. Желающий достигнуть этого должен пребывать при Боге, и отнюдь не заботиться о веке сем, и не бояться какого-либо искушения, ибо через него возведен будет к большему преуспеянию и на высшую степень. Не бояться также сновидений злых или как бы хороших, ни мысли лукавой или благой, ни печали или как бы радости, ни самомнения или отчаяния, ни высоты, ни глубины, ни оставления или как бы содействия какого-либо и крепости, ни нерадения или преуспеяния, ни бездействия или как бы усердия, или видимого бесстрастия, или большого пристрастия; но соблюдать безмолвную и беспопечительную жизнь, со смирением и веровать, что никто не может нам сделать зла, если мы сами не желаем, но это попускается только за возношение и за то, что не всегда прибегаем к Богу, равно не повергаем себя перед Ним, прося, да будет во всем воля Его, говоря ко всякому приходящему нам помыслу: «Не знаю, кто ты; Бог знает, хорош ли ты, или нет? А я в его руки повергнул себя и повергаю. Он

печется о мне. И как сотворил меня из ничего, так благодатию может и спасти меня, если Ему будет угодно: только Его святая воля да будет в нынешнем веке и в будущем...» (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 126—127).

***

...Что может человек найти столько ценное, чтобы дать в искупление души своей? Но нашлось одно равноценное всем вместе людям, что и дано в цену искупления души нашей, — это святая и многоценная Кровь Господа нашего Иисуса Христа, которую Он пролил за всех нас (свт. Василий Великий, 5, 308).

***

...Ко спасению нас приводит не исследование, что такое Бог, но исповедание, что Бог есть (свт. Василий Великий, 7, 36).

***

Домостроительство Бога и Спасителя нашего о человеке есть воззвание из состояния падения и возвращение в общение с Богом из состояния отчуждения, произведенного преслушанием (свт. Василий Великий, 7, 239).

***

Для того пришествие Христово во плоти, предначертания Евангельских правил жизни, для того страдания, крест, погребение, воскресение, чтобы человек, спасаемый через подражание Христу, восприял древнее оное сыноположение. Посему для совершенства жизни необходимо подражание Христу, т. е. не только показанным в жизни Хрис-

товой примерам негневливости, смиренномудрия и долготерпения, но и смерти Христовой... (свт. Василий Великий, 7, 239).

***

...Кто предположил войти в живот узким и тесным путем, тот должен остерегаться всякого отступления и совращения от заповедей Господних... (свт. Василий Великий, 9, 278).

***

...Главное в Спасителевом домостроении во плоти — привести человеческое естество в единение с самим собою и со Спасителем и, истребив лукавое сечение, восстановить первобытное единство, подобно тому как наилучший врач целительными врачевствами вновь связывает тело, расторгнутое на многие части (свт. Василий Великий, 9, 360).

***

...Не имена <христиане> спасают нас, но произволение и истинная любовь к Сотворившему нас (свт. Василий Великий, 11, 192).

***

Я грешник, спасаемый благодатию; а слава подобает Спасающему грешника щедротами! (прп. Ефрем Сирин, 30, 292).

***

Желай только спастись, ибо Господь любит усильно желающих получить спасение и содействует им (прп. Ефрем Сирин, 31, 138).

***

Всею крепостию своею бойся Бога, и Он умудрит тебя, как должно тебе спастись (прп. Ефрем Сирин, 32, 85).

***

Как невозможно видеть глазами без света, или говорить без языка, или слышать без уха, или ходить без ног, или работать без рук, так невозможно человеку спастись или войти в Небесное Царство без Господа Иисуса (прп. Ефрем Сирин, 35, 452).

***

Помни сам себя, чтобы не забыться тебе, взирая на Бога, ты дал клятву, помни о своем спасении! Увы!.. Обаятель обманывает тебя своими лжеумствованиями, обманывает тебя неприязненный. Обратись скорее к Слову, чтобы не пасть глубже. Обними крест, и остановишь вред... (свт. Григорий Богослов, 16, 17).

***

...Человек так уязвлен, что никому невозможно исцелить его, кроме единого Господа. Ему единому возможно сие (прп. Макарий Египетский, 67, 172).

***

...Спасает человека не собственное его дело, но Даровавший силу (прп. Макарий Египетский, 67, 262).

***

Пострадать же и прославиться со Христом можно тем только, которые в мире сем распяли самих себя и язвы

Господа носят на собственных телах своих (прп. Макарий Египетский, 67, 328).

***

...Спасение даруется Тобою <Господи> людям не за дела праведности, но по одной Твоей благодати (свт. Григорий Нисский, 19, 162).

***

...Благость, премудрость, справедливость, могущество, недоступность тлению — все открывается в понятии домостроительства о нас. Благость постигается в произволении спасти погибшего. Премудрость и справедливость показаны в способе нашего спасения. А могущество видно в том, что стал Он <Бог> в подобии человеческом, в уничиженном виде нашего естества, и смерти подал о Себе надежду, будто бы она в силах, по подобию людей, овладеть и Им; но, быв в ее власти, совершил то, что свойственно Ему по Божеству; свойственно же свету уничтожение тьмы, а жизни — истребление смерти (свт. Григорий Нисский, 21, 54).

***

...Спасителем всех бывает Бог всяческих, между тем как совершает спасение Сын благодатию Духа... (свт. Григорий Нисский, 21, 126).

***

...Бог устрояет наше благо не одинаковым образом, но, как неистощимый в средствах, пролагает нам многие пути ко спасению (свт. Иоанн Златоуст, 44, 187).

***

Не столько мы сами желаем освобождения от грехов и ищем спасения, сколько Он <Бог> спешит и ускоряет даровать нам и избавление от грехов, и блаженство спасения (свт. Иоанн Златоуст, 47, 239).

***

...Ничто так не может доставлять спасения, как постоянное обращение к Нему <Богу>, как сохранение этой надежды, хотя бы стеклось бесчисленное множество обстоятельств, повергающих в отчаяние; это — стена несокрушимая, безопасность невозмутимая, крепость непобедимая. Поэтому, хотя бы обстоятельства угрожали смертию, опасностию, совершенною погибелью, не переставай надеяться на Бога и ожидать от Него спасения, потому что для Него все легко и удобно, и из безвыходных обстоятельств Он может доставить выход. Не тогда только надейся получить Его содействие, когда дела твои текут счастливо, но особенно тогда, когда настанет волнение и буря, когда будет угрожать крайняя опасность; тогда-то особенно Бог и показывает Свою силу (свт. Иоанн Златоуст, 48, 409).

***

...Мы недостойны спасения и за свои дела не можем ожидать ничего доброго, но ради имени Твоего <Господи> ожидаем спасения; нам осталась эта надежда спасения (свт. Иоанн Златоуст, 48, 409).

***

...Спасение человеческое служит для Бога предметом такой заботливости, что Он ради одного кающегося греш-

ника подвергает радости небо и землю (свт. Иоанн Златоуст, 49, 307).

***

Он <Господь> ввел между нами такой образ жизни, такие положил для нас законы, такие установил нравы, что усвояющие их скоро соделываются ангелами и подобными Богу, сколько это возможно по силам нашим, хотя бы сами по себе они были хуже всех людей (свт. Иоанн Златоуст, 51, 80).

***

...Принадлежит это спасение <совершенное Спасителем>, как нам известно, одной лишь Церкви, и никто не может вне Церкви и веры ни быть сообщником Христу, ни спасаться. Зная это, мы понимаем, что спасение всего мира совершается не от дел закона, но во Христе, и безбожным ересям не оставляем никакого основания для надежды, но полагаем их вне всякой надежды, так как они не имеют ни малейшего общения со Христом, но тщетно прикрываются спасительным именем ко вреду и обману тех, кто больше обращает внимание на название и внешность, чем на истину. Итак, пусть никто не отрывает от Христа того, что было издревле, пусть никто не думает, чтобы кто-либо из живших прежде мог спастись без Христа; а тех, кто в наше время переиначивает и извращает истину, кто устраивает лишь суетное и ложное подобие Церкви, чуждое Христу и истине, — тех пусть никто не именует и христианами и не поддерживает общения с ними; да это и невозможно, потому что не выносится из священного дома жертва и не предлагается для общения находящимся вне его (свт. Иоанн Златоуст, 51, 927).

***

Когда мы дошли до отчаяния... и было время суда, когда зло возросло и грехи умножились, тогда Бог явил силу Свою, чтобы уразуметь тебе, как велико у Него богатство правды. Если бы это совершилось в начале, <т. е. после падения Адама>, то не показалось бы настолько удивительным и необычайным, как теперь, когда испытаны уже все способы врачевания (свт. Иоанн Златоуст, 52, 554).

***

Если же Он есть Бог всех, то о всех и промышляет; а если о всех промышляет, то всех равно спасает через веру (свт. Иоанн Златоуст, 52, 556).

***

...Если бы кто, взявши чесоточного, покрытого язвами, удрученного болезнию, старостию, бедностию и голодом, вдруг преобразил его в благообразного юношу, красота которого привлекала бы к себе всех людей, щеки сияли бы, взоры, при каждом мановении, бросали бы солнечные лучи; потом если бы оставил его навсегда в этом цветущем возрасте, а сверх того облек его в багряницу, в диадему и во все царские украшения, — вот так именно и преобразил (Бог) нашу душу, соделав ее и красивою, и привлекательною, и любезною, так что на такую душу желают взирать Ангелы, Архангелы и все другие (Небесные) Силы (свт. Иоанн Златоуст, 54, 11).

***

...Так глубоко были мы погружены во зле, что не могли уже очиститься, но имели нужду в возрождении; ведь это подлинно новое бытие. Как под сгнивший дом

никто не подставляет подпор и не приколачивает ничего к старому зданию, но, разрушив его до основания, снова воздвигает и возобновляет, так поступил и Он <Господь>: не подправил нас, но переустроил заново (свт. Иоанн Златоуст, 54, 872).

***

Бог благоволил не все оставить Себе <в деле спасения человека>, чтобы не показалось, будто Он увенчал нас напрасно, и не все предоставил нам, чтобы мы не впали в гордость (свт. Иоанн Златоуст, 55, 115).

***

...Случаи к спасению, как известно, различным образом устрояет Сам Бог; но с большею или меньшею готовностию подчиниться сим, посылаемым от Бога, случаям зависит от нас (прп. авва Пафнутий, 56, 216).

***

Воля Божия всегда желает, чтобы созданный Им человек не погиб, но вовеки жил. Бог, если заметит в нашем сердце хоть искру расположения к добру, по благосердию Своему не дает ей угаснуть; но желая, чтобы все спаслись и в разум истины пришли, всячески способствует к тому, чтобы она обратилась в пламя... (прп. авва Херемон, 56, 406).

***

...Будем помнить, что в деле спасения нашего участвует и благодать Божия, и свободное произволение наше и что человек хотя может иногда сам собою желать добродетели, но чтобы исполнить желания сии, всегда нуждается в

помощи Божией; подобно как для больного недостаточно одного желания быть здоровым, нужно, чтобы податель жизни — Бог дал силы для здоровья (прп. авва Херемон, 56, 408).

***

Божественная благодать, сраствояясь с человеческим усердием, спасает человека (прп. Исидор Пелусиот, 61, 436).

***

Богу угодно, чтобы мы подали Ему только малый предлог, и Сам уже делает все прочее для нашего спасения (прп. Нил Синайский, 73, 176).

***

...Бог о каждом из нас домостроительствует, как для кого полезно (прп. Нил Синайский, 73, 222).

***

...Где действует Бог, там не надлежит входить в исследование о способе спасения (прп. Нил Синайский, 73, 427).

***

Привяжи обремененную ладью твою к кораблю <святых> отцев твоих, и они управят тебя к Иисусу, могущему даровать тебе смирение и силу, разум, венец и веселие (прп. Иоанн, 29, 224).

***

...Бог хочет, чтобы мы являли к Нему свое усердие, во-первых, трудами (подвижничества и доброделания), потом любовию и непрестанною молитвою, — и Он подаст нам путь спасения (прп. авва Филимон, 91, 366).

***

...Спасутся, сказал Он <Господь>, только эти одни, приобщившиеся Божества Его, как и Сам Он, Творец всего, приобщился нашей природы, как свидетельствует <апостол> Павел, что Церковь Христова — Владычнее и Божественное Тело без пятна вместе и порока и без всякой морщины, каковыми должны быть верные... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 76).

***

В чем спасение-то? В том, чтобы стать причастником святости Божией, а это состоит в воле Божией, то т. е., чтобы Он преподал святость Свою тем, которые управляют сердца свои к Нему и никакой кривости не имеют в помышлениях своих, коих души *уверишася* (Пс. 77, 37), т. е. стали верными Богу и словесам Его... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 129).

***

Поелику спасение всех в едином Боге, то да уготовит каждый себя самого и да приложит труд стать правым, чтобы соделаться достойным милости Божией; потому что кто прав — тот истинен, кто истинен — тот смирен, а кто смирен — тот один и достоин милости. Бог, Который есть

сущая истина, не может миловать того, кто неправ, так как таковой не истинен... Ибо кто любит Бога, тот любит и то, что Ему благоугодно, и отвращается от того, к чему не благоволит Бог. Но неблагоугодное Богу, само собою разумеется, приятно диаволу. Почему всякий человек, который неправ (и следовательно, не любит того, что благоугодно Богу), есть друг диаволу и враг Богу. Таковому какая надежда спасения? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 129—130).

***

Никому невозможно другим образом спастись, если не получит Божественной благодати, имеющей обóжить его или соделать богом по благодати (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 172).

***

...Явно, что спасение наше не утверждается на собственной нашей силе, но на милости Божией во Христе Иисусе. И благодарение Богу, что по великой любви Своей к человеку, и такое хотение человека смесил Он с немощью, чтобы не мог человек, если бы и хотел, содевать доброе, при всем труде своем над тем, дабы таким образом избежать ему самого следа гордыни, которая есть первый грех, источник и корень всякого зла и причина падения человеческого естества. Бог укрепляет наше хотение в том, чтобы мы хотели собственной Его воли, и таким образом отстраняет всякий повод к гордыне и заглаждает всякий след ее. Может быть, спросит кто: «Что же теперь осталось делать человеку самому от себя, чтобы спастися? Если самое хотение имеет нужду в Божественной помощи, что же от него?» Вот что остается на долю человека — выслу-

шать слово о спасении своем, возжелать его и познать Того, Кто может спасти его. О прочем же от всей души и без всякого размышления да просит Бога, могущего спасти его, сохранить цела до конца и довести до совершенства, — Его, говорю, да просит даровать сие ему, положившему доброе начало и возжелавшему приять, да просит сподобить его слышания Слова Божия и всего, относящегося ко спасению, и затем пусть не престает умолять Бога, пока не улучит желаемого, т. е. спасения своего. Ибо то — первое есть дарование, какое подает Бог, чтобы сподобиться услышать кого-либо, кто бы возвестил о спасении. Проповедники посылаются, чтобы проповедать тем, которые не ведают истины. И то воистину есть дар Святого Бога, что Он посылает проповедников. Второе дарование есть, чтобы услышавший проповедников спасения послушался их; такое послушание естественно людям, когда слышат истину. Оно в начале вложено в них Богом; почему Христос Господь великую приложил угрозу тем, которые не послушаются Евангелия, говоря: *которые не примут вас и не послушают вас, отраднее будет земле Содомской и Гоморрской, нежели им* (ср.: Мф. 10, 15; Мк. 6, 11). Послушание истине есть отличительное свойство разумной природы. Третье дарование Божие есть мысленный свет, который приемлют наипаче новопросвещенные. Ибо коль скоро кто, услышав проповедь о спасении, послушается ее, то явно, что он уже возжелал улучить спасение, но не видел еще благообразия и красоты его; для сего потребно, чтобы Божественный Свет таинственно осенил его свыше. И сей Свет мысленно просвещает очи души и явно представляет ей следующие две вещи: благообразие спасения и срамоту грешника, поскольку он грешник есть, хотя уже взыскал спасения. После же сего что бывает? Поколику

душа, когда полагает начало возжеланию спасения своего, имеет волю еще слабую, ленивую, бессильную на то, чтобы всецело возжелать спасения своего, то, восчувствовав такую слабость и леность воли своей, она взыскивает силы от Бога, чтобы Он укрепил волю ее и дал ей всецело возжелать спасения. Тогда же познает она во истине, сколь молитва ее бедна и слаба и, как трость, колеблется противными духами, т. е. демонами. Почему после того, как воля ее укреплена бывает Богом, первым делом имеет она трудиться и подвизаться в том, чтобы умолить Бога ниспослать ей дар молитвы, да будет молитва ее всегда движима Духом Святым. Когда же сподобится она дара сего, тогда ходатайствовать о ней воздыханиями неизглаголанными начинает уже Сей Дух Святый, посетивший душу, взывая: Авва Отче, так, однако же, что сей глас Духа Святаго бывает собственным гласом тех, которые восприяли Святаго Духа. Сею-то благодатною молитвою возращаются в душе духовные плоды, т. е. любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 361—363).

***

...Спасение наше все соделывается силою Господа нашего Иисуса Христа. Того ради и называется Он Царь и Господь, что царствует и господствует во всяком, кто верует в Него, благодатию Духа Святаго, и как Царь и Господь верных своих содевает в них и через них, что Ему благоугодно, бывая для тех, кои предают себя Его царству и господству, путеводителем, правителем, учителем, пестуном, предстателем, помощником, избавителем от всякого греха (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 363).

***

Не говори: «Я исповедался и исповеданием очистил грехи свои; я столько уже лет ищу спасения; я столько иждил имущества и раздал денег на бедных, питал алчущих, поил жаждущих и все свое достояние расточил на нуждающихся; я ходил на Святую гору (Афон), был у святого Гроба Господня, восходил на Елеон, посещал Синай, — и теперь живу особо в уединенном месте, держу пост в такие и такие дни, творю столько-то молитв и прочее. За все это надеюсь спастися, — и довольно для меня». Ни, о брате мой, кто бы ты ни был, говорящий сие, ни, не обольщай себя, утешаясь такими суетными помышлениями, неразумно сплетаемыми тобою. Все это хорошо, и очень хорошо. Но знай, возлюбленный, что это только семя. — И рассуди теперь сам, что скажу тебе примерно: «Ты очистил место, вскопал, и еще дважды перекопал землю, и засеял ее; но проросло ли семя из глубины земли сердца твоего? Вырос ли стебель и заколосился ли? Забелели ли нивы душевной земли твоей и готовы ли к жатве? Срывал ли ты колосья и тер ли их в руках своих, чтобы видеть, каков плод трудов твоих? Увидевши его, вкусил ли? Вкусивши, насытился ли и подкрепился ли? Если все это ты увидел, осознал, испытал, восчувствовал — кланяюсь тебе, лобызаю ноги твои и самые следы ног твоих, почитая себя недостойным поцеловать тебя в лицо. Радуйся и веселись, ибо явно, что ты пожинаешь с великою радостию, что посеял с немалым трудом и потом. Если же не имеешь и не чувствуешь в себе ничего из того, что я тебе говорю, и даже не знаешь, посеялось ли какое доброе семя на земле сердца твоего, то какая же, скажи мне, прибыла тебе польза от того, что ты окружил почти всю землю и достиг до последних краев моря? Поистине никакой не получил ты от того пользы, даже и от того,

если при том раздавал деньги. Ибо если я весь мир помилую из того, что не мое — скажу, впрочем, пусть и мое, — себя же самого оставлю нагим и скудным внутреннею добротою духовною и умерши предстану таким перед страшным судилищем Спасителя, то какая мне польза от всего прочего? Нам надлежит выйти из мира и тела одеянными и украшенными всякою духовною добротою, если желаем достойно восседать за Царскою Трапезою на брачной вечери вместе с друзьями Царя. Что же это есть такое, во что я и все вообще христиане должны облещися, чтобы не оказаться тогда нагими?.. Что же мне делать, чтобы не лишиться Царствия Небесного? Если стану делать все, о чем сказано выше, то получу Духа Святаго. Сей Дух есть семя Христа. Силою Его мы все, бедные и тленные человеки, соделываемся сродниками Христу» (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 200—202).

***

Поверьте мне, братия мои, что нет другого, более легкого пути ко спасению, как последовать Божественным повелениям Христовым. Впрочем, потребны нам и слезы многие, и страх великий, терпение большое и непрестанная молитва, чтобы открылась нам сила хотя одного Владычнего слова, да познаем великие таинства, сокрытые в малых словесах, и предадим души свои на смерть и за самую малую заповедь Христову (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 237).

***

...Те, которые возжелали увидеть землю обетования, которую видеть сподобляются кроткие, смиренные и нищие (духом), с удовольствием подъемлют всякую тесноту,

скорбь, скудость, нищету, — и всеусильно воздерживаются от всякой телесной сласти, покоя и чести, отдаляются от всякого человека, и малого, и великого, и бегают их без ненависти, чтобы сподобиться внити в землю обетования, прежде чем пресечется течение настоящей жизни, т. е. прежде чем умрут. Таковые много смиряются и, почитая себя истинно злонравными, многогрешными, врагами Бога и преступниками заповедей Его, проводят жизнь в скорбении, печаловании и покаянии и всячески стараются узнать, что бы еще следовало им сделать, чтобы примириться и содружиться со Христом Господом. За это и Господь дарует им, наконец, не только познать, что надлежит им делать, чтобы примириться с Ним, но дает им силу и терпение и делом совершить все, потребное для того, чтобы увидеть и стяжать над всем и во всем сущего Бога и после того жить уже как на небе и там иметь свое обиталище, хотя находятся в горах, в пещерах, в кельях, в городах, и таким образом служить Ему с удовольствием и отрадностию, с радостию и веселием неизглаголанными (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 349—350).

***

Цель всех по Богу живущих есть — благоугодить Христу Богу нашему и примириться с Богом Отцом через приятие Святаго Духа — и таким образом устроить свое спасение... (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 34).

***

Страх, наперед сочетавшись с душою, через покаяние делает ее чреватою помышлением о суде. Тогда окружают ее болезни адских мучений (см.: Пс. 114, 3), воздыхания и скорбные томления с сжатием сердца терзают ее, при

помышлении о будущем воздаянии за дела злые. Потом она, многими слезами и трудами во чреве помышление зачатое (намерение содевать спасение) возрастивши, рождает на земле сердца своего дух спасения (решимость), и, освободившись от мучений при мысли об аде и избавившись от стенаний под действием представлений суда, воспринимает в себя вожделение и радость будущих благ и сретается другинею — чистотою с целомудрием, кои искреннею любовью сочетавают ее с Богом. — С Богом же сочетавшись, душа ощущает неизреченную сладость и от сего с удовольствием уже и наслаждением проливает слезы умиления, чуждою делается сочувствия всему, что в мире, и, как бы в исступлении сущи, течет вслед Жениха... Жених же, введши ее в сокровищехранительницу сокровенных Своих таин, делает ее созерцательницею существа творений с премудростью (прп. Никита Стифат, 93, 135).

***

...Ни пост, ни псалмопение, ни молитва сами по себе не могут нас спасти, но спасает совершение их перед очами Божиими; ибо, как солнце согревает освещаемое им, так очи Господни, взирая, освящают нас. Совершается же это перед лицем Божиим тогда, когда ум выдержанно взирает на Него, и по причине взирания на Него совершаются пост, и пение псалмов, и молитвы; но когда во время молитвы и псалмопения дух по временам простирается к Богу, по временам же приходит в упадок и беспокойство, то долженствует разуметь, что мы еще не всецело предали себя Богу и не в законе Божием вся цель того, что нами совершается; посему насколько мы отступаем от дел праведности, настолько не можем пребывать перед очами Божиими. *Не пребудут беззаконницы перед очима Твоима,*

говорится (ср.: Пс. 5, 6). Но мы, лежащие израненными, будем призывать Господа, могущего возложить на наши раны пластырь и перевязать их (свт. Григорий Палама, 26, 93).

***

Предвечное и неописанное Слово Божие и Вседержитель и Всемогущий Сын мог бы и без того, чтобы воплотиться, всячески избавить человека от тления, смерти и рабства диаволу, ибо все держится Словом силы Его и все послушно Божественной Его власти, как говорит Иов: «Ничто не невозможно для Него» (см.: Иов 37, 2—7), потому что власти Творца не может противостоять сила твари и нет того, что было бы сильнее Вседержителя. Но более соответствующий нашему естеству и немощи и наиболее отвечающий Совершителю был тот способ, который был благодаря воплощению Слова Божия, как способ, заключающий в себе и принцип правосудия, без чего ничто не совершается Богом... (свт. Григорий Палама, 26, 153).

***

Поскольку справедливо мы были преданы в рабство диаволу и смерти, то долженствовало, конечно, чтобы и возвращение человеческого рода в свободу и жизнь было совершено Богом по принципу правды. Но не только Божественным правосудием человек был отдан в рабство позавидовавшему ему диаволу, но и сам диавол, отстранив от себя праведность, беззаконно же став любителем власти и самодержавия, лучше же сказать, тирании, противящимся правде, насилием действовал против человека. Итак, Богу было угодно сначала принципом правды низложить диавола — именно как тот является ее нарушителем, — а затем

уже и силою (низложить его) в день Воскресения и будущего Суда; ибо это — наилучший порядок: чтобы правда предшествовала силе, и есть дело Божественного поистине и благого владычества, а не тирании, где правда могла бы лишь следовать за силою. Происходит известная параллель: как от начала человекоубийца диавол восстал на нас по зависти и ненависти, так Начальник жизни подвигся за нас по преизбытку человеколюбия и благости; как тот беззаконно жаждал уничтожения Божией твари, так Творец сильно желал спасти дело Своего творения; как тот, действуя беззаконием и обманом, соделал себе победу и падение человека, так Избавитель в праведности и премудрости нанес полное поражение начальнику зла и совершил обновление Своего создания. Итак, Бог мог бы действовать силою, но не сделал этого, а поступил так, как это соответствовало Ему, именно действуя принципом правды. На основании же сего самый принцип правды (правосудия) приобрел особое значение, именно по той причине, что она была предпочтена со стороны Того, Кто обладает силою непобедимою; подобало же и людей научить, чтобы они через дела проявляли праведность ныне, в это тленное время, дабы во время бессмертия, прияв силу, имели ее нетеряемой (свт. Григорий Палама, 26, 154—155).

***

...Раньше для нас было закрыто небо, и мы были сынами гнева, который заключался в том, что мы справедливо были оставлены Богом, вследствие нашего греха и неверия; но ради безгрешности во Христе нашего естества и послушания Богу мы стали чадами благоволения, связанные воедино со Христом, и возлюбленные сыны и небо

отверсто для нас, чтобы и на нас сошел Дух Божий и пребывал в нас, и в надлежащее время мы были подъяты Им на небо, когда Воздвигший Христа из мертвых оживит и наши смертные тела, через обитающего в нас Духа Его, претворяя тело смирения нашего и творя его сообразным Телу славы Христовой, через Которого мы обогатились бессмертием и воззваны на небеса, где выше всякого начала и власти, одесную Величия, посажено на престоле наше естество. О, глубина богатства, и премудрости, и человеколюбия Божия! До такой степени знал Бог, как переделать наше преступление, происшедшее по добровольному уклонению (от Него), на несравненно лучшее, Своею премудростью, и силою, и человеколюбием! Ведь если бы не сошел с небес Сын Божий, для нас было бы безнадежным возвращение на небо; если бы Он не воплотился и не пострадал плотию, и не воскрес, и не вознесся ради нас, мы бы и не познали бездну любви к нам Бога; ибо, если еще в то время, когда мы были нечестивцами Он не воплотился бы ради нас и не подъял страдания, мы, которые вознесены Им на такую высоту, не были бы удержаны от низкопробной гордыни. Ныне же, когда, ничего не привнесши от себя, мы подъяты на высоту, мы пребываем в смирении и, с осознанием взирая на величину обетования и благодеяния, всегда становимся смиреннее, — в чем и спасение (свт. Григорий Палама, 26, 161—162).

***

Спасение наше — Бог наш, не наши дела. Делами веры, т. е. исполнением Евангельских заповедей, мы доказываем истину нашей веры и верность нашу Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 531).

***

...Погибель наша совершилась через уничтожение общения нашего с Богом и через вступление в общение с падшими и отверженными духами. Спасение наше заключается в расторжении общения с сатаною и в восстановлении общения с Богом... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 328).

***

В направлении ума к Истине, в пребывании ума в Святой Истине — Христе, заключается сущность спасения нашего (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 114).

***

Бог никого не неволит спастися, а предлагает на выбор, и только того, кто изберет спасение, спасает. Если бы не требовалось наше произволение, Бог всех в одно мгновение сделал бы спасенными: ибо всем хочет спастися (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 84).

***

Забота сия <о спасении> ваше ли дело? Нет! Это Господь всеял ее. Если же Он всеял, то можно ли сомневаться, что Он и даст вам спасение?.. (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 133).

***

Все свое спасение отдать надо в руки Господу — самый верный, надежный, благий и мудрый путь (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 29).

***

...Господь спасает всех прибегающих. Только тех не спасает, которые сами себя спасать хотят (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 47).

***

...В деле нашего спасения извольте различать две стороны: устроение спасения Господом Спасителем, или домостроительство спасения, и потом приложение сего ко спасению каждого, или соделывание спасения каждым (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 4).

***

Бог не хочет смерти грешника, но и произволения не насилует и только все делает для склонения произволения на добро (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 60).

***

...Предуставление от уверования, а непредуставление от неуверования. Видит Бог наперед жизнь человека в целом... и решает: сему быть в числе верующих и спасенных, а сему не быть (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 60).

***

Бог все употребляет, чтобы образумить человека: одно не смиряет его, другое делает для него, — другое безуспешно, третье употребляет... так до конца. Кто покоряется, тот спасается; и кто не слушается, начиная с первого вразумления до последнего, тот все более и более ожестевает и, наконец, делается никуда негожим и неисправимым... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 61).

Признаки спасения

Смирение же, послушание, любовь, терпение и долготерпение — вот что спасает человека (прп. Ефрем Сирин, 30, 228).

***

...Никто из имеющих рачительность не останется без возможности спастись... (прп. Макарий Египетский, 67, 343).

***

...Никто из нерадивых, беспечных и недеятельных никогда не может спастись... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 578).

***

...Ни целомудрие одно только без прочих добродетелей, ни попечение о бедных, ни благотворительность, ни иной какой-либо подвиг не может спасать, но требуется, чтобы все вместе стеклось в наши души; молитва же лежит под этим, как корень и основание (свт. Иоанн Златоуст, 45, 835).

***

...Спасение происходит из благодати, не думай, что оно совершается ненамеренно и безразлично. Но как — из благодати? Если кто делает что-либо, достойное благодати (свт. Иоанн Златоуст, 49, 160).

***

Подлинно, спасаемый получает двойную благодать: и оживотворяется душой, и окрыляется, подобно птице, вос-

паряет в небесные своды, делается сожителем Ангелов и занимает место наряду с небесными Чинами (свт. Иоанн Златоуст, 49, 768).

***

...Мы, если хотим наследовать небеса, всеми силами должны стараться стяжать добродетель смирения (свт. Иоанн Златоуст, 50, 639).

***

...Для нашего спасения недостаточно крещения, если после него не покажем жизни, достойной этого дара (свт. Иоанн Златоуст, 52, 645).

***

...Действительная сила спасения состоит не в том, чтобы не делать зла, но в том, чтобы (самим мужественно) терпеть зло (свт. Иоанн Златоуст, 53, 471).

***

Если бы достаточно было одной любви <Божией>, тогда все должны были бы быть спасены; если же с другой стороны достаточно нашей добродетели, то излишне было бы явление Его (Сына Божия) в мире и (излишне было бы) все домостроительство Его. Итак, это делается и не по одной любви, и не за нашу только добродетель, но под условием той и другой вместе (свт. Иоанн Златоуст, 54, 10).

***

Если со смиренным мудрованием, памятью о смерти, самоукорением, противоречием (помыслам) и призывани-

ем Иисуса Христа всегда пребываешь ты в сердце своем, и с сими орудиями трезвенно проходишь каждый день мысленный путь, — тесный, но радостотворный и сладостный, то внидешь во святые созерцания святых и просвещен будешь ведением глубоких таин от Христа... (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 171).

***

Никто не восходил на небо, живя прохладно (прп. Исаак Сирин, 58, 158).

***

Хотящие же спастись не обращают внимания на недостатки ближних, но всегда смотрят на свои собственные и преуспевают (прп. авва Дорофей, 29, 84).

***

...Верующий боится Бога; боящийся Бога смиряется; смиряющийся кротким делается, прияв настроение, недоступное для неестественных движений гнева и похоти; кроткий соблюдает заповеди; соблюдающий заповеди очищается; очистившийся озаряется; озарившийся сподобляется совозлежать с Женихом (прп. Максим Исповедник, 91, 230—231).

***

Спасение же есть избавление от всех зол и вечное обретение в Нем <Боге> всех благ, дарующее вместо смерти жизнь, вместо тьмы — свет, вместо рабства страстям и постыднейшим деяниям совершенную свободу — всем соединившимся со Христом — Спасителем всех, которые приобретают тогда всякую радость неотъемлемую, всякое ве-

селие и всякое радование (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 77).

***

...Тем, которые делают зло, которого могли не сделать, и не делают добра, которое могли делать, нет спасения, пока они таковы. Но и о тех, которые делают добро, нельзя еще сказать, что они по тому самому имеют уже в себе самих все, чем устрояется спасение. Они только сделали все, что должны были сделать, подобно тому как всякий раб делает, что должен делать, чтобы не быть биту (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 130).

***

Условия спасения заключаются в вере во Христа, в жительстве по заповедям Божиим и во врачевании покаянием недостатков исполнения заповедей: следовательно, спасение предоставлено, и оно возможно всем, при обязанностях и служениях посреди мира, не противных закону Божию (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 467).

***

Тогда только осеняет человека надежда спасения, когда он увидит себя в невидимой брани постоянным победителем (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 166).

***

...Для спасения тех, которые не веруют во Христа, необходима вера во Христа; а для спасения верующих во Христа необходимо жительство по заповедям Божиим (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 206).

***

Неверующий — не христианин — не имеет благодати, а безблагодатный не имеет спасения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 83—84).

Начало спасения — осознание своей греховности

Кто от всего сердца не возымеет ненависти к тому, что свойственно вещественной и земной плоти, и ко всем ее движениям и действиям, и ума своего не восторгнет горе́ к Отцу всех, тот не может получить спасение. Кто же сделает это, над трудами того умилосердится Господь наш, и дарует ему невидимый и невещественный огнь, который попалит все находящиеся в нем страсти и совершенно очистит ум его. Тогда возобитает в нем Дух Господа нашего Иисуса Христа, и пребудет с ним, научая его поклонению Отцу достодолжному. Но пока мы соуслаждаемся вещественной плоти своей, дотоле врагами бываем Богу, и Ангелам Его, и всем святым. Умоляю же вас именем Господа нашего Иисуса Христа, не нерадите о жизни вашей и спасении вашем, и не попустите этому времени мгновенному похитить у вас вечности, которой конца нет, и этому телу плотяному лишить вас Царства Светов, беспредельного и неизглаголанного. Истинно смущается душа моя и дух мой цепенеет от того, что, когда нам свобода дана, чтобы избирать и делать дела святых, мы, опьяневши страстьми, подобно пьяным от вина, не хотим умов своих воздвигнуть горе́ и взыскать вышней славы, не хотим подражать деяниям святых или последовать стопам их, чтобы, сделавшись наследниками дел их, получить вместе с ними и наследие вечное (прп. Антоний Великий, 89, 30).

***

Как те, кои по каким-либо потребностям и обстоятельствам вынуждаемы бывают переплывать большие реки, если бывают трезвы, сохраняют жизнь, ибо хотя бы случилось сильное стремление вод, хотя бы даже зачерпнулась и вода лодкою, — они спасаются, ухватившись за что-либо, бывающее обычно при берегах; если же бывают пьяны, то хотя бы тьмократно покушались доплыть до края, будучи одолеваемы вином, погружаются в волнах и остаются вне круга живых: таким же образом, если и душа, впадши в волны и кружение течений жизни, сама не возникнет из-под плотолюбия и не познает самой себя, — именно что она, будучи Божественной и бессмертной, соединена с вещественным телом, маловерным, многострастным и смертным только на испытание, и позволит себе увлечься плотскими страстями на пагубу себе; то как презрительница себя самой, пьяная неведением и о себе незаботящаяся, погибает и остается вне круга спасаемых. Ибо тело, подобно реке, часто увлекает нас к непотребным удовольствиям (прп. Антоний Великий, 89, 88—89).

***

...До начатия новой жизни надобно положить конец жизни предшествовавшей (свт. Василий Великий, 7, 240).

***

...Если бы не все было необходимо нам для достижения цели спасения, то не все заповеди были бы написаны и не о всех повелевалось бы соблюдать их необходимо. Что мне пользы в других заслугах, если, назвав брата уродом, буду повинен геенне (см.: Мф. 5, 22). Что пользы в

свободе от многих тому, кто одним удерживается в рабстве? Ибо сказано: *творяй грех раб есть греха* (Ин. 8, 34). Какая выгода быть избавленным от многих страданий тому, у кого тело повреждено одной мучительной болезнью? (свт. Василий Великий, 9, 75—76).

***

Желающие спастись должны обращать внимание не на падения других, но на себя самих (прп. Ефрем Сирин, 30, 579).

***

Приступивший к любомудрию в конце своей жизни употребляет все время на то, чтобы посильно омыть грехи, соделанные в прежнем возрасте, и на это истощается все его усердие; но часто он не успевает и в этом, а отходит отсюда с остатками ран; а кто с юных лет вступил в подвижничество, тот не тратит времени на это и не сидит, врачуя свои раны, но с самого начала уже получает награды... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 115).

***

...Наше спасение нуждается в перемене прежнего состояния для того, чтобы мы стали другими по сравнению с тем, что мы — теперь, для того чтобы мы перестали быть тем, чем являемся ныне, начали иную жизнь, которую проводили до преступления (свт. Иоанн Златоуст, 45, 922).

***

Чтобы (слушатели) не подумали, что примирение <с Богом> состоит только в том, чтобы веровать в Призываю-

щего, он <Апостол> требует еще исправления жизни, потому что, получивши прощение грехов и примирившись (с Богом), жить опять по-прежнему значит то же, что снова возвратиться к вражде и, в рассуждении жизни, напрасно принять благодать (свт. Иоанн Златоуст, 53, 580).

***

...Недостаточно для спасения только раздать имение свое; надобно еще, как разбрасываешь деньги свои, отбросить и всякое мудрование плотское и душу свою одеять благодатию Святаго Духа; коротко выражаясь, надобно всего себя принести в жертву Богу и душою, и телом: тело свое надо упражнять телесным деланием в подвигах добродетели, приобучая себя ко всяким прискорбностям ради Бога, чтобы благодушно претерпевать горькость поста, тяготу бдения, суровость воздержания и всякое другое телесное злострадание; а душу обучать страху Божию благоговеинством в духе, заставляя ее мудрствовать, что подобает мудрствовать, и всегда помышлять о том, что относится к вечной жизни, быть тихою, смиренною, кроткою, сокрушенною и умиленною, да плачет и слезы проливает день и ночь, испрашивая себе молитвою свет и благодать Святаго Духа, обыкновенно приходящую в душу через посредство теплого покаяния, после того как очистится она многими слезами, без которых невозможно ни одеянию души убелиться, ни взойти ей на высоту созерцания. Ибо как обыкновенную одежду, когда она запятнается и испачкается, нельзя убелить иначе, как полосканием в воде и трением руками и ногами, так и одеяние души, когда она запятнается и осквернится грехами, нельзя иначе очистить, как многими слезами и терпением искушений и скорбей (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 196—197).

***

Если кто из нас не познает, что он есть Адам, тот, который согрешил перед Богом в раю, то как может он признать и думать, что нисшествие Сына и Слова Божия было для него? Такой уж по падении установился закон, что как каждый из нас бывает Адамом, т. е. человеком тленным и смертным, не по причине собственного своего греха, а по причине преслушания прародителя нашего Адама, от семени которого происходим; так опять каждый из нас бывает Христом, нетленным и бессмертным, не ради добродетелей своих, но ради послушания Второго Адама, Который есть Христос, Господь наш, сошедший с неба, соделываясь кость от костей Его и плоть от плоти Его. И как тление и смерть из рода в род переходят от ветхого Адама, так нетление и бессмертие переходят в христиан от Нового Адама. Как то, что мы причастники естества праотца Адама, падшего, познаем мы по тому признаку, что и мы грешим и преступаем заповеди Божии; так и то, что мы бываем причастниками Божественной благодати второго родоначальника нашего Христа Господа, познаем по тому признаку, что не грешим более, коль скоро получаем Божественную благодать сию. Мы почерпаем от полноты Христовой, подобно тому как из какого-либо источника огня возжигались бы мириады лампад, и чем больше бы возжигались, тем более он изобиловал бы огнем и источал его из себя; ибо Христос, как Бог, преисполнен всяким добром (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 316).

***

...Когда и ты, оставив греховный навык, не будешь противоречить презирающим тебя за грехи и поносящим, но вместе с ними осудишь себя, признав себя действитель-

но достойным сего, и в сокрушении, путем молитвы притечешь к единой милости Божией, то знай, что ты спасен, хотя бы и был мытарем (свт. Григорий Палама, 26, 28).

***

На познании и сознании <нашей> немощи зиждется все здание спасения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 532).

***

...Ревнуя о спасении, все внимание должно обращать на устроение сердца или на впечатление в нем истинно христианских чувств и расположений... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 5).

Спасение грешников

Кто хочет спастись (в мироотречном образе жизни), пусть не остается в доме своем и не живет в том городе, в котором грешил; также пусть не посещает родителей своих и ближних по плоти; ибо от этого бывает вред душе и гибнут плоды жизни (прп. Антоний Великий, 89, 94).

***

Не отчаивайся в себе и не говори: «Не могу уже спастись». Напротив того, очень еще можешь спастись. Возлюби страх Божий всей душой своей, и он уврачует раны твои и впредь сохранит тебя неуязвляемым (прп. Ефрем Сирин, 31, 258).

***

Непрестанно устрояй свое спасение, особливо же когда приближается конец жизни. Наступила старость — это

провозвестница, которая извещает об исходе. Всякий готовься, потому что близок суд (свт. Григорий Богослов, 16, 209).

***

...Не столько имеют препятствий на пути ко спасению те, которые владеют немногим, сколько те, которые погружены в бездну богатства, потому что страсть к богатству тогда бывает сильнее (свт. Иоанн Златоуст, 50, 645).

***

Нет никакой пользы для нашего спасения от правых догматов, когда наша жизнь развращена (свт. Иоанн Златоуст, 51, 39).

***

Недостаточно ведь еще не ходить по плоти, но должно ходить по духу, потому что для нашего спасения нужно не только уклоняться от зла, но и делать добро. А это будет, если мы душу предадим духу, а плоть убедим познавать свое положение. Таким образом мы и ее сделаем духовною, равно как если станем предаваться беспечности, сделаем душу плотскою (свт. Иоанн Златоуст, 52, 647).

***

...Недостаточно лишь уверовать и подвизаться как-нибудь, но если мы не будем подвизаться так, чтобы показать себя безукоризненными до конца и достигнуть награды, то не получим никакой пользы (свт. Иоанн Златоуст, 53, 223).

***

Благодать не спасет нас при нечистой жизни; напротив, еще более повредит нам и усугубит грехи наши, если мы после такого познания и дара возвратимся к прежним беззакониям (свт. Иоанн Златоуст, 53, 580).

***

Не говори: будет еще время, когда должно обратиться; такие слова весьма прогневляют Бога. Почему? Потому что Он обещал тебе бесконечные веки, а ты не хочешь потрудиться и в продолжение настоящей жизни, краткой и скоропреходящей, и оказываешься так нерадив и малодушен, что ищешь даже этой кратчайшей жизни (свт. Иоанн Златоуст, 53, 661).

***

...Едва меньшая часть мира спасается. Но погибающие радуются, слыша, что не они одни будут терпеть это <вечные муки>, но вместе со многими другими. И чему тут радоваться, когда за самую радость они будут наказаны? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 689).

***

Многоразличная премудрость с многоразличным и неисследимым благоволением устрояет спасение людей и каждому сообщает Свою благодать по мере его приемлемости, так что даже самые чудодейственные исцеления производит не по однообразному величию своего всемогущества, но по мере веры врачуемых... (прп. авва Херемон, 56, 416).

***

Душа желает спастись, но, вожделевая благ суетных и о них заботясь, бегает трудов по делу спасения. Хотя по истине не заповеди тяжки, а злые пожелания наши (прп. Зосима, 91, 111).

***

Хотя не все могут быть бесстрастны, однако спастись и примириться с Богом всем не невозможно (прп. Иоанн Лествичник, 57, 189).

***

Если хотите спастись, никакого нет к тому препятствия или преграды (прп. Феодор Студит, 92, 55).

***

Не дадим же себе, братие, дни спасения нашего ижидать в бездействии, лености и нерадении и время жизни нашей проводить без пользы (прп. Феодор Студит, 92, 350).

***

Ревнующих о спасении прошу паче и паче ревновать; а нерадивых молю восстать от нерадения и беспечности (прп. Феодор Студит, 92, 567).

***

Нет непреодолимого препятствия спастись тому, кто искренно возжелает сего... (прп. Феодор Студит, 92, 572).

***

...Спасти их <людей> без их воли и по принуждению — это показалось бы скорбным для не желающих спастись (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 86).

***

...Те, которые вращаются в многолюдстве и проводят жизнь в треволнениях мира, если ведут себя как должно, обретают спасение и сподобляются от Бога великих благ ради веры... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 28).

***

Тех, которые познали худость и бедственность жизни, которою живут, враг успевает удерживать в своей власти наибольшей частью следующим простым, но всесильным внушением: «После, после; завтра, завтра». И бедный грешник, прельщаясь тенью доброхотства, представляемого таким внушением, решает: «В самом деле, завтра; ныне я покончу свое дело и потом с полнейшей беспопечительностью предам себя в руки благодати Божией и неуклонно потеку путем духовной жизни; ныне сделаю то и то, а завтра покаюсь». Сеть эта вражеская, брате мой, которою он уловляет многих и премногих и держит в своих руках весь мир. Причина же, по которой эта сеть так удобно осечивает нас, есть наше нерадение и ослепление. Ничем другим, как нерадением и ослеплением, нельзя объяснить того, что в таком важном деле, от которого зависит все наше спасение и вся слава Божия, мы не беремся... тотчас с полною решимостью и энергией сказать в себе: «Сей-

час! Сейчас начну духовную жизнь, а не после; ныне покаюсь, а не завтра. *Ныне, сейчас* в моих руках, а *завтра* и *после* в руках Божиих. Но если и благоугодно будет Господу дать мне *завтра* и *после,* могу ли я быть уверенным, что и завтра найдет на меня это благое и понудительное помышление об исправлении жизни?» К тому же что за бессмыслие говорить, например, когда предлагается верное средство от болезни: «Погоди, дай еще поболю немного!» А отлагающий дело спасения совершенно походит на такого. Итак, если желаешь избавиться от прелести вражеской и победить врага, тотчас берись за надежное против него оружие, тотчас послушайся делом добрых помышлений и Божиих тебе внушений, зовущих тебя к покаянию, не допускай ни малейшей отсрочки и не позволяй себе сказать: «Я положил твердое намерение покаяться немного после, и не отступлю от этого намерения». Нет, нет, не делай так. Такие решения всегда оказывались обманчивыми, и многие-премногие, понадеясь на них, оставались потом нераскаянными до конца жизни, по разным причинам.

а) Первая та, что собственные наши решимости не бывают основываемы на неверии себе и на крепком уповании на Бога. Почему не бываем чужды гордостного о себе мнения, неотложным следствием которого всегда бывает удаление от нас благодатной Божией помощи, и вместе с тем неизбежное падение. От сего решающий в себе: завтра непременно брошу путь греха — встречает всегда противное тому — не восстание, а горшее падение, а там опять падение за падением. И Бог промыслительно иногда попущает сие, чтобы привесть самонадеянного в сознание своей немощи и побудить ко взысканию Божией помощи, единой надежной, с отвержением и попранием всякой на-

дежды на себя. Хочешь ли знать, человече, когда крепки и благонадежны будут твои собственные решимости? Когда не будешь держать никакой на себя надежды и когда они у тебя основаны будут на смирении и крепком уповании на единого Бога.

б) Вторая та, что при таких наших решимостях имеется в виду преимущественно красота и светлость добродетели, и они-то привлекают к себе нашу волю, сколько бы она ни была слаба и немощна; причем, конечно, трудная сторона добродетели ускользает из внимания потому, что желание красоты добродетели сильно влечет волю; завтра же, когда между тем привнидут обычные дела и заботы, оно не будет уже так сильно, хотя принятое намерение еще помнится. При ослабшем желании и воля слабеет, или вступает в естественную свою немощность, вместе же с тем и трудная сторона добродетели выступит вперед и предстанет перед очи; потому что путь добродетели по существу своему труден, и труднее всего бывает он при первом шаге. Пусть теперь положивший вчера ныне вступить на сей путь, приступит к сему, — он уже не будет иметь в себе никакой опоры к исполнению сего: желание не напряжено, воля ослабла, перед очами одни препятствия — и в себе, и в порядках своей обычной жизни, и в обычных сношениях с другими. Он и решает: подожду пока, соберусь с силами; и пойдет таким образом ждать день ото дня, и не дивно, если прождет и всю жизнь. А приступи он к делу вчера, как только пришло воодушевительное желание исправиться, сделай то или другое по требованию сего желания, введи в жизни что-нибудь в духе его — ныне и желание, и воля не были бы так слабы, чтобы отступать перед лицом препятствий. Препятствий не миновать, но, имея в себе опору, он, хоть с трудом, преодолел

бы их. Пробудь он весь день в этом преодолевании, на другой они оказались бы гораздо менее чувствительными, а на третий еще менее. Дальше и дальше — и установился бы он на добром пути.

в) Третья та, что добрые возбуждения от сна греховного не только неохотно опять приходят, быв оставлены без исполнения, но и когда приходят, не производят уже того действия на волю, которое оказали в первый раз; воля не столь быстро склоняется тещи вслед их, и вследствие того решимость на то, если и появится, слаба бывает, не энергична. Но если более сильное возбуждение человек смог отложить до завтра и потом совсем потерять, то тем удобнее поступит он так же и со вторым, и еще тем удобнее с третьим. И так далее: чем чаще отлагается исполнение добрых возбуждений, тем слабее бывает их действие; потом дело доходит до того, что они совсем делаются бездейственными, приходят и отходят бесследно, а наконец и приходить перестанут. Человек предается в руки падения своего; сердце его ожестевает и начинает отвращение иметь к добрым возбуждениям. Так отлагательство делается прямым путем к конечной погибели (прп. Никодим Святогорец, 70, 128—131).

***

...Каждый человек, истратив свою жизнь неправильно, в противность назначению Божию, во вред своему спасению и блаженству в вечности, есть по отношению к самому себе и тать, и разбойник, и убийца. Этому злодею посылается крест как последнее средство ко спасению, чтобы злодей, исповедав свои преступления и признав себя достойным казни, удержал за собою спасение, дарованное Богом (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 330—331).

***

Мнение, будто в мире нельзя спастись, верно, если жить по-мирски (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 27).

Скорби на пути ко спасению

...Верующий Господу боится <вечного> мучения, а боящийся мучения соблюдает заповеди; соблюдающий заповеди терпит скорби, а терпящий скорби приобретает надежду на Бога; надежда эта удаляет ум от всякого пристрастия, а удалившийся от него приобретет любовь к Богу. Если кто-либо захочет делать это, тот спасется где бы то ни было (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 26).

***

Скорбно шествование по сему <спасительному> пути, но блаженно упокоение. Жестоко шествование, но воздаяние — радость; стеснительно шествование, но место отдохновения пространно. Шествование по оному — покаяние, пост, молитва, бдение, смиренномудрие, духовная нищета, небрежение о плоти, рачение о душе, возлежание на голой земле, воспрещение себе омовений, голод, жажда, нагота, милостыня, слезы, плач, воздыхание, коленопреклонения, бесчестие, гонения, разграбления, заушения, рукоделия, беды, наветы. Шествование по оному пути — быть укоряему и терпеть, быть ненавидиму и не питать ненависти, злострадать и воздавать за сие добром, прощать долги должникам, полагать душу за друзей, а наконец пролить кровь за Христа, когда потребуют того обстоятельства. Если кто пойдет сими узкими вратами и сим тесным путем, то приимет он блаженное воздаяние, воздаяние небесное, которому не будет никогда конца (прп. Ефрем Сирин, 31, 342—343).

***

Кто желает благоугодить Богу и стать наследником Божиим по вере, чтобы ему наречься и сыном Божиим, рожденным от Духа Святаго, тот прежде всего, взявшись за великодушие и терпение, должен мужественно переносить встречающиеся ему скорби и бедствия и нужды, — будут ли то телесные болезни и страдания, или поношения и обиды от людей, или различные невидимые скорби, какие наводят на душу лукавые духи с намерением привести ее в расслабление, нерадение и леность, а тем воспрепятствовать ей войти в жизнь; наводят же по Божию домостроительству, попускающему каждой душе быть искушенною различными скорбями, чтобы явными стали любящие Бога от всей души, как скоро они мужественно переносят все, что наводит лукавый и не теряют упования на Бога, но всегда по благодати с верою и великим терпением ожидают избавления; почему приходят в состояние выдержать всякое искушение и, таким образом, улучив обетование, делаются достойными Царствия (прп. Ефрем Сирин, 31, 521).

***

Кто вожделевает быть наследником Христовым, тот в сообразность с сим да вожделевает и пострадать, как пострадал Христос (прп. Ефрем Сирин, 31, 532).

***

Если желающие приобрести земное богатство терпят всякую опасность и напасть, кольми паче мы, желающие приобрести небесное богатство и наслаждаться вечно пребывающими утехами, обязаны ни во что ставить для себя всякое трудное дело и всякую опасность и отваживаться на искушения (прп. Ефрем Сирин, 32, 263).

***

...Нет покоя на земле желающим спастися, потому что не без труда дается награда, и каждый из нас получит свою награду по мере труда своего (прп. Ефрем Сирин, 32, 278).

***

Господь наш учит в Евангелии Своем — оставить мир и возлюбить Его. Посему праведные страдали за Него и, как умершие в уповании на Него, наследуют жизнь и Царство, в Едеме прославятся за труды свои (прп. Ефрем Сирин, 33, 475).

***

...Негладким путем и надобно шествовать, и терпеть, и скорбеть, и таким образом войти в жизнь (прп. Макарий Египетский, 67, 218).

***

Уразумей, что в скорбях, в страданиях, в терпении и в вере сокрыты обетования, самая слава и приятие небесных благ (прп. Макарий Египетский, 67, 402).

***

Тебе повелено идти тесным путем, а ты спрашиваешь о покое? Тебе заповедано входить узкими вратами, а ты ищешь широких? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 141—142).

***

Ты намереваешься идти на небо и получить там Царство и спрашиваешь, нет ли какой трудности на этом пути и в этом путешествии, не стыдишься, не краснеешь... Хотя

бы там были все человеческие бедствия, злословия, обиды, бесчестия, клеветы, меч, огонь, железо, звери, потопления, голод, болезнь и вообще все беды, какие случаются в жизни от начала доселе, ужели ты не посмеешься, скажи мне, и не презришь все это? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 142).

***

Великий и высокий образ жизни, направленной к снисканию неба, по природе вещей представляется как будто трудным; но, при мужестве и готовности ко всему принимающих его на себя, в действительности становится очень легок (свт. Иоанн Златоуст, 46, 740).

***

Чем же мы извинимся в том, что не хотим великодушно, мужественно и с благодарностию переносить все постигающие нас бедствия, когда знаем, что нам невозможно и получить спасение иначе, как прошедши этим путем? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 352).

***

...Нам всегда нужна ревность, великая горячность души и готовность ее к смерти. Невозможно ведь получить Царствие иначе, как через крест. Не будем же обольщать себя (свт. Иоанн Златоуст, 52, 284).

***

И земные блага не без трудов достаются, почему же уклоняемся от благ небесных по причине трудов? (прп. Нил Синайский, 72, 249).

***

Блажен, кто идет путем тесным; потому что венценосцем восходит на небо (прп. Нил Синайский, 72, 255).

***

Дело спасения нелегко; путь к нему многопотен, утомителен, требует напряженного труда, бдения, довольства малым — малой пищей, малым отдыхом, плохой одеждой, наипаче же требует неимения своей воли (прп. Феодор Студит, 92, 28).

***

Тесен и прискорбен путь Божий; но широко и пространно ожидающее нас упокоение (прп. Феодор Студит, 92, 169).

***

...Всяк, желающий спастись... думай, что ныне ты умер, что ныне ты отрекся и оставил весь мир, покинув друзей, сродников и всякую суетную славу; вместе с тем совершенно отбросив попечение о дольних предметах, возьми крест на плечи, крепко его привяжи и до конца (жизни) переноси труды искушений, боли скорбей и гвозди печалей, принимая (их) с величайшею радостию, как венец славы. Ежечасно пронзаемый остриями обид и жестоко побиваемый камнями всякого рода бесчестия, проливая слезы вместо крови, ты будешь мучеником. Перенося с великою благодарностию поругания и заушения, ты сделаешься причастником Божества Моего и славы. А если ты сам себя покажешь последним из всех, рабом и слугою, то после Я <Бог> сделаю тебя первым из всех, как обещал Я. Если ты возлюбишь врагов и всех ненавидящих тебя и будешь от души молиться за обидящих тебя и благотворить им по

силе твоей, то поистине ты стал подобным Всевышнему Отцу твоему; и, стяжав отсюда чистоту сердца, ты узришь в нем Бога, Которого никто никогда не видел. Если же случится тебе потерпеть гонение за правду <веру>, тогда радуйся, потому что Царство Небесное стало твоим. А что более этого? Это и многое другое, заповеданное Мною, делай и других учи, и ты, и все прочие, верующие в Меня, (так поступайте), если хотите спастись и водворяться со Мною во веки веков. Если же вы отрекаетесь и отвращаетесь, считая позором и бесчестием терпеть все это, (быть презираемыми) и положить души свои за заповеди Мои, то зачем стремитесь узнать, как вам должно спасаться (и через какие деяния можно сдружиться со Мною)? Зачем же и Богом вашим Меня называете? Зачем и себя также неразумно считаете верующими в Меня? Ведь Я ради вас все это претерпел добровольно; будучи распят на Кресте, Я умер смертию злодеев, и Мои поношения и позорная смерть сделались славою мира, жизнью, светом, воскресением мертвых, похвалою всех верующих в Меня, стали одеянием бессмертия и истинного обожения для всех верных. Поэтому те, которые подражают честным страданиям Моим, сделаются так же и причастниками Божества Моего, и наследниками Царства Моего, станут общниками неизреченных и невыразимых благ и будут вечно пребывать со Мною. О прочих же кто не восплачет и не возрыдает? Кто не прольет слез от жалости сердца? Кто не оплачет великого их бесчувствия? Ибо, оставив жизнь и ужасным образом отторгшись от Бога, они сами себя предали смерти (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 71—72).

***

В последние времена тесный путь оставится почти всеми, почти все пойдут по широкому. Из этого не следует,

что широкий потеряет свойство вводить в пагубу, что тесный сделается излишним, ненужным для спасения. Желающий спастись непременно должен держаться тесного пути, положительно завещанного Спасителем (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 211—212).

***

...Ищущие спасение христиане, оставив дела тьмы и вступив в свет жизни Христовой, не думайте наслаждаться покоем, не думайте блаженствовать... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 117).

***

Выбросьте из головы, что держать добрый путь можно льготно, и что это устроится как-нибудь без усилий (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 105—106).

***

Для спасающихся везде путь тесный и прискорбный. И никто еще цветами усыпать его не ухитрился (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 124).

Спасение не от добрых дел, а от покаяния

Надежду спасения нужно полагать в совершении добродетели, и не величаться ни именем, ни сродством со святыми мужами, ни чем-либо другим, но правотою своих дел; а лучше сказать, не величаться и этим, но тогда-то особенно и смирять, и уничижать себя, когда успеем собрать великое богатство добродетели, так как при этом мы и собранное нами богатство сбережем верно, и привлечем к себе благоволение Божие (свт. Иоанн Златоуст, 47, 193).

***

Если какой христианин не знает, что для спасения необходимо быть обновлену и воссоздану, войти в обóженное состояние благодатною силою и действом Христа Спасителя, соделаться новой тварью и новым человеком, — для чего удомостроительствованы и вера, и Святое крещение, — тщетно называется он христианином. Ибо если не совершилось еще в нем такое изменение, то все другое ни к чему не служит, тщетны молитвы его, тщетны и псалмопения (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 258—259).

***

...<Мученики> освятились подвигами мученичества, а мы надеемся спасены быть ради добрых дел и подвигов, какие проходим для стяжания добродетелей, — всецело по человеколюбию и благодати Божией; они освятились мученическими потами и болезнями, а мы — слезами и подвигами покаяния; они — через излияние крови своей, а мы — через отсечение воли своей и решимость на смерть, по которой готовы были бы каждочасно умереть ради заповеди Господа, не допуская себя преступить какую-либо из них даже единым словом (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 50).

***

Поелику спасение подается нам, верным, *не ради добрых дел наших, да не похвалится кто о себе* (ср.: Еф. 2, 9), как говорит Апостол, то совсем не следует нам полагаться на дела, разумею, — на посты, бдения, спание на голой земле, алчбу и жажду, ношение вериг или умучение тела власяницами, потому что все это само по себе — ничто. Многие злонравные люди, большею частью из бед-

ных, переносят это, но все остаются такими же, не оставляя своей худости и не делаясь хорошими. Полезно бывает и это для некоторых тем, что смиряет тело и умаляет его живость и возбудительность; но Господь не этого только требует, а сердца сокрушенного и смиренного, того, чтобы сердце наше всегда взывало к Нему со смиренным помыслом... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 66).

***

...Братия, давайте и мы, через дела покаяния, возьмем себя в руки, расстанемся с лукавым и его скотом; отделимся от свиней и питающих их рожков, т. е. гнусных страстей, и приверженных им; отступим от дурного пастбища, т. е. от злого навыка; бежим из страны страстей, которая — неверие, ненасытность и неумеренность, в которых заключается тяжкий голод добра и страдательное состояние хуже голода; притечем к Отцу бессмертия, Дарователю жизни, идя, посредством добродетелей, путем жизни; ибо там мы найдем Его вышедшим нам навстречу и дарующим нам разрешение наших грехов, знак бессмертия, залог будущего наследия. Так и блудный сын, как научаемся от Спасителя, время пребывания своего в стране страстей, хотя и обдумывал и даже выговаривал слова покаяния, однако не получал от этого никакого блага, пока, не оставив все те дела греха, он бегом не пришел к Отцу. И (тогда), получив то, что превышало его надежду, он, конечно, в смирении пребывал оставшееся время жизни, целомудренно и праведно живя и сохраняя неповрежденной обновленную в нем благодать, которую да улучим и мы и сохраним неущербленной, дабы и в будущем веке нам радоваться вместе со спасенным блудным сыном в Горнем

Иерусалиме, Матери всех живущих, Церкви перворожденных, в Самом Христе Господе нашем... (свт. Григорий Палама, 26, 40—41).

***

...Бывает, что иные и делают добрые дела, но дела сии остаются несовершенными, хромлющими, сплетенными с похотями, царствующими в мире (см.: 1 Ин. 2, 16). От того лица сии нимало не преуспевают на пути ко спасению, но вращаются на одном месте, а нередко возвращаются вспять и впадают в прежние грехи; так как, видно, и сначала не вполне возлюбили они добрую во Христе жизнь, не всецело преисполнились чувством благодарения к Богу, избавившему их от власти диавола, и не с совершенною решимостью положили работать Ему единому на благоугождение Ему. Отсюда же происходит и то, что такие всегда остаются необученными в добре и слепыми и не узревают опасности, в какой находятся, думая, что положение их прочно, и им не угрожает никакая беда (прп. Никодим Святогорец, 70, 47).

***

...Для своего спасения надо победить *самоугодие*... спастись вам нельзя иначе, как идти путем самоотвержения... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 4).

***

...Нет ли у вас упования спастись от дел. Это иудейский путь. Христианский путь — со слезами каяться и просить: Господи! Имиже веси судьбами спаси мя (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 24—25).

Спасение ближних

Невозможно спастись иначе, как только через ближнего, как и заповедал <Господь>: отпустите, и отпустится вам (см.: Лк. 6, 38) (прп. Макарий Египетский, 67, 258).

***

...И сам я не верю, чтобы можно было спастись тому, кто ничего не делает для спасения ближнего (свт. Иоанн Златоуст, 44, 477).

***

К нашему спасению послужит и то, когда мы не о себе только будем заботиться, но и станем приносить пользу ближнему и руководить его на путь истины (свт. Иоанн Златоуст, 47, 19).

***

Кто показал начало доброго пути, тот становится виновником и того, что другие делают (по его примеру), и потому получает двойную награду, — и за то, что сам делает, и за то, что других привел к лучшему образу мыслей (свт. Иоанн Златоуст, 47, 597).

***

...Мы должны заботиться не только о своем спасении (но и о спасении ближних); иначе и сами не получим спасения. Воин, который во время сражения старается только о том, чтобы спасти себя самого бегством, вместе с собою губит и других; напротив, мужественный, сражаясь для защиты других, вместе с другими спасает и самого себя. А так как и наша жизнь есть также война, и притом

жесточайшая из всех войн, — время сражения и битвы, — то будем вступать в сражение так, как повелел Царь наш <Иисус Христос>, с готовностию поражать, убивать и проливать кровь врагов наших, заботясь о спасении всех, укрепляя стоящих и поднимая падших. Многие из собратий наших в этом сражении лежат в ранах, истекают кровью, и нет человека, который бы помог им; ни народ, ни священники, ни другой кто, ни покровитель, ни друг, ни брат не заботятся о них, но каждый печется только о себе самом. Через это-то мы и унижаем достоинство своих подвигов, потому что величайшее дерзновение (к Богу) и похвала принадлежит тому, кто печется не о своей пользе. Оттого-то мы бываем слабы и удобно побеждаемся как от людей, так и от диавола, что ищем только своего и не укрепляем друг друга, не ограждаем любовию о Боге (свт. Иоанн Златоуст, 50, 613).

***

Бога же ничто столько не раздражает, как небрежение о спасении ближних (свт. Иоанн Златоуст, 50, 781).

***

Тебе не нужно для своего спасения предпринимать дальний путь, переплывать море и переходить горы, напротив, если ты не желаешь даже переступить и порог, то можешь спастись и сидя дома, потому что средство ко спасению у тебя на устах и в сердце (свт. Иоанн Златоуст, 52, 712).

***

Невозможно спастись иначе; если ты упражняешься даже в высшем любомудрии, но не заботишься о других,

погибающих, то не будешь иметь никакого дерзновения перед Богом (свт. Иоанн Златоуст, 53, 250).

***

...Кто обрел спасение по благоутробию и милости Божией, тот собственною своею милостью и благоусердием к братиям сохранит сие спасение в себе самом... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 166).

****

Брат спросил старца: «Какое бы мне делать доброе дело, чтобы угодить Богу?» Старец отвечал: «Бог знает, что добро. Я слышал, некто из отцов спросил великого авву Нистероя, друга аввы Антония: какое бы доброе дело ему делать? Авва отвечал ему: «Не все ли дела равны? Писание говорит: «Авраам был страннолюбив, и Бог был с ним; Илия любил безмолвие, и Бог был с ним; Давид был кроток, и Бог был с ним». Итак, смотри: чего желает по Богу душа твоя, то и делай, и блюди сердце свое» (97, 177).

***

«Келья — та же пустыня», — говорил соловецкий старец Наум сетующим о пустынном безмолвии. В самом деле, живя в многолюдстве, он, кроме своей кельи, не бывал ни в одной братской келье. Любя одинаково всех, не питал ни к кому особого пристрастия и, постоянно погруженный в заботу о своем спасении, ко всему казался равнодушным. При таком настроении, действительно, и среди людей можно быть как в пустыне (113, 162).

***

Ученик некоего святого старца был борим духом любодеяния, но при помощи благодати Божией мужественно противостоял скверным и нечистым помышлениям своего сердца, очень прилежно исполняя пост, молитву и рукоделие. Блаженный старец, видя его усиленный подвиг, сказал: «Если хочешь, сын, я помолюсь Господу, чтобы Он отъял у тебя брань». Ученик отвечал: «Отец! Я вижу и чувствую в себе благой плод. По причине этой брани я пощусь больше и больше упражняюсь в бдениях и молитвах. Но прошу тебя, моли милосердного Господа, чтобы дал мне силу выдерживать брань и подвизаться законно». Тогда святой старец сказал ему: «Теперь я узнал, что ты правильно понял: этой невидимой бранью с духами при посредстве терпения совершается вечное спасение твоей души» (106, 424).

***

Прасковья Дмитриевна Ильинская, по ее словам, от природы имела слабые легкие. После замужества ее здоровье расстроилось настолько, что от горлового кровотечения она сделалась совершенно неспособной к труду. Врачи посоветовали ей поехать в Крым на лечение, но, не имея средств, она не могла воспользоваться рекомендацией врачей. Когда это стало известно ее воспитательнице Морозовой, она все расходы взяла на себя, и больная уже через неделю была в крымском санатории. Главный врач, осмотрев ее, сказал, что здоровье ее очень плохое и что она проживет не больше недели. «В ту же самую ночь, — рассказывает больная, — вижу сон. Будто бы я нахожусь в своей квартире, в Москве. И вдруг простенок между окнами исчез, открылось бесконечное пространство, наполненное неописуемым светом. В этом свете я увидела в

воздухе Иверскую икону Божией Матери, которая до этого висела в простенке. Перед святой иконой появилось много страждущих людей. И все они просили милости и предстательства Божией Матери. И я тоже осмелилась приблизиться к Царице Небесной. Вдруг слышу Ее голос: «Что тебе, раба Моя?» «Матерь Божия, — восклицаю я, — прошу себе милости Твоей и здоровья телесного, а детям — Твоего премилосердного благословения на спасение их душ». Матерь Божия сказала: «Да будет тебе по вере твоей», — и стала невидима. Когда я проснулась и начался обход, ко мне подошел профессор. Прослушав меня, он выразил необыкновенное удивление и закончил тем, что объявил меня совершенно здоровой. Через три дня меня выписали из санатория, и я, неожиданно для мужа и родных, вернулась домой совершенно здоровой». Таковы дивные дела милосердия Божией Матери, бываемые по нашей вере (114, 108—109).

***

Рассказывали об авве Пафнутии. Он не любил вина. Однажды в дороге, встретившись с шайкой разбойников, увидел он, что разбойники пьют вино. Атаман разбойников знал старца, знал также, что он не пьет вина. Но, видя Пафнутия в великом утомлении, наполнил чашу вином и, взяв в руку меч, сказал старцу: «Если не выпьешь, убью тебя». Старец, поняв, что разбойник хочет исполнить заповедь Божию, и желая обратить его на путь спасения, принял чашу и выпил. Тогда атаман раскаялся перед старцем и говорит: «Прости мне, авва! Оскорбил я тебя». Старец ответил: «Уповаю, что Бог за эту чашу сотворит с тобой милость и в этом веке, и в будущем». «И я надеюсь на Бога, — сказал атаман, — и с этого времени никому не сделаю зла». Таким образом, старец, отказавшись от

своей воли для Господа, обратил на путь спасения всю шайку разбойников (97, 235).

***

Некто из богатых киевлян заболел проказой. Он долго лечился у волхвов и врачей и искал у иноверных людей помощи, но не получил ее, а болезнь только усилилась. Один из его друзей отправил больного в Печерский монастырь, чтобы он упросил некоторых из отцов помолиться о нем. Когда привели больного в монастырь, игумен велел напоить его из колодца святого Феодосия и помочить ему голову и лицо. И вдруг за свое неверие он вскипел гноем так, что все покинули его из-за смрада, который исходил от него. Плача и сетуя, он возвратился в свой дом и из-за смрада много дней не выходил из дома. Он говорил своим друзьям: «Стыд покрывает мое лицо. Чужим стал я для братьев, потому что без веры пришел к святым Антонию и Феодосию». И всякий день он ожидал смерти. Наконец он пришел в себя, размыслил о своем согрешении и, придя к преподобному Алипию, покаялся. Блаженный же сказал: «Сын мой! Ты хорошо сделал, что исповедал Богу свои грехи перед моим недостоинством. Пророк Давид говорит: я сказал: *исповедаю Господу преступления мои, и Ты снял с меня вину греха моего* (Пс. 31, 5)». И поучив его о спасении души, преподобный взял сосуд с красками, которыми писал иконы, намазал этими красками лицо больного, покрыл и гнойные струпья и тем возвратил ему прежнее благообразие. Потом он привел его в Печерскую церковь, дал ему причаститься Святых Таин и велел умыться водой, которой умываются священники. И тотчас с прокаженного спали струпья и он исцелел... Преподобный Алипий, указывая на исцеленного, сказал бывшим тут братиям: «Никакой слуга не может служить двум господам. Вот он

прежде служил врагу грехом чарования, а потом пришел к Богу; прежде отчаивался в своем спасении, и проказа сильнее напала на него за его неверие. Господь сказал: *просите, и получите, чтобы радость ваша была совершенна* (Ин. 16, 24), — и не просто просите, но с верою просите и приимете. Когда же он покаялся Богу, поставив меня свидетелем; Он же, скорый на милость, сжалился над ним и исцелил его» (100, 144—146).

***

«Тринадцать лет жила моя мать с отцом, — рассказывает блаженный Феодорит, епископ Кирский, — но не была матерью: она была бесплодная. От природы была лишена способности приносить плод. Сама она, будучи воспитана в благочестии, не слишком скорбела о своем неплодстве, видя в этом волю Божию. Но отца бесчадие ее очень огорчало, и он, ходя по святым местам, умолял святых мужей, чтобы они испросили ему от Бога детей. Все прочие обещали молиться, но, однако, убеждали его покориться воле Божией. Только один Божий человек по имени Македоний решительно согласился молиться и ясно обещал отцу, что он получит сына от Творца всяческих. Когда прошли три года, а обещание не исполнялось, отец снова пришел к нему и спросил о том же. Македоний приказал прислать к себе супругу. Когда она пришла, Божий человек сказал, что он будет молить Бога и она получит дитя, только это дитя должно быть отдано Даровавшему его. Женщина отвечала, что она ищет только спасения души. Блаженный сказал на это: «Щедродаровитый подаст тебе избавление от геенны и сверх того даст сына, потому что искренно молящимся подается по их прошениям вдвое». Мать возвратилась от него с благословенным обе-

тованием. Спустя четыре года она зачала и сходила к Божиему человеку сказать, что благословение его приносит плод. В пятый месяц ей угрожала опасность преждевременных родов, и, не имея возможности из-за болезни пойти самой, она послала к авве Македонию сказать, что не надеется быть матерью, и велела напомнить ему о его обетованиях. Он, издали увидев идущего, узнал его, предузнал и причину, по которой тот шел к нему: Господь ночью открыл ему о болезни моей матери и о ее спасении. Взяв жезл, Македоний пошел, опираясь на него. Придя в наш дом, он приветствовал ее, по своему обыкновению, и сказал: «Не унывай и не бойся. Давший не отнимет дара, если ты не нарушишь положенных условий. Ты обещала возвратить дар и посвятить его на служение Богу». «С этой мыслью, — отвечала мать, — я и желаю, и прошу у Бога милости — сделаться матерью. Иначе я преждевременные роды считаю лучше, чем чуждое духа веры воспитание сына». «Пей же, — сказал Божий человек, — эту воду, и ты ощутишь вышнюю помощь». Она выпила, как было приказано, и опасность преждевременных родов миновала» (117, 156—157).

***

Некий брат, значительно преуспевший в смирении, проводил уединенную жизнь в Египте. У него была в городе сестра-блудница, погубившая многие души. Старцы часто уговаривали этого брата и едва могли уговорить его, чтобы он сходил к сестре, дабы увещаниями отвратить ее от греховной пагубы. Когда он приближался к ее дому, один из знакомых, увидев его, поспешил войти к ней и известил о пришествии брата из пустыни. Услышав это, она, вне себя от радости, оставила своих любовников, которых в то

время угощала, с открытой головой выбежала навстречу брату. Когда она увидела его и хотела заключить в свои объятия, он сказал ей: «Сестра моя любезнейшая! Пощади свою душу, потому что многие погибают через тебя. Рассуди, какие муки уготованы тебе, если не прибегнешь немедленно к покаянию». Она содрогнулась и спросила его: «А ты уверен, что еще есть для меня какая-нибудь надежда спасения?» Он отвечал: «Если бы ты только пожелала, то и сейчас есть надежда спасения». Она упала к ногам брата и попросила его, чтобы он увел ее с собой в пустыню. «Пойди, — сказал он, — покрой голову и следуй за мной». «Пойдем скорее! — отвечала она. — Лучше мне пройти в толпе людей безобразной и с открытой головой, чем возвращаться в работный дом греха». Во время пути брат поучал ее покаянию. Увидя идущих навстречу монахов, он сказал ей: «Сойди с дороги, пока монахи пройдут, не все же знают, что ты мне сестра». Она сделала так. Монахи прошли, и он позвал сестру: «Пойдем, продолжим путь наш». Она не отвечала ему. Брат осторожно подошел и увидел ее умершей, ноги ее были все в крови, потому что она была без обуви. Тогда, плача и рыдая, возвестил он старцам о случившемся. Они рассуждали между собой о спасении и были несогласны. Но Бог открыл одному из старцев, что покаяние блудницы принято, потому что она отвергла всякое попечение о всем принадлежащем миру сему, пренебрегла всем для исцеления своей язвы, тяжко воздыхая о своих грехах и оплакивая их (106, 471—472).

***

Авва Серапион продал себя в рабство комедиантам-язычникам за двадцать монет и, запечатав эти монеты, хранил при себе. До тех пор он оставался у них, не вкушая

ничего, кроме хлеба и воды, и непрестанно проповедуя Слово Божие, пока не сделал комедиантов христианами и не убедил их оставить театр. Пробыв, таким образом, у них долгое время, блаженный сперва обратил ко Христу самого комедианта, потом его жену и, наконец, все их семейство. Говорили, что, пока его не знали, он им обоим умывал ноги. Приняв Крещение, оба отстали от театра, начали жить благочестиво и весьма почитали Серапиона. Они говорили ему: «Теперь, брат, мы отпустим тебя на волю, поскольку ты сам освободил нас от постыдного рабства». Тогда великий Серапион отвечал им: «Поскольку Бог мой устроил, а вы содействовали, чтобы ваши души были через меня спасены, то я скажу вам всю тайну этого дела. Сжалившись над вашими душами, которые были в великом заблуждении, я, свободный подвижник, родом египтянин, ради вашего спасения продался вам, чтобы вы освободились от великих грехов. И теперь я радуюсь, что Бог совершил это через мое смирение. Возьмите же свое золото, я оставляю вас и пойду помогать другим». Они настоятельно просили его остаться и говорили: «Мы будем всегда почитать тебя отцом и владыкой наших душ, только останься с нами». Но не могли убедить его и сказали: «Отдай бедным это золото, оно было залогом нашего спасения». Серапион отвечал им: «Отдайте его вы, ибо оно ваше, а я не раздаю нищим чужих денег». После того они просили, чтобы он, по крайней мере, через год навестил их (101, 211—212).

***

Один труженик был внимателен к себе, но он немного ослабил свой подвиг. В тот же момент, осознав все, он сказал: «Душа! Доколе ты будешь нерадеть о своем спасе-

нии? Неужели не боишься суда Божия? Не объята ли ты беспечностью? Не предана ли вечным мучениям?» Говоря это самому себе, он подвигся на дело Божие. Когда он творил молитвословие, пришли демоны и возмущали его. Он же говорил им: «Почему вы беспокоите меня, неужели недовольны моим прошлым нерадением?» Демоны отвечали: «Когда ты был в беспечности, и мы были беспечны к тебе; когда ты опять восстал против нас, и мы восстали против тебя». Услышав это, он еще более подвиг себя на дело Божие и преуспевал благодатью Божией (98, 278).

***

«Однажды, — рассказывал инок Афанасий, — мне пришла мысль: что же ожидает в будущей жизни трудящихся здесь ради своего спасения? С этой мыслью я почувствовал себя как бы в восторге, и некто пришел ко мне и, сказав: «Ступай за мной», — привел меня в какое-то исполненное света место и поставил при столь чудных дверях, что красоту их передать невозможно. И слышал я, что множество людей за дверьми непрестанно славят Бога. Подлинно, братья, чудная, неизглаголанная жизнь в Царствии Небесном! *Праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их* (Мф. 13, 43); там для них... *мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17). *И рабы Его будут служить Ему. И узрят лице Его... И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их* (Откр. 22, 3—5). Там, наконец, такие блага и такие радости, о которых мы и помыслить не можем: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). Когда мы стали стучать в двери, с целью войти в них, изнутри некто спросил нас: «Чего вы хотите?» Путеводитель отвечал:

«Мы хотим пройти через двери». Голос же внутри сказал: «Никто, пребывающий в лености, не входит сюда, но если хотите войти, ступайте назад и подвизайтесь, нисколько не помышляя о благах суетного мира» (112, 24—25).

СПЛЕТНИ

Кто с приятностью говорит о делах людей грешных, тот с готовностью пробуждает в себе страсть к удовольствиям. Но желай лучше узнать жизнь праведных, ибо в этом найдешь для себя пользу (свт. Василий Великий, 10, 93).

***

Ненавистен в соседстве, кто переносит речи из дома в дом; *муж же мудр безмолвие водит* (Притч. 11, 12) (прп. Ефрем Сирин, 30, 145).

***

...Для человека внимательного неимение свидетелей грехов его облегчает исправление; напротив, когда душа потеряет стыд и увидит, что ее преступления известны всем, то не скоро решится исправиться, но, как бы упав в глубокое болото и увлекаясь множеством волн все ниже и ниже, будет уже не в состоянии всплыть наверх, впадет, наконец, в отчаяние и потеряет надежду на исправление (свт. Иоанн Златоуст, 47, 303).

***

...Когда ты обнаружишь грех брата, то не только его сделаешь, может быть, более бесстыдным и нерасположен-

ным к возвращению на путь добродетели, но и тех, кто будет слушать тебя, более укоренишь в беспечности и расположишь к упорству во зле; мало этого, ты подашь повод и к хуле на Бога (свт. Иоанн Златоуст, 47, 303—304).

***

...Когда другой худо говорит о тебе, то мсти ему одобрением и похвалами: таким образом ты и ему отомстишь, и себя избавишь от худого о тебе мнения.

Кто огорчается дурною о себе молвою, о том обыкновенно думают, что его мучит нечистая совесть; а кто смеется над такою о себе молвою, тот представляет яснейшее доказательство, что он не знает за собою ничего худого (свт. Иоанн Златоуст, 53, 455).

***

Недостатки ближних должно замалчивать и прикрывать; а ты под предлогом доброжелательства выставляешь их напоказ, делаешься если не обвинителем, то рассказчиком, болтуном, глупцом. О, ужас! Вместе с ним ты срамишь себя самого и не чувствуешь? Смотри, сколько зол происходит отсюда: ты прогневляешь Бога, огорчаешь ближнего, делаешь себя самого повинным наказанию (свт. Иоанн Златоуст, 55, 180).

СПОРЛИВОСТЬ

В собеседованиях не должно быть никакой грубости, ибо умных людей обыкновенно украшают скромность и целомудрие более чем дев (прп. Антоний Великий, 89, 68).

***

Когда встретишь человека, который, любя спорить, вступает с тобою в борьбу против истины и очевидности, то, прекратив спор, уклонись от него, совсем окаменевшего умом. Ибо как дрянная вода делает ни к чему негожими самые лучшие вина, так и злые беседы растлевают людей добродетельных по жизни и нраву (прп. Антоний Великий, 89, 70).

***

Не люби прений, чтобы не вселилось в тебя вселукавство (прп. авва Исаия, 89, 331).

***

Не спорьте друг с другом ни о каком предмете (прп. авва Исаия, 59, 8).

***

Не будь спорлив, чтобы не сделаться жилищем всякого зла (прп. авва Исаия, 59, 64).

***

Все, что ненавидит Бог, обитает в душе человека спорливого и горделивого (прп. авва Исаия, 59, 136).

***

Кто порабощен сей страстию <спорливостью>, тот не хочет нести креста своего, а увлекается тщеславием (прп. авва Исаия, 59, 136).

***

Эта страсть <спорливость> ниспровергает все здание добродетели и наводит на душу такой нрав, что она не может видеть света честности (прп. авва Исаия, 59, 136).

***

Кто спорит с пустословом, тот обыкновенно сам ему уподобляется (свт. Василий Великий, 7, 30).

***

Будьте уступчивы друг другу и не заводите споров о том, что ни к чему не полезно (прп. Ефрем Сирин, 30, 232).

***

Лучше быть честно побежденным, нежели одержать победу со вредом и незаконно (свт. Григорий Богослов, 12, 76).

***

Лучше, будучи мудрым, уступать по скромности, нежели, будучи невеждою, надуваться по дерзости (свт. Григорий Богослов, 12, 474).

***

И мы, подражая Христу, можем иногда заграждать уста любопытным совопросникам и их неуместные вопросы решать вопросами же еще более неуместными (свт. Григорий Богослов, 14, 218).

***

Не заботься во всем и всегда одерживать верх. Лучше уступить над собою победу с пользою, нежели победить со вредом. И у борцов почитается побежденным не всегда тот, кто лежит внизу, но часто и тот, кто остается вверху (свт. Григорий Богослов, 16, 206).

***

Опровержение сильных доказательств обличает вместе слабость и других; так бывает и на войне, что когда сильнейшая всех часть войска падет, то на остальную победители сильной части уже не обращают никакого внимания (свт. Григорий Нисский, 23, 100).

***

Не входи в спор с людьми опасными, но скорее уступай, когда это нимало не вредит добродетели; и злоумышление их вскоре обратится в ничто (свт. Исидор Пелусиот, 61, 62).

***

Не тот, кто остается победителем по немощи сопротивников, но тот, кто по величию собственной своей силы овладевает крепкими, и славен, и достоин провозглашения (свт. Исидор Пелусиот, 61, 97).

***

Как срамно побеждать, в чем надлежит уступать над собою победу; так еще срамнее — оставаться побежденным, в чем надлежит побеждать. Ибо не во всяком случае победа — прекрасное дело; но, если предлог хорош и

благороден, то она доблестна; а если предлог гнусен и дурен, то и победа весьма худа (свт. Исидор Пелусиот, 61, 156).

***

Поелику малые причины воспламеняют нередко великие войны, то советую тебе не ввергать искр любопрительности. Ибо возбужденные споры в душах разногласящих искореняют все прекрасное (свт. Исидор Пелусиот, 61, 382).

***

Кто намеревается поколебать и опровергнуть мнение старое и утвердившееся, которое человек сильно предубежденный признает хорошим, тому так, как намерение его весьма странно, и не может сделаться удобоприемлемым без предварительных объяснений, не вдруг надлежит говорить противное. Он будет смешон, над ним станут издеваться предубежденные противным решением; напротив того, сначала подкопав мнение многим иным, тогда уже должно обратиться к противоположному. В таком случае слово его будет удобоприемлемо и произведет убеждение (свт. Исидор Пелусиот, 62, 348).

***

...Не напрягайся, не утверждай, не входи в споры, если когда вознамеришься что доказать, потому что многие имеющие такое расположение духа, если и хорошо будут говорить, воспрекословят. Напротив того, благоразумием, кротостью и вопросом придай доказательству большую силу. В таком случае с победою приобретешь славу, что ты человек кроткий (свт. Исидор Пелусиот, 62, 376).

***

Излишние разглагольствия и большая охота спорить о ненужных вопросах производят ссоры и поражают ум слушателей (свт. Кирилл Александрийский, 65, 74—75).

***

Не покушайся разрешить дело темное и запутанное посредством любопрения, но тем, чем повелевает и духовный закон — терпением, молитвою и непоколебимою надеждою (прп. Марк Подвижник, 89, 541).

***

Когда хочешь разрешить какое недоуменное (запутанное) дело, то ищи относительно его того, что Богу приятно, и, конечно, найдешь ему полезное разрешение (прп. Марк Подвижник, 89, 557).

***

Не имей спора с противящимися истине, которые не подчиняются тебе добровольно, чтобы не возбудить в них ненависти к себе по Писанию (прп. Марк Подвижник, 69, 48).

***

Пусть дело не исполнится так, как вы хотите, но будет так, как случится и как требует того нужда, нежели, чтобы от усилия вашего или самооправдания, хотя бы они и были благовидны, вы смущали или оскорбляли друг друга и через то теряли многое ради малого. Случается же часто, что иной теряет и то и другое и совершенно ничего не исполняет, ибо таково свойство любящих спорить (прп. авва Дорофей, 29, 69).

****

Рассказывали об авве Иоанне, что он, придя в церковь и услышав там, что некоторые из братии спорили между собой, возвратился к своей келье, обошел ее три раза и только после этого вошел в нее. Видели это кое-кто из братии и спросили его, почему он так поступил. Он отвечал: «Мой слух был напечатлен словами спора, я прохаживался, чтобы очиститься и уже в безмолвии сердца войти в келью» (106, 294).

***

Рассказывали об одном старце в Келлиях, что он был великий подвижник. Когда он занимался своим деланием, случилось другому, также святому мужу, прийти к его келье и услышать, как старец препирается со своими помыслами: «Доколе я буду из-за одного этого слова забывать все, что знаю?» Стоявший за дверью сначала думал, что старец спорит с каким-либо посетителем. Он постучался в дверь с намерением примирить несогласных между собой. Войдя в келью, видя, что в ней никого нет, и будучи коротко знаком со старцем, он спросил его: «С кем ты споришь, авва?» Он отвечал: «Со своими помышлениями. Четырнадцать книг я выучил наизусть и вот услышал ничтожное слово вне кельи. Когда же, возвратясь в келью, я захотел упражняться в деле Божием, все выученное наизусть как бы перезабыл, и только одно то слово, которое слышал вне кельи, приходит мне на память в час моего служения. По этой причине я препирался со своими помышлениями» (106, 502).

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Справедливость есть настроенность души воздать за все по достоинству, а достичь этого трудно, потому что одни,

по недостатку разумения, не могут понять, как воздать каждому должное, а другие, обладаемые человеческими страстями, нарушают справедливость (свт. Василий Великий, 8, 176).

***

Кто предварительно не изучил справедливого, тот не может правильно разбирать сомнительные дела. И сам Соломон, если бы не имел точных понятий о справедливости, не мог бы так правильно и удачно произнести этого известного определения, которым решил спор двух бесчестных женщин о младенце (см.: 3 Цар. 3, 16—28). Поскольку не было свидетелей тому, что говорили женщины, Соломон обратился к природе и при ее помощи нашел неизвестное: чужая женщина без сожаления соглашалась на убийство младенца, а мать по естественной любви не могла даже и слышать о его страдании. Поэтому тот, кто узнал истинную правду и через нее научился отдавать каждому должное, может совершать суд. Как стрелок направляет стрелу точно в цель и стрела падает ни дальше, ни ближе, ни по ту, ни по другую сторону цели, так судья отгадывает справедливое, невзирая на лица, потому что *иметь лицеприятие на суде — нехорошо* (Притч. 24, 23), и ничего не делая по пристрастию, но произнося определения правые и непревратные (свт. Василий Великий, 8, 178—179).

***

Справедливое есть то, что воздается каждому по достоинству дел (свт. Василий Великий, 9, 281).

***

Не домогаться того, чтобы иметь у себя больше других, — это справедливость; а выступать из пределов равен-

ства — это несправедливость (свт. Григорий Богослов, 16, 338).

***

...Дело справедливости — воздавать каждому по достоинству (авва Евагрий, 89, 637).

***

...Душа, поступая несправедливо, не должна слишком надеяться, хотя она еще и не уловлена, потому что когда-нибудь она будет уловлена (свт. Иоанн Златоуст, 48, 475).

***

Ничто так не прогневляет Бога, как несправедливость к бедным (свт. Иоанн Златоуст, 49, 21).

***

...Ничто не дает покоя душевного, ничто не успокаивает совести и не услаждает мысли, как только справедливость, когда нет ничего, что бы причиняло мучение и возмущало ум (свт. Иоанн Златоуст, 49, 179).

***

Если ты будешь справедлив только между добрыми и не будешь таким между прочими, то справедливость будет отчасти оскорблена (свт. Иоанн Златоуст, 49, 186).

***

...<Дело> справедливости — желательную силу направлять к добродетели и к Богу... (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 174).

***

Кто не нарушает справедливости ни из милости, ни по неприязни, ни из ожидания даров, тот — превосходнейшее правило справедливости и неподкупный судия в делах спорных (прп. Исидор Пелусиот, 61, 322).

***

Не тому справедливо называться справедливым, кто лишен даже всякого случая сделать неправду, но тому, кто, имея и полную возможность, не подымет руки для неправого дела (прп. Исидор Пелусиот, 62, 377).

***

Несправедливым правосудие должно воздать, и непременно воздаст правдивым наказанием, если только не будет несправедливо само правосудие, правдиво всем располагающее и имеющее великое промышление о правде (прп. Исидор Пелусиот, 62, 407).

***

Не почитай справедливость неважным добавлением добродетели, потому что без нее всякое дело нечисто (прп. Нил Синайский, 72, 250).

****

В житии святого Епифания говорится следующее: «Был в его епископской области человек, по имени Савин, диакон, который занимался писанием книг и отличался благочестием и мудростью. Ученостью своею он стал выше всех живших с ним монахов, и Епифаний, вследствие сего, поручил ведать ему церковным судом. И вот однажды пришли

к нему судиться двое, богатый и бедняк. Савин стал на сторону нищего и решил дело в его пользу, тогда как на самом деле был прав богатый, а не бедняк. Епифаний, находившийся в сокровенном месте, слышал слова тяжущихся и Савина, миловавшего нищего на суде. Вскоре, когда он увидел неправо суд творившего диакона на чреде служебной, он подозвал его к себе и тихим голосом сказал: «Иди, чадо, и пиши книги и поучайся тому, что в них написано, чтобы через это сделаться мудрым в решении дел тяжебных, но на суде не милуй и нищего, раз он неправ, и не обижай богатого, если он в своем деле чист». С тех пор святой Епифаний отстранил Савина от производства дел судебных и уже всех приходивших к нему сам судил с утра до вечера, соблюдая при этом полное беспристрастие и не нарушая истины» (112, 264).

***

Некий великий старец имел двух не всегда послушных ему учеников. Так как они часто смущали его, то он решил оставить их и ушел в один из общежительных монастырей, выдав там себя за странника и новоначального инока. В монастыре он пробыл три недели и там в это время ничего не делал по своей воле, но беспрекословно исполнял все, что ему велели. Через три недели он увидел некоего пришедшего к нему в белоснежной одежде, который держал в руках два сосуда: один — наполненный маслом, а другой — пустой. Явившийся отдал старцу пустой сосуд и из наполненного влил малое количество масла. Старец сказал: «Отдай мне сосуд, полный масла». Явившийся отвечал: «Нет, этого сделать нельзя, насколько ты потрудился, настолько я влил тебе масла». И сказал старец: «Если и малое добро сделал человек, то и за него

воздаяние от Бога примет, но только по достоинству, что и справедливо» (112, 931).

***

Брат, воздерживавшийся от пищи и не евший хлеба, пришел к некоему старцу. В это же время зашли к старцу странники, для них он приготовил немного кашицы.

Когда сели вкушать пищу, брат поставил перед собой один моченый горох и ел его. Когда встали из-за стола, старец отвел брата в сторону и наедине сказал ему: «Брат! Если ты придешь к кому-либо, не обнаруживай перед ним своих обетов. Если же не хочешь нарушать принятых тобою обычаев, то пребывай в келье, не выходи никуда». Брат признал справедливость слов старца и с того дня, когда приходил к братии, уже следовал общему распорядку (106, 497—498).

***

Однажды преподобный Нил Постник, бывший сподвижником святых отцов, в Синае и Раифе избиенных, видя избиение и страдания их от варваров, спрашивал себя, за что они страдают. «Где, — думал он, — блаженные отцы, труды воздержания вашего? Где награда за терпение скорбей? Где венец многим подвигам? Это ли воздаяние вашему иночествованию? Или всуе вы текли на предлежавший вам подвиг? Есть ли справедливость в том, чтобы за добродетель принимать скорбь и чтобы убиваемых вас оставил без помощи Промысл Божий? И вот скверна возымела силу над вашими святыми телесами, и злоба хвалится, что одолела вас». Так в глубокой скорби задавал себе подобные вопросы преподобный Нил. Но он, к своему утешению, вскоре получил на них ответ. «Чего ради, — сказал

ему и бывшим с ним спасшимся от меча злодеев инокам, израненный и едва дышавший, старец Феодул, — чего ради смущает вас пришедшая на нас напасть? Неужели вы не знаете, для чего Господь предает подвижников Своих супротивным? Не ради ли того, чтобы величайшими воздаяниями вознаградить претерпевших до конца, как и сугубо воздал Иову за то, что он потерял? Но нам, конечно, несравненно больше воздаст, ибо *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9) и терпящим до конца» (112, 152).

СРЕБРОЛЮБИЕ

...Не думай, что только имение золота или серебра есть сребролюбие, но если и к чему-либо привязан помысл (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 59).

***

Не должно быть сребролюбивым и на ненужное собирать сокровища, каких не надобно (свт. Василий Великий, 10, 57).

***

...Что моль в одежде, то страсть сребролюбия в сердце человеческом (прп. Ефрем Сирин, 30, 141).

***

Кто любит золото, тот не будет оправдан, а кто любит Господа, тот будет благословен (прп. Ефрем Сирин, 30, 154).

***

...Если возлюбишь сребролюбие, пойдешь отселе ни с чем; а если возлюбишь нестяжательность, не лишишься небесного богатства (прп. Ефрем Сирин, 30, 156).

***

...Сребролюбие есть изобретатель всякого греха (прп. Ефрем Сирин, 32, 269).

***

Не люби золота и серебра, чтобы лукавый не преградил твоего течения (прп. Ефрем Сирин, 34, 295).

***

Возненавидь серебро; для него князи гибли в бранях. Возлюби ходить босыми ногами, чтобы попрать главы змиев (прп. Ефрем Сирин, 34, 296).

***

Если в какой-либо части тела бывает прилив испорченного и гнилого сока, и делается в том месте воспаление, то всего необходимее, чтобы скопившаяся влага, по устремлении ее к наружности, прорвалась в каком-либо особом месте и нарыве. Так, в ком бывает прилив недуга сребролюбия, в том страсть всего чаще склоняется к невоздержанию (свт. Григорий Нисский, 19, 268).

***

Нет ничего столько тяжелого и неприступного во вражеском ополчении, как оружие сребролюбия, потому что,

хотя наилучшим образом оградятся души стройною связью других добродетелей, но тем не менее и через них нередко проникает это стенобитное орудие. Можно видеть, что и при целомудрии вторгается любостяжание, при вере, при точном хранении таинств, при воздержании и смиренномудрии и при всем тому подобном бывает это тяжкое и непреоборимое приражение зла. Почему иные воздержные, целомудренные, пламенеющие верою люди строгого образа жизни, скромные нравами, не в состоянии бывают противостать этой только болезни (свт. Григорий Нисский, 19, 359).

***

Весьма искусен, как мне кажется, и изобретателен на обольщения демон сребролюбия. Он часто, утеснен будучи крайним отречением от всего, берет на себя вид экономa и нищелюбца, радушно принимает странников, которых вовсе и нет, посылает, что потребно, другим нуждающимся, посещает городские темницы, выкупает продаваемых, прилепляется к богатым женщинам и указывает, кому они должны благосострадать, а другим, у которых влагалище полно, внушает отречься от мира; и таким образом малопомалу, обольстивши душу, облагает ее помыслами сребролюбия и передает помыслу тщеславия. Этот вводит множество прославляющих Господа за такие его (отшельника) распоряжения, а некоторых заставляет потихоньку говорить между собою о священстве, предсказывает смерть настоящего священника и прибавляет, что ему именно не избежать (избрания), что бы он ни делал для того. Так бедный ум, опутавшись такими помыслами, с теми, которые не принимают его — препирается, тем, которые принимают — усердно раздает подарки и с благодарностью ра-

душно принимает их, некоторых же упорных (противников) предает судьям и требует изгнать их из города. Между тем как такие помыслы вращаются внутри, предстает демон гордости, частыми молениями бороздит воздух кельи, напускает крылатых змий и, последнее зло, лишает ума (авва Евагрий, 89, 633).

***

Кто не служит мамоне? А кто стал служить ей, тот необходимо уже отказался от служения Христу, отрекшийся же от этого необходимо отрекся и от собственного спасения (свт. Иоанн Златоуст, 44, 57).

***

<Страсть сребролюбия> сильнее и неистовее <других> и может причинить более скорби, не потому только, что жжет сильнейшим огнем, но и потому, что не поддается никакому придумываемому облегчению и гораздо упорнее тех (свт. Иоанн Златоуст, 44, 63).

***

Пристрастившиеся к деньгам неизбежно бывают и завистливы, и склонны к клятвам, и вероломны, и дерзки, и злоречивы, и хищны, и бесстыдны, и наглы, и неблагодарны, и исполнены всех зол (свт. Иоанн Златоуст, 44, 90).

***

Сребролюбец есть страж своего имения, а не владелец; раб, а не господин. Для него легче отдать кому-либо часть

своего тела, нежели уделить сколько-нибудь из закопанного золота (свт. Иоанн Златоуст, 45, 34).

***

Сребролюбец не есть богач; сребролюбец во многом нуждается, а нуждающийся во многом никогда не может быть богатым (свт. Иоанн Златоуст, 45, 34).

***

Сребролюбие омрачает наши души и попирает самые законы природы, лишает нас рассудка и не допускает помнить ни дружбы, ни родства, ничего другого, не (только один) раз осенив умные очи наши, так и заставляет блуждать во мраке (свт. Иоанн Златоуст, 45, 436).

***

Как свинья, валяясь в нечистоте и грязи, утешается и услаждается, равно как и жуки, непрестанно копающиеся в навозе, — так точно и преданные сребролюбию бывают несчастнее этих животных; мерзость здесь больше и грязь зловоннее. Предаваясь страсти, они думают получить от того великое удовольствие, что зависит не от свойства самого предмета, но от души, страждущей таким безумием (свт. Иоанн Златоуст, 46, 483).

***

Жадность к деньгам есть, так сказать, твердыня зла и верх пороков. Поэтому если мы решимся овладеть ею, то ничто уже не помешает нам освободиться от этой безум-

ной страсти, а вместе с нею исторгнуть и истребить все гибельные страсти (свт. Иоанн Златоуст, 47, 185).

***

...Те, которыми овладела безумная страсть и любовь к собиранию богатства, истощают на это все свои силы и никогда не насыщаются, потому что сребролюбие есть ненасытное пьянство, и как пьяные, чем больше вливают в себя вина, тем большею распаляются жаждою, так и эти (сребролюбцы) никогда не могут остановить этой неукротимой страсти, но чем более видят возрастание своего имущества, тем сильнее разжигаются они корыстолюбием и не отстают от этой злой страсти, пока не низринутся в самую бездну зла (свт. Иоанн Златоуст, 47, 211).

***

Имение (сребролюбца) нередко разделяют между собою многие, а грехи, сделанные им из-за этого имения, уносит с собою он один, подвергается за них мучительному наказанию и ни в чем не находит никакого утешения (свт. Иоанн Златоуст, 47, 336).

***

Преданные сребролюбию... не чувствуют его зловония, а если бы отстали, то почувствовали бы... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 110).

***

...Кто дал кому-нибудь взаймы денег и имеет должника, еще не уплатившего долг, тот и за трапезою, и дома, и на площади, и на постели, везде думает и во сне бредит о

своем должнике; любовь к деньгам делает то, что и должник вместе с деньгами постоянно присущ душе заимодавца (свт. Иоанн Златоуст, 49, 471).

***

Сребролюбец... нападает на всех, все поглощает, подобно аду, всюду ходит, как общий враг рода человеческого. Ему хочется, чтобы не было ни одного человека, чтобы ему одному обладать всем (свт. Иоанн Златоуст, 50, 321).

***

...Что такое золото, как не брение? И что такое серебро, как не солома? Наподобие соломы воспламеняет огонь вожделения, и золото, подобно глине, оскверняет обладающего им (свт. Иоанн Златоуст, 50, 426).

***

...Если хочешь вывести на позор... душу сребролюбца, то найдешь, что она, подобно одежде, которая изъедена тысячами червей и на которой не осталось целого места, вся так же источена заботами, сгнила и проржавела от грехов (свт. Иоанн Златоуст, 50, 494).

***

...Если бы кто в бешенстве, похитив у кого-нибудь меч, заколол им себя, кто тогда потерпел бы зло, тот ли, у кого похищен меч, или тот, кто похитил? Очевидно тот, кто похитил. Так должны мы судить и о похищении имущества. Поистине богатство для сребролюбца то же, что и для безумного меч, и даже еще гораздо вреднее. Безумный,

взявши меч и нанесши себе смертный удар, освобождается от безумия, и не получает другого удара; а сребролюбец каждый день получает бесчисленные, жесточайшие раны (свт. Иоанн Златоуст, 50, 534).

***

Нет безумнее человека, раболепствующего богатству. Одолеваемый, он представляет себя повелителем; будучи рабом, почитает себя господином; связав себя узами, радуется; усиливая лютость зверя, веселится; находясь в плену, торжествует и скачет; и видя пса, бесящегося и нападающего на его душу, вместо того чтобы связать и изнурить его голодом, он доставляет ему обильнейшую пищу, чтобы он еще более нападал на него и был еще ужаснее (свт. Иоанн Златоуст, 50, 534).

***

Поистине сребролюбие ужаснейшая из всех страстей. Отсюда расхитители гробниц, отсюда убийцы, отсюда войны и битвы, отсюда всякое зло, какое бы ты ни назвал. И подобный человек <сребролюбец> везде бывает бесполезен, случится ли ему начальствовать над войском, или управлять народом. И он бывает таким не только в делах общественных, но даже и в частных (свт. Иоанн Златоуст, 50, 806—807).

***

...Нет ничего беззаконнее сребролюбивого... Такой человек и сам себя продает, и делается общим врагом вселенной, когда скорбит, что земля не приносит золота вместо колосьев и что вместо рудников существуют источники, вместо драгоценных камней — горы; с негодованием смотрит он на плодородие, печалится при виде общего блага, отвращается от всякого дела, через которое нельзя приоб-

рести денег; все терпит, когда можно ему получить хотя две малые монеты; ненавидит всех, бедных и богатых; бедных из-за того, как бы они не пришли к нему когда-нибудь просить милостыню; богатых за то, что он не имеет их богатства. Он думает, что все завладели его имуществом, и как бы всеми обижаемый, негодует на всех. Он не знает довольства и насыщения, он самый несчастнейший из всех (свт. Иоанн Златоуст, 50, 807).

***

...<Сребролюбие> делает людей безумными и безрассудными, бесстыдными и псами, вернее же сказать, злее и самих псов, и из псов делает демонами (свт. Иоанн Златоуст, 50, 813).

***

...Никто не согрешит, если сребролюбцев назовет гробами (свт. Иоанн Златоуст, 50, 816).

***

Сребролюбцы боятся, чтобы когда-нибудь законным образом не вышло из дома их то, что вошло неправедно. Они трепещут за всякую малость, гневаются, раздражаются против домашних и против чужих. Попеременно овладевает ими то малодушие, то страх, то ярость, и они, как бы переходя с утеса на утес, каждодневно ожидают того, чего еще не получили. Вследствие этого они не наслаждаются и тем, что имеют, как потому, что не уверены в своей безопасности, так и потому, что всею мыслию устремляются к тому, чего еще не получили. И как непрестанно томящийся жаждою, хотя бы выпил бесчисленные источники, не чувствует удовольствия, потому что не насыщается, так сребролюбцы не только не ощущают удо-

вольствия, но еще тем более мучаются, чем более получают богатства, так как их похоть не имеет никаких пределов. Таково настоящее состояние сребролюбцев! (свт. Иоанн Златоуст, 50, 816—817).

***

...Сребролюбие есть истинная тьма, так как оно препятствует видеть вещи, каковы они сами в себе, и представляет их в другом виде... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 834—835).

***

Заметьте это вы, сребролюбцы, и подумайте, что стало с предателем <Иудою>? Как он и денег лишился, и согрешил, и душу погубил свою? Таково тиранство сребролюбия! Ни серебром не воспользовался, ни жизнью настоящею, ни жизнью будущею, но вдруг лишился всего и, от них же самих <подкупивших его первосвященников> получив худой отзыв, удавился (свт. Иоанн Златоуст, 50, 848).

***

Когда вы находитесь в рабстве, тогда решаетесь на все, лишь только бы кто-нибудь обещал вам свободу. А будучи пленниками сребролюбия, вы и не думаете освободиться от этого горького рабства (свт. Иоанн Златоуст, 50, 886).

***

Желающий большего ни на чем остановиться не может; а желает он большего потому, что любит суетную славу (свт. Иоанн Златоуст, 51, 183).

***

Сребролюбие возмутило всю вселенную; все привело в беспорядок; оно удаляет нас от блаженнейшего служения Христу (свт. Иоанн Златоуст, 51, 270).

***

...Если бы даже не было диавола, если бы и никто не ратовал против нас, и в таком случае бесчисленные пути отовсюду ведут сребролюбца в геенну (свт. Иоанн Златоуст, 52, 77).

***

...Сребролюбие, скажешь, внушает диавол. Убегай же от него и не принимай его, человек! Ведь если ты увидишь, что кто-нибудь из-за какой-либо ограды выбрасывает нечистоту и что (другой), видя, как его обливают, стоит и все принимает на свою голову, — ты не только не пожалеешь о нем, но еще будешь негодовать на него и скажешь, что он справедливо страдает. Да и всякий скажет ему: «Не будь безумен», и не столько будет обвинять того, кто бросает, сколько того, кто принимает. Между тем ты знаешь, что сребролюбие от диавола; знаешь, что оно — причина бесчисленных зол; видишь, что диавол бросает, как грязь, нечистые и постыдные помыслы, — и, с обнаженною головою, принимая нечистоту его, ты не думаешь о том, между тем как следовало бы, посторонившись несколько, освободиться от всего этого. Как тот, если бы посторонился, избавился бы от грязи, так и ты не принимай подобных помыслов и избегай греха, отвергни пожелание (свт. Иоанн Златоуст, 52, 77).

***

Не удивляюсь тем, которые пренебрегают (деньгами), но (удивляюсь) тем, которые не пренебрегают. Это признак души, исполненной крайней лености, — души, ничем не отличающейся от мух и комаров, привязанной к земле, валяющейся в грязи, не представляющей себе ничего великого (свт. Иоанн Златоуст, 52, 78).

***

Вследствие сребролюбия извратились законы природы, поколебались союзы родства, рушились права самого бытия.

Власть денег вооружила руки не только против живых, но и против умерших; с сребролюбцами нельзя примириться и при посредстве смерти, но они, разломав гробницы, простирают злодейские руки и к мертвым телам и освободившегося от жизни не освобождают от злых своих умыслов. Что бы ты ни встретил худого в доме ли, или на торжищах, в судах или в правительственных местах, в царских чертогах или где бы то ни было, ты можешь заметить, что все это возникло из сребролюбия... Это зло наполнило все кровью и убийствами, оно возжгло пламень геенны, оно сделало так, что города стали ничем не лучше, но даже гораздо хуже пустыни. От тех, которые производят грабежи на дорогах, можно еще уберечься, так как они не всегда нападают; а те, которые делают то же самое среди городов, настолько хуже первых, насколько труднее от них уберечься, так как они со всею дерзостью отваживаются на такие дела, какие первые производят скрытно. Сребролюбцы, привлекши к союзу с собою те законы, которые постановлены с целью упразднения их лукавства,

наполнили города множеством убийств и преступлений. Скажи мне, не убийство ли и не хуже ли еще убийства — предать нищего голоду, ввергнуть его в тюрьму и вместе с голодом подвергнуть его и мукам, и бесчисленным истязаниям? Хотя ты не сам это делаешь, но служишь причиной этого дела и совершаешь его больше тех, которые тебе служат. Убийца однажды вонзает меч и, причинив кратковременную боль, не продолжает далее мучений; а ты, делая своими клеветами, оскорблениями и злоумышлениями и самый свет для него тьмою и заставляя тысячу раз желать смерти, подумай, сколько причиняешь ему смертей вместо одной? И хуже всего то, что ты грабишь и лихоимствуешь не потому, чтобы тебя угнетала нищета и понуждал голод, но для того, чтобы больше вызолотить узду у коня, кровлю на доме и капители у столбов. И какой не может быть достойно геенны все это, когда ты брата, который вместе с тобою сделался участником неизреченных благ и столько почтен от Владыки твоего, ввергаешь в бесчисленные бедствия, чтобы украсить камни, помост и бессловесных животных, не сознающих этого украшения? И собака у тебя на большом попечении, а человек, или, лучше сказать, Христос, ради собаки и всего сказанного осуждается на крайний голод. Что хуже такого безразличия? Что ужаснее такого беззакония? Сколько будет потребно огненных рек для такой души? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 614—615).

***

Не так гибельно упиться вином, как страстью к деньгам; там вред ограничивается болезнью и оканчивается бесчувственностью и гибелью самого упившегося, а здесь простирается на тысячи душ, всюду возбуждает различные нападения (свт. Иоанн Златоуст, 52, 654).

***

Как упивающийся вином, чем больше выпьет чаш, тем больше их желает, так и любящий деньги, чем больше приобретает, тем сильнее разжигает пламя страсти и тем большею томится жаждою (свт. Иоанн Златоуст, 52, 654).

***

Как у пьяного тело бывает синее и расслабленное, такова же у сребролюбца душа, а лучше сказать, и самое тело у него не свободно от этой болезни, но подвержено ей в большей степени, потому что хуже вина изъедают и постепенно истощают его заботы, гнев, бессонница. Одержимый пьянством может хотя ночью протрезвиться, а сребролюбец пьян постоянно (свт. Иоанн Златоуст, 52, 655).

***

Стану ли говорить о тех, кто постоянно находится в узах, или кто одержим долговременною болезнью или борется с голодом, или о ком-либо другом, — ни о ком не смогу сказать, что он терпит столько же, сколько сребролюбцы. Что может быть ужаснее — для всех представляться ненавистным и всех ненавидеть, ни к кому не относиться хорошо, никогда не быть сытым, всегда терпеть жажду, непрестанно бороться с голодом, который гораздо тяжелее обыкновенного, иметь ежедневные скорби, никогда не быть в здоровом уме, постоянно находиться в волнении и тревогах? Все это и еще больше этого переносят сребролюбцы; в случае прибыли, хотя бы получили и владеют всем, они не чувствуют никакого удовольствия, потому что желают большего, а в случае ущерба, хотя бы потеряли один обол, они представляют себе, что ни с кем не случилось большего несчастья, как будто они потеряли и самую

жизнь. Какое слово может изобразить это зло? А если такова здешняя участь сребролюбца, то помысли, что ожидает его по смерти: лишение Царства, геенские муки, вечные узы, внешний мрак, ядовитый червь, скрежет зубов, скорбь, теснота, огненные реки, никогда не угасающая пещь... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 656).

***

...Сребролюбец ненавистен не только потому, что презирает живущих в скудости, но и потому, что сам привыкает к жестокости и бесчеловечию, а равно презирающий деньги для бедных тем и любезен, что милосерд и человеколюбив (свт. Иоанн Златоуст, 52, 748).

***

...Ты связал себя сам цепями сребролюбия, разреши же себя через исполнение заповеди о любви к бедным (свт. Иоанн Златоуст, 52, 974).

***

...<Сребролюбие> приводит преданных ему в состояние ничем не лучшее того, в каком находятся вырабатывающие металлы (в рудниках). Как эти, будучи постоянно заключены во мраке и связаны, трудятся без пользы, так и те, сокрывшись в вертепах сребролюбия, без всякого стороннего принуждения, самопроизвольно подвергают себя мучению и налагают на себя неразрешимые узы. Осужденные (на работы в рудниках), по крайней мере, при наступлении вечера освобождаются от трудов; а те и днем и ночью копаются над своими презренными металлами. Притом первым определена мера тяжкой их работы, а по-

следние не знают меры, но чем более копают, тем более чувствуют недовольство. Но эти, скажешь, работают поневоле, а те добровольно? Тем тяжелее болезнь их, что они не могут даже освободиться от нее, не чувствуя отвращения к своему бедственному состоянию. Как свинья в грязи, так и они услаждаются, валяясь в нечистотах сребролюбия и страдая тяжелее тех осужденных (свт. Иоанн Златоуст, 53, 232).

***

Ничто, в самом деле, не вызывает таких браней, как сребролюбие; ничто больше его не причиняет бедности, будет ли оно у богача или у бедняка, потому что эта тяжкая болезнь зарождается и в душах бедных, и увеличивает бедность их (свт. Иоанн Златоуст, 53, 233).

***

Невозможно любить вместе и серебро, и душу... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 233).

***

Нельзя, подлинно нельзя человеку сребролюбивому видеть когда-либо лице Христово; это одна из невозможностей. Сребролюбие есть корень зол (свт. Иоанн Златоуст, 54, 273).

***

...Сребролюбие не в том только, чтобы любить множество денег, но и вообще в любви к деньгам. Желать более, чем нужно, — великое сребролюбие. Разве таланты золота склонили предателя? Всего тридцать сребреников, за три-

дцать сребреников он продал Владыку (свт. Иоанн Златоуст, 54, 273).

***

Отсеки эту страсть; она рождает следующие болезни: делает нечестивыми, ведет к забвению Бога, несмотря на Его бесчисленные благодеяния. Отсеки, прошу: (эта страсть) не маловажна; она способна произвести тысячи гибельных смертей (свт. Иоанн Златоуст, 54, 273).

***

...Освободим себя и погасим в себе пристрастие к деньгам, чтобы воспламенить в себе желание небесного. Ведь не могут эти два стремления совмещаться в одной душе (свт. Иоанн Златоуст, 54, 695).

***

...Сребролюбцы... неистовствуют и выходят из себя. И если раскроешь их душу, то найдешь ее таким образом устроенною: она вооружена не одним мечом и не двумя, а бесчисленными. Она никого не признает, но бесится на всех, на всех нападает, на всех лает; она убивает не собак, а человеческие души, и громко изрыгает хулы на самое небо (свт. Иоанн Златоуст, 54, 747—748).

***

...Как сильный огонь, будучи брошен в лес, все ниспровергает и опустошает, так и эта страсть <сребролюбия> губит вселенную (свт. Иоанн Златоуст, 54, 748).

***

...Невозможно сребролюбцу быть вместе и преданным наслаждению, потому что он боится, чтобы не уменьшилось золото, чтобы не оскудели сокровищницы. Бодрствуй, говорит оно, всех подозревай — и рабов, и друзей; будь стражем чужого. Если увидишь, что бедный умирает с голоду, не давай ему ничего, но, если возможно, сними с него даже самую кожу. Нарушай клятвы, лги, клянись, обвиняй, клевещи и, хотя бы надлежало идти в огонь, подвергнуться тысяче смертей, умереть от голода, бороться с болезнью, не отказывайся. Разве не такие законы предписывает сребролюбие? Будь дерзким и бесстыдным, наглым и грубым, преступным и бесчестным, неблагодарным, бесчувственным, недружелюбным, непримиримым, безжалостным, отцеубийцею, больше зверем, нежели человеком. Превзойди всякого змия суровостью, всякого волка хищностью; превзойди жестокость животной природы. Хотя бы надлежало тебе сделаться настолько злобным, как демон, не отказывайся; не знай благодеяния (свт. Иоанн Златоуст, 54, 754).

***

Страсть сребролюбия жаждет наживы, но исцеляется милостыней, когда придет раскаяние (свт. Иоанн Златоуст, 54, 914).

***

Пусть не воспламеняется и не овладевает (тобою) сребролюбие, но пусть пожигается и истребляется эта безумная страсть духовным огнем, пусть отсекается мечом Духа. Это — добрая жертва, для которой не нужен священник, но только сам приносящий ее — жертва прекрасная, которая совершается на земле, но тотчас же принимается на небе (свт. Иоанн Златоуст, 55, 106—107).

***

Будем пренебрегать деньгами, чтобы не пренебречь нам своей души (свт. Иоанн Златоуст, 55, 172).

***

Душа, однажды плененная страстью сребролюбия, не легко и не скоро отстанет и делать, и говорить то, что прогневляет Бога, как ставшая рабою иного господина, повелевающего делать все противное Богу (свт. Иоанн Златоуст, 55, 535).

***

Деньгами должно владеть, как подобает господам, а не рабам, так чтобы властвовать над ними, а не они властвовали над нами (свт. Иоанн Златоуст, 55, 564).

***

Что для беснующегося нож, то и богатство для сребролюбца или даже гораздо того хуже... Беснующийся, схватив нож и наткнувшись на него, освобождается от бешенства, и уже не получит другого удара. Между тем сребролюбец, ежедневно получая более тяжкие раны, не только не избавляется от бешенства, но и еще более усиливает его, и чем более получает ран, тем больше доставляет себе поводов к получению новых, еще более тяжких ударов (свт. Иоанн Златоуст, 55, 594).

***

Кто любит деньги, тот не только не станет любить врагов, но будет ненавидеть и друзей. Такой человек ни родства не знает, ни дружбы не помнит, ни возраста не щадит, ни друга ни одного не имеет. Он ко всем относится

враждебно, и прежде всех других — к самому себе, не только потому, что губит свою душу, но и потому, что изнуряет себя бесчисленными заботами (свт. Иоанн Златоуст, 55, 597—598).

***

...Раздражения других страстей насаждены в человеческой природе, как бы врожденные имеют в нас начала, некоторым образом сросшиеся с плотию и, будучи почти современны с самим рождением, предваряют различение добра и зла, и хотя сначала увлекают человека, однако же долгим трудом бывают побеждены.

А эта болезнь (сребролюбия), привходя позднее, отвне навязывается душе, от того легче можно предостеречься и отвергнуть ее; а будучи оставлена в небрежении и однажды закравшись в сердце, бывает гибельнее всех, и труднее прогнать ее. Ибо она становится корнем всех зол, доставляя многоразличные поводы к порокам (прп. Иоанн Кассиан, 56, 84—85).

***

Болезнь сребролюбия, быв однажды принята, с большим трудом изгоняется. Потому эта болезнь никому не должна казаться маловажною, которою можно бы пренебрегать; как легко можно уклониться от нее, так, когда кем возобладает, едва дозволяет воспользоваться лекарствами для исцеления. Ибо она есть вместилище пороков, корень всех зол и становится неистребимым подстрекателем ко злу (прп. Иоанн Кассиан, 56, 86—87).

***

...С умножением денег увеличивается и неистовство страсти <сребролюбия>. Тогда обещается долговечная жизнь,

преклонная старость, разные и продолжительные немощи, которые не могут быть переносимы в старости, если в молодости не будет заготовлено побольше денег. Таким образом становится жалкою душа, связанная змеиными узами, когда худо собранное имение с непотребным старанием желает умножить, сама для себя порождая язву, которою жестоко распаляется и всецело занятая помышлением о прибыли, ничего другого не видит взором сердца, как только то, откуда бы можно достать денег... Из-за этого не устрашится допустить злодеяние лжи, ложной клятвы, воровства, нарушить верность, воспламениться вредным гневом. Если как-нибудь потеряет надежду на прибыль, то не побоится нарушить честность, смирение, и как другим чрево, так ему золото и надежда корысти становится во всем вместо Бога. Потому святой Апостол, имея в виду зловредный яд этой болезни, назвал ее не только корнем всех зол (см.: 1 Тим. 6, 10), но и идолослужением, говоря: *умертвите... любостяжание* (по-гречески *сребролюбие*), *которое есть идолослужение* (ср.: Кол. 3, 5). Итак, видишь, до какого порока эта страсть постепенно возрастает, так что у Апостола называется идолослужением, потому что, оставив образ и подобие Божие (которое благоговейно служащий Богу должен сохранять в себе чистым), хочет лучше вместо Бога любить и хранить изображения людей, напечатленные на золоте (прп. Иоанн Кассиан, 56, 88).

***

...Если захотим законно подвизаться духовным подвигом, то должны и этого губительного врага <сребролюбие> выгнать из наших сердец. Как победить его, большого усилия не требуется, так быть побежденным от него бесчестно и бесславно. Ибо когда поражает сильный, то хотя в низложении бывает боль и сожаление о потере победы, однако же некоторым образом находится утешение для по-

бежденных в силе противника. А если неприятель несильный и борьба слабая, то сверх болезни низложения бывает стыд более унизительный и наносится бесчестие тяжелее урона (прп. Иоанн Кассиан, 56, 95—96).

***

...Воин Христов до тех пор будет победителем, безопасным и свободным от всякого нападения страсти, пока этот непотребный дух не посеет в нашем сердце начала этого вожделения <сребролюбия>. Посему как во всех родах пороков вообще надобно блюсти голову змия, так особенно в этом заботливее нужно предостерегаться. Если же будет впущена внутрь, то, от своей пищи укрепившись, сама по себе возбудит сильнейший пожар. И потому не только надобно опасаться стяжания денег, но и самое желание совсем надобно выгнать из души. Ибо не столько надобно избегать дел сребролюбивых, сколько самую страсть эту с корнем вырывать. Ибо никакой пользы не принесет нам неимение денег, если останется в нас желание стяжания (прп. Иоанн Кассиан, 56, 96).

***

...Как Евангельское слово (см.: Мф. 5, 28) неосквернённых телом считает нечистыми сердцем, так и необремененным тяжестью денег возможно быть осужденными, как сребролюбивым по уму и сердцу. Ибо у них не было только случая иметь, а не воли, которая у Бога всегда увенчивается больше, нежели необходимость. Ибо достойно сожаления — терпеть невыгоды нищеты и наготы, а плодов их лишиться от порока тщетного желания (прп. Иоанн Кассиан, 56, 96—97).

***

Сребролюбцы почитаются прокаженными умом и сердцем, подобно Гиезию (см.: 4 Цар. 5, 27), который, пожелав тленных денег мира сего, поражен был язвою нечистой проказы. Это служит вам очевидным примером того, что всякая душа, осквернённая страстью, поражается духовною проказою пороков, и нечистая перед Господом подвергается вечному проклятию (прп. Иоанн Кассиан, 56, 98).

***

Совершенная победа над сребролюбием одерживается тем, чтобы не допускать оставаться в нашем сердце искре желания какого-либо и малейшего стяжания, в той уверенности, что мы уже не в состоянии будем погасить ее, если хоть сколько-нибудь пищи будем подавать этой искре в нас (прп. Иоанн Кассиан, 56, 99).

***

Что сребролюбие вне природы, это ясно видно; потому что не имеет в нас главного начала, зачинается не от вещества, которое бы относилось к участию души, или плоти, или сущности жизни. Ибо известно, что ничего не принадлежит к употреблению или потребности нашей природы, кроме ежедневной пищи и пития; все прочие вещи, с каким бы старанием и любовью ни хранились, чужды человеческой потребности, как это видно из употребления в самой жизни (прп. авва Серапион, 56, 245).

***

...От сребролюбия <рождаются> ложь, обман, воровство, вероломство, жадность к корысти, лжесвидетельства,

насилие, бесчеловечие, хищничество... (прп. авва Серапион, 56, 254).

***

...Кто не подает необходимого бедным и деньги свои, которые бережет по недоверчивой скупости, предпочитает заповедям Христовым, тот впадает в порок идолопоклонства, так как любовь к мирскому веществу предпочитает любви Божией (прп. авва Херемон, 56, 384).

***

Если воздействовал в тебе яд сребролюбия, этот *корень всем злым* (ср.: 1 Тим. 6, 10), и, к себе обратив все чувства, приводит в такое неистовство, что вдаешься в идолослужение, то отвечай ему богопреданным словом: *Господу Богу моему поклонюсь, и Тому Единому послужу* (ср.: Мф. 4, 10). И действие яда кончится, а ты вполне отрезвишься (прп. Исидор Пелусиот, 60, 244).

***

Если бы возможно было и по смерти брать с собою деньги, то, хотя и в этом случае не имели бы они цены, наипаче помрачаемые тамошними драгоценностями, но, по крайней мере, оказались бы чем-то таким, что могло бы принести тебе некоторую тень утешения. Если же это невозможно, но есть возможность обменять их, расточив на милостыню, наипаче же есть эта возможность у тебя, у которого нет и мнимого благовидного предлога — детей, то лучше по произволению соделаться тому, что бывает по необходимости (прп. Исидор Пелусиот, 60, 308).

***

Из этой любви <к деньгам> — вражды, драки, войны; из нее убийства, разбои, клеветы; из нее не только города, но и пустыни, не только страны обитаемые, но и ненаселенные дышат кровью и убийствами. И море не спаслось от этого зла, но и там с великим неистовством бушует оно; потому что и море осаждено морскими разбойниками, измышляющими какой-то новый способ грабежа. Из любви к деньгам превращены законы родства, потрясены уставы природы, нарушены права самой сущности; потому что эта лукавая и преступная любовь не только на живых, но и на умерших вооружает руки гробокопателей, которые освободившимся от здешней жизни не дают свободы от своего злоумышления. И сколько бы зол ни отыскал кто или в народных собраниях, или в судилищах, или в домах, или в городах, увидит в них отростки этого корня. Но к чему тружу себя? Весь вред этой болезни и все, совокупившись воедино, не будут в состоянии выразить (прп. Исидор Пелусиот, 60, 413—414).

***

...<Сребролюбие подобно> какой-то женщине... зверообразной, дышащей пламенем; вместо волос на голове ее тысячи змей, непрестанно шипящих и извергающих смертоносный яд, и тысячи у нее рук, снабженных когтями, которыми одних терзает, в других бросает стрелы, а у других вырывает деньги, и тысячи также уст, потому что не угрожает и не клевещет только, но и льстит, и раболепно беседует, и ложно клянется, и для глупых прибытков вымышляет тысячи предлогов; и глаза у нее не естественно смотрят, не уважая никого, ни друга, ни брата, ни

сродника, ни благодетеля, но выказывая в себе что-то суровое, жестокое, свирепое, бесчеловечное, огневидное. Ибо не взирает на свойство вещей, не берет во внимание, что часто, приведя в движение тысячи средств, передавала деньги в руки врагам, почему в уловленном ею впечатлевала тысячи грехов. А слух у нее столько загражден, что не внимает ни просьбам, ни воздыханиям, ни сетованиям, ни ругательствам. Но иметь крылья (что означает сытость) так ей несвойственно, что ни один здравомыслящий человек не припишет ей даже и ног. Ибо не умеет она ступить и от плененного ею передвинуться на другое место, но, налагая руки на всех, будучи тяжелее всякого железа и свинца, сидит неподвижно, все берет, всех грабит, никогда не насыщается, но множество собираемого обращает в пищу шире и шире разводимому огню и окончание того, что взято, делает началом того, чтобы брать еще (прп. Исидор Пелусиот, 61, 18—20).

***

...Представив в уме все злые качества этой любви, а именно, что она зверообразна, неприятна, дышет пламенем, ненасытна, слепа, глуха, человеконенавистна, сквернa, богоненавистна, непримирима, неприступна, неукротима, потому что и на лесть, и на услуги не сдается, но тогда паче свирепеет, когда всего больше ей услуживают, наипаче приведем все в движение, чтобы не быть уловленными. Ибо легче не быть уловленными, нежели уловленным бежать. А если и будем уловлены, то напряжем все силы и, призвав Божию помощь (без нее невозможно освободиться от такого плена, и многим угрожает опасность, что из плена сего не будет и возврата), перестанем желать прибытков, а что собрано или вдруг, или понемногу, раздадим

нуждающимся. Вот единственный способ избавиться от такого плена! (прп. Исидор Пелусиот, 61, 20—21).

***

Что тысячи бурь восстают в душе сребролюбца — всякому это небезызвестно; и что среди стольких бурь не чувствует душа ни успокоения, ни сытости, ни свободы, ни другого чего подобного, как обуреваемая множеством ветров, — известно также и это. Посему, кто же изберет такую жизнь, в которой везде утесы, звери, вихри, волны, а веселия и мира вовсе нет? (прп. Исидор Пелусиот, 62, 450).

***

Не от меня, но из самого свойства дела дознай, что если придумаешь и тысячи способов к приобретению денег, то не найдешь сытости; потому что сытость непримирима с этими способами, но мирится, свыкается и уживается с умением довольствоваться малым и нуждаться в малом. Посему перестань гоняться за недостижимым; сытость, если за нею гонишься, не дается в руки; а если не гонишься, сама собою приходит, порождая не только покой, но и веселие (прп. Исидор Пелусиот, 62, 463—464).

***

Море не наполняется, принимая в себя множество рек, и похотение сребролюбца не насыщается собранным уже имуществом; удвоил он его — и удвоенное снова удвоить желает; и никогда не перестает удвоять, пока смерть не прекратит сего бесполезного труда (прп. Нил Синайский, 90, 256).

***

...Невозможно, чтобы в одном доме были множество денег и любовь и одно не вредило другому (прп. Исаак Сирин, 58, 229).

***

Не говори, что собираешь деньги ради нищих, ибо и две лепты вдовицы купили Царство Небесное (прп. Иоанн Лествичник, 57, 131).

***

Сребролюбие есть поклонение идолам, дщерь неверия, извинение себя своими немощами, предсказатель старости, предвозвестник голода, гадатель о бездождии (прп. Иоанн Лествичник, 57, 131).

***

Победивший страсть сию <сребролюбие> отсек попечения; а связанный ею никогда не молится чисто (прп. Иоанн Лествичник, 57, 131).

***

Сребролюбие начинается под видом раздаяния милостыни, а оканчивается ненавистью к бедным. Сребролюбец бывает милостив, пока собирает деньги, а как скоро накопил их, так и сжал руки (прп. Иоанн Лествичник, 57, 132).

***

Волны не оставят моря, а сребролюбца не оставят гнев и печаль (прп. Иоанн Лествичник, 57, 133).

***

Есть бес сребролюбия, который часто принимает лицемерный образ смирения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 190).

***

Вера и удаление от мира есть смерть сребролюбия... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 210).

***

Как имеющие на ногах оковы не могут удобно ходить, так и те, которые собирают деньги, не могут взойти на небо (прп. Иоанн Лествичник, 57, 213).

***

Сребролюбие есть пища страстей, поскольку оно поддерживает и растит всеобъемлющую самоугодливую похоть (авва Фалассий, 91, 315).

***

Страсть сребролюбия обнаруживается тем, если кто принимает всегда с радостью, а подает с печалью. Таковой не может быть истинно экономным (прп. Максим Исповедник, 91, 226).

***

...Тот, кто вожделевает денег, осуждается как сребролюбец, хотя бы ничего совершенно не имел (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 235).

***

Кто... любоименно предается сребролюбию, тот... зверем для ближних делается (прп. Никита Стифат, 93, 84).

***

...Страсти, сребролюбием порождаемые, труднопобедимыми делает неверие в Божественное Промышление. Неверующий в Промышление сие на богатство опирается надеждою своею. Такой, хотя слышит слова Господа, что *удобее есть велбуду сквозе иглине уши проити, неже богату в Царствие Божие внити* (Мф. 19, 24), но ни во что вменяя Царствие, и притом Царствие Небесное и вечное, а вожделевает земного и текучего богатства, которое, и когда не имеется в руках вожделевающих его, самым тем, что вожделевается, величайший приносит вред. Ибо *хотящие богатиться впадают* в искушения и *сети* диавольские, как говорит Павел (ср.: 1 Тим. 6, 9). Оно, и когда присуще — имеется в руках, дома, — показывает свою ничтожность тем, что, несмотря на свое присутствие, все еще жаждется неразумными, коих не умудряет даже опыт. Ибо эта несчастная страсть не от бедноты, а скорее беднота (чувство бедноты) от нее; сама же она от безумия, по которому весьма праведно от общего Владыки всяческих Христа получает имя и оный, *разоряющий житницы свои и большие созидающий* (ср.: Лк. 12, 18). Ибо как не безумен тот, кто ради вещей никакой существенной пользы принести не могущих, *яко не от избытка кому живот его есть* (Лк. 12, 15), — таких вещей ради предает наиполезнейшее (свт. Григорий Палама, 93, 288—289).

***

Желающие обогатиться впадают в напасти и сети, которые приготовляет им самое их стремление к обогащению.

Первым плодом этого стремления есть множество попечений и забот, отводящих ум и сердце от Бога. Душа, мало, холодно, небрежно занимающаяся Богом, получает грубость и впадает в нечувствие; страх Божий в ней изглаждается; отступает от нее воспоминание о смерти, ум помрачается и перестает видеть Промысл Божий, от чего теряется вера; надежда, вместо того чтобы утверждаться в Боге, обращается к идолу, приводя к подножию его и любовь. Тогда человек умирает для добродетелей, предается лжи, лукавству, жестокости, словом сказать, всем порокам, и впадает в совершенную погибель, сделавшись сосудом диавола. Корень всех злых есть сребролюбие, как содержащее в себе причину и повод ко всем грехам (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 145).

***

Корень всем грехам... есть сребролюбие... Из-за любви к деньгам Иуда совершил ужаснейшее преступление между преступлениями человеческими: предал Господа. Из-за любви к деньгам совершаются бесчисленные злодеяния: нарушаются законы Божии и государственные, попирается правда, покровительствуется неправда, угнетается нищий, обогащается на погибель свою мздоимец. Сердце сребролюбца затворяется для милосердия, и он лишает сам себя милости Божией, или спасения, которое даруется одним милостивым (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 375).

****

Брат спросил старца: «Благослови мне иметь у себя две златницы по немощи тела моего». Старец, видя произволение его, сказал: «Имей». Брат возвратился в келью, и начал тревожить его помысл: благословил ли его старец иметь деньги, или нет? Встав, он опять пришел к старцу и

так спросил его: «Ради Бога, скажи мне истину, потому что помышления смущают меня по поводу двух златниц». Старец отвечал: «Я видел твое произволение иметь их, посему и сказал тебе: «Имей их», хотя и не полезно иметь более, нежели сколько нужно для тела. Две златницы составляют надежду твою, как если бы Бог не промышлял о нас. Но легко может случиться, что ты утратишь их, тогда погибнет и надежда твоя. Возложи надежду на Бога, потому что Он печется о человеках» (106, 460—461).

***

Некий монах в Нитрии, более бережливый, нежели скупой, забыв, что за тридцать сребреников продан был Господь наш Иисус Христос, накопил сто златниц, занимаясь тканием полотна. Монах умер, златницы остались. Братия собрались для совета, что делать с деньгами; там жило около пяти тысяч монахов, каждый в отдельной келье. Одни предлагали раздать деньги нищим, другие — отдать в церковь, некоторые — передать его родственникам. Но Макарий, Памво, Исидор и другие святые старцы, по действию обитавшего в них Святаго Духа, определили: похоронить деньги вместе с господином их и при этом сказать почившему: *сребро твое да будет с тобою в погибель* (ср.: Деян. 8, 20). Это событие навело такой ужас и страх на всех монахов Египта, что с того времени они признавали за тяжкий проступок иметь в запасе даже одну златницу. Действие могло показаться жестоким, но деятели были лишь орудием Святаго Духа (106, 461—462).

***

Рассказывали старцы об одном садовнике, который, обрабатывая сад свой, все заработанное раздавал на милос-

тыню, а у себя удерживал только необходимое для пропитания. Впоследствии сатана вложил в его сердце помысел: «Накопи себе сколько-нибудь денег, чтобы было тебе на нужды твои, когда состаришься или подвергнешься болезни». Он начал копить и накопил монетами глиняный сосуд. После этого случилось ему заболеть: начала гнить у него нога. Накопленные деньги он издержал на врачей, но врачи не могли оказать ему никакой помощи. Посетил его опытный врач и сказал ему: «Если не решишься отрезать ногу, то она вся сгниет». Назначен был день для отсечения ноги.

В ночь перед операцией садовник опомнился, начал каяться в своем поступке, воздыхать и плакать, говоря: «Помяни, Господи, милостыни, которые я прежде подавал, когда работал в моем саду и заработанные деньги употреблял на служение больным». Когда он говорил это, предстал ему Ангел Господень и сказал: «Где избранный тобою предмет твоей надежды?» Садовник, поняв тогда, в чем заключалось согрешение его, отвечал: «Господи! Я согрешил, прости меня! С этого времени не буду более делать так». Тогда Ангел прикоснулся к ноге его, и она тотчас исцелилась. Врач, придя наутро с инструментами, чтобы отсечь ногу, не нашел садовника дома. Когда он начал выяснять, где же он, ему сказали, что он с раннего утра пошел работать в сад. Врач, найдя в саду копающего землю садовника, прославил Бога, мгновенно даровавшего исцеление от болезни, неисцелимой человеческими средствами (106, 485).

***

Однажды к святому Епифанию, архиепископу Кипрскому, пришел диакон из Иерусалима и рассказал об

Иоанне, епископе Иерусалимском, что тот, по сребролюбию, деньги откладывает, а нищим милостыни не дает. Услышав об этом, святой Епифаний отправил к епископу Иоанну послание, в котором убеждал его быть милостивым к нищим. Но тот не обратил никакого внимания на это послание.

Прошло много лет, и однажды святой Епифаний одному из учеников своих сказал: «Пойдем, чадо, в Иерусалим, мы оттуда скоро возвратимся». Прибыли в Иерусалим, поклонились святым местам, и затем святой Епифаний, придя к епископу, попросил его: «Отче, приюти меня у себя». Епископ предоставил в распоряжение святого Епифания прекрасный дом и каждый день звал его к себе в гости, о нищих же по-прежнему не радел, и они роптали на него. Видя это, святой Епифаний сказал епископу: «Дай мне, отче, сколько-нибудь серебра для раздачи нищим». Иоанн принес ему много серебра. Святой Епифаний сказал ему: «Дай мне еще сколько-нибудь». Иоанн сказал: «Будет с тебя». Епифаний продолжал: «Ну, дай мне хоть сколько-нибудь рабов в услужение!» Епископ в этом не отказал. Епифаний тогда, взяв пятьсот монет серебра, стал день и ночь раздавать их нуждающимся.

Прошло какое-то время, и епископ сказал святому Епифанию: «Когда же ты уплатишь мне долг свой?» — «Потерпи немного, отче, все тебе отдам». Через некоторое время епископ стал уже настоятельно требовать свои деньги. Он схватил Епифания за одежду и кричал: «Не уйдешь от меня, муж злой и хитрый! Отдай мое серебро!» И два часа кричал на святого Епифания и досаждал ему. Все, присутствующие при этом, слыша дерзкие хулы на святого, пришли в уныние и страх. Епифаний, видя такую страсть, дунул в лицо епископу Иоанну, и он тотчас же ослеп.

Ужас объял всех. Тут епископ опомнился и, упав к ногам старца, стал умолять его, чтобы он помолился о нем Богу и возвратил ему зрение. Святой Епифаний сказал: «Пойди в церковь и помолись у Честного креста Господу, чтобы Он возвратил тебе зрение». Епископ не отходил от святого Епифания и не переставал просить у него прощения. Сжалившись, святой старец возложил на него руку, и у епископа открылся правый глаз. Тогда епископ стал просить об исцелении и левого глаза, но святой Епифаний сказал ему: «Это не мое дело, чадо, но Божие. Бог затворил твое око, Он и отверзнет; а урок Он тебе дал, чтобы спасти тебя от сребролюбия» (112, 516—518).

***

Однажды святой Нифонт увидел человека, за которым следовало множество нищих, прося у него милостыню, но тот даже не оглянулся на них. Тогда Нифонт подошел к Ангелу-хранителю этого человека и спросил: «Скажи мне, много ли у этого человека владений?» «Он имеет многое и бесчисленное богатство, — ответил Ангел, — но сребролюбец и из-за копейки готов умереть. Бьет он и рабов своих, морит голодом и непосильные работы налагает». Нифонт сказал: «Да неужели совесть не упрекает его за то, что оставляет нищих?» Ангел отвечал: «Послушай меня, Нифонт, я скажу тебе причину этого: приходит к нему темный бес, смущая его и говоря: «Вот ты состаришься и в болезнь впадешь, поэтому не давай имения твоего никому. Иначе, когда в нужде будешь, тогда начнешь каяться и говорить, что напрасно я раздал имение свое нищим, но будет уже поздно». И таким образом прельщает его бес, влагая такие мысли. Он же повинуется им, и пребывает помраченным, и нищих не милует». Человек тот скоро действительно впал в болезнь, и болезнь его была жесто-

кая. Он истратил на врачей все свое имение, но не получил никакой пользы, а болезнь его еще более усилилась. И, промучившись так много дней, умер, сказано, и душой, и телом. Пусть же помнят это богатые скупцы и оставят свою жадность (112, 893—894).

***

В Александрии жила одна девственница, она имела наружность смиренную, но в душе была скупа, сварлива и до крайности пристрастна к деньгам, больше златолюбива, нежели христолюбива; из своего имущества никогда не подавала нищим ни одной мелкой монеты. Несмотря на многие увещания святых отцов, она не менялась и тянулась к богатству. Были у нее родные, и она взяла на воспитание дочь своей сестры. Ей-то день и ночь обещала она свое имущество, отвергнув небесную любовь. А это — одно из обольщений диавола, когда он порождает в человеке недуг любостяжания под предлогом родственной любви...

Сию девственницу захотел излечить от недуга любостяжания святой Макарий. Он в молодости обрабатывал камни. Вот он пришел к ней и говорит: «Попались мне дорогие камни — изумруды и яхонты, но я не знаю, краденые они или нет. Хозяин продает их за пятьсот червонцев. Если хочешь купить их, дай мне эти деньги. Камни ты можешь употребить на наряды для своей племянницы». Обрадовавшись, она упала в ноги ему и говорит: «Сделай милость, не отдавай их никому». Святой приглашает ее сходить к нему и посмотреть, но она не захотела, а сразу отдала деньги, чтобы не видеть человека, который продает их. Он, взяв деньги, употребил их на нужды богадельни. Прошло много времени, а девственница стыдилась напомнить

ему о камнях, потому что святой Макарий пользовался большим уважением в Александрии. Наконец, увидев его в церкви, говорит: «Где же те камни, за которые дали мы пятьсот червонцев?» Он отвечал ей: «В тот самый день, как ты дала мне деньги, я и купил эти камни, и если хочешь увидеть их, приходи в мой странноприимный дом. Если не понравятся камни, возьми свои деньги назад». Девственница пошла с радостью. Странноприимный дом имел два отделения. В верхнем помещались женщины, а в нижнем мужчины. Святой Макарий вводит ее в ворота и спрашивает: «Что угодно тебе сперва увидеть: яхонты или изумруды?» «Что хочешь», — ответила она. Макарий ведет ее наверх и, указывая на женщин увечных, слепых, говорит: «Вот яхонты!» Потом ведет вниз и, указывая на таких же мужчин, говорит: «А вот изумруды! И я полагаю, что драгоценнее этих камней не найти нигде! Если они не нравятся тебе, возьми деньги назад». Пристыженная девственница вышла и, придя домой, занемогла от великой печали, сокрушаясь, что сделала доброе дело не по любви к Богу, а против воли. Покаявшись, она потом долго благодарила старца (101, 17—21).

ССОРЫ

Не должно ссориться или мстить самому за себя, но, по Господней заповеди, если можно, со всеми надобно иметь мир (свт. Василий Великий, 7, 355).

***

...От ссоры происходит вражда, а от частной дружбы и близости происходят подозрения и зависть (свт. Василий Великий, 9, 67).

***

...Ссора или зависть начинаются не сами собою, но произрастают от корня славолюбия... (свт. Василий Великий, 9, 303).

***

...Если случится ссора между двумя братьями, то первый раскаивающийся получит венец победы, но венчается и другой, если не отвергнет раскаяния, но с готовностью сделает, что нужно для мира (прп. Ефрем Сирин, 30, 190).

***

...Не ссорься с братом своим, ибо не знаешь, что, может быть, тревожит его какая-нибудь неизвестная тебе страсть, и потому он немощен (прп. Ефрем Сирин, 31, 141).

***

Если будет при тебе ссора, не входи в исследование причин. Если кто во время ссоры обратится против тебя, не раздражай его (прп. Ефрем Сирин, 31, 630).

***

...Кто ссорится, тот или изрыгает хулы и таким образом теряет все прежние добрые дела, или в сильном гневе клянется ложно и таким образом впадает в геенну, или наносит побои и совершает убийство... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 166).

***

Когда мы ссоримся с дурными людьми, то бывает то же, что с человеком, который бьет другого лежащего в грязи;

он пачкает себя самого, касаясь грязи своими руками (свт. Иоанн Златоуст, 52, 349—350).

***

...Любовь к спору и безвременное любопытство есть дело недостойное (свт. Иоанн Златоуст, 52, 507).

***

...Зачем мы безрассудно ссоримся друг с другом, зачем враждуем друг против друга, когда нам повелено любить даже и ненавидящих нас? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 616).

***

Огради себя от высокомерия, ни с кем не входи в ссору, чтобы не быть осужденным за высокоумие (прп. Нил Синайский, 72, 244).

***

Которые веруют, те не только сами не ссорятся между собою, но умиротворяют и тех, которые рассориваются, подражая Господу... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 436).

***

Извольте всегда ограничиваться одними кроткими и покорными объяснениями, а ссору вычеркните из вашего словаря (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 158).

****

Авва Павел Космит и Тимофей, брат его, жили в Скиту. Часто бывали между ними ссоры. «Долго ли нам жить

так?» — спросил однажды авва Павел. Авва Тимофей ответил: «Сделай милость, когда я буду оскорблять тебя, потерпи меня, а я буду терпеть тебя, когда ты станешь оскорблять меня». И так делая, они были покойны в остальные дни (97, 238).

***

Были два брата по духу, диакон Евагрий и священник Тит. Имели они друг к другу любовь великую и нелицемерную. Диавол же возбудил между ними вражду, и они поссорились. И такую ненависть вложил в них, что они не хотели и видеть друг друга. Много раз братия просили их примириться, но они и слышать об этом не хотели. Когда Тит шел с кадилом, Евагрий отбегал от фимиама, когда же Евагрий не бежал, тогда Тит проходил мимо, никого не покадив. Много времени пребыли они во мраке греховном; приступали и к Таинам Христовым — Тит, не прося прощения, а Евагрий, гневаясь. Однажды сильно заболел Тит и, будучи уже при смерти, стал горевать о своем прегрешении и послал к диакону с мольбой: «Прости меня, ради Бога, брат мой, я напрасно гневался на тебя». Евагрий же отвечал жестокими словами и проклятиями. Старцы, видя, что Тит умирает, насильно повлекли Евагрия, чтобы примирить его с братом. Увидев его, больной припал к ногам Евагрия и говорил: «Прости и благослови меня, отец мой!» Он же, немилостивый и лютый, отказался перед всеми: «Никогда не хочу примириться с ним, ни в этом веке, ни в будущем». Тогда Евагрий вырвался из рук старцев и вдруг упал. Отцы хотели поднять его, но увидели, что он уже мертв. И не могли ему ни рук сложить, ни рта закрыть, как у давно умершего. Все пришли в ужас. Отец Тит тотчас встал, словно никогда и не болел. Со многим плачем погребли Евагрия. Рот и глаза у него так и

остались открытыми, а руки растянутыми. Тогда отец Тит поведал братии: «Видел я Ангелов, отступивших от меня, и бесов, радующихся моему гневу. И тогда начал я молить брата, чтобы он простил меня. Когда же привели его ко мне, я увидел Ангела немилостивого с огненным копьем, и, когда Евагрий не простил меня, он ударил его, и тот упал мертвый. Мне же Ангел подал руку и поднял меня». Услышав это, убоялись братия Бога, сказавшего: *прощайте и прощены будете* (Лк. 6, 37) (107, 92).

***

Один монах был сильно обижен своим братом. Видя в происшедшем действие врага спасения, монах стал со слезами молиться Богу, чтобы ему без греха перенести обиду и не впасть в злопамятование, а брата, во имя любви, — простить. Долгое время на проскомидии вынимал он за него частицу из просфоры. Как-то ночью, в день своего Ангела и Ангела обидчика, монах особенно молился за оскорбителя и на ранней Литургии сугубо просил Господа о прощении.

После обедни в келью монаха пришел его обидчик и, подавая теплый пшеничный хлеб, сказал: «Видел, отче, как ты обо мне молился и поминал на проскомидии. Прости меня». Поклонился, оставил хлеб и вышел. Монах обрадовался и поблагодарил Господа. Решив поблагодарить и брата, он открыл дверь кельи, но там никого не было видно. Это удивило монаха. Он попробовал хлеб, тот был необыкновенно вкусный, такого хлеба монах еще не ел. Вечером монах пошел к имениннику поблагодарить за посещение и за необыкновенный хлеб. Но брат стал уверять его, что он не был у него и никакого хлеба не приносил. Тогда монах понял, что не земной человек, а, возможно, Ангел-хранитель обидчика посетил его. После

рассказа монаха Божия благодать коснулась сердца обидчика, и тот стал просить прощения у брата. Так, чудным образом, они примирились и была уничтожена ссора (107, 354—355).

***

Были два монаха, родные братья по плоти и братья по духу. Против них строил козни лукавый диавол с целью разлучить их. И вот лукавый диавол устраивал повод к ссоре между ними. Однажды к вечеру младший брат засветил лампаду и поставил ее на подсвечнике. Тот упал, и лампада погасла. Старший брат вскочил и в ярости начал бить своего брата. Младший брат упал ему в ноги и стал уговаривать: «Успокойся, владыко мой, я снова засвечу лампаду». И потому, что он не отвечал гневными словами, лукавый дух, будучи посрамлен, тотчас отступил от них (106, 454).

***

Два старца жили в одной келье, и никогда не возникало между ними ни малейшего неудовольствия. Как-то один сказал другому: «Поссоримся и мы хотя бы раз, как ссорятся другие люди». Другой отвечал: «Вовсе не знаю я, каким образом может родиться ссора». Первый сказал: «Вот я поставлю глиняную посуду и скажу, что она моя. А ты скажешь: «Она не твоя, а моя». Из этого родится спор, а из спора — ссора».

Сговорившись так, они поставили посуду, и один сказал: «Она моя». Другой отвечал: «А я полагаю, что она моя». Первый опять сказал: «Не твоя она, но моя». Тогда второй отвечал: «А если она твоя, то возьми ее». Так они, как ни старались, не смогли поссориться (106, 459).

***

Авва Никита рассказывал: «Два брата, желая жить вместе, поселились в одной келье. Один из них так рассуждал сам с собой: «Буду делать только то, что угодно моему брату». Равно и другой говорил: «Буду исполнять волю моего брата». Много лет они жили в любви. Враг, видя это, захотел разлучить их. Он пришел, встал у дверей и одному представился голубицей, а другому — вороной. Один из братьев сказал: «Видишь ли этого голубя?» «Это ворона», — отвечал другой, и начали они спорить между собой. Один говорит то, другой — другое. Наконец, они подрались, к полной радости врага, и разошлись. Спустя три дня они пришли в себя, попросили друг у друга прощения, сказали, чем каждому из них представлялась виденная птица, и узнали в этом искушение врага. После этого они жили уже неразлучно до самой смерти» (97, 181).

***

Некто Исаак-монах рассказывал следующий случай из своей жизни. «Однажды, — говорил он, — я поссорился с братом и стал гневаться на него. Между тем, сидя как-то за своим рукоделием, я вспомнил о своей ссоре, раскаялся и, движимый страхом ответственности перед Богом, думал: «Что мне делать?» В это время вошел ко мне какой-то юноша и, не сотворив, как следовало, крестного знамения, сказал: «Ты согрешил и тревожишься, доверься мне и будешь спокоен». Я же, поняв, что это диавол, отвечал: «Уйди, ибо ты не от Бога». Он же говорит: «Жаль мне тебя: дело свое ты губишь, а все-таки ты мой». «Нет, — говорю, — не твой я, диавол, а Божий». Он сказал: «Гнев держащих и зло помнящих Бог передал нам. Ты же три недели гневаешься на своего брата». Я отвечал: «Лжешь».

А он: «Ты зло имеешь на него, а держащих злопамятство ожидает геенский огонь, и я к таким людям приставлен, и ты — мой». Услышав это, я тотчас же пошел к брату, поклонился ему и примирился с ним. Что же? Возвратившись домой, я увидел, что диавол, не потерпев моего примирения, из злобы, сжег мое рукоделие и рогожу, которую я обыкновенно подстилал, когда молился». (112, 11—12).

СТРАДАНИЯ

...Если пострадаю, буду отпущенником Иисуса и воскресну в Нем свободным (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 292).

***

Никакой пользы не принесут мне удовольствия мира, ни царства века сего. Лучше мне умереть за Иисуса Христа, нежели царствовать над всею землею (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 293).

***

...Кто не может потерпеть чувственную смерть за Христа, как Он потерпел ее (за нас), тот должен, по крайней мере, потерпеть ее мысленно — произволением, и будет он мученик совестью, когда не станет покоряться борющим его демонам или хотениям, но побеждать их, как святые мученики и преподобные отцы, из которых одни чувственно, а другие мысленно были мучениками (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 149).

***

Насколько кто сострадает и подражает Христу в нищете Его, вкушая страданий и поношений Его, которые Он

претерпел ради нас прежде распятия и погребения, настолько делается близким Ему и соучастником славы Его... (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 38).

***

...Почти всякое здешнее злострадание приобретает нам вечные блага (свт. Василий Великий, 6, 251).

***

Надобно знать и исповедовать, что от Бога даются всякий благий дар и терпение самых страданий за Христа (свт. Василий Великий, 7, 361).

***

Всему должно радоваться, что ни постраждешь, даже до смерти, за имя Господне и заповеди Господни (свт. Василий Великий, 7, 374).

***

Христос — жизнь наша и спасение душ наших. Посему кто страждет за Христа, тот страждет за свое спасение и за жизнь свою (прп. Ефрем Сирин, 31, 208).

***

...Изменяется тело человеческое различными страданиями. Члены его делаются враждебными между собою, потому что сам человек бывает в противоборстве с друзьями; а сие противление учит его приобретать единомыслие и мир с ближними (прп. Ефрем Сирин, 31, 450).

***

...Посланы ли меч, или голод, или язва, или смерть, или другое что кажущееся скорбным, все сие посылается на землю для уцеломудрения и исправления, чтобы люди устремили ум свой к благочестию, потому что каждое поколение имеет нужду во вразумлении Господним посещением. Если и среди страхов иные остаются нечувствительными в деле благочестия, то, ежели вовсе не будет посещения Господня, не тем ли паче совратятся умом в безбожие и погибель? (прп. Ефрем Сирин, 32, 43).

***

...Поелику не предаются... <мудрые> смеху и радостям мира сего, то за страдания свои награждены будут райскими радостями и блаженством (прп. Ефрем Сирин, 33, 200).

***

Слово Господне благовествовало нам, что не имеет жизни в себе, кто не страждет ради Господа (прп. Ефрем Сирин, 33, 530—531).

***

...Страдать за Христа... самое блаженное дело, не только по причине будущих воздаяний, но и по причине настоящей славы и свободы, какую <мученики> приобрели себе своими бедствиями (свт. Григорий Богослов, 12, 115).

***

...Удивительно ли, что святые подвергаются страданиям? Сие нужно или для очищения даже малой нечистоты, или для испытания в добродетели и для искуса в любомуд-

рии, или для назидания более немощных, чтобы из примера их научались терпению и не унывали в страданиях (свт. Григорий Богослов, 13, 126—127).

***

...Любомудрие делается от страданий мужественнее и твердеет в бедствиях, как раскаленное железо в холодной воде (свт. Григорий Богослов, 13, 285—286).

***

...Страдать со Христом и за Христа вожделеннее, нежели наслаждаться с другими (свт. Григорий Богослов, 15, 177).

***

Перейди же отсюда к божественной борьбе моих подвижников; и ты, услышав или припомнив о них, придешь в ужас. С какими бесчисленными опасностями возрастили досточтимое и новое таинство Христово мы, удостоившиеся именоваться от Христова имени! Зависть многократно воспламеняла против нас многих врагов и гонителей Слова — этих дышащих яростью, свирепых зверей. Но мы никогда не уступали господствующей силе времени. Напротив того, если и оказывалось сколько-нибудь беспечности во время мира, если и оказывался кто худым в чем другом, то в этом все были укреплены Богом, горя пламенною ревностью, выдерживали дерзость врагов, побеждаемые со славою. Никто не ищет спасения с таким удовольствием, с каким шли мы на сии прекрасные опасности. Иной, как забаву, встречал огонь, меч, земные пропасти, голод, удавление, кровожадных зверей, растягивание и вы-

вертывание составов, избодение очей, жжение, расторжение, терзание членов, холод, погружение в глубину или во мрак, свержение с высоты, продолжительное зрение разнообразных мучений; а последнее (говорю это знающим) хуже всех злостраданий; потому что, когда страдание доведено до крайней его степени, тогда прекращается уже страх; непрестанно же ожидать — значит непрестанно страдать и вместо одной смерти умирать многими мучительными смертями. Не стану говорить об изгнаниях, об отнятии имуществ, о том, что надобно терпеть сие в глазах мужей, жен, товарищей, детей, друзей, что самого мужественного делает малодушным. И за что терпеть? Может быть, за один слог. Что говорю: за слог? За одно мановение, которое, послужив знаком отречения, могло бы спасти, хотя ко вреду. Короче сказать: мы стояли за Бога; а предавший Бога не может уже найти другого. Но к чему распространяться? Возведи очи свои окрест, обозри целую вселенную, которую объяло теперь спасительное Слово, привязавшее нас к Богу и соединившееся с нами через страдания, — соединение дивное и превысшее в Божиих законах! Сию-то вселенную, всю почти, осиявают, как звезды, открытыми алтарями, высоковерхими престолами, учениями, собраниями, стечениями целых семейств, песнопениями достойными подвигов, осиявают сии достославные победоносцы Закланного. И так велико благоговение к истине, что малая часть праха, какой-либо останок давних костей, небольшая часть волос, отрывки одежды, один признак каплей крови иногда достаточны к чествованию целого мученика; даже месту мощей дается наименование: *святые мощи*, и оно получает равную силу, как бы находился в нем целый мученик. Чудное дело! Думаю, что одно воспоминание спасает. Что еще сказать о невероятном избавлении от болез-

ней и от демонов при гробницах, которые удостоились некогда вмещать в себя драгоценные мощи? И они отражают нападения духов. Таковы чудеса моих подвижников! (свт. Григорий Богослов, 16, 144).

***

Чем сильнее меня угнетают, тем более приближаюсь к Богу; страдания теснее соединяют меня с Богом; это для меня — преследующее воинство врагов, которое заставляет укрыться в стены (свт. Григорий Богослов, 16, 194).

***

...Желаю, чтобы ты и в самом страдании любомудрствовал, теперь-то особенно очистил свою мысль, показал, что ты выше уз и почитаешь болезнь наставлением в полезном, а это значит, что презираешь тело и все телесное, все, что скоротечно, непостоянно и скорогиблюще, всецело предаешься горнему, вместо настоящего живешь будущим, обращая здешнюю жизнь, как говорит Платон, в помышление о смерти, и по мере сил отрешая душу от тела, или, говоря по Платонову, от гроба. Если так любомудрствуешь и такое имеешь расположение духа... то и сам себе окажешь весьма великую пользу, и у нас отнимешь причину скорбеть о тебе, и многих научишь любомудрствовать в страданиях, а сверх того немалую получишь выгоду (если об этом заботишься сколько-нибудь), заставив всех удивляться тебе (свт. Григорий Богослов, 17, 279—280).

***

Не спрославились еще мы со Христом, потому что не страждем с Ним (прп. Макарий Египетский, 67, 187).

***

...Славен не тот только, кто терпит что-либо за Бога, но и тот, кто страждет неправедно, и переносит это мужественно, и благодарит Бога за таковое попущение... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 90).

***

...Бог не оставляет человека, когда попускает ему страдать, но желает увенчать его и сделать более славным (свт. Иоанн Златоуст, 45, 287).

***

...Не только наносимые телу удары, но и страдание души приносит неизреченные венцы, и душевное страдание даже больше, чем телесное, если поражаемые переносят с благодарностью (свт. Иоанн Златоуст, 46, 591).

***

...Вознаграждения назначены не только за добродетели, но и за страдания, и вознаграждения очень великие, и за страдания не меньшие, чем за добродетели, а скорее иногда даже большие... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 598).

***

...Страдания плоти служат и блестящим венцом для праведных, сияющим гораздо светлее солнца, и величайшей очистительной жертвой для согрешивших (свт. Иоанн Златоуст, 46, 616).

***

...Подобно тому, как огонь делает золото более чистым, когда соединится с ним, так и страдание, нападая на золо-

тые души, делает их более чистыми и испытанными (свт. Иоанн Златоуст, 46, 648).

***

Некоторые, потерпев наказание здесь, хотя и не избегнут тамошнего мучения, однако же потерпят наказание более легкое, уменьшив великость тамошних мучений здешними страданиями (свт. Иоанн Златоуст, 47, 243).

***

Страдание для того и было допущено, чтобы страждущие сделались более исправными и любомудрыми (свт. Иоанн Златоуст, 48, 356).

***

...Великое дело — благодарность, любомудрие, терпение среди таких страданий; это — высшая добродетель. За то и Иов был увенчан (свт. Иоанн Златоуст, 48, 399).

***

Если Тот, Кто знает ваши страдания и может отвратить их, однако же не отвращает, то, без сомнения, потому, что промышляет и печется о вас (свт. Иоанн Златоуст, 50, 93).

***

Когда ты показываешь в злостраданиях кротость, то вся победа Ему <Христу> принадлежит; а когда сам нападаешь и сражаешься, помрачаешь победу (свт. Иоанн Златоуст, 50, 363).

***

Кто страдает несправедливо и переносит великодушно, тот приобретает через это большее дерзновение у Бога (свт. Иоанн Златоуст, 50, 433).

***

...Многие соблазняются, когда видят некоторых угодных Богу людей в каком-либо бедствии, когда видят, например, что они подверглись болезни, или бедности, или чему-нибудь другому подобному; а того не знают, что такие страдания свойственны тем, которые особенно любезны Богу (свт. Иоанн Златоуст, 51, 412).

***

...Для того Он <Бог> попустил им <праведным> страдать, чтобы и Свою силу явить через это во всем свете, и их этими страданиями научить во всем любомудрствовать... Чтобы они, вместо великих страданий, пользуясь беззаботною жизнью, не сделались порочными, Он попускает им претерпевать скорби: скорбь есть великое благо (свт. Иоанн Златоуст, 52, 157).

***

Когда кто страдает для венцов, тогда не скорби, как, например, <апостолы> Павел или Петр; но когда кто терпит достойное наказание, тогда плачь, тогда скорби. Так поступали и пророки (свт. Иоанн Златоуст, 52, 381).

***

...Когда видишь, что кто-нибудь подает милостыню и совершает множество других добрых дел и таким образом

сокрушает силу диавола, а между тем подвергается искушениям и бедствиям, не смущайся этим; потому он и подвергается искушениям и бедствиям, что сильно поражает диавола. Но для чего, скажешь, Бог попускает это? Для того, чтобы он удостоился больших венцов, а диавол получил сильнейшее поражение. Подлинно, когда он, делая добро и испытывая зло, за все благодарит Бога, тогда диавол и поражается (свт. Иоанн Златоуст, 53, 442).

***

Нет ничего лучше злострадания ради Христа. Я не столько ублажаю <апостола> Павла за то, что он был восхи́щен в рай, сколько за то, что был ввергнут в темницу (свт. Иоанн Златоуст, 54, 66).

***

Видишь ли, что страдание за врагов есть благоухание приятное и жертва угодная? Хотя бы ты и умер, и тогда будет жертва: вот что значит подражать Богу (свт. Иоанн Златоуст, 54, 144).

***

...Можно не радоваться среди страданий, когда кто страдает за грехи, но можно и веселиться среди бичеваний, когда кто страдает за Христа (свт. Иоанн Златоуст, 54, 479).

***

...Когда злосчастных, и уничиженных, и перенесших тысячи страданий и сохранивших веру Он <Бог> сподобит

такой <неизреченной> славы, тогда обнаружится сила Его, — потому что хотя здесь верующие были, по-видимому, Им оставлены, однако там удостоятся великой славы. В этом-то особенно открывается вся слава и сила Божия (свт. Иоанн Златоуст, 54, 590).

***

О, какая честь быть воином Христовым! Вспомни, насколько важным считается у воинов находиться под начальством земных царей. Если же царскому воину свойственно переносить страдания, то не переносить страданий недостойно воина. Итак, не должно скорбеть, если терпишь страдания, — это ведь свойственно воину, — но следует скорбеть, если не терпишь их (свт. Иоанн Златоуст, 54, 780).

***

...Страдания — совершенство и средство ко спасению... Терпение страданий не есть знак отверженных (свт. Иоанн Златоуст, 55, 42).

***

...Страдающий за кого-нибудь не ему только приносит пользу, но и сам становится славнее и совершеннее (свт. Иоанн Златоуст, 55, 42).

***

...Не будем скорбеть, когда видим здесь грешников благоденствующими, и когда сами страждем, будем радоваться, потому что это изглаждает наши грехи (свт. Иоанн Златоуст, 55, 56).

***

Вожделеннее для меня пострадать за Христа, чем удостоиться чести от Христа (свт. Иоанн Златоуст, 55, 654).

***

Если бы нужно было каждодневно претерпевать тысячи смертей, даже самую геенну, за то, чтобы видеть пришествие Христа в славе Его и сопричислиться к хору святых, то неужели не следовало бы перенести все это?.. (свт. Иоанн Златоуст, 55, 701).

***

Если не хочешь злострадать, не хоти и зло делать, потому что то первое неотступно следует за этим последним. Что кто сеет, то и пожнет. Так, когда мы, добровольно сея зло, против воли пожинаем (скорбное), то должны дивиться в сем правосудию Божию (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 179).

***

Смирение и злострадание (подвижнические телесные лишения) освобождают человека от всякого греха, — то душевные отсекая страсти, а это — телесные (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 182).

***

Слово Божие, соделавшись истинным человеком, в действительности исполнило все человеческое. Так и во время страданий отрекается от чаши, показывая, что надлежит не вдаваться самому в опасности, но когда настали они, встречать их терпеливо. Ибо и Христос отрекался от Крес-

та еще уготовляемого, но осужденный на Крест, подъяв его на рамена, восшел на него как победитель (прп. Исидор Пелусиот, 60, 170).

***

Как апостолы, укрепившись мужеством и великодушием и оградившись Божественною помощью, когда выдерживали столько браней, достаточным для себя утешением имели самый повод к подвигам, потому что все, что потерпели, не за свою, но за Господню терпели они славу, почему не вредила им и зависть, всегда причиняющая мучения добрым; так и мы, когда страждем, не за собственное свое неискусство, но за благочестие и правду, не должны смущаться. Ибо к украшению нашему, и прежде будущих венцов, достаточно самого повода к подвигам (прп. Исидор Пелусиот, 60, 319).

***

Великие преуспеяния обыкновенно с великими, а самые большие с наивеличайшими совершаются трудами; посему не думай, что, делая что-либо маловажное и ни к чему не годное, достигнешь самых великих наград, и не надейся, избрав безопасную и изнеженную жизнь, отличиться в первых рядах дружины. Победителем провозглашается, кто был в опасностях и воздвиг победные знамения. Если кто и жизнь кончит на брани, то нескончаемым пребудет в памяти и примет награды более нежели человеческие. Мужественный же вождь Христова воинства и страдания за Христа признает венцами, говоря: *Вам дарова Бог не токмо еже в Него веровати, но и еже по Нем страдати* (ср.: Флп. 1, 29), т. е. не упоминая о будущих благах, самые страдания, посредством которых входим в

общение с Владыкою, суть самые великие награды и прекраснейшие венцы (прп. Исидор Пелусиот, 62, 8—9).

***

Если нисколько не страдать в настоящей жизни — выше жребия человеческого, то лучше страдать несправедливо, нежели справедливо. Ибо одно свойственно любомудрым, а другое — злодеям, одно — благоискусным, другое — делающим на удачу; и одно служит причиною венцов, а другое — воздаянием за грехи, одно делает должником Бога, другое есть уплата долгов (прп. Исидор Пелусиот, 62, 304—305).

***

Одних и тех же страданий не одни и те же непременно корни, и не все наказания имеют здесь началом грехи. Напротив того, одни наказываются за грехи, а другие страждут для испытания, чтобы одни несли казнь, другие показали опыты добродетели (прп. Исидор Пелусиот, 62, 313—314).

***

...Мы, справедливо возводя душевное око к иному состоянию жизни, в точности знаем, что любители добродетели, когда жестоко страждут, достойны не оплакивания, но ублажения и прославления, потому что через сие уготовляются им блистательнейшие венцы славы (прп. Исидор Пелусиот, 62, 359).

***

Никто не может причинить вред верной душе; но все, что ни постраждет она, вменится ей во благо (прп. Зосима, 91, 119).

***

Если кто потерпит какое-либо посрамление за истину Христову, то он во сто крат прославится от многих (прп. Марк Подвижник, 69, 14).

***

Как за сеющими в слезах следуют рукояти радования, так и за злостраданием ради Бога последует радость... (прп. Исаак Сирин, 58, 277).

***

Если душа не вкусит с ве́дением страданий Христовых, то не будет иметь общения со Христом (прп. Исаак Сирин, 58, 295).

***

Святые если и страдают, то страдают за имя Божие, или для того, чтобы обнаружились добродетели их на пользу многим, или для того, чтобы умножились их венцы и награда их от Бога (прп. авва Дорофей, 29, 94).

***

Всякий грех делается для сласти; всякое же прощение бывает ради злострадания и печали (авва Фалассий, 91, 301).

***

Если Бог страждет плотию, быв человек, то кто не порадуется, когда страдает, имея Бога соучастником в страдании? Ибо спострадание Ему виновно бывает Царствия. Истинен сказавший: *с Ним страждем, да и с Ним прославимся* (Рим. 8, 17) (прп. Максим Исповедник, 91, 251).

***

Страждущий за попрание Божией благодати, если познает цель врачующего его Божественного Промышления, то и случившуюся прискорбность с благодарностью приемлет радуясь, и грех, за который наказуется, охотно исправляет... (прп. Максим Исповедник, 91, 261—262).

***

При произвольном злострадании (подвигах самоумерщвления) должно покорно принимать и непроизвольное, состоящее в клеветах, потерях и болезнях. Не приемлющий покорно сих последних, но бывающий недоволен ими и ропотлив подобен тому, кто желает всегда вкушать хлеб свой без соли (прп. Илия Екдик, 91, 427).

***

Многие восходят на крест злострадания (произвольных телесных лишений); но немногие приемлют гвозди его (пригвождают себя на нем навсегда). Многие бывают рабами произвольного послушания; на посрамление же произвольно предают себя только те, которые отрешились от честолюбия (прп. Илия Екдик, 91, 440).

***

Как же думаешь ты быть общником славы <Господней>... когда не хочешь быть общником поносной смерти Его? Поистине всуе подвизаешься ты, если не хочешь истинно взять на себя Креста Христова... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 460).

***

Тем... которые в следовании Ему <Господу> подвергли свою жизнь опасности, Господь воздает жизнь вечную... Господь Сам Себя предал на смерть за нас; нас же, не ради Себя, но ради нас самих же увещевает быть готовыми на смерть; и показывая, что это именно ради нас самих, Он присовокупляет: *Иже бо аще хощет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю* (ср: Мк. 8, 35). Что же означают эти слова: *иже бо аще хощет спасти... погубит, и иже погубит... спасет*? — Человек сугуб: внешний, имею в виду — тело, и внутренний наш человек, именно — душа. Посему, когда внешний наш человек предаст себя на смерть, этим он губит свою душу, обитающую в нем; когда же за Христа и за Евангелие он таким образом погубит ее, тогда-то воистину спасет и приобретет ее, доставив ей небесную и вечную жизнь, и в всеобщем Воскресении имея ее таковой, благодаря ей и сам, имею в виду — и по плоти, он станет таким же, небесным и вечным. Любящий же свою душу, но по причине любви к привременному этому веку и к тем вещам, которые принадлежат сему веку, не готовый таким образом (т. е. за Христа и Евангелие) погубить ее, нанесет ущерб своей душе, лишив ее истинной жизни, и сам вместе с нею подвергнется каре, предав ее, увы, на вечное мучение. И как бы оплакивая такого человека и показывая весь ужас положения, Всемилостивый Владыка говорит: *Кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит; или что даст человек измену за душу свою* (Мф. 16, 26). Ибо не снидет с ним (в гроб) слава его, ни иная какая из почитаемых в веке сем почестей и услаждений, которые он предпочел спасительной (для его души) смерти (за Христа и Евангелие). Какую же вещь он нашел бы среди вещей века сего, которая была бы выкупом за разумную

душу, для которой и весь мир не равнозначущ?.. (свт. Григорий Палама, 26, 114).

***

...Страдания на теле, перенесенные ради Христа, и следы, оставленные ими, стали для возымевшего их как бы окнами, пропускающими невечерний свет, и, при сиянии оного света, познаются как дело Божественной красоты или, лучше сказать, сияния, а не отражают неприглядность ран; не говоря уже о том, что они не идут вразрез с бесстрастием, но более принадлежат бессмертию (свт. Григорий Палама, 26, 185).

***

Мученики терпели напасти от человеков... Чем разнообразнее и тяжелее был подвиг их, тем... бóльшее получали дерзновение к Богу. Иноки терпят напасти от злых духов. Чем бóльшие напасти наносит им диавол, тем бóльшую славу они получат в будущем веке от Бога, тем бóльшего утешения они сподобятся от Святаго Духа здесь, во время земного странствования, среди самых страданий своих (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 351—352).

***

Несправедливости от Бога никакие не происходят, но попускаются они Богом — во благо тем, на кого попускаются (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 273).

***

...Всякая неправда и всякая напраслина венец готовят. Но тому, на кого они падают, перетерпеть их надо (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 273).

***

В <Царствие Божие>... нельзя взойти без страданий. Туда дорога одна — крест, произвольный или непроизвольный (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 239).

****

Один праведный пустынножитель, заметив, что его больной ученик частыми вздохами изъявлял нетерпение, сказал ему: «Не малодушествуй, сын мой! Тело твое, изнуренное недугом, может быть спасительным врачевством для твоей души. Если ты по делам твоим подобен железу, то огонь страдания очистит тебя от ржавчины, если же ты — золото, то этот огонь придаст блеска твоей добродетели» (116, 79).

***

Авва Палладий вспоминал: «За восемь месяцев до своего успения авва Вениамин заболел водянкой. Тело его так распухло, что по своим страданиям он стал подобен Иову нашего времени. Епископ Диоскор, бывший тогда пресвитером горы Нитрийской, обратившись ко мне и блаженному Евагрию, сказал: «Пойдите посмотрите на нового Иова, который при такой неисцельной болезни сохраняет необыкновенное благодушие». Придя, мы взглянули на его тело: оно так распухло, что рукой нельзя было обхватить его мизинец. Не в силах смотреть на это, мы отвели свои глаза. Тогда блаженный Вениамин сказал: «Помолитесь, чада, чтобы не сделался болен мой внутренний человек. А от этого тела не вижу вреда». В те восемь месяцев он постоянно сидел на стуле огромной ширины, потому что лечь в постель не мог. И в таком состоянии он еще врачевал других от различных болезней» (101, 38).

***

Авва Петр, ученик аввы Исайи, говорил, что когда он посетил его в болезни и нашел его весьма страждущим, тот, видя печаль о нем, сказал: «Что это за страдание, когда есть надежда на упокоение! Но меня объемлет страх при мысли, если я отвержен буду от лица Божия, и никто уже не явится на помощь мне, и не будет надежды на упокоение» (98, 41).

***

Когда святой великомученик Феодор Стратилат был распят на кресте и, кроме того, терпел еще и другие мучения, то, изнемогая и духом, и телом, наконец воскликнул: «Господи, Господи, Ты мне предрек, что Ты со мной, зачем же ныне оставил меня? Вот пришло время помощи! Помоги мне, поскольку я переношу все эти страдания ради Тебя и из любви к Тебе терплю такое мучение. Укрепи меня, Господи, или возьми мою душу, ибо более не могу терпеть». Сказав это, мученик умолк. Мучитель Ликиний заключил, что святой уже умер и, отдав повеление оставить тело на кресте до утра, ушел с места казни. В полночь же явился Ангел, снял тело святого с креста, облобызал его и сказал: «Радуйся, Феодор, воин Христов! Дерзай и укрепляйся именем Христа, Истинного Бога, Он с тобой. И зачем ты говорил, что Он оставил тебя? Докончи свой подвиг и придешь к Господу взять уготованный тебе венец». Сказав это, Ангел стал невидим, а святой стал хвалить и благодарить Бога (112, 742).

***

Преподобный Антоний Новый за все годы своего пребывания в пустыне не носил обуви. Придя жить в оби-

тель, он скоро износил одежду и обувь. Между тем наступила зима, Антоний страдал от мороза. Игумен видел это, но не давал ему одежды, желая доставить ему духовную опытность и духовное преуспеяние. Особенно тягостно от мороза было ногам. Братия, видя его в такой нужде и в таком страдании, соболезновали ему: кто подстилал овечью кожу под ноги, кто подавал ему сандалии, чтобы он обулся в них. Но доблестный страдалец и гражданин Вышнего Иерусалима, Антоний ничего не принимал. Он взирал на настоятеля и говорил братии: «Я точно знаю, что отец наш видит мою нужду, и на него возлагаю все мое попечение. Когда Бог возвестит ему, тогда он даст мне нужное за мое смирение». Миновала лютая зима, наступило и прошло лето, потом осень. Антоний оставался полуобнаженным. Игумен не обращал на его нужды никакого внимания. Видя себя в такой наготе и страдании, побежденный бесовскими помыслами, Антоний пришел однажды к игумену и сказал ему: «Владыко! Если монастырь так беден, что не может снабдить меня необходимым, то позволь мне спросить нужное у моих знакомых». Блаженный пастырь, услышав это, отвечал: «Монастырь мой питает всю братию о Христе, неужели тебя одного не может пропитать и одеть? Сначала мы слышали о тебе, что ты подвижник и терпеливо переносишь телесные страдания, теперь же я не вижу в тебе ничего того, о чем все говорили. Ты расточил все свое имение ради Бога, вдался в подвиги и нищету, безмолвствовал в пустыне много лет, терпя доблестно наготу тела и всякую нужду. Придя же к нам, ты оказался малодушным и нетерпеливым. Подвергнувшись ничтожным лишениям с целью духовного образования, ты немедленно начал искать успокоения, подобно проводящим нерадивую жизнь, нисколько не имеющим в виду великое

мздовоздаяние Христа, Бога нашего». Страдалец Христов Антоний, выслушивая эти жестокие слова игумена, стоял и молчал, подражая Христову смирению. Осыпав его всевозможными укоризнами и досаждениями, отец прогнал его. Антоний вышел от игумена молча и ежедневно умывал себя слезами, удручая тело различными подвигами (106, 76—77).

***

Некто из старцев был очень болен, страдая внутренним кровотечением. Один брат сделал похлебку, опустил в нее смоквы, принес старцу и просил его вкусить, говоря: «Покушай, это будет очень тебе полезно». Старец посмотрел на него пристально и сказал: «Истину говорю: желал бы я, чтобы Бог попустил мне страдать в этой болезни еще тридцать лет». И не согласился, будучи так серьезно болен, хотя бы немного вкусить приятной пищи (106, 483).

СТРАННОЛЮБИЕ

Удалясь от молвы житейской, уединись, и будешь странник. Сидеть в келье будет для тебя то же, что отправиться в чужую сторону (прп. Антоний Великий, 89, 95).

***

Если придет к тебе брат какой, хоть не вовремя, прими его с радостью, чтобы он воздал благодарение Богу и на тебя не поскорбел. Если брат какой придет к тебе, смири себя во всем перед ним, покажи ему радушие ради Господа, и бойся вознестись гордостью (прп. Антоний Великий, 89, 102).

***

Радостно встречай странника и приветствуй его, чтобы иначе свидание ваше не было вам обоим во вред (прп. авва Исаия, 89, 447).

***

Похвала и спасение христианам — иметь всегда за трапезою своею вместе вкушающих нищих, сирот и странников, потому что дома сего никогда не оставит Христос (прп. Ефрем Сирин, 32, 15).

***

Странническая жизнь весьма тягостна; это — путь трудный для невежд, несносный для всякого юноши, скорбный для людей простосердечных.

Мудрым это — подвиг, бедным — мучение, знатным — бесславие, богатым — унижение.

Кто вступает в странническую жизнь, тому должно сложить с себя и оставить величие свое и избрать для себя одно унижение; так заповедано, так и прилично.

Ложем его будет земля, в возглавие ему ляжет камень; в день холода и мороза будет ударять он во всякую дверь, ища себе убежища (прп. Ефрем Сирин, 34, 290).

***

Не презирай странника, за которого Христос был странником (а у Христа все мы странники и пришельцы), да не будешь по-прежнему устранен из рая. Нуждающемуся в крове, пище и одежде доставь сие ты, который пользуешься этим, и еще сверх нужды (свт. Григорий Богослов, 15, 147).

***

Тот страннолюбив, кто себя самого признает странником (свт. Григорий Богослов, 16, 342).

***

...Страннолюбивому человеку несвойственно разведывать, а свойственно всем прохожим оказывать свое радушие... Намереваясь принять странника, никогда не будем разведывать, кто он и откуда... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 447).

***

...Кто с усердием оказывает его <страннолюбие>, тот более сам получает <от Бога>, нежели сколько дает (страннику) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 449).

***

...Позаботимся поболыше о страннолюбии... чтобы приготовить себе и в будущей жизни наслаждение бессмертными благами. Если будем так делать, то и мы удостоимся принять здесь Христа, и Он Сам примет нас в обителях, уготованных любящим Его, а мы услышим от Него: *приидите, благословении Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира.* Почему и за что. *Взалкахся бо, и дасте Ми ясти, возжадахся, и напоисте Мя, странен бых, и введосте Мене, в темнице, и посетисте Мене* (ср.: Мф. 25, 34—36) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 454).

***

...<В странноприимстве> Господь наш требует от нас избытка усердия, а не множества яств, не трапезы роскош-

ной, но сердца радушного, услуг не на одних только словах, но и любви, происходящей от сердца и чистого намерения (свт. Иоанн Златоуст, 47, 454).

***

Всех находящихся в мире святых Бог может пропитать Сам, но иногда Он удерживает Свои дары, чтобы посредством странноприимства испытать благорасположенные сердца и дать им возможность принести плоды (свт. Иоанн Златоуст, 51, 611).

***

Все это надобно иметь принимающему странников: усердие, радушие, щедрость. Душа странника совестится и стыдится; если не окажут ему крайнего радушия, то он уходит как бы отверженный, и такой прием бывает гораздо хуже, нежели прямой отказ (свт. Иоанн Златоуст, 52, 396).

***

Пусть будет дом наш Христовым пристанищем для всех; будем просить у них награды, не серебра, но того, чтобы они сделали дом наш пристанищем Христовым; будем ходить повсюду, привлекать к себе, гоняться, как за добычею; здесь мы скорее сами получаем, нежели оказываем благодеяния (свт. Иоанн Златоуст, 52, 398).

***

Если ты не как Христа принимаешь странника, то не принимай его; если же принимаешь как Христа, то не стыдись умыть ноги Христу (свт. Иоанн Златоуст, 55, 660).

***

Тот странник, кто мыслию своею стал вне всего житейского (прп. Исаак Сирин, 58, 306).

***

Сделайся мертвым для всякого человека: в сем-то и состоит странничество (прп. авва Дорофей, 29, 221).

***

...Странничество... сохранишь, если будешь думать и говорить в себе: «Кто я такой — ничтожный, ни к чему не гожий, деревенщина, бедняк, — чтобы сметь мне пойти в келью к кому-либо другому? И кто, увидев меня, не отвратится от меня и не возбрезгует мною, как мерзостью? Разве, когда приду к кому, не может он сказать о мне: «Чего хочет этот гадкий, келью мою, что ли, пришел осквернить?» (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 212).

****

Святитель Григорий, папа Римский, рассказывал следующее: «Один богатый человек каждый день имел обыкновение приглашать к себе странников, кормил их и со всем семейством служил им. Однажды среди обычных посетителей явился незнакомый ему Странник. Хозяин пригласил его к трапезе, а сам пошел за водой, чтобы, по обычаю, умыть ему руки. С водой он возвратился тотчас же, но, к своему удивлению, нового Посетителя на Его месте уже не увидел. Страннолюбец недоумевал, что бы это значило? Но недоумение его скоро разрешилось. В ту же ночь явился ему Господь и сказал: «В прежние дни ты принимал Моих

братий меньших, а вчера принял Меня Самого. И вот Имеющий прийти на Суд вместе с другими скажет и тебе: *так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 40). И знай, что тех, которые прежде Суда принимают Его в лице странных, Он на Суде взыщет Своими милостями» (112, 404).

***

Игумен одного общежительного монастыря, имевшего около двухсот братий, был нищелюбив. Со временем человеческая слава пленила его, и он стал проявлять любовь к богатым и боярам и за это был прославляем ими. Однажды к нему в монастырь пришел Господь в образе убогого старца и попросил привратника доложить, что такой-то брат с большим трудом пришел к нему. Привратник застал игумена беседующим с богатыми; постояв немного, он сказал игумену об убогом, не зная, что это Христос. Игумен же, бранясь, возмутился: зачем привратник впустил Пришельца, разве не видит, что он беседует с людьми. Привратник ушел ни с чем. Но долготерпеливый Господь ожидал, пока выйдет игумен. Через некоторое время пришел в монастырь один богач, игумен его сразу же встретил во вратах обители. Увидев игумена с богатым, богатый милостью и друг смиренных — Христос стал умолять игумена, сказав, что имеет к нему слово. Но игумен даже не обернулся и ушел на обед. После обеда, провожая гостя до ворот, игумен опять пренебрег просьбой убогого и незлобивого Старца. И вечером не принял он Того Небесного Странника. Уходя, Старец сказал привратнику: «Так скажи игумену, что ради прежних его трудов и прежнего его жития Я приходил к нему, желая дать ему благословение, но

он не захотел. Так как ищет он славы человеческой, Я пошлю к нему вельмож всей этой страны, благо же Царства Моего он не ищет». И тогда все познали Вседержителя Христа, приходившего в образе нищего. Слыша это, братия, не отвратим взора от убогих, ибо Сам Христос Вседержитель ходит в образе нищего. Дающий нищему дает в руки Христа, ядущий же и пиющий с богатыми удовлетворяет своему сластолюбию (107, 536).

ИСТОЧНИКИ

1. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1902.

2. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1902.

3. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1903.

4. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1903.

5. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1900.

6. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1900.

7. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1900.

8. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1901.

9. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 5. ТСЛ, 1901.

10. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

11. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1902.

12. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 1. М., 1843.

13. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 2. М., 1844.

14. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 3. М., 1844.

15. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 4. М., 1844.

16. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 5. М., 1847.

17. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 6. М., 1848.

18. Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. М., 1861.

19. Творения святого Григория Нисского. Ч. 2. М., 1861.

20. Творения святого Григория Нисского. Ч. 3. М., 1862.

21. Творения святого Григория Нисского. Ч. 4. М., 1862.

22. Творения святого Григория Нисского. Ч. 5. М., 1863.

23. Творения святого Григория Нисского. Ч. 6. М., 1864.

24. Творения святого Григория Нисского. Ч. 7. М., 1865.

25. Творения святого Григория Нисского. Ч. 8. М., 1871.

26. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 1. М., 1994.

27. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 2. М., 1994.

28. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 3. М., 1994.

29. Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. 10-е изд. Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни: Свято-Троицкая Лавра, 1913.

30. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 1. М., 1881.

31. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 2. М., 1881.

32. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1912.

33. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1900.

34. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 5. М., 1887.

35. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

36. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1913.

37. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 8. ТСЛ, 1914.

38. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1905.

39. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1886.

40. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 3-е изд. Т. 3. СПб., 1905.

41. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетическая проповедь. 3-е изд. Т. 4. СПб., 1905.

42. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Приношение современному монашеству. 3-е изд. Т. 5. СПб., 1905.

43. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина: Точное изложение православной веры. СПб., 1894.

44. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. 2-е изд. Т. 1: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

45. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 2: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1896.

46. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 3: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1897.

47. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 4: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

48. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 5: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1899.

49. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 6: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1900.

50. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 7: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1901.

51. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 8: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1902.

52. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 9: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1903.

53. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 10: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1904.

54. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 11: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1905.

55. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 12: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1906.

56. Писания преподобного отца нашего Иоанна Кассиана Римлянина. 2-е изд./Пер. с лат. еп. Петра. М., 1892.

57. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. 7-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1908.

58. Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирина, подвижника и отшельника, бывшего епископом града Ниневии: Слова подвижнические. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893.

59. Преподобного и богоносного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского: Духовно-нравственные слова. 2-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1911.

60. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 1. М., 1859.

61. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 2. М., 1860.

62. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 3. М., 1860.

63. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Письма. 2-е изд. Ч. 1. Киев, 1891.

64. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Трактаты. 2-е изд. Ч. 2. Киев, 1891.

65. Творения святителя Кирилла Александрийского.//Творения святых отцев в русском переводе, издаваемые в Московской Духовной Академии. Т. 49. Ч. 2. ТСЛ, 1882.

66. Творения иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа Иерусалимского. М., 1855.

67. Преподобного отца нашего Макария Египетского: Духовные беседы, послания и Слова. 4-е изд. ТСЛ, 1904.

68. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе: Нравоучительные сочинения. Ч. 1. ТСЛ, 1910.

69. Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника: Нравственно-подвижнические слова. 2-е изд. Сергиев Посад, 1911.

70. Невидимая брань, блаженной памяти старца Никодима Святогорца. 2-е изд.: В 2 ч./Пер. с греч. еп. Феофана. М., 1892.

71. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 1. М., 1858.

72. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 2. М., 1858.

73. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 3. М., 1859.

74. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 1. М., 1874.

75. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 2. М., 1874.

76. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 1. М., 1892.

77. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 2. М., 1890.

78. Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова. Сергиев Посад, 1917.

79. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 1. М., 1898.

80. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 2. М., 1898.

81. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3. М., 1898.

82. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 4. М., 1899.

83. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 5. М., 1899.

84. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 6. М., 1900.

85. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900.

86. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 8. М., 1901.

87. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?//Письма еп. Феофана. 5-е изд. М., 1904.

88. Внутренняя жизнь: Слова епископа Феофана. Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1893.

89. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 1. М., 1883; 3-е изд. М., 1895.

90. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 2. М., 1884.

91. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 3. М., 1888; 3-е изд. М., 1900.

92. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 4. М., 1889.

93. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 5. М., 1890; 3-е изд. М., 1900.

94. Писание мужей апостольских/Пер. прот. Петра Преображенского. 2-е изд. СПб., 1895.

95. Афонский патерик, или жизнеописание святых, на Святой Афонской горе просиявших. 3-е изд. Ч. 1, 2. СПб., 1897.

96. Глинский патерик/Схиархим. Иоанн Маслов. М., 1997.

97. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. М., 1845.

98. Древний патерик: Изложенный по главам. М., 1874; 3-е изд. М., 1899.

99. Жизнь пустынных отцев/Творение пресвит. Руфина. ТСЛ, 1898.

100. Киево-Печерский патерик/Сост. М. Викторова. Киев, 1893.

101. Лавсаик/Сост. Палладий, еп. Еленопольский. СПб., 1850.

102. Луг духовный/ Творение блаженного Иоанна Мосха. Сергиев Посад: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915.

103. Митерикон: Собрание наставлений аввы Исаии всечестной инокине Феодоре. 2-е изд./Пер. еп. Феофана. М., 1898.

104. Московский патерик/Сост. Е. Поселянин. М.: Изд. Московского дворянства, 1912.

105. Оптинский патерик/Б-ка Московской Духовной Академии. (Машинопись. Инв. № 123611).

106. Отечник/Еп. Игнатий (Брянчанинов). 4-е изд. СПб., 1903.

107. Отечник проповедника/Сост. игум. Марк (Лозинский). ТСЛ, 1996.

108. Палестинский патерик/И. Помяловский. СПб., 1893. Вып. 3.

109. Патерик Вольно-Почаевский/Сост. прот. А. Хойнацкий. М., 1883.

110. Практическая симфония/Сост. Г. Дьяченко. М., 1912.

111. Духовный мир/Сост. Г. Дьяченко. М., 1900.

112. Пролог в поучениях/ Прот. В. Гурьев. М., 1912.

113. Соловецкий патерик. М., 1895.

114. Троицкие цветки с луга духовного/Сост. архим. Кронид (Любимов). ТСЛ, 1997.

115. Троицкий патерик. ТСЛ, 1896. (Репринт).

116. Цветник духовный. 5-е изд.: В 2 ч. М., 1903.

117. История боголюбцев, или повествование о святых подвижниках/Блаж. Феодорит, еп. Кирский. СПб., 1853.

118. Святого отца нашего, Григория Двоеслова, епископа Римского. Собеседования о жизни италийских отцев и бессмертии души. Казань, 1853.

119. Тверской патерик: Краткие сведения о тверских местночтимых святых. Казань, 1907.

120. Маргарит или избранные душеспасительные изречения, руководящие к вечному блаженству. М., 1882.

121. Цветник Пешношский. М., 1898.

122. Воскресное чтение. Киев, 1861.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Смерть 5
Сущность смерти 5
Смерть — начало вечности 8
Неизбежность смерти 14
Смерть праведников 25
Смерть грешников и нераскаянных 32
Смерть младенцев 36
Смерть душевная 43
Страх смерти 47
Памятование о смерти 53
Приготовление к смерти 68
Искушения в смертный час 82
Состояние души после смерти 91
Скорбь об умерших 94
Смех 119
Смирение 125
Смирение — великая добродетель 125
Признаки истинного смирения 138
Виды смирения 157
Смиренный настрой 162
Как приобрести смирение 168
Плоды смирения 194
Ложное смирение 217
Снисходительность 238
Соблазн 242

Совершенство 261
Совесть 305
Совет 325
Созерцание 340
Сокрушение 355
Сомнение 373
Сострадание 383
Сотериология 397
Путь ко спасению 397
Спасение только в Боге 419
Признаки спасения 442
Начало спасения — осознание своей греховности 446
Спасение грешников 451
Скорби на пути ко спасению 459
Спасение не от добрых дел, а от покаяния . 465
Спасение ближних 469
Сплетни 480
Спорливость 481
Справедливость 487
Сребролюбие 493
Ссоры 529
Страдания 536
Страннолюбие 558

ББК 86.372-574
УДК 27-29
С 59

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том X

Издание Московской Духовной Академии
и Введенской Оптиной Пустыни, 2008

249700, Калужская обл., г. Козельск,
Введенская Оптина Пустынь.
Издательский отдел, тел.: (495) 421-71-41

Зак. 546. Тираж 5000 экз. ОАО «Первая Образцовая типография»
115054, Москва, Валовая, 28

ISBN 978-5-86594-084-5
© Введенская Оптина Пустынь, 2008

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том XI

Страсти—Тщеславие

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
И ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
2009

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

С

СТРАСТИ

Страсти — воздействие стихии греха

...После преступления Адамова мы все возрастаем страстными, и, от навыка в страстях, не желаем благого с радостью, не возделываем познания Божия, и не делаем этого с любовью, как бесстрастные; но более любим страсти и лукавые дела, а благого вовсе не желаем, разве только по нужде, из страха мучений, — и то только твердо верующие и охотно принимающие слово Господне, остальные же и того не хотят. Но, вменяя ни во что и скорби настоящей жизни, и будущие мучения, от всей души раболепствуют страстям, а некоторые, не чувствуя горечи страстей, по нужде и нехотя, проходят труды добродетелей. Достойное ненависти, по безумию нашему, сделалось для нас вожделенным (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 7).

***

Не стали мы еще храмом Божиим и обителию Духа Святаго, потому что доныне, по стремлению своему к стра-

стям, мы — храм идольский и виталище лукавых духов (прп. Макарий Египетский, 68, 187).

***

Если поработились мы плотским страстям, то явно не порабощены Святому и бесстрастному Духу... (прп. Макарий Египетский, 68, 325).

***

Признаком страстей, действующих в душе, бывают или какое-либо произнесенное слово, или телом совершенное движение, из которых враги узнают, имеем ли мы внутри себя их помыслы и болим родами их, или, отвергши их, печёмся о своем спасении. Один сотворивший нас Бог знает все так, и не имеет нужды в каких-нибудь видимых признаках, чтобы познать, что скрыто в сердце (авва Евагрий, 90, 612).

***

...Страсть — это некое насилие, способное принудить всякого, одержимого ею, терпеть и переносить все для чего бы то ни было... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 119).

***

Страсть не есть естественная потребность, но в некотором роде все извращающая болезнь (свт. Иоанн Златоуст, 55, 576).

***

Много страстей сокрыто в душах наших; но обличают они себя только тогда, когда являются на глаза причины их (предметы, поводы) (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 173).

***

...Нечистые страсти, об освобождении от которых должно молиться, суть души демонов (прп. Нил Синайский, 73, 341).

***

...Страсти суть нечто придаточное, и в них виновна сама душа (прп. Исаак Сирин, 59, 25).

***

...Если бы страсти были в душе естественно, то почему душа терпела бы от них вред? (прп. Исаак Сирин, 59, 29).

***

Страсти суть как бы твердая какая сущность, они занимают середину между светом и созерцанием, и препятствуют при созерцании различать разнообразие вещей (прп. Исаак Сирин, 59, 186).

***

...Заблуждаются те, которые говорят, что некоторые из страстей естественны душе, они не разумеют того, что мы сами природные свойства к добру превратили в страсти. По естеству, например, мы имеем семя для чадородия; а мы употребляем оное на беззаконное сладострастие. По естеству есть в нас и гнев, но на древнего оного змия, а мы употребляем оный против ближнего (прп. Иоанн Лествичник, 58, 204).

***

Страсть есть неестественное движение души или по несмысленной любви, или по безрассудной ненависти к чему-

нибудь чувственному, или за что-нибудь чувственное: по несмысленной любви — или к яствам, или к женам, или к имению, или к преходящей славе, или к иному чему-нибудь чувственному; или ради сего — по ненависти несмысленной, когда ненавидят... без рассуждения что-либо из вышесказанного, или кого-нибудь по причине того (прп. Максим Исповедник, 92, 180).

***

Страсть достойна порицания, как неестественное движение души (прп. Максим Исповедник, 92, 182).

***

Много страстей кроется в душах наших; обнаруживаются же они, когда появляются предметы их (прп. Максим Исповедник, 92, 221).

***

Как ум, держа страсти в своей власти, делает чувства орудиями добродетели, так и страсти, когда держат ум в своих руках, настраивают чувства ко греху (прп. Максим Исповедник, 92, 256).

***

...Как от духа через разумное сочетание добродетелей одной с другою в душе делается одежда нетленная, коею облекшись, она является доброю и преславною, так от плоти через растление разных страстей, по сродству их одной с другой, производится для нее некая одежда нечистая и испачканная, являющая собою, какова душа, налагая на нее другой образ и подобие вместо Божественного (прп. Максим Исповедник, 92, 257).

***

...Душа, не порабощенная страстями, вся свободна, вся боговидна, вся господственна, вся световидна, вся обрадованна, богособранна, богорастворенна, небесна. Не такова душа, порабощенная и возобладанная страстьми — тиранами... Приемля повеление от демона, она беспрекословно делает повеленное (прп. Феодор Студит, 93, 342).

***

Похоти же плотской, брачного или безбрачного смешения, сластей, гортанобесия, чревоугодия, многоспания, леностного бездействия, щегольства и многого другого подобного не тело ищет... но ищет этого душа посредством тела, приятным то себе находя, и услаждается тем, так как тесно соединена с этою перстию, т. е. телом, любит валяться в чувственных скверностях, как свинья в нечистотах, и жаждет сластей плотских, по причине сего соединения с перстию <плотию> (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 351).

***

...Всякая страсть и всякий грех оскверняют одежду души нашей и изгоняют нас из Царства Небесного... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 402).

***

Когда ослабнут бразды владычественнейших (высших) чувств, тогда тотчас поднимается восстание страстей и приходит в движение действо раболепнейших (низших) чувств. Ибо обычно неразумным сим (чувствам), разрешась от уз воздержания (или удержания и обуздания), бросаться на предметы страстей и пастись на них, как на смертоносных пажитях... (прп. Никита Стифат, 94, 83).

***

...Душа не по причине красивых лиц, но по причине в ней самой залегшего расположения к сему злу подвергается крайне сильному влечению и тревоге страсти (прп. Никита Стифат, 94, 95).

***

Страстные навыки суть задатки адских мук... (прп. Григорий Синаит, 94, 187).

***

От произвольного содружества с грехом и от произвольного общения с духами отверженными зарождаются и укрепляются страсти... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 291).

***

Страсти — знамение греховного смертоносного недуга, которым поражено все человечество (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 528).

***

Всякая страсть есть преступная любовь, есть преступное усвоение какому-либо виду греха (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 436).

***

Всякая страсть идол (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 125).

***

Все страсти исходят из самоугодия, самости, самолюбия и на них держатся (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 192).

***

...Страсти — сатанинское в нас семя. Им поблажать — значит с сатаною брататься (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 89, 111—112).

Причины страстей

...Рассеянность души рождает страсти (прп. авва Исаия, 60, 93).

***

...От лености и праздности они <страсти> рождаются и укрепляются (прп. авва Исаия, 60, 95).

***

Четырьмя вещами множится блудная страсть в теле: спанием вдоволь, ястием до сытости, смехотворным празднословием и наряжанием тела (прп. авва Исаия, 90, 318).

***

...Поелику привзошла в этот мир и жизнь бессловесных, а человек... из естества бессловесных заимствовал нечто, разумею способ рождения, то через сие заимствовал и прочее, замечаемое в этом естестве; ибо не в раздражительной силе у человека подобие Божие, и не сластолюбием отличается естество преимущественное; и боязливость, и дерзость, и желание большего, и отвращение от скудости, и все тому подобное далеки от признаков боголепия. Посему естество человеческое извлекло это из бессловесной в себе части; ибо чем бессловесная жизнь ограждена для самосохранения, то, будучи перенесено в жизнь человеческую, стало страстию. Животные плотоядные охраняются раздра-

жительностию; животных многородящих спасает сластолюбие; животное малосильное хранит робость, удобоуловимое сильнейшими — страх, преизбыточествующее плотию — прожорливость. И не удовлетворить в чем-либо своему сластолюбию для бессловесных служит предлогом к скорби. Все сие и подобное тому, по причине скотского рождения, привзошло в устройство человека (свт. Григорий Нисский, 18, 149—150).

***

...Человек, кажется мне, носит в себе до противоположности двоякий вид, в богоподобии ума изображая подобие Божественной красоте, а в страстных стремлениях представляя близость свою к скотообразности. Но часто и разум, по наклонности и расположению к бессловесному затмевая в себе лучшее худшим, доходит до скотоподобия; ибо, как скоро до этого унизит кто мысленную деятельность и принудит рассудок стать служителем страстей, происходит какое-то превращение добрых черт в бессловесный образ, и все естество изменяет свой вид, а рассудок, подобно земледельцу, обрабатывает начатки страстей, и постепенно возращает их в большем и большем количестве; потому что, употребив свое содействие страсти, произвел он многочисленное и обильное порождение нелепостей. Так сластолюбие имело началом уподобление бессловесному, но в человеческих проступках возросло, породив такое число разных грехов сластолюбия, какого нельзя найти в бессловесных. Так вожделение к раздражительности сродно с стремительностью бессловесных, возрастает же при содействии помыслов; ибо отсюда мстительность, зависть, лживость, злоумышленность, лицемерие. Все это произращено худым деланием ума. Ибо если страсть сия лишится содействия помыслов, то раздражительность останется чем-то скоропреходящим и бессиль-

ным, подобным пузырю, который, едва явится на воде, и тотчас лопается (свт. Григорий Нисский, 18, 150—151).

***

...Не тело причина страстей, но свободная воля, производящая страсти. Ибо тело движется соответственно своей природе, направляя свои стремления к тому, что служит к сохранению его состава и продолжению (жизни) (свт. Григорий Нисский, 24, 521).

***

Откуда происходят страсти? Они происходят не от природы, но от желания (свт. Иоанн Златоуст, 50, 344).

***

Оковы для души — не железо, а рабский страх, любостяжание и бесчисленные страсти. Вот что связывает, хотя бы тело и было свободно. Но от тела, скажешь, рождаются и страсти? Это пустое извинение и ничтожная оттоворка. Если бы действительно от тела рождались эти страсти, то им были бы подвержены все. Как никому нельзя избежать усталости, сна, голода и жажды, потому что все это естественно, так никто не избежал бы и подчинения страстям, если бы они были таковы. Если же многие избегают их, то ясно, что такого рода недостатки рождаются от беспечности души (свт. Иоанн Златоуст, 52, 505).

***

...Любовная страсть происходит не просто от красоты только телесной и благовидности, а от расслабления и заблуждения души (свт. Иоанн Златоуст, 54, 543).

***

...Страстям Он <Господь> попустил овладевать нами, чтобы уничтожить нашу надменность... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 116).

***

...Как сокрытое в тучной земле дает росток, так в утученном теле расцветает страсть (прп. Нил Синайский, 72, 203—204).

***

Страсти телесные ведут начало свое от естественных потребностей плоти, — и против них нужно воздержание; а страсти душевные порождаются от потребностей душевных, — и против них потребна молитва (прп. Нил Синайский, 91, 290).

***

...Как дрова суть (материальная) причина пламени огненного, и если их недостаточно будет, огонь скоро угасает, так есть свои причины и страстей; и если кто отсечет сии причины, страсти остаются бездейственными (прп. Зосима, 92, 125).

***

Не образуется облако без движения ветра; и страсть не рождается без мысли (прп. Марк Подвижник, 70, 25).

***

Когда же слышишь в Писании о страстях душевных и телесных, да будет тебе известно, что говорится сие по отношению к причинам страстей; ибо душа по природе бесстрастна (прп. Исаак Сирин, 59, 25).

***

...Где тьма и спутанность помыслов, там и страсти (прп. Исаак Сирин, 59, 170).

***

Как дети не рождаются без матери, так страсти не рождаются без парения мысли, а совершение греха не бывает без содействия страстей (прп. Исаак Сирин, 59, 403).

***

...Усиливают страсти нечистые духи, приемля в содействующицы себе наше нерадение и подстрекая их: а умоляют — святые Ангелы, побуждая нас к деланию добродетелей (прп. Максим Исповедник, 92, 190).

***

Хорошо не пить вина, особенно вам, юнейшие, потому что от него возгораются страсти (прп. Феодор Студит, 93, 193).

***

...Многоспание утучняет плоть; а вместе с утучнением плоти питаются и страсти (прп. Феодор Студит, 93, 484).

***

...Ничто так не усиливает их <страсти> против нас, как высокомудрые помыслы... (свт. Феодор Едесский, 92, 325).

***

Иные страсти суть телесные, и иные душевные. Кто первые из них отревает, а о вторых никакой заботы не

имеет, тот подобен человеку, для защиты от зверей построившему себе высокую и прочную ограду, а птицам охотно попускающему клевать славные грозди мысленного винограда (прп. Илия Екдик, 92, 440).

***

Начало и причина страстей есть злоупотребление; злоупотребления — склонность; склонности — движение желательного навыкновения; испытание желания есть прилог; прилог же — от бесов, коим Промыслом попускается обнаруживать, каково наше самовластие (прп. Григорий Синаит, 94, 193).

***

Страстные мысли, а за ними чувства и пожелания... большею частью порождаются под действием внешних впечатлений (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 222).

Степени и виды страстей

Ве́дение озаряет нас как солнце, и безумный самовольно закрывает глаза, т. е. произволение неверием и леностью, и тотчас предает ве́дение забвению, через праздность, рождающуюся от нерадения. Ибо от неразумия происходит нерадение, от нерадения — праздность, от праздности — забвение, а от забвения самолюбие, т. е. любление своих хотений и своих разумений, называемое сластолюбием и славолюбием; от них сребролюбие — корень всех зол: ибо от него происходит попечение о житейском, от которого — совершенное неведение даров Божиих и своих согрешений, а отсюда водворение других страстей, т. е. восьми главных: чревоугодия... от которого блуд, — через них сребролюбие, а от него гнев, когда кто не достигает желаемого,

т. е. своей воли. От этого печаль, через которую уныние; потом тщеславие, от которого гордость; и от этих восьми — всякое зло, страсти и грех, через которые приходит (человек) в отчаяние и совершенную погибель и отпадение от Бога, и делается подобным демонам... (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 10).

***

<Названия страстей следующие>: лютость, коварство, лукавство, злой образ мыслей, беспорядочность, невоздержанность, обольщение, грубость, невежество, праздность, холодность, окаменение, ласкательство, глупость, беспорядочный крик, выхождение из себя, помешательство, неучтивость, дерзость, боязнь, ожесточение, леность к доброму, законопреступная прибыль, корыстолюбие, скудость (от лености), неведение, безумие, лжеименное знание, забвение, нерассудительность, бесчувствие, неправда, худое произволение, бессовестность души, медленность, болтливость, незаконность, преткновение, грех, беззаконие, законопреступление, страсть, пленение, лукавое согласие (с мыслью), беспорядочное сочетание (с мыслью), бесовский прилог (помысла), замедление, телесный покой сверх должного, злоба, падение, недуг души, изнеможение, немощь ума, небрежность, леность, малодушное порицание, презрение Бога, превращение, преступление, неверие, неудобоверие, зловерие, маловерие, ересь, соединение с ересью, многобожие, идолопоклонство, неведение Бога, нечестие, волшебство, подглядывание, догадки из соображений, чародейство, отрицание, идолонеистовство, невоздержание, мотовство, любознательность (суетная), нерадение, самолюбие, невнимание, непреуспевание, обман, заблуждение, отважность, отравление, осквернение, ядение скверного, роскошь, нецеломудрие, чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, скука, беспечность,

тщеславие, гордость, самомнение, возношение, чванство, обезумление, гнусность, насыщение, сонливость, тяжесть головы (от вина), наслаждение, ненасытимость, гортаноугодие, ненасыщение, тайноядение, объядение, уединенноядение, небрежение, легкость (удобство во всем), самосоветие, бессоветие, самоугодие, человекоугодие, неопытность в добром, невразумление, необучение, легкомыслие, (невежественная) простота, нелюдимость, противоречие, спорливость, злословие, вопль, смущение, борьба, раздражительность, беспорядочная похоть, желчность, раздражение, соблазн, вражда, вмешательство в чужие дела, клевета, горечь, оговаривание, порицание, обвинение, осуждение, жалоба, ненависть, злословие, досаждение, бесчестие, свирепость, неистовство, жестокость, сплетение зла, клятвопреступление, проклинание, немилосердие, братоненавидение, неравенство, отцеубийство, матереубийство, расстройство, расслабление, принимание даров, воровство, грабеж, ревность, состязание, зависть, непристойность, насмешка, поношение, поругание, ругательство, подкуп, угнетение, презрение ближнего, биение жезлом, осмеивание, удавление, задушение, неприязнь, непримирение, вероломство, несознательность, зложелательность, бесчеловечность, бесстыдство, наглость, пленение помыслов, омрачение, слепота, ослепление, пристрастие к временному, страстность, суета, неповиновение, отягощение головы, дремание души, многоспание, мечтание, многопитие, пиянство, непотребство, распутство, беспорядочное увеселение, привязанность к наслаждениям, сластолюбие, сквернословие, женоподобие, необузданное неистовство, разжжение, рукоблудие, женопрельщение на блуд, прелюбодейство, мужеложство, скотосмешение, осквернение, похотливость, нечистота души, кровосмешение, нечистота, сквернение, частное содружество, смех, играние, плясание, хлопание (руками), неприличные песни, пляски, игра на

инструментах, смелость, многочиние, неподчинение, непостоянство, порочное согласие, злоумышление, битва, убийство, разбойничество, святотатство, бесчестный прибыток, рост (проценты), обман, раскапывание гробов, жестокосердие, злое ославление (ближнего), роптание, хула, недовольство своею участью, неблагодарность, злое советование, пренебрежение, малодушие, смущение, ложь, болтовня, пустословие, неразумная радость, легкомыслие, неразумное содружество, злонравие, шутки, глупые речи, многословие, скряжничество, отягощение других, злость, неблагоприятство, негодование, многостяжание, злопамятность, злоупотребление, навык во зле, любовь к жизни, тщеславие, надменность, властолюбие, лицемерие, подсмеивание, тайные козни, изворотливость, побеждение (худым), сатанинская любовь, любопытство, приражение (к ближнему), бесстрашие Бога, непослушание, неразумие, высокоумие, хвастовство, напыщенность, уничижение ближнего, немилосердие, нечувствительность, безнадежность, оставление, ненависть к Богу, отчаяние, самоубийство, и всеми отпадение от Бога, и совершенная погибель — всех вместе двести девяносто восемь. Эти страсти нашел я упоминаемыми в Божественных Писаниях и поместил их вместе... в порядке же не мог расположить, да и не покушался на это, как превышающее мои силы, по слову Лествичника, поищешь в злых разума и не найдешь, ибо беспорядочны все бесовские (действия) и имеют одно только намерение, в котором равняются между собою — неравные и нечестивые — губить души принимающих их злейший совет. Хотя некоторым иным людям и бывают они причиною венцов, когда побеждаемы бывают верою и терпением уповающих на Господа, и деланием доброго, и сопротивлением помыслам, борющимся с ними и молящимся на них (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 220—224).

***

Ненасытное желание богатства и удовольствий, славолюбие и тщеславие при неведении истины — суть самые злые страсти души (прп. Антоний Великий, 90, 63).

***

Умный человек борим бывает страстями душевными через чувства (телесные), кои есть у разумных тварей. Телесных чувств пять: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. Через сии пять чувств, подпадая четырем своим собственным страстям, бедная душа берется в плен. Эти четыре страсти душевные суть: тщеславие, жажда утех, гнев и страх. Но когда человек с мудростью и рассуждением, хорошо повоевавши, одолеет и победит страсти, тогда уже не бывает борим, но мирствует душою и увенчивается от Бога, как победитель (прп. Антоний Великий, 90, 77).

***

...Худые дела одно с другим связаны: ненависть с раздражительностью; раздражительность с гордынею; гордыня с тщеславием; тщеславие с неверием; неверие с нерадением; нерадение с расслаблением; расслабление с леностью; леность с унынием; уныние с нетерпеливостью; нетерпеливость со сластолюбием, и прочие члены порока находятся во взаимной между собой зависимости... (прп. Ефрем Сирин, 33, 340—341).

***

Душевные страсти суть: забвение, леность и неведение. Этими тремя страстями омрачаемое око душевное, т. е. ум подпадает господству всех прочих страстей, каковы суть: нечестие, неправоверие, т. е. всякая ересь, хула, раздра-

жительность, гнев, досада, вспыльчивость, человеконенавистничество, памятозлобие, клевета, осуждение, неразумная печаль, страх, боязнь, раздор, ревность, зависть, тщеславие, гордость, лицемерие, ложь, неверие, неблагоразумие, неразборчивость, недальновидность, ненасытность, любостяжание, леность, притязательность, пристрастие, привязанность к земному, уныние, малодушие, неблагодарность, ропот, кичение, самомнение, запальчивость, высокомерие, любоначалие, человекоугодие, коварность, бесстыдство, нечувствительность, ласкательство, скрытность, насмешливость, двоедушие, соизволение на грех по страсти, непрестанное помышление о грехах, скитание помыслов, самолюбие — матерь всего худого, сребролюбие — корень всех пороков и страстей, злонравие и лукавство (прп. Ефрем Сирин, 33, 386—387).

***

Телесные же страсти суть: чревоугодие, прожорство, роскошь, пьянство, ядение в тайне, разные виды сластолюбия, блуд, прелюбодеяние, распутство, нечистота, кровосмешение, деторастление, скотоложество, худые пожелания и всякие противоестественные и постыдные страсти, воровство, святотатство, разбой, убийство по зависти или в неразумном раздражении, всякое телесное успокоение, удовлетворение хотениям плоти, особенно в здоровом состоянии тела, волшебства, ворожба, чародеяние, гадание, предвещания, щегольство, легкомыслие, нега, страсть к нарядам, натирание лица, предосудительное распутство, игра в кости, пристрастная преданность мирским удовольствиям, жизнь плотоугодная, которая одебеляет ум, делает его оземленившимся и скотоподобным и никак не допускает возвести взор к Богу и к деланию добродетелей. Корнем же всех зол

и... первою причиною служат: сластолюбие, славолюбие и сребролюбие, от которых рождается все худое (прп. Ефрем Сирин, 33, 387).

***

Кто без труда исчислит жестоких мучителей жизни нашей, этих неистовых и свирепых властелинов? Жестокий властитель — раздражение, другие подобные — зависть, ненависть, страсть гордыни; какой-то бешеный и свирепый мучитель, презирающий нас, как невольников, — это невоздержный помысл, порабощающий себе для страстных и нечистых услуг (свт. Григорий Нисский, 19, 430).

***

Ослепляется ум тремя следующими страстями: сребролюбием, тщеславием и сластолюбием. Ве́дение и вера, совоспитанники естества нашего, не от другого чего, как от них отупели. Ярость и гнев, брани и убийства, и весь каталог (список) прочих страстей через них сильно утвердились в людях (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 170).

***

Главных страстей восемь: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость.

Пороки эти разделяются на два рода: на естественные, к которым относятся чревоугодие и блуд, и неестественные, как сребролюбие, а действие их четверякое. Некоторые из них не могут совершаться без содействия тела, например, чревоугодие и блуд; а некоторые совершаются без всякого содействия плоти, например, тщеславие и гордость; далее некоторые принимают причины возбуждения отвне, напри-

мер, сребролюбие и гнев, а некоторые от внутренних причин происходят, например, уныние и печаль (прп. авва Серапион, 57, 240).

***

...Некоторые из них <страстей> называем плотскими, а некоторые духовными; именно плотские те, которые собственно принадлежат к возбуждению и чувству плоти, которыми она питается и услаждается, так что возбуждает и спокойные души и иногда невольно привлекает их к согласию со своим желанием... А духовными называем те, которые, происходя по склонности одной души, не только не доставляют никакого удовольствия плоти, но еще поражают ее тяжким недугом и питают только больную душу пищею жалкого услаждения (прп. авва Серапион, 57, 241).

***

...Восемь страстей хотя имеют разное происхождение и разные действия, однако же шесть первых, т. е. чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, соединены между собою каким-то сродством и, так сказать, связью, так что излишество первой страсти дает начало последующей. Ибо от излишества чревоугодия необходимо происходит блудная похоть, от блуда — сребролюбие, от сребролюбия — гнев, от гнева — печаль, от печали — уныние; и потому против них надобно сражаться подобным же образом, тем же порядком, и в борьбе всегда надобно нам переходить от предыдущих к последующим. Ибо всякое вредное дерево, толстое, высокое скорее завянет, если наперед корни его, на которых опирается, будут обнажены или высушены. И потоки вредной воды мало-помалу пересох-

нут, когда порождающий их источник и проточные жилы с тщательною аккуратностию будут засыпаны. Посему, чтобы победить уныние, сначала надобно подавить печаль; чтобы прогнать печаль, прежде нужно подавить гнев; чтобы погасить гнев, нужно попрать сребролюбие; чтобы исторгнуть сребролюбие, надобно укротить блудную похоть; чтобы подавить блудную похоть, должно обуздать страсть чревоугодия. А остальные две страсти, т. е. тщеславие и гордость, также соединяются между собою тем же способом, как и предыдущие страсти, так что усиление одной дает начало другой: от чрезмерного тщеславия рождается страсть гордости. Но от тех шести первых страстей они совершенно отличаются и не соединяются с ними подобным союзом; не только не получают от них никакого повода к своему рождению, но даже противным образом и порядком возбуждаются. Ибо по истреблении тех эти сильнее плодятся, и по умерщвлении тех живее возникают и возрастают. Потому мы подвергаемся брани особенным образом от этих двух страстей. Ибо в каждый из тех шести пороков мы впадаем тогда, как будем уязвлены от предшествующих им (страстей); а в эти две страсти мы впадаем особенно после победы и восторжествования (над прочими страстями). Итак, все страсти как от усиления предыдущих рождаются, так уменьшением их подавляются. Таким же способом, чтобы истребить гордость, надобно прежде подавить тщеславие. И таким образом по подавлении предыдущих последующие утихнут, и по истреблении предшествующих остальные страсти без труда увянут. И хотя связанные восемь страстей связаны между собою упомянутым образом и смешаны, однако же частнее они разделяются на четыре союза и сопряжения: ибо блудная похоть особенным союзом соединяется с чревоугодием, гнев с сребролюбием, уныние с печалью, а

гордость тесно соединяется с тщеславием (прп. авва Серапион, 57, 246—247).

***

Ум ослепляется сими тремя страстями, т. е. сребролюбием, тщеславием и сластолюбием (прп. Марк Подвижник, 70, 17).

***

Разум и вера — совоспитанники естества нашего притупились не от чего иного, как только от них <сребролюбия, тщеславия и сластолюбия> (прп. Марк Подвижник, 70, 17).

***

Раздражительность, гнев, брани, убийства и вся прочая постепенность зол, от них <сребролюбия, тщеславия и сластолюбия> весьма усилились между людьми (прп. Марк Подвижник, 70, 17).

***

Представь, что есть двенадцать бесчестных страстей. Если ты одну из них произвольно возлюбишь, то она одна займет место одиннадцати (прп. Марк Подвижник, 70, 20).

***

Как змеи, одни встречаются в лесах, а другие скрытно поныряют в домах, так и страсти — одни мысленно воображаются (в помыслах совершаются), а другие деятельно воздействуют (входят в дела и кроются в них); хотя бывает, что они преображаются из одного вида в другой (прп. Марк Подвижник, 90, 557).

***

Не все страсти ведут брань наступательно. Ибо есть страсти, которые душе показывают только скорби. Нерадение, уныние, печаль не нападают наступательно и смело, но только налагают на душу тяжесть (прп. Исаак Сирин, 59, 195).

***

...Нередко усыпляют они <страсти> одна другую, когда одна другой уступают место. Ибо страсть тщеславия заставляет уступить ей место блудную страсть, и опять страсть блудная укрощает страсть честолюбия (прп. Исаак Сирин, 59, 248).

***

Некоторые из страстей, родившись в душе, переходят в тело, а некоторые наоборот (прп. Иоанн Лествичник, 58, 127).

***

Между страстными бывает один страстнее другого; и некоторые самые скверны свои исповедуют со сладострастием и услаждением (прп. Иоанн Лествичник, 58, 129).

***

Страстен тот, у кого влечение ко греху сильнее помысла, хотя он и не грешит еще; сладострастен тот, у кого действие (энергия) греха слабее помысла, хотя им овладает страсть внутри; пристрастен тот, кто свободно или, лучше, раболепно привязан к тому и другому; бесстрастным был бы тот, кому неизвестны такие разные движения и

состояния греховные (кто не испытывает их) (прп. Илия Екдик, 92, 428—429).

***

Страсти разно именуются: разделяются же на телесные и душевные. Телесные подразделяются на скорбные и греховные; скорбные опять подразделяются на болезненные и наказательные. Душевные также разделяются на раздражительные, похотные и мысленные; мысленные подразделяются на вообразительные и рассудочные. Из них всех иные произвольны по злоупотреблению, другие же невольны по необходимости, так называемые незазорные страсти, кои святыми отцами названы соприкосновенностями и естественными свойствами (нравами).

Одни страсти суть телесные, а другие душевные; иные суть страсти похоти, иные страсти раздражения и иные — мыслительные; и из сих — иные страсти ума и иные — рассуждения. Все они разносочетаются между собою, и друг на друга действуют, — и оттого изменяются.

Страсти раздражения суть: гнев, горечь, бранчивость, вспыльчивость, дерзость, надменность, кичение и другие подобные. Страсти вожделения суть: лихоимание, разврат, невоздержность, ненасытность, сластолюбие, сребролюбие, самолюбие, всех лютейшая страсть. Страсти плоти суть: блуд, прелюбодеяние, нечистота, непотребство, чревоугодие, леность, рассеянность, миролюбие, животолюбие и подобные сим. Страсти слова и языка суть: неверие, хула, лукавство, коварство, любопытство, двоедушие, поношение, клевета, осуждение, уничижение, болтливость, притворство, ложь, срамословие, буесловие, лесть, насмешливость, себя выставление, человекоугодие, надутость, клятвопреступление, празднословие и прочие. Страсти ума суть: самомне-

ние, превозношение, велехваление, спорливость, ретивость, самодовольство, противоречие, непослушание, мечтательность, придумывание, любопоказность, славолюбие, гордость — первое и последнее из всех зол. Страсти мысли суть: парение, легкомыслие, пленение и рабство, омрачение, ослепление, отбегания (от дела), прилоги, сосложения, склонения, превращения, отвержения и подобные сим (прп. Григорий Синаит, 94, 193—194).

Последствия действия страстей

Между помыслами есть много различия во всем, и одни из них безгрешны, а другие нет. — Так называемый *прилог* помысла, т. е. мысль о добром или злом, не заслуживает ни награды, ни порицания. Потом *сочетание*, т. е. беседа с помыслом, к соглашению с ним или отвержению его, заслуживает похвалу, если оно богоугодно, но малую, также и укоризну, если оно лукаво. После так называемая *борьба*, или побеждающая, или побеждаемая умом, — приносящая венец или мучение, когда исполнится на деле. Также и *сосложение*, т. е. преклонение души к явившемуся, соединенное с услаждением, отчего происходит пленение, насильно и против воли увлекающее сердце к исполнению на деле. Когда же страстный помысл долго остается в сердце, то образуется так называемая *страсть*, которая, привычкою к себе, произвольно увлекает душу и свойственно передает ее исполнению на деле. Такая страсть несомненно подлежит во всех или соразмерному покаянию, или будущей муке, говорит Лествичник, т. е. ради непокаяния, а не ради брани; ибо если бы было так, то без совершенного бесстрастия не могли бы многие получить прощения. ...Однако спастись и примириться с Богом всем возможно. И так разумный (делатель) отвергает лукавый прилог, — матерь

зол, чтобы разом отсечь все происходящее от него злое, а благой прилог всегда должно быть готовым обращать в дело, чтобы тело и душа пришли в навык добродетели и освободились от страстей благодатию Христовою. Ибо мы вовсе ничего не имеем, чего бы ни получили от Него, и ничего не можем принести Ему, кроме одного только произволения, не имея которого не находим ни знания, ни силы к деланию доброго. И это есть дело человеколюбия Божия, чтобы мы не подверглись осуждению за праздность, *ибо праздность есть начало всякого зла* (ср.: Сир. 33, 28)... (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 224—226).

***

Если желаем искренно приступить к Создателю нашему, то необходимо нам подвизаться об освобождении душ наших от страстей, по духовному закону. Ибо от наших злых дел, от услаждения страстями, от множества диавольских искушений ослабела наша умная сила, и замерли добрые движения душ наших; мы не можем уже познать красоту (и требования) нашей духовной природы, по причине страстей, в которые впадаем; и нет нам ни от кого спасения, кроме Господа нашего Иисуса Христа... (прп. Антоний Великий, 90, 32).

***

Ве́дение Бога и страх Божий суть врачевство против страстей плоти. Почему, когда в душе есть неведение Бога, тогда страсти, оставаясь неисцеленными, портят душу. Она тогда растлевается от живущего в ней зла, как от долговременного вреда. Но Бог не виновен в этом, потому что Он даровал людям ве́дение и разум (прп. Антоний Великий, 90, 90).

***

Всех страстей спутник есть печаль (прп. авва Исаия, 60, 94).

***

Если ты немоществуешь страстями, остерегись позволять кому-либо открывать тебе страстные помыслы свои, как верному; ибо такое дело — пагуба для души твоей (прп. авва Исаия, 90, 314).

***

...Если мы побеждаемся страстями — гневом ли, или завистью, или человекоугодием, или тщеславием, или ненавистью, или другою какою страстью, то далеки мы от Бога (прп. авва Исаия, 90, 325).

***

...Греховные страсти и все неразумные движения обыкновенно производят в душах неумолкающую молву и неукротимый мятеж (свт. Василий Великий, 6, 34).

***

...Одинаковое расстройство происходит в душе и от печали, и от страха, и от удовольствия, и от похоти, как скоро рассудок одержим страстью (свт. Василий Великий, 6, 204).

***

...Все, делаемое по страсти, вредит некоторым образом душевной чистоте и препятствует божественной жизни (свт. Василий Великий, 9, 58).

***

...Нечистое зеркало не может принимать в себя отражения изображений; и душе, которая предзанята житейскими попечениями и омрачена страстями плотского мудрования, невозможно принять в себя озарений Святаго Духа (свт. Василий Великий, 11, 79).

***

Ужасен и весьма худ страстный навык: он как бы неразрешимыми узами связывает мысль, и узы сии всегда кажутся мне вожделенными... (прп. Ефрем Сирин, 31, 287).

***

...У кого сердце омрачено бурею помыслов и побеждено страстями, тот и человека не стыдится, и Бога не боится (прп. Ефрем Сирин, 32, 113).

***

Всего крепче благочестие, и всего бедственнее и злосчастнее жизнь, преданная страстям (прп. Ефрем Сирин, 33, 113—114).

***

Болезни не вдруг делаются неизлечимыми, но, получив недоброе начало от нерадения, переходят в безмерное повреждение. И страсти в душе возникают от малой причины, но если не бывают истребляемы, производят безмерную небрежность (прп. Ефрем Сирин, 33, 250).

***

Кто предан пьянству, чревоугодию, блуду и прочим страстям, тот подвергается душевной смерти от сих великих и лукавых страстей... (прп. Ефрем Сирин, 33, 281).

***

Как много разности в ядовитых животных, например, аспиде, скорпионе, драконе; но один у них яд, смертоносный для тех, к которым приближаются; так великое есть различие и между людьми в лукавстве, которым определяется деятельность, свойственная каждому, и в душу, которая входит в общение и сочетание с греховными внушениями, вливающая, например, тщеславие, гнев, лукавство, коварство, братоненавистничество, сребролюбие, блуд. Но одинаковым образом погибает человек от яда ли, чревоугодия или блуда (прп. Ефрем Сирин, 33, 399).

***

Страсти твои <душа> сделали тебя истуканом, погубили тебя и оставили (прп. Ефрем Сирин, 34, 324).

***

...Каждая в нас страсть, когда возобладает, делается властелином порабощенного и, подобно какому-то преобладателю, заняв твердыню души, через самих подчинившихся ей мучит подвластного, наши же помыслы в угодность себе употребляя на свою прислугу. Так раздражительность, гнев, страх, боязнь, дерзость, состояние печали и удовольствия, ненависть, ссора, бесчеловечие, жестокость, зависть, ласкательство, памятозлобие, нечувствительность и все страсти, представляющиеся против нас действующими, составляют список каких-то мучителей и властелинов, как пленника какого, власти своей порабощающих душу (свт. Григорий Нисский, 19, 396).

***

...Кто имеет грубый ум и смотрит долу и преклонился душою к телесным удовольствиям, как животные к корму,

живет только для чрева и для того, что в связи с чревом, удалился от жизни Божией, чужд обетования заветов и ничего другого не считает благом, кроме телесных наслаждений: тот и всякий таковой во тьме ходит, как говорит Писание (см.: Ин. 12, 35); потому что делается изобретателем зол в сей жизни, в числе которых заключается и любостяжание, и необузданность страстей, и неумеренность в удовольствиях, всякое любоначалие и стремление к суетной славе и прочее скопище страстей, живущих вместе с человеком; потому что в сих пороках один как бы держится за другой и в кого входит один, в того, как бы влекомые какою-то естественною необходимостью, входят непременно и прочие.

Как в цепи, когда потянут первое звено, прочие не могут оставаться в покое вне кругового сцепления, но звено, находящееся на другом конце цепи, движется вместе с первым, потому что движение по порядку и связи от первого звена проходит через лежащие близ него: так переплетены и соединены между собою и страсти человеческие; когда одна из них возымеет силу, и все прочее скопище пороков входит в душу.

И если нужно описать тебе это злое сцепление, представь, что кто-нибудь по чувству какого-то удовольствия побежден страстью тщеславия; но за тщеславием следует вместе желание приобрести большее; ибо невозможно быть любостяжательным, если не руководит этою страстью тщеславие. Далее, желание приобретать больше и иметь преимущество перед другими влечет за собою или гнев к равным, или гордость в отношении к низшим, или зависть к высшим; за завистью следует притворство, за ним — озлобление; а за последним — ненависть к людям; конец всего этого — осуждение, оканчивающееся геенной, тьмою и огнем (свт. Григорий Нисский, 24, 312—313).

***

Как телесные раны, быв растравляемы, делаются неудобоисцелимыми; так и страсти душевные, быв возбуждаемы и раздражаемы, обыкновенно более ожесточаются и принуждают преданных им более грешить; человека невнимательного к себе они склоняют к славолюбию, к надменности и к корыстолюбию, вовлекают в роскошь, расслабление и беспечность и мало-помалу в дальнейшие рождающиеся от них пороки (свт. Иоанн Златоуст, 45, 475).

***

...Не только о том, кто выпил много вина, но и о том, кто питает в душе другую страсть, можно сказать, что он сильно опьянен (свт. Иоанн Златоуст, 45, 742).

***

...О человеке, у которого душа в рабстве и в плену у страстей, несмотря на то что внешний вид его ничего такого не показывает, а (показывает) противное, скажу, что он более всех раб, потому что в нем глубоко гнездится греховная горячка, и насильственная власть страстей утвердилась в самой душе. А кто сбросил с себя эту власть <страстей>, не увлекается злыми пожеланиями и не страшится, не трепещет безрассудно нищеты, и бесславия, и прочих тягостей настоящей жизни, того, хоть он одет в рубище, сидит в тюрьме и закован в цепи, назову начальником, и свободным, и царственнее царей (свт. Иоанн Златоуст, 47, 359—360).

***

Все другие бедствия действуют отвне, а <страсти> рождаются внутри: отсюда и происходит особенно великое му-

чение. Хотя бы весь мир огорчал нас, но если мы не огорчаем сами себя, то ничто не будет для нас тяжким (свт. Иоанн Златоуст, 49, 16).

***

Страсти нарушают даже отдых, даруемый природой, и совершенно преодолевают силу сна своим жесточайшим насилием (свт. Иоанн Златоуст, 49, 34).

***

...Что несноснее и мучительнее состояния человека завидующего, строящего козни, домогающегося чужой собственности? Эти страсти терзают душу жесточе всякого палача (свт. Иоанн Златоуст, 49, 86).

***

Как пленник, хотя бы он обладал бесчисленными богатствами, по тому самому еще более подвергается нападению всех, так и преданный страстями бывает слабее паутины (свт. Иоанн Златоуст, 49, 249).

***

Страсти, которым мы подвергаемся, делают ум пустым, и потому происходит то, что способность говорить, которою нам следовало отличаться среди прочих, мы изменяем в болтливый нрав неразумных животных (свт. Иоанн Златоуст, 50, 301).

***

Подобно тому как обыкновенный огонь, охватывая вещество влажное и промокшее, разводит густой дым, так

точно и сильная пламенная страсть, завладевая вялой и слабой душою, производит большой дым (свт. Иоанн Златоуст, 51, 23).

***

Когда лев сыт, тотчас оставляет попавшееся ему тело. А страсти никогда не насыщаются и не отстают, доколе уловленного ими человека не увлекут к диаволу (свт. Иоанн Златоуст, 51, 47).

***

Быть рабом чрева, быть одержиму страстью к богатству, гневаться, терзать, попирать ногами других, — свойственно не людям, а зверям. Впрочем, каждый зверь имеет, так сказать, свою особенную страсть, и притом по природе, а человек, свергший с себя власть разума, отторгшийся от жизни по Боге, предает себя всем страстям, и делается уже не зверем только, но каким-то чудовищем разновидным и разнохарактерным, и в самой природе своей уже не находит для себя извинения (свт. Иоанн Златоуст, 52, 21).

***

...Преданная страстям душа не может постигать ничего великого и благородного; но, как бы помраченная гноетечением из очей, страдает самой тяжкой слепотой (свт. Иоанн Златоуст, 52, 160).

***

Как силы телесные со временем мертвеют и теряют всякую чувствительность, так и душа, одержимая многими страстями, становится мертвой для добродетели. Тогда, что бы ты ни представлял ей, она ничего не чувствует; хотя бы

угрожал наказанием или чем другим, она остается бесчувственной (свт. Иоанн Златоуст, 52, 363).

***

Разве, ты думаешь, не тяжкие узы — грехи и страсти? Ими связываются не только руки, но весь человек (свт. Иоанн Златоуст, 53, 464).

***

...Любовь к деньгам, служение гнусным страстям и всякий вообще грех обыкновенно делают старым всякого совершающего их, а ветхое и состарившееся близко к разрушению (свт. Иоанн Златоуст, 53, 601).

***

...Для христианина не будет никакой пользы, если он, имея веру и дар крещения, окажется подвержен всем страстям; в таком случае и обида будет больше, и стыд сильнее (свт. Иоанн Златоуст, 53, 613).

***

Как бурные ветры, падая на тихое море, возмущают его все с самого дна, так что песок смешивается с волнами, — так и страсти, вторгаясь в душу, превращают в ней все вверх дном и ослепляют ее мыслительную способность, особенно страсть к славе... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 850).

***

...Как горячка сначала не особенно сильно мучает жаждой болеющих ею, а когда усилится и повысит жар, за-

ставляет уже испытывать невыносимую жажду, и хотя бы кто-нибудь дал им без меры напиться, он не потушит, а только разожжет жар, так точно бывает и со страстью: если в самом начале, когда она вторгается в нашу душу, мы не воспрепятствуем ей и не заключим перед нею дверей, то, войдя, она причиняет уже допустившим ее неисцелимую болезнь (свт. Иоанн Златоуст, 56, 499).

***

...Страсти, получив начало в бессловесной нашей части, не дозволяют уму действовать словесно и вникать в Божие слово (прп. Нил Синайский, 72, 182).

***

...Страсть, когда приходит в движение, в обладаемом ею держит его рассудок связанным... (прп. Нил Синайский, 73, 94).

***

Когда ослабевает под чревом гнездящаяся страсть, явно, что изнемогает она от оскудения сосуда, под которым таится, т. е. чрева (прп. Нил Синайский, 74, 135).

***

Для чего демонам желается возбуждать в нас своим воздействием чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, злопамятство и прочие страсти? Для того, чтобы ум, одебелев от них, не мог молиться как должно; ибо страсти неразумной части нашей, начав действовать (пришедши в движение), не

позволяют уму действовать разумно (прп. Нил Синайский, 91, 229).

***

Когда видишь, что лежащее внутри тебя пришло в сильное движение и влечет безмолвствующий ум к страсти, то знай, что некогда прежде ум сам был тем занят, привел то в действие и вложил то в сердце (прп. Марк Подвижник, 90, 535—536).

***

...<От> служения чувствам сердце рассеивается, утрачивая в себе услаждение Богом... (прп. Исаак Сирин, 59, 11).

***

...У кого сердце сокрушено страстями, у того ими же и язык приводится в движение... (прп. Исаак Сирин, 59, 48).

***

...Душе быть доступною страстям — полезно для уязвления совести; пребывать же в страстях — нагло и бесстыдно (прп. Исаак Сирин, 59, 304).

***

Кто любит поводы к страстям, тот невольно и нехотя становится подручным и порабощается страстям (прп. Исаак Сирин, 59, 358).

***

Страсти служат преградой сокровенным добродетелям души (прп. Исаак Сирин, 59, 363).

***

...Если у кого-нибудь хотя одна страсть обратилась в навык, то он подлежит муке, и случается, что иной совершает десять добрых дел и имеет один злой навык, то и это одно, происходящее от злого навыка, превозмогает десять добрых (дел). Орел — если весь будет вне сети, но запутается в ней одним когтем, то через эту малость низлагается вся сила его; ибо не в сети ли он уже, хотя и весь находится вне ее, когда удерживается в ней одним когтем? Не может ли ловец схватить его, лишь только захочет? Так и душа: если хотя одну только страсть обратит себе в навык, то враг, когда ни вздумает, низлагает ее, ибо она находится в его руках, по причине той страсти (прп. авва Дорофей, 30, 135).

***

...Душа, находясь в теле сем, хотя и ведет борьбу от страстей, но имеет и некоторое утешение от того, что человек ест, пьет, спит, беседует, ходит с любезными друзьями своими. Когда же выйдет из тела, она остается одна со страстьми своими и потому всегда мучится ими; занятая ими, она опаляется их мятежом и терзается ими, так что она даже не может вспомнить Бога, ибо самое памятование о Боге утешает душу, как и в псалме сказано: *помянух Бога, и возвеселихся* (Пс. 76, 4), но и сего не позволяют ей страсти (прп. авва Дорофей, 30, 138).

***

...Признаком того, что кто-либо добровольно исполняет страсть, служит его смущение в то время, когда его обличают или исправляют в ней. А без смущения переносить обличение, то есть вразумление, есть признак того, что кто-либо был побежден страстью, или исполнял ее по неведению (прп. авва Дорофей, 30, 190).

***

...Страсти, одна другую рождая и одна другою укрепляясь, низвергают в бездну (прп. Иоанн Лествичник, 58, 94).

***

...Знак совершенного порабощения страстям состоит в том, что человек скоро повинуется почти всему, тайно вселяемому от бесов (прп. Иоанн Лествичник, 58, 244).

***

...Не действуйте по страстям, ибо действующие по страстям умирают вечной смертью (прп. Феодор Студит, 93, 180).

***

...Лучше отдану быть зверям, чем пагубным страстям, потому что там только тело гибнет, а здесь и душа, и тело (прп. Феодор Студит, 93, 483).

***

Что по страсти сделано нами, о том и воспоминания страстьми возмущают душу (свт. Феодор Едесский, 92, 321).

***

...Одна страсть, нашедши в тебе себе место и укоренившись до навыка, в тот же дом приводит и прочие страсти; ибо хотя страсти соперничают одна против другой, равно как и виновники их бесы, но погибели нашей все согласно ищут (свт. Феодор Едесский, 92, 337).

***

Страсть несомненно подлежит или равносильному (противовесному) покаянию, или будущей муке (прп. Филофей Синайский, 92, 418).

***

Ум страстный не может войти в тесную молитвенную дверь, если прежде не оставит сластолюбивых попечений своих о чувственном, но всегда будет лишь мучиться бесплодно, вращаясь в тени его (попечения) (прп. Илия Екдик, 92, 429).

***

...Похоть страстей поистине есть тьма, и совершение постыдных грехов — глубокая ночь... (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 68).

***

Пока имеем мы в себе вещества страстей и причины их самоохотно лелеем, не произволяя оттрясти их, до тех пор сила их превозмогает над нами, приемля власть на то от нас же самих (прп. Никита Стифат, 94, 86).

***

Яд жала греха к смерти есть страстный навык душевный; ибо неудобоизменим и неудобопреложим нрав того,

кто произвольно окачествовался страстями (прп. Григорий Синаит, 94, 193).

***

...Страстями умертвивший естественные силы душевные, соделывает их бесчувственными к действу и причастию таинств Духа (прп. Григорий Синаит, 94, 200).

***

...Всякая страсть, из-за крайней нечистоты, называется свиноподобной. Свиньями являются те, которые валяются в грязи страстей... (свт. Григорий Палама, 26, 37).

***

...Уму, пока он страстен, невозможно соединиться с Богом. Почему, пока он таков бывает, молясь, не улучает он милости Божией (свт. Григорий Палама, 94, 300).

***

...Мрак страстных помыслов очернил у него <человека> зеркало души, внутри которого должен бы зреться Христос — Умное Солнце (Феолипт, митр. Филадельфийский, 94, 163).

***

Страсти — эти нравственные недуги человека — служат основной причиной развлечения при молитве (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 262).

***

...Смущение и недоумение при открывшемся действии страсти служит доказательством, что человек не познал самого себя (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 524).

***

Если ты подчинился одной страсти, то через подчинение этой одной страсти ты подчинился и всем прочим страстям (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 212).

***

Когда одна какая-либо убийственная страсть возобладает человеком, тогда прочие страсти умолкают в нем, диавол перестает наносить ему брани и искушения... (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 286).

***

Непокой духа и страсти портят кровь — и существенно вредят здоровью (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 154).

***

...Страсть помрачает смысл — и он <человек> не видит и всего безобразия, и всей пагубности подобного поведения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 106).

***

Больше всего тиранят сердце страсти. Не будь страстей — встречались бы, конечно, неприятности, — но они никогда не мучили бы так сердце, как мучают страсти (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 28—29).

***

...Если построже рассмотреть, то найдем, что и все наши тревоги и боли сердца — от страстей (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 29).

Ненависть к страстям

Любовь к труду есть ненависть к страстям, а леность порождает их без труда (прп. авва Исаия, 90, 351).

***

Посетите же меня, наконец, очистительный источник слез и многотрудное бдение тела и ума, чтобы остудился во мне пламень, омылась зловонная гнилость мучительных страстей! (свт. Григорий Богослов, 16, 25).

***

Страсти — это тираны. Если мы будем презирать их, то сделаемся великими; если будем освобождать от них и других, то еще более великими (свт. Иоанн Златоуст, 53, 420).

***

...Увещеваю тех, которыми еще не овладела страсть, не предаваться ей, потому что легче воздержаться, нежели, предавшись, освободиться от нее (свт. Иоанн Златоуст, 54, 105).

***

...Должно желать избавиться от страсти не для того, чтобы избежать происходящей от нее скорби, но по совершенной ненависти к ней... (прп. авва Дорофей, 30, 190).

***

Хотя увидишь кого боримым страстями, <то> не брата, а страсти ненавидь, борющие его (прп. Симеон Новый Богослов, 94, 22).

***

Усиливайте нежелание и неблаговоление к страстям... Это будет держать вас всегда готовой встретить врага, как врага, что есть начало брани успешной (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 78).

***

Гневайтесь на страсть и не будете согрешать, потому что когда гневом прогнана страсть, всякий повод ко греху сим пресекается (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 200).

***

...Держитесь одного <в борьбе со страстями>: как замечено страстное, тотчас вооружаться против него гневом и неприязненным рассерчанием (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 209).

Борьба со страстями

...Святые отцы много понуждали себя в начале, при многообразных подвигах и бранях, происходящих от лукавства духов; но сильное желание и надежда бесстрастия побеждали. Ибо после труда достигший бесстрастия делается беспопечительным, как победивший страсти. Думает и страстный, что ему хорошо, но это от слепоты (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 123).

***

Благоразумным людям должно осматривать свою силу (рать) и держать в строю находящиеся в душе добродетели, чтобы таким образом быть всегда готовыми воспротивиться нападающим страстям, с сущею в душе их силою (ратью

добродетелей), естественно дарованною им от Бога. Таковы суть: против красоты и всякой душевредной похоти — воздержание; против нужды и бедности — терпение; против досаждения и гнева — незлобие и подобное сим (прп. Антоний Великий, 90, 69).

***

Побеждающий страсти плотские венчается нетлением. Если бы не было страстей, не было бы и добродетелей, ни венцов, даруемых от Бога людям достойным (прп. Антоний Великий, 90, 75).

***

Доколе ты подвергаешься хотя мало греху, дотоле не почитай себя свободным от страстей (прп. авва Исаия, 60, 79).

***

Кто с любовью подъемлет труды, тот удобно укрощает страсти... (прп. авва Исаия, 60, 95).

***

Горе нам, что мы, предавшись суетным вещам, забыли о борьбе со страстями (прп. авва Исаия, 60, 193).

***

...Кто потрудится извергнуть из сердца своего... страсти, то они уже не движутся в нем... (прп. авва Исаия, 90, 325).

***

...Если не уклоняешься каждой из них <страстей> благоразумно и постоянно, то, подобно кораблю без груза, увлекаясь всем, что ни приключится, погрязнешь в море греха (свт. Василий Великий, 8, 191).

***

...С какою страстью человек не борется мужественно, не противится ей всеми мерами и услаждается ею, та привлекает его и держит как бы узами какими... (прп. Макарий Египетский, 68, 400).

***

...Сколько в душе страстей, столько у врагов способов привязаться к нам и напасть на нас; помысл, подобно некоему члену души, часто выводится... из своего состава и получает неправильное положение, если человек не приуготовит себя упражнением и не преуспеет достигнуть безопасности и непреткновенности в сих борьбах законным подвижничеством... (свт. Григорий Нисский, 19, 66—67).

***

К нашей жизни не имели бы и доступа страсти, если бы с самого начала распознавали мы хорошее (свт. Григорий Нисский, 19, 336).

***

Не отложит человек страстных воспоминаний, если не позаботится уврачевать пожелательной и раздражительной части своей, первую истончая постом, бдением и спанием на голой земле, а вторую укрощая долготерпением, непамя-

тозлобием и милостынею. Из этих двух страстей составляются все почти демонские помыслы, ввергающие ум во всякую беду и пагубу. Но избавиться от страстей не возможно никому, если он не презрит совсем ястие и питие, имущество и славу, еще же и самое тело свое, ради тех, кои часто покушаются поражать его через них (т. е. бесов). Потому всякая настоит нам необходимость подражать бедствующим на море, которые выбрасывают вещи, по причине натиска ветров и высоко поднимающихся волн. При этом надобно, однако же, тщательно внимать, чтобы, выбрасывая подобным образом вещи, не делать этого, да видимы будем людьми. Ибо через это мы потеряем мзду свою и подвергнемся еще горше прежнего крушению, когда подует на нас ветром своим демон тщеславия (авва Евагрий, 90, 606—607).

***

Как душа, преданная бездействию и беспечности, легко овладевается этими страстями, так душа, непрестанно занятая подвигами благочестия, не имеет даже и досуга подумать когда-нибудь о них, потому что заботливость о подвигах отвлекает ее от всех страстей (свт. Иоанн Златоуст, 46, 472).

***

Великое дело одолеть самому собственные страсти, но гораздо важнее убедить и других принять тот же образ мыслей... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 840).

***

...Когда в тебе зародится малая страсть, не смотри на то, что она мала, но представь, что она, будучи питаема,

производит величайшие бедствия. В доме, когда мы видим загоревшимся малый клочок льна, то смущаемся и поднимаем шум, потому что смотрим не на начало, а от начала заключая к концу, беспокоимся и бегаем, чтобы погасить пожар (свт. Иоанн Златоуст, 49, 59).

***

Кто пленен страстью особенно сильною, тот понесет не столь большое наказание; а кто уловлен страстью слабою, тот лишится всякого оправдания (свт. Иоанн Златоуст, 52, 496).

***

Восстань против тирании, гордости; восстань против нападений гнева, против мук вожделения; и это — раны, и это — мучения. Скажи мне, какое из мучений всех ужаснее? Не то ли, когда душа мучается и терзается? Там (в телесных мучениях) страдает больше тело, а здесь все относится к душе. Она болезнует, когда (человек) гневается, завидует или что-нибудь подобное делает или, лучше сказать, когда страдает; ведь иметь гнев, зависть — не значит действовать, но страдать; потому и называются страстями души, ранами, язвами. Подлинно, это страдание, и даже ужаснее страдания (свт. Иоанн Златоуст, 53, 149).

***

...Если мы при старании укрощаем слонов и диких коней, то тем более (можем укрощать) наши страсти. Почему же мы так нерадивы во всю жизнь? (свт. Иоанн Златоуст, 53, 271).

***

Невозможно же, чтобы все страсти овладевали нами в одном возрасте; но они разделены, и это по человеколюбию Божию, чтобы, напав на нас вместе, они не сделались неодолимыми и борьба с ними не была для нас слишком трудною. Какое неразумие — быть не в состоянии побеждать и раздельные страсти, но покоряться им во всякое время и еще гордиться тем, что укрощается не нашим старанием, но самим возрастом (свт. Иоанн Златоуст, 53, 271).

***

Когда наше тело восстает против души и возбуждает сильные страсти, вооружает против нее плотские удовольствия, гнев, зависть, тогда невозможно, не положив конца этой брани, получить обетованные блага, и тот, кто не утишит этого смятения, неизбежно должен пасть и получить раны, которые рождают смерть в геенне. Поэтому каждый день требуется с нашей стороны особенная заботливость и старание, чтобы не возгоралась в нас эта война и чтобы возгоревшаяся не продолжалась, но была усмирена и подавлена (свт. Иоанн Златоуст, 55, 665).

***

Часто волны страстей, превосходящие своей свирепостью морские волны, нападают на нашу душу и производят в ней большое смущение. Человек беспечный и нерадивый, когда начинается буря, тотчас же приходит в смущение и смятение, и смотрит со страхом, как душа терпит крушение и потопляется страстями. Напротив, сильный и мужественный человек, поставив, как бы кормчего у руля, разум над страстями, не перестает принимать все меры, пока не на-

правит ладью в тихую пристань любомудрия (свт. Иоанн Златоуст, 56, 508).

***

...Нам надобно вести брань с этими страстями <чревоугодием, блудом, сребролюбием, гневом, печалью, унынием, тщеславием и гордостью> так, чтобы всякий, испытывая страсть, какая нападает на него, особенно против нее главно и направлял брань, употребляя всякое старание и заботу духа для наблюдения за нею и подавления ее, направляя против нее копья ежедневных постов, ежеминутно бросая в нее стрелы сердечных стенаний и воздыханий, непрестанно проливая слезы в молитве к Богу, постоянно прося особенно Его прекратить брань его. Ибо никто не может восторжествовать над какою-либо страстью, пока не убедится, что своим тщанием или трудом не может одержать победу в борьбе; однако же для подавления ее ему и со своей стороны необходимо употреблять днем и ночью заботу и старание. А когда почувствует, что он освободился от этой страсти, то опять должен с полным вниманием рассмотреть тайники своего сердца, приметить, какая в нем есть еще более злая (страсть), против нее употребить все духовное оружие, и, таким образом победив наперед сильнейшие, он скорее и легче одержит победу над остальными; потому что от успеха побед и дух его сделается сильнее, и последующая брань со слабейшими скорее доставит ему успех в борьбе... и мы, победив более сильные страсти, без труда одержим совершенную победу над последующими слабейшими. Впрочем, надобно остерегаться, чтобы противоборствуя только главной страсти и не обращая внимания на стрелы прочих, как бы неожиданным ударом не быть уязвленным. Кто, заботясь об очищении своего сердца, внимание ума будет напрягать для побеждения главной страсти,

тому нельзя не иметь подобного опасения и бодрствования и по отношению к прочим страстям. Ибо как удостоится одержать победу над тою страстью, от которой хочет освободиться, тот, кто заражен другими страстями и делает себя недостойным награды за очищение? Но когда кто с полным вниманием предпримет как бы особенную брань против одной страсти, то он должен молиться преимущественно о ней с особенною заботливостью и усердием и прилежнее наблюдать за ней, чтобы через это одержать скорую победу (прп. авва Серапион, 57, 251—252).

***

...Порядок борьбы не во всем бывает одинаков, потому что... не все мы одинаковым образом бываем боримы, и всякому из нас надобно вступить в борьбу особенно с той страстью, которая больше нападает на нас, так что иному необходимо прежде вступить в сражение с третьей страстью, иному с четвертой или пятой, смотря по тому, какие страсти сильнее в нас, и как требует образ нападения их, так мы и должны установить порядок сражения, по которому бы последующий успех победы и торжества мог привести нас к чистоте сердца и полноте совершенства (прп. авва Серапион, 57, 260—261).

***

...Искоренить страсти может только тот, кто будет ревностно истреблять причины и поводы к грехам; так, например, если кто впал в блуд или прелюбодеяние от знакомства с женщинами, тот должен избегать и взгляда на них; если кто предался неумеренности от излишества пищи и пития, тот должен истрезвить себя строгим воздержанием;

если кого корыстолюбие вовлекло в клятвопреступление, воровство, человекоубийство и богохульство, тот должен истребить предмет любостяжания; если кто от гордости предается гневу, тот пусть искореняет свое высокомерие смирением. Таким образом можно изгладить каждый порок, если отнята будет причина и повод к нему: ибо таким способом можно забыть сделанные преступления (прп. авва Пинуфий, 57, 537).

***

...Страсть, если найдет вас обессиленными и ослабевшими, то легко поборет; а если найдет трезвенными и разгневанными на нее, то немедленно оставит вас (прп. Исидор Пелусиот, 62, 26—27).

***

Неистовые и бешеные плотские страсти надлежит укрощать, делать послушными и смирными; а если не повинуются, то и наказывать, сколько можно. Но ты, как говорят, ослабив им бразды, даешь идти, куда хотят; им же угодно кончить гибелью и пагубою. Поэтому, чтобы не вринуться тебе в бездну зол, позаботься сдержать их стремительность (прп. Исидор Пелусиот, 62, 362—363).

***

...Настоящая жизнь есть предстоящее нам невидимое поприще, на котором боремся не с видимыми зверями, но с умопредставляемыми страстями. Они же, если одолеют силу, какая есть в нас, не ограничивают угрожающую нам опасность телом, но наносят смерть самой душе. Если же будут они нами преодолены или обращены в бегство, то удосто-

имся великих венцов и похвал, может быть, и здесь, несомненно же — после сей жизни; потому что награды предоставлены будущему веку, как преткновения — настоящему (прп. Исидор Пелусиот, 63, 107).

***

...Приражения страстей начинаются маловажными представлениями, неприметно вкрадываясь наподобие муравьев... Подвижнику надлежит тогда бороться со страстями, когда приступают они, как муравей приманкою предлагая свою ничтожность. Ибо, если успеют достигнуть крепости льва, делаются непреоборимыми, и сильно угнетают, если не давать им пищи... (прп. Нил Синайский, 73, 66).

***

<Лукавые духи>... в оружие против нас употребляют наши страсти и чувства, низлагают нас тем самым, чем природа вооружила нас в защиту от них (прп. Нил Синайский, 73, 183).

***

...Остерегайся и малых страстей душевных, чтобы... не быть вовлечену в самую бездну глубокого повреждения (прп. Нил Синайский, 74, 355).

***

Пустынный куст безопасен от пламени огненного, — и целомудренный вдали от женщин безопасен от воспламенения страсти непотребства, ибо как воспоминание об огне не сожигает мысли, так и страсть не имеет силы, когда нет для нее пищи (прп. Нил Синайский, 91, 251—252).

***

Когда, противоборствуя причинам страстей, препобедишь их, не дозволяй величать тебя лукавому помыслу, чтобы, поверив ему, не впасть тебе в прелесть; но старайся лучше увидеть недостатки в том, над чем потрудился, чтобы преспеяние твое не было окрадено внутренними врагами (прп. Нил Синайский, 91, 279).

***

...Незнающий причины страстей удобно падает (прп. Марк Подвижник, 70, 15).

***

...Кто, обязавшись ими <куплями житейскими>, хочет победить страсти, тот подобен человеку, который тушит пожар соломой (прп. Марк Подвижник, 70, 18).

***

Если хочешь одерживать победу над страстями и легко обращать в бегство толпы мысленных иноплеменников, то, молитвою и содействием Божиим собравшись внутрь себя и сошедши в глубины сердечные, разыщи в себе сих трех сильных исполинов диавольских — разумею забвение, равнодушие, или разленение, и неведение, питаясь которыми и все другие страсти действуют, живут и усиливаются в самоугодливых сердцах и ненаказанных душах. При строгом к себе внимании и бодренности ума с помощью свыше найдешь, конечно (уловишь в себе, схватишь), эти другим недоведомые и даже не предполагаемые, губительнейшие прочих злые страсти, противоположными им оружиями правды, — разумею, — благою памятью, причиною всего доброго, просвещенным ведением, которым в бодренности держимая

душа прогоняет от себя тьму неведения, и живой ревностью, возбуждающей и ведущей душу ко спасению. Затем, облекшись в сии же оружия добродетели, со всякою молитвою и молением, силою Духа Святаго, доблестно и мужественно победишь (совсем прогонишь) помянутых трех гигантов мысленных иноплеменников, именно: прекрасною по Богу памятью, всегда помышляя о том, *елика суть истина, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика доброхвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала* (Флп. 4, 8), отгонишь от себя всезлейшее забвение; просвещенным небесным ведением уничтожишь пагубную тьму неведения; а готовою на всякое доброе живейшею ревностию — изгонишь безбожное равнодушие (разленение), делающее зло врощенным в душу. Стяжать же эти добродетели можешь ты не одним своим произволением, но силою Божиею и содействием Святаго Духа, при многом внимании и молитве, и, стяжав их таким образом, можешь через них избавиться от сказанных трех крепких исполинов лукавого <неведения, забвения и разленения (равнодушия)> (прп. Марк Подвижник, 90, 484—485).

***

Когда, строго относясь к страстям, сильнее от бесов бываем стужаемы срамными помышлениями, тогда наипаче да утверждаемся в вере Господу, и крепчайшее да восставляем в себе упование обетованных вечных благ, которых лишить и от которых отчуждить нас стараются враги наши по зависти. Ибо если бы блага сии не были крайне велики, то бесы не горели бы такою к нам завистью и не устреляли бы нас так часто скверными помыслами, чая хоть этим удовлетворить злобе своей и думая вогнать нас в отчаяние многократным этим и несносным стужанием (прп. Иоанн Карпафский, 92, 80).

***

...От человека требуется не это одно — усыпить свои страсти, а и то, чтобы искоренить их, то есть преодолеть их, когда будут против нас упорствовать. Страсти же усыпленные пробуждаются, как скоро встречается причина прийти им в деятельность (прп. Исаак Сирин, 59, 248).

***

Кто не удалится добровольно от причин страстей, тот невольно увлекается в грех (прп. Исаак Сирин, 59, 290).

***

Никто не может победить страсти, разве только добродетелями ощутительными и видимыми... (прп. Исаак Сирин, 59, 362).

***

...Всегда отсекайте страсти, пока они еще молоды, прежде нежели они вкоренятся и укрепятся в вас и станут удручать вас, ибо тогда придется вам много пострадать от них; потому что иное дело вырвать малую былинку и иное — искоренить большое дерево (прп. авва Дорофей, 30, 101).

***

...Без труда и сердечного сокрушения никто не может избавиться от страстей и угодить Богу (прп. авва Дорофей, 30, 214).

***

Как одержимому долговременною болезнью невозможно в одно мгновение получить здравие, так невозможно и в

короткое время победить страсти, или хотя одну из них (прп. Иоанн Лествичник, 58, 214).

***

Кто во время восстания страстей мужественно... изгонит мечтание и память о чувственных вещах... тот победоносно посрамит, с помощью Божественной благодати, восставшее на него злое и тиранское насилование страсти и диавола (прп. Максим Исповедник, 92, 287—288).

***

Каждый из нас, побеждая страсть, беса той страсти опаляет и изгоняет... (прп. Феодор Студит, 93, 57).

***

...Надлежит блюсти чувства, особенно зрение, через которое, при неосмотрительном его употреблении, наипаче обык <привык> враг наш ввергать в душу страстный огонь (прп. Феодор Студит, 93, 68).

***

Что страсти приходят — дело обычное; но наш долг отталкивать их с первого их появления (прп. Феодор Студит, 93, 89—90).

***

Вооружимся наипаче против страстей, восприяв недоступность сердца и крепость духа, чтобы... не падать, но отражать и далеко отбрасывать восстающих на нас невидимых врагов (прп. Феодор Студит, 93, 186).

***

То, что душу беспокоют страсти и приступают к ней с бранью, не в нашей власти; но что замедляют в нас страстные помыслы и приводят в движение страсти, это в нашей власти. Первое безгрешно, как не в нашей власти состоящее; а второе, если, мужественно воспротивясь, победим, доставляет венцы, а если, послабив, побеждены будем, подвергает мучениям (свт. Феодор Едесский, 92, 321).

***

Свяжем же себя всеусильно исполнением заповедей Господа, чтобы не быть связанными неразрешимыми узами злых похотей и душетлительных сластей... (свт. Феодор Едесский, 92, 348).

***

Когда борешься с какой страстью, смотри не унывай и не малодушествуй от того, что брань стоит упорно; но, восстав, повергни себя перед лицем Бога, от всего сердца говоря с Пророком: *Суди Господи обидящия мя* (Пс. 34, 1), ибо я не силен против них. И Он, видя смирение твое, скоро пошлет тебе помощь Свою (прп. авва Филимон, 92, 367).

***

...Кто верует во Христа и, однако же, еще обладается страстями греховными, тот пусть поспешит одуматься и всякою возревновать ревностью освободиться от тиранства сих страстей, чтобы потом начать приносить плоды добродетели. Ибо прежде надобно очистить поле души от всех терний, и потом посеять на нем доброе семя, чтобы его приняла в себя чистая и добрая земля и принесла обиль-

ные плоды. Если же не сделает он этого, но оставит терния расти по-прежнему и заглушать плод, то какого еще ждет он времени, чтобы совершить сие? Спеши сделать сие, пока есть день жизни; придет ночь смерти, когда никто уже не может делать (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 423).

***

...Мы никакой не получим пользы, если, победив большие страсти, останемся побежденными от меньших, именно: если сохраним от осквернения плоть свою, если не будем поддаваться гневу, зависти и корысти, но будем порабощены объедению, винопитию, или сну, или лености, или прекословию, непослушанию или ропоту (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 170).

***

...Если <кто> не восподвизается стяжать добродетели, то не будет иметь полного успеха в искоренении страстей, хотя и может успеть утомить их до значительной степени (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 295).

***

Человек может побеждать страсти, но не может их искоренить (прп. Симеон Новый Богослов, 94, 53).

***

Если кто прежде болезненным покаянием и усиленными подвигами не преобразит душевных своих сил... то ни самого себя познать не может... ни стяжать помысл владычественный над страстями... (прп. Никита Стифат, 94, 86).

***

Поелику... плотские страсти зачинаются и приходят в движение от помышлений страстных, то от них надо начать и врачевание их (свт. Григорий Палама, 94, 270).

***

...Если, воодушевясь ревностью, победишь и умертвишь беспорядочные страсти свои, свои похотения и воления, то благоугодишь Богу паче и поработаешь Ему благолепнее, нежели избичевывая себя до крови и истощая себя постом больше всех древних пустынножителей. Даже то, если ты, искупив сотни рабов-христиан из рабства у нечестивых, дашь им свободу, не спасет тебя, если ты при этом сам пребываешь в рабстве у страстей (прп. Никодим Святогорец, 71, 17).

***

...<Страсти> бесстыжи и упорны, и не выйдут, если не изгнать их бранью (прп. Никодим Святогорец, 71, 61).

***

Премного полезно тебе, брате мой, знать добре то, в каком порядке следует тебе побороть свои страсти, чтобы совершать сие достодолжно, а не просто как попало, как делают некоторые и мало успевают; нередко терпят и вред. Порядок, в каком надобно бороться с врагами своими и побороть свои злые пожелания и страсти, есть следующий: войди вниманием в сердце свое и исследуй тщательно, какими помыслами, какими расположениями и пристрастиями оно особенно занято, и какая страсть наиболее господствует над ним и тиранствует в нем; потом против этой страсти прежде всего и поднимай оружие и ее побороть

старайся. На этом и сосредоточь все внимание и заботу, с одним только исключением, что когда подымется между тем другая какая страсть случайно, то ею следует тебе тотчас заняться и ее прогнать, и потом опять обращать оружие против главной своей страсти, которая непрестанно выказывает свое присутствие и власть. Ибо как во всякой борьбе, так и в нашей невидимой, следует противоборствовать тому, что самым делом борет в настоящий момент (прп. Никодим Святогорец, 71, 64—65).

***

Если ты... не привык еще побеждать внезапные движения и возбуждения страстей, по поводу, например, оскорблений или других встреч, советую тебе вот что делать: поставь себе в закон, всякий день, когда сидишь еще дома, просматривать все могущие встретиться с тобою случаи в продолжение дня, благоприятные и неблагоприятные, и какие вследствие того могут породиться в тебе страстные движения, похоти и раздражения, — и наперед приготовься, как подавлять их в самом зарождении их, не давая им ходу. Действуя так, ты никогда не будешь внезапно застигнут никакими движениями страстей, но всегда будешь готов сделать им отпор и возможешь ни гневом не смутиться, ни похотью не увлечься. Такого рода просмотр случайностей надо делать тогда наипаче, когда имеешь выйти... в такие места, где должен встретиться с личностями могущими или привлечь, или раздражить. Будучи приготовлен, ты легко избежишь того и другого.

Волна страсти, если и подымется какая, перекатится через тебя или разобьется о тебя, как о твердый камень, а не подбросит тебя как легкую ладью. Да уверит тебя в сем относительно гнева святой пророк Давид, говорящий: *уго-*

товихся и не смутихся (Пс. 118, 60). Но таким приготовлением не все уже сделано. Возбуждение страсти все же может подняться, и тоже неожиданно. В таком случае вот что делай: как только ощутишь страстное движение, похотное или раздражительное, спеши обуздать его напряжением воли, низойди в сердце вниманием ума, и всячески старайся не допустить его до сердца, и блюди, чтобы оно ни тем, что раздражает, не раздражилось, ни к тому, что привлекает, не прилегло. Если же случится внезапно породиться в сердце тому или другому, постарайся на первый раз, чтобы то не вышло наружу, не обнаруживай того ни словом, ни взором, ни движением. Потом понудь себя возвести ум свой и сердце свое горе́ к Богу и, воспроизведши в себе ясное сознание и чувство и любви Божией беспредельной, и правды Его нелицеприятной, тем и другим постарайся страстное движение вытеснить, а противоположное ему доброе восставить.

При предлежащей встрече, может быть, и неудобно будет это сделать вполне как следует, но всячески намерения и напряжения делать то не оставляй. Пусть теперь это безуспешно; после докончишь, когда прекратится страстевозбудительная встреча. О том же неотложно попекись, чтобы не обнаружить порождающейся страсти. И это будет не давать ей хода. Зато как только освободишься от недоброго притока впечатлений, спеши к сердцу и постарайся выбросить закравшуюся туда гадину.

Но наилучшее и наидействительнейшее ограждение от внезапного возбуждения страстей есть устранение причин, от которых происходят всегда такие движения. Таковых причин на все две: любовь и ненависть. Если ты... попался в плен любви к какому-либо лицу или пристрастен к какой-либо вещи, большой или малой, то естественно, что когда... видишь, что их оскорбляют и им вредят или отвлечь и

похитить у тебя хотят, ты тотчас возмущаешься тем, скорбишь, мятешься, и восстаешь против тех, которые это делают. Почему, если желаешь, чтобы не случались с тобою такого рода внезапные тревоги, попекись побороть и исторгнуть из сердца такую недобрую любовь и такое недоброе пристрастие, и чем дальше зашел ты в той и в другом, тем большее приложи попечение о том, чтобы оравнодушить себя и разумно относиться к вещам и лицам; ибо чем сильнее у тебя любовь и пристрастие, тем бурнее и внезапнее возбуждение страсти во всех указанных случаях.

Равно, если имеешь неприязнь к какому-либо лицу или отвращение к какой-либо вещи, то также естественно приходишь внезапно в негодование или мерзение, когда встречаешь их, особенно когда расхваливает кто их. Посему, если хочешь соблюсти покой сердца в таких случаях, понудь себя на сей раз подавить восставшие недобрые чувства, а после истребить их совсем. В сем поможет тебе такое рассуждение (относительно лиц), — что и они суть творения Божии... всесильной десницы Бога живого, что и они искуплены и воссозданы бесценною кровию Христа Бога, что и они собраты твои и сочлены, которых не следует тебе ненавидеть, даже мыслию своею... (прп. Никодим Святогорец, 71, 65—68).

***

С плотскими страстями... надлежит бороться своим особым способом, чем с прочими. Чтобы это шло у тебя в должном порядке, знай, что иное должно тебе делать прежде искушения сими страстями, иное во время искушения, и иное после прекращения его. Прежде искушения внимание твое должно быть обращено на причины, которые обыкновенно служат поводом к порождению искушения, или возбуждению страсти.

Здесь закон: всевозможно избегай всех случаев, могущих возмутить покой плоти твоей, особенно встречи с лицами другого пола. И если иной раз будет надлежать нужда беседовать с каким-нибудь таким лицом, беседуй недолго, соблюдая не только скромность, но и некую строгость в лице своем, и слова твои пусть будут при всей приветливости больше сдержанны, нежели благосклонны. *Не ими веры врагу твоему во веки* (Сир. 12, 10), говорит премудрый Сирах. И ты никогда не верь телу своему: ибо как медь сама по себе рождает из себя ржавчину, так и растленное естество тела рождает из себя злые движения похотные. *Якоже бо медь ржавеет, так и злоба его* (Сир. 12, 10). Не верь же, еще повторю тебе, не верь в этом отношении самому себе, хотя, положим, ты не чувствуешь и столько уже времени не чувствовал сего жала плоти твоей. Потому что эта треокаянная злоба, чего не делала многие годы, иногда делает в один час и в одно мгновение, и всегда молча делает обычно свои приготовления к нападению. И знай, что чем больше прикидывается она другом и не подает ни малейшего повода к подозрению, тем больший потом наносит вред и нередко поражает насмерть.

Должно также всякому бояться наипаче тех лиц другого пола, с которыми почитает благословным обычное в житейском быту взаимообращение, или потому, что они родственны, или потому, что благочестивы и добродетельны, потому, что от них получено благодеяние и есть потребность почаще изъявлять им за то признательность. Бояться сего надобно потому, что к такому, без страха и внимания к себе, взаимообращению всегда почти примешивается губительная сласть чувственная, которая потом мало-помалу нечувствительно проникает душу до самых глубин и так омрачает ум, что подвергшиеся сей заразе начинают ни во что вменять всякие опасные причины греха, как то: страстные

взгляды, сладкие речи с той и другой стороны, привлекательные движения и положения тела, пожатия рук, от чего, наконец, впадают и в самый грех, и в другие диавольские сети, из которых иной раз и совсем высвободиться не могут.

Бегай же, брате мой, этого огня, потому что ты порох, и никогда не дерзай в самонадеянности думать, что ты порох смоченный и весь наполнен водою доброй и крепкой воли. Нет, нет! Но думай паче, что ты сухой-пресухой порох, и тотчас вспыхиваешь, как только почувствуешь огонь тот. Отнюдь не полагайся на твердость твоей решимости и твою готовность скорее умереть, нежели оскорбить Бога грехом. Ибо хоть и можно допустить, что ты посему смоченный порох, но от частого сообращения и сидения с глазу на глаз огонь плотской мало-помалу иссушит оросительную воду доброго твоего произволения, и ты сам не заметишь, как окажешься пламенеющим плотскою любовию, и до такой степени, что перестанешь стыдиться людей и Бога бояться, и ни во что станешь вменять честь, жизнь и все мучения ада, стремясь к соделанию греха. Бегая убо, бегай всевозможно:

а) От такого сообращения с лицами, могущими послужить для тебя в соблазн, если искренно желаешь не попасть в плен греха и не уплатить оброка его, который есть смерть душевная...

б) Бегай ничегонеделания и лености; и стой бодренно, во все глаза смотря за помыслами, и мудро устрояя и ведя дела свои, требуемые твоим положением.

в) Никогда не ослушивайся настоятелей твоих и отцов духовных, но охотно повинуйся им во всем, скоро и с готовностью исполняя, что ни прикажут, и наиболее то, что смирительно для тебя и противно твоей воле и твоим склонностям.

г) Никогда не позволяй себе смело судить о ближнем, никого не суди и не осуждай, и особенно за этот самый плотской грех, о котором у нас речь, хотя бы кто явно впал в него, но поимей к нему сострадание и жалость, не негодуй на него и не смейся над ним, но от его примера позаимствуй себе урок смирения и, зная, что и сам ты крайне слаб и на худое подвижен, как прах на пути, говори себе: ныне пал он, а завтра паду я. Ведай, что если ты скор на осуждение и презрение к другим, то Бог больно накажет тебя за это, попустив самому тебе впасть в тот же грех, за который осуждаешь других. *Не судите, да не судимы будете* (Мф. 7, 1), и на то же не будете осуждены, чтобы из падения своего познали пагубность гордыни своей и, смирившись, взыскали врачевства от двух зол: от гордости и блуда. Но если Бог по милости Своей и хранит тебя от падения, и ты удерживаешь неизменно твердым целомудренный помысл свой, ты все же перестань осуждать, если осуждал, и не самонадеянничай, а паче бойся и не верь своему постоянству.

д) Внимай себе и бодрствуй над собой. Если стяжал ты какой дар Божий или находишься в добром состоянии духовном, не воспринимай в самомнении суетного и мечтательного о себе помышления, будто ты нечто, и что враги твои не посмеют напасть на тебя, и ты столько ненавидишь их и презираешь, что сразу отразишь, если они осмелятся приблизиться к тебе. Как только так подумаешь, падешь легко, как осенний лист с дерева. Вот что следует тебе соблюдать прежде искушения плотскою страстью. Во время же самого искушения вот что делай: дознай поскорее причину, от которой породилась брань, и тотчас отстрани ее. Причина этому бывает или внутренняя, или внешняя. Внешнею тому причиной бывают: вольность очей, сладкие для слуха речи, такие же по содержанию и напеву песни, щегольские

из нежных материй одежды, благоуханные для обоняния духи, вольные обращения и беседы, соприкосновение и пожатие рук, танцы и многое подобное. Врачевством против всего этого служат: скромное и смиренное одеяние, нежелание ни видеть, ни слышать, ни обонять, ни говорить, ни касаться ничего такого, что производит это срамное движение, особенно же избегание сообращения с лицами другого пола... Причиной внутреннею служит, с одной стороны, жизнь в довольстве и покое плоти, когда все желания телесные находят полное удовлетворение, с другой — срамные помыслы, которые приходят или сами собой при воспоминании виденного, слышанного и испытанного, или от возбуждения их духами злобы.

Что касается до жизни в полном довольстве и покое плоти, то ее надобно ожесточить пощениями, бдениями, жесткоспанием, особенно множайшими поклонами до утомления, и другими произвольными телоозлоблениями, как советуют и заповедуют опытные и рассудительные отцы наши святые. А против помыслов, отчего бы они ни происходили, врачевством служат разные духовные упражнения, сообразные с настоящим твоим состоянием и требуемые им, каковы: чтение святых и душеспасительных книг, особенно святых Ефрема Сирианина, Иоанна Лествичника, Добротолюбия и других подобных...

Молитву свою, когда начнут нападать на тебя срамные помыслы, совершай так: тотчас воздвигни ум свой к распятому ради нас Господу и из глубины души взывай к Нему: «Иисусе мой, Господи! Сладчайший мой Иисусе! Ускори на помощь мне и не дай врагу моему полонить меня!» В то же время обнимай мысленно и чувственно, если есть вблизи, Животворящий Крест, на коем распят ради тебя Господь твой, лобызай часто язвы Его и говори с Ним с любовью:

«Краснейшие язвы, язвы святейшие, язвы пречистые! Уязвите это мое окаянное нечистое сердце и не допустите меня до того, чтобы я посрамил и оскорбил вас нечистотою своею». Размышление же твое, в то время как множатся в тебе срамные помыслы плотской сласти, да не будет направлено прямо против них, хотя иные и советуют это; не берись изображать мысленно перед собою нечистоту и срамоту грехов плотской похоти, ни угрызения совести, которые последуют за тем, ни растления естества твоего и потерю чистоты девства твоего, ни помрачения чести твоей и другое подобное. Не берись, говорю, размышлять об этом, потому что такое размышление не всегда бывает верным средством к преодолению искушения плоти, а, напротив, может послужить к усилению брани, иной же раз и к падению. Ибо хотя ум при сем будет вести мысленную речь свою в укор и противление этой страсти; но как мысль, несмотря на то, все же будет держаться на предметах ее, к которым так неравнодушно сердце, то не дивно, что тогда как ум расточает такие строгие суждения о таких делах, сердце соуслаждаться будет ими и соглашаться на них, что и есть внутреннее падение. Нет, надобно рассуждать о таких предметах, которые бы заслонили собой эти срамные вещи и совсем отвлекли от них внимание, содержанием же своим отрезвительно действовали на сердце. Такого рода предметы суть жизнь и страдание воплотившегося ради нас Господа Иисуса, неминуемый час смерти нашей, трепетный день Страшного Суда и разные виды адских мучений. Если, как нередко случается, срамные помыслы эти будут и при этом продолжать нападать на тебя с особенною силою и неудержимостью; не бойся, не переставай размышлять о показанных перед сим предметах, и не обращайся к тому приему борьбы, чтобы прямо против них восставать, раскрывая неодобрительные стороны их самих...

Не делай так; но продолжай, сколько можно внимательнее, размышлять о показанных перед этим устрашительных и отрезвительных предметах, нимало не беспокоясь о помыслах тех срамных, как бы они не были твои собственные. Ведай, что нет лучшего способа к прогнанию их, как презрение к ним и ни во что их вменение. Размышление же это почаще прерывай такою или подобною ей молитвою: «Освободи меня, Творче мой и Избавителю, от врагов моих сих, во славу страстей Твоих и Твоей неизреченной благости». Молитвою же подобною и заключи свое размышление.

Смотри же, отнюдь не обращай ока ума своего на эту плотскую нечистоту, так как и одно представление о ней небезопасно; и не останавливайся на беседу с сими искушениями, или о сем искушении, чтобы определить, произошло ли у тебя согласие на него, или нет.

Такое исследование, хотя на вид кажется хорошим, на деле же поистине есть козни диавола, покушающегося этим способом или отяготить тебя, или ввергнуть в малодушие и отчаяние, или удержать тебя сколько можно дольше в этих помыслах и через них ввести в грех делом или по роду их, или в другой какой. Вместо таких исследований о помыслах этих, смущающих тебя, поди, исповедуй все подробно духовному отцу своему, и пребудь потом покоен в помышлении своем и в сердце своем, не мутя себя никакими вопросами, упокоеваясь на решении отца своего. Только все ему открой, что смущало и смущает ум твой и твое чувство в этом искушении, ничего не утаивая и не позволяя стыду связать язык твой, а паче смиряясь самоуниженно. Ибо если во всякой борьбе с врагами имеем мы нужду в глубоком смирении, чтобы победить их; сколь много паче потребно оно нам во время плотской брани? Так как и самое искушение сие большею частью бывает или порождением гордыни, или вразумлением и наказанием за нее...

Когда наконец утишатся срамные помыслы и искушение пройдет, вот что должно тебе делать: как бы ни казалось тебе, что ты свободен уже от плотской брани, и как бы уверенным в том не имел ты себя, всячески, однако же, пекись далеко держать ум свой и внимание свое от тех вещей и лиц, которые были причиною восстания на тебя такого искушения; и отнюдь не поблажай позыву повидаться с ними, под тем предлогом, что они родственницы или что благочестивы и благодетели твои; вразумляй себя напоминанием, что это и есть греховное обольщение растленного естества нашего и сеть вселукавого врага нашего диавола, который тут преобразуется в ангела света, чтобы ввергнуть во тьму... (прп. Никодим Святогорец, 71, 68—76).

***

Страсти, пребывая в христианине, постоянно принуждая его быть на страже, постоянно вызывая его на борьбу, содействуют его духовному преуспеянию (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 526).

***

Неувлекающийся какою-либо страстью не должен думать, что нет в нем этой страсти: только не было случая к обнаружению ее (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 527).

***

Мало изучить страсти с их многоплетеными отраслями в чтении книг отеческих, надо прочитать их в живой книге душевной и стяжать знание о них опытное (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 217).

***

Только потому мы побеждаемся страстями нашими, что забываем о казнях, последующих за ними... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 126).

***

Ужасна буря страстей, ужаснее она всех наружных бедствий. Бедствие внутреннее опаснее внешнего... помрачается разум, закрытый густым облаком помыслов, во время бури сердечной... Единственным средством спасения остается усиленная молитва. Подобно апостолу Петру, должно вопиять от всей души ко Господу (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 186).

***

С какою страстью прежде бороться?.. Борись с той, которая сейчас тебя борет, — и некогда будет доискиваться, какая главная у тебя... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 176).

***

В то самое время, как кто подумает, что одолел какую-либо слабость или страсть, враг воздвигнет сильнейшую бурю (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 181).

***

Пока не умерщвлены вконец страсти, дурные мысли, чувства, движения и замышления не прекратятся (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 30).

***

Потрудитесь довести свою решимость до того, чтобы хоть бы резану на части быть предлежало, не поддаваться страсти... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 107).

***

Против страсти похотной — пост и молитва, и неотступная память Божия со страхом, что стрела правды Божией может поразить при самом деле греховном... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 186—187).

***

Однажды испытав дурное от чего-либо впечатление, не надо произвольно позволять себе встречаться опять с предметами, произведшими его (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 223).

***

...Чем решительнее кто противится страстям и искореняет их, тем быстрее выходит он из области смерти и вступает в область жизни (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 89, 22).

***

Люди... в отношении к страстям бывают трех родов: одни действуют по страстям, другие борются со страстями, а третьи искоренили страсти (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 89, 25).

***

Признак того, что страсть исторгнута из сердца, есть — когда сердце начинает питать к страсти отвращение и ненависть (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 89, 104).

***

Побеждать и искоренять страсти — долг всех христиан (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 89, 107).

***

...Миряне не должны думать, что им позволительно поблажать страстям и помыслам страстным (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 89, 111).

Услаждение страстями

Всякую страсть, которая выводит ум из себя, справедливо можно назвать упоением (свт. Василий Великий, 8, 17).

***

...Кто посвящает себя удовольствиям и плотским страстям, тот никогда не предает души своей в руки Божии (свт. Иоанн Златоуст, 49, 813).

***

Тот, кто имеет звероподобные и бесчеловечные чувства, не может называть отцом человеколюбивого Бога, так как не сохраняет признаков той благости, которая находится в Небесном Отце, а превращает себя в звероподобный вид и лишается божественного благородства. Когда кто-нибудь скачет, как бык, лягается, как осел, помнит зло, как верблюд, обжирается, как медведь, расхищает, как волк, поражает, как скорпион, коварен, как лиса, похотлив на женщин, как конь женонеистовый, — то как такой человек может воссылать подобающий сыну глас и называть Бога своим отцом. Чем нужно назвать такого человека? Зверем?

Но звери страдают каким-либо одним из этих пороков, а этот соединяет все и становится бессмысленнее самых даже бессмысленных (свт. Иоанн Златоуст, 56, 625).

***

Не Христову пролагает бразду тот, кто любит преданность страстям, произращающую терние (прп. Исидор Пелусиот, 61, 138).

***

...Кто сопряг себя с ними <страстями> и сильно ими увлекается, тот не только все кончит глубокою бездною, но и здесь не может жить по причине происходящих от них скорбей, и страхов, и опасностей, и тьмочисленного их роя. Ибо ожидает ли смерть? Прежде смерти он умирает уже от страха. Угрожают ли оскорбление, болезнь, бедность, или иная какая неожиданность? Он погиб и сокрушен от одного предположения. Но не таков владеющий страстями: он стоит выше и страхов, и опасностей, и всякой превратности не потому, что ничего не терпит (это, может быть, и невозможно, но, что гораздо важнее и более чудною делает победу), — потому что пренебрегает их приражениями, нападениями и язвительными ударами (прп. Исидор Пелусиот, 62, 353).

***

Иной отсекает страсть для большего сладострастия, и от незнающих его намерения получает славу (прп. Марк Подвижник, 70, 17).

***

Невозможно, чтобы тот преклонялся к страсти в мысли, кто не любит причин ее (прп. Марк Подвижник, 70, 40).

***

Кто исполняет еще страстные вожделения плоти, тот живет в земле халдейской, как служитель и делатель идолов (прп. Максим Исповедник, 92, 256).

***

Увлеченные обольщением чувственной сласти, предпочли мы истинной жизни смерть (прп. Максим Исповедник, 92, 268).

***

...Ум, из угождения чувственности долго останавливающийся в мечтаниях своих на видимостях чувственных вещей, бывает производителем нечистых страстей... (прп. Максим Исповедник, 92, 269).

***

Кто... увлекается сластьми греховными и сам себя ввергает в сети диавольские, тот терпит истинное поражение, покрывается стыдом грехов ради... (прп. Феодор Студит, 93, 69).

***

...Мерзостные пожелания плоти и смешение сердца с каждою страстью, бывающее со сластью, есть некоторым образом жертва, приносимая нами диаволу... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 276).

***

Как невозможно убедить тех, кои вышли из ума, сознать, что они действительно вышли из ума, так и тех, кои валяются в страстях и, состоя в рабстве у них, не чувст-

вуют своего им рабства, никто не может довести до сознания, что они находятся в таком худом состоянии, или убедить их перемениться на лучшее. Они слепы и не верят, чтобы кто-нибудь был видящий; как же их убедить, что и для них возможно, чтобы они открыли очи свои? Если бы убедились в этом, то, может быть, и они взыскали бы открытия очей своих; обретши же его, увидели бы ясно и познали тех, кои распялись миру (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 391—392).

***

...Душа страстелюбивая и грехолюбивая лишается благодати, отметает ее и вдовеет; и через то делается жилищем страстей, — чтобы не сказать демонов, в настоящем и в будущем веке (прп. Григорий Синаит, 94, 182).

***

Богатые... и наслаждающиеся, и услаждающие себя временной славой, и все те, кто воспринимает в свою душу пожелание подобных вещей, находятся близ более страшных страстей и впадают в большие, более многочисленные и отвратительные ловушки диавола. Ибо страсть обогащаться не оставляет обогатившегося, но она еще хуже возрастает, требует еще большего, чем прежде. Таковы же и похотливец, и жадный, и распутный, и невоздержанный — еще хуже становятся их пороки, а не отвергаются ими. Находящиеся же у власти и в славе к тому же имеют силу для совершения еще больших неправд и беззаконий (свт. Григорий Палама, 26, 146).

***

...Похотями же плотскими и страстями дух умертвивший здесь, там, увы! имеет быть осужден вместе с худож-

ником и виновником всякого зла и предан нестерпимому и непрестающему мучению: что есть вторая, не имеющая преемства, смерть (свт. Григорий Палама, 94, 283).

***

Каждое сопротивление, оказанное требованию страсти, ослабляет ее: постоянное сопротивление низлагает ее. Каждое увлечение страстью усиливает ее, постоянное увлечение страстью порабощает страсти увлекающегося ею (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 525).

***

Если не будешь поблажать страстям, узришь умерщвление их. Если же будешь поблажать им, беседовать с ними, питать их в себе и услаждаться ими, то они умертвят тебя (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 149).

***

Когда человек предан страстям, то он не видит их в себе и не разделяется с ними, потому что живет в них и ими (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 89, 103).

Путь к бесстрастию

Обуздание же гнева, языка, чрева и сластолюбия весьма великой бывает помощью для души (прп. Антоний Великий, 90, 90).

***

Люби всякий подвиг телесный, и укротятся страсти (прп. авва Исаия, 60, 64).

***

...Если ум укрепится и решится последовать любви (к Богу и ближнему), то победит все страсти плотские и душевные (прп. авва Исаия, 60, 87).

***

Неосуждение ближнего бывает стеною для разумно борющихся со страстями (прп. авва Исаия, 60, 93).

***

Благие дела соделывают душу свободною от страстей (прп. авва Исаия, 60, 173).

***

Разумное о себе попечение отсекает страсти... (прп. авва Исаия, 90, 349).

***

...Воздержание чрева смиряет страсти (прп. авва Исаия, 90, 350).

***

Поучение в страхе (Божием) сохраняет душу от страстей... (прп. авва Исаия, 90, 350).

***

...Невозможно монаху противостоять страстям, не имея какой-либо из добродетелей (прп. авва Исаия, 90, 407).

***

Люби труд и самостеснение, чтобы утишились страсти твои (прп. авва Исаия, 90, 445).

***

Страсти суть волны; держась выше их, будешь надежным кормчим жизни (свт. Василий Великий, 8, 191).

***

...Телесные страсти в нас сильны, когда ум бездействен, благопокорны же, когда ум управляет и владеет телом (свт. Василий Великий, 9, 329).

***

...Обуздание страстей — безмятежность и тишина души... (свт. Василий Великий, 9, 333).

***

...Будьте не ленивы к посту и молитве, чтобы прийти в состояние побеждать плотские страсти... (прп. Ефрем Сирин, 31, 232).

***

Бегай вольности и смеха, ибо сие неприлично душе твоей. *Кая часть верну с неверным* (2 Кор. 6, 15). Подобным образом чревоугодие обуздывай воздержанием, сребролюбие — подвигами и нестяжательностью, многоглаголание — молчанием, нетерпение сидеть на месте — пребыванием в келье, леность — памятованием будущих благ, непокорность — смиренномудрием (прп. Ефрем Сирин, 32, 257).

***

Не учащай на городские улицы, чтобы не возвратиться оттуда преданным страсти (прп. Ефрем Сирин, 32, 631).

***

Когда страсть высится, тогда да будет усилен божественный глад, но да соразмеряется оный с силами объемлемого страстью, потому что такую страсть исцелит только продолжительный труд (прп. Ефрем Сирин, 33, 404—405).

***

...Мудрые, когда восстают страсти, не слушаются их, а изъявляют гнев на злые пожелания и делаются врагами самих себя... (прп. Макарий Египетский, 68, 136).

***

...По той причине, что стал ты выше сластолюбия, не имеешь уже права безотчетно предаваться другому роду страсти. Всякая страсть, пока будет страстью, есть падение; в замене же страстей одной другою нет никакой разности падений. Кто поползнулся от скользкости удовольствий, тот пал; и кто запнулся по гордости, также пал. Ни одного же рода падений не изберет для себя имеющий ум, но равно должен избегать всякого падения, пока оно будет падением (свт. Григорий Нисский, 18, 362—363).

***

...Поелику жизнь человеческая вещественна, а страсти из-за веществ, всякая же страсть имеет быстрый и неудержимый порыв к исполнению желания (потому что вещество тяжело и стремится вниз), то Господь не тех посему ублажает, которые живут вне действия на них страстей (в жизни вещественной невозможно всецело преуспеть в житии невещественном и бесстрастном); но возможным пределом добродетели в жизни человеческой называет кротость

и говорит, что быть кротким достаточно для блаженства. Ибо естеству человеческому не узаконивает совершенного бесстрастия; правдивому Законоположнику и несвойственно повелевать то, чего не приемлет естество. Такое повеление уподоблялось бы распоряжению того, кто живущих в воде переселил бы на житие в воздух или, наоборот, все, что живет в воздухе — в воду. Напротив того, закону надлежит быть примененным к свойственной каждому и естественной силе. Поэтому блаженство сие повелевает умеренность и кротость, а не совершенное бесстрастие; потому что последнее вне естества, а в первом преуспевает добродетель. Посему, если бы блаженство предполагало неподвижность к пожеланию, то бесполезно было бы и ни к чему не служило в жизни сие благословение. Ибо кто, сопряженный с плотию и кровию, достиг бы такового? Теперь же сказано, что осуждается не тот, кто по какому-либо случаю вожделел, но тот, кто по предусмотрению привлек к себе страсть. Что происходит иногда подобное стремление, до этого и против воли доводит часто соединенная с естеством нашим немощь; но не увлекаться, наподобие потока, стремительностью страстей, а мужественно противостать такому расположению и страсть отразить рассудком, — это есть дело добродетельное.

Посему блаженны не предающиеся вдруг страстным движениям души, но сдерживаемые разумом, — те, у кого помысл, подобно какой-то узде, останавливает порывы, не дозволяет душе вдаваться в бесчиние (свт. Григорий Нисский, 19, 382—384).

***

...Каждую из возмущающих нас страстей постараемся исправить, чтобы, воздерживаясь от злых и совершая доб-

рые дела, могли мы в тот страшный день удостоиться человеколюбия Божия... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 295).

***

...Если нас возмущаст какая-нибудь страсть, но мы благочестивым умом представим себе будущий день Страшного Суда и будем иметь в виду не настоящие удовольствия, но последующие за ними мучения, то страсть тотчас отступит от нашей души и оставит ее (свт. Иоанн Златоуст, 48, 461).

***

...Кто освободился от страстей, <тот> пребывает в тихой пристани, наслаждается любомудрием и не подвергается никакой неприятности (свт. Иоанн Златоуст, 49, 33—34).

***

Когда наш нрав свободен от страсти, то он способен и к добродетели. Как тело, освободившись от горячки, укрепляется в силах, так и душа, если не предана страстям, делается сильною (свт. Иоанн Златоуст, 53, 418).

***

Тебе дано владычество над неразумными, чтобы ты властвовал над неразумной страстью (свт. Иоанн Златоуст, 53, 968).

***

...Если ты при взгляде на красивую женщину почувствуешь к ней страсть, то более не смотри на нее — и освободишься (от страсти) (свт. Иоанн Златоуст, 54, 544).

***

Небольшой огонь подчас уничтожает большой запас вещества; так, одна какая-либо добродетель прогоняет все страсти (свт. Иоанн Златоуст, 55, 965).

***

Не угасишь телесных страстей, если к плоти своей не приложишь врачевства подвижнических трудов, сокрушающих его страсти. Не угасишь и душевных страстей, если не исполнить прежде сердце твое плодами любви (прп. Нил Синайский, 91, 308).

***

...Возжигают в нас нечистые страсти, обновляют их, возвышают и размножают злые бесы; а размышления о Божественном слове, особенно с излиянием слез бывающие, умерщвляют их и истребляют, хотя бы они были закоренелы, и мало-помалу как бы не сущими делают пагубные греховные действия, душевные и телесные: только не поленимся молитвой и упованием, неослабными и неотступными, приседеть Господу (прп. Иоанн Карпафский, 92, 78).

***

...Телесные страсти не приходят в бездействие, и лукавые помыслы не оскудевают без пустыни (прп. Исаак Сирин, 59, 10).

***

Победившие в себе страсти добродетелями, хотя и бывают тревожимы помыслами... однако же не уступают над собою победы, потому что имеют силу, и ум их восторга-

ется к благим и божественным памятованиям (прп. Исаак Сирин, 59, 31).

***

Кто возбраняет устам своим клеветать, тот хранит сердце свое от страстей. А кто хранит сердце свое от страстей, тот ежечасно зрит Господа (прп. Исаак Сирин, 59, 44).

***

Страсти искореняются и обращаются в бегство непрестанным погружением мысли в Боге (прп. Исаак Сирин, 59, 45).

***

Страсти не могут восстать на душу и смутить подвижника, если... сердце его не занимается житейским, разве только будет он ленив и нерадив к своему долгу (прп. Исаак Сирин, 59, 106).

***

Если приобучим себя к доброму размышлению, то будем стыдиться страстей, как скоро встретимся с ними (прп. Исаак Сирин, 59, 168).

***

Прежде всех страстей — самолюбие; прежде всех добродетелей — пренебрежение покоем (прп. Исаак Сирин, 59, 228).

***

...Человеку всегда должно отвращать мысль свою от страстей к естественному добру, какое Создателем вложено в природу (прп. Исаак Сирин, 59, 240).

***

Страсти суть дверь, заключенная перед лицом чистоты. Если не отворит кто этой заключенной двери, то не войдет он в непорочную и чистую область сердца (прп. Исаак Сирин, 59, 255).

***

...Кто деланием заповедей и трудными делами истинного жития препобедил страсти, тот пусть знает, что законно приобрел он душевное здравие... (прп. Исаак Сирин, 59, 260).

***

Если же отъяты от души будут страсти, то ум просвещается, и поставляется на первом месте естества, и не имеет нужды в вопросах, потому что ясно видит блага, обретаемые на своем месте (прп. Исаак Сирин, 59, 261).

***

Страсти отвращать лучше памятованием добродетелей, нежели сопротивлением... (прп. Исаак Сирин, 59, 310).

***

Находятся и такие, которые стараются остановить страсть, но по внушению другой страсти: один молчит по тщеславию, другой по человекоугодию или по иной какой-либо страсти; сии злым хотят исцелить злое. Но авва Пимен сказал, что зло никак не истребляет зла. Таковые принадлежат к действующим по страсти, хотя и сами себя обольщают... Иной радуется, когда его оскорбляют, но потому, что имеет в виду награду. Сей принадлежит к искореняющим страсть, но неразумно. Другой радуется, получая оскорбление, и

думает, что он должен был претерпеть оскорбление, потому что сам он подал повод к тому; сей разумно искореняет страсть. Ибо принимать оскорбление, возлагать вину на себя и почитать (все) находящее на нас за наше собственное — есть дело разума... Другой не только радуется, когда его оскорбляют, и почитает виновным самого себя, но и сожалеет о смущении оскорбившего его. Бог да введет нас в таковое устроение (прп. авва Дорофей, 30, 121—122).

***

Скажу вам пример, кому подобен тот, кто действует по страсти и удовлетворяет ей. Он подобен человеку, который, будучи поражаем от врага своего стрелами, берет их и собственными руками вонзает в свое сердце. Сопротивляющийся страсти подобен осыпаемому стрелами врага своего, но облаченному в броню и потому не получающему ран. А искореняющий страсть подобен тому, кто, будучи осыпаем стрелами врага своего, сокрушает их или возвращает в сердца врагов... (прп. авва Дорофей, 30, 123).

***

...Попирай страсти, чтобы они не попрали тебя и насильственно не сделали тебе зла. Убегай от них, как серна от тенет (см.: Притч. 6, 5), чтобы они не закололи тебя, как ягненка. Не бойся их, они не имеют силы: Господь наш Иисус Христос расслабил их и сделал бессильными. Не предавайся сну: хотя они и полумертвы, но не спят; не будь нерадив, ибо они не нерадят (прп. авва Дорофей, 30, 216).

***

Все страсти препобеждает смирение, которое всякий приобретает трудом (прп. авва Дорофей, 30, 236).

***

...Возгорение и движение гнева и прочих страстей наших происходит от многих и различных причин. Посему и нельзя назначить против них одно врачевство. А такой даю совет, чтобы каждый из негодующих старательно изыскивал приличное средство для своего врачевания. Первым делом в этом врачевании да будет познание причины болезни, чтобы, нашедши оную, получить и надлежащий пластырь для своей болезни от Промысла Божия и от духовных врачей (прп. Иоанн Лествичник, 58, 93).

***

Если ты вооружаешься против какой-нибудь страсти, то возьми себе в помощь смиренномудрие... (прп. Иоанн Лествичник, 58, 174).

***

Злострадание (строгие подвиги телесные) и смирение спасают душу, и... от страстей избавляют ее (авва Фалассий, 92, 335).

***

...Хороши бывают и страсти в руках ревнителей о добром и спасительном житии, когда, мудро отторгши их от плотского, употребляем к стяжанию небесного; именно: когда вожделение соделываем стремительным движением духовного возжелания Божественных благ; сластолюбие — живительным радованием под действием восхищения ума Божественными дарами; страх — предостерегательным тщанием о том, как бы не подвергнуться будущему мучению за прегрешения; печаль — раскаянием, направленным на исправление настоящего зла; и, коротко сказать, когда страстями этими будем пользоваться к уничтожению или пре-

дотвращению настоящего или ожидаемого зла, равно как к стяжанию и сохранению добродетели и ве́дения, подобно тому как мудрые врачи уничтожают или предотвращают сущее уже в теле повреждение от яда или имеющее проявиться телом ядовитого зверька ехидны (прп. Максим Исповедник, 92, 258—259).

***

Прирожденные телу страсти, разумом управляемые, не имеют ничего укорного, но когда допускается их движение без этого ограничения, тогда они наводят укор. Почему говорится, что отвержение должно быть таких страстей, коих движение естественно, но коих употребление бывает часто не по естеству, не бывая управляемо разумом (прп. Максим Исповедник, 92, 274).

***

Изгоняется из души страстность постом и молитвою, сладострастие — бдением и молчанием, пристрастие — безмолвием и вниманием. Бесстрастие же установляется памятью Божией (прп. Илия Екдик, 92, 429).

***

...Если ум наш не возвысится и не достигнет меры бесстрастия покаянием, слезами и духовным смирением, происходящим от слез, то нам невозможно быть свободными от... страстей. Мы будем уязвляемы непрестанно то одною, то другою страстию и снедаемы ими, как дикими зверями, и здесь, и по смерти за них не сподобимся Царствия Небесного, и ими же терзаемы будем всю вечность (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 171).

***

...Кто хочет отсечь страсти или стяжать добродетели, тому подобает паче всякого другого добра и подвига, со всем усердием взыскать умиленного сокрушения, потому что без него никогда не увидать ему души своей чистою (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 268).

***

...Если... кто хочет отсечь страсти, <тот> только плачем и слезами может отсечь их, и... кто хочет стяжать добродетели, только плачем может стяжать их, то явно, что кто не плачет каждодневно, тот ни страстей не отсек, ни добродетелей не стяжал, хотя, кажется, и проявляет их (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 270).

***

Сделавшись самоделателями срамных дел плотских, в противность естеству служим похоти и гневу, плоть оскверняя срамными токами, а душу омрачая горечью гнева, и за то отчуждаемы бывая от Сына Божия. Почему надлежит нам осквернение нечистыми токами из тела очищать потоками слез, а омрачение души горечью гневною прогонять светом сокрушения и сладостной по Богу любви, и таким образом опять соединяться с Тем, от Кого прежде были ими отчуждены (прп. Никита Стифат, 94, 100).

***

...Когда умозрительная сила укротит похотную, тогда стихают и страсти подчресленные и подчревные (свт. Григорий Палама, 94, 270).

***

...Плотские страсти ничем другим не врачуются, как умерщвлением тела, споспешествуемым молитвою и смирением сердечным... (свт. Григорий Палама, 94, 270—271).

***

...Мы только действия и ветви страстей чувствуем, сил же их и корней познать не можем без просвещения от Святаго Духа. От того только тогда сознаем мы в себе страсти, когда они действуют, как же скоро они притихнут, нам думается, что мы достигли уже бесстрастия. Чем удостовериться можем, что страсти только притихли в сердце нашем, а не умерщвлены? Тем, что когда случится нам, успокоившимся на их счет, встретить предметы, которыми питаются скрывшиеся в нас страсти, особенно когда это бывает внезапно, то они тотчас оживают и дают чувствительно о себе знать своими, иной раз нелегкими движениями, так что, бывая ими смущены, дивимся сами, где они укрывались и как вдруг выросли (прп. Никодим Святогорец, 71, 170—171).

***

Соответственно очищению покаянием уменьшаются увлечения, но вместе они делаются утонченнее, неприметнее, обольщают и обманывают иногда мужей, исполненных Божественной благодати... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 530).

***

...Того, кто дошел до покоя от страстей через борьбу не мысленную, а действительную, нечаянное нападение их не поколеблет (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 13).

Господь исцеляет от страстей

Душа имеет... свои собственные страсти, кои суть: гордость, ненависть, зависть, гнев, уныние и другие подобные. Когда душа предает себя Богу всею силою своею, тогда Всещедрый Бог подает ей дух истинного покаяния и очищает ее от всех сих страстей, научая ее не следовать им и давая силу преодолевать их и препобеждать врагов, которые не престают полагать ей препоны, стараясь посредством искушений снова похитить ее себе. И если она пребудет твердою в своем обращении и в добром повиновении Духу Святому, научающему ее покаянию; то милосердый Творец сжалится над нею, трудов ради ее, со всякою теснотою и нуждою подъемлемых — в постах долгих, бдениях частых, в поучениях в Слове Божием, в непрестанной молитве, в отречении от всех мирских утех, в услужении всем от чистого сердца, в смирении и нищете духом, — если пребудет твердою во всем этом, Всещедрый, милостивым призрев на нее оком, избавит ее от всех искушений и исторгнет из рук врагов милостию Своею (прп. Антоний Великий, 90, 25).

***

Четыре страсти с трудом допускают уврачевание, и это суть: самолюбие, сребролюбие, тщеславие и любоначалие; ибо не говорят: *довлеет* (Притч. 30, 10). Однако же не невозможно Богу и от них уврачевать (прп. Ефрем Сирин, 31, 168).

***

...<Господь>... именуется врачом, потому что подает небесное и божественное врачевство и исцеляет душевные страсти, в некоторой мере господствующие над человеком (прп. Макарий Египетский, 68, 204).

***

...Всякая душа, носящая в себе греховную проказу страстей, если не приступит к истинному Архиерею и еще ныне не будет Им уврачевана, не войдет в стан святых... (прп. Макарий Египетский, 68, 284).

***

...Когда за терпением последует в <человеке> великая вера и, сверх того, присоединится Божие мановение, возможет он освободиться от оных внутренних уз и преград и от тьмы духов злобы, т. е. от действий сокровенных страстей (прп. Макарий Египетский, 68, 463).

***

Когда не текут потоки страстей, тогда реки вод Божиих веселят душу (свт. Иоанн Златоуст, 49, 9).

***

Тем, у кого нет недостатка в исполнении всего, что требуется добродетелию (ибо многие, почитая добродетель величайшим благом, какова она и в действительности, не очень заботятся о ней), сказываю: если они не будут полагаться на собственные свои силы, но свои преспеяния станут приписывать Божественной помощи, то и страсти преодолеют, и, без сомнения, достигнут полноты добродетели. Хотя и согласятся, что выше человеческой силы — взять верх над сопротивниками, так чтобы ничто не служило препятствием усердию подвижника, однако же для того, кому поможет Бог, а именно для того, кто победу приписывает Богу, ничто не непреодолимо, если и встретится препятствующее победе (прп. Исидор Пелусиот, 62, 13).

***

В священную брань со страстями плоти надлежит вступать, не на себя самих полагаясь, но предоставляя победу Божиему содействию. Ибо если так поведем брань, если и сами всем запасемся, все приведем в порядок, употребим труды и бдительность и возложим упование на помощь свыше, то удобно преодолеем противника и воздвигнем славные победные памятники, вновь одерживаемыми победами постепенно взращивая благие надежды (прп. Исидор Пелусиот, 62, 32—33).

***

...Когда долго призываешь и умоляешь человеколюбивого Господа, тогда, если снизойдут на тебя Божия благодать и Божия сила, преобладающие ныне тобою страсти исчезнут (прп. Нил Синайский, 74, 357).

***

Страсти плотские и душевные, как увидишь, временем и Божиим мановением истребятся, хотя бы их и много было; милость же Христова никогда не пресечется (прп. Иоанн Карпафский, 92, 84).

***

Пока душа не придет в упоение верою в Бога, приятием в себя силы ее ощущения, до тех пор не уврачует немощи чувств... (прп. Исаак Сирин, 59, 10).

***

Поистине если и в нас будет Тот, Который обращает море в сушу (см.: Пс. 65, 6), то, без сомнения, и наш Изра-

иль, или ум, зрящий Бога, без волнения перейдет море страстей и увидит потопление сих мысленных египтян в воде своих слез (прп. Иоанн Лествичник, 58, 182).

***

Зла и страстей по естеству нет в человеке: ибо Бог не творец страстей (прп. Иоанн Лествичник, 58, 187).

***

Нередко Бог, по особенному Своему промышлению, оставляет в духовных людях некоторые легчайшие страсти для того, чтобы они ради сих легких и почти безгрешных немощей много себя укоряли, и тем приобрели некрадомое богатство смиренномудрия (прп. Иоанн Лествичник, 58, 188).

***

...Единение с Богом-Словом разрешением клятвы восстановило в силе все естество, сделав таким образом неизвинительным для нас склонение произволения на страсти (прп. Максим Исповедник, 92, 295).

***

...Пусть страстен и притруден путь, скоро да течем, да благодушествуем... пока взыдем на гору Господню и станем на святом Его месте бесстрастия (прп. Феодор Студит, 93, 70).

***

Истинно кланяющиеся Богу, Духом кланяются и Духом молятся. А где Дух Господень, там свобода (см.: 2 Кор. 3, 17), свобода от демонов и от всех страстей, всеваемых

ими в душу, от ненависти, печали, смущения, малодушия, злонравия, злобы, неверия, гнева и падкости на всякое самоугождение; и те, кои обладают ими, пусть они будут постники, безмолвники, долгопевцы псалмов, толкователи Божественных Писаний, излагатели правых догматов, учители и проповедники церковные, пусть именуются высокопреподобными, многоучеными и всесильными, не имеют части со Христом, истинным Светом, *просвещающим всякого человека,* от своего злого произволения, *грядущего* в истинный *мир* добродетелей: ибо тьма не имеет никакого общения со светом (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 81).

***

...Без благодати Святаго Духа невозможно ни освободиться от страстей и бессловесных похотей, ни соделаться сыном Божиим, ни освятиться, — и... те, которые сподобляются таких даров Духа, не только освобождаются от всех похотей, страстей и непотребных помыслов, но бывают и богами по благодати, пребывают близ Бога и бывают вне плоти и мира... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 457).

***

Если же ты, как Лазарь, имеешь нужду в оживлении, умерши от страстей, эти самые добродетели <смирение и любовь> как родных сестер предпосли ходатаицами перед Ним <Богом> — и всеконечно получишь искомое (прп. Феогност, 92, 389).

***

Необходим подвиг для христианина; но не подвиг освобождает христианина от владычества страстей: освобождает его десница Вышнего, освобождает его благодать Святаго Духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 525).

***

Единый Святый Дух может вполне очистить человека от страстей и возвратить ему власть над самим собой, похищенную диаволом (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 167).

****

Авва Исаак пришел к авве Пимену и увидел, что он льет воду на ноги свои. Будучи близок к нему, он спросил его: «Почему же некоторые весьма строго обращались со своим телом, не щадя его?» Авва Пимен отвечал: «Мы учились умерщвлять не тело, а страсти» (98, 225).

***

Поведали о некотором старце, что он провел пятьдесят лет в великом воздержании, не употребляя вовсе хлеба и употребляя воду в умеренном количестве. Этот старец говорил: «Я умертвил в себе страсть блуда, сребролюбия и тщеславия». Услышав, что этот старец говорит так, авва Авраам пришел к нему и спросил его: «Говорил ли ты то и то?» Старец отвечал: «Говорил». Авва Авраам сказал на это: «Вот, ты входишь в хижину и находишь на постели твоей женщину, можешь ли не подумать, что это женщина?» — «Нет! Но я борюсь с помыслом, чтобы не прикоснуться к ней». Тогда авва Авраам продолжил: «Значит, ты не умертвил страсти блудной, она жива в тебе, но связана. Опять, положим, ты идешь по пути, видишь камни и обломки глиняных сосудов, а посреди них золото. Может ли ум твой обойтись без всякой мысли о золоте?» Старец: «Нет, но я борюсь с помыслом, чтобы мне не взять золото». Авва Авраам: «Значит, страсть жива, но связана. Опять, если придут к тебе два брата, из которых один любит тебя и превозносит похвалами, а другой ненавидит и злословит, примешь ли их с одинаковым сердечным чувством?» Старец: «Нет, но

буду бороться с помыслом моим и стараться делать добро ненавидящему меня наравне с любящим меня». Авва Авраам: «Следовательно, страсти живы, но связаны святыми помышлениями» (107, 67—68).

***

Некий брат, живя в общежительном монастыре и часто побеждаясь гневом, сказал сам себе: «Пойду в пустыню, может быть, там, не имея с кем ссориться, успокоюсь от страсти».

Он вышел из монастыря и стал жить в пустыне. Однажды он наполнил водой сосуд и поставил его на землю. Сосуд внезапно опрокинулся. Во второй раз случилось то же самое. В третий раз кувшин также опрокинулся. Тогда монах, рассердясь, схватил кувшин и ударил о землю. Кувшин разбился. Придя в себя, брат начал размышлять о случившемся и понял, что враг поругался над ним. Тогда он сказал: «Вот! Я — один, однако побежден страстью гнева. Возвращусь в монастырь: видно, везде нужна борьба с самим собой и терпение, в особенности же — помощь Божия». Монах возвратился в свою обитель (107, 460).

***

Поведали ученики аввы Евлогия Скитского: «Когда старец посылал нас в Александрию продавать рукоделие, то завещал нам оставаться в этом городе не более трех дней. «Если же, — говорил он, — вы пробудете более трех дней и впадете в какой-либо грех, то я неповинен в вашем грехе». Мы спросили его: «Почему же другие монахи, пребывая в городах и селах с мирскими людьми, не чувствуют вреда для своих душ?» Старец, отверзая нелживые уста, сказал нам: «Поверьте мне, чада мои, со времени принятия

монашества я прожил в скиту тридцать восемь лет, никуда не выходя. По истечении тридцать восьмого года пошел я с аввой Даниилом в Александрию к патриарху Евсевию по некой нужде. Когда мы вошли в город, то встретили там много монахов, и отверзлись мои очи. Я увидел, что некоторых из них били вороны крыльями по лицу, других обнимали обнаженные девицы и шептали им на ухо, с иными играли обнаженные дети мужского пола и мазали их смрадом, иным подносили нюхать мясо и вино. Из чего я понял, что демоны возбуждали в уме каждого монаха брань соответственно той страсти, которой он одержим. По этой причине, братия, я не хочу, чтобы вы задерживались в городе и подвергались нападению таких помыслов, правильнее же сказать, демонов» (107, 115).

***

Состояние души, желающей приносить покаяние, авва Иоанн изображал следующей притчей. В некотором городе была красавица-блудница, имевшая множество любовников. Князь сделал ей предложение: «Обещай жить целомудренно, и я согласен, чтобы ты была моей супругой». Она обещала. Князь женился на' ней и взял ее в свой дом. Узнав об этом, ее прежние любовники рассуждали между собой так: князь женился на ней и взял в свой дом. Если мы пойдем прямо в дом, то князь подвергнет нас пытке. Вот что сделаем: подойдем незаметно к дому, свистнем ее. Она узнает наш свист и выйдет к нам, тогда уж мы не будем виноваты. Так и сделали. Но она, услышав свист, заткнула уши, убежала во внутреннюю комнату и заперла за собой дверь». Авва объяснил притчу так: «Блудница — это душа; ее любовники — страсти; князь — Христос; внутренняя комната — вечная обитель; свистящие любовники — демоны и страсти, которые, убоявшись, удалятся от нее» (107, 289).

***

Один брат, живший с епископом Палладием, проводил самую добродетельную жизнь и с ревностью обуздывал свои страсти. Он, хотя и ел не досыта, но и постился не чрезмерно; победил страсть к сребролюбию, весьма далек был от тщеславия, довольствовался всегда тем, что есть; не украшался одеждами; благодарил, когда ему оказывали презрение или неуважение; подвергался опасностям за искренних друзей. Он плакал о людях, находившихся в нужде и в недостатке от бедности, и отдавал им все, что имел, кроме разве своего тела; он плакал и о грешных и своими слезами приводил их к покаянию (102, 308).

***

Беседуя с неким старцем, жившим близ аввы Зенона, братия спросили его: «Если кого беспокоит греховный помысел и он, прочитав или услышав от отцов о борьбе с таким помыслом, хочет исправить свое душевное настроение, но не может, надо ли исповедать это кому-либо из старцев или должно руководствоваться прочитанным и удовлетворяться своей совестью?» Старец отвечал нам: «Должно исповедать отцу, но отцу, способному оказать помощь, и не уповать на себя. Боримый страстью не может сам себе принести пользы, в особенности если страсть обладает им. Со мной в юности случилось нечто подобное. Душа моя была уязвлена страстью, и я побеждался ею. Услышав об авве Зеноне, что он исцелил многих, я вознамерился идти к нему и возвестить совершающееся надо мной. Но помысел удерживал меня, внушая: «Ведь ты знаешь, как должно поступить! Поступи сообразно прочитанному тобой и не соблазняй старца. Когда я решался идти, брань несколько облегчалась, и я оставлял свое намерение. Тогда снова потопляла меня страсть, и я снова побуждал себя сходить к

старцу, но враг опять обольщал меня, не попуская исповедать старцу борющих меня помыслов. Не раз приходил я к старцу и думал, что способ исцеления мне известен. «Какая нужда, — говорил помысл, — рассказывать о себе кому-либо?» Это приносил мне враг, чтобы я не открыл страсти и не получил исцеления. Старец знал, что я имею что-то на сердце, но не обличал меня, а ждал, чтобы я сам исповедал ему. Вместе с тем он наставлял меня на благое жительство и отпускал с миром. Приходя к себе, я скорбел и плакал, говоря: «Доколе, окаянная моя душа, ты будешь отвергать врачевание? Издалека приходят к старцу и получают исцеление, а ты не можешь возобладать собой, не хочешь исцелиться, имея врача близ себя!» Как-то, разжегшись сердцем, я встал и сказал сам себе: «Пойду к старцу, и если никого не встречу у него, то это будет для меня знамением воли Божией, чтобы я исповедал ему мои помыслы».

С такой решимостью я пришел к старцу и не встретил у него никого. Старец, как обычно, поучал меня спасению души и как кто может очиститься от скверных помыслов. Победясь опять стыдом и не будучи в состоянии исповедать грех, я просил отпустить меня. Старец сотворил молитву и, провожая меня, пошел впереди к дверям, а я, томимый помыслами — сказать старцу или не сказать, — шел за ним, ступая медленно. Старец, видя, что помыслы очень истомили меня, повернулся и, прикоснувшись к моей груди, сказал: «Что делается с тобой? И я человек». Когда старец сказал мне это, сердце мое как будто отверзлось, и я упал ниц к его ногам, умоляя помиловать меня. Он спросил: «Что с тобой?» Я отвечал: «Ты знаешь, чем я страдаю». Он сказал: «Нужно тебе самому обличить свое состояние». Тогда я с великим стыдом исповедал свою страсть. Он сказал мне: «Чего ты стыдишься? Скажи мне, не человек ли я? Не три ли года ты приходил сюда, имея эти помыслы и не

исповедуя их?» Я припал к его ногам и умолял: «Помилуй меня, ради Бога, скажи мне, что делать?» Он отвечал: «Пойди усиль свою молитву и ни о ком не говори худо». Я возвратился в келью, усилил молитву и благодатью Христовой за молитвы старца освободился от смущения этой страстью. По прошествии года пришел мне помысл, что, может быть, Бог помиловал меня по Своей милости, а не ради старца. Я пошел к нему и, желая испытать его, наедине поклонился ему и сказал: «Авва! Помолись о мне ради того помысла, который я исповедал тебе в прошлом году». Он не поднял меня тотчас, но оставил в поклоне и, помолчав немного, сказал: «Встань и имей веру». Когда я услышал это, мне сделалось так стыдно, что от стыда хотелось, чтобы земля поглотила меня. Я встал и не мог взглянуть на старца. Дивясь ему, я возвратился в свою келью» (107, 128).

***

Борясь с блудной страстью, авва Иаков, перейдя в скит, был сильно искушаем демоном блуда и, находясь близ опасности, пришел ко мне и открыл мне свое состояние. Потом сказал: «Через два дня я уйду в такую-то пещеру, прошу тебя, ради Господа, никому об этом не говори, даже отцу моему, но отсчитай сорок дней и по прошествии их сделай милость, приди ко мне и принеси с собой Святое Причастие. Если найдешь меня мертвым, похорони, а если живым, то приобщи Святых Таин». Я обещал. И когда прошло сорок дней, взяв Святое Причастие, а еще обыкновенный чистый хлеб и немного вина, пошел к нему. Приближаясь к пещере, я почувствовал сильный дурной запах, который выходил из пещеры, и сказал сам себе: «Почил блаженный!» Войдя в пещеру, нашел брата полумертвым. А он, приметив меня, собрал все силы и сделал небольшое дви-

жение правой рукой, напомнив этим о Святом Причастии. Я хотел открыть его уста, но они были крепко сжаты. Не зная, что делать, вышел я в пустыню и сорвал с куста небольшую ветку. Ею с большим трудом я несколько открыл его уста и приобщил Честного Тела и Крови, раздробляя первое насколько можно мельче. От приобщения Святых Таин авва Иаков получил силу. Немного спустя я дал ему несколько крошек хлеба, размочив их в вине, потом еще немного, сколько мог он принять. Таким образом, по благодати Божией, через день он пошел со мной, вернулся в свою келью и с того времени с помощью Божией освободился от пагубной страсти блуда» (98, 277).

***

Некоего брата беспокоила страсть любодеяния: днем и ночью он ощущал в своем сердце как бы огненное жало. Но брат боролся, не уступая помыслам и не соглашаясь с ними. По прошествии долгого времени отступила от него страсть, не одолев его по причине его трезвения. И немедленно воссиял свет в его сердце (107, 475).

***

Авва Полихроний рассказывал нам, что в монастыре Пентуклы был один брат, весьма внимательный к себе и строгий подвижник. Но его обуревала страсть блуда. Не вынеся плотской брани, он вышел из монастыря и отправился в Иерусалим, чтобы удовлетворить свою страсть. Но лишь только он вошел в жилище блудницы, как вдруг весь покрылся проказой. Увидав это, он немедленно вернулся в монастырь, благодаря Бога и говоря: «Бог послал мне эту

болезнь, да спасет мою душу». И воздал великую хвалу Богу (103, 20).

***

Во внутренней пустыне жил некий старец, удручавший себя в течение многих лет воздержанием и всеми духовными подвигами. Пришли к нему некие братия и, удивившись его житию, спросили: «Отец! Как ты переносишь это сухое, бесплодное и неудобное место?» Старец отвечал им: «Весь труд этого времени, которое живу здесь, не может сравняться с одним часом вечных мук геенны. Подобает нам в краткое время этой жизни подчиниться труду и изможднть страсти нашего тела, чтобы обрести нскончающееся успокоение в будущей и Вечной Жизни» (107, 416).

***

Достопочтенный петербургский протоиерей А. П. Васильев сообщил интересные подробности об одной печальной кончине, невольным свидетелем которой он был. «Начало моего иерейского служения, — рассказывал он, — я полагал в одном селе под Петербургом. Однажды я вошел в вагон поезда для обычной поездки в Петербург. Вагон оказался переполненным пассажирами, и мне пришлось стоять. Окидывая взором сидящую публику, я обратил внимание на миловидную девушку. Она, заметив мой взгляд, радостно встрепенулась, как бы увидев во мне родного человека. Ласково улыбаясь, она затем подвинулась и уступила немного места, чтобы мне присесть. Усевшись, я спросил ее: «Откуда и куда вы едете?» Она отвечала, что едет из города Орел в Петербург, чтобы поступать на высшие женские курсы. Мы разговорились. Она оказалась дочерью священника, и звали ее Ольга Яковлевна Смирнова. Я спра-

шиваю ее: «Что же, вы с согласия родителей приехали учиться?» «Нет, — отвечала она, — мои родители были против поездки, но мне так хочется учиться, что я решила без их согласия уехать». Я по поводу такого своеволия неодобрительно заметил ей: «Ах, как нехорошо, что вы решились без родительского благословения пускаться в такой долгий и опасный путь». Когда поезд прибыл в Петербург и мы вышли из поезда, я увидел, что Ольга Яковлевна растерянно и беспомощно стоит, не зная, куда ей идти. При наблюдении за ней мне пришла мысль, что, пожалуй, она легко может попасть в руки недобрых людей. Я тотчас оторвал листок из записной книжки и написал записку своим родным с просьбой приютить на время Ольгу Яковлевну, пока она найдет квартиру. Ольгу Яковлевну приняли, как родную, и она прожила у моих родственников около трех месяцев до того, как подыскала себе комнату.

Приблизительно через полгода после того мне пришлось быть в Петербурге в Государственном банке по делам церкви. К своему удивлению, я увидел там за конторским столом Ольгу Яковлевну, которая оказалась служащей банка. Удивленный этой неожиданностью, я спросил ее: «Разве вы не поступили на курсы?» Она объяснила, что отсутствие средств к жизни заставило ее предварительно заработать деньги для последующих занятий на курсах. Во время моего разговора с Ольгой Яковлевной я заметил, что сосед по конторе — молодой человек с длинными усами и пронизывающим взглядом — поглядывал в нашу сторону и прислушивался к разговору. В его взгляде я видел что-то недоброе и опасное для души Ольги Яковлевны. С грустным предчувствием за будущность этой девицы и с болью в сердце я вышел из банка.

Через полгода после этой встречи, когда я уже жил в Петербурге, прохожу однажды мимо Екатерининского пар-

ка и издали вижу такую неприятную для себя картину: Ольга Яковлевна идет под руку с усатым конторщиком и, приклонив свою голову к его плечу, страстно вглядывается ему в лицо. Мне тогда стало ясно, что судьба этой молодой девицы была плачевно решена и находилась в руках этого коварного человека. Омраченные страстью молодые люди меня не заметили, и я прошел мимо, унося в душе от этой встречи тоскливое предчувствие какой-то катастрофы в судьбе молодой девицы.

Прошло после этого приблизительно лет семь. Как-то раз летом мне необходимо было побывать в Олуховской больнице и увидеть главного врача. Он оказался в нижнем этаже, в венерическом отделении. Сестра милосердия, зная о моем знакомстве с врачом, предложила мне надеть халат и спуститься, говоря, что там я встречу врача и переговорю с ним о своем деле, не отрывая его от работы. Врач, увидев меня, покачал головой и сказал: «Ну, батюшка, я бы не рекомендовал вам бывать в этом отделении, тем более что вы — отец семейства». Говоря с врачом по своему вопросу, я заметил в углу палаты стоящий закрытый гроб и невольно заинтересовался: «Чей это гроб, кто умер?» Тогда врач небрежно ответил: «Одна тут девица умерла». Затем, обратясь к дежурной сестре, сказал: «Посмотрите регистрационный листок». Сестра милосердия, читая его, сказала: «Это умерла девица О. Я. Смирнова». Такое сообщение потрясло меня до глубины души. Я пожелал поглядеть на ее лицо. Врач отвечал: «Я не советую вам этого делать, так как умершая произведет на вас тяжелое впечатление». Но я его упросил открыть гроб. Действительно, зрелище предо мною открылось страшное. Лицо усопшей представляло нечто ужасное: носа не было; на его месте зияло глубокое отверстие; веки и губы были съедены болезнью. Открытые глаза и зубы Ольги Яковлевны дополнили отталкивающую картину ее разложения. Все это произвело на меня удруча-

ющее впечатление. Помолившись в душе за упокой рабы Божией Ольги, я вышел из больницы с чувством глубочайшей скорби за ее душу.

И долго-долго после этого я не мог забыть ее ужасающего лица, безобразно изуродованного страстью порока. Так страшны последствия развратной жизни и блудного беснования» (115, 142).

СТРАХ БОЖИЙ

«Бойся, — говорит пастырь, — Господа и соблюдай заповеди Его, ибо, соблюдая заповеди Божии, будешь тверд во всяком деле, и всякое дело будет превосходно. Боясь Господа, будешь все делать хорошо. Вот страх, которым должно страшиться, чтобы спастись. Диавола же не бойся; ибо, боясь Господа, ты будешь господствовать над диаволом, потому что в нем нет никакой силы. А в ком нет силы, того не должно бояться. В ком есть превосходная сила, того и должно бояться. Ибо всякий, имеющий силу, внушает страх; а кто не имеет силы, всеми презирается. Бойся, впрочем, дел диавола, потому что они злы; боясь Господа, ты не сделаешь дел диавола, но удержишься от них. Двоякий есть страх. Если бы захотел ты сделать злое, то бойся Бога и не сделаешь его. Равно если бы захотел ты сделать доброе, то бойся Бога и сделаешь его. Подлинно, страх Божий велик, силен и славен. Итак, бойся Бога и будешь жить. И все те, которые будут бояться Его, соблюдая Его заповеди, будут жить с Богом, а которые не соблюдают Его заповеди, в тех нет жизни» (св. Ерм, 95, 189—190).

***

...Насколько человек подвизается в благом, настолько возрастает в нем страх, так что указывает ему и малейшие

его согрешения, которые он (прежде), будучи во тьме неведения, считал за ничто. Когда усовершенствуется страх, приходит и человек в совершенство, через плач, и не хочет уже более согрешать, но, боясь возвращения страстей, пребывает в чистом страхе невредимым (сщмч. Петр Дамаскин, 76, 13).

***

Признаком первого <начального> страха служит то, что человек ненавидит грех и гневается на него, как уязвленный зверем, а совершенного <страха> — любовь к добродетели и опасение перемены, ибо нет человека, не подверженного изменению (сщмч. Петр Дамаскин, 76, 14).

***

Не ради согрешений только должен человек бояться Бога, но потому, что Бог любит его, а он не любит Бога и, будучи недостоин, получает благодеяния; чтобы, устрашаясь таких благ, он привлек душу свою к любви и сделался достойным оказываемых и имеющих быть оказанными ему благодеяний благоразумием своим в отношении к Благодетелю, и от чистого страха любви пришел бы в смирение, превысшее естества. Поелику, сколько бы ни делал он доброго, сколько ни перенес бы тяжкого, отнюдь не думает, что от своей крепости или от своего разума имеет он силу терпеть, или быть невредимым по душе или по телу, но от смиренномудрия получил он рассуждение, через которое знает, что он создание Божие, и что сам собою он не может ни доброго делать, ни сохранять то добро, которое совершает благодать, ни победить искушения, ни пребывать в терпении, по своему мужеству или благоразумию. От рассуждения приходит он в частное ве́дение вещей и начинает умом созерцать все существующее, но, не зная, как объяснить себе оное, ищет учителя и, не находя его, ибо Он

невидим, не принимает опять какого-либо образа или неутвержденной мысли, ибо научился сему от рассуждения, и пребывает в недоумении. Вследствие этого все происходящее от него самого и все им самим постигаемое он считает за ничто, видя перед собою такое множество людей, павших после многих трудов и знаний, начиная от Адама и других. Итак, слыша и не разумея чего-либо сказанного в Божественных Писаниях, начинает проливать слезы от этого ве́дения, т. е. от познавания того, что он действительно не знает, как должно. И поистине чудо, как *мнится ведети что, не у что разуме* (1 Кор. 8, 2), и *еже мнится имея, возьмется от него,* говорит Господь (Лк. 8, 18), т. е. за то *что мнил иметии* (ср.: Лк. 8, 18), а не имел. А этот мнит о себе, что он не мудр и не разумен, немощен и невежда, и поэтому плачет и рыдает, *мня,* что он усвоил себе то, чего не имеет по благоразумию (сщмч. Петр Дамаскин, 76, 117—119).

***

Кто боится Господа и соблюдает Его заповеди, тот есть раб Богу. Но это рабство, в котором и мы находимся, не есть рабство, но праведность, ведущая к сыновству. Господь наш избрал апостолов и вверил им благовестие Евангелия. Данные ими заповеди установили для нас прекрасное рабство, чтобы мы господствовали над всеми страстями и совершали прекрасное служение добродетели (прп. Антоний Великий, 90, 27).

***

Страх Господень хранит человека и бережет, пока не сбросит он с себя сего тела... (прп. Антоний Великий, 90, 56).

***

Страх Господень искореняет из души все лукавства и грехи. Кто же не боится Бога, тот впадает во многая злая (прп. Антоний Великий, 90, 56).

***

Умирай каждый день, чтобы жить, ибо кто боится Бога, тот будет жить вовеки (прп. Антоний Великий, 90, 109).

***

Лицо твое всегда должно быть печально, чтобы вселился в тебя страх Божий (прп. Антоний Великий, 90, 110).

***

Страх Божий... есть начало всех добродетелей и начало премудрости. Как свет, входя в какой-либо темный дом, разгоняет тьму его и освещает его, так страх Божий, когда войдет в сердце человеческое, то прогоняет тьму и возжигает в нем ревность ко всем добродетелям (прп. Антоний Великий, 90, 130—131).

***

...Как рыба, извлеченная из воды, умирает, так замирает страх Божий в сердце монаха, если он выходит из кельи блуждать вне (прп. Антоний Великий, 90, 131).

***

...Если ты стыдишься подобных тебе грешников и боишься, как бы не увидели твоих грехов, сколько более ты

должен страшиться Бога, перед Которым все открыто? (прп. авва Исаия, 60, 30).

***

Кто боится Бога и внимает гласу совести, тот от всех страстей отвращается (прп. авва Исаия, 60, 42).

***

...Страх Божий состоит в том, чтобы хранить совесть непорочною и невозмущаемою (прп. авва Исаия, 60, 79).

***

Если ты последуешь водительству страха Божия, то никакая страсть не возможет насильно владеть тобою... (прп. авва Исаия, 60, 80).

***

...Если ты стыдишься подобных тебе грешников, чтобы не увидели тебя грешащим; сколько более, <душа>, ты должна страшиться Бога, Который совершенно зрит сокровенные тайны сердца твоего (прп. авва Исаия, 60, 80).

***

Не люби лености, и страх Божий вселится в тебя (прп. авва Исаия, 60, 91).

***

Страх Божий есть хранитель души и защитник ума против всех врагов его (прп. авва Исаия, 60, 93).

***

Кто имеет в себе страх Божий, тот в чистоте плодотворит добродетели и отсекает ветви зла... (прп. авва Исаия, 60, 115).

***

...Источник всех добродетелей — страх Божий (прп. авва Исаия, 60, 115).

***

Если смущаешься, когда кто ложно обнесет <оговорит> тебя, то нет в тебе страха Божия (прп. авва Исаия, 60, 141).

***

Если во взаимных разговорах хочешь, чтобы слово твое взяло перевес, то нет в тебе страха Божия... (прп. авва Исаия, 60, 141).

***

Если ты ищешь дружбы со славными мира, то нет в тебе страха Божия (прп. авва Исаия, 60, 141).

***

Если огорчаешься тем, что словами твоими пренебрегают, то нет в тебе страха Божия (прп. авва Исаия, 60, 141).

***

Тот, в ком есть страх Божий, заботится о том, чтобы не нашлось в нем недостатка в какой-либо добродетели (прп. авва Исаия, 60, 180—181).

***

Горе небоящимся Бога, ибо они впадут во многие грехи, и в сей и будущей жизни будут наказаны (прп. авва Исаия, 60, 195).

***

...Уничижение себя, в смирении еще большем, соделывает страх Божий в сердце твоем (прп. авва Исаия, 90, 316).

***

Страх Божий есть страж и помощник для души, охранитель внутреннего владычественного (ума), в деле истребления всех врагов его (прп. авва Исаия, 90, 349).

***

...Желающий сказать слово свое при многих обнаруживает, что страха Божия нет в нем (прп. авва Исаия, 90, 349).

***

Если будут у тебя какие-либо житейские сделки и ты, потерпев ущерб, восскорбишь о том, то нет тут страха Божия (прп. авва Исаия, 90, 392).

***

Горе небоящимся Господа! Потому что они вплетутся в множайшие грехи и бичуемы будут и здесь и там (прп. авва Исаия, 90, 442).

***

Не разевай рта для смеха, ибо это будет показывать, что нет в тебе страха Божия (прп. авва Исаия, 90, 446).

***

Кто отвращает ложь смирением, в сердце того возрастает страх Божий (прп. авва Исаия, 90, 453).

***

...Страх, как предуготовитель к благочестию, допускается по необходимости; последующая же за ним любовь усовершает тех, которые образовались в училище страха (свт. Василий Великий, 5, 237).

***

...Ни глаз да не движется без Бога, ни рука да не движется без Бога, ни сердце да не помышляет чего-либо неблагоугодного Богу. И вообще ничем другим да не подвижутся; ничто, кроме страха Божия, да не приводит их в движение (свт. Василий Великий, 5, 237).

***

Как у пригвожденных гвоздями члены тела остаются неподвижны и бездейственны, так и объятые в душе Божиим страхом избегают всякого страстного обуревания грехом (свт. Василий Великий, 5, 256).

***

...Кто усвоил себе совершенный страх и всего боится из богобоязненности, тот ни в чем не согрешит, потому что ничего не презирает; и он не потерпит лишения, потому что во всяком случае непрестанно с ним страх (свт. Василий Великий, 5, 256).

***

Если страх не управляет нашей жизнью, то невозможно произойти освящению в теле (свт. Василий Великий, 5, 256).

***

...Удерживаемый страхом от всякого неприличного поступка не лишен сил ни для какой добродетели, но совершенен и не имеет недостатка ни в одном из совершенств, свойственных человеческой природе (свт. Василий Великий, 5, 256).

***

...Что же такое страх спасительный?.. Когда увлекаешься в какой-нибудь грех, представь себе мысленно страшное и нестерпимое судилище Христово, где на высоком и превознесенном Престоле восседает Судия, вся же тварь с трепетом предстоит при славном Его явлении, и каждый из нас приводится на испытание соделанного им в жизни; потом к совершившему в жизни много худых дел приставляются страшные и угрюмые ангелы, у которых и взор огненный, и дыхание огненное, по жестокости их воли, и лица подобны ночи, по унылости и человеконенавидению; потом непроходимая пропасть, глубокая тьма, огонь несветлый, который во тьме содержит попаляющую силу, но лишен светозарности; потом какой-то ядоносный и плотоядный червь, пожирающий с жадностью, никогда не насыщаемый и своим пожиранием производящий невыносимые болезни; потом жесточайшее из всех мучений — вечный позор и вечный стыд. Сего страшись и сим страхом вразумляемый, как бы некоторою уздою, воздерживай душу от худых пожеланий (свт. Василий Великий, 5, 259—260).

***

Зная, что крепок Владыка наш, бойтесь крепости Его, и не отчаивайтесь в Его человеколюбии. Для того, чтобы не делать неправды, хорош страх, а для того, чтобы, поползнувшись однажды на грех, не вознерадеть о себе по безнадежности, хороша надежда на милость (свт. Василий Великий, 5, 337).

***

Как человек, в которого вонзены вещественные гвозди, будучи удерживаем болью, остается бездейственным, так и пригвожденный страхом Божиим, ожиданием угрожающих наказаний пронзаемый как бы некоторою болью, не может и глаз употреблять, на что не должно, и рук простирать на дела непозволенные, и вообще, ни в малом, ни в великом поступать вопреки своему долгу (свт. Василий Великий, 8, 171).

***

Где обитает страх, там пребывает всякая душевная чистота; потому что оттуда бежит всякий порок и всякий нечестивый поступок... (свт. Василий Великий, 8, 171).

***

...Страх Божий преодолевает всякого рода душевные недостатки... (свт. Василий Великий, 9, 106).

***

...В ком ясно напечатлено ожидание угрожающего, тому живущий в нем страх не дает времени впадать в поступки или помышления необдуманные (свт. Василий Великий, 10, 303).

***

Блажен тот человек, который имеет в себе страх Божий. Он явно ублажается и Святым Духом. *Блажен муж боящийся Господа* (Пс. 111, 1) (прп. Ефрем Сирин, 31, 5).

***

Кто не имеет в себе страха Божия, тот открыт нападениям диавольским (прп. Ефрем Сирин, 31, 6).

***

В ком есть страх Божий, тот не бывает беспечен, потому что всегда трезвится (прп. Ефрем Сирин, 31, 6).

***

Кто боится, тот не парит умом туда и сюда, потому что ждет своего Владыку, да не приидет *внезапу и обрящет* его ленивым, *и растешет его полма* (ср.: Лк. 12, 46) (прп. Ефрем Сирин, 31, 6).

***

В ком есть страх Божий, тот удобно спасается от умыслов злокозненного врага. Враг ни в чем не уловляет его; потому что он из страха не допускает до себя плотских удовольствий (прп. Ефрем Сирин, 31, 6).

***

Кто не имеет у себя страха Божия, тот парит умом и равнодушен к добру, спит без меры и нерадит о делах своих... (прп. Ефрем Сирин, 31, 6—7).

***

...Кто всегда в себе имеет страх Божий, и у кого сердце чистое, тот не любит злословить других, не услаждается чужими тайнами, не ищет себе отрады в падении других (прп. Ефрем Сирин, 31, 27).

***

От множества дров увеличивается пламень; и в сердце человека страх Божий умножает ве́дение, а деятельность усиливает оное (прп. Ефрем Сирин, 31, 130).

***

Пещь искушает серебро и золото (ср.: Притч. 17, 3), а страх Господень — помыслы любящих Господа (прп. Ефрем Сирин, 31, 130).

***

Как художник, сидя у наковальни, отделывает благопотребные сосуды, так страх Божий истребляет в сердце всякую лукавую мысль и заменяет ее разумным словом (прп. Ефрем Сирин, 31, 130—131).

***

Бойся Господа, и обретешь благодать, ибо страх Господень производит такие нравы и обычаи, которыми образуются в нас добродетели, а бесстрашие порождает горькое соперничество, происки и тому подобное. Страх Господень — источник жизни. Страх Господень — твердыня души. Страх Господень приводит в порядок духовную мысль. Страх Господень — хранилище души. Страх Господень во всяком занятии подает благодать боящемуся Господа. Страх Госпо-

день — кормчий души. Страх Господень просвещает душу. Страх Господень истребляет лукавство. Страх Господень ослабляет страсти. Страх Господень возращает любовь. Страх Господень умерщвляет всякое худое пожелание. Страх Господень отсекает сластолюбие. Страх Господень — училище души, и возвещает ей благие надежды. Страх Господень вознаграждает миром. Страх Господень наполняет душу святыми мыслями и вручает ей скипетр Небесного Царства. Никто из людей так не высок, как боящийся Господа. Кто боится Господа, тот подобен свету, указывающему многим путь спасения. Кто боится Господа, тот подобен укрепленному граду, стоящему на горе, и перед лицом его трепещут лукавые бесы. Весьма блаженна душа, боящаяся Господа, потому что всегда перед собою видит Праведного Судию (прп. Ефрем Сирин, 31, 132—133).

***

Бесстрашие рождает юношеский помысл, а страх Господень и юных делает старцами (прп. Ефрем Сирин, 31, 140).

***

Приобрети страх Божий, чтобы и бесы боялись тебя; одно наружное всегда суетно (прп. Ефрем Сирин, 31, 142).

***

Боящемуся Господа достаточно свидетельства совести... (прп. Ефрем Сирин, 31, 145).

***

...Что делается без страха Божия, то не имеет иного последствия, кроме осуждения и раскаяния (прп. Ефрем Сирин, 31, 151).

***

...Блаженна душа, в которой обитает страх Божий (прп. Ефрем Сирин, 31, 154).

***

Кто не имеет страха Божия в сердце своем, хотя бы каждый день стал есть мед и млеко, не может быть в покое; а верующий все переносит мужественно (прп. Ефрем Сирин, 31, 159).

***

Бойся Господа, и наследуешь блага (прп. Ефрем Сирин, 31, 160).

***

...Кто трудится в страхе Божием, тот не утратит мзды (прп. Ефрем Сирин, 31, 170).

***

Нет мудрости, нет благоразумия, нет доброго совета в душе, которая ненавидит страх Божий (прп. Ефрем Сирин, 31, 179).

***

Нет мудрости, нет благоразумия, где нет страха Божия, ибо полнота премудрости — бояться Господа (прп. Ефрем Сирин, 31, 185).

***

Пока не пренебрежет кто страхом Божиим, дотоле он не согрешит. Хочешь ли не грешить? Храни страх Божий (прп. Ефрем Сирин, 31, 189).

***

Страх Господень — пробное золото; кто приобрел его, тот не будет оставлен (прп. Ефрем Сирин, 31, 189).

***

Боящийся Господа не преткнется, потому что ходит во свете заповедей Его (прп. Ефрем Сирин, 31, 191).

***

...Бойся Бога, и обретешь благодать (прп. Ефрем Сирин, 31, 191).

***

Кто подлинно боится Господа, тот делается врачом страстей (прп. Ефрем Сирин, 31, 200).

***

Страх Божий в сердце твоем, возлюбленный, да будет тем же, чем оружие в руках воина; им отражай в смиренномудрии искушения, какие наводит на тебя диавол... (прп. Ефрем Сирин, 31, 203).

***

Бойся Господа, и будет Он тебе стеной, и в день кончины обретешь благодать (прп. Ефрем Сирин, 31, 207).

***

Страх Божий да будет всегда перед очами твоими, и грех не возобладает тобой (прп. Ефрем Сирин, 31, 213).

***

...Кто не хочет обуздать ум свой страхом Божиим, тому нужен человеческий страх, чтобы им удерживался он от бесполезного... (прп. Ефрем Сирин, 31, 414).

***

Великий... свет в душе — страх Господень, который изгоняет из нее тьму и делает ее чистой (прп. Ефрем Сирин, 31, 586).

***

Будь подобен человеку, который сидит под деревом, и когда собираются к нему дикие звери, не делают ему вреда. Под деревом разумей страх Божий, и благодать тебе будет содействовать во всем, куда ни пойдешь... (прп. Ефрем Сирин, 31, 603).

***

Кто говорит неугодное Богу, тот не боится Господа, живя сам в нерадении (прп. Ефрем Сирин, 32, 125).

***

...Смиримся под державною рукою Господа, служа друг другу в страхе Божием, и Господь будет нам стеною и защитником перед лицом врага, как написано: *ополчится Ангел Господень окрест боящихся Его и избавит их* (Пс. 33, 8) (прп. Ефрем Сирин, 32, 197).

***

Бога бойся, и страх Божий соблюдет тебя... (прп. Ефрем Сирин, 32, 248).

***

Пока душа твоя любит страх Господень, не впадешь в сети диавольские, но будешь как орел, парящий в высоту (прп. Ефрем Сирин, 32, 258).

***

...Без страха Божия и совершенного терпения невозможно в чем-либо преуспеть и достигнуть цели... (прп. Ефрем Сирин, 32, 579).

***

Имей смирение и кротость, и низойдет на тебя благодать страха Господня (прп. Ефрем Сирин, 33, 85).

***

...Страх Божий есть обоюдоострый меч, отсекающий всякое лукавое пожелание (прп. Ефрем Сирин, 33, 91).

***

...Кто всегда имеет перед очами Господа, тот совершеннейшим страхом отражает от себя пристрастие к видимому (прп. Ефрем Сирин, 33, 230).

***

Страх Божий есть верх всех знаний; где нет его, там не найдешь ничего доброго (прп. Ефрем Сирин, 34, 95).

***

Тот и мудрец, кто боится Господа. А кто боится Бога, тот соблюдает все заповеди Его, вполне творит волю Его и исполняет всякое слово Его (прп. Ефрем Сирин, 34, 95).

***

...Приобрети страх Божий, возлюби вразумление и мудрость и облобызай ее, и увенчает тебя венцом жизни (прп. Ефрем Сирин, 34, 95).

***

Кто боится Господа и соблюдает все заповеди Его, того Господь облечет властию над всем имением Своим и вручит ему все богатства Свои (прп. Ефрем Сирин, 34, 95).

***

Возлюби страх Божий и шествуй путем его непреткновенно, тогда обретешь стези жизни, которые приведут тебя в Небесное Царство (прп. Ефрем Сирин, 34, 95).

***

Поелику святые мужи... боялись Бога, то и твари страшились их и покорствовали повелениям их. Божиим были они жилищем, Бог обитал и пребывал в них; Его превеликую силу видели в них твари и страшились их. Кто боится Бога, того боятся и твари; и как он хранит Божии повеления, так и твари хранят его повеления. И небо, и земля, и море, и воздух, и все, что в них, повинуется тому, у кого все сердце исполнено Божия страха (прп. Ефрем Сирин, 34, 96—97).

***

Кто боится Господа, тот выше всякого страха, устранил от себя и далеко оставил за собою все ужасы века сего. Далек он от всякой боязни, и никакой трепет не приблизится к нему, если боится он Бога и соблюдает все заповеди Его (прп. Ефрем Сирин, 34, 97).

***

Где преобладает страх Божий, там господствует и смирение, туда и Бог нисходит, вселяется в такой душе, обитает и пребывает в ней, и делается как бы стражем ее, и прочь от нее гонит все ужасы... (прп. Ефрем Сирин, 34, 97).

***

Ни перед ужасами мира сего, ни перед страхованиями лукавого не приходит в страх и трепет, кто боится Бога. Даже сатана боится того, кто боится Бога, и полчища его содрогаются перед тем, кто исполняет заповеди Божии (прп. Ефрем Сирин, 34, 97).

***

Ни воды, ни огня, ни зверей, ни народов — словом, ничего не страшатся боящиеся Бога. Кто боится воды, тот пусть представит себе великого Моисея, которого не устрашило великое море, но прославило при переходе. Кто боится огня, тот пусть обратит взор на юношей в пещи, которых огонь не устрашил, но объял крылами своими. Кто боится зверей, тот пусть воззрит на праведника во рве, который львов сделал кроткими, подобно невинным агнцам. Кто трепещет народов, кровожадно устремляющихся на брань, тот пусть возлюбит Езекиину молитву, которая многие тысячи предала смерти. Мученики не боялись огня, бестрепетно взирали на пламень, на страдания, на истязания, на мечи, на оковы. Ничто не может преодолеть Божия страха; а он препобеждает всякое мучение, всякую смерть. Ничто не преодолевает Божия страха, потому что он препоясан великою силою. Он равен любви, а любовь равна милосердию: три же сии добродетели — Божия обитель (прп. Ефрем Сирин, 34, 99).

***

На челе твоем всегда да будет крест Христов, в сердце же страх Божий (при. Ефрем Сирин, 91, 480).

***

...Не столько важно соблюсти образ добра, сколько обновить в себе богобоязненность. Первое есть дело навыка, а последнее — дело благого произволения... (свт. Григорий Богослов, 13, 261).

***

Где страх, там соблюдение заповедей; где соблюдение заповедей, там очищение плоти — сего облака, омрачающего душу и препятствующего ей ясно видеть Божественный луч; но где очищение, там озарение; озарение же есть исполнение желания для стремящихся к предметам высочайшим или к Предмету Высочайшему, или к Тому, Что выше высокого. Посему должно сперва самому себя очистить, и потом уже беседовать с чистым... (свт. Григорий Богослов, 14, 258).

***

Для людей благомыслящих и страх не бесполезен, даже скажу, крайне прекрасен и спасителен. Хотя и не желаем себе, чтобы случилось с нами что-либо страшное, однако же вразумляемся случившимся; потому что душа страждущая близка к Богу, говорит где-то чудноглаголивый Петр, и у всякого избегнувшего опасности сильнее привязанность к Спасителю. Поэтому не станем огорчаться тем, что участвовали в бедствии, а, напротив того, возблагодарим, что избежали бедствия, и не будем перед Богом инаковы во время опасностей, а инаковы после опасности (свт. Григорий Богослов, 17, 125).

***

...Если не вразумит тебя страх Божий, то мало сделают или вовсе ничего не сделают слова. Потому что и железом легко выводить черты на воске, но трудно на железе, а на алмазе не выведешь и чем-нибудь самым твердым, по жестокости его состава (свт. Григорий Богослов, 17, 291).

***

...Где есть Божий страх, должен ум противоборствовать и противодействовать живущему в человеке пороку... (прп. Макарий Египетский, 68, 122).

***

Страх Божий хранит душу; трезвение же утверждает ее (авва Евагрий, 90, 608).

***

Муж гневливый страшлив, а кроткий не боится страха (авва Евагрий, 90, 609).

***

Бога боящийся все делает по Богу (авва Евагрий, 90, 683).

***

От тех, кто выше и сильнее нас, мы весьма скромно терпим и обиды, и оскорбления, потому что боимся их, а к равным и низшим, даже и не причинившим нам никакого огорчения, питаем вражду. Так страх перед людьми действует <в нас> сильнее страха Христова! (свт. Иоанн Златоуст, 45, 134).

***

Ничто так не истребляет греха, а добродетели не способствует расти и процветать, как непрестанный страх... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 171).

***

...Где страх, там погашен гнев, усмирена злая похоть, искоренена всякая безумная страсть (свт. Иоанн Златоуст, 46, 171).

***

<Страх> не только отгоняет от нас злые страсти, но и с великим удобством вводит всякую добродетель (свт. Иоанн Златоуст, 46, 171).

***

...Как в доме воина, постоянно вооруженного, не посмеет появиться ни разбойник, ни вор, ни другой подобный злодей, так, когда и страх объемлет души наши, ни одна из низких страстей не может легко войти в нас, но все удаляются и бегут, гонимые отовсюду силою страха (свт. Иоанн Златоуст, 46, 171).

***

Где страх, там нет зависти, где страх, там не мучает сребролюбие... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 171).

***

...Кто не живет в страхе, тому невозможно быть добродетельным, равно как и живущему в страхе невозможно грешить (свт. Иоанн Златоуст, 46, 171).

***

...Страх геенны приносит нам венец Царствия... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 171).

***

...Страх... чем глубже проникнет в душу нашу, тем более очистит весь грех невоздержания (свт. Иоанн Златоуст, 46, 355).

***

Нет, нет ничего сильнее того, кто с великой ревностью держит вкорененным в себе страх Божий, но хотя бы угрожал ему огонь, или железо, или звери, или что бы то ни было другое, он презирает все с великою легкостью... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 735).

***

...Страхом за свои собственные грехи мы скоро можем отогнать гнев на чужие прегрешения (свт. Иоанн Златоуст, 47, 15).

***

...Славнее всех люди, имеющие страх Божий, хотя бы они были доведены до крайней бедности (свт. Иоанн Златоуст, 47, 190).

***

...Человеку, имеющему всегда Бога в уме своем, не должно делать ничего беззаконного, но страшиться неусыпающего ока Его, и под опасением казни от Него заботиться всегда о справедливости (свт. Иоанн Златоуст, 48, 506).

***

<Бога> одного нужно бояться, страшиться и трепетать, чтобы перед Его взором не сделать чего-либо преступного (свт. Иоанн Златоуст, 48, 668).

***

Если мы не станем различать, чего должно страшиться и что презирать, то наша жизнь будет исполнена многих заблуждений, многих опасностей (свт. Иоанн Златоуст, 49, 236).

***

Страх Божий составляет истинное блаженство... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 310).

***

Нет зла, которого не уничтожал бы страх Божий. Как огонь, приняв железо, хотя бы самое испорченное и покрытое большою ржавчиною, делает его ясным и светлым, очищая его и совершенно исправляя повреждение, так и страх Божий в короткое время совершает все и не допускает ничему человеческому вредить тем, которые проникнуты им (свт. Иоанн Златоуст, 49, 398).

***

...Не бойся сердца князя, но бойся Держащего это сердце в руке. Где Бог благоволит, там и в огне обретается роса; а когда Бог поборает, тогда и в удовольствии является сражение и спор. Не были ли потреблены огнем вавилоняне, стоявшие вне печи? (свт. Иоанн Златоуст, 50, 144).

***

Как необузданный конь, сбросив узду с своих уст и свергнув всадника с своего хребта, несется быстрее всякого ветра и бывает неприступным для встречающихся, когда все разбегаются и никто не осмеливается удержать его, так и душа, отвергнув обуздывающий ее страх Божий и отбросив управляющий ею разум, бегает по странам нечестия до тех пор, пока, стремясь в бездну погибели, свергнет в пропасть собственное спасение (свт. Иоанн Златоуст, 50, 417).

***

Как чадолюбивый отец, имеющий упрямого и нерадивого сына, желая вразумить его, ищет ремней, грозит веревками, говоря: «Свяжу, высеку, убью», и бывает страшным на словах, чтобы таким образом обуздать пороки юноши, так точно и Бог постоянно угрожал, желая страхом сделать иудеев лучшими (свт. Иоанн Златоуст, 50, 440).

***

...Тот, кто приступает к закону и к Законодателю Богу со страхом, вступает в общество святых и причисляется к праведным; а кто отвергает страх Божий и с гордостью приступает к Божественному закону, тот и не удостоивается благодати, но бывает чужд благочестия (свт. Иоанн Златоуст, 50, 714).

***

Того, Который будет нас судить, не боимся, а перед теми, которые не могут сделать нам никакого вреда, мы трепещем и боимся от них бесчестия (свт. Иоанн Златоуст, 52, 222).

***

Будем же всегда помышлять об этом судилище, и таким образом мы сможем постоянно пребывать в добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 52, 251—252).

***

...Как дуб, глубоко пустивший свои корни в недра земли и тщательно обвязанный, не может быть исторгнут никаким порывом ветра, так точно и душу, пригвожденную страхом Божиим, ничто не в состоянии будет ниспровергнуть, потому что пригвождение еще сильнее укоренения (свт. Иоанн Златоуст, 52, 352).

***

Ничто, ничто так не губит человека, как если сняться с этого якоря <страха Божиего>, а равно ничто так не спасает, как если всегда держаться на нем. Если мы, имея перед глазами человека, с меньшею решительностью приступаем ко грехам, а часто не делаем ничего неуместного, стыдясь... <людей>, то рассуди, какою безопасностью мы будем пользоваться тогда, когда будем иметь перед глазами Бога. Ведь при таком нашем настроении нигде не нападет на нас диавол, потому что труд его был бы бесполезен. Когда же диавол заметит, что мы блуждаем вне и бродим без узды, то он, воспользовавшись нашим почином, наконец, получит возможность и совсем разлучить нас от стада (свт. Иоанн Златоуст, 53, 521—522).

***

...Мы находимся в столь жалком расположении духа, что если бы не было страха геенны, то, может быть, и не

пожелали бы сделать что-нибудь доброе (свт. Иоанн Златоуст, 53, 534).

***

Потому мы и достойны геенны, если не за что-либо иное, то именно за то, что страшимся геенны больше, нежели Христа (свт. Иоанн Златоуст, 53, 534).

***

...Если мы имеем страх Божий, то ни в чем у нас нет нужды, а если не имеем его, то хотя бы владели самым царством, мы всех беднее (свт. Иоанн Златоуст, 55, 249).

***

...Когда этот страж <страх Божий> обитает внутри нас, то нам не нужны никакие внешние ограждения, а когда нет его — тщетно все внешнее (свт. Иоанн Златоуст, 55, 527).

***

Когда увидишь что-либо страшное, то подумай о геенне — и ты посмеешься над тем (свт. Иоанн Златоуст, 55, 584).

***

С того времени как кто-либо познает страх Божий, он всецело предает себя Богу и уже не может располагать сам собою, потому что подчиняет себя закону Божию (свт. Иоанн Златоуст, 55, 942).

***

...Сколько душ пошло в ад за то, что презрели страх Божий, рассчитывая обеспечить себе кратковременный по-

кой; не успев в своих расчетах, они в преисподних земли оплакивают теперь свои блудодеяния, свое легкомыслие, распущенность, лукавство и несговорчивость (свт. Иоанн Златоуст, 55, 943).

***

...Тот, кто сохранил страх Божий, преследует ложь, имея судию в собственной совести (свт. Иоанн Златоуст, 55, 965).

***

Будем же бояться Бога... будем бояться Его, и тогда, хотя бы мы попали в плен, будем славнее всех (свт. Иоанн Златоуст, 56, 216).

***

Пусть будет присущ нам страх Божий, и тогда ничто не опечалит нас, будет ли то бедность, или болезнь, или плен, или рабство, или что-нибудь другое прискорбное, но даже и это все станет содействовать нам к достижению противоположного (свт. Иоанн Златоуст, 56, 216).

***

...Впавший в забвение страха Божия обрекается на непрестанные заботы, беспокойства и скорби (свт. Иоанн Златоуст, 56, 543).

***

Бойся Владыки Бога, не человека. Если ты убоишься человека, то и им будешь осмеян, и Владыку прогневишь, а если — Бога, то и для людей будешь почтенен, и Богу любезен (свт. Иоанн Златоуст, 56, 547).

***

...Подлинно, ничто так не губит человека, как потеря страха Божия, равно как, наоборот, ничто так не спасает, как обращение взоров сюда (свт. Иоанн Златоуст, 56, 684).

***

Мы не ведем строгой жизни, в нас нет доброй совести. Если бы это было, ничто нас не испугало бы, ни смерть, ни потери в имуществе, ничто подобное (свт. Иоанн Златоуст, 56, 771).

***

Как только посетит тебя лукавый помысл, извлеки этот меч, т. е. страх Божий себе представь, и ты посечешь всякую вражескую силу (свт. Иоанн Златоуст, 56, 940).

***

Богобоязненный — сам собственный ковчег, сам наследник собственного богатства, уходит с сокровищем благочестия, переносится с богатством упований, несет, путешествуя, приобретенные добродетели, находит небо (своим) домом, присоединяется к сонму праведных, наслаждается вечной славой Царства и с дерзновением приходит к Царю, взывая: Ты восстановил мне мое наследие! (свт. Иоанн Златоуст, 56, 993).

***

...Кто будет утвержден на основании совершенной любви, тот непременно взойдет на высшую степень того особенного страха, который рождается не от опасения наказаний и не от желания наград, но от великой любви. Это такой

страх, которым сын страшится нежнейшего отца, или брат брата, или друг друга, или супруг супруги; здесь мы боимся не наказания или укорения, но малейшего оскорбления любви и всегда находимся в величайшем опасении, чтобы не только каким-нибудь поступком, но даже и словом не охладить горячности любви к нам. Один из пророков, Исаия, хорошо изобразил достоинство этого страха, когда сказал: *богатство спасения — мудрость и разум; страх Господень, сие есть сокровище его* (ср.: Ис. 33, 6). Он не мог очевиднее выразить достоинство и пользу сего страха, как сказав, что им сохраняется богатство спасения нашего, состоящее в Божественной премудрости и разуме. К сему страху призываются пророческими вещаниями не грешники, а святые. *Бойтеся Господа*, говорит Псалмопевец, *вси святии Его; яко несть лишения боящимся Его* (Пс. 33, 10), т. е. ничего не недостает к совершенству тех, кои убоятся Господа сим страхом. О другом же мучительном страхе ясно говорит апостол Иоанн: *бояйся не совершися в любви; яко страх муку имать* (ср.: 1 Ин. 4, 18). Следовательно, великое находится различие между тем страхом, которому ничего не недостает, который есть сокровище премудрости и разума, и тем несовершенным страхом, который называется *началом премудрости* (Пс. 110, 10) и который, имея в себе муку, по достижении полноты любви изгоняется из сердец людей совершенных. *Страха несть в любви, но совершенна любы вон изгоняет страх* (1 Ин. 4, 18). Поистине если страх составляет начало премудрости, то в чем будет заключаться совершенство оной, если не в любви к Христу, которая, совмещая в себе страх совершенной любви, называется уже не началом, а сокровищем премудрости и разума? Таким образом, две степени страха, и одна из них — начинающих, т. е. тех, которые находятся еще под игом рабского страха, о котором говорится у про-

рока: *раб господина своего убоится* (Мал. 1, 6), также в Евангелии: *не кгому вас глаголю рабы, яко раб не весть, что творит господь его* (Ин. 15, 15), и потому говорит: *раб не пребывает в дому во век* (Ин. 8, 35). Спаситель побуждает нас переходить из состояния мучительного страха в состояние полной свободы любви и дерзновения друзей и чад Божиих. Равно и святой Апостол, перешедший силою Господней любви низшую степень рабского страха, свидетельствуя о обогащении себя от Господа большими дарованиями, говорит: *не бо даде нам Бог духа страха, но силы и любве и целомудрия* (2 Тим. 1, 7); и тем, которые горели совершенною любовью к Небесному Отцу, и которых Божественное усыновление из рабов сделало уже сынами, преподает свое увещание в следующих словах: *не приясте бо духа работы паки в боязнь, но приясте духа сыноположения, о нем же вопием: Авва Отче!* (Рим. 8, 15). И Пророк при описании седмиобразной благодати Святаго Духа, имевшей низойти на воплотившегося Сына Божия, сказав: *и почиет на Нем Дух Божий, Дух премудрости и разума, Дух совета и крепости, Дух ведения и благочестия,* как нечто особенное присовокупляет: *исполнит Его Дух страха Божия* (Ис. 11, 2—3). Здесь в особенности должно обратить внимание на то, что Пророк не сказал: *и почиет на Нем Дух страха Божия,* как говорил о прежних дарах, но говорит: *исполнит Его Дух страха Божия.* Ибо Дух сей столь многообилен, что если он однажды обымет кого свосю силою, то овладеет всею его душою, а не одною только частью оной. Так и должно быть, потому что страх, соединенный с любовью *николиже отпадающею* (ср.: 1 Кор. 13, 8), не только исполняет того, кем обладает, но и непрерывно и неразлучно пребывает с ним, не умаляясь ни от каких временных удовольствий и радостей, как это иногда бывает со страхом, вон изгоняе-

мым. Посему тот страх, которым... исполнен был Богочеловек, пришедший не только искупить род человеческий, но и показать образец совершенства и примеры всех добродетелей, есть страх совершенства. Рабского страха мучений истинный Сын Божий, *иже греха не сотвори, ни обрете-ся лесть во устех Его* (1 Пет. 2, 22), иметь не мог (прп. авва Херемон, 57, 379—381).

***

Если же многие больше боятся законов человеческих, нежели Божественных, сие нимало неудивительно. Ибо человеческие законы устрашают людей более грубых тем, что немедленно налагают наказание, Божественные же пренебрегаются, потому что здесь наказывают они редко, непременно же наказывают там. А будущее ясно не для многих, именно же — только для имеющих прозорливый ум и в точности проникающих в свойство вещей. Многие, хотя исповедуют Божественные законы на словах, но отрицают это делами. Ибо тем, что делают, ясно высказывают то, что думают. Они не только прилагают великое попечение о теле, о душе же нерадят, но даже, хотя и стыдятся грешить, когда видят это люди, однако же перед Богом, Который не только над всем надзирает, но и все содержит, нимало не краснеют, а, напротив того, грешат небоязненно (прп. Исидор Пелусиот, 61, 456).

***

Нередко размышляя сам с собою, почему страх человеческий сильнее страха Божия, и, не умея сообразить сей нелепости, осуждал я несказанно нерадение. Сильнейших, если и оскорбляют, терпим с великою скромностью, потому что страх служит вместо узды и не позволяет идти

дальше. А слабейшим, если и не огорчили нас, оказываем вражду, хотя Христос повелел: не гневайся *на брата своего всуе* (Мф. 5, 22), что гораздо тебе легче, нежели сносить напрасные обиды другого. Ибо там много пищи для огня, а здесь, хотя и нет горючего вещества, возжигаем пламень. Не одно и то же — когда другой подкладывает огонь, не ожечься, и когда никто не тревожит, оставаться в безмолвии и покое. Кто одержал верх над желавшим поджечь, тот показал в себе признаки высочайшего любомудрия; а в ком видим последнее, тот не заслуживает удивления. Посему, когда, делая большее из страха человеческого, не хотим сделать меньшего ради страха Божия, тогда останется ли нам какое оправдание?.. (прп. Исидор Пелусиот, 63, 300—301).

***

Жердь поддерживает обремененную плодами ветвь, и страх Божий — добродетельную душу (прп. Нил Синайский, 72, 219).

***

...Страх Божий, веселящий сердце, называется дневным и светлым (прп. Нил Синайский, 73, 307).

***

...Бойтесь <Божиего> могущества... Ибо для того, чтобы не делать неправды, благодетелен страх... (прп. Нил Синайский, 74, 185).

***

Почему не силен у нас столько страх Божий, сколько силен страх моря... (прп. Зосима, 92, 124).

***

Как раны, случающиеся в теле, если не прочистить их и не подготовить как должно, не чувствуют прилагаемых к ним врачами лекарств; а когда очищены бывают, чувствуют действие лекарств и через то приходят в совершенное исцеление; так и душа, пока остается нерадивою и покрыта бывает проказою сластолюбия, страха Божия чувствовать не может, хотя бы кто непрестанно толковал ей о страшном и неумытном судилище Божием; а когда начнет действием полного к себе внимания очищаться, тогда начинает чувствовать как живительное некое врачевство страх Божий, пережигающий ее, как в огне некоем, действием обличений, и, таким образом, мало-помалу очищаясь, достигает, наконец, совершенного очищения. При сем в ней сколько прилагается любви, столько же умаляется страх, пока приидет в совершенную любовь, в коей, как сказано, нет страха, но совершенное бесстрастие, действием славы Божией производимое. Буди же нам в похвалу похвал непрестанную, во-первых, страх Божий, а, наконец, любовь — полнота закона совершенства во Христе (блж. Диадох, 92, 19).

***

Страх Божий есть начало добродетели (прп. Исаак Сирин, 59, 9).

***

Душа, имеющая в себе страх Божий, не боится чего-либо такого, что вредит ей телесно... (прп. Исаак Сирин, 59, 159).

***

...Страх <Божиий> же есть отеческий жезл, управляющий нами, пока не достигнем духовного рая благ; а когда

достигнем, тогда оставит он нас и возвратится (прп. Исаак Сирин, 59, 391).

***

...Страх <Божиий> вводит нас на корабль покаяния, перевозит по смрадному морю жизни и путеводствует к божественной пристани, которая есть любовь... (прп. Исаак Сирин, 59, 392).

***

...Вера производит в нас страх <Божиий>; страх же понуждает нас к покаянию и деланию (прп. Исаак Сирин, 59, 393).

***

От верования же рождается страх Божий (прп. Исаак Сирин, 59, 393).

***

Пока ум не уразумевает Бога, как Бога, в явлении смысла, не приближается к сердцу страх <Божиий> (прп. Исаак Сирин, 59, 417).

***

...Есть два страха: один первоначальный, а другой совершенный... один свойствен, так сказать, начинающим быть благочестивыми, другой же есть (страх) святых совершенных, достигших в меру совершенной любви. Например, кто исполняет волю Божию по страху мук, тот... еще новоначальный, ибо он не делает добра для самого добра, но по страху наказания. Другой же исполняет волю Божию из любви к Богу, любя Его, собственно, для того, чтобы благо-

угодить Ему. Сей знает, в чем состоит существенное добро; он познал, что значит быть с Богом. Сей-то имеет истинную любовь, которую святой называет совершенною. И эта любовь приводит его в совершенный страх, ибо таковый боится Бога и исполняет волю Божию уже не по (страху) наказания, уже не для того, чтобы избегнуть мучений, но потому, что он... вкусив самой сладости пребывания с Богом, боится отпасть, боится лишиться ее. И сей совершенный страх, рождающийся от этой любви, изгоняет первоначальный страх; посему-то Апостол и говорит: *совершенна любы вон изгоняет страх* (1 Ин. 4, 18) (прп. авва Дорофей, 30, 54—55).

***

Отгоняем же страх Божий от себя тем, что делаем противное сему: не имеем ни памяти смертной, ни памяти мучений; тем, что не внимаем самим себе и не испытываем себя, как проводим время, но живем нерадиво и обращаемся с людьми, не имеющими страха Божия, и тем, что не охраняемся от дерзновения; сие последнее хуже всего: это совершенная погибель. Ибо ничто так не отгоняет от души страх Божий, как дерзость (прп. авва Дорофей, 30, 60).

***

...Человек приобретает страх Божий, если имеет память смерти и память мучений, если каждый вечер испытывает себя, как он провел день, и каждое утро — как прошла ночь, если не будет дерзновенен в обращении и, наконец, если будет находиться в близком общении с человеком, боящимся Бога (прп. авва Дорофей, 30, 60).

***

...Когда страх Господень приходит в сердце, то показует ему все грехи его (прп. Иоанн Лествичник, 58, 213).

***

Умножение страха Божия есть начало любви... (прп. Иоанн Лествичник, 58, 248).

***

Страх Божий, когда он бывает в чувстве души, обыкновенно очищает и истребляет нечистоту ее (прп. Иоанн Лествичник, 58, 248).

***

Как *тает воск от лица огня* (Пс. 67, 3), так нечистый помысл от страха Божия (авва Фалассий, 92, 315).

***

Страх Божий удерживает похотения, а печаль по Бозе отгоняет сластолюбие (авва Фалассий, 92, 321).

***

Боящийся Бога радеет о своей душе и от злой участи избавляет себя (авва Фалассий, 92, 324).

***

Боящийся Господа имеет смиренномудрие всегдашним своим собеседником и по его напоминаниям восходит к любви и благодарению Бога. Он, воспоминая первое свое житие по духу мира, свои разнообразные прегрешения, случив-

шиеся с ним от юности искушения, и то, как Господь от всех их избавил его и от жизни страстной перевел к жизни по Богу, со страхом восприемлет и любовь; и непрестанно с глубоким смиренномудрием благодарит Бога, благодетеля и правителя жизни нашей... (прп. Максим Исповедник, 92, 169).

***

Страх Божий двояк. Один рождается от угроз наказанием, от которого порождаются в нас по порядку воздержание, терпение, упование на Бога и бесстрастие, из коего любовь. Другой сопряжен с самою любовью, производя в душе благоговение, чтобы она от дерзновения любви не дошла до пренебрежения Бога (прп. Максим Исповедник, 92, 174).

***

Страх двояк: один чистый, а другой нечистый. Тот страх, который порождается по причине прегрешений под действием ожидания мук, нечист, так как причиною имеет сознаваемый за собою грех, и не пребудет навсегда, потому что вместе с отъятием через покаяние греха исчезает. А тот, который и без этого боязливого беспокойства из-за грехов всегда стоит в душе, этот страх чист и никогда не отойдет, потому что он некако соприсущ Богу, как дань от лица тварей, проявляя собою естественное всем благоговение перед Его величием, превысшим всякого царства и силы (прп. Максим Исповедник, 92, 259—260).

***

Дух страха Божия есть воздержание от злых дел... (прп. Максим Исповедник, 92, 295).

***

Кроме страшного Судии Бога ничего не будем бояться: ни человека, ни зверя, ни огня, ни меча, ни моря и ничего иного, что кажется страшным... (прп. Феодор Студит, 93, 38).

***

...Те только, которые проникнуты страхом Божиим, далеко от себя отвращают мечи <диавола>... (прп. Феодор Студит, 93, 99—100).

***

...Если боимся Бога, людей бояться не станем и их нападками побеждены не будем (прп. Феодор Студит, 93, 169).

***

Восприимите же страх и продолжайте шествовать осторожнее; потому что по ту и другую сторону вас диавол устрояет вам стремнины (прп. Феодор Студит, 93, 288).

***

...Страх Божий научает соблюдению заповеди или устроению доброй деятельной жизни... (прп. Феодор Студит, 93, 351).

***

...Боящийся <Бога> Единого никого другого бояться не может (прп. Феодор Студит, 93, 353).

***

...Если будем иметь страх Божий и уверенность в Боге, то не убоимся от лица враг наших (прп. Феодор Студит, 93, 584).

***

В ком всему не предшествует страх Божий, в тех помыслы бывают в смятении, как овцы, не имущие пастыря; а кому он сшествует или предшествует, в тех помыслы пребывают в благопокорности и в благочинии, как овцы в овчарне (прп. Илия Екдик, 92, 440).

***

Страх Божий есть сын веры; сам же он есть блюститель исполнения заповедей, как пастырь, держащий овец на тучном пастбище (прп. Илия Екдик, 92, 486).

***

Всякий, желающий внити в Царствие Небесное и быть под Царем Богом, чтобы ум его, и мудрования его, и помыслы его были управляемы самим Богом, единым воистину Царем, всякий такой прежде всего должен возыметь страх Божий. Но как возыметь страх к Тому, Кого не видишь? — Потому необходимо прежде увидеть Бога, чтобы потом возыметь страх к Нему. А как увидеть Бога, которого никто никогда не видал? Для этого надобно взыскать умного света Божия, чтобы ум, просветившись им, мог умно узреть Бога. И вот, когда кто таким образом узрит Бога, то может возыметь и страх Божий, а возымевши страх Божий, может увидеть и понять и себя самого, и сей привременный и суетный мир, и все дела мира сего. Далее, кто видит себя самого и суетность мира сего, тот, имея всегда присущим в себе страх Божий, не может онеправдовать кого-либо, и когда сам терпит от другого неправду, не делает отмщения, но, чая помощи, от Бога приходящей, терпит благодушно неправду и дивится и славит Бога, что Он, видя неправды, долготерпит и сносит неправедного, — сам

между тем ревнуя всеусердно приносить всякого рода плоды Святаго Духа (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 322).

***

...Страх Божий и чувство праведного Его <Божиего> воздаяния истнивают плоть и сокрушают кости, подобно камню, некосю машиною спускаемому и сильно давящему виноград, прежде истоптанный в точиле. Ибо обыкновенно прежде ногами истоптывают виноград, а потом сдавливают его камнем, чтобы выжать последние соки его. Так и страх Божий делает то, что человек становится попранием всех людей, а когда сотрется вконец гордыня его и тщеславное мудрование плоти его, тогда ниспадает на него свыше мысленный камень, легчайший и благий, т. е. святое смирение, и выжимает из него всю сырость плотских удовольствий и страстей, и делает благоугодною и добротною душу, таким образом смирившуюся и сокрушившуюся; при сем орошает ее слезами, истекающими, как река, и ее самую делает источником, источающим живую воду, врачующую раны грехов и отмывающую смрадные крови их, и человека того всего делает белейшим паче снега (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 178—179).

***

Боящийся Бога не боится устремления против него бесов, ни их немощных нападений, равно как и угроз злых людей, но, будучи весь как пламень некий и огонь палящий, когда даже проходит по скрытным и неосвещенным местам, обращает в бегство демонов, которые больше, чем он от них, бегут от него, чтобы не быть опаленными от исходящего из него пламеневидного луча Божественного огня (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 522).

***

Кто проникнут страхом Божиим, тот не боится обращаться среди злых людей. Имея внутрь себя страх Божий и нося непобедимое оружие веры, он силен бывает на все и может делать даже то, что многим кажется трудным и невозможным. Он ходит среди них, как гигант среди обезьянок, или лев, рыкающий среди псов и лисиц, уповая на Господа, твердостью мудрования своего изумляет их, ужасает смыслы их, поражая их словом премудрости, как жезлом железным (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 522).

***

Всякому, начавшему жить по Богу, полезен страх мук и порождаемая им болезнь сердца <...> Палач сей не смерти, а вечной жизни бывает виновником (прп. Симеон Новый Богослов, 94, 24).

***

Вводимым в жизнь добродетельную к исполнению заповедей и избежанию грехов содействует страх мучений вечных. Тем же, которые через добродетель достигли до созерцания славы Божией, — иной, подобно тому, сопутствует страх, крайне страшный им из любви к Богу, страх чистый, который и содействует им к неуклонному пребыванию в любви Божией, так как они боятся страшного от нее поскользновения. Первым, когда они падают, уклоняясь от своей цели, и потом, раскаиваясь, тотчас встают, сопутствует первый страх с благими надеждами; а за вторыми, по зависти диавола погрешившими падением с высоты созерцания славы Божией, не тотчас последует второй страх, но их приемлет мгла некая и тьма осязаемая, полная малодушия, скорбения и горести с первым страхом мук. И если

бы Господь Саваоф не сокращал оных дней такого нестерпимого скорбения, то не спасся бы никто из падающих сим образом (прп. Никита Стифат, 94, 105—106).

***

Начавший страхом суда и преуспевающий в очищении сердца слезами покаяния, исполняется, во-первых, премудростью, так как страх начало ее есть, по реченному (см.: Притч. 1, 7); потом разумом вместе и с советом, помощью которого избирает себе душеспасительные преднамерения. Сего же достигший, через исполнение заповедей, восходит он к ве́дению сущего и получает точнейшее ве́дение Божеских и человеческих вещей, а от сего, соделавшись весь жилищем благочестия, восходит в вышний град любви и является совершенным; и тотчас чистый страх — дар Духа приемлет его, чтобы хранить положенное внутрь его сокровище Царствия Небесного. Сей страх, будучи крайне спасителен, того, кто достиг высоты любви, делает трепещущим и на всякий подвиг готовым из боязни, как бы не ниспасть с таковой высоты любви, и не быть опять ввержену в ужас мук (прп. Никита Стифат, 94, 148—149).

***

...Без страха невозможно прямо перенестись к Божественной любви и, минуя любовь, возлететь к Уповаемому и почить в Нем (прп. Феогност, 92, 420).

***

...Имея... непогрешимым наставником страх Божий, с теплейшим усердием и всегдашней трезвенною мыслию, <душе следует> ходить вслед Божественного своего Первообраза (прп. Максим Грек, 69, 3).

***

Истинным же страхом почитай, душа, прилежное исполнение Божественных заповедей, а тот страх, который выражается в одних пустых словах, почитай не страхом, душа, и не благоговением, а прелестию души, поруганной бесплотными врагами, по причине крайнего ее безумия (прп. Максим Грек, 69, 42).

***

...Без <страха Божиего> все остальное бесполезно — и воздержание от брашен, и долгое пребывание в молитве (прп. Максим Грек, 69, 43).

***

...Страх же Божий не возможешь приобрести, если не оттонишь от себя всякое сомнение и желание казаться мудрым, и не пойдешь, как незлобивый младенец, за Господом своим, повинуясь Его повелениям (прп. Максим Грек, 69, 96).

***

Страх Божий невозможно уподобить никакому ощущению плотского, даже душевного человека. Страх Божий — ощущение совершенно новое. Страх Божий — действие Святаго Духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 293).

***

Не низко для человека, ничтожной твари, падшей, отверженной, погибшей, усвоившей себе вражду к Богу, перейти из состояния вражды и погибели к состоянию рабства и спасения... Уже это рабство — великая свобода!.. Страх очищает человека, предуготовляет для любви: мы бываем рабами для того, чтобы законно соделаться чадами. По

мере очищения покаянием начинаем ощущать присутствие Божие; от ощущения присутствия Божия является святое ощущение страха. Опыт открывает высоту чувствования (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 61).

***

Высоко и вожделенно ощущение страха Божия! При действии его часто ум притупляет свои очи, перестает произносить слова, плодить мысли: благоговейным молчанием... выражает сознание своего ничтожества и невыразимую молитву, рождающуюся из этого сознания (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 61).

***

Страх Божий есть дар Божий. Как дар, он испрашивается молитвой (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 62).

***

Страх Божий и память смертная да царствуют внутри вас (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 5).

***

Страха Божия ничто столь сильно не поддержит, как память о Страшном Суде (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 38).

***

Научите себя думать и ожидать, что вот-вот смерть... И тем всегда <поддерживать> в себе страх Божий и осторожное смотрение за собой (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 142—143).

***

Поселите поглубже в себе страх Божий, и он, взяв в руки бразды правления вашего внутреннего человека, устремит вас вслед Господа для стяжания светлой славы... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 143).

***

С умалением его <страха Божия> — тотчас и уклонения в распутия... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 191).

***

Он <страх Божий> не мучит, а отрезвляет; и хотя все естество потрясает, но приятно и сладостно потрясает (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 202).

***

Корень доброго внутреннего строя есть страх Божий (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 163).

***

Он <страх Божий> будет все держать в напряжении и не даст распускаться ни членам, ни мыслям, созидая бодренное сердце и трезвенную мысль (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 163).

***

Храните память Божию и память смертную. От них страх Божий будет в силе (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 178).

***

От страха <Божиего> — внимание к себе и всем делам своим, мыслям и чувствам (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 178).

***

...Где <страх Божий>, там стража внутри самая сильная, — и все стоит в струнку, как солдаты на смотру (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 80—81).

***

При чистой совести страх Божий исполняет душу и хранит ее неприкосновенною (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 53).

***

Кто имеет страх Божий — живый и действенный, тот имеет в себе неистощимую силу, движущую на все богоугодное... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 115).

***

<Страх Божий> и начало, и продолжение, и завершение пути спасенного (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 115).

***

...Когда есть страх Божий, то, значит, дух ваш жив и благодать Божия действует в вас (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 115).

***

Если нет страха Божия в сердце, нет его и совсем, хотя бы кто видом казался исполненным благоговения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 89, 5).

****

Брат, живущий в келье, пришел к одному из отцов и рассказал ему о помысле, который его мучил. И старец ему говорит: «Ты оставил великое и честное — страх Божий — и стал держать тростниковый прут, то есть лукавые помыслы. Более приобретай огня, который есть страх Божий, и как только помысл подходит к тебе близко, то он, как тростник, будет сжигаться огнем. Ибо никакое зло не может одолеть имеющего страх Божий» (99, 277).

***

Авва Серапион говорил: «Как воины, стоя перед своим царем, не могут уклониться ни направо, ни налево, так и человек, если стоит перед Богом и каждый час взирает на Него со страхом, не может страшиться своего врага» (98, 265).

***

Некто спросил авву Паисия: «Что мне делать со своей душой? Она бесчувственна и не страшится Бога». Старец отвечал ему: «Пойди прилепись к человеку, боящемуся Бога. Когда сблизишься с ним, он и тебя научит бояться Бога» (98, 202).

***

Однажды демон блуда сильно восстал против аммы Сарры, представляя ей суетные предметы мира. Сарра, вооружившись страхом Божиим и подвигом, не уступала ему и однажды поднялась на верх своего дома помолиться. Здесь дух блуда явился ей видимым образом и сказал: «Победила ты меня, Сарра!» «Не я победила тебя, — отвечала она, — но Господь мой Христос» (98, 268).

***

Отцы спрашивали авву Макария Египетского: «Отчего это, ешь ли ты, или постишься, тело твое всегда сухощавое?» Старец отвечал им: «Палка, которой ворочают горящие дрова, беспрестанно снедается огнем. То же бывает и с человеком, если он очищает свой ум страхом Божиим. Самый страх Божий снедает его тело» (98, 145).

***

Святой мученик Феодот, именуемый корчемником, хотя и был сыном христианских родителей, но в юности имел порочные наклонности. Он был очень корыстолюбив и из-за корысти открыл корчму, т. е. «дом пагубный». В те древние времена, в которые жил Феодот, открыть корчемницу значило уловлять души людей в погибель, развращать их, заставлять людей рано пить и есть, забывать Бога и губить свою честь и состояние. С этой постыдной целью Феодот и открыл свою корчму. Долго ли так, из-за корысти, он содержал ее, мы не знаем, но знаем только то, что однажды на Феодоте исполнилось слово Писания, говорящее, что *страх Господень отводит от зла* (Притч. 16, 6).

Случилось так, что Феодот пришел в себя, вспомнил Бога, смерть, Страшный Суд и ад, и страх Божий проник в сердце грешника. Феодот тотчас же после этого из дома погибели устроил дом спасения. С того времени он начал в своей корчме кормить голодных, поить жаждущих, одевать нагих и стал благодетельствовать церквам и их служителям. Затем в своем духовном преуспеянии он стал восходить от силы в силу и кончил тем, что перед гонителем христиан мужественно исповедал Христа, принял за Него страшные муки и смерть, а с ними стяжал и мученический венец (113, 144).

***

Авва Сергий, игумен монастыря, рассказывал о себе: «Однажды мы путешествовали с одним святым старцем. Сбившись с пути и не зная как выйти, мы попали на засеянное поле и потоптали немного всходов. На поле в это время работал земледелец. Увидев нас, он в гневе осыпал нас бранью: «Монахи ли вы? Есть ли у вас страх Божий? Если бы вы имели страх Божий, то так бы не поступили». «Ради Господа, ничего не говорите!» — сказал нам святой старец и, обратившись к крестьянину, ответил: «Правильно, чадо мое, ты сказал. Если бы мы имели страх Божий, мы не поступили бы так». Но крестьянин продолжал гневно ругаться. «Правду говоришь ты, чадо! — снова отвечал старец. — Если бы мы были истинными монахами, мы бы не сделали этого. Но, ради Господа, прости нас за то, что согрешили против тебя». Тронутый этими словами, крестьянин бросился к ногам старца. «Я согрешил! — воскликнул он. — Прости меня! И, ради Господа, возьмите меня с собой». И он последовал за нами и принял иноческий чин» (103, 266).

***

Авва Орсисий говорил: «Сырой кирпич, положенный в основание дома, недалеко от реки, не продержится там и одного дня, а пережженный лежит как камень; так и человек, питающий плотские помыслы и не проникнутый, подобно Иосифу, огнем страха Божия, сокрушается, как скоро получить власть; ибо много искушений для таких людей, если они живут в обществе. И потому, зная скудость своих сил, хорошо бежать от ига начальства. Впрочем, твердые в вере бывают непоколебимы. Если бы кто стал говорить о святейшем Иосифе, тот сказал бы, что он был неземным человеком. Каким он подвергался искушениям? И в какой

стране? Там, где не было следов Богопочтения. Но Бог отцов всегда был с ним и избавлял его от всякой напасти, и ныне он в Царстве Небесном с отцами своими. Итак, начнем подвиг, познав наперед меру сил своих, ибо и при этом едва можем избежать суда Божия» (98, 165—166).

***

Однажды братии пришли испытать авву Иоанна Колова, зная, что он не попускал развлечения и не говорил ни о чем житейском. Они сказали ему: «Этим летом был обильный дождь, пальмовые деревья напоены и дадут много ветвей, братия получат в большом количестве материал для рукоделия». Авва Иоанн отвечал: «Подобным образом, когда Святой Дух нисходит в сердца святых, они обновляются и пускают побеги в страх Божий» (107, 289).

***

Авва Иаков говорил: «Как светильник, поставленный в темной ложнице, освещает ее, так и страх Божий, когда вселяется в сердце человека, просвещает его и научает всем добродетелям и заповедям Божиим» (98, 180).

СТРАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Не всякий страх благ и спасителен, но есть страх вражий, о котором молится Пророк, чтобы он не приближался к душе его, говоря: *от страха вражия изми душу мою* (Пс. 63, 2). Тот страх — вражий, который вдыхает в нас боязнь смерти и который внушает нам страшиться преимущества лиц. Ибо боящийся сего возможет ли, во время мученичества, противостоять греху даже до смерти и воздать долг умершему за нас и воскресшему Господу? А также

приводимый в страх демонами имеет в себе страх вражий. И вообще такой страх кажется мне немощью, порожденною неверием, ибо верующий, что есть у него крепкий помощник, не страшится никого из усиливающихся возмутить его (свт. Василий Великий, 5, 259).

***

Велик страх, братия, в час смерти, когда душа со страхом и сетованием разлучается с телом, потому что в этот час разлучения предстают душе дела ее, добрые и худые, какие деланы ею днем и ночью. Ангелы со тщанием поспешают исторгнуть ее из тела, а душа, видя дела свои, боится выйти из тела. И душа грешника со страхом разлучается с телом и с трепетом идет предстать бессмертному судилищу. Принуждаемая же выйти из тела, смотря на дела свои, говорит им со страхом: «Дайте на один час сроку мне, чтобы выйти». Дела же ее, собравшись все вместе, отвечают душе: «Ты нас сделала, с тобою пойдем мы к Богу» (прп. Ефрем Сирин, 31, 538).

***

Кто грешит, от того далек Бог; и потому лукавый исполняет его страха, и всегда живет он в мучительной боязни (прп. Ефрем Сирин, 34, 99).

***

...Крайне безумно — бояться того, что недостойно страха, и смеяться над тем, чего должно страшиться (свт. Иоанн Златоуст, 49, 236).

***

...Нам, любящим Господа, надлежит желать и молиться, чтобы... оказаться непричастными никакому страху... по-

тому что... боязливость души <бесы> считают за признак соучастия ее в их зле... (блж. Диадох, 92, 76).

***

Страх за тело бывает в людях столько силен, что вследствие оного нередко остаются они неспособными совершить что-либо достославное и досточестное. И когда на страх за тело приникнет страх за душу, тогда страх телесный изнемогает перед страхом душевным, как воск от силы пожигающего огня (прп. Исаак Сирин, 59, 17).

***

Страху всегда сопутствует сомнение, а сомнение сопровождается разысканием, а разыскание — принятыми способами, а принятые способы — ве́дением. И в самом исследовании и разыскании всегда познаются страх и сомне́ние, потому что не во всякое время во всем успевает ве́дение, как показали мы прежде сего. Ибо нередко встречаются душе затруднительные стечения и столкновения обстоятельств и многие исполненные опасностей случаи, в которых вовсе не могут здесь сколько-нибудь помочь ве́дение и способы мудрости. Но с другой стороны, в затруднениях, не отвратимых всеми силами и крайним пределом человеческого ве́дения, вера нимало не преодолевается ни одним из сих затруднений (прп. Исаак Сирин, 59, 26).

***

Когда же возбужден в естестве этот страх <за земные блага>, тогда ревность, названная у нас псом, день и ночь разгорается, как пылающая печь, и пробуждает естество. И, подобно Херувимам, человек пробуждается и ежечасно внимает тому, что окрест его, и... если проходит птица

около него, приходит в движение и лает с самой быстрой и несказанной стремительностью. И когда этот страх бывает о теле, тогда делается сатанинским, потому что человек поколебался в вере своей в Промысл Божий и позабыл, как печется и промышляет Бог о подвизающихся ради добродетели, ежечасно назирая над ними, о чем и Дух Святый говорит устами Пророка: *Очи Господни на праведныя...* (Пс. 33, 16); и еще: *Держава Господь боящихся Его* (Пс. 24, 14). И Сам Господь как бы от Своего лица сказал боящимся Его: *Не приидет к тебе зло, и рана не приближится телеси твоему* (Пс. 90, 10).

Но когда страх бывает о душе по причине того, что приключается добродетели и что сопровождает ее, и именно страх, чтобы она не была окрадена и по каким-нибудь причинам не потерпела ущерба, тогда помысл сей Божествен, попечение благо, скорбь и томление бывают по Божию промышлению (прп. Исаак Сирин, 59, 144—145).

***

Но никто не может ощутить немощь свою, если не будет попущено на него хотя малого искушения тем, что утомляет или тело, или душу. Тогда, сравнив свою немощь с Божией помощью, тотчас познает ее величие. И также, когда рассмотрит множество принятых им мер, осторожность, воздержание, покров и ограждение души своей, в чем надеялся он найти безопасность ее, и не обретает, даже и сердце его, от страха и трепета, не имеет тишины, — пусть поймет и познает тогда, что этот страх сердца его обнаруживает и показывает непременную потребность для него иного некоего помощника. Ибо сердце страхом, поражающим его и борющимся внутри его, свидетельствует и дает знать о недостатке чего-то; а сим обличается, что не может

оно жить в безопасности, потому что, как сказано, спасает Божия помощь. Но кто познал, что имеет нужду в Божией помощи, тот совершает много молитв (прп. Исаак Сирин, 59, 333).

***

Человек боязливый дает о себе знать, что страждет двумя недугами, т. е. животолюбием и маловерием (прп. Исаак Сирин, 59, 374—375).

***

Страхи ваши на молитве — вражия уловка. Плюйте на них. И мужественно стойте (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 123).

****

Однажды ночью афонский святой Симон Мироточивый молился. Вдруг является перед ним демон в виде страшного дракона. Зевнув, он хотел проглотить святого, но, так как не было на то соизволения свыше, не мог умертвить его, хотя одним ударом хвоста поверг преподобного наземь, ударив так сильно, что святой Симон в совершенном изнеможении едва мог собраться с духом и воспеть с Пророком: *будут наступать на меня злодеи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою...* (Пс. 26, 2); а я, *как глухой, не слышу, и как немой, который не открывает уст своих* (Пс. 37, 14). Между тем страшный дракон не переставал бить его хвостом с намерением если не совсем умертвить, когда бы допустил это Бог, то, по крайней мере, навести страх и таким образом выгнать его из пустыни. Но вместо страха, несмотря на невыносимую боль, святой Симон обратился к Богу с молитвенным воплем страдальческой души и, зная, что на самом деле это не дракон, а

под видом его вооружился сатана, противопоставил ему имя Господа (96, 437).

***

Однажды ночью, стоя на молитве, монах Памфил был поражен страшным видением и от насилия ли бесовского, или от одного только страха лишился чувств и наутро был найден бесчувственно лежащим на полу. «Увидел я тогда, — рассказывал Памфил впоследствии, — стоящего перед окном человека с огненными глазами, дышащего пламенем. Он просился на ночлег. Потом вся келья наполнилась черными воронами, которые с громким карканьем летали и кружились вокруг меня» (114, 181).

***

Во времена императора Валериана в Антиохии жили два неразлучных друга Никифор и пресвитер Саприкий. Они настолько любили друг друга, что люди принимали их за родных братьев. Но вот врагу рода человеческого, диаволу, удалось так поссорить их, что они возненавидели друг друга.

Несколько лет спустя вспыхнуло всеобщее гонение на христиан, и пресвитера Саприкия, как служителя Церкви, арестовали в первую очередь. Палачи старались пытками вынудить у пресвитера отречение от Христа, но тот мужественно переносил все страдания.

Узнав о том, что его прежний друг арестован и скоро будет казнен, Никифор пожалел, что поссорился с ним, и поспешил к месту казни, чтобы поскорее примириться с этим будущим мучеником за Христа. Но все мольбы о прощении пресвитер игнорировал. Тогда, отчаявшись, Никифор пал

на колени и стал умолять Саприкия хотя бы ради Христа простить его. Но тот вместо ответа с презрением отвернулся от него. Даже палачи удивлялись упрямству пресвитера и советовали Никифору перестать унижаться перед этим гордецом.

Но вот, когда Саприкия подвели к плахе и занесли над ним меч, произошло нечто совсем неожиданное: им овладел панический страх, и он, вскочив, стал махать руками и вопить: «Не убивайте меня, я сейчас же принесу жертвы богам!»

Палачи в недоумении остолбенели, а Никифор, видя, что его бывший друг-пресвитер так позорно отрекся от веры, воскликнул во всеуслышание: «Я — христианин и ваших мерзких богов презираю!» Тогда правитель, наблюдавший все происходившее, велел пресвитера отпустить, а вместо него казнить Никифора.

Так венец мученичества, уготованный Саприкию, перешел на главу Никифора (107, 456).

СТЫД

Почему ты нерадишь о себе, душа моя? Почему не стыдишься, согрешая перед Богом и Его Ангелами, как стыдишься людей? Увы мне, несчастному! Увы мне! Увы мне! Ибо не стыжусь я Творца моего и Владыки даже и так, как стыжусь человека. И перед одним человеком не могу согрешить, но употребляю все хитрости, чтобы показать себя поступающим праведно, но, стоя перед Богом, помышляю лукавое и говорю часто, не стыдясь. О (каково) безумие мое! Делая злое, не боюсь Бога, видящего сие, и одному человеку не могу сказать касающегося меня — для исправления (прп. Петр Дамаскин, 75, 67).

***

Святое Писание удостоверяет, что стыд бывает двоякого рода: один, от которого рождается грех, а другой, от которого происходит слава и благодать (см.: Сир. 4, 3—25). Стыдение сделать грех есть истинный и спасительный стыд; стыд же, из которого рождается грех, есть стыдение, препятствующее приводить в исполнение заповеди Божии. Ничего не стыдись делать, что согласно с волею Божиею, и в деле истины не таись; не бойся возвещать учение Господне или словеса премудрости, и не стыдись грехи свои открывать духовному отцу своему (прп. Антоний Великий, 90, 58—59).

***

Обучаешься ли какому рукоделию, совстуйся с показывающим тебе, и не стыдись часто вопрошать его, говоря: «Окажи любовь, посмотри, хорошо ли я делаю или нет» (прп. авва Исаия, 60, 15).

***

Не стыдись открывать старцу все борющие тебя помыслы, если ты хочешь найти отраду и облегчение: ибо для демонов нет большей радости, как когда человек скрывает свои помыслы, лукавые ли они, или благие... (прп. авва Исаия, 60, 28).

***

Если во время пребывания твоего в келье будут всеваться в сердце твоем семена скверны (т. е. помыслы похоти плотской), то употреби все силы, чтобы они не укоренились и не возобладали тобою. Помни, что тебе соприсутствует Бог, перед Коим открыты все советы сердечные. Говори душе своей так: если ты стыдишься подобных тебе грешн-

ников и боишься, как бы не увидали твоих грехов, сколько более ты должен страшиться Бога, перед Которым все открыто. От сего размышления возбуждается в душе страх Божий, в коем утвердившись, пребудешь непоколебим против всех страстей, как и Писание говорит: *надеющийся на Господа, яко гора Сион: не подвижится во век живый в Иерусалиме* (Пс. 124, 1) (прп. авва Исаия, 60, 29—30).

***

Что стыдишься делать в присутствии людей, о том и помышлять считай неприличным (прп. авва Исаия, 60, 78—79).

***

Если плачущий будет говорить о ком-либо, что он добр или зол, то самое это суждение о другом служит для него стыдом и укоризною потому, что он мог видеть человека грешнее себя. Ибо, когда мы хотим судить то, что нам не принадлежит, тогда мы обольщаемся и так развлекаемся, что теряем возможность видеть грехи свои... (прп. авва Исаия, 60, 140).

***

Горе нам, что мы, когда грешим, то стыдимся упрека людей, а о вечном стыде, имеющем постигнуть нас, нисколько нерадим (прп. авва Исаия, 60, 191).

***

Что стыдишься делать перед людьми, о том стыдись помышлять тайно (в сердце). Как древо познается по плоду, так ум по созерцанию своему (по тому, на что устремлено око его) познает помыслы свои и душа разумная по созер-

цанию своему (по тому, чему умно внимает) познает саму себя (прп. авва Исаия, 90, 343).

***

Горе нам, что стыдимся лица человеков, когда грешим, а на стыд вечный никакого внимания не обращаем (прп. авва Исаия, 90, 438).

***

Когда кто отделится от шуей стороны, тогда верно познает и все согрешения, которые сделал перед Богом: ибо обычно он не видит грехов своих, если не отдалится от них отдалением горьким (т. е. с сокрушением и болью сердца). Достигшие в эту меру плачут, умножают молитвы, стыдом покрываются перед Богом, поминая о своем непотребном содружестве со страстями (прп. авва Исаия, 90, 460).

***

...Если обличаемый не чувствует стыда, то сим подвергается страшному наказанию, потому что раздражает наставника (прп. Ефрем Сирин, 31, 267).

***

Многие из стыда тайные недуги свои делают неисцелимыми, но напоследок скорбят, что не открыли их <на исповеди> (прп. Ефрем Сирин, 31, 282).

***

<Демон> поселяет в нас бесстыдство, чтобы не краснели, когда делают нам выговоры (прп. Ефрем Сирин, 35, 306).

***

Не будем ждать, пока придет смерть, чтобы не остаться нам в стыде в воскресение мертвых; когда святые облекутся в светлую ризу, какую уготовали себе добрыми делами. Если увидим тогда себя не только обнаженными светлой славы, но и очерненными, исполненными зловония, то какой стыд овладеет тогда нами? — Постараемся же о том, чтобы не подвергнуться такой опасности, вступив в подвиг покаяния и очищения себя от страстей (прп. Ефрем Сирин, 91, 327).

***

Кто не противится похоти, но дает очам своим свободно блуждать, тот, конечно, склонился уже умом перед страстями, и если бы не стыд человеческий, неоднократно растлил бы и тело (прп. Ефрем Сирин, 91, 395).

***

Монах, который хвалится своею крепостью, первый безумец; стыд и укоризна монаху — хвалиться собственной своею силою: *хваляйся о Господе да хвалится...* (1 Кор. 1, 31) (прп. Ефрем Сирин, 91, 420).

***

Стыд есть какое-то сжатие сердца от страха подвергнуться позору... (свт. Григорий Богослов, 16, 338).

***

Если кто не имеет у себя Божественной и небесной ризы, т. е. силы Духа, как сказано: *аще же кто Духа Христова не имать, сей несть Егов* (Рим. 8, 9), то да плачет он и

умоляет Господа, чтобы приять ему сию с неба подаваемую духовную ризу и облечь ею душу, лишенную Божественной действенности; потому что покрыт великим стыдом страстей бесчестия, кто не облечен в ризу Духа. Как в видимом мире кто обнажен, тот терпит великий стыд и бесчестие, и друзья отвращаются от друзей, и родные — от своих, если они обнажены, и дети, увидя отца обнаженным, отвратили взоры свои, чтобы не смотреть на обнаженное тело отца, подошли вспять зрящее и покрыли его, отвращая взоры свои (см.: Быт. 9, 23), так и Бог отвращается от душ, которые не облечены с полным удостоверением в ризу Духа, в силе и истине не облеклись в Господа Иисуса Христа (прп. Макарий Египетский, 68, 170).

***

Самый первый человек, увидев себя нагим, устыдился. Столько бесчестия в наготе! Если же и телесная нагота подвергает такому стыду, то кольми паче большим покрывается стыдом и бесчестием страстей та душа, которая обнажена от Божественной силы, не имеет на себе и не облечена по всей истине в неизреченную, нетленную и духовную ризу — самого Господа Иисуса Христа. И всякий, кто обнажен от оной Божественной славы, столько же должен стыдиться себя самого и сознавать бесчестие свое, сколько устыдился Адам, будучи наг телесно; и хотя сделал себе одеяние из смоковных листьев, однако же носил стыд, сознавая свою нищету и наготу. Посему таковая душа да просит у Христа, дающего ризу и облекающего славою в неизреченном свете, и да не делает себе одеяния из суетных помыслов, и да не думает, обольщаясь собственною праведностью, что есть у ней риза спасения (прп. Макарий Египетский, 68, 170—171).

***

Поелику человек в преслушании умер страшною душевною смертию и принял клятву на клятву: *терние и волчцы возрастит тебе земля* (Быт. 3, 18); и еще: воздѣлывай землю, и не приложит дать тебе плодов своих: то на земле сердца его возродились и возросли терния и волчцы. Враги обманом восхитили славу его и облекли его стыдом (прп. Макарий Египетский, 68, 299).

***

...Иную враждебную и беззаконную мысль невозможно угасить иначе, как приводя ее в уничтожение стыдом; потому что стыд от сделанного в жизни худо делается глубоко утвердившеюся пропастью и отделяет собою человека от греха (свт. Григорий Нисский, 19, 202).

***

...Великим и сильным оружием к избежанию греха служит обыкновенно хранящийся в людях стыд, для того, думаю, и вложенный в нас Богом, чтобы такое расположение души производило в нас отвращение от худшего. Ибо сродны и близки между собою и самый стыд, и болезненное чувство посрамления; тем и другим воспрещается грех, если только кто для сего пожелает воспользоваться таковым расположением души. Ибо стыд часто больше страха обучал избегать дел несообразных. Да и посрамление, следующее за обличениями в погрешности, само по себе достаточно может уцеломудрить согрешающего, чтобы он снова не впал в что-либо подобное. И если бы кто захотел определить различие стыда и посрамления, то посрамление есть высшая степень стыда, а стыд, наоборот, низшая степень посрамления. Различие же и общение сих болезненных чувств обна-

руживаются на лице краскою. Ибо стыд означается одним румянцем, так как с душою, по естественному некоему расположению, состраждет несколько и тело, и жар сердечной плевы воскипает на поверхности лица; а посрамленный обнаружением проступка делается посиневшим и побагровевшим, потому что страх к румянцу примешивает желчь. Посему такого болезненного чувства для решившихся на что-либо несообразное достаточно будет, чтобы не оставаться им дольше в том, за что обличением подверглись посрамлению (свт. Григорий Нисский, 19, 241—242).

***

Красящаяся одеждами теряет и стыдливость взора (авва Евагрий, 90, 615).

***

Великий стыд — это грех! Если мы сделаем его, то должны не только стыдиться, но и закрывать лицо свое и называть себя несчастными, как погрешившие (свт. Иоанн Златоуст, 48, 75).

***

Кто ныне опасается стыда от людей только, а не стыдится делать что-либо непотребное перед всевидящим Богом, притом не хочет и покаяться, и исправиться, тот в будущий день не перед одним или двумя человеками, а в виду всей вселенной будет выставлен на позор (свт. Иоанн Златоуст, 52, 222).

***

...Ты сделал что-нибудь худое или только подумал о том и скрываешь от людей? А от Бога не скроешь. Но ты ни-

сколько об этом не заботишься, а глаза людей — вот что страшно тебе (свт. Иоанн Златоуст, 52, 222).

***

Не стыдись, сын, исповедовать грехи свои; ведь есть стыд, который приводит ко греху, и есть стыд, который составляет славу и красоту (свт. Иоанн Златоуст, 53, 984).

***

...Есть же хотя немного стыда и в человеке бесстыдном, потому что Бог насадил стыд в нашей природе (свт. Иоанн Златоуст, 56, 828).

***

Уметь стыдиться того, чего должно, — это в действительности избавляет от стыда, а не уметь — подвергает бессмертному стыду (прп. Исидор Пелусиот, 62, 380).

***

Когда делающий худо не стыдится сего, тогда язва утяжеляется, и падение идет к отчаянию (прп. Нил Синайский, 91, 275).

***

Как скорости колебания весов в ветреную бурю препятствует тяжесть взвешиваемого, так колебанию ума препятствуют стыд и страх (прп. Исаак Сирин, 59, 5).

***

Иной может толковать о добродетели, сам не изведав опытно дела ее. Но слово от деятельности — сокровищница

надежды, а мудрость, не оправданная деятельностию, — залог стыда (прп. Исаак Сирин, 59, 7).

***

Если приобучим себя к доброму размышлению, то будем стыдиться страстей, как скоро встретимся с ними. И это знают изведавшие опытом на себе самих. Но будем стыдиться приближения к страстям и по причине их виновности. Когда из любви к Богу желаешь совершить какое дело, пределом желания сего поставь смерть; и таким образом на самом деле сподобишься взойти на степень мученичества в борьбе с каждою страстию, и не понесешь никакого вреда от того, что встретится с тобою внутри оного предела, если претерпишь до конца и не расслабеешь. Помышление немощного рассудка немощною делает силу терпения, а твердый ум тому, кто следует помышлению его, сообщает даже и силу, какой не имеет природа (прп. Исаак Сирин, 59, 163).

***

Если приобучим себя к доброму размышлению, то будем стыдиться страстей, как скоро встретимся с ними. И это знают изведавшие опытом на себе самих. Но будем стыдиться приближения к страстям также и вследствие причин, вызывающих их (прп. Исаак Сирин, 59, 163).

***

Не преподавай другому того, чего сам не достиг, чтобы не было тебе стыдно себя самого и, по сличении жития твоего, не открылась ложь твоя (прп. Исаак Сирин, 59, 282).

***

Невозможно же человеку оставить навык греховный, если не приобретет прежде вражды ко греху, и невозможно получить отпущение, прежде исповедания прегрешений. Ибо исповедание согрешений бывает причиною истинного смирения; исповедь — причиною сокрушения, последующего в сердце от стыда.

Если не возненавидим того, что достойно порицания, то, пока носим это в душах своих, не можем ощутить зловония и смрада действенности этого. Пока не отринешь от себя того, что неуместно, до тех пор не уразумеешь, каким покрыт ты срамом, и не уразумеешь стыда от сего. Когда же бремя свое увидишь на других, тогда уразумеешь лежащий на тебе стыд (прп. Исаак Сирин, 59, 363—364).

***

Принимай участие в страданиях всякого, а телом своим будь далеко от всех. Никого не обличай, не поноси, даже и крайне худых по жизни своей. Распростри одежду свою над согрешающим и покрой его. Если не можешь взять на себя грехов его и понести за него наказание и стыд, то будь, по крайней мере, терпелив и не стыди его (прп. Исаак Сирин, 59, 424).

***

Стыдно тщеславиться чужими украшениями, и крайнее безумство — гордиться Божиими дарованиями. Превозносись только теми добродетелями, которые ты совершил прежде рождения твоего; а те, которые ты исполнил после рождения, даровал тебе Бог, как и самое рождение (прп. Иоанн Лествичник, 58, 151—152).

***

Великий стыд для наставника молиться Богу о даровании послушнику того, чего сам еще не стяжал (прп. Иоанн Лествичник, 58, 255).

***

Если кто, будучи обличаем наедине, не стыдится, тот и обличение, сделанное перед многими, обращает в повод к большему бесстыдству, самовольно презрев свое спасение (прп. Иоанн Лествичник, 58, 257).

***

Стыдно пастырю бояться смерти; ибо о самом послушании иноческом говорят, что оно есть небоязненность смерти (прп. Иоанн Лествичник, 58, 263).

***

Если подвижник, напрягаясь пресечь (молитвою) смущающие его помыслы, отсекает их на время и уничтожает частое их появление, совсем же не освобождается от них, но остается в состоянии борющего и боримого, то это оттого, что он лелеет причины смущающих его помыслов — покой плоти и мирское честолюбие, из-за которых он не спешит и исповедать свои помыслы. Почему и покоя не имеет, держа в себе то, что дает врагам право ратовать против него. Кто, захватив чужие вещи, не бывает истязуем за них теми, кому они принадлежат? И кто, будучи истязуем и не возвращая того, что зле удерживает, может чаять свободы от соперников своих? — Но когда подвизающийся, укрепившись памятованием о Боге, возлюбит уничижение и озлобление плоти, и исповедует помыслы

свои, не боясь стыда, враги тотчас удаляются, и мысль, сделавшись свободной, непрестанную держит молитву и непресекаемое созерцание Божественного (Феолипт, митр. Филадельфийский, 94, 174—175).

***

...Воистину стыд великий, что те, которые подвизаются на ристалищах в телесных и внешних подвигах, в пять раз больше от всего воздерживаются, чтобы получить какой-нибудь тленный венец из дикой маслины, или из пальмовой ветви, или из финиковой, или из лавровой, или из миртовой, или из другого какого растения; а вы, имеющие получить такой нетленный венец, проводите жизнь свою в нерадении и беспечности. Не пробудит ли вас от этого сна хоть слово святого Павла, который говорит: *не весте ли, яко текущии в позорищи вси убо текут, един же приемлет почесть. Тако тецыте, да постигнете. Всяк же подвизаяйся от всех воздержится: и они убо да истленен венец примут, мы же неистленен* (1 Кор. 9, 24—25) (прп. Никодим Святогорец, 71, 9).

***

Побеждения <происходящие от немощи и греховности нашей, а не от изменившегося произволения> попускаются нам к нашему смирению для того, чтобы мы усмотрели и изучили падение нашего естества, признали необходимость в Искупителе, уверовали в Него и исповедали Его.

При таких побеждениях невидимые враги наши влагают нам стыд по причине побеждения, а по причине стыда расслабление в молитвенном подвиге, недоверие к нему, мысль об оставлении его и о переходе к благой деятельности посреди человеческого общества. Не вдадимся в обман! С са-

моотвержением и бесстыдством откроем нашу язву перед всеблагим и всемогущим Врачом нашим, заповедавшим это спасительное для нас бесстыдство, и обетовавшим увенчать его отмщением соперникам нашим. Положим в душе своей завет: до конца жизни не оставлять молитвенного подвига, из среды его прейти в вечность. Наша стыдливость при побеждениях чужда смысла: она — злая насмешка над нами врагов наших. Способен ли этот лист смоковничный — стыдливость с ее средствами — сокрыть согрешение человека от всевидящего Бога? Бог видит грех и без исповедания греха. Он ищет исповедания единственно для того, чтобы уврачевать. Если он завещал апостолу Своему прощать согрешившего и кающегося брата седмижды на день, тем более Сам исполнит это над нами, непрестанно приносящими Ему молитву и покаяние (см.: Лк. 17, 4) (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 161)

***

«Что мне делать, я боюсь стыда бесчестий?» — «Не переносить бесчестия есть дело неверия. Брат! Иисус сделался человеком, и перенес бесчестия: неужели ты больше Иисуса? Это — неверие и бесовская прелесть. Кто желает смирения, как говорит, и не перенесет бесчестия, тот не может приобрести смирения. Вот ты услышал истинное учение: не пренебреги им. Иначе пренебрежет и тебя дело.

О стыде: приводя себе на память всенародный стыд перед Господом, который постигнет грешников, ты вменишь временный стыд ни во что» (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 329).

***

...Вспомни святого Давида, впавшего в любодеяние и убийство. Вкралось в душу праведника неприметным обра-

зом нерадение; от нерадения родилось не хранение чувств телесных; освобожденный от хранения взор встретился неожиданно с предметом соблазна; предмет соблазна возбудил в душе освященной преступное пожелание; за пожеланием последовало преступное исполнение; за совершением прелюбодеяния последовал стыд тщеславный. Стыд, которым устыдилась греха человеческая гордость, родил новое преступное желание — желание скрыть грех, желание сохранить личину праведности перед человеками. Для этого совершено убийство... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 50)

***

...Моли Господа, чтобы Он помог тебе сказать все грехи твои духовному отцу со всею искренностию, с отвержением зловредного стыда и услышать разрешение из уст его с живою верою — как из уст Божиих... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 63—64)

***

Не согласись с помыслом лукавого, который будет внушать тебе: «Как сказать духовному отцу согрешение и гнусное, и низкое? Теперь скрой, а скажешь при следующей исповеди, когда пройдет довольное время и тебе будет менее стыдно говорить о грехе твоем, как о давнопрошедшем и едва помнимом». Узнай голос древнего змея, приходящего в виде татя, да украдет у тебя благие мысли, да убиет тебя советом злохитрым, и да погубит (см.: Ин. 10, 10) отъятием спасения, предлагаемого тебе Господом туне в покаянии (см.: Рим. 3, 24). Звук этого голоса подобен тому, который некогда проник в рай, извлек оттуда праотцев наших. Сын Адама! Ныне он стремится проникнуть в твою душу, чтобы

не впустить тебя в рай. Отвратись от него, не слушай его, не вкуси яда смертоносного для души твоей (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 67).

***

Стыд, робость, колебание нетерпимы при исповедании. Исповедание требует решительного самоотвержения <...> *Позор бысхом миру и ангелом, и человеком* (1 Кор. 4, 9), говорит о себе и о прочих святых апостолах святой апостол Павел. Апостолы не устыдились и не устрашились исповедать казненного поносною казнию Богочеловека, осужденного судом церковным и гражданским, не устыдились и не устрашились исповедать перед судом церковным и гражданским, перед сильными и мудрыми земли, перед тиранами и мучителями, перед лицом пыток и казней, перед лицом насильственной смерти (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 175).

****

Однажды авва Ефрем шел, и по чьему-то внушению подходит к нему блудница, чтобы обольстить его на постыдное дело, а если не так, то, по крайней мере, привести его в гнев, ибо еще никто никогда не видел его гневающимся. Ефрем говорит ей: «Иди за мной!» Приблизившись к одному месту, где толпилось много народу, авва Ефрем сказал ей: «Здесь делай, как ты хотела». Блудница же, увидев множество народа, отвечает ему: «Как можно нам это делать в присутствии такого множества? Не стыдно ли будет?» Он говорит ей: «Если мы стыдимся людей, то тем более должны стыдиться Бога, Который обличает и *тайныя тьмы* (1 Кор. 4, 5)». Блудница, услышав это, со стыдом отошла, ничего не сделав (98, 73).

***

Некая женщина, впав в тяжкий грех и не будучи в силах из-за стыда поведать его своему духовному отцу, пришла к святителю Иоанну Милостивому, патриарху Александрийскому, и, упав к его ногам, воскликнула: «О преблаженный, я такой тяжкий грех соделала, что не имею сил сказать о нем. Но при этом верую, что ты один можешь разрешить меня от него!» Иоанн сказал: «Если с верой пришла сюда, то исповедуй мне свой грех». Женщина отвечала: «Не могу, Владыко». «Ну, так, если стыдишься, — сказал святитель Иоанн, — пойди напиши на хартии свой грех и принеси ко мне». «И этого не могу сделать», — сказала женщина. — «Так запечатай хартию и принеси сюда». Женщина исполнила повеленное, принесла хартию к святителю Иоанну и умоляла его, чтобы он не распечатывал ее. После этого она удалилась из города, в котором жила, а Святейший патриарх на пятый день после того скончался и был погребен. Узнав об этом, женщина возвратилась в город и, думая, что грех ее уже известен, если не многим, то некоторым, в страшной скорби пришла ко гробу Иоанна и стала вопить: «О человек Божий! И тебе-то одному я не осмелилась открыть свой грех, а теперь знают о нем все. Не отступлю от гроба твоего до тех пор, пока ты не известишь меня о том, где мое рукописание. Я верую, что ты не умер, но и сейчас жив». И так вопия, женщина пробыла у гроба Святейшего патриарха, не вкушая пищи, три дня. В третью ночь является ей патриарх с двумя епископами, которые ранее были погребены рядом с ним, и говорит: «О женщина, когда же ты перестанешь беспокоить нас и орошать наши могилы слезами? Возьми хартию и, распечатав, посмотри, что в ней». Женщина взяла хартию, и видение кончилось. Распечатав ее, женщина увидела в ней, что руконисание ее греха зачеркнуто, а ниже написано

следующее: «Иоанна ради, раба Моего, загладился твой грех». «И рада бысть жена, — заключает сказание, — возвратися в дом свой, приимши отпущение грехов» (113, 168).

***

Некто просил старца принять деньги на свои нужды. Он не захотел принять, довольствуясь своим рукоделием. Когда же тот не переставал упрашивать старца принять деньги хотя бы для нужд бедных, он отвечал: «Здесь будет двоякий стыд: я принимаю без нужды и тщеславлюсь чужим даянием» (99, 126).

***

Брат, будучи возмущаем демонами хулы, пошел к авве Пимену с намерением открыть свой помысл. Но вернулся, ничего не сказав старцу. Еще раз, видя, что этот дух сильно возмущает его, пошел к старцу, но, стыдясь открыться ему, вернулся опять, так ничего и не сказав. И так поступал он несколько раз. Старец узнал, что брат мучается помыслами, но стыдится открыть их. Таким образом, когда брат, по обыкновению, опять пришел к нему и ничего не открыл, авва Пимен спрашивает: «Что с тобой, брат? Ты уходишь, ничего не сказав мне». Брат ответил: «Что я могу сказать тебе, отец!» Старец говорит ему: «Я чувствую, что тебя борют помыслы, но ты не хочешь открыться мне, опасаясь, чтобы я не пересказал кому. Поверь мне, брат, как эта стена не может говорить, так и я никому не открываю чужого помысла». Ободрившись этим, брат сказал старцу: «Отче, я нахожусь в опасности погибнуть от духа хулы, ибо он старается убедить меня, что нет Бога, чего не допускают и не думают даже язычники». Старец говорит ему: «Не возмущайся этим помыслом, ибо плотские брани хотя приключа-

ются часто от нашего нерадения, но есть наваждение самого змия. Потому, когда приходит к тебе этот помысл, встань и молись и, оградив себя крестным знамением, говори про себя как бы самому врагу: «Анафема тебе и наваждению твоему, твоя хула да будет на тебе, сатана. Сам я верую, что есть Бог, промышляющий о всем, а этот помысл не от меня происходит, но от тебя, зложелателя». И я верую, — заключил старец, — что Бог избавит тебя от такой скорби». Уйдя от старца, брат поступал по его наставлению. Демон, видя, что умысел его обнаружен, отступил от него, по благодати Божией (99, 209).

***

Одного инока укусила змея, и он пришел в город лечиться. Его приняла к себе в дом благочестивая и богобоязненная женщина и стала лечить. Лишь только немного успокоилась боль, диавол стал внушать иноку блудные помыслы. Однажды он схватил ее за руку. «Нет, отец! — сказала женщина. — Побойся Христа! Вспомни о скорби и тяжести раскаяния, которые ты испытаешь в своей келье, вспомни о воплях и слезах, которые предстоят тебе». Вот это и многое другое говорила женщина, и брань оставила инока. От стыда он не мог взглянуть на нее и хотел бежать из дому. Но женщина, проявив жалость к иноку ради Христа, сказала ему: «Не стыдись и не уходи, отец! Тебе еще надо подлечиться. А то был не помысл твоей чистой души, а козни злобного диавола». Окончив лечение, она отпустила его с миром (103, 253).

***

Некий юноша происходил из знатного рода. Отец был комитом и необыкновенно богат. Юноша оставил родителей и с великой ревностью пришел в монастырь. Старец, чтобы

испытать его смирение, немедленно приказал ему возложить на свои плечи десять больших корзин, в продаже которых тогда не было необходимости, носить по улицам города и продавать. К поручению было добавлено еще одно условие, с целью как можно дольше удержать новоначального в его послушании, чтобы он не продавал всех корзин разом, если бы кто и пожелал купить их оптом, но продавал их по одной. Юноша исполнил это с покорностью. Поправ всякий стыд ради любви ко Христу, он возложил корзины на свои плечи, носил их по улицам, продавая так, как ему было приказано, а вырученные деньги принес в монастырь (107, 537).

***

Видели мы одного чудного мужа. Он жил в маленькой пещере, в которой возможно было помещаться только одному человеку. К нему во время его трапезы стала приходить волчица, и редко когда она ошибалась, не попадая к принятию пищи. Ожидала волчица всегда у входа в пещеру столь долго, доколе пустынник не выносил ей остатков от своей трапезы. Тогда она лизала его руки и уходила, как бы исполнив долг свой и получив утешение. Случилось, что святой отлучился на продолжительное время из пещеры, провожая посетителя, и возвратился только к ночи. В это время приходила волчица к обычному часу трапезы. Ощутив, что келья пуста, что господин ее ушел, она вошла в пещеру, тщательно отыскивая обитателя. В пещере висела корзинка из пальмовых ветвей с пятью хлебами. Из этих хлебов волчица достала один и съела, и, совершив преступление, ушла.

Пустынник, возвратившись, увидел, что корзинка повреждена и что недостает одного хлеба. По оставшимся кро-

хам от съеденного хлеба он легко угадал виновного. Справедливость подозрения подтвердилась последствиями: в следующие дни волчица не приходила, не решаясь прийти к тому, кому она нанесла оскорбление. Прерванное знакомство с воспитанницею огорчало пустынника. Призванная его молитвами, она, по прошествии семи дней, возвратилась и села, как обычно, перед пещерой в то время, как пустынник принимал пищу. Однако, какова была стыдливость кающейся! Волчица не осмелилась подойти так близко, как подходила прежде, но сидела вдали, опустив глаза в землю по причине глубокого стыда, чем ясно выражала, что просит прощения. Пустынник, сжалившись над нею, приказал ей подойти ближе и, ласково погладив рукой по голове печальную, угостил ее удвоенным количеством хлеба. Получив прощение, волчица развеселилась и снова начала исполнять принятую ею на себя обязанность — посещать пустынножителя.

Воззрим и в этом отношении на силу Христа, Которому повинуется все, даже лишенное разума, перед Которым укрощается все зверское: волчица находится в услужении! Волчица сознается в согрешении воровством! Волчица подчиняется действию стыда по причине сознания! Призванная, она приходит, подставляет голову, понимает, что ей подано прощение, подобно тому, как ощутила стыд от впадения в погрешность. Это — Твоя сила, Христос! Это — Твои чудеса, Христос! Тебе принадлежат дивные дела, совершаемые служителями Твоими во имя Твое! То достойно неутешного плача, что звери ощущают Твое величие, — не ощущают его люди (107, 531—532).

СУД СТРАШНЫЙ

Господь нелицеприятно судит мир; каждый получит мзду по своим делам: если он был добр, то благость его предходит

ему; если нечестив, то возмездие за нечестие последует за ним (ап. Варнава, 95, 30).

***

Помышляй о том судилище, перед коим ты должен предстать, и попекись всеми силами исполнять должное, чтобы не заградились там уста твои, и ты не был осужден, не нашедши себе никакого оправдания в страшный оный час (прп. авва Исаия, 60, 42).

***

Ежедневно имейте смерть перед очами, внимательно размышляя о том... как вам предстать перед Богом в тот страшный день Суда, когда будет определяться должное воздаяние каждому за дело, слово и помышление (прп. авва Исаия, 60, 78).

***

Да не заградятся уста твоя, не имея, что отвечать перед святыми! Если ты, подобно мудрым девам, имеешь елей в сосуде своем, чтобы встретить Жениха (см.: Мф. 25, 4) и не быть оставленным вне чертога; если ты знаешь, что дух твой, душа и тело соединены так, чтобы ты мог явиться без всякого порока в день Господа нашего Иисуса Христа... (прп. авва Исаия, 60, 108).

***

Горе нам, если Господь потребует нас на Суд, прежде нежели мы покаемся (прп. авва Исаия, 60, 193).

***

...Не восстанет против тебя иного обвинителя, кроме самых дел, из которых каждое явится в собственном своем

виде: предстанут блуд, татьба, прелюбодеяние, напоминая и ночь, и образ грехопадения, и отличительное его свойство, и вообще предстанет всякий грех, принося с собою ясное напоминание свойственного ему признака (свт. Василий Великий, 5, 305).

***

Тебе нельзя сказать в день Суда: я не знал добра; тебя обличают собственные твои весы, достаточные к различению добра и зла (свт. Василий Великий, 5, 335).

***

Ныне Бог — помощник обращающихся от пути злого, а тогда <на Суде> — страшный и неумытный исследователь человеческих дел, слов и помышлений. Ныне пользуемся долготерпением, а тогда познаем правосудие, когда восстанем — одни на вечное мучение, а другие для вечной жизни, и каждый получит по делам своим (свт. Василий Великий, 9, 74).

***

Велик будет страх, и трепет, и исступление в час тот... когда соберет <Господь> нелицеприятное судилище, и отверзутся страшные сии книги, где написаны наши и дела, и слова, и все, что сказали и сделали мы в сей жизни и что думали скрыть от Бога... испытующего *сердца и утробы*... (ср.: Апок. 2, 23) (прп. Ефрем Сирин, 32, 326).

***

Тогда потребуются от каждого исповедание веры, обязательство крещения, вера чистая от всякой ереси, печать несокрушенная и хитон неосквернённый... У всех, вписав-

шихся в гражданство в Святой Церкви, потребуется отчет по силе каждого: *сильнии же сильне истязани будут...* (Прем. 6, 6); и *емуже дано будет много, много взыщется от него* (Лк. 12, 48); и *в нюже меру мерит, возмерится ему* (ср.: Мк. 4, 24)... (прп. Ефрем Сирин, 32, 327—328).

***

...Слова наши или осудят, или оправдают нас в час тот (см.: Лк. 19, 22). Каким же образом будут все допрашиваемы? Пастыри, т. е. епископы, будут вопрошены и о собственном их житии, и о пастве их; у каждого потребуют словесных овец, которых принял он от Пастыреначальника Христа. Если же по нерадению епископа погибнет овца, то кровь ее взыщется от рук его. Подобным образом и пресвитеры дадут ответ за Церковь свою, а вместе и диаконы, и всякий верующий дадут ответ за дом свой, за жену, за детей... воспитывал ли он их *в наказании и учении Господни* (Еф. 6, 4), как заповедал Апостол. Тогда вопрошены будут цари и князи, богатые и бедные, великие и малые о всех делах, какие сделали... (прп. Ефрем Сирин, 32, 330).

***

Лучше быть судиму, как немудрому, нежели быть осуждену, как мудрому... (прп. Ефрем Сирин, 32, 629).

***

Занимаешься ли работой, или молишься, или ходишь, или сидишь, или ешь, или постишься, или лежишь, бодрствуя на постели своей, или другое что делаешь, да не престает ум твой размышлять и уста твои говорить о Суде. Рассуждай же в сердце своем так: «Чем буду оправдываться перед Судиею? Есть ли кто другой подобный мне

грешник? Как загладить мне грехи свои?» (прп. Ефрем Сирин, 33, 149).

***

...Для нас на Суде будут узами обличение, стражею предстояние с подсудимыми, порабощением совесть и стремление произволения, приводимое в бездействие исследованием Судии (прп. Ефрем Сирин, 33, 206).

***

Все... бывающее с каждым из нас в веке сем, скорбное ли то или приятное, имеет конец, потому и проходит со временем. Но что будет по исшествии из жизни, то бессмертно. Поэтому будем содержать в уме день Суда, чтобы смысл наш совершен был о Господе (прп. Ефрем Сирин, 33, 233).

***

Ни один сердечный помысл не останется там неоткрытым, ни один взор очей не избежит Суда. И срамное слово, сказанное тайно и шепотом, будет в тот день обнаружено перед праведным Судиею, Который сокровенное судит открыто. И небо, и землю призовет Он быть с Ним на Суде: и горние, и дольние предстанут со страхом и трепетом. И небесные воинства, и полчища преисподних вострепещут перед немилующим Судией, Который прийдет, сопровождаемый ужасом и смертью (прп. Ефрем Сирин, 34, 101).

***

Восстанет Бог на Суд и вознесется над врагами Своими. Ужасом объята будет тварь и станет как мертвая. Восстанет Бог на Суд, и всякий порядок придет в расстройство, и

нестерпимы будут для тварей гнев и ярость Судии. Восстанет Бог на Суд, и небо, и земля разорятся, весь мир разрушится, все красоты его исчезнут. Восстанет Бог на Суд нечестивых и непокорных, и тварь обратится в прах. Кто в состоянии вынести силу Его? Падут перед Ним все высоты и низринутся все долины; и небо, и земля прейдут и исчезнут, как дым. Всю тварь совьет Он и бросит, как одежду, чтобы в ярости своей покарать врагов Своих, возненавидевших Его. Как в ризу облекался Он во вселенную, и теперь во гневе Своем сложит с Себя, чтобы совершить Суд над презрителями. Как разгневанный человек в досаде своей сбрасывает с себя одежды, чтобы отомстить своему противнику, наказать врагов своих, так Судия повергнет всю тварь Свою на нечестивых и мятежных, которые презирали, оскорбляли и уничижали Его. И тварь не стерпит гнева Судии, пламенеющего яростию на врагов и нечестивцев. И перед Ним, и окрест Его огонь попаляет и поедает грешных и безбожных. И все те, которые не чтили и уничижали Его, издеваясь над Его долготерпением, как сухие ветви истреблены будут исходящим от Него огнем. Небо омрачится от ужаса: какой же нечестивец спасется тогда? Море высохнет от страха: какой же беззаконник останется в живых? Вся земля сгорит: какой же грешник избегнет наказания? Огнь возгорится от Господа и всюду потечет на отмщение; и небо, и земля, и море воспламенятся, как солома (прп. Ефрем Сирин, 34, 102—103).

***

Если праведные едва могут остаться живыми среди ужасов Суда, то куда низринутся нечестивые и грешные? И пламенные Серафимы не отваживаются умолять о помиловании при виде огненного прещения, но стоят в страхе и трепете

и безмолвствуют как мертвые. И святые не просят о пощаде, потому что восходит дым гнева Его, и содрогаются они от опасения сгореть вместе с грешными. Когда Царь во гневе совершает суд над врагами Своими, тогда гнев Его вместе со злыми угрожает и тем, которые стали бы за них умолять Его о милосердии (прп. Ефрем Сирин, 34, 103—104).

***

Судия восседает на огненном престоле; окрест Его море пламени, и река огненная течет от Него подвергнуть испытанию все миры. И в людей вложил Он огня Своего, чтобы не попалил их оный огнь, когда воспламенит Он всю тварь и будет очищать ее как в горниле. Если этот огнь сохраняется теперь и не утушен грехами, то сохранившие в себе сей огнь спасутся от оного страшного попаления. А если в ком утушен он грехами и не сохранен святостью жизни, то все таковые для того огня, от которого сгорит мир, будут то же, что солюма. Царь сходит со Своего места, чтобы совершить суд над землею; с великим страхом и трепетом сопровождают Его воинства Его. Мощные Чины сии приходят быть свидетелями грозного Суда; и все люди, сколько их было и есть на земле, предстают Царю. Сколько ни было и не будет рожденных на свете, все придут на сие позорище, видеть Суд (прп. Ефрем Сирин, 34, 104).

***

Даже Ангелы содрогаются, когда вещает Судия, и воинства огнезрачных духов предстоят с трепетом. Какой же дам ответ, когда вопросят меня о тайных делах, которые там для всех будут обнаружены? (прп. Ефрем Сирин, 34, 202).

***

...Срамные дела мои предварят меня на Суде и будут обвинять бедную мою душу... (прп. Ефрем Сирин, 34, 204).

***

Кто может устоять перед строгим Правосудием, которое требует отчета даже и в мановении очей, не оставляет без исследования ни одного взгляда? Но приступите, выслушайте и ободритесь! Как ни строго истязание Правосудия, но если человек покается, одна капля слез изглаждает рукописание долгов его (прп. Ефрем Сирин, 34, 214).

***

Велик страх в этот день Суда, когда каждый даст отчет в делах своих, в помыслах и даже в мановении очей (прп. Ефрем Сирин, 34, 222).

***

Терзаться и беспредельно мучиться будет сердце наше, когда прейдет все, возбуждавшее в нас похотения, когда всякий предстанет обнаженным и поведен будет к ответу. Тогда горе тому, кто, подобно мне, сделал множество беззаконий, кто грешил и скрывал свои грехи, чтобы не быть посрамленным здесь! Там, в день Суда, будут указывать на него перстами (прп. Ефрем Сирин, 34, 222).

***

Все люди вострепещут в тот день, когда каждый... сам собою или оправдается, или осудится (прп. Ефрем Сирин, 34, 222).

***

Мир преходит, как ничто, но последний Суд останется непреложным. Не влеки меня на праведный Суд Твой, потому что *не оправдится перед Тобою всяк живый* (Пс. 142, 2) (прп. Ефрем Сирин, 34, 229).

***

Все облекутся там в душевное сокрушение, кроме одних совершенных. Восскорбят нечестивые, потому что не думали о конце, — грешники, потому что не искали спасения в покаянии; восскорбят любившие правду, если не пребыли постоянными, — и каявшиеся, если не исправились благовременно. Когда увидят они там венцы победителей, тогда тысячи из них приведут себе на память жизнь свою, узнают полноту блаженства труждающихся и обремененных, узнают, как превосходна была жизнь их, сколько благ и милостив Господь к чтущим Его (прп. Ефрем Сирин, 34, 239—240).

***

Правда отверзет... <на Суде> уста свои на укоризну, а всякие другие уста заградятся и будут осуждены. На всякого изольется правда, а благость отнимется. Такое воздаяние ожидает сынов человеческих, о каком и не помышляли они (прп. Ефрем Сирин, 34, 240).

***

Страшен и ужасен день суда Твоего, Спаситель наш, когда откроются греховные тайны. Посему трепещу, Господи, и объемлюсь ужасом, ибо грехи мои превзошли меру. Будь ко мне милостив по щедротам Твоим, о Благий и Благосердый! (прп. Ефрем Сирин, 34, 242).

***

Великое горе ленивому, который зарыл в землю и сребро свое, и лихву! Трепет обымет душу, когда вопросят ее о сделанном ею. Взыщет она взорами на Суде братьев и друзей своих, пришли ли они и помогают ли ей. Не помыслит уже о богатстве, об имени, о роскоши, о забавах. Несчастным назовет того, кто в мире сем приобретал себе больше потребного. Как жестоко... то разлучение, какое произведет Бог в день испытания! Куда бежать мне от скорби? Где искать прибежища и помощи? (прп. Ефрем Сирин, 34, 267).

***

Страшен Суд Твой, ужасно наказание Твое, Господь всея твари! Кто в состоянии будет стерпеть, когда воссядешь Ты на Престоле Своем, когда возгремит в высоте звук рога и страшная труба издаст глас свой? В тот день да вознесут с нами моление и небо, и земля, и все, что на них; и Плоть Твоя, которую Ты дал нам в снедь, и Крещение Твое, которым Ты облек нас, да защитят нас на Суде и да избавят от геенского мучения (прп. Ефрем Сирин, 34, 270—271).

***

Суд без милосердия и огнь неугасимый ждут нас. Помни о сем, душа моя, позаботься избавиться от сего и возьми с собою добрые дела в дар Судие (прп. Ефрем Сирин, 34, 301).

***

Горе тебе, бедная <душа>! Долго ли заниматься тебе преходящим? Вострепещи и ужаснись того огня, который возгрела ты себе поленами неправд своих (прп. Ефрем Сирин, 34, 323).

***

Там место таким приговорам, которые неотменяемы; определение Суда сего непреложно, и цари не могут оного нарушить (прп. Ефрем Сирин, 34, 388).

***

Последний Суд таков же, как и тот, первый, на котором за преступного Адама понесла проклятие земля; и терпят наказание — за Адама земля, за виновных сатана (прп. Ефрем Сирин, 34, 391—392).

***

В день Суда всякого обымет ужас; потому что в день этот будут сокрушаться все, кроме единого только великого сонма совершенных (прп. Ефрем Сирин, 35, 62).

***

Кто верует, что будет Суд, тот не судит ни одного человека, но себя паче блюдет и охраняет даже от малого и неважного худа (прп. Ефрем Сирин, 91, 487).

***

...Когда Бог будет обличать нас, Сам противостанет нам, поставит перед лицом нашим грехи наши — сих тяжких обвинителей, — когда полученные нами благодеяния противоположит нашим беззакониям, будет одно наше помышление поражать другим помышлением и одно дело осуждать другим делом, когда взыщет с нас за то, что достоинство образа Его поругали и омрачили мы грехом, и наконец предаст нас казни, после того как обличим и осудим сами

себя, и нельзя уже будет сказать нам, что страждем несправедливо? Для страждущих здесь это служит иногда утешением в осуждении, но там кто будет заступником? Какой вымышленный предлог, какое ложное извинение, какая хитро придуманная вероятность, какая клевета на истину обманет судилище и превратит Суд правый, где у всякого кладется на весы все — и дело, и слово, и мысль, где взвешивается худое с добрым, чтобы тому, что перевесит и имет верх, и с тем, чего больше, соображаться приговору, после которого нельзя ни перенесть дела в другое судилище, ни найти высшего судии, ни оправдаться новыми делами, ни взять елея для угасших светильников у мудрых дев или у продающих, после которого не помогает раскаяние богатого, страждущего во пламени и заботящегося об исправлении родных, и не дается срока к перемене жизни? Напротив того, Суд сей будет единственный, окончательный и страшный... или лучше сказать: потому и страшный, что он праведен. Тогда поставятся престолы, Ветхий Денми сядет, раскроются книги, потечет река огненная, предстанут перед взоры свет и тьма уготованные: *и изыдут сотворшии благая в воскрешение живота,* который ныне сокровен во Христе, напоследок же с Ним явится, *а сотворшии злая в воскрешение суда* (Ин. 5, 29), которым осудило уже неуверовавших судящее их слово (см.: Ин. 12, 48). И первые наследуют неизреченный свет и созерцание Святой и Царственной Троицы, Которая будет тогда озарять яснее и чище, и всецело соединится со всецелым умом (в чем едином и поставляю особенно Царствие Небесное); а уделом вторых, кроме прочего, будет мучение или, вернее сказать, прежде всего прочего — отвержение от Бога и стыд в совести, которому не будет конца (свт. Григорий Богослов, 13, 54—56).

***

...От нас потребуют отчета не только за слова и дела, но как за целое время, так и за самую малую и краткую часть времени (свт. Григорий Богослов, 13, 295).

***

Постараемся же предварительно иметь на себе знак и печать Господню; потому что во время Суда, когда Бог будет производить разделение и собраны будут все колена земные — целый Адам, когда Пастырь созовет стадо Свое, тогда все, имеющие на себе знак, узнают своего Пастыря, и Пастырь узнает имеющих на себе собственную Его печать и соберет их из всех народов; услышат глас Его свои и пойдут вослед Его. На две части разделится мир: одна часть будет темное стадо, отходящее в огнь вечный, а другая — света исполненная паства, возводимая к небесному жребию. Что ныне приобрели мы в душах, то самое воссияет, и обнаружится тогда, и облечет славою тела (прп. Макарий Египетский, 68, 99).

***

Как в месяц Ксанфик закрытые землею корни износят плод свой, дают свои цветы и украшения и оплодотворяются, и тогда обнаруживаются добрые корни и явными делаются те, на которых есть терния, так и в оный день всякий покажет и обнаружит и доброе и худое, что сделал он при помощи собственного своего тела. Ибо там — общий Суд и воздаяние. Кроме видимой пищи есть другая пища. И Моисей, когда восходил на гору, постился сорок дней. Взошел он человеком, а нисшел, имея в себе Бога. Вот видим на себе, что тело, если не подкреплено снедями, расстроивается в несколько дней; но Моисей, постившись

сорок дней, сошел гораздо сильнейшим всякого; потому что питаем был Богом и тело его снабжаемо было иною небесною пищею. Ему пищею стало Божие слово, и имел он славу на лице. Но бывшее с Моисеем есть только образ; ибо оная слава сияет ныне внутри — в сердцах христиан. И воскрешенные тела в Воскресение покроются иною Божественною ризою, и будут питаться небесною снедию (прп. Макарий Египетский, 68, 99—100).

***

Как входящие в чертоги к царю комиты или начальники областей в великом бывают страхе, как дать им ответ и не подвергнуться нареканию и наказанию, погрешив в ответе; а поселяне и простолюдины, никогда не видавшие князя, ведут себя беззаботно, так и весь этот поднебесный мир, все, от царей до нищих, не познавая славы Христовой, имеют попечение о делах житейских, и не скоро кто вспомнит о дне Суда; входящие же помыслом в судилище Христово, где Престол Христов, и всегда предстоящие Христу пребывают в непрестанном страхе и трепете, чтобы не погрешить в чем против святых Его заповедей (прп. Макарий Египетский, 68, 119).

***

Видишь, что совесть не дает своего согласия на такие помыслы, повинующиеся греху, но тотчас обличает их, ибо она не лжет и, всегда обличая, свидетельствует, что будет говорить перед лицем Божиим в день Суда (прп. Макарий Египетский, 68, 127).

***

Праведен Бог, и правы суды Его, и нет у Него лицеприятия, но по мере благодеяний и телесных, и духовных, или

ведения, или разумения, или рассудительности (каковые Бог различно вложил в человеческую природу) судя каждого, взыщет плодов добродетели и в достойной мере воздаст каждому по делам его. *И сильнии сильне истязани будут, а малый достоин есть милости* (ср.: Прем. 6, 6). И Господь говорит: *Раб ведевый волю господина своего, и не уготовав, ни сотворив по воли его, биен будет много. Неведевый же, сотворив же достойная ранам, биен будет мало. Всякому же, емуже дано будет много, много взыщется от него, и емуже предаша множайше, множайше просят от него* (Лк. 12, 47—48). Ведение же и разумение понимай различно, или то, которое дается по благодати и по небесному дару Духа, или то, которое бывает естественным следствием разумения или рассудительности и изучения Божественных Писаний. Ибо от каждого потребуются плоды добродетели, по мере оказанных ему Богом благодеяний или естественных, или дарованных Божией благодатию. Посему в день Суда безответен перед Богом всякий человек, потому что от каждого, слышал ли он, или никогда не слыхал слова Божия, потребуются плоды веры, и любви, и всякой соразмерной ему добродетели, как воздаяние от произволения и воли (прп. Макарий Египетский, 68, 228).

***

Если же не оказывается в нас плодов любви и мира, то вотще и напрасно совершается все делание. Делающие без плодов в день Суда окажутся подобными пяти юродивым девам, которые, поелику в сосудах сердца не принесли отсюда духовного елея, т. е. исчисленных выше добродетелей, то за сие самое названы юродивыми и не допущены в духовный чертог Царствия. За недостаток добродетелей, за то, что не имели в себе явственного обитания Духа и

самый подвиг девства вменен ни во что. Как при возделывании виноградника все попечение прилагается для того, чтобы насладиться плодами; а как скоро не оказывается плодов в винограднике, — весь труд возделывания становится тщетным и напрасным (прп. Макарий Египетский, 68, 349—350).

***

...Кто, приведя себе на память Страшный Суд Христов, не смутится тотчас же в собственной своей совести, не будет объят страхом и неведением? Если и сознает в себе исправление жизни, то, взирая на строгость Суда, на котором и малейшие недосмотры подвергаются исследованию, конечно, придет в ужас от ожидания страшных наказаний, не зная, чем для него заключится конец Суда (свт. Григорий Нисский, 19, 198).

***

Суд подобным нам грешникам подал совет: страшное решение Суда предварить покаянием (свт. Григорий Нисский, 19, 201).

***

...Божественный Суд, следуя неподкупному и правдивому приговору, сообразно с нашим произволением уделяет каждому, что человек приобрел сам себе (свт. Григорий Нисский, 19, 427).

***

...Как точные зеркала показывают изображения лиц такими, каковы лица в действительности: у веселых веселыми, а у угрюмых посупленными; и никто не обвинит свойства зеркала, если угрюмым окажется изображение лица,

поникшего от унылости; так и правдивый Божий Суд уподобляется нашим расположениям; и каково то, что в нашей воле, таковым же соделает и свое воздаяние (свт. Григорий Нисский, 19, 427).

***

Там не нужны ни свидетели, ни обвинители, ни доказательства, ни подтверждение; но самые дела явятся перед очами нашими в том виде, как мы их совершили (свт. Иоанн Златоуст, 45, 805).

***

...Суждения святых не зависят ни от расположения, ни от вражды, но чужды всякого пристрастия (свт. Иоанн Златоуст, 46, 9).

***

...В тот день (будущего Суда) Бог будет судить нас не только за то, в чем мы грешили, но и за то, в чем осуждали других... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 200).

***

Суд всеобщий будет там, а частный бывает и здесь; Бог совершает многое и теперь, чтобы люди бесчувственные не подумали, будто все существует без Промысла (свт. Иоанн Златоуст, 49, 116).

***

...Кто забывает о правосудии Божием, тот впоследствии времени забывает и о самом себе (свт. Иоанн Златоуст, 49, 129).

***

...<На Страшном Суде> нельзя извратить правды деньгами или избавить себя от геенны подарками; там не спасает ни покровительство, ни красноречие и ничто другое подобное. Как бы ты ни был богат, какую бы ни имел власть, с кем бы ни был знаком, все это тщетно и бесполезно, там каждый наказывается и увенчивается по делам своим (свт. Иоанн Златоуст, 49, 238).

***

...Хотя бы грехи предавали нас погибели, мы не должны падать духом и отчаиваться. Там, где милость и человеколюбие, не требуется строгого отчета в грехах, так как Судия, по великой милости Своей и по расположению к человеколюбию, многое прощает. Такой Судия — Бог, готовый и расположенный постоянно миловать и давать прощение (свт. Иоанн Златоуст, 49, 409—410).

***

Диавол не будет перед Богом, т. е. не будет предстоять Ему во время Суда, потому что предстоять Богу, когда Он станет судить, будут Ангелы, а диавол не будет предстоять, потому что он хотя и имеет бытие, но лишился своего достоинства. Почему же он не будет предстоять? Потому что Бог судит как человеколюбец, а диавол является величайшим человеконенавистником... Диавол не будет предстоять Богу на будущем Суде... потому что он со своими слугами не побоится уловить и душу праведника, воспользовавшись для того грехами, допущенными по неведению и невольно, а равно и потому, что *кровь неповинную осудят* (Пс. 93, 21), если бы у них была какая-нибудь власть су-

дить. Вот почему Бог и не позволяет им обвинять нас и быть против нас свидетелями, когда Он судит наши поступки, а призывает в качестве обвинителей наши помыслы, а в качестве свидетеля — совесть (свт. Иоанн Златоуст, 49, 920—921).

***

Мы не можем оправдываться незнанием и роптать на суд Божий ввиду того, что будто бы не знали Его закона, потому что Евангелие Христово пронеслось по всей земле (свт. Иоанн Златоуст, 49, 929).

***

Одному Богу свойственно судить не по подозрению, а нам свойственно — часто отступать от справедливости (свт. Иоанн Златоуст, 50, 129).

***

...Истинен только тот Суд, в котором Бог, судящий все справедливо, назирает все сокровенное нашего сердца. Так как Он разумеет все, то Он не произнесет суда по каким-либо душевным замешательствам, по ненависти или почему-либо иному. Только в таком суде присутствует истина, так что сами преступники и виновные сознаются, что они осуждены по праву (свт. Иоанн Златоуст, 50, 243).

***

Разве ты не знаешь, что подобно тому, как мы, вверяя деньги своим слугам, требуем у них отчета в каждом оболе, — так и Бог потребует от нас отчета в днях нашей жизни, как мы прожили каждый день? (свт. Иоанн Златоуст, 50, 562).

***

Не решаемся ли мы часто лучше умереть, нежели открыть перед почтенными друзьями наше тайное преступление? Как же будем чувствовать себя тогда, когда грехи наши откроются перед всеми Ангелами, всеми людьми и предстанут перед нашими глазами? (свт. Иоанн Златоуст, 50, 581).

***

...Как здесь преступники из темниц приводятся на суд в оковах, так и по отшествии из этой жизни все души приведутся на Страшный Суд, обремененные различными узами грехов (свт. Иоанн Златоуст, 51, 147).

***

...Ангелы соберут воскресших, а облака восхитят собранных, и все это произойдет в кратчайшее время, во мгновение. Господь будет призывать их, не пребывая на высоте, но Сам придет с трубным гласом. Для чего же будут трубы и глас? Для возбуждения, для радости, для представления ужасных событий, для мучения тех, которые оставляются (свт. Иоанн Златоуст, 51, 768).

***

За одни и те же грехи мы подвергаемся не одному и тому же осуждению, но гораздо строжайшему, когда согрешаем после освящения Таинствами (свт. Иоанн Златоуст, 52, 178).

***

...Если Он <Господь> пришел не для того, чтобы судить мир, то каким образом неверующий *уже осужден* (Рим. 3, 18), когда еще не настало время Суда? Он говорит это

или потому, что неверие без раскаяния само по себе есть величайшее мучение, или же Он предвозвещает будущее. Как убийца, хотя бы и не был осужден приговором судии, уже осужден по самому свойству своего дела, так и неверующий (свт. Иоанн Златоуст, 52, 179).

***

...<Страшный Суд> великое и страшное судилище, где нет веселия, а только печаль, где нет украшений, а помрачение, где нет развлечения, а испытание, где нет порицания, а защищение, где нет возможности к обогащению, а есть ужас, где нет лицеприятия, а суд праведный, где мы все предстанем нагими, одинаково рабы и свободные, благородные и незнатные, грешные и праведные, богатые и бедные, — одни посрамленными, а другие увенчанными (свт. Иоанн Златоуст, 53, 925).

***

...Никто пусть не думает, будто тот Суд (будет) в умоисступлении... Но в тот день нельзя отделиться телу от души, а вместе они будут предстоять Страшному тому Судилищу, где книги дел раскрыты, Судия нелицеприятен, и суд неизменен; во многой славе позовет Он всех на суд по имени, и все мы предстанем обнаженными. Там нет ораторской речи, побеждающей правду, нет многословия языка, но испытание дел; там не нужны дары, ни защитники, но все несут собственные бремена. Там старости не верят, знаменитости нет, телесное благородство не спрашивается; там красота лица не смущает Судию, но достоинство девства и остальных добродетелей смущает Судию, родившегося от Девы; там великий и малый равно судятся. Часто на том Суде осуждают дети родителей. Если ты родишь детей и не соблюдешь равенства между ними, но одного

обогатишь, а другого возненавидишь, то дашь ответ. Тогда и раб становится перед господином с дерзновением, и рабыня перед госпожою, и ученик перед учителем. Все они судятся в Страшном Судилище: дети с родителями, жены с мужьями; и дела каждого становятся явными (свт. Иоанн Златоуст, 54, 945).

***

Если нет суда, то Бог, судя по-человечески, несправедлив; а если Бог несправедлив, то Он и не Бог; когда же Он не Бог — все сразу рушится: нет ни добродетели, ни порока (свт. Иоанн Златоуст, 55, 374—375).

***

Тот, кто сурово судит о чужих делах, никогда не будет пользоваться снисхождением по отношению к себе. Бог произнесет Свой приговор, глядя не только на природу наших грехов, но и на суд о других (свт. Иоанн Златоуст, 56, 821).

***

Употребленное велемудрым Павлом выражение *нага и объявлена* (Евр. 4, 13) взято с жертвенных животных, приводимых на заклание. Как они, по снятии с них кожи, обнажаются от всякого видимого покрова, и в них явным делается расположение сокровенного внутри, разлагаются для удобного рассмотрения каждая кость и каждый член, чтобы чистым соделывалось все то, к очищению чего приводится жертва; так и в Великий день Господень откровение неизвестных и неявных дел наших обнажит их, и соделается подобным рассечению на части, и ничто не возможет утаиться, но все приведено будет в ясность (прп. Исидор Пелусиот, 61, 66).

***

...Что судимы будут живые и мертвые, значит, что на Суд предстанут и душа, и тело, и не в отдельности друг от друга, но как здесь были в общем союзе, так и там подвергнутся суду совокупно. Если же доискиваешься другого изъяснения, вот оно: Господь отделит живых, пришедших в жизнь присноживотную и боголюбивую, и воздаст им нескончаемые награды; осудит же мертвых грехами; данный им талант, как во гробе, погребших в своей лености, и подвергнет их наказанию. Если же потребуешь и еще иного объяснения, то разумей так: будет судить как оставшихся дотоле живыми, так и почивших уже прежде них (прп. Исидор Пелусиот, 61, 139—140).

***

Если принадлежишь ты Божию стаду, то да наставит тебя Божественное Писание, что делаемое нами здесь не освободится от суда, но сохраняется на Страшный день испытания. А если ты из иудейского сонма, то да научит тебя велемудрейший Исаия, что *Господь яко огнь пришдет, и яко буря колесницы Его, воздати яростию отмщение Свое и прещение во пламени огненне* (Ис. 66, 15). Даже если ты любитель какой-либо еллинской общины, или еллинского суеверия, и по пристрастию к ним пренебрегаешь истинное обетование, то да уцеломудрят тебя Платон, его коциты, пирифлегетонты, шумящие волны огнедышащих рек (прп. Исидор Пелусиот, 61, 216—217).

***

О великости оскорблений и наказаний люди обыкли судить по множеству свидетелей. Те же оскорбления и те же наказания, если понесены не при многих, почитают не

столько же тяжелыми. Посему если это действительно так: смотри, в каком будем положении, когда при всем человечестве, при сонме Ангелов станем давать отчет, когда наипаче и все бесстыдство не найдет себе места, потому что грехи последуют за нами, как тень (прп. Исидор Пелусиот, 63, 344—345).

***

Велика точность Божественного Судии, испытующая и слова, и дела, и помышления, проникающая до самой сокровенности, все подвергающая исследованию. Но велико и наше нерадение; даже когда знаем, что непременно понесем наказание, хотя и не все одно и то же... (прп. Исидор Пелусиот, 63, 368).

***

Согрешающему другу напомни о Судии, и заживишь свою язву, потому что сие врачевство совета, как общее, пригодно и ему, и тебе (прп. Нил Синайский, 73, 253).

***

...Время каждого коротко, и судят нас по делам, а не по ведению недоведомого (прп. Нил Синайский, 74, 202).

***

Если кто, явно согрешая и не каясь, нимало не страдал до самой смерти своей, считай, что его постигнет немилостивый суд (прп. Марк Подвижник, 70, 18).

***

Кто истинно возлюбил Господа, кто истинно желает и ищет будущего Царствия, кто имеет истинную скорбь о

грехах своих, кто поистине стяжал память о вечном мучении и Страшном Суде, кто истинно страшится своего исхода из сей жизни, тот не возлюбит уже ничего временного, уже не позаботится и не попечется ни об имениях и приобретениях, ни о родителях, ни о славе мира сего, ни о друзьях, ни о братьях, словом, ни о чем земном; но, отложив все мирское и всякое о нем попечение, еще же, и прежде всего, возненавидев самую плоть свою, наг и без попечений и лености последует Христу, непрестанно взирая на небо и оттуда ожидая себе помощи, по слову Святого, сказавшего: *прильпе душа моя по Тебе* (Пс. 62, 9), и по изречению иного приснопамятного: *аз же не утрудихся, последуяй Тебе, и дне, или покоя, человека не пожелах, Господи* (ср.: Иер. 17, 16) (прп. Иоанн Лествичник, 58, 10).

***

...Кто равнодушен к <Страшному Суду>... будьте уверены, что он уловлен страстьми, дремлет в беспечности... (прп. Феодор Студит, 93, 334).

***

В ком царствует милость и истина, в том качествует все богоугодное; ибо та никого не судит без милости, а эта ни к кому не человеколюбствует не по истине (прп. Илия Екдик, 92, 428).

***

...Когда Бог сядет на престоле судить мир, тогда, осуждая грешников за то, что грешили, осудит их наипаче за то, что не прибегали к Богу Всевышнему, яко немощные и грешащие по немощи, и не умоляли Его послать им свыше благодать Всесвятаго Духа, да избавит их от немощи и

дарует им силу не грешить (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 301—302).

***

...Осуждены будут отцы отцами, рабы и свободные рабами и свободными, богатые и бедные богатыми и бедными, женатые — женатыми, неженатые — неженатыми, и просто сказать, всякий грешник в оный Страшный день Суда увидит подобного себе против себя в жизни вечной и в неизреченном оном свете, и будет осужден им. Как бы сказать, всякий грешник будет видеть против себя подобного ему праведника, т. е. царь царя, начальник начальника, блудник нераскаянный блудника покаявшегося, бедный бедного, раб раба; и вспомнит, что и он был человек, и он имел душу, и тело, и все другое, как и тот имел в настоящей жизни такое же достоинство, такое же искусство, такой же промысл, однако же не хотел подражать ему; и зажмет рот свой, не имея ничего сказать в защиту себе. Когда миряне грешники увидят в Царствии Небесном мирян праведных, грешные цари — царей праведных, богатые и женатые грешные — богатых и женатых святых и все другие грешники, имеющие находиться в аде, подобных себе находящимися в Царствии Небесном, тогда покроются стыдом, подобно оному богачу, который, палим будучи огнем неугасимым, увидел бедного Лазаря покоящимся на лоне Авраама (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 160).

***

...Которые отходят из сей жизни без сих двух — без очищения сердца и узрения Бога, для тех сомнительно конечное решение, имеющее быть произнесено над ними; сомнительное же неверно и ненадежно. Кто не удостоверяется в сем в сердце своем благодатию Святаго Духа, тот, мне кажется, ничем другим не стяжет уже никогда непос-

тыдной и неколеблющейся надежды. А кто не имеет такой надежды, тот чем другим может быть восхищен вместе со святыми на воздух в сретение Господа? И чем другим возжжет он тогда светильник свой, погасший еще здесь, скажи мне? (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 277—278).

***

...Все те, которые не облеклись здесь во Христа, т. е. не вошли в свет, не прияли света и не стали сами светом... все такие окажутся обнаженными, придут в великий страх и трепет, в великую отовсюду тесноту. И не это только, но и каждое дело доброе и худое, каждое слово и каждый помысл наш, со времени рождения до смерти, все собравшись, явны будут тогда во всяком человеке. И тот один стыд, какой испытывать тогда будет всякий, с каким сравнить можно мучением? Какое другое мучение может быть большее того стыда и страха, каким будут поражены тогда находящиеся ныне во тьме и не просвещенные Духом Святым? (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 320).

***

...Неправедные будут отделены от праведных, и грешники и все те, которые не будут иметь в себе света отсюда, покроются тьмою (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 75).

***

...Суд будет (происходить) так, как сказал Он, когда заповедь одновременно, увы мне, встретит и обличит верного и совершенно неверного, покорного и непокорного словам Владыки, того, кто был старательным, и нерадивого. И таким образом отделены будут неправедные от праведных, непокоривые от совершенно послушных Христу, любящие

ныне мир сей от боголюбцев, жестокосердные от благосердных и от милостивых немилостивые; и станут все они вместе обнаженными от богатства, чести и власти, которыми насладились в мире, и сами себя, увы мне, осудят, став самосудиями дел своих, и услышат: *отыдите, малые и великие, непокорившиеся Мне, Владыке — Человеколюбцу* (ср.: Лк. 13, 27). Какового праведного осуждения да избавимся мы, Владыко, и да улучим часть овец Твоих, Слове, туне, как не имеющие надежды спасения от дел — и осужденные ныне и вовеки (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 200).

***

Огнем откроется последний день, и огнем будут испытуемы дела каждого (см.: 1 Кор. 3, 13), говорит святой Павел, прилагая при сем, что, чьи дела по существу нетленны, каковые он внутри себя отложил в созидание свое, те пребудут посреди огня нетленными и не только не сгорят, но еще соделаются блестящими, очистившись совершенно от малых каких-либо пятен. А чьи дела тленны по веществу, каковые он, как бремя, на себя возложил, те, возгоревшись, сгорят и оставят его в огне ни с чем. Дела нетленные и пребывающие суть — слезы покаяния, милостыня, сострадание, молитва, смирение, вера, надежда и всякое дело, в видах истинного благочестия соделываемое, — кои, и когда живет человек, созидаются в нем во святой храм Богу, и когда умирает, отходят с ним и сопребывают с ним нетленными вовеки. А дела, в огне истлевающие, как для всех явно, суть — сластолюбие, славолюбие, сребролюбие, ненависть, зависть, воровство, пьянство, досаждение, осуждение и всякое дело, телом совершаемое, по похоти или гневу. Все такие дела, и когда живет человек, разжигаясь похотью, тлеют вместе с ним, и когда отторгается он от тела, отходят вместе с ним, но не сопребывают с ним, а, быв истреблены

огнем, делателя своего оставляют в огне на нескончаемую во веки веков муку (прп. Никита Стифат, 94, 168—169).

***

...Сегодня... нам предлежит слово о Втором Пришествии Христовом, и связанном с ним трепетнейшем Суде, и о тех непостижимых вещах, которые должны будут совершиться из-за него, которые ни глаз не видел, ни ухо не слышало, ни на сердце человека, не озаренное Божественным Духом, не всходили, но которые превосходят не только человеческие ощущения, но и ум и разум человеческий. Ибо хотя Он — всеведущий и имеющий судить всю землю, учит нас о сем, однако снисходит к нашей возможности разумения, представляя соответствующие понятия. Посему и «молния», «облака», «трубный звук», «престол» и подобное сему вводится, хотя, согласно Его возвещению, мы ожидаем новые небеса, когда нынешние изменятся. Если же только сказанное, и то сказанное таким образом, — доступно пониманию исполняет душу разумно слушающих страхом и трепетом, то что же будет тогда, когда это будет самой вещью совершаться?! (свт. Григорий Палама, 26, 45—46).

***

Поскольку же, все совершив и ничего не оставив несделанным из того, что нужно было сделать, Он <Господь> увидел, что зло, по свободному нашему произволению, до такой степени возрастает, лучше же сказать — увидит, что оно достигает наивысшей степени, так что люди, оставив са́мого истинного Бога и са́мого истинного Христа, поклонятся тогда антихристу и послушают его. Тогда Сам Он сойдет с небес с силою и славою многой, уже исполненный не долготерпения, но имеющий покарать тех, которые, по

причине злых дел, сокровиществовали себе гнев Божий, в то время когда эта земная жизнь была временем долготерпения Его; и, как сгнивший член, отсекнув и предав огню неизлечимых, Он близких Ему, искупив от оскорбительного отношения и совместной жизни со злыми людьми, сделает их наследниками Небесного Царства. Немедленно после отвратительной антихристовой дерзости Содержащий все приведет все в потрясение, согласно сказанному через Пророка: *к тому же зараз Я потрясу не только землю, но и небо* (ср.: Агг. 2, 22). Итак, Он потрясет мир, и расторгнет высочайший предел всего, и совьет небесный свод, и землю примешает огню, и разрушит все. С высоты, как бы некие несметные удары молний, пошлет Он множество звезд на головы боготворящих лукавого. Прежде всего, с той целью, чтобы поверившие антихристу отрезвились от тех обольщений, которые опутали их ум. Затем Он явится с неизреченною славою и слышным для всех голосом трубы оживит всех от века усопших, как некогда оживил он нашего праотца дуновением Своим, и представит их живыми перед Собою. А нечестивых ни на Суд Он не приведет, ни одним словом не удостоит их: потому что, согласно Писанию, не на Суд воскреснут нечестивые, но — на осуждение (свт. Григорий Палама, 26, 48).

***

...Благодать Духа, предначав, известила нас о будущем Страшном Суде Божием, а затем напомнила нам об изгнании Адама и, наконец, после сего представила нашим очам — в чем заключается незыблемейшая вера, дабы, движимые страхом перед грядущим Судом, и плача об изгнании из рая, и незыблемо держась веры, мы бы стеснили себя, и не впадали в невоздержание, и, вследствие ненасытного чрева, не отверзли врата всем страстям, и не сдались

им, и, всецело оказавшись на пространном и широком пути, не погибли бы вместе с так называемым услаждением (свт. Григорий Палама, 26, 96).

***

Братия! Нужно, необходимо нам, немощным и грешным, частое воспоминание Второго Пришествия и Страшного Суда Христова: такое воспоминание есть благонадежнейшее приуготовление... (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 64).

***

На Суде Христовом потребуется в оправдание милость, как деятельное выражение любви, и заслужит помилования одна милость, как опытное доказательство любви (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 42).

***

Обличителем и обвинителем каждого подсудимого <на Страшном Суде> будет совесть его, внезапно исцеленная от слепоты, от обаяния грехом... (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 455).

***

Господь и на Страшном Суде будет не то изыскивать, как бы осудить, а как бы оправдать всех (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 38).

***

Бог судит душу по тому, что от нее самой зависит, а не по тому, в чем она не властна (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 239).

***

Добрый ответ <на Страшном Суде> будет иметь тот, кто хоть сознает много грехов, но имеет удостоверение, что раскаяния ради они прощены... Это удостоверение — предел покаянных трудов на земле... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 192).

****

Авва Силуан однажды, в присутствии бывших у него братий, пришел в исступление и пал ниц на лицо свое. После продолжительного времени он встал и предался плачу. Братия начали успокаивать его, говоря: «Что с тобой, отец?» Но он молчал и плакал. Они упрашивали его дать им ответ, и он сказал: «Я был восхищен на Суд и видел, что многие из нашего иноческого чина шли в муку, а многие из мирян шли в Царство Небесное». После этого старец не выходил из своей кельи, а когда в этом была необходимость, он покрывал лицо куколем, говоря: «Зачем мне смотреть на этот временный свет, в котором нет ничего полезного для меня?» (107, 353).

***

Некий, живший в Царьграде и известный царю, юноша-художник о своем спасении совершенно не заботился. Господь, желая вразумить его, однажды показал ему во сне следующее: увидел юноша, что он с одной сделанной им вещью пришел к царю. Царь сначала принял его благосклонно и беседовал с ним; а потом вдруг схватил его одной рукой за волосы, а другой, обнажив меч, трижды замахнулся на него. Юноша вначале принял это за шутку, но когда царь объявил, что хочет лишить его жизни и коснулся мечом его шеи, то юноша пришел в неописуемый ужас и от этого проснулся. Придя в себя, он стал размышлять о том,

чтобы значил его сон, и, наконец, убедился, что этим видением Господь побуждает его к покаянию и исправлению. Убедился в этом юноша, но не исправился. Тогда Господь вразумил его снова. Вскоре юноша заболел тяжело и увидел однажды себя на Суде Христовом. Перед ним стоял Христос, а позади Его пропасть. «Знаешь ли, кто Я?» — спросил Господь. «Знаю, Господи», — отвечал он. «А если знаешь, то почему забыл урок, который во сне дал тебе царь?» — «Я ужасаюсь, Господи», — отвечал юноша. — «А если ужасаешься, то почему не исправляешься?» И с этими словами Он повелел бросить его в пропасть. Испугался юноша и стал призывать на помощь Пресвятую Богородицу, и эта молитва спасла его. Господь сказал: «Ради умоления Матери Моей оставьте его». Этим видение кончилось. Оправившись от болезни, он пошел к одному старцу и рассказал виденное. Старец выслушал и сказал: «Благодари Бога, что сподобился такого вразумления. Брось прежнюю жизнь, чтобы не случилось того, как было с одним Георгием. Он так же видел себя на Суде Страшном, и его вели связанного в ту же пропасть, что и тебя. В видении ему было дано двадцать дней на исправление, но он забыл о виденном и продолжал грешить. Через двадцать дней он действительно предстал на суд, ибо скончался в указанное время. Теперь сам можешь судить о его участи». Услышав это, юноша раздал имение нищим и стал вести богоугодную жизнь (113, 205).

СУЕВЕРИЕ

...Какое зло — волхвовать! Вне попечения Божия поставляет оно предающегося ему. А многим из христиан кажется делом безвредным склонять к нему слух, собирать приметы, слушать истолкователей примет. Чихнул кто на слове, говорят: и это имеет значение. Кто-нибудь сзади наз-

вал меня по имени, нога поскользнулась при выходе, зацепилась одежда; все это помеха. И люди весьма знаменитые, ожидающие Судию с небес, хладнокровно впадают в сей вредный порок. Но слушай: отвержен народ, предавшийся сему (свт. Василий Великий, 6, 90).

***

Враг до того издевается над человеком, что, если показалась кошка, выглянула собака или утром встретился человек, хотя самый благорасположенный, но с поврежденным правым глазом или бедром, он отскочит, отворотится, не раз зажмурит глаза. Что бедственнее такой жизни — все подозревать, во всем видеть препятствие, когда все должно возводить душу его к Богу? Когда видишь птиц, летящих по воздуху, не полет их замечай, описывают ли они круги над нашею головою, или летят навстречу, или налетают сзади, или поперек пересекают путь. Оставив это, дивись в них премудрости и распоряжениям Творца: каким образом такая тяжесть носится по воздуху; как нежное естество воздуха стало колесницею для крыл... (свт. Василий Великий, 6, 91).

***

Когда нужно наречь имя младенцу, то, еще не называя его именем святого, как древние делали прежде всего, но засветив светильники и дав им различные названия <имена>, называют младенца именем того, который прогорит долее всех, предполагая, что дитя от того проживет дольше... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 120).

***

Женщины, кормилицы и служанки, берут в бане грязь и, обмакнув в нее палец, помазывают чело младенца; если

кто спросит: «Что значит эта грязь, это брение?» — то говорят: «Она предохраняет от дурного глаза, от зависти и ненависти». Увы! Грязи и брению приписывают такую способность и такую силу — разрушать всякие козни диавола! «Не стыдно ли вам», — скажите мне? Поймете ли вы когда-нибудь, как диавол с раннего возраста человека мало-помалу раскидывает свои сети и употребляет свои хитрые уловки? Если грязь производит такие действия, то почему не помазываешь ею своего чела ты, достигший возмужалого возраста и имеющий у себя завистников более младенца? Почему не помазываешь грязью всего тела? Если она на челе имеет такую силу, то почему бы тебе не помазать грязью всего себя? Смешное и забавное внушение сатаны, впрочем, не смеху только, но и геенне подвергающее обольщаемых! Если это делается у язычников, то нисколько не удивительно; а когда поклоняющиеся Кресту, приобщающиеся неизреченных Таинств и достигшие любомудрия держатся таких постыдных обычаев, это достойно многих слез (свт. Иоанн Златоуст, 54, 121).

***

Суеверные приметы в мирских людях сопротивляются вере в Промысл Божий; а в нас, монахах, — духовному разуму (прп. Иоанн Лествичник, 58, 193).

СУЕТА

Знайте, что Дух ничем так не погашается, как суетными беседами (прп. Антоний Великий, 90, 39).

***

Земля полна суеты, бед и скорбей (прп. Антоний Великий, 90, 101).

***

Если любишь покойную жизнь, не входи в круг тех, у коих вся забота о суетностях, и если случайно попадешь в среду их, будь таков, как бы тебя там не было (прп. Антоний Великий, 90, 102).

***

Кто имеет одно в сердце, другое на языке по лукавству, того молитва — суетна. С таковыми людьми не обращайся, дабы не заразиться ядом их; а обращайся с незлобивыми и святыми мужами, чтобы соделаться участником их добродетели и чистоты. Не держи в сердце своем злобы ни на кого, иначе труды твои будут тщетны и суетны (прп. авва Исаия, 60, 49).

***

...Господь Иисус для того соделался человеком, чтобы мы подражали Ему по мере сил наших, были свободны от забот и не развлекались попечениями суетного мира (прп. авва Исаия, 60, 68).

***

Вино портится, если не будет сокрыто в местах глубоких и подземных; так и все труды юношества суетны, если не охраняются смирением (прп. авва Исаия, 60, 69).

***

Глух тот, кто, предавшись суетным заботам, нисколько не упражняется в предметах Божественных; но когда, оставив все (суетное), исполняет заповеди Божии, тотчас начинает слышать (прп. авва Исаия, 60, 71).

***

...Возлюбленный Господь наш Иисус Христос знал, что невозможно уму человеческому взойти на крест, если не уклонится от всякого мирского попечения, то повелел оставлять все, чем ум низводится со креста (прп. авва Исаия, 60, 120).

***

...Невозможно уму, связанному попечениями века сего, служить Богу. *Не можете,* сказал Господь, *Богу работати и мамоне* (Мф. 6, 24). Через мамону Господь означил все заботы мира сего. Если человек не оставит оных, то не может служить Богу (прп. авва Исаия, 60, 146).

***

Горе нам, что мы, предавшись суетным вещам, забыли о борьбе со страстями (прп. авва Исаия, 60, 193).

***

Когда ешь, не поднимай лица своего на того, кто подле тебя, не смотри туда и сюда, не говори слова суетного, не протягивай руки своей к тому, что тебе желательно, не сказавши: благослови, а когда пьешь воду, не давай горлу своему издавать гурчание, как (делают) миряне простые (прп. авва Исаия, 90, 286).

***

Те же, которые удерживают свои хотения и желают исполнять их, хотя начинают духом, но, не могши устоять против врагов своих, по причине желания исполнять свои хотения, *скончавают плотию* (ср.: Гал. 3, 3) и делают суетным и бесплодным труд свой. За это укоряет их пророк

Иеремия, говоря: *проклят (всяк) творяй дело Господне с небрежением* (ср.: Иер. 48, 10)... (прп. авва Исаия, 90, 434).

***

Горе нам, что, предавшись суетностям, забыли мы о борьбе с диаволом! (прп. авва Исаия, 90, 440).

***

Горе нам, что попечение наше о суетном делает сердце наше запущенною землею и притупляет его (чувство к духовному)! (прп. авва Исаия, 90, 441).

***

...Мятежами и недосугами, какие обыкновенно производит мирская жизнь, <душа>, будучи отвлекаема от драгоценного памятования о Боге, не только лишается возможности радоваться и веселиться о Боге... но и совсем привыкает к пренебрежению и забвению судов Божиих. А больше и пагубнее сего зла и потерпеть невозможно (свт. Василий Великий, 9, 95).

***

Что значит быть суетным? Все, что предпринимается не ради потребности, но для прикрасы, подлежит обвинению в суетности (свт. Василий Великий, 9, 201).

***

Три рода дел умножают суету, и четвертый род не принадлежит к числу добрых: если юные не подчиняются, если старцы завидуют успехам младших, если благоговейный

уклоняется в дела негодные и если настоятель неведением своим стесняет души братий (прп. Ефрем Сирин, 31, 164).

***

Размыслим, братия, что все концы мира никакой не принесут нам пользы в день нашего ответа; и ради ничтожных и тленных вещей не утратим блаженных райских утех и благ, никогда не преходящих, которых уста человеческие описать не в состоянии, к которым и Ангелы желают приникнуть. *Кая... польза человеку, аще мир весь приобрящет от востока до запада и от севера до моря, и все, что в мире: и деньги, и имения, и удовольствия, душу же свою отщетит?* (ср.: Мк. 6, 36). Все это не возможет защитить его там. Посему премудрый Соломон сказал: *суета суетствий, всяческая суета* (Еккл. 1, 2). Что же такое имеет в себе эта душевредная и суетная жизнь, что о ней у нас все попечение, все борения и труды, что к ней привязан ум человеческий? О благах будущих нет ни слова, ни старания; а что касается до благ временных и тленных, то о них у нас и старание, и хлопоты, за них и ссоры, и вражды, и нападения. Нередко за ничтожную вещь проливается кровь, а через несколько времени человек оставляет ее и выходит из этой жизни нагим и жалким, ничего не приобретши здесь, и не улучив вечных благ. Какое суетное стремление! Как душевредна жизнь сия! Как издевается она над человеком! Итак, размысли, человек, что имеет в себе эта жизнь? В ней — зловоние, скорбь, труд, мука, непрестанные хлопоты, неправда, любостяжательность, ложь, татьбы, отравы, недоброжелательства, пленения, кораблекрушения, вдовство, сиротство, неплодство, укоризны, клеветы, посрамления, убытки, грабежи, стенания, войны, ненависть, зависть, убийства, и старость, и болезни, и грех, и смерть. Слышал ли теперь, что имеет в себе настоящая жизнь? Не люби же этой жизни, которая вводит

в заблуждение, играет нами и обманывает нас, над многими издевается и многих ослепила (прп. Ефрем Сирин, 33, 18—19).

***

Мир сей содержит в себе тленное, потому что сам основан на смерти. Знает, что у кого во всем недостаток, у того нет и состязателей, и разделяет чужие труды суеты. Почему же тебе, человек, не стать благоразумным и не расторгнуть союза со здешним? Почему не ухитриться против суеты и в обладании имуществом не вступить в согласие с покаянием? Наследница дел человеческих — суетность, ибо ей свойственна рассеянность, а рассеянность есть порождение любостяжательности, славолюбия и сластолюбия и чрезмерно благорасположена к породившим ее. Преодолей хитрость змия и сохраняй благорасположение к Владыке. Возьми принадлежащее суете, а дай это Богу, чтобы в будущий век стать тебе наследником своего. Вручи имущество свое Богу, и суета лишится своего наследства. Сделай завещание на свое имя, потому что, как смертный, должен ты умереть и, пребывая верным во всем, обратно получишь свое (прп. Ефрем Сирин, 33, 186—187).

***

Подвизайтесь вы, оставившие житейскую суету и все скорогибнущее, и не обращайтесь к этому снова сердцем своим. Богатство преходит, слава исчезает, красота увядает, все изменяется и исчезает как дым, преходит как тень, изглаживается как сон. Поэтому-то Соломон сказал: *суета суетствий, всяческая суета* (Еккл. 1, 2). Потому-то и Давид воспевал, говоря: *образом ходит человек, обаче всуе мятется* (Пс. 38, 7). Действительно, всуе мятутся, которые любят хлопоты настоящей жизни. Действительно, всуе

мятутся, всуе тревожатся, всуе волнуются, которые собирают и кладут в сокровищницы, что вскоре погибнет, чего невозможно им взять с собой. Ибо, все оставив, нагими, как родились, пойдем мы к Страшному Судии. Покинув все собранные нами сокровища, нагие, жалкие, унылые, омраченные, сокрушенные, уничиженные, для всех открытые, робкие, трепещущие, посупленные, смущенные, поникнув лицом в землю и закрывая его от стыда, — так пойдем, так явимся, так будем предстоять на оном великом, на оном страшном, нелицеприятном, неподкупном, непостижимом для нас Судилище, где трепещут Ангелы, где поставлены страшные Престолы, где читаются книги деяний, где река неугасимого огня, где немилосердный червь, где непроницаемая светом тьма, где хладный тартар, где неумолкающее сетование и скрежет зубов, где непрестанные слезы, где немолчные воздыхания, где безутешный плач, где место не смеху, но рыданию, где место не восклицаниям, но трепету, где место не радованию, но воздыханиям, где место не забав, но Суда.

Подлинно, страшно слышать, страшно и видеть, как всякая тварь внезапно восстает, собирается, подвергается наказанию и отчету за все слова, дела и помышления, за всякий грех, совершенный и днем и ночью. Велик страх тогда, братия, велик трепет!.. (прп. Ефрем Сирин, 33, 303—304).

***

Возненавидим, братия, суетную жизнь сию и возлюбим единого Святого Христа. Не знаем, братия, в какой час будет наше исшествие: никому из нас неизвестны час и день нашего разлучения. Но внезапно, когда беспечно ходим по земле и веселимся, застигнет повеление взять душу из тела — и отходит она, грешная, в день, в оньже не чаяла,

будучи исполнена грехов, не имея дерзновения. Посему-то умоляю вас, братия, сделаемся свободными, сложим с себя работы суетной этой жизни, окрылим душу свою, чтобы ежедневно из сетей и соблазнов воспарять к Богу. Лукавый непрестанно ставит скрытные сети душе нашей, чтобы, соблазнив ее, уловить в вечное мучение. Среди соблазнов и сетей ходим мы, возлюбленные, и должны молиться, чтобы не впасть в них. Сети смертные исполнены сладости; да не обольстит нас своею приятностью сладость сетей смертных, разумею попечение о земных вещах, об имении, о лукавых помыслах и делах. Не услаждайся, брат, сетью смертною, не расслабляйся и не истаевай, занимаясь лукавыми помыслами. Если нечистый помысл найдет себе вход в душу твою, он представляется ей сладостным и занимает ее собою, чтобы умертвить, и делается лукавый помысл как бы сетью в душе, если не будет прогнан молитвою, слезами, воздержанием и бдением. Будь всегда свободен от всех земных хлопот, чтобы избавиться тебе от сетей, от помыслов и дел лукавых; не расслабляйся и на одно мгновение, занимаясь лукавым помыслом, чтобы не остался он надолго в душе твоей, брат. Прибегай всегда к Богу в молитве, в посте и слезах, чтобы избавиться тебе от всех сетей, соблазнов и страстей. Не думай, брат, долгое время жить на земле; внезапно придет повеление Господне и найдет тебя пребывающим во грехе, не имеющим уже времени к покаянию, а также и к получению прощения... (прп. Ефрем Сирин, 33, 372—373).

***

Увы, дни юности моей проходили в суете! Когда блуждал я, предаваясь похотям мира сего, тогда дух мой окован был обманчивой любовью юности, и не помышлял я, как страшен день, в который воскресну.

Кто подкрепит мою немощь в той стране ужаса, где не уважается ни род, ни знатное происхождение, ни богатство; где *брат не избавит брата от суда и где человек не даст Богу измены за ся*, по написанному? (ср.: Пс. 48, 8) (прп. Ефрем Сирин, 34, 202).

***

...Трудим <утруждаем> мы себя для временной забавы, для сонной мечты, для тени: красота, обладание которою ненадежно, обольщает нас скорогиблющею своею прелестию (прп. Ефрем Сирин, 34, 215).

***

Любовь мира — дым; честь его — суета сует; красота его — сети для любящих мир (прп. Ефрем Сирин, 34, 337).

***

...Всякая душа, неосоленная Святым Духом, непричастная небесной соли, т. е. Божией силы, загнивает и наполняется великим зловонием лукавых помыслов; почему лице Божие отвращается от страшного смрада суетных помыслов тьмы и живущих в такой душе страстей; закрадываются в нее злые и страшные черви, т. е. лукавые духи и темные силы, питаются, гнездятся, пресмыкаются там, поедают и растлевают ее (прп. Макарий Египетский, 68, 7).

***

...Господь, — как скоро видит, что мужественно отвращается кто-нибудь от житейских удовольствий, от вещественных развлечений и забот, от земных уз и от кружения

суетных помыслов, — подает таковому благодатную Свою помощь и непреткновенною соблюдает эту душу, которая прекрасно совершает течение свое в настоящем лукавом веке (прп. Макарий Египетский, 68, 24).

***

...Как пшеница в решете у просевающего бьется и взбрасываемая непрестанно в нем переворачивается, так князь лукавства земными делами занимает всех людей, колеблет, приводит в смятение и тревогу, заставляет приражаться к суетным помыслам, гнусным пожеланиям, земным и мирским связям, непрестанно пленяя, смущая, уловляя весь грешный род Адамов (прп. Макарий Египетский, 68, 40—41).

***

Как от одного Адама распространился по земле весь род человеческий, так одна какая-то страстная порча проникла во весь грешный род человеческий, и князь злобы один в состоянии сеять всех непостоянными, вещественными, суетными, мятежными помыслами (прп. Макарий Египетский, 68, 41—42).

***

...Весьма многие из людей, хотя намереваются получить Царствие и желают наследовать вечную жизнь, однако же не отказываются жить по собственным своим хотениям и следовать сим хотениям, лучше же сказать, следовать посевающему в них суетное; и не отрекшись от себя, хотят они наследовать вечную жизнь, что — невозможно (прп. Макарий Египетский, 68, 45).

***

...Кто истинно отрекся от мира, подвизается, сверг с себя земное бремя, освободил себя от суетных пожеланий, от плотских удовольствий, от славы, начальствования и человеческих почестей и всем сердцем удаляется от сего, тот, когда Господь в сем явном подвиге помогает ему тайно, по мере отречения воли от мира, и когда сам он всецело, т. е. телом и душою, утвердился и постоянно пребывает в служении Господу (прп. Макарий Египетский, 68, 177).

***

...Будем... умолять Бога, чтобы и нам войти в покой сей <от тяжких обременительных и нечистых помыслов>, упраздниться от срамных, лукавых и суетных помышлений; а таким образом, прийти в возможность служить Богу от чистого сердца и праздновать праздник Духа Святаго (прп. Макарий Египетский, 68, 254).

***

...Израиль стал рабом истинного фараона, и он поставил над человеком приставников дел и досмотрщиков — лукавых духов, которые понуждают человека, волею и неволею, делать лукавые дела его, составлять брение и плинфы. Удалившие человека от небесного образа мыслей низвели его к делам лукавым, вещественным, земным и бренным, к словам, помышлениям и рассуждениям суетным... (прп. Макарий Египетский, 68, 299—300).

***

Не водись с хлопотливыми и суетливыми и не ходи к ним на трапезу, чтобы они не увлекли тебя в свои прелести и не отвели от науки и искусства безмолвнической жизни:

ибо есть у них такая страсть (увлекать). Не преклоняй уха твоего к речам их и не принимай замыслов сердца их. Ибо они поистине вредны. К верным земли пусть лежит душа твоя, и соревнованием плачу их да болит сердце твое, по примеру <пророка> Давида, который говорит: *очи мои на верныя земли, посаждати я со мною* (Пс. 100, 6) (авва Евагрий, 90, 594).

***

...Ничто так не угнетает и не возмущает душевного ока, как толпа житейских забот и рой пожеланий... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 23).

***

Ум омрачается и становится бесплодным, когда монах или поговорит с кем о мирских вещах, или мысленно сам в себе поразглагольствует о них, или когда у него тело с умом суетно займутся чем-либо чувственным, или когда он вообще предается суетности (и суетливости). Ибо в таком случае тотчас непосредственно за тем теряет он теплоту, сокрушение, дерзновение к Богу и ведение (забывает о Боге и порядках Божиих); так что поскольку внимаем мы умом, постольку просвещаемся, и поскольку не внимаем — омрачаемся (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 185).

***

...Многие суетные помыслы даже против воли нашей тревожат нас и почти без нашего ведения обольщают нас, входя в нас так неприметно и хитро, что мы не только не можем воспрепятствовать их входу, но и с великим трудом узреваем их; но принимать их или отвергать возможно всякому, кто при помощи Божией употребит на то свое

старание и усилие. Как возникновение их не зависит от нас, так отвержение или приятие их состоит в нашей воле. Впрочем, и в самом приражении помыслов не все надобно приписывать набегу помыслов или тем духам, которые стараются всеять их: но от нас зависит исправить качество помыслов и сделать, чтобы в сердцах наших возникали духовные-святые помыслы вместо плотских-земных, если не всегда, то наибольшею частью. Когда кто разумно и тщательно поучается в Священном Писании, упражняется в псалмах и пении, пребывает в посте и бдении, непрестанно памятует о будущем — о Царстве Небесном, о геенне огненной — и обо всех делах Божиих, тогда худые помыслы уменьшаются и появляются реже. Когда же кто, напротив, занимается мирскими заботами и плотскими делами и вдается в суетные и праздные беседы, тогда худые помыслы умножаются в нас (прп. Иоанн Кассиан, 91, 94—95).

***

Широко раскинула повсюду всеуловляющие сети суетность, всех она захватила, всех даже и без сети держит в своей власти... (прп. Нил Синайский, 72, 2).

***

...Однажды будучи препобеждены суетностию настоящего, не в состоянии мы видеть гнусность вещества, обманываемые пристрастием (прп. Нил Синайский, 73, 87).

***

...Тому, кто занят мирским, нет возможности просить Божественного; потому что пожелание каждого человека показывается делами его... (прп. Исаак Сирин, 59, 35).

****

«Однажды, — рассказывал инок Афанасий, — мне пришла мысль: что же ожидает в будущей жизни трудящихся здесь ради своего спасения? С этой мыслью я почувствовал себя как бы в восторге, и некто пришел ко мне и, сказав: «Ступай за мной», — привел меня в какое-то чудное, исполненное света место и поставил при столь чудных дверях, что красоту их передать невозможно.

И слышал я, что множество людей за дверьми непрестанно славят Бога. Подлинно, братья, чудная, неизглаголанная жизнь в Царствии Небесном!

Праведники воссияют, как солнце в Царстве Отца их (ср.: Мф. 13, 43); там для них... *мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17). *И рабы Его будут служить Ему. И узрят лице Его... И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их* (Апок. 22, 3—5). Там, наконец, такие блага и такие радости, о которых мы и помыслить не можем: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). Когда мы стали стучать в двери, с целью войти в них, изнутри некто спросил нас: «Чего вы хотите?» Путеводитель отвечал: «Мы хотим пройти через двери». Голос же внутри сказал, что никто, пребывающий в лености, не входит сюда, но если хотите войти, ступайте назад и подвизайтесь, нисколько не помышляя о благах суетного мира» (113, 24—25).

***

Знал я в Иерусалиме одну девственницу, которая шесть лет носила власяницу и, заключившись в своей келье, отреклась от всех удовольствий и вела жизнь самую воздер-

жанную. Но потом, оставленная Божией помощью за чрезмерную гордость — родоначальницу всякого зла, она впала в блуд. Это случилось потому, что она подвизалась не по духовному расположению и не по любви к Богу, но напоказ людям, ради суетной славы, которой ищет растленная воля. Демон тщеславия, отвлекая ее от благочестивых помыслов, возбудил в ней желание осуждать других. Когда же она пришла в опьянение от демона гордости и еще начала сослаждать ему, святой Ангел — страж целомудрия — отступил от нее (102, 110—111).

***

В одном великом городе граждане имели обыкновение избирать царем мужа, чуждого им, из неизвестной им страны, но с тем, чтобы он процарствовал только год, а затем они ссылали его на один из необитаемых островов, и там царь их от всевозможных лишений погибал. Так погибло несколько царей. Наконец, в упомянутом городе был облечен царской властью муж весьма мудрый. Узнав о злой участи своих предшественников и о том острове, куда через год он должен быть сослан, царь на предназначенный ему остров послал множество верных рабов, золота, и серебра, и драгоценных камней — устроил все для своего благополучия на том острове. Когда же по прошествии года его сослали, то он жил в изобилии, беспечно и радостно. Что значит эта притча? Город — это наш суетный мир. Граждане города — это бесы, влекущие нас мирскими соблазнами в ад. Цари — это праведники и грешники. Первые обогащают себя делами добрыми и с ними идут в рай, последние ничего не имеют, кроме зла, и в будущей жизни погибают (113, 203—204).

***

Авва Пимен сказал: «Если человек не возненавидит двух страстей, то не возможет быть свободным от мира». Его спросили: «Каких?» Он отвечал: «Телесного упокоения и суетной славы» (107, 346—347).

***

Один старец сказал: «Все мертвецы оставили все, что ни имели; оставишь и ты. Когда они приблизились к часу смерти, тогда поняли, что все в этом мире суета, суета суетствий, т. е. суета в самом сильном значении этого слова. И ты поймешь это по необходимости, когда наступит час смерти твоей. Лучше понять это благовременно и сообразно такому понятию направить деятельность свою!» (107, 359).

***

Между святыми старцами был муж великий, которому Христос даровал такую благодать, что он, по действию Святаго Духа, видел то, чего другие не видят. Он сказывал, что однажды сидели многие братия, разговаривая между собою. Когда разговор шел душеспасительный и приводимы были для назидания изречения из Священного Писания, тогда стояли между братиями святые Ангелы. На лицах их сияла радостная улыбка; они с удовольствием внимали беседе о Господе. Когда же разговор переходил к предметам суетным, Ангелы огорчались и тотчас уходили далеко от беседующих, в среде которых появлялись нечистейшие кабаны, покрытые струпами, и вращались кругом их. Это были демоны: они принимали вид кабанов и увеселялись пустословием и многословием монахов. Увидев это, блаженный старец ушел в свою келью и в продолжении всей ночи

плакал и рыдал: стенания и слезы изливались из сердца его о горестном недуге падения нашего. Он увещевал и наставлял отцов и братий по монастырям, говоря: охраняйтесь, братия, от многословия и суетных бесед, от которых рождаются для души вред и погибель: мы не понимаем, что через такие беседы соделываемся ненавистными Богу и Ангелам Его (107, 456—457).

***

Как-то старец поучал своего ученика: «Познай и убедись, что роскошь, пиры, увеселения, игры, рассеянная жизнь, словом, все, что носит наименование суеты и мира, что озабочивает и поглощает всю жизнь человека, все время его, все силы и способности души и тела, есть не что иное, как обольщение и козни сатаны, вымышленные и устроенные для обольщения человеков. Если не познаешь этого и не убедишься в этом произвольно из слова Божия, то познаешь и убедишься невольно при наступлении смерти. Кто чего не изучает, тот того и не знает. Кто о великом мало старается или вовсе не старается, тот считает это великое маловажным, малозначащим, ничтожным.

Не знают христиане христианства от того, что не изучают его; не обращают они никакого внимания на искупление человечества вочеловечившимся Богом, попирают это великое дело Божие, потому что не заботятся и не думают о своем спасении. Пренебрегая великими дарами Божиими, они всецело предаются суетности, которая — прелесть, в которой нет ничего существенного. Возгорится гнев Божий на таких христиан! Отраднее будет идолопоклонникам и магометанам в день Суда Божия, нежели таким христианам!» (107, 361).

***

Брат спросил старца: «Если кто из братий принесет мне помышления извне, то позволишь ли, авва, сказать мне ему, чтобы он не сообщал мне суетных мыслей, или нет?» Старец отвечал: «Не делай этого». Брат: «Почему?» Старец говорит: «Потому что мы сами не можем исполнить того, что потребуем от ближнего. Сказав ближнему, не делай этого, может быть, сами впоследствии сделаем это». Брат сказал: «Как же должно поступить?» Старец отвечал: «Если сохраним молчание, не отвечая ничего, то этот способ по отношению к ближнему достаточен» (107, 514).

***

Один старец сказал: «Друзей твоих предварительно подвергай испытанию и не своди со всеми близкого знакомства. Если заведешь обширное знакомство — не доверяй всем: потому что мир всквашен на лукавстве. В друга себе избери одного брата, боящегося Господа, и прилепись к Богу, как сын к отцу, потому что все человеки, за исключением немногих, предались лукавству; земля преисполнилась суетности, попечений и скорбей» (107, 27).

СУЖДЕНИЕ

Птица, из страха быть пойманной на земле, летает по воздуху и строит себе гнездо, для отдыха и сна, в самых высоких местах: там она спит беззаботно, зная, что никто не может достать или поймать ее. Но известно, как ухитряется обмануть ее птицелов: приходит к тому месту, расстилает тенета и посыпает на виду семена; этой пищей сманивает он птицу с той высоты, она слетает и попадается в

лов. Подобным образом делает и диавол, уловляя несовершенных христиан своими хитростями и низвергая их со своей высоты. Так он действовал, когда прикрылся змием и сказал Еве: *не смертию умрете... в онже аще день снесте, отверзутся очи ваши и будете яко бози* (ср.: Быт. 3, 4—5). Услышав эти слова, Ева склонилась к нему сердцем и думала, что тут истина, потому что не рассудила о том как следует. Но когда вкусила сама и дала вкусить Адаму, тогда случилось с ними то великое несчастие: они пали оба со своей высоты. Таким же образом поступает диавол и с несовершенными христианами, когда, не зная, как различить доброе от худого, следуют они своим склонностям, довольствуясь своим суждением и мнением; когда отцов своих, совершенных, умеющих верно различать добро от зла, — не спрашивают, — а следуют желаниям своего сердца, думая, что они и сами достигли уже совершенства и получили благословение отцов своих (прп. Антоний Великий, 90, 47—48).

***

Тому, кто не умеет различить, что добро и что зло, не престало судить, кто добр и кто зол из людей (прп. Антоний Великий, 90, 68).

***

Горе нам, что мы судим о людях не по добродетели, но по своему пристрастному мнению (прп. авва Исаия, 60, 191).

***

...Нам не должно упрямо оставаться в своих определениях, но располагать их по разуму и суждению, всегда надобно избирать и предпочитать лучшее и без всякой мед-

лительности решаться на то дело, какое будет признано более полезным (прп. авва Иосиф, 57, 489—490).

***

Как искренние и пламенные любители целомудрия по своей непорочности и о других, хотя они и не таковы, произносят часто добрые суждения, и никого не признают распутным, так до неистовства распаляемые непотребством... по своей похотливости такими же оглашают и тех, которые вовсе не таковы; потому что те и другие, судя по себе, произносят приговор и о других (прп. Исидор Пелусиот, 62, 318—319).

***

Многие из людей, судя по себе, произносят приговоры и о других. Сребролюбец не верит, чтобы кто был нестяжателен, невоздержанный, — чтобы кто был целомудрен, жестокий, — чтобы кто был человеколюбив, любостяжательный, — чтобы кто был милосерд; напротив того, целомудренный многих почитает таковыми же, а также нестяжательный и человеколюбивый. Посему если будешь судить о всех ты, у которого... о всех один и тот же приговор, то не подивимся, ибо, вероятно, и с тобою случилось то же (прп. Исидор Пелусиот, 63, 153—154).

***

Когда по небрежности дадим демонам место влагать в уши наши подозрения на братий, именно не наблюдая за движениями очей, тогда доводимы бываем ими до осуждения иной раз даже и совершенных в добродетели. Иной, улыбающимся лицом смотрящий и доступный для беседы со всеми, может показаться сластолюбивым и страстным,

а другой, строго и мрачно смотрящий, — гневным и гордым. Но по таким внешним чертам не следует составлять суждения о людях, потому что они всегда почти бывают в таком случае погрешительны. Ибо в людях замечаются большие различия в естественных свойствах, навыках и телосложениях, на которые верно смотреть и верно о них судить могут одни те, кои умное свое око душевное очистили многим сокрушением и имеют пребывающим в себе безмерный свет Божественной жизни, — коим дано видеть и тайны Царствия Божия (прп. Никита Стифат, 94, 99—100).

***

Речь об одном и том же может быть и грехом, и не грехом, судя по чувству, с коим произносится... Но лучше всячески воздерживаться и от суждений... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 219).

СЧАСТЬЕ

Первая степень счастья — не согрешать, вторая — сознавать согрешения (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 263).

***

Если стеснят тебя несчастья, то знай, что Едем распростирает к тебе объятия свои (прп. Ефрем Сирин, 35, 298).

***

Таков человеческий род, таково и человеческое счастье: оно подобно самым неприметным следам корабля, которые нарезываются спереди и исчезают сзади! (свт. Григорий Богослов, 15, 281).

***

Не будь привязан к счастью, которое разрушается временем; а что время строит, время же и разрушает (свт. Григорий Богослов, 15, 367).

***

Один златолюбец где-то сказал: «Желаю тебе лучше каплю счастья, нежели бочку ума». Но мудрец возразил ему: «Для меня лучше капля ума, нежели море счастья» (свт. Григорий Богослов, 16, 119).

***

...Прогневать Бога и сделать что-либо Ему неугодное — вот истинное несчастие! (свт. Иоанн Златоуст, 46, 71).

***

...Немалое дело для находящихся в счастии — не гордиться своим благоденствием, но уметь скромно пользоваться счастием (свт. Иоанн Златоуст, 46, 642).

***

...Определять счастье жизни на основании роскоши и богатства и настоящих вещей свойственно не людям, обращающим внимание на свое собственное благородство, но людям, сделавшимся лошадьми и ослами (свт. Иоанн Златоуст, 46, 801).

***

...Люди, сознающие за собою много грехов, если и потерпят какое-нибудь несчастье, по крайней мере, могут найти причину происходящего, взвешивая свои грехи и таким

образом устраняя смущение, рождающееся от неизвестности. Опять если что-нибудь подобное испытают люди, несознающие за собою ничего, но украшенные добродетелями, то, зная учение о воскресении и помышляя о будущих воздаяниях, знают, что приключающаяся им борьба служит основанием и для бесчисленных венцов (свт. Иоанн Златоуст, 47, 584).

***

...Причина радости обыкновенно лежит не столько в природе обстоятельств, сколько в разуме людей... многие, изобилуя богатством, считают жизнь невыносимой, а другие, живя в крайней бедности, всегда остаются радостнее всех... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 592—593).

***

...Принимай несчастье за врачевство, пользуйся искушением надлежащим образом и достигнешь величайшего спокойствия... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 382).

***

Бог не оставляет людей навсегда ни в несчастии, чтобы они не изнемогли, ни в счастии, чтобы они не сделались беспечными, но различными способами устрояет их спасение (свт. Иоанн Златоуст, 49, 383).

***

...Кто богат, тому этого недостаточно для счастья, а нужно присовокупить к тому и здоровье, потому что кто богат, но увечен, тот далек от счастья и даже несчастнее бедных (свт. Иоанн Златоуст, 49, 396).

***

Многие люди богатые, но страждущие от болезни, считают блаженными бедных, собирающих милостыню по переулкам, а себя несчастными, несмотря на тысячи талантов (свт. Иоанн Златоуст, 49, 396).

***

...Хотя бы <ты> вел жизнь изнеженную и распутную, непременно будешь более любомудрствовать, увидев участь людей в чужих несчастиях. Тогда непременно придет тебе на мысль и тот Страшный день с его различными наказаниями. А когда будешь помнить и размышлять об этом, непременно отвергнешь и гнев, и удовольствие, и пристрастие к житейским вещам и соделаешь душу свою тише самой тихой пристани (свт. Иоанн Златоуст, 52, 400).

***

Счастье легко может обольстить и развратить людей невнимательных (свт. Иоанн Златоуст, 52, 572).

***

...Несчастия и огорчения — как бы оселок, изощряющий нас. Потому-то бедные по большей части бывают умнее богатых, подобно как обуреваемые и поражаемые сильными волнами (свт. Иоанн Златоуст, 53, 471).

***

...Ты, человек, когда находишься в несчастии, не говори: забыл меня Бог; напротив, когда ты находишься во

грехах и, тогда особенно, когда все идет у тебя успешно (свт. Иоанн Златоуст, 56, 511).

***

...Ничто из бывающего с людьми не составляет несчастья, а только — грех, ни бедность, ни болезнь, ни поношение, ни оскорбление, ни бесчестие, ни то, что кажется величайшим из зол — смерть; все это названия только несчастий, в глазах любомудрствующих не имеющие действительного значения. Истинное несчастье состоит в оскорблении Бога и делании чего-либо неугодного Ему (свт. Иоанн Златоуст, 56, 1032).

***

...О совершенных и премудрых говорится: *любящим Бога вся поспешествуют во благое* (Рим. 8, 28); а о слабых и неразумных возглашается: *вся противна суть мужеви безумну* (Притч. 14, 7), потому что он ни счастьем не пользуется во благо себе, ни несчастьем не исправляется. Такая же нравственная сила требуется для того, чтобы мужественно переносить прискорбности, какая для того, чтобы сохранять должную меру в радостях; и то несомненно, что кого выбивает из своей колеи одна из сих случайностей, тот не силен ни против какой из них. Впрочем, счастье более вредит человеку, чем несчастье. Ибо последнее иногда против воли сдерживает и смиряет и, приводя в спасительное сокрушение, или менее грешить располагает, или понуждает совсем исправиться, а первое, надмевая душу пагубными, хотя приятными, лестями, в страшном разорении повергает в прах тех, кои по причине успехов счастья считают себя безопасными (прп. Иоанн Кассиан, 91, 112).

***

Искушение, как мы сказали, бывает двоякое, т. е. через счастье и несчастье; причина же, по коей искушаются люди, трояка: по большей части это бывает для испытания, иногда для исправления, а нередко и для наказания за грехи (прп. Иоанн Кассиан, 91, 116).

***

...Мужество потребно для того, чтобы сохранить умеренность в радостях, какое нужно и для того, чтобы великодушно переносить скорби, и кого может преодолеть одно из сих искушений, тот, без сомнения, не может устоять и против другого. Впрочем, счастье легче погубляет человека, нежели несчастье. Ибо последнее иногда против воли обуздывает его и смиряет и, приводя спасительное сокрушение, заставляет его менее грешить, или исправляет; между тем первое обольстительными своими прелестями, надмевая ум, низвергает беспечного среди успехов счастья в глубочайшую бездну погибели (прп. авва Феодор, 57, 268—269).

***

Не изменяйся... по дуновению счастья, как один из толпы, но постоянным да хранит тебя для друзей любомудрие... Ибо первое случается обыкновенно с людьми неблаговоспитанными и невеждами, а последнее свойственно людям весьма мудрым... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 280).

***

...Нет ничего столько непрочного, бессильного, жалкого, как счастье человеческое (прп. Нил Синайский, 73, 342).

***

Душа желает спастись, но, вожделевая благ суетных и об них заботясь, бегает трудов по делу спасения. Хотя поистине не заповеди тяжки, а злые пожелания наши. Бывает же, что мы иной раз, боясь утонуть в море или попасться в руки разбойников, все презираем и охотно бросаем вещи свои, когда видим, что спустя немного предлежит нам смерть. Но если для того, чтобы еще немного пожить на земле, мы все презираем и за счастье считаем, если, все потеряв, спасем самих себя от разбойников ли, или от моря, причем незадолго перед сим бесновавшийся из-за овола спешно бросает все, чтобы только сохранить привременную жизнь, то почему не держим мы такого расчета и относительно жизни вечной? Почему не силен у нас столько страх Божий, сколько силен страх моря, как сказал некто из святых (прп. Зосима, 92, 111—112).

***

Если бы человек всегда в мысленной части держался здравомыслия, а в деятельности благоразумия, то встречал бы в жизни наименьшую долю случайностей, неприятных сердцу, и имел бы наибольшую долю счастья (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 28).

***

...Пока вы не в духе живете, не ждите счастья (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 47).

***

Душевная и телесная жизнь, при благоприятном течении, дает что-то похожее будто на счастье; но это бывает

мимолетный призрак счастья, скоро исчезающий (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 47).

****

Когда у индийского царя, в то время гонителя христиан, Авенира родился сын Иоасаф, то он, созвав мудрецов, стал спрашивать о судьбе своего сына. Старейший из них дал такое мнение: «Сын твой, — сказал он, — наследует не твое царство, но некоторое лучшее. И думаю, что он примет христианскую веру». Авенир опечалился и, желая предотвратить предсказанное, велел устроить новый прекрасный дом и в нем определил жить своему сыну безвыходно. Вместе с тем он приставил к своему сыну несколько пестунов и строго наказал им, чтобы они, когда сын его станет что-нибудь понимать, отнюдь не говорили бы ему ни о смерти, ни о старости, ни о болезни, ни о нищете, но говорили бы только радостное и веселое для того, чтобы он вовсе не знал печали.

Прошло несколько лет. Иоасаф подрос, и однажды ближайшему из своих пестунов сказал: «Ты мне будешь отселе истинным другом; только скажи истинно, ради чего отец держит меня в сей палате безвыходно?» Тот подробно рассказал ему. Увидав вскоре после сего отца, Иоасаф сказал: «Знай, отец, что я нахожусь в великой скорби и печали ради того, что ты не выпускаешь меня из дома». Авенир сжалился и позволил выезжать ему, но приставленным к нему лицам снова подтвердил, чтобы сын его отнюдь не видал ни стариков, ни нищих, ни глухих, ни слепых, но чтобы все эти и подобные им люди непременно были бы прогоняемы от тех мест, по которым бы вздумал ездить его сын. Повеление исполнялось до времени; но однажды, ког-

да Иоасаф увидел, что окружавшие его гнали прокаженного и слепого, то с удивлением спросил: «Что это за люди?» Ему ответили, что это несчастные, которых постигла болезнь. Иоасаф опечалился и грустным поехал домой. На пути ему еще пришлось встретить старика хромого и седого, мрачного лицом и беззубого. «Это кто?» — спросил Иоасаф. «Это, — сказали ему, — человек престарелый, он постепенно изнемогает и ждет смерти». «О горькая жизнь сия, — воскликнул тогда царевич, — горькая и всякой печали исполненная!» После сего не покидала Иоасафа великая скорбь, и он спрашивал себя: «Где же истинное счастье?» Этот вопрос, однако, к его утешению, вскоре был разрешен для него. Посланный к нему, по особенному откровению, преподобный Варлаам доказал, что истинное счастье не на земле, а на небе, и Иоасаф убедился в этом. Убедившись же, он уже всецело посвятил себя Богу и, крестив свой народ, ушел к преподобному Варлааму в пустыню; провел в ней тридцать пять лет в посте, молитве и слезах и затем мирно почил о Господе (113, 193—195).

***

Жена сельского диакона из Подмосковья, некая Варвара Ивановна Знаменская, по ее словам, собиралась отвезти в Волоколамское духовное училище своего сына Сергия. Накануне отъезда она отправилась с ним в церковь и здесь в течение всей Литургии и молебна перед образом Божией Матери усердно со слезами молила Царицу Небесную, чтобы Она взяла ее сына под Свое небесное покровительство и устроила бы жизнь его во спасение души. Когда она вернулась домой, то мальчик сказал: «Мама! У меня что-то болит голова». — «Иди отдохни», — отвечала ему мать. На другое утро, когда настало время везти его в училище, он уже был

мертв. Когда его отпевали, мать сильным плачем выражала свои душевные чувства. Священник, видя ее плачущей, сказал ей: «Варвара Ивановна! У вас ведь есть еще другие дети. Что вы так плачете!» Она отвечала: «Батюшка, я плачу не от горя, а от благодарности Царице Небесной, что Она услышала мою молитву и взяла моего сына под Свое покровительство для вечного упокоения». Так могуча молитва матери, отверзающая небеса и устрояющая вечное счастье ее детей (115, 59).

***

Московский протоиерей Иван Григорьевич Виноградов, священствовавший в храме Святой Параскевы Пятницы, из своей пастырской практики вспоминал такой случай. «В моем приходе, — говорил он, — жило благочестивое купеческое семейство, в котором был единственный сын, любимец родителей. Когда ему исполнилось двадцать лет, в семье одной благочестивой вдовы он познакомился с ее единственной дочерью, имевшей среднее образование и отличавшейся редкостной красотой. Девушка была бедна состоянием, но богата благочестием и добрыми душевными качествами. Молодой человек стал у них бывать и, видимо, увлекся девицей. Первоначально его визиты были благородны, но со временем девушка стала жаловаться матери на то, что молодой человек, когда они остаются наедине, позволяет себе в обращении с ней разные нескромности. Благородная мать, охраняя достоинство своей дочери, при первом удобном случае высказала молодому человеку, что она свободного обращения со своей дочерью не потерпит, и просила его больше к ним не приходить. Молодой человек со слезами стал уверять мать, что он так привязан к ее дочери и сердце его

полно такой любви, что он жить без нее не может и погибнет от отчаяния, если перед ним закроют двери их дома. Тогда мать сказала ему: «Коли моя дочь действительно нравится вам, я не против того, чтобы она была вашей женой. Но вы повенчайтесь!» Молодой человек, видимо, готов был исполнить желание матери и повенчаться. Но в то же время стал уверять, что он только через год может сочетаться с невестой церковным браком, в чем и дал матери честное и благородное слово. «Только, ради Бога, разрешите мне, — продолжал он, — бывать у вас как жениху вашей дочери». Мать подумала и ответила: «Я только тогда позволю вам бывать в нашем доме, когда вы в первый же воскресный день со мной вместе согласитесь пойти в кремлевский Успенский собор, где перед святой чудотворной Владимирской иконой Божией Матери дадите клятву исполнить свое обещание». На это предложение он охотно согласился. И в первый же воскресный день, стоя на коленях перед чудотворным образом Богоматери, в присутствии вдовы дал следующую клятву: «Владычице, клянусь перед святым Твоим образом, как перед живой, что я через год исполню свое обещание свято и женюсь на девице, избранной мной. Если же я этого не исполню и окажусь клятвопреступником, тогда Ты, Матерь Божия, иссуши меня до основания».

После этой великой и страшной клятвы молодой человек стал бывать у вдовы, как родной, а через год молодая девица разрешилась от бремени мальчиком. В первое время молодой человек, будучи отцом ребенка, приходил каждый день, затем посещения его стали все реже и реже и, наконец, совсем прекратились. Мать и дочь были в неописуемом горе. В довершение своего ужаса и беспредельного несчастья, мать и дочь узнали, что юноша женится на другой. Его

соблазнило чуть ли не миллионное приданое второй невесты. Думая составить себе земное счастье с богатой женой, он забыл самое главное: счастье не в деньгах, а в благословении и помощи Божией, которых он лишился через свое клятвопреступление и вероломство. В чаду своего призрачного, безумного счастья он мечтал, что жизнь его будет обеспечена до смерти. Но суд Божий стерег его.

В день свадьбы молодой человек почувствовал себя нехорошо. У него появилась слабость, которая не покидала его. Он стал худеть не по дням, а по часам и постепенно сделался живым скелетом, слег в постель и буквально иссох. Ничто не могло его утешить. Душа его была полна неописуемой скорби и тоски. Находясь в такой беспредельной печали, однажды среди бела дня он видит, как в комнату входит величественная дивная Жена, исполненная великой славы. Вид Ее был строгим. Она подошла к нему и сказала: «Клятвопреступник, ты за свое безумие достоин этого наказания. Покайся и принеси плоды покаяния». Своей рукой Она прикоснулась к его волосам, и они выпали на подушку, а Сама Жена стала невидимой. После того больной тотчас же пригласил к себе своего духовного отца, с великим плачем во всем покаялся ему, а затем к смертному одру позвал своих родителей. В их присутствии он подробно рассказал духовнику всю историю своего увлечения бедной девицей, о своей клятве перед Владимирской иконой Божией Матери и о явлении ему в этот день дивной и величественной Жены, в Которой он признал Царицу Небесную. В заключение он со слезами просил отца и мать, чтобы они проявили великое милосердие к обманутой им девушке, младенцу, рожденному от него, и вдове, обеспечили их на всю их жизнь.

На другой день, утром, меня снова пригласили к нему. Больной был напутствован Таинствами Причащения и Елеос-

вящения. С каждой минутой он слабел. Прочитан был, наконец, канон на исход души. Все молились и плакали. Вдруг больной воодушевился, силился приподняться и с чувством радости тихо-тихо, но ясно произнес: «Вижу Тебя, Владычице мира, грядущую ко мне, но взор Твой не строгий, а милостивый» — и с этими словами скончался» (115, 109).

***

В городе Калуге жила одна вдова, которая имела большое усердие к Калужской иконе Божией Матери. Утешением вдовы была единственная дочь, отроковица двенадцати лет. Внезапно девочка заболела и умерла.

Несчастная женщина, обезумевшая от горя, пришла в собор и здесь у образа Божией Матери начала свою молитву: «Я всегда Тебе молилась, Матерь Божия, всегда чтила Твой образ, но Ты, невзирая на мое усердие, лишила меня единственной радости и утешения. Ты не спасла мою дочь от смерти». И затем осыпала Божию Матерь упреками, называя Ее немилосердной и жестокосердной. У образа Божией Матери женщина впала в какое-то бессознательное состояние, в котором увидела лучезарно сияющую Царицу Небесную. Божия Матерь обратилась к ней с такими словами: «Неразумная жена! Я слышала твои молитвы о дочери и умолила Сына и Бога Моего, чтобы Он взял ее чистой в лик девственниц. Она вечно восхваляла бы имя Господне с другими, подобными ей, но ты воспротивилась этому. Да будет же по-твоему. Иди, дочь твоя жива»... После этих слов женщина очнулась и направилась домой. Дочь ее уже лежала в гробу, готовая к погребению. Но вдруг неожиданно для всех щеки ее покрылись румянцем. Послышался глубокий вздох, и отроковица живая поднялась из гроба. Радости матери не было конца.

Но счастье было непродолжительным. Выросшая девица повела разгульную и порочную жизнь. Для матери она стала не утешением, а большим несчастьем. Она била мать, бранила и всячески издевалась над ней, причиняя ей слезные обиды. Так страшно и опасно не подчиняться воле Божией (115, 64).

***

Афонский иеросхимонах Арсений сообщил настоятелю Новоиерусалимского монастыря отцу архимандриту Леониду замечательный случай, бывший с его родной сестрой. «Моя родная сестра, — рассказывал он, — воспитанная родителями в любви к Богу и благочестии, весьма любила храм Божий и ко всякой святыне относилась с глубоким благоговением. В летнее время она набирала цветов и ими под праздники украшала святые иконы, что ее премного утешало.

Однажды она заметила, что прислуга небрежно относится к древней иконе, хранившейся в нашем доме, и, кстати сказать, очень ветхой. Краски на ней осыпались, отчего и разглядеть изображенное было затруднительно. По ветхости икону вынесли в кладовку и поставили на божницу. Домашняя работница по своей небрежности к святыне дерзнула снять эту древнюю икону с божницы и покрыла ею горшки с молоком. Когда сестра увидела это, она немедленно поставила икону на место, а работнице строго приказала, чтобы та в следующий раз не смела этого делать. Прошло некоторое время. Икона опять была снята работницей с божницы и употреблялась, как покрышка глиняных крынок. Видя такое отношение к святой иконе, сестра несказанно опечалилась. Она снова сделала работнице строгий выговор. Опасаясь, что икона еще раз может быть

снята, она принесла ее к себе в светелку, где в летнее время спала, и поставила ее там на божницу. В первую же ночь после того сестра видит себя во сне идущей в светелку, которая наполнилась молниеносным светом. Он исходил от ветхой иконы. Сестре представлялось, что она вошла в светелку. Вдруг лик на древней Казанской иконе Божией Матери начал проясняться. Когда он совершенно проявился, сестра услышала от святой иконы голос: «Благочестивая и благонравная девица. За проявленную тобой любовь к Моей святой иконе Я умолила Сына Своего и Бога о даровании тебе радости душевной и здоровья телесного. Ты скоро соединишься браком с единонравным тебе юношей, а Я во все дни жизни твоей буду Хранительницей твоего дома. В память Моего явления тебе попроси родителей, чтобы они на этой древней доске написали Мой образ так, как ты Меня видишь, и да будет эта икона тебе в благословение на твое супружество». Вскоре после описанного видения сестра действительно вышла замуж за доброго и милого человека. Она была с ним счастлива и внешне, и духовно. Тридцать пять лет они мирно жили в единении супружеской любви. Дети их отличались примерным поведением, красотой и добротой, а главное — все они были кротки и благочестивы. Обещание Царицы Небесной, данное сестре в видении, исполнилось.

Дом сестры был незримо храним Покровом Матери Божией. Сестра моя, — закончил свою повесть иеросхимонах Арсений, — скончалась еще нестарой. Смерть ее была безболезненна. Она умерла, словно уснула тихим, приятным сном. Перед смертью она, благословляя детей и мужа, в тихой молитве всех их поручила Царице Небесной и просила Ее быть им Покровительницей во все дни их жизни» (115, 55).

***

Одна бедная женщина лежала больной, и смерть ее была уже недалеко. Женщина эта была вдова и все время своего вдовства проводила в молитве и слезах. Теперь настал час разлучения с миром. Вокруг ее постели стояли взрослые дети и глазами, полными любви, смотрели на умирающую мать. Собрав последние силы, она еще раз приподнялась и, взглянув на детей сияющим радостью взором, сказала: «Дети, я оставляю вам огромное сокровище». Дети посмотрели на мать с удивлением и сказали: «Милая матушка, как же это может быть? Разве была когда-нибудь вдова беднее тебя?» «Так, дети мои, — отвечала мать, — но я все-таки оставляю вам большое сокровище, оно принесет вам благословение!» С этими словами она подала им свою Библию, которая лежала у нее под подушкой, и сказала: «Знайте, дети, что нет ни одного листка в этой книге, который бы не был орошен моими слезами; вот это и есть сокровище, которое я оставляю вам; исполняйте все, что в ней написано, и вы будете счастливы».

Дети с благоговением приняли последний дар матери. Слова ее глубоко запали в их сердца. Они старались исполнять, что требует от нас Слово Божие, и были людьми благочестивыми, добрыми и счастливыми. Они всем повторяли, что Библия есть сокровище, которому нет цены на земле (108, 223).

Т

ТАИНСТВА

Дух Твой, <Господи>, влиян в наш дух, ибо вот на теле нашем крещение Твое, в составе нашем Животворящая Плоть Твоя; Твоя, Господи, есть в нас часть (прп. Ефрем Сирин, 34, 391).

***

...Святый жертвенник <престол>, которому предстоим, по природе есть обыкновенный камень, ничем не различный от других плит, из которых строятся наши стены и коими украшаются полы, но поелику он посвящен на служение Богу и принял благословение, то он есть святая трапеза, чистый жертвенник, которому касаются уже не все, но только священники, да и те с благоговением. Хлеб опять, пока есть обыкновенный хлеб, но когда над ним будет священнодействовано Таинство, называется и бывает Телом Христовым. То же бывает и с таинственным елеем; то же с вином; сии предметы малоценны до благословения, после же освящения Духом каждый из них действует отличным образом. Та же сила слова производит так же почтенного и честного священника, новым благословением отделяя его от

обыкновенных простых людей. Ибо тот, кто вчера и прежде был одним из многих, одним из народа, вдруг оказывается вождем, предстоятелем, учителем сокровенных таинств; и таким он делается, нисколько не изменившись по телу или по виду, но оставаясь по видимости таким же, каким был, некоторою невидимою силою и благодатию преобразовался по невидимой душе к лучшему (свт. Григорий Нисский, 25, 6—7).

***

...Тому, кто намеревается приступить к священным и страшным Таинствам, надлежит быть трезвенным и бодрым, свободным от всякого житейского попечения, исполненным великого целомудрия и великой ревности, исторгнуть из ума всякие помыслы, чуждые Таинствам, и сделать храмину свою во всех отношениях чистою, как намеревающемуся принять самого Царя... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 253).

***

...*Абие изыде кровь и вода* (Ин. 19, 34). Не без значения и неслучайно истекли эти источники, но потому, что из того и другого составлена Церковь. Это знают посвященные в Таинства: водою они возрождаются, а Кровию и Плотию питаются. Так, отсюда получают свое начало Таинства; и потому, когда ты приступаешь к страшной Чаше, приступай так, как бы ты пил от самого ребра (свт. Иоанн Златоуст, 52, 577).

***

Человек ничего не привносит в них <Таинства> от себя, но все — дело силы Божией; Бог действует на вас в Таинствах (свт. Иоанн Златоуст, 54, 76).

***

По делам, словам и мыслям праведен только Один <Господь>; а через веру, благодать и покаяние много праведников (прп. Марк Подвижник, 70, 38).

***

...Люди крещаются в воде, погружаются в нее и вынимаются из нее три раза, во образ тридневного погребения Господня, и после того, как умрут в ней всему этому злому миру, в третьем вынутии из нее являются уже живыми, как бы воскресшими из мертвых, т. е. души их оживотворяются и опять приемлют благодать Святаго Духа, как имел ее и Адам до преступления. Потом (крещеные) помазуются святым миром, и посредством его помазуются Иисусом Христом, и благоухают преестественно... Они <христиане> вкушают Плоть Его и пьют Кровь Его и, посредством освященных хлеба и вина, соделываются сотелесными и сокровными Воплощшемуся и Принесшему Себя в жертву Богу. После сего уже невозможно, чтобы над ними господствовал и тиранствовал грех... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 24—25).

***

Таинствами христианской Церкви верующий приводится в соединение с Божеством, в чем существенное спасение, запечатление веры делом веры, принятие отселе залога вечных благ (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 500).

***

При посредстве церковных Таинств мы вступили в существенное общение с Господом и пребываем в этом обще-

нии при посредстве этих Таинств (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 142).

***

И ныне Христос действует! И ныне Дух Святый совершает спасительные знамения в христианских Таинствах! (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 276—277).

****

Преподобному Дионисию случилось быть в местечке, называемом Турия, для исповеди тамошних христиан, так как они питали к нему чувство особенного благоговения и преданности. В Турии был один отъявленный и давний враг Божественного Таинства исповеди, не только не исполнявший никогда этого христианского долга, но и насмехавшийся над всеми, кто исполнение его считал необходимым условием для очищения себя от греховных скверн. Узнав об этом несчастном, преподобный Дионисий просил, чтобы убедили его прийти к нему для беседы. Несчастный послушался. Но вместо того чтобы принять наставления святого старца, он начал отвергать перед ним силу исповеди, так что преподобный, сильно огорченный его демонским вольномыслием, строго сказал: «Так как ты развращаешь правые пути Господни и издеваешься над моими словами и над заповедями Христовыми, то будет рука Господня на тебе и гнев без милости на доме твоем. Пусть через тебя уцеломудрятся и другие!» С этими словами преподобный оставил несчастного и удалился в свою пустыню. Суд Божий не замедлил. Едва только удалился преподобный, беззаконник впал со всем своим домом в недуг, от которого умерло его семейство, а сам он остался в жалком и страдальческом положении. Тогда некоторые из его сродников возвестили о

нем святому и убедительно просили его прийти и оказать помощь несчастному. Сострадательный старец отправился в селение, но не застал того человека живым: несчастный испустил дух без христианского напутствия. Преподобный горько жалел о том событии (96, 47).

***

Во времена царей Льва и Александра один князь, живший в Пелопоннесе, купил себе отрока родом из скифов и отдал его пресвитеру, чтобы прислуживать тому в домашней церкви. Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, выяснилось, что он не крещен. Князь призвал пресвитера и повелел ему окрестить мальчика. По совершении Таинства отрок пришел к своему господину, держа свечу. Князь попросил мальчика пригласить к нему крестившего его пресвитера. Отрок, придя в церковь, увидел там священника и, вернувшись, возвестил князю, что того, кто крестил, в храме нет. Князь удивился этому и послал другого отрока позвать пресвитера. Когда священник пришел, то выяснилось, что он был в храме. Князь сказал новокрещенному, почему он говорил, что в храме нет того, кто крестил его. Отрок же сказал, что крестил его не этот пресвитер, ибо тот, кто совершал Таинство над ним, светился, как солнце, а лицо его блистало, как молния. И когда служил тот страшный муж, этот священник стоял вне храма, связанный железными цепями по рукам и ногам, и держали его два страшных изувера, пока не кончил служение солнцеобразный муж. Услыхав это, князь удивился, и его объял страх. Взяв священника за руку, он ввел его в свою комнату и спросил, что значат слова отрока? Пресвитер, упав перед князем на колени, со слезами сказал: «Так как Господь и Бог мой не скрыл от тебя правды, то выслушай следующее.

На своей родине, соблазненный врагом душ наших, я впал в согрешение. Когда узнал об этом мой епископ, то дал мне епитимию — более не священнодействовать. Я же, будучи беден и без служения не имея на что жить, пришел в эту страну. Ты же, господин мой, умилосердился надо мной и принял меня в свой дом. Я же, окаянный, поправ свою совесть и правила Божии, забыв вечные и страшные муки, служил до сего дня. Но так как Бог открыл тебе обо мне, я уже более недостоин взирать на тебя, моего господина». Князь сказал ему на это, что полезнее было бы для него просить себе хлеба, чем ради временной жизни попрать заповедь Божию и дерзнуть приступить к Божественному служению. «Но так как Бог человеколюбив и принимает искренне кающихся, то иди в монастырь и кайся все остальное время своей жизни, да милостив будет к тебе Господь за твое нечестие. Я же думаю, что нет тяжелее греха, когда иерей, будучи запрещен, дерзнет служить Литургию», — сказав это, князь отпустил пресвитера в монастырь (113, 13).

***

Поведал авва Арсений Великий об одном скитянине, великом по подвижничеству и славном по вере, но погрешавшем в ней по невежеству: скитянин говорил, что в Святом Причащении мы приемлем не Тело Христово, но образ Тела Христова в виде хлеба. Об этом услышали два старца. Зная, что говоривший велик по жительству, они поняли, что он говорит это не по злонамеренности, а по неведению и простоте. Они пришли к нему и сказали: «Отец! Мы слышали о некоем брате, что он произнес мнение, несогласное с учением правой веры, а именно, что в Святом Причащении мы принимаем не Тело Христово, но образ Тела Христова в виде хлеба». Старец отвечал: «Гово-

рил это я». Они начали его убеждать: «Не думай так, отец, но исповедуй по преданию Святой Соборной Апостольской Церкви. Мы веруем, что хлеб есть само Тело Христово, а в чаше — сама Кровь Христова, а отнюдь не образы. Хотя непостижимо, каким образом хлеб может быть Телом, но так как Господь сказал о хлебе *сие есть Тело Мое* (Мф. 26, 26), то мы веруем, что хлеб есть истинное Тело Христово». Старец на это сказал: «Если я не буду удостоверен самим опытом, то пребуду в сомнении». Они предложили ему: «Будем молиться Богу в течение всей следующей недели, чтобы Он объяснил нам Таинство, и веруем, что Бог откроет». Старец с радостью принял предложение. Он молил Бога так: «Господи! Ты знаешь, что я не верю не по злонамеренному упорству. Господи Иисусе Христе, открой мне об этой тайне, чтобы я не пребывал в заблуждении по причине неверия». Также и старцы, придя в свои хижины, молили Бога в течение всей недели об этой тайне и говорили: «Господи Иисусе Христе! Открой об этой тайне старцу, чтобы он не пребывал в неверии и не погубил своего труда». И послушал их Бог. По прошествии недели они пришли в церковь, сели все трое на одной циновке, и отверзлись им очи. Когда был предложен хлеб на Святой Трапезе, тогда увидели эти три старца Младенца вместо хлеба. Когда же иеромонах простер руку, чтобы преломить хлеб на Святой Трапезе, то сошел с неба Ангел Господень с ножом в руке, заклал Младенца, и Кровь из него излил в Чашу. Когда иеромонах преломлял хлеб, Ангел резал Младенца на малые части. Когда приступили к принятию Святых Таин, неверовавшему старцу подано было кровавое мясо. Увидев это, старец испугался и возопил: «Господи! Верую, что хлеб есть Тело Твое!» И немедленно мясо в его руке оказалось хлебом, по обычаю Таинства. Он причастился, прославя

Бога. Старцы сказали ему: «Бог вещает, что люди не могут употреблять сырого мяса, а потому Он прикрыл Свое Тело видом хлеба, а Кровь — видом вина». Два старца возблагодарили Бога, не попустившего подвигу собрата сделаться тщетным (107, 52).

***

Однажды сатана, приняв образ пресвитера, пришел к авве Иоанну и всем видом показывал, будто очень спешит и хочет побыстрее преподать ему Причастие. Но авва Иоанн, узнав его, сказал: «Отец всякого обмана и всякого лукавства, враг всякой правды! Ты не только непрестанно обольщаешь души христиан, но и дерзнул надругаться над самими Святыми Таинствами». Диавол отвечал ему: «Не удалось мне уловить тебя. Подобным способом я обольстил одного из твоих братий и, лишив рассудка, довел его до сумасшествия. Многие праведники усердно молились за него и едва смогли привести его в разум». Сказав это, демон удалился (102, 137).

***

Поведал старец, что епископу одного города возвестили, что из числа замужних жен-христианок две ведут развратную жизнь. Опечалило епископа это известие. Подозревая, что, может быть, и другие ведут себя подобным образом, он обратился с молитвой к Богу, прося разрешения недоумения, чего скоро и удостоился. После Божественного Страшного Жертвоприношения, когда присутствовавшие приступали один за другим к принятию Святых Таин, епископ видел на лице каждого состояние его души. Лица грешных мужей видел он черными, как бы выгоревшими от зноя; глаза у них были красные, кровавые. У других же людей лица

были светлые, а одежды — яркой белизны. Тело Господне одних, принимавших его, сожигало и опаляло, других просвещало, соделывало подобными свету; входя в уста, оно разливало свет по всему телу. Между этими мужами были и пустынножители, и проводившие жизнь в супружестве. После мужчин стали приступать женщины. И между ними увидел епископ одних с черными лицами, с красными, кровавыми глазами, других — с лицами белыми и светлыми. Вместе с другими женами подошли и те женщины, которые были обвинены перед епископом. Особое внимание обратил он на них, и увидел, что они приступают к Святому Таинству со светлыми и чистыми лицами, облеченные в мантии необыкновенной белизны. Когда они сделались причастницами Таинства Христова, то как бы осветил их свет. Снова обратился епископ к молитве, умоляя Бога объяснить показанное ему в откровении. Ему предстал Ангел Господень и повелел спрашивать обо всем. Святой епископ немедленно спросил о двух женщинах, справедливо ли они были обвинены. Ангел отвечал, что все сказанное о них верно. Тогда епископ возразил Ангелу: «Каким же образом, когда они причащались Тела Христова, лица их сияли, на них были белые мантии и от них исходил немалый свет?» Ангел сказал: «По той причине, что они раскаялись в своих поступках и отступили от них. Они посредством слез, воздыханий и исповеди сделались достойными Божественного Дара. Вдобавок они дали обещание: если получат прощение в прежних грехах, никогда не позволять себе более порочного поведения. За это они удостоились божественного изменения, разрешены от грехов, с тех пор живут воздержанно, благочестно и праведно». Епископ удивился не столько изменению жен — это случается со многими, — сколько дару от Бога, Который не только избавил их от вечной муки, но даже сподобил благодати. Ангел сказал ему: «Справедливо

удивляешься, как человек! Но Господь и Бог наш и ваш по естеству Своему благ и милосерд. Оставляющих свои греховные деяния и приступающих к Нему Он посредством исповеди не только избавляет от вечной муки, но и удостаивает почестей. Так Бог возлюбил мир, что Сына Своего Единородного дал за него. Сын Божий, когда люди были Его врагами, благоволил умереть за них, тем более освободить их от адских казней, когда они сделались Его домочадцами и приносят покаяние в совершенных ими проступках. Он предоставит им наслаждение блаженством, которое Сам приуготовил для них. Знай то, что никакие человеческие согрешения не побеждают Божиего милосердия, если только люди посредством покаяния и добрыми делами очистят прежде содеянные грехи. Всеблагой Бог знает немощь вашего рода, крепость страстей, силу и хитрость диавола, прощает, как сынов, людей, впадающих в согрешения, ожидает их исправления, долго терпя. Когда они обращаются и умоляют, благость Его снисходит к немощным, разрешает их мучения и дарует блага, приготовленные праведным». Епископ спросил Ангела: «Прошу тебя, объясни мне и значение различных видов, которые принимают лица согрешающих различно». Ангел сказал ему: «Те, у которых лица светлы и радостны, живут в воздержании, чистоте и правде, скромны, сострадательны и милосердны. Те же, у которых лица черны, преданы любодеянию и прочим беззакониям. Те, у кого глаза были красными и кровавыми, живут в злобе и неправде, любят обманывать, лукавствовать — это хулители и человекоубийцы». Ангел присовокупил: «Помогай тем, которым желаешь спасения. Потому и услышана твоя молитва, чтобы, просвещенный видением, ты объяснил своим ученикам грехи, чтобы исправлял их наставлениями и увещаниями, усвоял их посредством покаяния умершему ради них и воскресшему из мертвых Госпо-

ду Иисусу Христу. По степени сил, усердия и любви к своему Господу заботься о всех них, чтобы они от грехов своих обращались к Богу, открыто говори им, каким они подвержены грехам, уговаривай, чтобы не отчаивались они в своем спасении. Когда они будут приносить покаяние и обращаться к Богу, получат спасение своим душам и обилие будущих благ. Ты же, подражая Господу, Который оставил небо и сошел на землю для спасения человеков, получишь величайшую награду» (107, 544).

ТЕЛО

...Не для того даны нам руки и ноги, чтобы красть, и похищать, и налагать руки друг на друга, но чтобы употреблять их на всякое делание, угодное Богу: на милостыню для тех, которые еще немощны душою к совершенству, и на помощь нуждающимся: для сильнейших же душою и телом — к нестяжательности и для подражания Христу и святым Его ученикам; для прославления Бога и для того, чтобы удивляться Его премудрости, проявляющейся и в членах наших. Как руки эти и малые персты бывают готовы на всякое искусство и работу, писание и начинание, Промыслом Божиим, от которого — знание бесчисленных искусств и писаний, премудрости и целительных лекарств, языков и различных письмен (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 143).

***

Все попечение надобно прилагать более о душе, а не о теле, и телу уступать по необходимости малое время, все же остальное посвящать наипаче душе и искать ее пользы, чтобы не увлекалась она телесными сластьми, но паче себе порабощала тело (прп. Антоний Великий, 90, 22).

***

Природа умная и бессмертная сокрыта в тленном теле нашем для того, чтобы в нем и через него обнаруживать свои действия (при. Антоний Великий, 90, 32).

***

Душа сострадает телу, а тело не сострадает душе. Так, когда тело рассекают, страдает с ним и душа, и когда тело крепко и здорово, соуслаждаются тем и чувства душевные. Но когда душа раздумывает (раскаивается), не раздумывает (не раскаивается) вместе с нею и тело, а пребывает само по себе, оставаясь позади (не двигаясь), ибо раздумывание (раскаяние) есть болезненное чувство души, равно как — неведение, гордость, неверие, любостяжание, ненависть, зависть, гнев, малодушие, тщеславие, честолюбие, несогласие, нечувствие добра и подобное — душою производятся (прп. Антоний Великий, 90, 79—80).

***

Тело, соединяясь с душою, выходит на свет из мрака чрева; а душа, соединяясь с телом, заключается во мраке тела. Посему надобно не жалеть, а обуздывать тело, как врага и противоборца души; ибо множество яств и сласти возбуждают злые страсти в людях, воздержанное же чрево усмиряет страсти и спасает душу (прп. Антоний Великий, 90, 84—85).

***

...Тело имеет многие страсти, которые оно сообщает душе (прп. авва Исаия, 60, 19).

***

Кто заботится о теле, тот не может (должным образом) заботиться о душе (прп. авва Исаия, 60, 78).

***

Кто верует, что тело его воскреснет в день Суда, тот должен очистить оное от всякой скверны и порока (прп. авва Исаия, 60, 80).

***

...Человек, если не презрит тела (своего), то не увидит света Божественного (прп. авва Исаия, 60, 87).

***

Украшение тела причиняет вред душе (прп. авва Исаия, 60, 94).

***

Горе нам, что тело наше, назначенное для вечного света, мы привели к вечной тьме (прп. авва Исаия, 60, 189).

***

Давай телу твоему потребное, дабы оно могло пребывать в молитвах и подвигах (прп. авва Исаия, 60, 205).

***

...Множество телесной силы служит препятствием ко спасению духа (свт. Василий Великий, 5, 243).

***

...Которые делают худое употребление из сего тела и обращают его на служение всякому греху, те приготовляют себе лютую смерть (свт. Василий Великий, 5, 270).

***

...Храм Божий — те, в которых обитает Дух Божий, и храм идольский — те, которые через пьянство принимают в себя нечистоты невоздержания (свт. Василий Великий, 8, 28).

***

Если же кто хочет пощадить и тело, как единственное достояние, необходимое душе и содействующее ей в земной жизни, то немного займется его нуждами, чтобы только поддержать его и через умеренное попечение сохранить здоровым на служение душе, а не давать ему воли... (свт. Василий Великий, 8, 284).

***

...Если дозволить ему <телу> быть наглым и ежедневно всем наполняться, как неукротимому зверю, то, наконец, увлеченный его насильственными порывами к земле, будет лежать, воздыхая без пользы (свт. Василий Великий, 8, 284).

***

Чреву надобно доставить необходимое, но не слишком сладкое, как делают выдумывающие каких-то приготовителей стола и поваров, обыскивающие всю сушу и море,

собирающие дани, как жестокому какому-то властелину, — эти жалкие труженики, страждущие не менее мучимых в аде, которые подлинно прядут огонь, решетом носят воду, льют в дырявую бочку, не видят конца трудам (свт. Василий Великий, 8, 308).

***

...Если излишнее попечение о теле бесполезно для самого тела и служит препятствием душе, то покорствовать и услуживать телу — явное безумие (свт. Василий Великий, 8, 310).

***

Те, которые заботятся, чтобы тело было как можно наряднее, а душу, которая действует через тело, презирают, как ничего нестоющую, чем отличаются от людей, прилагающих попечение об орудиях, но нерадящих об искусстве, действующем через орудие?.. (свт. Василий Великий, 8, 310).

***

...Должно обуздывать и сдерживать тело, как порывы зверя, и мятежи, производимые им в душе, усмирять, поражая рассудком, как бичом, а не ослаблять вовсе узды сластолюбию, и не пренебрегать тем, что ум увлекается им, подобно вознице, которого неудержимо несут необузданные кони (свт. Василий Великий, 8, 310).

***

Да не побеждает тебя телесная природа, да не стесняет тебя против воли, да не делает из свободного узником (свт. Василий Великий, 9, 33).

***

Не упитывай тела своего, чтобы не воздвигло на тебя брани, не приучай его к плотским удовольствиям, чтобы не обратилось в тягость душе твоей и не низвело ее в преисподняя земли (прп. Ефрем Сирин, 31, 108).

***

...Не будь рабом своих членов, чтобы члены твои не властительствовали над тобою. Употребляй их на дело благое, а не на лукавое, и будешь стяжанием драгоценным для твоего Владыки (прп. Ефрем Сирин, 31, 169).

***

Блажен, кто любит святыню, как свет, и не осквернил перед Господом тела своего темными делами лукавого (прп. Ефрем Сирин, 31, 525).

***

Охраняй, брат, непорочность тела своего. Если сохранишь ее в любви Христовой, то удобно возможешь преуспевать во всякой добродетели. Обитающий в тебе Дух Святый возрадуется о тебе, что храм Божий наполняешь благоуханием невинности и правого изволения, и укрепит тебя на всякое дело благое (прп. Ефрем Сирин, 31, 591).

***

...Тела святых на небе сияют паче света, потому что терпели на земле произвольные скорби (прп. Ефрем Сирин, 32, 96).

***

...Видимое тело стало зеркалом заключенной в нем невидимой души. Растлением тела <Мариам, сестра Моисея> введена <была> в познание, как растлевается сердце, которое любит злословие, и по внешнему человеку поняла внутреннего человека (прп. Ефрем Сирин, 32, 450).

***

Тело твое, брат, есть храм Святаго Духа, обитающего в тебе; поэтому имей радение о храме, чтобы не оскорбить Обитающего в нем (прп. Ефрем Сирин, 33, 85).

***

Великий будет тогда стыд и строгий суд растлившему храм Господень <тело свое>, если не улучил он прощения покаянием и слезами своими не омыл нечистот (прп. Ефрем Сирин, 33, 86).

***

...Не делает Он <Бог> принуждения сложной человеческой природе, а только побуждает силою привлекать к нетлению плоть, как рабу, растленную грехом. Как в огненном горниле и медь принимает вид огня, так и тело одухотворяется, если сраствореноо нетлением (прп. Ефрем Сирин, 33, 255).

***

Тело наше есть брение; приидет час, день страшный, лютый и не предусмотренный, и земля пойдет в землю, персть опять сделается перстию (прп. Ефрем Сирин, 33, 307).

***

Великое для нас и для всей твари новое чудо совершил Бог в нашем человечестве. Ибо тело наше соделал храмом, чтобы наполнить тем, что досточтимо всеми (прп. Ефрем Сирин, 34, 279).

***

Будем возбуждать тело наше псалмами и духовными песнями, чтобы нам приобщиться к мудрым девам, которых похвалил Господь наш, и бодрственно узреть Сына в ту ночь, которая в трепет приведет миры (прп. Ефрем Сирин, 34, 317).

***

Тело, которое утруждало себя в молитвах, в день воскресения воспарит по воздуху, без посрамления будет взирать на Господа Своего, с Ним войдет в Чертог Света и будет там любезно Ангелам и человекам, которые здесь утруждали себя бдениями и молитвами (прп. Ефрем Сирин, 34, 317).

***

Бдение и труд, переносимый телами нашими, да соделают Тебя <Господи> милосердым ко грехам нашим! (прп. Ефрем Сирин, 34, 320).

***

...Тела наши соделаны достойными быть жилищем Духа Его... (прп. Ефрем Сирин, 37, 125).

***

...Должен сказать вам, братия, что мы обязаны заботиться и о теле — сем сроднике и сослужителе души (ибо

хотя я и винил его как врага за то, что терплю от него, но я же и люблю его как друга ради Того, Кто соединил меня с ним), и притом заботиться о теле наших ближних не меньше, как и каждый о собственном, остаемся ли мы сами здоровыми, или изнуряемся таким же недугом (свт. Григорий Богослов, 13, 8).

***

...Не по своей воле, когда хотят, возносятся души в небеса; но Бог направляет душу, свергнув тело, стремится мыслию в небеса, и опять, когда угодно Ему, ходит она во плоти и в помыслах, то по Его же воле переходит к пределам земли, и Он показывает ей откровения таин. О подлинно превосходный, благий, единый и истинный Браздодержец! Так, если душа предпрославлена ныне и вступила в единение с Духом, то и тела сподобятся части в воскресении (прп. Макарий Египетский, 68, 5—6).

***

...*Светильник телу есть око: аще убо будет око твое светло, все тело твое просветится: аще же око твое лукаво, все тело твое темно будет. Аще убо свет, иже в тебе, тма есть, то тма кольми* (ср.: Мф. 6, 22—23)? Как очи суть свет для тела, и когда очи здоровы — все тело освещено, а когда попадет что в очи и они омрачатся, тогда все тело бывает во тьме: так апостолы были поставлены очами и светом для целого мира (прп. Макарий Египетский, 68, 6).

***

...Тело, когда из него выйдет душа, умирает и не живет уже той жизнью, какой жило, не слышит, не ходит... (прп. Макарий Египетский, 68, 8).

***

Как мертвый еще для Царства и как язвленный, взывай всегда ко Господу и проси с верою, чтобы и тебе сподобиться сей истинной жизни. Бог, сотворив тело сие, даровал ему, что не из своего естества, не из тела заимствует себе жизнь, пищу, питие, одеяние, обувь; а напротив того, сотворив тело само по себе нагим, устроил, что все необходимое для жизни заимствует оно совне, и невозможно телу жить без того, что вне его существует, т. е. без пищи, без пития, без одежд. Если же ограничивается оно тем, что в его естестве, не заимствуя ничего отвне, то разрушается и гибнет (прп. Макарий Египетский, 68, 11).

***

Горе телу, когда оно останавливается на своей природе, потому что разрушается и умирает (прп. Макарий Египетский, 68, 12).

***

Лукавый всю душу, эту необходимую часть человека, этот необходимый член его, облек в злобу свою, т. е. в грех; и таким образом, тело соделалось страждущим и тленным (прп. Макарий Египетский, 68, 14).

***

...Лукавый осквернил и увлек к себе всего человека, душу и тело, и облек человека в человека ветхого, осквернённого, нечистого, богоборного, непокорного Божию закону, — в самый грех, чтобы не смотрел уже, как желательно человеку, но и видел лукаво, и слышал лукаво, и ноги его поспешали на злодеяние, и руки делали беззаконие, и сердце замышляло лукавое (прп. Макарий Египетский, 68, 15).

***

Когда светит солнце, и дует какой-нибудь ветер, и у солнца — свое тело и своя природа, и у ветра — своя же природа и свое тело, и никто не может отделить ветер от солнца, если единый Бог не прекратит ветра, чтобы не дул он более. Так и грех примешался к душе; но и у греха, и у души — своя особенная природа. Посему невозможно разлучить душу с грехом, если Бог не прекратит и не остановит сего лукавого ветра, пребывающего в душе и в теле. И еще, как иный видит летающую птицу и хочет сам летать, но, не имея крыльев, летать не может, так и у человека есть желание быть чистым, неукоризненным, неосквернённым, не иметь в себе порока, всегда же пребывать с Богом; но сил на это у него нет. Желает он взлететь в божественный воздух, в свободу Святаго Духа, но не может, пока не получит крыл (прп. Макарий Египетский, 68, 15).

***

Ни один член души и тела не свободен и не может не страдать от живущего в нас греха. Подобно сему есть день света и божественный ветр Святаго Духа, который веет и оживотворяет души, пребывающие во дни Божественного света, и проникает все существо души, и помыслы, и всю сущность, и все телесные члены прохлаждает и упокоевает Божественным и неизглаголанным упокоением (прп. Макарий Египетский, 68, 16).

***

...Как царство тьмы и грех сокрыты в душе до дня воскресения, когда тьмою, сокрытою ныне в душе, покроется и самое тело грешников, так и царство света и небесный образ — Иисус Христос таинственно ныне озаряет душу и

царствует в душе святых; но, оставаясь сокровенным от очей человеческих, едиными душевными очами действительно видим Христос до дня воскресения, когда и самое тело покроется и будет прославлено тем светом Господним, какой еще ныне есть в душе человеческой, чтобы тогда и самому телу царствовать вместе с душою, еще ныне приемлющею в себя Царство Христово, упокоеваемою и озаряемою вечным светом (прп. Макарий Египетский, 68, 17).

***

Как членов телесных много, и они составляют одно тело, и взаимно помогают друг другу, и каждый член исполняет собственное свое дело; сверх того, глаз смотрит за целое тело, и руки работают за все члены, и ноги ходят, нося на себе все части тела, а иной член сострадет другим, — так пусть будут и братия между собою. И кто молится, тот да не осуждает работающего за то, что он не молится (прп. Макарий Египетский, 68, 19).

***

...Есть сходство между телом и душою, между телесным и душевным, видимым и сокровенным. Тело имеет своим путеводителем глаз, и он видит, и все тело ведет надлежащим путем. Представь же, что идет кто-нибудь местами лесистыми, заросшими тернием и тенистыми, где и огонь заграждает путь, и мечи вонзены; есть там и стремнины, и множество вод. Если путник оборотлив, осторожен и неустрашим, то, имея путеводителем глаз, с великою внимательностью проходит трудные сии места, и руками и ногами всячески сдерживает хитон свой, чтобы не изорвать между деревьями и в терниях, не замарать грязью, не разрезать

мечами; и глаз, служа светом для целого тела, указывает ему путь, чтобы не сокрушилось оно на стремнинах, или не потонуло в водах, или не потерпело вреда в каком-нибудь затруднительном месте. Так оборотливый и смышленый путник, со всей осторожностью подобрав хитон свой, идя прямо по указанию глаза, и себя сохраняет невредимым, и надетый хитон сберегает несожженным и неразодранным. Если же подобными местами проходит человек нерадивый, ленивый, беспечный, неповоротливый, недеятельный, то хитон его, развеваясь туда и сюда, потому что у путника недостает твердости всячески подбирать свою одежду, рвется о сучки и терния, или загорается от огня, или изрезывается вонзенными мечами, или грязнится в тине; одним словом, прекрасный и новый хитон его в скором времени портится от его невнимательности, недеятельности и лености. А если путник не будет обращать полного и должного внимания на указание глаза, то и сам упадет в ров или потонет в водах. Подобным образом и душа: нося на себе как бы прекрасный хитон, одежду тела, и имея у себя рассудок, который дает направление всей душе с телом, когда проходит она по лесистым и тернистым стезям жизни, среди тины, огня, стремнин, т. е. вожделений, и удовольствий, и прочих несообразностей века сего, — должна с трезвением, мужеством, рачительностью и внимательностью везде сдерживать и оберегать себя. А чтобы телесный хитон в лесистых и тернистых местах мира сего не раздрался где-либо от забот, недосугов и земных развлечений и не сгорел от огня вожделения, то облеченная в оный душа отвращает око, чтобы не видеть лукавства, а также отвращает слух, чтобы не слышать пересудов, удерживает язык от суетных разговоров, руки и ноги от худых занятий; потому что душе дана воля отвращать телесные члены и не допускать их до худых зрелищ, до слышания чего-либо лукавого и

срамного, до непристойных слов, до занятий мирских и лукавых (прп. Макарий Египетский, 68, 22—24).

***

Если же кто по недеятельности и беспечности невнимательно ходит в жизни сей, и по собственной воле своей не отвращается от всякого мирского вожделения, и не взыскует со всем желанием единого Господа, то хитон тела его рвется от терний и деревьев мира сего, опаляется огнем вожделения, оскверняется грязью удовольствий; и потому душа в день Суда оказывается неимеющей дерзновения, потому что не возмогла одеяние свое соблюсти неосквернённым, но растлила оное среди обольщений века сего. За сие-то извергается она из Царства (прп. Макарий Египетский, 68, 24—25).

***

А всякая тварь — и Ангел, и душа, и демон, по собственной природе своей, есть тело; потому что, хотя и утонченны они, однако же в существе своем, по отличительным своим чертам и по образу, соответственно утонченности своего естества, суть тела тонкие, тогда как это наше тело в существе своем дебело. Так и душа, будучи утонченною, облеклась оком, которым смотрит, и ухом, которым слышит, а подобно сему языком, которым говорит, и рукою; и, одним словом, всем телом и членами его облекшись, душа срастворяется с телом, вследствие чего и совершаются все жизненные отправления (прп. Макарий Египетский, 68, 27—28).

***

...Постараемся верою и добродетельною жизнию здесь еще приобрести себе... одеяние, чтобы нам, облеченным в

тело, не оказаться нагими; и тогда в день оный ничто не прославит плоть нашу. Ибо в какой мере сподобляется каждый за веру и рачительность стать причастником Святаго Духа, в такой же мере прославлено будет в оный день и тело его (прп. Макарий Египетский, 68, 55).

***

...Для всех боголюбивых душ, т. е. для истинных христиан, есть первый месяц Ксанфик, называемый еще апрелем; и это есть день воскресения. В оный то силою Солнца правды изведется изнутри слава Святаго Духа, покрывающая и облекающая собою тела святых, та самая слава, какую имели они сокровенною в душах. Ибо что имеет теперь душа в себе, то обнаружится тогда в теле (прп. Макарий Египетский, 68, 55).

***

Блаженный Моисей в той славе Духа, которая покрывала лицо его, так что ни один человек не мог взирать на оное, показал нам образ, как в воскресение праведных прославлены будут тела святых тою славою, какую души святых и верных здесь еще сподобляются иметь внутри себя — во внутреннем человеке. Ибо сказано: *мы вси откровенным лицем*, т. е. внутренним человеком, *славу Господню взирающе, в той же образ преобразуемся от славы в славу* (2 Кор. 3, 18). Тот же Моисей, как написано, *четыредесять дней и четыредесять нощей хлеба не яде, и воды не пи* (Исх. 34, 28); но телесной природе невозможно было бы прожить столько времени без хлеба, если бы она не приобщалась другой духовной пищи; и сей-то пищи души святых еще ныне невидимо приобщаются от Духа.

Посему блаженный Моисей в двух образах показал нам, какую славу света и какое умное услаждение Духа будут иметь истинные христиане в воскресении, еще и ныне сподобляясь оных тайн; почему обнаружатся тогда оные и на телах их. Ибо, как сказано уже прежде, какую славу ныне еще имеют святые в душах, такою и обнаженные тела их покроются и облекутся и будут восхищены на небеса; и тогда уже и телом, и душою вовеки будем упокоеваться с Господом во Царствии. Бог, сотворив Адама, не устроил ему телесных крыл, как птицам, но уготовал ему крыла Святаго Духа, т. е. крыла, которые даст ему в воскресении, чтобы подняли и восхитили его, куда угодно Духу. Сии-то крыла еще ныне сподобляются иметь души святых, воспаряющие умом к небесному мудрствованию. Ибо у христиан другой есть мир, иная трапеза, иные одеяния, иное наслаждение, иное общение, иной образ мыслей; почему и лучше они всех людей. Силу же всего этого еще ныне сподобляются они во внутренность души своей принимать через Духа Святаго; почему в воскресение и тела их сподобятся вечных оных духовных благ и причастны будут той славы, каковой опыты еще ныне изведали души их (прп. Макарий Египетский, 68, 56—57).

***

Престол Божества есть ум наш, и наоборот, престол ума — Божество и Дух. А подобно и сатана, силы и князи тьмы, со времени преступления заповеди, воссели в сердце, в уме и в теле Адамовом, как на собственном своем престоле. Почему пришел наконец Господь и приял на Себя тело от Девы, потому что, если бы угодно Ему было прийти непокровенным Божеством, кто мог бы вынести сие? Напротив того, посредством сего орудия — тела — возглаго-

лал Он к человекам. И наконец, лукавых духов, восседающих в теле, низложил Господь с престолов, т. е. понятий и помыслов, которыми они правили, и очистил совесть, и престолом Себе Самому соделал ум, и помыслы, и тело (прп. Макарий Египетский, 68, 62).

***

Тот небесный огнь Божества, который христиане еще ныне, в веке сем, приемлют внутрь себя, в сердце, действуя внутрь сердца их, когда разрушится тело, начнет действовать совне, и снова сопряжет члены, совершит воскресение разрушенных членов. Как в Иерусалиме огнь, служивший на жертвеннике, во время пленения был зарыт во рву, а когда настал мир и возвратились пленные, тот же самый огнь как бы обновился и стал служить по-прежнему: так и ныне этого ближнего нашего — тело, которое по разрушении обращается в тину, воспроизведет и обновит небесный огнь, он воскресит истлевшие тела. И внутренний, в сердце обитающий ныне огнь, тогда будет действовать совне и совершит воскресение тел (прп. Макарий Египетский, 68, 83).

***

Как огонь золотым сосудам дал образ, и стали они идолом, так и Господь, соображаясь с произволением верных и добрых душ, согласно с их волею, еще ныне производит в душе тот образ, который в воскресении явится вне их, и тела их прославит и внутри, и совне. Но как тела их в настоящее время еще тленны, мертвенны и удоборазрушимы, так и помыслы некоторых растлены сатаною, мертвы для жизни и погребены в тине и земле; потому что душа их погибла (прп. Макарий Египетский, 68, 84).

***

Мы же проповедуем Иисуса Христа, и Сего распята, Иудеем убо соблазн, Еллином же безумие, а спасаемым нам — *Христа, Божию силу и Божию премудрость* (ср.: 1 Кор. 1, 23—24), потому что в мертвом теле жизнь; здесь избавление, здесь свет, здесь Господь приходит к смерти, беседует с нею и повелевает изринуть души из ада и смерти и возвратить Ему. И вот смятенная сим смерть приходит к служителям своим, собирает все силы, и князь лукавый приносит рукописания и говорит: «сии вот повиновались слову моему, и вот как покланялись нам люди». Но Бог, праведный судия, и здесь показывает правду Свою и говорит ему: «Повиновался тебе Адам, и овладел ты всем сердцем его; повиновалось тебе человечество. Что же делает здесь тело Мое? Оно безгрешно. Тело первого Адама стало должным тебе, и по праву ты удерживаешь его рукописания. О Мне же все свидетельствуют, что Я не согрешил; ничем тебе не должен. Все свидетельствуют о Мне, что Божий Я Сын. С высоты небес пришедши на землю, засвидетельствовал глас: *Сей есть Сын Мой возлюбленный... Того послушайте* (Мф. 17, 5)... Три у Меня свидетеля. Один — с высоты небес Посылающий глас, другий — сущие на земле, третий — ты сам. Посему искупаю тело, проданное тебе первым Адамом, уничтожаю твои рукописания; Я отдал долг Адамов тем, что распят и снисшел во ад. И повелеваю тебе, ад, тьма и смерть, освободи заключенные души Адама». И таким образом, лукавые силы, вострепетав, отдают, наконец, заключенного Адама (прп. Макарий Египетский, 68, 88).

***

Как тело Господа, когда восшел Он на гору, прославилось и преобразилось в Божескую славу и в бесконечный

свет, так и тела святых прославляются и делаются блистающими. Ибо как внутренняя слава Христова в такой мере распростерта была и воссияла на теле Христовом, так, подобно сему, и во святых внутри сущая сила Христова в оный день будет преизливаться вовне — на тела их; потому что еще ныне умом своим причащаются они Христовой сущности и Христова естества (прп. Макарий Египетский, 68, 129—130).

***

Как одним огнем зажигаются многие светильники, так необходимо и телам святых — сим членам Христовым — соделаться одним и тем же с Самим Христом (прп. Макарий Египетский, 68, 130).

***

Истинная смерть внутри — в сердце, и она сокровенна; ею умирает внутренний человек. Посему если кто перешел от смерти к жизни сокровенной, то он истинно вовеки живет и не умирает. Даже если тела таковых и разрушаются на время, то снова будут воскрешены во славе, потому что освящены. Поэтому смерть христиан называем сном и успением. А если бы человек стал бессмертен и нетленен по телу, то целый мир, видя необычайность дела, а именно, что тела христиан не истлевают, преклонялся бы к добру по какой-то необходимости, а не по произвольному расположению (прп. Макарий Египетский, 68, 130).

***

Когда душа человеческая выйдет из тела, тогда совершается при сем великое некое таинство. Ибо если повинна она

во грехах, то приходят толпы демонов, и недобрые ангелы и темные силы поемлют душу ту и берут в собственную свою область. И никто не должен удивляться сему; потому что если душа в сей жизни, находясь в веке сем, им подчинялась и повиновалась и была их рабою, то тем паче удерживается ими и в их остается власти, когда отходит из мира. А что касается до части благой, то должен ты представлять себе, что дело бывает так. При святых рабах Божиих еще ныне пребывают Ангелы, и святые духи их окружают и охраняют. И когда отходят от тела, тогда лики Ангелов приемлют души их в собственную свою область, в чистый век и, таким образом, приводят их ко Господу (прп. Макарий Египетский, 68, 178).

***

...Тела будут прославлены тем неизреченным светом, тою силою Духа, какие пребывают в них ныне (прп. Макарий Египетский, 68, 402).

***

...В том состоит здравие тела, чтобы ничто в нас не получало перевеса над другим. Итак... для поддержания своего здоровья мы должны сохранять такое состояние тела, чтобы никакой части из тех, из которых мы составлены, не придавать неправильным употреблением пищи и пития: ни излишнего увеличения, ни уменьшения... (свт. Григорий Нисский, 24, 381).

***

Тело наше, наподобие пузыря, на малое время облекает наш дух; затем мы исчезаем, не оставив в жизни никакого

следа кратковременного пребывания духа в нашем теле (свт. Григорий Нисский, 24, 424).

***

...Жизнь нашего тела состоит в исполнении и лишении, совершающемся двояким образом, через пищу и питье, затем через вдыхание и выдыхание воздуха, без чего плотская жизнь естественно не может существовать... (свт. Григорий Нисский, 24, 489).

***

...В жизни будущей не будет пригодно то, что составляет для него <тела> потребность ныне, но устройство нашего тела будет сродно и соответственно наслаждению оною жизнию и стройно приспособлено к пользованию ее благами (свт. Григорий Нисский, 24, 523).

***

Телесной красоте основанием служит не что иное, как слизь, кровь, влага, желчь и сок принятой пищи. Этим наполняются и глаза, и щеки, и все прочее; и если они не будут каждый день получать такого напоения, истекающего из чрева и печени, то вместе с тем, как только кожа высохнет более надлежащего и глаза впадут, и вся красота лица тотчас пропадет; так что, если ты представишь себе, что именно скрывается внутри прекрасных глаз, что внутри прямого носа, что внутри уст и щек, то благообразие тела назовешь не иным чем, как гробом повапленным... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 22—23).

***

...Настолько-то более мы заботимся о теле, нежели о душе! Поэтому и тела сохранить не можем. Ведь кто не-

радит о главном, а всю заботу обращает на низшее, тот разрушает и губит то и другое... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 25).

***

Тленное получили мы тело не для того, чтобы из-за его болезней увлекаться к нечестию, а для того, чтобы его болезнями утверждаться в благочестии (свт. Иоанн Златоуст, 45, 754).

***

От благообразия тела не может быть никакой выгоды... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 310).

***

...<Христос> повелел, имея тело и находясь в узах плоти, умерщвлять тела, прекращать волнение страстей, плоть, как бы то ни было, носить на себе и в то же время усиленно стараться сравниться с бесплотными силами... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 362).

***

Как оно <тело по смерти> страшно, зловонно и безобразно, между тем как прежде, когда управляла им душа, было светло, приятно, весьма благообразно, проникнуто было разумом и обладало большою способностью к деланию добрых дел (свт. Иоанн Златоуст, 48, 100).

***

Если ты исследуешь природу тел, то она не лучше природы трав; подобным же образом она иссыхает и падает, и во время старости в ней не находится ничего юношеского (свт. Иоанн Златоуст, 50, 218).

***

Не в теле красота, но красота тела зависит от того образования и цвета, который отпечатлевает душа в существе его (свт. Иоанн Златоуст, 51, 382).

***

Буди... увещеваяся с соперником твоим скоро, дондеже еси на пути с ним (Мф. 5, 25)... Кто же этот действительный противник? Если поищешь тщательно — ты найдешь, что это — твое собственное тело: оно ведь противоборствует твоему духу... Плоть, имея советником удовольствие, желает того, что противно духу, а дух, опираясь на надежду на будущее, идет против плоти. Страсть к мирскому и стремление к Царству Небесному противоположны друг другу. Вот он, противник, который, хочешь ли ты, или не хочешь, не отстает от тебя в пути; а путь есть жизнь. Душа ревнует о подражании своему образу, плоть же тяготеет к земле; а это противоположно одно другому... Не приятное ты должен делать противнику своему, но, будучи благоразумным, призывать его от удовольствия к покаянию... И хотя он <врач> причиняет больному некоторые неприятности, но делает это с целью улучшения его здоровья (свт. Иоанн Златоуст, 52, 976—977).

***

Каким образом и философ бывает философом, если тело нисколько ему не содействует? Повреди чувства и узнай что-нибудь из того, что нужно знать (свт. Иоанн Златоуст, 53, 28—29).

***

Посмотри и на наше тело: когда оно тучно и изнежено, то скоро впадает в болезнь; а когда истощено, то не так (скоро заболевает) (свт. Иоанн Златоуст, 53, 375).

***

Когда Адам согрешил... тело его сделалось смертным и страстным, в нем обнаружилось множество природных недостатков... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 624).

***

Если красоту будущих тел я сравню со светом солнечного луча или с самой яркой молнией, то не скажу еще ничего достойного той блистательности (свт. Иоанн Златоуст, 53, 674).

***

...Между душою и телом находится тесная связь, которую Создатель устроил для того, чтобы никто не вздумал ненавидеть тело свое, как бы что-нибудь чужое (свт. Иоанн Златоуст, 54, 411).

***

...Тело есть только орудие, от орудия же никто не отвращается, ни ненавидит, а отвращаются от того, кто употребляет это орудие во зло (свт. Иоанн Златоуст, 54, 804).

***

Если ты действительно можешь указать зло, происходящее от тела, то обвиняй плоть; но если ты на основании

одного только названия хочешь порицать плоть, то смотри, чтобы тебе не пришлось обвинять и душу, потому что и лишенный истины человек называется душевным человеком (см.: 1 Кор. 2, 14), и полчища демонов называются духами злобы (см.: Еф. 6, 12) (свт. Иоанн Златоуст, 54, 804).

***

Тело без души ничего не в состоянии было бы сделать дурного, а душа и без тела многое может сделать. Она многое делает и тогда, когда тело бывает истощено и кровь в нем уже не кипит <...> Тело же не может принудить душу вдаться в пороки. Почему же (апостол) называет (грех) мудрованием плоти? Потому что он всецело принадлежит плоти. Когда она берет себе власть, когда пренебрегает внушениями ума и властию души, тогда грешит. И значит, добродетель тела заключается именно в повиновении его душе, потому что само по себе тело ни хорошо, ни худо. Но может ли тело сделать что-нибудь само собою? По связи (доводов) тело если хорошо, то хорошо только в отношении к подчинению (душе); а само по себе оно ни хорошо, ни худо, способно и к тому, и к другому, может склониться и на ту, и на другую сторону. Тело желает, но не блуда или прелюбодеяния, а совокупления; тело желает, но не сластолюбия и обжорства, а пищи, не пьянства, а пития. Что пьянство не составляет пожелания тела, смотри: оно лишнего не удерживает (т. е. извергает назад), когда ты преступаешь меру и переходишь за границу тела. Подлинно, все остальное (кроме необходимых потребностей тела) принадлежит душе, особенно когда она делается плотскою и, так сказать, одебелевает. Правда, и хорошее тело все же значительно ниже души; но с другой стороны, как олово, хотя оно и ниже золота, все же нужно для спайки (последне-

го), так точно и для души нужно тело. Или как дитя самое благородное нуждается, однако же, в воспитателе, так и душа нуждается в теле (свт. Иоанн Златоуст, 55, 47—48).

***

Владыку всех бессловесных Бог создал нуждающимся гораздо менее сравнительно с ними и дал небольшое тело, указывая этим не иное что, как то, чтобы мы стремились к другой жизни (свт. Иоанн Златоуст, 55, 158).

***

...Чем больше тело питается и тучнеет, тем больше душа истощается и становится немощною (свт. Иоанн Златоуст, 55, 712).

***

...Не порицай тела, которое сподобилось такой чести <соединению с Богом>, перед которым трепещут даже бесплотные силы (свт. Иоанн Златоуст, 55, 735—736).

***

...Тело наше не что иное, как земля, скрепляемая теплотою души (свт. Иоанн Златоуст, 55, 796).

***

Если бы мы совершали добродетель одною душою, то нам не нужно было бы заботиться о теле. Для чего же и вообще мы так созданы? А если и тело много участвует в этом, то не крайнее ли безумие — пренебрегать им? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 845).

***

...Когда тело получает преобладание над душой, оно само сохраняется, а душа гибнет (свт. Иоанн Златоуст, 55, 927).

***

В какое бурное море обратило нашу жизнь угождение этому телу? Сколько произвело оно волнений, сколько смущения, сколько потрясений, сколько крушений, сколько беззаконий и грехов, сколько несчастий и ужасов?.. (свт. Иоанн Златоуст, 55, 942).

***

Умертви тело твое и распни его, и ты также получишь венец мученичества (свт. Иоанн Златоуст, 56, 106).

***

...Когда тело делается изнеженным, то по необходимости вместе с ним и душа испытывает то же зло, потому что отправления души по большей части соответствуют состоянию тела (свт. Иоанн Златоуст, 56, 245).

***

Как самое совершенное искусство делается бессильным, когда струны на гитаре мягки, слабы и не хорошо натянуты и принуждается быть рабом дурного состояния струн, так точно и душа, когда тело пользуется у нас большим уходом, терпит горькое рабство (свт. Иоанн Златоуст, 56, 569).

***

Необычно, да и невозможно дружиться со змием и носить его в недрах своих; невозможно и тело всячески лас-

кать, любить его и угождать ему, кроме доставления необходимо потребного, и вместе с тем пещись о добродетели небесной. Ибо тот (змий) по естеству своему не удержится, чтобы не уязвить прегревшего, а это (тело) — чтобы не осквернить угождающего ему движениями похотной сласти. Когда тело в чем-либо погрешит, бичами бить его надобно нещадно до ран, как беглого раба, исполненного вином, да ведает, что есть над ним господин (ум), готовый наказать его, и да не ищет упивства похотию, будто вином в корчемнице, да не не ведает и госпожи своей (души) нетленной эта раба нощная, — прах тленный. До самого исхода своего не доверяй плоти своей (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 173—174).

***

Тело... имеет нужду в напитании, а не в услаждении, в воздержании, а не в пресыщении, в удовлетворении потребности, а не в роскоши. Первые приносят пользу, и душе и телу доставляют здравие, силу и благосостояние, а последние вредят тому и другому, не только расстроивают здоровье, но и порождают сильные мучительные болезни. Явным же доказательством сему служит то, что подвижники воздержности и благоразумнее, и целомудреннее, и здоровее избравших для себя жизнь изнеженную (прп. Исидор Пелусиот, 61, 321).

***

Кто столько ест, сколько нужно, чтобы утолить голод, и так одевается, чтобы прилично себя прикрыть, тот уготовляет тело свое в прекрасную колесницу душе, в кормило, которым легко править кормчему, в оружие сручное воину, в мусикийскую лиру для любителя стройности. А кто утучняет тело роскошью и прикрашивает одеждами, тот делает

его способным скакать, разжигает к неуместным пожеланиям, доводит до изнеженности, расстроивает его здоровье, расслабляет его великою леностию и уготовляет в нем врага душе (прп. Исидор Пелусиот, 63, 180—181).

***

Если кто редко приступает ко Христу с прошением о потребности телесной, то возлюблен Им будет... (прп. Нил Синайский, 73, 19—20).

***

...Подлинно, нечестиво на целую жизнь распростирать попечение о телесном и не оказывать никакого старания о будущем... (прп. Нил Синайский, 73, 86).

***

Первые святые жили для одной души и для сотворшего ее Бога, ни во что ставя тело... (прп. Нил Синайский, 73, 137).

***

Не сжаливайся над телом, когда оно станет жаловаться на изнеможение, и не насыщай его вдоволь угодными ему снедями, ибо если оно опять придет в силу, то восстанет на тебя и воздвигнет против тебя брань непримиримую, пока не пленит душу твою и не предаст тебя в рабы страсти блуда (прп. Нил Синайский, 91, 248).

***

...Скудно питаемое тело — добре объезженный конь, который никогда не сбросит всадника. Конь, уздою удержи-

васмый, уступает и повинуется руке седока, и тело, укрощаемое скудноядением и бдением, не рвется из рук восседающего на нем помысла и не ржет, как делает, будучи движимо страстным порывом (прп. Нил Синайский, 91, 248).

***

Не многого утешения требует тело, — попекись о сем утешении; потому что до времени связан ты с телом, чтобы и его иметь содейственником в делании добродетели и чтобы не встретило препятствия преспеяние души (прп. Нил Синайский, 91, 265).

***

Господь, зная, что для нас низбежна ежедневная заботливость о теле, не отсек дневного попечения, но, попустив нам заботиться о настоящем дне весьма прилично, боголепно и человеколюбиво повелевает не заботиться о завтрашнем; ибо людям, облеченным в тело, невозможно вовсе не заботиться о том, что относится к жизни тела: через молитву и воздержание можно многое сокращать в малое, но совершенно презреть все (относящееся к телу) невозможно (прп. Марк Подвижник, 90, 504—505).

***

...Когда тело, лишением свойственного ему, принуждено стать вне своего благосостояния и последовать душе, тогда оно изнемогает и терпит вред (прп. Исаак Сирин, 59, 28).

***

...Кто печется о телесном сверх потребности, тот невольно отпадает от Бога (прп. Исаак Сирин, 59, 157).

***

Кто тело свое предает покою, тот в стране мира причиняет ему скорбь (прп. Исаак Сирин, 59, 228).

***

...Кто любит свое тело, тот не улучит Божией благодати (прп. Исаак Сирин, 59, 306).

***

...Слава тела есть покорность целомудрия при помощи Божией... (прп. Исаак Сирин, 59, 365).

***

Кто хотя несколько ощутит в себе надежды на Бога, тот не согласится уже по нужде работать этому жестокому владыке — телу (прп. Исаак Сирин, 59, 375).

***

...Мучительное дело — раболепствовать телу (прп. Исаак Сирин, 59, 375).

***

Кто ласкает льва, тот часто укрощает его; а кто угождает телу, тот усиливает его свирепость (прп. Иоанн Лествичник, 58, 106).

***

Когда тело победит тебя, укрощай его трудами; если же ты по немощи не можешь этого, то борись с ним бдением (прп. Иоанн Лествичник, 58, 109).

***

Не верь во всю жизнь твою сему бренному телу, и не надейся на него, пока не предстанешь Христу (прп. Иоанн Лествичник, 58, 114).

***

Господь, как нетленный и бестелесный, радуется о чистоте и нетлении нашего тела... (прп. Иоанн Лествичник, 58, 118).

***

...Бесы... ни о чем другом столько не веселятся, как о злосмрадии блуда, и никакой страсти не любят так, как оскверняющую тело (прп. Иоанн Лествичник, 58, 118).

***

Кто победил свое тело? Тот, кто сокрушил свое сердце. А кто сокрушил свое сердце? Тот, кто отвергся себя самого; ибо как не быть сокрушенным тому, кто умер своей воле? (прп. Иоанн Лествичник, 58, 129).

***

Иногда упокоение враждебного нам тела возбуждает силу ума, не производя плотского разжжения; иногда же, напротив, изнурение тела производит в нем непристойные движения, чтобы мы не на себя уповали, но на Бога, неведомым образом умерщвляющего в нас живущую похоть (прп. Иоанн Лествичник, 58, 192).

***

Охраняющий тело свое от сластей и от болезней имеет в нем соработника в служении лучшему (прп. Максим Исповедник, 92, 166).

***

...Немного пещись и о теле, самое необходимое давая ему мерно и по малости (прп. Феодор Студит, 93, 143).

***

Что же так лелеем мы это бедное тело, которое спустя немного предадим земле и червям? (прп. Феодор Студит, 93, 564).

***

...Как железо, разжженное огнем, делается причастным светлости огня, отлагая природную свою черноту, и как только выйдет из него огонь и оно остынет, является опять черным; так бывает и с телами святых, что, когда бывают они причастными Божественного оного огня, т. е. благодати Святаго Духа, исполняющего души их, то освящаются и, будучи проницаемы Божественным оным огнем, бывают светлыми, особенными от всех других тел и честнейшими их; но когда душа выходит из тела, тогда тела их предаются тлению, и иные мало-помалу разлагаются и бывают прахом, а другие не разлагаются в продолжение многих лет, и ни нетленными совершенно не бывают, ни опять совершенно тленными, а сохраняют в себе признаки и тления, и нетления, пока не восприимут совершенного нетления и не обновятся совершенным воскресением, во время общего Воскресения мертвых. И по какой это причине? По той, что не подобает телам людей облекаться в славу воскресения и делаться нетленными прежде обновления всех тварей. Но как вначале прежде вся тварь сотворена нетленною, а потом из нее взят и создан человек, так надлежит и опять прежде всей твари сделаться нетленною, а потом обновиться и стать нетленными и тленным телам людей, да будет снова весь человек нетленен и духовен, и да обитает в

нетленном, вечном и духовном жилище (при. Симеон Новый Богослов, 77, 377—378).

***

Когда же тело отделится от души, то ничего... не ищет, но бывает мертвым и бесчувственным, наподобие глины (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 45).

***

Земно будет тело нетленное, без мокрот, однако же, и дебелости, быв неизреченно претворено из душевного в духовное, так что будет и перстно, и небесно. Каким создано было оно вначале, таким и воскреснет, да сообразно будет образу Сына Человеческого по всецелому причастию обожения (прп. Григорий Синаит, 94, 188).

***

Душа наша одарена многими силами и пользуется, как орудием, телом, ею оживляемым (свт. Григорий Палама, 94, 299).

***

Для тела сколько сетей! Оно само — какая сеть! Как пользуется им мародержец! Посредством тела, снисходя его унизительным наклонностям и пожеланиям, мы приближаемся к подобию скотов бессловесных (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 413).

***

...Тело, огражденное воздержанием и хранением чувств, омовенное слезами покаяния, освященное частыми молитвами, зиждется таинственно в храме Святаго Духа, соделы-

вающего все покушения врага на человека безуспешными (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 417).

***

До падения человека тело его было бессмертно, чуждо недугов, чуждо настоящей его дебелости и тяжести, чуждо греховных и плотских ощущений, ныне ему естественных (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 7).

***

По причине падения наше тело вступило в один разряд с телами животных; оно существует жизнию животных, жизнию своего падшего естества. Оно служит для души темницею и гробом (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 8).

***

Нужно очищение себя тщательным покаянием, нужно ощутить хотя в некоторой степени свободу и высоту состояния духовного, чтобы стяжать понятие о бедственном состоянии нашего тела, о состоянии его мертвости, причиненной отчуждением от Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 8).

***

И тело продолжает существовать, хотя видим, что оно разрушается и обращается в землю, из которой взято; оно продолжает существовать в самом тлении своем... как семя в земле... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 70).

***

Отяготели сердца наши, прилепились к земле души наши; такое положение духа низводит в дебелость тело, и мы

остаемся чуждыми опытного познания, что *плоть* наша может *возрадоваться о Бозе живе* (Пс. 83, 3)... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 76).

***

Благоразумный и умеренный телесный подвиг освобождает тело от тяжести и дебелости, изощряет его силы, содержит его постоянно легким и способным к деятельности (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 94).

***

Вожделение Бога было изначала естественным нашему телу, сотворенному с вожделением Бога. Вожделение Бога духовно и свято; духовным и святым было и тело (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 253).

***

Телам нашим свойственна любовь Божественная. Освободившись от недуга греховности, им неестественного и враждебного, они, еще во время земного странствования, влекутся постоянно к Богу, сообразно естеству своему и действию Святаго Духа... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 253—254).

****

Был в городе Карфаген некий муж по имени Таксиот, проводивший греховную жизнь. Однажды постигла Карфаген заразная болезнь, от которой умирало много людей. Таксиот обратился к Богу и покаялся в своих грехах. Оставив город, он с женой удалился в одно селение, где и пребывал, проводя время в богомыслии. Спустя некоторое время он впал в грех с женой землевладельца, а по прошествии

нескольких дней после этого его ужалила змея, и он умер. Неподалеку от того места стоял монастырь. Жена Таксиота отправилась в этот монастырь и упросила монахов прийти взять тело умершего и похоронить в церкви. Похоронили его в третьем часу дня. Когда же наступил девятый час, из могилы послышался громкий крик: «Помилуйте, помилуйте меня!» Монахи тотчас разрыли могилу и нашли Таксиота живым. Они ужасно удивились и спросили, что с ним случилось. Но Таксиот из-за сильного плача ничего не мог рассказать и только просил отвести его к епископу Тарасию. Его отвели. Епископ три дня упрашивал его рассказать, что он видел, но только на четвертый день Таксиот стал рассказывать: «Когда я умирал, увидел эфиопов, стоящих передо мной. Вид их был страшен, и душа моя смутилась. Потом увидел я двух юношей, очень красивых. Душа моя устремилась к ним, и тотчас, как бы взлетая с земли, мы стали подниматься к небу, встречая по пути мытарства, удерживающие душу всякого человека. Каждое мытарство истязало душу об одном грехе: одно — о лжи, другое — о зависти, а третье — о гордости. Так каждый грех в воздухе имеет своих испытателей. И вот увидел я в ковчеге, который держали Ангелы, все мои добрые дела. Ангелы сопоставляли их с моими злыми делами. Так мы миновали эти мытарства. Когда же, приближаясь к вратам небесным, пришли мы на мытарство блуда, стражи задержали меня и начали показывать все мои блудные плотские дела, совершенные мной с детства и до смерти. Ангелы, ведущие меня, сказали: «Все телесные грехи, которые ты соделал, находясь в городе, простил Бог, так как ты покаялся в них». Но противные духи сказали: «Когда же ты ушел из города, то на поле совершил грех с женой землевладельца». Услыхав это, Ангелы не нашли доброго дела, которое можно было бы противопоставить этому греху, и, оставив меня, ушли. Тогда злые духи начали бить меня и свели затем вниз.

Меня вели узкими ходами через темные и смрадные скважины, так я сошел до самой глубины адовых темниц, где во тьме вечной заключены души грешников, где нет жизни, а одна вечная мука, неутешный плач и несказанный скрежет зубов. Там всегда раздается отчаянный крик: «Горе нам, увы, увы!» И невозможно передать всех тамошних страданий, нельзя пересказать всех мук, которые я видел. Стон стоит из глубины души, и никто не милосердствует о стонущих: плачут, и нет утешающего, молят, и нет внимающего им и избавляющего их. И я был заключен в тех мрачных, полных ужасной скорби местах, и я горько рыдал от третьего часа до девятого. Потом увидел я малый свет и пришедших туда двух Ангелов. Я стал умолять их о том, чтобы они вывели меня из того бедственного места для раскаяния перед Богом. Ангелы сказали: «Напрасно ты молишься, никто не исходит отсюда, пока не настанет время всеобщего Воскресения». Но так как я продолжал усиленно просить и умолять их, обещал раскаяться в грехах, то один Ангел сказал другому: «Поручаешься ли за него в том, что он покается от всего сердца, как обещает?» Другой сказал: «Поручаюсь!» Потом он подал мне руку. Тогда вывели меня оттуда на землю и привели к гробу, где лежало мое тело, и сказали: «Войди в то, с чем ты разлучился». И вот я увидел, что душа моя светится, как бисер, а мертвое тело черно, как грязь, и издает зловоние, и потому я не хотел войти в него. Ангелы сказали: «Невозможно тебе покаяться без тела, которым совершал грехи». Но я умолял их о том, чтобы мне не входить в тело. «Войди, — сказали Ангелы, — иначе мы отведем тебя туда, откуда взяли». Тогда я вошел, ожил и начал кричать: «Помилуйте меня!»

Святитель Тарасий сказал ему тогда: «Вкуси пищи». Он же не хотел есть, ходил от церкви до церкви, падал ниц и со слезами и глубоким воздыханием исповедовал свои грехи, всем говорил: «Горе грешникам, их ожидает вечная

мука, горе не приносящим покаяния, пока имеют время; горе осквернителям своего тела!» По воскрешении Таксиот прожил сорок дней и очистил себя покаянием. За три дня он провидел свою кончину и отошел к милостивому и человеколюбивому Богу, всем подающему спасение (113, 572).

***

За восемь месяцев до своей кончины авва Вениамин заболел водянкой. Тело его так распухло, что по своим страданиям он стал подобен Иову нашего времени. Епископ Диоскор, бывший тогда пресвитером горы Нитрийской, обратившись ко мне и блаженному Евагрию, сказал: «Пойдите посмотрите на нового Иова, который при такой неисцельной болезни сохраняет необыкновенное благодушие». Придя, мы взглянули на его тело: оно так распухло, что рукой нельзя было обхватить его мизинец. Не в силах смотреть на это, мы отвели свои глаза. Тогда блаженный Вениамин сказал: «Помолитесь, чада, чтобы не сделался болен мой внутренний человек. А от этого тела не вижу вреда». В те восемь месяцев он постоянно сидел на стуле огромной ширины, потому что прилечь в постель не мог. И в таком состоянии он еще врачевал других от различных болезней (102, 38).

***

Приснопамятный и блаженный отец наш Иоанн Колов, воспитанник послушания, оставил мир в юном возрасте. Со своим родным братом Даниилом он удалился в скит, где оба приняли монашество. Они разместились на жительство в одной келье и подвизались в посте и молитве. По прошествии некоторого времени Иоанн сказал брату: «Я решился нисколько не заботиться о теле, не хочу употреблять пищу и питие, приготовленные на огне, но хочу пребывать в этой пустыне без попечения, подобно бесплотному Ангелу». Ска-

зав это, он тотчас снял одежду и нагой вышел из кельи в пустыню. В эту ночь был сильный мороз. Не стерпев холода, Иоанн возвратился в келью к брату и начал стучаться в двери. Брат, желая вразумить его, долгое время не подавал голоса, потом сотворил молитву и сказал: «Кто там стучится так настойчиво в мои двери?» Иоанн отвечал: «Это я, твой брат Иоанн, не могу вынести мороза и возвратился послужить тебе». Даниил отвечал: «Не прельщай меня, демон! Уйди, я не отворю тебе. Как смеешь говорить, что ты — мой брат? Разве не знаешь, что брат мой — ангел, что он небрежет о теле, что он не нуждается в пище? Уйди от меня!» Иоанн сотворил молитву и сказал: «Я — брат твой Иоанн! Ныне узнал, не стерпев мороза, что на мне плоть». Когда он покаялся, то брат отворил дверь и принял его в келью, при этом сказал: «Брат! На тебе плоть, для нее ты должен трудиться о пище и одежде» (107, 285).

***

Авва Пимен говорил: «Если придет к тебе мысль о нужных потребностях тела и ты исполнишь ее однажды, и придет в другой раз, и опять исполнишь, то если придет в третий раз, не внимай ей, ибо она пустая» (98, 198). ...ла-
...сть то же,
*** ...их зрения (прп.

Авва Антоний говорил: «Есть ...
тело свое подвижничеством и ***
потому что не имели р...

...значение одного из числа многих (нарица-
...). Но неразумно думать, чтобы Бог, Который есть
...дин и единствен, имел соименных Себе: ибо слово *Бог*

бесконечно далеки от того, чтобы быть Ему подобными (сщмч. Дионисий Ареопагит, 29, 9).

***

...На основании таинственного Священного предания истинно утверждаем, что Бог ни с чем из существующего не имеет сходства (сщмч. Дионисий Ареопагит, 29, 10).

***

Где идет речь о Господе Боге, там чистое и искреннее слово ищет доказательств для веры не в силе красноречия, а в самой вещи (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 89).

***

...Один есть Господь всех — Бог: величие Его не может иметь совместника, потому что Он Сам всемогущ (сщмч. Киприан Карфагенский, 65, 5).

***

(10[illegible]

[illegible]творишь дверь жилища твоего и останешься

[illegible]тебе соприсущ определенный от Бога каж-

Приснопамятный [illegible] которого еллины называют домашвоспитанник послушания, [illegible]и, всегда будучи при тебе, все своим родным братом Даниилом[illegible] не скрывает от него. оба приняли монашество. Они размести[illegible] месте присущим. в одной келье и подвизались в посте и моль[illegible] было Бога, ствии некоторого времени Иоанн сказал брату: «[illegible] [illegible]прп. нисколько не заботиться о теле, не хочу употреблять [illegible] и питие, приготовленные на огне, но хочу пребывать в этой пустыне без попечения, подобно бесплотному Ангелу». Ска-

***

Бог благ, и бесстрастен, и неизменен. Если кто, признавая благословным и истинным то, что Бог не изменяется, недоумевает, однако же, как Он (будучи таков) о добрых радуется, злых отвращается, на грешников гневается, а когда они каются, является милостив к ним, то на сие надобно сказать, что Бог не радуется и не гневается, ибо радость и гнев суть страсти. Нелепо думать, чтобы Божеству было хорошо или худо из-за дел человеческих. Бог благ и только благое творит, вредить же никому не вредит, пребывая всегда одинаковым; а мы, когда бываем добры, то вступаем в общение с Богом, по сходству с Ним, а когда становимся злыми, то отделяемся от Бога, по несходству с Ним. Живя добродетельно, мы бываем Божиими, а делаясь злыми, становимся отверженными от Него; а сие не то значит, чтобы Он гнев имел на нас, но то, что грехи наши не попускают Богу воссиять в нас, с демонами же мучителями соединяют. Если потом молитвами и благотворениями снискиваем мы разрешение во грехах, то это не то значит, что Бога мы ублажили и Его переменили, но что посредством таких действий и обращения нашего к Богу, уврачевав сущее в нас зло, опять делаемся мы способными вкушать Божию благость, так что сказать: Бог отвращается от злых, есть то же, что сказать: солнце скрывается от лишенных зрения (прп. Антоний Великий, 90, 89).

***

Имя есть означение одного из числа многих (нарицательное). Но неразумно думать, чтобы Бог, Который есть Един и единствен, имел соименных Себе: ибо слово *Бог*

означает безначального, все сотворшего для человека (прп. Антоний Великий, 90, 91).

***

И самый порядок мироправления, и согласная во всем стройность доказывает не многих, но единого Мироправителя и Вождя — Слово (свт. Афанасий Великий, 1, 176).

***

...Богу свойственно быть невидимым, но познаваемым из дел... (свт. Афанасий Великий, 1, 231).

***

...<Знаем, что> Бог не то же, что человек, и что не позволительно представлять себе о Нем что-либо свойственное тварям... Если Бог не то же, что человек, (а это и действительно так), то не должно представлять о Нем чего-либо человеческого (свт. Афанасий Великий, 2, 204).

***

...Бог есть вечно сущий; а потому поелику всегда есть Отец, то вечно есть и Его сияние, т. е. Его Слово (свт. Афанасий Великий, 2, 209).

***

...Кто называет Бога Отцем, тот дает Ему это именование от Слова; познавая же Слово, познает в Слове Создателя и разумеет, что Им *вся быша* (свт. Афанасий Великий, 2, 220).

***

Бог невидим и неприступен существам сотворенным, наипаче же людям сущим на земле (свт. Афанасий Великий, 2, 259).

***

...Явно, что Бог, как Творец, имеет и зиждительное Слово не отвне, но собственно от Себя (свт. Афанасий Великий, 2, 263).

***

Когда же приписываем Богу глас, речь и повеление, тогда под Божиим словом не разумеем звука, издаваемого словесными органами, и воздуха, приводимого в сотрясение посредством языка, но, для большей ясности учащимся, хотим в виде повеления изобразить самое мановение в воле (свт. Василий Великий, 5, 33—34).

***

Сын Божий — Плод Святой от Святого, Вечный от Вечного, Податель Духа Святаго в осуществлении и образовании твари (свт. Василий Великий, 7, 168).

***

...Люди невежественные, по своему нечестию, прилагают к Богу сказанное человекообразно... (свт. Василий Великий, 7, 178).

***

...Как велик Бог? Какая мера Его? Каков Он в сущности? — Подобные вопросы опасны для вопрошающего и

затруднительны для вопрошаемого. Лучшее обращение с ними — молчание (свт. Василий Великий, 8, 320).

***

...Дух <Святый> не то же, что Отец, хотя написано: *Дух есть Бог* (Ин. 4, 24); и опять, не одно лице Сына и Духа, хотя и сказано: *аще кто Духа Христова не имать, сей несть Егов. Христос же в вас* (ср.: Рим. 8, 9—10). Ибо из сего некоторые ложно заключали, будто бы Дух и Христос одно и то же лице. Но что скажем на сие? То, что из сего открывается сродство естества, а не слитность Лиц. Ибо есть Отец, имеющий совершенное и ни в чем не скудное бытие, корень и источник Сына и Святаго Духа. Но есть и Сын, в полном Божестве живое Слово и ни в чем не скудное рождение Отца. Но полон и Дух; Он не часть чего-либо другого, но совершен и всецел, созерцаемый Сам в Себе. И как Сын неразлучно соединен с Отцем, так с Сыном соединен Дух (свт. Василий Великий, 8, 329—330).

***

...Сын от Бога, и Дух от Бога, потому что и Сын исшел от Отца и Дух от Отца исходит; но Сын от Отца через рождение, а Дух от Бога неизреченно (свт. Василий Великий, 8, 334).

***

Подлинно неизреченны и неописанны молниеносные блистания Божией красоты; ни слово не может выразить, ни слух вместить (свт. Василий Великий, 9, 83—84).

***

Бог, всегда сущий и не имеющий предела бытия, не допускает конца (Своего бытия) (свт. Василий Великий, 9, 338).

***

И сущность, и ипостась имеют между собою такое же различие, какое есть между общим и отдельно взятым, например, между живым существом и таким-то человеком. Поэтому исповедуем в Божестве одну сущность и понятия о бытии не определяем различно; а ипостась исповедуем в особенности, чтобы мысль об Отце и Сыне и Святом Духе была у нас неслитною и ясною. Ибо если не представляем отличительных признаков каждого Лица, а именно: Отчества <отечества>, Сыновства и Святыни, исповедуем же Бога под общим понятием существа, то невозможно нам здраво изложить учения веры. Посему, прилагая к общему отличительное, надобно исповедовать веру так: Божество есть общее, отчество — особенное. Сочетавая же сие, надобно говорить: «Веруй в Бога Отца».

И опять, подобно сему должно поступать при исповедании Сына, сочетавая с общим особенное, и говорить: «Веруй в Бога Сына». А подобным образом и о Духе Святом, сочетавая предложение по тому же образцу, должно говорить: «Верую и в Бога Духа Святаго», чтобы и совершенно соблюсти единство исповеданием Божества, и исповедать особенность Лиц различением свойств, присвояемых каждому Лицу. А утверждающие, что сущность и ипостась — одно и то же, принуждены исповедовать только разные Лица и, уклоняясь от выражения: три ипостаси, не избегают погрешности Савеллия, который и сам во многих местах, сливая

понятие, усиливается разделить Лица, говоря, что та же ипостась преобразуется по встречающейся каждый раз нужде (свт. Василий Великий, 11, 149—150).

***

Он <Бог> знает, что такое Он, и сокрывается от всякого человеческого разумения, не по зависти к нам, но щадя нас (прп. Ефрем Сирин, 31, 246).

***

Не обвиняйте Его <Божиего> могущества, что не соделало для природы вместимым невозможное: виною сему не Создатель, но тварность (прп. Ефрем Сирин, 31, 247—248).

***

Бог непостижим в могуществе Своем, о человеки! Он мог явить в тварях нечто большее, но совершил над ними одно то, что для них было вместительно (прп. Ефрем Сирин, 31, 248).

***

...Бог все сотворил соразмерно с потребностию каждой твари, и не по нужде какой изобрел разности тварей (прп. Ефрем Сирин, 31, 249).

***

И небеса, и все, что на них, сотворил Он <Бог> словом. А сим доказывается, что может Он сотворить еще многое и лучшее, но не творит, потому что тварная природа не вмещает того (прп. Ефрем Сирин, 31, 249).

***

...Если же Духа Святаго именуем после Сына, то в означение не времени, а Лица. Ибо одно время и Духа и Слова... Посему-то Божество Святой Троицы совечно. Отец и Сын и Святый Дух, хотя три Лица, но единой сущности. Посему-то Святая и единосущная Троица есть Единый Бог (прп. Ефрем Сирин, 31, 253).

***

...Он <Бог> Своею благостию препобеждает всякое человеколюбие твари (прп. Ефрем Сирин, 31, 285).

***

...Не удерживает Он <Бог> щедрот и во гневе, так как ожидает моего обращения. Ибо не хочет видеть, чтобы кто-нибудь горел в огне; но угодно Ему, чтобы все человеки вошли в жизнь (прп. Ефрем Сирин, 31, 288—289).

***

О Естество, неизреченное для самых красноречивых и неисследимое для пытливых, Тебе подобает глас хвалы; но мы оскорбляем Тебя и тем навлекаем на себя бесславие (прп. Ефрем Сирин, 34, 326).

***

Естество Твое превыше всякого естества и непостижимо для земнородных. Прославляем Божество Твое, поклоняемся Ему, славословим Троичное имя Твое (прп. Ефрем Сирин, 34, 326).

***

<Бог> Отцем нашим назван потому, что по благодати Он призывает нас к усыновлению Себе (прп. Ефрем Сирин, 37, 178).

***

...Как слово существует у того, кто его произносит, так и Бог-Слово во всяком деле имеет общение со Своим Родителем и в Нем есть, и вне Его (прп. Ефрем Сирин, 38, 12).

***

...Божество никогда не отвращается от того, кому присуща вера (прп. Ефрем Сирин, 38, 108).

***

...Мы должны веровать, что есть Бог — Творец и Создатель всех существ: ибо как могла бы и существовать вселенная, если бы кто не осуществил ее и не привел в стройный состав? — Должны веровать, что есть Промысл все содержащий и все связывающий в мире; ибо для тех существ, для которых необходим Творец, необходим вместе и Промыслитель; иначе мир, носимый случаем, как вихрем корабль, должен бы был, по причине беспорядочных движений вещества, мгновенно разрушиться, рассыпаться и возвратиться в первоначальный хаос и неустройство. Мы должны также веровать, что наш Творец, или Зиждитель (все равно, тем ли, или другим именем назовешь Его), особенным образом печется о нашей участи, хотя жизнь наша и проводится среди различных противностей, коих причины для того может быть и остаются неизвестными, чтобы мы, не постигая их, тем более удивлялись над всем возвышенному Уму. Ибо все, что мы легко понимаем, легко и пренебре-

гаем; а, напротив, что выше нас, то чем неудобопостижимее, тем больше возбуждает в нас удивление; и все, что убегает от нашего желания, тем самым воспламеняет к себе сильнейшую любовь (свт. Григорий Богослов, 13, 39—40).

***

Что солнце для существ чувственных, то Бог для духовных; одно освящает мир видимый, Другой — невидимый; одно телесные взоры делает солнцевидными, Другой разумные естества — богоподобными. И как солнце, доставляя возможность видящему видеть, а видимому быть видимым, само гораздо превосходнее видимого, так Бог, устрояющий, чтобы существа мыслящие имели дар мышления, а мыслимые были предметом мышления, Сам выше всего мысленного, и всякое желание останавливается на Нем, далее же никуда не простирается (свт. Григорий Богослов, 13, 176—177).

***

...Ежели, исповедуя достоинство Сына и Духа, станем или признавать Их безначальными, или возводить к иному началу, то поистине опасно, чтобы или не обесчестить тем Бога, или не допустить чего-либо богопротивного. Если же (сколько ни возвышаешь Сына и Духа) не ставишь Их выше Отца, то не устраняешь Их от Причины, а, напротив того, к Ней возводишь и благое рождение, и чудное исхождение (свт. Григорий Богослов, 13, 220).

***

...Мы ищем имени, которым бы выражалось естество Божие, или самобытность, и бытие, ни с чем другим не связанное. А имя: *Сый* (Исх. 3, 14), действительно принад-

лежит собственно Богу и всецело Ему одному, а не кому-либо прежде и после Него; потому что и не было, и не будет чем-либо ограничено или пресечено. Что касается до других имен Божиих, то некоторые очевидным образом означают власть, а другие домостроительство, и последнее, частию до воплощения, частию по воплощении. Например: *Вседержитель* и *Царь* или *славы* (Пс. 23, 10), или *веков* (1 Тим. 1, 17), или *сил,* или *возлюбленного* (Пс. 67, 13), или *царствующих* (1 Тим. 6, 15), и Господь Саваоф, или, что тоже, *Господь воинств* (Ис. 3, 15), или *сил* (Ам. 6, 8), или *господствующих* (1 Тим. 6, 15), — явным образом суть имена власти. А *Бог еже спасати* (Пс. 67, 21), Бог или *отмщений* (Пс. 93, 1), или *мира* (Рим. 10, 20), или *правды* (Пс. 4, 2), *Бог Авраамов, Исааков, Иаковль* (Исх. 3, 6) и всего духовного Израиля, который видит Бога, — суть имена домостроительства. Поелику нами управлять можно посредством страха наказаний, надежды спасения, а также славы, и через упражнение в добродетелях; то отсюда заимствованы предыдущие имена, и имя Бога отмщений назидает в нас страх, имя Бога спасений — надежду, и имя Бога добродетелей — подвижничество, чтобы преуспевающий в чем-либо из сказанного, как бы нося в себе Бога, тем паче поспешал к совершенству и сближению с Богом посредством добродетелей. Сверх того, имена сии суть общие наименования Божества; собственное же имя Безначального есть Отец, безначально-Рожденного — Сын, и нерожденно-Исшедшего или Исходящего — Дух Святый (свт. Григорий Богослов, 14, 97—98).

***

Бог есть Свет и Свет высочайший, так что всякий другой свет, сколько бы ни казался осиявающим, есть только малая Его струя или рассеивающийся отблеск (свт. Григорий Богослов, 14, 146—147).

***

Бог всегда был, есть и будет или, лучше сказать, всегда есть; ибо слова: «был» и «будет» означают деление нашего времени и свойственны естеству приходящему: а Сущий — всегда. И сим именем именует Он Сам Себя, беседуя с Моисеем на горе; потому что сосредоточивает в Себе Самом всецелое бытие, которое не начиналось и не прекратится. Как некое море сущности, неопределимое и бесконечное, простирающееся за пределы всякого представления о времени и естестве, одним умом (и то весьма неясно и недостаточно, не в рассуждении того, что есть в Нем Самом, но в рассуждении того, что окрест Его), через набрасывание некоторых очертаний, оттеняется Он в один какой-то облик действительности, убегающий прежде, нежели будет уловлен, и ускользающий прежде, нежели умопредставлен, столько же осиявающий владычественное в нас, если оно очищено, сколько быстрота летящей молнии осиявает взор. И сие, кажется мне, для того, чтобы постигаемым привлекать к Себе (ибо совершенно непостижимое безнадежно и недоступно), а непостижимым приводить в удивление, через удивление же возбуждать большее желание, и через желание очищать, и через очищение соделывать богоподобными; а когда сделаемся такими, уже беседовать как с присными (дерзнет слово изречь нечто смелое) — беседовать Богу, вступившему в единение с богами и познанному ими, может быть, столько же, сколько Он знает познанных Им (см.: 1 Кор. 13, 12) (свт. Григорий Богослов, 14, 238—239).

***

Когда же произношу слово: *Бог*, вы озаряйтесь единым и тройственным светом — тройственным в отношении к особенным свойствам, или к Ипостасям (если кому угодно назвать так), или к Лицам (нимало не будем препираться

об именах, пока слова ведут к той же мысли), — единым же в отношении к понятию сущности и, следственно, Божества. Бог разделяется, так сказать, неразделимо, и сочетавается разделенно; потому что Божество есть Единое в Трех, и едино суть Три, в Которых Божество или, точнее сказать, Которые суть Божество. А что касается до преизбытка и недостатков, то мы без них обойдемся, не обращая ни единства в слитность, ни разделения в отчуждение. Да будут равно далеки от нас и Савеллиево сокращение, и Ариево разделение; ибо то и другое в противоположном смысле худо, и одинаково нечестиво. Ибо для чего нужно — или злочестиво сливать Бога, или рассекать на неравных? — *Нам един Бог Отец, из Негоже вся, и един Господь Иисус Христос, Имже вся* (1 Кор. 8, 6), и един Дух Святый, в Котором все. Словами: из Него (ἐξ οὗ), Им (δι᾽ οὗ) и в Нем (ἐν ᾧ), не естества разделяем (иначе не переставлялись бы предлоги, или не переменялся бы порядок имен), но отличаем личные свойства единого и неслиянного естества. А сие видно из того, что различаемые опять сводятся воедино, если не без внимания прочтешь у того же Апостола следующие слова: *из Того, и Тем, и в Нем* (εἰς αὐτόν) *всяческая: Тому слава во веки, аминь* (Рим. 11, 36). Отец есть Отец и безначален; потому что ни от кого не имеет начала. Сын есть Сын, и не безначален; потому что от Отца. Но если начало будешь разуметь относительно ко времени, то Сын и безначален; потому что Творец времен не под временем. Дух есть истинно Дух Святый, происходящий от Отца, но не как Сын (οὐχ υἱκῶς); потому что происходит не рожденно (γεννητῶς), но исходно (ἐκπορευτῶς); если для ясности надобно употребить новое слово. Между тем ни Отец не лишен нерожденности, потому что родил; ни Сын — рождения, потому что от Нерожденного (ибо как Им лишиться?); ни Дух

Святый не изменяется или в Отца, или в Сына, потому что исходит, и потому что Бог; хотя и не так кажется безбожным. Ибо личное свойство непреложно; иначе как оставалось бы личным, если бы прелагалось и переносилось? ...Итак, один Бог в Трех и Три Едино, как сказали мы (свт. Григорий Богослов, 14, 261—262).

***

Бог есть свет высочайший, неприступный, неизглаголанный, ни умом не постигаемый, ни словом не изрекаемый, просвещающий всякую разумную природу, то же в духовном мире, что солнце в чувственном... по мере представления возбуждающий к Себе любовь, и по мере любви вновь умопредставляемый, только Сам для Себя созерцаемый и постижимый, а на существующее вне Его мало изливающийся. Говорю же о свете, созерцаемом во Отце, и Сыне, и Святом Духе, Которых богатство в соестественности и в едином исторжении светлости (свт. Григорий Богослов, 14, 274—275).

***

Бог есть свет неприступный, Он непрерывен, не начинался, не прекратится; Он неизменяем, вечно сияющ и трисиятелен: не многие (думаю же, едва ли и не многие) созерцают Его во всей полноте (свт. Григорий Богослов, 15, 143).

***

...Божество беспредельно и неудобосозерцаемо. В нем совершенно постижимо сие одно — Его беспредельность; хотя иный и почитает принадлежностию простого естества — быть или вовсе непостижимым, или совершенно по-

стижимым. Но исследуем, что составляет сущность простого естества; потому что простота не составляет еще его естества, точно так же, как и в сложных существах не составляет естества одна только сложность. Разум, рассматривая беспредельное в двух отношениях — в отношении к началу и в отношении к концу (ибо беспредельное простирается далее начала и конца, и не заключается между ними), когда устремит взор свой на горнюю бездну, и не находит, на чем остановиться, или где положить предел своим представлениям о Боге, тогда беспредельное и неисследимое называет безначальным; а когда, устремившись в дольнюю бездну, испытывает подобное прежнему, тогда называет его бессмертным и нетленным; когда же сводит в единство то и другое, тогда именует вечным; ибо вечность не есть ни время, ни часть времени, потому что она неизмерима. Но что для нас время, измеряемое течением солнца, то для вечных вечность, нечто спротяженное с вечными существами и как бы некоторое временное движение и расстояние.

Сим да ограничится ныне любомудрствование наше о Боге; потому что нет времени распространяться, и предмет моего слова составляет не богословие, но Божие домостроительство. Когда же именую Бога, разумею Отца и Сына и Святаго Духа, как не разливая Божества далее сего числа Лиц, чтобы не ввести множества богов, так не ограничивая меньшим числом, чтобы не осуждали нас в скудости Божества, когда впадем или в иудейство, защищая единоначалие, или в язычество, защищая многоначалие. В обоих случаях зло равно, хотя от противоположных причин. Таково Святое Святых, сокрываемое и от самых Серафимов и прославляемое тремя Святынями, которые сходятся в единое Господство и Божество, о чем другой некто прекрасно и весьма высоко любомудрствовал прежде нас.

Но поелику для Благости не довольно было упражняться только в созерцании Себя самой, а надлежало, чтобы благо разливалось, шло далее и далее, чтобы число облагодетельствованных было как можно большее (ибо сие свойственно высочайшей Благости), то Бог измышляет, во-первых, Ангельские и небесные силы. И мысль стала делом, которое исполнено Словом и совершено Духом. Так произошли вторые светлости, служители первой Светлости, разуметь ли под ними разумных духов, или как бы невещественный и бесплотный огонь, или другое какое естество, наиболее близкое к сказанным. Хотел бы я сказать, что они неподвижны на зло и имеют только движение к добру, как сущие окрест Бога и непосредственно озаряемые от Бога (ибо земное пользуется вторичным озарением); но признавать и называть их не неподвижными, а неудободвижными убеждает меня Денница — по светлости, а за превозношение ставший и называемый тьмою, с подчиненными ему богоотступными силами, которые через свое удаление от добра стали виновниками зла, и нас в оное вовлекают. Так и по таким причинам сотворен Богом умный мир, сколько могу о сем любомудрствовать, малым умом взвешивая великое.

Поелику же первые твари были благоугодны Богу, то измышляет другой мир — вещественный и видимый; и это есть стройный состав неба, земли и того, что между ними, удивительный по прекрасным качествам каждой вещи, и еще более достойный удивления по стройности и согласию целого, в котором и одно к другому, и все ко всему состоит в прекрасном соотношении, служа к полноте единого мира. А сим Бог показал, что Он силен сотворить не только сродное, но и совершенно чуждое Себе естество. Сродны же Божеству природы умные и одним умом постигаемые, совершенно же чужды твари подлежащие чувствам, а и из

сих последних еще далее отстоят от Божественного естества твари вовсе неодушевленные и недвижимые (свт. Григорий Богослов, 15, 155—157).

***

...Как представить себе естество (иной правильнее назвал бы сие сущностию, а не естеством) Отца и Сына и Святаго Духа? Простым или сложным? Если оно просто, то как заключает в себе Три — число наименованных выше? Что просто, то одновидно и нечисленно; а что подлежит счислению, то необходимо рассекается, хотя бы и не было счисляемо; и рассекаемое подлежит страданию: ибо сечение есть страдание. Итак, если естество Всесовершенного просто, то напрасно наречение Имен; а если наречение Имен истинно, и должно веровать в Имена, то не имеет уже места одновидность и простота. Посему какое же естество Божие? <...>

Сущность Божия, без сомнения, проста и нераздельна, по самому естеству имея в себе простоту и бестелесность. Но, может быть, противоречит сему понятие о раздельности имен, числом три уничтожая одновидность Всесовершенного. Неужели же ради одновидности необходимо нам оставить исповедание Отца и Сына и Святаго Духа? Никак. Ибо наречение имен не повредит нераздельному единству Всесовершенного. Умопостигаемое хотя и многоименно (у каждого народа оно именуется весьма многими именами), однако же выше всякого наименования; потому что для умосозерцаемого и бесплотного нет ни одного собственного имени. И как наименовать собственно то, что не подлежит нашим взорам, чего вовсе не можем уловить человеческими чувствами? Но для точнейшего уразумения целого возьмем малейшую частицу умосозерцаемого — душу. Душа называется именем женского рода, но не имеет в себе никакого

женственного свойства, так как по существу своему она ни мужеский пол, ни женский. Подобным образом и рождаемый душею λόγος (слово) хотя имеет имя мужеского рода, однако же и он, как известно, состоит вне всякой, мужеской ли то, или женской, телесности. А если и последние из умосозерцаемых — душа и слово — не имеют собственных имен, то как можно сказать, что собственными именами называются такие предметы, которые в ряду умосозерцаемых суть первые и даже выше умосозерцаемого? Но хотя употребление имен полезно по необходимости, так как оно ведет нас к составлению понятия о предметах умосозерцаемых, однако же некоторые, думая, что вместе с наименованиями и самая сущность грубым образом делится на части, представляют в мыслях своих нечто во всех отношениях недостойное Божественного. Нам же, ценителям истины, должно знать, что Божественная и нераздельная сущность Всесовершенного несложна и единовидна, но для пользы нашего душевного спасения, как сказали мы, делится, повидимому, наименованиями, и допускает необходимость деления. Как душа, которая сама есть существо умосозерцаемое, порождает множество беспредельных мыслей, однако же не делится оттого, что подлежит мышлению, и от предшествовавших в ней мыслей не истощается в богатстве мыслей, но более обогащается, нежели оскудевает; и как сие самое произносимое и общее всем слово не отдельно от души, его произносящей, но тем не менее бывает в то же время и в душах слушающих, так что и от первой не отлучается, и в последних находится, производит же более единение, нежели разделение их и наших душ; так и ты представляй Сына нимало неотлучным от Отца, и опять Духа Святаго неотлучным от Сына, подобно как мысль в уме. Как между умом, мыслию и душою невозможно представить какого-либо деления и сечения, так равно невоз-

можно представлять никакого деления или сечения между Святым Духом и Спасителем и Отцем: потому что, как сказали мы, естество умосозерцаемого и Божественного нераздельно. Или еще: как невозможно найти деление между кругом солнечным и лучом, по причине неизменяемости, бестелесности, простоты и неделимости, напротив того, луч соединен с кругом и наоборот, круг, подобно роднику, потоками изливает на все лучи, как бы наводняя нас светом и вокруг погружая в море красоты, так, подобно каким-то лучам, ниспосланы к нам от Отца светоносный Иисус и Святый Дух. Ибо как лучи света, по природе своей имея между собою нераздельное соотношение, от света не отлучаются, друг от друга не отсекаются и до нас низводят дар света, таким же образом и Спаситель наш и Святый Дух — как сугубый луч Отца, и нам преподают свет истины, и пребывают соединены со Отцем. И каким образом из водного источника, дающего без оскудения сладкую воду, иногда обильная и неудержимая струя, выходя в начале из одного ключа единым током, в течении сечется на два ручья и, если смотреть на образовавшиеся ручьи, имеет двойное течение, в самой же сущности от такого деления ничего не терпит, потому что ток хотя разделяется положением ручьев, однако же сохраняет одно и то же качество влаги, и каждый из означенных ручьев хотя представляется теряющимся вдали и далеко отстоящим от источника, но, по непрерывности течения в источнике, относительно к началу, соединен с источником, его порождающим; подобным образом и Бог всех благ, Строитель истины, Отец Спасителя, первая вина жизни, стебель бессмертия, источник присносущной жизни, ниспослал нам сугубый умосозерцаемый дар — Сына и Святаго Духа, но Сам, по Своей сущности, не потерпел от сего никакого ущерба (ибо не подвергся какому-либо умалению вследствие пришествия Их к

нам). Они, снисшедши к нам, тем не менее пребывают неотлучными от Отца. Ибо, как сказали мы в начале, естество Всесовершенных нераздельно (свт. Григорий Богослов, 15, 185—189).

***

Един есть Бог безначальный, безвиновный, не ограниченный ничем или прежде бывшим, или после имеющим быть, и в прошедшем, и в будущем объемлющий вечность, беспредельный, благого, великого, Единородного Сына великий Отец, Который в рождении Сына не потерпел ничего свойственного телу, потому что Он — Ум.

Един есть Бог иный, но не иный по Божеству, — сие Слово оного Бога, живая печать Отчая, единый Сын Безначального, и Единственный Единственного, во всем равный Отцу (кроме того, что один всецело пребывает Родителем, а другой — Сыном), Мироположник и Правитель, сила и мысль Отца.

Един Дух — Бог от благого Бога. Да погибнет всякий, кого не отпечатлел так Дух, чтобы являл Его Божество, у кого или в глубине сердца есть зло, или язык нечист, — эти люди полусветлые, завистливые, эти самоученые мудрецы, — этот источник загражденный (см.: Притч. 25, 27), светильник сокрытый в темной пазухе! (см.: Лк. 11, 33) (свт. Григорий Богослов, 15, 216).

***

Ничего не было прежде великого Отца; потому что Он все имеет в Себе. И Его знает неотлучный от Отца — Отцем рожденный, безлетный Сын, великого Бога Слово, Образ Первообраза, Естество равное Родителю. Ибо слава Отца — великий Сын. А как явился Он от Отца — знает

единый Отец и Явившийся от Отца; потому что никто не был близ Божества (свт. Григорий Богослов, 15, 217).

***

Как Отец ничего не оставляет для умопредставления выше безначального Божества, так и Сын Отчий имеет началом безлетного Отца, подобно тому как начало света есть великий и прекраснейший круг солнечный. Впрочем, всякое подобие ниже великого Бога и опасно, чтобы, поставив нечто между присносущным Отцем и присносущным Сыном, не отторгнуть нам Царя-Сына от Царя-Отца. Ибо предполагать, что время, или хотение прежде Бога, по моему мнению, значит рассекать Божество. Родитель велик как Бог, как родитель. Но если для Отца всего выше не иметь никакой причины досточтимого Божества, то и достопокланяему Рождению великого Отца не менее высоко иметь такое начало. Не отсекай Бога от Бога, потому что не знаешь такого сына, который бы далеко отстоял от отца.

А слова *не рожденный и рождение от Отца* не равнозначительны слову *Божество*. Иначе кто произвел сии два рода Божества? В отношении к Богу оба они не входят в понятие сущности; естество же, по моему разумению, нерассекаемо. Если Слову принадлежит рождение, то Отец, будучи бесплотен, не приемлет ничего, свойственного плоти (человеческий ум никогда не дойдет до такого нечестия, чтобы помыслить сие); и ты имеешь Сына-Бога, достойную славу Родителя.

Если же ты, суемудрый, желая возвеличить Божество великого Отца, и напрасно вселяя в сердце пустой страх, отринул рождение, и Христа низводишь в ряд тварей, то оскорбил ты Божество Обоих. Отец лишен у тебя Сына, и Христос не Бог, если только Он сотворен. Ибо все, чего когда-либо не было, принадлежит к тварям: а Рожденное

по важным причинам пребывает, и всегда будет, равным Богу. Какое же основание тому, что ты, наилучший, через Христовы страдания, впоследствии, когда преселишься отселе, станешь богом, а Христос подобным тебе рабом, вместо Божеской чести припишется Ему только превосходство между рабами?

Если как ковач, намереваясь сделать колесницу, готовит молот, так и великий Бог в последствии времени создал полезное орудие, чтобы первородною рукою приобресть меня, — то тварь во многих отношениях будет превосходнее Небесного Христа, если только Слово для твари, а не тварь для Христа. Но кто же бы стал утверждать сие? Если же Он принял плоть, чтобы помочь твоим немощам, а ты за сие приводишь в меру преславное Божество, то погрешил Милосердствовавший о тебе. А для меня тем более Он чуден, что и Божества не умалил, и меня спас, как врач, приникнув на мои зловонные струпы (свт. Григорий Богослов, 15, 218—219).

***

...Чем занята была Божия мысль прежде, нежели Всевышний, царствуя в пустоте веков, создал вселенную и украсил формами? — Она созерцала вожделенную светлость Своей доброты, равную и равносовершенную светозарность трисиянного Божества, как известно сие единому Божеству, и кому открыл то Бог (свт. Григорий Богослов, 15, 228—229).

***

О Ты, Который превыше всего! Ибо что иное позволено мне изречь о Тебе? Как воспеснословит Тебя слово? Ибо Ты неизрекаем никаким словом. Как воззрит на Тебя ум? Ибо Ты непостижим никаким умом. Ты един неизглаголан; потому что произвел все изрекаемое словом! Ты един недо-

ведом; потому что произвел все объемлемое мыслию. Тебе воздает честь все и одаренное и не одаренное разумом! К Тебе устремлены общие всех желания; о Тебе болезнуют все сердца; Тебе все воссылает моления; Тебе все, уразумевающее Твои мановения, изрекает безмолвное песнословие. Тобою единым все пребывает. К Тебе все в совокупности стремится; Ты конец всего; Ты един и все; Ты ни един, ни единое, ни все. О Всеименуемый! Как наименую Тебя, единого неименуемого? Да и какой небесный ум проникнет сквозь заоблачные покровы? Будь милосерд, о Ты, Который превыше всего! Ибо что иное позволено мне изречь о Тебе? (свт. Григорий Богослов, 16, 1).

***

Бог не есть что-либо высшее, потому что Он несравним (свт. Григорий Богослов, 16, 174).

***

У нас Отец — корень и источник доброт. От Него рожденный Свет и Слово — печать Безначального; от Него и Дух — безлетное естество. Бог — Бог мой и Бог тройственная Единица. Никто не возбранит мне говорить сие. Свидетель тому — моя Троица, что время не превратит сего слова. Пусть все колеблется, только бы не превращали у меня Бога! (свт. Григорий Богослов, 17, 68).

***

...Бог есть высочайшая лепота; к Нему должен ты возводить ум и помыслы и не содержать в мысли ничего иного, кроме чаяния узреть Его (прп. Макарий Египетский, 68, 236).

***

...В Божеском естестве изволению сопутственно могущество, и мерою Божия могущества служит воля. Воля же есть премудрость; и премудрости свойственно не не знать, как может произойти каждая вещь. А с ве́дением неразрывно и могущество; почему совокупно с тем, как познал Бог, чему должно произойти, воздействовала и творящая существа сила, приводя в действо умопредставленное, и вследствие ве́дения ни в чем не обманываясь, так что согласно и нераздельно с решением воли оказалось и дело. Ибо решение воли в Боге есть вместе и могущество наперед предызволяющее, чтобы существа пришли в бытие, и предуготовляющее поводы к осуществлению умопредставленного. Посему в деле творения должно представлять себе в Боге все в совокупности: волю, премудрость, могущество, сущность существ. А когда сие действительно так, никто да не затрудняет сам себя, доискиваясь и спрашивая о веществе: как и откуда оно? (свт. Григорий Нисский, 18, 9—10).

***

...Для Божия могущества нет ничего ни прошедшего, ни будущего, но и ожидаемое наравне с настоящим содержится всесодержащею действенностью (свт. Григорий Нисский, 18, 144—145).

***

...Никакое другое из имен недостойно естества, означаемого им, но все одинаково ниже точного значения, как признаваемые малыми, так и те, в которых предположительно усматривается некое величие понятий (свт. Григорий Нисский, 18, 321—322).

***

Бог говорит: *не возможеши видети лица Моего, не бо узрит человек лице Мое, и жив будет* (Исх. 33, 20). И сие слово показывает не то, будто бы зрение лица Божия для взирающих делается виною смерти (как возможно лицу жизни стать когда-либо виною смерти для приближающихся?); но поелику хотя Божество по естеству животворяще, однако же собственно отличительным признаком Божественного естества служит то, что Оно выше всего отличаемого по признакам; то полагающий, что Бог есть нечто познаваемое, уклонившись от сущего к тому, что признано существующим в способном вместить сие представление, не имеет в себе жизни. Ибо подлинно сущее есть истинная жизнь; а сие недоступно ве́дению. Посему если животворящее естество превышает ве́дение, то постигаемое, без сомнения, не есть жизнь: а что не жизнь, то не имеет свойства соделаться сообщающим жизнь. Посему не исполняется желаемое Моисеем в том, в чем вожделение пребывает невыполнимым. Ибо сказанным научается он, что Божество, по естеству Своему, неопределимо, невключимо ни в какой предел. А если бы Божество могло быть представлено в каком-либо пределе, то по всей необходимости вместе с пределом было бы представляемо и то, что за ним, потому что заключенное в пределы, без сомнения, чем-нибудь оканчивается; как пределом для живущих на суше — воздух и для живущих в воде — вода. Посему, как рыба во всех своих пределах объемлется водою, а птица — воздухом, среда воды для плавающего, а среда воздуха для летающего есть крайняя поверхность предела, объемлющая собою и птицу, и рыбу, за которой следует или вода, или воздух: так, если Божество представляемо будет в пределе, необходимо Ему быть объемлемым чем-либо инородным по естеству, а объемлющему, как свидетельствует последова-

тельность речи, во много крат превосходить содержимое. Но признано, что Божество по естеству прекрасно; а что разнородно с прекрасным, то, конечно, есть нечто иное, а не прекрасное, и что вне прекрасного, то заключается в естестве зла. А доказано, что объемлющее во много крат больше объемлемого. Посему думающим, что Божество заключено в пределы, по всей необходимости должно согласиться, что Оно объято злом. И как всегда объемлемое умалено перед естеством объемлющим, то следует произойти преобладанию преизобилующего. Итак, заключающий Божество в какой-либо предел допускает возможность над прекрасным возобладать противоположному. Но это нелепо. Посему да не разумеется какое-либо постижение невидимого естества. Непостижимому же несвойственно быть объемлемым. Напротив того, всякое вожделение прекрасного, привлекаемое к оному восхождению, всегда возрастает вместе с желанным шествием к прекрасному. И сие-то значит в подлинном смысле видеть Бога, никогда не находить сытости своему вожделению. Но кто видит, как только можно ему видеть, тому надлежит непрестанно возгораться вожделением увидеть еще больше. И, таким образом, никакой предел не пресечет приращения в восхождении к Богу, потому что и прекрасному не отыскивается никакого предела, и никаким пресыщением не пресекается усиливающееся вожделение прекрасного (свт. Григорий Нисский, 18, 346—348).

***

...Божие естество не подлежит превратности и изменению, потому что, как не допускающее вовсе зла, не имеет, на что и воспользоваться сим превращением; в лучшее превратиться Оно не может, нет ничего такого, для чего допустило бы Оно изменение; так как нет ничего, что было бы

лучше Его, и во что могло бы Оно перемениться (свт. Григорий Нисский, 19, 74).

***

...Само Божество, каково Оно в естестве Своем, пребывает недоступным и непостижимым естеству человеческому, по неизреченности Своей паря горе́ превыше человеческого рассудка. Но в сеннописании добродетелей взирающим на оное открываются некоторые существенные черты неизреченного Естества, так что всякая мудрость, благоразумие, ве́дение и всякий способ постигающего что-либо мышления суть не самые крила Божии, но сень Божиих крил (свт. Григорий Нисский, 19, 169).

***

...Всякое действование, от Божества простирающееся на тварь и именуемое по многоразличным о Нем понятиям, от Отца исходит, через Сына простирается и совершается Духом Святым. Посему Имя действования не делится на множество действующих, так как нет усвоенного каждому и особенного попечения о чем-либо. Но что ни происходит, касающееся или промышления о нас, или домостроительства и состава вселенной — все производится Тремя, впрочем, произведений не три (свт. Григорий Нисский, 21, 122).

***

Если же во всяком случае надлежит исповедовать безначальность Отца, то не допытывайся какого-либо определенного указания началу жизни Сына... но достаточно представлять, что Отец прежде Сына в значении только причины, не предполагая, что жизнь Отца была отделенною и особою

когда-либо до рождения Сына, чтобы с сим понятием не вошло вместе некое представление о протяжении, до явления Сына измеряемом жизнию Рождшего; необходимым следствием чего будет предположение некоторого начала в жизни Отца, на котором остановится вымышленное ими протяжение времени, пока Отец не был Отцем, простирающееся вверх и определяющее собою начало умопредставленной ими предшествующей жизни Отца. Но, исповедуя то, что от Отца, хотя покажется это и смелым, не отрицаем, что оно с Отцем, путеводимые к сему понятию Писанием. Ибо, слыша от премудрости о сиянии вечного света (см.: Евр. 1, 3), вместе с вечностию созерцаем сияние первообразного света, и представляя себе причину сияния, и не допуская старейшинства. И таким образом сохраняется у нас учение благочестия: и у Сына нет недостатка в высшей части жизни, и вечность Отца не умаляется предположением определенного начала у Сына (свт. Григорий Нисский, 22, 141—142).

***

...Ясно, что название *Отец* не сущность выражает, но означает отношение к Сыну (свт. Григорий Нисский, 22, 272).

***

...Бог есть Отец: следовательно, от вечности Он то, чем есть; потому что не стал Отцем, но есть Отец. У Бога, что было, то и есть, и будет; а если чего когда-либо не было, того и нет, и не будет; потому что признаем Его Отцем не чего-либо такого, без чего сущим когда-либо в самом себе было бы благочестиво представить Бога (свт. Григорий Нисский, 22, 406—407).

***

...Божество не есть что-либо умопредставляемое в очертании. Напротив того, Божеству свойственно быть везде, все проницать и ничем не ограничиваться (свт. Григорий Нисский, 22, 418).

***

...Сын есть Единородный Бог и навсегда пребывает... Сущий во Отце не по одному какому-либо свойству имеет бытие в Нем, но есть во Отце по всем свойствам, какие только мы разумеем в Нем. Так сый в нетлении Отца, Он нетленен, в благости благ и в силе силен, и в каждом совершеннейшем свойстве, какое только разумевается во Отце, Он участвует. Так и сый в Вечном, Он вполне вечен; а признак вечности Отца тот, что она не началась из не сущего и не прекратится в небытие. Итак, имеющий вполне все, что имеет Отец, и созерцаемый во всей славе Отца, как имея бытие в нескончаемости Отца, не имеет конца жизни; так и имея бытие в Безначальности Отца, не имеет *начала дней* (Евр. 7, 3)... (свт. Григорий Нисский, 23, 105—106).

***

...Признавая во Отце благое изволение, ты по причине этого изволения не станешь отделять Сына от Отца. Ибо изволение бытия Его не может служить препятствием быть Ему тотчас (вместе с изволением). Но как в глазе, в котором соединено зрение и желание зреть, из коих первое есть естественное действие, а последнее, т. е. стремление видеть, — действие произвола, движение сего произвола не служит препятствием к зрению, но только при действии зрения производит и желание зреть (ибо то и другое рассматривается нами особно и само по себе и одно не служит препятствием к бытию другого, но оба некоторым образом

взаимно связаны, так что и естественное действие сопровождает произвол, и произвол опять не отстает от естественного движения), — как, говорю, глазу врождено зрение, и желание зреть нисколько не отдаляет самого зрения, но вместе с желанием зреть является и желаемое усмотрение, так и о Неизреченном и всякую мысль превосходящем мы должны разуметь так, что в Нем все бывает вместе и в то же время, — бытие вечного Отца и изволение о Сыне и Самый Сын, сущий *в начале,* как говорит <апостол> Иоанн (Ин. 1, 1), и немыслимый по начале. Начало всего — Отец; но нам возвещено, что и Сын имеет бытие в сем начале, будучи по естеству тем, чем есть Начало; ибо как начало есть Бог, так и сущее в начале Слово есть Бог же... (свт. Григорий Нисский, 23, 110—111).

***

...Обращая внимание на вещественное рождение, он <Евномий> дольнему естеству предоставляет учить нас, как должно мыслить о Единородном Боге; и поелику вол, или осел, или верблюд не существует прежде собственного рождения, то и относительно Единородного хочет утверждать то же, что дает видеть порядок дольней природы и у животных; а не разумеет этот плотской богослов даже и того, что если говорится о Боге, что Он Единороден, то сим самым словом обозначается Его необщность со всяким рождением и особность. Ибо как было бы единородно Его рождение, если бы по значению и тождеству имело общность с иным рождением? Наименованием *Единородный* собственно и точно изъявляется то, что о Нем должно разуметь нечто единственное и исключительное, чего нельзя находить в ином рождении; так что если б что-нибудь, свойственное дольнему рождению усматривалось и в Нем, то Он уже не был

бы более Единородным, став по каким-либо свойствам рождения общником с прочими рожденными. Потому что если бы и о Нем говорилось то же, что говорится о других существах, пришедших в бытие через рождение, то значение слова *Единородный* изменилось бы, означая братское какое-то отношение (к твари). Итак, если значением слова *Единородный* указывается на несмешение и необщность с прочими происшедшими существами, то не допустим мыслить о ипостаси Сына, которая от Отца, ничего такого, что усматривается в дольнем рождении. Но свойство всех существ, имеющих бытие через рождение, — не существовать до рождения; следовательно, это чуждо свойства Единородного, Коему, как свидетельствует наименование *Единородный*, не присуща никакая неправильность способа обыкновенного вида рождения (свт. Григорий Нисский, 23, 120—121).

***

...В Божеском естестве, чуждом количества и меры, немыслимо понятие какой-либо измеряемости... необходимо совершенно упразднить все выражения, означающие время... (свт. Григорий Нисский, 23, 141).

***

Так как Божеское рождение чисто от всякого понятия страстности, то в нем мы не должны разуметь измеряемого временем продолжения (свт. Григорий Нисский, 23, 152).

***

...Отец истины не сотворил Истины, не существовавшей прежде, но, будучи Источником Света и Истины и всего благого, воссиял из себя Единородный Свет Истины, через

Который всегда отображается слава Его Ипостаси (см.: Евр. 1, 3). Так отовсюду изобличается хуление тех, кои говорят, что Сын родился у Бога впоследствии через творение (свт. Григорий Нисский, 23, 168).

***

В сей жизни можно усматривать и начало существ, и конец; а Блаженство <Божество> превыше твари не допускает ни начала, ни конца, но, будучи выше означаемого тем и другим, пребывает всегда одним и тем же. Оно в себе самом имеет движение жизни, а не через какие-либо расстояния переходит в ней от одного (состояния) к другому (ибо не через общение с иною жизнию приходит к жизни, причем следовало бы думать, что есть и конец, и начало общения); но Само, что есть, то и есть жизнь, в Нем действующая, — жизнь, которая не делается ни большей, ни меньшей от какого-либо приложения или отъятия. Ибо приращение чего-либо для увеличения не имеет места в бесконечном; а мысли об уменьшении не допускает бесстрастность естества (свт. Григорий Нисский, 23, 293).

***

...Божество всегда то же, и навсегда будет тем, чем есть теперь, в Нем ничего не пребывает ни от приращения чего-либо, ни от приложения несуществующего, но всегда существует со всем, что разумеется и называется благом... (свт. Григорий Нисский, 23, 439—440).

***

...Божеская жизнь есть едина, непрерывна сама в себе, беспредельна, вечна и ни с какой стороны не воспящается в

безграничности каким-либо пределом (свт. Григорий Нисский, 23, 447).

***

...Божеская природа по своей сущности есть едина, проста, единовидна, несложна и никаким образом не может быть умопредставляема в каком-нибудь разнообразном сложении. А человеческая душа, находящаяся на земле и погруженная в сию земную жизнь, по невозможности ясно созерцать искомое, стремится понять неизреченное естество многообразно и многочастно при помощи многих понятий, не уловляя сокровенного в одном каком-нибудь понятии. Ибо понимание было бы удобно, если бы нам уделен был один какой-либо путь к познанию Божества; а теперь из проявляющейся во всем мудрости узнаем, что Правящий всем премудр; из величия чудес творения понимаем значение силы; а верование, что от Него все зависит, служит свидетельством, что нет никакой причины Его бытия. Опять представляя себе, что Он гнушается зла, разумеем совершенную Его неизменяемость и непричастность греху, а считая истление смертное самым высшим злом, мы называем бессмертным и нетленным Того, Кто чужд всякого понятия о сем. Мы не разделяем на части вместе с сими понятиями самого предмета, но, веруя, что Бог един по существу своему, полагаем, что в мыслимом нами есть нечто, соответствующее всем подобным понятиям. Ибо имена не противоречат между собою, как свойственно противоположным предметам, так что если есть в предмете одно (качество), то нельзя в то же время усматривать в нем другого; как, например, нельзя в одном и том же предмете мыслить вместе жизни и смерти; но значение имен, приписываемых Божеской природе, таково, что каждое из них хотя и имеет

особое значение, но не содержит никакого противоречия с другим, вместе с ним приписываемым. Ибо разве противоречит праведность бестелесности, хотя сии речения по значению своему между собою и не согласны? А какое противоречение у благости с невидимостию? Точно так же и вечность Божеской жизни не разделяется вместе с различием имен, хотя познается при помощи двух имен и понятий — нескончаемости и безначальности, и одно имя по значению своему не то же, что другое; ибо одно показывает отсутствие начала, а другое — конца; но в самом предмете различие имен, приписываемых ему, не производит никакого разделения (свт. Григорий Нисский, 23, 449—451).

***

Одно из свойств Божеской жизни то, что она есть без причины, — это выражается речением *нерожденный*; другое свойство этой жизни то, что она беспредельна и бесконечна, — это обозначает слово *нетленный*; так что предмет есть безначальный и бесконечный, что выше всякого имени и понятия; а что он не есть от причины и не обратится когда-нибудь в небытие, это означается примышлением сих имен (свт. Григорий Нисский, 23, 464—465).

***

Может быть, возразишь мне следующее: если Отец, равно как и Сын, все наполняет, то какое же место остается для силы враждебной? Ибо вместе с собою иметь врага — Богу не приличествует. А если там, где находится князь злобы, Бога нет, то Бог окажется ограниченным и объемлющим только часть всего. Отвечаю, что Он вездесущ, и нет места, где Бога нет, хотя в каком-либо месте и на-

ходится князь злобы. Ибо лучи солнца не оскверняются, падая на грязь и нечистоты, но даже уничтожают их, иссушая своим жаром; так и Бог наш именуется *огнем поядающим* (ср.: Евр. 12, 20); и еще: *огнь перед Ним возгорится* (Пс. 49, 3), дабы для возлюбленных служить светильником и светом, а для врагов пламенем поядающим; ибо *попалит,* сказано, *окрест враги Его* (Пс. 96, 3). Посему и князь злобы, желая избегнуть огненосных стрел Божиих, бегает по всем местам. Всюду находя Бога, проходит по всем людям; когда находит пламенеющих Духом, бежит и от их пламени. А найдя в ком-нибудь, не имеющем Духа Божия, выметенное и убранное убежище (см.: Мф. 13, 44), он, по кратком отдохновении, погибнет вместе с радушно принявшим его; ибо одинаково окажется врагом и принявший его, соделав своим другом противника Божия (свт. Григорий Нисский, 24, 19—20).

***

...Божество мы разумеем чуждым всякой телесности; посему единство Сына с Отцем было не по человеческому виду, но по общению Божеского естества и могущества. А что это подлинно так, особенно видно из слов, которые Христос говорил Филиппу: *видевый Мене, виде Отца* (Ин. 14, 9): ибо точным уразумением величия Сына открывается нам, как в образе, Первообраз (свт. Григорий Нисский, 24, 197—198).

***

...Бог одинаково благ — и когда оказывает честь и благотворит, и когда наказывает и карает (свт. Иоанн Златоуст, 46, 100).

***

Если Бог тогда только благ, когда оказывает честь, и не благ, когда наказывает, то Он благ только вполовину; но это не так, нет. В людях, конечно, бывает это, когда они наказывают во гневе и страсти; но Бог, будучи бесстрастен, благотворит ли, наказывает ли, — одинаково благ; и угроза геенною доказывает Его благость не меньше, чем и обещание Царствия. Как это? Объясню. Если бы Он не грозил геенною, если бы не приготовил наказания, многие не получили бы Царствия (свт. Иоанн Златоуст, 46, 100).

***

Если же о людях, негодованием и гневом часто увлекаемых за пределы полезного, говорим, что они наказывают тех, кого любят, не по жестокости и бесчеловечию, но по заботливости и любви, — тем более должно думать так о Боге, Который великостию Своей благости превосходит всякую отеческую любовь (свт. Иоанн Златоуст, 46, 100).

***

...Бог вместе — и судия, и врач, и учитель; как судия, допрашивает, как врач, исправляет, как учитель, вразумляет согрешивших, вводя их во всякую премудрость (свт. Иоанн Златоуст, 46, 102—103).

***

Сый — Отец, Сый — Сын, Сый — у Сущего, безначально и безвременно рожденный. Все имеет Отец, Он — поистине жизнь, и бессмертие, и свет, и всемогущий, и Бог, и Господь; это же имеет и Сын (свт. Иоанн Златоуст, 46, 949).

***

...Разве было время, когда и Отец сам был сыном другого отца? О, сколь великое богохульство! Думая, что почитаешь Отца совершенно, ты обнаруживаешь в отношении к Нему нечестие (свт. Иоанн Златоуст, 46, 950).

***

...Исповедуй Сына несозданным и собезначальным Отцу, чтобы и Отцу не дать начала отчего бытия (свт. Иоанн Златоуст, 46, 955).

***

...Как солнце имеет совечными себе лучи и сияние, так и Отец — Сына и Святаго Духа, чтобы нам не сказать, что и Отец — во власти начала (свт. Иоанн Златоуст, 46, 955).

***

...Всякий, кто верит Святым Писаниям, да покланяется Троице — несозданной, непреложной, неизменной, всемогущей, собезначальной, совечной и единосущной Отцу и Сыну, прежде бесплотному, а наконец, по Своему хотению совершенно вочеловечевшемуся, без греха, непреложно и неизменно, — так как, сделавшись человеком, Он остался быть и Богом, потому что не лишился Своей славы и достоинства, — и Духу Святому, Духу, глаголавшему через пророков. Говорящим же, что Сын или Дух преложились, или изменились, или произошли из другой сущности, или из не сущего, или что было время, когда не были, — таких Кафолическая Церковь да анафематствует! (свт. Иоанн Златоуст, 46, 959).

***

...Прежде чем явились мы, и Ангелы, и высшие Силы, Он имел уже собственную славу и блаженство, и сотворил

нас по одному Своему человеколюбию... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 515).

***

...Божество все наполняет и всюду присутствует, и нет места, где бы Бог не находился, как все надзирающий и как Творец всего (свт. Иоанн Златоуст, 47, 850).

***

Когда Писание... говорит: *Яко почи Бог от дел своих* (ср.: Быт. 2, 2), то этим научает нас, что Он перестал в седьмой день творить и производить из небытия в бытие; а когда Христос говорит: *Отец Мой доселе делает, и Аз делаю* (Ин. 5, 17), то этим указывает нам на непрерывный Его Промысл, и деланием называет сохранение существующего, дарование ему продолжения (в бытии) и управление им во все время (свт. Иоанн Златоуст, 48, 82).

***

Он <Бог>... когда захочет, заставляет все существа делать противное их свойствам (свт. Иоанн Златоуст, 48, 98).

***

Божество просто, несложно, не имеет вида (внешнего); поэтому. если мы вознамеримся, судя по себе самим, приписать Богу и совокупность членов, то незаметно впадем в еллинское нечестие (свт. Иоанн Златоуст, 48, 104).

***

...В употреблении этих слов *Бог* и *Господь* Писание не делает никакого различия между Отцом и Сыном, но так

как Оба Они имеют одну сущность, то и употребляет оно имена безразлично (свт. Иоанн Златоуст, 48, 121).

***

Господь наш щедр, и как видит, что мы благодарны за оказанные уже нам благодеяния Его, умножает милость Свою и удостоивает нас еще больших даров, только бы мы, заботясь о своем спасении, не проводили время безрассудно... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 125).

***

Услышав глас Господа Бога ходяща в раи по полудни, он <Адам>, вместе с женою, *скрылся от лица Господа Бога посреде древа райскаго* (ср.: Быт. 3, 8). Какое безумие — хотеть скрыться от Бога, вездесущего, от Творца, призвавшего все из небытия к бытию, знающего сокровенное, создавшего в отдельности сердца людей, ведающего все дела их, испытующего сердца и утробы и видящего самые движения сердца нашего? (свт. Иоанн Златоуст, 48, 139).

***

...Человеколюбивый Владыка наш не столько отвращается от нас, когда мы согрешим, сколько в таком случае, когда мы коснеем в грехе... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 165).

***

...Часто угрожает Он <Господь> не для того, чтобы исполнить угрозу, но чтобы, исправив людей, уже не приводить угрозу в исполнение (свт. Иоанн Златоуст, 48, 206).

***

Он <Бог> — источник человеколюбия, никогда не престающий изливать Свои потоки на род человеческий (свт. Иоанн Златоуст, 48, 266).

***

Будучи выше природы, Он <Бог> не подчиняется порядку ее, но устрояет так, что самые препятствия содействуют успеху дела <благочестивого> (свт. Иоанн Златоуст, 48, 292).

***

Будучи благоизобретателен, премудр и человеколюбив и сносходя к человеческой природе, Господь наш являет Себя тем, которые достойно приготовлены к этому (свт. Иоанн Златоуст, 48, 339).

***

Так обыкновенно Господь всяческих творит в отношении к каждому праведнику: дает обетования; но не тотчас приводит их в исполнение, а испытывает послушание и долготерпение праведников, и потом уже обещанное исполняет с великою щедростию (свт. Иоанн Златоуст, 48, 582).

***

Таков преизбыток Его <Божия> могущества, что Он, когда благоволит, обращает и самые печали в радости (свт. Иоанн Златоуст, 48, 624).

***

...Владыка всего, являя могущество силы Своей, часто попускает многоразличные затруднения в делах для того,

чтобы, приведши в исполнение Свои намерения, открыть величие Своего всемогущества (свт. Иоанн Златоуст, 48, 654).

***

Бог не имеет нужды ни в благословении, ни в благодати, потому что Божество ни в чем не нуждается... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 189).

***

Обыкновенный царь принимает честь от своих подданных; а Он <Господь> Сам дарует честь Своим подчиненным (свт. Иоанн Златоуст, 49, 218).

***

<Бог> живет во свете — значит, что Он всецело есть ве́дение, превосходящее всякую мысль, почему свет и назван неприступным (свт. Иоанн Златоуст, 49, 740).

***

Богу особенно свойственно то, что никого не было прежде Его, и никого не будет после Него, т. е. Он не имеет начала и вечен, — это свойственно только бессмертной вечности (свт. Иоанн Златоуст, 50, 236).

***

...Нет ни одного такого имени, нет таких ни двух, ни трех и более имен, которые были бы достаточны для выражения того, что касается Божества. По крайней мере. желательно, чтобы хотя многими (именами), хотя и не впол-

не ясно можно было изобразить Его свойства (свт. Иоанн Златоуст, 52, 17—18).

***

Как свет, хотя бы освещал неисчислимое множество предметов, нисколько отсюда не уменьшается в своей светлости, так в Боге и прежде, и после сотворения сила нисколько не оскудевает, нимало не умаляется и не ослабевает от многочисленности творения... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 47—48).

***

Нет ничего древнее начала, ничего старше начала; всякое дело начинается и зависит от начала; а начало всего Сын, и, как Творец, Он есть начало всего (свт. Иоанн Златоуст, 54, 873).

***

...Бог есть начальный виновник не только дел, но и помышлений благих; Он внушает нам и Свою святую волю, и дает силу и удобный случай исполнить то, чего правильно желаем... (прп. авва Херемон, 57, 403).

***

Если Бог всегда одинаков, и никогда ничего не приобретает, то всегда Он — Отец. А если всегда Отец, то всегда имел и Сына. Следовательно, Сын совечен Отцу (прп. Исидор Пелусиот, 61, 147).

***

Довременное, вечное, непосредственное, превосходящее всякое слово и всякий ум исхождение Христа от Отца Пи-

сания называют рождением. с намерением не страсть сим означить, но утвердить единосущие. Ибо рождаемое действительно единосущно с рождающим (прп. Исидор Пелусиот, 63, 52).

***

...Бог, как ведомо нам, есть начало, середина и конец всякого блага. Благо же ни в действие прийти, ни уверовано быть иначе не может, как во Христе Иисусе и в Духе Святом (прп. Марк Подвижник, 90, 520).

***

Как в существе своем недоведом Бог, так в величии неопределим (авва Фалассий, 92, 294).

***

Какое существо не имеет ни начала. ни конца, того и премудрость неисследима (авва Фалассий, 92, 294).

***

Что есть свет для зрящих и для зримого, то Бог для мыслящих и для мысленного (авва Фалассий, 92, 298).

***

Бог вечен, беспределен и неограничен, и блага вечные, беспредельные и неизреченные обетовал слушающимся Его (авва Фалассий, 92, 310).

***

Един есть Бог — безначальный, непостижимый... всякую совершенно мысль исключающий о *когда* и *как* есть,

как для всех недоступный и никакою тварью непознаваемый в естестве Своем (прп. Максим Исповедник, 92, 229).

***

Един Бог, Единица безначальная и пресущная, частей не имеющая и нераздельная; один и тот же и Единица и Троица (прп. Максим Исповедник, 92, 248).

***

Един есть Господь и Законоположник, как написано, одна власть и одно Богоначалие над всем (прп. Феодор Студит, 93, 102).

***

...Если б во всем этом <мире> не управляла всем воля Одного, то ни в чем не было бы строя и порядка, и не на добро бы это было: ибо разноволие разрушает все (прп. Феодор Студит, 93, 102).

***

Добродетели порождает Бог, а страсти и грехи — сатана; и нет никакого общения света со тьмою, и никакого согласия Христа с велиаром (прп. Феодор Студит, 93, 273—274).

***

Есть пять видов познания о Боге. Первый — что Бог не есть ничто из всего сущего, видимого или мыслимого; второй — что всякая вещь видимая или мыслимая от Бога получила бытие и прежде того не существовала; третий — что Бог все создал, приведший то из небытия в бытие не

потому, чтобы имел нужду в чем-либо из того, но по единой благости Своей, чтобы сделать твари причастными славы Своей, и силы, и благобытия; четвертый — что Он естеством благ, и хочет всякого блага и добра, и ненавидит всякое зло и всякий грех; пятый — что добродетельная и богоугодная жизнь справляется силою Божиею, и другим способом она справлена быть не может, если т. е. не посодействует и не поможет сила Божия, все мысленно и невидимо объемлющая и содержащая (при. Симеон Новый Богослов, 77, 259—260).

***

...Бог присущ всюду: во всей целости бытия и, будучи светом, все просвещает, и тьма Его не объемлет, т. е. нечистота греховная отнюдь не приближается к Нему (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 43—44).

***

...Что есть одно лице Святой Троицы, тоже суть и другие два Лица; ибо лица Святой Троицы тождественны и созерцаются в едином естестве, и существе, и Царстве (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 73).

***

Когда соделается <человек достойным>... тогда вселяется в него Бог, и бывает для него все, чего ни пожелает он, и даже паче того, что желает. Ибо Бог есть всякое благо и в какую душу вселяется, ту исполняет всяким благом, сколько возможно вместить человеческому естеству, — таким благом, коего око не видало, о коем ухо не слыхало и которое на сердце человеку не восходило, человеку тому, который не сделался таким, какого изобразили мы выше (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 134).

***

Бог свет есть, и те, которые сподобляются узреть Его, все видят Его как свет, и те, которые прияли Его, прияли как свет. Ибо свет славы Его предыдет перед лицем Его, и без света Ему невозможно явить Себя. Те, которые не видели света Его, не видели и Его, потому что Бог свет есть; и те, которые не прияли света Его, не прияли еще благодати, потому что приемлющие благодать приемлют свет Божий и Бога... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 318).

***

...Вкуси бессмертные сладости, обоняй духовное миро и познай, что нет никого другого столь прекрасного, как Бог, или столь приятного, или столь сладкого, или столь могущественного, или столь премудрого, или столь славного, или такого, который мог бы животворить, делать нетленным и бессмертным (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 410).

***

Я <Господь> есмь световидный источник бессмертного потока и реки, в каковом источнике моются водою, текущею из Меня, и очищаются душевно и телесно от всякого осквернения, и начинают сиять, как светила и как лучи солнца, все те, которые любят Меня от всей души (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 480).

***

Ты — один Бог безначальный, несозданный, в Сыне и Духе — Троица Святая. Ты — непостижим, неприступен, Создатель видимой и умопостигаемой твари, и Господь, и Владыка, Ты — превыше небес и всего, что на небе,

один — Творец Неба и обладатель, один Носящий все Твоим повелением и волею одною все содержащий. Тебя окружают тьмы Ангелов и тысячи тысяч Архангелов, Престолов, неисчислимых Господств, Херувимов, Серафимов и многоочитых Сил, Начал и Властей и многих других слуг и друзей. Ты имеешь славу препрославленную, так что без страха воззреть на нее не посмеет никто из них, о Боже мой, не в состоянии будучи снести явления и светоблистания лица Твоего. Ибо как создание возможет Создателя всецело узреть или всецело постигнуть? Никоим образом, полагаю, это невозможно. Но поскольку изволит Творец, (постольку) Он является и видится тому, кому Он пожелает, и познается, и тварь Его познает, и Он видится, и она Его видит, насколько дано ей от Творца видеть. Ибо если твари Тобою, Боже мой, произведены, то от Тебя они имеют и бытие, и возможность видеть и служить Тебе беспорочно (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 54).

***

...Бог — несозданный, мы же все созданы. Он — нетленный, мы — тление и прах. Он есть Дух, превысший всякого духа, как Творец духов и Владыка, мы — плоти земные и существа земновидные. Он — Творец всего, безначальный и непостижимый, мы — черви и вместе грязь и пепел (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 75).

***

...Он <Бог> совершенно не видится, совершенно не постигается, обитает же в неприступном свете, и есть Свет Триипостасный, неизреченным образом (пребывающий) в неограниченных пространствах — неограниченный Бог мой, один Отец, (один) также Сын с Божественным Духом,

сдино — три, и три — один Бог неизъяснимо (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 103).

***

...Ни я, ни кто-либо другой не возможет изъяснить тебе того, каким образом Бог — вне всего по Своей сущности, природе, силе и славе, и как Он везде во всем, в особенности же во святых обитает и вселяется в них разумно и существенно, будучи Сам совершенно пресуществен; как в (человеческих) внутренностях содержится Тот, Кто всю тварь содержит; как Он сияет в сердце плотяном и грубом; как внутри его находится и вне всего пребывает и Сам все наполняет, — сияет и ночью и днем, и не видится. Уразумеет ли все это, скажи мне, ум человеческий или возможет ли тебе высказать? Конечно нет. Ни Ангел, ни Архангел не изъяснил бы тебе этого, не будучи в состоянии изложить то словесно. Один только Дух Божий, как Божественный, знает это и ведает, будучи один соестествен, и сопрестолен, и собезначален Богу и Отцу. Поэтому кого Он озарит и с кем взаимно сочетается обильно, тем все показывает неизреченным образом, делом, говорю тебе, все это (показывает). Ибо подобно тому, как слепой если прозрит, то видит, во-первых, свет, а затем во свете, дивно сказать, и всякую тварь, так и озаренный в душе Божественным Духом лишь только причащается Света и делается светом, видит Свет Божий и Бога, конечно, Который показывает ему все, лучше же, что Он повелевает, что изволит и хочет (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 103—104).

***

...Трепеща и не в состоянии будучи видеть Его Славу, я предпочел войти и пребывать в могиле (и обитать с мертвыми, живя и сам в могиле), нежели быть сожженным и

совершенно погибнуть (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 138—139).

***

Без Духа не будет ни Отца, ни Слова Его. Отец же есть Дух, и Сын Его — Дух, хотя Он и облекся в плоть; и обратно, Дух есть Бог, ибо по естеству и по существу оба они суть едино, подобно тому как ум, душа и слово. Но Отец, однако же, неизреченно родил Слово. И подобно тому, как ум — от души моей, лучше же в душе моей, так и Дух от Отца, лучше же в Отце и пребывает, и исходит (от Него) неизъяснимым образом. И опять подобно тому, как ум мой всегда рождает слово, произнося, и испуская (его), и делая известным для всех, однако не отделяется от него, но и рождает слово и внутри его содержит; так, разумей, и Отец родил Слово, потому что Он вечно рождает; от Сына же никоим образом не отделяется Отец Его, но видится в Сыне, и Сын в Нем пребывает (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 147).

***

...Подобно тому, как сияющее солнце, заходя за тучи, ни само не бывает видно, ни полным светом не светит, но испускает находящимся на земле неясный свет, таким же образом помышляй и о Боге, что (когда) Он скрывается от нас, всех нас содержит великая и густая тьма. Но более дивное усматривай, конечно, (вот) здесь: ибо свет Божий не умаляется, как (свет) солнца, но светит везде и все освещает... (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 154).

***

...Бог везде и во всем пребывает и Сам весь Свет есть, в Котором вовсе нет ни тени перемены (см.: Иак. 1, 17), ни

наступления ночи, ни тьма совершенно не бывает (для Него) препятствием, но (Который) разлит во всем и неприступно сияет... (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 154).

***

Создав всю тварь, Я <Господь> отнюдь не переменил места и не соединился с созданиями. (Если) же Я неограничен, то где, скажешь ты, нахожусь Я когда-либо, не телесно, говорю тебе, но, пойми Меня, мысленно? Ища же Меня духовно, ты найдешь Меня неограниченным, а потому опять — нигде, ни внутри, ни вне, хотя и везде во всем, бесстрастно и неслиянно, а потому вне всего, так как Я был прежде всего (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 185).

***

...Как же (можно) всецело исследовать природу Творца всех? Как изречь мне? Как выразить? Как посредством слова представить? Воспринимай все верою, ибо вера не сомневается; вера поистине не колеблется. Однако, как говорю я, Он есть все, ясно говорю тебе — все и никоим образо́м ничто из всего. Творец всего есть Божественное естество и Премудрость; и как ведь не будет во всем то, что есть ничто из всего? Будучи же причиною всего, Он везде есть во всем, и Весь все наполняет по существу и по естеству, равно и по ипостаси Бог везде есть, как Жизнь и Податель жизни (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 187—188).

***

Господи Боже наш, Отче, Сыне и Душе, Ты по образу безвидный, для созерцания же прекраснейший, Своею неизъяснимою красотою помрачающий всякое видение, прекрасный превыше зрения, ибо Ты превосходишь все, беско-

личественный в количестве, видимый для тех, кому Ты изволишь, Сущность пресущественная, неведомая и Ангелам; ибо бытие Твое они познают из действий Твоих. Ведь Ты наименовал Себя Самого Богом поистине сущим (см.: Исх. 3, 14); это мы и зовем сущностью, называем ипостасию, воипостасным (ἐυπόστατον) именуя Того, Которого никто никогда не видел, — Триипостасного Бога, единое безначальное Начало. Иначе же как посмеем мы назвать Тебя сущностью, или прославлять в Тебе три раздельных ипостаси? И каково соединение (их), — кто совершенно уразумеет? Ибо если Отец в Тебе, и Ты во Отце Твоем, и от Него происходит Святый Дух Твой, и Сам Ты, Господи, — Дух Твой, Дух же Господом назван и Богом моим, и Отец Твой есть и называется Духом; то никто, однако, ни из Ангелов, ни из людей никогда не видел, ни созерцал этого, ни образа не познал; (да и) как изречь (это)? Как выразить? Как дерзнуть наименовать: отделением, или соединением, или слиянием, или смешением, или растворением? Как едино (назвать) тремя, три же — единым? И поэтому, Владыко, на основании того, что Ты сказал и чему научил, всяк верный верует и славословит державу Твою, так как все в Тебе совершенно непостижимо, неведомо и невыразимо для созданий Твоих. Ибо недомысленно уже бытие Твое, так как Ты существуешь несозданным, равно как и (то, что) Ты родил. Да и как созданный уразумеет образ бытия Твоего? Или рождения Сына Твоего, Бога и Слова, или исхождения Божественного Духа Твоего, чтобы и соединение Твое он познал, и разделение уразумел, и точно изучил вид Твоей сущности? Никто еще не увидел ничего Твоего из того, о чем я сказал. Ибо невозможно Богу быть иным по естеству, чтобы и Твоего естества можно было исследовать сущность, вид и образ, и ипостась также. Но Ты Сам в Себе Самом существуешь один только Бог Троица, один

зная Себя Самого, Сына Твоего и Духа и Ими одними знаемый, как соестественными. Прочие же, как бы лучи чувственного солнца, и (то если) они добре видящие и ясно зрячие, сидя внутри дома, видят входящие, солнца же этого совершенно не видят; так свет Славы Твоей, так озарения (Твои), и их (даже) гадательно очищенным умом сподобляются видеть от души Тебя ищущие. Тебя же (Самого), каков Ты по существу и какого рода, или как Ты родил однажды, или вечно рождаешь и не отделяешься от рождаемого от Тебя, но Он весь есть в Тебе, весь все наполняя Божеством; Ты же, Отец, весь пребываешь в Самом Сыне и имеешь исходящего от Тебя Божественного Духа, Всеведущего и (все) исполняющего; как Бог по существу, и Он не отделяется от Тебя, ибо от Тебя истекает (Ты — источник благ, всякое же благо — Сын Твой, через Духа уделяющий их всем достойно, благоутробно и человеколюбно, и Ангелам. и человекам), никто (говорю) никогда ни из Ангелов, ни из людей не увидел или не познал бытия Твоего, ибо Ты — несозданный. Все же (прочее) Ты произвел, и может ли оно знать, как Ты рождаешь Сына Твоего и как всегда источаешь? И как происходит от Тебя Дух Твой Божественный? И Ты отнюдь не рождаешь когда-либо, родив, конечно, однажды, не источая, Ты не потерпел оскудения или умаления, ибо Ты пребываешь преисполненным, неоскудевающим превыше всего, весь во всем мире, видимом и мысленном, и наоборот, вне их находишься, Боже мой, совершенно не допуская ни приращения, ни убавления, весь хотя и недвижимый, всегда так пребывая, но действиями Ты всегда приснодвижен. Ибо и Ты — Отец имеешь непрестанное делание, и Сын твой соделывает спасение всех, и промышляет, и усовершает, и содержит, и питает, животворит и возрождает Духом Святым. Ибо что видит Сын Отца творящим, то и Сам так же совершает, как сказал Он (см.: Ин. 5, 19). Таким образом, будучи и

недвижим, и как-то приснодвижен, Ты ни движешься, ни стоишь, ни сидишь, наоборот; но, всегда сидя, совершенно всегда стоишь; стоя же, напротив, весь всегда движешься, никогда не переходя, ибо куда Ты уйдешь? Все, как сказано, наполняя и будучи превыше всего, в какое иное место или страну перейдешь Ты? Но Ты и не стоишь, ибо Ты бестелесен. Простой, все наполняющий, совершенно неизобразимый, невещественный, неописанный, Ты весь непостижим; и как скажем мы, что Ты сидишь или, наоборот, что Ты стоишь? Как станем утверждать, что Ты восседаешь или на каком престоле, когда в руке (Своей) Ты содержишь небо и землю и все, что под землею, Твоею же держится силою? Какой престол вместил бы (Тебя) или какого рода храмина? Или как, или где она построена? Или на каких основаниях, на каких столбах поднимается? — Кто совершенно уразумеет (Тебя)? Горе людям и всякой тварной природе, дерзающей исследовать таковое о Боге, прежде чем не будет она озарена, просвещена, прежде чем не узрит Божественных (вещей) и не сделается созерцательницей таинств Христовых, которых даже Павел, увидев, совершенно не мог высказать. О самом же Боге он не удостоился ничего большего услышать, уразуметь или совершенно научиться, кроме того, что Он есть сущий Бог всех и Создатель, Творец и Податель всех произведенных (вещей). Мы же, несчастнейшие, заключенные во тьме, и совершенно будучи тьмою через наслаждение удовольствиями, и не знающие самих себя, как и каким образом одержимы бывают погребенные страстями, слепые и мертвые, исследуя истинно Сущего, безначального, несозданного Бога, Единого бессмертного и для всех невидимого, говорим о Боге как точно знающие, будучи (сами) удалены от Бога. Ибо если бы соединились с Ним, то никогда не дерзали бы говорить о Нем, видя, что все у Него неизреченно и непостижимо; и не только касающееся Его (Самого), но и дел

Его в большей части неведомо для всех. Ибо кто бы изъяснил (даже) то, как Он образовал меня от начала? Какими руками взяв персть, Он — совершенно бестелесный, и как неимеющий уст, подобно нам, вдунул в меня (дыхание)? И как я стал душою бессмертною (см.: Быт. 2, 7)? Скажи мне, как из брения образовались кости, нервы, мясо, жилы, кожа, волосы, глаза и уши, губы и язык? Как голосовые органы и твердые зубы через дыхание внятно образуют членораздельную речь? Из сухого и влажного, теплого и холодного вещества, через смешение противоположных (стихий) Он соделал меня живым (существом). Итак, как ум связан с плотью и как плоть сраствореna с невещественным умом без смешения и слияния? Ум же и душа, не смешиваясь, произносят внутреннее слово для людей, и остаются такими же нераздельными, неизменными и совершенно неслитными. Итак, зная, братие, что это неизъяснимо и для всех непостижимо — то, что касается нас, как не трепещем мы исследовать Того, Кто из не сущего сотворил нас таковыми, или помышлять и говорить о том, что превыше слова и превыше ума нашего? Итак, будучи тварями, убойтесь же Творца и исследуйте одни только заповеди Его; старайтесь соблюдать их изо всей вашей силы, если хотите сделаться и наследниками той жизни. Если же вознерадите о Его повелениях, и презрите волю Его, как сказал Он, и не поверите Ему по одному, конечно, слову, то ни слава, ни достоинство, ни богатство мира сего, даже ни знание буее внешних наук, ни сочинение, ни составление красноречивых слов, ни что другое из земных дел и вещей не принесет (вам) никакой пользы тогда, когда все и всех будет судить Бог мой. Но то слово Владыки, которое мы презрели, станет тогда перед лицом каждого в отдельности и осудит всякого, не сохранившего его. Ибо оно не слово праздное, но живое слово Бога Живого и пребывающего во веки веков (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 194—199).

***

Есть Бог истинный, поистине есть. Это исповедуют все благочестивые. Но Он ни что не есть из того, что мы вообще знаем, даже ни что из того, что знают Ангелы. В этом (мире) Бог, говорю, ни что не есть, ни что из всего, как Творец всего, но превыше всего. Ибо кто бы мог сказать, что́ есть Бог, т. е. чтобы сказать, что Он есть то-то или то-то? Я совершенно не знаю, какой Он, каков, какого рода или Он различен. Итак, не зная Бога, каков Он по образу и виду, по величине и красоте, как я изъясню Его действия: как Он видится, будучи невидим для всех? Как пребывает со всякой тварной природой? Как обитает во всех святых? Как наполняет все и нигде не наполняется? Как Он превыше всего и везде находится? Ведь этого никто совершенно не может сказать (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 212—213).

***

Божественное же и несозданное естество пресущественно, так как оно превосходит сущность всего тварного; называясь пресущественным, оно, однако, имеет сущность (ἐνούσιος) и ипостась (ἐνυπόστατος), будучи мыслимо превыше всякой сущности и совершенно несравнимо с тварной ипостасью, ибо оно все неограниченно по природе (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 220).

***

...Поистине Ты, о Боже мой, — ничто из всего (существующего в природе), но все дела твои произведены из ничего, один только Ты несотворен, один безначален, Спасителю, — Троица Святая и честная, Бог всяческих (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 242).

***

...Слава прославившему так естество наше, слава безмерному снисхождению Твоему, Спасе, слава могуществу Твоему, слава благоутробию, слава Тебе, что, пребывая непреложным и неизменным, Ты весь недвижим, (хотя) и приснодвижен, весь вне твари, но весь и во всей твари, весь наполняешь все, будучи весь и вне всего; Ты — превыше всего, Владыко, превыше всякого начала, превыше всякой сущности, превыше естества природы, превыше всех веков, превыше всякого света, Спасителю, превыше умных Существ, потому что и они суть Твое, лучше же — мысли Твоей дело. Ведь Ты — ничто из всего, но превысший всего; ибо Ты причина существующего, как Творец всего. И потому Ты отделен от всего, мыслимый где-то вверху, превыше всего существующего, невидимый, неприступный, неуловимый, неприкосновенный и, будучи непостижим, пребываешь неизменным. Являясь же совершенно простым, Ты (однако весь) разновиден; и вообще ум (мой) не может уразуметь разнообразия славы и великолепия красоты Твоей (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 259).

***

Что есть Отец, то и Сын, и что Сын, то и Отец так же. Видя Сына, я вижу и Отца, равно и Отец видится с Сыном; однако один рождает, другой же рождается, и отдельно от Отца есть то, что Он есть (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 271).

***

...Божеское естество, вне всякой твари суще, не описуется, как неопределимое и нетелесное, некачественное, неосязаемое, неколичественное, невидимое, бессмертное, не-

объемлемое и отнюдь нами не разумеемое... (прп. Никита Стифат, 94, 145).

***

...Должно благочестно исповедать: Отца нерожденного и безначального, и Сына рожденного и собезначального, и Духа Святаго сопресносущного, от Отца исходящего и Сыном подаваемого, как говорит святой Дамаскин (прп. Григорий Синаит, 94, 185).

***

Ум говорит посредством слова, и слово проявляется посредством духа. По сему примеру человек носит слабый образ неизреченной и началообразной Троицы, показывая и в сем свое по образу Божию создание (прп. Григорий Синаит, 94, 186).

***

Знать Единого Бога, по Писанию, есть корень бессмертия, а ведать державу Трииспостасной Единицы есть всецелая правда (прп. Григорий Синаит, 94, 186).

***

...<Бог> является всегда Хранителем и души, и тела, как Владыка и Творец и того и другого; Который единый явил дела любви к нам и преизобильной заботы еще и до того, как мы пришли в бытие... Ибо до того, как мы пришли на свет, Он уготовал нам вечное наследие Царства, как Он Сам говорит: *прежде сложения мира* (Ин. 17, 24) (свт. Григорий Палама, 26, 32).

***

...Духовная и общая мать и кормилица наша — Христова Церковь — днесь еще явнее, еще более всемирно возвещает о просиявших в благочестии и в добродетели. Возвещая же о их Всесвященных Соборах и вынесенных на них Божественных догматах, она вместе с этим отвергает в основных чертах приверженцев нечестия (ересей) и их злостные построения и мнения, дабы мы истинно отвращались их. Последуя же божественно мыслящим, веровали во Единого Бога Отца, Сына и Духа Святаго, от Которого и Которым и в Котором вся быша; Который есть прежде всего, и над всем, и во всем, и превыше всего; Единица в Троице и Троица во Единице, несмешенно соединенная и нераздельно различаемая; Единица, Она же и Троица Всемогущая. Отец безвременный, и безначальный, и вечный Единый — Вина и Корень созерцаемого Божества в Сыне и в Святом Духе: не Единый Творец, но только Единый Отец Сына и Духа Святаго Изводитель: присно сущий и всегда сущий Отец и вместе Изводитель, Которого Сын Единый совечен Ему и в отношении времени со-временен, но не безначален (т. е. имеет вину Своего бытия), как имеющий Отца Своим Родителем, и Корнем, и Источником, и Началом, от Которого Единого прежде всех веков произошел, но не отделился: Бог от Бога; не инаковый — как Бог, но иной — как Сын; присно сущий и всегда сущий Сын и всегда у Бога несмешенно сущий; Слово Живое, Свет Истинный, Воипостасная Премудрость, Вина и Начало всего сущего, так как *Им вся быша* (сотворено) (ср.: Кол. 1, 16); Который при завершении веков, как предрекли Пророки, Сам Себя истощил, восприяв ради нас свойственный нам облик. Благоволением Отца и содействием Святаго Духа был зачат и родился от Приснодевы и, как истинно вопло-

тившийся, стал подобен нам во всем, за исключением греха; пребывая, как был, Богом истинным во единой Ипостаси и после воплощения; действуя все Божественное, как — Бог; и все человеческое, как — человек, и подвергаясь непорочным человеческим страданиям, будучи бесстрастным, и бессмертным, и вечным, как Бог; и был распят, и умер, и был погребен, и в третий день воскрес; и смертию и воскресением Своим упразднил имущего державу смерти; и по воскресении являлся, и вознесся на небеса, и воссел одесную Отца, сделав наше естество единочестным и сопрестольным, как участника Божества, и с этим естеством (т. е. в человеческой природе, воспринятой Им в воплощении) снова со славою приидет судить живых и мертвых, призванных вновь в жизнь силою Его Пришествия, и воздать каждому по делам его (свт. Григорий Палама, 26, 83—84).

***

...Он <Творец> милосерд, щедр, весь свят и праведен; от Него изобильно источается всякая святыня, всякая благость и всякие духовные дары (прп. Максим Грек, 69, 33).

***

Совершенство существа Божия служит причиною неприступности Его не только к видению тварями, но и к постижению: оно — *мрак под ногами Его;* оно — *тьма, положенная в покров,* которым закрыт Бог (ср.: Пс. 17, 10—12) (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 324).

ТЕРПЕНИЕ

Терпение... не только хранит доброе, но и предотвращает злое, благоугождая Духу Святому и прилепляясь к

небесному и Божественному, оно, укрепленное своими доблестями, отражает дела плоти и тела, которыми препобеждая и увлекается душа (сщмч. Киприан Карфагенский, 65, 302).

***

...Как терпение есть благо Христово, так, напротив, нетерпение есть зло диавола, и как тот, в ком живет и обитает Христос, является терпеливым, так, напротив, всегда бывает нетерпелив тот, чьим умом владеет непотребство диавола (сщмч. Киприан Карфагенский, 65, 305).

***

Терпение... делает нас угодными Богу, и сохраняет нас для Бога. Оно умеряет гнев, обуздывает язык, управляет умом, хранит мир, поддерживает благочестие, укрощает порыв похоти, смягчает силу гнева, погашает пламень злобы, останавливает насилие богачей, одушевляет бедного в нищете, хранит блаженную непорочность в девах, многотрудную чистоту во вдовах, взаимную любовь между соединенными узами брака. Оно смиряет в счастье, укрепляет в несчастье, соделывает кроткими при обидах и поношениях. Оно учит скоро прощать согрешающим, много и долго умолять, если сам согрешаешь. Оно побеждает искушения, переносит преследования, совершает страдания и мученичества. Оно прочно утверждает основания нашей веры — высоко поднимает ростки надежды. Оно дает направления нашему шествию так, чтобы, идя по стезям терпения Христова, мы могли держаться и пути Христова. Оно соделывает то, что, подражая терпению Отца, мы неизменно пребываем чадами Божиими (сщмч. Киприан Карфагенский, 65, 306—307).

***

...Когда кто-либо переносит все постигающее его с радостию, то, что бы ни случилось с ним, все его успокаивает (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 99).

***

Лучше терпением того, что нас постигает, прибегать к Богу, нежели по страху опасностей потерпеть отпадение, впасть в руки диавола и вечное отпадение, точнее же, мучение с ним навлечь на себя. Ибо нам предстоит одно из двух: или потерпеть первое и временное, или второе и вечное. Праведных же ни одна из обеих опасностей вовсе не касается, ибо они с радостию (переносят) то, что нам кажется злополучием; любят (это) и, как нашедшие время к приобретению, приветствуют искушения и не получают от них язв. Тот обыкновенно не умирает от стрелы, в кого она пущена, но не поразила его, а тот погибает, кто получил от нее смертельную рану (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 178—179).

***

Терпение служит укреплением для всех добродетелей. И ни одна из добродетелей без него не может устоять, ибо всякий обратившийся *вспять не управлен есть в Царствии Божии* (Лк. 9, 62) (сщмч. Петр Дамаскин, 76, 22).

***

Если кто-либо думает, что он причастен и всем добродетелям, но не *претерпит до конца* (ср.: Мф. 10, 22), то не избежит сетей диавольских и не будет управлен к достижению Царства Небесного. Ибо и те, которые уже здесь получили обручение (жизни вечной), имеют нужду в терпе-

нии, чтобы воспринять в будущем совершенную награду за подвиг (сщмч. Петр Дамаскин, 76, 22).

***

...Всякое дело прежде, нежели совершится, с терпением совершается, и совершенное терпением сохраняется, и без него не может устоять, да и не получает конца. Ибо если это дело хорошее, — терпение податель и хранитель его; если же худое — терпение подает (в нем) покой и великодушие, и не попускает искушаемому томиться малодушием, обручением геенны. Ему свойственно умерщвлять отчаяние, умерщвляющее душу. Оно научает душу утешать себя и не унывать от множества браней и скорбей (сщмч. Петр Дамаскин, 76, 23).

***

В мысленной же брани невозможно найти места, где бы ее не было; хотя бы и все творение прошел кто-либо, но куда ни пойдет, везде встретит брань. В пустыне — звери, и демоны, и прочие злополучия и страшилища. В безмолвии — демоны и искушения. Среди людей — демоны и люди искушающие. И нигде нет места без испытаний; потому без терпения и невозможно найти покой. Терпение же происходит от страха и веры и начинается с благоразумия (сщмч. Петр Дамаскин, 76, 24—25).

***

...Хорошо было бы, если бы кто, подобно святым, радовался в искушениях, как боголюбивый; если же мы не таковы, то изберем, по крайней мере, легкое <т. е. терпение> — ради предлежащей необходимости (сщмч. Петр Дамаскин, 76, 26).

***

Терпение есть как бы камень, неподвижно стоящий против ветров и волн житейских, и достигший его не изнемогает при наводнении и не возвращается назад; но и находя покой и радость, не увлекается самомнением, а всегда пребывает одинаковым и в благоденствии, и в злополучии; потому он и пребывает невредимым от сетей врага. Когда встретит бурю, терпит с радостию, ожидая конца; когда и тихая погода бывает, ожидает искушения до последнего издыхания, по слову великого Антония. Такой познает, что в этой жизни отнюдь ничего нет неизмененного, но все проходит, потому он и нимало не заботится о чем-либо земном, но предоставляет все Богу, ибо Он печется о нас (сщмч. Петр Дамаскин, 76, 26—27).

***

Тот же, кто желает наследовать Царство Небесное и не терпит постигающих его (скорбей), оказывается еще более неразумным, <чем непослушное дитя>. Ибо он создан по благодати, получил все существующее и надеется на будущее, вечное соцарствование Христу, удостоившему его, ничего незначащего, стольких и таких даров, чувственных и мысленных, так что и Пречестную Кровь Свою Христос благоволил пролить за него и ничего от него не требует, как только, чтобы он имел произволение принять Его блага, и более ничего. Это составляет Его единственное требование (сщмч. Петр Дамаскин, 76, 31).

***

...От плача и терпения рождается надежда и беспристрастие, от которых — умерщвление себя миру. И если человек будет пребывать в терпении, не отчаиваясь от того,

что повсюду видит утеснение и смерть, но познавая, что это ему испытание и (источник) просвещения, и не будет дерзновенным, как бы достигший уже в меру (духовного возраста), то через многие слезы, скорби приходит он в состояние ясно видеть святые страдания Господни и много бывает ими утешаем и считает себя поистине ниже всех, видя, что столько благ изливается на него от благодати Божией (сщмч. Петр Дамаскин, 76, 45—46).

***

...Если подвизающийся пребывает в терпении, не надмеваясь и не отвращаясь от добродетели, то воздвигается и он от умерщвления тела и вещей к познанию существующего, ибо, по слову Апостола, телесными деланиями сраспинается он (Христу) телесно, и душевными — душевно (см.: Гал. 5, 24); потом спогребается Ему умерщвлением чувств и ведением (всего) по естеству и воскресает мысленно, ради бесстрастия, во Христе Иисусе Господе нашем (сщмч. Петр Дамаскин, 76, 69).

***

Когда какая-либо страсть принимает вид добродетели, время и опытность обыкновенно это обнаруживают, и когда опять добродетель уклоняется к страсти, время и опытность обыкновенно различают это через терпение; ибо если последнее не родится в душе от веры, то (она) вовсе не может иметь добродетели (сщмч. Петр Дамаскин, 76, 114—115).

***

Что бы ты ни делал, делай то с терпением, и Бог поможет тебе во всех делах твоих и во всем, что ни случится с тобою (прп. Антоний Великий, 90, 109).

***

Терпение нужно потому, что искушения для нас нужны... Никто без искушений не может войти в Царствие Небесное; не будь искушений, никто бы и не спасся (прп. Антоний Великий, 90, 133).

***

...Постарайся приобрести терпение... ибо терпением побеждается гнев... (прп. авва Исаия, 60, 83).

***

Научись... по причине нищеты не приниматься за худые дела и в самых тяжких злостраданиях не терять надежды, и не сидеть в праздности и бездействии, но прибегать к Богу, Который... подаст тому, кто возопиет к Нему от всего сердца (свт. Василий Великий, 5, 129).

***

...Не тот терпелив, у кого нет необходимого, но тот, кто, не имея недостатка в наслаждении, продолжает терпеть бедствие (свт. Василий Великий, 8, 260).

***

Как <человек> будет упражнять себя в долготерпении, когда нет противящегося его желаниям? (свт. Василий Великий, 9, 98).

***

Подлинно блажен человек, который приобрел долготерпение, потому что и Священное Писание хвалит его, гово-

ря: *долготерпелив муж много в разуме* (Притч. 14, 29)... (прп. Ефрем Сирин, 31, 10).

***

Долготерпеливый всегда в радости, в веселии, в восхищении; потому что надеется на Господа (прп. Ефрем Сирин, 31, 10).

***

Долготерпеливый далек от гнева, потому что все терпит (прп. Ефрем Сирин, 31, 10).

***

Долготерпеливый не скоро воспламеняется гневом, не прибегает к оскорблениям, не легко трогается пустыми речами; если обижен, не огорчается; сопротивляющимся не противится; во всяком деле тверд; не скоро вдается в обман, не склонен к раздражению, в скорбях радуется, свыкается со всяким добрым делом; людям, ничем не довольным, во всем угождает; когда приказывают ему, не противоречит; когда делают выговор, не хмурит лица; во всяком случае находит для себя врачевство в долготерпении (прп. Ефрем Сирин, 31, 10).

***

У кого нет долготерпения, тот далек и от терпения, потому что недолготерпеливый удобно совращается с пути, готов к раздражению, скоро разгорячается и начинает ссору; если оскорблен, сам оскорбляет, если обижен, воздает обидой же, спорит о вещах, ни к чему не служащих; дела его и произведения его взвиваются, как листья ветром, он не тверд в словах, быстро перескакивает от одного к другому (прп. Ефрем Сирин, 31, 11).

***

У кого нет долготерпения, тот далек от твердости, потому что в скором времени изменяется. Он не приобрел себе рассудительности, дружится с порочным, делит время с злоязычным, помогает обидчику, не скрывает тайны, всякое слово готов вывести наружу. И что злополучнее этого? (прп. Ефрем Сирин, 31, 11).

***

Блажен тот... кто приобрел терпение, потому что у терпения есть упование, *упование же не посрамляет* (ср.: Рим. 5, 5) (прп. Ефрем Сирин, 31, 11).

***

Подлинно блажен и трекратно блажен тот, в ком есть терпение. Ибо *претерпевый до конца, той спасен будет* (ср.: Мф. 10, 22). И что лучше сего обетования? *Благ Господь терпящим Его* (Наум 1, 7)... (прп. Ефрем Сирин, 31, 11—12).

***

Терпение одно не бывает, но оно требуется во многих добродетелях. Терпеливый достигает всякой добродетели. В скорбях он радуется, в нуждах оказывается благоискусным, в искушениях восхищается. Он готов к послушанию, украшен долготерпением, исполнен любви. За оскорбления он благословляет, в ссорах хранит мир, в безмолвии мужествен, в псалмопении не ленив, к постам готов, в молитвах терпелив, в делах неукоризнен, в ответах прям, в исправлении поручения благопокорен, в жизни рачителен, в оказании услуг любезен, в обращении привлекателен, в общежитии с братством приятен, в совещаниях сладок, в бдениях не угрюм, в попечении о странных старателен, в хождении

за немощными предупредителен; первый помощник в затруднительном положении, в мыслях трезвен, во всяком деле добр (прп. Ефрем Сирин, 31, 12).

***

Кто приобрел терпение, тот приобрел упование. Ибо он украшен всяким добрым делом. Почему с дерзновением возопиет ко Господу, говоря: *терпя потерпех Господа, и внят ми* (Пс. 39, 2) (прп. Ефрем Сирин, 31, 12).

***

Злополучен и жалок, кто не приобрел терпения. Таковым Божественное Писание угрожает горем. *Горе*, говорит, *погубившим терпение* (ср.: Сир. 2, 14). И действительно, действительно горе тому, в ком нет терпения. Он возметается как лист ветром, не переносит оскорбления, в скорбях впадает в беспечность. Его легко вовлечь в ссоры. Где нужно терпеть, там он ропщет. Где требуется послушание, там прекословит. В молитвах ленив, в бдениях расслаблен, в постах угрюм, в воздержании нерадив, в ответах медлителен, в делах неисправен, в лукавстве неодолим, в занятиях самоволен, в спорах мужествен, в безмолвии бессилен. Людям, достойным одобрения, он противник, и преуспевающим — соперник (прп. Ефрем Сирин, 31, 13).

***

В ком нет терпения, тот подвергается многим потерям, и не в состоянии стать добродетельным. Ибо *терпением течем на предлежащий нам подвиг,* говорит Апостол (ср.: Евр. 12, 1). В ком нет терпения, тот чужд всякого упования. Поэтому всякого... умоляю приобрести терпение, чтобы спастись (прп. Ефрем Сирин, 31, 13).

***

С веселием терпели они <святые> это <страдания> (см.: Евр. 11, 35—38), потому что прозирали в те блага, которые уготованы на небесах, *иже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9) (прп. Ефрем Сирин, 31, 71—72).

***

Кто терпеливо переносит, когда его злословят или обижают, тот подобен заключившему льва в зверинце... (прп. Ефрем Сирин, 31, 137).

***

Дарование терпения — от Господа, и любящим Его дарует оное, обладающие им избавятся от многих скорбей (прп. Ефрем Сирин, 31, 140).

***

Нет и меры терпению, если оно растворено смиренномудрием (прп. Ефрем Сирин, 31, 140).

***

Кто нашел путь долготерпения и незлобия, тот нашел путь жизни (прп. Ефрем Сирин, 31, 173).

***

Нет и меры терпению, если только оно сраствореноо любовию (прп. Ефрем Сирин, 31, 206).

***

Потерпи Господа в день скорби, чтобы покрыл тебя в день гнева (прп. Ефрем Сирин, 31, 210).

***

От того, что не терпим ради Господа быть в подчинении и уничижении, сами себя лишаем утешения праведных (прп. Ефрем Сирин, 31, 216).

***

Каждый должен, сколько нужно, терпеть недостатки ближнего, по упованию на Бога. Но горе тому, кого терпят и он не разумеет сего! (прп. Ефрем Сирин, 31, 495).

***

Будь долготерпелив, чтобы стать сильным и в благоразумии. Долготерпение — прекрасный дар, потому что изгоняет вспыльчивость, гнев и презрительность, приводит же душу в мирное состояние (прп. Ефрем Сирин, 31, 519).

***

...Терпение в искушениях возвеличивает всегда боголюбцев (прп. Ефрем Сирин, 32, 118).

***

...Будем терпеливы, чтобы сподобиться нам свободы праведных, представляя в уме Владыку всяческих, Который *нас ради обнища, богат сый, да мы нищетою Его обогатимся* (ср.: 2 Кор. 8, 9) (прп. Ефрем Сирин, 32, 131).

***

...Будем терпеть, потому что возложили упование не на человека, который не может спасти, но на Бога, спасающего надеющихся на Него... (прп. Ефрем Сирин, 32, 132—133).

***

...Все святые достигли обетований постоянным и долгим терпением. Поэтому будем каждый день побуждать себя, чтобы и нам с ними наследовать Царство Небесное (прп. Ефрем Сирин, 32, 135).

***

...Мы не терпим и малого злострадания; по неверию нашему удаляется от нас терпение (прп. Ефрем Сирин, 32, 136).

***

...В терпении истины препояшься благоговением, смиренномудрием и терпением (прп. Ефрем Сирин, 32, 153).

***

Если не терпишь заушения и удара, то как понесешь крест свой? Если креста не несешь, то как наследуешь на небесах славу?.. (прп. Ефрем Сирин, 32, 234).

***

Блаженны терпящие для Господа и возгнушавшиеся прелестью века сего; ибо действительно наследуют они постоянную славу (прп. Ефрем Сирин, 32, 242).

***

Будем подобны наковальням: если и бьют нас, то не покажем на себе от бичей и искушений даже следов расслабления, нерадения и уныния. Принимая на себя удары, подвергаясь гонению, будем побеждать противника терпением (прп. Ефрем Сирин, 32, 530).

***

Мы часто не терпим, чтобы приразилось к нам и слово, произносимое братом; предавая забвению язвы свои, и явные и тайные, ведомые Богу, не можем перенести и снега, падающего из воздуха. Другие, претренные ради Бога, увенчались, а мы, хотя и без мучения можем стать мучениками, делаем противное и остаемся ни к чему непотребными, даже делаемся добычею мысленных оных зверей и лукавых бесов (прп. Ефрем Сирин, 33, 80).

***

Не приходи в нерадение от изнеможения, но имей в виду упование. Ибо где подвиги, там и награды, где брани, там и почести, где борьба, там и венец. Взирая на сие, умащай себя уроками терпения (прп. Ефрем Сирин, 33, 90).

***

Беден и окаянен, кто не приобрел терпения; потому что в ком нет терпения, тот колеблется ветром, не переносит обиды, малодушествует в скорбях, в подчинении — ропотник, в послушании — прекослов, в молитвах ленив, в ответах медлителен, в словопрениях мужествен (прп. Ефрем Сирин, 33, 368).

***

В ком нет терпения, тот терпит много ущерба; таковому нет и возможности прилепиться к добродетели, а, напротив того, достойным одобрения он противится, преуспевающим завидует (прп. Ефрем Сирин, 33, 368).

***

Если, будучи несчастным порождением греха, процветаешь, то знай, что блюдешься для конечных мучений. А если, будучи добродетельным, получишь в удел скорбную жизнь, то знай, что очищаешься, как золото в горниле. Или если, как новый Иов, изнемогаешь телом в борьбе с завистником, то для того, чтобы после подвига получить тебе победный венец. Посему и благоденствуя, не услаждай тем мысли, и в горестях не падай духом, все принимая с христоносным сердцем (свт. Григорий Богослов, 16, 119).

***

Обижай меня, бей, укоряй в подлости рода и нищете, попирай, притесняй; ты не долго будешь наносить мне обиды, а я все терплю для Бога и к Нему обращаю взоры, простираясь мыслью в жизнь последующую, там упокоиваюсь, но не знаю ничего дольнего и таким образом удобно избавляюсь от всякой скорби (свт. Григорий Богослов, 16, 194).

***

...Посрамляется сатана претерпевающими скорби и искушения, и раскаивается в том, что ни в чем не успел (прп. Макарий Египетский, 68, 196).

***

...Мудрый и богатый воцаряются благодатию не иначе, как при терпении, скорбях и многих трудах... (прп. Макарий Египетский, 68, 275).

***

...Кто намеревается соделаться подобным Христу... тому преимущественно надлежит благодушно и терпеливо переносить встречающиеся скорби, будут ли то телесные болезни, или обиды и укоризны от людей, или также и козни от невидимых врагов (прп. Макарий Египетский, 68, 449).

***

Если хотим легко претерпевать всякую скорбь и искушения, то да будет для нас вожделенною и всегда перед очами нашими преднаписуемою смерть за Христа (прп. Макарий Египетский, 68, 453).

***

Душа же благоразумная и в бедствиях, и в скорби не теряет надежды, но владеет, чем обладала, и что ни было бы ей нанесено, среди тысячи искушений, все претерпевая, говорит: «Если и умру, не оставлю Его» (прп. Макарий Египетский, 90, 251).

***

Не указывай мне на такого, который обижен и терпит, ибо случается терпеть и по бессилию; но на такого, который в отношении к равносильным и к тем, кому он мог бы мстить, показал бы терпение... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 137).

***

...Если и мы покажем терпение, подобное терпению праведных, если и мы покажем искусство, соразмерное с добродетельною их жизнию, то получим блага, уготованные святым, любящим Бога... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 866—867).

***

Если у нас недостает терпения слушать слова о добродетели, то кто поверит нам, что мы подымем самые труды добродетели? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 113).

***

...Показав, что терпение скорбей сопровождается славою, знаменитостию и радостию, он <апостол Павел> говорит о другом величайшем их следствии, о некотором величайшем и дивном плоде их... *Ведяще*, говорит он, *яко скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит* (Рим. 5, 3—5). Что значит: *ведяще, яко скорбь терпение соделовает?* От этого происходит тот величайший плод, что человек, подвергающийся скорбям, делается более крепким (свт. Иоанн Златоуст, 47, 156).

***

...Не будем никогда падать духом, представляя, сколько пользы от терпения... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 164).

***

Имей терпение, чтобы ты был услышан, потому что хотя Бог иногда и отсрочивает подаяние, но делает это не

по ненависти и отвращению, а желая медленностию подаяния постоянно удерживать тебя при Себе... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 328).

***

Он <Господь> говорит: *аще кто ударит тя в десную ланиту, обрати ему и другую* (ср.: Мф. 3, 59). Не сказал: только перенеси обиду благодушно и с кротостию, но: пойди еще дальше в любомудрии, будь готов терпеть больше, чем сколько хочется обидчику; великостию твоего терпения победи дерзкую наглость его, пусть он удивится необычайной кротости твоей и с тем отойдет прочь... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 362).

***

...Терпение, при надлежащей степени развития, делает своих питомцев испытанными, мужественными и решительно непобедимыми (свт. Иоанн Златоуст, 47, 707).

***

Немаловажное дело — не обращать внимания на тех, которые злословят, насмехаются и издеваются... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 216).

***

Бог не только избавляет от скорби тех, кто старается великодушно переносить посылаемые на них искушения, но и в самых скорбях доставляет такое утешение, что мы совершенно забываем их и получаем великое множество благ (свт. Иоанн Златоуст, 48, 507).

***

...Удостоиться претерпеть что-либо ради Христа — величайшая благодать, венец совершенный и награда, не меньшая будущего воздаяния! Это знают те, которые умеют искренно и пламенно любить Христа (свт. Иоанн Златоуст, 48, 825).

***

...Обижаемые и все великодушно переносящие преклоняют и Бога к милосердию, и всех людей к состраданию им, к похвалам и благорасположению (свт. Иоанн Златоуст, 52, 276).

***

...С чем сообразно, что тогда как Христос претерпел за тебя столь многое, ты часто не переносишь даже слов! Он подвергается оплеванию, а ты украшаешься дорогими одеждами и перстнями, и если не от всех слышишь похвалы, то считаешь и жизнь не в жизнь. Он терпит поношение, переносит насмешки и позорные удары по ланитам; а ты хочешь, чтобы тебя все почитали, и не переносишь поношения Христова (свт. Иоанн Златоуст, 52, 563—564).

***

...Раскаленное железо, опущенное в воду, так скоро не потеряет своей теплоты, как человек вспыльчивый, если встретится с душою терпеливою (свт. Иоанн Златоуст, 53, 68).

***

...Ты хочешь получить блаженство там? Потерпи здесь ради Христа; ничто не может сравняться с этим блаженством (свт. Иоанн Златоуст, 53, 148).

***

Нет ничего постыднее гнева, ничего бесчестнее, ничего ужаснее, ничего неприятнее, ничего вреднее его. Говорю это не к тому, чтобы мы были кротки только в отношении к мужам, но чтобы ты терпел, если бы и жена досаждала тебе словами (свт. Иоанн Златоуст, 53, 151).

***

Но как можно, скажешь, терпеть, когда меня оскорбляют? А как невозможно, скажи мне? Разве слова наносят нам раны? Или (делают) шрамы на теле? Какой же нам от них вред? Нет, если захотим, мы можем терпеть... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 433).

***

Он <человек> терпит зло и переносит его великодушно, а это есть великое приобретение; терпение зла заслуживает отпущения грехов, есть подвиг любомудрия, есть училище добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 53, 444).

***

Терпение — это корень всех благ, мать благочестия, отпрыск веселия, плод неувядающий, башня непреоборимая, гавань, не тревожимая бурями (свт. Иоанн Златоуст, 53, 941).

***

...Когда мы злостраждем, он <диавол> делается пленником и терпит зло, между тем как хочет сделать его сам (свт. Иоанн Златоуст, 54, 686).

***

Для меня доблестнее терпеть зло за Христа, чем принимать от Него почести. Это — великая честь, это — слава, выше которой нет ничего (свт. Иоанн Златоуст, 55, 66).

***

Если Он <Христос>, соделавшись для меня рабом и ни во что вменивши славу, ничего не считал для Себя столько славным, как распинаться за меня, то чего не должен я претерпеть? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 66).

***

...Дивные святые... всегда исполнены великой благодати, а особенно тогда, когда подвергаются опасности за Христа, когда делаются узниками (за Него) (свт. Иоанн Златоуст, 55, 84).

***

Если у тебя нет терпения по отношению к твоему ближнему, то как будет терпеть тебя Бог? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 86).

***

Нужно... переносить все с долготерпением, потому что это и значит веровать (свт. Иоанн Златоуст, 56, 99).

***

Стрела же диавола есть порочное пожелание. В особенности гнев — это огонь, это пламень, который схватывает, умерщвляет, сожигает. Но мы будем угашать его долготерпением, воздержанием. Как раскаленное железо,

будучи опущено в воду, теряет жар свой, так и гнев, попав в душу человека долготерпеливого, нисколько не вредит долготерпеливому, а, напротив, приносит пользу, так что он становится еще крепче. Ничто не может равняться с долготерпением. Такой человек никогда не оскорбляется; но как адамантовые тела не разбиваются, так и эти души; они выше стрел. Долготерпеливый высок и так высок, что удар стрелы не достигает до него... Будем же приобретать это долготерпение, от которого происходит в сохраняющих его великое благоразумие... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 188).

***

...Зло, которому подвергаешься от других, переноси мужественно, потому что терпение — великое оружие в искушениях (свт. Иоанн Златоуст, 56, 249).

***

...Ничто столько не пристыжает делающих зло, как если мы мужественно переносим наносимые (оскорбления) и не мстим ни словом, ни делом; это и нас умудряет, уготовляя нам большую награду, и им приносит пользу (свт. Иоанн Златоуст, 56, 249).

***

...Нужно, в виду венца, который приготовляет Бог для хороших и добрых, быть стойким и кротко терпеть гневающихся (свт. Иоанн Златоуст, 56, 392).

***

Жизнь праведных блестяща; но как она делается блестящею, если не через терпение? Приобрев, возлюби его... как мать мужества... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 446).

***

...Тот, кто терпит что-нибудь несправедливо и мужественно переносит обиду, приобретает через это большое дерзновение перед Богом (свт. Иоанн Златоуст, 56, 630).

***

...Блаженного Иова то особенно показало чистым, то прославило, что во время испытания, болезни, бедности сохранил твердый, непоколебимый дух, что принес Богу слова благодарности, принес эту духовную жертву (свт. Иоанн Златоуст, 56, 1027).

***

Ничто не может служить... таким свидетельством о совершенной разумности, как долготерпение (свт. Иоанн Златоуст, 56, 1114).

***

Ничто так не сильно, как долготерпение; такой <т. е. долготерпеливый> не терпит ни от кого бедствия, так как бесстрастен по душе (свт. Иоанн Златоуст, 56, 1121).

***

Ты не должен ожидать своего терпения от добродетели других, т. е. что будто ты приобретешь его только тогда, когда никто не будет огорчать тебя, что, впрочем, не в твоей власти, но лучше приобретай его своим смирением и великодушием, кои в твоей власти (прп. Иоанн Кассиан, 57, 48).

***

...Цель терпения состоит не в том, чтобы гневаться только справедливо, а в том, чтобы вовсе не гневаться (прп. Иоанн Кассиан, 57, 112).

***

...Творец всех Бог, лучше всех зная врачевство для своего творения, и что не в других, а в нас самих заключаются корни зла и причины оскорблений, заповедал не оставлять сообщества братии, не избегать тех, которых мы оскорбили или которые нас оскорбили, а повелел смягчаться, зная, что совершенство сердца приобретается не столько удалением от людей, сколько добродетелью терпения. Если терпение будет твердо укреплено, то может сохранить нас мирными даже и с ненавидящими мир; если же не будет оно приобретено, то постоянно будем в несогласии даже и с совершенными и лучшими нас. Ибо случаи смущений, из-за которых спешим оставить тех, с которыми имеем соотношение, не могут не быть в сообращении с людьми, и потому не избегаем, а только переменяем причины печали, по которым уклоняемся от первых (людей) (прп. Иоанн Кассиан, 57, 116).

***

...Как начало нашего обращения и веры, так и терпение в страданиях даруются нам от Господа (прп. авва Пафнутий, 57, 218).

***

...Терпение, с коим подъемлются находящие искушения, состоит не столько в нашей крепости, сколько в милосердии и утешении Божием... (прп. авва Пафнутий, 57, 220).

***

...Каково то, что мы иногда считаем себя терпеливыми, потому что, оскорбляемые, презираем отвечать, но возмущенным досадною молчаливостию братиям выражаем насмешку движением и действием язвительным, так что молчаливым видом еще более возбуждаем их на гнев, нежели

как могли бы раздражить сердитые злословия, и считаем себя менее виновными перед Богом, потому что устами не произнесли ничего такого, что на суде человеческом могло бы навлечь замечание или осудить нас? Как будто у Бога вменяются в вину только слова, а не воля особенно, и вменяется в порок только дело греха, а не желание и намерение, или на суде будет исследовано только то, что всякий сделал словом, а не то, что старался сделать молчанием. Ибо не одно качество причиненного возмущения, но и намерение раздражающего виновно. И потому на праведном суде нашего Судии будет спрошено не то, как возбудилась ссора, а по чьей вине возгорелась, и будет взято в рассмотрение расположение ко греху, а не образ совершения его. Ибо какая разность в том, мечом ли кто сам убил брата, или каким-либо обманом довел его до смерти, когда известно, что тот погиб по его обману или вине? Как будто достаточно не толкать своею рукою слепого в пропасть, тогда как так же виновен и тот, кто наклонившегося и уже падающего в яму презрел, когда мог бы поднять его; или как будто тот один виновен в преступлении, кто своею рукою поймал кого-либо в сеть, а не тот, кто приготовил или растянул сеть, или по крайней мере не хотел отнять ее, когда мог. Итак, нет никакой пользы молчать таким образом, если мы выказываем молчание для того, чтобы делать молчанием то, что можно было сделать злословием, производя такие действия, которыми и тот, кого следовало бы нам уврачевать, воспламеняется сильнейшим гневом, и мы, сверх всего этого, хвалимся вредом его и погибелью; как будто мы от этого самого не становимся еще виновнее, что захотели приобрести себе славу от погибели брата. Такое молчание одинаково будет вредно тому и другому, потому что как увеличивает скорбь в сердце другого, так не допускает прекратиться и в его собственном <...> Часто притвор-

ное терпение сильнее воспламеняет гнев, нежели слово, и лукавая молчаливость превосходит оскорбления колкими словами, и легче переносятся раны врагов, нежели коварные ласки льстецов... (прп. авва Иосиф, 57, 459—460).

***

Не неизвестен нам род безрассудства, который скрывается в некоторых братиях под личиною притворного терпения, для которых мало того, чтобы произвести ссору, они еще подстрекательными словами раздражают, чтобы их ударили; когда получат легкий удар, то подставляют другую часть тела для удара, как будто этим совершеннее исполнят заповедь Евангелия: если *кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую* (Мф. 5, 39). Они вовсе не знают силы и намерения Священного Писания, потому что думают, что будто они упражняются в евангельском терпении по страсти гнева. Для совершенного пресечения этого запрещается не только взаимное мщение и вызывание на побои, но и повелевается гнев бьющего укрощать перенесением удвоенной обиды (прп. авва Иосиф, 57, 461).

***

Истинного терпения и благодушия ни приобресть, ни сохранить нельзя без сердечного смирения. Если оно будет происходить из этого источника, то не будет иметь нужды ни в пособии кельи, ни в удалении в пустыню. Ибо оно не нуждается во внешних пособиях, когда внутри основывается на добродетели смирения, т. е. родительницы и охранительницы его. Если же мы возмущаемся от оскорблений других, то значит, что в нас нет основания смирения, прочно утвержденного; посему здание наше сотрясается и от малой бури до опасности падения. Ибо не то терпение быва-

ст похвально и удивительно, если неуязвляемо никакими стрелами врагов будет сохранять спокойствие; но то будет славно, когда при нападении на него бури искушений останется непоколебимым. Ибо чем более кто удручается и сокрушается несчастьями, тот тем лучше укрепляется и тем более изощряется, чем более ударов получает. Ибо всякий знает, что терпение состоит в перенесении страданий, и терпеливым должен называться только тот, кто без ропота переносит все наносимые ему оскорбления (прп. авва Пиаммон, 57, 506).

***

...Для приобретения постоянного и твердого терпения надобно постоянно и непоколебимо держаться той мысли, что нам, которым законом Божиим запрещается не только мщение за обиды, но и злопамятность, под предлогом вреда или оскорбления нельзя возмущаться гневом. Ибо какая потеря может приключиться душе важнее, как через внезапное ослепление от возмущения лишившись истинного и вечного света, быть удаленным от созерцания Того, Кто кроток и смирен сердцем? Что, спрашиваю, гибельнее или что безобразнее, как лишиться суждения, правила честности, правой рассудительности и в здравом смысле и трезвому делать то, чего без вины не допустил бы даже и пьяный и лишившийся смысла? Итак, кто взвесит этот и другой, тому подобный, вред от гнева, тот не только все роды ущербов, но и обиды и наказания, какие могут быть нанесены от жестоких людей, терпеливо перенесет, рассуждая, что нет ничего вреднее гнева, драгоценнее спокойствия души и всегдашней чистоты сердца, для которой должны быть пренебрегаемы выгоды не только плотских вещей, но и тех, которые кажутся духовными, если иначе не могут быть приобретены или совершены, как с нарушением этого спокойствия (прп. авва Иоанн, 57, 527).

***

...Мужественно потерпи человека неразумного; ибо приятно сохранять равнодушие при людях не мудрых тому, кто мудр о Господе (прп. Исидор Пелусиот, 61, 187).

***

Кто хочет одержать блистательную победу, тому надлежит не только мужественно переносить оскорбления и обиды, но даже обижающему уступать больше, нежели что хочет он взять, и избытком собственной своей щедрости простираться за пределы лукавого его пожелания. А если кажется это тебе странным, то решение на это принесем с небес и оттуда прочтем этот закон. Не сказал Спаситель: *аще тя кто ударит в десную ланиту* (Мф. 5, 39), перенеси это мужественно и успокойся (и без заповеди исполняли это иные прославившиеся любомудрием и водившиеся в жизни законом врожденным), но присовокупил повеление — подставлять ударяющему и другую ланиту с готовностью принять удар. Вот блистательная победа! Первое любомудренно, а последнее преестественно и небесно (прп. Исидор Пелусиот, 61, 285—286).

***

...Переноси сие <поношение> великодушно, представляя в уме, что делано было иудеями со Владыкой, когда самая земля содрогалась и колебалась, как бы стараясь убежать, чтобы не видеть того, на что отваживались против Бога, хотя касались плоти (прп. Исидор Пелусиот, 61, 395).

***

Царь всего премирного и земного сошел с небес и принес нам знамения небесного жития, которые и предложил

на борьбу, противоположную олимпийским ратоборствам. Ибо там увенчивается кто наносит удары и одолевает, а здесь удостоивается провозглашения кто приемлет и терпит удары. Там за удар воздающий ударом, а здесь подставляющий и другую ланиту восхваляется на ангельском зрелище, потому что победою признается не отмщение, но любомудрие. Новый это закон венцов, потому что новый способ борений (прп. Исидор Пелусиот, 62, 175).

***

Тех, которые не хотят переносить обиды любомудренно, два побуждения должны обратить к любомудрию: первое, что обидчиков ничто так не печалит, как уступчивость обиженных; и второе, что ничем не можно так наказать их, как добродетельным житием... Посему если тот, кто упражняется в добродетели и ведет себя уступчиво, наносит врагам самые решительные удары, то почему же не ценим высоко сих предохранительных оружий? А если кто уделяет прощение низложенным ненавистью, и молится о том, чтобы избавились они от этого безумия, и не только не хочет мстить, но даже оказывает сострадание к отдавшимся в плен пороку, то он действительно умеет... любомудрствовать (прп. Исидор Пелусиот, 62, 220).

***

Большая часть людей невольно терпеть худое почитают величайшим признаком недостатка в мужестве, а произвольно допускать, чтобы обижали нас, — признаком кротости и любомудрия. А умеющие правильно судить о делах, лучше же сказать, верующие в Священное Писание, и невольно терпящего обиду, но переносящего это любомудренно, не лишают ни наград ни похвал, наипаче же по приго-

вору <апостола> Павла, который говорит: *и разграбление имений ваших с радостию приясте, ведяще имети себе имение на небесех пребывающее и лучшее* (Евр. 10, 34). Если же скажешь: что мог бы сделать обижаемый сильнейшим? — Отвечу: кричать, браниться, проклинать, волочить по судам и не давать покоя. Посему, кто может сделать все это, но не делает, того справедливо будет если не включить в число произвольно избравших для себя, чтобы их обижали, то сопричислить к ним. Если же надлежит усилить доказательство и выразиться с точностью, то, может быть, такой и превзойдет их. Ибо им желание потерпеть обиду приносит великое утешение; потому что и не терпели бы обиды, если бы не захотели. А кто не хотел, но вытерпел и не сделал ничего такого, чем бы мог отмстить обидевшему, тому, как показавшему опыт крайнего любомудрия, да сплетен будет венец более светлый (прп. Исидор Пелусиот, 62, 257).

***

...Справедливое дело — не быть обиженным, но дело любомудренное — обиженному переносить сие терпеливо (прп. Исидор Пелусиот, 62, 326).

***

Весьма точно знаю, что переносить оскорбления и обиды — и здесь доставляет нам доброе о нас мнение, и там принесет наивеличайшую похвалу. А что быть признательным к тому, кто обижает и оскорбляет и тем как бы побуждает к большему любомудрию, особенно когда, делая это часто, величается тем (не хочу сказать, будто бы из чужих бедствий намереваюсь соплетать себе венцы), — это дело самое великое... (прп. Исидор Пелусиот, 63, 389).

***

Кто переносит печальное, тот сподобится и радостного; и кто терпит неприятности, тот не будет лишен и приятного (прп. Нил Синайский, 72, 190).

***

Если чем обижен, прибегай к терпению, и вред перейдет на обидевших (прп. Нил Синайский, 73, 239).

***

В терпении упражняйся и прежде нужды, чтобы в нужде всеоружие его найти готовым (прп. Нил Синайский, 73, 242).

***

Терпеть зло — блаженное дело... ибо кто терпит, тот наследник Христов... (прп. Нил Синайский, 73, 250).

***

Терпи скорби, потому что в них, как розы в терниях, зарождаются и созревают добродетели (прп. Нил Синайский, 73, 275).

***

Иисус Христос пострадал как человек и повелел терпеть нам как Слово и Советодатель (прп. Нил Синайский, 73, 348).

***

<Терпение> есть мир во время браней, тишина во время бури, безопасность среди наветов и опасностей... (прп. Нил Синайский, 74, 227).

***

...Сам диавол, ополчившийся со всем своим воинством и злоухищрением, не возможет повредить тому, кто о Христе приобрел терпение (прп. Нил Синайский, 74, 227).

***

Что тверже и сильнее терпения, разумею терпение по Богу, — эту царицу добродетелей, основание доблестных дел, неволненную пристань? (прп. Нил Синайский, 74, 227).

***

...При терпении, где и не ожидали, обретем утешение (прп. Нил Синайский, 74, 247).

***

...Мы возвеселимся за то, что ныне были смиряемы и подвергались бесчисленным озлоблениям (прп. Нил Синайский, 74, 259).

***

Перенести же с кротостью и любомудрием какое-либо тяжкое и неожиданное бедствие выше всех преспеяний и даже самой милостыни (прп. Нил Синайский, 74, 381).

***

Если не вооружится кто прекрасным терпением, то делается удоболовимым для сатаны... (прп. Нил Синайский, 74, 382).

***

Но иди путем терпения, переноси благодушно неправые потери в имуществе, благодари за обесчещение, — и вот ты ученик святых апостолов... (прп. Зосима, 92, 114).

***

Не всем принадлежит терпеть бесчестие за имя Христово, не всем, но только святым и чистым... дело же подобных нам людей есть с благодарностью принимать бесчестие, исповедуя, что справедливо терпим за худые дела наши (прп. Зосима, 92, 114).

***

Никто не может причинить вред верной душе; но все, что ни постраждает она, вменится ей во благо (прп. Зосима, 92, 119).

***

Верный, при всех тягостях своих пребывающий верным, и с уверенностью чающий воздаяний за терпение свое, — великое из того почерпает утешение; а неверный, не имеющий веры получить что от Господа, какое может иметь утешение? Сидит и тлеет в помыслах, хотя малое встретит что скорбное, разглагольствуя в себе: он мне сказал; но и я имею нечто сказать ему, — злопамятствует и замышляет вещи невозможные, которых он совсем бессилен произвести в дело (прп. Зосима, 92, 119—120).

***

Обижаемый людьми избегает греха и получает равное скорби заступление (прп. Марк Подвижник, 70, 12).

***

Муж долготерпеливый изобилует разумом, равно как и преклоняющий слух свой к словам премудрости (прп. Марк Подвижник, 70, 21).

***

Когда потерпишь какое-либо бесчестие от людей, разумей, что это послано от Бога к славе твоей... когда она придет, будешь верен и избежишь осуждения (прп. Марк Подвижник, 70, 34).

***

Страх геенны и любовь Царствия подают терпение в скорбях (прп. Марк Подвижник, 70, 42).

***

Если хотим легко претерпеть всякую скорбь и искушения, то да будет для нас вожделенной и всегда перед очами нашими преднаписуемой смерть за Христа (прп. Марк Подвижник, 70, 453).

***

Доброе убо есть дело претерпевать насилие от хотящих онеправдовать нас, и молиться о них, чтобы ради их покаяния, а не ради возвращения ими нам того, что они у нас похитили, отпущено было им прегрешение лихоимства. Ибо правда Божия хочет, чтобы мы самого лихоимца, а не олихоимствованное им некогда прияли свободным от греха через покаяние (блж. Диадох, 92, 42).

***

С благою волею претерпи и уничижение и смирение, чтобы иметь тебе дерзновение перед Богом (прп. Исаак Сирин, 59, 277).

***

...Кто со смиренномудрием терпит взводимые на него обвинения, тот достиг совершенства, и ему удивляются святые ангелы (прп. Исаак Сирин, 59, 292).

***

Кто хочет преуспеть в сей добродетели, т. е. терпеть обиду и быть великодушным, тому нужно удалиться от своих родных и соделаться странником, потому что в отечестве своем невозможно преуспеть в этой добродетели. Одним великим и сильным свойственно переносить страдания ее среди родных... (прп. Исаак Сирин, 59, 301).

***

Без отвращения сноси зловоние от недужных и особливо — убогих: потому что и ты обложен телом (прп. Исаак Сирин, 59, 308).

***

...Покажи врагу терпение свое и опытность свою в малом, чтобы не искал у тебя великого (прп. Исаак Сирин, 59, 372).

***

Терпение есть матерь утешения и некая сила, обыкновенно порождаемая широтою сердца (прп. Исаак Сирин, 59, 385).

***

По мере смиренномудрия дается... терпение в бедствиях... (прп. Исаак Сирин, 59, 385).

***

Если терпение возрастает в душах наших — это признак, что приняли мы в тайне благодать утешения. Сила терпения крепче радостных мыслей, овладевающих сердцем (прп. Исаак Сирин, 59, 403).

***

Не тогда можем мы называться терпеливыми, когда мужественно переносим поругание от отца <духовного>, но когда от всякого человека и презрения, и уязвления переносим с терпением, ибо от отца мы все сносим из почтения, стыдясь, и по долгу нашему (прп. Иоанн Лествичник, 58, 47).

***

...Поистине дело великих — терпеть поругания от своих. Но да не приводит вас в ужас сказанное мною; никто никогда не мог одним шагом взойти на верх лестницы (прп. Иоанн Лествичник, 58, 177).

***

Если ты приобретешь жезл терпения, то адские псы скорее перестанут бесстыдствовать перед тобою (прп. Иоанн Лествичник, 58, 229).

***

Терпеливый есть непадающий делатель, который и через падения одерживает победу (прп. Иоанн Лествичник, 58, 229).

***

Терпение есть предназначение себе и ожидание ежедневной скорби (прп. Иоанн Лествичник, 58, 229).

***

...Верхом терпения справедливо называется то, если человек, находясь в утеснении, считает себя имеющим отраду (прп. Иоанн Лествичник, 58, 243—244).

***

...Глубина долготерпения показывается в человеке, когда он пребывает в равном спокойствии: и в присутствии, и в отсутствии злословящих (прп. Иоанн Лествичник, 58, 244).

***

Где является страх геенны, там терпение всяких трудов и скорбей (прп. Иоанн Лествичник, 58, 259).

***

Переноси терпеливо удары печальных и душераздирательных случайностей, ибо таковыми очистить тебя хочет Божие промышление (авва Фалассий, 92, 292).

***

Терпение есть трудолюбие души (желание преутруждать душу); где же есть такое трудолюбие, там изгнано сластолюбие (авва Фалассий, 92, 301).

***

Благодушное перенесение страшных напраслин рождает незлобие; терпение же до конца искореняет из души все худое (авва Фалассий, 92, 304).

***

Терпение стоит на душевном желании самоутруждения, состоит же оно в подъятии произвольных трудов и невольных искушений (авва Фалассий, 92, 304).

***

Кому дарована вера, от того требуется воздержание, которое, утвердившись, рождает терпение, поддерживающее трудолюбивый навык (авва Фалассий, 92, 314).

***

Прославляет Бога в себе... тот... кто ради Бога из-за заповедей терпеливо переносит страдания и труды (прп. Максим Исповедник, 92, 243).

***

Страждущий за попрание Божией благодати, если познает цель врачующего его Божественного промышления, то и случившуюся прискорбность с благодарностью приемлет, радуясь, и грех, за который наказуется, охотно исправляет, а кто нечувствительным остается к таким врачевательным намерениям, тот и данной ему благодати праведно лишается и предается смятению страстей, оставлен будучи в дело приводить то, к чему внутри имел расположение и стремление (прп. Максим Исповедник, 92, 261—262).

***

Долготерпелив тот, кто ждет до конца искушения и получает похвалу за претерпенное (прп. Максим Исповедник, 92, 314).

***

Кто благодушно переносит... злострадания... тот настоящий делатель Божий... (прп. Феодор Студит, 93, 40).

***

Переносите же мужественно все тяжелое и прискорбнос, и будьте во всем воздержанны (прп. Феодор Студит, 93, 80).

***

...Если порвется... крепость терпения, поскорее исправляйте это через восстановление силы ума (прп. Феодор Студит, 93, 138).

***

...Будем перенося переносить благодушно все трудное и неприятное, чтобы по правде петь с Давидом: *терпя потерпех Господа...* (Пс. 39, 2) (прп. Феодор Студит, 93, 163).

***

Держитесь терпения, подъемля всякий труд в делах рук ваших... и во всяком... мастерстве и послушании (прп. Феодор Студит, 93, 215).

***

...Блаженны вы и треблаженны, претерпевая все... ради Бога (прп. Феодор Студит, 93, 292).

***

...Если здесь <на земле> не потерпим тесноты и не постенаем, то не встретим простора и веселия и в будущем веке (прп. Феодор Студит, 93, 299).

***

...Терпение есть величайшая из добродетелей добродетель; за терпение мученики украшены небесными диадемами... (прп. Феодор Студит, 93, 466).

***

Вращаясь в кругу... добродетелей, душа делает недосязаемым для стрел искушений свое охранилище, которое есть терпение (прп. Илия Екдик, 92, 424).

***

...Бог наш не именуется Богом праздного бездействия и утех, а Богом терпения и долготерпения. Он действенно производит терпение и благодушие в тех, кои предают Ему себя самих, чтобы они одержали победу дивную и новую, подобную той, какую одержал Христос Господь. Быв распят и вкусив смерть, Он победил убийц Своих и мир и теперь уделяет от победной силы Своей и тем, которые страждут за Него и через них побеждает снова тех же убийц и мир. Сие таинство надобно знать всякому христианину, чтобы не оказался кто всуе верующим во Христа, яко не ведающий таинства христианства (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 331).

***

Если... он <христианин> забудет о благодати и подумает, что сам своею силою вынес бремя испытания и терпения, а не силою благодати Божией, то теряет благодать и остается обнаженным от нее, и диавол, находя его обнаженным от Божественной благодати, помыкает им, куда хочет и как хочет... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 331).

***

Верующий без роптания переносит всякое искушение, будучи уверен, что за такое терпение получит венец нетленный... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 436).

***

...Говорит Господь: *В терпении вашем стяжите души ваши* (Лк. 21, 19). — Не сказал: в посте вашем, или в бдении вашем. Терпение же... разумею то, которое бывает по Богу, и есть царица добродетелей и основание мужественных доблестей. Оно есть само в себе — мир в бранях, отишие в бурю и непоколебимое утверждение для стяжавших его. Кто стяжал его во Христе Иисусе, тому не могут вредить ни оружия, ни копья, ни воинства напускаемые, ни самое полчище бесов, ни фаланги сопротивных сил (прп. Григорий Синаит, 94, 195—196).

***

Хотя терпение следует само собою за любовью, ибо *любы вся покрывает* (ср.: 1 Кор. 13, 7), но мы научаемся с самопринуждением добре совершать дело терпения, чтобы через него достигнуть любви (свт. Григорий Палама, 94, 295).

***

Всякую же беду, находящую совне, принимай мужественно, потому что она дает повод к спасительному терпению, за которое на небесах дарованы будут покой и отрада (Феолипт, митр. Филадельфийский, 94, 175).

***

Приобрети терпение — этот непоколебимый столп души против находящих на тебя напастей (прп. Максим Грек, 69, 13).

***

По отношению ко всемогущей и всесвятой воле Божией не может быть иных соответствующих чувств в человеке, кроме неограниченного благоговения и столько же неограниченной покорности. Из этих чувств, когда они сделаются достоянием человека, составляется терпение (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 331).

***

Христианин, желающий быть последователем Господа нашего Иисуса Христа, и соделаться по благодати сыном Божиим, рожденным от Духа, прежде всего должен положить себе за правило... благодушное терпение всех скорбей: и телесных страданий, и обид от человеков, и наветов от демонов, и самого восстания собственных страстей своих (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 350).

***

Желающий умереть за Христа какой напасти, какого оскорбления не претерпит великодушно? (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 354).

***

Терпеливое несение креста своего есть истинное зрение и сознание греха своего. В этом сознании нет никакого самообольщения (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 356—357).

***

В постоянном уповании на Бога надо великодушно претерпевать скорби от страстей, возникающих из падшего естества, от братий — человеков, от врагов — демонов... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 518).

***

Тот только может узреть плод Духа на древе души своей, кто возлелеял этот плод святый, нежный, многим и мужественным терпением!.. (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 9).

***

Место и жизнь бесскорбные — когда сердце обрящет смирение и смирением войдет в терпение (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 50).

***

Крест — терпение в Господе всех огорчений и напастей, которые будут попущены Промыслом Божиим (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 106).

***

Терпение скорбей с благодарением Богу, с признанием себя достойными скорби, с признанием попущенной скорби именно тем спасительным врачевством, в котором нуждаемся для исцеления, есть знамение истинного покаяния (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 298).

***

Благодушное терпение скорбей есть деятельное, живое сознание своей греховности! Благодушное терпение скорбей

есть деятельное, живое познание и исповедание Искупителя! Благодушное терпение скорбей есть последование Господу нашему Иисусу Христу (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 371).

***

Признайте и исповедуйте Бога правителем мира; благоговейно с самоотвержением покоритесь и предайтесь воле Его: из этого сознания, из этой покорности прозябнет в душах ваших святое терпение (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 85).

***

Взятие креста своего, т. е. благодушное терпение скорбей, основывается на самоотвержении. Без самоотвержения оно невозможно... Самоотвержение основывается на вере во Христа. Этот закон духовный предъявлен Христом (см.: Мф. 17, 24) (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 151).

***

Опытный земледелец не предается унынию и малодушию, когда увидит, что нива его покрывается плевелами: с терпением, постоянством и трудом он исторгает и исторгает их (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 435).

***

Совершенство терпения — благодушно терпеть, а паче с радостью, и благодарить Бога за обстоятельства, терпеть заставляющие, как за благо прямое и существенное (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 214).

***

Восставьте веру, что, терпя напраслину, вы причастными становитесь чина мучеников, и радуйтесь тому (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 214).

***

Терпение во всяком деле и во всяком служении требуется, и без него нигде ни в чем успеха не бывает (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 10).

***

Поминайте положение мучеников, которые иногда, будучи измучены, оставляемы были в темнице на несколько лет, — на пять, десять, двадцать. Но покорно терпели и благодушествовали, имея рай перед глазами... за терпение (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 114).

***

Что для вас особенно потребно — есть терпение благодушное и Богу покорное. Как только покажется в вашей душе такое расположение, тотчас вы вступите на путь спасения — в рай (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 114).

***

Терпеть все тяжело, что ни случится терпеть... Между тем сильнее восставляйте веру, что все от Господа... Он единое имеет в намерении — спасение наше. Принимайте же все как живительное врачевство, хотя и горькое, но полезное (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 203).

***

...Колесница, на коей туда <в Царствие Небесное> достигают, есть терпение. А терпеть как, когда нет прискорбностей? Вот они и посылаются (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 9).

***

Мирное терпение — могущественное средство (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 42).

***

Ударение в ланиту не буквально только надо понимать... <но> всякий вообще поступок ближнего, которым, как нам кажется, не отдано нам должного внимания и почета, которым чувствуем себя униженными, от которого страдает... гонор наш (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 235).

***

...Если мелочи... не умели мы перетерпеть, куда же потерпеть нам больше? (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 235).

***

...Надо всякий случай неприятный претерпевать, не пропуская, и претерпевать с радостью, без нарушения мирных отношений (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 235).

***

Первый предмет терпения есть — терпение себя, хотя никто почти не обращает на это внимания... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 43).

***

Ни один акт терпения не пропадает даром, но всякий имеет позади себя свою награду или здесь, или там (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 151).

***

Терпение всюду потребно, как воздух для дыхания и соль для пищи... (свт. Фсофан, Затв. Вышенский, 84, 161).

***

Терпением все можно преодолеть (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 51).

***

Неизбежно переходить со ступени на ступень и идти шаг за шагом. Оттого основной характер жизни терпение — терпение труда делания и преодоления трудностей (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 69).

***

Терпение в жизни что фон в картине: всюду оно требуется. Но настоящее терпение есть дар Божий и подается ищущим и, хоть через силу, напрягающимся удерживать его при смущениях, неурядицах и нападках (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 207).

***

Дух истинного терпения — предание себя в волю Божию всецело, с готовностью все принимать как от руки Господней... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 207).

****

Некоторый старец безмолвствовал в пустыне. Келья его стояла далеко от воды, за двадцать миль. Однажды, идя за водой, он устал и подумал: «Что за нужда мне переносить этот труд? Перемещусь и буду жить близ этой воды». Когда он так размышлял, то оглянулся назад и увидел кого-то, следующего за ним и отмечающего следы. Старец спросил его: «Кто ты?» «Я — Ангел Господень, — отвечал тот, — послан исчислять шаги твои, чтобы за каждый шаг ты получил мздовоздаяние». Старец, услышав это, немедленно укрепился духом и уже терпеливо переносил отдаленность своей кельи от воды (107, 493).

***

Сказал некий старец: «Когда попустится искушение человеку, то со всех сторон умножаются напасти». При этом старец рассказал следующее: «Один брат безмолвствовал в келье, и нашло на него искушение: никто не хотел принимать его в келью к себе: если кто встречался с ним, отворачивался и на приветствие не отвечал; если же он нуждался в хлебе — никто не давал ему. Когда возвращались братия с жатвы, никто не приглашал его, как это было в обычае, к трапезе. Однажды он пришел с жатвы, и не было у него ни одного хлеба в келье; но брат принес, как приносили во всех подобных случаях благодарение Богу. Бог, видя терпение его, отъял искушение, и вот кто-то постучался в двери. Это был неизвестный человек из Египта, он привел верблюда, навьюченного хлебами. Брат, увидя это, заплакал и сказал: «Господи! Недостоин я потерпеть и малой напасти». По прошествии искушения братия вновь стали приветливыми к нему и в кельях, и в церкви и начали приглашать к себе для утешения пищей» (107, 485—486).

***

Братия пришли к одному старцу, безмолвствовавшему в пустынном месте, и увидели вне монастыря мальчиков, которые пасли скот и очень громко кричали. Повидавшись со старцем, исповедав ему свои помышления и, ощутив душевную пользу от его наставления, братия спросили его: «Авва! Почему ты позволяешь этим мальчикам быть близ тебя и кричать?» Старец отвечал: «Поверьте мне, братия, бывают дни, что порываюсь запретить им, но останавливаю себя, думая, что если я не снесу этого малого беспокойства, то как снесу большие искушения, если попустит их Бог на меня? По этой причине ничего не говорю им, чтобы укрепился во мне навык терпеливо переносить случающееся» (107, 516—517).

***

Авва Иеракс жил в Нитрийской пустыне. Однажды пришли к нему бесы в образе ангелов; искушая его, они сказали ему: «Еще пятьдесят лет тебе жить: как выдержишь такое продолжительное время в этой страшной пустыне?» Он отвечал им: «Огорчили вы меня, назначив мне жить немного лет: я приготовился к терпению на двести лет». Услышав это, бесы убежали, испуская вопли (107, 304).

***

О святом авве Пиоре и о его терпении рассказывали братия: «На месте, где он жил, авва Пиор выкопал колодец и нашел воду самую горькую; но, несмотря на это, оставался там до самой смерти и употреблял только эту горькую воду; и в этом-то открылось терпение этого мужественного воина Христова. Многие из монахов, мужи опытнейшие, по смерти Пиора хотели остаться в его келье, но не могли

прожить и одного года. Ибо там и вода чрезвычайно горька, и место очень страшно и лишено всяких удобств жизни».

Таковы были дивные чудеса аввы Пиора, крепкого столпа терпения, и таков конец добродетели его; за горькую воду он теперь с великою духовною радостью вкушает из вечного потока сладости (102, 227—228).

***

Один из старцев заболел и в течение многих дней не мог употреблять никакой пищи. Ученик его убедительно просил его, чтобы он позволил приготовить для него немного киселя. Старец согласился. У них был сосуд с медом и другой подобный сосуд с маслом льняным. Масло это уже испортилось и не годилось ни для какого употребления, разве для лампады. Брат же по ошибке положил в приготовленную им пищу масло, полагая, что кладет мед. Старец отведал и, не сказав ничего, молча стал есть. Когда была подана третья порция, старец сказал ученику: «Сын, я не хочу более есть». Ученик, желая, чтобы он еще поел, сказал: «Авва, кисель хорош, и я поем его». С этими словами он отведал и понял сделанную им ошибку. Брат пал к ногам старца, говоря: «Увы мне, авва! Я убил тебя!» Старец отвечал ему: «Не огорчайся, если бы благоугодно было Богу, чтобы я вкусил хорошей пищи, то ты положил бы меду, а не того, что положил» (107, 457—458).

***

Один брат, живший в Келлиях, возмущался от уединения. Пошел он к авве Феодору Фермейскому и рассказал ему это. Старец сказал ему: «Пойди, усмиряй свои помыслы, неси послушание и живи с другими». Он ушел в гору и жил там с людьми. Но потом опять пришел к старцу и

сказал: «Не нахожу покоя и среди людей». Старец отвечал ему: «Если ты ни один, ни с другими не находишь покоя, то зачем ты пошел в монашество? Не для того ли, чтобы переносить скорби? А сколько лет, скажи мне, находишься ты в монастыре?» «Восемь лет», — отвечал брат. Старец сказал ему: «Я уже семьдесят лет в иноческом образе все терплю и ни один день не находил покоя, а ты через восемь лет хочешь иметь покой!» (99, 20—21).

***

Некто Стефан, родом из Ливии, около шестидесяти лет жил между Мармарикою и Арестом. Достигнув высокого совершенства в подвижничестве и в познании сердца человеческого, он удостоился такой благодати, что всякий, у кого была какая-нибудь печаль, побеседовав с ним, отходил от него уже без печали. Аммоний и Евагрий рассказывали о нем следующее: «Пришли мы к нему в такое время, когда у него открывалась в самом опасном месте ужасная болезнь — рак. При нас лечил его какой-то врач. Предоставив в его распоряжение свое тело, святой муж работал руками, плел корзины и разговаривал с нами. При отсечении зараженных частей, он оставался неподвижен и проявлял такое терпение, как будто резали чье-нибудь чужое тело или как будто у него отсекали не члены, а волосы, казалось, он совсем не чувствовал боли. Так укрепляла его помощь Божия! Когда же мы об этом скорбели и недоумевали о том, что муж такой высокой жизни впал в тяжелую болезнь и подвергался лечению, блаженный Стефан, уразумев наши помыслы, сказал нам: «Не соблазняйтесь этим, дети, Бог ничего не делает ко вреду, но все для нашей пользы. Видно, Господь нашел эти члены достойными наказания, а в таком случае лучше им здесь пострадать, нежели по отшествии из этой жизни». Так вразумив нас и этими

словами укрепив в терпении, он научил нас мужественно переносить скорби» (102, 101—103).

***

Авва Павел Комит и Тимофей, его брат, жили в Скиту и по разным случаям ссорились друг с другом. Авва Павел говорит однажды: «Долго ли нам жить так?» Авва Тимофей отвечает: «Сделай любовь — когда я буду оскорблять тебя, потерпи меня, а когда ты станешь оскорблять меня, то я буду терпеть». И так делая, они были покойны в остальные дни (99, 50).

***

Меньший брат аввы Пимена завел знакомство с некоторыми монахами из других келий, в противность желанию Пимена. Пимен пошел к авве Аммону и сказал ему: «Мой брат Паисий завел знакомство с посторонними лицами, отчего я не имею покоя». Авва Аммон отвечал ему: «Пимен! И еще ли ты жив? Пойди, терпи, пребывай в келье твоей и имей в сердце твоем, что протек уже год, как ты в могиле» (107, 319).

***

Некий брат жил в общежитии в послушании и был любим пятью братиями, а не любим только одним. Вследствие нерасположения этого брата он вышел из того монастыря и перешел в другой. Здесь возлюбили его восемь братий, а два возненавидели. Он вышел из этого монастыря и вступил в третий, в котором семь братий были расположены к нему, а пять нерасположены. Брат убежал и оттуда. Он пришел еще к одному монастырю и прежде, нежели войти в него, сел и стал рассуждал сам с собою: «Если я буду повиноваться своему помыслу, то не хватит мест во вселенной

для перемещений моих, почему отныне даю обещание все терпеть». Потом он вынул бумагу и написал на ней: «Ты вышел из нескольких монастырей, не терпя ропота и укорений; здесь будут делать тебе неприятностей больше, нежели в тех монастырях. Вспомни все побудившее тебя уйти; все это ты найдешь и здесь: будешь ли терпеть?» В ответ он написал: «Во имя Иисуса Христа, Сына Божиего, буду терпеть». Записку он свил в свиток, вложил в свой пояс и, помолившись, вошел в монастырь.

По прошествии некоторого времени он услышал о ропоте братий на него; огорчившись, брат вынул записку и прочитал написанный в ней обет свой: «Во имя Иисуса Христа, Сына Божиего, буду терпеть». При этом он говорил себе: «Ты дал обещание Богу, проси же у Него помощи». Таким образом брат получал утешение. Невидимый враг, возмущенный терпением брата, внушил прочим монахам мысль узнать, что же он читает так утешающее его. Они начали говорить: «Пришелец — монах-волшебник». Вскоре они пошли к игумену и сказали: «Мы не может жить с этим братом: он колдун, носит в поясе обаяние; если хочешь оставить его в монастыре, то отпусти нас». Игумен был муж духовный и, зная смирение брата, он понял, что все было сказано по зависти, внушенной диаволом, и потому отвечал монахам: «Пойдите помолитесь, и я помолюсь, а по истечении трех дней дам ответ вам».

Как-то ночью, когда брат спал, игумен расстегнул его пояс и прочитал записку, потом положил ее на место. По истечении трех дней монахи пришли к игумену и спросили его: «Скажи нам, как ты хочешь поступать с этим волхвом?» Игумен, обратился к братии и спросил: «В чем приносили вы жалобу на него?» Монахи отвечали: «Он волхв, у него в поясе колдовство». Брат отвечал: «Я согрешил, простите меня». Игумен сказал на это: «Возьмите у него кол-

довство его». Брат не хотел расстегивать своего пояса, но записку все-таки вынули. Игумен отдал ее диакону и велел прочитать вслух, говоря: «Да постыдится диавол, учащий человеков колдовству!» Когда же было прочитано написанное в записке: «Во имя Иисуса Христа, Сына Божиего, буду терпеть», тогда постыжены были братия. Они поклонились игумену до земли, говоря: «Мы согрешили, прости нас». Игумен сказал им: «Что кланяетесь вы мне? Поклонитесь Богу и поклонитесь в ноги брату этому». А брату сказал: «Помолись Богу за них, чтобы им прощен был этот грех» (107, 432—434).

***

Был в Скиту некий старец, сильный в телесном подвиге, но несведущий в рассматривании помыслов. Он пошел к авве Иоанну Колову спросить его о недуге забвения. Выслушав наставление, старец возвратился в свою келью и забыл сказанное ему аввою Иоанном. Опять пошел он к авве, спросил его о том же, выслушал то же поучение, возвратился в свою хижину и опять забыл сказанное ему. Таким образом много раз ходил он к Иоанну и каждый раз по возвращении был побеждаем забвением. После этого, увидевшись со старцем, он сказал ему: «Знаешь ли, авва, я опять забыл, что говорил ты мне, но чтобы не беспокоить тебя, я уже не приходил к тебе». Тогда авва Иоанн ответил ему: «Зажги свечу». Он зажег. Авва Иоанн сказал ему: «Принеси еще других свечей и зажги от нее». Когда старец сделал это, авва Иоанн спросил его: «Убавился ли свет от первой свечи?» — «Нет». — «Если и весь Скит обратится ко мне, то не умалит благодати Христовой. Приходи ко мне, когда хочешь, без всякого сомнения». За терпение обоих Бог отъял забвение от сердца старца. Таков был образ действий скитских отцов: они споспешествовали преуспеянию тех,

которые стремились к нему и понуждали себя к добродетели (107, 291).

***

Двенадцать лет авва Иоанн Фивейский служил больному старцу авве Аммою. Хотя Иоанн много трудился для старца, но старец в течение всех двенадцати лет ни разу не сказал ему: «Спасайся». Когда же настало время кончины аввы Аммоя и собрались к нему старцы, он взял Иоанна за руку и сказал ему: «Ты спасен! Ты спасен!» И, обратившись к старцам, присовокупил: «Это ангел, не человек» (107, 67).

***

Один старец был подвергнут страсти пьянства. Ежедневно выделывал он по циновке и продавал ее, а деньги, вырученные за нее, пропивал. К старцу присоединился на жительство некоторый брат, который также выделывал по циновке ежедневно. Старец брал и эту циновку, продавал и пропивал деньги, а брату приносил самое малое количество хлеба уже поздно вечером. Так поступал старец в течение трех лет, и брат не говорил ему ничего. По прошествии трех лет брат подумал: «Я наг и терплю большой недостаток в хлебе, встану, уйду отсюда». Другое помышление говорило в нем: «Куда мне идти? Останусь здесь. Я вступил в общение со старцем ради Бога». Когда он помыслил это, немедленно явился ему Ангел Господень и сказал: «Никуда не ходи, потому что завтра придем за тобою». При наступлении назначенного дня брат просил старца: «Не уходи сегодня никуда, потому что за мною придут мои и возьмут меня». Когда настал час, в который старец имел обычай уходить в селение, он сказал брату: «Не придут сегодня, сын мой, потому, что уже поздно». Брат отвечал: «Непре-

менно придут», — и посреди эти переговоров брат мирно скончался. Старец заплакал, говоря: «Увы мне, сын мой! Много лет живу я в нерадении, а ты в короткое время спас душу свою терпением». С этого дня старец начал весьма трезвую и добродетельную жизнь (107, 520—521).

***

Близ Александрии жил один старец, отличавшийся самым неуживчивым характером. Один молодой инок, услышав о нем, сказал сам в себе: «Господи, много я грешен перед Тобою, но, чтобы загладить мои грехи, пойду к вспыльчивому старцу, буду работать ему и постараюсь с терпением переносить все, что он мне ни сделает». Как сказал инок, так и поступил; пошел жить к старцу, который досаждал ему каждый день. Бог, видя терпение инока, после шести лет его жизни со старцем показал ему следующее: увидел инок некоторого страшного мужа, который держал большой свиток и сказал иноку: «Вот, половину твоего долга Бог изгладил; позаботься, чтобы изглажено было и остальное».

Должно заметить, что неподалеку от инока жил другой прозорливый старец, который слышал всегда, как ворчливый старец сердился, постоянно оскорблял своего ученика и, несмотря на его мольбы, не прощал. И обыкновенно, когда прозорливый старец встречал молодого инока, то спрашивал: «Ну как, сын мой? Как прошел нынешний день? Не добыли ли мы чего сегодня? Не изгладили ли чего из свитка?» Молодой инок, зная прозорливость старца, ничего не скрывал от него и потому всегда отвечал: «Да, отче, немного потрудились». Когда же день проходил спокойно и инок не был ни оскорблен, ни заплеван, ни выгнан вон, тогда он с плачем говорил прозорливому старцу: «Горе, авва! Зол

был нынешний день, ибо в покое его провели и не добыли ничего».

Прошло еще шесть лет, и терпеливый инок скончался. После его смерти прозорливый старец увидел его причтенным к лику мучеников и молящимся о своем строптивом учителе. «Господи, — говорил инок, — как Ты помиловал меня ради моего старца, так и его, помилуй ради щедрот Твоих и ради меня, раба Твоего». И молитва отшедшего была услышана, ибо через некоторое время взял Господь и старца в место покойно. Вот какое дерзновение имеют к Богу те, которые ради Его скорби терпят (113, 858—859).

***

Один старец имел у себя доброго ученика, но по своему малодушию выгнал его из кельи и выбросил ему милоть. Брат не отходил от кельи и сидел за дверью. Старец, отворив дверь и, увидев его сидящим там, поклонился ему и сказал: «Отец мой! Долготерпеливое смирение твое победило мое малодушие. Войди сюда, и отныне ты будешь старцем и отцом, а я младшим учеником» (98, 245—246).

***

Ненавидящий добро диавол вложил некогда в сердце великого князя Иоанна Васильевича ненависть против брата своего Андрея Васильевича Угличского и чад его Иоанна и Димитрия. Он велел их скованных отправить в Переяславль, затем на Белоозеро и наконец в Вологду, где в темнице в цепях пробыли они многие годы.

Один из гонимых, благоверный князь Иоанн, вооружившись мужеством, не только сам без ропота сносил не-

заслуженное тяжкое наказание, но имел столько силы, что утешал еще и брата своего Димитрия и говорил ему: «Не скорби, брат, от темницы и от уз сих; это Сам Бог, желая подать полезное душам нашим, вложил в сердце дяди нашему так поступить с нами; воля Божия была устроить это для того, чтобы мы к свету сему суетному не прилеплялись. Помолимся же Господу, чтобы Он милость Свою нам послал и дал нам силы с радостью претерпеть нашу скорбь во имя Его и избавил нас ею от вечной муки».

Своим благоразумием и долготерпением князь Иоанн, проведший в узах тридцать два года, стяжал себе умиление и слезы, а затем перед смертью, приняв монашество, в темнице уже радовался и веселился, и, когда скончался, Господь прославил его: от тела его исходило благоухание, а мощи и доныне, приходящим с верою, подают исцеление (113, 696—697).

***

Лет сорок тому назад в больнице обители преподобного Сергия на смертном одре лежал иеромонах Артемий, который по своим дарованиям был истинным украшением Сергиевой обители. По неисповедимому Божиему Промыслу отец Артемий тяжко заболел. Все тело его покрылось ранами, так что даже белье на него надеть было невозможно. Он лежал на клеенчатом тюфяке, смазанном прованским маслом, и совершенно обнаженным. Его покрывала лишь одна простыня. Страдания отца Артемия в течение трех лет были неописуемы. На выражения ему со стороны братии искреннего сожаления он всегда с какой-то райскою улыбкою отвечал: «Нет, мне надо еще больше страдать за свое недостоинство перед Богом». Из его уст не слышны были никому жалобы на тяжесть креста. С покорностью воле

Божией он терпел свой крест до последнего своего вздоха и мирно скончался смертью праведника (115, 63).

ТЛЕНИЕ

...Люди, уклонившись от вечного и по совету диавола обратившись к тленному, сами для себя стали виновниками тления в смерти... (свт. Афанасий Великий, 1, 197).

***

...По природе они <люди> были тленны, но свойственного им по природе избегли бы по благодати, как причастники Слова, если бы пребыли добрыми; по причине сопричастного им Слова не приблизилось бы к ним естественное тление... (свт. Афанасий Великий, 1, 197).

***

...Постараемся приобрести богатое стяжание — воздержание и нестяжательность, да и нас представит Бог из жизни тленной в жизнь нетленную и вечную (прп. Ефрем Сирин, 33, 272).

***

Не скорби, сын Адамов, что сотлевает естество твое; Тому, Кто сотворил тебя из ничего, нетрудно воскресить мертвых, обновить обветшавшие тела и возлюбивших Его праведников облечь славою (прп. Ефрем Сирин, 34, 477).

***

Сел я однажды при гробе, в котором скоро буду положен, и мысленным оком рассматривал бывшие там мертвые

тела. И видел я там обратившимися в прах тела, приятные прежде на вид; на прекрасных ланитах искажены стали все черты. Увидел, что стройно сложенные тела лежат простертыми во прахе, распался их образ, согнили их плоти. Увидел там обезображенными прекрасные очертания лиц, лишившимися стройного сочетания и перемешавшимися между собою члены. Увидел, что глаза соделались глубокими скважинами, а красноречивые уста онемели и не имеют уже своего приятного устройства. Увидел, что доброцветность тела исчезла и обратилась в дым, голые кости отделены одна от другой. Увидел тление нашего естества, глубокое его падение и уничижение; и в ужасе дивился тому, как унизил нас сатана. И меня постигнет то же самое, представлял я в уме своем; и я скоро буду заключен во тьму, подумал о сем, и полились у меня слезы (прп. Ефрем Сирин, 34, 482).

***

...Кто во всю жизнь преуспевал в нетлении, тот, конечно, не приемлет в себя никакого тления (свт. Григорий Нисский, 18, 377).

***

...Невозможно иначе свергнуть с себя лукавое владычество тления, пока не восприимет над нами снова владычества животворящая сила <Божия> (свт. Григорий Нисский, 18, 423).

***

...Всякий человек с первого дня рождения своего (с момента зачатия) подлежит уже тлению и смерти, и потребна великая и Божеская сила, чтобы воссоздать его к нетлению и бессмертию. Если же кто, вместе с возрастом телесным,

будет возрастать и в худости, то в таком, конечно, увеличивается и сила тления, и владычество смерти, делающееся в нем еще более мощным; потому что по мере тления, какое кто развивает в себе, входит в него и жало смерти, т. е. или больше, или меньше. Если теперь малое и незлобивое дитя имеет нужду в Божеской силе, чтобы освободиться от тления, то сколь великая сила потребна для того, кто вместе с возрастом возрос и в худости, а вместе с нею и через нее возрастил в себе и тление... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 317—318).

***

Тление — плоти порождение (прп. Григорий Синаит, 94, 181).

***

...Избавление от тления иные разумеют как изменение в лучшее состояние, а иные — как совершенное преложение чувственного (прп. Григорий Синаит, 94, 182).

****

В Феополе один из старцев поведал нам: «Однажды по некой надобности взошел я на гору Аман и увидел там пещеру. Войдя в нее, нашел отшельника, склонившегося на колени, с руками, простертыми к небу. Волосы, ниспадая с головы, касались земли. Полагая, что он жив, я поклонился ему со словами: «Помолись обо мне, отче!» Ответа не было. Тогда я приблизился к нему, чтобы приветствовать, но, дотронувшись, увидел, что он уже мертв. Отойдя немного, вижу другую пещеру, вхожу и нахожу в ней старца. «По добру ли пришел, брат? Заходил ли в другую пещеру к старцу?» — «Да, отче». — «Получил ли что-нибудь там?» —

«Нет». — «Да уж пятнадцать лет прошло, как старец скончался». А между тем он был в таком состоянии, как будто почил не более, как за час. Старец совершил обо мне молитву, и я удалился, славя Бога» (103, 109).

ТРАПЕЗА

Не приобретай себе друзей и сотаинников, кроме таковых <т. е. тех, которые суть чада тайн Божиих>, чтобы не положить претковения душе своей и не уклониться тебе от пути Господня. Да возвеличится в сердце твоем любовь, соединяющая и сопрягающая тебя с Богом, чтобы не пленила тебя любовь мирская, которой причина и конец — тление. Пребывание и обращение с подвижниками — тех и других обогащает тайнами Божиими. А любовь к нерадивым и ленивым делает, что, предавшись друг с другом парению ума, они наполняют чрево до пресыщения и без меры. Таковому неприятными кажутся яства без друга его, и говорит он: «Горе вкушающему хлеб свой в одиночестве, потому что несладок ему будет». И они приглашают друг друга на пиры и платят сим один другому, как наемники. Прочь от нас с этой проклятой любовью, с этим неприличным и нечестивым препровождением времени! Бегай, брат, приобыкших к подобным делам, и никак не соглашайся есть вместе с ними, хотя бы приключилась тебе и нужда; потому что трапеза их проклята, при ней прислуживают бесы; друзья Жениха-Христа не вкушают ее (прп. Исаак Сирин, 59, 49—50).

***

Кто часто устраивает пиры, тот работник блудного демона, и оскверняет душу смиренномудрого. Дешевый хлеб с трапезы непорочного очищает душу ядущего от всякой стра-

сти. Воня от трапезы чревоугодника — обилие яств и печений. Безумный и несмысленный привлекается к ней, как пес к мясной лавке. Трапеза пребывающего всегда в молитве сладостнее всякого благоухания от мускуса и благовония от мира; боголюбивый вожделевает оной, как бесценного сокровища (прп. Исаак Сирин, 59, 50).

***

С трапезы постящихся, пребывающих во бдении и трудящихся о Господе, заимствуй себе врачевство жизни и возбуди от омертвения душу свою. Ибо среди них, освящая их, возлежит Возлюбленный, и горечь злострадания их претворяет в неисповедимую сладость; духовные же и небесные служители Его осеняют их и святые их яства (прп. Исаак Сирин, 59, 50).

***

Не протягивай руки своей, чтобы с бесстыдством взять что-либо из предложенного друзьям твоим. А если сидит с тобою странник, раз и два пригласи его вкусить, и предлагай на трапезу благочинно, а не в беспорядке. Сиди чинно и скромно, не обнажая ни одного из членов своих (прп. Исаак Сирин, 59, 53).

***

Насыщение есть мать блуда; а утеснение чрева — виновник чистоты (прп. Иоанн Лествичник, 58, 105).

***

Кто ласкает льва, тот часто укрощает его; а кто угождает телу, тот усиливает его свирепость (прп. Иоанн Лествичник, 58, 106).

***

Жид радуется о своей субботе и о празднике; и монах-чревоугодник веселится о субботе и о воскресном дне; во время поста считает, сколько осталось до Пасхи; и за много дней до нее приготовляет снеди. Раб чрева рассчитывает, какими снедями почтить праздник; а раб Божий помышляет, какими бы дарованиями ему обогатиться (прп. Иоанн Лествичник, 58, 106).

***

Посмевайся ухищрению беса, который по вечери внушает тебе впредь позднее принимать пищу; ибо в следующий же день, когда настанет девятый час, он понудит тебя отказаться от правила, установленного в предшествовавший день (прп. Иоанн Лествичник, 58, 107).

***

Одно воздержание прилично неповинным, а другое — повинным и кающимся. Для первых движения похоти в теле бывают знаком к восприятию особенного воздержания; а последние пребывают в нем даже до смерти, и до самой кончины не дают своему телу утешения, но борются с ним без примирения. Первые хотят сохранять всегда благоустройство ума; а последние душевным сетованием и истаянием умилостивляют Бога (прп. Иоанн Лествичник, 58, 107—108).

***

Время веселия и утешения пищею для совершенного есть отложение всякого попечения; для подвижника — время борьбы, а для страстного — праздник праздников и торжество торжеств (прп. Иоанн Лествичник, 58, 108).

***

Знай, что часто бес приседит желудку и не дает человеку насытиться, хотя бы он пожрал все снеди Египта и выпил всю воду в Ниле (прп. Иоанн Лествичник, 58, 109).

***

По пресыщении нашем сей нечистый дух отходит и посылает на нас духа блудного; он возвещает ему, в каком состоянии мы остались, и говорит: «иди, возмути такого-то: чрево его пресыщено, и потому ты немного будешь трудиться». Сей, пришедши, улыбается и, связав нам руки и ноги сном, уже все, что хочет, делает с нами, оскверняя душу мерзкими мечтаниями и тело истечениями (прп. Иоанн Лествичник, 58, 109).

***

Если ты обещался Христу идти узким и тесным путем, то утесняй чрево свое; ибо, угождая ему и расширяя его, ты отвергнешься своих обетов. Но внимай и услышишь говорящего: пространен и *широк путь* чревоугодия, *вводящий в пагубу* блуда, *и многие идут по нему*, но *узки врата и тесен путь* воздержания, *вводящий в жизнь* чистоты, и немногие *входят им* (ср.: Мф. 7, 13—14) (прп. Иоанн Лествичник, 58, 110).

***

Начальник бесов есть падший Денница; а глава страстей есть объедение (прп. Иоанн Лествичник, 58, 110).

***

Сидя за столом, исполненным снедей, представляй перед мысленными очами твоими смерть и суд; ибо и таким обра-

зом едва возможешь хоть немного укротить страсть объедения. Когда пьешь, всегда вспоминай оцет и желчь Владыки твоего; и таким образом или пребудешь в пределах воздержания, или, по крайней мере, восстав, смиришь свой помысл (прп. Иоанн Лествичник, 58, 110).

***

Не обманывайся, ты не можешь освободиться от мысленного фараона, ни узреть Горней Пасхи, если не будешь всегда вкушать горького зелия и опресноков. Горькое зелие есть понуждение и терпение поста, а опресноки — ненадмевающееся мудрование. Да соединится с дыханием твоим сие слово Псалмопевца: *аз же, внегда* бесы *стужаху ми, облачахся во вретище, и смирях постом душу мою, и молитва моя в недро* души моея *возвратится* (Пс. 34, 13) (прп. Иоанн Лествичник, 58, 110).

***

Несоблюдающий умеренности и должной разборчивости в пище не может сохранить ни девства, ни целомудрия, не может обуздывать гнева, предается лености, унынию и печали, делается рабом тщеславия, жилищем гордости, которую вводит в человека его плотское состояние, являющееся наиболее от роскошной и сытой трапезы (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 133—134).

***

Насущный хлеб христиан — Христос. Ненасытное насыщение этим хлебом — вот пресыщение и наслаждение спасительное, к которому приглашаются все христиане.

Ненасытно насыщайся Словом Божиим; ненасытно насыщайся исполнением заповедей Христовых; ненасытно на-

сыщайся трапезою, *уготованною сопротив стужающих тебе,* и упивайся *чашею державною* (ср.: Пс. 22, 5) (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 134).

***

Желание пищи выправляется простою трапезою и воздержанием от пресыщения и наслаждения пищей. Сперва должно оставить пресыщение и наслаждение: этим и изощряется желание пищи, и получает правильность. Когда же желание сделается правильным, тогда оно удовлетворяется простой пищей. Напротив того, желание пищи, удовлетворяемое пресыщением и наслаждением, притупляется. Для возбуждения его мы прибегаем к разнообразным вкусным яствам и напиткам. Желание сперва представляется удовлетворенным; потом делается прихотливее, и наконец, обращается в болезненную страсть, ищущую непрестанного наслаждения и пресыщения, постоянно пребывающую неудовлетворенною (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 136).

***

Весьма важно качество пищи. Запрещенный райский плод, хотя был прекрасным на вид и вкусным, но он пагубно действовал на душу: сообщал ей познание добра и зла, и тем уничтожал непорочность, в которой были созданы наши праотцы.

И ныне пища продолжает сильно действовать на душу, что особенно заметно при употреблении вина. Такое действие пищи основано на разнообразном действии ее на плоть и кровь и на том, что пары ее и газы от желудка подымаются в мозг и имеют влияние на ум.

По этой причине все охмеляющие напитки, особливо хлебные, возбраняются подвижнику как лишающие ум трез-

вости, и тем победы в мысленной брани. Побежденный ум, особливо сладострастными помыслами, усладившийся ими, лишается духовной благодати; приобретенное многими и долговременными трудами теряется в несколько часов, в несколько минут.

Монах отнюдь не должен употреблять вина... Этому правилу должен последовать и всякий благочестивый христианин, желающий сохранить свое девство и целомудрие. Святые отцы следовали этому правилу, а если и употребляли вино, то весьма редко и с величайшею умеренностию.

Горячительная пища должна быть изгнана с трапезы воздержника как возбуждающая телесные страсти. Таковы перец, имбирь и другие пряности.

Самая естественная пища — та, которая назначена человеку Создателем немедленно по создании — пища из царства растительного. Сказал Бог праотцам нашим: *Се, дах вам всякую траву семенную, сеющую семя, еже есть верху земли всея: и всякое древо, еже имать в себе плод Семене семенного, вам будет в снедь* (Быт. 1, 29). Уже после потопа разрешено употребление мяса (см.: Быт. 9, 3).

Растительная пища есть наилучшая для подвижника. Она наименее горячит кровь, наименее утучняет плоть; пары и газы, отделяющееся от нее и восходящие в мозг, наименее действуют на него; наконец, она самая здоровая, как наименее производящая слизей в желудке. По этим причинам при употреблении ее с особенною удобностью сохраняется чистота и бодрость ума, а с ними и его власть над всем человеком; при употреблении ее слабее действуют страсти и человек более способен заниматься подвигами благочестия.

Рыбные яства, особливо приготовленные из крупных морских рыб, уже совсем другого свойства: они ощутительнее действуют на мозг, тучнят тело, горячат кровь, наполняют

желудок вредными слизями, особливо при частом и постоянном употреблении.

Эти действия несравненно сильнее от употребления мясной пищи: она крайне утучняет плоть, доставляя ей особенную дебелость, горячит кровь; пары и газы ее очень отягощают мозг. По этой причине она вовсе не употребляется монахами; она — принадлежность людей, живущих посреди мира, всегда занятых усиленными телесными трудами. Но и для них постоянное употребление ее вредно.

Как! — воскликнут здесь мнимые умницы: мясная пища разрешена человеку Богом, и вы ли воспрещаете употребление ее? — На это мы отвечаем словами Апостола: *Вся ми леть суть* (т. е. все мне позволено), *но не вся на пользу: вся ми леть суть, но не вся назидают* (1 Кор. 10, 23). Мы уклоняемся от употребления мяса не потому, чтобы считали их нечистыми, но потому, что они производят особенную дебелость во всем нашем составе, препятствуют духовному преуспеянию.

Святая Церковь мудрыми учреждениями и постановлениями своими, разрешив христианам, живущим посреди мира, употребление мяса, не допустила постоянного употребления их, но разделила времена мясоядения временами воздержания от мяса, временами, в которые вытрезвляется христианин от своего мясоядения. Такой плод постов может узнать на себе опытом всякий соблюдающий их.

Для иночествующих запрещено употребление мяса, дозволено употребление молочной пищи и яиц во времена мясоядений. В известные времена и дни им разрешается употребление рыбы. Но наибольшее время они могут употреблять только одну растительную пищу.

Растительная пища почти исключительно употребляется самыми ревностными подвижниками благочестия, особливо ощутившими в себе хождение Духа Божия, по выше-

сказанному удобству этой пищи и ее дешевизне. Для пития они употребляют одну воду, избегая не только разгорячающих и охмеляющих напитков, но и питательных, каковы все хлебные напитки... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 137—139).

***

...Вышел <Иосиф> к братьям и, удерживая себя, сказал: «Предложите трапезу». Для него приготовлено было отдельно, а отдельно для сыновей Иакова, и отдельно для египтян, которые в тот день обедали у вельможи. Египтяне, повествует Писание, не могли быть за одним столом с евреями; они, по своему поверью, гнушались всякого пастуха-овцевода. Сыновей Иакова посадили прямо против Иосифа, по годам их. Удивились они, увидев себя рассаженными по старшинству. Им подавали кушания, каждому отдельно часть его: части накладывал сам Иосиф, и Вениамину накладывал больше, нежели прочим братьям. Поставлено было и вино. Отлегло сердце у сыновей Иакова за трапезою роскошною и приветливою. Не привыкшие стеснять себя, пустынные пастухи поели досыта и выпили обильно. Эта трапеза прообразовала духовную трапезу Христа Спасителя, предлагаемую христианам на Божественной литургии. Господь благоволил соделаться братом нашим, Он приобрел владычество над миром — таинственным Египтом, — а братиям Своим, которые страждут под бременем греха, *уготовал трапезу и упоявающую державную Чашу* (ср.: Пс. 22, 5), Пресвятое Тело Свое и Пресвятую Кровь Свою. Христиане, причащаясь этой Божественной пищи, причащаются Живота Вечного, освобождаются от грехов и в упоении наслаждением духовным забывают скорби, гнетущие их при странствовании в Египте — в стране чужой, в стране

изгнания: эта страна, исполненная горестей и бедствий, видимых и невидимых — жизнь земная... (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 33—34).

****

Богопротивный Евагрий воображал, что он из премудрых премудрейший, как по красноречию, так и по высоте мыслей; но он обманывался, бедный, и оказался безумнейшим из безумных, как во многих своих мнениях, так и в следующем. Он говорил: «Когда душа наша желает различных снедей, тогда должно изнурять ее хлебом и водою». Предписывать это то же, что сказать малому отроку, чтобы он одним шагом взошел на самый верх лестницы.

Итак, скажем в опровержение сего правила: если душа желает различных снедей, то она ищет свойственного естеству своему; и потому противу хитрого нашего чрева должно и нам употребить благоразумную осторожность; и когда нет сильной плотской брани и не предстоит случая к падению, то отсечем прежде всего утучняющую пищу, потом разжигающую, а после и услаждающую. Если можно, давай чреву твоему пищу достаточную и удобоваримую, чтобы насыщением отделываться от его ненасытной алчности и через скорое переварение пищи избавиться от разжжения, как от бича. Вникнем и усмотрим, что многие из яств, которые пучат живот, возбуждают и движение похоти (58, 107).

ТРЕЗВЕНИЕ

Тщательно рассматривай самого себя, испытывай свои чувства, чтобы знать, которые из них приносят плод Богу и которые покоряются греху (прп. авва Исаия, 60, 169).

***

Осторожно внимай себе, чтобы отнюдь тебе ничего не принимать, не уверясь, что это, как приобретенное правдою, даруется тебе от Бога (прп. авва Исаия, 60, 187).

***

Насколько бдительно внемлешь уму, настолько с теплым желанием будешь молиться Иисусу; и опять, насколько небрежно надзираешь за умом, настолько отдалишься и от Иисуса. И как первое сильно освещает воздух ума, так последнее — уклонение от трезвения и сладостного призывания Иисуса — обыкновенно совсем омрачает его (свт. Василий Великий, 6, 185).

***

Зная опасность коснения, всегда должно трезвиться и быть готовым к тщательному совершению дела Божия (свт. Василий Великий, 7, 328).

***

Внемли себе (Втор. 15, 9), т. е. осмотри себя со всех сторон; для охранения себя содержи неусыпным душевное око (свт. Василий Великий, 8, 33).

***

...Подвижник — *внемли себе* (Втор. 15, 9), чтобы не преступить какого-либо из подвижнических законов, ибо никто *не венчается, аще не законно мучен будет* (2 Тим. 2, 5)... И сам, как добрый боец, имей неразвлеченный взор души; те места, в которые удар смертелен, защищай, закрывая руками, не своди глаз с противника... (свт. Василий Великий, 8, 36).

***

Внемли себе: будь трезвен, рассудителен, храни настоящее, промышляй о будущем (свт. Василий Великий, 8, 36).

***

...*Внемли себе,* <т. е.> не предполагай несуществующего, но располагай настоящим к пользе своей (свт. Василий Великий, 8, 37).

***

...Перестань со тщанием наблюдать пороки в другом, не давай времени помыслам испытывать чужие немощи, но *себе внемли*, т. е. обрати душевное око на собственное исследование себя самого (свт. Василий Великий, 8, 38).

***

Загляни в гробы; возможешь ли различить, кто слуга и кто господин, кто бедный и кто богатый? Отличи... узника от царя, крепкого от немощного, благообразного от безобразного. Поэтому, помня свою природу, никогда не превознесешься. Будешь же помнить себя, если *внемлешь себе* (свт. Василий Великий, 8, 39).

***

Если *внемлешь себе,* то усмиришь гнев, как упрямого и не терпящего узды молодого коня, поражая его, как бичом, ударом сего слова <внемли себе>; удержишь и язык, не возложишь и рук на огорчившего (свт. Василий Великий, 8, 40—41).

***

Если *внемлешь себе* и вспомнишь, что это, в настоящем для тебя сладостное, будет иметь горький конец, это ныне от удовольствия происходящее в нашем теле щекотание породит ядовитого червя, который будет бесконечно мучить нас в геенне, и что это разжжение плоти будет матерью вечного огня: <если будешь помнить это>, то удовольствия тотчас исчезнут, обратившись в бегство, и в душе произойдет какая-то чудная внутренняя тишина и безмолвие... (свт. Василий Великий, 8, 41).

***

Трезвись во время юности своей... чтобы оказаться тебе достойным похвалы при кончине своей (прп. Ефрем Сирин, 31, 217).

***

...Будем трезвиться, пока есть время, будем целомудренны, пока мы на свободе, чтобы не пришел этот ужасный и мучительный час... (прп. Ефрем Сирин, 31, 229).

***

...Не будьте нерадивы и не расслабевайтесь, ибо много нужно труда, чтобы обуздывать юность и телесные стремления (прп. Ефрем Сирин, 31, 230).

***

Трезвись ежечасно, потому что в час, в который не ждешь, пошлет Господь за тобой, чтобы взять тебя в жит-

ницу жизни, в сонм праведных и чтобы, наконец, успокоился и не имел ты попечений там, где нет ни брани, ни противника (прп. Ефрем Сирин, 31, 347).

***

...Стой как цветоносное дерево, охраняя плоды добродетелей своих, чтобы не подкрался червь гордыни и не подточил в тебе плода смиренномудрия... (прп. Ефрем Сирин, 31, 373).

***

Блаженны трезвящиеся всегда по Богу, потому что в день Суда будут защищены Богом и, став сынами Брачного Чертога, в радовании и веселии увидят Жениха (прп. Ефрем Сирин, 31, 531).

***

Соблюдай себя от вольности, чтобы тебе не поработиться многословию и бесстыдству, не соделаться радованием бесов (прп. Ефрем Сирин, 32, 153).

***

Блажен, кто, от всего отрешившись, внимает себе и дни свои проводит к слезах! (прп. Ефрем Сирин, 34, 200).

***

...Будь внимательна к себе, взирай на беззакония свои, слезами вежде своих омывай нечистоту грехов своих и помни, что есть Бог (прп. Ефрем Сирин, 34, 294).

***

Сему учись, ученик: будь осторожен в словах, произносимых устами твоими; возлюби доброе, чтобы душа твоя насытилась блаженством (прп. Ефрем Сирин, 34, 357).

***

...Во всем потребна трезвенность, чтобы и те блага, какие, по-видимому, имеем, не обратились нам во вред (прп. Макарий Египетский, 68, 144).

***

Если ты будешь внимателен и осмотрителен, то и в постороннем найдешь нечто полезное, а если будешь нерадив и беспечен, то и от Божественных Писаний не будет тебе никакой пользы (свт. Иоанн Златоуст, 47, 59).

***

Невнимательные и нерадивые слушатели отнимают охоту и у того, кто мог бы говорить... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 29).

***

Мы не должны... тратить время напрасно и без цели, но каждый день и час иметь перед глазами Суд Господень и то, что может или доставить нам великое дерзновение, или навлечь наказание (свт. Иоанн Златоуст, 48, 31).

***

Христианину всегда следует воевать со страстями плоти, живо помнить заповеди, данные нам общим всех Вла-

дыкою, или ограждаться и надлежащим образом пользоваться Его великим долготерпением к нам, не ожидать того, что совершится самим делом, и тогда уже смиряться, дабы и о нас не было сказано: *егда убиваше я, тогда взыскаху Его* (Пс. 77, 34) (свт. Иоанн Златоуст, 48, 72).

***

Пусть ни зависть, ни ненависть, ни любовь плотская, ни мирское славолюбие и властолюбие, ни чревоугодие, ни другая какая нечистая страсть не обладает душевными нашими стремлениями (свт. Иоанн Златоуст, 48, 176).

***

Всегда нужно трезвиться и бодрствовать и никогда не считать себя в безопасности, потому что не назначено время, когда враг и противник нападет на нас (свт. Иоанн Златоуст, 48, 213).

***

Не будем беспечны, но, зная, что нам предстоят подвиг и борьба и что нам нужно быть готовыми на брань, постоянно будем охранять свой дух крепким и бодрым, чтобы, пользуясь помощью свыше, могли мы стереть главу лукавого зверя, т. е. наветника противу нашего спасения. Сам Господь обещал нам это, говоря: *Се, даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию* (Лк. 10, 19) (свт. Иоанн Златоуст, 48, 461).

***

Если захотим трезвиться и иметь большую заботливость о своем спасении, то можем отстать и от худого обычая и

обратиться к обычаям добрым (свт. Иоанн Златоуст, 48, 597).

***

Если бы мы пожелали тщательно и внимательно испытать все наши грехи и привести их себе на память, то, конечно, тогда наши старания были бы истинными и чистыми (свт. Иоанн Златоуст, 50, 302).

***

Кто трезвится и бодрствует, тот, хотя бы увлекся грехом, немедленно отражает его; а кто спит или безумствует, тот и не чувствует, какую власть имеет над ним грех (свт. Иоанн Златоуст, 52, 50).

***

Внимай себе и отовсюду озирай себя; неусыпно стереги себя оком ума; ты ходишь среди сетей, незаметные петли всюду расставлены врагом... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 966).

***

...Проникни в тайники души твоей, рассмотри совершенные тобою дела, сравни дела добрые со злыми, и если увидишь, что злые превосходят добрые, покрой их делами добрыми, чтобы не увидеть некогда грехов, противодействующих тебе (свт. Иоанн Златоуст, 53, 985).

***

...Подобно тому, как золото, хотя и кажется блестящим прежде, чем положено будет в горнило, но совершенно

познается уже после того, как подвергнется действию огня и от чистого золота будет отделена всякая примесь, точно так же и наши дела тогда только откроются в настоящем виде, когда мы тщательно исследуем их, — тогда мы и увидим, что мы сами за многое повинны осуждению (свт. Иоанн Златоуст, 54, 809).

***

Трезвение есть духовое художество, которое, если долго и с постоянным усердием проходить его, с Божией помощию совершенно избавляет человека от страстных помыслов, и слов, и худых дел; дарует тому, кто его так проходит, верное познание Бога непостижимого, сколько сие возможно для нас, и сокровенное разрешение сокровенных Божественных тайн; и есть творительница всякой заповеди Ветхого и Нового Завета и всякого блага будущего века подательница (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 165).

***

Трезвение, если оно постоянно пребывает в человеке, делается для него путеводительницей к правой и богоугодной жизни. Оно есть и лествица к созерцанию, оно же научает нас право править движениями троечастности души (т. е. трех сил: мыслительной, раздражительной и желательной) и твердо хранить чувства, и в причастнике своем каждодневно возращает четыре главные добродетели (т. е. мудрость, мужество, воздержание и справедливость) (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 165).

***

Трезвение есть путь всякой добродетели и заповеди Божией; оно называется также сердечным безмолвием и есть

то же, что хранение ума в совершенной немечтательности держимого (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 166).

***

Не видит солнечного света родившийся слепым: так не видит сияний богато нисходящей свыше благодати тот, кто не живет в трезвении; не освободится он также от греховных, Богу ненавистных дел, слов, помышлений. Таковые во исходе своем не минуют свободно (имеющих сретить их) князей тартара (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 166).

***

Трезвение есть твердое водружение помысла ума и стояние его у двери сердца; так что он видит, как подходят чуждые помыслы, эти воры-окрадыватели, слышит, что говорят и делают эти губители, и какой демоны начертывают и устанавливают образ, покушаясь, увлекши через него в мечтания ум, обольстить его. Если будем люботрудно проходить такое действование, то оно, если хотим, очень основательно и внятно, на опыте покажет искусство мысленной брани и доставит опытность в ней (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 166).

***

Состав морей — множество вод; а состав и твердыня трезвения бодренности и углубленного безмолвия души, равно как бездна созерцаний дивных и неизреченных и разумного смирения, правоты и любви есть (само же одно) крайнее трезвение и ко Христу Иисусу без помыслов с воздыханиями молитва, непрестанная, притрудная, но без уныния и скучания (см.: Лк. 18, 1) (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 167).

***

...Один способ (прием) трезвения есть: смотреть неотступно за мечтанием, или за прилогом, ибо без мечтания сатана не может устраивать помыслы и представлять их уму к его прельщению обманом.

Другой: иметь сердце глубоко всегда молчащим и от всякого помысла безмолвствущим, и молиться. Иной: непрестанно в смирении призывать на помощь Господа Иисуса Христа. Иной еще способ: иметь в душе непрестанное памятование о смерти. Все сии делания... подобно привратникам, возбраняют вход худым помышлениям... (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 168).

***

Надлежит тебе острым и напряженным взором ума смотреть внутрь, чтобы узнавать входящих; узнав же, тотчас противоречием сокрушать главу змия, с воздыханием возопив в то же время ко Христу. И получишь тогда опыт невидимого Божеского заступления. Ясно также увидишь тогда и правость сердца (право ли оно действует, или в чем состоит правое действование сердца) (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 170).

***

Как держащий в руке зеркало и смотрящий в него, стоя между другими, видит и свое лицо, каково оно, видит и других, смотрящихся в то же самое зеркало, так со всем вниманием смотрящий в сердце свое видит в оном свое собственное состояние, видит и мрачные лица мысленных эфиопов (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 170).

***

Сколь блага, приятна, светла, сладостна, вседобротна, яснозрачна, (веселолица) и прекрасна добродетель трезвения. Тобою, Христе Боже, благоуправляемая и человеческим умом в великом смирении бодренно проходимая! Ибо она до моря и глубины созерцаний простирает ветви свои и до рек сладких Божественных тайн — отрасли свои (см.: Пс. 79, 12), напаяет (орошает, освежает) ум, с давнего времени палимый нечестием от сладости лукавых помыслов бесовских и неистового мудрования плоти, в коем смерть (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 177).

***

Трезвение подобно лествице Иакова, на верху которой восседит Бог и по которой ходят Ангелы. Оно исторгает из нас всякое зло, отсекает многословие, злословие, оклеветание и весь каталог (список) чувственных страстей, не терпя и на короткое время лишиться собственной своей сладости (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 177).

***

Пребывай во внимании ума и не будешь преутружден искушениями. Отступая же от него, терпи, что найдет (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 178).

***

...Непрестанно пребывающий во внутреннем своем и там всегда вращающийся целомудрствует; и не только это, но еще и созерцательствует, и богословствует, и молится. И сие-то есть, о чем говорит Апостол: *духом ходите, и*

похоти плотския не совершайте (Гал. 5, 16) (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 181).

***

Должно болезненно печись о сохранении того, что драгоценно; драгоценно же для нас поистине лишь то, что сохраняет нас от всякого зла, как чувственного, так и мысленного. Это есть хранение ума с призыванием Иисуса Христа — то, чтобы всегда смотреть во глубину сердца и непрестанно безмолвствовать мыслию, — даже... и от помыслов, кажущихся добрыми, и стараться быть пусту от всяких вообще помыслов, дабы не утаились под ними тати. Но, хотя и болезнуем мы, с терпением пребывая в сердце, впрочем, утешение близко (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 188).

***

Как невозможно жить теперешней жизнью без пищи и пития, так без хранения ума и чистоты сердца — что есть и называется трезвение, — невозможно душе достигнуть чего-либо духовного и Богу угодного, или избавиться от мысленного греха, хотя бы кто страхом мук и удерживал себя принудительно от грешения делом (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 189).

***

Как невозможно, чтобы у того, кто взирает на солнце, не блистали сильно зрачки, так невозможно не светиться и тому, кто всегда проникает в воздух сердца (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 189).

***

<Добродетель внимания> именуется мысленным любомудрием. И проходи ты ее в великом трезвении и теплом

усердии с молитвою Иисусовой, со смирением и непрерывностью, с молчанием чувственных и мысленных уст, с воздержанием в ястии и питии и с удалением от всего греховного, проходи ее путем мысленным искусно с рассуждением, — и она с Божиею помощью раскроет тебе то, чего не чаял, даст тебе знание, просветит, умудрит и научит тому, что прежде и в ум приять не имел ты способности, когда ходил во тьме страстей и темных дел, будучи погружен в бездну забвения и смятения помыслов (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 191).

***

Как долины обильно плодят пшеницу, так она <добродетель внимания> обильно наплодит в сердце твоем всякое добро, или лучше, сие подаст тебе Сам Господь наш Иисус Христос, без Которого мы ничего творить не можем. И сначала ты найдешь ее лествицею, потом книгою, в коей будешь читать, наконец, более и более преуспевая, найдешь ее градом, Иерусалимом Небесным, и Христа Израилева, Царя Сил, действительно узришь умом, с Единосущным его Отцом и спокланяемым Духом Святым (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 191).

***

Начало плодоносия — цвет, а начало трезвения ума — воздержание в пище и питии, отвержение и отсечение всяких помыслов и сердечное безмолвие (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 203).

***

Когда, возмогая о Христе Иисусе, начнем мы тещи в трезвении твердо установившемся, тогда сперва является нам в уме — как бы светильник какой, держимый нами,

рукой ума и руководящий нас на стези мысленные, потом, как бы луна в полном свете, вращающаяся на тверди сердечной, наконец, как солнце, — Иисус, подобно солнцу сияющий правдою, т. е. показующий Себя Самого и Свои всесветлые светы созерцаний (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 203).

***

Как не следует букв писать на воздухе, а надо их резцом начертывать на каком-либо теле твердом, чтобы они могли надолго сохраниться, так с притрудным трезвением своим должно нам сочетавать молитву Иисусову, дабы прекрасная добродетель трезвения вместе с Ним была в нас всегда целой и через Него вовеки сохранилась в нас неотъемлемой (прп. Исихий Иерусалимский, 91, 207).

***

...Постоянно должны быть осматриваемы все сокровенности нашего сердца и зорким исследованием замечаемы следы входящих в них, чтобы умственный зверь, лев или дракон, как-нибудь проходя туда, скрытно не напечатлел гибельных следов, по которым доставится вход и прочим зверям в сокровенности нашего сердца при нерадении о помыслах. И таким образом ежечасно и ежеминутно возделывая землю нашего сердца евангельским оралом, т. е. постоянным памятованием Креста Господня, мы возможем разорить логовища вредных зверей и норы ядовитых змей и выгнать из себя (прп. авва Моисей, 57, 187).

***

Всегда пребывающий в сердце своем далек от всех красных жизни сей вещей; и, ходя духом, похотей плотских изведывать не может. Поелику таким образом таковой шест-

вие свое совершает в ограждении добродетельми, сии самые добродетели имея как бы привратными стражами своего града чистоты; то все козни бесов против него остаются безуспешными, хотя иной раз стрелы сей общей всем похоти достигают даже до окон естества... (блж. Диадох, 92, 37).

***

Кто ежечасно назирает за своей душой, у того сердце возвеселяется откровениями. Кто зрение ума своего сосредоточивает внутри себя самого, тот зрит в себе зарю Духа (прп. Исаак Сирин, 59, 44).

***

...Кто не внимает себе и не охраняет себя, тот легко уклоняется... или направо, или налево, т. е. или в излишество, или в недостаток, и производит в себе недуг, который составляет зло (прп. авва Дорофей, 30, 118).

***

...Утром испытай себя, как провел ты ночь, и вечером так же, как провел день. И среди дня, когда отяготишься помыслами, рассмотри себя (прор. Иоанн, 30, 243).

***

Блюди помыслы и бегай зла; чтобы не омрачился ум твой и не стал превратно видеть вещи (авва Фалассий, 92, 318).

***

...Совершенное беспопечение о земном и всегдашнее поучение в Божественном Писании приводит душу в страх

Божий, страх же Божий приводит трезвение. И тогда душа начинает видеть, как демоны воюют против нее посредством помыслов, и отражать их (прп. Максим Исповедник, 92, 143).

***

Войдите же в себя, испытайте веру свою и познайте, каково и где стояние ваше и хождение (прп. Феодор Студит, 93, 69).

***

Добро с трудом приобретается, но у невнимательных легко похищается... (прп. Феодор Студит, 93, 236).

***

Трезвение справедливо называется путем, потому что оно ведет в Царствие, — и то, которое внутри нас, и в будущее, — называется и умным детелищем (мысленною мастерскою), потому что оно выделывает и убеляет (полирует) нравы ума и страстное переделывает в бесстрастное. Оно подобно также световому оконцу, через которое Бог приникши является уму (прп. Филофей Синайский, 92, 402).

***

У того, кто установился в трезвении или старается установиться в нем, чистое сердце соделывается мысленным небом со своими солнцем, луной и звездами, и бывает вместилищем невместимого Бога, по таинственному видению и восхождению (восторженного ума) (прп. Филофей Синайский, 92, 414).

***

Внимание и молитва, будучи на всякий день сочетаваемы вместе, совершают нечто подобное огненной Илиной колеснице, подъемля на высоту небесную того, кто им причастен (прп. Филофей Синайский, 92, 414).

***

...Кто не видит и не чувствует душевно добра и зла, которое прибывает в него и выбывает из него, тот еще мертв и не просвещен лучами умного Солнца Правды (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 65—66).

***

Внимание должно идти вперед и сторожить врагов, как некий страж; оно первое пусть вступает в борьбу с грехом и противостоит злым помыслам, входящим в душу, а позади внимания пусть следует молитва, которая истребляет и побивает тотчас все те злые помыслы, с которыми перед сим вело брань внимание: ибо одно оно не может их побивать. На этой брани внимания и молитвы (с помыслами) висит жизнь и смерть души. Если вниманием храним молитву чистою, то преуспеваем; а если не внимаем, чтобы хранить ее чистою, но оставляем неохраняемою, и она оскверняется злыми помыслами, то бываем непотребными и безуспешными (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 179—180).

***

Кто не внимает себе, тот не может быть нищ духом, не может сокрушаться и плакать, ни быть тихим и кротким, ни алкать и жаждать правды, ни быть милостивым или миротворцем, ни перенесть гонение за правду. И обще гово-

ря, нет возможности стяжать добродетели иным каким-либо способом, кроме сего внимания (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 187).

***

...При встрече разных случайностей пусть <человек> наблюдает, что происходит в душе его, и через то определяет, какова она. Так, например, наблюдая, что бывает у него на душе, когда бранят его или бесчестят, или иным каким образом оказывают ему презрение, он верно познает, есть ли в нем смирение или нет (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 204).

***

...Непрестанно трезвенствуй и бодрствуй, по причине окрест нас ходящих нечистых демонов, всегда наветующих против нашего благобытия и пяту нашу коварно блюдущих до самого конца жизни, — и до самого исхода своего трепещи за себя, по причине безвестности будущего, как созданный превратным и изменчивым по самовластию своему (прп. Феогност, 92, 395).

***

Внимание есть признак искреннего покаяния. Внимание есть души воззвание к себе самой, мира возненавидение и к Богу восход. Внимание есть отложение греха и восприятие добродетели. Внимание есть несомненное убеждение в отпущении грехов. Внимание есть начало созерцания или, лучше, его условие: ибо через него Бог приникши является уму. Внимание есть безмятежие ума или, лучше, стояние его (или установление от блуждений), по милости Божией ему даруемое. Внимание есть пресечение помыслов, памяти же

Божией палата и сокровищница терпения всего находящего. Внимание потому есть веры, надежды и любви виновница, ибо кто не верует, тот не может переносить находящие совне прискорбности; а кто не переносит охотно сих прискорбностей, тот не может рещи: *заступник мой еси Ты и прибежище мое* (Пс. 90, 2); кто же не положит Вышнего прибежищем своим, тот не будет глубоко искренен в любви к Нему (авва Никифор Уединенник, 94, 248—249).

***

...Ни одной части души твоей, ни одного члена тела твоего не оставляй ненадзираемыми. Ибо таким образом ты и снизу искушающих духов пребудешь победителем, и свыше испытующему сердца и утробы, предварительно сам испытав их, неиспытно предстоять будешь с дерзновением (свт. Григорий Палама, 94, 296—297).

***

Внимание и умиление признаются даром Святаго Духа. Только Дух может остановить волны ума, разбегающиеся повсюду... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 148).

***

Желающий спастись должен так устроить себя, чтобы он мог сохранять внимание к себе не только в уединении, но при самой рассеянности, в которую иногда против воли он вовлекается обстоятельствами. Страх Божий пусть превозможет на весах сердца все прочие ощущения: тогда удобно будет сохранять внимание к себе... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 298).

***

...Желающие научиться вниманию должны воспретить себе все пустые занятия (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 375).

***

Внимание при молитве приводит нервы и кровь в спокойствие, способствует сердцу погружаться в покаяние и пребывать в нем (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 164).

***

...Проводящему внимательную жизнь не должно смотреть ни на что пристально и не слушать ничего с особенным тщанием, но видеть, как бы не видя, и слышать мимоходно, чтобы память и сила внимания были всегда свободными, чуждыми впечатлений мира... (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 269).

***

Чем более будешь погружаться в рассматривание себя, тем удовлетворительнее будут твои исповедь и покаяние, тем ощутительнее и обильнее прольется в душу твою обновление, даруемое исповеданием грехов (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 62).

***

Состояние глубокого постоянного внимания при молитве происходит от прикосновения Божественной благодати к духу нашему. Дарование благодатного внимания молящемуся есть первоначальное духовное Божие дарование (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 339).

***

При внимании она <молитва> приносит обильный плод: без внимания она приносит терния и волчцы (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 98).

***

Искусственное внимание — так назовем наше собственное внимание, — еще не осененное благодатию, состоит в том, чтобы... заключать ум в слова молитвы (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 98).

***

Истинное благодатное внимание является от умерщвления сердца для мира (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 115).

***

Вниманию ума при молитве начинает весьма скоро сочувствовать сердце. Сочувствие сердца уму мало-помалу начнет переходить в соединение ума с сердцем... (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 115).

***

Трезвение неразлучно с непрестанной молитвой: оно рождается от нее и рождает ее (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 266).

***

Трезвение есть истинное смирение, сосредоточившее надежду свою в Боге, отрекшееся от всякой самонадеянности и от надежды на человеков (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 266).

***

...Обратим внимание на наше тело, от которого трезвенность ума находится в полной зависимости (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 268).

***

Трезвение непременно требует физического спокойствия крови, доставляемого первоначально благоразумным воздержанием. Кровь приводится в весьма разнообразное движение страстями (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 269).

***

Стяжи постоянное трезвение, постоянное бодрствование над собой. Без строгой бдительности невозможно преуспеть ни в одной добродетели (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 417).

***

Меряйте себя не подвигами, а замиранием страстей (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 214—215).

***

Внимание к тому, что бывает в сердце и исходит из него, есть главное дело в христианской исправной жизни (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 17).

***

...Всякий раз, как прорвется недобрая мысль, чувство, желание, слово, дело... тотчас кайтесь Господу, Вездесущему и Всевидящему, с сокрушением и решением быть впредь осторожнее (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 48).

***

Не надо предавать себя на жертву внешних впечатлений: они уносят внимание из сердца и заставляют его блуждать на стороне далеко от себя (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 48—49).

****

Некий старец-подвижник жил в пещере и имел такое трезвение, что всегда, на всяком месте, даже вне кельи, часто проверял свой ум вопросом: «Где мы?» Если находил он ум в славословии Бога и молитве, то говорил: «Хорошо, хорошо». Если он находил его занимающимся каким-либо посторонним предметом, то укорял, говоря: «Возвратись немедленно на свое дело». И следующее всегда говорил себе старец: «Близок час моего отшествия, но еще не вижу в себе ничего доброго» (107, 435).

***

Настоятель скита пошел однажды к Александрийскому архиепископу. Когда он возвратился в Скит, братия спросили его: «Как город?» Он сказал им: «Поверьте мне, братия, что, кроме епископа, я не видел там ни одного человека». Услышав это, они удивились и сказали: «Что же случилось с множеством народа?» Пресвитер вывел их из недоумения, сказав следующее: «Я понуждал себя не глядеть ни на одного человека». Братия получили назидание от этих слов, которыми изображалось особенное хранение очей (107, 482).

***

Некоего брата беспокоила страсть любодеяния: днем и ночью он ощущал в своем сердце как бы огненное жало. Но

брат боролся, не уступая помыслам и не соглашаясь с ними. По прошествии долгого времени отступила от него страсть, не одолев его по причине его трезвения. И немедленно воссиял свет в его сердце (107, 475).

***

Однажды авва Исаак сидел у аввы Пимена. В это время раздался голос петуха, и авва Исаак спросил авву Пимена: «Авва! Здесь есть петухи?» Пимен отвечал ему: «Исаак! Зачем ты принуждаешь меня говорить об этом? Ты и подобные тебе слышат петухов, а тому, кто трезвится, нет дела до них» (107, 321).

ТРОИЦА

Бог не то, что человек; потому что Отец не от отца, почему и рождает не отца, который будет рождать; и Сын не через истечение происходит от Отца и не от рожденного рождается отца, почему рождается не для того, чтобы рождать. И посему-то в одном только Божестве Отец есть в собственном смысле Отец, и Сын в собственном смысле Сын, и для Них одних это постоянно — Отцу всегда быть отцом и Сыну всегда быть сыном.

Поэтому допытывающийся: почему Сын не может рождать сына, — пусть спросит: почему Отец не имел отца? Но и тот и другой вопрос нелеп и исполнен всякого нечестия. Как Отец — всегда отец и никогда не был сыном: так Сын — всегда сын и никогда не будет отцом. В этом паче и открывается, что Сын есть начертание и образ Отца, пребывает тем, что Он есть, и не изменяется, но имеет от Отца тождество бытия (свт. Афанасий Великий, 2, 205).

***

Поелику Божество едино, то невозможно получить отдельного понятия об Отце или о Сыне, пока мысль не уяснена присовокуплением особенностей (свт. Василий Великий, 7, 98).

***

...Святая Троица есть святая вервь (σπειρᾶα) и досточтима в единой и вечной славе везде, имеет одно и то же Единое Божество, неразрывна, нерассекаема, нераздельна, все исполняет, все содержит, во всем пребывает, все зиждет, всем правит, все освящает, животворит (свт. Василий Великий, 7, 185).

***

Когда соединяем Троицу, не представляй себе как бы трех частей одного нераздельного (такое рассуждение злочестиво), но разумей неразлучное сопребывание Трех бестелесных совершенных. Ибо где присутствие Святаго Духа, там и пришествие Христово; а где Христос, там несомненно присутствует и Отец (свт. Василий Великий, 8, 330).

***

...Мы Отца превозносим, Сына почитаем равным Ему и Духа Святаго спрославляем... (свт. Григорий Богослов, 12, 13).

***

...Троица есть и исповедуется Бог Единый не менее по согласию, как по тождеству сущности (свт. Григорий Богослов, 12, 230).

***

...О, если бы никто не погиб, но все мы пребыли в едином духе, единодушно сподвизались за Евангельскую веру, едино мудрствовали; вооружась щитом веры, препоясав чресла истиною, знали одну только брань — брань против лукавого и против воинствующих под его начальством; не боялись тех, которые могут убить тело, но не могут похитить души, боялись же Господа души и тела; сохраняли драгоценный залог, полученный нами от отцов, т. е. поклонялись Отцу и Сыну и Святому Духу, в Которых мы крестились, в Которых уверовали, с Которыми сочетались; познавали Отца в Сыне, Сына в Духе, прежде соединения разделяли, прежде разделения соединяли; не почитали Трех за единого (потому что Они не безыпостасны и не одну составляют ипостась, так что богатство наше не в одних именах, но и в самой вещи) и верили, что Три суть едино, — едино же не ипостасию, но Божеством — Единица в Троице поклоняемая, и Троица в Единице возглавляемая, вся достопоклоняемая, вся царственная, единопрестольная, равнославная, премирная и превысшая времени, несозданная, невидимая, неприкосновенная, непостижимая. Сама только ведущая о Себе, какой порядок имеет Сама в Себе, а для нас равно досточтимая, достойная равного служения, Едина восходящая во Святая Святых, всякую же тварь оставляющая вне, и отделяющая иных первою, а других второю завесою; так первою отделены от Божества существа небесные и Ангельские, второю же отделено наше естество от существ небесных! (свт. Григорий Богослов, 12, 238—239).

***

Ты слышишь о рождении; не допытывайся знать, каков образ рождения <Сына>. Слышишь, что Дух исходит от

Отца; не любопытствуй знать, как исходит (свт. Григорий Богослов, 13, 173).

***

Троица воистину есть Троица... Но слово *Трощa* означает не счет вещей неравных (иначе что препятствует, слагая с тем или другим числом вещей, именовать десятком, сотнею, десятком тысяч; так как вещей, числом изображаемых, много, даже более показанного теперь), но совокупность равных и равночестных; причем наименование соединяет то, что соединено по естеству, и не дозволяет, чтобы с распадением числа разрушилось неразрушимое.

Так мы рассуждаем и так содержим; о взаимном же отношении и порядке в Троице оставляем ведать Ей единой и тем из очищенных, которым Сама Троица благоволит открыть сие, или ныне, или впоследствии. А сами знаем, что одно и то же естество Божества, познаваемое в Безначальном, в рождении и исхождении (как бы в уме, который в нас, в слове и духе, поколику чувственному уподобляется духовное и малому высочайшее, тогда как никакой образ не достигает вполне до истины). Знаем, что Оно Само с Собою согласно, всегда тождественно, бесколичественно, невременно, несозданно, неописуемо, никогда не было и не будет Само для Себя недостаточным. Знаем, что Оно есть Жизни и Жизнь, Светы и Свет, Блага и Благо, Славы и Слава, Истинное и Истина и Дух Истины, Святые и Источные святыни, Каждая (умопредставляемая особо, поколику ум разделяет и нераздельное) есть Бог и все Три (умопредставляемые вместе) также Бог, по тождеству движения и естества. Знаем, что Оно ничего не оставило выше Себя, и не превзошло что-либо иное, ибо и не было ничего такого; знаем, что Оно ничего после Себя не оставит и не превзой-

дет, ибо и не будет ничего такого; знаем, что Оно не допускает ничего равночестного с Собою, потому что ни одно из существ, сотворенных, служебных, соучаственных и ограниченных не достигает до Естества несозданного, владычественного, делающего других Своими причастниками и беспредельного. Ибо одни из тварей совершенно удалены от Него; другие же приближены к Нему несколько и будут приближаться, но не по своему естеству, а по причастию Его естества, и притом тогда только, когда доброе порабощение Троице соделается чем-то выше рабства; если уже не составляет свободы и царства то самое, чтобы хорошо познавать владычество, впрочем, по низости ума, не смешивать того, что имеет между собой расстояние. А для кого так высоко рабство, для того чем будет владычество? Ежели и познание есть блаженство (см.: Ин. 17, 3), то каково Познаваемое? К сему ведет нас великая тайна! К сему ведет вера в Отца и Сына и Святаго Духа и в общее имя! К сему ведут возрождение, отречение от безбожия и исповедание Божества — сего общего имени! Почему бесчестить или отделять Единого из Трех — значит бесчестить исповедание, т. е. и возрождение, и Божество, и обóжение, и надежду. Видите, что дарует нам Дух, исповедуемый Богом, и чего лишает — отвергаемый (свт. Григорий Богослов, 13, 223—225).

***

Учи не признавать Сына нерожденным (потому что Отец один) и Духа Сыном (потому что Единородный один). Пусть и сии Божеские свойства принадлежат Им исключительным образом, а именно: Сыну — сыновство, Духу же — исхождение, а не сыновство. Учи Отца именовать истинно Отцом и в смысле гораздо более истинном, нежели как именуются наши земные отцы; потому что Он Отец в

единственном смысле, т. е. своеобразно, а не по подобию плотских отцов, — Отец Единственный, т. е. не в сочетании с кем-либо, — Отец Единственного Сына, т. е. Единородного, — Отец исключительно, т. е. не бывший прежде Сыном, — Отец всецело и всецелого Сына (чего нельзя достоверно сказать о наших отцах), — Отец изначала, т. е. не впоследствии сделавшийся Отцом. Учи Сына именовать истинно Сыном, потому что Он — Единственный Сын Единственного Отца, Сын в единственном смысле и исключительно, а не вместе и Отец, — Сын всецело и Всецелого Отца, — Сын из начала, не начавший когда-либо быть Сыном; потому что не вследствие пременения советов Его Божество, и не вследствие преуспеяния Его обóжение, так чтобы Отец не был когда-либо отцом и Сын — сыном. Учи именовать Святаго Духа истинно Святым, потому что никто другой не свят так и в такой мере, и Святость Духа есть не что-либо придаточное, но самоисточное; Она не есть что-либо возрастающее или убывающее, что-либо во времени начинающееся и прекращающееся. И Отцу и Сыну и Святому Духу суть общи неначинаемость бытия и Божественность, но Сыну и Духу принадлежит иметь бытие от Отца. И отличительное свойство Отца есть нерожденность, а Сына — рожденность, и Духа Святаго — исходность (ἔκπεμψις). Когда же домогаешься постигнуть образ (рождения и исхождения), тогда что оставляешь Им Самим, Которые, по свидетельству Писания, одни только знают Друг Друга, и Друг Другом познаются (см.: 1 Кор. 2, 11), или что оставишь и тем из нас, которые впоследствии будут просвещены тамошним <Горним> светом? Соделайся прежде чем-либо из сказанного или подобным тому, и тогда познаешь столько, сколько Они познаются Друг Другом. Теперь же учи единственно ведать сие: Единицу в Троице и Троицу в Единице поклоняемую, в Которой и разделен-

ность и единство непостижимы. Не бойся, что, исповедуя рождение, припишешь Божеству страдательность. Божество хотя и рождает, однако же не страждет. И я в том тебе порукою, что Оно рождает Божески, а не человечески; потому что и бытие Его не человеческое. Бойся же приписывать Богу время и тварность, ибо если произошел во времени, то не Бог. Бойся, чтобы, без нужды стоя за Бога, не отринуть Бога, соделав сослужебною себе тварью Того, Кто равен Отцу по Божеству, Кто и тебя освободит от рабства, если искренно исповедуешь Его владычество. Не бойся исповедовать исхождение, потому что Богу, во всем преизбыточествующему, равно нет необходимости — или не изводить, или изводить. Бойся же отчуждения и той угрозы, какая возвещена не богословствующим, но хулящим Духа Святого (см.: Мф. 12, 31—32). Не воздавай худого чествования Единоначалию, сокращая или обсекая Божество (свт. Григорий Богослов, 13, 287—289).

***

...Неслитность трех Ипостасей соблюдается в едином естестве и достоинстве Божества. Сын не Отец; потому что Отец один; но то же, что Отец. Дух не Сын, хотя и от Бога; потому что Единородный один; но то же, что Сын. И Три — едино по Божеству; и Единое — три по личным свойствам, так что нет ни единого — в смысле Савеллиевом, ни трех — в смысле нынешнего лукавого разделения (свт. Григорий Богослов, 14, 110).

***

У нас один Бог, потому что Божество одно. И к Единому возводятся сущие от Бога, хотя и веруется в Трех; потому что как Один не больше, так и Другой не меньше

есть Бог; и Один не прежде, и Другой не после: Они и хотением не отделяются, и по силе не делятся; и все то не имеет места, что только бывает в вещах делимых. Напротив того, если выразиться короче, Божество в Разделенных неделимо, как в трех солнцах, которые заключены одно в другом, одно растворение света. Посему когда имеем в мысли Божество, первую Причину и Единоначалие, тогда представляемое нами — одно. А когда имеем в мысли Тех, в Которых Божество, Сущих от первой Причины, и Сущих от Нее довременно и равночестно, тогда Поклоняемых — три (свт. Григорий Богослов, 14, 115—116).

***

...Каждое из Них <Лиц Божества>, по тождеству сущности и силы, имеет такое же единство с Соединенным, как и с Самим Собою. Таково понятие сего единства, сколько мы постигаем оное (свт. Григорий Богослов, 14, 117).

***

Не успею помыслить о Едином, как озаряюсь Тремя. Не успею разделить Трех, как возношусь к Единому. Когда представляется мне Единое из Трех, почитаю Сие целым; Оно наполняет мое зрение, а большее убегает от взора. Не могу объять Его величия, чтобы к оставшемуся придать большее. Когда совокупляю в умосозерцании Трех, вижу единое Светило, не умея разделить или измерить соединенного Света (свт. Григорий Богослов, 14, 316).

***

...Безначальное, Начало и Сущее с Началом — Един Бог. Но безначальность или нерожденность не есть естество

Безначального. Ибо всякое естество определяется не через то, чем оно не есть, но через то, чем оно есть; ибо оно есть положение, а не отрицание существующего. И Начало, тем, что оно начало, не отделяется от Безначального, ибо для Него быть началом не составляет естества, как и для Первого быть безначальным; потому что сие относится только к естеству, а не есть самое естество. И Сущее с Безначальным и с Началом есть не иное что, как то же, что и Они. Имя Безначальному — Отец, Началу — Сын, Сущему вместе с Началом — Дух Святый; а естество в Трех единое — Бог, Единение же — Отец, из Которого Другие и к Которому Они возводятся, не сливаясь, а сопребывая с Ним, и не разделяемые между Собою ни временем, ни хотением, ни могуществом (свт. Григорий Богослов, 15, 38).

***

...Не уничижай Божества, не предпочитай Одного, унижая Другого. Одно есть естество неизмеримое, несозданное, безлетное, благое, свободное и равночестное. Един есть Бог в трех Озарениях, управляющий миром (свт. Григорий Богослов, 15, 222—223).

***

Из Единицы Троица, и из Троицы опять Единица. Здесь не то же, что ключевая жила, ключ и большая река, и между тем единый поток, в трех видах стремящийся по земле; не то же, что свеча из пылающего костра, опять в него влагаемая; не то же, что слово, исходящее из ума и в нем пребывающее; не то же, что отблеск колеблющихся и освещенных солнцем вод, мелькающий на стене, ни на одно мгновение не останавливающийся, но прежде приближения удаляющийся и прежде удаления приближающийся; не то

же, — потому что естество Божие не есть что-либо непостоянное, или текучее, или опять сливающееся; напротив того, Богу свойственна неизменность (свт. Григорий Богослов, 15, 223—224).

***

В трех Светах одно естество неподвижно. Единица не бесчисленна; потому что покоится в трех Добротах. Троица не в разной мере досточтима; потому что естество не рассекаемо. В Божестве Единица, но тричисленны Те, Которым принадлежит Божество. Каждый есть Единый Бог, если именуешь Одного. И опять, Един Бог безначальный, из Которого богатство Божества, когда слово упоминает о Трех. В первом случае проповедуется смертным досточтимость трех Светов; во втором мы славим пресветлое Единодержавие и не восхищаемся многоначальным собором богов. Ибо, по моему рассуждению, многоначалие есть то же, что и совершенное безначалие, находящееся во взаимной борьбе. А борьба предполагает раздор; а раздор быстро ведет к разрушению. Посему многоначалие да будет у меня как можно дальше от Божества!

Тремя богами можно было бы назвать тех, которых разделяли бы между собою время, или мысль, или держава, или хотение, — так что каждый никогда бы не был тождествен с прочими, но всегда находился с ними в борьбе. Но у моей Троицы одна сила, одна мысль, одна слава, одна держава; а через сие не нарушается и единичность, которой великая слава в единой гармонии Божества.

Сие только свету, который во мне, открыло Троичное сияние из-за воскрилий завесы внутрь Божия храма, за которыми сокрыто царственное естество Божие. А если нечто большее открыто Ангельским ликам, то еще гораздо

более ведомо Самой Троице (свт. Григорий Богослов, 15, 224—225).

***

Везде ищу помощи и, повсюду от Тебя обременяемый, к Тебе опять обращаю взоры, Блаженный, к Тебе, моя помощь к Тебе, Вседержитель, Нерожденный, Начало и Отец Начала — бессмертного Сына, великий Свет равного Света, Который, по неисследимым законам, из Единого исходит в Единое, — к Тебе, Сын Божий, Премудрость, Царь, Слово, Истина, Образ Первообраза, Естество, равное Родителю, Пастырь, Агнец, Жертва, Бог, Человек, Архиерей, — к Тебе, Дух, исходящий от Отца, Свет нашего ума, приходящий к чистым и творящий человека богом! Умилосердись надо мною; даруй и мне, как здесь в преклонные лета, так и в будущей жизни, когда вступлю в общение со всецелым Божеством, радостно восхвалять Тебя немолчными песнопениями! (свт. Григорий Богослов, 15, 301—302).

***

Воспеваю Тебя, Живая Троица, Единая и единственно единоначальная, Естество неизменяемое, безначальное, Естество неизглаголанной сущности, Ум непостижимый в мудрости, небесная Держава, непогрешимая, неподначальная, беспредельная, Сияние неудобозримое, но все обозревающее, от земли и до бездны ни в чем не знающее для Себя глубины! (свт. Григорий Богослов, 16, 2).

***

Первая Дева есть чистая Троица. От безначального Отца, не возбужденного кем-либо (потому что Сам Он для

всех есть Путь, Корень и Начало), и рождающего не что-либо подобное смертным чадам, как от света свет, исходит Сын Царь. От Сына же нет другого возлюбленного сына, восхищающего подобную славу, так что Отец всецело пребывает Родителем, а Сын только Сыном и единственным Сыном единственного Отца, имеющим то общее с великим Духом, что Оба одинаково суть от Отца. Един Бог, открывающийся в Трех Светах; таково чистое естество Троицы! (свт. Григорий Богослов, 16, 50).

***

...Естество Отца и Сына одно и то же; ибо инородному невозможно называться именем Божиим; как скамья не называется сыном плотника, и никто из здравомыслящих не скажет, что домоздатель построил сына; напротив того, наименованиями отец и сын означается единение их по естеству. Когда два существа состоят во взаимном свойстве с третьим, по всей необходимости надлежит не иметь им различия и одному с другим. Посему если Сын по естеству в единении с Отцем, а тождеством действ доказано, что Дух Святый не чужд естества Сыновнего, то вследствие сего оказывается, что естество Святой Троицы едино, между тем как в каждой Ипостаси личное свойство, по преимуществу в ней усматриваемое, не сливается, и отличительные признаки между собою не перемешиваются так, что признак Отчей Ипостаси не переносится на Сына или Духа, или так же признак Сына не применяется к Отцу и к Духу, или личное свойство Духа не обнаруживается в Отце и в Сыне. Но в общности естества усматривается несообщимое различие особенностей. Отцу свойственно безвиновное бытие. Сего нельзя видеть в Сыне и в Духе; потому что Сын от Отца исшел (см.: Ин. 16, 28), как говорит Писание, и Дух

от Бога (см.: 1 Кор. 2, 12) и *от Отца исходит* (Ин. 15, 26). Но как сие — иметь безвиновное бытие, будучи свойством одного Отца, не может прилагаемо быть к Сыну и к Духу; так наоборот и сему — иметь бытие от вины, что свойственно Сыну и Духу, неестественно быть усматриваемым в Отце. А как общее свойство Сына и Духа — не быть нерожденным, то, чтобы не усматривалось в Них какой-либо слитности, можно опять найти несмешиваемое различие в Их личных свойствах; так что и общее сохраняется, и особенные свойства не сливаются. Ибо Сын в Святом Писании именуется Единородным от Отца, и сим Писание ограничивает личное свойство Сына. О Святом же Духе говорится, что Он от Отца, и свидетельствуется, что Он есть Сыновний. Ибо сказано: *Аще же кто Духа Христова не имать, сей несть Егов* (Рим. 8, 9). Посему хотя Дух, сущий от Бога, есть и Христов Дух, однако же Сын, сущий от Бога, не есть и не называется Сын Духа: и относительная сия последовательность не имеет места в обратном порядке, так что можно было бы, равным образом разложив речь, превращать ее, и как Духа называем Христовым, так и Христа именовать Духовым. Посему, так как свойство сие ясно и неслитно отличает одно Лице от другого, а тождество действия свидетельствует об общности естества, то тем и другим подтверждается благочестивое положение о Божестве, что исчисляется Троица по Ипостасям, и не рассекается на иноестественные отделы (свт. Григорий Нисский, 18, 427—429).

***

...Понятие ипостасей, по усматриваемым в каждой особенностям, допускает разделение, и по сложении представляется числом; но естество одно, сама с собою соединенная и в точности неделимая единица, неувеличиваемая прило-

жением, неумаляемая отъятием; но как есть одна, так, хотя и во множестве является, сущая нераздельною, нераздробляемою, всецелою, неуделяемою причастникам ее по особой части каждому (свт. Григорий Нисский, 21, 115).

***

...Поелику у людей при одних и тех же занятиях деятельность каждого отдельна, то они в собственном смысле называются многими, так как каждый из них по своеобразности действования отделяется от других в особый округ. Но о Божеском естестве дознали мы не то, именно же не то, что Отец Сам по Себе творит что́-либо, к чему не прикасается Сын, или Сын опять производит что-либо особо без Духа, но что всякое действование, от Божества простирающееся на тварь и именуемое по многоразличным о Нем понятиям, от Отца исходит, через Сына простирается и совершается Духом Святым. Посему имя действования не делится на множество действующих, так как нет усвоенного каждому и особенного попечения о чем-либо. Но что́ ни происходит, касающееся или промышления о нас, или домостроительства и состава вселенной, — все производится Тремя, впрочем, произведений не три. Уразумеем же сказанное по одному какому-либо предмету. Начинаю речь с самого главного из дарований; жизнь улучило все, что́ стало причастным сей милости. Итак, доведываясь, откуда произошло у нас таковое благо, находим, по руководству Писания, что от Отца и Сына и Духа Святаго. Но на том основании, что полагаем три Лица и Имени, не заключаем, что особо каждым из Них дарованы нам три жизни; напротив того, одна и та же жизнь приводится в действие Отцем, уготовляется Сыном, зависит от соизволения Духа. Итак, подобно сказанному, всякую деятельность Святая Троица не

приводит в действие раздельно по числу Ипостасей; напротив того, происходит одно какое-либо движение и распоряжение доброй воли, переходящее от Отца через Сына к Духу. Посему, как производящих одну и ту же жизнь не называем тремя животворящими, ни созерцаемых в одной и той же благости тремя благими, ни о всем другом не выражаемся множественно, так не можем именовать тремя Богами совокупно и нераздельно друг через друга приводящих в действие на нас и на всяких тварях оную Божескую, т. е. надзирающую, силу и деятельность. Ибо, дознав из Писания, что Бог всяческих судит *всей земли* (Быт. 18, 25), утверждаем, что Он Судия вселенной через Сына. И, слыша опять, что *Отец не судит никомуже* (Ин. 5, 22), не думаем, что Писание противоречит само себе; ибо *Судяй всей земли* творит сие через Сына, Которому дал весь суд. И все, совершаемое Единородным, относится к Отцу, так что Он есть Судия вселенной, и никого не судит; потому что весь суд, как сказано, отдал Сыну, и всякий суд Сына не чужд Отеческой воле; посему никто не имеет основательной причины или наименовать двоих судей, или одного в отношении к суду признать чуждым той власти и силы. Так и относительно понятия о Божестве, *Христос Божия сила и Божия премудрость* (ср.: 1 Кор. 1, 24). И надзирающую и зрительную силу, которую называем Божеством, Отец приводит в действие через Единородного, потому что Сын всякую силу совершает Святым Духом, и судит, как говорит Исаия, *духом суда и духом зноя* (Ис. 4, 4), действует же по Евангельскому слову, изреченному иудеям; ибо говорит: *аще же Аз о Дусе Божии изгоню бесы* (ср.: Мф. 12, 28), под частным благодеянием заключая все виды благодеяний, по причине единства относительно к действованию; а кем друг через друга в действие приводится одно, у тех имя

действования не может быть разделяемо на многих. Ибо, как прежде сего сказано, один закон надзирающей и зрительной силы у Отца и Сына и Святаго Духа, от Отца, как из некоего Источника исходящий, Сыном приводимый в действие и силою Духа совершающий благодать; а посему ни одно действование не различается по Ипостасям, как бы каждою особо и отдельно, без обнаружения в действии и прочих, совершаемое; напротив того, вся промыслительность, попечительность и бдительность над вселенной, относительно к чувственной твари и к естеству премирному и охраняющая существа, и исправляющая погрешительное, и научающая исправности, единственна, а не трояка, хотя Святою Троицею совершается, однако же не рассекается тречастно по числу созерцаемых верою Лиц, так чтобы каждое из действий, само по себе рассматриваемое, было или одного Отца, или особо Единородного, или отдельно Святаго Духа. Но разделяет Каждому особые блага, как говорит Апостол, *един и тойжде Дух* (1 Кор. 2, 11). Не безначально же движение блага от Духа; напротив того, находим, что все творит предусматриваемая мысленно в сем движении сила, и это есть Единородный Бог, без Которого ни одно существо не приходит в бытие, да и сей опять Источник благ исходит из Отчей воли.

Если же всякое благое дело и имя не во времени, без перерывов, зависимо от безначальной силы и воли, приводится в совершение в силе Духа Единородным Богом и не бывает или не представляется мыслию никакого протяжения времени в движении Божественной воли от Отца через Сына к Духу, единым же из добрых имен и понятий есть Божество, то несправедливо было бы имени сему рассеваться на множество, так как единство в действовании возбраняет множественное исчисление. И как у Апостола име-

нуется *един Спаситель всем человеком, паче же верным* (ср.: 1 Тим. 4, 10) и на основании сих слов никто не скажет, что или не Сын спасает верующих, или спасение улучающих оное бывает без Духа, напротив того, спасителем всех бывает Бог всяческих, между тем как совершает спасение Сын благодатию Духа; и тем паче в Писании именуются не три Спасителя, если и исповедуется, что спасение от Святой Троицы, так не три Бога, по данному значению слова: Божество, хотя таковое название и приличествует Святой Троице. Входить же в состязание с возражающими, что под словом *Божество* не должно разуметь деятельности, кажется мне чем-то не очень необходимым для настоящего в слове сем доказательства; ибо, веруя, что естество Божие неопределимо и непостижимо, не примышляем никакого объемлющего оное понятия, но постановляем правилом представлять себе естество сие во всех отношениях беспредельным; а всецело беспредельное не таково, чтобы иным определялось, иным же нет; напротив того, беспредельность во всяком смысле избегает предела. Посему, что́ вне предела, то, конечно, не определяется и именем; почему, чтобы при естестве Божием осталось понятие неопределимости, говорим, что Божество выше всякого имени, Божество же есть и одно из Имен. Следовательно, невозможно, чтобы одно и то же и именем было, и признавалось выше всякого имени (свт. Григорий Нисский, 21, 122—127).

***

...Отец не потому есть Бог, что сохраняет инаковость с Сыном; в таком случае не был бы Богом Сын. А если потому, что Отец есть Отец, Он есть и Бог; то, поелику Сын не Отец, Сын уже не Бог. Если же Сын есть Бог не потому, что Он — Сын, а подобно сему и Отец есть Бог не

потому, что Он — Отец, но потому, что Он такая-то сущность; то Один есть Отец, и Сын есть Бог, и по сей причине Отец Бог, и Сын Бог, и Дух Святый Бог. Так как сущность не делится в каждом Лице, чтобы, подобно Лицам, были и три сущности; то явно, что не будут делиться ни Имя, которое означает сущность, ни Бог, чтобы Ему быть тремя Богами. Но как сущность — Отец, сущность — Сын, сущность — Дух Святый, но не три сущности; так и Бог — Отец, Бог — Сын, Бог — Дух Святый, а не три Бога. Ибо один Бог, и Он один и тот же, так как и сущность одна, и она одна и та же; хотя каждое Лицо называется и существенным, и Богом. Иначе, поелику каждое Лице есть сущность, необходимо и сущности Отца, Сына и Духа Святаго назвать тремя, что противно разуму. Ибо Петра, Павла и Варнаву не называем тремя сущностями; напротив того, единою и единственною сущностью именуя ту, которая во Отце и Сыне и Святом Духе, вследствие сего называем Единого Бога, хотя и веруем, что и каждое Лице существенно и есть Бог. Ибо, как по разности Отца, Сына и Святаго Духа говорим, что три Лица; так поелику не разнятся по сущности, но в отношении к оной есть тождество в Лицах: то, без сомнения, будет сие тождество и в отношении к имени Бог, потому что означает оно сущность, не то представляя, что́ она такое (сие непостижимо), но указывая на нее, как заимствованное от некоего свойства, принадлежащего сущности. Отличительное свойство вечной сущности, общее Отцу, Сыну и Святому Духу, — над всем назирать, все видеть и знать, даже самое сокровенное. Отсюда заимствованное имя *Бог*, употребляемое в собственном смысле, означает оную сущность. Посему, так как одна таковая сущность и означающее ее имя также одно, именно имя *Бог*, то, сообразно с понятием сущности, в собственном смысле

один будет и Бог; потому что имя *Бог* — означает не Лице, а сущность. А если бы имя *Бог* указывало на Лице, то одно и единственное Лице, Которое бы означалось таким-то именем и называлось бы Богом, как и Отцем называется один Отец; потому что именем сим означается Лице (свт. Григорий Нисский, 21, 179—181).

***

...Об Отце исповедуем, что Он есть несозданный и нерожденный; ибо и не рожден, и не создан. Посему несозданность эта у Него есть общая с Сыном и Духом Святым. Но Отец и не рожден; это есть особенное, несообщимое, чего не находится ни в одной из прочих Ипостасей. Сын по несозданности едино со Отцем и Духом, но в том, что́ есть и именуется Сыном и Единородным, имеет особенность, которой нет ни у Сущего над всеми Бога, ни у Святаго Духа. Дух же Святый, по несозданности естества имея общность с Сыном и Отцем, опять отличается от Них собственными Своими признаками. Признак же и черта, особенно Его отличающие, — не быть ничем из того, что усматривает разум в Отце и Сыне. Ибо не быть и нерожденно и единородно, вообще же быть — составляет исключительную Его особенность перед поименованными Лицами. Будучи едино со Отцем по несозданности, опять отличается от Него тем, что не Отец, подобный оному Отцу; при единстве с Сыном по несозданности, составляя с Ним едино, и потому, что причину бытия имеет в Боге всяческих, не одно с Сыном опять по Своей особенности; потому что не единородно происходит от Отца, и является через Сына. И опять, поелику тварь приведена в бытие Единородным, то, чтобы не подумали, будто бы и Дух, как явившийся через Сына, имеет некую общность с тварию, непреложностию, неизменяемо-

стию, неимением нужды заимствовать от других благость Дух отличается от твари, потому что тварь не имеет непреложности в естестве, как говорит Писание, повествуя о падении Денницы (см.: Ис. 14, 12), о котором и Господь, открывая таинства ученикам, сказал: *видех сатану яко молнию с небесе спадша* (Лк. 10, 18). Но чем отличается от твари, тем самым состоит в сродстве с Отцем и Сыном. Ибо понятие непреложности и неизменяемости одно и то же самое для всех существ, по естеству неприемлющих в себя худшего (свт. Григорий Нисский, 22, 112—114).

***

По понятию сущности Сущий — един; почему и Владыка узаконил взирать на единое имя; а по отличительным свойствам, служащим к знанию Ипостасей, вера в Него делится на веру в Отца и Сына и Святаго Духа, неотлучно разделяемых и неслиянно соединяемых. Ибо, когда услышим слово *Отец*, дадим в себе место той мысли, что имя сие не только само в себе разумеется, но означает собою и отношение к Сыну; потому что Отец не был бы умопредставляем отдельно Сам по Себе, если бы с произнесением слова *Отец*, не соединялось с ним понятие о Сыне. Посему, познав Отца, сим самым словом научены мы и вере в Сына. Посему, так как Божество по естеству, что́ Оно есть, и как Оно́ есть, таково, точно и всегда: не когда-либо стало тем, что́ Оно теперь, и не будет когда-либо чем-то таким, чем не есть теперь; Отцем же наименован в Писании истинный Отец, а вместе с Отцем является и Сын; то необходимо веруем, что, не допуская никакого превращения или изменения в естестве, чем Он <есть> теперь, тем непременно был и всегда, или если когда не был чем, то непременно не есть тем и теперь. Посему, так как истинное Слово именует Отцем, то всегда непременно и был Отцем, и есть, и будет, как был. О Божи-

ем и Пречистом Естестве непозволительно сказать, что Оно не всегда прекрасно. Ибо если не всегда было тем, что́ Оно теперь, то, конечно, превратилось или из лучшего в худшее, или из худшего в лучшее. Но равно нечестиво в этом то и другое, что ни будет сказано о Божием естестве. Божество не допускает превращения и изменения. Все, что есть прекрасного и доброго, всегда умопредставляется в Источнике прекрасного. Прекрасен же и выше всего прекрасного *Единородный* Бог, *сый в лоне Отчи* (Ин. 1, 18) (свт. Григорий Нисский, 22, 267—268).

***

А как Сын, Который во Отце... всегда есть то, что Он есть, потому что Божество по естеству не допускает приращения до большего, и вне Себя не усматривает какого-либо иного блага, по причастии которого приобрело бы большее, но всегда одинаковый не отмещет того, что́ имеет, и не приемлет, чего не имеет, — да и не имеет ничего отметного, и если что́ блаженно, пречисто и истинно благо, то непременно уже и окрест Его и в Нем: необходимо посему видим, что не вследствие приобретения присущ Ему Дух благий и Святый, Дух правый, Владычний, Животворящий, содержащий и освящающий всю тварь, Который, вся и во всех действует, якоже хощет (см.: 1 Кор. 12, 11), так что невозможно и представить какого-либо промежутка между помазанником и помазанием, или между царем и царством, или между премудростью и духом премудрости, или между истиною и духом истины, или между силою и духом силы; но как во Отце от вечности умопредставляется Сын, Который есть Премудрость и Истина, и Совет, и Крепость, и Ведение, и Разум, так и в Сыне от вечности умопредставляется Дух Святый, Который есть Дух премудрости и Истины, и Совета, и Разума, и все прочее, чем есть и

именуется Сын. Посему-то говорим, что соединенно и вместе раздельно предана святым ученикам сия тайна благочестия, а именно, что должно веровать во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Ибо особенность Ипостасей ясною и неслиянною делает разделенность Лиц. Одно же имя, поставленное в изложении веры, ясно объясняет нам единство сущности Лиц, в Которые веруем, разумею Отца и Сына и Духа Святаго. Ибо по сим названиям дознаем не разность естества, но одни свойства, служащие к познанию Ипостасей, по которым знаем, что Отец — не Сын и Сын — не Отец или Отец или Дух Святый — не Сын; но каждое Лице познается по особой отличительной черте ипостаси, в неопределимом совершенстве, само по себе представляемое и не отделяемое от Лица, с Ним соединенного (свт. Григорий Нисский, 22, 269—270).

***

...Церковный догмат провозглашает, что во Отце и Сыне и Святом Духе — одна сила, одна благость, одна сущность, одна слава, таково же и все прочее, исключая разность Ипостасей (свт. Григорий Нисский, 22, 367).

***

Один Бог Отец Слова живого, Премудрости ипостасной и Силы и Образа присносущного; Совершенный, Родитель Совершенного, Отец Сына Единородного. Один Господь, Единый от Единого, Бог от Бога, Образ и Изображение Божества, Слово действенное, Мудрость, объемлющая состав всего, и творческая Сила всей твари, истинный Сын истинного Отца, Невидимый Невидимого, Нетленный Нетленного, Бессмертный Бессмертного, Присносущный Присносущного. И один Дух Святый, от Бога имеющий бытие (ὕπαρξιν) и

через Сына явившийся, т. е. человекам; Образ Сына, Совершенного Совершенный, Жизнь, — Вина живущих, Источник святый, Святость, Податель освящения, в Котором является Бог Отец, Иже над всеми и во всех, и Бог Сын, Иже через всех. Троица совершенная, славою, вечностию и царством не разделяемая и не отчуждаемая (свт. Григорий Нисский, 25, 147—148).

***

...Нет в Троице чего-либо сотворенного или служебного; нет чего-либо привнесенного, как бы прежде не бывшего, а впоследствии привзошедшего... Ни в чем у Сына не было недостатка перед Отцем и у Святаго Духа перед Сыном; но непременна и неизменна есть всегда та же Троица (свт. Григорий Нисский, 25, 148).

***

Для меня и для всякого верующего остается твердым тот догмат благочестия, что, где представляется говорящим один Отец, там разумеется вместе и Сын, и Дух Святый. Где говорит Сын, там и власть Отца, где действует Дух Святый, там действует и Отец. Не разделяется слава Святой Троицы, как не разделяется и учение истины. Не исповедуй же Царства кого-либо одного из Них (свт. Иоанн Златоуст, 50, 726).

***

...Ничто не разделяет Отца и Сына и Святаго Духа — никакое время, ни протяжение времени. Прежде веков Отец; прежде веков Сын, — так как Он сотворил века; прежде веков Дух Святый. Никогда не разделяется природа, никогда не разделяется сила. Внимай тщательно: цар-

ствует Отец, царствует Сын, царствует Дух Святый (свт. Иоанн Златоуст, 50, 831).

***

Троица, существующая прежде веков, не от начала получившая бытие, но безначальная, вечная, нестареющая, бессмертная, бесконечная, не увеличивающаяся, не уничтожающаяся, но неразрушимая... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 986).

***

Сказанное в Священном Писании о Божестве в числе единственном указует на существенное свойство Божественного естества, потому что Святая и Царственная Троица единосущна; выраженное же в числе не единственном показывает различие Ипостасей; потому что Божество распространяется на три Лица и снова сводится в одну Сущность, чтобы не имели места и многобожие, вследствие различия естеств, и иудейское понятие о Боге, вследствие единого Лица. Как тождество естества разделяется Ипостасями, так личность Ипостасей сочетавается в единую Сущность (прп. Исидор Пелусиот, 62, 164—165).

***

Собственны каждой из трех Ипостасей: отчество, сыновство, исхождение, а общи трем Ипостасям: существо, естество, Божество, благость (авва Фалассий, 92, 302).

***

Едино есть пребезначальное и пресущественное благое Существо, Триипостасная Единица, Отец, Сын и Дух Святый, трех Беспредельных беспредельное со-сущее; отно-

сительно бытия Коего, как Он есть, что́ есть и каков есть, для сотворенных умов недоступно всякое разумение. От всякого убегает оно уразумения умствующих, отнюдь не исходя из естественной своей внутри сокровенности, и всякое всех ведений безмерно превосходит ве́дение.

Един Бог Отец, Единого Сына Родитель, и Единого Духа Святаго Изводитель; Единица неслиянная, и Троица нераздельная; Ум безначальный, Единый Родитель Единого, существенно безначального Слова, и Единой присносущной Жизни, т. е. Духа Святаго, Источник.

Един Бог, Единица безначальная и пресущная, частей неимеющая и нераздельная; Один и тот же и Единица и Троица (прп. Максим Исповедник, 92, 248).

***

Сила ума нашего по естеству способна к познанию телесных и бестелесных существ, о Святой же Троице ве́дение приемлет она по единой благодати, веруя только, что Она есть, но не дерзая пытать, что Она есть по естеству... (прп. Максим Исповедник, 92, 266).

***

...В отношении к нераздельной и неслиянной Троице невозможно ни помыслить, ни сказать: первое, второе, третье, или большее, или меньшее. Что есть и каково Божественное и Пресущественное Естество, это совершенно неизреченно, неизглаголанно и недомыслимо; уму человеческому невозможно понять этого (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 78).

***

Троицею Оно <Божество> называется по Лицам, или Ипостасям; и поскольку Бог нераздельно разделяется на

три Лица, неслитно соединенные воедино, то и называется Бог — Троица (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 80).

***

...Исповедуем, веруем, свидетельствуем и утверждаем, перед теми особенно, которые не почитают дерзким испытывать относящееся до непостижимого Божества, что Пресвятая Троица, в Которую мы крещены, есть Бог Триипостасный, Отец, Сын и Дух Святый, как благодатию Святаго Духа удостоверились мы из самого Божественного Евангелия; но как есть и что есть Святая Троица, все создавшая, сего мы, созданные от Нее, не ведаем. И если сего не ведаем, как и поистине не ведаем, а между тем дерзаем говорить и толковать о том, чего не ведаем, то скольким стрелам молнийным праведно ниспасть на нас, чтобы попалить нас? В самом деле, то, что непохоже ни на что из сотворенного, ни видимое, ни невидимое, но есть выше всего, как можем познать мы, твари тленные, чувственные, слепые и непросвещенные? И особенно, когда грехи наши, как стена, стоят между нами и Богом и отделяют нас от Него? — Каковую стену грехов наших если не разорим мы покаянием или не прейдем, то не только Бога не возможем познать, но не познаем даже и того, что мы человеки (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 84).

***

Как, когда ум рождает слово, то вместе с тем явным делается для слышащих через живое слово или через письмена и желание души, как общее обоим, и уму, и слову — и три сии — ум, слово и душа — не сливаются в едино и не рассекаются на три, но все три вместе и каждое особо зрятся в единой сущности; так надлежит благочестно по-

мышлять и в отношении к Святой, Единосущной и Нераздельной Троице, и исповедать, что Отец неизреченно и недомыслимо рождает Сына и Слово, Которое имел вначале в Себе и Которое нераздельно имеет и по рождении, — что Сын рождается от Отца, с Коим всегда есть нераздельно и соприсносущно, и никогда не отделяется от Него, — и что Дух Святый исходит от Отца и есть соединен и сраслен с единосущными Ему Отцем и Сыном, с Коими и споклоняем, и спрославляем есть от всея твари, — и еще, что три Сии Лица Пресвятой Троицы имеют одну волю. Так познается и открывается Пресвятая Троица благодатию Святаго Духа, по благоволению Отца, через Сына, всем просвещаемым свыше. При сем надлежит веровать, что пресущная сущность Единого Божества Сих трех Лиц... есть триипостасна, и веруя так, явно вместе с нами исповедать, что три Ипостаси ее, соединены быв естественно, ни во едино не сливаются, ни на три не разделяются. В каждом из Сих трех Лиц мысленно созерцаются и Другие Два, в едином существе, естестве и славе, — и три Сии Лица есть Един Бог, Творец и Вседержитель всего видимого и невидимого.

Кто верует, что Бог есть Творец всех тварей, из несущего создавший все, небесное, земное и преисподнее, тот, зная Творца своего, пребывает в пределах своих и, от красоты тварей восходя умом своим к Создателю, воспевает и славословит Его, как Творца всего сущего и не пытается постигнуть непостижимое естество Божие. О себе самом знает он, что есть творение Его, подобное всем другим, как мы сказали; о Самом же Творце всего, Боге, знает, что Он несоздан, безначален, непостижим, неизъясним, неисследим, всегда сый и прежде всего сый; ибо не было времени, в

которое не было бы Бога, потому что Он создал времена и веки и был прежде всякого начала; в отношении к Нему ни начало не мыслится, ни конец не узревается, но Он есть безначален и начало всего сущего, и имеет быть присно в бесконечные и нескончаемые веки. Он неприступен, невидим, неизглаголан, недомыслим для всех, от Него созданных тварей, небесных и земных. Его не знали и мы, прежде заблуждавшие и верившие во многих богов, служившие твари и поклонявшиеся идолам. Но Он, как человеколюбивый и многомилостивый, сжалился над невежеством нашим и настолько снисшел к немощи нашей, сколько требовалось, чтобы мы познали, что Святая Троица есть Единый Бог совершенный, Коему подобает благочестно поклоняться во Отце и Сыне и Святом Духе.

Но что есть по существу, в Троице воспеваемое, Божество, каково по виду, в каком месте есть, каково по величию, и как есть по единению, сего не только люди не могли домыслить, но и сами Ангелы не могли постигнуть непостижимое и пресущное естество. Не указывай мне на наши богословия, потому что в них на основании Слова Божия изложили богословы нашей Церкви только то, что служит к обличению еретических нелепостей, а не то, что изъяснило бы Божеское естество. Почему содержи в мысли паче то, что поелику Божеское естество неприступно, то, конечно, и непостижимо, а что непостижимо, то и неизглаголанно. Сколько раз бывает, что и то, что понимаем, не можем выразить словом, как должно? То же, о чем все Божественное Писание свидетельствует, что Оно невидимо и недомыслимо, какой человек или какой Ангел может изъяснить и описать понятно? Конечно никакой. Никак не возможно человеческому уму понять и окачествовать каким-либо име-

нем то, что не есть что-либо из сущего (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 97—100).

***

Никто не может добре и полно постигнуть умом и выразить словом догмат о Пресвятой Троице, сколько ни читай он Божественные Писания. Истинно верующий и не берется за это; но, приемля с верою написанное, в том одном пребывает, ничего более не пытая, и кроме написанного и того, чему научен, совершенно ничего другого не может он сказать пытливым и самонадеянно дерзающим исследовать божественное (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 329).

***

Изумила же и поразила меня красота Твоя, о Троица, Боже мой! Ибо один образ... трех в каждом, и Три Лица составляют едино — Бога моего, Который называется Духом и Богом всех (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 56).

***

...Един Бог — Троица Святая, пресущественная сущность, единая в Трех Лицах и Трех Ипостасях, неразлучных и нераздельных, одно естество, одна слава, одна сила и одна также воля (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 146).

***

Одна Она <Троица> (есть) Творительница всего. Она, образовав всего меня из глины и дав душу, поселила меня на земле и дала смотреть на свет, а в нем видеть и этот чувственный мир, солнце, луну... звезды, небо и землю, море и все, что есть среди них (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 146).

***

...Если солнце лишится красоты света, то прежде (всего) само погибнет, а потом и вся тварь, которой определено получать от него освещение и зрение. Так и Бог среди мысленных (вещей) если бы лишился одного, Сына или Духа, то Он не будет более Отцем; даже и живым бы Он не был, отвергнув Духа, от Которого всем подается жизнь и бытие (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 154).

***

Свет — Отец, Свет — Сын, Свет — и Дух Святый. Смотри, что говоришь ты, брате, смотри, чтобы не погрешить. Ибо Три суть один Свет, один неразделенный, но соединенный в трех Лицах неслитно. Ибо Бог весь неразделен естеством, и существом поистине превыше всякой сущности. Не разделяется Он ни силою, ни образом, ни славою, ни видом, ибо весь Он простой и созерцается (как) Свет. В Них Лица — едино, три Ипостаси — едино, ибо Три в Едином, лучше же Три едино. Три эти — одна сила, Три — одна слава, Три — одно Естество, Существо и Божество (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 200—201).

***

Прежде чем сотворено небо, прежде чем произведена земля, был Бог Троица, один уединенный, Свет безначальный, Свет несозданный, Свет совершенно неизреченный, однако Бог бессмертный, один бесконечный, постоянный, вечный и весьма благостнейший. Хорошо уразумей Единого Бога в начале, Троицу пребезначально сущую, превыше всякого начала, неизобразимого, неизмеримого по высоте, глубине и широте, не имеющего предела величия и света (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 205).

***

...Ты, <Боже>, хотя и называешься многими и различными именами, но Сам Ты — едино. Это же Единое для всякой природы неведомо, невидимо и неизъяснимо, Которое, будучи уясняемо (через сравнение), называется всякими (именами). Итак, это Единое есть Триипостасное естество, Единое Божество, единое Царство, единая Сила, ибо Троица есть едино. Ведь Троица едина — Бог мой, а не три. Однако это Единое есть три по Ипостасям, однородным друг другу по естеству, равномощным и совершенно единосущным, с одной стороны неслитно, превыше ума соединенным, с другой, наоборот, — нераздельно разделяемым, в едином — три и в трех — едино. Ибо един есть сотворивший все Иисус Христос со безначальным Отцем и собезначальным Духом Святым.

Итак, Троица есть совершенно нераздельное единство: в Едином Три, и в Трех едино; лучше же Три Эти Едино, и Едино наоборот — Три. Разумей, поклоняйся и веруй ныне и вовеки. Ибо это Единое, когда явится, воссияет и озарит, когда сообщится и преподастся, то бывает всяким благом. Поэтому Оно и называется нами не одним, но многими (именами): Светом, Миром и Радостию, Жизнью, Пищей и Питием, Одеянием, Покровом, Скинией и Божественным Жилищем, Востоком, Воскресением, Упокоением и Купелию, Огнем, Водою, Рекою, Источником Жизни и Потоком, Хлебом, и Вином, и общим Услаждением верных, роскошным Пиром и Наслаждением, Которым мы таинственно наслаждаемся, поистине Солнцем незаходимым, Звездою вечно сияющей и Светильником, светящим внутри душевной храмины. Это Единое есть и многое, Оно и разрушает, и созидает. Это Единое Словом произвело все и Духом силы содержит все это. Это Единое из ничего создало небо и землю, дало (им) бытие и неизреченно составило.

Это Единое волею (одною) сотворило солнце, луну и звезды — чудо новое и необычайное. Это Единое повелением (Своим) произвело четвероногих, гадов и зверей, всякий род пернатых и все в море (живущее), как все мы видим. Наконец, Оно сотворило и меня, как царя, и все это дало мне для служения, как рабов, рабски исполняющих мои потребности (прп. Симеон Новый Богослов, 79, 208—209).

***

Первый Ум сый, Бог, единосущное в Себе имеет Слово с Духом соприсносущным, ни без Слова и Духа никогда не бывая, по причине нераздельности естества, ни сливаясь с Ними, по причине неслиянности сущих в Нем Ипостасей. Почему и естественно рождая из существа Своего Слово, Сам не отделяется от Него, несеко́м будучи в Себе. Имеет же соприсносущное Слово соестественным Себе собезначального Духа, предвечно от Отца исходящего, и от Родителя Своего не отсекается. Ибо у Них едино есть и нераздельно естество, хотя по различию Ипостасей разделяется на Лица, и троично воспевается — Отец, Сын и Дух Святый. Лица Сии, как единое естество и Бог Един, никогда не отделяются от соприсносущного существа и естества. Сего-то триипостасного и единичного естества образ виждь в созданном Им человеке, но по части его мысленной, а не по видимой, по бессмертной, а не по смертной и разлагающейся (прп. Никита Стифат, 94, 145).

ТРУД

Не любопытствуйте о том, какие работы сделаны другими, ни о том, кто трудился более, брат ли более тебя, или ты более его (прп. авва Исаия, 60, 8).

***

Поверьте мне, что покой, ослабление и тщеславие погубляют весь труд монашеский (прп. авва Исаия, 60, 9).

***

Если ты живешь близ знаменитого места, удручая подвигами тело свое Бога ради, и за сие люди начнут удивляться и почитать тебя, то оставь это место и удались в другое, дабы труд твой не был тщетен (прп. авва Исаия, 60, 26).

***

Если ты юн и не поработил еще своей плюти трудами послушания, то, слыша о великих добродетелях отцев, не стремись к оным, в той надежде, будто легко и удобно можно совершить оные: ибо не приобретешь оных добродетелей, если прежде не будешь трудиться над возделыванием их; когда же потрудишься возделывать оные, то добродетели сами собою придут к тебе (прп. авва Исаия, 60, 29).

***

...Человек, пока не совершит всякий труд в деятельных добродетелях, не может достигнуть свободы истинного созерцания (прп. авва Исаия, 60, 34).

***

Если труды наши и тщание будут благоприятны Богу, то враги наши не возмогут устоять против нас (прп. авва Исаия, 60, 37).

***

Если делаете какое-либо рукоделие, то трудитесь с полным усердием, но не заботьтесь знать, кто более наработал

в неделю, ты или брат твой: ибо таковое изыскание безрассудно. Если вместе с братиями выйдешь на послушание, не желай, чтобы знали, что ты более всех потрудился. Ибо дело, совершаемое в тайне, Богу благоприятно (прп. авва Исаия, 60, 41).

***

Что ни делаешь, имей Бога перед очами твоими (прп. авва Исаия, 60, 46).

***

Не держи в сердце своем злобы ни на кого, иначе труды твои будут тщетны и суетны (прп. авва Исаия, 60, 49).

***

Некоторый человек имел двух рабов и послал их на поле жать пшеницу, приказав каждому сжать в один день по семи некоторых участков земли. Один из них употребил все свои силы на то, чтобы исполнить повеление господина его, однако же не мог вполне совершить сего дела: ибо оно превышало силы его, а другой предался праздности. Кто, говорил он сам с собою, в состоянии совершить такое дело в один день? И так пренебрегая повелением господина, хотя он тревожился и беспокоился сим, однако же провел весь день без дела, то предаваясь сну, то зевая, то вертясь на все стороны, как вертится дверь на своих крючьях. Когда же наступил вечер, они возвратились к господину. Он, узнав о труде прилежного слуги, похвалил его, хотя дело и не вполне им было совершено; другого же, как беспечного и ленивого презрителя, приказал жестоко наказать и выгнать из дома своего. Так и мы во всяком деле и скорбном подвиге не должны лениться, а трудиться рачительно по мере сил на-

ших; и Бог, без сомнения, дарует нам наследие со святыми Своими (прп. авва Исаия, 60, 66—67).

***

Кто прибегает к Богу и просит Его помощи при всяком труде, тот найдет в нем покой (прп. авва Исаия, 60, 87).

***

Труд по Богу бывает помощником добродетели; праздность есть матерь пороков (прп. авва Исаия, 60, 93).

***

В дом, в котором отверсты окна и двери, вползают всякого рода змеи; сему дому подобен человек, который трудится, но не хранит трудов своих (прп. авва Исаия, 60, 95).

***

Упражняйся в трудах и рукоделии, дабы нищий мог получить от тебя хлеб: ибо праздность есть смерть и погибель души (прп. авва Исаия, 60, 96).

***

...Будем пребывать в страхе Божием, охотно подъемля труды в возделывании добродетелей, которыми укрощается злоба врагов: ибо труды сии не только хранят нас от страстей и врагов, но и уготовляют душе венцы, прежде исхода ее из тела (прп. авва Исаия, 60, 98—99).

***

Кто не полагается на свои труды, тот наиболее ощущает помощь Божию (прп. авва Исаия, 60, 138).

***

...Человек никогда не должен доверять себе, но постоянно пребывать в труде, доколе находится в теле (прп. авва Исаия, 60, 142).

***

Если кто не потрудится даже до смерти представить тело свое таковым, каково было у возлюбленного Иисуса, тот не возможет сретить Его с радостию, и не освобождается от горького рабства (прп. авва Исаия, 60, 178).

***

...Горе тем, кои трудятся для пользы других, а для себя самих не употребляют трудов... (прп. авва Исаия, 60, 194).

***

Телесные труды суть орудия добродетелей и спасительны для души (прп. Антоний Великий, 90, 78).

***

Понуждай себя на труд рукоделия; и вселится в тебя страх Божий (прп. Антоний Великий, 90, 97).

***

Избери себе труд, и он, вместе с постом, молитвою и бдениями, избавит тебя от всех скверн, потому что телесный труд приносит чистоту сердца, а чистота сердца делает то, что душа приносит плод (прп. Антоний Великий, 90, 108).

***

...Если работаешь с немощным, не любопрись в сердце своем, желая наделать более его... (прп. авва Исаия, 90, 309).

***

Кто в силах, тот должен работать и делиться с имеющими нужду. Ибо кто не хочет работать, тот не признается достойным и есть (свт. Василий Великий, 7, 354).

***

Хотя бы поручаемые тебе службы казались низкими, бойся злоупотребления, допуская превозношение и презрение, потому что за тобою надзирает Бог (свт. Василий Великий, 9, 50).

***

Не должно в праздности есть хлеб тому, кто способен работать, а занявшийся исполнением чего-либо во славу Христову должен принуждать себя к ревности в деле, по мере сил (свт. Василий Великий, 10, 55).

***

Если и к делу простираешь руки, то пусть язык творит псалом, а ум молится (прп. Ефрем Сирин, 31, 71).

***

Один неутомимо занимается работой из сребролюбия, другой много работает по любви к благотворению (прп. Ефрем Сирин, 31, 134).

***

...Трудная работа в самое время труда утомляет, по утомлении же доставляет здравие и благосостояние (прп. Ефрем Сирин, 31, 137).

***

Человеку, который в силах работать, не хорошо есть хлеб в праздности, когда Апостол говорит: *без стужения себе соблюдох и соблюду* (ср.: 2 Кор. 11, 9) (прп. Ефрем Сирин, 31, 146).

***

Не всегда дует одинаковый ветер, но в ветрах бывают перемены, посему надобно приучать себя к делу, ибо не знаем, что *родит находяй день* (ср.: Притч. 27, 1) (прп. Ефрем Сирин, 31, 150—151).

***

Приятна тебе праздность, но горек конец ее. Изнемогаешь работая, но возвеселишься впоследствии (прп. Ефрем Сирин, 31, 186).

***

Кто празднословит во время дела, тот развлекается в деле; а кто углубляется мыслию в святое слово, тот больше успеет (прп. Ефрем Сирин, 31, 204).

***

Не бойся труда и не говори: «Не изнемочь бы мне», а представляй лучше в уме, что все святые страданиями благоугождали Богу (прп. Ефрем Сирин, 31, 205).

***

Если... кто тяготится утомлением за делом, то сколько в мире таких, у которых болят руки и ноги... которые ни днем, ни ночью не имеют покоя (прп. Ефрем Сирин, 31, 413).

***

Трудись с ве́дением и рассуждением, чтобы ничего не пропало из сделанного тобою (прп. Ефрем Сирин, 31, 493).

***

Люби труды в это краткое <земное> время, чтобы покоиться целые веки; потому что сам ты пойдешь туда, а дело твое останется здесь (прп. Ефрем Сирин, 31, 518).

***

...Люби труды до конца, чтобы не был за тебя хулим Бог, когда неверные скажут: «И Бог не спас его!» Но как сказал Господь, *тако да просветится свет ваш перед человеки, яко да видят ваша добрая дела: и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5, 16) (прп. Ефрем Сирин, 31, 519).

***

Если вышел ты... вместе с братиями своими на поделие; то, по мере сил, дарованных тебе Господом, помогай более немощному, зная, что получишь от Господа награду за труд и за сострадание. Если же ты худосилен и немощен, то не пускайся много говорить, приказывать и вольничать, но лучше молчи и безмолвствуй, и Господь, видя твое смирение, убедит сердце братии твоей не налагать на тебя бремени (прп. Ефрем Сирин, 31, 566—567).

***

...<Если тот>, кто раздает работы, сделает замечание касательно добро́ты сработанного, то без огорчения приими обличение (прп. Ефрем Сирин, 31, 568).

***

...Старайся дневную работу и оканчивать в назначенный день; и ум, не связанный заботою и печалию, будет иметь свободное время для молитвы... (прп. Ефрем Сирин, 31, 575).

***

...Кто в силах и не трудится вместе с братиею, тот во многих отношениях вредит самому себе: во-первых, лишает себя награды, а во-вторых, подает повод к ропоту и к пересудам, как сделавший дело самолюбия (прп. Ефрем Сирин, 31, 588).

***

Во время трудов возводи душевное око горе́ и, созерцая оную радость, не будешь отрекаться от трудов (прп. Ефрем Сирин, 32, 104).

***

Неутомимо предайся труду, чтобы избежать тебе утомительности суетных трудов; потому что труды праведных произращают плод жизни, а труды грешников исполнены гибели (прп. Ефрем Сирин, 32, 104).

***

Трудящиеся для суетной жизни стараются запнуть трудящихся с ве́дением, чтобы близ себя не иметь обличения (прп. Ефрем Сирин, 32, 104).

***

...Не должно уклоняться от труда, напротив того, если брат вспомоществует брату, то они не уловимы сетями диавольскими (прп. Ефрем Сирин, 32, 120).

***

...Если усильно будешь работать сверх должного, и не станешь снабжать других, то будешь побежден. Напротив того, когда имеешь избыток, доброхотно отдавай неимущему: *доброхотно бо дателя любит Бог...* (2 Кор. 9, 7) (прп. Ефрем Сирин, 32, 172).

***

Всякое... дерево познается по своим плодам, и трудолюбивый человек виден с молодых его лет (прп. Ефрем Сирин, 32, 178).

***

Миряне трудятся для мирского, а духовные скорбят в делах духовных. Но *печаль мира смерть соделывает, а печаль яже по Бозе, покаяние* в жизнь вечную (ср.: 2 Кор. 7, 10) (прп. Ефрем Сирин, 32, 214).

***

Кто ненавидит труд, тот будет человеком негодным (прп. Ефрем Сирин, 32, 214).

***

Будем трудолюбивыми, но в делах обыкновенных не более, чем в деле Божием (прп. Ефрем Сирин, 32, 626).

***

Когда трудимся сверх меры, то даем повод винить нас в ненасытности (прп. Ефрем Сирин, 32, 626).

***

...Труды временной жизни приобретут вам великое дерзновение в жизни будущей; и нужды настоящей жизни будут для нас в упокоение, возвышение и похвалу в жизни будущей, и нынешний плач обратится для вас в утешение и покой (прп. Ефрем Сирин, 33, 125).

***

Будьте чадами послушания в трудах, чтобы стать отцами в упокоении. Пребывая в трудах, не будете увлекаться обычаем, потому что труд изгоняет страстный навык (прп. Ефрем Сирин, 33, 261).

***

...Если не будем охотно с сердечным желанием переносить всякий труд, не будем с умилением и сокрушенным сердцем посевать слез, то как, не плакав здесь, станем пожинать там?.. (прп. Ефрем Сирин, 33, 263).

***

Труд человека и мал, и велик; мал на самом деле, велик по воле, которой желание беспредельно (прп. Ефрем Сирин, 35, 281).

***

Блажен, кто многотрудными руками чтит царя и для многих служит законом жизни (свт. Григорий Богослов, 15, 274).

***

...Человеку надобно, по собственному произволению, возделывать землю сердца своего и трудиться; потому что Бог требует от человека труда, усилия и делания. Но если не явятся свыше небесные облака и благодатные дожди, ни в чем не успеет трудящийся земледелатель (прп. Макарий Египетский, 68, 197).

***

Вот признак христианства: сколько ни потрудишься, сколько ни совершишь праведных дел, оставаться в той мысли, будто бы ничего тобою не сделано; постясь, говорить: «я не постился»; молясь: «не молился»; пребывая в молитве: «не пребывал, полагаю только начало подвигам и трудам». Хотя бы и праведен был ты перед Богом, должен говорить: «я не праведник, не тружусь, а каждый день начинаю только». Но должно также христианину всякий день иметь упование, радость и чаяние будущего Царства и избавления, и говорить: «если не избавлен я сегодня, буду избавлен на утро». Насаждающий у себя виноградник, прежде нежели приступить к труду, имеет в себе радость и надежду, и когда вина еще нет, живо представляет в уме точило, вычисляет доходы, и в таких мыслях принимается за труд; надежда и ожидание заставляют его трудиться усердно, и делает он пока большие издержки в доме. А подобным образом домостроитель и земледелец сперва расточают много своей собственности, в надежде на будущую прибыль. Так и здесь, если не будет у человека перед очами радости и надежды, что приимет избавление и жизнь, то не возможет стерпеть скорбей и принять на себя бремя и шествие тесным путем. А сопровождающие его надежда и радость делают, что он трудится, терпит скорби, и принимает на себя бремя, и идет тесным путем (прп. Макарий Египетский, 68, 197—198).

***

...Человек не тотчас, как услышит Божие слово, делается уже достойным благой части. А если бы вместе с тем, как услышит, делался достойным благой части, то не было бы уже подвигов, или случаев к брани, или поприща для борьбы; но всякий без труда, как скоро услышал бы, достигал упокоения и меры совершенства. На деле бывает не так. Утверждая противное, отнимаешь у человека волю и отрицаешь бытие сопротивной силы, противоборствующей уму. Мы же говорим, что слушающий слово приходит в сокрушение и потом, поелику благодать, по Божию смотрению к пользе человека, удаляется от него, начинает он упражняться и поучаться во брани, борется и подвизается против сатаны, и после долгого состязания и борения одерживает победу и делается христианином. А если бы, слышанием только, без труда достигал кто благой части, то и лицедеи, и все блудники вошли бы в Царство и в жизнь. Но никто не даст им жизни без труда и подвига, потому что узок и тесен путь (см.: Мф. 7, 14). Сим-то негладким путем и надобно шествовать, и терпеть, и скорбеть, и таким образом войти в жизнь (прп. Макарий Египетский, 68, 218).

***

Поелику дары велики, то невозможно найти достойных трудов. Но велики должны быть вера и надежда, чтобы ими, а не трудами измерялось воздаяние (прп. Макарий Египетский, 68, 329—330).

***

...Труды молитвы, и поста, и прочих дел должно переносить с великим удовольствием и благою надеждою, цветы

же и плоды трудов признавать действиями Духа (прп. Макарий Египетский, 68, 341).

***

...Неполезно для тебя беструдное приобретение благ (прп. Макарий Египетский, 68, 395).

***

Всякое видимое в мире дело делается в надежде получить пользу от трудов. И если кто вполне не уверен, что насладится трудами, то неполезны ему и труды (прп. Макарий Египетский, 90, 212).

***

...Кто не пренебрегает меньшими делами, тот покажет великую ревность и о величайших, а кто пренебрегает первыми, тот оставит и последние (свт. Иоанн Златоуст, 45, 35).

***

Не будем охуждать труд, не будем пренебрегать работою; потому что от них мы получаем, еще прежде Царствия Небесного, величайшую награду — сопровождающее их удовольствие... но что еще важнее удовольствия — самое цветущее здоровье (свт. Иоанн Златоуст, 46, 40).

***

...Бог наложил на человека труд не в наказание и мучение, но для вразумления и научения его (свт. Иоанн Златоуст, 46, 40).

***

Хотя наказанием и мучением кажутся слова: *в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. 3, 19), но на самом деле они — некоторое внушение, и вразумление, и врачевство против ран, происшедших от греха (свт. Иоанн Златоуст, 47, 188).

***

Что узда для коня, то работа для нашей природы (свт. Иоанн Златоуст, 47, 188).

***

Для того нам и даны руки, чтобы мы и себе помогали, и увечным по телу доставляли, по возможности, все необходимое из нашего имущества... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 189).

***

...Через занятие работой мы и дурные помыслы легко исторгнем из души, и будем помогать нуждающимся, и не станем беспокоить двери других, и исполним закон Христов, который говорит: *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. 20, 35) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 189).

***

...Не о трудности только дела помышляй... но прежде всего рассуждай с самим собою о том, какой можешь ты удостоиться чести, и мысль об этой чести сделает для тебя легким тяжкое и трудное (свт. Иоанн Златоуст, 48, 30).

***

...Жизнь наша сопряжена с трудами, так как без трудов мы обыкновенно развращаемся. Природа наша не может

бездействовать, а иначе легко преклоняется ко злу (свт. Иоанн Златоуст, 52, 233).

***

...Почему, скажешь, мы ныне трудимся? Потому что ты не хотел вести благоразумно жизнь без трудов. Если исследовать внимательно, то ведь бездействие и без того обыкновенно развращает нас и причиняет много трудов (свт. Иоанн Златоуст, 52, 234).

***

...Почему, скажешь, не признано за лучшее, чтобы добро делалось без труда? Такие слова свойственны животным и чревоугодникам, которые почитают богом свое чрево (свт. Иоанн Златоуст, 52, 234).

***

Если ты будешь иметь успех в своих трудах, то, очевидно, при помощи свыше, впрочем, когда и сам ты трудишься, когда обнаруживаешь желание... (свт. Иоанн Златоуст, 56, 115).

***

...Мы напрасно трудимся в таком случае, если все считаем своим, если не приписываем большей части Богу (свт. Иоанн Златоуст, 56, 115).

***

...Если послушаешься Христа Бога и будешь подражать всепремудрому Павлу, то или обучи трудиться <людей>, или объясни предлог, по которому будут питаться, и жить в покое, и быть чистыми от лукавых помыслов те, которые и

Христу не повинуются, и Павлу не последуют (прп. Исидор Пелусиот, 61, 33).

***

Кто делит свое время между рукоделием и молитвой, тот тело укрощает трудом и беспорядочные его требования доводит до мерности, а душу, которая, трудясь вместе с телом, вожделевает наконец отдохновения, располагает через то к молитве, как к делу более легкому, и приводит к ней усердную и с живыми силами. Ибо она чувствует утешение, при перемене дела и переходе от одного к другому, между тем как скучает, долго занимаясь одним и тем же; тяготится она однообразием, разнообразию же занятий радуется; кажется ей, что, оставляя одно дело, она как бы слагает с себя всякое утруждение, почему к другому приступает со свежими будто силами, как бы начинающая только трудиться (прп. Нил Синайский, 91, 244).

***

Кто не любит работать, тот бездействием питает страсти и пожеланиям дает свободу устремляться к сродным им предметам, — что наипаче обнаруживается во время молитвы; ибо тогда внимание ума бывает все поглощено тем, чем занято сердце, и он только и делает, что в помыслах перебирает внушаемое пришедшею в движение страстию, вместо того чтобы беседовать с Богом и просить у Него полезного себе. Зная сие, святой Павел с ревностью нападает на праздность и всех апостольской властью обязует к труду (см.: 2 Сол. 3, 6—12). Дело есть якорь для мысли и дает ей безопасное направление. Пусть отовсюду приближаются бури и порывы ветров, угрожают крушением, мысль стоит неуклонно, удерживаемая делом, как якорем; несколько

волнуется она поднимающимися помыслами, но не увлекается в опасность, потому что держащие ее узы крепче гонящих ее ветров (прп. Нил Синайский, 91, 244—245).

***

Отказывающиеся от рукоделий под предлогом, что должно непрестанно молиться, на самом деле и не молятся. Они тем самым, чем думают в праздности доставить душе свободу от забот, запутывают ее в лабиринте неисходных помыслов и через то делают ее неспособною к молитве. Тело, трудящееся над делом, удерживает при себе мысль, которая не меньше глаз должна наблюдать за тем, что делается, и содействовать телу для непогрешительности в действии, а покоющееся тело дает мысли свободу кружиться; потому что во время покоя возбуждаются страсти и при каждом похотливом воспоминании увлекают мысль и овладевают ею, как пленницею (прп. Нил Синайский, 91, 245).

***

Когда сердце какою-либо сластию подвигнется с места трудолюбия, тогда оно, подобно тяжелому камню, катящемуся вниз, бывает неудободержимо (прп. Марк Подвижник, 70, 35).

***

Ничего не думай и не делай без цели по Богу; ибо бесцельно путешествующий напрасно тратит труд (прп. Марк Подвижник, 90, 525).

***

Кто не пребывает добросовестно в созерцании, тот не восприемлет и телесных трудов ради благочестия (прп. Марк Подвижник, 90, 536).

***

Кто не подъемлет произвольно трудов за истину... тот невольными <трудами> гораздо тяжелее наказан будет (прп. Марк Подвижник, 90, 536).

***

Семя не прорастает без земли и воды; и человек не получит пользы без произвольных трудов и Божественного заступления (прп. Марк Подвижник, 90, 544).

***

Если не можешь потрудиться телом своим, поскорби хотя мысленно (прп. Исаак Сирин, 59, 410).

***

Увлеченные обольщением чувственной сласти, предпочли мы истинной жизни смерть. Понесем же благодарно убивающий сию сласть труд телесный, чтобы, когда смертью ее уничтожится вместе с нею через нее происшедшая смерть, восприять возвращающуюся к нам жизнь, прежде проданную за сласть, а теперь опять купленную за немногие труды плоти (прп. Максим Исповедник, 92, 250).

***

...Да будут труды ваши всесторонне безукоризненны и достойны воздаяния (прп. Феодор Студит, 93, 45).

***

В какой мере кто отмеряет на братство своего труда и усердия, в такой и отмерится ему (прп. Феодор Студит, 93, 221).

***

Не будем отрицаться и от трудов телесного подвижничества; ибо как из земли пшеница, так от них произрастает духовная радость и опытность в добре (прп. Филофей Синайский, 92, 415).

***

Труды же и поты всегда сопровождают человека в настоящей жизни, по промыслительному устроению человеколюбивого Бога, чтобы иначе не потерял он опять того, что стяжал трудами и потами (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 332).

***

Иди ко мравию, о, лениве (Притч. 6, 6) — и научись от него трудолюбному деланию. Но при этом не забывай, что во благих наших не имеет нужды Бог, ни в чем не имеющий недостатка и всем преисполненный; но Сам благотворит богатно даровито, и спасает по благодати благоумных, и верных Ему произволением, и благодарных; хотя человеколюбно приемлет посильные их делания. Итак, если ты трудишься как должник Ему за прежние Его тебе блага, добре творишь и близка к тебе милость Божия; если же должником думаешь иметь Бога за делаемое тобою по видимому добро, то ты заблудил, уклонясь от прямого пути: ибо как Благодетель — должник? Впрочем, теки и так, как наемник; и, мало-помалу преуспевая, достигнешь, по милости Божией, искомого (прп. Феогност, 92, 385).

***

...От сильного тела требуется при молитве труд; без него сердце не сокрушится, молитва будет бессильной и не истинной (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 162).

***

В поте лица добывается вещественный хлеб: при усиленном труде, душевном и телесном, насевается хлеб небесный, доставляющий Вечную Жизнь в сердце человеческое... (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 271).

***

Надо прежде труды и поты подъять, потом уже начнут показываться плоды. Но условие неотложное — не жалеть себя (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 189).

***

Труд с терпением без саможаления все преодолевает... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 26).

***

Ни одного еще человека не было, который бы без трудов, тревог и смущений крутых достиг Царствия Божия (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 179).

***

Трудитесь, не ленитесь, но и не засматривайтесь на труды. Хуже всего сие последнее (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 181).

***

...Всякий, ищущий с терпением и верою, обретает... если не всегда то, чего желает, то всегда то, что благоволит Бог во благо ему... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 250).

***

Бог любит тружеников, только бы они смиренны были и о себе много не думали (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 184—185).

****

В Келлиях был старец, авва Аполлос. Если кто из братий приглашал его к труду или работе, то он немедленно шел со всей радостью, говоря: «Сегодня я иду трудиться с Царем моим, Христом, ради спасения души моей» (107, 71).

***

Рассказывают о святом авве Антонии Великом, что он, жительствуя в пустыне, однажды подвергся душевному смущению, унынию и особенному нашествию мрачных помыслов. Находясь в этом состоянии, он начал изливать печаль свою перед Богом. «Господи, — говорил он, — хочу спастись, но помышления мои никак не допускают мне совершить это. Что мне делать со страстями моими? Как мне спастись?» Встав с места того, на котором сидел, и немного отойдя, он сел на другое место, и вот видит неизвестного ему человека, тщательно занятого трудом рук своих. Этот человек то вставал, оставляя рукоделие, и молился, то опять возвращался к рукоделию. Он сшивал листья пальмы. Потом он опять вставал и молился, после молитвы опять принимался за рукоделие. Поступавший таким образом был Ангел, посланный Богом ободрить Антония и возбудить его к мужеству. И услышал Антоний глас, исшедший от Ангела: «Антоний! Поступай так, и спасешься». Услышав его, Антоний очень обрадовался и ободрился: он и начал так поступать, и спасся (107, 37—38).

***

...Авва Павел, опытнейший между отцами, когда пребывал в обширной пустыне, называемой Порфирион, будучи обеспечен плодами пальм и маленьким садиком, имел достаточный материал для пищи и жизни, и не мог заниматься каким-нибудь другим делом, которым бы содержаться, потому что жилище его в той пустыне отстояло от городов и обитаемой земли на семь дней пути или еще дальше, и больше требовалось платы за провоз, нежели сколько цены можно было получить за готовую работу, — собрав листья пальм, постоянно требовал от самого себя ежедневный урок работы, как будто этим он должен содержаться. Когда работою целого года пещера его наполнялась, то сделанное с заботливым старанием, подложив огонь, он ежегодно сжигал. Этим он показывал, что без дела рук невозможно монаху пребывать на одном месте, ни достигнуть когда-нибудь верха совершенства, так что, хотя необходимость пропитания вовсе и не требовала этого, он делал для одного очищения сердца, собранности помыслов и постоянного пребывания в келье или для победы и прогнания самого уныния (57, 134).

***

Братия, усмотрев, что Антоний Новый способен ко всякой работе, брали его с собой и, дав ему в руки лопату, заставляли копать землю. Удручаемый трудом, омываемый непрестанно по́том и слезами, он воздыхал и молился мысленно Богу: «Господи! Виждь смирение и труд мой, и остави вся грехи моя». По прошествии довольного времени он видит во сне некоего мужа в великой славе. Муж этот держал весы в руке своей; на левой стороне весов положены были все грехи Антония, содеянные им от юности, а на правой

все добродетели. Сперва обе чаши весов стояли на одной высоте; потом начала перетягивать левая, в которую положены были согрешения. Тогда славный муж, взяв лопату, которой копал Антоний, положил ее в правую чашу, которая и перетянула тяжесть согрешений, а славный муж, взглянув на Антония, сказал: «Вот! Бог показал тебе значение трудов твоих и простил тебе все согрешения твои» (107, 77).

***

Один брат пошел к авве Силуану в гору Синайскую. Увидев, что братия работают, он сказал старцу: «*Делайте не брашно гиблющее* (Ин. 6, 27); *Мария же благую часть избра* (Лк. 10, 42)». Старец сказал своему ученику: «Захария! Подай брату книгу и отведи его в пустую келью». Когда наступил девятый час, тот стал прислушиваться у двери, не посылают ли звать его к трапезе. Но как никто его не звал, он сам, встав, пошел к старцу и говорит ему: «Авва! Ужели братия сегодня не ели?» «Ели», — отвечал старец. «Почему же не позвали меня?» — опять спросил брат. «Потому, — отвечал старец, — что ты человек духовный и не имеешь нужды в такой пище, а мы плотские, хотим есть и потому работаем. Ты же избрал себе благую часть — читать целый день, и не хочешь вкушать плотской пищи». Брат, выслушав его, поклонился старцу и сказал: «Прости меня, авва!» Тогда старец ответил ему: «Так и Мария имеет нужду в Марфе; ибо и Мария похваляется из-за Марфы» (98, 260).

***

Некогда некоторые монахи, называемые евхиты, пришли к авве Лукию в Енат, и спросил их старец, говоря: «Какое ваше рукоделие?» Они отвечали: «Мы не занимаем-

ся рукоделием, но, как говорит Апостол, *непрестанно молимся*». И сказал старец: «Вы не едите и не спите?» «Едим и спим», — отвечали они. Старец говорит: «А кто молится за вас, когда вы едите, и пьете, и спите?» На это им нечего было сказать. Тогда старец сказал им: «Простите мне, но вы не делаете, как говорите. Я же покажу вам, что, занимаясь рукоделием, непрестанно молюсь. Замочив немного прутьев, я сажусь и, плетя из них веревку, говорю: «*Помилуй мя Боже, по велицей Твоей милости...* (ср.: Пс. 50, 1). Не молитва ли это? Проводя так целый день в работе, я зарабатываю более или менее шестнадцати монет. Две из них подаю нищим, а на остальные ем. И молится за меня принимающий две монеты, когда я ем или сплю, и по благодати Божией у меня совершается непрестанная молитва» (99, 39—40).

***

Один великий старец имел ученика, который жил рядом с ним, в особой келье. Однажды старец услышал бесов, вопиявших: «Горе нам от этим монахов: и к старцу приблизиться не можем, и к ученику его тоже, потому что последний разоряет и строит и никогда не видим его праздным». Слыша это, старец понял, что от него самого гонит бесов присущая ему благодать Божия, а об ученике недоумевал: что это значит: разоряет и строит? Вечером он пришел к ученику и спросил: «Как живешь?» Ученик отвечал: «Хорошо, отче». Старец стал выпытывать у него, не впадает ли он в уныние. Тогда ученик указал рукою на лежавшие около него камни и сказал: «Из этого камня я строю стены, а потом снова разрушаю их и, поступая так, не ощущаю уныния». Тут великий старец и понял, что бесы потому не могли приблизиться к его ученику, что никогда не видели

его праздным, и стал поощрять ученика к продолжению труда.

Другим же старец об этом говорил: «Знаю, что своим деланием ученик мой не приносил никакой прибыли ни себе, ни другим, но зато, поскольку не был праздным, бесы не находили времени, чтобы приблизиться к нему» (113, 919—920).

***

В скиту, в лавре аввы Сисоя, жил один слепой старец. Келья находилась около полумили от колодца, и он не дозволял, чтобы кто-нибудь другой приносил ему воды. Он сплел себе веревку, один конец привязал у колодца, а другой у своей кельи, веревка же лежала на земле. Отправляясь за водой, он шел по веревке. Старец делал это для того, чтобы по веревке отыскать колодец. Если поднимавшийся от ветра песок засыпал веревку, то старец брал ее рукой, стряхивал песок и снова клал на землю. Однажды брат просил старца, чтобы позволил ему приносить воду. Старец отвечал: «Как же, брат? Я уже двадцать два года ношу себе таким образом воду, и ты хочешь отнять у меня мой труд?» (103, 154—155).

***

В кельях Хузива жил сострадательный старец. Если он видел, что кто-то из односельчан по бедности не мог засеять свое поле, он брал свой скот и семена и ночью засеивал, так что никто об этом не знал. Когда он ушел в пустыню, то и там творил дела милосердия. Он брал хлеб и воду и выходил на дорогу, ведущую от Иордана к Иерусалиму, и, когда замечал кого утомившимся, брал его ношу и провожал до святой горы Елеонской. На обратном пути тоже помогал кому-нибудь. Иногда можно было видеть, как он чинит одежду. И если он встречал нагого, то снимал с себя

одежду и отдавал ему. Трудился он целый день. И если случалось ему находить мертвого, он хоронил его (103, 29).

ТЩЕСЛАВИЕ

В тщеславную душу, и очищенную благодатию, страсти возвращаются (сщмч. Петр Дамаскин, 76, 67).

***

Беги от тщеславия, ибо многие погибли от него. Оно побуждает человека на многие труды — посты, молитвы, многократные бдения нощные, милостыни, раздаваемые перед человеками, и на многое подобное; но всем этим он <человек> ничего другого не достигнет, кроме стыда и поношения (прп. Антоний Великий, 90, 60).

***

Не будем стараться выказывать в себе что-либо особенно великое, чтобы не погибнуть по причине сего, и не запутаться в многочисленные отрасли тщеславия, потому что демонов тщеславия чрезвычайно много (прп. Антоний Великий, 90, 60).

***

...Кто одержим сею страстью тщеславия, тот чужд мира, ожесточается сердцем против святых, и к довершению своих зол, впадает в лукавство, гордость и навык ко лжи (прп. авва Исаия, 60, 82).

***

Бегай тщеславия, и сподобишься быть причастником славы Божией в будущем веке (прп. авва Исаия, 60, 216).

***

Любовь к славе человеческой рождает ложь... (прп. авва Исаия, 90, 316).

***

Не люби же славы мира сего, да не удалится от тебя слава Божия (прп. авва Исаия, 90, 453).

***

Впадший в эту лукавую страсть <тщеславие>, бывает чужд умиления, и ко всем жесток сердцем; а наконец впадает в высокоумие и гордыню, — это крайнее зло, матерь погибели (прп. авва Исаия, 90, 453).

***

...Кто творит что напоказ перед людьми, тот лишает себя тем мзды своей... (прп. авва Исаия, 90, 453—454).

***

...Тщеславен тот, кто делает или говорит что-нибудь ради одной мирской славы от видящих или слышащих это... (свт. Василий Великий, 9, 202).

***

...Делаемое не из любви к Богу, но ради похвалы от людей, каково бы оно ни было, находит себе не похвалу за богочестие, но осуждение за человекоугодие, или за самоугодие, или за честолюбие, или зависть, или за иную подобную вину (свт. Василий Великий, 9, 300).

***

Наипаче должно убегать тщеславия, не того, которое удаляет от трудов еще прежде трудов (ибо это было бы меньшее зло), но того, которое лишает венцов по трудах — этого неодолимого наветника нашему спасению, который под самыми небесными кругами ставит против нас свою засаду, и усиливается ниспровергнуть добродетели, пустившие стебли свои даже до неба. Ибо когда видит, что купец благочестия наполнил уже корабль своего разумения всякими товарами добродетелей, тогда, возбудив свою бурю, старается опрокинуть и потопить ладью. Ибо, убедив ум пловца, поспешающего к Горнему Царству, обратить взоры на дольнее и на человеческую славу, внезапно развевает все душевное богатство и, основания добродетели сравняв с землею, ниспровергает труды, досягавшие до небес, доведя до того, что за сделанное нами просим у людей себе награды мы, которым надлежало, устремя взор к единому Богу и Ему соблюдая в тайне добрые дела свои, от Него единого ожидать достойного себе воздаяния. А мы, предпочтя попечению о добре ради Бога делание ради славы от людей, и от них требуя себе суетной награды — похвалы, достойно и праведно лишаемся Божиих воздаяний, не для Бога трудясь, но отдав себя в работники людям, а от них вместо наград получая потерю всех наград, чего же можем просить себе у Бога, для Которого ничего не захотели сделать?

...Будем убегать тщеславия, этого льстивого грабителя духовных богатств, этого приятного врага наших душ, этого червя, подтачивающего добродетели, тщеславия, которое с удовольствием расхищает наше добро, намазывает медом отраву своего обольщения и умам человеческим подает губительную чашу для того... чтобы они без сытости упивались сей страстью, потому что слава человеческая сладостна

для неопытных, а сверх того делает, что плененные ею легко погрешают и против здравого суждения (свт. Василий Великий, 9, 350—352).

***

...Тщеславие бывает не только искоренителем добрых дел, но и путеводителем к делам лукавым (свт. Василий Великий, 9, 352).

***

Не старайся показать себя искусным во всяком деле, чтобы не впасть тебе в тщеславие, которое приводит к сластолюбию, к гневу и печали (прп. Ефрем Сирин, 31, 395).

***

Смотри, чтобы не уловила тебя в обман суетная слава — это западня для людей, недалеких умом (свт. Григорий Богослов, 15, 299).

***

Иногда хорошие, по-видимому, начинания приводятся в исполнение ради славы и людской похвалы; а сие перед Богом равно неправде, и татьбе, и другим грехам (прп. Макарий Египетский, 68, 47).

***

Трудно избегать помысла тщеславия, ибо что ни сделаешь к прогнанию его, то становится началом нового движения тщеславия (авва Евагрий, 90, 573).

***

Коснувшийся ве́дения и вкусивший сладости от него, не доверится более демону тщеславия, хотя бы он предлагал ему все утехи мира (авва Евагрий, 90, 574).

***

Демон тщеславия противоположен демону блуда; и чтобы они оба вместе и напали на душу, есть дело несбыточное, ибо один из них обещает почести, а другой повергает в бесчестие. Почему, когда кто-нибудь из них приближаясь начнет беспокоить тебя, ты производи сам в себе помыслы демона ему противоположного, и если возможешь, как говорится, клин клином выбить, то знай, что ты близок к пределам бесстрастия, ибо ум твой оказался сильным человеческими помышлениями прогнать внушения бесовские. Но, конечно, смиренномудрием отогнать помысл тщеславия, или целомудрием помысл блуда было бы признаком глубочайшего бесстрастия. Пробуй так поступать в отношении ко всем противоположным друг другу демонам. Вместе с тем узнаешь, какою более исполнен ты страстию. Впрочем, всеми силами проси у Бога, чтобы научил тебя и помог тебе вторым способом прогонять врагов (авва Евагрий, 90, 587).

***

Душа тщеславная — яма безводная (авва Евагрий, 90, 602).

***

Помысл тщеславия есть самый тонкий. Он предстает перед теми, кои исправно живут, и начинает провозглашать их подвиги и собирать им дань похвалы у людей, представ-

ляя, как кричат изгоняемые бесы, как исцеляются жены, как толпы народа теснятся коснуться одежды его; предсказывает наконец ему и священство, приводит к дверям его и ищущих его, которые по причине отказа уводят его связанного против воли, — и таким образом возбудив в нем пустые надежды, отходит, оставляя далее искушать его или бесу гордости, или бесу печали, который тотчас наводит ему помыслы противоположные тем надеждам. Бывает, что он и демону блуда передает сего, незадолго перед сим досточтимого и святого иерея (авва Евагрий, 90, 605).

***

Из всех помыслов только помысл тщеславия многопредметен, обнимая почти всю вселенную, и всем бесам отворяя двери, как какой злой предатель какого-нибудь города. Он окрадывает ум отшельника и, наполняя его множеством словес и вещей, губит молитвы его, которыми напрягается он врачевать раны души своей... От этого помысла рождается и помысл гордости, низринувший с небес на землю *печать уподобления и венец доброты* (Иез. 28, 12). Но отскочи от него, не закосневая в нем, чтобы не предать *иным живота* нашего и *жития* нашего немилостивым (Притч. 5, 9). Обращает в бегство этого демона усердная молитва и то, чтобы ничего произвольно не делать и не говорить такого, что ведет к проклятому тщеславию (авва Евагрий, 90, 627—628).

***

Когда ум отшельника приобретет немного бесстрастия, тогда, взяв коня тщеславия, начинает он носиться по городам, неудержимо упояваясь похвалами и славою своею. Но,

по смотрению Божию, сретив его дух блуда и заключив в какой-нибудь хлев, научает его там не оставлять одра прежде выздоровления и не подражать тем нетерпеливым больным, которые, имея еще в себе остатки недуга, пускаются в дорогу, или начинают ходить в бани и оттого впадают в прежние болезни. Посему, сидя в келье, будем лучше внимать себе самим, чтобы, преуспевая в добродетели, соделаться нам неподвижными на зло, обновляясь в ве́дении, сподобиться множества различных созерцаний, а возвышаясь в молитве, яснее узреть свет Спасителя нашего (авва Евагрий, 90, 628).

***

...Мы усилили <власть тщеславия>, распространив эту власть... не только на молитвы, посты и милостыни, но и на все прочее и подчинив себя этой безумной страсти хуже всякого невольника... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 138).

***

Оно <тщеславие> действительно, как ворвавшийся ветер, развевает все сокровища добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 45, 190).

***

...Тщеславие и гордость оскверняют человеческие души хуже всякой язвы (свт. Иоанн Златоуст, 45, 383).

***

Причина всех зол — тщеславие... Оттого оно и называется тщетным, что пусто и не имеет в себе ничего твердого и постоянного; это только обман очей, исчезающий прежде, чем явится (свт. Иоанн Златоуст, 48, 212).

***

...Многие... хотя и сделают иногда что-нибудь подобное <доброе>, но тщеславятся перед посетителями, а часто и презирают их из-за оказанной им услуги. Это подобно тому, как если бы кто собрал богатство и имел его уже в руках, а потом вдруг все собранное выбросил из рук (свт. Иоанн Златоуст, 48, 452).

***

Как здесь моль и червь вредят одежде, так богатству, собранному на небе милостынею, вредит тщеславие (свт. Иоанн Златоуст, 48, 473).

***

Не губи трудов своих <тщеславием>, не делай, чтобы твой пот был пролит напрасно, и ты, пробежавши тысячи поприщ, лишился всякой награды. Господь гораздо лучше тебя знает твои заслуги (свт. Иоанн Златоуст, 51, 31).

***

Для чего же ты рассматриваешь свои добродетели и постоянно выставляешь их нам напоказ? Или ты не знаешь, что, если хвалишь самого себя, не будешь уже похвален Богом (свт. Иоанн Златоуст, 51, 31).

***

Если постараешься не тщеславиться перед женой и слугами, то легко преодолеешь эту страсть и в общении с другими. Хотя везде болезнь эта тяжка и мучительна, но особенно в присутствии жены. Если... мы здесь разрушим ее

силу, то легко преодолеем ее и в других случаях (свт. Иоанн Златоуст, 51, 121).

***

Нисколько не удивительно, когда люди гордятся богатством и властью; но то странно и достойно оплакивания, когда они самый пост и молитву обращают в предмет своего тщеславия (свт. Иоанн Златоуст, 51, 723).

***

Тщеславие... везде пагубно, но особенно в делах человеколюбия, так как здесь оно является крайней жестокостью, извлекая себе хвалу из чужих бедствий и почти ругаясь над живущими в нищете (свт. Иоанн Златоуст, 51, 724).

***

Если указывать на свои благодеяния значит укорять облагодетельствованного, то не гораздо ли хуже выставлять их напоказ перед многими?.. (свт. Иоанн Златоуст, 51, 724).

***

Чего не истребляет моль, чего не похищает тать, то разграбляет тщеславие (свт. Иоанн Златоуст, 51, 725).

***

...Таков дух тщеславия, что оно ослепляет разум увлекаемых им людей, даже в отношении к самым очевидным предметам, побуждает противоречить даже признанным истинам; а других, и очень хорошо разумеющих истину и

уверенных в ней, заставляет лицемерно противостоять ей (свт. Иоанн Златоуст, 52, 29).

***

...Есть ли болезнь душевная тягостнее этой <тщеславия>? Человек нередко бросается в бездну, чтобы только другие удивлялись ему (свт. Иоанн Златоуст, 52, 30).

***

· Откуда же... рождается <тщеславие>, эта безумная и неприносящая никакого удовольствия страсть? — Ниоткуда более, как только от души низкой и ничтожной (свт. Иоанн Златоуст, 52, 31).

***

Подверженный этой болезни <тщеславию> не знает дружбы, не помнит приязни, нисколько не хочет никого уважить; напротив, все доброе извергши из души, непостоянный, неспособный к любви, против всех вооружается (свт. Иоанн Златоуст, 52, 32).

***

Эта страсть <тщеславие> все извратила; она породила любостяжание, зависть, клеветы, наветы. Она вооружает и ожесточает людей, не потерпевших никакой обиды, против тех, которые никакой обиды не сделали (свт. Иоанн Златоуст, 52, 32).

***

Сила гнева, хотя и она мучительна и несносна, не постоянно, однако же, возмущает дух, а только в то время, когда его раздражают другие. Напротив, страсть тщесла-

вия — всегда, и нет, так сказать, времени, в которое она могла бы оставить, потому что разум не препятствует ей и не укрощает ее; она всегда остается и не только побуждает ко грехам, но, если бы мы успели сделать что-нибудь и доброе, она похищает добро из рук. А бывает так, что она не допускает и начать доброго дела (свт. Иоанн Златоуст, 52, 32).

***

Нет ничего столь смешного и унизительного, как эта страсть <тщеславие>: ничто столько не преисполнено стыда и бесславия (свт. Иоанн Златоуст, 52, 32).

***

...Страшно преобладание тщеславия; оно может ослепить очи и мудрых людей, если они не станут бодрствовать (свт. Иоанн Златоуст, 52, 59).

***

Раб тщеславия не лучше блудника; даже делает гораздо большие и тягчайшие грехи, чем тот (свт. Иоанн Златоуст, 52, 182).

***

Тщеславие не только влечет ко злу своих пленников, но вкрадывается и в добродетели; и если не может лишить нас их, то делает нам большой вред в самой добродетели, принуждая переносить труды, а плодов лишая (свт. Иоанн Златоуст, 52, 183).

***

...Если мы отсечем эту страсть <тщеславие>, то вместе с головою истребим и остальные члены этого зла, и тогда уже

ничто не воспрепятствует нам жить на земле, как на небе (свт. Иоанн Златоуст, 52, 183).

***

Зараженный тщеславием — постится ли, молится ли, творит ли милостыню — лишается своей награды. Какое же несчастье может быть больше того, как, изнуряя себя вотще и понапрасну, подвергнуться осмеянию и лишиться горней славы? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 183).

***

Будем убегать тщеславия. Эта страсть сильнее всех страстей. Отсюда — любостяжание и сребролюбие; отсюда — ненависть, вражда, распри (свт. Иоанн Златоуст, 52, 183).

***

Часто и те, которые оставляли большие стяжания и все обольщения мира, ни с кем не имели общения, овладевали самыми сильными пожеланиями, и те, будучи пленены пустою славою, теряли все (свт. Иоанн Златоуст, 52, 189).

***

...Причина всех зол — тщеславие... Оно-то наиболее возжигает огонь; оно всюду простирает власть свою и мучительски обладает всяким возрастом и всяким званием... оно разоряет целые домы, города, народы, племена (свт. Иоанн Златоуст, 52, 189).

***

...Страшно славолюбие, страшно и исполнение многих зол. Это терние, с трудом исторгаемое, зверь неукротимый,

многоглавый, восстающий на тех самых, которые питают его (свт. Иоанн Златоуст, 52, 190).

***

Как червь поедает деревья, в которых зарождается, ржа снедает железо, в котором появляется, и моль — ткань, так и тщеславие губит душу, воспитавшую его в себе. Поэтому много нам нужно старания, чтобы истребить в себе эту страсть (свт. Иоанн Златоуст, 52, 190).

***

Как же одолеть <тщеславие>? Будем противопоставлять славе славу. Как мы презираем богатство земное, когда взираем на богатство небесное, и не дорожим настоящей жизнью, когда помышляем о жизни гораздо лучшей, так мы сможем презреть и славу настоящего мира, когда будем помышлять о славе гораздо высшей, о славе истинной (свт. Иоанн Златоуст, 52, 190).

***

Хотя бы мы имели бесчисленные совершенства, зараза тщеславия может погубить все. Итак, если мы желаем похвал, то будем искать похвал от Бога (свт. Иоанн Златоуст, 52, 250).

***

...Будем всячески избегать этого зверя <тщеславия>. Он бывает различного рода и вида и разливает свой яд на все — и на сокровища, и на удовольствия, и на красоту телесную. Потому-то мы везде и переступаем границы нужды, от того и роскошь в одежде, и большая толпа слуг, от того пренебрегается умеренность во всем — и в домах, и в

одежде, и в столе, а роскошь господствует. Ты хочешь наслаждаться славою? Подай милостыню: тогда тебя похвалят Ангелы, тогда тебя прославит Бог (свт. Иоанн Златоуст, 52, 462).

***

О, тщеславие! Как оно низвращает и губит все! Оно побуждает восставать против спасения своего и других (свт. Иоанн Златоуст, 53, 261).

***

...Почему ты не можешь преодолеть тщеславия, когда другие преодолевают, имея такую же душу, такое же тело, такой же внешний вид, живя такою же жизнию? Помысли о Боге, помысли о высшей славе, противопоставь ей настоящее, и ты скоро отстанешь от него (тщеславия). Если ты непременно желаешь славы, то ищи славы истинной. Какая это слава, если она приносит бесчестие. Какая эта слава, если она заставляет искать чести от низших и имеет в ней нужду? Честь состоит в том, чтобы пользоваться славою от высших. Если ты непременно желаешь славы, то ищи лучше славы от Бога. Возлюбив эту, ты будешь пренебрегать той, увидишь, как она бесчестна; а пока не узнаешь этой, дотоле не увидишь, как та постыдна, как смешна (свт. Иоанн Златоуст, 53, 261).

***

...Кто домогается славы от людей, тот скоро оставит дела добродетельные (свт. Иоанн Златоуст, 53, 262).

***

Тщеславие есть мать геенны, сильно воспламеняет адский огнь и ядовитого червя (свт. Иоанн Златоуст, 53, 714).

***

Все прочие страсти прекращаются со смертью, а тщеславие и после кончины продолжает свое действие и над умершим телом силится показать свое свойство. Когда умирающие заботятся, чтобы им были поставлены великолепные памятники, на которые надобно истратить все их имущество, и стараются и во гробе показать необыкновенную пышность; когда люди при жизни за один овол или кусок хлеба оскорбляли подошедших нищих, а умирая, готовят червю обильную пищу, — то какую власть ты найдешь мучительнее этой болезни? От этого же зла рождается и нечистая любовь, так как многие вовлечены в прелюбодеяние не красотою лица, не похотью совокупления, но желанием похвастаться... Я предпочел бы лучше быть рабом у множества варваров, чем у одного тщеславия, так как варвары не повелевают того пленникам, что приказывает тщеславие своим подчиненным. Будь слугою всех, говорит оно, будут ли они знатнее тебя или незначительнее. Не радей о душе, не заботься о добродетели, смейся над свободою, жертвуй своим спасением; а если сделаешь какое-либо добро, то делай не из угождения Богу, но напоказ людям, чтобы от них получить себе венец; если подаешь милостыню или постишься, труд перенеси, а пользу старайся погубить. Что может быть бесчеловечнее таких требований? Отсюда ведут свое начало и зависть, и высокомерие, и сребролюбие — мать всех зол (свт. Иоанн Златоуст, 53, 714—715).

***

...В том и несчастье, что болезнь тщеславия вредит тебе не только тогда, когда ты грешишь, а и тогда, когда оказываешь заслуги, и в одном случае она подвергает тебя бесчисленным укоризнам, в другом же лишает всей награды (свт. Иоанн Златоуст, 53, 717).

***

Как блудная женщина, находясь на кровле, отдает себя всем, так поступают и рабы тщеславия, а вернее сказать, они даже гнуснее и блудниц, потому что блудницы нередко пренебрегают некоторыми из полюбивших их, а ты предлагаешь себя всякому — и беглецам, и разбойникам, и мошенникам. При помощи таких и подобных лиц устраиваются вами зрелища, возбуждающие похвалы; и тех самых, из которых каждый сам по себе, по твоему же мнению, ничего не стоит, ты, когда они собраны вместе, предпочитаешь собственному спасению, этим показывая, что ты бесчестнее каждого из них (свт. Иоанн Златоуст, 53, 717).

***

Гибельно и исполнено всякого бесчестия любить славу в делах гражданских, а когда та же страсть овладеет тобою и в делах духовных, тогда какое оправдание останется тебе, не желающему воздать Богу такой же чести, какой сам требуешь от домашних? Ведь и раб смотрит в глаза господина, и наемник обращает внимание на хозяина работы, который должен выдать плату, и ученик смотрит на учителя, — а у тебя все напротив: ты, оставив нанявшего тебя Бога и Владыку, смотришь на собратий, хотя сам знаешь, что Бог и впоследствии будет помнить твои заслуги, а человек помнит только в настоящем; для тебя уготовано зрелище на небе, а ты собираешь зрителей на земле (свт. Иоанн Златоуст, 53, 717).

***

...Тщеславный подобен обуреваемым волнами, всегда трепещет, боится и служит очень многим господам. А кто находится вне этой мучительной власти, тот подобен достигшим

пристани и наслаждающимся полной свободой (свт. Иоанн Златоуст, 53, 719).

***

...Свобода от тщеславия больше всего освобождает от оков телесных и возносит от земли к небу... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 720).

***

...Что может быть свирепее тщеславия, которое тогда наиболее и свирепствует, когда наиболее ему услуживают. Такого свойства не имеют даже и звери, напротив, смягчаются, когда за ними ухаживают. А тщеславие совершенно напротив: когда его презирают, оно укрощается, а когда чествуют, свирепеет и вооружается на своих почитателей (свт. Иоанн Златоуст, 54, 721).

***

...Не допуская похвал, мы делаем это для увеличения их; и все вообще делается у нас из тщеславия, а не по правде. Потому-то у нас все пусто, все неверно (свт. Иоанн Златоуст, 56, 226).

***

Тщеславие потому такое великое зло, что оно не только толкает на порок плененных им, но приражается и к добродетелям; и когда не может низвергнуть нас оттуда, то в самой добродетели производит великий ущерб, заставляя нас таким образом нести труды, а плодов от них лишая. Невозможно, желая и земной, и небесной славы, достичь и той и другой; можно достичь обеих, когда мы желаем не обеих, а только одной — небесной славы; тому же, кто любит и ту и

другую, невозможно достичь и той и другой (свт. Иоанн Златоуст, 56, 602).

***

...Как дождевые пузыри, когда высоко поднимаются, весьма скоро лопаются, так точно и надмеваемые тщеславием легко погибают (свт. Иоанн Златоуст, 56, 605).

***

...Человек тщеславный, желающий нравиться кому ни попало, есть в большей мере раб, чем всякий невольник; напротив, поправший эту славу, не заботящийся о мнении других, стоит всех выше, он один свободен (свт. Иоанн Златоуст, 56, 862).

***

...Подвиг предлежит нам против духа тщеславия — многообразного, разновидного и тонкого, так что едва можно самыми прозорливыми глазами, не говорю предостеречься, но предвидеть и распознать его (прп. Иоанн Кассиан, 57, 135).

***

...Оно <тщеславие> не только с плотской стороны, как прочие пороки, но и с духовной искушает монаха, прирожаясь к уму самым тонким злом, так что которые не могли обольститься плотскими пороками, тем сильнее уязвляются тщеславием по поводу духовных успехов, и столько оно гибельнее при борении, сколько скрытнее, чтобы предостеречься от него. Нападение других страстей бывает более явно, открыто, и в каждом из них искуситель, ниспроверженный строгим прекословием, сделавшись слабее, отходит, и

потом поверженный противник слабее будет искушать своего победителя. А эта страсть <тщеславие>, когда будет искушать душу с плотской стороны (например, красивыми одеждами или другими внешними вещами, принадлежностями, преимуществами) и щитом пререкания будет прогнана, то опять, как разнообразное зло, переменив прежний образ и личину, под видом добродетелей старается пронзить и зарезать победителя (прп. Иоанн Кассиан, 57, 135).

***

...Желающему проходить царским путем надобно проходить по апостольскому учению (см.: 2 Кор. 6, 7—8) с оружием правды в правой и в левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах и с такою осторожностью среди воздымающихся волн искушений, под управлением рассудительности и под веянием на нас Духа Божия, направлять путь добродетели, так чтобы мы знали, что, если немного уклонимся на правую или левую сторону, мы тотчас разобьемся на подводных, гибельных скалах. Потому премудрый Соломон увещевает: *не уклоняйся ни направо, ни налево* (Притч. 4, 27), т. е. не тщеславься добродетелями, не превозносись счастливыми успехами в духовном, не уклоняйся и на левую стезю пороков, по Апостолу, *не ищи себе славы в сраме твоем* (ср.: Флп. 3, 19). Ибо диавол в ком не мог породить тщеславие видом хорошо сшитой, опрятной одежды, того старается искусить грязною, худо сделанною, убогою. Кого не мог низвергнуть честью, того запинает смирением; кого не возмог заставить превозноситься знанием и красноречием, того обольщает важностью молчания. Если кто будет явно поститься, то искушается суетною славою. Если же для избежания славы будет скрывать его <пост>, то подвергается тому же пороку превозношения. Чтобы не

запятнать себя заразою суетной славы, он в виду братий избегает совершать продолжительные молитвы; а когда станет скрытно упражняться в них и не имеет никакого свидетеля этого дела, то не избегает стрел тщеславия (прп. Иоанн Кассиан, 57, 136).

***

Прочие страсти называются однообразными и простыми, а эта <тщеславие> многосложна, многообразна, разновидна, везде, со всех сторон встречается воину и победителю. Ибо она и в одежде, и в наружном виде, в походке, голосе, деле, бдении, посте, молитве, отшельничестве, чтении, знании, молчании, послушании, смирении, долготерпении старается уязвить воина Христова и как какая-нибудь гибельная скала, покрываемая бурными волнами, причиняет непредвиденное и жалкое кораблекрушение плавающим при благополучном ветре, когда не опасались и не предвидели этого (прп. Иоанн Кассиан, 57, 136).

***

Тщеславие даже и в уединении не перестает преследовать убегающего из-за славы сообщества с людьми; и чем больше кто убегает всего мира, тем сильнее оно преследует его. Иного старается превозносить тем, что он очень терпелив в деле и труде, иного тем, что он очень скор на послушание, иного тем, что он превосходит прочих смирением. Иной искушается обширностью в знании, иной в чтении, иной в бдении. Не иначе эта страсть силится уязвить кого-либо, как его же добродетелями, полагая претыкания на погибель в том, в чем ищут средства к жизни. Ибо желающим проходить путем благочестия и совершенства наветующие враги скрывают сети обольщения не в другом месте, а на том пути, каким проходят, по изречению

блаженного Давида: *на пути сем, по немуже хождах, скрыша сеть мне* (Пс. 141, 4), так что именно на том самом пути добродетелей, каким проходим, стремясь к почести вышнего звания, превознесшись своими успехами, мы обрушиваемся и со связанными ногами нашей души падаем, будучи спутаны сетями тщеславия. И бывает так, что в борьбе с противником мы не могли быть побеждены, а высотой своего триумфа мы побеждаемся; или по крайней мере, что составляет другой род обольщения, мы, превышая меру воздержания или своих сил, по приключившейся слабости тела теряем постоянство нашего подвижничества (прп. Иоанн Кассиан, 57, 137).

***

Все страсти, будучи преодолены, увядают, побежденные с каждым днем становятся слабее и местом или временем уменьшаются и утихают, или, по крайней мере, при сопротивлении противоположных им добродетелей удобнее предостеречься, или избежать их; а эта страсть <тщеславие>, будучи низложена, сильнее восстает на брань; и когда думают, что она умерщвлена, своею смертию еще живее укрепляется. Прочие страсти обыкновенно на тех только нападают, которых в борьбе победили, а эта страсть своих победителей еще жесточе преследует: и чем сильнее будет сокрушена, тем сильнее борет возношением самою победою. И это есть самая тонкая хитрость врага, так что заставляет воина Христова пасть от собственных стрел, которого он не мог победить неприятельским оружием (прп. Иоанн Кассиан, 57, 137—138).

***

Иные страсти иногда при помощи места успокаиваются, как мы сказали, и по удалении предмета греха, или удобст-

ва, или повода к нему обыкновенно укрощаются и уменьшаются, а эта страсть и с бегущим в пустыню проникает, и место не может исключить ее, не изнемогает и от удаления внешнего предмета. Ибо она воодушевляется не иным чем, как успехами добродетелей того, на кого нападает. Прочие страсти с течением времени... иногда ослабевают и прекращаются, а этой страсти, если не будет заботливой рачительности и рассудительности, и долгое время не только не подавляет, но придает ей еще большее поощрение. Прочие страсти, при противоборстве противоположных им добродетелей, открыто, как бы ясным днем воюющие, удобнее можно победить и предостеречься их, а эта, прильнувши к добродетелям, вмешавшись в строй войска, сражается как в темную ночь и потому коварнее обманывает неожидавших и неостерегавшихся ее (прп. Иоанн Кассиан, 57, 138).

***

...Подвижник Христов, желающий законно подвизаться истинным, духовным подвигом, всеми мерами должен стараться победить этого многообразного, разновидного зверя. Мы можем избегать этого, со всех сторон встречающегося нам многоразличного зла, таким средством, если будем размышлять о словах Давида: *Господь рассыпал кости человекоугодников* (ср.: Пс. 52, 6). Во-первых, не дозволим себе ничего делать с тщеславным намерением для получения суетной славы. Потом то, что сделано нами в начале хорошо, должны стараться охранять с должным вниманием, чтобы после подкравшаяся страсть тщеславия не упразднила всех плодов наших трудов. Также, что в сообществе братий не имеет общего употребления или не делается, того со всем старанием надобно избегать, чтобы не отдать дани тщеславию, также избегать и того, что может отличать нас между

другими и приобрести у людей похвалу за то, что будто мы одни это делаем. Ибо этими особенно признаками докажется, что к нам прилынула смертельная зараза тщеславия. Этого мы легко можем избежать размышлением о том, что мы не только плод наших трудов совершенно погубим, если что станем делать с тщеславным намерением, но и сделавшись виновными в большом преступлении, как святотатцы, подвергнемся вечным мукам, так как к оскорблению Бога дело, которое нам надобно бы делать для Него, мы лучше захотели делать для людей, то Знающий все сокровенное обличит нас, что мы предпочли людей Богу, и славу мирскую славе Господней (прп. Иоанн Кассиан, 57, 142—143).

***

Тщеславие, хотя многовидно, многоразлично, разделяется на разные виды, однако же два рода его: первый тот, когда мы превозносимся плотскими, видимыми вещами, а второй, когда из-за духовных, невидимых предметов воспламеняемся желанием суетной похвалы (прп. авва Серапион, 57, 249).

***

...Хотя сноснее раболепствовать тщеславию, нежели пороку блуда, однако же труднее освободиться от владычества тщеславия. Ибо пленнику, отведенному на более отдаленное пространство пути, труднее возвратиться в родную землю и отеческую свободу... (прп. авва Серапион, 57, 250).

***

...От тщеславия <рождаются> споры, ереси, самовыказывание, склонность к новизнам... (прп. авва Серапион, 57, 254).

***

Обольстительная пышность, сухое и бездушное превозношение, тщетная и земная слава да возьмутся от нас. Ибо Даятель и Сокровищехранитель добродетелей, в Себе Самом оставляя нам образец, говорит: *славы от человек не ищу* (ср.: Ин. 5, 41); потому что слава есть Божие даяние, хотя изобретатели имен и дали именование сие даже здешней тени (прп. Исидор Пелусиот, 61, 214).

***

...Тщеславным <называть должно> того, кто готов хвалиться и тем, чего не делает... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 369).

***

...Тщеславие порождает душа низкая и ничтожная, а презрение и пренебрежение похвал — душа великая и возвышенная. Первая удивляется людской похвале, которая, подобно траве, увядает, а последняя отвращается ее. Одна ошибочный и нетвердый приговор многих признает весьма важным, а другая — вовсе ничего нестоящим (прп. Исидор Пелусиот, 63, 352—353).

***

Божественно — делающему что-либо доброе не искать славы человеческой. Но если кто делая ищет ее, то и таковой славолюбив, а не тщеславен. Ибо не имеющий добрых дел, но ищущий неподобающей славы тщеславен, гордясь тем, чего не делает, и надмеваясь собою в чужом лице. Не славу одну надлежит называть тщетною (если согласиться на это, то и славолюбивого справедливо будет назвать тщеславным); но если взять слово в собственном его значении,

кто не имеет добрых дел, желает же славы, того справедливо назвать тщеславным (прп. Исидор Пелусиот, 63, 396—397).

***

...Поступок тогда бывает тщеславным, когда сердце имеет в виду сделать это напоказ (прп. Нил Синайский, 72, 12).

***

Сливается и черта, проведенная на воде, и добродетельный труд — в душе тщеславной (прп. Нил Синайский, 72, 217).

***

Дырявый мешок не сохраняет в себе того, что вложено, и тщеславие губит мзду добродетелей (прп. Нил Синайский, 72, 218).

***

Нередко от тщеславия происходит помысл блуда... (прп. Нил Синайский, 73, 53).

***

Тщеславие принуждает расславлять дело, желая угождать более людям, нежели Богу, и в ничто обращая труды... (прп. Нил Синайский, 73, 184).

***

Зная же, что тщеславие есть бесполезный призрак, убегают оного, как убеждающего трудиться для добродетели и обращающего труды сии в ничто... (прп. Нил Синайский, 73, 193).

***

...Ничто не оземленилось столько, как на земле пресмыкающееся тщеславие (прп. Нил Синайский, 74, 57).

***

Если же начнешь тщеславиться и гордиться, отступит от тебя Господь, не восхощет помогать тебе... (прп. Нил Синайский, 74, 149).

***

За предшествующими человекоугодием и тщеславием, конечно, следуют гордость, высокомерие и всякая срамная демонская страсть (прп. Нил Синайский, 74, 225).

***

...Бдение, и пост, и милостыню, и возлежание на голой земле, и прочие блага губит он <демон> ради ненавистного тщеславия и высокомерия... (прп. Нил Синайский, 74, 333).

***

Если кто из болезнующих злым недугом тщеславия хочет избежать рук зловреднейшего и злейшего полчища демонов, пусть наложит узду на собственные свои уста... (прп. Нил Синайский, 74, 334).

***

...Уловляемый тщеславием человек не может уже быть в мире ни с самим собой, ни с ближним... (прп. Нил Синайский, 74, 334).

***

Смотри же, сын, чтобы, ища славы человеческой, не лишиться тебе славы Божией... (прп. Нил Синайский, 74, 396).

***

Тщеславие есть неразумная страсть и удобно примешивается ко всякому делу добродетели (прп. Нил Синайский, 91, 277).

***

...Тщеславие прививается (прирастает) к добродетелям и не отстает от них, пока не отнимет от них всего значения (прп. Нил Синайский, 91, 277).

***

...Гроздь винограда, до земли спустившаяся или прилегшая к земле, легко загнивает; гибнет и добродетель, ко тщеславию прильнувшая (прп. Нил Синайский, 91, 277).

***

Тщеславный монах — бесплатный работник — несет труд, а награды не получит (прп. Нил Синайский, 91, 277).

***

Воздержание тщеславного — дым из печи; и то и другое рассеивается в воздухе (прп. Нил Синайский, 91, 277).

***

Уныние расслабляет душевную силу, а тщеславие болезненного делает здоровым, старика более сильным, чем юно-

ша, если только много свидетелей того, что делается: тогда легки и пост, и бдение, и молитва, потому что похвала многих возбуждает усердие (прп. Нил Синайский, 91, 278).

***

Тщеславие есть подводный камень; если об него ударишься, погубишь груз (прп. Нил Синайский, 91, 278).

***

На стогнах молиться советует тщеславие, но воюющий с тщеславием молится в клети своей (прп. Нил Синайский, 91, 278).

***

Истинная добродетель не ищет людской похвалы и не услаждается почестию — этой матерью зол (прп. Нил Синайский, 91, 278).

***

Кто слезами обнаруживает душевную немощь, тот не будет высоко думать о трудах своих (прп. Нил Синайский, 91, 279).

***

Самое острое оружие у змия (древнего) есть тщеславие, побивающее плоды всех трудов наших. Но кто устроит предварительно противоположный ему маневр тайного доброделания, тот близок к тому, чтобы снести голову с самого диавола (прп. Нил Синайский, 91, 280).

***

Безжалостнейше к себе трудящийся в несении телесных подвигов, не для похвалы пусть преутруждает себя и славою пусть не превозносится. Иначе демоны, надмя душу его этими трудами и славою, возбудя усилить еще более безжалостность к себе, увлекут его принять еще большие подвиги, чтобы он еще более превознесся. С сею целью они с иным ведут такую внутри посредством помыслов беседу: как такой-то подвизался, не щадя себя, и такое приобрел себе великое имя, так что о нем говорят и по смерти его; так и ты взойди на самую высоту подвизания, чтобы стяжать себе славу и чтобы имя твое сделалось великим и по смерти твоей произносилось с великой похвалой (прп. Нил Синайский, 91, 281—282).

***

Когда в сердце слышатся славолюбивые помыслы и оно не противоборствует тому, тогда инок (и особенно уединенник) недалеко бывает от повреждения ума; тогда рассудок бывает в опасности расстроиться, или от снов бесовских, принимаемых с верою, или от призраков во время бдений, или от явления бесов в каких-либо светлых видах. Ибо сам сатана для обольщения нашего преобразуется иногда в ангела света, причем обещает, что если пад поклонишься ему, то даст тебе такое и такое дарование, или восхитит тебя как нового Илию на небо на огненной колеснице. И бывало, что принимавшие это с верою уклонялись от истины и впадали в умоповреждение. Во избежание сего, помня, чего ради с любовию подъемлются подвижнические труды, всяким хранением блюди свое сердце, чтобы, внимая одним внешним подвигам, не быть тебе коварно уловлену внутри

(несмысленным) самовозношением (прп. Нил Синайский, 91, 282—283).

***

Мужа сильного не обличай в тщеславии, но укажи ему на бесчестие, которому за тщеславие подвергаются. Ибо таким образом удобно бывает обличаем разумный (прп. Марк Подвижник, 70, 22).

***

Некоторые, будучи похвалены за добродетель, усладились сим, и сласть тщеславия своего приняли за утешение (прп. Марк Подвижник, 70, 28).

***

Кто в одно и то же время за одно похваляет, а за другое укоряет ближнего, тот одержим тщеславием и завистью; похвалами покушается он прикрыть зависть, а укорами выставляет себя лучшим его (прп. Марк Подвижник, 90, 502).

***

Если увидишь, что кто-либо по поводу бесчестия крайне болезнует сердцем, то знай, что он наполнен помыслами тщеславия и теперь пожинает с неудовольствием рукояти семян, которые сам посеял в сердце (прп. Марк Подвижник, 90, 550).

***

Высокомудрый (гордый) и тщеславный удобно примиряются друг с другом; ибо тот хвалит тщеславного, который рабски перед ним преклоняется, а этот величает высоко-

мудрого, который часто его похваляет (прп. Марк Подвижник, 90, 554).

***

Бывает иногда, что... прорывается тщеславный помысл сказать что-либо не вовремя; ангельские же помыслы внушают тебе прогнать этот болтливый безвременный помысл. Итак, если ты не прогонишь его добрым молчанием, и позволишь ему пройти наружу, напыщен быв кичением, то должен будешь понести худые от того последствия, — праведно предан будучи или большему еще греху, или внешним каким прискорбностям, или тяжелым неприятностям со стороны братий, или мучению в будущем веке; ибо и о праздном и тщеславном слове, произнесенном по необученности языка, отдадим мы отчет; почему тщательно должно блюсти язык свой (прп. Иоанн Карпафский, 92, 92).

***

...Тщеславие, по причине непрестанного мятежа и смущения помышлений своих, из всего встречающегося собирает нечистые сокровища и оскверняет сердце (прп. Исаак Сирин, 59, 280).

***

Пес враждует против зайца; а бес тщеславия есть враг сонливости (прп. Иоанн Лествичник, 58, 140).

***

Между сими страстями <тщеславием и гордостью> такое же различие, какое между отроком и мужем, между пшеницею и хлебом; ибо тщеславие есть начало, а гордость — конец (прп. Иоанн Лествичник, 58, 143).

***

Тщеславие, по виду своему, есть изменение естества, развращение нравов, наблюдение укоризн. По качеству же оно есть расточение трудов, потеря потов, похититель душевного сокровища, исчадие неверия, предтеча гордости, потопление в пристани, муравей на гумне, который хотя и мал, однако расхищает всякий труд и плод (прп. Иоанн Лествичник, 58, 143).

***

Дух отчаяния веселится, видя умножение грехов, а дух тщеславия, — когда видит умножение добродетелей; ибо дверь первому множество язв, а дверь второму изобилие трудов (прп. Иоанн Лествичник, 58, 143).

***

...Побеждаюсь тщеславием, одевшись в хорошие одежды; но и в худые одеваясь, так же тщеславлюсь (прп. Иоанн Лествичник, 58, 144).

***

Тщеславный человек есть идолопоклонник, хотя и называется верующим. Он думает, что почитает Бога, но в самом деле угождает не Богу, а людям (прп. Иоанн Лествичник, 58, 144).

***

Господь часто скрывает от очей наших и те добродетели, которые мы приобрели; человек же, хвалящий нас... похвалою отверзает нам очи; а как скоро они отверзлись, то и богатство добродетели исчезает (прп. Иоанн Лествичник, 58, 144).

***

Тщеславный подвижник сам себе причиняет двойной вред: первый — что изнуряет тело, а второй — что не получает за это награды (прп. Иоанн Лествичник, 58, 144).

***

Наблюдай и увидишь, что непотребное тщеславие до самого гроба украшается одеждами, благовониями, многочисленною прислугою, ароматами и тому подобным (прп. Иоанн Лествичник, 58, 144).

***

...Тщеславие радуется о всех добродетелях. Например: тщеславлюсь, когда пощусь; но когда разрешаю пост, чтобы скрыть от людей свое воздержание, опять тщеславлюсь, считая себя мудрым (прп. Иоанн Лествичник, 58, 144).

***

Пост тщеславного остается без награды, и молитва его бесплодна, ибо он и то и другое делает для похвалы человеческой (прп. Иоанн Лествичник, 58, 144).

***

Всякий человек, который любит себя выказывать — тщеславен (прп. Иоанн Лествичник, 58, 144).

***

Кто не посмеется делателю тщеславия, которого сия страсть, во время предстояния на псалмопении, понуждает иногда смеяться, а иногда перед всеми плакать (прп. Иоанн Лествичник, 58, 144).

***

Льстец есть слуга бесов, руководитель к гордости, истребитель умиления, губитель добродетелей, отводитель от истинного пути. *Блажащии вас, льстят вы*, говорит Пророк (Ис. 3, 12) (прп. Иоанн Лествичник, 58, 144).

***

Никтоже весть яже в человеце, точию дух человека (ср.: 1 Кор. 2, 11). Итак, пусть посрамляются и обуздываются те, которые покушаются ублажать нас в лицо (прп. Иоанн Лествичник, 58, 145).

***

Иной вид эфиопа, и иной истукана: так и образ тщеславия иной у пребывающих в общежитии, и иной у живущих в пустынях (прп. Иоанн Лествичник, 58, 145).

***

...Бес тщеславия, внушив одному брату помыслы, в то же время открывает их другому, которого подстрекает объявить первому брату, что у него на сердце, и через то ублажает его, как прозорливца. Иногда сей нечистый прикасается даже к членам тела и производит трепет (прп. Иоанн Лествичник, 58, 145).

***

Великое дело отвергнуть от души похвалу человеческую, но большее — отвратить от себя похвалу бесовскую (прп. Иоанн Лествичник, 58, 145).

***

Тщеславие побуждает легкомысленных монахов предупреждать пришествие мирских людей и выходить из обители на встречу идущих; научает припадать к ногам их, и, будучи исполнено гордости, облекается в смирение; в поступках и в голосе показывает благоговение, смотря на руки пришедших, чтобы от них что-нибудь получить; называет их владыками, покровителями и подателями жизни по Боге; во время трапезы побуждает их воздерживаться перед ними, и повелительно обращаться с низшими; на псалмопении же ленивых делает ревностными, и безголосных хорошо поющими, и сонливых бодрыми: льстит уставщику и просит дать ему первое место на клиросе, называя его отцом и учителем, пока не уйдут посетители (прп. Иоанн Лествичник, 58, 145—146).

***

Тщеславие предпочитаемых делает гордыми, а презираемых памятозлобными (прп. Иоанн Лествичник, 58, 146).

***

Оно <тщеславие> весьма удобно присоединяется к естественным дарованиям, и через них нередко низвергает окаянных рабов своих (прп. Иоанн Лествичник, 58, 146).

***

Тщеславие часто бывает причиною бесчестия, вместо чести, ибо разгневавшимся ученикам своим приносит великий стыд (прп. Иоанн Лествичник, 58, 146).

***

Тщеславие делает гневливых кроткими перед людьми (прп. Иоанн Лествичник, 58, 146).

***

Видел я, как один бес опечалил и прогнал брата своего. Один монах рассердился, а между тем пришли мирские; и вдруг окаянный сей, оставив гнев, перепродал себя тщеславию, ибо не мог в одно время служить обеим страстям (прп. Иоанн Лествичник, 58, 146).

***

Монах, сделавшийся рабом тщеславия, ведет двойственную жизнь, по наружности пребывая в монастыре, а умом и помышлениями — в мире (прп. Иоанн Лествичник, 58, 146).

***

Если мы усердно хотим угождать Царю Небесному, то, без сомнения, и славы небесной вкусим; а вкусивший ее будет презирать всякую земную славу; и я удивился бы, если бы кто, не вкусивши первой, мог презреть последнюю (прп. Иоанн Лествичник, 58, 146).

***

Часто случается, что мы, будучи окрадены тщеславием, а потом обратившись, и сами быстроумнее окрадываем оное. Я видел некоторых по тщеславию начавших духовное делание, но хотя и порочное положено было начало, однако конец вышел похвальный, потому что переменилась их мысль (прп. Иоанн Лествичник, 58, 146—147).

***

Кто возносится естественными дарованиями, т. е. остроумием, понятливостию, искусством в чтении и произношении, быстротою разума и другими способностями, без труда нами полученными, тот никогда не получит вышеестественных благ; ибо неверный в малом — и во многом неверен и тщеславен (прп. Иоанн Лествичник, 58, 147).

***

Некоторые для получения крайнего бесстрастия и богатства дарований, силы чудотворения и дара прозорливости всуе изнуряют тело свое; но сии бедные не знают того, что не труды, но более всего смирение есть матерь этих благ (прп. Иоанн Лествичник, 58, 147).

***

Кто просит у Бога за труды свои дарований, тот положил опасное основание; а кто считает себя должником, тот неожиданно и внезапно обогатится (прп. Иоанн Лествичник, 58, 147).

***

Не повинуйся веятелю сему, когда он научает тебя объявлять свои добродетели на пользу слышащих; *кая бо польза человеку,* если он весь мир будет пользовать, *душу же свою отщетит* (Мф. 16, 26)? Ничто не приносит столько пользы ближним, как смиренный и непритворный нрав и слово. Таким образом мы и других будем побуждать, чтобы они не возносились; а что может быть полезнее сего? (прп. Иоанн Лествичник, 58, 147).

***

Есть слава от Господа, ибо сказано в Писании: *прославляющих Мя прославлю* (1 Цар. 2, 30); и есть слава, происходящая от диавольского коварства, ибо сказано: *горе егда добре рекут вам вси человецы* (Лк. 6, 26). Явно познаешь первую, когда будешь взирать на славу, как на вредное для тебя, когда всячески будешь от нее отвращаться и, куда бы ни пошел, везде будешь скрывать свое жительство. Вторую же можешь узнать тогда, когда и малое что-либо делаешь для того, чтобы видели тебя люди (прп. Иоанн Лествичник, 58, 148).

***

Часто Господь исцеляет тщеславных от тщеславия приключающимся бесчестием (прп. Иоанн Лествичник, 58, 148).

***

Начало к истреблению тщеславия есть хранение уст и любление бесчестия; средина же — отсечение всех помышляемых ухищрений тщеславия; а конец (если только есть конец в этой бездне) состоит в том, чтобы стараться делать перед людьми то, что нас уничижает, и не чувствовать при оном никакой скорби (прп. Иоанн Лествичник, 58, 148).

***

Не скрывай своих погрешностей с той мыслью, чтобы не подавать ближнему повода к преткновению; хотя, может быть, и не во всяком случае будет полезно употреблять сей пластырь, но смотря по свойству грехов (прп. Иоанн Лествичник, 58, 148).

***

Когда мы домогаемся славы, или когда, без искательства с нашей стороны, она приходит к нам от других, или когда покушаемся употреблять некие ухищрения, служащие к тщеславию, тогда вспомним плач свой и помыслим о святом страхе и трепете, с которым мы предстояли Богу в уединенной нашей молитве; и таким образом, без сомнения, посрамим бесстыдное тщеславие, если, однако, стараемся об истинной молитве. Если же в нас нет этого, то поспешим вспомнить об исходе своем. Если же мы и сего помышления не имеем, то, по крайней мере, убоимся стыда, следующего за тщеславием, потому что *возносяйся* непременно *смирится* (Лк. 14, 16) еще и здесь прежде будущего века (прп. Иоанн Лествичник, 58, 148).

***

Когда хвалители наши или, лучше сказать, обольстители начнут хвалить нас, тогда поспешим вспомнить множество наших беззаконий; и увидим, что мы поистине недостойны того, что говорят или делают в честь нашу (прп. Иоанн Лествичник, 58, 149).

***

Бывают из тщеславных такие, коих некоторые прошения должны бы быть услышаны Богом; но Бог предваряет их молитвы и прошения, чтобы они, получив через молитву просимое, не впали в большее самомнение (прп. Иоанн Лествичник, 58, 149).

***

Простые же сердцем не очень подвержены отравлению сим ядом, ибо тщеславие есть погубление простоты и притворное жительство (прп. Иоанн Лествичник, 58, 149)

***

Часто случается, что червь, достигши полного возраста, получает крылья и возлетает на высоту; так и тщеславие, усилившись, рождает гордость, всех зол начальницу и совершительницу (прп. Иоанн Лествичник, 58, 149).

***

Тщеславию свойственно лицемерие и ложь... (авва Фалассий, 92, 291).

***

Тщеславие истребляется укрыванием добрых дел... (авва Фалассий, 92, 291).

***

Тщеславию свойственно действовать напоказ... (авва Фалассий, 92, 312).

***

Между человеческими действиями многие добры сами по себе, но бывают недобрыми по какой-либо причине. Например, пост и бдение, молитва и псалмопение, милостыня и страннопримство сами по себе суть дела добрые, но когда делаются из тщеславия, тогда они уже не добры (прп. Максим Исповедник, 92, 184).

***

Тщеславие рождает гордость, иногда быв изгоняемо, а иногда оставаясь. Но, быв изгоняемо, оно приводит самомнение, а оставаясь — надменность (прп. Максим Исповедник, 92, 206).

***

Тщеславие истребляется скрытным действованием, а гордость — приписыванием Богу исправно делаемых дел (прп. Максим Исповедник, 92, 206).

***

Кто творит добродетели из тщеславия, тот и познания ищет из тщеславия же. Но такой ничего уже не делает и не говорит для назидания, но во всем ищет уловить славу от видящих дело его или слышащих слово его. Обличается же страсть сия тем, если когда некоторые из таковых станут хулить слова или дела его, он крайне огорчается тем не потому, что те не получили назидания, ибо сей цели он и не имел, но потому, что он унижен или уничижен ими (прп. Максим Исповедник, 92, 209).

***

Тщеславию монаха свойственно тщеславиться добродетелью и ее последствиями; гордости же его свойственно гордиться успехами, уничижать других и приписывать то себе, а не Богу. Тщеславию же и гордости мирянина свойственно тщеславиться и гордиться красотою, богатством, силою и рассудительностью или житейским благоразумием (прп. Максим Исповедник, 92, 210).

***

Немалый подвиг освободиться от тщеславия; освобождаются же от него тайным творением добродетелей и частой молитвой, а признак освобождения — не злопамятствовать... на злословящего (прп. Максим Исповедник, 92, 219).

***

Желающий всем человекам спастися и алчущий обóжения их, Бог, их кичение и тщеславие, как бесплодную смоковницу, иссушает проклятием (см.: Мф. 21, 19), чтобы они, предпочетши действительную праведность тому, чтобы только казаться праведными, и, сбросив с себя лицемерный хитон добронравной показанности, неподдельно приступали к добродетели, как сего хочет Божественное слово, и благочестно прочее проводили жизнь, стараясь паче перед Богом держать доброе расположение души, нежели перед людьми выставлять внешне добронравную показность (прп. Максим Исповедник, 92, 260).

***

Тщеславие есть отступление от цели, которая по Богу, и переступление к другой цели, которая не по Богу. Ибо тщеславен тот, кто для своей, а не для Божией славы заботится о добродетели, и трудами своими имеет в виду накупить лишь человеческих непостоянных похвал (прп. Максим Исповедник, 92, 279).

***

...Демоны, видя, что душа через вселение в нее блáгодати и установление в ней мирного устроения освободилась от страсти и искушений, обыкновенно влагают в нее... помыслы <тщеславия и самомнения> (старец Симеон Благоговейный, 94, 67).

***

Томится болезненно тщеславный, видя, как смиренный, проливая слезы, и Бога ими умилостивляет, и людей подвигает к невольной похвале (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 512).

***

Как пламень огня всегда поднимается вверх, особенно когда станешь ворочать вещество, в котором возгорелся и горит огонь, так и сердце тщеславного не может смириться. Но как только скажешь ему, что для его пользы, он более и более воздымается; если его обличают и вразумляют, он противоречит сильно; если хвалят и привечают, он напыщается зле (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 515).

***

Человек, научившийся противоречить, сам для себя есть обоюдоострый меч: он убивает душу свою, не сознавая того, и делает ее чуждою жизни вечной (прп. Симеон Новый Богослов, 94, 13).

***

Страсть эта, разумею тщеславие, не дает монаху преуспеть в добродетели, так что он труды терпит, а под конец оказывается бесплодным (прп. Григорий Синаит, 94, 235).

***

...<Тщеславие> имеет место в отличающихся добродетелью и влечет с собою самомнение и лицемерие, коими враг покушается окрасть и рассеять духовное наше богатство (свт. Григорий Палама, 94, 267).

***

Самая скрытная из всех душевных страстей есть тщеславие. Эта страсть более всех других маскируется перед сердцем человеческим, доставляя ему удовольствие, часто

принимаемое за утешение совести, за утешение Божественное... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 407).

***

Тщеславие делает душу неспособною для духовных движений, которые тогда начинаются, когда умолкнут движения душевных страстей, будучи остановлены смирением (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 215).

***

Тщеславие является от глубокого неведения Бога, или от глубокого забвения Бога, от забвения вечности и небесной славы, и потому оно, в омрачении своем, ненасытно стремится к приобретению земной временной славы (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 68).

***

Тщеславие радуется, когда увидит, что человек обогащается добродетелями; оно надеется обратить всякую добродетель в согрешение, надеется соделать всякую добродетель причиною и поводом к осуждению человека на Суде Христовом (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 71).

***

Надо припомнить, что поклоны согревают кровь, а согретая кровь чрезвычайно способствует к возбуждению умственной деятельности; пришедши в такое расположение, бедный подвижник, единственно по той причине, что не имеет понятия о истинном душевном делании, предается душевновредной умственной деятельности, предается тщеславным помыслам и мечтаниям, опирающимся на его под-

виге, при посредстве которого он думает преуспеть; подвижник услаждается этими помыслами и мечтаниями, не может довольно насытиться ими, усвояет их себе, насаждает в себе гибельную страсть самомнения (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 102).

***

Подобно сребролюбию и корыстолюбию, тщеславие уничтожает веру в сердце человеческом... (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 287).

***

...Стремление к славе человеческой и к человеческим почестям сводит инока с тесного спасительного пути, проложенного Богочеловеком... (свт. Игнатий Брянчанинов, 43, 290).

***

Вот вы... тщеславитесь... Это по вражьей части. Тщеславие его поля ягода. И оно таково, что за него отходит благодать. Блюдитесь! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 170).

***

Когда придет тщеславие из-за слез, вы перенесите взор на грехи... и скажите душе своей: вишь, что нагородила! Есть тут чем тщеславиться?! — Если искренно сие сделаете, то вместо тщеславия восприимите горькое сокрушение, которое и всегда старайтесь иметь под слезами (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 170—171).

***

Тщеславие надо вырвать внутренним образом, а не внешним. Без этого, выройте яму глубокую до самого цент-

ра земли и спрячьтесь, тщеславие и там найдет себе пищу. Надо страх Божий усилить и утвердить хождение перед Богом. Огнь Божия присутствия будет попалять тщеславие (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 16).

***

Не думайте скоро отделаться от этой госпожи <тщеславия>. Всюду за вами по пятам будет идти и жужжать в уши (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 180).

***

Это многоглавый змий <дух тщеславия>. Иногда преобразуется в самое смирение... Тщеславие тонко, но душу всегда огрубляет (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 184).

***

Это, конечно, злая вещь <тщеславие>, но от нее никуда не убежите. Убежите... тщеславие будет учить вас тщеславиться и тем, что убежали. От него надобно отбиваться при делах, какие делаете, и больше ничего, а не бежать от сих дел (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 80—81).

****

Один брат жил вне села своего и в продолжение многих лет не входил в него. Он говаривал братиям: «Вот уже сколько прошло лет, и я не входил в село; а вы так часто туда ходите». Сказали о нем авве Пимену. Старец отвечал: «Я пошел бы ночью и кругом обошел село, чтобы не тщеславиться мыслию, что не хожу в село» (98, 212).

***

Говорили, что в одном селении некто постился, так что прозвали его постником. Услышав о нем, авва Зенон позвал его к себе. Тот с радостью пришел к нему. Помолившись, они сели. Старец начал работать молча, постник, не находя о чем говорить с ним, начал сильно скучать и, наконец, говорит старцу: «Помолись о мне, авва! Я хочу идти домой». «Зачем?» — спросил его старец. Он отвечал: «У меня сердце будто в огне, и я не знаю, что с ним делается; когда был я в селении, постился до самого вечера, и никогда не случалось со мною подобного». Старец говорит ему: «В селении ты был сыт слухом; но теперь ступай и с сего времени принимай пищу в девятом часу, а если что делаешь, делай тайно».

Когда же постник начал так делать, то уже с болезнью ожидал девятого часа. Знавшие говорили: «Постник одержим бесом». Когда он пришел к старцу и рассказал ему об этом, тот отвечал ему: «Такой путь угоден Богу!» (98, 82).

***

Некто из имевших дар видения замечал и пересказывал, что видел. «Когда, — говорил он, — сидел я в собрании, демон тщеславия и демон гордости пришли и сели подле с обеих сторон; один толкал меня в бок перстом тщеславия, побуждая рассказать о каком-нибудь созерцании, или делании моем в пустыне. Как же скоро отогнал я его от себя, сказав: *да возвратятся вспять и постыдятся замышляющии ми злая* (Пс. 39, 15), тотчас с левой стороны сказал мне демон на ухо: «Хорошо, хорошо ты сделал и стал велик, победив бесстыдную матерь мою». А я, удачно воспользовавшись продолжением стиха, отвечал ему: *«Да воз-*

вратятся абие постыжденными глаголющии ми: благоже, благоже, сотворил еси (ср.: Пс. 39, 16)». На вопрос же мой: «Почему тщеславие есть матерь гордости?» — отвечал он: «Похвалы возносят и надмевают; когда же душа превознесется, тогда объемлет ее гордость, возводит до небес и низводит до бездн» (58, 147).

***

Видели мы отшельника, жившего также в пещерах. Он, в сновидениях будучи обольщаем мечтами тщеславия, и сам обольщал тех, которые приходили к нему и обманывались. И стал, по Писанию: *муж неразумив, емляйся за тень и гоняй ветры и емляй веру сном* (ср.: Сир. 34, 2). Хотя по телу сохранил он целомудрие, конечно, и по причине старости, и по времени, а может быть, и по тщеславию, но мудрость добродетели погубил, развратившись постыдным тщеславием и отпав через него от благочестивой жизни (102, 241).

***

В Константинополе жили два брата-мирянина. Они были очень набожны и много постились. Один из них пришел в Раиф, отрекся от мира и стал иноком. После пришел к нему в Раиф оставшийся в миру брат — навестить брата-инока. Живя у брата, мирянин увидел, что инок, брат его, принимает пищу в девятом часу, и, соблазнившись, сказал ему: «Брат, в миру ты не вкушал пищу до заката солнца». Монах сказал ему: «Это правда, брат! Но в миру я насыщался через уши: пустая людская слава и похвалы немало питали меня и облегчали труды подвижничества» (103, 184—185).

***

Диавол ожесточил сердце Евагрия, как сердце фараона, и он, будто пылкий юноша, впал в самомнение и колебался душой, ни с кем не говоря ни слова, переменил одежду, и ум его обуяло ораторское тщеславие. Но Бог, Который удерживает всех нас от гибели, поверг его в беду: послав на него горячку и тяжкую болезнь в продолжение шести месяцев, изможднл его плоть, которая препятствовала ему быть добродетельным. Когда врачи уже сомневались в его выздоровлении, не находили способа вылечить его, блаженная Мелания сказала: «Не нравится мне, сын мой, твоя долгая болезнь. Скажи мне, что у тебя на душе, ибо не эта твоя настоящая болезнь». Он признался ей во всем. Блаженная сказала ему: «Дай мне перед Богом слово, что ты решишься вести монашескую жизнь, и хотя я грешница, но помолюсь Господу, чтобы дано было тебе время для обращения и продолжение жизни». Он согласился. Когда она помолилась, он в несколько дней выздоровел. По выздоровлении получил от нее иноческое одеяние и отправился на Нитрийскую гору, что в Египте, где прожил два года, а на третий удалился в пустыню (102, 223).

***

Брат сказал великому старцу: «Авва! Мне бы хотелось найти старца по моей воле и жить с ним!» Старец отвечал на это: «Хорошо твое желание, владыка мой!» Брат, не поняв слов старца, подумал, что он признал его мнение правильным и утвердил его. Старец, заметив это, сказал ему: «Так-то! Если найдешь старца, соответствующего твоей воле, то намереваешься жить с ним? Значит, желаешь не того, чтобы тебе последовать воле старца, но чтобы старец

последовал твоей воле, и в этом надеешься найти преуспеяние». Тогда брат понял свою ошибку и пал в ноги старцу, принося покаяние: «Прости меня! Я очень тщеславился, думая, что я хорошо сказал, между тем как ничего хорошего не было ни в моих словах, ни в мыслях» (107, 505).

***

Авва Нистерой Великий однажды прохаживался по пустыне с одним братом. Увидев дракона, они побежали. Брат спросил его: «И ты, отец, боишься?» Старец отвечал ему: «Нет, сын, я не боюсь, но польза требовала, чтобы я бежал, иначе мне не убежать бы от духа тщеславия» (98, 177).

ИСТОЧНИКИ

1. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1902.

2. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1902.

3. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1903.

4. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1903.

5. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1900.

6. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1900.

7. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1900.

8. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1901.

9. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 5. ТСЛ, 1901.

10. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

11. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1902.

12. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 1. М., 1843.

13. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 2. М., 1844.

14. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 3. М., 1844.

15. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 4. М., 1844.

16. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 5. М., 1847.

17. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 6. М., 1848.

18. Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. М., 1861.

19. Творения святого Григория Нисского. Ч. 2. М., 1861.

20. Творения святого Григория Нисского. Ч. 3. М., 1862.

21. Творения святого Григория Нисского. Ч. 4. М., 1862.

22. Творения святого Григория Нисского. Ч. 5. М., 1863.

23. Творения святого Григория Нисского. Ч. 6. М., 1864.

24. Творения святого Григория Нисского. Ч. 7. М., 1865.

25. Творения святого Григория Нисского. Ч. 8. М., 1871.

26. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 1. М., 1994.

27. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 2. М., 1994.

28. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 3. М., 1994.

29. *Дионисий Ареопагит.* О небесной иерархии. М., 1898.

30. Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. 10-е изд. Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни: Свято-Троицкая Лавра, 1913.

31. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 1. М., 1881.

32. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 2. М., 1881.

33. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1912.

34. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1900.

35. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 5. М., 1887.

36. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

37. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1913.

38. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 8. ТСЛ, 1914.

39. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1905.

40. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1886.

41. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 3-е изд. Т. 3. СПб., 1905.

42. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетическая проповедь. 3-е изд. Т. 4. СПб., 1905.

43. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Приношение современному монашеству. 3-е изд. Т. 5. СПб., 1905.

44. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина: Точное изложение православной веры. СПб., 1894.

45. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. 2-е изд. Т. 1: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

46. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 2: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1896.

47. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 3: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1897.

48. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 4: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

49. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 5: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1899.

50. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 6: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1900.

51. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 7: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1901.

52. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 8: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1902.

53. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 9: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1903.

54. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 10: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1904.

55. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 11: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1905.

56. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 12: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1906.

57. Писания преподобного отца нашего Иоанна Кассиана Римлянина. 2-е изд./Пер. с лат. еп. Петра. М., 1892.

58. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. 7-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1908.

59. Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирина, подвижника и отшельника, бывшего епископом града Ниневии: Слова подвижнические. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893.

60. Преподобного и богоносного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского: Духовно-нравственные слова. 2-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1911.

61. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 1. М., 1859.

62. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 2. М., 1860.

63. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 3. М., 1860.

64. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Письма. 2-е изд. Ч. 1. Киев, 1891.

65. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Трактаты. 2-е изд. Ч. 2. Киев, 1891.

66. Творения святых отцев в русском переводе, издаваемые в Московской Духовной Академии//Творения святителя Кирилла Александрийского. Т. 49. Ч. 2. ТСЛ, 1882.

67. Творения иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа Иерусалимского. М., 1855.

68. Преподобного отца нашего Макария Египетского: Духовные беседы, послания и Слова. 4-е изд. ТСЛ, 1904.

69. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе: Нравоучительные сочинения. Ч. 1. ТСЛ, 1910.

70. Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника: Нравственно-подвижнические слова. 2-е изд. Сергиев Посад, 1911.

71. Невидимая брань, блаженной памяти старца Пикодима Святогорца. 2-е изд.: В 2 ч./Пер. с греч. еп. Феофана. М., 1892.

72. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 1. М., 1858.

73. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 2. М., 1858.

74. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 3. М., 1859.

75. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 1. М., 1874.

76. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 2. М., 1874.

77. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 1. М., 1892.

78. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 2. М., 1890.

79. Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова. Сергиев Посад, 1917.

80. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 1. М., 1898.

81. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 2. М., 1898.

82. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3. М., 1898.

83. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 4. М., 1899.

84. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 5. М., 1899.

85. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 6. М., 1900.

86. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900.

87. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 8. М., 1901.

88. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?// Письма еп. Феофана. 5-е изд. М., 1904.

89. Внутренняя жизнь: Слова епископа Феофана. Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1893.

90. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 1. М., 1883; 3-е изд. М., 1895.

91. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 2. М., 1884.

92. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 3. М., 1888; 3-е изд. М., 1900.

93. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 4. М., 1889.

94. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 5. М., 1890; 3-е изд. М., 1900.

95. Писание мужей апостольских/Пер. прот. Петра Преображенского. 2-е изд. СПб., 1895.

96. Афонский патерик, или жизнеописание святых, на Святой Афонской горе просиявших. 3-е изд. Ч. 1, 2. СПб., 1897.

97. Глинский патерик/Схиархим. Иоанн Маслов. М., 1997.

98. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. М., 1845.

99. Древний патерик: Изложенный по главам. М., 1874; 3-е изд. М., 1899.

100. Жизнь пустынных отцев/Творение пресвит. Руфина. ТСЛ, 1898.

101. Киево-Печерский патерик/Сост. М. Викторова. Киев, 1893.

102. Лавсаик/Сост. Палладий, еп. Еленопольский. СПб., 1850.

103. Луг духовный/ Творение блаженного Иоанна Москва. Сергиев Посад: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915.

104. Митерикон: Собрание наставлений аввы Исаии всечестной инокине Феодоре. 2-е изд./Пер. еп. Феофана. М., 1898.

105. Московский патерик/Сост. Е. Поселянин. М.: Изд. Московского дворянства, 1912.

106. Оптинский патерик/Б-ка Московской Духовной Академии. (Машинопись. Инв. ц 123611).

107. Отечник/Еп. Игнатий (Брянчанинов). 4-е изд. СПб., 1903.

108. Отечник проповедника/Сост. игум. Марк (Лозинский). ТСЛ, 1996.

109. Палестинский патерик/И. Помяловский. Вып. 3. СПб., 1893.

110. Патерик Волыно-Почаевский/Сост. прот. А. Хойнацкий. М., 1883.

111. Практическая симфония/Сост. Г. Дьяченко. М., 1912.

112. Духовный мир/Сост. Г. Дьяченко. М., 1900.

113. Пролог в поучениях/ Прот. В. Гурьев. М., 1912.

114. Соловецкий патерик. М., 1895.

115. Троицкие цветки с луга духовного/Сост. архим. Кронид (Любимов). ТСЛ, 1997.

116. Троицкий патерик. ТСЛ, 1896. (Репринт).

117. Цветник духовный. 5-е изд.: В 2 ч. М., 1903.

118. История боголюбцев, или повествование о святых подвижниках/Блаж. Феодорит, еп. Кирский. СПб., 1853.

119. Святого отца нашего, Григория Двоеслова, епископа Римского. Собеседования о жизни италийских отцев и бессмертии души. Казань, 1853.

120. Тверской патерик: Краткие сведения о тверских местночтимых святых. Казань, 1907.

121. Маргарит или избранные душеспасительные изречения, руководящие к вечному блаженству. М., 1882.

122. Цветник Пешношский. М., 1898.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Страсти 5
Страсти — воздействие стихии греха 5
Причины страстей 11
Степени и виды страстей 16
Последствия действия страстей 28
Ненависть к страстям 45
Борьба со страстями 46
Услаждение страстями 75
Путь к бесстрастию 79
Господь исцеляет от страстей 93
Страх Божий 108
Страх человеческий 158
Стыд 164
Суд Страшный 184
Суеверие 216
Суета 218
Суждение 235
Счастье 238
Таинства 254
Тело 264
Теология 303

Терпение 362
Тление 420
Трапеза 423
Трезвение 432
Троица 456
Труд 487
Тщеславие 513

УДК 27-29
ББК 86.372-574
С 59

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том XI

Издание Московской Духовной Академии
и Введенской Оптиной Пустыни, 2009

249700, Калужская обл., г. Козельск,
Введенская Оптина Пустынь.
Издательский отдел, тел.: (495) 421-71-41

ЛР № 030470 от 30.12.97

Зак. 1255. Тираж 5000 экз. ОАО «Первая Образцовая типография»
115054, Москва, Валовая, 28

ISBN 978-5-86594-075-3 © Введенская Оптина Пустынь, 2009

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том XII

Убийство — Ярость

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
И ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
2009

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

У

УБИЙСТВО

...Человекоубийца... не может ни достигнуть Царства Небесного, ни жить с Богом (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 218).

***

Кто в раздражении на жену свою употребил в дело топор — тот убийца (свт. Василий Великий, 11, 11).

***

...Непроизвольное... дело <убийство>, если кто, желая вразумить, бьет кого ремнем или нетвердой палкой, и битый умирает; потому что здесь берется во внимание намерение, а именно, желание исправить согрешившего, а не умертвить (свт. Василий Великий, 11, 11).

***

...Если кто составил хитрое снадобье с другою какою-нибудь целью, и умертвил им человека, такой поступок

признаем произвольным <убийством> (свт. Василий Великий, 11, 12).

***

Убийств на войне отцы наши не вменяли в убийства, мне кажется, из снисхождения к защитникам целомудрия и благочестия. Но, может быть, не худо посоветовать, чтобы нечистые руки в продолжение трех лет удерживались от одного приобщения <причащения> (свт. Василий Великий, 11, 15).

***

Кто нанес ближнему смертный удар, тот убийца, сам ли он начал бить, или мстил (свт. Василий Великий, 11, 47).

***

Ежели *любы есть Бог* (ср.: 1 Ин. 4, 16) и что сделано без любви, то не благоугодно Ему, то как же Бог приимет молитву или дары... от убийцы, если он не покается прежде, как должно? Но без сомнения скажешь: «Я не убийца». А я докажу тебе, что ты убийца; лучше же сказать, Иоанн Богослов пусть обличит тебя, говоря: *всяк ненавидяй брата своего человекоубийца есть* (1 Ин. 3, 15) (прп. Ефрем Сирин, 32, 6).

***

...Человекоубийство вдруг не происходит, но (ему) предшествует зложелательство, так как враг не может совершить дела без своего оружия (прп. Ефрем Сирин, 37, 211).

***

Убийство бывает двоякое — или тела, или образа Божия; а в том и другом случае разрушается вожделенная гармония (свт. Григорий Богослов, 16, 340).

***

Хочешь быть дальше от убийств? Бегай ругательств (свт. Иоанн Златоуст, 45, 177).

***

Корень убийства есть гнев. Поэтому кто исторгает корень, тот, без сомнения, будет отсекать и ветви или, лучше, он не даст им и возникнуть (свт. Иоанн Златоуст, 50, 177).

***

Не убий (Исх. 20, 13), чтобы не лишиться сыновства Тому, Кто и мертвых животворит, и не стать делами своими сыном исконного человекоубийцы. Поскольку же убийство происходит от ударов, удары от поношения и брани, эти от гнева, а гнев от причиняемого нам другими ущерба и вреда, или от удара, или от поношения, то *от вземлющаго ти ризу и срачицу не возбрани*, сказал Христос (ср.: Лк. 6, 29), ударившему не отплачивай ударом, и поносящему — поношением. Ибо таким образом и себя самого, и озлобляющего тебя избавишь ты от греха убийства. Ты получишь прощение, в чем погрешил перед Богом; ибо говорится: *отпущайте, и отпустят вам* (Лк. 6, 37), а злословивший о тебе и зло тебе сделавший приимет наказание — муку вечную; ибо *кто речет брату своему: уроде, повинен есть геенне огненней* (ср.: Мф.

5, 22), сказал Христос. Итак, если сможешь с корнем исторгнуть зло и в душу вселить блаженную кротость, воздай славу Христу, наставнику и содетелю добродетелей, без Коего, как научены, не можем мы сделать ничего хорошего. Если же не можешь пребыть безгневным, укори себя, когда прогневаешься, и покайся перед Богом и перед тем, кто услышал от тебя или пострадал что злое. Ибо кто в начатках греха раскаивается, тот не дойдет до конца его; и кто о малых грехах не болезнует, тот через них впадет и в великие (см.: Сир. 19, 1) (свт. Григорий Палама, 93, 312).

****

Авва Савватий говорил: «Когда я жил в лавре аввы Фирмина, пришел разбойник к авве Зосиме и стал просить: «Окажи мне милость, ради Бога! Я совершил много убийств... Сделай меня иноком, чтобы я мог отстать от злых дел». Старец, наставив его, облек в ангельский чин. Через некоторое время старец сказал ему: «Поверь мне, чадо, тебе нельзя оставаться здесь, если начальник узнает о тебе, возьмет тебя. Послушайся меня, и я отведу тебя в другую киновию, подальше отсюда». Так и сделали.

Девять лет прожил он на новом месте. Но вот он снова приходит в монастырь к авве Фирмину и говорит: «Отче, сделай милость — возврати мне мирские одежды и возьми обратно иноческие». «Зачем же, чадо?» — спросил опечаленный старец. «Вот уже девять лет, как тебе хорошо известно, я провел в монастыре, постился, сколько было сил, воздерживался и жил в послушании, в безмолвии и страхе Божием, и я хорошо знаю, что благодать Божия простила мне многие злодеяния мои... Но вот я ежедневно вижу перед очами мальчика, говорящего мне: «Зачем ты убил меня?» Я вижу его и во сне, и в церкви, и в трапезной и слышу голос его, и нет у меня ни одного часа

спокойствия... Вот почему, отче, я хочу идти, чтобы умереть за мальчика... Совсем напрасно я убил его»... Взяв свою одежду и надев ее, он ушел из лавры и прибыл в Диосполис, где был схвачен и на другой день обезглавлен» (102, 195—196).

***

Однажды варвары напали на Скит, где жил авва Даниил и пленили его. Он пробыл в плену у них два года. Некий христолюбец выкупил старца. Через некоторое время варвары опять взяли в плен авву, а через шесть месяцев он бежал. В третий раз варвары пришли и опять взяли его в плен. Как-то, улучив момент, авва взял камень и ударил варвара. Тот от удара умер, а авва Даниил бежал.

Прошло время, и он стал скорбеть об убийстве. Авва исповедал свой грех епископу Тимофею, но тот сказал, что лучше было бы положиться на Бога: «Избавив тебя дважды, избавил бы и третий, впрочем, ты убил не человека, а зверя. Иди и молись». Но авва не удовлетворился этим. Приехав в Рим, поведал все Папе, но получил такой же ответ. Тогда он дал обещание взять прокаженного и служить ему всю свою жизнь. Никто из скитских не знал, что у аввы в келье прокаженный. Но однажды, по Божиему усмотрению, авва пригласил на ужин ученика, а дверь во внутреннюю келью не затворил. Ученик вошел и увидел, что у прокаженного сгнили руки и ноги, жевать он не мог, потому что сгнил рот, и старец вкладывал ему пищу. Увидев такой подвиг, ученик прославил Бога (106, 89).

УДОВОЛЬСТВИЯ

...Есть... удовольствия, спасительные для людей: многие, совершая добрые дела, получают удовольствие, находя

в них для себя сладость. Это удовольствие полезно рабам Божиим и приготовляет <вечную> жизнь таким людям (св. Ерм, 94, 214).

***

Когда восприимешь мечтание о каком-либо чувственном удовольствии, поберегись, чтобы не быть тотчас увлечену им; но, несколько отстранив его, вспомни о смерти и помысли, сколько лучше сознать себя тогда победившим эту прелесть сластолюбия (прп. Антоний Великий, 89, 93).

***

...Плотские удовольствия... подобны луку и чесноку: сообщают много остроты и раздражительности; кто вкусил оных, у того из внутренности издают они тяжелое и едва истребимое зловоние, и причиняют много слез вкусившим (свт. Василий Великий, 7, 32).

***

Удовольствие — диавольская уда, влекущая в пагубу. Удовольствие — матерь греха, а грех — *жало смерти* (ср.: 1 Кор. 15, 56). Удовольствие — пища вечного червя; оно на время утешает наслаждающегося, а впоследствии дает такие отпрыски, в которых больше горечи, чем в желчи (свт. Василий Великий, 8, 201).

***

...Что такое скорбь века сего, равно как и радость века сего, возлюбленный? Посему лучше терпеть встречающиеся скорби, нежели обольщение. Ибо слава и обольщение мира сего подобны огненному пламени, который попалил

вложенные в него дрова, и вскоре потом угас, так что от всего этого пламени остались зола и пепел (прп. Ефрем Сирин, 30, 308).

***

Человеколюбец всех призывает и говорит: *приидите ко Мне вси* (Мф. 11, 28), но никто не слушает, никто не оказывает усердия. Человеконенавистник же диавол поманит, и стекаются многие. Если когда возвещены пост или бдение, все жалуются в изнеможении и делаются как мертвые. А если когда объявлено об обедах, о вечерах, о гуслях и бесовских песнях, все делаются веселыми, бодрыми. Приглашают друг друга, дружно идут худым путем, состязуются в недобром подвиге, не соблюдая благопристойности, не как рабы Божии, но как беглецы, и часто, целый день трудясь для чрева, и целую ночь проводят без сна на погибель душ своих, играя и служа игралищем и, ничего не приобретая от труда и бдения, кроме единого горя... Никто да не обольщает вас, братия: не христианам сие свойственно, но неверным язычникам... у которых нет ни надежды спасения, ни желания будущих благ (прп. Ефрем Сирин, 32, 131—132).

***

Не будем утопать в удовольствиях, чтобы узреть нам славу Его <Сына Божиего> в день явления Его (прп. Ефрем Сирин, 33, 317).

***

Удовольствие, для наслаждающегося им, кратковременно; едва наступит, как и улетает, подобно камню (свт. Григорий Богослов, 15, 367).

***

...Это — твое приражение, злобный; это ты, хитрыми изворотами закравшись ко мне в ум, убеждаешь меня ловить негу удовольствий. Но нет, не убедишь меня. Не верить тебе внушил мне Адам. Пресмыкайся же по земле; я буду попирать твою голову. А если у тебя достанет еще сил угрызать мою ногу, то повешу тебя, изваяв из меди, чтобы, взирая, спасаться от вреда (свт. Григорий Богослов, 16, 28).

***

Сказывают... что это животное — змий, если вставит голову в паз стены, в который вползает, то нелегко вытащить его из паза тому, кто потянет за хвост, потому что упирающаяся чешуя естественно противится усилию тянущего назад; и кому проход вперед беспрепятствен, потому что чешуя по гладкому скользит, для того обратный путь назад, задерживаемый упорством чешуи, затруднителен. А слово сие, думаю, показывает, что надлежит беречься удовольствия, когда оно входит и вползает в скважины души, и, сколько можно, тщательнее заграждать пазы жизни. Ибо в таком случае жизнь человеческая блюдется чистою от смешения с жизнию скотскою. Если же по расстройству в нас связей жизни найдет себе какой-либо вход змий сластолюбия, то поэтому укроется в нас, так как по причине чешуй трудным сделается извлечение его назад из вместилищ разумения. А слыша о чешуе, разумей под этою загадкою разнообразные поводы к удовольствиям; ибо страсть к сластолюбию по родовому понятию — один зверь, но разные и различные виды удовольствий, примешиваемые чувствами к человеческой жизни, это — чешуи на змие, испещренные разнообразием страстей. Посему если

избегаешь сожительства со змием, то берегись головы, т. е. первого приражения к тебе зла, ибо к сему ведет загадочный смысл Господней заповеди: *той твою блюсти будет главу, и ты блюсти будеши его пяту* (Быт. 3, 15). Не давай входа пресмыкающемуся, которое вползает во внутренность, и при самом начале входит всею длиною своего тела. Ограничивайся необходимою потребностью (свт. Григорий Нисский, 18, 441—444).

***

...Скверна для душевной чистоты есть удовольствие, во многих видах и многими способами примешиваемое к человеческой жизни и душою, и телом, помышлениями и чувствами, намеренными движениями и телесными действиями (свт. Григорий Нисский, 18, 462—463).

***

Рекох и веселию: что сие твориши? (ср.: Еккл. 2, 2). Это то же значит, как и сказать: «Я был против удовольствия, подозревая приближение его, как бы какого татя, тайком вкрадывающегося в таинницы души; никогда не дозволяй ему овладевать мыслию. Ибо как скоро узнавал, что удовольствие, подобно какому-то зверю, подползает к моим чувствам, тотчас вступал с ним в борьбу и встречал, говоря этому рабскому и неразумному веселию: для чего расслабляешь мужество естества? для чего размягчаешь крепость мысли? для чего обессиливаешь бодрость души? для чего вредишь помыслам? для чего светлую ясность чистых мыслей приводишь в омрачение своею туманностию?» (свт. Григорий Нисский, 19, 237).

***

Хотя вожделенное для плоти всего более служит приманкою чувству в настоящем, но увеселяющее в нем минутно. Ибо ничем происходящим в теле невозможно услаждаться продолжительно. Но удовольствие пить прекращается с насыщением; и при вкушении также наполнение чрева уташает пожелание; да и всякое другое вожделение таким же образом по удовлетворении ослабевает, и если появляется снова, снова пропадает. А ничто усладительное для чувства не продолжается навсегда, и не остается таким. И сверх этого еще иное благо человеку в детстве, и иное в цветущем возрасте, и иное пришедшему в зрелость, другое же в преклонном возрасте, и иное опять старцу, смотрящему в землю (свт. Григорий Нисский, 19, 238—239).

***

Хотя и кажется трудною борьба против удовольствий, но не должно никому терять бодрости, ибо привычка не малую имеет силу к тому, чтобы при помощи постоянства доставлять некоторое удовольствие даже в предметах, кажущихся самыми трудными, и притом удовольствие самое прекрасное и чистое, которым наслаждаться разумному существу прилично более, нежели, малодушно увлекаясь низким, удаляться от того, что поистине велико и превосходит всякий ум... (свт. Григорий Нисский, 24, 330—331).

***

Поелику... никто не может приблизиться к божественной чистоте, не сделавшись прежде сам чистым, то нам необходимо оградить себя от удовольствий некоторою вели-

кою и крепкою стеною, чтобы чистота сердца никак не могла осквернить через приближение к ним. Крепкая же стена есть совершенное удаление от всего, в чем заключается страсть: ибо удовольствие по роду своему, будучи одним, по словам мудрых, как вода какая из одного потока, разливающаяся на разные ручьи, входит через каждое чувство в душу людей, преданных удовольствиям. Итак, побежденный удовольствием, проникшим в него через одно какое-либо чувство, от него терпит поражение в самом сердце; как и Слово Божие учит, что восприявший вожделение чувством зрения получил язву в сердце... Думаю, что Господь, говоря здесь об одном чувстве, разумел все, так что, последуя сказанному, правильно может присовокупить: кто услышал *ко еже вожделети* (Мф. 5, 28), кто коснулся и кто всю свою силу подчинил служению удовольствию, согрешил сердцем. Итак, чтобы сего с нами не случилось, мы должны пользоваться тем мудрым правилом в своей жизни, чтобы не прилепляться душою своею ни к чему, в чем заключается какая-либо приманка удовольствия; преимущественно же и более всего блюстись от удовольствия вкуса, потому что оно, по-видимому, упорнее других и есть как бы матерь запрещенного; ибо удовольствия, происходящие от пищи и пития, производя неумеренность в употреблении снедей, по необходимости причиняют в теле множество неизбежных зол, порождают в людях много болезней. Итак, чтобы тело всегда пребывало в полном спокойствии и не возмущалось никакою происходящею от пресыщения страстию, мы должны вести строжайший образ жизни и определять меру и предел наслаждения не удовольствием, но нуждою чего-либо. Хотя нужда и удовольствие часто соединяются между собою (потому что голод обыкновенно все делает приятным, услаждая силь-

ным желанием пищи все, что ни случится употреблять в пищу); но мы не должны ни отказываться от удовлетворения необходимости по причине следующего за ним удовольствия, ни преимущественно гоняться за удовольствием; но, избирая из всего полезное, должны презирать то, что тешит чувства (свт. Григорий Нисский, 24, 377—379).

***

Бегающий мирских удовольствий есть башня, неприступная для демона печали. Ибо печаль есть лишение удовольствия, или настоящего, или ожидаемого. Невозможно нам избыть от этого врага, пока имеем пристрастие к чему-либо земному. Там он ставит свою сеть для возбуждения печали, к чему видит нас наиболее пристрастными (авва Евагрий, 89, 572).

***

Непристойные удовольствия этой жизни нисколько не отличаются от теней и сновидений; ибо, прежде чем окончится греховное дело, удовольствие исчезает, а наказания за него не имеют конца. Сладость кратковременна, а горесть вечна (свт. Иоанн Златоуст, 44, 40).

***

...Если скажешь врагу: удовольствиям твоим не служим и корню всех зол твоих не кланяемся, если возведешь очи горе́, то Спаситель и ныне поборет пламень и ввергнувших тебя в огонь сожжет, а тебе среди пещи пошлет облако и росу *и дух шумящь* (ср.: Дан. 3, 50), так что огонь не коснется ни помыслов твоих, ни совести; только ты сам не сожигай себя (свт. Иоанн Златоуст, 44, 40).

***

...Удовольствия исчезают в один день, а лучше сказать не в день и не в час, но в краткое и неприметное мгновение. Ибо в чем состоят эти удовольствия? Не в том ли, чтобы чревоугодничать... и обращаться с красивыми женщинами, подобно свиньям, валяясь в грязи? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 76).

***

...Кто попирает удовольствие и всякое другое нечестие, попирает аспида, василиска и дракона, потому что плотские удовольствия и всякое нечестие в жизни справедливо сравниваются с гадами, пресмыкающимися по земле (свт. Иоанн Златоуст, 46, 908—909).

***

Удовольствия сластолюбивой жизни... растлевают и тело, и душу и поражают их бесчисленным множеством болезней (свт. Иоанн Златоуст, 50, 148).

***

Диавол обещает нам удовольствие временное, а скорбь уготовляет нескончаемую и, несмотря на то, преодолевает нас и побеждает; а Бог, напротив, требует от нас труда временного, и обещает сладость и пользу вечную; чем же мы оправдаемся, если после такого утешения не последуем добродетели? (свт. Иоанн Златоуст, 50, 188).

***

...И удовольствие, и слава, и пышность, и все тому подобное — один только призрак, а не действительная истина (свт. Иоанн Златоуст, 50, 468).

***

Предавшись в плен удовольствиям, они <люди>, подобно бессловесным, ведутся, куда влечет их волк (свт. Иоанн Златоуст, 50, 500).

***

...<Удовольствие от зрелища> продолжается только до вечера, пока зритель сидит в театре, а после язвит его больнее всякого жала; полученное же в монастыре удовольствие непрестанно сохраняет свою силу в душах зрителей, — навсегда остается в их мыслях и образ виденных ими мужей, и приятность места, и простота жизни, и чистота общества, и сладость прекрасного духовного пения. Вот почему те, которые всегда наслаждаются этим тихим пристанищем, бегают уже людского шума, как бы какой-нибудь бури (свт. Иоанн Златоуст, 50, 698).

***

...Насколько вы предадитесь удовольствиям, настолько отпадете от благодати: тогда и Христос не принесет вам никакой пользы (свт. Иоанн Златоуст, 51, 711).

***

...Тот, кто отвергся благочестия, не получает наслаждения от удовольствий, но обрекается на бедность и испытывает недостатки, не находит себе удовлетворения даже и в тех пороках, каким предается (свт. Иоанн Златоуст, 51, 794).

***

От множества удовольствий у нас бывает и множество грехов... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 373).

***

...Наслаждение состоит не в том, чтобы есть и пить, но в том, чтобы чувствовать довольство. Пусть другой кто-нибудь не имеет ничего, кроме сухого хлеба, но питается им с радостию: не удовольствие ли это и, следовательно, не наслаждение ли? Посмотрим же, кому оно доступно — богатым или небогатым? Ни тем прямо, ни другим; но тем, которые так устроят свою душу, чтобы не иметь поводов к недовольству (свт. Иоанн Златоуст, 52, 456).

***

...Тот, кто покорился удовольствиям, не может уже и жить, вследствие возникающих отсюда беспокойств, страхов, опасностей и бесчисленного роя страстей. Придет ли ему мысль о смерти — он уже прежде смерти умер от страха; представится ли ему в уме болезнь, обида, бедность или что-нибудь другое из неожиданного — он уже погиб и уничтожен (свт. Иоанн Златоуст, 52, 652).

***

...Не предавайся мирским удовольствиям, оставляя до другого времени угождение Богу; не медли сделать это в надежде на то, что ты имеешь средство очищения <покаяние> (свт. Иоанн Златоуст, 52, 909).

***

...Большее удовольствие мы получаем от добродетели. Иметь добрую совесть, быть у всех в уважении, питать в себе сладостные надежды — это всего приятнее для того, кто понимает сущность удовольствия... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 220).

***

Ни бедность не рождает печали, ни богатство — удовольствия; но то и другое зависит обыкновенно от нашего рассуждения (свт. Иоанн Златоуст, 53, 394).

***

Подобно тому, как в посевах — тот, кто сеет горох, не может пожать пшеницы, потому что жатва необходимо бывает однородна с посеянным, — точно так же бывает и в делах — кто наполняет плоть свою удовольствиями, пьянством, необузданными пожеланиями, тот и пожнет то, что из этого обыкновенно произрастает (свт. Иоанн Златоуст, 53, 810—811).

***

Как тот, кто стал бы наливать воду в просверленный сосуд, трудился бы напрасно, так и человек, предающийся удовольствиям, наливает воду в просверленный сосуд (свт. Иоанн Златоуст, 54, 107).

***

...Люди чувственные, любящие жизнь и плоть, являются врагами креста; да и всякий, преданный удовольствиям и земному спокойствию, есть враг креста... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 332).

***

...Достойны слез те, которые проводят жизнь в удовольствиях, которые одежду своей души, т. е. тело, утучняют, а вовсе не помышляют о наказаниях в будущей жизни (свт. Иоанн Златоуст, 54, 332).

***

Я называю истинным удовольствием то, когда душа не находится в страстном состоянии, в котором тело порабощает ее себе и развлекает ее (свт. Иоанн Златоуст, 54, 636).

***

Не будем здесь предаваться наслаждению, чтобы там <в вечной жизни> вкусить истинного наслаждения, истинного удовольствия... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 715).

***

...Если ты хочешь найти увеселение, то иди не в театр, а в рощи, к текущей реке, на озера, в сады, слушай поющих кузнечиков, чаще посещай гробницы мучеников, где здравие для тела и польза для души и никакого вреда (свт. Иоанн Златоуст, 55, 580).

***

Бестолковые удовольствия настоящей жизни ничем не отличаются от теней и сновидений; прежде чем кончится грех, удовольствие гаснет, а наказание за него не имеет конца, сладость кратковременна, а мука вечная... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 693).

***

Телесные удовольствия обольстительны и сильны к тому, чтобы очаровать, лишить владычества рассудок и все поставить вверх дном. Но если раздражительная сила будет вспомоществовать рассудку и повиноваться ему, как телохранитель царю, то они легко будут преодолены. Как ско-

ро подвигнется на них правдивый гнев, не выдержат угрозы, в бессилии обратятся в бегство, уступив победу рассудку, который и должен побеждать (прп. Исидор Пелусиот, 61, 341).

***

Возненавидь плотские удовольствия, потому что вместе с телом нечистою делают и душу (прп. Нил Синайский, 72, 235).

***

Блажен, кто попирает земные удовольствия; борьбы с ним трепещут демоны (прп. Нил Синайский, 72, 255).

***

Насладившийся телесными удовольствиями более надлежащего, вознаградит избыток их сторичными скорбями (прп. Марк Подвижник, 69, 41).

***

...За всяким удовольствием следует омерзение и горечь, как неразлучные спутники (прп. Исаак Сирин, 58, 360).

***

Естественные пожелания и удовольствия не подвергают укору тех, кои испытывают их, так как они суть необходимые следствия устроения нашего естества. Ибо естественное доставляет нам, и, помимо воли нашей, удовольствие — и прилучившаяся пища, удовлетворяющая предшествовавший голод, — и питие, утоляющее томление жажды, — и

сон, обновляющий силы, истощенные бодрствованием, — и все другое, что бывает у нас по естественным потребностям, необходимо для благосостояния нашего естества, и благопотребное к стяжанию добродетели для ревнителей о том. Все такое уместно и во всяком избегающем греховного поползновения в разумных, однако же, пределах, не допускающих, чтобы он подвергся через то рабству произвольно образующихся в нас укоризненных и противоестественных страстей, не имеющих другого в нас начала, кроме неуправляемого разумом движения естественных потребностей и пожеланий, которые и прирождены не с тем, чтобы сшествовать нам в бессмертную и долговековую жизнь (прп. Максим Исповедник, 91, 270—271).

***

...Всякое удовольствие и наслаждение греховное есть тля (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 9).

УЕДИНЕНИЕ

Всем полезно безмолвие и удаление от вещей и от людей, особенно же страстным и немощным: ибо ум не может сделаться бесстрастным от одного внешнего делания, если не получит и многих духовных видений (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 159).

***

...<Уединение> нас может привесть к Господу. Почему старайтесь утвердиться в нем, как должно, чтобы оно привело вас к видению Бога, которое есть самое духовное созерцание (прп. Антоний Великий, 89, 45).

Кто, усовершившись в порядках общежития, исходит в уединение и вступает в борьбу с невидимыми демонами, тот уподобляется лицу льва, царя диких зверей. Когда же победит он невидимых врагов и возобладает над страстьми и подчинит их себе, тогда будет восторгнут горе́ Духом Святым и увидит Божественные видения; тут уподобится лицу орла: ум его будет тогда видеть все, могущее случиться с ним с шести сторон, уподобясь тем шести крылам, полным очей. Так станет он вполне Серафимом духовным и наследует вечное блаженство (прп. Антоний Великий, 89, 51).

***

Как развалины вне города служат всем для смрадных нечистот, так душа того, кто лениво и вяло проходит уединенническую жизнь, бывает вместилищем всех страстей и нечистот греховных (прп. Антоний Великий, 89, 105).

***

Кто избрал жизнь уединенную, тот должен чуждым и посторонним для себя почитать все, что ни совершается в сем мире. Ибо кто действительно последует за Крестом Христовым, тому должно, отрекшись от всего, даже от души своей, иметь ум, пригвожденный к любви Христовой, т. е. предпочесть Господа родителям, братьям, жене, чадам, родству, друзьям, имуществу. Ибо сие выразил Господь, сказав: *всякий, кто не оставит отца, или матерь, или братьев, или жену, или чад, или сел и не последует Мне, несть Мене достоин* (ср.: Мф. 10, 37). Ни в чем ином, как слышали мы, не обретают себе люди спасения и упокоения (прп. Макарий Египетский, 67, 288).

***

...Уединен, сосредоточен, нерассеян или, по переводу семидесяти толковников, отделен от нечестивых, чужд их общества и как бы проводя жизнь один, что и составляет величайший вид добродетели; и притом не один, два или три дня, говорит, я так веду себя, но во всю свою жизнь. Вот чем ограждается, укрепляется и возрастает добродетель — тем, чтобы удаляться от нечестивых, быть собранным и сосредоточенным в самом себе во всю жизнь и жить в уединении от людей развращающих. Не пустыня делает уединенным, но любомудрая воля. Таким образом, и живущие в городах, среди шума и торжищ могут быть уединенными, если будут избегать развратных обществ и прилепляться к собраниям праведников. Это — путь безопасный. Итак, кто способен исправлять и других, тот пусть обращается с теми, которые расположены принять врачевство, и делает их лучшими; а кто слаб, тот пусть избегает людей нечестивых, чтобы не заразиться от них. Таким образом, он и настоящую жизнь проживет безопасно, и получит будущие блага, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 493—494).

***

Обуреваемый корабль поспешает в пристань, и целомудренная душа ищет пустыни (прп. Нил Синайский, 71, 206).

***

А тем, которые действительно избрали для себя отшельничество от мира и телом, и умом, чтобы установить мысли свои в уединенной молитве, в омертвении для всего преходящего, для зрения мирских вещей и для памятования о

них, — таковым не подобает служить Христу деланием чего-либо телесного и правдой дел явных (чтобы ими оправдаться), но, по слову Апостола, *умерщвлением удов своих, яже на земли* (ср.: Кол. 3, 5), надлежит приносить Христу чистую и непорочную жертву помыслов, как первый плод возделывания самих себя, и телесную скорбь в терпении опасностей, ради будущего упования. Ибо житие иноческое равночестно ангельскому. И не подобает нам, оставив небесное делание, держаться житейского (прп. Исаак Сирин, 58, 54—55).

***

...Если человек не отречется сперва от мира и не удосужится от всего мирского, то не может уединиться (прп. Исаак Сирин, 58, 166).

***

Кто любит собеседование со Христом, тот любит быть уединенным. А кто любит оставаться со многими, тот друг мира сего. Если любишь покаяние, возлюби и безмолвие. Ибо вне безмолвия покаяние не достигает совершенства. И если кто будет противоречить сему, не входи с ним в состязание. Если любишь безмолвие — матерь покаяния, то с удовольствием возлюби и малые телесные лишения, и укоризны, и обиды, какие польются на тебя за безмолвие. Без этого предуготовления не возможешь жить в безмолвии свободно и невозмутимо. Если же будешь пренебрегать указанным, то соделаешься причастником безмолвия, по воле Божией, и пребудешь на безмолвии, сколько благоугодно будет Богу. Любовь к безмолвию есть непрестанное ожидание смерти. Кто без сего помышления вступает в безмолвие, тот не может понести того, что всеми мерами должны мы терпеть и сносить.

Уразумей и то, рассудительный, что избираем уединенное жительство с душами своими, безмолвие и затворничество, не для дел, простирающихся сверх правил, не для того, чтобы их сделать. Ибо известно, что к этому, по причине телесного рвения, способствует более общение с многими. И если бы необходимо было сие, то некоторые из отцов не оставили бы сопребывания и общения с людьми, а другие не стали бы жить в гробах, и иные не избрали бы себе затвора в уединенном доме, где, всего более расслабив тело и оставив его в несостоянии исполнять наложенные ими на себя правила, при всевозможной немощи и телесном истомлении, с удовольствием целую жизнь свою переносили еще тяжкие постигшие их болезни, от которых не могли стоять на ногах своих, или произнести обычную молитву, или славословить устами своими, но даже не совершали псалма или иного чего, совершаемого телом; и вместо всех правил достаточно для них было одной телесной немощи и безмолвия. Так вели они себя все дни жизни своей. И при всей этой мнимой праздности никто из них не пожелал оставить своей кельи и, по причине неисполнения ими правил своих, идти куда-нибудь вон или в церковь — возвеселить себя гласами и службами других (прп. Исаак Сирин, 58, 174—175).

***

....Человеку всегда должно отвращать мысль свою от страстей к естественному добру, какое Создателем вложено в природу, хотя диавол и извратил истину лукавым искушением. И если прилично так сказать, то ему должно бегать не только от докучливости страстей, но и от чувств своих, и погружаться во внутреннего своего человека, и там уединенно пребывать, непрестанно возделывая виноградник сердца своего, пока не приведет дел в согласие с

монашеским именем, нареченным ему в сокровенности его и явно. И может быть, что сим пребыванием близ внутреннего человека приидет в совершенное соединение с ведением нашей надежды, живущего в нас Христа. Ибо когда ум наш пребывает там уединенно и отшельнически, тогда не он уже ведет брань со страстями, но благодать; разве только и самые страсти не приходят в нем в действие (прп. Исаак Сирин, 58, 240—241).

***

Житие духовное есть деятельность без участия чувств. Оно описано отцами. Как скоро умы святых приемлют оное, отъемлются от среды созерцание вещественное (ипостасное) и дебелость тела, и созерцание делается уже духовным. Созерцанием вещественным называю тварь первого естества, и от сего вещественного созерцания человек удобно возводится к познанию уединенного жития, которое, по ясному истолкованию, есть удивление Богу. Это есть то высокое состояние при наслаждении будущими благами, какое дается в свободе бессмертной жизни, в жизни по воскресении, потому что природа человеческая не перестанет там всегда удивляться Богу, вовсе не имея никакого помышления о тварях; ибо если бы было что подобное Богу, то ум мог бы подвигнуться к этому: иногда к Богу, а иногда — к твари (прп. Исаак Сирин, 58, 387).

***

Поспешая к жизни уединенной или странничеству, не дожидайся миролюбивых душ, ибо тать приходит нечаянно. Многие, покусившись спасать вместе с собою нерадивых и ленивых, и сами вместе с ними погибли, когда огонь ревности их угас со временем. Ощутивши пламень, беги;

ибо не знаешь, когда он угаснет и оставит тебя во тьме. О спасении других не все подлежим ответу; ибо Божественный апостол говорит: *темже убо кийждо нас,* братие, *о себе слово даст Богу* (Рим. 14, 12). И опять: *научая иного, себе ли не учиши?* (ср.: Рим. 2, 21). Как бы сказал: все ли должны мы пещись о других, не знаю; о самих же себе всячески должны мы заботиться (прп. Иоанн Лествичник, 57, 14).

***

Не так (спасается) уединенный монах, как монах, живущий с другим монахом. Ибо уединенный имеет нужду в великом трезвении и в неразвлекаемом уме. Сожительствующему с другим часто помогает брат; а безмолвнику споспешествует Ангел (прп. Иоанн Лествичник, 57, 218).

***

Тем, которые борются с телесною похотию, в свое время прилично бывает безмолвие, если они только имеют наставника. Ибо уединенная жизнь требует ангельской крепости. Я говорю здесь об истинных безмолвниках по телу и по душе (прп. Иоанн Лествичник, 57, 218).

***

Безмолвное уединение и молитва суть самые могущественные орудия добродетели; ибо они, очищая ум, делают его зрительным (авва Фалассий, 91, 294).

***

...Не велика похвала безмолвствовать в пустыне и в уединении блюсти безмятежие. Но другое дело в городе

жить, как в уединении, и среди шумной толпы быть, как в пустыне (прп. Феодор Студит, 92, 377).

***

Ищи мест уединенных и удаленных от мира, и хотя будет утеснять тебя там скудость необходимых потреб, не бойся; если и враги окружат тебя, как пчелы или злые осы, всякого рода воздвигая на тебя брани, и всяческими возмущая тебя помыслами, не устрашайся, не приклоняй к ним послушливого уха, и не убегай с поприща состязания, но паче мужественно перетерпевай все, припевая себе и говоря: *терпя потерпех Господа, и внят ми и услыша молитву мою* (Пс. 39, 2). И узришь величие Божие, Божие заступление, попечение и всякое спасительное о тебе промышление (свт. Феодор Едесский, 91, 330).

***

Жизнь сбором в одном месте безопаснее уединения. О необходимости такого совместного жительства свидетельствует Священное Слово Господа Иисуса, Который говорит: *идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18, 20). Об опасности же жизни уединенной говорит Соломон: *горе единому,* потому что, *егда падет, не будет втораго воздвигнути его* (ср.: Еккл. 4, 10). И Давид ублажает воспевающих Бога в любви и единомыслии, говоря: *блажени людие ведущии воскликновение* (Пс. 88, 16). Похваляет он и совместное сожительство, когда говорит: *се, что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе?* (Пс. 132, 1). И об учениках Господа говорится в Деяниях, что *у них была одна душа и одно сердце* (ср.: Деян. 4, 32). Наконец, и сошествие к

нам Бога было не в пустыне, а в населенных местах, среди людей грешных. Итак, необходимо общее единомысленное житие, уединение же поскользновенно и опасно (прп. Никита Стифат, 93, 103).

***

Если убо желает кто обогатиться *освящением*, *без коего никто не узрит Господа* (ср.: Евр. 12, 14), да пребывает в своей келье, умерщвляя тело и молитве прилежа в смирении, ибо для того, кто добре пребывает в уединении, келья служит пристанищем целомудрия. Внешнее же все, особенно бывающее на торжищах и праздничных гуляниях, исполнено блудного примешения, которое через слух и зрение проникает в душу приближающегося к ним монаха и погружает его в срамные помышления и движения. Можешь и огнем попаляющим назвать этот мир грешный, который веществом горючим делает для себя вращающихся в нем, и всякий в них вид добродетели превращает в пепел. Огонь не сжигающий нашелся некогда в пустыне (купина). Ты же вместо пустыни сиди в келье, и укройся в ней мало елико, пока мимоидет зной страстности: ибо, когда она минет, пребывание на открытом воздухе не вредит. Тогда ты и духом нищею воистину будешь, господство над страстями стяжешь, и блестяще ублажена будешь от Того, Кто сказал: *блажени нищие духом, яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5, 3) (свт. Григорий Палама, 93, 271).

***

Ничто так не делает сердца сокрушенным и души смиренной, как уединение разумное и молчание от всех (прп. Григорий Синаит, 93, 202).

***

Все желание твое и чаяние да будет всегда обращено к сему невидимому посещению Божию. Но ведай, что Бог не посетит души твоей, если не найдет ее уединенною в себе самой. Бог хочет, чтобы она была уединена в себе, т. е. была без всяких помыслов, сколько может, без всяких пожеланий, наипаче же без собственной своей воли (прп. Никодим Святогорец, 70, 263).

***

Келейное уединение есть дело Марии, а хлопоты по сборам есть дело Марфино. Эти дела одно с другим вместе жить не могут (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 200—201).

***

Минутами уединения надо пользоваться, обращая их исключительно на дело Божие — молитву и богомыслие (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 201).

***

Позыв на уединение и безмолвие... и даже порывы, вами испытываемые, не суть доброго качества. Потому лучше их прогонять, а на место их выставлять или производить в душе — желание труда — преутруждения себя. Вы по временам имеете уединение — и довольно. Во всякое другое время старайтесь уединяться в сердце и там установить свое сознание перед лицем Божиим: что есть хождение перед Богом (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 248).

***

Досада и серчание, когда кто нарушает ваше уединение, никуда негоже... Это плод самомнения... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 121).

***

Позыв к уединению указывает на хорошее в вас сердечное настроение; но удовлетворять его можете каждый день. Как только имеете свободу от дел, уклоняйтесь в свою комнату... и старайтесь быть с Единым Господом, сходите умом в сердце и там стойте перед лицем Господа, славословя Его, благодаря и прося у Него благопотребных благ духовных. Делая так, навыкнете, будете ходить перед Господом... Вот и уединение, а что вы загадываете удалиться в глушь... это вам дело не подходящее (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 159—160).

***

Молчание возлюбите и уединяйтесь, сколько возможно, чтобы быть во единении с Господом. Тогда Он Сам соделается для вас руководителем и учителем, и других таких лиц уже не потребуется для вас (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 169—170).

***

Господь одобряет ваше желание уединения, но времени не указывает. Надо ждать определенных указаний, а до того блюсти внутреннее безмолвие и продолжать усердно дела по благоустройству обители (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 228).

***

...Уединение внешнее придет само, когда установится внутреннее (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 227).

***

Вы себе прописываете уединение в деревне. Дай Господи улучить вам его, как следует. Оно слаще меда. Ожидаю, что, усладившись им, вы не захочете лишить себя такого великого блага. Езда — как разбивает мысли и весь строй душевный! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 15).

***

Хорошо уединяться в стенах от развлечений, но в себе уединяться еще лучше. Первое без последнего ничто; а последнее и без первого все важно (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 40).

***

Скажу вам одно: начните теперь, в настоящем положении, уединяться дома, и часы уединения преимущественно посвящайте молитве все об одном: «Скажи мне, Господи, путь в оньже пойду»... Не словом только и не мыслию только, но с сердечным болезнованием взывайте таким образом. На уединение такое назначьте или часы какие каждого дня (что лучше) — или какие-либо дни недели. И уж держите уединение как следует, ища паче вразумления и Божия указания... Присоедините к сему и пост... чувствительный для плоти. Это будет хорошим подспорьем для молитвы (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 80).

***

Уголка желаете, чтобы скрыться? Это вам легко делать и дома. А то — уединяйтесь в духе, именно — отвлекайте внимание от всего внешнего и, собравшись внутрь, стойте перед Господом... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 102—103).

***

Вот и одни, а скучаете! То скучаете, что много разволоки, а когда остались одни, не знаете, как время наполнить. Минутами уединения надо пользоваться, обращая их исключительно на дело Божие — молитву и богомыслие. Эти же занятия, коль скоро хоть немного исправно идут, не дадут скучать. Ибо от них источается духовное утешение, которого не может дать ничего на земле (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 86, 6—7).

****

Три благочестивых мужа, стремящихся ко спасению, приняли монашество. Один избрал себе в делание примирять ссорящихся, другой — посещать больных, а третий ушел для безмолвия в пустыню.

Первый, заботясь о том, чтобы прекратить распри между людьми, не мог примирить всех ссорящихся. Побежденный унынием, он пришел к тому, который избрал своей добродетелью служение больным, но и того нашел малодушествующим, признавшим, что исполнение принятой им добродетели превышает его силы. Договорившись, они пошли повидаться с третьим братом, удалившимся в пустыню.

Придя, они поведали ему о своем смущении и просили сказать, что доставило ему уединение. Помолчав немного, брат налил воды в лохань и сказал: «Поглядитесь в воду». Она была возмущена. По прошествии некоторого времени он опять сказал им: «А теперь поглядитесь в воду; она уже устоялась». Взглянув в воду, они увидели в ней свои лица, как в зеркале. Тогда он сказал им: «Подобное этому совершается с человеком, когда он находится среди людей. Он не может видеть своих грехов по причине непрестанно возмущающего его отвлечения. Когда он удалится в уединение, особенно в уединение пустыни, тогда он усматривает свои согрешения» (106, 472—473).

УКРАШЕНИЯ

Уважай ветхий хитон, а не чело, сияющее от удовольствия, не прекрасные шелковые ткани. Пусть других украшает жемчуг, пусть у других блистают золотом члены; предоставь сие тем, у которых расцвечены лица, этим созданиям земных рук, чуждым небесного образа, этим гнусным изображениям, вывескам сладострастия, безмолвным обличителям, движущимся картинам, обнаруживающим тайны благоприятствующей ночи, этому блистательному безобразию, этим гробам, скрывающим в себе смрад! (свт. Григорий Богослов, 16, 81).

***

Не расписывай себе лица, распутная женщина, не подделывай своего цвета; я признаю ту одну красоту, которую дала природа; потому что богатство, оставленное мне отцом, лучше того, которое собрала рука моя беззаконно; пусть оно мало, но обильнее последнего... Родные дети,

хотя и некрасивы лицом, милее красивых, но усыновленных. Помня это, сохраняй тело свое таким, каково оно по природе, и не желай, чтобы тебя почитали инаковою, нежели какова ты в действительности (свт. Григорий Богослов, 16, 235—236).

***

...Скажу им <украшающим себя>: «О чем старается, кто золотом расцветил себе волосы, или примкнул украшения к устам, или кожу на шее обложил ожерельями, или показывает, что на другой какой-либо части тела носит золото? Где бы ни было оно возложено на теле, сам человек нимало не преобразится от блеска золота. Кто видит златоносца, тот так же смотрит на золото, как бы если оно лежало в лавке, а носящего видит таким же, каким привык его видеть. Пусть это золото хорошо будет обделано и вычеканено, пусть заключает в себе цветные и огневидные камни, тем не менее естество никакого не приобретает ощущения от возложенного на человека; но ежели есть у него какое повреждение на лице, или недостает чего-либо из естественных принадлежностей, или глаз выколот, или на щеке проведен отвратительный рубец, то гнусность остается на виду, не помрачаемая блеском золота; и если кому случится иметь болезненное тело, то вещество сие не доставит никакого утешения страждущему. Поэтому для чего заботиться о том, что́ у заботящихся не приносит ничего полезного ни красоте, ни благосостоянию тела и не утешает в скорбях?» И какое расположение у привязанных сердцем к сему веществу, когда, пришедши в сознание ценности такого стяжания, радуются, как будто имеющие у себя нечто большее. Если кто спросит их: «Одобряете ли, чтобы естество переменено было у вас в это и сделалось тем, что́ с таким расположением вами ценится; согласитесь ли на сию

перемену, чтобы из людей стать вам золотом; и оказаться уже не словесными, разумными, для жизненных отправлений имеющими у себя чувствилища, но желтыми, тяжелыми, немыми, неодушевленными и бесчувственными, каково естество золота?» — то не думаю, чтобы согласились на это даже сильно похотением своим привязанные к веществу. Посему если для здравомыслящих желание иметь человеку свойства неодушевленного вещества служит проклятием, то какое безумное неистовство заботиться о приобретении того, чему концом суета, так что приведенные в бешенство деньгами ради них осмеливаются на убийство и разбой? (свт. Григорий Нисский, 19, 264—265).

***

Сколько бедных... могло бы напитаться и сколько обнаженных тел могло бы прикрыться тем только, что привешивается к ушам (женщин) без всякой нужды и без пользы, а только ко вреду и порче души? (свт. Иоанн Златоуст, 47, 408).

***

От наружных украшений происходит бесчисленное зло: не говорю уже о вреде душевном, о рождающемся отсюда тщеславии, презрении к ближним, надменности духа, растлении души, увлечении недозволенными удовольствиями (свт. Иоанн Златоуст, 47, 451).

***

...Похвала от Бога и любовь к Нему — вот украшение, которое лучше всего, — вот отличие, которое превосходит тысячи диадем, хотя бы удостоившийся этого находился в узах. Это украшение не уменьшается ни от болезни, ни от старости, ни от перемены обстоятельств, ни от неблаго-

приятных времен, ни от самой смерти, но делается тогда еще блистательнее (свт. Иоанн Златоуст, 48, 46).

***

Если хочешь научиться презирать украшения, то полевые цветы научат тебя не заботиться о внешних украшениях (свт. Иоанн Златоуст, 48, 302).

***

...Когда ты вздумаешь заботиться о красоте одежды, то вспомни, что, сколько бы ты ни старался, за травою останется победа, что ты никогда не сможешь сравняться с нею, — и оставь свою неразумную страсть (свт. Иоанн Златоуст, 48, 302).

***

...Прискорбно, что и ныне находятся подражатели ему <Авессалому> юноши, распускающие длинные локоны и кудри и изысканностью их убранства затмевающие искусство женских уборных. Надмеваясь своим умом, они не знают, что больше бесчестят себя (чем украшают), как говорит Апостол: *муж убо аще власы растит, безчестие ему есть* (1 Кор. 11, 14)... Итак, будем довольствоваться умеренными волосами для украшения головы по обычаю древних мужей и не будем распускать их ни до пят, ни по плечам, потому что бесчестит мужа такое дело... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 787).

***

Украшенный... добродетелью такую имеет одежду, которой не только моль, но и самая смерть не может повредить (свт. Иоанн Златоуст, 50, 275).

***

Ты, верная <христианка>, имея главою Христа, употребляешь для нас сатанинское ухищрение! Вспомни о воде, омывавшей лицо твое, о Жертве, украшающей уста твои, о Крови, обагряющей язык твой! Если все это представишь, то, как ни велика была бы твоя привязанность к украшениям, не дерзнешь и не захочешь этот прах и пепел возложить на себя.

Знай, что ты сочеталась со Христом и удаляйся такого безобразия. Ему неприятны такие украшения; Он требует иной красоты — красоты душевной, которую весьма любит (свт. Иоанн Златоуст, 50, 338).

***

...Не будем безобразить себя ненужными украшениями; все творения Божии совершенны, и ни одно не имеет нужды в твоем поправлении. Если бы кто по своему произволу решился что-нибудь прибавить к выставленной картине, представляющей царя, тот за такую дерзость подвергся бы великому наказанию. Для чего же ты поправляешь творение рук Божиих, когда ничего не прибавляешь и к тому, что сделал человек? Верно, ты не представляешь геенского огня, верно, не чувствуешь пустоты в душе своей! Точно ты совершенно оставила в небрежении душу, потому что все попечение свое истощаешь на плоть свою. И что я говорю о душе? И самому телу вашему вы не доставляете того, о чем стараетесь. Смотри: ты желаешь казаться красивою, но твои украшения делают тебя безобразною; ты хочешь нравиться мужу, но это больше печалит его, и как ему, так и другим подает случай осуждать тебя. Ты хочешь казаться молодою, но это скорее приведет тебя к старости. Ты желаешь похвалы, но это наносит тебе бесславие, потому что такая жена стыдится не только равных себе,

но и рабов и рабынь, знающих ее, а прежде всех стыдится себя самой. Но что говорить об этом? Я опустил здесь самое тягчайшее зло: то, что ты оскорбляешь Бога, нарушаешь целомудрие, возжигаешь пламень ревности, подражаешь блудницам непотребного дома. Итак, представив все это, посмейтесь над сатанинской пышностью и диавольским ухищрением и, оставив эти украшения или, лучше, — безобразие, уготовьте красоту в душе своей, которая и ангелам вожделенна, и Богу любезна, и вашим мужьям приятна, чтобы вам и в настоящем, и в будущем веке приобресть славу, которую все мы да сподобимся получить благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа (свт. Иоанн Златоуст, 50, 338—339).

***

Кто привык до безумия заботиться о... украшениях, тому надобно много тратить на одежду и на все прочее, а потому и большие иметь доходы. Если отец у него щедр, то такой человек более и более предается этому пороку и дает усиливаться безрассудной прихоти; а если скуп, то принужден прибегать к другим бесчестным средствам, чтобы иметь деньги на такие издержки. Вот отчего многие из молодых людей продали красоту свою, сделались шутами у богатых и унизились до других рабских услуг, чтобы за это приобрести только возможность исполнять такие свои прихоти. Отсюда видно, что такой человек будет сребролюбив и суетен, нерадивее всякого в делах нужных, и неминуемо впадет во многие проступки. Неоспоримо также и то, что он должен быть жестокосерд и тщеславен. Жестокосерд, когда, видя бедного, по страсти к нарядам не удостоивает его и взора, и хотя сапоги украшает золотом, но на нищего, истаивающего от голода, не обращает и внимания. Тщес-

лавен же, когда ничтожными вещами старается уловить внимание зрителей (свт. Иоанн Златоуст, 50, 515).

***

Помолитесь же вместе со мною, чтобы юноши, особенно христианские, могли жить скромно и достигнуть приличной им старости; ведь тем, которые не так живут, не хорошо дожить и до старости. Но кто в молодости живет как старик, тому желаю дожить до глубоких седин, сделаться отцом добрых детей, возвеселить своих родителей, а прежде всего — Бога, его сотворившего; совершенно освободиться не только от недуга щеголять обувью и одеждами, но и от всех душевных болезней (свт. Иоанн Златоуст, 50, 516).

***

...Ты должен прикрывать тело наиболее дешевой одеждой, а ум одевать в порфиру, украшать венцом и сажать на высоком и блистательном троне (свт. Иоанн Златоуст, 50, 705).

***

Нельзя украшать вместе и душу, и тело. Нельзя вместе работать мамоне и служить как должно Христу (свт. Иоанн Златоуст, 50, 705).

***

Нет ничего хуже, как заниматься такими вещами <украшениями>, радоваться им и прилепляться. Тем плачевнее тяжкое это рабство, что человек и рабствуя утешается (свт. Иоанн Златоуст, 50, 878).

***

Не думай <ты, украшающая себя>, чтобы кто-либо из зрителей тебе удивлялся; напротив, они все смеются над тобою, как над щеголихою, как над женщиною гордою и заботящеюся только о теле. Если ты приходишь в церковь, то, выходя из нее, ты ничего не понесешь с собой, кроме насмешек, ругательств и поношений... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 879).

***

...Украшаться золотом и всегда пагубно, а особенно когда ты приходишь в церковь, когда проходишь мимо бедных; посмотри тогда на себя: ты увидешь, что одежда твоя не более как личина жестокости и бесчеловечия.

Размысли, сколько в таком одеянии обходишь ты алчущих, сколько нагих в сатанинском украшении твоем! Насколько лучше было бы тебе накормить души алчущих, нежели проколоть уши и привесить к ним для пустой цели то, что могло бы доставить насущную пищу столь многим беднякам! Неужели быть богатою составляет, по твоему мнению, славу? Неужели украшаться золотом ты считаешь делом важным? Если бы даже все это снискано было и праведными трудами, и тогда твое поведение достойно величайшего осуждения. Когда же и приобретено еще неправедным путем, то представь, как безмерно преступление. Но ты любишь похвалу и славу? Сними с себя позорную эту одежду, и тогда все тебе удивятся; тогда будешь наслаждаться и славою, и чистым удовольствием; ныне же ты осыпана ругательствами, и этим сама себе создаешь множество поводов к скорби (свт. Иоанн Златоуст, 50, 880).

***

Какая польза самой украшающейся? Пользы никакой, а бесчестия много и укоризны отовсюду. И как в таком украшении ты можешь лобзать и обнимать ноги Христа? Он отвращается от такого украшения (свт. Иоанн Златоуст, 50, 880).

***

...Когда приходишь в церковь... надлежало бы удалять его <украшение>, потому что церковь не для того создана, чтобы ты показывала в ней это богатство, а для того, чтобы ты показывала богатство духовное. А ты, как бы на зрелище, приходишь сюда в таком украшении и, подражая играющим на сцене женам, одеваешься с такою величавостью в смешной их сор. Вот почему ты приходишь сюда во вред для многих (свт. Иоанн Златоуст, 50, 881).

***

...<Любящую наряды> не похвалит ни один скромный и порядочный человек; похвалят разве люди распутные, или, лучше сказать, и они не похвалят, а, напротив, станут говорить о ней худо, когда заметят, что ее бесстыдство возбуждает в них вожделение. А эту (целомудренную) и те, и другие, и все похвалят, так как не только не получают от нее никакого вреда, а, напротив, еще наставление в любомудрии (свт. Иоанн Златоуст, 51, 412).

***

Скажи мне: если бы кто спросил у тебя, чего бы ты лучше желала — тело ли иметь чистое, здоровое и прекрасное, а одеяние носить бедное или — иметь тело уродли-

вое и больное, но ходить в золоте и щеголять убранством? Не гораздо ли скорее ты захотела бы иметь благообразие в самой природе своего тела, чем в пышности одежд? Ужели же ты по отношению к телу пожелаешь этого, а по отношению к душе — противного? Имея душу отвратительную, безобразную и черную, ужели ты думаешь что-нибудь выиграть через золотые украшения? (свт. Иоанн Златоуст, 51, 462—463).

***

Когда они <украшения> лежат на теле, они не служат ни к его здоровью, ни к красоте. Ведь они не сделают ни черного белым, ни безобразного — красивым и благовидным. Но если ты украсишь ими <духовными украшениями> душу, то скоро сделаешь ее из черной белою, из отвратительной и безобразной прекрасною и благовидною (свт. Иоанн Златоуст, 51, 463).

***

...Не наряжай своей плоти в одежды, чтобы не погубить ее, потому что посредством излишней неги сделаешь ее более слабой, расстроишь ее здоровье и приведешь ее в совершенное изнеможение (свт. Иоанн Златоуст, 52, 791).

***

...Предоставим золотые (украшения) мирским торжествам, зрелищам и модным лавкам; образ же Божий должен украшаться не этим; свободная должна украшаться свободой; а свобода чужда гордости и тщеславия (свт. Иоанн Златоуст, 55, 237).

***

То украшение, душевное, привлекает Бога, а это (украшение телесное) — людей развратных (свт. Иоанн Златоуст, 55, 238).

***

...Любовь к нарядам, цветность камней, золотая при них оправа, завитые кудри, подкрашивание очей, поддельная красота и всякие в этом ухищрения, которыми, как все рассказывают, озабочен ты, оскорбляют скромность в удовлетворении потребностей, выражают же неистовство страстей (прп. Исидор Пелусиот, 60, 259).

****

Одна молодая христианка носила серьги, ожерелье, драгоценные одежды из шелковых нитей. Она была красива и этим гордилась, а в добродетелях не преуспевала. Заметив это, авва Петр исцелил ее страсть, сказав: «Скажи мне, дочь моя, если бы какой-нибудь живописец, весьма искусный, написал какую-нибудь картину по всем правилам и представил бы ее людям посмотреть, а другой, не знающий искусства, пришел и, осудив эту картину, придал бровям и ресницам более длинное очертание, лицо сделал бы белое, на щеках прибавил бы краски и т. д., как ты думаешь, не справедливо бы вознегодовал на него прежний живописец? Так верьте же, — продолжал авва, — что и Творец всяческих оскорбляется тем, что вы как бы обвиняете Его неизреченную мудрость в несовершенстве. Вы обвиняете Творца в бессилии. Господь же даровал всем все полезное, не дав только вредное. Не искажайте образа Божия и не выдумывайте поддельной красоты, которая и целомудренных растлевает». Возвратившись домой, жен-

щина сбросила с себя все наряды и начала жить по правилам благочестия (117, 109—110).

УМ

Скудный ум приносит и плоды скудные... (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 89).

***

...Ум преобразуется и начертывается по виду воспринимаемого им предмета, когда же сподобится быть в Боге, превышем образа и вида, тогда и сам бывает необразен и безвиден (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 106).

***

...Как земля, если земледелец не обрабатывает ее, зарастает тернием, и особенно если она хорошего качества; так и ум, если не упражняется в молитве и чтении и не имеет этого своим (непрестанным) делом, — одебелевает и не замечает того. И как земля, хотя идет на нее дождь и светит солнце, не приносит пользы земледельцу, если он не засеивает ее и не охраняет, так и ум без нравственного делания не может иметь ведения, хотя, может быть, и от благодати получил его (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 70—71).

***

Боголюбивый и непеременчивый ум есть руководство и путь к Богу (прп. Антоний Великий, 89, 67).

***

...Боголюбивый ум есть свет, осиявающий душу, как солнце — тело (прп. Антоний Великий, 89, 68).

***

Ум не есть душа, но дар Божий, спасающий душу. Богоугодный ум течет впереди души и советует ей презреть временное, вещественное и тленное, а возлюбить блага вечные, нетленные и невещественные, так чтобы человек, живя в теле, умом представлял и созерцал небесное и Божественное. Таким образом, ум боголюбивый есть благодетель и спаситель человеческой души (прп. Антоний Великий, 89, 81).

***

Слово есть слуга ума. Что хочет ум, то и слово выражает. Ум все видит, даже то, что на небе, и ничто не помрачает его, кроме одного греха. Для чистого же ничего нет неудобопонятного, как для слова его, — неизглаголанного (прп. Антоний Великий, 89, 83).

***

Орган зрения телесного — глаза, а орган зрения душевного — ум. Как тело, не имеющее очей, слепо: не видит солнца, освещающего всю землю и море, не может наслаждаться светом его, — так душа, не имеющая благого ума и доброй жизни, слепа: не ведает и не славит Бога, Творца и Благодетеля всех (тварей), и войти в наслаждение Его нетлением и вечными благами не может (прп. Антоний Великий, 89, 85).

***

Как тело без души мертво, так душа без ума бездейственна (бесплодна) и Бога достоянием своим иметь не может (прп. Антоний Великий, 89, 87).

***

В душе действует ум, а в теле природа. Ум обожает душу, а природа разлагает тело. В каждом теле действует природа, но не в каждой душе бывает ум; потому не всякая душа спасается (прп. Антоний Великий, 89, 88).

***

...Когда ум достигнет видения славы Божества, тогда страшатся его враги... (прп. авва Исаия, 59, 35).

***

...Ум, каков есть, познается через помыслы свои (прп. авва Исаия, 59, 79).

***

Если ум вкусит Божественной сладости, то никакие стрелы не могут уязвлять его (прп. авва Исаия, 59, 114).

***

...Невозможно уму, связанному попечениями века сего, служить Богу (прп. авва Исаия, 59, 146).

***

Три добродетели доставляют непрестанный свет уму: незнание лукавства ни в каком человеке, перенесение всего случающегося без смущения, благотворение врагам (прп. авва Исаия, 59, 209).

***

...Если ум тщательно будет стоять над чувствами своими, то приобретает бессмертие... (прп. авва Исаия, 89, 305).

***

Как нельзя одним глазом смотреть на небо, а другим — на землю, так и уму нельзя пещись и о Божием, и о мирском (прп. авва Исаия, 89, 343).

***

...Поелику и чувства в теле настроены как лира: когда управляет ими сведущий ум, тогда душа рассуждает и знает, что делать и как поступать (свт. Афанасий Великий, 1, 167).

***

...Если кто быстрее кого умом и не употребляет естественной своей крепости к исследованию истин Божественных, то горе и ему, когда истяжется дело по мере данных ему дарований (свт. Василий Великий, 6, 70).

***

Тот ум в действительности велик, который созерцает великое, способен проникать в Творческие законы и из них уразумевать красоту премудрости Художника всяческих (свт. Василий Великий, 6, 283).

***

...Если хочешь сделать крепким ум, обуздай плоть постом (свт. Василий Великий, 8, 15).

***

...Поелику ум будет зарыт здесь <земными заботами> как в некоторой тине, душа, по необходимости, не увидит Бога и не подвигнется к вожделению небесных красот и утотованных нам по обетованиям благ... (свт. Василий Великий, 9, 182).

***

Как телесное зрение — в глазе, так око души — в прирожденном ей уме; но не как одно в другом, а одно и то же — душа и ум, который есть некая сила естественная, а не привзошедшая в разумную часть души (свт. Василий Великий, 9, 328).

***

Как вода, запертая в трубах, под гнетущею ее силою не имея возможности разливаться в стороны, стремится прямо вверх, так и ум человеческий, когда воздержание, подобно узкой трубе, отвсюду сжимает его, не имея случаев к рассеянию, по свойству своей движимости, возвысится до желания предметов возвышенных. Ибо ему невозможно когда-либо остановиться, получив от Творца природу, назначенную к непрестанному движению; и если препятствуют ему устремляться к чему-либо суетному, то, конечно, невозможно не идти прямо к истине (свт. Василий Великий, 9, 363).

***

Ум человеческий, если развлечен тысячами мирских забот, не может ясно усматривать истину (свт. Василий Великий, 10, 8).

***

...В уме две бывают силы, и сила лукавая, бесовская, которая влечет нас к собственно бесовскому отступничеству, и сила Божественная, благая, которая возводит нас к Божию подобию, — то ум, когда пребывает сам в себе, тогда усматривает малое и себе самому соразмерное; а когда, оставив в бездействии свой собственный рассудок, предается обманщикам, тогда вдается в странные представления, тогда и дерево почитает не деревом, а Богом, и золото признает не имуществом, а предметом поклонения. Если же приникнет в Божественную часть, и приимет в себя благодатные дары Духа, то делается тогда способным постигать Божественное, в какой мере возможно сие природе его. Поэтому есть как бы три состояния жизни, и равночисленны им действования ума нашего (свт. Василий Великий, 11, 136—137).

***

Ум... приобщившийся Божеству Духа, бывает уже тайнозрителем великих видений и видит Божественные доброты, впрочем, столько, сколько дает благодать и сколько может принять устройство его (свт. Василий Великий, 11, 137).

***

...Человеческий ум разливается и рассеивается, пока пользуется большею вольностью; когда же обстоятельства будут стеснять его долу, тогда в прекрасном этом угнетении воссылает в высоту чистые и усиленные молитвы (прп. Ефрем Сирин, 32, 407).

***

...Ум наш борец, и борец равносильный, потому что душа, взыскующая Бога, пользуется помощию и защитою, и удостоивается воздаяния (прп. Ефрем Сирин, 35, 453).

***

...Имеющему ум должно помышлять более о Боге, нежели о совокупном мнении всех прочих (свт. Григорий Богослов, 14, 208).

***

...Наш ум есть нечто совершенное и владычественное, но только относительно к душе и телу, а не просто совершенное; относительно же к Богу он есть нечто рабское и подчиненное, а не равновладычественное и не равночестное (свт. Григорий Богослов, 15, 202).

***

Блажен, кто в высоких парениях очищенного ума видит светозарность небесных Светов (свт. Григорий Богослов, 15, 274).

***

Непрестанно созидай ум свой в храм Богу, чтобы внутри своего сердца иметь невещественную опору — Царя (свт. Григорий Богослов, 15, 296).

***

Сведущий кормчий избежит девятого вала; а ум, обогащенный мудрыми мыслями, спасется от всякой беды (свт. Григорий Богослов, 15, 366).

***

Большая наковальня не боится стука; и мудрый ум отражает от себя все вредное (свт. Григорий Богослов, 15, 366).

***

...Известно, что ум — во всем властелин. Его и Господь дал нам поборником против страстей. Как дом укрывает от града, как в стенах находят убежище спасающиеся с битвы и кустарник служит опорою на крутизнах и над пропастями, так рассудок спасает нас во время раздражения (свт. Григорий Богослов, 16, 155).

***

Ум — это внутреннее и безграничное зрение; а дело ума — мышление и отпечатление в себе мыслимого. Разум — разыскание отпечатлений ума; его ты выговариваешь посредством органов голоса (свт. Григорий Богослов, 16, 336).

***

...Ум... есть борец и имеет равномощную силу препираться с грехом и противиться помыслам (прп. Макарий Египетский, 67, 21).

***

Не преобразились еще мы обновлением ума, потому что сообразуемся с веком сим в суете ума... (прп. Макарий Египетский, 67, 187).

***

...Ум есть всадник, он впрягает колесницу души, сдерживая бразды помыслов, и устремляется против сатанинской колесницы, так как и сатана уготовил ее против души (прп. Макарий Египетский, 89, 244).

***

...У нас нет каких-либо многих познавательных сил, хотя и многообразно постигаем чувствами то, что живет. Одна у нас сила, это — вложенный в нас ум, обнаруживающийся в каждом из чувствилищ и объемлющий существа. Он посредством глаз видит явление, посредством слуха уразумевает сказанное, любит приятное и отвращается того, что не доставляет удовольствия; действует рукою, как ему угодно, берет и отталкивает ею, как признает что для себя полезным, пользуясь для этого содействием сего орудия (свт. Григорий Нисский, 18, 91).

***

Ум блуждающий устанавливают — чтение, бдение и молитва (авва Евагрий, 89, 571).

***

Когда ум во время молитвы не воображает ничего мирского, значит, он окреп (авва Евагрий, 89, 576).

***

И добродетели, и пороки делают ум слепым: при первых не видит он пороков, а при вторых — добродетелей (авва Евагрий, 89, 588).

***

Что око в теле, то ум в душе (авва Евагрий, 89, 607).

***

...Не должно непременно высказывать все, что мы имеем в уме; но должно стараться удалять из самого ума порочные пожелания и всякую постыдную мысль (свт. Иоанн Златоуст, 46, 204—205).

***

...Будем занимать ум свой... этими <божественными> предметами. Тогда благоуспешны будут все дела наши — трудное сделается легким, кажущееся прискорбным будет иметь счастливый конец, и ничто здешнее не в состоянии будет печалить нас (свт. Иоанн Златоуст, 47, 117).

***

...Огрубение ума бывает от грехов и житейских пожеланий (свт. Иоанн Златоуст, 49, 82).

***

Что значит глаз для тела, то самое и ум для души (свт. Иоанн Златоуст, 50, 237).

***

...Если ум станет мыслить о предмете, превышающем его силы, то изумляется, а если будет усиливаться больше надлежащего, то совершенно теряется (свт. Иоанн Златоуст, 52, 446).

***

...Где находится тело, там пусть будет и ум, чтобы между Богом и сердцем не было никакого средостения

или преграждения, помрачающего сердце и удаляющего его от Бога (свт. Иоанн Златоуст, 52, 964).

***

Подобно тому, как глазу, постоянно вращающемуся и то обращающемуся в стороны, то вверх и вниз, невозможно видеть ясно предмет, а необходимо остановиться вниманием на видимом предмете, если хотят рассмотреть его надлежащим образом, так точно и ум человека, обремененный тысячами забот, не способен ясно взирать на истину и должен быть готов принять сердцем впечатления, идущие от Божественного учения, чтобы это учение подавило прежние дурные привычки. Иначе божественное не может начертаться в душе, как не истребив из нее следов прежних привычек (свт. Иоанн Златоуст, 52, 969).

***

...Если бы наш ум научился внимать Божественным словам, то он не обращал бы ни на что другое внимания; а не обращая внимания на что-либо другое, он никогда не решился бы на худые поступки (свт. Иоанн Златоуст, 54, 586).

***

Наш ум легче всякой птицы и парит выше. А когда он получит еще благодать Духа, — о, как тогда он быстр, как стремителен, как перелетает через все, как нелегко спускается вниз и падает на землю! Устроим себе такие крылья; на них мы в состоянии будем перелететь и бурное море настоящей жизни. Быстрейшие из птиц в короткое время безвредно перелетают через горы и холмы, моря и утесы. Таков и ум: когда он бывает окрылен, когда остав-

ляет все житейское, тогда ничто не может удержать его, тогда он выше всего и даже разжженных стрел диавола. Диавол не такой искусный стрелок, чтобы мог достигать до этой высоты, — но что? Он бросает стрелы — потому что бесстыден, — но они не достигают цели: стрела возвращается к нему без успеха, и не только без успеха, но и на его собственную голову, потому что, будучи брошена им, она непременно должна поразить кого-нибудь; если она не поразила того, в кого брошена, то непременно поражает бросившего (свт. Иоанн Златоуст, 55, 187).

***

Когда на уме худое дело, тогда сердце, которое называет устами, занято порочными желаниями (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1132).

***

Ум наш есть нечто легкодвижное и незлобивое, легко отдающееся мечтам и неудержимо падкое на помыслы греховные, если не имеет в себе такого помысла, который, как самодержец над страстями, удерживал бы его непрестанно и обуздывал (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 198).

***

Не двинется вперед корабль без воды; не преуспеет нисколько и хранение ума без трезвения со смирением и молитвою Иисус-Христовою (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 204).

***

Хранению ума пристойно и достойно именоваться светородным, молниеродным, светоиспускательным и огненос-

ным. Ибо, истинно сказать, оно одно превосходнее самых великих телесных добродетелей, сколько бы их ни имел кто. Сего-то ради и надлежит называть сию добродетель самыми почетными именами ради рождающихся из нее светозарных светов. Возлюбившие ее, из грешников непотребных, скверных невежд, несмысленных, неправедных делаются силою Иисус-Христовою праведными, благопотребными, чистыми, святыми и разумными: и не только это, но и начинают созерцать таинства и богословствовать. Сделавшись созерцателями, они переселяются к оному пречистому, беспредельному Свету, прикасаются к Нему неизреченными прикосновениями, с Ним живут и действуют... (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 204—205).

***

...<Блаженного Даниила спросили>: «Почему, сидя в келье, иногда исполняешься особенным каким-то играním сердца, с неизъяснимою радостью и обилием сокровеннейших ощущений, кои, не говорю уже, выражать языком, даже воспринимать чувством бываем не в силах; тогда и молитва чиста и подвижна, и ум, исполняясь духовных плодов, чувствует, что его воздыхания, сильные и действенные, вознеслись к Богу даже и во сне; иногда же без всяких, по-видимому, причин вдруг находит печаль, начинает теснить какая-то безотчетная грусть; тогда не только сам в себе чувствуешь сухость, но досадуешь на келью, отвращаешься от чтения в молитве, неудержимо рассеиваешься и блуждаешь, не в силах восстановить в духе прежнее настроение; даже чем усильнее устремляешь его к созерцанию Бога, тем стремительнее он (ум) сам как бы отбегает в плен непостоянных помыслов, расхищается и впадает в такое духовное изнеможение и бесплодие, что ни желанием Царства Небесного, ни страхом геенны не

можешь пробудить его от сего, как бы смертного сна». На это он так отвечал: «Бесплодие ума, о котором вы говорите, зависит обыкновенно от трех причин, как предали нам отцы: или от небрежения нашего, или от насилия бесовского, или по устроению и попущению Божию. От нашего небрежения бывает, когда, при умалении внутренней теплоты, предаваясь невнимательности к себе и послаблению, и в сем состоянии беспечности и разленения, питаясь вредными помыслами, попускаем земле сердца нашего произращать терния и волчцы страстей, с размножением которых уже неизбежно становимся бесплодными, теряем способность к созерцанию и всякому духовному действию. От нападения диавола бывает, когда он, и при добрых иногда занятиях наших, с хитрою тонкостию проникает в наш дух, и мы, не зная как, совершенно против воли, бываем отвлекаемы от благих расположений. А причина устроения или попущения Божия бывает двоякая: первая та, чтобы, будучи на время оставляемы Господом, смиренно усматривали мы слабость своего духа, не позволяли себе возноситься чистотою сердца, подаваемою благодатию Божиею; испытывая же притом, как, оставленные Им, никакими уже своими усилиями и трудами не можем возвратить прежней чистоты ума и отрадного расположения сердца, убедились, что как прежде жар ревности не нашим напряжением был возбужден в сердце, а ниспосылался от Бога, так и теперь должно искать его у Его же благодати и ожидать от Него озарения. Вторая причина попущения та, чтобы испытать нашу твердость, или постоянство духа, и желание сердца, и видеть, с каким усердием сердечным и с какою неотступностью молитв мы будем опять искать скрывшегося от нас наития Святаго Духа; давая же опытно разуметь, с каким трудом радость духовная и блаженство чистоты, быв потеряны, снискиваются

снова, побудить тем, со всем тщанием и заботою хранить их и блюсти по возвращении. Ибо обыкновенно с некоторым небрежением хранят то, что надеются легко приобресть снова» (прп. авва Даниил, 56, 224—226).

***

Надобно заметить причины, производящие отягчение в уме нашем, на которые указывает Господь. В числе этих причин Он не полагает прелюбодеяние, блуд, убийство, богохуление, воровство, которые все признают грехами смертными, гибельными; но объедение, пьянство, печали и заботы житейские, которых не только мирские люди не берегутся и не почитают гибельными, но даже некоторые (о чем стыдно и говорить), называющие себя монахами, предаются этим занятиям, как безвредным и полезным. Хотя эти три причины, даже буквально понимаемые, отягчают душу, разлучают ее с Богом и пригнетают к земле... (прп. авва Исаак, 56, 326).

***

Ночные мечтания... бывают не только повторениями дневных свиданий и бесед, но и порождениями беспечного навыка; потому что ум, когда объят крепким сном упоения, делается оплотом страстей; а когда бодрственно трезвится и, препоясавшись, с нетерпением ожидает Господа, не преодолевается ни чревом, ни ведущими от него начало страстями (прп. Исидор Пелусиот, 60, 6).

***

Ум необузданный неудержим и весьма способен к уклонению во все самое неуместное... (свт. Кирилл Александрийский, 65, 124).

***

Душа, очистившись полнотою добродетелей, приводит ум в невозмущаемое устройство, делая его удобоприемлемым к желаемому состоянию (прп. Нил Синайский, 71, 174).

***

Ум не перестает порождать помыслы; но ты худые изгоняй, а добрые возделывай (прп. Нил Синайский, 90, 273).

***

Ум и без тела много делает доброго и худого; тело же без ума не может сделать ничего такого; ибо закон свободы познается прежде действия (прп. Марк Подвижник, 69, 29).

***

Ум, забывающий истинное ве́дение, борется с людьми за вредное для него, как бы за полезное (прп. Марк Подвижник, 69, 36).

***

Ум богословский, самыми словесами Божиими услаждаемый в душе и палимый, достигает своих мер бесстрастия в достаточной широте. Ибо *словеса Господня*, как говорится, *словеса чиста, сребро разжжено, искушено земли* (Пс. 11, 7). А ум знательный, утверждаясь на испытании благодатным воздействием, бывает выше страстей. Вкушает и богослов опыта знательного, если смиреннейшие водворит в себе расположения, причащается и знатель в некоей мере созерцательной добродетели, если не погрешительною имсет рассудительную часть души. Ибо

оба сии дарования не случается каждому стяжать в совершенстве; чтобы каждый из имеющих одно из них, дивясь тому, чем превосходит его другой, преуспевал в смиренномудрии с ревностию оправданной жизни (блж. Диадох, 91, 48).

***

Будем же веровать, что хладный и черный угль ума нашего, позже когда-нибудь или скорее, станет горячим и световидным от прикосновения Божественного огня (прп. Иоанн Карпафский, 91, 94).

***

Как скорости колебания весов в ветреную бурю препятствует тяжесть взвешиваемого, так колебанию ума препятствуют стыд и страх. А по мере оскудения страха и стыда является причина к тому, чтобы ум непрестанно скитался; и тогда, по мере удаления из души страха, коромыслю ума, как свободное, колеблется туда и сюда (прп. Исаак Сирин, 58, 12—13).

***

...Ум, под бременем страха Божия и стыда, с трудом совращается тем, что приводит его в колебание. А в какой мере оскудевает в уме страх, в такой же начинают преобладать им превратность и изменчивость (прп. Исаак Сирин, 58, 13).

***

Чист умом не тот, кто не знает зла (ибо такой будет скотоподобным), не тот, кто по естеству находится в состоянии младенческом, не тот, кто лицемерит. Но вот

чистота ума — просветление божественным, по деятельном упражнении в добродетелях (прп. Исаак Сирин, 58, 30).

***

Ум, по благодати Божией, исполняя добродетельные деяния, и приблизившись к ведению, мало ощущает того, что составляет худую и неразумную часть души (прп. Исаак Сирин, 58, 213).

***

...Парения ума никто не может преодолеть, разве только изучением духовного ведения (прп. Исаак Сирин, 58, 362).

***

...Слава ума есть истинное умозрение о Боге (прп. Исаак Сирин, 58, 365).

***

Ум не покоряется <Богу>, если не покорится ему тело. Царство ума есть распятие тела: и ум Богу не покоряется, если свобода не покорена разуму (прп. Исаак Сирин, 58, 366).

***

Печаль ума драгоценное Божие даяние. Кто переносит ее, как должно, тот подобен человеку, у которого члены его исполнены святости (прп. Исаак Сирин, 58, 411).

***

Нельзя скрыть того, что понятие ума нашего весьма несовершенно и всячески исполнено неведения... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 18).

***

Деятельный ум имеет многие делания: поучается любви к Богу, в памяти смертной, в памяти Божией, Царствия Небесного, ревности святых мучеников, вездеприсутствия Самого Бога... в памяти святых и Умных Сил, в памяти об исходе души, об истязании, мучении и вечном осуждении (прп. Иоанн Лествичник, 57, 73).

***

Подобающее уму дело — всегда поучаться в словесах Божиих (авва Фалассий, 91, 292).

***

Ум, освободившийся от страстей, делается световидным, будучи непрестанно осияваем созерцаниями всего сущего (авва Фалассий, 91, 293).

***

Не давай уму своему кружиться по вещам чувственным, чтобы не набрался и свойственных им утех и печалей (авва Фалассий, 91, 299).

***

Ум, одержимый страстьми, помышляет неподобающее; обнаруживаются же его мысли словами и делами (авва Фалассий, 91, 303).

***

Отвлеки душу от чувств и от чувственного, и ум твой пребывать станет в Боге и заниматься предметами духовными (авва Фалассий, 91, 310).

***

...Дух Святый, находя ум обнаженным от страстей, сообразно с тем тайно вводит его в познание уповаемого (авва Фалассий, 91, 315).

***

Сообразно с очищением ума, душа руководится и к познанию словес Божественных (авва Фалассий, 91, 315).

***

Когда, по влечению любви, ум возносится к Богу, тогда он ни самого себя и ничего из сущего совсем не чувствует. Озаряемый Божественным безмерным светом, он бесчувствен бывает ко всему сотворенному, подобно как и чувственное око к звездам по воссиянии солнца (прп. Максим Исповедник, 91, 165).

***

Когда ум чист, то, получая понятие о вещах, возбуждается к духовному созерцанию оных; сделавшись же нечист по разленению, помышления о других вещах воображает просто, а воспринимая что-либо человеческое, превращает то в срамные и злые помыслы (прп. Максим Исповедник, 91, 175).

***

Исполнением заповедей ум совлекается страстей; духовным созерцанием видимого совлекается страстных о вещах помыслов; познанием невидимого отрешается от созерцания видимых вещей; наконец, познанием Святой Троицы и от самого ве́дения вещей невидимых (прп. Максим Исповедник, 91, 176).

***

Для совершенного освобождения ума от страстей так, чтобы он мог молиться без развлечения, не довольно деятельного способа: если его не сопровождают различные духовные созерцания. Тот освобождает ум от невоздержания и ненависти; а эти от забвения и неведения его избавляют, и он таким образом получает возможность молиться, как надлежит (прп. Максим Исповедник, 91, 177).

***

Ум, проходя исправно деятельную жизнь, преуспевает в благоразумии; а проходя исправно созерцательную — в ве́дении. Первая приводит подвизающегося в ней к различению добродетели от порока; вторая причастника своего вводит в познание свойств бестелесных и телесных существ. Дара же богословского сподобляется ум тогда уже, когда, на крыльях любви перелетев все вышесказанное и достигши пребывания в Боге, духом созерцает свойства Его, сколько уму человеческому то возможно (прп. Максим Исповедник, 91, 181—182).

***

Ум порочный, когда тело возбуждаемо бывает чувствами к свойственным ему похотям и сластям, последует за ним, и сослагается с его мечтаниями и стремлениями. Но ум добродетельный воздерживается и отвлекает себя от страстных мечтаний и стремлений, и паче любомудрствует соделывать свои движения лучшими (прп. Максим Исповедник, 91, 187).

***

Как тело, умирая, совершенно отделяется от всех житейских вещей, так и ум, умирая в действии совершен-

нейшей молитвы, отторгается от всех мирских помышлений. И если не умирает он таковою смертью, то с Богом быть и жить с ним не может (прп. Максим Исповедник, 91, 188—189).

***

Нечистота ума состоит, во-первых, в ложном знании; во-вторых, в неведении чего-либо всеобщего; говорю сие относительно к человеческому уму, ибо Ангелу несвойственно не знать даже что-нибудь и из частного; в-третьих, в страстных помыслах; в-четвертых, в соизволении на грех (прп. Максим Исповедник, 91, 202).

***

Как для тела миром служат вещи, так и для ума миром служат помышления; и как тело любодействует с телом женщины, так и ум любодействует с помышлениями о женах воображением своего тела; ибо он зрит мысленно образ своего тела совокупляющимся с образом женщины. Равно в мыслях отмщает он образом своего тела образу обидевшего. То же бывает и с другими грехами; ибо что тело в мире вещей делом производит, то производит и ум мысленно в мире мыслей (прп. Максим Исповедник, 91, 204).

***

Ум и чувство противоположное одно другому имеют естественное действо, по крайнему несходству и разности предметов их. Тот предметами своими имеет мысленные и бестелесные сущности, которые восприемлет бестелесно; а это — чувственные и телесные естества, которые и восприемлет чувственно.

...Ум как только начнет считать чувство своею собственною естественною силою, то, оплетшись видимостями чувственных вещей, делается изобретателем плотских удовольствий, не имея силы возвыситься над естеством видимых вещей по причине пристрастного расположения к чувству (прп. Максим Исповедник, 91, 283).

***

Как чувство тела, когда здорово, чувствует какой схватывает его недуг, не распознающий же сего болит нечувствием, так и ум, поколику хранит целую свойственную сму деятельность, потолику сознает силы свои и видит, откуда находят на него страсти более тиранские, и на ту часть направляет более настоятельное противоборство. Но положение его бедственно, если он в нечувствии иждивает дни свои, подобясь бьющемуся с врагом ночью, так как не видит вражеских помыслов (свт. Феодор Едесский, 91, 324).

***

...Есть четыре вещи, противодействующие уму в стяжании добродетели: первое — предрасположение к противным ей навыкам, которое в силу долговременного навыка влечет склониться на земное; второе — действие чувства, которое, увлекаясь чувственными красотами, вместе с собою увлекает и ум; третье — ослабление энергии ума, которому подвергается он по причине соплетения своего с телом. Ибо не в таком отношении состоят зрение к зримому, и вообще чувство к чувственному, как ум к мысленному. Говорю об уме души еще сущей в теле. Ибо безвещественные умы действеннее соприкасаются с мысленным, нежели зрение с зримым. Но как, когда зрение заволок-

ло — оно не ясно, не точно и паче слиянно отображает в себе формы видимых им вещей; так и ум наш, хотя сознает мысленное, однако же не может действенно зреть мысленных красот, а вместе с тем и вожделевать из того ничего он не может, так как мера расположения бывает по мере познания, — и он тотчас опять низвлекается к чувственным красотам, яснее ему представляющимся; ибо он по необходимости устремляется к тому, что является перед ним добром, истинным ли, или не истинным. Кроме же всего этого, еще и (четвертое) — нападения бесчеловечных нечистых духов. И сказать нельзя, сколько и каких сетей для уловления душ расставляют они, увы! — всюду по пути многовидно и многообразно, в чувствах, в слове, в уме, во всем, можно сказать, сущем, — которых никак не избегла бы ни одна душа, если бы Восприявший на рамо свое заблудшее овча — тех, которые на Него очи свои устремляют, безмерным попечением Своим не делал высшими их (прп. Феодор, 91, 350—351).

***

...Доброе есть очень дело, чтобы ум всегда трезвенствовал; ибо через это, установившись так, как свойственно ему стоять по естеству, соделывается он истинным хранителем Божественных заповедей (прп. Филофей Синайский, 91, 452).

***

Не столько трудно пресечь путь реке, чтобы она не неслась вниз, сколько остановить стремление ума, чтобы не влаялся по видимым вещам, а устремлялся горе́ к сродному ему, сосредоточиваясь в молитве; хотя это последнее по естеству ему, а то не по естеству (прп. Илия Екдик, 91, 439).

***

Не так быстро течет восвояси освободившийся после долгого плена пленник, как ум, освободившись от вещественных пристрастий, обрадованною ногою устремляется к сродным ему вещам небесным (прп. Илия Екдик, 91, 439).

***

Ни тело не может очиститься без поста и бдения, ни душа без милости и истины, а также ни ум — без созерцания и собеседования с Богом (т. е. без молитвы) (прп. Илия Екдик, 91, 424).

***

Потщимся же прежде всего исправить ум свой, чтобы он стоял (трезвенно в себе), когда молимся или читаем и изучаем Божественные Писания. Ибо если не исправим ума, все другое тщетно, и душа наша никакого не восприемлет преуспеяния. Многие, именующиеся христианами и не сущие таковыми воистину, не зная, что носят в душе своей эту великую и страшную болезнь, впадают в тщеславие и самомнение, думают, что они выше других братий, гордятся и превозносятся над однородными себе и презирают их, когда эта болезнь равняет их со всеми, ибо она обща всему роду человеческому, как общи всем тление и смерть. Эта болезнь нередко скорее врачуется в простейших и неученых, нежели как в ученых и умудренных наукою. Если скорее врачуются сии простейшие, то, очевидно, что они лучше умудренных и ближе к Богу, Коим прежде познаваемы бывают и просвещаются, а потом сами Его познают. Впрочем, и каждому, по мере исправления ума его, дается мера ведения или познания как самого себя, так и Бога, т. е. поколику исправляется, освящается и просвещается ум каждого, потолику он познает себя самого и Бога... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 85—86).

***

Знать надо, что ум наш и мысль наша не могут достодолжно поклоняться Богу, если не будут прежде очищены силою веры во Христа Спасителя, если прежде Сам Господь не уврачует их, не исцелит и не изведет на свободу, так что пусть иные люди подвизаются в добрых делах и думают, что все творят во славу Божию, но если ум их не уврачеван Христом, не исцелен, не изведен на свободу таинственно и мысленно, тщетно и бесполезно все, что они ни делают, — и посты, и бдения, и молитвы, и милостыни, и всякое злострадание, и даже совершенная нестяжательность. Они еще не поклонялись Богу духом, каковое поклонение и есть единое истинное (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 147).

***

Некоторые думают, что человеческое естество по природе страстно, по природе подлежит страстям, и в доказательство того указывают на гнев и пожелания. Но дело не так есть, как они говорят: ибо гнев и пожелание даны Богом естеству человеческому не как страсти, каковы они теперь, а как добрые расположения; и человек получил эти блага от Благого Бога как признаки, показывающие в нем разумную тварь. Если гнев и похотения даны и бессловесным животным, то даны не в том же значении, как даны они человеку. И плоть человеческая есть плоть, но она неодинакового достоинства с плотями зверей и скотов несмысленных. Даны человеку гнев и пожелание, но ему дан и ум; и пока ум сей был здрав, пребывали в своем чине и эти движения, именно: пожелание устремлялось к мысленным благам Божиим и их вожделевало, а гнев (через раздражение, ревность) опять это же самое пожелание раз-

дражал и приводил в напряжение, чтобы оно с большим рвением вожделевало оных благ божественных и, мало-помалу востекая горе́, приблизилось к Богу и Им услаждалось. Но поелику ум наш занемог и потерял здравие, которое хранило его в должном порядке, и, как больной и поврежденный, вышел из своего чина и растлился, и стал, вместо того чтобы помышлять о небесных благах, помышлять только о мирском; то по сей причине вожделевает он того, что несообразно с ним, и гневается неразумно, и через то уподобляется зверям и скотам. Но христианин, который сделался здравым по уму благодатию Христовою, опять вожделевает только Божиих благ, для которых даны естеству человеческому и гнев (раздражительность, энергия), и пожелание. Тот же христианин, который не таков, еще не сделался христианином, и пусть он не обманывает себя.

Таким образом, гнев и пожелание не первоначально суть страсти, но стали таковыми вследствие потери умом нашим здравия. От этого гнев стал бессловесным и пожелание бессмысленным (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 219—220).

***

Как слепой и не видящий света солнечного не может читать письмен, светом освещенных, так и тот, кто слеп умом и не имеет ума Христова, никак не может понять и уразуметь вещей, кои суть во свете Христовом, и хоть бы он тьмы раз перечитывал написанное о них в Божественных Писаниях, невозможно, как думаю, чтобы он усмотрел что-нибудь и что-либо понял в духовном, невещественном и световом, будучи сам овеществлен и омрачен. И да не прельщает вас кто-либо из таковых! (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 228).

***

Когда око твое, т. е. ум твой прост, т. е. светел, тогда и бестелесное тело твое, т. е. все части души твоей будут светлы; и наоборот, когда ум твой лукав, т. е. омрачен и погашен, тогда и вся душа твоя будет темна (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 69).

***

...Ум же очищающихся, погружаясь в свет Божий, весь обожается, и потому называется умом Божиим... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 68).

***

...Око души, ум, когда ничто не мешает его созерцанию, чисто в чистом свете видит Бога (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 53).

***

Когда ум преселится к вещам сверхчувственным, тогда чувства, состоя в своем чине, бесстрастно входят в соприкосновение с предметами страстей, исследуя лишь причины их и природу и верно определяя их действия и свойства, без пристрастия к ним и без склонения к ним желания против естества (прп. Никита Стифат, 93, 87).

***

Ум, обуздавший свои страсти и ставший выше печали и радости, бесстрастен (прп. Никита Стифат, 93, 108).

***

Кто пребывает в естественной уму деятельности и в достойном употреблении слова, тот чистым соблюдается от

вещества и украшается кротостию, смирением, любовию и милосердием, и осияниями Святаго Духа просвещается (прп. Никита Стифат, 93, 148—149).

***

Ум наш, будучи образом Божиим, имеет свойственное ему в себе, когда пребывает в сродной ему деятельности и не допускает в себе движений, далеких от его достоинства и природы. Почему охотно любит вращаться в том, что к Богу относится и с Тем ищет соединиться, от Коего получил начало, Коим движется и к Коему устремляется по естественным своим свойствам, и Ему подражать желает человеколюбием и простотою. Чего ради рождая слово, ум, как другие небеса, возустрояет души единоплеменных человеков, и твердыми их терпением деятельных добродетелей соделывает, и животворит их духом уст своих, подавая им силу против пагубных страстей. Таким образом, и он является устроителем мысленной твари, подражая Создателю великого мира, Богу, и ясно слышит такое к себе свыше слово: *аще изведеши честное от недостойнаго, яко уста Моя будеши* (Иер. 15, 19) (прп. Никита Стифат, 93, 159).

***

Поползнувшийся, таким образом, ум <через преступление заповедей> отдалившийся от Бога, всюду водится, как пленник (прп. Григорий Синаит, 93, 217).

***

Существенное света созерцание духовное, ум немечтательный и непарительный, действо молитвы истинное, из

глубины сердца непрестанно потоком исторгающееся, души воскресение и горе́ воспростертие, божественное ужасание и в духе исступление всецелое, и богодвижное ангельское души возбуждение обрести невозможно в нашем роде, потому что ныне в нас, по множеству искушений, господствует тиранство страстей. Уму обычно о всем таком мечтать прежде времени, так как это легкое занятие; но за это он иногда теряет и то малое доброе устроение, которое дано ему Богом. Почему со многим рассуждением надлежит не искать прежде времени, что бывает в свое время, и, отбрасывая то, что в руках, мечтать об ином чем. Уму естественно о вышереченном строить легкие фантазии и воображения, хотя еще не достиг того. Потому не мал страх, чтобы не лишился таковый и того, что дано, и не потерял разума, впадши в прелесть, как ставший мечтателем, вместо безмолвника (прп. Григорий Синаит, 93, 207—208).

***

Прежде всего наше имение и богатство — это врожденный наш ум. До тех пор пока мы держимся спасительного пути, мы имеем его сосредоточенным в отношении самого себя и в отношении Первого и Высочайшего Ума — Бога; когда же откроем двери страстям, тогда немедленно он расточается, блуждая вокруг плотских и земных вещей, вокруг многовидных услаждений и связанных с ними страстных помыслов. Его богатство — это здравый смысл, который до тех пор пребывает в нем и проводит различие между добром и злом, доколе он сам пребывает в заповедях и единении с Богом, повинуясь Высочайшему Отцу. Если же он сбросит узду, тогда он расточается на блуд и безрассудство, расточается по частям на то и другое зло. Это же, посмотри, относится и ко всякой нашей добро-

детели и силе, являющимися воистину нашим богатством, которое, если под действием многовидного зла поддается ему, — расточается. Ибо ум по своей природе простирает желание свое к единому и истинному Богу, единому благому, единому желанному, единому дающему наслаждение, не смешанное ни с какой печалью. Когда же ум расслабеет, тогда душевная сила истинной любви отклоняется от этого истинного достойного предмета стремлений и расточается на всевозможные стремления услаждения: то расточается на вожделение не необходимых яств, то на вожделение нескромных тел, то на вожделение неполезных вещей, а иногда на вожделение тщетной и неславной славы. И таким образом несчастный человек разменивается на мелочь и, связанный мыслями о подобного рода вещах, и самое солнце, и воздух — общее богатство для всех — без удовольствия вдыхает и созерцает (свт. Григорий Палама, 26, 36).

***

...Ум наш, еще не отступивший от Бога, вызывает в нас гнев только против диавола и употребляет мужество души на борьбу против дурных страстей, против князей мрака, против духов зла. Если же он не держится Божественных заповедей вооружившего его Владыки, тогда он воюет против ближних, неистовствует на соплеменных, приходит в ярость на не выражающих одобрения безумным его стремлениям; и человекоубийцей, увы, становится человек, уподобившись не только бессмысленным скотам, но и пресмыкающимся и ядовитым животным, — становится скорпионом, змеею, порождением ехидны тот, который поставлен, чтобы быть в сынах Божиих (свт. Григорий Палама, 26, 36—37).

***

Но то действие ума лучше и свойственнее ему, в котором он, выше себя иной раз бывая, с Богом соединяется. Ибо ум... не рассеивающийся по внешним вещам, возвращается к себе, от себя же восходит к Богу незаблудным путем (свт. Григорий Палама, 93, 294).

***

Ум надлежит избавить и хранить от неведения, столь ему враждебного, так как оно, омрачая его, не дает ему ведать истину, — собственный его предмет и цель стремлений его. Для этого надо его упражнять, чтобы он был светл, и чист, и мог хорошо различать, что требуется для нас, чтобы очистить душу от страстей и украсить ее добродетелями.

Такой светлости ума можем мы достигнуть двумя способами: первый, и более необходимый, есть молитва, которою надлежит умолять Духа Святаго, да благоволит Он излить свет Божественный в сердца наши, что, наверное, и сотворит Он, если воистину будем мы искать единого Бога, если искренно будем ревновать о том, чтобы во всем поступать по воле Его, и если в каждом деле будем охотно подчинять себя совету опытных духовных отцев наших и ничего не делать без вопрошения их.

Второй способ упражнения ума есть постоянное рассматривание вещей и углубление в познание их, чтобы ясно видеть, какие из них хороши и какие худы; не так, как судит о них чувство и мир, но как судит правый разум и Дух Святый или истинное слово Богодухновенных Писаний и духоносных отцев и учителей Церкви. Ибо когда такое рассматривание и углубление будет правое и подобающее, то всеконечно оно дает нам ясно уразуметь, что мы должны от сердца ни во что вменять и почитать суетным

и ложным все, что любит и что всячески ищет слепой и развращенный мир (прп. Никодим Святогорец, 70, 30).

***

Как необходимо... блюсти ум от неведения, так равно необходимо блюсти его и от противоположного неведению многоведения и любопытства. Ибо коль скоро наполним мы его множеством ведений, представлений и помыслов, не исключая и суетных, непотребных и вредных, то сделаем его бессильным; и он не возможет уже добре уразумевать, что пригодно к истинному самоисправлению нашему и совершенству (прп. Никодим Святогорец, 70, 33).

***

...Если ты желаешь легко и удобно освободиться от... заблуждений и страстей, если ищешь избежать разных сетей и козней диавола, если вожделеваешь соединиться с Богом и улучить Божественный свет и истину, мужественно вступи в брань со своим воображением и борись с ним всеми твоими силами, чтобы обнажить ум свой от всяких видов, цветов, и очертаний, и вообще от всякого воображения и памяти вещей чувственных, как хороших, так и худых. Ибо все такое есть запятнание и затемнение чистоты и светлости ума, одебеление его безвещественности и проводник к остраственію ума, так как ни одна почти страсть душевная и телесная не может подступить к уму иначе, как через воображение соответственных им вещей чувственных. Подвизайся же хранить ум свой бесцветным, безóбразным, безвидным и чистым, как создал его Бог.

Но этого достигнуть иначе ты не можешь, как возвратив ум свой в себя, заключив его в тесном месте сердца своего, и всего внутреннего человека, и, научив его не-

отходно пребывать там внутри, то в сокрушенной молитве, внутренним словом возглашая: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», то себе внимая и себя рассуждая, наипаче же Бога созерцая и в Нем упокоеваясь. Ибо как змий, когда нужно ему бывает бросить старую кожу свою, идет и с усилием протискивает себя сквозь какой-либо тесный проход... так и ум, через теснины сердца и умной в сердце молитвы протискиваясь, совлекается одежды воображения чувственных вещей и недобрых чувственных впечатлений и делается чистым, светлым и годным к единению с Богом, ради подобия Ему, какое воспринимает через это. Опять, как вода, чем больше утесняется в тесных проходах, тем сильнее напирает и быстрее устремляется вверх, так и ум, чем более стесняется сокровенным в сердце поучением и себе вниманием, тем делается утонченнее и сильнее и, устремляясь горé, тем недоступнее бывает для всякой страсти, и всякого прилога помыслов, и для всякого образа вещей, не только чувственных, но и мысленных, так как они в таком случае остаются вне и внутрь войти не могут... Как лучи солнца, будучи рассеяны в воздухе и разъединены друг с другом, бывают не так светлы и теплородны, будучи же сосредоточены в одну точку посредством известных стекол, дают ослепительный свет и теплоту зажигательную, так и ум, будучи собран в центре сердца себе вниманием и сокровенным поучением, делается светоносным и попалительным, тьму вещественную и страстную разгоняющим и всякие такого же рода образы и движения попаляющим и уничтожающим <...>

Когда же увидишь, что ум твой утомляется и не может более держаться внутри сердца в умно-сердечной молитве, тогда употребляй и второй к тому способ, именно позволь ему выйти вне и поиметь простор в божественных и духовных размышлениях и созерцаниях, как тех, кои препо-

дает Священное Писание, так и тех, к которым подает повод и которые внушает творение Божие. Такие духовные размышления, будучи сродны уму, по своей тонкости и безвеществию, не причиняют ему одебеления и не заковывают его во внешнем, а, напротив, удовлетворив в меру его жажду свободного движения в своей области, содержанием своим располагают его снова скорее возвратиться внутрь сердца, к единению с Богом через погружение себя в мысленную память о Нем едином... Берегись, однако же, в творениях Божиих, в предметах вещественных и в животных, останавливаться на одной физической их стороне, пока ты еще страстен. Потому что в таком случае ум, не будучи еще свободен от страстного смотрения на чувственные вещи, вместо того чтобы переноситься от них к духовным и невещественным помышлениям, в них кроющимся, будет увлекаться одною внешнею их красотою и показностью и, усладясь ею, может принять ложные об них учения и страстные к ним расположения...

Или употреби третий способ для доставления отдохновения и упокоения уму твоему, именно берись размышлять о таинствах жизни и страданий Господа, т. е. о Рождении Его в вертепе, Обрезании, поставлении перед Богом в Сретение, Крещении в Иордане, сорокадневном пощении в пустыне, о проповедании Им Евангелия, о многообразных чудесах, сотворенных Им, о Преображении на Фаворе, об омовении ног ученикам и преподании им Таинств на вечери, о предании Его, о Его страдании, Кресте, погребении, Воскресении и Вознесении на небо, о многообразных истязаниях мучеников и долголетних строгих подвигах преподобных отцев.

Равным образом можешь ты, для сокрушения сердца и возбуждения покаянных чувств помышлять еще о таинстве страшного часа смертного, о потрясающем дне Суда, о раз-

ных видах вечных мук, как то: об океанах огня неугасимого, о мрачных в преисподней затворах, о тартарах мрачных, о червях неусыпающих, о сожительстве с демонами; помышляй также и об упокоении и неизреченных радостях праведников, о Царствии Небесном, вечной славе и непрестающем блаженстве, о гласе празднующих, о совершеннейшем единении там с Богом, о всегдашнем сопребывании и сожительстве с Ангелами и всеми святыми.

Если ты... нарисуешь на хартии воображения своего такие помышления и представления, то не только избавишься от ненотребных воспоминаний и злых помыслов, но стяжешь и великую похвалу в оный день Суда за такой подвиг... Ведай, однако же, что я не то хочу тебе сказать, чтобы ты всегда занимался этими одними помышлениями, нет, но употребляй их только иногда, пока ум твой, утомившийся держать себя в теснотах сердца, отдохнет. Когда же отдохнет, возвращай его опять в сердце и заставляй держать себя без мечтаний и образов в сердечной памяти о Боге. Ибо как все раковинные и черепокожие животные покой себе не находят нигде, как в своих раковинах, в коих укрываются как в доме, так и ум естественно нигде так не упокоивается, как в храмине сердца и во внутреннем человеке, где, укрываясь, как в крепости, благоуспешно ведет он брань с помыслами, врагами и страстями, там же внутри кроющимися, хотя большая часть людей этого не ведает (прп. Никодим Святогорец, 70, 112—117).

***

Ум, этот царь в человеке, если желает вступить в права своего самодержавия и сохранить их, должен прежде всего подчиниться закону поста (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 133).

***

Ум носит на себе печати нападения, покрыт покрывалом мрака, заражен ядом лжи; сам он, обольщаемый миродержителем, расставляет для себя сети. Еще в раю стремился он неразборчиво и неосторожно к приобретению знания, для него гибельного, убийственного! По падении он сделался неразборчивее, опрометчивее: с дерзостию упивается чашею знания ядовитого, и тем решительно уничтожает в себе вкус и вожделение к Божественной чаше знания спасительного... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 393—394).

***

...Здравым может называться только тот ум, который, помощию и действием Святаго Духа, вполне и неуклонно последует учению Христову (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 514).

***

Господь повелел хранить ум, потому что он — вождь человека. Если ум собьется с пути истинного, — вся жизнь человека делается заблуждением (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 481).

***

Ум человеческий, сам собою, не будучи соединен с Господом, рассуждает по силе своей. Когда же соединится с огнем Божества и Святым Духом, тогда бывает весь обладаем Божественным светом... исполняется Божественного разума, и невозможно ему... мыслить о своем... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 65).

***

Обновление ума есть обновление духа нашего благодатию (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 89).

УМЕРЕННОСТЬ

...Желающий идти ко Христу кратким путем, т. е. бесстрастием и ве́дением, и с радостию достигнуть совершенства, должен идти не иначе, т. е. не уклоняясь на правую или левую сторону, но во всем своем пребывании старательно идти царским путем, крепко удаляясь преувеличения и недостаточности (в подвигах); ибо и то и другое возбуждает сластолюбие; не помрачать ум излишеством брашен и бесед и не ослеплять его заботами; но и не возмущать мысль продолжительным постом и бдением (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 27).

***

Нет ближайшего пути ко Христу, т. е. к бесстрастию и премудрости Духа, как путь царский, уклоняющийся во всем от преувеличений и недостатков (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 150).

***

Если демоны станут склонять сердце твое на подвиги выше сил твоих, не слушай их... (прп. авва Исаия, 89, 296).

***

Прав сердцем тот, чей рассудок не допускает ни излишества, ни недостатка в добродетели, но держится средины. Кто от мужества уклонился в недостаток, тот совра-

щается в робость, а кто простерся в излишество, тот переходит в дерзость (свт. Василий Великий, 5, 180).

***

По мере надобности смотри, по мере надобности слушай, по мере надобности говори, по мере надобности отвечай (свт. Василий Великий, 9, 48).

***

...Мера употребления — неизбежная необходимость потребности; а употребление сверх потребности доказывает недуг или многостяжательности, или сластолюбия, или тщеславия (свт. Василий Великий, 9, 211).

***

Будем заботиться о необходимом, а не о роскоши. Если станете держаться умеренности, то будете иметь покой (прп. Ефрем Сирин, 30, 67).

***

Не берись как сверх меры за самое высокое, чего не в силах ты совершить, так и за самое маловажное, чтобы увеличилась награда твоя (прп. Ефрем Сирин, 30, 108).

***

Не вдавайся в непомерную работу, потому что хорошо и полезно делать все в меру и в порядке (прп. Ефрем Сирин, 30, 159).

***

Будем искать удовлетворяющего потребности; ибо излишнее и служащее к развлечению нашему бесполезно (при. Ефрем Сирин, 30, 166).

***

Воздерживаться сверх меры <в пище>... не похвально; и пренебрегать должным воздержанием неполезно (прп. Ефрем Сирин, 30, 393).

***

...Умеренность во всем есть совершенство... (свт. Григорий Богослов, 15, 116).

***

Не надобно иметь ни справедливости неумолимой, ни благоразумия, избирающего кривые пути. Лучше всего — во всем мера (свт. Григорий Богослов, 15, 362).

***

Не берись за все горячо, но держись того, что избрал. Лучше прибавлять доброго, нежели убавлять у него что-нибудь. Не тех называем худыми, которые стоят низко, но тех, которые, поднявшись высоко, низко падают (свт. Григорий Богослов, 16, 202).

***

...Мы видим, что земледельцы искусно отделяют смешанную с зерном мякину, так что каждое из них назначается для надлежащего употребления: зерно для поддер-

жания человеческой жизни, мякина для сожжения, также на корм животным. Так и любитель целомудрия, отделяя нужду от удовольствия, как зерно от мякины, последнюю оставляет неразумным, которых *кончина в пожжение*, как говорит Апостол (Евр. 6, 8), а из того, что необходимо, берет себе, сколько нужно, с благодарением. Но поелику многие, впавши в другой вид неумеренности, от излишней строгости жизни, незаметно увлеклись в сторону, противную предположенной ими цели, и иным образом отдалив душу свою от высших и Божественных предметов, низвели оную в круг мелочных забот и попечений, обратив ум свой к наблюдению за телом, так что не в состоянии свободно возноситься умом и созерцать горнее, будучи погружены в заботу о том, чтобы удручать и сокрушать свою плоть: то хорошо было бы позаботиться и об этом и равно избегнуть неумеренности, как в том, так и в другом случае, — чтобы ни утучнением плоти не подавить ума, ни опять излишним истощением оной не сделать его слабым и презренным и занимающимся только телесными трудами; но всегда помнить мудрое правило, которое равно воспрещает уклонение как в правую, так и в левую сторону (свт. Григорий Нисский, 24, 379—380).

***

Кто живет умеренно, тот не боится никакой перемены; а кто роскошествует в этой невоздержной и рассеянной жизни, тот, если ему придется по какому-нибудь несчастию или принуждению подвергнуться бедности, скорее умрет, нежели вынесет такую перемену, как не приготовленный и не привыкший к этому (свт. Иоанн Златоуст, 44, 361).

***

...Неумеренное всегда тягостно и неприятно, а умеренное приятно, полезно нам и отрадно (свт. Иоанн Златоуст, 44, 534).

***

...<У тех>, которые живут умеренно, тело здорово, чувства светлы, и с великою легкостью исполняют свое дело, а у неумеренных оно слабо, мягче всякого воска и подвержено множеству болезней... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 485).

***

Всегдашний напряженный труд производит изнурение и изнеможение, а постоянное послабление ведет к беспечности. Это бывает... и с душою, и с телом. Поэтому мера во всем — прекрасное дело (свт. Иоанн Златоуст, 47, 84).

***

...Не погрешит тот, кто источником всех зол назовет неумеренность и наше желание во всем перейти за пределы нужды... Действительно, если бы мы захотели и в пище, и в одеждах, и в жилищах, и в других телесных потребностях не искать ничего излишнего, а только необходимого, то от многих зол освободился бы род человеческий (свт. Иоанн Златоуст, 47, 407).

***

...Мы все делаем так, как будто не знаем, что за все, превышающее необходимую потребность, должны будем отдать отчет и ответ, как не подлежащим образом употреблявшие то, что нам даровано от Господа. Не на наше ведь

только наслаждение мы должны употреблять то, что Он даровал нам, но и на то, чтобы облегчать нужды ближних (свт. Иоанн Златоуст, 47, 407—408).

***

От излишества ведь и в телах наших происходит порча соков, и когда составные части нашего тела по чрезмерности выходят из своих границ, то рождаются бесчисленные болезни и страшные случаи смерти. То же самое бывает и с душою (свт. Иоанн Златоуст, 50, 108).

***

Умеренная и простая трапеза — мать здоровья (свт. Иоанн Златоуст, 51, 147).

***

...Будем презирать все суетное величие настоящей жизни и во всем соблюдать умеренность, чтобы нам беспечально провести эту жизнь и сподобиться обетованных благ... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 457).

***

...Умеренная скорбь — благо, и заботы — благо, и бедность — благо; крепкими делают нас и добро, и зло; но то и другое обращается нам во вред, когда бывает не в меру; первое расслабляет, а последнее поражает (свт. Иоанн Златоуст, 52, 471—472).

***

Не противно ли здравому смыслу, что неразумные животные не ищут ничего, кроме необходимого, а разумные и

одаренные образом Божиим люди делаются и их неразумнее, преступая пределы умеренности? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 570).

***

...Умеренность, по мнению отцев, состоит в том, чтобы ежедневно употреблять столько пищи, чтобы после вкушения всегда чувствовать голод. Такая мера сохранит душу и тело в одинаковом состоянии и не попустит человеку вдаться ни в чрезмерный пост, ни в пресыщение, подавляющее дух (прп. авва Моисей, 56, 201).

***

Умеренное содержание и душе приносит пользу, и тело делает здоровым; а содержание роскошное вредит и душе, и телу, не давая места в одной — благоразумию, а в другом — здоровью. И первое усмиряет даже врожденные пожелания, а последнее возбуждает желания противоестественные (прп. Исидор Пелусиот, 62, 449).

***

...Как роскошь губительна для добродетели, так умеренность обыкновенно разрушает... укрепления порока.

...Умеренный образ жизни... по большей части уничтожает блудные страсти (прп. Нил Синайский, 72, 77).

***

...Всякую вещь красит мера. Без меры обращается во вред и почитаемое прекрасным (прп. Исаак Сирин, 58, 14).

***

Умеренный пост, бдение и псалмопение обыкновенно упорядочивают устроение тела (авва Фалассий, 91, 329).

***

Путь смиренного, умеренного делания есть самый надежный (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 207).

УМИЛЕНИЕ

Умиление... есть уврачевание души: оно приобретает нам отпущение грехов; умиление... вселяет в нас Единородного Сына, когда вожделеваем Его. Умиление... привлекает на душу Духа Святаго... На земле нет радости сладостнее той, какая бывает от умиления (прп. Ефрем Сирин, 31, 96—97).

***

Умиление есть нерасхищаемое сокровище; душа, имеющая умиление, ликовствует неизглаголанною радостию... (прп. Ефрем Сирин, 31, 97).

***

Умиление есть непрестанное мучение совести, которое прохлаждает сердечный огонь мысленною исповедью перед Богом (прп. Иоанн Лествичник, 57, 76).

***

Истинное умиление есть болезнование души, которая не возносится и не дает себе никакого утешения, но ежечасно воображает только исход свой из сего мира, и от

Бога, утешающего смиренных иноков, ожидает утешения, как прохладной воды (прп. Иоанн Лествичник, 57, 80).

***

От ложного умиления рождается возношение, а от истинного — утешение (прп. Иоанн Лествичник, 57, 80).

***

...Умиление есть поистине дар Господень. Нет тогда в душе бессладостной <плотской> сладости, потому что Бог утешает сокрушенных сердцем сокровенным образом (прп. Иоанн Лествичник, 57, 83).

***

...Пострадешь, если подумаешь, что <радости духовные и умиления> суть плод собственного твоего труда, а не благодати Божией, потому что за это они взяты будут от тебя... (старец Симеон Благоговейный, 93, 67).

***

...<Умиление> свыше находит от божественной росы Духа в утешение и прохлаждение души, тепле вступившей теперь во глубину смирения и причастившейся неприступного света созерцания... (прп. Никита Стифат, 93, 100).

***

<Умиление> состоит из вкушения богоугодной печали, растворенного благодатным утешением, и отверзает перед умом доселе невиденное им зрелище. От духовного ощущения является духовное ви́дение, как Священное Писание

говорит: *вкусите и видите* (Пс. 33, 9) (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 55).

***

Желающему постоянно пребывать в умилении и духовном видении должно заботиться о постоянном пребывании в смирении, изгоняя из себя самооправдание и осуждение ближних, вводя смирение самоукорением и сознанием своей греховности перед Богом и человеками (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 55—56).

***

Умиление есть первый признак оживления сердца в отношении к Богу и к вечности. Что такое — умиление? Умиление есть ощущение человеком милости и сострадания к самому себе, к своему бедственному состоянию, состоянию падения, состоянию вечной смерти... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 154—155).

***

Путь к достижению умиления есть внимательная жизнь (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 374).

УНИЧИЖЕНИЕ

Остерегайтесь же уничижать кого не только устами, но и в сердце своем (прп. авва Исаия, 89, 332).

***

Смиренномудрие даст силу переносить уничижение (прп. авва Исаия, 89, 364).

***

...Не судите никого, и не уничижайте ни устами, ни в сердце, и ни на кого отнюдь не ропщите, да не изыдет ложь из уст ваших и не желайте сказать или услышать что, не полезное вам (прп. авва Исаия, 89, 282).

***

Любовь к славе человеческой рождает ложь, а уничижение себя, в смирении еще большем, соделывает страх Божий в сердце твоем (прп. авва Исаия, 89, 316).

***

Если кто наговорит перед тобою на брата своего, уничижит его и покажет злобу (на него), не склоняйся против него, чтобы не постигло тебя то, чего не желаешь (прп. авва Исаия, 89, 317).

***

Если борет сердце твое желание уничижить ближнего, то вспомни, что за это Бог предаст тебя в руки врагов твоих, — и успокоишься (прп. авва Исаия, 89, 352—353).

***

Если кто удручил великими подвигами тело свое, но, увидев кого-либо, впадшего во все грехи, уничижил его, то нет ему никакой пользы от такого покаяния: ибо он уничижает член Христов, сам оный осуждает, не предоставляя суда Богу (прп. авва Исаия, 59, 61).

***

Брат! рассматривай себя, и ежедневно испытывай сердце свое в присутствии Божием, дабы тебе знать, не живет ли в нем негодование, или ненависть на брата твоего, или оскорбление, или зависть, или уничижение ближнего. Если сердце будет заражено таковым ядом, то оно не может благоугождать Богу. Содержи в памяти сии слова Господа: *Тако Отец ваш Небесный сотворит вам, аще не отпустите кийждо брату своему от сердец ваших прегрешения их* (ср.: Мф. 18, 35) (прп. авва Исаия, 59, 161).

***

Не знаешь разве, что если уничижишь ближнего своего, то впадешь в грех самолюбия и пустого обольщения? (прп. Ефрем Сирин, 31, 156).

***

Кто уничижает ближнего как грешника, тот жалок; а кто предпочитает себе ближнего своего, тот возвысится (прп. Ефрем Сирин, 31, 571).

***

...Не пренебрегай Божиим величием, когда видишь Его по внешности уничиженным и как бы подобным единому из нас: ради нас, а не ради Себя явился Он таким. Рассуди, не более ли всех уничижен был Он в тот час, когда вопияли: *Распни, распни Его!* (Ин. 19, 6), — и стекался народ! Как в мире, если над каким злодеем произнесен приговор князем, то весь народ гнушается им и уничижает

его, так и Господь во время распятия, как человек осужденный умереть, ни во что вменяем был фарисеями. И когда также плевали на лице Его, возлагали на Него терновый венец, били Его по ланитам, — не превзошло ли сие меру всякого уничижения? Ибо написано: *плещи Мои вдах на раны, лица же Моего не отвратих от студа заплеваний и ланит Моих от заушений* (ср.: Ис. 50, 6). Если же Бог принял столько поруганий, страданий и уничижения, то сколько бы ни смирял себя ты — по природе тина и смертный естеством, не сделаешь ничего подобного Владыке твоему (прп. Макарий Египетский, 89, 251—252).

***

...Надобно стяжать истинное смирение сердца, которое состоит не в притворстве наружном и на словах, а в искреннем уничижении духа. Оно проявится в ясных признаках терпения не тогда, когда кто сам будет тщеславиться своими пороками, невероятными для других, но когда не оскорбится, если припишут ему другие, и с кротостию сердца, благодушием перенесет обиды, причиненные другими (прп. авва Серапион, 56, 505).

***

Иногда демоны возвеличивают труды в помыслах, а иногда уничижают их как ни к чему не служащие, чтобы в одном случае внушить высокоумие, а в другом посеять отчаяние (прп. Нил Синайский, 71, 262).

***

Кто хвалит ближнего по какому-нибудь лицемерию, тот при случае уничижит его, и сам посрамится (прп. Марк Подвижник, 69, 14—15).

***

Те, которые под предлогом подвигов возносятся перед нерадивыми, думают оправдаться делами телесными; мы же, которые, утверждаясь на одном ве́дении, уничижаем незнающих, бываем гораздо безумнее оных (прп. Марк Подвижник, 69, 28).

***

Если хочешь, чтобы тебя не беспокоили злые помыслы, то принимай уничижение души и скорбь телесную, и не отчасти, но во всякое время, во всяком месте, и во всяком деле (прп. Марк Подвижник, 69, 51).

***

Уничижающий знание и хвалящийся неученостию не словом только есть невежда, но и разумом (прп. Марк Подвижник, 89, 548).

***

Кто уничижает и умаляет самого себя, того упремудрит Господь (прп. Исаак Сирин, 58, 47).

***

Уничижай себя, и увидишь в себе славу Божию. Ибо где произрастает смирение, там источается Божия слава. Если будешь стараться пребывать в явном уничижении, то Бог соделает, что от всех людей будешь прославляем... (прп. Исаак Сирин, 58, 301).

***

Не уничижай увечных, потому что в ад пойдем все равночестными (прп. Исаак Сирин, 58, 303).

***

Уничижение есть то, когда человек не только осуждает (другого), но презирает его, т. е. гнушается ближним и отвращается от него, как от некоей мерзости: это хуже осуждения и гораздо пагубнее (прп. авва Дорофей, 29, 84).

***

...От того, что (человек) дозволит себе малое зазрение ближнего, от того, что говорим: «Что за важность, если послушаю, что говорит сей брат? Что за важность, если и я скажу одно вот такое-то слово? Что за важность, если я посмотрю, что будет делать сей брат или тот странник?» — (От сего самого) ум начинает оставлять свои грехи без внимания и замечать грехи ближнего. И от сего потом происходит, что мы осуждаем, злословим, уничижаем (ближних), а наконец, впадаем и в то самое, что осуждаем. Ибо от того, что (человек) не заботится о своих грехах «и не оплакивает, как сказали отцы, своего мертвеца», не может он преуспеть ни в чем добром, но всегда обращает внимание на дела ближнего. А ничто столько не прогневляет Бога, ничто так не обнажает человека и не приводит в оставление (от Бога), как злословие, или осуждение, или уничижение ближнего.

Иное же дело злословить или порицать, иное осуждать и иное уничижать. Порицать — значит сказать о ком-нибудь: такой-то солгал, или разгневался, или впал в блуд, или (сделал) что-либо подобное. Вот такой злословил (брата), т. е. сказал пристрастно о его согрешении. А осуждать — значит сказать: такой-то лгун, гневлив, блудник.

Вот сей осудил самое расположение души его, произнес приговор о всей его жизни, говоря, что он таков-то, и осудил его, как такового; а это тяжкий грех (прп. авва Дорофей, 29, 79—80).

***

...Принимать оскорбление, возлагать вину на себя и почитать (все) находящее на нас за наше собственное — есть дело разума, потому что каждый молящийся Богу: «Господи, дай мне смирение», должен знать, что он просит Бога, дабы он послал ему кого-нибудь оскорбить его. Итак, когда кто-либо оскорбляет его, то он и сам должен досадить себе и уничижить себя мысленно, чтобы в то время, когда другой смиряет его извне, он сам смирял себя внутренне (прп. авва Дорофей, 29, 122).

***

Не делай зла ближнему, не огорчай его, не клевещи, не злословь, не уничижай, не укоряй и, таким образом, начнешь после мало-помалу и добро делать брату своему, утешая его словами, сострадая ему или давая ему то, в чем он нуждается... (прп. авва Дорофей, 29, 163).

***

...Невозможно кому-либо разгневаться на ближнего, если он сердцем своим сперва не вознесется над ним, если не уничижит его, и не сочтет себя высшим его (прп. авва Дорофей, 29, 190).

***

...Кто соединяет смирение с трудом, тот скоро достигает (цели). Имеющий смирение с самоуничижением также достигнет, ибо уничижение заменяет труд (прп. авва Дорофей, 29, 234).

***

Уничижение же бывает двоякого рода. Одно сердечное, а другое происходит от поношений, принимаемых отвне. Уничижение, принимаемое отвне, более сердечного, ибо легче самому себя уничижить, нежели перенести уничижение от других, потому что последнее производит гораздо большую болезнь в сердце. Сокрушение же сердца состоит в том, чтобы хранить его и не допускать увлекаться неполезными помышлениями (прп. авва Дорофей, 29, 236).

***

Блажен, кто, будучи ежедневно укоряем и уничижаем Бога ради, понуждает себя к терпению; он будет ликовать с мучениками, дерзновенно беседовать и с Ангелами (прп. Иоанн Лествичник, 57, 39).

***

Когда тяжко тебе от укоризны или бесчестия, то знай, что ты великую получил от того пользу, ибо через уничижение промыслительно изгнано из тебя тщеславие (прп. Максим Исповедник, 91, 167).

***

...Уничижение внешнее через тягостные телесные положения имеет свойство сохранять в душе божественные сокровища... (прп. Максим Исповедник, 91, 262).

***

...Кто смирен, тот не может видеть, чтобы кто-либо относился к нему ниже его достоинства; ибо он так низким себя считает, что никто не может отнестись к нему ниже того, как бы ни ухитрялся (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 206).

***

Смирение паче всего блюдите, и молитесь о нем, да подано будет, и сами себя почаще теребите, наклоняя на самоуничижение. Как только проснетесь, поскорее позаботьтесь восчувствовать себя негожею, а там и весь день такою же быть старайтесь. На молитву становясь и к Господу приступая, паче уничижайтесь. Кто и к Кому дерзает обращаться и беседовать человеческою речью?! — Радуйтесь, когда встретится уничижение внешнее, невольное. Принимайте его как особую милость Божию. Мерою себе поставьте, что, когда вы стоите в полном недовольстве собою, то вы в добром чине; коль же скоро хоть малое чувство самодовольства придет, и начнете вы цену себе давать, знайте, что вы не в своем виде, и начинайте тогда теребить себя. Господа ради не забывайте сего пунктика. Все другое ничто, когда сего нет (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 169).

УНЫНИЕ

...Желающий отогнать уныние, должен отвергнуть всякую беседу с людьми и излишний сон и предоставить унынию изможднать его тело и душу, пока оно не отойдет, видя терпение в беспрестанном упражнении о Боге, в чтении и чистой молитве. Ибо всякий враг, если видит, что он может успеть что-нибудь, то продолжает нападать, а если нет, то

отходит или совершенно, или на время. Посему желающий победить врагов должен иметь во всем терпение (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 139).

***

Всевозможно убегай уныния, ибо оно истребляет весь плод монаха (прп. авва Исаия, 59, 29).

***

Во всяком месте и деле избегай уныния и лености, чтобы не быть угнетенным силою врага (прп. авва Исаия, 59, 65).

***

Не предавайся унынию ни в каком труде, чтобы враг не усилил в тебе своих враждебных действий (прп. авва Исаия, 59, 209—210).

***

...Уныние (разленение) есть помощь злу (прп. авва Исаия, 89, 349).

***

Не дадим места унынию в сердце нашем, чтобы оно не сделало нас безнаследными в земле обетования (прп. авва Исаия, 89, 414).

***

Унывая, никто не венчается; смущаясь духом, никто не приобретает победы (свт. Василий Великий, 8, 5).

***

Памятование о смерти и наказаниях есть меч против беса уныния (прп. Ефрем Сирин, 30, 200).

***

...Из тяжкого тяжкое — уныние, особенно если имеет оно споборником неверие, ибо плоды его исполнены смертоносного яда (прп. Ефрем Сирин, 30, 201).

***

Предающийся унынию далек от терпения, как больной от здоровья. Посему добродетель познается не в унынии, но в терпении (прп. Ефрем Сирин, 30, 511).

***

К истреблению... уныния служит молитва и непрестанное размышление о Боге; размышление же поддерживается воздержанием а воздержание охраняется телесным трудом (прп. Ефрем Сирин, 31, 595).

***

...У злобы всегда одно и то же ухищрение — ввергать нас в уныние во время скорби, чтобы лишить упования на Господа (прп. Макарий Египетский, 67, 450).

***

...Дух уныния обычно нападает на праздного, о котором говорит Премудрый, что он *в похотех есть* (Притч. 13, 4) (авва Евагрий, 89, 595).

***

Бес уныния, который называется также *полуденным* (ср.: Пс. 90, 6), тяжелее всех бесов. Он приступает к монаху около четвертого часа (по-нашему десятого утра) и кружит душу его часа до восьмого (второго пополудни), и сначала заставляет с неудовольствием видеть, что солнце медленно движется, или совсем не движется, и что день сделался будто пятидесятичасовым. Потом понуждает его почасту посматривать в окно, или даже выходить из кельи — взглянуть на солнце, чтобы узнать, сколько еще до девяти часов, причем не преминет внушить ему поглядеть туда и сюда, нет ли кого из братий. Тут же он вызывает у него досаду на место и на самый род жизни, и на рукоделье, прибавляя, что иссякла любовь у братий и нет утешающего. Если в те дни кто-нибудь оскорбил монаха, то и это припоминает демон к умножению досады. Затем наводит его на желание других мест, в которых удобнее находить необходимое для удовлетворения потребностей, взявшись за мастерство, которое менее трудно, но более прибыльно. К этому прибавляет, что не от места зависит угодить Господу. Богу везде можно покланяться. Связывает с этим воспоминание о домашних и о прежнем довольстве; а тут пророчит долгую жизнь, представляет труды подвижничества, и всякие употребляет хитрости, чтобы монах, наконец, оставя келью, бежал с поприща. За этим бесом другой не тотчас следует. Но кто борется и победит, у того после подвига следует мирное некое состояние, и душа преисполняется неизреченною радостию (авва Евагрий, 89, 604—605).

***

Дух уныния отводит слезы, а дух печали подавляет молитву (авва Евагрий, 89, 611).

***

...Не унывай, не теряй добрых надежд, не впадай в страсть нечестивых (свт. Иоанн Златоуст, 44, 2).

***

Не демон причиняет уныние, но оно делает демона сильным и внушает худые помыслы (свт. Иоанн Златоуст, 44, 193).

***

Как воры при наступлении ночи, погасив огонь, очень легко могут и похитить имущество, и умертвить владельцев его, так теперь и демон, вместо ночи и мрака наведши уныние, старается похитить все охраняющие помыслы, чтобы, напав на душу, лишенную их и беспомощную, нанести ей бесчисленные раны (свт. Иоанн Златоуст, 44, 193).

***

...Тем, которые помышляют о горнем, а не о земном, должно преодолевать не только гнев и похоть, и прочие страсти, но и уныние; потому что оно может причинить нам больше зла, чем эти страсти, и с ним должно мужественно бороться тем, кто не хочет совсем погибнуть (свт. Иоанн Златоуст, 44, 197).

***

...Чрезмерное уныние вреднее всякого демонского действия, потому что и демон если в ком властвует, то властвует через уныние, а если уничтожишь уныние, то и от демона не потерпишь никакого вреда (свт. Иоанн Златоуст, 44, 243).

***

Бог вложил уныние в нашу природу не для того, чтобы мы предавались ему неразумно, неблаговременно и при всяких обстоятельствах, и не для того, чтобы губили самих себя, но чтобы получали от него величайшую пользу. Как же мы можем получить от него пользу? Если будем предаваться ему в надлежащее время; а время уныния не то, когда мы терпим зло, но когда делаем зло... Как врачевство сильное, разъедающее и... очищающее нашу порочность, оно, когда прилагается к душе праздной, изнеженной и имеющей в себе великую тяжесть грехов, весьма много помогает принявшему его; а когда прилагается к душе деятельной, подвизающейся, трудящейся, заботливой и подвергающейся бедствиям, то не только не приносит никакой пользы, но и причиняет великий вред, ослабляя ее и делая удобопоражаемою... Оно — такое сильное врачевство, что, когда и к нуждающимся в нем было прилагаемо дольше надлежащего времени, причиняло много зла (свт. Иоанн Златоуст, 44, 243—244).

***

...Для христианина... должны быть только два повода к унынию — когда или сам он, или ближний его оскорбит Бога... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 244).

***

...Уныние и непрестанные беспокойства могут сокрушить силу души и довести до крайнего изнеможения (свт. Иоанн Златоуст, 44, 463).

***

Кто питается благими надеждами, того ничто не может повергнуть в уныние (свт. Иоанн Златоуст, 45, 75).

***

...Чтобы не унывать нам ни в каких тяжких обстоятельствах, будем усердно внимать повествованиям Писаний <Священных> (свт. Иоанн Златоуст, 45, 335—336).

***

Уныние есть тяжкое мучение душ, некоторая неизреченная мука и наказание, горшее всякого наказания и мучения (свт. Иоанн Златоуст, 46, 593).

***

...<Уныние> подобно смертоносному червю, касаясь не только плоти, но и самой души, оно — моль, поедающая не только кости, но и разум, постоянный палач, не ребра рассекающий, но разрушающий даже и силу души, непрерывная ночь, беспросветный мрак, буря, ураган, тайный жар, сожигающий сильнее всякого пламени, война без перемирия, болезнь, затемняющая многое из воспринимаемого зрением (свт. Иоанн Златоуст, 46, 593—594).

***

...Уныние тягостнее всех бедствий... оно — вершина и глава несчастий... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 598).

***

...Никогда не будем унывать в скорбях и, увлекаясь своими помыслами, не будем предаваться отчаянию; но, имея большое терпение, будем питаться надеждою, зная благое о нас промышление Господа... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 679).

***

Душа, пораженная скорбью и объятая облаком уныния, не в состоянии ни спокойно выслушать что-либо полезное, ни сказать (свт. Иоанн Златоуст, 55, 619).

***

...Облако уныния, когда становится перед нашей душой, не дозволяет свободно проходить слову, а задушает его и насильственно задерживает внутри (свт. Иоанн Златоуст, 55, 619—620).

***

Как корабль затопляется, когда море бушует, и волны вздымаются со всех сторон, так и душа, когда уныние отовсюду постигнет ее, скоро задыхается, если у нее нет руки, которая бы поддержала ее (свт. Иоанн Златоуст, 55, 807).

***

Блаженный Давид хорошо выразил весь вред этой болезни <уныния> в одном стихе, говоря: *воздрема душа моя от уныния* (Пс. 118, 28). Хорошо он сказал, что не тело, а душа собственно воздремала. Ибо истинно душа дремлет в рассуждении созерцания добродетелей и рассмотрения духовных чувств, когда будет уязвлена стрелою этой страсти (прп. Иоанн Кассиан, 56, 120—121).

***

...Истинный подвижник Христов, который хочет законно подвизаться подвигом для совершенства, должен поспешить выгнать из тайников своей души также и эту болезнь

<уныние>, и против этого злейшего духа уныния подвизаться с обеих сторон, так, чтобы сокрушенному стрелою сна, не пасть, и чтобы выгнанному из затвора монастыря, хотя бы под благовидным предлогом, не быть беглецом (прп. Иоанн Кассиан, 56, 121).

***

...Кого ни начнет оно <уныние> одолевать с какой-либо стороны, заставит его пребывать в келье ленивым, беспечным, без всякого успеха духовного, или, выгнав отсюда, сделает потом непостоянным во всем, праздношатающимся, нерадивым ко всякому делу... (прп. Иоанн Кассиан, 56, 121).

***

...От уныния <рождается> праздность, сонливость, безвременность, беспокойство, бродяжничество, непостоянство ума и тела, говорливость, любопытство... (прп. авва Серапион, 56, 254).

***

Как скоро упадешь духом, размысли, сколько благ уготовано верным, и удобно приобретется тобою духовный плод (прп. Нил Синайский, 72, 240).

***

...Душа, когда отовсюду окружило ее уныние, скоро бывает подавлена, если не найдет, кто простер бы к ней руку, и утешил ее (прп. Нил Синайский, 72, 361).

***

Хорошо утвердившееся дерево не преклоняется от напора ветров, и уныние не поражает окрепшие души (прп. Нил Синайский, 90, 257).

***

Терпение, благодушие и любовь благодарны и в скорбях; а уныние, льготность и самолюбие радуются покойной жизни (прп. Нил Синайский, 90, 260).

***

...Уныние есть изнеможение души, а душа в изнеможении, не имея того, что ей свойственно по естеству, не устаивает мужественно и против искушений (прп. Нил Синайский, 90, 274).

***

Безводное облако уносится ветром, а не имеющий терпения ум — духом уныния (прп. Нил Синайский, 90, 274).

***

Как больной не выносит тяжелого бремени, так унылый не в состоянии тщательно исполнить Божии дела, ибо у того телесные силы в расстройстве, а у этого не стало сил душевных (прп. Нил Синайский, 90, 275).

***

Во всяком деле определи себе меру, и не оставляй его прежде, чем кончишь; также молись разумно и усиленно, — и дух уныния бежит от тебя (прп. Нил Синайский, 90, 275).

***

Во всяких трудах твоих да предводительствует всем мужественное терпение; потому что против тебя всею злобою ополченным стоит уныние и, наблюдая за твоими трудами, пытает их все, — и если найдет, что какой-нибудь из них не укреплен терпением, то делает его несносно тяжелым (прп. Нил Синайский, 90, 276).

***

Когда во время службы Божией нападет на тебя дух уныния, то, нашептав душе, что псалмопение обременительно, усердия же к нему противоборницею выставив леность, — внушает ускорить псалмопение, чтобы дать плоти отдых, потому что она будто по какой-то причине очень утомлена (прп. Нил Синайский, 90, 276).

***

Когда возьмет уныние, во время ли молитв или от многообразных стужений врага, приводи на память исход и лютые мучения. Лучше, впрочем, прилепляться к Богу молитвою и упованием, чем воспоминать о внешнем, хотя бы оно было и полезное (прп. Марк Подвижник, 89, 541).

***

Когда душа начнет уже не похотевать красных земных вещей, тогда прокрадывается в нее большею частию некий унывный дух, который неохотно потрудиться в служении слова не допускает ее, ни твердого желания будущих благ не оставляет в ней, еще же и эту привременную жизнь представляет крайне непотребною, как не имеющую достойных дел добродетели и самое ве́дение уничижает, как

дарованное и другим многим, или ничего особенного нам не возвещающее. Сей теплохладной и разленяющей страсти мы избежим, если в крайне тесные вставим пределы нашу мысль, держа во внимании одну память Божию; ибо только таким образом дух, востекши в свойственное ему горение, может отгнать от себя неразумное оное разленение (блж. Диадох, 91, 37).

***

Уныние <рождается> от парения ума, а парение ума от праздности, чтения и суетных бесед, или от пресыщения чрева (прп. Исаак Сирин, 58, 143).

***

Во избежание уныния пусть будет у тебя небольшое дело, не возмущающее ума (прп. Исаак Сирин, 58, 145).

***

Уныние часто бывает одною из отраслей, одним из первых исчадий многословия... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 102).

***

Уныние есть расслабление души, изнеможение ума, пренебрежение иноческого подвига, ненависть к обету, ублажатель мирских, оболгатель Бога, будто Он немилосерд и нечеловеколюбив; в псалмопении оно слабо, в молитве немощно, в телесном же служении крепко, как железо, в рукоделии безленостно, в послушании лицемерно... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 103).

***

Муж послушливый не знает уныния, через чувственные дела исправляя мысленные и духовные (делания) (прп. Иоанн Лествичник, 57, 103).

***

Общежитие противно унынию, а мужу, пребывающему в безмолвии, оно всегдашний сожитель, прежде смерти оно от него не отступит, и до кончины его на всякий день будет бороть его. Увидев келью отшельника, (уныние) улыбается и, приблизившись к нему, вселяется подле него (прп. Иоанн Лествичник, 57, 103).

***

Врач посещает больных поутру, а уныние находит на подвижников около полудня (прп. Иоанн Лествичник, 57, 103).

***

Уныние подущает к странноприимству; увещевает подавать милостыню от рукоделия; усердно побуждает посещать больных; напоминает о Том, Который сказал: *болен бех, и придосте ко Мне* (ср.: Мф. 25, 36); увещевает посещать скорбящих и малодушествующих; и, будучи само малодушно, внушает утешать малодушных... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 103).

***

Бес уныния производит трехчасовое дрожание <т. е. когда поются часы: первый, третий и шестой>, боль в

голове, жар, боль в животе; когда же настанет девятый час, дает немного возникнуть; а когда уже и трапеза предложена, понуждает соскочить с одра; но потом, в час молитвы, снова отягощает тело; стоящих на молитве он погружает в сон, и в безвременных зеваниях похищает стихи из уст (прп. Иоанн Лествичник, 57, 103—104).

***

Каждая из прочих страстей упраздняется одной, какой-нибудь противной ей добродетелью; уныние же для инока есть всепоражающая смерть (прп. Иоанн Лествичник, 57, 104).

***

Мужественная душа воскрешает и умерший ум; уныние же и леность расточают все богатство (прп. Иоанн Лествичник, 57, 104).

***

Когда нет псалмопения, тогда и уныние не является; и глаза, которые закрывались от дремоты, во время правила открываются, как только оно кончилось (прп. Иоанн Лествичник, 57, 104).

***

Во время уныния обнаруживаются подвижники; и ничто столько венцов не доставляет иноку, как уныние (прп. Иоанн Лествичник, 57, 104).

***

Наблюдай и увидишь, что оно борет тех, которые стоят на ногах, склоняя их к тому, чтобы сели; а сидящих

увещевает приклониться к стене; оно заставляет посмотреть в окно кельи, побуждает производить стук и топот ногами. Плачущий о себе не знает уныния (прп. Иоанн Лествичник, 57, 104).

***

Свяжем теперь и сего мучителя памятию о наших согрешениях; станем бить его рукоделием, повлечем его размышлением о будущих благах... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 104).

***

Итак, скажи нам, о ты, нерадивый и расслабленный, кто есть зле родивший тебя? и какие твои исчадия? кто суть воюющие против тебя? и кто убийца твой? Он отвечает: «В истинных послушниках я не имею где главу подклонить; а имею для себя место в безмолвниках, и с ними живу. Родительницы у меня многие: иногда бесчувствие души, иногда забвение небесных благ, а иногда и чрезмерность трудов. Исчадия мои, со мною пребывающие: перемены местопребываний, пренебрежение повелений отца духовного, непамятование о последнем Суде, а иногда и оставление монашеского обета. А противники мои, которые связывают меня ныне, суть псалмопение с рукоделием. Враг мой есть помышление о смерти; умерщвляет же меня молитва с твердою надеждою сподобиться вечных благ; а кто родил молитву, о том ее и спросите» (прп. Иоанн Лествичник, 57, 104—105).

***

Уныние происходит иногда от наслаждения, а иногда от того, что страха Божия нет в человеке (прп. Иоанн Лествичник, 57, 183).

***

...Матерь блуда есть объедение; уныния же матерь — тщеславие... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 183).

***

Прилежная молитва есть погибель унынию; а память о последнем Суде рождает усердие (прп. Иоанн Лествичник, 57, 210).

***

Узнал я, что бес уныния предшествует бесу блуда и уготовляет ему путь, чтобы, крепко расслабив и погрузив в сон тело, дать возможность бесу блуда производить в безмолвствующем, как наяву, осквернения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 226).

***

Если ум долго остается в утехе или печали, то скоро очень впадает в страсть уныния (авва Фалассий, 90, 295).

***

Не оскверняй ума твоего удержанием в себе помыслов похоти и гнева, дабы, отпадши от чистой молитвы, не впасть в дух уныния (прп. Максим Исповедник, 91, 169).

***

Власть демонов и страстей над человеком усиливается унынием... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 406).

***

Трудности пути, препятствия, расслабление, уныние — все это случайности, которые приходят и отходят. На них

нечего обращать внимание. Надо им противопоставлять убеждение, что цель впереди верна и что средства, кои нам даны, надежно ведут к ней. От этого все тревоги будут отходить, исполняя душу благонадежием (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 203).

***

На дух уныния жалуйтесь Господу и Ангелу-хранителю, и отбежит. Но всяко терпите благодушно. Состояние это есть один из крестов, которые нести неизбежно нам в продолжение жизни своей (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 139).

УПОВАНИЕ

...Должно нам всегда познавать свою немощь и благодать Божию; и не отчаиваться, если что-либо случится с нами, но и отнюдь не быть дерзновенными, думая, что мы значим что-либо, но более уповать всегда на Бога со смирением (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 81—82).

***

Бдительно внимай себе, чтобы, представляя себя всегда перед Богом, ничего не ожидать тебе ни от кого, но во всем с верою надеяться на Него единого (прп. авва Исаия, 59, 186).

***

Кто возложил упование на золото, тот падет; а кто возложил упование на Господа, тот спасется (прп. Ефрем Сирин, 30, 154).

***

Всегда перед очами своими имей Господа; потому что спасает Он уповающих на Него (прп. Ефрем Сирин, 30, 198).

***

Блажен, кто упование свое возлагает всегда на Господа своего, Которого имя не преходит, и слава не имеет конца! (прп. Ефрем Сирин, 33, 284).

***

Твердо уповай на единого Бога; потому что уповающие на Него блаженны и в сем, и в будущем веке (прп. Ефрем Сирин, 33, 356).

***

...Оно <упование>, как бы какая крепкая цепь, свешенная с неба, поддерживает наши души, мало-помалу поднимая на высоту тех, которые крепко держатся за нее, и вознося нас превыше бури житейских зол. Посему, если кто ослабевает и опустит из рук этот священный якорь, тот сейчас же упадет и погибнет в бездне порока (свт. Иоанн Златоуст, 44, 3).

***

...Человеку благочестивому и верующему надобно так крепко полагаться на обетования Божии, чтобы, видя и противоположные им события, не смущаться и не отчаиваться в их исполнении (свт. Иоанн Златоуст, 44, 180).

***

Уповающий на Бога поддерживается надеждой самой великой, славной и непоколебимой, а уповающий на чело-

века держится надеждой непрочной, слабой, обманчивой и весьма часто разрушающейся. Посему людям благоразумным надлежит держаться первой, как священного якоря, а воздерживаться от второй... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 173—174).

***

...И богатство... будь оно велико и теки отовсюду; и достоинство, будь оно царское; и умственные дарования, украшайся они даром слова, ничего не значат, если не соединены с упованием на Бога. Ибо гнило то богатство, которого не присуждает Бог, часто с корнем вырывается и отъемлется у приобретших, подобно бесплодному и дикому растению, которое делает вред близким к нему деревьям. Небезопасна и царская власть, не управляемая непобедимою Десницею. Умственные дарования, не украшенные божественною мудростию, бесполезны, как не знающие самообуздания; Господь *отвращает вспять мудрыя, и советы их обуяет* (ср.: Ис. 44, 25). Посему если и здешнее не прочно для нетвердых перед Богом, а будущее еще ненадежнее, то возьмемся за священный якорь (прп. Исидор Пелусиот, 62, 314—315).

***

Предел упования — преселение ума к чаемым благам (блж. Диадох, 91, 7).

***

...Кто уповает на Бога, тот тверд в сердце, и всем людям явна досточестность его, и перед врагами его похвала его (прп. Исаак Сирин, 58, 291).

***

В том и заключается неложное и твердое упование, чтобы выражать надежду творением добрых дел (прп. Максим Грек, 68, 4).

***

...Вместе с совершенным от себя самих отречением потребно еще нам водрузить в сердце совершенное упование на Бога и полную в Нем уверенность, потребно... полным сердцем чувствовать, что нам решительно не на кого надеяться, как на Него одного, и ни от кого другого, как от Него одного, можем мы ожидать всякого добра, всякой помощи и победы. Ибо как от самих себя, которые есмы ничто, не ожидаем мы ничего, кроме преткновений и падений, по причине которых и отлагаем всякую на себя надежду: так, напротив, всеконечно от Бога получим мы всякую победу, как только вооружим сердце свое живым на Него упованием и полною уверенностью в получении от Него помощи...

Утвердиться в такой надежде, и ради ее помощь всякую получить помогут нам следующие помышления:

1) То, что ищем помощи у Бога, Который, как Всемогущий, может сделать все, что ни восхощет; следовательно, и нам может помочь.

2) То, что ищем ее у Бога, Который, как Всеведущий и Премудрый, знает все наисовершеннейшим образом; следовательно, вполне знает и то, что пригоднее для спасения каждого из нас.

3) То, что ищем такой помощи у Бога, Который, как бесконечно благий, с неизреченною любовию предстоит нам, всегда желательно готовый с часу на час и с минуты на минуту подать всякую помощь, потребную нам для одер-

жания полной победы в духовной, действующейся в нас брани, тотчас, как только притечем в объятия Его с твердым упованием. <...>

4) Четвертый... способ к оживлению твердого упования на Бога и привлечению Его скорой помощи есть пересматривание в памяти всех опытов скорой от Бога помощи, изображенных в Божественном Писании. Опыты сии, столь многочисленные, наияснейше показывают нам, что никогда не был оставляем постыженным и беспомощным никто из возуповавших на Бога. *Воззрите на древния роды*, взывает премудрый Сирах, *и видите: кто верова Господеви и постыдеся* (Сир. 2, 10)?

Такими четырьмя оружиями облекшись, брате мой, мужественно выступай на дело брани и веди ее бодренно, в полной уверенности, что тебе дано будет одержать победу. Ибо ими всеконечно стяжаешь ты совершенное упование на Бога, а такое упование непрестанно будет привлекать к тебе помощь Божию и облекать всепобедительною силою. То же и другое, наконец, глубоко укоренит в тебе полное ненадеяние на себя (прп. Никодим Святогорец, 70, 23—25).

***

Все упование, конечно, Господь. В Нем и успокойтесь, вопия: помилуй мя! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 191).

***

Приискание и своих средств, при уповании на Бога, не умаляет силы упования: ибо сие искание должно совершаться с упованием (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 234).

***

Слабость веры... и скудость упования помилования производятся врагом нашим (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 30).

***

...Ждите желаемого, но не предрешайте, что так и определит Господь, а предавайте сие на волю Его с полною покорностию принять от Господа, что благоугодно Ему будет послать вам (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 152).

***

Предайте себя в руки Божии... И Он не оставит вас... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 169).

***

Коль скоро упованием мало-мало отклонитесь от Господа, все дело тогда покривляется: ибо тогда Господь отступает, говоря как бы: ну и оставайся с тем, на что упование полагаешь (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 172).

***

Чувство упования на Бога — великое дело. Оно есть итог всех чувств наших к Богу, особенно глубокой веры в Промысл о нас Божий (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 52).

***

Уповайте на Господа, Он блюдет тех, которые Ему себя посвящают (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 68).

***

А если все упование свое возложите на Господа, то Он непременно доведет вас до конца. Сомнения в этом не допускайте даже на волос (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 72).

***

Внимайте себе и, Господа предзря перед собою, Ему предавайте себя. Однако же не для того, чтобы, сложивши руки, сидеть, а чтобы, ревнуя всесильною ревностию, успеха чаять от единой благодати (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 120).

***

Извольте... продолжать и более и более углубляться в самоосуждение. Только смотрите строго, первое — не словами только самоосудительно (а сердце самодовольно) и второе — при всем сознании своего непотребства, не теряйте упования спасения в Господе Иисусе Христе. Это последнее значительнее первого (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 25).

УСЕРДИЕ

Не будьте к трапезованию поспешными и усердными, а к делам нерадивыми и расслабленными... (прп. Ефрем Сирин, 30, 231).

***

Самые слова, какие Бог с миром изглаголал Марии, были дух и некая сила (см.: Лк. 10, 38—42). Слова сии вошли в сердце, стали душою в душе, духом в духе, и Божественная сила наполнила сердце ее; потому что, где

превитает оная сила, по необходимости делается она там пребывающею, как неотъемлемое стяжание. Посему и Господь, зная, что даровал ей, сказал: *Мария благую часть избра* (Лк. 10, 42). Но со временем и то, что делала Марфа из усердия услужить, привело ее к тому же дарованию; потому что и она прияла Божественную силу в душу свою (прп. Макарий Египетский, 67, 101).

***

...Тех, которые пребывают в служении и усердно все делают из ревности по вере, из любви к Богу, со временем сие самое приводит к ведению самой Истины; потому что Господь открывается душам их и учит их сопребыванию Духа Святаго (прп. Макарий Египетский, 67, 102).

***

Некоторые <сподобившиеся войти в меру совершенства> не хотят быть в тягость другим, иные сами себе прислуживают, а иные берут у людей мирских и раздают бедным. И это превосходнее. Одни, имея благодать, заботятся только о самих себе, а другие стараются оказать пользу душам других. Последние много преимуществуют перед первыми. А иные, имея благодать, за имя Божие предают тела свои на поругания и страдания. И сии опять выше прежних. Иные, упражняясь в добродетели, желают, чтобы люди их хвалили и почитали, говоря о себе: «Мы христиане и причастники Духа Святаго»; другие же стараются укрыть себя и от встречи с людьми. Последние во многом преимуществуют перед первыми. Видишь ли как, и при самом совершенстве усердие к Богу, зависимо от естественной воли, делается выше и преимущественнее? (прп. Макарий Египетский, 67, 152).

***

...Нет ничего трудного и тяжкого, чего бы усердие и ревность не сделали весьма легким (свт. Иоанн Златоуст, 44, 141).

***

Если мы будем выходить... <из храма> без всякой пользы, то и усердие будет нам в осуждение (свт. Иоанн Златоуст, 45, 82).

***

...Не будем ограничивать нашего усердия только слушанием, но станем исполнять сказанное на деле (свт. Иоанн Златоуст, 46, 172).

***

...При собственном усердии мы можем сделаться добродетельными, а при нерадении опять низвергаемся в бездну греха... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 575).

***

Усердие всегда препобеждает обременительность труда, став выше всех неудобств в деле... (прп. Нил Синайский, 71, 14).

***

Поревнуем и мы духовною ревностию о воле Иисусовой, и отгнано будет от нас всякое нерадение, порождающее в мыслях наших уныние; потому что ревность рождает отважность, душевную силу и телесную рачительность. Какая сила бывает в демонах, когда душа подвигнет против них свою природную сильную ревность? А также и усердие называется порождением ревности. И когда она

приводит в действие свою силу, то придает душе крепость непреодолимую. Да и самые венцы исповедничества, какие приемлют подвижники и мученики за терпение свое, приобретаются сими двумя деланиями — ревности и усердия, которые порождаются силою естественной раздражительности: они в лютой скорби мучений не ощущают страданий. Да даст Бог и нам такое усердие благоугождать Ему! (прп. Исаак Сирин, 58, 223).

***

Лист сначала всегда бывает зелен, цветущ и красив, потом постепенно засыхает, падает, и, наконец, им пренебрегают и попирают его. Так и человек, никем не управляемый, сначала всегда имеет усердие к посту, к бдению, безмолвию, послушанию и к другим добрым (делам); потом усердие это мало-помалу охладевает, и он, не имея никого, кто бы наставлял его, поддерживал и воспламенял в нем это усердие, (подобно листу), нечувствительно иссыхает, падает и становится, наконец, подвластным и рабом врагов, и они делают с ним, что хотят (прп. авва Дорофей, 29, 70).

***

Если мы усердно хотим угождать Царю Небесному, то, без сомнения, и славы небесной вкусим; а вкусивший ее будет презирать всякую земную славу; и я удивился бы, если бы кто, не вкусивши первой, мог презреть последнюю (прп. Иоанн Лествичник, 57, 146).

***

Всякому духовному деланию, видимому или умственному, предшествует собственное намерение и усерднейшее

желание, при Божием в оных содействии; ибо если не будет первых, то и второе не последует (прп. Иоанн Лествичник, 57, 190).

***

Как закаленное железо может наострить незакаленное, так и брат усердный часто спасает ленивого (прп. Иоанн Лествичник, 57, 211).

***

Прощение грехов многие скоро получили; но бесстрастия никто скоро не приобрел; ибо для приобретения его нужно долгое время, великое усердие, многий труд любви и помощь Божия (прп. Иоанн Лествичник, 57, 214).

***

Псалмопение во многолюдстве сопровождается пленениями и парениями, уединенное же не столько; но здесь нападает уныние, а там от примера других рождается усердие (прп. Иоанн Лествичник, 57, 238).

***

...Для всякой пищи есть свое время: часто одна и та же пища в некоторых производит усердие, а в других печаль (прп. Иоанн Лествичник, 57, 261).

***

Возложите на Господа всю печаль вашу от всего сердца и Он сотворит благопотребное вам. Сами молитесь — не поклон-другой, а усердно и много, и дома, и в церкви. Сторонняя молитва не во главе стоит, а идет вслед за

вашею и служит ей подспорьем. Если вы прежде мало маливались о своей участи — а это делать долг есть, — то вот Господь и поставляет вас в тесноту, чтобы вы к Нему обратились, оживили свое на Него упование и исполнили долг сей. Если вы действительно мало маливались, думая — авось, небось, или совсем не думали, то теперь кайтесь перед Господом и давайте обет, вперед на Него единого во всем уповать, давайте серьезно, чтобы и исполнять то усердно (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 151).

УТЕШЕНИЕ

Умная душа, презирая вещественное стяжание и маловременную жизнь, избирает утешение небесное и жизнь вечную, которую и получит от Бога за доброе житие (прп. Антоний Великий, 89, 89).

***

Слово утешения да предшествует прочим речам твоим, подтверждая любовь твою к ближнему (свт. Василий Великий, 9, 48).

***

Что холодная вода жаждущему в жару, то слово утешения брату в скорби (прп. Ефрем Сирин, 30, 123).

***

Сам себя утешай, возлюбленный, теряя всякую скорбь, чтобы не сделаться тебе высокоумным, если часто будут утешать другие. Ибо Апостол говорит: *утешайте себе на всяк день*... (Евр. 3, 13) (прп. Ефрем Сирин, 30, 199).

***

...Если утешающий человек духовный, то приходит он не ко вреду, но к великой пользе. А кто имеет плотской образ мыслей, тот не принесет ни малой пользы (прп. Ефрем Сирин, 31, 212).

***

Скорбь мирская тяжела, и не обещает вознаграждения; а скорбь по Богу с собою приносит утешение, и еще паче обвеселяет и обетованием жизни вечной. Подвергаясь первой, поспешай превратить ее во вторую, — и прогонишь мучительную скорбность из сердца (прп. Ефрем Сирин, 90, 408).

***

Как ум трехлетнего ребенка не может вместить или постигнуть мысли совершенного софиста, потому велико расстояние лет их, так и христиане, подобно грудным младенцам, понимают мир, смотря на меру благодати. Они чужды для века сего; иной у них град, иное упокоение. Христиане имеют у себя утешение Духа, слезы, плач и воздыхание, и сами слезы составляют для них наслаждение. При радости и веселии имеют они и страх и, таким образом, уподобляются людям, которые на руках своих носят кровь свою, не надеются сами на себя и не думают о себе, что значат они что-нибудь, но ведут себя как уничиженные и отверженные всеми людьми (прп. Макарий Египетский, 67, 123).

***

Если кто ради Господа, оставив своих, отрекшись от мира сего, отказавшись от мирских наслаждений, от име-

ния, от отца и матери, распяв себя самого, сделается странником, нищим и ничего неимеющим, вместо же мирского спокойствия не обретет в себе Божественного упокоения, вместо временного наслаждения не ощутит в душе своей услаждения духовного, вместо тленных одежд не облечется в ризу Божественного света по внутреннему человеку, вместо сего прежнего и плотского общения не познает с несомненностью в душе своей общения с небесным, вместо видимой радости мира сего не будет иметь внутри себя радости духа и утешения небесной благодати, и не примет в душу, по написанному, Божественного насыщения, *внегда явится ему славе Господней* (ср.: Пс. 16, 15), — одним словом, вместо сего временного наслаждения не приобретет ныне еще в душе своей вожделенного нетленного услаждения, то стал он солию обуявшею, он жалок паче всех людей, и здешнего лишен, и Божественным не насладился, не познал по действию Духа во внутреннем своем человеке Божественных тайн (прп. Макарий Египетский, 67, 310—311).

***

Есть два рода утешения, которые, по-видимому, противоположны между собою, но взаимно много подкрепляют друг друга... Один состоит в том, когда мы говорим, что некоторые люди много пострадали: душа делается спокойною, если находит многих соучастников своих страданий... Другой состоит в том, когда мы говорим: ты немного пострадал: такими словами мы ободряемся, возбуждаемся и делаемся более готовыми — терпеть все. Первое успокоивает изнуренную душу и доставляет ей отдых: а второе возбуждает ее от лености и беспечности и отклоняет от гордости (свт. Иоанн Златоуст, 55, 240—241).

***

Не многого утешения требует тело, — попекись о сем утешении; потому что до времени связан ты с телом, чтобы и его иметь содейственником в делании добродетели и чтобы не встретило препятствия преуспеяние души (прп. Нил Синайский, 90, 248—249).

***

Как плачущей вдове утешителями служат сыновья, так падшей душе утешение — подвижнические труды, которые рассеивают помыслы отчаяния, углубляют верующее покаяние, провозглашают милосердие Христово и заглаждают содеянные грехи (прп. Нил Синайский, 90, 292).

***

Всякий грех оканчивается запрещенным наслаждением, а всякая добродетель — духовным утешением. И как первый возбуждает (приводит в движение, раздражает) свойственников своих, так последняя — сродниц своих (прп. Марк Подвижник, 89, 524).

***

Когда ум начнет ощущать благодатное утешение Святого Духа, тогда и сатана свое влагает в душу утешение в кажущемся сладким чувстве, во время ночных успокоений, в момент тончайшего некоего сна (или засыпания). Если в это время ум окажется держащим в теплейшей памяти святое имя Господа Иисуса, и как верным оружием против прелести, воспользуется сим пресвятым и преславным именем, то лукавый обольститель оный тотчас удаляется, но

за то возгорается наконец бранью против души своим лицом (а не помыслами). Так ум, точно распознавая обманчивые прелести лукавого более и более преуспевает в различении духовных вещей (блаж. Диадох, 91, 23).

***

Благое утешение бывает или в бодрственном состоянии тела, или при погружении его в сон, когда кто в теплом памятовании о Боге как бы прилеплен бывает любовью к Нему; а утешение обманчивое, прельстительное... бывает всегда в то время, как подвижник приходит в тонкое некое дремание, или забытье, при памятовании о Боге посредственном. То́, происходя от Бога, явно влечет души подвижников благочестия в любви Божией в сильном излиянии душевных чувств; а это обыкновенно обвевает душу некиим ветром обманчивой прелести и во время сна телесного покушается похитить чувство вкушением чего-то приятного, несмотря на то что ум в известной мере здравствует в отношении к памятованию о Боге. — Итак, если... ум окажется в такое время трезвенно памятующим о Господе Иисусе, то тотчас рассеивает это обманчиво кажущееся приятным дыхание врага, и с радостию выступает на борьбу с ним, имея готовое против него оружие, по благодати, в прехвальной опытности своей духовной (блж. Диадох, 91, 23—24).

***

...*Блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5, 4). Ибо от плача приходит человек к душевной чистоте. Посему Господь, сказав: *яко тии утешатся,* не объяснил, каким утешением. Ибо, когда монах сподобился с помощью слез прейти область страстей и вступить на равнину душевной чистоты, тогда сретает его таковое утешение.

Посему если кто из получивших утешение здесь прострется на сию равнину, то на ней встретит утешение, необретаемое здесь, и уразумевает тогда, какое получает конец плача утешение, какое плачущим дает Бог за чистоту их; потому что непрестанно плачущий не может быть тревожим страстями (прп. Исаак Сирин, 58, 98—99).

***

Жизнь вечная есть утешение в Боге; и кто обрел утешение в Боге, тот почитает излишним утешение мирское (прп. Исаак Сирин, 58, 166).

***

...Хорошо сказал один из мужей богоносных, что для верующего любовь к Богу — достаточное утешение даже и при погибели души его. Ибо, говорит он, какой ущерб причинят скорби тому, кто ради будущих благ пренебрегает наслаждением и упокоением? (прп. Исаак Сирин, 58, 178).

***

И пока человек в сердце своем не приведет в бездействие попечения о житейском, кроме необходимых потребностей естества, и не предоставит заботиться о сем Богу, дотоле не возбудится в нем духовное упоение, и не испытает он того утешения, каким утешался Апостол (см.: Гал. 2, 20; 2 Кор. 12, 3—4) (прп. Исаак Сирин, 58, 289).

***

Кто может с радостью перенести обиду, даже имея в руках средство отразить ее, тот принял утешение от Бога по вере в Него (прп. Исаак Сирин, 58, 292).

***

Кто обнищает ради Бога, тот бывает утешен истинным Его богатством. Уничижай себя ради Бога, и не узнаешь, как умножится слава твоя (при. Исаак Сирин, 58, 302).

***

Богатство монаха — утешение, находимое в плаче, и радость от веры, воссиявающая в таинницах ума (прп. Исаак Сирин, 58, 306).

***

Соразмерно с искушениями определены Богом и дарования по Его премудрости, которой не постигают созданные Им. Итак, по жестоким скорбям, посылаемым на тебя Божиим Промыслом, душа твоя постигает, какую прияла она честь от величия Божия. Ибо по мере печали бывает и утешение (прп. Исаак Сирин, 58, 388).

***

Терпение есть матерь утешения и некая сила, обыкновенно порождаемая широтою сердца (прп. Исаак Сирин, 58, 391).

***

...По мере смиренномудрия дается тебе терпение в бедствиях твоих; а по мере терпения облегчается тяжесть скорбей твоих, и приемлешь утешение; по мере же утешения твоего увеличивается любовь твоя к Богу; и по мере любви твоей увеличивается радость твоя о Духе Святом (прп. Исаак Сирин, 58, 392).

***

Если терпение возрастает в душах наших — это признак, что приняли мы втайне благодать утешения (прп. Исаак Сирин, 58, 411).

***

Как мать, имеющая безобразного сына, не только не гнушается им и не отвращается от него, но и украшает его с любовью, и все что ни делает, делает для его утешения, так и святые всегда покрывают, украшают, помогают, чтобы и согрешающего со временем исправить, и никто другой не получил от него вреда, и им самим более преуспеть в любви Христовой (прп. авва Дорофей, 29, 86).

***

Истинное умиление есть болезнование души, которая не возносится, и не дает себе никакого утешения, но ежечасно воображает только исход свой из сего мира; и от Бога, утешающего смиренных иноков, ожидает утешения, как прохладной воды (прп. Иоанн Лествичник, 57, 80).

***

Утешение есть прохлаждение болезнующей души, которая, как младенец, и плачет внутренне, и вместе радостно улыбается (прп. Иоанн Лествичник, 57, 85).

***

Милости Божией сподобляются работающие Богу, а утешения — любящие Его... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 180).

***

Если желаем всегда вкушать утешение и отраду, будем соблюдать заповеди... (прп. Феодор Студит, 92, 376).

***

...Старайся никого не опечалить ни словом, ни делом, напротив, даже тех, которые опечалены другими, утешай, сколько можешь (старец Симеон Благоговейный, 93, 75).

***

Сердце наше непрестанно жаждет и ищет утех и наслаждений. Ему следовало бы находить их внутренним порядком, содержа и нося в себе Того, по образу Коего создан человек, самый источник всякого утешения. Но когда в падении отпали мы от Бога себя ради, то не удержались и в себе, а ниспали в плоть, через нее вышли вовне и там начали искать себе радости и утех. Проводниками и руководителями в сем стали наши чувства. Через них душа исходит вовне, вкушает вещи, подлежащие испытанию каждого чувства, и теми, кои услаждают сии чувства, услаждается сама, и из совокупности их составляет себе круг утех и наслаждений, во вкушении коих полагает свое первое благо. Порядок, таким образом, извратился: вместо Бога внутри сердце ищет сластей вне и ими довольствуется (прп. Никодим Святогорец, 70, 81—82).

***

Один Бог да будет для тебя сладчайшим утешением, все же другое — горечью (прп. Никодим Святогорец, 70, 271).

***

...Скорби и болезни покаяния заключают в себе семя утешения и исцеления... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 202).

***

Когда благодатное утешение действует при таинственном познании Христа и Его смотрения, тогда христианин не осуждает ни иудея, ни язычника, ни явного беззаконника, но пламенеет ко всем тихою, непорочною любовию (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 140).

***

Перед утешением, доставляемым Божественною благодатию, ничтожны все радости, все наслаждения мира... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 179).

***

Земная жизнь христианина растворена утешениями и искушениями. Так устроил Промысл Божий! Утешения поддерживают на пути Божием, а искушения упремудряют (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 454).

***

Очень жалею об усилении ваших немощей. Но в утешение вам что сказать? Терпите, да терпите! И еще: благодушествуйте! Восставьте веру в то, что все от Бога и все во благо нам, хотя мы ясно того не видим. К невидимому — то и потребна вера, а к видимому — к чему вера? Господь да смилуется над вами! Господь да утешит вас

утешением внутренним — невидимым. Господь да уврачует вас и Матерь Его Премилосердная и Ангел-хранитель. Поминайте страждущих и утешайтесь их терпением. Поминайте гонимых, мучимых и теснимых, и их терпением воодушевляйтесь (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 32).

***

Очень жалею о ваших потерях. Господь да утешит вас! Ищете у меня утешения по прежним случаям. Очень рад утешить вас. Но ведь одна и та же песня во второй и третий раз уж не оставляет того впечатления, какое сделано в первый. А в настоящих ваших скорбях ничего нельзя придумать нового, все та же речь: предайте себя и все свое в руки Божии, и с Его определениями согласуйтесь вседушно — всем сердцем. Тогда тень скорби, покрывающая случай, начнет редеть, и не дивно, что совсем рассеется. Как это? — сквозь прискорбное узреем Благого — и на сей век, и на будущий. Сие да дарует Господь узреть уму вашему и почувствовать сердцем. Молитесь! Господь изольет вам в сердце потребное утешение (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 79).

***

Нашли ли вы лично для себя где-либо утешение? Господь да утешит вас! Господь есть Отец утехи. И как Он везде есть, то везде, стало быть, утешение готово от Него. Дело за приемлющими, а не за Дающим. Правда, чтобы и принять, от Него же научиться надо. Но Он всем готов и это сообщить. Близ Господь сокрушенным сердцем. Дитя все плачет, пока не найдет сосцов матери. Как только найдет, тотчас и замолчит. Дай нам, Господи, найти — и замолчать! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 10).

***

Откройте... <Богу> смиренное сердце, и согреетесь (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 126).

***

Отрады и утешения не суть окончательное свидетельство о добром настроении. Главное — решимость и ревность Богу угождать, дух сокрушен и сердце сокрушенно и смиренно, и предание себя в волю Божию. Когда сие есть — добре (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 210).

***

Поздравляю с принятием Святых Христовых Таин. Да будет сие для вас источником утешения, укрепления, вразумления и воодушевления на подвиги великопостного образа жизни по силам вашим (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 210).

***

Трудитесь в молитве. Она источник утешения, мыслей просветление и доброго нрава утверждение (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 13).

***

Церковь — утешение ваше. Благодарение Господу, дающему вам ощущать благотворность пребывания в церкви. Святой Златоуст часто поминает, что можно и дома помолиться; но так помолиться, как в церкви, дома не помолишься (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 90).

****

«Изнемогая под тяжестью душевной брани, я, — повествует монах Троице-Сергиевой Лавры Исаакий, — не находил себе покоя души. Однажды я, недостойный, принял смелость в молитве своей просить у Господа для успокоения грешной души моей небесное знамение, какое Ему будет угодно ниспослать... Наступил третий Спас. Я, недостойный, пришел к поздней Литургии в Успенский собор и встал на своем обычном месте. Вдруг сердце мое наполнилось каким-то неописуемым чувством мира и покоя. Началось в храме чтение часов. В это время вижу: главный купол собора начал наполняться какою-то светоносною росою и благоуханием. В начале Литургии свет усилился. При чтении же Апостола он в куполе заблистал ярче, а при чтении Евангелия уже весь собор был полон солнцевидным светом. При пении Херувимской песни при открытии Царских врат в них появилась чудесная святая плащаница, на которой плоть Христа Спасителя была как живая и столь прекрасная, что смотрел бы на нее и никогда бы не насмотрелся. Душа моя тогда преисполнилась радости небесной. Я в эти мгновения забыл о себе, не давая отчета, где я. Плащаница была видна в Царских вратах до последнего появления Святых Даров. Со словами предстоятеля: «Всегда, ныне и присно и во веки веков» плащаница вошла в алтарь, и на этом мое видение окончилось. Я забыл обо всем земном от созерцания света Христова и несколько дней был в великой радости» (114, 60—61).

Ф

ФАРИСЕЙСТВО

Мы уподобляемся фарисеям; посты, бдения и тому подобное, может быть, и имеют некоторые из нас и часто с некоторым ведением, но рассуждения не имеем, потому что не хотим быть внимательными к себе и познать, что есть искомое нами. Не хочет кто-либо (из нас) пребывать во внимании помыслам, дабы приобрести опытность от многих браней и искушений, и сделаться, может быть, для других искусным мореплавателем, если не кормчим. Но как видно, будучи слепыми, по примеру фарисеев, говорим, что мы видим. *Сего ради*, сказано, *лишшее пришмут осуждение* (ср.: Мф. 23, 14) (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 18—19).

***

В толпу людей мирских не вмешивайся, но и фарисею не подражай, который делал все напоказ (прп. Антоний Великий, 89, 104).

***

Крест служит прознаменованием будущего бессмертия, когда им заградятся уста фарисеям и саддукеям. Саддукеи

представляют (собою) образ неверия и безнадежия; фарисеи же — злобы, лицемерия и тщеславия. Ибо сказано в Писании: *не смеяше кто от того дне вопроситн Его* (Иисуса) (ср.: Мф. 22, 46) (прп. авва Исаия, 59, 72).

***

Не превозносись верою и святостию своею; но до последнего издыхания пребывай в страхе (прп. авва Исаия, 59, 92).

***

И аще умножите моление, не услышу (Ис. 1, 15). Да слышат слова сии те, которые не сделали в жизни ничего доброго, но думают оправдаться продолжительностью молитвы. Ибо молитвенные слова не просто полезны, но когда произносятся с усердным расположением. И фарисей, по-видимому, *умножал* моление. Но что говорит Слово? *Став же фарисей, сице в себе моляшеся* (ср.: Лк. 18, 11), — *в себе*, а не к Богу, ибо на себя обращал мысль, так как был во грехах гордыни (свт. Василий Великий, 6, 53).

***

...Не переставай исследовать себя самого, точно ли ведешь ты жизнь по заповеди; но не смотри на внешнее, чтобы можно тебе было найти в ком-нибудь достойное порицания, по примеру этого жестокого и высокомерного фарисея, который стоял, оправдывая себя и уничижая мытаря. Напротив того, не переставай судить себя самого: не согрешил ли ты в чем помышлением? не поползнулся ли на что язык, предваряя мысль? не совершено ли в делах рук твоих что-нибудь необдуманное? И если найдешь много прегрешений в жизни своей (а найдешь, без сомнения, потому,

что ты человек); то скажи словами мытаря: *Боже, милостив буди мне грешному* (ср.: Лк. 18, 13)! (свт. Василий Великий, 8, 38).

***

...Что может быть несчастнее тех, кто подвизаются в добродетели напоказ людям, омрачают лица свои постами и творят молитвы на перекрестках, когда труды они претерпевают, а всякой награды лишаются?.. Ты, видя на своем поприще в качестве подвигоположника Самого Царя ангелов, оставив Его, обращаешься к взорам таких же, как и ты, рабов? Оттого-то ты после бесчисленных состязаний, после многих трудов и уходишь без венца, и без награды отходишь к Подвигоположнику (свт. Иоанн Златоуст, 55, 603).

***

...Если вы, для служения Богу признающие достаточною одну наружность, того, чем хвалитесь, не обратите в самое дело, то Царствие Божие не будет для вас отверсто; потому что Царствие сие истинно и отверзается истинно ищущим его (прп. Исидор Пелусиот, 60, 57).

***

Не фарисейски, а мытарски молись в священном месте молитвы, чтобы и тебе быть оправданным от Господа (прп. Нил Синайский, 90, 220).

***

Как возношение и без другой страсти сильно погубить человека, так и осуждение, одно само по себе, может нас

погубить совершенно; ибо и фарисей оный за сие осужден был (прп. Иоанн Лествичник, 57, 98).

***

Да не будет у вас лукавых соседаний; да не будет два из вас сдружающихся на одно, что лукавно и по-иудейски; да не будет у вас лжесловесия и укрывательства, по-Ананиевски и Сапфировски; да не будет у вас скрытных замыслов и козней злых, по-фарисейски и саддукейски; да не будет у вас: мое, твое, исполненное бесчисленных зол... (прп. Феодор Студит, 92, 174).

***

Фарисей, довольствуясь исполнением наружных обрядов религии и совершением некоторых видимых добрых дел, нечуждых и язычникам, раболепно служит страстям, которые старается постоянно прикрывать, которых в значительной степени не видит в себе и не понимает, которые производят в нем совершенную слепоту по отношению к Богу и всему Божественному учению. Познание, а потому и зрение в себе действия душевных страстей доставляется покаянием, но фарисей для чувства покаяния недоступен (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 416).

***

Фарисей, оставляя исполнение заповедей Божиих, составляющих сущность Закона, стремится к утонченному исполнению наружных мелочей, хотя бы это было с очевидным нарушением заповедей (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 416—417).

***

...На тщеславии-то заквашен фарисей. Он все делает для похвалы человеческой... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 417).

***

Яд, всецело отравляющий деятельность фарисеев, заключается в том, что они *вся дела своя творят, да видими будут человеки* (ср.: Мф. 23, 5). Основание деятельности их есть искание славы человеческой; средство к достижению цели — лицемерство (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 27).

***

Вон святые пишут, что если кто от молитвы не отходит осужденником, достойным всякой кары от Господа, то такой отходит от нее фарисеем (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 77).

***

...Поопаситесь; не сбиться бы на путь хладно ходящих в исправном внешнем поведении, без внутренних чувств, освящающих человека, и благодать Божию привлекающих (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 186).

X

ХРАМ

...Не сокрыто от меня и то, что среди нас <в храме> стоят многие ремесленники, которые, занимаясь художествами рукодельными, с трудом добывают себе пропитание дневною работою; и они-то обсекают у меня слово, чтобы не надолго отвлекаться от работы. Что же скажу им? То, что часть времени, данная взаим Богу, не пропадает, но вознаграждается Им с великим прибытком. Ибо все те обстоятельства, которые способствуют к делу, благоустроит Господь предпочитающим духовное, подав в делах их и крепость тела, и усердие души, и удобство к сбыту работ, и благоуспешность в целой жизни. Но хотя бы в настоящей жизни плоды трудов наших и не соответствовали надеждам, по крайней мере, для последующего века доброе сокровище — учение Духа. Посему отложи из сердца всякое житейское попечение, и весь соберись... сам в себя. Ибо мало пользы, если телом ты здесь, а сердце твое занято земным сокровищем (свт. Василий Великий, 5, 38—39).

***

Всякая тварь, и безмолвная и вещающая, и премирная и земная, славит Создавшего. А жалкие люди, оставив домы

и стекшись в храмы, чтобы получить там некоторую пользу, не преклоняют слуха к словесам Божиим, не приходят в сознание своей природы. Не скорбят о том, что ими обладает грех, не скорбят, приводя на память себе грехи свои, не трепещут суда, но, с улыбкой простирая друг к другу руки, дом молитвы делают местом длинных бесед, не внимая псалму, который свидетельствует и говорит, что в храме Божием *всякий глаголет славу* (Пс. 28, 9)(свт. Василий Великий, 5, 212).

***

Вошедши в дом Божий, не будем парить умом; напротив того, внутренний человек наш да займется созерцанием и молитвою (прп. Ефрем Сирин, 30, 138).

***

...Не будем так худо относиться к самим себе, но будем предпочитать пребывание здесь <в храме> всем занятиям и заботам (свт. Иоанн Златоуст, 44, 602).

***

...Мы ходим в церковь не для того только, чтобы побывать здесь, но чтобы вынести отсюда великую и духовную пользу (свт. Иоанн Златоуст, 45, 82).

***

Шум и гнев <в храме> служат оскорблением предложенной Жертвы (свт. Иоанн Златоуст, 45, 404).

***

...Бог устроил церкви в городах, как пристани на море, дабы мы, прибегая сюда от бури житейских смятений,

наслаждались величайшею тишиною... Здесь <в храме> не нужно бояться ни бурного движения волн, ни нападения разбойников, ни нашествия злодеев, ни силы ветров, ни засады зверей; это — пристань свободная от всего такого; это — духовная пристань душ (свт. Иоанн Златоуст, 45, 405).

***

Кто приходит сюда <в храм> с верою и усердием, тот выходит с бесчисленными сокровищами; как только он откроет уста, тотчас исполняет присутствующих всяким благоуханием и духовным богатством; и хотя бы постигли его бесчисленные бедствия, он все перенесет легко, получив здесь от Божественных Писаний достаточное побуждение к терпению и любомудрию... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 564).

***

...Приходи в церковь не на целый день, а на короткое время, получи духовные наставления, чтобы тебе не получить ран, не с тем, чтобы укорять других, но чтобы обратить и торжище в церковь. Приди, получи оружие, чтобы тебе с оружием не получить смертельной раны. Стань в строю, только вооруженный, стань на святом месте, только с чистыми очами, войди в пристань, только со тщанием управляя кораблем. Этому ты можешь научиться здесь; но ты не хочешь этого, а выходишь в строй мирской, не облекаясь в оружие заповедей Божиих. Размысли, сколько великое дело — выйти из церкви, научившись пренебрегать все человеческое, попирать ногами скорби и становиться выше удовольствий, не превозноситься последними и не изнуряться первыми (свт. Иоанн Златоуст, 48, 561—562).

***

Следуйте же <в храме> тихими шагами, в совершенном молчании. Никто не входи сюда с житейскими заботами, никто — с рассеянностью и смущением, но оставим все это за первыми дверями, и таким образом все войдем сюда. Мы входим в Царские Чертоги небесные, вступаем в светлые области, внутри они исполнены великого молчания и неизреченных тайн (свт. Иоанн Златоуст, 49, 392).

***

Если царские грамоты прочитываются в театре, когда наступает полная тишина, то тем более в этом граде <храме> должны все утихнуть и стоять с напряженною душою и слухом, потому что здесь будут читаться повеления не земного царя, а Владыки ангелов. Если мы так себя расположим, то сама благодать Духа вернейшим образом укажет нам путь, и мы придем к самому Царскому Престолу и получим все блага по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 16).

***

...Мы часто собираем вас сюда <в храм> не для того, чтобы вы только приходили сюда, но для того, чтобы вы получили и какие-нибудь плоды от пребывания здесь. Если же вы будете выходить отсюда без всякого плода, то, хотя бы вы всегда ходили сюда, ваше хождение и присутствие ничего не будет значить (свт. Иоанн Златоуст, 50, 119).

***

Вы и здесь <в храме> поступаете, как на торжище; и когда говорит Сам Бог, не только не слушаете слов Его

в молчании, а занимаетесь разговорами совсем о других предметах. И пусть бы вы занимались тем, что касается вас самих, нет — вы говорите и слушаете то, до чего вам и дела нет. Вот о чем я плачу и не перестану плакать! (свт. Иоанн Златоуст, 50, 359).

***

Если бы можно было видеть, о чем говорят за всяким священным собранием <в храме> мужи, жены, — то ты увидел бы, что слова их гаже всякого навоза. Потому умоляю, оставьте этот худой обычай, чтобы церковь могла благоухать миром. Мы наполняем ее ныне только чувственным фимиамом, а о том, чтобы изгнать и истребить духовную нечистоту, и не заботимся. Что же в том пользы? Поистине не столько бесчестим мы церковь, когда заносим в нее навоз, сколько оскверняем ее тогда, когда разговариваем в ней друг с другом о барышах, о торговле, о корчемстве, о том, что совсем неприлично нам, тогда как нужно было бы здесь присутствовать ликам Ангелов, церковь делать небом, и ничего другого не знать, кроме сердечных молитв, молчания и внимания (свт. Иоанн Златоуст, 50, 874—875).

***

Пусть же никто в церкви не печется о делах домашних; напротив, пусть и в доме размышляет о предметах церковного учения (свт. Иоанн Златоуст, 51, 20).

***

В церковь все приходят только для того, чтобы поглазеть; но от нас требуется не это — нам нужны дела и

чистая душа. Если же ты весь день истратишь на любостяжание и потом, придя (в церковь), скажешь несколько слов, то не только не умилостивишь Бога, но еще более раздражишь Его (свт. Иоанн Златоуст, 51, 554).

***

...Старайтесь не о том только, чтобы приходить в церковь, но чтобы уходить и домой, получив какое-нибудь врачевство против своих страстей, чтобы если не от нас, то от Писаний заимствовать соответственные врачевства (свт. Иоанн Златоуст, 52, 269).

***

...Не позволяется сказать в церкви даже слова близ стоящему, хотя бы кто встретил давно невиденного друга, но делается это вне, — и весьма справедливо. Церковь не цирюльня, не лавка с благовониями, не мастерская, подобная находящимся на торжище, но место Ангелов, место Архангелов, Царство Божие, самое небо. Если бы кто-нибудь отверз небо и ввел тебя в него, то ты не осмелился бы разговаривать, хотя бы увидел отца, хотя бы брата; так точно и здесь не должно говорить ни о чем другом, кроме предметов духовных, потому что и здесь небо. Если не веришь, то посмотри на эту Трапезу, вспомни, для кого и для чего она поставлена, подумай, Кто приходит сюда, и страшись даже прежде времени. Кто увидит только трон царя, тот возбуждается в душе своей, ожидая выхода царя; так точно и ты, еще прежде страшного времени, страшись и бодрствуй, и еще прежде, нежели увидишь поднятые завесы и предшествующий сонм Ангелов, возносись к самому небу (свт. Иоанн Златоуст, 53, 373—374).

***

Ты не понимаешь того, что говорится <и поется в храме>? Молись же, чтобы тебе понять; или, лучше сказать, невозможно, чтобы ты не понимал всего, потому что многое само по себе понятно и ясно; или, лучше, хотя бы ты не понимал всего, и в таком случае следует молчать, чтобы не изгнать слушающих внимательно и чтобы Бог, видя твое молчание и благоговение, сделал неясное для тебя ясным. Но ты не можешь молчать? Тогда выйди вон, чтобы не причинять вреда другим. В церкви всегда должен быть слышим один голос, так как она есть одно тело (свт. Иоанн Златоуст, 53, 375).

***

Храм есть жилище, принадлежащее только Богу; здесь обитают любовь и мир, вера и целомудрие (свт. Иоанн Златоуст, 53, 897).

***

Один скажет острое слово, и смех тотчас распространяется между сидящими; и к удивлению, даже во время самой молитвы многие не перестают смеяться; диавол всюду торжествует, всех связал, всеми обладает; Христос бесчестится и изгоняется; церковь ставится ни во что (свт. Иоанн Златоуст, 55, 141).

***

По выходе из церкви не рассеивайтесь умом своим по суетным и бесполезным вещам, чтобы диавол, пришедши и нашедши вас занятыми такою суетою, не похитил тотчас из сердец ваших памятования слышанных вами в церкви душеполезных словес, как птицы расхищают семена пшеницы, трудолюбно посеянные на поле, но еще не сокрытые в

землю, — и вы опять не остались пустыми от спасительного учения (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 192).

***

...<В храме должно> великое иметь внимание ко всему последованию службы, внимая шестопсалмию, Псалтири и положенным чтениям из отцев; причем пусть не позволяет себе распускать члены тела своего и стоять бесчинно или прислоняться к стенам и колоннам; руки надобно... иметь впереди, благоговейно сложивши, и ногами стоять на полу обеими ровно, голову держать неподвижно, не обращая ее туда и сюда, но наклонив долу; умом пусть не рассеивается, не любопытствует, что делает тот или другой, и не подвигается к нерадивцам, которые тайком говорят и шепчутся между собою, — но пусть хранит очи свои и душу свою от блуждания туда и сюда и сколько можно напряженно внимает одной молитве, чтению, поемым тропарям и читаемым словесам Божественного Писания, не пропуская без пользы ни одного слова и заботясь питать всем этим душу свою, чтобы, пришедши в сокрушение и смирение, восприяла она просвещение от Святаго Духа (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 209—210).

***

Положи... для себя в неизменное правило — никогда не выходить из церкви прежде, чем иерей скажет самую последнюю молитву (т. е. отпуст), без крайней какой нужды или потребности телесной, но всегда с терпением простаивать до конца на своем месте, как говорит Божественное Писание: *претерпевый до конца, той спасен будет* (ср.: Мф. 10, 22). За это сначала будешь ты получать помощь от Бога, не чувствуя того сам, потом со временем

станешь ощущать сию Божию помощь и чувством души твоей, а спустя немного после этого будешь зреть ее в Божественном некоем просвещении (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 211).

***

Когда кончится служба утренняя, ты, по выходе из церкви, не заводи праздных разговоров с тем или другим, и умом своим на рассеивайся туда и сюда, но спеши прямо в келью свою и там, совершив определенную тебе для сего молитву, берись или за свое рукоделие, или за данное тебе послушание, или за чтение (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 211).

***

...Есть такие <люди>, которые, приходя в священную церковь, однако, не восходят, но, правильнее будет сказать, понижают представляющую небо церковь; это — те, которые приходят в храм ради встречи и разговоров друг с другом, и товары выставляют и заказывают; ибо они подобны друг другу; потому что одни — товары, а другие, слова выставляя, обмениваются друг с другом (одни — словами, другие — товарами); и как одних некогда Господь решительно изгнал из оного храма, говоря им: *храм Мой, храм молитвы наречется: вы же сотвористе его вертеп разбойником* (ср.: Мф. 21, 13), — так и других Он отверг сим выражением, показывая, что это — не восходящие в церковь, хотя бы и ежедневно приходили (свт. Григорий Палама, 26, 22—23).

***

...Что нам сказать о тех, которые не в молчании предстоят, не участвуют в воспевании славословий, но разго-

варивают друг с другом, и нашу словесную службу Богу смешивают с какими-то праздными разговорами, и сами не слушают священные и боговдохновенные слова, и желающим слушать — мешают? Доколе, о, вы — такие люди! — будете хромать на оба колена, как сказал бы фесвитянин Илия, — желающие одновременно участвовать и в молитвах и в неблаговременных, земных разговорах и не исправляющие друг друга, как это подобало бы, но взаимно всячески губящие друг друга, лучше же сказать — сами друг другом уничтожаемые? Доколе не удержитесь вы от суетных слов, но дом молитвы будете делать домом торговли или вести страстные разговоры, дом, в котором произносятся и воспринимаются слухом словеса жизни вечной? Эту вечную жизнь мы, с нашей стороны, просим у Бога с непостыдной надеждой; а, со стороны Бога, она даруется тем, которые всей душою и всем помышлением молят о ней, — но не тем, которые даже, так сказать, и не полный язык подвигают к молитве. Ныне у нас, братие, жертва приносится не через огонь, как при Моисее, но словом совершается. Посему, в то время как огнем возносимая Богу жертва воспринималась, приносившие вне чуждый огонь, вместе с Кореем восставшие против Моисея, были сожжены священным огнем, возгоревшимся против них (см.: Чис. 16, 1—33).

Убоимся же и мы, чтобы, привнося внешние чуждые слова на сем Священном Божественном Жертвеннике, я говорю о Церкви, не стать нам вконец осужденными сущими в ней Божественными словами, отсюда делая сами себя достойными изречения проклятия и осуждения. О, убоимся, молю, и доколе пребываем здесь, со страхом предстоя Богу, будем приносить моления; выходя же отсюда, покажем с этих пор изменение в образе жизни на лучшее... (свт. Григорий Палама, 26, 102—103).

***

...Храм является образом Его Гроба <Христа>; лучше же сказать — и более чем — образом: иначе, быть может только представляя его. Ибо и он имеет место, где лежит Тело Владычнее, во внутреннем помещении за завесой, где находится и всесвященная Трапеза. Так что тот, кто внутренно прибегает к сему Божественному, воистину и Боговместимому Гробу, и приседит, и пребывает до конца, сосредоточивая и простирая к Богу свои мысли, тот не только познает в сем боговдохновенные слова Писания, как бы неких Ангелов, возвещающих о Божестве и Человечестве воплотившегося нас ради Божиего Слова, но и ясно узрит мысленными очами Самого Господа; скажу даже — и телесными: ибо с верою взирающий на Таинственную Трапезу, и почивающий на ней Хлеб Жизни, видит Самое Воипостасное (Сущее) Слово Божие, Которое стало Плоть и возобитало среди нас; и если сделает себя достойным, чтобы Оно возобитало в нем, то не только увидит, но и сделается участником Его, и имеет Его обитающим в себе, и исполняется подаваемой Им Божественной благодати; и как оная Мария увидела то, что Апостолы жаждали увидеть; так и сей человек удостоивается видеть и насладиться тем, *во что*, по выражению Апостола, *желают Ангелы проникнуть* (ср.: 1 Пет. 1, 12), и через созерцание сего и причастие весь становится боговидным (свт. Григорий Палама, 26, 212).

***

Кто во время земной жизни будет по возможности часто посещать храм Божий, как бы жить в нем, тот, разлучившись с телом, весьма удобно перейдет для вечного празднования в небесный, нерукотворенный храм... (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 178).

***

Церковные молитвословия содержат в себе пространное христианское догматическое и нравственное богословие: посещающий неупустительно церковь и тщательно внимающий ее чтению и песнопению, может отчетливо изучиться всему нужному для православного христианина на поприще веры (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 181—182).

****

«Авва Маркелл Фиваидский, намереваясь идти в воскресенье к службе, приуготовлял себя и часть Писания выучивал наизусть, — вспоминал его ученик. — И когда стоял за службой, грудь его была омочена слезами, ибо говорил, что, когда совершается служба, он видит всю церковь как бы огненной, а когда оканчивается служба, опять удаляется огонь» (98, 404).

***

В Печерском монастыре жил монах по имени Эразм. Он имел большое богатство, но все его истратил на церковные нужды, так что дошел до последней нищеты, и все стали пренебрегать им. И стал он отчаиваться, что не получит награды за истраченное богатство, потому что в церковь, а не на милостыню раздал его. Диавол вложил ему это в сердце. И стал он нерадеть о житии своем, во всяком небрежении и бесчинстве дни свои проводил. Однажды разболелся он так сильно, что перестал говорить, лежал с открытыми глазами, едва дышал. Так пробыл он семь дней, а на восьмой пришли к нему братия и, видя его страшное состояние, удивлялись и говорили: «Горе, горе душе брата сего! Жила она в лености и во всяком грехе, а теперь вот мятется и не может выйти». Эразм же встал, как будто никогда и болен не был, сел и начал говорить им: «Отцы

и братия, истинно так: грешен я, как вы сами знаете, и не покаялся даже доныне. Но вот явились мне святые Антоний и Феодосий и сказали: «Мы молились Господу, и Он дал тебе время покаяться». И вот увидел я Пресвятую Богородицу: Она держала на руках Сына Своего, Христа Бога нашего, и все святые были с Нею. И сказала Она мне: «Эразм, за то, что ты украсил церковь Мою и иконами возвеличил ее, и Я тебя прославлю в Царстве Сына Моего. Нищих же вы всегда имеете с собой (см.: Мф. 26, 11). Только, вставши от болезни, покайся и прими великий ангельский образ: в третий день Я возьму тебя к Себе, чистого, возлюбившего благолепие дома Моего».

И, сказав это, Эразм начал перед всеми исповедовать соделанные им грехи, не стыдясь, а радуясь о Господе. Потом он встал, пошел в церковь и пострижен был в схиму; в третий же день отошел ко Господу в добром исповедании (100, 48—50).

***

Однажды, стоя в храме, отец Лаврентий Глинский почувствовал сильный удар в ноги, потом в бока, в спину и, наконец, в голову. Видя козни злого духа, старец просил братию поддержать его. При каждом ударе ему приходил помысл идти в келью или больницу, получить помощь и отдохнуть, но другой, внутренний голос говорил ему: «Не лучше ли на молитве остаться? Лучше умереть в храме, нежели на койке, а то пойдешь и дорогой умрешь, к чему будет твоя ходьба?» Прошло четверть часа борьбы. Подвижник решил умереть, но не оставлять храма, и Господь сторицею наградил его небесным утешением за победу. Болезнь прошла, сердце Лаврентия исполнилось неизреченного веселия. «Такого отрадного чувства я никогда не имел, — говорил он, — и если бы служба совершалась

двадцать часов, я бы согласился стоять, лишь бы меня не покидала та небесная радость» (96, 363).

ХРИСТИАНИН

...Смотри, подобно страннику на чужой стороне, не приготовляй себе ничего более, как сколько тебе необходимо для жизни; и будь готов к тому, чтобы, когда господин этого города захочет изгнать тебя из него за то, что не повинуешься закону его, — выйти тебе в свое отечество и жить по твоему закону беспечально и радостно (св. Ерм, 94, 201).

***

Ничто не сокрыто от Господа, напротив, и тайны наши близки к Нему. Посему будем все делать так, как бы Он Сам был в нас, чтобы мы были Его храмами, а Он был в нас Богом нашим, как Он и действительно есть и некогда явится перед лицом нашим, потому мы справедливо и любим Его (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 276).

***

Стойте в... добродетелях и следуйте примеру Господа: будьте тверды и непоколебимы в вере, храните братство во взаимной любви и единении истины, оказывайте друг другу кротость Господа, никого не презирая. Когда можете благотворить, не откладывайте этого, ибо *милостыня избавляет от смерти* (ср.: Тов. 4, 10). Все будьте уступчивы друг другу, чтобы *поведение ваше было безупречно среди язычников* (ср.: I Пет. 2, 12), и таким образом, и вы получили похвалу за свои добрые дела, и имя Господне не подверглось из-за вас хулению. Горе же тому, кем хулится имя Господне! Итак, всех учите умеренности и воздержа-

нию, в котором, впрочем, вы и живете (сщмч. Поликарп Смирнский, 94, 325—326).

***

...Мы не можем уже более оставаться и быть христианами, когда... боимся угроз и нападения потерянных <отлученных от Церкви> людей... (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 250).

***

Неприлично христианину... гоняться за славою и почестями плотскими, а надлежит внимать Слову Божию и в нем искать благ, вовеки пребывающих... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 132).

***

Как диавол не есть Христос, хотя и обманывает Его именем, так и христианином не может почитаться тот, кто не пребывает в истине Его Евангелия и веры (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 189).

***

Содержите в мысли, что вы будете испытываемы какими-нибудь братиями, посредством поношения и неправд, или подвергнитесь унижению от сотрудников своих. Почему, когда случится с вами что подобное, стойте твердо, не бойтесь, не унывайте, но благодарение воссылайте Господу за все это, потому что без Него ничего подобного не случается, а Им попускается по той причине, что испытывать брани необходимо для рабов Божиих: ибо кто не будет испытан от благости Божией искушениями, трудами, скорбями и бедствиями, пока навыкнет с терпением устаивать в

добре во всех случаях, тот не получит от Него чести (прп. Антоний Великий, 89, 53).

***

Если мы имеем печать Святого крещения, то позаботимся возненавидеть грехи свои, дабы обрести милость в день Суда (прп. авва Исаия, 59, 210).

***

...Слову предан человек как Врачу, чтобы уврачевать от угрызения змия; как Жизни, чтобы воскресить мертвого, как Свету, чтобы озарить тьму; и сущему Слову, чтобы обновить словесную тварь (свт. Афанасий Великий, 1, 269).

***

...Должно нам сообразовать житие свое с житием святых и отцев, и им подражать, а также знать, что, уклоняясь от образа их жития, делаемся чуждыми и общения с ними (свт. Афанасий Великий, 2, 6).

***

Не может стать учеником Господним, кто пристрастен к чему-нибудь настоящему, или терпит при себе что-либо хотя мало отвлекающее от Божией заповеди (свт. Василий Великий, 7, 309).

***

Каковы, по требованию Божиего Слова, должны быть христиане.

...<Они> как овцы Христовы, которые слушают единственно голоса собственного своего Пастыря и за Ним

последуют. *Овцы Моя гласа Моего слушают, и Аз знаю их, и по Мне грядут* (Ин. 10, 27). И выше: *по чуждем не идут, но бежат от него, яко не знают чуждаго гласа* (Ин. 10, 5).

<Они> как розги Христовы, которые во Христе укоренены, в Нем плодоносны, и делают и имеют все то, что Христу свойственно и Его достойно. *Аз есмь лоза, вы же рождие* (Ин. 15, 5).

<Они> как члены Христовы, которые во всяком действии заповедей Господних или даровании Святаго Духа совершенны, соответственно достоинству Главы, которая есть Христос. *Не весте ли, яко телеса ваша удове Христовы суть* (1 Кор. 6, 15)...

<Христианская душа> как невеста Христова, которая соблюдает чистоту, сообразуясь с единою волею Жениха. *Имеяй невесту жених есть* (Ин. 3, 29). *Обручив бо вас единому мужу деву чисту представити Христову* (2 Кор. 11, 2).

<Христиане> как Божии храмы, которые святы, чисты и наполнены единственно тем, что принадлежит к служению Богу. *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему пришедет, и обитель у него сотворима* (Ин. 14, 23)...

<Христиане> как жертва Богу нескверная и беспорочная, которая во всех членах и частях сохраняет здравое благочестие. *Молю убо вас, братие, щедротами Божиими, представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше* (Рим. 12, 1).

<Они> как чада Божии, которые преобразуются в образ Божий по мере, дарованной человеку... *Чадца Моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. 4, 19).

<Они> как свет в мире; почему и сами не допускают в себя греха, и приближающихся к ним просвещают в по-

знание истины, чтобы они стали, чем должны быть, или обличились, что они такое. *Вы есть свет мира* (Мф. 5, 14). *В нихже являетеся якоже светила в мире* (Флп. 2, 15).

<Они> как соль в земле; почему вступающие с ними в общение обновляются духом в нетление. *Вы есте соль земли* (Мф. 5, 13).

<Они> как слово жизни; почему мертвостию к настоящему уверяют в надежде истинной жизни. *В нихже являетеся якоже светила в мире, слово животно придержаще, в похвале мне в день Христов* (Флп. 2, 15—16) (свт. Василий Великий, 7, 412—414).

***

...<Христиане> — образец и правило благочестия, чтобы в последующих Господу производить во всем прямизну, а в непокоряющихся чему бы то ни было обличать уклонение... (свт. Василий Великий, 7, 415).

***

Что свойственно христианину? Каждый день и час бодрствовать и при совершенном благоугождении Богу быть готовым, зная, что Господь придет в час, в который он не чает (свт. Василий Великий, 7, 418).

***

Что свойственно христианину? Очиститься от всякой скверны плоти и духа Кровью Христовой, творить святыню в страхе Божием и любви Христовой... (свт. Василий Великий, 7, 418).

***

...Если у кого не соблюдается единомыслие, не оберегается союз мира, не сохраняется кротость в духе, находятся же разделение, распря и зависть, то очень дерзко было бы назвать таковых членами Христовыми... (свт. Василий Великий, 9, 9).

***

...В послушании Евангелию потребуется отчет у всех людей — монахи ли они, или живут в супружестве (свт. Василий Великий, 9, 39).

***

Будь соревнователем живущих право, и дела их запиши у себя в сердце (свт. Василий Великий, 9, 50).

***

<Должно> удаляться людей негодных, плотских и суетных; больше думать, а меньше говорить, не быть дерзким в слове, не допускать излишеств в разговорах, не быть смешливым, но украшаться стыдливостью, взор потуплять долу, а душу возносить горе́, на прекословия не отвечать прекословием; быть благопокорну; трудиться своими руками; всегда памятовать о последних, с надеждою радоваться, скорби терпеть, непрестанно молиться, о всем благодарить; перед всеми быть смиренным, ненавидеть высокомерие, быть трезвенным и охранять сердце от лукавых помыслов; через исполнение заповедей собирать себе сокровище на небе; делать себе испытание в ежедневных помышлениях и поступках; не вдаваться в житейские заботы и излишние беседы; не любопытствовать о жизни людей беспечных, но соревновать только жизни святых отцев; сорадоваться, а не завидовать преуспевающим в добродетели; сострадать страж-

дущим, плакать с ними и весьма сетовать о них, но не обвинять их; не делать упреков отвращающемуся от греха... (свт. Василий Великий, 9, 53—54).

***

...Никогда не оправдывать самого себя, признавать себя паче всех грешных перед Богом и перед людьми; вразумлять бесчинных, утешать малодушных, прислуживать недужным, омывать ноги святым, заботиться о странноприимстве и братолюбии... (свт. Василий Великий, 9, 54).

***

<Христианину должно>... не говорить ни о ком худо, не оговаривать, ни даже вообще слушать с приятностью оговоры, не скоро верить тому, что говорят на кого; не отдаваться во власть раздражительности, не покоряться пожеланию; не гневаться на ближнего понапрасну, не держать ни на кого неудовольствия, не воздавать злом за зло... (свт. Василий Великий, 9, 54).

***

...Верному никогда нет времени смеха, и особливо при таком множестве бесчествующих *Бога преступлением закона* (ср.: Рим. 2, 23) и умирающих во грехе, о которых надобно болезновать и плакать (свт. Василий Великий, 9, 194).

***

Христианин должен иметь образ мыслей, достойный небесного звания, и жить достойно Евангелия Христова (свт. Василий Великий, 10, 53—54).

***

Христианину не должно рассеиваться и чем-либо отвлекаться от памятования о Боге, о воле и судах Его.

Христианин, став во всем выше оправданий по закону, не должен ни клясться, ни лгать. Он не должен хулить; не должен обижать; не должен ссориться; не должен мстить сам за себя; не должен воздавать злом за зло; не должен гневаться. Он должен быть долготерпеливым, переносить все что бы то ни было; а кто делает неправду, того обличать благовременно, не со страстным движением, чтобы отомстить за себя, но с желанием исправить брата, по заповеди Господней (свт. Василий Великий, 10, 54).

***

Если кто, приняв имя христианина, предает поруганию Христа, то нет ему пользы в наименовании (свт. Василий Великий, 11, 47).

***

Так должны вести себя верные в настоящей жизни: если случится у нас радость, или по причине успеха, или по причине дарований, будем предполагать, что недалеко от нас печаль. А если пришла на нас печаль, будем ожидать приближения к себе радости. Возьмем в пример плывущих по морю. Когда поднимается на них ветер и сильная буря, не теряют они надежды на свое спасение, но противятся волнам, ожидая тихой погоды, а когда настает тишина, ждут бури и потому всегда бдительны... (прп. Ефрем Сирин, 30, 603).

***

Как борец постоянно проводит время в телесных упражнениях, чтобы приспособить тело свое к искусству

борьбы, так и подвижник благочестия должен упражняться во всяком добром деле... (прп. Ефрем Сирин, 31, 159).

***

...По образу и по подобию Божию создал нас Бог; и всякий христианин обязан соблюдать себя, и хранить, и чтить в себе образ Божий, и святить делами добрыми так, чтобы мог он сказать: да святится во мне имя Твое, Господи! (прп. Ефрем Сирин, 32, 102).

***

Вот благоразумие, вот расположение боголюбивых рабов, если всегда бывают они подражателями Владыке в добрых делах (прп. Ефрем Сирин, 32, 222).

***

...Не светлой одеждой обращай на себя взоры, но в добрых делах да просветится свет твой перед всеми, чтобы прославляем был Господь (см.: Мф. 5, 16) (прп. Ефрем Сирин, 32, 359).

***

Как у плуга, если идет не прямо, дело выходит неправильно, так христианину нужно все, чтобы при всяком случае подвизаться в делании добра (прп. Ефрем Сирин, 32, 398—399).

***

...Кто спасет меня в пришествие Судии, судящего по истине? Не принуждал Он меня насильно работать в винограднике Его; добровольно оставался я в нем целый день, чтобы получить награду; но за леность свою лишен оной.

Итак собственными моими словами будет Он судить меня, потому что сам я провозгласил и наименовал себя делателем Его (прп. Ефрем Сирин, 33, 182).

***

Да понесет выя наша на себе сладостное иго Твое, Господи наш! Видимый крест Твой да будет сокровен во внутренности нашей. Сердце наше да будет твердо и да распинается повседневно. Вместо гвоздей пронзи его заповедями Твоими (прп. Ефрем Сирин, 33, 341).

***

Тебя, Господи, вознесли некогда на древо; теперь каждый должен возносить себя самого на крест любви и вместо гвоздей употребить пост, вместо терний — заповеди (прп. Ефрем Сирин, 33, 342).

***

Пусть будут у нас крест Твой колесницею для членов, а чистые мысли — духовными конями, и как на колеснице, влекомой духами, да восседает на духе нашем слава Твоя! (прп. Ефрем Сирин, 33, 342).

***

...Возжелавший быть действительно Христовым человеком и надеющийся улучить вечные блага обязан с радостью труды и скорби почитать богатством, злострадание вменять себе в упокоение, суровую жизнь в наслаждение, укоризну в честь, оскорбления в славу; потому что это — слава рабов Божиих, последующих своему Господу и покорствующих словам Его.

Подвижник и воин Христов не только должен переносить укоризну, но если встретится и богатство, то ему прилично вменять оное в гной; а если слава и начальство, то не превозноситься и не надмеваться; если похвалы и почести от людей, почитать их незаслуженными; лучше же сказать, что почитается славным, о том скорбеть, а что бесчестно в мире, тому радоваться и тем увеселяться... Как наковальня не уступает ударам и не напечатлевается на ней впадин, но всегда остается сама себе равною, так и желающий быть христианином в различных скорбях и искушениях (как при внешних, людьми причиняемых обидах, или гонениях, или ущербах, или подобном тому, так и при внутренних нападениях духов злобы) да будет сам себе равен, мужественно перенося все, что ни приключится. Твердынею, ограждением и столпом крепости от лица вражия имея всегда Господа, к Нему да прибегает во время брани, если находится в какой-либо вражеской стране, и да скажет: *буди ми, Боже, в прибежище и в место крепко, спасти мя* (ср.: Пс. 70, 3). Так возможет он преодолеть все встречающиеся искушения и скорби, имея всегда перед очами Господа, также веру в Него и упование, подобное твердой уверенности (прп. Ефрем Сирин, 35, 458—459).

***

Для христиан приятнее страдать за благочестие, оставаясь даже у всех в неизвестности, нежели для других прославляться и быть нечестивыми. Потому что мы мало заботимся об угождении людям; а все наше желание — получить честь от Бога; истинно же любомудрые и боголюбивые — выше и сего; они любят общение с добром ради самого добра, а не ради почестей, уготованных за гробом. Ибо это уже вторая степень похвальной жизни — делать

что-либо из награды и воздаяния; и третья — избегать зла по страху наказания (свт. Григорий Богослов, 12, 120).

***

Они <христиане> живут долу, но выше всего дольнего; среди людей, но выше всего человеческого; связаны, но свободны; стесняемы, но ничем не удержимы; ничего не имеют в мире, но обладают всем премирным; живут сугубою жизнью, и одну презирают, о другой же заботятся; через умерщвление бессмертны, через отрешение от твари соединены с Богом; не знают любви страстной, но горят любовью Божественною, бесстрастною; их наследие — Источник света, и еще здесь — Его озарения; ангельские псалмопения, всенощное стояние, преселение к Богу ума предвосхищаемого; чистота и непрестанное очищение, как не знающих меры в восхождении и обóжении: их — утесы и небеса, низложения и престолы; нагота и риза нетления; пустыня и торжество на небесах; попрание сластей и наслаждение нескончаемое, неизреченное. Их слезы потопляют грех, очищают мир; их воздеяние рук угашает пламень, укрощает зверей, притупляет мечи, обращает в бегство полки... (свт. Григорий Богослов, 12, 127).

***

...Христианские обычаи и законы одним только христианам и свойственны, так что никому другому, кто только захотел бы подражать нам, невозможно перенять их, и это оттого, что они утвердились не человеческими соображениями, но силою Божиею и долговременным постоянством (свт. Григорий Богослов, 12, 166).

***

...Все делать и говорить с тем, чтобы за сие прославляли посторонние, свойственно человеку мирскому, для которого нет иного блаженства, кроме настоящей жизни. А человек духовный и христианин должен иметь в виду одно спасение, и, что ведет к нему, высоко ценить, а что не ведет, презирать, как ничего нестоющее; и потому ни во что ставить все видимое, заботиться же единственно о том, как достигнуть внутреннего совершенства, и то почитать выше всего, что может самого сделать наиболее достойным, а через него и других привлечь к совершенству (свт. Григорий Богослов, 13, 122).

***

...Для душ возвышенных одно отечество — духовный Иерусалим, а не здешние грады, которые заключены в тесные пределы и часто меняют своих обитателей; одна знаменитость рода — хранить в себе Божий образ и уподобляться Первообразу, сколько сие возможно узникам плоти и способным принять в себя только некоторые струи добра; одно владычество — одерживать верх над лукавым, не отдавать в плен души и не уступать победы в подвигах за благочестие, когда порок борется с добродетелью, мир — с миром, мир разрушающийся — с миром постоянным, подвигоположник неумолимый — с подвижниками мужественными, и велиар вооружается на Христа (свт. Григорий Богослов, 13, 260).

***

...Если называешься христианином по тому, что Христа признаешь Богом, то и называйся и будь христианином и именем, и делом (свт. Григорий Богослов, 14, 228).

***

...Если именуешься <христианином> в том смысле, что Христа исповедуешь Богом, то докажи делами свое исповедание (свт. Григорий Богослов, 14, 228).

***

Шествуй непорочно по всем возрастам и силам Христовым. Как Христов ученик, очистись, обрежься, отними лежащее на тебе с рождения покрывало; потом учи в храме, изгони торгующих святынею. Претерпи, если нужно, побиение камнями; очень знаю, что укроешься от мечущих камни и прейдешь посреди их, как Бог; потому что слово не побивается камнями. Приведен ли будешь к Ироду, не отвечай ему больше. Твое молчание уважит он более, нежели длинные речи других. Будешь ли сечен бичами, домогайся и прочего, вкуси желчь за первое вкушение, испей оцет, ищи заплеваний, прими ударение в ланиту и заушения. Увенчайся тернием — суровостью жизни по Богу; облекись в багряную ризу, прими трость; пусть преклоняются перед тобою ругающиеся истине. Наконец, охотно распнись, умри и приими погребение со Христом, да с Ним и воскреснешь, и прославишься, и воцаришься, зря Бога во всем Его величии, и Им зримый... (свт. Григорий Богослов, 14, 250).

***

...Наши действия и неразрывны с делами Христовыми, и не сопряжены с ними относительно ко времени; напротив того, Христовы дела преданы нам для того, чтобы служили некоторым образцом для наших действий, но совершенного сближения между ними быть не может (свт. Григорий Богослов, 14, 303).

***

...Во всем... мы <христиане> скромны и смирнее всякого, — это повелевает нам заповедь, и не только перед таким <мирским> могуществом, но даже перед кем бы то ни было не поднимаем брови; а когда дело о Боге, и против Него дерзают восставать, тогда, презирая все, мы имеем в виду одного Бога. Огонь же, меч, дикие звери и терзающие плоть когти скорее будут для нас наслаждением, нежели произведут ужас (свт. Григорий Богослов, 15, 105—106).

***

Блажен, кто, принадлежа к стаду, занимает место между пасомыми, как совершеннейшая овца Христова (свт. Григорий Богослов, 15, 274).

***

Для всех превосходны слезы, бдения и труды. Для всех хорошо обуздывать ярость беспокойных страстей, преодолевать невоздержность, подкланяться под державную руку Христову и трепетать грядущего дня. Если же идешь совершенно горним путем, ты уже не смертный, но... один из небожителей (свт. Григорий Богослов, 15, 275—276).

***

Оставив весь мир и всякое здешнее бремя, направляй парус в небесную жизнь... (свт. Григорий Богослов, 15, 363).

***

Прежде всего, <христианин>, бойся Бога, чти родителей, об иереях говори с похвалою и имей в уважении старцев (свт. Григорий Богослов, 15, 364).

***

Всякий <христианин> живет не для себя одного, но и для ближних; мало самому быть убежденным, если не убеждаешь и других (свт. Григорий Богослов, 17, 118).

***

...Будем желать, чтобы последовать Тому, Кем мы спасены, и принадлежать к Его достоянию, не много заботясь о том, что малоценно и пресмыкается по земле (свт. Григорий Богослов, 17, 125).

***

У других есть отечественная земля, а у нас горний град; другим, может быть, стал принадлежать наш престол, а у нас — Христос. Какое приобретение! (свт. Григорий Богослов, 17, 168—169).

***

Презираемые, мы не огорчаемся, и почитаемые не радуемся. Ибо одного мы достойны, а другое — дело нашего любочестия (свт. Григорий Богослов, 17, 172).

***

...Прилично... не ослабевать и не изнемогать в страдании, но презреть персть; и предоставить телу терпеть, что свойственно ему, непременно, по закону естества, или теперь, или впоследствии, имеющему разрушиться, потому что оно умрет изнуренное или болезнью, или временем; а самому возвышаться душою, возноситься мыслями к Богу, и знать, что было бы несообразно любомудрствовать нам вне опасностей, оказываться же нелюбомудрыми в нуждах, и изменять своему обещанию (свт. Григорий Богослов, 17, 273).

...Кто приходит к Богу и действительно желает быть последователем Христовым, тот должен приходить с той целью, чтобы перемениться, показать себя лучшим и новым человеком, не удержавшим в себе ничего из свойственного ветхому человеку. Ибо сказано: *аще кто во Христе, нова тварь* (2 Кор. 5, 17) (прп. Макарий Египетский, 89, 196).

***

Обновлением ума, умирением помыслов, любовию и небесною приверженностью ко Господу от всех людей в мире отличается новая тварь — христианин (прп. Макарий Египетский, 67, 43).

***

...Намеревающемуся быть другом Божиим надлежит охранять себя от греховной скверны и от вечного огня, таящегося в нас (прп. Макарий Египетский, 67, 103).

***

Мирские люди подлежат иному влиянию духа льсти, по которому мудрствуют земное; а у христиан — иное произволение, иной ум; они — люди иного века, иного града, потому что Дух Божий пребывает в общении с душами их... (прп. Макарий Египетский, 67, 114).

***

...Христиане гнушаются тем, что славно на земле, и вменяют это в гной при сравнении с тем величием, какое действует в них (прп. Макарий Египетский, 67, 117).

***

Не соделались еще мы наследниками и сонаследниками Христовыми, потому что в нас еще дух рабства, а не сыноположения (прп. Макарий Египетский, 67, 187).

***

...Должно также христианину всякий день иметь упование, радость и чаяние будущего Царства и избавления и говорить: «Если не избавлен я сегодня, буду избавлен наутро» (прп. Макарий Египетский, 67, 197).

***

...Христиане, став чадами Божиими, шествуют поверх горького моря лукавых сил, потому что и тело, и душа их соделались домом Божиим (прп. Макарий Египетский, 67, 233).

***

Подобно гнилому мешку, наполненному жемчужинами, и христиане, обязанные по внешнему человеку быть смиренными и презираемыми, в себе, во внутреннем человеке, имеют многоценную жемчужину (прп. Макарий Египетский, 67, 276—277).

***

Каждый из нас как бы подобен мысленной смоковнице, на которой Господь ищет внутреннего плода, а не лиственного украшения (см.: Мф. 21, 19) (прп. Макарий Египетский, 67, 323—324).

***

...Кто желает соделаться сыном Божиим, прежде всего должен, подобно Господу, смириться, терпеть, когда его считают безумным и бесчестным, не отвращать лица своего от заплеваний, не гоняться за славою, за красотою века сего и за чем-либо подобным, не иметь где главу преклонить, переносить поношение и уничижение, быть у всех в презрении и попрании, подвергаться нападениям явным и тайным и противоборствовать им умом (прп. Макарий Египетский, 67, 392—393).

***

Христианам предлежит двоякая брань и двоякая борьба: во-первых, с вещами, которые видимы этим глазом, потому что они раздражают, растрогивают и вызывают душу пристращаться к ним и услаждаться ими; а во-вторых, с началами и властями страшного миродержителя (прп. Макарий Египетский, 67, 433).

***

...Когда иные носят на себе имя веры, а жизнь их противоречит имени, или идолослужительствуя любостяжательностью, или бесчинствуя в пьянстве и на пиршествах, или, наподобие свиней, валяясь в тине распутства, тогда у неверных тотчас готов отзыв, осуждающий не произвол худо пользующихся жизнью, но таинство, как будто оно учит поступать таким образом и будто бы такой-то человек, посвященный в Божественные таинства, не сделался бы или злоречивым, или любостяжательным, или хищником, или подверженным иному какому пороку, если бы

грешить не было для них законно. Посему-то Писание обращается к таковым с строгою угрозою, говоря: горе тем *ихже ради имя Мое хулится во языцех* (ср.: Ис. 52, 5) (свт. Григорий Нисский, 18, 419—420).

***

...<Должно>, чтобы жизнь твоя была псалмом, который не земными звуками (а под звуками разумею помышления) изглашается, но из горнего и небесного производит чистый и внятный звук (свт. Григорий Нисский, 19, 69).

***

...Христианин отличительным своим признаком имеет веру в Отца и Сына и Святаго Духа, она есть облик по таинству истины образовавшегося... (свт. Григорий Нисский, 24, 42).

***

...Если определение говорит, что христианство — подражание Богу, то не приявший еще слова таинства, какою увидит у нас жизнь проводимую, как он уверен, по подражанию Богу, таковым будет почитать и наше Божество. Так что если он увидит примеры всего благого, то уверует, что Божество, нами чтимое, благо. Если же кто будет предан страстям и зверообразен, и в своих нравах сообразно различным страстям будет отображать виды различных зверей (ибо в извращениях нашего естества должно видеть именно отображения зверей) и затем станет именовать себя христианином, тот, поелику его имя обещает и возвещает подражание Богу, своею жизнью подает неверным повод порицать Божество, в которое мы веруем. Посему и Писание возвещает таковым страшнейшую грозу, говоря: горе

тем, ради кого *имя Мое хулится во языцех* (Ис. 52, 5) (свт. Григорий Нисский, 24, 218—219).

***

...Тем, кои именуют себя именем Христовым, прежде необходимо быть тем, чего требует имя, а за сим уже усваивать себе сие название... (свт. Григорий Нисский, 24, 228).

***

...Христианина, истинного и кажущегося, распознаем из открывающихся в каждом характеристических свойств. Свойства подлинного христианина все те, какие мы нашли во Христе; из них доступным для нас подражаем, а те, подражание коим недоступно нашему естеству, чтим и покланяемся им (свт. Григорий Нисский, 24, 229).

***

Разумея же, что Христос есть *свет истинный* (Ин. 1, 9) и недоступный лжи, научаемся тому, что и наша жизнь должна быть озаряема лучами истинного Отца. Лучи же Солнца правды, истекающие для освящения нашего, суть добродетели, посредством которых мы отлагаем дела тьмы и, *яко во дни, благообразно ходим* (ср.: Рим, 13, 13) и отвергаем потаенные студные дела, и все совершаем во свете, и сами становимся светом, так что и других просвещаем делами, как свойственно свету (свт. Григорий Нисский, 24, 235—236).

***

Разумея, что Христос есть *освящение* (1 Кор. 1, 30), мы должны исповедать силу освящения не словами, но жиз-

нью, свободною от всякого скверного и нечистого дела и мысли (свт. Григорий Нисский, 24, 236).

***

Зная же, что Христос есть *избавление* (1 Кор. 1, 30), что Он предал Себя для искупления нашего, научаемся сим речением тому, что поелику Он даровал нам бессмертие, как бы какую цену за каждую душу, то сим Он всех искупленных Им от смерти через жизнь соделал собственным стяжанием. Итак, если мы стали рабами Искупившего, то, конечно, должны обращать взоры к Господствующему, чтобы нам жить уже не для себя самих, но для Стяжавшего нас ценою жизни... ибо мы же Его стяжание; итак, законом для нашей жизни да будет воля Господствующего. Ибо, как при владычестве над нами смерти действовал в нашей жизни закон греха так, когда мы стали стяжанием жизни, необходимо согласоваться с законом Обладающего нами, дабы, отвратившись от подчинения воле жизни, опять не попасть нам через грех под власть злого мучителя душ наших, — говорю о смерти (свт. Григорий Нисский, 24, 236—237).

***

Христос именуется также *камнем* (ср.: 1 Кор. 10, 4); сие имя требует от нас твердости и неуклонности в добродетельной жизни, чтобы мы твердо переносили страдания и являли дух крепкий и недоступный всякому приражению греха. Через это и подобное и мы станем камнем, подражая, сколько возможно, в изменчивом естестве, неизменяемости и непрелагаемости Владыки (свт. Григорий Нисский, 24, 243).

***

...Что должно делать тому, кто удостоен именоваться великим именем Христовым? Что иное, как не тщательно различать в себе мысли, и слова, и дела, относится ли каждое из них ко Христу или чуждо Христа? А такое различение очень удобно. Ибо что совершается, или мыслится, или говорится под влиянием какой-либо страсти, то совершенно чуждо Христу и носит на себе черты противника, который страстями, как бы грязью пачкая жемчужину души, портит блеск драгоценного камня. А чистое от всякого страстного расположения имеет отношение к Началовождю бесстрастия, Который есть Христос; кто из Него, как из чистого и открытого источника, почерпает для себя мысли, у того окажется такое сходство с Первообразом, какое у воды, струящейся в источнике, с водою, которая оттуда налита в сосуд. Ибо одинакова по естеству чистота, усматривается ли она во Христе или в том, кто приобщается Ему. Христос источает, а приобщающийся почерпает, переводя в жизнь красоту (заключающуюся) в мыслях; так что происходит согласие внутреннего человека со внешним, как скоро благовидность жизни совпадает с направлением мыслей по Христу (свт. Григорий Нисский, 24, 260).

***

Пусть каждый убедит себя, что он ничтожнее не только брата, живущего с ним, но и всякого человека; ибо, сознавая сие, он будет подлинно учеником Христовым (свт. Григорий Нисский, 24, 276).

***

Христианин никогда не делается — ни из начальника простолюдином, ни из богатого — бедным, ни из славно-

го — бесславным, напротив, он богат, когда беден, и высок, когда старается быть смиренным; и власти, которую имеет он — не над людьми, но над князьями, подвластными *миродержителю тьмы* (ср.: Еф. 6, 12), никто отнять у него не может (свт. Иоанн Златоуст, 44, 39).

***

Одно у христианина несчастье — оскорбить Бога, а прочее, как то: потерю имущества, лишение отечества, самую крайнюю опасность, — он и не считает за бедствие; даже то самое, чего все страшатся: переход отсюда туда для него приятнее жизни (свт. Иоанн Златоуст, 44, 42).

***

Не можешь ты представить его <христианина> и нагим, пока он обличен одеждами добродетели; не изнуришь его голодом, доколе он знает истинную пищу (свт. Иоанн Златоуст, 44, 66).

***

Если кто сделает ему <христианину> множество зла, ударит его или свяжет, то тело его естественно поражается, но душа по любомудрию остается невредимою; она не увлекается гневом, не уловляется ненавистью, не побеждается враждою. И это еще не так важно; гораздо удивительнее этого вот что: он любит сделавших ему столько зла, как благодетелей и покровителей, и молится, чтобы у них было всякое благо (свт. Иоанн Златоуст, 44, 71).

***

Он <христианин> же тогда особенно успокоится, когда состарится, так как скоро достигнет пристани и получит

юность, всегда цветущую и никогда не склоняющуюся к старости (свт. Иоанн Златоуст, 44, 76).

***

...Мирянину и монаху должно достигать одинаковой высоты... оба они, в случае падения, получат одинаковые кары (свт. Иоанн Златоуст, 44, 110).

***

Мы должны исполнять все со своей стороны, хотя бы другие не получали от нас никакой пользы... Для того чтобы отчета Бог потребовал уже не от нас, но от них (свт. Иоанн Златоуст, 44, 123).

***

Разве ты не знаешь, что жизнь христианина повсюду должна сиять светло? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 260—261).

***

Христианин должен и тем отличаться от неверных, чтобы все переносить благодушно и, окрыляясь надеждою на будущее, воспарять на высоту, недосягаемую для человеческих бедствий (свт. Иоанн Златоуст, 45, 30).

***

На скале стоит верный <христианин> и потому недоступен ударам волн. Пусть воздымаются волны испытаний: они не достигнут до его ног; он стоит выше всякого такого навета (свт. Иоанн Златоуст, 45, 30)

***

Верующий есть и земледелец, и кормчий, и воин, и борец, и путник... Если ты борец, тебе надобно вступать в борьбу нагим. Если ты воин, тебе должно стать в строю вооруженным. Как же возможно то и другое вместе: быть нагим и не нагим, одетым и не одетым? Я скажу как. Сложи с себя житейские дела, и ты стал борцом. Облекись в духовные доспехи, и ты стал воином. Откажись от забот житейских, потому что наступило время борьбы. Облекись в духовные доспехи, потому что у нас возгорелась жестокая война с демонами. Для того и должно быть нагим, чтобы диаволу, вступая в борьбу с нами, не за что было схватить нас, должно облечь себя доспехами со всех сторон, чтобы нам ни с которой стороны не получить смертельного удара. Возделай ниву твоей души, посеки терния, посей слово благочестия, посади прекрасные растения любомудрия и с великою заботливостью ухаживай за ними — и ты будешь земледельцем... Вступи на путь, ведущий к небу, вступи на путь тесный и узкий — и пойди по нему... Укроти волны беспорядочных страстей, усмири бурю злых помыслов, сохрани в целости ладью, покажи большую опытность, и ты — кормчий (свт. Иоанн Златоуст, 45, 47).

***

...Христианин, который боится опасностей, не сделает ничего великого и славного; напротив, его самого легко одолеть могут; смелый же и великодушный — неодолим и непобедим (свт. Иоанн Златоуст, 45, 77).

***

Никто не сможет сделать нас несчастными, если мы сами не сделаем себя такими; равно как никто не сможет

сделать нас и блаженными, если не сделаем себя таковыми мы сами, по благодати Божией (свт. Иоанн Златоуст, 45, 209).

***

...Душе христианина и верующего никто не может причинить вреда, даже и сам диавол (свт. Иоанн Златоуст, 45, 266).

***

...Все христиане — знаменоносцы, и каждый носит имя Христово перед народами и царями... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 552).

***

...Поругания за Христа доставляют нам увеличение чести (свт. Иоанн Златоуст, 45, 627).

***

Вот гордость, единственно приличествующая почитающим Христа: не быть рабом чего-либо постыдного, но блюсти душу в свободе и чистой жизни (свт. Иоанн Златоуст, 45, 833).

***

...Быть учеником Христовым и значит быть кротким и незлобивым (свт. Иоанн Златоуст, 46, 398).

***

...Если Бог сделал тебя солью духовною, то поддерживай и укрепляй гниющие члены, т. е. беспечных и нерадивых из братий, и, избавив их от беспечности, как бы от

некоторой гнилости, соедини с прочим телом Церкви (свт. Иоанн Златоуст, 46, 167).

***

...Дом пусть будет церковью, чтобы убежал оттуда диавол и скрылся этот лукавый демон и враг нашего спасения, почивала же бы там благодать Святаго Духа, совершенный мир и единодушие ограждали живущих... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 12—13).

***

Богу угодно, чтобы христианин не о себе только заботился, но и назидал других, не только учением, но и жизнью и обхождением (свт. Иоанн Златоуст, 47, 64).

***

Как в том случае, когда Бог за нас благословляется, Он удостоивает нас великого Своего благословения, так напротив, когда другие из-за нас хулят Его, тогда мы подвергаемся тем большему осуждению за то, что подали повод к этому (свт. Иоанн Златоуст, 47, 309).

***

По отношению же к Божественному учению мы ответственны не только за сохранение его, но и за большое приращение (свт. Иоанн Златоуст, 47, 761).

***

Для того Христос и повелевает нам быть овцами среди волков, чтобы ты не говорил: я потерпел то и то, и оттого ожесточился. Хотя бы ты потерпел бесчисленное множе-

ство обид, продолжай быть овцою, и победишь волков (свт. Иоанн Златоуст, 48, 370).

***

Будем остерегаться, братие, чтобы нам не потерпеть крушения подобно безумному, исповедуя Бога на словах и отвергаясь Его делами, называя Его благим и милостивым, но не оказывая милости ни больному, ни бедному, ни притесняемому (свт. Иоанн Златоуст, 48, 619).

***

Христианину долг повелевает, чтобы сообразно с чистотой нашей веры и дела были добры (свт. Иоанн Златоуст, 48, 829).

***

Верующий должен быть виден не только по дару, но и по новой жизни. Верующий должен быть светильником для мира и солью. А если ты самому себе не светишь, не предотвращаешь собственной гнилости, то почему нам узнать тебя?.. Верующий должен блистать не тем одним, что получил от Бога, но и тем, что ему собственно принадлежит; надобно, чтобы он по всему был виден — и по поступи, и по взору, и по виду, и по голосу. Говорю об этом для того, чтобы нам наблюдать благоприличие не для показа, а для пользы тех, кто смотрит на нас (свт. Иоанн Златоуст, 50, 44).

***

Мы — воины Царя Небесного, мы облеклись в оружие духовное. Зачем же мы живем подобно корчемникам, бро-

дягам и даже подобно червям? Где царь, там должен быть и воин (свт. Иоанн Златоуст, 50, 559—560).

***

Крещение и общение в Божественных Таинах соделывает нас братьями (свт. Иоанн Златоуст, 50, 794).

***

...Скорее солнце не будет ни греть, ни светить, нежели христианин — не просвещать; скорее свет сделается тьмою, нежели будет это (свт. Иоанн Златоуст, 52, 198).

***

...Мы, когда говорим, что есть Воскресение и бесчисленные блага, а сами пренебрегаем ими и предпочитаем блага здешние, то кто поверит нам? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 411).

***

...Бог послал нас свидетельствовать о Нем. Будем же свидетельствовать и убеждать думающих так, <что Он не есть Бог>; если не станем свидетельствовать, то сами будем виновными в их заблуждении. Если же на судилище, где исследуются дела житейские, не принимается свидетель, исполненный многочисленных злодеяний, то тем более здесь, где идет дело о предметах настолько высоких. Мы говорим, что мы слышали Христа и веруем Его обетованиям; а они <неверные> скажут: покажите это делами; жизнь ваша, напротив, свидетельствует, что вы не веруете (свт. Иоанн Златоуст, 52, 411).

***

Будем свидетельствовать о Христе, ведь свидетели не они только (апостолы), но и мы. Они называются свидетелями потому, что, будучи принуждаемы отречься, претерпели все для исповедания истины; так и мы, когда страсти побуждают нас отречься, не будем покоряться им (свт. Иоанн Златоуст, 52, 411).

***

То и ослабляет важность нашей веры, то и низвращает все, что никто нисколько не думает о жизни; это унижает веру (свт. Иоанн Златоуст, 52, 412).

***

Мы говорим, что Христос есть Бог, предлагаем множество и других догматов, между прочим, говорим и то, что Он заповедал всем жить праведно; но на самом деле это у немногих (свт. Иоанн Златоуст, 52, 412).

***

...Услышавши вопрос: «Поклоняешься ли ты Распятому?» — не стыдись, не потупляй очей, но хвались и величайся и со смелым взором, с открытым челом подтверди свое исповедание. И если опять спросят: «Неужели ты поклоняешься Распятому?» — опять отвечай: «Да, и не прелюбодею, не отцеубийце, не детоубийце (а таковы у язычников все боги), но Крестом победившему демонов и уничтожившему тысячи их чародейств» (Св. Иоанн Златоуст, 52, 505).

***

Стой, имея стопы евангельские, богобоязненные помыслы, щедрые руки, колена непоколебимые, бедра, непричастные удовольствиям, чресла, свободные от вожделений, бедра и чрево здравые, исполненные закона Божия, грудь и сердце чистые, шею и нрав покорные, душу и ум благоговейные, уста скромные, зрение не уклоняющееся, слух совершенно здоровый и уста, произносящие слова, приятные Христу (свт. Иоанн Златоуст, 52, 908—909).

***

Нет никакой пользы для людей в том, что они носят одно только название христиан, а не имеют за собою добрых дел, так как перед Богом не имеют значения внешние достоинства, но требуются дела. Ведь и Иуда был в числе апостолов и вместе с прочими пользовался равною честию, но, предавшись сребролюбию, принял удавление; подобно тому и в настоящее время многие носят овечью шкуру, а внутри являются хищными волками (свт. Иоанн Златоуст, 52, 916).

***

...Подумаем о том, какой Главы мы тело, — Которой все покорено. Сообразно с этим образцом мы должны быть лучше самих Ангелов и выше Архангелов, как удостоенные большей чести, нежели все они (свт. Иоанн Златоуст, 54, 27—28).

***

Ангелы, Архангелы и все (небесные) Силы благоговеют перед нашею Главою, а мы — тело Ее — ужели не почтим Ее ни за Ее уничижение, ни за наше возвышение? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 27—28).

***

Если ты — тело Христово, то неси крест, потому что Он нес; перенеси оплевания, заушения, прободение гвоздьми, таково было Его тело, хотя оно было безгрешно... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 28).

***

Он <Бог> дал тебе руки? Для Него и употребляй их, а не для диавола; не на хищение и любостяжание, а на исполнение заповедей и на благотворения; простирай их в продолжительных молитвах и на помощь падшим (свт. Иоанн Златоуст, 54, 313).

***

Утешение христиан состоит в том, что они не только желают делать что-нибудь доброе, но еще сверх того угодное Богу (свт. Иоанн Златоуст, 54, 601).

***

...Великая нужна сила для того, чтобы носить имя Христово. Тот, кто говорит, или делает, или в мысли имеет что-нибудь недостойное, не носит Его имени и не имеет в себе Христа. Между тем тот, кто носит (это имя), торжественно шествует не через торжище, а через небеса; (при виде его) всех объемлет трепет, Ангелы сопутствуют и удивляются ему (свт. Иоанн Златоуст, 54, 638).

***

Таким и должен быть христианин ревностный и бодрствующий, должен делать добро не однажды, не дважды или трижды, но во всю жизнь. Как тело наше не однажды

насыщается для поддержания себя на всю жизнь, но имеет нужду в ежедневном питании, так и здесь, в благочестии, мы ежедневно имеем нужду в помощи от добрых дел (свт. Иоанн Златоуст, 54, 776).

***

О, рабство, которым мы избегаем другого злого рабства и достигаем свободы Христовой! О, рабство, предоставляющее нам легкое бремя и после того воздающее жизнь вечную! О, рабство, лишь в здешнем мире называемое рабством, а в будущем дарующее жизнь бесконечную! Прибегнем, братия, к этому рабству, чтобы познать свободу душ (свт. Иоанн Златоуст, 54, 916).

***

Если мы, будучи насаждены Христом и сподобившись духовного орошения, покажем потом жизнь бесплодную, то нас ожидает геенский огонь и неугасимый пламень (свт. Иоанн Златоуст, 55, 168).

***

Первая добродетель и добродетель всеобщая состоит в том, чтобы быть странником и пришельцем в этом мире и не иметь ничего общего с здешними вещами, но быть в таком отношении к ним, как к чуждым для нас... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 196).

***

Чем особенно отличаются рабы Христовы от незнающих истины, так это тем, что они живут по добросердечию и делают свою жизнь достойною благочестия. Ничего нет неестественного, если не знающие Христа порочны и не-

годны по своему обычаю, а раб Христов пусть более называется по кротости нрава, чем по имени, положенному на него его родителями (свт. Иоанн Златоуст, 55, 387).

***

Чем особенно отличаются рабы Христовы от незнающих истины, так это тем, что они живут по добросердечию и делают свою жизнь достойною благочестия (свт. Иоанн Златоуст, 55, 387).

***

...Христос нанял тебя <христианина> в Свой виноградник; пока у тебя удобное время, делай благо (свт. Иоанн Златоуст, 55, 446).

***

Подобно тому как нет никакой пользы тому, кто облечен в царскую порфиру и носит оружие, а не имеет ни одного подданного, и всякий желающий может поносить и оскорблять его, так точно нет никакого приобретения и для христианина, если он имеет веру и дар, полученный в крещении, а является игрушкой для всех страстей. Напротив, как тот не только ничего не приобретает для своей чести от царской одежды, но и эту последнюю обесчестит собственным позором, так точно и верующий, живя порочной жизнью, не только не будет за это достоуважаем, но и будет тем более смешон (свт. Иоанн Златоуст, 55, 681—682).

***

Ничто другое не может быть признаком и отличием верующего во Христа и любящего Его, кроме забот о наших братьях и попечения об их спасении, потому что и

Христос угождал не себе, но многим (свт. Иоанн Златоуст, 55, 799—800).

***

...Умоляю вас, прежде же вас — себя, пригвоздиться миру и не иметь ничего общего с землей, но взирать на горнее отечество, на нездешнюю славу и на вечные блага. Мы — воины Царя Небесного и облечены в духовное оружие; зачем же мы ведем жизнь лавочников и бродяг, даже более — жизнь червей? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 823).

***

Если проводящие эту жизнь в воинском звании от всего отрекаются, направляются и идут туда, куда зовет война, и все переносят с бодростью, то тем более нам, воинам Христовым, следует таким же образом снаряжаться и выстраиваться для войны со страстями (свт. Иоанн Златоуст, 55, 847).

***

Жизнь христианина должна изобиловать кровью... в смысле готовности пролить свою собственную (свт. Иоанн Златоуст, 55, 847).

***

...Не другому чему положено быть распознавательным и показательным признаком учеников Христовых, как смиренному мудрованию и уничиженному виду (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 183).

***

...Что слабее христианина? Что немощнее монаха, которому не только не предоставляется никакого мщения за

обиды, но не дозволяется даже и легкое молчаливое возмущение внутри? А всякий, преуспевающий в этом состоянии, не только приобретает простоту без вредности, но и огражденный силою рассудительности становится истребителем ядовитых змей, имея сокрушенного сатану под своими ногами, и, по образу разумного оленя, быстротою духа восходит и пасется на пророческих и апостольских горах, т. е. возвышенных и превосходных тайнах их. Напитанный их пищею постоянною, воспринимая в себя все чувствования псалмов, он начинает воспевать так, что не как составленные пророком, а как им самим сочиненные, как собственную молитву выражает их с глубоким сокрушением сердца или, по крайней мере, считает их относящимися к его лицу и сознает, что изречения их не тогда только исполнились через пророка или на пророке, но над ним ежедневно исполняются (прп. авва Исаак, 56, 361—362).

***

...Величие духа, чистое от всякого высокомерия и при спокойном нраве сохраняющее всю деятельность, сраствоpяется скромностью, а нимало не выказывая гордости, но сраствоpяясь скромностью (о чем невозможно и сказать без удивления), уклоняется от унижения, потому что, как соблюдает скромность в том, что не превозносится над ближними, так выказывает величие души в том, что не поникает главой среди страхов и опасностей, но стоит выше ласкательства и раболепства. Не раболепного и не льстеца признает смиренномудрым, а также не самоуверенного и высокомерного — велемудрым, но, в том и другом уловляя доброе, уклоняется от ненавистного, чтобы, избегая близких к добродетелям пороков, приобрести самую добродетель во всей ее чистоте (прп. Исидор Пелусиот, 61, 32).

***

...Как в Ветхом Завете никому не позволено было священнодействовать, кроме одних иереев, но во время Пасхи все некоторым образом удостоивались сана священства (ибо каждый закалал агнца), так и в Новом и непреемственном Завете, хотя священнодействие Бескровной Жертвы имеют по преимуществу те, кому дозволено приносить сию Жертву, но и каждый поставляется иереем собственного своего тела не для того, чтобы нерукоположенный присвоил себе право начальства над подчиненными, но для того, чтобы, подчинив своей власти порок, уготовал он тело свое в храм, или святилище непорочности (прп. Исидор Пелусиот, 61, 129—130).

***

Имей... признательное сердце и твердую душу, и все, что ни случится, обратится к твоей славе и к стыду врагов. Если же вознерадишь, то своей славе нанесешь вред, а противникам доставишь торжество, и ближним своим печаль (прп. Исидор Пелусиот, 61, 213).

***

Надлежит быть ни высокомерным, ни ласкательным, но, сдерживая неумеренность обоих сих пороков, оставаться свободным, не уклоняясь в надменность и не впадая в раболепство (прп. Исидор Пелусиот, 61, 367—368).

***

Как философа показывает не плащ и трость, но свобода в слове и образе жизни, так и христианина — не наружность и речь, но нрав и жизнь, сообразные с правым словом (прп. Исидор Пелусиот, 61, 422).

***

...Таково наше любомудрие: в одной душе соединяет и смиренномудрие, и высоту, — смиренномудрие, чтобы ни перед кем не превозноситься, и высоту, чтобы не иметь готовности кому-либо льстить (прп. Исидор Пелусиот, 62, 144).

***

Если в трудных обстоятельствах все обыкли почитать для себя лучшим, чтобы удалось, чего самим хочется, или не удалось, что желательно врагам; то мы, величающиеся именем учеников Христовых, будем искать полезного не только нам самим, но и тем, которые с нами в раздоре, потому что в полезном для ближних (хотя и странным покажется сказанное) заключается вместе полезное и для нас (прп. Исидор Пелусиот, 62, 327—328).

***

Божественные законы требуют, чтобы мы были образцами для других людей и неукоризненностью жизни указывали всем непреткновенный путь (прп. Нил Синайский, 72, 147).

***

По сим чертам познается старающийся быть подражателем Богу, в благотворении пребывает он для всех равен, и для друзей, и для расположенных неприязненно, терпит ли зло, воздает за зло добром и обижающих пристыжает не только тем, что великодушно переносит дерзости, но и тем, что всякое добро, какое только может, оказывает им от полноты сердца (прп. Нил Синайский, 72, 162—163).

***

Чистота и сострадательность — матери добродетелей; поэтому без той или другой невозможно быть Христовыми воинами (прп. Нил Синайский, 72, 251).

***

...Кто не предаст себя всецело на крест в смиренном мудровании и самоунижении, и не подвергнет себя перед всеми на попрание, унижение, презрение, онеправдование, осмеяние и поругание, чтобы переносить все это с радостью Господа ради, не ища ничего человеческого, ни славы, ни чести, ни похвалы, ни сладкого ястия и пития, ни (красных) одеяний, тот истинным христианином быть не может (прп. Марк Подвижник, 89, 472—473).

***

Тем и отличаются сыны Божии от прочих, что живут они в скорбях, а мир гордится роскошью и покоем (прп. Исаак Сирин, 58, 161).

***

...Превосходный алфавит для всех есть следующий: послушание, пост, вретище, пепел, слезы, исповедание, молчание, смирение, бдение, мужество, стужа, труд, злострадание, уничижение, сокрушение, непамятозлобие, братолюбие, кротость, простая и нелюбопытная вера, беспопечение о мире... беспристрастие, простота с незлобием, произвольная худость (прп. Иоанн Лествичник, 57, 178).

***

Если хотим именоваться и быть Божиими, то восприимем подвиг — не предавать страстям Слова, подобно Иуде,

или не отрекаться от Него, подобно Петру. Отречение же от Слова есть отказывание делать добро из-за какого-либо страха, а предательство есть преднамеренное согрешение делом и самоохотный порыв к согрешению (прп. Максим Исповедник, 91, 253).

***

...Если мы не имеем любви истинной, но ведем вражды, брани и раздоры, то мы не Христовы ученики, а врага Христова, хотя и тяжко слово сие (прп. Феодор Студит, 92, 578).

***

Христианину, право верующему в Бога, на следует беззаботно предаваться беспечности, но всегда ожидать искушения и быть готову встретить его, чтобы, когда придет, не изумляться и не смущаться, но благодарно претерпевать тяготу скорби... (прп. Илия Екдик, 91, 422).

***

Все старание и весь подвиг его <христианина> должен быть обращен на то, чтобы стяжать Дух Христов, и таким образом приносить плоды Духа Святаго, ибо в этом и состоит духовный закон и благобытие (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 30).

***

И в будущей жизни христианин не будет испытуем, отрекся ли он мира, постился ли, совершал ли бдения, молился ли, плакал ли и другие какие совершал ли в настоящей жизни дела добрые, но будет тщательно испытуем, имеет ли он какое-либо подобие Христу, как сын отцу, как

говорит и Павел: *чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится в вас Христос* (ср.: Гал. 4, 19) (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 30—31).

***

Подобие же Христу составляют истина, кротость, правда и вместе с ними смирение и человеколюбие. Истина зрится во всех словах, а кротость во всех противословиях; потому что кроткий, похвалами ли окружен или порицаниями, хранит себя бесстрастным, и ни похвалами не превозносится, ни порицаниями не огорчается. Правда зрится во всех делах, ибо как определяем мы тяжесть вещей посредством весов и как узнаем качество золота через потирание его о камень, так ни в каком начинании не выходим мы из пределов правды, если при этом содержим в памяти те меры (способы измерения, или весы), какие даровал нам Господь наш (заповеди) (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 31).

***

...В каждом христианине Христос есть воюяй и побеждаяй, и Он же есть призываяй Бога, и моляйся, и благодаряй, и благоговеинствуяй, и ищай с молением и смирением, — все это действует Христос, радуясь и веселясь, когда видит, что в каждом христианине есть и пребывает то убеждение, в коем удостоверительно исповедуют они, что Христос есть действуяй все сие. Почему всякому христианину относительно всех добрых дел, какие делает, надлежит исповедать, что их совершает Христос, а не он, кто же не так помышляет об этом, тот всуе есть христианин (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 49).

***

...Всякий христианин должен видеть и чувствовать свое внутреннее состояние, здоров ли по душе или болен, счастлив или несчастлив, благоденствует или страждет. И если не чувствует он этого внутренно в себе самом, то всуе носит имя христианина, и хоть именуется так, но на самом деле не таков (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 65).

***

Надлежит... всякому христианину посредством покаяния, милостыни и всякой другой добродетели, сколько сил есть, подвизаться не о чем другом, как о том, чтобы принять действо благодати Святаго Духа, силою Коего и начнет он жить жизнью истинно по Христу. Ибо нет другого способа, искусства и метода к тому, чтобы христианин жил во Христе, кроме восприятия свыше силы или благодати Иисус-Христовой (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 127).

***

...Христос Господь для всякого верующего в Него бывает силою рассуждения, мощью разума, крепостью мудрости, державою правды, основою любви к Богу и людям, действом всякой святой заповеди и воли Божией, неким разумным и в природу обратившимся отвращением и возненавидением всякого зла и греха, всякой похоти и лукавства. Христос Господь есть надежда наша и мир наш. Без Господа Иисуса не только никто не может делать добро, но и всякий бывает отдален от Бога. Одного только требует Господь от всякого верующего в Него, того, чтобы он всецело вверил себя Ему — Христу Господню, т. е.

чтобы имел полную на него надежду и питал непоколебимую уверенность, что только силою Христовою, а не своею собственною может кто спастись. И такой только есть настоящий христианин, кто полную надежду возлагает на одного Христа, что Он один все в нем исправит и уврачует его и по душе, и по телу. Когда же потом за сею верою, имеемою с разумом, последует и дело, тогда рождается любовь ко Христу, т. е. когда кто самым делом получит то, чего надеялся от Христа, и почувствует то, тогда возлюбляет Его. Ибо человек благодетельствуемый не может оставаться бесчувственным к благодеянию, и естественно начинает любить благодетеля, помимо даже воли своей (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 131—132).

***

...Истинные христиане, яко сознающие, что ничего доброго не имеют в себе от себя, но все от благодати Божией, бывают всегда смиренны и сокрушенны, что и служит признаком истинных христиан. А высокоумие, заносчивость, тщеславие, дерзость, гордость, славолюбие и показное смирение, бывающие славы ради людской, суть признаки не истинных христиан (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 170).

***

...Возненавидим, умоляю вас, мир сей, убежим от прелестей его и от мнимых и лживых радостей жизни сей, и к единому прибегнем Христу, Искупителю душ наших, всячески стараясь обрести Его, Вездесущего. Обретши же Его, припадем к стопам Его и облобызаем их со всею горячностию души (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 180).

***

...Невозможно христианину не делать зла и делать всякое добро, иначе как силою Всесвятаго Духа, подаваемого от всей души уверовавшим во Христа и отрекшимся сатаны и всех дел его, и всего служения его, и всея гордыни его, и сочетавшимся Христу и соединившимся с Ним. Естество человеческое изменчиво и превратно, и одно Божеское естество непревратно и неизменчиво. Но христианин, делаясь Божественного причастен естества во Христе Иисусе Господе нашем через приятие благодати Святаго Духа, превращается и изменяется силою Его в богоподобное состояние, делается богом по благодати, подобным Тому, Кто совершил в нем такое изменение, т. е. Христу Господу — Солнцу правды. Христианин предает всего себя Христу Господу, Христос же Господь производит в нем показанное изменение и делает его богом по благодати. Христианин не может сам собою произвесть в себе желаемое изменение, и Христос не облагодатит его даром сего изменения, если он не предаст Ему себя от всего сердца своего. Почему который христианин не изменился сим благим изменением, пусть не осуждает в том естество свое, а свое произволение, что сам не хотел вседушно предаться Христу (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 182).

***

Все те, которые соделываются сынами Божиими по благодати через Святое крещение, всеконечно суть последнейшие и беднейшие в мире сем, ибо ничего не хотят от мира сего. Познавши чувством души своей, что соделались сынами Божиими, они терпеть уже не могут никакого богатства привременного, ни украшаться какими-либо уборами тленными и маловременными, яко облекшиеся во

Христа и имеющие сокровище на небесах. Да и какой человек, скажи мне, будучи одет в царское одеяние, согласится надеть поверх его какую-нибудь другую одежду, ветхую, изорванную и испачканную? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 190).

***

Каждому из нас надлежит знать Бога, самого себя и демонов: Бога знать, что Он есть Господь и Властитель всяческих, и что един Он может спасти; себя знать, что бессилен в мысленной брани; демонов, что они суть тайные враги наши, и что они воюют против нас посредством нас же самих, что очень странно (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 222).

***

...Верованием принявший явльшегося Сына Божия, а делами своими показывающий, что он связан делами диаволими, которые разрушил явлышийся Сын Божий, — не хуже ли он самых неверных и не нечестивее ли самых безбожников? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 246).

***

...Когда они <христиане> и живут по закону Христову, становится их собственностью и имя христианина, и вера христианская. Если же не живут они по-христиански, лучше бы им и не носить имени верующих во Христа... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 248).

***

Христианин, который противится Богу и в борьбу с Ним вступает через преступление заповедей Евангелия Хри-

стова, есть враг и себя самого и Бога, и иметь мир с Богом такому нельзя (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 255).

***

...Как чувственные оружия не имеют своей воли и смысла, чтобы поперечить в чем-либо пользующемуся ими воину, но бывают ему послушны, на что бы он их ни употреблял, оставляя ему свободу действовать ими, как и когда хочет, таким же образом и христианин должен представить уды свои послушными Богу, и что бы ни делал, делать то так, как того хочет Бог; пусть и слушает, и смотрит, и говорит, и осязает, и обоняет, и ходит, и стоит, и лежит, и сидит, и делает, и без дела бывает, и с другими общится и уединяется, и дает, и принимает, и строит, и разоряет, и все вообще пусть делает так, как хочет Бог. При сем рассуди всяк: когда воин вооруженный поражает оружиями своими врага и, как изрядный борец, показывает тем силу свою и воинскую опытность, то он есть побеждающий, а не оружие; и как то, что он не мог бы воевать без оружия, истинно, так и то, что победа есть дело воина, а не оружия, неложно. Отсюда возьми себе такое наведение, что как оружия, если не бывают в руках воина, который мог бы ими действовать, остаются праздными и бездейственными, так и члены христианина, если не действует ими Христос, нося их, остаются бездейственными (на добро), и не только бездейственными, но диавол, находя, что не носит их Христос и они бездейственны, схватывает их, надевает и начинает воевать ими против христиан, и множество душ оскверняет. Если же Христос есть Воитель, если члены верующих в Него суть оружия Христовы и Тот, Кто побеждает сими оружиями, есть Сам Христос, как Он же и брань самую ведет, то всячески потребно, чтобы всякий христианин был послушен Христу, подобно тому как по-

слушны воину бездушные оружия, чтобы Христос одерживал через них победу и потом делал и их, как оружия, участниками в Своей славе. Оружия сии, при всем том, что разумны, не должны иметь другого движения, кроме того, которое бывает по воле Самого Христа — Воителя и Победителя. А кто непослушен воле Христовой, тот всуе состоит в числе христиан. Нам же буди всегда представлять члены свои в послушные Христу оружия, силою Его (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 305—307).

***

Кто верует Христу, тот творит заповеди Его, а кто не творит заповедей Его, тот и не верует Ему. Неверующий же Христу, не то же ли, что неверный? Итак, все те, которые именуются христианами, но не живут по закону и заповедям Его, да ведают, что они еще не уверовали во Христа, хотя исповедуют Его Богом. Ибо кто истинно верует во Христа, тот не станет жить беззаконно и нарушать заповеди Божии, подобно тому как тот, кто видит перед собою пропасть, не может броситься в нее, если только он не потерял ума (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 324—325).

***

Кто живет во Христе, тот имеет и нрав Христов; а кто не имеет нрава Христова, тот мертв, и пусть он не обольщает себя... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 325).

***

Как Христос *греха не сотвори* (1 Пет. 2, 22), так и тому, кто облекается во Христа, как возможно грешить? Кто же грешит, тот явно не облечен во Христа (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 329).

***

...Кто не хочет делать дела, для которого Христос соделался человеком и пришел в мир, тот явно не принимает Самого Христа, хотя и кажется, что принимает. Которые же воистину уверовали в Него и приняли Его, тем дал Он область чадами Божиими быти. Как только они уверовали в Него, и Он вверился им и дал им приять от Себя Божественное; так что человек, верующий в Него, делается богом, как Он Бог соделался человеком (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 366—367).

***

Верующий не противится брату, но всем служит и не ропщет, а пребывает в терпении Божием, веруя, что тем большую получит награду... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 437).

***

Кто верует, тот не бывает ленив на молитвы, и не нерадит о службах церковных, но всегда себе внимает и молится непрестанно (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 437).

***

Кто верует, тот не идет широким и просторным путем, ведущим в пагубу тех, которые им идут, но идет путем тесным и прискорбным, веруя, что, поскорбевши на нем немного, будет вечно радоваться с Господом и всеми святыми (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 437).

***

Верующий не любит мира, ни вещей мирских, ни родителей или братий, ни жены или детей, ни другого чего,

но любит единого Господа и, взявши крест Его, последует Ему (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 437).

***

Кто верует, тот никакого дела не делает с лицемерием, но все дела свои делает для Господа и как перед Господом, ибо к Нему имеет прикованными очи души своей и от Него единого верует прияти воздаяние за дела свои (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 438).

***

Кто верует, тот не преслушивает Божественных словес, но, как верный работник Божий, с готовностью совершает всякое дело, ими указуемое (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 439).

***

Кто верует, тот идет правою стезею заповедей Божиих, не уклоняясь ни на десно, ни на шуюю, и никого не развращает худостью своею, потому что развращающий других хуже диавола... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 440).

***

Кто верует, тот всегда говорит истину, и из уст его не исходит никакая ложь; ибо те, которые говорят ложь, неверные суть и сыны диавола (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 440).

***

...В том и освящение, что христианин делается сильным крепостию на то, чтобы творить волю Божию, и сего

ради получает наименование верного христианина, как такой, которому вверена благодать Христова и который силою сей благодати живет в духе Христовом. Другим образом и возможности нет сделаться и быть христианином (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 463).

***

Представляя из себя христиан, показываем миру, что мы верные и совершенные христиане, хвалимся верою своею и столькими благами, от Бога в ней полученными, но на дела веры остаемся неподвижными и живем жизнью, поистине окаянной и жалости достойной. В этом отношении мы похожи на актеров театральных, которые принимают образ царей и других великих людей, сами в себе будучи самыми бедными и ничтожными, или походим на блудниц, которые от природы некрасивы, но, поднарядившись и подкрасив себя румянами, воображают себя красавицами (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 12).

***

...Как дитя, вышедши из чрева матери, чувствует воздух сей, не зная того, и тотчас само собою начинает кричать и плакать, так и тот, кто, быв рожден благодатию Всесвятаго Духа, выходит из мира сего, как из мрачной некоей утробы, и входит в мысленный и небесный свет, и некоторым образом проникает несколько в Божественный оный свет, — в то же время вдруг исполняется неизреченною радостию и испущает слезы без печали, помышляя о том, из какого рабства тьмы освободился он и в какой блистательный свет сподобился войти. Таково начало христианства! Те же, которые не видели и не испытали та-

кого блага или, испытавши, потеряли, а взыскать снова его не взыскали от Бога, в терпении и долгом злострадании, в плаче и слезах, чтобы, очистившись делали покаяния, т. е. постом, бдением, молитвою, сердечным сокрушением и прочим подобным, опять улучить оное потерянное благо, т. е. благодать Святаго Духа, и соединиться с ним, — таковые как могут, скажи мне, даже именоваться христианами, когда они совсем не таковы, какими следует быть христианам? (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 12).

***

Если предстоящие земному царю рады бывают этому, и как сами почитают то за великую славу и честь и хвалятся тем, так и другими хвалимы бывают за то и ублажаемы, то сколько более мы, соделавшиеся воинами Царя Небесного и восприявшие на себя служение Ему, имеем долг радоваться и веселиться, что сподобились сопричисленными быть к рабам Его и призваны работать во славу имени Его! Если же удостоимся когда-либо узреть и лице Его и стать в чин предстоящих Ему, то какой похвалы и какого ублажения не превосходит это? Но ежели кто еще соделается и другом Его верным и удостоен будет слышать беседу Его и глас Его владычный, то какой человеческий ум и какой язык может изобразить величие такой славы и такого достоинства? (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 16).

***

Те, которые исповедуют, что Христос истинен есть, и не соблюдают заповедей Его, будут почтены не только отвергшимися Христа, но и презревшими Его, и праведно будут осуждены паче тех, кои совсем не ведали Христа (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 39).

***

...Блаженны те, которые приняли Христа, пришедшего, как свет, в них, бывших во тьме, потому что они стали сынами Света и невечернего дня (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 56).

***

...Не сомневайся, если ты христианин, что каков Христос Небесный, таковым именно и ты должен быть (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 150).

***

Оружиями веры и *мечем духовным, иже есть глагол Божий* (ср.: Еф. 6, 17), победив духа сребролюбия, закалаем его и вместе с тем с помощью слова премудрости востекаем к созерцанию существующего, словом разума становимся выше ничтожества видимых благ и в царских дворах любви упокоеваемся под действием многобогатых сокровищ упования (прп. Никита Стифат, 93, 93).

***

...Сынами Божиими являются только те, которые презрели человеческую славу (свт. Григорий Палама, 26, 78).

***

...Тем, которых призывает Христос, необходимо всю жизнь проводить в воздержании и в посте, с благой надеждой ожидая Его пришествия (свт. Григорий Палама, 26, 94).

***

Следовать же Христу означает жить по Евангелию Его, проявляя всякую добродетель и благочестие; желающий же

следовать Ему должен отвергнуть себя и взять крест свой и уже более не щадить себя, если призовет время, но быть готовым и на позорную смерть ради добродетели и истины Божественных догматов (свт. Григорий Палама, 26, 113).

***

...Как новорожденный младенец имеет силу от природы стать мудрым, и потенциально он — мудр; с течением же лет, если при этом существуют и содействующие развитию обстоятельства, тогда и, действительно, будет мудрым, — так и возрожденный через Божественное крещение воистину восприял потенциальную силу, чтобы стать сообразным телу славы Сына Божиего; так что если будет шествовать в новизне жизни, жительствуя согласно Христу и по Его Евангелию, то в Воскресении, при происходящей от сего силы для совершенства, уже не верою и надеждою, но самой истиной и вещью возымеет прославленное и чистейшее тело, какое и Сам Господь имел после Воскресения. Воскреснут же и мертвые тела нечестивцев, но не в небесной славе, потому что они не будут сообразными телу Славы Христовой; не узрят они обстованного верным видения Бога, которое именуется также и Царством Божиим; ибо говорится: *да возмется нечестивый, да не видит славы Господни* (Ис. 26, 10). Но рожденные и вскормленные о Христе и пришедшие, насколько это возможно, в меру возраста исполнения Христова, блаженно сподобятся Божественного сияния и сами... воссияют как солнце в Царстве Отца их. Этого же Божественного сияния и светозарности и Адам, быв участником прежде преступления, как бы воистину одетый в торжественное одеяние славы, не был наг и не стыдился, что наг, но был гораздо более, так

что и выразить невозможно, украшен, чем ныне носящие на себе диадемы, украшенные множеством золота и драгоценными камнями. Сие наше естество, постыдно обнажившееся, вследствие преступления, сего Божественного сияния и светозарности. Слово Божие, помиловав и по человеколюбию восприяв, показало на Фаворе избранным из числа учеников — вновь и еще в более сильной степени облеченным в эту Божественную светозарность, чем некогда мы были, и ясно представило, каковыми мы, верующие в Него и получающие в Нем совершенство, будем в будущем веке. Ты найдешь, что залоги сего совершенства, принадлежащего живущим о Христе, были явно даны уже здесь (в этой жизни) святым Божиим, наслаждающимся уже теперь благом будущего века. И, предваряя, это явил Моисей, на славу лица которого не могли взирать сыны Израилевы, и после него еще нагляднее показал Сам Господь, просияв на горе во свете Божества до такой степени светозарно, что ни даже избранные из учеников, хотя и приявшие тогда духовную силу, взирая, не могли выдержать. Лицо же Стефана, как написано, выглядело как лицо Ангела, и сам он, с земли взирая за пределы небес, где Христос воссел одесную величия, видел пренебесную славу Божию. Да и мало ли было бы затем перечислять и приводить всех тех, которые еще здесь прияли залоги будущих благ и блаженно улучили оного Божественного сияния и светозарности, что да будет и нам получить благодатию и человеколюбием, ради нас воплотившегося, и страдавшего, и погребенного, и воскресшего, и поникновенное наше естество на небеса вознесшего и почтившего соседением с Отцем, — Иисуса Христа, Господа нашего... (свт. Григорий Палама, 26, 172—174).

***

Началом... подражания <Христу> является Святое крещение, являющееся образом погребения и Воскресения Господа; серединой — добродетельная жизнь и управление жизни по Евангелию; а завершение выражается в победе над страстями, путем духовных подвигов, которая производит жизнь беспечальную, неразрушимую и небесную, как и Апостол нам говорит: *Аще бо по плоти живете, имате умрети, аще ли духом деяния плотская умерщвляете, живи будете* (Рим. 8, 13). Итак, те, кто живут сообразно Христу, подражают Его жительству во плоти; каждый из них умрет в свое время, поскольку и Он умер во плоти, и согласно ей они воскреснут, сообразно Ему, прославленными и нетленными; однако не теперь, но когда придет время; кроме того, они и вознесутся, как и говорит это Павел: *Восхищени будем*, вещает он, *на облацех в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господем будем* (1 Фес. 4, 17) (свт. Григорий Палама, 26, 217).

***

...Со всяким тщанием, молю, удержимся от пьянства и услаждений, слов, и слушаний, и зрелищ постыдных, ибо это возбуждает нам плоть, вызывает нас на борьбу, которая совсем нам некстати и не допускает нам правильно видеть и вести нашу внутреннюю брань; по этой причине необходимо приключается нам оказываться побежденными и падать и обычно или большей частью быть захваченными в плен грехом, нам, которые слепы по отношению к внутренним врагам, в то время как всецело прилежим внешним врагам (свт. Григорий Палама, 26, 237—238).

***

...Когда будет мирное время для благочестия, то путем добродетели умерщвляя злые страсти и вожделения, человек таким образом является вземлющим крест свой и следует за Господом. Когда же наступило бы время гонения, то, презрев свою жизнь и предав душу свою за благочестие, человек таким образом вземлет крест свой и следует за Господом и таким образом наследствует вечную жизнь. Ибо Христос говорит: *Обретый душу свою, погубит ю, а иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю* (Мф. 10, 39). Что же означают эти слова: *иже погубит душу свою, обрящет ю*? Человек сугуб: внешний, имею в виду — тело, и внутренний наш человек, именно — душа. Посему, когда внешний наш человек предаст себя на смерть, этим он губит свою душу, отделяемую от него; когда же за Христа и Евангелие он таким образом погубит ее, тогда-то воистину обретет ее, доставив ей небесную и вечную жизнь, и во Всеобщем Воскресении имея ее таковой, благодаря ей и сам — имею в виду и по плоти — он станет таким же небесным и вечным. Но поскольку это — тяжко и велико и дело только совершенных, и, так сказать, апостольское дело: распять плоть со страстьми и похотьми, быть готовым на крайнее бесчестие и на позорнейшую смерть ради добра, погубить душу свою ради Евангелия, — то, то́ что затем Господь, допуская, говорит, служит в утешение тем, которые не имеют сил для такого, превосходящего естество, подвига: *Иже вас приимет*, т. е. апостолов и последующих за ними отцев и учителей благочестия, — *Мене приемлет*, говорит, *и иже приемлет Мене, приемлет Пославшаго Мя* (Мф. 10, 40) (свт. Григорий Палама, 26, 252—253).

***

Христос есть Царь, вполне пречистый, прекрасный и святой, и последователям Его также надлежит быть святыми (прп. Максим Грек, 68, 5).

***

Блюдись же, чтобы назначенное тебе Богом время на исцеление душевных твоих струпов не провести без ума в сладкопитании и пьянствах и, вместо незаходимого света, не вселиться в страшную тьму (прп. Максим Грек, 68, 12).

***

Тесным путем шествуй полной стопой, чтобы нога твоя сподобилась стать в пространном Небесном Отечестве (прп. Максим Грек, 68, 12—13).

***

Старайся же всегда исполнением заповедей Владыки веселить ангельские лики, а не радовать беззаконными делами скверные и человеконенавистные полки пагубных бесов (прп. Максим Грек, 68, 12—13).

***

Избирай всегда тягостное и прискорбное и не люби утех и удовольствий, от которых не бывает никакой пользы для души; люби быть в подчинении и зависимости от воли других. Каждое дело да будет для тебя шагом в приближении к Богу, и ни одно дело да не будет тебе препоной на сем пути. Вот что должно тебя радовать. Один Бог да будет для тебя сладчайшим утешением, все же другое го-

речью. Всякую тяготу свою вознеси к Богу. Люби Его и Ему предавай все свое сердце, без всякого размышления и страха. И Он найдет способ разрешить все твои недоумения и восставить тебя, если ты пал. Одним словом, если возлюбишь ты Бога, то получишь от Него всякое благо. Всего себя принеси в жертву Богу, в мире и спокойствии духа.

А чтобы успешнее тебе шествовать сим путем без утомления и смятения, влагай волю свою в волю Божию; чем полнее вложишь ты ее так, ничего себе не оставляя, тем более получишь силы и утешения. Воля твоя да будет так настроена, чтобы желать только того, что желает Бог, и не желать ничего из того, чего не желает Бог. Всегда и при всяком деле возобновляй намерение и решимость души твоей быть во всем угодным Богу. Не строй замыслов на будущее время, ибо не знаешь, что *породит находящий день* (ср.: Притч. 27, 1); но держи себя ничем не связанным и свободным. Однако же этим не воспрещается всякому пещись с разумным попечением и старанием о том, что потребно по его состоянию и званию, ибо такое попечение сообразно с волею Божиею и не препятствует внутреннему миру в преданности Богу и всякому преуспеянию в духе. Во всяком деле держи решимость сделать по Нему все, что можешь, что подобает и что обязательно для тебя, ко всему же другому при сем будь равнодушен, и смиренно покоряйся тому, что последует из того для тебя совне (прп. Никодим Святогорец, 70, 271—272).

***

Чтобы последовать Христу, надо ведать глас Его. Изучи Евангелие, и возможешь жизнию твоею последовать Христу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 85).

***

Достоинство каждого христианина составляет Искупитель, и тот из человеков выше других по достоинству своему, кто существеннее усвоил себе Искупителя (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 349).

***

Христианин, желающий быть последователем Господа нашего Иисуса Христа, и соделаться по благодати сыном Божиим, рожденным от Духа, прежде всего должен положить себе за правило, вменить себе в непременную обязанность благодушное терпение всех скорбей: и телесных страданий, и обид от человеков, и наветов от демонов, и самого восстания собственных страстей своих (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 350).

***

Стремящийся последовать Христу и быть сонаследником Его должен быть ревностным подражателем страданий Его. Любящие Христа и последователи Его обнаруживают и доказывают свой сокровенный залог тем, что претерпевают всякую ниспосылаемую им скорбь не только с благодушием, но и с усердием, и с ревностию, и с радостию, и с благодарением, возлагая на Христа все упование (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 354).

***

Он <истинный христианин> может быть уподоблен великому кораблю, преисполненному духовными, разнообразными сокровищами, непрестанно приумножающему их на пути своем. Богатств этих мир вместить не может: так они

велики. Так драгоценны эти богатства, что все богатства мира в сравнении с ними — ничто. Завидует мир этим богатствам, дышит ненавистью к стяжавшему их. Корабль, несмотря на прочность построения и на величину свою, наветуется противными ветрами, бурями, подводными камнями, мелями: каждый христианин, несмотря на то что он облечен во Христа, должен совершить земное странствование среди многочисленных опасностей. Все, без всякого исключения, хотящие спастись, *гонимы будут* (2 Тим. 3, 12) (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 363).

***

...Он <христианин> верует, что все совершающееся с ним совершается по воле Бога. Для христианина и противный ветер бывает попутным: покорность воле Божией примиряет его с положениями самыми тягостными, самыми горькими (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 364—365).

***

Слуга Христов должен быть как можно свободнее от худых навыков, чтобы они не возбранили ему шествие ко Христу. Он должен удаляться от навыков, не только прямо греховных, но и от всех, приводящих ко греху, как то: от навыков к роскоши, к изнеженности, к рассеянности (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 380).

***

Руководителем христианина должен быть Дух Святый, как руководители ветхого человека — плоть, кровь и дух лукавый (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 501).

***

Наперсник закона Божия во всех упражнениях, во всех делах своих имеет целью богоугождение. Мир обращается для него в книгу заповедей Господних. Прочитывает он эту книгу делами, поведением, жизнью (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 6).

***

Последовать Христу значит проводить земную жизнь единственно для неба, подобно тому, как проводил Свою земную жизнь Богочеловек (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 355).

***

Мало и уничиженно словесное стадо истинных христиан; оно в презрении и гонении у гордых сынов мира; но Господь заповедует ему не изнемогать в скорбях и не страшиться их... (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 172).

***

Истинного христианина Святой Дух зиждет духовно и преобразует в жилище Божие. Он во внутреннем человеке изображает и вселяет Христа (см.: Еф. 3, 16—17) (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 166).

***

...Когда человек не разместит должным образом своих обязанностей, не даст каждой из них должной меры, тогда исполнение их не может иметь плодом добродетель; плодом будут согрешения и ошибки, тем более опасные, что наружное облачение их благовидно (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 421).

***

Уединением вашим — да будет душа ваша, умерщвленная для мира; святою обителию вашею — да будет душа ваша, — да будет она обителию всех Евангельских добродетелей (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 465).

***

...Если хочешь быть верным, ревностным сыном Православной Церкви, то достигай этого исполнением Евангельских заповедей относительно ближнего. Не дерзни обличать его! Не дерзни учить его! Не дерзни осуждать и укорять его! Это — деяние не веры, а безрассудной ревности, самомнения, гордыни (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 277).

ХРИСТОЛОГИЯ

Божественность Иисуса Христа

...Чем большему осмеянию подвергается Оно <Слово> неверными, тем убедительнейшее представляет свидетельство о Божестве Своем (свт. Афанасий Великий, 1, 192).

***

Он <Господь> не был так объят телом, чтобы когда был в теле, тогда не был и вне тела, и когда приводил в движение тело, тогда вселенная лишена была Его действия и промышления. Но, что всего удивительнее, Он, как Слово, ничем не был содержим, а наипаче Сам все содержал. И как, пребывая в целой твари, хотя по сущности Он вне всего, однако же силами Своими присущ во всем, все благоустрояя, на все и во всем простирая Свое промышление, оживотворяя и каждую тварь, и все твари в совокупности,

объемля целую вселенную и не объемлясь ею, но весь всецело пребывая в едином Отце Своем; так и в человеческом пребывая теле и Сам оживотворяя его, вне всякого сомнения, оживотворял и вселенную, пребывал во всех тварях и был вне вселенной, давал познавать Себя в теле делами и не переставал являть Себя в действиях на вселенную.

...Оно <Слово> не связывалось телом, а, напротив того, Само наипаче обладало им; посему и в теле Оно было и находилось во всех тварях, и было вне существ, и упокоевалось в Едином Отце... провождало жизнь, как человек, все оживотворяло, как Слово, и сопребывало со Отцем, как Сын. Посему, когда рождала Дева, Оно не страдало и, пребывая в теле, не сквернилось, но, напротив того, освящало наипаче и тело, потому что, и пребывая во всех тварях, не делается Оно всему причастным, а, напротив того, все Им оживотворяется и питается. Если и солнце, Им сотворенное и нами видимое, круговращаясь на небе, не сквернится прикосновением к земным телам и не омрачается тьмою, а, напротив того, само их освещает и очищает, то тем паче Всесвятое Божие Слово, Творец и Господь солнца, давая познавать Себя в теле, не прияло на Себя скверны, а напротив того, будучи нетленным, оживотворяло и очищало и смертное тело (свт. Афанасий Великий, 1, 212—213).

***

...О Господе и Спасителе нашем Иисусе Христе должно говорить из Писания, что написано о Нем, а не вводить речений, не находящихся в Писании (свт. Афанасий Великий, 1, 443).

***

...<Сын Божий> неотделим от Отца, как сияние от света (свт. Афанасий Великий, 1, 452).

***

Как скоро намеревался я писать и принуждал себя помыслить о Божестве Слова — всякий раз далеко от меня отступало ведение, и сознавал я, что в такой мере остаюсь я позади, в какой думал постигнуть. Ибо не мог написать того, что, по-видимому, представлял умом; а что писал, то делалось слабее даже и той малой тени истины, какая была у меня в мысли (свт. Афанасий Великий, 2, 103).

***

Как вечен Отец, так вечно Его Слово или вечна Его Премудрость (свт. Афанасий Великий, 2, 186).

***

...Измеряющие временем образ и начертание Божества пусть вникнут, в какой ров нечестия впадают они. Если Сын не был, пока не рожден, то в Боге не всегда была истина. Но сказать это — нечестиво (свт. Афанасий Великий, 2, 203).

***

...Сущий Бог от Себя имеет и Сущее Слово; и Слово не после явилось, как несуществовавшее прежде, и Отец никогда не был без Слова. Дерзость против Сына влечет за собою хулу на Отца... (свт. Афанасий Великий, 2, 209).

***

...Когда восхотел Бог, тогда и созданы твари Словом Его; а Сын всегда есть собственное рождение Отчей сущности (свт. Афанасий Великий, 2, 215).

***

Где Отец, там и Сын, как и где свет, там сияние (свт. Афанасий Великий, 2, 316).

***

...Отец и Сын и Святый Дух — несотворенное естество, владычественное достоинство; естественная благость. Отец — начало всего, причина Бытия существ, корень живущих. Отсюда произшел Источник Жизни, Мудрость, Сила, неразнственный Образ Невидимого Бога, от Отца рожденный Сын, Живое Слово, Сущий Бог и Сущий у Бога; Сущий, а не привзошедший, существующий прежде веков, а не впоследствии стяжанный; Сын, а не стяжание; Производитель, а не произведение; Творец, а не тварь; сущий всем тем, чем есть Отец (свт. Василий Великий, 8, 223).

***

...Чтобы уяснялась для тебя особность Лиц, считай особо Отца и особо Сына, но чтобы не впасть тебе в многобожие, исповедуй в Обоих единую сущность (свт. Василий Великий, 8, 326—327).

***

Всякое действие и всякое слово Спасителя нашего Иисуса Христа есть правило благочестия добродетели (свт. Василий Великий, 9, 318).

***

Ни одна из тварей не может делать всего, что хочет. Но Сын *на небеси и на земли, вся елико восхоте, сотвори* (Пс. 113, 11). Следовательно, Сын — не тварь. И еще: все твари или состоят из противоположностей, или могут

вмещать в себе противоположности. Но Сын источная правда и невеществен. Следовательно, Сын — не тварь. А если — не тварь, то единосущен с Отцем... (свт. Василий Великий, 10, 35).

***

...Перейдем к наименованиям Сына, о которых и предположено говорить в Слове. Мне кажется, что Он именуется: *Сыном*, потому что Он тождествен с Отцем по сущности, и не только тождествен, но и от Отца. *Единородным* (Ин. 1, 18), потому что Он не только Единый из Единого и единственно Единый, но и единственным образом, а не как тела. *Словом* (Ин. 1, 1), потому что Он так относится к Отцу, как слово к уму, не только по бесстрастному рождению, но и по соединению с Отцем, и потому, что изъявляет Его. А иной сказал бы может быть, что относится к Отцу, как определение к определяемому; потому что и определение называется словом. Ибо сказано, что познавший (таково значение слова: *видевший* (см.: Ин. 14, 9) Сына познал Отца, и Сын есть сокращенное и удобное изображение Отчего естества, так как и всякое порождение есть безмолвное слово родившего. Но не погрешит в слове, кто скажет, что Сын именуется Словом, как соприсущий всему сущему. Ибо что стоит не Словом? *Премудростию* (1 Кор. 1, 24), как ве́дение Божеских и человеческих дел. Ибо Сотворшему возможно ли не знать законов сотворенного Им? *Силою* (1 Кор. 1, 24), как Охранитель тварей и Податель сил к продолжению бытия. *Истиною* (Ин. 14, 6), как единое, а не множественное по естеству (ибо истинное единственно, а ложь многолична); как чистая печать и нелживейший образ Отца. *Образом* (2 Кор. 4, 4), как Единосущный, и потому что Он от Отца, а не Отец от Него, ибо самая природа образа состоит в том, чтобы быть под-

ражанием Первообразу и Тому, Чьим называется он образом. Впрочем, здесь более обыкновенного образа. Ибо там и недвижимое бывает образом движимого; а здесь Живого Бога — Живой Образ, более имеющий с Ним сходства, нежели Сиф с Адамом и всякое порождение — с родившим. Ибо такова природа существ простых, что они не могут в одном сходствовать, а в другом не сходствовать, напротив, целое бывает изображением целого, и притом более похожим, нежели слепок. *Светом* (Ин. 8, 12), как светлость душ, очищенных в уме и жизни. Ибо если неведение и грех — тьма, то ведение и Жизнь Божественная — Свет. *Жизнию* (Ин. 14, 6), потому что Он свет, опора и осуществление всякой разумной природы. *О Нем бо живем и движемся и есмы* (Деян. 17, 28), по двоякой силе вдохновения, и по дыханию жизни, которое вдохнул Он во всех, и по Духу Святому, Которого дает вмещающим и по мере того, как отверзаем уста разумения. *Правдою* (1 Кор. 1, 30), потому что разделяет по достоинству, правдиво судит и тех, которые под Законом, и тех, которые под Благодатью, и душу, и тело, чтобы одна начальствовала, а другое состояло под начальством, чтобы лучшее владычествовало над худшим, а худшее не восставало против лучшего. *Освящением* (1 Кор. 1, 30), как чистота, чтобы Чистое вмещаемо было чистотою. *Избавлением* (1 Кор. 1, 30), как освобождающий нас, содержимых под грехом, как давший Себя за нас в Искупление, в Очистительную Жертву за вселенную. *Воскрешением* (Ин. 11, 25), как преселяющий нас отселе, и умерщвленных грехом, вводящий в жизнь. Сии имена принадлежат еще вообще Сущему выше нас и Сущему ради нас: собственно же нам свойственные и принадлежащие воспринятому Им человечеству суть следующие: *Человек* (1 Тим. 2, 5), чтобы Невместимый иначе для телесного, по причине необъемлемости естества, не только сделался

вместимым через тело, но и освятил Собою человека, соделавшись как бы закваскою для целого смешения, всего человека освободил от осуждения, соединив с Собою осужденное, став за всех всем, что составляет нас, кроме греха — Телом, Душою, Умом, — всем, что́ проникла смерть. А общее из всего этого есть человек, по умосозерцаемому видимый Бог. *Сын Человеческий* (Ин. 3, 13) и через Адама, и через Деву, от которых родился (от одного, как от Праотца, от другой, как от Матери) и по закону, и сверх законов рождения. *Христос,* по Божеству, ибо само помазание освящает человечество не действием своим, как в других помазанниках, но всецелым присутствием Помазующего. И следствием сего помазания то, что Помазующий именуется человеком, а помазуемое делается Богом. *Путь* (Ин. 14, 6), как через Себя веду́щий нас. *Дверь* (Ин. 10, 9), как вводитель. *Пастырь* (Ин. 10, 11), как вселяющий *на месте злачне,* воспитывающий *на воде покойне* (Пс. 22, 2), путеводствующий отселе, защищающий от зверей, обращающий заблудшего, отыскивающий погибшего, обвязывающий сокрушившегося, сберегающий крепкого (см.: Иез. 34, 4) и вещаниями пастырского искусства собирающий в тамошнюю ограду. *Овча* (Ис. 53, 7), как заколение. *Агнец* (1 Пет. 1, 19), как совершенный. *Архиерей* (Евр. 4, 14), как дарующий нам доступ. *Мелхиседек* (Евр. 7, 1), как рожденный без матери по естеству высшему нашего, и без отца — по естеству нашему, как не имеющий родословия по Горнему рождению, ибо сказано: *род Его кто исповесть?* (Ис. 53, 8); как Царь Салима, т. е. мира, как Царь правды, и как приемлющий десятину от патриархов, которые мужественно подвизались против лукавых сил. Имеешь перед собою наименования Сына. Шествуй по оным; и если они высоки, то шествуй — божественно, а

если телесны, то — подобострастно, лучше же сказать — совершенно божественно, чтобы и тебе стать богом, восшедшим от земли через Снисшедшего ради нас свыше. А паче всего и прежде всего наблюдай сказанное и не погрешишь в высоких и низких наименованиях. *Иисус Христос вчера и днесь* телесно, *тойже* духовно *и во веки* (Евр. 13, 8) веков (свт. Григорий Богослов, 14, 98—102).

***

Бог от начала прост; потом сопряжен с человечеством, а потом пригвожден богоубийственными руками; — таково тебе учение о Боге, вступившем в единение с нами! (свт. Григорий Богослов, 16, 45).

***

...Ты, Христе, часть моя, и лучше Тебя иметь, нежели все то, что есть у всех. Ты единственное твердое и свободное стяжание, которого не лишит меня никакая зависть (свт. Григорий Богослов, 17, 70).

***

...Спаситель наш Иисус Христос есть Сын Божий, и называется так по естеству, а не именуется только Сыном, в не собственном смысле сего слова, как мы, будучи тварию; что Он не имеет начала, но вечен; почему по самой Ипостаси Своей Он и в бесконечные веки будет царствовать с Отцем (свт. Григорий Нисский, 24, 2).

***

...Мы, руководимые Священным Писанием, говорим, что Христос есть всегда, и умопредставляется совечным Отцу.

Ибо как Единородный Бог есть всегда Бог, а не соделывается таковым через причастие (Божеству), или через какое-либо восхождение из низшего состояния до Божественности, так и сила, и мудрость, и всякое боголепно именуемое совершенство совечно Его Божеству, так что не прибавилось к славе Его естества ничего, чего бы не было в Нем от начала. Имя же: Христос, мы особенно почитаем приличным прилагать Единородному от вечности, будучи приводимы к такому мнению самым значением сего Имени: ибо исповедание сего Имени заключает учение о Святой Троице, потому что в сем наименовании богоприлично обозначается каждое из исповедуемых нами Лиц. А чтобы не показалось, что мы говорим что-нибудь от себя, присовокупим пророческие слова: *Престол Твой, Боже, в век века: жезл правости, жезл Царствия Твоего; возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие: сего ради помаза Тя, Боже, Бог Твой елеем радости паче причастник Твоих* (Пс. 44, 7—8). В сих словах Писания *престол* указывает власть Его над всем; *жезл* правости означает нелицеприятие Его суда; *елей* же *радости* изображает силу Святаго Духа, Которым помазуется Бог от Бога, — т. е. Единородный от Отца, поелику возлюбил правду и возненавидел беззаконие (свт. Григорий Нисский, 24, 182—183).

***

...Христом Он назван потому, что облекся в плоть; назван Иисусом Христом — имя Его по плоти; назван Словом потому, что слово — от кого-либо; Сыном потому, что от Отца; Единородным потому, что один только и от одного только Бога; Богом потому, что Творец (свт. Иоанн Златоуст, 45, 891).

***

Плоть <Спасителя> имела Святаго Духа, не часть духовных дарований, как имеем мы, когда одному сообщается мудрость, а другому — ве́дение, но имела все дарования (свт. Иоанн Златоуст, 46, 887).

***

Его <имени Божиего> страшатся бесы, боятся болезни; этим именем апостолы исправили всю вселенную; его употребив вместо оружия, Давид поразил иноплеменника; им совершено множество великих дел; им мы совершаем Священные Таинства (свт. Иоанн Златоуст, 48, 309).

***

Подобно тому как никто не может жить без головы и власти, исходящей из нее в члены (тела), так ничто из созданного не может продолжаться без Христа... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 168).

***

...Он <Христос> есть самый Источник, самый Корень всех благ — самосущая Жизнь, самобытный Свет, самосовершенная Истина. Он не удерживает обилия благ в Себе Самом, но изливает его на всех других... Всегда источая и всем сообщая эти блага, остается в том же совершенстве (свт. Иоанн Златоуст, 51, 90).

***

Мелхиседек значит царь правды, который есть Христос, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни. Бог-Слово ни начала дней не имел, ни прекращался когда-либо или

умирал; Христос всегда пребывает (свт. Иоанн Златоуст, 53, 898—899).

***

Он <Христос> — небесный по природе Божества, земной — по Своему человечеству, зрим — по телу, невидим — по духу. Им можно овладеть по телу, нельзя овладеть по Слову (свт. Иоанн Златоуст, 53, 930).

***

Он <Господь>, как младенец, питался материнским молоком, а Сам питал всю природу, как ее Питатель; Он, как дитя, повит был детскими пеленками, а Сам, как Бог, расторгал пелену грехов... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 928).

***

...В Нем <Христе> была хотя истинная плоть, но без греха, т. е. подобная греховной. То относится к истинности человеческого существа, а это к порокам и нравам. Он имел подобие греховной плоти, когда, как человек не знающий, заботясь о хлебе, спрашивал: *сколько хлебов имеете?* (ср.: Мк. 6, 38). Но как плоть Его не была подвержена греху, так и душа — неведению. Потом Евангелист добавляет: *говорил это Иисус, испытывая его, ибо Сам знал, что хотел сделать* (ср.: Ин. 6, 6). Он имел плоть, подобную нашей грешной, когда, как бы жаждая, просил у самарянской женщины пить, но она не была осквернена греховной нечистотой, потому что, напротив, женщина вызвана была на то, чтобы просить у Него воду живую, которая бы не допускала ей жаждать никогда, но была в ней источником воды, текущей в Жизнь Вечную (см.: Ин. 4, 14). Он имел истинную эту плоть, когда спал на кораб-

ле; но чтобы плавающие с Ним не обманулись подобием плоти греховной, Он, встав, запретил ветру и морю, и сделалась великая тишина (см.: Мф. 8, 26). По общей всем участи Он казался подверженным греху, когда говорили о Нем: *если бы этот человек был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница* (ср.: Лк. 7, 39); но Он не имел действительного греха, потому что, обличив хульное помышление фарисея, Он тотчас простил грехи женщине. Думали, что Он носит грешную плоть, как и другие, когда, как человек, находясь в опасности смерти и пораженный страхом угрожающих мучений, Он молился: *Отче Мой, если возможно, да минует Меня чаша сия; и прискорбна есть душа Моя до смерти* (ср.: Мф. 26, 38—39); но эта скорбь не знала греховной язвы, потому что Виновник жизни не мог бояться смерти. Ибо Он говорит: *никто не отнимет жизни у Меня; но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее* (ср.: Ин. 10, 18) (прп. авва Феона, 56, 577—578).

***

...Когда во время смерти <Христа> отделилась душа Его от Тела, Божество не отделялось ни от души Его, ни от тела... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 167).

***

...Христос бывает для нас всем, и ве́дением, и мудростию, и словом, и осиянием, и созерцанием, и знанием; и любящим Его дает вкусить от благ Своих и в настоящей жизни отчасти, дает также им таинственно слышать и неизреченные некие глаголы, от большей части сокрытые. Ибо если Христос не будет для нас всем вместе, то будет

следовать, что Царство Небесное и блаженство его неполны и несовершенны (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 478).

***

Красота Твоя, Владыко Христе, неизъяснима, зрак несравним, великолепие неизреченно, и слава превышает ум и слово. Твой нрав, Твоя благость и кротость превосходят помышления всех земнородных (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 68).

***

Ты, Христе — Царство Небесное, Ты — земля кротких, Ты — рай зеленеющий, Ты — чертог Божественный, Ты — неизреченная таинница, Ты — (общая) для всех трапеза, Ты — Хлеб Жизни, Ты — питие совершенно новое, Ты — и чаша воды, и вода жизни, Ты для каждого из святых светильник неугасимый, Ты — и одеяние, и венец, и раздаятель венцов, Ты — радость и упокоение, Ты — утеха и слава, Ты — веселие, Ты — и радование (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 121).

***

Ни делом, ни мыслию нераздельное Слово не отделяется (от Отца) (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 278).

***

Ты являешься очам нашим, прикрыв невыносимую Славу Божества человеческою плотию; будучи Словом Божиим, вещаешь нам слово Божие в звуках слова человеческого. Сила Твоя — сила Бога. Кротость Твоя — кротость агнца. Имя Твое — имя человека. Это всесвятое Имя вра-

щает небом и землею... Оно, когда входит в слух, когда выходит из уст, входит и выходит как бесценное сокровище, бесценное перло! *Иисус Христос!* Ты — и Господь человеков и Человек... Ты — и Бог, и человек! Ты — и Владыка, и раб! Ты — и Жрец и Жертва! Ты — и Спаситель, и... Судия... И целишь Ты все недуги! И посещаешь, приемлешь грешников! И воскрешаешь мертвых! И повелеваешь водам моря, ветрам неба! И чудно вырастают хлебы в руках Твоих... посеваются, жнутся, пекутся, преломляются в одно и то же время... И алчешь Ты, чтобы нас избавить от глада!.. Путешествуешь по стране нашего изгнания с утруждением Себя, чтобы возвратить нам утраченное нами спокойное, исполненное сладостей небесное естество!.. (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 393—394).

***

...Величие имени Иисуса превыше постижения разумных тварей земли и неба, постижение его непостижимо приемлется младенческою простотою и верою (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 240).

Воплощение

...Он <Спаситель> по естеству бесплотен и есть Слово, однако же, по человеколюбию и благости Отца Своего, для нашего спасения явился нам в человеческом теле (свт. Афанасий Великий, 1, 192).

***

...Нашим преступлением вызвано человеколюбие Слова, чтобы Господь пришел к нам и явился среди людей (свт. Афанасий Великий, 1, 196).

***

<Слово воплотилось, чтобы> людей, обратившихся в тление, снова возвратить в нетление и оживотворить их от смерти, присвоением Себе тела и благодатию Воскресения уничтожая в них смерть, как солому огнем (свт. Афанасий Великий, 1, 201).

***

...Слово, распростершись всюду... горе́ — в творении, долу — в вочеловечении, в глубину — во аде, в широту же — в мире, все наполнило ве́дением о Боге (свт. Афанасий Великий, 1, 211).

***

Кто возвращает человеку, чего не было у него от рождения, о том, без сомнения, явно, что Он — Господь и рождения человеческого. Посему-то в начале, приходя к нам, <Господь> создает Себе тело от Девы, чтобы и в этом показать всем немалый признак Божества Своего, потому что Создавший это тело есть Творец и прочих тел (свт. Афанасий Великий, 1, 214).

***

...Заслуги Спасителя, совершенные через вочеловечение Его, столь велики и многочисленны, что пожелать изобразить их — значило бы уподобиться человеку, который устремил взор на морскую пучину и хочет перечесть ее волны. Как невозможно объять глазами всех волн, потому что чувству покусившегося на это представляются непрестанно новые и новые волны, так и намеревающемуся объять умом все заслуги, совершенные Христом в теле, невозможно даже вместить их в помысле, потому что вновь представляющиеся мыслям его — гораздо многочисленнее тех, которые,

как думает он, объял уже мыслию (свт. Афанасий Великий, I, 260).

***

...Восприятая Им <Словом> на Себя плоть в Нем и Им помазуется, чтобы освящение, совершенное над Господом, как над человеком, совершилось Им над всеми людьми (свт. Афанасий Великий, 2, 238).

***

Поелику мы, люди, не захотели познать Бога через Слово Его и послужить Божию Слову — Владыке нашему по естеству, то благоизволил Бог явить в человеке господство Свое и всех привлечь к Себе. Неприлично же было совершить это через простого человека, чтобы, имея господом человека, не стали мы человекопоклонниками (свт. Афанасий Великий, 2, 283).

***

Для тебя воплотился <Христос>, чтобы приступал ты к Нему без страха; для тебя вочеловечился, чтоб исцелить твои тяжкие язвы (прп. Ефрем Сирин, 30, 294).

***

Покрывалом человечества соблазнялись в Нем <Иисусе Христе> неразумные; посему, как бы раздрав его, показал малый луч на горе, и им ослеплено было телесное око. Итак, устремим к Нему око духовное (прп. Ефрем Сирин, 33, 342).

***

Уподобимся Христу, ибо и Христос уподобился нам; соделаемся богами ради Его, ибо и Он стал человеком для нас. Он воспринял худшее, чтобы дать лучшее; обнищал, чтобы нам обогатиться Его нищетою; принял зрак раба, чтобы нам получить свободу, снисшел, чтобы нам вознестись; был искушен, чтобы нам победить; претерпел бесславие, чтобы нас прославить; умер, чтобы спасти; вознесся, чтобы привлечь к Себе долу лежащих в греховном падении (свт. Григорий Богослов, 12, 7).

***

...<Христос> снисходит к сорабам и рабам, приемлет на Себя чужое подобие, представляя в Себе всего меня и все мое, чтобы истощить в Себе мое худшее, подобно тому как огонь истребляет воск или солнце — земной шар, и чтобы мне через соединение с Ним приобщиться свойственного Ему. Посему собственным Своим примером возвышает Он цену послушания и испытывает оное в страдании, потому что недостаточно было одного расположения, как недостаточно бывает и нам, если не сопровождаем его делами, ибо дело служит доказательством расположения. Но, может быть, не хуже предположить и то, что Он подвергает испытанию наше послушание и все измеряет Своими страданиями, водясь искусством Своего человеколюбия, дабы собственным опытом дознать, что для нас возможно и сколько должно с нас взыскивать, и нам извинять, если при страданиях принята будет во внимание и немощь. Ибо ежели и *Свет*, Который по причине покрова <плоти> *светит во тьме* (ср.: Ин. 1, 5), т. е. в сей жизни, гоним был другою тьмою (разумею лукавого и искусителя), то

кольми паче потерпит сие по своим немощам тьма <человек>. И что удивительного, ежели мы, когда Свет совершенно избежал, бываем несколько настигаемы? По правому о сем рассуждению, для Него более значит быть гонимым, нежели для нас — быть настигнутыми. Присовокуплю к сказанному еще одно место, которое приходит мне на память и очевидно ведет к той же мысли, а именно: *в Немже бо пострада, Сам искушен быв, может и искушаемым помощи* (Евр. 2, 18) (свт. Григорий Богослов, 14, 83—84).

***

...Тот, Кто даровал бытие, даровал и благобытие... чтобы мы, ниспадшие из благобытия через грех, снова возвращены были в оное через Воплощение (свт. Григорий Богослов, 14, 235).

***

...Само Божие Слово, превечное, невидимое, непостижимое, бестелесное, Начало от Начала, Свет от Света, Источник жизни и бессмертия, Отпечаток первообразной красоты, Печать непереносимая, Образ неизменяемый, Определение и Слово Отца, приходит к Своему образу, носит плоть ради плоти, соединяется с разумною душою ради моей души, очищая подобное подобным, делается человеком по всему, кроме греха. Хотя чревоносит Дева, в Которой душа и тело предочищены Духом (ибо надлежало и рождение почтить, и девство предпочесть); однако же происшедший есть Бог и с воспринятым от Него (человеческим естеством) — единое из двух противоположных — плоти и Духа, из которых Один обожил, а другая обожена. О, новое смешение! О, чудное растворение! Сый начинает бытие; Несозданный созидается; Необъемлемый объемлется через разум-

ную душу, посредствующую между Божеством и грубою плотью; Богатящий обнищавает — обнищавает до плоти моей, чтобы мне обогатиться Его Божеством; Исполненный истощается — истощается ненадолго в славе Своей, чтобы мне быть причастником полноты Его. Какое богатство благости! Что это за таинство о мне? Я получил образ Божий и не сохранил Его; Он воспринимает мою плоть, чтобы и образ спасти, и плоть обессмертить. Он вступает во второе с нами общение, которое гораздо чуднее первого, поколику тогда даровал нам лучшее, а теперь воспринимает худшее; но сие боголепнее первого, сие выше для имеющих ум! (свт. Григорий Богослов, 14, 245—246).

***

Веруй, что Сын Божий — предвечное Слово, рожден от Отца безлетно и бесплотно, и Он же в последние дни родился ради тебя и Сыном Человеческим, происшедши от Девы Марии, неизреченно и нескверно (ибо нет никакой скверны, где Бог и откуда спасение); что Он всецелый человек и вместе Бог, ради всего страждущего человека, дабы всему тебе даровать спасение, разрушив всякое осуждение греха, бесстрастный по Божеству, страждущий по воспринятому человечеству; столько же для тебя человек, сколько ты ради Его делаешься богом; что Он за беззакония наши веден на смерть, распят и погребен, поколику вкусил смерть и, воскресши в третий день, вознесся на небо, дабы возвести с Собою тебя, поверженного долу, но паки приидет в славное явление Свое судить живых и мертвых, приидет уже не плотию, но и не бестелесным, а в известном Ему только образе боголепнейшего тела, чтобы и видимым быть для прободших Его, и пребывать Богом, непричастным дебелости. Сверх сего признавай Воскресение, Суд и воздаяние по правдивым весам Божиим.

И сие воздаяние для очищенных сердцем будет Свет, т. е. Бог видимый и познаваемый по мере чистоты, что называем и Царствием Небесным, — а для слепотствующих умом, т. е. для отчужденных от Бога по мере здешней близорукости, будет тьма. Наконец, на сем основании догматов делай добро, потому что *вера без дел мертва* (Иак. 2, 26), как и дела без веры (свт. Григорий Богослов, 14, 320—321).

***

...Бог, став человеком, страждет как человек, и обнищавает до восприятия плоти, чтобы мы обогатились Его нищетою (свт. Григорий Богослов, 15, 144).

***

Конец же закона — Христос, для того в общение с человечеством вступил в девическом чреве, чтобы супружество преклонило к земле главу и чтобы оно уступило свое место, а явилось лучшее украшение. И смерть, через удоборазрушаемую плоть первородного вошедшая в рождаемых от влажного семени и подлежащих разрушению, приразилась к девству и погибла, как огромная волна у прибрежного камня, или напитанный водою пламень (свт. Григорий Богослов, 16, 65).

***

Многие держатся и такого учения, что из лона девического прозяб Божий человек, Которого Дух соорудил храмом Великого Бога, воздвигая чистый храм, потому что Матерь есть храм Христов, а Христос есть храм Слова. Ибо после того, как губительный змий подверг наше естество горькому преступлению, положено было рождением Божественного человека уврачевать грех и низложить ужасную державу пребеззаконного змия. Для сего Сей Божий

Человек прошел сквозь утробу и почтил одну половину нашего рождения, а другой не коснулся, так как родила неискусомужняя Дева. Но когда Дух создал и обожил Его во утробе, по исполнении же времени извел на свет, тогда приял на Себя грубую плоть и наполнил храм чистым Божеством Царь-Слово. Но Тот и Другой, и Божий человек, и Царь-Слово стали для меня Единым Богом. Ибо смертное не уступило своего места, наполнившему оное, Бессмертному. Умер же Он по собственной воле, ненадолго сложив в могилу Свое членосоставное тело, чтобы, восстав по возвращении из мертвых, воскресить умерших и привлечь их к Себе, как магнит... привлекает твердое железо. Ибо всецелого меня, со всеми человеческими свойствами, воспринял на Себя Христос, приняв плоть, рождение, мой образ, поругание, гроб, славу, воскресение (свт. Григорий Богослов, 16, 262—263).

***

К кому ни коснется солнечный луч, всякому приносит он свет; к чему ни примешается приятность благоухающего мира, все то немедленно начинает благоухать. Но ни к солнцу, ни к миру не прикасаются никакие скверны. Так Бог, пришедший через чистую Матерь, не только Сам не осквернился во утробе, но и Ее очистил. Так и умерши, сокрушил Он державу смерти, и не только Сам ничего не потерпел от смерти, но и ее истребил (свт. Григорий Богослов, 16, 264).

***

Какое большее обнищание — Богу быть в образе раба? Какое большее смирение — Царю существ прийти в общение с нашим нищим естеством? Царь царствующих, Господь господствующих волею облекается в рабский образ;

Судия вселенной делается данником владычествующих, Господь твари превитает в вертепе; Всеобъемлющий не находит места в гостинице, но повергается в яслях бессловесных животных; Чистый и Всецелый приемлет на Себе скверну естества человеческого, понесши на Себе и всю нищету нашу, доходит даже до испытания смерти. Видите ли меру вольной нищеты? Жизнь вкушает смерть; Судия ведется на судилище; Господь жизни всего сущего подвергается приговору судии; Царь всей премирной силы не отклоняет от Себя рук исполнителей казни. В этом образце, говорит Апостол (см.: Флп. 2, 5—7), да будет видима тобою мера смиренномудрия (свт. Григорий Нисский, 19, 368).

***

...Мы столь удерживаемся думать о Единородном Боге что-нибудь малое, что если по человеколюбивому Домостроительству и воспринято что-либо из дольнего естества, то верим, что и это претворилось в Божественное и нетленное... (свт. Григорий Нисский, 23, 17).

***

...Воспринявший все наше, чтобы дать нам взамен Свое, — восприял и рабство так же, как болезни и смерть, проклятие и грех, не для того, чтобы Самому иметь, что́ принял, но чтобы очистить от сего естество (человека), уничтожив в естестве непорочном подобные качества, принадлежащие нам (свт. Григорий Нисский, 23, 196).

***

...Почему, вместе со всеми, не знает (последнего) дня и Сын (см.: Мк. 13, 32), имеющий в Себе Отца и Сам Сущий в Отце? И это означает избыток Его смирения. Ибо

Сыну Божию надлежало по преимуществу смирить Себя, потому что Он по преимуществу совершенно воспринял и весь образ человеческого бытия. Сказав, что Он не знает, Он явил слушателям Свое смирение. А дабы не оказаться сказавшим неправду, он прибавил: *токмо Отец един весть*; по букве Он отрекся от ведения, а по силе таинственного выражения исповедал оное. Ибо когда знает один Отец, то знает и Сын, поелику Он и Отец едино суть (свт. Григорий Нисский, 24, 21).

***

...Человеколюбивый наш Спаситель добровольно воспринял оскорбительное и бесчестное для Себя, чтобы спасти гибнущего от обмана (человека), снизошел в нашу жизнь, поелику провидел и славное восхождение из оной; согласился умереть по человечеству, поелику наперед знал и о воскресении (свт. Григорий Нисский, 25, 60).

***

...Христос воспринял от девического чрева плоть чистую, святую, непорочную и такую, которая явилась недоступною никакому греху, и восстановил собственное создание (свт. Иоанн Златоуст, 45, 401).

***

Владыко бестелесных сил, войдя в чистую плоть, не только не осквернился, но и ее сделал еще более чистою и святою (свт. Иоанн Златоуст, 45, 402).

***

Учение о Воплощении Бога было весьма неудобоприемлемо. Это чрезмерное человеколюбие Его и великое снис-

хождение было страшно и требовало многих в самом деле приготовлений, чтобы оно было принято. Представь, каково было слушать и поучаться, что Бог, неизреченный, нетленный, непостижимый, невидимый, необъятный, *в руце* Которого *концы земли* (Пс. 94, 4), *призираяй на землю и творяй ю трястися, прикасаяйся горам и* заставляющий их дымиться (Пс. 103, 32), Которого славы, явленной не вполне, не могли видеть даже Херувимы, но распростертыми крыльями покрывали свои лица (см.: Ис. 6, 2). Тот, Который превосходит всякий ум и превышает разумение, оставив Ангелов, Архангелов и все высшие разумные Силы, благоволил сделаться Человеком, принять плоть, созданную из земли и персти, и войти в утробу Девы, быть носимым во чреве девять месяцев, питаться молоком и испытать все человеческое (свт. Иоанн Златоуст, 46, 22).

***

...Облекшись плотью, Он попускает ей терпеть недостатки природы, алкать и жаждать, спать и утомляться; наконец, шествуя и на Крест, Он попускает ей испытать свойственное плоти (свт. Иоанн Златоуст, 46, 23).

***

Господь, принявши наше естество, сделался рабом, чтобы рабов сделать свободными: *приклони небеса и сниде* (Пс. 17, 10), чтобы пребывающих долу возвести на небо (свт. Иоанн Златоуст, 46, 91).

***

Если бы, придя в мир, Спаситель нашел тебя разумным человеком, то Он необходимо явился бы тебе как Бог. Но

так как Он не нашел тебя человеком, а нашел как бы овцою блуждающею, начиная с самых древних времен, и призывающею устами пророков своего Господа: *заблудих яко овча погибшее: взыщи раба Твоего* (Пс. 118, 176), то поэтому и скрывает Свое Царское достоинство и предлагает пастырское попечение (свт. Иоанн Златоуст, 46, 897).

***

...Причина пришествия Сына (Божия) та, чтобы люди, которым угрожала погибель, получили спасение через веру в Него... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 270).

***

...Сын Божий и когда пришел на землю, восприяв человеческую природу по Домостроительству, не лишил небес Своего величия, и теперь, вознесшись плотию, не оставил землю чуждой Своего управления (свт. Иоанн Златоуст, 49, 825).

***

...Он <Христос> как облекся плотию, чтобы, явившись людям в Своем Божестве без покрова, не погубить всех их, так и проповедником о Себе послал человека, чтобы слушатели того времени, слыша сродный себе голос, тем легче последовали Ему (свт. Иоанн Златоуст, 51, 52).

***

...Когда Сын говорит о Себе что-нибудь уничиженное и смиренное, тогда выражает это с некоторым преувеличением, чтобы и самая уничиженность выражений убеждала неразумных принимать в благочестивом духе заключающиеся в них мысли (свт. Иоанн Златоуст, 51, 249).

***

Когда Христос совершал что-либо как человек, то совершал не для уверения только в Своем Воплощении, но и для научения нас добродетели. Если бы Он всегда поступал как Бог, то откуда могли бы мы знать, что нам должно делать в затруднительных обстоятельствах? (свт. Иоанн Златоуст, 51, 321).

***

Для того Слово Божие всецело и отдало Самого Себя телу и сделалось плотью... чтобы мы, не будучи в состоянии иметь общения с Ним, как Словом, приобщились бы Ему, принявшему плоть, сделав, по возможности, сродной свою плоть с духовной плотью и дух со Святым Духом, чтобы стать подобными Христу, сделавшись храмом Духа... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 932).

***

Он добровольно сделался тем, что мы есть, и сделал нас тем, что Он есть (свт. Иоанн Златоуст, 54, 923).

***

Подлинно великое, чудное и изумительное дело, что наша плоть сидит на небесах и удостоивается поклонения от Ангелов, Архангелов, Серафимов и Херувимов. Представляя себе это, я часто удивляюсь и высоким предаюсь мыслям о роде человеческом, потому что вижу великие и светлые начатки и многое попечение Божие о естестве нашем (свт. Иоанн Златоуст, 55, 50).

***

...Христос пришел в нашей одежде, чтобы после того, как Он будет узнан, не заставить врага убежать от столк-

новения с Ним и чтобы не смутить всех Своих, — потому что Он хотел спасти, а не привести в ужас (свт. Иоанн Златоуст, 55, 789—790).

***

...Неужели ты не допустишь, что Единородный Сын Божий может произвести в нашей плоти нечто равное, так чтобы не только не быть загрязненным ею, но сделать ее даже чище и святее? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 791).

***

Потому-то Господь мой и снизошел с неба на землю, чтобы я мог взойти с земли на небо (свт. Иоанн Златоуст, 55, 913).

***

Как рождение Господа было от девственного естества и все дело Воплощения совершилось без умаления чистоте, так и Воскресение было из запечатанного гроба, потому что и то и другое совершено вочеловечившимся Богом (прп. Исидор Пелусиот, 60, 229).

***

...Став <Человеком>, не престал Он быть Богом и Господом всяческих (прп. Нил Синайский, 72, 310).

***

Господь наш Иисус Христос соделался ради нас всем тем, что, кроме греха, составляет нас самих (прп. Нил Синайский, 72, 339).

***

Бедным соделался Христос, чтобы тебя обогатить или чтобы передать тебе потребную часть от богатства благодати Своея. Для того принял Он плоть, чтобы ты мог сделаться причастником Божества Его (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 189).

***

...Посланное от Отца Слово, низойдя (на землю) и вселившись в утробу Девы, все было и во Отце, и все во чреве, будучи невместимо и во всей (вселенной). Не сократившись, не умалившись, конечно, Оно вошло все (во чрево) и, оставшись неизменным, приняло образ раба, и, родившись, по всему сделалось человеком, все пройдя (материнюю) утробу, и придя в мир, и все опять возвратившись туда, откуда не отлучилось (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 278).

***

Рождается <Христос>... от Святой Девы, единый от века неповинный греху, Единый Сущий достойный того, чтобы отнюдь не быть оставленным от Бога. И прежде чем познать зло, Он избирает добро, как это сказано в пророчестве (см.: Ис. 7, 15—16), и жительствует жизнью совершенно непорочной Тот, Кто справедливо и заслуженно не заслужил того, чтобы быть оставленным Богом, поскольку и Сам Он не оставил Бога, как первый Адам оставил Его, преступивши заповедь, но Он, быв исполнителем каждой Божией заповеди, всего Закона Божиего, этим самым справедливо был свободен от диавольского рабства. И таким образом, победивший некогда человека диавол бывает побежден Человеком, и некогда победивший созданное по образу Божиему естество, и по сему весьма чванившийся,

свергается с чванства, и вот человек восстает от душевной и истинной смерти, той смерти, которою он умер немедленно после того, как вкусил от запретного древа; смерти, которой угрожал Бог Адаму и Еве прежде преслушания, говоря им: *В оньже аще день снесте от него, смертию умрете* (Быт. 2, 17); поэтому после преслушания мы были осуждены на смерть тела, поскольку тогда Бог так сказал Адаму: *земля еси, и в землю отидеши* (Быт. 3, 19). Ибо как оставление тела душою и отделение ее от него является смертью тела, так и оставление души Богом и отделение ее от Него является смертью души, хотя иным образом она и остается бессмертной; ибо хотя она, будучи отделена от Бога, становится гнусной и неключимой, даже больше, чем труп, но в то же время она не растворяется после смерти, как это бывает с телом; потому что она имеет свое бытие независимо от состава элементов (свт. Григорий Палама, 26, 157).

***

...Как когда Он сошел, Он не изменил Своего обитания, но снизошел, так и восходя снова, Он не в Божество возвратился, но посадил на Горнем Престоле наше, воспринятое Им естество. Ибо воистину там Богу подобало представить первородным из мертвых наше естество, как некое начало первородных от лица всего рода (свт. Григорий Палама, 26, 216).

***

Цель пришествия Христова на землю состояла в том, чтобы освободить души человеческие от обладавшего ими греха и восстановить в нас падший Божественный образ (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 53).

***

Сын Божий по естеству, вочеловечившись и соделавшись родоначальником человеков, соделал их сынами Божиими по благодати (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 119).

Рождение

<Бог> соделал, что телесное Его рождение указала звезда, потому что Слову, нисходящему с неба, надлежало иметь и знамение на небе, и рождающегося Царя твари должна была ясно познать вся тварь (свт. Афанасий Великий, 1, 238).

***

...Низкому и плотскому уму свойственно уподоблять вечное тленному и привременному и думать, что как рождается телесное, так подобно сему рождает и Бог (свт. Василий Великий, 10, 123).

***

Неизреченно рождение Твое, <Господи>, никаким языком не может быть изглаголано; недомыслимо оно для Горних Ангелов, превыше всякой мудрости, неудобонизводимо во время и исчисление, неописуемо, неумопредставляемо. Да не дерзают же безрассудные входить в исследование о Твоем, всецело от всех сокрытом, рождении (прп. Ефрем Сирин, 34, 234).

***

В рождестве... Бог был со Христом, потому что рождение не чуждо Божества (прп. Ефрем Сирин, 37, 318).

***

Как же Сын рожден? — Неважно было бы Его рождение, если б оно было удобопостижимо и для тебя, который не знаешь собственного своего рождения, или и постигаешь в нем нечто, но не многое и такое, то о сем стыдно и говорить, а потом почитаешь себя всезнающим. Тебе надобно приложить много труда, прежде чем откроешь законы отвердения, образования, явления на свет, союз души с телом, ума с душою, слова с умом, движение, возрастание, претворение пищи в плоть, чувство, память, припамятование и прочее, из чего состоишь ты, а также прежде чем найдешь, что принадлежит обоим — душе и телу, что разделено между ними и что они заимствуют друг у друга. Ибо в рождении положены основания всему тому, что усовершается впоследствии. Скажи же, что это за основания? Но и после этого не любомудрствуй о рождении Бога, потому что сие небезопасно. Ибо если знаешь свое рождение, то из сего не следует, что знаешь и Божие. А если не знаешь своего, так как тебе знать Божие? Ибо сколько Бог неудобопознаваем в сравнении с человеком, столько и горнее рождение непостижимее твоего рождения. Если же Сын не родился потому только, что для тебя сие непостижимо, то кстати тебе исключить из ряда существ многое, чего ты не постигаешь, и притом прежде всего Самого Бога. Ибо при всей своей дерзости, как ни отважно пускаешься в излишние исследования, ты не скажешь, что такое Бог. Отбрось свои течения, отделения, сечения и что еще представляешь о нетелесном естестве, как о теле, и тогда, может быть, представишь нечто, достойное Божия рождения. Как родился? Опять с негодованием скажу то же: Божие рождение да почтено будет молчанием! Для тебя важно узнать и то, что Сын родился. А как? Не согласимся, чтобы сие

разумели и Ангелы, не только ты. Хочешь ли, объясню тебе, как родился? Как ведает сие родивший Отец и рожденный Сын. А что кроме сего, закрыто облаком и недоступно твоей близорукости (свт. Григорий Богослов, 14, 59—60).

***

Глупо доискиваться о Рожденном исперва, существовал ли Он или не существовал до рождения, ибо так можно говорить о вещах, разделенных временем (свт. Григорий Богослов, 14, 62).

***

...Если велико для Отца — ни от кого не происходить, то для Сына немаловажнее — происходить от такого Отца; потому что, как происшедший от Безвиновного, участвует Он в славе Безвиновного, но к сему присовокупляется и рождение, которое само по себе велико и досточтимо для умов не вовсе пресмыкающихся по земле и оземленевших (свт. Григорий Богослов, 14, 64).

***

...Речения <Священного Писания о Христе> более возвышенные относи к Божеству и к природе, которая выше страданий и тела, а речения более унизительные — к Тому, Кто сложен, за тебя истощил Себя и воплотился, а не хуже сказать, и вочеловечился, потом же превознесен, чтобы ты, истребив в догматах своих все плотское и пресмыкающееся по земле, научился быть возвышеннее и восходить умом к Божеству, а не останавливаться на видимом, возносился к мысленному и знал, где речь об естестве Божием и где об Его Домостроительстве. Ибо было, когда Сей, тобою ныне презираемый, был выше тебя. Ныне Он

человек, а был и несложен. Хотя пребыл и тем, чем был Он, однако же восприял и то, чем не был. Вначале был Он без причины, ибо что может быть причиною Бога? Но впоследствии начал бытие по причине, и причиною было — спасти тебя — ругателя, который презираешь Божество за то, что Оно приняло на Себя твою грубость и посредством ума вступило в общение с плотию; и дольний человек стал Богом, после того как соединился с Богом и стал с Ним едино, потому что препобедило лучшее, дабы и мне быть богом, поколику Он стал человеком. Он родился; но и прежде был рожден, — родился от жены, но и от Девы, — родился человечески, рожден Божески; здесь без отца, но и там без матери; и все сие есть знак Божества. Он носим был во чреве... и взыгрался перед Словом, для Которого получил бытие (см.: Лк. 1, 44). Он повит был пеленами; но воскресши сложил с Себя гробные пелены. Положен был в яслях; но прославлен Ангелами, указан звездою, почтен поклонением от волхвов. Как же ты находишь преткновение в видимом, не обращая внимания на умосозерцаемое? Он спасался бегством во Египет, но и все египетское обратил в бегство. Для иудеев *не имеет ни вида, ни доброты* (ср.: Ис. 53, 2); но для Давида *красен добротою паче сынов человеческих* (Пс. 44, 3), но на горе молниеносен и светозарнее солнца, чем и тайноводствует к будущему. Он крещен как человек; но разрешил грехи как Бог; крещен не потому, что Сам имел нужду в очищении, но чтобы освятить воды. Он был искушаем как человек, но победил как Бог, но повелевает *дерзать*, как *Победивший мир* (ср.: Ин. 16, 33). Алкал, но напитал тысячи, но Сам есть Хлеб Животный и Небесный (см.: Ин. 6, 33, 35). Жаждал, но и возгласил: *аще кто жаждет, да придет ко Мне, и да пиет*, но и обещал, что верующие источат воды живые (ср.: Ин. 7, 37—38). Утруждался, но

Сам есть упокоение труждающихся и обремененных (см.: Мф. 11, 28). Его отягощал сон, но Он легок на море, но Он запрещает ветрам, но Он подъемлет утопающего Петра. Дает дань, но из рыбы, но царствует над собирающими дани. Его называют Самарянином и имеющим беса, однако же Он спасает *сходящего от Иерусалима и впадшаго в разбойники* (ср.: Лк. 10, 30), однако же Он познается бесами, изгоняет бесов, посылает в бездну легион духов и видит вождя бесовского *яко молнию спадша* (ср.: Лк. 10, 18). В Него мещут камнями, но не могут взять Его. Он молится, но и внемлет молитвам. Плачет, но и прекращает плач. Спрашивает, где положен Лазарь, потому что был человек; но и воскрешает Лазаря, потому что был Бог. Он продается, и за самую низкую цену — за тридцать сребреников, но искупает мир, и высокою ценою — собственною Своею Кровию. *Яко овча на заколение ведеся* (Ис. 53, 7); но Он — Слово, возвещаемое *гласом вопиющего в пустыне* (ср.: Ис. 40, 3). Был *мучен и язвен* (ср.: Ис. 53, 5), но *исцеляет всяк недуг и всяку язю* (ср.: Мф. 4, 23). Возносится на древо и пригвождается, но восстановляет нас Древом Жизни, но спасает распятого с Ним разбойника, но омрачает все видимое. Напоевается оцтом, вкушает желчь; но кто же Он? — Претворивший воду в вино, Истребитель горького вкушения, *сладость и весь желание* (Песн. 5, 16). Предает душу, но *область имать паки приняти ю* (ср.: Ин. 10, 18); но раздирается завеса, потому что Горнее делается открытым; но расседаются камни, но восстают мертвые. Умирает, но животворит и разрушает смертию смерть. Погребается, но восстает. Нисходит во ад, но возводит из него души, но восходит в небеса; но приидет судить живых и мертвых и подвергнуть истязанию подобные твоим слова. Если одни речения служат для тебя поводом к заблуждению, то другие

да рассеют твое заблуждение!.. (свт. Григорий Богослов, 14, 73—76).

***

...Вследствие тесноты в жилищах Младенец по необходимости был положен в яслях. Это стеснение было делом Божиим, чтобы Человеколюбивый необходимо был положен в то место... в силу Домостроительства, обусловившего собою Его Воплощение. Для чего Он устраивает это? Так как ясли — трапеза бессловесных, а человечество усвоило себе природу последних, — *человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс. 48, 13), — то Он и полагает небесную пищу на трапезу неразумных животных, чтобы скотоподобные по душе, приходя к яслям, как к своей собственной трапезе, нашли здесь не скотский корм, но говорящего: *Аз есмь хлеб, сшедый с небесе и даяй живот миру* (ср.: Ин. 6, 33, 35, 41) (свт. Иоанн Златоуст, 46, 897—898).

***

То, что Сын Божий родился от Отца, я знаю; но как — не знаю. То, что Он родился от Девы, я знаю; но образ рождения даже и здесь не постигаю. Рождение Его по тому и другому естеству исповедуется, но относительно образа того и другого рождения умолчано (свт. Иоанн Златоуст, 49, 455).

***

...Если еретик будет говорить тебе: как Сын родился от Отца?.. Удержи его, и обуздай, и не позволяй ему ни убежать, ни уклониться в лабиринт умозаключений, но

удержи, и порази не рукою, а словом, и не давай ему делать риторических различений и изворотов, каких он желает (свт. Иоанн Златоуст, 49, 455).

***

Как Адам без жены произвел жену, так и Дева без мужа родила Мужа (свт. Иоанн Златоуст, 49, 696).

***

Как солнце, не показавши еще лучей, издали озаряет светом большую часть вселенной, так и Христос, восходя из девической утробы, прежде нежели явился, просветил всю вселенную (свт. Иоанн Златоуст, 50, 40).

***

...Любопытствуя о рождении Владыки, тем более навлечем на себя крайнее наказание, как оскорбляющие Его (свт. Иоанн Златоуст, 52, 576).

***

...Христос, будучи Богом Всемогущим, родившимся по Своей воле, явился Своему миру, однако рождение от Девы поражает мой ум более тем, что Дева зачала во чреве, не с неба сошедши, но происходя от семени Давида, состоя не из духа, но из тела и души; беременность чрева изобличалась делом, а зачатие было бессеменно (свт. Иоанн Златоуст, 53, 930).

***

Через него <рождение Христа> уничтожена продолжительная вражда и долгая война и наступил мир, давно

ожидаемый ангелами и праведными людьми... Через него воздвигнуто знамение Креста, блестящее и славное, добыча Христова, начаток природы нашей, доспехи Царя нашего... Бог на земле, человек на небе, Ангелы сослужат людям, люди в общении с Ангелами и прочими Горними Силами; демоны убегают, смерть уничтожена, рай отверзт, клятва снята, грех исчез, заблуждения изгнаны, истина снизошла. Природа, от которой Херувимы оберегали рай, соединилась сегодня с Богом. Слыша это, оставь уныние. Выше всякой надежды и ожидания то, что Бог стал человеком. Если это совершилось, то и все последует за тем с разумной последовательностью. Он не унизил бы Себя так безрассудно и так напрасно, если бы не имел возвысить нас. Он родился по плоти, чтобы тебя возродить по духу; родился от Жены, чтобы ты перестал быть сыном женщины; попустил, что отец Его <Иосиф> стал рабом, чтобы тебе, рабу, сделать отцом Владыку (свт. Иоанн Златоуст, 55, 787—788).

***

...Бог, устроив Себе живой храм в девической утробе для спасения всего мира, чрез него внес в нашу жизнь небесное устроение (свт. Иоанн Златоуст, 55, 791).

***

...Он <как младенец> возлежал в яслях, и звездою был указан, как Творец звезд... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 928).

***

Владыка наш Христос, рождеством Своим отверзший непорочные ложесна, Сам по рождестве запечатлел их

собственною премудростью, силою и чудодействием, нимало не повредив печатей девства (прп. Нил Синайский, 72, 376).

***

...Воистину Христос был единственный, Кто в Своем зачатии разверз ложесна, несочетанно был чревоносим силою одного слова и знамения Божия, как Дева через Ангела и приняла в уши (свт. Григорий Палама, 26, 59).

Крещение

...Во Иордане бывшее на Него <Господа> сошествие Духа было сошествием на нас, потому что носит Он на Себе наше тело. И было оно не к усовершению Слова, но для нашего опять освящения, чтобы мы причастились Его помазания... (свт. Афанасий Великий, 2, 237).

***

...<Христос> к крещению приступил для того, чтобы засвидетельствовать истинность Своего Человечества, — преимущественно же для того, чтобы крещением Своим положить конец крещению Иоанна, так как Он снова крестил тех, кои крещены были Иоанном. Этим показал и сделал ясным, что Иоанн только до Его прихода совершал крещение, ибо истинное крещение открыто Господом нашим, Который соделал его свободным от наказаний закона (прп. Ефрем Сирин, 37, 57).

***

Сошел Владыка ангелов в струи Иордана — и, освятив естество вод, уврачевал всю вселенную (свт. Иоанн Златоуст, 46, 825).

***

...Он <Христос> не имеет нужды в крещении, и... Дух сошел для того только, чтобы указать Его (свт. Иоанн Златоуст, 51, 112).

***

...Приходит Христос к крещению, во-первых, во исполнение послушания по отношению к Пославшему Иоанна, как и Сам Он сказал: *тако бо подобает нам исполнити всякую правду* (Мф. 3, 15); во-вторых, ради Своего явления; к тому же и для того, чтобы положить начало спасительного пути и сделать его достоверным для последующих и крещаемых; кроме того, Он Сам подал пример и представил, что (в этом) подается Дух Святый, и Им установлено крещение, как очистительное врачевство скверн, явившихся в нас вследствие страстного рождения и жизни. Сам же Он, даже и как человек, не нуждался в очищении, как рожденный от непорочной Девы и в течение всей жизни непричастный греху, но ради нас Он родился и ради нас очищается (в крещении) (свт. Григорий Палама, 26, 160—161).

Страдание

Если кто внезапно слышит о смерти возлюбленного сродника или также внезапно видит перед очами возлюбленного своего, лежащего мертвым, изменяется в лице и омрачается светлость взора его. Так и ясное солнце, с небесной высоты увидев поругание Владыки на Древе Крестном, изменилось в лице, удержало лучи своей светлости, не потерпело взирать на поругание Владыки, облеклось печалию и тьмою. Также и Дух Святый, Сущий во Отце, узрев возлюбленного Сына на Древе Крестном, сверху до-

низу раздрав завесу — это украшение храма, немедленно удалился в виде голубя. Все твари были в страхе и трепете, когда страдал Спаситель, Небесный Царь (прп. Ефрем Сирин, 32, 220).

***

За меня, Господи, восприял Ты язвы и по благоволению ко мне заключился во гробе. Будь и теперь милостив ко мне, Господи, и избавь от суда (прп. Ефрем Сирин, 33, 193).

***

Десница Твоя <Господи> прободена гвоздями за то, что я простер свою к запрещенному плоду. Плотию Твоею примири меня с Собою, потому что согрешил я (прп. Ефрем Сирин, 33, 193).

***

Страдания Твои <Господи> — для нас источник благ (прп. Ефрем Сирин, 34, 230).

***

Господь сделался Защитником истины и пришел, и молчал перед Пилатом, потому что Истина подвергалась насилию (прп. Ефрем Сирин, 37, 298).

***

За то, что возвеселил их <иудеев> сладким Своим вином, они подали Ему уксус, за желчь же великая Его щедрость сделала горечь язычников сладкою (прп. Ефрем Сирин, 37, 306).

***

Хитон Его <Христа> не был раздран, потому что он был образом Божества Его, Которое не разделяется... (прп. Ефрем Сирин, 37, 306).

***

...Одежда Его <Христа> была разделена на четыре части (см.: Ин. 19, 23)... это обозначает Евангелие, исшедшее в четыре части мира (прп. Ефрем Сирин, 37, 306).

***

...Тело страдало своим естеством вместе со страстной душой, поелику душа есть то, что чувствует скорби. Значит, человеческое Его естество страдало по причине тела, а скорби чувствовало по причине души (прп. Ефрем Сирин, 37, 318).

***

Умер <Христос> Своим телом для нашего мира, чтобы Своим телом оживить нас для Своего мира (прп. Ефрем Сирин, 37, 327).

***

...Ему <Христу> надлежало и испытать свойственное человеку. Что именно? То, чтобы, приближаясь к распятию на Кресте, страшиться, и скорбеть, и не без скорби лишаться настоящей жизни, потому что в природу вложена любовь к настоящей жизни (свт. Иоанн Златоуст, 46, 24).

***

...Он <Иисус Христос> был пригвожден ко Кресту, подвергался оплеваниям и заушениям, Его били по щеке, и

издевались над Ним... и все это Он потерпел для тебя, ради попечения о тебе, дабы уничтожить тиранию греха, дабы разрушить твердыню диавола, порвать узы смерти, открыть нам врата неба, освободить от тяготевшего на тебе проклятия, отменить первородное осуждение, научить терпению и воспитать в силе, дабы ничто не огорчало тебя в настоящей жизни, ни оскорбления, ни обиды, ни позор, ни бичи, ни нарекания врагов, ни невзгоды, ни нападения, ни клеветы, ни злые подозрения и ничто другое подобное (свт. Иоанн Златоуст, 46, 516).

***

...<Господь> подвергся бичеванию, чтобы избавить нас от уз и бичей диавола; Он носил венец из терний, чтобы разрешить тяготевшее на нас проклятие. Терния и волчцы повелено было производить земле за преступление; она приносит терновый венец на главу, чтобы разрешить тяготевшее на нас проклятие... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 911—912).

***

Во время страдания Господня расселись камни и потряслись гробы, чтобы отверсть выход телам, давая сим разуметь, что пригвожденный есть Владыка земных и преисподних. Для чего, спрашиваешь, поражены были вещи неодушевленные? Для того, отвечаю тебе, чтобы обвинить в бессмыслии иудеев, а именно в том, что вещи неодушевленные сокрушились от страха, а иудеи пременились в камни, оставаясь и нечувствующими страха, и неблагодарными за благодеяние (прп. Исидор Пелусиот, 60, 153).

***

Надписью на дщице, которую Пилат прибил над Господнею главою, исполнилось слово Господа, сказавшего:

аще вознесен буду, вся привлеку к Себе (ср.: Ин. 12, 32). Посему читаемое в сей надписи давало видеть, что спасительное страдание совершено не за одну Иудею, но и за всякую эллинскую и варварскую страну (прп. Исидор Пелусиот, 60, 273).

***

Богочеловек провел земную жизнь Свою в лишениях и скорбях. Этим Он освятил лишения и скорби истинно верующих в Него, возвысил земные лишения и скорби превыше земного благоденствия (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 286).

Крестная смерть

Для того Господь предал Тело Свое на смерть, чтобы мы получили отпущение грехов и освятились, — именно через окропление кровию Его (см.: 1 Пет. 1, 2) (ап. Варнава, 94, 30).

***

Если Сын Божий — Господь, имеющий судить живых и мертвых, пострадал для того, чтобы Его рана оживотворяла нас, то будем веровать, что Сын Божий не мог пострадать, разве только для нас (ап. Варнава, 94, 34).

***

Все это Он претерпел ради нас, чтобы мы спаслись; и пострадал истинно, как истинно и воскресил Себя, а не так, как говорят некоторые неверующие, будто Он пострадал призрачно. Сами они призрак, и, как умствуют они, так и случится с ними — бестелесными, подобными злым духам (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 302—303).

***

...Он <Христос> пострадал и распят, чтобы примером Своим научить нас страдать и умирать (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 333).

***

Когда солнце отвратило зрак свой, земля потряслась, горы распались, все пришли в ужас; тогда показывало это, что Распятый на кресте Христос есть Бог, а вся тварь — раба Его, страхом своим свидетельствующая о присутствии Владыки (свт. Афанасий Великий, 1, 215).

***

Слову Божию, истинной Жизни, как неприлично было Самому нанести смерть телу Своему, так несвойственно было избегать смерти, наносимой другими, и не преследовать смерть до истребления... (свт. Афанасий Великий, 1, 219).

***

...Господь, приняв смерть как человек, обратил в ничто велеречие мудрых об идолах! Чья смерть изгоняла когда-либо демонов? И чьей смерти боялись когда-либо демоны, как смерти Христовой? Где только произносится имя Спасителево, — изгоняется там всякий демон (свт. Афанасий Великий, 1, 256).

***

...Крепость врага сокрушена силою Честнаго Креста Спасителя нашего Иисуса Христа (прп. Ефрем Сирин, 31, 201).

***

...Христос победил смерть, когда возведен был на Крест (прп. Ефрем Сирин, 37, 308).

***

Иисус умер для мира, чтобы никто не жил для мира, и находился в теле, прибитом ко Кресту... чтобы никто не держал в роскоши (своего) тела (прп. Ефрем Сирин, 37, 327).

***

...Христос заклан, и Кровь Его, окропившая нас, соделала окрыленными, потому что дала нам крыла Святаго Духа невозбранно воспарять в воздухе Божества (прп. Макарий Египетский, 67, 298).

***

...Если кто-либо из неверных скажет тебе: «Почему распят Христос?» — то скажи ему: «Чтобы распять диавола». Если скажет тебе: «Почему Он был повешен на древе?» — то скажи ему: «Чтобы отозвать назад грех, привошедший в раю через древо» (свт. Иоанн Златоуст, 45, 896).

***

Как лев бывает страшен не только тогда, когда бодрствует, но и когда спит, так и Христос был грозен не только до Креста, но и на самом Кресте, и в самой смерти; и тогда Он совершал великие чудеса, помрачая солнце, расторгая камни, потрясая землю, раздирая завесу, устрашая жену Пилата, обличая Иуду... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 17—18).

***

Как для жаждущих приятна чаша, так для Него <Христа> распятие на Кресте; поэтому Он и говорил: *желанием возжелах сию пасху ясти с вами* (Лк. 22, 15), сказав это не без причины, но потому, что после вечери предстоял Ему Крест (свт. Иоанн Златоуст, 46, 21).

***

Смерть Господа даровала нам бессмертие; сошед во ад, Он сокрушил силы его и разрушил его могущество...(свт. Иоанн Златоуст, 47, 502).

***

...Смерть Господа в теле показывает не что-либо иное, как только милосердие Господа, — эта смерть была причиной Жизни Вечной (свт. Иоанн Златоуст, 49, 160).

***

...Он <Христос> родился, жил на этой земле, умер, подвергшись казням и мукам, и освободил весь мир Крестом, — всему этому должно веровать. Нужна великая и славная вера, чтобы веровать, что от креста, орудия смерти, произошла свобода и от смерти — Жизнь, наполнившая всю вселенную... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 168).

***

Нисколько не было бы удивительно, если бы живой и блистающий животворящей славой <Христос> оживотворил вселенную; но могущество Слова состоит в том, что Оно смертию уничтожает смерть и через (полученные Им) оскорбления воссиявает бессмертною славою (свт. Иоанн Златоуст, 49, 703).

***

Эта смерть спасла погибавшую вселенную; эта смерть соединила небо с землею; эта смерть разрушила власть диавола, соделала людей ангелами и сынами Божиими; эта смерть возвела естество наше на Престол Царский... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 764—765).

***

Господь распят на древе, чтобы разрешить грех, происшедший через древо: через древо изгнал Адама из рая сатана; через древо же и Господь разбойника сделал обитателем рая (свт. Иоанн Златоуст, 54, 912).

***

Крест, осмеиваемый идолослужителями, распял многобожную прелесть... страдание предало позору губительных демонов; смерть умертвила смерть; мертвенность плоти мертвыми соделала надежды распинавших; гроб погреб в себе диавола, на всех же одождил источник жизни (прп. Исидор Пелусиот, 61, 418—419).

***

Не против воли, но добровольно восшел Он на Крест с великим радованием (прп. Нил Синайский, 72, 310).

***

...Создавший нас Бог, сжалившись над... нашим бедствием, благоволил снизойти туда, куда мы ниспали, дабы призвать нас оттуда, как единый явившийся в мертвых свободный, снисшедший туда Духом живым; но и больше того — Божественным светом осиявающий и излучающий

живительную силу, чтобы просветить сидящих во тьме и по духу оживотворить там (в аду) веровавших в Него, оживотворить же также и тела всех в тот день, в который установил оживить и судить весь человеческий род, как и научает нас через послание Корифей в Апостолах: *На се бо и мертвым благовестися, да суд убо примут по человеку плотию, поживут же по Бозе духом* (1 Пет. 4, 6). Немного же выше в этом же Послании, показывая, кто и каким образом проповедовал Евангелие мертвым в аду, говорит: *Христос единою о гресех наших пострада, праведник за неправедники, да приведет ны Богови, умерщвлен убо быв плотию, ожив же духом: о Нем же и сущим в темнице духовом* (т. е. душам мертвых от века) *сошед проповеда* (1 Пет. 3, 18—19). Итак, подобно тому как лукавый через едину свою смерть по духу произвел для нас сугубую смерть (т. е. смерть и души, и тела), так Благий через едину Свою смерть по телу излечил в нас сугубую смерть, и через единое воскресение Своего тела даровал нам сугубое воскресение, посредством (Своей) телесной смерти низлагая имущего, в силу смерти, власть над нашей душою и телом, и в том и в другом освобождая нас от его тирании. Лукавый принимает на себя вид змея, чтобы посредством сего обольстить человека, а Слово Божие воспринимает человеческую природу, чтобы посредством нее перехитрить обманщика, и Оно воспринимает ее неприступной для обмана и чистой, и таковой до конца сохраняет, принося ее Отцу как Жертву (Начатки), ради освящения нас через наше же человеческое естество. Если же Слово Божие восприняло бы тело неподвластное смерти и страданию, то каким образом мог бы оказаться обманутым, мог бы прикоснуться к Нему диавол — само сущее зло? (свт. Григорий Палама, 26, 166—167).

Воскресение

...Я знаю и верую, что Он и по Воскресении Своем был и есть во плоти. И когда Он пришел к бывшим с Петром, то сказал им: *Возьмите, осяжите Меня и посмотрите, что Я не дух бестелесный* (ср.: Лк. 24, 39). Они тотчас прикоснулись к Нему и уверовали, убедившись Его плотию и духом. Посему-то они и смерть презирали и явились выше смерти. Сверх того, по Воскресении Он ел и пил с ними, как имеющий плоть, хотя духовно был соединен с Отцом (сщмч. Игнатий Богоносец, 94, 303).

***

...Прекословящие, если еще не веруют, доныне слепотствуя для истины, то, познавая силу на других верующих, да не отрицают Божества Христова и совершенного Христом Воскресения (свт. Афанасий Великий, 1, 231).

***

...<Господь Иисус Христос> научил вселенную ведению Отца, упразднил смерть и всем даровал нетление обетованием Воскресения, в начаток сего Воскресения воскресив собственное Свое тело и памятник победы над смертию и ее разрушительностию показав в крестном знамении (свт. Афанасий Великий, 1, 232).

***

...Сошел Он телесно, воскрес же, потому что в теле был Бог (свт. Афанасий Великий, 2, 233—234).

***

...Хотя и смирил Себя, дозволив собственному Своему телу приять даже смерть, потому что доступно было оно

смерти, однако же превознесен от земли, потому что в теле был Сам Сын Божий (свт. Афанасий Великий, 2, 234).

***

Благодарение Отцу, из недр Своих родившему и пославшему к нам Сына, Который низшел, вкусил нашей смерти и в Своем Воскресении показал наше воскресение! (прп. Ефрем Сирин, 33, 486).

***

Все горние и дольние поклоняются Тебе, Спаситель наш, потому что воскресением Своим избавил Ты нас от рабства греху (прп. Ефрем Сирин, 33, 524).

***

В сей день Великий <Пасху> Христос воззван от мертвецов, к которым приложился. В сей день отразил Он жало смерти, сокрушил мрачные затворы унылого ада, даровал свободу душам. В сей день, воспрянув из гроба, явился Он людям, для которых родился, умер и возбужден из мертвых, чтобы мы, возрожденные и избежавшие смерти, восхищены были с Тобою восходящим. В сей день светозарный и великий ангельский лик исполнился радости, воспевая победную песнь... (свт. Григорий Богослов, 15, 358—359).

***

...<Бог-Слово>, соделавшись выкупом нашей смерти, собственным Воскресением разрешил узы смерти и Своим Воскресением проложил путь всякой плоти и, будучи сопрестольным и равночестным Своему Отцу, в день Суда по

достоинству жизни произнесет приговор над судимым (свт. Григорий Нисский, 23, 18).

***

...<Господь> Своим пришествием воскресил нас, умерших от грехов, и оживотворил, разрушив двоякую смерть, смерть греха и смерть плоти (свт. Иоанн Златоуст, 44, 739).

***

...День Воскресения Господа нашего Иисуса Христа <есть> основание мира, начало примирения, прекращение враждебных действий, разрушение смерти, поражение диавола (свт. Иоанн Златоуст, 46, 820).

***

Сам Он <Христос> воскрес, расторгнув узы смерти, и нас воскресил, расторгнув сети наших грехов (свт. Иоанн Златоуст, 46, 824).

***

...По Воскресении Христос ел и пил не в силу необходимости — тогда тело Его уже не нуждалось в этом, — а для удостоверения в Воскресении (свт. Иоанн Златоуст, 50, 822).

***

...Если и в Ветхом, и в Новом Завете были случаи воскресения мертвых, то почему же Христос называется первенцем из мертвых?.. Те хотя и воскресли прежде Христа, но, воскресши, все опять умерли, как будто сделав опыт воскресения, а Христос, воскресши, не подпадает

смерти, и потому Первенец, как воскресший и более не умирающий (свт. Иоанн Златоуст, 51, 890).

***

Он есть Тот, Кто пострадал так, как родился, воскрес, так же, как был погребен, и взошел на небеса не так, как снизошел оттуда, оставив свои погребальные одежды в вечный позор неверующим иудеям (свт. Иоанн Златоуст, 54, 923).

***

Преображение на горе Владыки и Спасителя нашего предозначало наше из мертвых воскресение. Зрителям оного повелено было сохранить это в себе до Воскресения Господня; потому что тогда соделается оно несомненным, как усматриваемое на самом деле. Явление же Моисея и Илии свидетельствовало о владычестве Господа над живыми и мертвыми (прп. Исидор Пелусиот, 60, 146—147).

***

...<Воскресший> уничтожил тьмочисленные списки эллинских богов, ниспроверг всех идолов, истребил нечестивые жертвенники, обагренные человеческими кровьми, привел в бессилие диавола, обратил в бегство демонов, укротил дикие племена, иудеев подверг весьма великим бедствиям, а уверовавших в Него возводит превыше неба... (прп. Исидор Пелусиот, 61, 2).

***

Все потерпел Он, как человек, но и воскрес, как Бог, победив душегубца диавола и спасши Свое любимое создание (прп. Феодор Студит, 92, 381).

***

Его <Христово> тело имело нетление после Воскресения и не нуждалось в пище, но Он сделал это, чтобы и этим было удостоверено Его Воскресение и чтобы показать, что Его нынешнее тело есть то же самое, которое вкушало с ними пищу прежде страстей. Потребило же пищу оно не по естеству смертных тел, но Божественным действием, и как бы сказал кто: как огонь потребляет воск, но только с той разницей, что огонь, чтобы существовать, должен быть поддерживаем топливом, а бессмертные тела не нуждаются в пище для своего существования (свт. Григорий Палама, 26, 218—219).

***

Врата вечные и пути непроходимые открылись перед Господом нашим Иисусом Христом, Который, восприяв вольную смерть, сошел Пресвятою Душею Своею и неразлучившимся с Нею Божеством во ад, сокрушил его вереи и врата, освободил его пленников, потом, воскресив Свое тело, прошел уже с ним пространство поднебесной, небо, небеса небес и вступил на Престол Божества (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 135).

Вознесение

...Христос вознесся не при помощи кого-нибудь, ведшего Его, но Сам шел этим путем. Илия и не таким путем восшел, как Христос, и вознесен был постороннею силою, потому что человеческое естество не может идти несвойственным ему путем... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 220).

***

Претерпев Крест, также и смерть, и воскресши Духом, Он <Христос> вознесся во славе и обновил путь на небеса

всем несомненно верующим в Него... (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 108).

***

...Вознесшись, Христос восшел к Высочайшему Отцу и в самые Отеческие недра, откуда и Дух имеет бытие, и показал Себя участником, даже и по человеческому естеству, свойственного Отцу достоинства тем, что и Он так же послал с небес Духа, исходящего и посылаемого от Отца (свт. Григорий Палама, 26, 239).

Искупление

...Смерть Его <Христа> соделалась для нас спасением, и смертию Его навсегда умерщвлен грех. Его Воскресение соделалось жизнию и врачевством от страстей для верующих в Него, дабы они жили в Боге и приносили плод правды (прп. авва Исаия, 59, 142—143).

***

...Восприятое Им <Христом> на Себя тело принося на смерть, как жертву и заклание, свободное от всякой скверны, этим приношением сходственного во всех подобных уничтожило немедленно смерть (свт. Афанасий Великий, 1, 202).

***

...Погиб бы род человеческий, если бы Владыка и Спаситель всех, Сын Божий, не пришел положить конец смерти (свт. Афанасий Великий, 1, 202).

***

...Слову нужно было принять на Себя смертное тело, чтобы Им, наконец, могла быть уничтожена смерть, и

люди опять обновились по образу (свт. Афанасий Великий, 1, 208).

***

...Господь и родился, и явился человеком, умер и воскрес, делами Своими унижая и помрачая дела когда-либо живших людей, чтобы от всего того, чем бы ни были предубеждены люди, отвлечь их и научить ведению истинного Отца Его... (свт. Афанасий Великий, 1, 211).

***

...Спаситель вочеловечением явил сугубое человеколюбие, и тем, что уничтожил в нас смерть и обновил нас, и тем, что, будучи непознан и невидим, явил Себя в делах и показал, что Он — Отчее Слово, Вождь и Царь вселенной (свт. Афанасий Великий, 1, 211).

***

...<Христос>, после того как доказал Божество Свое делами, приносит, наконец, и Жертву за всех, вместо всех предавая на смерть храм Свой, чтобы всех соделать свободными от ответственности за древнее преступление, о Себе же, в нетленном теле Своем явив начаток общего Воскресения, доказать, что Он выше и смерти...

Итак, Тело, поелику имело оно общую со всеми телами сущность и было телом человеческим, хотя по необычайному чуду образовалось из единой Девы, однако же, будучи смертным, по закону подобных тел, подверглось смерти; по причине же снисшествия в него Слова, не потерпело свойственного телесной природе тления и, напротив того, ради вселившегося в нем Божия Слова, пребыло вне тления. И чудным образом в одном и том же совершилось то и другое: и смерть всех приведена в исполнение в Господ-

нем теле, и уничтожены Им смерть и тление ради сопри-сущего в Нем Слова. Нужна была смерть и надлежало совершиться смерти за всех, во исполнение долга, лежащего на всех (свт. Афанасий Великий, 1, 216—217).

***

...Хотя умерло Тело для искупления всех, но не видело тления, ибо воскресло всецелым, потому что было Телом не кого-либо иного, но самой Жизни (свт. Афанасий Великий, 1, 219).

***

...<Спаситель> ожидал смерти, чтобы ее истребить, и наносимой смерти спешил положить конец для спасения всех (свт. Афанасий Великий, 1, 219).

***

...Если пришел Он на Себе понести клятву, на нас бывшую, то как бы иначе стал клятвою, если бы не принял смерть, бывшую под клятвою? (свт. Афанасий Великий, 1, 222).

***

...Тело <Христа> умерло не по немощи естества вселившегося Слова, но для уничтожения в Нем смерти силою Спасителя (свт. Афанасий Великий, 1, 224).

***

...Смертию Его совершилось спасение всех, искуплена вся тварь. Он есть общая всех Жизнь... (свт. Афанасий Великий, 1, 238).

***

<Слово> вочеловечилось, чтобы мы обóжились; Оно явило Себя телесно, чтобы мы приобрели себе понятие о невидимом Отце... (свт. Афанасий Великий, 1, 260).

***

...<Слово> претерпело поругание от людей, чтобы мы наследовали бессмертие... (свт. Афанасий Великий, 1, 260).

***

...Слово, будучи Богом, стало плотию, чтобы, умерши плотию, силою Своею оживотворить всех (свт. Афанасий Великий, 2, 234).

***

...Как сказуемая о Нем смерть была искуплением грехов человеческих и уничтожением смерти, так сказуемое о Нем Воскресение и Вознесение через Него надежными пребыли и для нас (свт. Афанасий Великий, 2, 235).

***

Аз послах их в мир, и за них Аз свящу Себе, да и тии будут священи во истину (Ин. 17, 18—19). Говоря это, показал Он, что Сам есть не освящаемый, но Освящающий; ибо не другим освящается, но Сам Себя святит, чтобы мы были *священи во истину*. Святяй же Себя есть Господь освящения. Как же это совершается? В каком смысле говорит это? Не в этом ли? «Я, Слово Отчее, Сам даю Духа Себе, соделавшемуся человеком, чтобы уже Мною — Истиною... освятились и все» (свт. Афанасий Великий, 2, 237).

***

...Жертва, принесенная Спасителем единожды, все совершила и навсегда пребывает верною (свт. Афанасий Великий, 2, 273).

***

...Само Слово по естеству, Господь, соделавшись и человеком, через самый рабий зрак соделывается Господом всех и Христом, именно же для освящения всех Духом (свт. Афанасий Великий, 2, 279—280).

***

...Христос по естеству — вечный Господь и Царь, не тогда, как посылается, наипаче соделывается Господом, и не в это время начинает быть Господом и Царем, но чем всегда Он есть, тем творится тогда и по плоти и, всех избавив, таким образом, делается Господом живых и мертвых (свт. Афанасий Великий, 2, 280).

***

Ты, Христе, умилостивительная жертва, закланная на вершине Голгофы в очищение грехов Адамовых, приими жертву и молитву нашу и яви щедроты Твои всем нам! (прп. Ефрем Сирин, 33, 301).

***

Для того, думаю, продается <Христос Иудою>, чтобы продажею Своею купить проданных под грех (свт. Григорий Богослов, 13, 99).

***

...Сын Божий благоволит стать и именоваться и Сыном Человеческим, не изменяя того, чем был (ибо сие неизме-

няемо), но приняв то, чем не был (ибо Он человеколюбив), чтобы Невместимому сделаться вместимым, вступя в общение с нами через посредствующую плоть, как через завесу, потому что рожденному и тленному естеству невозможно сносить чистого Его Божества. Для сего соединяется несоединимое: не только Бог с рождением во времени, ум с плотью, довременное с временем, неочертимое с мерою, но и рождение с девством, бесчестие с тем, что выше всякой чести, бесстрастное с страданием, бессмертное с тленным. Поелику изобретатель греха мечтал быть непобедимым, уловив нас надеждою обóжения, то сам уловляется покровом плоти, чтобы, приразясь как к Адаму, сретить Бога. Так Новый Адам спас ветхого, и снято осуждение с плоти по умерщвлении смерти плотию! (свт. Григорий Богослов, 14, 263).

***

Кому и для чего пролита сия излиянная за нас Кровь — Кровь великая и преславная Бога и Архиерея и Жертвы? Мы были во власти лукавого, проданные под грех и сластолюбием купившие себе повреждение. А если цена искупления дается не иному кому, как содержащему во власти; спрашиваю: кому и по какой причине принесена такая цена? Если лукавому, то как сие оскорбительно! Разбойник получает цену искупления, получает не только от Бога, но Самого Бога, за свое мучительство берет такую безмерную плату, что за нее справедливо было пощадить и нас! А если Отцу, то, во-первых, каким образом? Не у Него мы были в плену. А во-вторых, по какой причине Кровь Единородного приятна Отцу, Который не принял и Исаака, приносимого отцом, но заменил жертвоприношение, вместо словесной жертвы дав овна? Или из сего видно, что приемлет Отец не потому, что требовал или имел нужду, но по Домостроительству и потому, что человеку нужно было осв-

титься человечеством Бога, чтобы Он Сам избавил нас, преодолев мучителя силой, и возвел нас к Себе через Сына посредствующего и все устрояющего в честь Отца, Которому оказывается Он во всем покорствующим? Таковы дела Христовы; а большее да почтено будет молчанием (свт. Григорий Богослов, 15, 175—176).

***

Немногие капли Крови воссозидают целый мир и для всех людей делаются тем же, чем бывает закваска для молока, собирая и связуя нас воедино (свт. Григорий Богослов, 15, 183).

***

Мы не отделяем в Нем человека от Божества, но учим, что Один и Тот же — прежде не человек, но Бог и Сын Единородный, предвечный, не имеющий ни тела, ни чего-либо телесного, а наконец и человек, восприятый для нашего спасения, подлежащий страданию по плоти, бесстрастный по Божеству, ограниченный по телу, неограниченный по духу; один и тот же — земной и небесный, видимый и умопредставляемый, вместимый и невместимый, чтобы всецелым человеком и Богом воссоздан был всецелый человек, падший под грех (свт. Григорий Богослов, 15, 197).

***

...Христос, будучи Бог, начальник жизни, превысший века, всегда всецелый образ бессмертного Отца, принял зрак раба, вкусил смерть, вторично сретил жизнь, чтобы от рабства и от уз смерти избавить меня, возвращающегося к лучшей жизни (свт. Григорий Богослов, 15, 304).

***

...Христос Сам Себя приносит Богу, чтобы Ему Самому исхитить нас у обладавшего нами и чтобы взамен падшего принят был Помазанный, потому что Помазующий неуловим (свт. Григорий Богослов, 16, 47).

***

...Ты Своими страданиями восхитил человека отселе, поставил в новую жизнь — вместо греховной свободную. Прежде многоскорбна была жизнь на земле и многоболезнен мир; земного царя окружил многочисленный народ, коварно похищенный у Великого Царя. Но теперь Христос, освободив из-под власти ужасного греха, опять возводит нас к Великому Царю и в лучший мир (свт. Григорий Богослов, 16, 56).

***

...Для того было и пришествие Господа, чтобы изгнать их <лукавых> и возвратить Себе собственный Свой дом и храм — человека (прп. Макарий Египетский, 67, 8—9).

***

...В пришествие Свое <Господь> неизреченную к нам благость доказал Он распятием, чтобы нас, обратившихся, ввести в жизнь (прп. Макарий Египетский, 67, 33).

***

...Он <Христос> пришел и взял грех мира, т. е. иссушил нечистый источник душевных помышлений. Он один совершил великое и спасительное искупление и уврачева-

ние души; Он освободил ее от рабства и извел ее из тьмы, прославив ее собственным светом Своим... (прп. Макарий Египетский, 67, 172—173).

***

...Господь пришел Ходатаем за тебя, чтобы воззвать погибшего, изъязвленного, возвратить тебе первоначальный образ чистого Адама (прп. Макарий Египетский, 67, 192).

***

...Для того и пришествие, и промышление Господне, чтобы нас, порабощенных, повинных и подчинившихся пороку, освободить и соделать победителями смерти и греха (прп. Макарий Египетский, 67, 204).

***

Он <Господь> пришел на Себя взять скорби и тяготы, тебе же дать покой Свой; а ты не хочешь понести трудов и пострадать, чтобы через это могли исцелеть твои язвы (прп. Макарий Египетский, 67, 206).

***

...Для того было пришествие Господа, чтобы здесь еще дать душе жизнь — Духа Своего (прп. Макарий Египетский, 67, 233).

***

Сила же и лепота Сына — Отец. Сей-то Сын расслабленное грехом естество человеческое снова соделал твердым, чтобы оно не уклонялось более в порок и не допус-

кало до себя греховной бури (свт. Григорий Нисский, 19, 98).

***

...Поелику главное наше несчастье состояло в том, что человеческое естество отчуждилось от благого Отца и лишилось Божеского призора и попечения, то Пасущий всю разумную тварь, оставив горнее незаблуждающее и премирное стадо, по человеколюбию приходит к заблудшей овце, т. е. нашему естеству, ибо человеческое естество есть ничтожнейшая и малейшая часть, если сравнить с совокупностью всего, — одна овца по загадке притчи, отдалившаяся через зло от разумной сотни (см.: Лк. 15, 4—7). Итак, поелику отчужденной от Бога нашей жизни самой собою невозможно было возвратиться в Горнее и небесное место, то посему, как говорит Апостол, *Неведевший греха по нас грех соделывается* (ср.: 2 Кор. 5, 21) и освобождает нас от клятвы, усвоив нашу клятву (см.: Гал. 3, 13); а восприяв на Себя нашу вражду с Богом, происшедшую через грех, и *убив* ее в Себе (см.: Еф. 2, 16), по слову Апостола (вражда же была грех), и соделавшись тем, что и мы, Собою опять соединил с Богом человеческий род. Ибо оного *нового человека, созданного по Богу* (Еф. 4, 24), в котором обитало *исполнение Божества телесне* (Кол. 2, 9) через чистоту в Нем нашего естества, соделав родственным и близким Отцу, Он вместе с тем привлек к той же благодати и все причастное Своему Телу, и сродное с ним естество. И сие-то через жену благовествуется не только оным ученикам, но и всем даже доныне научаемым (этим) словом (Писания), — именно, что человек уже не в числе отверженных и низринутых из Царствия Божия... (свт. Григорий Нисский, 23, 242—243).

***

...Добрый Пастырь служит всем и злаком для питания, и водой упокоения, и пищей, и кущей, и стезею, и водительством, распределяя Свою благодать соответственно каждой нужде (свт. Григорий Нисский, 25, 93).

***

...Кровь <Христа> стала общим очищением целой вселенной (свт. Иоанн Златоуст, 44, 565).

***

...<Господь> пришел в мир и принял смерть не за друзей только и близких к Себе, но и за врагов, за мучителей, за обманщиков, за ненавидевших, за распявших Его, о которых Он прежде сотворения мира знал, что они будут такими, и которых предвидя сотворил, победив предведение благостию, и за них Он пролил собственную Кровь, за них принял смерть (свт. Иоанн Златоуст, 44, 762).

***

...<Христос>, будучи Богом, облекся в нашу плоть и соделался человеком не для чего иного, как для спасения рода человеческого (см.: Гал. 3, 13) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 19).

***

Он (Господь Иисус Христос) из любви к нам все претерпел с радостью: изшедши из самых... недр Отеческих, благоволил принять зрак раба, испытать все человеческие (нужды), потерпеть озлобления и бесчестие от иудеев, наконец, приял Крест и поносную смерть, чтобы посредством

веры в Него избавить нас, пресмыкавшихся по земле и обремененных бесчисленным множеством тяжких грехов (свт. Иоанн Златоуст, 47, 370).

***

Для того Господь наш претерпел распятие, чтобы мы эту (земную) жизнь променяли на ту (небесную) или, лучше сказать, через эту приобрели себе ту (свт. Иоанн Златоуст, 47, 371).

***

...<Бог Отец> Единородного дал в цену Искупления, чтобы благодать имела основание, потому что, прияв единую за всех и превышающую достоинство всех Жертву, и вражду истребил, и осуждение отменил, и ввел в сыноположение, и украсил тьмочисленными благами (прп. Исидор Пелусиот, 61, 462—463).

***

...Когда естество человеческое дошло до неистовства, мучительство грехов стало несносно, наступило время приговора, осуждающего род наш на конечную гибель, потому что все способы врачевания оказались недействительными, ни закон, ни пророческое слово не возмогли отвратить усилившейся заразы; тогда Бог в цену Искупления дал Единородного, чтобы все возымели силу и благодать. Посему-то Апостол сказал: *в явление правды Своея* (Рим. 3, 25). Ибо за всех принесена единая и достоинство всех превышающая Жертва. И тогда гнев прекратился, последовало примирение, вражда переменилась в приязнь, вместо осуждающего приговора дано преестественное дарование всыновления, стеклись тысячи даров, украшающих Цер-

ковь, чтобы вместе и правда была явлена, и открылся преизбыток благости (прп. Исидор Пелусиот, 62, 3).

***

Сила таинства смерти Христовой такова: поелику мы грехом утратили в себе образ (Божий) и потому через падение и грехи соделались мертвыми, как говорит Апостол (см.: Еф. 2, 1), то и Бог, сотворивший нас по образу Своему, умилосердившись над Своим созданием и Своим образом, нас ради сделался человеком и подъял смерть за всех, чтобы нас, умерщвленных, возвести к жизни, которую мы потеряли за свое преступление, ибо Он взошел на святой Крест и распял грех, за который мы изгнаны были из рая, и *пленил плен*, как сказано в Писании (ср.: Еф. 4, 8). Что значит *пленил плен*? — То, что по преступлении Адамовом враг пленил нас и держал в своей власти, так что души человеческие, исходившие тогда из тела, отходили в ад, ибо рай был заключен. Когда же Христос восшел на высоту Святого и Животворящего Креста, то Он своею Кровью избавил нас из плена, которым пленил нас враг за преступление, т. е. опять исхитил нас из руки врага и, так сказать, обратно пленил нас, победив и низложив пленившего нас, потому и говорится (в Писании), что Он *пленил плен*. Такова сила таинства: для того умер за нас Христос, чтобы, как сказал святой, нас, умерщвленных, возвести к жизни (прп. авва Дорофей, 29, 195—196).

***

Так как Адам подпал клятве, а через него и все люди, от него происходящие, приговор же об этом Божий никак не мог быть уничтожен, то Христос бысть по нас клятва через то, что повешен был на Древе Крестном, чтобы при-

нести Себя в Жертву Отцу Своему... и уничтожить приговор Божий преизбыточествующим достоинством Жертвы (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 25).

***

...Несправедливо было, чтобы тот, кто по своему собственному желанию, без всякого насилия, а по одному уважению лжи диаволовой самовластно осквернил себя грехом и через то потерял благодать Божию и обнажился от оной, несправедливо было, чтобы такой опять облечен был сею благодатию, не понесши наперед великого какого-либо наказания. Но где же было ему понести соразмерное преступлению наказание? И се Сам Бог, соделавшись человеком, принес Себя в Жертву умилостивления, чтобы иметь власть опять даровать человеку такую благодать (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 201).

***

Долженствовало тех, которые послушают (Его), сделать свободными от рабства диавола; поскольку же человек, испытав на себе гнев Божий (гнев же Божий заключался в том, что человек справедливо был оставлен Благим), был предан в плен диаволу, то долженствовало человека примирить с Творцом, ибо иначе и не было бы возможным освободить его от оного рабства. Следовательно, была нужда в Жертве, примиряющей нас с Высочайшим Отцем и освящающей осквернившихся общением с лукавым. Значит, была нужда в Жертве очищающей и чистой, но также была нужда и в Священнике, и тоже чистом и безгрешном. Нужда же была и для нас в Воскресении, не только в воскресении по духу, но и — по телу, ради будущих людей, в

Воскресении, которое будет после в надлежащее время. Итак, долженствовало не только даровать нам сие освобождение и Воскресение, но и удостоверить (или «поручиться»); к тому же — даровать нам восстановление (или «вознесение») и нескончаемое гражданство на небесах. Нужда же была во всем этом не только для бывших в то время и для будущих людей, но гораздо более — для всех (прежде) от века рожденных, потому что людей в аду было гораздо в большем числе, чем будет людей в будущем... посему-то, думаю, пришел Христос при завершении веков. Таким образом, была нужда, чтобы и в аду было проповедано Евангелие и явлено сие великое Домостроительство (спасения), и даровано полное освобождение от пленивших бесов, и освящение, и будущее обетование. Итак, конечно, долженствовало, чтобы Христос сошел и во ад, но все это в духе правосудия и правды, без чего Бог ничего не совершает (свт. Григорий Палама, 26, 163—164).

***

...Если бы Он не был человеком, то невозможно было бы Ему пострадать, а если бы не был Богом, бесстрастным по Божеству пребывая, то не мог бы плотию ради нас принять такую смерть, благодаря которой даровал нам восстание или, лучше сказать, воскресение и бессмертие; и не веровалось бы (если бы Он не был Богом), что Он действительно мог не испытывать страдания, но что добровольно изволил пострадать, чтобы показать, что Его смирение имело нас освободить и воздвигнуть и, уча, на деле явить, что долженствует до смерти бороться за праведность и возвестить верующим силу (значение) бессмертия; бессмертия, которое будет заключаться не только во всегдашнем пребывании, но в пребывании, непричастном вечной

гибели, — я говорю об ужасающем оном мучении (наказании), уготованном для диавола, — в пребывании, которое будет выражаться в совечнствовании вместе с благими Ангелами, в сонаслаждении прекрасным и нескончаемым Царством. Вот почему ради этого Он подверг Себя смерти, которой не был должен, но которой Он подвергся ради нас, дабы нас, подвергнувшихся смерти в силу долга (ἐποθειλόμενος), освободить (или «искупить» — λυτρώσηται) от рабства диаволу и смерти; смерти же, имею в виду и по духу, и по телу, во времени и в вечности, потому что за нас — повинных по причине греха, дав в искупление Свою невинную по причине безгрешности — Кровь, Он искупил нас от вины, отпустив нам грехи и рукописание их на Кресте разорвав, искупил нас от тирании диавола. Ибо тот, прельстившись и как бы широко разинув пасть и поспешив пролить оную Кровь Владычню (Которая — наше Искупление), не только неповинную, но и богатую Божественной силою, — не только от этого ничего не приобрел, но, наоборот, оказался крепко связанным, выставленным на поругание Крестом Христовым; и, таким образом, мы были исторгнуты из его рабства и перемещены в Царство Сына Божия, мы — которые были раньше сосудами гнева (Божия), а ныне, благодаря Ему, стали сосудами милости (Божией), Который связал сильного (сильного при сравнении с нами) диавола и расхитил его сосуды; Который справедливо затем, как неправедно умерщвленный по внушению диавола, воцарился над нами, правосудием таинственно победив началозлобного, и явно показав всемогущую силу, и одолев смерть по телу, и восстав тридневным из мертвых, и восшедши на небеса, и воссевши одесную Отца в той самой плоти, которую ради нас носил и согласно которой умер, сделав достоверным для нас воскресение из мертвых, и возвращение на небо, и насле-

дие Царства, — если только и мы, подражая Ему, будем праведностью одолевать князя греха, отражая его нападения и подстрекательства к дурным страстям и доблестно перенося его злоухищрения (свт. Григорий Палама, 26, 168—169).

***

Искуплением обновлено человеческое естество. Богочеловек обновил его Собою и в Себе. Такое обновленное Господом естество человеческое прививается, так сказать, к естеству, падшему посредством Крещения (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 376).

***

При посредстве Господа нашего Иисуса Христа излиты на род человеческий благодеяния бесчисленные и неизреченные: совершено не только искупление человеков, совершено усыновление их Богу (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 138).

***

Плодом благословения Божия, доставленного Богочеловеком человечеству, сделалось примирение человеков с Богом, усвоение естеству человеческому естества Божия, при посредстве усвоения естеству Божию естества человеческого, естеству Творца естества твари (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 211).

***

Естество человеческое соделало Богочеловека способным быть Жертвой, а естество Божеское дало этой Жертве безмерную цену (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 393).

***

Богочеловек, как Искупительная Жертва, принял на Себя все немощи человеческие — последствия падения, — кроме греха, чтобы, искупив человечество, избавить его от бремени этих немощей, явить его в обновленном состоянии, явить его без тех немощей, которые привлечены в естество наше падением (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 399).

***

Он <Христос> Своею смертию примирил нас с Богом и открыл через то доступ к нам всех милостей Божиих (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 5).

Спасение

...Не окажется никакого противоречия, если Отец тем же Словом, Которым создал тварь, соделал и ее спасение (свт. Афанасий Великий, 1, 192).

***

...<Спаситель> как на смерть принес за всех тело, так телом же опять проложил всем путь и к восхождению на небо (свт. Афанасий Великий, 1, 223).

***

Само Оно <Слово> ни в чем не понесло ущерба, потому что бесстрастно, нетленно, есть источное Слово и Бог; страждущих же человеков, ради которых и претерпело это, соблюло и спасло Своим бесстрастием (свт. Афанасий Великий, 1, 260).

***

...По божественном явлении Божия Слова не имеет уже силы идольская тьма, но все части вселенной озаряются повсюду Его учением (свт. Афанасий Великий, 1, 261).

***

...Теперь суд приняло на Себя Слово и, за всех пострадав плотию, всем даровало спасение (свт. Афанасий Великий, 2, 256).

***

Что еще оставалось... <Спасителю> сделать для нас, и Он не сделал? Не видели мы разве Бога-Слово смирившимся во образе раба, чтобы и мы сделались смиренными? (прп. Ефрем Сирин, 30, 227).

***

Из Отчего недра снисшедший и соделавшийся для нас путем спасения Господь блаженным и Божественным Своим гласом учит нас покаянию, говоря: *не пришдох бо призвати праведники, но грешники на покаяние* (ср.: Мф. 9, 13) (прп. Ефрем Сирин, 30, 293).

***

С великою любовью и со всякою благостию Он <Христос> призывает тебя к Себе (прп. Ефрем Сирин, 30, 294).

***

Отрезвись сколько-нибудь, человек, приди сам в себя и, как разумный, познай, что для тебя пришел с неба

Всевышний Бог, чтобы с земли вознести тебя на небо (прп. Ефрем Сирин, 30, 301).

***

Чтобы воздать за одно заушение <Спасителя>, то если бы тысячи лет жили мы на земле, ничем не могли бы вознаградить за сию Божию милость (прп. Ефрем Сирин, 30, 316).

***

Кого трепещет всякая тварь небесных, земных и преисподних, содержимых под властию диавола, Кто дал нам власть попирать диавола, Тот благоволил сорок дней и сорок ночей продолжать пост и потом быть искушенным от диавола. Имел ли нужду в посте Бесстрастный? Упокоению всех труждающихся должно ли было утруждаться? Для чего жаждал многообильный Источник, претворивший воду в вино, источающий реки живых вод из чрева верующих в Него? Конечно, Он хочет нам показать сим пример и образец жития, чтобы, в том же упражняясь, избавились мы от злокозненности диавола и достигли вечного Царства Христова. Потому и страдал Он, укоряемый, злословимый, оплеванный, ударяемый по ланите, бичуемый, венчаемый тернием, приемлющий в руку трость, облекаемый в багряницу, заушаемый, приемлющий все роды поругания и осмеяния, распинаемый, напоеваемый оцтом и желчию, пронзаемый в ребро копием, вменяемый с беззаконными. Все сие претерпел Господь ради нас, все это понес Долготерпеливый нашего ради спасения. Итак, чем воздадим Господу, показавшему столько любви к нам грешным? Не воздаяния требует Он от нас, но хочет только, чтобы приложили мы попечение о собственном своем спасении (прп. Ефрем Сирин, 32, 277—278).

***

...Оружие Господа нашего — смирение; сие оружие уготовал Он на лукавого, им низверг сатану с высоты самоуправного владычества (прп. Ефрем Сирин, 33, 114—115).

***

Весь путь Твоего <Иисусе Христе> пришествия пройден Тобою ради множества кающихся; все учение Твое, Господи, — великое упование для грешников (прп. Ефрем Сирин, 33, 143).

***

Ради плененного Адама пришел Ты в страну нашу, Господи, как соглядатай, и извел его из стана того крепкого, который обольстил и увлек его (прп. Ефрем Сирин, 33, 143).

***

Ради погибшей овцы щедроты Твои привлекли Тебя в обитель мертвых, и Ты извлек ее из области мучительницы смерти, которая не осмелилась воспрекословить Тебе (прп. Ефрем Сирин, 33, 143).

***

Для отпущения грехов и беззаконий пришел в мир Сын Божий; посему с любовью и радостью обращался Он ко всякому, кто имел нужду в помощи. Отъять неправды мира пришел Он с горней высоты и показал великое милосердие Свое к грешникам любодейцам (прп. Ефрем Сирин, 33, 156).

***

Ради меня вознесло Тебя древо на Голгофе; смерть Твоя да будет для меня крыльями, чтобы воспарить ко Отцу Твоему (прп. Ефрем Сирин, 33, 186).

***

Чтобы приобрести мне жизнь, пронзен Ты <Господи> гвоздями, чтобы искупить меня, увенчан Ты терниями. Ты обрел меня, спаси же, чтобы не погиб я (прп. Ефрем Сирин, 33, 190).

***

Ради грехов моих снисшел Ты <Господи> во утробу Матери и пребывал в ней; грехи мои вознесли Тебя на крест. По милости Твоей очисти прегрешения мои (прп. Ефрем Сирин, 33, 192—193).

***

Благодарение Благому, освободившему род наш от рабства диаволу и смерти и примирившему нас с горними сонмами, которые гневались на нас за неправду нашу! (прп. Ефрем Сирин, 33, 279).

***

Небо, и земля, и все, что на них, да славословят вместе с нами Возвеличившего род наш; потому что обновил Он образ Свой в нас, изгладил грехи наши, дал нам имя Свое и все покорил нам (прп. Ефрем Сирин, 33, 279).

***

Едва праведники увидели свет во аде, как с радостию пошли во сретение Сыну Милосердого. Все забыли болезни свои и страдания, какие претерпели они, когда видели Господа своего распинаемым. По щедротам Своим дал Он нам жизнь и нас смертных присоединил к Ангелам. Нас, человеков, уловила в свои сети смерть; Он пришел по благости Своей и избавил нас. Хвала Тебе, Господь Ангелов; явление Твое возвеселило сетовавших во аде. Удалилась и исчезла теперь ночь, и твари воссиял свет Его. Сошел Он с высоты, избавил нас, и паки восшел, и вот седит одесную Отца. Все же, ожидавшие Его и надеявшиеся на имя Его, вожделевают сретить Его во Второе Пришествие. Сошел Он во ад, и там воссиял свет Его и разогнал тьму среди мертвецов во аде. Вкушенный Адамом плод умертвил его; но снисшел Горний Плод и спас его. Воскрешавший мертвых отверз гробы и в этом показал нам образ оного великого дня... (прп. Ефрем Сирин, 33, 294—295).

***

Ты <Господи> соделался за нас Жертвою, чтобы Кровию Своею загладить вины наши. Ты соделался ради нас Священником, чтобы кроплением Крови Своей очистить нас... Вот, Ты приносишься в Жертву на трапезе нашей и орошаешь уста наши. Тобою молитва наша да взыдет к Отцу. Благословение Тебе от всех, милосердый ко всем (прп. Ефрем Сирин, 33, 340).

***

...Величественно восстал Крепкий, связал смерть в собственном жилище ее, оковал и низложил мучителя, который величался над человечеством. Вконец разорил Он

ненасытный шеол, который поглощал и терзал даже плоти святых; воззвал Он, — и в трепет пришли демоны, и тьма содрогнулась от гласа Его. В ужас поверг Он дружины и полчища смерти; стенает в узах своих; громко вопиет шеол в своих владениях. Издает в нем глас свой Лев — и все врата его сокрушены; пали стены сластолюбца, преклонились исполины его; потому что взывает в нем грозно Орел — Христос, Сын Крепкого Бога. Посрамлена теперь смерть; поникла глава этого мятежника, возмечтавшего быть Богом. Христов раздался глас в царстве пагубы, и мятежник пал и поник главой. Христос воззвал Адама из тьмы, в какую был он погружен, и сказал: «Где ты, прекрасный Адам, обольщенный некогда советом жены? Восстань теперь, прекрасный, восстань, величественный и растленный образ; сокрушена уже глава змиева, и смерть, и сатана умерщвлены. Восстань через Единородного Сына и возвеличь Отца и Духа. Он воскресил чад твоих, чтобы наследовали они жизнь в Брачном Чертоге. Восстань, прекрасный Адам, созданный рукою Отца; тебя ожидает Эдем — жилище твое, утраченный тобою рай. Восстань вместе с чадами своими, воскресни силою Того, Кто создал тебя в начале. Давно уже сетуют о тебе райские древа. Восстань, прекрасный, поругайся над мучителем, который терзал твою плоть; наступи на главу змию, который алчет пожирать птенцов твоих». Восстал Адам, поклонился Господу, снисшедшему взыскать его, и сказал: «Вместе с чадами своими поклоняюсь Тебе, Господи, пришедшему восставить нас падших» (прп. Ефрем Сирин, 33, 436—437).

***

Иисус три дня был пришельцем смерти, и освободил плен ее, расхитил стан ее, восстановил род наш (прп. Ефрем Сирин, 33, 464).

***

...Славный Воитель вторгся внезапно в царство смерти; как расхититель, проник туда глас Его и положил конец ее славе (прп. Ефрем Сирин, 33, 465).

***

Христос видел, как страшна смерть для человеческого рода; поэтому Сам снисшел, по милосердию Своему вкусил смерть, чтобы и мы смелее встречали смерть (прп. Ефрем Сирин, 33, 487).

***

Хвала Всевышнему, Который сраствори́л соль Свою с духом нашим, и закваску Свою с душами нашими, и Тело Свое соделал Хлебом, чтобы оживотворить нашу мертвенность! (прп. Ефрем Сирин, 34, 154).

***

Хвала Тому, Кто всеял свет во тьму и обличил ее тайны, но прикрыл Свою сокровенность, и с нас совлек и снял одежду скверн! (прп. Ефрем Сирин, 34, 154).

***

Благословен Пастырь, соделавшийся Агнцем, чтобы нас соделать чистыми! (прп. Ефрем Сирин, 34, 155).

***

На уничижение пришел Ты, <Господи>, чтобы всем даровать жизнь; хвала Тебе от всех, оживотворенных Твоею рукою! (прп. Ефрем Сирин, 34, 173).

***

...Умерщвляет Он смерть, низлагает Он сатану; Он — радость горних; Он — упование дольних! (нрп. Ефрем Сирин, 34, 284).

***

...Как Адам был началом смерти всех живых, так Господь наш стал началом жизни всех мертвых (прп. Ефрем Сирин, 36, 102).

***

Врачевство... жизни состоит в том, что Господь сделал Тело Свое сосцами нашей невинности и Кровь Свою источником, который, напояя, уничтожает жажду нашу, и весь всецело стал для нас трапезой всех благ (прп. Ефрем Сирин, 37, 350).

***

Сколько торжеств доставляет мне каждая тайна Христова! Во всех же в них главное одно — мое совершение, воссоздание и возвращение к первому Адаму! (свт. Григорий Богослов, 14, 249).

***

<Христос> есть Ипостасная и Сущая Истина, и без сей Истины невозможно как познать истину, так и улучить спасение (прп. Макарий Египетский, 67, 417).

***

Когда слышишь, что Христос, сошедши во ад, избавил содержавшиеся там души, — не почитай сего далеким и от того, что совершается ныне (прп. Макарий Египетский, 67, 442).

***

...Владыка всех — Христос обитает на небе и управляет миром, и жертва Ему — душа, обращающая к Нему взоры, и одна для Него пища — спасение верующих (свт. Иоанн Златоуст, 45, 661).

***

Иисус, будучи человеколюбив, желая позаботиться о Своем творении, ради нас перенес все, чтобы освободить нас от осуждения (свт. Иоанн Златоуст, 45, 896).

***

...Христос возвел в прежнее достоинство человеческую природу, освободив ее от власти диавола (свт. Иоанн Златоуст, 46, 822).

***

Адам согрешил — и умер; Христос не согрешил — и также умер... Почему и для чего? Для того, чтобы согрешивший и умерший мог через несогрешившего и умершего освободиться от уз смерти (свт. Иоанн Златоуст, 46, 824).

***

Диавол лишил нас рая, а Господь возвел на небо; тот был причиною осуждения нашего на смерть, а Этот даровал нам бессмертие; тот лишил нас райского блаженства, а Этот уготовал нам Царствие Небесное (свт. Иоанн Златоуст, 47, 517).

***

Он <Христос> освободил людей от заблуждения и привел к истине. Он сделал землю небом, не природу стихий

изменив, а водворив между земными людьми жизнь небесную (свт. Иоанн Златоуст, 47, 524).

***

Для того Он <Христос> восхотел перейти через все наши состояния — и родиться от Жены, и быть младенцем, и обвиваться пеленами, и питаться молоком, и все прочее испытать, чтобы утвердить истину Домостроительства... Для того Он предстоит суду, и распинается на Кресте, и подвергается самой позорной смерти, и полагается во гроб, чтобы дело Домостроительства было явно для всех (свт. Иоанн Златоуст, 47, 630).

***

...Христос, пришедши, обещал нам ныне блага большие тех, которых лишили нас согрешившие вначале <прародители> (свт. Иоанн Златоуст, 47, 754).

***

Смертию попрана смерть; клятвою разрушена клятва и подано благословение; через вкушение мы изгнаны прежде из рая, через вкушение опять введены в рай... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 196).

***

Для того снисшел Единородный Сын Божий, чтобы нас возвести и поставить выше небес (свт. Иоанн Златоуст, 48, 566).

***

Как грех воцарился через одного человека, так и благодать царствует через Одного <Христа> (свт. Иоанн Златоуст, 48, 685).

***

Иисус для нас — спасение, пока мы живем здесь, и жизнь, когда мы переселяемся отсюда (свт. Иоанн Златоуст, 49, 598).

***

Смиренные выражения Христа о себе имеют справедливую и достойную Бога причину, именно: снисхождение к нам, намерение научить нас смирению и через это — устроение нашего спасения... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 253).

***

...Жертвой становится Он <Христос> за него <человека> тогда, когда он познает благодать и поймет начавшуюся через ту Жертву жизнь. И, познав это, <человек> должен стремиться получить начало новой жизни и более не возвращаться к прежней... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 925).

***

...Бог, заповедав приносить в жертву агнца, указывал на Христа, имеющего быть принесенным в жертву, и все, что относилось к агнцу, прообразовало Христа (свт. Иоанн Златоуст, 51, 941).

***

Может быть, для того Он сделался тридневным, чтобы в человеке восстановить во всей целости душу, дух и тело (свт. Иоанн Златоуст, 51, 956).

***

Для того-то и снизошел Сын Божий, чтобы сделать тебя богоподобным, насколько это возможно для человека (свт. Иоанн Златоуст, 52, 150).

***

...<Во Христе> мы были освобождены от наказания, совлеклись всякого зла, были возрождены свыше, воскресли после погребения ветхого человека, были искуплены, освящены, приведены в усыновление, оправданы, сделались братьями Единородного, стали Его сонаследниками и сотелесными с Ним, вошли в состав Его плоти и соединились с Ним так, как тело с главою... Мы получили не только врачевство, соответствующее нашей язве, но и здоровье, красоту, честь, славу и такие достоинства, которые гораздо выше нашей природы. Каждый из этих даров мог бы сам по себе истребить смерть. А когда все они открыто стекаются вместе, тогда смерть истребляется с корнем и не может уже появиться ни следа ее, ни тени... Христос заплатил гораздо больше того, сколько мы были должны, и настолько больше, насколько море беспредельно в сравнении с малою каплей. Итак, не сомневайся, человек, видя такое богатство благ, не спрашивай, как потушена искра смерти и греха, как скоро излито на нее целое море благодатных даров (свт. Иоанн Златоуст, 52, 596).

***

Для того Он и умер, чтобы истребить грех, подрезать ему жилы и отнять у него всю силу (свт. Иоанн Златоуст, 52, 607).

***

Если Христос и умер однажды... то не подумай, что Он смертен, так как смерть Его была смертию смерти, и так как Он умер, то и не умирает (свт. Иоанн Златоуст, 52, 607).

***

Христос преобразился не напрасно, но чтобы показать нам будущее преображение природы, будущее спасение,

Второе Пришествие на облаках с голосом архангельским (свт. Иоанн Златоуст, 53, 862).

***

Он <Христос> есть ищущий погибшую овцу, оставивший девяносто девять и отправившийся в поиски за одной. Он отыскивал одну, не пренебрегая многими и не предпочитая одну множеству; он покидал девяносто девять, потому что знал, что они безопасны в овчарне; всюду отыскивал одну, чтобы она не стала пищей для диавола (свт. Иоанн Златоуст, 53, 904).

***

Мы одержимы были жестокою болезнью, сильною горячкой и лежали не на одре, но в самом зле, погрязши в нечестии, как в навозе; покрытые ранами, смердящие, скверные, изможденные и более статуи, нежели люди; нас окружали злые демоны, князь этого мира, издевающийся и нападающий. Пришел к нам Единородный (Сын) Божий, простер лучи Своего присутствия — и тотчас прогнал тьму; пришел к нам Царь, Сый на престоле Отчем, оставив Отчий престол (когда я говорю «оставив», ты не представляй перемены места, потому что и небо, и землю наполняет Он, — я говорю это только по отношению к Домостроительству); пришел к врагу, который ненавидит Его, отвращается от Него, не может видеть Его, каждодневно хулит Его. Увидел, что (враг) лежит в навозе, источен червями, одержим горячкою и голодом, подвержен всякого рода болезни. И горячка мучила его — это похоть злая, — и от воспаления страдал он — это гордость, и так называемый волчий голод мучил его — это любостяжание, — были и гнилые раны у него — это блуд, и слепота очей — это идолослужение, — и глухота, и помешатель-

ство ума — это поклонение камням, и деревам, и беседы с ними, — и великое безобразие — это нечестие, нечто отвратительное и болезнь тягчайшая. Увидел, что мы говорим еще хуже беснующихся, и дерево и камень называем богом; увидел нас в таком нечестии и не возгнушался, не огорчился, не отвратился, не возненавидел. Так как Он Владыка, то и не возненавидел Своего творения. Но что делает? Как наилучший врач, Он приготовляет многоценные лекарства и Сам первый вкушает их. Он первый совершил добродетель и таким образом нам преподал... Он дал нам купель, которою мы освободились от всякого зла — и все вдруг прошло: воспаление кончилось, горячка прекратилась и гнилые раны подсохли. Все, что происходит и от любостяжания, и от ярости, и всякое другое зло истреблено Духом; отверзлись очи, отверзся слух, язык начал говорить хорошо, душа получила силу, тело получило красоту и цвет такой, какой прилично иметь Сыну Божию, рожденному от благодати Духа, — такую славу, какую прилично иметь новорожденному и воспитываемому в порфире царскому сыну. О, какое благородство даровано нам, а мы остаемся неблагодарными к так возлюбившему нас! (свт. Иоанн Златоуст, 54, 322).

***

Ты Господь и Бог, Ты человек и человеколюбец, Ты дивный и необычайный врач природы; не железом отсекаешь страсти, не огнем прижигаешь раны, не от трав собираешь врачебную силу, не видимыми повязываешь тяжкие раны повязками; у Тебя — невидимые повязки милосердия, невидимо связывающие разделенное, — у Тебя слово острее железа, у Тебя изречение сильнее огня; у Тебя мановение, удобнее врачевства. Как Мироустроитель, Ты без труда освящаешь творения, — как Создатель, без уси-

лия перестраиваешь создания... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 433—434).

***

...Бог, явившийся на земле и поживший с человеками, показавший великое попечение о нас, — по преимуществу был с нами. С нами был не Ангел, не Архангел; но Сам сошедший Владыка принял на Себя всеобщее исправление, говоря с блудницами, возлежа с мытарями, входя в домы грешников, давая надежду разбойникам, привлекая к Себе магов, везде обходя и все исправляя, соединяя с Собою самую природу (свт. Иоанн Златоуст, 55, 796).

***

Поелику терние было произведением клятвы, и земля осуждена произращать его после нашего преступления, Господь же пришел уврачевать Собою всякую болезнь, то посему, как победоносный, увенчан был терниями (так поступают благоискусные победители, выставляя на позор то самое оружие или орудие, при помощи которого одержали победу) и говорит: *дерзайте, Аз победих мир* (ср.: Ин. 16, 33). Ибо приявший на Себя естество человеческое, но не подвергшийся падениям человеческим и всему роду возвратил первобытную доброту, и в самом естестве уничтожил силу клятвы (прп. Исидор Пелусиот, 60, 66—67).

***

...Не восхитил <Иисус Христос> Себе Божество и Царство, но прежде веков имел сие нерожденно, и не предполагая, что может лишиться сего, но, как Владыка и пренебесных и земных, и преисподних, и горнего не оставил, и к нам пришел, снисшедши даже и до ада, чтобы, повсюду быв, везде спасать всех, на земле обновляя и тех, которые

живут, и тех, которые будут жить, а под землею освобождая от владычества смерти обладаемых ею (прп. Исидор Пелусиот, 60, 94).

***

...Добропобедный Царь небес, для спасения людей совершивший Свое пришествие на землю, как некоего варвара покорив себе все грешное, после победы умилосердился над тем, как над Своею собственностью (прп. Исидор Пелусиот, 61, 321—322).

***

Когда губительные демоны с вождем их диаволом не попустили людям пребыть в своем чине, но, предавшись всякой неправде и хищничеству, не зная сытости в поругании над людьми, довели их до последней степени страданий, тогда, тогда именно, Царь всяческих, Отчее Слово, возненавидев самоуправство одних и сжалившись над бедствиями других, облекшись в естество человеческое, вступил в борьбу. И одни победные памятники были уже воздвигнуты, другие воздвигались, об иных же имелась надежда, что будут воздвигнуты. И варварское полчище демонов с вождем их стало оплакивать свои бедствия, а естество человеческое вступало в свободу (прп. Исидор Пелусиот, 61, 330—331).

***

...Если *подобаше пострадати Христу* (Лк. 24, 26), то почему наказаны распявшие? — Ответствую на сие: сказанное *подобаше пострадати* указует на вольное избрание страданий и на Божественное Домостроительство, но не подает мысли об извинительности действовавших, потому что злонамеренность нечестивых не была в согласии с

Божественным изволением. Она старалась даже разрушить то, что домостроительствовал Бог. Почему в злодеях действовало нечестие, а Богом совершено премудрое Домостроительство и освобождение людей; лукавство распинателей обращено в благодеяние человеческому роду, и плоть ехидны употреблена на приготовление врачебного пособия... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 1—2).

***

...<Христос> Сам первый на деле показал ученикам возможность делать то, что заповедал (прп. Нил Синайский, 72, 195).

***

...Помни, что Христос умер за грешных, а не за праведных (прп. Исаак Сирин, 58, 414).

***

Диавол... как слепой и бессмысленный, восстал против Него <Христа> бранью, но это попущено было для того, чтобы совершилось некое великое и страшное таинство, именно, чтобы пострадал Христос безгрешный и через то получил прощение Адам согрешивший. Для этого вместо древа познания был Крест, вместо ступания ног, которыми прародители шли к запрещенному древу и вместо простертия рук их, которые простирали они, чтобы взять плод древа, были пригвождены ко Кресту непорочные руки и ноги Христовы, вместо вкушения плода было вкушение желчи и о́цта и вместо смерти Адама смерть Христова. Потом что было? Лежал Христос во гробе три дня, ради таинства Пресвятой Троицы, чтобы показать, что хотя воплотился и пострадал один Он — Сын, однако Домостроительство это есть дело Пресвятой Троицы. В чем же

это Домостроительство? Одно Лицо Святой Троицы, именно, Сын и Слово Божие, воплотившись, принес Себя плотию в жертву Божеству Отца и Самого Сына и Духа Святаго, чтобы благоволительно прощено было первое преступление Адама ради сего великого и страшного дела, т. е. ради сей Христовой Жертвы, и чтобы силою Его совершалось другое новое рождение и воссоздание человека во Святом крещении, в коем и очищаемся мы водою, сращенною с Духом Святым (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 23—24).

***

...Бог воплотившийся подъял смерть ради греха, и именно того ради, чтобы благодатию Его могли не грешить более те, которые верою приемлют Христа, яко Господа, ради избавления их от греха, закланного, умершего и воскресшего тридневно от гроба. Отсюда очевидно, что те, которые грешат, еще не приняли Христа Господа, хотя и мнят, что приняли Его. Ибо если бы они приняли Его, то Он даровал бы им, как говорит Иоанн Богослов, область быти чадами Божиими (см.: Ин. 1, 12), которые не могут грешить... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 247).

***

Поелику Бог всего сущего, Господь наш Иисус Христос, сошел на землю и соделался человеком для того, чтобы воссоздать и обновить человека и низвесть благословение на всю тварь, подвергшуюся проклятию за человека, то, во-первых, оживотворил Он воспринятую Им душу, и обожил ее, пречистое же и Божественное Тело Свое, хотя и соделал Божеским, но носил его тленным и грубо вещественным. Ибо то тело, которое вкушает пищу, пьет и утруждается, испущает пот, связуется, заушается, пригвож-

дается ко Кресту, очевидно, тленно есть и вещественно, потому что все сказанное есть принадлежность тела тленного. Почему оно и умерло, и положено во гроб мертвым; после же тридневного Воскресения Господня и Тело Его воскресло нетленным и Божественным. Почему, когда изшел Он из гроба, не разрушил печатей, бывших на гробе, и после входил и выходил *дверем заключенным* (ср.: Ин. 20, 19). Но почему вместе с душею тотчас же и тела Своего не сделал Он нетленным и таким духовным? Потому что Адам, преступив заповедь Божию, душею тотчас умер, а телом умер уже спустя столько лет. В соответствии этому и Господь Спаситель прежде воскресил, оживотворил и обожил душу, которая тотчас по преступлении заповеди понесла епитимию смерти, а после благоволил Бог устроить, чтобы и тело Его восприяло нетление Воскресения, как и во Адаме оно спустя много лет понесло епитимию смерти. Но не это только сделал Христос, но и сошел во ад, освободил от вечных уз и оживотворил души святых, которые там содержимы были, но тел их не воскресил тогда же, а оставил их в гробах до общего Воскресения всех (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 376—377).

***

Христос хотя называется Светом и Солнцем, но есть выше света и солнца, как Творец и Владыка света и солнца. Он есть Жизнь и Животворец, есть Истина, Правда и Освящение, прост, несложен, благ, — есть всякое благо и превыше всякого блага. Как Истина, коею Он есть и именуется, бывает Он истиною для кающихся и обращающихся к Нему истинно; как Правда, бывает Он праведностью для возненавидевших всякое зло и неправду; как Освящение, освящает Он омывших и очистивших себя слезами; как Простый, простым обретается Он в тех, кои не

таят в себе никакого лукавства или злобы; как Несложный, несложным является Он в тех, которые не имеют никакого злоухищрения, или двоеумия, или двоедушия, или безверия душевного; как Благий, благим открывается Он в тех, которые духовных дел покаяния не стесняют делами телесными или мирскими заботами и хлопотами, и не мешают мирского с духовным, но приступают к Нему в незлобии, обнаженными и простыми в настроении сердца и произволении души, коих простоту и непытливость приемлет Бог и в короткое время наполняет их всяким добром, и как только откроется и явится в них, тотчас делает их причастниками таких благ, которые превосходят всякий ум и всякое помышление (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 324—325).

***

...Пришел Христос, Освободитель естества, обращающий общее проклятие в общее благословение, и от Непорочной Девы восприяв повинное наше естество, и в Самом Себе в новом лице представив его не имеющим участия в древнем семени, явил его неповинным и оправданным, так чтобы от него затем по Духу рожденные пребывали свободными от оного прародительского проклятия и осуждения (свт. Григорий Палама, 26, 57).

***

...Не рукою только чудесным образом Владыка его <человеческое естество> обновил, но и усваивает его в Самом Себе, не только восприяв человеческое естество, от падения спасая его, но и всецело облекаясь в него непостижимым образом и нераздельно соединившись с ним и родившись, будучи Богом и вместе человеком; родившись, действительно, от женщины, дабы возвысить оное естест-

во, созданное Им, но по злоумыслу лукавого украденное — от Девы же (родившись) для того, чтобы сделать нового Человека, ибо если бы Он происходил от семени, тогда бы Он не был Начальником и Вождем новой и отнюдь нестареющей жизни и, будучи старой чеканки, не было бы Ему возможным восприять в Себе полноту чистого Божества и сделать (Свою) плоть неистощимым источником освящения, так чтобы преизбытком силы смыть прародительское осквернение и стать довлеющим для освящения всех последующих. Посему не Ангел и не человек, но Сам Господь до такой степени благоволил по милости спасти нас и воссоздать, пребывая неизменно Богом, став же совершенным по нашему образу — Человеком (свт. Григорий Палама, 26, 156—157).

***

...Он <Господь> становится и Учителем нашим, словом указывая путь, ведущий в жизнь, и величайшими чудесами делая достоверными слова учения. И оправдывается, таким образом, человеческая природа: что не от самой себя она имеет зло (порчу); оправдывается и Бог: что не является виновником и творцом какого-либо зла. Ибо если бы со-вечное Отчее Слово не вочеловечилось, то этим было бы очевидно, что по самой природе грех находится в человеке, поскольку от века не было человека, свободного от греха, и можно было основание для упрека отнести к Творцу, якобы Он не есть Творец добра, или Сам не есть добр; еще же — что Он и несправедливый Судья, как неправедно осудивший человека, который уже был создан Им как заслуживающий осуждение. Посему Бог воспринимает человеческое естество, чтобы показать, до какой степени оно — вне греха и настолько чисто, что было возможно соединить его с Собою по Ипостаси и чтобы нераздельно оно со-вечнствовати с Ним; и, таким образом,

на деле сделать явным для всех, что Бог — благ и праведен, и Творец добра, и Наблюдатель справедливого приговора. Ибо хотя сатана и со-отступившие вместе с ним Ангелы ниспали с небес, однако, на основании сохранивших свой чин Ангелов, можно видеть, что зло в Ангелах не по естеству, но, напротив, что по естеству в них добро, и Творец их, по естеству, есть Добро, Которым сатана праведным приговором осуждается на вечный мрак, как ставший по своей воле виновником зла тем, что уклонился от прекрасного Добра. После же того, как Адам пал тем, что отклонился от добра на зло, никого не оказалось, кто был бы неподвижен на зло, и после Адама не обнаружился такой человек... (свт. Григорий Палама, 26, 158—159).

***

...Давид воспевает: *Восшедши на высоту* — на высоту Креста, конечно, или — если хочешь — на небо, — *пленил плен, дал дары людям* (ср.: Пс. 67, 19). Таким образом... через страсти и плоть Он обратил в бегство диавола; Богу же и Отцу принося ее в Жертву, как непорочное и всесвященное заколение, — о, неописуемая щедрость! — примирил с Богом нас, ставших с Ним (Богочеловеком) единого рода. Поскольку же Он подъял страсти по воле Отца, то этим Он стал нам в пример, которые через свое непослушание погубили себя, а через послушание Христово спасены. Явил же, что и смерть Его гораздо драгоценнее присущего диаволу бессмертия, худшего десятка тысяч смертей и подлежащего будущей каре, потому что смерть Его явилась виновницей воистину Бессмертной Жизни, а не второй и вечной смерти, но она (т. е. смерть Христова) в небесных скиниях со Христом пребывает, ибо Сам восстав тридневен от мертвых и, после того как представил Себя живым для учеников, вознесшись на небо и

пребывая бессмертным, Воскресение нам и бессмертие и на небесах вечную и незыблемую и воистину блаженную жизнь даровал и сделал достоверной; единой смертью Своей плоти и единым Воскресением ее исцеляя нас от сугубой для нас смерти (души и тела) и освобождая нас от сугубого плена, именно плена души и тела (свт. Григорий Палама, 26, 165—166).

***

...Он <диавол> и не касался <Христа> до тех пор, пока не узнал, что Христос имеет плоть, подвластную страданию, ибо, постившись в пустыне сорок дней и не голодая, — ибо если и имел тело, способное испытывать страдание, но тогда не совершил бы этого и не выдержал, если бы не допустила сего сочетанная с телом сила Всемогущего, — Он, как говорит Евангелие, потом взалкал (см.: Мф. 4, 2). Тогда-то впервые дерзнув и приблизившись, началозлобный принес искушения, стараясь проникнуть в Его душу. Поскольку же с силою был отринут и, опять приступив, искушая всеми вообще способами услаждения, был державно побежден, то, ослабевший, и разбитый, и постыженный, бежав, отступил. Почему же оказался разбитым искуситель, дерзнувший приступить по удобоболезненности тела (Богочеловека)? — Потому что безгрешного Человека он побуждал к совершению греха. Итак, бежит таким образом постыдно отбитый, Христос же не ослабел в преследовании его, изгоняя его из душ одержимых им, исцеляя одержимых болезнями единым повелением, воскрешая мертвых, не только недавно умерших, но даже уже разлагавшихся; к тому же, проповедуя покаяние, и объявляя, что приблизилось Царство Небесное, — и приводя души к вере и к образу жизни, противоположному тому, чему учил супостат; затем, грешников обращая и принимая; и не только же это, но и Своим

ученикам даруя власть над бесами. Было ли это разве выносимо для сатаны и отступивших вместе с ним ангелов? Разве, обдумывая, каким образом сокрушить враждебную ему таковую силу, он ничего не предпринял бы? Разве ему было выносимо, что живет такой Человек, Который изгоняет его из людей и свергает с многовидной его тирании над ними? Посему, вот, бешенствуя на Христа, — но поскольку он знал по опыту, что Оная Богомужная Душа неприступна ни для каких страстей, которых он сам явился начальником, и совершенно невосприимчива для смерти, которой он сам по себе явился творцом для людей, в то время как тело Его подвержено болезням и смерти, то, не будучи допущен сам от себя нанести Ему таковую смерть, он движет души неверных иудеев к убийству Его, возбудив в них зависть и неукротимое бешенство против Него, потому что и их Христос обличал и отвергал, как злых. Итак, он движет и возбуждает их к убийству Его, к казни бесчестной и применяемой только в отношении злодеев и нечестивцев, полагая таким образом и Его отстранить от земли, и самое имя Его сделать поносимым. Дерзко же он был уверен, что когда Он умрет, то и Его душу, как и души всех от века, он будет иметь заключенной в аду.

Таким образом, обманщик обманулся, напав на плоть Христову, как подверженную болезням и смерти, и вот, против воли принес Свет в мрачную и вожделенную для него преисподнюю, и представил Дарователя жизни душам, тиранствуемым им в силу духовного умерщвления; не только это, но и Тело, от Которого проистекло Воскресение и бессмертие, он смешал с мертвецами, поспешив предать его смерти и могиле. Мог же Господь воистину и эти его злые умыслы разрушить, но не сделал, напротив, еще больше пожелал подъять страсти ради нас, для чего и стал человеком (свт. Григорий Палама, 26, 167—168).

***

...Хотя через Божественное крещение Господь нас и возродил и через благодать Святаго Духа запечатлел в день Искупления, однако оставил еще иметь смертное и страстное тело и, хотя Он изгнал начальника зла из душ человеческих, однако допускает ему нападать извне, чтобы человек, обновленный, согласно Новому Завету, т. е. Евангелию Христову, живя в доброделании и покаянии и презирая удовольствия жизни, перенося же страдания и закаляясь в нападениях врага, — уготовал себя в сем веке к вмещению нетления и оных будущих благ, которые будут соответствовать будущему веку. Следовательно, верный должен радоваться надеждой; и поскольку здешняя жизнь закончится, должен благоразумно с верою ожидать блаженства, которое будущая жизнь будет заключать в себе несконча́емо. В разумении же веры долженствует в стойкости переносить ту несчастность, которую достойно в виде наказания несет в себе эта жизнь, и через неподатливость греху, если придется до крови противиться начальнику, сотруднику греха и построенным им ухищрениям, потому что, за исключением греха, ничто в этой жизни, ни сама смерть не есть бедствие, хотя и походило бы на бедствие. Посему, вот и лик преподобных — сами себе причиняли огорчения (бедствия) телу; мученики же насильственно наносимую им другими смерть соделали весьма славной и доставительницей жизни и славы и Царства Вечного и Небесного, доблестно и богоугодно использовав ее (смерть), потому что именно для того и после того, как упразднил смерть Своим Воскресением, Он допустил, чтобы она еще оставалась для Его (верных), а вместе с нею допустил быть и другим бедствиям в этом мире, чтобы человек о Христе в этих обстоятельствах, борясь за истину, являемую в образе

жизни и в догматах веры Нового Завета, уготовал себя (или «был уготован») для оного будущего нового и нестареющего века (свт. Григорий Палама, 26, 169—170).

***

...Своими делами и чудесами Господь сделал достоверным Евангельское учение; запечатлел же Своими страстьми, показал же великую пользу и спасительность Евангельского учения Своим Воскресением из мертвых, и Своим Вознесением на небеса, и совершившимся наитием с небес Божественного Духа на учеников... (свт. Григорий Палама, 26, 240).

***

Если мы не отзовемся на любовь Господа к нам любовью к Нему, то Кровь Богочеловека не пролита ли за нас напрасно? Не напрасно ли возложена на крестный жертвенник и заклана Великая Жертва? Всесильно ходатайство Ее за нас во спасение: всесильна и жалоба Ее на тех, которые пренебрегут Ею (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 139).

***

Бог, принявший на Себя Человечество, не взысканный и не призванный человеками, Сам по Своей неизреченной благости пришел *взыскать и спасти* (ср.: Лк. 19, 10) род человеческий, погибший по причине отчуждения и удаления от Бога, пришел *взыскать и спасти* каждого человека, увлеченного в погибель грехом, лишь бы этот человек не отверг ищущего и желающего спасти его Бога (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 344).

***

Он <Христос> есть Совершитель воплощенного Домостроительства спасения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 5).

Единение естеств

...Сам не приял от нас ничего, служащего к усовершению (потому что Божие Слово не имеет нужды ни в чем), однако же мы через Него тем паче усовершились, потому что Он есть *Свет, просвещающий всякого человека, грядущаго в мир* (ср.: Ин. 1, 9) (свт. Афанасий Великий, 2, 233).

***

...Обручил Он <Господь> Себе нас в Деву, это естество <человеческое>, соблудившее с идолами, таинственным возрождением претворил в девственное нерастление (свт. Григорий Нисский, 20, 274).

***

...Не два Христа и не два Господа, но один Христос и один Господь, и... Божеское естество, соединившись с человеческим, сохранило неслиянными свойства того и другого <...> по причине единения естеств, приписываются и общие действования, так как и Божеское восприемлет на Себя немощи раба, и человеческое спрославляется честию Владычнею, и, силою сращворения, Божеское естество претворяет в себя человеческое... (свт. Григорий Нисский, 23, 2).

***

...Удары, <наносимые Ему>, относятся к рабу, в котором Господь, а почести к Господу, при Котором раб; но

через соединение и сродство то и другое делается общим, так что Владыка приемлет на Себя рабские раны и раб прославляется Владычнею честью... (свт. Григорий Нисский, 23, 31).

***

Рекший Своему Отцу: *Отче, в руце Твои предаю дух Мой* (Лк. 23, 46), имеющий *область* (как говорит) *паки приятии ю* (Ин. 10, 18), презрев стыд между людьми (поелику был Господом Славы), как бы сокрыв искру жизни в естестве тела в домостроительстве смерти, опять возжег и воспламенил ее силою собственного Божества, возгрев умерщвленное и таким образом влив в беспредельность Божественной силы оный малый начаток нашего естества. Чем Сам был, тем соделал и оный, — зрак раба — Господом, человека от Марии — Христом, распятого от немощи — Жизнию и Силою; и все, что благочестиво созерцается в Боге-Слове, то соделал и в том, кто был воспринят Словом, так что не в раздельности представляется нам все это в каждом особно, но тленное естество через сращворение с Божественным, претворившись в преобладающее, соделалось причастным силы Божества, подобно тому, можно сказать, как капля уксуса, смешанная с морем, от смешения соделывается морем, причем естественное качество этой жидкости уже не сохраняется в беспредельности преобладающего вещества (свт. Григорий Нисский, 23, 32—33).

***

Мы и человеку не приписываем своего спасения и не допускаем того, что нетленное и Божественное естество причастно страданию и тлению; но поелику должно вполне веровать Божественному слову, которое возвещает, что в

начале *Бог бе Слово* и что потом *Слово*, соделавшись плотию, стало видимым на земле и обращалось с людьми (см.: Ин. 1, 1, 14), то мы принимаем верою соответственные Божию Слову понятия. Итак, когда мы слышим, что Он есть Свет, и Сила, и Правда, и Жизнь, и Истина и что все через Него было, то все сие и сему подобное мы считаем верным, относя к Богу-Слову; а когда слышим о скорби, и о сне, и о нищете, и смущении, и узах, и гвоздях, и копье, и крови, и ранах, и гробе, и камне, и ином тому подобном, то хотя бы это противно было прежде указанному, тем не менее принимаем за достоверное и истинное, относя к плоти, которую верою приняли мы вместе со Словом. Как свойств тела нельзя умопредставлять в Слове, Которое было в начале, так, обратно, и свойственного Божеству нельзя разуметь в естестве плоти. Поелику в Евангельском учении о Господе соединено высокое и Богу приличествующее с уничиженным, то мы то или другое понятие соответственно прилагаем к тому или другому из мыслимых в таинстве, — человеческое к человеческому, а высокое к Божеству, и говорим, что поколику Сын есть Бог, Он совершенно бесстрастен и нетленен; а если в Евангелии приписывается Ему какое-либо страдание, то Он действовал так по человеческому естеству, конечно допускающему таковую немощь. Поистине Божество совершает спасение при посредстве тела Им воспринятого; страдание принадлежит плоти, а действование Богу (свт. Григорий Нисский, 23, 37—38).

***

Когда <апостол Павел> проповедует превосходящее и превышающее всякий ум, употребляет высшие наименования, называя Христа над всеми Богом (см.: Еф. 4, 6), Великим Богом (см.: Тит. 2, 13), Божиею Силою и Премудростию (см.: 1 Кор. 1, 24) и сему подобными. А когда

описывает словом все необходимо, ради нашей немощи, воспринятое испытание страданий, то для соединяющего в Себе оба (естества) берет наименование от нашего естества, называя Его человеком, но не сообщая сего наименования остальному естеству <т. е. Божескому>, дабы сохранилось о том и другом благочестивое разумение, когда человеческое прославляется по причине восприятия, а Божеское не умаляется по причине снисхождения, но, предавая человеческую часть страданиям, Божескою силою совершает воскресение того, что пострадало. Таким образом, испытание смерти относится к Тому, Кто приобщился способного к страданию естества по причине единения с собою человека, причем и высокие, и Божеские наименования переходят на человека, так что видимый на Кресте именуется Господом славы по причине соединения естества Его с низшим и перехождения вместе с тем и благодати наименования от Божеского (естества) на человеческое. Посему разнообразно и различно представляет Его Писание, то сшедшим с небес, то рожденным от Жены, Богом Предвечным, и человеком в последние дни, так что и бесстрастным исповедуется Единородный Бог, и страждущим Христос, и этими противоречиями не говорится неправды, так как с каждым именем соединяется приличное ему понятие (свт. Григорий Нисский, 23, 41—43).

***

...Господом сделался Тот, Который был в начале Словом и Богом. Ибо, будучи чем был, и Богом, и Словом, и Жизнью, и Светом, Благодатию и Истиною, и Господом, и Христом, и всяким высоким и Божественным именем, стал и в воспринятом человеке, который ничем таким не был, всем тем, чем было Слово, а с тем вместе и Христом и Господом... не потому, чтобы Божество приобретало что́ в

приращение себе, но потому, что в Божеском естестве усматривается всякое высокое достоинство. Таким образом соделывается Господом и Христом, не Божеством восходя к приращению благодати (ибо природа Божества признается не имеющею недостатка ни в каком совершенстве), но человеческое вводя в общение Божества, что́ и означается наименованием Христа и Господа (свт. Григорий Нисский, 23, 45—46).

***

...Мы исповедуем, что Божество находилось в Страждущем, но что бесстрастное естество не подвергалось страданиям. Чтобы яснее представить сказанное, мы разумеем это так, что человеческое естество состоит из соединения разумной души и тела; сочетание же того и другого происходит от некоторого вещественного начала, предшествующего образованию человека. Оное вещество делается человеком тогда, когда оживотворяется Божескою силою, так что если допустить, по предположению, что зиждительная сила Божия не привходит к образованию состава (человеческого), то вещество остается совершенно без действия и движения, не возбуждаясь к жизни творческою силою. И как у нас в веществе усматривается некоторая животворная сила, которою образуется состоящий из души и тела человек, так и при рождении от Девы сила Вышнего, посредством Животворящего Духа вселившись невещественно в Пречистое тело, и чистоту Девы соделав веществом плоти, взятое от Девического тела, восприяла для Зиждемого; и таким образом создан был новый по истине человек, который первый и один показал на себе такой способ явления в бытие, который был создан Божественно, а не человечески; потому что Божеская сила одинаково проникала весь состав Его естества, так что ни то, ни другое не было лишено Божества, но в обоих, т. е. в

теле и душе, Оно, как и должно, пребывало приличным и соответствующим природе каждого образом. И как во время рождения (сего) человека, Божество, прежде всех веков существующее и вовек пребывающее, не имело нужды в рождении, но при образовании человека вдруг став едино с Ним, является вместе с ним и при рождении: так Оно, как вечно живущее, не имеет нужды и в воскрешении, но в том, кто Божескою силою возводится к жизни, восстает, не Само будучи воскрешаемо (ибо Оно и не падало), но в Себе воскрешая падшего. Итак, если Божество не имеет нужды ни в рождении, ни в воскресении, то очевидно, что и страдание Христа совершалось не так, как будто бы страдало Само Божество, но так, что Оно находилось в Страждущем и по единению с Ним усвояло Себе Его страдания. Ибо естество Божеское, как сказано, соответственно соединившись как с телом, так и с душою, и соделавшись одно с каждым из них, поелику *нераскаянна*, как говорит Писание, *дарования* Божии (Рим. 11, 29), ни от которого из них не отделяется, но всегда пребывает в неразрывной связи с ними, потому что ничто не может отделить (человека) от соединения с Богом, кроме греха; а чья жизнь безгрешна, у того единение с Богом совершенно неразрывно (свт. Григорий Нисский, 24, 187—189).

***

...Он <Христос> вкушал пищу, не имея Сам в ней нужды, но желая исправить немощь учеников (свт. Иоанн Златоуст, 46, 95).

***

Чтобы природе нашей легче было следовать, Он, приняв нашу плоть и природу, пошел в ней и выполнил заповеди на деле (свт. Иоанн Златоуст, 46, 363).

***

Так как Сам Христос, пришедши на землю и облекшись в оружие человеческое, был в свое время обрезан, приносил жертвы, и приношения, и все прочее, хотя Он имел прекратить закон, то дабы не сказали, что Он потому уничтожил закон, что не имел сил исполнить его, поэтому Он сперва исполняет его, а потом уже прекращает...(свт. Иоанн Златоуст, 46, 469).

***

...По внедрении Божественного естества в тело, то и другое вместе составили одного Сына, одно Лицо, при нераздельности в то же время неслитно познаваемое — не в одном только естестве, но в двух совершенных (свт. Иоанн Златоуст, 46, 815).

***

С тех пор как Спаситель соблаговолил принять наше естество, Он исполняется Святаго Духа не потому, что Он был ниже Святаго Духа, а потому, что плоть должна была в человеческом образе восприять сошествие Духа... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 885).

***

...Спаситель восхотел отдать в собственность Святому Духу то тело, какое Он — Господь — воспринял, — отдать для того, чтобы все, что совершит Христос по плоти, приписывалось Святому Духу, жившему в Нем... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 885—886).

***

Он <Иисус Христос> ради нас и нашего спасения благоволил соделаться человеком и открыл нам путь доброй

жизни, и преподал достаточное наставление тем, что Сам прошел (этим путем), восприяв одинаковое с нами естество (свт. Иоанн Златоуст, 47, 225).

***

...<Творец>, сжалившись над нашим <человеческим> родом, послал к нам Врача душ и телес, воздвигнув... от Отеческих недр Единородного Сына Своего, Который благоволил принять образ раба (см.: Флп. 2, 7) и родиться от Девы, жить вместе с нами и претерпеть все наши (нужды), дабы нашу природу, лежащую долу от множества грехов, возвести от земли на небо (свт. Иоанн Златоуст, 47, 269—270).

***

Через соединение и общение Бог-Слово и плоть суть одно, не в том смысле, что произошло какое-либо смешение или уничтожение естеств, а в том, что образовалось некоторое неизреченное и невыразимое их единение (свт. Иоанн Златоуст, 51, 75—76).

***

Он облекся нашею плотию не с тем, чтобы опять оставить ее, но чтобы всегда иметь ее с Собою. А если бы не так, то Он не удостоил бы ее Царского престола и, неся ее, не был бы поклоняем от всего Горнего воинства Ангелов, Архангелов, Престолов, Господств, Начал и Властей (свт. Иоанн Златоуст, 51, 76).

***

...(Христос) был не чужд человеческих ощущений. Как голод и сон не составляют преступления, так точно и при-

вязанность к настоящей жизни. Иисус Христос имел тело, только чистое от грехов, но не лишенное естественных потребностей; иначе оно не было бы и телом. Этим же самым Он внушает нам и нечто другое. Что же именно? Чтобы мы даже и тогда, как случится быть нам в страхе и томлении, не уклонялись от того, что нам назначено (свт. Иоанн Златоуст, 51, 451).

***

Когда слышишь о Сыне <Божием>, обращай внимание на то, в каком смысле употреблено это название, потому что Он называется Сыном и по Божеству, и по Человечеству... Сказано... *Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха* (1 Ин. 1, 7). Кровь — значит не Божество, а человечество; значит и Сыном называется здесь Его человечество. Когда мы говорим: Сын Божий пострадал, мы имеем в виду и то, что подвергалось в Нем страданиям, и то, что оставалось бесстрастным. А когда скажем так: Сын Божий Единородный был распят на Кресте, — мы должны разделять бесстрастное от испытывавшего страдания (свт. Иоанн Златоуст, 51, 816).

***

Предан за нас Тот, Который был неразделим от лона Отца; вознесено на Крест Слово и умерло по человеческой природе, но оставалось и пребывает бессмертным по Божественности, которая в Нем была. Так как из двойной природы Он сделался одним Христом, поэтому Он претерпел смерть телом, которое было соединено с Божеством. Плоть, которая перенесла мучения, была Богом, и было бессмертным Божество, которое оделось в тело. Божество сделало Богом плоть, и она была соединена со Словом так равномерно и прямо, что То, что умерло и было погребе-

но за нас, тоже воскресло по Божеству и ниспровергло преисподних (свт. Иоанн Златоуст, 55, 454).

***

Нельзя сказать ни того, что в Нем <Христе> все отличное, ни того, что все общее. То, что Он родился от жены, — это общее; то же, что родился от Девы, — это больше, чем бывает с нами. Затем то, что Он имел питание по общему закону природы, — это у Него общее со всеми людьми; быть же храмом, недоступным для зла, и не терпеть искушения, — это для нас странно, необычно и принадлежит только Ему (свт. Иоанн Златоуст, 55, 797).

***

Не отделяйте Его Божества от Его человечества; не будьте злыми разлучниками неразлучимого; не разъединяйте человечество Его от Его Божества, потому что по соединении оно (с ним) нераздельно и неслиянно (свт. Иоанн Златоуст, 55, 928).

***

Не подумай, что высокое из дел принадлежит кому-нибудь одному, а низкое из наблюдаемого в Нем <Христе> кому-нибудь другому, но и то и другое считайте принадлежащим одному и тому же: Ему принадлежит все Божественное, Ему принадлежит все человеческое, Его чудеса, Его же и страдания (свт. Иоанн Златоуст, 55, 929).

***

Никакого нет в Нем <Христе> разделения между плотию и Божеством: все богоприличное и человеческое мы исповедуем и возводим к Единому Лицу и Единой Ипоста-

си и природе воплотившегося Бога нашего Иисуса Христа (свт. Иоанн Златоуст, 55, 930).

***

Прозорливейший Исаия *клещами взял от олтаря угль* (ср.: Ис. 6, 6), явственно созерцая вочеловечение нашего Господа. *Углем* представлялась ему Божественная сущность, а *клещами* — соединенная с нею, от нас заимствованная безгрешная плоть. *Прикоснуся* же угль *устнам* Исаии (Ис. 6, 7) и очистил грехи его, т. е. грехи всего человеческого естества, потому что неизреченное единение Слова с Человечеством боголепно подъяло грехи всего мира (прп. Исидор Пелусиот, 60, 29).

***

Всяцем хранением блюди твое сердце (Притч. 4, 23), чтобы естества Христова по воплощении не принять тебе как-либо за призрак. Ибо признание одного только естества во Христе, так как сим или извращаешь Божественное, или умаляешь наше, есть уничтожение того и другого (прп. Исидор Пелусиот, 60, 71).

***

Не должно искать естественных доказательств на то, что превыше естества. Ибо, хотя Слово и соделалось Истинною плотию, однако же Христос — не простой человек, но, вернее сказать, вочеловечившийся Бог, в обоих естествах единый Божий Сын (прп. Исидор Пелусиот, 60, 229).

***

Один и Тот же <Господь> телесно, как человек, плюет, по Божеству же отверзает очи слепорожденному, и пло-

тию... страждет, а по Божеству отверзает гробы и воскрешает мертвых (прп. Нил Синайский, 73, 158).

***

Единое нераздельное Лице во Христе славим и неслиянное единение двух естеств в Нем исповедуем (блж. авва Фалассий, 91, 302).

***

Мы не признаем во Христе различия Лиц, потому что Троица пребыла Троицею, и после того, как Слово воплотилось через сие воплощение, не приложилось новое лице к Святой Троице. Но признаем в Нем различие естеств, чтобы не исповедать плоти по естеству единосущною Слову (прп. Максим Исповедник, 91, 285).

***

Кроток и смирен сердцем Христос; и тот, кто имеет Его обитателем, знает, что через Него он получил и смирение, лучше же, что смирение — это Сам Он (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 58).

***

Христос есть совершенная любовь; имеющий Его по усыновлению Богом является (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 88).

****

Священник Петропавловский рассказывал: «Я недавно послал своей племяннице икону Спасителя в терновом венце. Племянница моя, молодая женщина, счастливо живущая в супружестве с мужем, заболела страшной болез-

нью. Все доктора города Тифлиса считали необходимой операцию, хотя она очень сложна и из ста человек только один выживал. Когда она слышала об операции, то падала в обморок. Однажды, находясь в таком страхе, она видит во сне Христа Спасителя в терновом венце, облитого кровью, Который, подойдя к ней, с отеческой любовью сказал: «Вижу печаль души твоей в тяжелой болезни и во всех твоих страданиях. Я помогу тебе. Операции же не страшись. Она даст тебе не смерть, а жизнь». Больная проснулась. И после этого стала просить мужа ускорить операцию, которая прошла успешно. Врач, оперировавший ее, сказал, что не ожидал такого успешного исхода. «Вижу в успехе руку Всевышнего», — заметил он.

Получив от меня икону Спасителя в терновом венце, выздоровевшая племянница моя была неописуемо обрадована, так как образ Христа Спасителя на иконе совпадал с виденным ею во сне ликом Господа» (114, 95—96).

***

Как-то три старца пришли к пресвитеру Стефану. Они долго сидели у него, ведя беседу о спасении души. Авва Стефан все время молчал. «Что же ты, отче, нам ничего не отвечаешь? Мы пришли к тебе ради душевной пользы». — «Простите меня, я не слыхал ничего, что вы до сих пор говорили. Впрочем, что знаю, скажу. Днем и ночью я ни на что более не взираю, кроме Господа нашего Иисуса Христа, пригвожденного к древу крестному». Старцы, получив урок, удалились (102, 79).

ХУЛА

Нельзя насмеяться и поругаться над Богом, нельзя обмануть Его никаким хитрым лукавством (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 169).

***

...Произносящий хулу на одну из Божественных Ипостасей не получит отпущения грехов ни в сем веке, ни в будущем (свт. Афанасий Великий, 1, 275).

***

...Хула на Духа <Святаго> приводит тебя к понятиям злочестивым и недозволенным. Как скоро сказал ты о Духе, чего не должен говорить, в тебе обозначилось уже, что оставлен ты Духом. Как сомкнувший глаза имеет в себе свою тьму, так отлучившийся от Духа, став вне просвещающего, объемлется душевною слепотою (свт. Василий Великий, 8, 331).

***

...Тот хулит Духа Святаго, кто действия и плоды Святаго Духа приписывает противнику. Сему подвергаются многие, нередко рачительного опрометчиво называя тщеславным, того, кто показывает добрую ревность, ложно обвиняя в гневе, и многое подобное, лживо приписывая по лукавым подозрениям (свт. Василий Великий, 9, 295).

***

...Оскорбляющие Духа Святаго сравнением Его с людьми подлежат за сие вечному осуждению, потому что хула на Духа Святаго не отпускается (свт. Василий Великий, 11, 7).

***

Каин, убивший брата, подвергается столь долговременной казни; что же будет с оскорбившими Бога? (прп. Ефрем Сирин, 30, 255).

...Как прославляется добрыми делами Он <Господь>, так, наоборот, деяниями лукавыми хулится и бесчестится, потому что неверные и язычники, смотря на христиан и видя, что и они, подобно язычникам и неверным, проводят время в объедении и пьянстве, играя и скача с гуслями, и тимпанами, и свирелями, и ликами, не рассуждают, что это — несмысленные христиане, преступающие закон и заповеди Христовы, но в хулу христианству говорят: «Что предал и заповедал им Христос, то они и сохраняют, ибо не могут преступить слова и заповеди своего Учителя». А посему думают, что таково именно учение и таинство Христово. И таким образом, через сие, хулится имя Божие нас ради (прп. Ефрем Сирин, 32, 103).

***

Великое злочестие — хула, бегайте ее, возлюбленные; против живого Бога грешит, кто злословит и хулит (прп. Ефрем Сирин, 34, 427).

***

Как кусок (глины) не имеет способности упрекать горшечника, так и вы не можете брать на себя дерзость — порицать достоинство власти Творца (прп. Ефрем Сирин, 36, 40).

***

Грехи же такого человека <богохульника> на сей земле не отпускают ни Господь, ни крещение Его, ни даже милосердие Божие, которое укрывает злое добрыми делами и в конце концов совсем покрывает (прп. Ефрем Сирин, 37, 145).

***

...Попечение Бога и святых о том, чтобы не хулилось имя Его, оказывается не потому, чтобы Бог имел нужду в прославлении от нас... но потому, что от такой хулы происходит великий вред для людей (свт. Иоанн Златоуст, 44, 262).

***

Богохульство и злоречие хотя рождаются внутри, но не остаются в душе, а быв произнесены устами, оскверняют как язык (говорящего), так и слух внемлющаго и, подобно ядовитым зельям, проникая в самую душу, переедают корень (существа человеческого) хуже всякого червя, а с ним вместе губят затем и все тело (свт. Иоанн Златоуст, 44, 299—300).

***

...Богу никто не может ни порицанием повредить, ни славословием доставить бо́льшую славу, но Он всегда остается в своей славе, не возвеличиваясь от славословий и не умаляясь от хулений; и те из людей, которые прославляют Его по достоинству, — впрочем, никто не может прославлять Его по достоинству, а только по своей силе — получают себе пользу от этого славословия; те же, которые хулят и унижают Его, вредят собственному спасению (свт. Иоанн Златоуст, 44, 514).

***

Как тот, кто бросает в высоту камень, не может пронзить вещества неба и даже докинуть до высоты его, но принимает удар на собственную голову, потому что камень обратно летит на бросившего, так точно и тот, кто хулит

блаженное Существо Божие, никогда не может нисколько повредить Ему, — ибо Оно столь велико и высоко, что недоступно ни для какого вреда, — но сам изощряет меч на свою душу, оказываясь неблагодарным Благодетелю (свт. Иоанн Златоуст, 44, 514—515).

***

...Что делаешь ты, человек, произнося хулу на своего Благодетеля, Спасителя, Заступника и Промыслителя? Или не чувствуешь, что ты несешься к пропасти и ввергаешь себя в бездну крайней погибели? (свт. Иоанн Златоуст, 44, 820).

***

...Хула усиливает настоящую уже потерю и заставляет нас лишиться еще больше сверх того, что мы уже потеряли (свт. Иоанн Златоуст, 45, 24).

***

Ты лишился имущества?.. Если ты будешь хулить, то потерял и свое спасение; и того не возвратил, и душу, которую имел, и ту убил (свт. Иоанн Златоуст, 45, 24—25).

***

Если ты услышишь, что кто-нибудь на распутье или на площади хулит Бога, подойди, сделай ему внушение и, если нужно будет ударить его, не отказывайся, ударь его по лицу, сокруши уста, освяти руку твою ударом; и если обвинят тебя, повлекут в суд, иди (свт. Иоанн Златоуст, 45, 25).

***

Если увидим, что упал осел, то все спешим протянуть руку и поставить его на ноги; а о гибнущих не заботимся? Богохульник — тот же осел, не вынесший тяжести гнева и упавший. Подойди же и подними его и словом, и делом, и кротостью и силой; пусть разнообразно будет лекарство (свт. Иоанн Златоуст, 45, 26).

***

Все мучения, как настоящие, так и будущие, недостаточны для души, находящейся в таком положении, ниспавшей до такой степени порочности <богохульства>... Подлинно нет, нет греха худшего, чем этот, нет даже и равного ему; в нем — умножение зол, в нем — то, чем все приводится в расстройство и влечет безжалостное наказание и невыносимое мщение. Кто же злословящие Бога? Те, которые противопоставляют мудрости Его провидения обусловливаемое роком нестроение и необходимость (свт. Иоанн Златоуст, 45, 802).

***

...Когда ты увидишь, что кто-нибудь порицает дела Божии, то не осуждай этих дел согласно с его злобою, но считай это величайшим знаком его безумия, при мысли о Промысле Божием. Подобно тому как тот, кто считает солнце темным, не унижает этого светила, но представляет ясное доказательство собственной слепоты, и как тот, кто называет мед горьким, не уменьшает его сладости, но обнаруживает собственную болезнь, так точно и осуждающий дела Божии (свт. Иоанн Златоуст, 48, 298).

***

...Клеветать на Бога — самое тяжкое, потому что Бог, для нас и Отец, и Владыка, и Питатель, владеющий всем... (свт. Иоанн Златоуст, 48, 837).

***

Непризнание величия Божия есть гордость перед Богом и болезнь диавола (свт. Иоанн Златоуст, 48, 864).

***

Величие Божие ни возвышается словами (человеческими), ни уничижается словами. Кто унижает его, тот делает лишь унижение себе самому; кто его возвышает, тот возводит на высоту собственное свое ничтожество (свт. Иоанн Златоуст, 49, 324).

***

Богохульство не унижает величия Божия, и потому не должно побуждать тебя к ярости. Кто богохульствует, тот наносит раны самому себе... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 327).

***

Хотя многим геенна и кажется ужасною, но я никогда не перестану вопиять, что оскорбить Христа — мучительнее и ужаснее самой геенны, и вам советую прийти в то же чувство. Тогда мы и геенны избавимся, и будем наслаждаться славою Христовой, которую и да сподобимся все мы получить, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа (свт. Иоанн Златоуст, 50, 401).

***

...Если недостойны смотреть на солнце те, которые живут для хулы на Бога, то богохульствующие недостойны наслаждаться и тварями, которые прославляют Бога, так как и сын, оскорбляющий отца, недостоин пользоваться услугами честных рабов (свт. Иоанн Златоуст, 52, 729).

***

Богу же никто не может причинить зла; Он по природе Своей не подлежит влиянию зла и выше всякой страсти (свт. Иоанн Златоуст, 53, 11).

***

Почему же, говоришь ты, если сущность Божественной Троицы одна, хула на Сына не наказывается, подвергается же наказанию одна хула на Духа? Поэтому слушай. Кто скажет хульное слово на Сына Человеческого, тот, как сказал Господь, не подлежит осуждению; потому что для имеющих болезненное око ума Бог, неизреченно соединившийся со скудостью видимой плоти, неудобопостижим и неудобозрим, пока не познано сокровенное Божество. А в имеющих чистый ум, для которых соделалось явным воплотившееся Божество, вовсе не имело место неверие, и им Господь не угрожал воздаянием суда. Хула же на Духа Святаго неизвинительна, потому что самые дела, став явными, обличают хулящих в том, что они непризнательны и неблагодарны. Ибо, когда силою Божества прекращались страдания и изгоняемы были демоны, ропотники иудеи клеветали, будто Божественные знамения совершаются *о веельзевуле*. О сей-то хуле, как ясно произносимой на Божию сущность, Господь изрек, что она непростительна (см.: Мф. 21, 31) (прп. Исидор Пелусиот, 60, 40—41).

***

Горе хульнику, потому что у него связан язык, и не в состоянии он сколько-нибудь оправдаться перед Судией (прп. Нил Синайский, 72, 254).

***

Горе богохульнику, ибо свяжется у него язык перед лицем Судии — и он ничего не будет в состоянии сказать в оправдание свое (прп. Нил Синайский, 90, 302).

***

Не возносись познаниями из Писания (заимствованными), чтобы не впасть умом в дух хулы (прп. Марк Подвижник, 89, 200).

***

Самомнение и кичение — суть причины хулы (прп. Марк Подвижник, 89, 546).

***

...Никто да не хулит Бога, будто бы Он в естество наше вложил страсти и грех. Бог в каждое из естеств вложил то, что служит к его возрастанию. Но когда одно естество входит в согласие с другим, тогда оно обретается не в том, что ему свое, но в противоположном тому. А если бы страсти были в душе естественно, то почему душа терпела бы от них вред? Собственно принадлежащее естеству не вредит ему (прп. Исаак Сирин, 58, 29).

***

Если приял ты благодать Божию и сподобился насладиться зрением судеб Божиих и видимых тварей, что составляет первую степень ве́дения, то приуготовь себя и

вооружись против духа хулы. Но не стой в стране этой без оружия, чтобы не умереть тебе вскоре от подстерегающих и обольщающих тебя. Оружием же твоим да будут слезы и непрестанный пост. Остерегайся читать учения еретические, потому что сие всего чаще вооружает на тебя духа хулы. А когда наполнишь чрево, не имей бесстыдства входить в исследование каких-либо предметов и понятий Божественных, чтобы тебе не раскаиваться. Разумей же, что говорю тебе: в наполненном чреве — ведения тайн Божиих нет. Часто, и не зная сытости, читай в книгах учителей о Промысле Божием, потому что они руководствуют ум к усмотрению порядка в тварях и делах Божиих, укрепляют его собою, своею тонкостию приуготовляют его к приобретению светозарных мыслей, и делают, что в чистоте идет он к уразумению тварей Божиих. Читай Евангелие, завещанное Богом к познанию целой вселенной, чтобы приобрести себе напутие от силы Промысла Его о всяком роде, и чтобы ум твой погрузился в чудеса Божии. Такое чтение помогает твоему намерению. Чтение же твое да будет в невозмущаемой ничем тишине: и будь свободен от многопопечительности о теле и от житейского мятежа, чтобы вкусить тебе в душе своей сладчайший вкус сладостным уразумением, превосходящий всякое чувство, и чтобы душа твоя ощутила это через пребывание свое в том. Слова людей благоискусных да не будут для тебя как слова лицемеров и торгующих словом Божиим, чтобы не остаться тебе во тьме до конца жизни своей, не лишиться пользы от сих слов, и во время брани не прийти в смятение, как смущенному, и не впасть в яму, под видом добра (прп. Исаак Сирин, 58, 282—283).

***

...От злого корня и злой матери происходит злейшее исчадие, т. е. от скверной гордости рождается несказанная

хула. Посему нужно и ее вывести на среду, ибо это немаловажное что-нибудь, но самый лютый из наших врагов и супостатов. И что еще ужаснее, мы не можем без затруднения сказать, открыть, исповедать врачу духовному сии помыслы. Посему они часто многих повергали в отчаяние и безнадежность, истребив всю надежду их, подобно червю в дереве.

Часто во время Божественной литургии, и в самый страшный час совершения Таин, сии мерзкие помыслы хулят Господа и совершаемую Святую Жертву. Отсюда явно открывается, что сии нечестивые, непостижимые и неизъяснимые слова внутри нас не душа наша произносит, но богоненавистник бес, который низвержен с небес за то, что и там хулить Бога покушался. И если мои сии бесчестные и нелепые изречения, то как же я, приняв оный небесный Дар, покланяюсь? Как могу благословлять и в то же время злословить?

Часто сей обольститель и душегубец многих приводил в исступление ума. Никакой помысл не бывает так трудно исповедать, как сей; посему он во многих пребывал до самой старости, ибо ничто так не укрепляет против нас бесов и злых помыслов, как то, что мы их не исповедуем, но таим и питаем их в сердце.

Никто не должен думать, что он виновен в хульных помыслах; ибо Господь есть сердцеведец, и знает, что такие слова не наши, но врагов наших.

Пьянство бывает причиною преткновения, а гордость — причина непотребных помыслов. Хотя преткнувшийся неповинен за преткновение, но за пьянство, без сомнения, будет наказан.

Когда мы станем на молитву, то сии нечистые и неизрекаемые помыслы восстают на нас, а по окончании молитвы тотчас от нас отходят; ибо они не имеют обыкновения бороться с теми, которые против них не вооружаются.

Безбожный сей дух не только хулит Бога и все Божественное, но и слова срамные и бесчестные произносит в нас, чтобы мы или оставили молитву, или впали в отчаяние.

Сей лукавый и бесчеловечный мучитель многих отвлек от молитвы; многих отлучил от Святых Таин; некоторых тела изнурил печалию; иных истомил постом, не давая им ни малейшей ослабы.

Он делает это не только с мирянами, но и с проходящими монашескую жизнь, внушая им, что для них нет никакой надежды ко спасению, и что они окаяннее всех неверных и язычников.

Кого дух хулы беспокоит и кто хочет избавиться от него, тот пусть знает несомненно, что не душа его виновна в таких помыслах, но нечистый бес, сказавший некогда Самому Господу: *сия вся Тебе дам, аще пад поклонишимися* (Мф. 4, 9). Посему и мы, презирая его и вменяя за ничто влагаемые им помыслы, скажем ему: *иди за мною сатано: Господу Богу* моему поклоняюся и *Тому Единому* послужу (Мф. 4, 10); *болезнь* же твоя и слова твои обратятся *на главу* твою, *и на верх* твой *снидет* хула твоя в нынешнем веке и в будущем (Пс. 7, 17).

Кто другим образом хотел бы победить беса хулы, тот уподобился бы покушающемуся удержать своими руками молнию. Ибо как настигнуть, состязаться и бороться с тем, который вдруг, как ветер, влетает в сердце, мгновенно произносит слово и тотчас исчезает? Все другие враги стоят, борются, медлят и дают время тем, которые подвизаются против них. Сей же не так: он только что явился и уже отступил: проговорил — и исчез.

Бес этот часто старается нападать на простейших по уму и незлобивейших, которые более других беспокоятся и смущаются от сего; о них можно сказать по справедливо-

сти, что все сие бывает с ними не от превозношения их, но от зависти бесов.

Перестанем судить и осуждать ближнего, и мы не будем бояться хульных помыслов; ибо причина и корень второго есть первое.

Как затворившийся в доме слышит слова проходящих, хотя сам с ними и не разговаривает, так и душа, пребывающая в себе самой, слыша хулы диавола, смущается тем, что он, проходя мимо ее, произносит.

Кто презирает сего врага, тот от мучительства его освобождается; а кто иным образом ухищряется вести с ним борьбу, тем он возобладает. Хотящий победить духов словами подобен старающемуся запереть ветры.

Один тщательный монах, претерпевая нападения от сего беса, двадцать лет изнурял тело свое постом и бдением; но как никакой не получал от сего пользы, то, описав на бумаге свое искушение, пошел к некоему святому мужу и, вручив ему оную, повергся лицом на землю, не дерзая воззреть на него. Старец, прочитав писание, улыбнулся и, подняв брата, говорит ему: «Положи, чадо, руку твою на мою выю». Когда же брат оный сделал это, великий муж сказал ему: «На вые моей, брат, да будет грех сей, сколько лет он ни продолжался и ни будет продолжаться в тебе; только ты вменяй его за ничто». После инок сей уверял, что он еще не успел выйти из кельи старца, как эта страсть исчезла. Сие поведал мне сам, бывший в искушении, принося благодарение Богу... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 154—157).

***

Хула есть собственно дщерь гордости; а часто рождается и от того, что мы ближнего в том же осуждали;

или от безвременной зависти бесов (прп. Иоанн Лествичник, 57, 183).

***

Когда начинает ум успевать в любви Божией, тогда начинает искушать его и дух хуления и внушает ему такие помыслы, каких ни один человек изобрести не может, а только один диавол, отец их. И сие делает он, завидуя боголюбцу, дабы, как измысливший такие помыслы, придя в отчаяние, не дерзал он более воспарять к Богу обычною молитвою. Но от этого не получает лукавец ничего благоприятного для его цели, но делает нас более твердыми. Ибо, будучи боримы и противоборствуя, мы становимся опытнее и искреннее в любви к Богу. *Меч же их да внидет в сердца их, и луцы их да сокрушатся* (Пс. 36, 15) (прп. Максим Исповедник, 91, 179).

***

Люта и неудобопобедима страсть хуления, которая источником своим имеет гордостное мнение сатанинское. Она и на всех, по Богу живущих добродетельно, нападает, но особенно на тех, кои преуспели в молитве и созерцании Божественных вещей. Сего ради надлежит всяким хранением блюсти чувства и благоговеинствовать перед всеми страшными тайнами Божиими и внимательно наблюдать за нападениями духа сего. Он приседит нам, когда молимся и поем псалмы, и отрыгает иной раз, по нашему невнимании, нашими устами клятвы на нас же и страшные хуления на Бога Вышнего, привводя их в стихи псалмов и в слова молитвы. Но против него, когда он что-либо такое произносит устами нашими или всевает в мысли наши, надо обращать в слово Христово, говоря к нему: *иди за*

мною, сатано (Мф. 4, 10), всякого зловония исполненный и осужденный на вечный огнь; хула твоя да падет на главу твою. Сказав это, тотчас насильно, как пленника, обратим ум на другой какой предмет божеский или человеческий, какой вспадет на мысль, или со слезами вознесем его на небеса и к Богу. Так, с Божиим нам содействием, избавимся мы от тяготы хуления... (прп. Никита Стифат, 93, 106—107).

***

Дух хулы и сомнения притаился; но не думайте, что он так скоро оставит вас. Привыкши находить доступ к вам, он все будет подступать, не удастся ли как-нибудь посильнее смутить. Это все испытывают. Потому пишут, что в борьбе с врагом не надо никогда слагать оружия, а всегда быть наготове противостать ему. Пишут старцы, что, когда нападает искушение, надо отбивать его от сердца неприязненностью к нему, и затем или вместе с тем обратиться к Господу с молитвою. Неприязненность то же, что — поддать врага в грудь. Это сильное и неприятное врагу средство. К нему надо готовиться в мирном состоянии. Надо настоящую возбудить в себе ненависть против врага и порождений его (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 151).

***

Что у вас другие есть недостатки, что дивного и у кого их нет? Но дух хулы и сомнений, надо полагать, есть главный. Ибо он мешает заняться другими. Хула и сомнения то же, что когда почва под ногами колеблется. Почувствовавший это тотчас падает от головокружения. Когда уже тут до другого чего? Вы этого-то потрудитесь одолеть и прогнать. Тогда и прочие подадутся.

Самость — корень грехов. Отпадающий от Бога на чем другом может остановиться, как не на себе? И останавливается. Вот и самость. Может быть, и духу хулы дано так сильно беспокоить вас по той причине, что есть самость с излишком. Так начинайте зараз и ее бороть. Смирение — корень всего добра, ибо все доброе от Бога; а Он гордым противится, смиренным дает благодать.

Вот вам и осязательное удостоверение, что дух хулы в вас есть вражий. С какою неприязнью он относится к Господу Спасителю?! Ему это натурально; ибо Господь разрушил власть их, так что одно имя Его страшно для них. А нам чего ради внимать этим насеянням злых зелий вражеских!

Молитесь, да исторгнет Господь из сердца вашего самую возможность таких помышлений. Причаститься Святых Таин — очень хорошо. Благослови вас Господи! (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 153).

***

Остается мне сказать вам о духе хулы, иногда нападающем на вас. Это воистину дух хулы мутит вас. Не только мысли хульные бывают и поражают, но слышатся слова в ушах. Бес... производитель их. Делает он это для того, чтобы смущать вас, и лишить вас дерзновения к молитве. И то имеет он в виду, не согласитесь ли вы на какую-либо хулу, чтобы ввергнуть вас в грех хулы, а потом — в отчаяние. Против сего беса — первое... не смущаться, и отнюдь не думать, что это ваши мысли, но прямо относить их к бесу. Затем — против мыслей и слов — мыслить и говорить противное. Он внушает худое о святом, а вы говорите: врешь, лукавец; он вот каков... Так против всего, — и все говорите, пока не отойдут. Заключите так: буди проклят хульник, — и слова хулы да обратятся на главу

твою... К Господу обратитесь с такою молитвою: душу мою открываю перед Тобою, Господи! Видишь, что я не хочу таких мыслей и не благоволю к ним. Все всевает враг. Оттони его от меня. Святой Нифонт четыре года мучим был сим духом, который жужжал ему в уши: нет Бога, нет Христа и прочее. Он же говорил: и Бог есть и Христос... и я поклоняюсь Им и служу всею душою... Бог избавил, наконец, его. Если там у вас найдете у кого писания святителя Димитрия Ростовского, в первом томе у него есть об этом статья очень вразумительная и утешительная... Достаньте... и выпишите себе из нее благопотребное... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 212—213).

***

Слыхали ли вы про евангелие Льва Толстого? Теперь слышу, что у него также тайком распространяются еще две статьи: критика догматов Церкви и — в чем моя вера. Тут-то, вишь, сокровища премудрости изрыгнуты: хулы на Церковь Божию, на святых отцев и даже на апостолов, кои все будто суть — исказители учения Христова... Сам же он не верит ни в Святую Троицу, ни в Воплощенное домостроительство, ни в силу Таинств... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 27).

***

Что значат слова: *всякий, кто упадет на тот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит* (Лк. 20, 18)? Упадет на камень сей невер, хулитель, сомневающийся... Как хулителю Сына Человеческого Господь обещал прощение... то хоть он и крепко расстроивается, но если покается, спасется. Так и все подобные. А на кого камень падет... это кто достоин полного гнева Господня,

тот пропал, нет надежды... Таковы отчаянные, богоборцы, сатанински упорные и подобные (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 228).

***

Вопрос: Почему хула на Духа Святаго не простится, а на Сына Божия простится?

Ответ: Хулить Бога, яко Бога, невозможно. Бывает сие только по затмению мысли о Боге, яко Боге. Уничижение Бога Сына нашего ради спасения может мешать узреванию в нем Бога и похулить Его не яко Бога, а как всякого человека. Дух же Божий когда являл Себя, проявлял осязательно Божескими делами, и не видеть в Нем Бога нельзя. Почему кто хулит Его, хулит как Бога и за то не имеет извинения (см.: Мф. 12, 31). Слова сии сказал Господь по исцелении глухонемого, в чем явен перст Божий. И сказавшие: *о веельзевуле изгоняет...* (ср.: Мф. 12, 24) хулили неизвинительно (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 230).

***

Вас беспокоит брат. Жалейте о нем и молитесь, чтобы Бог образумил его. Ему же скажите: «Если хочешь бывать у меня, говори об обычных делах, дел же религиозных не касайся, потому что ты тут ничего не понимаешь. Если ты заговоришь когда, и по невежеству своему начнешь врать, и тем паче, когда изрекаешь хулу на Бога и вещи Божеские, то возьму тебя за руку тотчас, выведу вон и скажу тебе, чтобы нога твоя тут не бывала никогда». Вы хорошо делаете, что не всегда его принимаете, но если и наотрез запретите ему приходить, беды и греха не будет (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 151).

****

«Однажды вечером, за всенощной в храме Зосимы и Савватия, — рассказывал архимандрит Кронид, — вдруг неожиданно пронеслась в моей голове страшная, ужасная мысль неверия, сомнения и богохульства. Это совершилось так мгновенно и внезапно, что, подобно молнии, обожгло меня адским огнем. Затем помыслы этого рода полились сплошной рекой в моем сознании. Я онемел от страха и ужаса. В моей душе совершилось что-то неописуемое и непостижимое, ужасное и страшное. По приходе из храма в келью помыслы не оставляли меня. Воистину эти страдания были неземные. Я лишился пищи и сна.

После этого проходят дни, недели, месяц, проходит год, два, три, а адские мысли непроизвольно текут и продолжают преследовать меня. Я не находил нигде себе места успокоения от тоски и печали и даже в отчаянии, грешный, просил у Господа смерти. Эта мысленная брань была неописуемо тяжка. Представьте себе состояние боримого, когда два мира внутри его: один мир светлый — веры и надежды на Бога и пламенного желания спасения, а другой — мир темный, внушающий одни только пагубные и богохульные мысли и неверие. Нестерпимая брань особенно посещала меня во время совершения Божественной литургии. Когда я предстоял престолу Божию перед Святейшим Святых и низводя молитвой действие Святаго Духа, Пресуществителя Святых Даров, в этот же самый момент меня продолжали мысленно насиловать скверные помыслы неверия и сомнения. От того моим покаянным слезам не было предела. Даже иеродиакон Ионафан, сослуживший мне, видя мой горький плач, приписал мне повреждение ума. Но он, конечно, так думал по неведению. Он не знал, что совершается в глубине моей души. Единственным моим утешением и радостью было в свободные минуты

читать житие Нифонта Кипрского Чудотворца, который сам страдал подобными мыслями в течение четырех лет...

Пагубные мысли нападали на меня с особой силой под великие и двунадесятые праздники. От всего этого мои нервы были расстроены, мысли уныния и отчаяния преследовали меня всюду. Теряя самообладание, я принужден был прятать от самого себя ножи, вилки, бечевки и всякие другие вещи и орудия, содействующие самоубийству. Не хватает у меня слов описать все и слез оплакать ужасы и страдания, перенесенные мной. Были моменты, когда я ночью, бессильный владеть собой, выскакивал из кельи, шел к собору, бегал вокруг него, плакал навзрыд и не мог дождаться минуты, пока откроют собор и я смогу у раки преподобного Сергия выплакать скорбь и невыносимые тяготы. Вспоминаю я теперь слова подвижников: «Ищи себе старца и руководителя не столько святого, сколько опытного в духовной жизни». И этот совет мне пришлось испытать на самом себе. Когда в своих великих страданиях я обратился к одному духовному ученому лицу и поведал ему свою мысленную скорбь, он выслушал меня и сказал: «Что ты, Господь с тобой, разве можно допускать такие мысли?» Вышел я от него, непонятый им, ни жив ни мертв от безысходной печали. Всю ночь не спал. Утром я отправился в живописный класс, а по пути зашел к заведующему мастерской иеромонаху Михею. Он, увидев меня, с удивлением воскликнул: «Отец Кронид! Что случилось?.. Тебя узнать невозможно! Лицо какое-то особенно страдальческое, исполнено печали, что невольно выдает твои душевные муки. Говори, что с тобой?» Тогда я ему поведал о всех своих внутренних скорбях и мыслях. Он со слезами на глазах выслушал меня и с особым чувством сострадания и христианской любви, как бы сам переживая со мной мои муки, сказал мне: «Успокойся, отец Кронид. Это

великая брань, наносимая врагом, бывает со многими людьми. И мы с тобой не первые. Многие, очень многие страдают ею. Я и сам страдал этой бранью семь лет и дошел до такого состояния, что однажды, придя в Успенский собор к вечерне, от мыслей неверия, богохульства даже не смог там оставаться. Выбежав из храма, я направился в келью своего духовного отца иеромонаха Авраамия, при этом весь дрожал и сказать ничего не мог. Старец спрашивал меня несколько раз: «Что с тобой, расскажи мне?» После обильных слез я только смог вымолвить: «Батюшка, я погибаю!» Тогда старец говорит мне: «Ты ведь не услаждаешься этими мыслями и не соизволяешь на них? Что же ты так нестерпимо тревожишься? Успокойся! Господь видит твои душевные мучения, и Он тебе во всем поможет». Потом прочитал надо мной разрешительную молитву, благословил и отпустил меня с миром, и с того дня, при помощи Божией, помыслы эти совершенно исчезли. А иногда они изредка появляются, но я не придаю им значения, они исчезают, и я быстро успокаиваюсь».

Слова отца Михея, как драгоценный бальзам, пролились на мою душу, и я с того времени получил значительное ослабление в мысленной брани» (114, 79—83).

Ц

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

...Все раболепствующие страстям... страдают по нечувствию, а если иногда и восстают, то привычкою (к страстям) опять увлекаются; потому и говорит Господь: *Царствие Небесное нудится* (Мф. 11, 12), не по порядку естества, а по нашему навыку в страстях. Если же бы оно было таково по естеству, то никто не вошел бы в него, но имеющим произволение *иго Господне благо и бремя легко* (ср.: Мф. 11, 30), а не имеющим произволения *тесна врата и прискорбен путь и нуждно Царствие* (ср.: Лк. 13, 24) (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 35).

***

Как мы не разумеем, сколько терпят воины и разбойники и как трудятся ради одного только хлеба; сколько странствуют путешественники и мореплаватели, и сколько труда переносят все люди без надежды на Царство Небесное, а часто и не достигая цели, для которой трудятся. Мы же ради Царства Небесного и вечных благ не хотим и немного потерпеть. Может быть, это и не было бы нам так трудно, если бы произволение наше склонялось к тому

и не считало бы приобретение добродетелей тягостным и несносным, но скорее радостию и спокойствием, ради надежды, беспопечительности и чести, невольно последующей за добродетелию. (Ибо и противник стыдится ее и удивляется ей.) Конец ее веселие и радость, и не только это, но беспристрастие и в самом себе имеет соединенную с ним радость, как и жизнь вещественная, в постыдных страстях, содержит в себе печаль, от каковой (плотской жизни) да избавимся мы и да достигнем невещественной и вечной жизни беспристрастием, рождающим умерщвление тела во Христе Иисусе, Господе нашем (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 38—39)

***

...Если бы и над всей землей были мы господами и отреклись от всей земли, то и в этом опять не было бы ничего, равноценного Царству Небесному (прп. Антоний Великий, 89, 17).

***

...Царствие Божие есть истребление всякого греха (прп. авва Исаия, 59, 114).

***

Невозможно удостоиться Небесного Царства тем, которые не показали в себе, что Евангельская правда больше правды подзаконной (свт. Василий Великий, 7, 348).

***

Невозможно удостоиться Небесного Царства тем, которые во взаимном оказывании друг другу равной части не подражают детям (свт. Василий Великий, 7, 349).

***

Кто желает в Царстве Небесном удостоиться большей славы, тот должен любить здесь смирение и унижение перед другими (свт. Василий Великий, 7, 349).

***

...Если хочешь восхитить Царствие Божие, употреби принуждение, подклони выю свою под иго служения Христова, стяни ярем на выи своей; пусть гнетет он выю твою; истончай ее трудом добродетелей, в постах, в бдениях, в послушании, в безмолвии, в псалмопениях, в молитвах, в слезах, в рукоделии, в перенесении всякой скорби, наносимой тебе демонами и людьми (свт. Василий Великий, 9, 51).

***

Многими обителями у Отца Спаситель называет меры разумения водворяемых в оной стране, разумею же те различия и разности, с какими наслаждаются там, сообразно со своим разумением. Ибо Господь наименовал многие обители не по разности мест, но по степени дарования. Как лучами солнца чувственного наслаждается всякий, по мере чистоты зрительной силы и впечатления и как от одного светильника, освещающего один дом, каждый луч бывает различен, между тем как свет не делится на многие светильники, так в будущий век все праведные водворяются нераздельно, в единой радости. Но каждый в своей мере озаряется единым мысленным Солнцем и по степени достоинства почерпает радость и веселие, как бы в одном воздухе и месте, седалище, созерцании и образе. И никто не видит меры и высшего, и низшего, чтобы, смотря на превосходящую благодать другого и на свое лишение, не

иметь в этом для себя причины к скорби и беспокойству. Да не будет сего там, где нет ни печали, ни воздыхания, но всякий, по данной ему благодати, в своей мере веселится внутренно, а по внешности у всех одно созерцание и одна радость! Кроме сих двух чинов, нет иного посредствующего чина, разумею же один Чин Горний, а другой дольний; средина же их — сие разнообразие в различии воздаяний (прп. Ефрем Сирин, 32, 19—20).

***

...Тысячи лет века сего то же в сравнении с вечным и нетленным миром, как если бы кто взял одну песчинку из всего множества морских песков. Так беспредельны, бесконечны и неизменны век праведных и Царство Небесное (прп. Ефрем Сирин, 32, 35).

***

Если желающие приобрести земное богатство терпят всякую опасность и напасть, кольми паче мы, желающие приобрести небесное богатство и наслаждаться вечно пребывающими утехами, обязаны ни во что ставить для себя всякое трудное дело и всякую опасность и отваживаться на искушения (прп. Ефрем Сирин, 32, 263).

***

Если можно было бы получить Царство без скорбей, без искушений, без терпеливого подвига в прочих добродетелях, то для чего попускал Бог святым терпеть столько опасностей, искушений и тесноты, а не дозволил всем жить в своеволии и роскоши? Если так рассуждаем и иные из неверных увидят, что таких держимся мыслей, то

скажут: значит, что Бог наш прогневан был на святых. Ибо если можно царствовать на небе без скорбей и искушений, то для чего оставлял их в бедствиях, в теснотах, в опасностях и в многообразных искушениях? Какое великое бесстрашие! Какая великая небрежность! Какая великая изнеженность! Какое ожесточение! Плакать нам должно об ожесточении сердец наших и о том, что так далеки мы от упования и терпения святых. А мы, напротив того, осуждаем еще нередко право живущих за великую их скромность, смиренномудрие, нестяжательность и прочие добродетели и такое мужество в терпении называем часто уклонением от порядка и слабостью духа и обвиняем оное в лености (прп. Ефрем Сирин, 32, 275—276).

***

...Поелику всякому желательно не трудясь достигнуть блага и овладеть им, то пусть знают, что на пути к благу предлежат великое поприще и борьба и что из многих достигали оного немногие. Посему только победившие выходили в сретение Царю мирному и кроткому, охотно благодеющему человекам. Ибо таковые отныне будут наследовать землю обетования и войдут в пристань упокоения, и во град святый, и в покой праведников. Как есть это видимое небо, называемое твердию, так превыше его есть другое, светозарное небо, где полки Ангелов. Но оно невидимо телесным очам и есть нерукотворенная скиния, в которой совершают службу святые Ангелы. Ибо все сие божественно, неизреченно и светоносно; потому что духовно и самостоятельно, принадлежит не сему веку, но иному миру, где нет ни ночи, ни браней, ни геенны, ни лукавых духов. Поелику не всякому, кто бы ни был, позволяется внутренним оком видеть небесное, то для сего, подобно некоей завесе,

поставлена твердь, чтобы и им можно было не просто всех созерцать, но только тех, которые чисты сердцем и освящены в уме, и одних сограждан и сотаинников святым. А когда завеса будет отнята, тогда открыто будет праведным, что ожидает избранных. Но многие, принадлежа уже к избравшим благую часть и находясь под влиянием Благого и Животворного Духа, по неопытности подумали о себе, что достигли они совершенства, и, после сего став беспечными, подверглись нашествию и наветам лукавых духов, как иные воины, почитая себя победившими врагов и бросив уже оружие, проводят время в беспечности, а между тем враги, сделав засаду, нападают на них внезапно и одних убивают, а других берут в плен, — так и грех, сперва похитив у них ум и потом наведя на мысль о собственном их совершенстве, располагает ими по произволу, связав их собственною своею волею и снова возобладав над их похотями (прп. Ефрем Сирин, 32, 317).

***

...Пребывание Царствия внутри нас что иное означает, как не небесное веселие духа, действенно производимое в душе достойной? (прп. Ефрем Сирин, 32, 341).

***

Желаешь ли стать небесным? Не ищи того, что на земле, но пренебрегай сим и подвизайся, как совершенный, и как совершенный возлюби Царство Небесное. Не рассуждай, говоря так: «Долго и тяжко время подвига, а я малодушен и немощен и не в силах подвизаться». Прими во внимание слова прекрасного и доброго совета; выразумей, что скажу тебе, христолюбивый брат. Если намереваешься идти в другую дальнюю сторону, то не в один час

можно тебе будет перейти весь путь, но пойдешь, ежедневно высчитывая остающуюся длину пути, и с продолжением времени, после немалого труда, достигнешь страны, в которую идешь или чаешь прийти. Таково и Царство Небесное, и райские утехи: постом, воздержанием, бдением и любовию достигает туда каждый; это пути, ведущие на небо к Богу. Не убойся положить начало доброго пути, вводящего в жизнь; пожелай только идти сим путем; и если окажешься готовым, тотчас благоустроится перед тобою путь, и, шествуя радостно, будешь давать себе роздыхи, и проводить их с приятностию, потому что стопы души твоей будут укрепляться после каждого роздыха. Чтобы не встретить тебе затруднения на пути, ведущем в жизнь, Господь ради тебя Сам стал путем жизни для желающих в радости идти к Отцу Светов (прп. Ефрем Сирин, 32, 375—376).

***

Царство Небесное принадлежит не беспечным возлежащим и почивающим, не входящим в корчемницы, не роскошествующим и смеющимся, но плачущим, и кающимся, и вопиющим к Нему <Богу> день и ночь; они будут утешены Утешителем (прп. Ефрем Сирин, 32, 402).

***

Сам рай вожделевает принять тебя, как собрата твоего, разбойника, и отверзает широкую дверь свою ключом крестного знамения (прп. Ефрем Сирин, 33, 136).

***

Вот, проложены стези к горним, уготован путь в рай. Но сначала шествия и до конца теснятся вокруг все стра-

сти и искушения, и даже при вратах Царствия всякие злострадания нападают на идущих твердо (прп. Ефрем Сирин, 33, 218).

***

Если идешь путем к Царству, то сам себя ничем не обременяй, ибо неугодно Богу, чтобы вошел ты в чертог Его обремененный ношею... Если идешь к Царству, то сбрось с себя все излишнее. Разве будет чего недоставать тебе в Царстве и надобно брать это с собою? Будь благоразумен. К трапезе Своей призывает тебя Бог; сбрось с себя всякое бремя.

Соберись в путь без бремени и иди с Богом в Царство Его. Он ищет тебя, чтобы с Ним шел ты и с Ним вселился в чертог Его.

Смотри, Царствие Божие внутри тебя, грешник. Войди в самого себя; ищи там Царства и без труда найдешь Его.

Не гоняйся за приобретением имения, вырвись из сетей похотений, из тенет греха, из дебри лихоимства... Войди в самого себя, живи в себе, в тишине своей внутренности, с умеренною и чистою душою, с покойным и смиренным духом.

Войди внутрь себя самого и ищи там Царствия Божия. Оно действительно там, как Господь Сам научил нас в Евангелии Своем. В душе, любящей Бога, обитает Бог, там и Царство Его; потому-то и говорит Он, что *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21).

Итак, вырвемся из сетей внешнего мира и будем в душах своих искать Царствия Божия; пока не найдем его там, не перестанем искать.

И если не вселилось оно еще в нас, будем искать, как Господь научил нас: *Отче наш, да придет Царствие Твое*

(ср.: Лк. 11, 2). И оно приидет, если будем о сем просить (прп. Ефрем Сирин, 33, 334—335).

***

Войди в себя, живи в себе самом, в прекрасной клети духа твоего, и там ищи Царства, как научил Спаситель наш (прп. Ефрем Сирин, 33, 348).

***

...Много у Бога обителей или одна? Без сомнения согласишься, что много, а не одна. Все ли они должны наполниться? Или одни наполняться, а другие нет, но останутся пустыми, и приготовлены напрасно? — Конечно все; потому что у Бога ничего не бывает напрасно. Но можешь ли сказать, что разумеешь под таковою обителию: тамошние ли упокоение и славу, уготованную блаженным, или что другое? Не другое что, а это. Но, согласившись в сем, рассмотрим еще следующее. Есть ли что-нибудь такое, как я полагаю, что доставляло бы нам сии обители; или нет ничего такого? Непременно есть нечто. Что же такое? Есть разные роды жизни и избрания и ведут к той или другой обители по мере веры, почему и называются у нас путями. Итак, всеми ли путями, или некоторыми из них должно идти? Если возможно, пусть один идет всеми. А если нет, то, сколько может, большим числом путей. Если же и того нельзя, то некоторыми. Но если и сие невозможно, то примется в уважение, как мне, по крайней мере, кажется, когда кто-нибудь и одним пойдет преимущественно. — Правильно разумеешь сие. Посему что же, по твоему мнению, означается словом, когда слышишь, что путь один и притом тесен? — Путь один относительно к добродетели, потому что и она одна, хотя и делится на многие виды.

Тесен же он по причине трудов и потому, что для многих непроходим, а именно для великого числа противников, для всех, которые идут путем порока (свт. Григорий Богослов, 14, 13).

***

Всем уготованы обители по достоинству — и совершеннейшим, и менее совершенным (свт. Григорий Богослов, 15, 274).

***

Пусть будет возможно тебе одному стать царем всей земли, — одному овладеть всеми сокровищами вселенной; положим еще, что начало бытия людей есть также начало и твоего царствования, а концем его будет изменение и претворение всего видимого и целого мира; что же? Если предоставят тебе выбор; ужели на сие царство променяешь ты Царство истинное, постоянное, вовсе не имеющее в себе ничего преходящего и разрушаемого (прп. Макарий Египетский, 67, 465).

***

...Надлежит и нам не скорбеть о кратковременном замедлении уповаемого, но прилагать старание о том, чтобы не соделаться недостойными уповаемых благ (свт. Григорий Нисский, 18, 169).

***

Путь же, возводящий человеческое естество на небо, не иное что, как отступление и бегство от земных зол; а средством к избежанию зол не иное что, думаю, служит, как уподобление Богу; и уподобиться Богу — значит сделаться праведным, святым, благим и всем сему подобным.

Если кто, сколько возможно, ясно напечатлеет в себе черты сих совершенств, то как бы по естественному порядку, без труда из земной жизни преселится в страну небесную; потому что не местное какое расстояние у Божества с человечеством, так что была бы нам потребность в каком-нибудь орудии или примышлении, чтобы эту тяжелую, обременительную и земную плоть ввести в образ жизни не телесной и духовной. Но, по разумном отлучении добродетели от порока, от одного человеческого произволения зависит быть человеку там, куда преклонен пожеланием (свт. Григорий Нисский, 18, 410—411).

***

Царствие Небесное есть бесстрастие души с истинным ве́дением сущего (авва Евагрий, 89, 571).

***

...Царство для нас уготовано еще до создания мира (свт. Иоанн Златоуст, 44, 11).

***

Начнем же, наконец, возвращение, поспешим во град Небесный, в котором мы вписаны, в котором и обитать надлежит нам (свт. Иоанн Златоуст, 44, 28).

***

...Небо есть такое место, которое недоступно никакому нападению, плодоноснее всякой земли, и сложившим в нем свои богатства дает пожинать плоды их в великом изобилии (свт. Иоанн Златоуст, 44, 112—113).

***

<Христос> не только ввел разбойника <в рай>, но ввел прежде всех, даже прежде апостолов, — чтобы никто после этого не отрицал входа (в рай), не отчаивался в своем спасении, видя, что сделавший бесчисленные грехи обитает в Царских Чертогах (свт. Иоанн Златоуст, 47, 766).

***

Как многие из людей, избранных в члены великого сената и живя в деревне, носят это звание, так и ты, если захочешь быть гражданином неба, то и, живя здесь, можешь иметь это достоинство (свт. Иоанн Златоуст, 48, 337).

***

...Ты если не будешь привязываться к земле, но сделаешься ангелом, то скоро войдешь на небо и в отеческий дом, и даже еще прежде воскресения переселишься отсюда и будешь обладать таким достоинством (свт. Иоанн Златоуст, 48, 337).

***

Невозможно ясно выразить, как велико зло — лишиться небесных благ... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 271).

***

...Не только тот лишается Царствия Небесного, который имеет веру, а о жизни нерадит; но равно будет устранен от священных врат его и тот, кто при вере сотворил даже много знамений, а доброго ничего не сделал (свт. Иоанн Златоуст, 50, 276).

***

...Никому другому из безгрешных учеников Господь не доверил ключей от Царства Небесного, но вручил их Петру, чтобы он, когда увидит кого-нибудь покаявшимся в согрешениях и освободившимся от них покаянием и желающим войти в Царство Небесное, вспомнив о своем падении, сделался помощником ему во спасении (свт. Иоанн Златоуст, 51, 986).

***

...Кроме избавления от геенны и приобретения Царства, нужно упомянуть и нечто другое важное; выше всего это — любить Христа и быть от Него любимым (свт. Иоанн Златоуст, 52, 592).

***

Бесчеловечные не имеют наследия в вечных обителях, в дворец Мой не входит немилосердный, недостоин Небесного Чертога жестокий; не вселяется в Горних обителях скупой; но только одни милостивые, одни только сострадательные, странноприимцы, воспитатели сирот, защитники вдовиц и немощных, покровители утомленных, ходатаи за притесняемых, утешители удрученных несчастиями, благодетели нуждающихся, утешители отчаивающихся, служители немощных, опора злостраждущих, утешители плачущих и малодушных, отцы для тех, которые находятся в тяжелом рабстве, усердные помощники находящимся в беде или в нужде, союзники связанных, наставники заблудших, податели покрова нагим, поручители за должников и, скажу кратко, щедрые податели нуждающимся и нищим — вот кто обитатели Моего Чертога и наследники вечных благ! (свт. Иоанн Златоуст, 52, 872—873).

***

Если бы мы все приобщились Духа <Святаго>, как следует приобщиться, то и небо узрели бы, и свое будущее там состояние (свт. Иоанн Златоуст, 54, 17).

***

Неприлично говорить о Царстве с тем, кто страдает горячкою и находится в худом состоянии. С ним прежде надобно поговорить о здоровье (свт. Иоанн Златоуст, 54, 274).

***

Нестерпима геенна, признаюсь, весьма нестерпима; но лишение Царства нестерпимее ее (свт. Иоанн Златоуст, 54, 336).

***

Там <в Царствии Небесном> нет древа познания добра и зла, но только — древо жизни. Уже не от ребра твоего жена, но все мы едино от ребра Христова (свт. Иоанн Златоуст, 54, 409).

***

...Пусть никто не ожидает при неге увидеть небо — этого нельзя! (свт. Иоанн Златоуст, 54, 553).

***

Эти <небесные> обители вечны, не имеют конца; они не падают от времени, не переменяют владельцев своих, но стоят и цветут постоянно; и это несомненно, потому что там нет ничего тленного и скоропреходящего, но все бессмертно и нетленно. Будем же употреблять свое имущество

на построение этого здания; нам не нужны будут ни архитекторы, ни рабочие; эти дома строятся руками бедных, хромыми, слепыми, убогими; они созидают эти обители (свт. Иоанн Златоуст, 55, 264).

***

Дай мне уверенность в том, что я получу Царство Небесное, — да тогда заколи меня, если хочешь, хоть сегодня: я буду благодарен тебе за это, потому что ты ускоряешь для меня наслаждение теми благами (свт. Иоанн Златоуст, 55, 771).

***

...Царствие Небесное не есть награда за дела, а благостный дар Владыки, уготованный верным рабам. Раб не требует свободы, как награды; но (получив ее) благодарит, как должник, а (не получив) ожидает, как милости (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 183).

***

...Если возвышенным взглядом ума будем рассматривать то состояние, в котором живут небесные Горние Силы, которые истинно пребывают в Царстве Божием, то должны будем признать, что это состояние не иное какое, как вечная и непрестанная радость. Ибо что столь свойственно и пристойно истинному блаженству, как не спокойствие постоянное и радость вечная? (прп. авва Моисей, 56, 176).

***

...Если Царство Божие внутри нас находится, и это Царство есть праведность, мир и радость, то кто их имеет, тот, без сомнения, находится в Царстве Божием. И напро-

тив, которые живут в неправде, раздоре и печали, производящей смерть, те находятся в царстве диавола, в аде и смерти. Ибо этими признаками различается Царство Божие и диавола (прп. авва Моисей, 56, 176).

***

...Как в царство диавола (веельзевула) вступают через совершение пороков, так Царство Божие приобретается упражнением в добродетелях, чистотою сердца и духовным знанием (прп. авва Моисей, 56, 177).

***

...Всегдашнее царствование Христа во святых, которое наступает тогда, когда по истреблении из сердец наших смрадных пороков власть диавола прекращается и Бог, по причине благоухания добродетелей, начинает в нас владычествовать, — когда вместо побежденной плотской похоти воцаряется в уме нашем чистота, вместо подавленного гнева — спокойствие, вместо попранной гордости — смирение... (прп. авва Исаак, 56, 336).

***

...Царство Небесное восхищают не беспечные, не распущенные, не избалованные, не изнеженные, но усильные искатели (прп. авва Авраам, 56, 632).

***

Царство Небесное уподобляется квасу в безгрешном воплощении Бога и Спасителя нашего, Которым растворен весь мир, и составом единого тела, восприятого от нашей сущности и от Богородицы Марии, все от века человече-

ство обновлено в возрождении (прп. Исидор Пелусиот, 60, 129).

***

Как мрежа, закидываемая в море, заключает в себе разные роды рыб, так вечное Царство Христово, приемля множество людей из всякого народа, определяет им спасение по мере веры, не по достоверности рода, не по уважительности чина, не по священству, не по царской власти, недостойной сего именования, уделяя блаженство, но по праву и по жизни, определившей себя к чистоте и устремленной к ловитве истинных рыбарей (прп. Исидор Пелусиот, 60, 130).

***

...Иные полагают, что Царствие Божие выше и божественнее, а Царствие Небесное меньше и ниже; иные же говорят, что, в сущности, это одно и то же, но различно выражается, будучи названо иногда от имени царствующего Бога, а иногда от имени царствующих Ангелов и святых (прп. Исидор Пелусиот, 62, 360).

***

В Царство Небесное путей много и один путь: один, потому что, одна сущи, добродетель исполняется и в дело приходит разными добрыми делами (прп. Феодор Студит, 92, 206).

***

Конец нашей жизни есть блаженство, или, что то же, Царство Небесное, или Царство Божие. А оно само есть не зрение только Царственнейшей Троицы, но при этом приятие и божественного привтечения, и как бы восприятие

обóжения, и сим привтечением восполнение недостающего в нас и усовершение несовершенного. И это-то служит пищею мысленных существ, — это восполнение недостающего через Божественное оное привтечение. Здесь совершается круг некий непрестанный, от того же начинающийся и тем же кончающийся. Ибо чем более кто разумевает, тем более вожделевает, чем более вожделевает, тем более вкушает, чем более вкушает, тем более возбуждается к большему опять уразумеванию, и тотчас снова начинает это недвижимое движение или, пожалуй, недвижимую недвижность... (прп. Феодор Студит, 92, 353—354).

***

...Нет другого пути, возводящего на небо, кроме совершенного удаления от всего злого, стяжания всего благого, совершенной к Богу любви и сопребывания с Ним в преподобии и правде, так что когда у кого будет сие, то он скоро востечет к небесному лику (прп. авва Филимон, 89, 366).

***

Благ Царствия, сущего внутрь нас, миролюбивое око не видело, и честолюбивое ухо не слышало, и на сердце, лишенное Духа Святаго, не восходило то. Они суть залоги благ, какие имеют быть дарованы праведным в будущем Царстве Христовом. Кто не наслаждается здесь сими плодами Духа, тот не может сподобиться наслаждения ими и там (прп. Илия Екдик, 91, 438).

***

Те, которые хранят врата Царствия Небесного, если не увидят в христианине подобия Христу, как сына отцу,

никак не отворят ему их и не дадут войти (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 31).

***

Знамение же и доказательство, показывающее, что Царствие Небесное истинно есть внутрь нас, есть следующее: если мы не похотствуем никаких привременных благ мира сего, ни богатства, ни славы, ни удовольствий и никакого мирского или плотского услаждения, но удаляемся от всего этого и отвращаемся всею душою и всем сердцем столько, сколько возвеличенные царскою честию и властию удаляются от вращающихся в блудилищах, и сколько привыкшие носить чистые одеяния и намащаться мирами и благоуханиями, отвращаются от нечистых мест зловония. А кто не отвращается от всего этого, но имеет пристрастие к чему-либо из того, о чем мы сказали, тот не видел Царствия Небесного, ни обонял, ни вкушал сладости и благоухания его (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 33—34).

***

Вход в Царствие Божие дается не за одни добрые дела, но и за веру. Узрение его бывает через рождение свыше, а получение его — через добрые дела, совершаемые силою веры (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 46).

***

Какие бы добрые дела ни делал, какими бы подвигами ни подвизался и ни утруждал себя в настоящей жизни всякий человек, мудрый или немудрый, сведущий или несведущий, рассудительный или нерассудительный, ученый или неученый, богатый или бедный, — если это не спо-

собствует к оздравлению души его от немощей ее, суетно все сие и бесполезно для него, и оставляет душу вне Царствия Небесного; ибо в Царствие Небесное приемлются только здравые души, не имеющие никакой немощи (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 123—124).

***

...Те, которые умирают, прежде чем стяжут Царствие Небесное, где и когда они обретут его, когда отходят туда, где всегдашняя тьма? Итак, здесь в сей жизни повелено нам взыскать его и обрести, толкая в двери его посредством покаяния и слез (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 230—231).

***

Царствие Божие в нас есть, когда Бог бывает с нами в единении, благодатию Пресвятаго Духа. Бог был в единении с нами от начала создания Адама; но когда праотец наш прельстился и согрешил, Бог удалился от нас, удалилось вместе с тем от нас и Царствие Его. Ибо невозможно, чтобы Всесвятый и Всеблагий Бог был в единении с тем, кто возлюбил грех и зло. Чтобы опять возвратился к нам Бог и опять пришло к нам Царствие Его, надлежало нам престать и очиститься от грехов. Но как мы не могли сего сами собою сделать, как измаранное платье не может отмыться само собою, и еще без воды, то пришел наконец Сам, могущий обмыть нас и очистить, чтобы очистить нас, и очистив, Богу открыть вход в нас и Царствие Его вселить в нас. Сие совершается в Таинстве Святого крещения, а кто согрешит после крещения — в Таинстве покаяния (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 250).

***

...Царство Христово приходит только к тем, которые понимают, в чем оно состоит. Когда же оно придет и воцарствует в них, тогда делает их равноангельными (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 252).

***

...Царство Божие приемлет только тех, которые подобны Сыну Божию. Подобие сие водворяется через исполнение заповедей Божиих; исполнение заповедей бывает от любви ко Христу... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 264).

***

Если... тайны Царства Небесного сокровенны и, по слову Господа, никому не дано знать их, то для чего оставил ты делание заповедей Его и пытаешь о тайнах, которые сокрыты от всех людей? (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 407).

***

...Те, которые путешествуют по суше, имея в виду достигнуть до какого-либо города, не говорят, что избавились уже от всяких бед, когда успеют переехать такую-то реку, или такую-то гору, или миновать таких-то разбойников; ибо может случиться, что нападут на другого какого убийцу или на какого-либо зверя и убиты будут или встретят еще реку глубокую и утонут в ней. Даже когда уже избавятся, с помощию Божиею, от всякого искушения и всякой смертной опасности и приближатся к городу, и тогда не могут еще сказать, что благополучно совершили путь свой; потому что, если, миновав столько опасностей, зазе-

ваются и перестанут спешить, затворят ворота города, и они останутся вне, — и не знать еще, что может случиться с ними до завтрашнего дня.

Представь себе теперь, что этот город есть Царство Небесное, ночь — смерть каждого, завтрашний день — Второе Пришествие Христово, которое есть день Суда. Итак, кто не постарается достигнуть Царствия Небесного и внити в него, пока находится в настоящей жизни, и в то время, как выйти душе его из тела, окажется находящимся вне сего Царствия, — найдет на него ночь, т. е. смерть, — и не знать, что будет с ним в завтрашний день, т. е. в день Суда, — позволят ли, или не позволят ему войти в град Царя Великого (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 449—450).

***

...Царствие Небесное есть добродетельное житие... (прп. Григорий Синаит, 93, 187).

***

Царствие Небесное подобно скинии богозданной; ибо и оно в будущем веке, подобно Моисеевой, будет иметь две завесы, — из коих в первую внидут все освященные благодатию, во вторую же — только совершеннейшие (прп. Григорий Синаит, 93, 188).

***

Многими обителями назвал Спаситель различные степени тамошнего состояния. Царствие одно, но многие имеют внутри (себя) различия, по различию имеющих внити в него в добродетели и ве́дении, и в мере обо́жения (прп. Григорий Синаит, 93, 188).

***

...Тому, кто имеет наследовать оное вечное Царство, оно должно быть присуще, как проявление и плод любви и как бы некая, лежащая над всем глава всех добродетелей... (свт. Григорий Палама, 26, 50).

***

...Царство Небесное предлагается произволяющим; ибо то, что бывает по принуждению и поневоле, не заслуживает мзды перед праведным Судией (прп. Максим Грек, 68, 74).

***

Вход в Царство Небесное, которое Святым крещением насаждено в сердце каждого христианина, есть развитие этого Царства действием Святаго Духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 154).

***

Царствие Небесное — мир Христов. В душе, в которой от покорности Богу утихли страсти, царствует Бог, царствует мир Христов (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 5).

***

Стяжавший *внутри* себя *Царствие Божие* (ср.: Лк. 17, 21) имеет руководителем Святаго Духа, Который наставляет *всякой истине* (ср.: Ин. 16, 13) руководимого им человека, не допускает его быть обманутым ложью, облекающеюся для удобнейшего обмана в призраки истины (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 267).

***

Небо — истинное отечество человека; шествие туда надо совершить в самом себе (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 492).

***

...Царство обетованное... несомненно получат все истинно верующие и до конца жизни пребывающие в заповедях Господа (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 136—137).

****

Два клирика, бывшие соседями, добывали хлеб насущный шитьем одежд. Один из них имел много детей, жену, содержал кроме них отца и мать и имел обыкновение каждый день ходить в церковь. И так он, с помощию Божиею, прокармливал свою многочисленную семью. Сосед же несравненно лучше знал ремесло, но в церковь не ходил, а работал даже и в праздники, но и одного себя прокормить не мог. Этот последний и позавидовал первому, и как-то с гневом сказал ему: «Откуда и как богатеешь ты? Я несравненно тружусь больше тебя, а все-таки обнищал. Отчего так?» Первый и говорит ему: «Я от того богатею, что каждый день хожу в церковь и на пути в нее нахожу потерянное на дороге золото. И если хочешь со мною постоянно ходить в церковь, то, пожалуй, я согласен находимое золото делить с тобою пополам». Бедный клирик поверил и также стал ежедневно посещать церковь. Что же? Хотя он никогда никакого золота на дороге не находил, но тоже вскоре приобрел достаток. Тогда первый сказал ему: «Видишь ли, брат, сколько хождение в церковь принесло пользы и душе твоей и тебя как обогатило? Но поверь мне, что и я не ради золота, которого никогда не находил

на пути, посещал церковь, а посещал потому, что веровал словам Господним: *ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (ср.: Мф. 6, 33), и они оправдались на мне. А если я и сказал тебе о находимом мною золоте, то и в этом, как видишь, не погрешил, ибо подлинно, через хождение в церковь, оба мы, и ты и я, приобрели все нужное нам» (112, 813—814).

***

Как-то раз одному из святых отцов пришлось быть в Константинополе. Когда он был в церкви, подошел к нему неизвестный человек и, поздоровавшись, начал беседу о спасении души. «Воистину блажен тот, — сказал он, — кто всю свою надежду полагает на Бога и всего себя Ему поручает». И затем продолжал: «У меня был богатый отец, необыкновенно милостив к бедным. Раз он, призвав меня, показал мне все свои сокровища и сказал: «Сын мой, что ты хочешь, чтобы я тебе оставил после себя: все свое богатство или Христа?» Я отвечал: «Христа, ибо земные сокровища тленны и скоропреходящи». Вскоре отец мой стал еще милостивее и раздал нищим все свое имение. После его смерти я остался бедняком и всю надежду только и возлагал на Господа. Что же произошло? Жил в нашем городе богатый и славный, а вместе благочестивый человек, имевший и такую же жену. У них была единственная дочь. Когда она достигла возраста невесты, благочестивая мать сказала мужу: «Вот, у нас есть дочь, и мы богаты, значит, должны искать ей жениха не богатого, а кроткого и богобоязненного, который бы осчастливил ее собою и сохранил наше имение». Муж отвечал: «Верно говоришь ты, и я думаю выбор предоставить Самому Богу. Пойдем в церковь, помолимся усердно, и затем, кого Господь пошлет

первого в церковь, тот пусть и будет мужем нашей дочери». Пошли, помолились и стали ожидать входящего. Тут я и вошел. Они послали своего раба позвать меня и, когда я подошел, стали расспрашивать, кто я и откуда родом. Когда же я назвал им имя моего отца, которого они хорошо знали, и услышали, что я не женат, то прославили Бога и воскликнули: «Сам Христос избирает тебя мужем нашей дочери, возьми ее и имение наше и живи, имея страх Божий». Я согласился и сделался мужем их дочери, а вместе с нею получил и их имение. И теперь забочусь только о том, чтобы во всем поступать так, как поступал благочестивый мой отец» (112, 570).

ЦЕЛОМУДРИЕ

...Где обитает целомудрие, там никогда не должен возникать худой помысл в сердце человека праведного (св. Ерм, 94, 183).

***

Воздержание и целомудрие состоит не в одной только непорочности тела, но и в скромности и благоприличии самого одеяния... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 131).

***

Целомудрие есть здравый (целый) образ мыслей, т. е. не имеющий (какого-либо) недостатка и не допускающий того, кто его имеет, уклоняться в невоздержность или в окаменение; но хранящий собираемое мудростию доброе и отвергающий все худое; собирающий помысл к себе самому и собою возводящий его к Богу. Как добрый пастырь, собирает оно (целомудрие) своих овец, т. е. боже-

ственные мысли, вокруг и внутрь себя, а невоздержность, как бешеного пса, убивает удалением от вредного; окаменение же отгоняет, как хищного волка, и не допускает его в уединении поедать овец, но постоянно видит его и ясно указывает его разумной части души, чтобы оно не укрылось в темноте и не пребывало вместе с его мыслями. Целомудрие рождается от вожделевательной части души. Без него не может сохраниться ничто доброе, хотя бы, может быть, и произошло. Ибо если не присутствует целомудрие, то причастность души стремится или вверх, или вниз, т. е. или к окаменению, или к невоздержности. Невоздержность же разумею не ту только, которая относится к чревоугодию и блуду, но воздержание всякой страсти и всякого помысла, не по Богу, произвольно помышляемого. Целомудрие укрощает все это; оно удерживает неразумные стремления души и тела и направляет их к Богу... (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 90—91).

***

...Целомудренным же называем не того, в ком невоздержные пожелания ослабели от старости, или от болезни, или от другого какого-либо случая. Ибо в таком человеке хотя грех еще и живет, но деятельности его препятствует немощь членов. А целомудрие есть истинная, с сознанием соединенная сила, глубоко отпечатлевшаяся в душе и уничтожающая оставшиеся следы срамных движений (свт. Василий Великий, 6, 51).

***

...Целомудренный из человекоугодия — не целомудрен; он не за добродетелию гонится, но уловляет славу добродетели (свт. Василий Великий, 6, 372).

***

Целомудрие в старости — уже не целомудрие, а невозможность предаваться невоздержанию (свт. Василий Великий, 8, 201).

***

...Надобно упражняться в воздержании, которое служит надежным стражем целомудрия, и вождю — уму не позволяет порываться туда и сюда (свт. Василий Великий, 9, 363).

***

Всякий, кто любит чистоту и целомудрие, делается храмом Божиим (прп. Ефрем Сирин, 30, 200).

***

Усердно молись Господу, чтобы даровал тебе дух совершенного целомудрия. Чтобы и в ночных мечтаниях убегать тебе козней лукавого... (прп. Ефрем Сирин, 31, 109).

***

Возлюби целомудрие до крайней степени, чтобы вселился в тебя Дух Божий (прп. Ефрем Сирин, 31, 128).

***

Если видишь человека, который растлевает свое целомудрие, а между тем притворно показывает себя добронравным, то берегись его, потому что в нем лесть. Что пользы в дереве, под которым скрывается змий? (прп. Ефрем Сирин, 32, 54).

***

...Целомудрие состоит не в том только, чтобы воздерживаться от блуда и от плотских удовольствий, но чтобы свободным быть и от прочих страстей (прп. Ефрем Сирин, 32, 389).

***

Истинно целомудрен, кто не целое только тело хранит от блуда, но и каждый член телесный; когда, например, глаз и язык соблюдает целомудрие, каждый в собственной его деятельности, и во внутреннем человеке душевные помышления не входят в сочетание с порочными мыслями (прп. Ефрем Сирин, 32, 399).

***

...Сохраняя телесное целомудрие, не любодействуй душевно. Не заставляй заключать, что ты невольно соблюдаешь целомудрие плотское; потому что не целомудрен в том, в чем имеешь возможность быть блудником (свт. Григорий Богослов, 14, 229—230).

***

Отсеки телесные страсти, отсеки и душевные; ибо чем душа честнее тела, тем честнее очищать душу, нежели тело. Если и очищение тела есть одно из похвальных дел, то смотри, сколь важнее и выше очищение души (свт. Григорий Богослов, 14, 232).

***

...Препоясанный целомудрием живет во свете чистой совести, потому что светильник дерзновения озаряет жизнь, в которой душа от явления истины пребывает неусыпною и

не поддающеюся обману, не приводимою в безумие ни одною из этих ничего незначащих грез (свт. Григорий Богослов, 14, 274).

***

...Друзья мои, и вы, родители, и вы, безбрачные юноши и девы, долго ли вам, уподобляясь презренной черепахе, или осьминогому раку, который ходит не прямо, или длинной змее, которая пресмыкается на чреве, долго ли вам влачить жизнь, обремененную ужасною тяготою плоти? Послушаем, наконец, Христовых советов, отринув красоту, славу, богатство, род, счастие и все обольстительные порождения гибельного греха, воздвигнемся отселе, взойдем в легкую жизнь, очистимся, будем единодушны с Небесными чистыми Силами, чтобы, вступив в сонм предстоящих Великому Богу, с веселием воспеть празднственную песнь Царю! Как изринутые из светлого рая, получили мы в удел супружество, и многотрудную землю, и все, что сопутствует погибшим, так через жизнь, не знающую житейских уз, взойдем опять в славу, к тому доброму райскому древу, которого лишились за безрассудство (свт. Григорий Богослов, 16, 77).

***

Молитвы, воздыхания, в слезах проводимые дни и без отдыха — ночи, и всецелая любовь к Царю — вот прекрасные врачевства целомудрия! При них никогда, превосходный мой, не поставишь ты в сердце своем кумира худшей любви, но будешь иметь непорочный ум, как храм Великого Бога и лучезарности Духа (свт. Григорий Богослов, 16, 80—81).

***

Общая всем матерь природа! Возвещу не свои, но твои чудеса, какие ты расточила на суше и в морях. Слышу, что

пернатая горлица, по смерти своего милого горлика, из целомудренной любви к разделявшему ее ложе, не принимает к себе в гнездо другого супруга. Мудрая птица! Но для человека сколько еще лучше чистая жизнь! Болтлива сероперая ворона, но и она живет верною юношеской любви и, когда потеряет милого супруга, ненавидит всякого мужа. И у морских рыб есть свой закон; немногие не знают никаких уставов касательно брака, многие же заботятся о целомудрии и брачного ложа, и своей супруги. И здесь имеют силу права. Иные не домогаются иметь более одного плода. Иные же (и таковых большая часть) предаются наслаждениям любви только в весеннее время. Сама природа положила меру вожделениям. А время нежной любви определено для всех живых тварей, и воздушных, и водяных, и тех, которые ходят по суше. Далее срока не питают они в себе вожделений; в самом безумии страсти связаны благовременностию, когда возбуждает их к тому весна. И одни сбегаются кучами для исполнения супружеских дел; у других же соблюдается постоянная привязанность к милым супругам и хранится закон любви; а некоторым достаточно один раз в жизни рождать детей, как свидетельствуют о сем те, которые описали рождения животных и все, что до них касается.

А если и у неразумных есть некоторая заботливость о целомудрии, то ужели ты, Божие создание, не свяжешь всех законов плоти, если захочешь? Человек так же уступчив разуму, как и медь огню. Если разум не царь плоти, тогда как образ Божий обóжил меня; то в чем преимущество наше, если и мы уступаем таким же движениям? Хотя природа неудержима в большем числе людей, однако же знаем и то, что заповедь часто превозмогает и общую природу. И у меня есть подобное тело; но меня связал воздвигший меня крест, к которому пригвоздил я тяжелую плоть. Ибо желаю со Христом умереть, чтобы с Ним и восстать, имея

все Христово: и ум, и тело, и гвозди, и воскресение (свт. Григорий Богослов, 16, 99—100).

***

У кого недостает целомудрия, тот развратен; а кто им избыточествует, тот *сожжен совестию*, как определяет Апостол (ср.: 1 Тим. 4, 2). Один неудержимо утопает в удовольствиях, другой и браком гнушается наравне с прелюбодейством; поведение же, усматриваемое в средине между сими, есть целомудрие... (свт. Григорий Нисский, 18, 366).

***

...Кто камнем целомудрия мечет в невоздержный помысл, в удовольствиях собирающий дрова в пищу огню, тот и помысл поборает сим метанием, и оружие всегда носит в руке (свт. Григорий Нисский, 19, 316—317).

***

Если же нужно приискать самое полное определение целомудрия, то, быть может, в точном смысле, целомудрием должно назвать благоустроенный порядок всех душевных движений, соединенный с мудростию и благоразумием. При таком настроении души не будет нужды в каком-либо труде и деятельности для достижения высочайших и небесных благ; при оном душа весьма легко достигнет того, что без того представляется неудободостижимым; самым удалением от противного она естественно достигает искомого блага, ибо кто не во тьме, тот, конечно, по необходимости находится во свете; и кто не умер, тот жив. Итак, кто не обратит свою душу к суете, тот непременно будет на

пути истины: потому что предусмотрительность и благоразумие в рассуждении того, чтобы не совратиться с истинного пути, служит вернейшим руководством к прямому пути. Как слуги, освободившиеся от рабства, когда, перестав служить господам, делаются сами себе господами, обращают все внимание на самих себя, так, я думаю, и душа, освободившись от служения телу, обращается к познанию свойственной и естественной ей деятельности. Свобода же, как мы знаем и от Апостола, состоит в том, чтобы не подвергаться игу рабства (см.: Гал. 5, 1) и, подобно беглому рабу или злодею, не быть окована узами брака. Но я опять обращаю слово к самому началу — к тому, что совершенство свободы состоит не в одном только удалении от брака (да не сочтет кто-нибудь обязанность девства столь малою и незначительною, чтобы поставлять исполнение такого дела в небольшом хранении чистоты плоти); но поелику *всяк творяй грех, раб есть греха* (Ин. 8, 34), то во всяком деле или занятии уклонение к злу подвергает человека рабству и кладет печать, причиняя ему ударами греха рубцы и клейма. Таким образом, кто предположил себе великую цель — девственную жизнь, тот во всем должен быть равен себе и проявлять чистоту во всей жизни. Если же нужно подтвердить сии слова и чем-либо из Божественных Писаний, то достаточно подтверждает сию истину сама Истина, которая в Евангелии (см.: Мф. 13, 47—49) приточно и иносказательно учит нас тому же. Рыболовное искусство отделяет полезных и съедобных рыб от негодных и вредных, чтобы какая-нибудь из сих последних, попав в сосуд, употребление и полезных не сделала вредным; и дело истинного целомудрия также состоит в том, чтобы из всех занятий избирая одно чистое и полезное, неприличного избегать во всем, как бесполезного, и предоставлять оное

обыкновенной и мирской жизни, которая иносказательно в притче названа морем... (свт. Григорий Нисский, 24, 367—369).

***

Дело целомудрия есть бесстрастно смотреть на вещи, обыкновенно возбуждающие в нас неразумные мечты и желания... (авва Евагрий, 89, 579—580).

***

Целомудренное сердце есть пристанище созерцаний (авва Евагрий, 89, 602).

***

...Если любишь целомудрие, воздерживай чрево, — не давая ему в сытость хлеба, и скудостию воды удручая его (авва Евагрий, 89, 634).

***

...Без трудов никогда нельзя сохранить целомудрие, но для этой победы нужно нам много страдания и усилий... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 255).

***

Подлинно, целомудрие еретиков хуже всякого распутства. Последнее причиняет обиду людям, а первое восстает против Бога и оскорбляет бесконечную премудрость; такие сети расставляет диавол своим служителям (свт. Иоанн Златоуст, 44, 299).

***

Хочешь быть целомудренным? Бегай не только блуда, но и нескромного взгляда (свт. Иоанн Златоуст, 45, 177).

***

...Дела целомудрия зависят не от возраста, но от душевного расположения... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 319).

***

От целомудрия рождается любовь, а от любви бесчисленное множество благ (свт. Иоанн Златоуст, 46, 211).

***

...Невозможно, чтобы человек целомудренный презирал свою жену и когда-нибудь пренебрег ею... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 211).

***

Дивно целомудрие; но оно гораздо удивительнее, когда соединяется с наружною красотою (свт. Иоанн Златоуст, 46, 235).

***

...Если мы изберем целомудрие, то не станем обращать внимания на то, что эта добродетель соединена с трудом, или что девство требует великого подвига, но помыслим об ожидающем нас наследии; рассуждая всегда об этом, будем обуздывать порывы злых пожеланий, побеждать влечения плоти и облегчать тяжесть трудов надеждою воздаяния (свт. Иоанн Златоуст, 47, 398).

***

...Если <кто> научится целомудрию, то жену свою будет считать милее всех, станет смотреть на нее с великою

любовью и иметь с нею большое согласие; а с миром и согласием войдут в тот дом все блага (свт. Иоанн Златоуст, 47, 789).

***

...Ничто так не украшает юного возраста, как венец целомудрия, и то, чтобы вступать в брак чистому от всякого распутства (свт. Иоанн Златоуст, 47, 789).

***

...Целомудрие есть небесное приобретение, удел ангелов, дар Божий... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 951).

***

То и достойно удивления, когда целомудрие блистает в юноше. Кто целомудрен в старости, тот заслуживает небольшую награду; его самый возраст делает уже целомудренным. Чудно то, чтобы среди волнения наслаждаться тишиною, в пещи не сгорать, в юности не предаваться распутству (свт. Иоанн Златоуст, 50, 516).

***

...Могу указать многих таких, которые по природе отвращаются от общения с женщинами и убегают, как чего-нибудь скверного, самой беседы с ними; но скажи мне, называть ли их за то целомудренными и будем ли мы их увенчивать и прославлять? Никак. Целомудрие есть воздержание и преодоление похотей борьбою (свт. Иоанн Златоуст, 51, 234).

***

...Целомудрие имеет помощника в благодати Духа... где целомудрие, там пребывает Господь Иисус Христос (свт. Иоанн Златоуст, 52, 900).

***

...Целомудренный по необходимости не есть еще целомудренный, потому что стал таким по необходимости (свт. Иоанн Златоуст, 54, 931).

***

Не стыдно ли, не крайне ли бессовестно говорить: если не дашь мне награды, то я и не буду целомудренным? Могу сказать на это вот что: хотя бы ты и сохранил целомудрие, ты никогда не будешь целомудренным, если делаешь это из-за награды; ты ведь нисколько не ценишь добродетели, если не любишь ее за нее саму (свт. Иоанн Златоуст, 55, 125).

***

...Целомудрие есть воздержание и победа над искушающими нас удовольствиями (свт. Иоанн Златоуст, 55, 508).

***

Чистота целомудрия, укрепив праотцев наших, сделала их непоколебимыми столпами вселенной, с одной стороны, возносящими молитвы на небо, с другой — на земле врачующими души людей. Блаженный Моисей, укрепив себя целомудрием, сделался столпом спасения для евреев в Египте и первенцев египетских погубил, а светоносных сынов еврейских сделал блаженными. ...Иисус Навин, имея цело-

мудрие своим неразлучным спутником, повелевал и небесным светилам: он ведь остановил течение солнца, удержал луну на месте и растянул длину дня (свт. Иоанн Златоуст, 55, 895).

***

Мудрейший Даниил, препоясавший себя целомудрием как обоюдоострым мечом, задушил хищных волков и агницу Хелкиеву сохранил невредимою, так что ни прекрасное руно ее целомудрия не было повреждено нечистым поцелуем, и грудь ее не осквернилась губительным мечом греха (свт. Иоанн Златоуст, 55, 895—896).

***

...Святейшие три отрока, неразлучные с целомудрием, будучи брошены в огненную печь, победили бушевавшее в ней пламя (свт. Иоанн Златоуст, 55, 896).

***

...Будем устраняться от уязвлений, причиняемых блудною красотою, закроем глаза на то, что возбуждает сладострастные желания; пусть преданы будут позору все беспорядочные удовольствия; пусть оберегает плоть целомудрие, пусть чистота живет в членах; будем настраивать себя на благородные мысли, будем блистать делами света, украсим себя чистою жизнию, чистым сохраним тело, храм обитания Духа; сделаем на нем надпись, содержащую страшную угрозу распутным: *аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог* (1 Кор. 3, 17) (свт. Иоанн Златоуст, 55, 989).

***

...Поелику для успеха во всех добродетелях и для преодоления всех пороков необходима благодать Божия, и от нее зависит победа, то для этой добродетели (чистоты) преимущественно нужна особенная помощь Божия и особенный дар, как это из учения отцов и из самого опыта очищения (от плотской скверны) ясно открывается тем, которые заслужили приобресть его. Ибо не чувствовать жала (похоти) плоти некоторым образом значило бы пребывающему в теле выйти из плоти, и облеченному бренною плотию стать выше природы. И потому невозможно человеку, так сказать, на своих крыльях взлететь к столь высокой небесной награде, если благодать Божия даром целомудрия не возведет его от грязи земной. Ибо плотяные люди никакою добродетелию так близко не уподобляются духовным ангелам в образе жизни, как заслугою и благодатию целомудрия, посредством коего, еще пребывая на земле, они имеют... жительство на небесах (см.: Флп. 3, 20), которое, по отложении плотского тления, по обетованию будут иметь в будущей жизни святые, которые уже и здесь в бренной плоти владеют им (прп. Иоанн Кассиан, 56, 76).

***

...Нельзя приобресть этой добродетели (целомудрия), если прежде не будут положены основания смирения в сердце... (прп. Иоанн Кассиан, 56, 82).

***

Сколь велика небесная награда целомудрию, тем большим оно подвергается наветам врагов. И потому мы должны ревностнее подвизаться не только в воздержании тела,

но и в сокрушении сердца с частыми молитвенными воздыханиями, чтобы печь плоти нашей, которую вавилонский царь постоянно разжигает возбуждением плотской похоти, угасить росою Святаго Духа, нисходящею в наши сердца (прп. Иоанн Кассиан, 56, 82).

***

...Тот, кем обладает дух гордости, или кто похулит Бога, как причиняющий обиду Тому, от Кого надобно ожидать дара чистоты, лишается непорочности и не заслуживает святости целомудрия (прп. Иоанн Кассиан, 56, 155).

***

...Для совершенства целомудрия не может быть достаточно одной чистоты телесного воздержания, если не будет к ней присоединена и непорочность духа (прп. авва Херемон, 56, 383).

***

...Мы должны знать, что хотя бы мы соблюдали всю строгость воздержания, именно: голод, жажду, бдение, постоянный труд, и с неослабным усердием занимались чтением, однако же посредством этих подвигов мы не можем приобресть постоянную чистоту целомудрия, если, постоянно упражняясь в них, по руководству опыта не дознаем, что чистота подается по милости благодати Божией. Всякий пусть знает, что он должен неутомимо упражняться в этих подвигах только для того, чтобы ради скорби их, приклонив милосердие Божие, удостоиться, по Божественному дару, освободиться от брани плоти и господства преобладающих страстей, а пусть не надеется, что будто он сам

собою посредством их (т. е. поста, бдения, чтения и пр.) получит ненарушимую чистоту тела, которой желает. А для приобретения целомудрия должен воспламеняться таким желанием и любовию, с каким жадный корыстолюбец желает денег, честолюбец — высших почестей, или увлекаемый нестерпимою любовию к красивой женщине с невыносимым жаром хочет исполнить свое желание. От того бывает, что когда мы воспламеняемся ненасытным желанием всегдашней непорочности, то пренебрегается и вожделенная пища, необходимое питие бывает противно, наконец самый сон, требуемый природою, отгоняется или, по крайней мере, как коварный обольститель целомудрия и как ревнивый противник чистоты, допускается боязливым и подозрительным умом; и таким образом, всякий поутру, испытав свою непорочность, радуется о сохранившейся у него чистоте и сознает, что он приобрел ее не своим старанием и бдением, а покровительством Божиим, и понимает, что она столько будет пребывать в его теле, сколько Господь даст по Своему милосердию. Кто постоянно имеет такую уверенность, тот, не думая о себе высоко, не полагается на свою добродетель, не обольщаясь долгим отсутствием нечистого истечения, не предается обманчивой обеспеченности, зная, что он тотчас будет осквернен истечением нечистой влаги, если хоть немного отступит от него покровительство Божие. Потому для продолжения покровительства он со всем сокрушением и смирением сердца неослабно прилежит молитве... (прп. авва Херемон, 56, 385—386).

***

Целомудрие сохраняется не пособием строгости (воздержания)... а любовию к нему и удовольствием от собственной чистоты (прп. авва Херемон, 56, 393).

***

...Тем, которые по благодати Божией приобрели искреннее расположение к целомудрию, прекращение строгости (бдительности) во время сна не вредит, между тем она одна (строгость) ненадежна и для бодрствующих (которые не избавляются от возбуждения похоти); это верно. Ибо что с трудом подавляется, то сражающемуся доставляет только временное перемирие, а не постоянный покой обеспечения после труда; а что побеждено крепкою силою, уложено без всякого подозрения беспокойства, то победителю доставляет постоянную твердость мира. Посему, пока чувствуем, что нас беспокоит похоть плоти, должны знать, что мы еще не достигли до совершенства целомудрия, но еще находясь в слабом состоянии воздержания, подвергаемся брани, в которой исход всегда бывает сомнительный (прп. авва Херемон, 56, 394).

***

Совершенство целомудрия от многотрудных начал воздержания отличается постоянным спокойствием. Ибо совершенство истинного целомудрия составляет то, что оно не только подавляет возбуждение плотской похоти, но и со всем ужасом отвращается, постоянно сохраняет ненарушимую свою чистоту и не может быть ничем иным, как святостию. А это будет тогда, когда плоть, уже перестав вожделевать против духа, будет согласоваться с его желаниями и добродетелию, начнут соединяться между собою твердым миром... (прп. авва Херемон, 56, 394).

***

Кто видел превосходную и высшую всякой красоты лепоту целомудрия и не пленился любовию, тот, по суду

моему, да будет вписан в число нелюбителей красот (прп. Исидор Пелусиот, 60, 286).

***

Святым почитаю делом веровать Божественным глаголам, рачительно им следовать и невинного даже желания отличиться не предпочитать несомненности Владычнего слова. Если же кто будет твердо стоять за такое свое целомудрие, что, и часто смотря на женщин, не терпит он вреда, то пусть дознает немощь естества человеческого и несомненность Божественных глаголов. Посему, чтобы не показаться скучным, оставляю в стороне уловленных сим зрением, потому что и Священные Писания, и плачевные события у язычников, и совершающееся ежедневно — все исполнено сих примеров. Попытаюсь же представить на среду тех, которые употребляли некоторую предосторожность, и препобедили страсть, потому что без труда невозможно преуспеть в целомудрии. Да и если укажу на тех, которые и вне веры, при некоторой предусмотрительности и осторожности, преуспевали в этом самом, и не ввергали себя в огонь, то, может быть, отринут их, как не сделавших ничего великого. Но если призову в свидетели и богомудрого Павла, который говорит: *умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключимь буду* (1 Кор. 9, 27), то преградится им всякая возможность к оправданию; тогда устыдятся, может быть, и озаботятся подумать о собственной своей безопасности. И хотя надлежало бы удовольствоваться апостольским свидетельством, однако же, поелику и преспеяние внешних поощряет к целомудрию, и их не оставлю без упоминания. Так читал я и знаю, что один царь, увидев ефесскую жрицу, показавшуюся ему чрезмерно прекрасною, немедленно удалился из Ефеса, боясь, чтобы против воли не быть

вынужденным сделать что-либо нечестивое. И перс Кир не осмелился видеть Панфию, о которой свидетельствовали, что имеет дивную и невыразимую красоту. Посему, если и самые дела и внешние писатели свидетельствуют о спасительном слове, что оно право и несомненно, потому что частое воззрение служит путем, ведущим к делу, а если и не переходит в дело, то оскверняет помысл, и плененного делает прелюбодеем, кто будет столько смел, чтобы, часто услаждаясь чужими красотами, сказать ему о себе: вовсе не терплю от сего вреда? А если это трудно, то всего более надлежит избегать частых бесед с женщинами и, если оные необходимы, на очи себе налагать узду (прп. Исидор Пелусиот, 60, 325—327).

***

Как целомудренная женщина, нося на лице знамения непорочности, умаляет надежды смотрящих на нее похотливо, так и целомудренная душа, нося на чувствах признаки добродетелей, пресекает чаяния намеревающихся растлить ее красоту. Ибо кто осмелится приступить, видя такое око, в котором срастворены кротость и благородство? Кто не почтет недоступною для себя и беседу с таким языком, который стал храмом степенности? Кто, примечая, что и другие чувства соделались орудиями добродетели, не убоится подать худой совет? (прп. Исидор Пелусиот, 61, 306).

***

Кто спасает корабль в самую сильную бурю и укрощает разъяренное естество, тот достоин тьмочисленных похвал, ублажений и венцов, потому что целомудрие в старости — не признак воздержания, но бессилия к распутству. Почему, прославляя первое, пророк Иеремия сказал: блажен, кто взял тяжелый *ярем в юности своей* (Плач 3, 27).

Второго же никто не удостоил ублажения, но все оставили невознагражденным. Поэтому не жди старости, чтобы во время оной уцеломудриться. Кроме того, что неизвестно, достигнешь ли ее, и самое дело не стоит соревнования (прп. Исидор Пелусиот, 62, 200).

***

...Целомудренным по праву называется не тот, кто по нужде целомудрен, но кто, имея возможность наслаждаться удовольствиями, любит произвольное целомудрие. Одни потому самому, что не могут сделать, что было бы для них желательно, имеют часто на себе вид скромности, но, получив возможность, изобличаются. Люди же доблестные тогда особенно и оказывают терпеливость и держатся правды, когда данное человеку полномочие порождает неправду (прп. Исидор Пелусиот, 62, 377).

***

...Когда воспоминание о женщине станет бесстрастно, тогда заключай, что вступил ты в пределы целомудрия. Когда же представляемый тобою образ ее за душу тебя берет, тогда знай, что ты еще чужд этой добродетели. Но и в первом случае не останавливайся на таких помыслах и долго не беседуй мысленно с женским образом, потому что страсть сия любит возвращаться назад, — и опасность от нее близка (прп. Нил Синайский, 90, 252).

***

Целомудрен не тот, кто в труде, во время борьбы и подвига, говорит о себе, что прекращаются тогда в нем срамные помыслы, но кто истинностию сердца своего уце-

ломудривает созерцание ума своего, так что не внимает он бесстыдно непотребным помыслам... (прп. Исаак Сирин, 58, 11).

***

Возлюби целомудрие, чтобы не постыдиться во время молитвы своей перед Богом (прп. Исаак Сирин, 58, 279).

***

Если любишь целомудрие, отгоняй срамные помыслы упражнением в чтении и продолжительною молитвою... (прп. Исаак Сирин, 58, 306).

***

Целомудрие и беседа с женщиною — то же, что львица с овцою в одном доме (прп. Исаак Сирин, 58, 411).

***

Драгоценно перед Богом тело целомудренное паче чистой жертвы (прп. Исаак Сирин, 58, 412).

***

Чист тот, кто (плотскую) любовь отражает любовию (божественною) и телесный огонь угасил огнем невещественным (прп. Иоанн Лествичник, 57, 113).

***

Целомудрие есть всеобъемлющее название всех добродетелей (прп. Иоанн Лествичник, 57, 113).

***

Целомудрие есть чистота души и тела (прп. Иоанн Лествичник, 57, 113).

***

Целомудр тот, кто и в самом сне не ощущает никакого движения или изменения в том устроении, в котором он пребывает (прп. Иоанн Лествичник, 57, 113).

***

Целомудр, кто навсегда стяжал совершенную нечувствительность к различию тел (прп. Иоанн Лествичник, 57, 113).

***

Предел и крайняя степень совершенной и всеблаженной чистоты состоит в том, чтобы в одинаковом устроении пребывать при виде существ одушевленных и бездушных, словесных и бессловесных (прп. Иоанн Лествичник, 57, 113).

***

Никто из обучившихся хранению чистоты да не вменяет себе приобретение ее; ибо невозможное дело, чтобы кто-нибудь победил свою природу; и где природа побеждена, там познается пришествие Того, Кто выше естества; ибо, без всякого прекословия, меньшее упраздняется большим (прп. Иоанн Лествичник, 57, 113).

***

Начало чистоты бывает, когда помысл не слагается с блудными прилогами, и без мечтаний случается по вре-

менам во сне истечение; а средина чистоты, когда от довольства пищи бывают естественные движения, но без мечтаний; конец же чистоты — умерщвление тела (т. е. телесных движений), предваряемое умерщвлением нечистых помыслов (прп. Иоанн Лествичник, 57, 113).

***

Поистине блажен тот, кто стяжал совершенную нечувствительность ко всякому телу и виду и красоте... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 113).

***

Не тот чист, кто сохранил нерастленным сие бренное тело, но тот, кто члены его совершенно покорил душе (прп. Иоанн Лествичник, 57, 113).

***

Велик, кто пребывает бесстрастным при осязании; бóльший, кто не уязвляется видением, и помышлением о красотах небесных угашает огонь, который возгорается при виде земных красот. Отгоняющий сладострастного пса молитвою подобен борющемуся со львом; а кто противоречием низлагает его, подобен уже прогоняющему врага своего; тот же, который и прилог вовсе уничтожает, хотя и пребывает в теле, но уже воскрес из гроба. Если признак истинной чистоты состоит в том, чтобы и в сонных мечтаниях пребывать без движения, то, конечно, предел блуда означает то, чтобы и наяву от одних помыслов терпеть истечения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 113—114).

***

Кто телесными трудами и потами ведет брань с сим соперником, тот подобен связавшему врага своего слабым вервием; кто воюет против него воздержанием и бдением, тот подобен обложившему врага своего железными оковами; а кто вооружается смиренномудрием, безгневием и жаждою, тот подобен убившему своего супостата и скрывшему его в песке. Под именем песка разумей смирение, потому что оно не произращает пажити для страстей, но есть земля и пепел (прп. Иоанн Лествичник, 57, 114).

***

Иной связал сего мучителя подвигами: иной — смирением, а иной — откровением Божиим. Первый подобен утренней звезде, второй — полной луне, а третий — светлому солнцу; но все имеют жительство на небесах. И как от зари свет, а по свете воссиявает солнце, так и о сказанном можно разуметь и видеть это на самом деле (прп. Иоанн Лествичник, 57, 114).

***

Лисица притворяется спящею, а бес целомудренным; та хочет обмануть птицу, а сей — погубить душу (прп. Иоанн Лествичник, 57, 114).

***

Не верь во всю жизнь твою сему бренному телу и не надейся на него, пока не предстанешь Христу (прп. Иоанн Лествичник, 57, 114).

***

Не думай, что ты по причине воздержания пасть не можешь; ибо некто, и ничего не вкушавший, был свержен с неба (прп. Иоанн Лествичник, 57, 114).

***

Некоторые из имеющих дар рассуждения хорошо определили отвержение самого себя, сказав, что оно есть вражда на тело и брань против чрева (прп. Иоанн Лествичник, 57, 115).

***

С новоначальными телесные падения случаются обыкновенно от наслаждения снедями; со средними они бывают от высокоумия, и от той же причины, как и с новоначальными; но с приближающимися к совершенству они случаются только от осуждения ближних (прп. Иоанн Лествичник, 57, 115).

***

Некоторые ублажают скопцов по естеству, как избавленных от мучительства плоти; а я ублажаю повседневных скопцов, которые разумом, как ножом, обучились оскоплять себя (прп. Иоанн Лествичник, 57, 115).

***

...Видал я невольно падших; и видал произвольно желающих падать, но не могущих; и я счел сих последних окаяннейшими падающих на всякий день, потому что, не имея возможности согрешить, желают злосмрадия греховного (прп. Иоанн Лествичник, 57, 115).

***

...Окаянен падающий; но тот окаяннее, кто и сам падает, и другого увлекает к падению, потому что он понесет тяжесть двух падений... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 115).

***

Не думай низложить беса блуда возражениями и доказательствами, ибо он имеет многие убедительные оправдания, как воюющий против нас с помощию нашего естества (прп. Иоанн Лествичник, 57, 115).

***

Кто хочет бороться со своею плотию и победить ее своими силами, тот тщетно подвизается; ибо если Господь не разорит дома плотской похоти и не созиждет дома душевного, то всуе бдит и постится думающий разорить (прп. Иоанн Лествичник, 57, 115).

***

Представь Господу немощь своего естества, сознавая во всем свое бессилие, и неощутительным образом получишь дарование целомудрия (прп. Иоанн Лествичник, 57, 115).

***

В сладострастных людях бывает (как некто из них, испытавший это, признавался мне по истрезвлении своем) чувство черезвычайного некоего влечения и любви к телам, и столь бесстыдный и бесчеловечный дух, в самом чувстве сердца явственно гнездящийся, что боримый сим

духом во время брани ощущает телесное разжжение подобное огню от распаленной печи; он не боится Бога, вменяет ни во что воспоминание о муке, молитвы гнушается, почти как бы совершает грех на самом деле и смотрит на мертвые тела, как на бездушные камни. Страждущий сие делается как бы безумным и исступленным, будучи упоен всегдашним страстным желанием словесных и бессловесных существ, так что если бы не прекращались дни сей мучительной брани, то не могла бы спастись никакая душа, одеянная в сие брение, растворенное кровию и мокротами. Да и может ли быть иначе? Ибо все существующее по природе своей ненасытно желает сродного себе: кровь — крови, червь — червя и брение — брения; а потому и плоть сия желает плоти, хотя понудители естества и желатели Царства Небесного и покушаются прельщать сию прелестницу различными ухищрениями. Блаженны не испытавшие вышеописанной брани. Итак, будем молиться, да избавит Он нас навсегда от такого искушения. Поползнувшиеся и падшие в сей ров далече отстоят от восходящих и нисходящих по оной лествице Ангелов; и к такому восхождению, после падения, потребны для них многие поты со строжайшим пощением... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 115—116).

***

Рассмотрим, не каждый ли из мысленных наших врагов, при ополчении их на нас, назначается исполнять свойственное ему поручение, как это бывает и в чувственном сражении; и это достойно удивления. Я наблюдал за искушаемыми и видел падения одни других лютейшие: *имеяй уши слышати да слышит* (Мф. 11, 15)! (прп. Иоанн Лествичник, 57, 116).

***

Часто диавол все усилие, старание, ухищрение, коварство и все свои козни устремляет к тому, чтобы проходящие монашеское житие и подвизающиеся на сем поприще, исполненном искушений, были боримы противоестественными страстьми. Посему часто, находясь в одном месте с женским полом, и не будучи боримы плотскою похотию или помыслами, некоторые ублажают себя; а того не разумеют несчастные, что где большая пагуба, там в меньшей нет нужды (прп. Иоанн Лествичник, 57, 116—117).

***

...Думаю, что всеокаянные убийцы по двум причинам обыкновенно низвергают нас, бедных, в противоестественные падения, потому что мы везде имеем удобность для таких согрешений и потому что они подвергают нас большей муке. Узнал сказанное тот, кто прежде повелевал дикими ослами, а потом сам был поруган и порабощен адскими ослами; и питавшийся некогда хлебом небесным после лишился сего блага; всего же удивительнее то, что и после его покаяния, наставник наш Антоний, с горькою скорбию, сказал: «Великий столп пал!» Но образ падения скрыл премудрый муж, ибо знал, что бывает телесный блуд и без участия иного тела. Есть в нас некая смерть и погибель падения, которую мы всегда с собою и в себе носим, а наиболее — в юности. Но погибель сию я не дерзнул предать писанию, потому что руку мою удержал сказавший: *бываемая отай* от некоторых *срамно есть и глаголати* (ср.: Еф. 5, 12), и писати, и слышати (прп. Иоанн Лествичник, 57, 117).

***

Сию мою, а можно сказать и не мою враждебную, но и любимую плоть <апостол> Павел назвал смертию. *Кто мя избавит,* говорит он, *от тела смерти сея* (Рим. 7, 24)? А Григорий Богослов называет ее страстною, рабскою и ночною. Я хотел бы знать, почему сии святые мужи дают ей такие названия? Если плоть, как выше сказано, есть смерть, то победивший ее, конечно, никогда не умрет. Но *кто есть человек, иже поживет и не узрит смерти* (Пс. 88, 49) — осквернения плоти своей?.. (прп. Иоанн Лествичник, 57, 117).

***

Бесчеловечный наш враг и наставник блуда внушает, что Бог человеколюбив и что Он скорое прощение подает сей страсти, как естественной. Но если станем наблюдать за коварством бесов, то найдем, что, по совершении греха, они представляют нам Бога праведным и неумолимым Судиею. Первое они говорят, чтобы вовлечь нас в грех, а второе — чтобы погрузить нас в отчаяние (прп. Иоанн Лествичник, 57, 118).

***

Господь, как нетленный и бестелесный, радуется о чистоте и нетлении нашего тела; бесы же, по утверждению некоторых, ни о чем другом столько не веселятся, как о злосмрадии блуда, и никакой страсти не любят так, как оскверняющую тело (прп. Иоанн Лествичник, 57, 118).

***

Чистота нас усвояет Богу и, сколько возможно, делает Ему подобными (прп. Иоанн Лествичник, 57, 118).

***

Земля с росою есть матерь сладости плодов, а матерь чистоты есть безмолвие с послушанием. Приобретенное в безмолвии бесстрастие тела, при частом сближении с миром, не пребывает непоколебимо: от послушания же происходящее — везде искусно и незыблемо (прп. Иоанн Лествичник, 57, 118).

***

Видел я, что гордость бывает причиною смиренномудрия, и вспомнил сказавшего: *кто уразуме ум Господень* (ср.: Рим. 11, 34)? Ров и плод надмения есть падение в грех; грехопадение же для желающих спастись часто бывает поводом к смиренномудрию (прп. Иоанн Лествичник, 57, 118).

***

Кто хочет с объедением и насыщением победить беса блуда, тот подобен угашающему пожар маслом... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 118).

***

...Кто одним воздержанием покушается утолить сию <блудную> брань, тот подобен человеку, который думает выплыть из пучины, плавая одною рукою. Совокупи с воздержанием смирение, ибо первое без последнего не приносит пользы (прп. Иоанн Лествичник, 57, 119).

***

Если *всяк грех, егоже аще сотворит человек, кроме тела есть: а блудяй во свое тело согрешает* (1 Кор. 6, 18), то это, без сомнения, потому, что истечением оск-

верняется самое существо нашей плоти; а в другом грехе невозможно этому быть. Спрашиваю здесь: почему о согрешающих всяким другим грехом мы обыкновенно говорим только: «Он согрешил», — а когда слышим, что кто-нибудь сделал блуд, то с прискорбием говорим: «Такой-то пал»? (прп. Иоанн Лествичник, 57, 119).

***

Рыба спешит убежать от удочки; а душа сластолюбивая отвращается безмолвия (прп. Иоанн Лествичник, 57, 119).

***

Когда диавол хочет связать два лица союзом постыдной любви, тогда испытывает ту и другую сторону: и потом уже начинает возжигать огонь страсти (прп. Иоанн Лествичник, 57, 119).

***

Склонные к сладострастию часто бывают сострадательны и милостивы, скоры на слезы и ласковы, но пекущиеся о чистоте не бывают таковы (прп. Иоанн Лествичник, 57, 119).

***

Один мудрый муж предложил мне страшный вопрос. «Какой грех, — сказал он, — после человекоубийства и отречения от Христа есть тягчаший из всех?» И когда я отвечал: «Впасть в ересь», — тогда он возразил: «Как же Соборная Церковь принимает еретиков и удостоивает их причащения Святых Таин, когда они искренно анафемствуют свою ересь; а соблудившего, хотя он и исповедал сей грех, и перестал делать его, принимая, отлучает на це-

лые годы от Пречистых Таин, как повелевают апостольские правила?» Я поражен был недоумением; а недоумение это осталось недоумением и без разрешения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 120).

***

Будем испытывать, исследовать и наблюдать: какая сладость происходит в нас, при псалмопении, от беса блуда и какая от словес Духа, и заключающейся в них благодати и силы (прп. Иоанн Лествичник, 57, 120).

***

Не забывайся, юноша! Я видел, что некоторые от души молились о своих возлюбленных, будучи движимы духом блуда, и думали, что они исполняют долг памяти и закон любви (прп. Иоанн Лествичник, 57, 120).

***

Можно осквернить тело и одним осязанием, ибо нет ничего столь опасного, как сие чувство. Помни того, который обвил руку свою краем одежды (когда нес престарелую свою мать), и удерживай чувство руки своей и не прикасайся к сокровенным и прочим членам ни своего, ни чужого тела (прп. Иоанн Лествичник, 57, 120).

***

Думаю, что человек не может быть назван совершенно святым, если прежде не освятит сего брения (т. е. тела) и некоторым образом не преобразит его, если только возможно такое преображение во временной жизни (прп. Иоанн Лествичник, 57, 120).

***

Возлегши на постель, мы наиболее должны бодрствовать и трезвиться, потому что тогда ум наш один без тела борется с бесами; и если он бывает сластолюбив или исполнен сладострастных мечтаний, то охотно делается предателем (прп. Иоанн Лествичник, 57, 120).

***

Некоторые утверждают, что брань сия <блудная> во время сна и истечения происходит единственно от пищи; но я видал, что одни, находясь в тяжкой болезни, а другие, держа самый строгий пост, часто были оскверняемы истечениями. Однажды я спросил об этом предмете одного из искуснейших и рассудительных иноков; и сей блаженный дал мне весьма ясное наставление. «Бывают, — говорил приснопамятный, — истечения во сне от изобилия пищи и от излишнего покоя; а иногда от гордости, когда мы, долго пребывая свободными от истечений, этим возносимся; иногда же и от того, что осуждаем ближнего. Но от последних двух причин истечения могут случаться и с больными, а может быть и от всех трех. Если же кто чувствует, что он чист от всех сих показанных ныне причин, то блажен сей человек ради такого бесстрастия; он от одной зависти бесовской претерпевает случающееся временем, когда Бог сие на него попускает для того, чтобы безгрешным злоключением приобретал высочайшее смирение» (прп. Иоанн Лествичник, 57, 121).

***

Никто в продолжении дня не представляй себе в уме случающихся во сне мечтаний; ибо и то есть в намерении бесов, чтобы сновидениями осквернять нас бодрствующих (прп. Иоанн Лествичник, 57, 121).

***

...Услышим и о другом коварстве наших врагов. Как снеди, вредные для тела, по некотором времени или день спустя, производят в нас болезнь, так весьма часто действуют и причины, оскверняющие душу. Видел я наслаждающихся и не вдруг боримых; видел, что некоторые едят и пребывают с женщинами и в то время не имеют никакого худого помышления; но когда они обольстились самонадеянностию и возмечтали, что имеют мир и утверждение, то внезапно подверглись погибели в своей келье. А какая это погибель, телесная и душевная, которой человек может подвергаться один, знает тот, кто находился в сем искушении, а кто не был искушен, тому и знать не надобно (прп. Иоанн Лествичник, 57, 121—122).

***

В это время великою мощью служат нам: худая одежда, пепел, стояние всенощное, голод, жажда, палящая язык и немногими каплями прохлаждаемая, пребывание при гробах, а прежде всего смирение сердца и, если можно, отец духовный или усердный брат, скорый на помощь и старый разумом: ибо я почитаю за чудо, чтобы кто-нибудь мог один сам собою спасти корабль свой от сей пучины (прп. Иоанн Лествичник, 57, 122).

***

Часто один и тот же грех, будучи сделан одним человеком, заслуживает сторично большее наказание, нежели когда он сделан другим, судя по нраву согрешившего, по месту, где грех случился, духовному возрасту, в котором был согрешивший, и по многим другим причинам (прп. Иоанн Лествичник, 57, 122).

***

Поведал мне некто об удивительной и высочайшей степени чистоты. Некто, увидев необыкновенную женскую красоту, весьма прославил о ней Творца и от одного этого видения возгорел любовию к Богу и пролил источник слез. Поистине удивительное зрелище!.. Что иному могло быть рвом погибели, то ему сверхъестественно послужило к получению венца славы. Если такой человек в подобных случаях всегда имеет такое же чувство и делание, то он воскрес, нетленен прежде общего воскресения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 122).

***

Боголюбивые души, когда слышат пение мирских или духовных песен, исполняются чистейшего утешения, любви Божественной и слез; между тем как в сластолюбивых возбуждаются совсем противные чувства (прп. Иоанн Лествичник, 57, 122).

***

Все вы, желающие обучиться чистоте, услышьте еще об одной хитрости и коварстве обольстителя душ, и будьте осторожны. Некто собственным опытом изведал сей обман его и сказывал мне, что бес плотского сладострастия весьма часто вовсе скрывает себя, наводит на инока крайнее благоговение, и производит в нем источники слез, когда он сидит или беседует с женщинами, и подстрекает его учить их памятованию о смерти, о последнем Суде и хранению целомудрия, чтобы сии окаянные, прельстившись его словами и притворным благоговением, прибегнули к этому волку, как к пастырю; но окаяннейший оный, от близкого знакомства получив дерзновение, наконец подвергается падению (прп. Иоанн Лествичник, 57, 123).

***

Некоторые говорят, что по вкушении плотского греха невозможно называться чистым; а я, опровергая их мнение, говорю, что хотящему возможно и удобно привить дикую маслину к доброй. И если бы ключи Царства Небесного были вверены девственнику по телу, то мнение оное, может быть, имело бы основательность. Но да постыдит умствующих таким образом тот, кто имел тещу, а был чист и носил ключи Царствия (прп. Иоанн Лествичник, 57, 124).

***

Змий сладострастия многообразен; не вкусившим сласти греха он внушает, чтобы только однажды вкусили ее и перестали; а вкусивших коварный побуждает воспоминанием опять к совершению греха. Многие из первых, поелику не знают зла сего, бывают свободны и от борьбы; а из последних многие, как познавшие опытом сию мерзость, терпят стужение и брани. Впрочем, часто случается и совсем противное этому... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 124).

***

Иногда восстаем мы от сна чисты и мирны, и это бывает тайным благодеянием, которое мы получаем от святых Ангелов, особенно когда мы уснули со многою молитвою и трезвением; иногда же встаем нечистыми и смущенными; причиною же сего бывают худые сновидения (прп. Иоанн Лествичник, 57, 124).

***

Кто победил тело, тот естество победил; победивший же естество, без сомнения, стал выше естества; а такой

человек *малым чим* или, если можно так сказать, ничем не *умален от Ангел* (ср.: Пс. 8, 6) (прп. Иоанн Лествичник, 57, 124).

***

Благий Господь и в том являет великое о нас промышление, что бесстыдство женского пола удерживает стыдом, как бы некою уздою; ибо если бы женщины сами прибегали к мужчинам, то не спаслась бы никакая плоть (прп. Иоанн Лествичник, 57, 125).

***

Когда после долгого подвига против беса блуда, единомышленника нашей бренной плоти, мы изгоним его из сердца нашего, изранивши его камнем поста и мечом смирения, тогда сей окаянный, как червь некий, пресмыкаясь внутри нашего тела, будет стараться осквернить нас, подстрекая на безвременные и непристойные движения.

Сему же наиболее подвержены те, которые покоряются бесу тщеславия; ибо они, видя, что уже нечасто возмущаются в сердце своем блудными помыслами, преклоняются к тщеславию; а что это справедливо, в том сами они могут увериться, когда, удалившись на время в безмолвие, будут внимательно испытывать самих себя. Они непременно найдут, что в глубине их сердца скрывается некий тайный помысл, как змей в гноище, который в некоторой степени чистоту внушает им приписывать собственному тщанию и усердию, не давая сим окаянным подумать о словах Апостола: *что имаши, егоже неси приял* (ср.: 1 Кор. 4, 7) туне, или непосредственно от Бога, или помощию других и посредством их молитвы. Итак, да внимают они себе, и да стараются о том, чтобы умертвить вышепоказанного змея многим смиренномудрием, и извергнуть его из сердца, да-

бы, избавившись от него, возмогли и они некогда совлечься *кожаных риз* (ср.: Быт. 3, 21) (сладострастия) и воспеть Господу победную песнь чистоты, как некогда оные евангельские целомудренные дети. И, без сомнения, воспоют, аще *совлекшеся не нази обрящутся* незлобия и смирения, свойственного младенцам (ср.: 2 Кор. 5, 3)... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 127).

***

Все бесы покушаются сначала помрачить наш ум, а потом уже внушают то, что хотят; ибо если ум не смежит очей своих, то сокровище наше не будет похищено; но блудный бес гораздо больше всех употребляет это средство. Часто помрачив ум, сего владыку, он побуждает и заставляет нас и перед людьми делать то, что одни только сумасшедшие делают. Когда же, спустя несколько времени, ум истрезвится, тогда мы стыдимся не только видевших наши бесчинные действия, но и самих себя, за непристойные наши поступки, разговоры и движения и ужасаемся о прежнем нашем ослеплении; почему некоторые, рассуждая о сем, нередко отставали от этого зла (прп. Иоанн Лествичник, 57, 129).

***

Кто победил свое тело? Тот, кто сокрушил свое сердце. А кто сокрушил свое сердце? Тот, кто отвергся себя самого; ибо как не быть сокрушенным тому, кто умер своей воле? (прп. Иоанн Лествичник, 57, 129).

***

Между страстными бывает один страстнее другого; и некоторые самые скверны свои исповедают со сладост-

растием и услаждением. Нечистые и постыдные помышления обыкновенно рождаются в сердце от беса блуда, сего сердцеобольстителя; но их исцеляет воздержание и вменение их ни во что (прп. Иоанн Лествичник, 57, 129).

***

Каким образом и способом связать мне плоть свою, сего друга моего, и судить ее по примеру прочих страстей? Не знаю. Прежде, нежели успею связать ее, она уже разрешается; прежде, нежели стану судить ее, примиряюсь с нею; и прежде, нежели начну мучить, преклоняюсь к ней жалостию. Как мне возненавидеть ту, которую я по естеству привык любить? Как освобождусь от той, с которой я связан навеки? Как умертвить ту, которая должна воскреснуть со мною? Как сделать нетленною ту, которая получила тленное естество? Какие благословные доказательства представлю той, которая может противоположить мне столько естественных возражений? Если свяжу ее постом, то, осудив ближнего, снова предаюсь ей; если, перестав осуждать других, побеждаю ее, то, вознесшись сердцем, опять бываю ею низлагаем. Она и друг мой, она и враг мой, она помощница моя, она же и соперница моя; моя заступница и предательница. Когда я угождаю ей, она вооружается против меня. Изнуряю ли ее, изнемогает. Упокоиваю ли ее, бесчинствует. Обременяю ли, не терпит. Если я опечалю ее, то сам крайне буду бедствовать. Если поражу ее, то не с кем будет приобретать добродетели. И отвращаюсь от нее, и объемлю ее. Какое это во мне таинство? Каким образом составилось во мне это соединение противоположностей? Как я сам себе и враг, и друг? Скажи мне, супруга моя — естество мое; ибо я не хочу никого другого, кроме тебя, спрашивать о том, что тебя касается; скажи мне, как могу я пребывать неузвляем тобою? Как могу избежать естествен-

ной беды, когда я обещался Христу вести с тобою всегдашнюю брань? Как могу я победить твое мучительство, когда я добровольно решился быть твоим понудителем? Она же, отвечая душе своей, говорит: «Не скажу тебе того, чего и ты не знаешь; но скажу то, о чем мы оба разумеем. Я имею в себе отца своего — самолюбие. Внешние разжжения происходят от угождения мне и от чрезмерного во всем покоя; а внутренние от прежде бывшего покоя и от сладострастных дел. Зачавши, я рождаю падения; они же, родившись, сами рождают смерть отчаянием. Если явственно познаешь глубокую мою и твою немощь, то тем свяжешь мои руки. Если гортань умучишь воздержанием, то свяжешь мои ноги, чтобы они не шли вперед. Если соединишься с послушанием, то освободишься от меня; а если приобретешь смирение, то отсечешь мне голову... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 129—131).

***

Споспешник и начало целомудрия есть безмолвие... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 210).

***

Тщащийся о целомудрии и вожделевающий блаженной чистоты, которую, не погрешил бы кто, назвав бесстрастием, да бьет нещадно и порабощает плоть, со смиренномудрым помыслом Божественную призывая благодать, — и получит желаемое. Откармливающий же тело, без воздержания в ястии и питии, измучен будет духом блуда. Ибо когда вода в большом количестве угашает пламень, так алчба и жажда, или вообще всякое воздержание со смирением душевным, уничтожают разжжение плоти и срамные мечтания (свт. Феодор Едесский, 91, 324—325).

***

Если успеем стяжать целомудрие, то избежим злого дня бессловесного похотения, которое воистину есть самый злой враг действенности Святаго Духа, избежим осквернения души, причиняемого такого рода страстными движениями, избежим осуждения совести, нечистоты сердца, презрения и осуждения человеческого, и самого отвержения и гнева Божия (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 292).

***

Кто верует, тот соблюдает целомудрие и не оскверняет себя ни блудом, ни прелюбодеянием, ни другими нечистотами, но хранит чистоту и целомудрие: ибо уверен, что оскверняющие тела свои не спасутся... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 436—437).

***

Усыренная многопитанием и многоспанием плоть — великая препона целомудрию. Истинное же целомудрие и в сонных мечтаниях пребывает неподвижным. Ибо если ум во сне услаждается ими, то это служит признаком, что он носит во глубине болезнь сей страсти. Если же благодатию Божиею сподобится он во сне беседовать с Богом, то явно, что он пребывает для сей страсти неприкосновен; почему и во всякое время бывает души и тела бодренным стражем, держа их в мирном между собою устроении, и как пес некий бодрствуя над ними по причине злокозненных волков, и через то избегая хищничества (прп. Феогност, 91, 396).

***

...Без целомудрия невозможно соделаться своим Богу (прп. Феогност, 91, 387).

***

...Возлюби же худость риз и брашен, и священное бдение — матерь целомудрия (прп. Максим Грек, 68, 9).

***

Ничто так не потрясает целомудрия, как навык к дерзости, к свободному обращению, отвергшему уставы скромности (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 378).

***

Повергни перед Господом немощь естества твоего, сознай бессилие твое во всех отношениях, и примешь дарование целомудрия неприметным образом (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 341).

****

Преподобный Николай, память которого совершается 24 декабря, до монашества служил в греческом войске. Человек он был богобоязненный, благочестивый, целомудренный, что раз и доказал самым делом. Находясь в походе против болгар, он остановился однажды на ночлег в гостинице и тут был склоняем на грех дочерью гостиника. Поборов в себе нечистую страсть, он представил смущавшей его всю мерзость ее поступка, и отклонил ее от греха, и в заключение сказал ей: «Не видишь ли, что я иду на кровопролитную брань; подумай же, могу ли я теперь осквернять себя и прогневлять Бога? Оставь». И затем, встав с постели и помолившись Богу, отправился в путь.

В следующую ночь во сне ему представилось следующее: увидел он себя в некотором прекрасном месте и рядом с собой сильного и величественного мужа, который сказал ему: «Посмотри вокруг меня и скажи, что уви-

дишь?» «Ей, Господи, — отвечал Николай, — вижу с одной стороны, что греки болгар рубят». — «Посмотри с другой стороны: там что?» — «Там секут греков болгары». Битва после сего оказалась как бы оконченною, и величественный муж продолжал: «Посмотри внимательнее на поле битвы: не найдешь ли на нем особенное что?» Николай стал вглядываться и увидал, что вся земля сплошь покрыта мертвыми телами и только одно место среди них оставалось пустым, и то столь малое, что, казалось, оставлено было для одного только человека. «Что ты думаешь об этом?» — спросил тот муж. «Невежда и препрост я, Господи, не понимаю», — отвечал Николай. Тогда величественный муж пояснил ему: «Свободное место между мертвыми — твое место; на нем, если бы тебя убили, и ты бы должен лечь с другими. Но поелику в прошедшую ночь ты сохранил свое целомудрие и победил блудного змия, то тем самым себя избавил от смерти и с телом вместе душу спас». Видение кончилось. Вскоре после сего начались битвы у греков с болгарами, и сначала победа была на стороне первых, затем болгары начали бить греков и побили их великое множество; осталась самая ничтожная часть. Между спасшимися был Николай. Возблагодарив Бога за свое спасение и оплакав падших товарищей, он водворился в монастыре и всю остальную жизнь провел единственно в служении Господу (112, 307—308).

***

В Коринфе была одна благороднейшая и прекраснейшая дева, подвизавшаяся в жизни добродетельной. Во времена гонителей эту деву оклеветали перед тогдашним судьею язычником, будто она худо отзывалась о тогдашних временах, о царях и идолах. Ее красоту торгующие развратом

выставили на вид женолюбивому и нечестивому судье. Нечестивец обратил против нее все свои ухищрения, но, стараясь склонить ее ко греху, подверг рабу Божию различным мучениям. Встретив и здесь неудачу и не имея сил отклонить ее от исповедания Христа, пылавший страстью к ней варвар предал ее такому поруганию: он отослал целомудренную деву в бесчестный дом.

Узнав об этом, люди распутные, подобно коршунам, бросились в непотребный дом, отдавали деньги за сквернодейство и хотели склонить ее к растлению. Но целомудренная дева отклоняла их обольстительные речи и усиленно упрашивала их оставить свои намерения. «В сокровенном месте у меня, — говорила она, — зловонная рана; и я боюсь, чтобы вы не возненавидели меня за отвратительный вред. Дайте мне несколько дней, и тогда я позволю вам даром владеть мною». Они поверили ее словам, и блаженная удалила от себя на время неистовых, а сама обратилась к Богу с усердными молитвами и сокрушенною мольбою о помощи. Бог-Сердцеведец, видя, как целомудренная дева берегла свою непорочность, спас ее от поругания. По Его Промыслу один юноша, по имени Магистриан, прекрасный по наружности, благочестивый по душе, воспламененный от Бога духовною ревностию до презрения смерти, в глубокий вечер под предлогом распутства, вошел к содержателю дома и, дав ему пять златниц, сказал: «Позволь мне пробыть ночь с сею девою». Войдя с нею в особую комнату, он сказал ей: «Встань, спасайся». И, сняв с нее одежду, надел на нее свое платье, плащ и все мужское и сказал ей: «Закройся полою плаща и иди». Она так и сделала и, оградив себя знаменем креста, вышла из сего места нерастленною, неосквернennою и была совершенно спасена благодатию Христовою и старанием юноши, который собственною кровью освободил ее от бесчестия. На следующий день все

раскрылось, и Магистриана привели к жестокому судье. Нечестивый подверг его допросу и, узнав все, приказал бросить его зверям. Судья, думая подвергнуть мужественного юношу наказанию, сделал его вдвойне мучеником Христовым: потому что юноша и за свою бессмертную душу подвизался мужественно, и за славную и блаженную деву доблестно перенес страдания, — потому и удостоился двоякой чести от Христа и славных блаженных венцов от Его человеколюбия (101, 300—303).

***

Святая мученица Фомаида родилась в городе Александрии от благочестивых родителей, давших своей дочери истинно христианское воспитание. На пятнадцатом году они выдали ее замуж за одного юношу-христианина. В доме своего мужа святая Фомаида жила честно, всеми уважаемая за целомудрие, кротость, незлобие и другие добрые черты характера. Вместе с молодыми под одной крышей жил и отец мужа святой Фомаиды, ее свекор. Прельщаясь красотой своей снохи и разжигаясь плотским вожделением, он, по действию сатаны, замышлял по отношению к ней недоброе, искал удобного момента для греховного пребывания с нею. Святая же по своему целомудрию не предполагала существования у свекора нечистых помыслов. Она держала себя с ним с особенной строгой стыдливостью. Муж святой Фомаиды был рыболов. Однажды ночью пришли товарищи и увели его с собою на ловлю. Воспользовавшись уходом сына, отец пришел к святой Фомаиде и стал склонять ее на грех. Столь нежданная опасность привела ее в ужас, и она начала сопротивляться безумному, говоря: «Что ты делаешь, отче? Сотвори крестное знамение и уйди, твой замысел внушен тебе сатаной». Но свекор не внимал ее увещаниям и старался склонить ее ко греху

бесстыдными словами и действиями. Святая же Фомаида, исполненная страха Божия и целомудрия, оказывала свекру решительное сопротивление. Она молила и побуждала его оставить беззаконное и нечестивое желание. Но чем сильнее она противостояла ему, тем настойчивее он понуждал ее, разжигаясь, как огнем, нечистою похотию. Над одром на стене висел меч. Сняв его, он начал устрашать святую Фомаиду: «Если не послушаешь меня, то я этим мечом отсеку тебе голову». Она же отвечала: «Если даже рассечешь меня на части, то я все-таки никогда не соглашусь на такое беззаконное дело». Разъярившись после этих слов, свекор с силой ударил сноху мечом и рассек надвое. Блаженная Фомаида предала свою душу в руки Божии и приняла славный мученический венец за свою чистоту и целомудрие. Она боролась с грехом до пролития собственной крови и положила душу свою за закон Божий, соглашаясь лучше умереть, чем прогневить Бога — осквернить свое тело и ложе своего мужа. Убийцу же тотчас постигло наказание Божие: он потерял зрение и, бросив меч, искал дверь, желая выйти из дома и убежать, но, ощупывая стены, никак не мог найти выход и поэтому вынужден был оставаться в комнате. Между тем пришли другие рыбаки и стали звать его сына на ловлю. Отец же отвечал: «Мой сын ушел уже ловить рабу, покажите мне двери, потому что я не могу их найти». Они, отворив дверь, вошли и увидели его с окровавленными руками и одеждой, старавшегося ощупью найти выход, и лежащую в крови рассеченную на двое жену. От этого зрелища они пришли в ужас и спрашивали: «Что это значит? Кто и для чего совершил подобное злодеяние?» Убийца был предан суду и наказан через усекновение мечом. А к телу убиенной стекалось множество жителей Александрии. Все они дивились столь невероятному и ужасному событию и восхваляли целомудрие святой Фомаиды.

В это время в Александрии находился преподобный Даниил Скитский. Он сказал своему ученику: «Сын мой, пойдем и взглянем на святую отроковицу». И они отправились в октодекатский монастырь. Монахи этого монастыря с честью встретили преподобного отца. Рассказав им о страданиях святой Фомаиды, он дал такое повеление: «Идите и принесите сюда ее честное тело, ибо оно должно лежать не с мирскими людьми, но с честными отцами». Некоторые из братии смутились таким повелением: положить тело женщины с отцами. Преподобный же сказал им: «Отроковица, которую вы не желаете принести сюда, есть мне и вам мать. Ведь она умерла за свое целомудрие». Тогда монахи, не осмеливаясь более противиться преподобному Даниилу, взяв тело святой Фомаиды, погребли его в монастырской усыпальнице.

Простившись со всеми отцами, преподобный удалился с учеником в Скит. Один брат в его монастыре испытывал сильные плотские искушения. Придя к преподобному Даниилу, он рассказал ему о своей борьбе с плотскими страстями. Преподобный приказал ему: «Иди в октодекатский монастырь и помолись там в монастырской усыпальнице: «Боже, молитвами мученицы Фомаиды, помоги мне и избавь меня от блудной похоти!» Надейся на Бога, и ты избавишься от искушений», — прибавил преподобный отец. Брат пошел и в точности исполнил все, что велел ему преподобный Даниил, и действительно, совершенно освободился от плотских искушений (107, 628—629).

***

...Гонитель Магнентин имел преступные связи со многими язычницами и старался завести такие же связи и с христианками. Но последние желали лучше умереть, чем продать свое целомудрие. Когда Магнентин прибыл в один

город, ему понравилась жена одного советника при градоначальнике. Устрашенный муж ее сказал Магнентину: «Делай как хочешь!» За нею были присланы солдаты, но она сказала им: «Подождите немного, пока я займусь своими нарядами». Она пошла в спальню, взяла меч и пронзила им свое чрево.

Слушайте и устыдитесь, девы, признающие себя невестами Христовыми и изменяющие Ему своими нечистыми вожделениями (101, 303—304).

***

Один купец поплыл с товарами в Африку, но дорогой корабль разбился и потонул. Так купец потерял почти все свое состояние. Заимодавцы бросили его в темницу. Оставшееся имение было продано, и купец с женою остались только в том, что на них было. Жена купца занялась поденной работой, от которой кормилась сама и кормила своего мужа.

Однажды, когда она была с мужем в темнице, пришел туда для раздачи милостыни заключенным вельможа. Он пленился необыкновенной красотой жены купца и пригласил ее к себе. Женщина, думая, что он хочет дать ей милостыню, поспешила к нему. Вельможа, узнав о ее положении, сказал ей: «Я заплачу за мужа твоего весь долг, только согласись быть моею». Жена отвечала: «Господин мой! Ты знаешь, что жена не владеет своим телом, но муж ее. Поэтому позволь сначала о твоем предложении сказать мужу». Вельможа согласился, а жена рассказала мужу о его предложении. Купец, узнав об этом, заплакал и сказал жене: «Ответь вельможе, что мы своего освобождения ради блуда не только не желаем, но и слышать о нем не хотим. Господь все видит и Сам освободит нас». Жена передала вельможе слова мужа.

В это время в темнице сидел ожидавший смерти разбойник. Он услышал разговор между мужем и женой и, воздыхая, сказал: «В какой скорби пребывают здесь в темнице эти — муж и жена! Даже освобождения они не хотят купить блудной ценой и остаются верными Богу. А я что делаю? Я никогда и не помыслил о Боге и повинен многим убийствам». Он пригласил к себе купца и его жену и сказал им: «Знайте, что я разбойник и много зла и убийств совершил и через несколько дней я потеряю на плахе свою голову. Но вот, видя ваше целомудрие, я умилился им и потому после моей смерти прошу исполнить мою волю. В таком-то месте, раскопав оное, вы найдете золото и все, сколько есть, возьмите себе, уплатите им долг ваш и помолитесь Господу, чтобы простил меня». Вскоре прибыл начальник города и велел разбойника обезглавить. Муж и жена нашли после его смерти указанное им золото и уплатили им весь свой долг. Так Господь наградил их за то, что они сохранили заповеди Его (112, 755—756).

***

Одного инока укусила змея, и он пришел в город лечиться. Его приняла к себе в дом благочестивая и богобоязненная женщина и стала лечить. Лишь только немного успокоилась боль у инока, диавол стал внушать ему блудные помыслы. Однажды он схватил ее за руку.

«Нет, отец! — сказала женщина. — Побойся Христа! Вспомни о скорби и тяжести раскаяния, которые ты испытаешь в своей келье, вспомни о воплях и слезах, которые предстоят тебе». Это и многое другое говорила женщина иноку, и брань оставила его. От стыда он не мог взглянуть на нее и хотел убежать из дому. Но женщина, понимая состояние инока, ради Христа, сказала ему: «Не стыдись и не

уходи, отец! Тебе еще надо лечиться. А то был не помысл чистой души твоей, но козни злобного диавола». Окончив лечение, она, без всякого соблазна, отпустила его с миром (102, 253).

***

Преподобный Моисей Угрин в молодости был взят в плен и отведен в Ляшскую землю. Вели его закованного по рукам и по ногам в тяжкие железа и стерегли, потому что был он крепок телом и прекрасен лицом. И увидела его, прекрасного и юного, одна молодая женщина. Была же она из великих земли той, имела большое богатство и власть. И залегла ей в душу красота его, и уязвилось сердце ее страстным желанием. Чтобы склонить к тому же и преподобного, она стала увещевать его льстивыми словами, говоря: «Зачем ты напрасно переносишь такие муки, когда имеешь разум, который мог бы избавить тебя от этих мук и страданий?» Моисей же сказал: «Так Богу угодно». Она же сказала ему: «Если покоришься мне, то я избавлю тебя и сделаю великим во всей земле Ляшской. И будешь ты владеть мной самой и всею областию моей». Понял блаженный желание ее нечистое и сказал ей: «Знай, что я не исполню твоей воли. Я не хочу власти твоей, ни богатства; для меня лучше всего этого чистота душевная, а также и телесная. Не погублю я труда пяти лет, которые Господь сподобил меня терпеть в этих оковах. Я не заслужил таких мук и потому надеюсь избавиться за них от мук вечных».

Когда ляхиня увидела, что не исполняются ее желания, то, по диавольскому внушению, пришла к такой мысли: «Если я выкуплю его, он поневоле покорится мне». И послала она к тому, кто держал Моисея, чтобы тот взял у нее денег, сколько хочет, только продал бы ей юношу. Он же,

видя удобное время для приобретения богатства, взял у нее около тысячи и отдал ей Моисея. И насильно, без всякого стыда, повлекли блаженного на дело небогоугодное. Теперь эта женщина получила власть над ним, и вот она велит ему сочетаться с собою. Она освобождает его от оков, одевает в многоценные одежды, сладкими кушаньями кормит, объятиями и всякими любовными обольщениями понуждает на свою похоть. Преподобный же, видя ее неистовство, стал еще прилежнее молиться, еще крепче держать пост. Он желал лучше, Бога ради, есть сухой хлеб и пить воду с чистотою, нежели многоценное кушанье и вино со скверною. И в такую ярость пришла ляхиня, что хотела голодом уморить его. Но Бог не оставляет рабов своих, надеющихся на Него.

В те дни пришел со Святой Горы один инок, саном иерей. По наставлению Божию пришел он к блаженному и облек его в иноческий образ. Много поучал он его чистоте, о том, как бы избавиться от этой скверной женщины, чтобы не предать себя во власть врага, и когда ушел, стали искать его и нигде не нашли. Тогда ляхиня, потеряв всякую надежду, пришла в отчаяние и подвергла Моисея тяжким истязаниям: велела растянуть его и бить палками, так что и земля напиталась кровью.

Сильно печалилась ляхиня о том, как бы отомстить за свой срам. Однажды она велела насильно положить его с собой на постель, целовала и обнимала его; но и этим не могла привлечь его. Блаженный говорил ей: «Напрасен труд твой. Не думай, что я безумный или не могу этого сделать; но я из страха Божия гнушаюсь тебя, как нечистой». Услышав это, ляхиня велела давать ему по сто ударов каждый день, а потом обрезать тайные члены, говоря: «Не пощажу его красоты, чтобы не насытились ею другие». И лежал Моисей, как мертвый, истекая кровью, едва дыша.

Вскоре начался великий мятеж во всей земле Ляшской: поднялся народ и побил своих епископов и бояр. Тогда же убили и эту ляхиню. Преподобный же Моисей, оправившись от ран, пришел к Пресвятой Богородице, в Печерский монастырь, нося на себе мученические раны и венец исповедания, как победитель и храбрый воин Христов (100, 103—110).

***

Блаженная княгиня Евдокия, во инокинях Евфросиния, оставшись вдовою после смерти своего мужа, великого князя Димитрия Иоанновича Донского, строила церкви и монастыри и проводила святую жизнь. Но неразумные люди, по внушению диавольскому, смущались, глядя на нее, и говорили: «Неужели она, будучи самовластною и живя в такой неге, может прожить целомудренно?» Об этом слышали и дети ее, услыхала и сама она. И вот однажды, когда заметила, что один из сыновей ее был смущен худой молвой, то призвала его и остальных сыновей и с плачем сказала им: «Любезные дети, не смущайтесь. Всякую клевету и поношения я с радостью приму; но, видя одного из вас сомневающимся во мне, я решила открыть вам мою тайну». И, приоткрыв малую часть одежды на груди, показала им свое тело, которое от сурового воздержания казалось почерневшим и как бы сожженным огнем, и плоть ее вся приросла к костям. Сыновья ужаснулись. Княгиня же попросила их никому не рассказывать об этом и не преследовать клеветавших на нее (112, 803—804).

***

Во время нашествия татар на город Унжу ими была захвачена одна женщина, очень красивая, но строго целомудренная. Три дня от невыразимой скорби она ничего не

ела и не спала, умоляя преподобного Макария об избавлении ее от греха и плена. На четвертую ночь она заснула и видит, что у головы ее стоит благолепный старец и говорит: «Не скорби, я — Макарий Желтоводский; встань и иди за мною». Она вскочила, обнаружила себя развязанной, и уже наяву увидела перед собою старца таким, как изображали преподобного на иконах. Она пошла за ним, когда же стало светать, старец стал невидим, а женщина очутилась недалеко от Унжи (115, 352).

ЦЕЛЬ ЖИЗНИ

...<Мы> должны собственною своею деятельностью совершенно отсечь от себя грех, совершаемый делом, словом и помышлением, а также, молясь и по вере надеясь, стараться ежедневно достигать совершенной чистоты духа... (прп. Ефрем Сирин, 32, 323).

***

...Конец доблестной жизни — уподобление Божеству, а поэтому доблестные со всею тщательностию стараются преуспевать чистотою души, устранением себя от всякого страстного расположения, чтобы при улучшенной жизни и в них образовались некоторые черты высшего естества (свт. Григорий Нисский, 20, 234).

***

Конец нашей подвижнической жизни есть Царство Божие, а цель — чистота сердца, без которой невозможно достигнуть того конца. К этой цели, приковав взор наш, и должны мы направлять наивернейше течение наше, как по прямой линии, и если хотя несколько помышление наше уклонится от нее, тотчас возвращаясь к созерцанию ее, исп-

равлять его, как по норме какой... (прп. Иоанн Кассиан, 90, 7).

***

...Одна только главная должна быть у нас цель — это с радостию трудиться до самого гроба для славы Божией (прп. Максим Грек, 68, 4).

***

Цель наша — жизнь в Боге, но к Богу нам нет иного пути, как Господь Иисус Христос. *Един есть Бог и Един ходатай Бога и человеков, Человек Христос Иисус* (ср.: 1 Тим. 2, 5). Так надо веровать во Христа Спасителя, таинство принимать, заповеди исполнять и все, что содержит и предписывает Святая Церковь. С Господом тот, кто с Церковью. Будьте так не суемудрствуя и будете на спасенном пути (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 74—75).

***

Цель — Царствие Небесное, но чтобы достойну быть внития в Царствие, надо очиститься от страстей и от всего худого. Как без сего очищения дверь в Царствие не отворится, то оно должно быть для вас ближайшей целью. К нему и направляйте теперь все (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 79, 204).

***

...Цель у всех христиан одна — быть в живом единении с Богом. И все такие единое составляют тело и вне сего тела нет людей живых духом. И всем один труд сей: победить страсти и стать чистыми, житейски ли кто живет, или удалившись от житейских порядков (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 152).

***

Цель жизни — не благобытие земное, а блаженство по смерти в другой жизни. Кто несет какой-либо крест, тот идет надежною к тому дорогою. Туда переселитесь своим желанием и надеждою, и к стяжанию тамошнего благобытия направляйте все свои помышления и заботы (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 225)

***

Нечего вам говорить, что не в том цель нашей жизни, чтобы счастливо прожить на земле, а в том, чтобы, счастливы мы или несчастны, тем и другим приготовиться достойно к получению вечного блаженства в другой жизни. Так и старайтесь относиться к вашему положению, чтобы не выступать из круга намерений Божиих, с какими Он устрояет быт каждого на земле (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 113).

***

Цель человека не на земле, а в другой жизни. Если б на земле была, мы бы не умирали, а как умираем, то значит, что жизнь наша настоящая не на земле. Земная жизнь есть только приготовление к другой жизни, — а о той жизни Господь сказал, что там не женятся, не посягают, т. е. что там житейских, земных порядков не будет, а будет порядок Ангельский (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 195).

Ч

ЧАРОДЕЙСТВО

Кто прибегает к чародеям, или прорицателям, или обещающим при содействии демонов совершить какое-либо очищение и отвращение вреда, — таких надобно тщательно допрашивать, оставаясь ли в вере во Христа, они вовлечены были в такой грех какою-нибудь нуждою, потому что какое-нибудь несчастье или невыносимая потеря внушила им такое намерение; или совсем презревши исповедание, нами им вверенное, прибегали они к содействию демонов. Ибо если они сделали это с отступлением от веры и с тем, чтобы не веровать в поклоняемого христианами Бога, то, очевидно, их надобно будет подвергнуть осуждению как отступников. Если же довела их до этого какая-нибудь невыносимая нужда, обольстив их какою-либо ложною надеждою, то и таким должно быть оказано снисхождение, подобно тем, которые во время исповедания не могли устоять против мучений (свт. Григорий Нисский, 20, 431).

***

...Как торговцы невольниками, предлагая малым детям пирожки, сладкие фрукты и тому подобное, часто уловляют их такими приманками и лишают свободы и даже са-

мой жизни, так точно и чародеи, обещаясь вылечить больной член, топят все спасение души (свт. Иоанн Златоуст, 55, 576).

****

Один инок в Веррии, знавший немного грамоту, как-то увидел гадательную книгу и, из любопытства разбирая тайны сатанинского гадания, невольно увлекся верою к ним. Это не прошло ему даром: в следующую же ночь он увидел перед собою эфиопа исполинского роста, который говорил: «Ты меня призывал, и вот я. Что тебе угодно — все исполню, только поклонись мне». «Господу Богу моему поклоняюсь и Тому Единому служу», — отвечал инок, угадывая, кто такой эфиоп. «Так ты не кланяешься мне, для чего же призывал меня, дозволяя себе чтение гадательных моих тайн?» — с этими словами сатана дал сильную пощечину иноку и исчез. Чувство боли и страха пробудило инока, щека его распухла и почернела так, что страшно было посмотреть на нее. С каждым днем боль усиливалась и безобразила инока. От опухоли, наконец, не видно было и глаз. Осведомившись о причине столь странной болезни, знакомые инока дали знать об этом преподобному Дионисию, который тотчас явился и, по совершении молитвы к Богу и Божией Матери, помазал елеем больное место. Инок исцелился и прославил Бога (95, 48—49).

***

В Константинополе был чародей, который хотел привлечь к служению бесам одного христианского отрока. Чтобы показать ему силу и величие князя бесовского, чародей увел отрока за город в пустынное место. И вот обольщенному отроку представился большой город с железны-

ми воротами. Чародей вместе с отроком входит в воображаемый город и вводит в стоящий посреди его храм. При входе в храм отрок видит множество горящих светильников и на высоком престоле некоего сидящего, подобно царю, окруженного многочисленными слугами. Это был князь бесовский, который радостно приветствовал чародея, посадил его рядом с собой и спросил, для чего он привел отрока? Чародей отвечал: «Мы — твои слуги, и он хочет быть твоим». Сатана же спросил отрока: «Мой ли ты слуга?», и отрок воскликнул: «Я служитель Отца и Сына и Святаго Духа». От этого возгласа сатана вдруг пал с престола, пали и все окружавшие его, погиб чародей, исчезли и город, и храм. Отрок остался один среди поля и, увидев около себя коня, поспешно возвратился на нем домой и рассказал о всем случившемся с ним (107, 641—642).

***

Один распутный египтянин воспылал страстью к благородной замужней женщине. Не сумев обольстить ее, потому что она была верна своему мужу, за которого вышла девою, бесстыдный прибег к чародею и говорил ему: «Или заставь ее любить меня, или сделай своим искусством то, чтобы муж бросил ее». Чародей, получив от него хорошую плату, употребил все свои чары и заклинания, но не смог возбудить любви в ее сердце. Тогда он сделал так, что всем, кто смотрел на нее, она казалась лошадью. Муж ее, придя домой, увидел свою жену в образе лошади. Заплакал он и зарыдал, не понимая, что же это значит. Наконец, решил он отвести ее в пустыню к преподобному Макарию Египетскому.

Когда привели ее к преподобному, то он, благословив воду и облив женщину с головой, помолился над ней, и

тотчас все смотревшие на нее увидели ее как женщину. Человек Христов дал ей следующее наставление: «Никогда не прекращай посещать церковь; никогда не уклоняйся от приобщения Христовых Таин; несчастье случилось с тобою оттого, что ты уже пять недель не приступала к Пречистым Таинам Спасителя нашего» (101, 51—53).

***

Жил в Царьграде некий вельможа, имевший единственную дочь, которую хотел посвятить на служение Богу. Диавол же, ненавистник всякого доброго дела, возбудил в одном из его слуг страсть к девице, и этот слуга, желая во что бы то ни стало жениться на ней, пошел к одному из чародеев просить в своем деле совета и помощи. Тот направил юношу-слугу к сатане, который спросил его: «Веруешь ли в меня?» «Верую», — сказал юноша. Сатана продолжал: «Да, вот вы все веруете в меня, когда нуждаетесь в моей помощи, а когда я помогу вам, опять идете к своему Христу. Напиши мне собственноручно, что ты отрекаешься от Него навсегда, и тогда я исполню твое желание». Юноша исполнил сатанинскую просьбу, а сатана удовлетворил желание юноши. Возбуждаемая бесами, дочь вельможи, в свою очередь, почувствовала непреодолимую страсть к слуге и стала просить отца, чтобы он отдал ее замуж за него. Сколько ни возражал ее отец, сколько ни плакал, сколько ни умолял оставить сие намерение, дочь оставалась непреклонной и заявила отцу, что наложит на себя руки, если не будет женой слуги. Отец уступил и отдал дочь юноше.

Сначала все шло хорошо; но затем некоторые из соседей стали замечать, что юноша не ограждает себя крестным знамением, не ходит в церковь, не причащается Свя-

тых Таин. Они сказали об этом дочери вельможи, и та поняла весь ужас своего положения. Но, к счастью, после первых приступов отчаяния она образумилась и привела своего мужа к святому Василию Великому, а тот, получив полное признание от юноши во всем и полное раскаяние, удалил его на молитву и пост в одну из келий, и сам стал молиться за него.

Прошло несколько дней, святой Василий пришел к юноше и спросил его: «Как ты чувствуешь себя, сын мой?» «В великой беде нахожусь, отче, — отвечал юноша, — ибо бесы совершенно не дают мне покоя». Святой сказал: «Не бойся, чадо, только веруй», — и, оградив юношу крестным знамением, оставил его. Придя к нему еще через несколько дней, Василий опять спросил: «Как себя чувствуешь?» «Ничего, отче, — отвечал юноша, — теперь я только издали слышу вопль бесов, уже они не мучают меня». Но вот прошло сорок дней затвора, и святой Василий снова пришел к юноше и опять спросил: «Ну, как себя чувствуешь, брат?» — «Теперь, слава Богу; ныне ночью я видел тебя, отче, боровшимся с диаволом и одолевшим его».

После сего святитель собрал весь клир церковный и множество христиан и провел с ними всю ночь в молитве о юноше. На другой день с пением псалмов привели юношу к церкви. Тут диавол со страшной силой напал на него, так что юноша стал кричать: «Святитель Божий, помоги мне!» Святой Василий сказал диаволу: «Неужели недовольно для тебя одной твоей погибели, за что же мучаешь других?» Диавол отвечал: «Обижаешь меня, Василий! Не я пришел к нему, а он ко мне, и его писание, которое у меня в руке, я покажу на Суде общему Судии». Святитель сказал: «Благословен Господь Бог мой! Эти люди не опустят простертые к небу руки до тех пор, пока не возвратишь ты мне

рукописание юноши». И, обратившись к народу, воскликнул: «Поднимайте руки ваши на высоту небесную, вопя со слезами: Господи, помилуй!» И все встали на молитву. Во время молитвы, к изумлению всех, рукописание юноши слетело с верха церковного купола и упало в руки святителя Божиего. Все исполнились необычайной радости, прославили и восхвалили Бога. А святитель Василий, показав рукописание юноше, спросил его: «Знаешь, ли, брате, чья эта расписка?» «Ей, отче Божий, — отвечал юноша, — она моею рукою написана». Затем святитель разорвал рукописание, ввел юношу в церковь и сподобил Святого причащения. Юноша и жена его после сего вышли из церкви, громко славя и благодаря Бога (112, 335).

***

Брат, подвигнутый действием исконной злобы на ненависть к преподобному Афанасию Афонскому, непременно хотел погубить его, но, не зная, как успеть в этом преступнейшем замысле, он предался волхвованию и чарованию и, однако же, к удивлению, увидел, что все чары его против незлобивого отца не имеют никакой силы. Этот жалкий инок стал расспрашивать у другого брата: «Могут ли иметь какое-нибудь действие на человека волхвования?» Брат отвечал: «На человека благочестивого и живущего по Боге волхвования не имеют никакого действия». Услышав это, омрачившийся злобой брат пришел в себя; зная же о незлобии своего отца, явился к нему и, припав к ногам его, с великим рыданием исповедал ему грех свой и просил у него прощения, что и получил от того, который подражал Возлюбившему грешный мир даже до крестной смерти. Таков был Афанасий Афонский к согрешающим против него! (95, 36—37).

***

Брат преподобного Иосифа Волоколамского, отец Вассиан, рассказывал: «Однажды он в Московском Успенском соборе увидел поселянина, который прилежно молился святому мученику Никите. Видя его веру и необычайную горячность его молитвы, отец Вассиан спросил поселянина о причине такой молитвы. Тот отвечал, что, когда долгое время был тяжело болен, всегда молился и призывал на помощь святого великомученика Никиту. Родственники неоднократно советовали ему пригласить в свой дом чародея, но поселянин отказался и усердно молился святому мученику. Как-то ночью, когда все в доме спали, слышит он, что двери дома отворяются и входит светлый муж, обращаясь к нему с такими словами: «Встань и выходи ко мне». Поселянин же отвечал: «Не могу, господин мой». Явившийся повторил: «Вставай». Тогда он начал подниматься и почувствовал, что здоров. Встав, он вышел из дома и поклонился явившемуся до земли. В тот момент, когда поселянин вставал с земли, увидел он летящего, подобно птице, черного человека с огненным мечом в руке, которым тот хотел поразить поселянина. Светоносный муж запретил ему и сказал, что не его, а тех, кто ходит к чародеям. Тотчас мурин исчез, а поселянин спросил светлого мужа: «Кто ты?» Он же отвечал: «Я мученик Христов Никита, которого ты призывал себе на помощь, и послан Христом исцелить тебя за то, что не звал в дом свой чародея, но на Бога полагал всю надежду; и вот Бог прилагает к твоей жизни еще двадцать пять лет».

После этих слов святой мученик стал невидим. Наутро выяснилось, что те люди, которые посещали чародеев, по повелению святого мученика ночью были умерщвлены черным человеком (107, 644—645).

***

Священник села Локотни Можайского уезда Никита Маркович Чеснов поведал следующее. «В моем приходе, — говорил он, — был один крестьянин, человек зажиточный, о нем ходил слух, что он занимается чернокнижием. Когда Великим Постом этот крестьянин пришел ко мне на исповедь, то я в беседе с ним осторожно коснулся этого распространившегося в народе слуха. Выслушав меня, он изменился в лице и сделался как черная туча. Вскоре выяснилось, что этот крестьянин стал распространять обо мне враждебные толки, приписывая мне то, к чему я не был причастен.

Настал день Святой Пасхи. Я прибыл в дом крестьянина с иконами. Принял он нас всех ласково и внимательно, а по окончании молебна всему причту предложил откушать у него хлеба-соли. Лично я чувствовал в глубине своего сердца какое-то смущение, и мне не хотелось оставаться у него на угощение. Вопреки желанию, я лишь ради собратьев согласился на предложение хозяина. Когда я читал молитву Господню перед вкушением пищи, то, по особенному какому-то внушению, произносил молитвенные слова с особенной силой и верой, мысленно прося у Господа себе покрова и заступления. По окончании молитвы хозяин любезно спросил меня: «Батюшка, можно ли вам предложить что-нибудь из сих напитков?» Я попросил налить мне рюмку рябиновки. Когда хозяин наливал эту рюмку, я в глубине души своей помолился Господу, чтобы Он силою Креста Своего сохранил меня от всех бед и напастей. Хозяин уже доканчивал наливать рюмку, как я, осеняя ее крестным знамением, произнес мысленно слова: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». В этот самый момент бутылка и рюмка в руках хозяина превратились в песок, а водка как бы в пыль. Как будто кто сильным молотком ударил в посуду. Хозяин весь затрясся и оцепенел, а мы все в

смущении духа попрощались с ним и вышли из дома» (114, 194—195).

Человекоугодие

Если угождать людям, то можно оскорбить Бога (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 258).

***

Он <Христос> принял заплевания нас ради, дабы мы презирали человекоугодие и славу мира сего (прп. авва Исаия, 59, 73).

***

Горе нам, что мы стараемся и словом, и делом снискать благосклонность людей, а нерадим о правде и справедливости (прп. авва Исаия, 59, 191).

***

Горе нам, что мы стараемся угождать богатым и сильным, а бедных и с покорностию приходящих к нам отвращаемся, как толпы докучливой (прп. авва Исаия, 59, 191).

***

Горе человекоугодникам, ибо они не могут угодить Богу (прп. авва Исаия, 59, 195).

***

...Заботься о том, чтобы ради человекоугодия не погубить награды за воздержание твое, ибо делающий что-либо напоказ людям лишается мзды своей... (прп. авва Исаия, 59, 216).

***

Горе нам, что в угождение людям не отказываемся все говорить и делать, нерадя о том, что праведно! (прп. авва Исаия, 89, 438).

***

Тщеславие, человекоугодие и делание чего-либо напоказ христианам вовсе запрещается во всяком деле, даже и тот, кто исполняет самую заповедь с тем, чтобы его видели и прославляли люди, теряет награду за нее (свт. Василий Великий, 9, 121).

***

Чем обличается человекоугодник? — Когда к хвалящим его оказывает усердие, а для порицающих бывает недеятелен (свт. Василий Великий, 9, 195).

***

Как избежать страсти человекоугодия и слабости к похвалам человеческим? — Несомненною уверенностию в присутствии Божием, неразвлекаемою заботливостию о благоугождении Богу и пламенным вожделением блаженств, обетованных Господом. Ибо никто перед очами владыки не старается об угождении подобному себе рабу, к бесчестию владыки и к собственному своему осуждению (свт. Василий Великий, 9, 195).

***

...Человекоугодник — кто по воле какого-нибудь человека делает в угодность ему, хотя бы делаемое было и бесчестно (свт. Василий Великий, 9, 202).

***

Никогда да не приводит тебя в удивление человекоугодник, старающийся угодить многим, но не для Господа (прп. Ефрем Сирин, 30, 191).

***

Мы же, при великой бесчувственности своей, впадаем в человеческие страсти и так сильно любящего нас (Бога) оскорбляем, а тем, которые не могут доставить никакой пользы, всячески угождаем (свт. Иоанн Златоуст, 44, 283).

***

О, как вкрадчива и как незаметна страсть человекоугодия; она обладает и мудрыми! Ибо действия прочих страстей легко бывают видны исполняющим оные, и потому приводят одержимых ими к плачу и смиренномудрию; а человекоугодие прикрывается словами и видами благочестия, так что людям, которых оно обольщает, трудно рассмотреть его видоизменения... Какие видоизменения человекоугодия? Мать сих видоизменений и первое из них есть неверие, а за ним, как порождение его, следуют: зависть, ненависть, лесть, ревность, ссоры, лицемерие, лицеприятие, служение лишь перед глазами, оклеветание, ложь, вид ложного благоговения, а не истинного, и подобные сим и неудобозамечаемые и темные страсти. Но хуже всего то, что некоторые восхваляют все сие искусными словами как доброе и вред, заключающийся в них, прикрывают. Если хочешь, то я обнаружу отчасти и коварство их: коварный человекоугодник, советуя одному, строит козни другому; хваля одного, порицает другого; уча ближнего, хвалит себя;

принимает участие в суде не для того, чтобы судить по справедливости, но чтобы отомстить врагу; обличает с ласканием, пока, укоряя врага своего, не будет принят им; клевещет, не называя имени, чтобы прикрыть свое оклеветание; убеждает нестяжательных, чтобы они сказали, в чем имеют нужду, как бы желая подать им это; и когда они скажут, разглашает о них, как о просящих; перед неопытными хвалится, а перед опытными смиреннословит, уловляя похвалу от тех и от других; когда хвалят добродетельных, негодует и, начиная другой рассказ, устраняет похвалу; осуждает правителей, когда они отсутствуют, а когда присутствуют, хвалит их в глаза; издевается над смиренномудрыми, и подсматривает за учителями, чтобы укорить их; унижает простоту, чтобы выказать себя премудрым; добродетели всех ближних оставляет без внимания, а проступки их сохраняет в памяти. И кратко сказать: всячески уловляет время и раболепствует лицам, (невольно) обнаруживая многообразную страсть человекоугодия: покушается скрыть свои злые дела вопрошением о чужих. Истинные же иноки не так поступают, но напротив: по чувству милосердия оставляют без внимания чужие злые дела, а свои явно показывают перед Богом; потому и охуждают их люди, не знающие их намерения; ибо они не столько стараются угождать людям, сколько Богу. Итак, иногда благоугождая Ему, иногда уничижая себя, и за то, и за другое ожидают награды от Господа, Который сказал: *возносяйся смирится; смиряяй же себе вознесется* (Лк. 18, 14) (прп. Марк Подвижник, 89, 507—508).

***

Как Богу никто не может чисто служить иначе, как совершенно очистив душу, так и твари не может он слу-

жить, не лелея тела самоугодливо (прп. Максим Исповедник, 91, 255).

***

Человекоугодливый об одном том печется, чтобы внешнее его поведение было показно, и чтобы заслужить доброе слово льстеца, первым зрение, а вторым слух подкупая в свою пользу у тех, кои услаждаются или в удивление приводятся только видимым и слышимым, и добродетель определяют только тем, что показывают чувства. Человекоугодие, таким образом, будет добрых нравов и слов показывание перед людьми и для людей (прп. Максим Исповедник, 91, 279).

***

...Страждут и те, кои славы ради человеческой добрые дела делают... Таковые, получив жребий — иметь житие на небесех, *славу свою*, увы! — *вселяют в персть* (ср.: Пс. 7, 6), навлекая на себя сию Давидскую клятву. И молитва их не восходит к небесам, и всякое рачение их ниспадает долу, не будучи обложено крылами Божественной любви, которая земные дела наши делает горе́ восходимыми: так что они труды подъемлют, а награды не стяжавают. Но что я говорю о бесплодии трудов их. Они приносят плод, — но какой? — посрамление, непостояние помыслов, пленение и смятение помышлений. *Яко Бог рассыпа кости человекоугодников*, говорит псалом: *постыдешася, яко Бог уничижи их* (Пс. 52, 6) (свт. Григорий Палама, 93, 268).

***

Страсть эта <человекоугодие> есть самая тонкая из всех страстей. Почему подвизающемуся должно не собеседо-

вания остерегаться, или не сосложения бегать, но самый прилог почитая уже сложением, беречь себя от него. Ибо и так действуя, едва успеет он упредить скорость падения. Но хотя и так, внимая себе, будет он действовать, прилог причиняет сокрушение. Если же нет, то этим уготовляется место для гордости. Кто же сию приимет, того трудно образумить или, лучше, тот становится неисправимым. Ибо это диавольское падение. Но и прежде сего страсть человекоугодия такой стяжавшим ее причиняет вред, что они даже и в отношении к вере терпят крушение, по слову Господа, рекшего: *како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единаго Бога, не ищете*? (Ин. 5, 44). Что тебе в славе человеческой, о человек, или, лучше, в пустом имени славы, которое не только не имеет того, что именует, но и лишает того? И не это только, но при других зловредностях, еще зависть порождает — зависть, равносильную убийству, — причину первого смертоубийства, а потом и богоубийства?

Полезна ли она в чем-либо естеству? Поддерживает ли его и хранит, или, прияв его повредившимся как-либо, врачует ли? Никто, конечно, это не может сказать про нее. Напротив, кто захочет тщательно исследовать все о ней, тот найдет, что она большею частию бывает лукавою советницею в делах срамных. Языческих учений проповедники внушают, что без нее ничего доброго не было бы в жизни. Но не так научены мы, носящие славное имя Того, Кто человеколюбно помазал Собою естество наше. Его имеем мы зрителем дел наших. На Него взирая, Им и для Него делаем мы все наилучшее и все во славу Его направляем, совсем не имея в виду угождения людям, следуя святому Павлу, верховному таиннику Законоположника нашего и нашему Законоподателю, который говорит: *аще бо бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был* (Гал. 1, 10) (свт. Григорий Палама, 93, 268—269).

***

...Человекоугодием уничтожается не только любовь к Богу, но и самое памятование о Боге (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 257).

ЧЕСТОЛЮБИЕ

Как ржа снедает железо, так честолюбие снедает сердце человеческое (прп. авва Исаия, 59, 95).

***

...Кто гонится за человеческими почестями вместо небесных, тот есть неверный... (свт. Григорий Нисский, 24, 277).

***

...Что из здешнего стоит названия *блага*? Честь ли, которой многие домогаются? Разве придает она что-нибудь большее почетным лицам? Смертный остается смертным, воздают ли ему почесть, или нет... Кто видит все это и потому презирает все, что считается почетным у людей, и к одной только Божественной жизни имеет любовь, тот, зная, что *всяка плоть сено, и всяка слава человеческа яко цвет травный* (ср.: Ис. 40, 6), сочтет ли когда-нибудь достойным заботы сено, *днесь сущее* (ср.: Мф. 6, 30), и которого завтра не будет? (свт. Григорий Нисский, 24, 309—310).

***

Презирать богатство нетрудно для того, кто захочет; но чтобы презирать честь от людей, для этого нужно много усилия, великое любомудрие, нужна душа как бы ангельская, достигающая самой высоты небесной, потому что

нет, истинно нет другой страсти, столь же сильной и всюду господствующей, в большей или в меньшей мере, но, во всяком случае — везде. Каким же образом мы можем преодолеть ее, если не вполне, то хотя в малейшей степени? Если мы будем взирать на небо, если будем иметь Бога перед очами своими, если устремим помыслы наши выше всего земного... Когда ты, делая какое-нибудь доброе дело, думаешь, что нужно показать его и людям, ищешь каких-нибудь зрителей этого дела, и стараешься быть видимым, то вспомни, что тебя видит Бог, — и истребишь в себе всякое такое пожелание; отрешись от земли и устреми взор к зрелищу небесному. Люди, если и похвалят, после будут хулить, будут завидовать, будут вредить; если даже и не сделают этого, то не принесут совершенно никакой пользы тому, кого хвалят. Но не так у Бога, напротив, Он радуется, восхваляя наши добрые дела (свт. Иоанн Златоуст, 54, 850—851).

***

...Человек, пользующийся великою честию, кроме того, что делается тяжким должником <Богу>, предается надменности и тщеславию и делается рабом людей; затем, по мере умножения людской власти над ним, бывает принужден делать многое, чего не хочет (свт. Иоанн Златоуст, 54, 851).

***

...Поелику Господь, как Творец и Создатель, хорошо знал, что изначала вложены в людей семена честолюбия не без цели и не напрасно, но чтобы люди, будучи пламенными любителями чести, преуспевали в лучшем, но, обладая сим прекрасным охранением от рабства низким страстям, т. е. любовью к чести, люди противное направ-

ление дали сему прирожденному дару, и обратили к чести земной, забыв о небесной; то, как наилучший земледелатель снова прилагая попечение о душе, отсекает отростки, служащие к худому, и останавливает страшно увеличившееся стремление к славе человеческой. Но что в любви сей есть кроткого и способствующего к плодоношению премирных почестей, то не только оставляет, но и возбуждает, и делает плодоноснейшим, с корнем исторгнув желание делать что-либо напоказ, как поступают стремящиеся к человеческой славе, и дозволив из всех сил разумно искать почестей, имея в виду единого Бога (прп. Исидор Пелусиот, 61, 103).

ЧЕСТЬ

Честь есть воздаяние отличия, а отличие — награда добродетели; и святым присвояются честь и отличия, а нечестивым — противное; потому что Бог сподобляет чести достойных, так как Сам Он истинно досточестен и охотно воздает честь (свт. Василий Великий, 6, 189).

***

Почестей нисколько не должно домогаться подвижнику. Ибо если за труды и заслуги ищет он воздаяний здесь, то жалок тем, что через временное вознаграждение теряет вечное. Если же вознамерился он подвизаться здесь, а венцы получить на небе, то должен не только сам не домогаться почестей, но бегать и отказываться от тех, какие ему воздают, чтобы здешняя почесть не послужила к умалению тамошней славы. Ибо настоящая жизнь вся предоставлена трудам и подвигам, а будущая — венцам и наградам... (свт. Василий Великий, 9, 379—380).

***

Не должно искать чести и домогаться первенства. Каждый должен предпочитать себе всех (свт. Василий Великий, 10, 55).

***

Если все будем желать себе чести, кто будет воздавать честь? (прп. Ефрем Сирин, 30, 142).

***

Хочешь ли приобрести доброе имя? *В кротости дела твоя препровождай* (Сир. 3, 17) (прп. Ефрем Сирин, 30, 171).

***

Всем воздавай честь ради Господа, не требуя чести себе, и обретешь благодать у Господа (прп. Ефрем Сирин, 30, 184).

***

Смотри, возлюбленный, чтобы, желая себе излишней чести, не навлечь тебе на себя бесчестия... (прп. Ефрем Сирин, 30, 198—199).

***

...В подлинном смысле честь человеку — делать все по Богу; великое же бесчестие — преступать заповеди (прп. Ефрем Сирин, 30, 199).

***

Кого почитаешь, почитай не ради воздаяния, и не требуй себе чести (прп. Ефрем Сирин, 31, 627).

***

Если сам будешь поступать искренно, то узнаешь обманщиков (прп. Ефрем Сирин, 31, 627).

***

Лучше наказание от праведника, нежели честь от порочного (свт. Григорий Богослов, 16, 210).

***

Честь в старости есть доказательство трудолюбия прежде старости. Рачительность в юности есть залог чести в старости (авва Евагрий, 89, 601).

***

Чти матерь твою (игумению), как Матерь Господа, и не оскорбляй седин родившей тебя (по духу) (авва Евагрий, 89, 614).

***

...Кто посрамил свою честь, тот уже во всем будет бесполезен и себе не может приобрести ни в чем великой пользы, хотя бы он иногда и совершал великие дела... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 261).

***

Когда непокорные люди пользуются одинаковою честию наравне с покорными, то они больше *предаются* злу и нелегко *отстают* от порока (свт. Иоанн Златоуст, 47, 741).

***

Честь человека состоит в добродетели, в помышлении о будущем, в том, чтобы делать все для той <будущей> жизни и презирать настоящее (свт. Иоанн Златоуст, 48, 242).

***

Величие почести для нежелающих жить сообразно этой почести увеличивает казнь (свт. Иоанн Златоуст, 50, 44).

***

Если честь приобретена не усилием воли, не доблестию душевной, то не ты пользуешься честью, а богатство: такая честь делает богача бесчестнее всех. Если бы ты, имея друга, пользовался общим уважением и все открыто говорили бы, что сам ты ничего не стоишь, что они принуждены уважать тебя из-за друга твоего, скажи мне: могли ли бы они чем-нибудь более бесчестить тебя? Следовательно, богатство, когда его чтут более, чем обладателей его, есть причина бесчестия нашего, свидетельство слабости, а не могущества. Не глупо ли, в самом деле, если нас не считают достойными этой земли и пепла, а таково золото, получать нам почтение из-за него? Подлинно лучше не пользоваться честью, чем приобретать ее таким способом (свт. Иоанн Златоуст, 54, 414).

***

Душа, жаждущая чести и прославлений, не увидит Царства Небесного (свт. Иоанн Златоуст, 54, 852).

***

Одной только пречистой и божественной силе угодно украшать честью по достоинству; у нее одной и есть чем

почтить, потому что хотению равносильно и могущество. Посему ее единую возлюбим, и как благоизволяющую нас почтить, и как имеющую чем почтить, не только по достоинству, но и сверх достоинства (прп. Исидор Пелусиот, 62, 373).

***

Желающий себе чести не может иметь недостатка в причинах к печали (прп. Исаак Сирин, 58, 11).

***

Если пренебрежешь сам себя, чтобы не быть тебе чествуемым, то провозгласит о тебе Бог (прп. Исаак Сирин, 58, 302).

***

...Кто стремится за честью, от того бежит она вперед (прп. Исаак Сирин, 58, 302).

***

Укори честь, чтобы стать почтенным; и не люби чести, чтобы не быть обесчещенным (прп. Исаак Сирин, 58, 302).

***

...Кто убегает от чести, того настигает она сзади, и делается для всех людей провозвестницею его смирения (прп. Исаак Сирин, 58, 302).

***

Честь состоит в том, чтобы почитать всех, Бога же прежде всего, и заповеди Его стяжавать себе, как богатство, претерпевая ради них обиды, злословия и поношения

всякого рода. Ибо когда ты, душа, предпримешь какое-либо дело ради чести и славы Божией, и за него нанесут тебе обиды и уничижения, тогда ты достигла прочной чести и славы, потому что (здесь-то), конечно, и придет к тебе слава Божия, тогда тебя восхвалят все Ангелы, так как ты почтила Бога, которого и они прославляют (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 65—66).

****

Некто из святых Иерусалимской пустыни, именем Филагрий, прилежно занимался работой и тем добывал себе пропитание. Однажды, продавая на рынке свое рукоделие, он заметил, как кто-то обронил кошелек с монетами. Остановившись на том месте, он подумал: «Конечно, потерявший воротится». И вот потерявший идет и плачет. Старец отвел его в сторону и отдал ему кошелек. В знак благодарности потерявший хотел дать ему что-нибудь из денег, но авва не принял. Тогда потерявший начал кричать: «Пойдите, посмотрите, что сделал человек Божий!» Но старец уже скрылся, не желая прославиться (97, 279).

ЧИСТОТА

Кто очистился и пребывает чист, тот не только сам себя сохраняет от мирских соблазнов, не только не уловляется никакою сетию нападающего на него врага, но и укрепляется в своих силах до того, что над всем воинством противника господствует по своей воле, как повелитель (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 92).

***

Насколько кто имеет чистоту, настолько видит себя много согрешающим, от того (именно), что видит, а на-

сколько много согрешает, настолько омрачается, хотя и видит себя имеющим чистоту (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 151.

***

...Увядание плоти даст нам возможность дойти до совершенства в добродетели чистоты (прп. Антоний Великий, 89, 43).

***

Без чистоты тела и сердца никто не может быть совершен перед Богом... (прп. Антоний Великий, 89, 51).

***

Кто есть *чистый сердцем?* (ср.: Мф. 5, 8)... Кто не знает за собой презрения к заповеди Божией или недостаточного или небрежного исполнения оной (свт. Василий Великий, 9, 300).

***

Лучше в чистом сердце ради добродетели нечистота ног, нежели выставляемая в предлог чистота и омовение пристрастное (прп. Ефрем Сирин, 30, 201).

***

Имея разум, занятый чувственным, можно ли тебе будет в чистом уме, как в зеркале, созерцать невидимое, и услаждаться, и радовать себя памятованием о Боге? (прп. Ефрем Сирин, 30, 497—498).

***

А как сделаться чистым, способы к этому можно тебе познать из всякого почти Евангельского учения. Ибо, пере-

ходя к последующим заповедям, найдешь ясное учение об очищении сердца. Господь, разделив порок на два вида, на видимый в делах и на составляющийся в мыслях, первый вид, т. е. неправду, обнаруживаемую в делах, наказывал по ветхому закону, ныне же обратил внимание закона на другой вид греха, не дело худое наказывая, но промышляя, чтобы не полагалось ему и начала. Ибо изъять порок из самого произвола гораздо важнее, нежели сделать жизнь чуждою лукавых дел. Поелику порок многочастен и многообразен, то Господь в заповедях Своих каждому из запрещенных дел противопоставил особое врачевство (свт. Григорий Нисский, 19, 447—448).

***

...Чистая душа служит для Него <Бога> и невестою, и стрелою, и, как стрелу, направляет Он ее к доброй цели, как невесту, восприемлет в общение неистленной вечности... (свт. Григорий Нисский, 20, 112).

***

...Душе, достигшей чистоты, должно не иметь в себе ничего, кроме Бога, и ни на что иное не обращать внимания; но только быть чистою от всякого вещественного дела и понятия, чтобы, всей и всецело претворившись в мысленное и невещественное, соделать себя самым явственным изображением красоты первообраза (свт. Григорий Нисский, 20, 380—381).

***

...Чистота сердечная, т. е. блюдение и охранение ума... все страсти и всякое зло отсекает от сердца, и искореняет

из него, и вместо того вводит в него радость, благонадежие, сокрушение, плач, слезы, познание себя самих и грехов своих, памятование смерти, истинное смирение, безмерную любовь к Богу и людям и божественное рачение сердечное (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 190).

***

Чистота телесная не приносит большой пользы, а чистота душевная доставляет нам дерзновение перед Богом. Ту могут иметь и прелюбодеи, и воры, и убийцы, и сластолюбцы, и развратники, и блудники, и блудницы, последние по преимуществу: они больше всех заботятся о чистоте тела, постоянно намащая себя миром и *повапляя гроб свой* (ср.: Мф. 23, 27), ведь их тело — гроб, внутри которого — мертвая душа. Такую чистоту и они могут иметь; внутренней же — не могут. Неважное дело, если ты вымоешь тело: это — очищение иудейское, пустое и бесполезное, если нет очищения внутреннего. Положим, что кто-нибудь страдает гниением или ранами внутри, и пусть он омывает свое тело; какая будет польза, какие последствия? Если же имеющий гнилую рану в теле не может получить пользы от омовения и очищения поверхности, то какую пользу мы можем получить от чистоты телесной, когда гниение находится в душе? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 800—801).

***

Нет ничего столь благопотребного, как чистота жизни, ничего столь прекрасного, как благоустроенная жизнь, ничего столь вожделенного, как добродетель (свт. Иоанн Златоуст, 55, 96).

***

...Чистая жизнь в состоянии с великой силой заградить уста и самого диавола (свт. Иоанн Златоуст, 55, 703).

***

Для сохранения чистоты душевной и телесной недостаточно одного воздержания от пищи; для этого нужны еще и другие добродетели душевные. Прежде всего, через послушание, сокрушение сердечное и утомление тела трудом надобно научиться смирению; денег не только не должно иметь, но и желание их надобно истребить, потому что не довольно того, чтобы только не иметь их, но нужно не питать и желания брать их, когда предлагают; гнев надобно подавить, уныние победить, тщеславие отвергнуть, гордость попрать, непостоянные помыслы ума обуздать непрестанным памятованием о Боге... (прп. Иоанн Кассиан, 56, 53—54).

***

...Со всею осмотрительностию должны быть очищаемы сначала тайники нашего сердца. Ибо чего те <ветхозаветные> желают достигнуть в чистоте тела, то мы должны иметь в тайниках совести, в которой пребывая Господь — Советник и Подвигоположник, всегда смотрит на подвиг нашего течения и борьбы, чтобы тому, что боимся сделать открыто, мы не допустили возникнуть и внутри неосторожным помышлением; и что стыдимся обнаружить перед людьми, тем не должны осквернятся и тайным согласием. Хотя оно и могло бы укрыться от знания людей, но не возможет утаиться от знания святых Ангелов и Самого Всемогущего Бога, от Которого не укроются никакие тайны (прп. Иоанн Кассиан, 56, 78).

***

...Как чистота и осторожность днем предуготовляет ночную чистоту, так и ночная бдительность доставляет сердцу и дневной предосторожности твердое состояние и силу (прп. Иоанн Кассиан, 56, 84).

***

...Никакое удручение этого тела, никакое сокрушение сердца для приобретения истинной чистоты внутреннего человека не могут быть достойны того, чтобы в состоянии были приобресть такую добродетель чистоты, прирожденную одним Ангелам и свойственную небу, одним трудом человеческим без помощи Божией (прп. Иоанн Кассиан, 56, 149).

***

...Никто не может достигнуть чистоты и конца совершенства иначе, как истинным смирением, которое сначала должен человек оказывать братиям, также и Богу в сокровенности сердца, в полной уверенности, что без покровительства и помощи Его, оказываемой ему ежеминутно, он вовсе не может достигнуть совершенства, которого желает и к которому с усилием стремится (прп. Иоанн Кассиан, 56, 157).

***

...Посты, бдения, отшельничество, размышление о Священном Писании нужны для главной цели, т. е. чистоты сердца, которая есть любовь, и из-за них не должно нарушать эту главную добродетель, при целом, невредимом сохранении которой у нас не будет никакого недостатка, если бы по необходимости и было опущено что-нибудь из сказанных подвигов... (прп. авва Моисей, 56, 171).

***

...Заботящимся о чистоте весьма большую пользу доставляет то, чтобы они прежде всего удалили от себя самые предметы плотских страстей, от которых может рождаться для больной души повод или воспоминание об этих страстях (прп. авва Серапион, 56, 241—242).

***

Сколько кто преуспеет в кротости сердца и терпении, столько же преуспеет и в чистоте тела, и чем дальше прогонит страсть гнева, тем лучше приобретет чистоту. Ибо тот не выгонит жара из тела, кто наперед не подавит волнения души (прп. авва Херемон, 56, 387).

***

Для усовершения чистоты... довольно безрассудно, особенно при таком разнообразии удовольствий или сил, назначать известную меру времени, которую нельзя назначать и для материальных искусств, и видимых наук, ибо каждому необходимо усвоять их, смотря по усердию души и по качеству дарований (прп. авва Херемон, 56, 399).

***

...Необходимо и чистоту внешнего человека поддерживать пищею и питием внутренней чистоты, и всегда воодушевляться ей для сохранения постоянной непорочности (прп. авва Феона, 56, 574).

***

...Содетель требует от нас чистоты тела, потому что телесное, избегающее пятна, позора и бесчестия, служит

как бы вступлением к светлости духовной (свт. Кирилл Александрийский, 65, 42).

***

Сердце чистое есть то, которое представило Богу память, совершенно безвидную (чистую от впечатлений), и не имеющую образов, и готово принять одни напечатления Божии, от которых оно обыкновенно делается светлым (прп. Марк Подвижник, 89, 518).

***

Предел чистоты — чувство, непрестанно прилепленное к Богу (блж. Диадох. 91, 7).

***

...Если будешь чист, то внутри тебя небо, и в себе самом узришь ангелов и свет их, а с ними и в них и Владыку ангелов (прп. Исаак Сирин, 58, 45).

***

Кто чист в душе и непорочен в области жизни, тот всегда с целомудрием произносит словеса Духа, и сообразно с мерою своего разумения рассуждает и о Божественном, и о том, что в нем самом... (прп. Исаак Сирин, 58, 48).

***

...Когда ум совлечется ветхого человека, и облечется в человека нового, благодатного, тогда узрит чистоту свою, подобную небесному цвету... (прп. Исаак Сирин, 58, 74).

***

Чистота есть забвение противоестественных способов ведения, изобретенных естеством в мире (прп. Исаак Сирин, 58, 104).

***

...Если <человек> не достигнет чистоты, понятия его не могут стать просветленными, чтобы видеть ему сокровенное (прп. Исаак Сирин, 58, 170).

***

Чистота есть прозрачность мысленного воздуха, в недрах которого воспаряет внутреннее наше естество (прп. Исаак Сирин, 58, 186).

***

Чистота взирает на Бога, воссиявает и цветет в душе не вследствие прошения, но вследствие неведения злобы какого бы то ни было человека (прп. Исаак Сирин, 58, 263).

***

Приобретай чистоту в делах своих, чтобы озарялась душа твоя в молитве, и памятованием о смерти возжигалась радость в уме твоем (прп. Исаак Сирин, 58, 279).

***

Телесный труд и поучение в Божественных Писаниях охраняют чистоту; а труд подкрепляют надежда и страх (прп. Исаак Сирин, 58, 311).

***

...Вера и милостыня содействуют ему <человеку> скоро приблизиться к чистоте (прп. Исаак Сирин, 58, 314).

***

Веселись с веселящимися и плачь с плачущими, ибо это признак чистоты (прп. Исаак Сирин, 58, 415).

***

Кто желает представить Господу чистое тело и чистое сердце, тот должен сохранить безгневие и воздержание... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 201).

***

И чистоту <душевную> называют бесстрастием, да и справедливо: ибо чистота есть начало общего воскресения и нетления тленных (прп. Иоанн Лествичник, 57, 243).

***

...Предел чистоты состоит в том, чтобы ко всем иметь такое же чувство, как к предметам неодушевленным (прп. Иоанн Лествичник, 57, 243).

***

...Соделавший сердце свое чистым не только познает смысл и значение вещей второстепенных и после Бога сущих, но, прошедши все их, зрит некако и Самого Бога: в чем — крайнейший предел благ. Посетив такое сердце, Бог

удостоивает Духом начертывать на нем Свои письмена, как на скрижалях Моисеевых, в такой мере, в какой оно само себя возрастило доброю деятельностию и созерцанием, по заповеди, таинственно повелевающей: *расти и множитися* (ср.: Быт. 35, 11) (прп. Максим Исповедник, 91, 244—245).

***

Чистым же сердце делают не одна, не две, не десять добродетелей, а все вместе, слившись, так сказать, во едину добродетельность, достигшую последних степеней совершенства. Однако же и в таком случае добродетели — одни не могут сделать сердца чистым, без воздействия и присещения Духа Святаго. Ибо как ковач, как бы искусно ни умел он действовать орудиями, ничего не может сработать без содействия огня, так и человек пусть все делает со своей стороны (для очищения сердца), пользуясь для сей цели добродетелями, как орудиями, но без присещения огня Духа, все делаемое им останется бездейственным и бесполезным для его цели, так как это — одно — не имеет силы очищать нечистоту и скверну души (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 532—533).

***

Чисто сердце, я полагаю, у того, кто не только не бывает тревожим и тяготим какою-либо страстию, но и не помышляет даже ни о чем худом, или мирском, хотя бы и хотел того, и одну память о Боге держит в себе с неудержимою любовью. Ибо око души, ум, когда ничто не мешает его созерцанию, чисто, в чистом свете видит Бога (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 562).

***

...Как может быть чисто сердце у того, кто оскверняется нечистыми помыслами, как зеркало затемняется пылью? (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 562).

***

Сердце чисто есть и называется то, которое не находит в себе никакого помышления, или помысла мирского, но все прилеплено к Богу и сочетано с Ним так, что не вспоминает уже ничего мирского, ни печального, ни радостного, но превитает в созерцании, возносясь до третьего неба, восторгаясь в рай и видя наследие благ, обетованных святым, — применительно к чему представляет потом, сколько возможно сие для немощи человеческой, и блага вечные. Вот что служит знамением чистоты сердечной и верным признаком, по которому всякий может определить меру своей чистоты и видеть себя как в зеркале (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 563).

***

Если же свет, который в тебе, будет чистым, когда плотские помыслы не омрачают, тогда душою ты станешь всецело лучезарным, как когда светильник озаряет тебя светом (свт. Григорий Палама, 26, 127).

***

...<Чистота> не стяжавается никем никогда, иначе как совершенством в действовании, постоянным сокрушением, созерцанием и молитвою в созерцании (свт. Григорий Палама, 93, 302).

***

Что такое чистота? Это — добродетель, противоположная блудной страсти; это — отчуждение тела от действительного впадения в грех и от всех действий, приводящих ко греху, отчуждение ума от помышлений и мечтаний блудных, а сердца от ощущений и влечений блудных, затем последует и отчуждение тела от плотского вожделения (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 333).

***

Чистота жительствующих в супружестве состоит в верности супругов друг к другу. Чистота дев и вдовиц уневестившихся Христу состоит в верности ко Христу (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 334).

***

Весьма важно сохранение тела от впадения в блуд; но одного этого недостаточно для боголюбезной чистоты, которою зрится Бог. На нас лежит непременная обязанность очистить самую душу от помышлений, мечтаний и ощущений сладострастных... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 339).

***

...Чистота — дар благодати Божией, привлекаемый правильным трудом человека к очищению себя (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 531).

***

Чистота сердца... зрит Бога; она воссиявает и цветет в душе не вследствие учения человеческого, но от невидения злобы человеческой (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 409).

***

От чистоты — с Богом пребывание, не мыслями только, но и чувством (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 83, 179).

***

Если нет чистоты и отрешенности в сердце, нет их совсем, хотя бы кто чист был телом и ничего не имел бы из благ мира (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 5—6).

ЧРЕВОУГОДИЕ

И собака, когда лижет свою рану, от сладости не ощущает болезни, что она пьет собственную кровь. И чревоугодник, когда ест вредное для него, по душе и по телу, не чувствует вреда, который себе делает (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 35).

***

Как смирение выше других добродетелей, так чревоугодие гнуснее всех страстей (прп. авва Исаия, 59, 95).

***

Горе нам, что мы не обращаем внимания на смрад, исходящий из чрева нашего, и потому побеждаемся сластолюбием и гордостию (прп. авва Исаия, 59, 193).

***

...Не будь чревоугодлив в ястии, чтобы не возобновились в тебе прежние грехи твои... (прп. авва Исаия, 89, 331).

***

Если войну против тебя подняло чревоугодие похотением яств, то вспомни о зловонии их — и успокоишься (прп. авва Исаия, 89, 352).

***

Как тати день и ночь непрерывно подбираются к золоту и похищают нечаянно, когда не знаешь, так смотри, чтобы враг не обольстил тебя грехом прародительским и не изгнал вскоре из рая сладости. Ибо тот, кто хищением снеди отвлек Адама от жизни, надеялся запнуть и Иисуса, тем паче не постыдится и тебе подмешать этой первой причины зол, зная, какой это сильный яд: потому что страсть чревоугодия обыкновенно обнаруживает свою силу не во множестве яств, но в пожелании и в малом вкушении (свт. Василий Великий, 9, 46).

***

Как вода, разделяемая на многие протоки, делает, что зеленеют все места, лежащие около протоков, так и страсть чревоугодия, если разлилась в твоем сердце, напоив все твои чувства и насадив в тебе лес пороков, обратит душу твою в жилище зверей (свт. Василий Великий, 9, 46).

***

...Если будешь владеть чревом, то станешь обитать в раю; а если не овладеешь им, то сделаешься добычею смерти (свт. Василий Великий, 9, 47).

***

...Избегая неумеренности в наслаждении, целью вкушения надобно поставлять не приятность, а потребность

пищи для жизни; ибо раболепствовать удовольствиям не что иное значит, как чрево свое делать богом (свт. Василий Великий, 9, 120).

***

...Несообразно будет, принимая снеди для поддержания тела, сими же самыми снедями вооружаться на тело и препятствовать ему в служении заповеди (свт. Василий Великий, 9, 120).

***

Лев, гоняясь за добычею для своего чрева, делается пленником; и чревоугодник унижается для удовольствия чрева (прп. Ефрем Сирин, 30, 171).

***

Чревоугодник трудится и сокрушается о том, как наполнить чрево свое яствами, а когда поел, мучится во время пищеварения; воздержание же сопровождается здравием и трезвенностию (прп. Ефрем Сирин, 30, 183).

***

Если враг... возбуждает к чревоугодию, нападем на него постом (прп. Ефрем Сирин, 30, 232—233).

***

Кто вначале тесной жизни порабощен чреву и объедению, тот заключит худым концом (прп. Ефрем Сирин, 32, 405).

***

...Не любил я продолжительных трапез, не любил пресыщать прожорливое чрево — эту погибельную мать плотоугодия (свт. Григорий Богослов, 15, 281).

***

От нескольких капель кровавой влаги сседается молоко в большом сосуде. Один камень, упав на поверхность стоячей воды, мутит вдруг прекрасный источник; множество кругов, непрестанно образуясь в одной точке, рассеваются по воде и исчезают на окружности. От удара в одном месте все тело вокруг пухнет и чувствует боль. Немного вкушено, и стал я мертв; потому что за вкушением последовали грехи, как за одним храбрецом через неприятельскую стену идет все воинство. Невелика рана, наносимая аспидом, но она мгновенно погружает в предсмертный сон, и самая гибель бывает приятна для умирающих. Посему старайся, чтобы сердце твое не осквернялось даже и малостию (свт. Григорий Богослов, 16, 89).

***

Ненасытное чрево открыло пути для кораблей; оно научило людей с неистовством вооружаться друг против друга (свт. Григорий Богослов, 16, 140).

***

Учись держать чрево в крепкой узде; оно одно не воздает благодарности за оказанные ему благодеяния (свт. Григорий Богослов, 16, 140).

***

Чрево говорит: дай. — Охотно дам, если, получив просимое, сохранишь целомудрие. А если жертвуешь сим дольнему, то получи от меня грязь, да и ту не в избытке. Когда же сделаешься воздержным, тогда дам и в избытке (свт. Григорий Богослов, 16, 203).

***

...Помысл чревоугодия предлагает монаху поскорее отступить от подвижничества, изображая ему болезни желудка, печени, селезенки, водяную или другую какую долгую болезнь, скудость врачебных пособий и отсутствие врачей. При этом приводит на память некоторых братий, точно подвергавшихся таким болезням. Бывает, что иногда враг внушает это самим братиям пострадавшим: прийти к постникам и рассказать, что с ними было, прибавляя, что это случилось от слишком строгого воздержания (авва Евагрий, 89, 603).

***

...Кто красно одевается и наполняет чрево свое, тот пасет срамные помыслы, и не внидет в сонм святых (авва Евагрий, 89, 612).

***

Кто учащает пиры, померкнет свет того и душу его покроет тьма (авва Евагрий, 89, 613).

***

...Подъяремные животные от яслей выступают в дорогу, несут тяжести и исполняют свою службу... А ты после

трапезы бываешь неспособен и негоден ни к какому делу; не будешь ли ты хуже и самых ослов? ...Будем же от трапезы обращаться не на ложе, но на молитву, чтобы нам не быть бессмысленнее бессловесных (свт. Иоанн Златоуст, 44, 790—791).

***

Подобно тому, как корабль, нагруженный множеством годных для перевозки предметов, большим, чем сколько он может нести, отягчаемый величиною груза, тонет, так и душа, и природа нашего тела, приняв пищу в большем количестве, чем какое соответствует ее силе, угнетается страданием, и, не выдерживая тяжести принятого ею, тонет в море гибели, и вместе со всеми губит так же и кормчего, и корабельщиков, и подкормчего, и пассажиров, и самый груз (свт. Иоанн Златоуст, 45, 825—826).

***

...Адама изгнало из рая чревоугодие; оно же во времена Ноя было причиною потопа; оно же и на содомлян низвело огонь. Хотя преступлением их было и сладострастие, но корень той и другой казни произошел от чревоугодия... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 131).

***

Нет ничего хуже, ничего постыднее чревоугодия. Оно делает ум тупым; оно делает душу плотскою; оно ослепляет и не позволяет видеть... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 292).

***

Беги чревоугодия, порождающего в нас все пороки, удаляющего нас от Самого Бога и низводящего нас в бездну погибели (свт. Иоанн Златоуст, 54, 964).

***

Тебе обещано небо и Царствие Небесное, а ты, покоряясь насилию его (желудка), не переносишь ли все и не пренебрегаешь тем (обещанным)? Вот истинное бесстыдство! (свт. Иоанн Златоуст, 55, 109).

***

Голодный желудок не может возбудить плотской похоти, равно как и (желудок), довольствующийся умеренною пищею; порочные же пожелания рождаются в желудке, предающемся пресыщению (свт. Иоанн Златоуст, 55, 247).

***

...Кто с жадностью предается яствам, подрывает силы тела, равно как уменьшает и ослабляет крепость души (свт. Иоанн Златоуст, 55, 571—572).

***

Чрево, пресыщенное какою-либо пищею, порождает семя сладострастия, и дух, подавляемый тяжестью пресыщения, не может иметь рассудительность. Ибо не одно чрезмерное употребление вина обезумливает человека, но и безмерное употребление пищи также расстроивает, помрачает его, и лишает чистоты и непорочности... (прп. авва Антоний, 56, 52).

***

...Нам надобно прежде подавить страсть чревоугодия, и ум до того должен быть утончен не только постом, но и бдением, и чтением, и частым сокрушением сердца о том, в чем сознает себя прельщенным или побежденным, то сокрушаясь от страха пороков, то воспламеняясь желанием совершенства и непорочности, пока, занятый такой заботой и размышлениями, не сознает, что принятие пищи допущено не столько для удовольствия, сколько послужило в тягость ему, и считает ее больше необходимой потребностью тела, нежели вожделенной душе. Занятые таким упражнением ума и сокрушением, мы подавим сладострастие плоти, усиливающееся от разгорячения пищею, и вредные жала ее; и таким образом, печь нашего тела, которая разжигается вавилонским царем (т. е. диаволом), постоянно доставляющим нам поводы ко грехам и порокам, которыми наподобие нефти и смолы, сильно сожигаемся, мы можем погасить обилием слез и сердечным плачем, пока жар плотской похоти не будет совершенно погашен благодатью Божией, веющей в сердцах наших духом росы своей (прп. Иоанн Кассиан, 56, 56—57).

***

...У нас есть первое состязание — это наш первый опыт как бы на олимпийских сражениях — желанием совершенства истребить страсть объедения и чревоугодия. Для этого не только излишнее пожелание пищи надобно подавить ради добродетелей, но и самую необходимую для природы пищу, как противную целомудрию, должно принимать не без скорби сердечной. И течение нашей жизни должно быть установлено таким образом, чтобы ни в какое время не отвлекаться от духовных занятий, разве только когда сла-

бость тела побуждает снизойти к необходимому попечению о нем. И когда этой необходимости подчиняемся, то, удовлетворяя больше потребности жизни, нежели вожделению души, мы должны спешить оставлять ее, как отвлекающую нас от спасительных занятий. Ибо мы никак не можем презреть удовольствия настоящей пищи, если ум, предавшись Божественному созерцанию, не будет услаждаться больше любовью добродетелей и красотою небесных предметов. И таким образом, всякий будет презирать все настоящее как скоропреходящее, когда непрерывно будет устремлять взор ума к непоколебимому и вечному, еще будучи в теле, будет созерцать блаженство будущей жизни (прп. Иоанн Кассиан, 56, 57).

***

Чревоугодие разделяется на три вида: один вид побуждает принимать пищу ранее определенного часа; другой любит только пресыщаться какою бы то ни было пищею, а третий хочет лакомой пищи. Против этого монах должен иметь троякую осторожность: ожидать определенного для принятия пищи времени; не должен пресыщаться; должен довольствоваться всякою пищею низкого сорта (нрп. Иоанн Кассиан, 56, 63—64).

***

...Против чревоугодия во всякое время подвизаясь, они <люди> не могут быть безопасны, если не будут вести борьбу с особенною осмотрительностию сердца и воздержанием тела (прп. авва Серапион, 56, 246).

***

...От чревоугодия рождаются пирования, пьянство... (прп. авва Серапион, 56, 254).

***

...С какою бы горячностию духа мы ни вышли в пустыню добродетелей, но никак не можем оставить соседства, власти чрева и ежедневного общения с ним. Ибо всегда живет в нас врожденная естественная потребность в пище, хотя мы должны стараться отсекать излишние позывы и желания ее, которые как нельзя вовсе истребить, так с некоторою осторожностию надобно их ограничивать (прп. авва Серапион, 56, 256).

***

Образ этой страсти, которой необходимо подчиняется даже духовной и высокой жизни монах, довольно верно обозначается подобием орла. Хотя он возвышенным полетом поднимается выше облаков и скрывается от глаз всех смертных и от лица всей земли, но по требованию чрева принужден бывает опять спускаться на низменности долин, сходить на землю и питаться... трупами. Этим ясно доказывается, что чревоугодия никак нельзя пресечь, как прочие пороки, или совершенно истребить, а только излишние возбуждения и пожелания его силою души можно ограничить, обуздать (прп. авва Серапион, 56, 257).

***

...Если побежденный дух чревоугодия своим смирением начнет улещать тебя, упрашивая, чтобы ты несколько послабил ему, уменьшил ревность в воздержании и меру строгости, то ты не сдавайся на его покорность; видя, что ты немного стал спокойнее от плотского разжигания, не думай, что ты безопасен от нападения, не возвращайся к прежней невоздержности или прихотям чревоугодия. Ибо этим побежденный тобою дух говорит как бы так: *возвращусь в дом мой, откуда вышел* (Лк. 11, 24). Тогда

тотчас происходящие от него семь духов пороков будут для тебя злее, нежели та страсть, которая в начале была побеждена тобою, и они скоро увлекут тебя к худшим грехам.

...Посему нам надобно стараться, чтобы, воздержанием и постом победив страсть чревоугодия, не оставлять душу нашу пустою от необходимых добродетелей, но рачительно занимать ими все изгибы нашего сердца, чтобы дух чревоугодия, возвратившись, не нашел нас пустыми, незанятыми ими и, не довольствуясь открытием входа для себя одного, не ввел с собою в нашу душу семь страстей, и не сделал наше последнее худшим прежнего. Ибо после этого будет гнуснее, нечистее та душа, которая хвалится, что отверглась этого мира, тогда как господствуют в ней все восемь страстей, и подвергнется более тяжкому наказанию, нежели когда была в мире, когда еще не обязывалась ни благочинием, ни именем монашеским. Ибо эти семь духов потому называются злейшими прежде вышедшего духа, что пожелание чрева само по себе не было бы вредно, если бы не вводило за собою других более важных страстей, т. е. блуда, сребролюбия, гнева, печали или гордости, которые сами по себе, без сомнения, вредны и гибельны душе. И потому никогда не может достигнуть совершенной чистоты тот, кто надеется приобресть ее одним воздержанием, т. е. телесным постом, если не познает, что воздержание нужно для того, чтобы, по усмирении плоти постом, легче мог вступить в брань с прочими страстями (прп. авва Серапион, 56, 260).

***

...Чревобесие должно быть побеждаемо не для себя только, именно чтобы не вредило нам обременительной прожорливостью, и не для того одного, чтобы не разжигало нас огнем плотской похоти, но и для того, чтобы не делало

нас рабами гнева или ярости, печали и всех прочих страстей (прп. авва Феона, 56, 568).

***

...Перед лицом самой истины Божией скажи мне... не чревоугодие ли изгнало первых человеков из рая сладости? Не пресыщение ли лишило Исава и прав первородства и свободы? Не излишнее ли ядение волов и овец подвергло Саула отъятию у него и царства, и жизни? Не вожделение ли мяс и мясных котлов преследовало пустынника Израиля несчетным множеством и роем истязаний и искушений? Не чрево ли ненасытное, не хищение ли мяс, и пьянство, и женонеистовство довели Офни и Финееса до того, что, утратив священство, и кивот, и власть над коленами, и честь, и славу, преданы были врагам и вражескому мечу? Не пожирание ли мяс при Илии и студных жрецов соделало достойными заклания? Не жадность ли чрева и желание снедей ввергли в погибель изобличенных пеплом служителей ваала? А с другой стороны, не пост ли, не отречение ли от сожительства спасли от обуревания в необычайном море и Ноя, и сынов его, питавшихся семенами и не имевших плотского единения со своими супругами?.. Не пост ли возвратил жизнь ниневитянам, после того как услышали решительно изреченный им смертный приговор? Не пост ли соделал, что чудный Даниил и единомышленные с ним превозмогли и мучителя, и всепожигающий огнь? Не пост ли и святость до того усовершили Иоанна, что стал крестителем воплотившегося Бога, как приобретший чистоту, достойную такового тайноводства? Не пост ли, и нагота, и возлежание на голой земле, и изможение тела соделали Павла слышателем неизреченных тайн в раю? Итак, почему же, не подражая этому, но примыслив для себя недоб-

рое, возлюбил ты худшее? Если не вовсе еще вышел ты сам из себя и забыл Бога, то возвратись в естественное свое состояние, в котором имел все нужное для служения Богу, познай Того, Кто создал и искупил тебя честною Своею Кровию, и не делай для себя, став рабом плоти, судиею и отомстителем Своего Спасителя и Благодетеля (прп. Исидор Пелусиот, 60, 48—50).

***

Не вразумляет тебя и <апостол> Павел, точнее всякого ведущий небесное, утверждая, что упразднены будут и чрево, и его пожелания (см.: 1 Кор. 6, 13); напротив того, весь ты занят трапезой, со всею роскошию угождаешь одной только гортани, чрево почитаешь богом. Посему если думаешь, что все кончится с настоящею жизнию, то прекрасно подвизаешься, обременяя себя яствами. А если веришь, что будет нечто и после сей жизни, то приготовляй дела свои к отшествию (прп. Исидор Пелусиот, 60, 194).

***

...Если чаешь отойти к Богу, то послушайся моего совета и угашай неистовство чревоугодия, ослабляя в себе разжжения сластолюбия, которых излишество предает нас тамошнему пламени (нрп. Исидор Пелусиот, 60, 199).

***

Пренебрегай лакомые снеди, потому что в скором времени обращаются они в ничто, а во время вкушения имеют великую цену. Употребление оных сверх потребности ныне порождает болезни, а в будущей жизни подвергает ответственности на Суде (прп. Исидор Пелусиот, 60, 207).

***

Чревоугодием (γαστριμαργία)... называется излишество. Но и неистовая заботливость о чреве есть также чревоугодие, потому что μάργος значит неистовый. Поэтому, для чего оставив соразмерное и благодарное употребление даров Божиих, стараешься с неистовством о лакомых яствах и суетных поварских ухищрениях, которые не к напитанию служат, но приводят в страстное неистовство? (прп. Исидор Пелусиот, 60, 219).

***

Поелику в естестве нашем, при множестве нужд, самая великая — нужда чрева, потому что, предписывая нам многое, всего меньше соглашается покориться разуму, то будем удерживать самоуправство чрева рассудком, и неукротимое ухищримся сделать ручным. Достигнем же сего, если нужде станем удовлетворять потребным и неумеренность сокращать тем, что будем довольствоваться малым (прп. Исидор Пелусиот, 60, 304).

***

Если чрево препобедишь, то овладеешь и тем, что от чрева, и не заслужишь осмеяния... (нрп. Исидор Пелусиот, 61, 392).

***

...Простирающиеся далее довольства необходимым и позыв на пищу оскорбляют пресыщением, и притупляют чувства, и сами того не замечают, что от излишества в наслаждении теряют наслаждение пищею (прп. Исидор Пелусиот, 62, 230).

***

...Поелику соблюдающим степенность в нравах не надлежит сквернить языка своего, то пусть будет сказано, что всего короче и благоприличнее, а именно, что причина великих зол — чревоугодие... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 447—448).

***

Око чревоугодника высматривает, где пиршество, а око воздержного — где собрания мудрых (прп. Нил Синайский, 71, 202).

***

Отощавшее чрево приуготовляет к тому, чтобы бодрствовать в молитве, а пресыщенное наводит глубокий сон (прп. Нил Синайский, 71, 202).

***

...Сребролюбие, гнев, печаль суть порождения и отростки чревоугодия (прп. Нил Синайский, 72, 73).

***

Когда оно <чрево> наполнено, тогда сильны пожелания и других удовольствий... (прп. Нил Синайский, 72, 74—75).

***

С воспламенением утробы от многоценности снедей расслабевают и духовные силы... (прп. Нил Синайский, 72, 76).

***

Оно <чревоугодие> истребляет в человеке все доброе (прп. Нил Синайский, 72, 76—77).

***

...Чревоугодие все приводит в движение, служа удовольствию гортани; и разнообразие снедей низлагает и истребляет твердость добродетелей (прп. Нил Синайский, 72, 77).

***

Конец употребления пищи сверх меры явен, сие доводит тело до мучительного состояния, а часто и до болезни (прп. Нил Синайский, 72, 381).

***

Матерь сластолюбия (похотного) — чревоугодие: ибо оно порождает сластолюбивую похотливость и многие другие страсти. От него, как от корня стебельки, дают побеги прочие страсти и в скором времени, став деревьями наравне с ним, породившим их, разветвляются в пороки, до небес досязающие. Так сребролюбие, гнев, печаль суть порождения и произрастения чревоугодия. Чревоугоднику прежде всего нужны деньги на удовлетворение пламенеющего всегда своего вожделения, хотя оно никогда не удовлетворяется; затем на препятствующих приобретению денег необходимо возбуждаться гневу; когда же гнев бессилен бывает перейти в дело, за сим по необходимости следует печаль... (прп. Нил Синайский, 90, 249).

***

Чревоугодию паче всего сродственно сладострастное движение. И сама природа, желая показать сродство сих

страстей, орудиям соития назначило место под чревом, сею близостью означая телесную их связь. Почему если ослабевает сия страсть (похоть), то ослабевает от оскудения того, что выше, — т. е. чрева; и если усиливается и приходит в движение, то оттуда подается ей сила. Но не сей только страсти питательницею и воздоительницею бывает чревоугодие; оно истребляет в человеке все доброе. Коль скоро оно берет верх, обыкновенно падают и вземлются от среды воздержание, целомудрие, мужество, терпение и все прочие добродетели (прп. Нил Синайский, 90, 249—250).

***

Нелегко овладеть бесстыдным чревом, ибо оно есть бог для побеждаемых им, и невозможно быть не виновным, кто повинуется ему. И не только от насыщения, но и от невкушения пищи вижу (бывающее) бедствие; ибо когда мы в течение многих дней не вкушаем пищи, то уныние, найдя себе в нас место, восстанет и будет бороть нас, и ночное бдение наше низвергает в сон, а дневную молитву в плотские помыслы... ибо, как более других постящиеся, мы начинаем высокомудрствовать и уничтожать меньших, а такое (мнение о себе и о ближних) тяжелее всякого греха (прп. Марк Подвижник, 89, 513—514).

***

...Что пламень огненный в сухих дровах, то и тело при наполненном чреве (прп. Исаак Сирин, 58, 306).

***

Лучше беседуй со свиньею, нежели с чревоугодником; потому что свиное корыто лучше прожорливых уст (прп. Исаак Сирин, 58, 415).

***

...Есть два вида чревоугодия. Первый — когда человек ищет приятности пищи и не всегда хочет есть много, но желает вкусного; и случается, что таковый, когда вкушает яства, которые ему нравятся, до того побеждается их приятным вкусом, что удерживает снедь во рту, долго жует ее и, по причине приятного вкуса, не решается (скоро) проглотить ее. Это называется по-гречески λαιμαργία — гортанобесие. Иного опять борет многоядение, и он не желает хороших снедей и не заботится о вкусе их, но хороши ли они, или нет, он хочет только есть и не разбирает, каковые они; он заботится только о том, чтобы наполнить чрево свое; это называется γαστριμαργία, т. е. чревобесие (прп. авва Дорофей, 29, 171—172).

***

...Чревообъедение есть причина всех падений... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 49).

***

Если ты победишь сию госпожу <чревоугодие>, то всякое место будет тебе способствовать к приобретению бесстрастия; если же она тобою будет обладать, то до самого гроба везде будешь бедствовать (прп. Иоанн Лествичник, 57, 49).

***

Когда сидишь за столом, приводи себе на память плачевную трапезу червей, и ты будешь меньше наслаждаться (прп. Иоанн Лествичник, 57, 78).

***

...Чу́дно было бы, если бы кто-нибудь, прежде сошествия своего в гроб, освободился от сей страсти <чревоугодия> (прп. Иоанн Лествичник, 57, 105).

***

Чревоугодие есть притворство чрева, потому что оно и будучи насыщено, вопиет: «мало!», будучи наполнено, и расседаясь от излишества, взывает: «алчу!» (прп. Иоанн Лествичник, 57, 105).

***

Чревоугодие есть изобретатель приправ, источник сластей. Упразднил ли ты одну жилу его, оно проистекает другою. Заградил ли ты и сию — иною прорывается и одолевает тебя (прп. Иоанн Лествичник, 57, 105).

***

Чревоугодие есть прельщение очей; вмещаем в меру, а оно подстрекает нас поглотить все разом (прп. Иоанн Лествичник, 57, 105).

***

Насыщение есть мать блуда, а утеснение чрева — виновник чистоты (прп. Иоанн Лествичник, 57, 105).

***

Кто ласкает льва, тот часто укрощает его; а кто угождает телу, тот усиливает его свирепость (прп. Иоанн Лествичник, 57, 106).

***

Жид радуется о своей субботе и о празднике, и монах-чревоугодник веселится о субботе и о воскресном дне; во время поста считает, сколько осталось до Пасхи; и за много дней до нее приготовляет снеди. Раб чрева рассчитывает, какими снедями почтить праздник; а раб Божий помышляет, какими бы дарованиями ему обогатиться (прп. Иоанн Лествичник, 57, 106).

***

Когда пришел странник, чревоугодник весь движется на любовь, подстрекаемый чревонеистовством, и думает, что случай сделать брату утешение есть разрешение и для него. Пришествие других считает он за предлог, разрешающий пить вино, и под видом того, чтобы скрыть добродетель, делается рабом страсти (прп. Иоанн Лествичник, 57, 106).

***

Часто тщеславие враждует против объедения; и сии две страсти ссорятся между собою за бедного монаха, как за купленного раба. Объедение понуждает разрешать, а тщеславие внушает показывать свою добродетель; но благоразумный монах избегает той и другой пучины и умеет пользоваться удобным временем для отражения одной страсти другою (прп. Иоанн Лествичник, 57, 106).

***

Если бывает разжжение плоти, то должно укрощать ее воздержанием, во всякое время и на всяком месте. Когда же она утихнет, (чего, впрочем, не надеюсь дождаться прежде смерти), тогда может скрывать перед другими свое воздержание (прп. Иоанн Лествичник, 57, 106).

***

Видал я престарелых священников, поруганных бесами, которые юным, не находившимся под их руководством, благословением разрешали на вино и прочее на пиршествах. Если они имеют доброе о Господе свидетельство, то можем с их позволения немного разрешить; если же они нерадивы, то нам не должно в этом случае обращать внимание на их благословение; а особенно, когда мы еще боремся с огнем плотской похоти... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 106—107).

***

Богопротивный Евагрий воображал, что он из премудрых премудрейший как по красноречию, так и по высоте мыслей, но он обманывался, бедный, и оказался безумнейшим из безумных как во многих своих мнениях, так и в следующем. Он говорит: «Когда душа наша желает различных снедей, тогда должно изнурять ее хлебом и водою». Предписывать это то же, что сказать малому отроку, чтобы он одним шагом взошел на самый верх лестницы. Итак, скажем в опровержение сего правила: если душа желает различных снедей, то она ищет свойственного естеству своему; и потому противу хитрого нашего чрева должно и нам употребить благоразумную осторожность; и когда нет сильной плотской брани и не предстоит случая к падению, то отсечем прежде всего утучняющую пищу, потом разжигающую, а после и услаждающую. Если можно, давай чреву твоему пищу достаточную и удобоваримую, чтобы насыщением отделываться от его ненасытной алчности и через скорое переварение пищи избавиться от разжжения, как от бича. Вникнем и усмотрим, что многие из яств, которые пучат живот, возбуждают и движение похоти (прп. Иоанн Лествичник, 57, 107).

***

Посмевайся ухищрению беса, который по вечери внушает тебе впредь позднее принимать пищу, ибо в следующий же день, когда настанет девятый час, он понудит тебя отказаться от правила, установленного в предшествовавший день (прп. Иоанн Лествичник, 57, 107).

***

Одно воздержание прилично неповинным, а другое — повинным и кающимся. Для первых движения похоти в теле бывают знаком к восприятию особенного воздержания, а последние пребывают в нем даже до смерти и до самой кончины не дают своему телу утешения, но борются с ним без примирения. Первые хотят сохранять всегда благоустройство ума, а последние душевным сетованием и истаяванием умилостивляют Бога (прп. Иоанн Лествичник, 57, 107—108).

***

...Время веселия и утешения пищею для совершенного есть отложение всякого попечения; для подвижника — время борьбы, а для страстного — праздник праздников и торжество торжеств (прп. Иоанн Лествичник, 57, 108).

***

В сердцах чревоугодников — сновидения о снедях и яствах; в сердцах же плачущих — сновидения о последнем Суде и о муках (прп. Иоанн Лествичник, 57, 108).

***

Будь господин над своим чревом, прежде нежели оно тобою возобладает, и тогда будешь принужден со стыдом

воздерживаться. Впадшие в ров беззаконий, о которых я не хочу говорить, понимают, что я сказал; целомудренные же опытом сего не познали (прп. Иоанн Лествичник, 57, 108).

***

Будем укрощать чрево помышлением о будущем огне. Повинуясь чреву, некоторые отрезали наконец сокровенные свои члены, и умерли двоякою смертию. Будем внимательны, и мы увидим, что объедение есть единственная причина потоплений, с нами случающихся... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 108).

***

Ум постника молится трезвенно, а ум невоздержного исполнен нечистых мечтаний. Насыщение чрева иссушает источники слез: а чрево, иссушенное воздержанием, рождает слезные воды (прп. Иоанн Лествичник, 57, 108).

***

Кто служит своему чреву и между тем хочет победить дух блуда, тот подобен угашающему пожар маслом (прп. Иоанн Лествичник, 57, 108).

***

Когда чрево утесняется, тогда смиряется и сердце; если же оно упокоено пищею, то сердце возносится помыслами (прп. Иоанн Лествичник, 57, 108).

***

Испытывай себя в первый час дня, в полдень, за час до принятия пищи и узнаешь таким образом пользу пос-

та. Поутру помысл играет и скитается; когда же настал шестой час, он немного ослабевает, а во время захождения солнца окончательно смиряется (прп. Иоанн Лествичник, 57, 108).

***

...Утесняй чрево воздержанием, и ты возможешь заградить себе уста; ибо язык укрепляется от множества снедей. Всеми силами подвизайся противу сего мучителя и бодрствуй неослабным вниманием, наблюдая за ним; ибо если ты хотя мало потрудишься, то и Господь тотчас поможет (прп. Иоанн Лествичник, 57, 109).

***

Мехи, когда их размягчают, раздаются и вмещают большее количество жидкости, а оставленные в небрежении не принимают и прежней меры. Обременяющий чрево свое расширяет внутренности; а у того, кто подвизается против чрева, они стягиваются мало-помалу; стянутые же не будут принимать много пищи, и тогда, по нужде самого естества, будем постниками (прп. Иоанн Лествичник, 57, 109).

***

Жажда весьма часто жаждою же и утоляется; но голод прогнать голодом трудно и даже невозможно. Когда тело победит тебя, укрощай его трудами; если же ты по немощи не можешь этого, то борись с ним бдением. Когда глаза отяжелели, берись за рукоделье; но не касайся оного, когда сон не нападает, ибо невозможно работать вместе Богу и мамоне, т. е. простирать мысль свою к Богу и на рукоделье (прп. Иоанн Лествичник, 57, 109).

***

Знай, что часто бес приседит желудку и не дает человеку насытиться, хотя бы он пожрал все снеди Египта и выпил всю воду в Ниле (прп. Иоанн Лествичник, 57, 109).

***

По пресыщении нашем сей нечистый дух отходит и посылает на нас духа блудного; он возвещает ему, в каком состоянии мы остались, и говорит: «иди, возмути такого-то: чрево его пресыщено, и потому ты немного будешь трудиться». Сей, пришедши, улыбается и, связав нам руки и ноги сном, уже все, что хочет, делает с нами, оскверняя душу мерзкими мечтаниями и тело истечениями... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 109).

***

Если ты обещался Христу идти узким и тесным путем, то утесняй чрево свое, ибо, угождая ему и расширяя его, ты отвергаешься своих обетов. Но внимай и услышишь говорящего: пространен и *широк путь* чревоугодия, *вводящий в пагубу* блуда, *и многие идут по нему*, но *узки врата и тесен путь* воздержания, *вводящий в жизнь* чистоты, и немногие *входят им* (ср.: Мф. 7, 13—14) (прп. Иоанн Лествичник, 57, 110).

***

Начальник бесов есть падший Денница; а глава страстей есть объедение (прп. Иоанн Лествичник, 57, 110).

***

Сидя за столом, исполненным снедей, представляй перед мысленными очами твоими смерть и суд; ибо и таким

образом едва возможешь хоть немного укротить страсть объедения. Когда пьешь, всегда вспоминай оцет и желчь Владыки твоего; и таким образом или пребудешь в пределах воздержания, или, по крайней мере, восстав, смиришь свой помысл (прп. Иоанн Лествичник, 57, 110).

***

Не обманывайся, ты не можешь освободиться от мысленного фараона, ни узреть горней Пасхи, если не будешь всегда вкушать горького зелия и опресноков. Горькое зелие есть понуждение и терпение поста, а опресноки — ненадмевающееся мудрование. Да соединится с дыханием твоим сие слово Псалмопевца: *аз же, внегда* бесы *стужаху ми, облачахся во вретище, и смирях постом душу мою, и молитва моя в недро* души моея *возвратится* (Пс. 34, 13) (прп. Иоанн Лествичник, 57, 110).

***

...Пост есть насилие естества, отвержение всего, что услаждает вкус, погашение телесного разжжения, истребление лукавых помышлений, освобождение от скверных сновидений, чистота молитвы, светило души, хранение ума, истребление сердечной бесчувственности, дверь умиления, воздыхание смиренное, радостное сокрушение, удержание многословия, причина безмолвия, страж послушания, облегчение сна, здравие тела, виновник бесстрастия, разрешение грехов, врата рая и небесное наслаждение (прп. Иоанн Лествичник, 57, 110—111).

***

Спросим же и сего нашего врага, паче же главнейшего начальника наших злых врагов, дверь страстей, т. е. объе-

дение, сию причину падения Адамова, погибели Исава, пагубы израильтян, обнажения Ноева, истребления гоморрян, Лотова кровосмешения, погубления сынов Илии священника, и руководителя ко всяким мерзостям. Спросим, откуда сия страсть рождается? и какие ее исчадия? кто сокрушает ее, и кто совершенно ее погубляет? (прп. Иоанн Лествичник, 57, 111).

***

Скажи нам, <чревоугодие>, мучительница всех людей, купившая всех золотом ненасытной алчности: как нашла ты вход в нас? Вошедши, что обыкновенно производишь? и каким образом ты выходишь из нас? Она же, раздражившись от сих досад, яростно и свирепо отвечает нам: «Почто вы, мне повинные, биете меня досаждениями? и как вы покушаетесь освободиться от меня, когда я естеством связана с вами? Дверь, которою я вхожу, есть свойство снедей, а причина моей ненасытности — привычка; основание же моей страсти — долговременный навык, бесчувствие души и забвение смерти. И как вы ищете знать имена исчадий моих? *Изочту их,* и *паче песка умножатся* (Пс. 138, 18). Но узнайте, по крайней мере, какие имена моих первенцев и самых любезных исчадий моих. Первородный сын мой есть блуд, а второе после него исчадие — ожесточение сердца, третие же — сонливость. Море злых помыслов, волны скверн, глубина неведомых и неизреченных нечистот от меня происходят. Дщери мои суть: леность, многословие, дерзость, смехотворство, кощунство, прекословие, жестоковыйность, непослушание, бесчувственность, пленение ума, самохвальство, наглость, любовь к миру, за которою следует осквернённая молитва, парение помыслов и нечаянные и внезапные злоключения; а за ними следует отчаяние — самая лютая из всех страстей. Память согрешений воюет против меня. Помышление о смерти сильно

враждует против меня; но нет ничего в человеках, чтобы могло меня совершенно упразднить. Кто стяжал Утешителя, тот молится Ему против меня, и Он, будучи умолен, не попускает мне страстно действовать в нем. Невкусившие же небесного Его утешения всячески ищут наслаждаться моею сладостию» (прп. Иоанн Лествичник, 57, 111—112).

***

...Как получивший смертный приговор и идущий на казнь, не беседует о народных зрелищах, так и искренно оплакивающий грехи свои не будет угождать чреву (прп. Иоанн Лествичник, 57, 212).

***

За чревоугодием следует блуд... (авва Фалассий, 91, 309).

***

Страсть чревоугодия сластолюбивым помыслом, как мечом, многие добродетели обесчадствовала: семена целомудрия убивает она невоздержанием; равнозаконие правды растлевает любоиманием; естественные союзы человеколюбия рассекает самолюбием; и коротко сказать, страсть чревоугодия бывает истребительницею всех порождений добродетели (прп. Максим Исповедник, 91, 287).

***

Горе насыщению чрева и вдоволь спанию, потому что они порождают и множат злоплодные семена похотения! (прп. Феодор Студит, 92, 146—147).

***

Кто чреву порабощен, для того *чрево — бог и слава в студе его* (ср.: Флп. 3, 19) (прп. Феодор Студит, 92, 202).

***

Некиим из древних очень верно и с делом сообразно сказано, что из противоборствующих нам демонов первыми вступают в брань те, коим вверены чревоугодливые желания, кои внушают сребролюбие и склоняют к тщеславию; другие же все, идя позади их, собирают пораненных ими (свт. Феодор Едесский, 91, 332—333).

***

Невозможно и плоть наполнять досыта брашнами, и духовно наслаждаться умными и божественными благами. Ибо в какой мере кто работает чреву, в такой лишает себя вкушения духовных благ; напротив, в какой мере кто станет утончать тело свое, соразмерно с тем будет насыщаем пищею и утешением духовными (прп. Симеон Новый Богослов, 89, 13).

***

...Кто вожделевает яств многих и разных, есть чревоугодник, хотя бы ел один хлеб и пил лишь воду по причине бедности своей... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 235).

***

...Насыщение вещественными яствами растлить и повредить может и душу, и тело... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 283).

***

Она <утроба> — содейственница бесов и обиталище страстей. Через нее бывает падение наше и через нее восстание, когда она благочинствует (прп. Григорий Синаит, 93, 221).

***

Будем же бояться, чтобы и нам, отдавшимся сему чревоугодию, не лишиться обетованного оного благословения и наследия от Небесного Отца (свт. Григорий Палама, 26, 130).

***

...Порождение болящей похотением души есть чревоугодие, от которого всякая плотская нечистота (свт. Григорий Палама, 93, 269).

***

Почему не содержим в уме той божественной цели, ради которой мы были созданы Богом по образу Его, но как животные, чуждые разума, препровождаем все время нашей жизни в угождении чреву?.. (прп. Максим Грек, 68, 1).

***

...Если оно <чрево> расширяется, то мы погибаем, как и наоборот, когда оно ссыхается, мы живем постоянно праведною жизнию (прп. Максим Грек, 68, 43).

***

О, чрево, бесстыдное и никогда не насыщаемое, ради которого мы, неразумные иноки, делаемся игралищем богопротивных бесов! Ты служишь причиною нечистых истечений, безмерного сна и разнообразной душевной смерти.

От тебя происходит отвержение Евангельских заповедей, бесконечное попечение о стяжаниях и разные ссоры. Всем этим память смертная, божественная любовь и страх Божий бесследно истребляются из душ иноков; чистая молитва, и слезы, и умиление пропали, и сокровенное делание ума прекратилось. Вместо того вошли: гордость, злонравие и лесть, ложь, зависть и разные тщеславные пожелания и источник всякого зла — сребролюбие и богомерзкое взимание пагубных ростов; всему же этому последует страшное бесчеловечное лихоимство и привлекается сходящий свыше гнев Божий. О, бесстыдное чрево, из-за которого мы, неразумные иноки, впадаем в самое дно губительного чрева адова! Блажен тот, кто тебя покорил своему разуму и всею душою возлюбил нищету и житие нестяжательное. Таковый воистину один только познал себя; только он — неложный служитель Вышнего и один он — свободный. Мы же все, повинующиеся тебе, состоим злыми рабами твоими и тобою рождаемых страстей и уподобляемся бессловесным скотам, будучи испервa созданы святою Божиею рукою, по Его Божественному образу (прп. Максим Грек, 68, 96—97).

***

Блюди вкус свой и свое чрево, да не поработятся сладким и утучняющим разнообразным яствам и ароматным питиям разгорячающим. Ибо такие утешные трапезы, пока приобретешь все нужное для держания их, могут довести тебя до лжи, обмана, даже воровства и до других многих поработительных страстей и злых дел, а когда приобретешь и станешь ими наслаждаться, могут ввергнуть тебя в ров плотских утех и скотских вожделений, кои обыкновенно действуют под чревом (прп. Никодим Святогорец, 70, 100—101).

***

От угождения чреву отягощается, грубеет, ожесточается сердце; ум лишается своей легкости и духовности; человек соделывается плотским (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 86).

***

Дебелость и мгла, сообщаемые телу обилием и неразборчивостию в пище, мало-помалу сообщаются телом сердцу, и сердцем уму (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 87).

***

Если же будешь угождать чреву и излишне питать себя, то низвергнешься в пропасть блудной скверны, в огнь гнева и ярости, одебелишь и омрачишь ум, приведешь кровь свою в разгорячение... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 269).

***

Чревонеистовство — самый безобразный идол. С поклонения ему пагуба начинается... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 125).

ЧТЕНИЕ

...Как мудрая пчела собирает с цветов мед, так и ты через чтение приобретай врачевства для души (прп. Ефрем Сирин, 31, 106).

***

...Будь трезвен, чтобы чтением доставить пользу и себе самому, и слушающим тебя (прп. Ефрем Сирин, 31, 219).

***

Где священные книги и чтения, там веселие праведных и спасение душ (прп. Ефрем Сирин, 32, 401).

***

Кто прилежно занимается чтением, тот должен прочтенное им приводить в исполнение, а не ограничиваться одним усердным чтением... (прп. Ефрем Сирин, 33, 220).

***

Не предавайся чтению до того, чтобы оставлять тебе упражнение в добродетели. Трудись и читай немного, с рассуждением, наипаче же упражняйся в добрых делах (прп. Ефрем Сирин, 33, 220).

***

Книги пусть будут для тебя трапезой: и насытишься приятными яствами. Пусть будут они для тебя ложем, и уснешь спокойным сном (прп. Ефрем Сирин, 33, 355).

***

...Где есть духовные книги, оттуда прогоняется всякая сила диавольская, и живущим там бывает великое назидание в добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 44, 812).

***

...Никакое время не может служить препятствием к чтению Слова Божия... не только дома, но и ходя по торжищу, и совершая путешествие или находясь в многолюдном собрании и занимаясь делами, можно нам упражняться в этом чтении... Видя наше расположение к духовному

(знанию), Владыка наш не презрит нас, но подаст озарение свыше и просветит наш ум. Не будем... пренебрегать чтением (Писания), но, понимаем ли содержащееся (в нем), или не понимаем, (во всяком случае) будем, как можно чаще, обращаться к нему. Постоянное упражнение в чтении напечатлевает неизгладимо в памяти (прочитанное) и часто, чего сегодня мы не могли понять при чтении, то вдруг понимаем, снова приступив к чтению, завтра, потому что человеколюбивый Бог невидимо просвещает наш ум (свт. Иоанн Златоуст, 47, 376—377).

***

Кто не посмеется над тобою? Кто не пожалеет о тебе, что... привлекаешь к себе шум и брожение языческих писателей и стихотворцев? Скажи мне, что у них предпочтительнее нашего? Не лжи ли и смеха исполнено все, о чем они стараются? Не от страстей ли их божества? Не ради ли страстей у них мужественные дела? Не ради ли страстей их подвиги? Бегай поэтому чтения об этой срамоте; потому что страшным образом растравляет оно раны, начавшие подживать, — бегай, чтобы лукавый дух не возвратился с большею силою и не нанес тебе поражения, которое будет гибельнее прежнего неведения или прежней лености (прп. Исидор Пелусиот, 60, 43—44).

***

Прежде приятия силы духовной не читай книг чуждых правоверия, потому что они исполнены тьмы, и помрачают умы немощных (прп. Иоанн Лествичник, 57, 231).

***

...Должно избирать из них <книг> никак не возвышеннейшие, но наиболее близкие к нашему состоянию, изла-

гающие делание, нам свойственное (свт. Игнатий Брянчанинов, 39, 292).

***

...Не читайте затем, чтобы только прочитать, а чтобы освежить и попитать душу (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 173).

ЧУВСТВА

После того... как человек послушался обольстителя, все чувства его превратились в противоестественное состояние; (тогда) и сам изринут был от своей славы (прп. авва Исаия, 59, 10).

***

Кто господствует над своими чувствами, тот пребывает в мире (прп. авва Исаия, 59, 136).

***

...Сколько воздерживаешься от блуда, столько же обуздывай пожелание очей, слуха, языка и осязания (прп. авва Исаия, 59, 187).

***

...Непрестанно пребывай в молитве и не ослабевай в молитвах. Проси Хранителей, чтобы они были стражами отверстых дверей в членах твоих. Тщательно охраняй семь отверстых дверей, потому что ими вторгаются разбойники, чтобы расхитить убранство души твоей. Да не подстерегает смерть у окон твоих, да не входит в храмины твои; иначе водворится она у тебя и повредит в тебе черты образа, столько любезного Богу. Печатию Святаго Духа за-

печатаны входы на главе твоей; печатию помазания запечатлены все члены твои. Царь написал на тебе как бы письмо Свое и приложил к нему огненные печати, чтобы не прочли его чужие и не повредили написанного. Не сокрушай царской печати, чтобы не вошли в тебя разбойники. Не снимай печати, чтобы убийцы не погубили тебя вконец (прп. Ефрем Сирин, 33, 347).

***

Не обольщайся через меру приятностями запахов, мягкостию осязания и вкусом. Уступив им над собою верх, произведешь ли что мужественное? Различны между собою услаждения, приличные женам и мужам (свт. Григорий Богослов, 16, 202—203).

***

...Чувство осязания составляет крайний предел всех согрешений; все, что ни делается для тела сластолюбцами, принадлежит к числу недугов осязательного ощущения... (свт. Григорий Нисский, 18, 462).

***

...Поелику чувства рождаются у нас немедленно, вместе с нашим рождением, и ими пользуемся с первых дней жизни; а у чувственности великая близость с неразумною жизнию, потому что подобное сему усматривается и у бессловесных; между тем как ум, не развертывающийся во младенчестве, встречает как бы препятствие в своей деятельности, и некиим образом утесняется преобладанием неразумного чувства; то посему самому ошибочное и погрешительное употребление исполненного любви распо-

ложения делается началом и основанием порочной жизни. И как у нас двойное некое естество, сраствореннное из духовного и чувственного, то вследствие сего двойная у нас и жизнь, совершающаяся сообразно тому и другому естеству, и именно по части чувственной телесно, а по другой части бесплотно. Но тем, что прекрасно, и тем, что не таково, не одно и то же, равно служит для того и другого вида нашей жизни. Напротив того, для жизни духовной — духовное, а для чувственной и телесной части то, что угодно признавать таковым чувству. Итак, поелику чувство рождается вместе с началом нашего бытия, а ум, который может раскрываться в человеке только постепенно, ожидает, когда придет он в соразмерный возраст, то понемногу раскрывающийся ум находится по сей причине под владычеством чувства, и что всеми силами непрестанно берет верх, тому привыкает повиноваться, то и признавая или хорошим, или дурным, что или избирает, или отвергает чувство. Посему затруднительным и безуспешным для нас делается уразумение истинно доброго; потому что бываем предубеждены решением чувств, ограничивая хорошее только тем, что веселит и услаждает. Ибо как невозможно видеть небесные красоты, когда воздух над главою наполнен туманом, так и душевное око не может усматривать добродетели, когда при зрении, как бы туманом каким, объято сластолюбием. Посему так как чувство имеет в виду удовольствие, а удовольствие препятствует уму усматривать добродетель, то делается оно началом порока, потому что и ум, преобладаемый чувством, подтверждает неразумное суждение о хорошем; и если глаз скажет, что красота состоит в доброцветности видимого, соглашается с тем и разумение. А также и в прочем то и признается хорошим, что веселит чувство (свт. Григорий Нисский, 19, 337—338).

***

...Большая часть грехов у нас порождается чувствами души. Наша душа, как бы девица в каком-нибудь чертоге, спокойно пребывает в центре сердца, а за нею, подобно служанкам, ухаживают пять чувств. Какие чувства? Зрение, вкус, обоняние, слух и осязание. И вот, если никакое чувство не портится и не заблуждается, то и душа сохраняет свою чистоту и невинность; если же случится, что зрение, оставшись без кормчего, уязвится видом юношеской красоты и сильный порыв страсти посредством глаз проникнет в сердце, тотчас душа, объятая бурею похоти, утопает во грехе, ее целомудрие терпит крушение со всеми его последствиями (свт. Иоанн Златоуст, 49, 954).

***

Верный не занимается ревностно чувственным, как всем владеющий, а кто занимается этим, тот как ничего не имеющий (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1121).

***

Едино есть... естественное в душе чувство (ибо известные пять телесных чувств суть особое дело; они служат потребностям тела, как научает нас Всесвятый и Человеколюбивый Дух Божий); но оно ныне в проявлениях движений души разделяется надвое, по причине поползновения на недоброе, приразившееся к уму через преслушание. Почему то́ оно влечется страстною частию души, — отчего мы сладостно сочувствуем благам житейским; то́ соуслаждается разумному мысленному ее движению, — поколику ум наш, когда мы целомудрствуем, с вожделением устремляемся тещи к небесным красотам. Если потому мы придем в навык презирать блага мира сего, то сможем нако-

нец и земное вожделение души привести в согласие с разумным ее настроением, в силу общения Духа Святаго, сие в нас домостроительствующего. Ибо если Его Божество действенно не озарит сокровенностей нашего сердца, то мы не возможем нераздельным чувством, т. е. всецелым расположением души вкусить небесного блага (блж. Диадох, 91, 21—22).

***

...Если сердце доводится до чистоты, то ясно, что очищаются и все чувства (прп. Исаак Сирин, 58, 31).

***

...Ум есть одно из душевных чувств, а сердце обнимает в себе и держит в своей власти внутренние чувства (прп. Исаак Сирин, 58, 31).

***

Чувства целомудренные и собранные воедино порождают в душе мир, и не попускают ей входить в испытание вещей (прп. Исаак Сирин, 58, 32).

***

...Когда душа не приемлет в себя ощущения вещей, тогда победа совершается без борьбы (прп. Исаак Сирин, 58, 32).

***

...Всякому человеку надлежит с осторожностию соблюдать всегда чувства свои и ум от приражений (прп. Исаак Сирин, 58, 33).

***

Чувство духовное такого качества, что принимает в себя созерцательную силу, подобно зенице телесных очей, имеющих в себе чувственный свет... (прп. Исаак Сирин, 58, 43).

***

...Чувства способны принимать в себя случайное без участия воли (прп. Исаак Сирин, 58, 79).

***

Когда ум увлекается чувствами, тогда и он ест с ними звериную пищу. А когда чувства увлечены умом, тогда они приобщаются с ним ангельской пищи (прп. Исаак Сирин, 58, 280).

***

Кто скорбит сердцем и дает свободу чувствам своим, тот подобен больному, который страждет телесно и у которого уста отверсты для всякой вредной ему снеди (прп. Исаак Сирин, 58, 411).

***

Каждый, давший волю чувствам, дал волю и сердцу. Делание сердца служит узами для внешних чувств (прп. Исаак Сирин, 58, 419—420).

***

Нечувствие, как телесное, так и душевное, есть омертвение чувства от долговременного недуга и нерадения... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 134).

***

Безболезненность есть обратившееся в природу нерадение, оцепенение мысли... сеть усердию, силок мужеству, незнание умиления, дверь отчаяния, матерь забвения, которая, родив дщерь свою, снова бывает ее же дщерию; это отвержение страха Божия (прп. Иоанн Лествичник, 57, 134).

***

Бесчувственный есть безумный мудрец, учитель, осуждающий себя самого, любослов, который говорит против себя, слепец, учащий видеть; беседует о врачевании язвы, а между тем беспрестанно чешет и растравляет ее; жалуется на болезнь и не отстает от вредных для него снедей; молится о своем избавлении от страсти и тотчас исполняет ее на самом деле; за совершение ее гневается сам на себя, и не стыдится слов своих, окаянный... О смерти любомудрствует, а живет как бессмертный... О воздержании беседует, а стремится к объедению... Читает слово против тщеславия, и самым чтением тщеславится. Говорит о бдении, и тотчас погружается в сон. Хвалит молитву, и бегает от нее, как от бича. Послушание ублажает, а сам первый преступник... Разгневавшись, огорчается, и опять за самое это огорчение на себя гневается: и, прилагая побеждение к побеждению, не чувствует. Пресытившись, раскаивается; и немного спустя опять прилагает насыщение к насыщению... Учит кротости, но часто в самом том учительстве гневается, и за огорчение свое опять на себя гневается. Воспрянув от греховного усыпления, воздыхает; но, покивав головою, снова предается страсти... Порицает себя перед некоторыми, как тщеславного, и тем порицанием покушается снискать себе славу. Сладострастно смотрит на лица, и между тем беседует о целомудрии... Славит милостивых, а нищих поносит. Всегда сам себя обличает и прийти

в чувство не хочет, чтобы не сказать, не может... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 134—135).

***

Союзники мои <страсти бесчувствия>... стоя на молитве, бывают совершенно окаменелыми, жестокосердыми и омраченными. Перед священною трапезою Евхаристии остаются бесчувственными; и даже, причащаясь сего небесного дара, как бы простой хлеб вкушают. Когда я <страсть бесчувствия> вижу людей, предстоящих с умилением, то ругаюсь над ними... Я матерь смеха; я питательница сна; я друг пресыщения; я неразлучна с ложным благоговением; и когда меня обличают, я не чувствую скорби (прп. Иоанн Лествичник, 57, 136).

***

Отдай чувство в служение уму, и не давай ему времени развлекать его (авва Фалассий, 91, 299).

***

Да служат тебе чувства и вещи чувственные к духовному созерцанию, а не к удовлетворению похоти плоти (авва Фалассий, 91, 310).

***

...У кого чувства распущены и кто не мешает подниматься в себе похотям наподобие волн, — тот сам для себя возбуждает злейшую бурю (прп. Феодор Студит, 92, 439).

***

Постараемся достигнуть того, чтобы разумно управлять чувствами, особенно зрением, слухом и языком, по-

ставляя себе законом ничего ни видеть, ни слышать, ни говорить страстно, а все для пользы нашей душевной. Ибо ничто так не поползновенно на грех, как эти органы, когда они не управляются разумом; и напротив, ничто паче их не благоприятно делу спасения, когда ими правит разум, держит их в строе и ведет, куда должно и куда хочет. Ибо когда они бесчинствуют, тогда и обоняние изнеживается, — осязание с неистовством простирается на недолжное, и бесчисленное множество страстей привходит; когда же они разумом держатся в своем чине, тогда повсюду в нас проявляются великий мир и невозмутимая тишина (свт. Феодор Едесский, 91, 340).

***

Когда тело наше заболевает, мы чувствуем боль и, чувствуя ее, ищем врачевства, да уврачуемся. Если бы не имели мы чувства, то не чувствовали бы и боли; если бы боли не чувствовали, не чувствовали бы потребности и во врачевстве. Тому же следовало бы быть и в душе, т. е. чтобы она своим духовным чувством чувствовала свою духовную болезнь. Но бывает иначе — не чувствует. Не чувствуя же болезни, не тяготится ею и не ищет врачевства. Оттого грешник, не чувствуя боли в душе, живет себе весело и не печалится о грехах: плача достойное состояние, ибо пока он таков, неисцелим и, как неисцелимый, — погибший, ненавистный Богу и святым ангелам (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 64).

***

...Бесчувственного человека не может спасти и Сам Бог, могущий все творить (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 66).

***

Душа невидима, и не видно, здорова она или нет, не только для других, но нередко и для нее самой. Но есть видимые знаки, по которым для всех явно бывает ее состояние. Укажу на самый видный, на упорядочение и исправление пяти чувств — зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания. Когда кто держит их в порядке и владеет ими разумно, — явно, что душа его в своем чине, здорова, и человек тогда является настоящим разумным животным и действует по разуму и рассуждению, а не как животные несмысленные, состоящие во власти у своих чувств. Владение пятью чувствами будто есть очень простое дело; но я тебе скажу, что кто властвует над пятью чувствами, тот властвует над всею вселенною и над всем, что в ней, ибо у нас все бывает от них и через них. Но кто таков, тот сам властвуем бывает от Бога и всецело покорствует во всем воле Божией. Так Царство Божие водворяется и первоначальный чин восстановляется, ибо человек в начале определен был царем мира. В сем черта образа Божия и подобия. Таким образом, кто не властвует над пятью чувствами, тот не бывает по образу Божию и подобию; и хотя бы он всю мудрость мира поглотил и знал все сущее, о нем неложен приговор: *приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс. 48, 13) (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 68—69).

***

...Разрешение чувств узы налагает на душу; узы же чувств дают свободу душе (Феолипт митр. Филадельфийский, 93, 166).

***

Многодумным и непрерывным подвигом у ревнителей благочестия должны быть строгое управление и доброе

направление употребления внешних наших пяти чувств — зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания. Сердце наше непрестанно жаждет и ищет утех и наслаждений. Ему следовало бы находить их внутренним порядком, содержа и нося в себе Того, по образу Коего создан человек, самый источник всякого утешения. Но когда в падении отпали мы от Бога, себя ради, то не удержались и в себе, а ниспали в плоть и через нее вышли вовне, и там начали искать себе радостей и утех. Проводниками и руководителями в сем стали наши чувства. Через них душа исходит вовне, вкушает вещи, подлежащие испытанию каждого чувства, и теми, кои услаждают сии чувства, услаждается сама, и из совокупности их составляет себе круг утех и наслаждений, во вкушении коих полагает свое первое благо. Порядок таким образом извратился: вместо Бога внутри сердце ищет сластей вне и ими довольствуется (прп. Никодим Святогорец, 70, 81—82).

***

Всячески старайся не попускать им <чувствам> блуждать туда и сюда, как хотят, и не обращай их на вкушение одних чувственных сластей, а, напротив, обращай к тому, что добро, или полезно, или нужно (прп. Никодим Святогорец, 70, 83).

***

...Будь всегда бодрствен и внимателен в отношении к чувствам своим и никак не допускай, чтобы то, что ты воспримешь через них, возбуждало и питало страсти твои; напротив, так сим пользуйся, чтобы это ни на волос не уклоняло тебя от твоего главного решения, всегда и во всем являть себя благоугодным Богу или стоящим в воле Его (прп. Никодим Святогорец, 70, 96).

***

...Телесные чувства служат как бы дверями и вратами во внутреннюю клеть, где пребывает душа... эти врата отворяются и затворяются по мановению Бога. Премудро и милосердно пребывают эти врата постоянно заключенными в падших человеках, чтобы заклятые враги наши, падшие духи, не вторгались к нам и не губили нас. Эта мера тем необходимее, что мы, по падении, находимся в области падших духов, окружены ими, порабощены ими (свт. Игнатий Брянчанинов, 40, 14).

***

Бывает, что сердце восприимет чувство прежде мысли... Сходите в сердце с молитвою к Господу, и все твердите и твердите молитву, пока не вытолкаете чувства совсем (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 84).

***

Чувствами не всегда можно владеть, но пожелания в нашей власти (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 102).

***

Чувства наши похожи на окна или двери, а более на черпало. Кто отворяет окна и впускает дурной воздух, худо делает. Кто отворяет двери и позволяет входить в свое жилье всякой скотине, не может быть свободен от укора. Но что бы вы сказали о том, кто, взяв черпало — чашку или кружку, — ходил бы по грязным и нечистым лужам, черпал в них и себя тем обдавал? ...Но не это ли самое делает тот, кто с любопытством останавливается перед нехорошим и слушает недобрые речи?! Нахватается че-

рез это недобрых помыслов; от них перейдет к недобрым чувствам и пожеланиям, — и ходит весь остращенный, как в каком тумане (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 222—223).

***

Без чувств жить нельзя, но чувствам поддаваться незаконно. Надо освежать и умерять их рассуждением, и давать им должное направление (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 87, 278).

ЧУДЕСА

У Создателева Сына сокровищница Его полна всяких врачевств. Лишен ли кто зрения, пусть идет к Нему; сотворит Он брение, превратит его в плоть, и даст свет очам (прп. Ефрем Сирин, 34, 206).

***

Для чего Господь в начале Своих знамений превратил природу воды? Чтобы показать, что Божество, которое превратило природу в водоносах, изменило природу также и в угробе Девы, подобно тому как и в конце Своих знамений отверз гроб, дабы показать, что жадность смерти не превозмогла Его (прп. Ефрем Сирин, 37, 72).

***

Чудеса Он <Христос> соразмерял не с силою Своей, а с потребностями алчущих. Ведь если бы чудеса (Свои) соразмерил с могуществом Своим, то никто не мог бы исчислить, сколь великую победу принесла бы сила Его (прп. Ефрем Сирин, 37, 173).

***

Ныне после крестного знамения благодать так действует и умиряет все члены и сердце, что душа от великой радости уподобляется незлобивому младенцу, и человек не осуждает уже ни еллина, ни иудея, ни грешника, ни мирянина, но на всех чистым оком взирает внутренний человек, и радуется о целом мире, и всемерно желает почтить и полюбить еллинов и иудеев. В иной час он — сын царев, так твердо уповает на Сына Божия, как на отца. Отверзаются перед ним двери, и входит он внутрь многих обителей; и по мере того, как входит, снова отверзаются перед ним двери в соразмерном числе, например, из ста обителей — в другие сто обителей, и обогащается он; и в какой мере обогащается, в такой же показываются ему новые чудеса. Ему, как сыну и наследнику, вверяется то, что не может быть изречено естеством человеческим или выговорено устами и языком... (прп. Макарий Египетский, 67, 71).

***

...Чувственное знамение делало явною для всех духовную и невидимую благодать Духа (свт. Иоанн Златоуст, 46, 79).

***

...Одна и та же сила совершала чудеса и прежде Креста, и после Креста, только прежде Креста через Самого (Христа), а после — через учеников Его (свт. Иоанн Златоуст, 46, 96).

***

...Когда имеет быть дивное чудо, предшествуют образы, чтобы мы наперед приготовились, а не были пораже-

ны вдруг и не пришли в смущение от необычайности события (свт. Иоанн Златоуст, 46, 379).

***

Чудеса предлагаются для неверных, а не для верующих. Неверный же при удобном случае с презрением относится и к чудесам (свт. Иоанн Златоуст, 46, 905).

***

Бог обыкновенно творит знамения, когда умножается зло. Когда видит, что Его рабы утеснены, а противники без меры упиваются мучительством над ними, тогда показывает собственное Свое владычество (свт. Иоанн Златоуст, 50, 36).

***

Когда душа находится в состоянии бесчувственности и развращения, и одержима недугом зависти, тогда она не убеждается никаким чудом... Когда душа благопризнательна, тогда она принимает все с верою, даже и в чудесах не имеет особой нужды (свт. Иоанн Златоуст, 50, 124).

***

От чудес никогда ничего не прибудет нам, равно как ничего не убудет и оттого, что мы не творим их, если только заботимся о всякой добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 50, 278).

***

Где теперь ищущие знамений? Пусть услышат они, что более всего нужно сердце, чувствительное к добру. А еже-

ли его не будет, то от знамений нет никакой пользы (свт. Иоанн Златоуст, 50, 457).

***

...Из того, что теперь нет знамений, не заключай, что их не было и тогда <раньше>. Тогда полезно было им быть, а теперь полезно не быть (свт. Иоанн Златоуст, 53, 54).

***

...Если ты хочешь знамений, то можешь и теперь видеть их, хотя и не такого рода, именно исполнение бесчисленных пророчеств о множестве событий, обращение вселенной, любомудрие язычников, изменение грубых нравов, преуспеяние благочестия (свт. Иоанн Златоуст, 53, 55).

***

Праведная жизнь наша для многих бывает убедительнее знамений. Люди бесстыдные и злые могут взирать на знамения с мыслями коварными; а чистая жизнь может с великою силою заградить уста самого диавола (свт. Иоанн Златоуст, 53, 57).

***

Кто без нужды осмеливается на сие <иметь явные знамения>, или молит Бога и желает, чтобы в руках его были чудеса и силы, тот искушается в уме своем ругателем-демоном, и оказывается хвастливым и немощным в своей совести (прп. Исаак Сирин, 58, 160).

***

Многие совершали силы, воскрешали мертвых, трудились в обращении заблудших и творили великие чудеса,

руками их многие приведены были к Богопознанию и после всего этого сами, оживотворявшие других, впали в мерзкие и гнусные страсти, умертвили самих себя и для многих сделались соблазном, когда явны стали деяния их, потому что были еще в душевном недуге и не заботились о здравии душ своих, но пустились в море мира сего исцелять души других, будучи еще сами немощными, и, утратили для душ своих надежду на Бога... (прп. Исаак Сирин, 58, 280—281).

***

Мы не будем обвинены, о братия, не будем обвинены, при исходе души нашей, за то, что не творили чудес, что не богословствовали, что не достигли видения, но, без сомнения, дадим Богу ответ за то, что не плакали беспрестанно о грехах своих (прп. Иоанн Лествичник, 57, 87).

***

Многие получили спасение без прорицаний и осияний, без знамений и чудес; но без смирения никто не внидет в Небесный Чертог. Ибо хранитель первых (дарований) есть второе (смирение); но часто, в легкомысленных людях, через первые истребляется второе (прп. Иоанн Лествичник, 57, 171—172).

***

В помощь Слову Божию даны чудеса Божии. Чтобы человеки поняли и приняли духовный дар, усматриваемый одними душевными очами, Господь присоединил к духовному, вечному дару подобный ему дар временный, телесный: исцеление телесных болезней человеческих (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 302).

***

Богочеловек ублажил невидевших знамений и веровавших. Он выражал соболезнование к тем, которые, не удовлетворяясь словом, нуждались в чудесах... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 305—306).

***

Светом духовного разума должно быть озарено воззрение душевного ока на знамения и чудеса, чтобы избежать тех бедствий, в которые может вовлечь воззрение на них плотского мудрования... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 323).

***

...Где присущ Бог, Сущий превыше естества, там совершаются и дела вышеестественные (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 141).

Ш

ШЕОЛ

Видел я, как алчный шеол наполняется и всегда не полон; чем большее число мертвецов в него входит, тем обширнее делается его зев. Неисчетные тысячи лежат там, и богатых, и бедных, бесчисленные сонмы видел я лежащих там, и они не смешаны друг с другом.

Тихо лежат они в могиле; нет у них ни гласа, ни чувства; никто не может восстать и освободиться вместе с другом своим.

И сильные не могут в шеоле ничем возобладать; и могучие, и гордые не в состоянии там возвыситься перед другими.

Не могут там сластолюбцы предаваться удовольствиям, корыстолюбивые — заниматься приращением своего богатства.

И царь, и золото его лежат во гробе и не доставляют пользы друг другу; и богатый, и сокровища его лежат там, и один не пользуется другим.

Лежит во гробе грешник, и с ним неправда его, соблюдаемая геенне; лежит во гробе праведник, и с ним все страдания его, за которые ожидает его рай.

Лежит во гробе бедный, с ним милостыни его, и ожидает его Царство.

Внимательно всматривался я в кости богатых и бедных — точно ли кости богатых красивее, нежели кости бедных. Исчезла там красота прекрасных; исчезли пышность и слава; и те, которые облекаемы были в виссон, там обнажены и черны, как уголь.

Совершенно обезображенными лежат измывавшие некогда лицо свое; молью источены глаза, для которых не жалели прежде прикрас.

Там лежат предававшиеся забавам, и обратились они в отвратительный гной; там лежат любившие великолепие и стали как бы ничто.

Там лежат возлюбившие гордость, и ненавистен их вид; любившие первенствовать — ниц повержены на лицо свое.

Друзья суетной учености лишены ума; любители презренного богатства не имеют у себя и насущного хлеба.

Вместе лежат там враги, и смешаны кости их (прп. Ефрем Сирин, 33, 432—434).

***

Мне подражайте, несчастные; Мне последуйте, бедные, и не сетуйте о том, что почиваете среди беспомощных пришельцев.

Пусть Мне последуют гордые, которые превозносятся перед собратиями богатством. Пусть на меня взирают прекрасные, которые смеялись наружности других.

У Меня научитесь мудрости, бесстыдные презрители Божией твари; от Меня вразумитесь посмевавшиеся Творческой премудрости.

Научитесь у Меня благоразумию, прекрасные, гордящиеся красотою преходящею.

Богатоубранные юноши, вострепещите того ужаса, который Меня привел в трепет.

День и ночь плачьте о себе, девы, потому что не знаете, как ужасна страна, где найдете себе обители.

Вся эта страна есть страна мертвых; страшный мрак — блюститель ее сокровищ; властитель ее, смерть, каждый день, как лев, рыкает.

Связаны лежат там исполины, и червь точит тела их; немы уста мудрых и смрадною стали нечистотою в шеоле.

И юношей, и дев попирает смерть на стогнах своих, каждый день непрестанно губя прелести прекрасных юношей и дев.

Смерть — царь этой страны; служители ее — убийцы; ни царь, ни служители его не знают милосердия.

Сила этого злобного царя — полчище темных духов, губителей человеческого рода.

Каждый день — на услугах они у смерти, которая восседает в своем чертоге, окруженная полчищем ликующих исполинов...

Кто изобразит ужасы страны сей? Кто опишет, какими она окружена страхованиями? Содрогается всякий, кто ни вступает в нее.

Придверником там смерть, стражами заключенных — демоны, домоприставником — тление, пожирающее телесную красоту (прп. Ефрем Сирин, 33, 434—435).

ШУТКИ

Надобно воздерживаться от всякой шутливости, так как со многими, занимающимися этим, случается, что погрешают они против здравого разума, когда душа развлекается смехом и теряет собранность и твердость ума. А нередко зло сие, возрастая постепенно, оканчивалось сквер-

нословием и крайним бесчинием: столько-то несовместны между собою трезвенность души и излияние шутливости! Если же когда, чтобы дать себе некоторую ослабу, нужно разогнать угрюмость беседою, то да будет слово ваше исполнено духовной благодати и приправлено евангельской солью, чтобы оно изливало из себя благоухание внутренне мудрого домостроительства, и вдвойне увеселяло слушателя: и успокоением, и даром разумения (свт. Василий Великий, 9, 353).

***

Удерживайся, брат, от шуток, чтобы не сделали они тебя бесстыдным, бесстыдство же есть матерь непотребства (прп. Ефрем Сирин, 30, 209).

***

Не ищи приятности в шутках, чтобы не сделаться тебе рассеянным (прп. Ефрем Сирин, 31, 631).

***

Имей рачение о своем деле, как мудрый и смышленый, потому что бесстыдство, смех, а также шутки не принесут тебе никакой пользы в день смерти, ибо все это находит себе место в сердце неразумных (прп. Ефрем Сирин, 32, 84).

***

Пусть не будет ни одного слова праздного, так как от празднословия можно перейти к неприличному (разговору). Теперь время не увеселения, но плача, скорбей и рыданий. А ты шутишь? Какой боец, вышедши на арену, оставляет борьбу с противником и произносит шутки? Близ тебя диавол ходит вокруг, рыкая, чтобы поглотить тебя,

все воздвигает и все обращает на твою голову, замышляет, как бы выгнать тебя из твоего убежища, скрежещет зубами, воет, раздувает огонь против твоего спасения, — а ты сидишь и произносишь шутки, пустословишь и говоришь неприличные речи? Можешь ли... ты успешно одолеть его? (свт. Иоанн Златоуст, 54, 145).

***

...Сколько от шуток происходит клятвопреступлений, сколько вреда, сколько сквернословия! (свт. Иоанн Златоуст, 54, 145).

***

Если кто бесчестен, если кто мерзок, тот и охотник шутить. Многим это дело кажется даже добродетелью, и это достойно слез (свт. Иоанн Златоуст, 54, 147).

***

Много зол гнездится в пристрастной до шуток душе, большая рассеянность и пустота: расстроивается порядок, ослабляется благоустройство, исчезает страх, отсутствует благочестие (свт. Иоанн Златоуст, 54, 147).

***

Человек шутливый скоро делается злоречивым; а злоречивый способен к бесчисленному множеству и других пороков (свт. Иоанн Златоуст, 54, 148).

Щ

ЩЕДРОСТЬ

Как пастырь наемник — не пастырь, так и творящий милостыню, чтобы прославлену быть людьми, берет мзду: он уже не милостынодаятель, он не щедр (свт. Василий Великий, 6, 372).

***

Должно быть милостивым и щедрым. Кто не таков, тот осуждается (свт. Василий Великий, 7, 352).

***

Сам Бог наш нередко другие страдания оставлял без уврачевания, но сострадательно милосердовал об алчущих. Ибо говорит: *милосердую о народе сем* (Мф. 15, 32). Посему и на Последнем Суде, где Господь призывает к себе праведных, первое место занимает щедрый. Питатель других первенствует между удостоенными почестей, уделявший хлеб призывается прежде всех, услужливый и благоподатливый преимущественно перед другими праведниками вводится в жизнь. А необщительный и скупой прежде других грешников предастся огню (см.: Мф. 25, 34—46) (свт. Василий Великий, 8, 149).

***

Неблагопотребною делается щедрость, если примешивается к ней гордость... (прп. Ефрем Сирин, 34, 336).

***

Человек раздражительный и шумливый щедр на клятвы, а безмолвствующий разумен (прп. Ефрем Сирин, 90, 163).

***

Научимся, на что и когда должно издерживать свое достояние, чтобы не прогневить нам Бога в обоих случаях: и собирая, откуда не следует, и расточая, на что не должно (свт. Иоанн Златоуст, 51, 283).

***

Верх щедрости — не только ничего не брать, но и отдавать свое, и отдавать не просто, но с великим усердием, даже при недостатке (свт. Иоанн Златоуст, 53, 701).

***

...Щедрость дающего блаженнее, нежели скудость принимающего, особенно та щедрость, которая подает не из денег, сбереженных по неверию или безнадежности (на Промысл Божий), и не из сокровищ, скрытых по скупости, но происходит от плода собственного труда и благочестного пота. И потому блаженнее давать, нежели принимать, особенно когда подающий хоть и живет в бедности принимающего, однако же своим трудом не только удовлетворяет своей потребности, но с благочестивою заботливостью спешит приготовить еще, что подать бы нуждающемуся... (прп. Иоанн Кассиан, 56, 130).

***

...Может быть, ты скажешь: я не имею денег, как ущедрю убогого? Не имеешь денег, но имеешь хотения; отрекись от них, и посредством их совершай благое. Не можешь благотворить рукою телесною? Благотвори правым произволением: *аще согрешит к тебе брат твой, остави ему* (ср.: Лк. 17, 3), по Слову Господню; и это составит для тебя великую милостыню... (прп. Марк Подвижник, 69, 60—61).

***

Щедрое сердце явно что ущедрено будет и милостивое — подобным образом сретит милость; противное же — противное вызывает и последствие (прп. Марк Подвижник, 89, 523).

***

Закон свободы читается разумом истинным, понимается деланием заповедей, а исполняется щедротами Христовыми. Когда будем понуждены совестью направляться ко всем заповедям Божиим, тогда поймем, что закон Господень непорочен и что он хотя воспособляется нашим добром (естественными нравственно-религиозными чувствами и расположениями), но без щедрот Божиих в совершенстве осуществлен быть в людях не может (прп. Марк Подвижник, 89, 523).

***

Излишки хорошо отдавать нуждающимся и просящим, только потихоньку, чтобы не хвастать щедростью (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 188).

Э

ЭККЛЕСИОЛОГИЯ

Вне ее <Церкви> нет жизни: дом Божий один, и никто не может где-либо спастись, как только в Церкви (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 107).

***

...Церковь Кафолическая одна, — она не должна быть ни рассекаема, ни разделяема, но должна быть совершенно сплочена и скреплена связью священников, взаимно к себе привязанных (сщмч. Киприан Карфагенский, 63, 307).

***

...Оставляющий Церковь Христову лишает себя наград, предопределенных Христом... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 181).

***

Находящийся вне Церкви мог бы спастись только в том случае, если бы спасся кто-либо из находившихся вне ковчега Ноева... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 181).

***

Тот не может уже иметь отцем Бога, кто не имеет матерью Церковь (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 181).

***

Всяк отделяющийся от Церкви присоединяется к жене прелюбодейце и делается чуждым обетований Церкви... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 181).

***

Не может быть мучеником, кто не находится в Церкви... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 188).

***

...Не могут пребывать с Богом не восхотевшие быть единодушными в Церкви Божией... (сщмч. Киприан Карфагенский, 64, 189).

***

...В делах... церковных нужны не отборные слова, но Апостольские правила и старание не соблазнить даже *единого от малых* (ср.: Мф. 18, 6; Лк. 17, 2) в Церкви... (свт. Афанасий Великий, 1, 313).

***

...Как кости собственною твердостию ограждают мягкость плоти, так и в Церкви есть члены, которые по своей твердости могут носить на себе недостатки немощных. И как кости соединяются между собою в состав сросшимися жилами и связями, так и союз любви и мира может

производить в Церкви Божией какое-то сращение и соединение костей духовных (свт. Василий Великий, 5, 268).

***

...Те, которые соделались равночестными отцам и подвижничеством добродетели, приобрели над всеми превосходство, суть сыны невесты Христовой <Церкви>, и матерью своею поставляются *князи по всей земли* (Пс. 44, 17) (свт. Василий Великий, 5, 289).

***

Вся Церковь есть Церковь кающихся, как нетрудно видеть имеющему разум; вся она есть Церковь погибающих, как постигает сие глубокий ум мудрых (прп. Ефрем Сирин, 33, 142).

***

...Духовный рай есть Церковь, в ней древо жизни — святый жертвенник примирения, источающий жизнь верным, возлюбившим жизнь. Итак, обогащайтесь, насладитесь дарами, какие уготовал для вас Отец, и все единогласно взывайте: хвала Благому, Который по любви Своей раздробил нам Тело Свое, чтобы насладились мы им!.. (прп. Ефрем Сирин, 33, 280—280).

***

Ты, <Господи>, основал на земле Святую Церковь по образу горнего Царства.

Ты создал ее любовию, насадил щедротами, с нею обручился духовно, стяжал ее страданием Своим. Но ненавистник человечества, по бесстыдной дерзости своей, нападает

на нее в лице своих служителей (прп. Ефрем Сирин, 33, 315—316).

***

Церковь святых есть образ рая; в ней ежедневно собирается всеоживляющий плод и для пития влагается в точило грозд, исполненный животворного врачевства (прп. Ефрем Сирин, 34, 378).

***

Церковь... есть соль, осоляющая всю землю, предохраняющая ее от гнилости (прп. Ефрем Сирин, 34, 381).

***

...Небесная Церковь, будучи единою, неисчислима, и каждый в ней особенным образом украшен славою Духа (прп. Макарий Египетский, 67, 241).

***

...Тело (Церкви) подвержено бóльшим болезням и напастям, нежели плоть наша; скорее ее повреждается и медленнее выздоравливает (свт. Иоанн Златоуст, 44, 453).

***

Не то одно удивительно, что Он <Господь> во всей вселенной устроил Свою Церковь, но и то, что сделал ее непреодолимою, и неопреодолимою тогда, как она испытывает столько враждебных нападений (свт. Иоанн Златоуст, 44, 635).

***

Никто не мог бы построить даже одну стену из камня и извести, подвергаясь гонению и встречая препятствия; а они <апостолы> устроили столько церквей по всей вселенной, подвергаясь ранам, узам, гонениям, ссылкам, отнятию имений, бичеваниям, задушению, сожжению, потоплению вместе с учениками, и устроили не из камней, но из душ и волей человеческих, что гораздо труднее построения из камней. Не все равно, построить ли стену или душу, столько времени бывшую во власти демонов, расположить к покаянию и от безумного неистовства обратить к целомудрию (свт. Иоанн Златоуст, 44, 639).

***

...Твердость ее <Церкви> зависит не от мира с царями, но от силы Божией (свт. Иоанн Златоуст, 44, 695).

***

Как ковчег спасал среди моря бывших внутри его, так и Церковь спасает всех блуждающих; но ковчег только спасал, а Церковь делает нечто большее, например, ковчег принял в себя бессловесных, — и спас их бессловесными; Церковь приняла неразумных людей и не только спасает их, но и преобразует; ковчег принял ворона и выпустил ворона; Церковь принимает ворона, а выпускает его голубем; принимает волка, а выпускает его овцой (свт. Иоанн Златоуст, 44, 860).

***

Церковь — не зрелище, чтобы в ней слушать нам для одного удовольствия; из нее выходить должно с назида-

нием, с каким-нибудь важным приобретением... Напрасно и попусту приходим сюда, если только на время получив наставление, выйдем без всякой от него пользы (свт. Иоанн Златоуст, 45, 32).

***

...В Церкви нет раба и свободного; но рабом Писание признает того, кто предан греху, ибо *творяй грех* — говорит оно — *раб есть греха* (Ин. 8, 34), — и того признает свободным, кто освобожден Божественною благодатию (свт. Иоанн Златоуст, 45, 486—487).

***

Вне Церкви стоит диавол; он не смеет войти в эту священную ограду, потому что где стадо Христово, там волк не показывается, но, боясь Пастыря, стоит вне (свт. Иоанн Златоуст, 45, 697).

***

Ты имеешь Церковь, приносящую жертвы, молитвы отцов, помощь Святаго Духа, службы в память мучеников, сонм святых и многое такое, что может воззвать тебя от греха к праведности... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 773).

***

...Если грешен, не оставляй Церкви; и если праведен, также не оставляй ее, чтобы, имея всегда в памяти своей ведение Писаний, ты оставался праведным, помня о Царстве Небесном и тех благах, которые уготовал Бог любящим Его... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 784).

***

Здесь <в Церкви> нет никаких волнений, нет никакого смятения, но благословение, молитвы, духовное собеседование, преселение на небо; отсюда вышел бы ты, получив залог Царства Небесного (свт. Иоанн Златоуст, 46, 53—54).

***

Быв часто разрушаема за имя Христово, она <Церковь> опять была восстановляема силою Христовою, потому что не апостольские только руки основали ее, но и изречение Владыки апостолов оградило ее новым и необыкновенным способом ограждения (свт. Иоанн Златоуст, 46, 62).

***

Пустив Церковь носиться по вселенной, как корабль по морю, Он <Христос> не уничтожил волнения, но избавил ее среди волнения, не утишил море, но обезопасил корабль, так как везде восставали народы, подобно яростным волнам, и злые духи нападали на нее, как буйные ветры, и со всех сторон поднималась буря, Он доставлял Церкви великую тишину... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 63).

***

...Непрестанные гонения не только не потопили Церкви, но сами сокрушились о Церковь (свт. Иоанн Златоуст, 46, 63).

***

...Достоинство Церкви поддерживается тем, когда составляющие ее соблюдают между собою связь (какая долж-

на быть между членами) тела... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 144).

***

...Церковь, не связанная крепкими и нерасторжимыми узами любви, испытывает множество войн, усиливает гнев Божий и подает повод ко многим искушениям (свт. Иоанн Златоуст, 46, 202).

***

...Церковное училище есть дивная лечебница, лечебница не для тел, но для души. Она духовна и исцеляет не раны телесные, но грехи душевные, а для этих ран, грехов, врачевство — слово (свт. Иоанн Златоуст, 46, 365).

***

Церковью я называю не только место, но и нравы, не стены Церкви, но законы Церкви. Когда ты ищешь убежища в Церкви, то ищи его не в стенах, но в расположении души, потому что Церковь — не стена и кровля, но — вера и жизнь (свт. Иоанн Златоуст, 46, 409).

***

Таково величие Церкви: когда нападают на нее, она побеждает; когда злоумышляют против нее, она преодолевает; притесняемая, она прославляется; получает раны — и не изнемогает, среди ярости волн не утопает, в порывах бури не терпит кораблекрушения, в борьбе неодолима, в сражении непобедима (свт. Иоанн Златоуст, 46, 410).

***

Не удаляйся от Церкви, потому что нет ничего сильнее Церкви. Твоя надежда — Церковь, твое спасение — Цер-

ковь, твое убежище — Церковь. Она выше неба, обширнее земли. Она никогда не стареет, но всегда цветет... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 415).

***

Небо и земля прейдут, словеса же Моя не прейдут (ср.: Мф. 24, 35). И весьма справедливо, потому что для Бога Церковь вожделеннее неба. Небесного тела не принял Он, а плоть Церкви принял. Небо для Церкви, а не Церковь для неба (свт. Иоанн Златоуст, 46, 445).

***

...Разве Церковь — в стенах? Церковь — во множестве верующих. Вот сколько твердых столпов, не железом связанных, но скрепленных верою! (свт. Иоанн Златоуст, 46, 445).

***

Нет ничего сильнее Церкви Христовой. Кто с ней захочет бороться, тот неизбежно погубит свои силы: это все равно что ополчиться войной против неба (свт. Иоанн Златоуст, 46, 449).

***

Когда ты воюешь с человеком, ты можешь победить или быть побежденным, а Церковь победить никакая сила не может. Церковь — Божия, а Бог всего сильнее (свт. Иоанн Златоуст, 46, 449—450).

***

Церковь превзошла своим блеском блеск солнца, а ее гонители объяты вечным мраком (свт. Иоанн Златоуст, 46, 450).

***

По Слову Божиему Церковь непоколебима: *врата ада не одолеют ей* (Мф. 16, 18). Кто нападает на нее, тот губит самого себя, а Церковь является сильнейшею; кто нападает на нее, тот разрушает собственные силы (свт. Иоанн Златоуст, 46, 462).

***

...Благодать Духа возделывает Церковь, поэтому последняя неразрушима (свт. Иоанн Златоуст, 46, 866).

***

...Для Бога весьма вожделенна Церковь, не стенами охраняемая, но ограждаемая верою. Ради этой Церкви утверждено небо, излилось море, распростерт воздух, основана земля, насажден рай, дан закон, посылались пророки, совершались чудеса, разделялось и соединялось море... падала манна и внезапно приготовлялась трапеза... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 866).

***

Церковь есть духовная лечебница, и приходящие сюда должны получать соответствующие врачевства, прилагать их к своим ранам и с этим уходить отсюда (свт. Иоанн Златоуст, 47, 2).

***

Входя в церковь, никто не вноси сюда с собою житейских забот, чтобы возвратиться отсюда домой с достойною за труды наградою (свт. Иоанн Златоуст, 47, 313).

***

Церковь Божия есть духовное торжище и вместе врачебница душ: следовательно, мы должны, подобно пришедшим на торжище, собрать в ней много добра и с ним-то возвратиться домой; должны, подобно входящим в лечебницу, взять здесь приличные болезням нашим врачевства и с ними уже выйти отсюда (свт. Иоанн Златоуст, 47, 337).

***

...Молитва Церкви так сильна, что, если бы мы были безгласнее даже камней, она сделает язык наш легче всякого пера (свт. Иоанн Златоуст, 47, 734).

***

...В этом собрании <в Церкви> участвуем не мы одни, но и пророки, и апостолы, а что всего важнее — среди нас находится Сам Владыка всего — Иисус (см.: Мф. 18, 20) (свт. Иоанн Златоуст, 47, 757—758).

***

...Внутри ее <Церкви> находится только тот, кто имеет расположение духа, достойное пребывания здесь, а тот, кто приходит в это священное собрание с развращенными нравами, хотя и входит сюда телом, извержен (отсюда)... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 854—855).

***

...Хотя церквей по числу и много, но по существу они составляют одну Церковь, которая и называется святою, как тело Святого во святых (свт. Иоанн Златоуст, 48, 928).

***

Ничто так не делает нашей жизни радостною, как веселие в Церкви. В Церкви сохраняется радость радующихся, в Церкви утешение для унывающих, в Церкви веселие для скорбящих, в Церкви успокоение для изнуренных, в Церкви отдохновение для утружденных (свт. Иоанн Златоуст, 49, 380).

***

Церковь есть море благочестия, не волнами изобилующее, но исполненное веры (свт. Иоанн Златоуст, 49, 731).

***

У нас ладья учения не подвергается кораблекрушению, не разбивается, не тревожится, не обуревается, но, как в тихую пристань, стремится в души любящих Господа (свт. Иоанн Златоуст, 49, 731—732).

***

Этот дом <Церковь> есть духовная лечебница, устроенная для того, чтобы в ней врачевали мы те раны, которые получаем отвне (в мире), а не для того, чтобы выходить отсюда с новыми ранами (свт. Иоанн Златоуст, 51, 20).

***

Как от бездействия рождается леность, так и от упражнения появляется усердие. Поэтому, хотя бы ты был исполнен бесчисленным множеством грехов, хотя бы ты был нечист, — не убегай от здешнего собрания <церковного>.

Но что же, скажешь, если я слушаю, но не исполняю? Не малое приобретение и это — признать себя достойным сожаления. Небесполезен этот страх; небесплодна и эта боязнь. Если только будешь сокрушаться о том, что, слушая, не исполняешь, то непременно придешь когда-нибудь и к исполнению. Кто беседует с Богом и слушает беседу Божию, тому невозможно не получить никакой пользы (свт. Иоанн Златоуст, 51, 350—351).

***

...Разделение всего более подрывает Церковь, это — диавольское оружие, им все ниспровергается. Пока единение соблюдается в теле (Церкви), до тех пор диавол не может иметь доступа, но от разделения происходит соблазн. Отчего же разделение? От учений, противных учению (апостолов). Откуда же такие учения? От служения чреву и прочим страстям (свт. Иоанн Златоуст, 52, 852—853).

***

...Имя Церкви — это имя не разделения, но единения и согласия. <...> Так и находящиеся в различных местах, когда имеют не различных господ, а только одного, от мест не теряют согласия, потому что один Господь соединяет их (свт. Иоанн Златоуст, 53, 8—9).

***

Церковь устроена не для того, чтобы собирающиеся в ней разделялись, но чтобы разделенные соединялись, как показывает и самое слово *собрание* (см.: 1 Кор. 11, 17—18) (свт. Иоанн Златоуст, 53, 271).

***

Как наше тело есть нечто единое, хотя состоит из многих членов, так и в Церкви все мы составляем нечто единое; хотя она состоит из многих членов, но эти многие суть одно тело (свт. Иоанн Златоуст, 53, 297—298).

***

Если же скажешь, что членов много и они различны, то знай, что это самое и удивительно и составляет особенность тела, а именно, что в нем многое и различное составляет одно; а если бы не было множества, то не было бы так удивительно и чу́дно, что тело одно, или, лучше, тогда не было бы и тела (свт. Иоанн Златоуст, 53, 299).

***

В Церкви должно жить, как в одном доме; как составляющие одно тело, — все должны быть расположены друг к другу, поскольку и Крещение одно, и Трапеза одна, и источник один, и творение одно, и Отец один (свт. Иоанн Златоуст, 53, 633).

***

Как при постройке здания не все камни получают одно назначение, но один годится для угла, а не для основания, другой для основания, а не для угла, так, без сомнения, и в теле Церкви. Равным образом и в нашем теле каждый может увидеть то же самое, однако же один член терпит другого, и мы не требуем всего от каждого из них, потому что из совокупности разнообразного состоит и тело, и здание... Исполняйте все вместе совокупными силами, терпя недостатки один другого. Так, например, тот вспыльчив, а ты

сонлив: сноси же в таком случае его бурные порывы, чтобы и он сносил твою вялость. Таким образом, и он не согрешит, когда встретит снисхождение к себе с твоей стороны, да и ты не погрешишь, раз брат твой терпит в тебе то, что для него тяжело. Итак, подавая друг другу руку помощи, когда угрожает опасность падения, исполняйте закон общими силами, восполняя каждый недостатки ближнего своим терпением. Если же не будете так поступать, а всякий станет судить дела ближнего, то вы никогда не достигнете того, чего должны достигать. Подобно тому как и по отношению к телу, если кто станет требовать от всех членов его одинакового служения, тело ни в каком случае не устоит, так и между братиями произойдет великая вражда, если мы от каждого будем требовать всего (свт. Иоанн Златоуст, 53, 808).

***

...Ничто так не оскорбляет Бога, как разделения в Церкви. Хотя бы мы совершили тысячу добрых дел, подвергнемся осуждению не меньше тех, которые терзали тело Его, если будем расторгать целость Церкви. Первое совершено было для пользы всего мира, хотя и не с тем намерением; а последнее не доставляет никому никакой пользы, напротив, составляет великий вред (свт. Иоанн Златоуст, 54, 102).

***

Вратами адовыми Слово Божие (см.: Мф. 16, 18) назвало мучительство безбожников и хулы еретические, так как, всему этому противовосстав, Божия Церковь с одними борется, а другими не преодолевается (прп. Исидор Пелусиот, 60, 146).

***

...Церковь есть собрание святых, совокупленное правою верою и доблестным житием. <...> Церковь составляется из непорочных душ... (прп. Исидор Пелусиот, 61, 34).

***

...Церковь была воюема, но не одолеваема, напротив того, оказалась восторжествовавшею над покушавшимися ее уничтожить. Итак, чему же дивиться, если и святые терпят здесь нападения? Сии брани делают их победы славнейшими и добычи досточестнейшими (прп. Исидор Пелусиот, 61, 77—78).

***

...<Господь> имел опочить человеческою смертию на Кресте, чтобы из святого Его ребра, прободенного копьем и источившего кровь и воду, была создана духовная невеста Его, т. е. Вселенская Церковь (прп. Нил Синайский, 72, 269).

***

...Церковь с помощию веры расширяет круг своих умозрений и Божественных понятий (прп. Нил Синайский, 72, 286).

***

Как в вечных обителях Бог каждому святому дает подобающую ему часть... так и в теле Церкви каждый причитается в такой член Христов, каким быть достоин (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 386—387).

***

Поелику же Церковь есть Тело Христово и невеста Христова, и мир вышний, и храм Божий, члены же тела сего суть все святые, а между тем они не все еще родились и благоугодными показали себя, то явно, что Тело Христово еще не есть целое вполне, что не наполнился еще и вышний мир, т. е. не весь еще сонм людей вошел в Церковь Божию. Но и доныне есть еще в мире много неверующих, которые имеют уверовать во Христа, есть много грешников, которые имеют покаяться, есть много непокоривых, которые имеют покориться Христу; многие еще имеют родиться и благоугодить Богу, прежде чем вострубит последняя труба. Итак, надлежит родиться всем предуведанным от Бога и наполниться превысшему сего мира миру Церкви первородных, Иерусалиму Небесному; и тогда совершится полнота Тела Христова, приняв в себя всех предопределенных от Бога быть сообразными образу Сына Его, кои суть сыны света и дня. Таковые все суть предопределенные, и преднаписанные, и в число спасенных включенные и имеют соединиться и сочетаться с Телом Христовым, которое тогда сделается всецело полным и совершенным Телом Христовым, и не будет уже у него ни одного недоставать члена (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 390—391).

***

Как мысленные чины Небесных Сил освещаются Богом по порядку, так что Божественное светолитие проникает из первого чиноначалия во второе, из этого в третье и так во все, так и святые, будучи освещаемы святыми Ангелами, связуемы и соединяемы союзом Святаго Духа, дела-

ются равночестными с ними и подобными им. Затем святые, которые являются из рода в род, от времени до времени, после святых, предшествовавших им, посредством исполнения заповедей Божиих прицепляются к ним — к тем прежним и, получая благодать Божию, осияваются подобно им, — все же последовательно составляют таким образом некую златую цепь, каждый будучи особым звеном сей цепи, соединяющимся с предыдущим посредством веры, добрых дел и любви, — цепь, которая, утверждаясь в Боге, неудоборазрываема есть... (прп. Симеон Новый Богослов, 93, 51).

***

Говорит божественный Апостол: *тело Христово мы есмы и уди от части* (ср.: 1 Кор. 12, 27); и опять: *едино тело, един дух есте* (ср.: Еф. 4, 4). Как тело без духа мертво и бесчувственно, так и умертвившийся страстьми через небрежение о заповедях по крещении бывает бездейственен, как непросвещаемый Святым Духом и благодатию Христовою: ибо хотя он имеет Духа по вере и возрождению, но Он в нем бездейственен и недвижим по душевной мертвости. Душа у нас одна, а членов тела много, но она все их держит, животворит и движет, — те, однако же, которые способны принимать жизнь; те же, которые по какой-либо случайной немощи иссохли, как мертвые и неподвижные, хотя держит в себе, но безжизненными и бесчувственными. Так и Дух Христов, весь во всех членах Христовых пребывая, те из них, кои могут быть причастны жизни, движет и животворит; но и те, кои неспособны к сему по немощности, человеколюбно удерживает, как собственные. Таким образом, всякий верный, хотя по вере причастен сыноположения духовного, бывает, однако же, бездейственен и непросвещен по причине нерадения и неверия, лишаясь света и жизни Иисусовой, так что хотя

всякий верный, как член Христов, имеет Духа Христова, но иной остается бездейственным и недвижимым, как неспособный к причастию благодати (прп. Григорий Синаит, 93, 212—213).

***

Несется Святая Церковь по волнам житейского моря и пребывает превыше волн его Божественным учением, содержа в недре своем истинное богопознание, истинное познание о человеке, о добре и зле, о мире вещественном и временном, о мире духовном и вечном. Все истинные христиане по всей вселенной принадлежат единой истинной Церкви и, содержа ее учение в полноте и чистоте, составляют то собрание кораблей, которое преплывает житейское море, не погружаясь в темных глубинах его (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 363).

***

Православие есть истинное богопознание и богопочитание, православие есть поклонение Богу Духом и Истиною, православие есть прославление Бога истинным познанием Его и поклонением Ему... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 78).

***

В неприкосновенной целости хранится откровенное учение Божие, единственно и исключительно в лоне Православной Восточной Церкви (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 85).

***

Духовный чертог, в котором хранится и из которого неоскудно преподается духовное сокровище — истинная

вера, есть Единая Святая Православная Церковь (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 207).

***

...В недре Ветхозаветной Церкви было только прообразование спасения — в недре Новозаветной <Церкви> обильно и преизобильно преподается самое спасение (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 219).

***

...Вне неуклонного послушания Церкви нет ни истинного смирения, ни истинного духовного разума; там обширная область, темное царство лжи и производимого ею самообольщения (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 446).

***

Церковь есть дом спасения, или сосуд благодатных средств, и двор спасаемых (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 68).

***

Церковь — двор спасаемых: все верующие — одно тело с одним духом (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 69).

***

Ревнуй же всею ревностию о том, чтобы пребыть в единении с <Церковью> — и себя подвесть под один с нею дух (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 70).

****

Недалеко от киликийского города Эги жили два столпника. Один из них принадлежал ко Святой Кафолической и Апостольской Церкви, а другой был последователем ереси Севера. Еретик возводил на православного разнообразные обвинения, стараясь о том, чтобы привлечь его к своей ереси. Распространяя о нем молву, он решил добиться его осуждения. Православный подвижник, как свыше озаренный, просил еретика прислать ему частицу причастия. Тот обрадовался, как будто уже совратил собрата в свою ересь, и немедленно послал ему просимое, ничего не подозревая. Православный, приняв частицу, присланную еретиком, раскалил сосуд и положил в него эту частицу, и она немедленно исчезла в жару пылающего сосуда. Затем, взяв частицу Святого Причастия Православной Церкви, он сделал то же самое, и мгновенно раскаленный сосуд охладел, и Святое Причастие осталось целым и невредимым. Он благоговейно хранил его и показывал его всем, кто приходил к нему (102, 38—39).

***

Жил в Каламонской лавре, близ священного Иордана, один великий старец по имени Кириак. Однажды пришел к нему за духовным советом и помощью брат чужестранец, по имени Феофан. Получив от беседы со старцем великую пользу, брат воскликнул: «Отец мой, в моей стране я нахожусь в общении с несторианами. Не будь этого, я бы навсегда остался с тобой!» Услыхав имя Нестория, старец глубоко опечалился о погибели брата и стал убеждать его и молить, чтобы он оставил эту пагубную ересь и присоединился к Святой Кафолической и Апостольской Церкви.

— Невозможно спастись, если не будешь православным и веровать, что Пресвятая Дева Мария есть истинная Богородица.

— Отче, — возразил брат, — да все ереси говорят точно так же: если не будешь в общении с нами, не получишь спасения. Не знаю, как мне и поступить. Помолись, отче, чтобы Господь явно показал тебе, какая вера истинная.

Старец радостно выслушал слова брата.

— Оставайся в моей келье — сказал он, — я имею упование на Бога, что Он по Своему милосердию откроет тебе истину. И, оставив брата в своей пещере, старец пошел к Мертвому морю и стал молиться о нем.

И точно, на другой день, около девятого часа, брат видит, что кто-то явился к нему, страшный по виду, и говорит: «Поди и познай истину!» — и, взяв его, ведет в место мрачное и смрадное и испускавшее пламя и показывает ему в пламени Нестория и Феодора, Евтихия и Аполлинария, Евагрия и Дидима, Диоскора и Севера, Ария и других. И говорит явившийся брату: «Вот место, уготованное еретикам и тем, кто нечестиво учит о Пресвятой Богородице, равно как и тем, кто следует их учению. Если тебе нравится это место, оставайся при своем учении. Коли же не желаешь вкусить такого наказания, обратись к Святой Кафолической Церкви, к которой принадлежит и наставлявший тебя старец. Я говорю тебе: хотя бы и всеми добродетелями украсился человек, но если он неправо верует, он попадет в это место». При этих словах брат пришел в себя. Когда старец возвратился, брат рассказал все, что видел, и в скором времени присоединился к Святой Кафолической Апостольской Церкви. Оставшись в Каламоне при старце, он прожил с ним несколько лет и скончался в мире (102, 32).

***

В Келлиях был некто авва Иаков младший, у которого отец по плоти был и отцом духовным. В Келлиях было две церкви, одна для православных, к которой он и принадлежал, а другая для апосхистов. Авва Иаков имел благодать смиренномудрия, за что и был любим всеми, как православными, так и апосхистами. Православные говорили ему: «Смотри, авва Иаков, чтобы не обольстили тебя апосхисты и не увлекли в общение с собою». И апосхисты также ему говорили: «Знай, авва Иаков, что ты с дифизитами погубляешь душу свою, ибо они несториане и клевещут на истину!» Авва Иаков, как человек простой, находился в затруднении, слушая, что говорили ему с обеих сторон. Наконец, овладело им беспокойство, и он, заключившись в келье и надев на себя погребальные одежды, как бы перед смертью, наложил на себя подвиг сугубого поста и молитвы, дабы Господь Сам открыл и разрешил это недоумение. Рассказывал он потом, что в эти дни много пострадал от демонов, особенно в уме. По прошествии сорока дней старец видит, что к нему входит отрок с веселым лицом и говорит: «Авва Иаков! Что ты здесь делаешь?» Иаков вдруг осиян был светом и, почувствовав силу в себе от видения отрока, отвечал ему: «Господи, Ты знаешь, что со мною делается! Одни говорят мне — не оставляй Церкви Православной, другие же — дифизиты тебя прельщают. Находясь в затруднении, я решился на такой подвиг». Господь отвечает ему: «Хорошо там, где ты», — и тотчас при сем слове авва Иаков увидел себя перед дверьми святой церкви православных последователей Халкидонского Собора (97, 276—277).

***

Один монах, живший в монастыре святого Феодосия, хотя и был православный, но по своей простоте мало обра-

щал внимания на различие вер, часто выходил из кельи и отправлялся в церкви или египтян, или армян, или других еретиков и там до конца выстаивал их службы, нисколько не думая о том, что это грешно. Однажды ему явился Ангел и спросил: «Скажи мне, старец, когда ты умрешь, то как хочешь, чтобы над тобою был совершен обряд погребения: по-египетски ли, или по-армянски, или по другой какой еретической секте, или по-православному?» Старец отвечал: «Не знаю». Тогда Ангел сказал ему: «Так размысли о себе, через три недели я приду к тебе, и тогда мне скажешь». Инок пошел за советом к одному прозорливому старцу и передал ему слова Ангела. Тот, внимательно выслушав, сказал: «Да уж не ходишь ли ты к церквам иноверных?» «Да, — отвечал инок, — где застану пение, там и слушаю его — армянское ли оно, египетское ли, или другое какое еретическое, мне все равно». Тогда прозорливец воскликнул: «Горе тебе, брат, будет за твое хождение в церкви тех, которые отметают правила Соборов и святых отцов! Образумься скорее и, когда придет к тебе Ангел, тотчас скажи ему: отселе хочу быть православным!» Прошло три недели, и Ангел действительно явился иноку и спросил: «Ну, что ты размыслил о себе?» «Да, хочу быть православным», — отвечал старец. «Хорошо ты это сделал, — сказал ему Ангел, — ибо теперь только и освободил душу свою от муки». И после сих слов старец скончался (112, 231—232).

***

Греческий царь Валент, по вере арианин, закрыл в своем государстве православные церкви, отдал их во власть ариан и приказал изгнать всех православных епископов. Последние сказали царю: «Прежде чем привести в исполнение свое повеление относительно нас, позволь Василию Великому войти в собеседование о вере с арианами. Если

они на оном победят Василия, то мы все беспрекословно покоримся тебе». Царь согласился и призвал святого Василия Великого в Никею. Василий, сказав Валенту, что пусть его с арианами Бог рассудит, поступил так: он повелел запереть двери одной из церквей и сказал арианам: «Хотите ли рассудить, чья вера правая, через эти двери?» Если по молитве вашей они отверзутся сами собой, будем знать, что правда на вашей стороне; если отверзутся по молитве нашей, то тогда все должны будут признать, что православно веруем мы, а не вы». Ариане согласились, с утра до вечера они молились об отверзении дверей, но «не бысть ни гласа, ни послушания».

Затем настала очередь православных. Святой Василий с клиром и народом подошел к церкви, преклонил колена и стал молиться. «И внезапу бысть гром велик, и отверзошася двери церковные». Все ужаснулись и прославили Бога. Царь повелел возвратить церкви православным, наградил святого Василия великими дарами и отпустил его с миром (112, 333—334).

***

Авва Феодул рассказывал: «Есть здесь недалеко от Фара гостиница. При ней был и гостиник. Однажды он попросил меня прийти и на несколько дней заменить его. Придя в гостиницу, я нашел остановившегося там инока, родом сирийца. Он не имел ничего, кроме власяницы, плаща и нескольких хлебов. Стоя постоянно в одном углу, он день и ночь проводил в песнословии и ни с кем не говорил. Настал воскресный день. Я подхожу к нему и говорю: «Брат, ты не сходишь ли ко Святой Софии, чтобы причаститься Святых Божественных Таин?» «Нет!» — отвечал он. «Отчего?» — спрашиваю. — «Я принадлежу к последователям Севера и не состою в общении с Церковью». Услышав, что он не принадлежит к Святой Кафолической Цер-

кви, а вместе с тем видя его прекрасное поведение и добродетель, я ушел со слезами в свою келью и, пав на лицо свое перед Богом, три дня молился со слезами: «Господи Христе, Боже наш, преклонивый небеса по неизреченному и бесконечному человеколюбию и сошедший нашего ради спасения, воплотивыйся от Владычицы и Приснодевы Марии, открой мне: кто истинно и прямо верует, мы ли, чада Церкви, или последователи Севера?» На третий день кто-то, незримый, сказал мне: «Иди, Феодул, и увидишь веру его». Придя утром, я сел против него, надеясь увидеть что-либо по слову, бывшему ко мне. Я сидел около часа, пристально смотря на него. Он стоял и пел песнопения на сирийском языке. И вот — Бог мне свидетель! — вижу голубя, парящего над головою его, почерневшего как бы от сажи в трубе и истрепанного; а почерневший голубь обозначает веру их». Вот что, обливаясь слезами и глубоко вздыхая, поведал нам этот поистине блаженный муж (102, 128—129).

***

Пресвитер Анастасий, ризничий церкви Святого Воскресения Христа, Бога нашего, рассказывал нам, что однажды, в ночь под воскресенье, жена патриция Германа, Космиана, пожелала поклониться Святому Гробу Господа нашего Иисуса Христа. Она уже приблизилась к вратам святилища, и тут навстречу ей явилась Сама Владычица Пресвятая Богородица, в сопровождении других жен.

— Ты не наша, поэтому и не входи сюда, — сказала Богоматерь.

Космиана действительно принадлежала к секте Севера.

На настойчивые ее мольбы о дозволении поклониться Святому Гробу, Богоматерь отвечала: «Поверь мне, жено, что ты не войдешь сюда, если не присоединишься к нам».

Поняв, что уклонение в ересь возбраняет ей доступ к святыне до тех пор, пока она не обратится к Святой Кафолической и Апостольской Церкви, Космиана тотчас позвала диакона. Когда диакон пришел со Святою Чашею, она причастилась Святых Тела и Крови Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, а затем удостоилась поклониться и Святому Гробу Господню (102, 63—64).

***

Авва Феодор рассказывал: «Жили в Константинополе два брата, родом сирийцы. Однажды старший брат говорит младшему: «Пойдем в Сирию и приобретем во владение родительский дом». С общего согласия они порешили, что отправится младший брат.

Спустя немного времени, оставшийся в Константинополе, старший брат видит сон: благолепный старец говорит ему: «Знаешь ли ты, что твой брат впал в блуд с женою корчемника?» Проснувшись, он был весьма огорчен и говорил сам себе: «Это я виноват, зачем отпустил его одного?» Через некоторое время этот же сон повторился дважды... И немедленно он пишет из Константинополя в Сирию к брату: «Тотчас же бросай все и возвращайся в Византию». Получив письмо, тот, оставив все, явился. Старший брат тут же ведет его в церковь и начинает горько укорять: «Хорошо ли это, что ты впал в блуд с женою корчемника?» Тот, выслушав, начал клясться именем Бога Вседержителя: «Я не понимаю, что ты говоришь, я не предавался распутству, не вступал ни с кем в незаконную связь и никого не знал, кроме законной жены». И снова старший брат спрашивает: «Не сотворил ли ты еще чего более тяжкого?» Тот, отрекаясь, повторяет: «Ничего я не сделал незаконного. Правда, я нашел в нашем селении монахов из секты Севера и, не зная, что это худо, имел с ними обще-

ние. Но другого ничего за собой не знаю». Тогда старший брат объяснил, что блуд и означает измену Святой Кафолической Церкви. Брат впал в ересь акефала Севера, поистине корчемника, опозорил себя и унизил высоту православия (102, 228).

ЭСХАТОЛОГИЯ

Не должно думать, что пришествие Господа будет местное и плотское, но надобно ожидать Его во славе Отчей вдруг в целой вселенной (свт. Василий Великий, 7, 377).

***

...Никто да не обольщает сам себя: должно нам предстать *судищу Христову* (Рим. 14, 10), где *вся нага и объявлена перед очима Его* (ср.: Евр. 4, 13)... (прп. Ефрем Сирин, 31, 238).

***

...Страшно Христово во славе пришествие. Чудное дело увидеть, что небо внезапно раздирается, земля изменяет свой вид, мертвые восстают. Земля представляет тело человеческое, каким приняла его; хотя бы растерзали его звери, пожрали птицы, раздробили рыбы, не оказывается недостатка даже и в волосе человеческом перед Судиею, потому что каждого прелагает Бог в нетление. Все приемлют тело, сообразное собственным делам своим. Тело праведных сияет седмькрат паче света солнечного, а тела грешников оказываются темными и исполненными зловония; и тело каждого показывает дела его, потому что каждый из нас дела свои носит в собственном теле своем... Согрешал ли кто из нас словом или помышлением, все это станет тогда вокруг его; сделал ли что доброе, а также и худое,

все это ясно увидит; куда ни устремит взор, везде будет видеть дела свои (прп. Ефрем Сирин, 32, 141—142).

***

...Когда Христос приидет с неба, тотчас неугасимый огонь потечет всюду перед лицем Христовым и покроет все. Ибо потоп, бывший при Ное, служил образом сего неугасимого огня (прп. Ефрем Сирин, 32, 142).

***

Если бы праведные и святые по милосердию Божию не были охранены от огня Судии, воспламеняющего небо и землю, то они вместе с грешными были бы попалены огнем сим. И если бы не благодать ограждала Небесные воинства, то и они вместе со злыми были бы истреблены силою этого пламени (прп. Ефрем Сирин, 33, 103).

***

Мир сей преходит, близок другой, непреходящий, в котором обнаружатся тайны, разгнутся страшные книги, восседет Судия, разлучит добрых и злых, добрым в обладание даст Царство, злых ввергнет во тьму кромешную (прп. Ефрем Сирин, 33, 272).

***

Пришествие будет подобно молнии, потому что будет оно внезапно, в полночь. Тогда мертвые восстанут из гробов своих и воспоют хвалу Воскресившему их (прп. Ефрем Сирин, 33, 328).

***

Вот приблизился Небесный Жених; пусть каждый обратит взор на самого себя и в напутие себе приготовит

добрые дела, чтобы Господь милостиво приял его, когда плоть его просияет непорочностию, чистотою и истинною верою (прп. Ефрем Сирин, 33, 476).

***

Праведный Судия потребует у нас отчета; глас трубы возгремит в день пришествия Единородного.

Возгремит труба, восстанет и содрогнется вся тварь; солнце сокроет лучи свои, луна перестанет светить. Остановятся звезды в течении своем; как лист с дерева, спадет все небесное украшение; благолепное золото во всех украшениях утратит цену свою.

Города и величественные здания останутся во прахе. Добрые наследуют Царство и насладятся блаженством в раю. Злые же наследуют геенну, приимут муки, как заслужили того, и из пламени будут взывать: «Праведен суд Твой, Господи Царю!»

Итак, возлюбленные, будем, как мудрые, вразумлять друг друга. Кто сокрушается о грехах своих, тот пусть спасает душу свою милостынями (прп. Ефрем Сирин, 33, 490—491).

***

...Тягостен и страшен день явления Твоего, Спаситель наш. В сей день по гласу Твоему восстанут мертвые из гробов своих, сокрушатся двери шеола, пробудятся почившие во прахе... (прп. Ефрем Сирин, 33, 521).

***

Поелику из Божественной проповеди для всякого явно, что настанет время изменения, то должно не о времени любопытствовать... и не изыскивать каких-либо умозаклю-

чений, которыми иной ослабит в душе надежду Воскресения, но, подкрепясь верою в ожидаемое, добрым житием закупать будущую благодать (свт. Григорий Нисский, 18, 169—170).

***

Будет Воскресение мертвых; мир сей прейдет, и мы воспримем духовные тела (авва Евагрий, 89, 617).

***

Если здесь <в земной жизни> мы не находимся вместе друг с другом, зато там <в загробном мире> никто не воспрепятствует нам жить вместе... (свт. Иоанн Златоуст, 46, 727).

***

Не думай, что Второе Пришествие будет подобно первому: тогда Он <Господь> приходил тихо и молчаливо, для подъятия грехов, а теперь придет для праведного возмездия; тогда Он был как бы врачом, а теперь — в образе Судии; тогда Он насаждал виноградную лозу, а теперь собирает плод; потому Он придет для низвращения всего, чтобы ты уразумел величие Его и чтобы знал, что Он мог и тогда прийти таким же образом (свт. Иоанн Златоуст, 49, 139).

***

Тогда <в день Второго Пришествия> все небо откроется, отворятся врата небесного свода, снизойдет Единородный Сын Божий в сопровождении не двадцати или ста человек, но в сопровождении тысяч и тем Ангелов, Архангелов, Херувимов, Серафимов и прочих Сил, все исполнится ужаса и трепета, земля рассядется, и сколько ни

было на свете людей — от Адама и до того дня, — все восстанут из земли, все будут восхищены, а Христос явится в такой славе, что и луна, и солнце, и всякий свет скроется при этом блеске. Какое слово изобразит то блаженство, тот блеск и славу?.. (свт. Иоанн Златоуст, 52, 675).

***

С неба грядет Тот, Кто будет судить живых и мертвых, грядет Испытующий сердца и утробы, грядет — и кто в состоянии будет избежать рук Его? Грядет Сидящий на престоле Херувимов и взором Своим Проникающий бездны; грядет Бог богов и Господь господствующих; грядет Начальник начальствующих и Судия судей; грядет Царь царствующих и Решитель решающих; грядет Тот, Кто обнаруживает и обличает всякое дурное и сокровенное тайное дело; грядет Тот, Кто делает известными перед лицом всех намерения, дела, слова и всякое помышление; грядет истинный и неусыпный Глаз, нелицеприятный Судия, немздоимный Испытатель, предающий огню и отсылающий в геенну всякое мерзкое деяние и постыдное удовольствие; грядет Тот, Кто любит мир и ненавидит всякое злое слово, всякое хищение и всякий грех и предает вечному наказанию творящих соблазны; грядет Тот, от лица Которого бежит земля, иссушается море, небо свивается подобно свитку, ниспадают звезды, возмущается воздух, померкает солнце, луна не дает света своего, Силы Небесные колеблются, трепещут Херувимы, изумляются Серафимы, ужасаются Ангелы, страшатся Архангелы, колеблются небо и преисподняя, и все трепещет; грядет Тот, Кто не смотрит на лицо человека и не оказывает сострадания нищему на Суде; грядет Тот, Кто воздает каждому по делам его, Кто обличает и предает на позор намерения и предприятия всякого дыхания; грядет Тот, Кто милует милостивых и

осуждает жестоких... грядет Тот, перед Которым преклонится всякое колено небесных, земных и преисподних; грядет Тот, престол Которого — пламень огненный и колесница Его — огонь палящий; грядет, чтобы спасти и прославить праведных, грешников же предать мучениям; грядет объявить блаженными жаждущих и несчастными пресыщенных; грядет, чтобы оказать почести тем, кто предается подвигам и бодрствует в молитвах и псалмопениях, в благодарении, прошении и терпении, а беспечных и нерадивых предать мучениям и наказаниям; грядет страшный и неумолимый к грешникам, которых удалит от Себя с великою угрозою, — и кроткий, снисходительный и нежный по отношению к праведным (свт. Иоанн Златоуст, 52, 892—893).

***

Когда внезапно взойдет Судия на высокий и славный престол Свой, тогда небо совьется подобно свитку, спадут звезды, предстанут Силы ангельские, отверзутся гробы, восстанут тела, иссякнут источники, поколеблются бездны... придет в смятение вся земля (свт. Иоанн Златоуст, 52, 931).

***

Если бы ты насказал и тысячи геенн, то не скажешь ничего равного тому мучению, какое будет терпеть душа тогда, когда потрясется вся вселенная, и прозвучат трубы, — когда будут предходить Ангелы первого чина, потом второго, затем третьего, после того бесчисленные сонмы сойдут на землю, потом Херувимы, которые также многочисленны и бесконечны; далее Серафимы, — когда наконец придет Сам (Христос) в той неизреченной славе, — когда пришедшие вперед будут поспешно выводить избранных на средину, — когда потом Павел и все прославивши-

еся подобно ему, перед лицем всего Небесного воинства будут увенчаны от Царя, провозглашены и почтены. Даже если бы не было геенны, каково бы и тогда было одним получить честь, а другим бесчестие? Нестерпима геенна... но лишение Царства нестерпимее ее (свт. Иоанн Златоуст, 54, 336).

***

Как Иоанн был предтечею первого пришествия (Христа), так Илия будет предтечею Второго и славного Его Пришествия и блюдется для этого (свт. Иоанн Златоуст, 54, 600).

***

...Бог не объявил нам дня нашей смерти, не открыл нам сегодня ли, или завтра, или через целый год, или через несколько лет Он придет, чтобы по неизвестности ожидаемого мы постоянно соблюдали себя добродетельными (свт. Иоанн Златоуст, 55, 39).

***

...*О дни же том и часе никто же весть* (ср.: Мк. 13, 32). Для чего хулители сами на себя навлекают суд Господень? Для чего богоборцы возжигают огнь геенский? Говорят: не знал Господь дня скончания. Нет, не не знал, но отказывался давать объяснение на бесполезные предложения. Ибо мог ли не знать часа или дня Творец веков? В Нем *суть сокровенна вся сокровища премудрости* (ср.: Кол. 2, 3). Не незнающему свойственно предсказать знамения и страхования последнего дня и описать оный по признакам, как день настоящий. Напротив того, как сказал я, не дал Он определенного ответа на суетный вопрос. Ибо, скажи мне, какая тебе польза знать день кончины?

Не знать же оный полезно, чтобы, всякий день почитая последним, готовы мы были к оному, бодрствуя и ожидая нашего Господа (прп. Исидор Пелусиот, 60, 79—80).

***

Просил ты в письме объяснить тебе признаки крайней нужды при кончине времен, какие Господь открыл для нашего сведения; дознай теперь силу их. *Сущии во Иудеи да бежат на горы* (Мф. 24, 16). Утвердившиеся в благочестии (сие означает Иудея) да имеют в виду вышнее прибежище, ограждаясь своим исповеданием. *И иже на кровле, да не сходит взяти, яже в дому его* (Мф. 24, 17). Кто пренебрег настоящий свой дом, попрал всякое здешнее жилище, стал высок по жизни, и изгнал из себя вселявшиеся в нем страсти, тот да не увлекает за собою ничего такого, ни боязни, ни нерадения, ни тщеславия, ни пристрастия к богатству; все это есть схождение с высоты. *Иже на селе, да не возвратится взяти риз своих* (ср.: Мф. 24, 18). Кто совлекся ветхого человека, и отрешился от плотского, тот да облекается в человека нового, который обновил его в познание Божие, и очистил от тины. Все сии в безопасности будут от оного великого злострадания (прп. Исидор Пелусиот, 60, 133).

***

...Горе непраздным и доящим в тыя дни (ср.: Мф. 24, 19), сказано душам, которые чреваты Божественною любовию, но не осмеливаются свободно изречь и породить исповедание веры в Бога, и твердо стоять за оное, приобрели же детское и несовершенное понятие о Божием долготерпении, и не имеют в виду твердого упования наград; но угрозами, или нападениями приведены в расслабление и лишили себя будущего (прп. Исидор Пелусиот, 60, 134).

***

Не дадим же себе быть в посмеяние, явившись неготовыми в час пришествия по нас святых Ангелов (прп. Феодор Студит, 92, 118).

***

В пришествие Его <Господа> от лица Его исчезнут враги Его и все не исполнявшие заповедей Его, как от солнца, когда оно восходит, исчезает тьма нощная. Он вечно пребудет с праведными и праведные с Ним, сподобившись блаженства созерцать Его, по мере веры, какую возымели к Нему; а грешники во время света покроются тьмою, во время прославления посрамлены будут, во время обрадования поражены будут скорбию и преданы мукам в нещадном жжении огнем, соответственно видам страстей их и грехов, тогда как праведники украшены будут венцами соответственно разным добродетелям своим (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 244).

***

...Как собственные наши тела, разрешающиеся теперь на стихии и, однако же, в ничто не обращающиеся, опять возобновлены будут через воскресение, — так и небо, и земля со всем, что на ней, т. е. вся тварь имеет возобновлена быть и освобождена от работы тлению, и эти стихии вместе с нами сделаются причастными светлости, происходящей от Божественного огня. Как какой-нибудь сосуд медный, обветшавший и сделавшийся негожим, когда медник, растопив на огне, перельет его, делается опять новым, таким же образом и тварь, обветшавшая и ставшая непотребною по грехам нашим, будет Богом Творцом как бы растоплена в огне и перелита, и явится новою, несравнен-

но светлейшею, нежели как она теперь есть (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 379).

***

...Вся тварь после того, как обновится и сделается духовною, станет обиталищем невещественным, нетленным, неизменным и вечным. Небо станет несравненно более блестящим и светлым, чем оно теперь видится, станет совсем новым; земля восприимет новую, неизреченную красоту, одевшись в многообразные неувядаемые цветы, светлые и духовные. Солнце будет сиять в семь раз сильнее, чем теперь, и весь мир сделается совершеннейшим паче всякого слова. Сделавшись духовным и божественным, соединится он с умным миром, явится некиим мысленным раем, Иерусалимом Небесным, некрадомым наследием сынов Божиих (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 382).

***

...Если Ангелы не знали первого пришествия Господня на землю, не знали, какого рода имело оно быть, или когда имел низойти Господь наш, чтобы соделаться человеком, не тем ли паче неведомо для них, когда имеет быть Второе Его Пришествие во славе, и каково оно будет, и каково то, что имеет Он даровать тогда святым Своим (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 410).

***

...Владыка и Бог всяческих, Господь наш Иисус Христос имеет воссиять тогда <в конце мира>, сиянием Божества, и блистанием Владычним закроется это чувственное солнце, так что его совсем не будет видно, померкнут звез-

ды, и все видимое свиется, как свиток, т. е. отстранится, давая место Творцу своему. И будет один Он — и день вместе и Бог. Тот, Кто теперь для всех невидим и живет во свете неприступном, тогда для всех явится таким, каков есть во славе Своей, и все исполнит светом Своим, и станет для святых Своих днем невечерним и нескончаемым, преисполненным непрестающей радости, а для грешников и нерадивых, подобно мне, пребудет совершенно неприступным и незримым. Так как они, когда жили в настоящей жизни, не потщились очиститься, чтобы узреть свет славы Господа и Его Самого приять внутрь себя, то и в будущем веке по всей справедливости Он будет им неприступен и незрим (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 34).

***

...Которые соделались чадами света и сынами будущего дня, и могут всегда, как во дни, ходить благообразно, для тех никогда не придет день Господень, потому что они всегда с ним и в нем находятся. Ибо день Господень явится не для тех, которые уже осияваются Божественным Светом; но он внезапно откроется для тех, которые находятся во тьме страстей, живут в мире по-мирски и любят блага мира сего; для них явится он вдруг, внезапно и покажется им страшным, как огонь нестерпимый и невыносимый (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 37).

***

Вострепещут праведники от безмерной славы явившегося Судии: они воззрят на свои правды, и эти правды представятся им при свете Высшей Правды ветхими рубищами нищих, в правдах своих они не увидят залога к помилованию своему, будут ожидать помилования от од-

ной бесконечной Божией милости (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 41—42).

***

Когда мир будет провозглашать и превозносить свое преуспеяние, водворение высшего благоденствия, нерушимого спокойствия и *утверждения, тогда внезапу нападет на них всегубительство* (ср.: 1 Сол. 5, 3), тогда внезапно наступит кончина мира, которой он в омрачении своем, в упоении земным преуспеянием никак не будет ожидать (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 270).

***

К концу жизни мира соблазны должны столь усилиться и расплодиться, что по причине *умножения беззакония изсякнет любы многих* (ср.: Мф. 24, 12) и *Сын Человеческий пришед обрящет ли веру на земли* (ср.: Лк. 18, 8)? *Земля Израилева*, Церковь, будет *низвращена от меча* — от убийственного насилия соблазнов — *и пуста весьма* (см.: Иез. 38, 18—23) (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 140—141)

***

Умножившиеся отступники, называясь и представляясь по наружности христианами... будут действовать против рабов Божиих и насилием власти, и клеветою, и злохитрыми кознями... и разнообразными обольщениями, и гонениями лютыми (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 141).

Ю

ЮНОСТЬ

Четыре добродетели подают юности помощь по Богу: непрестанное поучение, тщание, бдение и смиренное о себе мнение (прп. авва Исаия, 59, 209).

***

Горе нам, написавшим сии рыдания, что, когда подошел уже конец нам, мы, не покаявшись в злых делах юности нашей и не оплакавши их, на старости приложили большие и неподъемные зла и тягчайшие грехи (прп. авва Исаия, 89, 456).

***

...Юность проходит скорее весенних цветов, и красота телесная увядает или от болезни, или от времени (свт. Василий Великий, 11, 237—238).

***

Прекрасна и достолюбезна юность, братия мои, когда на главе ее сияет славный венец девства. Но если похи-

щена дорогая эта жемчужина, то погибла и надежда, которою хвалится юность (прп. Ефрем Сирин, 33, 206).

***

Береги, юноша, юность свою, чтобы не сделалась она пищею огня, и помышляй о времени немощей и старости, которая спешит вслед за тобой (прп. Ефрем Сирин, 33, 355).

***

Не обольщайтесь суетною красотою юности; потому что и мы, лежащие перед вашими глазами, согнившие мертвецы, некогда во время жизни своей, как и вы теперь, были видны, величавы, умащались благовониями, были любимы, наслаждались и благоденствовали; и вот, как видите, все это стало брением, прахом, пеплом и зловонием (прп. Ефрем Сирин, 90, 361).

***

...Юность... нуждается в очень крепкой узде, потому что она есть как бы костер, который захватывает все лежащее вне его и легко воспламеняется... (свт. Иоанн Златоуст, 45, 11).

***

Какова невозделанная земля, такова и юность, оставленная в небрежении: она произращает много терний (свт. Иоанн Златоуст, 50, 516).

***

Юность, бессмысленная, надеющаяся на долгую жизнь; юность, мятежная сердцем, заботящаяся только об удоволь-

ствиях; юность, часто и во многом погрешающая, злоугождающая плоти; юность, вводимая лестию в обман, грязь, несчастная, трава легко увядающая, колос легко сокрушимый; юность, сон легко предающийся забвению, тень беспредметная; юность, неверующий в Бога возраст, ленивое сердце, надменный взор, светильник легко погашаемый; юность, волнение крови, друг нечистоты; юность, необузданный конь, способный на всякое губительство... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 925—926).

***

Юность неукротима и имеет нужду во многих наставниках, учителях, руководителях, надсмотрщиках, воспитателях. И только при таких (усилиях) возможно обуздать ее. Что конь необузданный, что зверь неукротимый, то же самое и юность. Поэтому, если в начале с первого возраста поставим для нее надлежащие пределы, то впоследствии не будем иметь нужду в великих усилиях; напротив, потом привычка обратится для них в закон. Не позволим же им делать того, что приятно и вместе с тем вредно, не будем угождать им, потому что они дети; но преимущественно будем их сохранять в целомудрии, — тут более всего возможен вред для юности (свт. Иоанн Златоуст, 54, 681).

***

Что касается до вина, то юность да не обоняет даже запаха его, чтобы, двойным пожаром — внутри от воздействия страсти и совне от винопития — разгоревшись, сласть плотская не изгнала духовной сладости болезненного умиления и не произвела смятения и ожесточения в сердце.

Даже воды в сытость да не приемлет юность, для сохранения духовного желания (благонастроения), ибо скудость воды много способствует к уцеломудрению тела (прп. Марк Подвижник, 89, 496).

***

...Усердно приноси Христу труды юности твоей и возрадуешься о богатстве бесстрастия в старости, ибо собираемое в юности питает и утешает изнемогших в старости. Юные! Потрудимся ревностно, потечем трезвенно, ибо смерть неизвестна. Мы имеем врагов лукавых и злых, коварных, пронырливых, державших огонь в руках и желающих сжечь храм Божий тем самым пламенем, который в нем, врагов сильных и никогда не спящих, невещественных и невидимых. Итак, никто из юных не должен слушать враждебных бесов, когда они внушают ему, говоря: «Не изнуряй своего тела, чтобы не впасть в болезнь и немощи». Ибо едва ли найдется кто-нибудь, особенно в настоящем роде, решившийся умертвить свое тело, хотя иной и лишает себя многих и сладких яств; намерение же бесов в этом случае состоит в том, чтобы и самое вступление наше в подвиг сделать слабым и нерадивым, а потом и конец сообразным началу (прп. Иоанн Лествичник, 57, 8—9).

***

Будем же подражать тем, кои от юности до старости пребыли в послушании, не говорю древним святым, но и тем, кои просияли в нашем братстве; будем подражать тем, кои простотою расстроивали вселукавства диавола; будем подражать тем, кои в нерассуждающем послушании

добре направляли подвижнический путь свой... (прп. Феодор Студит, 92, 576).

***

Да не прельщает тебя душепагубный змий, уверяя, что не будет испытания дел человеческих, и что Господь нерадит о блудных падениях юности, и что невозможно от всех без исключения требовать безгрешия (прп. Максим Грек, 68, 6).

Я

ЯЗЫК

Все раны залечиваются, а рана от языка не имеет врачевания (прп. Антоний Великий, 89, 59).

***

Язык неосторожного охуждателя, движимый диаволом, ядовитее языка змиина, потому что он возбуждает свары и горькие враждования среди братий, сеет мятежи и злодейства между мирными и рассеивает многолюдные общества (прп. Антоний Великий, 89, 59).

***

Язык твой всегда да следует разуму, потому что слова, чуждые разума, суть колючие остны и иглы (прп. Антоний Великий, 89, 103).

***

Не будь упрям и не настаивай на своем слове, чтобы не вошло в тебя зло (злость, серчание) (прп. Антоний Великий, 89, 104).

***

Не кричи и не говори громко и скоро; ибо написано: кто умножает слова, тот не безопасен от греха (см.: Эккл. 10, 14) (прп. Антоний Великий, 89, 104).

***

...Храните язык ваш, чтобы безрассудно не произносить слов и не оскорблять других (прп. авва Исаия, 59, 47).

***

Приучи язык твой к словам Божиим, и ложь отбежит от тебя (прп. авва Исаия, 59, 49).

***

Храни язык твой, да просветится сердце твое (прп. авва Исаия, 59, 91).

***

Воздержание языка означает человека мудрого (прп. авва Исаия, 59, 93).

***

Ослабляющий бразды языка показывает, что он далеко отстоит от добродетели (прп. авва Исаия, 59, 93).

***

Если будешь хранить зрение и слух, то не согрешишь языком твоим (прп. авва Исаия, 59, 201).

***

Если охранишь уши свои, не погрешит язык твой. Если услышишь какие слова вне, не тащи их с собою и, пришедши, не пересказывай другому (прп. авва Исаия, 89, 288).

***

Не хвали, чего не видел, а что слышал, о том не говори, как видевший (прп. авва Исаия, 89, 290).

***

Когда услышишь о грехе брата твоего, не рассказывай того при ком-нибудь; ибо это смерть для тебя (прп. авва Исаия, 89, 292).

***

Приучи язык свой к словесам Божиим с разумом, и ложь убежит от тебя (прп. авва Исаия, 89, 316).

***

Храни язык свой, да просветится сердце твое (прп. авва Исаия, 89, 347).

***

...Необуздание языка означает, что он не имеет внутри себя добродетели (прп. авва Исаия, 89, 349).

***

...Человек, всегда смотрящий на грехи свои, не имеет языка, чтобы поговорить с каким-либо человеком (прп. авва Исаия, 89, 425).

***

...Грех, содеваемый языком, и на деле весьма удобен и многообразен. Разгневался ли ты — и язык предваряет. Похоть ли возобладала тобою — язык прежде всего служит тебе, как бы переводчицей и переносчицей, которая помогает во грехе и вводит в искушение ближних. Язык для тебя и оружие неправды, если он не от сердца говорит, но для обмана других.

Но к чему перечислять словом все грехи, совершаемые языком? Жизнь наша наполнена грехопадениями языка: срамословие, смехотворные, глупые, непристойные речи, пересуды, слово праздное, лживые клятвы, ложные свидетельства — все это и гораздо еще большее число зол суть произведение языка. А те, которые отвергают уста своя на поругание славы Божией и *неправду в высоту глаголют* (ср.: Пс. 72, 8), каким другим орудием совершают сие нечестие, как не орудием языка! Итак, поскольку *от словес своих осудишися* (Мф. 12, 37), то *удержи язык твой от зла* (Пс. 33, 14) и *не делай сокровища языком лживым суетная* (ср.: Притч. 21, 6). Удержи и *устне твои, еже не глаголати льсти* (Пс. 33, 14), т. е. сделай, чтобы целое орудие, данное тебе на служение слову, было свободно от действий лукавых (свт. Василий Великий, 5, 261—262).

***

...Управляй слухом и языком, чтобы одним не принять в себя чего вредного, а другим не выговорить чего запрещенного (свт. Василий Великий, 8, 190).

***

Из сокровищ сердца уста предлагают снеди приходящим, и то, чем занят язык, показывает, что любит сердце:

Христа или что-либо из настоящего века (прп. Ефрем Сирин, 30, 87—88).

***

Слушай, возлюбленный: борец во время подвига сжимает уста свои; и ты сомкни уста свои для всего излишнего и будешь иметь упование (прп. Ефрем Сирин, 30, 158).

***

Сад без ограды будет потоптан и опустеет; и кто не хранит уст своих, тот погубит плоды (прп. Ефрем Сирин, 30, 187).

***

Охраняй язык свой от всякого зла, и уста твои, сотворенные для хвалы, да не произносят хульного слова (прп. Ефрем Сирин, 33, 265).

***

Приобучи уста свои прославлять Бога и язык свой возглашать прекрасные хвалебные песни; но никогда не клянись и не лги, потому что сие радует сатану (прп. Ефрем Сирин, 33, 356).

***

У кого язык во всякое время неудержим, как мысль, тот пусть взвешивает и испытывает слова свои и трепещет праведного суда (прп. Ефрем Сирин, 33, 490).

***

Много лежит на языке тлетворных зелий пагубы; потому что язык — половина всех человеческих пороков, из-

рыгает ли он явное зло — гнев, который, особенно сильный, в своих порывах отнимает у человека ум или, затаив в груди коварный умысел, льет кроткие речи из мягких устен (свт. Григорий Богослов, 15, 304—305).

***

Язык всего пагубнее для людей. Это конь, всегда убегающий вперед, это — самое уготованное оружие (свт. Григорий Богослов, 15, 349).

***

Кто исчислит все те огорчения, какие причиняет язык? Если захочет, без всякого труда, в одну минуту, заставит он враждовать дом с домом, город с городом, народ с властелином, царя с подданными, как искра, мгновенно воспламеняющая солому. Плывущих на одном корабле, сына, родителя, брата, друга, супругу, супруга — всех удобно вооружает он одного против другого. Злого сделает добрым, а доброго, напротив того, погубит, и все это опять переиначит. Кто переможет слово? Язык мал; но ничто не имеет такого могущества (свт. Григорий Богослов, 15, 350).

***

Усвоив себе совершенное молчание, он <язык> усвоит доброречие (свт. Григорий Богослов, 15, 353).

***

Из мудрых уст каплют самые сладкие слова; а горькая гортань изрыгает брани (свт. Григорий Богослов, 15, 365).

***

Остерегайся, чтобы не поразили тебя нечаянно осмеяние и злой язык, который на совершенства твои изрыгает змеиный яд. Два пути у человека, и поругание бывает двоякое. Один путь худ; он приводит и к концу худому. Другой путь хорош; и конец его, как и естественно, вожделенный. Но осмеяние преследует человека на обоих путях. А если бы язык нападал только на тех, которые худы, что тогда было бы превосходнее его? Теперь же с одинаковою яростью нападает он на всех, на добрых и на злых. И ты будь осторожен и осмотрителен в обоих случаях. Страшись языка, который преследует беззаконников, чтобы бегать и самого порока, поражаемого языком; а языка, который у злого врага, вооружен на добрых, столько же бойся, сколько вдавшийся в море утес боится ветра и сокрушающейся о него волны (свт. Григорий Богослов, 16, 79).

***

...Сделаться худым — зависит от одного произволения, и часто для совершения греха достаточно хотения. Гораздо же более удобства к прегрешениям языка; потому что прочие грехи для совершения своего требуют и времени, и занятия, и внешнего содействия, а сподручность слова доставляет всю возможность согрешить (свт. Григорий Нисский, 22, 47—48).

***

...Кто бережет язык, тот не оскорбит ближнего (авва Евагрий, 89, 609).

***

Ты прогневал Бога языком и злословием, которым оскорбил многих? Языком и умилостивляй Его, воссылая чис-

тые молитвы, благословляя порицающих, восхваляя злословящих, благодаря наносящих обиды (свт. Иоанн Златоуст, 44, 553—554).

***

Большая сеть — необузданность языка; ей нужна и великая узда (свт. Иоанн Златоуст, 45, 177).

***

Никакой другой член так не пригоден ему <бесу> для обольщения и погибели нашей, как невоздержный язык и необузданные уста (свт. Иоанн Златоуст, 45, 257).

***

...Он <язык> — меч, лежащий посредине; изощряй же его для обличения своих грехов, а не для нанесения удара брату (свт. Иоанн Златоуст, 45, 258).

***

Удерживай его <язык>... если же он не удерживается, то смиряй его зубами, предавая плоть его им, как бы палачам, и кусая его, — потому что лучше ему ныне быть искусанным за грехи, нежели тогда жаждать капли воды и, иссыхая в огне, не получать облегчения (свт. Иоанн Златоуст, 45, 258).

***

Для того Бог и оградил его <язык> двойною стеною, рядом зубов и оградою губ, чтобы он не произносил непристойных слов скоро и неосмотрительно (свт. Иоанн Златоуст, 45, 258).

...Уста Бог дал тебе не для того, чтобы ты производил терние, но чтобы бросал полезные семена, чтобы распространял через них не тщеславие и коварство, но смиренномудрие, благословение и любовь (свт. Иоанн Златоуст, 48, 141).

***

Будем же постоянно хранить свои уста, приставив разум, как запор, не с тем, чтобы они были заключены постоянно, но чтобы открывались в надлежащее время (свт. Иоанн Златоуст, 48, 483).

***

...Не будет пользы от языка и уст, если разум не будет приставлен открывать и закрывать их с точностию и великою осмотрительностию, и знать, что нужно произносить и что держать внутри (свт. Иоанн Златоуст, 48, 483).

***

Если ты научишься не говорить ничего лишнего, но постоянно ограждать и мысль, и уста свои беседою из Божественных Писаний, то хранение твое будет крепче адаманта (свт. Иоанн Златоуст, 48, 484).

***

Есть много путей погибели через уста, например, когда кто сквернословит, когда насмехается, когда пустословит, когда тщеславится, как фарисей, который, не имея ограждения при устах своих, в немногих словах излил все, что находилось у него внутри, и потому, как дом без двери, не

имея возможности удержать находившегося в нем сокровища, вдруг сделался бедным (свт. Иоанн Златоуст, 48, 484).

***

Язык есть меч изощренный; но им мы не станем ранить других, а будем вырезывать собственные гнилые язвы (свт. Иоанн Златоуст, 49, 480).

***

Язык есть царский конь. Если ты наложишь на него узду и научишь его ходить прямо, то царь спокойно будет сидеть на нем, если же пустишь его бежать и скакать без узды, то на нем будет ездить диавол и бесы (свт. Иоанн Златоуст, 50, 532).

***

Если хочешь изощрить язык свой, изощряй его против грехов своих; говори не о том, какое зло причинил тебе другой, но какое ты сам себе нанес; оно-то и есть величайшее зло (свт. Иоанн Златоуст, 50, 533).

***

...Что может быть приятнее уст, не знающих обиды, а ревнующих о благословении? Если же ты не можешь благословлять проклинающего, по крайней мере, молчи, и поступай так до тех пор, пока при должном старании и постепенных успехах не достигнешь этого и не приобретешь уста, о которых мы сказали (свт. Иоанн Златоуст, 50, 789).

***

Не так бы блистали уста твои, если бы они были из золота и драгоценных камней, как блистают они, будучи украшены скромностию (свт. Иоанн Златоуст, 50, 789).

***

...Язык твой будет подобен языку Христову, и уста твои будут как уста Отца, и когда ты соделаешься храмом Духа Святаго, то какая честь может сравняться с этою? (свт. Иоанн Златоуст, 50, 789).

***

...Язык наш подражает языку Христову, если прилагает надлежащее старание о том, чтобы произносить угодное Ему (свт. Иоанн Златоуст, 50, 789).

***

...Вот что дерзко: иметь уста, подобные диавольским, и обладать языком, подобным языку злого духа, особенно тому, кто участвует в столь высоких Таинствах и приобщается самой Плоти Господней (свт. Иоанн Златоуст, 50, 790).

***

Научи свою душу образовать тебе уста, подобные устам Христовым. Она может сделать это, если только захочет; ей известно это искусство, если только она не беспечна... Нужны только добродетель, скромность и смирение (свт. Иоанн Златоуст, 50, 790).

***

...Ты не имеешь власти над демонами; когда будешь иметь уста, подобные устам Христовым, то будешь иметь власть над огнем геенским. Будешь иметь власть над бездною огненною... и с дерзновением взойдешь на небеса и получишь Царствие... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 791).

***

Не столько приятны для Господа уста пророков, сколько уста людей кротких и смиренных (свт. Иоанн Златоуст, 50, 791).

***

Будем же иметь язык, изрекающий доброе, чтобы снискать любовь и благорасположенность (свт. Иоанн Златоуст, 52, 288).

***

...Благоустроим наш язык и воздержим его от всякого злословия, чтобы, очистившись от грехов, мы могли приобрести благоволение свыше и сподобиться человеколюбия Божия... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 288—289).

***

...Будем иметь благоречивый язык, чтобы, соблюдая себя чистыми от всякой укоризны, мы могли безопасно провести настоящую жизнь и сподобиться благ, обетованных любящим Бога... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 350).

***

...Хотя мы имеем уста и язык, эти органы слова, непозволительно пользоваться свободою речи, пока мы рабо-

лепствуем греху, наиболее жестокому из всех варваров (свт. Иоанн Златоуст, 52, 548).

***

Язык — причина всех зол или, лучше, не язык, а те, которые худо им пользуются. Отсюда обиды, злословия, хулы, страсть к удовольствиям, убийства, любодеяние, воровство, все рождается отсюда (свт. Иоанн Златоуст, 54, 125).

***

Для того ты имеешь разум, для того — язык и уста, чтобы исправлять ближнего (свт. Иоанн Златоуст, 54, 154—155).

***

Бог не для того нам дал его <язык>, чтобы мы злословили, чтобы поносили, чтобы клеветали друг на друга, но чтобы прославляли Бога, чтобы говорили то, что благодать внушает слушателю, что служит к назиданию, к пользе (свт. Иоанн Златоуст, 55, 14).

***

Язык дан для того, чтобы ты песнословил и восхвалял Создателя, но, если ты недостаточно наблюдаешь за собой, он становится для тебя причиной богохульства и сквернословия (свт. Иоанн Златоуст, 55, 551).

***

...Злые болтают языком, не сознавая значения своих слов, а мудрые связывают уста сознанием (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1116).

Язык — царский конь. Если вложишь в него удила и выучишь ходить ровно, то доверится ему и сядет царь. А если оставишь необузданным (и позволишь) нестись и скакать, то будет колесницей диавола и демонов (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1323).

***

...Бежал ты жизни тленной, вступив на поприще монахов, но язык у тебя неудержим, и говоришь, не подумав. Это не иное что значит, как построить крепкую, неприступную для врагов стену и для входа им оставить врата. Если хочешь и стену соблюсти в безопасности, и перед врагами оказаться сильным, то всеми силами сдерживай язык, от которого приключаются мгновенные и великие падения (прп. Исидор Пелусиот, 60, 179).

***

...Обуздай скорость языка, потому что язык важнее всех земных членов — так как всего труднее его удерживать (прп. Исидор Пелусиот, 60, 189).

***

Щади язык; он часто произносит то, что лучше было бы утаить (прп. Нил Синайский, 72, 235).

***

...Для того даны нам два уха, а один язык, чтобы для спасения более мы слушали, нежели говорили, взывая паче добрыми делами и божественными преспеяниями (прп. Нил Синайский, 72, 379).

***

...Язык многих тщеславных довел до гибели (прп. Нил Синайский, 73, 334).

***

...Язык злоречивый — диавольское ложе (прп. Нил Синайский, 73, 378).

***

...Злоречивые и суесловные заключают для себя Царствие Небесное (прп. Иоанн Карпафский, 91, 100).

***

Бегай же необученных владеть языком, сеятелей раздоров и мятущихся внутри и вовне (прп. Иоанн Карпафский, 91, 100).

***

...Лучше упасть с высоты на землю, нежели от языка (прп. Иоанн Карпафский, 91, 100).

***

Наблюдающий за языком своим вовек не будет им окраден. Уста молчаливые истолковывают тайны Божии, а скорый на слова удаляется от Создателя своего (прп. Исаак Сирин, 58, 45).

***

Пусть язык твой будет кроток и, конечно, не встретится с тобою бесчестие. Приобрети уста сладкие, и все будут тебе друзьями (прп. Исаак Сирин, 58, 292).

Немногие могут удержать воду без плотины; и еще менее таких, которые могут удерживать уста невоздержанные (прп. Иоанн Лествичник, 57, 101).

***

Утесняй чрево воздержанием, и ты возможешь заградить себе уста: ибо язык укрепляется от множества снедей (прп. Иоанн Лествичник, 57, 109).

***

Не уязвляй брата загадочными, подозрительными словами, ибо и сам ты, если случится, не перенесешь подобного (авва Фалассий, 91, 298).

***

Уста приучайте петь только боголюбезное и пребывать непраздноглаголивыми (прп. Феодор Студит, 92, 46).

***

Удержите язык свой от зла... от которого мы в большом числе падаем всегда в грехи (прп. Феодор Студит, 92, 173).

***

...Что хуже сего (языка невоздержанного)? Он — неудержимое зло. Надобно положить ему предел, обуздать его, и стеснить, и, скажу так, заставить его служить только нужде (прп. Филофей Синайский, 91, 403).

Дерзкий язык по возможности сдерживай (ибо он весьма проворен на грех), потому что из-за него одного многие даже из великих (людей), сбившись с правого пути, потеряли Царство Небесное. Прежде же этого заради свои уши, чтобы не слышать ничего постыдного и суетного, тогда, быть может, ты и языком овладеешь (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 89).

***

Если мы и языка своего не умеем удержать, то как возможем преодолеть прочие страсти? Какая другая страсть, скажи мне, легче этой? Плоть имеет естественное похотение и жжение и часто поднимает восстание против души и борет ее очень сильно. Чрево естественно желает насыщенным быть яствами, потому что для того и создано. О языке же ничего такого сказать нельзя. Итак, если мы не можем пресечь злого навыка языкоболия, что для нас очень удобно и легко, то как возможем одолеть другие страсти более сильные и упорные, которые опираются на естестве нашем и состоят в союзе с похотию и сластию греховною? (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 291).

***

Взнуздай крепкою уздою наглый язык, уставив ему меру и в разговоре, и в молчании — так, чтобы тебе говорить только то, что служит к прославлению Господа и подает духовную благодать слушающим (при. Максим Грек, 68, 9—10).

***

...Возлюби молчание, боясь той многогрешной пропасти, в которую влечет необузданный язык (прп. Максим Грек, 68, 10).

***

...<Беззаконные речи> — они острее всякого ножа, и ими потом враг через воспоминание уязвляет сердце (прп. Максим Грек, 68, 11).

***

Самая великая лежит на нас нужда управлять, как должно, языком своим и обуздывать его. Двигатель языка — сердце; чем полно сердце, то изливается языком. Но и обратно излившееся через язык чувство сердца укрепляется и укореняется в сердце. Потому язык есть один из немалых деятелей в образовании нашего нрава.

Добрые чувства молчаливы. Излияния через слова ищут более чувства эгоистические, чтобы высказать то, что льстит нашему самолюбию и что может выказать нас, как нам мнится, с лучшей стороны. Многословие в больших случаях происходит от некоего горделивого самомнения, по коему, воображая, что мы слишком многосведущи и что наше мнение о предмете речи самое удовлетворительное, неудержимое испытываем понуждение высказаться и обильною речью с многократными повторениями напечатлеть то же мнение и в сердцах других, навязываясь таким образом им в учители непрошеные и мечтая иметь иной раз учениками такие лица, которые понимают дело гораздо лучше учителя (прп. Никодим Святогорец, 70, 103).

***

Язык коль скоро начнет говорить в свое удовольствие, то бежит в речи, как разнузданный конь, и выбалтывает

не только хорошее и подобающее, но и нехорошее и зловредное (прп. Никодим Святогорец, 70, 104).

***

Язык?! Нет зловреднее вещи под небесем (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 80, 169).

ЯЗЫЧЕСТВО

Если видишь, что живущий в язычестве, или отторгнутый от Церкви какою-либо превратною ересью, целомудрен по жизни и во всем прочем старается о нравственном благочинии, то тем паче ты напрягай свое старание уподобиться плодоносной смоковнице, которая собирает силы из приближенных к ней диких смоковниц, перестает истаивать, и тщательнее питает свой плод (свт. Василий Великий, 5, 80).

***

Не прибегай к языческим вымыслам, но приими смиренное слово в Евангельском учении. *Приклони ухо твое* (Пс. 44, 11) к преподаваемым в нем наставлениям, чтобы забыть те дурные обычаи и отеческие учения. Посему *забуди люди твоя и дом отца твоего* (Пс. 44, 11). Ибо всякий *творяй грех от диавола есть* (1 Ин. 3, 8) (свт. Василий Великий, 5, 286).

***

...Безумным называется живущий по-язычески, а несмысленным — ограничивающий жизнь по-иудейски, одним хранением закона (свт. Василий Великий, 5, 311).

***

Иудейство враждует с язычеством, а то и другое враждует с христианством, как египтяне и ассирияне были врагами и друг другу, и Израилю, как и в пороке находим, что трусость и дерзость противоположны и одна другой, и мужеству...

Но мы, как бежали язычников, удалились от лукавого идолослужения, и многобожие их признали безбожием, так бежали и хулы иудеев, отрицающих Сына Божия, устрашившись оной угрозы: *иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех* (Мф. 10, 33). Поэтому бежим, как и должно, еще тех, которые изобретают нечто сродное с язычеством и иудейством вопреки слову истины. Поелику мудрый в злотворстве диавол видел, что христиане чуждаются иудеев и язычников, и что самые имена их располагают нас ко вражде с ними, то, придав наше имя тем и другим, старается таким образом снова ввести иудейское отречение и языческое многобожие. Ибо одни, утверждая, что Единородный — Божие дело и произведение, а потом поклоняясь Ему и богословствуя о Нем, служением своим твари, а не Творцу, открыто вводят учения языческие; а другие, отрицая Бога от Бога и признавая Сына по имени, на самом же деле и по истине отвергая существование Его, опять возобновляют иудейство. Когда исповедуют Его Словом, уподобляют слову внутреннему и, называя Премудростию, утверждают, что она подобна навыку, какой составляется в душе ученых; и поэтому говорят, что лице Отца и Сына одно, как и о человеке говорится, что он один, а не разделен с тем словом, с тою мудростию, которые в нем (свт. Василий Великий, 8, 323—324).

***

Языческие обычаи, начавшиеся волхвованиями, усилившиеся от сребролюбия и привязанности к коням, довели до идолослужения. Оттого что не хотели просить советов у Бога, а стали внимать волхвованиям, оттого что надеялись на множество коней, которые *ложь во спасение* (ср.: Пс. 32, 17), а не на Могущего сокрушить брани, естественным образом дошли они до того, что земля их наполнилась мерзостей (свт. Василий Великий, 6, 93—94).

***

Поелику всякая разумная природа хотя стремится к Богу и к первой причине, однако же не может постигнуть ее... то, истаивая желанием, находясь как бы в предсмертных муках и не терпя сих мучений, пускается она в новое плавание, чтобы или обратить взор на видимое и из этого сделать что-нибудь богом (по худому, впрочем, расчету, ибо что видимое выше и богоподобнее видящего, и притом в такой мере, чтобы видящий поклонялся, а видимое принимало поклонение?), или из красоты и благоустройства видимого познать Бога, употребить зрение руководителем к незримому, но в великолепии видимого не потерять из виду Бога.

От сего-то стали поклоняться: кто солнцу, кто луне, кто множеству звезд, кто самому небу вместе со светилами, которым дали править в мире и качеством, и количеством движения; а кто стихиям: земле, воде, воздуху, огню, так как они для всего необходимы, и без них не может длиться жизнь человеческая; иные же — что кому встретилось в ряду видимых вещей, признавая богом все представлявшееся для них прекрасным. Некоторые стали поклоняться

даже живописным изображениям и изваяниям, сперва родных, — и это были люди, без меры предавшиеся горести и чувственности и желавшие памятниками почтить умерших, а потом и чужих, — и это сделали потомки первых, отдаленные от них временем, сделали потому, что они не знали первого естества, и чествование, дошедшее до них по преданию, стало как бы законным и необходимым, когда обычай, утвержденный временем, обратился в закон. Но думаю, что иные, желая угодить властителям, прославить силу, изъявить удивление красоте, чтимого ими сделали со временем богом, а в содействие обольщению присоединилась какая-нибудь басня. Те же из них, которые были более преданы страстям, признали богами страсти, или как богов стали чествовать гнев, убийство, похотливость, пьянство, а не знаю, может быть, и еще что-нибудь к сему близкое, потому что в этом находили (конечно, не доброе и не справедливое) оправдание собственных грехов. И одних богов оставили на земле, других (что одно и благоразумно) скрыли под землю, а иных (смешной раздел!) возвели на небо. Потом, подчинившись своеволию и прихотям блуждающего воображения, нарекли каждому вымыслу имя какого-нибудь бога или демона и, воздвигнув кумиры, которые приманивали к себе своею многоценностию, узаконили чествовать их кровьми и туками, а иные даже самыми гнусными делами, сумасбродствами и человекоубийством. Ибо таким богам приличны были такие и почести! Даже позорили себя и тем, что воздавали Божию славу морским чудовищам, четвероногим, пресмыкающимся, тому, что в сих породах наиболее гнусно и смешно, так что трудно определить, поклонявшиеся ли достойны большего презрения, или то, чему поклонялись. Но более вероятно, что презреннее служители таких богов, и еще тем в высшей степени, что, будучи по природе разумны и получив Божию благодать, лучшему предпочли они худшее. И это — одно

из ухищрений лукавого, который самое добро обратил в зло, как есть много и других примеров его злотворности. Он, чтобы привлечь людей под власть свою, воспользовался их неверно направленным стремлением найти Бога и, обманув в желаемом, водя как слепца, ищущего себе пути, рассеял их по разным стремнинам и низринул в одну бездну смерти и погибели... (свт. Григорий Богослов, 14, 30—32).

ЯРОСТЬ

Ярость означает определение наложить известное наказание на достойного, а гнев означает уже труд и наказание, наложенное Праведным Судиею по мере неправды. Но из примера яснее будет, что разумею. Врач, приметив воспаление и опухоль в члене, признал необходимым для больного отнять сей член. Писание называет это яростью. За суждением врача о помощи больному следует уже само действие, которым приводится в исполнение, что врач присудил; приносится острое орудие, отъемлющее член и причиняющее боль тому, у кого он отъемлется. Это называется гневом Божиим (свт. Василий Великий, 5, 220).

***

Ярость есть воскипение крови около сердца и называется так по причине какого-то надмения, происходящего около сердца от испарения соков... (свт. Василий Великий, 6, 207).

***

Под яростью же неба должно разуметь страшные небесные явления, поражающие наказываемых: когда помрачатся звезды, померкнет солнце, луна не будет уже осве-

щаема, когда полетят молнии, страшно разразятся громы, когда воздух над головой омрачится, так что отовсюду неумолимое мучение будет грозить отданным под гнев. Ибо тварь, служа Творцу, приходит в напряжение при наказании неправедных, ослабляет же свои силы при благодеяниях уповавшим на Него. Но сие бывает за *ярость гнева* Господня. *Яростию же гнева* (ср.: Ис. 13, 13) Писание обыкновенно называет воскурение и как бы воспламенение наказания, налагаемого в воздаяние за худые дела (свт. Василий Великий, 6, 321).

***

Ярости свойственно стремление души к изысканию, как сделать зло досадившему... (свт. Василий Великий, 9, 210).

***

Когда ярость, как бешеный пес, в тебе лает и изрыгает свою слюну, — ты вместо камня брось в нее миром и запрети гневу лаять (прп. Ефрем Сирин, 33, 365).

***

Подлинно не низкой ли и потерявшей самосознание душе свойственно то, что делают и говорят неистовствующие от ярости? (свт. Иоанн Златоуст, 52, 366).

***

Предавшие самих себя ярости не могут даже скоро сдерживать самих себя; но, как в ненастье и морскую бурю, при отсутствии кормчего, волны, овладевая оставленным кораблем, быстро потопляют его, так и ярость, точно какая

гроза и упавшее на душу ненастье, быстро делает порабо-тившегося ей безумным и помешанным... (Дело) доброже-лательных людей — заранее останавливать эту болезнь, удерживать душу и успокаивать ярость увещаниями Писа-ния... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 389).

***

Ярость — это зверь, легко нападающий, и нам нужны тысячи оград и стен, чтобы одолеть его и сдержать. Поэто-му-то Бог и устроил для нас эту в особенности часть из костей <грудную клетку>, как бы из каких камней... что-бы он, разорвавши и рассекши, не нанес бы с легкостью повреждения всему живому существу (свт. Иоанн Злато-уст, 55, 848).

***

Как ветры возмущают бездну, так и ярость больше всех страстей смущает ум (прп. Иоанн Лествичник, 57, 212).

***

Когда душа через вдуновение создана была разумной и мысленной, тогда вместе с нею не создал Бог ярости и похоти скотской, но одну силу желательную вложил в нее и мужество к исполнению желаний (прп. Григорий Сина-ит, 93, 212).

***

Если придет смутительное помышление о ярости и не-перестающей злобе, какую питают против тебя враги — демоны, и о многом множестве их полчищ, то, с другой стороны, помысли и о беспредельно величайшей силе Бо-жией, и о любви Его к тебе, равно как и о несравненно

большем множестве Ангелов небесных и о молитвах святых (прп. Никодим Святогорец, 70, 58).

***

Движения ярости, по случаю неприятностей, надо прогонять молитвою и размышлением всякий раз, до совершенного их исчезновения (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 82, 172).

***

Вступать в споры так противно! К тому же ярость берет, — и бывает искушение махнуть крупною речью (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 85, 189).

ИСТОЧНИКИ

1. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1902.

2. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1902.

3. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1903.

4. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. 2-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1903.

5. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1900.

6. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 2. ТСЛ, 1900.

7. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1900.

8. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1901.

9. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 5. ТСЛ, 1901.

10. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

11. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1902.

12. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 1. М., 1843.

13. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 2. М., 1844.

14. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 3. М., 1844.

15. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 4. М., 1844.

16. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 5. М., 1847.

17. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 6. М., 1848.

18. Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. М., 1861.

19. Творения святого Григория Нисского. Ч. 2. М., 1861.

20. Творения святого Григория Нисского. Ч. 3. М., 1862.

21. Творения святого Григория Нисского. Ч. 4. М., 1862.

22. Творения святого Григория Нисского. Ч. 5. М., 1863.

23. Творения святого Григория Нисского. Ч. 6. М., 1864.

24. Творения святого Григория Нисского. Ч. 7. М., 1865.

25. Творения святого Григория Нисского. Ч. 8. М., 1871.

26. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 1. М., 1994.

27. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 2. М., 1994.

28. Беседы (Омилии) святителя Григория Паламы. Т. 3. М., 1994.

29. Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. 10-е изд. Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни: Свято-Троицкая Лавра, 1913.

30. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 1. М., 1881.

31. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 2. М., 1881.

32. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Ч. 3. ТСЛ, 1912.

33. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 4-е изд. Ч. 4. ТСЛ, 1900.

34. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 5. М., 1887.

35. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. Ч. 6. ТСЛ, 1901.

36. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 7. ТСЛ, 1913.

37. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 2-е изд. Ч. 8. ТСЛ, 1914.

38. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1905.

39. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1886.

40. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетические опыты. 3-е изд. Т. 3. СПб., 1905.

41. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Аскетическая проповедь. 3-е изд. Т. 4. СПб., 1905.

42. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: Приношение современному монашеству. 3-е изд. Т. 5. СПб., 1905.

43. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина: Точное изложение православной веры. СПб., 1894.

44. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. 2-е изд. Т. 1: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

45. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 2: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1896.

46. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 3: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1897.

47. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 4: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1898.

48. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 5: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1899.

49. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 6: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1900.

50. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 7: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1901.

51. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 8: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1902.

52. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 9: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1903.

53. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 10: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1904.

54. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 11: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1905.

55. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 12: В рус. пер. СПб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1906.

56. Писания преподобного отца нашего Иоанна Кассиана Римлянина. 2-е изд./ Пер. с лат. еп. Петра. М., 1892.

57. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. 7-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1908; Свято-Троицкая Сергиевая Лавра, 1901.

58. Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирина, подвижника и отшельника, бывшего епископом града Ниневии: Слова подвижнические. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893; Свято-Троицкая Сергиевая Лавра, 1911.

59. Преподобного и богоносного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского: Духовно-нравственные слова. 2-е изд. Сергиев Посад: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1911.

60. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 1. М., 1859.

61. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 2. М., 1860.

62. Творения святого Исидора Пелусиота: Письма. Ч. 3. М., 1860.

63. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Письма. 2-е изд. Ч. 1. Киев, 1891.

64. Творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского: Трактаты. 2-е изд. Ч. 2. Киев, 1891.

65. Творения святых отцев в русском переводе, издаваемые в Московской Духовной Академии//Творения святителя Кирилла Александрийского. Т. 49. Ч. 2. ТСЛ, 1882.

66. Творения иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа Иерусалимского. М., 1855.

67. Преподобного отца нашего Макария Египетского: Духовные беседы, послания и Слова. 4-е изд. ТСЛ, 1904.

68. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе: Нравоучительные сочинения. Ч. 1. ТСЛ, 1910.

69. Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника: Нравственно-подвижнические слова. 2-е изд. Сергиев Посад, 1911.

70. Невидимая брань, блаженной памяти старца Никодима Святогорца. 2-е изд.: В 2 ч./Пер. с греч. еп. Феофана. М., 1892.

71. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 1. М., 1858.

72. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 2. М., 1858.

73. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 3. М., 1859.

74. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 1. М., 1874.

75. Творения преподобного и богоносного отца нашего, священномученика Петра Дамаскина. Кн. 2. М., 1874.

76. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 1. М., 1892.

77. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. 2-е изд. Вып. 2. М., 1890.

78. Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова. Сергиев Посад, 1917.

79. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 1. М., 1898.

80. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 2. М., 1898.

81. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3. М., 1898.

82. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 4. М., 1899.

83. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 5. М., 1899.

84. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 6. М., 1900.

85. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900.

86. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 8. М., 1901.

87. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?// Письма еп. Феофана. 5-е изд. М., 1904.

88. Внутренняя жизнь: Слова епископа Феофана. Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1893.

89. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 1. М., 1883; 3-е изд. М., 1895.

90. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 2. М., 1884.

91. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 3. М., 1888; 3-е изд. М., 1900.

92. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 4. М., 1889.

93. Добротолюбие. 2-е изд. Т. 5. М., 1890; 3-е изд. М., 1900.

94. Писание мужей апостольских/Пер. ирот. Петра Преображенского. 2-е изд. СПб., 1895.

95. Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на Святой Афонской горе просиявших. 3-е изд. Ч. 1, 2. СПб., 1897.

96. Глинский патерик/Схиархим. Иоанн Маслов. М., 1997.

97. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. М., 1845.

98. Древний патерик: Изложенный по главам. М., 1874.

99. Жизнь пустынных отцев//Творение пресвитера Руфина. ТСЛ, 1898.

100. Киево-Печерский патерик/Сост. М. Викторова. Киев, 1893.

101. Лавсаик/Сост. Палладий, еп. Еленопольский. СПб., 1850.

102. Луг духовный// Творение блаженного Иоанна Моска. Сергиев Посад: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915.

103. Митерикон: Собрание наставлений аввы Исаии всечестной инокине Феодоре. 2-е изд./Пер. еп. Феофана. М., 1898.

104. Московский патерик/Сост. Е. Поселянин. М.: Изд. Московского дворянства, 1912.

105. Оптинский патерик/Б-ка Московской Духовной Академии. (Машинопись. Инв. № 123611).

106. Отечник/Еп. Игнатий (Брянчанинов). 4-е изд. СПб., 1903.

107. Отечник проповедника/Сост. игум. Марк (Лозинский). ТСЛ, 1996.

108. Палестинский патерик/И. Помяловский. Вып. 3. СПб., 1893.

109. Патерик Волыно-Почаевский/Сост. прот. А. Хойнацкий. М., 1883.

110. Практическая симфония/Сост. Г. Дьяченко. М., 1912.

111. Духовный мир/Сост. Г. Дьяченко. М., 1900.

112. Пролог в поучениях/ Прот. В. Гурьев. М., 1912.

113. Соловецкий патерик. М., 1895.

114. Троицкие цветки с луга духовного/Сост. архим. Кронид (Любимов). ТСЛ, 1997.

115. Троицкий патерик. ТСЛ, 1896. (Репринт).

116. Цветник духовный. 5-е изд.: В 2 ч. М., 1903.

117. История боголюбцев, или повествование о святых подвижниках/Блаж. Феодорит, еп. Кирский. СПб., 1853.

118. Святого отца нашего, Григория Двоеслова, епископа Римского. Собеседования о жизни италийских отцев и бессмертии души. Казань, 1853.

119. Тверской патерик: Краткие сведения о тверских местночтимых святых. Казань, 1907.

120. Маргарит или избранные душеспасительные изречения, руководящие к вечному блаженству. М., 1882.

121. Цветник Пешношский. М., 1898.

122. Воскресное чтение. Киев, 1861.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Убийство 5
Удовольствия 9
Уединение 23
Украшения 36
Ум 47
Умеренность 84
Умиление 91
Уничижение 93
Уныние 101
Упование 117
Усердие 123
Утешение 128
Фарисейство 141
Храм 146
Христианин 159
Христология 221
Божественность Иисуса Христа 221
Воплощение 234
Рождение 250
Крещение 258
Страдание 259
Крестная смерть 263
Воскресение 269

Вознесение 273
Искупление 274
Спасение 291
Единение естеств 318
Хула 330
Царство Небесное 351
Целомудрие 376
Цель жизни 428
Чародейство 431
Человекоугодие 439
Честолюбие 445
Честь 447
Чистота 452
Чревоугодие 465
Чтение 496
Чувства 499
Чудеса 511
Шеол 517
Шутки 519
Щедрость 522
Экклесиология 525
Эсхатология 552
Юность 564
Язык 569
Язычество 587
Ярость 591

УДК 27-29
ББК 86.372-574
С 59

СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНОЙ МУДРОСТИ

Том XII

Издание Московской Духовной Академии
и Введенской Оптиной Пустыни, 2009

249700, Калужская обл., г. Козельск,
Введенская Оптина Пустынь.
Издательский отдел, тел.: (495) 421-71-41

Зак. 9476. Тираж 5000 экз. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени типографии им. Скворцова-Степанова ФГУП Издательство «Известия» Управления делами Президента Российской Федерации. 127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5.

ISBN 978-5-86594-084-5 © Введенская Оптина Пустынь, 2009